КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1902 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая нынѣ третій томъ нашего «Описанія Старой Малороссіи», заключающій въ себѣ Прилуцкій полкъ, мы считаемъ нужнымъ, какъ и прежде, перечислить тѣ источники, которые были въ нашемъ пользованіи при написаніи этого тома.

1. **Архивъ генеральной войсковой канцеляріи**. Здѣсь мы повторимъ сказанное объ этомъ архивѣ во второмъ томѣ. «Объ этомъ источникѣ подробно говорено въ первомъ томѣ, и здѣсь добавимъ лишь, что архивомъ этимъ мы пользовались въ 1865—68 гг., причемъ не пересмотрѣли и половины его; поэтому въ бумагахъ этого архива, нынѣ, какъ извѣстно, находящагося въ Харьковскомъ университетѣ, заключается конечно очень много свѣдѣній, которыми можетъ быть пополнена (и настоящая) наша книга». Изъ этого архива взято нами «Вѣдѣніе» о полковой Прилуцкой казнѣ, 1725 г., свѣдѣнія о наслѣдникахъ полковника Ив. Носа, о Себастіановичахъ и проч. *).

2. **Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка**. «И объ этомъ источникѣ достаточно было сказано въ первомъ томѣ». Рукопись слѣдствія о Прилуцкомъ полкѣ хранится въ Моск. Публ. и Румянц. Музеѣ, а напечатана она извѣстнымъ знатокомъ малорусской исторіографіи В. А. Мякотинымъ, въ Чтеніяхъ въ общ. Нестора-лѣтоп. (кн. XI—я.).

---

*) Вообще, гдѣ источникъ того или другого архивнаго свѣдѣнія не указывается, тамъ слѣдуетъ разумѣть арх. генер. к-ріи.

3. **Румянцовская опись Малороссіи.** Большая часть описанія Прилуцкаго полка, заключавшагося въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, хранилась въ Полтавск. казенной палатѣ, гдѣ мы имъ и пользовались въ 1870—71 г. г., но пользовались лишь отчасти. Спѣша пересмотрѣть *сотни* связокъ, заключавшихъ въ себѣ описаніе полковъ, входившихъ въ составъ территоріи теперешней Полтавской губ., мы воспользовались описаніемъ Прилуцкаго полка лишь въ назначительныхъ сравнительно его частяхъ, причемъ впрочемъ успѣли сохранить опись Густынскаго монастыря, свѣдѣніе о Прилуцкихъ церквяхъ, съ ихъ школами и «шпиталями», и нѣсколько актовъ Іереміи Вишневецкаго, столь важныхъ для опредѣленія его значенія въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи. Другая, незначительная, часть описанія Прилуцкаго полка, касающаяся почти одной Голенской сотни, хранилась въ Черниговской казенной палатѣ, а теперь одинъ изъ ея томовъ находится въ б-кѣ Кіевскаго университета. Эта часть описанія Прилуцкаго полка сохранилась почему-то только въ черновомъ видѣ, и приложенные къ ней акты списаны, повидимому, наскоро и безъ надлежащей точности.

4. **Архивъ Полтавскаго дворянскаго собранія** служилъ намъ источникомъ генеалогическихъ свѣдѣній о тѣхъ или другихъ лицахъ Прилуцкой старшины. Свѣдѣніями Полт. двор. арх. мы пользовались отчасти лично, въ 1870—71 г.г., а отчасти, въ недавнее время, при обязательномъ посредствѣ прис. пов. П. Г. Васькова († 1900 г.), который, съ обычною ему готовностью помогать людямъ, переписывалъ для насъ цѣлыя страницы свѣдѣній о Галенковскихъ, Свирскихъ, Киселяхъ, Гуленкахъ и проч.

5. **Архивъ Кіевской Духовной Консисторіи**, къ великому нашему сожалѣнію, остался для насъ почти недоступенъ, а между тѣмъ въ немъ заключается драгоцѣнное собраніе матеріаловъ для бытовой исторіи духовенства южныхъ полковъ, состоявшаго въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита. Насколько интересны эти «дѣла», достаточно указать на эпизодъ о столкновеніи сотника Гуленка съ внукомъ генер. судьи Акима Горленка (стр. 139) и на случаи изъ жизни Густынскихъ монаховъ (стр. 404—411). Эти свѣдѣнія извлечены изъ подаренныхъ намъ когда-то нѣсколькихъ

связокъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ въ лавочкахъ на Подолѣ и видимо происходящихъ изъ консисторскаго архива.

6. **Ревизскія книги**. а) *Ревизская книга 1713 г.*, имѣющая такое заглавіе: «Ревѣзѣя людей посполитихъ полку всего Прилуцкого, по указу ясневелможного его милости пна Іоанна Скороподского, обоихъ сторонъ Днепра гетмана, чрезъ мене, на тотъ часъ высланного, Стефана Тарнавского, канцеляристу войскового, в року 1713, в мцехъ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, споражениая» [1]. По какому поводу была произведена эта ревизія—свѣдѣній мы не имѣемъ; можно лишь догадываться, что ревизія потребовалась подлѣ тѣхъ перепетій, которыя перенесла гетманщина по случаю шведскаго нашествія. Ревизія 1713 г. имѣла въ виду одно только посполъство, вѣроятно, п. ч. козачьи переписи, подъ именемъ «компутовъ», въ это время производились еще особо. Ревизія 1713 г. замѣчательна тѣмъ, что въ ней сдѣлана попытка обозначить имущественное положеніе крестьянъ указаніемъ на количество скота у каждаго домохозяина. Свѣдѣнія эти, послѣ переписи 1666 г., являются единственными вплоть до Румянцовской описи [2]. б) *Ревизская книга 1729 г.* Она не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на поводъ къ ея составленію, но почти несомнѣнно, что эта ревизія потребовалась при надѣленіи старшины урядовыми маетностями. Повидимому, ревизія 1729 г. произведена была одновременно съ «слѣдствіемъ о маетностяхъ». Послѣднее производи-

---

[1]) Рукопись хранится въ б-кѣ Кіевск. археогр. коммиссіи, куда она попала видимо изъ Чернигова, изъ состава архива генер. к-ріи. Свѣдѣнія отъ кого р-кпсь поступила въ б-ку К. а. к-сіи нѣтъ, но вѣроятно, что—отъ М. О. Судьенка.

[2]) Проводимъ эти свѣдѣнія въ сводѣ ихъ по сотнямъ. Сотни-*Полковая*: 2876 хоз., 1509 воловъ, 1217 лошадей. *Монастырищенская*: 322 х., 386 в., 44 л., *Иченская*: 738 х., 342 в., 255 л., *Кр.-Колядинская*: 941 х., 629 в., 394 л. *Ивашцкая:* 661 х., 273 в., 313 л. *Сребранская*: 1512 х., 554 в., 660 л. *Варвинская*: 497 х., 165 в., 121 л. *Журавская:* 473 х., 178 в., 233 л. *Всего въ полку*: 8020 х., 4026 в., 3237 л. (Замѣтимъ, что въ ревизіи 1713 г. с. Парафіевка почему то не показана).

лось лѣтомъ 1729 г. [1]), а наша ревизія, какъ значится въ ея заголовкѣ, закончена въ октябрѣ. Въ этой ревизіи кромѣ перечня именъ домохозяевъ, никакихъ другихъ свѣдѣній нѣтъ. в) *Ревизская книга 1731 г.*, о поводахъ къ составленію подробно говоритъ Прилуцкій полковникъ въ своемъ донесеніи съ представленіемъ самой ревизской книги [2]). Цифрами этой ревизіи мы пользовались въ своей книгѣ лишь отчасти, для поясненія свѣдѣній другихъ ревизій. Вводить ихъ полностью въ книгу мы не рѣшились, не имѣя основаній вполнѣ довѣрять цифровымъ свѣдѣніямъ «о посполитыхъ людяхъ», представленнымъ въ спискахъ «самихъ державцевъ, духовныхъ и мирскихъ» [3]). г) *Ревизская книга 1740 г.*, оконченная въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года, произведена была, нужно думать, по распоряженію еще Румянцова (А. И.), который лѣтомъ 1740 г. замѣненъ былъ генераломъ Кейтомъ. Послѣдній пріѣхалъ въ Глуховъ только 6-го августа (Зап. Марк., II, 120) и вѣроятно не успѣлъ бы такъ скоро сдѣлать распоряженія о ревизіи, для производства которой требовалось конечно нѣсколько мѣсяцевъ. Планъ для этой ревизіи составленъ

---

[1]) Генер. слѣдствіе о маетност. Нѣжинск. полка, изд. Н. П. Василенка, стр. VI.

[2]) Донесеніе Галагана приводимъ дословно *въ приложеніяхъ* къ предисловію, № 1.

[3]) *Какъ матеріалъ*, могущій имѣть значеніе при сравненіи съ другими цифрами, приводимъ изъ этой ревизіи итоги козачьяго и посполитскаго населенія. *Сотня полковая*, коз. 993, посп. 3444 (1703 и 1741). *Монастырищенская*, коз. 222, посп. 493 (215 и 278). *Ичнск.*, коз. 573, посп. 1131 (466 и 665). *Иваницкая*, коз. 184, посп. 747 (354 и 393). *Кр. Коляд.* коз. 1053, посп. 978 (298 и 680). *Сребр.* коз. 565, посп. 1628 (954 и 671). *Варвинск.*, коз. 590, посп. 564 (151 и 413). *Журавск.*, коз. 298, посп. 342 (110 и 232). Всего козаковъ—4478 домохоз. и посполит. 9327 домохоз. Въ цифрахъ посполитныхъ, взятыхъ въ скобки, первая цифра указываетъ населеніе «въ селахъ войсковыхъ свободныхъ», а вторая—«въ селахъ владѣльческихъ».

былъ совсѣмъ отличный отъ прежнихъ ревизій [1]). На этотъ разъ Глуховское правительство нашло нужнымъ собрать слѣд. свѣдѣнія, которыхъ въ прежнихъ ревизіяхъ не было: а) о количествѣ *семей* въ хатахъ, б) «каковы оклады и подати обыватели свободныхъ войсковыхъ селъ, сверхъ владѣлческихъ, несуть» и в) «сколко именно и въ какихъ поселеніяхъ обывателей сойшло, кто они, куда сойшли и кто ихъ грунтами користуется». Повидимому, мѣстной администраціи потребовались нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крестьянъ. Отвѣты на второй вопросъ даны были очень скудные, какъ это видно изъ текста нашей книги, причемъ скудость зависѣла конечно не отъ ревизоровъ, а отъ владѣльцевъ «урядовыхъ маетностей», нежелавшихъ давать этихъ свѣдѣній. Свѣдѣнія по третьему вопросу добыты были ревизорами, повидимому, удовлетворительныя; приводя ихъ въ своей книгѣ, мы старались цифрамъ «сошедшихъ» дать нѣкоторое освѣщеніе, насколько это было возможно по имѣвшемуся у насъ матеріалу. Вообще, ревизія 1740 г. даетъ матеріалъ нѣсколько полнѣе, чѣмъ ревизіи предыдущія; она подробно называетъ владѣльцевъ маетностей, указываетъ титулъ ихъ владѣнія и затѣмъ, при поименной переписи населенія, старается дать указанія о его состоятельности. Послѣдняя обозначается словами: «грунтовые», «малогрунтовые», «убогіе», «весьма пищетніе»... Мы не рѣшились вводить этихъ группъ въ свою книгу, не придавая особаго значенія тѣмъ основаніямъ, которыя служили для раздѣленія населенія на эти группы [2]).

7. **Свѣдѣнія о количествѣ населенія въ полку, собранныя по особому распоряженію гетмана въ 1718 г.** *(Рукопись)* [3]) Поводъ къ собранію этихъ свѣдѣній виденъ изъ слѣд. заглавія рукописи: «Року 1718, мѣс. марта 6 числа. Именному ясневелможного до-

[1]) См. приложеніе № 2.

[2]) Ниже, прилагаемъ сводную таблицу населенія въ полку по ревизіи 1740 г., съ раздѣленіемъ на эти группы. См. приложеніе № 3. Рукописи всѣхъ трехъ ревизій, 1729, 1731 и 1740 г.г., находятся въ нашей б-кѣ.

[3]) Рукопись находится въ б-кѣ Кіевск. арх. коммиссіи.

бродѣя нашего его мил. пна Іоанна Ильича Скоропадского, войскъ царского священнѣйшого величества Запорожскихъ обоихъ сторопъ Днѣпра гетмана, указу ижбы во всѣхъ полку Прилуцкого сотенныхъ городахъ и селахъ, такожъ державскихъ маетностяхъ, подлинную, сколко в оныхъ товариства и посполства, тягла свои и кгрунта мѣючихъ, пѣшихъ и убогихъ—числомъ обрѣтается, учинити ревѣзію, *а по оной слушное драгунамъ подлугъ пропорціи людской опредѣленіе»*. Отсюда видно, что свѣдѣнія о количествѣ дворовъ въ поселеніяхъ были собраны для болѣе правильнаго располога того налога съ обывателей, который требовался для довольствія людей и лошадей, квартировавшихъ въ полку драгунскихъ полковъ. Въ собранныхъ по этому случаю свѣдѣніяхъ показано «число людей» по каждому поселенію отдѣльно, съ раздѣленіемъ ихъ на «козаковъ» и «посполитыхъ». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ «людей» здѣсь разумѣются только хозяева отдѣльныхъ дворовъ, причемъ въ документѣ 1718 г. мы имѣемъ первую цифру о количествѣ козачьихъ дворовъ въ Прилуцкомъ полку. Полагаемъ, что тѣ причины, ради которыхъ собраны свѣдѣнія 1718 г.,—распологъ *общаго* и очень тяжелаго налога,—до нѣкоторой степени должны были гарантировать бóльшую или меньшую достовѣрность этихъ свѣдѣній.

8. **Описаніе Черниговскаго намѣстничества, Д. Р. Пащенка** Какъ извѣстно, въ составъ Черниговскаго намѣстничества входила часть Прилуцкаго полка, заключавшая въ себѣ слѣдующіе центры: Прилуку, Монастырище, Ичню, Кр. Колядинъ, Иваницу, Сребное, Варву и Журавку. Въ описаніи г. Пащенка важны топографическія свѣдѣнія о томъ или другомъ поселеніи, добытыя, какъ видно, на мѣстѣ, при чемъ особенно важно точное указаніе рѣчекъ. Цифровыя свѣдѣнія о населеніи Пащенко бралъ изъ общаго свода ихъ, составленнаго тогда же. [1])

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о работѣ Пащенка см. въ предисловіи къ описанію Черниговскаго намѣстничества, начатому и неоконченному (нами) при Запискахъ Черниг. губ. стат. комитета (1868 г.) Рукопись Пащенка находится въ нашей б-кѣ. Къ сожалѣнію, изъ нея потеряно нѣсколько тетрадей, заключавшивъ въ себѣ опись почти всей Прилуцкой полковой сотни.

9. **Сводъ цифровыхъ свѣдѣній о населеніи десяти полковъ лѣвобережной Малороссіи, собранныхъ при образованіи намѣстничествъ.** Заключающія здѣсь цифровыя свѣдѣнія собраны, по всей вѣроятности, одновременно съ описаніемъ гетманской Малороссіи по распоряженію Румянцова, въ 1779 г., когда получено было «повелѣніе ея им. величества о введеніи въ Малую Россію учрежденій по примѣру иныхъ губерній». (См. предисл. къ 1-му тому Опис. Ст. Малороссіи, стр. XI.). На основаніи свѣдѣній этого свода мы составили таблицу населенія Прилуцкаго полка въ 1780 г. (Стр. 417—419).

10. **Частные архивы**. Изъ частныхъ архивовъ мы пользовались, къ сожалѣнію, весьма немногими. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи долженъ быть поставленъ Сокиренскій семейный архивъ Галагановъ, которымъ мы пользовались въ 1883 г., благодаря любезности покойнаго Гр. П. Галагана († 1888). Этотъ архивъ не великъ и заключаетъ въ себѣ преимущественно юридическіе акты на имѣнія, какъ Галагановъ, такъ и Дарагановъ, (имѣнія которыхъ перешли къ Галаганамъ по браку), но тутъ же мы нашли любопытный автобіографическій очеркъ полковника Григорія Галагана (стр. 49). Затѣмъ, при обязательномъ посредствѣ В. П. Горленка, мы пользовались двумя переплетами семейныхъ бумагъ покойнаго Н. А. Маркевича, автора «Исторіи Малороссіи». Въ этихъ переплетахъ сохраняются интересныя бумаги Ивана и Федора Марковичей, братьевъ гетманши Скоропадской (стр. 114—127). Другихъ семейныхъ архивовъ, въ предѣлахъ бывшаго Прилуцкаго полка, мы не знаемъ, и сомнѣваемся—есть-ли они; по крайней мѣрѣ никакихъ слуховъ о нихъ нѣтъ... Лѣтъ десять назадъ, послѣ старательныхъ распросовъ объ архивѣ Якубовичей, хранившемся въ с. Липовомъ (стр. 249), мы получили, наконецъ, небольшую связку полуобгорѣлыхъ бумагъ, въ которой сохранилась купчая единственной дочери Дорошенка Любови, [1]) духовное завѣщаніе вдовы Ильи Як. Лизогуба (стр. 249), дѣло о

[1]) Бывшей замужемъ за Черниг. полковник. Ефим. Лизогубомъ, внукъ котораго былъ женатъ на дочери генер. есаула Якубовича.

ссорѣ полковника Якубовича съ его сыновьями (стр. 55) и еще нѣсколько бумагъ, показывающихъ, что архивъ былъ интересенъ...

Представляя въ этомъ томѣ, какъ и въ прежнихъ, матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія, по первому вопросу—о заселеніи лѣвобережной Малороссіи—мы видимъ, относительно территоріи Прилуцкаго полка (очень не великой), что здѣсь въ XV в. несомнѣнно существуютъ слѣд. населенныя мѣстности: г. Прилука, волость (?) Торговицкая и (вѣроятно) с. Самборъ. Другихъ населенныхъ мѣстъ на этой территоріи—за время до к. XVI в.—мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ до сего времени обнародованнымъ. Но слѣдуетъ полагать, что если въ XV в. существовали Прилука и Торговицкая волость, то существовали тутъ же и другія поселенія. Весьма вѣроятно, что въ это время (т. е. въ XV в.) здѣсь существовали: Переволочна, Монастырище, Гайворонъ, Крапивное, Крас.-Колядинъ, Сребное... Несомнѣнно однако же, что въ XVI в. ни Прилука, ни Торговицкая волость болѣе не существовали... Изъ грамоты Стефана Баторій, 1578 г., Байбузѣ,—на «пустыню р. Удай»,—видно, что никакого замѣтнаго поселенія тутъ уже не было, а о Торговицкой волости прямо говорится (въ нач XVII в.), что она «лежитъ впустѣ» Для объясненія этого факта можно предположить, что поселенія, существовавшія здѣсь въ XV в.,—въ XVII в. не существуютъ потому, что они были разорены Менгли-Гиреемъ, при его нашествіи на южную Русь, въ самомъ концѣ XV-го вѣка. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этомъ нашествіи—въ обнародованныхъ доселѣ русско-польскихъ памятникахъ--не имѣется и—лишь можно предполагать, что это нашествіе, по своимъ послѣдствіямъ, было ужаснѣе Батыевого... Быть можетъ, что когда нибудь турецко-татарское лѣтописаніе, послѣ ближайшаго знакомства съ нимъ исторической науки, и откроетъ намъ подробности Менгли-Гиреевого нашествія, а пока приходится довольствоваться одними лишь предположеніями...

Засимъ, по вопросу о землевладѣніи—и въ этомъ томѣ мы видимъ щедрую раздачу маетностей, главнымъ образомъ, въ первой

полов. XVIII в., при чемъ эта раздача дошла до того, что уже въ 1752 г. гетманъ Разумовскій не можетъ найти въ Прилуцкомъ полку для генер. есаула Якубовича какого нибудь одного села, а даетъ ему 44 двора *въ трехъ селахъ*, т. е. даетъ *остатки* изъ бывшаго запаса маетностей (стр. 380). Въ тоже время продолжается усиленная «скупля» козачьихъ земель и увеличеніе массы подсосѣдковъ, число хатъ которыхъ въ 1780 г. составляетъ 3932 на общее ихъ количество (коз., поспол. и подс.) 26031. [1])

Для исторіи управленія, Прилуцкій полкъ даетъ такія типическія личности полковниковъ, какъ Дмитрій Горленко и Игнатій Галаганъ. Пользуясь особою пріязнью Мазепы, Дмитрій Горленко, по свидѣтельству близкаго къ нему человѣка и его преемника по уряду, «распоряжался всѣми полчанами, какъ своими подданными»... Ни откуда, никакого, слѣдовательно, протеста быть не могло, потому что Мазепа съумѣлъ сдѣлаться всесильнымъ властелиномъ. Самовластіе Игнатія Галагана опиралось сначала—на тенденціи высшаго правительства умалить гетманскую власть, а затѣмъ—на благосклонномъ отношеніи къ Галагану тѣхъ «генераловъ», которые управляли Малороссіею послѣ смерти Апостола. Можно сказать, что Прилуцкіе полковники, начиная съ Дмитрія Горленка и кончая Григ. Галаганомъ, разспоряжались въ полку почти безконтрольно. Произволъ полковниковъ рождалъ произволъ и сотниковъ: тѣ жестокости, которыя позволяли себѣ сотники Андрей Гуленко (стр. 131), Николай Троцина (с. 326—327) и Андрей Барановскій (с. 359), повидимому, вовсе не поражали тогдашнее общество...

Въ заключеніе скажемъ, что мы попрежнему заботились о томъ, чтобы въ «описаніи старой Малороссіи» представить *живыхъ людей*, въ тогдашней ихъ домашней и общественной обстановкѣ. Относительно отдѣльныхъ лицъ изъ старшины, большой и малой, мы нашли свѣдѣнія, дающія возможность довольно полно представить себѣ ихъ положеніе въ обществѣ (см. Иванъ и Федоръ Мар-

[1]) Въ итогахъ хатъ, на стр. 419, вкралась ошибка: вм. 23350 слѣд. 23860, а вм. 25921 слѣд. 26031.

ковичи, Петръ Носенко, Николай Троцина, Павелъ Дембовскій, Павелъ Миницкій и друг.), но относительно *народа* свѣдѣнія этого рода остаются бѣдными, такъ какъ эпизоды подобные случившемуся у Себастіановичей съ ихъ Грицовскими подданными (с. 338—342), записываются въ архивныхъ бумагахъ съ такими подробностями — рѣдко.

Показанныя при цифрахъ населенія буквы обозначаютъ: П—переписныя книги 1666 г., [1]) *А*—ревизію 1713 г., *Б*—вѣдомость 1718 г., *В*—ревизію 1629 г., *Г*—ревизію 1740 г. и *Д*—сводъ свѣдѣній о населеніи Малороссіи 1780 г.

12 декабря, 1901 г.

---

[1]) См. Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., кн. XIII.

Приложенія.

№ 1. Донесеніе Прилуцкаго полковника Галагана гетману, съ представленіемъ ревизіи, произведенной въ 1731 г.

«Ясневелможній мцѣ пне гетмане и кавалеръ, мой премилостивѣйшій добродѣю.

Прошлого іюня 3 д. получилъ я високоповажній ясневелможности вашей, пна моего милостивого, унѣверсалъ: в якомъ предложено, абы в полку Прилуцкомъ о наличномъ дворомъ числѣ людей и козаковъ и посполитихъ—учинена проведная ревѣзія, таковимъ порядкомъ: о козакахъ, сколко онихъ в якой сотнѣ или селѣ на лице имѣетъся, должни панове сотники з сотенною старшиною, всякъ в своей сотнѣ, здѣлать наличніе именніе списки, в которихъ статтяхъ трома означить: сколко в якомъ селѣ козаковъ можнихъ, убогихъ и крайне (убогихъ?), и сколко в которомъ же селѣ козачихъ подсусѣдковъ; а о посполитыхъ людехъ по(винни?) всѣ пнове державцы дховніе и мирскіе, всякъ в своихъ маетностяхъ са(ми?) учинить праведніе виденія, а в якихъ маетностяхъ, за далекимъ разстояніемъ мѣстця, самихъ владѣлцовъ не имѣетъся, то бъ приказчики ихъ, которимъ тіе маетности в досмотръ полѣцени, таковіе жъ праведніе безъ утайки спорадили виденія, и в нихъ означили б статтями—трома жъ—сколко в которомъ селѣ можнихъ, ġрунтовихъ, среднихъ кгрунтовихъ и крайне убогихъ, безъкгрунтовихъ, имѣетъся. Которіе жъ села суть войсковіе свободніе, о тих такую жъ ревѣзію учинить должни пнове сотники. И такъ пнове сотнкии о козакахъ и о посполитихъ людехъ, в войсковихъ свободнихъ селахъ обрѣтаючихся, а пнове владѣлци, дховніе и мирскіе, о своихъ подданнихъ, а в якихъ маетностяхъ, за далекимъ разстояніемъ мѣстця, самихъ владѣлцовъ не имѣетъся, то б прикажчики, которимъ тіе маетности в досмотръ полѣцени, в самую истинную правду, з таковимъ обовязателствомъ, что ежели бъ мѣлъ хто кого с подданнихъ своихъ ġрунтовыхъ утаить, таковій тихъ всѣхъ утаеннихъ подданнихъ лишенъ будетъ. Сочинивши противъ вишшеписанного наличніе списки, съ перечнями, и закрѣпивши оніе руками своими, подали бъ в полковую Прилуцкую концелярію, з которихъ наличнихъ списковъ, порознь о козакахъ и мужикахъ, приказалъ бы я учи-

нитъ добропорядочніе табелѣ и оніе списки с тими табелми присилать къ ясневелможности вшей. По которомъ ясн-ти вшей висоцеповажномъ унѣверсалу довле оному творачи, писалемъ отъ себе до пновъ сотниковъ полку моего, иж бы они по вишшепрописанному унѣверсалу, всякъ в сотнѣ своей, о наличномъ дворовомъ числѣ козаковъ и посполичихъ людей в войсковихъ свободнихъ селахъ обрѣтаючихся, спорадивши, а отъ пановъ владѣлцовъ или отъ прикажчиковъ, за руками ихъ взявши списки, сколко в якомъ селѣ ннѣ налице имѣетъся посполитихъ людей, подъ обовязателствомъ в унѣверсалѣ ясн-ти вшей за утайку вираженнимъ, присилали в полковую Прилуцкую к-рію, почому якіе отъ владѣлцовъ и прикажчиковъ паномъ сотникомъ дани списки, а отъ пановъ сотниковъ въ полковую Прилуцкую к-рію прислани, оніе при добропорадочной табелѣ, порознь, о козакахъ и о посполитихъ спораженной, при семъ до ясн-ти вшей посилаю. А что тіе списки до сихъ поръ в отсилки до ясн-ти вшей умедлѣлисъ, покорне прошу вашой ясн-ти не имѣти на мене своего добродѣйского гнѣву, ибо не через мене тое медленіе учинилось, лечъ за описними на ея импер. величество в полку моемъ имѣючимися селами, а именно: Самборами, Великимъ и Малимъ, Дептовкою, Голюнкою и Карабутовомъ, понеже по многократнимъ моимъ писмамъ, такъ до управителя Батуринского, яко и до старости Великосамборского посилаемимъ, хочай присланъ былъ отъ управителя Батуринского тихъ селъ, дворового числа козаковъ и посполитихъ людей, списокъ, толко жъ не противъ унѣверсалу ясн-ти вшей спораженъ, потому что козаковъ и посполитихъ под едни стати пописано, да и то не имеино всякого, но перечнями, которій я воспять туда при писмѣ своемъ для справлення, подлугъ унѣверсалу, не отъ тепер уже послалемъ, и послѣ затимъ писалемъ отъ себе, толко жъ и до сихъ часъ оного, невѣдомо чого ради, не прислано. Тутъ-же покорственно доношу ясн-ти в., что по справки з ревѣзіею в прошломъ 1723 году чиненною, явилося же кромѣ вишше преписанихъ описнихъ селъ, якихъ в нинѣшной ревѣзіи не имѣется, во всемъ полку Прилуцкомъ, од того 723 году по сей часъ, прибавилось козаковъ сто четири, а посполитихъ убыло тысяча сѣмънадцять, з якихъ нѣкоторіе, по свѣдѣтелствамъ людскимъ и по изслѣдствію компутовъ козачихъ, в козаки повписовались, иніе позмирали, многіе же, за крайнимъ своимъ убожествомъ, не могучи отбувати подданнической и протчіихъ долегливостнй, оставя свои жилля, в прочку позиходили, а иніе пошли до козаковъ в подсусѣдки. И о томъ да благоволитъ ясн-ть ваша вѣдать. Ясн-ти в., моему премилост. добродѣевѣ нижайшій слуга

ся и. в. войска Запорожского полковникъ Прилуцкий Ігнатій Gалаgанъ. З Прилуки, септевр. 7 д., року 1731».

№ 2. Донесеніе Прилуцкаго полковника Галагана правителю Малороссіи генералу Кейту, съ представленіемъ ревизіи, произведенной въ 1740 г. Въ «покорнѣйшомъ репортѣ» «его в.-пр-ву г. генералъ-аншефу Кейту» полковникъ Григ. Галаганъ и полков. пис. Галенковскій объ исполненіи этой ревизіи доносили слѣдующее: «Указами з войск. генер. к-ріи в полк. Прилуцкую к-рію прысланними, велено на основаніи тѣхъ указовъ на сей 1740 годъ о дворовомъ обывателей полку Прилуцкого числѣ ревизію сочинить, с показаніемъ в оной о всякомъ селе, деревнѣ и хуторѣ, чіего они владѣнія и сколко онихъ; такожъ в мѣстечкахъ и в протчіихъ поселеніяхъ подданнихъ или подсусѣдковъ состоитъ дворовъ, а на тѣхъ дворахъ хатъ, а в хатахъ сѣмей; такожъ показивать пры томъ кому на ранги и якіе именно маетности надлежитъ, особливо же, яковы имянно оклады и подати свободныхъ войсковыхъ селъ и деревень обывателѣ сверхъ владелческихъ подданнихъ несутъ, сколко же именно, и в какихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ обывателей сойшло и кто они, куда именно сойшли, и gрунта ихъ, а особливо пустовскіе, яко-то лѣси, гаи, поле пахатное, сѣнокоси и другія угодія, и сколко чего и чіихъ именно, порознь, в кого нынѣ во владеніи и кто имы користуется, и по какимъ указамъ и опредѣленіямъ именно в тѣхъ ревизіяхъ показать. И тѣ ревизіи списавъ надвое, чистимъ писмомъ, на доброй бумаги, за своими руками, скрепя по листамъ рукою писара полкового или другой полковой старшины, прислать . . . . . генер. войск. к-рію . . . . ского техъ указовъ сочи . . . . . . жителей о дворовомъ числѣ. . . . . . . табелми на . . . . и списавъ оніе надвое. . . . . . . подписомъ нашихъ рукъ и скрѣ. . . . . ревизіи и перечневіе такожъ по листамъ рукою писара полкового, при семъ нашемъ покорнѣйшемъ репортѣ, к вашему высокопревосходителству, въ генералную войсковую канцелярію посилаемъ и о томъ нижайше доносимъ. Вашего В.-прва всенижайшіе слуги полковникъ Григорій Галаганъ. Ѳедоръ Галенковскій, писаръ полковой Прилуцкій.

1740 году, ноебра 29 д. Прилука».

№ 3. Населеніе полка въ 1740 г., съ раздѣленіемъ его на группы, по имущественному состоянію.

Сводъ по ревизіи 1740 г.	КОЗАКИ.			ПОСПОЛИТЫЕ.			Число дворовъ «вольныхъ»
	Дворы.	Хаты.	Семьи.	Дворы.	Хаты.	Семьи.	
Грунтовые	2	5	5	—	—	—	Въ это число вошли: старшина, духовенство, всякія должностныя лица, начиная отъ приказчиковъ, школы, шпитали, шинки...
Среднегрунтовые	45	64	63	7	16	16	
Малогрунтовые.	868	1202	1218	347	429	431	
Убогіе (волы и лошади имѣющ.).	1146	1417	1429	1126	1335	1350	
Весьма нищетные	1816	1954	1958	3393	3595	3612	
Всего въ полку	3877	4642	4673	4873	5373	5409	2346
Подсосѣдки	253	1033	1063	16	386	388	—

Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики.

(Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края).

I.

Заглохшій проектъ реформы оффиціальной статистики. Неудовлетворительная ея постановка въ настоящее время. Характеристика способовъ и пріемовъ собиранія и сводки оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ; неточности и разнорѣчія статистическихъ цыфръ. Недочеты обработки оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ. Причины тѣхъ и другихъ недостатковъ оффиціальной губернской статистики.

Въ мартѣ 1901 года во многія газеты проникъ слухъ о предполагавшейся реформѣ нашей оффиціальной статистики, преобразованіе которой рѣшено будто-бы было произвести не ожидая даже введенія проектируемой общей реформы губернскихъ учрежденій. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, это сообщеніе газетъ о предстоящей въ близкомъ будущемъ реформѣ нашихъ казенныхъ статистическихъ учрежденій было опровергнуто въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, оказалось, что реформа эта опять отложена на неопредѣленное время, между тѣмъ какъ въ ней давно уже предстоитъ настоятельная надобность.

Этимъ обусловливается необходимость неотлагательно заняться выясненіемъ печальнаго положенія нашей оффиціальной статистики, ея нуждъ и потребностей, и ближайшихъ способовъ

ея улучшенія. Кстати же нѣкоторую почву для послѣдняго даютъ и проникшія въ печать свѣдѣнія объ отложенномъ разсмотрѣніемъ проектѣ комиссіи изъ чиновъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, занимавшейся вопросомъ о ея реорганизаціи, хотя, въ силу самаго характера газетныхъ сообщеній, свѣдѣнія о результатахъ занятій комиссіи и не отличаются желательною подробностью.

Изъ краткихъ сообщеній о содержаніи проекта можно было выяснить, между прочимъ, что собираніе свѣдѣній на мѣстахъ—по волостямъ—предполагалось поручить «мѣстнымъ агентамъ—обязательнымъ и добровольнымъ», что, вмѣсто губернскихъ статистическихъ комитетовъ, учреждены будутъ губернскія статистическія бюро и что оффиціальными представителями правительственной статистики будутъ въ уѣздахъ—уѣздные статистики, коимъ будетъ принадлежать руководство и контроль надъ дѣломъ собиранія свѣдѣній на мѣстѣ—въ волостяхъ. Представителемъ же правительственной статистики для всей губерніи долженъ быть губернскій статистикъ, который будетъ состоять «членомъ Губернскаго Присутствія» (?).

Такимъ образомъ оффиціальныхъ представителей правительственной статистики въ губерніяхъ предполагалось, повидимому, имѣть только въ лицѣ губернскаго и уѣздныхъ статистиковъ; никакихъ другихъ «должностей», судя по свѣдѣніямъ о содержаніи даннаго проекта, учреждать въ виду не имѣлось. Само собою понятно, что этимъ ставился на очередь вопросъ: на комъ же лежала бы обязанность опроса населенія на мѣстахъ, т. е. обязанность самаго собиранія статистическихъ данныхъ,—кто будутъ эти волостные «обязательные» и «добровольные» агенты, которые должны представлять собою первоисточникъ всякихъ статистическихъ свѣдѣній?

Очевидно, такими, не имѣющими спеціальныхъ должностей, обязательными и добровольными «агентами» могли бы быть—и предполагались проектомъ—тѣ или иные изъ мѣстныхъ деревенскихъ жителей, изъ которыхъ одни несли бы свои агентскія обязанности въ качествѣ полныхъ добровольцевъ (какъ теперь корре-

спонденты департамента земледѣлія), а другіе были бы къ тому обязаны или своимъ служебнымъ положеніемъ (волостные писаря?, податные инспектора? земскіе начальники?), или же получаемымъ за то (какъ это было для нѣкоторыхъ счетчиковъ всеобщей переписи) особымъ небольшимъ вознагражденіемъ (сельскіе учителя?). Да и трудно предположить, чтобы это было иначе, хотя бы въ силу только неизбѣжности слишкомъ крупныхъ (сравнительно съ существующими) расходовъ на такую организацію, при которой каждая волость имѣла бы особо оплачиваемаго спеціалиста по статистикѣ. Самая постановка даннаго проекта указываетъ, повидимому, на то, что рамки предполагаемаго улучшенія статистическаго дѣла сильно ограничиваются размѣрами тѣхъ средствъ, которые въ настоящее время могутъ быть на него ассигнованы.

Представляется, поэтому, вопросъ, въ какой, вообще, мѣрѣ наша оффиціальная статистика доступна улучшенію при условіи ограниченности средствъ, какими она, надо думать, можетъ располагать и въ какой—въ частности—мѣрѣ проектированная реорганизація ея можетъ содѣйствовать этому улучшенію.

Для того, чтобы рѣшить, какъ эти, такъ и всѣ другіе выше поставленные, вопросы, надлежитъ прежде всего ближе познакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ оффиціальной губернской статистики въ настоящее время, такъ какъ это знакомство и должно дать нѣкоторыя руководящія указанія въ желательномъ направленіи.

Для этой цѣли я познакомлю читателя съ положеніемъ настоящаго вопроса (по скольку оно мнѣ самому извѣстно) главнымъ образомъ въ Юго-Западномъ краѣ, при чемъ матеріаломъ для этого послужатъ мнѣ какъ данныя собранныя мною нѣсколько лѣтъ назадъ путемъ посѣщенія значительнаго числа волостныхъ правленій, такъ и свѣдѣнія, почерпнутыя изъ изданій Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ, (памятныхъ книжекъ, списковъ населенныхъ мѣстъ и т. п.), такъ наз. «Обзоровъ» губерній (приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ), нѣкот. другихъ оффиціальныхъ статистическихъ изданій и опубли-

кованныхъ циркулярныхъ распоряженій, относящихся къ этому вопросу.

—

Пачнемъ съ данныхъ о населеніи.

Наиболѣе точною, наиболѣе близкою къ истинѣ считается обыкновенно регистрація сельскаго крестьянскаго населенія. Численность его опредѣляется обыкновенно или по приходскимъ метрическимъ книгамъ, или по посемейнымъ спискамъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, первымъ изъ нихъ присущи и въ юго-западномъ краѣ всѣ обычные имъ недостатки, которые довольно подробно указаны хотя бы у проф. Ходскаго.[1]) Поэтому я и не буду на нихъ останавливаться, а перейду къ посемейнымъ спискамъ, которымъ проф. Ходскій придаетъ «наибольшее значеніе»[2]) въ дѣлѣ учета крестьянскаго населенія, тѣмъ болѣе, что веденіе этихъ списковъ стоитъ въ связи съ всеобщей воинской повинностью. У насъ въ юго-западномъ краѣ списки эти ведутся волостными правленіями и исправляются или возобновляются приблизительно одинъ разъ въ теченіе 5—6 лѣтъ. Фактическія же перемѣны, происходящія за этотъ промежутокъ времени, въ посемейный списокъ обыкновенно не заносятся до истеченія указаннаго срока, т. е. до пересоставленія списка. Вслѣдствіе этого, свѣдѣнія о наличномъ населеніи каждаго даннаго года, доставляемыя изъ такихъ волостей въ подлежащія учрежденія, обыкновенно относятся въ дѣйствительности не къ тому году, по которому они требуются, а къ году составленія списка, т. е. къ первому году даннаго пяти-, или шести-лѣтія. Если же при этомъ и случается, что сообщенная волостнымъ правленіемъ цыфра населенія предыдущаго года все-таки разнится нерѣдко отъ сообщенной имъ же цыфры населенія отчетнаго года, то такая разница дѣйствительнымъ перемѣнамъ въ населеніи нерѣдко отнюдь не соотвѣтствуетъ.

---

[1]) Въ его «Основаніяхъ теоріи и техники статистики», Спб. 1896 г., стр. 117—118 и 139—140.

[2]) Тамъ же, стр. 117.

Зависитъ же она обыкновенно единственно отъ той, сдѣланной волостнымъ правленіемъ, «приблизительно» и наобумъ поправки, которую оно вводитъ въ свои цыфры собственно для того, чтобы онѣ отличались отъ предыдущихъ и при сравненіи другъ съ другомъ его данныя не были заподозрѣны въ невѣрности. При всемъ этомъ степень точности самихъ посемейныхъ списковъ, какъ и приходскихъ книгъ (см. у г. Ходскаго) обусловливается, конечно, въ каждомъ данномъ случаѣ степенью обстоятельности, съ которою производится опросъ домохозяевъ и дѣлаются соотвѣтственныя въ спискахъ записи.

Если и въ великороссійскихъ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ при составленіи этихъ списковъ бываютъ ошибки въ распредѣленіи населенія по семьямъ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія и смѣшенія между собою терминовъ: семья, дворъ, домохозяйство, то въ юго-западномъ краѣ ошибки такого рода составляютъ вполнѣ обычное явленіе. Здѣсь, при участковомъ подворномъ владѣніи, весьма распространеннымъ является фактъ исчисленія семей по тѣмъ «нумерамъ», или дворамъ, которые при выходѣ на волю и полученіи надѣла, записаны были въ уставную грамоту. Хотя бы такой отдѣльный дворъ или нумеръ съ тѣхъ поръ фактически уже раздѣлился на нѣсколько отдѣльно живущихъ семей, все равно нѣкоторые изъ волостныхъ правленій постоянно причисляютъ ихъ въ спискахъ къ одному и тому же нумеру, пользуясь иногда этими данными для показанія числа *наличныхъ* семей въ волости.

Но всѣмъ этимъ еще не исчерпывается неточность такого рода данныхъ, потому что къ ихъ недостаткамъ надобно также прибавить—обусловленную, конечно, отсутствіемъ всякаго контроля—крайнюю небрежность низшихъ мѣстныхъ органовъ (волостныхъ правленій и полицейскихъ урядниковъ, получающихъ свои свѣдѣнія большею частію отъ тѣхъ же волостныхъ правленій) при сообщеніи такого рода свѣдѣній. Такая небрежность, конечно, присуща имъ и при доставленіи всякихъ другихъ «статистическихъ» свѣдѣній; но разъ уже зашла рѣчь о степени точности извѣстныхъ данныхъ, необходимо неотлагательно указать и на нее. И это тѣмъ болѣе, что

цыфры населенія, по самому своему характеру, трудно поддаются критической оцѣнкѣ и провѣркѣ хотя бы путемъ сравненія между собою. [1]) Характернымъ примѣромъ такой небрежности можетъ служить хотя бы сравненіе численности населенія по уѣздамъ Кіевской губ. по «Обзору» губерніи за 1898 г. и «Списку населенныхъ мѣстъ» за 1896 г.: въ то время, какъ по этимъ даннымъ въ 10 изъ 12 уѣздовъ губерніи съ 1896 по 1898 г. получился приростъ населенія (въ среднемъ 7%), исключеніе неожиданно (при отсутствіи въ нихъ за эти годы мало-мальски выдающихся эпидемій или выселеній) составили два уѣзда: Липовецкій и Чигиринскій, давшіе, наоборотъ, уменьшеніе населенія—первый въ $1\frac{1}{2}$% (около 4000 душъ), второй свыше 5% (около 13000 душъ на уѣздъ). На подобныя ошибки, объясняемыя единственно небрежностью доставлявшихъ данныя волостныхъ правленій, указываетъ, между прочимъ, одинъ изъ циркуляровъ бывшаго генералъ-губернатора гр. Игнатьева (1893 г. № 11911), [2]) гдѣ приводится указаніе на рядъ волостей, по которымъ цыфры населенія за 1890 г. дали уменьшеніе его на 36% сравнительно съ моментомъ надѣленія землею! (Между тѣмъ какъ мѣстныя уѣздныя и губернскія учрежденія, ничтоже сумняшася, пользовались этими данными для своихъ административныхъ цѣлей).

Если таковы бываютъ данныя, относящіяся къ той части населенія, исчисленіе которой производится наиболѣе точнымъ изъ практикуемыхъ способовъ, то не трудно представить себѣ, какою точностью должны отличаться свѣдѣнія объ остальныхъ группахъ населенія. Таковы, напр., данныя, собираемыя волостными правленіями о числѣ дворянъ, проживающихъ въ волостяхъ, о числѣ военныхъ и т. п.: нѣкоторыми волостными правленіями справки о числѣ дворянъ собираются «приблизительно» въ конторахъ мѣстныхъ сахарныхъ заводовъ (!), о числѣ военныхъ—отъ слу-

---

[1]) Сравнительно съ такими, напр., данными, какъ свѣдѣнія о рабочихъ цѣнахъ и т. п.

[2]) Содержаніе котораго тогда же было сообщено въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

чайно проѣзжающихъ офицеровъ и т. п.—лишь бы получить хоть какія нибудь цыфры населенія по сословіямъ. Отсюда понятно, почему при сравненіи между собою данныхъ обзора Волынской губ. за 1898 г. съ данными памятной книжки Волынской губ. на 1899 г. (гдѣ эти данныя относятся къ 1897 году), оказывается, что за годъ съ 1897 по 1898 г. количество отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами уменьшилось въ губерніи сразу на 18984 человѣка (съ 87443 на 68159), въ то время какъ количество «крестьянъ собственниковъ и другихъ приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ» увеличилось за это же время на 60 тысячъ душъ (съ 1.693,428 на 1.753,534), число цѣховыхъ за одинъ годъ уменьшилось почти вдвое (съ 4591 на 2330) и т. д., и т. д. Еще интереснѣе колебанія цыфръ, относящихся къ одному и тому же времени. Въ 1897 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Статистическаго обозрѣнія» юго-западнаго края—составленный «по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по оффиціальнымъ источникамъ» подполковникомъ ген. шт. И. Н. Толмачевымъ. Въ изданіи этомъ, къ сожалѣнію, совершенно отсутствуютъ какъ критика излагаемаго цыфрового матеріала, такъ и указанія источниковъ, изъ коихъ тотъ или другой статистическій матеріалъ заимствованъ. Предисловіе къ книгѣ ограничивается лишь общимъ указаніемъ, что «матеріалами служили: работы офицеровъ генеральнаго штаба; *повѣренныя ими на мѣстѣ* свѣдѣнія, предварительно полученныя отъ волостей» и затѣмъ архивныя данныя и печатные источники. [1]) Всѣ-ли волостныя данныя дѣйствительно «повѣрялись на мѣстѣ» и какъ повѣрялись—указаній въ текстѣ нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вполнѣ добросовѣстно указано разнорѣчіе полученныхъ изслѣдователями (неизвѣстно изъ какихъ именно источниковъ) цыфръ, относящихся къ одному и тому же году и къ одному и тому же предмету. Вотъ каковы, напр., колебанія по отдѣльнымъ *волостямъ* изслѣдованнаго района цыфръ, долженствовавшихъ опредѣлить численность лицъ, состоя-

---

[1]) Указанные въ особомъ перечнѣ.

щихъ въ австрійскомъ, германскомъ и «прочихъ» подданствахъ (наши колонисты):

	Въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ:				
По однимъ свѣдѣніямъ:	1132	388	417	726	392
По другимъ свѣдѣніямъ:	962	688	92	621	181

И которыя изъ этихъ цыфръ вѣрнѣе—это никому неизвѣстно.

Еще хуже колебанія цыфръ о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ. Напр., вотъ данныя за 1896 г. изъ той же книги о числѣ иновѣрцевъ по нѣкоторымъ волостямъ:

	Въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ:					
По полицейскимъ даннымъ:	66	70	210	2	655	22
По свѣдѣніямъ благочинныхъ:	286	205	947	—	2750	520

Тутъ ужъ болѣе вѣроятными кажутся цыфры низшаго ряда, но для того, чтобы сказать навѣрное, что это дѣйствительно такъ и судить о томъ, на сколько они близки къ истинѣ,—для этого тоже нѣтъ никакихъ данныхъ.

Какъ бы то ни было, а такое разнорѣчіе можетъ быть только результатомъ крайней небрежности, обусловленной прежде всего полнымъ отсутствіемъ всякаго контроля надъ такого рода «статистическими изслѣдованіями», производимыми волостными чинами и полиціей. Это—одна изъ главнѣйшихъ причинъ неточности собираемыхъ ими данныхъ. Другая отчасти была уже отмѣчена выше: это—невѣрное пониманіе первичныхъ элементовъ статистической записи, обнаружившееся при неправильномъ счетѣ семей въ посемейныхъ спискахъ по «нумерамъ», записаннымъ въ уставныя грамоты. Если бы въ такихъ волостяхъ были лица, которыя могли бы и наткнуться на такого рода ошибки, и на мѣстѣ же выяснить значеніе термина «семья» и способъ записи населенія по семьямъ, то недочеты подобнаго рода были бы навсегда устранены. Къ сходнымъ съ ними принадлежитъ и тотъ, тоже указанный выше, недочетъ нашей оффиціальной статистики, который выражается въ неправильномъ пріуроченіи къ данному году свѣдѣній, собранныхъ въ предыдущіе годы, безъ оговорокъ о времени, къ которому они въ дѣйствительности относятся, (пользованіе несвѣренными съ дѣйствительностью данными посемейныхъ

списковъ, собранными нѣсколько лѣтъ назадъ, безъ оговорки о времени, къ которому они въ дѣйствительности относятся). Но по поводу недочетовъ этого рода придется еще говорить ниже.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Въ большинствѣ оффиціальныхъ статистическихъ изданій [1]) цыфровыя свѣдѣнія о населеніи совмѣщаются въ таблицы подъ неопредѣленнымъ заголовкомъ: «численность населенія». Эта недостаточная точность терминовъ, употребляемыхъ въ вѣдомостяхъ и формулярахъ статистическихъ записей, составляетъ вообще одну изъ слабыхъ сторонъ оффиціальной статистики, представляющую источникъ многихъ ошибокъ и недочетовъ какъ въ дѣлѣ самаго собиранія статистическихъ свѣдѣній, такъ и въ дѣлѣ ихъ обработки. Возьмемъ хотя бы этотъ туманный по своей неточности заголовокъ: «численность населенія». Вѣдь подъ нимъ съ одинаковымъ правомъ можно подразумѣвать и численность одного только приписного населенія безъ постороннихъ, и численность всего наличнаго населенія и—приписного, безъ отсутствующихъ и т. д. и т. д., по усмотрѣнію, въ зависимости отъ того, кто какъ будетъ понимать смыслъ этого заголовка. Благодаря этому, особенно при перемѣнномъ составѣ волостныхъ писарей, пониманіе ими такихъ заголовковъ можетъ оказаться далеко неодинаковымъ. Вслѣдствіе уже одного этого, даже при отсутствіи какой бы то ни было небрежности, а, наоборотъ,—при полномъ желаніи доставить вѣрныя свѣдѣнія, доставляемыя съ мѣстъ данныя могутъ оказаться неточными—не по существу, а съ точки зрѣнія несоотвѣтствія тому пониманію даннаго заголовка, какое подразумѣвалось требовавшимъ эти свѣдѣнія губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Такимъ образомъ, одна уже неточность заголовка можетъ привести къ неточности данныхъ и невѣрности выводовъ, дѣлаемыхъ изъ нихъ. Напр., однѣ волости пришлютъ свѣдѣнія только о наличномъ приписномъ населеніи, другія—вообще обо всемъ приписномъ, третьи—о приписномъ вмѣстѣ съ посторонними и т. д., а органъ, группирующій ихъ во-едино, считая ихъ доставленными въ соотвѣтствіи съ извѣстными ему требованіями заголовка, сгруппируетъ ихъ во-едино,

---

[1]) И далеко не одного только юго-западнаго края.

какъ совершенно однородныя, и будетъ сравнивать ихъ съ столь же «однородными» данными за прошлый годъ, съ таковыми же по другимъ губерніямъ и т. д., и т. д. Иными словами, сначала соединить несоединимое, потомъ сравнить несравнимое, а въ случаѣ выясненія такой несоизмѣримости присланныхъ данныхъ не будетъ даже имѣть возможности ввести какую бы то ни было поправку, такъ какъ не будетъ знать, кто какъ понималъ этотъ заголовокъ на мѣстѣ,—чьи свѣдѣнія соотвѣтствуютъ ему, чьи не соотвѣтствуютъ. и почему и на сколько.

Если такого рода неточности употребляемой въ оффиціальной статистикѣ терминологіи указываютъ на небрежность, или, вѣрнѣе, на неумѣнье, неподготовленность самихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ [1]) къ обращенію съ статистическими матеріалами (потому что точность терминологіи въ статистическихъ формулярахъ составляетъ одно изъ основныхъ требованій статистики), то производимыя съ этими матеріалами при ихъ обработкѣ манипуляціи только подтверждаютъ это. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы вышеуказанный примѣръ съ данными по двумъ уѣздамъ, давшимъ неожиданную убыль населенія. Произошла ли такая разница цыфръ дѣйствительно только отъ небрежности или, можетъ быть, благодаря тому неодинаковому пониманію заголовковъ («численность населенія»), на которое только что указано,—во всякомъ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ цыфрами, то надо ихъ анализировать, оцѣнивать, разсматривать, по нимъ дѣлать выводы,—слѣдовательно необходимо было остановиться на данномъ фактѣ и объяснить его значеніе въ текстѣ, чего, однако, не сдѣлано. Вѣроятно, не сдѣлано именно потому, что тогда пришлось бы прямо указать на невѣрность цыфръ. Но тогда зачѣмъ же нужна такая статистика и что же это за статистическіе труды, въ которыхъ текстъ стоитъ особнякомъ отъ цыфръ? [2])

---

1) Не юго-западнаго только края, а всѣхъ вообще.

2) Напр., какъ увидимъ ниже, когда по цыфрамъ оказывается сильное паденіе скотоводства, а текстъ говоритъ, что эта отрасль хозяйства идетъ нормально; цыфры урожая хлѣбовъ или сѣна приводятся

Рядомъ съ этимъ производимыя сравненія цыфровыхъ данныхъ обыкновенно не идутъ дальше прошлаго года: «численность населенія» отчетнаго года сравнивается съ таковою же по даннымъ одного прошлаго года и дѣлается выводъ—«больше» или или «меньше»; вычисляется годовой приростъ даннаго и сравнивается съ таковымъ же за одинъ прошлый годъ—какъ будто этотъ прошлый годъ не столь-же случаенъ, какъ и нынѣшній— и отсюда выводится опять заключеніе: «больше» или «меньше». И зачѣмъ нужны такіе выводы—неизвѣстно.

—

Обратимся, однако, къ другому отдѣлу оффиціальной статистики—къ статистикѣ замлевладѣнія.

По собраннымъ на мѣстахъ свѣдѣніямъ, ежегодно требуемыя отъ волостныхъ правленій свѣдѣнія о размѣрахъ землевладѣнія составляются обыкновенно такимъ образомъ: свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ (взятыя изъ владѣнныхъ документовъ) и о распредѣленіи этихъ земель по угодьямъ, въ большинствѣ случаевъ изъ года въ годъ переписываются одни и тѣже, большею частію независимо отъ фактическихъ измѣненій въ составѣ угодій. При этомъ случается, что волостной писарь, по небрежности, пропуститъ при перепискѣ нѣсколько селеній волости, или впишетъ одно и тоже дважды. Вслѣдствіе этого данныя за смежные между собою годы оказываются иногда разнящимися между собою на сотни и болѣе десятинъ, что, однако, не мѣшаетъ мѣстнымъ учрежденіямъ спокойно пользоваться ими безъ всякихъ поправокъ. На это указано было, между прочимъ, и въ помянутомъ уже циркулярѣ генералъ-губернатора, гдѣ былъ приведенъ цѣлый рядъ волостей, допустившихъ подобныя неточности (напр., *увеличеніе* (?) количества *надѣльной* земли въ одной

безъ выводовъ о ихъ значеніи для населенія, а затѣмъ гдѣ нибудь чрезъ нѣсколько страницъ особо и независимо отъ цыфръ, говорится въ текстѣ, на основаніи уже сообщеній предводителей дворянства или полиціи, что урожай оказался неудовлетворительнымъ и т. п.

какой нибудь волости въ теченіе времени съ 1890 по 1892 г. на 2000—3000 дес.!).

Цыфры землевладѣнія частнаго—не крестьянскаго, т. е. свѣдѣнія о количествѣ земель другихъ сословныхъ группъ въ предѣлахъ волости, тоже большею частію переписываются изъ года въ годъ приблизительно однѣ и тѣже по издавна—неизвѣстно правильно или неправильно—собраннымъ о нихъ даннымъ, такъ какъ общая площадь частныхъ земель въ районѣ волости, какъ само собою понятно, остается обыкновенно неизмѣнной. Отъ времени до времени, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ усмотрѣнія и желанія волостныхъ писарей, въ свѣдѣнія эти вводятся тѣ или другія, бóльшія или меньшія измѣненія относительно состава владѣльцевъ (перемѣняющагося благодаря переходамъ частныхъ земель изъ рукъ въ руки). Если при перепискѣ для отчетнаго года свѣдѣній предыдущаго года волостной писарь случайно или не случайно узнаетъ, или припомнитъ о происшедшемъ переходѣ того или иного владѣнія въ другія руки и при этомъ сочтетъ нужнымъ собрать о немъ болѣе точныя справки и занести въ записываемыя данныя, то въ прежнія свѣдѣнія вводится поправка. Если же этого не случится, то они остаются безъ измѣненія или же исправляются въ томъ или иномъ отношеніи «для видимости», наобумъ, благо, полная безконтрольность его работы предоставляетъ волостному писарю возможность дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Доказательствомъ такой полной безконтрольности работы волостныхъ статистиковъ и въ этой области статистическихъ данныхъ можетъ служить нижеприводимое сопоставленіе, особенно характерное именно для юго-западнаго края, гдѣ принимаются, какъ извѣстно, особыя мѣры къ сокращенію польскаго землевладѣнія, гдѣ послѣднее и дѣйствительно сокращается (тѣмъ болѣе, что поляки покупать земли здѣсь не могутъ) и гдѣ, благодаря этому, ведется спеціальный подсчетъ землямъ польскаго владѣнія. И вотъ, сравненіе данныхъ «Памятной книжки» за 1895 г. съ оффиціальными же данными, приведенными въ помянутой работѣ офицеровъ генеральнаго штаба за 1896 г., (т. е. до выхода послѣдняго закона, предоставляющаго полякамъ - земледѣльцамъ покупать земли мелкими участками), къ удивленію, приводитъ

къ тому, что за годъ количество земли у поляковъ (въ одномъ изъ уѣздовъ—Радомысльскомъ) *увеличилось (?)* съ 144.496 до 150.389 дес., т. е. ни много, ни мало—на 5893 десятины, и при томъ—что тоже интересно—одновременно съ *уменьшеніемъ общаго количества земли въ уѣздѣ* (!)—съ 778.285 дес. до 775.118, т. е. на 3167 дес.

Нѣчто въ родѣ этого мы видимъ въ томъ же Радомысльскомъ уѣздѣ при сравненіи данныхъ о количествѣ пастбищныхъ земель по «Обзору» 1898 г. съ таковыми же данными по «списку насел. мѣстъ» за 1896 г., изъ которыхъ оказывается, что за эти 2 года количество пастбищныхъ земель уменьшилось будто бы въ этомъ уѣздѣ на 39.400 дес. (а въ Сквирскомъ уѣздѣ на 7461 д., въ Бердичевскомъ на 3315 и т. д.).[1] Вообще, если бы явилось желаніе иллюстрировать сказанное новыми примѣрами такихъ статистическихъ фокусовъ и недочетовъ, то не потребовалось бы особаго труда введеніемъ новыхъ примѣровъ удвоить размѣры настоящей статьи.

Данныхъ о фактическихъ—и часто весьма въ дѣйствительности значительныхъ—перемѣнахъ въ составѣ угодій по землямъ частныхъ владѣльцевъ ежегодно не собирается, такъ что представляемыя по начальству «вѣдомости» по этому вопросу содержатъ обыкновенно свѣдѣнія о составѣ угодій не даннаго, а какого то прошлаго времени, среди которыхъ одна часть показаній въ дѣйствительности относится къ одному году, другая—къ другому и т. д.

—

Въ прилагаемыхъ къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ «Обзорахъ» губерній, какъ извѣстно, ежегодно проставляются данныя о размѣрахъ посѣвовъ различныхъ хлѣбовъ и о сборахъ таковыхъ за каждый отчетный годъ. При составленіи такихъ свѣдѣній о размѣрахъ посѣвовъ мѣстные органы руководствуются обыкновенно не данными какихъ либо спеціальныхъ подворныхъ опросовъ или пе-

---

[1]) Вѣроятнѣе всего, что такая разница произошла отъ различнаго пониманія доставлявшими эти свѣдѣнія термина—«пастбищныя земли»: одни могли зачислить сюда только земли, служащія лишь для выпаса, другіе—и лѣса, служащіе для выпаса и т. д.

реписей (которые и не производятся), а главнымъ образомъ тѣмъ собственнымъ приблизительнымъ представленіемъ объ обычныхъ размѣрахъ засѣвовъ, которое имѣется у мѣстныхъ должностныхъ лицъ (т. е., главнымъ образомъ, волостныхъ писарей), составляющихъ эти «свѣдѣнія». Какъ мѣстные жители, чины волостныхъ правленій, обыкновенно имѣютъ уже извѣстное представленіе о томъ, какого хлѣба крестьяне сѣютъ больше, какого меньше и какого еще меньше—и сообразно этому въ требуемыя вѣдомости, на основаніи тоже обычнаго представленія о среднихъ размѣрахъ высѣвовъ извѣстныхъ хлѣбовъ на единицу посѣвной площади, проставляются «приблизительныя» цыфры произведенныхъ посѣвовъ. Разница въ размѣрахъ высѣвовъ—въ зависимости отъ степени состоятельности хозяевъ, отъ качества почвы засѣваемыхъ земель, отъ самаго качества зерна, какъ равно и разница по отдѣльнымъ хозяйствамъ въ зависимости отъ наличности тѣхъ или другихъ сѣмянъ въ данное время, или въ силу предпочтенія ими однихъ хлѣбовъ другимъ и т. п.—въ разсчетъ тутъ, конечно, не принимается, такъ какъ цыфры ставятся огуломъ по общему представленію, «приблизительно». Надо замѣтить также, что при этомъ, для опредѣленія приблизительной площади посѣва тѣхъ или другихъ хлѣбовъ, обыкновенно принимается за норму обычный въ волости—большею частію трехпольный—сѣвооборотъ, и цыфра пахатной земли у крестьянъ дѣлится для всѣхъ селеній ровно на три части, независимо отъ случаевъ отступленій отдѣльныхъ хозяевъ отъ трехпольнаго сѣвооборота, случаевъ засѣва ими части толоки (пара), оставленія ими части земли безъ посѣва по недостатку сѣмянъ, вслѣдствіе запозданія съ посѣвомъ, ради отдыха землѣ и т. п. Если такія свѣдѣнія—при условіи, конечно, правильности имѣющагося у данныхъ волостныхъ чиновъ представленія о среднихъ обычныхъ посѣвахъ—и могутъ иногда болѣе или менѣе приближаться къ дѣйствительности, хотя бы въ поволостныхъ итогахъ, гдѣ сглаживаются и компенсируются особенности и отступленія, имѣющія мѣсто въ отдѣльныхъ селеніяхъ, то гдѣ же критерій, при помощи котораго можно отличить поволостные итоги менѣе близкіе къ истинѣ отъ тѣхъ, которые соста-

влены совсѣмъ наобумъ, какъ попало? А съ другой стороны, какимъ образомъ подобные итоги даже при наибольшей ихъ близости къ средней обычной дѣйствительности могутъ дать матеріалъ для правильнаго сужденія объ измѣненіи посѣвовъ во времени? Правда, и въ нихъ иногда вносятся извѣстныя поправки на измѣненіе площадей того или другого посѣва, когда такое измѣненіе бросится почему либо въ глаза своею безусловною очевидностью, массовою распространенностью. Напр., въ годы, слѣдующіе за неурожаями тѣхъ или иныхъ хлѣбовъ, когда чинамъ волостного правленія извѣстно, что зерна такого то хлѣба въ данный годъ останется для посѣва приблизительно на половину, или на треть противъ обычнаго количества, волостное правленіе, на основаніи этихъ своихъ общихъ соображеній, вноситъ соотвѣтственныя, по усмотрѣнію своему, поправки къ цыфрамъ прошлогодней вѣдомости, дабы не получить упрека въ завѣдомой невѣрности данныхъ. Но такія поправки вносятся обыкновенно только при массовыхъ, бросающихся въ глаза, отступленіяхъ отъ нормальнаго обычнаго порядка.

Слѣдовательно, при условіи даже болѣе или менѣе значительнаго приближенія цыфръ по данной волости къ средней обычной дѣйствительности, по нимъ не выведешь всетаки правильнаго заключенія о постепенномъ ходѣ измѣненій посѣвной площади во времени. Помимо того, даже степень приблизительности этихъ крупныхъ поправокъ на массовыя, бьющія въ глаза отступленія, какъ оказывается весьма нерѣдко зависитъ отъ степени желанія волостныхъ чиновъ представить свои вѣдомости въ наименѣе возбуждающемъ сомнѣнія видѣ: «сойдетъ или не сойдетъ»?— вотъ самый существенный для нихъ вопросъ въ этомъ дѣлѣ. И въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ непремѣнно «сойдетъ», потому что необходимаго контроля нѣтъ и критики нѣтъ и только явно несуразныя, чрезмѣрно бьющія въ глаза вещи подвергаются иногда сомнѣнію, при чемъ, будучи возвращены для исправленія, тоже измѣняются по усмотрѣнію, благо имѣется полная увѣренность, что никто и никогда не будетъ свѣрять ихъ съ дѣйствительностью.

При обычномъ ходѣ дѣла соблюдается лишь главное условіе, чтобы цыфры отчетнаго года не были буквальнымъ повтореніемъ предыдущаго, такъ какъ тутъ наименѣе вѣроятно, что дѣло «сойдетъ» благополучно. И цыфры поэтому измѣняются. А способъ измѣненія двоякій. Или писарь прямо наобумъ замѣнитъ ихъ другими, конечно, не слишкомъ различествующими отъ первыхъ (потому что рѣзкая разница можетъ тоже вызвать сомнѣніе и запросъ), или писарь обратиться къ старшинѣ, либо къ какому нибудь иному изъ сельскихъ и волостныхъ чиновъ съ вопросомъ въ родѣ: [1])

— А что, Иванъ Ивановичъ, нонѣ вѣдь наши, кажется, поменьше противъ прежняго овса посѣяли?

— Овса то?.. А стало быть что такъ... Потому какъ сѣмянъ нонѣ у многихъ не было хорошихъ, да и цѣны на него, вишь, эти годы нѣтъ тоже настоящей...

— А много ли?..

— Чего это?

— Да много ли, говорю, меньше противъ прежняго?

— А дюже, братъ ты мой! Поди на половину, иль на треть, пожалуй!...

— И по всей волости?

— Во всей ли, нѣтъ ли,—какъ въ той сторонѣ волости навѣрное не знаю, а только въ нашемъ то углу—ужъ это вѣрно!

— Такъ, какъ писать то, скажешь, половину, что ли?..

— Да ужъ пиши тамъ какъ нибудь, примѣрно... Половину ли, иль какъ?!. Вѣдь развѣ ихъ сочтешь у всѣхъ домохозяевъ!..

— Ну, а замѣстъ овса чего же сѣяли?— Снова интересуется писарь, видя необходимость, параллельно съ пониженіемъ цыфры овсяного посѣва, повысить посѣвъ чего нибудь другого изъ яровыхъ.

И старшина опять соображаетъ, какъ оно «примѣрно» было,— чего у нихъ посѣяли побольше, чего поменьше.

---

[1]) Передаю разговоръ слышанный мною въ одной изъ великорос. губерній.

Если относительно размѣровъ посѣвовъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ волостныя правленія, при желаніи и имѣя болѣе или менѣе близкое знакомство съ крестьянскимъ хозяйствомъ, могутъ дать хотя сколько нибудь приблизительныя свѣдѣнія, то о помѣщичьихъ земляхъ и этого нельзя сказать. Свѣдѣнія этого рода составляются ими (для «обзоровъ», «памятныхъ книжекъ» и пр.) еще болѣе «приблизительныя». Въ большинствѣ случаевъ они составляются тоже довольно упрощеннымъ способомъ: приблизительное количество владѣльческой пашни дѣлится преимущественно на три же поля—яровое, озимое, паръ.

Не слишкомъ значительныя фактическія отступленія отъ этого обыкновенно или остаются волостному правленію неизвѣстными, или въ расчетъ, въ видахъ упрощенія свѣдѣній, округленія цыфръ и во избѣжаніе хлопотъ съ нарочитыми объ этомъ справками, во вниманіе не принимаются. При наличности же болѣе замѣтныхъ крупныхъ отклоненій по отдѣльнымъ имѣніямъ соотвѣтственныя цыфры или проставляются приблизительно, по разспросамъ живущихъ близко, или бывавшихъ, напр., работавшихъ тамъ крестьянъ, или же—въ лучшихъ, но рѣдкихъ случаяхъ—послѣ «приблизительнаго» опроса управляющаго или даже и самого землевладѣльца (обыкновенно съ предупрежденіемъ: «намъ вѣдь это такъ—*только для статистики... для свѣдѣнія—приблизительно*»). Но и этотъ «опросъ» прямо зависитъ только отъ усмотрѣнія и усердія волостного писаря;—если онъ не захочетъ, то «вѣдомость» «обойдется и безъ этого».

Относительно обычныхъ среднихъ размѣровъ высѣва (на единицу посѣвной площади) сѣмянъ того или иного хлѣба у частныхъ владѣльцевъ, сравнительно съ крестьянами, чины волостного правленія (и даже урядники) тоже имѣютъ извѣстное представленіе («извѣстно, господа всегда высѣваютъ поменьше крестьянскаго: ржи на 1—2½ пуда, пшеницы тоже, а ежели еще сѣялкою, да при томъ и рядовою, то...» и т. д.). И сообразуясь съ этимъ своимъ представленіемъ объ обычныхъ высѣвахъ, они вычисляютъ размѣры посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ. Хотя свѣдѣнія этого рода требуются и по имѣніямъ дворянъ изъ русскихъ и

поляковъ, и о земляхъ духовенства, купцовъ, однодворцевъ, почетныхъ гражданъ, мѣщанъ, чиншевиковъ, и пр., при чемъ весь этотъ разнообразный людъ можетъ вести хозяйство по своему, но все это обыкновенно подводится подъ одну общую мѣрку.

—

При составленіи «свѣдѣній» о размѣрахъ урожаевъ различныхъ хлѣбовъ волостныя правленія тоже обыкновенно руководствуются своими общими представленіями о приблизительномъ урожаѣ ихъ района, при чемъ, по усмотрѣнію и желанію, дополняютъ и исправляютъ ихъ путемъ разспросовъ, «при случаѣ», приходящихъ въ волостное правленіе крестьянъ, сельскихъ старостъ, но бываетъ, что и нарочито вызываютъ для этого старостъ тѣхъ или другихъ селеній. Тѣмъ же способомъ проставляются въ «вѣдомости» и свѣдѣнія объ урожаяхъ хлѣбовъ у помѣщиковъ; но бываетъ всетаки, что волостные чины (или, если пожелаютъ, и сами г. г. урядники) ѣздятъ для этого и по имѣніямъ. Однако весьма нерѣдко свѣдѣнія этого рода даются экономіями неохотно, «лишь бы отвязаться»;—отвѣчаютъ, напр., на вопросы такъ: «пиши хоть 50 пуд., хоть 100, мнѣ все равно» и т. п. А затѣмъ показанія подобнаго рода по выводѣ изъ нихъ итоговъ для цѣлыхъ уѣздовъ и губерній приводятся въ «обзорахъ» какъ матеріалъ для вывода заключеній объ «обезпеченности населеніи сборомъ отъ собственнаго урожая» и пр. и пр.!

И еслибы еще урожайность дѣйствительно опредѣлялась въ пудахъ на десятину! На самомъ же дѣлѣ ее почему то издавна уже требуютъ опредѣлять въ весьма неудобной формѣ «самъ» (самъ сколько), устраняющей возможность правильнаго сравненія урожаевъ и по мѣстностямъ и по хозяйствамъ различныхъ типовъ. Дѣло въ томъ, что размѣры высѣвовъ однихъ и тѣхъ же растеній измѣняются не только въ зависимости отъ почвенныхъ, климатическихъ и т. п. мѣстныхъ особенностей, но и въ зависимости отъ способа посѣва рукою, разбросною сѣялкою или рядовою, а также и отъ принадлежности хозяйствъ къ тому или иному типу (въ крестьянскихъ хозяйствахъ при прочихъ равныхъ условіяхъ высѣвъ на десятину обыкновенно боль-

шій, чѣмъ въ помѣщичьихъ) и отъ самаго даже качества сѣмянъ (посѣвъ плохими сѣменами дѣлается гуще, чѣмъ хорошими). А вѣдь урожай самъ-семь отъ 8 пудовъ высѣва (56) далеко не то, что тотъ же урожай самъ-семь отъ 10 пудовъ высѣва (70); разница же высѣва на десятину въ 1—2 пуда для многихъ яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ составляетъ весьма обычное явленіе даже для земель одной и той же мѣстности.

Любопытно, что при такомъ способѣ опредѣленія урожаевъ могутъ, какъ оказывается получаться результаты, опровергающіе всѣ вѣроятныя предположенія о возможныхъ обычныхъ размѣрахъ высѣвовъ. Такъ, напр., въ «Обзорѣ» Кіевской губ. за 1898 г. на засѣвъ 115163 дес. земли подъ гречу потребовалось 954994 пуда сѣмянъ ея, т. е. въ среднемъ на десятину высѣвалось по $8^1/_3$ пуда, тогда какъ средній высѣвъ гречи на десятину въ Кіевской губ. 6—7 п., и максимальный не превышаетъ 8. Еще болѣе странный выводъ получился для проса: на 154257 десятинахъ посѣяно 580112 пуд. его, т. е. по 3, 8 (почти по четыре) пуда на десятину, тогда какъ обычный высѣвъ его не превышаетъ 2 пудовъ! [1]).

Нельзя также не обратить вниманія на способъ подсчета данныхъ о сборѣ хлѣбовъ. «Степень урожая» всѣхъ яровыхъ и (отдѣльно) всѣхъ озимыхъ складывается въ кучу и выводится въ видѣ какой то средней для губерніи степени урожая, по которой и опредѣляется общій сборъ яровыхъ и общій сборъ озимыхъ по губерніи. Такимъ образомъ, эта какая-то обстрактная средняя, служащая базисомъ для дальнѣйшихъ затѣмъ выводовъ объ «обезпеченности населенія» и пр. слагается какъ изъ обычныхъ самъ 6—8 овса и самъ 7—10 гороха, такъ и изъ столь же обычныхъ самъ 20—25 проса, цыфровая комбинація которыхъ мо-

---

[1]) Замѣчательно, что такіе недосмотры встрѣчаются даже въ такомъ «Обзорѣ» за 1898 годъ, какъ только что названный, отличающійся отъ прочихъ весьма выгодно литературнымъ изложеніемъ, большею обстоятельностью и стремленіемъ придать его выводамъ возможную научную обоснованность.

жетъ, конечно, дать итогъ весьма далекій отъ дѣйствительной средней урожая яровыхъ въ данномъ году. При этомъ названная средняя выводится изъ чисто механическаго огульнаго соединенія столь различныхъ по своему значенію, назначенію и цѣнности сельскохозяйственныхъ растеній, какъ овесъ, пшеница, горохъ и т. д.

Выведенными изложеннымъ путемъ итогами сборовъ яровыхъ, озимыхъ и картофеля обыкновенно и пользуются составители обзоровъ и памятныхъ книжекъ. Но пользуются весьма неудачно.

Обыкновенно берутъ цѣликомъ «абсолютное количество сбора хлѣбовъ», т. е. цыфру количества пудовъ озимыхъ или яровыхъ хлѣбовъ, собранныхъ по уѣздамъ или по всей губерніи въ валовыхъ итогахъ—и только; какъ будто какая нибудь цыфра въ 900 тысячъ четвертей ярового или озимаго, взятая безотносительно къ населенію и къ чему бы то ни было, можетъ дать какое бы то ни было представленіе о томъ, много это, или мало, достаточно или не достаточно, хорошо или худо. Правда, что въ Обзорахъ нерѣдко дѣлаются сравненія съ предыдущимъ временемъ, но къ сожалѣнію, обыкновенно только съ однимъ предыдущимъ годомъ [1]), который является по отношенію къ отчетному такимъ же случайнымъ, какъ и самъ отчетный годъ. И если бы еще при всемъ этомъ брались каждый разъ хоть вѣрные итоги выведенныхъ по уѣздамъ цыфръ, а то и это не всегда бываетъ. Напр., въ текстѣ Обзора Волынской губ. за 1898 г. невѣрно заключеніе Обзора, что озимаго собрано «болѣе на 912529 четвертей» такъ какъ, вмѣсто этой цыфры, должно стоять 813309 четвертей (разница на 99220 четвертей сравнительно съ данными въ таблицахъ того же обзора).

Бываетъ однако, хотя и рѣдко, что сравненіе данныхъ отчетнаго года о посѣвахъ и сборахъ хлѣбовъ по губерніи произ-

---

[1]) Обычная формула подобныхъ сравненій: «такимъ образомъ озимаго (или ярового, картофеля) собрано на (столько то) пудовъ болѣе (или менѣе) сравнительно съ прошлымъ годомъ».

водится и не только съ однимъ предыдущимъ годомъ. Такъ, въ одномъ изъ цитированныхъ Обзоровъ за 1898 г. мы находимъ, въ видѣ исключенія, даже цѣлую сравнительную таблицу данныхъ о количествѣ посѣвовъ ржи, пшеницы и картофеля за предыдущіе годы. Но и тутъ оказывается промахъ—только иного рода. Для сравненія берутся не группы годовъ, не извѣстные опредѣленные промежутки времени, а отдѣльные годы неизвѣстно по какимъ соображеніямъ вырванные изъ числа предшествующихъ отчетныхъ годовъ и при томъ даже безъ правильныхъ интерваловъ между ними. А тамъ же, рядомъ съ выводомъ сбора хлѣбовъ по формулѣ «самъ сколько», зачѣмъ то приводится таблица «средняго вѣса одной четверти хлѣбовъ» различныхъ названій въ данномъ году, назначеніе которой трудно уяснить, потому что среднія цыфры вѣса хлѣбовъ можно вообще получить въ любомъ сельскохозяйственномъ календарѣ. И это тѣмъ болѣе, что кромѣ голыхъ цыфръ «средняго вѣса» въ таблицѣ не приводится никакого иного сравненія, тогда какъ указаніе однородныхъ цыфръ за предыдущіе годы могло бы по крайней мѣрѣ дать матеріалъ для сужденія о степени легковѣсности или тяжеловѣсности зерна въ данномъ году (т. е. до нѣкоторой степени въ связи съ другими данными характеризовать урожай даннаго года) и т. д.

Всѣ подобные факты, конечно, указываютъ на неумѣнье статистическихъ комитетовъ пользоваться добытымъ матеріаломъ,—неумѣнье какъ критиковать, такъ и обрабатывать его; но объ этомъ будетъ еще сказано ниже.

Извѣстно, что часть свѣдѣній о посѣвахъ и сборахъ хлѣбовъ направляется непосредственно съ мѣстъ ихъ полученія (минуя Губернскіе Статистическіе Комитеты) въ Центральный Статистическій Комитетъ. Къ таковымъ принадлежатъ, между прочимъ, отвѣты, вписываемые въ вопросные бланки, присылаемые для разныхъ типовъ хозяйствъ. Что касается отвѣтовъ на эти бланки относительно трехъ типовъ крестьянскихъ хозяйствъ съ большимъ, среднимъ и малымъ надѣломъ, то отвѣты эти въ большинствѣ случаевъ стряпались тѣмъ же порядкомъ, который выясненъ выше. Помѣщики же должны были составлять эти отвѣты сами. Много

конечно, тутъ зависѣло отъ добросовѣстности и аккуратности отвѣчавшихъ и вообще отъ отношенія ихъ къ этой «статистикѣ», но не мало—и отъ выбора имѣній, по которымъ давались отвѣты. При ограниченности числа вопросныхъ листковъ по каждой волости весьма важно дѣлать правильный подборъ такихъ имѣній и удачный выборъ самихъ корреспондентовъ. Между тѣмъ подбора этого сдѣлать некому и потому дѣло сводилось часто прямо къ случаю и доставляемыя данныя находились въ полной отъ него зависимости. А между тѣмъ такая зависимость отъ случая можетъ имѣть у насъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что край нашъ отличается значительнымъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и что чрезвычайное разнообразіе въ самомъ составѣ лицъ, занимающихся у насъ сельскимъ хозяйствомъ (русскіе землевладѣльцы—мѣстные и пришлые; помѣщики—поляки; колонисты изъ нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ; старообрядцы; чиншевики и т. д.) довольно рѣзко отражается на строѣ ихъ хозяйствъ.

Изъ изложеннаго достаточно видно, насколько вообще не точна эта статистика посѣвовъ и урожаевъ, какъ мало она подвергается критикѣ и контролю и на мѣстахъ и при обработкѣ собранныхъ данныхъ, какъ примитивны пріемы собиранія этого рода свѣдѣній, къ улучшенію которыхъ не дается никакихъ указаній, не принимается никакихъ мѣръ.

—

Обратимся теперь поэтому къ другому отдѣлу оффиціальной статистики—къ статистикѣ скотоводства.

Это—тоже одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ, который страдаетъ значительною неточностью данныхъ. Если, какъ мы видѣли, недостаткомъ этимъ значительно страдаетъ даже статистика населенія, благодаря неудовлетворительной постановкѣ счисленія населенія, то по отношенію къ статистикѣ скотоводства въ этомъ уже нѣтъ ничего удивителънаго. И это тѣмъ болѣе, что счетъ скота обыкновенно связывается съ счисленіемъ населенія, производясь попутно и одновременно съ счетомъ послѣдняго. При этомъ волостное правленіе всегда хорошо помнитъ, что грубыя оплошности въ статистикѣ населенія—въ посемейныхъ, напр., спискахъ—мо-

гутъ еще быть замѣчены начальствомъ, а данныя о скотѣ всегда сойдутъ благополучно, лишь бы свѣдѣнія за данный годъ не были буквально похожи на предыдущій.

Для характеристики степени достовѣрности цыфръ этого рода возьмемъ свѣдѣнія изъ «Обзоровъ» хотя бы Волынской губ., за два различные года, въ теченіе которыхъ въ данныхъ мѣстностяхъ по сообщенію тѣхъ же Обзоровъ завѣдомо не было ни какихъ либо особыхъ перемѣнъ въ скотоводствѣ губерніи, ни болѣе или менѣе значительныхъ эпизоотій, и сравнимъ эти цыфровыя свѣдѣнія между собою.

Считалось лошадей въ:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе или уменьшеніе на: въ абс. ч.	въ %
Новоградволынск. у.	61542	72328	+10786	+17%
Заславскомъ у.	77632	68445	— 9187	—12%

Считалось рогатаго скота:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе на: въ абс. ч.	въ %
Кременецкомъ у.	36403	49592	+13189	+36%

Считалось овецъ простыхъ:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе на: въ абс. ч.	въ %
Кременецкомъ у.	48887	64491	+15604	+32%

Считалось тонкорун. овецъ:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе или уменьшеніе на въ абс. ч.	въ %
Острогскомъ у.	12389	7794	— 4695	—38%
Владиміроволынск. у.	23283	18839	— 4444	— 8%
Луцкомъ у.	9244	17418	+ 8174	+ 89%

Считалось свиней:

	въ 1897 г.	1898 г.	Увеличеніе или уменьшеніе на: въ абс. ч.	въ %
Зсславскомъ у.	30753	21579	— 9174	—30%
Дубенскомъ у.	18405	39398	+20993	+110%

Считалось козъ въ:	1897 г.	1898 г.	Увеличеніе на: въ абс. ч.	въ %
Новоградволынск. у.	121	2455	+ 2334	+1080%

Данныя «Обзоровъ» Подольской губ., относящіеся къ годамъ, въ которыхъ тоже, по отзывамъ самихъ обзоровъ, не было особыхъ перемѣнъ въ состояніи скотоводства, указываютъ, напр., такія колебанія цыфръ: въ Винницкомъ уѣздѣ судя по цыфрамъ, количество овецъ съ 1887 г. по 89 г. якобы уменьшилось на 17000 головъ и затѣмъ съ 1889 по 1890 г. еще на 7000,—всего на 24000; въ Балтскомъ число лошадей уменьшилось съ 1887 по 1890 г. на 10000 гол., въ Гайсинскомъ уѣздѣ количество рогатаго скота съ 1887 по 1889 г. уменьшилось на 9000, а съ 1889 г. по 1890, наоборотъ, увеличилось болѣе чѣмъ на 10000, какъ и число овецъ, уменьшившись сначала на 8000, увеличилось затѣмъ на 11000. Одновременно въ Ушицкомъ уѣздѣ число овецъ сначало упало сразу на 18000, а потомъ увеличилось на 3000, а въ Каменецкомъ съ паденія на 15000 перешло къ повышенію свыше чѣмъ на 8000, въ то время какъ въ Литинскомъ уѣздѣ цыфра рогатаго скота, увеличившись болѣе чѣмъ на 10000 головъ, затѣмъ упала на 4000, а въ Брацлавскомъ цыфра лошадей, увеличившись на 6000, понизилась затѣмъ болѣе, чѣмъ на 4000.

Такого рода колебанія цыфръ, выражаясь въ *тысячахъ* головъ скота, происходя въ очень краткіе промежутки времени и составляя при этомъ значительный процентъ къ цыфрѣ наличнаго скота ($^1/_5$, $^1/_3$ и болѣе), если бы они происходили въ дѣйствительности, должны были бы сказаться весьма серьезными и нерѣдко при томъ очень тяжелыми послѣдствіями на скотоводствѣ данныхъ мѣстностей, еслибы они происходили въ дѣйствительности. Но въ тѣхъ же, «Обзорахъ», въ главахъ объ эпизоотіяхъ, отдѣльно приводятся цыфры скота, павшаго въ тѣхъ или другихъ частяхъ губерніи отъ эпизоотическихъ заболѣваній и цыфры эти выражаются только какими нибудь сотнями головъ по губерніи, или группамъ уѣздовъ. Слѣдовательно, еслибы констатированныя выше измѣне-

нія въ численности скота въ сторону его уменьшенія происходили отъ эпизоотій, то они были бы въ полномъ противорѣчіи съ данными главы объ эпизоотіяхъ. Съ другой стороны, если уже «обзоры» отмѣчаютъ результаты заболѣваній, выражающіеся мелкими цыфрами, то трудно предположить, чтобы они проглядѣли столь крупныя послѣдствія эпизоотій... Такъ или иначе, но разъ текстъ «обзоровъ» въ главѣ скотоводства констатируетъ въ общемъ ненарушимость состоянія скотоводства, а цыфры говорятъ совершенно иное, то или текстъ, или цыфры рѣзко отступаютъ отъ истины. А такъ какъ для составленія текста о состояніи той или иной отрасли народнаго хозяйства въ губерніи составители обзоровъ и памятныхъ книжекъ руководствуются главнымъ образомъ сообщеніями мѣстныхъ властей, излагаемымы въ ихъ бумагахъ (представленіяхъ, рапортахъ и т. д.), независимо отъ «статистическихъ» цыфръ о скотоводствѣ и проч., то, очевидно, что отступленіе отъ истины обыкновенно заключается главнымъ образомъ именно въ цыфрахъ. Цыфры пляшутъ на бумагѣ, по усмотрѣнію волостныхъ писарей, становыхъ и исправниковъ, а составители оффиціальныхъ статистическихъ изданій пользуются ими безъ критики, безъ провѣрки. Полное отсутствіе времени на такую провѣрку и усвоенное большинствомъ шаблонно-рутинное отношеніе къ такимъ цифрамъ приводитъ къ тому, что всѣ эти цыфры въ огромномъ большинствѣ случаевъ переписываются цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ пришли съ мѣстъ и, ничтоже сумняшася, отдаются въ печать. Не печатать же «статистическое» изданіе безъ цыфръ, не сидѣть же надъ провѣркой и критикой этихъ цыфръ, когда, съ одной стороны, что ни напечатай, все равно никто не замѣтитъ, а съ другой—и главное—сколько ни найди ошибокъ, сколько ни возвращай матеріалъ обратно для исправленія, все равно нѣтъ никакого, рѣшительно никакого критерія для удостовѣренія въ вѣрности новоприсланныхъ данныхъ, никакой возможности фактической ихъ провѣрки. Изъ за чего же стараться, ради чего хлопотать?

Но рядомъ съ приведенными недочетами, въ названныхъ статистическихъ изданіяхъ попадаются и другіе—по этому же

отдѣлу. Вотъ, въ «Обзорѣ» Волынской губ. за 1898 г. показана цыфра скота по губерніи—3170305; въ эту цыфру сведены всѣ роды и виды и возрасты скота, какія въ губерніи имѣются: говоря яснѣе, она выражаетъ собою, что въ Волынской губ. въ 1898 году было 3170305 лошадей, коровъ, телятъ, жеребятъ, быковъ, воловъ, овецъ простыхъ, овецъ тонкорунныхъ, ягнятъ, свиней и поросятъ. Цыфра, конечно, солидная, но прежде всего, совершенно ничего не выражающая, ни къ чему ненужная, лишенная всякаго смысла, недопустимая статистической наукою. Къ счастію, дальше приводятся и цыфры разныхъ родовъ скота отдѣльно и даже съ вычисленіемъ среднихъ скота на единицу населенія въ итогѣ для всей губерніи. Но какое значеніе имѣетъ такое среднее при той прямо громадной разницѣ въ состояніи, условіяхъ и значеніи скотоводства, какое наблюдается въ различныхъ частяхъ этой губерніи, напр., съ одной стороны, въ Волынскомъ полѣсьѣ, а съ другой въ южной части губерніи, смежной съ Подоліею?! Я уже не говорю о желательности расчлененія скотоводства крестьянскаго и владѣльческаго, находящихся тоже въ неодинаковыхъ условіяхъ, а вѣдь цыфра владѣльческаго скота включена въ итогъ по губерніи и повысила, такимъ образомъ среднюю на населеніе, выразивъ среднюю обезпеченность скотомъ главной массы населенія (т. е. крестьянъ) болѣе крупною цыфрою, чѣмъ это есть въ дѣйствительности!

Надо замѣтить еще, что вычисленіе этихъ среднихъ обыкновенно ограничивается опредѣленіемъ средней разныхъ родовъ скота лишь по отношенію къ населенію—на сто жителей; дальше этого дѣло обыкновенно уже не идетъ.

Сказаннымъ на столько достаточно выяснены главнѣйшіе недочеты статистики скотоводства какъ въ отношеніи качества данныхъ, такъ и въ отношеніи полнаго неумѣнья ихъ обработывать, что возможно перейти къ слѣдующему отдѣлу.

—

Остановимся—всего только на одну минуту—на данныхъ о сѣнѣ, благо, этотъ продуктъ имѣетъ такую близкую связь съ скотоводствомъ.

Способъ собиранія на мѣстахъ свѣдѣній объ урожаѣ сѣна тотъ же, что и объ урожаѣ хлѣбовъ. При обработкѣ этихъ данныхъ въ «Памятныхъ книжкахъ» и «Обзорахъ» обыкновенно приводятся: валовой итогъ сбора сѣна въ пудахъ по губерніи, или въ поуѣздныхъ итогахъ, указаніе «средняго сбора сѣна (въ пудахъ) на десятину» и сравненіе съ сборомъ предыдущаго года. О такого рода сравненіяхъ съ случайнымъ предыдущимъ годомъ говорилось уже выше—по поводу урожаевъ хлѣбовъ. Что касается вышеуказанныхъ среднихъ (на десятину) и валовыхъ итоговъ сбора, то они сами по себѣ не даютъ никакого представленія о степени обезпеченности мѣстнаго скота сѣннымъ кормомъ, въ виду того, что въ цыфрахъ этихъ отсутствуетъ какое бы то ни было сопоставленіе съ данными, могущими характеризовать размѣры потребности скота въ кормѣ. Характернымъ тому примѣромъ можетъ служить «Обзоръ» Волынской губ. за 1898 г. Въ немъ тоже имѣются (на стр. 3) эти валовые итоги и огульныя вычисленія, а вслѣдъ за цыфрами (но уже на стр. 10) приведены въ текстѣ и нѣкоторыя свѣдѣнія, выясняющія степень достаточности кормовыхъ средствъ для наличнаго скота. Именно, по отзывамъ предводителей дворянства оказывается, что сѣна не вездѣ хватитъ для прокормленія наличнаго скота. Такимъ образомъ, сами составители «Обзора» не пользуются своими цыфрами, а дѣлаютъ выводы на основаніи сообщеній лицъ, совершенно чуждыхъ дѣлу собиранія и сводки статистическихъ данныхъ. Да иначе и невозможно, потому что если даже обратиться къ этимъ цыфрамъ (на стр. 3), уже зная это заключеніе о недостаткѣ сѣна (на стр. 10), то и послѣ этого они ничуть не дѣлаются яснѣе и остаются прежними мертвыми цыфровыми знаками, не имѣющими смысла.

Нечего и говорить, что въ этихъ цыфрахъ отсутствуетъ также и раздѣленіе данныхъ о сборѣ сѣна на владѣльческихъ и на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, что было бы необходимо каждый разъ указывать въ виду значительнаго различія между этими двумя категоріями въ состояніи скотоводства и въ степени обезпеченности какъ скотомъ, такъ и самими сѣнокосами.

Такимъ образомъ, обычная, производимая по издавна усвоенному шаблону, «обработка» данныхъ объ урожаяхъ сѣна должна быть признана и неумѣлою и ничего не выясняющею.

—

Волостныя правленія обязаны ежегодно представлять по вопросу о цѣнахъ на рабочій трудъ вѣдомость «о цѣнахъ на рабочія руки: на довольствіи нанимателя и на довольствіи нанимающагося—во время посѣва хлѣбовъ, во время сѣнокоса, во время уборки хлѣбовъ, въ годъ и въ лѣто» по обычнымъ рубрикамъ: «поденная: работнику съ лошадью, работнику пѣшему, работницѣ», «помѣсячная: работнику и работницѣ» и «годовая: работнику и работницѣ».

Прежде чѣмъ указать на способы составленія этихъ вѣдомостей, остановимся на характеристикѣ заключающихся въ нихъ свѣдѣній (что и будетъ уже до извѣстной степени характеризовать самые способы собиранія этихъ данныхъ).

Возьмемъ для образца тотъ же «Обзоръ» Волынской губ., 1898 г. Въ «вѣдомости» средняя годовая плата рабочему на его харчахъ по Дубенскому уѣзду указана въ 170 р., работницѣ 80 р. на ея харчахъ. Мы—мѣстные жители—хорошо знаемъ, что у насъ ни въ Дубенскомъ уѣздѣ, ни вообще въ краѣ такой платы простому рабочему не бываетъ; такъ платятъ только «приказчикамъ» въ имѣніяхъ; наконецъ, сравненіе съ однородными данными той же вѣдомости по другимъ уѣздамъ убѣждаетъ въ томъ, что цыфра эта для Дубенскаго уѣзда почти удвоена, а уѣздъ этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ смежныхъ съ нимъ. Слѣдовательно, цыфры эти просто невѣрны. Въ томъ же уѣздѣ по-десятинная плата показана на своихъ харчахъ 5 р., на хозяйскихъ—2 р. 50 к.; но такой разницы не бываетъ: расходъ на харчи у насъ въ нормальное время никогда не достигаетъ стоимости работы; самое бѣглое сравненіе съ данными по другимъ уѣздамъ той же губерніи (и по той же вѣдомости) вполнѣ убѣждаетъ въ этомъ. По той же губерніи въ Ровенскомъ уѣздѣ работникъ съ лошадью получаетъ въ посѣвъ 1 р. 20 к. на своихъ харчахъ и 55 к. на хозяйскомъ содержаніи; такой разницы, какъ знаемъ мы—мѣст-

ные жители,—ни въ Ровенскомъ, ни въ другихъ уѣздахъ никогда не бываетъ, никто и нигдѣ у насъ не слыхалъ, чтобы въ обычное время (а годъ былъ по урожаю нормальный) харчи стоили дороже работы и обходились 55 к. въ день. Въ этомъ убѣждаетъ и сравненіе съ данными той же вѣдомости по другимъ уѣздамъ.

Посмотримъ теперь, какъ собираются на мѣстахъ свѣдѣнія этого рода.

Чины волостного правленія и сельскіе старосты, въ качествѣ мѣстныхъ жителей, приблизительно знаютъ обыкновенно мѣстныя цѣны, почему они и не признаютъ надобности производить для этого спеціальный объѣздъ селеній и опросъ населенія,—«что знаешь, то и записываешь, а не знаешь самъ—спроси у старшины, у того или другого старосты—вотъ и готово!» Задача, такимъ образомъ, рѣшается легко и просто,—«для вѣрности» надо бы только разспросить обстоятельнѣе.

На дѣлѣ, однако, выходитъ не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, у каждаго волостного писаря есть другое дѣло, болѣе отвѣтственное требующее бо́льшей точности и вниманія и поглощающее массу времени, во-вторыхъ, если и не разспросить какъ слѣдуетъ, а проставить «свѣдѣнія» эти «такъ», «приблизительно», то, безъ сомнѣнія дѣло обойдется тоже вполнѣ благополучно, тѣмъ болѣе что никому отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. Въ третьихъ, за массой дѣла, всегда почти срочнаго, [1]) постоянно отвлекаемому другими дѣлами, волостному писарю не трудно и забыть или перепутать только что собранныя разспросомъ, но еще толкомъ не записанныя имъ данныя, особенно если самъ онъ хозяйства не ведетъ и потому «этихъ дѣлъ не знаетъ», или недавно еще служитъ въ волости. Такимъ образомъ, тутъ многое зависитъ отъ случая, отъ степени добросовѣстности, отъ желанія дать точныя свѣдѣнія. Можно просто переписать цыфры преды-

---

[1]) Кто знакомъ съ дѣлопроизводствомъ волостныхъ правленій, тотъ знаетъ какъ охотно и часто всѣ начальства требуютъ отъ нихъ срочнаго и спѣшнаго исполненія порученій и какая масса «срочныхъ свѣдѣній» лежитъ на ихъ обязанности.

дущаго года, нѣсколько видоизмѣнивъ ихъ по усмотрѣнію, «для видимости»—разницы ради, а въ будущемъ году измѣнить такимъ же путемъ цыфры этого года и т. д. И такъ можно дѣлать не только по недостатку времени, но и при наличности послѣдняго, потому что все это «ни къ чему», все это «и такъ сойдетъ», потому что «и другіе такъ дѣлаютъ», потому что «проставь свѣдѣнія хоть самыя вѣрныя—*тамъ* ихъ все равно не отличатъ отъ невѣрныхъ—не выдѣлятъ, не поблагодарятъ, не наградятъ за стараніе—такъ изъ за чего же стараться!» Такова откровенно высказанная точка зрѣнія на это дѣло волостныхъ писарей, которою и обусловливается самое положеніе дѣла. Пріемы собиранія свѣдѣній не указаны—способъ ихъ собиранія предоставленъ вполнѣ усмотрѣнію волостного писаря, контроля нѣтъ, вознагражденія, наградъ не полагается—стараться, очевидно, не изъ за чего!

—

Свѣдѣнія о промыслахъ, числѣ промышленниковъ и ремесленниковъ всегда значительно ниже дѣйствительности. Собираются они или опросомъ сельскихъ старостъ, или—рѣже—опросомъ кого либо изъ самихъ ремесленниковъ, въ увѣренности, что каждый ремесленникъ извѣстной спеціальности долженъ интересоваться собратіями по ремеслу и поэтому лучше всякаго другого знать число ихъ въ окрестностяхъ. Всѣ этого рода данныя обыкновенно не вѣрны, вслѣдствіе неточности сообщаемыхъ этими ремесленниками и доставляемыхъ старостами свѣдѣній—и главнымъ образомъ вслѣдствіе обычнаго у населенія и у мѣстныхъ должностныхъ лицъ отношенія къ этому вопросу. Дѣло въ томъ, что промышленникомъ или ремесленникомъ они считаютъ большею частью лишь такихъ лицъ, которые живутъ только даннымъ промысломъ, или ремесломъ. Остальныя же, занимающіеся даннымъ промысломъ, какъ подсобнымъ, напр., къ земледѣлію занятіемъ,—занимающіеся имъ отъ времени до времени, а также и лица, знающія данное ремесло не вполнѣ удовлетворительно («Какой онъ сапожникъ! только слава, что сапожникъ—ему только латки латать!»), хотя бы они и жили главнымъ образомъ отъ этого ремесла, «на-

стоящими» промышленниками, «настоящими» ремесленниками обыкновенно не считаются ни въ глазахъ крестьянъ, ни въ глазахъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ. И промышленники такого рода въ счетъ обыкновенно не ставятся.

Изъ «Обзоровъ» Волынской губ. за 1897 и 1898 г.г. можно видѣть, какіе необыкновенные прыжки дѣлаютъ «статистическія» цыфры этого отдѣла оффиціальной статистики. По свѣдѣніямъ главы о ремесленномъ производствѣ въ губерніи было:

	въ 1897 г.	въ 1898 г.	Прыб. или убыло: въ абс. ч.	въ %
Мастеровъ, рабоч. и учениковъ:	52826	71050	+18224	+34%
Между тѣмъ тогда же было цѣховыхъ:	4593	2330	—2263	—49%

т. е. ремесленное производство будто-бы за одинъ годъ дало (судя по верхнимъ цыфрамъ) громадное паденіе общаго числа ремесленниковъ въ 34%—болѣе чѣмъ на $^1/_3$ прежняго своего размѣра. Но въ тоже время, судя по цыфрамъ нижняго ряда, оно—въ лицѣ цѣховыхъ—дало, наоборотъ, громадное уменьшеніе—почти на половину—противъ своего прежняго количества. Оба ряда, очевидно, другъ другу совершенно противорѣчатъ, такъ что не знаешь чему вѣрить, чему не вѣрить, или ужъ ничему не вѣрить. И, однако—что тоже характерно—въ текстѣ мы не находимъ ни объясненія этихъ паденій и повышеній, ни разъясненія этого противорѣчія: текстъ составленъ опять независимо отъ цыфръ, приведенныхъ въ этомъ текстѣ!

Упомянемъ кстати, что далѣе въ томъ же «Обзорѣ» имѣются такія данныя, долженствующія служить къ характеристикѣ фабрично-заводскаго производства въ губерніи:

	въ 1897 г.	въ 1898 г.	Прыб. или убыло: въ абс. ч	въ %
Фабрикъ и заводовъ:	1912	1323	—589	—30%
Сумма ихъ производства (въ рубляхъ).	1674022	18647212	+1907190	+11%

Опять цыфры находятся, видимо, во взаимномъ противорѣчіи, такъ какъ уменьшеніе числа фабрикъ и заводовъ почти на $^1/_3$ приводитъ не къ уменьшенію, а къ значительному увеличенію суммы ихъ производства (на 11% или почти на два милліона рублей). Тамъ же параллельно приводятся другія цыфры, свидѣтельствующія, наоборотъ, что увеличеніе въ числѣ извѣстнаго рода промышленныхъ предпріятій ведетъ къ уменьшенію ихъ производительности:

	въ 1897 г.	въ 1898 г.	Прыб. или убыло: въ абс. ч.	въ %
Мельницъ	390	426	+36	+ 9%
Производительность ихъ въ рубляхъ	3818184	3431737	—386447	—10%

при чемъ это уменьшеніе производительности мельницъ (т. е., слѣдовательно, уменьшеніе помола) происходитъ при условіи повышенія урожая хлѣбовъ (см. тотъ же «Обзоръ») сравнительно съ предыдущимъ (1897) годомъ!

По «Обзорамъ» за 1890—91 г.г. оказывается, что въ то время какъ въ Волынской и Подольской губ. имѣлось 90 и 449 гончарныхъ заведеній, въ Кіевской таковыхъ не имѣлось на всю губернію ни одного, и это не смотря на то, что гончарныя произведенія ежедневно привозились въ Кіевъ на базары изъ его окрестностей. [1]) По этимъ же «Обзорамъ» 1890—91 г.г. въ то время какъ по первымъ 2 губерніямъ числилось 3116 и 4011 мельницъ разнаго рода, по Кіевской ихъ считалось всего 162—цыфра, совершенно невѣроятная, какъ по сравненію съ предыдущими двумя, такъ и въ виду полнаго противорѣчія съ дѣйствительностью: стоитъ поѣхать на прогулку по Днѣпру, чтобы съ парохода насчитать отъ нечего дѣлать на кіевскомъ берегу почти половину той цыфры однѣхъ только вѣтряныхъ мельницъ, которая сосчитана въ «Обзорѣ»

---

[1]) По «Статистич. Обозрѣнію» И. Н. Толмачева въ 2 селеніяхъ одного только Радомысльск. у. Кіевской губ. гончарнымъ производствомъ занимается постоянно 18 дворовъ.

по цѣлой губерніи. Интересно однако отмѣтить при этомъ, что, несмотря на только что сказанное о ней, цыфра обзора Кіевской губ., обозначающая число мельницъ въ ней (162) въ тоже время можетъ быть и близка къ дѣйствительности—и вотъ съ какой точки зрѣнія. Суть въ томъ, что оффиціальная статистика въ извѣстныхъ случаяхъ регистрируетъ лишь наиболѣе крупныя производства (въ размѣрѣ отъ 2000 р. въ годъ или съ числомъ рабочихъ свыше 16 человѣкъ). Слѣдовательно, можетъ быть, въ данномъ случаѣ столь рѣзкая разница цыфръ по смежнымъ губерніямъ произошла не вслѣдствіе одной ихъ неточности, а вслѣдствіе главнымъ образомъ или даже исключительно того, что въ одномъ случаѣ приняты къ учету всѣ или большая часть мельницъ, а въ другомъ только мельницы съ извѣстнымъ размѣромъ производства, почему вышеприведенныя цыфры, въ сущности, вѣроятно даже не сравнимы между собою. Бѣда тутъ именно въ томъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ «Обзорѣ» не указано, всѣ ли и если не всѣ, то какого рода мельницы приняты въ каждомъ данномъ случаѣ къ учету. И въ этомъ тоже заключается одинъ изъ обычныхъ и весьма распространенныхъ недостатковъ разработки статистическаго матеріала нашими статистическими комитетами [1])—что они, по неумѣнью съ нимъ обращаться и по незнакомству съ элементарными статистическими пріемами обработки обыкновенно (не говоря уже объ отсутствіи критики матеріала) никогда почти не указываютъ предѣловъ статистическаго наблюденія.

—

Остановимся еще на одномъ изъ обычныхъ отдѣловъ, разрабатываемыхъ оффиціальною статистикою, именно на отдѣлѣ свѣдѣній о натуральныхъ повинностяхъ. Свѣдѣнія этого рода основываются—во многихъ, по крайней мѣрѣ, волостяхъ—на записяхъ отбытыхъ очередей, дѣлаемыхъ въ особыхъ, для этой цѣли заведенныхъ, книгахъ. Сіи послѣднія въ волостяхъ, гдѣ нѣтъ сельскихъ писарей, а такихъ въ юго-западномъ, напр., краѣ большинство,—ведутся при волостномъ правленіи, и свѣдѣнія, въ нихъ включаемыя, доставляются

[1]) И не юго-западнаго только края.

правленію (устно) сельскими старостами. Но послѣдніе бываютъ въ волостномъ правленіи далеко не ежедневно и приходя въ правленіе разъ или два въ недѣлю, уже не могутъ, полагаясь на одну свою память, сообщить точныя свѣдѣнія о числѣ всѣхъ лицъ, отбывавшихъ за истекшее время и подводную, и дорожную и караульную и всѣ другіе виды натуральныхъ повинностей. Если это, какъ оказывается, нерѣдко случается даже при веденіи названныхъ книгъ самими сельскими управленіями—когда бываетъ, что и староста и сельскій писарь все-таки забываютъ (или лѣнятся) аккуратно вписать въ книгу всѣ отбытыя за день натуральныя очереди, или же староста на другой день уже не можетъ припомнить, сколько именно человѣкъ фактически отбывало наканунѣ каждую повинность,—то при веденіи этихъ книгъ въ волостномъ правленіи всѣ такого рода случаи становятся прямо неизбѣжными. При томъ же и тутъ на каждомъ шагу приходится имѣть дѣло съ чисто формальнымъ отношеніемъ къ веденію такой статистики: для требуемаго начальствомъ заполненія книги записываются очереди безусловно фактивныя. Напр., для каждаго дня года аккуратно записывается въ книгу число лицъ, отбывавшихъ по наряду ночные караулы въ каждомъ селеніи волости, хотя въ дѣйствительности никто на эти караулы не выходитъ, такъ какъ ночные караулы соблюдаются только въ дни пріѣзда въ деревню урядника или иного начальства. А между тѣмъ впослѣдствіи этимъ цыфрамъ подводятся итоги (да еще какія точныя: съ опредѣленіемъ стоимости натуральныхъ повинностей по губерніи съ точностью до копѣекъ включительно!), и изъ нихъ дѣлаются выводы о размѣрахъ натуральныхъ повинностей въ уѣздахъ, въ губерніяхъ, въ цѣломъ краѣ и составляются соображенія объ относительной ихъ точности, о дѣйствительномъ значеніи для населенія и пр., и пр.!

Л. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

Въ 1886 году Кіевская 2-я гимназія должна была отпраздновать 50-тилѣтіе своего существованія, и намъ извѣстно, что она готовилась къ этому торжеству, что уже проектъ празднованія былъ утвержденъ въ министерствѣ и что даже опредѣлены были юбилейные дни. Какія причины заставили черезъ нѣсколько времени отложить на неопредѣленный срокъ празднованіе юбилея, объ этомъ пока мы не станемъ говорить подробно, а скажемъ только, что все это дѣло отсрочки возникло по недоразумѣнію, въ которомъ впослѣдствіи правдивый судъ исторіи разберется со всей объективностью и, конечно, признаетъ, что черезчуръ много было удѣлено вниманія мелочамъ и что одновременно съ этимъ слишкомъ много было внесено страстности въ это дѣло со стороны покойнаго попечителя округа С. П. Голубцова. Къ этому юбилею 2-ой кіевской гимназіи учитель исторіи Н. С. Тумасовъ готовилъ большой трудъ, въ которомъ хотѣлъ представить обзоръ всѣхъ выдающихся моментовъ жизни гимназіи, характеризуя одновременно съ этимъ и общее теченіе въ направленіяхъ учебно-воспитательнаго дѣла въ краѣ, въ связи съ оцѣнкой личностей, стоявшихъ во главѣ учебнаго округа. Такимъ образомъ, предполагалась, собственно говоря, не исторія одного учебнаго заведенія въ теченіе 50 лѣтъ его существованія, но исторія учебно-воспитательнаго дѣла въ нашемъ краѣ за тотъ-же періодъ. Къ сожалѣнію, трудъ Н. С. Тумасова не появился въ печати, хотя

намъ достовѣрно извѣстно, что онъ былъ вполнѣ законченъ. Еще къ бóльшему сожалѣнію трудъ этотъ въ бóльшей своей части исчезъ и въ рукописи,—по крайней мѣрѣ, послѣ смерти автора, въ его бумагахъ не оказалось ея. Въ настоящее время сыну покойнаго Н. С. Тумасова удалось разыскать нѣсколько первыхъ главъ этого труда, которыя и предоставлены въ распоряженіе нашей редакціи. Мы охотно удѣляемъ мѣсто этимъ главамъ на страницахъ нашего журнала, разсчитывая, во 1-хъ, сдѣлать общедоступными тѣ талантливо составленные очерки изъ жизни первыхъ лѣтъ Кіевской 2-й гимназіи, которые принадлежатъ перу высоко цѣнившагося современниками педагога и вообще человѣка, и во 2-хъ, попытаться вызвать у людей, знающихъ, гдѣ находится полный текстъ рукописи, желаніе подѣлиться своими свѣдѣніями съ нами, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность напечатать всю исторію Кіевской 2-ой гимназіи въ теченіе перваго пятидесятилѣтія ея существованія.

Считаемъ своимъ долгомъ, по поводу печатаемыхъ теперь главъ, сказать нѣсколько словъ и объ авторѣ ихъ, Никифорѣ Степановичѣ Тумасовѣ, безвременно сошедшемъ въ могилу 14 лѣтъ тому назадъ.

Н. С. Тумасовъ, окончивъ курсъ по историко-филологическому факультету въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1863 году назначенъ былъ младшимъ учителемъ въ Немировскую гимназію, откуда въ томъ-же году былъ перемѣщенъ на должность старшаго учителя исторіи въ Черниговскую гимназію. Черезъ годъ онъ переходитъ, согласно своему желанію, младшимъ учителемъ географіи въ Кіевскую 2-ую гимназію, т. к. всѣ стремленія его были посвятить себя научнымъ работамъ, для которыхъ провинціальныя гимназіи, особенно 40 лѣтъ назадъ, были мало отвѣчающими нуждамъ научнаго труда. Пишущій эти строки имѣлъ счастіе въ тѣ годы быть ученикомъ Н. С. Тумасова, талантъ котораго, какъ учителя, развернулся во всей полнотѣ черезъ пять лѣтъ, когда онъ въ 1870 году занялъ во 2-ой гимназіи должность учителя исторіи. Не бывъ уже въ эти годы его ученикомъ, мы не можемъ передать нашихъ непосредственныхъ впечатлѣній

о его урокахъ, но знаемъ со словъ его бывшихъ учениковъ, что уроки исторіи были всегда отдыхомъ для учащихся, особенно, если принять во вниманіе, что установленная съ начала 70-хъ годовъ, въ очень рогатой формѣ, классическая система предмету исторіи удѣлила мало мѣста, въ значительной степени съузивъ рамки самого предмета. Раньше нами было сказано, что Н. С. Тумасовъ стремился изъ провинціи въ Кіевъ ради занятій науками, и дѣйствительно, въ эти годы пребыванія здѣсь онъ успѣлъ выдержать магистерскій экзаменъ и защитилъ въ 1872 г. диссертацію подъ заглавіемъ: «Историко-юридическій бытъ русскаго крестьянства». Обладая, такимъ образомъ, обширными познаніями и даромъ живого, увлекательнаго слова, Н. С. Тумасовъ вносилъ въ мертвящую скуку обильнаго классицизма въ гимназіи оживляющее начало. Сверхъ того, будучи человѣкомъ, носившимъ въ душѣ своей идеалы всего чистаго и разумнаго, онъ умѣлъ и учащихся располагать къ добрымъ порывамъ. Этимъ и объясняется, что онъ за все время служенія своего въ Кіевской 2-й гимназіи, въ теченіе 20 лѣтъ, съумѣлъ пріобрѣсть полное уваженіе и любовь къ себѣ со стороны учащихся и признаніе его громадныхъ педагогическихъ заслугъ со стороны ближайшихъ руководителей школы. Сверхъ преподаванія въ гимназіи, Н. С. Тумасовъ, благодаря своимъ ученымъ работамъ, съ 1873 года получилъ мѣсто штатнаго доцента древней исторіи въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ и преподавалъ этотъ предметъ въ теченіе 11 лѣтъ. Такъ, можно сказать, блистательно проходили годы педагогической дѣятельности Н. С. Тумасова вплоть до начала 1886 года, когда онъ, по распоряженію попечителя округа С. П. Голубцова, былъ неожиданно для него переведенъ учителемъ-же исторіи въ Полтавское Реальное Училище. Конечно, оставаться въ Полтавѣ на долгій срокъ онъ не разсчитывалъ, а поѣхалъ туда только впредь до пріисканія себѣ болѣе удовлетворительнаго служебнаго положенія. Черезъ полъ-года Н. С. Тумасовъ получилъ уже мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ онъ сталъ желаннымъ преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Но недолго пришлось ему поработать въ столицѣ: слабое здоровье его, послѣ

не разъ бывшаго и раньше воспаленія легкихъ, не выдержало въ Петербургскомъ климатѣ еще одного рецидива этой болѣзни, и онъ скончался 23 декабря 1887 года, оплакиваемый безчисленнымъ множествомъ его учениковъ, сослуживцевъ и почитателей.

ВВЕДЕНІЕ.

До 1836 года въ Кіевѣ существовала только одна гимназія—нынѣшняя 1-я. Само собою разумѣется, что она не въ силахъ была удовлетворить научнымъ стремленіямъ всего, подроставшаго тогда, юнагѳ поколѣнія, особенно послѣ той участи, которой въ 1832 году подверглось школьное дѣло на обширномъ пространствѣ юго-западнаго края. Мы подразумѣваемъ закрытіе училищъ, состоявшихъ при римско-католическихъ монастыряхъ, вызванное старымъ споромъ двухъ родственныхъ племенъ. Когда силою оружія споръ этотъ наконецъ разрѣшился, тотчасъ приступлено было къ анализу свершившагося факта, и анализъ показалъ, что школы, организованныя въ юго-западномъ краѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, служили колыбелью началъ, враждебныхъ русской государственной централизаціи, и были разсадниками польско-шляхетскаго патріотическаго энтузіазма. О томъ, каково было воспитаніе въ этихъ училищахъ, мы можемъ судить по отзыву людей вполнѣ компетентныхъ, людей, стоявшихъ къ нимъ очень близко и имѣвшихъ возможность присмотрѣться къ нимъ очень хорошо. Такъ, тогдашній Министръ Народнагѳ просвѣщенія въ докладной запискѣ Государю Императору прямо заявляетъ, что училища эти «вредны по вліянію» и что взамѣнъ ихъ необходимо «завести другія, болѣе полезныя» [1]). Въ томъ же смыслѣ высказался первый Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа [2]). Господствующее направленіе въ этихъ училищахъ отличалось, по его словамъ,

---

[1]) Сбор. Пост. по М. Н. Пр. т. II, ч. 1, стр. 392.

[2]) Кіев. Учебн. Ок. учрежденъ 9 Декабря 1832 г. См. доп. къ Сбор. Пост.

«вполнѣ монашескимъ характеромъ» [1]), при чемъ его замѣчаніе должно быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: какъ монастырская дисциплина и какъ католическо-польское направленіе. Такія заявленія не позволяли сомнѣваться въ томъ, что въ областяхъ, отторгнутыхъ отъ Польши, нужна новая постановка учебно-воспитательнаго дѣла, постановка скорая и рѣшительная. Еще 4 Апрѣля 1831 года «Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: 1) Чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія и въ особенности Попечитель Бѣлорусскаго Учебнаго Округа приложили всевозможное стараніе къ скорѣйшему исполненію имѣющихся предположеній о постепенномъ уничтоженіи духовныхъ училищъ при римско-католическихъ монастыряхъ и о преподаваніи на русскомъ языкѣ наукъ въ долженствующихъ замѣнить оныя свѣтскихъ училищахъ, имѣя постоянною цѣлью направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными Россіянами и, 2) чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія принимало постоянно тѣ же мѣры и въ отношеніи училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, гдѣ исполненіе оныхъ будетъ тѣмъ легче и успѣшнѣе, что бóльшая часть народонаселенія сихъ губерній состоитъ изъ природныхъ Россіянъ» [2]). На основаніи Высочайшей воли немедленно было приступлено къ упраздненію римско-католическихъ монастырей, и школъ, при нихъ состоявшихъ; недвижимыя имѣнія, принадлежавшія имъ, были конфискованы, а доходы съ нихъ обращены на открытіе и содержаніе училищъ свѣтскихъ [3]). Вновь открываемыя училища должны были радикально измѣнить всю систему образованія въ юго-западномъ краѣ. «Общая наша обязанность, писалъ Министръ Попечителямъ, состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе совершалось въ духѣ православія, самодержавія и народности». Такимъ образомъ новое направленіе противопола-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Рус. Арх. 1875 г. ст. 273; Каменецъ-Подольская гимназія — Михалевича.

[3]) Сбор. пост. т. II, ч. 1, стр. 403 и 571.

галось прежнему, основанному на католицизмѣ, конституціи и польской національности. Раньше другихъ заведены были свѣтскія школы въ Бѣлоруссіи, а потомъ уже въ Кіевскомъ Учебномъ Округѣ. Тогдашній Кіевскій Генералъ-Губернаторъ, графъ Левашевъ, вошелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ проектомъ, построеннымъ на весьма широкихъ для того времени основаніяхъ: онъ предполагалъ открыть во всѣхъ губерніяхъ, находившихся подъ его управленіемъ, по одному училищу въ каждомъ уѣздномъ городѣ и по два приходскихъ въ каждомъ уѣздѣ, такъ, чтобы число ихъ простиралось до 72 [1]). Попечитель же Округа фонъ-Брадке настаивалъ на необходимости открыть еще въ Кіевѣ другую гимназію, такъ какъ одной для такого города было недостаточно.

Разработка обоихъ проектовъ въ подробностяхъ и вообще дальнѣйшая дѣятельность по открытію 2-й гимназіи принадлежитъ тогдашнему директору Кіевской 1-й гимназіи Петрову, который, какъ видно изъ черновыхъ листковъ, сохранившихся въ архивѣ 2-й гимназіи, съ большимъ усердіемъ занимался этимъ вопросомъ. Открытіе гимназіи, пріисканіе для нея помѣщенія, устройство въ ней учебной части, снабженіе ея учебными пособіями и т. д.— все это почти исключительно лежало на немъ. Наконецъ къ Январю 1836 г. все было приготовлено. Сначала 2-я гимн. продполагалась на Подолѣ, но потомъ, за неимѣніемъ въ этой части города подходящаго помѣщенія, рѣшено было устроить ее въ другомъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью былъ пріобрѣтенъ участокъ земли подлѣ Михайловскаго монастыря, противъ строившагося тогда римско-католическаго костела, и на немъ предполагалось воздвигнуть гимназическое зданіе; но для постройки его не оказалось нужныхъ средствъ. Тогда Попечитель Округа обратился съ просьбою къ гражданскому начальству пригласить жителей Кіева, не согласятся-ли они своими пожертвованіями содѣйствовать достиженію предположенной цѣли [2]). На сдѣланный вызовъ собрано было по

---

[1]) Дѣло объ открытіи 2-ой гимн. № 17.

[2]) Эти, равно какъ и нѣкоторыя другія, свѣдѣнія извлекаемъ изъ труда бывшаго директора 2-й гимназіи Слѣпушкина: «Первые годы Кіев. 2-й гимн.» 1872 г.

подпискѣ 16,535 р. асс., 36 р. с. и одинъ червонецъ; но въ эту сумму входило 1000 р., пожертвованныхъ графинею Браницкою, 300 р. Е. Ф. Лопухиной и 15,000 р., вырученныхъ за мѣсто, принесенное гимназіи въ даръ генералъ-маіоромъ Бѣгичевымъ и уступленное гимназіею для Института Благородныхъ Дѣвицъ. Такимъ образомъ количество остальныхъ пожертвованій не доходило и до 300 р. Очевидно было, что и на всю собранную сумму воздвигнуть гимназію нельзя, тѣмъ болѣе, что изъ денегъ, вырученныхъ за пожертвованіе Бѣгичева, тотчасъ-же было употреблено на первоначальное обзаведеніе гимназіи 3113 р. Оставалось до лучшаго времени помѣститься въ частномъ домѣ, и для гимназіи былъ нанятъ двухъ-этажный домъ генерала Гербеля противъ дворцоваго сада (вблизи Фундуклеевскаго фонтана). Плата за наемъ этого дома произведена была не на счетъ государственнаго казначейства, а изъ суммы трехъ старшихъ учителей [1]), которыхъ предполагалось не назначать въ первомъ году, такъ какъ въ этомъ году открывалось только четыре низшихъ класса. Одновременно съ заботою объ отысканіи и обезпеченіи для гимназіи удобнаго помѣщенія, шелъ вопросъ объ ассигнованіи штатной суммы на содержаніе личнаго состава и на учебно-вспомогательныя пособія при ней, о преподавателяхъ и ученикахъ, а также о предметахъ гимназическаго курса. Дальнѣйшее устройство гимназическаго дѣла было предоставлено будущему. Что касается штатовъ, то на содержаніе 2-й гимназіи было ассигновано изъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ въ 1832 году римско-католическихъ монастырей 31,000 р. асс. [2]).

Ассигновать сумму было легко. Не стоило никакого труда дать новому учебному заведенію и учащихся: классы 1-й гимназіи, особенно низшіе, до того переполнены были учениками, что перевести часть ихъ во 2-ю гимназію значило освободить

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1835 г. ч. 6 (Отчетъ Министра). По разсчету, произведенному Петровымъ, эта сумма составляла 4777 р. 50 к. (см. Дѣло объ открытіи 2-й гимн. № 17).

[2]) Сбор. Пост. т. II, отд. 1. (Штаты и приложенія).

одну гимназію отъ лишняго бремени, а другой сразу дать возможность функціонировать. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ первый мѣсяцъ по открытіи число учащихся во 2-й гимназіи дошло до такой цифры, до которой едва-ли доходила какая-нибудь гимназія Россійской имперіи при своемъ зарожденіи. Такъ, уже къ 1 Февраля 1836 года въ ней было 246 учениковъ, а въ концѣ гражданскаго года число ихъ возросло до 354, изъ коихъ 308 поступило изъ 1-й гимназіи. Раздѣливъ это число на 5 классовъ (5-й классъ открылся съ началомъ слѣдующаго учебнаго года), получимъ среднюю величину класса въ 70 человѣкъ. Такое скопленіе учащихся, внушавшее серьезныя опасенія за успѣшность преподаванія и надзора, скоро было устранено открытіемъ на Печерскѣ уѣзднаго училища [1]), куда и переведено было изъ трехъ низшихъ классовъ 2-й гимназіи 105 учениковъ [2]).

Не особеннаго труда стоилъ и подборъ педагогическаго персонала. Такъ, до пріисканія директора для новой гимназіи временное завѣдываніе ею поручено вышеупомянутому Петрову. Личный составъ гимназіи на первый разъ образовался слѣдующимъ образомъ:

а) *Инспекторомъ* назначенъ былъ инспекторъ Черниговской гимназіи *А. К. Зейдлицъ*.

б) *Законоучителями:* 1) православнаго исповѣданія—кандидатъ Кіевской Духовной Академіи *А. Я. Синицынъ,* 2) римско-католическаго—кандидатъ богословія *І. В. Стейгвилло*.

в) *Старшими учителями:* 1) Русской Словесности и Логики — учитель Житомирской гимназіи, студентъ Харьковскаго Университета *В. А. Унтиловъ*; 2) Русскаго языка—дѣйствительный студентъ Педагогическаго Института *З. Ѳ. Коробкинъ*; 3) Математики—учитель 1-й гимназіи, дѣйствительный студентъ Педагогическаго Института *Н. М. Гренковъ*; 4) Латинскаго языка—

---

[1]) Училище это открыто 20 Ноября 1836 г.

[2]) См. Отчетъ за 1836 г., актовую записку 1837 г. и «Первые годы 2-й гимн.» Слѣпушкина.

И. Н. Пилянкевичъ; 5) Греческаго языка—воспитанникъ Смирнской гимназіи высшихъ наукъ *И. Н. Іеропесъ.*

г) Младшими учителями: 1) Нѣмецкаго языка—воспитанникъ Вѣнскаго Университета *А. А. Шеневе*; 2) Французскаго языка *А. О. Козелли;* 3) Географіи и въ помощь прочимъ учителямъ—воспитанникъ Духовной Академіи *В. М. Лисовскій*, и наконецъ 4) чистописанія и рисованія—воспитанникъ Харьковскаго Коллегіума *И. Я. Краснокутскій* [1]).

д) Первыми надзирателями были: *І. Д. Урсо*, бывшій учитель Лицея князя Безбородко, занимавшійся въ Университетѣ св. Владиміра обученіемъ фехтованью, *А. О. Козелли*—учитель гимназіи, и отставной капитанъ *Бондзкевичъ.*

е) Почетнымъ Попечителемъ былъ назначенъ отставной гвардіи полковникъ *В. В. Монтрезоръ»* [2]), изъ формулярнаго списка коего видно, что онъ былъ польскій дворянинъ, получившій домашнее образованіе.

Не такъ легко было справиться съ постановкой учебныхъ предметовъ въ открываемой гимназіи. Хотя въ вооруженной схваткѣ съ русскимъ правительствомъ Поляки и проиграли, но нисколько не проиграли они въ общественномъ положеніи своемъ: на ихъ сторонѣ по прежнему оставался перевѣсъ какъ умственныхъ, такъ и экономическихъ силъ края. Вліяніе ихъ было еще слишкомъ велико для того, чтобы не внять голосу, раздававшемуся изъ ихъ среды. Вотъ почему, когда поднялся вопросъ о предметахъ гимназическаго курса во 2-й гимназіи, встрѣтилось весьма серьезное затрудненіе, созданное польскимъ языкомъ—ввести или не ввести его въ систему гимназическаго образованія. За польскій языкъ, если не въ обѣихъ, то по крайней мѣрѣ въ 1-й гимназіи, стояли: почетный попечитель графъ Ильинскій, Педагогическій Совѣтъ 1-й гимназіи, Университетъ св. Владиміра и наконецъ

---

[1]) Мѣста старшихъ учителей математики и физики, латинскаго языка, исторіи и статистики остались до времени, какъ сказано выше, вакантными.

[2]) «Первые годы 2-й гимназіи»—Слѣпушкина.

самъ Попечитель Округа, «въ виду того (какъ выразилась 1-я гимназія), что часто встрѣчается нужда въ языкѣ польскомъ живущимъ и служащимъ въ этомъ краѣ и оправдывается состояніемъ польской литературы, заслуживающей вниманія каждаго образованнаго человѣка». Противъ этого мнѣнія вооружался одинъ только Петровъ. Въ своемъ представленіи онъ доказывалъ, что «прибавленіе излишняго противъ Устава предмета едва-ли будетъ совмѣстно съ преподаваніемъ всего въ Уставѣ положеннаго и что если въ Бѣлорусскомъ штатѣ есть польскій языкъ, то онъ тамъ занялъ мѣсто греческаго», который включенъ въ число учебныхъ предметовъ будущей 2-й гимназіи.

Хотя доводы за польскій языкъ, какъ предметъ гимназическаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, сами по себѣ были мало убѣдительными, тѣмъ не менѣе фонъ-Брадке нашелъ возможнымъ войти съ представленіемъ къ министру въ благопріятномъ для поляковъ духѣ. Ходатайство его однакожъ не увѣнчалось успѣхомъ. Убѣжденія Уварова сошлись на этотъ разъ съ убѣжденіемъ Петрова.

Когда, такимъ образомъ, было уже все подготовлено, 8 января 1836 г. послѣдовало наконецъ открытіе 2-й гимназіи, получившей названіе *губернской*, потому что директору ея поручено было завѣдываніе всѣми училищами губерніи, какъ уѣздными, такъ и приходскими.

Въ теплой церкви Михайловскаго монастыря, по просьбѣ директора, совершена была литургія викаріемъ Кіевской митрополіи, Владиміромъ. На литургіи присутствовали: попечитель, учащіе и учащіеся 2-й гимназіи. Послѣ назидательнаго слова Епископа о страхѣ Божіемъ, воспитанники и служащіе отправились въ нанятой домъ, куда въ 11 ч. прибыли: генералъ-губернаторъ графъ Гурьевъ, генералъ-адъютантъ Кайсаровъ, попечитель Округа фонъ-Брадке, комендантъ Турчаниновъ, и. долж. губернатора Пенкинъ, проректоръ и профессоры Университета и, наконецъ, преосв. Владиміръ. Совершивъ молебствіе и окропивъ классы новой гимназіи святою водою, онъ благословилъ учащихся ъ ней иконою Спасителя. Затѣмъ прочтена была записка объ

обстоятельствахъ, предшествовавшихъ открытію гимназіи, и о ея учрежденіи, а въ заключеніе учитель Словесности Унтиловъ произнесъ рѣчь «*Объ успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи*». Слава въ вышнихъ Богу и народный гимнъ закончили собою торжество.

Новооткрытая гимназія должна была начать жизненную дѣятельность свою, сообразуясь съ Уставомъ гимназій 8 декабря 1829 г. Прежде, однако, чѣмъ познакомимся съ этимъ Уставомъ, который служитъ точкою отправленія при изображеніи полувѣковой жизни 2-й гимназіи, считаемъ нужнымъ, во 1-хъ, указать источники, изъ которыхъ почерпнуты свѣдѣнія, помѣщаемыя въ настоящемъ трудѣ, и во 2-хъ, поставить тѣ вопросы, которыми опредѣляется содержаніе его. Начнемъ съ источниковъ. Самымъ главнымъ источникомъ былъ для насъ архивъ 2-й гимназіи. Къ сожалѣнію, при пользованіи этимъ, безспорно самымъ важнымъ изъ всѣхъ источниковъ, находившихся въ нашемъ распоряженіи, встрѣтились неожиданныя и часто даже непреодолимыя препятствія. Не смотря на самую строгую аккуратность при его просмотрѣ, мы не могли найти въ немъ довольно значительнаго числа документальныхъ данныхъ, каковы, напр., общія и частныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ (за нѣсколько лѣтъ), годовые отчеты о состояніи гимназіи (также за нѣсколько лѣтъ) и друг. Спѣшимъ оговориться. Это не значитъ, что архивъ находится въ безпорядкѣ, нѣтъ: главная причина исчезновенія разныхъ документовъ произошла отъ того, что въ продолженіе 20 лѣтъ гимназія не имѣла собственнаго помѣщенія и по необходимости должна была переходить изъ дома въ домъ [1]), при

[1]) Такъ первоначально одна часть ея (первыя отдѣленія) помѣщалась вблизи царскаго сада въ д. Гербеля, а другая (вторыя отдѣленія) въ Липкахъ въ д. Коробкина, потомъ въ д. Киселевскаго и Верхаловскаго на Крещатикѣ, затѣмъ парал. отдѣленія переведены были въ д. Матросова, отсюда въ д. Иржикевича, послѣ въ д. Головни; потомъ она перешла въ выстроенное для нея зданіе нынѣшней 1-й гимназіи, потомъ, когда по волѣ Имп. Николая Павловича, въ этомъ зданіи были помѣщены (въ 1851 г.) неранжированныя роты Кадет-

чемъ очень естественно и неминуемо должна была произойти потеря разныхъ бумагъ, весьма пригодныхъ для ея исторіи; да и тогда, когда она перешла въ нынѣшнее помѣщеніе, архивъ ея не оставался въ покоѣ: нѣсколько разъ онъ переносился съ одного мѣста на другое. Не менѣе важное затрудненіе, испытанное нами при разборѣ архивнаго матеріала, состояло въ невозможности довѣряться статистическимъ исчисленіямъ, на которыхъ построены старые отчеты о состояніи гимназіи. По отчетамъ этимъ нельзя составить себѣ точнаго представленія ни объ умственномъ и нравственномъ состояніи заведенія, ни даже о численномъ составѣ учащихся. Такъ напр., въ отчетѣ за 1840 годъ показано неуспѣвшихъ учениковъ въ цѣлой гимназіи всего 15, тогда какъ по общимъ вѣдомостямъ въ одномъ IV классѣ ихъ значится 15, а во всѣхъ остальныхъ 44. И такихъ примѣровъ не мало. Невѣрность показаній вынудила наконецъ попечителя князя Давыдова сдѣлать за это директорамъ замѣчанія [1]). Очень вѣроятно, что дефекты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, могли-бы быть пополнены архивнымъ матеріаломъ канцеляріи Попечителя Округа, но пользоваться имъ, по недостатку времени и силъ, мы не могли.

Другой важный источникъ, къ которому необходимо было обратиться, это—Сборникъ постановленій и распоряженій по Мин. Нар. Пр. вмѣстѣ съ дополненіями къ нему. Затѣмъ слѣдовало пересмотрѣть Журналъ М. Нар. Пр. за всѣ годы, начиная съ 1835-го, всѣ печатные циркуляры по управленію Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ, и наконецъ въ извѣстной степени воспользоваться пособіями, относящимися къ исторіи просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Таковы: капитальный трудъ Лукашевича, извѣстныя сочиненія В. Шульгина, Исторія Университета св. Владиміра Буданова,

---

скаго корпуса, она помѣстилась въ д. Козлова. Подобно ей, блуждали, хотя и меньше, общія квартиры и канцелярія, при ней состоящія. И только въ 1856 году г. она нашла прочный пріютъ, въ которомъ и пребываетъ до настоящей поры.

[1]) См. окружное предложеніе отъ отъ 10 Мая 1845 г.

Каменецъ-Подольская гимназія Михалевича, Первые годы Кіевской 2-й гимназіи Слѣпушкина, Историко-Статистическое обозрѣніе 1-й гимназіи Андріяшева, Кіевская Старина, Русскій Архивъ и нѣк. другія.

Переходя теперь къ уясненію плана, по которому производилась настоящая работа, мы должны замѣтить, что жизнь и дѣятельность гимназіи не такъ проста, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Гимназія есть своего рода организмъ съ весьма сложными отправленіями и, какъ всякій организмъ, подчиняется всей совокупности вліяній какъ высшаго, такъ и низшаго порядка, дѣйствующихъ на него со всѣхъ сторонъ. Вліянія эти слѣдующія. 1) Прежде всего постановленія, исходящія отъ верховной власти, выполненіе которыхъ имѣетъ характеръ обязательный. Они даютъ тонъ и направленіе учебному заведенію, опредѣляютъ конечную цѣль его и ставятъ ему опредѣленныя требованія и задачи. 2) Распоряженія высшихъ органовъ административной власти, которыя въ подробностяхъ развиваютъ поставленныя верховною властью требованія, указываютъ на способы, наиболѣе подходящіе къ тому, чтобъ достигнуть намѣченныхъ результатовъ воспитанія и, вообще, имѣютъ высшій надзоръ за правильнымъ теченіемъ учебно-воспитательнаго дѣла; это—вліяніе на дѣятельность гимназіи со стороны Министра и Окружнаго Начальства. 3) Двумя этими вліяніями далеко еще не исчерпывается жизненный процессъ средняго учебнаго заведенія; многое еще зависитъ отъ личнаго характера, способностей, знаній и нравственнаго склада ближайшихъ исполнителей, а также отъ взаимнаго отношенія ихъ другъ къ другу, т. е. отъ директора, инспектора, педагогическаго персонала и низшаго педагогическаго надзора; отсюда возникаетъ необходимость дать себѣ отчетъ въ томъ, въ какой мѣрѣ эти лица своею дѣятельностью способствовали назначенію гимназіи, указанному свыше. Далѣе, въ 4) хотя учащіеся должны-бы, повидимому, составлять совершенно пассивный элементъ гимназіи, но этого на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ и быть не можетъ, во 1-хъ, потому, что они—живые люди, иногда удивительно разнообразные по темпераменту, на-

клонностямъ и особенностямъ, однимъ словомъ—отличающіеся каждый своею индивидуальностью, на которую нельзя не обращать вниманія, если желательно, чтобы средняя школа лучшимъ образомъ выполнила свою миссію; при томъ эти дѣти несутъ съ собой въ гимназію начала, пріобрѣтенныя ими въ семьѣ, а начала эти, какъ извѣстно, также весьма разнообразны. Въ 5) если съ одной стороны учебное заведеніе имѣетъ значеніе центра, испускающаго лучи образованія въ современное и грядущее поколѣніе людей, то съ другой стороны нельзя отвергать и того, что оно само находится подъ неотразимымъ дѣйствіемъ тѣхъ желаній, стремленій, тѣхъ идей и того нравственнаго склада, которые въ данный моментъ представляетъ общество. Такъ или иначе, но общество зачастую заявляетъ требованія, которыя въ извѣстной мѣрѣ отражаются на жизни школы и, то помогая, то иногда вредя ей, сообщаютъ ей нерѣдко особенный колоритъ. Слѣдя поэтому за теченіемъ полувѣковой жизни Кіевской 2-й гимназіи, мы полагали, что необходимо прежде всего изобразить дѣятельность высшаго правительства и указать въ ней все то, что относится къ постановкѣ учебно-воспитательной части всѣхъ гимназій, въ томъ числѣ и 2-й Кіевской, потомъ представить характеристику ближайшихъ руководителей юношества и ихъ дѣятельность по отношенію ко 2-й гимназіи, за тѣмъ разсмотрѣть всѣ данныя, касающіяся успѣха и поведенія учениковъ, наконецъ указать, какое вліяніе на жизнь гимназіи производили разныя общественныя явленія.

Сообразно съ такою постановкою вопросовъ, мы раздѣлили свой трудъ на три отдѣла, изъ коихъ первый посвященъ обозрѣнію правительственныхъ постановленій и распоряженій, во второмъ—всесторонне разсматривается внутренняя жизнь 2-й гимназіи, а въ третьемъ—взаимное вліяніе другъ на друга гимназіи и общества.

Отдѣлъ I.

Мы сказали уже, что въ основаніе дѣятельности Кіевской 2-й гимназіи легъ Уставъ 8 декабря 1828 г. Каковы же были требованія этого устава.

Первое, что въ немъ бросается въ глаза, это—подчиненіе гимназій непосредственному вѣдѣнію Университетовъ (§ 178. 179, 181 и др.). Ввѣряя судьбу учебныхъ заведеній Университетамъ, законодатель руководствовался тѣмъ для чести высшаго учебнаго заведенія лестнымъ взглядомъ, что никто лучше профессорской корпораціи не можетъ вникнуть въ потребности училищъ, никто не можетъ лучше руководить ими и заботиться объ ихъ преуспѣяніи. Съ другой стороны, учрежденіе лишней административно-хозяйственной инстанціи между гимназіями и Окружнымъ Начальствомъ создавало цѣлый рядъ затрудненій, осложнявшихъ механизмъ управленія учебными заведеніями. Впрочемъ, Кіевской 2-й гимназіи не довелось личнымъ опытомъ убѣдиться въ неудобствахъ университетскаго управленія, потому что незадолго до ея открытія, а именно 25 іюня 1835 г., по Высочайшему указу всѣ дѣла по училищамъ перешли въ вѣдѣніе Учебнаго Округа [1]).

Цѣль учебныхъ заведеній вообще и гимназій въ частности заключается, по выраженію Устава, въ томъ, «чтобы *при нравственномъ образованіи* доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію *нужнѣйшихъ* по состоянію каждаго *познаній.* (§ 1). Учрежденіе губернскихъ гимназій имѣетъ цѣль двоякую: доставить способы приличнаго ихъ званію [2]) воспитаніе тѣхъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены, или не могутъ продолжать ученіе въ Университетахъ, а готовящихся вступить въ оные снабдить

---

[1]) Сбор. Пост. Т. II, отд. 1, стр. 730.

[2]) Въ одномъ изъ слѣд. параграфовъ это выраженіе поясняется такимъ образомъ: «такъ какъ *главнѣйшая* цѣль учрежденія гимназій *есть доставленіе средствъ воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ,* то...» (§ 137).

необходимыми для сего предварительными знаніями» (§ 134). Раздвоеніе цѣли, однако, на самомъ дѣлѣ являлось ни болѣе, ни менѣе, какъ только кажущимся, такъ какъ предметы ученія для всѣхъ учащихся были одни и тѣ же и такъ-какъ по буквальному выраженію Устава, назначеніе учителей «состоитъ въ образованіи ума и сердца ввѣряемыхъ имъ юношей» (§ 158), т. е. въ умственномъ и нравственномъ ихъ развитіи. Для достиженія этой цѣли «учители должны внушать ученикамъ своимъ, что преподаваніе ихъ есть только руководство для достиженія познаній, которыя пріобрѣтаются не иначе, какъ собственными усиліями. Учители и во время преподаванія и внѣ классовъ, особливо въ сношеніи съ учениками, обязаны не забывать важности своего званія, стараясь всегда по возможности дѣйствовать на юныя души воспитанниковъ, служа для нихъ примѣромъ благонравія, трудолюбія, точнаго, ревностнаго исполненія долга и строгаго наблюденія не только правилъ чести, но и необходимыхъ приличій общежитія» (§ 159 и 161).

Извѣстно, что для того, чтобы учащіеся могли получить солидную научную подготовку и настоящій нравственный образъ, кромѣ извѣстнаго круга образовательныхъ предметовъ, нужно еще, чтобы учащіе и воспитывающіе были весьма солидно образованные, свою науку любящіе и знающіе люди; въ противномъ случаѣ выйдетъ не наука, а только мука. Уставъ 1828 г., повидимому, не требуетъ отъ учителей высокаго образовательнаго ценза; онъ говоритъ: «учители опредѣляются Университетомъ, въ вѣдомствѣ коего находятся гимназіи, хотя-бы приготовлялись къ сему званію и въ другомъ Учебномъ Округѣ» (§ 141). Объ одномъ только директорѣ выразительно сказано, хотя и съ прибавкою *усмотрѣнія*, что онъ «избирается предпочтительно изъ имѣющихъ ученыя степени чиновниковъ». Эта невзыскательность къ научнымъ силамъ преподавателей очень хорошо объясняется недостаткомъ, который ощущался тогда въ людяхъ съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ. Чтобы помочь бѣдѣ, правительство между прочимъ еще въ сентябрѣ этого года учредило Главный Педагогическій Институтъ, ближайшею цѣлью котораго была

именно подготовка учителей для гимназій и профессоровъ для Университетовъ [1]).

Курсъ ученія въ гимназіяхъ установленъ семилѣтній изъ слѣд. предметовъ: 1) Законъ Божій, 2) Россійская грамматика, логика и словесность, 3) Латинскій языкъ, 4) Математика, 5) Исторія и Статистика, 6) Географія, 7) Физика, 8) Французскій языкъ, 9) Нѣмецкій языкъ, 10) Чистописаніе, 11) Рисованіе и Черченіе, а во 2-й гимназіи и въ нѣкоторыхъ другихъ еще и 12) Греческій языкъ. Преподаваніе распредѣлялось такъ, что учитель исторіи долженъ былъ преподавать и статистику, учитель физики—высшую математику, а учитель географіи — русскую грамматику. Учители раздѣлялись на старшихъ и младшихъ, различавшихся по образованію, по классамъ, въ которыхъ преподавали, по жалованью и по правамъ. Старшіе были съ университетскимъ образованіемъ, состояли постоянными членами Педагогическаго Совѣта, преподавали въ высшихъ классахъ и получали 1625 р. асс. въ годъ; младшіе—съ среднимъ образованіемъ, считались случайными членами Педагогическаго совѣта, преподавали въ низшихъ классахъ и получали 1200 р. асс. въ годъ [2]). Ежедневно было четыре урока, по $1^1/_2$ часа каждый, утромъ и послѣ обѣда; по средамъ для высшихъ классовъ только утромъ (§ 152). Такимъ образомъ преподаваніе во всѣхъ классахъ гимназій, за исключеніемъ, конечно, воскресныхъ и праздничныхъ дней да еще среды для четырехъ высшихъ классовъ, должно было продолжаться шесть часовъ ежедневно. Относительно количества часовъ для каждаго даннаго предмета нужно замѣтить, что наиболѣе видное въ этомъ отношеніи мѣсто Уставъ отвелъ изученію древнихъ классическихъ языковъ и отечественнаго, такъ какъ на русскій языкъ съ логикою и словесностью онъ отвелъ $34^1/_2$ ч. въ недѣлю, на Греческій языкъ, начиная съ IV кл. 30 ч., а на Латинскій—39 ч., т. е. болѣе, чѣмъ $^1/_2$ всего числа уроковъ, по-

---

[1]) Сбор. пост. Т. II, отд. 1, стр. 113.

[2]) Собственно говоря, младшіе учителя (см. § 148) преподавали рус. грамматику, географію и новые иностранные языки.

ложенныхъ для 12-ти предметовъ гимназическаго курса. Разсматривая этотъ вопросъ еще ближе, найдемъ, что система гимназическаго образованія по Уставу 1828 г. есть строго *классическая*, и такъ какъ она основана на изученіи человѣка по-преимуществу, то имѣетъ полное право на названіе *гуманитарной*.

Опредѣливъ кругъ образовательныхъ предметовъ и количество занятій по каждому изъ нихъ, Уставъ 1828 г. хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить успѣхъ преподаванія. Съ этою цѣлью онъ, во 1-хъ, поставилъ непремѣннымъ условіемъ имѣть библіотеку съ физическимъ и математическимъ кабинетами, и во 2-хъ— указалъ, какого метода обученія обязаны держаться преподаватели. Онъ говоритъ: «соотвѣтственно возрасту учащихся, сіе руководство (т. е. преподаваніе) можетъ быть двухъ родовъ. Въ нижнихъ классахъ учитель долженъ болѣе объяснять и часто повторять свои объясненія, но стараясь и тогда уже посредствомъ вопросовъ и задачъ пріучать дѣтей разсуждать, соображать, однимъ словомъ, *дѣйствовать умомъ своимъ*. Въ классахъ высшихъ сія умственная дѣятельность учениковъ, по указаніямъ учителя, долженствуетъ быть еще усилена. *Простое диктованіе уроковъ*, служащее лишь къ *механическому* затверженію наизусть, *ни въ какомъ случаѣ не дозволяется*». (§ 160). Параграфъ этотъ глубоко назидателенъ: не механическаго усвоенія предмета требуетъ онъ, а вполнѣ сознательнаго и разумнаго; не одною суммою познаній измѣряетъ успѣшность учащихся, а возможнымъ розносторонним развитіемъ умственныхъ силъ ихъ. Вотъ тотъ педагогическій принципъ, который предложенъ былъ въ руководство педагогамъ стараго времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что высокія качества педагога, его методъ и пріемы составляютъ весьма важное условіе успѣшности учащихся; но не менѣе важно также, чтобы и учащіеся относились къ своимъ занятіямъ съ извѣстною, въ этомъ дѣлѣ подобающею, добросовѣстностью. Ограждая учебное дѣло и въ этомъ отношеніи, Уставъ требуетъ, чтобы каждый учитель имѣлъ книгу «для записыванія учениковъ, посѣщающихъ его классъ, и наблюдалъ, чтобы они являлись къ ученію исправно въ назначенные часы.

Предъ началомъ преподаванія онъ дѣлаетъ перекличку ученикамъ и не прибывшихъ въ классъ, или опоздавшихъ означаетъ въ особой статьѣ класснаго журнала, отмѣчая и причины, представляемыя ими въ оправданіе, и требуя, чтобы они приносили отъ родителей своихъ свидѣтельства, что не были точно за болѣзнью или необходимою нуждою. Въ случаѣ частыхъ отлучекъ, онъ доноситъ о семъ инспектору, который самъ, или чрезъ надежныхъ людей, спрашиваетъ у родителей или опекуновъ, для чего дѣти не являются въ классъ; отвѣты ихъ также записываются» (§ 162). Если не взирая на всѣ принятыя мѣры, ученикъ по неспособности или нерадѣнію не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ, онъ исключается изъ гимназіи: казенно-коштный чрезъ два года, содержимый благотворителями—чрезъ три, а своекоштный—чрезъ четыре (§ 217).

Совокупная дѣятельность учащихъ и учащихся подчинена была двойному контролю: а) директора и б) инспектора. «Главная обязанность директора», который, по выраженію Устава, есть хозяинъ гимназіи, «состоитъ въ бдительномъ, неослабномъ надзорѣ за гимназіею и всѣми ввѣренными ему училищами; онъ долженъ стараться, чтобы повсюду были исполняемы постановленія Устава и предписанія начальства. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на учителей, ихъ поведеніе, образъ преподаванія и обращеніе съ учениками» (§ 167 и 168). «Онъ ихъ наставляетъ, поощряетъ и аттестуетъ предъ высшимъ начальствомъ». Немаловажная роль предоставлена была и инспектору. Обязанный ежедневно посѣщать всѣ классы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ, чтобы «учители съ точностью исполняли свои обязанности; въ противномъ случаѣ *онъ дѣлаетъ имъ замѣчанія,* однако не въ присутствіи учениковъ. Онъ наблюдаетъ за порядкомъ въ классахъ какъ во время ученія, такъ и при входѣ и выходѣ учениковъ. *Онъ наблюдаетъ также за постепенностью преподаванія учебныхъ предметовъ и приведеніемъ онаго къ надлежащему окончанію въ опредѣленное время.* Въ случаѣ болѣзни или отсутствія учителя, *инспекторъ поручаетъ классъ его другому, или самъ преподаетъ въономъ.* Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы учители не занимались

предпочтительно нѣкоторыми учениками по пристрастію и обращали особенное вниманіе на малоуспѣвающихъ. Инспектору поручается надзоръ за наказаніями. *При семъ онъ долженъ поступать съ отмѣнною осторожностью,* и не иначе, какъ послѣ основательнаго разсмотрѣнія, въ чемъ состоитъ проступокъ» (§ 196, 197, 201, 202).

Ни въ одномъ учрежденіи власть не опирается въ такой степени на умственный и нравственный авторитетъ, нигдѣ она столько не нуждается въ этой опорѣ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Умственный и нравственный авторитетъ власти создаетъ уваженіе къ ней, а уваженіе есть великая двигательная сила: она одна только способна вызвать въ исполнителяхъ самое усердное отношеніе къ долгу и на педагогической нивѣ произвесть самые блестящіе всходы. Составитель Устава 1828 г. ясно сознавалъ важность этого положенія и потому въ число требованій включилъ параграфъ о томъ, какими качествами должны обладать директоръ и инспекторъ. Первый «избирается предпочтительно изъ имѣющихъ ученыя степени чиновниковъ, исправлявшихъ должность инспекторовъ въ гимназіяхъ. Кромѣ *основательныхъ знаній,* необходимыхъ для сужденія о способностяхъ учителей и образѣ ихъ преподаванія, онъ долженъ имѣть и свойства, нужныя для управленія училищами, *а по нравственности* своей быть достоинъ довѣренности правительства и родителей, коихъ дѣти поручаются его главному смотрѣнію. Для учителей *онъ долженъ быть примѣромъ* усердія, благоразумія и неутомимой дѣятельности» (§ 138, 139 и 168). Такимъ образомъ, по смыслу Устава, директоръ долженъ быть не только образованнымъ и нравственнымъ, но еще и учёнымъ человѣкомъ, который могъ бы во всѣхъ отношеніяхъ служить образцомъ въ учебномъ заведеніи. Хотя относительно инспектора въ разсматриваемомъ Уставѣ мы и не находимъ такихъ требованій, но уже изъ того, что онъ долженъ былъ избираться изъ старшихъ учителей гимназіи, *отличившихся усердіемъ, исправностью и успѣхами въ преподаваніи* (§ 140), что онъ не только помощникъ директора «во всемъ, что касается до надзора за преподаваніемъ и нравственною частью воспитанія

въ гимназіи», но и будущій директоръ, уже изъ того, повторяемъ, видно, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ долженъ былъ представлять изъ себя точное подобіе лучшаго учителя и директора, онъ долженъ быть *facsimile* того и другого. Таковъ принципъ Устава 1828 года.

Какой-бы, однако, принципъ ни красовался на знамени учебныхъ заведеній, въ дѣйствительности всегда возможно уклоненіе отъ него въ обѣихъ сферахъ—и въ руководящей, и въ руководимой. Въ этомъ уклоненіи заключается источникъ разныхъ предупредительныхъ мѣръ, мѣръ исправительныхъ и карательныхъ. Относительно обращенія съ учениками въ Уставѣ 1828 г. сказано: «наблюдая характеръ и расположеніе учениковъ своихъ, учители должны умѣть избирать приличнѣйшее время и средства, чтобы сдѣлать свои наставленія и совѣты истинно дѣйствительными. *Они должны также умѣть иногда быть снисходительными,* особливо къ слабостямъ, къ недостатку способностей и къ неумышленнымъ поступкамъ: *не всякая неисправность, даже не всякая вина заслуживаетъ строгаго взысканія, и строгость наставниковъ, подобно отеческой, не должна имѣть вида запальчивости, или суровости;* равно какъ и снисходительность его, всегда основанная на благоразуміи, не должна быть похожа на пристрастіе, или излишнее мягкосердіе» (§ 162). Таково, именно *родительское,* должно быть отношеніе учителей къ учащимся: взыскивать, но не мучить, наказывать, но не истязать, творить, а не губить будущность молодежи.

Какъ уже выше упомянуто, наказаніе за проступки учениковъ возложено было, главнымъ образомъ, на инспектора. Опредѣляя мѣру взысканія, онъ долженъ былъ поступать «съ отмѣнною осторожностью». Мѣры исправленія и наказанія, допускаемыя Уставомъ 1828 г., слѣд.: «выговоры, пристыженіе, лишеніе высшаго мѣста въ классѣ, выставленіе имени виновнаго ученика на черной доскѣ, наконецъ и заключеніе на нѣсколько часовъ въ запертомъ классѣ, однако-же не иначе, какъ днемъ, съ увѣдомленіемъ родителей или опекуновъ о принятіи сей мѣры и причинахъ того. Первымъ тремъ изъ вышеозначенныхъ наказаній ви-

новные могутъ быть присуждены учителями и инспекторомъ, но къ двумъ послѣднимъ лишь директоромъ» (§ 203 и 204). Конечно, всѣ подобнаго рода наказанія установлены были за незначительные проступки, но возможны и такіе, которые свидѣтельствуютъ о грубости и необузданности природы молодаго человѣка; для такихъ проступковъ нужны и другія, болѣе сильныя мѣры исправленія и наказанія. Уставъ 1828 г. допускаетъ розги и исключеніе изъ заведенія; однако-же никто,—ни учитель, ни инспекторъ, ни директоръ,—не въ правѣ были по своему личному усмотрѣнію назначить ни того, ни другого. Въ случаѣ необходимости одной изъ этихъ мѣръ, слѣдовало обращаться къ рѣшенію Педагогическаго Совѣта. «Учениковъ наказываютъ не иначе, какъ въ присутствіи инспектора и въ особомъ мѣстѣ. Сіе допускается только въ трехъ первыхъ классахъ. Въ высшихъ за проступки, кои могли-бы подвергнуть наказанію сего рода, ученикъ исключается изъ гимназіи» (§ 205). [1])

---

[1]) Впослѣдствіи къ этому параграфу сдѣлано были дополненіе слѣд. содержанія: а) ученикъ, исключаемый изъ гимназіи за проступки, которые не показываютъ еще совершенно испорченной нравственности, не можетъ быть принятъ вновь ни въ ту-же, ни въ другую гимназію прежде истеченія года и безъ достаточнаго удостовѣренія въ его исправленіи; б) если онъ подвергнется подобному исключенію въ другой разъ, или поводомъ въ исключенію и въ первый были проступки, которые обнаруживаютъ прямо дурную нравственность, то воспрещать принятіе его въ гимназію навсегда; в) послѣднему наказанію подвергать не иначе, какъ съ разрѣшенія Попечителя Округа; г) о каждомъ исключенномъ ученикѣ, временно или навсегда, изъ гимназій директоры Округа должны взаимно увѣдомлять другъ друга, а на документахъ, возвращаемыхъ ученику, дѣлать надпись объ исключеніи (см. Сбор. Расп. Т. II; 19 мая 1838 г.). Въ особенныхъ же, исключительныхъ случаяхъ директоры обязаны были поставлять въ извѣстность еще и Генералъ-Губернатора (Дѣло съ Цирк. отъ 11 мая 1839 г.), которому предоставлялось право строго взыскивать съ учащихся «при всякомъ замѣченномъ нарушеніи дисциплины и благопристойности съ ихъ стороны» (тамъ-же отъ 18 мая).

Въ педагогической дѣятельности одиночныя усилія, направляемыя ко благу учебнаго заведенія, не будучи поддержаны цѣлымъ его составомъ, остаются обыкновенно изолированными и даютъ ничтожные результаты; при единодушномъ же напряженіи всѣхъ силъ къ одной общей цѣли всегда можно разсчитывать на извѣстный успѣхъ. Гдѣ въ средѣ личнаго состава гимназіи нѣтъ гармоніи, тамъ обыкновенно выходитъ по баснѣ: Лебедь, щука и ракъ. Дурно, если рознь зарождается сама собою, а еще хуже, если она прививается умышленно: правило—*divide et impera* положительно вредитъ успѣхамъ заведенія. Къ сожалѣнію, Уставъ 1828 г. невольно допустилъ въ гимназіяхъ нежелательный элементъ раздора. Частью по финансовымъ соображеніямъ, частью вслѣдствіе недостатка въ людяхъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, учители гимназіи были раздѣлены *на старшихъ и младшихъ.* По слабости человѣческой природы, между этими двумя лагерями должны были неминуемо установиться натянутыя отношенія. Хотя при подобномъ неравенствѣ положенія никакія въ мірѣ распоряженія не въ состояніи устранить между людьми, которыхъ служеніе не можетъ быть инымъ, какъ только союзнымъ, непріятныхъ столкновеній, тѣмъ не менѣе Уставъ 1828 г. предполагалъ это возможнымъ. Такъ, онъ говоритъ: «Въ сношеніяхъ между собою учители обязаны помогать другъ другу дѣломъ и словомъ. Учители высшихъ классовъ не должны дозволять себѣ пренебрегать учителей классовъ низшихъ, или унижать преподаваемыя другими ихъ товарищами науки, помня, что всѣ учебные предметы суть болѣе или менѣе нужныя части одной цѣпи человѣческихъ познаній. Съ другой стороны, учители низшихъ классовъ обязаны изъявлять должное уваженіе къ тѣмъ, кои превосходятъ ихъ свѣдѣніями» (§ 165).

Индивидуальная дѣятельность каждой входящей въ педагогическій составъ гимназіи личности и доброе согласіе, установившееся между всѣми ими, имѣютъ, конечно, весьма важное значеніе; но для того, чтобы вполнѣ обезпечить успѣшную работу учебнаго заведенія, испоконъ вѣку признано необходимымъ отдѣльныя силы свести къ общему учебно-воспитательному центру и

подчинить ему всѣ важныя дѣла, касающіяся учебнаго заведенія и способствующія его благосостоянію. Такимъ центромъ является Педагогическій Совѣтъ. Хотя по Уставу 1828 года Педагогическій Совѣтъ въ полномъ составѣ собирался только въ томъ случаѣ, когда шелъ вопросъ о переводѣ учениковъ въ высшій классъ (§ 216), а во всѣхъ другихъ выдающихся случаяхъ гимназической жизни онъ составлялся изъ директора, инспектора и однихъ старшихъ учителей (§ 207), тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ средоточіемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи. Собранія Совѣта раздѣлялись на *обыкновенныя* (въ началѣ каждаго мѣсяца), *чрезвычайныя*, назначавшіяся каждый разъ директоромъ по какому-нибудь экстренному, не терпящему отсрочки, обстоятельству, и *особливые* «два раза въ году для слушанія отчетовъ объ управленіи гимназіи и прочихъ училищъ дирекціи» (§ 210 и 219). Занятія его опредѣляются слѣд. параграфами: «Совѣту гимназіи предоставляются всѣ общія соображенія по разнымъ частямъ учебныхъ заведеній, въ дирекціи гимназіи находящихся, изысканіе средствъ для улучшенія состоянія оныхъ и опредѣленія мѣръ для пресѣченія или предупрежденія злоупотребленій и безпорядковъ (§ 211). Совѣтъ гимназіи занимается также усовершенствованіемъ способовъ преподаванія и, чрезъ лучшее примѣненіе оныхъ къ возрасту и понятіямъ учащихся, старается, облегчая труды ихъ, сдѣлать ихъ успѣшнѣе; всего же болѣе онъ печется о принятіи мѣръ для сохраненія и утвержденія хорошей нравственности между воспитанниками (§ 212). Всѣ подробныя постановленія о порядкѣ внутренняго управленія въ гимназіи и пансіонѣ оной, кои не могутъ быть опредѣлены въ Уставѣ, предоставляются усмотрѣнію Начальства и въ особенности Совѣта (§ 213). Совѣтъ разсматриваетъ ежемѣсячныя вѣдомости, представляемыя учителями, и счеты приходовъ и расходовъ гимназіи (§ 214). Опредѣленіе награжденій, а равно и строжайшихъ мѣръ наказанія, также предоставляется Совѣту (§ 215). Совѣтъ гимназіи назначаетъ учениковъ къ переводу въ высшіе классы (§ 216). Кандидаты на должность учителей уѣздныхъ училищъ подвергаются испытаніямъ въ присутствіи Совѣта гимназіи» (§ 218)-

Такимъ образомъ, Педагогическій Совѣтъ собирается не только ради потребностей гимназіи, но и ради дѣлъ, собственно говоря, къ ней не относящихся, каковы дѣла объ училищахъ, подвѣдомственныхъ директору, и испытаніе на званіе учителя уѣзднаго училища.

Кромѣ директора, инспектора и Педагогическаго Совѣта, немаловажное вліяніе на теченіе гимназической жизни предоставлялось Почетному Попечителю и Губернскому Предводителю Дворянства. [1]) Почетный Попечитель 1) присутствуетъ на испытаніяхъ учениковъ и подписываетъ похвальные листы и книги, раздаваемые ученикамъ въ награду, 2) совмѣстно съ директоромъ и архитекторомъ свидѣтельствуетъ зданіе, занимаемое гимназіею, и участвуетъ въ составленіи смѣты на ремонтъ его, 3) засѣдаетъ въ Педагогическомъ Совѣтѣ, когда въ немъ «назначено разсуждать о чемъ-либо, касающемся до учрежденнаго при гимназіи пансіона, о сношеніяхъ начальства гимназіи съ Предводителемъ дворянства, или когда, наконецъ, происходитъ испытаніе на званіе уѣзднаго и приходскаго учителя»; 4) когда онъ принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ Педагогическаго Совѣта, то занимаетъ въ нихъ первое мѣсто, «но не именуется предсѣдателемъ», и назначенныя къ слушанію дѣла предлагаются не имъ, а директоромъ; 5) если онъ почему либо не явится въ засѣданіе, то «ему сообщается журналъ засѣданія; при журналѣ онъ можетъ подать особое мнѣніе», которое Совѣтъ обязанъ принять во вниманіе; 6) вообще директоръ долженъ былъ «отъ времени до времени, словесно или письменно, сообщать Почетному Попечителю о ходѣ управленія и преподаванія въ гимназіи и о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ», и Почетный Попечитель въ правѣ сообщать директору свои замѣчанія и даже настаивать на томъ, чтобъ они были приняты во вниманіе; 7) «одна изъ первыхъ обязанностей почетныхъ попечителей есть изысканіе и приготовленіе лучшихъ средствъ для открытія пан-

---

[1]) Объ Окружномъ начальствѣ не упоминаемъ: оно само собою подразумѣвается.

сіоновъ при гимназіяхъ» и вообще забота объ нихъ (§§ 154, 190, 207, 218, 221, 222, 223, 224, 225 и 244). Что касается губернскаго Предводителя дворянства, то понятіе объ его роли въ гимназіи даютъ §§ 182 и 219. По первому, директоръ входитъ съ нимъ въ сношеніе тогда, когда представляется экономическая надобность, а по второму, директоръ приглашаетъ его въ засѣданіе Педагогическаго Совѣта для слушанія отчета объ управленіи гимназіею и дирекціею училищъ. «Онъ участвуетъ въ разсужденіяхъ и буде изъявитъ желаніе, то ему вмѣстѣ съ отчетами сообщаются и всѣ нужныя для доказательства точности оныхъ свѣдѣнія. Губернскій Предводитель дворянства, какъ чиновникъ, облеченный довѣренностью значительнѣйшихъ жителей, можетъ какъ на сихъ собраніяхъ, такъ и во всякое другое время, дѣлаемыя имъ о состояніи училищъ замѣчанія предлагать Почетному Попечителю и директору. Если онъ найдетъ, что его замѣчанія и совѣты не приняты въ надлежащее соображеніе, то *имѣетъ право отнестись* о томъ къ Попечителю Учебнаго Округа, а въ случаяхъ отмѣнной важности и *прямо къ Министру Народнаго Просвѣщенія*».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ параграфахъ Устава, которыми опредѣляются начало и конецъ учебнаго года, пріемъ учениковъ въ гимназію, переводъ въ высшій классъ и выпускъ изъ гимназіи. Что касается пріема учениковъ, то о немъ въ Уставѣ сказано такъ: «Принятіе учениковъ въ гимназію бываетъ однажды въ году предъ началомъ курса. Поступающіе въ первый классъ должны умѣть читать, писать и знать первыя правила ариѳметики; ученики могутъ поступать прямо во второй, третій и даже четвертый классъ, если на испытаніи предъ инспекторомъ и старшими учителями докажутъ, что уже имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ частяхъ наукъ, кои преподаются въ нижнихъ классахъ. Директоръ наблюдаетъ, чтобы въ первый и второй классъ принимались дѣти не моложе 10 лѣтъ, а въ третій и четвертый не моложе 12» (§ 150).[1]) Когда именно должно

[1]) Пріемъ въ высшіе классы изъ домашняго приготовленія не допускался; не дозволялось также выдавать аттестаты тѣмъ, кои не

было начинать учебный годъ, изъ Устава 1828 г. узнать нельзя; нельзя также узнать и того, когда онъ оканчивался; извѣстно только одно: «ученіе въ гимназіяхъ продолжается во весь годъ, за исключеніемъ лишь обыкновенной лѣтней вакаціи не болѣе одного мѣсяца (§ 151). По окончаніи лѣтней вакаціи, ученики всѣхъ классовъ подвергаются испытанію въ присутствіи инспектора, директора и Почетнаго Попечителя гимназіи. Смотря по успѣхамъ въ наукахъ, они назначаются въ высшіе классы, а отличнѣйшіе по прилежности и благонравію, сверхъ того, награждаются книгами, или похвальными листами за печатью гимназіи и подписаніемъ Почетнаго Попечителя, директора, инспектора и старшихъ учителей. Въ каждомъ классѣ раздается не болѣе двухъ или трехъ награжденій, смотря по числу учащихся; если отличившійся ученикъ бѣденъ, то онъ награждается такими книгами, какія могутъ быть нужны ему впослѣдствіи» (§ 154). Экзаменаторы ставятъ отмѣтки, но не рѣшаютъ вопроса о переводѣ ученика въ слѣдующій классъ или объ оставленіи его въ томъ-же классѣ на второй годъ. Окончательное рѣшеніе принадлежитъ Педагогическому Совѣту, въ которомъ на этотъ разъ принимаютъ участіе и младшіе учители. При опредѣленіи награды Педагогическій Совѣтъ долженъ былъ руководствоваться правиломъ, что «если ученикъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи, то, не смотря и на самые отличные успѣхи въ наукахъ, не удостоивается никакой награды до своего совершеннаго исправленія» (§ 216). По вопросу объ удаленіи ученика изъ гимназіи за неуспѣшность было постановлено соблюдать то правило, которое упомянуто нами на стр. 4-й и 5-й. При чтеніи этого правила такъ и напрашивается въ голову слѣд. соображеніе: если въ первый классъ принима-

---

обучались «по крайней мѣрѣ въ четырехъ высшихъ классахъ» гимназіи (§ 236). Это запрещеніе впослѣдствіи было возобновлено строжайшимъ распоряженіемъ Министра (см. Сбор. Расп. Т. II. стр. 253). Если принять въ соображеніе, что въ то же самое время позволено было держать экзаменъ въ Университетъ тѣмъ, кои обучались дома или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ (см. § 238), то становится рѣшительно неразгаданнымъ, какая цѣль упомянутаго запрещенія.

лись мальчики 10-ти лѣтъ, а въ четвертый 12-ти, то, при дозволеніи засиживаться въ каждомъ классѣ по четыре года, какіе великаны должны были сидѣть на одной скамьѣ съ дѣтьми, наприм., четвертаго или пятаго класса?!

«Послѣ испытанія назначается день торжественнаго акта, къ коему въ особенности приглашаются мѣстныя начальства и родители обучающихся въ гимназіи. На семъ актѣ учители и ученики произносятъ приличныя торжеству рѣчи, [1]) или читаютъ одобренныя къ сему сочиненія: потомъ провозглашаются имена удостоенныхъ къ переводу въ высшіе классы и раздаются аттестаты окончившимъ ученіе и награды отличившимся» (§ 155). Какъ должны были отмѣчаться успѣхи учениковъ, изъ устава не видно; надо полагать, что въ этомъ случаѣ Педагогическимъ Совѣтамъ была предоставлена полная свобода. Какъ-бы то ни было, только «тѣ изъ удостоенныхъ при выпускѣ похвальными аттестатами, кои сверхъ прочихъ наукъ обучались и греческому языку, опредѣляются въ гражданскую службу прямо 14-мъ классомъ [2]) и получаютъ соотвѣтствующія оному мѣста. Отличнѣйшіе между ними награждаются золотыми или серебряными медалями, по усмотрѣнію Совѣта гимназіи и съ утвержденія Университета (§ 235); удостоенные только однихъ аттестатовъ получаютъ при поступленіи въ гражданскую службу» извѣстныя привилегіи, состоявшія въ предпочтеніи ихъ при назначеніи на должность тѣмъ, кои не окончили гимназіи, и въ сокращеніи срока службы при производствѣ въ первый чинъ.

Таковы были начала, на которыя опираясь, должна была начать свою дѣятельность Кіевская 2-я гимназія. Болѣе обстоятельная организація учебно-воспитательнаго дѣла была предоставлена указаніямъ педагогическаго опыта и тѣмъ общегосударственнымъ соображеніямъ, которыя могли возникнуть впослѣдствіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 10 лѣтъ спустя сдѣлано было распоряженіе, чтобы актовыя рѣчи были произносимы только на русскомъ языкѣ (см. Цирк. 1839 г. мая 29).

[2]) См. еще Сборн. Расп. Т. II, стр. 136.

Невесели сильски малюнкы.

(Оповидання батюшкы).

I.

Лики и ликари.

— «На що по фершала йихать?»—казавъ покійный дидъ Семенъ,—и то не его власна думка: такъ взагали думають мои парафіяне. Ось прожывъ вже я килькы часу и ледве-ледве деякыхъ прыучывъ не дывытысь вороже на дохторивъ и ихъ ликы. Звычайно не скризь на Украйни такъ дывлятся на ликаривъ, але у насъ, де земство ще тилькы въ непевній надіи, народъ багато темнійшый, якъ десь-инде. И се не тилькы у ликарськыхъ справахъ.

Тужъ саму темноту безпросвитню легко побачыть и у всякыхъ другыхъ справахъ: чы то юрыдычныхъ, чы шкильныхъ. Неможно за се дуже и ремствоваты на народъ. Дуже мало у его прыятеливъ по нашыхъ мисцяхъ и винъ не прывыкъ, щобъ до его звертались, якъ слидъ до чоловика. Скризь ему трудно здобуты запомогы, скризь винъ незрячый и скризь его освичену голову жде якась прытычына, и ридко хто ему запоможе безъ того, щобъ винъ, стогнучы и зитхаючы, не одкынувъ полу своеи свыты и не диставъ по спромози килько-небудь грошей тилькы

за те, що ёму покажуть, якъ и куды треба проводыты ёго дило. Тымъ-то и не любыть селянынъ нашъ рушаты зъ своеи берлогы и сыдыть въ ій, якъ ведмидь зимою, ажъ покы ёго не выжене звидтиля якась прыгодонька нещаслыва.

Прывыкъ и я вже за якый-сь тамъ часъ до селянськои темрявы, до горя й мукы, закамьянило и зачорствило вже досыть и мое серце, якъ серце селянына; не спалахнусь я зъ жалю сыплячы землю на чыюсь нову домовыну, чы сповидаючы бабу Палажку, або бабу Параску, котра и слабуючы не втыхомырытся и просыть благае, прюпадаючы до подушкы: «Ой, батюшечко! ой, голубчыку! прочытайте мени довгу молытву, покажить дороженьку моій душеньци!... Не можу я вмерты, не можу! Ой бьется-жъ моя душенька, якъ зозуленька».

Нема, кажу, жалю до бабуси старои,—вона свій викъ прожыла. Далеко бильше горя зазнаешъ, якъ почне поратысь по сели дифтеритъ, або виспа; прынесуть тоди до церквы разомъ дви, тры домовыны зъ диткамы, що недавно ще бигалы веселеньки, а теперъ лежать выпростани смертью, въ чыстому убранню, а на ногахъ постолыкы и биля лыця небезпреминно картузыкъ, щобъ на тому свити не була дытына боса й простоволоса.

Жаль тоди, кажу, и дытынкы малои, и матери шкода, що убывается за нею, не диждавшы соби на старисть помочы. Жаль, але и се ще не дуже обходыть селянына, бо ци зразкы щоденни. Баби Палажци, чы то баби Парасци, часомъ дви ложкы касторкы покажуть настоящу путь, а хвороба нагуляется и зныкне. «Абы дружынка, буде и дытынка». «Що ты плачешъ?—кажуть стари люде молодыцямъ, що убываются за дитьмы, хыба ты не чула, що першу дытыну въ бурьянъ кыдають, бо першеньки диткы ридко пидростають. Пожывы зъ мое, та выгодуй двохъ зъ восьмохъ, тоди и вбывайся, якъ помре»... А отъ колы маты ховае едыного сына—едыну надію, або жинка чоловика, котрый вмеръ, покынувшы малыхъ дитокъ, не довившы ихъ до путя-розуму! «Да и куды-жъ я динусь, до кого прыхылюсь зъ сыритською головою?» Пры такій нагоди и стари диды опускають сыви головы, а иноди и плачуть такъ гирко, якъ часомъ плачуть мали диты. Не чутно

тоди жодного жарту ни видъ кого, и довго ниччю повертаешся зъ боку на бикъ, бо не дае заснуты мучене жовто-воскове лыце небижчыка и ти нештуковани прычытання, що выголошуе, на гробъ падаючы и свиту не бачучы, удова.

А роспытай іи... И чого тилькы винъ вмеръ?... «Чы вона жъ ёго не доглядала, чы водыци ёму не подавала, чы знахаривъ та ворожокъ не звала!...

— А може вы, диточкы, якъ самихъ коло слабого покыда́ла, водыци ёму не подалы?... И зайдется—заголосыть, а дитей обхопыть рукамы, прыгорне до себе, а воны, и безъ того налякани, почынають крычаты ще дужче...

Нештуковане мужыцьке горе, не покрывается крепомъ, але надрыва серце жалемъ не згиршъ, якъ и усяке дійсне несчастя. Не одынъ десятокъ людей я уже прысыпавъ землею, але и доси не прывыкну овси до того гуку, якый виддается, якъ кынешъ тры разы земли на домовыну. Цей видгукъ такъ мене вражае, якъ и ти тры удары прыстава молоткомъ, що винъ выбывае пры аукціони... Воны свидчать безсуперечне нещастя и кинець...

Не було моею метою у селянському жытти даваты ликарську запомогу, бо це дило потребуе особыстыхъ діячивъ и особыстого освидчення; але щобъ народъ не дывывся вороже на ликаривъ, та на ликы, якъ и на все добре, що иде зъ боку культуры,—це я личывъ завше своимъ справжнимъ диломъ, такъ якъ и скасування знахоривъ и знахорства.

Никого не було мени такъ жаль, якъ Ивана Шпака. Чоловикъ молодый, веселый, спивучый, але заслабъ и лежыть, якъ пласть, а ни встать ёму, а ни повернуться. «Пойихавъ винъ до пыльни,—росповидала мени ёго жинка,—набравъ у жыда дощокъ везты до города, да якъ вернувся у вечери до-дому, увійшовъ у хату, такъ одразу почервонивъ, та и ой!—якъ ой, такъ и ой!.. А дали полизъ на пичъ, а на печи винъ зъ роду у мене не бувъ, бо давно уже тамъ заняла посаду теща зъ онучятамы. Я до ёго... «А що це тоби?»... А винъ: «Ой! коле мени у грудяхъ... Дыхаты не можно». Зъ переляку я не знала що й почать, та спасыби надійшла сусидка Текля, та вже дала пораду.

— Це, каже, мабудь ёму хтось наврочывъ; бачъ же винъ у тебе до роботы якый гарячый. Ось бижы лышень до Домахы, колысь мени було таке саме, якъ ще я Васылемъ ходыла... Оттакъ самисинько,—и дыхаты не можно, и пидъ серцемъ коле; якъ-бы не Домаха, то може и померла-бъ». Я за Домахою... Спасыби, послухала, поглядила ёго, пошептала, звелила ногы вытырать перчыкивкою, и сама сила и выпыла чарочокъ зо тры. Та ще наказала достать уксусу и щобъ винъ пывъ по половыни зъ молокомъ—по чарочци. Побигла я на село, достала и уксусу, даю ёму, а ёму не легше. Такъ зробытся у чарци, якъ сыворотка; я даю ёму, ажъ трычи на день, и винъ пье, а все не легша ёму. Излизъ уже винъ другого дня на пилъ, укрыла я ёго рядномъ и кожухомъ, а винъ трусытся, усе ёму холодно... Матинко моя! лежыть винъ, якъ те дерево, а ни пыть ёму, а ни йисты, а ни повернуться... Я сюды, я туды, давай шептунивъ звать, та знахоривъ... Може зъ десять ихъ перебуло. Шепталы уже и одъ витру, и одъ уроку, и одъ дання,—а ни крыхты ёму нема помочы.

— Ой батюшко!—озвався Иванъ зъ полу,—занапастылы мени душу оти шептуны, нема мени видъ ныхъ жаднои помочы.

— Посылай сёгодни жъ за дохторомъ, щобъ безпреминно тутъ бувъ, а знахоривъ щобъ и блызько не було!... Ничого воны тоби не поможуть, горилку тилькы дурно переведешъ...

— И... що вже я тіеи горилкы вытратыла, то и сказать не можно. Ще котрый шептунъ совисный, то выпье чарку-другу та иде до-дому; а другый зроду не вылизе зъ-за столу, покы не кончыть усіеи пляшкы. Винъ тоби и про землю, и про суды, а тутъ свитъ макитрытся. А що жъ!—треба слухаты: не можно прогнивыть такого чоловика... Колы це Иванъ сёгодни до мене каже: «не воды ты мени ихъ бильше, бо я вже смерть передъ собою бачу... Не дожыву я, мабудь, до недили».

— «А, Боже мій, а свите мій!—Якъ стояла, такъ и заголосыла. А дали ухватыла перчыкивку и тру ёму ногы, та слёзы вытыраю, та ще гиршъ воны котятся; а винъ у мене лоскоту боится, що и доторкнутысь до ёго неможно, а то—а-ничогисинько, якъ не жывый. Колы це прыйшла титка Мотря, поздоровкалась, гля-

нула на нёго, та давай ёго лапать за ногы, та за рукы: «Ой матинко моя, холодный! Це-жъ винъ вмре!» А братыкъ мій Мусій стоить биля столу, тай додае: «ёму уже и вмирать ничого».

Стоимо мы, та голосымо. Коды це Мусій каже: «Ось пиду я до попа, бо помре безъ сповиди, матымемъ клопить!» Та то и позвавъ васъ; спасыби, що потрудылысь...

— А давно-жъ винъ слабуе?—спытавъ я.

— Та це-жъ третій день, одъ самисинькои пьятныци... Чы не пораете чого, батюшко?—вы жъ люде пысьменни. Оце меци люде нараялы зробыть цынтварнои настоянкы,—може у нёго глысты.

— Ни вже, Стехо, ты покынь уже ци настоянкы, або пый ихъ сама, та пошлы за дохторомъ: прыйиде—сповистышъ мене: я буду самъ дывыться за Иваномъ, и безъ мене щобъ ничогисинько ёму не давалы.

— «Та воно-бъ можно послать, якъ-бы знаття, що поможется».

— «Не турбуйся, поможется; не пропадуть твои грошы».

Прыйихавъ дохторъ, и Ивана мы сякъ такъ вырятувалы. И теперъ частенько дохторъ найизжае до насъ на село, дарма що до ёго 18 верстъ и за выйиздъ винъ не бере менше 3-хъ карбованцивъ. О-тожъ и погодыло мени! А вмеръ бы Иванъ,—сказалы бъ громадяне: «Правду кажуть стари люде: ликарямъ такъ, чы поможысь, чы не поможысь, а калыточка розвьяжысь». Отъ усіеи и пользы!—

Теперь же у нашому сели и ликаря вважають за знахоря.

II.

Далы запомогу.

И що воно за чудасія прыключылась! Жывъ соби чоловикъ Иванъ, у всёму справный, не пьяныця, никому пакости не робывъ. Ще учора бувъ веселый. Выпылы зъ сусидою Тымошемъ

сорокивку и навить боролысь, бо у насъ молодіи чоловикы якъ выпьють по-чарци, то заразъ сылу пробують. Лигъ спаты ще якъ слидъ, а у-досвита прокынувся и счынывъ гвалтъ: «Рятуйте! дыхаты не можно... Огонь пече мене у грудяхъ!» Кынулась жинка до нёго, думала, що побачыть огонь зъ рота, бо кажуть люде стари: буває, «спыртъ загорытся у середыни сынимъ вогнемъ». Ни, не выдко полумья, нема чого тушыть, а винъ схопывся обома рукамы за груды, качается та крычыть: «ой. лышенько, хто въ Бога вирує, рятуйте, бо згорю»! До полудня шепталы бабы и водою свяченою пырськалы — ничого... Не зменшается хвороба... Годи вже жинку познавать; дитей не угадує, а хто прыйде—лается, Боже, якъ погано, а цёго николы не бувало. Дали почавъ бытысь и все крычыть... Тутъ ёго прыкрутылы за рукы и поперекъ рушныкамы прывьязалы до долу,— винъ трохы стыхъ... Колы це прыходыть дядько ёго Крывый-Бень, трохы бувъ выпывшы... «Прощай, каже, небоже, це ты вже помрешъ»,—тай посунувся до ёго, щобъ у останне поцилуватысь. Тилькы ставъ ёго цилуваты, а той хапъ ёго зубамы за губу, откусывъ, пожовавъ-пожовавъ трохы, тай выплюнувъ!..

— Пранци батьку твоёму, каже, якъ пидошва! Изнову сказывся, а то лежавъ тыхо. Оттоди-то прыбигъ до мене громадськый староста, переляканый до смерти.

«Батюшко, идить высповидайте Ивана, та порайте що робыть. Може винъ сказывся, а може бисъ у нёму сыдыть?..

— «А чого бъ той бисъ не бачывъ у мужыцькому нутри голодному? Винъ бы пишовъ до пана, або до купця пузатого.— вговорявъ я старосту дорогою. Такъ заслабъ чоловикъ. У больныцю треба ёго одвезты—до города, та ще й якъ мога скорише. И Беня одправъ зъ губою до миста, бо може и Бень умерты.

Хоча Иванъ бувъ прыпьятый рушныкамы добре, але я почувавъ себе ніяково, увійшовшы до хаты. Якось морозъ пишовъ по-за спыною; колы винъ, познавшы мене, не своимъ голосомъ закрычавъ! «Батюшко! батюшко! шаровары сыни!..»—Я ставъ голосно чытать молытвы, хочъ и занадто тремтячымъ голосомъ. Винъ почавъ прыслухатысь, а дали и соби зачытавъ, заспивавъ

усяки молытвы и литаніи, яки ёму прыгадувалысь, ще голоснише и выразнише за мене. Не безъ жаху я поблагословывъ ёго срибнымъ хрестомъ и, скоро скинчывшы одправу, выйшовъ зъ хаты. Другого ранку жинка, братъ и другый дядько одвезлы ёго до города,—певне звьязаного. Дорогою заходылы до прыстава. Прыставъ выйшовъ, подывывся и видъ себе напысавъ бомагу до больнычного начальства.

Черезъ тыждень зъявылась до мене плачучы жинка Иванова: «Померъ, батюшко, Иванъ мій. Прыйшла я третёго дни у больныцю, а винъ лежыть на доливци у одній сорочци и не прывьязаный. Тыхенько лежыть, та тилькы хлыпае, а мене не пизнавъ. «Що це, пытаю я одного слабого, чы не легше ёму, що такъ ёго одпущено на волю?»—«Скоро, каже, буде легше. Тутъ не довго буде воюваты. Былы, каже ёго служкы, докы не утыхомырывся!..

Другого дня и померъ. Такъ и не прощалась зъ нымъ, забралы ёго, порizалы на шматкы и мистыны цилои не залышылы.

—

Черезъ мисяць прыйихавъ прыставъ прямисинько до мене у господу робыть дослидъ по дилу небижчыка Ивана Бондаря, бо «на трупи ёго, пры вскрытіи тѣла, оказался переломъ двухъ реберъ и другія увѣчья».

— Боже спасы, щобъ мы ёго былы! Доказувалы свидкы. Свои жъ ёго возылы до города и до вашого благородія зайиздылы— вы жъ сами бачылы, що винъ слабко бувъ прывьязанный до драбыны, тай не бунтувався. И дома нихто ёго не бывъ».

— А можу й я посвидчыты?—озвався я до прыстава!

«Будьте ласкави!»

Я сивъ и допысавъ на протоколи:

«Ридня звerталась до ёго ласково, якъ слидъ до слабого. Изъ села рушывъ винъ не бытый и не каличеный. Жинка жъ ёго доказуе, що це у больныци ёго такъ мучено».

Стратылы чоловика, стратывся и протоколъ, а на сели ще довго будуть згадувать... «дило Ивана» и жахатымутся ликаривъ и ихъ ликъ чудовыхъ.

———

III.

За землю.

Конячка бижыть помаленьку—тюпкы. Погонять не хочется, бо здорожылась. Тай дорога полиська невирна: пройидешъ лисокъ—тутъ тоби стрився перелисокъ, тамъ выбои, тутъ кориння, а заразъ же почынается писчаный горбокъ, та уже не такъ, якъ-бы треба по людськы...

А зъ болота тягне холодомъ и вохкистю... Боже, якъ холодно и не гарно... И чомъ бы було не одягнутысь теплише?.. Колы-жъ зранку здавалось такъ гарно: сонечко сяе, витру не мае.

Ну, та пичого,—до-дому не дуже далеко... Прыйиду, выпью чарку, повечеряю, тай спать... Оцій казци буде край!..

На столи самоваръ паруе. Уродылась разомъ и вечеря... Вышывъ я чарку, та ще й не маленьку—косарську...

— «Мо ще молока унесты?—пытае жинка».

— «Ни, спасыби—очи злыпаются, такъ спать хочу!»

Ледве дочвалавъ до постели, усылу роздягся и тую жъ мыть заснувъ, якъ убытый...

Тилькы спавъ не-довго... Скилькы, того—не докажу, а знаю, що не-довго...

— «Батюшко, а батюшко!.. Батюшко говъ!»...

— Га, що?!... Я схопывся самъ не свій... хтось голосовавъ на вулыци, бо у хвиртку его не пускалы собакы.

— Хто тутъ?.. Я выскочывъ на ганокъ, накынувшы на себе кожуха.

— Це я, Кырыло; скорише, батюшко, зодягайтесь, брата мого сколололы... Сповидать треба...

Сонъ у мене пройшовъ видъ разу, тилькы зробылось холодно и непрыемно.

— Стрывай!—я заразъ одягнусь... Нагукай сторожа, хай пиде зо мною. Хвылынъ за пьять я бувъ зовсимъ спороженый. Кырыло зъ старостою чекалы на мене биля хвирткы. Черезъ цей гоминъ на вулыци собакы ажъ плыгалы на тынъ... Десь ище

обизвалась на сели собака, друга завыла, и пиднявся галасъ, нибы воны зачулы вовка...

Треба було поспишаты, щобъ застать жывого, а ногы не слухалысь, тило тремтило, и мене усёго нибы была лыхоманка...

— «Хто ёго тамъ покаличывъ?»

— Савка, Ничныцынъ зять... Воны уже давно промижъ собою не мырять... Судъ у ихъ иде за землю... Межи ніякъ не розберуть... А до того ще выпылы трохы... Отожъ у мене третёго дни булы хрезбыны, братъ и за кума бувъ... А сёгодни зайшовъ у вечери—зъ дровамы збиралысь мы до города... Зайшовъ винъ... «Оцебъ я, каже, пидкрыпывся, бо голова болыть; а ще зъ ранку у лисъ йиздылы мы по дрова... Перемерзлы»...— «Можно, кажу я ёму, у мене зосталась пляшка»... Доставъ я пляшку зъ коморы... Выпылы по чарци,—колы це й Савка— рыпъ дверыма... Зазырнув, тай назадъ,—бо угледивъ брата... А я ёму кажу: проходь, гостемъ будешъ. Увійшовъ винъ ото у хату... Силы мы, выпылы ту пляшку гарнесенько соби... Колы це давай воны спорытысь... Савка брату, а братъ ёму не спускае... Сперечалысь, сперечалысь, а дали и за чубы побралысь: бачъ, наша мужыцька вдача така,—абы що, заразъ за чубы... Тутъ уже я, правда, умишався, давай ихъ розводыть, тай выпхавъ Савку за двери у сины... Бо жинка жъ у мене слаба—на печи лежыть зъ дытыною, стогне. Прычынывъ я двери... Посидалы зъ братомъ—балакаемъ... Колы и винъ сбирается до-дому. Тилькы що. выйшовъ за двери, а той гаспидъ засивъ у синяхъ за полубочкомъ, тай жде ёго... Чую, крыкъ счынывся у синяхъ... Я туды, ажъ братъ у хату.

«Боже мій, рятуйте, мене Савка заризавъ!»

Оце сказавъ, дійшовъ до полу, упавъ тай зубы сципывъ...

— «Винъ давно на себе хворобы шукае, отой Савка»,— озвався сторожъ. «Ото такый чоловикъ, що якъ выпье, то никому не уважыть».

Я тоди ще недавно прыбувъ на парафію и Савку мало знавъ. Якось розмова зъ нымъ не вьязалась, бо винъ мене завше стричавъ не ласково. Мени прыгадалось ёго похмуре лыце и недобрый

поглядъ сирыхъ очей. Винъ ходывъ трохы зигнувшысь и ридко дывывся на чоловика просто, а усе бигавъ очыма по доливци, нибы шукаючы чого-сь.

Проспивалы уже други пивни, и потомленый людъ на сели скризь спавъ. Тилькы у Кыргыловій хати блыщавъ каганецъ. Колы мы дисталыся туды, то у хати бувъ соцькый, килько чоловикъ и бабивъ. Уси воны тиснылыся биля дверей. На печи стогнала породилля... А на полу—я глянувъ и тую жъ мыть повернувся до сторожа за спатрахылемъ, бо годи було довго дывыться... Тамъ лежавъ чоловикъ молодый и дебелый... Не було ще двохъ рокивъ, якъ винъ повернувся зъ москаливъ... Лыце у нёго посынило, очи заплющени, винъ лежавъ до-горы, а рукы роскыдавъ... Лившою, десь, мабуть, боронывся и вхопывъ жменею нижъ,—такъ и перетявъ іи мало не по половыни... Пучкы на другій руци зводыть судорга и воны тремтять... Жывитъ роспоротый по середыни... Трунокъ вывернутый и лежыть зверху, биля нёго и кышкы жъ. Кышкы здорового молодого чоловика, ажъ сызи пры свитли, облыти саломъ и залыти ёго-жъ власною кровью... На грудяхъ друга пожова́ чорна ураза запеклась кровью, зашыршкы пальцивъ у тры, а зъ боку третя. Заскорузла видъ крови сорочка закачана ёму пидъ горло... Я ставъ чытать молытвы, але не вытрымавъ и звернувся до соцького: «Дохтора и прыстава»...

— «Якъ, батюшко, заразъ у-ночи?»

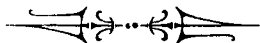
— «Заразъ верхомъ».

Соцькый якось оглянувся на людей,—нибы пытаючы: «чы можно-жъ у-ночи безпокоить таке начальство», але десяцького пославъ.

«Господь всемылостывый, да ущедрыть тя... Всякая прошенія благая и радости духовныя да подасть тебѣ»...—чытавъ я молытву. Запомогты я не мигъ ничымъ...

Прыставъ зъ фершаломъ прыйихалы у 5-й годыни, а у мостій люде хрестылысь за упокой, бо почулы жалибный звинъ по души...

Лискъ Таморенко



Письма графини Антонины Дмитріевны Блудовой къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Графиня А. Д. Блудова въ 1865 г. открыла въ г. Острогѣ, волынской губ., братство, членомъ учредителемъ котораго и старшимъ братчикомъ состоялъ П. Г. Лебединцевъ. Въ 1867 г. 8 октября въ Острогѣ освящена и церковь Братская во имя св. Кирилла и Меѳодія, первая въ Россіи во имя св. просвѣтителей нашихъ. По дѣламъ братства графиня часто посѣщала Петра Гавриловича и вела съ нимъ переписку. Въ Кіевѣ учрежденъ отдѣлъ братства, дѣла котораго находились у Петра Гавриловича, а за выѣздомъ его изъ Кіева, передавались старшему братчику Михаилу Андреевичу Тулову. Дѣятельными членами и старшими братчиками были и Николай Аркадіевичъ Ригельманъ. и Григорій Павловичъ Галаганъ, какъ видно это изъ переписки ихъ съ Петромъ Гавриловичемъ. Въ письмѣ отъ 24 февраля 1882 г. къ Ригельману. переданномъ имъ Петру Гавриловичу, графиня пишетъ: «Вы одинъ съ Лебединцевымъ вѣрный братчикъ среди спящаго сонма кіевскаго: постарайтесь разбудить остальныхъ».

Острожское братство, какъ и вообще всѣ братства Юго-Западнаго края, старалось оказать свое содѣйствіе дѣлу православія и русской народности; въ видахъ наибольшаго расширенія своей дѣятельности по открытію школъ, изданію и распространенію полезныхъ для народа книгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по устроенію храмовъ, оно ходатайствовало въ 1867 г. предъ святѣйшимъ

Синодомъ о дозволеніи имѣть двухъ сборщиковъ для собиранія доброхотныхъ приношеній. По вниманію къ благой цѣли братства и истинно-христіанской, живой дѣятельности учредительницы онаго камеръ-фрейлины графини Блудовой, св. Синодъ далъ испрашиваемое разрѣшеніе. Независимо отъ сего, сама графиня при свиданіяхъ съ ревнителями православія дѣлала предложеніе записаться въ члены братства, какъ это было съ Ѳеофаномъ Гавриловичемъ Лебединцевымъ, состоявшимъ виднымъ членомъ Холмскаго братства, въ случайный пріѣздъ его въ Петербургъ. Съ своей стороны и Петръ Гавриловичъ дѣлалъ тоже: по царству Польскому онъ имѣлъ дѣятельнаго себѣ помощника въ лицѣ директора Варшавской учебной дирекціи, Василія Вилуева. Не мало хлопотъ стоило Петру Гавриловичу, по порученію графини, заказывать въ Кіевѣ для Братскаго Острожскаго училища мебель, входить по такому неважному дѣлу въ переписку съ Волынскимъ губернаторомъ, разновременно высылать мебель и сводить денежные счеты по отправкѣ ея въ Острогъ, на покупку которой получено имъ изъ Петербурга въ 1867 г. 1338 р.

На ряду съ почтеннымъ графомъ и членомъ государственнаго совѣта Димитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ, который въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни былъ особенно озабоченъ дѣломъ народнаго образованія, именно первоначальными училищами по всей Россіи и женскимъ воспитаніемъ въ Юго-Западномъ краѣ, можно поставить и имя графини А. Д. Блудовой,—поэтому и письма ея, не считая телеграммъ, къ Петру Гавриловичу, дѣятельность котораго не ограничивалась узкими предѣлами Кіевской епархіи, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы быть опубликованными.

Священникъ **Іоаннъ Гордіевскій**.

1.

Милостивый Государь, почтеннѣйшій отецъ Петръ!

Письмо Ваше, а потомъ и копію съ условія на мебель получила я уже здѣсь, въ Острогѣ, куда пріѣхала ровно недѣлю на-

задъ. Потрясающее извѣстіе изъ Парижа [1]) пришло черезъ день послѣ нашего пріѣзда и весьма взволновало насъ всѣ эти дни. Вы сами въ Кіевѣ, вѣрно, были не менѣе насъ взволнованы. и потому, конечно, простите меня, что не отвѣчала раньше. Мы надѣемся, что мебель будетъ самая отличная и прочная, смотря по цѣнамъ, но цѣна приводитъ насъ въ смущеніе. Она сама по себѣ такъ много денегъ потребуетъ, да еще укупорка, отправленіе и здѣшняя помощь двумъ мастеровымъ, да матерія для покрышки,—матерія, которую тоже нужно привезти, ибо здѣсь ея нѣтъ. Откуда же намъ взять такую сумму? Она вѣрно дойдетъ до трехъ тысячъ рублей. Одна надежда на кіевскій отдѣлъ братства. который, конечно, позаботится въ эти четыре мѣсяца собраніемъ средствъ для уплаты большей части этихъ издержекъ, ибо мы рѣшительно не имѣемъ болѣе одной тысячи въ запасѣ, а въ Острогѣ мы не получаемъ, а расходуемъ только деньги. Живемъ мы. Марія Ивановна Бурцева и я, въ углахъ на разныхъ квартирахъ. а черезъ недѣли три и отсюда надобно перейти. Куда?—трудно сказать. Школа тоже кочуетъ. Пять комнатъ, наскоро оконченныхъ въ Братскомъ зданіи, такъ сыры, что въ нихъ нѣтъ возможности жить, и даже вещи и книги отсырѣли и надобно ихъ провѣтривать и сушить. Однако, все-таки приходится ихъ поставить куда нибудь. А такъ какъ до октября нельзя же ждать мебели, то мы были принуждены купить нѣсколько шкаповъ и комодовъ—берестовыхъ и самыхъ дорогихъ. Посуду и желѣзныя простыя кровати мы должны были выписать, а отчасти привезти съ собою изъ Варшавы. И все это обошлось весьма дорого, а между тѣмъ, когда въ концѣ іюля пріѣдетъ наша начальница, ей и намъ не на чемъ будетъ сидѣть, не на чемъ ѣсть и писать, какъ развѣ, когда кончатся классы, употреблять скамейки и столы школки нашей. Вотъ какое печальное положеніе наше! Зданіе еще не достроено до половины, церковь не тронута, одинъ флигель возводится, а другой не тронутъ,—и все это это благодаря прошлогоднимъ помѣхамъ на высылку денегъ и архитектора. Теперь генералъ Галлеръ, дай ему Богъ здоровья, прислалъ намъ

[1]) Покушеніе на жизнь Имп. Александра II.

постояннаго архитектора, былъ самъ здѣсь и по возможности помогаетъ намъ. Но въ такомъ первобытномъ кочующемъ положеніи, разумѣется, нѣтъ возможности организовать и вести правильно никакое ученіе. Въ этой крайности мы еще находимся вдобавокъ въ неизвѣстности, кто заступитъ мѣсто князя Шихматова. Если Михаилъ Андреевичъ Туловъ въ Кіевѣ, просимъ Кіевскій отдѣлъ походатайствовать за насъ о помощи, хотя временной покуда, пансіоносодержательницамъ православнымъ здѣсь. Двѣ вдовы—одна учителя, другая священника—хотятъ помѣстить на своей квартирѣ, такъ сказать на хлѣбахъ, нѣсколько бѣдныхъ дѣвочекъ, присланныхъ изъ уѣзда, которыя ходятъ въ наше училище. Но онѣ сами бѣдны и должны нанимать квартиру, топить ее и кормить дѣтей, которыя платятъ не деньгами, а крупой или мукой. Если бы Михаилъ Андреевичъ Туловъ могъ отпустить рублей хоть двѣсти имъ на этотъ годъ, онъ бы сдѣлалъ истинно доброе и полезное дѣло. Охота и желаніе отдавать къ намъ своихъ дѣтей распространяется дальше нашего уѣзда, и это весьма естественно, такъ какъ всѣ бывшіе пансіоны закрыты. Помогите, помогите, помогите, братчики честные! мы бѣдствуемъ и въ потѣ лица своего ѣдимъ весьма невкусный хлѣбъ жидовскій. Не смотря на такое жалостное положеніе наше, здѣшнее братство рѣшилось начать сборъ на вкладъ для воспитанія одной дѣвушки постоянно на будущее время въ училищѣ, въ память и благодареніе за сохраненіе жизни Государя въ день, когда празднуется Вознесеніе Господне и воспоминаются Его послѣднія слова: «идите, научите вся языки».

Простите, многопочитаемый о. Петръ, искренность и незатѣйливость моего посланія. Я уже нѣсколько одичала здѣсь и начинаю юродствовать. Усердный поклонъ всѣмъ братчикамъ нашимъ кіевскимъ и прошу переслать это письмо на прочтеніе Григорію Павловичу Галагану и Николаю Аркадіевичу Ригельману, которыхъ, кажется, нѣтъ въ Кіевѣ. Прошу заочно Вашего благословенія и поручаю себя и наше братство святымъ молитвамъ Вашимъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 3 іюня.

2.

Милостивый Государь, многоуважаемый о. Петръ!

Письмо Ваше отъ 10 іюня получила я вчера и оно меня много успокоило. Мы поняли было, что контрактъ заключенъ на мебель и уже нельзя измѣнить ничего въ немъ, и это испугало меня порядочно. Теперь же, конечно, надобно пріостановить высылку всей этой мебели, которой некуда и дѣвать. Посылаю списокъ нужнаго нынѣ, т. е. къ концу лѣта, въ августѣ, а для начальницы, для ея помощницы и для надзирательницы нужно по мѣрѣ возможности доставить въ іюлѣ мѣсяцѣ, равно какъ и шкапа два-три для библіотеки. Книги лежатъ въ ящикахъ или грудами на полу, за неимѣніемъ для нихъ помѣщенія. Когда мы просили заказать дубовую мебель, это было въ убѣжденіи, что въ этихъ краяхъ такъ много дуба, что онъ недорогъ, а между тѣмъ прочепъ; но по его дороговизнѣ лучше ясенную сдѣлать мебель, ибо увѣряютъ, что ольховая непрочна, а я знаю по опыту, что иная дешевизна выходитъ разорительна, если требуетъ частой передѣлки или возобновленія. Итакъ, просимъ Васъ по прилагаемому списку заказать ясенную мебель и, буде возможно, выслать ее сюда къ концу іюля мѣсяца,—а означеніе цѣнъ прислать мнѣ какъ можно скорѣе. Я не отвѣчала вчера же на Ваше письмо, потому что получила его въ ту самую минуту, когда насъ окончательно изгоняли изъ послѣдняго нашего пристанища, и мы собираемся, по прибытіи здѣшняго хозяина, поѣхать на нѣсколько дней въ Почаевъ въ надеждѣ, что до тѣхъ поръ высохнетъ хоть одна комната довольно, чтобы ночевать въ ней. Та часть письма Вашего, въ которомъ Вы говорите о намѣреніяхъ М. А. Тулова доставить намъ вспомоществованіе, очень обрадовала насъ, хотя мы привыкли видѣть разрушеніе такихъ надеждъ. Боюсь, что Государственный Совѣтъ, привыкшій къ своего рода экономіи и забывающій поговорку о томъ, что дешево бываетъ гнило, захочетъ и дешевое воспитаніе (т. е. дешевое для начальства) и дешевую борьбу противъ всѣхъ соблазновъ богатой противной партіи.

Во всякомъ случаѣ я поняла, что по крайней мѣрѣ можно вѣрно разсчитывать на рублей 900 въ пособіе пансіоносодержательницамъ здѣсь. Думаю, что ихъ будетъ двѣ: одна изъ нихъ вдова учителя, Гиревская, уже есть у насъ въ виду и во всѣхъ отношеніяхъ хорошая достойная женщина и съ нѣкоторымъ образованіемъ. Братство вступило въ переговоры для найма дома, который уже отъ себя будетъ отдавать въ наемъ для пансіона, по близости нашего зданія. Теплое сочувствіе Михаила Андреевича для насъ истинно моральная поддержка. Спасибо ему, спасибо и Вамъ, и тѣмъ братчикамъ кіевскаго отдѣла, которые способствовали къ его расположенію. Теперь у меня къ отдѣлу и къ Михаилу Андреевичу убѣдительнѣйшая просьба. Надобно быть и жить на мѣстѣ, и имѣть сношеніе хоть чрезъ своихъ служителей съ разными классами людей, чтобы вполнѣ оцѣнить постоянство интриги во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ. Вопросъ о землевладѣніи разумѣется играетъ тутъ важную роль; вопросъ о новомъ судопроизводствѣ, т. е. о мѣстности, гдѣ будетъ назначено, идетъ естественно рядомъ съ нимъ. Нашъ Острогъ теперь подвергается правильной осадѣ по обѣимъ статьямъ. Любомирскіе оттягиваютъ въ Дубно окружной судъ для окончательнаго разоренія Острога, а вокругъ города стараются удержать земли въ своихъ рукахъ поляки и жиды, или вызывать нѣмецкую колонизацію, которая, полезная между сельскимъ населеніемъ, чуждымъ намъ въ Польшѣ, здѣсь, разбивая сплошное русское населеніе, вредитъ намъ раздробленіемъ нашихъ селъ, и сама, какъ мы знаемъ по всемѣстному опыту, никогда не обрусится и остается status in statu, работая только для своего собственнаго Drang nach Osten. Она уже, какъ говоритъ Самаринъ, не безмозглая Варшава, не комтрометируетъ себя, а самымъ законнымъ roialiste—скимъ образомъ дѣйствуетъ противъ русскихъ интересовъ. Такимъ образомъ, готовятся облѣпить насъ, по выраженію одного крестьянина, инороднымъ, иновѣрнымъ, землевладѣніемъ и задушить нашъ древній еле переводящій духъ и теперь разсадникъ русской умственной жизни и гражданской вольности. Между тѣмъ есть скромные, честные дѣятели, которыхъ бы нужно и поддер-

жать, и поощрить и наградить, и такъ сказать, привязать къ здѣшнему краю. Позвольте мнѣ и по собственному наблюденію, и общему голосу (могу отозваться о немъ и по письму Александра Θеодосіевича Воронина) рекомендовать Вамъ и особенно Михаилу Андреевичу Тулову здѣшняго штатнаго смотрителя училища Петра Васильевича Лысенка и убѣдительно просить о ходатайствѣ для него земли здѣсь, въ самой близости города, и въ возможно достаточномъ размѣрѣ, въ награду за его добросовѣстное, разумное и неутомимое стараніе, на сколько возможно въ его положеніи. Это честная, достойная и дѣятельная личность, которую грѣшно было-бы забыть. Самъ о себѣ онъ не станетъ напоминать. Это безконечное письмо, но отъ избытка сердца уста глаголятъ, и больно видѣть, какъ дѣятельны противники, а мы какъ вялы, какъ не умѣемъ ни поддержать, ни поощрить никого, кто не шарлатанитъ. Простите несвязность письма,—вотъ уже три недѣли, что живу съ уложенными еще вещами на походѣ, а со вчерашняго только вечера на квартирѣ, и весь день то въ будущемъ училищѣ, пока не разболится голова до тошноты отъ запаха краски и ноги не онѣмѣютъ отъ сырости,—то у единственной нашей знакомой, почтмейстерши, у которой мужъ боленъ тифомъ, къ великому нашему безпокойству и сожалѣнію. А между тѣмъ уходитъ время золотое. Поклонитесь всему честному братству нашему и помяните насъ: Марію, Антонину, Агаѳію, Александра, Θеодора, Николая и Георгія въ Вашихъ молитвахъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 15 іюня. Острогъ.

3.

Ваше Высокопреподобіе!

Я уже отвѣтила на нѣкоторые запросы, сдѣланные Вами въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ черезъ Марію Ивановну Бурцеву; теперь остается только сказать Вамъ: 1) о скамейкахъ. Подъ

именемъ скамеекъ и столовъ подразумѣваются общепринятые во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ столы съ пюпитрами, въ родѣ конторокъ, съ прикрѣпленными къ нимъ скамейками. Моделью необходимыхъ намъ столовъ могутъ служить столы классные въ любомъ учебномъ заведеніи. 2) Препровождаю Вамъ рисунокъ кіота и надписи, которыя желательно было имѣть надъ образами, благодаря усердію жертвователей. Кіотъ долженъ быть орѣховаго дерева. Если найдете слишкомъ дорогими мѣдныя буквы, то можно написать ихъ въ два колера—зеленый и желтый. Буквы непремѣнно должны быть славянскія, хотя подписи русскія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 1 іюля. Острогъ.

4.

Ваше Высокопреподобіе!

Спѣшу увѣдомить Васъ о результатѣ свиданія моего съ преосвященнымъ Агафангеломъ, архіереемъ житомирскимъ; вчера только воротились мы изъ Почаевской Лавры, гдѣ и видѣлись съ нимъ. Онъ назначаетъ намъ особый причтъ, и священникомъ къ намъ переходитъ многоуважаемый нами законоучитель нашъ о. Игнатій Вилетинкевичъ. Теперь предстоятъ намъ новые хлопоты, новые расходы: во 1-хъ, надо священнику и причту построить домъ или, какъ мы рѣшили, выдать ему извѣстную сумму денегъ для производства построекъ, что для насъ покойнѣе; 2) надо похлопотать и о прибавкѣ ему жалованья, такъ какъ прихода у него не будетъ, а отъ казны онъ будетъ получать окладъ жалованья сельскаго священника. 1 іюля мы заключили окончательный контрактъ съ нашимъ подрядчикомъ, по которому онъ обязался церковь окончить къ сентябрю, такъ, чтобы одинъ придѣлъ освятить въ первыхъ числахъ сентября и въ первый разъ

отслужить обѣдню въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Остальное зданіе кончить все къ 1 ноября. Но всею мебелью прошу Васъ не торопиться, а выслать только ту, о которой мы просили Васъ, потому что хотя зданіе и будетъ готово, но жить въ немъ нельзя будетъ, кромѣ въ той части, которая теперь готова. За то означенную на 1338 р., умоляю Васъ выслать по мѣрѣ изготовленія. Начальница наша не можетъ откладывать далѣе своего пріѣзда, и къ 25 іюля мы должны помѣстить ее, а нѣтъ ни шкапа, ни комода, ни стула, ни дивана. Христа ради поспѣшите! Да прибавьте къ отправляемой мебели три кровати желѣзныя, какъ бываютъ въ училищахъ и больницахъ, для трехъ живущихъ у насъ дѣвочекъ къ тому же числу. Мы рѣшительно погибаемъ. Сборъ на царскую воспитанницу можно прекратить, и если что получено, выслать намъ сюда. Мы прибавимъ къ собраннымъ 2455 р., на которые думаемъ купить недвижимость, потому что страшно какъ деньги падаютъ. Я получила письмо отъ Обрескова, который увѣдомляетъ, что Любовь Ивановна Безакъ собрала до 350 р., можетъ быть мы доберемъ, такимъ образомъ, до 3000 р., и тогда воспитаніе дѣвочки будетъ вполнѣ обезпечено.

Антонина Блудова.

1867 г. 7 іюля. Острогъ.

5.

Милостивый государь, почтеннѣйшій о. Петръ!

Благодарю Васъ за нетерпѣливо ожидаемое письмо Ваше и надѣюсь, что все-таки найдете возможнымъ что нибудь прислать изъ мебели для надзирательницы (2 комнаты съ передней), для помощницы (1 комната), для надзирательницы школки (1 комната). И необходимые, почти готовые, какъ Вы намъ писали, шкапы для библіотеки къ намъ дойдутъ вмѣстѣ съ желѣзными кроватями не ранѣе 2-го августа. Подумайте, что начальница ѣдетъ изъ Москвы съ племянницей своей,—и нѣтъ у насъ ни

кровати, ни шкапа, ни стула. Прошу Васъ убѣдительно поторопить потому столяра и по возможности снабдить насъ поскорѣе. Что же касается до аптечнаго шкапа, то мнѣ кажется, что для нашей аптеки очень довольно сдѣлать шкапъ, какъ Вы предлагаете, съ ящиками по 7 вершковъ вышины и 14 глубины. Что же касается до причта, то для насъ было бъ также дорого имѣть старичка священника, которому бы платили жалованье и должны бы давать помѣщеніе только за службу въ церкви, плата сверхъ того законоучителю. Намъ желательно имѣть такого священника, какъ о. Игнатій, который уже душею отдался дѣлу братства и училища, и которому жалованье и земля будетъ отъ казны современемъ, а покуда мы имѣемъ въ виду пріобрѣсть за 500 р. домъ, и я покупаю, если Богъ дастъ поле, которымъ онъ будетъ пользоваться до отвода ему земли. Полутора года близкихъ сношеній съ о. Игнатіемъ скрѣпили крѣпко узы духовныя между нимъ и дѣтьми, и членами братскаго совѣта,—такія сношенія несомнѣнно дороги и ихъ нужно еще болѣе скрѣпить. Какое училище Вы думаете открыть въ Умани—духовное или общее? И не назовете ли его Кирилло-Меѳодіевскимъ? Распространяйте, умоляю Васъ, мысль о покровительствѣ нашихъ первоучителей въ нашемъ воспитаніи. Посылаю на Ваше имя съ просьбою поднести митрополиту и членамъ Кіевскаго Отдѣла образки св. Кирилла и Меѳодія и житіе сихъ святыхъ угодниковъ для дѣтскихъ школъ. Не найдете ли полезнымъ скопировать эти образки и продавать въ Лаврѣ и Михайловскомъ монастырѣ? Это ознакомило бы съ нимъ народъ по всей Россіи. Поклонъ всѣмъ Вамъ.

Антонина Блудова.

1867 г. 22 іюля. Острогъ.

6.

Многоуважаемый о. Петръ!

Я не знаю, въ Кіевѣ ли Шульцъ; сдѣлайте мнѣ братскую услугу: узнайте у Михаила Владиміровича Юзефовича, гдѣ онъ,

и доставьте ему это весьма нужное письмо. Минутами находитъ на меня что-то въ родѣ отчаянія, когда вижу, какъ пропадаютъ и люди и дѣла, изъ которыхъ можно и должно бы извлечь столько пользы для дорогой нашей Россіи. Такъ наболѣло сердце въ здѣшнемъ краѣ, что хотѣлось бы уйти прямо въ монастырь и схиму принять, если бы Почаевъ не былъ мужской монастырь. Извините это глупое отчаяніе. Христа ради пришлите мебель.

Антонина Блудова.

1867 г. 9 августа.

7.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Не знаю еще, воротилась ли Варвара Михайловна Урюпина и видѣли ли Вы ее? Говорили ли, согласна ли она? Но во всякомъ случаѣ, чтобы не встрѣтились денежныя затрудненія, посылаю при семъ 100 р., изъ которыхъ прошу Васъ выдать 75 р. Параскевѣ Викторовнѣ Должанской на подъемъ. Изъ Ровно пусть телеграфируетъ въ Острогъ на имя братства, въ какой день должно выслать повозку за ней. Въ Ровно во всякомъ случаѣ пускай со станціи почтовой пошлетъ за священникомъ собора о. Андреемъ Барановскимъ или, если хорошая погода, зайдетъ къ нему сама. Онъ живетъ противъ собора. Это относится точно такъ и къ Варварѣ Михайловнѣ, если намъ удастся пріобрѣсти ее. Что же касается до П. В. Должанской, пожалуйста обратитесь къ Гогоцкой, которая ее рекомендовала, и попросите, чтобы непремѣнно была нѣсколько дней, хоть два дня, раньше 1 сентября, т. е. не позже 30 августа. Погода у насъ такая сырая, холодная, осенняя, что я не могу даже долго и перо держать въ рукахъ. Благословите заочно, отецъ Петръ, и помолитесь о мнѣ и о всѣхъ насъ, да внушитъ намъ Господь миръ и любовь!

Антонина Блудова.

12 августа, годъ не обозначенъ. Острогъ.

8.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Благодарю Васъ усердно за вашу телеграмму о преосвященномъ Михаилѣ сербскомъ. Прошу, если онъ еще въ Кіевѣ, передать ему, что я еще долго не буду въ Петербургѣ, такъ что тамъ не имѣю надежды видѣть его. Но онъ бы истинно обрадовалъ меня и, какъ славянинъ, даже и долженъ бы пріѣхать къ намъ въ Острогъ, гдѣ единственная православная церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія. Маршрута два изъ Петербурга: одинъ черезъ Варшаву, Тересполь на Острогъ, а потомъ Почаевъ и Броды въ Львовъ, Прагу и Вѣну; другой—черезъ Варшаву, Тересполь на Острогъ, а потомъ на Житомиръ, назадъ въ Кіевъ и Одессу. По тому или другому будетъ наша карета въ Тересполѣ, только бы телеграфировалъ мнѣ въ Острогъ, когда будетъ выѣзжать въ Варшаву. Теперь у меня другое кровное дѣло до Васъ. Урюнина занемогла и не будетъ; Должанская здорова, обѣщаетъ быть—и до сихъ поръ ея нѣтъ. Вдругъ является безъ письма, безъ рекомендаціи молодая особа, Жаворонкова, которая объявляетъ, что ее прислала Гогоцкая, и что она будетъ учить только читать и писать до двухъ съ половиною часовъ, а потомъ будетъ свободна весь день. Что это значитъ? Безъ моего вѣдома, безъ согласія, безъ письма даже, какая то личность пріѣзжаетъ на должность, которой у насъ нѣтъ, ибо у насъ никто не свободенъ отъ 3-го часа, а всѣ работаютъ весь день, да еще черезъ день дежурятъ на ночь! Она объявила сверхъ того, что не была нигдѣ на мѣстѣ, кромѣ полъ-года въ гувернанткахъ, и оставила потому, что не выноситъ шуму дѣтей, а у насъ ихъ сорокъ живущихъ и шумящихъ. Рѣшительно не понятно, и я телеграфировала Гогоцкой, что буду держать мадамъ, пока не получу отвѣта и свѣдѣній отъ Васъ. Умоляю Васъ, поспѣшите отвѣтомъ и помолитесь за насъ. Все какъ то выходитъ странно и дурно.

Антонина Блудова.

1869 г. 30 сентября. Почаевъ.

9.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Меня задержала болѣзнь, и теперь мнѣ бы очень нужно было повидаться съ Вами. Я бы очень желала заѣхать завтра въ Софіевскій соборъ предъ отъѣздомъ и зайти къ Вамъ по дѣлу, относящемуся до нашего училища. Застану ли Васъ дома въ 11-ть часовъ утра?

Глубокопочитающая Васъ Антонина Блудова

Кіевъ.

10.

Искреннопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Сіе письмо даю, на случай нужды, моей горничной Глафирѣ Семеновнѣ, спѣшащей къ умирающему отцу. Обращаюсь къ Вашему доброму христіанскому чувству для помощи и содѣйствія ей, если понадобится. Она должна ѣхать по желѣзной дорогѣ изъ Кіева на Орелъ въ Смоленскъ. Поручаю себя молитвамъ Вашимъ и прошу заочнаго благословенія.

Антонина Блудова.

1869 г. 19 октября. Острогъ.

11.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Виновата я предъ Вами моимъ молчаніемъ. Благодарю Урюпину, Должанскую и Жаворонкову, но должна помогать и сама и дежурить черезъ два дня. Силъ не хватаетъ писать. И теперь

у меня новая просьба къ Вамъ. Это письмо съ двумя фотографіями нашей церкви передастъ Вамъ Митрофанъ Леонтіевичъ Нельговскій, служащій въ Кіевѣ. Онъ вручилъ Вамъ икону св. Великомученицы Варвары, съ маленькими золотыми отворками и съ вдѣланнымъ кусочкомъ мозаики. Внутренняя рамка нѣсколько ослабла. Будьте такъ добры, дайте ее исправить вѣрному мастеру, который не испортилъ бы самое изображеніе. Положите икону св. великомученицы въ Михайловскомъ монастырѣ, освятите ее и пришлите мнѣ обратно сюда вѣрнымъ способомъ, хоть по почтѣ. Очень и очень буду Вамъ благодарна. Очень рекомендую Вамъ М. Л. Нельговскаго, хотя мало его знаю; но онъ пришелся намъ по сердцу, и прошу Васъ рекемендовать его нашимъ общимъ кіевскимъ—Юзефовичу, Ригельману, Галагану и Воронину. Мнѣ кажется, что онъ охотно вступитъ въ этотъ кружокъ. Но некогда писать болѣе. Благословите заочно и помолитесь за меня.

Антонина Блудова.

1869 г. 20 октября. Острогъ.

12.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Искренно благодарю за икону, которую Вы привезли изъ Кіева, и которую я получила только пріѣхавъ въ городъ на такое короткое время, что некогда повидаться съ Вами. Я еще живу въ Царскомъ селѣ, потому что переправляютъ квартиру мою,—а погода такая страшная, что звать къ себѣ въ Царское не смѣю. Приходится дождаться, пока Богъ дастъ переѣхать въ городъ. Прошу переслать кому нибудь для вѣрнаго доставленія Чашникову и сказать, сколько будетъ стоить отправленіе посылки съ фотографіями и книжкой по почтѣ. До свиданія. Не забывайте въ молитвахъ Вашихъ.

Васъ Глубокоуважающую Антонину Блудову.

Годъ не обозначенъ.

13.

Многоуважаемый, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ!

Виновата я предъ Вами премного, но я все хвораю и силы меня оставляютъ. Икона нерушимой стѣны Божіей Матери давно получена и прекрасно удалась,—спасибо Вамъ отъ души. При семъ 25 р., которые, какъ Вы говорили мнѣ въ Петербургѣ, я Вамъ должна за нее. Еще очень прошу Васъ купить для меня въ Лаврѣ икону въ серебряномъ, золоченномъ окладѣ св. Архистратига Михаила и св. Варвары мученицы, около 5 вершковой, какъ я покупала тамъ лѣтомъ за 20 р., которые тоже прилагаю, и освятить ее на мощахъ св. Варвары мученицы, отправить по первой же почтѣ въ Петербургъ на мое имя, въ зимній дворецъ. Очень и очень меня обяжете; прилагаю и на посылку оной 5 р. а всего 50 руб. Простите за безпокойство и лаконическое письмо. Мнѣ все не здоровится. Получите и нашъ отчетъ при семъ, а Григорій Павловичъ Вамъ изустно передастъ многое. Благословите меня заочно и помолитесь за меня. Мнѣ трудно и тяжело.

Антонина Блудова.

1870 г. 5 сентября. Острогъ.

14.

Многопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я къ Вамъ съ просьбою: прочитать и написать мнѣ, нѣтъ ли какихъ грубыхъ историческихъ ошибокъ въ этомъ сказаніи о св. Θеодорѣ Острожскомъ, которое прилагаю здѣсь. Я не назвала житіемъ, потому что тутъ скорѣе историческое возстановленіе его личности для поученія нашимъ старшимъ дѣвочкамъ и нашимъ неразвитымъ братчикамъ сельскимъ и городскимъ, нежели строгое описаніе его жизни. Поэтому многое постороннее, осо-

бенно чешское, входитъ сюда ради самыхъ переселенцевъ чеховъ. Надѣюсь на Ваше доброе расположеніе къ намъ для извиненія за эту новую скуку. Сказаніе готовится для журнала «Странникъ» и въ отдѣльныхъ оттискахъ для нашихъ школъ, а потомъ должно войти въ составъ второй книги для чтенія русской исторіи нашего изданія. Если Вы будете такъ добры и возьмете этотъ трудъ на себя, то я бы просила не слишкомъ задерживать рукопись. Я все хвораю, но говѣю однако. Помолитесь за меня и благословите заочно.

Антонина Блудова.

1871 г. 10 февраля.

15.

Многопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я посылаю Вамъ эту записку съ г-жею Краевскою, которая намѣрена принять православное вѣроисповѣданіе. Ее сама лично я не знаю, но она покажетъ Вамъ свои аттестаты. Будьте такъ добры, примите ее и подумайте, нельзя ли что сдѣлать въ ея пользу. Благословите и не забывайте въ святыхъ молитвахъ Вашихъ меня грѣшную.

Антонина Блудова.

20 іюля 1872 года.

16.

Глубокоуважаемый Братчикъ Петръ Гавриловичъ!

Надѣюсь, что Вы уже давно получили выраженіе моей искренней благодарности за Вашу истинно братскую помощь нашему повѣренному и казначею Петру Левицкому по дѣламъ мельницы, вновь купленной мною, въ надеждѣ оставить доходъ съ нея

братству, и которая требуетъ столько расходовъ сначала, что разоритъ меня. Не знаю, почему мои письма очень невѣрно доходятъ до Москвы и до Кіева, а въ другія мѣста—ничего. На этотъ разъ пишу заказнымъ и опять съ просьбою къ Вамъ. Примите по-братски, по-русски, по-христіански сего Осипа Ивановича Добрянскаго, землевладѣльца крупнаго, венгро-росса, т. е. изъ Угорской Руси, гдѣ населеніе чисто русское, православное; хотя по епархіальной росписи оно считается уже нѣсколько столѣтій уніатскимъ, но до сихъ поръ паства не только не признавала, но игнорировала папу. Теперь же графъ Андраши взялся серьезно искоренять православіе. Добрянскій разскажетъ Вамъ многое интересное. Будьте такъ добры, покажите ему все историческое подъ Вашимъ вѣдомствомъ и укажите на остальное. Добрянскій—человѣкъ съ большимъ и добрымъ вліяніемъ въ своемъ народѣ и очень извѣстенъ въ Венгріи, какъ патріотъ и любимецъ своего народа. Познакомьте его пожалуйста съ Ѳаворовымъ и съ членами славянскаго комитета. Это не отецъ Терлецкій [1]). Буду Вамъ искренно благодарна за все, что для него сдѣлаете пріятнаго и полезнаго. Не забывайте меня въ молитвахъ Вашихъ и благословите заочно.

Глубокоуважающая Васъ Антонина Блудова.

1875 г. 14 марта. Петербургъ.

17.

Почитаемый и глубокоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Позвольте обратиться къ Вамъ съ братскою просьбою. Письмо это долженъ Вамъ вручить нашъ братскій сборщикъ Андрей Ивановичъ Жоголевъ, крестьянинъ-собственникъ нижегородской губерніи, ходившій на богомолье въ Іерусалимъ, и весьма усердный къ церкви, особенно св. Кирилловской-Меѳодіевской, на которую въ теченіе 9 лѣтъ собралъ до 3700 руб. Пріютите его

---

[1]) Владиміръ Терлецкій, переселившійся изъ Галиціи въ началѣ 70-хъ годовъ и принявшій монашество въ Михайловскомъ монастырѣ.

въ Лаврской гостиницѣ или около Вашего Собора, прошу Васъ, и когда, помолившись, онъ соберется въ путь, прикажите кому нибудь взять ему билетъ и отправить по желѣзной дорогѣ а въ Острогъ телеграфируйте начальницѣ училища, когда долженъ доѣхать, чтобы распорядилась о доставленіи его съ желѣзной дороги къ намъ въ братство. Очень и очень буду Вамъ благодарна, а старикъ заслужилъ эту братскую заботливость. Такъ какъ не знаю, когда это письмо дойдетъ до Васъ, то не остается ничего другого и писать. Нынѣшній разъ я ѣду прямо черезъ Вильну, Минскъ и Брестъ. Получили ли Вы отчеты за 1874—75 и 76 годы? Не забывайте меня въ молитвахъ Вашихъ и благословите заочно.

Антонина Блудова.

1877 г. 29 апрѣля. Петербургъ.

18.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Благодарю Васъ усердно еще разъ за Ваше попеченіе о нашемъ старичкѣ сборщикѣ. Опять обращаюсь къ Вамъ съ просьбою: отправьте его обратно до Москвы, а тамъ ужъ онъ найдетъ дорогу. Я Вамъ тогда не доставила денегъ на его проѣздъ сюда, потому что не знала, что онъ ѣдетъ; теперь прилагаю 30 руб. на издержки. Простите все это безпокойство. Старикъ—заслуженный братчикъ, и потому прошу для него Вашего братскаго содѣйствія о немъ. Онъ Вамъ глубоко благодаренъ, и я тоже. Мы теперь очень заняты устройствомъ нашего помѣщенія для выздоравливающихъ больныхъ, которое мы стараемся сдѣлать какъ можно менѣе похожимъ на лазаретъ. Помолитесь, многоуважаемый Петръ Гавриловичъ, чтобы Господь помогъ намъ. У насъ такъ мало русскихъ и всѣ они люди, живущіе своими трудами, и неоткуда взять денегъ и должны жить со дня на день. Но надѣюсь на Бога, и чего не ожидала, и что удивительно, безъ всякой посторонней помощи, мы успѣли устроить до 20 кроватей; только главное теперь продовольствіе, на которое нужна ежемѣсячная

трата, и на вино, котораго здѣсь чистаго нельзя достать, развѣ выписывать изъ Ливадіи, и крымскаго изъ Кіева, но безъ водяныхъ сообщеній, Богъ знаетъ, когда изъ Ливадіи придетъ. Если Вы можете, найдите средство, помимо собственныхъ мѣстныхъ нуждъ, оказать хоть малую помощь нашему бѣдному братству, напримѣръ: сахаромъ, вареньемъ или деньгами,—всякое даяніе будетъ благое. Благословите заочно, почитаемый Петръ Гавриловичъ, и черкните мнѣ словечко въ отвѣтъ.

Антонина Блудова.

1877 г. 2 іюля. Острогъ.

19.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Стыдно мнѣ, что я такъ долго не писала Вамъ. Примите мою искреннюю, глубокую благодарность за нашего старичка сборщика, котораго Вы такъ христіански и братски приняли и проводили къ намъ. Задушевное глубокое спасибо! Меня не было въ Острогѣ, когда онъ прибылъ,—я была нѣсколько времени въ имѣніи покойной Евгеніи Сергѣевны Шеменко, чтобы помолиться въ ея церкви, посмотрѣть ея школу, побывать вездѣ, гдѣ мы вмѣстѣ бывали, и пожить въ ея домѣ,—это долгъ дружбы и благодарности, который я не могла до сихъ поръ исполнить. Вотъ я и не была въ Острогѣ, когда нашъ Андрей Ивановичъ Жоголевъ привезъ отъ Васъ письмо. Потомъ время хлопотливое. Ольга Николаевна вѣрно сообщила Вамъ наши совѣщанія, соображенія и постановленіе братскаго совѣта объ устройствѣ для выздоравливающихъ больныхъ Краснаго креста 20 кроватей у насъ. Все это отняло у меня возможность взяться за перо, а потомъ телеграммы съ Дуная меня привели въ такую тревогу, что я неспособна была ни на что, кромѣ безпрестанной молитвы. Простите же меня, что такъ поздно благодарю Васъ, но тѣмъ не менѣе со всею горячностію сердца за Ваше попеченіе и доброту къ братскому сбор-

щику. Вотъ и теперь отзываетъ меня докторъ,—кучеръ нашъ тяжело боленъ, а письмо надобно скорѣе отправить по оказіи, которая рѣдка у насъ въ деревнѣ. Благословите заочно, глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ, и помолитесь за меня, чтобы Господь помогъ побѣдить тревогу чрезмѣрную сердца и съ крѣпкою вѣрою въ Него ожидать событій, которыя въ Его рукѣ. Прошу доставить прилагаемое письмо Николаю Аркадіевичу.

Антонина Блудова.

1877 г. 16 іюля. Село Брыково, около Острога.

20.

Искренно почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Это письмецо со вложеніемъ еще 30 руб. передастъ Вамъ уже извѣстный Вамъ сборщикъ нашъ Андрей Ивановичъ Жоголевъ, котораго прошу Васъ, по братской и христіанской добротѣ Вашей, отправить обратно въ Москву, т. е. кому нибудь поручить отвезти его до желѣзной дороги, взять ему билетъ или книжечку на проѣздъ чрезъ Курскъ до Москвы, и вручить ему кормовыя деньги на первое время въ Москвѣ. Я намедни послала Вамъ по почтѣ 30 р. въ уплату издержекъ на билетъ отъ Кіева до Острога и не знаю, получили ли Вы. Теперь прошу, если изъ нихъ нѣтъ остатка, то прибавить изъ своихъ, сколько сочтете нужнымъ, и мнѣ написать въ Острогъ, чтобы я могла Вамъ выслать. У насъ новаго ничего нѣтъ. Мы все живемъ на Дунаѣ и въ Балканахъ, а не на Волыни. Благословите и помолитесь за меня! Въ старости не сладишь съ своими нервами и я въ такомъ волненіи безпрестанномъ, что и спать не могу. а если и засну, страшные сны будятъ. Помоги намъ всѣмъ Христосъ!

Антонина Блудова.

1877 г. 23 іюля. Близъ Острога.

21.

Искренно почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я сегодня же посылаю Вамъ письмо къ одной изъ нашихъ бывшихъ воспитанницъ ихъ чеховъ, присоединенной къ православію, и настоящаго адреса которой не знаю. Прошу тоже приголубить и поддержать ее. При семъ же краткій отчетъ по нашей больницѣ, дайте прочитать Николаю Аркадіевичу и Григорію Павловичу, и прошу Васъ, если сочтете полезнымъ, напечатать въ «Кіевлянинѣ». Это отъ Васъ зависитъ. Сколько я Вамъ должна за маленькія Евангелія? Вѣдь я все у Васъ въ долгу. Благословите заочно и не забывайте въ молитвахъ Вашихъ.

Антонина Блудова.

1877 г. 19 октября. Острогъ.

22.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Позвольте мнѣ Вамъ, вѣрному и неизмѣнному братчику нашему, поднести этотъ запоздалый отчетъ за 1877 годъ—запоздалый, впрочемъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. За 1878 годъ, кончившійся въ нынѣшнемъ маѣ 1879 г., я совсѣмъ не могу подать, потому что будетъ напечатанъ вмѣстѣ за два года; а если, Богъ дастъ, свидимся въ Кіевѣ, то прочту Вамъ краткій отчетъ по рукописи. Нынѣшнее лѣто я все хвораю и во всемъ неудача. Помолитесь за меня и благословите заочно.

Антонина Блудова.

1879 г. 21 сентября. Близъ Острога.

23.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я говѣю и должна просить прощенія, но, право, мое молчаніе не было намѣреннымъ грѣхомъ, а недоразумѣніемъ. Не зная, сколько стоютъ иконы, я ожидала отъ Васъ свѣдѣній, но теперь рѣшаюсь выслать за молебенъ въ Михайловскомъ монастырѣ и освященіе иконы на мощахъ 4 рубля, которые обыкновенно даю тамъ, и 10 руб. выставленные на посылкѣ съ двумя иконами, хотя не можетъ быть, чтобъ онѣ стоили такъ мало. Икона св. Варвары мученицы такая красивая, что я просила Государя дозволить повѣсить ее на стѣнѣ его внутреннихъ компатъ, и онъ приказалъ поставить ее на стѣнѣ своего кабинета, принялъ благоговѣйно благословеніе это, за которое благодарилъ. Я увѣрена, что Ваша молитва была теплая и искренняя, и благословеніе Ваше іерейское вѣрующее и сердечное при посылкѣ этой иконы и, конечно, Господь услышитъ. Нерушимую стѣну Божіей Матери я повѣсила у себя на той стѣнѣ, которая по Божіей милости не разрушилась и не задавила меня, хотя дверь была вырвана изъ нея и у самой ея сдѣлался глубокій провалъ. Молитесь, почитаемый Петръ Гавриловичъ, молитвою неустанною о всѣхъ насъ, особенно о Государѣ и о выздоровленіи нашего ангела Императрицы, выздоровленіе которой можно ожидать только отъ всемогущей силы и всеобъемлющей милости Господней, ибо доктора истощили всѣ средства своего искусства, а силы не возвращаются. Одинъ Богъ есть врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ, къ нему будемъ взывать и Онъ услышитъ молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ. Благословите меня заочно на говѣніе и скажите Николаю Аркадіевичу, что усердно благодарю за письмо и за передачу денегъ, и за книжки, и прошу прощенія, что не въ силахъ была писать. А теперь нѣтъ времени рѣшительно; у меня былъ еще пожаръ въ деревнѣ, и приходится дѣлать распоряженія и писать

въ разныя стороны. Если Галаганъ въ Кіевѣ, доставьте эту записку. Еще разъ сердечно благодарю.

Антонина Блудова.

1880 г. 4 марта. Петербургъ.

24.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Это письмо передастъ Вамъ Андрей Грищукъ, воспитанникъ крестьянскаго пансіона при Острожской прогимназіи, который нехочетъ непремѣнно пройти чрезъ тяжелую и трудную жизнь неимущаго человѣка изъ крестьянъ въ борьбѣ за возможность перебиваться своимъ трудомъ ради Университета въ Кіевѣ. Онъ до сихъ поръ былъ хорошій, честный, хорошо учащійся малый, вѣрующій и вѣрноподданный. Покойная императрица подарила ему свою фотографическую карточку за усердный. безкорыстный и умѣлый уходъ за ранеными 1877 и 78 годовъ, когда онъ былъ еще ученикомъ здѣсь. У него большія способности для церковнаго пѣнія и ноты онъ хорошо знаетъ. Но что онъ будетъ дѣлать? какъ повернетъ нужда и искушенія большого города, и дрянное товарищество? Протяните ему руку помощи духовной и укажите средства бороться съ дороговизной и искушеніями. Позвольте ему обратиться къ Вамъ и научите его. что дѣлать и какъ охранять себя отъ злыхъ вѣяній современныхъ. Надѣюсь скоро увидѣться съ Вами, хотя здоровье мое хуже, нежели было въ Кіевѣ. Да будетъ воля Божія!

Антонина Блудова.

1880 г. 6 августа. Острогъ.

25.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я пріѣхала такая больная сюда, что еле-еле стала оправляться немножко, но все же трудно писать. Итакъ, не входя

ни въ какія подробности, скажу только, что прилагаю при семъ три экземпляра перваго опыта новой острожской типографіи въ видѣ нашего отчета и исторической статьи о типографіи князя Острожскаго 1580 года. Будьте такъ добры, передайте Николаю Аркадіевичу или перешлите въ Андреевку, и передайте преосвященному Михаилу, разсказавъ ему, почему я не была у него въ Академіи во время бытности моей въ Кіевѣ. Вы видѣли и знаете, какъ я была больна и слаба, и до братскаго монастыря мнѣ нельзя было доѣхать. Помолитесь за меня почитаемый Петръ Гавриловичъ, да подастъ мнѣ Господь силъ для моихъ обязанностей здѣсь. Благодарю Васъ еще за ваше неизмѣнное доброе расположеніе къ намъ и братству. Благодарю и отъ имени братскаго совѣта. Помоги Вамъ и намъ всѣмъ Господь.

Антонина Блудова.

1881 г. 17 іюня. Острогъ.

26.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Примите благосклонно и незнакомаго съ Кіевомъ подателя этого письма, болгарина Афанасія Димитріевича Щопова, студента здѣшней медико-хирургической Академіи, но не причастнаго нисколько глупостямъ русскихъ (увы!) студентовъ. Его горячо рекомендуетъ графъ Владиміръ Николаевичъ Ламсдорфъ, женатый на Комаровской, при которомъ (въ кавалерійскомъ отрядѣ) онъ былъ переводчикомъ и проводникомъ черезъ Балканы въ зимнюю кампанію. Онъ учился сперва медицинѣ въ Константинополѣ, а послѣ войны здѣсь. Онъ ѣздилъ во время каникулъ на окраины Россіи и писалъ о ней въ Болгарскую газету. Вотъ крѣпкая болгарская натура. Надѣюсь, что Вы будете такъ добры, какъ всегда, и познакомите его съ людьми и памятниками достопримѣчательными. Не знаю, застанетъ ли онъ Ѳаворова, но прошу Васъ ре-

комендовать ему Щопова. Благословите заочно и помолитесь за меня.

Антонина Блудова.

Годъ не обозначенъ.

27.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Помолитесь о душѣ новопреставленной Лидіи. Сестра моя скончалась здѣсь, нынче утромъ, отъ паралича легкихъ. Она была святая женщина, но больно, что ея семьи нѣтъ здѣсь. Здѣсь нельзя ничего достать: ни гроба, ни такого ящика или второго гроба, кажется свинцоваго, въ которомъ перевозятъ по желѣзной ной дорогѣ. Будьте столь добры, закажите поскорѣе гробъ, обитый бѣлымъ глазетомъ, весь бѣлый, какъ ея чистая душа и чистая жизнь. И этотъ свинцовый гробъ, въ который положите и первый, отправьте какъ можно скорѣе по желѣзной дорогѣ, сговорите человѣка, хоть гробовщика, который умѣлъ бы вложить одинъ гробъ въ другой,—здѣсь ничего не знаютъ и не умѣютъ. Или какъ дѣлается, не кладутъ ли прямо въ свинцовый? Нужно, чтобы можно было въ Петербургъ послать. Помолитесь о мнѣ грѣшной, чтобы Господь научилъ, какъ нести этотъ крестъ.

Антонина Блудова.

1882 г. 2 октября. Острогъ.

28.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Благодарю Васъ сердечно, задушевно за участіе въ горестномъ порученіи моемъ и прошу Вашихъ молитвъ и Вашего заочнаго благословенія на мою попытку возвратнаго пути на Кіевъ,

съ больной ногой, если Богу угодно, въ четвергъ или пятницу. Помолитесь за меня въ моемъ глубокомъ горѣ.

Антонина Блудова.

1882 г. 18 октября. Острогъ.

29.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я пріѣхала вчера вечеромъ прямо къ мощамъ Варвары мученицы и такъ слаба, что не могла войти въ Софійскій Соборъ, мой любимый, какъ Вы знаете, и сегодня двинуться не могу. Если будете въ нашихъ странахъ нынче, завтра вечеромъ, не заглянете ли ко мнѣ, какъ добрый братчикъ?

Антонина Блудова.

Годъ не обозначенъ.

30.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Извините великодушно, что безпокою Васъ порученіемъ скучнымъ,—всѣ наши братчики въ разъѣздѣ, а Софія Сергѣевна Аксакова перемѣнила квартиру и я даже не знаю, въ Кіевѣ ли она. Сама же очень больна—вотъ уже вторая недѣля—и чрезъ силу пишу. Прилагаю письмо неизвѣстнаго мнѣ странника, оставшагося за штатомъ, такъ какъ этотъ современный модный способъ экономіи проникъ уже въ древнюю Лавру. Прилагаю тоже 10 р., ибо больше не въ состояніи дать, и усердно прошу Васъ поручить кому нибудь разузнать про этого просителя и передать ему эти деньги, предупредивъ, чтобы больше отъ меня не ожидалъ. Можетъ быть лучше ему и не заразъ дать ихъ, а по 2—3 руб.

въ два или три раза. Предоставляю Вашему рѣшенію. Если Вы видаете Софію Сергѣевну Аксакову, она, конечно, можетъ Вамъ сказать про этого Симеона Р. Нефедова, какой онъ по дѣлу есть. Я же не имѣю понятія о немъ, слышала только, что отецъ Агапитъ (лаврскій игуменъ) считался слишкомъ добрымъ и не довольно соблюдалъ экономію въ отношеніи къ бѣднымъ богомольцамъ. Еще разъ прошу простить великодушно и въ молитвахъ Вашихъ помяните меня, чтобы Господь сподобилъ меня доѣхать живой до Кіева. Благословите заочно.

Антонина Блудова.

1883 г. 31 августа. Острогъ.

31.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ кіевскимъ и я; не имѣя адреса Ѳаворова, очень прошу Васъ поздравить его отъ меня. И вотъ еще просьба: передать это письмо нужное Константину Петровичу Побѣдоносцеву, котораго адресъ тоже мнѣ неизвѣстенъ. Онъ писалъ ко мнѣ, что будетъ въ Кіевѣ къ 8 сентября. Благословите меня заочно и помолитесь за меня дряхлую и болящую.

Антонина Блудова.

1884 г. 3 сентября. Острогъ.

32.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Отъ души благодарю за письмо. Прилагаю циркуляръ о засѣданіи главнаго управленія Братства и прошу доставить его Юзефовичу, Ригельману, Ѳаворову и прочимъ, и, если есть, чу-

жимъ братчикамъ, помнящимъ насъ. Благословите заочно. Я очень слаба и больна.

Антонина Блудова.

1885 г. 11 декабря. Петербургъ.

33.

Глубокопочитаемый, вѣрный братчикъ нашъ Петръ Гавриловичъ!

Вамъ пришлютъ изъ Острога прилагаемую рукопись нашего отчета въ цензуру. Будьте столь добры попросите г. цензора (не знаю, кто теперь) милостиво и скоро просмотрѣть, и возвратить въ Острогъ Ѳеодору Порфиріевичу Кутневичу, братскому казначею и преподавателю эту рукопись для напечатанія въ Острогѣ, съ его разрѣшенія. А Вы благословите меня заочно и помолитесь за меня грѣшную, слабую, больную.

Антонина Блудова.

29 мая, годъ не обозначенъ.

34.

Глубокопочитаемый Петръ Гавриловичъ!

Собралась съ силами, наконецъ, чтобы благодарить Васъ, нашъ постоянный, сочувствующій и благодѣющій братчикъ, за Вашу присылку въ Острогъ 25 руб. на странно-пріимный домъ нашъ и Вашу любвеобильную память о насъ. Я все болѣю и очень слаба—и вотъ уже второй годъ Господь не допускаетъ меня къ Кіевской святынѣ и къ нашему Острожскому дѣлу. Ничего не знаю про Кіевъ. Будьте добры, если Ольга Николаевна Гольманъ тамъ, скажите ей, какъ я благодарна за ея прелестное письмо изъ Ялты, но слабость здоровья и самыя грустныя, неотложныя

дѣла помѣшали мнѣ отвѣчать лѣтомъ, а теперь не знаю, гдѣ она. Не знаю тоже, гдѣ митрополитъ сербскій Михаилъ. Если онъ въ Кіевѣ, передайте ему, а если выѣхалъ, перешлите ему прилагаемое письмецо съ поздравленіемъ съ его именинами 30 сего сентября. При случаѣ скажите великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, что я постоянно думаю о ней и мысленно съ нею молюсь. Николаю Аркадіевичу, Михаилу Владиміровичу, Маріи Александровнѣ Дрентельнъ, отцу Ѳаворову и всѣмъ, кто не совсѣмъ забылъ меня, передайте искренній поклонъ. Если митрополитъ Платонъ у Васъ, попросите его благословенія. Гдѣ Галаганы? Какъ здоровье Вѣры Арсеніевны? Но вотъ уже нѣтъ силъ продолжать. Прошу Вашего заочнаго благословенія и поручаю себя и братство наше Вашимъ святымъ молитвамъ.

Антонина Блудова.

1886 г. 23 сентября. Царское село.

35.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я еще здѣсь, не оправилась еще и не могу надѣяться имѣть возможность пріѣхать еще разъ въ соборъ. Поэтому прошу Васъ, будьте такъ добры, дайте освятить въ соборѣ прилагаемую икону нерушимой стѣны Божіей Матери, которую хочу увезти съ собою завтра, если Богъ дастъ, и если разрѣшитъ мнѣ докторъ Мерингъ. И поэтому мнѣ нужно эту икону уложить сегодня. Благословите меня въ путь и не забывайте, какъ никогда меня не забывали, въ Вашихъ молитвахъ.

Антонина Блудова.

Кіевъ. Годъ не обозначенъ.

36.

Почитаемый Петръ Гавриловичъ!

Я на нѣсколько часовъ въ Кіевѣ и надѣюсь на Вашу дружбу и братство, что зайдете ко мнѣ, буде можно, въ 4 или 5 часовъ вечера. Правда ли, что въ Софійскомъ соборѣ можно весь день молиться и онъ не бываетъ запертымъ? Я никакъ не могу назначить часъ, потому что не завишу вполнѣ отъ себя. Прикажите сказать моему посланцу, можно ли цѣлый день найти соборъ открытымъ.

Антонина Блудова.

Понедѣльникъ.

ДОРОГОЮ ЦИНОЮ.

(Оповидання).

Діялось це въ трыдцятыхъ рокахъ мынулого сториччя. Украинське поспильство, поборене у клясовій боротьби, зъ ярмомъ панщызнянои неволи на шыи, тягло свою долю зъ глухымъ ремствомъ. То не вилъ бувъ у ярми, звычайный господарській вилъ, якого паша й спочынокъ моглы зробыты щаслывымъ: ярмо було накладено на шыю дыкому турови, загнаному, знесыленому, але овіяному ще степовымъ витромъ, зъ невтраченымъ ще смакомъ воли, шырокыхъ просторивъ. Винъ йшовъ у ярми, скорывшысь сыли, хочъ часомъ зъ гниву очи ёму налывалысь кровью, и тоди винъ хвыцявъ ногамы и наставлявъ рогы...

Вильный духъ народу ще тливъ пидъ попеломъ неволи. Свижи традиціи воли, таки свижи, що часомъ трудно було одризныты сёгодня одъ вчора, пидтрымувалы жевріючу пидъ попеломъ искру. Старше поколиння, свидокъ иншого жыття, показувало ще на долоняхъ мозоли видъ шабли, пиднятои въ оборону народнихъ и людськыхъ правъ. Писня воли, споэтызованои може въ дни лыхолиття, чаруючымъ акордомъ лунала въ серцяхъ молоди, порывала іи туды, де ще не чуть кайданивъ, скованыхъ на людей людьмы. На шыроки бессарабськи степы, вильни, безъ пана й панщыны, рвалась гаряча уява й тягла за собою соткы й тысячы...

Отъ хочъ бы тамъ за Дунаемъ, гей тамъ за Дунаемъ!.. Недобыткы сичовои руины, хоробрійши, завзятійши, звылы соби гниздо въ Турещыни и возылы звидты на Вкраину, мовъ контрабанду, палкі заклыкы у кишъ на волю, до сичового братерства.

Ярамы, корытамы высхлыхъ ричокъ, лисовымы нетрямы, прыкрываючысь ничною темрявою, ховаючысь мовъ одъ дыкого звиря, тикало одъ пана й панщыны все, що не втратыло ще жывои душы, тикало, щобъ здобуты соби те, за що предкы выймалы шабли зъ пиховъ, або ставалы до бою зъ киллямы та выламы...

Власнықы душъ, поверненыхъ у робуче быдло, запысаныхъ въ господарськый инвентаръ дидыча разомъ зъ воламы й киньмы, найбильшъ боялысь того неспокійного, вильнолюбного духа народнёго, бо ёго ніякъ не можна було прыпасуваты до панськихъ интересивъ, погодыты зъ незмирянымы скарбамы, яки давала панови оброблена хлопомъ украинська земля. Виковичня боротьба двохъ станивъ—панського й мужычого, боротьба хронична, що часомъ прыймала гостри формы и бурею проносылась надъ нещаснымъ краемъ—николы не кинчалась, ба й не могла скинчытыся, хочъ панъ перемигъ. Ще недавно вмывшысь въ Умани власною кровью и накыдавшы въ Кодни стижокъ гайдамацькыхъ голивъ, панъ почувавъ себе теперъ сылою й пыльно обороняв свои права на жывый робочый инвентаръ—хлопа.

Хлопъ протестувавъ, хлопъ тикавъ на вильни земли, рятуючысь якъ мигъ одъ панщыны, лышаючы на ридній земли все дороге, все мыле ёго серцю.

Але й тамъ, далеко видъ ридныхъ осель, настыгала ёго панська рука. На вильныхъ земляхъ зъорганизовани булы на втикачивъ ловы, справжни облавы, якъ на вовка або ведмедя. По всій Бессарабіи ганялы дозорци, выстежуючы скризь по ровахъ, стогахъ сина, комышахъ болотяныхъ ричокъ—збидженыхъ, змордованыхъ людей. На пивдни Бессарабіи, одъ быстрого Прута, по ливимъ боци Дунаю ажъ генъ до моря стояло на чатахъ військо

и заслоняло волю, що тамъ, за шырокымъ Дунаемъ, за зеленымы прыбережнымы вербамы, сынила десь у чужій краини...

Голову втикача оцинено. За кожного спійманого прыбережни козакы диставалы плату. Соткы, тысячи нещасныхъ попадалыся до рукъ козакамъ—и мусылы выпыты гирку до краю. Лыха доля чекала втикача: ёго оддавано въ некруты, засылано на Сибиръ, катовано канчукамы, тавровано мовъ худобу, або зъ оголеною на-пивъ головою, збытого, збасаманеного одсылано въ кайданахъ назадъ до пана, знову у неволю, на панщыну...

Чого винъ мигъ сподиватыся вдома видъ пана?

А проте, мовъ талыи воды пидъ теплымъ подыхомъ весны, ричкою текло вкраинське селянство туды де хочъ дорогою циною можна здобуты бажанну волю, а ни, то полягты кисткамы на вичный спочынокъ...

I.

— То ты, Остапе?

— Я, Соломіе...

— Що жъ воно буде?

— А що жъ буде?.. Хай воно загорытся безъ вогню й дыму... Втичу... пиду за Дунай, може ще тамъ люде не пособачылысь... Отъ бачышъ—саквы... Бувай здорова, Соломіе...

— Тикаешъ... покыдаешъ мене... И оце я лышуся сама зъ тымъ осоружнымъ чоловикомъ... Ни, тикай, тикай, Остапе... Колы-бъ ты знавъ, що робытся у горныцяхъ: панъ бига по хати, мовъ скаженый. «Бунтаръ, крычыть, гайдамака. Винъ мени людей баламутыть»... Поклыкавъ осавулу: «веды мени заразъ Остапа Мандрыку»...

— Такъ...

— «Зъ жывого шкуру здеру, чысто оббилую... Я жъ ёму прыгадаю, гайдамаци, Кодню»...

— Такъ...

— «Въ некруты, каже, оддамъ»... А паня била, била, трясця трясе іи, а вона рукы заломыла та: «Ромцю, каже, тикаймо звидцы,

бо ти хлопы забъють насъ, якъ мого дидуся въ Умани»... Тикай, Остапе, тикай, серце... Спіймають, катуватымуть нелюды, жывого не пустять...

— Врагъ ёго беры... Не такъ мени страшно ляха, якъ злисть бере на нашыхъ людей: застромывъ винъ шыю въ ярмо тай байдуже ёму, тягне, хочъ ты що... Эхъ, пиду де воля, де инчи люде... Бувай здорова, Соломіе...

— Перелазь, хочъ попрощаемося.

Остапъ перекынувъ черезъ тынъ, за якымъ стояла Соломія, саквы и спъявся на тынъ. На ничному зоряному неби выткнулась ставна парубоча постать й знъікла по хвыли въ ґустыхъ бурьянахъ по той бикъ тыну.

— Ну, тай кропыва жъ тутъ, чысто попикся. Де ты, Соломіе? Поночи й невыдко.

— Ось я...—и передъ Остапомъ зачорнила велыка, якъ на доброго мужыка, постать.—Ходимъ до ставка, посыдымо пидъ вербамы.

Плутаючысь у высокыхъ бурьянахъ, пролазячы по-пидъ кущамы, що тисно посплиталысь у цій занедбанній частыни панського гаю, воны долизлы врешти до воды. Тутъ було парно. Пры повній тыши въ повитри, густый гай латво затрымавъ зибране за день тепло и теперъ звидты пашыло, якъ зъ печы. По скляному поверху ставка, зъ глыбыны якого вызырало темне зоряне небо, тыхо плывъ билою хмарою туманъ и мовъ намиткою загортавъ блымаючи въ таемній глыбыни зори. Нична задуха насычена була сыльнымы пахощамы татарського зилля, куширу, зогритои воды. Край човна, въ невелычкому плеси, оточеному осокою й лапатымы лопухамы, жабы лящалы такъ завзято, що заглушалы всякый згукъ въ далекій околыци.

Остапъ зъ Соломіею силы пидъ вербою, але имъ не говорылось. Подіи, що несподивано прывелы ихъ до розлукы, ба й невидома будущына, яка кынула вже свою тинь на душу, збиглысь у цей ментъ до купы и мовъ затулылы глыбыну сердечну. Говорыты мало—що скажешъ килькома словамы?... Говорыты шырше—

на вищо? Не полегша на серци, не одминытся доля... Тай николы вже... пора рушаты.

— Ты жъ кудою подасыся, Остапе?

— Та мени абы на чорный шляхъ, а тамъ уже якось воно буде... тамъ напутять уже...

— Ну, то не йды, голубе, селомъ, щобъ не побачывъ хто... Я тебе духомъ перехоплю човномъ на той бикъ, а тамъ чагарныкомъ, полемъ—тай выйдешъ на шляхъ. Такъ безпечнище буде.

Соломія пидийшла до ставка, скочыла въ човенъ и почала шарыты на дныщи.

— Капосный дидъ, однисъ весло у катрягу... Ну, та дарма— обійдемось.

Однымъ зручнымъ скокомъ Соломія опынылась на берези и зъ такою латвистью вытягла зъ тыну коляку, мовъ бы то була застромлена дытыною ломачка.

Остапъ сивъ у човенъ, и Соломія одипхнулась одъ берега. Човенъ плавко загойдався на воли, а дали тыхо й ривно посунувъ по води надъ зорямы, що тремтилы на дни блакитнои безодни. Соломія зъ тыхымъ смуткомъ дывылась на Остапа й чула, якъ по іи выду котылась слёза за слёзою. Воны мовчалы. Було-бъ зовсимъ тыхо, колыбъ не пекельный хоръ, въ якому жабы, здавалось, намагалысь перекрычаты одна-одну.

Чорный панськый гай потыху одсувався назадъ, закутуючысь волокнуватымы пасмамы билого туману.

Човенъ стукнувсь о берегъ. Остапъ пиднявъ свои саквы и поцилувався зъ Соломіею.

— Бувай здорова... Гляды-жъ, не забувай мого дидуся... Перекажы, хай воны не журятся. Вже я якось дамъ соби раду...

— Добре, Остапе, перекажу... Ну, хай тебе бороныть и хова одъ лыхого Маты Божа... Прощавай!

Остапъ скочывъ на берегъ, легкымъ рухомъ закынувъ на плечы саквы и незабаромъ зныкъ у чагарныку, а на човни, якъ велытенська чавунна постать, ще довго стояла Соломія, спершысь

на килъ та вдывляючысь у чагарныкъ, де разомъ зъ Остапомъ зныкало іи щастя.

Остапъ йшовъ навпростець, мынаючы вузьки, крыви стежкы, протоптани товаромъ и пастухамы. Ёму бувъ добре знаёмый и цей чагарныкъ зъ обгрызеными худобою та выродлыво покрученымы корчамы й далека околыця, що росплывалась невыразнымы контурамы середъ ничнои темрявы. Одійшовшы килька гонивъ, Остапъ зупынывся й озырнувся. Невыразною чорною плямою лежало сонне село у выдолынку, и тилькы въ коршми ясно свитылось одыноке виконце й прыковувало до себе Остапивъ поглядъ. Це одыноке свитло середъ сонного села було немовъ останнимъ «прощавай» ридного закутка, ныткою, що вьязала ёго зъ батькивщыною, зъ усимъ блызькымъ. Але за хвылыну виконце згасло, и Остапъ почувъ, якъ разомъ изъ зныклымъ свитломъ въ ёго серци щось урвалось, и село геть одсунулось одъ ёго. Остапъ непомитно для себе зитхнувъ и рушывъ дали.

Чы то пидъ вплывомъ прощання й Соломіиныхъ слизъ, чы въ наслидокъ реакціи по пережытыхъ турботахъ, ёго обгорнувъ жаль. Чого саме було жаль, винъ не мигъ бы сказаты, тай не думавъ про те. Такъ, просто жаль стысъ за серце, пидступывъ до горла. Якась струнка сердешна бренькнула, зачеплена тымъ жалемъ, а зъ чагаривъ та зъ нывъ, такыхъ ридныхъ и мылыхъ,—винъ це почувъ зразу,—натовпомъ знялысь давни згадкы дытыньства, неясни, невыразни, але вымагаючи частыны серця для земли, яку винъ покыдавъ теперъ на викы може.

Коженъ кущыкъ, горбокъ, долынка, кожна стежечка—все це було ёму знаёме, промовляло до ёго. Тутъ, въ товарыстви однолиткивъ пастушкивъ, заводывъ винъ безконечни грыща. Тутъ винъ пасъ панську худобу. Панську!—Тимъ то й ба, що панську! Тай хыба винъ самъ, за весь свій двадцятылитній викъ не бувъ лышень панською худобою? Хыба ёго батько, маты, Соломія, навить дидусь ёго, що ходывъ у Сичъ, а потимъ ризавъ панивъ въ Умани—хыба-жъ воны не сталы такою худобою?... Колы бъ воны не булы панськымъ товаромъ, то не мигъ бы панъ розлучыты ёго зъ Соломіею та сылою оддаты іи за свого хурмана, не мигъ

бы сывого дидуся катуваты на стайни нагаямы... не похвалявся-бъ оббилуваты Остапа за смилыве слово.

— Оббилуешъ...—злорадо осмихнувся Остапъ до себе... —Шукай витра въ поли...

И ёму ясно уявылося, якъ лютоватыме панъ, дизнавшысь завтра, що Остапъ утикъ.

Колы бъ хочъ дидусеви ничого не сталося черезъ ёго... Та що ёму станется? Винъ вже старый, не сёгодня-завтра покладуть у яму... На згадку про дида Остапъ почувъ щось тепле у грудяхъ. Ти былыци-казкы про Сичъ, козацтво, про боротьбу зъ панамы за волю, якыхъ винъ слухавъ затаившы духъ й не зводячы розжеврилого ока зъ устъ дидовыхъ, будылы въ дытячій голови хымерни мріи, вояцькый запалъ. Не разъ телята й вивци, спокійно пощипуючы травыцю въ чагарныку, булы свидкамы козацькыхъ нападивъ або Уманськои ризни, выкопанои пидпасачамы пидъ проводомъ Остаповымъ. Воля, воля и воля! Це чаривне слово, споэтызоване столитнимъ дидомъ, роспалювало кровъ у хлопця, а де-дали, зъ литамы, пидъ вплывомъ вытвореныхъ панщыною умовъ, прыбирало бильшъ конкретну форму, глыбше значиння. Наридъ стогнавъ въ неволи, але стогнавъ потай, непротестуючы, и колы Остапъ, выхованый дидомъ въ давнихъ традиціяхъ, здіймавъ ричъ про те, що пора вже высунуты шыю зъ панського ярма, люде спочувалы ёму, але дали спочуття дило не йшло. Знайшлысь навить таки, що вклалы панови въ уха бунтивнычи речи молодыка—и оть теперъ Остапъ, скрывдженый и цькованый, мусывъ кынуты ридный край. Ёму було литъ десять, якъ зъ-за Дунаю, зъ Сичи, прыйиздылы до ныхъ въ село эмисары. Винъ ихъ добре памятае. Лежачы на печи и удаючы, що спыть, винъ чувъ, якъ воны довго гомонилы зъ дидомъ, оповидалы про Турецьку землю, про тамошни порядкы, казалы що пидъ Туркомъ добре жыты й заклыкалы людей на вильни земли. Дидъ лышывся, бо хотивъ умерты на своій сторони, а дядько Панасъ якъ пишовъ, такъ и по сей день...

Остапъ ишовъ вже зъ годыну. Винъ не помитывъ, якъ мынувъ чагарныкъ и выйшовъ у поле. Безкраи ланы зеленого

збижжя, що саме красувалось въ той часъ, дрималы середъ тыхои ночи. Було такъ тыхо, що Остапови крокы луналы въ поли, мовъ гупання ципа на току. Але винъ того не помичавъ, якъ не помичавъ величнёи литнёи ночи, що розлягалась по безкраихъ просторахъ, такыхъ свижыхъ, зеленыхъ, запашныхъ. Видъ прудкои ходы Остапови зробылось душно. Винъ сивъ на межи и розузвся. Прыемный холодъ пройшовъ по ёго тилу и прынисъ ёму полегкисть...

Тымъ часомъ темна блакить ничного неба почала потроху блиднуты. Зи сходу дыхнувъ витрець и овіявъ Остапа. И вразъ Остапови зробылось весело и легко. Винъ почувся на воли. Молода невытрачена сыла хвылею вдарыла въ груды, розлылась по всихъ жылахъ, запрохалась на волю... Остапъ зирвався на ривни ногы и не пишовъ, а побигъ дали. Ёму хотилось гукнуты на вси легени словамы писни, або хочъ крыкнуты, взять отакъ щось въ рукы—велыке, мицне и зламаты ёго. Але винъ здержався.

Винъ йшовъ теперъ прудко, сыльно вымахуючы ципкомъ, мовъ усю сылу свою молодечу вкладавъ и въ ту ходу, и въ рухы, а думкы, одна за одною, якъ на крылахъ, летилы все напередъ. Не такъ думкы, якъ уява. Уявляется ёму Дунай, шырокый-шырокый—ну, якъ Дунай шырокый. За Дунаемъ—Сичъ. Басують пидъ козацтвомъ кони, мовъ зміи ти, повыгыналы шыи... Козацтво—якъ макъ... Жупанъ червоный, вусъ чорный, довгый, пры боци шаблюка. Попереду... попереду—Остапъ. Кинь пидъ нымъ гарячый, вороный, той що у пана лышывсь на стани; одижъ зъ щырого срибла-злота, шабля довжезна. Винъ оповида козакамъ, за вищо панъ хотивъ ёго оббилуваты, яка повелась теперъ у ныхъ неволя въ Уманьщыни, що треба пійты и вызволыты народъ зъ неволи, потишыты на старисть дидуся и одняты Соломію видъ іи чоловика, бо вона не хурмана панового, а ёго, Остапа, кохае... Козакы вклоняются ёму, пускають зъ копыта кони, кыдаются у Дунай, переплывають ёго, а дали мчатся—Остапъ попереду—черезъ лукы й поля до ныхъ у село, въ Уманьщыну... Чы бачышъ, Соломіе?..

Раптомъ—пурхъ! щось важке якъ куля зъ пыскомъ выскочыло зъ пидъ нигъ Остаповыхъ и черкнулось крыломъ объ ёго груды... Остапъ такъ и одплыгнувъ, мовъ хвысьнутый зненацька батогомъ по жыжкахъ. Серце затрипалось у грудяхъ и стало. По плечахъ полизла вгору мурашня.

— Тьху! пекъ тоби—цуръ!... одитхнувъ винъ врешти: якъ налякало...—и пишовъ дали.

Але мріи вже счезлы, мовъ птахъ розвіявъ ихъ крыламы· Остапъ зновъ побачывъ себе середъ поля, почувся втикачемъ, недалеко видъ пана и всякои небезпечносты.

Свитало. На блидому неби ясно горила зирныця. Колосысте море сынило пидъ росою въ тмяному свитли. Одъ свижого подыху ранку злегка тремтилы жыта, зъ румяного сходу лынуло свитло и мягкымы хвылямы розплывалось помижъ небомъ и землею. Надъ полемъ, у высокости, спивалы вже жайворонкы.

Остапъ выйшовъ на шляхъ и озырнувся. Оддаликы щось манячило на шляху, немовъ якый подорожній, зъ клункамы на плечахъ, плентавсь шляхомъ одъ села. На шляху було небезпечно. Остапъ змиркувавъ, що панъ, дизнавшысь про ёго втикы, мигъ послаты за нымъ на здогинъ. Краще було звернуты зъ дорогы у якыйярокъ чы выдолынокъ. Тамъ навить можна переспаты спеку, а смеркомъ зновъ у путь. Але тилькы Остапъ звернувъ зъ дорогы, якъ ёму прычулося, що щось немовъ гукае. Винъ озырнуся: прыскорюючы ходу, подорожній махавъ на нёго рукою, бажаючы, очевыдячкы, спыныты ёго. Що за мара? Першою думкою въ Остапа було тикаты. Але зважывшы, що покы винъ одынъ на одынъ—жахатыся ничого. Остапъ зупынывся, очыкуючы й вдывляючысь у подорожнёго. Тому очевыдячкы було пыльно, бо не вдовольняючысь прудкою ходою, винъ инколы пускався бигты, прыдержуючы свои клункы на плечахъ, и вже за чверть годыны Остапъ мигъ розглядиты ёго струнку постать.

Бувъ то молодый, безвусый парубокъ, мицно збудованый, у высокій сывій кучми, короткій чугаинци и зъ довгымъ ципкомъ. Остапови було чудно, що парубокъ немовъ осмихався, але колы

той наблызывся и прывитався до нёго, Остапъ зъ несподиванкы скрыкнувъ:

— Соломіе!... Чы ты здурила?

— Може й здурила...—сміялась Соломія.

— Пекъ тоби, маро... Чыстый парубокъ... Куды ты й по що?

— За Дунай, у Сичъ зъ тобою... Прыймаешъ товарыша, чы не прыймаешъ?

— Чы ты знависнила, молодыце, чы тебе ныни жартъ узявся?...

— Яки тамъ жарты... Скоро ты пишовъ, я якъ стала на човни, такъ и задубила. Холодна, холодна, мовъ завмерла!.. Дали прокынулась и чую, що все мини протывне, все гыдке: и чоловикъ, и панщына, й жыття мое безщасне... Пропадай воно все пропадомъ... Пиду и я свитъ за очи... Вже жъ за тобою хочъ серцеви легше буде... Та чымъ дужчъ до дому, за торбыну: вкынула що треба на дорогу. Тилькы, думаю, панъ ловытыме насъ. Але й я не дурна. Дидька зъисть, що спіймае... Метнулась до коморы—чоловика нема дома, повизъ паню въ госта; зняла зъ жердкы сорочку й штаны... Тоди спидныцю зъ себе, штаны на ногы, накынула на плечи чугаинку, а на голову шапку—и козакъ козакомъ... Шукай теперъ, пане, парубка зъ молодыцею... нихто не бачывъ, лышъ двохъ парубкивъ стричалы... Що-жъ мени зъ тымъ, що скынула, діяты? Покынуты боюся, догадаются ще... Узяла свое пидъ паху, побигла до ставка, прывязала каминь и—шубовсть у воду... Вичная память. А тоди селомъ, та на шляхъ та бижу-бижу, щобъ догнаты. Ху, якъ ухекалась... Що-жъ, прыймаешъ парубка у товарыши, чы ни?

— А що жъ я робытыму зъ тобою у Сичи, гей!..

Оце сказавъ! Звисно, вона не пійде до Сичи у братчыкы. Тай навищо, колы навкругы Сичи скризь слободы, а въ тыхъ слободахъ жывуть наши люде зъ жинкамы, зъ дитьмы. Турокъ дае землю, займай, скилькы твоя сыла. Вона про це довидне знае одъ людей. Воны оселятся въ слободи, вона хазяйнуватыме, а винъ зъ Сичи найиздытыме до дому, а то й зовсимъ облышытся на господарстви... А тымъ часомъ у дорози вона хустя выпере

ёму, догляне, голову змые. Пры своій небози добре и въ дорози... Хыба не знае прыказкы?.. Ну, хай же винъ не супытся, мовъ сычъ на гылли, й веселище гляне на свою Соломію, що за-для нёго вбралась у штаны та ладна мандруваты хочъ на край свита...

Остапъ осмихнувся. Винъ властыво радый бувъ Соломіи. лыше ота несподиванка збыла ёго зъ пантелыку.

— А щобъ-же тебе муха вбрыкнула, що ты выгадала!—повеселишавъ Остапъ...—Та чого мы тутъ стоимо?—схаменувся винъ уразъ:—день якъ быкъ и вже онъ курыть щось шляхомъ...

Справди, сонце встало й оглядало свитъ палаючымъ окомъ. а на степовому горизонти немовъ справди завысла хмарка курявы.

Остапъ зъ Соломіею звернулы зъ шляху на поле и незабаромъ знайшлы те, чого имъ було треба. Тутъ, у корыти высхлого бурчака, облямованого по высокыхъ берегахъ червонымъ полёвымъ макомъ, було безпечнище, ба навить и де-яки выгоды трапылысь имъ: воны надыбалы степову крынычку, джерело. що ледве слёзыло й выповняло прыродню западынку, оброслу травою. а дали течійкою шылось по закрутахъ ривчака. Тутъ воны порішылы спочыты. Спильный сниданокъ и можлывисть перекынутысь щырымъ словомъ зъ блызькою людыною—до решты помырылы Остапа зъ несподиванымъ выпадкомъ; ёго значно заспокоилы Соломіины доводы, и обыдва товарыши, вже безъ зайвыхъ турботъ, натомлени нишныцямы, твердо поснулы сномъ молодости.

Сонце було нызько, такъ у два чоловикы видъ земли, колы Остапъ прокынувся. Винъ хотивъ збудыты Соломію, але лышъ глянувъ на неи, якъ схопывся за бокы видъ шаленого реготу.

— Ха-ха-ха!... Отъ козакъ—разъ козакъ!... реготався Остапъ. Ха-ха-ха!...

Той регитъ збудывъ Соломію. Вона схопылась и протыраючы очи здывовано зыркала на Остапа.

— Ты чого?...

— Продеры, продеры очи... Ха-ха-ха!...

— Бачу вже... Та чого ты?

— Ну, теперъ ходимъ.

Остапъ пидвивъ Соломію й потягъ іи до крынычкы.

— Стань на колина и дывысь у воду...

Соломія нагнулась и зазырнула до крынычкы. Звидты глянуло на неи свиже, повне облыччя зъ карымы очыма, що такъ выразно билило пры карматому очипку й пасмахъ чорного волосся, що пидчасъ сну повысмыкувалось зъ пидъ очипка.

— Теперъ глянь на свои ногы.

Соломія глянула и вразъ залялася дзвинкымъ смихомъ.

— Ха-ха-ха!... не вгававъ Остапъ: голова молодыцына, а ногы парубочи...

Воны реготалысь мовъ диты: вона—тонко и дзвинко, якъ молода дивчына, винъ—грубше, передчаснымъ баскомъ двадцятылитнёго парубка.

— Що-жъ воно буде? Спытавъ перегодомъ Остапъ.—Тажъ якъ хто пидгледыть твій очипокъ, не мыне насъ халепа.

— А ось що буде, ришуче промовыла Соломія и зъ цимы словамы здерла зъ головы очипокъ. Чорни буйни косы впалы ій на плечи й вкрылы ихъ ныжче пояса.—На, рижъ...

— Що ты кажешъ?—жахнувся Остапъ.

— Рижъ, кажу....

— И тоби не жаль, Соломіе?

— А ни крихты... Рижъ, уперто намагалась молодыця й сила доли.

— Та въ мене й ножыць чортъ-ма.

— Рижъ ножемъ....

Остапъ стоявъ вагаючысь, але бачучы молодыцыну упертисть, выйнявъ нижъ, поточывъ ёго объ каминь и почавъ обтынаты кружка Соломіине волосся.

Довги пасма чорныхъ кисъ, мовъ мертви гадюкы, тыхо зсувалысь по плечахъ до долу и лягалы на земли дывнымы покосамы.

Однакъ Соломія дурыла себе, запевняючы, що ій не жаль кисъ. Якъ тилькы нижъ шурнувъ по волоссю и до нигъ Соломіиныхъ впало перше пасмо кисъ, вона почула якійсь биль у грудяхъ, щось стысло за серце и на очи набиглы слёзы.

Робота була скинчена. Останъ одступывсь одъ Соломіи, щобъ здалека краще прыдывытысь до своеи роботы, а Соломія, мовчазна й замыслена, сыдила доли середъ обтятого волосся и вдывлялась кудысь у просторинь.

Заходяче сонце червонымъ свитломъ осявало цю картыну: ёго, стрункого й мицного, зъ чорнымы очыма, орлячымъ носомъ и темнымъ молодымъ вусомъ на засмаленому облыччю, и іи, що въ образи билолыцёго, чорнявого хлопця дывылась у простору засмученымы карымы очыма.

— Ну, пора намъ рушаты.... Гей, ты, парубче, якъ тебе зваты:—Семеномъ, чы якъ?—

— Про мене й Семене...—зитхнула Соломія и знялась зъ мисця.

II.

Була темна, осинняя ничь. Густа мряка чорнымъ запыналомъ еднала зъ небомъ спалену сонцемъ полонину. У долыни, на выдпокрузи, сирило щось шырокою смугою и росплывалось у питьми.

То бувъ Дунай.

Ще густійшый морокъ выповнявъ глыбоки чорторыи, що збигалы въ долыну по схылу прыбережного узгиря. Въ одній зъ такыхъ яругъ, глыбокыхъ та покрученыхъ по всихъ напрямкахъ весняными водамы, на самому дни ворушылысь люде. То булы втикачи. Два дни и дви ночи сыдилы воны тутъ у вохкости й питьми, ховаючысь видъ козачыхъ пыкётивъ, розкыданыхъ по ливому берези Дунаю. Якъ разъ сёгодня, зъ опивночы, мусылы воны прокрастыся у прыбережни комышы и тамъ чекаты перевозчыкивъ зъ-за Дунаю.

Було ихъ тамъ чоловика зъ трыдцять, зъ дитьмы, зъ усякымъ хатнимъ збижжямъ, зъ слабымы навить, якыхъ не можно було кынуты у чужій сторони.

По дни яругы неслось глухе, прыдушене мемрання. Не то осинни воды шумилы, збигаючы у Дунай, не то витеръ бывся

въ заломахъ проваллл. Люде говорылы потыху, слыве пошепкы. Якыйсь молодый, зъ ноткою сердечности голосъ, оповидавъ звычайну исторію втикача... «и попавсь я до грека и зазнавъ я неволи ще гиршои, якъ въ дома. Гнавъ мене на роботу и въ день и въ ночи, а годувавъ гиршъ за собаку.... Сорочка на мени чорна, заношена, нужа мене напала, йисть... И ходывъ я, якъ звиръ той лисовый, та не смивъ и словомъ перечыты хазяинови, бо винъ нахвалявся наслаты на мене посипакъ»....

— Охъ-хо!—вырвалось зъ чыихъ-сь грудей и тыхою скаргою загынуло въ темному провалли.

Десь здалеку бренила, якъ муха по весни, прытышена писня.

— Отче нашъ... да будеть воля твоя...—молывся хтось зъ прытыскомъ, зъ чуттямъ.

Хвора жинка важко дыхала и стыха постогнувала.

Межы втикачамы булы й Остапъ зъ Соломіею. Зазнавшы всякыхъ прыгодъ, воны врешти добылысь до Дунаю и вкупи зъ иншымы чекалы перевозу.

— Ты ще не заснула, Соломіе?—стыха обизвався Остапъ.

— Та мало що.... Такъ сонъ налигъ на мене, такъ налигъ... Колыбъ уже швыдче рушаты звидсы....

— Ще рано, до пивночи далеко.... Ну й холодъ!—чысто змерзъ... Иване!—обернувся Остапъ у другый бикъ—якъ думаешъ, не завадывъ бы намъ оберемокъ бадилля на вогныще? га?

— Падку мій! Тажъ то ажъ на верхъ лизты, гей!—жахнулось щось у темряви пысклывымъ бабьячымъ голосомъ и килько разивъ видсапнуло, немовъ корова у хливу.

— И куды его посылаешъ? адже винъ на своихъ короткыхъ ногахъ не злизе на гору,—кынула Соломія.

— Овва... овва... бо-зна що выгадалы... я й не на таке лазывъ...—образывся Иванъ, и зъ цымы словамы стало чутно, якъ винъ подряпавсь на стримку стину урвыща, важко й часто видсапуючы.

— Бачъ, старается, котыгорошокъ...—промовывъ хтось зъ темрявы: абы молодыця слово сказала—въ пекло полизе.

За килько хвылынъ оберемокъ бадилля прудко летивъ въ проваллля, а за нымъ, обвалюючы глыну и запорошуючы усимъ очы, скотывся до долу тріумфуючый Иванъ.

— Отъ и не вылизъ... отъ и коротки ногы... ге! якъ бы не коротки ногы—ходывъ бы одынъ зъ другымъ поночи... а теперъ у насъ вогонь буде... хе-хе-хе.... Крысало йе?... йе!... а губка йе?... Ну, выкрышемо... ге!...—торохтивъ винъ, мовъ горохомъ сыпавъ.

Иванъ метушывся, бигавъ безъ потребы зъ одного мисця на друге, шелестивъ сухымъ бадиллямъ, трощывъ ёго и складавъ на купу.

Врешти черкнулась крыця о креминь... спалахнула на ментъ искра, и стины урвыща немовъ двыгнулысь.

Иванъ прыпавъ до земли и дувъ. Червону цятку, до якои винъ мало не торкавсь устамы, розбыравъ гнивъ: вона росла, червонила, пырскала, мовъ сердытый китъ, и врешти, не вытрымавшы, схопылась полумямъ, бухнула сывымъ дымомъ и залляла свитломъ дно чорторыи.

Неривне свитло осявало коротку, грубу фыгуру зъ круглымъ ласкавымъ облыччямъ, зарослымъ, мовъ куделею, пасмамы полового волосся, блымало по накыданыхъ безладно клункахъ та по втикачахъ, що сыдилы й лежалы купкамы по земли. Крути глынясти стины урвыща жовтилы и лышь вгори, въ глыбокыхъ заломахъ, бывся крыламы сполоханый морокъ.

Остапъ та Соломія прысунулысь до вогню.

Раптомъ здалека, зъ берега рички, почувся кинськый тупитъ. Уси насторожылысь.

— Гасы вогонь!—обизвавсь хтось пошепкы й зъ тривогою: крый Боже ще помитять...

Остапъ знехотя почавъ затоптуваты вогонь, хочь це ёму и не вдавалося. Жевріюче бадилля розповзалось скризь, мовъ огняни хробакы, сычало й курылось.

Тымъ часомъ кинськый тупитъ завмиравъ у далыни и врешти зовсимъ затыхъ.

Въ провалли знову стало темно. Уси мовчалы.

— Иване, перервавъ хтось врешти тышу: розскажы-но, якъ тебе жинка была, та якъ ты одъ неи забигъ ажъ сюды....

— Оце выгадавъ! щобъ жинка та чоловика была—та це жъ беззаконъ, безпардонъ!... Зроду такого не було... хе-хе-хе...—непевно якось сміявся Иванъ, немовъ хотивъ пидбадёрыты себе.

Иванъ прыставъ до Остапа десь у дорози. Воны булы зъ одного повиту, навить села ихъ булы блызько. Це ихъ зъеднало, и зъ того часу Иванъ не розлучався зъ землякамы. Весела и добродушна вдача Иванова не разъ ставала имъ у прыгоди пры довгій и важкій блуканыни по чужыхъ краяхъ. Иванъ охоче оповидавъ про свое жыття домашне; зъ оповидання того можно було зрозумиты, що втикъ винъ не такъ одъ панщыны, якъ видъ лютои жинкы, яка мала западто велыки кулакы для малого на зристъ Ивана. Отъ тою то лютою жинкою й дратувалы разъ-у-разъ Ивана, та винъ не сердывся и добродушно выкручувався жартамы.

Та хочъ сыте тило Иванове сночыло трохы видъ жинчыныхъ кулакивъ, душа ёго шукала знаёмыхъ вражинь покоры. Винъ прывьязавсь до Соломіи, що огрядною постатью нагадувала ёму жинку, и за кожнымъ іи словомъ ладенъ бувъ скочыты хочъ въ пекло. Цю особлыву прыхыльнисть до Соломіи помичавъ не тилькы Остапъ, а вси, и лышъ высміювалы бидного коротконогого лыцаря.

— Говоры,—дратувавъ Ивана той самый голосъ: певно молотыла, якъ цыпомъ. Колыбъ не втикъ, то пишовъ бы доси на смухъ.

— Ну то що?—жваво пидхопывъ Иванъ,—хыба я боюся смерты? Сохраны Боже!... Пошлы, Господы, й завтра. Разъ вмираты—не двичы. Вмеръ—и край, бильшъ не встанешъ.

— Ни, краще не здыхай, Иване, тутъ, бо будуть шкуры дешеви....

— Хе-хе-хе!... О, бодай тебе, що выгадавъ, хехекавъ Иванъ, мовъ булькавъ зъ повнои пляшкы. На смихъ ёго однакъ нихто не обизвався. Люде булы поважни, похмури навить. Тилькы дытына часомъ заквылыть й сповныть жалемъ проваллля.

— Чы не часъ намъ въ дорогу?—поспытала Соломія.

— Про те вже дидъ Овсій знае, винъ тутъ порядкуе,—обизвався Остапъ.

Очевыдячкы це пытання усихъ цикавыло, бо по провалли пройшовъ шепить: пора, пора... и почалося збирання.

— Потыхо, потыхо, не вси разомъ, шамкавъ дидъ Овсій и все лазывъ помижъ люде, усе толочывъ имъ ногы.

Рушылы.

Выбратыся однакъ зъ темпои, покрученои та вузькои чорторыи було не легко. Разъ-у-разъ доводылось спотыкатыся, намацуваты дорогу, падаты, чыплятысь за клункы, вставаты и зновъ спотыкатыся. Ця плутанына зайняла коло годыны. Врешти війнувъ витрець—передъ втикачамы була наддунайська нызына. Уси зитхнулы вильнище, хочъ небезпечнисть саме тутъ и почыналася. Треба було перейты ривне, незаросле й незакрыте ничымъ мисце, щобъ опынытыся въ комышахъ. Дидъ Овсій выстроивъ усихъ въ одну лынію, а самъ пишовъ попереду. Ничъ була темна, ажъ чорна, въ килькохъ ступеняхъ ничого не можно було розибраты. Легкый туманъ встававъ надъ Дунаемъ, повзъ берегамы, окутувавъ втикачивъ. Воны потыху посувалыся.

— А я вже васъ держуся, якъ слипый плота,—шопотивъ Иванъ до Соломіи, йдучи за нею. Куды вы—туды й я.... Щобъ буты разомъ... А може вамъ важко, то дайте мени клунокъ, я понесу, жебонивъ винъ важко видсапуючы.

— Та не сопить такъ, мовъ ковальській михъ,—напучувала ёго Соломія.—А клунка свого не дамъ, бо я ще й васъ могла-бъ узяты на горгоши зъ вашою торбою разомъ...

— Колы жъ ногы грузнуть, ажъ въ постолахъ хлющыть, та ще щось, не тутъ згадуючы, немовъ чыпляется до нигъ, не пускае...

Почынався мочаръ, порослый комышомъ. Чутно було, якъ шелестыть комышъ своимъ лыстомъ та иноди хрусне пидъ ногою суха очеретына.

Йшлы недовго. Дидъ провиднык зупынывся, наказавъ усимъ залазыты въ комышы, скласты свои клункы й буты на поготови, а самъ десь зныкъ.

Блызько, заразъ, отутъ дыхала холодною вохкистью ричка, хочъ іи не выдко було у питьми. Зверху почало щось сіятысь, чы то дощъ, чы мряка. Втикачи росташувалыся на мочари, пидъ ногамы у ныхъ плющало. Воны сыдилы нерухомо, корячкы, боячысь поворухнутысь та зачепыты шамкый комышъ. Воны дывьлысь передъ себе, у густый вохкый морокъ. Ногы терплы, мряка покрывала одежу холодною росою, вода затикала въ обувъ. Очыкування помочы, що мала прыбуты зъ невидомыхъ, вильныхъ краивъ та вызволыты зъ неволи—напружувало нервы, ростягувало безъ краю часъ. Почуття дійсности втрачалося, усе прыймало незвычайный, казковый характеръ. Напружене око вбачало у питьми якись тини, що снуются въ тумани, наблыжаются, виддаляются, прыймають незвычайни розмиры. Часомъ блымне здаля вогонь и зныкне, щобъ зъявытысь у другому мисци. И зновъ темно. На ричци щось прюснуло... разъ, другый.... Прысягъ бы, що то весла одбывають по води тактъ, що човны рижуть хвылю и ось-ось стукнуть носамы въ берегъ.... Однакъ скризь тыхо.... Шырока ричка спокійно дримае въ легкому тумани, чорне небо безперестанку сіе росу.... Здается, що ця довга осиння ничъ николы не скинчытся... марни надіи, даремни сподивання... нихто не прыбуде, нихто й не думае про те, що тутъ сыдять холодни, стурбовани люде й якъ Бога зъ неба чекають рятунку.... Усе намарне.... Але око зновъ ваблять блукаючи вогни й рухлыви тини, вухо зновъ ловыть непевни згукы, що родять надію, будять увагу...

Тило терпне, тило деревеніе, кудысь подилысь ногы, що моклы въ води, не чуть ихъ, на-пивъ солодка втома обхоплюе людыну, байдужнисть закрадается въ серце.... Все такъ якъ слидъ, якъ мае буты, и чы не однаково гынуты тутъ, середъ цёго багна, чы въ дома въ неволи....

Уразъ—що се? Сонъ снытся, чы чудо діется? Далеко за ричкою блыснуло щось, немовъ зъ неба вогонь впавъ на землю и спалахнувъ, якъ свичка. Порядъ сяйнуло зновъ, а за нымъ у третёму мисци сыльно бухнувъ полуминь. Тры вогни горилы, якъ свичкы въ церкви—и неможно було розибраты, чы воно на земли, чы на неби діется. Немовъ холодный витрець повіявъ и

торкнувсь облыччя. Уси стрепенулысь. Та не встыглы воны спамьятатыся, якъ вогни згаслы и одночасно, десь недалеко въ комышахъ, жалибно завывъ голодный вовкъ. Та сумна скарга покотылыся по ричци и вразыла втикачивъ.

— Бачъ, зголоднивъ!—зъ спивчуттямъ обизвалась Соломія.

— А я?... а я?... ще й не такои заспиваешъ, якъ жывитъ прысохне до спыны... А може то винъ васъ почувъ, та плаче, що ніякъ взяты... хе-хе!...

— Ну, ты ёго тилькы торкны, котыгорошка, то винъ заразъ и розсыплется,—невдоволено промовывъ Остапъ.

— А, яки-жъ бо вы!... Хыба-жъ я що? хыба-жъ я якъ?...

— Поснулы? га?—прошамкавъ раптомъ дидъ Овсій, вернувшысь зъ берега.—А заразъ перевизъ буде....

Люде ворухнулысь. Ажъ ось воно—перевизъ.... Груды вильно зитхнулы.... Десь раптомъ знайшлыся ногы, мокри, холодни, задубили, зомлиле тило забажало рухивъ, дійснисть розвіяла чары, розбудыла мозокъ.

— А що—вовкъ добре заскиглывъ?—шепнувъ дидокъ на вухо Йванови и засміявся.

— А щобъ же васъ ведмидь загрызъ... бороны Боже!—здывувався той.—А я жъ не казавъ, а я жъ не мовывъ....

И въ ёго шепоти чулося таке здывування передъ хытрощамы дида й така наивна вира въ те, що винъ зразу одгадавъ ти хытрощи, що Остапъ и Соломія мымохить осмихнулыся.

Потыху й обережно уси посунулысь до берега. Зъ нетерплячкою вдывлялыся воны у темряву, та ничого не бачылы й не чулы. Ричка спала. На заходи трохы выяснылось и на мутному неби вырезалыся контуры чорныхъ, мовъ важки хмары, гиръ. За ричкою шумилы плавни.

Не вважаючы на дидову обицянку—перевизъ не прыбувавъ. Люде нетерпелывылысь. Диты змерзлы, пыщалы, и трудно було заспокоиты ихъ. Мисце було небезпечне—тутъ разъ-у-разъ вештылась кордонна сторожа и кожнои хвылыны могла заскочыты. Це дратувало. Нарикання сыпалысь на дида Овсія, усихъ брала хить скорійшъ покынуты небезпечный беригъ та знову забытыся

въ яку нору. Тамъ прынаймни можно розкласты вогонь й зогрытыся. Нихто й не дывывсь на ричку.

Колы се—на самому березi щось плюснуло. Два човны мягко шурхнулы по прыбережному писку и тыхый голосъ поспытавъ:

— Вы уси тутъ?

На березi зробывся заколотъ. Вси товпылысь коло човнивъ, кожный хотивъ скорiйшъ зайняты мисце, прымостыты свои клункы. Дидови Овсiеви не легко давалося зробыты ладъ и спокiй. Котыгорошокъ однымъ зъ першыхъ скочывъ у човенъ и завзято намагавсь втягты за собою якыйсь Соломiинъ клунокъ.

— Соломiе... Остапе... сюды... до мене!—клыкавъ винъ пошепкы и сопивъ, и кректавъ, и крутывъ головою, вовтузячысь зъ непокирлывымъ клункомъ.

Раптомъ зовсимъ зблызька форкнула коняка. Уси оторопилы.

— Сидай швыдче—сыкнувъ перевозчыкъ.

Та було пизно.

— Хто тамъ?—гукнувъ зъ темрявы сердытый голосъ.

У тужъ хвылыну кинська голова наткнулась на купку людей, а надъ нею звисывся козакъ, немовъ шукавъ чого-сь на земли.

— Эге—э! протягъ винъ наче до себе, скынувъ зъ плечъ рушныцю и бахнувъ надъ головамы прынышклыхъ втикачивъ.

Люде опамьяталыся. Адже винъ одынъ, а ихъ багато. Смилывици кынулысь на козака, та голоручъ не легко було ёго взяты.

Тымъ часомъ стрилъ певно почулы, бо зъ темрявы неслась уже на втикачивъ кинська тупотнява, брязкъ зброи и груби людськи голосы.

— Ловы ихъ! вьяжы! гукалы козаьы, впадаючы на тыхъ, що не встыглы систы у човенъ. Воны зскакувалы зъ коней и кыдалысь на втикачивъ. Усе змишалося.

Якыйсь здоровенный москаль вхопывъ Соломiю впоперекъ и поволикъ, але Остапъ насивъ на нёго зъ-заду и вызволывъ Соломiю.

— Матинко! рятуйте! верещавъ пронызуватый жиночый голосъ, покрываючы шумъ боротьбы.

А човны тымъ часомъ тикалы. Вода кыпила пидъ весламы. човны тремтилы й скакалы на води, якъ жыви.

— Стій!—неслось зъ берега,—будемо стриляты. Грымнуло килько стреливъ и сколыхнуло повитря.

Кули свысталы надъ головамы втикачивъ, але Иванови було не до куль: винъ все ще махавъ рукамы и благаючымъ, роспучлывымъ голосомъ клыкавъ.

— Остапе... Соломіе... А яки жъ бо вы... сидайте швыдче... сюды, до мене... и не помичавъ, що видъ берега оддиляла ёго шырока смуга воды, а галасъ на березі покрывавъ ёго слабый, пысклывый голосъ....

—

Що дали було—ни Остапъ, ни Соломія не моглы добре прыгадаты. Воны лышь памьяталы, що биглы на-одчай, черезъ комыши, черезъ воду, въ безпросвитній темряви, зъ почуттямъ звирыны, за якою женуть собакы. Килько разивъ Остапъ вскакувавъ у воду мало не по поясъ, часто Соломія зъ розгону натыкалась на кущъ верболозу, але коженъ разъ воны давалы соби раду и зновъ мчалы впередъ, добуваючы останни сылы. Врешти щось перепыныло имъ дорогу, и воны попадалы. Ця прыгода була имъ навить на руку. Лежачы на чомусь твердому й холодному, воны моглы трохы одсапнуты. Ногы въ ныхъ тремтилы, груды важко дыхалы. Воны лежалы и слухалы. Навколо було тыхо, одъ берега не долитавъ сюды жаденъ згукъ, очевыдячкы тамъ уже все скинчылося. Сіявъ дрибненькый дощыкъ, темрява зновъ стала густишою. Не почуваючы за собою погони, Остапъ и Соломія помалу опамьяталыся. Остапъ обережно обмацавъ те, на чому лежавъ: то горбъ, порослый травою. Ага! подумавъ винъ: мы выдно наткнулыся на высокый берегъ. Воны спочылы трохы, осмилени тышою, звелыся и обережно побрелы вздовжъ гиръ, въ надіи натрапыты на яругу, де можно бъ було захыстытыся видъ дощу й холоду. И справди—незабаромъ почулы пидъ ногамы розмыту глыну и увійшлы у чорну пащу проваллявъ.

Тутъ воны намацалы сухе, затышне мисце и тилькы тоди почулы, що страшенно втомлени й згрити шаленымъ бигомъ.

Утома була така сыльна, що брала верхъ надъ усимъ: воны просто впалы. Безъ розмовъ, безъ думокъ—воны поснулы твердымъ, здоровымъ сномъ.

Прокынулысь воны нерано: сонце мабуть було высоко, бо жовтый проминь ёго повзъ по стини урвыща. Вгори сынила смужечка погидного неба.

Першою думкою въ Остапа було довидатысь, де воны. Винъ подавсь на розвидкы и скоро вернувся, щобъ заспокоиты Соломію: скризь тыхо, спокійно, днына тепла й ясна. Почалы радытысь.

Обое згадалы, що одынъ мырошныкъ зъ надъ Прута, одноокый Якымъ, такый забиглый, якъ и воны, тилькы зъ Подилля, хвалывся, що знае спосибъ переправыты ихъ въ Турещыну, и воны певне бъ звернулыся до ёго, колыбъ котыгорошокъ та дидъ Овсій не пидбылы ихъ тикаты разомъ зъ нымы черезъ Дунай.

Теперъ ничого инчого не лышалося, якъ звернутыся до того мырошныка, бо переховуваться дали на своему боци було не безпешно: ихъ моглы спійматы, одислаты до пана, або запроторыты въ тюрму.

Воны ледве вылизлы зъ глыбокого проваллям и опынылыся на спаленій сонцемъ сирій полонынн. Нызына, що прыймала въ ночи фантастычни, непевни формы, выдавалась у день дуже гарною. Шырокый и тыхый Дунай блыщавъ проты сонця, мовъ крыця, а зъ-за прыбережныхъ, зеленыхъ ще вербъ здіймалысь у небо блакитни шпыли далекихъ гиръ.

Розглянувшысь уважно, Остапъ змиркувавъ, що звидсы до Кышныци, де стоявъ витрякъ Якымивъ, буде верстовъ зъ трыдцять. Колы поспишытыся, то до вечора можно бъ ще постыгнуты туды.

И воны, почыстывшы трохы свою молдаванську, заболочену вчора, одежу, не гаючысь подалысь у дорогу. Воны йшлы то шляхомъ, то стежкамы навпростець, намагаючысь не звертаты на себе увагы.

— Десь теперъ нашъ котыгорошокъ зъ туркомъ бесидуе,— обизвалась Соломія.

— Якъ не годуе ракивъ дунайськыхъ,—кынувъ Остапъ. И имъ уявылыся нични прыгоды.

Воны обигнулы зъ правого боку Рени и подалысь по надъ Прутомъ. Зъ дорогы выдно було, якъ выйся у нызыни крывулькамы глыбокый та каламутный Прутъ, а за нымъ скилько око сягало, рудилы стыглымъ комышомъ плавни и хвылювалысь, якъ ныва. Край неба щось курылось, дымъ нызько слався надъ очеретамы. Инколы надъ берегомъ Прута проскакувавъ вершныкъ и зныкавъ за крутымъ поворотомъ ричкы.

За Прутомъ була Турещына.

Вже була ничъ, колы воны пидходылы до Кышныцькыхъ витрякивъ, що лыныво помахувалы крыламы. На радисть имъ у Якымовому витряку свитылось. Воны одхылылы дверы и увійшлы. Тамъ никого не було—и Остапъ зъ Соломіею прысилы на мишкахъ. У млыни стоявъ теплый, прыемно-солодкуватый духъ свижои кукурудзянои мукы. Борошняный пылъ высивъ у повитри, а стины, банты и поставъ булы обсыпани имъ, якъ снигомъ. Биле павутыння фестонамы высило вгори, гойдалось одъ найменчого руху повитря и кыдало дывовыжни тини пры жовтому свитли одынокои лыхтарни. Жорна мягко шамотилы по зерни; кишъ трясся, якъ у пропасныци; вгори щось жалобно скрыпило. За стинамы витряка, въ сели, валувалы собакы....

Незабаромъ зъявывся заборошненый мельныкъ. Прыдывывшысь своимъ однымъ окомъ, винъ впизнавъ Остапа.

Остапъ заразъ такы розсказавъ ёму, по що прыйшовъ.

— Добре, коротко одмовывъ Якымъ.... Трохы упораюсь и пійдемо.

Остапъ и Соломія булы стомлени дорогою, однакъ змовчалы про те.

Воны трохы спочылы й перекусылы, покы мельныкъ засыпа́въ зерно та переносывъ мишкы.

Такъ коло пивночи Якымъ ихъ поклыкавъ:

— Ходимъ.

Воны выйшлы.

Надъ селомъ стоявъ звычайный въ осинню пору туманъ. Винъ йшовъ очевыдячкы зъ ричкы, зъ плавнивъ, бо чымъ ныжче воны спускалыся, тымъ туманъ стававъ густійшымъ. Село вы-

глядало, якъ зъ пидъ воды, блиде свитло лышъ де-не-де блымало кризь млу. Дыхалось важко. Вси трое мовчкы спускалысь у нызъ, а дали звернулы у бикъ одъ села и йшлы такъ верствы зо дви, то спускаючысь, то дряпаючысь по горбахъ. Врешти мельныкъ казавъ имъ зупынытыся, а самъ пишовъ напередъ. Остапъ зъ Соломіею вдывлялысь у темряву и ничого не бачылы; мельныкова постать раптомъ зныкла зъ-передъ очей, мовъ розпустылась у мли. За килькы хвылынъ винъ вырнувъ и повивъ ихъ за собою у нызъ, по крутому й слызькому схылу. Колы воны обережно спускалыся зъ горы, недалеко видъ ныхъ блымнулы два вогныкы и въ ту-жъ мыть зныклы.

— То лисъ,—пояснывъ мельныкъ.

Врешти воны зупынылысь. Мельныкъ выкресавъ вогню и освитывъ вузьку, якъ лысяча нора, печеру.

Тутъ выдно недавно булы люде, бо лежала купа сухого лысту та килькы грубыхъ вербовыхъ полинъ.

Мельныкивъ планъ бувъ дуже простый: звязаты невелычкый плитъ, абы мигъ здержать двое людей—и въ темну ничъ, ховаючысь одъ козакивъ, переплысты у плавни. А тамъ уже безпечно. Колыбъ не стало прыхованого тутъ матерьялу, можно роздобуты на березп рички. Абы обережно.

И одноокый Якымъ подавъ Остапови жмутъ мотуза та паляныцю, попрощавсь и зныкъ у мли.

Соломіи дуже сподобався мельныкивъ плянъ.

Вона мала охоту заразъ такы вязаты плитъ.

Пры свитли восковои свичкы, що воны роздобулы въ млыни, воны взялыся до роботы и такъ захопылыся, що забулы про втому та сонъ. Та матерьялу було недоволи для плота, и треба було одкласты роботу.

Другои дныны Остапъ пустывсь на розвидкы. Показалося, що ихній сховокъ бувъ у макитри, але доволи було злизты на гору, якъ саме тутъ, мало не пидъ ногамы, нисъ быстри воды Прутъ, вгынаючысь у берегъ колиномъ и ховаючы обыдва кинци за высокымы береговымы выступамы. Мисце справди було вы-

гидне для переправы, бо доволи було кордонному козакови загнуты за выступъ—и колино ричкы зныкало ёму зъ очей.

На березi валялысь галузкы, уламкы дощокъ и навить цили вербы зъ кориннямъ, выкынути на берегъ повиню. Надъ плавнямы чорнымы пасмамы повзъ дымъ.

Тилькы въ-ночи Остапъ зъ Соломiею зважылысь податыся на берегъ. Вылазячы зъ макитры на гору, воны побачылы червоне крайнебо, наче сходывъ мисяць.

— Що за мара, обизвався Останъ, адже теперъ не мисяшни ночи.

Та Соломiя, що встыгла вже злизты—рантомъ одхылылась и мало не скрыкнула:

— А дывысь!.. дывысь!..

Остапъ глянувъ и остовпивъ.

Передъ нымъ, на крайнеби, стоялы высоки вогняни горы. Та ни, воны не стоялы. Воны рушалысь, якъ жыви, хыталысь, тремтилы, осидалы въ одному мисци и выросталы въ другому. Воны тыхо жеврилы, якъ купа искрыстого золота, або выбухалы червонымъ снопомъ полумья. Видтакъ знесыловалысь, вьялы и гнулысь одъ витру, и знову рослы, знову палалы. Колы одна зъ ныхъ падала, друга пидхоплювала ii, здiймалась до горы и быстро ламала лынiю блыскучыхъ вызубнивъ. Одъ ныхъ займалась на неби хмара и палала вкупи зъ далекымъ небомъ.

То горилы плавни.

Зъ жахомъ вдывлялысь Остапъ зъ Соломiею у цю картыну.

— Ни, не до насъ йде, а въ бикъ, за витромъ, зъ легкымъ сердцемъ зитхнула врешти Соломiя.

Здавалося, розбурхане море вогню кыпило, ревло, брызькало вогняною пиною, разъ червоною, якъ грань, разъ билою, якъ свитло блыскавкы, и йшло сердытымы хвылямы на чорни безборонни плавни, що прычаилысь и тремтилы у ничнiй питьми.

Однакъ, николы було любоватыся. Оглядаючысь и прыслухаючысь, воны зiйшлы на беригъ. Не було никого. Одъ далекого свитла внызу здавалось ще темнище. Зъ плавнивъ устававъ туманъ.

Воны знайшлы, що имъ було потрибне, и зъ велыкою обережнистью, памятаючы, що кожну хвылыну може выткнутысь зъ-за выступу козакъ, потяглы на гору оберемкы вербового гылля.

Зъ опивночи плитъ лежавъ готовый, ажъ просывсь на воду.

Винъ бувъ важкый, кострубатый и его треба було несты такъ, щобъ не ослабъ мотузъ.

Остапъ и Соломія кректалы, зупынялысь, спочывалы, облывалысь потомъ и зновъ тяглы его на гору.

Навколо—ни душечкы. Ни, имъ такы везло нынп! Туманъ стоявъ густый, мовъ кисиль; до свита було далеко, а кордонна сторожа або поснула, або выгынула.

— Закымъ сонце зійде—го-го! де мы будемо...—радисно шепотавъ Остапъ.

— Тоди кажы гопъ, якъ перескочышъ...

На березп було тежъ тыхо и безлюдно. Каламутный Прутъ дыхавъ вохкымъ холодомъ. Сири, ледве помитни въ тумани плавни непрывитно шумилы.

Остапъ зъ Соломіею потыху спустылы плитъ на ричку. Винъ хлюпнувъ и глыбоко осивъ у воду. Колы Соломія прымостылася на плоти, Остапъ одипхнувъ одъ берега и тоди скочывъ. Плитъ захытався и пропустывъ воду. Прудка течія крутнула нымъ и понесла внызъ. Остапъ опиравсь быстрыни зъ усіеи сылы, але его килъ мало що помагавъ: плитъ несло середыною ричкы. Якыйсь часъ плылы воны въ тумани, помижъ берегами, одирвани одъ земли й безпомични. На превелыку сылу вдалося врешти выбытыся зъ стрыжня та наблызытысь до берега. Але й тутъ вода зносыла плитъ и нелегко було прыстаты до берега. Остапови пощастыло однакъ зачепытысь якось за прыбережну вербу. Соломія вхопыла за гыллячкы, Остапъ прыдержавъ плитъ— и обое выскочылы на берегъ, втомлени й мокри. Вода заразъ пидхопыла плитъ, поволи обернула его и понесла внызъ укупи зъ харчамы, забутымы на плоту. Та це була дурныця: воны булы за кордономъ.

Дывне почуття обхопыло Остапови груды: замисть радости— сыльне обурення стрепенуло его истоту. Въ одынъ ментъ

видчувъ винъ уси крывды й знущания, яки зазнавъ у покынутому краи, и, твердо упыраючысь ногамы въ нову, не панщызняну землю, винъ затысъ кулакъ и погрозывъ на той бикъ рички.

— Бодай ты запалася, треклята краина, зъ твоими порядкамы!..—заклявъ винъ на голосъ.

Одночасово на тому березп почулася кинська ступа́.

— Хто тамъ!.. кынувъ у питьму кордонный козакъ и не дочекавшысь одповиди, бахнувъ на ослипъ зъ рушныци.

— Ой!—скрыкнувъ Остапъ, вхопывсь за груды и захытався.

— Ничаво-о!.. Колы не влучывъ, тикай соби зъ Богомъ!—добродушно промовывъ козакъ и ступою подався дали...

III.

— Що тоби? прыскочыла Соломія до Остапа и пиддержала ёго.

Вона вся похолола и тремтила одъ жаху.

— Ой, тыхо стогнавъ Остапъ: поцилывъ мене отуть, пидъ серце...

Соломія немовъ не розумила того, що сталося. Вона торсала Остапа за одежу, тягла ёго зъ собою и зъ жахомъ повторяла:

— Тикаймо... тикаймо... винъ ще стрылятыме, винъ вбье тебе...

Помитывшы, що Остапъ не рушытся зъ мисця, вона вхопыла ёго пидъ руку и слыве поволокла за собою. Вона вскочыла у комышн и бигла прудко, на скилькы позволявъ це Остапъ та густый очеретъ. Тряскый грунтъ плавнивъ вгынався пидъ нею, якъ на пружынахъ. Ногы грузлы часомъ по колино въ цмоковынп, цупкый комышъ ламався, трищавъ та бывъ іи по лыци, плутався пидъ ногамы, а вона бигла усе впередъ, поня́та жахомъ, ничого не помичаючы, бажаючы тилькы забигты якъ мога дали, укрытыся видъ наглои смерти.

Остапъ несвидомо пиддававсь ій. Винъ бигъ за нею, хочъ зъ кожнымъ виддыхомъ и рухомъ кололо ёму въ грудяхъ и на-

падалы часомъ млосты, а зъ-пидъ рукы, якою винъ затулявъ рану, стикало щось тепле й мокре.

— Абы лышъ перебигты оце мисце... абы лышъ перебигты... и все мынется... и ничого лыхого не буде...—блукалы думкы въ ёго голови, и винъ бигъ, напружуючы останни сылы, абы не видстаты видъ Соломіи.

Врешти винъ почувъ, що мліе.

— Стій... не можу...—шепнувъ винъ, опускаючысь до долу.

— Що тоби?—опрытомнила молодыця, схылывшысь надъ нымъ.

Крови багато вытекло...—насылу промовывъ Остапъ.

— Тебе зранено? де?—скрыкнула Соломія, опускаючысь передъ нымъ на колина та намагаючысь розглянуты рану.

Але було темно, якъ у лёху. Невыдно було навить комыша, що стырчавъ густо, мовъ жыто на ныви, кругъ ныхъ.

— Де тебе зранено?

— Отутъ, пидъ серцемъ.

Соломія провела рукою по ёго грудяхъ и намацала мокру й лыпку сорочку. Остапъ сыкнувъ одъ того дотыку.

Въ голови у Соломіи развыднилось. Жахъ іи счезъ безъ слиду. Вона знала, що робыты.

Обережно разщибнула ёму сорочку и одкрыла груды. Цёго було мало. Вона роздерла пазуху, одлипыла скривавлену сорочку; потимъ одшматувала довгый пасъ зъ своеи пидтычкы и зъ помичью Остапа тисно завьязала ёму рану.

— Воды!..—попрохавъ раненый.

Воды! це легко було сказаты! У цій пытьми, у цій чорній невидомій пустыни, де доволи було зробыты килькы ступенивъ, щобъ заблудытысь, трудно було шукаты воду. Серце Соломіине рвала та просьба Остапова, а голова шукала способу. Ба! адже воны на води! про се свидчыть трясовына, що вгынается пидъ ногамы. Соломія спробувала выкопаты рукою ямку и справди докопалась до воды. Була це густа, гныла й тягуча ридына, зъ протывнымъ духомъ аеру. Соломія зачерпнула іи у прыгорщы и подала Остапови. Той змочывъ уста, але пыты іи не мигъ. Со-

ломія змочыла ёму чоло, скынула зъ себе верхню одежыну и пидмостыла ёму пидъ голову. Про те, щобъ пускатысь въ дорогу у таку питьму въ невидомій сторони, не було й гадкы.

Треба було дочекатыся свиту.

Остапъ лежавъ на очерети и почувавсь ослабленымъ. Въ грудяхъ у нёго хрыпило и було боляче дыхаты. Не то сонъ, не то забуття склепляло повикы.

— Ты тутъ, Соломіе?—пытавъ винъ и дримавъ дали.

— Тутъ, тутъ... осьде...

Серце ныло въ Соломіи одъ жалю й тривогы. Ій легше було бъ, колыбъ куля потрапыла въ неи.

Та ще колыбъ вона хочъ могла бачыты ёго рану, ёго облыччя—ій, здается, не такъ бы важко було. А то ця питьма, цей чорный, клятый морокъ. Винъ оточавъ іи зъ усихъ сторонъ, слався передъ очыма, высивъ надъ головою, заповзавъ пидъ шкуру, выповнявъ іи всю та гнитывъ серце... Надаремне вытрищала вона очи— вона не могла навить одрижныты пальцивъ на власній руци. Винъ жывъ той морокъ, рушався, дыхавъ, шептавъ щось тысячнымы устамы, безперестанно, уперто, зъ посвыстомъ, якъ стара баба. Соломія сыдила перестрашена та прыслухалася, про що шепче морокъ.

Шу... шу... шу...—почынавъ винъ здалека:—шу... шу... шу...—одзывалось тутъ коло неи:—шу... шу... шу...—шепотило все разомъ:—а по що було клясты... шу... шу... а теперъ вмре... побачышъ—вмре... шу... шу... шу...

Соломіи ставало моторошно: «брешешъ, брешешъ...—хотила вона кынуты въ лыце злому морокови:—винъ мій... винъ буде жыты... ёго не дуже поранено... адже винъ скилькы пробигъ»...

Але морокъ уперто шумивъ свое:—винъ вмре... шу... шу... шу... винъ вмре... шу... шу... шу...

И немовъ въ одповидь ёму важко дыхавъ Остапъ, тыхо постогнуючы кризь сонъ.

Соломія затулыла вуха й заплющыла очи. Ця питьма, бильшъ знаёма, бильшъ свійська, не такъ мучыла іи. За те вона почула вохкый холодъ, що проймавъ іи наскризь. Та вона не хотила

выйматы зъ-пидъ головы въ Остапа своеи одежыны и тилькы скорчылась, щобъ хочъ трохы зогритысь. Вона не чула вже зловищого шептання мороку и оддалась надіямъ на краще.—«Винъ выгоится, винъ жытыме... вона не дасть ёму загынуты... Отъ колыбъ лышъ свитало уже... колыбъ свитало...»

Утома взяла свое: Соломія насыдячкы задримала.

Колы вона прокынулась, сире свитло падало зъ хмарного неба. Туманъ ще плутався у комышахъ и по воли здіймався догоры. Плавни немовъ курылысь.

Остапъ лежавъ тутъ-же зъ росплющеныны очыма; ёго молоде облыччя немовъ прывьяло, на уста впала смага.

— Ну, якъ тоби?—прыпала до нёго Соломія.

— Та ничого... тилькы дыхаты важко... згага мене палыть... воды...

Треба було щось радыты.

— Ты можешъ йты?

— Не знаю, зведы мене...

За помичью Соломіиною Остапъ звився. Винъ затыскавъ зубы та крипывся, щобъ не стогнаты,—такъ ёго болило за кожнымъ рухомъ десь пидъ лопаткою. Соломія пидтрымувала ёго, и такъ воны звильна йшлы по-мижъ высокымы стинамы жовтого комышу.

Недовго имъ довелось шукаты воду. Незабаромъ заблыщало кризь комышъ спокійне зеркало озерця.

Соломія напоила Остапа, оглянула и обмыла ёго рану. Вона прыклала до раны мокру холодну ганчирку—и Остапови стало легше.

Почалы радытысь, якъ имъ выбратыся зъ плавнивъ, куды йты. Остапъ миркувавъ.

— Де сонце?—поспытавъ винъ.

Соломія глянула на небо. Помижъ очеретяною купею, що тыхо гойдалась вгори, выднився клапоть сирыхъ, олывяныхъ хмаръ. Зъ-за высокого та густого, якъ щитка, комышу не можна було ничого розибраты.

— Звидкы витеръ?—допытувався Остапъ.

Але й це не легко було змиркуваты. Въ плавняхъ було тыхо, якъ у лиси, лышъ горою шелестила куня, разъ въ той бикъ схыляючысь, разъ въ иншый.

Остапови здавалося, що воны мусять держатыся правои рукы; Соломія жъ навпакы доводыла, що имъ слидъ йты въ ливоручъ, проты витру, бо, здается, направо гнется комышъ. Соломіине переченння дратувало раненаго, и вона мусыла згодытыся зъ нымъ. Воны рушылы въ дорогу. Дорога була трудна. Навить здоровому важко було плутатыся въ густыхъ комышахъ, зарослыхъ павутыцею, перескакуваты зъ купыны на купыну, щобъ не попасты въ багнысту безодню. Часто доводылось обходыты ерыки й озерця, де Остапъ освижавсь холодною водою та змочувавъ роспалене гарячкою чоло. Соломія слыве песла Остапа, а проте имъ доводылось часто зупынятыся, бо слабый утомлювався и потребувавъ спочынку... Та воны зновъ воликлысь, одыноки, загублени середъ безбережного моря очерету, що маявъ надъ нымы пухнатымы кытыцями та наводывъ сумъ одноманитнымъ шелестинням. Воны йшлы такъ довго, не видаючы поры дня, бо надъ нымы все высивъ клапоть олывянои хмары, а кругъ ныхъ усе ижывся высоченный, цупкый жовтый комышъ, немовъ сунувся разомъ зъ нымы, якъ зачарованый. Часомъ имъ здавалося, що помижъ очеретомъ щось шмыгнуло, немовъ песъ або вовкъ, инколы воны зъ огыдженнямъ обмыналы сонныхъ, млявыхъ одъ холоду гадюкъ, що купамы лежалы на купынахъ, або линыво пересувалыся помижъ очеретомъ.

Разъ имъ почувся згоры шумъ, одминный одъ шуму плавнивъ, и воны домиркувалысь, що то пролетило надъ нымы стадо якыхъ-сь птахивъ, може дыкыхъ гусей. Здавалось—плавнямъ нема кинця краю; навкругы було усе те саме тай те саме, немовъ воны стоялы на мисци.

Справа почынала буты поганою. Остапъ знемигся и зовсимъ росхорився: его палыла гарячка. Соломія поклала его край озерця и задумалась. Адже воны моглы пропасты отутъ, безъ людськои помочи, безъ харчивъ, посуваючысь такъ поволи! Голодъ уже й такъ ссавъ пидъ грудьмы. Выдно воны заблудылысь и те-

перъ плутаются у плавняхъ—и хто зна, якъ довго ще можуть блукаты у цій глушыни. Чы не краще-бъ лышыты тутъ Остапа—вона жъ ёму однаково ничымъ не годна запомогты—та самій метнутысь й пошукаты выходу? Такъ було-бъ певнище й скорище.

— Прымосты мени коло озерця; абы я мигъ воду дистаты, а сама йды, розглянь...—згоджувався Остапъ.

— Ты певно зголоднивъ, йисты хочешъ?

— Ни, не хочется... тилькы пыты.

Соломія нагнула комышъ и зробыла хворому ложе. Не зводячысь, винъ мигъ зачерпнуты прыгоршнею воды.

— Отакъ добре буде...

Соломія озырнулась и стала миркуваты...

Вона пійде проты витру... здается у право бильшъ гнется куня́... Вона ничого не казатыме Остапови, бо винъ почне сперечатыся, дратуватыся.

— Не сумуй же тутъ безъ мене, я швыдко повернуся, обернулась вона до нёго и зныкла въ комышахъ.

Вона йшла и старалася нагадаты соби плавни, якъ бачыла ихъ згоры, до переправы.

У право—горило... такъ, у право горило—и туды гнавъ витеръ вогонь; у ливу руку выднилысь горы й вербы. Значыть, треба йты туды проты витру. Вона стрибала зъ купыны на купыну слыве бадёра. Зъ кожнымъ ступинемъ надія росла у іи серци, хочъ картына не минялася. Часомъ ій доводылось продыратыся черезъ таку гущыну, що вона ледве пролазыла помижъ жовтымы стинамы. Посковзнувшысь, Соломія вскочыла выще колинъ въ холодну тванюку.

Пидъ ногамы була безодня, та на счастя вона вхопылася за кущъ очерету и вылизла. Вона роззулася, повылывала зъ чобитъ воду и пишла дали. Кризь комыши блыщалы подекуды озерця. Водяный макъ выгидно спочывавъ на ныхъ круглымъ лыстомъ, высувавъ зъ воды зелени збаночкы. Соломія зупынялась на мыть, щобъ подывытысь здалеку, якъ дыкый гусакъ старанно укладавъ пирьячко на голови самычкы, а вона млила, плямкала дзёбомъ и росправляла крыла. Гадюка часомъ переплывала ерыкъ

хвылястымы рухамы, здіймала голову, повадно хытала ею зъ боку на бикъ, якъ значна дама, и роздывлялась навкругы круглымы очыма. По цыхъ непролазныхъ пущахъ певно николы не ступала людська нога. Тутъ було безличъ таемныхъ закуткивъ, скризь стричались берлогы дыкыхъ звиривъ, выслани кунею та сухымъ мохомъ. На старыхъ очеретынахъ гойдалысь покынути гнизда, по рудыхъ, ажъ червоныхъ, ослызлыхъ одъ туману купынахъ валялысь пирья й гадючы лынóвыця. Вуживъ було такъ багато, що Соломія скоро перестала звертаты на ныхъ увагу. Часомъ очеретяный початокъ, зачепленный Соломіею, лопався и обсыпавъ іи билымъ пухомъ, мовъ снигомъ. Соломія йшла, якъ на дни моря, а вгори, надъ іи головою, шумила куня, немовъ котыла кудысь руди й каламутни хвыли. Соломія миркувала, що колы браты у ливу руку, плавни мусять швыдко скинчытыся, бо въ той бикъ воны простягалысь недалеко. Абы йты проты витру. Раптомъ Соломія зупынылась и мало не зомлила одъ страшнои думкы. Ій прыйшло до головы, що вона може не знайты Остапа, бо ничымъ не значыла своеи дорогы. Треба було ламаты комышъ, або що. Треба заразъ вертатыся, покы вона не далеко одійшла й не забула дорогы. Серце іи неспокійно калатало, колы вона бигла назадъ, одшукуючы свои слиды. Вона не мала часу на обережнисть—комышъ бывъ іи по лыци и навить скаличывъ ногу. Та то булы дрибныци. Колы-бъ швыдче знайты Остапа, вона тоди зновъ подастся на розвидкы, тилькы не буде такою дурною, не забуде значыты дорогу. Спочатку все йшло добре, вона знаходыла свои слиды и по ныхъ верталась. Та скоро слиды счезлы. Соломіи здалося, що вона дуже одхылылась у ливоручъ. Вона взяла трохы у праву руку и несподивано наскочыла на чымале довгасте озерце. Тутъ вона не була, це вона твердо памьятала. Вона мусила вернутысь трохы назадъ, щобъ обійты перешкоду. Теперъ Соломія вагалась, въ якому напрямку йты. Найкраще керуватысь витромъ: треба, щобъ винъ теперъ дувъ у спыну и йты за витромъ. Соломія глянула вгору. Куня гойдалась то въ той, то въ инчый бикъ. Ришыты було трудно. Однакъ Соломіи здалося, ще ій треба йты просто передъ

себе. Вона пишла. Пройшовшы зо двое гонивъ, Соломія запевнылася, що йшла проты витру. Невже вертатысь назадъ? Вона зупынылася. Очевыдячкы, вона збылася зъ дорогы, заблудылася. Що робыты? Ногы въ неи тремтилы одъ труднои ходни, въ голови бродылы безладни думкы й миркування. Що робыты?—немовъ пытавъ у комышивъ іи блукаючый погдядъ. Комыши оточалы іи ворожою юрмою и шепталысь. Соломія подумала, що вона мусыть буты недалеко одъ Остапа, що винъ почуе іи, и крыкнула:

— Остапе-е!.. Оста-апе-е!..

Голосъ іи прогучавъ глухо, стина ворожого очерету не пустыла ёго далеко; забрала въ себе, ковтнула.

Соломія ще разъ гукнула—тежъ саме.

Серце въ Соломіи упало, рукы звыслы безладно. Та не на довго. Новый прыплывъ энергіи, шалена видвага поняли іи волю, и вона кынулась впередъ, росхыляючы й ламаючы очеретъ зъ слипою завзятистью зраненого оленя. Одъ часу до часу вона клыкала Остапа. Одповиди не було. Вона почала крычаты на всю мицъ легкыхъ, въ надіи, що колы не Остапъ, то хтось инчый почуе іи. Не могло жъ буты, щобъ вона такъ далеко видбылася одъ берега, де проходылы часомъ люде. Шумъ комышу перемагавъ іи. Налякани чужымъ голосомъ птахы зъ тривожнымъ пыскомъ крутылысь надъ головою въ Соломіи. Комышъ шумивъ. Винъ ижывся передъ нею, тиснывъ зъ бокивъ, настыгавъ зъ-заду, ловывъ корinнямъ за ногы, коловъ и ризавъ шерсткымъ лыстомъ. Жовтый, гладкый, высокій—винъ глузувавъ зъ неи, помахуючы надъ іи головою рудымъ чубомъ. Соломія чула до нёго зненависть, якъ до жывои истоты. Винъ дратувавъ іи. Колыбъ у неи бувъ серпъ, або нижъ, вона ризала бъ ёго доты, покы бъ винъ не полигъ увесь, або вона сама не впала трупомъ. Соломія накынулась на нёго и почала трощыты зъ злистью, зъ озвиреннямъ, якъ свого ворога.

Вона рвала ёго, ламала, крутыла и быда ногамы, а винъ згынався, упирався, счиплювався вгори кытыцямы, ранывъ ій рукы и тилькы корiннямъ тремтивъ, немовъ одъ скрытого реготу.

Соломія знесылылась и впала. Ій стало душно. Питъ краплямы стикавъ по выду, груды важко дыхалы и очи блыщалы, якъ у звиря, що попавсь у лабеты. Значыть, нема выходу; вона мусыть тутъ погыбаты, а Остапъ черезъ неи десь у другому мисци. Соломіи не такъ жалко було себе, якъ Остапа, вона уявляла соби, якъ винъ теперъ лежыть хворый и самотный у пущи, и выгляда іи зъ очеретивъ. Ій жаль стало молодого, змарнованого жыття—и вона заплакала.

Тымъ часомъ короткый осинный день гасъ, зъ плавнивъ вставала ничъ. Спочатку морокъ полизъ зъ-помижъ очеретивъ, а за нымъ дыхнулы озерця й купыны билымъ туманомъ.

Ставало вохко й холодно. По́ночи ни́чого було рушатысь. Соломія сыдила, обнявшы голову рукамы и думала. Ни, вона не хоче гынуты отутъ! Якъ тилькы на свитъ займется и можно буде йты, вона пійде просто, просто и буде йты, ажъ поки дійде до краю. Вона знайде тамъ людей, оддасть имъ уси свои гроши, що высять зашыти въ торбынци на шыи, и зъ нымы обшукае плавни та знайде Остапа. Колыбъ лышъ переждаты ничъ.

Чымъ бильшъ темнило, тымъ витеръ, здавалось, дужчавъ, прынаймни очеретъ шумивъ такъ, що заглушавъ навить думкы. Ничого не було чуты, тилькы безперестанне, одноманитне, вичне шу... шу... шу... шу... шу... шу... Правда, часомъ вона помичала, що нызомъ, помижъ комышамы, щось проскакувало, а шамкый сухый лыстъ очерету тоди трищавъ. Птахы булы неспокійни, метушылыся, былысь крыламы помижъ очеретомъ и здіймалы голосъ мовъ передъ бурею.

Соломія сыдила такъ ажъ покы не заснула. Вона не зпала, якъ и колы це сталося,—втома и шумъ комышу прыспалы іи.

Вона не могла бъ сказаты прокынувшысь, чы було пизно, чы рано. Надъ комышамы ще ныжче, нижъ вчора, спускалось олывяне небо. Все тило у Соломіи болило, якъ побыте. Важки повикы мымохить спускалысь на очи, голова була не свижа. Однакъ Соломія не могла гаятысь и хвылыны. Вона пишла просто передъ себе, такъ якъ стояла, и зважылась йты, докы стане снагы й сылы. Вона бигла, хочъ ногы въ неи булы слабици,

нижъ вчора, а повитря було якесь густе и трудно було дыхаты имъ. Опричъ того Соломіи докучавъ голодъ. Уже другу добу вона ничого не йила, пидъ серцемъ іи млоило, въ жывоти корчыло. На ходи Соломія высмыкувала стебло або коринь водоросла и жувала протывну, зъ болотнимъ духомъ, рослыну. Чымъ дали вона йшла, тымъ бильше дывувалась, що сёгодня попадалось ій такъ багато жывыхъ истотъ. Трычы вона помитыла кризь комыши сирый вовчый хребетъ, разъ лысыця майнула коло неи хвостомъ, а то здалеку чулося немовъ кабаняче рохкання. Вужи й гадюкы набралыся сёгодня особлывои рухлывосты, бо все повзлы й повзлы въ тому напрямку, якъ йшла Соломія, и ій треба було особлыво уважаты, щобъ не наступыты на слызьке й холодне гадюче тило. Птахы кружлялы надъ плавнямы цилымы хмарамы и такъ верещалы, що заглушалы навить шумъ плавнивъ. Соломія все йшла. Вона зибрала свою энергію, всю сылу воли, всю миць тила и йшла уперто и завзято, зъ вирою, що іи шыроки й высоки груды зламають уси перешкоды. Однакъ краю плавнямъ не було. Комыши, озерця, ерыкы... И знову комыши, и зновъ вода, и зновъ той самый згукъ розмиреного, однотонного прыбою морськои хвыли. Надъ вечиръ ій почувся дымъ, и вона зрадила—значыть блызько люде. Та чымъ дали вона йшла, и чымъ бильше смеркалось, тымъ бильше дымъ стававъ помитнымъ. Птахы сыльнице непокоилысь. Въ повитри стало теплище. Те тепло йшло зъ-заду и зъ бокивъ, немовъ одъ печи. Соломіи робылось душно. Іи дуже дывувалы и навить непокоилы ти змины въ плавняхъ. Що це таке робытся навкругы?

Обернувшысь назадъ и глянувшы на небо, вона побачыла червони, якъ гранъ, хмары—и зразу сталы зрозумилымы ій и той дымъ, що вона чула, и тепло, и неспокій птахивъ, и тикання звиривъ. Плавни горилы, вогняни горы наступалы на ныхъ, неслы усёму смерть. Але вогонь ще десь далеко. Колы швыдче побигты—можно ще втикты. Тилькы такъ душно, такъ важко... наче хто женется зъ-заду и дыхае, налягае на плечы. Соломіине вухо ловыть вже далекый лускитъ сухого комышу, невыразне гудиння, наче звиръ-велетъ трощыть щось, жвакуе и важко со-

пыть. Це жъ выдыма смерть здоганяе іи!.. Тутъ нема вже рятунку. Нихто й нищо не поможе. Несказанный жахъ обнявъ Соломію. Зъ крыкомъ «охъ, Боже мій!.. охъ Боже!..» вона шарпнулась зъ останнихъ сылъ и на-ослипъ кынулась въ очерети, слидкомъ за гадюкамы, звирыною й усимъ жывымъ, що рятуючысь одъ паглои смерты, мчало въ перестраху передъ наступаючымы бурунамы вогняного моря...

А воно йшло. Воно котылось за нымы невпыннымы, непереможнымы, веселымы хвылямы, золотомъ розсыпалось по плавняхъ, жерло очеретъ, выпывало воду, пидпалювало небо...

По видходи Соломіи Остапъ почувъ себе одризанымъ одъ свита, одъ людей. Гарячка палыла ёго въ середыни, винъ що хвылыны мочывъ руку въ води та охолоджувавъ чоло, очи, голову. Ему докучыло дывытысь на жовти стипы комышу—и винъ заплющывъ очи. Винъ думавъ. Згадувалысь ёму давни замиры, винъ думавъ про те, чого йшовъ сюды, у Турещыну, черезъ вищо покынувъ ридне село й дидуся. Якъ то теперъ жывуть дидусь, чы жыви й здорови? Чы згадують Остапа? Отъ колы-бъ воны прыйшлы й подывылысь на свого внука, пидстреленого, знесыленого, покынутого въ комышахъ на обидъ вовкамъ та воронамъ.

Ёму все щось верзлося и въ маячни винъ клыкавъ дидуся.

Дидусь прыходывъ. Тыхо й непомитно вылазывъ винъ зъ комышивъ и стававъ надъ Остапомъ, згорнувшы рукы.

— Тебе зранено, сынку, чы не зъ ляхамы бывся?

— Ни, дидусю, то мене москаль встрелывъ, якъ я кордонъ переходывъ.

— А дежъ твои братчыкы, сичовыкы дунайськы, що ты самъ лежышъ помижъ очеретомъ?

— Э, дидусю, вы думаете, що ще й доси тамъ Сичъ йе? Ни, нема, дидусю, вже Сичи... Була, та загула... Вывивъ Гладкый—може чулы—товарыство на озивськи степы, покынувъ Турка...

— Що жъ ты робытымешъ, сынку, на чужій сторони?

— Якъ жывый буду, землю оратыму, рыбальствомъ жытыму... все жъ краще на воли, нижъ пидъ паномъ... Тамъ ще лышылысь наши люде, дидусю... пидъ Туркомъ...

Остапъ вивъ бесиду зъ дидусемъ—и дидусь потишавъ ёго. дававъ рады, розсказувавъ про колышне й про те, що діется у сели теперъ...

Якъ тилькы Остапъ росплющувавъ очи, дидусь ховавсь у комыши, але доволи було заплющыты ихъ, якъ дидусь зновъ зъявлявсь и слухавъ прыгоды Остапови, або оповидавъ про себе.

Надъ вечиръ Остапъ почавъ турбоватыся: де дилася Соломія, що іи нема доси? Чомъ вона не прыходыть? Адже вона знае, що ёму трудно й поворохнутыся, що винъ не годенъ самъ выдобутыся зъ цыхъ нетривъ.

А може вона ёго покынула?.. Соломіе... Соломіе...—стогнавъ хорый, то стогинъ ёго заглушався шумомъ плавнивъ.

Въ ночи стало ёму гирше. Пропасныця типала имъ, гарячка палыла вогнемъ, а въ грудяхъ такъ кололо, що винъ на превелыку сылу дистававъ соби воду. Винъ хотивъ кашляты и не мигъ одъ болю. А Соломія не прыходыла. Остапъ не спавъ, а лышъ часомъ, на килькы хвылынъ, западавъ у нетяму. Ничъ тяглась довго, безконечно, якъ смерть... А Соломіи не було... Дежъ вона, що зъ нею?—Остапъ нудывсь.

У-досвита Остапъ почувъ, що коло нёго жыва истота.

— Ты, Соломіе?—поспытавъ винъ и одкрывъ очи.

— Чы вона жартуе, що перекынулась собакою?—подумавъ винъ и трохы опрытомнивъ.

Проты нёго стоявъ не песъ, а вовкъ. Велыкый, сирый, забовтаный, зъ гарячымы й голоднымы очыма. Винъ насторошывъ вуха й простягъ до Остапа морду, миркуючы, чы безпешно ёму нападаты, чы ни. Остапъ лежавъ безборонный и дывывсь на вовка. Винъ добре бачывъ трохы крывый, глыбокый й заслынеciv рот...

Звиръ стоявъ нерухомо, врешти переставывъ одну лабу, дали другу и трошкы прысунувсь до Остапа.

Остапъ зачерпнувъ прыгоршнею воды и брызнувъ на вовка. Брызькы долетилы до ёго морды, килькы зъ ныхъ впало на неи. Вовкъ выскалывъ зубы и осивъ на задни лабы, але іе одходывъ.

Остапъ зновъ покропывъ ёго водою. Вовкъ клацнувъ зубамы и блымнувъ очыма. Винъ бувъ невдоволеный. Посыдившы трохы й не зводячы очей зъ Остапа, винъ раптомъ вытягъ шыю, подався напередъ и такъ жалибно завывъ, що Остапови ажъ морозъ пишовъ по-за шкуру. Вывъ винъ довго, на килькы нотъ, зъ велыкымъ смакомъ, зъ заплющеннымы очыма. Врешти замовкъ, посыдивъ трохы и наблызывсь до Остапа. Едынымъ оружжемъ Остаповымъ була вода, и винъ одъ часу до часу облывавъ ею вовка, недопускаючы до себе. Вовкъ врешти скучывъ. Винъ килькы разъ сердыто, зъ запеклистью, клацнувъ на Остапа зубамы, крутнувсь и счезъ у комышахъ.

По цыхъ одвидынахъ Остапъ почавъ думаты про смерть. Прыйшла пора вмираты.

Чы жывого, чы мертвого, а такы зъисть вовкъ, або сточать хробакы у цыхъ нетряхъ. Чы не однаково?

Остапови згадавсь котыгорошокъ. «Хыба я боюсь смерти?»— чувъ винъ ёго цапыный голосъ: «зроду—звику... Пошлы, Господы, хочъ заразъ. Разъ вмираты—не двичи... Умеръ—и край, бильшъ не встанешъ»...

Остапъ тежъ не боявсь смерти. Ёму тилькы хотилось передъ смертью побачыты Соломію. Дидуся винъ бачывъ, той прыходывъ до нёго, а Соломіи якъ нема, такъ нема... Десь заблудылась у плавняхъ, або вовкы роздерлы іи. И Остапови стало жалко Соломію, страхъ якъ жалко. Вона така добра, такъ кохала ёго, вона пишла за нымъ въ далеку дорогу, не пожалувала кисъ своихъ за-для нёго, вона доглядала ёго, якъ ридна маты, була вирна, якъ товарышъ. И саме теперъ, колы вони здобулы соби волю и малы въ счасти й радости початы нове жыття, прыходыть погыбель и, якъ щенять у ричци, топыть ихъ обохъ... Топыть... топыть... топыть...—спивають ёму видхидну комыши зъ правого боку.—Погыбель... гыбель... гыбель...—пидхоплюе ливе крыло.

Остапъ лежывъ довго, безъ кинця. Осинній день сунется поволи, сире небо цидыть блиде свитло.

Остапови нудно. Винъ мае таке вражиння, наче чекае перевозу... Ось-ось мае переправытысь... ось-ось переправытся... и не може, щось не пускае... «Тыхо, будьте люде, не хапайтеся»...— шепче дидъ Овсій, и палають на неби вогни. Вогни палають, розростаются, одъ ныхъ йде тепло и зогривае Остапа, роспалюе ёму кровъ. Гаряча хвыля бье до серця, въ голови прояснюется. Винъ не хоче вмыраты. Винъ хоче жыты. Свитъ такый красный... Остапъ ще молодый, винъ не жывъ ще, не зазнавъ усёго... Ёму ще хочется глянуты на сонце, побачыты свитъ Божый, людей, обняты Соломію... Винъ ще жывый, винъ не лежатыме тутъ колодою, не ждатыме, якъ прыйде смерть...

Остапъ зсувается зъ свого ложа и повзе.

Ёму боляче. Ну, та ничого, терпы козаче... Винъ буде плазуваты, чыплятыметься не тилькы рукамы й ногамы, а й зубамы навить, а такы вылизе зъ цыхъ мочаривъ.

Остапъ повзе. Ёму трудно, кожну купыну доводытся браты зъ бою, въ грудяхъ коле й спирае духъ, ногы важки, якъ колодкы. Винъ спочывае, омливае часомъ, прокыдается и знову повзе на дни комышового моря. До серця бье гаряча хвыля, дыка, непереможна згага жыття палыть въ середыни, сповняе усю ёго истоту...

Раптомъ винъ чуе надъ собою:

— Остапе! Остапе! це ты? жывый?

Винъ знае, чый то голосъ: то вирна ёго жинка, то Соломія злынула зъ неба, щобъ взяты ёго до себе.

— То я, то я, серце мое...—обзывается винъ до неи и чуе якъ вона зводыть ёго, бере на рукы, якъ малу дытыну, и воны летять обое у высокости, генъ-генъ до зоряного неба... Ёму такъ радисно, такъ добре...

IV.

Край бытого шляху, якымъ селяне наддунайськыхъ селъ йиздять у Галацъ, заховався середъ купкы вербъ та помижъ оче-

ретамы цыганськый выселокъ. Винъ складався всёго на всёго зъ трёхъ халупокъ, властыво курныкивъ, нызенькыхъ, крывыхъ, злипленыхъ зъ глыны, якъ ластивчани гнизда.

У двохъ изъ ныхъ очевыдно нихто не жывъ, бо викна булы повыдырани, комышови стрихы обсыпалысь, и кинци латъ стырчалы зъ ныхъ, якъ ребра кистяка. Тилькы въ одній липлянци свитылысь два виконця и вывся дымокъ зъ вербового дымаря.

Тамъ жыла одынока у выселку цыганська симья.

Найбильше мисця въ халупци займала пичъ зъ велыкымъ, мало не до земли, коминомъ. Прыпичокъ бувъ такъ нызько, що вогонь горивъ слыве на земли. Сыва ростріпана цыганка грила коло вогню свои лахманы, пидкладала въ огонь очеретъ и курыла зъ короткои люлькы. На лави, въ выгидній и малёвнычій пози розкынувся молодый цыганъ. Ёго чорни кучери вылазылы кризь подертый брыль, а блыскучи очи й веселе, подзёбане виспою бородате облыччя осмихалось до молодыци, що, зигнута, сылкувалась стягты зъ ногы свого чоловика чобитъ. Іи струнка фыгура зигнулась одъ напругы, якъ тугый лукъ, а фантастычный сыній плащъ и червона спидныця не моглы скрыты мицныхъ формъ молодого тила.

На порози стоявъ старый высокый цыганъ, немовъ роздумувавъ, чы увійты до хаты. Врешти винъ переступывъ порigъ, пидійшовъ до печи и прысунувся до вогню, такъ що ёго суворе обголене облыччя заблыщало мидью. Тоди обизвався до молодшого:

— Ты загнавъ, Раду, шкапыну? Щобъ часомъ не забрела въ плавни та не згорила.

Раду збиравсь одповисты, колы въ той ментъ щось сыльно стукнуло въ викно.

Уси здригнулыся. Молода цыганка выскочыла зъ хаты.

Скоро писля того зъ надвору почувся іи ризкій горловый голосъ:

— Раду, аόрде! [1]).

---

[1]) Раду, йды сюды!

Раду лinыво звився зъ лавы и выйшовъ на двиръ; за нымъ подався старый.

Пидъ викномъ, въ благаючій пози, стояла передъ цыганкою якась страшна жинка, блида, простоволоса, въ подертій заболоченій одежи и намагалась щось вымовыты. Іи вуста ворушылыся та голосъ не добувався. Це іи мучыло—и вона говорыла очыма—червоными, наляканымы, страшнымы. Врешти ій удалося прохрыпиты:

— Люде... добри... добри... рятуйте... рятуйте!.. Остапъ лежыть тамъ, недалеко... ходимъ... рятуйте!...

Цыганы ничого не розумилы.

— Содéсъ дýша? [1])—пытавъ старый цыганъ.

Соломія однакъ не слухала ёго—вона звертались до Раду, хапала за плащъ цыганку, благала старого. Вона стогнала и тягла ихъ за собою.

Цыганы не хапалыся. Воны ґрадылысь, сперечалысь, крычалы. Врешти зважылысь—Соломія це помитыла. Вона ухопыла за руку цыганку, наче боялась втратыты іи и побигла въ той бикъ, де горилы плавни. Цыганы ледве встыгалы за нею. Перейшовшы дорогу, вона подалась вздовжъ плавнивъ.

— Кай жа? [2])—тривожно крычавъ Раду на Соломію.

Але вона не одповидала та все бигла напередъ. Врешти зупынылась, нагнулась до земли и промовыла:

— Остапе!..

Одповиди не було.

Цыгане тежъ нагнулыся, прыдывляючысь. Лежавъ якыйсь чоловикъ. Старый цыганъ выкресавъ вогню, запалывъ очеретыну и наблызывъ іи до Остапыного облыччя. Очи въ Остапа булы заплющени, а на билому выду выразно зачорнилы молоди вуса й густи бровы.

— Сапшукáръ... [3])—шепнула молода цыганка, нагынаючысь надъ Остапомъ.

---

[1]) Що кажешъ?

[2]) Куды йдешъ?

[3]) Гарный.

Ця похвала выдымо роздратувала Раду, бо винъ грымнувъ на жинку горловымъ, дыкымъ голосомъ и одтрутывъ одъ Остапа.

— Люде добри...—благала Соломія, стоячы на колинахъ:—змылуйтеся, прыймить насъ до хаты... Вы-жъ бачыте—пропадаемо... Чоловика мого пострелено, винъ ледве жывый, мало не загынулы мы въ плавняхъ... Я вамъ оддячу, я вамъ одроблю... Визьмить все, що маю... все... та не кыдайте насъ... Ось па-те...

Зъ цымы словамы Соломія зирвала зъ шыи торбынку и высыпала зъ неи на руку старому цыганови килькы срибныхъ монетъ.

Старый побрязькавъ грошыма на долони, пидкынувъ ихъ и сховавъ у кышеню.

— Миштó! [4])—сказавъ винъ коротко.

По паради зъ молодымъ воны взялы Остапа—одынъ пидъ пахы, другый за ногы и тыхо посунулысь до хаты.

Стара цыганка виджыла, колы прынесено раненого. Іи страшне, жовте, видёмське облыччя зразу стало добрищымъ, а сыви пасма кисъ, що выбывалысь зъ-пидъ чорнои хустынкы, спокійно лягалы на Остапови груды, мовъ на груды сына, колы вона обмывала та перевьязувала ёму рану. Напоеный незабаромъ зиллямъ, съ перевязанною раною, зогритый тепломъ, Остапъ росплющывъ очи. Це такъ врадувало стару цыганку, що вона забелькотала щось жваво, сыльно зачадила зъ люлькы и радисно потрипала Соломію по плечахъ.

Стара цыганка взяла Остапа пидъ свою опику. Вона ходыла коло нёго, варыла ёму зилля, обдывлялась рану, поила козячымъ молокомъ, особлыво колы Гица та Раду выходылы зъ дому.

Молода Маріуца пры мущынахъ не звертала увагы на Остапа, ба навить показувала, що іи сердыть вся ця історія: вона часто выкрыкувала щось лыхе ризкымъ, якъ у вороны голосомъ и блымала непрывитнымъ окомъ въ кутокъ, де лежавъ раненый, та Соломія помичала, що все це робытся

---

[4]) Добре!

бильшъ для Раду, бо сердячысь, цыганка позырала скоса на чоловика, выдымо цикавлючысь, яке це вражиння робыть на нёго.

Проте доволи було мущынамъ выйты за поригъ, якъ Маріуца оберталась у добру, сердечну жинку и помагала Соломіи та старій матери ходыты коло Остапа. Вона укрывала ёго найтеплищымы изъ своихъ лахманивъ, одгортала волосся зъ чола, одганяла осиннихъ мухъ и все це робыла такъ охоче, зъ такымы жвавымы та гарнымы рухамы, що здавалась гнучкою рослыною на витри. Зыркаючы своимы чорнымы блыскучымы очыма то на Остапа, то на Соломію, вона пытала въ Соломіи:

— Манýшъ? Манýшъ? [1]).

И колы Соломія, не розуміючы, чого та хоче, кывала наугадъ головою, вона допытувалась:

— Сáрбу шосъ? [2]).

Часомъ черезъ Остапа цыганкы опизнялыся зъ мандривкою на жебры. Що ранку воны запрягалы у свою двохколесу гарбу маленьку, худу й облизлу шкапыну, забиралы зъ собою полотняни саквы и залазылы у збыту зъ старыхъ дощокъ деревьяну скрыню, що служыла замисть васага у гарби. Скрыня була така высока, що стара цыганка цилкомъ зныкала у ній, и тильки іи страшна голова зъ билымы патламы та червоною люлькою въ зубахъ выглядала звидты. Маріуца ставала у скрыни на колина и смыкала за вижкы. Мала, облизла шкапына сумно схыляла голову и не рушалась зъ мисця. Маріуца цмокала, была іи вижкамы, обертала батигъ то однымъ, то другымъ кинцемъ, пидбадёрувала горловымы згукамы. Шкапына ни зъ мисця. Тоди стара цыганка выпускала зъ сухыхъ грудей дыкый, нелюдськый крыкъ, пидіймала догоры кулакъ зъ дымучою люлькою, трясла имъ и кляла такъ страшно и завзято, що комыши схылялысь навколо одъ страху и сорому. Колы траплялысь мущыны, воны помагалы жинкамъ крыкомъ и рукамы. Середъ несказанного гвалту шкапына врешти надумувалась, вытягала хребетъ, выпынала ребра и

---

[1]) Чоловикъ? Чоловикъ?

[2]) Якъ звуть?

ледве переступаючы тремтячымы ногамы, тягла чудный визокъ по курній дорози.

Воны йиздылы по селахъ, жебралы, збиралы де ячко, де жменю мукы або кукурузы, выкопувалы зъ смитныкивъ брудни й подерти ганчиркы и выладновувалы у вечери зъ гарбы таку сылу рижнородныхъ ричей, що трудно було вирыты, абы вси воны дисталысь имъ зъ доброи воли мылосердныхъ людей.

Гица зъ Раду пидъ вечиръ прокыдалыся—воны малы звычку спаты у день и счезаты на ничъ—и въ задымленій халупци ставало весело й гамирно. На прыпичку палавъ вогонь, жинкы варылы якесь варево и якъ сорокы сповнялы хату горловымы выгукамы, оповидалы свои прыгоды. За вечерею зъявлялась горилка, выно, вси пылы, крычалы, вымахувалы рукамы, гнулысь якъ комышына, блымалы чорнымы очыма та пидсыненымы билкамы, свитылы розхрыстанымы чорнымы грудьмы. Часомъ заходылы на вечерю сусидни цыганы, похмури й непевни фыгуры, и тежъ пылы, крычалы, стукалы кулакамы у стилъ.

Чорни тини одъ чорныхъ цыганъ хыталысь по стинахъ, у хати здавалось людно, якъ на базари.

Остапъ не мигъ спаты одъ того галасу: винъ лежавъ зъ росплющеннымы очыма, въ гарячци, и уявлявъ, що попавъ у пекло.

Весела кумпанія заклыкала Соломію, частувала выномъ, та Соломія, не розуміючы цыганськои мовы, ухылялась одъ запросынъ—врешти ій було не до того.

Къ ночи все те стыхало. Гица, Раду и гости выбиралысь кудысь у дорогу, а цыганкы залазылы на пичъ. Другого дня було тежъ саме.

Лышаючысь у хати сама, покы жинкы йиздылы по жебрахъ, а мущыны хроплы пидъ стинамы на лавахъ, або счезалы кудысь, Соломія ставыла биля Остапа холодну воду и бралась до роботы. Вона пидмазувала чорни, задымлени стины халупчыны, що нагадувалы дыку печеру, мела доливку, стырала пылъ зъ Гицынои скрынькы, мыла стилъ и навить занехаяни шыбкы, кризь яки выдко було море рудого комышу та билу, блукаючу коло хаты козу.

Соломія усе старалася оддячыты цыганамъ за рятунокъ и захыстъ; однакъ те, що вона робыла, не вдовольняло старого цыгана—вона це помичала зъ ёго лыхыхъ поглядивъ, зъ ёго бурчання. Та що мала чыныты? Пійты найнятысь у городъ, або въ село, лыныты хорого на самоти, безъ помочи, вона не могла, бо Остапъ разъ-у-разъ іи потребувавъ. Навить колы вона чепурыла хату, винъ часто клыкавъ іи слабымъ голосомъ:

— Соломіе!.

— Чого, Остапе?—кыдала вона роботу.

— Сядь коло мене....

Вона сидала на лави, а винъ мовчкы дывывся на неи червонымы зъ гарячкы очыма, або пливъ писенитныци.

Однакъ Соломія не тратыла надіи и навить не дуже журылась. Молодисть брала свое. Колы воны не загынулы въ плавняхъ, колы не пропалы доси, то вже теперъ не загынуть,—абы Остапъ швыдче выгоився.

И Остапъ поправлявся. Гарячка згодомъ спала, рана швыдко затягувалась, сылы пиджывалы. За два тыжни винъ уже зводывся зъ лавы, доволикався до викна и сумно поводывъ очыма по хвыли рудыхъ, ажъ червоныхъ комышивъ.

Соломія теперъ могла залышаты Остапа на день самого. Вона радылась зъ нымъ: чы не пійты ій разомъ зъ цыганкамы по селахъ, може хто найме на поденне. А то стринутся де свои люде, напутять, поможуть, не те, що чужи.

— Що жъ, иды, згодывся Остапъ—може й мени що напытаешъ, якъ очуняю....

Другои дныны, якъ тилькы цыганкы вырушылы на жебры, Соломія пишла у слидъ за ихъ гарбою. Ти помитылы іи и здывувалысь.

— Кай жа? [1])—крыкнула Маріуца, обертаючысь.

Соломія махнула тилькы рукою, показуючы, що вона пійде туды, куды й воны. Цыганкы покгергалы трохы тай заспокоилысь.

---

[1]) Куды йдешъ?

Соломія йшла повзъ плавни. Збоку, у день, воны выдавалысь не страшнымы и навить гарнымы: цупки й высоки очеретыны блыщалы на сонци, якъ золоти, куня стелылась за витромъ та прывитно шумила, якъ ланъ стыглои, высокои пшеныци. Хочъ погода була соняшна й суха, та дувъ холодный осинній витеръ и такы добре продувавъ кризь лыху Соломіину одежу. «Зима ось-ось потысне»—думала вона:—«а ни я, ни Остапъ не маемо чымъ загорнутысь,—треба заробляты»....

Соломіи пощастыло. Цыганкы певно домиркувалыся, чого вона пишла за нымы, бо въ першому жъ такы сели воны одвелы іи до заможнёго булгарына, якый найнявъ Соломію перемываты вовну. Зъ того дня Соломія прыносыла зъ собою трохы грошей та куповала Остапови кращу страву.

Однакъ старый Гица розибравъ, де ракы зимують. Помитывшы, що Соломія прыносыть грошы, винъ якось прыступывъ до неи, простягъ руку, закрутывъ гризно банькамы и крыкнувъ.

— Давай грошы! Чы я дурно тебе годуватыму?...

Соломія не розумила мовы, та догадалась, чого винъ хоче.

Однакъ Гица для бильшои ясности выйнявъ зъ кышени монету, поклавъ іи на долоню и тыкаючы въ неи чорнымъ пальцемъ другои рукы, уперто й сердыто провадывъ свое:

— Пара́! пара́....

Соломія оддала ёму що мала.

Надали такъ було зъ кожнымъ іи заробиткомъ:винъ счезавъ у глыбокій Гицыній кышени.

Зъ кожнымъ днемъ жыття въ цыганській халупци робылось тяжчымъ та тяжчымъ.

Разъ сталася така прыгода. Остапови зсунулась повязка зъ раны, и винъ ніякъ не мигъ даты соби рады зъ нею, ёму ніякъ не вдавалося завьязаты іи. Маріуца на той часъ була у хати. Вона намитыла це и помогла Остапови завьязаты хустку. Саме въ той ментъ, якъ Маріуца схылылась надъ Остапомъ, Раду ввійшовъ до хаты. Цыганъ зразу збиливъ, а ёго борода й волосся зъ чорныхъ сталы сынимы.

— Аорде!

Винъ грымнувъ на жинку злымъ, здушенымъ, хрыплымъ голосомъ. Рукы самохить стыснулысь въ кулакы.

Маріуца не хапаючысь завьязала хустку и стала передъ Раду проста, высока, вытягнена, якъ струна, зъ спокійнымъ але гризнымъ облыччямъ. Іи очи незмыгаючы дывылысь въ ёго очи, немовъ говорылы: «зачепы». Зъ хвылыну воны стоялы такъ одно проты одного, якъ статуи. Раду ожывъ першый: винъ пиднявъ руку и важко спустывъ на іи плече. Потимъ рука ростулылась и шарпнула за косы. Маріуца зигнулась, наче вклонылась Раду та заразъ пидскочыла и всима десятьма пазурямы повела по ёго блидому выду. Винъ рыкнувъ зъ болю й прытягъ іи до себе, обнявъ. Вона забылась й закрутылась въ ёго обіймахъ, якъ вьюнъ, а іи сыній плащъ тримався на одному плечи, якъ перебыте крыло. Бійка роспалювала ихъ. Воны налиталы одно на одного, былысь грудьмы, якъ розъюшени пивни, кусалысь и дряпалысь, якъ коты, рычалы зъ злости и теребылы одынъ одного такъ завзято, що волосся въ ныхъ наижылось и стырчало, якъ вата зъ ихъ диравыхъ лахманивъ. Врешти воны розскочылысь, зъ чудово-блыскучымы очыма, зъ схвылёванымы грудьмы, зъ дыхаючымы вогнемъ низдрямы на блидыхъ гордыхъ облыччяхъ....

Остапъ тремтивъ зъ досады, що немае сылъ побыты цыгана.

— Я бъ тоби утеръ маку, думавъ винъ, колыбъ москаль не выточывъ зъ мене кровы.

Кровы тои вытекло чы мало, бо здоровья повертало до Остапа поволи, сылы прыбувалы по краплыни, а били уста довго не хотилы рожевиты.

До того винъ бувъ у неволи. Море комышу звидусюды котылось на нёго рудымы хвылямы й не пускало, мовъ свого бранця.

Лышаючысь по цилыхъ дняхъ на самоти, Остапъ пробувавъ свои тремтячи ногы, якъ мала пташына крыла, и нудывся, и сумувавъ, що не почувавъ у соби ще сылы покынуты скоро цыганську оселю. Прыдывляючысь до жыття тои осели, Остапъ помичавъ багато незвычайного, тривожного навить. Гица зъ Раду по цилыхъ дняхъ спалы, а на ничъ кудысь счезалы. Часто середъ ночи, перерываючы спокійный сонъ халупкы, розлягався раптовый

грюкить у виконце, и хату сповняла цила банда якогось непевного люду, що пывъ, крычавъ, блыскавъ жаднымы очыма и сварывся, якъ вовча тичка. Разъ якось Остапови не спалося. Винъ одхылывъ надворни дверы, щобъ дыхнуты свижымъ повитрямъ и побачывъ, якъ Раду прыгнавъ чыись кони, сплутавъ ихъ и одвивъ у комышы.

— Эге, подумавъ Остапъ:—дакъ ось воно що!.

И чымъ бильшъ Остапъ прыдывлявся, тымъ бильшъ помичавъ и все бильше запевнявся, що попавъ у злодійське гниздо.

Плавни булы добрымъ мисцемъ до схованкы краденого, а старый и молодый цыганы жылы зъ нымы душа въ душу та смилыво звирялысь имъ зъ усихъ таемныць небезпечного ремества.

— Треба тикаты звидцы!—говорывъ Остапъ Соломіи, оповидаючы ій свои спостереження:—а то ще вскочышъ выще халявъ. Раду на мене пекломъ дыше за свою—цуръ ій!—носату цыганку, та голомшыть молодыцю ни за що, ни про що.

Однакъ Раду не завжды сварывся зъ жинкою.

Траплялысь таки дни, колы вся симья, мовъ змовывшысь, лышалась вдома, спочывала. Вси разомъ обидалы, пылы выно и булы весели. Колы часомъ, выбухъ гниву або лыховистный полыскъ пидсыпеного билка каламутывъ спокій, то лышъ на хвылыну. Заразъ писля того зновъ розлягався смихъ, и радость була такою-жъ дыкою, якъ и сварка.

По обиди Гица знимавъ зъ стины свою скрыпку. Вся симья знала вже, чого мае сподиватыся и росташовувалась пидъ хатою. Стара цыганка накладала червону люльку свижымъ тютюномъ и выгодно мостылася на прызьби. Гица насувавъ на чоло подертый брыль, стававъ у позыцыю коло дверей и почынавъ. Спочатку Маріуца тилькы свитыла на Раду билкамы, а винъ злегка пидморгувавъ ій гарячымъ окомъ та чорнымъ вусомъ, але колы скрыпка почынала пидсыпаты жару и лоскотаты танцюрысти жылы, молодыця не вытрымувала, зрывалась зъ прызьбы, якъ чорный птахъ, кыдалась въ танець такъ прудко, що сыній плащъ іи надувався и лопотивъ на витри. Раду бувъ напоготови. Вси рухы ёго, важкувати звычайно, ставалы у танци легкымы й по-

вабнымы, ногы ледве торкалысь земли, рукы гнулысь, якъ гумови, вся фыгура ёго нагадувала тонку й гнучку лозыну. Спочатку танцювалы повильно, плавко, мовъ хыталысь одъ витру. Та ось Гица зигнувся и налигъ на скрыпку. Винъ пиднявъ одну ноту и все выкочувавъ и выкочувавъ іи на гору, все выще, тай выще, ажъ млоило, ажъ духъ захоплювало въ грудяхъ. Врешти нота зирвалась зъ высокости и покотылась внызъ. Спочатку вона котылась одна, пидскакуючы й розганяючысь, та ось ненарокомъ зачепыла другу, третю. Бренькнулы ти ноты и покотылысь разомъ внызъ, якъ каминци зъ горы, все швыдче и швыдче, все бильшъ разганяючысь, все бильше захоплюючы нотъ, зростаючы въ лявйну згукивъ, у гризный музыкальный водоспадъ, въ якому чулась дыка энергія руху.

Той водоспадъ цилкомъ захопывъ танцюючыхъ, стрепенувъ уси ихъ жылкы. Воны усе прыскорювалы темпъ, вабылы одынъ одного рукамы й очыма, прыплывалы й одплывалы, солодко омливалы, зручнымъ рухомъ ухылялысь зъ обіймивъ и зновъ гойдалысь у танци, якъ чорни лебеди на хвыляхъ. Навить въ ти моменты, колы воны, здавалось, стоялы, коженъ мускулъ ихъ чорного тилa тремтивъ пидъ одежою, перса важко здіймалыся, били зубы блыщалы кризь росхылени уста и зъ грудей вылитавъ короткый рыкъ жагы.

Стара цыганка, ледве помитна зъ-за дыму одъ люлькы, плескала зъ прызьбы въ долони, а зъ другого боку стояла била коза и прыдывлялась не змыгаючы до хазяивъ, немовъ зачарована мелодіею цыганського танцю.

Остапъ тежъ вылазывъ зъ хаты подывытысь на танци.

— Чортъ-зна якъ гуляють, немовъ пьяни,—думавъ винъ та згадувавъ музыкы у своимъ сели, що наймавъ колысь Соломіи.

—

Несподивано трапылась прыгода, що сколошкала усе цыганське кодло. Якось передъ свитомъ Раду унисъ у хату побытого, скривавленого Гицу. Старый цыганъ стыха постогнувавъ и лышывъ за собою, одъ порога до лавы, криваву стежку. Жинкы сполохалысь. Стара кляла и сыкалась до Раду, а той, похмурый и стурбованый, пояснявъ ій щось пошепкы, немовъ боявся, щобъ

сторонни люде не почулы того. Стара цыганка збыла бучу, розворушыла всихъ. Соломія мусила затопыты въ печи, Маріуца зъ матирью обдывлялысь побытого, а Раду поспишывсь вкынуты у вогонь скривавлену Гицыну одежу та зостругаты зъ доливкы слиды кровы. Винъ бувъ неспокійный, усе то выходывъ, то входывъ у хату, кудысь счезавъ и зновъ зъявлявся, щобъ таемно порадытысь зъ жинкамы. Жинкы не пойихалы на жебры. Облизла шкапына блукала цилый день коло дому, пидставляла сухи ребра витрови та скубла останню, пожовклу й посохлу травыцю. Стара цыганка выдымо журылась, крычала, плакала и не одходыла одъ Гицы. Маріуца була спокійна, але задумана. Гица мовчкы лежавъ у кутку, але часомъ склыкавъ усихъ, и тоди надъ нымъ навысалы тры чорни головы и велысь таемни порады. Щось мусило статыся незвычайне. Що саме, Остапъ не знавъ, хочъ догадувався. Прыгода зъ Гицею турбовала и ёго и Соломію, и воны наважылысь покынуты небезпечне мисце, не вважаючы на те, що Остапови трудно було пускатысь пишкы въ дорогу. Завтра Соломія мала попрохаты свого булгарына прытулыты покы що Остапа и колы винъ згодытся, заразъ же выбратысь зъ плавнивъ.

Та сталось инакше. На другый день, коло полудня, набиглы на цыганську халупу турецьки жовниры, зробылы трусъ, познаходылы въ плавняхъ якесь манаття и повьязалы всихъ, хто бувъ у хати, навить слабого Гицу. Надаремне Остапъ запевнявъ, що винъ чужый тутъ, надаремне оповидавъ, якъ винъ опынывся у плавняхъ, ёго не слухалы, якъ не слухалы лементу жинокъ, проклёнивъ Раду.

Воны поклалы Гицу на визокъ, запряженый облизлою шкапыною, пидперлы дверы килкомъ, и аллахкаючы та лаючысь погналы бранцивъ по дорози въ Галацъ.

Середъ плавнивъ коло хаткы лышылась на хазяйстви лыше коза и жалибно мекала, колы осинній витеръ куёвдывъ іи билу шерсть...

V.

Соломіи сёгодня счастыло. Въ булгарына не робылы, бо було якесь мисцеве свято, и вона пишла въ горныци до хазяина прохаты за Остапа. Булгарынъ бувъ за-для свята трохы на пидпытку, веселый. Винъ охоче дозволывъ Остапови ночуваты вкупи зъ ёго челядныкамы и навить давъ Соломіи напередъ трохы грошей. Соломія ришыла покорыстуватысь вильнымъ днемъ та грошыма и забигты въ Галацъ—купыты Остапови теплу одежынку. Ій було якось особлыво весело и легко сёгодня на души, такъ здорово дыхалось морознымъ повитрямъ, все погане, що було въ жытти, одсувалось назадъ, блидло. Зростала певнисть, що все скинчытся добре,—и вона зазнае ще счаслывого жыття. Соломія не помитыла якъ опынылась на базари. Очи въ неи розбигалысь помижъ довгымы рядамы ятокъ и рундукивъ зъ купамы рижнои одежы, зъ горамы билыхъ та рудыхъ «качулъ», що лежалы на рундукахъ, немовъ, на ныхъ спочывала отара, зъ цилымы стосамы козловыхъ черевыкивъ, легкыхъ и запашныхъ на весь базаръ. Вона не знала, куды перше поткнутыся и довго може стояла-бъ, колыбъ хтось не смыкнувъ іи зъ заду за рукавъ.

— Соломіе!—обизвався ривночасно козячый голосъ—чы це вы, чы ваша тинь?.. хе-хе-хе....

Соломія озырнулась: передъ нею стоявъ котыгорошокъ.

— Иване! А вы звидкы тутъ узялыся?—скрыкнула вона, зрадившы ёму, якъ ридному.

— А що? вы думалы-пропавъ?... Дежъ Остапъ?

— Остапъ... та ходимъ краще звидсы, сядемо де, я вже потимъ куплю, що треба... И Соломія вывела зъ юрмы зрадилого такою ласкою Ивана.

— Хе-хе-хе!... Гора зъ горою не зійдутся, а мы—сміявся винъ, ледве постыгаючы короткымы ногамы за Соломіею, и ёго сыте тило гойдалось одъ смиху.

Иванъ за цей часъ погладшавъ, вылюднивъ наче, и выглядавъ не наймытомъ, а скорійшъ хазяиномъ. Коротку суконну

чугаинку винъ шыроко пидперезавъ зеленымъ поясомъ, шыроченни шаровары пустывъ поверхъ халявъ, видъ чого ставъ ще коротшымъ, а цапыну боридку запустывъ и вона поважно лежала на ёго грудяхъ, мовъ у статечнои, грошовытои людыны. Воны прымостылысь на сходахъ пидъ крамныцею.

— Оце але?—дывувався Иванъ: наче мени сонъ снытся, що васъ бачу.... Розскажить хочъ, якымъ чудомъ вы тутъ опынылыся?

Соломія почала оповидаты, та Иванъ разъ-у-разъ перебывавъ іи.

— Хе-хе!.. я гукаю—Остапе! Соломіе!—ажъ колы гляну, а навкругы вода... тилькы буль-буль пидъ весламы, буль-буль... а берегъ такъ и пропавъ у темряви....

— Охъ лышко!—охкавъ Иванъ наче баба: пидъ саме серце влучывъ, бачъ....

Иванъ вытрищавъ на Соломію очы и крутывъ здывованый цапыною боридкою.

... А якже, а якже, таже обсмалылы-бъ, якъ кабана... пропала-бъ душа хрыстыянська ни за понюшку табакы... хе-хе!...

... Вы думаете—точнисенько такъ и мени було: ото прысталы мы до берега....

... Оце але! Ну й бисова цыганка!... винъ іи лупцюе, а вона ёму очы зъ лоба дере, такъ якъ....

Иванъ перебывавъ Соломіине оповидання та все порывався росповисты про свои прыгоды. Врешти винъ такы дипъявъ свого.

— Вылизлы мы зъ човнивъ, сталы на турецьку землю, а мени й свитъ не мылый, iй Богу!... Де! чоловикъ думавъ пры купи, зъ гарнымы людьмы, а тутъ... тилькы клунокъ вашъ у рукахъ.... Йдемо на другый день у конáкъ запысуватысь, а мени все вы на думци зъ Остапомъ, мало не плачу зъ жалю... Запысалы насъ—кажуть вильни... Ну, жывый жыве й гадае—хе-хе-хе!.. Одни зъ нашои валкы подалысь на Тульчу, на Исакчу, до родычивъ, а я бачу, щой тутъ наши люде—тай лышывсь. Може, думаю, яку звистку про васъ почую—iй Богу!... Та чекайте-жъ бо не перебывайте... Отъ выйшовъ я на базаръ—ставъ коло нашыхъ... оглядаю тыхъ, що наймають... Проходять туркы—галъ-

галъ-галъ! якъ жыды наши... Чорни грекы такъ и шпають, такъ и шпають... Пидійшовъ до мене одынъ чоловикъ, румунамы ихъ тутъ звуть—«йды, каже до мене за «аргáта»... Аргать це по ихнёму, а по нашому наймытъ... А я й не знавъ, про що винъ... Чого хочешъ, пытаю? А винъ аргáтъ, аргáтъ... Насылу ростолкувалы люде... Чому ни?—кажу, тай пишовъ за нымъ. Людяный чоловикъ, спасыби ёму харчи добри... Оце якъ молодыця его почне на мене грыматы, то винъ и пиддобрюется, щобъ я не покынувъ: «бунъ аргáтъ, каже, бунъ», ще й по плечу плеще... Та що винъ соби мыслыть, що я до вику буду молотыты ёму на гармани!... А якъ-же, сподивайся, хе-хе-хе!... Отъ Савка—памьятаете Савку—такый высокый, сухый... Э, яки-жъ бо вы, отой Савка, що... що такый сухый, высокый, верстою дражнылы... такъ винъ клыче пидъ Тульчу... Йды, каже, туды, тамъ земли не миряни, беры, займай, скилькы сылы твоеи, рубай лисъ, ставъ хату, хазяиномъ будешъ.... Знаете що, Соломіе... ой знáете що: рушаймо уси туды—ій Богу!... И Остапъ зъ намы... Отъ буде добре!... Ходимъ заразъ до васъ, порадымося ще зъ Остапомъ... однакъ сёгодня свято... Ну, це але! Ну, це такъ!... И не гадавъ, и не снывъ навить... Правду кажуть: гора зъ горою... хе-хе-хе!...

Иванъ крутывъ головою; одъ счаслывои гадкы сытый выдъ его и кругли очи блыщалы, мовъ помазани масломъ. Винъ не вгаваючы жебонивъ своимъ козячымъ голоскомъ, хвалывъ, сподивався, божывся и прохавъ.

Соломія й сама думала про ти стороны, куды заклыкавъ Иванъ. Роблючы у булгарына, вона чула про селытьби втикачивъ и тилькы ждала, щобъ Остапъ трохы очунявъ. Теперъ, разомъ зъ Иваномъ и зъ отымъ Савкою—якый це Савка?—охитнище буде вырушаты у нови мисяця.

— Ну, добре. Вы вже тилькы заждить, покы я зроблю покупкы...

— И я зъ вамы пійду... я вже буду трыматыся васъ, якъ слипый плота, а то зновъ загублю де... хе-хе-хе...

Незабаромъ Соломія зъ Иваномъ простувалы повзъ плавни до цыганськои оселі. Иванъ бувъ радисный, веселый, дробцювавъ

короткымы ногамы и все говорывъ тай говорывъ, мовъ горохомъ сыпавъ.

Насамперед вони побачылы билу козу. Вона терлась объ стовбуръ сухои вербы и жалибно мекала. Наблыжаючысь до хаты, Соломія почувала невыразну тривогу. Чого, черезъ вищо—вона не знала, хочъ та тривога отруила ій кровъ. Соломія, не слухаючы вже Ивановои бесиды, побигла до дверей. Дверы булы пидперти килкомъ зъ надвору. Що сталося. На що зачынылы Остапа? Вона шарпнула килокъ и вбигла до хаты. Тамъ бувъ неладъ: перекынути ослоны лежалы догоры ногамы, лахманы валялысь доли, въ хати було чорно и пусто. Никого. Дежъ уси подилыся? Куды подився Остапъ? Може вона помылылась и попала не въ ту хату? Соломія выскочыла на двиръ. Ни, та сама хата, онъ и росколына на стини, и ти жъ вербы и коза... Може Остапъ выйшовъ зъ хаты та пидперъ дверы?

Соломія гукнула Остапа.

Нихто не обизвався. Та чого-жъ въ хати такый неладъ, все перекынуто, лежыть жужмомъ... Дежъ слабый Гица? Винъ не мигъ рушытыся, якъ вона выходыла зъ дому, винъ ледве дыхавъ. Щожъ сталося?

Соломія оббигла навкругы хату, заглянула въ повитку—коня й воза нема. Вона побигла до другыхъ хатъ, заглянула въ повыбывани викна—никого й ничого. Ногы въ неи тремтилы. Все тило тремтило. Тривога душыла груды и горло. Де Остапъ?

— Оце але!—дывувався Иванъ, бигавъ за Соломіею, чудно вытрищавъ на неи очи та докучавъ усякымы дурнымы радамы.

— Куды его подилы?—пытала сама въ себе молодыця, дывлячысь на Ивана и не бачучы его. Вона ничого не могла зрозумиты: думкы й гадкы скакалы у неи въ голови и роскочувалысь, якъ намысто.

— Га! хто-жъ его знае!... Ходимъ у конáкъ,— радывъ Иванъ,— такъ и такъ, розскажемо, бувъ чоловикъ та пропавъ... Побачыте, воны вже знайдуть его....

Соломія ладна була за що небудь учепытыся, абы напасты на Остапови слиды. Тай ничого инчого не лышалося, якъ послу-

хаты Йвановои рады. Для певности вона ще разъ обдывылась коженъ закамарокъ у хати, гукнула килько разивъ Остапа у плавняхъ. Иванъ допомогавъ їй своимъ пыскливымъ голоскомъ. Все було надаремно. Тоди воны чымъ-дужъ поспишылы назадъ у Галацъ, бо вже почало смеркаты.

Ничъ стояла на двори, колы воны добылысь до конаку. Тутъ имъ довелось чекаты, бо старшый пишовъ до мечету и довго не вертався, а турецьки жовниры не розумилы ихъ. Врешти ихъ поклыкано. Товстый, добродушный турокъ зъ горбатымъ носомъ та зъ чорнымы блыскучымы вусамы на свижому выду спокійно выслухавъ ихъ черезъ драгомана. Винъ перекынувся килькома словамы зъ другымъ туркомъ и зновъ черезъ драгомана спокійно вивъ ричъ:

Нема чого шукаты далеко, винъ тутъ, у насъ, у доброму сховку. Попалась пташка... Давно вже наставлялы сильце на горобцивъ, та ось піймалыся... Циле гнидзо накрылы. Чужу душу послалы у рай, а сами опынылысь у пекли. Скажы намъ, молодыце, колы твій чоловикъ д825ставъ кульку мижъ ребра? Адже не тоди якъ Гица, мабудь пры другій оказіи, бо рана гоится вже... Одъ москаля, кажешъ, на перевози... я такъ и знавъ, що винъ русъ, втикачъ... Отъ мы й одишлемо ёго назадъ, у насъ и своихъ шыбенькивъ доволи, хай тамъ погладять ёго по спыни... И не прохай и не благай, ничого не поможу... Ну, чого стоишъ? Айда!..

— А ты що за одынъ?—помитывъ турокъ Ивана: тежъ выдно зъ цыганського табору?

— Я... я ничого... я такъ... Оце выгадалы—я тутъ служу, у градинаря, Тодораки прозывается—хиба не знаете?.. Оце але!..

Соломія ажъ похолола, колы почула про таку напасть на Остапа. Вона зъ обуреннямъ видкыдала ти обвынувачення, росповидала всю свою историю, благала, мало не плакала. Турокъ не схотивъ слухаты, обернувся и забалакавъ зъ инчымъ. Драгоманъ замахавъ на неи рукамы и мало не выпхавъ за дверы.

Вона выйшла зъ конаку.

Що було робыты, де шукаты рятунку?

Воны мовчкы йшлы темною вулыцею незнаёмого города. Передъ нымы высивъ туманъ, а въ ёму выразно выднилысь лышъ жовти, мокри гилячкы деревъ, осияни викнамы зъ верхнихъ поверхивъ камьяныць. Прохожи стричалысь ридко, за те пидъ воритьмы, по лавкахъ, сыдилы рядамы, якъ горобци на плоти, весели й гоминки румуны. Все це було таке чуже, таке байдуже до Соломиіного горя, ще байдужище, нижъ плавни. И чого воны зъ Остапомъ забылысь сюды? На що воны стилькы терпилы, стилькы набидувалыся на Бессарабіи, мало не пожылы смерти у плавняхъ? Чы не краще було-бъ зогныты у панській неволи середъ своихъ людей?

— Не журиться,—потишавъ іи Иванъ,—таже тамъ, у конаци розсудять... Не йила душа часныку, не буде й смердиты... Побачыте, що ёго пустять... А мы завтра порадымось зъ людьмы... Я пиду до хазяина свого, винъ тутешній, знае порядкы... Не журиться, журъ не поможе... Гей, смутку мій, дебъ мени васъ переночуваты?... Чы не знае Савка?.. Пійдемо до Савкы, въ нёго добряча хазяйка...

По довгій блуканыни брудными й темнымы вулыцямы, воны добылысь врешти до Савкы. Ёго не було вдома, та хазяйка Савчына пустыла Соломію на ничъ.

— Забижу до васъ завтра, такъ зъ полудня... може выпрошусь у хазяина...—попрощався зъ нею котыгорошокъ.

Соломія цилу ничъ проплакала и вранци не пишла на роботу. Вона нетерпляче чекала Ивана.

И справди, Иванъ зъявывся, якъ обицявъ, зъ полудня.

— Ну, що?—накынулась на нёго Соломія.

— Бакшишъ треба даты... вы не знаете, що то бакшишъ? Куку—въ руку... хабаръ... якъ не дамо, одвезуть раба Божого у Рени, до москаливъ... А ти не погладять по головци, ой ни... Розсказувавъ Савка—вы жъ памятаете Савку?—що якъ ёго одвезлы звидсы за Дунай, то тамъ ёму москали такъ спысалы спыну канчукамы, що й доси сыни басаманы знаты... та ще обголылы половыну головы, выпеклы на лоби тавро—вы не бачылы, бо винъ чупрыною закрывае—и одислалы до пана... Вже скилькы по

тюрмахъ поволочылы, то винъ и ликъ тому загубывъ, а що панъ награвся зъ нымъ, то, каже, й згадуваты не хочется. Та що—втикъ знов сюды, у Тульчу, каже, пійду... завзятый хлопець... хе-хе!.. Треба бакшишъ готуваты та вызволяты Остана, а де грошей взяты? де? кажить? Ажъ дуръ головы берется...

Невважаючы на вси розсказани Иваномъ страхы, Соломіи трохы розвыднилось. Колы тилькы ричъ у грошахъ—вона заставыть себе, а роздобуде ихъ. Вона одъ рота одрыватыме коженъ шматокъ, коженъ шелягъ складатыме на выкупъ. Може й Иванъ запоможе.

— Ось вамъ усе, що склавъ, хай и мое до купы...—наче вгадавъ іи думку Иванъ, розвываючы зъ хустынкы купку срибла. Винъ засоромывся и клипавъ очыма.—Та ще тамъ у вашому клунку щось йе... може продасте шуплаття...

Соломія взяла грошы. Въ іи клункови булы корали та деяка одежына. Вона те все позбувала—ій помогла Савчына хазяйка—та грошей було мало. Однакъ Соломія на другый день у-ранци побигла въ конакъ. Тамъ іи не допустылы до старшого, драгомана вона не бачыла, а жовниры скалылы до неи зубы и зачыпалы.

Соломія горила одъ сорому и злости.

—И-и, бусурмены... такъ бы й поризала васъ, такъ бы й поскручувала головы, якъ галченятамъ... Взялы безвынного—та ще й знущаются...—мало не плакала Соломія и показувала своимы дужымы рукамы, якъ бы вона поскручувала жовнирамъ головы.

— Проте не було инчого способу, якъ ходыты въ конакъ, де можно було побачыты драгомана, а на нёго Соломія покладала надію. Драгоманъ, однакъ, не багато обицявъ.

— Не пустять твого чоловика, и не сподивайся. Утикъ до насъ, сыды тыхо, а робышъ шкоду—айда назадъ... Не клопочысь дурно, й не побачышъ ёго теперъ...

— Змылуйтесь, вызволяйте, безвынно чоловикъ погыбае. Соломія ткнула драгоманови грошы.

Драгоманъ узявъ, полічывъ и покрутывъ головою.

— Мало...

— Бильшъ нема... Отуть все, що роздобула...

— Ну, добре... прыходь за тры дни... ни, краще за тыждень... може що скажу...

Соломія що дня блукала коло конаку—лыха, роздратована, мовъ голодна вовчыця. Вона не знала, чого вона туды ходыть, але щось несвидомо тягло іи у той бикъ. Вона ходыла до втомы и мерзла. Мокрый снигъ, легко падаючы, якъ цвить вышни одъ витру, лягавъ на землю и засыпавъ Соломію, але вона не звертала на те увагы. Соломія була певна, що не дозволять перевезты Остапа за Дунай. Якъ це станется, що вона зробыть, вона не знала, але певнисть у тому зростала въ ній зъ кожнымъ днемъ. Вона ладна пійты на выдыму смерть, колы цёго треба. Соломія вирыла, що станется якась незвычайна подія, якась невидома сыла прыйде у потреби на помичъ, и та вира була у неи такою мицною, що Соломія кынула роботу, не хотила заробляты та складаты грошы, якъ поклала спочатку. На вищо? И безъ того обійдется. Абы дочекатыся, що скаже драгоманъ.

Спокійною, гризно-спокійною прыйшла вона въ конакъ у вызначеный драгоманомъ день.

Винъ выйшовъ до неи байдужый.

— Ничого не буде... Одвезуть... А що я дурно не хочу твоихъ грошей, то скажу тоби, що повезуть ёго позавтру вранци... Якъ тилькы свине, прыходь на берегъ—побачышъ чоловика... Отъ!...

Така-жъ спокійна, ничого не одповившы навить, немовъ вона давно погодылась зъ цымъ, покынула Соломія конакъ.

«Одвезуть... одвезуть... одвезуть»...—стукало щось молоткомъ въ іи голови за кожнымъ крокомъ, колы вона поспишалася до Ивана. Вона забрала Ивана зъ гармана и одвела на бикъ.

— Одвезуть...—промовыла вона, дывлячысь на нёго сухымы очыма.

— Що одвезуть?

— Остапа.

— Ну? колы?

— Позавтра... Мы ёго одибьемо...

— Хто—мы?

— Вы и я.

— Оце але! оце сказалы! Якъ же мы ёго одибьемо, таже ёго туркы везтымуть, гей!—налякався котыгорошокъ.

Що туркы!.. Вона мае цилый плянъ. Дуже простый плянъ. Винъ дистане соби и ій рушныци—коженъ румунъ ихъ мае въ хати—воны выйдуть на берегъ вранци, одвяжуть чужый човенъ и выплывуть на ричку. Тамъ воны чекатымуть, ажъ везтымуть Остапа, и нападуть на туркивъ. Остапъ допоможе, колы побачыть ихъ... Що, винъ боится? Винъ не хоче вызволыты товарыша, що разомъ зъ нымъ одбувъ далеку дорогу, разомъ йивъ и пывъ?... Вона такъ и знала, що у цёго пухыря зъ здоромъ тилькы й стало смилывости, щобъ утекты одъ жинкы... Ось колы вона знайшла ёму цину, зрозумила ёго пидлещуванння. Обійдемся безъ нёго, вона сама потрапыть загынуты, рятуючы Остапа... Та на прощання вона нагадае ёму ёго жинку и отутъ пры людяхъ, на соромъ ёму, одлупцюе ёго якъ жыды Гамана...

— А що жъ бо вы... а якижъ-бо вы... нехай Богъ сохраныть...—оборонявся наляканый Иванъ одъ наступаючои на нёго Соломіи.—Та я зъ вамы хочъ у пекло... Що мени страшно вмираты чы що!.. Колы кажете позавтра, про мене й позавтра... я готовый, абы вы...—Иванъ бувъ червоный, клипавъ очыма и боязко поглядавъ на Соломію.

Соломія одійшла, опамьяталася. Воны помырылысь и вже тыхо, безъ сваркы, умовылысь якъ и що. По тому розійшлысь.

На другый день, тилькы почало розвыднюватысь, Соломія була вже на березі. Повна у щерть ричка лежала передъ нею помижъ вкрытымы снигомъ берегамы, якъ чорна и тыха безодня. Туманъ вже пиднявся—и небо стало сирымъ. Въ тыхому й теплому повитри чорнилы прыбережни вербы и лягалы чорнымы тинямы на чорному зеркали ричкы; набубнявилы мокри гыллячкы вербъ, злегка курылысь, немовъ дыхалы на холоди.

Соломія дывылась на городъ. Вона чекала Ивана. Невже винъ не прыйде?

Народу ще було мало. Лышъ де-не-де перебиралысь черезъ грязьку вулыцю зигнути пишоходы. Та ось показалась коротка и сыта фыгура. Иванъ нисъ на плечахъ весла и скыдався на рыбалку, що спокійно почынае робочу дныну. Иванъ скынувъ весла у першый зъ краю човенъ, вытягъ зъ-за пазухы старый турецькый пыстоль и подавъ Соломіи. Оце все, що винъ мигъ роздобуты.

— Набытый?—поспытала Соломія, сидаючы въ човенъ.

— Набытый,—стыха обизвався Иванъ, одпыхаючысь одъ берега. Винъ бувъ не говиркый и поважный, наче жалоба зимового ляншафту зминыла ёму настрій. Воны одплылы на середыну ричкы. Прудка течія зносыла ихъ внызъ, и выдко було, якъ тикалы одъ ныхъ били берегы зъ чорнымы вербамы.

Соломія не одрывала очей одъ берега. Тамъ надъ водою купка людей лагодылась сидаты въ човенъ. Чы ихъ трое, чы четверо?—мучыло Соломію пытання, и вона піякъ не могла порахуваты. Вона бачыла, якъ воны сидалы и якъ човенъ загойдався на води, оддиляючысь одъ берега. Обыдва човны сунулысь по чорному зеркали и лышалы за собою городъ. Турецькый човенъ тежъ выплывъ на середыну, певно хотивъ покорыстуватыся сылою течіи. Такъ воны плылы далеко одынъ одъ одного, не наблыжаючысь до себе. Швыдко городъ зовсимъ закрывся за прыбережнымы вербамы. Иванъ налигъ тоди на весла, и ёго човенъ почавъ наганяты передній. Вже можно було розибраты, що тамъ сыдило четверо,—двое на веслахъ, а двое—одынъ проты одного. Соломія впизнала Остапа.

Треба ёго сповистыты.

— Оста-а-пе-е!..—выгукнула вона на голосъ писни, и той музыкальный выгукъ покотывся помижъ билымы берегамы, долынувъ до людыны на переднёму човни и стрепенувъ его.

— Оста-а-пе! спивала Соломія: мы идемо тебе-е вызволяты!.. Иванъ бье одного-о... я стриляю другого, а ты возьмы соби третёго...

Гарный сыльный голосъ спивавъ на води, все наблыжаючысь, все змицнюючысь, и туркы заслухалысь. Воны не поми-

тылы навить, що просто на ныхъ летыть човенъ и ось-ось стукнется зъ ихнимъ.

Соломіинъ човенъ повернувъ бокомъ и бувъ усёго на аршынъ одъ турецького, колы туркы загалакалы. Та було пизно: човны черкнулыся, загойдалысь, и саме тоди, якъ туркы зъ лайкою нагнулыся, щобъ одипхнутысь, Иванъ пиднявъ весло и зъ усіеи сылы спустывъ ёго на червоный фезъ.

У той же ментъ мижъ ныхъ блыснувъ пострилъ и звылась хмарка дыму.

— Алла!—скрыкнулы туркы зъ несподиванкы.

Одного душывъ Остапъ.

Той ментъ бувъ такымъ блыскавычнымъ, що выдався хвылыною сону. Иванъ, спустывшы весло на голову туркови, пиднявъ ёго зновъ и на хвылыну заклякъ, дывлячысь на розгойданный, стрыбаючый по води човенъ зъ переляканымы людьмы. Соломію кризь серпанокъ дыму опикъ лютый поглядъ чорныхъ очей, и ій здавалося, що вона стриляе безперестанку, хочъ могла выстрелыты лыше разъ.

Раптомъ Иванъ почувъ, що ёго впекло щось у жывитъ. Винъ машынально спустывъ весло на турка, але весло сковзнуло и выпало ёму зъ рукъ; червоный фезъ турка якось вытягся передъ очыма, немовъ вырисъ, видтакъ счезъ; Иванъ роскынувъ рукы, похытнувся, въ голови мыгнула свидомисть, що ёму щось недобре.

— Ой Боже жъ мій!—скрыкнувъ винъ раптомъ и полетивъ навзнакы въ воду. Хибкый човенъ нагнувсь пидъ вагою ёго тила и выкынувъ Соломію. Лёдова вода голкамы пройшлась по Соломіиному тилу, сонъ счезъ и свидомисть освижыла мозокъ. Намагаючысь вхопытысь за перекынутый човенъ, Соломія побачыла, що Остапъ бьется въ рукахъ двохъ туркивъ, а третій, той самый, що бувъ пидъ Ивановымъ весломъ, держыть въ рукахъ дымучу ще рушныцю. Довгый човенъ трипавсь передъ іи очыма на води, якъ велыка рыба.

Значыть ни вона, ни Иванъ никого не забылы... Значыть— все пропало... Але ій не до того... Вона чуе, що могутня течія бере іи въ свои обіймы, а чорна глыбинь тягне за ногы. Пры-

ходыть смерть. Але вона не дается. Вона мае сыльни рукы, а до берега недалеко. Вона чуе за собою якись крыки, Остапивъ голосъ, та ій не до ныхъ. Вона мусыть поспишатыся, покы не змерзло тило... Дыки, невгамовни сылы жыття встають и прутся, и роспирають груды, зростають у лютисть... Вси сылы добуты... всю теплу кровъ... всю волю... Ось блыжче до берега... Ось берегъ выдко.... а тамъ такъ гарно, тамъ сонце сяе, тамъ зелено, тамъ небо сыне, тамъ радисть, жыття... Душа рвется до сонця, а тило тягне до себе чорна безодня. Вона оковуе ёго зализомъ, обвишуе каминнямъ, обхоплюе холодными рукамы... Все тяжчымъ и тяжчымъ стае воно, все глыбше и глыбше пирнае у воду...

— Остапе!..—зъ роспукою волае душа.

— Соломіе-е!..—доносытся до неи крыкъ серця.

— Соломіе!..—чуе вона кризь холодну хвылю, що бье ій въ очи, торкается чола, росплутуе косы...

Жовте, каламутне свитло потыху лыне до горы... згадкы жыття займаются якъ искры и гаснуть, попеліють, якъ искры...

По чорній ричци помижъ билымы берегамы прудко плыве човенъ, тане въ дальни и обертается въ цятку... за нымъ несе вода другый, порожній, хлюпае въ ёго били бокы и фарбуе ихъ въ червоный колиръ...

Тыхо въ повитри...

—

Чымало воды утекло въ Дунаи зъ того часу.

На высокій бессарабській полоныни, де у день котытся брудна хвыля овечои отары, а по ночахъ сумно гуде витеръ, стоить одыноко высокый памятныкъ, поставленый на згадку розлыву людськои кровы. Тамъ колысь былысь турецьки янычары зъ московськымъ військомъ.

Тьмяно свитятся викна у маленькій халупци, де сторожъ варыть соби убогу вечерю. Весело, зъ трыскомъ, палае въ печи сухый комышъ и гуготыть у комини. Въ печи щось булькае.

Сывый дидъ гріе свою бороду биля вогню и слухае розмову витру.

Що не кажить, а винъ жывый той витеръ. Винъ летыть здалеку, по-надъ тыхымы селамы и забирае по дорози, всычуе въ себе и тышу села, и клекитъ миста, шемрання темного лису, дзюрчання водъ и дзвинъ стыглого колоса. Винъ несе въ соби весь гоминъ земли, одъ тыхого брениння мушкы до гуркоту грому, одъ скрытого зитхання серця до крыку смертельнои роспукы.

Треба тилькы умиты слухаты. А дидъ навчывся. Довги рокы самотнёго жыття середъ розлогыхъ просторивъ, у цёму царстви витру, навчылы ёго розумиты таемну розмову. Ось и теперъ прыносыть ёму той вирный товарышъ усяки звисткы свита и кыдае, мовъ цинный дарунокъ, у коминъ халупкы.

Дидъ пиднимае кудлати бровы и слухае. Ёго мутни очи дывлятся въ просторинь, а усмишка розсовуе зморшкы.

— Чую, чую...—шепче винъ и выходыть зъ хаты.

Темрява и пустка обгортають ёго.

Винъ повертается у той бикъ, де далеко, за селамы й ланамы плыве Дунай—и шепче:

— Зновъ мене, клычешъ, Соломіе? Почекай, швыдко прыйду, не забарюся вже...

А витеръ гуде, розвивае дидови бороду и прыносыть ёму тыхый, ледве чутный, мовъ зъ дна Дунаю, поклыкъ:

— Оста-а-пее!...

— Отакъ вона мене часто клыче,—оповидае дидъ людямъ, що инколы заходять въ сторожку.—Якъ тилькы витеръ загуде—такъ и клыче до себе... то въ коминъ гукне, то на двори поклыче... а часомъ середъ ночи збудыть. А не прыходыть, ни... Тай хвала Богу, бо засмутылась бы небижка, колыбъ прочытала мое жыття, якъ воно спысане на спыни...

И Остапъ охоче пиднимае сорочку и показуе збасаманеный сыній хребетъ, де спысаный, якъ винъ каже, ёго жытепысъ.

— Оце ззаду памятка одъ пана, а знереду, мижъ ребрамы, маю дарунокъ одъ москаля... кругомъ латаный... зъ тымъ и до Бога пійду... Дорого заплатывъ я за волю, гирку цину давъ... Половына мене лежыть на дни Дунаю, а друга чекае й не дочекается, колы злучытся зъ нею...

М. Коцюбинськый.

Николай Ильичъ Стороженко—на родинѣ.

30-ти лѣтній юбилей Николая Ильича Стороженка вызвалъ въ печати много отзывовъ о его профессорской и литературной дѣятельности; но эта довольно обширная характеристика Николая Ильича была бы, однако, не полною, еслибы не было сказано ничего о заслугахъ Н. И. для своего родного края. Въ предыдущей книжкѣ Кіевской Старины говорено было объ очень цѣнномъ сотрудничествѣ Н. И. въ этомъ изданіи, о разработкѣ имъ мѣстныхъ историко-литературныхъ темъ, къ которымъ Н. И. обнаружилъ большой интересъ еще въ ранней молодости и сохраняетъ его до сихъ поръ. Но мнѣ хотѣлось бы сказать кое-что относительно общественной дѣятельности Николая Ильича, направленной ко благу его родного уголка,—дѣятельности выдающейся, вполнѣ заслуживающей того, чтобы и ей подведенъ былъ итогъ въ торжественную юбилейную годовщину общей широкой дѣятельности Николая Ильича; хочется сказать о томъ, чѣмъ былъ всегда Н. И. по отношенію къ своимъ землякамъ.

Неудивительно, что эта сторона дѣятельности Николая Ильича мало извѣстна, или даже вовсе неизвѣстна многимъ: Н. И. обладаетъ рѣдкой способностью поступать такъ, «чтобы лѣвая рука не знала о томъ, что́ даетъ правая»... Лишь попавши на родину Николая Ильича, узнаете вы о всемъ томъ добрѣ, которое онъ до сихъ поръ для нея сдѣлалъ.

Вотъ въ этотъ то родной полтавскій уголокъ Николая Ильича, г. Лохвицу, привелось мнѣ попасть этимъ лѣтомъ.

Но прежде я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о моемъ первомъ знакомствѣ съ Ник. Ильичемъ. Знакомство это произошло на далекой «чужинѣ», очень давно, но я упомяну о немъ, такъ какъ оно тоже въ нѣкоторомъ отношеніи характерно для Н. И. Это было въ 1881 году; я возвращалась изъ Петербурга черезъ Москву, и мнѣ захотѣлось познакомиться съ знаменитымъ земля-комъ, Н. И., имя котораго, какъ профессора и писателя, было и тогда уже очень извѣстно. У меня не было никакого дѣла къ Николаю Ильичу,—я являлась къ нему просто въ качествѣ его ближайшей полтавской землячки, съ земляцкимъ поклономъ. Однако, добравшись на Арбатъ и стоя уже передъ профессорской дверью, я начала сильно сомнѣваться въ моихъ правахъ тревожить Н. И. среди работы, или его, быть можетъ, рѣдкаго досуга; въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, ка́къ-то приметъ меня знаменитый землякъ?... имя мое, б. м., ему совсѣмъ неизвѣстно, а у меня нѣтъ даже никакого рекомендательнаго письма... Но мой робкій звонокъ былъ уже услышанъ, мнѣ сказали: «Николай Ильичъ дома,—пожалуйте!». Проходя мимо кабинета, я увидала, что профессоръ сидѣлъ у письменнаго стола за работой. Но Н. И. тотчасъ вышелъ ко мнѣ—и черезъ нѣсколько минутъ мнѣ показалось, что я уже давно была знакома съ нимъ,—такъ просто-привѣтлива, искренне радушна была бесѣда Николая Ильича! Онъ распрашивалъ о Кіевѣ, о Полтавщинѣ, о малорусскихъ литературныхъ начинаніяхъ. Когда я собралась уходить, Ник. Ильичъ приглашалъ меня къ себѣ вечеромъ того же дня, говоря что въ этотъ день у нихъ въ домѣ собираются близкіе знакомые и что мнѣ, вѣрно, будетъ интересно видѣть представителей московской интеллигенціи. Но я не могла воспользоваться этимъ приглашеніемъ, Н-ая И-ча: мнѣ непремѣнно надо было спѣшить домой; при томъ, если хочешь больше видѣть и слышать хозяевъ, то jour fixe—плохое время для этого, такъ какъ вниманіе ихъ бываетъ раздроблено на многія части... И мнѣ пріятно было сохранить въ своей памяти ту сердечную, именно земляцкую бесѣду,

которая была удѣлена лично мнѣ. Долгіе годы хранилось въ моей душѣ отразившееся въ этой единственной, по памятной встрѣчѣ—какое то особенное обаяніе необычайно симпатичной натуры Николая Ильича!.

И вотъ, черезъ 20 лѣтъ, мы встрѣтились съ Н. И. опять,—уже въ его родномъ уголкѣ, въ г. Лохвицѣ, на большомъ торжествѣ ея и Николая Ильича.

Въ началѣ іюля минувшаго лѣта, въ сосѣднемъ уголкѣ Полтавщины, г. Гадячѣ,—гдѣ я проводила лѣто,—прошелъ слухъ, что въ Лохвицѣ предстоитъ открытіе Народнаго дома. Мы, гадячане, какъ ближайшіе сосѣди лохвичанъ, посчитали, что это до нѣкоторой степени нашъ общій полтавскій праздникъ, а потому нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я съ братомъ, докторомъ А. П. Драгомановымъ, отправились ко времени торжества въ Лохвицу. Не смотря на трудность попасть на праздникъ, на что́ намъ указывали скептики,—въ виду большого числа лохвицкой и пріѣзжей уѣздной публики, близко интересующейся торжествомъ,—мы рѣшили, что намъ удастся, во всякомъ случаѣ, присутствовать на той части торжества, которая (какъ освященіе зданія и платный спектакль въ немъ), можетъ быть доступна для «посторонней публики».

Добравшись до Лохвицы (двѣ станціи по желѣзной дорогѣ и 12 верстъ лошадьми), мы съ братомъ подъѣхали къ квартирѣ своего стараго знакомаго, члена суда, разсчитывая на его помощь; но, оказалось, что онъ былъ уже на торжествѣ. Тогда мы, какъ заправскіе туристы, никому неизвѣстные и никого больше не знавшіе, отправились разыскивать въ Лохвицѣ новую достопримѣчательность,—«Народный домъ». Мы нашли его, конечно, безъ труда. На ступеняхъ зданія была толпа, двери его были широко открыты; къ счастью, онѣ были открыты для всѣхъ и въ переносномъ смыслѣ:—никакихъ билетовъ для входа не требовалось, и мы вошли въ домъ. Большой, свѣтлый театральный залъ его былъ полонъ публикой всякаго рода; молебствіе уже кончилось, на эстрадѣ дочитывался докладъ,—исторія постройки Народнаго дома. Намъ не пришлось слушать съ неудобствами: другой знакомый

лохвичанинъ сейчасъ-же предоставилъ намъ прекрасныя мѣста. Послѣ дѣлового отчета, прочтенъ былъ г-номъ Русиновымъ рефератъ о значеніи театра вообще и въ частности народнаго театра національнаго, вслѣдъ за чѣмъ референтъ подробно остановился на исторіи театра малорусскаго,—отъ первыхъ драматическихъ пробъ до настоящаго времени,—при чемъ дана была характеристика современнаго малорусскаго драматическаго репертуара въ его лучшихъ образцахъ.

Я не знала ничего о программѣ чтеній—и то, что я услышала, пріятно удивило меня. Дѣйствительно, такое чтеніе было какъ нельзя болѣе кстати, когда открывался народный театръ въ полтавскомъ уголкѣ.

Послѣ этого на эстраду взошелъ Николай Ильичъ Стороженко, предложивши чтеніе—о народномъ украинскомъ поэтѣ Шевченкѣ. Признаюсь, мнѣ на моемъ вѣку приходилось слышать, на литературныхъ вечерахъ въ память Шевченка, такъ много рефератовъ о Кобзарѣ, что самая тема чтенія Н. И.—не обѣщала для меня особаго интереса; но я скоро нашла, что Н. И. умѣетъ быть такимъ же обаятельнымъ лекторомъ, какъ и собесѣдникомъ: не смотря на болѣе или менѣе извѣстную тему, Н. И. внесъ въ свое чтеніе столько интереснаго матеріала, такъ цѣльно сгруппировалъ біографическія данныя о поэтѣ и литературные факты его времени, что рефератъ представилъ большой интересъ не только для не знакомыхъ съ предметомъ,—(при открытіи *народного* дома, вѣроятно, такая публика имѣлась въ виду по преимуществу),—но и для другой части слушателей. Также хорошо было чтеніе Н. И. и съ внѣшней стороны: совершенно простое изложеніе и какой-то особенно задушевный тонъ,—казалось, въ самой дикціи лектора было нѣчто рѣдко симпатичное и располагающее къ слушанію. Прибавьте къ этому, что нѣсколько вставленныхъ въ чтеніе малорусскихъ отрывковъ и цѣлое стихотвореніе г-жи Псіолъ, (современницы Шевченка) были прочитаны Н. И-чемъ замѣчательно хорошимъ, чисто полтавскимъ мягкимъ выговоромъ,—очевидно, настолько органически присущимъ Николаю Ильичу, пол-

тавцу «зъ дида прадида», что и долгіе годы, проведенные въ Москвѣ, не могли испортить этого выговора.

Удивительно-ли, послѣ всего этого, что Николаю Ильичу аплодировали много и горячо. Дѣйствительно, онъ блистательно дополнилъ, какъ выборомъ темы своей первой лекціи въ лохвицкомъ Народномъ домѣ, о народномъ Кобзарѣ,—такъ и самымъ чтеніемъ, тотъ характеръ торжества, который хотѣли ему придать устроители его, какъ это видно было изъ читаннаго раньше. Для оффиціальнаго торжества все это было такъ, если хотите, ново, било такой пріятной, свѣжей струей.... И общее впечатлѣніе торжества получалось полное, прекрасное!

Послѣ перерыва въ нѣсколько часовъ, было вечернее продолженіе торжества: спектакль въ томъ же новооткрытомъ Народномъ театрѣ. Еще утромъ, по окончаніи чтенія Николая Ильича,—которымъ была закончена утренняя программа торжества,—мы встрѣтились тамъ же, въ Народномъ домѣ, съ тѣмъ членомъ суда, Гр. П. Карташевскимъ, котораго искали вначалѣ пріѣзда. Этотъ нашъ старый пріятель встрѣтилъ насъ чрезвычайно привѣтливо, забралъ послѣ утренняго торжества къ себѣ и озаботился тѣмъ, чтобы достать намъ билеты на вечеръ, на спектакль,—что́ было не легко!...

Спектакль былъ въ томъ же духѣ, что и утреннее отдѣленіе торжества, т. е. въ народномъ малорусскомъ: поставлена была Наталка-Полтавка, Котляревскаго. Въ то-же время спектакль былъ очень парадный: масса публики и выдающіеся исполнители. Роль Наталки исполняла г-жа Русинова, сестра предводителя дворянства, роль Выборного—Кропивницкій, нарочито для этого спектакля приглашенный устроителями, изъ Харькова. Въ домъ нашего гостепріимнаго хозяина, Г. П. Карташевскаго, Кропивницкій и пріѣхалъ, подъ вечеръ, вмѣстѣ съ женой, артистомъ Панькивськимъ (игравшимъ Мыколу) и артистомъ Нѣмчиновымъ, игравшимъ Петра. Послѣ обѣда артисты отправились въ театръ, чтобы прорепетировать номера пѣнія, мы же бесѣдовали съ Г. П. Карташевскимъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ многое о Николаѣ Ильичѣ; но объ этомъ я скажу ниже.

Когда мы явились въ театръ, онъ былъ уже переполненъ самой разнообразной публикой. Здѣсь мы встрѣтились и съ своею компаніей гадячанъ. Въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ Николай Ильичъ съ дочерью. Въ первомъ же антрактѣ мы съ нимъ бесѣдовали,—снова, черезъ 20 лѣтъ.... Николай Ильичъ указалъ мнѣ на свою дочь, сказавши: «она очень любитъ стихи вашей дочери, съ такимъ удовольствіемъ читаетъ ихъ!» Вслѣдъ за этимъ онъ подозвалъ молодую дѣвушку и сказалъ: «вотъ познакомься,—это мать Леси Украинки». Потомъ у насъ съ Н. И. нашлось такъ много о чемъ говорить, что и слѣдующій антрактъ прошелъ въ разговорахъ. Н. И. весь въ своихъ литературныхъ работахъ—и такъ охотно, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ интересно говоритъ о нихъ!

Въ концѣ второго антракта я прошла за кулисы, чтобы повидаться съ О. Ф. Русиновой, съ которой я познакомилась на утреннемъ торжествѣ. «Наталку» принаряжали для послѣдней сцены сватанья двѣ сельскія дѣвушки въ малорусскихъ нарядахъ.—Это мои первыя артистки,—сказала Ольга Фед. Я еще раньше слыхала, что въ имѣніи Русиновыхъ, селѣ Позникахъ лохвицкаго уѣзда, устраиваются простонародные спектакли, при чемъ актерами и актрисами является крестьянская молодежь, разучивающая свои роли подъ руководствомъ Русиновыхъ; при словахъ О. Ф. я съ любопытствомъ взглянула на суетившихся подлѣ нея дивчатъ. Собственно говоря, онѣ давали костюмировкѣ послѣдній coup de main,—прикалывали вѣнокъ, надѣвали намыста, расправляли ленты, кончики плахты,—но эти «первыя артистки» изъ народа дѣлали все это съ такимъ усердіемъ и такою нѣжною заботливостью, что у меня невольно явилась мысль: среди «первыхъ артистокъ» заправскихъ труппъ интеллигенціи такого не увидишь!...

Спектакль кончился при шумныхъ оваціяхъ. Поднесены были вѣнки О. Ф. Русиновой и Кропивницкому,—котораго вообще принимали восторженно. Ольга Фед. была очень типичной и милой Наталкой, на сценѣ держалась свободно, безъ обычной для любительницъ робости, какъ хорошо знакомая со сценой.

Вообще спектакль прошелъ очень хорошо и оживленно, не смотря на то, что не было ни одной совмѣстной репетиціи съ пріѣзжими артистами, съ которыми успѣли прорепетировать лишь музыкальные номера. Очевидно, все быле хорошо подготовлено заранѣе.

Спектаклемъ еще не кончилось торжество знаменательнаго дня. Послѣ спектакля былъ еще ужинъ по подпискѣ. Предлагая, не пожелаемъ-ли и мы съ братомъ участвовать въ ужинѣ, Г. П. Карт. пояснилъ, что ужинъ устраивается отчасти для ознаменованія торжества открытія народнаго театра, главнымъ же образомъ съ цѣлью при съѣздѣ многихъ лицъ изъ уѣзда и гостей-сосѣдей, почтить Николая Ильича Стороженка, котораго юбилей долженъ былъ праздноваться въ скоромъ времени въ Москвѣ. Разумѣется мы были очень благодарны Гр. Петр. за сообщеніе о томъ, чего мы, какъ пріѣзжіе, могли не знать, и съ удовольствіемъ приняли участіе въ торжествѣ, имѣвшемъ вдвойнѣ привлекшее насъ значеніе.

Среди собравшихся, между которыми былъ уже и Николай Ильичъ, шли оживленные разговоры, какъ бываетъ вообще въ собраніяхъ, гдѣ многіе хорошо знакомы другъ съ другомъ. Насъ тоже познакомили съ разными представителями лохвицкаго общества. Предсѣдатель земской лохвицкой управы, А. Н. Ходолей, оказался очень любезнымъ и внимательнымъ къ намъ, пріѣзжимъ, а въ лицѣ В. Ф. Русинова мой братъ нашелъ своего давняго товарища. А. Н. Ходолей разсказывалъ мнѣ о разныхъ явленіяхъ мѣстной жизни и земской практики,—между прочимъ сообщилъ интересные факты относительно сельскихъ артелей, которымъ оказывало помощь лохвицкое земство.— Такъ шло время до ужина. За ужиномъ было произнесено много рѣчей. Говорили о значеніи торжества, указывали на заслуги потрудившихся для созданія народнаго дома, указывали и на должный малорусскій характеръ самого открытія, его программы. Необыкновенной теплотой отличались нѣсколько рѣчей, обращенныхъ къ Николаю Ильичу: въ нихъ, кромѣ перечисленія заслугъ

-го, какъ ученаго и профессора, земляки говорили о его заслугахъ, какъ мѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Всѣ поднимались съ мѣстъ и шли привѣтствовать съ бокаломъ славнаго земляка. Николай Ильичъ отвѣчалъ со свойственной ему задушевностью на рѣчи и въ свою очередь предлагалъ тосты.

Пили за малорусскій театръ и его дѣятелей, предложенъ былъ А. Н. Ходолеемъ тостъ за малорусскую литературу и ея представителей. Было уже очень поздно, когда разошлись участники этого знаменательнаго торжества, о которомъ, вѣроятно, у всѣхъ останутся найлучшія воспоминанія. Пріятно обозначить тотъ фактъ, что въ числѣ привѣтовъ, высказанныхъ по адресу Николая Ильича въ его юбилейный годъ, устно и печатно, *первыя* юбилейныя привѣтствія, обращенныя къ нему,—раздались *въ его родномъ уголкѣ*, отъ лица его ближайшихъ земляковъ и товарищей по общественной дѣятельности. Это, повидимому, натурально,—однако, бываетъ очень рѣдко!..

На другой день, до отхода поѣзда, я попросила Г. П. Карт-го показать мнѣ многое, заинтересовавшее меня въ Лохвицѣ. Можетъ показаться страннымъ, какія такія «достопримѣчательности» могутъ быть въ маленькой уѣздной Лохвицѣ! А вотъ же онѣ есть. Григорій Петровичъ охотно показалъ мнѣ Сельскохозяйственное Общество, общественную библіотеку, (въ которой я нашла много малорусскихъ книгъ,—явленіе не совсѣмъ обычное даже и въ коренной Малороссіи), потомъ мы видѣли складъ медикаментовъ при Земской Управѣ и складъ мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій, очень поддержанныхъ лохвицкимъ земствомъ. Тамъ же, при Управѣ, помѣщается значительный складъ книжный, котораго дѣла идутъ также очень хорошо. Во всѣхъ этихъ своего рода «учрежденіяхъ» завѣдующими и конторщицами состоятъ женщины, очень занятыя своимъ дѣломъ, но въ то-же время очень любезно дававшія мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія.

Въ складахъ при Земской Управѣ мы снова встрѣтились съ Николаемъ Ильичемъ Стороженкомъ. Онъ, съ дочерью, пришелъ, передъ отъѣздомъ изъ Лохвицы въ свою деревню, купить въ зем-

скомъ складѣ книгъ. Онъ вошелъ съ того входа, гдѣ мы разсматривали гончарныя издѣлія, и тоже присоединился къ намъ. Какъ теперь вижу его наклоненную голову и любовно-внимательно устремленный взглядъ на полки съ хорошо извѣстными тыковками, мисками и другими гончарными издѣліями лохвицкихъ «майстривъ».

Въ этомъ «Земскомъ домѣ», гдѣ можно видѣть и образцы труда народнаго, и то, что предлагаетъ народу земская интеллигенція, мы простились съ Николаемъ Ильичемъ: онъ уѣхалъ въ лохвицкое село, я въ гадячскій хуторъ. Гдѣ встрѣтимся снова?..

Но въ продолженіе тѣхъ нѣсколькихъ часовъ, которые я провела въ Лохвицѣ до отъѣзда, мнѣ еще много привелось слышать о Николаѣ Ильичѣ и я многое поняла въ томъ, можно сказать нѣжномъ вниманіи, которое, какъ я видѣла, оказываютъ Николаю Ильичу на родинѣ. Да, Н. И. является для ближнихъ земляковъ не тѣмъ «нашимъ знаменитымъ №№», о которомъ «пишутъ въ газетахъ», на котораго земляки смотрятъ какъ на блестящую, но далёкую звѣзду,—нѣтъ, онъ и здѣсь участвуетъ своими трудами, въ мѣстной жизни и ближайшей общественной дѣятельности. Мнѣ разсказали, что Н. И. уже много разъ выступалъ со своими чтеніями въ Лохвицѣ, на литературныхъ вечерахъ, сборъ съ которыхъ шелъ на какую нибудь благую цѣль, для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ; чтенія же всегда привлекали много публики, такъ какъ Н. И. избиралъ интересную тему, изъ своихъ ученолитературныхъ работъ, или являлся прекраснымъ чтецомъ лучшихъ образцовъ малорусской и русской беллетристики.

Кромѣ этого Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ родного уѣзда, по земскому самоуправленію, суду и сельскохозяйственному обществу, въ качествѣ гласнаго, почетнаго мирового судьи и почетнаго члена лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. Земская и вся вмѣстѣ взятая общественная дѣятельность Н. И-ча въ родномъ уѣздѣ, говоря словами Г. П. Карташевскаго, «характеризуется высокою гуманностью, нѣжною отзывчивостью къ чужой нуждѣ и тою несравненною цѣльностью души, которая въ особенности свойственна Н. И-чу».

Хотя Н. И. проживаетъ въ лохвицкомъ уѣздѣ только каникулярное время и не всегда имѣетъ возможность участвовать въ земскихъ и иныхъ собраніяхъ, но, интересуясь дѣлами уѣзда и поддерживая переписку, онъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ общественной дѣятельности въ уѣздѣ—и можно сказать, что всѣ лучшія начинанія въ уѣздѣ совершались при участіи и содѣйствіи Николая Ильича.

Въ особенности велики заслуги Николая Ильича въ дѣлѣ народнаго образованія и въ частности въ основаніи и устройствѣ въ Лохвицѣ общественной библіотеки. Онъ лично снабжалъ библіотеку книгами, а также, благодаря его ходатайству, присылали для нея много книгъ покойный Солдатенковъ, профессоръ М. М. Ковалевскій и другіе. Въ своемъ родовомъ имѣніи, при селѣ Мармизовкѣ, гдѣ обыкновенно Н. И. проводитъ лѣто, онъ основалъ народную школу, для которой пожертвовалъ кусокъ земли и лѣсной матеріалъ на постройку зданія.

Принявши званіе почетнаго мирового судьи и отправляя связанныя съ этимъ обязанности, Н. И. показалъ, что не чуждается и той дѣятельности, которая стоитъ внѣ его спеціальности какъ ученаго и литератора; въ качествѣ же судьи онъ проявлялъ все ту-же свойственную ему сердечность и гуманность. Свидѣтельство въ этомъ случаѣ Г. П. Карт-го, какъ члена суда, являющагося товарищемъ Н. И-ча, близко знающимъ дѣло, имѣетъ особенное значеніе.

Еще дальше стоитъ отъ спеціальности Н. И-ча медицина, но и къ положенію ея въ уѣздѣ онъ относился всегда съ особеннымъ интересомъ; въ свою же Мармизовку не разъ привозилъ на лѣто врачей для леченія селянъ, при чемъ онъ и самъ лечилъ болящихъ, давая общеизвѣстныя лекарства и даже собственноручно дѣлая перевязки. Эту помощь онъ оказывалъ такъ усердно, что многіе принимали его за врача. Вотъ чѣмъ можетъ быть и кабинетный писатель,—если пожелаетъ!...

Вообще изъ всего этого видно, что нѣжная любовь къ родинѣ-Малороссіи,—любовь, которая такъ сквозитъ въ его бесѣдахъ съ земляками на близкія темы,—живетъ въ Н. И-чѣ не въ

видъ абстрактной идеи: онъ любитъ свой родной уголъ дѣятельною любовью, любитъ и простой людъ свой, заботится о его нуждахъ, умѣетъ быть доступнымъ и общительнымъ по отношенію къ нему. При этомъ намъ остается повторить, что все перечисленное дѣлается тихо, безъ шуму, безъ крику.... Обо всемъ можно узнать лишь случайно, попавши въ самую ближайшую околицу Н. И-ча. Но тамъ, на мѣстѣ, все это знаютъ—и цѣнятъ: цѣнитъ не только мѣстная интеллигенція, но, какъ удостовѣряетъ она, цѣнитъ и тотъ простой людъ, съ которымъ входитъ въ соприкосновеніе Н. И-чъ.

Вотъ чѣмъ былъ долгіе годы, есть и теперь Н. И. для родного мѣста. Какъ далеко это отъ обычнаго бѣгства лучшихъ людей навсегда изъ «родныхъ палестинъ!». Какъ далеко это и отъ обычной «дачной» жизни въ деревнѣ,—если случается навѣстить ее,—отъ обычнаго запиранія дверей рабочаго кабинета, чтобы мелкая проза окружающей жизни «уѣзднаго муравейника» не мѣшала кабинетной работѣ...

Правда, тотъ «уѣздный муравейникъ», въ который судьба помѣстила Н. И-ча, тоже не совсѣмъ обыкновенный, а принадлежитъ къ числу выдающихся: лохвицкое земство извѣстно своимъ передовымъ направленіемъ, своею интенсивною дѣятельностью; о фактическихъ проявленіяхъ лохвицкой общественной дѣятельности и о характерѣ ея можно отчасти судить изъ того, что проникло даже въ настоящую, бѣглую замѣтку, посвященную собственно Н-ю Ильичу, но въ которой какъ бы фономъ явились—и народный домъ, и различные склады для народа, и С. Х. общество съ общественной библіотекой, и артели. Но всѣ эти благіе результаты явились не вдругъ и ко всему этому «житейскому волненію» можно было относиться различно... Между тѣмъ были и тяжелые моменты въ жизни этого передового уѣзднаго земства, когда передовымъ дѣятелямъ приходилось завоевывать себѣ положеніе, бороться съ элементами, не сочувствовавшими ихъ демократическимъ начинаніямъ. Въ такіе-то моменты поддержка со стороны людей авторитетныхъ, людей представляю-

щихъ собою «соль земли» своей, поддержка сочувствіемъ и помощь дѣломъ—особенно много значатъ.

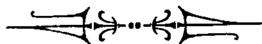
Именно о такомъ взаимодѣйствіи между лучшими силами уѣзда и Николаемъ Ильичемъ Стороженкомъ я и заключаю изъ всего видѣннаго и слышаннаго на его родинѣ.

Товарищи же Н. И. по общественной дѣятельности преисполнены самой теплой признательности за его сотрудничество въ ихъ общей работѣ на пользу родного уголка; въ ознаменованіе же всѣхъ заслугъ Н. И., какъ ученаго, писателя и общественнаго дѣятеля, лохвицкіе земляки его, по почину предводителя дворянства, А. Ф. Русинова, послали Н. И-чу адресъ ко времени его юбилейнаго чествованія въ Москвѣ, и кромѣ того сложили значительную сумму для постановки портрета Н. И. въ лохвицкой общественной библіотекѣ.

Дай Богъ, чтобы Николай Ильичъ еще долго, долго подавалъ въ лицѣ своемъ примѣръ многосторонней дѣятельности на пользу родины, чтобы, сохраняя на многія лѣта бодрость духа и тѣла, участвовалъ въ открытіи еще не одного благого учрежденія въ своемъ родномъ уголкѣ! Сегодня въ Москвѣ празднуется его юбилей, но отъ снѣговъ и морозовъ далекой Москвы мысль невольно возвращается къ Украинѣ, гдѣ, въ прекрасный іюльскій вечеръ, послѣ только что звучавшихъ словъ Кобзаря и украинскихъ пѣсенъ, раздались первыя искреннѣйшія привѣтствія Николаю Ильичу земляковъ его; невольно въ заключеніе найлучшихъ пожеланій нашихъ хочется послать ему привѣтъ на родномъ языкѣ:—Чоломъ тоби, нашъ славный, щырый земляче!

О. Пчилка.

Кіевъ, 16-го дек., 1901 г.



Документы. Извѣстія и замѣтки.

Петиція Львовскаго ученаго общества имени Шевченка австрійскому рейхсрату объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ. 21 ноября (4 декабря) 1901 г. представители общества Шевченка (проф. С. Громницкій, проф. С. Днистряньскій, проф. А. Колесса и д-ръ Е. Озаркевичъ) подали нижеслѣдующую петицію на нѣмецкомъ языкѣ въ австрійскій рейхсратъ.

«Принимая во вниманіе повсемѣстно обнаруженную и неустранимую живѣйшую потребность, а равно глубоко чувствуемую необходимость; будучи проникнуты идеей равноправности всѣхъ народовъ и племенъ; исходя изъ глубокаго убѣжденія, что развитіе и процвѣтаніе національной культуры представляютъ одно изъ важнѣйшихъ жизненныхъ условій для нашего народа,—мы, въ качествѣ представителей малорусской науки, ходатайствуемъ объ учрежденіи самостоятельнаго малорусскаго университета во Львовѣ.

«Въ пользу этой мѣры говорятъ историческія, законодательныя, національныя и культурныя основанія.

1) Нынѣшній Львовскій университетъ, въ противоположность краковскому, предоставленному полякамъ, былъ предназначенъ первоначально для просвѣтительныхъ нуждъ малорусскаго народа; затѣмъ, съ устраненіемъ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ, онъ получилъ утраквистское устройство, т. е. былъ предоставленъ какъ полякамъ, такъ и малороссамъ для развитія ихъ мѣстной науки. Такое правовое положеніе университета санкціонировано импер. указомъ 4 іюля 1871 г., постановленія котораго остались въ существенныхъ частяхъ своихъ безъ измѣненія, несмотря на нѣсколько несогласованные съ ними имп.

указъ 27 апрѣля 1879 г. и распоряженіе министра исповѣданій и просвѣщенія 3 апрѣля 1882 г. Тѣмъ не менѣе, при дѣйствіи автономіи, университетъ получилъ польскій отпечатокъ, вслѣдствіе чего лекціи на малорусскомъ языкѣ пользуются лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ крайне незначительной поддержкой».

2) Согласно ст. 19 основного государственнаго закона объ общихъ правахъ всѣхъ гражданъ, «всѣ народности государства равноправны и каждая народность имѣетъ неотъемлемое право на заботы и развитіе своей національности и языка. Равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ, государственной службѣ и общественной жизни признается государствомъ». Но насколько призрачнымъ звучитъ этотъ принципъ, если взвѣсить, что малорусскій народъ, обнимающій въ Австріи до 4 милліоновъ и малымъ уступающій по численности полякамъ, не имѣетъ собственнаго университета, что съ каѳедръ лишь въ исключительныхъ случаяхъ слышится малорусская рѣчь, въ то время, какъ полякамъ не только предоставлено это право, но въ одной Галичинѣ въ ихъ распоряженіи находится два университета.

«Затѣмъ, согласно той же 19 ст., публичныя образовательныя учрежденія должны быть устроены такъ, чтобы каждая народность имѣла надлежащія средства для образованія на своемъ языкѣ, безъ принужденія къ изученію второго областного языка. Между тѣмъ по отношенію къ малороссамъ примѣняется прямое понужденіе пользоваться высшимъ образованіемъ на чужомъ языкѣ. Наши студенты вынуждены слушать въ Вѣнѣ, Грацѣ, Прагѣ, Черновцахъ, Краковѣ и Львовѣ лекціи нѣмецкія или польскія, чѣмъ наносится существенный ущербъ развитію національной культуры.

«Такое положеніе вещей тѣмъ опаснѣе, что въ Галичинѣ уже нынѣ свыше 50% народныхъ школъ и 4 полныя гимназіи пользуются въ преподаваніи малорусскимъ языкомъ, почему постоянно возрастаетъ контингентъ такихъ оканчивающихъ школы, которые невполнѣ владѣютъ польскимъ языкомъ. Хотя ихъ прямо и не принуждаютъ къ изученію второго областного языка, но они поставлены въ необходимость усвоить польскій языкъ, чтобы имѣть возможность слушать университетскія лекціи и держать испытанія на этомъ языкѣ. Эта аномалія имѣетъ особенное значеніе для студентовъ философскаго факультета, которые по окончаніи курса посвящаютъ себя педагогіи и обыкновенно получаютъ мѣста въ малорусскихъ гимназіяхъ, гдѣ уже не употребляютъ польской терминологіи, усвоенной ими въ универси-

тетѣ, большею частью противъ воли, и должны возвратиться къ малорусской рѣчи. Поэтому, учрежденіе отдѣльнаго малорусскаго университета является не только средствомъ для устраненія противозаконнаго безправія, но и необходимымъ послѣдствіемъ уже фактически существующаго положенія вещей.

3) Созданіе малорусскаго университета во Львовѣ представляется, далѣе, неизбѣжнымъ результатомъ окрѣпшей національной идеи. Законъ первоначально давалъ намъ, правда, возможность воспользоваться Львовскимъ университетомъ въ нашихъ національныхъ цѣляхъ, но, къ сожалѣнію, въ ту пору слабо еще было національное самосознаніе, чтобы осуществить задачу. Нынѣ, однако, повсемѣстно чувствуется въ этомъ глубокая потребность, всюду слышится: «Дайте намъ самостоятельный малорусскій университетъ!» Народъ, обнимающій въ общемъ до 30 милліоновъ, для котораго стремленіе къ развитію и процвѣтанію своей культуры сдѣлалось національной святыней, въ полномъ сознаніи своей культурной зрѣлости, повинуясь лишь потребности въ самосохраненіи, стремится нынѣ къ осуществленію своихъ идеаловъ и потому по справедливости и праву можетъ требовать, чтобы конституціонное государство, признавшее своимъ основнымъ началомъ равноправность всѣхъ народностей и языковъ, обезпечило за нимъ право пользоваться высшимъ образованіемъ въ собственномъ университетѣ на родномъ языкѣ.

«Такъ какъ высшія школы обыкновенно существуютъ въ средоточіяхъ національной культуры, то отсюда вытекаетъ, что малорусскій университетъ можетъ быть учрежденъ только во Львовѣ, ибо Львовъ именно и представляетъ собою центральный пунктъ всего малорусскаго народа въ Австріи.

Поэтому перенесеніе университета, напримѣръ, въ Черновцы не соотвѣтствовало бы нашимъ стремленіямъ, такъ какъ нельзя по произволу отодвигать столь далеко къ юго-востоку центръ тяжести нашего культурнаго развитія.

4) Наконецъ, въ пользу созданія самостоятельнаго малорусскаго университета говорятъ весьма важныя культурныя основанія. Число обучающихся въ австрійскихъ университетахъ галичанъ превышаетъ 800 и изъ нихъ свыше 600 человѣкъ числится во Львовскомъ университетѣ. Это послѣднее число постоянно возрастаетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается та несправедливость, которая вытекаетъ изъ дѣй-

ствующаго нынѣ порядка и ненормальность которой все болѣе и глубже чувствуется учащимися малороссами.

«Далѣе, недостатка въ кандидатахъ на университетскія каѳедры нѣтъ. Не только въ университетѣ Львовскомъ, но и въ другихъ австрійскихъ и даже русскихъ университетахъ имѣются малорусскіе профессора и доценты, которые доказали свою подготовку къ университетскому преподаванію; кромѣ того, и нынѣ есть достаточное число молодыхъ ученыхъ, которые или сейчасъ, или послѣ непродолжительнаго усовершенствованія въ заграничныхъ университетахъ, были-бы въ состояніи вступить въ ученое университетское сословіе, если-бы только имъ была предоставлена возможность посвятить свои силы на служеніе самостоятельной, національной высшей школѣ.

«Равнымъ образомъ, нынѣ уже нельзя намъ поставить въ упрекъ, что мы выступаемъ съ нашимъ требованіемъ безъ достаточной научной и языковой подготовки: мы уже обладаемъ научно разработанной терминологіей во всѣхъ отрасляхъ знанія, и наше Общество по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія содѣйствовало тому, что за послѣднее десятилѣтіе мы можемъ гордиться оживленною научною дѣятельностью, которая встрѣтила общее признаніе и въ другихъ краяхъ.

«Мы готовы къ разрѣшенію задачи, которая связана съ существованіемъ университета, мы не боимся никакихъ трудностей и требуемъ лишь того, что̀ давно составляетъ глубоко чувствуемую потребность нашего народа».

Львовъ, 4 декабря 1901 г.

Письмо П. А. Кулиша къ Г. П. Галагану Помѣщаемое ниже письмо, писанное въ самый расцвѣтъ духовныхъ силъ и способностей автора, отличается замѣчательною искренностью тона и силою убѣжденія. Въ этомъ отношеніи оно очень характерно и можетъ послужить немаловажнымъ вкладомъ въ жизнеописаніе покойнаго П. А., наглядно раскрывая одну изъ особенностей его души, столь богато одаренной отъ природы. Подлинникъ письма хранится въ архивѣ коллегіи Павла Галагана среди бумагъ покойнаго Г. П. Галагана.

Страсбургъ. 1858 г. Мая 1. н. с. Здравствуйте, любезнѣйшій, другъ Григорій Павловичъ! Неудалось мнѣ повидаться съ Вами въ Москвѣ, которая до того мнѣ опротивѣла своими глупостями, что я, не заѣзжая въ гостинницу, прямо съ желѣзной дороги—на почтовую

станцію, и поскакалъ въ Малороссію. Въ Москвѣ есть, однакожъ, и умѣренная партія литераторовъ, съ которыми я остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ это, можетъ быть, Вы видите по «Русскому Вѣстнику». Я говорю *можетъ быть,* потому что не знаю, усидѣлъ-ли Крузе на своемъ мѣстѣ, т. е. не повернула-ли цензура назадъ. У Крузе лежали три мои статьи, которыя онъ не рѣшался подписать, пока не пройдетъ мимо скопившаяся надъ нимъ туча обвиненій со стороны людей, которые на то и родятся, чтобъ носить звѣзды и не давать умнымъ людямъ дѣлать свое дѣло. Нѣсколько такихъ пряничныхъ фигуръ возвысило свой голосъ и противъ меня за послѣднія мои изданія, какъ это и Вы, безъ сомнѣнія, знаете, побывавши въ Петербургѣ, Вы мнѣ совѣтовали достигать своей цѣли путемъ мирнымъ. Это невозможное дѣло. Всякое новое убѣжденіе принималось обществомъ не иначе, какъ произведя сперва бурю споровъ, а часто и ожесточенную борьбу. Случалось, что начинатели провозглашенія дѣлались жертвами людскихъ предубѣжденій. Я самъ много страдалъ и страдаю отъ своихъ противниковъ. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы истину высказывать въ полъ-слова? За нашимъ показаніемъ идетъ другое. Оно чуждо вбитыхъ въ наши головы понятій, мѣшающихъ намъ прійти къ ясному самосознанію. Оно ведется духомъ иного вѣка; оно оправдаетъ или окончательно опровергнетъ новую мысль о литературѣ и народности. Дѣло еще только начинается, и какъ ни малозначительны наши начинанія, но идея самобытности нашей въ области чувства и мысли можетъ принять размѣры широкіе и воплотиться въ самую жизнь. На основаніи этой идеи могутъ возникнуть новыя гражданскіе отношенія, и это произойдетъ мимо вѣдома людей, посѣдѣвшихъ въ постоянномъ чтеніи политическихъ газетъ. Я вѣрую въ будущность нашего края и въ невозможность остановить рождающееся самосознаніе въ свѣжихъ умахъ малороссійскихъ. Что даетъ намъ великорусская жизнь и великорусская словесность, того слишкомъ для насъ недостаточно. Этимъ могутъ довольствоваться только люди, получившіе иноземное воспитаніе и не сжившіеся съ нашимъ народомъ. Сами Великороссіяне, знающіе жизнь своихъ простолюдиновъ, чего-то отъ насъ ожидаютъ, чуя душою, что богата здѣсь человѣческая природа. Одни мы, прибитые долговременными неудачами, притѣсненіями, нахальствомъ сильныхъ и удачниковыхъ, сомнѣваемся въ себѣ, не довѣряемъ ни своему слову, ни своему чувству и вѣруемъ въ ученіе людей, которые у

насъ не жили и насъ не знаютъ. Я съ глубокою горестью и презрѣніемъ смотрю на современное малороссійское общество и успокаиваюсь душою только въ будущихъ поколѣніяхъ, которыя призваны къ самосознанію и къ самодѣятельности на родной своей почвѣ, какъ это показываетъ уже и теперь слѣпое пристрастіе ко всему родному многихъ молодыхъ людей. Все это пишу къ Вамъ изъ единственнаго побужденія говорить съ Вами, что мнѣ удавалось рѣдко, такъ какъ Вы живете посреди людей, которыхъ я не знаю. Тяжело жить на свѣтѣ молчаливымъ странникомъ, который многое видитъ, чувствуетъ и подразумѣваетъ, но ограничивается бесѣдою о прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ и тому подобныхъ пустякахъ. И то сказать, что жизнь, самая удобная для дружеской, откровенной бесѣды, рѣдко располагаетъ насъ къ откровенности. Иногда молчишь именно потому, что въ это время душа полна чувствъ, а выраженіе для нихъ еще не настало. Вспомните полушутливый стихъ Пушкина: *Но я любя былъ глупъ и нѣмъ;* и далѣе; *Прошла любовь—явилась муза...* Это почти всегда такъ бываетъ у людей, одаренныхъ болѣе или менѣе способностью выражать словомъ то, что дѣлается въ душѣ. А такъ какъ я провелъ всю жизнь затворникомъ, то и привыкъ думать и чувствовать втихомолку. Вотъ почему въ письмѣ иногда больше скажется, нежели сказалось-бы на словахъ. Но какъ-бы то ни было, примите это мое посланіе вмѣсто дружескаго пожатія руки и отвѣчайте мнѣ нѣсколькими строками въ Женеву, на мое имя, poste restante, только немедленно. Увѣдомьте меня, получили-ли Вы «Граматку» и каково она принята. Если и худо, все равно удѣдомьте; ибо «Граматка» не послѣднее мое дѣло и не послѣдняя жертва. Василій Васильевичъ, какъ я вижу, совершенно охладѣлъ ко мнѣ и оставилъ меня. Это очень грустно, тѣмъ болѣе, что я ему много обязанъ и до сихъ поръ неуспѣлъ возблагодарить его. Мнѣ таки въ жизни много приходится испытывать разочарованій и ошибаться жесточайшимъ образомъ. Иногда мнѣ кажется, что я ужъ совершенно уничтожился и ни на что больше не годенъ. Но невидимая сила подкрѣпляетъ и обновляетъ мою душу во время величайшихъ ея огорченій, такъ что на самыя огорченія я началъ смотрѣть, какъ на необходимый элементъ моей жизни. Но довольно. До свиданья. Александра Михайловна вмѣстѣ со мною кланяется Вамъ Вашимъ почтеннымъ дамамъ.

Сообщилъ **А. Степовичъ**.

Изъ прошлаго Полтавщины. *О поселеніи малороссіянъ въ Крыму, близъ Ѳеодосіи.* Въ іюнѣ 1805 года, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей увѣдомилъ кн. Куракина о томъ, что Ѳеодосійскій военный губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи Феньшъ пріобрѣлъ въ казну у помѣщицы Сеферъ Казы-Мурзы Ширинской три тысячи десятинъ земли, близъ Ѳеодосіи, съ цѣлью поселить здѣсь малороссіянъ для «приведенія въ цвѣтущее состояніе Ѳеодосію, посредствомъ сухопутной перевозки продуктовъ отъ Азовскаго моря черезъ Арабатъ». Почему выборъ палъ на малороссіянъ, видно изъ того же отношенія министра: «они (т. е. малороссіяне) по трудолюбію своему и по удобности ихъ поселенія, въ разсужденіе дороги отъ Ѳеодосіи до Арабата, современемъ могутъ быть очень полезны для перевозки разныхъ продуктовъ изъ одного въ другое мѣсто и что сіе самое много послужило бы къ выгодѣ Ѳеодосіи». Министръ, отнесясь сочувственно къ поселенію малороссіянъ, указываетъ, что это желательно еще въ виду того, что и въ то время не мало жителей Малороссійскихъ губерній отправились на работы въ екатеринославскую, херсонскую и таврическую губерніи. Кн. Куракинъ, получивъ это отношеніе министра, тотчасъ же предписалъ губернаторамъ черниговской и полтавской губерній оповѣстить черезъ городничихъ и нижніе земскіе суды всѣхъ жителей этихъ губерній и предложить желающимъ переселиться въ Крымъ. Конечно, это могло касаться, при существованіи въ то время крѣпостного права, только козаковъ и казенныхъ крестьянъ. Почти одновременно съ увѣдомленіемъ министра, кн. Куракинъ получилъ донесеніе отъ херсонскаго губернатора, извѣстнаго Дюкъ-де-Ришелье. Послѣдній увѣдомлялъ князя, что пріобрѣтена земля, очень хорошая, не мало есть лѣсныхъ дачъ, изъ которыхъ возможно будетъ надѣлить крестьянъ лѣсомъ для необходимыхъ построекъ. Помимо этого, Ришелье обѣщалъ, «смотря по обстоятельствамъ, испросить переселенцамъ и льготу на нѣкоторое время». Льгота эта впослѣдствіи была дана: крестьяне были освобождены отъ уплаты податей въ теченіе пяти лѣтъ. Предполагалось поселить 500 душъ, но вскорѣ это предположеніе было отмѣнено. Прежде чѣмъ совершить купчую, генералъ-губернаторъ отправилъ землемѣра для измѣренія этого имѣнія, при чемъ оказалось, что возможно было купить только двѣ тысячи десятинъ, а остальная тысяча десятинъ въ нѣсколькихъ участкахъ оспаривалась другими, и потому, вмѣсто 500 душъ, рѣшено было поселить только 250 душъ. Всѣхъ поселенцевъ собрано было за время съ 1805 года по 1808 годъ 181 душа муже-

скаго пола и 110 женскаго. Большинство было изъ черниговской губерніи и по преимуществу изъ уѣздовъ мглинскаго и кролевецкаго; изъ полтавской же губерніи—изъ уѣздовъ гадячскаго, константиноградскаго и переяславскаго. Какъ устроились поселенцы въ Крыму—не знаемъ, такъ какъ такого дѣла и быть не можетъ въ архивѣ въ Полтавѣ. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 256).

И. Фр. Павловскій.

Списокъ „студентовъ и учениковъ" кіевской академіи, 1779 года. Настоящій списокъ явился при приводѣ «студентовъ и учениковъ» къ присягѣ въ 1779 г., по особому о томъ распоряженію.[1]) Намъ неизвѣстно, сохраняются ли подобные списки въ архивѣ кіевской академіи, но обнародованъ изъ нихъ, сколько намъ извѣстно,

---

[1]) Распоряженіе это видно изъ слѣдующаго рапорта „караулного капитана нижняго города Киево-подола."

„Въ Кіевскую губернскую канцелярію. Нижняго города Киево-подола отъ караулного капитана Иконникова. В силе оной киевской губернской канцеляріи ея императорского величества указу, писанного прошлого 1765 году, июня 15 д., подъ № 1890-мъ, въ которомъ предложено, что по писменному сообщению во оную киевскую губернскую канцелярию Киевобратскаго училищнаго монастыря бывшаго архимандрита и ректора Самуила и префектора (sic) Никодима, просили о преведеніи академіи киевской студентовъ и учениковъ, по приложенному регистру и указной присяге, в церкве оного монастыря Богоявления Господня, и при ономъ указе состоявшаяся о верной ея императорского величества службе присяги пять печатныхъ экземпляровъ, да и впредь, ежели случитца таковыхъ же студентовъ к присяге приводить, репортовать. И во исполненіе ея императорскаго величества з вышеписанного указу именующихся при киевской академии, по писменному сообщению ныне и притомъ именному списку киевобратского училищнаго монастыря префектора Иоана Островскаго у прися...... просилъ, чтобъ техъ студентовъ и учениковъ, всего 243 человѣка.... ея и. величества службе к при.... привести Киевобратского училищнаго монастыря в церкве Богоявления Гдня, которые и приведены сего 1779 году, маия 31 д., к присяге, с подписаниемъ ихъ именъ и рукъ...... присяжнымъ листомъ при семъ въ киевскую губернскую канцелярию представляю. Капитанъ Андрей Иконниковъ.

Июня 2 дня 1779 году".

лишь одинъ,—Аскоченскимъ, въ его книгѣ «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею.» Здѣсь (II, 261) напечатана «Вѣдомость школы піитики съ 1769 по 1770 годъ», заключающая въ себѣ перечень учениковъ исключительно духовнаго званія, т. е. сыновей священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей. Всѣхъ ихъ въ вѣдомости значится 47 человѣкъ, причемъ тутъ же прибавлено, что въ школѣ піитики—«прочіихъ малороссійскихъ и заграничныхъ (т. е. уроженцевъ принадлежавшихъ Польшѣ русскихъ окраинъ) разночинцовъ—69. Отсюда мы видимъ, что въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII в., въ кіевской академіи, училось не менѣе половины «разночинцовъ», т. е. сыновей отцовъ *свѣтскаго* состоянія. Всесословностью своихъ учениковъ кіевская академія пріобрѣла себѣ то значеніе въ исторіи просвѣщенія южнорусскаго края, которое до настоящаго времени быть можетъ еще недостаточно оцѣнено. Всесословность учившихся въ академіи обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что контингентъ южнорусскаго духовенства тоже былъ почти всесословный. Всесословность учившихся въ кіево-братскомъ училищѣ давала возможность козацкой старшинѣ получать уже и въ XVII в. такое образованіе, которое едвали было доступно для высшаго свѣтскаго общества въ московской Руси. Гордонъ, въ своемъ дневникѣ (Tagebuch), въ 1684 г., отмѣчаетъ (20 октября), что у него обѣдали дѣти знатныхъ козаковъ, прибывшіе въ кіевское училище; ихъ было, вмѣстѣ съ «гофмейстеромъ», 20 человѣкъ. Дѣти извѣстнаго наперсника Мазепы, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка «учились въ Брацкомъ монастырѣ, въ латинскихъ школахъ...[1]) Всесослов-

---

[1]) См. также подписи на поданной въ 1699 г. отъ кіевской академіи митрополиту челобитной, приведенной С. Т. Голубевымъ въ его только что появившемся очеркѣ—*Кіевская академія въ к. XVII и нач. стол.* (Оттискъ изъ „Трудовъ“ К. Акад. 1901 г.). Челобитная подписана между прочими, слѣдующими лицами: „Во академіи кіевской учащійся *Григорій Новицкій*, префектъ конгрегаціи. *Семенъ Мировичъ*, вицепрефектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко переясловскій. *Семенъ Лизогубъ*, полковниченко черниговскій. *Семенъ, Василій, Павелъ*, полковниченки прилуцкіе. *Павелъ Павловскій. Яковъ Лисица. Григорій Голубъ* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во академіи кіевской.“ (Точки и запятыя мы размѣстили здѣсь иначе, чѣмъ у С. Т. Голубева, такъ какъ несомнѣнно, что *Семенъ* (Ефимовичъ) *Лизогубъ* былъ „полковниченкомъ“ черниговскимъ, а не переяславскимъ). Вся перечисленная здѣсь молодежь были дѣти тогдашней старшинской аристократіи. Приводя эту выписку, очень сомнѣваемся въ правильности прочтенія слова „прилуцкіе“

ность учениковъ кіевской академіи продолжалась до к. XVIII в., какъ это видно и изъ печатаемаго ихъ здѣсь списка, въ которомъ мы видимъ нѣсколько «студентовъ и учениковъ» изъ завѣдомыхъ тогдашнихъ «панскихъ» фамилій, напр., Туманскихъ, Мазаракіевъ, Раковичей, Шликевичей, Лагодъ, Максимовичей, Разнатовскихъ, Тарновскихъ, Катериничей, Чарнышей и т. д. Указанный въ этомъ спискѣ Василій Чарнышъ есть несомнѣнно будущій полтавскій губернскій предводитель дворянства... Потомки перечисленныхъ здѣсь учениковъ конечно угадаютъ — во многихъ изъ нихъ — своихъ предковъ и помогутъ отдѣлить впослѣдствіи «разночинцовъ» отъ духовнаго элемента.

Печатая списокъ «студентовъ и учениковъ», мы расположили фамиліи послѣднихъ въ азбучномъ порядкѣ, для большого удобства при пользованіи имъ.

Студенты богословія.

Богословскій Михайло, Кириловскій Николай, Михновскій Петръ, Прохоровичъ Степанъ, Пѣскорскій Василь.

Студенты философіи.

Деревецкій Дмитро, Марковскій Іванъ, Садоцкій Іванъ, Севастіановъ Савва.

Студенты риторики.

Андреевскій Кодратъ, Григоровичъ Яковъ, Давидовскій Лаврентій, Деревецкій Григорій, Килбѣнскій Іванъ, Туманскій Андрей.

Студенты поэзіи.

Мазаракій Григорій, Юрчевскій Іванъ.

Высшаго класса грамматики.

Андриевскій Никифоръ, Гербанскій Никита, Доброволскій Тимофей, Жолобовскій Іванъ, Кадяновъ Василь, Коробка Андрей, Ко-

---

(полковничепки). У тогдашняго прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка мы знаемъ только двухъ сыновей: Андрея и монаха *Пахомія*; если предположить, что Пахомій есть бывшій *Павелъ*, то о Семенѣ и Василіи нигдѣ упоминаній не встрѣчалось. См. Кіевск. Стар. 1886 г., № 6.

робка Іосифъ, Палмовскій Андрей, Раковичъ Василь, Самойловичъ Іванъ, Самойловичъ Максимъ, Шликевичъ Николай, Ясновскій Данило.

Средняго класса грамматики.

Аренскій Григорій, Барщевскій Григорій, Благодаровъ Яковъ, Винискій Семенъ, Волѣнскій Василь, Волницкій Василь, Волошиновъ Данило, Висоцкій Григорій, Ганжа Левъ, Гиртовъ Федоръ, Гербановскій Яковъ, Гриневскій Григорій, Гроднѣцкій Павелъ, Гродницкій Яковъ, Даніровскій Мойсей, Димитріевъ Трофимъ, Дробязка Корнѣй, Забережный Іванъ, Загоровскій Евсевій, Зѣнченковъ Яковъ, Іллѣкевичъ Пантелеймонъ, Квѣтнѣцкій Федоръ, Келембетъ Михайло, Киричевскій Назаръ, Козловскій Іванъ, Краснолѣскій Киръ, Лагода Антонъ, Логиновскій Антонъ, Максимовичъ Григорій, Максимовичъ Петръ, Малиновскій Варлаамъ, Малцовъ Іванъ, Масловскій Мартинъ, Медведевъ Степанъ, Медведевъ Феодоръ, Миленко Григорій, Мигай Өеодоръ, Морашка Яковъ, Мошка Федоръ, Мошка Яковъ, Нарожнѣцкій Климъ, Несходовскій Іванъ, Павловскій Василь, Павловскій Григорій, Пасенко Власъ, Петровскій Евстафій, Плютовскій Антонъ, Раковичъ Федоръ, Рильскій Іванъ, Align Align Розматовскій Іванъ, Рибалскій Петро, Садовскій Федоръ, Самарскій Силвестръ, Самойловичъ Антонъ, Саскій Василь, Сварика Матөей, Свѣтилскій Федоръ, Скифтовъ Потапъ, Скрибѣцкій Никифоръ, Смаковскій Корнѣй, Смаковскій Михайло, Стрилецкій Іванъ, Суходолскій Павелъ, Тарнавскій Яковъ, Тополскій Стефанъ, Трояновскій Петръ, Филиповъ Павелъ, Цариградскій Іванъ, Чарнишъ Василь, Шаринскій Данило, Яблуновскій Алексѣй, Яхневичъ Іванъ.

Нижняго класса грамматики.

Андрѣевскій Степанъ, Антоновскій Кирило, Антенскій Федоръ, Артовскій Василь, Байкарабъ Илия, Бойковскій Василь, Барановскій Василь, Барановскій Гаврило, Барановскій Григорій, Барищпольскій Николай, Барщевскій Онуфрій, Богдановскій Прокопъ, Боровскій Александеръ, Бохановскій Марко, Бурдиневскій Василь, Бутко Василь, Вакуловскій Иванъ, Василковскій Данило, Велентѣй Василь, Вѣнтроцѣнскій Ігнатъ, Вилковскій Іванъ, Виноградскій Василь, Вислоцкій Степанъ, Вуяхевичъ Алексѣй, Галицкій Федоръ, Гиренковъ Григорій, Глобѣнскій Александеръ, Глобѣнскій Алексѣй, Голованскій Григорій,

Гранатовичъ Онуфрій, Григоровичъ Іванъ, Гудима Василь, Gиgиновъ Іванъ, Данилевскій Василь, Дворниковъ Федоръ, Дивилковскій Іаковъ, Дидковскій Сава, Дроздовскій Василь, Дурдуковскій Федоръ, Жованиковъ Іванъ, Зайкевичъ Романъ, Зотцъ Іванъ, Зотцъ Петръ, Зотцъ Стефанъ, Зеленскій Петръ, Зѣнковскій Александеръ, Италѣнскій (?) Матвѣй, Іваницкій Никита, Калницкій Василь, Калницкій Іванъ, Катериничъ Петро, Квѣтницкій Варѳоломей, Кленовскій Петро, Ковалевскій Іванъ, Ковалевскій Романъ, Козловскій Александеръ, Козловскій Василь, Козлинскій Павелъ, Колпаковъ Іванъ, Кондратовскій Николай, Кореневичъ Петро, Коржевскій Григорій, Коржевскій Іосифъ, Корнѳскій Григорій, Корнѣевскій Корнѣй, Корнѣевскій Якимъ, Короленко Ілия, Корончевскій Максимъ, Космицкій Захарій, Костенковъ Никифоръ, Красовскій Илия, Красовскій Стефанъ, Кудрицкій Сергій, Купчинскій Іванъ, Кушакевичъ Стефанъ, Лагода Евфимъ, Лелянскій Петръ, Леонтовичъ Павелъ, Лелючевскій Петро, Логвиновскій Василь, Логвиновскій Иванъ, Логвиновскій Яковъ, Лѣвицкій Іванъ, Лѣвицкій Петро, Марсовъ Силвестеръ, Масловичъ Данило, Мензиховскій Лука, Мискевичъ Иванъ, Митковскій Назаръ, Москаленковъ Даниилъ, Налягака Иванъ, Невадовскій Федоръ, Нѣжинцовъ Димитро, Острогорскій Іосифъ, Островскій Петро, Павловскій Алексѣй, Павловскій Семенъ, Павловскій Стефанъ, Плискій Александеръ, Плискій Іванъ, Плотницкій Феофанъ, Плотницкій Филиппъ, Полскій Ігнатъ, Похилченко Кирило, Пригара Іванъ, Пригара Михайло, Романовскій Павелъ, Романовскій Яковъ, Рубанъ Максимъ, Рубановскій Евфимъ, Рудановскій Василь, Рудецкій Семенъ, Савицкій Михаилъ, Самаровскій Кузма, Самборскій Семенъ, Севастіановъ Федотъ, Сіяницкій Симеонъ, Скоревскій Яковъ, Соломка Костантинъ, Соломка Яковъ, Спорниковъ Евстратъ, Стеселскій Григорій, Стефановскій Данило, Сѣчкаревъ Николай, Таранецкій Тимофей, Тернавскій Тимофей, Тихоновичъ Іванъ, Тихоновичъ Трофимъ, Триполскій Іванъ, Травянскій Семенъ, Туманскій Ілия, Усовскій Григорій, Федоровскій Федоръ, Филиповичъ Василь, Фтомѣцкій Данило, Цесарскій Емеліянъ, Чайчевскій Давидъ, Чигринскій Василь, Яновскій Дмитро, Яновскій Іванъ, Якубовскій Андрей.»

—

Въ концѣ списка значится: «При сей присяги присудствовалъ академіи кіевскія префектъ іеромонахъ Іоаннъ.»

«Сего 1779 года, мѣсяца маія 31 дня, къ сей присягѣ вышепрописанныхъ студентовъ приводилъ въ церквѣ Богоявленія Господня

Кіево-братского училищного монастыря іеромонахъ отецъ Ѳома духовникъ.»

«Къ сей присягѣ вышеприсанныхъ студентовъ приводилъ капитанъ Иконниковъ» [1]).

Извѣстіе о Мглинѣ 1455 года. Великій кн. литовскій Александръ, жалуя, въ 1499 г., князю Михайлу Жеславскому (Заславскому) Мстиславль и Мглинъ, въ грамотѣ своей приэтомъ добавляетъ: «а которымъ бояромъ мстиславскимъ и мглинскимъ подавали имѣнья: князь Лыкгвеней и князь Юрей, сынъ его, и князь Иванъ, князя Юрьевъ сынъ, и листы своими то имъ будутъ потвердили, тыи маютъ имѣнья свои дерьжати и съ тыхъ имѣней ему (Жеславскому) маютъ служити»... (Акты Зап. Россіи, I, № 172). Упоминаемый здѣсь князь «Лыкгвеней» (Симонъ Лингвенъ) былъ одинъ изъ сыновей Ольгерда и родоначальникъ князей Мстиславскихъ. Недавно напечатана грамота, данная въ 1455 г. сыномъ Лингвена—Юріемъ—своему боярину Воронцу,[2]) заключающая въ себѣ нѣкоторыя неизвѣстныя данныя относительно сѣверо-западнаго угла теперешней Черниговщины. Въ грамотѣ Юрія Лингвеновича читаемъ: «узревшо есмо знаменитую службу к намъ, никды неомешканую, нашего вѣрнаго слуги, боярина нашего Воронца, *и мы дорадивши с нашею радою,* дали есмо ему во мстиславскомъ повѣте село Гридково, *а во Мглине дали есмо боярину нашему Воронцу Манюкову землю;* а тыи села дали есмо и записали боярину нашему Воронцу с людми и з бортники, и с сободичы (слободичы?) и с пашными землями и з бортными землями, и с сеножатми, с медовыми данми, и съ серебряными (?) з бобровыми и с куничными и со всими уходы и приходы»... Изъ этой любопытной грамоты видно, что Мглинъ, повидимому, былъ центромъ особой округи, входившей въ составъ мстиславскаго удѣла одного изъ Ольгердовичей, при чемъ эта округа должна была заключать въ себѣ примѣрно весь сѣверо-западный уголъ настоя-

---

[1]) Списокъ этотъ имѣется у насъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ—съ подлинными подписями присягавшихъ, а другой—тогдашняя копія. Получили мы этотъ списокъ отъ покойнаго А. А. Федотова-Чеховскаго.

[2]) Въ приложеніи къ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи за 1900 годъ“ (Спб. 1901). Грамота напечатана съ подлинника, фототипный снимокъ съ котораго тутъ же приложенъ.

щей черниговской губерніи, потому что къ Мглину принадлежала «*Манюкова земля*». Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что «Манюкова земля» находилась тамъ, гдѣ теперь находится село новозыбковскаго уѣзда *Манюки,* расположенное на одномъ изъ притоковъ Ипути. (Опис. Ст. Малор., I, 412). Манюки отстоятъ отъ Мглина примѣрно верстъ на сто, и это разстояніе указываетъ, что къ Мглину должно было тянуть значительное пространство по-Ипутья, громадные лѣса котораго заключали въ себѣ доходные «бобровые и куничные уходы и приходы», прибыльное бортевое пчеловодство, но малое населеніе: эта мѣстность, еще и въ нач. XVII в. была почти сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ жили только *будники, гутники и рудники...*

„Листъ" князя Александра Вишневецкаго подданнымъ лоевскаго староства, на бортную землю, около теперешняго Замглая, 1587 года. Этотъ любопытный «листъ» мы нашли въ одномъ судебномъ «дѣлѣ», въ копіи XVIII в., и приводимъ тутъ его полностью. «Александръ князь Вышневецкій, староста черкасскій, каневскій, любецкій и корсунскій. Ознаймую тымъ листомъ моимъ, кому то вѣдати потреба будетъ, ижъ были ми челомъ Васко Головчичъ, Васко Товстичъ, Яцко Свиридовичъ, Костухъ Коменскій, Демидъ Кошкаровичъ и Дмитръ Несторовичъ, подданные государскіе староства моего лоевскаго, и просили мене о землю бортную, прозываемую Матѣевъ Рогъ, который лежитъ межъ грунтомъ бояръ государскихъ Даничъ [1]) и мѣщанъ любецкихъ Копичъ, на рубежи московскомъ, тоесть по рѣчку Синецъ [2]) и по Городнецню (sic), которая Городнецня упала у рѣчку Смячь, Смячою уверхъ по самый островъ Ивана Копичовъ, Турищовъ, з Турищева у Сухій Виръ, [3]) з Сухого Виру межи Пустее и Фойниковъ у Дорогое болото, тымъ болотомъ у Синецъ, въ чомъ я бачачи быть прозбу слушную и хотячи, абися пожитокъ скарбовый его королевской милости примножалъ, то на прозбу и челобите ихъ учинивши, звышъ

---

[1]) О Даничахъ въ 1636 г. См. Żródła Dz., V. 208.

[2]) Рѣчка Синецъ уже и въ к. XVIII в. была здѣсь неизвѣстна. Зап. Черниг. Стат. Комит., II. Опис. рѣкъ Черниг. Намѣстнич.

[3]) Сухой Виръ—притокъ того нѣкогда громаднаго днѣпровскаго залива, который теперь обратился въ болото, носящее названіе Замглая.

описанную отчину имъ даю, съ которой отчины мають они спокойне вживати, пожитокъ себе привлащати, до волѣ и ласки моей, а съ того дарбу (?) его королевской милости мають и повинны будуть въ каждый рокъ платити по пяти копъ грошей литовскихъ, на што давши мы звышпомененнимъ подданнымъ государскимъ сей мой листъ, подъ моею печатью и з подписомъ власной руки моей. Писанъ въ Брагиню. Року 1587, мѣсяца февраля 8 дня.

Ксіонже Александръ Вишневецкій».

Описанная въ этомъ «листѣ» мѣстность заключаетъ въ себѣ, судя по упоминанію р. р. Смячи и Сухого Вира и «грунта» Даничъ, окружность теперешняго болота Замглая, о которомъ однакожъ никакого упоминанія здѣсь нѣтъ. Этотъ документъ очень важенъ для указанія того «рубежа», который въ к. XVI в., въ предѣлахъ Черниговщины, раздѣлялъ московское государство отъ польскаго.

— —

Письмо „старшаго канцеляриста" Андрея Безбородка къ бунчук. товарищу Григорію Скорупѣ, 1736 г. «Милостиведознанный и надеждный добродѣю мой. Наставшимъ новымъ годомъ, вцѣ мцѣ пна, добродѣя моего, поздравляю. Желаю, вм. добродѣевѣ, такъ наставшый новый годъ, якъ и предидущіе множайшіе лѣта, начинавъ радостно и благополучно кончить. Что же из симъ моимъ должнимъ привѣтствіемъ умедлилъ и то, какъ можетъ быть и самому вцѣ добродѣевѣ не безизвѣстно, за многодѣліемъ канцелярскимъ. При семъ же донесть, вцѣ добродѣевѣ, не оставляю, что хочай о бытіи к походу в поготовности, какъ и к протчіимъ пнамъ бунчуковимъ товарищамъ, к вцѣ добродѣевѣ указъ посланъ, однакъ самъ его высококняжеское сіятелство Алексѣй Івановичъ Шаховскій, при щасливомъ своемъ из Глухова на время в С. Питербурхъ отездѣ, изъ числа пновъ бунчуловихъ товарищей в походъ ассиgнованихъ, двадцять человѣкъ, для отправленія внутрь Малороссіи приключающихъся дѣлъ, бунчуковихъ же товарищей знатнѣйшихъ, между которыми и вм. добродѣя и вселюбезного вм. м. пна пна зятя, пна Искрицкого, оставилъ, и самъ его жъ сіятелство рукою своею изволилъ поотмѣчивать, в томъ на дежурство же, с перемѣною, росписаны всѣ пнове пнове бунчуковіе товарищи, по якому росписанію и вм. добродѣевѣ и милому пну зятю вцѣ

м. пна, пну Іскрицкому, черга на дежурствѣ в Глуховѣ быть—приидетъ и надлежитъ, сего году, в октоврiи и ноеврiи, вѣрно доношу и себе неотмѣнной вцѣ добродѣя благосклонной милости вовѣряя, навсегда пребываю и пребуду, вцѣ мцѣ пна моего милостиводознанного и надеждного добродѣя, вѣрный, всепокорный слуга Андрѣй Безбородко.

Глуховъ. 1736 году, генваря 26». *(Съ подлинника).*

Приведенное письмо писано тогдашнимъ «старшимъ канцеляристомъ» (т. е. помощникомъ генер. писаря, постаринному—«регентомъ») Андреемъ Безбородкомъ, который будучи назначенъ на эту должность гетм. Апостоломъ, въ сентябрѣ 1733 г., очень скоро, послѣ смерти послѣдняго, сдѣлался влiятельнымъ человѣкомъ у «генераловъ», управлявшихъ Малороссiею. Первымъ приблизилъ Безбородка къ себѣ кн. Шаховской, которому поручена была гетманщина вслѣдъ за смертью Апостола. Пользуясь своимъ положенiемъ, Безбородко, какъ практическiй человѣкъ, сообщаетъ тогдашней старшинѣ канцелярскiя новости, конечно, съ цѣлiю заискать благорасположенiе у людей, если не влiятельныхъ, то богатыхъ. Однимъ изъ такихъ людей былъ и Григорiй Скорупа, настолько богатый, что гетманша Апостолова женила на его дочери своего родного племянника Искрицкаго. Дальнѣйшiя объясненiя къ этому письму см. въ Русск. Архивѣ 1875 г., I, 312, и Зап. Як. Марк., II, 2 и слѣд.

Распоряженiе генеральной канцелярiи о нарядѣ работниковъ и плотниковъ на постройку козелецкаго дома графа Алексѣя Разумовскаго, 1749 г. «Высокоблагороднiе и высокопочтеннiе господа малороссiйскiе депутаты, наши особливiе благодѣтелы!

Представленiе въ генералную канцелярiю вашыхъ высокоблагородiй, которымъ изволите обявлять, что его высокорейхсъграѳского сiятелства, лейбъ компанiи капитана порутчика, государственного оберъ-ягермейстера, конной гвардiи подполковника и ея императорского величества дѣйствителного первого камергера и многихъ ординовъ кавалера Алексѣя Григорьевича господина Разумовского, желанiе вамъ объявлено—о вспоможенiи отъ Малороссiи, для работъ при домѣ его высокорейхсъграѳского сiятелства козелецкомъ, работникамы до трехсотъ человѣкъ да плотниками пятъдесять, получено. И по оному требованiю отъ генералной войсковой канцелярiи тремъстамъ чело-

вѣкамъ работникамъ да пятьдесяти человѣкамъ плотникамъ нарядъ учиненъ изъ четирехъ ближайшихъ полковъ, нѣжинского, чернѣговского, переяславского и кіевского, и посланімы въ тѣ полки указамы, чрезъ нарочныхъ, накрѣпко предложено онихъ работниковъ и плотниковъ собрать в самой скорости, и отправить, при добрихъ нарочнихъ, въ Козелецъ, и быть имъ тамо у работъ чрезъ тры неделѣ, *ибо имъ нынѣ слѣдуетъ быть въ домахъ для наступающихъ домашнихъ работъ къ упрятанію сѣна и снятію хлѣба.* И о томъ отъ генералной к-ріи малороссійской домовой его высокорейхсъграѳского сіятелства конторе знать дано, о чемъ и вашимъ высокоблагородіемъ симъ сообщаемъ, пребывая вашыхъ высокоблагородій, нашихъ особливихъ благодѣтелей, всегдашніе слуги Алексѣй Изволскій. Иванъ Челищевъ. Ѳедоръ Лисенко. Михайло Скоропадскій. Петръ Валкевичъ.

1749 году, юня 20 д. Глуховъ». *(Съ подлинника).*

Въ поясненіе этого интереснаго документа слѣдуетъ сказать, что вслѣдъ за посѣщеніемъ императрицею Елисаветою Малороссіи (1744 года), здѣсь явилась надежда на возобновленіе гетманства, для осуществленія которой въ Петербургъ были отправлены, въ 1745 г., «депутаты» (Лизогубъ, Ханенко, Гудовичъ) «для поднесенія государинѣ просьбы отъ всѣхъ сословій относительно избранія новаго гетмана.» Просьба принята была «милостиво,» нó разрѣшеніе на избраніе гетмана надолго затянулось; хотя въ маѣ 1747 г. и данъ былъ указъ сенату объ этомъ разрѣшеніи, но и послѣ этого дѣло подвигалось очень туго. Одинъ изъ «депутатовъ», Ханенко, подробно описываетъ въ своемъ дневникѣ кáкъ они—депутаты—чуть не пять лѣтъ обивали пороги у разного рода властей, а въ томъ числѣ и у «графа», т. е. Алексѣя Разумовскаго. Послѣдній въ это время былъ всесильнымъ фаворитомъ и на него украинскіе ходатаи возлагали наибольшую надежду въ успѣхѣ своихъ исканій. Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ, «депутаты» всѣми возможными способами заискивали у «графа» и его пріятелей (напр., у Коченевскаго.) 11-іюня 1749 г. Ханенко записалъ въ своемъ дневникѣ, что написано «представленіе въ генер. к-рію, въ Глуховъ, о нарядѣ изъ ближнихъ отъ Козелця полковъ, въ дворъ графскій, тамошнихъ работныхъ 300 да плотниковъ 50 человѣкъ и оное отправлено чрезъ Статіева, бывшого писаря ікдукторского»... Изъ дневника не видно, чтобы кто просилъ депутатовъ объ этой любезности, а потому слѣдуетъ думать, что они сами

догадались.... Какъ видно изъ распоряженія глуховскихъ властей, работники отправлены были въ Козелецъ въ самый разгаръ рабочаго времени....

Пріятельское письмо переяславскаго полковника Иваненка къ погарскому земскому судьѣ Лашкевичу, 1797 г. «М. г. мой и другъ Степанъ Ивановичъ. Будучи я боленъ и не ездя в канцелярію, и позабилъ било о вашемъ поварѣ, что бежалъ отъ васъ, а нынѣ вспомнѣвъ об немъ, охотно приступаю к оказанію вамъ благоучинности моей взнакъ благодарности за оказанную и отъ васъ. Посилаю его и дѣвку с нимъ к вамъ. Онъ теперъ, думаю, не станетъ утѣкать, висыдѣвши в острозѣ близко полгода. Хотя же отъ моей жени сказана и претенсія к нему на 15 р., но я ону по дружбѣ вашей оставляю.

Извинѣте мене за нескору присылку; истинно виновна тому болѣзнь моя и забвеніе о семъ, о чемъ я сердечно сожалѣю, пребивая отъ вѣрна сердца вашего високоблагородія, мил. государя моего, покорной слуга Григорий Иваненко.

777 году, декабря 1 д. С Ковалювки»... [1]) *(Съ подлинника).*

Объ Иваненкѣ (Григорій Григорьевичъ) см. Русск. Арх. 1875 г., III, 297), а о Степанѣ Ивановичѣ Лашкевичѣ (р. 1734 † 1782) см. Кіевск. Стар. 1887 г., декабрь, 699—701).

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Самосудъ старообрядцевъ.* Осенью 1839 года, въ Филипповъ постъ, засѣдатель Винницкаго земскаго суда, проѣзжая чрезъ м. Ворошиловку, узналъ, что тамъ скрывается старообрядческій попъ, изъ бѣглыхъ православныхъ священниковъ—инокъ Маркъ.

Съ помощью старообрядца Абрама Жупанова инока удалось схватить, но затѣмъ онъ все-таки скрылся.

По выѣздѣ засѣдателя, старѣйшины с. Борскова, откуда Жупановъ былъ родомъ, собрались на домашній судъ. Сотскій и четверо

---

[1]) Обозначенная здѣсь Ковалевка составляла одно изъ имѣній Иваненка; повидимому, это было теперешнее село пирятинскаго уѣзда (при рч. Чумгакѣ).

стариковъ, призвавъ виновнаго, заковали его въ кандалы (желѣзныя) чрезъ десятскаго наказали палками въ «пяты», а засимъ отвели въ особую избу и заперли на замокъ, босого, въ одной свитѣ, не давая, ни пищи, ни питья.

Прошло три дня—Жупановъ умеръ и тѣло его отвезено на Бугъ, куда и брошено.

—

2) *Происшествіе на Шполянской экономической «коверной» фабрикѣ.* Звенигородскій земскій судъ донесъ генералъ-губернатору, что 23 августа 1845 г. «смотрительница фабрики ковровъ въ м. Шполѣ, нѣкто Ордова, [1]) жестоко наказала крестьянскую дѣвку генеральши Скородули [2]) Прасковію Крылову такъ, что грудь ея, или соска одна пересѣчена, уши порваты и задные части со спины до ногъ весьма въ синебагровости и что Крылова, войдя въ комнату Ордовой, и нанося ей грубости, бросилась бить ее и душила Ордову за горло. Для опроизведенія о семъ изслѣдованія наражено временное Отдѣленіе Суда».....

Оказалось, что Крылова заподозрила смотрительницу по поводу пропажи вещей изъ сундука, сданнаго первою на храненіе, во время ея болѣзни.

Кіевская Палата, разсмотрѣвъ дѣло въ подробностяхъ и признавъ драку «обопольною», тѣмъ не менѣе, оштрафовала Ордову двадцатью рублями серебромъ, какъ виновную въ томъ, что въ собственномъ дѣлѣ не постѣснялась быть судьею.

—

3) *Легкомысленный всадникъ съ сигарою.* 11 апрѣля 1847 года командиръ квартировавшаго въ г. Кременцѣ Камчатскаго егерскаго полка, въ видахъ огражденія полковыхъ складовъ и заведеній отъ пожаровъ, просилъ полиціймейстера запретить куреніе трубокъ и сигаръ на улицѣ.

Но не прошло и двухъ недѣль, какъ генералъ К., выйдя изъ квартиры, усмотрѣлъ человѣка въ бѣлой фуражкѣ и въ цивильномъ платьи, ѣхавшаго верхомъ съ сигарою въ зубахъ.

---

[1]) Ротмистерша.

[2]) Генералъ-маіорша, шполянская помѣщица.

День былъ сухой и вѣтренный. «Я», говоритъ генералъ, «напомнилъ ему, что неприлично въ городѣ курить сигаро, а тѣмъ болѣе при встрѣчѣ съ хозяиномъ дома, каковъ-бы онъ ни былъ, проѣзжая мимо его двора, что показываетъ явное пренебреженіе къ лицу и къ общественному порядку» . . . . но, чиновникъ С. «не только не исполнилъ моего приказанія, но съ грубостію и надмѣнностію отвѣчалъ: «а Вамъ какое дѣло? Вы не полиціймейстеръ, я Васъ знать не хочу»—и, отворотясь, поскакалъ.

Желая узнать, къ какому вѣдомству принадлежитъ чиновникъ, который показалъ столь сильное неуваженіе къ законному порядку и власти «и неужели столь сильно вліяніе его здѣсь въ городѣ, что позволяетъ себѣ безвозбранно дѣлать подобные безпорядки, недозволяетъ сдѣлать справедливое замѣчаніе на неумѣстность и опасность курить въ городѣ сигаро, что сдѣлано мною по прямой моей обязанности. во первыхъ какъ командиръ полка, принимающій непосредственное участіе въ благополучіи города, какъ хозяинъ квартиры, на отвѣтственности коего лежитъ сохраненіе оной, и какъ старшій въ отношеніи къ чиновнику С . . . . », генералъ приказалъ стоявшему во дворѣ фурштату остановить лошадь, послѣ чего брошенные всадникомъ хлыстикъ и «сигаро» препровождены, при отзывѣ, полиціймейстеру, а конь сведенъ во дворъ къ хозяину.

О происшедшемъ доведено до свѣдѣнія главнаго начальника края.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Текущія извѣстія.

Десятилѣтіе смерти профессора А. А. Потебни. 29 ноября 1901 г. исполнилось десять лѣтъ со дня смерти извѣстнаго ученаго, профессора А. А. Потебни. Въ этотъ день въ Харьковѣ была отслужена панихида, и харьковскій университетъ, въ которомъ протекла ученая и преподавательская дѣятельность А. А. Потебни, почтилъ его память торжественными засѣданіями. Заимствуемъ изъ мѣстныхъ харьковскихъ газетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ чествованіи. 29 ноября въ университетѣ состоялось засѣданіе историко-филологическаго общества, котораго предсѣдателемъ долгое время былъ когда-то Потебня.

Г. Кашменскимъ прочитаны были воспоминанія о Потебнѣ, посвященныя характеристикѣ его, какъ профессора; профессоромъ Халанскимъ сообщены письма Потебни къ Бѣликову, относящіяся къ началу 60-хъ годовъ и представляющія крупный общественный интересъ выраженными въ нихъ взглядами покойнаго ученаго. Въ письмахъ ярко отражается оригинальная личность ихъ автора, его горячая любовь къ изученію народности вообще, и украинской въ особенности. «Наши дѣды и отцы,—говоритъ между прочимъ Потебня въ одномъ изъ писемъ,—были крѣпки въ своей народности невольно, сами того не сознавая; они могли еще оставаться украинцами; мы уже *можемъ быть крѣпки только сознаніемъ своей особенности*. Предстоитъ опасность, искавши свою народную особность, находить не то, что есть, а то, что хотимъ; но чистое, правдивое стремленіе всегда выведетъ на вѣрный путь». Вообще письма Потебни представляютъ особый интересъ для историка украинскихъ симпатій и настроеній лучшихъ людей харьковскаго общества стараго времени, и слѣдуетъ желать скорѣйшаго опубликованія какъ ихъ, такъ и вообще свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго ученаго и человѣка.

30 ноября состоялось засѣданіе педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества; оно было открыто рѣчью проф. Сумцова, посвященной характеристикѣ педагогическихъ и научныхъ заслугъ Потебни. Тому же былъ посвященъ и докладъ г. Маслова.

Въ заключеніе не можемъ не присоединиться къ тѣмъ пожеланіямъ, которыя высказывались на обоихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ памяти Потебни,—пожеланіямъ, чтобы изданы были еще не появившіеся труды его, а также и всѣ матеріалы, относящіеся къ его жизни, и возможно полная его біографія. Это долгъ харьковскаго университета, которому покойный ученый посвятилъ свою преподавательскую и научную дѣятельность, составляющую и въ исторіи самого университета одну изъ блестящихъ страницъ.

—

Дѣятельность Петербургскаго Общества имени Т. Г. Шевченка. 29 ноября закончилась третья годовщина существованія въ Петербургѣ общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ Петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящее время число членовъ этого общества доходитъ до 300, всего же учащихся въ Петербургѣ южно-руссовъ до 1,500 чел. Въ текущемъ году обществомъ

выдано было уже свыше 20 пособій нуждающейся молодежи. Между прочимъ Общество рѣшило устроить въ Петербургѣ общежитіе для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ женщинъ, уроженокъ юга Россіи. Особая коммиссія изъ членовъ названнаго общества въ настоящее время дѣятельно подыскиваетъ подходящее для этой цѣли помѣщеніе. («С.-Петербургск. Вѣдомости,» № 330).

—

Украинскій вечеръ въ Петербургѣ. 26 ноября въ залѣ Благороднаго собранія артистомъ Морскимъ былъ устроенъ украинскій вечеръ. Поставленная украинская опера Артемовскаго «Запорожецъ за Дунаемъ» имѣла крупный успѣхъ, но наибольшее впечатлѣніе произвелъ хоръ въ украинскихъ національныхъ костюмахъ, исполнившій нѣсколько народныхъ пѣсенъ («Биржевыя Вѣдомости», № 324).

—

Картины кисти Т. Г. Шевченка. «Биржевыя Вѣдомости» (№ 315) сообщаютъ, что у Д. Л. Мордовцева хранится около двадцати акварелей и сепій кисти Т. Г. Шевченка.

—

Народные спектакли въ домѣ Квитки. Какъ раньше уже сообщалось у насъ, въ домѣ Квитки на Основѣ устроена новая сцена и сдѣланы декораціи. 18 числа данъ былъ первый спектакль. Шло «Дай сердцю волю, заведе у неволю» и «Предложеніе» Чехова. Основянскіе жители и сосѣднихъ окрестностей, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе открытія спектаклей, быстро разобрали всѣ билеты, такъ что многимъ желавшимъ не пришлось попасть на первое представленіе. («Харьк. Губ. Вѣдомости», № 311).

—

Предки Н. В. Гоголя. Въ засѣданіи общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ А. М. Лазаревскимъ было сдѣлано сообщеніе о предкахъ Н. В. Гоголя. Основнымъ положеніемъ сообщенія является отрицаніе католичества и шляхетства предковъ Гоголя. Самымъ отдаленнымъ предкомъ писателя, насколько возможно прослѣдить, является могилевскій полковникъ Евстафій Гоголь (17 вѣка), получившій отъ польскаго короля с. Ольховецъ. Позднѣйшіе предки были священниками с. Кононовки, Миргородскаго уѣзда. У одного изъ нихъ, священника Демьяна Ивановича Гоголя, было два сына: Кириллъ, оставшійся священникомъ на приходѣ отца, и Афанасій, поступившій на гражданскую службу. Румянцевъ наградилъ Афанасія Демьяновича чи-

номъ полкового писаря, а впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ маіоры. Женился Афанасій Демьяновичъ на дочери Семена Семеновича Лизогуба, родного внука гетмана Скоропадскаго, человѣка богатаго. Сынъ Афанасія Демьяновича и отецъ великаго писателя Василій Афанасьевичъ поселился на хуторѣ, полученномъ его отцомъ въ приданое за Лизогубъ, построилъ тамъ церковь и назвалъ тотъ хуторъ с. Васильевкой. Послѣдняя существуетъ до нынѣ.

—

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Полтавская городская дума никакъ не можетъ покончить съ выборомъ мѣста для памятника Котляревскому. Послѣ того какъ городская дума не разъ уже рѣшала и перерѣшала этотъ вопросъ, предстоитъ новое перерѣшеніе. Мѣстныя «Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго городского управленія вновь поднятъ вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. «Признавая Протопоповскій бульваръ крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для постановки тамъ памятника, лица эти предлагаютъ мѣсто для памятника въ одномъ изъ двухъ скверовъ, устраиваемыхъ противъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей, а именно въ томъ, который находится посреди квартала, нѣсколько правѣй отъ зданія для театральныхъ представленій. Поднятый вопросъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе думы въ предстоящей на дняхъ сессіи. Что же касается второго сквера, уже огороженнаго и даже насаженнаго, то здѣсь предполагается поставить бюстъ «Н. В. Гоголя» («Южный Край», № 7199). Когда же наконецъ состоится открытіе этого многострадальнаго памятника?

—

Къ 40-лѣтнему юбилею К. М. Станюковича. Въ 1901 году исполнилось 40-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго русскаго писателя К. М. Станюковича. Напоминаемъ, что свою литературную дѣятельность почтенный писатель началъ переводами стихотвореній Шевченка, помѣщенными въ журналѣ «Сѣверный Цвѣтокъ» за 1861 годъ.

—

Желая достойнымъ образомъ почтить память великаго русскаго писателя **Н. В. Гоголя**, которая будетъ чествуема 21 будущаго февраля, совѣтъ историческаго общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ,—по словамъ «Кіевл.»,—постановилъ устроить въ тотъ день въ залѣ торжественныхъ собраній университета св. Владиміра выставку рукописей, книгъ (въ томъ числѣ и журнальныхъ), нумеровъ газетъ, порт-

ретовъ, видовъ, картинъ и всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ жизни и дѣятельности Гоголя и лицъ, близкихъ ему, и обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ таковыми предметами, не отказать, по предварительному сношенію съ обществомъ, въ высылкѣ таковыхъ на имя общества (Кіевъ, университетъ св. Владиміра, центральный архивъ) съ сообщеніемъ краткаго списка—для внесенія въ каталогъ выставки. По закрытіи послѣдней, всѣ доставленные предметы будутъ въ полной сохранности возвращены владѣльцамъ ихъ, причемъ стоимость высылки въ Кіевъ и обратно общество принимаетъ на себя. («С.-Петерб. Вѣд»., № 1317).

—

Отклоненное ходатайство. Въ нашемъ журналѣ сообщалось, что М. В. Яворскій, служащій статистикомъ въ оцѣночно-статистическомъ бюро черниговскаго губернскаго земства, возбуждалъ передъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о разрѣшеніи ему издавать въ Черниговѣ періодическій сельско-хозяйственный органъ на малорусскомъ языкѣ—подъ названіемъ «Рілля». На-дняхъ главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило г-на Яворскаго, что министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ его ходатайство. («Кіевская Газета», № 329).

—

Гибнущія произведенія украинскаго искусства. Въ послѣдней книжкѣ «Міра Искусства» г. Дягилевъ въ интересной и обстоятельной статьѣ своей «О русскихъ музеяхъ» говоритъ, между прочимъ, какъ много портретовъ—кисти первоклассныхъ мастеровъ нашихъ—гибнетъ и теряется въ потемкахъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій. Авторъ статьи имѣлъ въ виду Петербургъ и ближайшіе къ нему города: Царское Село, Петергофъ, Гатчино. По этому поводу одинъ изъ читателей сообщаетъ въ письмѣ въ редакцію «Россіи» интересныя данныя о картинахъ, затерянныхъ въ глубинѣ Россіи.

«Особенно много затеряно хорошихъ картинъ,—говоритъ авторъ письма,—въ Малороссіи вообще, а въ Черниговской губерніи—въ особенности, гдѣ во времена Екатерины Великой чуть-ли не мгновенно возникали громадныя состоянія, съ богатѣйшими усадьбами, выстроенными знаменитымъ Растрелли и снабженными дорогой, строго-художественной обстановкой, при чемъ стѣны украшались настоящими Ватто, Буше, Рубенсами и даже Тиціанами.

Въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, есть имѣніе Очкинъ. Принадлежитъ оно Судіенкамъ. Перваго или одного изъ первыхъ Судіенка выдвинулъ графъ Безбородко, при которомъ онъ былъ сначала секретаремъ. Въ одномъ изъ покоевъ очкинскаго дворца висятъ два большихъ портрета кисти Боровиковскаго. На одномъ изображенъ Безбородко, на другомъ—секретарь его Судіенко. Портретъ Безбородка прямо очарователенъ. Онъ поражаетъ и колоритомъ и нѣжной выпиской деталей. Чувствуется легкость дорогого и мудренаго кружева, которымъ обшитъ цвѣтной камзолъ бритаго, напудреннаго вельможи. Руки написаны до того реально и тонко, что видна кровь подъ кожей. («Одесскій Листокъ», № 307).

—

Странное распоряженіе. Въ началѣ декабря въ Лубнахъ состоялся концертъ хора студентовъ университета св. Владиміра. Концертъ носилъ по преимуществу украинскій характеръ: было съ большимъ успѣхомъ исполнено много украинскихъ народныхъ пѣсенъ и произведеній украинскихъ композиторовъ. Концертъ этотъ далъ случай, какъ сообщаетъ «Кіевская Газета» (№ 335), мѣстному педагогическому начальству проявить усердіе не по разуму: гимназистамъ и гимназисткамъ было воспрещено присутствовать на концертѣ. Считаясь съ этимъ распоряженіемъ, распорядители концерта устроили для учащихся генеральную репетицію, но гимназическое начальство потребовало *исключенія изъ программы всѣхъ украинскихъ номеровъ.* Очевидно, украинская пѣсня въ Лубнахъ—плодъ запрещенный!

—

Нѣчто о „всеславянахъ“. Русская печать, обсуждая извѣстный инцидентъ, сопровождавшій чтеніе лекціи г. Вергуна «О зарубежной Руси» въ Кіевѣ и Москвѣ, высказывается о весьма сомнительномъ и двусмысленномъ значеніи роли нѣкоторыхъ славянскихъ «дѣятелей» (см., напримѣръ, статьи въ №-рахъ 313, 326 и 327 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ № 328 «Новостей», № 322 «Русскаго Слова», въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» и др.). «Г. Вергунъ,—говоритъ г. Буква въ «Новостяхъ», воинствующій славянинъ изъ Вѣны», издающій тамъже для непонятныхъ цѣлей и для несуществующихъ читателей журналъ «Славянскій Вѣкъ». Журналъ этотъ замѣчателенъ только тѣмъ, что разныхъ курьезовъ, печатаемыхъ въ «Славянск. Вѣкѣ», могло бы хватить, пожалуй, на весь славянскій вѣкъ. Вообще говоря, наши зару-

бежные славяне всегда считали для себя своею первою и наиболѣе для себя пріятною обязанностью установленіе тѣсныхъ связей съ разными нашими славянскими благотворителями для полученія отъ нихъ въ возможно частые сроки тѣхъ или иныхъ вещественныхъ знаковъ сочувствія, довѣрія и поддержки. Герой одной изъ повѣстей П. Д. Боборыкина «Докторъ Цыбулька» былъ ихъ наиболѣе типичнымъ представителемъ. Распинаясь за всеславянское духовное единеніе и политическое сліяніе, они, пока что, въ ожиданіи будущихъ, подобающихъ имъ, ролей въ главѣ всеславянскаго движенія, довольствовались у насъ мѣстами домашнихъ секретарей у важныхъ особъ, учителей, экзекуторовъ, капельмейстеровъ и оперныхъ хормейстеровъ. Сравнительно съ ними, редакторъ «Славянскаго Вѣка» имѣетъ полное право считать себя счастливцемъ: онъ не нуждается ни въ чьихъ воспособленіяхъ, потому что можетъ позволять себѣ роскошь, живя въ такомъ хорошемъ городѣ, какъ Вѣна, издавать тамъ «ради собственнаго удовольствія журналъ для несуществующихъ читателей». Удовлетвореніе прихотей, подобныхъ этой, доступно немногимъ и должно быть цѣнимо. Люди отъ добра добра не ищутъ, и трудно понять, поэтому, для чего предпринялъ г. Вергунъ свое всеславянское турнэ по Россіи, если онъ только не взялъ на себя, отправляясь къ намъ, агентскія обязанности, по распространенію билетовъ австрійскихъ лотерей или комми-вояжерства по порученію венгерскихъ виноторговцевъ. Та лекція, которую онъ приготовилъ для кіевской, московской и петербургской публики, смѣло могла бы оставаться въ портофелѣ редактора «Славянскаго Вѣка». Хотя она и носитъ громкое и многообѣщающее названіе («Зарубежная Русь и славянство на порогѣ XX вѣка»), но по содержанію своему, какъ видно изъ посвященныхъ ей рефератовъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ общихъ фразъ и героической или патетической фразеологіи, заимствованныхъ изъ нашихъ старыхъ славянофильскихъ книжекъ, лишь одно интересное мѣсто,—именно то, за которое въ Кіевѣ ученый гастролеръ и былъ награжденъ отъ своихъ слушателей шиканьемъ и свистками, дерганьемъ стульевъ и хлопаньемъ дверями. Оно касалось малороссовъ, какъ племени; оно увѣряло, что малорусское племя вовсе не существуетъ въ дѣйствительности и представляется только плодомъ досужаго измышленія и этнографической мистификаціи. Это, однако, отнюдь не новость. Г. Вергунъ совершенно напрасно думаетъ, что сдѣлалъ ученое открытіе, достойное круговой поѣздки по Россіи. У него было и въ нашей лите-

ратурѣ очень много предшественниковъ. Редакторъ «Славянск. Вѣка» смѣло могъ не собирать русской публики только для того, чтобы она свистала, шикала и кричала ему «довольно!» Этотъ печальный исходъ его лекцій могъ быть для него поучительнымъ только въ одномъ отношеніи: онъ показалъ ему, что стоять на славянскомъ порогѣ XX вѣка, при свойственной славянамъ привычкѣ очень размашисто хлопать дверями, опасно. Покойнѣе сидѣть въ зарубежной Руси или на берегахъ Дуная, въ всеславянской столицѣ Вѣнѣ, и писать тамъ, ради собственнаго удовольствія, всеславянскія статьи для непонятныхъ цѣлей и несуществующихъ читателей» («Новости», № 328).

Едва ли нужно что нибудь прибавлять къ этой мѣткой и достаточно опредѣленной характеристикѣ «всеславянскихъ» дѣятелей a-là г. Вергунъ... Впрочемъ, г. Вергунъ должно быть объясняетъ неудачу своей поѣздки какой-нибудь «интригой». Въ этомъ духѣ уже напечатана замѣтка въ «Галичанинѣ», гдѣ протестантами выставлены «непримиримые» поляки, евреи, и «восточные человѣки»!...

—

Исидоръ Шараневичъ *(некрологъ).* 20 ноября скончался во Львовѣ профессоръ львовскаго университета Исидоръ Шараневичъ, извѣстный своими трудами въ области украинской исторіи и археологіи. Покойный родился 16 февраля 1829 года въ с. Козарѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса гимназіи въ Бережанахъ, онъ поступилъ во Львовскій университетъ сперва на богословскій факультетъ, а затѣмъ перешелъ на философскій. Съ 1855 г. по 1871 Шараневичъ былъ учителемъ гимназій въ Перемышлѣ и Львовѣ; въ 1864 году получилъ степень доктора исторіи и началъ готовиться къ профессурѣ и въ 1871 г. былъ приглашенъ профессоромъ въ львовскій университетъ на каѳедру австрійской исторіи. Въ 1884 г. Совѣтомъ Университета Св. Владиміра удостоенъ степени доктора русской исторіи. Какъ весьма трудолюбивый и плодовитый ученый, покойный оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіографіи Галичины. Его курсъ «Исторіи Галицко-володимирской Руси» (1863) долгое время былъ единственнымъ учебникомъ мѣстной исторіи, а нѣмецкая диссертація «Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte» (1872) до сихъ поръ не утратила своей научной цѣнности. Другіе труды Шараневича, какъ «Ruś wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniej w drugiej połowie XV w». (1809) или цѣлый рядъ очерковъ по исторіи

галицкаго духовенства XVI—XVIII в. важны тѣмъ, что представляютъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ обнародованія и обработки обширнаго матеріала по исторіи Галичины. Примыкая по своимъ политическимъ взглядамъ къ такъ называемой старорусской партіи, Шараневичъ не раздѣлялъ ея партійной односторонности. Онъ всегда горячо интересовался и съ симпатіей относился къ трудамъ народныхъ институцій въ Галичинѣ и не разъ высказывался, что въ основу культурной работы въ Галичинѣ долженъ быть положенъ народный языкъ: украинскимъ языкомъ онъ и самъ писалъ свои произведенія до 80-хъ годовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Кустари и ремесленники Полтавской губ. по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 и 1900 г.г.“ *Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Полтава. 1901 г.*

Изданіе посвящено изслѣдованію кустарныхъ промысловъ и ремеслъ на всемъ пространствѣ Полтавской губерніи (включая и города). Какъ видно изъ вступленія къ нему, изслѣдованіе это произведено было въ два пріема. Сначала—въ 1898 г.—чрезъ корреспондентовъ статистическаго бюро. Но доставленныя ими цыфровыя данныя оказались совершенно несостоятельными и крайне противорѣчивыми, какъ это обнаружилось при первоначальной сводкѣ собранныхъ данныхъ. Оказалось, что доставители этихъ свѣдѣній совершенно различно понимали термины «ремесленникъ» и «кустарь», при чемъ одни съуживали эти понятія до минимума, другіе, наоборотъ, смотрѣли на нихъ очень широко. Было ли въ этомъ виновато отсутствіе толковой объединяющей инструкціи, или что другое, вступленіе умалчиваетъ; но результатомъ столь различнаго пониманія оказалось то, что показанія различныхъ корреспондентовъ по одному и тому же селенію относительно числа кустарей и ремесленниковъ разнились на цыфры отъ *пяти* до *трехсотъ!*

Вслѣдствіе этого изъ данныхъ, доставленныхъ добровольными постоянными корреспондентами, статистическому бюро пришлось признать пригодными только свѣдѣнія описательнаго характера (отзывы о состояніи и нуждахъ промысловъ и ремеслъ и т. п.); для собранія же цыфровыхъ данныхъ о количествахъ кустарей и лицъ, занимающихся

ремеслами, пришлось, въ 1900 уже году, произвести новое изслѣдованіе, или, какъ почему-то сказано во вступленіи, «провѣрку» предыдущаго изслѣдованія. «Провѣрка» эта по селамъ заключалась въ томъ, что въ каждой волости найдено было лицо, «которое за особое небольшое вознагражденіе взяло на себя трудъ по посемейнымъ спискамъ опредѣлить число кустарей и ремесленниковъ, при чемъ всѣмъ имъ лично сдѣлано было разъясненіе лицами, командированными губернскою управою, что подъ кустарями понимаются мастера, производящіе данныя издѣлія на неопредѣленный рынокъ и сбывающіе ихъ на ярмаркахъ или базарахъ скупщикамъ или въ раздробь потребителямъ (при чемъ кустаремъ считается только тотъ производитель, который имѣетъ не болѣе двухъ наемныхъ рабочихъ), ремесленниками же тѣ мастера, которые издѣлія своего труда производятъ по заказу, хотя могутъ изготовлять ихъ сверхъ того и для своего личнаго потребленія». Хотя вступленіе и гласитъ, что собранными такимъ путемъ цыфрами, послужившими главнѣйшимъ матеріаломъ для даннаго изданія, были исправлены и дополнены цыфровыя свѣдѣнія, доставленныя корреспондентами, но изъ самой постановки вторичнаго изслѣдованія видно, что оно сводилось не къ исправленію и дополненію цыфръ, первоначально добытыхъ, а къ полученію ихъ совершенно на-ново—перечетомъ всѣхъ семей каждаго селенія съ подсчетомъ изъ ихъ состава всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ числу кустарей или ремесленниковъ. Слѣдовательно, второе изслѣдованіе должно было дать совершенно новыя цыфры, вполнѣ замѣняющія прежде добытыя, и о поправкѣ ими или дополненіи прежнихъ цыфръ по тѣмъ или инымъ селеніямъ тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи, что, при неодинаковости и неправильности пониманія первыми изслѣдователями терминовъ «кустарь» и «ремесленникъ», нельзя было судить о томъ, какія изъ собранныхъ корреспондентами въ 1898 г. цифръ и по какимъ селеніямъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Словомъ, дѣло свелось къ тому, что новыя цыфры, какъ цыфры болѣе годныя, болѣе близкія къ дѣйствительности, сполна замѣнили собою прежнія цыфры, что, конечно, само собою и послужило къ ихъ «исправленію» и «дополненію».

Можно, однако, сомнѣваться и въ желательной точности сихъ послѣднихъ цыфръ, добытыхъ спеціальнымъ обслѣдованіемъ 1900 г. Въ самомъ вступленіи говорится, что приведенное въ изданіи число ткачей «является наиболѣе неопредѣленнымъ» и къ этому заключенію статистическое бюро приходитъ на томъ основаніи, что рядомъ съ

извѣстными цыфрами, опредѣляющими число ткачей въ тѣхъ или иныхъ селеніяхъ, оно находитъ въ сообщеніяхъ корреспондентовъ о состояніи въ ихъ селахъ тѣхъ или другихъ промысловъ, противорѣчащія доставленнымъ цыфрамъ указанія, въ родѣ: «въ нашемъ селѣ ткачествомъ занимаются почти всѣ жители», «ткачествомъ занято около половины всѣхъ хозяйствъ«, «ткачествомъ для себя заняты всѣ женщины» и т. п. Цыфры, относящіяся къ прочимъ занятіямъ, бюро находитъ болѣе соотвѣтствующими дѣйствительности, но все-таки недостаточно полными, такъ какъ нѣкоторые изъ собирателей свѣдѣній «указывали только окончательно оспеціализировавшихся мастеровъ». Слѣдовательно, и данныя вторичнаго изслѣдованія тоже недостаточно точны, хотя, конечно, и болѣе близки къ дѣйствительному положенію дѣла. Что же касается причинъ этой неточности, то вышеприведенныя указанія самого бюро даютъ полное основаніе заключить, что и упомянутые недочеты вторичнаго обслѣдованія въ значительной степени зависѣли отъ невѣрнаго же пониманія вышеуказанныхъ терминовъ (нѣкоторые изслѣдователи «указывали *только* окончательно оспеціализировавшихся мастеровъ» и т. п.). Другая причина, намъ думается, могла заключаться и въ характерѣ самой работы изслѣдователей 1900 г. Всѣ ли эти работники изъ числа лицъ, найденныхъ по одному на каждую волость «по большей части изъ состава служащихъ въ волостномъ правленіи» и взявшихъ на себя этотъ трудъ «за особое небольшое вознагражденіе», оказались на столько добросовѣстными и внимательными къ дѣлу, чтобы, не полагаясь на одну свою память, на одно свое личное, иногда и неполное, знаніе промысловаго состава всѣхъ семей всѣхъ селеній цѣлой своей волости, обстоятельно провѣрить этотъ составъ опросомъ знающихъ изъ мѣстныхъ жителей каждаго селенія, или даже подворнымъ опросомъ всѣхъ семей мало знакомыхъ имъ селеній? А вѣдь отъ этого отношенія ихъ къ дѣлу могла произойти значительная неточность собранныхъ цыфръ, независимо даже отъ правильности или неправильности пониманія вышеуказанныхъ терминовъ!

Этотъ опытъ изслѣдованія мѣстныхъ промысловъ служитъ, по нашему мнѣнію, однимъ изъ наилучшихъ показателей того, какъ рискованно производить цыфровое мѣстное изслѣдованіе такихъ сложныхъ явленій, какъ промысловая жизнь населенія, чрезъ посредство стороннихъ лицъ, не спеціалистовъ. Всѣмъ, болѣе или менѣе близко знакомымъ съ ходомъ послѣдней всеобщей переписи, хорошо извѣстно,

какою слабою точностью отличались изъ числа собранныхъ этою переписью данныхъ именно свѣдѣнія о промысловыхъ занятіяхъ населенія, что всегда зависѣло частію отъ скрыванія ихъ населеніемъ, частію отъ недостаточного пониманія какъ самими собиравшими свѣдѣнія, такъ и дававшими показанія, *какъ* слѣдуетъ понимать термины «кустарь», «ремесленникъ», «промыселъ», *кого* слѣдуетъ причислять къ разряду лицъ, занимающихся промыслами. Каждый, работавшій въ земскихъ статистическихъ бюро, знаетъ также, какъ при началѣ работъ въ каждой губерніи много зависѣла точность регистраціи промысловыхъ занятій при земскихъ подворныхъ переписяхъ отъ установленія правильнаго пониманія вышеуказанныхъ терминовъ, отъ умѣнья изслѣдователей правильно зарегистровывать промысловыя занятія и добиваться въ этомъ отношеніи точныхъ и полныхъ свѣдѣній отъ дающаго показанія населенія.

Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что въ данномъ случаѣ Полтавское земство поставлено было въ невозможность произвести изслѣдованіе промысловъ—хотя бы только въ отношеніи регистраціи лицъ, занимающихся ими,—путемъ подворной переписи статистиками-спеціалистами. И это потому, что только подворный опросъ на сходахъ, при наличности самихъ мѣстныхъ жителей, по обыкновенію дополняющихъ и исправляющихъ показанія отдѣльныхъ лицъ, и только опросъ, произведенный опытными статистиками, не разнорѣчащими въ пониманіи элементарныхъ терминовъ регистраціи, даетъ, какъ показалъ многолѣтній опытъ, наиболѣе точныя цыфры. Вотъ почему нельзя Полтавскому статистическому бюро ставить въ вину выясненные недочеты этой его послѣдней промысловой статистики, сводка которой въ отдѣлѣ таблицъ произведена имъ съ возможною подробностью. Составленная поданнымъ корреспондентовъ описательная часть (характеристика промысловъ по каждой волости) не вездѣ отличается одинаковою полнотою: видно, что одни корреспонденты были щедрѣе на свѣдѣнія и отнеслись къ дѣлу съ большимъ интересомъ, чѣмъ корреспонденты изъ нѣкоторыхъ другихъ волостей, мѣстами пропускавшіе безъ отвѣта тѣ или иные вопросы общей для всѣхъ программы.

Въ заключеніе не можемъ не указать на постоянно употребляемыя въ описательной части выраженія въ родѣ: «изъ перечисленныхъ ремесленниковъ кустарей—1 бондарь», «изъ перечисленныхъ ремесленниковъ кустарей—1 бондарь и 2 колесника» и т. п.: они кажутся очень странными послѣ того, какъ во вступленіи къ цитируемой ра-

ботѣ бюро такъ категорически отдѣлило понятіе «кустарь» отъ понятія «ремесленникъ», послѣ того какъ оно само сѣтовало на неточность свѣдѣній благодаря неточному ихъ пониманію, и, наконецъ, рядомъ съ рѣзко разграничивающими эти же понятія выраженіями въ родѣ: «кустарей нѣтъ, ремесленники же»... и т. д., употребляемыми въ той же книгѣ. Слѣдовало бы выражаться болѣе точно.

Л. С. Л.

В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подоліи. *(Матеріалы для составленія археологической карты Подольской губерніи). Каменецъ-Подольскій. 1901 г. 8⁰. VII+401+LVII стр.*

Все развивающаяся у насъ археологическая литература идетъ по двумъ направленіямъ: одну часть ея составляютъ самостоятельныя изслѣдованія какъ общаго, такъ и болѣе частнаго характера, съ очень замѣтнымъ преобладаніемъ послѣднихъ; другую, первенствующую и достаточно обильную, занимаютъ работы, такъ сказать, собирательныя: сводки сырого матеріала, въ видѣ-ли дневниковъ, описаній коллекцій или—что является найболѣе цѣннымъ—въ формѣ археологическихъ картъ той или другой губерніи, области. Такой ходъ, такое отношеніе работъ представляется вполнѣ нормальнымъ: чѣмъ больше работъ послѣдняго разряда, тѣмъ легче оріентироваться среди массы данныхъ и придти къ какимъ либо общимъ заключеніямъ.

Юго-Западный край имѣетъ уже археологическую карту Кіевской губ., составленную проф. В. Б. Антоновичемъ, имъ-же составлена и карта Волынской губ., долженствующая скоро появиться въ свѣтъ. Что-же касается Подольской губ., то здѣсь предвидится даже нѣкоторое изобиліе. Дѣло въ томъ, что на послѣдній археологическій съѣздъ въ Кіевѣ (1899 г.) о. Е. Сѣцинскимъ была представлена археологическая карта Подольской губ.; обыкновенно такія карты сопровождаетъ объяснительный текстъ, имѣющійся и при картѣ о. Сѣцинскаго; текстъ этотъ, въ той или другой обработкѣ, и является «матеріалами» къ археологической картѣ. Такимъ образомъ, для Подольской губ. имѣется два сборника «матеріаловъ», долженствующихъ собственно объединить одни и тѣ-же данныя.

Но трудъ о. Е. Сѣцинскаго еще не опубликованъ, о полнотѣ его судить мы пока не можемъ, хотя имя составителя и ручается за качество, а потому займемся теперь «Памятниками старины въ Подоліи» В. Гульдмана.

Характеръ этого изданія видѣнъ изъ заглавія—это сводка свѣдѣній о разнаго рода памятникахъ старины, а отчасти, какъ увидимъ ниже, и не старины. Распредѣлены свѣдѣнія по извѣстнымъ рубрикамъ, слѣдуя не вполнѣ удачной программѣ, выработанной Московскимъ Археологич. Обществомъ (въ 1888 г.) для составленія археологическихъ картъ. Прежде чѣмъ появиться отдѣльнымъ изданіемъ, эти матеріалы печатались въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»; въ виду именно этого обстоятельства, желая хотя отчасти ввести въ курсъ дѣла своихъ читателей-преимущественно мѣстныхъ жителей, въ большинствѣ случаевъ мало освѣдомленныхъ въ вопросахъ археологіи, г. Гульдманъ включилъ въ планъ своей работы, на-ряду съ перечисленіями тѣхъ или другихъ памятниковъ старины, и небольшія вводныя статьи болѣе общаго характера. Отъ этихъ статей, конечно, нельзя требовать самостоятельности—это было-бы даже излишнимъ для данной цѣли, поэтому мы оставляемъ въ сторонѣ ихъ нѣкоторую неравномѣрность и встрѣчающіеся промахи. Объ одномъ изъ послѣднихъ, все-таки, считаемъ долгомъ упомянуть. Во введеніи, въ статьѣ «Исторія развитія русской археологіи и ея успѣхи», г. Гульдманъ, между прочимъ, перечисляетъ и приводитъ краткія историческія справки о разныхъ археологическихъ обществахъ; здѣсь есть и кавказское, казанское, рижское, митавское и т. д., но авторъ почему-то забылъ упомянуть объ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, бывшемъ въ теченіе многихъ лѣтъ и до самаго послѣдняго времени единственнымъ для юго-западнаго края обществомъ, гдѣ вопросы археологіи занимали не послѣднее мѣсто: стоитъ, напр., вспомнить хотя-бы рядъ докладовъ, сообщеній и замѣтокъ проф. В. Б. Антоновича. Что касается неравномѣрнаго распредѣленія этихъ вводныхъ статей, то оно выражается въ томъ, что нѣкоторые виды памятниковъ старины совершенно лишены ихъ; таковы, напр., памятники каменнаго вѣка,—здѣсь въ особенности, для ознакомленія болѣе широкого класса публики, необходима была-бы такая статья.

Переходимъ теперь къ сути, къ матеріаламъ для археологической карты. Предъявлять строгихъ требованій къ этой части работы

также нельзя. Матеріалы г. Гульдмана—первая попытка въ этомъ отношеніи для Подольской губерніи; работа выполнялась на мѣстѣ, вдали отъ центровъ, съ большой недостачей справочнаго матеріала. По изложенію видно, какъ, съ теченіемъ времени, у автора усиливался интересъ къ предмету, какъ онъ старался о большей полнотѣ собираемыхъ свѣдѣній. Но обнять все, дать матеріалы въ такомъ видѣ, чтобы по нимъ можно было уже нанести всѣ данныя на карту, авторъ не былъ въ состояніи именно вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ. Свѣдѣнія шли изъ разныхъ источниковъ; главнѣйшіе изъ нихъ: опросы на мѣстѣ, затѣмъ, музеи, гдѣ хранятся памятники старины, и наконецъ—литература. Если относительно двухъ первыхъ можно сказать, что авторъ использовалъ ихъ въ достаточной степени, то въ послѣднемъ отношеніи остается сдѣлать еще многое. Объясняется это трудностью, живя въ провинціи, имѣть подъ рукой спеціальныя изданія, въ родѣ, напр., Отчетовъ Археологической Комиссіи и др., гдѣ разбросано достаточно свѣдѣній и для Подоліи.

Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Гульдмана—трудъ очень полезный, долженствующій лечь въ основу другихъ подобнаго рода изданій для Подольской губ. Очень много свѣдѣній носитъ характеръ первоисточниковъ, такъ какъ собраны они главнымъ образомъ чрезъ мѣстныя уѣздныя власти, путемъ опросовъ. Здѣсь, однако, мы должны сдѣлать одно небольшое замѣчаніе: у г. Гульдмана нигдѣ не обозначено, отъ кого именно получено то или другое свѣдѣніе, а также, въ большинствѣ случаевъ, не упоминается и о судьбѣ той или другой находки: утрачена-ли она, поступила-ли куда-нибудь. Въ такого рода работахъ, какъ настоящая, въ работахъ справочнаго характера, такія указанія помѣщать необходимо.

Несмотря на то, что настоящій сборникъ не составляетъ полнаго инвентаря древностей Подоліи, но и то, что сюда включено, показываетъ, насколько богатъ этотъ край разнообразными памятниками старины, какъ до-исторической, такъ и исторической. Изученіе ихъ едва только начато, открывается обширное поле для работы, и для работы тѣмъ болѣе интересной, что здѣсь сталкивались, останавливались, перекрещивались различныя культуры въ своемъ движеніи съ востока на западъ и обратно.

Матеріалы, собранные г. Гульдманомъ, распредѣлены имъ по нижеслѣдующимъ 15-ти рубрикамъ.

Находки каменныхъ орудій. Конечно, списокъ такихъ находокъ, даже съ послѣдующими дополненіями, не можетъ считаться полнымъ: много данныхъ литературныхъ не использовано авторомъ. Это относится также и къ слѣдующему отдѣлу—*Находки мѣдныхъ и бронзовыхъ топориковъ и стрѣлъ. Находки старинныхъ монетъ*—довольно большой списокъ, хотя также не исчерпывающій всѣхъ находокъ. Здѣсь-же г. Гульдманъ приводитъ перечень лицъ, живущихъ въ Подольской губ. и занимающихся нумизматикой. Оказывается, что такого рода коллекціонерство сравнительно развито,—всѣхъ коллекцій монетъ насчитывается до 20-ти. *Находки стариннаго оружія и вообще древнихъ вещей*—встрѣчаются иногда очень интересныя находки; бѣда лишь въ томъ, что большинство ихъ уничтожается или портится находчиками-крестьянами. *Находки костей*—г. Гульдманъ отмѣчаетъ гл. обр. находки человѣческихъ костей, встрѣченныхъ при разныхъ обстоятельствахъ и относящихся къ различнымъ эпохамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣдѣнія получены отъ волостного начальства, иногда отмѣчаются значительные размѣры человѣческихъ костей и авторъ относится какъ будто съ вѣрой къ такимъ показаніямъ. Затѣмъ авторъ довольно часто употребляетъ выраженіе «человѣческій остякъ», вѣроятно производя послѣднее слово отъ os. . . . *Пещеры* и слѣдующая глава—*Слѣды мегалитическихъ сооруженій*—составлены гл. обр. на основаніи работъ проф. В. Б. Антоновича и г-жи Мельникъ. *Насыпные валы*—здѣсь не всегда ясно: имѣемъ-ли мы дѣло съ валомъ, какъ самостоятельнымъ сооруженіемъ, или какъ съ принадлежностью *городищъ.* Послѣднимъ посвящена слѣдующая обширная глава, раздѣленная на подзаголовки: городища, замковища, замки, крѣпости-замки и сторожевыя башни. За городищами идутъ *курганы;* по подсчету г. Гульдмана число ихъ простирается до 2.339-ти. Сравнительно немного свѣдѣній, въ зависимости отъ небольшого числа и самихъ памятниковъ, собрано о *каменныхъ бабахъ* и *изображеніяхъ на камняхъ и скалахъ.* Конецъ книги посвященъ церковнымъ древностямъ; здѣсь, прежде всего, идутъ *монастырища*—на основаніи свѣдѣній, собранныхъ о. Е. Сѣцинскимъ, затѣмъ, «*фигуры*» (придорожные кресты, столбы, статуи и. п.)—даже черезчуръ подробные перечни, включающіе, напр., часовни, построенныя въ самое послѣднее время, и, наконецъ, *церковныя древности* (храмы, монастыри, иконы и пр.), гдѣ приводятся нѣкоторыя статистическія данныя о количествѣ и времени построенія церквей и описанія наиболѣе древнихъ изъ нихъ.

Книга г. Гульдмана даетъ массу новаго матеріала, много указаній—по нимъ и должны направиться спеціальныя изслѣдованія въ томъ или другомъ отношеніи, и каждый, взявшійся за такія изслѣдованія, скажетъ спасибо г. Гульдману за его добросовѣстный трудъ.

Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ второе изданіе книги, куда должны также войти иллюстрирующіе текстъ снимки съ памятниковъ старины. На нашъ взглядъ, было-бы раціональнѣе придать этому второму изданію нѣсколько иной характеръ. Вѣдь скоро должна появиться въ печати археологическая карта Подольской губ. о. Е. Сѣцинскаго—работа, какъ мы уже упоминали, одинаковаго характера съ настоящей. Поэтому, еслибы г. Гульдманъ во второмъ изданіи, удаливъ массу сырого матеріала, предварительно выбравъ изъ него наиболѣе типичное и интересное, снабдилъ послѣднее иллюстраціями, немного дополнилъ вводныя статьи, то получилось-бы изданіе, интересное вообще и въ особенности полезное для мѣстныхъ жителей—оно познакомило-бы ихъ съ родной стариной, на которую вообще обращается у насъ такъ мало вниманія.

Н. Бѣляшевскій.

Józef Dunin-Karwicki. *Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa, 1901. (Стр. XV+239; VIII+239).*

Уроженецъ м. Мизача, дубенскаго уѣзда, авторъ, по окончаніи въ 1852 г. Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, поступилъ въ лейбъ-гусарскій павлоградскій полкъ и въ чинѣ юнкера, затѣмъ поручика участвовалъ въ дунайской кампаніи 1853—54 г. и въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ на Черномъ морѣ и въ Крыму. Два томика воспоминаній посвящены главнымъ образомъ описанію встрѣчъ автора во время походовъ, характеристикѣ военныхъ дѣятелей, частью изображенію бытовой обстановки военныхъ дѣйствій. Для лицъ, интересующихся исторіей павлоградскаго полка, воспоминанія г. Дунинъ-Карвицкаго, безъ сомнѣнія, не лишены значенія. Разсказъ ведется безхитростно и, повидимому, безпристрастно. На правдивости своихъ записокъ не разъ настаиваетъ и авторъ,—не вѣрить ему нѣтъ поводовъ, тѣмъ болѣе, что въ запискахъ сведены его личныя воспоминанія, подкрашиваніе которыхъ не представляло-бы никакого интереса.

Въ эту, такъ сказать, фабулу вплетены авторомъ иногда довольно обширные экскурсы въ область исторіи разныхъ польскихъ фамилій. По обычаю многихъ польскихъ мемуаристовъ новѣйшаго времени, и у нашего автора интересъ къ исторіи сосредоточенъ вокругъ имущественныхъ отношеній польскихъ магнатовъ, покрупнѣе и помельче. Нельзя сказать, чтобы изысканія нашего автора въ этой области отличались особой глубиной или интересомъ. Вылазки его въ глубь вѣковъ (правда—нечастыя) не отличаются точностью изученій, источники его—второй руки. Въ этомъ отношеніи записки автора столь же слабы, какъ и всѣ прежнія его работы, посвященныя главнымъ образомъ описанію и исторіи Волыни. Предъ читателемъ проходитъ калейдоскопъ лицъ и мелкихъ замѣтокъ—но жизнь народа сокрыта гдѣ то въ глубинѣ, и авторъ никакъ не можетъ добраться до сути дѣла.

Г. Дунинъ-Карвицкій очень настаиваетъ на своемъ сочувствіи крестьянской реформѣ, на своей принадлежности къ партіи польскихъ консерваторовъ. Онъ чуть-ли не подвигомъ своимъ считаетъ допускаемое имъ утвержденіе въ неподкупности и добропорядочности русскаго суда по уставамъ 1864 г. Все это очень характерно для умонастроеній авторской среды, но намъ странно читать подобныя признанія.

Изложеніе автора подернуто дымкой благодушія. Если и приходится иногда упомянуть о прискорбныхъ фактахъ (напр., интендантскихъ воровствахъ въ 1854 г.), то финалъ повѣствованія вноситъ въ душу успокоеніе. Все у нашего автора выходитъ такъ мило, благовоспитанно, что записки его можемъ рекомендовать лицамъ, которыя ищутъ въ мемуарахъ противоядія отъ душевныхъ треволненій.

Н. М.

Богдан Барвиньский. *Зъїзд галицкого князя Данила з угорским королем Белею IV в Прешбурзї 1250 р. Історично-критична аналїза. Львів, 1901.*

Въ ипатской лѣтописи послѣ 1251 г. приведено упоминаніе о свиданіи Даніила галицкаго въ Пресбургѣ съ венгерскимъ королемъ Белою IV. Даніилъ явился въ Венгрію, «исполчи вся люди своѣ». Свиданіе ни къ чему не привело, такъ какъ Бела вступилъ въ переговоры съ своими противниками, съ которыми велъ борьбу за нѣко-

торыя австрійскія владѣнія. Дата этого свиданія вызвала разногласія у изслѣдователей. Г. Шараневичъ относитъ событіе къ 1251 г., г. Дашкевичъ—къ 1249 г., Грушевскій—къ 1248 г.

Г. Барвинскій, сопоставляя современныя извѣстія, думаетъ, что свиданіе имѣло мѣсто лѣтомъ 1250 г.

Возможно, что такъ и было на самомъ дѣлѣ; возможно, что нѣтъ. Дѣло въ томъ, что авторъ почему-то игнорируетъ извѣстіе той же лѣтописи подъ 1254 г. Извѣстіе это важно въ данномъ случаѣ потому, что самъ лѣтописецъ ясно указываетъ здѣсь на путаницу въ своей хронологіи, на неясность своего представленія о ходѣ событій. Недостаточно внимательное отношеніе къ извѣстію 1654 г. слѣдуетъ отнести къ серьезнымъ недостаткамъ настоящаго опыта г. Барвинскаго. Если воспомнить при этомъ, что споръ Белы IV съ Вячеславомъ чешскимъ за Австрію и Штирію законченъ былъ прессбургскимъ миромъ 1254 г., при посредствѣ папы Иннокентія IV, то можно полагать, съ такою же вѣроятностью ошибки, что и первое темное извѣстіе ипатской лѣтописи относится къ этому году. Во всякомъ случаѣ, думается, что догадка г. Барвинскаго, хотя правдоподобная, не удовлетворитъ суровыхъ критиковъ, тѣмъ болѣе, что авторъ почему-то не считаетъ нужнымъ обратиться къ венгерскимъ сборникамъ историческихъ памятниковъ, напр. къ Венцелеву Cod. nov. Aspadianus, который могъ-бы сослужить ему полезную службу при изслѣдованіи запутанныхъ вопросовъ галицко-угорской хронологіи.

Н. М.

Владимірскій Кіевскій Кадетскій Корпусъ 1851 10/XII 1901 г. *Краткая историческая записка, Составилъ подполковн. Завадскій. К. 1901 г.*

10 декабря минувшаго года Кіевскій Кадетскій Корпусъ отпраздновалъ 50-тилѣтіе своего существованія. Къ этому дню и выпущена была въ свѣтъ брошюрка, заглавіе которой мы указали въ заголовкѣ. Въ этой краткой исторической запискѣ указывается, что губернскіе корпуса возникаютъ въ Россіи съ 1830 года, и что вопросъ объ учрежденіи Корпуса въ Кіевѣ былъ рѣшенъ имп. Николаемъ I еще въ 1846 году, а названіе ему *Владимірскій* дано въ память рожденія Велик. Кн. Владиміра Александровича въ 1847 году 10 апрѣля. Но только че-

резъ 4 года послѣ этого, 10 декабря 1851 года, объявленъ въ приказѣ по Корпусу первый списокъ кадетъ,—вотъ почему и полувѣковая годовщина Корпуса пріурочена къ этому дню.

Помѣщался Кіевскій Корпусъ на первыхъ порахъ въ зданіи нынѣшней 1-ой мужской гимназіи, и открытіе его подъ названіемъ Неракжированнаго Владим. Кадетскаго Корпуса произошло 1 января 1852 года. Въ нынѣшнее зданіе корпусъ переведенъ 17 авг. 1857 г., а 30 августа того-же года онъ уже былъ, при торжественномъ открытіи своемъ, объявленъ Владимірскимъ Кіевскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

На постройку зданія Корпуса, кромѣ суммъ Государственнаго Казначейства, употреблены были суммы добровольныхъ пожертвованій дворянства Кіевской, Подольской, Волынской, Херсонской и Таврической губерній, составившія капиталъ въ 200 тысячъ рублей.

Въ 1865 году Кіевскій Кадетскій Корпусъ переименованъ былъ въ военную гимназію, что̀ произвело существенное измѣненіе во внутреннемъ строѣ его, обративъ прежнее почти спеціальное военное учебное заведеніе въ общеобразовательное, главнѣйшею задачею котораго было нравственное воспитаніе и умственное развитіе дѣтей. Съ 1882 года Кіевская Военная гимназія снова переименовывается въ Кіевскій Кадетскій Корпусъ.

Обзоръ малорусскихъ изданій 1901 года.

Первый годъ новаго столѣтія не принесъ сколько нибудь замѣтнаго оживленія для украинской литературы,—да и не мудрено: внѣшнія обстоятельства, которыя въ иныхъ случаяхъ способны оказать весьма и весьма существенное явленіе на количество и качество литературныхъ произведеній—припомнимъ хотя-бы конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ въ русской литературѣ—остались безъ измѣненія. При такихъ условіяхъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь замѣтномъ оживленіи, и потому литературная продукція украинскихъ писателей въ предѣлахъ Россіи и въ минувшемъ году отличалась тѣмъ же случайнымъ, отрывочнымъ характеромъ, какъ и въ цѣломъ длинномъ рядѣ предыдущихъ годовъ. Эта случайность и разрозненность въ высшей степени затрудняетъ дѣло обозрѣвателя литературы, такъ какъ въ его распоряженіи находятся не всѣ продукты

литературнаго творчества, а лишь незначительная и едва ли лучшая ихъ часть, слишкомъ недостаточная для какихъ нибудь болѣе или менѣе широкихъ выводовъ и обобщеній. Имѣя предъ собою лишь незначительную долю литературныхъ явленій, часто совсѣмъ не типичныхъ, не характерныхъ для всей литературы, обозрѣватель не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросы существенной важности: какими идеями живетъ литература, какимъ духомъ она одухотворяется, каковы ея отличительныя черты, какіе вопросы волнуютъ ея представителей, какой разработкѣ эти вопросы подвергаются и т. д. Обозрѣніе литературныхъ явленій за данный періодъ времени при такихъ условіяхъ по необходимости должно имѣть такой же отрывочный характеръ, какъ и литературная продукція, охватывая лишь тѣ изъ нихъ, которыя могли появиться на свѣтъ Божій... Свое обозрѣніе мы начнемъ съ издательства, стоящаго у насъ совершенно особнякомъ и представляющаго счастливое въ нѣкоторомъ отношеніи исключеніе.

Въ декабрѣ 1898 года въ Петербургѣ было основано «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ», которое поставило первой своей задачей—«придти на помощь религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію *малорусскаго* народа» посредствомъ изданія соотвѣтственныхъ книжекъ на доступномъ народу языкѣ, какимъ является, конечно, украинскій. Встрѣченное съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности грозными пророчествами, насмѣшками, неприличными, чтобы не сказать болѣе, выходками и травлей со стороны извѣстной части русской печати, застрѣльщикомъ которой явилось и на этотъ разъ «Новое Время»,—молодое, еще неокрѣпшее «Общество» тѣмъ не менѣе не доставило удовольствія своимъ врагамъ оказаться «во пророцѣхъ» и уже три года работаетъ въ томъ симпатичномъ направленіи, которое выставило при своемъ возникновеніи. Въ отчетномъ году дѣятельность общества особенно замѣтна, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ превосходитъ предыдущіе годы. Появились №№ 7—12 его изданій и подготовляется цѣлый рядъ популярныхъ книжекъ по различнымъ вопросамъ; изданы въ минувшемъ году Обществомъ слѣдующія книги: № 7—М. Комаря—*Оповидання про Антона Головатого та про початокъ Чорноморськóго козацького війська*, № 8—Ол. Кониського—*Оповидання про Тараса Шевченка*, № 9—Е. Чикаленка—*Розмова про сильське хазяйство*, кныжка 4-та (выноградъ), № 10—С. Ваганова—*Розмовы про сухоты на рогатій худоби*, № 11—П. Кулиша—*Выговщына* и № 12—Комаря—

Оповидання про Богдана Хмельныцького. Нѣтъ нужды говорить въ отдѣльности о каждой изъ этихъ книжекъ, кстати сказать, прекрасно и крайне дешево изданныхъ; всѣ онѣ принадлежатъ перу людей болѣе или менѣе извѣстныхъ въ украинской литературѣ, всѣ отличаются несомнѣнными достоинствами и безусловно соотвѣтствуютъ той симпатичной цѣли, которую намѣтило себѣ «Благотворительное Общество». Вмѣсто этого, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе всѣхъ истинныхъ друзей нашего народа на это Общество, приглашая ихъ къ посильной помощи и литературными трудами, и матеріальными пожертвованіями. Только при энергичной общественной поддержкѣ, содѣйствіи и ясно выраженныхъ симпатіяхъ, всякое просвѣтительное учрежденіе можетъ твердо стать на ноги и оправдать возлагаемыя на него надежды; наше Общество своею дѣятельностью, достаточно уже опредѣлившеюся, доказало, что оно заслуживаетъ такой поддержки и симпатій.

Центромъ украинской литературной продукціи и въ истекшемъ году былъ Кіевъ; здѣсь и теперь появилось больше украинскихъ книгъ, чѣмъ въ другихъ городахъ. Прежде всего мы должны отмѣтить, какъ крупное литературное явленіе, третій томъ «*Повистей и оповидань*» заслуженнаго и едва-ли не наиболѣе извѣстнаго изъ современныхъ украинскихъ писателей—И. С. Левицкаго. Недавно вышедшій третій томъ его «Повистей и оповидань» заключаетъ двѣ повѣсти: «*Нахаба*» *(Прычепа)* и «*Навиженна*», хотя и появляющіяся въ Россіи впервые, но уже давно извѣстныя любителямъ украинскаго слова и оцѣненныя ими по достоинству. Первая рисуетъ такъ извѣстный автору и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ имъ изображаемый бытъ духовенства, вторая касается міра мелкой чиновной среды. Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала читатель найдетъ подробную оцѣнку этихъ произведеній, что избавляетъ насъ отъ необходимости распространяться; скажемъ только, что обѣ повѣсти, особенно первая, читаются съ захватывающимъ интересомъ и несомнѣнно составляютъ крупное явленіе въ украинской литературѣ. «*Повисти Шевченка*», два небольшихъ тома даютъ читателямъ въ украинскомъ переводѣ шесть повѣстей Шевченка *(Наймычка, Безщасный, Варнакъ, Капитанша, Музыка* и *Княгыня)* Уступая въ художественномъ отношеніи стихотвореніямъ Шевченка, названныя повѣсти тѣмъ не менѣе будутъ прочитаны съ интересомъ, представляя важность своими біографическими и бытовыми подробностями. «Семейна хроника» Анатолія Свидницкаго «*Люборацьки*» является произведеніемъ, которое могло-бы сдѣлать честь любой литературѣ.

Авторъ, кстати сказать у насъ неизвѣстный, хотя и умершій 30 лѣтъ тому назадъ, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ повѣствователей. „Люборацьки“, написанные въ *1862* году, отличаются такими достоинствами, міръ, затронутый наблюденіемъ автора такъ интересенъ и своеобразенъ, художественная обработка настолько ярка, жизненна и правдива, что безъ сомнѣнія эта повѣсть можетъ быть поставлена выше всего, что появилось въ украинской литературѣ минувшаго года. Эта старая книга способна и въ наше время возбудить много жгучихъ вопросовъ, и мы надѣемся еще возвратиться къ ней. Изъ народныхъ изданій въ Кіевѣ вышли помѣченныя №-рами 17—24 книжки, составляющія, очевидно, одну серію:—№ 17 Левицкаго Ив.—*Баба Параска та баба Палажка,*—одинъ изъ наиболѣе популярныхъ разсказовъ почтеннаго писателя, классическій, можно сказать, по мѣткому изображенію двухъ бабъ, отравившихъ другъ другу жизнь и изливающихся въ жалобахъ на противную сторону. № 18—Ол. Кониського—*Млынъ*, интересно и живо написанный разсказъ о неудачной постройкѣ «млына» начальствомъ, задумавшимъ благотворить мужику. № 19—П. Кулиша—*Про злодія въ сели Гакивныци* (изъ «лыстивъ зъ хутора»),—одинъ изъ лучшихъ разсказовъ покойнаго писателя, проникнутый свѣтлымъ и гуманнымъ взглядомъ на міръ. № 20—Ив. Франка—*Лесышына челядь, Малый Мыринъ* и *Грыцева шкильна наука,*—едва ли не самые популярные и у насъ разсказы талантливаго галицкаго писателя, художественно изображающіе съ подкупающею правдивостью и простотой семейныя отношенія въ крестьянской средѣ и дѣтскую психологію. № 21—*Музыка-Янко*—переводъ извѣстнаго разсказа Генрика Сенкевича. № 22—Ол. Кукулевскаго—*Оповидання про жыття Кобзаря,*—краткая біографія Шевченка (съ тремя портретами и видомъ могилы), иллюстрированная цѣлымъ рядомъ автобіографическихъ отрывковъ изъ «Кобзаря». № 23—П. Кулиша—*Хмельныщына,*—одна изъ лучшихъ популярно написанныхъ книжекъ по исторіи въ нашей литературѣ. № 24—Л. Яновской—*На синожати,*—написанный не безъ остроумія драматическій этюдъ. Всѣ перечисленыя книжки изданы хорошо и дешево, нѣкоторыя съ портретами авторовъ.—Изъ другихъ изданій, вышедшихъ въ Кіевѣ, отмѣтимъ извѣстный водевиль М. Старицкаго—*Якъ ковбаса та чарка, то мынется й сварка* (помѣченъ 1902 годомъ), первый разъ появляющійся отдѣльнымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ дорогимъ изданіемъ: 30 копѣекъ за печатный листъ—это по истинѣ «ступинь по червинцю». И. Стешенко издалъ вторую книжку

своихъ стихотвореній—*Степови мотивы*, неудачная, дѣланная, иногда до крайности неуклюжая форма которыхъ не искупается хорошимъ содержаніемъ. Драма Л. Яновской—*Повернувся изъ Сибиру* отличается обычнымъ недостаткомъ большинства драмъ—мелодраматичностью и слабой психологической мотивировкой, каковыя качества заставляютъ насъ отнести это произведеніе къ числу наименѣе удачныхъ произведеній талантливой писательницы. Кіевское Общество Грамотности издало три популярныхъ брошюры М. Левицкаго: *Лыхи хоробы на очи, Сибирська язва,* и *Селянськи знахори та бабы-шептухы;* брошюры г. Левицкаго отличаются прекраснымъ изложеніемъ, легкой, вполнѣ доступной народу формой, а по содержанію отвѣчаютъ насущной потребности въ распространеніи здравыхъ понятій среди народа. Кромѣ того, Общество Грамотности переиздало первую книжку Е. Чикаленка „*Розмовы про сильське хазяйство*", лучшую въ нашей народной литературѣ популяризацію сельско-хозяйственныхъ знаній.

Въ Харьковѣ г. Гуртомъ издано четыре брошюры: № 8—Шевченка *Княжна* и Франка *Лесышына челядь* (въ одной книжкѣ), № 9—Г. Доброскока—*Хамъ,* № 10—Квитки—*Перекотыполе* и № 11—М. Грушевскаго—*Ясновельможный сватъ;* изъ нихъ интересъ новизны представляютъ только разсказы г. Доброскока и г. Грушевскаго; „Хамъ" г. Доброскока, рисующій незаурядный въ крестьянской средѣ случай тяжкаго оскорбленія сыномъ отца послѣ его смерти, значительно выигралъ бы, если бы развязка его не была обусловлена чистѣйшей случайностью (пожаръ); „Ясновельможный Сватъ"—историческій разсказъ, который прочтется съ интересомъ не только крестьянами.—Харьковскимъ Обществомъ Грамотности издана книжка *Де-що зъ Кобзаря,* сборникъ преимущественно лирическихъ стихотвореній Шевченка. Не смотря на то, что есть очень дешевое изданіе Кобзаря, существуетъ очевидно потребность въ изданіи извлеченій изъ него, предназначенныхъ спеціально для народа; эта потребность вызвала изданіе «Малого Кобзаря», ею же обусловливается появленіе и настоящей книжки «Де-що зъ Кобзаря». Прекрасный подборъ стихотвореній, приличная внѣшность и крайне дешевая цѣна этой книжки обезпечиваетъ ей самое широкое распространеніе въ народѣ, гдѣ она является крайне желательной и принесетъ безспорную пользу, популяризируя имя и произведенія Шевченка.

Одесса дала за годъ лишь двѣ книжки, обѣ перепечатки очень цѣнныхъ, впрочемъ, произведеній. Въ новомъ изданіи историческаго

романа-хроники Кулиша „*Чорна Рада*“ давно уже чувствовалась настоятельная необходимость: интересъ къ нему со стороны украинской читающей публики никогда не угасалъ, а между тѣмъ это, по справедливости считаемое однимъ изъ лучшихъ, произведеніе украинской литературы долгое время было недоступной для многихъ библіографической рѣдкостью. Въ виду этихъ соображеній новое изданіе „Чорнои Рады“, иллюстрированное къ тому же прекрасными рисунками талантливаго художника г. Ждахи, можно только привѣтствовать. Точно также большую цѣнность, хотя и совершенно другого рода, представляетъ переизданіе первой книжки *Розмовы про сильське хазяйство* Е. Чикаленка.

Полтава дала также двѣ книжки: *Прыхожа*, сцена въ одній діи; переклавъ и переробывъ зъ соч. Гоголя „Лакейская“ В. Русиновъ. и того же автора оригинальная драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ—*Несподивана халепа*; передѣлка изъ Гоголя выполнена сравнительно хорошо, чего нельзя сказать объ оригинальной драмѣ г. Русинова.

Въ Москвѣ г. Сытинымъ изданы: *Оповидання Грыцька Чулая* (Божый попустъ, Страшна кара и На святимъ вечери), производящія нѣсколько непріятное впечатлѣніе своимъ повышеннымъ тономъ и очевиднымъ пристрастіемъ автора къ мистическимъ сюжетамъ; не блещущій сообыми достоинствами, но удобочитаемый разсказъ Т. Полищука—*Прочанынъ*, и небольшой сборникъ *Лыхо зъ горилкою*, куда вошли старые разсказы г. Спилки (Правдыве оповидання) и г-жи Ганны Барвинокъ (Пьяныця).

Каменецъ-Подольскъ далъ—*За кровь добро и крывду людську*—страшную драму г. Зиневича и не менѣе страшный въ литературномъ отношеніи фарсъ *Нечыста сыла* г. Рутковскаго; обѣ пьесы принадлежатъ къ тому роду произведеній, о которыхъ не принято говорить серьезно.

Въ Житомирѣ появилось *Вирнее средство* (sic) *отъ* (sic) *пьянства и запоя*,—книжка, авторъ которой очень оригинально и просто, но едва ли удобоисполнимо разрѣшаетъ вопросъ объ излеченіи отъ алкоголизма.

Въ Ростовѣ на Дону издано «виршоване оповидання» Г. Задеры—*Петро-кравець*, хорошее по содержанію, но написанное не совсѣмъ гладкими стихами.

Въ Ровно появились *Вирши и переклады* г. Трызны-Яцковскаго.—книжка, которой, къ сожалѣнію, мы не могли достать.

Если мы присоединимъ къ этому перечню печатавшіяся въ нашемъ журналѣ и потому не подлежащія нашему сужденію произведенія—Д. Яворныцького *Наша доля—Божа воля,* Б. Гринченка—*Середъ темнои ночи,* Л. Яновской—*Городянка,* М. Левицкаго—*За коліивщыны* и М. Старицкаго—*Лыхо,* то исчерпаемъ, по всей вѣроятности, все, что появилось въ истекшемъ году на украинскомъ языкѣ въ предѣлахъ Россіи. Конечно, это не много въ количественномъ отношеніи, да и не все изъ появившагося представляетъ литературную цѣнность. Но для справедливаго сужденія объ украинской литературѣ необходимо имѣть въ виду тѣ условія, на которыя мы намекнули въ началѣ настоящаго обзора. Повторяемъ опять, что украинскія книги, появившіяся въ теченіе года въ Россіи, не даютъ яснаго и вѣрнаго представленія о современной украинской литературѣ, представляя собой лишь разрозненные факты, появленіе или непоявленіе которыхъ обусловлено исключительными причинами. Для того, чтобы получить полную характеристику современной украинской литературы и литературной продукціи въ теченіе истекшаго года, необходимо обратиться къ изданіямъ вышедшимъ въ свѣтъ въ Галичинѣ, но при этомъ мы наталкиваемся на очень существенное затрудненіе. Дѣло въ томъ, что галицкія изданія, даже беллетристическія, не легко проникаютъ къ намъ, такъ-что болѣе или менѣе регулярное ознакомленіе съ ними представляется дѣломъ прямо таки невозможнымъ.

Между тѣмъ потребность спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія вопросовъ литературы и жизни, очевидно, уже глубоко назрѣла среди общества. Мы отмѣчали въ свое время цѣлый рядъ ходатайствъ, возбужденныхъ въ разныхъ мѣстахъ нашей родины (въ Херсонѣ, Кіевѣ, Холмѣ, Черниговѣ и др.) о разрѣшеніи издавать украинскіе журналы и газеты; но, къ глубокому прискорбію, всѣ эти ходатайства успѣха пока не имѣли. Мы не можемъ, конечно, судить о томъ, какія причины содѣйствовали именно такому, а не иному разрѣшенію даннаго вопроса но для насъ несомнѣнно лишь одно, что вполнѣ похвальное чувство любви къ родному народу, его языку и литературѣ, не находя прямого и естественнаго теченія, ищетъ выхода и, конечно, находитъ его въ иныхъ направленіяхъ; а общество лишается тѣхъ культурныхъ работниковъ, которые, при другихъ обстоятельствахъ, несли бы на службу ему свои знанія, силы и таланты.

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ конца 1901 года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Русская Старина, № 12; 3) Историческій Вѣстникъ, № 12; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 12; 5) Журналъ Мин. Народн. Просв., № 12; 6) Вѣстникъ Европы, № 12; 7) Русская Мысль, № 12; 8) Міръ Божій, № 12; 9) Научное Обозрѣніе, № 11; 10) Книжки Восхода, № 11; 11) Кіевскія Университ. Извѣст., № 11; 12) Записки Импер. Харьк. Унив., кн. 4-я; 13) Учен. Записки Императ. Казан. Универс., № 11; 14) Варшав. Унив. Извѣст., № 6; 15) Труды Кіев. Дух. Акад., № 11; 16) Земскій Сборн. Черн. губ., № 11; 17) Литерат.-Науковый Вистныкъ, № 12; 18) Biblioteka Warszawska, № 12; 19) Wisła, № 6; 20) Slivansko Přehled, № 2 и 3.

Историческій Вѣстникъ, № 12.

Записки Н. Мамаева (окончаніе), стр. 864—882.

Энгельгардтъ Н. А.—Николаевская цензура (окончаніе), стр. 970—1000.

Сообщаются свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ на общество первымъ представленіемъ «Ревизора» Гоголя, и приводятся отзывы критики, единодушно осудившей знаменитую комедію.

Трипольскій П. И.—Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. Стр. 1034—1061.

Обстоятельная біографія знаменитаго математика. Интересно отмѣтить, что онъ, получивъ воспитаніе подъ руководствомъ украинскаго поэта И. П. Котляревскаго, всю жизнь оставался истымъ украинцемъ и демократомъ, говорилъ обыкновенно по-украински, прибѣгая къ русскому языку только въ тѣхъ случаяхъ, когда сердился; любимымъ его писателемъ былъ Шевченко, произведенія котораго онъ зналъ наизусть. Умирая, Остроградскій выразилъ желаніе быть похороненнымъ на Украинѣ.

Рудаковъ В. Е.—Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Стр. 1095—1116.

Въ статьѣ г. Рудакова приводятся между прочимъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности Черниговской, Херсонской и Бессарабской архивныхъ комиссій.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 1215—1217) находимъ отзывъ о помѣщенной въ «Сборникѣ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ» статьѣ проф. Будиловича «Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной (?) Руси». Проф. Будиловичъ «горячо вооружается противъ украинскаго сепаратизма въ литературномъ языкѣ» и «въ новѣйшемъ литературномъ сепаратизмѣ малороссовъ усматриваетъ политическій характеръ и главнымъ его источникомъ считаетъ стремленіе галицкихъ радикаловъ и покровительство (!) послѣднимъ со стороны австрійскихъ нѣмцевъ». Авторъ рецензіи, повидимому, сочувствуетъ проф. Будиловичу, открывшему новый видъ пресловутой «интриги»—австрійскій.

Въ «Смѣси» напечатаны замѣтки: «Гоголевскіе документы» (стр. 1286—1287), «Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ» (стр. 1288—1289), «Археологическая коллекція» (1292—1293), и «Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ» (стр. 1293—1294).

—

Русская Мысль № 12.

Въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» (стр. 380—382) помѣщена рецензія о книгѣ *Д. Н. Вергуна* «Червоно-русскіе отзвуки. Львовъ 1901 г.». Это—сборникъ стихотвореній г. Вергуна, написанныхъ на обще-русскомъ языкѣ съ цѣлью показать, что не трудно галицкому малороссу усвоить русскій литературный языкъ, чуть-ли «не въ одинъ часъ», какъ писалъ въ 1866 году Б. Дѣдицкій.

Приведенныя рецензентомъ мѣста изъ стихотвореній г. Вергуна доказываютъ только полную бездарность автора и плохое знаніе обще-русскаго литературнаго языка. Заканчиваетъ рецензентъ свою замѣтку весьма удачно примѣненными къ случаю словами Шевырева:

...въ душной кузницѣ терпѣнья
Стихомъ, какъ молотомъ, стуча,
Куетъ онъ съ дюжаго плеча
Свои чугунныя творенья.

Тутъ-же (стр. 391) помѣщенъ краткій отзывъ о книгѣ *Ф. М. Лернера* «Евреи въ Новороссійскомъ краѣ». Одесса, 1901 г.

—

Кіевск. Университетскія Извѣстія, № 11.

М. В. Довнаръ-Запольскій.—Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе). Стр. 667—775.

Продолженіе труда г. Довнаръ-Запольскаго посвящено выясненію вопросовъ о происхожденіи и развитіи земской военной службы, различныхъ формъ земскихъ повинностей (подводной, дорожной, замковой, сторожевой и постойной) и земскаго обложенія (татарщины, ордынщины, посощины, подымщины, поголовщины, воловщины и серебщины).

Въ оффиціальной части той же книжки «Университетскихъ Извѣстій» напечатанъ отчетъ о состояніи Кіевскаго Центральнаго Архива въ 1900 году.

—

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 4-я.

Грунскій Н. К.—Къ вопросу о кіевскихъ глаголическихъ листкахъ.

Въ коротенькой замѣткѣ высказывается нѣсколько замѣчаній по поводу извѣстнаго памятника древней кіевской письменности; замѣчанія эти авторъ обѣщаетъ подробнѣе развить и обосновать въ спеціальной монографіи.

Рѣдинъ Е. К.—И. Е. Бецкій и музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета (стр. 1—23 + портретъ Бецкаго).

Въ статьѣ г. Рѣдина сообщены матеріалы для біографіи извѣстнаго издателя «Молодика»—И. Е. Бецкаго (главнымъ образомъ его письма), художественное собраніе котораго послужило основаніемъ музея изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ.

Багалѣй Д. И.—Опытъ исторіи Харьковскаго университета (продолженіе). Стр. 1—64.

Продолженіе труда проф. Багалѣя посвящено свѣдѣніямъ о профессорахъ и преподавателяхъ Харьковскаго университета въ періодъ 1815—1835 гг., при чемъ особенно подробно авторъ останавливается на средствахъ ученой подготовки къ профессурѣ профессоровъ Затеплинскаго, Черняева, Гнѣдича и Степанова.

Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ (продолженіе). Стр. 1—96.

Напечатаны богатые интересными подробностями протоколы 10—13 засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, а въ приложеніи къ нимъ статьи и доклады различ-

ныхъ лицъ, обѣщавшихъ свое участіе въ дѣятельности XII арх. съѣзда. Остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ украинской наукѣ (за исключеніемъ статей по археологіи).

Е. К. Рѣдинъ.—Икона «Недреманное Око» (съ рисункомъ). Стр. 3—

Описаніе интересной разновидности очень распространенной въ прежнее время на Украинѣ иконы, символически изображающей искупленіе Христомъ міра посредствомъ крестныхъ страданій.

Проф. Добіашъ.—Докладъ о результатахъ дѣятельности особой комиссіи, состоящей при Историко-филологическомъ Обществѣ Института кн. Безбородко, по собиранію археологическихъ свѣдѣній, а также и предметовъ древности въ предѣлахъ Черниговской губерніи къ XII арх. съѣзду. Стр. 45—83.

Этотъ интересный докладъ содержитъ много подробностей о дѣятельности названной комиссіи, о ея сношеніяхъ съ различными лицами и о матеріалахъ, поступившихъ на разсмотрѣніе комиссіи, состоящихъ изъ документовъ, книгъ, рукописей, картъ, этнографическихъ записей, предметовъ старины и т. п.

Отчетъ о дѣятельности Кубанскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XII арх. съѣзда (стр. 89—91).

Въ отчетѣ находимъ свѣдѣнія о трудахъ, частью уже оконченныхъ, частью подготовленныхъ Кубанскимъ отдѣленіемъ къ XII арх. съѣзду.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 11.

Къ приближающемуся трехсотлѣтнему юбилею Кіевской Духовной Академіи. Стр. I—XIII.

Предложеніе ректора Академіи, епископа Димитрія, о праздновавніи 300-лѣтняго юбилея Академіи. Подробно объ этомъ предложеніи была рѣчь въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1901 годъ. (Стр. 91, отд. II).

Гулубевъ С. Т.—Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Стр. 306—406+2 рисунка).

Отчетъ о состояніи Кіевской Духовной Академіи за 1900—1901 г. Стр. 408—465.

Отчету предпосланы краткія историческія свѣдѣнія о возникновенія и развитіи Кіевской Академіи.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 10.

А. Кривцовъ.—Страничка изъ исторіи крѣпостного права въ Малороссіи. Стр. 107—111.

Небольшой очеркъ г. Кривцова содержитъ извлеченное изъ архива черниговскаго Дворянскаго депутатскаго собранія дѣло о закрѣпощеніи козаковъ въ XVIII столѣтіи.

Экстрактъ изъ указовъ инструкцій и учрежденій—подъ редакціей Н. П. Василенко (продолженіе). Стр. 161—192.

Въ настоящей книгѣ помѣщены документы: „О добрахъ, принадлежащихъ государю“, „О содержаніи в Малоросіи полковъ“ и „О преимуществахъ, прежде данныхъ малороссійскимъ городамъ, и о нынѣшнемъ постановленіи“.

Літературно-науковий Вістник, № 12.

Над морем, фрагмент П. Карманського (стр. 253—255).

Московська „каверза“, оповідання Гр. Коваленка-Коломацького (256—261).—Непонятно, почему авторъ въ формѣ „оповідання“ разсказываетъ о случаѣ, который могъ бы послужить хорошей темой для публицистической статьи. Къ довершенію всего, лицо, которое обвиняется авторомъ въ „московской каверзѣ“, оказывается вовсе не „московскаго“, а украинскаго происхожденія и даже когда-то принимало участіе въ украинской литературѣ.

Вирід, оповідання Осипа Шпитка (262—288). Окончаніе интересной повѣсти галицкаго писателя.

Між духовними батьками, нарис Антипа Гонти (289—298).

Візия костей, Л. Т. (299—300).

За один рік, нарис Андрія Верховинця (301—313).

На півночи, Ю. С. (314—315).

Перед досвітом, драма Стефана Вакано (кінець) (317—350).

Поручник Густль, новеля Артура Шніцлера (кінець) (351—360).

Із переспівів Павла Грабовського: І. Илля Муромець. П. Сьвятогор. Ш. Як перевелись багатирі на сьвятій Руси. (361—364). Хорошій переводъ извѣстныхъ великорусскихъ былинъ.

Народопросвітні книжки, Вільхивського (112—127). Критическій обзоръ украинской народной литературы за 1899—1901 г.

Зі споминів засланого без суду, Миколы Ковалевського (128-149). Окончаніе интересныхъ воспоминаній о жизни административно-ссыльныхъ.

Сервітути і розмежованне грунтів на правобережній Украіні, Ф. І. Немоловського (150—158). Окончаніе обстоятельной статьи, излагающей ходъ аграрной эволюціи на Украинѣ и послѣдствія законодательныхъ постановленій послѣдняго времени.

Уваги на сучасні теми: VIII. Справа українсько-руського університету у Львові, Володимира Гнатюка. IX. Федькович концертант і прелегент, Івана Франка. X. З поля народноі осьвіти в Росиі В. Д. XI. Соті роковини прилучення Грузиі до Росиі, Украінця (стр. 150—180). Замѣтка Гнатюка передаетъ интересныя подробности объ извѣстномъ студенческомъ движеніи въ пользу основанія отдѣльнаго украинскаго университета во Львовѣ. Франко разсказываетъ о неудачныхъ дебютахъ буковинскаго писателя Федьковича въ качествѣ пѣвца и лектора.

Хроніка і бібліографія (23—30) заключаетъ много интересныхъ свѣдѣній объ украинской литературѣ и общественной жизни.

Biblioteka Warszawska, 1901 г. № 12.

Г. Антоній Плютынській въ статьѣ „Россія и Австрія на канунѣ Галицкой кампаніи 1809 г.“ (стр. 455—478) даетъ по архивнымъ источникамъ интересный очеркъ дипломатическихъ австро-русскихъ отношеній до вступленія русскихъ войскъ въ Галичину, т. е. до окончательнаго разрыва имп. Александра I съ Наполеономъ. Для исторіи 1809 г. авторомъ изготовляется обширная монографія, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ.

Wisła. Ноябрь—декабрь 1901.

Г. Конрадъ Залѣскій въ статьѣ «Преданія, связанныя съ именами и мѣстностями въ Томашевскомъ уѣздѣ» упоминаетъ о т. наз. козацкихъ валахъ у фольварка Михаловъ, принадлежащаго къ имѣнію Вожучинъ. Это родъ окоповъ, сдѣланныхъ по преданію Богданомъ Хмельницкимъ и расположенныхъ вокругъ фольварка Михаловъ. Въ

Вожучинѣ шляхта, по преданію, оказала сопротивленіе Хм—му. (Стр. 733).

На стр. 750—756 напечатана программа для собиранія свѣдѣній о народной медицинѣ и 11 записей, сдѣланныхъ въ бердичевскомъ, житомирскомъ, луцкомъ и овруцкомъ уѣздахъ.

—

Slovansky Přehled 1901 г., ноябрь и декабрь (№№ 2 и 3).

Въ отдѣлѣ корреспонденцій (№ 2, стр. 91—96) г. Влад. Гнатюкъ даетъ обстоятельный очеркъ исторіи львовскаго университета и возникшаго въ послѣднее время среди галицкой малорусской интеллигенціи стремленія къ учрежденію отдѣльнаго малорусскаго университета во Львовѣ. Сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о политикѣ въ этомъ вопросѣ, усвоенной польскими профессорами, производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Такъ, напр., нѣмецкая диссертація д-ра М. Зобкова (нынѣ проф. Загребскаго университета) отвергнута за употребленіе слова „kleinrussisch" вмѣсто оффиціознаго „ruthenisch", а д-ру Франко отказано въ каѳедрѣ „wegen politischen Vorlebens". Видимо, г.г. польскіе профессора во Львовѣ ничего не забыли, но ничему и не научились.

Въ № 3 г. Степанъ Радичъ даетъ интересный очеркъ политическихъ воззрѣній Юрія Крижанича (въ продолженіи статьи: „Главные представители славянской мысли").

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 331) помѣщена обширная статья г. Иванова—«Н. И. Стороженко», по поводу тридцатилѣтія его ученой дѣятельности. Авторъ отмѣчаетъ основныя черты этой дѣятельности—идеализмъ и гуманность, которыми проникнуты всѣ труды почтеннаго юбиляра, начиная съ первой юношеской работы по поводу «Саратовскаго Литературнаго Сборника» Д. Л. Мордовцева и кончая послѣдними учеными трудами, создавшими ему почетное имя въ обще-европейской литературѣ.

—

П. А. Грабовскій очень часто помѣщаетъ свои переводы изъ украинскихъ поэтовъ на страницахъ русскихъ изданій. За послѣднее

время имъ напечатаны переводы: изъ Франка—«Журавли» («Восточное Обозрѣніе,»), Шевченка—«Солнце заходитъ за темныя горы» и «Куетъ кукушка» («Сибирская Жизнь», № 111) и Конисскаго,—«Мрачно и холодно» («Кіевская газета»).

—

«Южный Край» (№ 7206) передаетъ, что изданіе сочиненій малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко, принадлежащее харьковской уѣздной земской управѣ, разрѣшено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для школьныхъ библіотекъ.

Рѣчь идетъ, вѣроятно, о недавно изданныхъ харьковской уѣздной земской управой III и IV томахъ сочиненій Квитки.

—

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 333) помѣщена принадлежащая перу г. Быкова статья объ актерѣ К. Т. Соленикѣ, по поводу 50-лѣтія его смерти. Между прочимъ г. Быковъ сообщаетъ, что на приглашеніе перейти на столичную сцену Соленикъ отвѣтилъ: «Я малороссъ, люблю Украину и мнѣ жаль оставить ее». Особенно любимыми городами Соленика были Харьковъ и Полтава.

—

Въ №-рахъ 7213 и 7214 «Южнаго Края» помѣщено продолженіе «Воспоминаній старожила» г. Карпова, содержащихъ нѣсколько небезынтересныхъ фактовъ изъ помѣщичьей жизни стараго времени.

—

Въ «Кіевской Газетѣ» (№ 330) помѣщена статья г. Мировця—«Памяти А. Я. Конисскаго». Отмѣтивъ заслуги покойнаго писателя и общественнаго дѣятеля для украинской литературы и для пробужденія національнаго самосознанія среди украинскаго общества, г. Мировець совершенно справедливо упрекаетъ наше общество за его холодное, равнодушное отношеніе къ своимъ дѣятелямъ. Между прочимъ, г. Мировець сообщаетъ о подготовляемомъ къ печати литературнонаучномъ сборникѣ, посвященномъ памяти Конисскаго. Въ этомъ сборникѣ принимаютъ участіе почти всѣ лучшіе современные украинскіе писатели: Мырный Панасъ, Гринченко, Коцюбинскій, Яновская, Мордовцевъ, Потапенко, Крымскій, Чернявскій, Грабовскій, Тобилевичъ (Карпенко-Карый), Григоренко и др.

—

Въ Черниговѣ подготовляется къ печати литературный сборникъ, посвященный памяти П. А. Кулиша. Въ сборникѣ принимаютъ участіе:

Панасъ Мырный, Яновская, Лысенко, Григоренко, Самійленко, Чернявскій, Коцюбинскій, Гринченко, Леся Украинка, Кобринская, Франко, Крымскій, Тобилевичъ, Маковей и др. (Лит.-Наук. Вистник, кн. XII). Судя по составу сотрудниковъ, сборникъ обѣщаетъ быть очень интереснымъ.

—

Польскія газеты «Słowo» и «Kurjer Polski» помѣстили весьма сочувственныя статьи, посвященныя артельному движенію среди народа и характеристикѣ дѣятельности извѣстнаго организатора артелей Н. В. Левитскаго.

—

Въ №-рѣ 260 «Волыни» помѣщена статья г. Бѣн-скаго «Дѣвичій праздникъ св. Андрея», дающая описаніе народныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ этимъ днемъ («калыта» и различныя формы гаданій).

—

Въ №-рѣ 1078 «Юга» находимъ статью, посвященную народнымъ «бéсидамъ», т. е., угощеніямъ по случаю какого-нибудь болѣе или менѣе важнаго событія въ крестьянской жизни.

—

Въ №-рѣ 5465 «Одесскихъ Новостей» помѣщена сочувственная рецензія на книжку М. Комаря—«Оповидання про Богдана Хмельныцького», изданную Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ.

—

Въ №-рѣ 1067 херсонской газеты «Югъ» помѣщена библіографическая замѣтка по поводу новаго изданія «Чорнои Рады» Кулиша.

—

Въ №-рѣ 311 «Сѣвернаго Края» находимъ въ отдѣлѣ библіографіи характеристику современнаго положенія крестьянства въ Галичинѣ на основаніи недавно изданныхъ въ русскомъ переводѣ разсказовъ Франка «Въ потѣ лица».

—

Г. Коваленко-Коломацкій помѣстилъ на столбцахъ «Юга» (№ 1075) не лишенную общаго интереса статью «О народномъ театрѣ». Указавъ на тотъ фактъ, что лучшія произведенія украинскихъ драматурговъ разрѣшены къ постановкѣ въ народныхъ театрахъ, г. К. предостерегаетъ устроителей народныхъ спектаклей отъ постановки пьесъ

исключительно съ «танцямы», «спивамы» да «горилкою» на томъ основаніи, что такія де пьесы нравятся народу. Будучи школой для народа, театръ долженъ предлагать ему лучшія произведенія драматической литературы, а не лубочную стряпню, ничего не дающую ни уму, ни сердцу, или, что еще хуже, поощряющую дурные инстинкты массы. Свои положенія г. К. иллюстрируетъ (въ № 1079 той же газеты) разборомъ извѣстной передѣлки гоголевскаго «Тараса Бульбы», относимой имъ къ пьесамъ второго рода.

—

«Русскія Вѣдомости»(№ 334) помѣстили обстоятельную статью, посвященную вопросу объ отдѣльномъ украинскомъ университетѣ во Львовѣ—«Львовскій университетъ и русины». Указавъ на крупные успѣхи украинцевъ въ области науки и литературы, на дѣятельность «Науковаго Товариства имени Шевченка», на появленіе научныхъ трудовъ на украинскомъ языкѣ и развитіе украинской прессы, авторъ рѣшительно опровергаетъ и до сихъ поръ находящее послѣдователей мнѣніе, что украинскій языкъ можетъ удовлетворять только «нуждамъ домашняго обихода». Не находя, такимъ образомъ, убѣдительныхъ принципіальныхъ возраженій противъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета, авторъ останавливается на чисто практическихъ затрудненіяхъ, лежащихъ на пути къ достиженію указанной цѣли, и высказываетъ надежду, что русины все таки выйдутъ побѣдителями изъ этой борьбы за свое справедливое дѣло.

—

Въ Кубан. Вѣдом. № 259 помѣщенъ отзывъ о книгахъ: *М. Комаръ* «Оповидання про Богдана Хмельныцького» и П. О. Кулишъ «Выговщина».

—

Въ газ. «Хозяинъ» № 30 помѣщена рецензія на 4-ую книжку *Е. Чикаленко* «Розмова про сильске хазяйство. Выноградъ».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Барвіньский Б.—Зйизд галицького князя Данила з угорським королем Белею IV в Прешбурзі 1250 р. Стор. 18. У Львові, 1901.

Берен М. В.—Як чоловік боре ся з природою. Переклад з российського. Видане Товариства «Просьвіта», ч. 255—256. Стор. 104. У Львові, 1901. Ціна 70 сот.

Буличъ Н. Н.—Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. Т. I. Спб., 1902. Ц. 2 руб.

Временникъ Ставропигійскаго Института съ мѣсяцесловомъ на годъ обыкновенный 1902. Годъ изданія XXXIX. Львовъ, 1901. Ціна 90 сот.

Гюо Віктор.—Кльод Ге. Переклавъ Е. Тимченко. Літ.-Наук. Библіотека, ч. 20. Стор. 42. У Львові, 1901. Ціна 25 сот.

Голубевъ С. Т.—Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 сент. 1901 г. Стр. 100+2 рисунка. Кіевъ, 1901.

Загірня М.—Під морськими хвилями. Видане Товариства «Просьвіта», ч. 257. Стор. 28. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

Значеніе дѣятельности археологическихъ съѣздовъ для науки русской археологіи. Харьковъ, 1901. Ц. 25 коп.

Илюстрованый Календарь Общества імени М. Качковского на годъ звычайный 1902. Годъ XVIII. Львовъ, 1901. Ціна 60 сот.

Ілюстрований народний Календар Товариства «Просьвіта» на рік звичайний 1902. Річник XXV. Коштом і заходом Тов. «Просьвіта». У Львові, 1902.

Ілюстрований Буковинський Православний Календар на рік звичайный 1902. Видане «Руськоі Бесіди» в Чернівцях, ч. 164. Річник XXIX. Стор. 132+оповістки. Чернівці, 1901. Ціна 80 сот.

Календарик на звичайний рік 1902. Львів, 1902. Ціна 25 сот.

Кичуновъ Н. И.,—Плодоводство въ Подольской губерніи. Спб., 1901. Цѣна 50 коп.

Кузьминъ А.—Запорожская Сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ. Стр. 96. Москва, 1901. Ц. 40 коп.

Оцінка нарису програми украінської партиі социялістичноі. Видане С. Д., ч. 1. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 4 коп.

Перетцъ В. Н.—Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. Т. I и II. Спб., 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Потапенко І.—Громадський суд. Оповідане з украінського життя. Видане Товариства «Просьвіта», ч. 258. Стор. 32. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

Сатирично-гумористичний Календар пекольний на рік звичайний 1902. Заходом сатирично-політичноі часописі „Антихрист“. Стор. 98+оповістки. Чернівці, 1901. Ціна 36 сот.

Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Т. IV. Юрьевъ, 1901. (Статья проф. Будиловича. Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной Руси).

Святый Листъ Счастья. Изданіе редакціи „Просвѣщеніе“ въ Вѣднѣ. Стор. 20. У Вѣднѣ, 1901. Ціна 30 сот.

Сергѣевичъ В.—Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб., 1902. Ц. 3 руб.

Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 г. Спб., 1901. Цѣна 1 р. 20 к.

Старохристиянські лэгенди. Із книги „Народовіщаніе“ вибрав і переклав В. Гнатюк. Видане Товариства „Просвіта“, ч. 259. Стор. 32. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

Тихомировъ Д. И.—О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. Москва, 1902. Цѣна 10 к.

Товариш. Ілюстрований Календар на рік звичайний 1902. Стор. 182+18. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Археологическая лѣтопись.

1901-й годъ въ археологическомъ отношеніи.

Слѣдуя рубрикамъ, принятымъ въ «Лѣтописи», подведемъ краткіе итоги за прошлый годъ.

Что касается *общихъ вопросовъ*, то на первомъ мѣстѣ нужно поставить все болѣе и болѣе усиливающійся, какъ среди лицъ спеціально занимающихся стариной, такъ и между болѣе широкимъ кругомъ, интересъ къ судьбѣ памятниковъ этой старины. Вопросъ—давній, наболѣвшій, ждущій какого-ниб. рѣшенія, помощи. Трактуется онъ въ литературѣ, какъ это мы видимъ въ отчетѣ гр. Уваровой о поѣздкѣ въ Юго-западный край, отчетѣ, полномъ искренняго негодованія, или въ статьѣ свящ. В. Романова, подходящаго къ предмету съ другой стороны, но имѣющаго въ виду все ту-же цѣль; полны неприглядныхъ фактовъ и отчеты лицъ, командированныхъ для описанія памятниковъ старины; откликается по этому поводу и повседневная газетная литература. Все сводится къ одному: памятники старины, особенно церковной, гибнуть, искажаются; нужны мѣры для ихъ спасенія; средства намѣчаются, но они далеки пока отъ осуществленія... Въ ближайшемъ будущемъ мы еще займемся этимъ вопросомъ, главнымъ образомъ, примѣнительно къ нашему краю.

Къ числу средствъ, если не спасающихъ самые предметы отъ гибели, то во всякомъ случаѣ закрѣпляющихъ ихъ на бумагѣ, оставляющихъ слѣдъ ихъ,—относятся описаніе и фотографированіе.

Этимъ дѣломъ и занималась комиссія, состоящая при Обществѣ Нестора-Лѣтописца. Члены ея и въ отчетномъ году совершили рядъ экскурсій, давшихъ значительное количество матеріала. Но средства комиссіи ограничены и въ настоящее время уже израсходованы, дѣло-же можно считать только лишь начатымъ—жаль будетъ, если комиссія не получитъ поддержки, и дѣятельность ея по неволѣ должна будетъ прекратиться.

Помимо вышеупомянутой комиссіи, тѣ-же цѣли преслѣдовали и различные комитеты, устроенные для подготовки предстоящаго *археологическаго съѣзда* въ Харьковѣ, включая въ свои функціи и разнообразные другіе вопросы, касающіеся, напр., до-исторической археологіи, археографіи, этнографіи. Какъ извѣстно, съѣздъ будетъ въ августѣ настоящаго года, и теперь, собственно говоря, можно уже судить о томъ, что сдѣлано къ съѣзду. Сдѣлано много Харьковскимъ Комитетомъ, о другихъ этого сказать нельзя, но хорошо уже и то, что начата работа, возбужденъ интересъ; въ задачи съѣзда и должно войти—поддержать этотъ интересъ, развить его.

Среди *ученыхъ обществъ* юга Россіи, включающихъ въ свою программу и вопросы археологіи, настроеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи было тихое. Вновь организованное Общество Изслѣдователей Волыни начало свою дѣятельность; историческая секція намѣрена даже выпустить сборникъ трудовъ; но въ общемъ сдѣсь чувствуется недостатокъ интересующихся людей, недозтатокъ въ работникахъ; поэтому и довольно широкая программа дѣятельности этого общества, отведенная ему по уставу, могла быть выполнена лишь въ части. Въ самомъ Кіевѣ, въ его ученыхъ обществахъ, археологическія темы за истекшій годъ почти совершенно отсутствовали. Кіевское-же Общество Древности и Исскуствъ и въ этомъ году было занято окончаніемъ музея, — расплачивалось за прошлые грѣхи, такъ какъ въ музеѣ оказалась масса дефектовъ, исправленіе которыхъ отнимало отъ правленія общества много времени, лишая возможности направлять его дѣятельность въ другую сторону—въ сторону научнаго изученія памятниковъ мѣстной старины. А къ этой дѣятельности давно уже пора приступить: въ Кіевѣ нѣтъ спеціальнаго археологическаго общества, но есть масса матеріала, ждущаго разработки, есть цѣлая группа лицъ, занимающихся археологическими изслѣдованіями или коллекціонерствомъ,—одной

изъ главныхъ задачъ общества и должно быть объединеніе этихъ лицъ для совмѣстной научной работы.

Раскопки въ 1901 г. отличались изобиліемъ. Къ старымъ именамъ изслѣдователей прибавились новыя; археологическая жатва дала прекрасные результаты.

Въ области до-историческихъ древностей и этотъ годъ, какъ и прошлый, сравнительно бѣденъ открытіями. Здѣсь можно упомянуть о раскопкахъ В. В. Хвойки у с. Чучинки, давшихъ новое мѣстонахожденіе до-микенской культуры съ замѣчательно интересной орнаментировкой.

Но за то изслѣдованія скифскихъ кургановъ были многочисленны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень удачны; къ числу послѣднихъ относятся раскопки въ Роменскомъ уѣздѣ и раскопки В. Е. Гезе у с. Сахновки, Каневскаго у., гдѣ открыта единственная въ своемъ родѣ золотая діадема съ штампованными изображеніями сценъ изъ скифской жизни.

Истекшій годъ отличался отъ предъидущаго довольно значительнымъ числомъ раскопокъ городищъ. Раскопки, правда, носили большей частью пробный характеръ, но онѣ показываютъ, что и городища, наконецъ, дождались своей очереди.

Какъ ни отраденъ тотъ фактъ, что древности нашего края обращаютъ на себя такое вниманіе изслѣдователей, но, съ другой стороны, желательно было-бы, чтобы эти изслѣдованія доводились до конца: имѣемъ въ виду обработку и опубликованіе добытыхъ результатовъ. Именно, въ виду многочисленности раскопокъ, можно опасаться, что не все будетъ фиксировано и, такимъ образомъ, не все станетъ достояніемъ науки,—результатъ совсѣмъ нежелательный....

Большинство отмѣченныхъ *случайныхъ находокъ* (масса ихъ конечно ускользнула отъ регистраціи) не представляетъ особаго интереса,—это, главнымъ образомъ, находки монетъ XVII в. Но Кіевъ и на этотъ разъ далъ довольно цѣнный кладъ великокняжеской эпохи—кладъ въ усадьбѣ Орлова на Трехсвятительской улицѣ. Въ теченіе прошлаго года выяснился и составъ замѣчательнаго клада, найденнаго еще въ 1900 году и почти цѣликомъ поступившаго въ собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко; подробное описаніе клада помѣщено нами въ октябрьскомъ но-

мерѣ за прошлый годъ. Что касается мѣста находки этого клада, то теперь его можно установить, повидимому, навѣрное. Въ описаніи клада, судя по его богатству, мы сдѣлали предположеніе, что онъ найденъ въ Кіевѣ; но мѣстомъ находки оказалось городище «Дѣвичья Гора» у с. Сахновки, Каневскаго у., давшее уже нѣсколько интересныхъ находокъ княжеской эпохи.

Можно констатировать за истекшій годъ дальнѣйшее движеніе *музейнаго дѣла;* повидимому, и у насъ все болѣе и болѣе получаетъ право гражданства мысль, что музеи, какъ и библіотеки, должны считаться необходимой принадлежностью каждаго болѣе или менѣе культурнаго центра, что общество должно заботиться объ устройствѣ и пополненіи такихъ учрежденій. Примѣромъ можетъ служить хотя нашъ Кіевскій Музей Древности и Искусствъ; не смотря на то, что музей не началъ еще правильно функціонировать, требуетъ еще внутренней организаціи,— уже и теперь въ него поступаютъ цѣнныя пожертвованія, составляющія иногда цѣлыя собранія; таковы, напр., коллекція Зноско-Боровскаго и обѣщанное музею и частью переданное замѣчательное Смѣлянское собраніе древностей гр. А. А. Бобринского.

Рядъ *изданій,* трактующихъ тѣ или другіе вопросы, общаго и частнаго характера, касающіеся старины, о которыхъ мы имѣли возможность дать отзывы въ теченіе прошлаго года, свидѣтельствуетъ о движеніи и въ области научной обработки или изданія матеріаловъ. Изданій подобнаго рода вышло сравнительно много, и притомъ изданій, зачастую роскошныхъ, какъ напр., Матеріалы по археологіи Кавказа, изданные гр. Уваровой, 3-ій томъ труда гр. А. Бобринскаго—Курганы и случайныя находки близъ м. Смѣлы, 4-ый выпускъ Древностей Приднѣпровья Б. И. и В. Н. Ханенко.

Общее заключеніе—работа идетъ довольно интенсивно, но въ то-же время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (взять хотя-бы раскопки), и довольно безпорядочно. Но это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ тѣхъ общихъ условій, въ какія поставлено, особенно у насъ на югѣ, дѣло изученія памятниковъ прошлаго.

Н. Бѣляшевскій.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

10-го ноября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда подъ почетнымъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Импер. Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой.

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ съ результатами дѣятельности комитета за прошлый отчетный годъ и остановился на нуждахъ комитета по подготовкѣ выставокъ при археологическомъ съѣздѣ, а равно на тѣхъ изданіяхъ, которыя подготовляются къ съѣзду.

Графиня *П. С. Уварова* выразила надежду на то, что комитету придетъ на помощь Императорскій харьковскій университетъ, харьковское городское общественное управленіе, губернское земство и губернское управленіе: первые—въ устройствѣ выставокъ, а послѣднее—въ печатаніи каталога выставокъ,—и обѣщала содѣйствіе и помощь комитету со стороны Московскаго Археологическаго Общества, которое, кромѣ матеріальной помощи, въ дополненіе къ изданіямъ комитета, историко-филологическаго Общества, харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, приготовитъ изданіе матеріала, доставленнаго харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ: а) трудъ Б. С. Познанскаго—«О малороссійской одеждѣ», б) г. Левицкаго—«О древностяхъ Путивля».

Въ дополненіе къ докладу Д. И. Багалѣя о предметахъ предстоящей выставки, секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета В. В. Ивановымъ, было сдѣлано сообщеніе о новомъ матеріалѣ для этнографическаго отдѣла выставки, который будетъ представленъ харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ,—о планахъ на усадебныя мѣста отдѣльныхъ поселеній Харьковской губерніи. По предложенію харьковскаго губернатора, городскими управленіями и земскими начальниками доставляются въ статистическій комитетъ копіи съ имѣющихся плановъ на отдѣльныя поселенія. До настоящаго времени получено около 50 плановъ, въ томъ числѣ 11 плановъ на города и 37 плановъ на слободы, села, деревни и хутора. Демонстрируя перечисленные планы, В. В. Ивановъ замѣтилъ, что общее обозрѣніе ихъ обнаруживаетъ существованіе двухъ главныхъ типовъ населенныхъ мѣстъ, сло-

жившихся подъ вліяніемъ національныхъ особенностей мѣстнаго населенія, историческихъ условій его существованія, а также топографическихъ и иныхъ факторовъ, именно: 1) сравнительно узкой и продолговатой, иногда растянутой на нѣсколько верстъ, усадебной площади поселенія, расположившагося вдоль проѣзжей дороги, и 2) концентрированной населенной площади, приближающейся по своей фигурѣ къ квадрату или кругу.

Проф. *М. Г. Халанскій* прочелъ докладъ о своей поѣздкѣ въ Курскую губернію съ археологической и этнографической цѣлью лѣтомъ 1901 г. Въ іюнѣ 1901 г. М. Г. Халанскій посѣтилъ въ Курской губерніи г. Путивль и села Линовъ (Путивльскаго уѣзда), Будановку (Курскаго уѣзда) и Гущино (Тимскаго уѣзда). Въ Путивлѣ онъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на рукописяхъ Маклаковской библіотеки и на знаменитомъ надгробномъ камнѣ съ именемъ князя Василія, относимомъ къ XIII в.

Изъ рукописей библіотеки Маклакова М. Г. Халанскій изслѣдовалъ *Провлемата*—трактатъ по физіологіи, медицинѣ и гигіенѣ, изданный въ Краковѣ въ 1567году типографомъ Схарфенбергомъ. Извѣстные донынѣ русскіе списки *Провлематъ*, находящіеся въ Порѣчской библіотекѣ гр. Уваровыхъ, относятся къ XVII в. и предполагаютъ изданный въ Краковѣ оригиналъ, которымъ, повидимому, и является рукопись Путивльской библіотеки Маклакова. Много затрудненій пришлось преодолѣть М. Г. Халанскому для того, чтобы установить правильную точку зрѣнія на знаменитый въ мѣстной исторіи г. Путивля камень съ именемъ князя Василія. Надпись на камнѣ полустерта и для возстановленія ея изслѣдователю пришлось прибѣгнуть къ пособію двухъ другихъ надгробныхъ плитъ, аналогичныхъ по характеру и пріемамъ письма съ первой, найденныхъ при раскопкѣ подполья Преображенской церкви и въ настоящее время вдѣланныхъ въ основаніе лѣвой арки этой церкви. Послѣ промывки поверхности камня и путемъ сличеній его съ двумя другими указанными надгробными плитами, опредѣленно относящимися къ XVII в., М. Г. Халанскому удалось точно установить вѣкъ, къ которому относится надпись—XVII вѣкъ. Годъ точно опредѣлить не оказалось возможнымъ, но приблизительно онъ или 7143 или 7153 отъ сотворенія міра, т. е. 1635 или 1645 отъ Р. Хр. Находящіяся въ надписи слова: *князя Василія*, по всей видимости, нанесены позд-

нѣе какимъ-либо мѣстнымъ путивльскимъ ученымъ патріотомъ, въ 30—40-ые годы XIX столѣтія съ цѣлью мистифицировать связь Слова о полку Игоревѣ и одного изъ героевъ, воспѣтыхъ въ этомъ произведеніи съ городомъ Путивлемъ. Первоначальное предположеніе, возникшее въ Путивлѣ, о значеніи надписи на камнѣ касалось именно Владиміра (Василія) Игоревича, удѣльнаго князя Путивльскаго XII в.

Въ селѣ Линовѣ М. Г. Халанскій продолжалъ свои прошлогоднія занятія говоромъ мѣстныхъ крестьянъ, называемыхъ въ Путивльскомъ уѣздѣ «горюнами».

По языку горюны занимають переходное мѣсто отъ южновеликоруссовъ къ бѣлоруссамъ. М. Г. Халанскій пріобрѣлъ въ Линовѣ очень интересный женскій горюнскій костюмъ, который будетъ демонстрированъ на имѣющей быть при съѣздѣ выставкѣ. Въ селѣ Будановкѣ, Курскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему селахъ Курскаго и Фатежскаго уѣздовъ, входившихъ въ районъ владѣній Коренскаго монастыря, живутъ *саяны*. М. Г. Халанскій занимался изученіемъ и говора *саяновъ*, повѣряя свои прежнія наблюденія и сдѣланныя студентомъ харьковскаго университета г. Федоровскимъ. Вопреки мнѣнію г. Добротворскаго, отождествлявшаго «горюновъ» и «саяновъ», М. Г. Халанскій устанавливаетъ существенную разницу между тѣми и другими: саяны—чистые южно-великоруссы, измѣняющіе окончанія именъ прилагательныхъ и мѣстоименій—*ого, его* въ *ова* или *ьва* и *ива*, чего у горюновъ не бываетъ. Горюны—чистые «егуны», т. е. говорятъ *яго, мого* и т. д. Женщины—саянки носятъ старинные костюмы, очень цѣнные и весьма любопытные для археологіи русскаго быта. Одинъ такой женскій костюмъ пріобрѣтенъ докладчикомъ и будетъ выставленъ на съѣздѣ.

Изъ Будановки М. Г. Халанскій проѣхалъ въ Гущино, Тимскаго уѣзда; но нашелъ говоръ гущинскихъ крестьянъ сходнымъ съ говоромъ щигровскихъ крестьянъ, образцы котораго имъ ранѣе представлены.

Послѣ доклада о своей поѣздкѣ М. Г. Халанскій доложилъ комитету о полученныхъ имъ трудахъ по исторіи и археологіи Путивля г. Левицкаго (Исторія Путивля и о Путивльской иконѣ Божіей Матери) и г. Рябинина (о Преображенской церкви г. Путивля) и объ ожидаемомъ трудѣ г. В. В. Кобелецкаго—

карта кургановъ Путивльскаго уѣзда. Первые три труда рѣшено печатать частію въ Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета, частію (Исторія г. Путивля) въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. По предложенію М. Г. Халанскаго избранъ въ члены комитета В. В. Кобелецкій, пожертвовавшій университету для археологическаго съѣзда цѣнную коллекцію древнихъ монетъ, найденныхъ въ г. Путивлѣ.

Г-жа *А. Я. Ефименко* познакомила съ результатами своихъ изслѣдованій «стоянокъ» на лѣвомъ берегу Донца, противъ с. Кочетка. Культурный слой помѣщается подъ верхнимъ сыпучимъ пескомъ, онъ до 1 арш. толщины. Докладчицей, кромѣ трехъ стоянокъ, найдена стоянка-мастерская по выдѣлкѣ кремневыхъ орудій—на правомъ берегу р. Бабки. На стоянкахъ найдены—каменныя орудія разнобразной величины и формы: ножи, скребки, кремневыя орудія, стрѣлы и др. Кромѣ того, стрѣлы бронзовыя, желѣзныя, фрагменты глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые орнаментированы; пряслица, бусы и кольцо изъ крученой бронзовой проволоки.

Проф. *Е К. Рѣдинъ* и *Д. И. Багалѣй* доложили: 1) увѣдомленіе рыльской уѣздной земской управы о назначеніи ею 50 руб. для пріобрѣтенія въ уѣздѣ старинныхъ предметовъ для выставки при съѣздѣ; 2) полтавскаго губернскаго земскаго собранія—о назначеніи для той же цѣли 300 руб. (пересланы полтавской коммиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда), 3) екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія о назначеніи 200 руб. для той же цѣли (на эти деньги и тѣ, что будутъ отпущены Славяносербскимъ уѣздомъ, комитетомъ поручено Е. П. Радаковой пріобрѣтеніе этнографическихъ памятниковъ въ предѣлахъ Екатеринославской губ.—для поступленія ихъ на выставку и въ этнографическій музей (при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета); 4) увѣдомленіе наказнаго атамана Кубанскаго козачьяго войска о передачѣ ассигнованныхъ областнымъ управленіемъ 500 руб. на расходы по археологическимъ изысканіямъ—Оществу любителей изученія Кубанской области; и затѣмъ сообщили о поступившихъ предметахъ древности и фотографіяхъ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о проектѣ, исходящемъ отъ нѣкоторыхъ членовъ губернской земской управы—устроить рядъ

лекцій для народныхъ учителей по первобытной археологіи, археографіи, церковной археологіи, этнографіи, исторіи края, съ объясненіемъ предметовъ, которые будутъ на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ.

Г. М. Линтваревъ обратился къ комитету съ просьбой о прочтеніи подобныхъ лекцій на выставкахъ для учителей, которые будутъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Харьковѣ на педагогическихъ курсахъ. Комитетъ, принимая во вниманіе тотъ трудъ, который народные учителя приняли на себя по собиранію различныхъ свѣдѣній для археологическаго съѣзда, и сознавая важность распространенія историко-археологическихъ знаній, рѣшилъ просить членовъ комитета и членовъ XII археологическаго съѣзда, спеціалистовъ по различнымъ областямъ археологіи, о прочтеніи ими вышеуказанныхъ лекцій для народныхъ учителей на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ.

Комитетомъ открыта подписка на изданіе «Южно-русскій орнаментъ» по матеріаламъ, собраннымъ П. Я. Литвиновой; цѣна экземпляра 2 рубля; чистый сборъ поступитъ въ пользу Этнографическаго Музея при Историко-филологическомъ Обществѣ Харьковскаго университета.

Изслѣдованія и раскопки.

В. Ѳ. Безпальчевъ любезно сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о двухъ раскопкахъ въ Роменскомъ у. Полтавской губерніи, произведенныхъ лѣтомъ 1901 г.

1) Близъ г. Ромненъ, на правомъ берегу рѣки Ромна, при впаденіи ея въ р. Сулу. Раскопки производились подъ наблюденіемъ Ѳ. Д. Николайчика, при участіи Н. Е. Макаренко и В. Ѳ. Безпальчева.

Раскопано городище неолитическаго времени, занимавшее островъ, длиной 300 м., при ширинѣ 200 м., овальной формы. Въ настоящее время, вслѣдствіе полнаго высыханія болота, нѣкогда окружавшаго островъ, послѣдній обратился въ возвышенность, высотой отъ $2^1/_2$ до 3 м. Съ сѣверной стороны возвышенности, въ 4 или 5 м. отъ ея подошвы, протекаетъ р. Роменъ.

Раскопки дали слѣдующіе результаты. Найдено нѣсколько землянокъ съ остатками очаговъ какъ изъ обожженной земли, такъ и изъ песчаника; остатки гончарной посуды, изготовленной безъ круга, съ большой примѣсью кварца; костяная игла, костяное шило; нѣсколько агатовыхъ бусъ, песчаниковый кубическій отбойникъ съ шлифоваными углами и, наконецъ, цѣлый горшокъ той-же эпохи. Кромѣ того много костей и клыковъ дикаго кабана, рога козы, костяной остовъ рога зубра. Всѣ мозговыя кости раздроблены. Всѣ находки взяты Н. Е. Макаренко для представленія въ Петербургское Археологическое Общество.

2) На средства боронессы Е. М. Менгденъ, въ ея имѣніи, близъ г. Роменъ—въ с. Коровинцахъ, В. Ѳ. Безпальчевымъ раскопанъ курганъ.

Курганъ находился на лѣвомъ берегу р. Сулы, на возвышенности, близъ дороги, идущей изъ г. Ромна въ с. Коровинцы. Среди мѣстнаго населенія курганъ называется «Морозовой могилой».

Курганъ оказался ограбленнымъ кладоискателями, что, однако, не помѣшало найти при костякѣ шейную гривну изъ электрона, бронзовую привѣску, остатки бронзоваго пояса, чешуйки отъ панцыря, часть копья, два горшечка ручной работы, черепки горшка, сработаннаго на кругѣ, а также куски черепковъ посуды, также ручной работы, съ орнаментомъ новоскифскаго характера.

Изъ всѣхъ находокъ обращаетъ на себя вниманіе шейная гривна; къ сожалѣнію, концы ея, вслѣдствіе невниманія рабочаго, были обломаны и выброшены изъ ямы вмѣстѣ съ землей. Но по сохранившемуся остатку, вѣсомъ около 40 граммовъ, можно судить о формѣ. Сѣченіе ея ромбоидальное, утолщенное къ серединѣ; сторона ромба въ толстой части гривны 5 мм., къ концамъ стороны ромба—4 мм. Весь кусокъ длиной 20 стм. Во время раскопокъ велся правильный дневникъ, снабженный планомъ.

Разныя извѣстія.

Программа дѣятельности Кавказскаго отдѣла Императорскаго Московскаго археологическаго Общества. Недавно откры-

тому кавказскому отдѣленію Императорскаго московскаго археологическаго общества предсѣдательницей послѣдняго, графиней Уваровой, начертана слѣдующая программа дѣятельности: кавказское отдѣленіе, ознакомившись съ тѣмъ, что уже сдѣлано по изученію древностей Кавказа, какъ равно съ тѣми коллекціями предметовъ древности, которыя находятся въ тифлисскомъ музеѣ, должно обратить особенное вниманіе какъ на отдѣльныя находки кремневыхъ орудій, такъ и на предметы хорошей тяжелой бронзы и изучить могилы, въ которыхъ они находятся. Разслѣдованіе могильниковъ должно вести предпочтительно на частныхъ земляхъ, какъ болѣе подверженныхъ опасности быть разграбленными. Отдѣленіе должно собрать свѣдѣнія о частныхъ коллекціяхъ и отдѣльныхъ предметахъ древностей и стараться получить ихъ для тифлисскаго музея, такъ какъ извѣстно, что частныя коллекціи подвергаются особой опасности пропадать для науки. Нужно привести въ извѣстность архивы, имѣющіеся въ краѣ, и по возможности спасать архивные документы отъ уничтоженія; слѣдить за сохраненіемъ древнихъ памятниковъ, т. е. ознакомиться съ древними зданіями края, какъ церковнаго, такъ и гражданскаго характера, слѣдить за ихъ сохранностью, а главное за тѣмъ, чтобы при реставраціи щадились и сохранялись древнія части и детали, а не обезображивались и уничтожались. Детали, какъ съ внѣшнихъ стѣнъ храма, такъ и съ внутрянняго убранства, которыя не могутъ быть сохранены при передѣлкахъ, оно обязано перевозить въ музей или въ древнехранилище при Сіонскомъ соборѣ; всѣ добываемые и получаемые предметы должны быть описаны и каталогизированы и переданы въ музей, чтобы имѣть возможность общаго обзора древностей Кавказа, ихъ изученія и сравненія въ одномъ центрѣ. Кромѣ того, отдѣленіе общества должно слѣдить за иностранцами, пріѣзжающими и работающими на Кавказѣ, чтобы воспрещать имъ вывозъ древностей въ музеи Парижа, Берлина и Вѣны. (Куб. Вѣд.).

Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ поднимать вопросъ о той помощи, какую могутъ оказать *фотографы-любители* дѣлу описанія памятниковъ старины и бытовой стороны народной жизни. Въ послѣдній разъ («Лѣтопись», май, прошл. года) мы высказали пожеланіе *объ учрежденіи въ Кіевѣ фотографическаго*

общества, въ задачи котораго вошло-бы и фотографированіе различныхъ остатковъ прошлой жизни. Теперь можемъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что такое общество, носящее названіе «*Дагерръ*», уже основалось и недавно Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ его уставъ. Новое общество имѣетъ цѣлью теоретическую и практическую разработку свѣтописи въ различныхъ направленіяхъ, а также устройство экскурсій и прогулокъ для ознакомленія съ историческими памятниками и живописными мѣстностями. Въ срединѣ прошлаго декабря состоялось общее собраніе членовъ, на которомъ рѣшались нѣкоторые вопросы административнаго характера и было доложено нѣсколько рефератовъ, такъ что общество уже приступило къ дѣятельности. Желая ему дальнѣйшаго успѣха, считаемъ умѣстнымъ предложить, для пользы дѣла, распредѣлить занятія общества на отдѣльныя секціи, съ образованіемъ самостоятельной историко-этнографической секціи; матеріала для работы этой секціи есть достаточно, а помощь ея въ этомъ отношеніи дѣлу науки будетъ принята съ признательностью.

—

Большой недостатокъ *въ Кіевскомъ Музеѣ Древностей и Искусствъ* составляло отсутствіе удобной лѣстницы на второй этажъ, предназначенный для помѣщенія картинной галлереи, гдѣ также устраиваются и выставки картинъ. Въ настоящее время это неудобство устранено: въ особой пристройкѣ къ Музею имѣется теперь прекрасная мраморная лѣстница, выстроенная по плану и подъ наблюденіемъ архитектора П. И. Галландскаго. Возведеніе пристройки увеличило и помѣщеніе Музея, такъ какъ передъ лѣстницей устроенъ обширный вестибюль, а въ верхнемъ этажѣ—новая зала. Всѣ помѣщенія, какъ и лѣстница, строго выдержаны въ древне-греческомъ стилѣ. Перила лѣстницы состоятъ изъ ряда уступовъ-площадокъ,на которыхъ предположено разставить скульптурныя произведенія, главнымъ образомъ, въ видѣ слѣпковъ съ классичесcихъ образцовъ. Вся пристройка, стоимость которой опредѣляется суммой болѣе чѣмъ въ 20 тысячъ, сооружена на средства, пожертвованныя Н. А. Терещенко.

—

Осенью прошлаго года *Собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго*, находившееся на храненіи въ Кіевскомъ Му-

зеѣ Древностей и Искуствъ, перевезено въ Черниговъ и въ настоящее время размѣщается въ спеціально выстроенномъ зданіи.

—

Все разростающаяся литература по антропологіи и вообще по этнологіи достигла такихъ размѣровъ, что услѣдить за всѣмъ, выходящимъ въ различныхъ частяхъ свѣта, является зачастую дѣломъ не только труднымъ, но иногда и прямо невозможнымъ. Желая придти на помощь въ этомъ направленіи, библіотекарь лондонскаго Anthropological Institut N. W. Thomas помѣстилъ въ журналѣ Globus за прошлый годъ *проектъ учрежденія международнаго библіографическаго органа* при названномъ институтѣ. Онъ предлагаетъ присоединиться всѣмъ ученымъ обществамъ, которыя обязуются слѣдить за текущей этнологической литературой, присылая не только названія книгъ и статей, но и краткое содержаніе послѣднихъ; за это каждый изъ участниковъ получаетъ извѣстное количество экземпляровъ указателя. Кромѣ указателя литературы, въ видѣ приложенія, Thomas предлагаетъ завести особый отдѣлъ, гдѣ-бы помѣщались свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ и поступленіяхъ во всѣ музеи. Нечего, конечно, сомнѣваться въ полезности такого изданія и можно лишь пожелать, чтобы заинтересованныя общества и отдѣльныя лица скорѣе примкнули къ настоящему проекту.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей; о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—3

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Přehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель **Ф. Шимачекъ.**

Редакторъ **А. Черны.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ

2—3

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, **самостоятельнымъ органомъ печати.** Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрриованный*, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ— *«Временникъ живописной Россіи» —является серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Міръ“ со „Всемірной Лѣтописью» на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгаллереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чиненій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, и *вопросамъ современности.*

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядрышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства П. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: станислава Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ.*

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ХУТОРЯНИНЪ,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства.

на 1902 годъ.

ПРОГРАММА: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйств. учебн. заведеній М. З. и Г. И.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой — 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди — вдвое.

Подписка принимается: въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи «Хуторянина», при Обществѣ сельскаго хозяйства; 2) Въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы «Хуторянина» при с.-х. книжн. магазинѣ жур. «Деревня», уг. Б. Морской и Кирпичн. пер., д. 3—13; 3) Въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельск. хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) Въ г. Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7) Въ Кіевѣ—книж. магаз. «Кіевск. Старины» Безаковская, 14.

2-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ",

въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ,

обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(*5-й годъ изданія*)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), М. Е. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій

(псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Данилинъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Капланъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Поюровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Склярь, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

2—3

№ 24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированнаго вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя безплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. пис. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Міра» будутъ получать въ теченіе 1902 г. безплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ in-folio, предпринятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемыя деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣева), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М. Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше проситъ заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мірѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣева, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Міра» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Міръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16-я линія д, 5—7.

2—3

12 книгъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній», содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ.

12 №№ «Парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 листовъ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«Стѣнной календарь» на 1902 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к., 3) въ Одессѣ въ кн. маг. «Образованіе» (Ришельевск., № 12)—6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

2—2

Открыта подписка на 1902 годъ

(*XX годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газета

„ЮЖНАЯ РОССІЯ"

(бывш. „Южанинъ").

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ.

2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.

3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

4) Земскій отдѣлъ.

5) Провинціальная жизнь.

6) Хроника.

7) Наша печать.

8) Мѣстная хроника.

9) Письма въ редакцію.

10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.

15) Иностранныя извѣстія.

16) Заграничная жизнь.

17) Спортъ, смѣсь и шахматы.

18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).

19) Справочный листокъ.

20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—р., р 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА."

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній.—С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ.—М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы.—Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи.—П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія). А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи.—Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи.—Д-ра А. Виреніуса, 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ.—Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи.—И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе.—Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману).—М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ.—М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе.—О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся.—Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній.—П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу.—Проф. Е. Будде; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій.—Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы.—Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа.—М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ.—А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной средней школы.—А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію.—Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія.—И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг.—И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы.—М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный

паразитизмъ.—В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ.—Проф.—Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ.—Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ.—Я. Руднева; 34) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи.—Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи.—К. Иванова; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному.—М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.).—И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ,—Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей—Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія—В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою **7** руб. **50** к.; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

1—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1902 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

*Указатель лицъ.**)

---

*) Приняты слѣдующія сокращенія: б. т.—бунч. тов.; в—войск.; вт.—войтъ; есл.—есаулъ; игм.—игуменъ; пср.—писарь; плвк.—полковникъ; сд.—судья; стнк.—сотникъ; хрж.—хорушій; шлхт.—шляхтичъ (такъ въ указателѣ названы поляки, жившіе въ Малороссіи). Лица изъ монашескаго духовенства указываются—календарными именами, если только послѣднія извѣстны.

Указатель мѣстъ.*)

*) Всѣ населенныя мѣстности, кромѣ старыхъ городовъ, мѣстечекъ и хуторовъ, обозначены буквою с. (село). Мѣста, напечатанныя курсивомъ находятся внѣ предѣловъ Прилуцкаго полка.

Печатаются 2-й и 3-й томы сборника **„ВИКЪ“,** содержащіе въ себѣ произведенія 35 болѣе выдающихся украинскихъ прозаиковъ XIX вѣка съ біографіями и портретами авторовъ. Цѣна (безъ пересылки) каждаго тома, объемомъ свыше 500 стр., на хорошей бумагѣ—2 р., на веленевой—3 р., на слоновой—4 р., **Лицамъ. подписавшимся на изданіе до поступленія его въ продажу и внесшимъ подписную плату, дѣлается уступка въ 25%.**

На тѣхъ же условіяхъ принимается подписка на подготовляемое къ печати второе исправленное и значительно дополненное изданіе 1-го тома сборника **„ВИКЪ“** (образцы украинской художественной поэзіи). Изданіе вполнѣ будетъ закончено въ первой четверти 1902 года.

Изданіе будетъ исполнено художественно. Можно получать книги въ изящныхъ переплетахъ съ доплатою за каждый переплетъ по 1 р.

Подписка (на всѣ три тома вмѣстѣ и на каждый отдѣльно) принимается въ г. Кіевѣ: 1) въ книжной торговлѣ „Кіевская Старина“ (Беззаковская 14) и въ книжныхъ магазинахъ, 2) Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, домъ Дехтерева), 3) Владислава Идзиковскаго (Крещатикъ, 35) и 4) Леона Идзиковскаго (Крещатикъ, 29).

Кромѣ того, печатаются слѣдующія книги на украинскомъ языкѣ: 1.) Шевченка Т. Г. „Повисти“, т. 1 и 2;—2.) Свидницкаго А. П. „Люборацьки, семейна хроника зъ жыття духовенства на Подилли“;—3.) Руданскаго С. В. „Збирнык творивъ“;—4.) Марка Вовчка „Народни украиньски оповидання“, т. 1 и 2 и 5) „Литературный збирныкъ, прысвяченый памяти О. Я. Кониського“.

Въ книжной торговлѣ „Кіевская Старина“ поступили въ продажу новыя книги: 1.) „Корифеи украинской сцены“, историческій очеркъ украинскаго театра съ біографіями (на русскомъ языкѣ) и портретами его главнѣйшихъ дѣятелей, ц. 65 к.;—2.) Ив. Левицькый „Повисти й оповидання“, т. 3-й (содержитъ въ себѣ повѣсти „Прычепа“ и „Навижена“), ц. 1 р. 50 к. Тамъ же имѣются: 1-й и 2-й томы сочиненій И. С. Левицкаго (по 1 р. 50 к. за каждый томъ), три тома сочиненій А. Я. Конисскаго (1-й и 2-й томы по 50 к., 3-й томъ на обыкн. бумагѣ—1 р., на веленевой—1 р. 50 к.), а также всѣ поступившія въ продажу книги на украинскомъ языкѣ.

Допросъ Т. Г. Шевченка въ 1847 г.

(Изъ рукописныхъ замѣтокъ Н. А. Ригельмана).

Покойный Н. А. Ригельманъ, во время службы своей въ Кіевѣ въ сороковыхъ годахъ, живѣйшимъ образомъ интересовался мѣстными учеными и литераторами. Прикомандированный для занятій въ коммиссію для разбора древнихъ актовъ, онъ имѣлъ возможность близко узнать и оцѣнить такихъ людей, какъ Костомаровъ, Гулакъ, В. Бѣлозерскій, Кулишъ. Послѣднему онъ далъ въ 1847 рекомендательныя письма къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру [1]), которыя не дошли по назначенію, такъ какъ Кулишъ, накапунѣ отъѣзда заграницу для изученія славянскихъ нарѣчій, былъ арестованъ въ Варшавѣ и привлеченъ къ дѣлу о мнимомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ. Эти рекомендательныя письма имѣли непріятныя послѣдствія для ихъ автора: въ квартирѣ Н. А. Ригельмана былъ произведенъ обыскъ, и хотя ничего подозрительнаго не найдено, но связи Ригельмана съ заграничными дѣятелями славянскаго возрожденія набрасывали на него, какъ на чиновника, невыгодную тѣнь въ глазахъ начальства. Ригельманъ долженъ былъ отказаться отъ своей мечты—занять мѣсто русскаго консула въ Бѣлградѣ, и оставленъ на службѣ въ

---

[1]) Напечатаны въ «Кіев. Старинѣ» 1897 г., № 1.

канцеляріи генералъ-губернатора лишь подъ личное ручательство Д. Г. Бибикова.

Въ бумагахъ Н. А. Ригельмана, любезно сообщенныхъ редакціи сыномъ его В. Н. Ригельманомъ, отысканы любопытныя замѣтки: между прочимъ, о перипетіяхъ дѣла такъ называемыхъ кіевскихъ славянистовъ и въ частности о Т. Г. Шевченкѣ.

На основаніи этихъ замѣтокъ, участіе Т. Г. Шевченка въ этомъ фатальномъ дѣлѣ обрисовывается въ такомъ видѣ.

17 апрѣля 1847 г., въ третьемъ часу по-полудни, былъ доставленъ изъ Кіева въ 3 отдѣленіе художникъ Шевченко со всѣми его бумагами въ шести портфеляхъ и пакетомъ съ рисунками и замѣтками. Въ бумагахъ поэта не оказалось никакихъ слѣдовъ принадлежности его къ славянскому обществу. Вниманіе властей обратилось на содержаніе его стихотвореній, какъ напечатанныхъ, такъ и рукописныхъ, и въ особенности на извѣстный «Сонъ». Первый и, какъ кажется, единственный допросъ Шевченка происходилъ 21 апрѣля 1847 г.

Сохраненныя Н. А. Ригельманомъ записи объ этомъ допросѣ вполнѣ обрисовываютъ сущность обвиненій, предъявленныхъ къ поэту, и еще болѣе интересны по его отвѣтамъ.

Вопросъ 1-й. Опишите ваше происхожденіе, случай, по которому вы освобождены изъ крѣпостного состоянія, воспитаніе ваше въ академіи художествъ, занятія ваши по выпускѣ изъ академіи, поѣздки по Малороссіи и причины, склонившія васъ къ занятіямъ болѣе стихотворнымъ, нежели живописью?

Отвѣтъ: Я сынъ крѣпостного крестьянина; въ дѣтствѣ лишился отца и матери; въ 1828 году былъ взятъ помѣщикомъ во дворъ; въ 1838 году былъ освобожденъ изъ крѣпостного состоянія Августѣйшей Императорской фамиліей, чрезъ посредство Василія Андреевича Жуковскаго, графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго и Карла Павловича Брюлова. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго для Императорской фамиліи, и на эти деньги я былъ выкупленъ у помѣщика. Учился я рисованію и живописи въ академіи художествъ по 1844 годъ. По выпускѣ изъ академіи опредѣлился въ Кіевскую Археографическую коммиссію сотрудни-

комъ по части рисованія и собранія народныхъ преданій, сказокъ и пѣсенъ въ южно-русскихъ губерніяхъ. Стихи я любилъ съ дѣтства и началъ писать въ 1837 году. Первое мое стихотвореніе подъ названіемъ «Катерина» посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузіазмъ въ малороссіянахъ, и я сталъ продолжать писать стихи, не оставляя живописи.

Вопросъ 2-й. Противъ васъ имѣются показанія, что вы участвовали въ замыслахъ славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія. Объясните подробно: когда и кѣмъ было учреждено это общество, а если предположеніе объ учрежденіи его еще не приведено въ исполненіе, то кѣмъ и когда были дѣлаемы эти предположенія?

Отвѣтъ: Показанія, что я участвую въ замыслахъ славянскаго общества, несправедливы.

Вопросы 3-й — 12-й: Кѣмъ сочинены и въ чемъ именно состояли уставъ и правила славянскаго общества, кто распространялъ и у кого находились экземпляры ихъ?—Не было-ли у васъ тетради, называемой «Законъ Божій», съ возмутительными воззваніями въ концѣ и кто распространялъ экземпляры оной?—Кѣмъ изобрѣтены символическіе знаки общества: кольцо и образа во имя св. Кирилла и Меѳодія, кто именно имѣлъ и не было ли у васъ оныхъ?—Въ чемъ состояли подробности предположеній Славянистовъ, какимъ образомъ надѣялись они соединить славянскія племена, возстановить самобытность каждаго племени и особенно Малороссіи?—Какіе замыслы были противъ настоящаго образа правленія въ Россіи и какое правленіе предполагалось ввести въ Малороссіи и вообще въ славянскихъ земляхъ?—Какимъ образомъ Славянисты предполагали распространять образованіе между крестьянами и тѣмъ приготовлять народъ къ возстанію?—Кто и въ какомъ видѣ хотѣлъ учреждать школы для простого народа, сочинять книги и какого содержанія, кто собиралъ деньги для этихъ цѣлей и не предназначались-ли эти деньги для какихъ либо другихъ преступныхъ цѣлей?—Не было-ли предположеній дѣйствовать оружіемъ, и если было, то когда и какимъ образомъ намѣрены были употребить это средство?—Кто изъ привержен-

цевъ Славянистовъ наиболѣе дѣйствовалъ, склонялъ и возбуждалъ къ преступнымъ замысламъ, и не было-ли одного, который всѣмъ руководилъ?—Правда-ли, что Костомаровъ былъ представителемъ умѣренной Славянской партіи, а Гулакъ—его послѣдователемъ, и что вы съ Кулишомъ были представителями неумѣренной малороссійской партіи Славянскаго общества?

Отвѣтъ: 3-й, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 мнѣ совершенно неизвѣстны.

Вопросъ 13-й: Опишите подробно всѣ дѣйствія Костомарова, Гулака, Кулиша, также Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго, Марковича, Посяденка, помѣщика Савича, бывшаго профессора Чижова и другихъ вамъ извѣстныхъ лицъ, каждаго особенно и о каждомъ все, что знаете, въ отношеніи къ замысламъ Славянистовъ.

Отвѣтъ: Съ Костомаровымъ я познакомился въ прошедшемъ году въ Кіевѣ, весною; на лѣто онъ уѣзжалъ въ Одессу лѣчиться; въ августѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Кіевъ, и я съ нимъ не видѣлся до декабря мѣсяца, потому что я ѣздилъ по порученію коммиссіи для рисованія Почаевской лавры, а 9 января текущаго года я опять отлучился изъ Кіева и послѣ того я съ нимъ не видѣлся; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ одного письма. Гулака я почти не знаю, потому что видѣлся съ нимъ всего раза три въ Кіевѣ, да проѣхалъ съ нимъ отъ Кіева до Борзны, и послѣ того не видѣлся. Съ Кулишомъ я познакомился въ Кіевѣ, въ 1842 г., весною, во время отлучки моей изъ академіи, и не видѣлся съ нимъ до декабря 1846 г. въ Кіевѣ; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ письма, въ которомъ онъ мнѣ совѣтуетъ поправить нѣкоторыя мѣста въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго и Марковича весьма мало знаю; съ Посяденкомъ и Чижовымъ совсѣмъ незнакомъ. Помѣщика Савича я встрѣчалъ два раза у Костомарова. Объ обществѣ Славянистовъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ ни слова.

Вопросъ 14-й: Правда ли, что Славянистовъ въ Кіевѣ вы побуждали къ большей дѣятельности, что въ отсутствіе ваше нѣко-

торые изъ нихъ охладѣвали въ замыслахъ своихъ, а съ возвращеніемъ вашимъ снова приходили въ движеніе; что вы не знали границъ въ выраженіи преступныхъ мыслей и всѣхъ монархистовъ называли подлецами?

Отвѣтъ: Неправда, потому что, когда я былъ въ Кіевѣ, то всегда былъ занятъ рисованіемъ, никуда не выходилъ и къ себѣ никого не принималъ, чему свидѣтель товарищъ мой, художникъ Сажинъ, съ которымъ я постоянно жилъ вмѣстѣ.

Вопросъ 15: Съ какою цѣлію вы сочиняли стихи, могущіе возмущать умы малороссіянъ противъ нашего правительства, читали эти стихи и разные пасквили въ обществахъ друзей вашихъ и давали имъ списывать оные? Не сочиняли ли вы эти стихи для распространенія идей тайнаго общества и не надѣялись-ли приготовлять этимъ возстаніе Малороссіи?

Отвѣтъ: Малороссіянамъ нравились мои стихи, и я сочинялъ и читалъ имъ безъ всякой цѣли; списывать не давалъ, а былъ неостороженъ, что не пряталъ.

Вопросъ 16-й: Кто иллюстрировалъ рукописную книгу вашихъ сочиненій и не принадлежитъ-ли тотъ, кто столько занимался вашими стихотвореніями, къ злоумышленнымъ Славянистамъ?

Отвѣтъ: Иллюстрировалъ мои сочиненія графъ Яковъ де-Бальменъ, служившій адъютантомъ у одного изъ корпусныхъ генераловъ и убитый на Кавказѣ въ 1845 г., и нѣкто Башиловъ. Съ первымъ я видѣлся одинъ разъ, а второго совсѣмъ не знаю.

Вопросъ 17-й: Почему стихотворенія ваши были въ такомъ уваженіи у друзей вашихъ, тогда какъ они лишены истиннаго ума и всякой изящности? Не поклонялись-ли они вамъ болѣе за ваши дерзости и возмутительныя мысли?

Отвѣтъ: Стихотворенія мои нравились, можетъ быть, потому только, что по-малороссійски написаны.

Вопросъ 18-й: Съ какою цѣлію вы побуждали въ Кіевѣ Костомарова и другихъ Славянистовъ къ изданію журнала на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, вызываясь сами участвовать въ ономъ, и не было-ли при этомъ намѣренія распространять посредствомъ журнала преступныхъ идей?

Отвѣтъ: Не я, а бывшій ректоръ Кіевскаго университета Максимовичъ просилъ меня и Костомарова участвовать въ его журналѣ или составить сборникъ изъ статей, относящихся къ Южной Россіи, на великоросійскомъ и малороссійскомъ нарѣчіяхъ.

Вопросъ 19-й: Между бумагами вашими находятся стихотворенія Чужбинскаго и Забѣллы, перваго—возмутительныя, а второго—пасквильныя. Кто такіе Чужбинскій (если это не псевдонимъ) и Забѣлла?

Отвѣтъ: Чужбинскій—псевдонимъ: фамилія его Аоанасьевъ Александръ, помѣщикъ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда. Забѣлла Викторъ—тоже помѣщикъ Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда.

Вопросъ 20-й: Кто такіе Штрандманъ и Карно, и почему они въ письмахъ своихъ называли васъ: первый «остатнимъ изъ козаковъ», а второй «отамане нашъ?». Не участвовали ли и они въ замыслахъ Славянистовъ?

Отвѣтъ: Съ Штрандманомъ я познакомился въ Яготинѣ у князя Рѣпнина; онъ былъ тамъ домашнимъ учителемъ, а теперь не знаю, гдѣ онъ. Почему онъ называлъ меня «остатнимъ изъ козаковъ», не знаю. Карно—ученикъ академіи художествъ; онъ и еще два ученика жили со мною на одной квартирѣ, и какъ я былъ старше ихъ лѣтами, то и называли меня «отаманомъ».

Вопросъ 21-й: Не извѣстно ли вамъ, сверхъ предложеннаго въ предыдущихъ вопросахъ, еще что либо о Славянистахъ, ихъ тайномъ обществѣ и замыслахъ?

Отвѣтъ: Сверхъ всего, что я объяснилъ, я больше ничего не знаю.

Подписалъ: Художникъ Тарасъ Шевченко.

—

Въ извѣстномъ докладѣ своемъ имп. Николаю I 28 мая 1847 г. «Объ украйно-славянскомъ обществѣ» [1]) графъ Орловъ, начальникъ 3-го отдѣленія, призналъ, что Шевченко не принад-

---

[1]) Напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 г. № 7.

лежалъ къ обществу. Въ вину поэту были поставлены его стихотворенія и то «чрезмѣрное уваженіе, которое питали и лично къ Шевченкѣ, и къ его стихотвореніямъ всѣ украйно-славянисты». «По возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ», Шевченко былъ признанъ «однимъ изъ важныхъ преступниковъ, «дѣйствовавшимъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностью». Посему, хотя «украйно-славянское общество св. Кирилла и Меѳодія», по выраженію графа Орлова, «было не болѣе, какъ ученый бредъ трехъ молодыхъ людей», къ числу которыхъ поэтъ не принадлежалъ, но графъ Орловъ признавалъ соотвѣтственнымъ «художника Шевченка, какъ одареннаго крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, опредѣлить рядовымъ въ Оренбургскій Отдѣльный Корпусъ, съ правомъ выслуги, поручивъ начальству имѣть строжайшее наблюденіе, дабы отъ него, ни подъ какимъ видомъ, не могло выходить возмутительныхъ пасквильныхъ сочиненій». Предположеніе графа Орлова было Высочайше утверждено 28 мая 1847 года, съ добавленіемъ: «Подъ строжайшій надзоръ и съ запрещеніемъ писать и рисовать».

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]*).*

Разсмотрѣнный нами Уставъ имѣлъ силу до 1849 года, когда, по мнѣнію тогдашняго министра, понадобились существенныя въ немъ перемѣны. Отвѣтъ на то, почему понадобились, кроется въ западно-европейскихъ событіяхъ 1846—1848 годовъ. Революціонное движеніе италіанцевъ, Галиційская рѣзня, Венгерское возстаніе, февральскій переворотъ во Франціи и т. д.—все это привело нашу высшую администрацію къ убѣжденію, что ядъ революціи коренится въ принятой тогда повсемѣстно системѣ высшаго и средняго образованія и что избавиться отъ зла можно только тогда, когда измѣнится духъ и направленіе самого образованія. Вотъ почему тогда у насъ возникло гоненіе прежде всего на философію. Признанная за язву вольнодумства и непокорливости, она изгнана изъ круга Университетскихъ наукъ и замѣнена педагогикою [2]). Вотъ причина и того, что не могла устоять долѣе и классическая система средняго образованія. Платя дань обстоятельствамъ времени, Министръ Народнаго Просвѣщенія внесъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе объ измѣненіи тѣхъ параграфовъ Устава, которые *всѣмъ* молодымъ людямъ, вос-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 1.

[2]) Сбор. Пост. Т. II, стр. 1026 и Допол. къ нему.

питывавшимся въ гимназіяхъ, открывали доступъ въ Университетъ, тогда какъ по тогдашнему убѣжденію высшее и даже среднее образованіе должно быть привилегіею немногихъ. Вотъ что по этому вопросу содержитъ въ себѣ докладная записка Министра: «Нынѣ, когда убѣжденіе въ пользѣ и важности классическаго ученія утвердилось, оказывается возможнымъ, согласно съ современными потребностями, *раздѣлить еще рѣшительнѣе двоякое предназначеніе гимназій и съ большею опредѣлительностью перейти отъ общаго образованія къ спеціальному... Полезно при этомъ случаѣ оградить гимназіи отъ умножающагося прилива, какъ въ эти среднія, такъ и въ высшія учебныя заведенія, молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества*» [1]). Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе раздѣлить воспитанниковъ гимназіи на два разряда: 1) на готовящихся поступить въ Университетъ и въ другія высшія учебныя заведенія и 2) на приготовляющихся къ государственной службѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и курсъ гимназическаго образованія раздѣлить «на общее (первоначальное) и спеціальное обученіе», которое должно было начинаться съ IV-го класса. Въ первыхъ трехъ классахъ (говорится въ измѣненномъ Уставѣ) «воспитанники учатся всѣ вмѣстѣ закону божію, русскому языку, математикѣ, географіи, всеобщей и русской исторіи, французскому и нѣмецкому языкамъ, чистописанію, черченію и рисованію». Начиная же съ IV-го класса, «для воспитанниковъ, намѣревающихся выйти изъ гимназіи на службу, назначаются: а) по русскому языку, сверхъ общаго курса, два особенные урока въ IV-мъ классѣ для занятій практическихъ; б) по математикѣ, сверхъ общаго курса, также два особенные урока въ IV-мъ классѣ для ариѳметическихъ задачъ въ примѣненіи къ практикѣ и в) преподаваніе законовѣдѣнія съ V-го класса». Этотъ предметъ, равно какъ и практическіе уроки по русскому языку и математикѣ, для извѣстной группы учащихся замѣнили собою языки латинскій и греческій, изученіе которыхъ съ тѣхъ поръ стало обязательнымъ, и то не

---

[1]) Сбор. Пост. Т. II, стр. 868.

вполнѣ, только для желающихъ получить высшее образованіе въ Университетѣ. Изученіе ихъ постановлено было начинать съ IV-го класса, при чемъ греческій языкъ преподавался только для тѣхъ учениковъ, «кои намѣрены избрать въ Университетѣ первое отдѣленіе философскаго факультета», или, какъ сказали-бы теперь, историко-филологическій факультетъ. Чтобы въ группу изучающихъ законовѣдѣніе привлечь возможно большее число учениковъ, было постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые «пріобрѣтутъ особенныя и отличныя познанія въ этомъ предметѣ, при выпускѣ изъ гимназіи будутъ награждаемы чиномъ XIV класса» [1]).

Въ постановкѣ учебнаго дѣла на новыхъ основаніяхъ реформа 1849 г. вела за собою ломку цѣлой системы прежняго образованія; измѣнены были: а) объемъ преподаванія каждаго предмета въ отдѣльности и б) распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ. Разсматривая таблицу распредѣленія уроковъ въ преобразованныхъ гимназіяхъ по классамъ, мы находимъ въ ней слѣд.: 1) число учебныхъ часовъ по латинскому и греческому языкамъ сокращено болѣе, чѣмъ на половину, а именно: прежде на изученіе латинскаго языка полагалось 39 ч., а теперь 20 ч.; на греческій языкъ 30, а теперь 10; во 2-хъ, сокращено число недѣльныхъ учебныхъ часовъ по всѣмъ предметамъ вообще, ибо хотя общее число уроковъ оставлено прежнее, но въ дѣйствительности ихъ стало меньше, потому что прежде урокъ продолжался $1^1/_2$ часа, а по реформѣ 1849 г.—$1^1/_4$ ч.; въ 3-хъ, послѣобѣденные уроки перенесены на утро, такимъ образомъ, что ученіе начиналось въ 9 ч. и оканчивалось въ $2^1/_2$ ч., при чемъ время отъ $11^1/_2$ ч. до 12 ч. назначалось на отдыхъ [2]).

Ограниченіе класснаго учебнаго времени вообще и уменьшеніе уроковъ по древнимъ языкамъ должно было неминуемо отразиться не только на этихъ языкахъ, но и вообще на объемѣ

---

[1]) Сбор. Пост. Т. II. отд. 2. стр. 863 и слѣд., а также дѣло 1849 г. № 6.

[2]) Сбор. Пост. Т. II. отд. 2 (прилож.).

преподаванія всѣхъ предметовъ гимназическаго курса и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно отразилось; особенно дурно подѣйствовало оно на изученіе греческаго языка. Такъ какъ изученіе его признавалось необязательнымъ, то какъ велось преподаваніе его и каковы были успѣхи въ немъ учащихся,—это никого не интересовало.

Вотъ какова въ общихъ чертахъ реформа, произведенная въ Уставѣ 1828 г. Какъ назвать воздвигнутое на ней зданіе гимназическаго образованія,—мы не знаемъ; для насъ очевидно только, что въ архитектоникѣ его нѣтъ общаго плана, нѣтъ того сознанія, что гимназія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое одинаково должно быть пригодно, какъ для приготовленія молодыхъ людей къ изученію высшихъ наукъ, такъ и для служенія на извѣстномъ государственномъ или общественномъ поприщѣ; по-просту говоря эта реформа слишкомъ искусственна.

Какъ плодъ политическихъ, а не научныхъ, соображеній, она могла держаться до тѣхъ поръ, пока существовали причины, ее вызвавшія; но чуть только начали онѣ исчезать, и политическія страсти стали уступать мирному и спокойному настроенію умовъ, гимназіи должны были также освободиться отъ фальшиваго и крайне натянутаго положенія, въ которое поставила ихъ реформа 1849 г. Когда, по вступленіи на престолъ Царя-Освободителя, министерскій портфель принялъ Норовъ, то сейчасъ-же повѣяло новымъ—старымъ дыханіемъ жизни, и реформа подверглась заслуженному порицанію. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору Норовъ такъ выразился объ ней: «Учебные курсы въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшіе въ видѣ стройной и упроченной системы много лѣтъ, съ 1850 года подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Преподаваніе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ, оказавшее уже важныя услуги основательному и твердому образованію, было ослаблено, и въ замѣнъ ихъ, съ цѣлью дать воспитанію нашего юношества характеръ исключительно реальный, введено было препо-

даваніе естественныхъ наукъ [1]) и законовѣдѣнія. Но какъ предметы эти явились въ гимназіяхъ, такъ сказать, внезапно, безъ предварительнаго, тщательно соображеннаго, плана, безъ строгаго соглашенія съ другими предметами, то отъ этого гармонія въ системѣ гимназическаго обученія нарушилась и оно утратило свой опредѣленный, правильный характеръ». Высказавъ свой взглядъ на систему образованія, не соотвѣтствовавшую его убѣжденіямъ, Норовъ обѣщаетъ замѣнить ее другою или, правильнѣе говоря, вернуться къ старой. «Приведеніе въ должный порядокъ, сказано далѣе въ томъ-же докладѣ, гимназическаго преподаванія, соотвѣтственный высшимъ, нравственнымъ потребностямъ общества, равно и вещественнымъ пользамъ его, съ неуклоннымъ соблюденіемъ священныхъ основаній нашей вѣры и народности, Министерство считаетъ одною изъ главнѣйшихъ своихъ заботъ. Не отвергая важнаго значенія реальныхъ наукъ, оно имѣетъ многія причины, которыя въ свое время и въ своемъ мѣстѣ будутъ объяснены подробно, считать усиленный перевѣсъ реальныхъ началъ въ воспитаніи вредною крайностью и думаетъ, что въ видахъ умственнаго развитія и нравственно-эстетическихъ требованій, преподаванію классическихъ языковъ надобно возвратить значительную часть его прежней силы, разумѣется, не исключая изъ круга обученія въ среднихъ заведеніяхъ и наукъ реальныхъ, сколько это нужно для жизни, и не присвоивая учащимся помянутымъ языкамъ прежнихъ преимуществъ. Вообще согласить требованія строгаго классическаго образованія съ доставленіемъ юношеству необходимыхъ свѣдѣній въ наукахъ реальныхъ, *привести въ равновѣсіе преподаваніе всѣхъ предметовъ*, опредѣлить значеніе, объемъ и направленіе курсовъ, начертать въ подробности программы, снабдить заведенія учебными руководствами,—вотъ главные предметы, долженствующіе обратить на себя дѣятельное вниманіе Главнаго Правленія училищъ въ сужденіяхъ объ устройствѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній» [2]).

---

[1]) Онѣ введены были незадолго предъ этимъ.

[2]) Допол. къ Сбор. Пост. (5 марта 1856 г.).

Внѣ всякаго сомнѣнія, что высказанныя Норовымъ начала изъ поднебесной сферы добрыхъ желаній спустились-бы на землю и стали-бы реальною дѣйствительностью очень скоро, потому что онъ былъ весьма энергическою личностью; но этотъ герой 1812 г., этотъ рыцарь безъ страха и упрека, весь покрытый ранами, на костылѣ, почувствовалъ упадокъ силъ и попросился на покой. Онъ такъ увѣренъ былъ въ томъ, что начала, высказанныя имъ, восторжествуютъ, что послѣдній всеподданнѣйшій отчетъ свой заключилъ слѣд. словами: «При благословеніи Божіемъ и Вашемъ, Государь, непосредственномъ руководствѣ съ тѣми достойными сотрудниками, которыхъ имѣетъ Министерство въ лицѣ Попечителей Учебныхъ Округовъ и собственно въ составѣ Министерства, съ тѣми проникнутыми любовью къ наукѣ профессорами и преподавателями, съ этимъ, оживленнымъ вмѣстѣ съ ними пламенною любовью къ Царю и отечеству, доблестнымъ юношествомъ, я не могу не надѣяться на свѣтлое будущее для народнаго просвѣщенія Россіи» [1]).

Норова смѣнилъ другой Министръ, и дѣло о новомъ Уставѣ затянулось до 1864 г., хотя исподоволь, отдѣльными министерскими и попечительскими распоряженіями, гимназіямъ возвращался потерянный ими образъ; такъ, напр., законовѣдѣніе исключено было изъ круга гимназическихъ наукъ еще раньше появленія новаго Устава. Въ подготовленіяхъ къ нему прошло 7 лѣтъ; наконецъ 19 ноября 1864 года Правительствующему Сенату данъ указъ о постепенномъ введеніи новаго Устава, составленнаго Министромъ Головнинымъ.

Изучая этотъ Уставъ сравнительно съ Уставомъ 1828 г., мы пришли къ тому заключенію, что онъ есть не что иное, какъ болѣе совершенная редакція послѣдняго; сходство между ними большое: но при общихъ чертахъ сходства Уставъ 1864 года имѣетъ и свои отличительныя особенности. Такъ, онъ точнѣе разграничиваетъ область классическаго и реальнаго образованія,

---

[1]) Дѣло 1858 г. № 18; Ж. М. Н. Пр. 1858 г. стр. 90 и 146.

точнѣе опредѣляетъ цѣль классическихъ гимназій, въ болѣе естественныя отношенія другъ къ другу ставитъ преподавателей [1]), вводитъ въ гимназическій курсъ преподаваніе искусствъ, краткаго естествознанія и общихъ началъ законовѣдѣнія, устанавливаетъ норму для числа учащихся въ каждомъ классѣ и *maximum* лѣтъ для пребыванія ученика въ одномъ и томъ же классѣ и др. Назначеніе гимназіи указано въ новомъ Уставѣ, такимъ образомъ: «Гимназіи имѣютъ цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе», и въ тоже время онѣ должны служить «приготовительными заведеніями для поступленія въ Университетъ и другія высшія спеціальныя училища» (§ 1). Но такъ какъ между Университетомъ и спеціальными училищами есть существенная разница, требующая различной подготовки молодыхъ людей, то, сообразуясь съ этимъ, Уставъ признаетъ два вида гимназій: *реальныя* и *классическія* и устанавливаетъ между ними слѣд. различіе: 1) въ реальныхъ гимназіяхъ въ сравнительно большемъ объемѣ преподаются математика, естественная исторія съ присоединеніемъ къ ней химіи, физика и космографія новые языки (оба обязательно), рисованіе и черченіе [2]); классическіе языки исключены совершенно; 2) въ классическихъ гимназіяхъ данъ перевѣсъ преподаванію древнихъ языковъ надъ остальными предметами такъ-же точно, какъ и въ Уставѣ 1828 г., и одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ сдѣланъ необязательнымъ.

Что касается естествознанія и законовѣдѣнія, то слѣдуетъ замѣтить, что преподаваніе перваго въ классическихъ гимназіяхъ было ограничено тремя низшими классами (въ каждомъ по два

---

[1]) А именно: уничтожаетъ дѣленіе ихъ на старшихъ и младшихъ.

[2]) Число уроковъ въ *классичес.* гимн. и *реальныхъ* назн. слѣд.:

а) *по математикѣ*	22	25
б) *по физикѣ и космогр.*	6	9
в) *по естественной исторіи*	6	23
г) *по новымъ языкамъ*	19	46
д) *чист., черч., рисованію*	13	20

урока въ недѣлю) и состояло «въ краткомъ наглядномъ объясненіи трехъ царствъ природы»; второе-же введено было въ послѣднемъ, высшемъ классѣ, но не какъ отдѣльная наука, а какъ литературное чтеніе, изъ котораго ученикъ, оканчивающій гимназію, могъ-бы получить «понятіе о нашемъ государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ Имперіи, касающихся верховной власти, о значеніи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ». Сообщать всѣ эти свѣдѣнія долженъ былъ предъ самымъ выпускомъ ученика изъ гимназіи или директоръ, или по его выбору—инспекторъ или одинъ изъ преподавателей (§ 41). Къ числу особенностей этого Устава надобно отнести: 1) выраженіе желанія, чтобы директоръ и инспекторъ занимались преподаваніемъ, для чего имъ предоставлялось право избрать въ какомъ-либо классѣ одинъ изъ учебныхъ предметовъ (§ 18 и 22); 2) постановленіе, чтобы въ каждомъ классѣ было не болѣе 40 учениковъ и 3) чтобы «ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ и не оказавшіе удовлетворительныхъ успѣховъ, увольнялись изъ заведенія» (§ 63) [1]. Все прочее въ этомъ Уставѣ есть лишь повтореніе Устава 1828 г., въ иныхъ только выраженіяхъ.

7 лѣтъ спустя и этотъ Уставъ подвергся переработкѣ и въ передѣланномъ видѣ вышелъ подъ именемъ Устава 1871 года: съ небольшими измѣненіями онъ дѣйствуетъ до настоящихъ дней. Существенная отличительная черта его состоитъ въ томъ во 1-хъ, что онъ даетъ еще болѣе рѣшительный перевѣсъ преподаванію древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, нежели Уставъ 1864 года, и въ этомъ отношеніи стоитъ очень близко къ Уставу 1828 г.; во 2-хъ, удержавъ дѣленіе среднихъ учебныхъ заведеній на два разряда, провелъ между ними рѣзкую грань, по одну сторону которой стоящіе молодые люди получили доступъ къ высшему обра-

---

[1]) Съ этою же цѣлью вскорѣ было издано распоряженіе, чтобы «ученики, имѣющіе 20-ти лѣтній возрастъ и неудостоиваемые ежегоднаго перехода изъ класса въ классъ, не оставались въ заведеніи». Цирк. 1865 г. № 4.

зованію (это—*классическія гимназіи*), а по другую—нѣтъ (*реальныя училища*); въ 3-хъ, директорамъ и инспекторамъ онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность преподавать тотъ или другой изъ предметовъ гимназическаго курса, по-преимуществу древніе языки и математику; наконецъ въ 4-хъ, онъ радикально измѣнилъ систему переводныхъ и выпускныхъ испытаній, на основаніи которой первыя стали производиться только въ IV-мъ классѣ (изъ всего пройденнаго въ теченіе 4-хъ лѣтъ), да въ VI-мъ (изъ курса V-го и VI-го кл.): выпускныя-же, названныя *испытаніями зрѣлости*, ограничены нѣсколькими предметами гимназическаго курса, что́ учащихся облегчило въ значительной степени.

Такимъ образомъ, въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ Кіевская 2-я гимназія на ряду съ другими пережила двѣ системы образованія: 1) по Уставу 1828 г., 2) по реформѣ 1849 г. и наконецъ 3) съ 1864 года вступила въ третій, современный намъ, фазисъ жизни, который можно назвать возвращеніемъ къ старымъ началамъ.

Останавливаясь на Уставахъ, мы желали раскрыть тѣ идеи, которыя въ разное время клались въ основу учебно-воспитательной жизни всѣхъ гимназій имперіи, въ томъ числѣ и Кіевской 2-й, образуя собою, такъ сказать, ихъ душу. Теперь мы постараемся познакомиться съ дѣятельностью высшей администраціи Министерства Народнаго Просвѣщенія и, главнымъ образомъ, съ распоряженіями Попечителей Кіевскаго Учебнаго Округа, потому что они, будучи посредниками между Министромъ и гимназіями, проводили въ нихъ требованія высшей власти, слѣдили за духомъ и направленіемъ ихъ, нерѣдко сами отъ себя дѣлали распоряженія и, если представлялась настоятельная нужда, переносили на высшее усмотрѣніе тѣ или другіе вопросы, выросшіе на почвѣ гимназій и ими возбужденные.

Въ періодъ времени отъ 1836 г. до конца 1848 г. Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ управляли слѣд. Попечители:

1) Е. Ѳ. фонъ-Брадке (съ 14 дек. 1832 по 5 дек. 1838 г.).

2) С. И. князь Давыдовъ (съ 5 дек. 1838 по 13 іюня 1845 г.).

3) А. С. Траскинъ (съ 19 янв. 1846 по 18 нояб. 1848 г.).

Съ конца 1848 г. до изданія Устава 1864 г.—слѣд.:

1) Д. Г. Бибиковъ (генералъ-губернаторъ; съ 18 ноября 1848 г. по 1852 г.).

2) И. И. князь Васильчиковъ (также генералъ-губернаторъ; съ 18 ноября 1852 г. по 12 апрѣля 1856 г.).

3) Н. Р. Ребиндеръ (отъ 12 апрѣля 1856 по 18 іюля 1858 г.).

4) Н. И. Пироговъ (отъ 1858 г. по 13 марта 1861 г.).

5) А. П. баронъ Николаи (отъ 13 марта 1861 г. до 17 апр. 1862 г.).

6) Ѳ. Ѳ. Витте (отъ 17 апр. 1862 по 27 іюля 1864 г.).

Наконецъ, къ послѣднему періоду относятся:

1) А. П. князь Ширинскій-Шихматовъ (отъ 27 іюля 1864 по 15 мая 1867 г.).

2) П. А. Антоновичъ (съ февраля 1868 по 26 марта 1880 г.), а нынѣ этотъ постъ занимаетъ

3) С. П. Голубцовъ (съ 31 марта 1880 г.).

Наиболѣе обширная дѣятельность *по отношенію къ гимназіямъ* выпала на долю трехъ попечителей Кіевскаго Учебнаго Округа: фонъ-Брадке, Пирогова и кн. Ширинскаго-Шихматова. Если мы говоримъ такимъ образомъ, то это вовсе не значитъ, чтобы мы отрицали дѣятельность остальныхъ; совсѣмъ нѣтъ: мы хотимъ только сказать, что тремъ названнымъ попечителямъ свыше предоставлена была весьма сложная работа: первому и послѣднему—подробная организація гимназій, требовавшаяся въ свое время Уставами 1828-го и 1864-го годовъ, а Пироговъ самъ себѣ задалъ тяжкій трудъ реорганизаціи гимназій, какъ на основаніи Устава 1828 г., такъ и на основаніи требованій, выработанныхъ современною педагогикою, при чемъ онъ старался создать въ гимназіяхъ новое направленіе и сообщить имъ другой духъ.

Фонъ-Брадке предстояла трудная задача. Открывать въ губерніяхъ юго-западнаго края новую эру просвѣщенія было дѣло чрезвычайно важное, требовавшее не мало энергіи, не мало

труда. Нужно было ко всему самому присматриваться, во все вникать, всему давать внѣшній строй и порядокъ и, зорко слѣдя за теченіемъ жизни учебныхъ заведеній, укрѣплять въ нихъ то направленіе, которое наиболѣе соотвѣтствовало видамъ высшаго правительства. И фонъ-Брадке выполнилъ возложенное на него дѣло, если не совсѣмъ удачно, то во всякомъ случаѣ вполнѣ добросовѣстно, въ чемъ ему помогли нужныя для дѣлъ подобнаго рода качества человѣка и государственнаго дѣятеля. Какъ человѣкъ, онъ отличался деликатностью обращенія и доступностью, доставлявшими ему расположенность всякаго, кто только имѣлъ съ нимъ дѣло. По воскресеніямъ и другимъ праздникамъ онъ устраивалъ у себя собранія, на которыя приглашалъ учителей, студентовъ и даже гимназистовъ. «Рѣдкій праздникъ или воскресеніе учителя не обѣдали у него, а лучшіе ученики обѣихъ гимназій, по выбору директоровъ, не проводили вечера въ его домѣ [1]). Такое сближеніе открывало предъ нимъ широкое поле для близкаго ознакомленія какъ съ учащими, такъ и съ учащимися: онъ могъ узнавать ихъ умственныя силы, ихъ характеръ, душевное настроеніе и въ нужныхъ случаяхъ руководить ими. Представляя изъ себя живой образецъ неутомимой дѣятельности, онъ и въ другихъ умѣлъ цѣнить это качество. Зная это, всякій старался не отставать отъ него.

Таковъ былъ фонъ-Брадке, какъ человѣкъ; но добрыя качества, рисующія его благородную личность, остаются далеко назади его организаторскихъ способностей. Перечитывая его распоряженія, невольно удивляешься, до какихъ мелочей учебно-воспитательной жизни учебныхъ заведеній проникало его административное око, начиная съ Университета и кончая приходскимъ училищемъ. Правъ былъ покойный Слѣпушкинъ, когда сказалъ, что фонъ-Брадке «былъ по натурѣ организаторъ и устроитель. Вездѣ онъ вносилъ свое личное, живое участіе, наблюденіе и ободреніе. Всякой функціи столь сложнаго механизма, какъ учеб-

---

[1]) Слѣпушкинъ. Первые годы Кіев. 2-й гимн. стр. 24.

ное и воспитательное дѣло, онъ старался указать мѣсто, заставить ее совершаться въ тѣхъ формахъ и границахъ, которыя признавалъ лучшими. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся устройства училищъ, инициатива исходила отъ него» [1]). Соглашаясь съ тѣмъ, что вообще дѣятельность фонъ-Брадке была плодотворна «и не только по мотивамъ, лежавшимъ въ ея основаніи, но и по обстоятельствамъ и нуждамъ времени», авторъ первыхъ годовъ Кіевской 2-й гимназіи въ то-же время не безъ основанія замѣчаетъ, что въ дѣятельности этой «было много регламентирующаго, подводившаго подъ правила такія явленія и отправленія учебной жизни, которыя подъ правила не укладываются, отчего иныя изъ его мѣръ оказывались на практикѣ невыполнимыми и невыдержавшими пробы времени». Дѣйствительно такъ; въ особенности это относится къ дисциплинарнымъ правиламъ, изъ коихъ одни даны въ руководство учителямъ, другія—такъ называемымъ инспекторскимъ помощникамъ, т. е. надзирателямъ за учащимися, иныя—репетиторамъ, носившимъ названіе домашнихъ смотрителей, и четвертыя, наконецъ, всѣмъ вообще ученикамъ. Къ сказанному нужно прибавить еще, что многія изъ его распоряженій отличались излишнею строгостью. Для примѣра приведемъ одно изъ нихъ: ученики не могли быть отпущены домой на вакаціи, Рождество Христово или Пасху, «если за время, предшествовавшее отпуску, въ среднемъ выводѣ имѣли менѣе *3* по успѣхамъ и поведенію, или *1* въ какомъ-либо предметѣ». Примѣненіе этого распоряженія на практикѣ оказывалось весьма неудобнымъ, потому что влекло за собою со стороны учащихся весьма крупный проступокъ со всѣми его печальными послѣдствіями, а именно: самовольную отлучку изъ города. Не меньшею строгостью отзывается его представленіе къ Министру о томъ, чтобы тѣлесное наказаніе, разрѣшенное Уставомъ только для учениковъ низшихъ классовъ, было распространено и на высшіе [2]). Согласился-ли

---

[1]) Тамъ-же, стр. 8.

[2]) Сбор. Распор. ч. II. 1 март 1838 г.).

Министръ съ этимъ представленіемъ, не знаемъ; знаемъ только изъ практики Кіевской 2-й гимназіи, что мѣра эта иногда приводилась въ исполненіе, но обыкновенно только послѣ заявленія родителей, что они не будутъ въ претензіи.

Такъ какъ правила, о которыхъ сейчасъ упомянуто, имѣли силу, обязательную и для Кіевской 2-й гимназіи, то мы не можемъ не ознакомиться съ ними [1]). Начнемъ съ тѣхъ, которыя даны въ руководство учителямъ. Они требовали слѣд.:

1) Ученики первыхъ трехъ классовъ гимназій собираются въ классы за 10 минутъ до начала ученія и, привѣшавъ свои шинели и шапки къ особо устроеннымъ въ каждомъ классѣ вѣшалкамъ, становятся въ двѣ шеренги, одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи.

2) Учители первыхъ часовъ сихъ классовъ должны быть въ оныхъ также за 10 минутъ до открытія ученія и предъ начатіемъ онаго осматриваютъ выстроенныхъ въ шеренги учениковъ, опрятно-ли они одѣты, выстрижены-ли волосы, [2]) вымыто-ли лице и руки, ибо чистота и опрятность должны составлять одно изъ свойствъ хорошаго ученика и пріученіе къ онымъ впослѣдствіи пріобрѣтетъ училищному начальству искреннюю ихъ благодарность.

3) По колокольному звону, обозначающему начатіе ученія, ученики каждаго изъ сихъ классовъ по приказанію учителя садятся на свои мѣста.

4) Ученики IV, V, VI и VII классовъ... равномѣрно собираются въ оные за нѣсколько минутъ до открытія ученія, садятся на свои мѣста... и сами имѣютъ попеченіе объ опрятности; но тѣмъ не менѣе г.г. учители въ случаѣ, если бы ими были усмотрѣны неопрятно одѣтые ученики, имъ сіе замѣчаютъ.

5) Опрятность учениковъ записывается въ особой графѣ классного журнала.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ извѣстномъ уже намъ трудѣ Михалевича.

[2]) См. объ этомъ-же предметѣ Сбор. Расп. т. II, стр. 257.

6) Ученики разсаживаются въ классѣ «по общей сложности ихъ успѣховъ во всѣхъ предметахъ». Разсадка производится каждую четверть года.

7) Для слабыхъ учениковъ... первыхъ трехъ классовъ гимназій имѣть особыя скамейки; я возлагаю на г.г. учителей на сихъ учениковъ обратить особенное вниманіе.

8) Ежедневно во всѣхъ классахъ ученіе начинается молитвою, произносимою громко однимъ изъ учениковъ. Учители имѣютъ наблюденіе, чтобы во время сей молитвы всѣ ученики соблюдали должное благоговѣніе, и внушаютъ имъ, что безъ помощи Господа Бога.... и всѣ усилія ихъ къ образованію себя останутся тщетными....

9) Учители наблюдаютъ и отвѣтствуютъ, чтобы во время преподаванія и въ промежутокъ между ученіемъ въ классахъ ихъ было тихо и пристойно.

10) По окончаніи классовъ каждый учитель, выстроивъ свой классъ попарно, ведетъ оный до училищнаго двора и отвѣчаетъ за то, чтобы во время нахожденія учениковъ въ училищѣ и училищномъ дворѣ не могло произойти какихъ шалостей. При приходѣ и выходѣ учениковъ изъ классовъ въ гимназіяхъ инспекторъ всегда обязанъ присутствовать.

11) Учители озабочиваются учредить преподаваніе такимъ образомъ, чтобы ученики были вынуждены обращать полное свое вниманіе на ученіе и чтобы малѣйшее ихъ отъ сего уклоненіе могло быть тотчасъ замѣчено, и изыскиваютъ средства къ среднему испытанію возможно большаго числа учениковъ; сіе въ особенности относится къ ученикамъ... первыхъ трехъ классовъ.

12) Въ каждомъ классѣ имѣть особую книгу (для записыванія времени прихода и ухода учителя изъ класса и его занятій съ учениками).

13) Здѣсь повторяются требованія Устава.

14) Инспекторъ гимназіи по прошествіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, основываясь на аттестаціи учителей въ ежемѣсячныхъ рапортахъ и собственныхъ своихъ наблюденіяхъ, составляетъ списокъ воспитанниковъ, удостоиваемыхъ къ полученію одобритель-

ныхъ билетовъ (за отличное поведеніе и успѣхи въ наукахъ). Списокъ сей разсматривается въ Совѣтѣ гимназій и утверждается директоромъ. Билеты выдаются три раза въ годъ: 1-го декабря, 1-го марта и 1 іюня.

15) Въ сіе время билеты выдаютъ ученикамъ лѣнивымъ и дурного поведенія, коими ихъ родители или заступающіе мѣста оныхъ извѣщаются о ихъ проступкахъ, въ прочтеніи коихъ ученики обязаны приносить отъ нихъ росписки.

Въ заключеніе обращается вниманіе учителей на поведеніе учениковъ внѣ гимназіи, «дабы чрезъ неприличное поведеніе ихъ не могла пострадать честь училища». Вскорѣ эти правила оказались такимъ тяжелымъ бременемъ для тѣхъ, на кого были возложены, что пришлось подумать объ учрежденіи отдѣльнаго надзора въ лицѣ надзирателей, на что по представленію фонъ-Брадке и послѣдовало Высочайшее повелѣніе [1]). На нихъ-то и возложена была бóльшая часть вышеупомянутыхъ обязанностей.

Кромѣ надзора за порядкомъ въ гимназіи, надзиратели обязаны были имѣть бдительный надзоръ за учениками внѣ ея. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ надзоръ, указано опять-таки правилами. По этимъ правиламъ «въ помощники инспектора избираются люди, по своей нравственности, поведенію и образу мыслей совершенно надежные и извѣстные училищному начальству. Желательно, чтобы они имѣли извѣстную степень образованія, дабы и съ сей стороны внушали ученикамъ уваженіе и довѣренность (§ 3). Всѣ вольноприходящіе ученики гимназіи раздѣляются на отдѣленія соотвѣтственно числу помощниковъ и расположенію ученическихъ квартиръ въ городѣ (§ 5). Каждое изъ отдѣленій по назначенію директора гимназіи поручается наблюденію помощника инспектора и однажды сдѣланное распоряженіе безъ желанія самихъ помощниковъ измѣняемо быть не можетъ (§ 6). Помощники инспекторовъ, получа списокъ учениковъ,

---

[1]) Сбор. Пост. т. II, отд. 1. Нужно замѣтить, что эти правила во всемъ ихъ объемѣ не коснулись учителей Кіев. 2-й гимназіи, потому что при своемъ открытіи она имѣла уже трехъ надзирателей.

надзору ихъ ввѣряемыхъ, съ обозначеніемъ квартиръ, собираютъ объ нихъ самое подробное свѣдѣніе, а именно: объ образѣ жизни и нравственности ихъ хозяевъ и о надзорѣ, учрежденномъ отсутствующими родителями надъ ихъ дѣтьми, посему и домашніе репетиторы подлежатъ ихъ наблюденію. На основаніи сихъ замѣчаній училищное начальство принимаетъ свои мѣры (§ 7). Помощники инспекторовъ обязаны каждые два дня обойти всѣ квартиры учениковъ ввѣреннаго имъ отдѣленія, а учениковъ неблагонадежнаго поведенія навѣщать ежедневно или и нѣсколько разъ въ день въ разную пору (§ 8). При посѣщеніи квартиръ они обязаны наблюдать:

а) образъ жизни учениковъ, т. е. распредѣленіе ихъ времени, которое по возможности должно сближаться съ предписаннымъ для пансіонеровъ гимназіи въ § 254-мъ Устава 1828 года[1]);

б) осматривать квартиры въ отношеніи чистоты и опрятности, осматривать шкафы и сундуки учениковъ, дабы удостовѣриться, въ порядкѣ-ли и чистотѣ содержатъ они свои вещи;

в) строго вникать, не предаются-ли ученики какимъ-либо порочнымъ склонностямъ, или шалостямъ, и въ семъ отношеніи освѣдомляться у хозяевъ учениковъ и разслѣдовать ихъ жалобы;

г) запрещать курить трубки, играть въ карты, держать огнестрѣльное оружіе, читать безполезныя, а тѣмъ паче вредныя для юношества книги, которыя немедленно отбирать и вручать родителямъ или представить инспектору;

---

1) Вотъ что написано въ этомъ §: „Распредѣленіе времени и занятій воспитанниковъ предоставляется усмотрѣнію Начальства. Но однакоже для сего установляются слѣд. общія правила: въ 5 или $5^1/_2$ ч. утра воспитанники встаютъ и къ 6 часамъ собираются на молитву. Время до 9 ч. опредѣляется на завтракъ и приготовленіе къ классамъ. Отъ 9 до 12 продолжается ученіе въ классахъ; отъ 12 до 1 часу—отдыхъ, музыка, или гимнастическія упражненія. Отъ 1 часу до 3-хъ обѣдъ, отдыхъ и приготовленіе къ классамъ. Отъ 3 до 6—снова ученіе въ классахъ. Отъ 6 до $6^1/_2$—отдыхъ. Отъ $6^1/_2$ до 8—повтореніе уроковъ. Отъ 8 до $9^1/_2$—ужинъ и отдыхъ, послѣ котораго воспитанники собираются на вечернюю молитву“ и ложатся спать. (Сбор. Пост. т. II, отд. 1, стр. 196).

д) осматривать тетради и бумаги учениковъ и все, что при семъ осмотрѣ найдено будетъ непозволеннаго или подозрительнаго, отбирать и представлять инспектору;

е) запрещать ученикамъ составлять между собою сходбища, или общества, подъ какимъ-бы предлогомъ оныя не собирались. Запрещать ученикамъ излишнюю переписку между собою, составленіе какихъ-либо періодическихъ листовъ, подписокъ, лоттерей, театральныя представленія или игры, составляющія подражаніе происшествіямъ гражданскаго или политическаго общества;

ж) запрещать лакомства и мотовство и одобрять полезнѣйшее употребленіе денегъ;

з) выдавать ученикамъ билеты на необходимую отлучку изъ квартиры, или позволять брать такіе отъ благонадежныхъ репетиторовъ; и отлучку безъ сихъ билетовъ взыскивать (§ 9)[1].

и) ученики одного отдѣленія, особенно имѣющіе родственниковъ, буде близость мѣста и время года позволяетъ, собираются въ воскресные и праздничные дни въ одну церковь, гдѣ бываетъ помощникъ и наблюдаетъ за ихъ благоговѣніемъ и порядкомъ (§ 10). Помощникъ инспектора наблюдаетъ, дабы ученики не посѣщали трактировъ, питейныхъ домовъ, кондиторскихъ и, буде застанутъ ихъ тамъ, немедленно представляютъ инспектору. Они наблюдаютъ, дабы посѣщающіе театры имѣли на то дозволеніе директора, а бывающіе на публичномъ гуляньѣ или встрѣчаемые ими на улицахъ—записки своихъ репетиторовъ. Помощникъ инспектора наблюдаетъ, чтобы ученики всюду были въ форменномъ платьѣ и чисто одѣты (§ 11). Помощники инспектора могутъ быть по очереди назначаемы къ присутствованію въ гимназіи, гдѣ обязанностью ихъ есть набюдать за поведеніемъ учениковъ при выходѣ изъ классовъ и смѣнѣ учителей (§ 12). Помощники ведутъ журналъ своихъ дѣйствій, въ который заносятъ каждую недѣлю замѣчанія свои о поведеніи ввѣренныхъ имъ учениковъ и всѣ необыкновенныя происшествія (§ 13). Они обязаны ежедневно

---

[1]) Лѣтомъ отлучка разрѣшалась до 9 ч. вечера, а зимою до 8 ч. (Слѣпуш. стр. 19).

рапортовать инспектору о состояніи учениковъ ввѣреннаго имъ отдѣленія относительно ихъ поведенія. О происшествіяхъ же необыкновенныхъ доносятъ немедленно (§ 14). Ежедневно инспекторъ даетъ помощникамъ записки о небывшихъ въ классахъ ученикахъ ихъ отдѣленій и объ опоздавшихъ. Помощникъ изслѣдываетъ причины того и другого и доноситъ на слѣдующій-же день инспектору (§ 15). Помощники инспектора не имѣютъ права сами подвергать учениковъ наказаніямъ, предоставленнымъ по уставу инспекторамъ гимназій или Педагогическому Совѣту. Замѣтивъ шалости, безпорядокъ или нерадѣніе, не столь важныя, чтобы объ оныхъ нужно было доводить до свѣдѣнія инспектора, помощникъ дѣлаетъ ученику выговоръ. Онъ обязанъ равно выслушивать жалобы учениковъ и въ разборахъ ихъ всегда обвинять самоуправство и нарушеніе права собственности (§ 16). Главная обязанность его, какъ выше видно, есть извѣстность обо всѣхъ ученикахъ своего отдѣленія и неупустительное донесеніе инспектору. Впрочемъ, онъ долженъ стараться дѣйствовать на учениковъ силою убѣжденія и примѣра, пользуясь всякимъ случаемъ для внушенія юношамъ духа благочестія, правилъ нравственности христіанской, покорности властямъ, любви къ Россіи и ея государственнымъ установленіямъ» (§ 17).

Подобныя-же правила составлены были и для репетиторовъ. Вотъ они:

1) Домашніе смотрители (т. е. репетиторы) находятся при ученикахъ неотлучно и объясняютъ то, чего они не понимаютъ.

2) Въ 8 ч. домашній смотритель выслушиваетъ ихъ уроки, и въ $8^1/_2$ ч., послѣ завтрака, осмотрѣвши прежде, имѣютъ-ли они все нужное для лекцій и въ надлежащей-ли находятся опрятности, идетъ съ ними въ гимназію, въ должномъ порядкѣ.

3) Въ 12 ч. утра каждый домашній смотритель собираетъ на дворѣ гимназіи своихъ учениковъ и ведетъ ихъ въ квартиру, гдѣ послѣ обѣда даетъ имъ на полчаса свободу при своемъ надзорѣ, а потомъ заставляетъ ихъ приготовлять свои послѣобѣденные уроки до 2-хъ часовъ, послѣ чего, прослушавъ ихъ и осмо-

трѣвъ, все-ли они имѣютъ нужное для лекцій, идетъ съ ними въ гимназію.

4) Въ 6 ч., по выходѣ изъ класса, домашній смотритель, приведши въ свою квартиру учениковъ, даетъ имъ полчаса на отдохновеніе, послѣ объясняетъ имъ заданные въ сей день уроки и заставляетъ ихъ учить сіи уроки въ его присутствіи до 8 ч. вечера.

5) Согласно § 254 Устава отъ 8 до $9^1/_2$ ч. назначается на ужинъ и отдыхъ, послѣ котораго уже собираются ученики на молитву, которую произносятъ всѣ вмѣстѣ, и ложатся спать.

6) Въ праздничные и воскресные дни въ $7^1/_2$ ч. по звону колокольчика всѣ домашніе смотрители съ своими учениками идутъ въ гимназію, откуда очередной учитель, выстроивъ всѣхъ по классамъ, идетъ съ ними въ церковь; изъ оной возвращаются всѣ опять въ гимназію, и оттуда каждый домашній смотритель ведетъ своихъ учениковъ въ квартиру.

7) Послѣобѣденное время въ воскресеніе предоставляется имъ для прогулки или добровольныхъ занятій подъ надзоромъ смотрителей. Повтореніе же пройденнаго въ теченіе недѣли должно происходить въ извѣстные сроки, по назначенію учителя, и чтобы сіе повтореніе повѣряемо было самимъ учителемъ въ классѣ.

8) Если-бы кто изъ учениковъ пожелалъ куда отлучиться, то отпускаемому съ квартиры ученику смотритель даетъ билетъ, а неблагонадежнаго поведенія учениковъ отпускать не иначе, какъ со старшимъ, или служителемъ.

9) Частыя отлучки домашняго смотрителя безъ особенной надобности будутъ рекомендовать его предъ начальствомъ невыгоднымъ образомъ и даже могутъ лишить его права имѣть надзоръ надъ учениками.

10) Если найдено будетъ, что ученики не со всею точностью занимаются по предписаннымъ здѣсь правиламъ и отступаютъ отъ нихъ для какихъ либо частныхъ занятій, то домашніе смотрители и содержатели подвергаются строгой отвѣтственности.

11) Всѣ мелочныя надобности для учениковъ по части ихъ занятій подлежатъ заботливости домашняго смотрителя, который обязанъ отдать во всемъ вѣрный отчетъ родителямъ ихъ.

12) Въ праздничные дни дозволяется сходиться на квартиру одного изъ смотрителей ученикамъ, между собою въ родствѣ состоящимъ.

13) Неисправности учениковъ, найденныя въ классѣ учителемъ...., будутъ поставлены на видъ домашнимъ смотрителямъ и содержателямъ квартиръ, и если въ семъ отношеніи одни выговоры учителей отдѣленія не будутъ достаточны для исправленія, то подавать о семъ формальные рапорты.

14) Домашніе смотрители, приведя въ извѣстность деньги и вещи учениковъ, имѣютъ имъ вѣрную опись, требуя впрочемъ, чтобы ученики наблюдали за цѣлостью своего имущества сами.

15) Ученикамъ совершенно воспрещается дѣлать долги или продавать свои вещи, а найденныя они должны немедленно доставить въ дирекцію.

16) Домашніе смотрители обязаны наблюдать, чтобы ученики имѣли у себя всѣ учебныя книги, и доносить учителю.... о тѣхъ, кои не имѣютъ оныхъ.

17) Смотрители обязаны не только наблюдать за чистотою и возобновленіемъ воздуха въ комнатахъ, но и вообще должны неослабно стараться отвращать все то, что здоровью учениковъ могло-бы быть вреднымъ.

18) Всякая переписка учениковъ должна быть извѣстна домашнимъ смотрителямъ, кромѣ переписки съ родителями, опекунами или старшими родственниками [1]).

Независимо отъ этихъ правилъ, были составлены еще особенныя, касавшіяся всѣхъ вообще учениковъ и подробно указывавшія, какъ именно должны были вести себя ученики въ классѣ и на улицѣ и какой, въ случаѣ ослушанія, подвергались отвѣтственности. Классная дисциплина требовала, чтобы ученики сидѣли прямо, не облокачиваясь, въ застегнутыхъ на всѣ пуговицы сюртукахъ, или мундирахъ, неподвижно, каждый на отведенномъ

[1]) Правила эти съ ничтожными измѣненіями были приняты впослѣдствіи къ руководству въ общихъ ученическихъ квартирахъ и почти въ томъ-же видѣ существуютъ въ нихъ до настоящаго времени.

ему мѣстѣ. На улицѣ, при встрѣчѣ съ своимъ начальствомъ и учителями, «они должны были снимать фуражки и, вытянувшись прямо, проходить мимо». Тоже самое требовалось отъ нихъ при встрѣчѣ съ генералами, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, и другими почетными лицами[1]). Само собою разумѣется, что на улицу они должны были выходить не иначе, какъ одѣтыми по формѣ и застегнутыми не только на всѣ пуговицы, но и на крючки, бывшіе у воротника. «Для содѣйствія инспектору, учителямъ и надзирателямъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ избирались старшіе въ высшихъ четырехъ классахъ и помощники ихъ въ низшихъ трехъ». На обязанности ихъ лежало «наблюдать за порядкомъ и тишиною въ классѣ, соблюденіемъ приличія и формы внѣ онаго, вести классный журналъ, сопровождать учениковъ въ церковь, доносить о всемъ замѣченномъ инспектору» и т. д. Изъ нихъ назначались дежурные по гимназіи, коихъ обязанность состояла въ содѣйствіи дежурному надзирателю въ наблюденіи за выходомъ учениковъ въ порядкѣ. Ими обыкновенно, въ небытность учителя въ какомъ-нибудь классѣ, замѣщались свободные часы. Они отличались отъ остальныхъ учениковъ нашивками на плечахъ[2]) и могли быть наказаны только инспекторомъ или директоромъ.

---

[1]) Сбор. Расп. т. II, стр. 61.

[2]) Кстати, объ ученической формѣ того времени въ Кіевскихъ гимназіяхъ. Она была двухъ родовъ: парадная и обыкновенная. Парадная состояла изъ мундира темносиняго сукна съ краснымъ воротникомъ, украшеннымъ двумя петлицами (во 2-й гимназіи серебряными); онъ былъ фрачнаго покроя, однобортный, застегивался спереди на 9 пуговицъ. Обыкновенная форма требовала, чтобы сюртукъ изъ такогоже сукна тоже съ стоячимъ краснымъ воротникомъ былъ двубортный съ 6-ю пуговицами въ два ряда. Пуговицы были плоскія, золоченыя съ гербомъ Кіев. губ. Брюки изъ того же сукна съ фартухомъ (лѣтомъ сѣрыя нанковыя). Шинели сѣрыя также съ стоячимъ краснымъ воротникомъ. Фуражки съ такимъ же краснымъ околышкомъ и съ бѣлою выпушкою. Указомъ 1840 г. синій цвѣтъ сюртуковъ и мундировъ

Вотъ до какихъ подробностей доведены были правила относительно внѣшняго порядка въ учебныхъ заведеніяхъ Округа въ концѣ 30-хъ годовъ. Обязанныя своимъ происхожденіемъ первому Попечителю, они держались очень долго, пока требованія времени не исключили изъ нихъ все, что было лишнимъ, а лишняго въ нихъ много. При всемъ томъ нельзя сомнѣваться, что рукой, чертившей эти правила, управляло доброе намѣреніе оградить молодой возрастъ отъ всякаго рода вредныхъ для него увлеченій и воспитать въ немъ благородныя, нравственныя привычки. Къ сожалѣнію, составитель правилъ слишкомъ вѣрилъ въ спасительное дѣйствіе предупредительныхъ полицейскихъ мѣръ и упустилъ изъ виду, что въ дѣлѣ воспитанія онѣ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. При составленіи всѣхъ этихъ правилъ забыта дѣтская, да и не одна дѣтская, а вообще человѣческая природа, которая не можетъ примириться съ требованіями, отнимающими у нея всякую свободу дѣйствія и не оставляющими ей никакого простора, а правила фонъ-Брадке грѣшатъ именно этимъ: они отдаютъ густымъ запахомъ милитаризма и, какъ увидимъ ниже, породили цѣлый рядъ ученическихъ проступковъ. Тяжесть этихъ правилъ усиливалась еще отъ того, что въ рукахъ часто не-безкорыстныхъ блюстителей внѣшняго порядка они обращались въ источникъ мелкихъ придирокъ къ ученикамъ и вмѣсто порядка нерѣдко вносили въ учебное заведеніе безпорядокъ, безъ надобности увеличивая количество крупныхъ ученическихъ проступковъ.

Если обратимся теперь къ учебной части и къ устройству, данному ей фонъ-Брадке, то и здѣсь мы увидимъ, какъ его бдительное око старалось не упустить ничего, что такъ или иначе могло, по его понятію, способствовать, съ одной стороны, точному исполненію требованій Устава, съ другой—возможно болѣе успѣшному веденію гимназическаго образованія. Съ этою цѣлью «еще въ Октябрѣ 1836 года къ директору 2-й Гимназіи препровождены были печатныя табели росписанія учебныхъ предметовъ съ по-

---

былъ замѣненъ темнозеленымъ. (Сбор. Пост. т. II отд. 2). Ученикамъ-же общихъ квартиръ, которыя были учреждены при 2-й Гим. въ 1840 г., дозволялось носить куртки съ стоячимъ краснымъ воротникомъ.

казаніемъ объема, въ какомъ каждый учебный предметъ долженъ быть въ каждомъ классѣ преподаваемъ, и съ указаніемъ книгъ, одобренныхъ высшимъ начальствомъ и предписанныхъ къ руководству при преподаваніи, а также съ означеніемъ книгъ и тетрадей, какія каждый ученикъ имѣть долженъ». По поводу этихъ таблицъ въ циркулярѣ сказано, что онѣ вводятся «для поставленія въ точную извѣстность воспитанниковъ, ихъ родителей и родственниковъ о томъ, что въ каждомъ классѣ проходится, о потребныхъ для нихъ книгахъ и цѣнѣ оныхъ и о нужныхъ для нихъ классныхъ тетрадяхъ и дабы ввести единообразный порядокъ классическаго (т. е. класснаго) преподаванія». Таблицы эти продавались каждому ученику по 20 коп. мѣдью за экземпляръ (такса, установленная Попечителемъ) [1]) и кромѣ того вывѣшивались въ каждомъ классѣ на стѣнѣ «въ приличной рамѣ». Въ концѣ таблицъ сдѣланы были слѣд. примѣчанія: 1) «книги и тетради должны быть содержимы въ чистотѣ и на оборотѣ подписано о ихъ содержаніи и кому онѣ принадлежатъ; 2) тетради для упражненій и переписыванія уроковъ должны быть въ четвертку, для вокабуловъ—въ восьмушку, для чистописанія и рисованія—въ листъ. Во всякой тетради долженъ находиться листъ пропускной бумаги» [2]). Разсылая таблицы по гимназіямъ Округа, Попечитель предписывалъ «принять сіи таблицы во всемъ, въ нихъ означенномъ, къ неизмѣнному руководству и ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать противъ нихъ ни малѣйшаго измѣненія какъ относительно росписанія и объема преподаваемыхъ предметовъ, такъ и въ отношеніи употребляемымъ книгамъ, цѣнѣ ихъ и опредѣляемымъ для учениковъ тетрадямъ» [3]). Руководства,

---

[1]) Бѣдные ученики получали ихъ даромъ. Каменецъ-Подольская гимназія стр. 35.

[2]) Въ I-мъ кл. такихъ тетрадей положено 6, во II-мъ 8, въ III-мъ и IV-мъ по 16, въ V-мъ и VI-мъ 15 и въ VII-мъ 10.

[3]) Что по этимъ табелямъ должно было изучать въ каждомъ классѣ, увидимъ послѣ.

означенныя въ табеляхъ, были обязательны [1]). Одновременно съ этимъ были изданы правила о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ [2]).

Изъ всѣхъ, указанныхъ въ гимназическомъ курсѣ предметовъ, наибольшую, повидимому, заботу начальство обращало на русскій языкъ. Это можно видѣть, во 1-хъ, изъ того, что еще въ 1832 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено «сообщить Министру Нар. Пр. о принятіи мѣръ на счетъ усиленія русскаго языка въ училищахъ западныхъ губерній» [3]), во 2-хъ, что «за совершенное знаніе русскаго языка и превосходнѣйшіе успѣхи въ Россійской Словесности» воспитанники гимназій югозападнаго края награждались чиномъ XIV класса [4]), и въ 3-хъ, изъ правилъ, изданныхъ Окружнымъ начальствомъ о литературныхъ чтеніяхъ учениковъ трехъ высшихъ классовъ изъ образцовыхъ произведеній русской литературы, которыя долженъ былъ вести учитель Словесности [5]).

Первому Попечителю принадлежитъ ходатайство, во 1-хъ, объ измѣненіи таблицы недѣльныхъ уроковъ Устава 1828 г. въ пользу изученія математики и новыхъ языковъ и, во 2-хъ, о перенесеніи переводныхъ и окончательныхъ испытаній на предканикулярное время. Уставомъ 1828 г. французскій языкъ изъ трехъ низшихъ классовъ былъ совершенно исключенъ и, начиная съ IV класса, ученики изучали или одинъ французскій, или одинъ нѣмецкій языкъ, смотря по заявленному желанію. Считая изученіе обоихъ новыхъ языковъ существенно необходимымъ и полагая, что число часовъ для математики слишкомъ недостаточно ($22^1/_2$), фонъ-Брадке испросилъ разрѣшеніе сократить во 2-й Гим-

---

1) Сбор. Расп. т. II стр. 100.

2) Дѣло 1838 г. № 716.

3) Сбор. Пост. т. II отд. 1 стр. 389.

4) Тамъ-же стр. 512.

5) У Михалевича прилож. 16.

назіи уроки по многимъ предметамъ и усилить преподаваніе новыхъ языковъ и математики. Такимъ образомъ въ Кіевской 2-й Гимназіи полагалось на латинскій языкъ не 39 ч. въ недѣлю, а $34^1/_2$ ч., на греческій—не 30 ч., а $22^1/_2$ ч., на Законъ Божій—не $16^1/_2$ ч., а 15 ч., на исторію—не $19^1/_2$, а 18 ч., на географію со статистикою—не 15, а $13^1/_2$ ч., на чистописаніе, черченіе и рисованіе—не 30, а $25^1/_2$ ч.; въ общей сложности отъ этихъ предметовъ отнято 14 уроковъ, или 21 ч., которые прибавлены къ математикѣ (4 урока или 6 ч.) и къ новымъ языкамъ (10 ур. или 15 ч.), которые съ тѣхъ поръ стали преподаваться оба и во всѣхъ классахъ. Кромѣ того, по представленію фонъ-Брадке, греческій языкъ сдѣланъ необязательнымъ. По Уставу 1828 г. испытанія должны были производиться послѣ каникулъ. Фонъ-Брадке совершенно основательно находилъ, что «такое назначеніе имѣетъ, между прочимъ, слѣд. главныя неудобства: 1) только ученики высшихъ классовъ... во время вакацій могутъ приготовлять себя къ испытанію, не развлекаясь разсѣяніями домашней жизни и удовольствіемъ находиться въ кругу ближайшихъ своихъ родныхъ, а ученики низшихъ классовъ нерѣдко являются къ испытанію послѣ вакацій мало къ нему приготовленные; 2) едва-ли, собственно для здоровья дѣтей, не нуженъ опредѣленный для вакацій мѣсячный отдыхъ....; укрѣпляя физическія ихъ силы, онъ усилитъ и охоту къ классическимъ занятіямъ; 3) ..... воспитанники VII кл. не могутъ явиться къ испытанію въ Университетъ въ назначенное время, ибо лекціи въ немъ по Уставу начинаются 22 Іюля», а окончательное испытаніе и торжественный актъ въ гимназіяхъ происходятъ въ теченіе августа. Министръ согласился съ тою только частью представленія фонъ-Брадке, которая касалась учениковъ VII класса, а въ остальныхъ классахъ испытаніе оставилъ на прежнемъ основаніи. Сообразуясь съ этимъ распоряженіемъ, въ апрѣлѣ 1837 г. Попечитель писалъ директорамъ гимназій, чтобы, начиная съ этого года, вакаціи продолжались съ 22 іюня по 22 іюля, окончательныя испытанія производились до каникулъ, а ученикамъ прочихъ шести классовъ отъ 22 іюля до 6 августа «производились репетиціи въ обыкновенное, для клас-

совъ назначенное, время, и затѣмъ начинались-бы годичные экзамены, оканчивающіеся торжественнымъ актомъ» [1]).

Вмѣстѣ съ симъ были изданы правила относительно оцѣнки ученическихъ познаній, переводныхъ и окончательныхъ испытаній, и составлены были *вопросы испытанія*, т. е. подробныя по каждому предмету программы [2]). Важно также распоряженіе, касающееся дальнѣйшей судьбы окончившихъ гимназію, а именно: «ученики, получившіе аттестатъ съ отмѣткою, въ поведеніи не менѣе *3*, при поступленіи въ Университетъ освобождаемы были отъ вторичнаго въ немъ экзамена». Правда, мѣра эта была исключительною, а не общею; она примѣнялась всякій разъ по особому представленію Попечителя съ разрѣшенія Министра и смотря по степени довѣрія, заслуженнаго гимназіею, но тѣмъ не менѣе практиковалась.

Весьма любопытны нѣкоторыя оригинальныя особенности стараго времени. Это—во 1-хъ, особенное расположеніе уроковъ по новымъ языкамъ, во 2-хъ, пріемъ въ Университетъ нѣкоторыхъ учениковъ VI класса и, въ 3-хъ, переводъ въ высшій классъ не въ очередь. Росписаніе уроковъ по новымъ языкамъ слѣдовало составлять такъ, чтобъ иные ученики высшихъ классовъ могли бывать на этихъ урокахъ вмѣстѣ съ учениками низшихъ классовъ, и наоборотъ. Дѣло въ томъ, что по всѣмъ другимъ предметамъ можно было считаться ученикомъ высшаго класса, а по новымъ языкамъ—состоять въ низшемъ, и обратно. Раздѣленные по новымъ языкамъ на 6 классовъ, ученики размѣщались такимъ образомъ, «чтобы ученики первыхъ трехъ классовъ не были по языкамъ выше третьяго, а ученики послѣднихъ четырехъ классовъ—ниже четвертаго». Мѣра эта введена, по словамъ Попечителя, для того, «чтобы ученики, поступающіе въ гимназію съ предварительными знаніями въ новыхъ языкахъ, были помѣщены въ классы, соотвѣтственные ихъ познаніямъ». Такое положеніе дѣлъ продолжалось до Ноября 1838 г. [3]).

---

[1]) Сбор. Расп. ч. 2 (15 апрѣля 1837 г.) и Дѣло 1837 г. № 29.

[2]) Правила объ испытаніяхъ и вопросы испытанія были введены въ видѣ опыта на четыре года, но продержались гораздо долѣе.

[3]) Проток. Совѣта за 1838 г.

Переводъ ученика не въ очередь, а съ перескакиваніемъ черезъ классъ, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что ученикъ, напр., 4-го класса могъ удостоиться перевода прямо въ 6-й, минуя 5-й; но при этомъ соблюдались извѣстныя правила, состоявшія, во 1-хъ, въ томъ, что такой переводъ могъ производиться не иначе, какъ въ началѣ учебнаго года и при томъ ученикамъ, «которые имѣютъ возрастъ, соотвѣтственный классу, въ какой кто поступить желаетъ», во 2-хъ, что такой ученикъ долженъ имѣть «на годичномъ испытаніи въ предметахъ класса, въ коемъ состоялъ, и въ поведеніи не менѣе $^8/_9$ полныхъ балловъ», въ 3-хъ, что онъ долженъ обнаружить «по всѣмъ предметамъ класса, въ который поступить желаетъ, въ присутствіи Педагогическаго Совѣта, знанія совершенно удовлетворительныя. Правомъ такого перехода черезъ классъ ученики могли пользоваться только разъ въ теченіе гимназическаго курса». Такой переводъ учениковъ, минуя одинъ классъ, вслѣдствіе распоряженія Министра 10 ноября 1839 г., былъ прекращенъ [1]).

Выпускъ изъ VI класса гимназіи въ Университетъ былъ разрѣшаемъ «только тѣмъ ученикамъ, которые, имѣя не менѣе 16 лѣтъ и при переводахъ изъ низшаго класса въ высшій, не миновавъ прежде ни одного класса гимназіи, получали при годичномъ испытаніи не менѣе $^8/_9$ полныхъ шаровъ. Свѣдѣнія о такихъ ученикахъ сообщались ректору Университета». Означенная мѣра существовала, впрочемъ, весьма не долго, такъ какъ въ томъ-же (1837) году послѣдовало распоряженіе Министерства принимать въ Университетъ съ 1839 года только кончившихъ гимназію, а до того учениковъ, не кончившихъ полнаго курса, допускать къ экзамену въ Университетъ только по истеченіи времени равнаго тому, какое-бы имъ слѣдовало еще провесть въ гимназіяхъ для окончанія полнаго курса [2]).

Вотъ все, что намъ казалось нужнымъ привести здѣсь, чтобъ показать, какъ подъ вліяніемъ фонъ-Брадке должно было совершаться начальное теченіе жизни Кіевской 2-й гимназіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. Цирк. за 1839 г.

[2]) Сбор. Расп. т. II. стр. 237.

Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики.

(Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края).

II.

Краткое резюме предыдущей главы. Состояніе оффиціальной статистики десятки лѣтъ назадъ и теперь. Задачи и цѣли существованія оффиціальныхъ статистическихъ органовъ по Положенію о Губернскихъ Статистическихъ Комитетахъ. По скольку эти задачи и цѣли осуществляются ими на дѣлѣ; недочеты изданій губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Ближайшія причины, обусловливающія невозможность осуществленія Губернскими Статистическими Комитетами задачъ, указанныхъ Положеніемъ о Комитетахъ. Настоятельная необходимость реорганизаціи оффиціальной статистики

Хотя предыдущее изложеніе не исчерпываетъ всѣхъ отдѣловъ, подлежащихъ вѣдѣнію нашей оффиціальной губернской статистики, но сказанное, надо думать, уже достаточно характеризуетъ то состояніе, въ которомъ она находится въ настоящее время. И это тѣмъ болѣе, что вышеизложенный обзоръ губернской статистики коснулся уже главнѣйшихъ изъ тѣхъ ея отдѣловъ, которые, требуя собранія свѣдѣній на мѣстахъ, въ тоже время занимаютъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ ея обычной текущей работѣ. Остается поэтому подвести итогъ тому, что сказано о ней выше.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что недостатки нашей оффиціальной статистики сводятся, главнымъ образомъ, съ одной стороны, къ недостовѣрности собираемыхъ ею данныхъ, съ другой,—къ неумѣлому пользованію ими.

Недостовѣрность собираемыхъ данныхъ зависитъ главнѣйшимъ образомъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, отъ слѣдующихъ причинъ: 1) Отъ неудовлетворительности программъ, по которымъ они собираются (неточная формулировка программныхъ вопросовъ, а отсюда невѣрное пониманіе первичныхъ элементовъ статистической записи и пр.): 2) Отъ неуказанія способовъ и пріемовъ собиранія статистическихъ данныхъ (каждый собираетъ ихъ по своему усмотрѣнію, придумывая и примѣняя свои собственные способы и пріемы собиранія данныхъ—въ полномъ смыслѣ, «всякъ молодецъ на свой образецъ»); 3) Вслѣдствіе отсутствія всякаго (въ особенности, конечно, на мѣстахъ) контроля надъ собираніемъ данныхъ (чѣмъ обусловливается безнаказанная возможность представленія завѣдомо неточныхъ, взятыхъ «съ потолка» данныхъ) и какого бы то ни было руководства и указаній на мѣстахъ ихъ собиранія (разъясненія встрѣтившихся на практикѣ недоразумѣній, неудобопонятно изложенныхъ вопросовъ той или иной программы и т. п.); 4) Вслѣдствіе наличности у органовъ, собирающихъ данныя (вол. писаря, низшіе полицейскіе чины), массы другого болѣе отвѣтственнаго дѣла и 5) Благодаря отсутствію при этомъ съ ихъ стороны всякаго интереса къ добросовѣстному исполненію ихъ статистическихъ обязанностей (при увѣренности въ безнаказанности за доставленіе неточныхъ данныхъ, съ одной стороны, убѣжденіе въ отсутствіи въ нихъ необходимости для какого бы то ни было *настоящаго* дѣла—«только для свѣдѣнія», «только для статистики!»—и, съ другой стороны, еще болѣе полное отсутствіе надежды на какое бы то ни было поощреніе за исправное доставленіе вполнѣ точныхъ и полныхъ статистическихъ данныхъ).

Неумѣлое пользованіе собранными статистическими данными обусловливается, конечно, неподготовленностью къ этому приставленныхъ къ данной работѣ лицъ, а доказательствомъ этой неподготовленности, какъ видно изъ вышеизложеннаго, служатъ слѣдующіе главнѣйшіе недочеты въ обработкѣ статистическихъ данныхъ. Это неточная формулировка заголовковъ вѣдомостей; отсутствіе критики обрабатываемыхъ данныхъ, пользованіе завѣдомо

невѣрными и противорѣчивыми цыфрами; сравненіе съ случайными годами, несоблюденіе единства времени, къ которому пріурочиваются статистическія данныя (данныя разныхъ лѣтъ безъ оговорокъ объ этомъ пріурочиваются къ одному году); соединеніе несоизмѣримыхъ величинъ (напр., число коровъ, лошадей, овецъ, свиней всѣхъ возрастовъ выражается въ одной общей цыфрѣ) и пр. и пр.

Такимъ образомъ, нынѣшнее состояніе оффиціальной губернской статистики можетъ быть характеризовано тѣми же словами, какими оно десятки лѣтъ назадъ характеризовано было въ «матеріалахъ, собранныхъ для Высочайше учрежденной коммисіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій» (ч. III, отд. IV) [1]) самими губернаторами, высказавшими тогда откровенно, что «свѣдѣнія собираются только на бумагѣ», составляются только «формально», «приблизительно по примѣру прежнихъ лѣтъ», «на обумъ» и т. д.

Эти отзывы губернаторовъ, въ правильности которыхъ, конечно, и не было никакихъ основаній сомнѣваться, признаны были тогда самою комиссіею «совершенно откровенными и согласными съ истиною», при чемъ въ тоже время собираніе «статистическихъ и другихъ необходимыхъ для правительства справочныхъ свѣдѣній» признано комиссіей «одною изъ весьма важныхъ обязанностей», неудовлетворительное исполненіе которой объяснялось комиссіею недостаткомъ для этого времени у собиравшихъ свѣдѣнія органовъ, а также и недостаткомъ средствъ и умѣнья.

—

Такимъ образомъ и полная неудовлетворительность оффиціальной статистики и главнѣйшія причины таковой были подробно выяснены и константированы оффиціально еще десятки лѣтъ назадъ, чѣмъ и обусловливалась какъ возможность, такъ и необходимость приступить немедленно къ ея реорганизаціи.

---

[1]) Цитирую по брошюрѣ Строкина (читанной имъ «въ IV засѣданіи Псковской земской статист. комиссіи») «Къ вопросу объ организаціи статистики», Псковъ, 1881 г.

Однако, не смотря на признаніе собиранія статистическихъ данныхъ одною изъ важныхъ государственныхъ обязанностей, для улучшенія ея съ того времени ничего до сихъ поръ не сдѣлано, а возникшій было въ послѣднее время проектъ ея реорганизаціи отложенъ разсмотрѣніемъ до неизвѣстнаго будущаго.

Въ настоящее время наша оффиціальная губернская статистика организована на началахъ, указанныхъ въ «Положеніи о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ». По ст. 2 этого Положенія «главное назначеніе сихъ комитетовъ состоитъ въ *исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики*, а именно въ установленіи по каждой губерніи или области *правильнѣйшихъ способовъ собиранія*, по требованіямъ Правительства и указаніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета точныхъ статистическихъ свѣдѣній о качествѣ земель, народонаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи или области и въ повѣркѣ и обработкѣ этихъ свѣдѣній по однообразнымъ формамъ, установляемымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ». Изъ вышеизложенныхъ данныхъ, характеризовавшихъ современное состояніе этой статистики видно, что «главное назначеніе» Статистическихъ Комитетовъ, состоящее въ обязанности «исправнаго содержанія мѣстной административной статистики» осталось мертвою буквою въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ статистика, долженствующая быть «исправною», оказалось по всѣмъ швамъ и статьямъ вполнѣ *не* исправною. «Установленіе правильнѣйшихъ способовъ собиранія точныхъ статистическихъ свѣдѣній», какъ мы видѣли, тоже свелось къ нулю, «повѣрка» свѣдѣній на мѣстахъ отсутствуетъ, а обработка ихъ производится безъ надлежащей предварительной критики данныхъ и при томъ весьма неумѣло и неудовлетворительно. Слѣдовательно «главное назначеніе сихъ Комитетовъ» при данныхъ условіяхъ (о которыхъ еще нѣсколько словъ ниже) остается неосуществленнымъ.

По ст. 3 Положенія Статист. Комитетамъ «поставляется сверхъ того въ обязанность заботиться о составленіи по мѣрѣ возможности, *вызывая къ тому содѣйствіе* какъ своихъ членовъ, *такъ и постороннихъ* свѣдущихъ лицъ, подробныхъ описаній гу-

берній и областей, равно какъ и частей оныхъ, также городовъ и особенно почему лично замѣчательныхъ въ губерніи или области мѣстностей, въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, сельскохозяйственномъ и пр., и объ изданіи трудовъ своихъ въ свѣтъ»—«печатаніемъ статей и описаній въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, составленіемъ и печатаніемъ Памятныхъ книжекъ о губерніяхъ и областяхъ и объ отдѣльныхъ городахъ и, наконецъ, печатаніемъ отдѣльныхъ монографій, или описаній губерній и областей или частей оныхъ».

Посмотримъ, какъ осуществляются требованія этой статьи на практикѣ. Обратимся для этого къ печатнымъ работамъ статистическихъ комитетовъ. Къ таковымъ принадлежатъ между прочимъ и «Обзоры», о которыхъ говорилось выше, хотя въ составленіи ихъ и принимаютъ иногда участіе кромѣ секретарей стат. комитетовъ, также и правители губернаторскихъ канцелярій [1]). Но о нихъ говорилось уже на столько много, что было бы излишне останавливаться на нихъ долѣе. Обратимся поэтому къ другой серіи обычныхъ изданій статистическихъ комитетовъ—къ изданіямъ, носящимъ привычныя названія «адресъ-календарей», «памятныхъ книжекъ» и «списковъ населенныхъ мѣстъ». Такъ какъ «статистическія данныя» въ нихъ приводятся тѣже, что и въ «Обзорахъ» и обрабатываются тѣми же способами и руками, то во избѣжаніе повтореній, мы и не будемъ останавливаться на разборѣ заключающихся въ нихъ «статистическихъ» данныхъ. И это тѣмъ болѣе, что для характеристики названныхъ изданій, послѣ всего сказаннаго собственно о качествѣ статистическихъ цыфръ и выкладокъ, достаточно разсмотрѣть нѣкоторые изъ этихъ изданій, на выдержку только, съ ихъ внѣшней, такъ сказ., стороны.

Обратимся къ изданіямъ этого рода за послѣдніе годы. Вотъ изданіе Подольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: «По-

---

[1]) Иногда, въ виду незначительности жалованья и по той и по другой должности, а также и нѣкоторой связи между ихъ обязанностями—главнымъ образомъ по составленію обзоровъ и истребованію разныхъ „свѣдѣній"—обѣ должности совмѣщаются въ одномъ лицѣ.

дольскій адресъ-календарь, 1900 г.». Въ немъ страницы отъ 1 до 223 и отъ 261 до 349, т. е. 312 страницъ заняты чисто адресъ-календарными свѣдѣніями, а стр. отъ 223 до 260, т. е. 37, отведены главѣ подъ заглавіемъ: «Наиболѣе крупные представители фабрично-заводской промышленности въ губерніи», т. е. перечневой вѣдомости того же адресъ-календарнаго состава. Иныхъ свѣдѣній въ книгѣ не имѣется. Незадолго передъ этимъ тотъ же комитетъ издалъ «Списокъ населенныхъ мѣстъ Подольской губ.»—толстый томъ, содержащій названія всѣхъ населенныхъ пунктовъ, разстоянія ихъ отъ разныхъ центральныхъ и административныхъ пунктовъ своего уѣзда и губерніи, указанія волости, въ которой каждый пунктъ находится, стана, мирового участка и т. п. краткія свѣдѣнія, обыкновенно присущія болѣе подробнымъ спискамъ населенныхъ мѣстъ. При этомъ шаблонныя свѣдѣнія такого рода изложены не въ видѣ таблицъ или вѣдомостей, облегчающихъ справки и, главное, значительно сокращающихъ объемъ изданія безъ всякаго ущерба для дѣла, а сплошнымъ текстомъ, чѣмъ и объясняется объемистость изданія. По-скольку можно было судить при пользованіи имъ, включенныя въ немъ свѣдѣнія (кромѣ цыфръ населенія) довольно правильны, но никакой статистической разработки статистическихъ данныхъ въ этомъ изданіи все-таки нѣтъ.

Далѣе—«Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губ.» за 1896 г. Содержаніе его таково: адресъ-календарь и справочныя свѣдѣнія занимаютъ 19 страницъ, списокъ населенныхъ мѣстъ 318; итого, слѣдовательно,—337, а «очеркъ губерніи» и разныя «статистическія» свѣдѣнія и вѣдомости только 67; характеръ этихъ статистическихъ свѣдѣній, въ общемъ, конечно, тотъ же, что и въ «Обзорахъ». Затѣмъ списокъ населенныхъ мѣстъ той же губ. изданъ былъ и за 1900 г.; изданіе это—приблизительно того же характера, какъ и помянутый Подольскій списокъ населенныхъ мѣстъ, только при нѣсколько бо́льшей подробности много толще его, вслѣдствіе изложенія данныхъ тоже не въ табличной формѣ, а исключительно текстомъ.

По Волынской губ. въ 1899 г. издана «Памятная книжка» такого рода: оглавленіе—14 страницъ, адресъ-календарь—233 стр.

(1—46 и 1—187); справочныя свѣдѣнія (по почтовому вѣдомству, о желѣзныхъ дорогахъ и т. п.)—177 стр. (37—146; 189—257), итого 424 страницы; затѣмъ метеорологическія свѣдѣнія занимаютъ 4 стр., «литературный» отдѣлъ 76 и собственно статистическія свѣдѣнія 100 стр. (1—64 и 1—36).

Такъ какъ сказаннымъ достаточно уясняется нестатистическій характеръ такого рода изданій, представляющихъ собою простые справочники, то этимъ можно и ограничиться для доказательства того, что и требованія статьи 3-й Положенія о статистическихъ комитетахъ тоже не осуществляются ими. Фактическое, предпочтеніе изданія такихъ справочниковъ чисто статистическимъ изданіямъ происходитъ, надо думать, отъ того что секретари комитетовъ уже и сами не вѣрятъ въ эти статистическія данныя и въ дѣлаемые изъ нихъ выводы, которые, кромѣ механическихъ выкладокъ недостовѣрныхъ цыфръ, ни къ какимъ результатамъ не приводятъ; да и не всѣ секретари комитетовъ достаточно компетентны въ дѣлѣ обработки статистическихъ матеріаловъ [1]). Это—во первыхъ. А во вторыхъ, обусловливается это, вѣроятно, и спросомъ: въ «статистическія» изданія такого рода всякій давно извѣрился и никто въ нихъ не нуждается, а списки населенныхъ мѣстъ и всякіе другіе справочники бываютъ нужны именно для справокъ, почему имѣютъ ходъ на книжномъ рынкѣ, окупаютъ расходы изданія и даже даютъ доходъ комитетамъ, которые обыкновенно такъ нуждаются въ средствахъ. [2])

По ст. 8-й Положенія дѣйствительные члены комитетовъ избираются «изъ лицъ, какъ духовнаго и ученаго, такъ и *всѣхъ* званій, преимущественно изъ имѣющихъ пребываніе въ губерніи или области, могущихъ своими познаніями и опытностью принести пользу комитету и проявляющихъ готовность участвовать въ занятіяхъ его своими статистическими трудами». Кромѣ того званіе дѣйствительнаго члена присваивается также лицамъ, началь-

---

[1]) Само собою понятно, что я говорю *вообще* о секретаряхъ статистич. комитетовъ, число которыхъ, какъ извѣстно, приблизительно соотвѣтствуетъ числу губерній въ Россіи.

[2]) Уже съ одной этой точки зрѣнія, скажемъ кстати, было бы выгоднѣе издавать списки насел. мѣстъ въ табличномъ видѣ, а не текстомъ—это много уменьшило бы расходъ на бумагу.

ствующимъ учеными экспедиціями, или производящимъ въ губерніи или области, по порученію правительства ученыя работы, имѣющія связь съ статистическими изслѣдованіями. Въ почетные члены, по ст. 10, избираются, между прочимъ, лица «пріобрѣвшіе извѣстность своими учеными статистическими трудами или сдѣлавшіе особенно значительныя денежныя пожертвованія для статистическихъ цѣлей по губерніи или области». Сверхъ того, по ст. 11, «въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы для совѣщанія, въ случаѣ надобности», какъ представители разныхъ вѣдомствъ, «такъ равно и извѣстные ученые, помѣщики, купцы, фабриканты и вообще лица, могущія сообщить полезныя свѣдѣнія о состояніи губерніи или области въ разныхъ отношеніяхъ». При всемъ этомъ, по ст. 14, губернскому начальству предоставлено право для статистическихъ «изысканій и работъ» командировать, «по опредѣленіямъ комитетовъ, какъ дѣйствительныхъ членовъ и секретарей, *такъ и другихъ лицъ*, благонадежныхъ по знаніямъ и усердію къ дѣлу, въ разныя части губерніи или области, для мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій, равно какъ и для *повѣрки* и *пополненія* на мѣстахъ, непосредственными личными изысканіями, первоначальныхъ свѣдѣній, собираемыхъ оффиціальнымъ путемъ, или для *направленія* и *установленія способовъ* собиранія этихъ свѣдѣній и *указанія* соотвѣтственныхъ *статистическихъ* пріемовъ». Статьею 15 комитетамъ предоставлено кромѣ того «по мѣрѣ открывающихся къ тому средствъ, снаряжать и особыя статистическія *экспедиціи* изъ нѣсколькихъ лицъ для мѣстныхъ изслѣдованій въ губерніи».

Изъ этихъ—цитированныхъ послѣдними—статей Положенія видно, что данною организаціею статистическихъ комитетовъ предполагалось, повидимому, поставить ихъ во главу всѣхъ мѣстныхъ научныхъ изслѣдованій и объединить въ нихъ всѣ мѣстныя научныя силы какъ оффиціально, такъ и частнымъ образомъ занимающіеся статистическими и имъ подобными изслѣдованіями. Время изданія Положенія о статистическихъ комитетахъ соотвѣтствовало тому сравнительно отдаленному періоду нашей общественной жизни, когда въ провинціи почти совершенно отсутствовали какія

бы то ни было учрежденія и общества для изученія родного края. Поэтому подобная постановка дѣла представлялась, конечно, въ то время, за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ мѣстныхъ организацій, вполнѣ желательной и необходимой. Надо однако не забывать, что въ настоящее время провинція наша далеко еще не можетъ похвалиться не то что изобиліемъ, а во многихъ мѣстахъ даже просто наличностью подобныхъ организацій. Слѣдовательно, и теперь еще въ извѣстныхъ мѣстностяхъ не утратило бы смысла подобное объединеніе мѣстныхъ работниковъ хотя бы и въ статистическихъ комитетахъ, лишь бы дѣло изслѣдованія родного края не сводилось въ нихъ къ той чисто бумажной канцелярщинѣ, съ которой приходится теперь имѣть дѣло въ большинствѣ комитетовъ.

Но дѣло именно въ томъ, что благія намѣренія законодателя не оправдались даже въ отношеніи хотя-бы только (ст. 14) проектированнаго Положеніемъ пользованія мѣстными силами для простой «повѣрки» «первоначальныхъ свѣдѣній, собираемыхъ оффиціальнымъ путемъ» и для «установленія» способовъ и пріемовъ собиранія таковыхъ, что должно бы было составлять необходимый залогъ достовѣрности статистическихъ данныхъ и въ чемъ такъ нуждаются статистическіе комитеты.

Такой исходъ, несомнѣнно, былъ неизбѣженъ и эта неизбѣжность его лежала въ нѣкоторыхъ существенныхъ недостаткахъ организаціи комитетовъ. Суть въ томъ, что на комитеты [1]) возлагалось очень многое (все, о чемъ говорилось выше и сверхъ того обязанность быть первоисточниками всякихъ необходимыхъ администраціи свѣдѣній), а для пополненія всего этого имъ давалось болѣе чѣмъ слишкомъ мало. Предполагалось вѣроятно, что значительная часть задачъ комитетовъ будетъ осуществляться личными средствами и силами добровольцевъ изъ любителей изслѣдованія родного края, которые будутъ помогать и веденію очередныхъ текущихъ дѣлъ комитетовъ (повѣрка, установленіе способовъ и пріе-

---

[1]) А въ томъ числѣ, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ и на волостныхъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ, какъ доставителей имъ необходимыхъ свѣдѣній.

емовъ и пр.), почему имъ не будетъ предстоять особенныхъ денежныхъ расходовъ.

По Положенію (ст. 13) единственнымъ постояннымъ «штатнымъ» работникомъ комитета является секретарь, на которомъ (независимо отъ присутствія или полнаго отсутствія добровольцевъ) лежитъ обязанность и «производить» «всѣ ученыя работы по комитету», и «постоянно слѣдить за исправнымъ и своевременнымъ полученіемъ всѣхъ срочныхъ статистическихъ данныхъ и свѣдѣній по разнымъ предметамъ управленія», и «приводить эти свѣдѣнія въ систематическій порядокъ», и «заниматься ихъ провѣркою и обработкою», и «составлять изъ нихъ требуемыя таблицы и вѣдомости», и «наблюдать за успѣшнымъ исполненіемъ и изданіемъ всѣхъ вообще ученыхъ работъ комитета, а равно и за ходомъ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій», и «вести переписку по дѣлопроизводству и денежную отчетность комитета». Все это—за жалованье въ 750 р.! А на всѣ остальные расходы по комитету изъ 1500—2000 р. (ст. 20), на него ассигнуемыхъ, оставлялось такимъ образомъ 750—1250 р. [1]). Это (ст. 21) «на расходы по обработкѣ и перепискѣ ученыхъ трудовъ комитета и на канцелярскія потребности; на пріобрѣтеніе ученыхъ пособій, книгъ, картъ и журналовъ; на расходы по изданію трудовъ комитета въ свѣтъ; на командированіе чиновниковъ съ статистическими порученіями», а, наконецъ, въ случаѣ надобности, и «на наемъ квартиры».

Нечего и говорить, что этой суммы не достаточно даже для маломальски правильной постановки одного только хода счетно-канцелярскаго дѣла въ самомъ комитетѣ и, слѣдовательно, о вознагражденіи изъ нее мѣстныхъ работниковъ (волостныхъ писарей и пр.), за ихъ работу по доставленію «первоначальныхъ» свѣдѣній нельзя и подумать. Въ тоже время нельзя никогда разсчи-

---

[1]) Теперь—въ юго-западномъ, по крайней мѣрѣ, краѣ—расходъ на содержаніе комитетовъ отнесенъ на доходы отъ губернскихъ типографій, и слѣдовательно, поставленъ кромѣ того въ полную зависимость отъ случайности.

тывать, чтобы одинъ человѣкъ, да еще при столь ничтожномъ числѣ работниковъ, какое можно содержать на эти деньги, могъ добросовѣстно исполнить всю ту массу работы, которая возложена на секретаря комитета (ст. 13). И нельзя за 750 р. найти лицо, которое вообще было бы вполнѣ компетентно въ исполненіи всѣхъ этого рода работъ, требующихъ чисто спеціальныхъ познаній. Спеціалисты цѣнятся много дороже, и за 750 р. можно найти развѣ подручнаго, помощника, производящаго работу подъ руководствомъ или работающаго лишь надъ извѣстной отраслью. [1])

При всѣхъ такихъ условіяхъ отнюдь нельзя, конечно, винить исключительно Комитеты въ существующихъ крупныхъ недочетахъ ихъ статистическихъ «изслѣдованій», потому что при данныхъ условіяхъ правильная постановка статистическаго дѣла лежитъ внѣ ихъ возможности. Но изъ этого же слѣдуетъ, что при данныхъ условіяхъ такого рода недочетамъ не будетъ конца. Слѣдовательно, если признать и самую оффиціальную статистику (въ надлежащемъ ея видѣ, конечно) и губернскіе статистическіе органы ея нужными для государства, то необходимо и неизбѣжно что-то неотлагательно предпринять для реорганизаціи этого дѣла.

Конечно, нужно ее реформировать такъ, чтобы устранить всѣ выше перечисленные недостатки, добиться полученія ею вполнѣ достовѣрныхъ, обстоятельныхъ и подробныхъ данныхъ по всѣмъ подлежащимъ ея вѣдѣнію вопросамъ, добиться умѣлой и обстоятельной разработки статистическихъ матеріаловъ и пр., и пр. Но послѣ всего изложеннаго выше незачѣмъ, кажется, объяснять, что достиженіе всего этого возможно только при коренной реорганизаціи ея, такъ сказ., сверху до низу.

Начиная съ низу, прежде всего необходимо правильно организовать собираніе свѣдѣній на мѣстахъ—непосредственно людьми вполнѣ компетентными въ этомъ дѣлѣ, подготовленными къ нему усвоившими себѣ и пріемы и способы собиранія различнаго рода

---

[1]) Примѣромъ могутъ служить земскія статистическія бюро: тамъ завѣдующему бюро менѣе 1200 р. не платится, среднее жалованье 1800 р., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до 3000 р. въ годъ.

данныхъ и умѣнье обращаться съ народомъ, знающими народъ, знающими крестьянскій и помѣщичій бытъ и т. п. Только при этихъ условіяхъ, рядомъ съ правильно же организованнымъ фактическимъ контролемъ надъ этой работой, можно разсчитывать на полную достовѣрность и обстоятельность собираемыхъ на мѣстахъ статистическихъ данныхъ. Но для того, чтобы осуществить такую организацію, нужна цѣлая масса постоянныхъ работниковъ на мѣстахъ, въ волостяхъ. А для этого, конечно, понадобится прежде всего весьма значительное увеличеніе расходовъ.... Нечего и говорить, что рядомъ съ этимъ и контролирующій аппаратъ и учрежденія, занимающіяся сводкой и разработкой присланныхъ съ мѣстъ статистическихъ данныхъ, должны будутъ состоять изъ достаточнаго числа людей соотвѣтственной компетенціи и располагать вполнѣ достаточными средствами для научно-обоснованной сводки и обработки всѣхъ собираемыхъ данныхъ въ надлежащемъ объемѣ и направленіи и съ должною своевременностью. А для этого опять, конечно, нужны и люди и средства,—много людей и очень много средствъ, и прежде всего уничтоженіе существующаго порядка,—полная реорганизація оффиціальной статистики.

Но возможно ли ожидать осуществленія такой коренной реформы въ настоящее время? Если отложено на неопредѣленное время осуществленіе проекта реформы, очевидно, менѣе полной—только, такъ сказ., перваго шага къ улучшенію оффиціальной статистики (о которомъ упоминалось въ началѣ настоящей статьи), то гдѣ же данныя для надежды на скорое осуществленіе коренной реформы? И въ особенности при томъ условіи, когда у насъ силою вещей—благодаря негодности оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ — выработалось отношеніе къ статистикѣ, какъ къ дѣлу совершенно ненужному, никуда не пригодному! И гдѣ же кромѣ того данныя, что при всемъ этомъ на осуществленіе коренной реформы найдутся необходимыя деньги, когда при нынѣшнихъ стѣсненіяхъ въ средствахъ у насъ происходитъ иногда задержка въ осуществленіи мѣропріятій, считающихся гораздо болѣе назрѣвшими и неотложными!? Очевидно, надежды на коренную реформу статистики въ сколько нибудь скоромъ

времени мало, а потому, становясь на практическую точку зрѣнія, надо позаботиться объ осуществленіи на первыхъ порахъ хотя бы самаго только необходимаго.

Мы видѣли выше, какіе недостатки несетъ въ себѣ наша оффиціальная статистика и отъ какихъ причинъ они происходятъ. Слѣдовательно, въ общихъ чертахъ уже знаемъ, *что* надо устранить, чтобы избавиться отъ главнѣйшихъ изъ этихъ недостатковъ. Обсудимъ же теперь, въ чемъ долженъ заключаться первый шагъ къ улучшенію оффиціальной статистики, коренная реформа которой волей-не-волей должна быть признана идеаломъ неизвѣстнаго и вѣроятно, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Будемъ, конечно, разсматривать этотъ вопросъ по возможности въ связи съ тѣмъ безвременно угасшимъ проектомъ статистической реформы, о которомъ было упомянуто въ началѣ статьи.

Л. Личковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ.

Повисть.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

Наступае чорна хмара,
А другая сыня...
Нар. писня.

I.

Чорна хмара.

Мынувъ уже четвертый рикъ, видколы Денысъ Сывашенко виддилывся видъ батька й видъ Зинька, меншого брата... заразъ писля того, якъ середульшого брата Романа заслано на Сибирь. Погана се була сторія!.. Розледащившы Романъ у салдатахъ, не хотивъ дома ничого робыты, посварывся зъ батькомъ та зъ Денысомъ, прыставъ, пишовшы въ городъ, до злодійського товарыства, водывъ кони, піймався, суджено ёго й заслано на Сибиръ. Денысови це не пошкодыло, бо разъ, що ёму зъ батькивщыны бильше прыпало, а друге—вси зналы, що винъ самъ и впіймавъ Романа и выказувавъ на ёго, то никому й на думку не спадало выбываты ёму очи Романомъ... хочъ воно такы й погано, якъ люде знають, що братъ у Сибиру... ну, та дарма́! Хай краще въ Сибиру буде таке ледащо, нижъ дома черезъ ёго колотнеча.

Отъ тилькы, що зъ батькомъ Денысъ посварывся... Дакъ-же винъ у тому не вынепъ: за те, що винъ не покрывавъ Романа, батько, маты й Зинько зненáвыдилы его та й годи!.. Та й це дармá, бо такы все, що ему прыпадало, все виддалы. Та винъ бы й не попустывъ, бо тамъ-же й его праця. Винъ и радый бувъ, що пишовъ одъ ихъ: ему вже давно треба було хазяиномъ буты. Поставывъ хату на новому кгрунти, дали видъ батька, ажъ изъ другого краю села, та й хазяйнуе соби. И добре хазяйнуе: за си чотыри рокы зрисъ винъ угору высоко: зъ Деныса—Денысомъ Пылыповычемъ изробывся, зъ малого хазяина—багатыремъ... своеи земли трыдцять десятынъ та ще вдвохъ изъ тестемъ Манойломъ посессію держать... Отъ що! Нехай лышъ той дурень Зинько облызуется, дывлючысь на его заможнисть. Самъ жыве якъ харпакъ, мабуть ничóго й не прыдбавъ, одкóлы батько вмеръ, самою батькивщыною старою й держыться. Х-ха! А Денысъ онъ сёго року до хаты прыробывъ ще другу половыну—зъ велыкою свитлыцею та зъ кимнáтою. И въ свитлыци въ его такъ прыбрано, що хочъ и станового, то не соромъ прыйняты: два тапчаны, стилци, чорнымъ покрашени, по стинахъ малюнкы велыки—виддававъ за ихъ Денысъ щетынныкови не то по злоту, а й по пивкарбованця, бо тамъ таки йе, що й зъ золотомъ... самыхъ генераливъ ажъ пъятеро, и війна турецька, и страшный судъ изъ зміемъ, и «выдъ города Тулы»... и вси за скломъ, у велыкыхъ червоныхъ та въ зеленыхъ рямцяхъ... А викна въ хати таки, що видчыняются, а не видсуваются, и на викнахъ завискы телипаются сытцеви,—зовсимъ якъ у панивъ. И лижко тутъ стоить—высоке й шыроке, на ему ажъ тры перыны и заслани зверху червонымъ «одіяломъ» (пъять карбованцивъ цина), а чотыри здоровенныхъ подушкы за малымъ не до стели знимаются, та вси въ сытцевыхъ пошывкахъ изъ здоровенными лапáтымы квиткамы,—се вже Домаха Денысова набирала,—дуже гарни, сытець ажъ по злоту. Нихто на сёму лижкови не спыть (бо вси ночують у противній хати), а стоить воно такъ, закрашае хату, чы то пакъ—«кóмнату»,—щобъ выдко було якый хазяинъ жыве, не харпакъ... Та й дочóкъ-же въ Деныса двое,—то се жъ имъ Домаха над-

бала: хай люде бачуть щó есть. Нáдбано, хвалыты Бога, и на дочокъ, и на сынивъ: йе въ чому походыты, йе що зйисты й спыты. Не соромъ, ни, не соромъ поклыкаты до себе людей хочъ-бы й такыхъ заможныхъ, якъ оце заразъ сыдять у свитлыци за столомъ, пьють, йидять та й про дило гомонять.

Не мали жъ то й гости!

На покути сыдыть старшына Грыгорій Павловычъ Копаныця,—той, що колысь пысаремъ волоснымъ бувъ, а теперъ старшыною. Ге—ге! теперъ уже ёму не пысарюваты, теперъ уже винъ багатырь на всю губу: своеи земли скилькы! Якъ йиде въ городъ, у земське собраніе (бо винъ-же тамъ гласнымъ), то такъ уберется въ сиртука, що панъ та й годи! Та ёму жъ и треба сёго: помижъ панамы крутытся. Та хочъ и на сели, то безъ жакеткы й зъ хаты не выйде.

Заразъ биля ёго сыдыть Сучокъ Мыхайло Грыгоровычъ. О, то не маленькый Сучокъ! Йе въ ёго й крамныця й земля, до своеи дочкы Горпушы прыйнявъ соби въ прыймы зятя да такъ у двохъ теперъ орудують, що нý!

А дали ще сыдять: Денысивъ тесть Манойло Гаврыловычъ, Домашынъ батько, биля ёго сватъ Остапъ Колодій, кумъ Терешко Тонконоженко та Яхремъ Рябченко—все багатыри, гарно повдягани, въ сынихъ чумаркахъ, у такыхъ, якъ и въ Деныса, тилькы Рябченко по городянському—въ жакетци.

Тесть та кумъ Терешко—то стари прыятели Денысови: зъ имы винъ издавна въ спилци, винъ имъ, а воны ёму пособляють. Зъ Копаныцею Денысъ запрыятелювавъ тоди, якъ пособывъ ёму вылизты на старшыны; тоди жъ и зъ Сучкомъ зазнався дужче. А отъ зъ Остапомъ Колодіемъ та зъ Яхремомъ спилка не съ такъ ище давня.

Остапъ Колодій, чепурный высокый чорнявый чоловикъ,—винъ родычъ Денысови, чы то пакъ—сватъ, бо за ёго брата Зинька виддавъ свою дочку Гаинку (Гаіанія іи охрыщено, а се вже такъ по простому сталы зваты). Думавъ Зинька перенадыты, на свій бикъ переняты, щобъ винъ изъ имъ у спилци бувъ,—дакъ хыба

жъ того дурня на́вчышъ? Черезъ те Остапъ не любыть Зинька, а зъ Денысомъ родычается.

А Яхремъ Рябченко... ну, се штучка! Воны булы зовсимъ у сварци—Денысъ та Яхремъ. Колысь на Яхрема скризь подейкувано, що винъ крадене передержуе. Дакъ якъ узято въ Сывашивъ сало, Денысъ и намигся, щобъ потрушено Рябченка. Ничого не знайдено, а ворожнеча промижъ ихъ стала велыка. Хто й зна щобъ воно выныкло зъ цёго, та незабаромъ пислят тіеи сторіи зъ саломъ Яхремъ пишовъ кудысь на заробиткы... зъ рикъ ёго не було, а тоди вернувся й грошей зъ собою прынисъ... та щось, кажуть, и не трохы... И заразъ купывъ соби два надилы... Промынувъ ище рикъ, чы два,—ажъ гулькъ!—Яхремъ узявъ у Глушкивського пана трыста десятынъ земли въ посессію. Якъ це такъ сталося,—нихто не мигъ зрозумиты. Наймала ту землю въ пана громада, наймалы багати люде,—не виддавъ панъ: билшои цины хотивъ... А ти соби затнулысь: пождешъ, пане, пождешъ, та виддасы й за нашу цину! А Рябченко пидскочывъ, щось тамъ прыкынувъ панови та й узявъ на себе. И де́ винъ грошей добувъ, щобъ панови третыну напередъ заплатыты, дакъ нихто й зрозумиты не мигъ,—уси дывомъ велыкымъ издывувалысь. Отъ же добувъ и взявъ!.. И не дурно: самъ не ставъ хазяйнуваты, а почавъ землю даваты за грошы людямъ; а са́ме тоди земля зробылась дорога́,—по два карбованци барыша взявъ на десятыни! Та якъ пишовъ зъ того часу, то все йде та й иде вгору! Ого-го! Теперъ уже нихто й не згадуе про те, що колысь бабы плескалы, мовъ бы то винъ крадене передержуе! Де тамъ! Теперъ винъ Яхремъ Семеновычъ, багатырь... скризь у куппаніи бувае... И зъ Денысомъ помырылысь. Чого имъ сварытыся? Що було, те мынуло, а зъ сваркы добра не буде, а въ прыгоди одынъ о́дному воны можуть статы.

Дакъ отаки гости сыдилы въ свитлыци въ Деныса Пылыповыча Сывашенка за столомъ, повнымъ усякои стравы. Господыня, немолода жинка, мовчкы подавала на стилъ страву, иноди тилькы прыпрохуючы гостей прызволятысь; господаръ бувъ гоминкый, веселый, частувавъ и прыпрохувавъ залюбкы. Це жъ таки дороги

гости! Не голота яка зъ Зиньковои кунпаніи, а поважни кремезни господари,—зъ имы хочъ яке дило робыты можно,—подужають! И гришмы-достаткамы воны—сыла, и въ громади сыла.

Домаха вже пишла въ другу хату лагодыты самуварь, а Денысъ усе частувавъ и казавъ:

— Истына правда, що каже Грыгорій Павловычъ, нашъ господынъ старшына: ніякого покорства теперъ у мужыка нема. (Денысъ такы навчывся помижъ «образованымы» людьмы и соби по «образованому» закыдаты). Всяка голота пнеться ривнятыся зъ путящымъ, порадошнымъ хазяиномъ. Щó бильшый харпакъ, тó бильше въ громади галасуе проты заможного чоловика. Того и въ голову соби не кладе, що колы бъ насъ не було, то я́къ бы й воны прожылы? У кого землю взяты на хлибъ?—У насъ! До кого скотыну пасты виддаваты?—До насъ! У кого грошей позычыты?—У насъ такы жъ! Щó жъ бы воны робылы безъ насъ?

— Имено! Истына правда!—видказувалы гости.—Подохла бъ клята харпачня безъ нашои помочи.

А кумъ Терешко (винъ же пры панахъ бувъ, то знае я́къ сказаты) доточывъ:

— Настоящая благодіянія оказу́еться, настоящая!

А Денысъ казавъ дали:

— Ото жъ ба́чыте!.. А ще й дыбкы проты насъ стають! Тилькы порадошный чоловикъ схоче що зробыты—чы въ громади, чы такъ,—заразъ крыку, галасу, репету такого нароблють, що настоящая бунтація та й годи! Отъ, сказаты, якъ Остапъ Дорохвеевычъ,--винъ кывнувъ на Колодія,—хотивъ, щобъ ёму громада виддала волость нову робыты,—лыщенько! якый крыкъ изробывся! Кажуть: багатиты нашымъ коштомъ буде!.. А все брехня!..

— А вже жъ брехня!—сказавъ старшына, а Остапъ тилькы рукою махнувъ.

— Оттакъ и я,—говорывъ Денысъ,--хотивъ бы зробыты одно дило мале-невелычке, та й боюся зъ имъ и потыкатыся въ громаду, щобъ и лыха не здобуться. Хыба що вже вы, господа хазяины, пособыте мени.

— Кажить, кажить, яке тамъ дило!—загомонилы гости.— Щó доброго надумалы?...

— Отъ-же вы знаете,—розсказувавъ Денысъ,—що якъ пишлы пересельци на Амуръ, дакъ позоставалыся видъ ихъ надилы. Громада-жъ тоди не дозволыла переселыцямъ тіеи земли продаваты, а взяла на себе.

— Хотила на всихъ ривно подилыты!—гукнувъ кумъ Терешко, вже трохы пъяпенькый.—Ге! А мы не дали, да тоби въ арендное содержаніе оддалы—на тры годá,—отъ тоби и вся бидá!

— Имено, имено! И доси дякую вамъ,—спасыби за се! Хочъ воно зъ тіеи земелькы невелыкого й добра, ну, а все жъ земелька.

— Та ще й добра!—додавъ старшына.—Не соромляйся, Денысе Пылыповычу! Передъ намы нема чого крытыся: мы знаемъ усе дило. Свои люде!

— Такъ, такъ!.. що й казать!.. Вамъ бы—та ще й не знаты!.. Дакъ ото жъ я два годы вже держу сю земельку, а оце й третій наступае, а тамъ и край...

— А тамъ изнову буде крыкъ та кгвалтъ у громади, щобъ тоби не даваты,—сказавъ Манойло.

— Ото-жъ то й то! Якъ нaймáты, такъ и крыкъ, такъ и крыкъ! Все репетують, и ніякъ того репету не збудешся,—говорывъ Денысъ.

— А що жъ вы зробыте? Нема способу!—промовывъ Остапъ.

— Та воно можна бъ и способу добраты,—натякнувъ Денысъ.

— А ну—якого?—запытавъ старшына.

— Та такого: взяты та й продаты землю ту кому зъ путящыхъ людей.

— Такъ...—сказавъ старшына, и вси на мыть замовклы. Вси зрозумилы, що Денысъ хоче самъ ту землю купыты, и думалы, чы можно на се прыстаты.

Воно такы пидходыло, щобъ Денысови вона впала. Разъ, що винъ уже держыть іи въ посессіи; друге—що вси ти надилы сумежно зъ ёго надиломъ,—такъ трапылося; трете—що винъ же свій чоловикъ, и якъ пособыты ёму теперъ, то й винъ колысь у

прыгоди стане. Може де-кому хотилось-бы замисто Деныса соби ту земельку прыдбаты, та, бачъ, тоди доведеться посварытыся зъ Денысомъ, та й зъ тестемъ ёго Манойломъ, та й зъ кумомъ ёго Терешкомъ... а вже якъ середъ гурту заведеться въ ихъ сварка, тоди голота переважуваты почне. Воны поты дужи, покы вкупи.

Оттаки й пидхожи думкы плутались у кожного въ голови, якъ старшына зновъ озвався:

— Такъ, Денысе Пылыповычу!.. А шо жъ, дило добре! Цымъ уже навикы заткнемо имъ рота. Може бъ ты й за купця бувъ, га?

— Та я... якъ вы, господа хазяины, скажете,—говорывъ Денысъ:—а я, звисно, узявъ-бы... хочъ мени й сутужно теперъ на грошы, ну, та вже розстаравсяя бъ...

— Розстараешся!.. розстараешся!..—загомонилы гости.—А мы тоби пособымо въ громади: не попустымо, заткнемо горлянкы ротатымъ.

— Спасыби вамъ, господа хазяины, спасыби!—кланявся Денысъ.—Я на васъ—якъ на Бога!.. Уже теперъ вы мени, а колысь и я вамъ, дасть Богъ, чымсь пособлю.

— Истына правда,—сказавъ кумъ Терешко и додавъ панськои прыказкы:—Рука́ нагу́ моить.

— Правыльно!—промовывъ старшына.—Постановыть: продать переселенчеськи надилы Денысу Пылыповычу Сывашову.

— Продать! продать!..—загулы гости.

— А голоту, котора буде верещаты,—скрутыть!

— Скрутыть! скрутыть!

— Щобъ не смилы морды куды не треба пхаты,—по мордяци ихъ!

— По мордяци! по мордяци!

И все товарыство зареготалося. Голоснише за всихъ реготався самъ старшына, Грыгорій Павловычъ, и ёго товсте сыте облычче зъ поганенькою руденькою боридкою ажъ двыгтило все, закынувшыся назадъ. На ввесь ритъ реготавъ и кумъ Терешко, сміялыся Манойло зъ Остапомъ, радисно дрибненько сміявся въ шыроку русяву бороду Денысъ, а череватый одутлый Сучокъ до-

дававъ свого поважного-го-го-го-го,—мовъ порожня бочка гула. Пъяни червони облычча, блыскучи видъ поту й смальцю, що на ихъ повыступавъ, якось чудно ростягалыся, очи заплющувалыся, а замисто ихъ шыроко зялы ямкы червоныхъ пащъ-ротивъ зъ жовтымы велыкымы зубамы, выскаленымы зъ пидъ щетынястыхъ усивъ.

Самый Яхремъ Рябченко не реготавъ, тилькы ледви всмихався. Увесь часъ винъ сыдивъ мовчкы, погладжуючы свои чепурно закручени темни вусы, або чыстенько выголене пидборидде, та блыскаючы своимы пронозуватымы очыма. Теперъ, якъ регитъ трохы вщухъ, винъ озвався:

— По мордяци... Дай ёму сёгодни по мордяци, а завтра воно знову лизе. Отъ такъ, якъ свыня: ты іи бый, а вона кувика та такы лизе кризь тынъ на вгородъ.

— А ты такы бый по мордяци,—покы почуе та назадъ поверне!—сказавъ Манойло.

— А одвыхнувсь,—вона знову тамъ.

— Ну, дакъ що жъ ёго робыты?

— А що свынямъ роблють, щобъ на вгородъ не лазылы?—спытавъ Рябченко.

— Та що жъ?—Колодку прывъязують...

— Ну?

— Щó—ну?

— А те, що прывъяжи́мо й мы имъ колодку!—сказавъ Рябченко.

— Оттакои!—здувувавсь Остапъ.—А якъ же то?

— А хотилы-бъ?—лукаво спытавъ Рябченко.

— Ще бъ пакъ!.. Чого бъ то чоловикъ не схотивъ!..—загомонилы вси.—Якъ бы то!.. Та якъ?

— Та воно невелыка й штука,—спокійно й не поспишаючысь почавъ Рябченко.—Вы, Денысе Пылыповычу, та вы, Манойле Гаврыловычу, держыте въ посессіи комаривську землю?

— Держымо.

— А у васъ, Грыгоріе Павловычу, биля комаривськои своя земелька?

— Есть.

— А въ мене посессія биля вашои—глушкивського пана.

— Правыльно!

— А зъ другого боку комаривськои земли ти пересельски надилы, що Денысъ Пылыповычъ купуе?

— А вже жъ!

— А за имы земля Вавылова, Ивана Йвановыча?

— Такъ! такъ!

— А мижъ нею та глушкивською землею пана Горянського земля?

— И то правда.

— Ну, а де жъ громадська земля теперъ? га?—пытавъ Рябченко.

— Громадська?.. А громадська... де жъ? У середыни...

— Ну?—спытавъ Рябченко.

— Дакъ що жъ?—не розумилы слухачы.

— Овва! а ще й розумни люде!—засміявся Рябченко.—А те, що вси ци зе́мли кругъ громадськои зъ усихъ бокивъ. Вона середъ ихъ, якъ острывъ середъ воды. Визьмемо въ посессію Горянського землю, та поклычемо до себе въ кумпанію Вавылова,—тоди вже дыблянамъ безъ насъ не буде ніякого ходу.

Вси прытыхлы, вражени надзвычайною дывною думкою. Прытыхлы, сылкуючыся збагнуты, чы гараздъ воны розибралы справу, чы не помылылыся. И тоди вразъ загомонилы моторно, весело, радисно.

Дакъ це жъ дуже добре! Отъ выгадка, дакъ выгадка! Що правда—Горянського земля велыка,—дви тысячи зъ половиною десятынъ,—але гуртомъ узяты можно. Тоди громада буде въ такому кильци, що зъ ёго не буде ходу. Куды ни ступны,—навкругы все ихъ земля буде. Тоди яки воны схочуть, таки й цины на землю будуть—и за выпасъ товару, и за роботу, и за все! Бо де жъ тоди мужыкъ визьме земли, якъ не въ ихъ? Ёму иншого ходу не буде. Тоди вже не посміе нихто галасуваты въ громади. Робытыме громада що воны звелять. *Воны* будуть тутъ паны!

Ого-го! Попанувалы паны-помищыкы, теперь ще треба й господамъ хазяинамъ попанувaты!

— Ловка штука буде!—казавъ весело Копаныця.—Та се можно самымы видбуткамы такъ изробыты, що просто якъ панщына буде та й годи! Ну й голова въ тебе, Яхреме Семеновычу! Дай я тебе поцилую!

Копаныця захопывъ ливою рукою Рябченка за шыю, нахылывъ до себе и почавъ цилуваты товстымы масными губамы.

— Голова! голова!—загромонилы навкругъ уси та й полизлы цилуватыся спершу зъ Рябченкомъ, а тоди й самы промижъ себе. Плечи штовхалыся, червони облычча стулялыся, ялозылысь одне объ óдне замащеными вусамы й бородамы, дыхалы одне на óдне пъяныmъ горилчанымъ духомъ, що имъ уже повна була вся свитлыця.

— Дорога голова!—крычавъ кумъ Терешко.—Цины нема!..

По троху посидалы знову та й почалы миркуваты якъ воно буде. Ихъ тутъ семеро. Вавыловъ буде восьмый. Та чы прыстане жъ винъ? Се чоловикъ чужый, захожый здалека москаль. Бувъ колысь за обйиздчыка въ одного пана, тоди за прыкащыка, тоди за вправытеля, а тамъ уже й свою земельку купывъ. Ёму до дыблянъ байдуже. А въ тимъ, якъ роздуматься, то й не байдуже, бо и въ ёго жъ дыбляне землю беруть... Помиркувалы туды й сюды:—мабуть, прыстане.

Висимъ чоловика—се буде товарыство. Воны скынуться гришмы и за ти грошы наймуть Горянського землю. Хто скилькы грошей дасть, стилькы тому й земли буде. Можно хазяйнуваты й гуртомъ, хочъ краще кожному зъ-окрема. А радыться про все гуртомъ и гуртомъ, такъ якъ у громади, справы ришаты... та й не про саму цю землю, а й про инши: и за яку цину виддаваты десятыну, и яка цина на наймытивъ та на косаривъ, и яки видбуткы. И якъ и що робыты въ громади, то й про се спершу въ своему гурти радытыся...

Це все розсказувавъ имъ Рябченко и додававъ:

— Тоди насъ нихто не подужае... Одно тилькы... Хочъ мы й гарно миркуемо, та есть одна карлючка.

— А яка жъ то? Кажы!

— Йе одынъ чоловикъ такый, що може намъ велыкои шкоды наробыты.

— Ой! А хто жъ то? А ну, кажы!—почалы пытатыся.

— Та хто жъ? Деныса Пылыповыча братъ, Зинько.

— Хи!—що́ бъ то винъ и зробывъ?

— Почне каламутыты въ громади, почне коверзуваты,—може лыха наробыты.

— Та винъ уже теперъ прытыхъ,—озвався Сучокъ:—видколы оженывся. Чы такъ я кажу, Остапе Дорохвеевычу?

Остапъ покрутывъ своею чепурною головою.

— Ой ни! Якъ я за ёго дочку дававъ, то думавъ: буде семъянынъ, то вже до свого дила й прыхылю ёго. Такъ де тамъ!..

— Цурается?—спытавъ Копаныця́.

— Ни, винъ насъ изъ старою й не цурается: и въ гостяхъ изъ дочкою бувае, и въ себе прыймае, а такъ, щобъ у яке дило зо мною прыставъ, дакъ ніякъ! Я,—каже,—того не хочу, бо черезъ велыки грошы слёзы ллються. И вамъ,—каже,—тату, радю тыхъ багатыривъ покынуты та по Божому жыты.

— Ичъ, идолова душа!—обурывся Терешко.—Мулюють ёму ти багатыри!

— Ну,—сказавъ Рябченко,—а я такы думаю, що намъ ёго не мынуты. Бо винъ крутытыме въ громади. Памъятаете, якъ було зъ Стецьковою справою? Черезъ ёго жъ, черезъ Зинька жъ, усе сталося.

— Дакъ щожъ изъ имъ робыты?—спытавъ Денысъ.

— Прыйняты до насъ у спилку,—видказавъ Рябченко.

— Оттакои!

— Иншого ничого не выгадаешъ.

— Та въ ёго й грошей нема.

— Можно ёму гуртомъ позычыты, абы рота затулыты.

— А якъ не схоче?—пытавъ Манойло.—Онъ же чуешъ, якый голинный.

— Треба такъ изробыты, щобъ схотивъ,—обстоювавъ за свое Рябченко.

— Ну, та якъ же ты зробышъ?—не розумивъ Копаныця.

— А треба, щобъ ёму бувъ тутъ велыкый барышъ,—видказавъ Рябченко.

— Уже жъ бильшого, якъ усимъ, не буде!

— Колы сей ёму здастся малый, то треба й бильшого даты.

— Чого жъ то такъ?—спытавъ непрыхыльно Денысъ.—И грошы ёму позычъ, та ще й барыша зъ свого заробитку прыкынь! Це вже буде зовсимъ не по правди!

— Що жъ ты маешъ робыты,—казавъ спокійно Рябченко,—колы таке дило? Та воно не такъ и страшно, якъ здается. Колы треба буде, то мы ёму попустымо теперъ бильшый барышъ, щобъ винъ не зипавъ у громади за пересельськи надилы, то що... Сымъ его видъ товарыства видлучымо. Бо винъ черезъ те тилькы й сылу мае, що зъ имъ товарыство такыхъ, якъ и самъ, гольтипакъ. А якъ винъ имъ разъ израдыть, то вже воны его зроду не прыймуть,—поневоли тоди буде зъ намы, хочъ и безъ велыкыхъ барышивъ.

— То тоди ёму хвоста вкрутымо?

— Авже жъ!.. А якъ винъ одъ ихъ одкынется, то самы воны довго не вдержаться.

— Бо винъ же въ ихъ голова, старшына!..—зареготався Копаныця.—Що правда, то правда,—намъ треба его збыты зъ плыгу. Бо воно—блоха, ну, а й блоха якъ почне кусаты, то спаты не дасть. Нехай Остапъ Дорохвеевычъ коло его заходыться,—ёму се найзручнище.

— Та що жъ,—и заходюсь,—згодывся Остапъ.—Тилькы вы мени скажить що ёму говорыты.

Почалы миркуваты, якымы барышамы можно краще спокусыты Зинька. Наказалы Остапови торгуватыся: спершу даваты меньше. А Денысъ казавъ, що занадто багато ёму дають.

— Дарма, абы впійматы!

— А тамъ скрутымо ёму въязы!

— Щобъ не брышкавъ!

— Нихто теперъ не брышкатыме!

— Прывъяжемо колодку свыни.

— А колы й зъ колодкою полизе.—по мордяци!..

— По мордяци! по мордяци!..

И зновъ уси зареготалыся,—такъ имъ до вподобы бувъ той жартъ. Сміялыся въ смакъ,—ажъ здорови жовти зубы поблыскували серёдъ щетынястыхъ, умазанныхъ у смалецъ, вусивъ та бороды.

II.

Зинько.

Зинько Сывашенко йшовъ полемъ. Ишовъ не поспишаючысь, бо була недиля, а, поробывшыся добре ввесь тыждень, любывъ у недилю видпочыты. И видпочывавъ справди, йдучы нога за ногою, упываючысь ясно-соняшнымъ весняным днемъ, не душнымъ, бо жывущый витрець розвіювавъ духоту. Бувъ кинець весны, саме той, якъ и хлибъ, и трава зростуть уже досыть угору и блыщать пидъ соняшнымъ проминнемъ свижымъ зеленымъ колиромъ свого молодого соковытого тила.

Зинько зупынывся, задывывшысь. Передъ имъ шыроко розляглысь поля зелени зъ буйнымы хлибамы. Витеръ гулявъ по ихъ, бывъ по ихъ своимы мнякымы невыдимымы крыламы, дыхавъ на ихъ своимъ запашнымъ дужымъ дыханнемъ. Винъ грався зъ имы, винъ обнимався зъ имы, а воны весели, радисни, повни молодои сылы, молодого жыття, звывалысь пидъ ёго обіймамы, перекочувалысь моторнымы ясно й темно-зеленымы хвылямы.

Хвылювало, хвылювало зеленее море. Утикалы хвыли одъ витру. Котылыся, котылыся не перестаючы, все бижучы туды, въ далеку далечыню, ажъ де небо зхыляется до земли. Воны прыбигалы до ёго и плескалы въ ёго и цилувалы ёго. А воно сміялось до ихъ шырокымъ, безмежнымъ блакитнымъ усмихомъ, и той усмихъ спадавъ на ихъ золотымъ дощемъ соняшнымъ, несучы имъ жытте й сылу.

А витеръ, веселый и дужый, шугавъ мижъ блакытнымъ небомъ и зеленымъ моремъ и перекыдався, и купався въ просторахъ и сповнявъ Зинькови груды якоюсь дывною молодою сылою. Дыхалы груды такъ шыроко—вильно, и все тило, мицне якъ сталь, трепетало тіею сылою, здригалося видъ одного могучого порывання кудысь кынутыся, щось изробыты—щось велыке, дуже, и гарне-гарне!.. И Зинько й самъ не помитывъ, якъ те порыванее до руху, до дила выхопылося въ ёго зъ грудей голоснымъ крыкомъ:

— Гей-гей!—далеко роскотылося полемъ, и Зинькови здалося, що голосъ ёго долынувъ ажъ туды, до краю зеленого моря, и плеснувъ объ бéригъ блакытного неба, и небо всмихнулось до ёго, до Зинька, такъ сáме, якъ до того зеленого моря, якъ до тыхъ яривъ и байракивъ, що мрилы здалека, якъ до тыхъ пташокъ, що дзвенилы въ повитри, якъ до тыхъ метелыкивъ, що трипотáлы колёрыстымы крылыцямы надъ зеленымы хвылямы.

Ой, та й гарно жъ жыты на свити, та й легко жъ, весело!.. Та якъ же й хочется жыты! Жыты й працюваты, робыты щось гарне—таке, якъ оци поля красни! И винъ ихъ робыть, тутъ ёе й ёго праця,—отъ винъ здалека бачыть, якъ хвылюе й ёго поле, полыте ёго пóтомъ... Хвылюе не згирше за инши, ни, ще й краще!...

Ой гарно жъ, радисно, легко! И небо сміется, и поле сміется, и сміется счасте. Чому кажуть, що нема въ свити счастя? На свити, багато, багато счастя! Треба тилькы ёго здобуты. Все треба здобуваты, ни що самé до рукъ не йде,—такъ и счасте.

Все треба здобуваты. Голова ёго спынылася надъ ціею думкою. Чы се тилькы зáразъ винъ до цёго дорозумувався, чы й попереду знавъ? А вже жъ знавъ, тилькы що, може, не думавъ про се такъ... розбирнó...

Все треба здобуваты, нищó самé до рукъ не йде. Здобудешъ,—щаслывый будешъ, не здобудешъ,—зныдіешъ або згынешъ.

Зинько почавъ думаты, чы самъ винъ завсигды робывъ такъ, почавъ згадуваты мынуле жытте, перебираты одна по одній подіи. Почавъ зъ найблыжчыхъ, що трапылысь сёгодни, вчора,

и йшовъ дали, дали, пирнаючы въ те море мынулого жыття, то ясныхъ, то затуманеныхъ згадокъ. И потроху забувъ зъ чого почавъ думаты, сами згадкы опанувалы ёго цилкомъ, и мынуле стало передъ имъ якъ намалёване, якъ жыве.

Почувъ у своій души биль, згадавшы про те, про що николы не мигъ спокійно згадуваты, хочъ по тому мынуло вже килькы рокивъ.

Ёго братъ Романъ, покынувшы чесну працю, руйнувавъ, укупи зъ товарышамы-коноводамы, свое село, забираючы въ людей кони, и врешти пидпалывъ у Зинькового сусиды Струка клуню, щобъ народъ збигся на пожежу, а ёго товарышамъ-коноводамъ вильно було тымъ часомъ браты кони. Ёго піймано, мордовано, палено страшно, вымагаючы, щобъ винъ выказавъ товарышивъ. Винъ не выказавъ никого, вытерпивъ, бувъ довго хворый одъ мордування, а тоди, засудженый, пишовъ на Сибиръ. Суджено й тыхъ, хто ёго пикъ, покарано тюрмою... Це все мынулося вже, а й доси стоить передъ Зинькомъ якъ жыве: и сей попеченый, змордованый братъ, и другый братъ, Денысъ, що дывывся на те мордуванне залюбкы, ще й допомигъ, щобъ воно сталося... Охъ, цей Денысъ!..

Якъ бы винъ не гнався такъ за тіею копійкою, не сварывся бъ изъ Романомъ, а лагидненько нахылявъ-бы ёго знову до роботы, дакъ може бъ и не було ничого. А то жадоба тая несыта: все бъ зажеръ соби,—отъ и давай выпыхаты Романа, щобъ бильше батькивщыны прыпало... Зненавыдивъ ёго такъ, що прымивъ-бы,—въ ложци воды втопывъ бы!.. И такы й утопывъ...

Боже! скилькы горя було тоди въ симъи! Батько занедужавъ тяжко и вже николы не выдужавъ зовсимъ,—за рикъ умеръ зъ велыкого бо́лю, зъ несвитського сорома́... Маты й доси плаче...

Не мигъ батько писля того Деныса бачыты. Выгнавъ ёго видъ себе, не давъ, а кынувъ якъ собаци ёго частку—усе, що той схотивъ, и зъ того часу не хотивъ и чуты за ёго и не згадувавъ николы. Зъ тымъ и вмеръ. Зостався Зинько хазяйнуваты вдвохъ изъ матиррю. Хазяйнувавъ такъ зо́ два рокы, а маты все нарикала, що стара вже, не може сама господарюваты... а хочъ

Зинько наймавъ наймычку, та наймычка не господыня, и треба Зинькови женытыся.

А винъ не хотивъ. Бо не знаходывъ соби пары. Видколы парубкувавъ, тилькы одна дивчына й прыпала ёму була трохы до вподобы—то була вбога сырота, байстрючка, наймычка Левантына—тыха, боязька и нижно-гарна. Та ии звивъ Романъ, покынувъ зъ дытыною... Зинько такы хотивъ ии взяты, та вона, поховавшы дытыну, втекла видъ ёго... згодомъ умерла тяжкою смертю—такъ, що Зинько тоди й не знавъ... Винъ не знае навить де ии могылка. Але згадка про неи жыла въ ёго въ серци и не давала змогы думаты про одружинне.

Та мынувъ часъ, затыхъ биль... Одружывся Зинько, и теперъ йе старій матери видпочынокъ. И Зинькови добре. Було бъ и зовсимъ добре, якъ бы не одно: якъ бы не ти думкы!..

Думкы посидалы Зинька, не давалы ёму впокою, гнытылы ёму серце, розсаджувалы голову. И не мигъ винъ имъ даты ладу, хочъ уси воны крутылыся коло одного. Отъ такъ, якъ у тій писни спивается:

Нема въ свити правды, правды не зыськаты,
Що теперъ неправда стала правдуваты.

Отъ, саме такъ: стала *неправда правдуваты*, бо крывду вважають за правду. Зинько прыглядався до сильського жыття и бачывъ, що тамъ саме такъ и йе.

По симъяхъ не було ладу. Диты змагалыся зъ батькамы и пусто йшлы. Кожне порывалося выхопытыся зъ свыты та вскочыты въ панське пальто. Думалы не про те, щобъ буты хазяинамы, а якъ бы щобъ не буты простымы. Кыдалыся на заробиткы въ городъ, а верталыся часто неробамы роспоганенымы. Браты промижъ себе грызлыся, а найбильше за тую батькивщыну, якъ собакы за маслакъ. Булы й тыхи симъи, що жылы въ згоди, та такыхъ було менше.

Не добре діялось и въ громади. Тамъ верховодылы Конаныця, Денысъ, Рябченко та инши таки жмыкруты, дбалы не про добро людське, а тилькы за свои барыши: що имъ на руку,—за

те репетувалы, былыся, зъ рукъ ирвалы, не думаючы зовсимъ, що въ иншого черезъ те слёзы ллются. Та все жъ такыхъ багатыривъ було мало, а якъ бы воны сами булы, то певне ничого не моглы бъ изробыты зъ громадою, бо громада велыкый чоловикъ. Та на́ лыхо сама громада имъ пособляла. Одни стоялы за ихъ черезъ те, що булы имъ вынни, напозыча́вшыся багато, то не малы сылы й змогы проты ихъ иты; други змагалыся й соби вы-бытыся вгору на бильше багатство, то держалыся богатырськои купы, сподиваючыся, що та имъ швыдче пособыть перевагу взяты надъ иншымы громадянамы; третихъ багатыри купувалы за го-рилку, и такыхъ було трохы чы не найбильше. Зоставалася не-велычка купка самостайни́шыхъ людей, але одни зъ ихъ не зналы якъ обстаты за свое право, а други булы вже занадто ма-лосыли, щобъ моглы гору браты. Черезъ те въ громади багато гукалы, репетувалы, сперечалысь, але подужувалы завсигды ба-гатыри зъ своимы прыбичныкамы й полыгачамы. И де-дали вбы-валыся все въ бильшу та въ бильшу сылу. Народу намножылося стилькы, що вже ёму не ставало тіеи земли, яка въ ёго була, а багатыри сылкувалыся пидгортаты пидъ себе й ту, ску-повуючы іи въ убожчыхъ хазяинивъ, або забираючы за позычени й не вернени грошы. Де-дали коженъ зъ ихъ стававъ усе по-тужни́шый та потужни́шый, и Зинькови здавалося, що може прыйты такый часъ, колы воны посядуть усю землю громадську, и громади доведеться на ихъ робыты.

Такый ладъ здавався Зинькови поганый. Хыба жъ не могло буты краще? Але якъ?

Сёго Зинько не знавъ. Але винъ певный бувъ, що се можно знаты, и що десь хтось ёго знае. Де й хто? Може ёго знають паны, велыки генералы? Може вчени люде? Може де по кныжкахъ напысано? Адже по кныжкахъ спысано всяку науку: и якъ у Бога треба вирыты, и якъ по закону треба робыты, и якъ та зъ чого що сталося на свити—все! Чому жъ бы не було тамъ про те, якъ завесты лишшый ладъ на сели?

До панивъ, велыкыхъ генералывъ не можно Зинькови доступытыся, хочъ мабуть воны й знають про все, чого ёму

треба. Про вченыхъ людей—не про панивъ, а такы про справди вченыхъ людей—Зинько тилькы чувъ, що воны йе, але зроду ни одного не бачывъ, не зна й яки воны и де ихъ шукаты. Лышаются хыба кныжкы.

Багато про все це Зинько думавъ. Ще змалечку винъ не такый удався, якъ уси: бувъ тыхый замысленый хлопець. Слухняный, робывъ завсигды що наказувано, тилькы велыкый забудька бувъ: оце пасе телята й доглядае добре, щобъ якъ у шкоду не вскочылы... А навкругы трава зелена, небо шыроке, пташкы летючи... Якъ воны литають? Черезъ що воны литають? А якъ бы чоловикъ соби крыла прыробывъ, то литавъ бы? Мабуть ни, бо якъ бы можно було, то давно бъ уже вси люде поробылы соби крыла та й литалы бъ,—се жъ краще, нижъ ходыты або йиздыты. А чого жъ пташкамъ можно? Уже жъ люде розумниши за пташокъ, то певне колысь выгадають такъ, що й литатымуть. Ото-бъ добре було! Ажъ до неба можно було бъ! долынуты та й подывытысь що тамъ йе... на Бога й на янголивъ глянуты. Еге—ге! теперъ винъ знае чого люде не можуть литаты: бо якъ бы моглы то й коженъ гришный чоловикъ замисто пекла залитавъ бы въ рай та й надокучавъ бы Богови. Тымъ то Богъ такъ и зробывъ. Хочъ воно й не по правди, бо й мижъ пташкамы не вси жъ праведни, а йе й гришни. Онъ шулика—кожну пташку роздырае. А може жъ ёму то видъ Бога звелено, щобъ пташкы йисты? Такъ, якъ людямъ можно йисты вивци, волы, куры... Якъ чудно на́ свити: одне одного йисть: вивця йисть траву, а чоловикъ та вовкъ вивцю; пташка йисть комашокъ, а шулика та чоловикъ йисть пташокъ: рыба йисть чирвакивъ, а чоловикъ рыбу... Штука!—чоловикъ усе йисть, тилькы ёго нихто не йисть! Хыба нихто? А вовкъ та ведмидь якъ пiймае, то й зйисть, колы чоловикъ ёго не вбъе. Онъ якъ: одне одного йисть, одне одного йисть... А се погано, бо воно болыть, якъ ризаты або вбываты. Чому бъ не було такъ на свити, щобъ нихто никого не йивъ, а йилы або хлибъ, або садовыну, або городыну, або траву... Ха-ха-ха! Це бъ тоди люде паслысь якъ телята!..

— Ой-ой-ой-! А де жъ це телята?

Гляне, ажъ воны давно въ шкоди. Бижыть Зинько завертаты... Побачыть сторожъ або хазяинъ та такыхъ духопеливъ ёму надае... Бувало такъ, що й займано, то Зиньковому батькови доводылось платыты за спашъ. Батько гримавъ, а Деныcъ и бывъ за се...

Зрисъ трохы Зинько, парубкомъ уже бувъ, захманулося ёму вывчытыся чытаты. Школы въ ихъ тоди ще не було, дакъ Зинько зъ свого заробитку дякови платывъ, ажъ покы той навчывъ ёго такъ-сякъ чытаты. Пысаты винъ и самъ трохы прывчывся: купывъ соби пропысь у городи та й навчывся самопыскы... Помалу пыше, але все жъ пыше. Чытае краще. Винъ уже багато кныжокъ попрочытувавъ. Зъ святыхъ кныгъ Евангелію найбильше вподобавъ. Здорово тяжко розбираты, а кныжка справди свята, бо напысано, якъ по правди жыты, людей не крывдючы. А зъ несвятыхъ кныжокъ найбильше ёму до смаку прыпало дви. Одного разу винъ бувъ у гóроди на базари и купывъ тамъ дви стареньки, въ поганенькыхъ палитуркахъ, кныжкы. Одна була менша и звалася: «Робертъ Оуэнъ». Важко було іи розумиты,—Зинько й теперъ ще не все въ ій розибравъ. Але оце винъ розибравъ добре: йе така земля Англія, а въ тій Англіи на хвабрыкахъ та на заводахъ робочому народови дуже погано було жыты; дакъ выйнявся такый чоловикъ, Робертъ Оуэнъ,—винъ усе клопотався, щобъ тымъ людямъ краще жыты було, и всякого способу до того добиравъ, самого себе не жаліючы. И Зиньковы цей Робертъ Оуэнъ здавався такымъ гарнымъ чоловикомъ,—трохы чы не святымъ: де жъ такы—багатый панъ, мигъ бы соби сласно йисты й пыты, хороше ходыты, ни про що не дбавшы, а винъ за вбогыхъ людей такъ клопочется! Зовсимъ якъ святый! Въ кныжци бувъ Оуэнивъ патретъ. Зинько выйнявъ ёго звидты, оддавъ завесты въ рямци пидъ скло и почепывъ на стини. Дывывсь на ёго й думавъ;

— Отъ бачъ-же, выйнявся тамъ такый чоловикъ, що за вбогыхъ людей обставъ. Чому жъ у насъ нема такого, щобъ

обстававъ за нашыхъ хлиборобивъ та й позаводывъ середъ ихъ кращи порядкы?

Друга кныга була Зиньковi така зрозумила, така зрозумила, якъ ще ни одна въ свити: кожне тоби словечко въ ій Зинько тямывъ, розумивъ и почувавъ, бо воно ёму якось до душы, до серця промовляло. Звалася та кныга «Кобзарь Тараса Шевченка», и якъ Зинько чытавъ іи, то такъ, мовъ батька ридного чувъ, або до писни, що кохана дивчына спивае, прыслухався. Такъ гарно!.. И напысано про таки прости речы и про простыхъ людей, а гарно! Черезъ те жъ и гарно воно Зиньковi було, бо ёму сподобалося, що про простыхъ людей однаково якъ и про панивъ велыкыхъ, говóрытся. И Зинько такъ соби думавъ:

— Велыка душа въ того чоловика була, що сю кныгу спысавъ, бо винъ розибравъ, що й мы люде, та й каже про насъ, якъ про людей.

И винъ выйнявъ зъ кныгы патретъ Тарасивъ Шевченкивъ та й ёго почепывъ поручъ изъ Оуэномъ у рямцяхъ за скломъ. Дывлючысь на ёго, згадувавъ разъ-у-разъ усяки ёго щыри слова (знавъ изъ головы багато), а якъ згадае таки, якъ отъ:

Обнимите, браты мои,
Найменшого брата,—
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты!

то ёму ажъ слёзы бренилы на очахъ. Духъ переймало ёму й тоди, якъ чытавъ:

Учитеся, браты мои,
Учитесь, чытайте—
И чужого научайтесь
Й свого не цурайтесь.
Бо хто матирь забувае,
Того Богъ карае.

Спершу винъ не розумивъ, до чого се тутъ матиръ изгадуется, але дали, багато развивъ прочытавшы «Кобзаря», за малымъ не вывчывшы ёго всёго, думавшы про ёго часто, такы зрозумивъ....

И тоди сказавъ самъ соби, що буде винъ поважаты свою хату, не хоче видбыватыся видъ своихъ людей и буде *вчытыся.*

Вчытыся! О, цёго бажала вся душа ёго, до цёго порывалася вся йстота ёго! Вчытыся, щобъ знаты, якъ и що йе на́ свити и черезъ що воно такъ. Учытыся, щобъ знаты, якъ запобигты лыхови, якъ зробыты, щобъ не крывда, а *правда правдувала!* Винъ певный бувъ, що наукою сёго зможе дійты, бо не дурно жъ той, хто напысавъ «Кобзаря», люблючы такъ дуже правду та вбогыхъ людей, веливъ усимъ учытыся. Винъ знавъ, на що се казавъ, и Зинько хоче ёго слухатыся, за ёго прыводомъ иты и вчытыся.

Але якъ? Де? Видъ кого?

До школы вже пизно було йты такому, якъ винъ. Черезъ те пишовъ до вчытеля, просючы, щобъ той учывъ ёго самого, а винъ за те ёму платытыме.

— Чого жъ тебе вчыты?—запытавъ учытель.

— Всіеи наукы, яка йе на́ свити!—видказавъ Зинько.

Учытель засвыстивъ, а тоди зареготався.

— Дурный ты!

— Та я знаю, що я дурный,—тымъ и прыйшовъ, щобъ вы мени розуму доточылы.

— Хыба жъ можно всихъ наукъ навчыты?

Та й почавъ личыты яки йе наукы: и така, и сяка, и онъ яка... Ажъ моторошно Зиньковы стало...

Одначе, все жъ изгодывся вчыты Зинька де чого и справди за рикъ навчывъ ёго трохы арихметыкы та пидучывъ дужче розумиты кныжкы... Та незабаромъ Зинько побачывъ, що сей учытель и самъ не дуже бильше знае... та й до кныгы мало колы зазыра, а все то въ карты гуляе, то въ бѣседи горилочку цмулыть, то зъ собакою качокъ дыкыхъ стриляты бигае... А ще бильше не сподобався винъ Зиньковы тымъ, що на кожного се-

лянына, хочъ бы якого старого й поважного, каже «*ты*» та велычается передъ мужыкамы, що винъ панъ... Покынувъ Зинько до ёго ходыты. Наважывся вчытыся самъ.

Купывъ соби арихметыку, щобъ и дали вчыты іи, купывъ географію, бо хотивъ знаты про всяки зе́мли... Купувавъ ище багато всякыхъ кныжокъ. Яки булы въ ёго грошы, що мигъ бы на парубоцьки вборы вытрачаты, або що,—все виддававъ за кныгы. Купувавъ на базари, въ щетынныкивъ и въ погане́нькій кныга́рни въ го́роди. Купувавъ, не знаючы яки воны, а такъ—яка до вподобы прыпаде своимъ заголовкомъ. Купувавъ и чытавъ багато и врешти кынувъ. Здебилшого ёму трапляЛыся недотепни, а часомъ и гыдки кныжкы. Зинько не знаходывъ середъ цёго мо́тлоху того, чого шукала ёго розумна, свиту прагнуща голова. Надъ «Кобзаря» та надъ «Роберта Оуэна» кныгы не знайшовъ, хочъ не збувся надіи колысь такы вышукаты чого треба. Знавъ бо, що йе добри кныгы, але самъ не тямывъ, по чо́му ихъ пизнаваты и де ихъ знаходыты. Зрозумивъ, що мусыть засягты порады якого-сь тямущого чоловика.

Де жъ винъ? Де ёго шукаты?

Навкругы, поблызу Зинька, ёго не було. Учытель самъ не дуже дбавъ за кныгы, батюшка не любывъ розмовляты зъ селянамы ни про що, опрыче церковныхъ справъ; панокъ Глушкивськый (поблызу жывъ) тилькы й знавъ, що ганявъ зъ хортамы за зайцямы, то Зинько й не сподивався тамъ ничого доброго почуты... та й не смивъ до ёго, до незнаёмого, йты...

— У городъ хыба питы?—думавъ соби парубокъ часомъ, але заразъ-же й покыдавъ цю думку: разъ, що винъ якось не полюблявъ того города писля нещаслывого выпадку зъ Романомъ та зъ Левантыною, а друге—до кого-бъ же винъ и тамъ удався? Все невидоми люде, не схочуть зъ имъ и говорыты. И зоставався Зинько самъ изъ своимы думкамы...

Хочъ и не зовсимъ самъ. Такы булы де-яки товарыши, що винъ мигъ изъ имы розмовляты про те, що турбувало ёму розумъ и серце. Найбильше зъ Карпомъ та зъ Васютою...

III.

На пасици.

Почынало ставаты душно, бо сонце давно вже звернуло зъ пивдня. Питъ проймавъ Зинька, а витеръ уже не прохоложувавъ, бо й самъ ставъ такый гарячый, мовъ зъ печы.

Зинько вже бачывъ поблызу середъ поля невелычкый гаёкъ. Тамъ холодокъ, тамъ такъ гарно,—хочъ бы швыдче дійты.

Винъ скынувъ чумарку, щобъ не було такъ душно и зостався въ самій гарно й рясно вышываній сорочци зъ тонкого полотна. Видкотный комиръ злегка обнимавъ ёму загорилу шыю. Загориле було й облычче, худе трохы, але молоде й чепурне, зъ темнымы вусамы й чупрыною, що не зовсимъ ховала ёго лоба гарного, хочъ и була розчисана напередъ. Зъ пидъ чорныхъ ривнывъ бривъ (заздрощивъ дивочыхъ) сялы розумни променысти очи. Винъ удывлявся тымы очыма въ блызькый уже гай,—чы не побачыть тамъ кого ёму треба. Не побачывъ никого. Додавъ ще ходы́ и незабаромъ ставъ биля гаю.

Маленька стежечка вбигала зъ поля помижъ дерева. Зинько вступывъ на неи, и ёго вразъ обняло такымъ гарнымъ любымъ холодкомъ, що винъ ажъ зитхнувъ шыроко й легко. Пишовъ тоди помалу, впываючысь тіею жывущою прохолодою, тыхо ступаючы по мякій стежци. Трохы згодомъ деревъ поменшало, и незабаромъ передъ Зинькомъ розислалася прогайлёвына, вся осяяна соняшнымъ проминнемъ.

Се була пасика. Десяткивъ зо́ тры вуликивъ, понакры́ваныхъ покривлямы черепъянымы й зъ коры, стояло середъ гайка. Золоти бджолы бренилы въ золотому соняшному проминни, купчылысь на вуликахъ биля вичокъ, гулы весело. Ливоручъ стояла невелычка катрага, а передъ нею, трохы блыжче до Зинька, въ холодку пидъ велыкою гиллястою грушою, сыдило двое.

Просто Зинька сыдивъ, нахылывшы порыте глыбокымы зморшкамы чо́ло зъ снижыстою стрихою, зовсимъ билый дидъ.

Велыка довга борода спадала ёму на товсту билу сорочку и на ій ще билила якъ снигъ. Худорлявый дидъ мавъ шыроки плечи и могучи ще жылави рукы. Винъ зъ упокоемъ зложывъ ти рукы на колинахъ и не поспишаючысь оповидавъ тыхымъ ривнымъ голосомъ, иноди киваючы злегка головою, и тоди Зинько бачывъ. якъ зъ пидъ ёго билыхъ кудлатыхъ бривъ блыщалы чорни. надзвычайно молоди очы.

Слухала ёго пыльно, втупывшы въ ёго свои темни мрійни оченята дивчынка, що сыдила передъ имъ. Ни, не дивчынка, бо на голови въ неи бувъ маленькый святковый очипокъ,—тилькы здавалась дивчынкою,—така була зъ облычча молоденька, за малымъ не дытына. Сыдила бокомъ до Зинька, просто на земли, пидобгавшы пидъ себе ногы. Зинькови выразно выдко було іи высоке, якъ и въ дида, чоло, мовъ намалёвану, чорну брову и маленькый, ледви-ледви горбатый носыкъ; червони губынята и нижно обведене легеньке пидборидде. Трохы загориле облычче такъ и пашило румъянцемъ. Коло вухъ и на шыи вылося, выбывшыся зъ пидъ очипка, непокирне русяве волоссе. Тонка шыя вгыналася пидъ разкамы колёрыстого намыста й дукачивъ. Блыскучею хвылею спадалы воны на высоки груды. на билу тонку сорочку зъ мистецькымъ вышываннемъ. Тоненькый станъ стягавъ червоный плетеный поясъ, колина обнимала картата старосвитська плахта—зъ зеленымы, червонымы, сынимы, жовтымы картамы. Молодычка заслухалася дидового оповидання. іи маленьки рученята лежалы на колинахъ нерухомо. Передъ могучою постаттю обсыпаного снигомъ старечои зимы дида ёго маленька слухачка здавалась якоюсь рясноцвитною нижною весняною квиткою.

О, якъ винъ іи любывъ, сю квитку, винъ, Зинько! Любывъ и заразъ такъ са́ме, якъ и тоди, якъ уперше іи зострывъ. уперше глянувъ на неи та й закохався видразу й навикы. Цёму помынуло вже мало не пивтора рокы, але Зинько й доси мовъ бачыть передъ себе ту першу зустричъ.

До того часу винъ іи не помичавъ. Бачывъ разъ чы двичы, але давнише, маленькою ще дивчынкою. Воны жылы далеко видъ

Сывашивъ. зовсимъ на другому кутку села. Зинько й на своему кутку не дуже ходывъ на вулыцю, а на чужый, то й поготи́въ. И въ церкви бувавшы якось недобачавъ іи. Ажъ одного разу пославъ его батько на поле въ пасику до дида Дороша Колодія попытаты, чы не продасть винъ ёму зъ пару вуликивъ. Зинько прыйшовъ на цю саме пасику, але никого на ій не було. Озырався туды й сюды, чы де не вгледыть дида, колы несподивано передъ себе побачывъ дывну дивочу постать. Саме въ оцёму, вбранни, що й сёгодни, тилькы безъ очипка, зъ винкомъ на голови, зъ довгою пышною косою, стояла вона на краю прогайлёвыны, готуючысь выйты зъ гаю на пасику. Розхылывшы кущи рукамы, спынылась, зостривши несподиваного гостя и дывылась на ёго мовчкы. Ёму здалося, що передъ имъ стала якась гаёва царивна—така, про яку оповидають у казкахъ: гарна, якъ квитка, легенька й полохлыва, якъ пташка. Винъ зъ нею ще слова не сказавъ, винъ тилькы глянувъ ій у-вичи и вже почувъ, що кохае іи, що вона ёму дорожча за всихъ людей на свити... И воны стоялы одне проты о́дного мовчкы, мовъ зачаровани, обхоплени однымъ могучымъ почуваннемъ.

Тилькы тоди винъ зрозумивъ, що винъ никого й николы не кохавъ, що Левантына була ёму тилькы сестрою—нещаслывою й любленою сестрою... Теперъ винъ зновъ стоить у тій же такы пасици и передъ ёго дидъ Дорошъ, а вона, Гаинка, ёго коханне, ёго дружына, ёго щасте, сыдыть и слухае.

И, стыха чо́ломъ киваючы, оповидае дидъ:

— А въ лиси жыве Полисунъ. Ходыть зъ велыкою пугою и ганяе вовкивъ, бо винъ вовчый богъ. Де війна, то винъ туды й турыть ихъ на прокормъ... Такый, якъ чоловикъ, тилькы велыкый, якъ дерево... И видъ ёго тини нема: усе мае тинь, а винъ — ни... А у поли жыве Полёвый—и то нечыста сыла... А въ очерети надъ ричкою Очеретяныкъ—выбигае зъ очерету билымъ бараномъ и лякае людей... А въ води жыве Водяныкъ—сей у зеленый кушырь уплутаный, пакосты чыныть, гребли рве... А въ болоти жыве Болотяныкъ—такый замурзаный та вкаляный...

уночы затягае въ болото чоловика... вогныкомъ свитыть середъ болота, а чоловикъ думае, що тамъ люде, иде туды, а воно все дали, дали... ажъ покы заведе въ таку ковбаню, що й загрузне бидолашный чоловикъ... А въ скели жыве Змій. И се нечыста сыла. Симъ годъ жыве гадыною, други симъ годъ—полозомъ (така велыка та страшна зміюка), а трети симъ годъ жыве зміемъ изъ крыламы,—таки велыки, якъ у витряку... И тилькы трохы махне крыламы,—схопытся выхоръ и закрутыть по шляху и якъ стрине чоловика, то пидвіе и вхопыть, и кыне, й скаличыть навикы. А якъ дуже махне крыламы та вылетыть изъ скель, то зареве буря и ламаются дерева и розвалюются хаты...

— Ой страшно!.. Боже!..

— И въ хмарахъ йе нечыстый,—збирае хмары маленькымы шматкамы и зносыть ихъ докупы, ажъ покы зберется велыка хмара... А якъ бувае въ нечыстои сылы весилле, дакъ винъ тоби збирае багато снигу и сыпле й крутыть имъ,—того й завирюха.

— Бачъ, чого воно бувае! А я й не знала!...

— А ще нечыстый литае зміемъ-перелесныкомъ. Якъ побачышъ на дорози стричку або поясокъ,—николы не беры. Одна жинка знайшла та й заховала въ скрыню. А то бувъ змій-перелесныкъ: вылизъ та до неи вночы... Зъ того часу ставъ литаты до неи и жыты якъ чоловикъ изъ жинкою, а вона зсохла, змарнила и вмерла... А скарбу, якъ хто закопае, береже Скарбныкъ: не попустыть никому займаты... А дома жыве Домовыкъ...

— Що людей у ви сни давыть?

— Еге, давыть, якъ гниваеться... А щобъ не гнивався, треба становыты ёму окрипъ—пье... А то якъ розгниваеться то й спалыть...

— И Господы!—ажъ сплеснула рукамы Гаинка,—и скризь, де не ступнешъ, ота нечыста сыла: и въ води, и въ земли, и въ лиси, и въ очерети, и въ бузыни, и въ руинахъ, и въ скели, и въ хмари—скризь, скризь, скризь! И все на шкоду людямъ! И на що Богъ пустывъ іи на свитъ? Адже зъ неи нема добра, сама шкода?

— Нема... Трошкы йе... Що дня, якъ сонце сходыть, дакъ воны, куцакы, выкочують ёго. А воно горыть, а воно ихъ пече!.. Що-дня тысяча ихъ тамъ робыть, а мало якый жывый зостается.

— Де жъ воны знову набираются?

— Якый жывый зостанется, то той купается, а купаючысь,— брызкае позадъ себе, покы набрызкае тысячу крапель,—и зъ кожнои крапли, заразъ народжуется гаспыдъ.

— Боже! То це коженъ що-дня народыть ихъ ажъ тысячу! Дакъ це жъ скоро за имы й ступнуты не можно буде!

— А ты жъ думала якъ? Та хыба тилькы си? А ще Мана́, що маныть людей, абы зблукалыся, та Мара́—голову имъ заморочуе, та Манія́—дратуе ихъ, та Моровы́ця—така, якъ корова, або якъ кинь, да тилькы сами кисткы, безъ шкуры... Якъ про́йде по селу вночи,—коровы ревуть страшно, а вси собакы мовчать— боятся... И обходыть усе село, и де стане,—тамъ скотына и гыне, и гыне...

— Ой, страшно!.. Це ще страшнише за русалокъ, дидусю... Я страхъ боюсь, що мене русалкы залоскочуть.

— Дакъ то жъ на Русалчынъ Велыкдень.

— А мавкы?

— Та й мавкы жъ... И русалкы, й мавкы—все зъ нехрыщеныхъ дитей... По поляхъ, по лисахъ, по водахъ жывуть...

— И скризь таке, що ёго й не бачышъ, а воно жыве... Отъ дыво!

— Чому—не бачышъ? Якъ хто, то часомъ и бачыть. Доведется й тоби колысь побачыты.

— Ой ни, ни, ни!... Не хочу! Не хочу! Не хочу!..—И вона затулыла облычче одніею рукою, а другою махала видъ себе, мовъ боронючысь одъ нечыстои сылы.—Не хочу, бо я боюся!..

Въ сю мыть Зинько пидійшовъ до неи и обхопывъ за плечи.

— Ой!—скрыкнула вона несамовыто, зирвалась на ногы, видскочыла й глянула зъ пидъ рукы.

— Зиньку!.. капосный! поганый! Якъ ты мене злякавъ! геть, геть, геть видциля!.. Чого ты сюды прыйшовъ?.. Тилькы лякаты мене!..

И вона кынулась до ёго та й почала видпыхаты видъ себе. А винъ одніею рукою обхопывъ іи, маленьку, за станъ и пиднявъ угору.

— Геть!.. Чого ты прычепывся?.. Диду! та скажить ёму!.. Оце ще выгадкы!..

Вона пручалась, одбывалась своимы маленькымы рученятамы.

— Ахъ ты жъ кошеня дряпуче!—скрыкнувъ Зинько, и вмыть схопывъ другою своею рукою обыдви іи рукы.—Отъ же тоби! Въ неволи!..

— У неволи!.. Якый гарный!.. Пусты!.. Здоровый якъ ведмидь,—дакъ и радый!.. Пусты, а то плакатыму!..—казала вона й справди плачу́щымъ голосомъ.

Зинько пустывъ. Вона вразъ выхопылась одъ ёго, видбигла геть дали и зареготалась веселымъ дзвинкымъ смихомъ.

— Одурыла! Одурыла! А що?!.. Я й не думала плакаты и не плакала бъ... А одурыла!..

И вона ажъ стрыбала зъ радощивъ, а Зинько й сывый дидъ дывылыся на неи нижно-ласкавымы очыма, весели й щаслыви. «И де вона въ Бога, оця ясочка, взялася?»—шепотивъ дидъ. А ясочка выбигла на сонце и стояла вся променысто-золота, и золоти бджолы бренилы, вылыся кругъ неи, не займаючы іи. Вона хытала маленькою чепурною голивонькою, кывала рукою на Зинька й казала:

— А що? втекла! И не доженешъ теперь, и не доженешъ!.. Бо по насици бигаты не вильно,—дидусь не велять! А що?

— Годи вже! Я не наздоганятыму. Иды та сидай зъ намы!

— Отъ! А ты мени знову рукы крутытымешъ?

— Иды, иды,—я не дамъ,—казавъ дидъ.

— Ну йды жъ!—заклыкавъ и Зинько.

— А не за́ймешъ?

— Та не займу, кажу жъ тоби! Ось я ляжу,—сказавъ Зинько и справди лигъ, розкынувшыся въ холодку.—Ну та й гарно якъ тутъ писля спекы!

— Бачъ, гарно!.. А чого доси не прыходывъ сюды?—сказала Гаинка, сидаючы биля ёго.

— Покы справывся дома—та те та се...

Вона почала ховаты пидъ очинокъ непокирне русяве волоссе, що вылося кругъ усеи головы:

— Ать, се мени волоссе!..

Сей гаёкъ и пасика булы Колодіивъ, але Зинько становывъ сюды на лито й свои вулыкы. А Дорошъ, Гаинчынъ дидъ, беригъ пасику. Дидъ Дорошъ бувъ старый, але ще кремезный чоловикъ. Усе лито винъ жывъ на пасици, мало колы й навидуючысь до-дому. Винъ такы й не любывъ буты дома: усе тамъ було ёму не до вподобы. Сынъ его Остапъ, Гаинчынъ батько, заводывъ тамъ такый ладъ, що, якъ на дидову думку, зъ ёго не могло буты ничого доброго. Замисто щобъ хазяйнуваты по Божому, винъ запрыятелювавъ изъ Денысомъ, изъ Копапыцею, зъ Рябченкомъ, почавъ даваты на процентъ та на видробиткы грошы, почавъ прытыскаты людей... И самъ жыты ставъ уже не такъ: закрывывся на якого-сь чы мищаныпа, чы Богъ ёго й зна на кого... въ горилку ставъ укыдатыся... Все те не подобалося старосвитському дидови.

— Земля—маты,—казавъ винъ,—шануй іи, то вона тебе озолотыть, а оти гендели всякы, то чортъ-зна-що!—то видъ лукавого!... Зъ того добра не буде!..

Винъ давно виддавъ сынови все хазяйство, черезъ те не встрявавъ до ёго. Що правда, одного разу винъ сказавъ Остапови, що не туды винъ верне, дакъ той ёму й одризавъ:

— Не ваше дило, тату! Вы свое видробылы, а теперъ, колы здалысь на мене, то вже я робытыму такъ, якъ схочу.

— Абы розумно та по Божому,—видказавъ старый и бильше вже й не озывався за це. Винъ самъ мавъ таку вдачу, що колы робывъ яке дило, то щобъ нихто не встрявавъ и не перешкожавъ робыты якъ хочешъ. Черезъ те не мишавсь и до сына. Що правда, винъ мигъ зовсимъ одибраты въ ёго хазяйство и знову початы самому хазяйнуваты, дакъ же разъ, що бувъ такы вже старый, а друге, що тоди повстала бъ у симъи сварка та незлагода, а дидъ Дорошъ сёго не любывъ и якъ чумы страхався. Умерты хотивъ по Божому, въ упокои та въ злагоди зъ усимá. А що сыновы

порядкы ёму не подобалысь, то такы не вдержувавсь, щобъ часомъ не докорыты: скаже щось, мовъ кыне слово, та й пишовъ и не слухае вже, чы ёму що видкажуть, чы ни. А дывытыся на все те не хотилось,—черезъ те винъ, скоро почыналась весна тепла и бджолу зъ омшаныкивъ захожувалысь выймати, заразъ перейиздывъ жыты въ сей гаёкъ, у катрагу, и вже ридко колы й зазыравъ до-дому, бо ёму сюды й сорочку билу прынесуть що-недили, а йисты винъ и самъ соби зварыть. Такъ жывъ ажъ до осены, ажъ покы бджола перейиздыла до омшаныка,—зъ нею вертався й дидъ до села.

Сёгодни, заразъ по обиди, Гаинка побигла зъ дому до матери, а звидты—до дида, на пасику. Зинько жъ не схотивъ иты до тестя, а прыйшовъ просто сюды и оце лежавъ теперъ у холодку пидъ деревомъ, упываючысь свижымъ запашнымъ повитремъ, а биля ёго сыдила й щебетала Гаинка, а дидъ Дорошъ докыдавъ часомъ и соби сливце.

— А батько пыталысь,—казала Гаинка,—чому ты до ихъ не прыйшовъ... Якесь у ихъ тамъ дило... Пыталыся, чы ты дома будешъ? Ни, кажу, и винъ до дидуся пиде...

— Яке жъ тамъ дило?—цикавывся Зинько.

— А хыба я знаю? Казалы—дило... Та воны сюды прыйдуть сёгодни, то самъ и попытаешъ.

— Гараздъ.

— А що, сыну,—пытавъ дидъ Дорошъ,—якый хлибъ?

— Хвалыты Бога,—добрый. Думка, що неврожаю не буде.

— Колы бъ то Богъ давъ!.. А то все неврожай та неврожай,—зведуться люде ни на що!—бидкався дидъ.

— А зведуться, диду, колы не будуть дбаты про те, щобъ краще господарствоваты... А то лисы рубають, а земля сохне, и дощивъ меншае... И выробылась земля, вытратыла всю сылу, а воны й сылы ій не вертають...

— А якъ же ій сылу вертаты?—пытавъ дидъ.

Зинько почавъ бувъ розсказуваты що прочытавъ недавно въ кныжи, але дидъ и слухаты не хотивъ, тилькы рукою махнувъ:

— Атъ! Выгадкы! Колысь и вченыхъ не було, та яки врожай булы! А теперъ черезъ те й неврожаи, що вчени понаставалы, не вирють ничому старосвитському, все въ ихъ дурныця! Гниваєтся земля,—тымъ и не родыть! Отъ що!..

— Хыба земля жыва, диду?—спытала Гаинка.

— А ты думаешъ—ни? Вона все чуе й знае. Уси грихы людськи бачыть и вгынается, якъ по їй гришныкъ иде... а якъ якого, то й зъ ямы выкыне мертвого. Якъ люде гарни до неи, вона радіе й пособляе имъ, а якъ ни, то плаче й гниваєтся.

— Та чого жъ вона гниваєтся?—спытався, усмихаючысь, Зинько.

— Того, що іи не шанують! Вона—наша маты, вона—свята! Іи цилуваты треба, кланяючысь!.. А въ насъ що роблють?—Не то дытына дурна, а й здоровый лобуряка сяде та й давай кыйкомъ гатыты по їй. Играшкы ёму!.. Або, колысь було, молодыця якъ несе обидъ орачамъ, то вберется якъ на Велыкдень: визьме плахту гарну, роспустыть намитку довгу, бо такъ треба до земли йты. Отъ воно й родыло и на вгороди й на поли. А теперъ иде молодыця, простьг Господы, якъ та росомаха: у самому очипку, ще й пачосы повыпускае, а замисть плахты—задрипана спидныця. Ну, хыба жъ се шана земли? Ну, вона, свята, й гниваєтся.

Гаинка глянула на свои колина и побачыла тамъ плахту; тоди лапнула себе за голову: неслухняне русяве волосся все вылося зъ пидъ очипку. Вона мерщій ухопыла хустку, що лежала биля неи, й напнулася.

— Ни, диду,—видказавъ Зинько,—тутъ не въ тому сыла.

— Атъ!—перепынывъ ёго дидъ.—Отъ я тебе люблю дуже, Зиньку, що ты добрый чоловикъ и гарно, по Божому, жывешъ, а отого вже не люблю, якъ ты зъ кныжокъ почнешъ верзты всячыну. То вже видъ лукавого, оти кныгы.

— Адже й Евангелія—кныга,—сказавъ Зинько.

Дидъ розсердывся:

— Що ты ривняешъ? То Евангелія, а то ка-зна що!.. Отъ уже не люблю!..

По стежци видъ поля почулася хода́.

— Батько, батько йдутъ!—скрыкнула Гаинка.

И справди, незабаромъ на краю пасикы стала высока гарна постать Остапова.

— Здорови, тату!—зъ недилею!

— Здоровъ, сыну! И тебе зъ недилею!

— И ты тутъ, Зиньку? Здоровъ!

— Здорови, тату!

— А чомъ же ты до мене зъ Гаинкою не прыйшовъ? У мене до тебе й дило йе.

— Казала мени Гаинка. Яке жъ тамъ дило?

— Нехай же згодомъ,—одпочыну трохы.

Сивъ до гурту и почавъ роспытуваты дида Дороша про пасику. Погомонившы, сказавъ до зятя:

— А ходимъ, Зиньку до того лану, що биля Крывои балкы, я тамъ щось хочу тоби показаты.

— И я зъ вамы,—скочыла Гаинка.

— Ни, ты не ходы,—звеливъ батько.—Мы заразъ вернемось.

— Ну, дакъ вертайтеся жъ швыдче!

Тесть изъ зятемъ пишлы зъ пасикы. Выйшовшы на поле, пишлы помалу середъ высокихъ жытивъ. Зинько мовчавъ, дожыдаючысь, покы тесть самъ озветься зъ своимъ диломъ. Якъ уже видійшлы трохы геть, той загомонивъ:

— Отъ що, Зиньку: йе въ мене одно дило дуже добре.

— А ну скажить!

— Знаешъ ты Горянського землю? Добра земля?

— Ще бъ пакъ!

— Що́, якъ бы намъ іи въ посессію взяты?

— Еге! Де жъ такы? Дви зъ половыною тысячы десятынъ! Хыба жъ то на нашу сылу?

— Абы схотилы, то буде й на нашу. Зберемо такый гуртъ. товарыство, визьмемо землю, а тоди подилымо частками,—скилькы кому треба. Адже тоби треба?

— Та трохы такы треба...

— И гараздъ! и добре!—зрадивъ Остапъ.—Визьмешъ, скилькы схочешъ.

— Або ще й на скилькы грошей выстачыть.

— За грошы не турбуйсь!—одказавъ Остапъ.—Колы въ тебе заразъ усихъ нема, то можно тоби на якый часъ позычыты, здобуты... А тамъ земля ихъ верне... Се вже я тоби грошей добуду.

— Спасыби вамъ, тату!

— Дакъ выходыть—прыстаешъ?

— Чому—ни? Якъ уся громада прыстане, то й я.

— Та ни жъ бо! Се не вся громада братыме землю, а такъ—товарыство, гуртъ.

— А якъ на мою думку, то краще, якъ бы вся громада... Ну, а хто жъ у тому гурти?

Остапъ почувався, що теперъ винъ ажъ у самыхъ суточкахъ. Одначе не выявлявъ того, а казавъ певнымъ голосомъ:

— Та люде все гарни, заможни,—нема чого боятыся, що невыдержка буде зъ грипмы, якъ панови платыты.

— Хто жъ то?

— Та ось я та ты... Тонконоженко Терешко... сватъ Манойло Гаврыловычъ... Ну, вже тутъ знаешъ, не мынешъ и Деныса... Хочь ты його й не полюбляешъ, та такы жъ винъ тоби братъ, то треба вамъ родычатыся...

— А ще хто?—допытувався Зинько.

— Та мабуть и вси...

— Ни, сихъ мало: не подужають.

— Та ще буде старшына... та Яхремъ Рябченко... Вавыловъ... Оце покы й уси... Може ще кого доведется прыняты,— того вже не знаю. Дило барышовыте! Тутъ такъ, що можно на карбованець—два заробыты.

— А чого жъ то воно таке барышовыте?—выпытувавъ Зинько.

— Оттакъ! Та земля жъ яка тамъ добра—се разъ. А друге—цину на землю тоди вже мы самы яку схочемо скажемо, бо навкругы не буде такои земли, щобъ нашымъ дыблянамъ браты... Ну, дакъ скилькы жъ тоби десятынъ?

— Ни скилькы,—видказавъ спокійно Зинько.

— Якъ то?—здывувавсь Остапъ.—А ты жъ казавъ, що прыстанешъ.

— И прыстану, колы вся громада визьме землю.

— А зъ намы жъ чому не хочешъ?

— Бо се багацьке товарыство. Воно хоче пидгорнуты пидъ себе громаду, а я того не хочу. И вамъ раджу, тату, до такыхъ негарныхъ людей не прыставаты.

— Що ты мене вчышъ? Я старишый за тебе!

— Дарма, тату,—абы я до дила казавъ.

— Чортъ-зна що ты кажешъ! Ты лучче покынь оте все та прыставай!

— Ни, сёго не буде.

Остапъ почавъ умовляты, рахуваты яки барыши будуть, якъ Зинько забагатіе.

— На що вы мени, тату, се кажете? Хочъ барышъ и добрый, дакъ гришный.

Тоди Остапъ зовсимъ росердывся. Що́ винъ, Зинько, все носытся зъ своею правдою? Чы винъ думае, що самъ за всихъ розумнишый та святишый? Нехай лышъ слухается старишыхъ за себе людей!

Зинько не змовчавъ и видказавъ, що не все, що старе, те й добре. Остапъ украй розгнивався, покынувъ Зинька середъ поля и, не попрощавшысь, пишовъ самъ додому на село.

Зинько вернувся на пасику и бувъ тамъ ажъ до вечора.

Вже зиркы позасвичувалысь на темно-блакытному неби и роса лягла важкымы краплямы на траву й хлибъ, якъ Зинько зъ Гаинкою верталыся вдвохъ изъ пасикы додому, идучы вузенькою стежечкою помижъ высокымы жытамы.

— Що тоби батько казалы?—пытала Гаинка, тулючысь до Зинька.

— Заклыкалы, щобъ прыставъ до ихъ у товарыство: батько, Денысъ, Тонконоженко, Манойло, старшына, Рябченко, Вавыловъ... щобъ гуртомъ наймаaты землю.

— А ты жъ?

— А я не схотивъ.

— И не прыставай, серденько, до ихъ. Богъ изъ нымы! Бо то таки страшни люде—оти Денысъ, старшына та Рябченко.

Зинько засміявсь:

— Чого жъ воны страшни?

— Я не знаю... Тилькы я ихъ, було, боюся, якъ воны прыходють до батька та нышкомъ про щось говорють.

— Страшни воны справди тымъ, що людей крывдють,—зитхнувъ Зинько.

— Хочъ бы вже батько зъ имы не прыятелювалы,—казала Гаинка.—А то ихъ уси люде кленуть, а батько все зъ имы. Може се й грихъ, що я про батька кажу, да тилькы жъ... Ну, отъ я разъ бачыла, якъ до батька прыходыла Марчыха... усе за ти грошы, шо ще покійный Марко позычавъ у батька... Та якъ упала навколишкы та плаче-плаче бидна, та батькови ногы цилуе, щобъ земли не бралы... Отъ же взялы... не помылувалы!.. Якъ згадаю, дакъ и теперъ такъ бы й плакала за нею!.. Якъ же ёго не сказаты, хочъ воны й батько?

— Черезъ те жъ и я николы не прыстану до ихъ.

— И не треба... Глянь, глянь: зирочка!.. Ясна-яснюня!.. Ой, зирочкы-сонцевы диточкы!..

— А хто жъ ихъ батько?

— А хто жъ? Мисячко. Сонце, красна панна, пишла замижъ за мисячка... Ихъ дванадцять братывъ-мисяцивъ, дакъ воны по черзи й свитють.

— А сонце жъ якъ: за однымъ братомъ, чы за всима дванадцятьма?—спытавъ сміючыся Зинько.

— Ну, що ты выгадуешъ? Чого ты зъ мене глузуешъ? Де жъ такы выдано, щобъ дванадцять чоловикивъ було?—казала не-

вдоволенымъ голосомъ Гаинка.—Отъ я вже знаю, що ты заразъ скажешъ, що це все выгадкы, що сонце кругле, якъ кавунъ, а зиркы... а зиркы якъ дыни, чы що? Ха-ха-ха! Ну, де такы выдано: сонце якъ кавунъ!.. То сонце—красна панна, зирочкы́—дú точкы́, а то кавунъ!.. Це жъ зовсимъ негарно!.. А що: ты кажешъ—русало́къ нема, а дидусь кажуть, що такы йе!

— Чувъ, що сёгодни казано було... То все выгадкы.

— Хыба дидусь брешуть?

— Ни, тилькы помыляется. Ты жъ бачыла, що винъ помыляется: сама жъ казала вже, що видёмъ нема.

— Еге жъ, Зинечку, нема... Тилькы... Ну, а що, якъ йе?

— Ну, отъ зновъ!—загомонивъ Зинько невдоволенымъ уже голосомъ и почавъ розска́зуваты ій черезъ що вси ти оповидання про видёмъ та про́ нечысту сылу—неправда. Вона помитыла, що ёму се прыкро и слухала покирно и казала сама соби думкою, що мусыть изъ имъ згодытыся, бо Зинько такый розумный, усе знае—де жъ такы, щобъ винъ неправду казавъ? И гниваеться на неи за се—такъ, трошечкы, иноди, але гниваеться... Якъ же вона не слухатыметься его? Треба жъ уже ій розбираты: вона жъ уже велыка, симнадцять рокивъ ось-ось буде... и замижъ пишла вже...

И вона стыха, якъ маленька дытына, промовыла:

— Еге, Зинечку, я бильше вже тому не вирытыму...

— И добре!.. Отъ мы неодминно про це кныжку прочытаемо,—сказавъ Зинько.—А то ты давно вже й кныжокъ не чытаешъ. На що жъ я тебе й чытаты вывчывъ?

— А неправда жъ!—палко видказала Гаинка, рада, що повертае розмову на иншу стежку.—Я чытала недавнечко «Катерыну»... чытала й спивала іи.

— Якъ то: спивала?

— А такъ: дывлюся въ кныжку та й спиваю.

— А на якый же голосъ?

— А хто ёго зна... на якый набижыть... Ось слухай, якъ я спивала!

И вона почала спиваты перши куплеты Шевченковои поэмы:

Кохайтеся, чорнобриви,
Та не зъ москалямы,
Бо москали—чужи люде,
Роблють лыхо зъ вамы.

Вона спивала на якыйсь голосъ, що сама выгадала, але Зинькови подобався іи спивъ.

— А що, гарно?

— Ще й дуже.

— Невже?

— Ій бо, добре! И якъ се ты выгадала?

— Хыба я выгадувала? Воно—саме... Тамъ такъ усе рядочкамы попысано, рядочкамы попысано, то такъ и хочется спиваты.

— Та ты мое спивоче!..

Гаинка й справди була дуже спивлыва. Але теперъ вона похытала головою й видказала:

— Ни, якъ колы... А чуешъ,—онъ на сели спивають!

Воны вже пидходылы до села и видтиля справди чуты було дивочи й парубочи спивы.

— Весело имъ... гуляють!..—промовыла Гаинка.

— Може й тоби хочется до ихъ?—спытався Зинько.

— Ой ни!—видказала, хытаючы головою. Якъ я зъ тобою, дакъ мени вже ничого не хочется.

И вона, идучы, прытулылась до ёго ще дужче.

— Справди?—спытавъ Зинько.—А буйного доброго намыста, такого, якъ у Горпыны?

Вона не заразъ одказала...

— Буйного доброго намыста такы трошкы хочется...

IV.

На вулыци.

Воны ввійшлы въ село. Темни вербы й садкы дрималы надъ хатамы, а осяяни виконечка весело всмихалыся зъ пидъ чорныхъ стрихъ и кыдалы впоперекъ улыци ясни смугы свого білястого свиту. Пидъ одніею хатою зибралася купа́ дивчатъ та парубкивъ, чуты було веселый гоминъ.

— Зи́ньку, ты?—озвався голосъ изъ тіеи купы, и высока постать вийшла зъ неи.

— Я, Васюто,—видказавъ Зинько.

Васюта, Зинькивъ товарышъ, пидійшовъ до ихъ.

— А я заходывъ до тебе,—думавъ сёгодни почытаемось... ажъ тебе нема.

— На пасици въ дида Дороша булы.

— Ще й одну штуку хочу тоби сказаты.

— Кажы!

— Ни, заразъ не хочу. Прыходь завтра ввечери до Карпа, и я тамъ буду,—дакъ и поговорымо.

— Гараздъ. Бувай здоровъ!

— Бувай!

Гаинка зъ Зинькомъ пишлы дали вулыцею, а Васюта вернувся до товарыства. Тамъ чуты було регитъ та крыкъ: уси сміялыся зъ Мыкытыныхъ выгадокъ. Мыкыта Тонконоженко, Денысового кума Терешка сынъ, верховодывъ теперъ помижъ парубкамы, видколы вернувся зъ городу. Рокивъ изъ пъять винъ тамъ бувъ, бо якъ вывчывся въ школи та пидрисъ трохы, то заразъ ёго батько туды виддавъ. Жывъ тамъ и за сторожа, и за прыкащыка, та якось прошкапывся: щось продавъ изъ бакаліи нышкомъ одъ хазяина, соби грошы прыховавшы, а хазяинъ довидався та й прогнавъ. Поблукавшы по городу безъ службы, вернувся до батька. Дома ничого не робывъ и до хазяйства не брався:

— Вотъ, мене харошe мѣсто ждётъ, а я буду въ гною рукы паганыть!..

Батько самъ потуравъ тому:

— У мене сынъ образованый!

Самъ робывъ, а «образованый» сынъ лежавъ пидъ грушою дожыдаючыся, щобъ грушы сами въ ротъ падалы. За те дывувавъ Мыкыта всихъ на вулыци своимъ убраннемъ: чоботы «бутылкамы», штанци-галанци вузеньки, сорочка сытцева червона на выпускъ, ще й поясомъ сынимъ зъ кытыцямы пидперезана, а зверху ще й «паджакъ зъ искрою»,—такъ винъ самъ ёго звавъ.

— Якажъ у ёму искра?—пыталыся промижъ себе дивчата.

— А що рябенькый...

Зъ себе Мыкыта бувъ здоровый, чорвонопыкый, а на языкъ гострый,—кожному забывавъ бакы. Надъ парубкамы верховодывъ, бо одни вподобалы ёго «образованость» та що винъ ихъ часто напувавъ горилкою, а други боялысь ёго здоровыхъ кулакивъ. Тилькы Васюта ніякъ ёго не шанувавъ и часто глузувавъ изъ ёго, и за те Мыкыта ненавыдивъ безъ миры не то самого Васюту, а й усихъ, хто зъ имъ прыятелювавъ.

Теперъ Мыкыта стоявъ середъ гурту парубкивъ, у бокы взявшысь, одставывшы ногу, ще й выляючы носкомъ, и патякавъ:

— Ну й баба ета Гаинка! Ну прямо така, што умѣсто сахарю чай бы зъ нею пилъ.

— Ха-ха-ха!—реготалыся парубкы.

— Ій-Бо—не я буду,—одобъю іи въ етаго дурака Зинька.

— Тю на тебе!—озвавсь якый-сь парубокъ.—Вона жъ чуже подружже!

— Вотъ—пустякъ унымания, нуль обращенія! Какое намъ до етого дѣло? Абы мине понаравылась,—моя буде! Се по вашому, сельскому, дакъ никакъ нильзя, ще й нивозможно, а въ городи—го-го! Тамъ, братъ, кажна барыня свого любовныка ймѣить и даже не то што барыни, а й горнышни й кухаркы. Мени одынъ лакей знакомый росказувалъ. Дилá—первый сортъ!

— Дакъ се ты и въ насъ, чы що, хочешъ таке завесты?—спытавъ Васюта, ставшы проты ёго.

— А тоби што за дѣло? Хочъ бы й хотивъ! Што жъ ты мынѣ—перепъянство йздѣлаешъ, чы какъ?

— Я тоби якогось тамъ перепъянства не робытыму, а колы ты ще разъ такъ озвешся за Гаинку, дакъ и зубы вызбираешъ!— сказавъ сердыто Васюта.

— Хто—я? Хи-вва! Бальшая барыня твоя Гаинка! Наплювать мени! Не такыхъ выдалы!

— Да й ти на васъ плювалы!—доточывъ Васюта, почынаючы вже своимъ звычаемъ глузуваты.

Парубкы й дивчата зареготалыся.

— Оце дакъ утявъ! А ну, Мыкыта, а ну—одкажы ёму.

Мыкыта позакладавъ рукы въ кышени въ штаны, видкынувъ голову назадъ и промовывъ:

— Штука мени ёму одказать! Какъ бы одказавъ, то й носомъ бы землю зарывъ, да не стоить зъязуваться зъ усякымъ какымъ нибудь!..

— А знаете, хлопци й дивчата,—не вгававъ Васюта,—я навчывся новои писни, та й ловкои!

— А ну-ну! якои?—загомонилы вси, цикави на нову писню.

— Слухайте жъ! я буду спиваты, а вы розбирайте добре, бо це писня городська, дакъ гарна. Эхъ, бисъ ёго батькови!— нема въ мене двохъ кышень у штаняхъ,—никуды обохъ рукъ позакладаты!.. Ну, та дарма,—гараздъ буде й такъ! Ну, роззявляйте роты та слухайте!

И винъ почавъ трындыкаты:

Закладае рукы въ брукы
Та й говорыть, што вонъ панъ,—
Розсмотрившысь хорошенько—
Настоящый шарлатанъ!

— Ха-ха-ха!—загаласувала вся купа, а Мыкыта ажъ затрусывся.

— Ты будешъ мени шарлатана прытулять?!—скрыкнувъ винъ и кынувся до Васюты зъ кулакамы.

— Тю, тю на тебе! Оханысь! Та винъ несамовытый!.. Святъ! святъ!..—казавъ Васюта, поступаючысь назадъ та хрыстючы Мыкыту.—Чого ты до мене прычепывся? Тожъ не я, тожъ

писня моя!.. А ты іи й до себе тулышъ? Де жъ такы? Хыба жъ воно на тебе похоже? То жъ про пана, чы пакъ про шарлатана, а ты жъ мужлай репаный, такый саме, якъ и мы, тилькы що, знаешъ, изверху тіею вапсою помазаный,—отіею чорною, що смердыть такъ, що й носа не навернешъ.

— Мовчы!—скрыкнувъ Мыкыта, все стоючы зъ затысненымы кулакамы, але не зважуючыся вдарыты, бо й у Васюты булы не згирши.

— Ой-ой-ой! уже занимивъ!—и Васюта затулывъ рота рукою... и вразъ крыкнувъ:

— Кгвалтъ! горыть!..

— Де горыть? де?—заметушылася переляканa молодижъ, ладна́ вже бигты на пожежу.

— Паджакъ зъ искрою горыть!..

Уся вулыця гримнула реготомъ.

— Пху на тебе, собака паршыва!—крыкнувъ Мыкыта, одвернувся й пишовъ на другый бикъ гурту, а Васюта репетувавъ;

— Стрывай! стрывай! гасытымемъ!.. Искры розгоряются!..

— Ни, не здержы́ть Мыкыта проты Васюты,—казалы парубкы.—Проты всихъ здержыть, а проты тебе, Васюто, ни.

А зъ Мыкытою тымъ часомъ оддилылося килькы парубкивъ и пишлы гуртомъ на другу вулыцю.

— Ну й уйидается въ тебе сей Васюта!—казавъ одынъ парубокъ.—И чомъ ты ёго не провчышъ?

— Рукъ поганыть не хочу,—вотъ што, Ванька!—одказавъ ище заклопотанный Мыкыта.

— Здоровый, якъ туръ!—промовывъ другый парубокъ,—самъ ще й не подужаешъ ёго.

— Дакъ давайте гуртомъ попадемо та й одлатаемо!—порадывъ той, що ёго Мыкыта Ванькою звавъ.—Ій-Бо, Мыкыто, мы тоби поможемо.

Мыкыти стало веселише.

— Вотъ спасиба, камарады! Кабы ихъ обоихъ изъ Зинькомъ!

— Дакъ що? И Зинька можно! Нехай лышъ не величается! А то такый праведныкъ: усе ёму парубкы поводються погано,—не такъ, якъ ёму завгодно.

— Бо вонъ города не выдавъ, дакъ у ёго й мужыцьке понятія,—сказавъ Мыкыта.

— А скажы, Мыкыто,—невже справди въ городи такъ жывуть, що хто зъ кымъ хоче, зъ тымъ и любытся—чы винчаный, чы нéвинчаный—однаково?—спытавъ званый Ванькою.

– Ще й якъ!

— Отъ штука!

— А што, харашо? Не журысь, Ванька,—и въ насъ завыдёмъ! Вотъ толькы нымного пожыву зъ вамы, дакъ мы такое завыдёмъ, що тилькы нý да й облыжысь! А то вы царамоңытесь! Вотъ я васъ навчу!

Ишлы дали, и винъ подававъ имъ науку.

А тымъ часомъ Зинько зъ Гаинкою пидходылы вже до своеи хаты.

— Ой, щось сварыться!—сказала Гаинка.

Справди сварылося. Товстый роздратованый чоловичый голосъ крычавъ:

— Брешешъ! брешешъ! Не косытымешъ ты, бисова тинь, того жыта! Я ёго скосю, бо на моій земли.

— Оце вже Момоты́ за землю лаются,—сказавъ Зинько.

Момоты булы сусиды Зинькови: зъ одного боку Струкъ, а зъ другого Момоты. У старого Момота було трое сынивъ: старшый—Грыцько, тоди—Панасъ, обыдва жонати, а тоди Иванъ, ще парубокъ—отой «Ванька», що ходывъ зъ Мыкытою по вулыцяхъ. Грыцька батько давно вже виддилывъ, оженывшы, выпрохавъ ёму въ громады кгрунтъ на краю села, поставывъ тамъ хату, давъ клапоть поля й трохы худобы. Одначе батько виддавъ не все поле, що мусыло ёму прыпадаты: десятыны не додавъ, бо ще на свою частку зоставлявъ, а вмираючы торикъ, пры людяхъ сказавъ, що Грыцько мае взяты соби ще одну десятыну,—тоди въ кожного брата буде ривно земли. Отъ-же браты не схотилы виддаты ёму тіеи десятыны, кажучы, що батько ёму все виддавъ ще тоди, якъ оддилявъ ёго. Грыцько пишовъ, одмирявъ самъ соби десятыну та й посіявъ на ій. Панасъ зъ Иваномъ довидалыся про се тоди, якъ Грыцько вже й заволочывъ. Зъ того часу

почалася запекла сварка промижъ двома братамы—Грыцькомъ та Панасомъ. Де бъ ни стрывалыся воны, то заразъ якось зачеплются за ту землю, та й почнется супречка, за малымъ не бійка. Иванъ, меншый, бувъ не такый запеклый, та все жъ обстоивавъ за Панаса (винъ зъ имъ и жывъ).

Така спирка счынылася й теперъ. Грыцько йшовъ улыцею, а Панасъ, стоючы въ воротяхъ, зачепывъ ёго.

— А не диждешъ ты, — видповидавъ Грыцько, — чужого хлиба косыты! Я буду працюваты, а ты будешъ мое добро забираты!

— Бо не сій на чужому! И заберу, а ты дулю зйисы!— одгукувавсь Панасъ.—Йистымешъ дули: такъ тебе ными нагодую, що ажъ репнешъ. А хлиба не йистымешъ, бо я ёго заберу, на всій тій десятыни заберу!

— И на́ поле не пустю!—видказувавъ Грыцько. —Въ мене коса въ рукахъ буде.

— Побачымо ще! Не пустышъ мене на мое поле, дакъ самъ зогныешъ у земли!—нахвалявся Панасъ.

— Отъ такы воны справди порижутся колысь!—промовыла Гаинка.

Тымъ часомъ Грыцько вже промынувъ Панасову хату и бувъ коло Зиньковои.

— Добрывечиръ, дядьку!—озвався до ёго Зинько.

— Добрывечиръ!.. А хто се? Зинько!.. А я за тымъ шыбеныкомъ и не добачывъ тебе.

— И хочется ото вамъ, дядьку, змагатыся зъ имъ!

Грыцько махнувъ рукою.

— Ты жъ кажы! Оттакъ соби йшовъ до-дому прозъ ёго хату и въ голову того соби не клавъ, щобъ сварытыся, а винъ зачепывъ.

Грыцько вже видсердывся трохы: винъ звычайно скоро прохолонявъ, не такъ, якъ Панасъ: той якъ росердытся, то вже злый буде хто й зна покы и все проты того чоловика копатыме, а якъ розлютуется иноди, то хто й зна що робывъ бы. На ёго багато людей ремствувало: чы свыня чыя до ёго вбралася, то

винъ уже ій спыну перебъе; китъ до ёго внадывся чужый,—лапы ёму повидрубуе. А одного разу засварывся зъ чоловикомъ за якусь тамъ дурныцю и все нахвалявся: Ну, будешъ-же ты безъ худобы! Той чоловикъ и байдуже, а одного разу вранци встае, пишовъ у повитку,—ажъ кони ёго—пара добрыхъ коней—здыхають: хтось уночы зализъ та ножемъ кышкы имъ повыпускавъ... Усе село знало, що се Панасъ изробывъ, а ни́чымъ довесты,—такъ и пропало. Черезъ те дыбляне не любылы Панаса, трохы навить боялыся ёго, и въ спирци зъ Грыцькомъ бильшисть до старшаго брата прыхылялася, надто жъ, що Грыцькова й правда була. За те въ Панаса бувъ оборонець—Копаныця.

Грыцько тымъ часомъ, стоючы въ Зинька передъ воритьмы, оповидавъ, якъ почалася сёгодни сварка, и додававъ:

— Отъ ты кажешъ: не сварысь! Якъ же мени не сварытыся—самъ ты подумай! Се жъ мои труда́! А земля? Вона жъ моя,—се жъ усяке знае. А въ мене жъ диты! Якъ же я поступлюся нею? Теперъ усяке надъ землею трусыться, бо народу багато, а земли мало, а я такъ и покыну іи?

— Та ни, я того не кажу,—видповидавъ Зинько.—Знаю, що земля се ваша, що вамъ іи треба. Тилькы що якъ почнете вы сварытыся та бытыся, то не буде ничого зъ того добра. Вы свое робить, а колы винъ до васъ чеплятыметься, тоди позывайте ёго.

Грыцько подумавъ...

— Хто ёго знае, чы выпозываешъ що...—промовывъ зитхнувшы.—А въ тимъ—воно справди тоди лучче выдно буде, а теперъ не вартъ змагатыся... Бувайте здорови!..

— Бувайте й вы!

— Шко́да чоловика!—промовывъ Зинько.—И путящый чоловьяга, а не счастыть ёму.

Грыцькови справди не таланыло. Все було ёму якесь лыхо: то въ ёго коняку вкрадено, то вилъ здохъ, то грядъ ныву побывъ—и такъ мало не що року якась бида йде та й другу за собою веде. Напосилася недоля на горопаху. Зовсимъ пидбывся чоловикъ, а найбильше тоди, якъ ёму жинка вмерла, покынувшы

трое малыхъ дитей. Бывся винъ, бывся зъ имы щось бильше якъ рикъ, а дали такы оженывсь удруге. Самъ винъ и не хотивъ того, бо й доси журывсь по першій жинци, та люде кругомъ казалы и самъ бачывъ, що не выдержыть безъ господыни зъ трёма дитьмы та зъ хазяйствомъ. Та яка жъ на трое дитей пиде? Нараяно ёму покрытку Йивгу—чепурну й здорову, але зъ дытыною. Та то бъ ище не лыхо, та погано про неи говорено на сели. Та що було робыты Грыцькови? Хыба инша пиде? Добре що й така трапылась. И оженывсь. Та щось и теперъ не дуже велыкый ладъ у ёго въ симъи...

Маты вже спала, якъ Зинько зъ Гаинкою вернулыся до-дому. Воны не сталы іи будыты. Гаинка по́темкы познаходыла въ хати вечерю, вынесла, и воны силы вечеряты на прыспи. Мисяць уже высоко пидбывся вгору, и було ясно, хочъ голкы збирай. Голодни й щаслыви, воны повечерялы тымъ, що зосталося видъ обиду, и полягалы спаты на прымостци въ садку, що почынався въ ихъ заразъ одъ хаты.

— Зиньку, чы правда що на мисяци братъ брата на вылахъ держыть?—спыталася Гаинка, лежачы горилыць та дывлючысь на мисяць.

— Казавъ же тоби, що ни!—видповивъ Зинько, вже трохы дримаючы.—Спы лышъ, а то завтра рано вставаты.

— Хи, якый робочый! Гляды лышъ, чы самъ устанешъ колы треба!

Зинько вже давно спавъ, а вона все дывылася на небо та думала про Визъ блыскучый—хто на ёму йиздыть? Богъ? Чы святый Илля? Може саме тымъ возомъ винъ и йиздыть, якъ гримъ грымыть? А ото Квочка... Чого вона на неби, тая Квочка? Певне—се Божои Матинкы Квочка зъ Курчатамы. Отъ же й на неби йе дробына́... Не дурно кажуть, що Богъ любыть хазяйство... Адже и въ колядкахъ спиваютъ, що Сусъ Хрыстосъ землю оравъ и сіявъ, а Божа Матинка обидаты ёму выносыла... Правду дидусь кажуть, що землю шануваты треба, бо іи жъ самъ Богъ оравъ и засивавъ... Земля—маты, вона насъ любыть... И я іи люблю... И вона... и я...

Думкы плуталысь, Гаинка заснула.

———

V.

Зинькове товарыство.

Прокынувшысь другого дни рано вранци, Зинько справди побачывъ, що винъ оставсь позаду: невсыпуща господыня Гаинка давно вже встала вдвохъ изъ матирью, видигнала корову до череды и, покы маты порплылась на вгороди, помалу полючы старымы рукамы картоплю, Гаинка заходылася топыты. Саме якъ Зинько прокынувсь, вона въ старéнькій спидничы́ни, зъ закáчанымы по ликоть рукáвамы, выбигла зъ хаты вхопыты дровець.

— Чомъ же ты мене не збудыла?—гукнувъ до неи Зинько.

Вона, заслоняючы очи рукою видъ сонця, що сáме сходыло червонымъ пивколомъ, глянула въ ёго бикъ.

— А ты вже вставъ хыба? У, сонюжыще! Спыть, що вже й сонце сходыть!

— Кажу жъ: чомъ не збудыла?

— Добрый хазяинъ самъ знае встаты!—сміялася Гаинка и стояла вся червоно-золота, позыраючы зъ пидъ рукы на Зинька. Потимъ додала:—И чого бъ то я тебе будыла? Однакъ велыкого дила теперъ нема,—ну й поспы!

И побигла браты дрова.

Зинько, трохы засоромленый, що заспавъ, кынувся швыденько садкомъ до ричкы, мыттю скупався и, моторный та здоровый, не заходючы въ хату, пишовъ пидъ повитку. Винъ трохы столярувавъ, якъ не було хлиборобськои роботы—отъ такъ самъ соби навчывся та й робывъ. Теперъ заходывся майструваты соби велыке лижко. Се не легенька штука була, бо Зинько николы такого ще не робывъ. Але винъ хотивъ зробыты и выпрохавъ соби на деякый часъ у дяка старе поламане лижко деревляне. Розибравъ усе на часткы и теперъ и соби робывъ сáме таки часткы и певный бувъ, що складе зъ ихъ лижко—такъ саме, якъ зробывъ соби колысь шахву на кныжкы, тоди вiйку. Найнявъ у чоловика вiйку, щобъ перевiяты свое зерно, роздывывся, ажъ

воно й не мудра штука. Заходывся робыты. Що зализне, то те ёму коваль поробывъ, а деревляне—все самъ. И зробывъ. Побачывъ одынъ чоловикъ, що добре війка віе,—купывъ іи въ Зинька, а той соби знову зробывъ, ще кращу. И такъ винъ ажъ чотыри війкы зробывъ: одну соби, а тры людямъ.

Стругавъ и думавъ про вчорашню розмову зъ тестемъ. Що тестеве товарыство хоче взяты въ посессію пана Горянського землю, то те Зинька не дывувало: воны булы заможни люде, здолилы се зробыты, а добра земля дасть имъ и добрый заробитокъ. Чому жъ и не взяты, колы йе сыла? Але дывувало Зинька, що тесть заклыкавъ и его до спилкы.

Що правда, скоро Зинько одружывся зъ Гаинкою, іи батько не разъ та й не двичы нахылявъ зятя, щобъ той ишовъ зъ имъ одніею стежкою. Та Зинько швыдко розибравъ, яка то стежка, и нею не пишовъ, а Остапъ Колодій не згирше розибравъ, що винъ помылывся на зятеви: винъ рахувавъ, що якъ пысьменный Зинько прыстане до ёго, то воны вдвохъ таке заведуть, що ну! Бо ёму, Остапови, тилькы пысьменства й не ставало. Ажъ дали побачывъ, що Зинько не туды зовсимъ дывытся, то й облышывъ ёго жыты якъ тому хочется... надто, що Зинько николы ніякои помочи въ ёго не прохавъ. Черезъ те воны жылы зъ Зинькомъ такъ, що не сварылыся, та й не ладналы промижъ себе, а йшлы коженъ самъ соби.

Тымъ Зинько ніякымъ робомъ не мигъ и думаты, щобъ тесть, знаючы вже ёго добре, та знову заходывся заклыкаты до якоись спилкы. Одначе жъ заклыкавъ! Черезъ що жъ?

Щобъ зробыты Зинькови добро? Може буты... хоча... Остапъ Колодій не зъ такыхъ, що робыть дурно добро, хочъ-бы й родычеви... а надто такому, що ничого въ ёго не просыть и може самъ соби прожыты.

Може не подужають самы земли взяты? Може. Але Зинько, негрошовытый чоловикъ, не здолае тутъ ничого пособыты: колы бъ уже воны шукалы помочы, то знайшлы бъ не одного заможнишого за ёго.

А все жъ клычуть! То выходыть, що имъ такы жъ треба на щось Зинька, саме ёго, а не кого иншого.

На що жъ? Зинько думавъ про се, думавъ и ничого не мигъ выгадаты. Тилькы почувавъ, що тутъ щось непевне.

Ввечери Зинько пишовъ до свого прыятеля Карпа. И Карпо бувъ молодый чоловикъ, недавно жонатый. Бувъ пысьменный: якъ и Зинько, навчывся чытаты въ дяка. Страшенно любывъ божественни кныжкы и чымало мавъ ихъ у себе купованыхъ. Иншыхъ не любывъ, думаючы, що то все дурныця, казкы та й годи. «На що воно намъ?»—казавъ. Розмовлявъ бильше про божественне та про громадськи справы и бувъ велыкымъ и завзятымъ ворогомъ старшыни Копаныци за ёго вчынкы зъ громадою. Жывъ у своій невеличкій, але чепурненькій хатци за малымъ не вбого, хочъ працювалы обое зъ жинкою щыро. Жинку соби обибравъ не дуже чепурну, але ласкаву, мовчазну й працёвыту, и бувъ щаслывый зъ своею Катрею, та зъ маленькымъ сыномъ. Зъ себе бувъ нечепурный, худый, зъ коротко пидстрыженою русявою боридкою, зъ велыкымы зморшкамы на чоли, але зъ глыбокымы розумнымы очыма.

Увійшовшы Зинько до ёго, побачывъ тамъ уже й Васюту. Се бувъ парубокъ увесь билявый, зъ надзвычайно веселымы блакытнымы очима и зъ цилою копыцею настобурченого русявого волосся на голови, зъ поганенькымы билявымы вусыкамы. Бувъ уже немолодый, та що бувъ дуже русявый, а вусы не рослы, то здавався молодчымъ за свои лита.

— О, и вся кунпанія, невелычка, але чесна!—промовывъ винъ, уздрившы Зинька.—Бувъ бы жинку свою прывивъ, дакъ тоди бъ уже вси тутъ булы. Треба такъ, щобъ якъ намъ зиходытыся, дакъ щобъ изъ жинкамы.

— Дакъ ты жъ спершу оженысь!—пожартувавъ Зинько.

— Колы жъ ни óдна не прыходытся до мене! Одна проты мене дуже высока, а проты другои я дуже довгый.

— Дакъ хыба жъ уже нема такыхъ, що однакови зъ тобою на зристъ?—засміялася Катря.

— Чому нема? Йе! Дакъ що жъ? Одна дуже товста, а друга дуже тонка. Однiеи не обниму, бо рукы не сягнуть, а другои не стае на обниманне. А колы й знайдешъ на свою мирку, дакъ зновъ лыхо: одна дуже мовчазна,—ни зъ кымъ буде мени й розмовляты, а друга балакуча, дакъ за тiею й я не поспишуся слова сказаты.

— Ну!—засмiялыся въ хати,—де бъ то вже така й знайшлась, щобъ тебе переговорыла!

— Отъ же й я такъ казавъ, дакъ же вырескалась! Я за нею тоди нý гнаться, нý гнаться!... Гнавсь, гнавсь—де тоби!... Колы жъ у неи таки довги ногы! Узяла та въ Чорнóвусъ и втекла. Дакъ я вже тоди й годи ходыты та дивчатъ на свою мирку миряты.

Все село знало цю сторiю зъ Одаркою Момотивною, якъ Васюта закохався въ неи, а вона ёго водыла-водыла та й пишла въ Чорновусъ за багатыря. Васюта й доси не мигъ iи забуты, але глузувавъ самъ изъ себе.

— Чы йе таке на свити,—спытався Карпо, щобъ ты, Васюто, та зъ ёго не смiявся?

— Отъ щобъ я здохъ, колы не плакавъ надъ цыбулею!

Зинько зъ Катрею смiялысь, усмихавсь и Карпо, а Васюта сыдивъ поважный.

— Отъ що, братикы,—озвавсь нарешти Зинько,—я до васъ прыйшовъ зъ однiею новыною... Не знаю, якъ вамъ издастся, а мени вона вищуе щось недобре.

— Молодыце! Нашорошуйте вуха, бо новына буде: йе зъ чымъ по селу побигты!—гукнувъ Васюта на Катрю.

— Ну, ця молодыця не зъ такыхъ,—одповивъ ёму Зинько.

Катря справди була дывомъ на сели, бо николы не нóсыла нiякыхъ новынъ, и за се найбильше и влюбывъ iи Карпо.

— Ну, колы вона така, що свого жиночого дила не знае, дакъ я за неи розбрешу!—не вгававъ Васюта.

— Xá-ха-ха!—не вдержалась Катря.—Зъ тебе бъ и глухый засмiявся, Васюто.

— Де тамъ смiются?—сердются! Я вчора прыхожу до свого глухого сусиды, а винъ ворота на току лагодыть: Здорови, диду,

булы!—А то жъ чіи, колы не твои волы?—каже.—Уже вдруге на току! Я имъ рогы позбываю!—Та я не про волы, я кажу: Добрыдень!—Самъ ты,—каже,—злыдень, а я хазяинъ!...

Катря знову засміялась, а Карпо ажъ росердывся:

— Та годи бо вже тоби штукарыты!.. Тутъ чоловикъ про дилю, а ты... Слухаймо краще Зиньковои речы!

Васюта замовкъ и тилькы поглядивъ чудно на Катрю та сылкувався крутыты билявого вусыка, хоча зъ тымъ ёму й менше счастыло, якъ изъ жартамы.

Карпо сивъ на лави, зипершыся ликтемъ на стилъ, а головою на руку—спрацёвану й худу руку, велыку й кощаву, и налагодывся слухаты, втупывшы очи вныэъ.

Зинько розсказавъ про свою вчорашню розмову зъ тестемъ и выявывъ, черезъ вищо справа здается ёму непевною.

— Що непевна, то непевна!—промовывъ Карпо.—Блаженъ мужъ, иже не йде на совитъ нечестывыхъ,—добре й ты есы учынывъ, що до ихъ не прыставъ.

— Та не въ цёму теперъ сыла,—видказавъ Зинько,—а въ тимъ, що воны щось замиряются робыты.

— Лыхый чоловикъ и вдень, и вночи лыхе замиряе,—сказавъ Карпо.

— А я вамъ ище одну штуку доточу,—озвався Васюта.—Твій, Зиньку, братъ Денысъ захожуется купуваты ту землю, що пересельци, выйиздючы, громади поздавалы.

— Невже? А звидкы жъ то ты знаешъ?

— Отъ штука знаты! Я ще вчора хотивъ сказаты вамъ... Воны вже й Захарька пустылы, щобъ людей до того нахылявъ.

Захарько бувъ соби такый не молодый чоловикъ, пьяныця пропащый: за чвертку горилкы выгукувавъ у громади що ёму звелено.

— Боится моя душа, чы не хытрища це штука ще й за Горянського землю, промовывъ Карпо.—Денысъ и такъ уже вбывся у сылу велыку, а скоро купыть пересельську землю, то запануе тоди винъ изъ своимъ товарыствомъ нечестывымъ такъ, що й шыи намъ крутытыме, мовъ воламъ у ярми.

— Не треба попускаты ёму цёго,—видказавъ Зинько.

— А якъ воны кусаются, та ще й бильша ихъ сыла въ громади?—сказавъ Васюта.

— Треба, щобъ нашои було бильше,—обстоювавъ Зинько.— Воны Захарька пъяного послалы людей збываты, а мы самы будемо выявляты людямъ, яка зъ цёго шкода, та прыхыляты ихъ на свій бикъ.

— А й справди, братця,—скрыкнувъ Васюта,—не можно жъ даваты имъ соби на шыю сидаты! Давайте зъ имы, чортовымы сынамы, воюваться!

— Знову ты почавъ *того* згадуваты!—докорывъ ёму Карпо. Винъ не любывъ, якъ хто згадувавъ «чорта», а надто въ хати, а балакучый Васюта разъ-у-разъ про це забувавъ.

— Не буду вже, ій Бо не буду!—прысягався винъ.—Хай ёму чортъ тому чор... Ой!.. Ну! скажы на мылисть Божу,—такъ тоби на языкъ и лизе!..

— Правду кажешъ, Зиньку, що годытся намъ за свое обстоюваты,—загомонивъ Карпо, облышывшы Васютыны прысягання.—Та лыхый то розумъ у воина буде, колы війну почынае, а якъ подужаты—не видае.

— Отъ штука!—не втерпивъ Васюта.—Самъ-же все кажешъ що Господь и младенци вмудряе, не то що, а мы жъ такы здорови лобурякы!

Зинько засміявся, але Карпо озвався поважно:

— Не перекручуй святого пысьма, колы не тямышъ, бо й до рукъ николы ёго не берешъ! Не знаю вже на що мы вдвохъ изъ Зинькомъ и чытаты тебе вывчылы! Тилькы й знаешъ, що казочкы гортаты.

— Давайте людей до себе прыхыляты,—перепынывъ Карпову науку Зинько,—турчатымемъ имъ у вуха, умовлятымемъ ихъ,—воны жъ повынни побачыты що́ имъ краще.

— Слипи воны мають очи, глухи воны мають уха,—видказавъ Карпо.—Прыхыляются воны тилькы до лыхого,—немае доброи стежкы до головы нерозумнои. Одначе не можно й такъ покыдаты. Робытымемъ якъ кажешъ, маючы надію въ Бози.

— Немынуче се треба!—казавъ Зинько.—Бо въ насъ багато такои бидноты, що ій хочъ и заразъ давай тіеи земли, а якъ попустымо іи въ багацьки рукы, то тоди вже вдруге не нажывемо.

— Не попустымо! Подавлются воны нею!—пидбадёрювавъ Васюта.

Товарыши ще довгенько про се розмовлялы, а другого жъ дни справди почалы всимъ розсказуваты про Денысови замиры та пидбурюваты людей, щобъ не поступалыся тіею землею. Вси люде лаялы й Деныса, й ёго товарыство, але якъ хто зъ трёхъ прыятеливъ запытувався такого чоловика, чы винъ озвется проты сёго замиру въ громади, то звычайно чоловикъ вылявъ на вси бокы и сылкувався ничого на се не видказаты. Наши прыятели дуже добре розумилы черезъ що се такъ: одынъ вынень бувъ щось самому Денысови, чы кому зъ ёго товарыства, другый—мавъ у ихъ позычыты, третій—узявъ, чы думае браты землю... И коженъ не хотивъ проты тыхъ людей навпростець выступаты. Тилькы самъ Грыцько Момотъ сказавъ Васюти по щырости:

— Що жъ, братику,—я бъ изъ дорогою душею до васъ прыставъ, дакъ колы жъ несыла моя. Ты жъ самъ знаешъ: пропавъ у мене вилъ, пропала й коняка... Напозычався я по сами вуха, що вже й никуды дали. У Деныса я позычывъ двадцять карбованцивъ на коня, и оце мени за тыждень выходыть ихъ оддаваты. А въ мене ни копія. Якъ не злаокавытся Денысъ, не видсуне строку, то щó я робытыму? Забере винъ у мене коня за ти грошы, та ще й тымъ не оплачуся... У мене жъ диты дрибни!.. Якъ-бы я мигъ оддаты си двадцять рублывъ,—обстоювавъ бы за васъ, а теперъ—мовчатыму.

Васюта почувавъ, що Грыцько правду каже, и не знавъ що ёму й видказаты.

Але булы люде й зовсимъ незалежни видъ Денысового товарыства. Таки казалы, що стоятымуть у громади проты Деныса, и имъ можно було виpыты. Та такыхъ було не багато, и мала покы була надія на перевагу.

Зійшовшыся Карпо зъ Васютою до Зинька, почалы одынъ одному переказуваты, якъ ведется справи. Васюта розсказавъ и за Грыцька. Зинько замыслывся мовчкы.

— А що, братця,—озвався врешти,—якъ бы мы Грыцькови та пособылы?

— Якъ то?—спытався Карпо.

— Та такъ: скынулысь бы гришмы та й позычылы бъ ёму, щобъ винъ мигъ Денысови грошы вернуты. Бо, бачыте,—разъ, що чоловикови пособыты—завсигды добра штука, а друге—що намъ теперъ коженъ новый прыхыльныкъ дуже дорогый.

— Отъ же ій-Бо правда!—скрыкнувъ Васюта.—Щобъ я здохъ, колы винъ недобре радыть!

— Розумна твоя рада,—промовывъ и Карпо.—Та чы стече жъ у насъ на тее грошей?.

— Якось скынемось! Уже жъ для такого дила грихъ не стягтыся, бо воно такы справди добре дило буде,—куды ни глянь,—упевнявъ Зинько.

— Скилькы жъ ёму: двадцять карбованцивъ треба?

— Еге жъ.

Карпо подумавъ.

— Отъ що вамъ казатыму!—промовывъ нарешти.—Мали въ мене теперъ грошы: немае спромогы бильшъ якъ пъять карбованцивъ позычыты.

— И то добре!—сказавъ Зинько.—А ты, Васюто?

Васюта хочъ и парубкувавъ, та бувъ дома за хазяина, бо въ ёго батько вмеръ, а самъ винъ бувъ найстаршый у симьи.

— Та що жъ? Уже жъ и я бильшъ якъ пъять не нашкрябаю.

— Ото десять. Ну, гараздъ: у мене теперъ десять карбованцивъ знайдется, то я й дамъ десять,—казавъ Зинько.—Усёго й буде двадцять. Такъ и скажемо Грыцькови, що се ёму гуртова запомога, щобъ винъ мигъ тамъ оплатытыся и до насъ прыстаты.

— А не одурыть же винъ?—спытався Карпо.

— Похоже, що ни, бо то щыра душа,—видмовивъ Зинько.— А ты, Васюто, якъ думаешъ?

— Хи! Та я Грыцькови йму виры бильше, нижъ соби! Колы мени вирыте, то ёму й поготивъ!—одказавъ той.

— Колы такъ свидчыте, то й оддаймо ёму грошы сіи,—сказавъ Карпо.—Пидемо вси втрёхъ до ёго, певнише воно й поважнише

буде, якъ уси зъ имъ говорытымемъ. Выдно й ёму тоди буде добре, що не самъ Васюта за це стоить, а товарыство обстае.

— Правда!—згодывся Зинько.

Не гаявшыся й пишлы.

Увійшовшы трое товарышивъ у вбогу хатку Грыцькову, освичену поганенькою тьмавою лямпою на стини, побачылы тамъ усю симъю. Четверо дитей лагодылось уже лягаты спаты на полу, а Йивга слала имъ. Грыцько сыдивъ за столомъ. У хати було нечепурно, сорочкы на блидыхъ дитяхъ та на Грыцькови булы чорни, повмазувани, а Грыцькова жилетка—лата на лати. Самъ Грыцько, трохы вже згорбленый видъ тяжкои праци, зъ худымъ облыччемъ, порытымъ зморшкамы, зарослымъ темною бородою и зъ глыбоко позападалымы сирымы очима, здавався старишымъ, нижъ бувъ справди: не було ще ёму й сорока рокивъ, а выдавалося, що мавъ ихъ изъ пивсотни. Здавалася, мовъ щось прыгничувало и сю тисну хатку, и людей, що въ ій жылы. Сама Йивга не пасувала до сёго темного закутку вбозтва й прыгниченосты. Высока, гарна зъ себе й здорова, вона була и вбрана краще, и по хати ходыла мовъ чужа, мовъ гистя. Вона не любыла Грыцька и пишла за ёго, абы де прыхылытыся зъ дытыною, а теперъ шкодувала, що такъ изробыла. Ся понура хата, сей похылый Грыцько и четверо галаслывыхъ дитей очортилы вже ій безъ миры,—якъ бы могла, то й не зазырнула бъ сюды!

Прывиталыся гости, посидалы. Грыцько заразъ почавъ розсказуваты про свою суперечку зъ братамы за землю. Винъ ходывъ до суддивъ, казавъ, що браты нахваляются ёго жыто покосыты на тій десятыни. Дакъ судди кажуть: ще жъ не покосылы, дакъ чого жъ ты намъ и голову морочышъ? Отъ ты имъ и пожалійся! Теперъ винъ бачыть, що вже правды не шукай. Буде самъ оборонятыся, якъ изможе.

— Оборонышся! Де жъ пакъ! Ихъ двое, а ты самъ!—промовыла Йивга непрыхыльно и мовъ радіючи, що такый безсылый бувъ Грыцько. Вона перемывала на лави биля мысныка ложкы и ввесь часъ, покы Грыцько довго росповидавъ про

свою сварку зъ братамы, все мовчкы поглядала на Зинька, блыскаючы на ёго своимы смилымы зваблывымы очима,—винъ бо сыдивъ на лави крайній, биля неи. Слухаючы Грыцька, не бачывъ іи поглядивъ, але теперъ, якъ вона озвалася, глянувъ на неи, и ихъ очи ззырнулыся.

— Знаешъ ты тамъ!—одказавъ ій сердыто Грыцько.

Але вона вже ёго не слухала, а дывылася все на Зинька. Винъ ій подобався. Грыцько знову провадывъ свое, Васюта зъ Карпомъ роспытувалыся ёго, а вона тымъ часомъ стыха озвалася до Зинька:

— Чомъ ты до насъ николы не заходышъ?

— Я?—спытавъ, трохы дывуючысь, Зинько.—Та такъ... дила не було.

— Та ты жъ такъ недалеко жывешъ,—казала вона такъ саме пивголосомъ, мовъ спиваючы, а очи такъ и гралы, такъ и променылыся до Зинька.—Блызенько жывешъ... Заходь, то й мени веселише буде.

— Добре! спасыби!—видказавъ Зинько й заразъ же прыставъ до гуртовои розмовы.

Грыцько, розставляючы порепани чорни рукы, казавъ:

— Я й самъ бачу, яки воны дерылюды. За имы ниде правды не знайдешъ. Ни до старшыны, ни въ судъ—никуды.

— Отъ же бачыте, дядьку,—озвався Зинько,—самы кажете, що черезъ те нема й суду на вашыхъ братывъ, що й судди на багатырськый бикъ хылються. Дакъ колы такъ, то не треба намъ попускаты имъ ще въ бильшу сылу вбытыся. Бо тоди воны насъ ще дужче въ шоры визьмуть та ще й зъ усихъ бокивъ: и судомъ, и землею, и скотыною—всимъ. Черезъ те й треба намъ дбаты, щобъ не попустыты сёго.

— Та я бъ и раднишый, дакъ же...—почавъ бувъ Грыцько, але Зинько перепынывъ ёго:

— Знаю черезъ що вамъ нема змогы. Дакъ сёму лыхови й запобигты можно. Отъ мы скынулысь гришмы та й прынеслы вамъ двадцять карбованцивъ. Визьмить та й оддайте Денысови, а намъ вернете по спромози и безъ проценту.

Зинько положывъ на стилъ грошы. Грыцько подывывся на ихъ, помовчавъ.

— Дакъ якъ же се такъ,—спытався нарешти,—черезъ що жъ се вы мени даете грошы?

— Черезъ те запомогу сюю вамъ подаемо,—видказавъ ёму Карпо,—що якъ оддасте позычку свою Денысови, то можно буде вамъ у громади проты ёго ставаты, щобъ не попустыты ёму земли громадськои.

— Такъ...—якымся непевнымъ голосомъ тягъ Грыцько.—А вамъ же та земля якъ: вы іи самы, чы що, хочете купыты?

— Та що се вы, дядьку?—скрыкнувъ Васюта.—Хыба жъ я вамъ не казавъ?

— Що казавъ, то казавъ... я й думавъ соби, що й справди се абы тилькы Денысови не даты... Ну, а теперъ бачу, що вы й грошы прыносыте, то воно якось...

— Що—якось?—спытавъ Карпо, зовсимъ уже сердытый.—Зъ щырого серця запомогу вамъ прыносымо, а вы пеню на насъ изводыте, що, замисто Деныса, хочемо лукавымъ способомъ громаду одурыты! Самы не ходыте мабуть у правди, то праведного й на́ свити не хочете добачаты. Мовъ уже й правды ни въ кого нема,—сама хапанына. Не терпыть моя душа такого! Ходить, братця, звидсы! Блаженъ мужъ, иже не йде на совитъ нечестывыхъ!

Карпо вставъ зъ лавы та й хотивъ уже бувъ иты, але Зинько ёго прыпынывъ:

— Стрывай, брате! Вы, дядьку, справди не гараздъ кажете. Не про себе тутъ дбаемо, а про громаду. Та, колы хочете, й про себе: буде громади легше жыты, полегшае й намъ. Кожному по одынци важко чогось домогтыся, то треба гуртомъ. И що бильшый гуртъ буде, то легше доможемося. Черезъ те й вамъ пособляемо до нашого гурту прыстаты. Вамъ се краще, та й намъ, бо нашои сылы побильшае.

Карпо стоявъ середъ хаты зъ шапкою въ рукахъ, гнивный, ладенъ що хвылыны выйты звидсы. А Грыцько, похылывшы голову, думавъ. Вразъ пидвивъ голову.

— Та невже це вы справди, братикы, за громаду?

— Тю на васъ, дядьку, ій-бо!—гукнувъ Васюта.—Чы намъ землю йисты, чы що, прысягаючысь? Якъ такъ граться, то се вже й хатку краще розваляты!

Грыцькове облычче вразъ мовъ бы сяевомъ осяяло.

— Ну й добрый же вы народъ!—скрыкнувъ.—Ій-бо, такыхъ людей я ще й не бачывъ! Та я зъ дорогою душею!.. Мени абы зъ Денысовыхъ рукъ, а то я!.. Ну зроду и не згадавъ-бы, що се вы за громаду. Якъ прынеслы грошы,—такъ и думавъ, що соби землю хочете. Ажъ вы, бачу... Спасыби жъ вамъ, братикы, таке, що й хто його зна яке!..

Писля цього всимъ стало весело, почалы говорыты про те, якъ и що воны въ громади робытымуть та кого ще можно на свій бикъ прыхылыты... Йивга ввесь часъ сыдила въ кинци лавы, схылывшысь трохы на мысныкъ, та дывылась на Зинька.

Пизно вернувся до-дому Зинько и пишовъ у садокъ, думаючы, що Гаинка давно вже тамъ спыть. Але іи не було. Пишовъ бувъ до хаты и стривъ жинку на порози.

— А ты ще й доси не спышъ!

— Та я була лягла оце заразъ спаты та й устала,—боюся.

— Чого?

— Щось ходе въ садку надъ ричкою... Ще й учора нибы щось ходыло,—такъ мени здалося... Та думала соби,—то такъ учувается... А сёгодни тилькы лягла, колы воно—трись, трись у саду,—по сухыхъ гилкахъ иде. Онъ чуешъ,—знову.

Воны прыслухалысь. Справди чуты було, що въ саду щось йе. Зинько шепнувъ Гаинци, щобъ зосталася тутъ, а самъ швыденько й тыхенько побрався помижъ деревамы внызъ, де чуты було ходу. Ничъ була не мисяшна, хочъ и зоряна, и треба було добре прыдывлятыся, щобъ побачыты щось середъ деревъ. Зинько прыглядавсь и ничого не бачывъ. Колы вразъ почувъ, що затрищавъ тынъ у той бикъ, де бувъ Струкивъ садокъ. Глянувъ и побачывъ, що хтось перелазыть черезъ тынъ. Велыка

темна постать на мыть зъявылася надъ плотомъ и заразъ же шугнула внызъ, у Струкивъ садокъ.

— А хто тамъ ходыть?—гукнувъ Зинько, але почувъ тилькы, якъ хтось швыдко затупавъ ногамы по той бикъ тыну.

Гаинка спыталася, якъ винъ вернувся:

— А що, бачывъ?

— Бачывъ,—щось у Струкивъ садокъ плыгнуло.

— А не пизнавъ?

— Де жъ тамъ! Темно та й здалека. И чого бъ теперъ ходыты? Сказаты влитку, дакъ хочъ садовына, а теперъ?—дывувався. Зинько.

— Дакъ може на кого воно скыдается?—допытувалася Гаинка.

— Де жъ тамъ розберешъ! Такъ, нагадало мени чогось Мыкыту Тонконоженка,—мовъ такый здоровый, якъ винъ... да тилькы чого жъ ёму тутъ ходыты? Хыба до якои Струкивны?

— А й справди,—може до Струкивны,—сказала Гаинка й додала:—Ну, та й не люблю я цёго Мыкыты! Якъ стринешся зъ имъ де на вулыци, то такъ на тебе гляне, що ажъ гыдко.

— Не люблю й я ёго,—видказавъ Зинько, поганый парубокъ.

— И все якъ зостринется зо мною, то разъ у разъ словомъ займае, а я не люблю ёго й голосу. И очи въ ёго якись таки, якъ... якъ у Йивгы!..

Зинькови згадалыся на мыть Йивжыни очи—якъ воны на ёго сёгодни блыскалы. Але заразъ же й забувъ за ихъ, почавшы розсказуваты Гаинци про те, що въ ихъ було зъ Грыцькомъ...

Промынуло ще килькы день, и вже десятныкъ ходывъ и загадувавъ на недилю въ громаду. Лышалося нашому товарыству тилькы ще тры дни. Воны клопоталысь зъ усеи сылы, щобъ за той часъ нахылыты яко мога бильше людей до своихъ думокъ.

VI.

Громада.

Вже вся громада зибралася коло волосты. Де-яки сыдилы на колодахъ по-пидъ тыномъ, де-яки, сыдючы й стоючы, купчылысь на волосному рундуку, а бильше стояло навкругы, гуртуючысь купкамы, переходючы туды й сюды та жваво розмовляючы. Говорылы голосно про всяки новыны, про надіи на хлибъ та врожай та про инши свои справы, тилькы не зачипалы справы Денысовои, бо самъ Денысъ бувъ уже тутъ. Винъ крутывся помижъ своимы людьмы, усмихався та прымылявся до ихъ та нышкомъ иноди казавъ кому щось. Зинько вмысне прыйшовъ у громаду дуже рано, бо пры ёму не такъ вильно було Денысовымъ прыхыльныкамъ збываты людей. Одначе, скоро винъ помитывъ, що десятныкъ разъ-у-разъ нышкомъ клыкавъ сёго або того дядька въ середыну до волосты, де давно вже сыдилы Копаныця, Сучокъ, Рябченко, а часто зазыравъ туды й Денысъ. Выдымо, що воны тамъ, уси гуртомъ, умовлялы такыхъ людей, якыхъ ище не встыглы або не змоглы доси вмовыты. Зинько озыравъ громаду и лычывъ на кого можно рахуваты, що обстануть не за Деныса, и выходыло дуже мало.

— А бачышъ, Зиньку,— озвався до ёго зтыха Васюта.—ни Павла, ни Оксена, ни Юхыма нема.

Справди килькы чоловика такыхъ, що подалы слово стояты вкупи зъ Зиньковымъ товарыствомъ, зовсимъ не прыйшло въ громаду, побоявшыся выступаты проты багатыривъ.

— Лукави души!—промовывъ Зинько.—А чого жъ се доси Грыцька нема?

— Онъ иде,—видказавъ Карпо.

Грыцько пидійшовъ и ставъ просто биля ихъ. Виддавшы винъ позычку Денысови, теперъ не боявся ёго и ладéнъ бувъ змагатыся зъ имъ зъ усеи сылы. Винъ подывывся по громади й промовывъ:

— Мало нашыхъ!

— Мало,—сказавъ Зинько.—А все жъ треба змагатыся—що Богъ дасть.

— Глянь, Ґрыцьку,—промовывъ Мыхайло, одынъ зъ молодчыхъ господаривъ, що стоялы пры Зиньковому боци,—глянь, якъ твій братикъ зъ Денысомъ!

Справди Панасъ бувъ у тому гурти и ходывъ слидкомъ за Денысомъ.

— Чы ты ба,—якый багатырь выйнявся!—сказавъ другый чоловикъ, Савка.—Туды жъ пхается!

— Не дыво,—промовывъ Грыцько.—Сподивается, що ти пособлють одняты въ мене поле.

— А гляньте, де Кырыло!—промовывъ Карпо.

Вси глянулы й побачылы, якъ Кырыло выходывъ зъ волосты.

— Кырыле!—гукнувъ Васюта.

Але винъ, мовъ не чуючы того, дывывся въ другый бикъ, збигъ швыденько зъ рундучка и зныкъ у Денысовій юрби.

— Оце жъ израдывъ!—сказавъ Карпо.

Ся зрада була дуже прыкра: и Зинько, и ёго товарыши дуже рахувалы на Кырыла, бо бувъ чоловикъ не дурный, проречыстый та смилывый. За имъ потягло бъ руку й багато иншыхъ, а теперъ воны або пидуть слидкомъ за имъ у той гуртъ, або мовчатымуть.

Тымъ часомъ Захарько у новицій, полатаній, а не драній, чынарци, ще непъяный, тилькы трохы выпывшы, крутывся середъ людей, скризь показуючы свою одутлу зъ червонымъ носомъ пыку. Винъ махавъ рукамы, моргавъ очыма и щось изтыха казавъ то тому, то тому. Васюта нышкомъ зайшовъ до ёго ззаду и прыслухався.

— Держится, хлопци, за Деныса Пылыповыча!—умовлявъ пъяныця.—Бо се, знаете, выгода громади... Ну й пошануе васъ Денысъ Пылыповычъ: дви видри, сказавъ, поставлю. Заразъ изъ сходкы пожалуйте.

И йшовъ дали, всимъ кому треба кажучы про дви видри горилкы могорычу.

— Старшына! старшына!—загомонилы навкругы.

Розмовы стыхлы, вси глянулы на рундукъ и поскыдалы шапкы, здоровкаючысь. Тамъ стоявъ Копаныця зъ знакомъ на шыи, а биля ёго пысарь, держучы въ рукахъ якись паперы, та староста. Громада зовсимъ ущухла, дожыдаючыся, що скаже старшына.

— Ну, сходка почынается! — промовывъ Копаныця голосно.—Семене Семеновычу, чытайте бомагы!

— Предписаніе уѣздной земской управы отъ 19 апрѣля сего года за № 1829. Въ виду появленія на рогатомъ скотѣ эпизоотіи ящура озаботыться...,—чытавъ пысарь щось мудре, а громада слухала.

— Розшелепалы?—гукнувъ Копаныця.—Хвороба, дакъ щобъ береглысь!

— Яка жъ хвороба, колы про ящирокъ?—пытався хтось середъ людей.

— Дакъ ото жъ и звелено, щобъ не йила скотына ящирокъ, а то буде така хвороба, пызотія называется,—розсказувавъ хтось мудришый.

— Та де жъ це выдано, щобъ скотына ящиркы йила? Таке выгадають!—сказавъ якыйсь дидъ, махнувъ рукою.

— Атъ! Яки тамъ ящиркы?—не згожувався одынъ дядько.—Хыба не чуешъ? про *ящура*, а не про ящирокъ напысано.

— Не розсуждай! Колы пышуть,—спольняй и бильше ничого!—гримнувъ старшына. Продольжайте, Семене Семеновычу!

— Предписаніе господина станового пристава первого стану отъ 15 мая сего года за № 2374 о немоченіи конопли въ рѣкѣ... подъ угрозою штрафа въ два рубля, для чего выкопать бассейнъ, собравъ на этотъ предметъ по двадцать коп. съ двора.

— Чуете? Щобъ конопель не мочылы въ ричци, а то штрапу два карбованци!

— Та де жъ мы будемо мочыты? Оце лыхо! Хыба жъ намъ безъ конопель жыты?—почулыся голосы.

— Не выгадувать!—гукавъ старшына.—Сказано не мочыть, дакъ не мочыть! Спольняй и бильшъ ничого! Якъ зберете по двадцять копiёкъ зъ двора, то тоди волость дозволыть мочыть де хочешъ.

— А що тамъ ище сказано копаты?—допытувався хтось.

— Ничого не копаты: знесы на волость по двадцять копiёкъ зъ двора та й мочы де хочъ, а не прынесешъ,—штрапъ и въ холодну!—видказавъ Копаныця. — Продольжайте, Семене Семеновычу!

Семенъ Семеновычъ ище чымало «продольжавъ», вычытуючы и про те, щобъ заплатыты земству грошы за пожарку, и про те, що «розиськуются бегли рештанты», и про всячыну иншу; але вси слухалы це мало, бильше пускаючы кризь уха, бо добре зналы, що не про се ихъ сюды поклыкано. Врешти, якъ уже все попрочытувано, Копаныця спытавъ пысаря:

— А що, Семене Семеновычу, бильше нема диловъ?

— Нема, усѣ.

— Ну, дакъ и до-дому можно... А въ тимъ, стрывайте!—прыпынавъ винъ громаду, мовъ тилькы теперъ изгадавшы те, що хотивъ казаты.—Ще одно невелычке дило йе... Отъ вы знаете, що у насъ йе пересельськи надилы... Мы за ихъ громадою платымо поземельне и вси видбуткы видбуваемо, а за що? Богъ ёго святый знае! Чы не краще було бъ намъ узяты та продаты...

— Продаты! продаты!—зарепетувалы зъ усеи сылы Денысовы прыхылныкы, але зарепетувалы занадто рано, бо Копаныця заразъ же гримнувъ на ихъ:

— Цытьте вы! Дайте сказаты!.. Бачыте: якъ бы найшовся добрый чоловикъ, та продаты ёму, то бувъ бы намъ барышъ, а

теперъ маемо саму втрату. Мы бъ на ти грошы моглы що добре зробыты. Якъ вы про се думаете, люде добри?

— А яку жъ мы маемо втрату,—задзвенивъ изъ громады Зинькивъ голосъ,—колы мы тую землю наймаемо и тымы грипшмы и вси оплаткы видбуваемо, ще й зостается?

— Хто се говорыть?—зыкнувъ Копаныця.

— Я!—промовывъ Зинько, выступаючы зъ громады.

— И я!—выступывъ за имъ Карпо.

— Та й я! и я!—озывалыся одынъ по одному Васюта, Грыцько, Дмытро, Мыхайло, Савка и ще килькы голосивъ изъ стовпыща.

— И я! и я!—перекрывывъ старшына.—Розъякалысь якъ! А вы жъ почо́му знаете, шо ще й зостается? А може жъ ище й не стае?

— А по то́му, що Денысъ платыть за десятыну бильше, нижъ изъ тіеи десятыны оплаткивъ иде,—сказавъ твердо Зинько.— Хыба не такъ? Хыба цёго не запысано въ кныгахъ? Колы не запысано, дакъ треба довидатыся, куды ти грошы йдуть.

Старшына побачывъ, що наскочывъ на слызьке, и заразъ завернувъ у бикъ

— Грошы вси цили и запысуются куды треба,—ты мени того не росказуй! Якъ ты можешъ казать, що грошы кудысь диваются? Мени вся громада вирыть, мени все начальство вирыть, а ты мени сміешъ казать, що въ мене грошы пропадають! Та я тебе заразъ у холодну закыну!

— Стрывайте бо, не такъ швыдко закыдайте!—видказавъ спокійно Зинько.—Я не казавъ, що у васъ грошы пропадають, а се *вы* сказалы, що не стане грошей на оплаткы, дакъ я й хотивъ знаты—куды жъ воны йдуть.

— Я кажу тилькы,—перепынывъ ёму старшына,—що выгоднише громади ту землю продаты та маты зъ грошей процентъ.

— Выгоднише! выгоднише!—зарепетувалы Денысови прыхыльныкы.—Продаты!.. Продаты!.. Абы чоловикъ добрый знайшовся!..

— Та йе такый чоловикъ,—гукнувъ старшына.—Онъ Денысъ Пылыповычъ мабуть купывъ бы.

— Гараздъ!.. Отъ и добре!.. Продаты Денысови Пылыповычу!.. Продаты!..

— Не продаваты!—гукалы зъ другого боку.—Не хочемо!.. У насъ скилькы безземельныхъ!.. Краще имъ частками роздаты... Не хочемо й найматы бильше Денысови, не то продаваты!..

Счынывся такый галасъ, крыкъ, що мало що можно було й розбираты. Справа була вельмы важна й пекуча, и черезъ те вси булы дуже роздратовани. Говорылы вси вразъ, то до гурту гукаючы, то двое-трое сперечаючысь промижъ себе. Денысъ тымъ часомъ опынывси вже на рундуци биля старшыны. Тамъ уже стоялы и Остапъ, и Рябченко зъ Сучкомъ, и все инше ихъ товарыство Воны говорылы до старшыны та до тыхъ людей, що поблызу ихъ стоялы. Карпо, Васюта, Грыцько ходылы помижъ людьмы, пидбурюючы ихъ, щобъ не продаваты. Зинько тымъ часомъ протыснувся до рундука и помалу, середъ натовпу, зиходывъ на схидци.

— А годи вже вамъ галасуваты!—гукнувъ старшына.—Слухайте що скаже Денысъ Пылыповычъ!

— Цытьте! цытьте! слухайте!—почалы люде спыняты сами себе, але инши крычалы навпакы:

— Не хочемо ёго й слухаты! Не треба!..

Такъ позмагалыся ще якый часъ, ажъ покы такы помалу все втыхомырылось. Денысъ выкашлявся й почавъ:

— Господа хазяины! Я не набываюсь изъ своимы гришмы. Це якъ вы соби хочете: хочете продавайте, хочете—ни. Я ту земельку купывъ бы, а не схочете продаты,—я за свои грошы й иншу знайду. Грошы така штука, що за ихъ скризь чого хочешъ знайдешъ. Я тилькы черезъ те й купую, що думаю соби: однакъ мени купуваты, а якъ у громады куплю, то се жъ я iй помичъ дамъ. Отъ що! Цину мою вы знаете за десятыну,—цина добра,—и грошы заразъ же прыставлю въ волость. Ото жъ якъ знаете.

Тилькы винъ договорывъ свое, ище нихто не встыгъ ничого й сказаты на те, колы це несподивано передъ громадою, заступывшы Деныса, ставъ Зинько и озвався голосно:

— Люде добри, панове громадо!

— А цей чого тутъ?—скрыкнувъ старшына.—Геть извидсы!

— Денысъ казавъ,—казатыму й я!..—видповивъ Зинько.— Чого жъ се такъ, що ёму можно, а мени—ни? Вильно кожному.

— Денысъ землю купуе, а ты що?

— А звидкиля жъ вы знаете, що я не хочу іи купыты? Може жъ и я купуватыму! Я такый хазяинъ, якъ и Денысъ.— одказавъ Зинько, не повертаючысь до старшыны и не зступаючы зъ свого мисця, а тоди зновъ озвався до громады:

— Панове громадо! Колы я що не въ ладъ скажу,—простить мени и навчить чымъ помылывся, бо я ще чоловикъ молодый, треба мени розуму видъ старишыхъ учытыся. Може бъ я й промовчавъ, дакъ не можно жъ и не сказаты: якъ идешъ прозъ хату та бачышъ, що вона займается, а хазяинъ спыть, то чы ґодыться жъ не погибты та не збудыты ёго? А наша громадська хата займается!

Вси слухалы вважно, цикави, що буде дали. Тилькы де-хто пошепкы пытавъ у сусиды, штовхнувшы ёго ликтемъ:

— Про яку се винъ хату говоре? Де займается?

— Слухай уже!—видказувавъ сусида.

— Зъ искоркы малои почынаются пожари,—казавъ дали Зинько, а тоди вже стае полумъе. Отъ и въ насъ така искорка прокынулась. Що року народу бильшае, а земли— ни. Теперъ на душу прыпадае вдвое меньше земли, нижъ було спершу. У насъ и теперъ безземельни заразъ бы порозбиралы ту землю, а вы іи продаете одному. Чы то жъ по правди? Продайте, чы дайте по десятыни,по дви тому,въ кого земли мало або й зовсимъ нема, а не збагачуйте того, хто й такъ багатый. Чы громади буде добро зъ того, що одынъ буде дуже багатый, а другый дуже бидный? Тоди громади добре, якъ *уси* въ достаткахъ.

— Правда! правда!—озвалыся навкругы голосы.—Наче въ око влипывъ!

А Зинько, насмиленый хвалою, казавъ палко дали.

— Кажуть: громада—велыкый чоловикъ. Треба жъ, щобъ у велыкого чоловика й сыла велыка була, а то винъ буде малый. Хай же винъ не збувается своеи сылы. Наша сыла—земля. Колы вона буде въ громады,—въ громады буде й сыла; колы жъ

громада іи виддасть кому-сь, то свою сылу змалыть, а чужу вбильшыть. Тоди велыкымъ чоловикомъ буде не громада, а хтось инщый, а громада буде въ ёго попыхачемъ. Хто хоче зробыты громаду попыхачемъ,—хай продае землю, хай пидпалюе громадську хату! Оце й усе!

Зинько зійшовъ изъ схидцивъ у стовпыще. Громада мовчала, на хвылыну прытыхшы. Всихъ уразылы Зиньковы слова. По малу почавъ озыватыся то той, то сей.

— А що жъ, хыба й не правда?.. Воны на насъ скоро верхы йиздытымуть!.. Не можно имъ попускаты!.. Не треба продаваты!.. Не хочемо!..

Озывалося все бильше й бильше. Вся громада вже гула, якъ бджолы въ вулику. Тымъ, хто за горилку згоджувався статы за Деныса, теперъ соромъ було згадуваты про це. Та й хто сыдивъ у неволи въ Деныса, чы въ ёго полыгачивъ, забувъ на ту мыть про те. Кожный почувався громадяныномъ. Кожный розумивъ, що винъ тутъ мае сылу и любо ёму було се почуваты. Денысовы полыгачы мовчалы, а голосно озывалыся прыхыльныкы громадськи. Зинько й товарыши ходылы промижъ людьмы и додавалы имъ ще до того, що вже було казано.

— А цытьте вы! Слухать!—зыкнувъ зъ усіи сылы старшына.

Громада вщухла, дослухаючыся що винъ ище скаже. Але загомонивъ не винъ, а Денысъ.

— Колы не хоче громада продаваты, то я за свои грошы й де инде знайду,—плакаты не буду. Тилькы вже якъ громада до мене, такъ и я до громады. Нехай уже теперь нихто не ходыть до мене по землю, та й тымъ не буду дали ждаты, хто мени грошы вынненъ. Отъ що!

Проказавшы це, видійшовъ назадъ и сивъ на рундуци на ослинчыку. За имъ выступывъ Рябченко.

— И по моему громада не по правди робыть зъ Денысомъ Пылыповычемъ. Колы такъ, то й я слидкомъ за имъ: землі нікому не дамъ и зъ позычкамы царамоныться не буду.

— Та вже й я не инакъ робытыму,—озвався Остапъ, а за имъ и Денысивъ тесть Манойло, а за Манойломъ—Сучокъ.

Вси ти похвалкы падалы на громаду, якъ довбня волови на голову. Голова запаморочувалась.

— Оттакъ, якъ заразъ казано,—такъ и я робытыму зъ вамы!—гукнувъ Копаныця.—Чулы?

А воны се такъ добре чулы, що видразу не знать де й подилася вся то смилисть, той громадськый запалъ, що тилькы оце заразъ обхопывъ ихъ. Стоялы похнюпывшысь, и коженъ думавъ про те, скилькы винъ выненъ Денысови, чы кому зъ ёго полыгачивъ, де винъ визьме грошей, щобъ вернуты ту позыку, въ кого винъ братыме въ осены землю, куды виддасть на пашу товаръ...

— Чулы?—гукавъ Копаныця.—Колы не позакладало, то теперъ бачыте куды треба завертаты! Отъ же хто хоче продаты Денысови Пылыповычу Сывашеви землю,—зоставайся тамъ, де стоишъ, а хто не хоче,—выходь ливоручъ за колоды.

Зинько, Карпо, Васюта, Грыцько та ще чоловика десять, а середъ ихъ Дмытро, Мыхайло та Савка, перейшлы ливоручъ. Вси инши, велычезна бильшисть, стоялы мовчкы, похнюпывшысь.

— Люде добри!—скрыкнувъ до ихъ Зинько.—Та що жъ се вы робыте? Вы жъ самы себе продаете!

— Мальчать!—крыкнувъ старшына. — Шо ты мени тутъ бунтъ заводышъ? Я тебе въ холодну закыну! Я тебе въ станъ одишлю!

— Годи! годи!—видказавъ Зинько.—Що се вы такъ зъ холодною розносылыся, що все мене закыдаете? Я не бунтую, я правду кажу. Панове громадо! Соромъ вамъ, що вы таки боязьки! Невже жъ ниде нема правды на свити, тилькы въ багацькій кышени?

— Десятныкы! берить ёго въ холодну!—репетувавъ старшына.

Десятныкы нехотя пидийшлы до Зинька.

— Братикы,—промовывъ до ихъ Васюта,—не будьте свынякамы! Бо щобъ я здохъ, колы першому, хто до ёго торкнется, не погладжу ёго свынячу морду оцією штучкою!—и винъ пиднявъ свого здоровенного кулака.

Десятныкы сталы, не знаючы що имъ робыты. Але й старшына, бачучы, що вже почынается щось непевне, облышывъ Зинька, мовъ забувшы за ёго, и гукнувъ на пысаря.

— Семене Семеновычу! пышить прыговоръ о продажи обческои земли Денысу Пылыповычу Сывашу!

— Ще вчора напысавъ!—одказавъ пысарь.

— Одбирать рукы!—звеливъ старшына.

Двое пысьменныхъ пишло въ стовпыще видбираты въ непысьменныхъ рукы. Звычайно пидпысувалысь за ихъ и безъ цёго, але що теперъ було таке карлючкувате дило, то старшына звеливъ зробыты й се. Двое людей штовхалося середъ стовпыща, а стовпыще стояло похнюплене, понуре...

Зинько мовчавъ, не знаючы вже що діяты, бачучы добре, що тутъ уже нищо не поможе. И вразъ мовъ полумъемъ обняло ёму голову, и винъ, самъ не знаючы на що се робыть, кынувся до Деныса и, стыскаючы кулакы, скрыкнувъ.

— Дерылюде! всихъ проглынуты хочешъ? А бодай бы ты подавывся на сёму мисти!...

Ще одна мыть, и Зинько вдарывъ-бы Деныса, збывъ бы ёго до-долу, пидъ ногы... Але Денысъ, изроду не бачывшы Зинька такого роздратованого, злякався й скрыкнувъ:

— Господынъ старшына! Я протестуюсь... Винъ мене вбъе!..

Це перелякане облычче, цей повный страху голосъ одразу спынывъ Зинька. Винъ спустывъ рукы.

— А, такъ!—скрынувъ старшына.—Десятныкы! Роты пороззявлялы, стоять якъ стовпци!.. Берить ёго!..

Але покы десятныкы наблызылысь, Карпо взявъ Зинька за руку и вививъ ёго зъ громады.

— Ходимъ, брате! Нема вже чого намъ тутъ робыты!..

Воны пишлы.

— Ну й падлюкы!—лаявъ громаду Васюта.—Отъ свыняча порода!

— Вывипавъ бы всихъ!—похмуро й прыкро сказавъ Карпо.

— Таку землю, таку гарну землю та й виддаты!—бидкався Грыцько.

— А мы ще клопочемось за ихъ, за громаду! — казавъ Карпо.—Та наплювать на сю громаду,—вона доброго слова не варта!

Зинько ничого не казавъ, тилькы важко дыхавъ, стыскаючы зубы.

— Уси въ ихъ у рукахъ, якъ рыба въ волоци въ матни,— отъ що!—казавъ Грыцько. — Схоче — выпустыть, а схоче—въ юшци зйисть.

— Булы тамъ таки, що й не въ матни, та й ти въ свынячый слидъ побиглы,—видказавъ Васюта.

— Праведный чоловикъ ніякого лыха не злякается, а злочестывый и безъ лыха лыхо діе,—правывъ свое Карпо.—Чого жъ мы будемо за ихъ клопотатыся, турбаціи соби завдаваты? Не дурно сказано, що покыньте мертвыхъ свои мерци ховаты,— отакъ и це.

— Атъ, облышъ бо, Карпе!—видказавъ гирко Зинько.— Неправду ты кажешъ, та нехай иншымъ разомъ, а то теперъ...

Винъ не доказавъ, що ёму було теперъ, такъ тяжко й гирко, що не хотилось и розмовляты.

Похмурый вернувся винъ до-дому, и Гаинка не могла ёго звеселыты ніякымъ своимъ прымыляннемъ та щебетаннемъ.

Довго не спавъ тіеи ночы Зинько за думкамы. Не разъ та й не двичы доводылось ёму нещаслыво ставаты въ громади проты тыхъ людей, що й сёгодни, але николы не було ёму се такъ тяжко, якъ сёго разу. И не черезъ те тилькы, що саме дило було не маленьке, за-для громады важне. Ни, де дали все дужче й дужче опановувала Зинька одна думка и не давала вона ёму спокою: думка завесты въ громади такый ладъ, щобъ по правди все робылось. Хотилось бачыты свою громаду въ усихъ справахъ розумною, правдывою та дружною. Тоди бъ усимъ було добре, вси щаслыво та гарно жылы бъ. Багато вже думавъ Зинько про те якымъ робомъ се зробыты, та не мигъ ни до чого путящого додуматыся. до такого, щобъ одразу воно взяло та й повернуло всихъ людей на кращый шляхъ. Додумався тилькы до того, що ёму самому треба завсигды робыты такъ, якъ винъ

хотивъ бы, щобъ уси робылы, та й иншыхъ нахыляты до того. Та сёго жъ мабуть мало. Бо отъ же й винъ, и товарыши ёго того додержувалы, а ничого сёгодни не вдіялы...

А якъ бы винъ изъ своимъ товарыствомъ сёго разу подужавъ у громади, то се велыкого важыло бъ! Тоди бъ смиливише було всимъ стояты проты тыхъ, хто хотивъ сидаты на шыю. А теперъ буде ще гирше, дуже гирше!.. И надія на те, що въ громади покращае, поладнишае, видсувалася ще дали...

Та все жъ Зинько не хотивъ зрекатыся тіеи надіи, не хотивъ покыдаты того, чымъ повна була вся ёго душа. Повынна такы правда подужаты крывду! Хочъ не скоро, а подужае—се Зинько добре знае. И якъ знае, такъ и робытыме,—якось уже воно буде...

А тамъ, далеко, на майдани, галасувавъ народъ, и той галасъ долынавъ и до Зинька. То громада пыла Денысову горилку. Пъяніючы, галасуючы, точучысь, цилуючысь и лаючысь, вона забувала про те, що сама себе виддавала въ попыхачи кожному, хто хотивъ нею попыхаты...

В. Гринченко.

(Дали буде).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ.

Со времени смерти П. А. Кулиша (2 февр. 1897 г.) нашъ журналъ, признавая все значеніе личности покойнаго въ культурной исторіи нашей родины, рѣшилъ прежде всего собрать, по мѣрѣ возможности, тотъ матеріалъ, который лучше всего можетъ освѣтить умственный и нравственный обликъ человѣка,—это его переписку съ лицами, дававшими ему поводъ высказываться не только по вопросамъ личнаго характера, но и по общимъ, принципіальнымъ сюжетамъ. Переписка П. А. Кулиша была до сихъ поръ нами опубликована въ довольно значительномъ количествѣ, но, конечно, далеко не вся, даже изъ того матеріала, какой, по обстоятельствамъ времени, могъ-бы быть уже напечатаннымъ. Въ минувшемъ году мы пріостановились на время съ печатаніемъ дальнѣйшихъ матеріаловъ его переписки, такъ-какъ рѣшили удѣлить мѣсто опыту біографіи П. А. Кулиша, составленному В. П. Шенрокомъ. Печатая эту біографію, мы въ предисловіи отъ редакціи сдѣлали оговорку, что не считаемъ возможнымъ теперь дать безусловно вѣрную характеристику личности П. А. Кулиша, т. к. далеко еще не собранъ весь тотъ матеріалъ, изъ подробнаго изученія котораго только и явится вполнѣ опредѣленно выяснившеюся личность общественнаго дѣятеля. Въ виду этого, теперь, когда уже закончился печатаніемъ, опытъ біографіи П. А. Кулиша мы опять удѣляемъ мѣсто для опубликованія болѣе инте-

ресныхъ частей изъ его обширной переписки. На этотъ разъ мы печатаемъ письма П. А. Кулиша къ знаменитому нашему криминалисту, покойному профессору Кіевскаго университета, Алекс. Федор. Кистяковскому.

Переписка П. А. Кулиша съ А. Ф. Кистяковскимъ, любезно сообщенная намъ вдовой покойнаго профессора, А. И. Кистяковской, начинается съ конца 1867 года и доходитъ до начала 1881 года, т. е. заканчивается за 4 года до смерти послѣдняго. Письма эти содержатъ въ себѣ много сюжетовъ чисто личнаго свойства, вслѣдствіе чего, мы, не считая себя въ правѣ публиковать изъ переписки недавно сошедшихъ со сцены людей ничего, что носитъ на себѣ слѣды личныхъ отношеній, печатаемъ эти письма съ пропусками, выбирая изъ нихъ только то, что можетъ интересовать читателя съ точки зрѣнія общественной.

1.

Окт. 19. 1867. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Вашъ совѣтъ выражаетъ Ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Я знаю, что, написавъ исторію Малороссіи въ двухъ томахъ, да сдѣлавъ уступки мѣстной субъективности, я бы стяжалъ и суетную славицу и нѣкое богатство. Но мнѣ пріятнѣе угодить одному или двумъ знатокамъ дѣла, нежели морочить публику, какъ морочилъ ее (конечно безъ умысла) Костомаровъ. Совершенно понимаю, что въ первыхъ томахъ у меня много лишняго и нелѣпаго, но я же заявилъ печатно при II-мъ томѣ, [1]) что мнѣ не съ этого слѣдовало бы начинать работу.

Публикѣ не имѣлъ я права сказать, что написалъ два тома исторіи подъ вліяніемъ страха близкой смерти, съ цѣлью доста-

---

[1]) Исторія возсоединенія Руси.

вить Александрѣ Мих. хоть тысячу рублей дохода послѣ меня. Теперь я работаю не такъ, что когда одна глава печатается, такъ слѣдующая за нею пишется. Притомъ же, предварительно III-го тома напечатается I-й томъ матеріяловъ съ комментаріями. За польскимъ шрифтомъ, который понадобилось приливать, да за бумагою, которую по прежнему формату пришлось заказывать, до сихъ поръ не приступилъ къ печатанію матеріаловъ, а исторію во многомъ дополняю и исправляю. Именно то надо дѣлать, чтó я дѣлаю и чтó дѣлаете по Вашей спеціальности Вы, если хотимъ знать наше былое. Популяризаторы исторіи, конечно, приносятъ пользу, но въ большинствѣ случаевъ—вредъ. Я, напримѣръ, въ состояніи сказать кое что дѣльное объ эпохѣ Іова Борецкаго, но какъ же я могу говорить дѣльно о каждой другой эпохѣ? Пришлось бы многое внушать публикѣ безъ внутренняго убѣжденія, что говоришь правду. Совсѣмъ было другое дѣло, когда мы издавали *Основу:* я былъ убѣжденъ, что проповѣдую истину. Но надъ *Основой* вообще слѣдовало бы поставить эпиграфъ: «Мнѣ повѣрь: все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка». Слава Богу, этотъ кукольванъ снесло по Днѣпру въ море забвенія и безвредности. Я послѣ Основы кое-что и видѣлъ и дѣлалъ безъ козацкаго энтузіазма, нелѣпѣе котораго развѣ одинъ башибузукскій. Теперь я начинаю понимать и Польшу, и Москву объективно, и Вы увидите, что нашъ южнорусскій элементъ ничего не потеряетъ въ моихъ писаніяхъ отъ того, что опредѣлится динамически.

Радуетъ меня зѣло трудъ Петрова о Могилѣ, каковъ бы онъ ни былъ по способности автора видѣть историческую реальность изъ-за документальности. Въ IV томѣ придется и мнѣ дать отзывъ объ этомъ трудномъ предметѣ, съ рѣшеніемъ котораго я медлю даже и передъ самимъ собою. За то объ Іовѣ Борецкомъ я открылъ безцѣнные матеріалы, которые и напечаталъ въ I-мъ томѣ оныхъ. Знаете ли Вы, что бѣдный Кост. видитъ однимъ только глазомъ? Но какъ усидчиво онъ трудится надъ архивными бумагами, такъ это просто трагическое зрѣлище! А Бодянскій? Вѣдь цѣлый вѣкъ проработалъ однимъ окомъ gratis! (За *Чтенія*

и секретарство въ 28 лѣтъ не получилъ онъ ни рубля вознагражденія.) Преподобные и богоносные отцы, молите Бога о насъ! Я теперь такъ отношусь къ симъ подвижникамъ, научившись цѣнить лучше прежняго всякое завоеваніе въ пользу науки.

Бувайте здорови и Господéви люби. Щиро до Васъ прихыльный

П. Кулишъ.

2. [2])

1868, іюля 6. Варшава.

Милостивый Государь Александръ Өедоровичъ!

Что у Васъ дѣлается хорошаго? Здѣсь все по старому. Въ началѣ августа я получу наконецъ возможность располагать своимъ временемъ по усмотрѣнію и намѣренъ проѣхаться съ Александрой Михайловной по Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, а можетъ быть и по Франціи. Изъ этого маршрута Вы видите, что я намѣренъ избѣгать австрійской почвы, которая наполнена теперь сплетниками, распложенными Катковымъ и Аксаковымъ, не говоря уже о сплетникахъ польскихъ. О возвращеніи въ Малороссію не помышляю. Еслибъ у меня было большое имѣніе, я бы нашелъ чтó дѣлать дома, но при моей дачной, т. е. хуторской, жизни мнѣ остается только созерцать безтолковщину окружающей жизни. Выйти изъ тѣснаго круга родныхъ и сосѣдей значило бы подáть поводъ къ выдумкамъ, котóрыхъ послѣдствія слишкомъ для меня ясны. Итáкъ я по неволѣ туристъ, пока возможно для меня быть онымъ, а потомъ—опять чиновникъ. Сіе послѣднее зѣло для меня нежелательно, и потому буду искать средствъ для постояннаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. На худой конецъ намѣренъ сдѣлаться

[2]) Письмо это относится къ тому времени, когда Кулишъ, оставивъ службу въ Царствѣ Польскомъ, собирался отправиться въ заграничное путешествіе.

нѣмецкимъ бауеромъ, для чего у меня денегъ довольно. Перспектива, если угодно, грустная, но еще грустнѣе сидѣть въ Малороссіи, видѣть на каждомъ шагу дѣло и не смѣть ни за что взяться! Мнѣ, именно *мнѣ*, нельзя заняться въ Малороссіи ни этнографіею, ни просвѣщеніемъ умственной тьмы вокругъ себя. Другіе могутъ работать на пользу общую спокойно, пока не пріобрѣли той печальной извѣстности, какою пользуюсь я въ административныхъ сферахъ, по милости московскихъ публицистовъ и слѣпыхъ послѣдователей ихъ нелѣпаго ученія.

Прошу поклониться отъ Александры Мих. и отъ меня Вашей супругѣ. Всѣ мы Вамъ кланяемся.

Душевно преданный Вамъ Кулишъ.

3.

Варшава 1868, авг. 4.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Хорошее дѣло печатать сказки и пѣсни, но это—роскошь относительно кое-чего другого. Если бы кто нибудь издалъ сказки систематически и съ ученою обработкою—прекрасно, но Кіяне, какъ можно думать, намѣрены представить публикѣ только свои тетради въ напечатанномъ видѣ [1]). Что касается до пѣсенъ, то, послѣ всего уже напечатаннаго, требуется изданіе или совершенно неизвѣстныхъ нашей публикѣ пѣсенъ, или же нѣчто въ родѣ нѣмецкаго изданія Рейсманна: das deutsche Lied in seiner historischen Entwickelung dargestalt, mit Musikbeilagen. Еслибы не существовало болѣе настоятельныхъ нуждъ, то благородно поступилъ бы тотъ, кто и на перепечатку рукописныхъ тетрадокъ

---

[1]) Очевидно, въ письмѣ А. Кистяковскаго сообщалось о приготовлявшемся къ печати изданіи И. Рудченка «Народныя южно-русскія сказки», вышедшемъ въ Кіевѣ въ 1869 г. Дальнѣйшія строки въ этомъ-же письмѣ вызваны у Кулиша, несомнѣнно, извѣстіемъ о приготовленіи изданія историческихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ 1874 году.

употребилъ бы 300 р. Таково мое мнѣніе, а впрочемъ каждый себѣ господинъ.

Если я пріѣду въ Малороссію въ началѣ сентября, то только по невозможности съ малыми деньгами жить за границей, не нуждаясь въ ученыхъ пособіяхъ и тому подобныхъ предметахъ умственнаго комфорта. Но напередъ отказываюсь отъ того вліянія, которое вы предполагаете съ моей стороны возможнымъ. Для одного того, чтобы не доставить злостной радости чадамъ Каткова и Аксакова, я долженъ всячески удаляться отъ людей, которымъ надобно еще внушать, какъ они должны жить и трудиться. Велика ли отъ внушеній была бы польза, или нѣтъ, это еще неизвѣстно, но совершенно понятно для меня, какъ великъ былъ бы вредъ, еслибы вышеозначенныя чада тьмы нашли за что уцѣпиться для возбужденія противъ меня мѣстныхъ властей. И потому пребуду нѣмъ аки рыба среди людей, которые при мнѣ больше готовы трудиться, нежели безъ меня. Само собою разумѣется, что этимъ поведеніемъ я лишу себя многихъ отрадныхъ часовъ и наслажденія видѣть, какъ застоявшіяся умственныя силы пришли бы въ движеніе. Но если имъ необходимо двигаться, то это совершится и безъ возбужденія съ моей стороны. У меня же и безъ того много дѣла. Между прочимъ, я перевелъ Pentateuch, пользуясь почти всѣми европейскими переводами. Желательно было бы списать нѣсколько копій, для сообщенія просвѣщеннымъ кружкамъ на разсмотрѣніе. Въ Варшавѣ и за деньги не найдешь такого человѣка. Эту работу я буду продолжать до конца, яко усладительную для моего ума и вкуса. Давно бы пора это сдѣлать, но и лучшіе изъ насъ не стоятъ худшихъ между Нѣмцами и другими Европейцами. Когда буду въ Кіевѣ, то покажу Вамъ. Интересно знать, какъ Вы на этотъ мой трудъ взглянете.

Мой экземпляръ постановленій учр. комитета будетъ сложенъ для Васъ у В. М.

Еще не знаю, пріѣду ли въ Малую Россію, или найду возможнымъ ѣхать за границу; но въ этомъ мѣсяцѣ рѣшится, какъ сему дѣлу быть.

Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

4.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Очень Вамъ благодаренъ за полный экземпляръ *Основы*. Еще покорнѣйше и убѣдительнѣйше Васъ прошу—составить по возможности полное собраніе всѣхъ украинскихъ книгъ, въ томъ числѣ и моихъ сочиненій, и все это, вмѣстѣ съ Основою, отправить въ Вѣну по слѣдующему адресу: Oesterreich—*Wien*. Herr Michael *Podolinski*. Stadt, Gonzagagasse. № 14, Thür № 23 (14. 4. 23). Сколько за все это будетъ стоить денегъ съ пересылкою, благоволите увѣдомить Василія Михайловича, у котораго имѣются для всѣхъ моихъ надобностей наличныя деньги. Онъ Вамъ вышлетъ. Переплетать не надобно,—развѣ нельзя было бы иначе достать, какъ въ переплетѣ. Это собраніе книгъ предназначено мною въ подарокъ знаменитому Миклосичу, отъ котораго я ожидаю (говоря между нами) весьма важныхъ одолженій. Въ Вѣнѣ все переплетется и поднесется ему съ подобающею торжественностію. Миклосичъ въ необыкновенной степени заинтересованъ украинскою литературою, что́ въ настоящее время значитъ очень много. Подарокъ будетъ сдѣланъ въ день его ангела. Пожалуйста поспѣшите съ этимъ дѣломъ, сколько отъ Васъ зависитъ.

Если потомъ окажется возможнымъ добыть еще одинъ полный экземпляръ Основы, то сдѣлайте одолженіе пріобрѣтите и пришлите въ Венецію по слѣдующему адресу: Italia—*Venezia*. Al Signor Pantaleone *Culisc*, hôtel Laguna. Василій Мих. возвратитъ деньги и за это.

Мы живемъ въ Венеціи совершенно спокойно и удобно. Городъ тихій и дешевый. Работать можно сколько душѣ угодно. Но мы только читаемъ, а не пишемъ. Со всего свѣта валитъ сюда матеріалъ для чтенія, и между прочимъ изъ Галиціи. Тамъ напечатано уже въ видѣ корректурныхъ листовъ двѣ Моисеевыхъ книги въ переводѣ на украинскій языкъ, напечатанъ также переводъ въ стихахъ книги Іова, и печатается стихотворный пере-

водъ всего Псалтиря. Печатается еще книжка для чтенія дѣтямъ, окончившимъ букварь, и работаютъ надъ составленіемъ полнаго гимназическаго курса учебниковъ. (Какъ бы достать для нихъ рукопись Ариѳметики Мороза? Отъ Ник. Ив. никто ничего не добьется, а она, говорятъ, погребена у него). Все это насъ радуетъ. Пусть хотя Галичане просвѣтятъ свой народъ!

П. Кулишъ.

1869. марта 26. Венеція.

5. [1])

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Ваши деликатныя оговорки при начертаніи относящагося къ займу показываютъ, что Вы все еще считаете меня только литераторомъ, какимъ знали во времена блаженной памяти редакторства Василія Михайловича. Съ того времени я прошелъ сквозь огнь и воду. Ничто меня не поразитъ въ строгости житейской ариѳметики.

Хильчевскаго нѣтъ надобности утруждать, да я ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы углубляться въ вопросъ: гдѣ именно будутъ лежать платимые мною проценты, развѣ пожалѣлъ бы, какъ и въ настоящемъ случаѣ жалѣю, что Банкъ, а не Вы, имѣетъ въ нихъ пользу. Вѣдь я и самъ получалъ и до сихъ поръ еще съ одного господина получаю проценты за запятые ему деньги. Да еще и благодаритъ платя. Такъ и я буду благодарить Васъ въ душѣ всякій разъ при отправленіи праведной мзды.

---

[1]) Это письмо хотя и носитъ отпечатокъ личнаго дѣла, но, во 1-хъ, оно свидѣтельствуетъ о матеріальныхъ затрудненіяхъ Кулиша въ тѣ годы, а во 2-хъ, по поводу этого займа, очевидно несостоявшагося, упоминается и въ перепискѣ Кулиша съ Хильчевскимъ, при чемъ Кулишъ былъ очень раздраженъ отказомъ А. Ф. Кистяковскаго (см. Кiев. Стар. 1898 г. № 1, стр. 129—131).

Срокомъ воспользуюсь, въ случаѣ надобности, вполнѣ; но думаю, что уплачу скорѣе, да это для меня же выгоднѣе. За позволеніе присылать частями благодаренъ очень. Это—самое удобное для меня.

Искренно преданный Вамъ и уважающій Васъ П. Кулишъ.
1874, февр. 16. С. Петербургъ.

PS. Въ избѣжаніе хлопотъ по перепискѣ, нельзя ли перевести 1000 р. въ С. Петербургскій учетный и ссудный банкъ, въ которомъ я имѣлъ прежде нѣсколько тысячъ и теперь еще имѣю небольшія деньги на текущемъ счету? Чинъ мой—надворный совѣтникъ. Впрочемъ для меня и съ почты получить не затруднительно.

6.

10 марта 1874 г. СПБ.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

На Страстной недѣлѣ йиду до дому йисты пасхи. Если деньги не могутъ быть получены мною до выѣзда, то лучше оставьте ихъ у себя: я пріѣду въ Кіевъ, отдохнувши въ хуторѣ отъ столичныхъ трудовъ.

Вашъ П. Кулишъ.

7.

15 марта 1874 г. СПБ.

Мнѣ даютъ командировку въ Кіевъ, и я появлюсь на кіевскомъ горизонтѣ вслѣдъ за этимъ письмомъ.

П. Кулишъ.

8.

9 марта 1874 г. Борзна.

Написано было: „при Вашей профессурѣ“. Это значило: при извѣстномъ обезпеченіи. Потрудитесь справиться въ моемъ письмѣ. Я жъ таки слава Богу знаю, что и въ какомъ случаѣ написать. Остальное пусть будетъ по Вашему.

П. Кулишъ.

1874. апр. 9.

---

9. [1])

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Это письмо пишу съ извиненіемъ за небрежный почеркъ. Совсѣмъ иначе смотритъ моя рукопись по исторіи, которую продолжаю и осенью надѣюсь представить публикѣ три тома того, *о чемъ никто ей не говоритъ, точно оно никогда и не происходило.*

Бувайте здоровы! Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875. февр. 20. X. Мотроновка.

10.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Вы уже въ другой разъ невѣрно читаете мое писаніе и недоумѣваете на мой счетъ. Такъ было, я помню, и въ прошлой нашей перепискѣ. Я написалъ: „Моему энтузіазму къ работѣ Вы

---

[1]) Изъ этого письма мы печатаемъ только отрывокъ, т. к. почти все письмо посвящено дѣловымъ вопросамъ, съ которыми П. А. Кулишъ обращался къ А. Кистяковскому, какъ къ юристу, поручая ему веденіе своего искового процесса.

не *вѣрьте*", а Вы прочитали: *не вѣрите*, и, естественно, находите противорѣчіе съ дальнѣйшими словами.

Что касается до моего энтузіазма, то онъ зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, и всего больше отъ матеріаловъ. Можетъ быть, только въ Петербургѣ набросокъ мой получитъ окончательную форму. Притомъ же весна заставитъ меня бить такіе байдики, какіе только возможно вообразить.

Очень буду благодаренъ за книгу. О томъ не безпокойтесь, чтобъ она мнѣ принадлежала. По всей вѣроятности, я въ нѣсколько дней исчерпаю ея содержаніе для моего предмета: а потомъ—у меня столько книгъ нечитанныхъ, что совѣстно передъ самимъ собою. Это я говорю объ описаніи Кіева. А то есть еще какая-то книга Антоновича о городахъ. Хотѣлось бы прочесть. XVIII в. не нуженъ.

Э, такъ и Вы таки знаете, что люди бываютъ достойны слезъ и смѣха! Стоитъ ли для нихъ работать? Я работаю въ свое удовольствіе, и часто мнѣ пріятно думать, какъ они будутъ озадачены! Судомъ же я интересуюсь только такимъ, который подвинетъ мою работу, хотя бы онъ былъ самый суровый. Но такого суда скорѣе дождешься отъ людей *не* спеціальныхъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, марта 10. Х. Мотроновка.

11.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Вы справедливо замѣтили, что Гоголь не восходилъ выше городничихъ въ своемъ смѣхѣ. Онъ осмѣивалъ грязную обувь, а не тѣхъ, отъ кого зависитъ устройство чистыхъ улицъ. Я разумѣю администрацію самой администраціи, т. е. интеллигенцію, которая ищетъ хоть какихъ нибудь божковъ для поклоненія, за отсутствіемъ идеала, которому единому подобаетъ кланяться и тому единому подобаетъ служити.

Мнѣ бы надобно прочитать статьи о Петрѣ Могилѣ, помѣщенныя въ *Православномъ Обозрѣніи* прошлаго года, а также двѣ статьи Пекарскаго: «Представители кіевской учености въ XVII вѣкѣ», помѣщенныя въ *Отеч. Запискахъ* 60-хъ годовъ. Если найдете возможнымъ снабдить меня, на короткое время, сими книгами, то очень обяжете. Я же весьма исправенъ въ возвращеніи книгъ. Еще Пекарскаго: «Наука до Петра Великаго».

Покойный Иванишевъ хвалился мнѣ, что имѣетъ какія-то выписки изъ Варшавскаго архива о Петрѣ Могилѣ. Нельзя ли найти доступа къ его бумагамъ? Я бы пріѣхалъ на нѣсколько часовъ въ Кіевъ.

Но ко всему этому не относитесь весьма серьезно. Я пишу 3-й томъ, можно сказать, для себя и не очень забочусь о томъ, чтобы наша публика какъ можно скорѣе поумнѣла на счетъ затверженныхъ по преданію понятій о русскомъ мірѣ.

Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, марта 17. Х. Мотроновка.

12.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Бездорожье мѣшало мнѣ получить Ваши книги. Теперь, получивъ ихъ, пою Вамъ благодарственную пѣснь и съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанной монографіи Петра Могилы.

Я далеко уже подвинулся въ писаніи III-го тома Исторіи Возсоединенія, и такъ какъ планъ совершенно опредѣлился, то послалъ начало печатать. На меня гнѣваются преждевременно, но и это мнѣ помогаетъ, а въ какомъ отношеніи—видно будетъ въ свое время. Работа моя занимаетъ меня чрезвычайно, и я объ одномъ сожалѣю, что не могу сдѣлать нѣкоторыхъ поѣздокъ, находя невозможнымъ оставить все на расхищеніе и на деморализацію. Бытъ хуторской чрезвычайно труденъ. Одна Александра

Михайловна могла такъ совладать съ нимъ, что я могу предаваться безконечному чтенію, ни во что не входя. Но оставить хуторъ вдвоемъ—значило бы уничтожить самые важные подвиги ея. Здѣсь отъ человѣка требуется не только экономическихъ, но и политическихъ способностей. Исторія нашего былого во многомъ объясняется для меня пребываніемъ въ хуторѣ. Но четвертый томъ необходимо потребуетъ отъ меня поѣздокъ, или же не будетъ написанъ, о чемъ для меня и думать горько. Но время устраиваетъ многое. 3-й томъ выйдетъ къ осени въ свѣтъ, а къ 4-му начну готовиться по имѣющимся у меня матеріаламъ, въ видѣ набросковъ. Потомъ солью во-едино и разовью сообразно дальнѣйшимъ изысканіямъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, апр. 16. Мотрон.

13.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Двѣ бандерольныя посылочки отъ Васъ получены. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ чей-то кабинетный экземпляръ, который Вы для меня выпросили, но приписокъ я не могъ прочесть, по нечеткости почерка. Когда читалъ отзывъ Костомарова о трудѣ Голубева, мнѣ казалось, что онъ ошибается въ пониманіи Петра Могилы, и уже набросалъ собственный эскизъ этой личности. Голубевъ во многомъ меня подтвердилъ, а въ иномъ и наставилъ. Это—почтенный трудъ, за сообщеніе котораго сердечно Васъ благодарю. Но ни Голубеву, ни Костомарову не былъ извѣстенъ одинъ источникъ, напечатанный въ Парижѣ въ 1864 году. Онъ подкрѣпляетъ его догадку существенно, что дѣлаетъ честь сообразительности Голубева и обнаруживаетъ въ Костомаровѣ неспособность видѣть реальную почву подъ ногами у изображаемыхъ имъ по документамъ лицъ. Даже поразительно видѣть, какъ поч-

тенный историкъ, въ своемъ отзывѣ о Голубевѣ, игнорировалъ въ пользу Могилы нѣкоторыя части изслѣдованія сего кіянина, столь ясно взглянувшаго на положеніе Могилы среди нашего духовенства. Вѣроятно, Голубевъ знаетъ нынѣшнюю духовную среду, которая скрыта отъ Костомарова ширмами обыкновенныхъ встрѣчъ и уклончивыхъ съ обѣихъ сторонъ бесѣдованій. Я рѣдко слышалъ Костомарова, говорящаго о томъ, что ему извѣстно въ обыкновенной жизни; и поэтому самъ весьма немногое сообщалъ ему изъ того, что составляетъ суть, а не выставку жизни. Тѣмъ менѣе способенъ онъ вызвать на двѣрчивость человѣка далекаго. Обставивъ себя ширмами, эти господа всю жизнь услаждаютъ взаимно свой слухъ анекдотами. Какъ же имъ понять время Петра Могилы и его зависимость отъ своей старой и новой сферы? Старой онъ рабски подчинялся, съ новой—пански хитрилъ. У Голубева это высказано довольно ясно; а Костомаровъ написалъ образъ, а не портретъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, апр. 26. Х. Мотроновка.

14.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Оная книга, изданная въ Парижѣ 1864 года, въ двухъ томахъ, называется сице: Relacye Nuncyuszów Apostolskich i innych osób o Polsce. Въ ней о пребываніи Могилы въ Парижѣ не упоминается, но есть указаніе на связь его дома, еще за Днѣстромъ, во время его дѣтства, съ іезуитами. Такъ какъ сіе будетъ изображено въ 3-мъ томѣ моей книги, то и не распространяюсь.

За границу поѣду развѣ глубокою осенью, а въ Богоспасаемый градъ ѣхать не зачѣмъ. Работаю.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

Мая 4, 1875. Мотроновка.

15.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Что касается до Вашего „задерживающаго нерва“, то у меня одно преимущество передъ моими корреспондентами: я никогда себя не щажу и во всякую минуту подавляю врожденную человѣку лѣность. (Еслибъ она не была свойствомъ натуры человѣческой, то не сказано было бы въ видѣ угрозы: Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.) Но „сердиться“ я отвыкъ, занимаясь исторіей, а потому оставайтесь безъ страха въ ладу съ Вашимъ задерживающимъ нервомъ. Я и самъ не прочь полѣниться, да таки правду сказать и полѣниваюсь по мѣрѣ возможности. Но 3-й томъ исторіи почти что весь написанъ. Такъ широко я распространяюсь о формаціи нашего общества, что Петръ Могила останется у меня для 4-го тома, хотя этюдъ о немъ уже и набросанъ. Теперь я только приговариваюсь къ этому характерному лицу и предрасполагаю читателя смотрѣть на него или лучше сказать на его время и общество моими глазами.

По сій же мови та бувайте здорови.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, мая 28. Мотроновка.

16.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Вы спрашиваете: какъ далеко подвинулся мой третій томъ (въ печати)? Я вытребовалъ начало его изъ типографіи, чтобы усовершенствовать ту часть, гдѣ говорится о Галицкой Руси; а это можно сдѣлать только во Львовѣ. Теперь готовлюсь къ путешествію. По всей вѣроятности, въ половинѣ сентября посѣщу Кіевъ, а оттуда и далѣе. Итакъ—до пріятнѣйшаго свиданья!

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1875, авг. 20. Мотроновка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ борьбѣ за просвѣщеніе.

Въ концѣ прошлаго года совершенно неожиданно для многихъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, выдвинулся и завладѣлъ общимъ вниманіемъ вопросъ объ основаніи отдѣльнаго русинско-украинскаго университета во Львовѣ, а между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ уже свою длинную исторію, насчитывающую болѣе столѣтія своему существованію. Крайне напряженная форма, въ которую этотъ вопросъ облекся въ послѣднее время, указываетъ лишь на то, что онъ въ достаточной степени уже созрѣлъ и для Галичины является въ полномъ смыслѣ больнымъ вопросомъ, требующимъ немедленно своего разрѣшенія. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ познакомить читателя съ исторіей вопроса вплоть до послѣднихъ событій въ львовскомъ университетѣ.

Въ 1772 году совершился, какъ извѣстно, первый раздѣлъ Польши, и Галичина по этому раздѣлу отошла, подъ именемъ королевства Галиціи и Лодомеріи, къ Австріи. Изъ числа всѣхъ земель старой Украины Галичина, благодаря своему положенію вблизи центра польско-шляхетской державы, находилась въ самомъ бѣдственномъ и печальномъ состояніи. Гнетъ соціальный, политическій, національный и религіозный нигдѣ не чувствовался такъ сильно, нигдѣ не принималъ такихъ вопіющихъ формъ,

какъ здѣсь. Народъ стоналъ подъ невыносимымъ игомъ рабства и сопряженныхъ съ нимъ бѣдности, невѣжества и темноты, не имѣя иного названія, какъ «быдло», «хлопъ»; остатки сильнаго когда-то мѣщанства и сельское духовенство стояли по своему развитію немногимъ выше народа и, конечно, не могли создать болѣе или менѣе сильнаго культурнаго движенія. Нуждаясь сами въ руководителяхъ, они, конечно, не могли вести народъ къ лучшей жизни. Предъ австрійскимъ правительствомъ стояла въ высшей степени серьезная, трудная и отвѣтственная задача: если не помочь, то хоть дать возможность забитому, угнетенному бѣдностью и тяжелой обстановкой народу воспрянуть къ новой жизни, созданной новыми условіями политическаго и соціальнаго строя. Изъ дальнѣйшаго отчасти будетъ видно, на сколько эта задача выполнена австрійскимъ правительствомъ, а теперь мы отмѣтимъ только, что на первыхъ же порахъ оно озаботилось произвести нѣкоторыя реформы въ судѣ и управленіи, признать за «хлопами» право на личную свободу и собственность. Къ этому же времени относятся и первыя заботы правительства о народномъ образованіи, въ частности—о высшемъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ присоединенія Галичины къ Австріи, въ 1784 году, императоръ Іосифъ II основалъ въ Львовѣ университетъ, предназначенный очевидно для русинско-украинской части Галичины, какъ по мѣсту основанія, такъ и потому, что поляки имѣли уже свой университетъ въ Краковѣ. Уже при самомъ основаніи львовскаго университета русины пробуютъ убѣдить правительство, что наиболѣе цѣлесообразнымъ оказался бы такой порядокъ, при которомъ языкомъ преподаванія въ новомъ университетѣ, по крайней мѣрѣ на факультетахъ богословскомъ и философскомъ, былъ бы народный «руськый» языкъ. Въ этомъ смыслѣ была представлена правительству петиція, между прочимъ, со стороны львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго. Очевидно, того же мнѣнія держалось и само правительство, такъ какъ уже въ 1786 году оно рекомендуетъ употребленіе русинскаго языка при домашнихъ занятіяхъ студентовъ, а въ слѣдующемъ 1787 году вводитъ преподаваніе на немъ и въ университетѣ. Бо-

гословскій факультетъ, съ преподаваніемъ всѣхъ наукъ на народномъ языкѣ, составилъ особый лицей, находившійся въ связи съ университетомъ. Профессорами въ немъ состояли русины, занимавшіе одновременно каѳедры и въ университетѣ и связывавшіе, такимъ образомъ, университетъ и лицей въ одну высшую школу. Съ какими чувствами былъ встрѣченъ этотъ первый опытъ націонализаціи университета среди русинскаго общества, ясно показываютъ хотя бы слѣдующія слова современника Ивана Гарасевича: «день первый мисяця лыстопада року 1787 есть и будетъ всегда памятнымъ въ жыттю народнимъ кожного галыцького русына; въ тотъ бо день осуществылося найвысшое ришеніе: на любомудрію (т. е. на философскомъ факультетѣ) и богословію отозвалыся учытели народно-церковно-руськымъ языкомъ. *Это было истиннымъ восхищеніемъ* слухаты, якъ молодіи таланты свое быстроуміе въ политическихъ упражненіяхъ на своемъ родымомъ языци изъяснялы и якъ превосходно въ такъ многоважномъ дили просвищенія поступалы» [1]). Среди профессоровъ-русиновъ многіе и за предѣлами Галичины были извѣстны какъ ученые съ солидной репутаціей, таковы: Лодій, Лавровскій, Радкевичъ, Гарасевичъ, Гриневецкій и др.; они съ успѣхомъ начали дѣло преподаванія, издавали свои собственныя сочиненія, переводили труды европейскихъ ученыхъ и т. д. [2]). По русински читались тогда слѣдующіе курсы: философія (профессора: Лодій и Лавровскій), математика и физика (Павловичъ и Земанчикъ), церковная исторія (Захаріясевичъ, Билецкій и Липницкій), герминевтика, греческій и еврейскій языки (Радкевичъ), экзегетика св. писанія (Гарасевичъ, Дуткевичъ и Миленевичъ), церковное право (Ангеловичъ и Мохнацкій), догматика (Гриневецкій и Скородинскій), пастырское богословіе и катихитика (Левицкій, Марамарошъ и Потоцкій) и нравственное богословіе (Павловичъ, Шан-

---

[1]) Огоновскій Ом.—Исторія литературы рускои, ч. II, стр. 49.

[2]) Лодій, впослѣдствіи профессоръ Петербургскаго университета, перевелъ нравственную философію Баумейстера; Захаріясевичъ—Церковную исторію Данненмайстра и т. д.

ковскій и Лавровскій). Что касается языка, который употребляли въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ профессора-русины, то хотя они очень часто именовали его «руськымъ» (т. е. украинскимъ), или даже «россійскимъ», но ни тѣмъ, ни тѣмъ болѣе другимъ, онъ, разумѣется, не былъ. Это была смѣсь народнаго украинскаго языка съ церковнославянскимъ и современнымъ русскимъ. Характерно, что употребляя въ своихъ трудахъ, очевидно, въ силу необходимости «простыя выраженія», подъ которыми разумѣются народныя украинскія, почтенные служители науки всякій разъ стыдливо прячутся за «пользу учащагося юношества галлиційскаго», при чемъ даже просятъ извиненія у «благосклоннаго читателя»—«да не почудится простымъ иногда выраженіемъ» (Лодій) или—«сего да не кто мнѣ отъ иностранныхъ во зло вмѣняетъ» (Захаріясевичъ). «Не почудится», конечно, этому стыдливому отношенію къ родному языку и современный читатель, если вспомнить, что не въ одной Галичинѣ народный языкъ считали признакомъ «дурного тона», что и въ Россіи какъ разъ въ это время царило еще въ полной силѣ пресловутое дѣленіе «штиля» на «возвышенный» и «подлый» и вполнѣ господствовалъ языкъ Ломоносова и Сумарокова и только значительно позже закипѣла «словесная война» изъ-за обновленія русскаго языка между литературными старовѣрами, въ родѣ извѣстнаго адмирала Шишкова, и реформаторомъ Карамзинымъ. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ языкъ первыхъ профессоровъ-русиновъ, при благопріятныхъ условіяхъ, ихъ корпорація могла бы стать тѣмъ зерномъ, изъ котораго несомнѣнно развилась бы украинская наука, и вопросъ объ украинскомъ университетѣ слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ получилъ бы свое благополучное разрѣшеніе и не доставлялъ бы теперь столько огорченія и затрудненій своимъ противникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попутно разрѣшены были бы и многіе другіе, тѣсно связанные съ первымъ, вопросы, какъ напр., о правѣ и возможности существованія украинской литературы и науки. Но къ сожалѣнію, «не такъ склалося, якъ жадалося» и какъ можно было ожидать, судя по первымъ результатамъ опыта русинско-украинскаго университета.

Положеніе русиновъ въ университетѣ на первыхъ порахъ было въ высшей степени ненормальное ,и прямо таки двусмысленное. Съ одной стороны—какъ члены профессорской корпораціи, они имѣли несомнѣнное право на участіе въ академической жизни наравнѣ со своими нѣмецкими товарищами; но съ другой—эти послѣдніе, пользуясь своею многочисленностью, не допускали русиновъ къ занятію высшихъ должностей въ университетѣ, не считали себя обязанными справляться съ ихъ мнѣніями и даже оставили въ сильномъ подозрѣніи ихъ право быть членами факультета. Лицей, въ которомъ преподаваніе шло на русинско-украинскомъ языкѣ, въ насмѣшку прозванъ былъ «Winkelschulen», а сами профессора-русины по этой причинѣ извѣстны были подъ именемъ «Winkellehrer». Очевидно, нѣмецкіе профессора уже въ то отдаленное время предвосхитили тактику нѣкоторыхъ изъ современныхъ публицистовъ и не считали унизительнымъ для своего ученаго достоинства изощрять профессорское остроуміе надъ тѣмъ, что въ сущности вовсе не было смѣшнымъ. Такое отношеніе нѣмецкихъ профессоровъ, создавшее рядъ недоразумѣній и конфликтовъ съ русинами, вызвало со стороны послѣднихъ много жалобъ на свое ненормальное положеніе въ университетѣ, и хотя жалобы эти въ нѣкоторой части и были удовлетворены, но все таки русины прекрасно чувствовали свое двусмысленное положеніе, тяготились имъ и, конечно, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы оставить оказавшіяся для нихъ не особенно гостепріимными стѣны львовскаго университета. Разумѣется, что эти мелкія затрудненія и неудобства имѣли только временный характеръ и съ теченіемъ времени уладились бы сами собою, а между нѣмцами и русинами установился бы ни для кого необидный modus vivendi, отношенія вошли бы въ извѣстную норму. Но въ 1805 году львовскій университетъ, по соображеніямъ политическаго и финансоваго характера, былъ закрытъ, многія каѳедры перечислены къ краковскому университету, а въ оставшемся въ Львовѣ русинскомъ лицеѣ получила сначала преобладаніе, а затѣмъ съ 1808 г. исключительное господство мертвая латынь. Справедливость требуетъ отмѣтить, что этого

давно уже добивались нѣкоторые высшіе представители галицкой церкви, считавшіе латынь верхомъ схоластической мудрости, а народный языкъ слишкомъ низкимъ и, можно сказать, «подлымъ» для употребленія съ высоты университетскихъ каѳедръ. Не будемъ ихъ строго судить за это: они едва ли и сами вѣдали, что̀ творили; но, къ сожалѣнію, ихъ поступокъ оказался чреватымъ очень крупными послѣдствіями,—онъ на цѣлое столѣтіе отсрочилъ разрѣшеніе вопроса объ русинско-украинскомъ университетѣ и затормозилъ движеніе русиновъ по пути культурнаго развитія и прогресса. Зерно, очевидно, упало на слишкомъ неблагодарную, каменистую почву всеобщаго невѣжества, темноты и равнодушія къ народнымъ интересамъ, господствовавшимъ тогда среди галицкаго общества, и, конечно, заглохло, не успѣвъ дать прочнаго ростка. Возобновленный въ 1818 г. львовскій университетъ, хотя и предназначенный по прежнему для русиновъ, носитъ вполнѣ нѣмецко-латинскій характеръ, ничѣмъ не напоминающій того, какому народу онъ призванъ служить. Немногочисленное русинское интеллигентное общество было совершенно равнодушно къ вопросамъ высшаго порядка и, должно быть, вполнѣ довольствовалось настоящимъ положеніемъ вещей,—по крайней мѣрѣ, протестовъ противъ него мы не знаемъ.

Въ половинѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ проникшихъ въ Галичину сочиненій украинскихъ писателей — Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Квитки, Максимовича, Метлинскаго, позже Шевченка,—начинается національное возрожденіе галицкихъ русиновъ. Языкъ произведеній украинскихъ писателей поразилъ ихъ своею близостью къ употребляемому галицкимъ простонародіемъ и впервые поставилъ передъ ними вопросъ истинно народной литературы. Первой ласточкой національнаго возрожденія русиновъ была сыгравшая въ Галичинѣ такую же роль, какая на Украинѣ принадлежитъ безсмертной «Энеидѣ»— Котляревскаго, «Русалка Днистрова», изданная въ 1837 г. небольшимъ кружкомъ русинскихъ патріотовъ съ Маркіяномъ Шашкевичемъ во главѣ. Первая книжка на народномъ языкѣ произвела сильное впечатлѣніе и пробудила среди русиновъ дремавшее гдѣ то въ глубинѣ

души чувство любви къ родному народу и состраданія къ его безотрадному положенію. Появляется рядъ дѣятелей, которые уже открыто, не стѣсняясь, заявляютъ о своемъ родствѣ съ народомъ и даютъ своего рода Ганнибалову клятву—посвятить себя борьбѣ съ темными силами, опутавшими кругомъ народную жизнь; зарождаются первые проблески народной литературы и національно-украинскаго направленія въ политической жизни. Бурный 1848 г., могучей волной пронесшійся изъ края въ край по всей Западной Европѣ и всколыхавшій мертвую поверхность тогдашней жизни, не прошелъ безслѣдно и для Галичины, вызвавъ здѣсь небывалое дотолѣ оживленіе. Чувствуя опасность со стороны польскихъ пановъ, стремившихся къ возстановленію Польши, австрійское правительство примѣнило мудрую политику, выражаемую словами: «divide et impera», и въ противовѣсъ польско-шляхетской партіи рѣшило надѣлить правами русиновъ, или, какъ иронически говорили поляки, «выдумало» ихъ. Въ 1848 г. возникла во Львовѣ «Рада руска», а затѣмъ созванъ былъ «Соборъ русскихъ ученыхъ», который занялся обсужденіемъ нуждъ русинскаго населенія Галичины. Это были первыя въ Галичинѣ оффиціальныя институціи, которыя открыто высказали національную программу, направленную къ развитію украинскаго населенія въ Галичинѣ. Между многими другими вопросами, возникшими предъ нарождавшеюся русинскою интеллигенціею, и «Рада» и «Соборъ» должны были, конечно, обратить особенное вниманіе на положеніе школьнаго дѣла въ Галичинѣ, носившаго тогда, крайне несовершенный характеръ, и высказались въ томъ смыслѣ, что преподаваніе среди украинскаго населенія должно вестить на народномъ языкѣ не только въ низшихъ и среднихъ школахъ, но и въ университетѣ. Въ этомъ направленіи и были сдѣланы представленія правительству. Принципіально согласившись съ мнѣніемъ русинскихъ представителей, правительство отвѣтило однако, что, по причинѣ недостаточной разработанности русинско-украинскаго языка, преподаваніе въ гимназіяхъ и львовскомъ университетѣ будетъ вестись по-нѣмецки; но только до тѣхъ поръ, пока не найдется достаточнаго числа учителей и профессоровъ, способныхъ вести преподаваніе

на народномъ языкѣ, да и слушатели не подготовятся къ употребленію его въ качествѣ научнаго. Для скорѣйшаго же достиженія этого, во львовскомъ университетѣ учреждается каѳедра русинско-украинскаго языка и литературы, которую занялъ извѣстный Я. Головацкій, принадлежавшій тогда еще къ народному направленію. Преподаваніе духовныхъ наукъ признано возможнымъ начать на русинско-украинскомъ языкѣ сейчасъ же, и въ силу этого на богословскомъ факультетѣ начато преподаваніе пастырскаго богословія, догматики, катехитики и методики на народномъ языкѣ. Кромѣ того, распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 6 ноября 1848 г. изученіе русинско-украинскаго языка признано обязательнымъ для всѣхъ учениковъ въ гимназіяхъ восточной Галичины. Вообще львовскій университетъ оффиціально назывался тогда русинскимъ университетомъ, и правительство не разъ категорически заявляло, что преобладаніе въ немъ нѣмецкаго элемента носитъ только временный характеръ.

Такимъ образомъ возможность и необходимость украинскаго университета во Львовѣ въ принципѣ категорически признана еще въ 1848 году; правительство, не возражая ничего противъ желаній русиновъ по существу, только по практическимъ якобы соображеніямъ отложило выполненіе этихъ желаній до того времени, когда русины изъ своей среды выдвинутъ достаточное число профессоровъ и когда слушатели будутъ готовы къ преподаванію на родномъ языкѣ. Нельзя не замѣтить, что мотивы отсрочки, особенно второй, шиты на современный взглядъ бѣлыми нитками и сильно смахиваютъ на простую отговорку; едва ли въ такой отсрочкѣ была существенная необходимость, оправдываемая фактическимъ положеніемъ дѣла. Начать съ того, что доводъ о необходимости подготовки учениковъ къ восприятію научныхъ свѣдѣній на родномъ языкѣ можетъ вызвать лишь улыбку въ настоящее время; что же касается недостатка въ профессорахъ, то и тогда, и раньше въ львовскомъ университетѣ много профессорскихъ каѳедръ занимали русины (Ярына, Нападіевичъ, Яхимовичъ, Куземскій и др.), которые безъ всякаго труда для себя и ущерба для науки легко могли бы приспособиться къ новымъ требова-

ніямъ касательно языка. Конечно, основаніе сразу же цѣлаго университета, при неподготовленности общества, затруднительно; постановка преподаванія на первыхъ порахъ не вездѣ была бы вполнѣ удовлетворительна, но эти затрудненія не имѣли непреодолимаго характера и, при доброй волѣ правительства и общества, съ теченіемъ времени были бы устранены. Такимъ образомъ, существенной необходимости въ отсрочкѣ основанія русинско-украинскаго университета не было и въ 1848 г., и въ ней сказалась лишь характерная особенность въ отношеніяхъ правительства къ русинамъ. Вынужденные къ тому политическими обстоятельствами, руководители австрійской имперіи проявили свое благосклонное вниманіе къ нуждамъ русиновъ, снизошли къ ихъ требованіямъ, но въ тайникахъ душъ своихъ не желали сдаться окончательно и не теряли надежды на онѣмеченіе своихъ вѣрныхъ «тирольцевъ востока». Эта задняя мысль австрійскихъ политиковъ впослѣдствіи сказалась очень ясно. Какъ только затрудненія, созданныя политическими осложненіями, миновали, сейчасъ же были весьма основательно забыты нужды и желанія русиновъ: правительство ровно ничего не сдѣлало для того, чтобы исполнить свои обѣщанія, и идея, національнаго просвѣщенія мало-по-малу начинаетъ уступать все яснѣе и яснѣе обозначавшемуся стремленію къ германизаціи славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и русиновъ. Этому помогло и поведеніе самого русинскаго общества. Энтузіазмъ и всеобщій подъемъ духа, вспыхнувшій было яркимъ фейерверкомъ въ 1848г., быстро погасъ, и русинское общество опять погрузилось въ болѣе привычное ему состояніе спячки и апатіи къ общественнымъ дѣламъ, проявляя интересъ лишь къ вопросамъ азбучнаго, правописнаго и тому подобнаго мелочного характера. Такое поведеніе не замедлило дать свои плоды. Въ 1857 г. отмѣнена обязательность изученія русинско-украинскаго языка, а въ слѣдующемъ году уничтожены и тѣ украинскія каѳедры въ университетѣ, которыя еще оставались какъ пріятное воспоминаніе о минутномъ благоволеніи правительства къ русинамъ.

Попытка онѣмеченія Галичины, не имѣя подъ собой прочнаго основанія, рѣшительно не удалась; въ началѣ 60-хъ годовъ,

послѣ неудачной итальянской кампаніи, вновь съ большею силою поднимается протестъ славянскихъ народовъ противъ германизаціи; правительство, опять застигнутое этимъ движеніемъ врасплохъ, принуждено было пойти на серьезныя уступки. Въ 1862 г. во львовскомъ университетѣ, который по прежнему оставался нѣмецкимъ, учреждены на юридическомъ факультетѣ двѣ украинскія каѳедры—уголовнаго права и гражданскаго процесса—и даже предоставлено право на томъ же языкѣ производить по указаннымъ предметамъ экзамены для занятія судебныхъ должностей. Кромѣ того, опять даны торжественныя обѣщанія—увеличивать постепенно число украинскихъ каѳедръ по мѣрѣ того, какъ будутъ появляться кандидаты, удовлетворяющіе научнымъ требованіямъ; для приготовленія такихъ кандидатовъ рекомендовался рядъ мѣръ въ видѣ стипендій, посылки молодыхъ ученыхъ въ заграничные университеты и т. п. Какъ и слѣдовало ожидать, и на этотъ разъ все ограничилось одними словами и голыми обѣщаніями, не имѣвшими никакихъ практическихъ результатовъ, кромѣ двухъ указанныхъ каѳедръ на юридическомъ факультетѣ. Хуже всего то, что сами русины, слабо развитые въ это время культурно и политически, и на этотъ разъ отнеслись къ дѣлу съ обычною апатіею, и потому, когда пришла пора раздѣла нѣмецкаго наслѣдства въ львовскомъ университетѣ между поляками и русинами, они оказались сильно обдѣленными. Поляки, стоявшіе несравненно выше въ культурномъ отношеніи, захватили всѣ выгоды въ свои руки, предоставивъ русинамъ пользоваться только крохами, да и то достающимися теперь съ неимовѣрными усиліями.

Пораженіе при Садовой съ очевидною ясностью доказало австрійскому правительству опасность, грозящую государству съ конгломератомъ различныхъ, по большей части враждующихъ между собою, народностей, слабо связанному въ своихъ составныхъ частяхъ, неустойчивому. Централизаціонная система не только не въ силахъ была связать этотъ конгломератъ народностей въ одинъ стройный организмъ государственный, но еще болѣе его разъединяла, внушая чувство отвращенія и вражды обдѣленнымъ народностямъ; меттерниховская система доказала

свою несостоятельность и затрещала по всѣмъ швамъ. Возрожденіе цѣлаго ряда народностей еще нагляднѣе показало грозящую опасность, подчеркнуло ее, и правительство поспѣшило поворотить курсъ и окончательно и безповоротно вступить на тотъ путь, который рано или поздно долженъ привести Австрію къ федеративной системѣ государственнаго устройства. Но къ сожалѣнію, и вступивши на этотъ путь, правительство не пошло имъ безъ оглядки на прошлое, не обезпечило свободнаго развитія всѣмъ народностямъ, а своею нерѣшительною, колеблющеюся, не всегда послѣдовательною политикою отдало слабѣйшія народности въ власть болѣе сильныхъ. Въ Галичинѣ интересы русиновъ были принесены въ жертву интересамъ поляковъ, т. е., собственно польской правительственной партіи. Такъ было во всѣхъ сферахъ жизни, такъ вышло само собою, конечно, и въ вопросѣ университетскомъ.

Въ 1871 г. издано было весьма важное распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, гласившее, что «всѣ ограниченія, служившія до сихъ поръ препятствіемъ для польскихъ и русинскихъ чтеній въ львовскомъ университетѣ на факультетахъ юридическомъ и философскомъ, отмѣняются, и на будущее время профессорскія каѳедры предоставляются только лицамъ, *владѣющимъ однимъ изъ мѣстныхъ языковъ*». Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени изданія этого распоряженія нѣмецкіе профессора или должны усвоить одинъ изъ мѣстныхъ языковъ и на немъ открыть преподаваніе, или будутъ замѣнены новыми. Этимъ распоряженіемъ навсегда былъ покончен вопросъ о существованіи нѣмецкаго университета во Львовѣ, но за то созданіемъ утраквистическаго польско-русинскаго университета выдвинутъ новый— о взаимныхъ отношеніяхъ поляковъ и русиновъ. Первые къ тому времени представляли изъ себя уже замѣтную въ культурномъ и политическомъ отношеніи силу, объединенную однимъ направленіемъ въ національномъ вопросѣ; вторые были слабо подготовлены къ самостоятельной жизни, слабо развиты культурно и политически; малочисленная въ то время русинская интеллигенція распадалась на нѣсколько партій, враждующихъ изъ-за языка,

правописанія, и тянула въ разныя стороны. Разумѣется, что шансы были слишкомъ не равны, и перемѣна положенія въ львовскомъ университетѣ не только не доставила на первыхъ порахъ русинамъ никакихъ выгодъ, но еще вовлекла ихъ въ борьбу съ болѣе сильными сосѣдями. Еще раньше, въ 1869 г. былъ сдѣланъ опытъ мирнаго размежеванія обѣихъ народностей въ университетѣ: сеймомъ избрана особая «международная коммиссія» изъ равнаго числа поляковъ и русиновъ для разрѣшенія русинско-польскихъ недоразумѣній. По университетскому вопросу коммиссія пришла къ заключенію, что по практическимъ соображеніямъ необходимо во львовскомъ университетѣ учрежденіе украинскихъ каѳедръ—на юридическомъ факультетѣ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ государственныхъ экзаменовъ на судебныя должности, а на философскомъ—украинскаго языка и литературы, философіи, классической филологіи, всеобщей исторіи, украинской исторіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Галицкій сеймъ съ его сильнымъ польскимъ большинствомъ отнесся къ предложеніямъ коммиссіи неодобрительно и отвергъ ихъ. [1]) Послѣ министерскаго распоряженія 1871 года поляки энергично принялись за полонизацію львовскаго университета, вызывая профессоровъ изъ заграницы и всѣми средствами проводя своихъ кандидатовъ. Русины въ это время были заняты обычнымъ сведеніемъ личныхъ счетовъ и партійной борьбой и оставались въ роли почти спокойныхъ зрителей этого движенія, по крайней мѣрѣ не проявили никакой дѣятельности, чтобы воспользоваться выгодами реформы. Послѣдствія такого халатнаго поведенія въ столь важномъ вопросѣ не замедлили сказаться: не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ поляки совершенно завладѣли львовскимъ университетомъ и начали примѣнять къ русинамъ ту же тактику, отъ которой сами такъ много терпѣли при нѣмецкомъ владычествѣ. Уже начиная съ 1873 г., университетскій совѣтъ обращается къ правительству

---

[1]) В. Г.—«Справа украïнсько-руського унiверситета у Львовi», Лiт.-Наук. Вiстник, 1899 г., августъ.

съ настоятельными просьбами объ узаконеніи фактическаго положенія признаніемъ оффиціальнымъ языкомъ въ университетѣ польскаго,—очевидно предъ поляками носился все таки возможный въ будущемъ призракъ русинскихъ претензій, опирающихся на утраквизмъ, созданный министерскимъ распоряженіемъ 1871 г. Всѣми силами они стараются измѣнить это положеніе и добиться отъ правительства категорическаго постановленія, которое бы признало оффиціальнымъ языкомъ польскій; ради этого они готовы даже на компромиссъ, на уступку нѣмцамъ, оставивъ нѣмецкую каѳедру германскаго права и умноживъ число украинскихъ параллельныхъ, т. е. необязательныхъ, каѳедръ. Но правительство, отдавъ полякамъ университетъ въ фактическое обладаніе, долго колебалось узаконить этотъ порядокъ и только въ 1879 г. признало оффиціальнымъ языкомъ польскій, но и то съ очень значительными оговорками, сохраняющими въ сущности утраквистическій характеръ львовскаго университета. Оговорки эти состоятъ въ томъ, что на прошенія, написанныя по украински, университетскія власти должны отвѣчать на томъ же языкѣ; для профессоровъ русиновъ оффиціальныя бумаги должны составляться на ихъ языкѣ, и кромѣ того правительство оставило за собой право свободнаго назначенія и русинскихъ профессоровъ путемъ учрежденія «по мѣрѣ надобности» новыхъ украинскихъ каѳедръ. Категорическаго признанія львовскаго университета исключительно польскимъ, какъ видимъ изъ предыдущаго, не было: всѣ старанія поляковъ въ этомъ направленіи успѣха не имѣли и потому на ихъ сторонѣ только право фактическаго владѣнія—не больше, что не измѣняетъ утраквистическаго въ принципѣ устройства львовскаго университета, тѣмъ болѣе, что и распоряженіе 1871 г. отмѣнено не было. На это обстоятельство мы обращаемъ особенное вниманіе читателя, такъ какъ на немъ русины основываютъ впослѣдствіи свои требованіи о полной и послѣдовательно проведенной утраквизаціи львовскаго университета.

Итакъ, львовскій университетъ, предназначенный — опять подчеркиваемъ это—при своемъ основаніи для русиновъ, принадлежитъ въ настоящее время въ одинаковой мѣрѣ и полякамъ и

русинамъ; тѣ и другіе имѣютъ на него равныя права. Обращаясь къ примѣненію утраквистическаго принципа на практикѣ, мы замѣчаемъ прежде всего, что оно вовсе не соотвѣтствуетъ юридическому положенію и самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости. Господа положенія—польскіе профессора, не достигши юридическаго подтвержденія ихъ исключительнаго господства въ университетѣ, воспользовались своей фактической силой для того, чтобы не допускать русиновъ въ университетъ, перенесши такимъ образомъ національную и политическую борьбу въ стѣны университета. Въ тоже время и русины, сдѣлавшіе въ послѣднее время громадный шагъ впередъ во всѣхъ областяхъ культурной жизни и вполнѣ уже пробудившіеся и созрѣвшіе, все сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ потребность такого важнаго очага культуры и развитія, какимъ является національный университетъ; все сильнѣе и сильнѣе тяготятся его отсутствіемъ. Естественно, что теперь они уже не могутъ равнодушно относиться къ ненормальному положенію, утвердившемуся во львовскомъ университетѣ. Они уже перестали идти на помочахъ у правительства, перестали возлагать всѣ свои надежды на подачки и милость его и начали за свой собственный страхъ и рискъ домогаться осуществленія принадлежащихъ имъ и по закону, и по справедливости правъ. Такое положеніе, все обострявшееся, принимавшее все болѣе выразительныя формы, привело, наконецъ, къ открытой борьбѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этихъ событій, мы постараемся кратко обозрѣть пріобрѣтенія русиновъ, начиная съ 70-хъ годовъ. Извѣстное министерское распоряженіе 1871 года застало русиновъ всего съ двумя каѳедрами на юридическомъ факультетѣ, одной на философскомъ и одной—на богословскомъ. Въ 1882 г. учреждена каѳедра гражданскаго права, которую занялъ Александръ Огоновскій; въ 1894 г.—каѳедра всеобщей и украинской исторіи, въ 1900 г.—старо-славянскаго языка. Такимъ образомъ въ настоящее время русины имѣютъ слѣдующія каѳедры: всеобщей и украинской исторіи (профессоромъ М. С. Грушевскій), украинскаго языка и литературы (проф. Колесса),

славянскаго языка (проф. Студинскій), уголовнаго права и процесса (проф. Стебельскій), гражданскаго права (проф. Днистрянскій), пастырскаго богословія и педагогики (проф. Барташевскій), катехитики и методики (проф. Редкевичъ),—итого 7 каѳедръ, [1]) Дальнѣйшее увеличеніе украинскихъ каѳедръ обставлено такими затрудненіями и препятствіями, о которыя разбиваются всѣ стремленія русиновъ въ этомъ направленіи. Въ силу постановленія 1871 г., каждую каѳедру можетъ занимать профессоръ, который въ состояніи вести преподаваніе *на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ*, исключая каѳедръ спеціально русинскихъ; слѣдовательно, на какой угодно каѳедрѣ, можетъ, въ принципѣ, оказаться профессоръ-русинъ, выразившій желаніе вести преподаваніе на украинскомъ языкѣ. Но въ томъ то и дѣло, что такой кандидатъ на практикѣ никогда не получитъ каѳедры,—объ этомъ позаботятся польскіе профессора, ревниво ограждающіе неприкосновенность польскаго языка въ университетѣ. Русинъ, если только онъ не gente Ruthenus, natione Polonus, не имѣетъ никакой надежды на каѳедру и даже на научную карьеру въ львовскомъ университетѣ. При наличности двухъ кандидатовъ—русина и поляка, всегда будетъ отличенъ избраніемъ послѣдній, безъ всякаго отношенія къ его научнымъ заслугамъ и даже безъ сравненія съ достоинствами его конкурента—русина. Если кандидата поляка или полонизированнаго русина въ виду не имѣется, то профессорская корпорація предпочитаетъ оставить каѳедру вакантной, но ни въ какомъ случаѣ не поручитъ ее русину, заявившему себя сторонникомъ національнаго возрожденія украинской народности. Для этого въ рукахъ господствующей партіи находится очень много средствъ, которыя и выдвигаются въ такихъ случаяхъ, начиная отъ различнаго рода чисто формальныхъ придирокъ [2]) и кончая

---

[1]) Въ Черновецкомъ университетѣ русины имѣютъ всего двѣ каѳедры: украинскаго языка и литературы (проф. Смаль-Стоцкій) и практическаго богословія, гомилетики и литургики (проф. Еремійчукъ).

[2]) Одному кандидату возвращено прошеніе на томъ основаніи, что оно было написано по-нѣмецки и вмѣсто термина ruthenisch упо-

«проваломъ» представленныхъ факультету ученыхъ работъ, впослѣдствіи одобряемыхъ другими австрійскими университетами. Этимъ путемъ и достигается обыкновенно то, что самъ кандидатъ теряетъ наконецъ всякую охоту ко вступленію въ настроенное такъ враждебно къ нему ученое учрежденіе и старается получить каѳедру въ какомъ-нибудь другомъ изъ австрійскихъ университетовъ. Въ исторіи львовскаго университета найдется достаточно случаевъ отказа русинамъ, которые затѣмъ составляли гордость другихъ университетовъ. Такъ было, напр., съ замѣщеніемъ каѳедры гражданскаго права по смерти профессора Ал. Огоновскаго; выступившій кандидатомъ русинъ, докторъ Зобковъ, послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній, ушелъ въ Загребскій университетъ; въ результатѣ каѳедра въ теченіе 8 лѣтъ оставалась вакантной, а украинская наука въ лицѣ д-ра Зобкова потеряла выдающуюся въ научномъ отношеніи силу. Не мало было и другихъ лицъ съ прочной научной репутаціей, предъ которыми однако львовскій университетъ на-глухо запиралъ свои двери; многія достойныя каѳедры лица, видя, съ какими усиліями сопряжено для нихъ полученіе профессуры въ львовскомъ университетѣ, даже и не пытаются стучаться въ запертую дверь, напередъ предвидя исходъ дѣла. Число спеціальныхъ украинскихъ каѳедръ, какъ мы видѣли, очень незначительно, и, какъ это ни странно, инициатива учрежденія ихъ никогда не исходила отъ университета: всякій разъ онѣ создавались по почину правительства, если оно по политическимъ соображеніямъ сочтетъ нужнымъ дать русинамъ «милость» въ видѣ новой каѳедры. Положеніе профессоровъ русиновъ въ университетѣ крайне тяжело: ихъ не допускаютъ на почетныя должности ректора и декановъ; ихъ мнѣнія разбиваются о противодѣйствіе польскихъ профессоровъ, сильныхъ своею сплоченностью; ихъ наконецъ по-просту третируютъ. Характернымъ въ этомъ отношеніи является недавній инцидентъ съ проф. Грушевскимъ, котораго деканъ философскаго факультета проф.

требленъ kleinrussisch. См. статью Observator'a «Листи з-над Полтви» въ Літ.-Наук. Вістнику 1899 г., ноябрь.

Тарновскій лишилъ слова за то, что онъ началъ свою рѣчь въ академическомъ собраніи по-украински; проф. Грушевскому послѣ этого только и оставалось выйти изъ собранія, оказавшагося не на высотѣ академической свободы и толерантности.

Вотъ какими оказались плоды утраквизма, обезпечивающаго яко-бы справедливыя отношенія въ львовскомъ университетѣ. На самомъ дѣлѣ утраквизмъ служитъ лишь ширмой, за которую прячутся и университетскія власти, и правительство въ отвѣтъ на жалобы и домогательства русиновъ, а совершенно нормальный и справедливый при другихъ условіяхъ принципъ университетской автономіи, какъ бы для того, чтобы оправдать извѣстную пословицу—«summum jus—summa injuria», обратился въ средство національной борьбы и угнетенія слабѣйшаго сильнымъ. Существующій только на бумагѣ утраквизмъ, конечно, не можетъ удовлетворить русиновъ, чувствующихъ потребность ничѣмъ нестѣсняемаго научнаго развитія.

Если и въ прежнее время лучшая часть русинской интеллигенціи не удовлетворялась такимъ, какъ видно изъ предыдущаго, болѣе чѣмъ проблемматическимъ утраквизмомъ львовскаго университета, то тѣмъ менѣе она склонна удовлетвориться имъ въ настоящее времи. За послѣднія два десятилѣтія русины въ политической и культурной жизни уже успѣли сравняться со своими сосѣдями. Въ частности, литературное движеніе создало серьезную политическую прессу, цѣлый рядъ газетъ и журналовъ, а также вызвало къ жизни общества, поставившія своей задачей поддерживать и содѣйствовать народному развитію. Вмѣстѣ съ тѣмъ дошла уже очередь и до серьезнаго научнаго движенія, выразившагося особенно замѣтно въ дѣятельности извѣстнаго «Наукового Товариства імени Шевченка». Основанное въ 1873 г., оно сначала поставило себѣ чисто литературныя задачи и долгое время ничѣмъ особеннымъ не проявляло своей дѣятельности. Разцвѣтъ его начинается лишь съ 1892 г., когда оно было реорганизовано въ ученое общество и пополнило свой составъ новыми членами, внесшими и новую жизнь въ «Товариство». Съ тѣхъ поръ оно энергично работаетъ для развитія

украинской науки: при незначительныхъ матеріальныхъ средствахъ и самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, оно ежегодно издаетъ много цѣнныхъ научныхъ трудовъ, [1]) сгруппировало вокругъ себя цѣлый рядъ солидныхъ научныхъ силъ, воспитало школу подающихъ надежды молодыхъ ученыхъ и своею дѣятельностью вызвало въ русинскомъ обществѣ интересъ къ научному движенію. Оно же взяло на себя иниціативу этого движенія и въ вопросѣ университетскомъ, представивъ въ концѣ 1898 года министерству народнаго просвѣщенія обширную, весьма тщательно и подробно мотивированную записку, содержащую критику современной постановки университетскаго дѣла въ Галичинѣ и свѣдѣнія о наиболѣе необходимыхъ и желательныхъ на первыхъ порахъ измѣненіяхъ. Товариство признало особенно важнымъ, въ интересахъ русиновъ, учрежденіе слѣдующихъ украинскихъ каѳедръ: на философскомъ факультетѣ—классической филологіи, славистики, математики, естественныхъ наукъ и выдѣленія украинской исторіи въ отдѣльный предметъ преподаванія; на юридическомъ факультетѣ—гражданскаго процесса, вексельнаго и торговаго права, исторіи украинскаго права и австрійскаго государственнаго права; на медицинскомъ—описательной анатоміи, медицинской химіи,

[1]) Въ истекшемъ году выходили слѣдующія изданія Товариства: 1) «Записки Наукового товариства імени Шевченка» (съ 1892 года вышло 45 томовъ), 2) «Збірникъ історично-фільозофичноі секциі» (съ 1888 г.—3 тома), 3) «Збірник фильольогичноі секциі» (съ 1898 г.—четыре тома), 4) «Збірник математично-природописно-лікарськоі секціи» (съ 1897 г.—семь томовъ), 5) «Часопись правнича і економична» (съ 1894 г.—12 томовъ), 6) «Руська історична библіотека» (съ 1890 года—20 томовъ), 7) «Жерела до історіи Украіни-Руси» (съ 1895 г.—три тома), 8) «Памятки украінсько-руськоі мови і літератури» (съ 1895 г.—два тома), 9) «Етнографичний збірник» (съ 1895 г.—10 томовъ), 10) «Матеріали до украінсько-руськоі етнольогіі» (съ 1898 г.—три тома), 11) «Літературно-науковий Вістник» (съ 1898 г. выходитъ ежемѣсячными книжками) и 12) «Хроніка украінсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка» (съ 1900 г. выходитъ по четыре выпуска ежегодно). Кромѣ этихъ періодическихъ изданій, ежегодно выходитъ около 40 отдѣльныхъ книгъ и оттисковъ.

ґиґіены и акушерства. Вслѣдъ за «Товариствомъ імени Шевченка» подобныя же петиціи были представлены и другими культурно-просвѣтительными и политическими обществами, каковы: «Просьвіта», «Народна Рада» и др. Въ тоже время русинскій депутатъ Танячкевичъ внесъ въ рейхсратѣ интерпеляцію по поводу ненормальнаго положенія университетскаго вопроса въ Галичинѣ. Изложивши очень подробно исторію львовскаго университета, доказывающую преимущественныя права на него русиновъ, Танячкевичъ отъ имени русинско-украинскаго народа рѣшительно ставитъ требованіе, чтобы львовскій университетъ былъ вполнѣ предоставленъ русинамъ, потому что только въ такомъ случаѣ всѣ законныя и естественныя права ихъ получатъ полное удовлетвореніе. По мнѣнію Танячкевича, главная причина неудовлетворительнаго, оскорбительнаго для русиновъ положенія дѣлъ въ львовскомъ университетѣ кроется въ утраквизмѣ, представляющемъ широкую возможность господствующей партіи угнетать слабѣйшую; улучшеніе можетъ быть достигнуто только устраненіемъ причины, т. е., уничтоженіемъ утраквизма и предоставленіемъ русинамъ отдѣльнаго университета во Львовѣ. [1]) Эта интерпеляція, какъ и петиціи русинскихъ обществъ, не имѣла никакихъ результатовъ: правительство по прежнему ограничилось одними неопредѣленными и мало говорящими обѣщаніями. Тогда выдвигается новый элементъ въ борьбѣ за университетъ—студенческая молодежь.

За послѣдніе три года студенческая русинская молодежь является самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ пропагаторомъ идеи украинскаго университета; можно сказать, что съ 1899 года, со времени перваго своего митинга, она взяла все движеніе въ свои руки, сообщила ему крайне напряженный, нервный характеръ и для популяризаціи идеи среди всѣхъ слоевъ русинскаго общества сдѣлала больше, нежели кто-либо другой до этого времени. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Для отцовъ во-

---

[1]) Объ интерпеляціи Танячкевича см. въ уже упоминавшейся статьѣ Observator'a.

просъ объ украинскомъ университетѣ имѣетъ больше принципіальный характеръ, какъ необходимое достояніе культурной жизни вообще; для молодежи—это насущный вопросъ огромнаго практическаго значенія: ей приходится всецѣло чувствовать всѣ неудобства современнаго порядка, лишающаго ее многихъ правъ. Еще значительно раньше, во второй половинѣ 60-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, молодежь нѣсколько разъ поднимала свой голосъ, требуя то учрежденія той или другой украинской каѳедры, то измѣненія порядковъ, почему либо оскорбительныхъ для національнаго чувства русиновъ. Но тогда движеніе малодежи не было организовано и носило вполнѣ случайный характеръ: высказавъ то или иное требованіе, молодежь, отвлекаемая другими вопросами, быстро успокаивалась и не настаивала на осуществленіи своихъ требованій. Поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ русинской молодежи къ университетскому вопросу нужно считать первый митингъ ея, состоявшійся $^{1}/_{13}$ іюля 1899 г. во Львовѣ. Представители украинскихъ студенческихъ организацій всѣхъ высшихъ школъ Австріи, въ количествѣ 500 душъ, собравшись въ залѣ «Народнаго Дома», рѣшили выслать петицію министерству съ соотвѣтственными требованіями, но не ограничиваясь этимъ, обратиться ко всему украинскому народу въ Галичинѣ съ просьбой, во имя національнаго долга, поддержать ихъ требованіе и популяризировать идеи украинскаго университета. «Сини ждуть від батьків своїх слóва!»—такимъ характернымъ обращеніемъ заканчивалось выпущенное молодежью воззваніе, и «отцы» вскорѣ доказали, что молодежь вправѣ была ожидать отъ нихъ сочувствія и поддержки... Молодежь сразу поставила дѣло на новую, болѣе твердую и устойчивую почву, привлекши къ движенію всѣ слои русинскаго общества, и этимъ заложила крѣпкій фундаментъ національнаго университета. Ораторы, выступавшіе на митингѣ, всесторонне обсудили вопросъ и предложили слѣдующую, единогласно принятую резолюцію: «русинско-украинскіе студенты всѣхъ высшихъ школъ Австріи, принимая во вниманіе, что русинско-украинсій народъ участвуетъ матеріальными жертвами на пользу австрійскаго государства, что конституція обезпечиваетъ свободное

развитіе всѣхъ народностей, что утраквизмъ не достигаетъ своей цѣли, а число студентовъ-русиновъ возрасло до значительной цифры—требуютъ отъ правительства основанія русинско-украинскаго университета во Львовѣ». Указывалось, какъ на мотивы такого требованія, на затруднительное положеніе студентовъ, не обязанныхъ въ существующихъ уже украинскихъ гимназіяхъ изучать польскій языкъ, но вынужденныхъ тѣмъ не менѣе слушать на этомъ языкѣ лекціи въ университетѣ; на потребность въ учителяхъ и чиновникахъ, обязанныхъ по закону знать украинскій языкъ; приводились справки о числѣ студентовъ-русиновъ, которое оказалось превосходящимъ вдвое весь контингентъ слушателей въ Черновецкомъ университетѣ; указывалось на плодотворную научную дѣятельность «Товариства імени Шевченка», служащую очевиднымъ доказательствомъ возможности существованія и развитія украинской науки и т. п. [1]).

Первый митингъ русинской студенческой молодежи прошелъ блистательно; особенно знаменательнымъ являлся фактъ глубокаго интереса и сочувствія къ нему со стороны русинско-украинскаго народа. Не смотря на то, что никакихъ приготовленій къ митингу не было и даже газеты предварительно говорили о немъ мало, вѣсть о митингѣ разнеслась по всѣмъ уголкамъ Галичины и комитетъ получилъ 120 телеграммъ и привѣтствій отъ всѣхъ круговъ русинскаго общества. Представители и народа, и интеллигенціи одинаково горячо привѣтствовали молодежь, выступившую на борьбу за народный университетъ, и обѣщали ей свое содѣйствіе, поддержку и помощь. Это показало, что идея украинскаго университета вошла уже въ народное сознаніе и самъ народъ выражалъ свое одобреніе и сочувстіе борцамъ за свои права. Съ другой стороны эта первая, можно сказать, всенародная мани-

---

[1]) Подробности о митингѣ см. въ изданной, по порученію митинга, Крушельницкимъ книжкѣ «Украiнсько-руськiй унiверситет. Памяткова книжка першаго вiча студентов Украiнцiв-Русинiв всiх вищих шкiл Австрii в справi основання украiнського-руського унiверситету». Львовъ, 1899.

фестація застала врасплохъ противниковъ культурнаго развитія украинскаго народа въ Галичинѣ. Польская пресса, за немногими исключеніями относящаяся къ русинамъ враждебно, постаралась замолчать фактъ проявленія народнаго сознанія или же отдѣлаться насмѣшками, называя требованія молодежи «Smieszną i dziką pretensyą» и предсказывая въ насмѣшливомъ тонѣ, что вслѣдъ за русинами и студенты-евреи потребуютъ основанія отдѣльнаго еврейскаго университета и признанія еврейской народности. Впрочемъ, сквозь этотъ насмѣшливый тонъ кое-гдѣ проскальзываетъ уже тревога за будущее...

Прошло два года; молодежь терпѣливо ждала результатовъ своихъ требованій, однако не только ничего не дождалась, но и не была даже удостоена хоть какого нибудь отвѣта, хотя бы въ формѣ отказа, не смотря на то, что требованія отдѣльнаго украинскаго университета не перестаютъ раздаваться со всѣхъ сторонъ. Въ 1900 г. опять повторили свои петиціи русинскія общества; въ 1901 г. то-же требованіе внесено было депутатомъ Олесницкимъ въ галицкомъ сеймѣ. Настроеніе молодежи измѣняется въ смыслѣ сомнѣнія не въ правотѣ и основательности своихъ требованій, а цѣлесообразности избранной для достиженія цѣли дороги. Раздаются голоса, что мирными средствами ничего не подѣлаешь, что нужно вступить на дорогу оппозиціи и демонстрацій и воспользоваться всѣми средствами борьбы, разъ на нее толкаютъ сами правящія сферы своимъ упорствомъ. Масла въ огонь подлила еще безтактность нѣкоторыхъ польскихъ профессоровъ, не постѣснявшихся открыто выразить свое одобреніе угнетенію русиновъ. Все это обостряло и безъ того натянутыя отношенія, подсыпало пороху и въ безъ того тлѣющій пожаръ и послѣдовательно и неуклонно вело къ одному концу—къ тѣмъ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ сдѣлались стѣны львовскаго университета въ ноябрѣ истекшаго года.

8 октября въ зданіи университета произошелъ второй митингъ студентовъ-русиновъ, который, поддерживая всѣ свои прежнія требованія, какъ ближайшій путь къ возможно скорѣйшему урегулированію университетскаго вопроса, избираетъ консеквентно,

до послѣднихъ предѣловъ проведенную утраквизацію львовскаго университета и требуетъ основанія рядомъ съ польскими всѣхъ украинскихъ каѳедръ, права держать экзамены по-украински и вообще предоставленія украинскому языку тѣхъ же правъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, какими пользуется польскій. Составленныя въ такомъ духѣ петиціи представлены академическому совѣту и министерству; при чемъ студенты подчеркиваютъ, что это послѣдняя попытка рѣшить наболѣвшій вопросъ мирными средствами; что, въ случаѣ отказа, они съумѣютъ найти другую дороґу, которая рано или поздно должна будетъ привести къ намѣченной цѣли. Въ этомъ митингѣ не принимали участія, вслѣдствіе запрещенія духовнаго начальства, слушатели богословскаго факультета, самаго многочисленнаго по числу русиновъ; тѣмъ не менѣе и они заявили, что вполнѣ присоединяются къ требованіямъ своихъ свѣтскихъ товарищей. Мало того, обстоятельства такъ сложились, что богословы должны были первыми открыть вскорѣ начавшуюся борьбу, благодаря безтактности декана богословскаго факультета ксендза Фіалка.

На богословскомъ факультетѣ, гдѣ подавляющее большинство слушателей—русины, вошло въ обычай, освященный болѣе чѣмъ 20-лѣтней практикой, заполнять вписные листы по-украински; никто противъ этого обычая не протестовалъ до тѣхъ поръ, пока деканомъ не пришлось быть ксендзу Фіалку. Когда студенты представили ему для подписи вписные листы, написанные по-украински, кс. Фіалекъ возвратилъ ихъ обратно съ требованіемъ заполнять ихъ по-польски. Студенты въ отвѣтъ на это обратились съ жалобой на такое нарушеніе ихъ правъ къ академическому совѣту и митрополиту Шептицкому; кс. Фіалекъ понялъ, что едва-ли выиграетъ дѣло, и въ концѣ концовъ уступилъ, предупредивъ однако, что сдѣлалъ это только въ видѣ исключенія, но что на будущее время вся оффиціальная переписка должна вестись исключительно на польскомъ языкѣ. Это послужило сигналомъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ богослововъ; они напечатали въ газетахъ «Покликъ», въ которомъ приглашали слушателей свѣтскихъ факультетовъ къ солидарности съ ними, а въ семинаріи собралась

сходка, рѣшившая требовать основанія отдѣльнаго украинскаго университета, а пока уравненія правъ украинскаго языка съ польскимъ. Кромѣ того къ кс. Фіалку отправлена была депутація, отъ лица всѣхъ слушателей богословскаго факультета русиновъ, выразившая ему свой протестъ и порицаніе за нетолерантное поведеніе, а также заявленіе, что и на будущее время студенты оставляютъ за собой право пользоваться и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ роднымъ языкомъ. Въ то же время нѣчто подобное случилось и на другихъ факультетахъ: студенты въ отвѣтъ на прошенія, написанныя по-украински, получили резолюціи по-польски, не смотря на то, что это является прямымъ нарушеніемъ министерскаго распоряженія 1879 г., да и ректоръ кромѣ того далъ обѣщаніе отвѣчать по-украински. Студенты не приняли резолюцій, а ректоръ въ свое оправданіе сослался на декановъ отдѣльныхъ факультетовъ. Студенты поняли, что ихъ требованіями систематически пренебрегаютъ, и рѣшили собрать въ университетѣ митингъ для обсужденія текущихъ дѣлъ.

19 ноября въ рейхсратѣ депутатъ Романчукъ долженъ былъ выступить съ интерпелляціей по поводу основанія отдѣльнаго украинскаго университета. На этотъ же день былъ назначенъ и митингъ студентовъ во львовскомъ университетѣ: университетское начальство сходку разрѣшило, но сняло съ обсужденія вопросъ о равноправіи языковъ и кромѣ того назначило для митинга самую тѣсную и неудобную залу, а время митинга перенесло съ 12 часовъ дня, какъ желали студенты, на 7 час. вечера,—послѣднее, очевидно въ томъ соображеніи, что вечеромъ студенты богословскаго факультета, живущіе въ общежитіи, не въ состояніи будутъ принимать участія въ митингѣ. Молодежь такъ и поняла это распоряженіе и рѣшила остаться при своемъ первоначальномъ планѣ. Въ 12 часовъ дня въ самой обширной залѣ университета собралось свыше 500 студентовъ, и едва собраніе было открыто, какъ въ залѣ неожиданно появился проф. Твардовскій съ секретаремъ университета Виняржемъ и цѣлымъ отрядомъ педелей и началъ безцеремонно расталкивать толпу направо и налѣво, пробираясь къ каѳедрѣ съ намѣреніемъ объявить сходку незаконной,

и собраніе распущеннымъ. Появленіе наиболѣе непопулярнаго среди русиновъ профессора, извѣстнаго своею крайнею нетерпимостью ко всему русинскому, да еще въ то время, когда не совсѣмъ затихли отголоски инцидента съ проф. Грушевскимъ, подлило масла въ огонь и еще болѣе возбудило и безъ того горячо настроенную молодежь. Послышались крики: «Pereat Твардовскій! Позоръ! Прочь!» и т. п., а затѣмъ дружнымъ натискомъ непрошенные гости вытѣснены были изъ залы. Черезъ нѣсколько минутъ явился ректоръ, проф. Ридигеръ, опять таки въ сопровожденіи педелей; дѣло дошло до схватки между студентами и педелями, и среди неописуемаго шума ректоръ объявилъ собраніе распущеннымъ и ушелъ изъ залы. Послѣ его ухода, митингъ продолжался; выработана была резолюція, гласящая, что студенческая русинская молодежь вновь требуетъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета, а пока—полной утраквизаціи существующаго львовскаго, о чемъ высылаетъ министерству петицію, подписанную всѣми участниками митинга. Вмѣстѣ съ тѣмъ студенты выразили сочувствіе депутату Романчуку, внесшему въ тотъ день интерпелляцію въ рейхсратѣ, и глубочайшее осужденіе профессорамъ Твердовскому, Фіалку и Цвиклинскому за ихъ позорное и недостойное ученыхъ поведеніе въ національномъ вопросѣ. По окончаніи митинга всѣ участники устроили демонстративное шествіе по улицамъ съ пѣніемъ «Іще не вмерла» и «Не пора, не пора»; около редакцій польскихъ реакціонныхъ газетъ «Dziennika Polskiego» и «Gazety Narodowej» устроены были враждебныя демонстраціи, послѣ чего молодежь спокойно разошлась.

Вслѣдъ за тѣмъ событія идутъ ускореннымъ темпомъ. Въ тотъ же день университетскій совѣтъ рѣшилъ пріостановить чтеніе лекцій въ университетѣ и произвести строжайшее слѣдствіе надъ участниками въ демонстраціи, а студенты-русины обратились съ воззваніемъ къ товарищамъ полякамъ и евреямъ, въ которомъ, изложивъ свои требованія, причины и поводы демонстраціи, приглашали товарищей содѣйствовать борьбѣ за культурное дѣло. 24 ноября по поводу слуховъ о томъ, что слѣдствіе уже закончено, русины обратились къ академическому совѣту съ коллектив-

нымъ заявленіемъ о томъ, что всѣ подписанные принимали участіе въ митингѣ и требуютъ примѣнить къ нимъ то же наказаніе, которое назначено ихъ товарищамъ. 30 ноября совѣтъ издалъ обращеніе къ студентамъ, въ которомъ, игнорируя совершенно русинскую молодежь, явно тенденціозно и пристрастно излагаетъ событія послѣднихъ дней, а въ отвѣтъ на это депутація студентовъ-русиновъ вручила ректору университета заявленіе о томъ, что русинско-украинская молодежь, считая для себя дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ, профессора и совѣтъ котораго заняли явно враждебную по отношенію къ русинамъ позицію, невозможнымъ,—рѣшила коллективно оставить университетъ. Студенты массами начали подавать прошенія объ исключеніи ихъ изъ списковъ «гражданъ» львовскаго университета. Число всѣхъ вышедшихъ изъ львовскаго университета «бурлакъ», какъ ихъ прозвали, достигаетъ 600; въ настоящее время всѣ они приняты въ вѣнскій, краковскій, пражскій и другіе университеты. Въ пользу недостаточныхъ студентовъ открытъ по всей Галичинѣ сборъ пожертвованій, общее число которыхъ за мѣсяцъ дало сумму 30000 кронъ; повсемѣстно въ Галичинѣ устраиваются митинги, выражающіе признательность студентамъ за ихъ мужественную борьбу и обѣщанія поддерживать ихъ требованія. Въ рейхсратѣ русинскими депутатами сдѣланъ запросъ о томъ, что намѣрено предпринять правительство для устраненія на будущее время возможности подобныхъ событій. «Товарство імени Шевченка» вновь обратилось съ петиціей (текстъ ея напечатанъ въ предыдущей книжкѣ «Кіевской Старины») объ основаніи украинскаго университета и т. п.

Польская станчиковская пресса въ Галичинѣ («Dziennik Polski», «Gazeta Narodowa», «Czas» и др.) подняла крикъ негодоваиія по поводу изложенныхъ событій; въ ходъ были пущены всѣ средства, начиная отъ запугиванія, кого слѣдуетъ, гайдамачиной и кончая неприличной бранью; дѣло дошло до того, что противъ русинской молодежи возстановляли правительство, требуя примѣненія въ ней строжайшихъ наказаній, убѣждали польскихъ студентовъ не подавать русинамъ руки, бросали имъ обвиненія въ шовинизмѣ (!), въ оскорбленіи (!) польской науки и т. п. Вѣ-

роятно, подъ этимъ вліяніемъ, часть польской молодежи, сгруппировавшаяся вокругъ Czytelni akademickoj, выступила также противъ своихъ товарищей и серьезно обсуждала вопросъ, подавать или не подавать русинамъ руку. Но къ чести польскаго общества и студенчества нужно сказать, что лучшая ихъ часть (газеты «Naprzód» и «Krytyka») съ негодованіемъ отнеслась къ подобнымъ шовинистическимъ выходкамъ и рѣшительно стала на сторонѣ русиновъ, признавъ ихъ требованія справедливыми и основательными, а способъ дѣйствія оправданнымъ. Выраженіе симпатій получены также изъ многихъ другихъ мѣстъ: изъ Кракова (отъ польскаго студенчества), Праги (отъ чеховъ), Любена (отъ соединенной группы славянскихъ студентовъ), Лейпцига (отъ студентовъ-поляковъ), Берлина (отъ студентовъ-болгаръ) и т. д. Варшавская пресса («Prawda», «Slowo» и др.) также заняла вполнѣ базпристрастную позицію; въ томъ же смыслѣ высказываются и лучшіе органы русской печати («Русскія Вѣдомости» № 334, «Приднѣпровскій Край» № 1400, С.-Петербургскіе Вѣдомости и др.); «при особомъ мнѣніи» осталось, конечно, «Новое время»...

Вотъ голый перечень фактовъ, представляющихъ, по всей вѣроятности, безпримѣрное явленіе въ исторіи университетовъ: болѣе подробное изложеніе ихъ отняло бы у насъ слишкомъ много времени [1]). Читатель, надѣемся, и самъ оцѣнитъ значеніе тяжелой жертвы, принесенной ради идеи будущими дѣятелями родной намъ Галичины. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ общественномъ значеніи этихъ событій и рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли возможенъ университетъ съ преподаваніемъ на томъ языкѣ, которому вѣковые предразсудки, хотя и раздѣляемые нѣкоторыми учеными, отказываютъ даже въ правѣ на существованіе, не говоря уже о развитіи?.

---

[1]) Подробности изложены въ украинской газетѣ «Діло» (номера за ноябрь и декабрь), въ статьяхъ В. Г. «Справа украінсько-руського університета у Львові» (Л. Н. Вістникъ, ноябрь и декабрь); отзывы нѣкоторыхъ польскихъ газетъ приведены въ № 50 Петербургскаго «Kraj'a», очевидно, не сочувствующаго движенію русинской молодежи, хотя и выражающагося очень осторожно.

Изъ приведенныхъ выше историческихъ свѣдѣній по данному вопросу читатель знаетъ уже, что онъ не возникъ внезапно и только въ послѣднее время, а имѣетъ уже свою болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію; съ большей или меньшей силой онъ прорывался въ теченіе всего пребыванія Галичины подъ австрійскою короною. Уже это постоянство достаточно ясно показываетъ, что движеніе русиновъ для достиженія своего университета обусловливается не случайными, скоропреходящими причинами, а представляетъ, очевидно, потребность, настоятельно нуждающуюся въ удовлетвореніи. Въ самомъ дѣлѣ, число русиновъ въ Австріи достигаетъ $3^1/_2$ милліоновъ; низшее и среднее образованіе они могутъ проходить на родномъ языкѣ, не изучая совершенно польскаго, съ которымъ впервые встрѣчаются уже въ университетскихъ аудиторіяхъ. Это крупное вообще неудобство особенно сильно даетъ себя чувствовать тамъ, гдѣ, какъ на богословскомъ факультетѣ, подавляющее большинство слушателей (около $^7/_8$) принадлежатъ къ русинской народности. Между тѣмъ даже и на богословскомъ факультетѣ русины принуждены довольствоваться всего лишь двумя каѳедрами, всѣ же остальные предметы читаются на польскомъ или, что еще хуже, на латинскомъ языкѣ. Число студентовъ-русиновъ во львовскомъ университетѣ перешло уже за 600, что для австрійскихъ университетовъ, вообще не отличающихся многолюдствомъ, представляетъ уже солидную цыфру [1]). Сверхъ того около 200 русинскихъ студентовъ состоятъ слушателями въ другихъ австрійскихъ университетахъ, преимущественно въ вѣнскомъ и краковскомъ, благодаря порядкамъ, господствующимъ во львовскомъ университетѣ. Несомнѣнно, что, имѣя свой университетъ, они возвратились бы на родину и еще болѣе увеличили бы число слушателей предполагаемаго университета. Настоящее положеніе дѣлъ является несправедливымъ и по отношенію къ общему

---

[1]) Черновецкій университетъ, напр., при открытіи имѣлъ всего 209 студентовъ, да и теперь число всѣхъ слушателей его едва доходитъ до 400; львовскій политехникумъ открытъ чуть ли не при сотнѣ слушателей и т. д.

числу русиновъ въ Австріи: для 9 милліоновъ нѣмцевъ существуетъ 6 университетовъ, для 3 мил. поляковъ—2, а $3^1/_2$ мил. русиновъ не имѣютъ высшаго культурнаго разсадника вовсе. Все это такія обстоятельства, которыя дали полное право одному изъ ораторовъ перваго студенческаго митинга сказать: «з огляду на те, що утраквизм лишь дурить русинів-украінців—не хочемо утраквизму, намъ треба свого власного університету на ріднiй уркаинсько-руськiй мові».

Самыми сильными возраженіями, какія обыкновенно выставляются противъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета, являются указанія на непригодность украинскаго языка, обусловленную недостаточнымъ развитіемъ его для выраженія научныхъ понятій, и недостатокъ украинскихъ ученыхъ, способныхъ занять профессорскія каѳедры въ новооткрытомъ университетѣ. Эти возраженія, какъ намъ извѣстно, не отличаются новизною: они встрѣчались намъ еще въ 1848 г. и тогда были болѣе умѣстны, хотя и для того времени значеніе ихъ сильно преувеличивалось. Въ частности, что касается недостаточной якобы для выраженія научныхъ понятій разработки языка, то дѣятельность хотя бы Наукового Товариства імени Шевченка блистательно опровергаетъ это возраженіе. Обладая очень незначительными матеріальными средствами, среди самыхъ невыгодныхъ условій существованія, почтенное Товариство зарекомендовало себя такою интенсивной научной дѣятельностью, которая возбуждаетъ справедливое удивленіе и получила уже всеобщее признаніе въ ученыхъ кругахъ. Научныя работы членовъ Товариства, относящіяся ко всѣмъ областямъ человѣческаго знанія, наглядно показываютъ, на сколько несправедливы нападки на недостаточное развитіе украинскаго языка. Но если бы даже онѣ и были справедливы, то это едва ли могло бы служить серьезнымъ аргументомъ противъ основанія украинскаго университета: развитіе языка въ моменты сильныхъ возбужденій двигается такими быстрыми шагами, что не прошло бы и нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности новаго университета, какъ немногіе недостающіе научные термины (а о нихъ только и можетъ быть споръ) были бы выработаны, и университетъ только

оказалъ бы услугу развитію языка, обогатилъ бы его непосредсвенно, не говоря уже о томъ, что возникновеніе такого важнаго культурнаго центра, какимъ въ наше время является университетъ, не осталось бы безъ вліянія на общій ходъ культурнаго развитія общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его языка. Едва ли кто рѣшится утверждать, чтобы, напр., русскій языкъ былъ разработаннѣе современнаго украинскаго и способнѣе къ выраженію научныхъ понятій въ моментъ основанія перваго русскаго университета, однако это обстоятельство не помѣшало ему вскорѣ стать истиннымъ разсадникомъ просвѣщенія и центромъ умственной дѣятельности страны. Очень, конечно, важно другое возраженіе, указывающее на недостатокъ украинскихъ ученыхъ, достойныхъ профессуры; но и оно не совсѣмъ точно передаетъ истинное положеніе дѣла. Прежде всего число украинскихъ ученыхъ вовсе не такъ ужъ незначительно, какъ это кажется съ перваго взгляда; оно только скрадывается, благодаря нѣкоторымъ неблагопріятнымъ условіямъ. Въ настоящее время, при отсутствіи своего научнаго центра, они разсѣяны по чужимъ университетамъ и принуждены работать на пользу другихъ народовъ: профессоровъ-украинцевъ найдется достаточное число и въ нѣмецкихъ, и въ польскихъ, и въ русскихъ, и въ иныхъ университетахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы въ самомъ дѣлѣ мысль объ отдѣльномъ украинскомъ университетѣ получила свое воплощеніе, многіе изъ нихъ предпочли бы работать на родной почвѣ, на пользу родного народа. Затѣмъ, сколько силъ, способныхъ къ научной работѣ и даже успѣвшихъ уже зарекомендовать себя въ этомъ отношеніи, гибнетъ и глохнетъ въ канцеляріяхъ, судахъ, гимназіяхъ и т. п., благодаря современному порядку, не дающему возможности развернуться и проявить свои силы! Учрежденіемъ стипендій, серьезной заботой о приготовленіи ученыхъ силъ и эти гибнущіе таланты могли бы быть извлечены изъ неподходящей обстановки и спасены для родной науки, да и на будущее время была бы предупреждена возможность такой непроизводительной траты національныхъ силъ и талантовъ. При раціональной постановкѣ дѣла, этимъ пу-

темъ въ короткій сравнительно срокъ можно создать цѣлые кадры ученыхъ, вполнѣ достойныхъ съ честью нести отвѣтственное положеніе представителей высшей науки. Что это вполнѣ достижимо безъ особыхъ затрудненій, тому и сами поляки могутъ служить прекраснымъ примѣромъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ у нихъ также ощущался недостатокъ въ профессорахъ, но они сумѣли съ нимъ прекрасно справиться, благодаря энергической и главное— ничѣмъ не стѣсняемой дѣятельности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь сумѣютъ справиться съ этимъ препятствіемъ и русины. Наконецъ, возникаетъ и еще одинъ вопросъ—уступятъ ли правящія сферы и захотятъ ли онѣ удовлетворить хотя бы и справедливое и вполнѣ достижимое требованіе, но исходящее отъ не вполнѣ окрѣпшаго еще политически народа? Вѣдь столѣтняя исторія университетскаго вопроса въ Галичинѣ очень наглядно показываетъ, что австрійское правительство не очень то склонно придти русинамъ на помощь и, выдвигая ихъ въ моменты обострениыхъ отношеній, чтобы на нихъ опереться, протежируя имъ при нуждѣ, оно забываетъ о нихъ тотчасъ же, какъ только въ этомъ минуетъ надобность. Гдѣ же гарантія, что на этотъ разъ оно окажется иначе настроеннымъ и захочетъ доказать свою заботливость о русинахъ уже не одними платоническими обѣщаніями? Дѣйствительно, современная политика австрійскаго правительства, стремящаяся угодить болѣе сильнымъ элементамъ государства, бросающаяся попеременно въ объятія самыхъ разнородныхъ направленій, менѣе всего способна возбудить какія-нибудь надежды: правительство по прежнему будетъ «гнуть свою линію» и безъ крайней необходимости, конечно, не согласится разгнѣвать могущественную партію польскихъ магнатовъ, которые одни только и возстаютъ противъ требованій русиновъ. Гарантію счастливаго и успѣшнаго разрѣшенія университетскаго вопроса для русиновъ мы видимъ не въ правительственной политикѣ, а въ чемъ то другомъ, что оказывается въ иныхъ случаяхъ гораздо сильнѣе минутнаго настроенія въ правящихъ сферахъ. Это другое и есть *народное сознаніе*, твердость и постоянство въ достиженіи *цѣ-*

лымъ народомъ заранѣе намѣченной цѣли,—а часъ для такого сознанія въ Галичинѣ, повидиму, уже пробилъ. Присматриваясь внимательно къ исторіи русинскихъ требованій, мы замѣтимъ одну характерную особенность; въ прежнее время всегда дѣйствующимъ лицомъ являлась лишь незначительная кучка интеллигенціи, народъ же оставался въ роли пассивнаго, молчаливаго, безразличнаго слушателя или, говоря точнѣе, совершенно отсутствовалъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что́ народу до того, на какомъ языкѣ будутъ читаться лекціи въ университетѣ, если самъ-то народъ и не увидитъ никогда стѣнъ этого университета, если онъ совершенно не сознаетъ его значенія? Какое дѣло до всѣхъ подобныхъ вопросовъ народу, стонущему подъ ярмомъ рабства, какъ было въ 1784 г., или хотя освобожденному, но все еще пребывающему подъ игомъ невѣжества и темноты, какъ было въ 1848 году?. Вотъ главная причина того, почему требованія русиновъ терпѣли до сихъ поръ неудачу за неудачей: они не опирались на народное сознаніе и, исходя отъ незначительной, несплоченной группы, не возбуждали никакого вниманія въ соотвѣтственныхъ кругахъ. Кромѣ того, и сама интеллигенція, ратуя за родной университетъ, неясно представляла себѣ все значеніе и послѣдствія этого фактора культурнаго развитія и потому неспособна была къ твердой и послѣдовательной дѣятельности въ одомъ направленіи. Къ тому же она была слишкомъ малочисленна и разъѣдаема внутри личными и партійными счетами и вслѣдствіе этого легко шла на уступки, возлагая свои надежды лишь на то, что́ дадутъ имъ безъ борьбы, изъ милости. «Посмотрѣвъ да посравнивъ вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», замѣтимъ громадную разницу, способную разубѣдить самаго закоренѣлаго пессимиста. Интеллигенція русинская и количественно, и качественно стоитъ теперь несравненно выше въ сравненіи даже съ недавно минувшимъ временемъ; она уже прекрасно понимаетъ, что безъ борьбы, безъ энергической и настойчивой работы едва ли гдѣ-нибудь «валятся сами въ ротъ галушки»... Кромѣ того, она успѣла уже выдѣлить изъ своей среды замѣтный контингентъ

научныхъ силъ, возбудить интересъ къ наукѣ, прежде совсѣмъ среди русиновъ неизвѣстной, и, такимъ образомъ, поставить дѣло національнаго университета на болѣе или менѣе прочное основаніе. Да и народъ теперь остается уже не чуждымъ общему движенію: народное образованіе и общее культурное и политическое развитіе страны уже стоятъ на такой ступени, что народъ способенъ интересоваться научными и связанными съ наукой вопросами и добиваться ихъ разрѣшенія въ желательномъ для себя смыслѣ. Что это не пустая фраза, доказываетъ то сочувствіе, которое вызвали среди народа требованія молодежи: тѣ сотни простыхъ, иногда наивныхъ, но даже и въ этой наивности своей трогательныхъ и многозначительныхъ привѣтствій, которыя посылалъ народъ своимъ молодымъ борцамъ; тѣ тысячи тяжелымъ трудомъ заработанныхъ, потомъ и кровью пріобрѣтенныхъ крейцеровъ, которые тотъ же народъ собралъ для поддержки своихъ сыновъ, принужденныхъ искать просвѣщенія на чужбинѣ. «Мы за васъ!» — этотъ окликъ, идущій изъ глубины сермяжныхъ сердецъ, способенъ воодушевить на самую тяжелую борьбу и окрылить надеждами, что цѣль рано или поздно будетъ достигнута. Народъ, сознавшій себя, проникнутый стремленіемъ къ просвѣщенію, равенству и свободѣ—грозная сила; нѣтъ преградъ, которыя бы эту силу были въ состояніи сломитъ, уничтожить, задавить. Сломленная и задавленная разъ, она проснется съ новой, удвоенной силой и въ конечномъ счетѣ всегда выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы; исторія даетъ много глубокопоучительныхъ примѣровъ могущества народныхъ движеній, сломившихъ всѣ препятствія, лежащія имъ на пути... Вотъ почему, какъ движеніе всенародное, лежащее глубоко въ сознаніи народныхъ массъ, борьба за народный университетъ, проявившаяся въ Галичинѣ съ особенной силой въ концѣ прошлаго года, не могла быть сломлена обычными средствами, съ успѣхомъ практиковавшимися раньше: вотъ почему она приковала къ себѣ всеобщее вниманіе. Если даже непосредственнымъ и ближайшимъ результатомъ этой борьбы и не будетъ основаніе

украинскаго университета сейчасъ же (на это, впрочемъ, не надѣются и сами борцы), то во всякомъ случаѣ она значительно приблизила осуществленіе народнаго желанія, и 1901 годъ въ исторіи основанія украинскаго университета будетъ долго памятнымъ, какъ выразитель впервые ясно обозначившагося народнаго сознанія.

С. Ефремовъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Еще строки Шевченка. Много лѣтъ тому назадъ случайно купленъ М. Левченкомъ въ Петербургѣ, на толкучкѣ, экземпляръ «Кобзаря», перваго изданія, подаренный Шевченкомъ Штернбергу (извѣстному художнику, ум. 1845), съ автографомъ поэта.

«*На незáбудь Штернбергови:*

Пойидешъ далеко,
Побачышъ багато;
Задывышся, зажурышся—
Згадай мене, брате!

Тарасъ Шевченко».

Конечно, послѣ смерти Штернберга, книжка Кобзаря попала на толкучку и лежала тамъ лѣтъ 35, пока случайно попалась на глаза пріѣзжему украинолюбцу. (Изъ бумагъ Левченка).

Къ исторіи могилы Т. Г. Шевченка. Вѣроятно, большинству читателей «Кіевской Старины» приходилось проѣзжать по Днѣпру и, любуясь красотами береговъ, между прочимъ останавливать свое вниманіе на одномъ пунктѣ праваго берега, ниже Канева, гдѣ находится могила Т. Г. Шевченка. Люди пожилые помнятъ, конечно, и то время, когда эта могила имѣла нѣсколько иной видъ, будучи гораздо проще по своей отдѣлкѣ. Читатели наши знаютъ также, что эта первоначально отдѣланная могила была сооружена сейчасъ-же послѣ погребенія поэта

одлѣ Канева однимъ изъ почитателей его, Г. Н. Честаховскимъ, оп чемъ онъ самъ разсказалъ въ письмахъ своихъ Ф. И. Черненку (см. Кіев. Стар. 1898 г. № 2, стр. 167—193). Если не ошибаемся, въ такомъ видѣ просуществовала могила поэта, безъ всякихъ передѣлокъ, вплоть до осени 1882 г., когда отъ времени она пришла въ полное разореніе: дубовый могильный крестъ свалился къ сторонѣ Днѣпра, разбившись на два куска, которые и были постепенно сожжены подростками-пастухами, согрѣвавшимися отъ холода у подошвы могилы. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалось тогда въ кіевской газетѣ «Заря».

Кому-же было естественнѣе всего явиться оффиціальнымъ лицомъ которое приняло-бы на себя заботы по ремонту могилы? Надо имѣть въ виду, что, при рѣшеніи вопроса о похоронахъ Шевченка надъ Днѣпромъ, рѣшался и вопросъ, на чье же имя должна быть совершена купчая на землю, предназначавшуюся для могилы,—на имя-ли Ф. И. Черненка, или Варфоломея Григорьевича Шевченка, его названнаго брата и свояка? (См. объ этомъ въ письмахъ Честаховскаго, стр. 183). Оказалось въ концѣ концовъ, что земля куплена не была, а взята въ долгосрочную аренду у города Канева В. Г. Шевченкомъ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, онъ и долженъ былъ теперь выступить съ оффиціальными распоряженіями по ремонту могилы. Дѣйствительно, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1882 года пріѣхалъ В. Г. Шевченко въ Каневъ и началъ съ того, что на полуразрушенной могилѣ поставилъ новый деревянный крестъ. Но этого, конечно, было мало,—нужно было подумать о капитальномъ ремонтѣ. Самъ В. Г. Шевченко, при скудости своихъ личныхъ средствъ, ничего серьезнаго предпринять не могъ,—пришлось, поэтому, взяться за это дѣло почитателямъ памяти поэта, чтобы путемъ добровольныхъ пожертвованій собрать необходимую сумму для приведенія въ порядокъ могилы. Однимъ изъ первыхъ отозвалось на это дѣло Полтавское губернское земское собраніе, которое постановило 6 декабря 1882 года ассигновать для этой цѣли 500 рублей. Затѣмъ покойный В. В. Тарновскій, извѣстный любитель и собиратель украинской старины, лично знавшій поэта, заявилъ, что онъ ставитъ на свой счетъ большой чугунный крестъ на могилѣ, обошедшійся около 1000 рублей. Сверхъ этихъ пожертвованій, поступило отъ разныхъ лицъ еще тысячъ до трехъ, такъ что для капитальнаго ремонта могилы можно было располагать суммою до 5 тысячъ рублей. Послѣ того какъ выяснились средства, В. Г. Шевченко, отъ имени котораго производились всѣ работы, долженъ былъ приступить

къ договорамъ съ разными подрядчиками, а также и ко всевозможнымъ оффиціальнымъ сношеніямъ съ учрежденіями и лицами. Благодаря тому, что одно изъ уполномоченныхъ В. Г. Шевченкомъ лицъ, бывшій смотритель Каневскаго 2-классснаго училища. В. С. Гнилосыровъ [1]), вѣрный хранитель могилы Тараса, оставилъ аккуратно веденныя имъ записи о ходѣ работъ на могилѣ, мы можемъ теперь познакомить читателей съ болѣе интересными моментами въ исторіи созиданія могилы Т. Г. Шевченка въ теперешнемъ ея видѣ.

Начались работы въ іюнѣ мѣсяцѣ 1883 года, послѣ того какъ В. Г. Шевченко и уполномоченныя имъ лица, инженеръ А. Ѳ. Якубенко и В. С. Гнилосыровъ, а также предсѣдатель Золотоношской земской управы И. В. Тоцкій, дѣйствовавшій по порученію Полтавской губернской земской управы, совмѣстно съ каневскимъ городскимъ головою и исправникомъ, побывали на Тарасовой горѣ для опредѣленія плана работъ на мѣстѣ. Первыми работами были: укладка изъ дикого камня на цементѣ тумбы, на которую долженъ опираться чугунный крестъ, и насыпка вокругъ этой тумбы высокаго земляного кургана. Рабыты эти протянулись уже нѣсколько недѣль, какъ вдругъ, по распоряженію мѣстныхъ каневскихъ властей, онѣ были пріостановлены. «По городу Каневу стали ходить какіе-то темные слухи о нелѣпыхъ доносахъ мѣстныхъ радѣтелей»—такъ отмѣтилъ въ своихъ дневникахъ почтеннѣйшій В. С. Гнилосыровъ. Окончилось это странное недоразумѣніе тѣмъ, что генералъ-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ, всегда съ рыцарскимъ благородствомъ относившійся къ подобнаго рода инцидентамъ, призвалъ къ себѣ В. Г. Шевченка и спросилъ его: «зачѣмъ вы затѣяли всѣ эти хлопоты по реставраціи могилы вашего родственника и по постройкѣ тамъ какой-то избы?» На это В. Г. отвѣтилъ: «на склонѣ жизни чувствую себя нравственно обязаннымъ это сдѣлать, такъ-какъ покойный Тарасъ еще при жизни своей поручилъ мнѣ построить ему хату, въ которой онъ предполагалъ дожить свой вѣкъ». Послѣ этого объясненія, начальникъ края сейчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе о снятіи запрещенія производить работы на Тарасовой горѣ. Работы сейчасъ-же возобновились и пошли усиленнымъ ходомъ: кладка тумбы къ осени была закончена; грабари продолжали насыпку кургана, а плотники суетились надъ закладкой и постройкой хаты. Къ

---

[1]) См. о немъ Кіев. Стар. 1901 г. № 2.

началу зимы работы стояли въ такомъ положеніи: хата вчернѣ совсѣмъ была поставлена, но не обмазана; деревянная огорожа всего мѣста (1/2 десятины) только подготовлялась; курганъ былъ насыпанъ; изготовлена была изъ жернового камня плита, вѣсомъ до 40 пуд., какъ основаніе подъ крестъ. Ожидали, что зимнимъ путемъ будетъ доставленъ на могилу чугунный крестъ, заказанный въ Кіевѣ, на заводѣ г. Термена; но тутъ опять произошло какое-то недоразумѣніе: крестъ былъ арестованъ на заводѣ, и его нельзя было взять въ ту зиму.

Всѣ зимніе мѣсяцы 1884 года, какъ видно изъ записей В. С. Гнилосырова, прошли въ томъ, что онъ аттаковалъ письмами В. Г. Шевченка и А. Ѳ. Якубенка, прося выслать денегъ для расплаты съ рабочими и для заготовки нѣкоторыхъ матеріаловъ, но все остается безъ отвѣта, или—какъ выражается въ дневникѣ своемъ авторъ—«барина все нѣту, баринъ все не ѣдетъ». Такова уже видно судьба всѣхъ работъ, ведущихся по доброй волѣ!—Только въ половинѣ апрѣля появился г. Якубенко и привезъ 30 фунтовъ сѣмянъ французскаго пирея для посѣва на могилѣ взамѣнъ обдернованія ея. Тутъ-же имъ даны были и указанія для дальнѣйшихъ работъ. Къ половинѣ іюля почти всѣ работы были закончены, такъ что оставалось сдѣлать главное—водрузить на могилѣ крестъ. Довольно долго пришлось распутывать недоразумѣнія съ крестомъ, не выпускавшимся изъ завода г. Термена, особенно благодаря отсутствію изъ Кіева В. В. Тарновскаго, но въ концѣ концовъ 18 іюля былъ онъ доставленъ изъ Кіева по Днѣпру на берлинѣ; вѣситъ онъ до 250 пудовъ. 20 іюля происходила установка и укрѣпленіе креста на мѣстѣ, подъ наблюденіемъ г. Якубенка и техника, присланнаго г. Терменомъ. На этомъ скромномъ торжествѣ, кромѣ указанныхъ лицъ, присутствовали В. С. Гнилосыровъ, нѣсколько рабочихъ завода Термена, доставившихъ крестъ, плотниковъ, окончившихъ хату и огорожу, семья нанятаго уже для охраны могилы сторожа, да нѣсколько любопытныхъ сосѣдей рыбаковъ и гончаровъ. Послѣ установки креста, «вся наша група—пишетъ въ дневникѣ В. С. Гнилосыровъ—щыро помолылась за душу велыкого покійныка; выпылы купно по добрій чарци оковытои, попойилы мудрого кулишу и розійшлыся, кому куды шляхъ. У ночи-жъ бувъ невелыкый дощыкъ,—само небо посвятыло дорогый монументъ. Зъ того часу на могыли трава зеленіе». Такъ простоялъ этотъ крестъ на вершинѣ кургана неогороженнымъ до лѣта 1888 года, когда г. Терменъ, ранѣе еще давшій обѣщаніе, безплатно прислалъ чугунную рѣшетку вокругъ креста;

тогда-же и крестъ, и рѣшетка были окрашены,—и могила приняла вполнѣ законченный видъ. Еще черезъ годъ, въ 1889 году, въ хату на могилѣ доставлены были образъ св. Тарасія, заказанный въ Кіевѣ, и портретъ Т. Шевченка, копія съ портрета, рисованнаго И. Е. Рѣпинымъ, работы художника Платонова.

В. Н.

Памяти Михаила Михайловича Левченка. «*Мы лѣнивы и нелюбопытны*» писалъ нѣкогда Пушкинъ, и какъ часто приходится намъ горько сознаваться въ справедливости его словъ! Даже о писателяхъ, составляющихъ славу нашей литературы, нерѣдко поднимались споры въ печати о годѣ рожденія и разныхъ обстоятельствахъ жизни ихъ; а о провинціальныхъ труженикахъ, работавшихъ часто весьма добросовѣстно, интересно и разнообразно, мы почти ничего не знаемъ, или лѣнимся собрать и то немногое, что знаемъ. Вотъ хоть бы, напр., Мих. Мих. Левченко—кому онъ теперь извѣстенъ? А вѣдь онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Кіевѣ, основалъ въ немъ книжный магазинъ, посвященный преимущественно родной, малороссійской литературѣ, печаталъ статьи свои въ газетахъ и журналахъ, издавалъ книги, но кто теперь знаетъ, что написалъ онъ на своемъ вѣку? Даже и о смерти его не было упомянуто ни въ «Кіевской Старинѣ», ни вообще въ печати! Увы! въ наше время чаще, чѣмъ прежде, приходитъ на мысль поговорка «*долой изъ глазъ—долой изъ мысли!*» Вотъ и рѣшаемъ мы хоть теперь, по поводу исполнившагося десятилѣтія его смерти, помянуть хотя чѣмъ нибудь полезнаго дѣятеля. Сообщаемъ все, что намъ пришлось узнать и собрать изъ книжныхъ источниковъ глухого уголка.

Сынъ потомственнаго дворянина, М. М. Левченко родился въ г. Конотопѣ, 1830 года, сентября 29; воспитывался въ Петровскомъ—Полтавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и въ Дворянскомъ полку въ Петербургѣ; по окончаніи курса участвовалъ въ походѣ въ Венгрію въ 1849 г. и написалъ воспоминанія о немъ, впослѣдствіи напечатанныя; послѣ того служилъ нѣсколько лѣтъ ротнымъ офицеромъ въ одномъ изъ Московскихъ Кадетскихъ Корпусовъ; по выходѣ въ отставку, занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи, въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи; въ 1869 г. переѣхалъ въ Кіевскую губернію, женился на вдовѣ сосѣда помѣщика, въ 70-хъ годахъ жилъ въ Кіе-

вѣ и открылъ книжный магазинъ вмѣстѣ съ Л. В. Ильницкимъ (въ 1874 г. былъ изданъ каталогъ его); наконецъ уѣхалъ въ имѣніе свое и тамъ неожиданно скончался въ октябрѣ 1891 года. Вотъ въ краткихъ словахъ внѣшняя сторона его жизни.

Многимъ изъ его знакомыхъ памятенъ онъ, какъ истый щирый малороссъ; онъ страстно изучалъ родину, особенно въ ея старинѣ, и немало писалъ о ней въ разныхъ отношеніяхъ; чудесно пѣвалъ малороссійскія пѣсни, отлично разсказывалъ, съ юмористическимъ оттѣнкомъ, причемъ самъ заливался веселымъ заразительнымъ смѣхомъ. Бывало, въ 50-хъ годахъ, въ Москвѣ, лѣтомъ прійдетъ онъ [1]) къ своему земляку, жившему тогда на Тверскомъ бульварѣ, раскроетъ въ его квартирѣ окно и звонкимъ степнымъ симпатичнымъ голосомъ начинаетъ пѣть родныя пѣсни, одну за другою; всего чаще пѣвалъ онъ: «*Бьють пороги, мисяць зходыть*», «*И любывъ, и кохавъ, соби дивчыну мавъ*», «*Дощыкъ, дощыкъ стукае дрибненько*», а въ заключеніе непремѣнно ужъ «*Часъ до дому, часъ*»; пѣлъ онъ, а проходящіе мимо оконъ останавливались и подолгу заслушивались его. Вездѣ, гдѣ приходилось ему жить, онъ любилъ пѣть, старался составить хоровое пѣніе, особенно у себя на родинѣ, гдѣ и многіе родные его владѣли прекрасными голосами, и сколько вечеровъ проходило въ этомъ семейномъ пѣніи, даже при собравшихся гостяхъ. Усердно онъ слѣдилъ за изданіемъ пѣсенъ и вообще за литературою, и самъ любилъ писать въ разныхъ родахъ; но неотложныя и многостороннія хлопоты по хозяйству не давали ему ни времени, ни спокойствія для усидчивыхъ и постоянныхъ занятій литературою; все таки нѣкоторыя статьи его обращали на себя вниманіе печати и общества. Его извѣстіе о сектѣ штундовыхъ (въ газетѣ «Голосъ» 1867) г. явилось *первымъ* во всей нашей печати и подняло сначала цѣлую бурю въ Одессѣ противъ него. «*Я готовлю топоромъ вырубленный отвѣтъ*»—писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей,—«*но не спѣшу съ нимъ*». Намъ неизвѣстно, напечаталъ ли онъ этотъ отвѣтъ, и гдѣ?...

А вотъ пока все, что намъ стало извѣстно о его литературной дѣятельности.

---

[1]) Съ неизмѣнной трубкой и чубукамъ въ рукавѣ сюртука военнаго и съ кисетомъ въ карманѣ.

1855.

1) *Воспоминанія пѣхотинца о походѣ въ Венгрію, въ 1849 году,* «Москвитянинъ», №№ 8—10, подписано: Болеславъ *Лучинскій* (авторъ жилъ на Лучинкѣ, части г. Конотопа). Перепечатано въ томъ же году, въ «Журналѣ для чтенія воспитанникамъ Военно-Учебныхъ заведеній».

1859.

2) Сотрудничалъ въ «Ботаническомъ Словарѣ» Н. И. Анненкова,—объ этомъ упоминается въ предисловіи, и въ текстѣ книги нерѣдко приводится фамилія Левченко.

1861.

3) *Степныя письма* (три письма) въ журналѣ «Сельское Хозяйство, изд. Н. И. Анненкова, въ Москвѣ (Анненковъ писалъ автору, что письма очень понравились читателямъ).

4) *Мѣсто жительства и мѣстныя названія русиновъ въ настоящее время,* «Основа», № 1, стр. 263—266.

5) Замѣтка о русинской терминологіи, «Основа» № 7, стр. 183—186 (по поводу этой статьи, Основа 1862, № 8, стр. 45—52, статья П. С. Ефименка).

6) *Степныя письма* (письмо 4-е), «Основа», № 11—12.

1863.—1865.

7) *Что намъ дѣлать съ Западнымъ краемъ*? Одесскій Вѣстникъ, № (?) (статья возбудила толки).

8) *О предстоящей дѣятельности земскихъ собраній.* (Одесскій Вѣстникъ....

9) *Замѣтка о табаководствѣ въ Ананьевскомъ уѣздѣ,* Одесскій Вѣстникъ 1865 № 81.

1867.

10) *Письма о нуждахъ земства.* Сельско-Хозяйственный Сборникъ, Полтава, выпускъ 2-й, письмо 1-е, стр. 1—9; письмо 2-е, выпускъ 4—5, стр. 15; письмо 3-е, выпускъ 6, стр. 1—17.

11) Корреспонденція изъ Новороссіи, *о сектѣ штундовыхъ.* «Голосъ», № 331.

1873.

12) Сообщилъ *два заклинанія* въ книгѣ П. С. Ефименка «Заклинанія южнорусскага народа». Москва 1873.

1874.

13) *Нѣсколько данныхъ о жилищахъ и пищѣ южноруссовъ*, «Записки Юго-западнаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества, Кіевъ, т. 2 стр. 135—150.

14) *Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ Южной Россіи*, «Труды III Археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1874, т. 1, стр. 309—312; перепечатано въ томъ же году въ Кіевлянинѣ № 105.

15) *Опытъ русско-украинскаго словаря.* Кіевъ, 1874, въ 8 д. л. IV, 88 л. 2 стр. (Напечатано 700 экземпляровъ).

1888.

16) *Старинные тракты или дороги въ Южной Россіи*, «Кіевская Старина», № 6, стр. 543--546 (безъ подписи).

17) *Потомки Запорожцевъ на островѣ Лети* (въ дельтѣ Дуная), «Кіевская Старина» № 5, стр. 344. По этому указанію М. М. Левченка, ту мѣстность посѣтилъ Ѳедоръ Кондратовичъ и описалъ послѣднюю судьбу запорожцевъ въ «Кіев. Старинѣ» 1883, кн. 1, 2 и 4.

18) *Гайдамацкій кутъ*, Кіев. Старина, № 5, стр. 345—349.

19) *Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану* (1709—1773), Кіевская Старина, № 6, стр. 548.

20) *Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя.* Кіевск. Старина, № 8, стр. 373—379.

1885—1886-

21) *Очеркъ растительности Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губ.*, Вѣстникъ Садоводства 1885, № 14.

22) Продолженіе предыдущей статьи. *Растенія, введенныя культурою*, Вѣстникъ Садоводства 1886, №№ 18 и 23.

23) *Грибы, находимые въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи*, Вѣстникъ Садоводства.

1888.

24) *Про огороды въ Радомысльскомъ уѣздѣ.* Вѣстникъ Садоводства.

1889.

25) *Воспоминанія о моемъ пребываніи въ Полтавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ,* рукопись, которую авторъ оканчивалъ уже въ январѣ 1889 г., какъ онъ писалъ намъ. Уцѣлѣла-ли она—это могутъ рѣшить наслѣдники его, живущіе въ мѣстечкѣ Городищѣ. Если уцѣлѣла, то очень интересно было-бы увидѣть ее въ печати. М. М. Левченко былъ мастеръ на мѣткія характеристики своихъ воспитателей, какъ намъ неоднократно случалось слышать отъ него въ 50-хъ годахъ.

Годъ ?

26) Не знаемъ, къ какому году относится изданная имъ книжка «*Еврейскій Кагалъ*», подъ псевдонимомъ *Борисъ Незначный.* Мы никогда не встрѣчали ее и знаемъ о ней только изъ письма М. М. Левченка.

Кромѣ сего, множество мелкихъ замѣтокъ его разсѣяно въ Кіевлянинѣ, Одесскомъ Вѣстникѣ, Новороссійскомъ Телеграфѣ, газетѣ Трудъ, С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ журналѣ Основа, Вѣстникъ Садоводства, разныхъ годовъ; но ихъ уже не могъ вспомнить самъ авторъ, при случайномъ въ 1888 г. свиданіи съ нами. Ослабѣвшая память подсказывала ему глухо и неточно періодическія изданія, годы ихъ и самыя заглавія его собственныхъ статей. Главнѣйшія показанія его мы привели въ хронологическій порядокъ и провѣрили ихъ отчасти по самымъ періодическимъ изданіямъ.

С. Пономаревъ,

Указъ о проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ. Подлинный Указъ Полтавской Духовной Консисторіи о допущеніи малорусскаго языка при произнесеніи проповѣдей находится при архивѣ приходской церкви с. Толкачевки, Прилукскаго уѣзда, и любезно былъ предоставленъ въ наше распоряженіе мѣстнымъ священникомъ, который, на

основаніи этого указа, всегда произноситъ свои, къ слову сказать, глубоко-содержательныя проповѣди на доступномъ для народа—малорусскомъ языкѣ. Отличаясь простотою, общедоступностію, проповѣди эти оказываютъ сильное впечатлѣніе на слушающихъ, свидѣтелемъ чему былъ пишущій эти строки. Безспорно, этому много помогаетъ и то, что проповѣди произносятся имъ безъ тетрадки, въ формѣ живого слова; съ внѣшней стороны—онѣ безукоризненны и обнаруживаютъ въ уважаемомъ проповѣдникѣ человѣка, хорошо знающаго народный языкъ и умѣющаго пользоваться имъ. Замѣчательно, что языкъ (слогъ) проповѣдей, не смотря на простоту, изобилуетъ красивыми сравненіями религіозно-нравственныхъ понятій съ предметами природы, окружающей обстановки и т. д.,—и въ этомъ нѣтъ ничего, что бы напоминало вульгарность и служило оскорбленіемъ святости предметовъ проповѣди,—напротивъ, это еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе проповѣди. Прихожане очень довольны тѣмъ, что батюшка обращается къ нимъ въ церкви «по нашому» (какъ они сами говорятъ).

Очевидно, такъ-же смотрѣло на дѣло и Полтавское духовное начальство въ 60-хъ годахъ прошлаго 19-го столѣтія, когда особымъ указомъ довело до свѣдѣнія Благочиннаго Прилукскаго уѣзда «не запрещать» подвѣдомственнымъ ему священникамъ произносить проповѣди на доступномъ для народа его родномъ языкѣ. Намъ неизвѣстны тѣ ближайшія причины, которыя вызвали настоящій указъ,—можетъ быть здѣсь имѣла мѣсто частная инициатива какого нибудь священника, который возбудилъ этотъ вопросъ передъ Епархіальнымъ начальствомъ, или можетъ быть тотъ же о. Благочинный испрашивалъ у начальства точныхъ инструкцій по этому дѣлу; неизвѣстно также, былъ ли разосланъ изъ Полтавской Консисторіи Указъ по всѣмъ церквамъ Епархіи или же только Благочинному той мѣстности, гдѣ возникъ этотъ вопросъ,—во всякомъ случаѣ важенъ тотъ фактъ, что Епархіальное начальство безпристрастно посмотрѣло на дѣло и рѣшило вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ.

«Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Полтавской Духовной Консисторіи. Благочинному Прилукскаго уѣзда Протоіерею Антонію Ромашкевичу.

По указу Его Императорскаго Величества, Полтавская Духовная Консисторія, во исполненіе резолюціи Его Преосвященства, предписываетъ Вамъ, Благочинному, не запрещать священникамъ вашего вѣдомства произносить проповѣди своимъ прихожанамъ на малорос-

сійскомъ языкѣ.»—Сентября 9-го дня. 1861 года. Членъ Консисторіи П. [1]) Н. Кондратовичъ. Секретарь. (Нѣтъ подписи). Столоначальникъ. Иваницкій. № 15316.

Сообщ. **С. П.**

Распоряженіе князя А. И. Шаховскаго о раздѣленіи малороссійскихъ козаковъ на „выборныхъ" и „подпомощниковъ", 1735 г.[2]). При нарядѣ малороссійскихъ козаковъ въ походы происходило очень много злоупотребленій со стороны полковниковъ и сотниковъ, наряжавшихъ въ походы бѣдняковъ и освобождавшихъ богатыхъ за взятки. Особенно развились эти злоупотребленія въ гетманщинѣ—при Скоропадскомъ и Апостолѣ, когда произволъ полковниковъ достигъ наибольшаго своего развитія. Поэтому однимъ изъ первыхъ распоряженій кн. Шаховскаго, вступившаго въ управленіе Малороссіей послѣ смерти Апостола, было установленіе извѣстныхъ правилъ при отправленіи походной службы козаками. Какимъ образомъ установлены были эти правила и въ чемъ таковыя заключались, видно изъ слѣдующихъ двухъ документовъ.

А) *Указъ ея и. величества самодержицы всероссійской изъ войсковой енералной канцеляріи судіи полковому лубенскому Семену Максимовичу*, на сей часъ полковое правленіе содержащому. Въ бытность свою въ Глуховѣ малороссійскихъ полковъ полковники, а именно: нѣжинскій Иванъ Хрущовъ, стародубскій Афанасій Радищевъ, чернѣговскій Михайло Богдановъ, зъ старшиною полковою, указомъ ея и. величества зъ енералной войсковой канцеляріи призванные, противъ посланныхъ въ малороссійскіе, въ томъ числѣ и въ лубенскій полки, по силѣ именного всемилостивѣйшего ея и. величества указу, о бытіи въ Малой Россіи тридцятотысячному числу козаковъ выборныхъ отъ генерала лейтенанта, сенатора, кавалера св. Александра, гвардіи подполковника и ея и. величества генерала адьютанта князя Шаховскаго, изъ енералной войсковой канцеляріи объ опредѣленіи зъ полку лубенского указного по росписанію з енералной канцеляріи тѣхъ

---

[1]) Слѣдуетъ читать вѣроятно: Протоіерей.

[2]) См. Исторія Мал. Россіи, Б.-Каменск., III, 211, и Опис. Черниг. Намѣстнич., Шафонскаго, стр. 65.

выборныхъ козаковъ числа указовъ, подали сочиненную ими статями, зъ совѣту другихъ полковниковъ, какимъ образомъ тихъ выборныхъ козаковъ определять и что имъ имѣть надлежитъ, за руками своею и старшины полковой, генералу лейтенанту, сенатору и кавалеру князю Шаховскому, в енералную войсковую канцелярію, форму, которая имъ генераломъ-лейтенантомъ, сенаторомъ и кавалеромъ князем Шаховскимъ, съ прысутствующими члены въ той енералной войсковой канцеляріи, аппробована и какъ надлежитъ исправленна. И сего сентября 15-го дня, по указу ея и. величества и по опредѣленію его жъ генерала-лейтенанта, сенатора и кавалера князя Шаховскаго, съ прысутствующими енералной войсковой канцеляріи членами, веленно тѣ исправленніе по статямъ формы, за скрѣпою руки енералного войскового писаря Михаила Турковского и за справкою канцелярскою, якъ въ протчие малороссійские полки, при указахъ отправить, такъ и въ полкъ лубенскій пры семъ ея и. величества указѣ таковую послать форму, а въ ономъ указѣ предложить, дабы вы указное по учиненному въ енералной войсковой канцеляріи росписанію, въ полку лубенскомъ число выборныхъ козаковъ велѣли опредѣлять по силѣ сообщенной при семъ указѣ форми и что въ оной ко исправленію о тихъ выборныхъ козакахъ, такожъ о содержаніи лошадей, платя и другихъ к одѣянію потребностей и о протчемъ, показано исполнять непремѣнно; особливо же мѣете вы такъ сами, яко и другая старшина полковая и сотенная, имѣть крѣпкое смотреніе въ томъ, дабы могущіе сами въ выборныхъ козакахъ изъ своего имущества, какъ въ оной формѣ обстоятельно изяснено, службу отправлять, за другихъ или въ помощникахъ другимъ между убогими и неимущими, которіе, сами без подмоги, службу отправлять должны въ выборныхъ козакахъ, к отправленію службы опредѣленни не были, и козакамъ въ подпомогу выборнымъ, опредѣленнимъ, въ чиненіи той подпомоги праведное было уравненіе, смотря по ихъ имуществамъ, кто можетъ болше, а кто менше подпомогать, дабы никаковой имъ однимъ предъ другими обиды не было, и егда по силѣ той формы указное зъ полку лубенского выборныхъ козаковъ число опредѣленно будетъ, то мѣете вы сочинивъ об онихъ именую вѣдомость и описавъ по прежде посланнымъ и сему указахъ, ихъ ґрунта и показавъ порознъ, кто съ подпомогой и кто безъ подпомоги, въ тотъ выборъ опредѣленъ, за руками своею и протчой старшины полковой, прислать при доношеніи своемъ генералу-лейтенанту, сенатору и кавалеру князю Шаховскому, въ енералную войсковую

канцелярію, конечно къ числу 1-му генваря 1736 году, а судіи полковому лубенскому Семену Максимовичу съ товарищи чинить по сему ея и. величества указу. О семъ же и въ протчіе малороссійскіе полки указы посланны. Данъ въ Глуховѣ, сентября 16, 1735 году. Въ подлѣнномъ тако: князь Алексѣй Шаховской. Князь Андрей Барятинскій. Василей Гуревъ. Андрей Марковичъ. Михайло Забѣла. Войсковый енералній писарь Михаилъ Турковскій. Канцеляристъ Федоръ Свѣрскій.

Б) *Форма. По силѣ именного всемилостивѣйшого ея императорскаго величества указу, о бытіи въ малороссійскихъ полкахъ тридцатитысячному, въ томъ числѣ и въ полку лубенскомъ, указному по росписанію войсковой енералной канцеляріи выборныхъ козаковъ числу, какимъ образомъ опредѣленному быть, и с какихъ кгрунтовъ и угодій и прочаго имущества безъ подпомоги, а какимъ съ подпомогою, выборного козака опредѣлять, и какіе потребности въ службѣ войсковой и въ какой цѣнѣ всякому выборному козаку имѣть по выбору надлежитъ, въ енералной войсковой канцеляріи исправленная. 1735 году, сентября 16 числа.*

1) Выборному козаку надлежитъ имѣть лошадь, цѣною отъ семи до девяти рублей, сѣдло—одинъ рубль, узда 20 коп., мушкетъ два руб., лядовница 15 коп., кременецъ—3 коп., копіе—10 коп., натруску—3 копѣйки.

2) Платя на него—ярмолукъ 1 руб. 60 коп., жупанъ 2 рубля, шапку 30 коп., три пары сапоговъ 90 коп., поясъ 15 коп., рубашекъ три пары 60 коп., убране свитное 20 коп., кожухъ одинъ рубль, опанчу 60 коп., итого, кромѣ пороха и пуль, на одного козака выходитъ, поставивъ лошадь по 9 рублей, 20 рублей, 7 копѣекъ, якое платье и другіе ко одѣянію потребности, долженъ козакъ въ то время на себя взять и носить, а лошадь къ поѣздкѣ употребить, когда въ походъ идти или какую войсковую посылку отправить повелѣно будетъ. Когда же въ домѣ будетъ, то оное платье и потребности содержать въ сохраненіи и въ ношеніе не употреблять. И лошади, какая къ службѣ для того выборнаго козака куплена и опредѣлена будетъ, въ работизну и на свои приваты отнюдь не употреблять, но содержать хозяинамъ въ добромъ и пилномъ смотрѣніи и на добромъ кормѣ, чего должны смотрѣть за выборными козаками подпомощники и старшина. А понеже таковые платье и прочія потребности могутъ трвать и лошадь жить килка лѣтъ, паче же ружье—едва не чрезъ все житіе человѣческое можетъ быть въ цѣлости, того ради не всякого года на одежу и показан-

ныя другія потребности вышьнамѣненную сумму денегъ къ поставкѣ въ службу выборнаго козака собирать должно отъ подпомощниковъ, но развѣ въ тѣхъ выборныхъ козаковъ лошадь пасть, а одежда весьма сносится, прочее жъ испортится моглобъ. Что же въ формѣ полковниковъ нѣжинского, черниговского и стародубского показано, яко ежели пороху положить на человѣка по пяти фунтовъ, а фунтъ по 15 коп., итого учинитъ 75 коп., да свинцу по пять фунтовъ, то учинитъ 40 к. и того со всѣмъ станетъ, ставя лошадь въ девяти рубляхъ,—21 руб. 22 коп., то объ онихъ пороху и свинцу, по сколко оного выборному козаку имѣть и отколь на оную сумму взять должно, въ енералной войсковой канцеляріи размотрѣние и опредѣление мѣетъ впредь учинено.

3) Въ выборные козаки безъ всякой подмоги опредѣлять того, который имѣетъ доволно грунта, а именно: поля пахатного, сѣнокосу, лѣсу, мелницы, пчоли, скотъ, такожъ винокурню, солодовню и прочія имущества и промыслы, и оный долженъ служить самъ за себе, справляя всякіе вышеписанные потребности противъ перваго и втораго пунктовъ, з своего собственного имѣнія, безъ всякой подпомоги; двохъ же ему содержать не подлежитъ отъ имущества своего выборныхъ козаковъ, но довлѣетъ ему зъ своего имущества за себе самому войсковую отбывать службу.

4) Который имѣетъ доволно грунтовъ по вышеписанному, то есть поля, сѣнокосу, лѣсу, а болшъ ничего не имѣетъ, то долженъ служить самъ зъ своего имущества, безъ подмоги противъ третьяго пункта.

5) Который имѣетъ толко одну винницю въ двухъ котлахъ, или солодовню, или мелницу на рѣки, а болше ничего не имѣетъ, то долженъ служити безъ подпомоги.

6) Который имѣетъ коней три или два, воловъ три или два и овцы, як то въ степныхъ мѣстахъ водится, или пчоли, а болшъ ничего не имѣетъ, можетъ и тотъ служить самъ же безъ подмоги. Буде же по разсмотрѣнію числа выборныхъ козаковъ въ каждомъ полку росписаніемъ войсковой енералной канцеляріи опредѣленныхъ и по опредѣленію оныхъ въ выборные из имущества, если би въ какомъ полку, таковимъ, что по два конѣ и воли, и килка овецъ или пчолъ имѣетъ, а не болше, другихъ же никакихъ угодій отнюдь не имѣютъ, подпомогу учинить было мощно, и то позволяется, толко бы число опредѣленное въ войсковой енералной канцеляріи было вполнѣ въ подпомогу опредѣлено самихъ убогихъ и безъ имущества, чтобы въ имуществѣ могло быть, смякнувши противъ тѣхъ какъ въ 8 и 9 п.п. показано, а не излишне.

7) Который имѣетъ поля въ одной рукѣ на десять четвертей, а въ двухъ потому жъ, да сѣнокосу на пятьдесять возъ, болше же ничего не имѣетъ, долженъ и тотъ служитъ самъ, безъ всякой подпомоги.

8) Который имѣетъ по крайней мѣрѣ поля въ одной рукѣ на пять четвертей, да сѣнокосу на десять возъ и самъ семянистъ и болше ничего не имѣетъ, долженъ самъ служить.

9) Которые же въ поли противъ показанныхъ въ осмомъ пунктѣ, имѣютъ, такимъ придавать въ помочь хочь мало грунтовыхъ или безгрунтовыхъ, толко хатами своими мешкаючихъ, чтобы противъ оныхъ въ осьмомъ пунктѣ показанныхъ моглъ быть равнымъ выборнымъ.

10) Которые никакихъ грунтовъ и промысловъ и угодій не имѣютъ, толко имѣютъ свои хати и семянисты, могутъ козаку выборному подпомогу учинять, какъ ему служить надлежитъ совсѣмъ.

11) Который никакихъ угодій не имѣетъ, а имѣлъ толко какіе знатные или средніе промыслы, чтобъ толко смякнувши оного имущества могъ тотъ въ имуществѣ съ промысломъ своимъ быть ровнымъ противъ показанныхъ въ седьмомъ и осьмомъ пунктахъ, или болѣе, и таковый долженъ съ тѣхъ промысловъ имущества своего самъ безъ всякой подпомоги выборного козака службу отправлять или чтобы промыслы его не могли утеряться, убогого козака къ службѣ годного, но весма неимущаго, вмѣсто себя, въ выборные козаки за поруками поставить и онаго во всемъ, противъ перваго и второго пунктовъ, воспомогать.

12) Ежели который изъ имущихъ грунта и другіе такіе угодія или промыслы, самъ къ службѣ не годится, то на мѣсто того выбрать полковнику и старшинѣ—добраго козака изъ самыхъ убогихъ и весма неимущихъ одного и оный бы имущій совсѣмъ того козака къ службѣ войсковой, какъ самъ себе вспомогалъ своимъ коштомъ, и чтобъ оный козакъ за подмогою имущаго козака, за котораго онъ будетъ опредѣленъ, во всемъ противъ выборнаго козака войсковую отбуватиметъ службу, о томъ взять у него наемщика, за котораго въ выборные козаки оный опредѣляется, подписку съ обовязателствомъ.

13) Ежели который изъ такихъ же имущихъ грунта и другія угодія и самъ къ службѣ годенъ, но одинокъ, а ему можно служить, то такого опредѣлить въ число выборныхъ; буде же бы онъ пожелалъ поставить выборного козака вмѣсто себе и то учинить позволяется толко въ томъ—самому полковнику и старшинѣ имѣть смотрѣніе и

выбрать самого добраго козака того дубенского полку изъ самихъ неимущихъ одного, которого совсѣмъ противъ первого и второго пунктовъ самъ оный одинокій козакъ безъ всякихъ отъ прочихъ подпомогъ вспомогать, а онъ за него противъ прочихъ службу оправлять долженъ, такожъ обовязавъ онаго господаря подпискою противъ вышеписанного 12-го пункта. Въ подлѣнной тако: войсковый енералный писарь Михайло Турковскій. Канцеляристъ Даміянъ Малѣнскій. (*Оба документа съ копій*).

Ходатайство гетмана Апостола о назначеніи въ Глуховъ второго доктора. Въ поданномъ на имя императрицы прошеніи, послѣ прописанія полнаго императорскаго титула, гетманъ писалъ слѣдующее: «Вашего императорского всепресвѣтлѣйшого величества вѣрный подданный гетманъ Даніилъ Апостолъ, со всѣмъ войскомъ обоихъ сторонъ Днѣпра Запорожскимъ, павши предъ всеавгустѣйшимъ вашего и. величества маестатомъ, у стопы ногъ монаршихъ, всесмиренно до лица земли челомъ бью. При гетману Скоропадскомъ и при протчіихъ антецессорахъ моихъ, прежде бывшихъ гетманахъ, для кураціи всякихъ болѣзней гетману и иннымъ войсковымъ людемъ, при нихъ присутствующимъ, и другимъ малороссіянамъ случаючихъся, бывали лѣкари; да к нимъ же гетманамъ присилалися и дохторѣ з Москвы, от двору монаршого. А тимъ лѣкарамъ выдавано жалованне и на медикаменти денги зъ скарбу войскового, почому и при мнѣ теперъ лѣкаръ одинъ имѣется, но понеже оному лѣкару самому въ томъ званіи управитися, а паче внутрнихъ болѣзней случаючихъся врачевать невозможно; з тихъ мѣръ принялъ я теперъ доктора, прозиваемого Бенедикта Бока, вашего же и. величества всеподданѣйше прошу, дабы всемилостивѣйше указать соблаговолили на содержаніе оного доктора Бока, при мнѣ будучого з лѣкаремъ, тако-жъ на покупку потребныхъ медикаментовъ денги з скарбу войскового выдавать или по моему разсмотренію, какъ з нимъ учиненъ будетъ контрактъ, или по опредѣленію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и о семъ учиныть вашего и. величества указъ и резолюцію, притомъ неотемлемой высокомонаршой вашего и. величества благостинѣ и благопризрѣнію предаю себя всеподаннѣйше вашего и. пресвѣтлѣйшого величества вѣрный подданный и всенижай-

шій рабъ и подножие Войска вашего и. величества Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Данило Апостолъ».

«Апрѣля 13 д. 1730 году. В Москвѣ». *(Съ подлинника).*

Прошеніе написано на большомъ листѣ (13×10 вершк.) плотной бумаги, въ ширину всего листа, который затѣмъ былъ сложенъ пакетомъ, на которомъ повторенъ полный императорскій титулъ. На прошеніи сдѣланы помѣты. «Подана 1730 г., апрѣля въ 13 д, записать.—№ 241. Записана».

Настоящее ходатайство гетмана Апостола интересно въ томъ отношеніи, что гетманъ, какъ, видно, не считалъ себя въ правѣ—безъ разрѣшенія высшаго правительства—платить условленное доктору жалованье изъ мѣстной казны (войсковаго скарба). О докторѣ Бокѣ неразъ упоминаетъ Марковичъ въ своемъ дневникѣ.

Любецкіе гончары въ 1615 году. «Андрей Сулимирски. подстароста любецкии и лоевский. За просбою атамана ганчарского Васка Прудниченка и братии его ганчаровъ, даю имъ мой сей листъ под таковою моцю: которыи бы пришол навотныи [1]) ганчаръ, тогды мает обестити се атаману ихъ и даты грош ц ден робити; а если захочеть робити тут у месте, тогды маеть поеднать атамана и братью его, которая естъ при нем старшого и датъ до скриньки золотыи або чимъ поеднаеть их. А если не оповедавши се отаману и будет робить без ведомости атаманское, тогды повинен будетъ заплатити вины на вряд петдесят грошей. А если бы который брат их ганчар робивши ремесло, и покинув и не робил рок або два, и знову будет робить, а не оповедаетьсе атаману их, тогды на вряд повинен заплатить вины петдесят грошей литовских. А стороны роботы замковое, скоро закаже атаман, жебы былъ готов, а если котории не выйде, огурщины мает заплатить чотыри гроши на врядника, або чим поеднать. И на то дал сей мой лист под печатью моею и с подписом руки моее. Писан у Лоеве, року **ахеı** (1615), мсца августа **sı** (16) дня. **Andryj Sulimirski pod.** L. у Loïews. *(Съ подлинника, съ буквальною точностью).*

---

[1]) При чтеніи этого слова возбуждаетъ сомнѣніе вторая буква: это можетъ быть и *а* и *о*; скорѣе можно чатать *а*, чѣмъ *о*. Быть можетъ, здѣсь слышится мѣстный (бѣлорусскій) говоръ, какъ и въ словѣ г*а*нчаръ.

«**Черниговскіе архивы**». Подъ этимъ заголовкомъ издана Ю. В. Татищевымъ брошюра, заключающая въ себѣ «отчетъ о командировкѣ въ Черниговскую губернію въ 1899 году» [1]). Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) *Грамоты Троицко-Ильинскаго архіерейскаго дома*, 2) *Архивъ Черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія и 3) Архивъ А. А. Бокуринскаго.* Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лишь бѣглый перечень осмотрѣнныхъ г. Татищевымъ дѣлъ, но и изъ перечня видно, что тутъ заключаются любопытныя свѣдѣнія, особенно подъ рубрикою «разныя дѣла», напр. а) объ отмѣнѣ литовскаго статута и о замѣнѣ его узаконеніями государственными», б) «о безпорядкахъ происшедшихъ въ конотопскомъ уѣздномъ дворянскомъ собраніи 1844 г.,» в) «о незаконнныхъ дѣйствіяхъ предводителей» г) «О жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами» и проч. Но особенно интересенъ третій отдѣлъ. знакомящій съ фамильнымъ архивомъ Бакуринскихъ, хранящимся въ ихъ стародавнемъ имѣніи городницкаго уѣзда, с. Церковищѣ. Извѣстно, что Бакуринскіе принадлежатъ къ одному изъ старѣйшихъ шляхетскихъ родовъ Черниговщины, [2]) какъ это видно изъ грамотъ короля Сигизмунда 1609 г., утверждающей за Бакуринскими купленныя ими у Пироцкихъ (въ настоящемъ городницкомъ уѣздѣ) земли. Изъ брошюры г. Татищева видно, что въ церковищенскомъ архивѣ Бакуринскихъ сохраняются очень интересныя для исторіи землевладѣнія бумаги XVII и XVIII-го вѣковъ; тутъ же находятся и другія неменѣе интересныя бумаги, напр., духовное завѣщавіе Юрія Бакуринскаго 1693 г., списки приданаго и проч. Архивъ Бакуринскихъ досихъ поръ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ и мы познакомились съ интереснымъ содержаніемъ его, благодаря лишь случайной командировкѣ въ Черниговъ любознательнаго человѣка, понимающаго значеніе этихъ, почти изчезнувшихъ уже, фамильныхъ архивовъ. Существующая въ Черниговѣ *архивная* губернская коммиссія, повидимому, никакими архивами не занимается, что можно отчасти видѣть и изъ журнала ея засѣданія, имѣвшаго мѣсто 2 января настоящаго 1902 г., который приводимъ здѣсь полностью.

---

[1]) Брошюра (33 стр.) напечатана въ Харьковѣ, въ 1901 г. Въ брошюрѣ неговорится—кѣмъ именно былъ командированъ г. Татищевъ, но можно предполагать, по мѣсту напечатанія брошюры, что комитетомъ будущаго харьковскаго археологическаго съѣзда.

[2]) См. Записки Черниг. Статист. капит., т. II, „Очерки старѣйш. дворянск. родовъ Черниговской губерніи,“ стр. 36—46.

«Въ засѣданіе Черниговской губернской архивной коммиссіи 2 сего января прибыли: Непремѣнный попечитель коммиссіи и почетный членъ оной Е. К. Андреевскій, члены: А. С. Долгово-Сабуровъ, Е. Н. Зеленецкій, В. И. Федутиновъ, Н. Д. Рудинъ, Н. Д. Сульменевъ, А. К. Ярыгинъ, К. Н. Подольскій, Г. Г. Пикусъ, Е. К. Корноуховъ, казначей П. М. Добровольскій и правитель дѣлъ П. Н. Тихановъ.

По выслушаніи протоколовъ засѣданія 2 іюля и экстреннаго собранія членовъ 30 сентября 1901 г., заслушано было заявленіе графа Г. А. Милорадовича объ отказѣ его отъ званія предсѣдателя коммиссіи.

Члены коммиссіи просили г. начальника губерніи принять на себя обязанности предсѣдателя коммиссіи, но не смотря на усиленныя просьбы, г. губернаторъ отказался въ виду сложности своихъ прямыхъ обязанностей.

Въ виду сего приступлено было къ избранію предсѣдателя и закрытою подачею голосовъ избранъ директоръ мѣстной гимназіи Е. Н. Зеленецкій. Послѣ сего доложена была просьба правителя дѣлъ объ увольненіи его отъ занимавшей въ коммиссіи должности. При этомъ члены коммиссіи просили П. Н. Тиханова остаться въ должности и г. Тихановъ изъявилъ согласіе остаться.

Избраны почетными членами коммиссіи: Епископъ Филиппъ—викарій новгородсѣверскій и хранитель рукописнаго отдѣленія въ императорской публичной библіотекѣ И. А. Бычковъ.

Затѣмъ засѣданіе было закрыто.» [1]) Изъ этого журнала видно, что объ *архивахъ* въ засѣданіи не было рѣчи...

Извѣстно, что черниговская архивная коммиссія открыта еще въ к. 1896 г., но затѣмъ, по отсутствію избраннаго ею предсѣдателя гр. Г. А. Милорадовича, она стала функціонировать съ 15 іюня 1897 г., когда, по предложенію предсѣдателя, былъ избранъ и правитель дѣлъ коммиссіи г. Тихановъ, нынѣ отказывавшійся отъ этой должности и тутъ-же взявшій свой отказъ обратно.—Съ 1897 г. по настоящее время коммиссія издала три тетради своихъ «Трудовъ», въ которыхъ ничего не упоминается, чтобы правитель дѣлъ коммиссіи осматривалъ какіе либо черниговскіе архивы или занимался бы другими *архивными* работами, которыя на него возлагаются закономъ 13 апрѣля

[1]) Черниг. губ. вѣд. 1902 г., 2 января, № 2727.

1884 г., объ учрежденіи «ученыхъ архивныхъ коммиссій.» А между тѣмъ въ Черниговѣ—лежащихъ *въ забвеніи*—архивовъ, болѣе чѣмъ достаточно. Одинъ архивъ старыхъ судебныхъ мѣстъ, хранящійся при Окружномъ судѣ, заключаетъ въ себѣ *массу драгоцѣннаго историческаго матеріала*, тщетно ожидающую дѣлателей, но, увы, таковыхъ нѣтъ....

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Проектъ выселенія евреевъ изъ селъ и деревень Кіевской губерніи.* Кіевскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ Княжнинъ 2-ой вошелъ въ Мин. Внутр. Дѣлъ съ представленіемъ о необходимости воспретить евреямъ дальнѣйшее пребываніе въ казенныхъ и помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ Кіевской губерніи, съ водвореніемъ ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

Государь Императоръ, одобривъ мысль Княжнина, повелѣть изволилъ для восполненія задачи учредить въ Кіевѣ особый комитетъ изъ губернатора, губернскаго маршала, вице-губернатора, двухъ председателей главнаго суда и губернскаго прокурора.

19 іюля 1830 года, изъ Богуславля Княжнинъ рапортуетъ Его Императорскому Величеству:

«... Имѣвъ счастіе получить Именной Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ въ пятый день сего іюля на мое имя состоявшійся, я въ то же время предложилъ Кіевскому гражданскому губернатору, въ исполненіе онаго, немедленно приступить къ открытію, подъ предсѣдательствомъ его, комитета о переселеніи евреевъ изъ селеній и деревень Кіевской губерніи въ города и мѣстечки. О семъ долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству».

Комитету предложено собрать на мѣстахъ, чрезъ полицію, точныя о евреяхъ свѣдѣнія; составить планъ переселенія, сообразно выраженнымъ семьями желаніямъ, и, наконецъ, самое переселеніе осуществить.

Но серьезною въ дѣлѣ помѣхою явились: вспыхнувшій польскій мятежъ и появившаяся въ краѣ холера, вслѣдствіе чего о пріостановленіи переселенія ходатайствовалъ самъ Княжнинъ.

—

2) *Къ борьбѣ съ холерою въ 30 годахъ.* Въ 1835 году Махновскаго уѣзда с. Брицкаго заставный посессоръ Рожицкій ходатайствуетъ предъ начальствомъ о награжденіи его за дѣйствія по борьбѣ со свирѣпствовавшею въ 1831 г. въ уѣздѣ холерою морбусъ.

Рожицкій, «не взирая на опасность отъ польскихъ мятежниковъ бывшую», разъѣзжалъ по уѣзду, содержа на собственный счетъ 2 докторовъ и 4 цирюльниковъ, при чемъ ими израсходовано 15348 піявокъ.

Но срокъ представленія къ наградамъ оказался пропущеннымъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Къ вопросу объ убійствѣ стариковъ. Въ 67-мъ полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона, на стр. 402—404, помѣщена статья *Л. Ш—га* «Убійство дѣтей и стариковъ», въ которой авторъ ошибочно приписалъ г-жѣ Литвиновой сообщеніе, будто обычай убійства стариковъ, или «сажаніе ихъ на лубокъ», она имѣла случай видѣть въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ д. Землянкѣ, Полтав. губ. Основываясь на этомъ, Л. Ш—гъ говоритъ: «удивительнѣе всего, что еще въ недавнее время этотъ обычай практиковался въ Малороссіи». Естественно, что такая форма сообщенія въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» дала поводъ многимъ изъ нашихъ земляковъ возмутиться той клеветой, какая взведена на малорусскій народъ въ его современномъ культурномъ состояніи. Такъ, въ «Полтав. Губ. Вѣдомостяхъ» напечатано письмо И. Л—ча, оканчивающееся словами: «быть можетъ, въ Полтавѣ найдутся авторитетные знатоки мѣстной старины, которые опровергнутъ клевету и уличатъ невѣжественныхъ составителей словаря вмѣстѣ съ легкомысленной г-жей Литвиновой». Мы сами получили тоже нѣсколько писемъ съ просьбою снять съ нашихъ украинцевъ обвиненіе въ такомъ варварствѣ. Считаемъ нужнымъ по этому поводу дать слѣдующую справку. Замѣтка г-жи П. Литвиновой была напечатана въ «Кіевской Старинѣ» въ 1885 году, въ № 6, подъ заглавіемъ «Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ». Въ этой замѣткѣ г-жа П. Литвинова передаетъ, что ей пришлось слышать въ с. Землянкѣ (не полт. губ., а черниговской—глуховского уѣзда) отъ столѣтней почти женщины и 65-тилѣтняго мужчины два разсказа, объясняющіе выраженіе «сажать людей на лубокъ». Старуха, родившаяся въ 1787 году, слышала въ молодости, что такой обычай былъ, но сама лично этого не видѣла. А

старикъ, разсказалъ только преданіе, разъясняющее, почему перестали «сажать людей на лубокъ», преданіе, не пріуроченное ни къ мѣсту, ни къ времени. Откуда г. Л. Ш—гъ сдѣлалъ выводъ, что г-жа Литвинова въ 80-хъ годахъ наблюдала такой случай убійства стариковъ, для насъ является непонятнымъ; единственное объясненіе это то, что авторъ слишкомъ бѣгло перелистывалъ замѣтку г-жи Литвиновой.

В. Н.

Текущія извѣстія.

Къ предстоящему чествованію памяти Н. В. Гоголя. Художникъ В. А. Волковъ, живущій въ Полтавѣ, большой почитатель памяти Н. В. Гоголя, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтилъ родину писателя, познакомился съ его родственниками и тогда же задумалъ писать картину—«Гоголь въ Яновщинѣ», которая находится теперь у Н. В. Быкова. Вмѣстѣ съ этимъ художникъ нарисовалъ съ натуры портретъ слуги писателя Якима Нимченка, который помнилъ обстановку комнаты своего барина; пришлось долго рыться въ сараяхъ, среди стараго хлама для того, чтобы отыскать хоть нѣкоторыя вещи изъ указанной обстановки, и такимъ образомъ г. Волкову удалось получить матеріалъ, болѣе или менѣе точный, для изображенія великаго писателя у себя въ комнатѣ, матеріалъ тѣмъ болѣе цѣнный, что въ настоящее время, какъ извѣстно, домъ, въ которомъ собственно жилъ Н. В., и флигель, къ сожалѣнію, разрушенъ, хотя многія вещи сохраняются наслѣдниками Н. В.

И вотъ теперь, наканунѣ юбилейнаго чествованія всей Россіей памяти писателя, В. А. Волковъ принялся за разработку этого матеріала и уже почти закончилъ довольно большую картину, изображающую комнату писателя. Надъ кроватью виситъ гравюра Іордана Рафаэльевскаго преображенія, въ углу образъ Спасителя, привезенный изъ Рима и любимый писателемъ, у кровати стоитъ рабочій столъ-конторка, надъ нимъ полки для книгъ; поодаль отъ стола въ старинномъ креслѣ сидитъ Гоголь въ задумчивой позѣ. Понятно, что центръ тяжести въ этой картинѣ—ея археологическое, такъ сказать, содержательное значеніе, но нельзя не отмѣтить, что картина съ чисто художественной стороны исполнена прекрасно, особенно удачно изображенъ

дневной свѣтъ, падающій въ комнату черезъ открытое окно и дверь и свѣтъ горящей у образа лампады. Картина еще не совсѣмъ готова и будетъ закончена, вѣроятно, только къ началу февраля.

Кромѣ этого, художникъ В. А. Волковъ повторяетъ свою картину «Гоголь въ Яновщинѣ», дополняя ее нѣкоторыми вводными лицами. На этой картинѣ писатель изображенъ сидящимъ на крыльцѣ своего дома, теперь уже несуществующаго, и внимательно слушающимъ пѣсню украинца-кобзаря. Слѣдуя указаніямъ сестеръ Н. В., свидѣтельствующихъ, что поэтъ во время вечерняго чаепитія, происходившаго лѣтомъ обыкновенно на крыльцѣ дома, часто садился не у стола, а на ступенькахъ, приглашалъ бандуриста, угощалъ его и просилъ пѣть народныя пѣсни, г. Волковъ къ указанному изображенію Гоголя въ Яновщинѣ добавляетъ на крыльцѣ столъ, на немъ самоваръ, у стола сидитъ мать и сестра писателя, изъ за угла, вслушиваясь также въ пѣсню Кобзаря, выглядываетъ дѣвушка крестьянка, а въ сторонѣ мальчикъ, поводырь слѣпца—артиста, для котораго его пѣсня потеряла прелесть новизны и ужъ не интересна, увиливаетъ отъ собаки, не оставляя все таки въ забвеніи поданнаго ему угощенія—арбуза съ хлѣбомъ. Послѣдняя картина, какъ и первая, также прекрасно исполнена и свидѣтельствуетъ о трудѣ и вниманіи, удѣленномъ художникомъ на увѣковѣченіе памяти великаго русскаго писателя.

Обѣ эти картины г. Волкова просятъ помѣстить на Кіевской юбилейной Гоголевской выставкѣ, но художникъ предполагаетъ послать ихъ на Московскую выставку, которая, какъ извѣстно, будетъ открыта 21 февраля въ историческомъ музеѣ. («Полт. Губ. Вѣд. № 13»).

---

6 января 1902 г. мѣстнымъ фотографомъ І. Ц. Хмѣлевскимъ предпринято изданіе ко дню предстоящаго чествованія пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя альбома фототипій и геліогравюръ, относящихся къ памяти великаго русскаго писателя. Этотъ альбомъ потребовалъ очень много труда и затратъ,—пришлось издателю посѣтить мѣсто родины Н. В.—Сорочинцы, Миргородъ, Яновщину, Кибенцы и др. мѣста; по сдѣланнымъ снимкамъ въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ изготовлены фототипіи и геліогравюры, которыя тамъ же теперь печатаются на прекрасной бумагѣ, рисунокъ для обложки сдѣланъ однимъ Петербургскимъ художникомъ, и потому цѣна каждаго альбома будетъ сравнительно высокая—вѣроятно, 12 р.

Въ альбомъ войдетъ все, чѣмъ только можно было воспользоваться, все сохранившееся у родственниковъ поэта и имѣющее хотя бы косвенное отношеніе къ его памяти. На обложкѣ изображенъ бюстъ Гоголя, который вѣнчаетъ стоящая у подножія крестьянская дѣвушка. Всего листовъ будетъ въ альбомѣ 42, а собственно снимковъ гораздо болѣе,—на нѣкоторыхъ листахъ по 2 снимка. Первымъ въ альбомѣ помѣщенъ портретъ Н. В. Гоголя, снимокъ съ извѣстнаго портрета работы Моллера, затѣмъ слѣдуютъ: Гоголь въ Яновщинѣ,—съ картины В. А. Волкова, на которой изображенъ поэтъ слушающимъ пѣсню украинскаго кобзаря; церковь въ Яновщинѣ, въ оградѣ которой похоронены родители Н. В.; земская школа его имени; тамъ же усадьба писателя въ нынѣшнемъ видѣ, принадлежащая теперь его племяннику В. Я. Головня; домъ его (уже несуществующій) и часть села, смежная съ этой усадьбой; деревья посадки Н. В. и курганъ, насыпанный по его распоряженію въ нынѣшнемъ саду другого его племянника, Н. В. Быкова; прудъ отдѣляющій теперь усадьбы г.г. Головня и Быкова, кленовая старая аллея въ саду Н. В. Быкова и крестьянскія постройки временъ Н. В. Всѣ эти снимки исполнены чресвычайно старательно и оживлены талантливымъ художникомъ-фотографомъ,—всюду очень умѣстно создана подобающая обстановка, вродѣ крестьянскихъ подводъ, группы бесѣдующихъ крестьянъ, проходящихъ ребятишекъ и т. п. Далѣе слѣдуютъ снимки: могила родителей писателя; его вещи, сохранившіяся до настоящаго времени у Н. В. Быкова въ Яновщинѣ (среди нихъ имѣется книжный шкафъ съ книгами); рабочій столъ или вѣрнѣе конторка, портфель, открытые карманные часы съ цѣпочкой—подарокъ В. А. Жуковскаго, чемоданъ, платокъ, жилетка, о которой такъ много говорилось за послѣднее время, и гравюра Іордана Рафаэльскаго преображенія, подаренная писателю самимъ художникомъ—граверомъ; Стѣнка—хуторъ Гоголя; копія его письма изъ Женевы 1836 г.; флигель въ усадьбѣ бывшаго Сорочинскаго врача Трохимовскаго, гдѣ, какъ полагаютъ, родился великій писатель (достовѣрно извѣстно, что Н. В. родился не во флигелѣ, а въ большомъ домѣ); Сорочинская церковь, въ приходѣ которой онъ былъ крещенъ; памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ, на которомъ виднѣется надпись славянскими буквами: «Опредѣлено мнѣ чудной властью озирать жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!»; нѣсколько видовъ ярмарки въ Сорочинцахъ—(послѣдніе снимки какъ нельзя болѣе удачны и по исполненію и по сюжету, они даютъ полное представленіе о деревенской

украинской ярмаркѣ и заслуживаютъ особаго вниманія); общій видъ г. Миргорода, старосвѣтскій его уголокъ и мѣсто бывшей знаменитой лужи; Миргородское художественно-ремесленное училище имени Гоголя, дворецъ князя Кочубея въ м. Диканькѣ; домъ для просвѣтительныхъ цѣлей въ Полтавѣ, посвященный имени Гоголя; Нѣжинскій историко-филологическій институтъ; зданіе Полтавской гимназіи, гдѣ первоначально учился писатель, нынѣ перестроенная женская гимназія; собственные рисунки Н. В. къ «Ревизору» (финальный моментъ комедіи,—появленіе жандарма); среди рисунковъ и набросковъ Гоголя имѣется также портретъ А. С. Пушкина, тутъ-же помѣщенъ и снимокъ съ знаменитой литографіи 50-хъ годовъ—«Гоголь сожигаетъ свои рукописи». Въ одной группѣ представлены снимки родственницъ писателя, четырехъ сестеръ и матери, а во второй—Н. П. Трушковскій—племянникъ Гоголя и первый издатель его сочиненій, Д. П. Трощинскій, П. П. Косаровскій—двоюродный дядя, А. С. Данилевскій—другъ Н. В. и П. А. Кулишъ—извѣстный писатель, біографъ и издатель сочиненій и писемъ Гоголя; на слѣдующемъ листѣ собраны копіи съ портретовъ писателя работы Венеціанова, Мамонова, Иванова, портретъ въ бытность его студентомъ и «Гоголь на смертномъ одрѣ».

Затѣмъ въ альбомъ будутъ помѣщены: снимокъ дома въ Римѣ, въ которомъ жилъ Гоголь, портреты его слуги Якима Нимченко, живущихъ и теперь повара и горничной писателя Петра и Настасьи Юрченко, дома гр. А. П. Толстого въ Москвѣ, гдѣ умеръ Н. В., и могилы писателя въ Даниловскомъ монастырѣ, на плитѣ которой выдѣляются три изреченія: «Мужъ разумѣвый престолъ чувствія», «Правда возвышаетъ языкъ» и «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся».

Вотъ въ общемъ содержаніе альбома; здѣсь приведены названія наиболѣе выдающихся снимковъ. Какъ мы уже отмѣчали, издателемъ положено много труда, чтобы изданіе вышло возможно полнымъ и отвѣчающимъ художественнымъ требованіямъ. Несомнѣнно, что альбомъ будетъ представлять большую цѣнность для библіотекъ и для всѣхъ, кому дорога память поэта, великаго творца безсмертнаго «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Альбомъ выйдетъ въ свѣтъ въ 1000 экземплярахъ и, вѣроятно, ко дню юбилея, т. е. къ 21 февраля текущаго года. (Полт. Губ. Вѣд. № 5).

Полтавское Губернское Земское Собраніе 9 декабря разсматривало вопросъ о чествованіи памяти Гоголя по случаю 50-лѣтія со дня

его смерти. Коммиссія, избранная для выработки программы чествованія, предложила: 1) помѣстить во всѣхъ земскихъ и министерскихъ школахъ Полтавской губерніи портретъ писателя съ соотвѣтствующею надписью, 2) учредить премію за сочиненіе о Малороссіи, ассигновать 500 рублей на памятникъ, предполагаемый къ постановкѣ въ м. Сорочинцахъ—мѣстѣ рожденія Гоголя. Собраніе приняло предложеніе коммиссіи единогласно («Харьковск. Губ. Вѣдомости», № 325).

—

На родинѣ Гоголя. Въ засѣданіи общества любителей россійской словесности въ Москвѣ В. А. Гиляровскій сдѣлалъ сообщеніе о поѣздкѣ на родину Н. В. Гоголя. Г. Гиляровскому удалось видѣть и разговаривать съ нѣкоторыми изъ оставшихся въ живыхъ современниковъ писателя, хорошо его знавшихъ, и съ сестрою его. Онъ описалъ мѣста, которыя фигурируютъ въ разсказахъ Гоголя, домъ его. Оказывается, и по сейчасъ Украйна кишитъ типами, встрѣчающимися въ произведеніяхъ писателя. Г. Гиляровскому удалось услышать предположеніе, что поводомъ для составленія «Мертвыхъ душъ» послужилъ нѣкій помѣщикъ, Пивинскій, который, чтобы получить право выкуривать вино,—право, предоставлявшееся только помѣщикамъ, владѣвшимъ 50 душами, пріобрѣталъ мертвыя души. Его примѣру послѣдовали другіе, и вслѣдствіе этого населеніе Миргородскаго уѣзда по ревизскимъ сказкамъ быстро возросло. Самъ г. Гиляровскій думаетъ, что покойный писатель разсказалъ въ видѣ курьеза о мертвыхъ душахъ Пушкину, и тотъ подалъ ему мысль написать поэму. Слышалъ В. А. легенду, что Гоголь закопалъ свои сочиненія въ землѣ, и ему даже показывали курганъ. По справкамъ, этотъ курганъ оказался устроеннымъ Гоголемъ съ тѣмъ, чтобы дать заработать крестьянамъ во время неурожая («Полтавск. Губ. Вѣдомости», № 275).

—

Дипломъ Гоголя. Н. В. Быковымъ доставленъ въ даръ Обществу любителей россійской словесности дипломъ, выданный Н. В. Гоголю въ 1845 г. московскимъ университетомъ на званіе почетнаго члена университета слѣдующаго содержанія:

«Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя Николая Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго и пр., и пр., и пр., Императорскій московскій университетъ, уваживъ отличныя въ ученомъ свѣтѣ заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллеж-

скаго совѣтника Николая Васильевича Гоголя, признаетъ его почетнымъ своимъ членомъ, съ полной увѣренностію въ его содѣйствіи московскому университету во всемъ, что въ успѣхахъ наукъ способствовать можетъ. Данъ въ Москвѣ 16-го дня 1845 г. Попечитель московскаго учебнаго округа Его Императорскаго Величества ген.-адъют., ген.-лейт., сенаторъ и кавалеръ графъ Сергѣй Строгановъ. Ректоръ московскаго университета д. ст. сов. и кавалеръ Аркадій Альфонскій. Секретарь совѣта Василій Сперанскій. № 672».

Дипломъ скрѣпленъ университетской восковой печатью («Русск. Вѣдомости», № 342).

—

Бюстъ Гоголя. Правленіе Общества Московско-Кіево-Воронежской жел. дороги, по словамъ газетъ, постановило ассигновать тысячу рублей на постановку бюста Гоголю въ залѣ перваго класса станціи «Миргородъ». Открытіе бюста состоится 21 февраля. Возбуждается также ходатайство о переименованіи станціи «Сорочинцы» въ «Гоголевку» («Южный Край», № 7231).

—

Полтавское губернское Земское Собраніе по случаю 50-лѣтія смерти Гоголя рѣшило учредить премію за сочиненіе по исторіи, этнографіи, быту и археологіи Малороссіи вообще и Полтавской губерніи въ частности, въ размѣрѣ 1500 руб., выдаваемую черезъ каждые 5 лѣтъ по присужденію Императорской академіи наукъ. Положеніе о преміи поручено выработать управѣ, причемъ предполагается включить въ него право назначенія преміи въ полномъ и половинномъ размѣрѣ («Харьковск. Губ. Вѣдомости», № 325).

—

Въ виду полученнаго на дняхъ разрѣшенія Правительства о наименованіи городскихъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей «Просвѣтительныя зданія имени Н. В. Гоголя», городская управа во вчерашнемъ своемъ коллегіальномъ засѣданіи поручила члену управы академику В. Г. Казанцеву спроектировать соотвѣтствующую для просвѣтительныхъ зданій вывѣску, которая, по одобреніи управой проекта, и будетъ заказана спеціальному мастеру.

—

Публичныя лекціи о Гоголѣ. Состоящее при университетѣ св. Владиміра историческое Общество Нестора-лѣтописца устраиваетъ въ

началѣ февраля рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ характеристикѣ личности и произведеній Гоголя, въ виду предстоящаго чествованія памяти великаго писателя. Содержаніе предполагаемыхъ лекцій слѣдующее: 1) Семейная хроника Гоголя (лекторъ г. Чаговецъ) и 2) Первые литературные дебюты Гоголя (лекторъ г. Шаровольскій), 3) О комедіяхъ Гоголя (лекторъ г. Бокадоровъ), 4) Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи (лекторъ г. Каманинъ), 5) Гоголь и Бѣлинскій (лекторъ г. Александровскій) и 6) Религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни (лекторъ проф. Завитневичъ).

—

Памятникъ Гоголю. Присланные на конкурсъ проекты памятника Н. В. Гоголю, какъ уже сообщалось, выставлены въ малой залѣ Московской городской думы и теперь почти ежедневно осматриваются членами конкурснаго комитета. Всѣхъ проектовъ, по сообщеніямъ Московскихъ газетъ, представлено 45 сорока однимъ авторомъ: одинъ авторъ представилъ три варіанта и двое—по два. Заявленъ одинъ проектъ изъ Флоренціи, но почему-то до сихъ поръ не полученъ; полагаютъ—задержанъ или въ пути, или въ таможнѣ. Проекты получены изъ Парижа, Рима; изъ провинціи получены—изъ Харькова, Риги, Тифлиса; остальные проекты дѣлятся почти поровну между скульпторами Петербурга и Москвы. Среди проектовъ есть работы и ученическія, и принадлежащія рѣзцу выдающихся скульпторовъ. Всѣ проекты изображаютъ писателя сидящимъ и почти всѣ одинаковаго размѣра. Разнообразіе наблюдается только въ позахъ и въ выраженіяхъ лица. Одни художники представили писателя какъ-бы въ ту минуту, когда онъ любуетси Римомъ, другіе—когда онъ очарованъ видомъ Днѣпра («Чуденъ Днѣпръ»...), третьи изображаютъ Гоголя съ глубокой думой на челѣ, четвертые—со спокойнымъ открытымъ, одухотвореннымъ лицомъ. Пьедесталы для статуи проектируются какъ натуральные, такъ и искусственные.

«Жюри», въ качествѣ котораго выступитъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго князя Сергѣя Александровича, соберется для присужденія премій не позднѣе 15-го февраля.

Комитетъ соберется сперва только для присужденія премій, первой—въ 1,500 р., второй—1000 и третьей—въ 500 руб. Постройка памятника осуществится по тому проекту, который будетъ Высочайше утвержденъ по представленію комитета. Проектъ этотъ можетъ быть

и не премированъ, такъ что назначеніе премій дѣлаетъ проекты только собственностью комитета. Въ составъ комитета по построенію памятника, кромѣ Августѣйшаго предсѣдателя, входятъ: московскій губернаторъ А. Г. Булыгинъ, городской голова кн. В. М. Голицынъ, попечитель учебнаго округа П. А. Некрасовъ; предводитель дворянства П. Н. Трубецкой, управляющій канцеляріею ген.-губерн. В. К. Истоминъ; затѣмъ,—А. А. Потѣхинъ, три сына русскихъ поэтовъ—А. А. Пушкинъ, П. В. Жуковскій, Ѳ. И. Тютчевъ, отъ общества люб. рос. словесности—А. И. Кирпичниковъ, А. Н. Веселовскій, В. Н. Шенрокъ, Д. Д. Языковъ и казначей комитета. А. Е. Носъ («Полтавск. Губ. Вѣдомости», № 10).

Народный спектакль. Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 1427) находимъ сообщеніе объ интересномъ спектаклѣ въ с. Больше-Михайловкѣ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. По иниціативѣ земскаго учителя г. Зайцева рѣшено было собственными силами устроить театръ. За послѣдніе мѣсяцы, въ долгіе осенніе вечера до поздней ночи, можно было видѣть огонекъ въ его школѣ,—тамъ разучивались къ постановкѣ на сценѣ двѣ пьесы Карпенка-Караго: «Бурлака» и «По надъ Днипромъ». Такіе опыты дѣлались и въ прежніе годы. Каждому изъ участвующихъ нужно было уяснить значеніе и смыслъ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ, чтобы, выступивъ въ качествѣ артиста, крестьянинъ могъ сознательно отнестись къ изображаемому имъ типу. Единственными помощниками режиссера-учителя были: горячая любовь участниковъ къ новому для нихъ дѣлу, жизненность изображаемыхъ ими лицъ, идейность пьесъ въ смыслѣ стремленія къ свѣту, правдѣ и добру и развитія чувствъ собственнаго достоинства въ человѣкѣ.

Спектакли подняли на ноги всю округу; за двадцать верстъ интеллигенція—врачи, учителя, барышни и кавалеры—съѣзжались на нихъ и живо интересовались. Во время исполненія по адресу артистовъ раздавалась масса апплодисментовъ, ихъ вызывали, поздравляли, благодарили.

Главныя роли, какъ уже сказано, выполнялись мѣстными крестьянами. Всѣ роли были выполнены прекрасно. Главныя женскія роли взяли на себя мѣстныя интеллигентки.

Публика осталась чрезвычайно довольна какъ удачнымъ выборомъ обѣихъ идейныхъ пьесъ, такъ и ихъ исполненіемъ.

Позницкая народная труппа на сценѣ народнаг дома въ Лохвицѣ. На второй день Рождественскихъ праздниковъ шли на сценѣ Лохвицкаго народнаго дома, въ исполненіи народной труппы с. Позниковъ, піеса В. Ф. Русинова «Несподивана халепа», съ его-же переводомъ «Лакейская» Гоголя («Прыхожа») и «Предложеніе» А. Чехова. Позницкая народная труппа состоитъ изъ 24 человѣкъ крестьянской молодежи. Только двумъ исполнителямъ 23—25 лѣтъ, а остальные не старше 20 лѣтъ. Въ труппѣ принимаютъ участіе два народныхъ учителя,—оба вышедшіе изъ народа,—и учительница.

Спектакли въ с. Позникахъ и самая труппа сложились постепенно, въ связи со школой, или вѣрнѣе, съ послѣшкольными занятіями бывшихъ учениковъ. Сперва читали, потомъ декламировали, прочитали и нѣсколько пьесъ и наконецъ попробовали сыграть.

Первые спектакли шли при обычной очень условной обстановкѣ деревенскихъ домашнихъ театровъ, а потомъ, когда исполнители полюбили эту забаву, устроенъ былъ небольшой постоянный театръ, съ декораціями, костюмами, нариками и гримировкой. Распредѣленіе ролей дѣлается самими исполнителями, гримируются тоже послѣ взаимныхъ совѣщаній. Бываетъ обыкновенно трудновато найти исполнителей-охотниковъ для ролей отрицательныхъ типовъ, но зато симпатичные типы всегда имѣютъ дублеровъ. Зрителями являются крестьяне с. Позниковъ и сосѣднихъ селеній. Спектакли безплатны.

Иногда Позницкая труппа выѣзжала въ нѣкоторыя большія села нашего уѣзда и давала тамъ спектакли. Но все это не выходило изъ обычной деревенской обстановки и публики. Другое дѣло—спектакль въ Лохвицѣ въ городскомъ театрѣ. Утромъ, въ день представленія, была сдѣлана на городской сценѣ только одна репетиція, во время которой деревенскіе актеры были озадачены обстановкой впервые видѣннаго большинствомъ изъ нихъ настоящаго театра, съ очень хорошими декораціями, уборными и большой зрительной залой съ хорами.

Спектакль начался чеховской пьесой «Предложеніе», въ которой принимали участіе преимущественно народные учителя. Собственно народная труппа выступила въ малорусскихъ пьесахъ «Несподивана халепа» и «Прыхожа». Первая пьеса, и въ особенности первый ея

актъ, была прекрасно поставлена въ смыслѣ реальности. Дѣйствіе происходитъ на экономическомъ дворѣ. На сценѣ сложены груды кирпича и хвороста. Рубка этого хвороста, носка его ряднами, таскавье носилками кирпича,—вся будничная, рабочая обстановка деревенской экономіи была передана очень хорошо. Дивчата въ грубыхъ рубахахъ, запаскахъ, безъ корсетовъ, босыя, хлопцы—кто въ жилеткѣ, кто въ старой свитѣ изъ домашняго сукна,—вся эта реальная картина деревни, безъ обычной на театрахъ прибранности и условности, была новинкою на городской сценѣ и произвела прекрасное впечатлѣніе на зрителей, переполнявшихъ театръ. Благодаря самымъ дешевымъ цѣнамъ, было много простого народа. Молодежь заполнила галлерею.

Всѣ исполнители очень волновались: масса публики, оркестръ, обстановка настоящаго театра,—все это говорило о томъ, что надо особенно постараться, и смущало деревенскихъ актеровъ. Они не освоились съ большой сценой, и хотя суфлеръ и былъ обычный, къ которому исполнители привыкли (авторъ пьесы), но когда первая сцена была готова и заигралъ оркестръ передъ поднятіемъ занавѣса, то артисты такъ смутились, что за нихъ нельзя было не бояться. Но обычная крестьянамъ дѣловитость и добросовѣстность ихъ вывезла—первая сцена прошла очень гладко. Они всю пьесу разыграли очень ровно и правдиво, а нѣкоторые исполнители и вполнѣ хорошо. Особенно выдѣлились и гримомъ и игрой молодые хлопцы, исполнявшіе роли стариковъ. Роли въ пьесѣ не велики, но очень многочисленны и разнородны: есть парубокъ—идеалистъ, есть старикъ—скептикъ, есть и пожилой дядько съ тяжеловатымъ мышленіемъ, простоватый и пр. Всѣ эти оттѣнки ролей были переданы правдиво и просто.

Подъ конецъ шла «Прыхожа»; она прошла въ общемъ отлично,—а дворецкій и въ особенности «горнична зъ другого дому» сыграли положительно талантливо. Тонкій комизмъ, безъ малѣйшаго шаржа, всегда характеризуетъ игру этихъ исполнителей и на Позницкой сценѣ.

Исполненіе актеровъ-крестьянъ отличается совсѣмъ особою, только имъ однимъ свойственною сдержанностью и стыдливостью, мѣшающими имъ доигрывать роли какъ слѣдуетъ. Читка у всѣхъ очень хорошая, но сильно драматическія и нѣжно любовныя сцены у исполнителей-крестьянъ выходятъ всегда блѣдноватыми, какъ-бы недоигранными. Получается такое впечатлѣніе, точно имъ нѣсколько стыдно играть какъ чисто интимныя, такъ и очень уже драматическія мѣста. Но зато юморъ, веселье, все то, что народъ такъ удачно называетъ

«жарты», удаются превосходно. Это очень понятно: въ деревнѣ очень трудно наблюдать сильныя драматическія положенія, ихъ никогда не выставляетъ деревня на показъ, крестьяне стыдятся своихъ сильныхъ душевныхъ движеній. Несомнѣнно, что въ ихъ средѣ, какъ и во всякой другой, переживаются глубокія драматическія положенія, иногда очень сложныя, но они никогда не выражаются такъ шумно, какъ въ культурномъ обществѣ. Деревня больше дѣйствуетъ, чѣмъ говоритъ. Сильному душевному движенію, страданію, деревня задавленная тяжкой работой, вовсе даже не сочувствуетъ. Поэтому о душевныхъ драмахъ въ деревнѣ говорить не принято. Какъ бы ни пекло душу,—тамъ молчатъ и только изрѣдка все это прорывается какой нибудь выходкой: или гульней, или уходомъ «свитъ за очи», а иногда и преступленіемъ. Вообще драмъ въ жизни нѣсколько стыдятся въ деревнѣ. Это отражается у непосредственныхъ исполнителей и на сценѣ при исполненіи драматическихъ ролей. Сильныхъ любовныхъ сценъ боятся по другимъ мотивамъ. Нѣтъ ничего страннаго, конечно, что крестьянская молодежь влюбляется какъ, и всякая другая, а по условіямъ быта и совмѣстнаго труда любовь у крестьянскаго юношества играетъ еще большую роль, чѣмъ у молодежи другого образа жизни. Коханье—сфера деревенской молодежи. Они часто воркуютъ, какъ голуби, говорятъ слова большой нѣжности. Но по условіямъ еще хранящагося въ деревнѣ стараго быта, все это тщательно скрывается, и выставлять на показъ это считается большимъ стыдомъ. Поэтому сильную любовь и ласку изображать на сценѣ молодымъ крестьянамъ очень совѣстно и тѣмъ больше, чѣмъ правдивѣе написана нѣжная сцена въ пьесѣ.

Народныя труппы возникаютъ то тутъ, то тамъ, народные дома размножаются, а между тѣмъ пьесъ, подходящихъ для исполнителей-крестьянъ не пишется.

Изъ того, что существующія малорусскія драмы неудобоисполнимы для народныхъ труппъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы драмы вообще не могли быть исполняемы крестьянами. Напротивъ того, пьесы съ драматическимъ сюжетомъ очень поучительны, но онѣ должны быть приноровлены къ характернымъ особенностямъ крестьянъ, какъ исполнителей, т. е. не надо большихъ драматическихъ монологовъ, очень яркихъ драматическихъ положеній и сильныхъ любовныхъ сценъ. Словомъ—нужны такія драматическія пьесы, которыя бы актеры не стѣснялись исполнять. Несомнѣнно, изъ нашихъ вообще очень даровитыхъ крестьянъ можно выработать прекрасныхъ актеровъ, которые

будутъ легко и хорошо играть какія угодно драмы, но я говорю не о профессіональныхъ артистахъ или правильно организованныхъ труппахъ, а о деревенскихъ театрахъ, какъ продолжателяхъ школы, какъ объ интеллигентномъ развлеченіи для крестьянской молодежи. Только такіе театры и могутъ быть желательны въ селахъ, и вотъ для такихъ то сценъ у насъ и нѣтъ подходящихъ пьесъ.

Поэтому я и привѣтствую «Несподивану халепу» В. Ф. Русинова, независимо отъ ея художественныхъ достоинствъ или недостатковъ, какъ попытку дать деревенскому театру пьесу, подходящую къ вкусамъ и свойствамъ крестьянъ-исполнителей. (Полт. губ. Вѣд. № 7).

Портреты и картины изъ замка Вишневецкихъ. Въ настоящее время заканчивается приведеніе въ порядокъ коллекціи портретовъ и картинъ, принадлежащей Кіевскому музею древностей и искусствъ и перешедшей къ нему черезъ посредство городского управленія отъ владѣльцевъ бывшаго замка князей Вишневецкихъ (Вишневецъ, Волынской губ.). Коллекція эта представляетъ большой историческій интересъ. Всѣ портреты и картины изъ замка Вишневецкихъ будутъ выставлены на картинной выставкѣ, открытіе которой въ залахъ верхняго этажа зданія музея состоится въ началѣ февраля. Почти всѣ портреты и картины имѣютъ современныя, иногда довольно длинныя и витіеватыя надписи на польскомъ языкѣ. Всѣхъ портретовъ и картинъ, болѣе или менѣе хорошо сохранившихся, коллекція заключаетъ въ себѣ 27. Большая часть картинъ—портреты князей Вишневецкихъ. Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о Вишневцѣ. Мѣстечко это лежитъ на берегу Горыни. Въ исторіи оно извѣстно съ 1395 года. Въ 1672 году турки овладѣли замкомъ Вишневца и сожгли его. Но Янъ Собѣсскій возобновилъ его. Съ прекращеніемъ рода Вишневецкихъ владѣнія ихъ и замокъ нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Въ концѣ концовъ замокъ былъ проданъ лѣтъ 20 тому назадъ съ публичныхъ торговъ и достался бывшему кіевскому городскому головѣ И. А. Толли. Послѣдній находившіеся въ замкѣ портреты пожертвовалъ Кіевскому городскому управленію, отъ котораго они, послѣ многолѣтняго лежанія на чердакѣ зданія думы, перешли въ музей. Говорятъ, что еще до продажи замка многое изъ содержимаго его ушло за границу, главнымъ образомъ, въ Лондонъ. (Кіевлянинъ, № 9).

Новый Завѣтъ на украинскомъ языкѣ. Въ «Россіи» (№ 970) находимъ извѣстіе, что священныя книги Новаго Завѣта въ переводѣ на украинскій языкъ, разсмотрѣнныя на особомъ собраніи въ Академіи Наукъ, одобрены Св. Синодомъ. Не смотря на то, что оффиціальнаго подтвержденія этого извѣстія до сихъ поръ не было, печать занята обсужденіемъ значенія этого факта. «Многомилліонное малорусское племя,—говоритъ въ Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 1428) г. Славинскій,—послѣ долгаго ожиданія получаетъ возможность непосредственнаго, прямого общенія со священной книгой, легшей въ основу культуры христіанской, получаетъ возможность слушать «благую вѣсть» на языкѣ своей родины, на томъ языкѣ, которому не надо учиться, который съ дѣтства воспринятъ, какъ средство познанія. Послѣдствія этого факта прямо таки неисчислимы. Высокіе идеалы христіанства, приподнесенные народу на понятномъ ему языкѣ, производятъ почти чудесные результаты, сказывающіеся въ подъемѣ этическихъ началъ, въ повышеніи темпа народнаго самосознанія, въ личномъ и общественномъ совершенствованіи. Впрочемъ, говорить объ этомъ—значитъ повторять то, что каждый хорошо знаетъ изъ любого учебника исторіи, изъ любой книжки по исторіи культуры. Намъ остается выразить только одно пожеланіе, а именно: чтобы издатели Евангелія въ малорусскомъ переводѣ по возможности воспользовались фонетическимъ правописаніемъ при печатаніи этой народной книги, чтобы они воспользовались тѣмъ правописаніемъ, какое принято для малорусскихъ словъ въ изданіяхъ академіи наукъ, а не тѣмъ, какимъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ печатаются въ Россіи малорусскія книги, издающіяся частными лицами.

Старинный сборникъ XVII в. Въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго Общества 15 января проф. Сумцовъ сдѣлалъ докладъ о южно-русскомъ рукописномъ сборникѣ половины XVII ст., подаренномъ Обществу г. Ильинскимъ. Въ сборникъ входятъ: 1) старинный календарь съ планетникомъ, 2) «Сновъ истолкованіе» Майола, переводъ съ польскаго 1742 г. и 3) сборникъ силлабическихъ стихотвореній. Наибольшій интересъ, историко-литературный и отчасти бытовой, представляетъ послѣдній сборникъ, по указаніямъ на популярныя въ половинѣ XVII ст. малорусскія народныя пѣсни. Въ началѣ многихъ стихотвореній стоитъ заглавіе и указаніе тона, или напѣва, по извѣстной популярной пѣснѣ, напр.:

Пѣсня 8. О свободѣ молодецкой жизни. Тонъ—Ой, бида, бида, чайци небози.

Начало:

Эй лучше, лучше—летаты, соколе.
Съ едного поля на другое поле,
Въ свободѣ легче летати, якъ въ плѣну горько вздыхаты...

Пѣсня 9. Мужъ сѣтуетъ объ умершей женѣ именемъ Агафіи. Тонъ: «Бѣдна моя головонька, я на свѣтѣ сиротинка».

Начало пѣсни:

Несчастная годынонька, оставила дружинонька,
Не схотѣла дома быти, на чужину пошла житы,—
Въ свѣтѣ рано уставаю, своеи милои выглядаю...

Интересна пѣсня 12: о любовномъ (т. е. пріятномъ) полтавскомъ житіи; тонъ: «Ой на горѣ та дубина та моя». На основаніи этой пѣсни, а также другой, посвященной «достойно почтеннѣйшему полковнику миргородскому Василію Петровичу Капнисту», можно думать, что авторъ стиховъ проживалъ въ Полтавщинѣ. (Южный край, № 7260).

Историческая святыня. Въ настоящее время въ г. Кіевѣ, въ мастерской И. Я. Прядченко, изготовляется рака для храненія исторической святыни—серебрянаго вызолоченнаго креста, имѣющаго $2^1/_4 \times 1^3/_4$ вершк., украшеннаго гравированными изображеніями Господа Саваоѳа, Распятаго Христа съ предстоящими и эмблемою смерти, сохраняющаго въ себѣ мощи многихъ святыхъ, чтимыхъ православною церковью, по художественному исполненію относимаго къ концу XVII в. Крестъ этотъ принадлежитъ гетману К. Г. Разумовскому, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота, данная одной изъ наслѣдницъ гетмана, Пелагеѣ Семеновнѣ Разумовской, епископомъ Слободско-Украинскимъ и Харьковскимъ Христофоромъ Сулимою. Интересна судьба этого креста. Отъ прямыхъ наслѣдниковъ гетмана онъ случайно перешелъ въ руки купца Зубенко, имѣвшаго въ свое время свою собственную божницу въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, затѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго года онъ появился въ Кіевѣ и былъ намѣченъ къ пріобрѣтенію однимъ изъ мѣстныхъ богатыхъ собирателей рѣдкостей, но мѣстные собиратели древностей К. В. Болсуновскій и

А. И. Темницкій цѣнили его всего лишь въ 100 рублей. Зубенко совершенно случайно принесъ его въ даръ церкви св. Архистратига Михаила, находящейся въ с. Корчашинѣ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. («Кіевлянинъ», № 351).

Съ кого писалъ Рѣпинъ картину „Запорожцы"? Въ «Русскомъ Словѣ» (№ 344) г. Гиляровскій даетъ интересныя свѣдѣнія о происхожденіи извѣстной картины г. Рѣпина. Она писана художникомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и какъ съ исторической, такъ и археологической стороны обставлена наилучшимъ образомъ. Съ этой цѣлью художникъ не разъ посѣтилъ мѣста Запорожскихъ Сѣчей, осматривалъ козацкія древности въ музеяхъ и у частныхъ лицъ, изучалъ типы и совѣтовался съ компетентными лицами. Большую услугу для созданія этой картины оказалъ ему извѣстный изслѣдователь запорожской старины, магистръ русской исторіи Д. И. Эварницкій. У него Рѣпинъ бралъ костюмы, вооруженіе и аксессуары. Въ числѣ послѣднихъ—графинъ, найденный Д. И. Эварницкимъ въ козачьей могилѣ на Чертомлыцкой Сѣчи. Графинъ этотъ былъ наполненъ водкой, прекрасно сохранившейся въ теченіе 200 лѣтъ. У Эварницкаго же художникъ бралъ черепъ запорожца съ превосходно сохранившимися зубами, выписанными изумительно хорошо на картинѣ у смѣющагося запорожца. Темой для картины послужило письмо атамана Сірка къ турецкому султану Махмуду IV, тажке найденное г. Эварницкихъ въ Запорожьѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, екатеринославскаго уѣзда, и напечатанное имъ во второмъ томѣ «Исторіи запорожскихъ козаковъ». Изъ лицъ, помѣщенныхъ на картинѣ, для писаря послужилъ тотъ же Эварницкій, для кошевого Сірка, спокойно курящаго люльку и поражающаго своимъ мощнымъ взглядомъ,—генералъ-адъютантъ М. И. Драгомировъ; между остальными фигурами изображены: извѣстный коллекціонеръ малороссійскихъ козацкихъ древностей В. В. Тарновскій, теперь уже умершій, бывшій владѣлецъ знаменитаго имѣнія Кочановки, черниговской губерніи, гдѣ Глинка написалъ и первый разъ ставилъ «Руслана и Людмилу», гдѣ бывали Гоголь, Шевченко, К. Маковскій, Рѣпинъ, Кузнецовъ и другіе. Тарновскій сидитъ слѣва отъ стола въ высокой черной шапкѣ. Черезъ одну фигуру отъ него, въ круглой гетманской шапкѣ съ бѣлой опушкой, изображенъ г. Глинка, внукъ композитора. Остальныя фигуры записаны художникомъ въ г.

Александровскѣ, противъ знаменитаго острова Хортица, колыбели запорожцевъ, а также въ разныхъ мѣстахъ кубанскаго малороссійскаго войска, образовавшагося, какъ извѣстно, изъ потомковъ запорожцевъ. Самое дѣйствіе представлено на Чертомлыцкой Сѣчи, относится къ 1675 году и произошло во время рождественскихъ праздниковъ. Дѣйствительность событія подтверждается какъ архивными документами, хранящимися въ Москвѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ (письма Сірка къ царю Алексѣю Михайловичу), такъ и извѣстіями, находящимися въ «Исторіи Оттоманской имперіи» Гаммера. Подробное письмо напечатано въ трудахъ Д. И. Эварницкаго («Історія запорожскихъ козаковъ», т. II, стр. 518). Кромѣ того, такое же письмо, только болѣе задорнаго характера, находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, доставленное въ числѣ другихъ оффиціальныхъ документовъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ.»

Публичная лекція „О малороссійскомъ національномъ типѣ“. А. Н. Лисовскій предполагаетъ прочесть въ Екатеринославѣ публичную лекцію «О малороссійскомъ національномъ типѣ». Программа лекціи: понятіе о національномъ типѣ, какъ продуктѣ историческаго процесса. Главныя черты малорусскаго національнаго типа, по сравненію съ національными типами великорусскимъ и польскимъ. Литературное выраженіе малорусскаго національнаго типа: народное творчество; Котляревскій, Шевченко и Гоголь. Тезисы: 1) Въ основѣ малорусскаго національнаго типа лежитъ пассивное чувство личности, чѣмъ этотъ типъ отличается отъ польскаго національнаго типа, въ основѣ котораго лежитъ активное чувство личности; въ свою очередь оба эти типа, какъ носители чувства личности, противопоставляются великорусскому національному типу, носителю общиннаго чувства. 2) Малорусскій національный типъ является въ народномъ творчествѣ въ двухъ образахъ: въ образѣ «чужаго-чужаницы» и въ образѣ «козака—нетяги», которые представляютъ собою субъективное выраженіе пассивнаго чувства личности. 3) Въ литературѣ представителемъ «козака-нетяги» былъ Котляревскій, а пѣвцомъ «чужаго-чужаницы»— Шевченко; въ юморѣ Гоголя нашли свой синтезъ оба эти образа. («Приднѣпровскій Край», № 1409).

Лекція г. Вергуна въ Москвѣ. Подъ такимъ заглавіемъ находимъ въ № 348 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» статью г. Спѣшилова, содержащую разборъ извѣстной лекціи г. Вергуна о «Зарубежной Руси». Въ виду интереса статьи г. Спѣшилова приводимъ ее цѣликомъ.

«21 ноября, въ Москвѣ, въ аудиторіи историческаго музея д-ръ Д. Н. Вергунъ, какъ извѣстно, прочелъ публичную лекцію на тему: «Зарубежная Русь и славянство въ началѣ XX вѣка». Говоря о культурныхъ теченіяхъ среди современныхъ галичанъ, лекторъ, по моему, сильно уклонился отъ истины:

1) Онъ замѣчаетъ, что «въ заграничныхъ (галицкихъ) украинофильскихъ изданіяхъ пишутъ австрійскимъ казеннымъ правописаніемъ» Но вѣдь это правописаніе введено въ малорусскую литературную рѣчь еще П. Кулишемъ и отъ него получило названіе кулишивки? Неужели д-ръ Вергунъ не знаетъ, что Академія Наукъ въ Петербургѣ (опять-таки русская!) признала это правописаніе за научное и что на немъ пишутъ и... въ Россіи?

2) Говоря о двухъ главныхъ партіяхъ Галиціи—старорусской («общерусской», «твердорусской») и малорусской («украинофильской»), лекторъ совершенно неправильно заявилъ: «къ общерусской партіи принадлежатъ извѣстные врачи, адвокаты, учителя (какіе?), не стѣсняющіеся говорить о желательномъ единеніи съ Россіей; къ младорусской—учителя гимназій и училищъ, гминные писаря,—люди, зависящіе отъ начальства и потому стѣсненные»... Какіе же такіе учителя принадлежатъ къ твердорусской партіи, а какіе къ младорусской? Интересно знать, къ какой партіи г. Вергунъ относитъ такихъ людей, какъ Иванъ Франко, Осипъ Маковей, Владиміръ Гнатюкъ: вѣдь, кажется, они не состоятъ ни учитилями, ни... писарями?!

3) Показывая публикѣ различные органы печати въ Галиціи какъ старорусской, такъ и младорусской партій, лекторъ весьма кстати забылъ упомянуть о такомъ органѣ младорусской партіи, какъ «Літературно-Науковий Вистникъ»... О существованіи этого органа Вергунъ не могъ не знать. Что же это умолчаніе значитъ?

4) Затѣмъ, говоря о старорусской и украинофильской партіяхъ, онъ изволилъ выразится такъ: «украинофилы въ своихъ изданіяхъ пишутъ на искуственно ими созданномъ языкѣ, называемомъ у нихъ «украинсько-руськимъ», тогда какъ старорусcы—на русскомъ или *почти* русскомъ. И это говорится послѣ того, когда самостоятельность этого «искуственнаго» языка была доказана такими учеными, какъ Макси-

мовичъ, Бодянскій, Пыпинъ, Лавровскій, Житецкій, Драгомановъ, Дашкевичъ, Миклошичъ, Ягичъ, Мюллеръ, Лежэ, а въ послѣдне время Крымскій, и говорится—въ Москвѣ, тамъ гдѣ въ свое время преподавали Максимовичъ, Бодянскій и гдѣ теперь находится Крымскій...

Говоря о «русскомъ» языкѣ твердоруссовъ, г. Вергунъ весьма кстати забылъ привести хотя бы два—три примѣра того «русскаго или *почти* русскаго языка», какимъ пишутъ твердоруссы въ своихъ изданіяхъ. Я хочу теперь хоть отчасти познакомить русскаго читателя съ этимъ русскимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ «почти русскаго языка[1])»:

1) Его мужество-безличность (безстыдство!) падшей женщины. 2) За нимъ было послано гончое (сыскное!) письмо. 3) Несутся воздухомъ дробные платки (мелкіе хлопья) снѣга. 4) Вкуситъ онъ запрещеннаго овоща. 5) Отдыхъ заперся (сперло дыханіе). 6) Опредѣленная мнѣ заплата (плата) была ничтожною. 7) Я женюсь съ нею. 8) Соразмѣрно съ ихъ духовымъ (духовнымъ!) развитіемъ. 9) Богъ—наша потѣха (утѣха). 10) Теноръ (содержаніе) дѣла возбуждаетъ омерзеніе. 11) Объ этомъ говорятъ относительные корреспонденты (данныя). 12) При замовленіи (заказѣ) выразительно (ясно) требовать колдры (одѣла) нашего заведенія. 13) Весьма корыстнымъ (полезнымъ) было бы давать объявленія для русскихъ газетъ. 14) Ищетъ лекціи оконченный гимназіастъ. 15) Русскій народъ отжилъ (ожилъ). 16) Нѣсколько надцать. 17) На особое поднесеніе заслугуетъ аккомпаньяментъ. 18) Совокупляемось (!) въ дусѣ любви. 19) Наглость (настоятельность) того предложенія была поддержана. 20) Одѣта въ бѣлое платье съ рожевыми лентами. 21) Она родила дитину (ребенка!) 22) Музыкальное искуство. пробки котораго мы видѣли въ произведеніяхъ Лысенка...

Приведу еще «десять заповѣдей», напечатанныхъ въ «Русскомъ Словѣ» [2]) —газетѣ староруссовъ, которыя хорошо скажутъ, что такое староруссы, какъ насадители прогресса, и какими принципами руководятся они въ своихъ сношеніяхъ съ народомъ. Вотъ эти любопытнѣйшія «десять заповѣдей»...

---

[1]) Заимствовано изъ „Галицкой Руси"—органа твердорусской партіи. Примѣры эти были ужъ разъ приводимы. См. „Буковина", 1892, № 4.

[2]) См. „Русское Слово", 1899, № 1.

Десять заповѣдей для русскихъ хлоповъ.

1. Будь, тѣмъ, кѣмъ сотворилъ тебе Господь, т. е, русскимъ хлопомъ, а не якимъ-то украинцемъ и т, д.—а не будутъ изъ тебе другіи народы смѣятся и будутъ тебе поважати.

2. Если ты не письменный, то попроси которого изъ письменныхъ людей въ громадѣ, щобы тобѣ колька разы показалъ русскія буквы, а за двѣ—три недѣли научишься читати.

3. Если умѣешь читати, впишися въ члены общества им. Мих. Качковскаго и запренумеруй себѣ газету «Русское Слово» самъ или до сполки съ твоими пріятелями или сосѣдами.

4. Каждой книжечцѣ и газетѣ, которую тобѣ присылаютъ или напыхаютъ, добре придивися въ зубы. Если видишь, что въ ней нѣтъ нашихъ буквъ: ы, ѣ, ъ, о—то знай, що она не есть правдивая руская книжка, чи газетка, но що она писана фонетикою. Въ томъ случаѣ разложи въ печи огонь, кинь ю на огонь, собери хорошенько попелъ, вынеси его далеко за село, роскинь на всѣ четыре стороны свѣта и, повернувши до хаты, отвори двери и окна, щобы и твоя хата прочистилась.

5. Для своей дитины, которая ходитъ до школы и тамъ примушена учитися изъ фонетичной книжки, купи въ канцеляріи общества им. Мих. Качковскаго правописный «Букварь», щобы твоя дитина научилася изъ него познавати тѣ русскія буквы, которыя по приказу польскихъ пановъ выкинули несгодливыи, сварливыи русины, за що они тѣшатся панскою ласкою[1]).

6. Если тебѣ кто скаже, що ты—украинецъ или радикалъ, то скажи ему: «ты самъ дурный!»

7. Ни читай газетъ на боргъ (въ долгъ).

8. Старайся, щобы въ твоей громадѣ была основана читальня на статутахъ об. им. Мих. Качковскаго, а также крамниця, каса пожичковая и т. д.

---

[1]) Насколько эти „сварливыи" русины „тѣшатся панскою ласкою", можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Австріи. Русины требуютъ для себя университета (русинскаго). Поляки не соглашаются на это. Студенты устроили по этому поводу демонстрацію... Начальство (поляки) рѣшило, въ случаѣ новыхъ демонстрацій, прибѣгнуть къ содѣйствію... полиціи (см. „Русс. Лист." за 18 ноября. Кор. изъ Вѣны) См. также „Курьеръ" (за 28 ноября). Иностранныя извѣстія: „Австро-Венгрія".

9. Если кто буде тебе намовляти, щобы ты не тую газету пренумеровалъ, которую хочешь, то скажи ему, що ты самъ панъ за свои гроши.

10. Если кто такій найшолся и сказалъ тебѣ, щобы ты не перенумеровалъ «Русское Слово», то утѣкай отъ него за десятое село.

Таковъ языкъ всѣхъ староруссовъ, исключая двухъ-трехъ. Кто послѣ этого изъ знающихъ русскій языкъ, а тѣмъ белѣе великороссовъ, станетъ считать эту тарабарщину, на которой не говоритъ ни одинъ человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ, своимъ роднымъ языкомъ?

5) Не познакомивъ слушателей хотя бы въ общихъ чертахъ съ программой той или другой партіи, —г. Вергунъ ограничился лишь общими фразами, причемъ старую сказку о томъ, что украинофильство—дѣло рукъ поляковъ, замѣнилъ новой, будто оно—дѣло рукъ... австрійскаго правительства. Неправда-ли, не дурно?

6) Говоря о томъ пренебрежительномъ отношеніи къ русскому языку, какое замѣтно среди галицкихъ украинофиловъ, лекторъ привелъ, между прочимъ, въ примѣръ случай изгнанія ученика изъ школы за чтеніе Пушкина. Этого не было! Конечно, встрѣчаются и среди нихъ крайнія мнѣнія,—но мы напомнимъ г. Вергуну, вѣроятно, хорошо ему извѣстный фактъ, что первыми истинными руссофилами среди галичанъ были... столь ненавистные ему украинофилы и что еще въ 70-ые гг. М. П. Драгомановъ [1]—этотъ *крайній украинофилъ—старался распространять русскихъ писателей среди галичанъ и постоянно указывалъ на необходимость (для галицкихъ малороссовъ) глубокаго изученія русской литературы.* А послѣдователей Драгоманова среди галицкихъ украинофиловъ теперь не по пальцамъ перечесть... и всѣ они—архиукраинофилы. Что это значитъ, г. Вергунъ?

Вотъ все то главное, что мы хотѣли сказать по поводу «зарубежной рѣчи» д-ра Д. Н. Вергуна. На ней мы больше не будемъ останавливаться, а скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ отозвалась на это наша московская печать.

На слѣдующій день появились по поводу этой рѣчи замѣтки въ «Московскихъ Вѣд.», «Русскомъ Листкѣ», «Русскомъ Словѣ» и въ «Новостяхъ дня». «Московскія Вѣдомости», отъ которыхъ можно было

---

[1]) См. его: „Австро-руські спомини“, а також: „Чудацкі думки про українську національну справу“.

ожидать весьма подробнаго отчета объ этой рѣчи, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ передали содержаніе ея, причемъ повторили ошибку, сдѣланную другими газетами («Русскимъ Словомъ»). «Московскія Вѣдомости» пишутъ: «число зарубежныхъ русскихъ простирается до 4 милліоновъ, всѣ они говорятъ на малорусскомъ языкѣ и считаютъ себя русскими; *слово же «русинъ выдумали поляки по своимъ политическимъ соображеніямъ».* (Курсивъ нашъ). «Русское Слово», правда, говоритъ объ этомъ нѣсколько иначе, но повторяетъ ту же ошибку: 4 «милліона жителей Зарубежной Руси говорятъ по-малорусски и называются русинами. Но называя себя *русинами*, они свой языкъ называютъ рускимъ (рускимъ, а не русскимъ), свою вѣру русской. Прилагательное «русинскій» не употребляется у нихъ совсѣмъ. *Это показываетъ, что самое слово «русинъ» создано враждебной политикой и выдумано поляками..* (Курсивъ нашъ). Лекторъ не утверждалъ, что слово «русинъ« —польскаго происхожденія (этого еще не доставало!), но что прилагательное «русинскій» введено въ литературную рѣчь галичанъ однимъ полякомъ еще въ 1863 г. Газеты не постарались хотя-бы передать точно мысли г. Вергуна. А вѣдь это такъ было необходимо! Это мѣсто вызывало протесты не только въ Кіевѣ, но и вь Москвѣ. «Московскія Вѣдомости»,—какъ это и всегда съ ними бываетъ,—сдѣлали попытку открыть протестантовъ. Онѣ полагаютъ (хотя не сами, а «какъ имъ передаютъ»: интересно знать, кто это имъ передаетъ?!), что свистали «поляки, которые явились на лекцію въ значительномъ числѣ». Не знаю, свистали-ли поляки въ Кіевѣ, но въ Москвѣ протестовали не поляки, а малороссы, протестовали малороссы же и въ Кіевѣ.

Интересно, какъ поняли г. Вергуна гг. московскіе корреспонденты. Они прямо писали, что слово «русинъ» выдумано поляками, т. е. другими словами, что никакой такой народности нѣтъ, что это просто... злая шутка враговъ русскаго народа. Между тѣмъ, *еще въ договорахъ русскихъ князей съ греками встрѣчается слово «русинъ»*, а галичане зовутъ себя «русынами» съ удареніемъ на «а», не на «ы»—а это уже одно достаточно говоритъ о томъ, что слово «русынъ»—не польскаго происхожденія, такъ какъ тогда было бы: русы́ны, русы́нивъ... а не русыны́, русыни́въ...

Извѣстная украинская артистка А. П. Затыркевичъ-Карпинская, оставившая, было, сцену, вновь выступаетъ въ Одессѣ въ труппѣ г. Ратушенка.

Лекціи по исторіи украинской литературы. Профессоръ львовскаго университета Александръ Колесса предпринимаетъ рядъ публичныхъ лекцій по исторіи украинской литературы. Первая лекція состоялась 23 января въ помѣщеніи научнаго кружка «Основа» во Львовѣ («Дѣло», № 6).

Лекцію на тему «Новѣйшая украинская литература» прочелъ 18 января г. Сроковскій въ народномъ университетѣ имени Мицкевича, въ Львовѣ. («Дѣло», № 15).

Къ вопросу о студентахъ-русинахъ львовскаго университета. Греко-католическій митрополитъ Шептыцкій пребываетъ въ настоящее время въ Вѣнѣ, стараясь облегчить русинскимъ студентамъ-теологамъ возможность возвращенія въ львовскій университетъ. Условія, на которыхъ можетъ состояться это возвращеніе, изложены въ особой запискѣ, представленной министру просвѣщенія русинами изъ Львова. Положенія эти состояли въ слѣдующемъ: ректоръ львовскаго университета долженъ взять обратно оскорбительныя выраженія о русинскихъ студентахъ, высказанныя въ извѣстномъ отзывѣ университетскаго сената о безпорядкахъ; студенты-русины должны быть освобождены отъ обязанности посѣщать лекціи профессоровъ Фіалка и Твардовскаго, наконецъ, студенты-русины имѣютъ право употреблять во всѣхъ сношеніяхъ съ университетскою властью русинскій языкъ.

Русинскіе студенты, поступившіе въ краковскій университетъ, приняты были студентами-поляками очень радушно. Общество студенческой читальни устроило въ честь ихъ большой коммершъ, на которомъ предсѣдатель читальни привѣтствовалъ новыхъ товарищей. Также сердечно приняли русиновъ студенты-чехи въ Прагѣ. Помѣщая въ «Hlas Národa» выраженіе благодарности за гостепріимный пріемъ, студенты-русины дѣлаютъ слѣдующее заявленіе:

«Нѣкоторыя газеты назвали насъ «русскими» студентами. Полагая, что это сдѣлано по недоразумѣнію, мы пользуемся случаемъ,

чтобы исправить эту ошибку: 1) мы, которыхъ вы привѣтствовали, мы—украинская (русинская) молодежь, часть тридцати-милліоннаго народа, жительствующаго въ Россіи и въ Австро-Венгріи, 2) мы—не «русскіе» студенты и даже не единоплеменники русскаго народа, а члены самостоятельнаго, культурнаго и этнографически различнаго народа—украинскаго. Отождествлять нашъ народъ съ великороссами—нельзя; этому противорѣчитъ исторія, литература и языкознаніе, а, прежде всего, самосознаніе украинскаго народа, не признающаго себя русскимъ, 3) за обиды, которымъ подвергается нашъ народъ въ Галиціи, Венгріи и особенно въ Россіи, мы не дѣлаемъ отвѣтственными народы, а лишь нѣкоторые его классы, особенно власть имущіе. Поэтому, мы любимъ великоруссовъ такъ-же, какъ всякій другой славянскій народъ, но симпатія эта не можетъ вести насъ къ ренегатству или побужденію къ тому, чтобы мы отстали отъ своего народа». («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 13).

По иниціативѣ артистовъ варшавской оперы г-жи Саломеи Крушельницкой, Констанціи Блонской и г. Александра Мышуги, русиновъ по происхожденію, проживающіе въ Варшавѣ русины послали въ редакцію львовскаго «Руслана» воззваніе, подписанное 34 лицами и касающееся послѣднихъ университетскихъ событій во Львовѣ. Выражая полное сочувствіе національно-русинскому движенію въ Галиціи, воззваніе признаетъ необходимымъ стремиться къ цѣли, сохраняя дружественныя отношенія между обоими братскими народами, такъ какъ тогда только «Богъ освѣтитъ солнцемъ правды и свѣтомъ мира пути ихъ совмѣстной исторической жизни. («Харьк. Губ. Вѣдомости», 330).

Названіе «галушки». *Іосифъ Брожекъ* (№ 2 журнала «Česky Lid») въ статьѣ «Къ народной чешской кухнѣ» приводитъ анекдотъ о цехмистрѣ шевскаго ремесла Ганушѣ, который въ ожиданіи жены взялся самъ стряпать и состряпалъ такую диковину, что произведеніе его назвали «ганушками». Авторъ полагаетъ, что такъ правильнѣе именовать «галушки». Объясненіе—едва-ли изъ удачныхъ.

Къ вопросу о мѣстѣ для памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ засѣданіи Полтавской городской думы, бывшемъ въ декабрѣ прошлаго года, послѣ продолжительныхъ преній, было постановлено: измѣнить прежнее рѣшеніе относительно постановки памятника на Протопоповскомъ бульварѣ и поставить его на Воробьевской площадкѣ (большинствомъ 14 противъ 13 голосовъ). На это постановленіе думы подано было въ январѣ текущаго года заявленіе 13-ти гласныхъ слѣдующаго содержанія:

«Считая послѣднее постановленіе думы о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому на площадкѣ противъ гостинницы Воробьева—не вполнѣ выражающимъ желаніе думы, благодаря малому числу участниковъ засѣданія, и противорѣчащимъ большинству желаній общества и, въ особенности, той части его, энергіи которыхъ городъ обязанъ и иниціативой и большими заслугами въ собираніи средствъ, подписавшіеся гласные обращаютъ вниманіе думы на слѣдующія обстоятельства: 1) рѣшеніе о постановкѣ памятника на Воробьевской площадкѣ было принято думой еще первоначально, когда вопросъ не былъ достаточно разработанъ, что видно, какъ изъ характера преній 19 мая 1897 года, такъ и изъ того, что предложившій это мѣсто гласный Н. Е. Пилипенко, ознакомясь съ вопросомъ, самъ въ засѣданіи 28 октября 1898 года отказался отъ этого мѣста (стр. 500 журн. за 1898 г.); 2) во все теченіе вопроса въ думѣ за это мѣсто высказывалось меньшинство думы, одинаковое по численности почти во всѣхъ случаяхъ и совершенно тождественное съ тѣмъ числомъ голосовъ, какое случайно, благодаря малому числу участниковъ засѣданія, явилось большинствомъ (на 1 голосъ) въ послѣднемъ рѣшеніи думы. Именно: за постановку въ Александровскомъ паркѣ, 28 октября 1898 г. высказались 20 голосовъ и противъ (за первое мѣсто)—на Воробьевской площадкѣ 14 голосовъ.

2 марта 1899 года за Протопоповскій бульваръ высказались 22 голоса и противъ него—13 голосовъ. Далѣе 29 марта за площадку за соборомъ высказались 10 голосовъ и противъ нея—14 голосовъ.

1 ноября 1899 года за Протопоповскій бульваръ поданы 18 голосовъ и противъ—13, и по спеціальной голосовкѣ: за Воробьевскую площадку—13 голосовъ и противъ нея—16 голосовъ. Въ послѣднемъ, наконецъ, засѣданіи думы, 14 голосовъ противъ 13 вновь возвратили памятникъ на Воробьевскую площадь.

Отдавая честь той твердости, съ какою группа сторонниковъ Воробьевской площади всегда высказывалась за нее, и указывая, что въ новомъ составѣ думы, повидимому, къ этой группѣ прибавился только одинъ голосъ, подписавшіе заявленіе гласные просятъ думу обратить свое вниманіе на то, что все время Воробьевская площадка имѣла не больше 14 голосовъ и только благодаря случайности 14 голосовъ въ послѣднемъ засѣданіи оказались въ большинствѣ 1 голоса. Рѣшеніе, принятое думой этимъ постановленіемъ, принято такимъ образомъ лишь одною третью всего состава думы—и, въ виду теченія всего вопроса въ думѣ, когда противъ этого мѣста неоднократно высказывалось значительно большее число голосовъ, по мнѣнію подписавшихся лицъ является настоятельно необходимымъ вновь пересмотрѣть вопросъ при болѣе полномъ составѣ думы.

Обращаясь къ существу вопроса, протестанты выражаютъ свое удивленіе тому, «что при сохраненіи всѣхъ тѣхъ же условій, какія заставили думу 12-го октября 1898 года отказаться отъ Воробьевской площадки—вновь, не смотря на то, могло состояться постановленіе за эту площадь. Дворянство отказало въ прирѣзкѣ къ площади части своего сада—и этотъ отказъ остался неизмѣннымъ. Необходимость устройства станціи и разъѣзда трамвая на этой площади, кто бы ни былъ предприниматель и когда бы ни былъ устроенъ трамвай,—такъ же остается неизмѣнной. И при все томъ, зная, на какомъ узкомъ и тѣсномъ пространствѣ пришлось-бы ставить памятникъ, стѣсняя движеніе, благодаря случайно-малому составу думы—вновь постановлено рѣшеніе о переносѣ сюда памятника, тогда какъ вопросъ этотъ уже исчерпанъ и неудобства этой площади гласно признано даже нѣкоторыми ея сторонниками (А. Ѳ. Черненко, давшій голосъ за нее при отчужденіи части дворянскаго сада, и Н. Е. Пилипенко, отказавшійся отъ своего предложенія).

Между тѣмъ, наилучшимъ мѣстомъ постановки могла бы быть одна изъ площадокъ передъ просвѣтительными зданіями. Здѣсь только имѣется та полнота обстановки, какая обезпечиваетъ для памятника наибольшее вниманіе къ нему, такъ какъ именно здѣсь, въ театрѣ, ставятся на сценѣ произведенія почившаго писателя, а вся окружающая обстановка Гоголевскаго зданія, библіотеки и музеи—создаютъ собою тотъ уголокъ города, гдѣ концентрируется его духовная жизнь, въ созданіе элементовъ которой сдѣлалъ свой вкладъ и чествуемый нашъ родной писатель. Всякія же техническія трудности постановки,

въ родѣ, напримѣръ, вопроса «куда будетъ смотрѣть писатель», во всякомъ случаѣ, во 1-хъ меньшія, чѣмъ при постановкѣ на Воробьевской площадкѣ, а во 2-хъ—существуютъ при каждомъ мѣстѣ, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свои неудобныя стороны».

Однимъ же изъ преимуществъ этого именно мѣста, говорится далѣе въ заявленіи, является возможность имѣть вокругъ памятника небольшой скверъ, гдѣ могли бы посидѣть у памятника и порѣзвиться вокругъ него дѣти, въ воспитаніи которыхъ образъ родного писателя могъ бы сыграть ту культурную роль, какою дорожатъ всѣ народы, помнящіе свою исторію, любящіе свой край, и твердо знающіе, что нѣтъ прочнаго общества безъ любви къ своему краю и безъ памяти о лучшихъ его людяхъ».

Заканчивая свое заявленіе, лица, подписавшіе его, просятъ городскую думу вновь пересмотрѣть вопросъ о мѣстѣ постановки памятника.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 1-й. *С.-Петербургъ. 1901. 8°. 111 стр.+2 табл.*

Настоящій выпускъ, вышедшій въ концѣ прошлаго года, является новымъ начинаніемъ въ издательской дѣятельности Коммиссіи. До настоящаго времени изданія Коммиссіи распадались на двѣ категоріи: первую составляли ежегодные «Отчеты», вторую «Матеріалы по археологіи Россіи». Редакція «Извѣстій» сама признаетъ въ краткомъ предисловіи къ первому выпуску, что эти изданія не вполнѣ удовлеторяли существующимъ потребностямъ. Дѣйствительно, что касается «Отчетовъ», то самый характеръ изданія требовалъ сжатаго изложенія и довольно продолжительнаго времени для обработки; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства «Отчеты» выходили обыкновенно съ запозданіемъ, такъ напр., послѣдній «Отчетъ» вышелъ лишь за 1898 годъ. Матеріалы—это отдѣльныя монографіи, посвященныя или цѣлымъ раіонамъ, или тому или другому виду памятниковъ. Какъ ни цѣнны сами по себѣ эти изданія Комиссіи, представляющія въ настоящее время уже солидную литературу (32 тома Отчетовъ и 25 выпусковъ Матеріаловъ), но указанная выше медленность выхода и ограниченныя рамки не давали возможности помѣщать своевременно описанія, статьи и замѣтки, хотя-бы и небольшія по размѣрамъ, но отвѣчающія на тѣ или другіе вопросы археологіи, дающія, затѣмъ, свѣдѣнія о раскопкахъ, находкахъ и т. д. Новое изданіе именно и предназначено къ удовлетворенію этой назрѣвшей потребности и возмѣщенію даннаго пробѣла. Вообще нужно

замѣтить, что въ нашихъ археологическихъ и историческихъ обществахъ можно уловить тенденцію къ оживленію и болѣе частому выпуску ихъ изданій—упомянемъ, напр., «Древности» Московскаго Археологическаго Общества, выходящія уже по новой программѣ и по нѣсколько выпусковъ въ годъ; сюда-же относятся и «Чтенія» Общества Нестора Лѣтописца, также выходящія выпусками.

«Извѣстія» будутъ носить характеръ повременнаго изданія и выходить по мѣрѣ накопленія матеріала.

Программа «Извѣстій» слѣдующая:

1) Отчеты объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, производимыхъ по порученію и на средства Коммиссіи.

2) Научные обзоры отдѣльныхъ группъ археологическихъ памятниковъ и цѣлыхъ культуръ (древности русскія, греко-римскія съ юга Россіи, скиѳо-сарматскія, аланскія, кавказскія, финскія и пр.)

3) Описанія могильныхъ инвентарей, кладовъ и отдѣльныхъ находокъ, поступающихъ въ вѣдѣніе Коммиссіи.

4) Свѣдѣнія о старинныхъ памятникахъ зодчества, существующихъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, и вопросы объ ихъ реставраціи.

5) Архивные матеріалы Коммиссіи.

6) Руководящія статьи по разнымъ археологическимъ вопросамъ, какъ напр., о пріемахъ раскопокъ и изслѣдованій и т. п.

7) Вопросы объ охранѣ памятниковъ старины въ Россіи и за границей.

Къ этимъ основнымъ отдѣламъ предполагается современемъ присоединить еще отдѣлы библіографіи и разныхъ извѣстій.

Какъ видимъ, программа намѣчена широко и полно, не смотря даже на нѣкоторыя ограниченія, по нашему мнѣнію, излишнія. Такъ напр., помѣщаемые отчеты объ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ ограничиваются лишь произведенными на средства и по порученію Коммиссіи,—но вѣдь много раскопокъ производится частными лицами на свои средства лишь съ разрѣшенія Коммиссіи—отчеты объ нихъ также слѣдовало-бы помѣщать въ «Извѣстіяхъ», тѣмъ болѣе, что эти раскопки, зачастую весьма интересныя, не будучи нигдѣ опубликованы, не рѣдко совсѣмъ пропадаютъ для науки. Это относится одинаково и къ 3-му параграфу программы—вѣдь въ задачи Коммиссіи входитъ наблюденіе и изученіе всѣхъ вообще памятниковъ старины, находимыхъ въ Россіи. Затѣмъ, еще одно замѣчаніе, практическаго свойства: „Извѣстія“ предполагается выпускать по мѣрѣ накопленія матеріала,—послѣднее условіе

довольно растяжимо, не лучше-ли было-бы уже напередъ установить извѣстные сроки выхода или извѣстное количество выпусковъ въ годъ? Вѣдь за матеріаломъ не можетъ быть остановки, также какъ и за научными силами и необходимыми для изданія средствами.

Но все это обстоятельства второстепенныя, фактъ-же на лицо — новое изданіе начато и начато прекрасно, о чемъ можетъ свидѣтельствовать нижеслѣдующій краткій перечень содержанія вошедшихъ въ 1-ый выпускъ статей и замѣтокъ. Почти всѣ онѣ на этотъ разъ касаются древности юга Россіи.

Самая обширная статья—*К. К. Косцюшко-Валюжинича*.—Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ въ Херсонессѣ Таврическомъ въ 1899 году (съ 1 табл. и 55 рис.). Раскопки этого года были очень удачны; кромѣ открытій, возстановляющихъ конструкцію и расположеніе стѣнъ и зданій древнѣйшаго греческаго города, здѣсь было обнаружено также нѣсколько склеповъ, сохранившихся въ большинствѣ случаевъ въ нетронутомъ видѣ и давшихъ массу цѣнныхъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, предметовъ. Послѣдніе главнымъ образомъ древне-греческаго производства, но, наряду съ ними, раскопки дали и цѣлую серію предметовъ римской и особенно византійской эпохъ, такъ какъ сама городская стѣна, составлявшая главный объектъ изслѣдованій, состоитъ, какъ можно было убѣдиться изъ раскопокъ, изъ трехъ наслоеній: древнѣйшаго —греческаго (не позднѣе IV в. до Р. Х.), затѣмъ римскаго и послѣдняго—византійскаго.

Среди эпиграфическихъ памятниковъ, найденныхъ при вышеупомянутыхъ раскопкахъ, особаго вниманія заслуживаетъ одна надпись на плитѣ, къ сожалѣнію дошедшей къ намъ не вполнѣ цѣлой. Этому памятнику посвящена замѣтка *В. Латышева*—Надпись о постройкѣ Херсонской стѣны. На плитѣ, именно, вырѣзана надпись, относящаяся къ царствованію Θеодосія I (379—395 по Р. Х.) и говорящая о построеніи или, правильнѣе, о надстройкѣ городской стѣны.

Далѣе идутъ слѣдующія статьи.

А. Спицына—Раскопки, произведенныя въ 1897 г. близъ д. Башмачки, Екатеринославскаго уѣзда. Здѣсь приводятся дневники раскопокъ 6-ти кургановъ и описанія (съ рисунками) найденныхъ предметовъ. Погребенія относятся къ скифскому типу. Интересно, что въ одномъ изъ кургановъ, гдѣ встрѣчено нѣсколько погребеній, всѣ они заключали въ себѣ скелеты дѣтей и подростковъ.

Раскопки гробницъ въ г. Керчи и его окрестностяхъ въ 1889 году. (Извлеченіе изъ отчета *К. Е. Думберга*). Приводится описаніе открытія 81-ой гробницы, съ перечисленіемъ найденныхъ въ нихъ предметовъ.

Раскопки кургановъ на Зубавскомъ хуторѣ въ Кубанской области. Раскопки эти имѣли поводомъ чисто коммерческія цѣли и производились нѣкіимъ мѣщаниномъ Забродинымъ. Результаты оказались блестящими; вслѣдствіе этого членъ Коммиссіи Н. И. Веселовскій былъ командированъ на мѣсто раскопокъ и собралъ о нихъ подробныя свѣдѣнія. Изъ 4-хъ раскопанныхъ кургановъ, очень интересными оказались два. При скелетѣ въ 1-мъ курганѣ найдены: золотыя бляхи отъ пояса со вставными стеклами, камнями и цвѣтной мастикой (двѣ изъ нихъ изображены въ краскахъ на отдѣльной таблицѣ), золотые браслеты, стекляныя и др. бусы, стеклянная чашка, мѣдный котелъ скифскаго типа, желѣзный мечъ, серебряныя штампованныя бляхи, желѣзный панцырь и др. предметы. Самой-же цѣнной находкой нужно признать серебряную, греческой работы, фіалу, съ надписью, указывающей на V или на самое начало IV в. до Р. Х. Во второмъ курганѣ также находились золотыя украшенія, затѣмъ—бусы, копье, металлическое зеркало, мѣдный тазъ и нѣсколько глиняныхъ сосудиковъ.

И. Владимірова—Развалины стариннаго храма близь рѣчки Амгаты. Небольшая замѣтка, въ которой авторъ сообщаетъ о посѣщеніи имъ остатковъ древняго христіанскаго храма въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ Кубанской области, близь впаденія рѣчки Амгаты въ рѣку Теберду.

Послѣдняя замѣтка—*А. Спицына*, посвящена описанію серебряной фибулы скандинавскаго типа, найденной въ 7 верстахъ отъ г. Ельца, Орловской губ., на р. Ворглѣ.

Нечего упоминать о томъ, что съ внѣшней стороны изданіе выполнено безукоризненно, форматъ его также принятъ удобочтомый, такъ что, въ связи съ разнообразнымъ содержаніемъ этого перваго выпуска, оно должно встрѣтить полное сочувствіе всѣхъ интересующихся дѣломъ.

Н. В.

Иванъ Левицкый. Повисти й оповидания Томъ III. *Зъ портретомъ автора Нахаба (Прычепа). Навижена. Кіевъ, 1901..*

Предъ нами недавно вышедшій въ свѣтъ III-ій томъ произведеній выдающагося нашего писателя—Ив. Сем. Левицкаго. Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этой книги, что въ ней впервые въ Россіи напечатана повѣсть: «Прычепа» («Нахаба»), написанная тридцать лѣтъ тому назадъ. Содержаніе этой крайне интересной повѣсти сводится къ слѣдующему.

Къ одной изъ дочерей г. Θедора Чепурковскаго, священника въ с. Нестеринцахъ, трудолюбивой и красивой Галѣ, посватался при содѣйствіи помѣщика Хоцинскаго молодой Ясь Серединскій, занимавшій незавидную должность—онъ былъ «пана пысаря пидпысарь». Благодаря Хоцинскому, онъ вскорѣ получилъ мѣсто эконома въ томъ же селѣ и зажилъ съ молодой женой скромно, но безбѣдно. Тихо и мирно текла жизнь молодыхъ въ „икономскомъ яру;" не нарушилось это ея спокойное теченіе и тогда, когда Ясь перешелъ на лучшее мѣсто въ недалекое село. И Ясь, и Галя, выросшіе въ бѣдности, были счастливы; благосостояніе ихъ росло, росла и репутація Серединскаго, дѣльнаго хозяина. Благодаря тому и по рекомендаціи того-же Хоцинскаго, Ясь получилъ мѣсто управляющаго въ богатыхъ имѣніяхъ одного князя въ м. Камяномъ. Полное довольство, обширное хозяйство, домъ на широкую ногу,—все это занимало Яся, а первое время и Галю. Среди новыхъ знакомыхъ, которыхъ имъ пришлось пріобрѣсти, была и жена небогатаго эконома Лемишковскаго (съ его семействомъ совѣтовалъ Ясю ближе сойтись его покровитель Хоцинскій) Зося, которой пришлось сыграть такую видную и печальную роль въ дальнѣйшей жизни Серединскихъ.

У состоятельныхъ мѣщанъ Лемишекъ былъ единственный сынъ Якимъ. Старики въ немъ души не чаяли. Они хотѣли сдѣлать изъ него человѣка образованнаго,—благо денегъ у нихъ было достаточно,—и отдали его раньше въ духовное училище, а потомъ перевели въ гимназію. Не разъ впослѣдствіи старый Лемишка проклиналъ тотъ часъ, когда отдалъ сына въ школу, оторвавшую его отъ родной семьи и сдѣлавшую паничемъ. Вылетѣвъ изъ университета за какую-то исторію, молодой Якимъ не захотѣлъ заниматься хозяйствомъ и пристроился на службу въ родномъ мѣстечкѣ. Между нимъ и отцомъ начались пререканія, обусловленныя различіемъ въ воззрѣніяхъ и привычкахъ.

Мать являлась примирительницей. Высшей степени достигли недоразумѣнія отца и сына, когда Якимъ захотѣлъ жениться на дочери пристава-поляка Зосѣ Пшепшинской. Наконецъ старикъ согласился на этотъ бракъ, но не ожидалъ отъ него добра. Зося внесла въ старосвѣтскій домъ Лемишекъ новые порядки, польскій элементъ. Не долго жилъ старый Трохимъ; вскорѣ за нимъ послѣдовала и жена его Улита, которая сдѣлалась въ своемъ домѣ при дѣтяхъ какъ бы „наймычкой". По смерти стариковъ, Зося, вліянію которой всецѣло поддался Якимъ, настояла на продажѣ усадьбы, грунта и мельницы: ей хотѣлось покинуть мѣстечко, гдѣ все напоминало о мѣщанскомъ происхожденіи ея мужа. Лемишковскіе переѣхали въ Кіевъ, гдѣ зажили на широкую ногу: когда уже всѣ деньги, вырученныя за продажу имущества, разошлись, Якимъ, по настоянію Зоси, оставилъ казенную службу и поступилъ экономомъ. Мѣняя часто мѣста, онъ очутился въ с. Тхоровкѣ недалеко отъ Камяного.

Между тѣмъ въ душѣ Яся Серединскаго произошла крупная перемѣна къ худшему: съ одной стороны подъ вліяніемъ давнихъ уроковъ о шляхетскомъ гонорѣ пана Хоцинскаго, съ другой—новаго, виднаго положенія—управляющаго,—въ сердцѣ Яся пробудились дремавшія темныя силы,—гордость, самомнѣніе, стремленіе къ панству. Искренняя и простая Галя не могла уже удовлетворять Серединскаго, бившаго на шикъ. Его шокировало родство съ украинскимъ „паномъ", его глазамъ рисовался идеалъ польской женщины, къ которому наиболѣе подходила пани Лемишковская. Галя или Зося? Серединскій колебался не долго и всей душой отдался Зосѣ, очарованный ея кокетствомъ. И началась для Гали невеселая жизнь: первое время ее навѣщали родители, но Ясь былъ противъ этихъ посѣщеній, да и Гали не пускалъ домой. Мало-по-малу у бѣдной, забытой женщины развилась чахотка, которая и подкосила ее. Галю о. Ѳедоръ забралъ домой съ ея сыномъ. Галя, уѣзжая отъ мужа, „вывезла зъ ёго дому и ёго долю". Князь, который давно замѣчалъ, что Серединскій, увлекаясь Зосей, запустилъ дѣла, отказалъ ему отъ мѣста. Въ отчаяніи Ясь обратился къ Зосѣ за словами утѣшенія и поддержки. Но Зося, которую передъ тѣмъ ея мужъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, выгналъ изъ дому съ ея сестрами, объѣдавшими и опивавшими его,—отвергла любовь потерявшаго мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣну и привлекательность. Ясь и вернулся къ мужу.

Галя умерла. Умеръ и ея сынъ, котораго взялъ къ себѣ Серединскій. Ясь остался одинокимъ, и тогда онъ очнулся, „и не разъ и не два плакавъ винъ за Галею, та не вертается вдруге „що разъ потонуло въ безодни...“ Жизнь Лемишковскаго потекла по старому; Зося боялась теперь его и смирилась. Якимъ сожалѣлъ объ увлеченіяхъ своей молодости... „и не разъ йидучы коло батькивського грунту, винъ дывывся на батькивську оселю, хату, на старый садокъ, на все добро, де вже панувалы чужи люде, де похожалы ногы чужихъ дитей—не унукивъ и правнукивъ старого Лемишкы“.

Въ своей повѣсти нашъ авторъ затронулъ польско-украинскія отношенія и, надо признать это, освѣтилъ ихъ очень правдиво и вѣрно. Передъ нами два свѣта: польская шляхта и украинскій народъ въ лицѣ представителей его—духовенства. Панство, гордое своимъ происхожденіемъ, сознаніемъ высшей культуры, презрѣніемъ ко всему не польскому, крѣпко держится своихъ идеаловъ—подчинить все своимъ вліяніямъ, стремится неуклонно оторвать у противнаго лагеря лучшія силы, ополячивъ ихъ. Въ средѣ этого панства выросло и окрѣпло убѣжденіе въ высокой культурной „миссіи“ польской женщины. Для достиженія цѣли употребляютъ всевозможныя средства: братанье съ народомъ, покровительство и предоставленіе различныхъ матеріальныхъ выгодъ священникамъ за два-три польскія слова—въ видахъ поощренія польскаго языка, распространеніе польскихъ журналовъ, лесть и похвалы, искусная игра на чувствительной струнѣ гордости и самомнѣнія.

Противъ всего этого стоитъ украинскій элементъ;—онъ строго демократиченъ: довольно припомнить разговоръ оо. Ѳедора и Моисея съ паномъ Хоцинскимъ, старавшимся привить имъ свои панско-крѣпостническія тенденціи. Украинцы въ повѣсти, какъ замѣтилъ уже проф. Петровъ, отличаются „инерціей и пассивностью“. И въ самомъ дѣлѣ, они уступаютъ героямъ повѣсти—полякамъ въ энергіи, умѣньи вести борьбу; они, оторванные отъ народа воспитаніемъ или мало образованные, уступаютъ и въ степени просвѣщенности, поэтому и остаются въ проигрышѣ.

На фонѣ этихъ отношеній яснѣе и ярче обрисовывается цѣлая галлерея типовъ, созданныхъ талантливымъ перомъ г. Левицкаго. Подробнѣе другихъ очерчена, понятно, сама m-me Причепа—Зося. Здѣсь выведена польская женщина со всѣми ея достоинствами и недостатками: красивая, изящная, она сознаетъ силу своей красоты и умѣетъ ею пользоваться; здѣсь на помощь ей приходитъ врожденное

кокетство: чтобы очаровать Якима, она прибѣгаетъ къ чарующимъ эффектамъ; Лемишковскій впервые увидалъ ее благоговѣйно молящейся, до самой свадьбы она олицетворяла собой скромность и невинность. Она женщина далеко не глупая, но вмѣстѣ съ молокомъ матери впитала различныя дикія воззрѣнія, насквозь проникласъ презрѣніемъ къ чужому. Она хитра и не остановится передъ ложью. Всегда и во всемъ, даже въ тѣхъ увлеченіяхъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ея вѣтренная натура, она холодно разсчетлива: исторія любви Лемишковскаго, который ей нравился самъ, показываетъ съ одной стороны—неподдѣльное, теплое чувство, съ другой—холодный эгоистическій разсчетъ.

Совершенную противоположность ей составляетъ украинка Галя. Тихая, кроткая, нетребовательная, глубоко-любящая, простая и искренняя—она могла-бы составить счастье человѣку, осмыслить его жизнь. И дѣйствительно, она счастье для Яся. Ея глубокой, честной натуры не передѣлала роскошь, панство: она навсегда и для всѣхъ осталась привѣтливой, доброй и простой Галей, какой была въ Нестеринцахъ. Чтобы понять ея чистоту, благородство, то чувство уваженія къ человѣческому достоинству, которое всегда руководило ею въ отношеніяхъ къ людямъ,—достаточно вспомнить ея братское обращеніе съ прислугой и селянами, когда она была уже богатой барыней, что возмущало ея мужа и снискало ей всеобщую любовь и симпатію. Галя—жертва тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя разбили ея семейное счастье. Это одинъ изъ симпатичнѣйшихъ образовъ украинской литературы; онъ влечетъ къ себѣ симпатіи читателя, чаруетъ его. Автору удалось создать яркій, цѣльный типъ украинской женщины во всей красѣ ея духовной чистоты и мощи, которыя еще увеличиваются въ сравненіи съ Зосей.

Жертвами среды являются отчасти и Ясь Серединскій, и Якимъ Лемишковскій. Г. Левицкій яркими штрихами рисуетъ намъ ихъ духовную жизнь, ихъ мысли, знакомитъ насъ съ ихъ стремленіями и идеалами. Предъ читателемъ проходитъ вереницею цѣлый рядъ явленій и факторовъ, способствовавшихъ рѣзкой перемѣнѣ въ Серединскомъ—изъ трудолюбиваго, нетребовательнаго, простого и любящаго юноши,—жениха Гали, въ надменнаго, гордаго пана, возмнившаго о себѣ Богъ вѣсть что. Перемѣна эта не является неожиданностью: лишь благотворное вліяніе Гали и обстоятельства сдерживали его панскія замашки, которыя съ особенной силой вспыхнули на время

въ подходящей средѣ.—Видитъ ясно читатель и то, какъ вслѣдствіе мягкости и податливости своего характера постепенно отдѣляется и отчуждается отъ своей семьи, отъ родного народа подъ чуждыми вліяніями и единственный сынъ старыхъ Лемишекъ, превратившійся со временемъ въ „перевертня". Оба эти типа—выхвачены изъ жизни. Ихъ участь—это горькая доля и многихъ другихъ даже выдающихся сыновъ нашего народа, гибнущихъ „между Сциллой и Харибдой".

Эти типы двойственны, они создались подъ двоякими наслоеніями,—зато какой цѣльностью отличаются характеры старыхъ Лемишекъ: „старосвитськый", трудящійся, прямой и честный Трохимъ Лемишка, его скромная, чуткая, души не чающая въ сынѣ жена—Улита, окружающая невѣстку заботами и любовью, и въ награду—превращенная почти въ „наймычку",—обое они такъ и манятъ къ себѣ своей чистотой, благородствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, своей святой простотой.

Рядомъ съ ними надо поставить и отца Өеодора, всегда веселаго, всегда смѣющагося. Онъ—воплощеніе украинскаго юмора. Но въ то-же время онъ умѣетъ, когда представилась необходимость, постоять за свою дочь.

Выводятся въ повѣсти и другія лица, охарактеризованныя немногими, но мѣткими чертами: болѣзненный о. Моисей, вдовецъ о. Микита, имѣвшій значительное вліяніе на мягкаго и нерѣшительнаго Якима, и ускорившій развязку Зосинаго романа; выступаетъ и цѣлый рядъ типовъ польскихъ: панъ Хоцинскій, болѣе симпатичный изъ всѣхъ, оказавшій значительную поддержку молодымъ Серединскимъ, приставъ Пшепшинскій съ своими дочерьми—«гарнымы гадюкамы»,паньяТеодося—типъ нѣсколько карикатурный, на которомъ слишкомъ сгущены тѣни. Отношеніе Зоси и всѣхъ ихъ сестеръ и Теодоси къ Галѣ характеризуетъ ихъ съ весьма невысокой стороны. Замѣчателенъ въ особенности разговоръ ихъ съ Серединскимъ о Галѣ, гдѣ за похвалами сквозитъ насмѣшка и презрѣніе.

Въ повѣсти тамъ и сямъ разбросаны цѣнныя мысли и замѣчанія автора. Замѣчательно, напримѣръ, трезвъ и ясенъ его взглядъ на воспитаніе и образованіе, оторванное отъ родного народа. Но глубоко ошибется тотъ, кто заподозритъ автора въ тенденціозности. Всѣ его воззрѣнія основываются на наблюденныхъ фактахъ и знаніи жизни. Повѣсть отличается реализмомъ, замѣчательною жизненностью. І. Левицкій хорошо и близко знаетъ среду, знаетъ людей, о которыхъ

пишетъ. Картины быта до мельчайшихъ подробностей вѣрны и характерны. Въ повѣсти масса чертъ бытовыхъ, лицъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни. Кому, напримѣръ, болѣе или менѣе знающему домашній бытъ недавняго прошлаго нашего духовенства не знакома характерная фигура „духовнаго“ портного Боруха, кочующаго изъ дома въ домъ. Попадаются между прочимъ и печальныя картины дореформеннаго времени, продѣлки Пшепшинскаго съ конокрадами, операціи по превращеніи «злодійскыхъ» лошадей, производимыя его вѣрнымъ конюхомъ.

Со стороны художественной повѣсть не оставляетъ желать ничего лучшаго. Авторъ удачно разрѣшилъ трудную задачу—разсказать и равномѣрно освѣтить сплетенныя прихотью судьбы исторіи семейной жизни Серединскихъ и Лемишковскихъ. Ему удалось сдѣлать это, не нарушая художественной цѣльности впечатлѣнія. Вся повѣсть вообще написана живо, интересно, нѣкоторыя-же мѣста отличаются глубокой теплотой и искренностью чувства—трудовой день въ Костеринецкой экономіи (гл. 4), болѣзнь и смерть Гали (гл. 12). Описанія природы отличаются, какъ и вообще у г. Левицкаго,—свѣжестью, пластичностью образовъ, живостью, яркостью и богатствомъ красокъ. Не знаемъ, надо-ли упоминать о языкѣ повѣсти,—онъ всегда чистъ, образенъ и изященъ у такого художника слова, какимъ является нашъ авторъ. Читается повѣсть легко и свободно, съ захватывающимъ интересомъ. Мы, по крайней мѣрѣ, несмотря на прежнее знакомство съ нею, прочли ее теперь съ неослабѣвающимъ интересомъ и удовольствіемъ. Общее впечатлѣніе чарующее; и долго по прочтеніи передъ глазами стоятъ симпатичные образы въ повѣсти, и ярче всѣхъ выступаетъ, понятно, изъ сумрака прошедшаго озаренная лучезарнымъ свѣтомъ добра и страданья—Галя; на душу нисходитъ тихое чувство сожалѣнія къ загубленной жизни хорошихъ людей.

Повѣсть «Навижена» представляетъ для насъ глубокій интересъ живой современности. Детальный разборъ этой повѣсти завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, къ тому же мы отвели и такъ много мѣста обзору предыдущей повѣсти «Причепа»,—поэтому мы постараемся ограничиться немногими словами, передавъ вкратцѣ содержаніе этой повѣсти и познакомивъ читателей въ общихъ чертахъ съ выводимыми въ ней лицами.

Молодой чиновникъ Лосницкій ухаживаетъ за Марусей Каралаевой, бываетъ въ ея домѣ и пользуется ея взаимностью. Но молодымъ людямъ на дорогѣ къ счастью становится мать Маруси—Марта

Кириловна, отказываясь свою дочь выдать замужъ за Лосницкаго. Свой отказъ она мотивируетъ принципіальными воззрѣніями на мужчинъ, на самомъ же дѣлѣ не хочетъ разстаться съ дочерью изъ эгоистическихъ побужденій. Чтобы избавиться отъ посѣщеній Лосницкаго, Марта Кириловна съ дочерью ѣдетъ изъ Кишинева, гдѣ они жили, въ Одессу на морскія купанья. Лосницкій, послѣдовавъ за ними и получивъ отъ матери вторичный отказъ, обращается за содѣйствіемъ къ Христинѣ Степановнѣ, бойкой вдовѣ, сестрѣ своего хозяина. По ея совѣту онъ условился съ Марусей бѣжать и тайкомъ повѣнчаться. Но въ послѣднюю минуту Маруся не рѣшилась кинуть матери, и дѣло не выгорѣло. Тогда Христина Степановна составила другой планъ: она рѣшила раньше выдать замужъ маменьку за нѣкоего Бычковскаго, старую любовь m-me Каралаевой, которому она и теперь симпатизируетъ. Это ей удается. Марта Кириловна убѣдившись, что ей нечего бояться одиночества, даетъ согласіе на бракъ дочери съ Лосницкимъ а вскорѣ и сама выходитъ замужъ. Повѣсть оканчивается картиной семейной жизни молодыхъ Лосницкихъ.

Какъ видимъ, содержаніе повѣсти—сама живая современность. Сѣренькая будничная жизнь, остутствіе высшихъ интересовъ, застой въ мысляхъ обывателей небольшого провинціальнаго города,—все это отразилось и на лицахъ, выводимыхъ въ повѣсти. Духъ времени положилъ свой отпечатокъ на Лосницкаго: изъ живого, энергичнаго, полнаго надеждъ юноши школа и среда сдѣлали полусоннаго человѣка котораго вотъ вотъ грозитъ засосать и поглотить тина окружающей его дѣйствительности. Въ его душѣ мало по малу замираютъ стремленія къ общественной дѣятельности, работѣ на пользу родного края. Мечты юности, идеалы, разбуженные письмомъ товарища, кажутся ему отзвуками чего то далекаго, но милаго; онъ сожалѣетъ о безплодно потраченныхъ годахъ юности, и переноситъ всю свою любовь на семью. Онъ человѣкъ честный, неспособный на дурное, и лишь вслѣдствіе недостатка энергіи не взявшійся за живое дѣло, которому можно отдать лучшія силы. Наврядъ ли можно найти для него лучшую пару, какъ Маруся Каралаева: дѣвушка симпатичная, трудолюбивая, развитая, образованная и талантливая, въ то-же время слишкомъ неподвижная. Если представители современной молодежи нѣсколько апатичны, то нельзя того-же сказать о старшемъ поколѣніи, которое представлено въ повѣсти Мартой Кириловной и Христиной Степановной. Марта Кириловна—типъ крайне оригинальный и въ тоже время современный.

и отъ души привѣтствуемъ избранную совѣтомъ ученую комиссію (проф. Н. И. Петровъ, проф. С. Т. Голубевъ и свящ. Ѳ. И. Титовъ), которая имѣетъ собрать по возможности всѣ древніе акты и архивныя данныя, относящіяся къ исторіи Академіи, и подвергнуть разбору и критической оцѣнкѣ все то, что до сего времени написано объ Академіи.

Вл. Д.

Александръ Барвѣнскій въ исторіи культурнаго движенія рускаго народа на Прикарпатю. *Написавъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ, 1901.*

Извѣстный своими библіографическими трудами галицкій ученый Ив. Ем. Левицкій предпринялъ въ настоящее время новое изданіе «Прикарпатска Русь», представляющее собою первый опытъ біографическаго словаря украинскихъ дѣятелей; разсматриваемая нами книга составляетъ отдѣльный оттискъ изъ 1-го тома этого изданія. Александръ Барвинскій—одинъ изъ выдающихся современныхъ галицкихъ дѣятелей, фигура во всякомъ случаѣ замѣтная на галицкомъ горизонтѣ. Съ его именемъ соединено много событій, имѣющихъ огромное значеніе для исторіи Галичины за послѣднія десятилѣтія. Выступивъ, вмѣстѣ съ Юліаномъ Романчукомъ, творцомъ такъ называемой «новой эры» въ политической жизни Галичины, Барвинскій оказался наиболѣе последовательнымъ приверженцемъ этого направленія и продолжаетъ неуклонно держаться его даже и въ то время, когда другіе галицкіе дѣятели, и даже самъ Романчукъ, отъ него отказались. Отъ біографа этой во всякомъ случаѣ не заурядной личности мы вправѣ ожидать если и не вполнѣ безпристрастной, въ силу весьма запутанныхъ политическихъ отношеній въ Галичинѣ, осложняющихся часто партійными и даже чисто личными счетами, то во всякомъ случаѣ совершенно опредѣленной оцѣнки. Но такой именно оцѣнки мы и не находимъ въ трудѣ почтеннаго галицкаго ученаго. Г. Левицкій чрезвычайно подробно, шагъ за шагомъ разсматриваетъ жизнь и дѣятельность Барвинскаго; отъ его вниманія не ускользаютъ часто самыя незначительныя подробности, которыя онъ въ изобиліи черпаетъ изъ газетъ; иногда эта подробность изложенія доходитъ до крайней мелочности, производящей на читателя нѣсколько даже комическое впечатлѣніе (см. напр., на

страницахъ 56—57 неизвѣстно зачѣмъ буквально приведенные разговоры австрійскаго императора съ Барвинскимъ, содержащіе лишь оффиціальные комплименты и не прибавляющіе ни одной черточки къ характеристикѣ галицкаго дѣятеля). Но все таки трудъ г. Левицкаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ біографіей въ обычномъ и общепринятомъ значеніи этого слова. Это скорѣе собраніе сырыхъ необработанныхъ фактовъ, не объединенныхъ никакимъ общимъ принципомъ, не одухотворенныхъ руководящей идеей, совершенно, повидимому, отсутствующей у автора. Онъ съ одинаковою обстоятельностью останавливается и на событіяхъ крупнаго общественнаго интереса, и на мелкихъ, имѣющихъ чисто личное значеніе. Нигдѣ ни однимъ словомъ авторъ не выдаетъ такого своего отношенія къ излагаемымъ фактамъ, передавая ихъ одинаково ровнымъ, безстрастнымъ, холоднымъ тономъ; не дѣлаетъ онъ даже и попытки представить хоть какую-нибудь характеристику Барвинскаго. Читатель, мало ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ въ Галичинѣ, въ концѣ концовъ выноситъ изъ книги г. Левицкаго неясное впечатлѣніе о дѣятельности Барвинскаго, теряясь среди массы неприведенныхъ къ одному знаменателю фактовъ. Отсутствіе характеристики особенно неудобно въ біографіяхъ такихъ лицъ какъ Барвинскій, дѣятельность катораго вызывала и вызываетъ самую разнообразную оцѣнку. Г. Левицкій и не пытается разобраться во всѣхъ тѣхъ противорѣчивыхъ отзывахъ, которые въ изобиліи приводятся въ различныхъ мѣстахъ его книги, предоставляя этотъ трудъ читателю.. Повторяемъ, что это крупный недостатокъ книги г. Левицкаго, лишающій ее того значенія, которое она могла бы имѣть, если бы авторъ, вмѣсто груды сырыхъ фактовъ, далъ болѣе или менѣе ясную и опредѣленную характеристику. Въ настоящемъ же своемъ видѣ книга г. Левицкаго будетъ имѣть значеніе только какъ матеріалъ для біографіи,—правда цѣнный матеріалъ, но все же сырой и необработанный.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ авторъ даетъ также болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, съ которыми имѣлъ сношеніе Барвинскій. Для насъ наибольшій интересъ представляютъ біографическіе очерки Костомарова, Кулиша и Конисскаго своими указаніями, преимущественно біографическаго характера.

С. Е.

А. Швенцонъ. „Описаніе Литинскаго уѣзда Подольской губ.“ *СПБ. 1901 г. 157 стр., цѣна 1 р.*

Мысль составить описаніе Литинскаго уѣзда возникла у автора, какъ видно изъ предисловія, вслѣдствіе того, что «въ бытность» его предводителемъ дворянства, автору «приходилось часто терять время и испытывать затрудненія вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь систематизированныхъ свѣдѣній по уѣзду»; матеріалы же, «сосредоточенные въ канцеляріи Предводителя», «несмотря на ихъ разнообразіе», не давали возможности составить цѣльнаго понятія объ уѣздѣ. Вслѣдствіе этого пришлось обратиться за свѣдѣніями почти ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ и многимъ частнымъ лицамъ», отнесшимся къ просьбамъ автора въ большинствѣ «съ крайнею предупредительностью». Особенное содѣйствіе автору въ составленіи этой книги оказали г.г. мировые посредники и исправникъ, а также бывшій его письмоводитель, «взявшій на себя наиболѣе тяжелую и скучную работу», которымъ, имя рекъ, авторъ и выражаетъ свою признательность.

Изъ этого предисловія неизбѣжно, конечно, заключить, что работа г. Швенцона, во 1-хъ, была нелегкая, потребовавшая содѣйствія многихъ силъ, во 2-хъ, вызванная необходимостью и въ 3-хъ, довольно сложная, такъ какъ, не будучи въ состояніи составить ее собственными силами, онъ самую «тяжелую и скучную» часть ея предоставилъ г. «бывшему письмоводителю», взявъ, очевидно, на свою долю часть менѣе легкую и болѣе, такъ сказать, веселую.

Содержаніе книжки дѣйствительно распадается на общую часть (21 стран.) и часть, составляющую «описаніе населенныхъ мѣстъ» уѣзда (136 стр.), изложеніе которой, надо полагать, и выпало на долю г. бывшаго письмоводителя. Первая часть составляетъ по преимуществу элементарный сводъ обыкновенныхъ «статистическихъ» цыфръ о населеніи, землевладѣніи, школахъ, фабрикахъ, заводахъ, продовольственныхъ запасахъ, сельскихъ банкахъ и пожарной части, которыя можно почерпнуть въ любомъ изданіи мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, въ родѣ, такъ наз., «памятныхъ книжекъ». Вторая же часть почти цѣликомъ исчерпываетъ по Литинск. уѣзду содержаніе недавно изданнаго тѣмъ же Комитетомъ и составленнаго секретаремъ Комитета г. Гульдманомъ списка населенныхъ мѣстъ губерніи. Будучи при этомъ сходна съ нимъ по характеру изложенія, она обладаетъ и одинаковымъ съ нимъ недостаткомъ: изложеніемъ свѣдѣній о

разстояніяхъ, населеніи и пр.—текстомъ, а не въ формѣ таблицъ, могущихъ облегчить пользованіе ими и сократить объемъ, а слѣдовательно и цѣну изданія.

Это содержаніе книжки указываетъ, что совершенно напрасно г. Швенцонъ обращался за свѣдѣніями и «ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ и многимъ частнымъ лицамъ», когда ихъ можно было получить изъ помянутыхъ изданій губернскаго статистическаго комитета. Вѣроятно, не смотря на все «разнообразіе» матеріаловъ, сосредоточенныхъ въ канцеляріи уѣздныхъ предводителей дворянства, такія изданія въ эту канцелярію не попадаютъ.

Изъ общей части книжки видно, что «въ общемъ положеніе крестьянскаго хозяйства надо признать удовлетворительнымъ по слѣдующимъ показателямъ: въ уѣздѣ нѣтъ ни копѣйки крестьянской недоимки, благоустройство селъ прогрессируетъ (см. таблицы въ концѣ общей части), количество земли, принадлежащее крестьянамъ, постоянно увеличивается». Къ сожалѣнію, въ таблицахъ, приведенныхъ въ концѣ книги, совсѣмъ не находится данныхъ, которыя бы убѣждали въ «прогрессированіи благоустройства селъ.» Что касается признанія отсутствія недоимокъ показателемъ удовлетворительнаго положенія хозяйства крестьянъ, то это вопросъ весьма спорный и нельзя по этому поводу не пожалѣть, что авторъ, будучи предводителемъ, не посовѣтовался на этотъ счетъ съ мѣстнымъ исправникомъ, оказывавшимъ ему содѣйствіе въ составленіи его книжки. Послѣдній, въ качествѣ спеціалиста по взысканію сборовъ и податей, разъяснилъ-бы ему, конечно, что часто, при прочихъ равныхъ условіяхъ, безнедоимочность населенія зависитъ и отъ степени энергіи полиціи. Третій показатель крестьянскаго благополучія: количество покупаемыхъ крестьянами земель изображенъ въ книгѣ, какъ признаетъ самъ авторъ, недостаточно точными цыфрами. Да онъ и не можетъ считаться показателемъ благополучія, пока не приведено данныхъ, что покупки сдѣланы крестьянами на собственныя свободныя средства, что покупщиками явились не только и не по преимуществу богачи, что покупаемая земля довольно уравнительно распредѣлилась среди населенія и сократила нужду въ землѣ наиболѣе нуждавшейся въ ней части населенія и пр. и пр.

Весьма краткая общая часть изложена довольно удобопонятно; но стр. 11—13, представляющія, повидимому, новый вкладъ въ дѣло изслѣдованія землевладѣнія уѣзда вообще, и польскаго и русскаго въ частности, весьма трудно доступны пониманію простого смертнаго.

На стр. 13 авторъ, говоря объ усиленіи русскаго землевладѣнія на югѣ уѣзда, говоритъ, что «оно» «видно изъ карты»; но никакой карты къ книгѣ не прилагаетъ.

Л. С. Л.

Русскій Антропологическій Журналъ. *Изданіе Антропологич. Отдѣла Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. 1901 г. (годъ II) Подъ ред. А. Л. Ивановскаго.*

Въ № 1 помѣщена работа *Ю. Д. Талько-Гринцевича* «Поляки» (стр. 1—30) съ 14-ью превосходно исполненными фототипіями въ текстѣ. Авторъ, на основаніи собственныхъ антропометрическихъ изслѣдованій и весьма обширной литературы (списокъ которой приведенъ въ концѣ работы), приходитъ къ заключенію, что прототипомъ поляковъ являются татарскіе горцы; постоянное отступленіе отъ этого прототипа, по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ, указываетъ на смѣшанную расу.— *Б. Адлеръ.* Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія. (стр. 82—95). Статья составлена по работѣ проф. *F. Ratzel'* я «Der Ursprung und das Wandern der Völker geographisch betrachtet», цѣль которой—пополнить недостатки метода, примѣняемаго при обсужденіи вопроса о происхожденіи какого-нибудь народа.

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» даны рефераты между прочимъ слѣдующихъ работъ: *R. Virchow.* Meinungen und Tatsachen in der Antropologie.—*П. С. Уварова.* Могильники Сѣвернаго Кавказа.— *M. Zaborowski.* Les slaves de race et leurs origines Paris. 1900.— *В. Д. Ястремскій.* Физическое развитіе и состояніе здоровья учениковъ курскихъ городскихъ народныхъ училищъ. 190.

Въ № 2 въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщены, между прочимъ, рефераты работъ: *R. Virchow.* Rothgefärbter Schädel eines Buli-Negers aus Kamerun.—*E. Krause.* Menschliche und Tier-Knochen mit rothen Flecken—*R. Knauer.* Menschliche Knochen mit rothen Flecken aus bessarabischen Gräbern. (Всѣ три автора высказываются въ пользу естественнаго происхожденія красной окраски череповъ и костей).

Въ №№ 3 4 (въ одной книжкѣ) находимъ между проч. статьи: *Р. Л. Вейнбергъ.* О физическихъ особенностяхъ первобытнаго человѣка (стр·

184—203, съ 6 рис.) По поводу новѣйшихъ гипотезъ проф. *G. Schwalbe* и проф. *H. Klaatsch'а.—Б. Ѳ. Адлеръ.* Происхожденіе европейскихъ народовъ (по *F. Ratzel'ю*) (стр. 212—215).

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» помѣщенъ между прочимъ рефератъ *Ю. Д. Талько-Грынцевича* о книгѣ: Dr. *W. Demetrykiewicz.* Warunki pracy naukowei na polu archeologii przedhistorycznei w Polsce i kwestye ich zasadniczej poprawy.

Обзоръ журналовъ конца 1901 года и начала 1902 г.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1; 2) Русская Старина, № 1; 3) Историческій Вѣстникъ, № 1; 4) Журналъ Мин. Народн. Просв., № 1; 5) Научное Обозрѣніе, № 12-й 1901 г.; 6) Міръ Божій, № 1; 7) Учен. Записки Казанскаго Универс., № 12-й 1901 г.; 8) Варшав. Унив. Извѣст., № 7 и 8-й 1901 г.; 9) Литерат.-Науковый Вистникъ, № 1; 10) Kwartalnik Historyczny 1901 г. вып. 4; 11) Biblioteka Warszawska № 1; 12) Przewodnik naukowy i literacki 1901 г. № 12 и 1902 г. № 1.

Русская Старина 1902 г. № 1.

Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Гл. 16-я (стр. 5—33). Въ этой главѣ помѣщенъ весьма интересный отдѣлъ для нашего края: политическая и общественная дѣятельность такихъ лицъ, какъ Ѳаддей Чацкій, кн. Адамъ Чарторыйскій, ксендзъ Дмоховскій и Гуго Колонтай, игравшіе такую видную роль въ установленіи всей школьной системы на югѣ Россіи.

П. Пирлингъ. Альберто Вимина; сношенія Венеціи съ Украиною и Москвою 1650—1663 г. (стр. 57—70). Въ статьѣ этой освѣщается личность Альберта Вимина, камъ политическаго дѣятеля, преимущественно во время его поѣздки въ Малороссію для переговоровъ съ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ нашемъ журналѣ было помѣщено «Донесеніе Альберта Вимины о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ» (1900 г. № 1), такъ что не совсѣмъ вѣрны слова П. Пирлинга, будто до сихъ поръ никто ни словомъ не обмолвился о переговорахъ Альб. Вимины съ Богд. Хмельницкимъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. Въ помѣщенной только пока 1-ой главѣ сообщаются свѣдѣнія о назначеніи В. И. Назимова Виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1855 году и о его отношеніи къ польскому дворянству (стр. 71—86).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. Гл. XXVI (стр. 187—199). Нѣсколько малозначительныхъ эпизодовъ изъ его поѣздокъ по югу Россіи во время изысканія дороги отъ Харькова до Одессы (стр. 186—199).

А. Р. Былое. Изъ воспоминаній о 50 и 60 годахъ. Гл. XII—XIV (стр. 201—216). Въ этихъ главахъ есть нѣсколько строкъ съ характеристикой харьковскаго студенчества въ 1863 году (стр. 204), картинка жизни въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губерніи (стр. 207—210), и въ уѣздномъ городѣ (стр. 210—211).

Міръ Божій, № 1 (январь, 1902)

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь (стр. 1—25). Начало интересной біографіи Гоголя, доведенной до выхода въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки». Авторъ біографіи поставилъ цѣлью своихъ очерковъ—«возстановить съ возможною полнотою исторію психическихъ движеній этой загадочной души художника и изслѣдовать болѣе подробно то соотношеніе, какое существуетъ между произведеніями Гоголя и современной ему дѣйствительностью, а также и ту взаимную связь, которая объединяетъ его творчество съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей». Очерки г. Котляревскаго могли бы имѣть и спеціальный интересъ, если бы онъ прослѣдилъ вліяніе украинской словесности на творчество Гоголя, но къ сожалѣнію г. Котляревскій заранѣе отказывается отъ этой задачи (см. примѣчаніе на стр. 3—4).

Въ отдѣлѣ «Разныя разности» находимъ небольшую замѣтку «Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи», выясняющую современное состояніе колонистовъ и причины ихъ превосходства надъ окружающимъ населеніемъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ г. Дегеномъ данъ отзывъ о недавно появившемся на русскомъ языкѣ сборникѣ разсказовъ Ивана Франка—«Въ потѣ лица».

Ученыя записки Казанскаго университета № 12 (дек. 1901).

Александровъ.—В. И. Григоровичъ, профессоръ славянскихъ нарѣчій. Съ портретомъ (стр, 1—28). Публичная лекція, содержащая бѣглый очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго слависта.

Въ приложеніи дано начало труда проф. Боброва—«Философія въ Россіи», вып. IV (стр. 1—48). Настоящая часть изслѣдованія проф. Боброва содержитъ обзоръ трудовъ по философіи, принадлежащихъ профессорамъ Кіевской и Московской духовныхъ академій въ XVIII вѣкѣ.

Літературно-науковий Вістник, 1902 р. кн. 1 (січень).

На старі теми: I. Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе... II. На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ... Поезиї Івана Франка. Стр. 1—3.

Земля, оповідане Ольги Кобилянськоі. Стор. 4—36.

Хвилини, I—IV. Поезиї Лесі Украінки. Стор. 37—38.

Море, оповідане Грицька Коваленка. Стор. 39—55. Разсказу сильно вредитъ протокольность изложенія и утрировка.

Мінятюри: I. Уривки з автобіографіі Ідеі,—Надіі Кибальчич; II. Чому?—Марти ***; III. Поворот—Михайла Яцкова. Стор. 56—61.

Із переспівів А. Кримського. Стор. 62.

Макар Чудра, оповідане Максима Горького, переклала Маруся Полтавка. Стор. 63—73.

Із поезий Уляни Кравченко.

Спостереження та вражіння земського статистика,—Юхима Павловського. Стор. 1—16. Интересный очеркъ, содержащій много любопытныхъ наблюденій надъ народною жизнью степовой Украины.

Національне питанне в Норвегії, I—II, Сергія Ефремова. Стор. 17—32.

Наша поезия в 1901 році,—Ів. Франка. Стор. 33—48. Разборъ сборника стихотвореній «Розсипані перли», принадлежащаго молодому поэту-галичанину В. Пачовскому.

Уваги на сучасні теми: I. Справа украіньско-руського університету у Львові,—Вол. Гнатюка, стор. 49—72. Обстоятельная статья, посвященная послѣднимъ событіямъ во львовскомъ университетѣ; особенно интересны приводимые авторомъ документы, проливающіе свѣтъ на студенческое движеніе въ пользу основанія родного университета. II. Одиссея перевертня,—С. Е., и І. Ж. Стор. 72—77. Сообщеніе объ

извѣстной лекціи г. Вергуна въ Кіевѣ и Москвѣ. III. Два поклики. Стор. 77—79. Воззваніе къ украинскому обществу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ и о поддержкѣ пожертвованіями Музея древностей при Товариствѣ ім. Шевченка. IV. Справа укр.-руськоі гимназиі у Станіславові,—В. Стор. 79—80. Требованіе открытія новой украинской гимназіи въ Станиславовѣ.

Хроніка і бібліографія. Стор. 1—12.—Различнаго рода извѣстія и замѣтки текущаго характера.

Przewodnik naukowy i literacki 1891 г. № 12 и 1902 г № 1.

Окончаніе статьи Влад. Ленкевича «Участіе Россіи въ карловицкомъ мирѣ». Авторъ излагаетъ подробно ходъ дипломатическихъ переговоровъ съ 1697 по 1699 г., главнымъ образомъ на основаніи «Памятн. дипл. сношеній Россіи» и документовъ вѣнскаго придворнаго архива. (1901 г. № 12).

Въ статьѣ д-ра Стан. Кутшебы «Правовое положеніе евреевъ въ Польшѣ въ XV столѣтіи» приведены нѣкоторыя данныя объ организаціи еврейскаго суда во Львовѣ. (1901 г. № 12).

Въ «Корресподенціи Іос. Богдана Залѣсскаго (1902 г. № 1)» находимъ такое удивительное извѣстіе въ письмѣ къ Фелиціи Ивановской изъ Парижа 17 февраля 1865 г.: «Сюда имѣютъ прибыть въ эмиграцію Кулишъ, Костомаровъ и Бѣлозерскій, которыхъ Москва преслѣдуетъ за украинство. Они убѣжали въ одно и тоже время изъ разныхъ городовъ, куда были водворены. Конечно, я ихъ приму побратски украинскимъ сердцемъ, чтобы они любовью обратились къ правдѣ божьей и народной. Въ этомъ видна рука провидѣнія; явятся на западъ ради науки кіевскіе профессора, въ науку къ кіевлянину Духинскому. Такимъ образомъ явятся у насъ и «эмигранты-малороссы». Нечего и говорить, что этотъ слухъ лишенъ былъ всякаго основанія.

Начало статьи Казимира Пуласскаго: «Старинныя поселенія въ Каменецкой землѣ и владѣвшіе ими роды подольской исторической шляхты». Пока данъ очеркъ исторіи Шаравки, владѣнія Шаравскихъ и Претфичей. Весьма старательныя работы, основанныя главнымъ образомъ на документахъ Кіевскаго центральнаго архива (1902 г. № 1).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Ростовскій-на-Дону книгопродавецъ и любитель старины г. Романовичъ доставилъ въ редакцію «Донской Рѣчи» интересное «дѣло», относящееся къ одному изъ печальныхъ моментовъ жизни поэта Т. Шевченко. Подлинное дѣло № 112 относится къ 1857 г., т. е. къ моменту полученія Т. Шевченкомъ свободы. На оберткѣ дѣла за № 112 значится: «Комендантскаго управленія новопетровскаго укрѣпленія.—Объ отправленіи рядового оренбургскто линейнаго № 1-го баталіона Тараса Шевченко къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ.—Началось 29 іюля 1857 г. кончено»... Все же дѣло, какъ видно изъ документовъ, заключается въ слѣдующемъ: «Ново-петровскій комендантъ, состоящій по армейской пѣхотѣ ген.-маіоръ и кавалеръ Усковъ» получаетъ отъ своего начальства рапортъ, изъ котораго видно, что «унтеръ-офицеры Храбчинскій, Ольшевскій, Феалковскій и рядовые Домарацкій и Шевченко по Высочайшему повелѣнію увольняются отъ службы, и что ихъ надлежитъ отправить къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ». Шевченко, получивъ, наконецъ давно ожидаемую свободу, проситъ коменданта Ускова дать ему билеоъ (паспортъ) и позволить ему, не заѣзжая въ г. Уральскъ, отправиться прямо въ Петербургъ, избранный имъ мѣстомъ своего постояннаго жительства. Изъ дальнѣйшихъ бумагъ дѣла видно, что маіоръ Усковъ. принимая во вниманіе, что г. Уральскъ совсѣмъ не по дорогѣ Шевченку, отправляющемуся въ Петербургъ (лишнихъ тысячу верстъ пути), выдаетъ ему приложенный къ дѣлу билетъ. Объ этомъ, уже post factum, Усковъ, доноситъ по начальству.

Зная изъ разныхъ «Воспоминаній» и другихъ матеріаловъ для біографіи поэта о сердечномъ и дружескомъ отношеніи Ускова къ поэту,—можно, пожалуй, предположить, что въ данномъ случаѣ въ Усковѣ говорилъ не комендантъ крѣпости, а доброжелатель и почитатель несчастнаго поэта. Рапортъ объ освобожденіи Шевченка былъ полученъ 26 іюня 1857 года. Шевченко получаетъ билетъ 1 августа, въ тотъ же день увѣдомляетъ свое начальство и проситъ выслать въ Петербургъ, въ академію художествъ, на имя Шевченка, его паспортъ, взамѣнъ выданнаго имъ билета. Что произошло отъ 1-го по 29-е—неизвѣстно. Только Усковъ спохватился, что поступилъ опрометчиво, выдавъ Шевченко свободный пропускъ и билетъ на выѣздъ въ Петербургъ и жительство въ столицѣ. 29 августа онъ пишетъ въ Петербургъ въ академію

художествъ, въ московскую, петербургскую и нижегородскую полиціи и въ Астрахань о томъ, чтобы задержали Шевченка и вернули его съ билетомъ обратно къ нему. Особымъ рапортомъ доноситъ о своемъ промахѣ по начальсту: оказывается, что освобожденіе Шевченка было условное, съ запрещеніемъ ему въѣзда въ столицы, о чемъ въ первомъ рапортѣ по недосмотру не упоминалось. Начальство, однако, не приняло во вниманіе того обстоятельства, что Усковъ не зналъ объ условномъ освобожденіи, и 18-го сентября объявлено ему «строгое замѣчаніе». Шевченко между тѣмъ, какъ видно изъ рапорта астраханской полиціи 22-го августа, на пароходѣ «Пожарскій» изъ Астрахани отправился въ Нижній. Здѣсь его ждалъ двоякій сюрпризъ: съ одной стороны—друзья и почитатели поэта, встрѣтившіе его съ распростертыми объятіями, а съ другой—полиція съ предписаніемъ «вернуть его обратно». 17-го октября полицмейстеръ доноситъ Ускову: «Рядовой изъ бывшихъ (?) художниковъ Шевченко 20 сентября прибылъ въ Нижній-Новгородъ въ разстроенномъ состояніи здоровья, который былъ мною освидѣтельствованъ вмѣстѣ съ городскимъ врачемъ, и по освидѣтельствованіи онъ оказался немогущимъ слѣдовать въ обратный путь, впредь до совершеннаго выздоровленія»; при рапортѣ былъ приложенъ и пресловутый билетъ, отобранный у «бѣглеца». Получивъ билетъ и успокоившись насчетъ того, что Шевченко въ Петербургъ не попадетъ,—Усковъ доноситъ объ этомъ своему начальству. Этимъ дѣло и кончается.

Однако, «болѣзнь» Шевченка, по всѣмъ вѣроятностямъ, была выдумана нижегородскими друзьями поэта, между которыми былъ и губернаторъ—декабристъ Муравьевъ. Вскорѣ Рѣпнина, Толстые и др. выхлопотали Шевченку право жительства въ столицѣ, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться («Биржевыя Вѣдомости», № 346).

—

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 350) и «Придѣпровскомъ краѣ» (№ 1413) находимъ статьи, посвященныя обзору ученой дѣятельности И. В. Лучицкаго, по поводу истекшаго ея 30-лѣтія.

—

«Кіевская газета» подъ заглавіемъ «Литературная новинка» помѣстила въ № 6 извѣстіе о собраніи драматическихъ произведеній г. Гринченка, которое печатается въ Черниговѣ и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Въ это собраніе войдутъ слѣдующія произведенія г. Гринченка: 1) *Ясни зори*, драма на 5 дій, 2) *Нахмарило*, комедія

на 3 діи, 3) *Степовый гисть*, драма на 5 дій, 4) *Середъ бури*, драма на 5 дій. *Арсенъ Яворенко*. Исключая драмы «Середъ бури», всѣ остальныя пьесы появлются у насъ впервые.

Продолженіе статей проф. Сумцова «Изъ этнографическихъ экскурсій», появившееся въ № 7228 и 7245 «Южнаго края», содержитъ описаніе слободы Боромли и изслѣдованіе объ украинскихъ національныхъ «ласощахъ». Оба очерка приводятъ доказательства оскудѣнія современной украинской деревни, благодаря которому какъ насущныя, такъ и второстепенныя потребности населенія удовлетворяются слабѣе, чѣмъ въ старину.

Въ прибавленіи къ № 1100 «Юга» помѣщена очень интересная статья г. Ковал.-Колом.—«Дѣятельность Наукового Товариства імени Шевченка», дающая въ сжатомъ очеркѣ свѣдѣнія объ основаніи общества, о его дѣятельности, объ отзывахъ о немъ европейскихъ ученыхъ и т. п.

Г. Симоновъ въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 1401) возстановляетъ любопытную страничку изъ исторіи нашихъ общественныхъ отношеній. Въ № 35 «Иллюстраціи» за 1858 годъ появилась анонимная статья, проникнутая крайнею нетерпимостью по отношенію къ евреямъ; эта и послѣдовавшія за ней инсинуаціи той же «Иллюстраціи» вызвали слѣдующій протестъ украинскихъ писателей, напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858 г. «Въ № 21 вашего журнала вы представили первый примѣръ общественнаго протеста противъ недостойнаго поступка «Иллюстраціи». Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія нынѣ русскую Имперію, клеймятъ скитающееся по всему міру племя евреевъ племенами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось противъ евреевъ негодованіе людей, которые не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, топили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно по этимъ жертвамъ слѣпого озлобленія фанатиковъ оставить обычаи, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей; не говоря уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, чѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ во имя

не до конца прогнѣваннаго Бога, «Объяснивъ затѣмъ судьбу русскаго еврейства, по скольку она была связана съ исторіей Малороссіи,—«современные литературные представители южно-русской или украинской народности, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикладываютъ свои руки къ протесту «Русскаго Вѣстника» противъ Иллюстраціи».

Этотъ протестъ подписанъ Костомаровымъ, Кулишемъ, Маркомъ Вовчкомъ, Номысомъ и Шевченкомъ.

—

Въ № 330 «Сѣвернаго Края» г. Радшичъ помѣстилъ переводъ стихотворенія Шевченка: «Течетъ рѣчка въ сине море«. Переводъ недурной.

—

Въ № 273 газеты «Волынь» въ переводѣ съ украинскаго языка напечатанъ разсказъ «Легкая смерть», принадлежащій перу молодого украинскаго писателя-галичанина.

—

Херсонская газета «Югъ» помѣстила отзывы о слѣдующихъ украинскихъ книгахъ: «Селяньски знахари та бабы-шептухи», «Сибирська язва» и Лыхи хоробы на очи»—М. Левицкаго (№ 1091), «Повисти« Т. Шевченко, т. 1 2 (№ 1101) и «Оповидання про Богдана Хмельницкаго» М. Комаря (№ 1102).

—

Въ одномъ изъ ноябрьскихъ номеровъ «Кіевлянина« помѣщена библіографическая замѣтка по поводу труда И. М. Каманина «Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго«.

—

Въ № 7 «Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостей» г. Л. С. помѣстилъ горячую статью по поводу новой комедіи г. Кропивницкаго «Нашествіе варваровъ», изображающей, какъ извѣстно, въ карикатурномъ видѣ современныхъ украинскихъ театральныхъ дѣятелей. Г. Л. С. справедливо замѣчаетъ, что «обличеніе въ формѣ художественнаго произведенія узкой, спеціальной сферы, не носящей на себѣ типическихъ чертъ, не заключающей въ себѣ типическаго общественнаго явленія, имѣющаго общее значеніе, всегда будетъ производить впечатлѣніе литературнаго пасквиля». Для борьбы съ отрицательными сторонами театральной жизни имѣются другія болѣе дѣйствительныя средства, въ видѣ практиче-

скихъ мѣръ для поднятія театральнаго дѣла. Указавъ на неблагопріятныя условія развитія украинскаго театра, г. Л. С. отмѣчаетъ значеніе его, какъ чисто народнаго, сослужившаго при всѣхъ недостаткахъ, великую службу въ дѣлѣ развитія народа. Отмѣтимъ кстати одну ошибку, въ которую впадаетъ г. Л. С.: ни г. Тобилевичъ, ни г. Старицкій, вопреки его утвержденью, *не* монополизируютъ своихъ пьесъ.

—

Въ Львовѣ появилась въ печати книга извѣстнаго украинскаго писателя Александра Барвинскаго, подъ заглавіемъ «Огляд історіи украінсько—русской літературы до кінця XVIII столітя».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Ах, як хороше!—Збірник для дітей. Вид. Товариства Педагогичного, ч. 99. Стор. 12. У Львові, 1901. Ціна 2 кор.

Бібліотека для руськоі молодіжі, вип. XXXII. Під. ред. Ю. Насальського (містить «Тирольскі героі», «Три княжевичі і чарівна птиця»). Львовъ, 1901. Ціна 76 сот.

Божья мысль. Разсказъ изъ украинскаго быта. Стр. 47. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Вакано Ст.—Перед досьвітом; драма в 4 відслонах. З німецького переложив Ів Верхратський. Видання редакціі «Л.-Н. Вістника». Стор. 54. У Львові, 1901. Ціна 60 сот.

Верхратський Ів.—Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. Ч. II. Накладом Наук. Товариства. Стор. 280. У Львові, 1901. Ціна 4 корони.

Гумористичний Календар Комара на р. 1902. Стор. 128. У Львові, 1902. Ціна 60 сот.

Данилович.—Подъ прапоромъ правды. Историчне оповѣдане. Бібліотека для руськоі молодіжі, ч. III. Стор. 86. У Коломиі 1901.

Дітвора. Видание Т-ва Педагогичнаго, ч. 96. Стор. 10. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Для розривки. Вид. Т-ва Педагогичного, ч. 100. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 1.20 кор.

Дѣвиця Орлеаньска. З польського перевела Параня Шведъ. Бібліотека для руськоі молодіжі, ч. III. Стор. 42. У Коломиі, 1901.

Еган. Е.—Економічне положене руських селян в Угорщині. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 21. Стор. 40. У Львові, 1901. Ціна 25 сот.

Етнографичний Збірник, т. X. Галицько-руські народні приповідки. Зібрав, упорядкувавъ і пояснив Ів. Франко. Вип. I. Накладом Наук. Т-ва ім. Шевченка. Стор. 200. У Львові, 1901. Ціна 3 корони.

Збірник математично-природописно-лікарськоі секціи Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. VII, вип. II. Накладом Наук. Товариства. Стор. 46+90+26+12+8+14. У Львові, 1901. Ціна 3 корони.

Звірята домашні. Вид. Т-ва Педагогичного, ч. 97. Стор. 24. У Львові, 1901. Ціна 80 сот.

Каманинъ И.—Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго. Съ приложеніями Кіевъ, 1901. Цѣна 1 руб.

Kobylanska Olga.—Kleinrussische Novellen, съ предисловіемъ: „Ein Jahrhundert kleinrussischer Literatur“ von Georg Adam. Minden in Westfallen, 1902.

Кучеренко,—Ничипоръ Бородай. Украинская легенда. Стр. 55. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Къ вопросу о составленіи учебниковъ для сельскихъ школъ. Полтава, 1901.

Левицкій Ор. «Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.». Кіевъ, 1902 г. Ц. 2 р.

Малороссійскіе разсказы (юмористическіе). Одесса, 1901. Цѣна 35 коп.

Мирний П.—Лихий попутав. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 22. Стор, 64. У Львові, 1901. Ціна 40 сот.

Моліер.—Тартюф, комедія в пяти діях. Переклав В. Самійленко. Видане редакциі «Л.-Н. Вістника». Стор. 54. У Львові, 1901. Ціна 60 сот.

Немоловський.—Сервітути і розмежоване грунтів на правобережній Украіні. Стор. 38. У Львові, 1901. Ціна 40 сот.

Н. П.—Неначе свитъ перевернувся. Вирщи Дида Мыколы. Стор. 190. Елисаветградъ, 1901. Цина 50 коп.

Отчетъ о работахъ статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1901.

Паульзен Фр.—Будучність гімназій. Відбитка з Л.-Н. Вістника. Стор. 60. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Паульзен Фр.—Партійна політика і мораль. Переклавъ Ів. Копач. Стор. 60. У Львові, 1901. Ціна 50 сотиків.

Пачовський П.—Розсипані перли. Пісні тай вірші. Кн. I. Стор. 144. У Львові, 1901. Ціна 1.60 кор.

Примак Ф.—Причинки до історииі розвитку і інволюциі желези thymus у риб кістноскелетних (Teleostei). Накладом Наук. Т-ва ім. Шевченка. У Львові, 1901. Стор. 26. Ціна 30 сот.

Приятелі дітей. Вид. Т-ва Педагогичного, ч. 98. Стор. 16. У Львові, 1901. Ціна 1.20 кор.

Приятель жовніна. Календар на рік 1902. Стор. 128. У Вінтерберзі, Відні і Новому Парку. Ціна 1 кор.

Родные поэты. Т. Г. Шевченко. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. Цѣна 10 коп.

Свыдныцькый А.—Люборацьки. Семейна хроника. Споринъ УП+326 (зъ портретомъ). Кіевъ, 1901. Цина 65 коп., на лучш. бум. 80 коп.

Серед цьвітів. Фантастична комедія з танцями і співами. З российського переклала Клавдія Лукашевич. Виданнє Руського Товариства Педагогичного, ч. 93. У Львові, 1901. Ціна 16 сот.

Старинный малорусскій письмовникъ: «книга глаголемая листовня». Съ предисловіемъ Б. Д. Гринченко. Стр. XIV+41. Черниговъ, 1901. Цѣна 25 коп.

Стебельський проф.—Австрийський процес карний. Вип. I. Правнича Библіотека, т. I. Накладом Наук. Товариства ім. Шевченка. Стор. 186. У Львові, 1901. Ціна 2 корони.

Тирольски геропъ. З повѣсти Гофмана переробив Франчукъ. Бібліот. для руськ. молодіжі, ч. LIV. У Коломиі, 1901. Стор. 96.

Три княжевичъ и чаровна птиця. Зъ «Тисяча и однои ночи» переклав М. Ивашко. Бібліот. для руськоі молодіжі, ч. LV. Стор. 46. У Колониі, 1901.

Хоткевич.—Дивні пригоди комаха Сангвина. Виданнє Руського Товариства Педагогичного, ч. 90. У Львові, 1901. Ціна 48 сот.

Християньский Календар Місионаря на р. 1902. Стор. 160. У Жовкві, 1901. Ціна 50 сот.

Шекспір в повістках. З российського переклав А. Веретельник. Вид. Руського Т-ва Педагогичнаго, ч. 95. У Львові, 1901. Ціна 30 сот.

Шпитко Осип.—Вирід. Оповіданне. Видане редакциі «Л.-Н. Вістника». Стор. 168. У Львові, 1901. Ціна 1 кор. 60 сот.

Юлій Цезар.—Вспомини о війні з Галійцями, кн. I. Переклав I. Франчук. Стор. 30. У Коломиі, 1901.

Ярошинська.—Китичка для малих дівчать. Вид. Руськ. Т-ва Педагогичного. У Львові, 1901. Ціна 20 сот.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА."

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній.—С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ.—М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы.—Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи.—П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія).—А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи. Австріи, Франціи и Швейцаріи.—Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи.—Д-ра А. Виреніуса, 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ.—Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи.—И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе.—Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману).—М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ.—М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе.—О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ.—А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся.—Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній.—П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу.—Проф. Е. Будде; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій.—Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы.—Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа.—М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ.—А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной

средней школы.—А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію.—Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія.—И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг.—И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы.—М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ.—В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ.—Проф.—Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ.—Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ.—Я. Руднева; 34) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи.—Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи.—К. Иванова; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному.—М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.).—И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ,—Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей—Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія—В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою—**7** руб. **50** к.; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, **самостоятельнымъ органомъ печати**. Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрированный*, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ— «*Временникъ живописной Россіи*» —*является серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Міръ“ со „Всемірной Лѣтописью» на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгаллереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чиненій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу програму, вслѣдствіе чего нами будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, и *вопросамъ современности.*

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядрышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства П. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: Станислава Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ",

въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ,

обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей“). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мельс (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(*5-й годъ изданія*)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), М. Е. Бабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій

(псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Даниловъ, Деманскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Капланъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Копытъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Поюровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

№ 24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированнаго вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя безплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. пис. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Міра» будутъ получать въ теченіе 1902 г. безплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ in-folio, предпринятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой магѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублем.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемыя деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣева), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше проситъ заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мірѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣева, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Міра» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Міръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. Ѳ. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр, 16 я линія д, 5—7

3—3

Открыта подписка на 1902 годъ

(*XX годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССІЯ"

(бывш. „Южанинъ").

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ.

2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.

3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

4) Земскій отдѣлъ.

5) Провинціальная жизнь.

6) Хроника.

7) Наша печать.

8) Мѣстная хроника.

9) Письма въ редакцію.

10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.

15) Иностранныя извѣстія.

16) Заграничная жизнь.

17) Спортъ, смѣсь и шахматы.

18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).

19) Справочный листокъ.

20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера.

Въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Большая-Мѣщанская, д. № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго).

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель *С. И. Юрицынъ.*

3—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 76-го:

январь, февраль, мартъ, 1902 г.

Книга первая—январь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая - февраль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—мартъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ.

(Страничка изъ народнаго эпоса).

Въ разнообразномъ народномъ пѣсенномъ репертуарѣ выдѣляется весьма интересный и вполнѣ, притомъ, опредѣленный видъ пѣсенъ, извѣстный подъ именемъ *балладъ.* Названіе это взято отъ прежней итальянской ballata, означавшей плясовую лирическую пѣсню съ эротическимъ содержаніемъ, а впослѣдствіи оно было пріурочено къ народной эпической пѣснѣ вообще. Въ такомъ, именно, смыслѣ терминъ этотъ проникъ и въ искусственную поэзію, бравшую въ эпоху романтизма многое изъ народныхъ мотивовъ, и подражавшую народной балладѣ, какъ содержаніемъ, такъ и формой.—

Въ теоріи народной поэзіи приходится нѣсколько съузить значеніе этого термина, выдѣливъ изъ цикла народныхъ эпическихъ пѣсенъ историческія и религіозныя пѣсни. Какъ увидимъ ниже, баллады весьма близко по формѣ и складу соприкасаются съ историческими пѣснями, но по содержанію не должны быть съ ними смѣшиваемы.—

Содержаніемъ народныхъ балладъ всегда служитъ необыкновенное событіе, какой-нибудь, особенно грустный, трагическій случай, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ явленій повседневной жизни, запечатлѣвающійся въ памяти народа и возбуждающій его

воображеніе. Убійство изъ нравственныхъ побужденій, кровосмѣшеніе, измѣна, видимое наказаніе порока и т. п.—вотъ обыкновенное, всегда высокотрагическое содержаніе балладъ.

По формѣ, всѣ баллады строго эпически-повѣствовательны, и объективизмъ выдержанъ въ нихъ вполнѣ. Если сравнимъ, напримѣръ, балладу о матери, которая, желая отравить невѣстку, отравляетъ вмѣстѣ съ ней и сына, съ обыкновенными семейными пѣснями сходнаго содержанія (ненависть свекрови къ невѣсткѣ), то увидимъ, что въ балладѣ пѣсня повѣствуетъ о грустномъ событіи съ совершенно ровнымъ эпическимъ спокойствіемъ, не связывая этого событія съ положеніемъ и чувствами поющей женщины, разсказывая о данномъ случаѣ, какъ о давнемъ и ничего не имѣющемъ общаго съ настоящей дѣйствительностью.—Семейныя пѣсни, напротивъ, всегда тѣсно связываютъ свое содержаніе съ настоящимъ моментомъ, такъ что пѣвица какъ бы прикладываетъ готовую пѣсню къ собственному положенію, высказываетъ собственныя чувства, поетъ какъ бы про самое себя. Баллада повѣствуетъ о томъ, какъ жила гдѣ-то такая то свекровь и «не злюбыла» такую то невѣстку, именно, Оляну; въ семейной же пѣснѣ, полной субъективизма, невѣстка сама говоритъ отъ перваго лица: я имѣю злую свекровь, она меня ненавидитъ и вотъ какъ со мной поступаетъ.

Баллады, какъ и всѣ эпическія народныя пѣсни, возникли на почвѣ опредѣленныхъ, конкретныхъ случаевъ, побудившихъ народную фантазію къ творчеству. [1]) Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что каждая баллада воспѣваетъ какое-нибудь дѣйствительное событіе. Событія эти, чисто бытового характера, представляютъ лишь общій интересъ, нравственный, чисто дидактическій, а потому, очень скоро послѣ возникновенія и распространенія баллады, исчезаютъ въ ней почти безслѣдно индивидуальныя черты воспѣваемаго событія, которое по пѣснѣ нельзя уже пріурочить ни къ опредѣленному мѣсту, ни къ извѣстному времени, ни къ опредѣ-

---

[1]) Народное эпическое творчество не изображаетъ сюжетовъ, не измышляетъ событій, а воспѣваетъ только дѣйствительность.

ленными дѣйствующимъ лицамъ. Такъ напримѣръ, у поляковъ и малороссовъ распространена баллада о дѣвушкѣ, которую сманилъ къ себѣ незнакомецъ, обобралъ ее и убилъ, разсказавъ ей, что такъ поступилъ съ восемью дѣвицами, а она будетъ девятая. Въ пѣснѣ этой выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ козакъ Дворяченько, ляшокъ Ясь, или просто młodzieniec z cudzej krainy; жертва же, обыкновенно, названа только дивчиной. Мѣстность также не опредѣляется, а если и упоминается «Дунай глыбокый», то лишь какъ общее въ поэзіи выраженіе для опредѣленія глубокой воды. Упоминается въ ней и «коршомонька», и лѣсъ, но вывести заключеніе, изъ всѣхъ варіантовъ ея, къ какому времени и мѣсту относится воспѣваемое событіе, не возможно. Только сравнительное изученіе этой баллады по варіантамъ западно-европейскимъ выясняетъ, что содержаніемъ ея послужила рыцарская бретонская легенда о Синей Бородѣ (Barbe Bleu).

Въ балладѣ главную роль играетъ только фабула, безотносительно къ ея обстановкѣ. Это одно изъ существенныхъ и почти единственное отличіе народной баллады отъ народной исторической пѣсни. Эта послѣдняя, воспѣвая тоже необычные случаи, благодаря ихъ патріотическому значенію, всегда удерживаетъ главнѣйшія черты конкретности событій. Если народная память исказитъ въ исторической пѣснѣ даже имена лицъ и названія мѣстностей, то все-таки сохранитъ въ точности фабулу и массу бытовыхъ и историческихъ подробностей, по которымъ вы должны будете отнести воспѣваемое событіе не къ случаямъ изъ частной жизни, а къ области общественно-историческихъ событій.

Вслѣдствіе такой разницы между балладой и исторической пѣсней, два эти вида поэзіи играютъ въ народномъ репертуарѣ совершенно разную роль. Баллады, какъ болѣе отвлеченныя, по содержанію, обладаютъ замѣчательною подвижностью. Онѣ легко понятны для каждаго, а потому совершенно свободно усваиваются и весьма скоро распространяются на далекіе районы. Безъ вреда для содержанія, фабула совершенно удобно можетъ быть пріурочена не только къ разнымъ мѣстностямъ, но, подчасъ, и къ разнымъ эпохамъ и народамъ. Чѣмъ общечеловѣчнѣе событіе, чѣмъ

общѣе разсказъ о немъ, тѣмъ обширнѣе поле для распространенія пѣсни. Благодаря этимъ свойствамъ, всѣ баллады и болѣе распространены и дольше помнятся, чѣмъ какой-либо иной видъ пѣсни.

Историческая пѣсня обладаетъ свойствами совершенно противоположными. Она, во-первыхъ, понятна и интересна только для своего народа и часто только для извѣстной мѣстности. Мы очень часто видимъ, что историческія пѣсни можно найти, преимущественно, только на мѣстѣ воспѣваемыхъ событій; чѣмъ дальше отъ этого мѣста, тѣмъ варіанты блѣднѣе и рѣже. Есть, впрочемъ, и весьма распространенныя историческія пѣсни, какъ, напримѣръ, пѣснь о смерти полковника Нечая, извѣстная во всей правобережной Украинѣ, но она, во первыхъ, воспѣваетъ весьма извѣстную въ свое время въ народѣ личность, а во-вторыхъ, само воспѣваемое событіе на столько эффектно, что, помимо историческаго и патріотическаго своего значенія, способно довольно сильно возбуждать народную фантазію.

Кромѣ того, историческія пѣсни, по своему свойству, забываются народомъ скорѣе всякихъ другихъ, въ силу того обстоятельства, что интересъ къ нимъ приходитъ и исчезаетъ при всякой перемѣнѣ историческихъ условій жизни народа. Съ перемѣной исторической декораціи, являются каждый разъ новые лозунги для возбужденія патріотическаго чувства, и тѣ пѣсни, которыя, въ свое время, воспламеняли сердца предковъ, теряютъ почву для своего существованія среди новыхъ условій, дѣлаются непонятными для новыхъ поколѣній, пародируются и очень скоро забываются.

Въ силу этой основной разницы между историческими пѣснями и балладами, послѣднія помнятся многія столѣтія, поются не только тѣмъ народомъ, среди котораго онѣ возникли, но перенимаются сосѣдними племенами и даже чужими народностями; историческія же пѣсни, напротивъ, умираютъ весьма быстро за создавшей ихъ эпохой и дальше небольшого мѣстнаго района воспѣваемаго событія не распространяются.

Высказывая это положеніе, необходимо сдѣлать оговорку относительно цикла историческихъ пѣсенъ, составляющаго такъ

называемый героическій народный эпосъ; это гомеровскіе рапсоды, скандинавскія саги, пѣсни Нибелуновъ, великорусскія былины, наши думы, сербская Лазарица и т. д. Всѣ эти замѣчательныя произведенія, составляя несомнѣнно народный эпосъ, очень далеки отъ народной исторической поэзіи въ прямомъ смыслѣ этого слова и никогда въ пѣсенный репертуаръ народа не проникали. Всѣ эти историческіе рапсоды, отличаясь отъ народной исторической пѣсни своеобразной формой и содержаніемъ, возникли, распространялись и вымерли среди тѣснаго круга *профессіональныхъ* пѣвцовъ: бардовъ, трубадуровъ, сказителей и нашихъ кобзарей и лирниковъ. Народъ хотя и съ жадностью слушалъ эти рапсоды, но самъ ихъ не пѣлъ никогда. Искусственная форма этихъ большихъ музыкально-свободныхъ кантатъ и необходимость исполненія ихъ подъ сложный музыкальный акомпаниментъ были не подъ силу простому народу. Если народъ и заимствовалъ что либо изъ этихъ рапсодовъ, то ограничивался лишь прозаическимъ пересказомъ. Какъ на примѣръ такого заимствованія, можно указать на былинные мотивы въ малорусскихъ сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Въ силу вышеуказаннаго свойства баллада—легко акклиматизироваться у разныхъ народовъ, всѣ почти баллады сдѣлались *бродячими* пѣснями, на подобіе басенъ и легендъ, перенимаемыхъ однимъ народомъ у другого. Большинство извѣстныхъ по этнографическимъ сборникамъ малорусскихъ балладъ поются не только у многихъ другихъ славянскихъ племенъ, но даже нѣкоторыя и у другихъ народовъ западной Европы: нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ.

Надо здѣсь замѣтить, что подъ именемъ бродячихъ пѣсенъ иногда неправильно понимаютъ всѣ пѣсни, общія многимъ странамъ и племенамъ. Общность содержанія пѣсеннаго репертуара у разныхъ племенъ происходитъ отъ двухъ совершенно различныхъ причинъ. Есть очень древнія пѣсни, правда—немного ихъ, общія почти всѣмъ славянамъ или отдѣльнымъ группамъ славянскихъ племенъ. Прототипъ такихъ пѣсенъ, очевидно, возникъ въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, когда нынѣшнія вѣтви славянъ

еще не обособились окончательно отъ первичнаго славянскаго ствола. Къ такимъ общимъ пѣснямъ принадлежатъ нѣкоторыя древнія обрядныя пѣсни. Въ нихъ, обыкновенно, замѣчается много общаго въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ, относящихся къ древнему культу, между тѣмъ какъ новѣйшій бытовой элементъ бываетъ различный, такъ какъ онъ созданъ впослѣдствіи или измѣненъ самостоятельно каждымъ племенемъ. Такого рода пѣсни достались въ наслѣдіе разнымъ племенамъ отъ общаго родоначальнаго племени, вмѣстѣ съ языкомъ, вѣрованіями, обычаями и другими этнологическими особенностями. Пѣсни эти живутъ и умираютъ только среди славянъ и, обыкновенно, не распространяются за этнографическіе предѣлы родины.

Но кромѣ этихъ пѣсенъ, есть много общихъ разнымъ племенамъ и народамъ, распространившихся уже путемъ заимствованія. Пѣснь родилась въ одной мѣстности и, вслѣдствіе отвлеченности своего содержанія, свободно перенимается сосѣдями, начинаетъ *бродить* все дальше и дальше, возбуждая къ себѣ одинаковый интересъ у всѣхъ, и современемъ, дѣлается достояніемъ не только цѣлаго племени, но и многихъ племенъ и народовъ. Это и есть настоящія *бродячія* пѣсни.

Путемъ заимствованія могутъ случайно переходить отъ одного народа къ другому всякаго рода пѣсни. Перениманіе пѣсенъ особенно часто проявляется на почвѣ пограничнаго сосѣдственнаго общенія и колонизаціи. Такъ, напримѣръ, въ Люблинской губерніи, населенной отчасти поляками и отчасти малороссами, есть, немногія правда, пѣсни любовныя и семейныя, общія обоимъ племенамъ. Точно также сосѣдственное воздѣйствіе легко подмѣтить у великороссовъ и малороссовъ въ Малоархангельскомъ уѣздѣ. Общность, однако, въ такихъ случаяхъ совершенно случайная и довольно рѣдкая, такъ какъ пѣсни этого рода представляютъ мало данныхъ для акклиматизаціи въ чуждой сферѣ.—Народныя же баллады, какъ было уже указано выше, по своему, такъ сказать, космополитическому характеру, перенимаются совершенно свободно и единственно могутъ быть названы бродячими пѣснями.

Чѣмъ эффектнѣе фабула баллады, чѣмъ проще ея содержаніе, тѣмъ интенсивнѣе идетъ перениманіе, тѣмъ скорѣе она бродитъ. Есть много старыхъ балладъ, до того распространенныхъ среди европейскихъ народовъ, что уже трудно бываетъ опредѣлить, среди какого изъ нихъ онѣ возникли. Затѣмъ, есть много балладъ, извѣстныхъ у многихъ славянскихъ племенъ, но еще не успѣвшихъ проникнуть за предѣлы славянства. Наконецъ, есть чисто мѣстныя малорусскія баллады недавней формаціи, не перешедшія границъ родины.

Мѣстныя черты и отличія различныхъ варіантовъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, весьма разнообразны въ каждой болѣе распространенной пѣснѣ. Это общее свойство всѣхъ произведеній народнаго творчества, но нигдѣ оно такъ ясно не выступаетъ, какъ въ балладахъ, стремящихся всегда пріурочить отвлеченную фабулу къ извѣстной обстановкѣ. Это объясняется тѣмъ, что въ пѣсняхъ субъективнаго характера, напр. семейныхъ и любовныхъ, главную роль играетъ чувство; въ эпическихъ же балладахъ, полныхъ объективизма, на первый планъ выступаетъ картина воспѣваемаго событія, и для большей пластичности и реальности этой картины обрисовываются въ пѣснѣ подробности мѣста дѣйствія и обстоятельствъ, сопровождавшихъ событіе. Такъ какъ эти подробности въ заимствованной балладѣ, оторванной отъ почвы, на которой она выросла, съ трудомъ удерживаются въ народной памяти, то каждый народъ рисуетъ ихъ по своему, такъ что такая баллада, на первый взлядъ, благодаря яркости мѣстнаго колорита, кажется произведеніемъ мѣстнымъ, а не бродячимъ, зашедшимъ изъ отдаленныхъ странъ.

Мотивы и стихосложеніе во всѣхъ балладахъ носятъ строго эпическій характеръ. Тонъ мелодій всегда минорный, напѣвъ протяжный, серіозный, съ характернымъ оттѣнкомъ грустной задумчивости. Куплеты балладъ всегда состоятъ изъ двухъ длинныхъ, сложныхъ стиховъ, въ большинствѣ случаевъ съ повтореніями перваго, второго или даже обоихъ стиховъ. Въ общемъ, сравнивая эти пѣсни, по характеру ихъ склада, съ пѣснями историческими и чумацкими, надо признать, что въ этихъ послѣднихъ

далеко больше размашистости напѣва и мелодіи въ нихъ богаче и разнообразнѣе, чѣмъ въ монотонныхъ звукахъ балладъ.

Исторія балладъ, вошедшихъ въ пѣсенный репертуаръ малорусскаго народа, ждетъ еще изслѣдователей. Гдѣ какая изъ нихъ возникла, какими путями забрели онѣ на югъ Россіи, каковъ ихъ былъ прототипъ и что въ нихъ составляетъ мѣстное наслоеніе?— всѣ эти весьма интересные вопросы только слегка, большею частью лишь попутно, затрогивались изслѣдователями народной литературы. Изъ десятка обработанныхъ уже пѣсенъ видно, что старыя общеевропейскія баллады брели къ намъ изъ запада, изъ Франціи и Италіи, обыкновенно черезъ южную Германію, направляясь къ западнымъ и южнымъ славянамъ, а среди этихъ послѣднихъ постепенно двигались на сѣверо-востокъ, доходя до отдаленныхъ великорусскихъ рубежей.

Первые опыты научной обработки нашихъ балладъ, путемъ изслѣдованія сравнительнаго матеріала, сдѣланы были еще М. Драгомановымъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, изъ которыхъ упомянемъ: 1) Убійство брата женинаго, 2) Покупка братомъ сестры плѣнницы, 3) Романъ и Олена, 4) Дѣвушка воинъ (*см. Антоновича и Драгоманова историческія пѣсни малорусскаго народа т. I, стр. 58, 275—387*), 5) Отголосокъ рыцарской поэзіи—пѣсни о Королевичѣ (*см. записки ю.-з. отдѣла Импер. Геогр. Общ. I, стр. 48*), 6) Малорусскія пѣсни о кровосмѣшеніи (*читано на III Археол. Съѣздѣ*). Весьма много цѣнныхъ попутныхъ экскурсій въ сравнительное изслѣдованіе малорусскихъ балладъ имѣется въ трудахъ покойнаго профессора Потебни (*Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ*). Въ недавнее же время на баллады обратилъ вниманіе проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (*Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ;* Дума объ Алешѣ Поповичѣ—Кіевс. Стар. 1894 г.).

Разсматривая малорусскіе этнографическіе сборники, можно вывести заключеніе, что эпическое творчество балладъ болѣе всего присуще подолянамъ. Этнографія успѣла въ русской и галицкой Подоліи собрать далеко болѣе варіантовъ балладъ, чѣмъ

въ другой какой либо мѣстности. На Волыни и въ Кіевщинѣ балладъ значительно меньше, а въ лѣвобережной Украинѣ записано ихъ совсѣмъ мало.—Эта неравномѣрность распространенія балладъ по мѣстностямъ въ нашихъ сборникахъ, быть можетъ, явленіе случайное, зависящее отъ несовершенства самихъ сборниковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что изъ матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей Чубинскаго, кажется, было выдѣлено большинство эпическаго матеріала и предполагалось его обработать для особаго изданія. М. Драгомановъ работалъ надъ составленіемъ систематическаго сборника балладъ по этимъ матеріаламъ. Куда дѣвался этотъ цѣнный матеріалъ, каково было его содержаніе, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1883 году, извѣстный польскій этнографъ Оскаръ Кольбергъ издалъ въ двухъ томахъ свой классическій сборникъ «Pokucie» (Покутье). Это—этнографическая картина небольшой мѣстности въ юго-восточномъ углу Галиціи, почти у подножія Черной Горы. Сравнивая второй томъ этого сборника съ матеріалами, добытыми въ другихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ, вы невольно поражаетесь замѣчательной способностью жителей Покутья къ эпическому творчеству и, именно, къ балладамъ. Ихъ здѣсь масса. Кромѣ общеизвѣстныхъ балладъ, здѣсь вы встрѣтите на каждомъ шагу чисто мѣстныя баллады, воспѣвающія разнообразные, сколько нибудь выдающіеся въ деревенской жизни случаи. Баллады сочиняются чуть не на вашихъ глазахъ.

Въ 1873 г., умеръ въ Мышинѣ отъ чахотки Иванъ Юрченко. Деревенскія бабы подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ ревнивой дѣвушкой на вечеринкѣ, и одна изъ газдынь (хозяекъ), Анна Чартецкая, сейчасъ же сочинила «спиванку» объ этомъ случаѣ [1]).

Въ томъ же Мышинѣ, два брата убили, неизвѣстно, по какому поводу, молодого парня Ивана, за что попали подъ судъ. Событіе это воспѣвается въ длиннѣйшей балладѣ въ 39 куплетовъ Оленой Федуневой, родной теткой и крестной матерью убитаго: вотъ ея конецъ:

---

[1]) Kolberg O. Pokucie II, стр. 13.

33. Та кувала зозулечка, кувала-кувала;
Та Олена Федунева билый хрестъ поклала.
34. Та Олена Федунева билый хрестъ свитыла *(освящала)*;
Бо вна ёго ридна тетя, а винъ ій фылына *(крестный сынъ,—filius)*.
35. Та кувала зозулечка, кувала дзелена;
Спиванку цю изложыла Федуневъ Олена.
36. Та кувала зозулечка, кувала, бинчела;
Вже тоби си Иваночку спиванка скинчила. [1])

Два брата, въ праздникъ Покрова, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, поѣхали брать песокъ, но во время работы «стала си надъ хлопцимы гора розлигаты», обрушилась и похоронила ихъ. [2])

Въ лѣсу разбойники убили Проца Прытулюка. Его привезли еще живого домой и пригласили врача, но послѣдній объявилъ, что нѣтъ уже надежды на спасеніе. [3])

Какой то Илько Ганущакъ вернулся домой изъ церкви, мучимый неопредѣленнымъ злымъ предчувствіемъ. По совѣту жены, идетъ онъ къ Грыцьку списать, на всякій случай, свое имущество (надо полагать, дѣло идетъ о завѣщаніи), но по дорогѣ узнаетъ, что въ одномъ дворѣ, на крестинахъ завязалась драка. Онъ заходитъ туда съ намѣреніемъ «справу зробыты», между тѣмъ разъяренные буяны нападаютъ на примирителя и убиваютъ его. [4])

Въ мѣстечкѣ Тысьменицѣ, на постояломъ дворѣ, евреи убили и ограбили богатаго купца армянина Джепеня, а трупъ бросили въ полѣ. Косари изъ с. Олеева нашли трупъ и дали знать сыновьямъ убитаго, которые догнали уходившихъ евреевъ на самой русской границѣ. [5])

---

[1]) Ibid 7—9.
[2]) Ibid, стр. 6.
[3]) Ibid, стр. 9.
[4]) Ibid, стр. 10.
[5]) Ibid, стр. 11.

Дмитро Бурысевичъ, въ ссорѣ съ женою, пробилъ ее вилами, отъ чего она умерла на рукахъ прибѣжавшаго отца Сергена. Преступный мужъ хотѣлъ скрыться у сестры, но та его не приняла [1]).

Одинъ жандармъ замѣтилъ въ церкви красивую жену Николочки, познакомился съ ней и обольстилъ ее, зазвавъ ее къ себѣ. Застигнутый мужемъ врасплохъ, онъ, изъ ревности, убилъ любовницу и себя [2]).

Въ с. Мыкытынцахъ, въ корчмѣ, повздорили между собой пьяные урлёпники (безсрочно отпускные). Бывшій тутъ же войтъ сталъ усмирять ихъ, пустивъ въ ходъ палку. Разъяренные урлёпники набросились на войта и били его до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ [3]).

Дочь пана Кульчицкаго, Августина, полюбила русскаго офицера, но отецъ ея воспротивился ихъ браку. Тогда офицеръ, однажды ночью, окружилъ козаками ихъ домъ, взялъ силою Августину и увезъ ее заграницу, въ Россію, гдѣ она вскорѣ затосковала за родителями [4]).

Эти и имъ подобные случаи сдѣлались содержаніемъ балладъ. Всѣ онѣ, болѣе или менѣе, новаго происхожденія и поэтому поются только въ Галичинѣ, но на дальнѣйшее ихъ распространеніе среди народа разчитывать трудно, такъ какъ воспѣваемыя ими событія, хотя и необычныя для своего околотка, не новость для другой любой мѣстности.

Какъ на примѣръ творчества балладъ въ новѣйшее время въ лѣвобережной Украинѣ, можно указать балладу объ убійствѣ семьи помѣщиковъ Базилевскихъ, въ с. Турбаяхъ. Закрѣпощенные козаки с. Турбаевъ долго вели процессъ о своихъ правахъ и

---

[1]) Ibid, стр. 13.

[2]) Ibid, стр. 15.

[3]) Ibid, стр. 14.

[4]) Ibid, стр. 12; Головацкій I, стр. 87. Сильно искаженный варіантъ Головацкаго пріурочиваетъ мѣсто этого событія къ г. Гусятину на самой русской границѣ и называетъ отца Августины паномъ Кучинскимъ.

выиграли его въ Сенатѣ въ 1788 г. Возмущенные несправедливымъ исполненіемъ указа Сената, Турбаевцы, 8 іюня 1789 года, напали на домъ помѣщиковъ, убили Степана, Ивана и сестру ихъ дѣвицу Марію Базилевскихъ, прогнали изъ села членовъ присутствія суда, исполнявшаго указъ Сената, и разграбили богатый помѣщичій домъ. Нѣсколько лѣтъ тянулся процессъ Турбаевцевъ, болѣе виновные были наказаны, а остальные всѣ жители были выселены частью въ Днѣпровскій уѣздъ, частью въ Бессарабію.

Спустя сто лѣтъ послѣ этого событія, А. А. Несвицкій записалъ на мѣстѣ происшествія (нынѣ небольшой хуторъ Турбаи-Скорбное) отъ старика пѣсню о главномъ эпизодѣ этой драмы—объ убійствѣ Базилевскихъ [1]). Пѣсня эта, хотя, очевидно, и не вполнѣ сохранившаяся въ записанномъ варіантѣ, замѣчательно правдиво указываетъ ни причину и поводъ взрыва негодованія Турбаевцевъ и очень характерно описываетъ смерть первой убитой—Маріи (Маріана по пѣсни) Базилевской.

Подобныя Покутскимъ, мѣстныя баллады способны возбуждать къ себѣ интересъ только на мѣстѣ, среди людей, близко стоящихъ къ лицамъ, причастнымъ къ воспѣваемымъ событіямъ. Всѣ эти пѣсни, вѣроятно, черезъ нѣсколько поколѣній забудутся; ихъ вытѣснятъ новыя спиванки, сочиняемыя при каждомъ, болѣе выдающемся, случаѣ. Народная память удержитъ только тѣ изъ нихъ, которыхъ содержаніе будетъ выдаваться изъ ряда прочихъ и интересовать безотносительно къ мѣсту и лицамъ. Такихъ, разумѣется, балладъ весьма немного.

Изъ числа малорусскихъ балладъ успѣла уже обратить на себя вниманіе и пріобрѣла почти повсемѣстную въ южной Руси извѣстность пѣсня о *Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ*.

Подъ руками у меня только 15 варіантовъ этой баллады, а именно: *три* варіанта въ сборникѣ Кольберга «Pokucie» (т. II, стр. 4—6 и 293), записанные въ юго-восточной Галиціи; *два*

---

[1]) *А. Я. Ефименко*. Турбаевская катастрофа, Кіев. Стар. 1891 г. № 3.

тоже галицкіе варіанта въ сборникѣ Вацлава съ Олеска (стр. 493—494); *четыре* тоже галицкихъ варіанта у Головацкаго (т. I, стр. 63—68, и т. II, стр. 601); *одинъ* въ сборникѣ Закревскаго «Старосвѣтскій Бандуристъ (стр. 100), записанный, вѣроятно, въ Подольской губерніи»; *одинъ* волынскій въ сборникѣ Чубинскаго (V, стр. 426), записанный Н. Костомаровымъ; *одинъ* тоже волынскій въ изданіи Краковской Академіи «Zbiór Windomości do Antropologji Kraiowej (т. VI), записанный С. Рокосовской въ Новоградволынскомъ уѣздѣ; *одинъ* изъ Липовецкаго уѣзда въ нашемъ сборникѣ, помѣщенномъ въ VIII т. того же изданія Краковской Академіи; *одинъ* изъ Каневскаго уѣзда, записанный Б. Познанскимъ и напечатанный въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1885 г. (стр. 240), и наконецъ, *одинъ* неизданный варіантъ, записанный для меня въ с. Буды, Ольгопольскаго уѣзда.

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что въ I томѣ сочиненія Стецкаго «Wołyń» помѣщенъ тоже одинъ волынскій варіантъ. Затѣмъ, у меня подъ руками польскій переводъ еще одного волынскаго варіанта, изданный Адамомъ Словиковскимъ въ журналѣ «Atheneum» въ 1842 году (т. VI). Болѣе варіантовъ я не имѣю въ виду, и есть ли гдѣ либо еще изданные, я не знаю.

Всѣ эти варіанты весьма разнообразнаго качества. Лучшій изъ нихъ, по полнотѣ и законченности, волынскій варіантъ Костомарова, а затѣмъ, первые два варіанта Кольберга и первые три Головацкаго. Остальные весьма не полны, а нѣкоторые съ грубыми искаженіями, какъ, напр., варіантъ Познанскаго.

Фабула этой баллады слѣдующая. Николай Потоцкій, каневскій староста, увидѣвъ въ одномъ мѣстечкѣ, въ дѣвичьемъ хороводѣ, слывшую красотой и невинностью дочь мѣстнаго бондаря, возгорѣлъ къ ней страстью, обнялъ ее при всѣхъ и предложилъ итти жить съ нимъ. Бондаривна не стерпѣла обиды и ударила Потоцкаго по лицу, а затѣмъ, по совѣту старшихъ, бросилась бѣжать, но была поймана козаками старосты и убита имъ лично. Вскорѣ, однако, Потоцкій опомнился и, сожалѣя о случившемся, явился къ отцу убитой, далъ ему значительную сумму денегъ и устроилъ очень пышные похорон[illegible]ки.

Возстановляя по 15-ти варіантамъ балладу, въ возможно полномъ ея видѣ, мы предлагаемъ читателю слѣдующій сводный ея текстъ, съ указаніемъ подъ каждымъ куплетомъ варіантовъ, изъ которыхъ онъ взятъ:

1. Ой, у мисти Богуслави, тамъ чорная хмара.
Танцювала компанія Канёвскаго пана (*Головац. 1-й*, *Вацл. съ Ол. 2-й*).
2. Ой, у мисти Богуслави капелія грала,
Молодая Бондаривна въ ратуши гуляла (*Рокосовс.*, *Головацк. 3-й*).
3. Ой, у мисти Богуслави танець дивокъ ходыть,
А найкраща Бондаривна усимъ передъ водыть.
4. Ой, прыйихавъ панъ Канёвськый, добры-день всимъ дае,
Бондаривну за ручепьку къ соби прыгортае. (Вацл. съ Ол. 1 и 2; Гол. 2).
5. Ой, ходыть же панъ Канёвськый та номеже танци,
Потыскае Бондаривну за билыи пальци (Голов. 1 и 4).
6. Молодая Бондаривна на те не вважала,
Та на пана Канёвського губы оддувала (Голов. 4).
7. А якый ты панъ Канёвськый, така Бондаривна,
Не прыступай за пальчыкы, бомъ не твоя ривня (Гол. 4).
8. Прыйшовъ до неи панъ Канёвськый, тай шапочку изнявъ,
Обійнявъ винъ Бондаривну, тай поцилувавъ (Кост.; Гол. 2 и 3; Познан.; Нейм.).
9. Якъ ся маешъ Бондаривно, нехъ тя буду знаты,
Сподобалась мени, панно, пидешъ зо мной спаты (Костом.).
10. А молода Бондаривна ще жарту не знала,
Та старого Канёвського по лыцю затяла (Кольб. 1, 2, 3; Голов. 2; В. съ Ол. 1; Закревс.; Нейм.).
11. Не годенъ ты, панъ Канёвськый, мене цилуваты,
Тилькы годенъ, панъ Канёвськый, мене роззуваты (Нейм.).
12. Якъ почувъ же панъ Канёвськый ціи вирни слова:
«Прощай, прощай, Бондаривно, оставайсь здорова (Познан.).
13. Ой, не пишовъ панъ Канёвськый та въ каляты граты,
А винъ пишовъ до пывныци шабли добуваты (Гол. 4).

14. Ой шепнулы Бондаривни стари люде стыха:
«Тикай, тикай, Бондаривно, наробыла-сь лыха» (тринадцать вapiантовъ).

15. Злякалася Бондаривна: що ми тутъ дiяты?
А стоячы, мыслыть соби, где бы утикаты (Костом.).

16. Бондаривна, якъ стояла, стала утикаты;
Ой, ажъ казавъ панъ Канёвськый та за нею гнаты (Вац. съ Ол. 2).

17. Утикала Бондаривна помеже крамныцѝ,
А за нею панъ Канёвськый зъ набытой рушныцей (Кольб. 1, 2, 3; Нейм.).

18. Утикала Бондаривна помеже домамы,
А за нею два козакы съ голымы шаблямы (12 варiантовъ).

19. Утикала Бондаривна промеже лотокы,
Уловылы Бондаривну пидъ билыи бокы (Костом.).

20. Ой, догналы Бондаривну на дубовимъ мости:
«Ой, верныся, Бондаривно, клыче панъ у гости (Кольб. 1: Вац. съ Ол. 1: Голов. 2).

21. Изловылы Бондаривну на дубовимъ мосту;
Сама красна, чепурная, хорошого зросту (Кольб. 1; Кост.; Нейм.; Голов, 3; Познан.).

22. Спiймавъ iи старый жовниръ за жовтыи косы;
«А вже-жъ тоби, Бондарочко, ґуляточкы доси» (Голов. 2, 4).

23. А взявъ iи другый жовниръ, прыгорнувъ до себе:
«Панна жъ моя, Бондаривно, жалко жъ мени тебе» (Нейм.; Раког.; Кольб. 1.)

24. «Воливъ бы я, Бондаривно, съ тобой шлюбъ узяты,
«Нижъ панови Канёвському въ ручкы тя виддаты» (Кольб. 1).

25. Узявъ iи старый жовниръ за билую руку,
Прывивъ пану Канёвскому на велыку муку (Костом.; Кольб. 1; Голов. 2, 3).

26. Ой прывелы Бондаривну предъ нови палаты,
Заразъ казавъ панъ Канёвськый у скрыпочку граты (Кост.).

27. Якъ прывелы Бондаривну до новой оселькы,
Заставылы Бондаривну спиваты писенькы (Познан.; Голов. 3).

28. Посадылы Бондаривну на золотимъ кресли:
«Кадукъ парывъ твою матиръ, прыйшлась мени къ мысли (Костом.).
29. Молодая Бондаривна писенькы спивае,
А иззаду панъ Канёвськый ружье заряжае (Познан.).
30. Ой, чы волышъ, Бондаривно, изо мною жыты,
А чы волышъ, Бондаривно, въ сырій земли гныты? (Кост., Нейм., Рокос.).
31. Ой волю жъ я, панъ Канёвськый, въ сырій земли гныты,
Нижъ зъ тобою, мій паночку, на симъ свити жыты (Кост., Нейм.).
32. Ой, якъ тилько Бондаривна ти слова сказала,
Ой выстрелывъ панъ Канёвськый, Бондаривна впала (Нейм.; Кольб. 2).
33. Якъ выстрелывъ панъ Канёвськый мымо еи уха,
Заразъ стала Бондаривна и нима и глуха (Кост.; Позн.; Вац. съ Ол. 1; Голов. 2).
34. Ой, упала Бондаривна блызько перелазу,
Забывъ, забывъ панъ Канёвськый зъ рушныци видъ разу (Костом.).
35. Якъ вымирывъ панъ Канёвськый въ серденько самое,—
Шкода тебе, Бондаривно, тай уроды твоій (Кольб. 1).
36. Ой, вы хлопци, вы молодци, дайте батьку знаты,
Нехай иде свою дочку на смерть наряжаты (Нейм.).
37. Та на нашій Бондаривни шовкова спидныця,
Де лежала Бондаривна, кривава керныця (Кольб. 1, 2).
38. А въ нашои Бондаривны завликаны плички,
Куды неслы Бондаривну, кривавыи ричкы (Кост.; Позн.).
39. А въ нашои Бондаривны фартухъ и мережка;
Куды неслы Бондаривну, кривавая стежка (Кост.; Кольб. 1, 2; В. съ Ол. 2; Познан.).
40. Ой, привезлы Бондаривну до новои хаты,
Положылы на лавоньци, сталы убираты (Кост.; Кольб. 2).
41. Ой, поплелы Бондаривни тры винкы зъ барвинку;
Такъ убралы Бондаривну, якъ до шлюбу дивку (Кост.; Кольб. 2).

42. А надйихавъ панъ Канёвськый зъ дротяной нагайкой,
А молоду Бондаривну вже кладуть на лавку (Кольб. 1).
43. Ой, прыйихавъ панъ Канёвськый на нове подвирья,
Пытается у сусидивъ, чы тутъ Бондаривна (Кост.; Кольб. 2).
44. Ой, якъ узявъ старый бондарь тай пана благаты,
Скынувъ шапку: «злизьте зъ коня, тай ходить до хаты (Кольб. 1).
45. Якъ увійшовъ панъ Канёвськый до новои хаты,
Та ставъ свои чорни очи хусткой обтыраты (Кольб. 1; Кост.; Нейм.).
46. Зломывъ свои билы рукы, та ставъ жалуваты:
«Хорошее дивча було, мусивемъ стриляты» (Кольб. 2; В. съ Ол. 2).
47. Ой, тыжъ моя, Бондаривно, якажъ бо ты гожа!
Ой, якъ же ты процвитаешъ, якъ въ городи рожа! (Кост.; Кольб. 2).
48. Ой, ты жъ моя, Бондаривно, якажъ бо ты била!
Ой, якъ же ты процвитаешъ, якъ въ саду лелія (Костом.).
49. Молодая Бондаривно, якажъ бо ты пышна,
Якъ у лити, у садочку, червоная вышня (Позн.).
50. Положылы Бондаривну на тысову лавку,
Докы звеливъ панъ Канёвськый выкопаты ямку (Голов. 2; Нейм.).
51. Лежыть, лежыть Бондаривна сутки, щей годыну,
Докы звеливъ панъ Канёвськый зробыть домовыну (Кост.; Позн.; Нейм.).
52. Ой, же казавъ панъ Канёвськый кытайкы набраты,
Молодои Бондаривни домовыну вбраты (Костом.).
53. Ой, же казавъ панъ Канёвськый щей склепъ склепуваты,
Молодую Бондаривну гарно поховаты (Костом.).
54. Ой то казавъ панъ Канёвськый музыкы наняты,
Молодои Бондаривни до гробу заграты (Костом.).
55. Якъ зачалы Бондаривну у гробъ опускаты,
Ой, то казавъ панъ Канёвськый ще жалибнишъ граты (Костом.).

56. Ударылы въ уси дзвоны, музыкы загралы,
А вже жъ панну Бондаривну на вики сховалы (Нейм.).
57. Ой, выкынувъ панъ Канёвськый на стилъ сто червоныхъ:
Ото тоби, Бондаривно, за чорныи бровы (Костом.).
58. Покынь, покынь старый бондарь, по дочци плакаты,
Покынь видеръ набываты, будешъ пануваты (Кост.).
59. Ударывся старый бондарь по полахъ рукою:
«Наложыла, моя доню, за всихъ головою» (Кост.; Голов. 2, 3; Вац. съ Ол. 1).
60. Ударывся старый бондарь объ стилъ головою:
«А вже-жъ ми ся не выдиты зъ мылою донькою (Голов. 1; В. зъ Ол. 2).

Нѣкоторые этнографы, при классификаціи пѣсеннаго матеріала, относятъ пѣсню о Бондаривнѣ къ пѣснямъ историческимъ. Это очевидная ошибка, въ которую легко впасть подъ вліяніемъ того лишь обстоятельства, что въ этой балладѣ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ каневскій староста Николай Потоцкій, пріобрѣтшій въ исторіи нашего края довольно печальную извѣстность. Замѣните въ пѣснѣ пана Каневскаго какимъ-нибудь княземъ или королевичемъ безъ опредѣленнаго имени, и получите нисколько не искаженную по смыслу балладу, но при этомъ читатель не будетъ имѣть малѣйшаго повода отыскивать въ ней историческое значеніе.

Личность Николая Потоцкаго, или правильнѣе «пана Канёвскаго» въ правобережной Малороссіи хотя и общеизвѣстно, но въ сущности очень мало изслѣдовано. Есть нѣсколько о немъ мемуарныхъ воспоминаній и множество изустныхъ разсказовъ о его эксцентричныхъ, часто преступныхъ выходкахъ. Несомнѣнно, что слава о его чудачествахъ и похожденіяхъ прогремѣла среди современниковъ, и панъ Каневскій сталъ притчей во языцѣхъ. О немъ разсказывали самыя невозможные исторіи и анекдоты. По этимъ разсказамъ, Потоцкій представляется какимъ-то нравственнымъ уродомъ. Съ одной стороны, это умный, добрый, справедливый и весьма щедрый магнатъ, любившій народъ и заботившійся о немъ; къ нему охотно шли на судъ въ самыхъ сложныхъ во-

просахъ и прибѣгали бѣдняки подъ его покровительство и защиту. Съ другой, это былъ дикій деспотъ, не знавшій надъ собой власти и не сознававшій никакихъ обязанностей, не знавшій предѣла разнузданнымъ своимъ страстямъ, предававшійся излишествамъ всякаго рода, бражничавшій во главѣ своихъ придворныхъ козаковъ и для удовлетворенія своихъ похотей не останавливавшійся даже предъ убійствомъ и кощунствомъ.—Продѣлать надъ кѣмъ-либо остроумную шутку, потѣшиться и отстегать нагайками жида—было его любимымъ развлеченіемъ. Настойчиво утверждаютъ разсказы, что, завидѣвъ красивую дѣвушку, онъ вѣнчался съ ней по церковному обряду, а на слѣдующій день, удовлетворивъ свою страсть, онъ приказывалъ убивать свою жертву и устраивалъ ей пышные похороны. Нагрѣшивъ, Потоцкій предавался покаянію и молитвѣ, жертвамъ на церкви и монастыри.—Все это, однако, мы знаемъ изъ однихъ только преданій, какъ мемуарныхъ, такъ и изустныхъ.—Доказательствъ серіозныхъ, документальныхъ, которыя-бы вполнѣ подтвердили всѣ эти разсказы, пока мы не имѣемъ, но знаемъ, что въ числѣ этихъ разсказовъ есть много апокрифическаго.—Вполнѣ точнаго объ этомъ магнатѣ знаемъ немного. Николай Потоцкій былъ сыномъ Белзскаго воеводы Стефана (Антона?), родился въ 1712 году и около 1735 года уже владѣетъ Каневскимъ староствомъ. Происходя изъ очень богатаго и могущественнаго рода Потоцкихъ-Пилявитовъ, онъ владѣлъ, кромѣ Каневскаго староства, обширными собственными имѣніями въ Галичинѣ и писался такъ: «Миколай на Потокѣ, Бучачѣ, Городенкѣ и Гологорахъ Потоцкій, староста Каневскій». Всѣ его ближайшіе родственники, пользуясь огромнымъ вліяніемъ въ Польшѣ, постоянно занимали всевозможныя государственныя должности на военномъ, гражданскомъ и духовномъ поприщахъ. Воеводы, каштеляны и гетманы не выходили изъ этого могущественнаго рода. Нашъ Николай Потоцкій всю свою общественную карьеру началъ и окончилъ на скромномъ, постоянно разоряемомъ пограничномъ староствѣ Каневскомъ, справиться съ которымъ могъ только такой, какъ онъ, магнатъ.—Въ 1710 г. Каневъ былъ разоренъ и жители всѣ выселены русскимъ правительствомъ за Днѣпръ. По возвращеніи Ка-

нева Польшѣ, началось новое устройство этого староства и, не смотря на постоянныя смуты, въ теченіе двадцати лѣтъ оно дошло до такого благосостоянія, что когда въ 1736 г. вступили въ него русскія войска, то майоръ Шенкіевъ могъ изъ однихъ доходовъ Николая Потоцкаго захватить 70.000 золотыхъ польскихъ [1]).—Изъ его дѣятельности въ Каневскомъ староствѣ извѣстно очень не много. Населеніе староствъ увеличилось; возникло при немъ нѣсколько новыхъ селъ, между прочимъ, около Ржищева с.с. Николаевка и Потокъ.—Къ нему тянутъ и бѣглые изъ другихъ мѣстъ крестьяне, очевидно, не страшась его имени Въ 1740 году Станиславъ Щепёвскій требуетъ отъ него судомъ возвращенія бѣглыхъ крестьянъ изъ двухъ селъ [2]).—Этотъ Щенёвскій владѣлъ сосѣднимъ Трехтемировскимъ старостомъ и не жилъ съ Потоцкимъ въ ладахъ. Въ 1750 г. по требованію Потоцкаго, возный арестовалъ въ Трехтемировѣ какихъ-то укрывшихся гайдамакъ, но ихъ возному не выдали, и дѣло пошло въ судъ [3]), а въ слѣдующемъ году Потоцкій заявилъ въ судѣ жалобу на Щенёвскаго, за то, что люди послѣдняго обижаютъ его крестьянъ, что онъ передерживаетъ у себя воровъ и т. п. [4]).—Что касается приписываемыхъ ему безчинствъ и насилій, то, пока, имѣется въ источникахъ лишь одинъ приговоръ суда по слѣдующему дѣлу. Николай Потоцкій не проживалъ постоянно въ Каневѣ, а пріѣзжалъ туда изъ своего собственнаго имѣнія Бучача, въ сопровожденіи отряда придворной милиціи, состоявшей изъ дворовыхъ козаковъ и волоховъ. По разсказамъ современниковъ, Потоцкій содержалъ на свой счетъ до 3.000 чел. войска. Въ 1739 или 1740 г. Потоцкій возвращался изъ Канева въ Бучачъ, въ Галичину. Во время прохода черезъ с. Карапыши, принадлежавшее къ Богуславскому староству князя Любомирскаго, отрядъ Потоцкаго произвелъ слѣдующія безчинства: козаки и волохи силою

---

1) Арх. ю.-з. Рос. III, 3. 409.

2) Ibid, VI, 2, 67.

3) Ibid, III, 3, 554.

4) Ibid, III, 3, 634.

взяли у крестьянъ сѣно и овесъ, а когда завѣдывавшій этимъ селомъ «осадчій» Савка протестовалъ противъ такого насилія, начальникъ отряда приказалъ его избить палками, послѣ чего Савка, проболѣвъ полгода, умеръ. Кромѣ того, какихъ-то три волоха или козака, на глазахъ людей, изнасиловали 2-хъ замужнихъ женщинъ, жену Скрыпки и жену Швеца; когда жена Скрыпки вырывалась, нанесли ей оружіемъ рану на рукѣ, мужей ихъ избили, причемъ Скрыпка отъ нанесенной ему полѣномъ раны черезъ 5 недѣль умеръ. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ Потоцкаго виновнымъ въ допущеніи незаконнаго забора сѣна и овса и приговорилъ его къ уплатѣ кн. Любомирскому убытковъ въ суммѣ 4.000 зл., штрафъ въ с. 2.000 зл. и головщины за смерть Савки 100 зл. и обязалъ его представить въ теченіе 6 недѣль виновныхъ въ судъ для привлеченія ихъ къ личной уголовной отвѣтственности [1]).—Обстоятельства эти установлены слѣдствіемъ въ Карапышахъ и изъ приговора не видно, чтобы Потоцкій принималъ личное участіе въ этихъ безчинствахъ.—Безчинства военныхъ проходящихъ отрядовъ въ то время были обычны, и описанная приговоромъ картина мало выдается изъ ряда другихъ подобныхъ явленій въ періодъ усобицъ XVIII вѣка.

Отсутствіе въ изданномъ архивномъ матеріалѣ указаній на преступную дѣятельность Потоцкаго, конечно, еще не оправдываетъ его предъ обвиненіемъ мемуаристовъ и голоса народа. Преступленія, совершенныя имъ въ предѣлахъ собственныхъ имѣній, могли и не сдѣлаться достояніемъ судебнаго производства. Быть можетъ, въ пыли архивной таится и многое, касающееся личности Николая Потоцкаго, но не нашлось желающаго заняться его біографіей. Панъ староста Каневскій, хотя и оригинальный типъ, но для историка никакого интереса не представляетъ, такъ какъ въ судьбахъ края роли выдающейся не игралъ.

Около 1760 г. Николай Потоцкій идетъ каяться въ монастырь, но не постригается въ монахи, а часто проживаетъ въ Почаевской обители, гдѣ онъ построилъ пышный и дорогой храмъ и монастырскія

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть III, т. 3, стр. 327—329.

зданія. Но и въ монастырѣ ему не сидѣлось; и здѣсь бурная его натура срывала узды обѣта, и онъ отправлялся, по прежнему, чудить и неистовствовать. Дожилъ онъ, однако, до 70 лѣтъ и умеръ 12 іюня 1782 г. Его похоронили въ Почаевской монастырской церкви, какъ благодѣтеля обители, согласно его завѣщанію составленному въ 1774 году. Умеръ онъ бездѣтнымъ и еще за жизни передалъ всѣ свои имѣнія родственникамъ. Изъ сохранившейся въ Почаевской лаврѣ его переписки съ Игнатіемъ Бѣлинскимъ, прото-архимандритомъ этого монастыря, касавшейся возводимыхъ на его счетъ построекъ, видно, что Николай Потоцкій съ 1761 по 1772 годъ проживалъ все же въ своемъ имѣніи, г. Бучачѣ.

Этотъ переломъ въ жизни, это отреченіе отъ міра, молва объяснила себѣ тѣмъ, что Потоцкій скрылся за монастырской стѣной отъ уголовной кары, которая тяготѣла надъ нимъ за многочисленныя его преступленія. Одни называютъ его банитомъ, т. е. изгнанникомъ изъ отечества, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія и всякаго покровительства закона, другіе насчитываютъ за нимъ 150 уголовныхъ приговоровъ, не исполненныхъ и т. п. [1])—Мнѣ кажется все это маловѣроятнымъ и, во всякомъ случаѣ, необоснованнымъ.—Магнатъ Потоцкій, врядъ-ли могъ стать банитомъ, а стѣны Почаевскаго монастыря защитить бы его не могли.—Есть въ исторіи Польши случаи баниціи вельможъ, но случаи эти раздавались громкимъ эхомъ и колебали основы государства.—О приговорѣ Николая Потоцкаго къ баниціи мы ничего не знаемъ, не знали объ этомъ и его современники. Пять лѣтъ спустя послѣ его смерти, король Станиславъ Августъ былъ въ Каневѣ по случаю встрѣчи Императрицы Екатерины II, и при немъ зашла рѣчь о Потоцкомъ. Присутствовавшій тамъ гр. Плятеръ такъ передаетъ слышанное: По тому поводу, что Каневъ находился во владѣніи белзкаго воеводича Николая Потоцкаго, прославившагося на всю Польшу своими *выходками* и *приключеніями*, разбирали различные *анегдоты* о немъ и бывавшіе съ нимъ *въ жизни случаи.*

---

1) Кіевс. Старина. 1885. Октябрь. Познанскаго, двѣ старыя пѣсни, стр. 234).

Не оставили безъ вниманія и того любопытнаго превращенія, когда Потоцкій изъ владѣльца громаднѣйшихъ имѣній съ милліоннымъ доходомъ, содержавшаго до 3.000 надворнаго войска, вдругъ превратился въ базиліанскаго монаха, передавъ всѣ имѣнія роднымъ. Можно думать, что этотъ его поступокъ объясняется желаніемъ предоставить своей молодой женѣ, съ которой онъ, однако, не жилъ, но законнаго развода получить не могъ,—освобожденіе отъ брачнаго обѣта и право вступить въ новый бракъ» [1]). Такъ бесѣдовали современники при королѣ: выходки, анегдоты и только. До уголовныхъ приговоровъ и баниціи очень далеко и невѣроятно.—Потоцкій, говорятъ, носилъ козацкій костюмъ, любилъ ходить переодѣтымъ въ простое платье и пировать съ крестьянами; даже портреты съ него писали съ оселедцемъ.. Подобное поведеніе магната на Украинѣ, да еще въ то время, когда шла неустанная борьба съ гайдамаками, могло импонировать на современниковъ и тѣмъ увеличивало популярность пана Каневскаго.

Есть указанія на то, что Николай Потоцкій до послѣдняго времени своей свѣтской жизни пользовался и въ обществѣ и среди своего рода если не авторитетомъ, то все-таки извѣстнымъ значеніемъ и вѣсомъ. Къ этому заключенію приводитъ слѣдующее обстоятельство. Въ 1755 г. судья земскій брацлавскій Михаилъ Грохольскій купилъ у Антона Потоцкаго, старосты блонскаго, обширное имѣніе Стрижавское, въ винницкомъ повѣтѣ. Послѣ этой покупки обращено было взысканію значительнаго долга Потоцкихъ, тяготѣвшаго на этомъ имѣніи и подлежавшаго по договору съ Грохольскимъ уплатѣ изъ другого имѣнія Потоцкихъ, Гусятина. Владѣлецъ Гусятина, тоже Антонъ Потоцкій, воевода белзкій, медлилъ съ уплатой, и Грохольскій поставленъ былъ въ критическое положеніе, такъ какъ взысканіе обращено было на Стрижавку. Хотя Грохольскій и могъ судебнымъ порядкомъ требовать отъ владѣльца Гусятина уплаты этой суммы, но не могъ предотвратить взысканія со Стрижавки, поэтому онъ

---

[1]) Ibid, 1885, ноябрь. Новицкій. Два Слова о панѣ Каневскомъ, стр. 554.

предпринималъ всевозможныя мѣры, чтобы склонить Антона Потоцкаго уплатить своевременно, безъ процесса, причитающійся долгъ и освободить отъ него его Стрижавку. Между прочимъ, онъ обратился къ Николаю Потоцкому, каневскому старостѣ, съ просьбой повліять въ его справедливомъ дѣлѣ на владѣльца Гусятина, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Вельможный господинъ судья земскій брацлавскій, мой очень милостивый государь и дорогой братъ! Помогать въ вашихъ дѣлахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, я всегда охотно готовъ. Что въ спорѣ, который вы имѣете съ г. воеводой белзкимъ, я оказать вамъ содѣйствія не могу, вы сами признаете меня оправданнымъ; законная же отвѣтственность по этому дѣлу на мнѣ лежать не можетъ, такъ какъ я считаюсь владѣльцемъ Гусятина только титулярно. Въ ожиданіи другихъ вашихъ, милостивый государь, приказаній остаюсь съ должнымъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь, искренно преданнымъ братомъ и покорнымъ слугой. M. Potocki, m. p.»—Письмо это, датированное изъ Бучача въ 1758 г., почти наканунѣ покаянія Потоцкаго въ монастырѣ, писано изысканнымъ канцелярскимъ почеркомъ, а подписано имъ самимъ красиво и энергично [1]). Фактъ обращенія къ Потоцкому Михаила Грохольскаго, человѣка умнаго и тоже вліятельнаго, и тонъ отвѣта Потоцкаго не говорятъ за то, чтобы каневскій староста былъ какимъ-то отрепьемъ, заклейменнымъ преступникомъ, банитомъ.—Съ поступленіемъ въ монастырь онъ, вѣроятно, отказался и отъ каневскаго

---

[1]) Частный архивъ гр. Грохольскихъ. Подлинный текстъ этого письма слѣдующій: Wielmożny Moi Panie Sędzio Ziemski Bracławski, Moy wielce Moi Panie y Kochany Bracie. Interessom WMMc. Pana dopomagać ile mi się zdarzy okkazia iest zawsze we mnie nieodmienna ochota. Temu ktory zachodzi z Jmcię Panem Wojewodą Bełzkim, że służyć nie mogę, sam Wmmc Pan sprawiedliwą uznasz racyą. Mnie ten interes do prawa by naymniey pociągać nie powinien, bo tylko tytularnym Usiatyna Jestem Possesorem. W oczekiwaniu Jnnych Wmmc Pana rozkazow jestem z winnym uszanowaniem WMM. Pana szczerze życzliwym Bratem y uniżonym sługą. M. Potocki. Mp.

старства, перешедшаго послѣ него къ Игнатію Потоцкому, львовскому каштеляну, котораго встрѣчаемъ съ этимъ титуломъ въ 1771 году.—Слѣдуетъ, поэтому, полагать, что Николай Потоцкій владѣлъ Каневомъ въ теченіе около 35 лѣтъ [1]).

Для надлежащей оцѣнки личности пана Канёвскаго, какъ сказано выше, я подъ руками матеріаловъ не имѣю, но исходя изъ имѣющихся данныхъ, мы видимъ, что личность эта почти никакой исторической роли не играла. Этотъ могущественный староста не виденъ даже въ бушевавшей въ его время борьбѣ съ гайдамачествомъ. Богатый владѣлецъ восточной Галиціи и администраторъ порубежнаго украинскаго староства, онъ можетъ представлять лишь интересъ въ бытовомъ отношеніи. Но и здѣсь онъ не можетъ служить для насъ исторически-бытовымъ типомъ. Если половина разсказовъ о немъ правдива, то его разнузданная неукротимость является нравственнымъ уродствомъ не только по нашимъ понятіямъ, но таковымъ почиталось и современниками, и поэтому Потоцкій не можетъ быть выразителемъ своей эпохи и служить иллюстраціей бытовой жизни украинскаго шляхетства въ XVIII вѣкѣ.

Описанное въ балладѣ убійство Бондаривны нельзя связывать съ несомнѣнной испорченностью нравовъ польско-украинскаго шляхетства того времени, а приходится объяснить исключительно характеромъ самого Потоцкаго, котораго типъ легко повториться можетъ со всевозможными варіаціями во всякую историческую эпоху. Вотъ почему нѣтъ ровно никакого основанія относить пѣсню о Бондаривнѣ къ историческимъ пѣснямъ. Вацлавъ съ Олеска совершенно правильно выдѣлилъ ее въ отдѣлъ пѣсенъ, относящихся къ событіямъ личнаго характера, а г.г. Антоновичъ и Драгомановъ въ свой сборникъ историческихъ пѣсенъ ея не приняли.

---

[1]) Нѣсколько данныхъ о Потоцкомъ въ ст. кн. Н. С. Голицына: Почаевская Успенская Лавра, въ Кіев. Стар. 1887 г., іюнь, 365—380.

Въ балладѣ дѣйствующее лицо не названо Николаемъ Потоцкимъ, а лишь *паномъ Канёвскимъ*; сомнѣнія, однако, въ личности быть не можетъ. По обычаямъ того времени, фамильныя названія не были въ повседневномъ обиходѣ. Среди шляхты установился обычай титуловать безъ упоминанія фамилій. Въ частной перепискѣ того времени сплошь и рядомъ вы встрѣчаете. вмѣсто именъ и фамилій, только титулы. Обычай этотъ проникъ даже въ переписку оффиціальную и дѣловую. Среди простого народа фамиліи владѣльцевъ или должностныхъ лицъ были еще менѣе въ ходу. Вотъ почему для народа имя Николай Потоцкій превратилось просто въ пана Канёвского, владѣвшаго продолжительное время каневскимъ староствомъ. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ во всемъ краѣ и во всей Польшѣ. Другого старосты каневскаго, которому можно было бы приписать убійство Бондаривны, не было.

Въ сводномъ текстѣ баллады мы оставили названіе г. Богуслава, какъ мѣста дѣйствія, единственно вслѣдствіе того, что оно настойчиво повторяется въ четырехъ варіантахъ, изъ которыхъ три принадлежатъ такой отдаленной отъ Богуслава мѣстности, какъ Галиція. Въ прочихъ варіантахъ мы встрѣчаемъ три раза Берестечко, два раза Городенку, и по одному разу Кіевъ, Луцкъ, Немировъ и Бердичевъ. Упоминаніе въ пѣснѣ того или другого города, разумѣется, не можетъ служить намъ указаніемъ на дѣйствительное мѣсто описываемаго событія. Берестечко, напр., весьма часто употребляется въ пѣснѣ только благодаря своему созвучію съ «мистечко». Такія выраженія, какъ: «ой, въ мистечку Берестечку», наравнѣ съ другимъ: «ой, у поли Борысполи» и т. п., сдѣлались въ народной поэзіи положительно общими мѣстами, означающими какую то неопредѣленную мѣстность. Для опредѣленія дѣйствительнаго мѣста событія у насъ данныхъ не имѣется. Большинство варіантовъ записано въ Галиціи, а потому можно было бы предположить, что родиной баллады была именно Галиція, а не Украина и Богуславъ, но для такого предположенія у насъ мало варіантовъ, неравномѣрное распредѣленіе которыхъ по мѣстностямъ могло произойти совершенно случайно. Пока

еще невозможно сказать съ достовѣрностью, гдѣ эта пѣсня болѣе распространена и гдѣ сохранились болѣе полные варіанты.

Въ волынскихъ варіантахъ Костомарова и Рокоссовской и въ моемъ рукописномъ Ольгопольскомъ имѣются почти несомнѣнныя указанія на ихъ галицкое происхожденіе. Въ нихъ упоминаются наравнѣ съ галицкими варіантами *жандары* (Ольгоп. и Рокос.) и *жовниры* (Костом.). Оба эти термина введены въ пѣсню въ новѣйшее время и именно въ Галиціи, гдѣ народъ подъ Австрійскимъ управленіемъ познакомился и съ жовнирами и съ жандарами. Ни Волынь, ни Ольгопольскій уѣздъ никогда ихъ близко не знали и если они здѣсь оказались, то, очевидно, зашли съ пѣсней изъ Галиціи. Кромѣ очень пострадавшаго варіанта Познанскаго изъ Кіевщины и варіанта Закревскаго, носящаго на себя слѣды нѣкоторой литературной шлифовки, всѣ остальные тринадцать варіантовъ или записаны въ восточной Галиціи или носятъ слѣды галицкаго происхожденія. Въ польскомъ переводѣ Словиковскаго, сдѣланномъ еще въ 1842 году, дѣйствіе происходитъ въ Берестечкѣ. Въ этомъ варіантѣ староста каневскій является на вечеринку переодѣтымъ, выдаетъ себя за сапожника изъ Ляховецъ (мѣстечко Острожскаго уѣзда) и, объясняясь Бондаривнѣ въ своихъ чувствахъ, слѣдующими словами рисуетъ ей будущность:

. . . . . . hej 'w swiat ruszaj ze mną:
Gdzie Dniepr płynie, w Ukrainie będziesz ze mną żyła,
Z panoszami za stołami drogie wina piła.

Выходитъ, что Днѣпръ и Украина были далекимъ свѣтомъ для мѣста описываемаго событія. Т. Стецкій, приводя свой волынскій варіантъ, говоритъ, между прочимъ, что въ окрестностяхъ Луцка народъ поетъ эту пѣсню, какъ балладу о смерти дочери луцкаго бондаря, что даже портретъ этой несчастной можно было въ его время встрѣтить во многихъ домахъ этой мѣстности [1]).

---

[1]) *Pokucie II*. 293.

Г. Познанскій приводитъ въ Кіевской Старинѣ неизвѣстно отъ кого и гдѣ записанное преданіе о томъ, что убійство Бондаривны случилось въ с. Потокѣ, Каневскаго уѣзда; но преданію этому нельзя придать никакого значенія, такъ какъ оно, какъ увидимъ ниже, ничего не имѣетъ общаго съ балладой о Бондаривнѣ. Трудно вѣрить и указанію Стецкаго, такъ какъ Луцкъ въ то время былъ значительнымъ центромъ и Потоцкій, не имѣвшій въ немъ никакой власти, не могъ бы со своими козаками такъ свободно въ немъ распоряжаться. Если допустить, что баллада о Бондаривнѣ галицкаго происхожденія, то, принявъ во вниманіе, что баллады создаются на мѣстѣ воспѣваемыхъ событій, можно было бы съ большей или меньшей вѣроятностью допустить, что убійство Бондаривны случилось въ одномъ изъ галицкихъ имѣній Потоцкаго, напр. въ м. Городенкѣ.

Во всякомъ случаѣ, событіе это случилось въ мѣстечкѣ или городѣ, но не въ селѣ. Во всѣхъ варіантахъ прямо указано, что событіе имѣло мѣсто въ мѣстечкѣ, либо въ городѣ; въ нѣкоторыхъ упоминается, что Бондаривна участвовала въ танцахъ около «ратуши», учрежденія городского, что она бѣжала, уходя отъ преслѣдованія, «поможе крамныци», т. е. торговыя лавки, а въ одномъ волынскомъ варіантѣ Рокоссовской имѣется еще подробность слѣдующая: преслѣдовавшіе Бондаривну бѣжали по ея слѣдамъ, согласно указаніямъ видѣвшихъ ее то «жидовъ пелехатыхъ», то «жидовскихъ дѣтей». Эта подробность тоже указываетъ на городъ или мѣстечко, такъ какъ въ деревняхъ и селахъ евреевъ было всегда немного.—Да и самое ремесло ея отца, бондарство, говоритъ за то, что эта красавица не была крестьянкой, а мѣщанкой, такъ какъ ремесленники въ то время исключительно жили въ городахъ и мѣстечкахъ. Нѣтъ, поэтому, никакого основанія пріурочивать убійство Бондаривны къ какому-либо селу, а тѣмъ болѣе къ с. Потокъ, Каневскаго уѣзда, только что основанному Потоцкимъ, какъ это предположилъ г. Познанскій.

Переходя къ содержанію баллады, прежде всего мы должны отмѣтить, что оскорбленная Потоцкимъ Бондаривна была чистой, невинной дѣвушкой. Пять галицкихъ варіантовъ категорически на всѣ лады повторяютъ:

А молода Бондаривна ще жарту не знала,
Та старого Канёвського по лыцю затяла.

Она не привыкла къ такимъ «жартамъ», какъ поцѣлуй и объятія незнакомаго, посторонняго мущины. Подобное поведеніе пана Канёвского до того ее оскорбило и возмутило, что она, простая мѣщанка, не задумалась тутъ же дать ему пощечину. Въ Костомаровскомъ варіантѣ, записанномъ у Чубинскаго, начало баллады немного отличается отъ прочихъ варіантовъ:

Ой, у Луцку, славнимъ мисти, капелія грае,
Молодая Бондаривна цилу ничъ гуляе.
Бувъ на той часъ панъ Канёвськый въ Луцку на охоти,
Довидався о лэдности и о іи *цноти*.
Бувъ цикавый панъ Канёвськый Бондаривну знаты,
Взявъ зъ собою трохъ гусаривъ, пишовъ выглядаты.

Здѣсь прямо высказывается, что Бондаривна была извѣстна въ Луцкѣ своей красотою и невинностью («цнота», слово польское, означается честность, а по отношенію къ женщинамъ—цѣломудріе); это то и подзадорило сластолюбиваго Потоцкаго, пожелавшаго сорвать невинный цвѣтокъ. Всѣ остальные варіанты хотя и не указываютъ прямо на невинность этой дѣвушки, но ничѣмъ не наводятъ на нее даже тѣни сомнѣнія. Вездѣ въ этой балладѣ Бондаривна называется то дѣвушкой (панной), то молодой, ведущей въ дѣвичьемъ хороводѣ первую роль, «усимъ передъ водыть», и обрисована всѣми симпатичными чертами непорочнаго идеальнаго дѣвичества, оскорбленнаго грубой и пошлой выходкой. Согласно пѣснѣ, посланный за ней въ погоню козакъ, привыкшій безъ разсужденій исполнять волю дикаго вельможи, преклоняясь предъ невинной красотой дѣвушки:

. . . . прыгорнувъ до себе:
Панно жъ моя, Бондаривно, жалко жъ мени тебе.
Воливъ бы я, Бондаривно, зъ тобой шлюбъ узяты,
Нижъ панови Канёвському въ рукы тя виддаты.

Далѣе пѣснь разсказываетъ о томъ, какъ Потоцкій, сожалѣя о своемъ поступкѣ, высказываетъ свое восхищеніе прелестями Бондаривны, сравниваетъ ее съ розой, лиліей, вишней въ саду и, наконецъ, замѣчаетъ: «Хорошее, *дивча* було, мусивемъ стриляты?» Одѣвая Бондаривну для похоронъ, по словамъ пѣсни, сплели для нея «два винкы зъ *барвинку* и убралы Бондаривну, якъ до шлюбу дивку». Вѣнокъ изъ барвинка символъ дѣвичества. Женщинѣ замужней, покрыткѣ или развратной никогда вѣнка изъ барвинка въ гробъ не положатъ.

Вся симпатичность личности Бондаривны и высокій трагизмъ баллады основаны именно на этой идеальной ея невинности, устоявшей передъ предложеніями и угрозами развратнаго пана. Единственный диссонансъ въ этомъ отношеніи представляетъ варіантъ г. Познанскаго въ Кіевской Старинѣ. Въ немъ читаемъ, что Потоцкій, подойдя къ танцовавшей Бондаривнѣ, говоритъ ей:

Чы кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
(Та) якъ перше до намету, було, прыхожала?
— Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу мижъ панамы, за пса тебе маю!

Два эти куплета надо безусловно признать искаженіемъ основной пѣсни, позднѣйшей неудачной мѣстной амплетой къ полузабытой пѣснѣ, которая въ варіантѣ г. Познанскаго, вообще, много пострадала и далеко уклонилась отъ своего первообраза. Сбросьте съ Бондаривны ореолъ чистоты и гордой невинности, и мы въ ней увидимъ не образъ оскорбленной дѣвушки, а бойкую, разгульную покрытку, для которой предложенія и поведеніе прежняго любовника-магната не могли быть до того оскорбительными, чтобы вызвать рискованную пощечину.

Два вышеприведенные куплета привели г. Познанскому на память слышанный имъ разсказъ, какъ однажды Потоцкій, будучи въ пьяномъ видѣ, въ с. Потокѣ, Каневскаго уѣзда, застрѣлилъ вошедшую къ нему въ палатку безъ доклада свою любовницу и затѣмъ очень сожалѣлъ о ней и самъ ее хоронилъ [1]).

---

1) Кіевс. Старина 1885 г. Октябрь стр. 241.

Весь этотъ разсказъ имѣетъ только то общее съ балладой о Бондаривнѣ, что, какъ здѣсь, такъ и тамъ, панъ Каневскій убивается по убитой имъ женщинѣ и устраиваетъ ей похороны. Эпизодъ этотъ, однако совершенно второстепенный въ балладѣ и, судя по разсказамъ, не единственный въ жизни Николая Потоцкаго. Есть разсказы о его бракахъ съ крестьянскими дѣвушками на однѣ сутки, послѣ которыхъ несчастныхъ убивали и торжественно хоронили. Если эти и имъ подобные разсказы вѣрны, то разсказъ г. Познанскаго можетъ относиться къ одному изъ приписываемыхъ Потоцкому преступленій, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ событію, воспѣтому въ пѣснѣ о Бондаривнѣ. Еслибы убійство Бондаривны, какъ заключилъ г. Познанскій, случилось при обстоятельствахъ, изложенныхъ въ его разсказѣ, то фабула этого разсказа непремѣнно проникла бы въ пѣсню или оставила слѣды хотя бы въ одномъ какомъ нибудь варіантѣ. Народная пѣсня ни въ какомъ случаѣ не могла бы исказить описываемаго факта до той степени, чтобы изъ вхожей къ Потоцкому наложницы сдѣлать невинную дѣвушку, а мотивъ убійства—умоизступленіе отъ остраго отравленія алкоголемъ—замѣнить раздраженіемъ, вызваннымъ полученной публично пощечиной. Дѣло въ томъ, что каждая народная эпическая пѣсня не есть произведеніе фантазіи, воспѣвающее выдуманное событіе. Народъ стремится и умѣетъ воспѣвать въ своемъ эпосѣ одну лишь дѣйствительность, отъ того всѣ эпическія пѣсни, какъ это уже провѣрено на историческихъ, воспроизводятъ съ поразительной точностью даже въ мелкихъ иногда подробностяхъ все случившееся. Съ теченіемъ времени, правда, начинается искаженіе пѣсни, но оно касается всегда только частностей, какъ то: именъ, названій мѣстъ, аттрибутовъ и т. п. Пѣсня можетъ позабыться, сохранившись въ небольшомъ только фрагментѣ, даже совсѣмъ исчезнуть, но она никогда не измѣнитъ основной фабулы, которая до конца жизни пѣсни остается вѣрной первообразу. Народъ относится съ полною вѣрою къ разсказу эпической пѣсни, какъ къ живой хроникѣ; онъ не умѣетъ, не способенъ фантазировать и создавать небывалыя фабулы. Всѣ эти соображенія заставляютъ

насъ прійти къ заключенію, что будетъ совершенно неосновательно связывать пѣсню о Бондаривнѣ съ приведеннымъ г. Познанскимъ разсказомъ. На это его подкупили два некстати вставленные куплета въ его же варіантѣ.

Общая картина событія и указанія въ нѣкоторыхъ варіантахъ наводятъ на заключеніе, что Бондаривна даже не знала Потоцкаго и нанесла ему пощечину, не предполагая, что имѣетъ дѣло съ грознымъ вельможей. Трудно предположить, чтобы скромная мѣщанская дѣвушка, даже при нанесенномъ ей оскорбленіи со стороны Потоцкаго, осмѣлилась поднять руку на него, еслибы знала кто онъ. Во всѣхъ почти варіантахъ имѣется слѣдующій куплетъ:

Ой, шепнулы Бондаривни стари люде стыха:
Тикай, тикай, Бондаривно, наробылась лыха.

Изъ этого маленькаго эпизода слѣдуетъ заключить, что и по нанесеніи удара Бондаривна не особенно безпокоилась, полагая что имѣетъ дѣло съ простымъ смертнымъ, и только тогда, когда старики шепнули ей, что это Потоцкій и что ей грозитъ серіозная опасность, она бросилась бѣжать. Заблужденіе Бондаривны станетъ понятнымъ, если вспомнимъ, что Потоцкій явился на хороводъ не въ блескѣ своего величія, а безъ свиты, инкогнито, захвативъ съ собой лишь «трехъ гусаровъ», какъ разсказываетъ варіантъ Костомарова, быть можетъ даже переодѣтымъ за сапожника изъ Ляховецъ, какъ утверждаетъ переводъ Словиковскаго. Весьма, поэтому, вѣроятно, что дошедшіе до насъ варіанты не полны и что въ первичной пѣснѣ Потоцкій предпринялъ свои ухаживанія передѣвшись простолюдиномъ. Это поведеніе вполнѣ согласуется съ ходячими о немъ разсказами.

Этому весьма вѣроятному положенію до нѣкоторой степени противорѣчатъ указанія въ пѣснѣ на то, что Бондаривна знала Потоцкаго во время его ухаживанія. Объ этомъ говорятъ впрочемъ только два куплета, одинъ изъ варіанта Головацкаго № 4, и одинъ изъ моего варіанта изъ Липовецкаго уѣзда, а именно:

А якый ты панъ Канёвськый, така Бондаривна:
Не прыступай за пальчыкы, бо-мъ не твоя ривня.

а далѣе, ударивъ Потоцкаго по лицу, Бондаривна поясняетъ:

Не годенъ ты, панъ Канёвськый, мене цилуваты,
Тилькы годенъ, панъ Канёвськый, мене роззуваты.

Оба эти куплета, имѣющіеся по одному разу въ различныхъ варіантахъ, мало вяжутся съ другими деталями происшествія, а потому ихъ слѣдуетъ признать позднѣйшей амплетой, допущенной для болѣе рельефной обрисовки гордости Бондаривны.

Держась строго основной фабулы, многіе варіанты представляютъ различныя отклоненія въ частностяхъ, происшедшія отчасти вслѣдствіе вліянія мѣстности, куда забрела пѣсня, а отчасти вслѣдствіе порчи и искаженія пѣсни.

Мѣстный элементъ, преимущественно западный, отразился въ пѣснѣ довольно явственно. Кромѣ указанныхъ выше, *жовняровъ* и *жандаровъ*, укажемъ еще слѣдующія мѣстныя выраженія.

Ой, у мисти Богуслави *капелія* грала (куплетъ 2).

Капелія, означающая оркестръ, слово заимствованное здѣсь изъ польской рѣчи. Народъ зналъ свою комбинированную музыку, главнымъ образомъ «троистую», но особаго названія ей не давалъ, ограничиваясь словомъ «музы́кы» (plurale). Польскіе магнаты XVIII в. нерѣдко содержали въ своихъ резиденціяхъ иногда очень большіе оркестры, которые носили названіе капелій. О такой именно капеліи и идетъ рѣчь въ пѣснѣ. Капелія эта играла въ *ратушъ*. Такъ во всей правобережной Украинѣ, на Волыни и въ Галиціи (по сіе время), именовались дома городского самоуправленія, устроеннаго по магдебургскому праву.

По словамъ галицкаго варіанта, Потоцкій, «пишовъ до *пывныци* шабли добуваты». *Пывныця* (piwnica) слово польское, означающее погребъ, устроенный собственно для храненія напитковъ, въ дѣйствительности же въ *пывныцяхъ* подъ домами и замками хранилось все цѣнное. Терминъ этотъ не употребителенъ

въ народной рѣчи Кіевщины и Волыни. Здѣсь болѣе распространено слово лёхъ (изъ нѣмецкаго) въ значеніи домашняго погреба. Даже поляки юго-западнаго края по большей части употребляютъ слово лёхъ. Но въ Галичинѣ въ общемъ употребленіи слово пывныця, какъ у русиновъ, такъ и у поляковъ.

По волынскому варіанту, Потоцкій приказалъ въ могилѣ для Бондаривны *«склепъ склепуваты»*, т. е. устроитъ каменную гробницу со сводомъ. Польское sklep, sklepienie означаетъ сводъ, и съ этимъ значеніемъ оно перешло и въ малорусскую рѣчь. Обычай хоронить умершихъ въ землѣ подъ сводомъ присущъ былъ только богатому классу; простолюдины засыпали, какъ и теперь, своихъ покойниковъ прямо землей.

Къ мѣстнымъ, быть можетъ позднѣйшимъ, наслоеніямъ слѣдуетъ отнести записанное въ двухъ покутскихъ варіантахъ упоминаніе о ксендзахъ и органахъ на похоронахъ Бандаривны. По словамъ пѣсни, Потоцкій приказываетъ:

Шобы мою Бондаривну тры ксёндзы ховалы,
Шобы моій Бондаривни вси вирганы гралы.

Этого уніатского вліянія мы не видимъ въ другихъ варіантахъ, даже въ галицкихъ, записанныхъ раньше. Вмѣсто органовъ, пѣсня упоминаетъ постоянно о музыкѣ и о колокольномъ звонѣ.

Довольно большое разнообразіе представляютъ варіанты въ названіяхъ людей, посланныхъ Потоцкимъ въ погоню за Бондаривной. То они именуются «жовнярами» (4 раза), то «ляшеньками» (3 раза), то «козакамы» (3 раза); рѣже читаемъ: «гайдукы» (2 раза), «капрали», «жандары» и «ляхы-гайдамакы» (по 1 разу). Число ихъ указывается тоже различное: то три, то два. Изъ всѣхъ этихъ названій, разумѣется, болѣе всего подходитъ къ содержанію пѣсни «козаки», такъ какъ Потоцкій окружалъ себя именно дворовыми козаками, съ которыми и творилъ всѣ безобразія.

Въ большинствѣ варіантовъ, Потоцкій убиваетъ Бондаривну «зъ рушныци», иногда «срибнои» и даже «срибною кулею». Въ варіантѣ г. Познанскаго, записанномъ въ недавнее время въ Ка-

невскомъ уѣздѣ, вмѣсто чистаго малорусскаго: «рушныця», читаемъ «ружье заряжае». Здѣсь, очевидно, оказалось искаженіе подъ вліяніемъ солдатчины. Оригинальнымъ анахронизмомъ для XVIII ст. является въ трехъ варіантахъ (Головацкаго № 2 и 3 и Закревскаго), вмѣсто «рушныци», *лукъ*. Объяснить это приходится лишь тѣмъ, что слово лукъ введено въ пѣсню для созвучія и рифмы со словами «прылука» (случай), и «стала нима и глуха», рядомъ съ которыми оно и поется;—быть можетъ, что́ это только вставка изъ другой какой-нибудь, болѣе старой пѣсни.

Въ одномъ изъ варіантовъ убитую Бондаривну кладутъ на *тысову* лавку. Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе это, встрѣчающееся очень часто въ славянскихъ пѣсняхъ, особенно въ старыхъ обрядовыхъ (тесовы ворота, столы и т. п.) должно писаться черезъ «ы» или «и», а не черезъ «е», такъ какъ оно происходитъ не отъ *тесать, тёсъ*, а отъ слова *тисъ*, *cis*, названія вымершаго у насъ хвойнаго дерева (Tuxus baccata), которымъ изобиловали когда-то наши лѣса. Нынѣ оно поподается еще въ Карпатскихъ горахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ западной Европы. Оно долговѣчно, достигаетъ большихъ размѣровъ и отличается весьма твердой древесиной своеобразнаго красноватаго цвѣта. Цвѣтъ этотъ по-польски такъ и называется cisawy. Въ прежнее время изъ него дѣлались нашими предками лучшая мебель и другія болѣе цѣнныя подѣлки. Оставшееся объ этомъ деревѣ воспоминаніе въ пѣсняхъ стушевывается окончательно передѣлкой *тисовыхъ* столовъ, лавъ, воротъ, и т. п. въ *тесовые*. Это же слово употреблено и въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (сонъ Святослава).

Въ двухъ галицкихъ варіантахъ (Вацл. съ Ол. № 1 и Головац. № 2), конецъ баллады искаженъ совершенно. Вмѣсто торжественныхъ похоронъ, въ этихъ варіантахъ раненную Бондаривну *топятъ* въ глубокомъ Дунаѣ:

А узелы боднарочку по пидъ билы бокы,
Витакъ (затѣмъ) верглы боднарочку на Дунай глубокы.

И узела боднарочка на спидъ потопаты,
Взела она до мамочкы стыха промовляты:

А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома петь, петь,
Не пускай ихъ спизна въ корчму, та най дома спеть, спеть.
А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома дви, дви,
Не дай же имъ таку волю, якусь дала мени.

Образъ брошенной въ Дунай дѣвушки, взывающей къ матери, чтобы она берегла остальныхъ дочерей, несомнѣнно заимствованъ изъ совершенно другой, очень древней баллады, воспѣвающей убійство сманенной разбойникомъ и ограбленной дѣвушки[1]). Такое заимствованіе, весьма частое въ народной поэзіи, въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что народъ ищетъ въ эпическомъ разсказѣ о какомъ-нибудь необыкновенномъ случаѣ назидательной морали. Горькая судьба несчастной Бондаривны невольно напомнила другую убитую дѣвицу, пострадавшую вслѣдствіе своей довѣрчивости къ незнакомцу, встрѣченному въ корчмѣ за глазами матери, неуспѣвшей предотвратить обмана и несчастія. Готовая мораль изъ этой баллады сама просится въ пѣсню о Бондаривнѣ, но перенести ее, приклеить къ Бондаривнѣ въ той формѣ, въ какой она поется въ старой балладѣ, нельзя, не отбросивъ всего эпизода о похоронахъ. Вотъ почему, я думаю, и произошло искаженіе баллады.

Далеко удачнѣе проявилось это стремленіе къ дидактизму въ третьемъ галицкомъ варіантѣ (Головац. № 3). Здѣсь, послѣ заключительныхъ словъ убитаго ґоремъ бондаря, выводится на сцену и *мать убитой*:

А старая Бондарыха дуже умливала,
Бо своеи дочереньки дуже жалувала.
Вдарылася Бондарыха по полахъ рукамы:
Казала я тоби, доню, не стій зъ козакамы.

---

[1]) См. *Головацкій*, I, 163, II, 87; *Кіевс. Старина*, V, 907; *Чубинскій*, III, 473, V, любовныя 94; *Zbior Wiad. do Antr. Kr.* III, Rulikowski Zap. Etn. 150; IV, 129; *Kolberg* Lud I, 5, VI, 336, и много др.

Въ обоихъ случаяхъ мораль одна и таже, явно пришитая на живую нитку къ балладѣ, при этомъ не совсѣмъ впопадъ. Ни публичная забава, ни козаки въ смерти Бондаривны не повинны. Виною здѣсь несовмѣстимость двухъ началъ: неприступнаго дѣвичьяго цѣломудрія и неудержимой ярости сладострастнаго вельможи.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о пѣсенной формѣ этой баллады. Всѣ варіанты построены по одной схемѣ: 2(8+6), т. е., куплетъ всегда состоитъ изъ двухъ длинныхъ стиховъ, раздѣленыхъ на двѣ части, изъ которыхъ первая состоитъ изъ восьми слоговъ, а вторая изъ шести:

А въ мистечку Богуславку ‖ Круглый танець ходыть.
Молодая Бондаривна ‖ Усимъ передъ водыть.

Ни въ одномъ варіантѣ не замѣчается малѣйшаго уклоненія отъ этого склада, что вполнѣ естественно объясняется происхожденіемъ ихъ отъ одной пѣсни. Въ двухъ-трехъ варіантахъ найдется случайный стихъ короче или длиннѣе на одинъ слогъ, но это, разумѣется, надо отнести къ весьма частымъ ошибкамъ записывавшихъ или переписчиковъ.

По поводу изданнаго въ Кіевской Старинѣ варіанта г. Познанскаго, покойный И. Новицкій замѣчаетъ: «Пѣсня о Бондаривнѣ, убитой Каневскимъ старостою, извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ. Но варіантъ г. Познанскаго представляетъ значительныя различія, а главное отличается совершенною цѣльностью, законченностью и *нѣкоторыми особенностями склада*, указывающими, что и напѣвы этой пѣсни весьма не одинаковы по мѣстностямъ. Къ сожалѣнію, *напѣвы ея до сихъ поръ не были издаваемы ни разу*, и въ этомъ отношеніи сообщеніе г. Познанскаго даетъ весьма интересную новинку [1]). Мы не могли обойти молчаніемъ этого замѣчанія, такъ какъ оно было высказано слиш-

---

[1]) Кіевс. Старина, 1885 г. ноябрь, 555.

комъ ужъ авторитетно, а между тѣмъ, оно совершенно ошибочно. Во-первыхъ, варіантъ г. Познанскаго, довольно бѣдный по содержанію, кромѣ неудачной амплеты о мнимой любовной связи Бондаривны съ Потоцкимъ, не только значительныхъ, но и ровно никакихъ различій не представляетъ, а во всякомъ случаѣ, далекъ отъ цѣльности и законченности. Во-вторыхъ, по складу никакихъ въ немъ особенностей нѣтъ: весь онъ состоитъ изъ такихъ же и совершенно тождественной конструкціи куплетовъ, схему которыхъ мы указали. Въ виду этого именно и трудно было предполагать, чтобы Бондаривна пѣлась на различные напѣвы, какъ это на повѣрку оказывается. Изъ напѣвовъ Бондаривны, изданныхъ раньше напѣва, переданнаго г. Познанскимъ, у меня подъ руками всего еще два: одинъ изданъ Кольбергомъ въ 1883 г. во 2 томѣ «Pokucie», а другой въ моемъ сборникѣ, изданномъ въ 1884 г. въ VIII томѣ «Zbior Wiad. do Antr. Kraj». Кольбергъ записывалъ мотивы всегда лично, на что онъ замѣчательный мастеръ; мотивъ же, изданный мною, записанъ съ пѣнія Н. В. Лысенкомъ. Для сравненія я приведу здѣсь всѣ три мотива:

Напѣвъ Покутскій. О. КОЛЬБЕРГА.

Въ Го-ро-ден-ци въ славнимъмнисти Слав-ный та-нець хо-дыть

А мо-ло-да Бон-да-рив-на въ са-мый пе-редъ во-дыть.

Напѣвъ Липовецкаго уѣз. Н. В. ЛЫСЕНКА.

Ой, въ ми-стеч--ку Бо-гу-слав-ку Ка-нёв-сько-го па--на,

Тамъ гу-ля-ла Бон-да-рив-на всю ни-чень--ку пья-на

Напѣвъ, изданный г. Познанскимъ, записанъ г. Краснокутскимъ весьма небрежно. Мотивъ разбитъ совершенно искусственно и насильно на такты размѣра $^2/_4$, несоотвѣтствующіе мелодіи, вслѣдствіе чего, не только музыкальныя фразы, но и цѣлый стихъ обрывается на половинѣ такта, а вторая половина его составляетъ начало второго стиха. Подобное несоотвѣтствіе музыки тексту возможно только въ пѣніи искусственномъ, но не мыслимо въ поэзіи народной, гдѣ логическій куплетъ и напѣвъ составляютъ одну плоть и кровь. Для меня представляется несомнѣннымъ, что напѣвъ г. Познанскаго искаженъ въ транскрипціи; иначе онъ не могъ-бы уложиться въ эти чуждыя для себя рамки, да еще въ 13 тактовъ—число невозможное для народнаго куплета. По этимъ нотамъ, его просто спѣть трудно. Возстановляя, насколько это возможно, правильный темпъ мотива, мы предлагаемъ его въ слѣдующей поправкѣ:

Желательно, чтобы г. Познанскій провѣрилъ эту поправку въ пѣніи и указалъ возможныя въ ней уклоненія отъ его прелестнаго мотива.

Всѣ эти три напѣва, какъ видитъ читатель, совершенно различны и самостоятельны, не связанные между собою никакимъ генетическимъ родствомъ. Взяты они съ разныхъ концовъ Руси. Кромѣ того, намъ удалось слышать еще четвертый напѣвъ Бондаривны изъ Ушицкаго уѣзда, тоже отличный отъ вышеприведенныхъ. Изъ всѣхъ трехъ напѣвовъ, самый простой и монотонный—покутскій; остальные два болѣе сложны. Самый жалобный изъ нихъ Каневскій. Между ними, однако, есть одна общая черта: всѣ они отличаются жалобнымъ, серіознымъ характеромъ и медленнымъ темпомъ, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ и складъ куплета, состоящаго изъ двухъ длинныхъ составныхъ стиховъ.

Такое разнообразіе мотивовъ въ одной и той же балладѣ въ разныхъ варіантахъ, происшедшихъ несомнѣнно отъ одной и той же пѣсни, сравнительно, не очень старой, составляетъ въ теоріи народной поэзіи довольно выдающееся явленіе. Мы отказываемся отъ какихъ либо заключеній по вопросу о первоначальномъ напѣвѣ первичной пѣсни. Но въ виду того, что собранные мотивы ничего не имѣютъ общаго между собою по мелодіи, можно сдѣлать предположеніе, что Бондаривна сложилась не по самостоятельному напѣву, а къ ней могъ быть пріуроченъ готовый напѣвъ изъ другой подходящей пѣсни, что встрѣчается нерѣдко, причемъ пѣвцы прямо говорятъ, что «ця писня спивается на голосъ» такой-то болѣе извѣстной пѣсни. Просматривая многочисленный музыкальный репертуаръ, записанный Кольбергомъ на Покутьи, мы не нашли въ немъ повторенія мелодіи Бондаривны, но это не исключаетъ возможности, что мотивъ этотъ заимствованъ, такъ какъ сборникъ Кольберга, не смотря на свое богатство, все-таки далекъ отъ полноты.

Разнообразіе мотивовъ въ одной и той-же балладѣ не новость, но въ старыхъ балладахъ это объясняется какъ искаженіемъ мотива съ теченіемъ долгаго періода времени, такъ и воздѣйствіемъ на старыя мелодіи другихъ сродныхъ мотивовъ. При этомъ варіанты въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ разойтись до такой степени, что только опытное ухо способно замѣтить въ нихъ родственные звуки и уловить генетическую между ними связь. Къ сожалѣнію,

мы должны сознаться, что для обобщеній и выводовъ у насъ еще весьма мало музыкальнаго матеріала.—Этнографы мало до сихъ поръ обращали вниманіе на эту сторону народнаго поэтическаго творчества, причемъ весьма многіе изъ нихъ не обладали достаточными для этого техническими знаніями; даже зная ноты, не всякій съумѣетъ записать мотивъ по слуху, какъ это мы видѣли изъ попытки г. Краснокутсккго. Большинство этнографическаго матеріала, до сихъ поръ изданнаго, собрано случайными этнографами-любителями, часто не имѣвшими должнаго представленія о своей задачѣ, относившимися къ дѣлу по диллетантски. При такомъ положеніи дѣла не удивительно, что мелодіи въ южно-русской этнографіи составляютъ положительную рѣдкость.

Пѣсня о Бондаривнѣ, какъ мы это видѣли, распространена на всемъ почти пространствѣ по правую сторону Днѣпра, гдѣ только слышится малорусская рѣчь. Въ сборникахъ, однако, пѣсенъ изъ Буковины и Угорской Руси мы ея не нашли; быть можетъ, это объясняется бѣдностью самыхъ сборниковъ. Но интересно, что богатые труды по этнографіи лѣвобережной Малороссіи не отмѣтили тамъ этой баллады вовсе. Трудно допустить, чтобы рѣка Днѣпръ могла въ теченіи 150 лѣтъ удерживать распространеніе этой симпатичной баллады. Быть можетъ, лѣвобережные варіанты Бондаривны покоятся въ матеріалѣ, извлеченномъ изъ собраній экспедиціи Чубинскаго.

За этнографическіе предѣлы Южной Руси Бондаривна перейти еще не успѣла; ея не поютъ ни русскіе, ни поляки, ни чехи. У однихъ бѣлоруссовъ, и то на далекой окраинѣ бѣлорусской, въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, отмѣчена эта пѣсня въ очень искаженномъ и неполномъ видѣ.

Мы приводимъ ея текстъ, какъ интересный образчикъ искаженія бродячей пѣсни:

У нядзѣлю ранюсенка дожджыкъ накрапляя,
Маладая бандарувна валы паганяя.
Гдзѣ узяўся *панъ канюшы* зъ своими слугами:
«Павярнися, бандарувна, зъ валами да хаты».

Наняў, напяў панъ канюшы музыканты граци:
То для млодай бандарувны пайсьци пагуляци.
Маладая бандарувна мѣла адказаци:
«Я ня маю такой сукни зъ канюшымъ гуляци».
Купіў, купіў панъ канюшы дарагую сукню,
Прыслаў, прыслаў панъ канюшы церезъ вѣрную служку.
Маладая бандарувна мѣла адказаци:
«Я ня маю такой стужки ў гету сукню класьци».
Купіў, купіў панъ канюшы дарагую стужку,
Прыслаў, прыслаў панъ канюшы церезъ вѣрную служку.
Уцекала бандарувна у зялёны лѣсы,
Даганяли бандарувну ашмяньскія шляхты.
Уцекала бандарувна у зялёныя луки,
Папалася бандарувна канюшаму ў руки.
Ой якъ даў же панъ канюшы бандарувня ў плечы,
Палилися зъ бандарувны чырвоныя рѣчы.
Казаў, казаў панъ канюшы тры дни ня ховаци,
Спасылаў же панъ канюшы па айца и маци.
А якъ прышла бандарова, спляснула руками:
«Адгуляла маё дзиця зъ тыми двараками».
А якъ прышоў самъ бандаръ, тропнуў ёнъ нагою:
«Заложыла маё дзиця за ўсихъ галавою».

(Zbior Wiad. do Antr. Kraj. XIII, 96. № 28).

Общій смыслъ малорусской баллады кое какъ уцѣлѣлъ: Бондаривна убита вельможей за то, что уклонилась отъ его ухаживаній. Но детали сильно пострадали. Панъ Канёвськый, неизвѣстный въ Бѣлоруссіи, обезличивается и превращается въ вельможу съ высокимъ титуломъ конюшій. Придворные козаки Потоцкаго, его милиція, замѣняются своей мѣстной буйной Ошмянской шляхтой. Вся городская обстановка тоже исчезла, и Бондаривна убѣгаетъ не «помеже крамныци и дома», а въ бѣлорусскіе зеленые лѣса и зеленые луга. Словомъ, баллада пріобрѣла совершенно мѣстный колоритъ и потеряла всѣ черты индивидуальныя героя пѣсни Потоцкаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлорусскій варіантъ—не самостоятельная пѣсня, сочиненная на тему Бондаривны. Это тоже малорусская Бондаривна, забредшая въ бѣлорусскіе лѣса. Здѣсь и размѣръ склада тотъ же, тотъ же стиль характерный съ постоянными повтореніями словъ *Бондаривна* и *панъ канюшы*, тѣже образы убѣгающей Бондаривны, льющейся крови червонымы ричками. убивающагося отца и матери. Нѣкоторыя выраженія, да и цѣлые стихи, какъ напр. послѣдній, цѣликомъ перенесены изъ малорусской пѣсни.

Если Бондаривна успѣла забрести въ Лидскій уѣздъ, то позволительно думать, что она должна быть въ репертуарѣ бѣлоруссовъ болѣе близкихъ къ Волыни мѣстностей.

Интересъ къ нашей балладѣ у бѣлоруссовъ, очевидно, нельзя объяснять ни личностью скромной Бондаривны, ни личностью какого то конюшаго, котораго народъ и не зналъ. Весь смыслъ бѣлорусскаго варіанта сводится къ эффектному образу простой дѣвушки, предпочевшей смерть связи съ знатнымъ, чужимъ для нея вельможей. Этотъ поэтическій образъ и подкупилъ на позаимствованіе баллады.

Образъ этотъ излюбленъ народной поэзіей. Мы его встрѣчаемъ въ лирическихъ пѣсняхъ у лужичанъ, чеховъ и поляковъ. Здѣсь я считаю умѣстнымъ привести слѣдующую великорусскую пѣсню, весьма близкую къ нашей Бондаривнѣ:

У воротъ сосна раскачалася,
Ай люли, люли, раскачалася.
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говоритъ:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй бѣлая,
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму».
Бѣлая Дунюшка испужалася;
Какъ со вечера голова болитъ,
Ко полуночи она попа проситъ,
Ко бѣлу свѣту нѣту Дунюшки.

Какъ въ Москвѣ звонятъ ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ.
(Соч. П. И. Якушкина 1884 г. ст. 575 № 27).

Почти всѣ главные моменты Бондаривны здѣсь на лицо. Боярскій сынъ увлекается скромной Дуней, увидѣвъ ее на гульбищѣ: заявляетъ ей, что беретъ ее къ себѣ, чтобы жить съ ней: это влечетъ за собой смерть Дуни, ужаснувшейся отъ этого предложенія; на другой день ее хоронятъ. Разница въ одномъ лишь: Бондаривну убиваетъ отвергнутый вельможа, а Дуня умираетъ съ отчаянія и ужаса. Очень близка по фабулѣ эта пѣсня къ Бондаривнѣ, но сказать, что она создана подъ вліяніемъ слышанной баллады о Бондаривнѣ, трудно, хотя и отрицать этого серіозныхъ основаній не имѣется. Даже частое повтореніе: Бѣлая Дунюшка невольно напоминаетъ повтореніе слова Бондаривна въ балладѣ даже созвучіемъ, хотя и отдаленнымъ.

Перейдетъ-ли наша баллада къ сосѣдямъ, будетъ ли она бродить дальше? Вѣроятнѣе, что нѣтъ. Теперь мало уже на то шансовъ. Народная пѣсня, по словамъ проф. Сумцова, глохнетъ съ каждымъ днемъ подъ вліяніемъ трактирно-городской и солдатской поэзіи.

Ц. Г. Нейманъ.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]).

5 декабря 1838 г. состоялось перемѣщеніе фонъ-Брадке на службу въ Министерство Нар. Пр. и замѣщеніе его Минскимъ Губернаторомъ княземъ Давыдовымъ. По всей вѣроятности, замѣна прежняго Попечителя новымъ находится въ связи съ тѣмъ польско-демократическимъ движеніемъ, которое тогда увлекло въ политическій водоворотъ нѣкоторую часть университетской молодежи, мимоходомъ коснувшись и нѣкоторыхъ учениковъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Можно думать также, что смѣна Попечителя не обошлась безъ участія незадолго предъ симъ назначеннаго Кіевскимъ Генералъ-Губернаторомъ Бибикова, по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводитъ поразительное хронологическое совпаденіе: Бибиковъ прибылъ въ Кіевъ въ январѣ, а фонъ-Брадке получилъ другое назначеніе въ декабрѣ 1838 г. Вслѣдъ за его выходомъ, въ теченіе года перемѣнился весь личный составъ окружнаго управленія и былъ замѣненъ новымъ: 9 іюля 1839 г. удалился инспекторъ казенныхъ училищъ, а 12 декабря того же года—помощникъ попечителя. Мѣста ихъ заняли М. В. Юзефовичъ и Могиляпскій—первый въ качествѣ помощника Попечителя,

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г., № 2.

а второй—Инспектора казенныхъ училищъ [1]) Оба они занимали свои посты очень долгое время; первый по 12 іюня 1856 г., а второй по 3 августа того же года, послѣ чего занималъ мѣсто Юзефовича до 28 февраля 1859 г. Кромѣ совпаденія во времени, къ тому-же убѣжденію приводитъ еще слѣд. соображеніе: Бибиковъ былъ призванъ стать во главѣ администраціи юго-западнаго края для того, чтобы одолѣть чужеродные элементы, господствовавшіе въ немъ, и на ихъ развалинахъ поставить, выражаясь словами В. Шульгина, «элементъ кеȣенной, сильный числомъ, силою народныхъ преданій и историческаго права, но безсильный по богатству и образованію, по карпоративному духу и политическому праву, лишенный поземельной собственности и общественнаго значенія, на ней основаннаго». [2]) Не мѣсто здѣсь входить въ разъясненіе того, какъ понята была и разрѣшалась эта задача; скажемъ только, что за рѣшеніе ея новый генералъ-губернаторъ принялся съ неслыханною дотолѣ энергію. При такомъ суровомъ ревнителѣ православія, самодержавія и *народности*, какъ Бибиковъ, могли-ли удержаться на своихъ мѣстахъ люди чужого происхожденія и чужой вѣры (фонъ-Брадке, Люце, Гинцель и Карлгофъ)? Разумѣется, нѣтъ; тутъ нужны были другіе люди, люди русскіе, которые были-бы послушнымъ орудіемъ высшей мѣстной администраціи и, гармонируя съ нею, проводили въ школу тотъ самый государственный символъ вѣры, который исповѣдывалъ Начальникъ края и который съ не умолимою строгостью, или, говоря его собственными словами, «со злостью», [3]) онъ проводилъ во всѣ слои общества. И люди эти, кажется, не имѣли недостатка въ качествахъ, которыя вели-бы къ намѣченной цѣли. Въ особенности, это всецѣло относится къ тогдашнему помощнику Попечителя, который, по словамъ современниковъ, былъ настоящимъ хозяиномъ Округа; что-же касается князя Давыдова, то, не взи-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1839 г. ч. 18 отд. 1-е и ч. 22-е; 1840 г. ч. 26; 1843 г. ч. 39, 1846 г. ч. 50.

[2]) Юго-запад. край стр. 37.

[3]) Прощальная рѣчь Кіев. дворянамъ 8 мая 1851 г.

рая на доброту сердца, онъ оставилъ по себѣ дурную память за высокомѣрное и грубое обращеніе съ подчиненными, въ томъ числѣ и съ учителями, нерѣдко въ присутствіи учащихся. Такое обращеніе, подрывая авторитетъ учителя, очень дурно отражалось на нравственности учащихся, на школьной дисциплинѣ; но мы забѣжали нѣсколько впередъ.

По вступленіи въ должность, князь Давыдовъ началъ свою дѣятельность съ того, съ чего и слѣдовало начать, т. е. съ ревизіи учебныхъ заведеній. Осмотръ ихъ произвелъ на него далеко не радостное впечатлѣніе; повсюду онъ находилъ безпорядокъ и неисполненіе правилъ, какъ со стороны гимназическаго начальства, такъ и учениковъ. [1]) Казалось-бы, что о нарушеніи внѣшняго порядка и благопристойности никто-бы и подумать не смѣлъ послѣ тѣхъ правилъ, которыя, доходя, можно сказать, до педантизма, каждый шагъ и чуть-ли не каждое движеніе учащагося подчиняли педагогическо-полицейскому надзору гимназическаго персонала, а между тѣмъ вышло какъ разъ наоборотъ: князь Давыдовъ нашелъ уклоненіе именно отъ всего того, на чемъ такъ сильно настаивалъ его предшественникъ. Почему-же такъ вышло? Не въ первый разъ приходится убѣждаться въ томъ, что однѣ дисциплинарныя мѣры, въ особенности, если онѣ страдаютъ излишнею регламентаціею, мало пригодны для школы; трудность примѣнить ихъ къ юному организму скоро порождаетъ охлажденіе и равнодушіе къ исполненію долга, а отсюда полный упадокъ и дисциплины. Само собою разумѣется, что кн. Давыдовъ подтвердилъ директорамъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ предписаній фонъ-Брадке; но достигъ-ли онъ цѣли? Едва-ли. «Замѣчено мною», пишетъ онъ директору 2-й Гимназіи въ 1845 г., «не смотря на многократныя подтвержденія и распоряженія, что ученики... нарушаютъ предписанный порядокъ и форму въ одеждѣ, нося при мундирахъ и мундирныхъ сюртукахъ разноцвѣтные панталоны, пестрые галстухи, партикулярныя шинели и, дозволяя себѣ ходить по улицѣ разстегнутыми, имѣютъ часто одежду въ совершенномъ

---

[1]) Дѣло 1839 г. №. 251.

безпорядкѣ. [1]) Не станемъ перечислять всѣхъ распоряженій, изданныхъ имъ съ цѣлью поддержать нравственный авторитетъ учебныхъ заведеній, а остановимся только на тѣхъ, которыя сравнительно съ учебно воспитательными мѣрами фонъ-Брадке представляютъ какую-нибудь отличительную черту.

Во все свое управленіе Кіевскимъ Округомъ кн. Давыдовъ прилагалъ стараніе къ тому, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ все болѣе и болѣе водворялся русскій элементъ и возвышался уровень образованія; кромѣ того, онъ внимательно слѣдилъ за «*благонадежностью въ образѣ мыслей*» воспитывающагося юношества. Въ этомъ направленіи имъ выпущено было достаточное количество распоряженій. При ревизіи гимназій Округа въ 1839 г., онъ лично выражалъ директорамъ желаніе, чтобы они обращали особенное вниманіе на тѣхъ изъ оканчивающихъ курсъ ученія, которые намѣрены поступить въ Университетъ, и доставляли-бы объ нихъ свѣдѣнія въ Округъ [2]), а въ слѣдующемъ году разослалъ циркуляръ, въ которомъ, напоминая о томъ-же самомъ предметѣ, приложилъ форму, «по коей должны быть доставляемы свѣдѣнія о воспитанникахъ, желающихъ поступить въ Университетъ», и требовать «чтобы таковыя свѣдѣнія излагаемы были со всею внимательностью и отчетливостью, коихъ требуетъ важность цѣли сего распоряженія... Подъ симъ разумѣю я, говорится далѣе, *неблагонадежность образа мыслей*, замѣчаемую въ продолженіе ученія въ гимназіи воспитанниковъ». Хотя, при заявленіи такого требованія, Попечитель самъ сознавалъ, что «ручаться за совершенно правильный образъ мыслей каждаго весьма трудно», при всемъ томъ онъ полагалъ, что можно «при внимательномъ наблюденіи въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ хорошо узнать характеръ, наклонности и умственныя способности учащихся [3]). По формѣ, разосланной Попечителемъ, нужно было дать отзывъ объ ученикѣ, оканчивающемъ гимназію, въ слѣд. рубрикахъ: 1) лѣта,

---

[1]) Дѣло 1845 г. № 4.

[2]) Дѣло 1840 г. № 3.

[3]) Тамъ-же.

вѣроисповѣданіе и народность; 2) званіе родителей; 3) способы существованія ихъ и мѣсто жительства; 4) не принималъ-ли кто изъ родителей или родственниковъ участія въ политическихъ безпорядкахъ; 5) сколько лѣтъ находился въ гимназіи; 6) какое впечатлѣніе дѣлаютъ на него разные предметы и обстоятельства—глубокое или скоропроходящее; 7) къ какимъ наукамъ или искусствамъ имѣетъ особенную склонность и въ какихъ оказалъ особеные успѣхи; 8) чѣмъ любитъ заниматься въ свободное время; 9) какой языкъ употребляетъ въ разговорѣ и старается-ли объ усовершенствованіи себя въ русскомъ языкѣ: 10) основателенъ, или легкомысленъ по уму; 11) не замѣтно-ли склонности къ противорѣчіямъ, самоуправству и хитрости; 12) живого или тихаго характера, скрытнаго или откровеннаго; 13) имѣетъ недостатокъ или избытокъ самолюбія; 14) робокъ или, наоборотъ, смѣлъ и предпріимчивъ; 15) приверженъ-ли къ религіи, или наоборотъ—склоненъ къ вольнодумству; 16) показываетъ-ли приверженность къ Россіи и русскому, или наоборотъ; 17) какого поведенія и какія имѣетъ нравственныя качества—добрыя или худыя, кромѣ упомянутыхъ; 18) не занималъ-ли должности репетитора и какъ оную исполнялъ; 19) общее заключеніе директора о благонадежности въ политическомъ отношеніи. Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, нужно было сначала проникнуть въ сокровенныя тайны молодой души, узнать, что лежитъ на днѣ ея, и потомъ уже судить объ ней, чего нельзя было достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи самихъ-же учениковъ. Отсюда и та растлѣвающая система наушничества и доносовъ, которыми такъ богаты прежнія школы, система, въ сущности, не достигавшая цѣли: обыкновенно товарищъ на товарища дѣлалъ доносъ тогда, когда ему не удавалось получить взятку; при этомъ рѣдко случалось, чтобы доносъ былъ правильный. Мы говоримъ такъ увѣренно потому, что сами начали учиться при господствѣ этой системы и намъ хорошо памятна она. Такимъ образомъ возникло зло, съ которымъ приходилось вести нелегкую борьбу; но зло это было еще не такъ велико сравнительно съ другимъ, вытекшимъ изъ того-же источника. Извѣстно, какъ мо-

лодые организмы чутки ко всему, что ихъ окружаетъ, какъ инстинктъ умѣетъ ловко подсказать имъ средства самозащиты и какъ мастерски, вслѣдствіе этого, многіе изъ нихъ приспособляются къ окружающей ихъ дѣйствительности, маскируя и свои наклонности, и свой образъ мыслей, особенно, если они попадаютъ подъ постороннія, внѣ школы развивающіяся, вліянія. Подъ видомъ наружной скромности, а на самомъ дѣлѣ подъ маскою лицемѣрія, такіе обыкновенно ускользаютъ отъ надзора и дурной аттестаціи. Къ сожалѣнію, это соображеніе не имѣлось въ виду: политическій вопросъ отодвинулъ въ сторону вопросы педагогики.

Вліяніе политическихъ соображеній привело князя Давыдова къ весьма важной догадкѣ: учредить при гимназіяхъ, въ томъ числѣ и при Кіевской 2-й, общія ученическія квартиры, въ которыя поступали дѣти, «коихъ родители не живутъ въ Кіевѣ», съ тѣмъ, чтобы они могли получить воспитаніе подъ ближайшимъ наблюденіемъ гимназическаго начальства. Плата за содержаніе въ нихъ назначена была троякая, вслѣдствіе чего онѣ дѣлились на три отдѣленія. Въ связи съ учрежденіемъ ихъ находится распоряженіе о томъ, что «если найдется достаточное число учениковъ, кои пожелаютъ заплатить болѣе, то слѣдуетъ открыть 4-й разрядъ, высшій, у тѣхъ изъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства или постороннихъ русскаго происхожденія, которые пріймутъ на себя обязанности сообразно правиламъ». [1]) Охраняя школы отъ внѣшнихъ воздѣйствій, кн. Давыдовъ, въ то же время, старался образовать юношество на тѣхъ наукахъ, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ русскаго человѣка и русскую землю. Въ этомъ стремленіи онъ опередилъ и Государственный Совѣтъ, и Министерство Нар. Пр. Государственный Совѣтъ, какъ мы видѣли, обратилъ свой взоръ только на русскій языкъ съ русскою словесностью; вслѣдствіе чего учениковъ, обнаружившихъ превосходные успѣхи въ этомъ предметѣ, стали награждать чиномъ XIV кл.; но эта мѣра носила характеръ палліативный. Гораздо дѣйствительнѣе

---

[1]) Дѣло 1840 г. № 3. Правилъ этихъ мы не нашли; но думаемъ что онѣ были составлены въ духѣ прежнихъ, намъ уже извѣстныхъ.

была мѣра, придуманная Министерствомъ Нар. Пр. Чтобы подѣйствовать на самолюбіе молодыхъ людей и развить въ средѣ ихъ благородное соревнованіе въ изученіи русскаго языка и словесности, оно открыло страницы своего журнала для печатанія лучшихъ изъ ихъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній. Этою мѣрою достигалась и другая цѣль—открыть дорогу литературнымъ дарованіямъ, которыя часто глохнутъ, не имѣя средствъ проявить себя публично. Князь Давыдовъ взглянулъ па дѣло еще глубже: не въ одномъ только подъемѣ изученія русскаго слова онъ видѣлъ залогъ правильнаго образованія въ гимназіяхъ юго-западнаго края, а еще въ усиленіи свѣдѣній по русской исторіи и русской географіи. Вслѣдствіе этого оба названные предмета были включены въ число главныхъ предметовъ гимназическаго курса, т. е. такихъ, «въ коихъ ученикъ долженъ получить въ окончательномъ выводѣ не менѣе *3*, чтобы имѣть право на полученіе аттестата», и опредѣлено было распредѣлить русскую исторію по классамъ такъ, чтобы ученики, покидавшіе гимназію до ея окончанія, не оставались совершенными невѣждами относительно прошлой жизни русскаго народа. [1]) Но усиленіе занятій, какъ по этимъ предметамъ, такъ и по русской словесности, привело-бы къ обремененію учащихся, которымъ и безъ того предстояло много труда. Чтобы выйти изъ затрудненія, слѣдовало сократить изученіе другихъ предметовъ. Такъ и было поступлено, а именно: прекращено преподаваніе логики и статистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно сокращенъ курсъ математики. [2]) Къ той-же цѣли, т. е. къ облегченію учащихся, клонилось предложеніе, данное директорамъ, обсудить слѣд. оригинальный проектъ окончательныхъ испытаній, проектъ, доставленный Попечителю однимъ, неизвѣстнымъ намъ, директоромъ; «Всѣ предметы, изъ коихъ ученикъ 7-го класса долженъ выдержать испытаніе, раздѣлить на два

---

[1]) Сбор. Расп. т. II. (отъ 16 марта 1840 г.) и Цирк. 1840 г. 11 іюля.

[2]) Сбор. Расп. т. II. (17 ноября 1844 г. и 15 декабря 1845 г.); Допол. въ Сбор. Пост. 19 декабря 1846 г.

отдѣла. Къ первому отдѣлу должны быть отнесены: катехизисъ, ариѳметика, географія съ космографіей, исторія древняя и языки: славянскій, нѣмецкій и французскій; во второмъ отдѣлѣ должны заключаться всѣ прочіе предметы гимназическаго курса Изъ предметовъ перваго отдѣла производить испитаніе предъ зимними вакаціями, а изъ предметовъ второго отдѣла предъ лѣтними». При такомъ способѣ испытанія, говорится далѣе, «имѣется въ виду: 1) что они (т. е. первый отдѣлъ предметовъ) въ связи наукъ суть, такъ сказать, второстепенные; 2) что нѣкоторыхъ изъ нихъ не потребуютъ на университетскихъ испытаніяхъ; 3) что они, по содержанію своему, легче прочихъ, и 4) что предметы эти окончательно проходятся до 7-го класса. Но дабы не уронить значенія этихъ предметовъ въ глазахъ учениковъ, необходимо принять за правило, чтобы ученикъ 7-го класса, державшій экзаменъ по предметамъ перваго отдѣла, въ такомъ случаѣ освобождался отъ вторичнаго въ нихъ испытанія при концѣ года, если онъ изъ сихъ предметовъ получитъ не менѣе *3*; не получившій этого шара въ какомъ-либо предметѣ долженъ будетъ подвергнуться вторичному въономъ испытанію въ концѣ года». [1]) Ученики остальныхъ класовъ относительно прохожденія гимназическаго курса Уставомъ 1828 г. поставлены были въ весьма тяжелое положеніе: они въ теченіе учебнаго года, можно сказать, совсѣмъ не имѣли свободнаго времени для отдыха и возобновленія своихъ силъ, потому что на праздникъ Р. Хр. они обязаны были готовиться къ полугодичному испытанію, отъ котораго зависѣлъ переходъ ихъ въ высшій классъ. Еще фонъ-Брадке ходатайствовалъ о перенесеніи этихъ испытаній на другіе сроки, но, какъ намъ извѣстно, онъ не успѣлъ ничего. Князю Давыдову удалось получить разрѣшеніе перенести полугодовыя испытанія на декабрь, а переводныя на время предъ лѣтними каникулами [2]). Чтобы облегчить переходъ учениковъ въ высшій классъ, онъ разрѣшилъ допускать къ переэкзаменовкѣ (не иначе однако, какъ до каникулъ) по нѣкоторымъ

---

[1]) Цирк. отъ 27 ноября 1844 г.

[2]) Цирк. отъ 17 апрѣля 1843 г. и 23 октября 1843 г.

предметамъ тѣхъ изъ нихъ, которые въ продолженіе года учились хорошо, а на экзаменѣ оказались слабыми. [1])

Конечно, облегченіе учащихся—дѣло полезное и нужное; но съ другой точки зрѣнія въ высшей степени важно поддерживать, на возможно большей высотѣ, умственный авторитетъ учебнаго заведенія посредствомъ серьезной постановки въ немъ учебныхъ требованій и улучшенныхъ педагогическихъ пріемовъ. Настаивая на серьезности и правильности переводныхъ испытаній, пересмотрѣвъ и исправивъ существовавшія въ этомъ отношеніи правила, [2]) кн. Давыдовъ дѣйствительно влилъ свѣжую, здоровую струю въ учебное дѣло, хотя, къ сожалѣнію, онъ подлилъ къ ней значительную долю вредной, во многихъ отношеніяхъ, примѣси. [3]) Въ чемъ состояло то и другое, будетъ показано въ своемъ мѣстѣ.

15 іюня 1845 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ кн. Давыдова на службу въ 1-е отд. 3-го департ. Сената. Должность Попечителя сдана была его Помощнику, который управлялъ Округомъ до пріѣзда новаго Попечителя, генералъ-маіора Траскина. Повидимому, дѣятельность новаго Попечителя для учебныхъ заведеній Округа прошла незамѣченною; по крайней мѣрѣ въ его распоряженіяхъ, бывшихъ у насъ подъ рукою, мы не нашли ничего существенно-важнаго въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Генералъ Траскинъ былъ Кіевскимъ Попечителемъ до 18 ноября 1848 г. «Впредь до назначенія новаго Попечителя,» такъ сказано въ указѣ Правительствующему Сенату, Кіевскій Округъ ввѣряется Генералъ-Губернатору, которымъ былъ никто иной, какъ достопамятный въ лѣтописяхъ Кіева Д. Г Бибиковъ. Назначеніе новаго Попечителя состоялось, однакожъ, не скоро. Въ продолженіе 7 лѣтъ Округъ былъ подчиненъ непосредственному вѣдѣнію Генералъ-Губернаторовъ,—сначала Бибикова, а потомъ князя И. И. Васильчикова.

---

[1]) Цирк. отъ 10 апрѣля 1844 г.

[2]) Цирк. отъ 15 іюля 1840 г., отъ 28 апр., 30 мая и 8 авг. 1844 г.

[3]) Цирк. отъ 15 дек. 1844 г.

Ставши Попечителемъ Округа, Бибиковъ еще зорче и еще напряженнѣе, чѣмъ въ предъидущее десятилѣтіе, взялся слѣдить за ходомъ образованія и направленіемъ воспитанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему края, начиная съ приходского училища и оканчивая Университетомъ. Новый Попечитель былъ по натурѣ человѣкъ крутой и неумолимо-безпощадный тамъ, гдѣ находилъ несоотвѣтствіе съ своими задушевными мыслями и убѣжденіями. Управленіе учебнымъ Округомъ, и до него отличавшееся строгостью, приняло съ тѣхъ поръ характеръ суроваго управленія. Будучи непримиримымъ врагомъ всякаго послабленія, онъ требовалъ, чтобы и другіе были такими же. Изъ всѣхъ мѣръ, [1]) принятыхъ имъ по отношенію къ учебной части гимназій, наиболѣе выдающеюся представляется, какъ плодъ борьбы его съ польскимъ элементомъ края, мѣра, направленная къ усиленію успѣховъ въ русскомъ языкѣ и русской словесности. «Знаніе языка русскаго, писалъ онъ въ Университетъ св. Владиміра, составляетъ обязанность каждаго добраго сына нашего общаго отечества и самую существенную принадлежность основательнаго образованія.... Отечественный языкъ служитъ проводникомъ для всѣхъ пріобрѣтаемыхъ знаній и составляетъ во всякой образованной странѣ основу отечественнаго образованія.... Здѣсь отъ первыхъ историческихъ временъ была и есть коренная Россія, съ русскимъ народонаселеніемъ, съ русскими нравами, съ русскимъ словомъ, а ежели это послѣднее въ недавнее время и на непродолжительный срокъ было выведено насиліемъ изъ общаго оффиціальнаго употребленія, то кому иному, какъ не Университету св. Владиміра, поставленному во главѣ здѣшняго народнаго образованія, возстановить, утвердить и усовершенствовать это основное начало отечественной народности.» [2]) Такъ писалъ онъ Университету, а гимназіямъ предписалъ, чтобы изъ третьяго класса въ

---

[1]) Дѣло 1851 г. № 48; 1849 г. № 64; Цирк. 1851 г. № 11 прибавл.; Цирк. 1849 г. № 4; Каменецъ-Подольская гимназія стр. 94 и 96.

[2]) Каменецъ-Подольская гимназія стр. 96.

четвертый переводились только тѣ ученики, которыхъ познанія въ русскомъ языкѣ заслуживали отмѣтки не менѣе 3, а изъ 7-го класса выпускались съ аттестатомъ только тѣ, которые на экзаменѣ получали 4 или 5. [1]) Съ соотвѣтственною строгостью онъ слѣдилъ и за другими предметами гимназическаго образованія, но при всемъ томъ наука составляла для него второстепенное дѣло. Ничто не нравилось ему такъ, какъ дисциплина: она была его излюбленнымъ чадомъ, которымъ онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ и которую вносилъ съ собою во всѣ сферы мѣстнаго управленія. Этой дисциплиной онъ наводилъ трепетъ на всѣхъ отъ мала до-велика. Стоило Бибикову только показаться, и трепетъ готовъ; показывался-же онъ обыкновенно внезапно (по крайней мѣрѣ въ Кіевскихъ гимназіяхъ), иногда въ глухую ночь, и бѣда, если находилъ какую-нибудь неисправность. Такъ, однажды онъ удалилъ отъ службы дежурнаго надзирателя за то, что засталъ его ночью спящимъ и раздѣтымъ. [2]) Такъ какъ начальники учебныхъ заведеній навѣрное не знали, чего именно отъ училищной дисциплины требовалъ Генералъ-Губернаторъ, то изъ страха предъ нимъ доводили ее до крайности. Такъ напр., соблюдая правила о формѣ, они требовали, чтобы учащіеся были застегнутыми на всѣ пуговицы даже во время домашнихъ занятій и игръ. Замѣтивъ это, Бибиковъ предписалъ «строго наблюдать, чтобы воспитанники занимались и играли всегда разстегнутые, такъ какъ сжатіе одеждою груди въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на развитіе физическихъ силъ». [3])

Въ заключеніе очерка бибиковскихъ мѣръ, мы считаемъ не лишеннымъ интереса указать еще на два распоряженія, изъ коихъ одно, безъ сомнѣнія, подсказано патріотическимъ чувствомъ преданности Престолу, другое вызвано карьеризмомъ служащихъ. Вотъ они: 1) священная обязанность каждаго русскаго знать и

---

[1]) Цирк. 1849 г. № 3.

[2]) Дѣло 1849 г. № 62.

[3]) Дѣло 1849 г. № 6,

твердо сохранять въ памяти имена всѣхъ членовъ нашего Императорскаго Дома... Для облегченія учащимся способа утверждать въ памяти знаніе всѣхъ членовъ семьи и благополучно царствующаго Государя Императора, я приказалъ составить и напечатать таблицы Императорскаго Дома». [1]) 2) «Генералъ-Губернаторъ нужнымъ считаетъ объявить по Учебному Округу, что онъ опредѣляетъ на высшія мѣста не по просьбамъ, а по заслугамъ и достоинствамъ чиновниковъ. Всякій, кто служитъ съ усердіемъ и старается быть полезнымъ по мѣрѣ силъ и способностей, долженъ надѣяться повышенія отъ вниманія начальства къ его трудамъ; собственное же ходатайство о высшихъ должностяхъ не будетъ удовлетворяемо и просьбы подобнаго рода не могутъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ заключенія начальства, что подающій ихъ, сознавая самъ недостатокъ своихъ заслугъ и достоинствъ, не надѣется достигнуть повышенія путемъ заслугъ, а потому прибѣгаетъ къ искательствамъ». [2])

Бибиковъ управлялъ Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ до октября 1852 г. «Припоминая тогдашнее настроеніе умовъ, говоритъ В. Шульгинъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ котораго и мы находились, мы должны сознаться, что словно осадное положеніе было снято съ города и края, когда въ октябрѣ 1852 г. совершилась перемѣна Генералъ-Губернатора. Всѣ чувствовали, что дышать и жить становилось какъ-то удобнѣе и легче». Смѣнившій его князь Васильчиковъ отличался добродушіемъ и мягкостью характера. У того-же Шульгина читаемъ слѣд. характерный анекдотъ, сложившійся про князя на первыхъ порахъ его пребыванія въ Кіевѣ. Однажды онъ встрѣтилъ гимназиста, говоритъ Шульгинъ, въ разстегнутомъ мундирѣ. Разстегнутый мундиръ почитался, съ мѣсяцъ тому назадъ, уголовнымъ преступленіемъ. Князь зналъ это. «Зачѣмъ вы разстегнулись? Ну, если встрѣтитъ васъ генералъ-губернаторъ, съ васъ строго взыщутъ». Гимназистъ, не знавшій, съ кѣмъ говорилъ, застегнулся, но отвѣчалъ:

---

[1]) Дѣло 1851 г. № 48.

[2]) Дѣло 1849 г, № 6.

«теперь не то, что было; нашъ князь очень добръ и навѣрное проститъ». [1]) И дѣйствительно, кн. Васильчиковъ былъ добрый человѣкъ, любившій учащуюся молодежь. Для доказательства этого приведемъ выдержку изъ одного, весьма замѣчательнаго въ педагогическомъ отношеніи документа, рисующаго предъ нами и благородный образъ князя, и его попытку вдохнуть въ бездушный оффиціальный строй тогдашней школы свѣжую струю жизни. Князь пишетъ по поводу нѣсколькихъ случаевъ дерзости учениковъ противъ начальства. «Я не могу допустить мысли, чтобы подобные проступки между дѣтьми могли возникать безъ всякаго предварительнаго повода, а потому долженъ предполагать одно изъ двухъ: или что дѣти, поступающія въ заведенія вообще въ раннемъ возрастѣ, допускаются въ нихъ до нравственной порчи, или что управленіе дѣтьми не всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ воспитанія. Въ предупрежденіе зла и гибели дѣтей, я долгомъ считаю объявить всѣмъ начальникамъ заведеній мой образъ мыслей и мои требованія по этому предмету. Въ дѣлѣ воспитанія полицейскій надзоръ не достаточенъ. Какъ бы онъ ни былъ строгъ и бдителенъ, онъ можетъ производить не болѣе того, что производятъ всѣ полицейскія мѣры, т. е. можетъ предупреждать проступки, но не можетъ исправлять и искоренять зла. Для воспитанія, т. е. для нравственнаго управленія дѣтьми, нужна и власть нравственная, власть надъ ихъ умомъ и сердцемъ. Такая власть почерпается воспитателями въ уваженіи, довѣріи и любви къ нимъ дѣтей, а эти качества пріобрѣтаются разумными требованіями, справедливостью и благодушіемъ съ ними. Съ дѣтьми прежде всего надо быть добрымъ. Доброта не мѣшаетъ быть строгимъ; но она смягчаетъ строгость и доставляетъ ей доступъ къ сердцу виновнаго, слѣд. усиливаетъ ея нравственное вліяніе. На этомъ основаніи я требую: 1) чтобы начальники заведеній не ограничивали попеченій своихъ однимъ строгимъ надзоромъ за поведеніемъ дѣтей; но чтобы, зная каждаго воспитанника, не только по имени и лицу, но и по его характеру и наклонно-

---

[1]) Юго-западный край. стр. 116, 117, 123.

стямъ, они принимали всѣ нужныя мѣры не къ внѣшнему только воздержанію дурныхъ поступковъ, а къ исправленію и искорененію дурныхъ къ нимъ побужденій. Всѣхъ воспитательныхъ мѣръ и пріемовъ исчислить нельзя. Воспитатели должны искать ихъ указанія въ своемъ сердцѣ: если оно любитъ дѣтей, то у него найдется отвѣтъ на всякій вопросъ, во всякомъ обстоятельствѣ; 2) чтобы начальники строго наблюдали за соблюденіемъ приличнаго съ дѣтьми обращенія, которое должно быть ласково, благодушно и вѣжливо. Боже сохрани уничтожать въ дѣтяхъ чувство ихъ нравственнаго достоинства. Это чувство должно возбуждать и развивать, прививая къ нему правильныя понятія объ обязанностяхъ человѣка, составляющихъ истинное его достоинство; 3) чтобы обо всѣхъ дѣлаемыхъ взысканіяхъ начальники знали до малѣйшихъ подробностей и слѣдили за ними, обращая строгое вниманіе на ихъ потребность и соразмѣрность съ проступкомъ, возрастомъ, прежнимъ поведеніемъ и характеромъ воспитанника, и имѣть постоянно въ виду, что во многихъ случаяхъ снисходительность бываетъ дѣйствительнѣе строгости.... Тѣлесное наказаніе допускается какъ необходимая, крайняя мѣра, безъ которой всевозможно должно стараться обходиться. По числу тѣлесныхъ наказаній въ заведеніи можно безошибочно заключить о его нравственномъ состояніи..... Строгія наказанія, вообще, должны быть не часты; иначе они много теряютъ въ смыслѣ нравственнаго своего значенія. Они должны быть дѣлаемы безъ малѣйшаго признака гнѣва. Гнѣвъ противъ дѣтей гнусенъ во всякомъ человѣкѣ; но въ воспитателѣ онъ есть преступленіе.... О всякомъ, подлежащемъ удаленію изъ заведенія, я долженъ имѣть полныя свѣдѣнія и буду требовать подробнаго отчета о всей его школьной жизни; ибо долгъ и совѣсть обязываютъ меня разсматривать въ подобныхъ случаяхъ вопросъ не объ одномъ виновномъ юношѣ, но и о тѣхъ, кому родители подъ ручательствомъ и отвѣтственностью Правительства ввѣрили его воспитаніе. Въ этомъ отношеніи я буду тѣмъ строже, что вся тяжесть этой отвѣтственности лежитъ на мнѣ первомъ». [1])

---

[1]) Предписано 31 мар. 1853 г.

Другихъ источниковъ для опредѣленія дѣятельности кн. Васильчикова на педагогическомъ поприщѣ въ дѣлахъ 2-й гимназіи мы не нашли и потому сказать, въ чемъ еще, кромѣ приведеннаго распоряженія, она проявилась, не можемъ; но для надлежащей оцѣнки значенія князя въ исторіи образованія и, особенно, воспитанія въ здѣшнемъ краѣ, достаточно и этого одного документа. Несомнѣнно, онъ подготовлялъ почву для той архитектоники, за которую вскорѣ потомъ принялся знаменитый Н. И. Пироговъ, вступившій въ управленіе Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ послѣ Ребиндера, бывшаго Попечителемъ недолго и не успѣвшаго обнаружить вполнѣ своей дѣятельности.

Докторъ и педагогъ, мыслитель и ученый, Попечитель и человѣкъ, по словамъ кіевлянъ, высказаннымъ при прощаніи съ нимъ въ 1861 г., «при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, съумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными и сверхъ того личнымъ письменнымъ трудомъ и непреоборимымъ вліяніемъ вызвалъ Округъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности». [1]) Если мы припомнимъ, въ какомъ положеніи находились наши учебныя заведенія въ періодъ времени отъ 1839 по 1856 годъ, то не станемъ удивляться тѣмъ восторженнымъ похваламъ Пирогову, которыя четверть вѣка назадъ цѣлою рѣкой лились изъ устъ кіевлянъ. Заслуги Пирогова несомнѣнны. Устранивъ тѣлесное наказаніе, на которомъ держалась прежняя педагогика, и поставивъ на его мѣсто начала нравственныя, онъ дѣйствительно далъ первый толчекъ къ перерожденію нашихъ учебныхъ заведеній по раціональнымъ требованіямъ педагогики. Поощряя умственную и научную работу руководителей юношества, онъ способствовалъ образованію извѣстнаго контингента вполнѣ образованныхъ и даже ученыхъ педагоговъ. Ничуть не желая умалить значеніе Пирогова, какъ Попечителя, мы однакожъ не можемъ не снять съ него нѣкоторой доли похвалы, которою его въ свое время осыпали. Вспом-

---

[1]) Прощаніе Кіева съ Пироговымъ стр. 36.

нимъ, что Пироговъ дѣйствовалъ во имя тѣхъ идей, которыя были провозвѣщены Царемъ-Освободителемъ и осуществленіе которыхъ составляло Его задушевное желаніе. Припомнимъ еще, что въ основаніе своихъ реформъ онъ положилъ Уставъ 1828 г., который, не взирая на реформу 1849 г., не былъ уничтоженъ, а только пришелъ въ забвеніе. Заслуга Пирогова та, что онъ напомнилъ о немъ и разъяснилъ, въ чемъ состояла сущность его педагогическихъ требованій и какъ на основаніи его должна быть поставлена школа.

Первое, на что Пироговъ обратилъ весьма серьезное вниманіе, есть, безъ сомнѣнія, Педагогическій Совѣтъ. Исходя изъ совершенно правильнаго положенія, что Педагогическій Совѣтъ есть средоточіе учебной и воспитательной жизни учебныхъ заведеній, Пироговъ началъ съ возбужденія его дѣятельности и мало по малу поставилъ его на ту высоту, которая предоставлена была ему Уставомъ 1828 г. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу: «Педагогическіе Совѣты—учрежденія въ высшей степени гуманныя и прогрессивныя; они представляютъ самое надежное средство къ улучшенію быта нашихъ учебныхъ заведеній и въ научномъ, и въ нравственномъ, и даже въ административномъ отношеніяхъ». [1]) Сообразно съ этимъ взглядомъ, онъ напоминаетъ директорамъ § 212 Устава, по которому Педагогическіе Совѣты, «сверхъ другихъ обязанностей, занимаются и усовершенствованіемъ способовъ преподаванія», и требуетъ, чтобы Педагогическій Совѣтъ назначалъ экстраординарныя засѣданія и въ нихъ занимался «обсужденіемъ и оцѣнкою различныхъ способовъ преподаванія, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Послѣ каждаго засѣданія копіи составляемыхъ протоколовъ и всѣ отдѣльныя мнѣнія учителей представлялись въ Округъ и потомъ печатались въ преобразованномъ Пироговымъ «Циркулярѣ» [2]). Вскорѣ потребовалось разъясненіе, въ чемъ именно должна была состоять задача этихъ засѣда-

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 2.

[2]) Дѣло 1858 г. № 18.

ній, потому что многимъ гимназіямъ, въ томъ числѣ и 2-й Кіевской, совѣщаться по вопросамъ педагогики и дидактики казалось до того страннымъ, что онѣ просто не поняли распоряженія». Экстраординарныя засѣданія, объясняетъ Пироговъ, учреждены съ тою цѣлью, чтобы 1) дать возможность наставникамъ свободно, откровенно и безпристрастно обсудить различныя педагогическія мнѣнія и предлагаемые способы преподаванія; 2) познакомить ближе высшія учебныя инстанціи какъ съ господствующими, такъ и съ исключительными взглядами нашихъ педагоговъ; 3) дать средство высшимъ инстанціямъ судить по этимъ взглядамъ о степени развитія нашей педагогики; 4) посредствомъ размѣна взглядовъ познакомить и сблизить одну съ другою различныя дирекціи Округа; 5) чтобы учебное начальство могло удобнѣе сообщать всѣмъ дирекціямъ свои распоряженія и мнѣнія о вновь предлагаемыхъ мѣрахъ и способахъ преподаванія». [1]) Уставъ 1828 г. вмѣнялъ Педагогическимъ Совѣтамъ въ обязанность заниматься еще обсужденіемъ всѣхъ, вообще, вопросовъ, касающихся внутренней жизни учебнаго заведенія, разрѣшеніе которыхъ нуждается въ участіи всѣхъ наличныхъ силъ Педагогическаго состава». Считая не только полезнымъ, но и необходимымъ... поднять значеніе Педагогическихъ Совѣтовъ гимназій и увеличить нравственно-научную связь между учащими и учащимися», Пироговъ предложилъ директорамъ и инспекторамъ «подвергать непремѣнно еще обсужденію Совѣта: 1) все, касающееся поведенія учениковъ, ихъ наказанія, увольненія, и перемѣщенія изъ одной гимназіи въ другую; 2) всѣ замѣченные директоромъ и инспекторомъ недостатки и упущенія въ классахъ, касающіяся преподаванія или изложенія различныхъ предметовъ и обращенія учителей съ учениками такъ, чтобы дѣлаемыя имъ замѣчанія отнюдь не носили на себѣ характера однихъ личныхъ (и слѣд. болѣе или менѣе произвольныхъ) воззрѣній. Этимъ способомъ я полагаю доставить учителямъ средства къ развитію личныхъ убѣжденій, къ возвышенію ихъ педагогическаго авторитета и собственнаго достоинства,

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 5.

къ возстановленію нравственно-научной связи съ учащимися, которая (нужно сознаться) въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ слишкомъ слаба, и къ уничтоженію всякаго произвола, столь вредно дѣйствующаго въ дѣлѣ воспитанія. Въ воспитаніи нѣтъ ничего ничтожнаго; всѣ, повидимому незначительные, поступки и со стороны учащихъ и со стороны учащихся требуютъ строгаго и здраваго обсужденія. Голосъ наставниковъ долженъ быть въ полной мѣрѣ столько-же силенъ и многозначителенъ для учениковъ, какъ и голосъ директора. Педагогическое управленіе гимназій и по нашимъ уставамъ имѣетъ характеръ коллегіальный». [1])

Видя, что нѣкоторые члены Педагогическихъ Совѣтовъ неправильно поняли свои нравственно-педагогическія обязанности и стали дѣйствовать въ духѣ, несогласномъ съ коллегіальностью учебнаго заведенія, Пироговъ поставилъ имъ на видъ слѣд.: 1) «доставивъ каждому изъ учителей удобный случай посредствомъ сужденій въ засѣданіяхъ Совѣта высказывать откровенно свои мнѣнія о способѣ преподаванія, о достоинствахъ и проступкахъ учениковъ и о нравственно-педагогическихъ пріемахъ, я зналъ очень хорошо, что мнѣнія всѣхъ членовъ Совѣта не могутъ быть одни и тѣ же. Если бы всѣ и обо всемъ имѣли одинакіе взгляды и убѣжденія, то не было-бы необходимости въ коллегіальныхъ и совѣщательныхъ совѣщаніяхъ. Изъ этого однакожь никакъ не слѣдуетъ, что тѣ изъ членовъ Совѣта, мнѣнія которыхъ не согласны съ мнѣніемъ остальныхъ членовъ, должны своими дѣйствіями противорѣчить рѣшеніямъ Педагогическаго Совѣта, основаннымъ на большинствѣ голосовъ. Такой образъ дѣйствій доказываетъ, что дѣйствующіе неясно понимаютъ духъ и главное основаніе коллегіальныхъ учрежденій. Первая и главная обязанность всѣхъ членовъ коллегіальныхъ учрежденій «подчиняться рѣшенію большинства или протестовать предъ высшимъ начальствомъ, но ни въ какомъ случаѣ» «не обнаруживать своихъ личныхъ и частныхъ мнѣній предъ подчиненными,» потому что отъ этого развивается у учащихся неуваженіе «къ законности и къ тому

[1]) Дѣло 1859 г. № 7.

учрежденію, которое въ глазахъ молодежи должно быть ареопагомъ и къ членамъ котораго принадлежатъ тѣ же самые дѣятели, противорѣчащіе его рѣшеніямъ.... Но всего важнѣе подчиненіе собственнаго убѣжденія убѣжденіямъ большинства въ дѣлахъ судебныхъ. Въ этихъ дѣлахъ членовъ Педагогическихъ Совѣтовъ можно сравнить съ присяжными, отдѣльныя мнѣнія которыхъ не объявляются подсудимымъ.» Въ случаѣ противорѣчій съ большинствомъ, отдѣльныя мнѣнія должны содержаться въ глубокой тайнѣ и развѣ только одной высшей инстанціи могутъ быть извѣстны. 2) Нѣкоторые педагоги думали, что учителя—братья, а другіе—что они родители учениковъ; «а я думаю: ни то, ни другое. Наставники должны оставаться наставниками въ полномъ смыслѣ.» Они должны требовать отъ ученика вниманія, прилежанія, успѣховъ и хорошаго поведенія, а въ случаѣ неповиновенія и неисполненія обязанности подвергать ихъ заслуженному взысканію. 3) «Если въ настоящее время обнаруживается какой-то антагонизмъ между учениками и учителями, не пользующимися милостью учениковъ, если проявляется духъ своеволія и неповиновенія, если учителя, для сближенія съ учениками, приглашая ихъ къ себѣ, критикуютъ съ ними вмѣстѣ другихъ наставниковъ, то все это доказываетъ, что ни учителя, такъ поступающіе, ни самые Педагогическіе Совѣты, которымъ слѣдовало-бы тотчасъ-же предпринять энергическія мѣры къ прекращенію зла, подвергнувъ въ своихъ засѣданіяхъ безпристрастному суду и точному изслѣдованію поступковъ его членовъ, употребляющихъ во зло имя и достоинство учителя», не понимаютъ своей обязанности [1]).

Для того, чтобы Педагогическій Совѣтъ могъ сдѣлаться настоящею лабораторіею педагогики и дидактики, какъ того желалъ Пироговъ, необходимо одно очень важное условіе, т. е. чтобы члены Совѣта не позволяли себѣ отставать отъ науки, а слѣдили-бы за ея успѣхами и развивали-бы на ней свой умъ, который, какъ извѣстно, безъ упражненія коснѣетъ. Педагоги стараго времени, за рѣдкими исключеніями, не думали объ этомъ. Чтобы

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 4.

разбудить ихъ отъ умственной спячки, Пироговъ предложилъ имъ, во 1-хъ—посѣщать уроки другъ друга, взаимно присматриваться къ методамъ и пріемамъ своимъ и потомъ результаты наблюденій подвергать обсужденію въ Педагогическомъ Совѣтѣ [1]); во 2-хъ— выступать съ печатнымъ словомъ по тому или другому педагогическому вопросу, для чего имъ предоставленъ былъ органъ по управленію Округомъ. Органъ этотъ, дѣйствительно, имѣлъ могущественное вліяніе на старыхъ педагоговъ: онъ заставилъ ихъ браться за работу, и по мѣрѣ возможности, обновляться. Но старые сосуды, хотя-бы и обновленные, все-таки не то, что новые, да еще взятые съ выборомъ. Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ Пироговъ, когда учреждалъ конкурсъ на занятіе вакантныхъ учительскихъ мѣстъ, а вслѣдъ за симъ учредилъ при Университетѣ св. Владиміра особые педагогическіе курсы, воспитанники которыхъ носили названіе кандидатовъ-педагоговъ и обязаны были подъ руководствомъ профессоровъ и опытныхъ преподавателей извѣстное время (даже до 2-хъ лѣтъ) заниматься изученіемъ своей спеціальности и преподаваніемъ уроковъ въ какомъ нибудь классѣ [2]).

Рядомъ съ этимъ шло преобразованіе гимназій, такъ сказать, снизу. Ученики, мало уважавшіе своихъ наставниковъ, нерѣдко входили въ препирательство съ ними по поводу выставленной за урокъ отмѣтки. Пироговъ распорядился, чтобъ учителя заносили въ журналъ отмѣтки не въ классѣ на глазахъ учениковъ, а въ инспекторской комнатѣ—мѣра, впрочемъ, не достигавшая своего назначенія. Родители часто обращались къ Попечителю съ просьбою дозволить ихъ дѣтямъ, получившимъ на испытаніи неудовлетворительную отмѣтку въ одномъ, двухъ, трехъ и даже четырехъ предметахъ, подвергнуться переиспытанію послѣ каникулъ. Прежде такія просьбы нерѣдко удовлетворялись, чѣмъ сильно подрывался авторитетъ заведенія. Пироговъ объявилъ: что «переиспытаній допускать нѣтъ ни основанія, ни пользы, ибо

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 6.

[2]) Цирк. 1859 г. № 2; Дѣло 1859 г. № 5; Каменецъ-Подольская гим. стр. 110.

ученики, полагаясь на такое снисхожденіе, могутъ предаваться лѣности въ теченіе учебнаго года, въ надеждѣ усиленными занятіями въ вакантное время вознаградить потерянное въ учебные часы, и пріучаться къ пособію репетиторовъ, пренебрегая самостоятельнымъ, постоянно неослабнымъ трудомъ»; поэтому запрещаетъ «навсегда переиспытаніе учениковъ, не удостоенныхъ одобрительныхъ для перевода въ высшій классъ отмѣтокъ, допуская однако исключеніе по собственному усмотрѣнію и безъ особаго разрѣшенія Попечителя, относительно тѣхъ учениковъ, которые получили недостаточную отмѣтку по одному только предмету, если въ продолженіе года они не замѣчались въ лѣности и дурномъ поведеніи, о чемъ объявить ученикамъ нынѣ и впредь объявлять имъ при наступленіи учебнаго года съ тѣмъ, что на будущее время прошенія о переиспытаніи будутъ оставляемы безъ удовлетворенія и отвѣта» [1]). По прежнимъ правиламъ испытанія предметы раздѣлялись на главные и неглавные. Зная, что неудовлетворительная отмѣтка по разряду неглавныхъ наукъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не лишаетъ права на переводъ въ высшій классъ, ученики относились къ нимъ небрежно и особенно въ новыхъ языкахъ успѣвали очень мало. Исходя изъ основной мысли, что въ системѣ гимназическаго образованія не можетъ и не должно быть различія между науками, потому что каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ свою собственную образовательную силу [2]) и не можетъ быть неглавною, Пироговъ постановилъ «за правило, что отмѣтка *2* по какому-бы то ни было предмету, главному или неглавному, какъ выражающая недостаточность свѣдѣній для перевода въ слѣдующій классъ, должна препятствовать переводу учениковъ въ высшій классъ; получившему же *2* въ одномъ какомъ-бы то ни было предметѣ, главномъ или неглавномъ, позволять передержать въ этомъ предметѣ экзаменъ только тогда, когда общій выводъ по всѣмъ другимъ предметамъ будетъ $2^1/_2$» [3]).

[1]) Тамъ же.

[2]) Цирк. 1859 г. № 5.

[3]) Дѣло 1858 г. № 18.

Вмѣстѣ съ этимъ Попечительскій Совѣтъ разрабатывалъ новыя правила о переводныхъ испытаніяхъ, имѣвшихъ цѣлью а) сократить время, затрачиваемое обыкновенно на это дѣло, и б) возбудить въ учащихся болѣе серьезное отношеніе къ ученію въ продолженіе года. По правиламъ этимъ, примѣнявшимся въ видѣ опыта только въ однихъ Кіевскихъ гимназіяхъ, при переводномъ экзаменѣ употреблялось двѣ отмѣтки: *3* и *2*. Первая отвѣчала на вопросъ: «приготовленъ-ли экзаменуемый въ данномъ предметѣ достаточно для того, чтобы съ успѣхомъ продолжать ученіе того-же предмета въ слѣдующемъ высшемъ классѣ», и значила: «да». Вторая, служа отвѣтомъ на тотъ-же вопросъ, значила: «нѣтъ». Для опредѣленія же высшей степени знанія, дающей право на награду, при отмѣткѣ *3* ставился плюсъ. Экзамены производились три раза въ году: 1) съ 1-го декабря, 2) съ 1-го мая и 3) съ 1-го іюня. Первые два были репетиціями, т. е. повтореніемъ пройденнаго отдѣла науки, и производились безъ перерыва преподаванія. «На третьемъ, переводномъ, экзаменѣ, испытываются всѣ ученики одного класса всѣми экзаменаторами вмѣстѣ, въ одно время, въ особой залѣ, въ присутствіи директора, инспектора и ассистентовъ изъ учителей. Для успѣшнаго хода третьяго экзамена ученики раздѣляются предварительно на группы по числу экзаменаторовъ. Каждая группа, по окончаніи испытанія у одного экзаменатора, переходитъ по расписанію ко второму и т. д. ко всѣмъ экзаменаторамъ». На третьемъ испытаніи ученикъ экзаменуется или изъ всего пройденнаго въ теченіе года, или изъ извѣстной части предмета, по усмотрѣнію. Для перевода въ высшій классъ требовалась отмѣтка *3* на всѣхъ трехъ испытаніяхъ, причемъ по одному предмету дозволялась передержка или до каникулъ, или послѣ нихъ. До третьяго испытанія вовсе не допускались тѣ ученики, которые на обѣихъ репетиціяхъ получили *2* изъ половины предметовъ своего класса [1]).

Глубоко вникая во всѣ потребности школы, Пироговъ не могъ не замѣтить, что предметы гимназическаго курса не совсѣмъ

---

[1]) Дѣло 1858 г. № 46.

правильно распредѣлены по классамъ; въ особенности непосильный трудъ наложенъ былъ на учениковъ 3-го класса. Чтобы облегчить ихъ, онъ вошелъ къ Министру съ представленіемъ, на которое получилъ разрѣшеніе, во 1-хъ, изъ курса 3-го класса перенести въ 4-й геометрію и изъ алгебры ограничиться только четырьмя дѣйствіями надъ цѣлыми и дробными количествами; во 2-хъ, «вмѣсто преподаванія краткаго очерка всей русской исторіи сообщить въ 3-мъ классѣ біографическіе очерки изъ русской исторіи, познакомить учащихся съ исторіею древняго Востока въ географическихъ и этнографическихъ очеркахъ, употребивъ на это два урока въ недѣлю; въ 3-хъ, перенести часть русской грамматики на 4-й классъ; въ 4-хъ, въ 3-мъ классѣ не слѣдуетъ проходить въ системѣ грамматику нѣмецкаго и французскаго языковъ, да притомъ еще не на родномъ языкѣ. Эти измѣненія тѣмъ необходимѣе, что.... преподаваніе латинскаго языка должно быть усилено и знаніе естественной исторіи должно быть обязательно для всѣхъ, окончившихъ курсъ гимназіи. Поэтому латинскій языкъ проходить, начиная съ 3-го класса и продолжая въ 4-мъ, въ видѣ обязательнаго для всѣхъ предмета и только въ 5-мъ классѣ предоставить ученикамъ избирать или латинскій языкъ или законовѣдѣніе.[1]) Преподаваніе естественной исторіи введено во всѣхъ классахъ, начиная со 2-го.

Педагоги стараго времени вели свое преподаваніе обыкновенно такъ, что упускали изъ виду развитіе мыслительной способности своихъ учениковъ и, ограничиваясь задаваніемъ урока «отъ сихъ поръ до сихъ поръ», дѣйствовали, главнымъ образомъ, на память. Односторонность и несостоятельность такого метода была причиной появленія въ циркулярѣ прекрасной статьи, написанной самимъ Пироговымъ, гдѣ самымъ осязательнымъ образомъ доказано, что хотя «конечная цѣль образованія есть знаніе, а знаніе пріобрѣтается заучиваніемъ, слѣд. памятью; но никто не станетъ защищать оффиціально-школьное знаніе, подъ которымъ нужно ра-

---

[1]) Дѣло 1860 г. № 82.

зумѣть безсознательное усвоеніе предмета, не освѣщенное разумомъ» [1]).

Чтобы достигнуть сознательнаго усвоенія, Пироговъ учредилъ между прочимъ литературныя бесѣды на первый разъ только для учениковъ обѣихъ Кіевскихъ гимназій съ тѣмъ, чтобъ «возбудить въ ученикахъ охоту заниматься самостоятельнѣе и навыкъ излагать письменно и устно свои понятія о томъ или другомъ предметѣ гимназическаго курса. Эти бесѣды должны были служить выраженіемъ стремленія ученика высказать себя на ряду съ товарищами, обнаружить свои зарождающіяся убѣжденія». Темы для бесѣдъ давались учителями, или съ ихъ одобренія избирались самими учениками. Въ назначенный вечеръ по два ученика двухъ высшихъ классовъ обѣихъ гимназій сходились въ опредѣленное для бесѣдъ мѣсто, гдѣ въ присутствіи директора, инспектора и учителей читали свои сочиненія, а другіе ихъ товарищи «по собственному вызову» дѣлали имъ возраженія, разумѣется, подъ руководствомъ учителей. Лучшія изъ прочитанныхъ сочиненій «могли быть приняты на окончательномъ экзаменѣ вмѣсто обязательныхъ», а критическія на нихъ замѣтки—вмѣсто одного годичнаго; прочія сочиненія засчитывались въ число двухъ годичныхъ. Посѣщеніе бесѣдъ не было обязательнымъ для учениковъ, а предоставлялось добровольному желанію каждаго [2]). Несмотря на подробное разъясненіе, въ какомъ духѣ и тонѣ должны быть ведены эти бесѣды, [3]) оказалось, что онѣ не соотвѣтствуютъ своему назначенію: ни ученики, ни учителя не поняли, какъ слѣдовало отнестись къ этому, безспорно очень полезному, занятію, и ударились въ вредную, какъ въ научномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи крайность. Изъ трехлѣтняго опыта самъ Пироговъ убѣдился въ томъ, что бесѣды не достигаютъ ожидавшихся отъ нихъ результатовъ: «съ каждымъ годомъ ученики все болѣе и болѣе охладѣвали къ бесѣдамъ; вмѣсто мирнаго соревнованія

---

[1]) Цирк. 1859 г. № 5.

[2]) Дѣло 1858 г. № 43.

[3]) Цирк. 1860 г. № 3 и Дѣло 1858 г. № 43.

и духовнаго единенія, между учениками двухъ гимназій возникла враждебность: ученики стали позволять себѣ крайне неумѣстныя сужденія о наставникахъ и начальникахъ, ставившія школьную дисциплину въ весьма опасное положеніе; наконецъ сами учителя позволяли ученикамъ неумѣстныя темы или задавали имъ темы не по силамъ». [1]) Эти и еще нѣкоторые другіе недостатки бесѣдъ повели, наконецъ, къ совершенной отмѣнѣ ихъ.

Если учебную реформу встрѣтило столь сильное противодѣйствіе, что могло парализовать ее, то едва-ли не большей борьбы стоила реформа въ системѣ прежняго воспитанія, покоившагося на нецивилизованныхъ формахъ обращенія воспитателей съ учащеюся молодежью и на разныхъ видахъ тѣлеснаго наказанія, съ которыми такъ свыклись и тѣ, и другіе, что, казалось, безъ нихъ и обойтись невозможно. Кто изъ учившихся въ то время не помнитъ, съ какимъ циническимъ героизмомъ относились къ тѣлесному наказанію тогдашніе ученики, и какъ страшно подавляемо было въ нихъ естественное чувство стыдливости? Не мудрено, если такая система возмущала Пирогова и если онъ съ удвоенною энергіею взялся побороть ее. Блистательная анатомическая секція ученическихъ проступковъ, потомъ группировка ихъ по категоріямъ и примѣненіе къ каждой категоріи разныхъ, наиболѣе цѣлесообразныхъ наказаній, могущественно подѣйствовали на все бытіе школы и произвели коренной переворотъ во взглядѣ на воспитаніе. Въ правилахъ о проступкахъ и наказаніяхъ Пироговъ развилъ ту мысль, что въ дѣлѣ воспитанія господствуетъ или *призваніе*, или *администрація*, или наконецъ *спекуляція*». *По призванію* воспитываютъ только нѣкоторые немногіе родители и нѣкоторые избранные педагоги. Въ учебныхъ казенныхъ заведеніяхъ господствуетъ *административное* начало, а въ бо́льшей части частныхъ школъ и пансіоновъ *спекуляція*». При господствѣ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ началъ администраціи хорошо то, что въ дѣтяхъ можно развить *чувство законности*; но это чувство разовьется въ нихъ только тогда, когда они будутъ знать, во 1-хъ, что ни одинъ ихъ

[1]) Тамъ-же.

проступокъ не останется незамѣченнымъ и необсужденнымъ, и во 2-хъ, что награда или наказаніе за извѣстное поведеніе сообразуются съ опредѣленными правилами и постановленіями. Въ силу этихъ соображеній Пироговъ издалъ для свѣдѣнія учениковъ подробную таблицу проступковъ и наказаній, а вмѣстѣ съ нею и правила для руководства воспитателей. По правиламъ этимъ проступки, заслуживающіе наказанія, раздѣлены на такіе, которые состоятъ: а) въ нарушеніи правъ собственности, б) правъ личности частной (собственной и посторонней, какъ напр. куреніе табаку, употребленіе спиртныхъ напитковъ, низость, клевета, наушничество и др.), в) въ нарушеніи правъ личности общественной, какъ напр.—проступки противъ общихъ правилъ школы, или противъ начальства и законной власти, или наконецъ противъ церковнаго и религіознаго благочинія. Сообразно со всѣми этими проступками наказанія раздѣлены на 3 степени: къ первой степени отнесены наказанія чисто нравственныя; ко второй—физическія, нравственныя и денежныя (какъ напр.—лишеніе права на освобожденіе отъ платы за ученіе); къ третьему, высшему, разряду отнесены всѣ наказанія отъ черной книги до полнаго исключенія изъ гимназіи съ оповѣщеніемъ по Округу. При обсужденіи каждаго проступка предписывалось принимать во вниманіе обстоятельства, усиливающія или облегчающія вину, или-же совсѣмъ освобождающія отъ наказанія (какъ напр.—вынужденная самооборона). Далѣе въ этихъ правилахъ опредѣлено, какому наказанію могутъ подвергнуть виновнаго: 1) надзиратели, 2) учители предметовъ, 3) законоучители, 4) инспекторъ и директоръ, 5) наконецъ Педагогическій Совѣтъ. Само собою разумѣется, что высшую мѣру наказанія могъ приложить къ виновному только Педагогическій Совѣтъ. Затѣмъ правила разсматриваютъ вопросъ *о справедливомъ приложеніи наказанія*, требующемъ прежде всего открытія причинъ и мотивовъ проступка, съ точнымъ обсужденіемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его. Когда это сдѣлано, слѣдовало брать во вниманіе характеръ и темпераментъ виновнаго: въ иныхъ случаяхъ полезно подвергать наказанію немедленно, а въ иныхъ лучше дѣйствовать медленнымъ путемъ, стараясь привести

виновнаго къ сознанію, что его поступокъ дѣйствительно нехорошій и заслуживаетъ наказанія. Съ цѣлью сдѣлать возможнымъ *индивидуализированіе* воспитанниковъ, правила предписываютъ вести подробные журналы объ ихъ поведеніи.

Въ высшей степени любопытенъ и оригиналенъ § 12-й этихъ правилъ, устанавливающій судъ совѣсти между учениками. Онъ «долженъ состоять *изъ выборныхъ*. Выборные должны быть изъ учениковъ пяти высшихъ классовъ, по шести изъ каждаго класса. Выборные избираются по классамъ товарищами и утверждаются Педагогическимъ Совѣтомъ. Для составленія суда выборныхъ бросается жребій, которымъ избираются трое судей изъ шести выборныхъ того класса, къ которому принадлежитъ виновный. Если же обвиняются ученики двухъ или нѣсколькихъ классовъ, то судъ составляется по жребію выборныхъ этихъ классовъ, отъ каждаго по два, съ присоединеніемъ къ нимъ также по жребію по одному выборному изъ прочихъ классовъ. Послѣдніе, по единогласному соглашенію между собою, даютъ своимъ мнѣніемъ перевѣсъ рѣшенію той или другой стороны. По обсужденіи вины и значенія соотвѣтствующаго наказанія, одинъ изъ выборныхъ докладываетъ отъ имени прочихъ инспектору или директору о рѣшеніи суда и родѣ избраннаго наказанія, и затѣмъ самое наказаніе приводится въ исполненіе. Выборный долженъ вести себя безукоризненно, какъ приличествуетъ лицу, облеченному столь высокимъ довѣріемъ; но за противозаконныя дѣйствія подвергается отвѣтственности наравнѣ съ прочими товарищами по заведенію. Доказанная несправедливость и пристрастіе въ рѣшеніяхъ суда товарищей влечетъ за собою устраненіе суда выборныхъ отъ ихъ должности и отнятіе права суда у цѣлаго класса до тѣхъ поръ, пока онъ не постарается загладить своей вины и снова заслужить довѣріе своихъ наставниковъ. Рѣшать вопросы о несправедливыхъ дѣйствіяхъ суда и объ отнятіи права суда у цѣлаго класса предоставляется только одному Педагогическому Совѣту, по докладу инспектора». [1]

---

[1] Цирк. 1869 г. № 8.

Каковы-бы ни были недостатки этихъ правилъ, но, благодаря разумному началу, положенному въ ихъ основаніе, они немедленно оказали самое благодѣтельное вліяніе на нравственность учащихся и принесли богатые плоды. До введенія ихъ число проступковъ и наказаній доходило въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ до огромной цифры: [1]) по введеніи ихъ въ дѣйствіе крупные проступки, влекшіе за собою одну изъ высшихъ мѣръ наказанія, а именно тѣлесное, въ процентномъ отношеніи уменьшились болѣе, чѣмъ въ 20 разъ; во столько же разъ уменьшилось и удаленіе учениковъ изъ гимназіи. [2]) Отсюда видно, что нравственная физіономія учебныхъ заведеній стала чище, свѣтлѣе.

Въ 1861 году Пироговъ покидаетъ свой постъ, къ великому прискорбію всѣхъ, кто слѣдилъ за новымъ направленіемъ нашихъ учебныхъ заведеній. Жребій—управлять Кіевскимъ учебнымъ Округомъ достался барону Николаи. Не смотря на кратковременное пребываніе въ Кіевѣ, баронъ Николаи оставилъ послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ. Идя по пути, проложенному предшественникомъ, онъ, однако, расчищалъ этотъ путь, устраняя тѣ неудобства, которыя невольно были созданы Пироговымъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на литературныя бесѣды, которыя, какъ мы видѣли, уклонились отъ своей прямой задачи. Баронъ Николаи нашелъ возможность замѣнить ихъ такимъ упражненіемъ учениковъ, которое, поддерживая въ нихъ умственную самодѣятельность и способствуя литературному развитію, въ тоже время было свободно отъ возможныхъ увлеченій въ другую сторону. Это—чтеніе на урокѣ словесности лучшихъ изъ обязательныхъ ученическихъ сочиненій, сопровождаемое замѣчаніями учителя и иногда словеснымъ диспутомъ автора съ своими товарищами. За лучшія изъ такихъ сочиненій Округъ назначалъ денежную премію. [3]) Не мало затрудненій возникло въ приложеніи къ практикѣ изданныхъ

---

[1]) См. тамъ-же.

[2]) См. Отчетъ о наказаніяхъ, читанный въ засѣданіи Комитета 5 дек. 1860 г.

[3]) Цирк. 1862 г. № 2.

Пироговымъ правилъ объ испытаніяхъ. Они устранялись распоряженіемъ барона Николаи, по которому тентаменты замѣнены «спрашиваніемъ уроковъ и отдѣльныхъ пройденныхъ частей предмета», при чемъ за успѣхи установлено три отмѣтки: 2 (неудовл.), 3 (удовл.) и 4 (весьма удовл.). Правила о переводныхъ экзаменахъ содержали въ себѣ слѣд. еще указанія: «экзамены начинаются 1-го іюня и оканчиваются 22 іюня; отъ переводныхъ экзаменовъ освобождаются вовсе ученики, оказавшіе въ теченіе года отличные успѣхи. Не допускаются вовсе къ переводнымъ экзаменамъ ученики, оказавшіе въ теченіе года совершенно слабые успѣхи, и затѣмъ прочіе ученики подвергаются переводнымъ экзаменамъ. Переводые экзамены производятся въ комитетахъ. Каждый комитетъ составляется изъ трехъ членовъ»: комитетовъ ежедневно составляется не менѣе трехъ; въ высшій классъ переводятся ученики, получившіе по всѣмъ предметамъ отмѣтку удовлетворительную; передержка не допускается; но Совѣтамъ предоставлено право по рѣшенію $^2/_3$ голосовъ переводить и учениковъ, получившихъ на экзаменѣ одну или даже двѣ неудовлеторительныя отмѣтки. [1])

Барона Николаи замѣнилъ членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи и инспекторъ училища Правовѣдѣнія Ѳ. Ѳ. Витте. [2]) Подобно своему предшественнику, онъ старался поддерживать въ учебныхъ заведеніяхъ то направленіе, которое сообщилъ имъ Пироговъ. Вотъ почему въ дѣлахъ, относящихся къ его управленію, постоянно встрѣчаются напоминанія и подтвержденія прежде сдѣланныхъ распоряженій. Единственное исключеніе представляютъ инструкціи для учениковъ, содержащія въ себѣ изложеніе того, что ученики обязаны и чего не должны дѣлать. Онѣ замѣняли собою Пироговскія таблицы проступковъ и наказаній.

Во второй половинѣ 1864 г. мѣсто Витте занялъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Назначеніе его на должность Попечителя

---

[1]) Дѣло 1861 г. № 14.

[2]) Цирк. 1862 г. № 5 (см. Высоч. ук.).

совпадаетъ съ выходомъ въ свѣтъ Устава 1864 г., которымъ и обусловливается вся его попечительская дѣятельность. На долю его выпало сдѣлаться вторымъ фонъ-Брадке, т. е. въ подробностяхъ развивать то, чего не могъ коснуться новый Уставъ, но что должно было содѣйствовать успѣху учебно-воспитательной жизни гимназій. Князь Ширинскій весьма энергически принялся за принадлежавшее ему дѣло, при чемъ въ лицѣ благороднаго, высокопросвѣщеннаго и до мелочей весь Округъ знающаго М. А. Тулова, онъ нашелъ весьма дѣльнаго помощника. Князь, кромѣ того, никакихъ мѣръ не предпринималъ безъ предварительнаго обсужденія ихъ въ Педагогическихъ Совѣтахъ гимназій. Отличаясь реформаторскими стремленіями, кн. Ширинскій тотчасъ по вступленіи въ должность принялся за экзамены и, отвергнувъ ихъ, ввелъ такъ называемыя *репетиціи*, которыя должны были производиться въ теченіе послѣднихъ 40 дней учебнаго года (отъ 10 мая по 20 іюня). Ежедневно для каждаго класса ихъ назначалось двѣ, по двумъ предметамъ; каждая репетиція продолжалась два часа: каждый предметъ повторялся, смотря по его обширности, четыре или пять дней; начиная съ 3-го класса до 6-го включительно, на репетиціяхъ долженъ присутствовать одинъ изъ свободныхъ преподавателей, получавшій право ставить отмѣтку, при чемъ требовалось, чтобы на репетиціи первыхъ двухъ классовъ присутствовалъ тотъ преподаватель, къ которому продолжать ученіе по данному предмету переходилъ ученикъ. На репетиціяхъ отъ учениковъ можно было требовать не однихъ только устныхъ, но и письменныхъ отвѣтовъ. Перевода въ высшій классъ удостоивались тѣ ученики, которые въ среднемъ изъ годовой и репетиціонной отмѣтокъ выводѣ получили по каждому предмету отмѣтку: удолетворительно [1]) Такіе ученики немедленно отпускались на вакаціи; еще раньше отпускаемы были тѣ, кои въ теченіе года оказали совсѣмъ слабые успѣхи; ихъ даже не допускали къ репетиціямъ. Въ промежутокъ отъ 20 до 30 іюня въ особыхъ комитетахъ производился экзаменъ тѣмъ, кои въ среднемъ выводѣ

[1]) Успѣхи учениковъ выражались не цифрами, а словами.

имѣли отмѣтку не совсѣмъ удовлетворительную. Что касается учениковъ послѣдняго класса, то для аттестата отъ нихъ по всѣмъ предметамъ требовалась отмѣтка *удовлетворительно*, при чемъ по одному предмету дозволялась предъ наступленіемъ лѣтнихъ вакацій передержка. [1])

Не останавливаясь на менѣе важныхъ распоряженіяхъ кн. Ширинскаго, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ тѣхъ вопросовъ, которые находились въ связи съ введеніемъ Устава 1864 г. и, предложенные для обсужденія всѣмъ гимназіямъ Округа, возбудили необыкновенно энергическую и плодотворную дѣятельность Педагогическихъ Совѣтовъ. Вотъ они: 1) Въ какое время начинать уроки лѣтомъ и зимою; какія учебныя требованія должно имѣть въ виду при составленіи расписанія уроковъ? 2) Какія мѣры могутъ способствовать исполненію педагогическаго требованія—не обременять учащихся уроками, превышающими ихъ силы? 3) Не полезно-ли устроить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ такъ, чтобы ученики въ теченіе всего курса могли слушать эти предметы у однихъ и тѣхъ-же учителей? 4) Въ какихъ классахъ, по какимъ предметамъ и въ какомъ видѣ было бы полезно требовать отъ учениковъ письменныхъ отвѣтовъ? 5) Какія общія требованія относительно преподаванія, спрашиванія учениковъ и репетицій могутъ быть предложены учителямъ въ видахъ объединенія учебнаго порядка въ гимназіи и въ какой мѣрѣ полезно и возможно объединеніе въ этомъ отношеніи? 6) Въ какихъ классахъ, по какимъ предметамъ обязательно для учителей употребленіе печатныхъ руководствъ; чѣмъ обусловливать перемѣну руководствъ и можно-ли допустить употребленіе различныхъ руководствъ по одному и тому-же предмету, какъ въ одномъ и томъ-же классѣ, такъ и въ различныхъ? 7) Въ какихъ классахъ и въ какомъ видѣ можно допустить преподаваніе по запискамъ? 8) Кто и какимъ образомъ повѣряетъ общія ученическія тетради? 10) Когда и какъ производить пріемные экзамены и какъ дѣйствовать въ

[1]) Цирк. 1865 г. № 4. Вскорѣ дозволена была передержка по двумъ предметамъ.

случаѣ стеченія большого числа экзаменующихся, для поступленія въ классы и безъ того многолюдные? 11) Когда начинать и какъ производить выпускные экзамены, чтобы, по возможности вѣрнѣе, опредѣлить степень приготовленности испытующихся къ слушанію университетскихъ лекцій, и какъ согласить вытекающія отсюда требованія съ требованіями учебныхъ занятій въ остальныхъ классахъ гимназій? 12) Въ какой мѣрѣ необходимы и полезны репетиторы въ закрытыхъ заведеніяхъ и въ частныхъ ученическихъ квартирахъ? 13) Что и какъ записывать въ классныхъ журналахъ? 14) Въ какой формѣ и въ какіе сроки представлять вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ? 17) Можно-ли положительнымъ образомъ опредѣлить, когда за неуспѣшность учениковъ отвѣчаетъ учитель? 18) Что должно требовать отъ преподаванія различныхъ наукъ въ разныхъ классахъ въ воспитательномъ отношеніи? 19) Объ общей молитвѣ, чтеніи Евангелія, посѣщеніи учениками церкви, объ участіи ихъ въ богослуженіи, о говѣніи и участіи законоучителей въ воспитаніи; 20) О проступкахъ учениковъ и о взысканіяхъ; 21) Объ ученическихъ библіотекахъ; 23) Какъ устроить частныя ученическія квартиры, чтобъ онѣ способствовали достиженію учебно-воспитательныхъ цѣлей учебныхъ заведеній? 23) Какія соображенія можно представить въ пользу ординаторовъ, или классныхъ инспекторовъ (патронатъ), въ чемъ это учрежденіе можетъ быть не согласно съ нынѣ принятымъ у насъ порядкомъ наблюденія за учениками; въ чемъ должна состоять обязанность классныхъ инспекторовъ, если гимназія признаетъ полезнымъ ихъ учрежденіе? 24) должны-ли ученики имѣть въ классѣ постоянныя мѣста и слѣдуетъ-ли ввести пересадку учениковъ по успѣхамъ? 25) Чего требовать отъ учениковъ при приходѣ ихъ въ классъ относительно опрятности, формы, учебныхъ пособій и кто повѣряетъ исправность ученика въ этомъ отношеніи; 26) Какъ долженъ ученикъ сидѣть и вести себя въ классѣ? 27) Мѣры относительно неявившихся въ классъ; 28) Въ чемъ должно состоять содѣйствіе учителей въ дѣлѣ поддержанія дисциплинарнаго порядка въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ заведенія, и какое участіе могутъ принимать въ томъ-же сами ученики (старшіе дежурные по классамъ?); 29)

Какъ поступать съ классомъ въ случаѣ небытности учителя? 30) Чего требовать отъ учениковъ внѣ стѣнъ заведенія и какія мѣры могутъ способствовать исполненію этихъ требованій? 31) Мѣры для поддержанія должной связи между домомъ и школою [1])

Рядъ этихъ вопросовъ подвергался двойному обсужденію: 1) Педагогическихъ Совѣтовъ всѣхъ гимназій Округа и 2) съѣзда директоровъ. Многіе изъ нихъ были рѣшены въ отрицательномъ смыслѣ. Сличивъ ихъ съ тѣми распоряженіями и дисциплинарными правилами, которыя исходили отъ фонъ-Брадке и отъ кн. Давыдова, не трудно угадать, что удовлетворительное рѣшеніе ихъ въ томъ духѣ, какимъ они проникнуты, возвратило-бы гимназіи къ той исключительно внѣшней регламентаціи порядка, которая характеризовала собою конецъ 30-хъ и 40-е годы и, какъ мало пригодная, подверглась осужденію и незадолго предъ симъ была покинута. Какъ-бы то ни было, но князь Ширинскій, представляя всѣ эти вопросы съ ихъ рѣшеніемъ на усмотрѣніе Министра Нар. Пр., съ своей стороны замѣчаетъ, что «особенное положеніе губерній юго-западнаго края требуетъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ учебнаго и дисциплинарнаго порядка руководствоваться не одними педагогическими соображеніями, но и другими, вытекающими изъ политическихъ обстоятельствъ и требованій края» [2]). Этими обстоятельствами объясняется, почему кн. Ширинскій ходатайствовалъ о введеніи преподаванія Закона Божія для учениковъ римско-католическаго исповѣданія на русскомъ языкѣ [3]), на что и получилъ разрѣшеніе. Здѣсь же отвѣтъ на то, почему 10 іюля 1866 г. онъ издалъ распоряженіе о томъ, чтобы тѣ ученики римско-католическаго исповѣданія, которые окажутся виновными въ какихъ-либо безпорядкахъ или политическихъ волненіяхъ, под-

---

[1]) Цирк. 1865 г. 9. Нѣкоторые изъ вопросовъ нами пропущены потому, что не относятся къ учебно-воспитательной части гимназій.

[2]) Тамъ же, стр. 463. Это писано было вскорѣ послѣ польскаго движенія въ 1863 г.

[3]) Тамъ же же, № 8.

вергались штрафу въ размѣрѣ отъ 100 до 200 р. с. [1]). Сюда-же относится распоряженіе о томъ, чтобы 1) «ученики не только въ стѣнахъ заведенія, но и на квартирахъ во время общихъ занятій и игръ, употребляли въ разговорахъ между собою языкъ школы, въ которой они воспитываются, и языкъ государства, которому они будутъ служить, т. е. русскій языкъ; 2) въ сношеніяхъ родителей и воспитателей, какъ личныхъ, такъ и особенно письменныхъ, съ лицами, служащими въ заведеніи, и по дѣламъ, относящимся къ ученикамъ, не допускать употребленія другаго языка, кромѣ русскаго; 3) учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, при переходѣ изъ одной гимназіи въ другую, подвергать повѣрочному испытанію изъ русскаго языка, русской исторіи и географіи; 4) устроить разъ въ недѣлю послѣобѣденное чтеніе ученикамъ образцовыхъ русскихъ авторовъ, возложивъ эту обязанность на учителей русскаго языка и словесности; 5) учениковъ римско-католическаго исповѣданія, а изъ православныхъ по усмотрѣнію Совѣта, на выпускномъ испытаніи, прежде всего, подвергать испытанію въ русскомъ чтеніи и письмѣ подъ диктовку и того, который не будетъ умѣть правильно по-русски читать и писать, не допускать къ дальнѣйшему испытанію; 6) репетиторовъ, какъ главныхъ органовъ учебно-воспитательныхъ требованій и цѣлей заведенія по отношенію къ занятіямъ учениковъ на квартирахъ, назначать, по преимуществу, изъ учениковъ православнаго исповѣданія; 7) слѣдить, чтобы учителя иностранныхъ языковъ, во время преподаванія, заботились о правильности и точности выраженій (вскорѣ было выражено желаніе, чтобы всѣ учителя гимназіи содѣйствовали успѣхамъ учениковъ въ изученіи правильной русской рѣчи [2]); 8) католическіе праздники ни въ какомъ случаѣ не должны нарушать обыкновеннаго учебнаго порядка русской школы; поэтому, какъ всѣ учителя, такъ и ученики православнаго исповѣданія во время

[1]) Съ тѣхъ поръ родители и родственники учениковъ римско-катол. вѣроисповѣданія даютъ росписку въ томъ, что они принимаютъ на себя эту отвѣтственность.

[2]) Цирк. 1865 г. № 10.

римско-католическихъ праздниковъ должны быть на урокахъ» [1]). Въ заключеніе намъ остается указать еще на одно важное распоряженіе кн. Ширинскаго-Шихматова: для поддержанія въ учащихся «православно-христіанскаго духа» и укрѣпленія въ нихъ началъ «истинно-христіанской нравственности», ученическія библіотеки должны были наполняться книгами религіозно-нравственнаго содержанія [2]).

Князь Ширинскій управлялъ Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ до 15 мая 1867 г. Временно (до февраля 1868 г.), пока не прибылъ въ Кіевъ, назначенный Попечителемъ П. А. Антоновичъ, управленіе перешло къ М. А. Тулову. За этотъ промежутокъ времени мы не нашли никакихъ, сколько-нибудь важныхъ, распоряженій. Какъ кажется, М. А. мало довѣрялъ письменнымъ требованіямъ и болѣе на словахъ старался внушить руководителямъ юношества серьезное отношеніе къ трудному подвигу служенія на поприщѣ педагогики; по крайней мѣрѣ на такое заключеніе даетъ намъ право роль очевидца, не разъ пользовавшагося его умными совѣтами и наставленіями.

Тоже самое право мы оставляемъ за собою и въ отношеніи къ П. А. Антоновичу, о которомъ, по нѣсколькимъ причинамъ, намъ не придется говорить много, и между этими причинами самая важная та, что по утвержденіи Устава 1871 г. Министерство Нар. Пр. приняло на себя, на свою собственную отвѣтственность все, что только относится къ вопросу объ организаціи учебно-воспитательной части гимназій по новому плану. Попечителямъ предоставлена была только роль передатчиковъ тѣхъ циркуляровъ, которые исходили отъ Министра. Такимъ образомъ Антоновичу по гимназіямъ представлялось мало дѣла; но за то вниманіе его сосредоточилось на другихъ пунктахъ, это—на женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и на низшихъ школахъ. Непосредственное вліяніе его на жизнь гимназіи обнимаетъ собою время отъ 1868 до 1871 г. Въ это время Антоновичъ, весьма внимательно изучавшій строй гимназій, замѣтилъ

---

[1]) Тамъ же. № 9.

[2]) Цирк. 1866 г. № 10

на первыхъ-же порахъ, что при постановкѣ учебныхъ предметовъ упущено было изъ виду чистописаніе и рисованіе, заключающія въ себѣ несомнѣнно большую образовательную силу, но съ давнихъ поръ преданныя забвенію. Для лучшей постановки въ кругу образовательныхъ предметовъ того и другого, предъявлены были требованія, указанъ методъ, составлена программа, а для рисованія еще и экзаменъ [1]. Послѣ того онъ отдалъ на обсужденіе Педагогическихъ Совѣтовъ учрежденную княземъ Ширинскимъ экзаменаціонную систему репетицій и, по полученіи отъ нихъ неодобрительныхъ отзывовъ, распорядился обратиться къ старому, испытанному способу испытанія.

Обозрѣвая главнѣйшія постановленія и распоряженія, которыя вносились въ жизнь гимназій юго-западнаго края, мы хотѣли раскрыть, такъ сказать, ихъ душу, проникавшую во всѣ ихъ жизненные процессы и отправленія.

Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ внутреннею жизнью той гимназіи, пятидесятилѣтнее существованіе которой оканчивается 8 января 1886 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Цирк. 1868 г. № 8 и 1869 г. № 9 Впослѣдствіи Имп. Академія Художествъ назначила по рисованію конкурсъ и за лучшіе рисунки премію.

ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ.

Повисть. [1])

ЧАСТЫНА ДРУГА.

Зажурывся соколонько:
Бидна моя головонько,
Що я рано зъ выръя выйшовъ:
Ниде систы, гнизда звыты,
Малыхъ дитей росплодыты
Бо по горахъ снигы лежать.
Нар. писня.

I.

Гаинка.

Гаинка гнивалася:

— Поганый, поганый, поганый!—казала, одвертаючысь одъ Зинька.—И не кажы, що гарный: ты—поганый!

— Я й не кажу, що я гарный, усмихаючысь одновидавъ Зинько, лежучы въ своему садку пидъ гиллястымъ дубомъ та дывлючыся на деликатни рысы чепурного жинчыного облычча, на іи тонкый, мовъ дытячый, станъ. Вона сыдила на трави биля ёго, повернувшыся бокомъ, надымала губкы, выпынаючы ихъ напередъ, и черезъ те іи облычче здавалося Зинькови такымъ чуднымъ, що винъ зареготався.

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г. № 2.

— Чого ты сміешся? —швыдко повернулася вона до ёго?— Ну, скажы: чого ты сміешся?

— Того, що ты сердышся.

— А, дакъ такъ!... дакъ такъ!...—скрыкнула.—Я сердюся, я гниваюсь, а винъ сміется, а ёму смишкы! Ну, дакъ я жъ пиду видъ тебе, пиду!

И вже була схопылася, щобъ бигты, та заразъ же й спынылася.

— Злый!.. недобрый!.. глузуе!.. Отъ я жъ тоби дамъ!.. Отъ я жъ тебе... бытыму!...

Кынулася до ёго, вхопыла за плечы та й почала зъ усіеи сылы трусыты й товкты ёго своимы маленькымы рученятамы.

— Отъ тоби!.. отъ тоби!... отъ тоби!.. Щобъ не глузувавъ!.. щобъ не сміявся!..

А винъ реготавъ ище гирше, вхопывъ іи дужою рукою за станъ и прыгорнувъ на груды та й почавъ цилуваты въ очи, въ щокы, въ уста.

— Геть! геть!... капосный!.. Не хочу!.. Не займай!...

Вона видбывалась, не давалась, але згодомъ затыхла, заплющывшы очи, знеможена ёго поцилункамы, ажъ покы вразъ выхопылась изъ рукъ, одбигла трохы, стала и подывылась на ёго: чы не гнатыметcя за нею. Винъ не гнався.

Вернулась, сила биля ёго на траву, а винъ, лежучы, зиперся на ликоть, и дывывся, якъ вона ховала пальчыкамы пидъ очипокъ неслухняне русяве волоссе, що оточало вже все іи рожеве лычко.

— Атъ, се мени волоссе!...

— Ну, и чого жъ ты на мене сердышся?—спытавъ Зинько.

Вона почала докоряты:

— Бачъ, прымыляешся, а самъ якый зробывся? Мало колы й дома сыдышъ: якъ те перекотыполе, все гуляешъ. Я за тобою й духъ роню, а ты за мене забуваешъ.

— Дурненьке мое!—якъ же я за тебе забуваю?

— А такъ, що то було якъ вечиръ, якъ недиля, якъ свято то мы все вдвохъ, якъ оришкы блызнята—або говорымо. або чытаемо, або спиваемо... А теперъ!..

— А теперъ?

— А теперъ ты и ввечери, и въ свято або самъ ходышъ то до Васюты, то до Грыцька, то до себе наведешъ ихъ—повну хату!

— И яка жъ то й повна хата, якъ двое або трое! А хыба ты ихъ не любышъ?

— Чому? Васюта такый гарный, добрый... та чудный-чудный!..

— Ну, отъ бачышъ!.. А Карпо?

— Отъ, Карпо твій!.. Катря гарна, а Карпо твій якъ почне вычытуваты мовъ зъ кныжкы: Памъятай, жéно, и встаючы й лягаючы и за стилъ сидаючы, що грихъ тебе вловляе и во уста вступае и зъ устъ выступае и до носа прыступае!... Ха-ха-ха!..

Вона такъ чудно вдавала Карпа зъ ёго навчальнымъ голосомъ, що й Зинько засміявся.

— Що ты выгадуешъ?! Колы жъ такы Карпо казавъ на Катрю: жено?

— Отъ же казавъ,—я сама чула... А мы зъ Катрею якъ зарегочемось!.. А винъ розсердывся та грюкъ дверыма, та зъ хаты!..

— Ну, а Грыцько якый тоби?

— Я Йивгы не люблю!—видрубала Гаинка швыдко.

— Дакъ я тебе не про Йивгу, а про Грыцька.

— А Грыцько... Грыцька... мени ёго жалко... Та воны вси гарни, а тилькы я не люблю, що черезъ ихъ та ни́колы й поговорыты зъ тобою, мовъ у жныва!..

— Не зъ такъ то вже й ни́колы!—засміявся Зинько.—Хочъ воно, може, трохы й правда, бо останнимы часамы було стилькы клопоту: то зъ товарышамы треба було радытыся, то въ городъ й издыты, то ще що...

— Отъ бачъ! отъ бачъ!.. А я все сама, якъ вербыченька въ поли.

— Та ты жъ изъ матиррю... И добре жъ знаешъ, що я не зъ прымхивъ те роблю, а за для громадськои справы такъ треба.

— За для громадськои справы...—почала була щось непевне Гаинка, але Зинько перепынывъ ій, кажучы свое дали:

— А ты жъ у мене розумна, ты жъ не така, якъ инши жинкы, що имъ байдуже щó тамъ по за хатою робытся: ты ро-

зумієшъ, що кожному громадянынови треба за добро громадське дбаты.

Въ гарпенькій голивци Гаинчыній оця штука—громадське добро—була якась занадто невыразна—отъ якъ туманъ: биліе, а нидійдешъ блыжче,—ничого нема, розвіявся, чы що. Але що Зинько іи хвалывъ (вона такъ любыть, якъ винъ іи хвалыть!), то й вона подобришала за-для того премудрого туману, за-для громадського добра: заразъ же знову сила биля самисинького Зинька, взяла ёго голову и положыла соби на колина. Сама жъ исповажнила й промовыла:

— Воно, звисно, якъ громадська справа, то треба... Тилькы знаешъ, Зинечку, якъ бы такъ, щобъ громадському доброви манюпусинька часыночка, якъ ничъ у жныва, а намъ удвохъ—велыка, якъ день улитку?

Зинько засміявся.

— Моя ясочко!—отъ упораемося якось изъ тіею землею, то й буде все гараздъ. Моя ты щебетушечко!

Вона голосно засміялась и засыпала ёму все облычче й голову дощемъ квитокъ, тилькы що нарваныхъ унызу на левади.

— А сёгодни жъ ты не довго будешъ у Грыцька?—спыталася.

— Ни, не довго.

— Гляды жъ! не сыды до пивночы! У! я черезъ тебе тилькы квиткы мои порозсыпала! Бачышъ,—отъ братикъ та сестрыця: се братъ изъ сестрою побралыся... Боже жъ, грихъ якый!.. А тоди якъ роспыталыся хто воны!.. Дакъ братъ и каже:

Ходимъ, сестро, горою,
Розсіемось травою:
Ой ты будешъ сыній цвитъ,
А я буду жовтый цвитъ...
Будуть дивкы квиткы рвать,
Насъ зъ тобою спомынать...

Оце я кажу, а може воны чують мене!..

— Хыба жъ квиткы чують?—спытавъ сміючыся Зинько.— Адже воны нежыви.

— А то жъ, нежыви!.. А чого жъ то якъ садовына не родыть, то на святый вечиръ дидусь беруть сокыру та й идуть до груши або до яблуни та й нахваляются, що рубатымуть: Якъ не родытымешъ, то зрубаю и въ пичъ уметаю, а попилъ на витеръ пороспускаю! Дакъ воно злякается та й родыть.

— Та се байка! Отъ заговоры заразъ до сёго дуба, то ничого не розбере.

— А може жъ и розбере? Береза хвалылася своею корою та й каже дубови: Давай минятыся! А дубъ каже: Не хочу: мене тилькы кора на свити й держыть.

— Дакъ воны ще й розмовляють?

— А то—ни? Воно все говорыть промижъ себе. Одынъ чоловикъ та знавъ розбираты и звирячый, и пташыный, и травыный, и всякый голосъ... дакъ, було, йде, а воны, зилля, промижъ себе розмовляють: Я,—каже одно,—видъ того. А те: А я видъ того... Я видъ головы... Я видъ любощивъ... Такъ и розмовляють... Найбильше вночи... Зиллечко до зиллечка прыхыляется, зиллечко до зиллечка озывается... И—и! Ажъ дывно й страшно, якъ подумаешъ!

Вона ажъ издригнулася.

— Чого жъ тоби страшно?

— Воно не страшно... а такъ... якъ отъ на Велыкдень уси люде й батюшка передъ церквою стоять, передъ дверыма зачыненымы, та: Хрыстосъ воскресъ! А воно видтиля, якъ зъ того свиту, Воистыну воскресъ!.. Та й одчынытся... Ой!.. И дывно, и страшно й весело!.. Усяка травынка на свити жыва... Отъ ходышъ такъ, думаешъ,—воно такъ соби, якъ каминь, ажъ воно—жыве: и чуе, и розбирае... И земля чуе, и трава чуе, и дерево чуе... А мы не чуемо ихъ... Може й воны мене не чують, тилькы себе... И я середъ ихъ якъ травынка, манюсинька травынка...

Вона заплющыла очи и знову здригнулася: Ухъ!..

— Чого ты?

— Мени вже здалось, що я травынка.

— Серденько мое, це все казкы. Воно не такъ на свити, якъ ты думаешъ,—и Зинько почавъ ій розсказуваты що винъ у

кнызи чытавъ про те, якъ рослыны жывуть. А вона, втупывшы въ ёго свои мрійни оченята, слухала мовчкы, и ій уявлялося, що вона така травынка-травы́-ыночка дрибнюня-дрибню́-усинька на цёму шырокому свити!.. Така манюня!.. И хтось прыйде та й зирве іи, а ій буде боляче-боляче!.. Охъ, може ихъ и рваты грихъ, си былыночкы-квитыночкы?.. Си былыночкы, си квитыночкы, що ростуть-цвитуть середъ долыночкы...

— Зиньку, скажы, чого се такъ: иноди ничого не заспиваешъ, а иноди са́ме складается?

— Що́ складается?

— Писня... Оть кажуть, на мори йе таки морськи панны—спивають такъ гарно... повыплывають на хвыли—самы гарни-прегарни—такъ якъ заспивають, то й море стыхае: слухае... А люде ходють по надъ берегамы та дослухаются тыхъ писе́нь та й соби переймають... Зъ того й писни, кажуть, на свити... А оть я тыхъ дивчатъ морськыхъ и не чула, а писни складаются...

— Та якъ же то?

— Та... оть... Ну, оть дывышся на щось... або оть згадуешъ щось, а воно одно до о́дного й тулытся... и спивается...

Вона заплющыла очи й почала зтыха спиваты:

Ой былыночка до былыночкы прыхылялась,
А до мылого та мылесенька прыгорталась.
Травка хылытся та сыне́нькымы квитонька́мы,
Мыла дывытся та ясне́нькымы оченька́мы.
— У двохъ будемо, ой былынонько, процвитаты!..
— У двохъ будемо, ой мылесенькый, пробува́ты!..

Оть ба: се про тебе та про мене писня!..

— Дакъ ты ще й писни складаешъ?

— Хыба я іи складала? Воно са́ме... Оть такъ почне, почне тулытыся... ныжется, якъ разокъ намыста... а тоди щось и выйде...

Зинькови сподобалось це. Винъ почавъ прохаты Гаинку, щобъ ище щось заспивала. Але вона схопылася зъ мисця и замахала рукамы:

— Ни, ни! не хочу!.. То такъ, якъ са́ме набижыть...

— Гаинко! Гаинкó!—почувся голосъ у садку.—Де ты?

— Маты клычуть—промовыла Гаинка й побигла до хаты.

Зинько зоставcя самъ. Була недиля, и винъ одпочывавъ. Лежавъ нерухомо и дывывся попередъ себе. Его хата й садокъ булы на гори, и звидсы выдко було ёму за малымъ не все село. Биленьки хаткы зъ темнымы й жовтымы соломъянымы покривлямы вызыралы, весело всмихаючысь, зъ невелычкыхъ садочкивъ, що зеленилы мало не въ кожному двори,—мовъ дивчата позаквитчувалысь та й повыходылы на вулыцю всимъ гуртомъ. Биля хатокъ де-не-де ворушылыся люде: по дворахъ вешталысь, вулыцею помалу йшлы або сыдилы пидъ хатою розмовляючы. За все выщи булы велыки вербы гиллясти: воны шыроко роскыдалыся вгори и надъ хаткамы, и надъ тымы садочкамы, зеленіючы ясно на блакытному неби. Ихъ такъ багато було, що воны затулялы частыну хатъ, и все село здавалося якымся садомъ-гаемъ, що середъ его побудовано було оти маленьки людськи оселькы.

Було надъ вечиръ. Сонце не пекло вже, тилькы грило ласкаво, витрець ниде не прокыдався, ни одынъ лыстъ не ворушывся.

Тыхи дерева стоялы нерухомо, похылывшыся надъ селомъ, мовъ замыслылысь-задумалысь про щось. И все село обіймавъ упокій, тыхый святковый упокій-одпочынокъ, такый любый робочому селянынови.

— Якъ любо! якъ тыхо!..—думавъ соби Зинько.—Якъ вербы гарно похылылысь. Такъ, мовъ дывлются—що тамъ робытся внызу, по тыхъ хаткахъ та по вулыцяхъ, та й соби радіють, що люде видпочывають, що имъ затышно та гарно. Добра штука дерево,—ажъ веселише стае, якъ воно надъ тобою схыляется! И добре жыты пидъ тымы тыхымы вербамы, у смакъ наробывшысь, у смакъ и видпочывшы!

— Зиньку! Хочешъ полуднуваты?—гукнула Гаинка десь изъ-за деревъ.

— Не хочу... заразъ пиду.

Пидвився, ставъ и глянувъ у другый бикъ.

Внызу, пидъ садкомъ, шыроко простылалась велыка зелена лука, а по ій вузенькою срибля̀стою стежкою звывалася ричечка,

то поблыскуючы ясно проты сонця, то ховаючысь пидъ похылымы вербамы... онъ завернула колиномъ, уже й зныкла зъ передъ очей, тилькы очереты значáть іи шляхъ—геть-геть потяглыся сиро-зеленою стинкою ажъ туды, въ далыню, де ажъ на крайнеби хмарою темніе велыкый лисъ. Шыроко й гарно й любо глянуты!..

Та треба жъ и йты!

Винъ пиднявъ зъ земли й накынувъ на плечи чынарку, взявъ брыля й пишовъ. Не заходючы въ хату, перейшовъ двиръ и выйшовъ на вулыцю. Зачыняючы ворота, зупынывся на мыть, глянувшы на свій двиръ.

Добрый двиръ, велыкый! Ще батько побудувався на ёму, а Зинько тилькы додавъ де чого. Праворучъ—тикъ изъ стодолою велыкою, ливоручъ биля ёго комора добра, а коло неи хливы й повиткы, ще ливише, трохы виддаликъ, хата, а заразъ одъ неи почынався и йшовъ ажъ унызъ садъ. И скризь по двору по-пидъ плотомъ зеленило дерево, хочъ уже й не садовына. Багато зъ усёго того Зинько понасажувавъ ще за жыводття батькового и теперъ дывывся радіючы на свою працю. А квитныкъ биля хаты се вже Гаинчыне дило. Стилькы квитокъ, що й ступнуты скоро ниде буде. Не дае й блызько возомъ пидйихаты: ставай оддаликъ! Цвитъ королевый, нагидкы жовти, барвинокъ хрещатый стелется, высокымы стеблынамы рожа червона стоить, а сыненьки панычи кручени кругъ неи вьются... онъ зирочкы червоніють, а онъ троянды кущъ... Щобъ не пошкодыты квиткамъ, Зинько вже загородывъ Гаинци передъ хатою заборонку маленьку, плотыкъ такый ныденькый чепурненькый... А оце вже винъ самъ посадывъ хмиль биля пиддашшя, що надъ дверыма: розрисся хмиль такъ буйно, що й пиддашокъ укрывъ, и на хату попьявся... Гилкы видъ здорового клена та отой хмиль такъ покривлю затуляють, що хата зеленоверхою здается. Васюта каже, що въ Сывашивъ хата и гилляста, и лыстата, ще й окáта,—бо велыченьки викна...

Прычынывшы ворота, пишовъ улыцею...

Не сыдила дома й Гаинка. Скоро Зинько зъ дому, то й вона швыденько накынула на себе юпчыну та й побигла на За-

валіивськый кутокъ до бабы Мокрыны. А баба Мокрына та була соби така знаю́ча баба, на все село знахарка. Чы въ кого яка хвороба, чы въ чоловика що пропало, чы якій дивчыни видъ любощивъ, чы до любощивъ треба,—вси до неи, до тіеи бабы Мокрыны йшлы. Стара вже була, а ще моторна й бачу́ча на все така, що ну! И вже якъ пидешъ до неи, то й не думай ничого брехаты, бо однакъ вона вгада, що брешешъ,—тоди вже й пособляты не схоче:

— Иды, иды!—скаже,—я не пособляю такымъ, що мене дурють. Треба по правди, а неправды я не люблю, не дай, Боже, якъ не люблю! И сама николы не кажу, та й мени жъ нехай нихто не каже.

И вже тоди якъ розсердытся баба за брехню, то вже й пособляты не хоче, ніякъ не хоче! Хыба вже—хыба, якъ хто такый багатый та добре вже дасть ій, то тоди, може, зласкавытся...

Черезъ те хто йшовъ до бабы Мокрыны, то той уже ій усю правду повида́въ—якъ на сповиди. И якъ вона що казала, то такъ уже до кожного словечка іи прыслухалыся, такъ уже ій вирылы, що попови й зъ половыны такъ нейнялы виры, якъ ій.

И Гаинка дуже ій виры доймала. Звисно, Зинько казавъ, що баба Мокрына ничогисинько не тямыть, тилькы людей дурыть...

Гаинка знала, що Зинько розумный... ду́же розумный!.. Якъ на іи думку, то навить и на всёму сели розумнишого не було, бо вона сама бачыла, що Зинько зъ кымъ схоче може зговорыты: чы зъ пысаремъ, то й зъ пысаремъ, чы зъ попомъ, то й зъ попомъ... и зъ паномъ... и зъ кожнымъ... А розумно говорыть,—такъ ажъ страхъ!.. И нихто такъ гарно кныжокъ не чытае, якъ Зинько... Се такъ, правда тому всёму... ну... ну, а вже що про ворожокъ та про видёмъ, що винъ не вирыть, то то вже помыляется... хочъ якъ, а помыляется!..

Де жъ такы! Се жъ усёму свитови звисно, що видьмы ко́ривъ доють и зъ сохы молоко доють, и въ коминъ литають.—се жъ кожне знае, хочъ кого спытай!.. А хыба мало людей бачыло, якъ воны перекыдаются то собакою, то свынею, то копыцею... Се жъ и дядько Охримъ бачылы, и Петренко... А въ Чорно́вуси

йшовъ одынъ парубокъ, а вона, така здорова била собака, та лапы ёму на плечи... А винъ іи за лапы та въ хату прытягъ та й повидрубувавъ ій лапы... Ой, Боже, якый же й немылосердный!.. Тоди пустывъ... Ажъ уранци глянуть, а у вдовы-сусиды пальци попадрубувано... Та що тутъ и казаты!.. це жъ усяке знае!.. И про ворожокъ звисно, що правду кажуть и пособляють... Ни, це вже Зинько помыляется!..

Та хочъ и помыляется, а все жъ вона боится ёму прызнаватыся, що до бабы Мокрыны бигае. Та винъ бы іи засміявъ, та винъ бы ій такого наказавъ!.. Ой-ой-ой!.. Та ій и самій соромъ издуматы!..

Соромъ... ни, воно не соромъ... а такъ... якось...

Вона сама не дуже й хоче того... Чы то пакъ такъ: разъ хоче, а вдруге не хоче. Звисно, якъ побачыть вона Карпову Катрю,—се жъ іи й прыятельска,—якъ та дытынку прыгортае та вчыть іи ходыты, то ій-Бо такъ чогось и Гаинци схочется, щобъ учыты дытынку ходыты, свою дытынку, не чужу... и цилуваты ёго... такого маленького... Цилуваты ёго въ щичкы, въ носыкъ, въ оченятка, въ нижкы, въ ручкы... и тулыты ёго до себе—такъ дуже, дуже!.. А воно пручается—нижка́мы й ручка́мы...

Пручается ручонька́мы,
Всмихается оченька́мы,
А озвется губонька́мы...

Таке гарне!..

Ну, а вже якъ ото крычыть та вмажется, та треба ёго мыты та чепурыты,—ну, ото вже й не гарно!..

А Зинько дуже хоче сына!.. Такъ хоче, такъ хоче—«хочъ поганенького»,—каже сміючысь. Поганенького! Ни, вона поганенького не хоче: колы вже сынъ, дакъ щобъ гарный!.. Та де жъ вона ёму визьме, колы нема?

А хочется дружыни догодыты!.. Вона й почала пытаты людей, дакъ ій Катря жъ такы й нараяла: пиды, каже, до бабы Мокрыны—пособляе.—А ты хыба ходыла?—Ни, мени не треба було... люде кажуть...

Ну, вже жъ, щобъ Зиньковы догодыты, то треба пыты... хочъ винъ-бы й сміявся, капосный, колы бъ довидався!.. ой, сміявся бъ!..

Та дармá! Вже ій знахарка казала, що пособытся. Вона вже ій давала такого зилля пыты и звелила, якъ выпъе,—прыйты, то ще дасть. Оце жъ вона и йде. Уже жъ щось та буде, щось та буде! Тоди вже не Зинько зъ неи посміется, а вона зъ Зинька. А що,—скаже,—не вирышъ ворожкамъ, а отъ тоби сынъ!..

Щобъ блыжче йты, Гаинка перескочыла черезъ плитъ, тилькы намысто брязнуло, и пишла горóдамы й левадамы. Закувала зозуля.

— Зозуле-зозуле! скилькы мени годъ жыты?

Зупынылась и стала личыты. Зозуля накувала пъять, десять и кувала дали, не перестаючы, ажъ до трыдцятёхъ и трёхъ.

— Ой-ой-ой! якъ багато! Це добре! Бо нá свити гарно жыты. А отъ тій мабуть негарно було, що зъ неи зозуля. Якъ бо се воно? Князивна та закохалася въ козака. А князь того не знавъ, бо якъ бы знавъ, то и въ темныцю дочку завдавъ-бы...

Ой завдавъ бы у темныченьку
Свою дочку едыныченьку.

Дакъ воны зійдутся въ гаю нышечкомъ та й сыдять тамъ, цилуются-мылуются... То сміются, зъ закоханнячка свого радіючы, то плачуть, свою нещаслыву долю згадаючы. А сами таки—якъ сонечко... А батько князь ишовъ гаемъ—якъ чорна хмара... Вже довидався!.. А козакъ, лыха не чуючы, до неи й каже: «Ты жъ моя зозуленька!» та й прыгорнувъ. А князь якъ кынется туды: «Будь-же,—каже,—ты, проклята, навикы зозулею!» Дакъ вона пурхъ! та й полетила зъ рукъ у козака... И литае теперъ пташкою-сыротою та й плаче... Боже жъ, нещаслыва доля! Чому про все писéнь спивають, а про се—ни? Отъ якъ бы й про се писню спиваты!..

Не вси тіи сады цвитуть,
Що весною розвываются,
Не вси тіи замижъ идуть,
Що люблются та кохаются!

Одна така та князивночка
Та въ козака закохалася,
У гаёчку та въ зеленому
Цилувалася-мылувалася...

— Ой, Боже мій! що жъ се я?—прыпыныла сама себе Гаинка.—Чы не дурна? Середъ чужои левады стою й писню. спиваю. Та й забарылася якъ!.. Треба бигты мерщій!..

Перебигла леваду, доскочыла до струмочка дзюркотлывого. Десь мабуть хлопци затяглы кладочку, що черезъ ёго була. Гаинка спынылася:

— Якъ-же жъ и дзюрчыть весело!.. Вόдо-водычко, святенька! Скажы мени, чы гарно тоби жыты въ твоій хати попидземній? Озвысь!.. Мовчыть, не озывается!.. Мабуть я дуже гришна, що до мене вода не говорыть.

Скынула черевыкы й побрела черезъ неглыбоку, чысту якъ слёза, течійку, що бигла по пидъ вербамы ряснымы та осокорямы высокымы. Осокори гордо знималысь до неба, а вербы, нахылывшыся надъ поточкомъ, стыха зазыралы въ ёго.

— Хи, якъ выдывляются въ воду на свою вроду!—мовъ дивчата... Гарни, гарни!.. Годи вже выдывлятыся!—озвалася до ихъ Гаинка, зновъ узулася та й подалась дали.

Незабаромъ була вже знову на вулыци. Онъ уже й хату бабыну Мокрынину выдко.

Ой! що то вона Гаинци скаже? Гараздъ, якъ добре, а якъ же ни? А немынуче, немынуче треба Зинькови сына! Бо якъ " винъ, бидный, буде безъ помочи? Немынуче!..

II.

Спокуса й праця.

Зинько йшовъ до Грыцька Момота.

Звычайно товарыши зиходылыся въ Зинька, але трапылося несподиване лыхо: Грыцько выбывъ соби ногу и мусивъ сыдиты

дома. Се сталося такъ. Панасъ та Йванъ Момоты все нахвалялыся забраты жыто зъ тіеи десятыны земли, що за неи сварылыся зъ Грыцькомъ. Одначе не поспишылыся цёго зробыты. Грыцькови дало помичъ товарыство: Зинько. Васюта, Карпо та самъ Грыцько якъ заходылысь у четырёхъ, то такъ и перелетивъ хлибъ зъ поля на тикъ до Грыцька. Панасъ тилькы тоди огледився, якъ уже сусидынъ хлопець убигъ у хату та ёму сказавъ. Выскочывъ зъ хаты, вхопывъ дрюка та вулыцею до Грыцькового двору. Прыбигъ, якъ останни возы вже до воритъ пидйиздылы. Ставъ на воротяхъ, пиднявъ ломаку:

— Назадъ! назадъ!.. У мій двиръ!.. Мое жыто... Голову розвалю!..

Махае ломакою, що й справди страшно прыступаты. Позбигалыся люде, почалы ёго вмовляты, а винъ одно:

— Не пидходь!.. Убъю!.. На гамузъ псыну побъю, щобъ и на свити не смердивъ!..

Кынувся зъ ломакою за Грыцькомъ, а Грыцько по за возамы: бигають кругъ возивъ,—то й не втече, а той не дожене. Колы Грыцько спиткнувся та й упавъ. Панасъ пидбигъ, замахнувся ломакою... Вси такъ и похололы: отъ убъе!.. На щасте Васюта пидбигъ ззаду, вхопывъ Панаса та й звалывъ, а тутъ люде наскочылы, виднялы въ ёго дрюка, самого видвелы геть. Винъ пручався й репетувавъ:

— Пустить!.. Я имъ головы позрываю!.. Повбываю!.. Потрощу!.. Пустить!..

Дали вже й слова не мигъ сказаты, тилькы харчавъ. Зо злосты ажъ трусывся.

Тымъ часомъ возы пройихалы, люде одвелы Панаса до-дому.

Дакъ ото, падаючы, Панасъ выбывъ соби ногу и довго вона въ ёго болила,—все не мигъ ходыты.

Тымъ Зинько йшовъ до ёго.

Помынуло вже тры мисяци, видколы завелася суперечка за ту пересельську землю, а справа ще й доси ніякъ не росплуталася. Заразъ же другого дня пworld громадськои рады Зинько довидався, що самъ пысарь ходыть изъ десятныкомъ по хатахъ до

такыхъ пысьменныхъ, що не булы тоди въ громади, та й прымушуе ихъ пидпысуваты громадську постанову. У волости служыло пысарча, що доводылось якымся родычемъ Зинькови и зазнало колысь одъ ёго, пры лыхій годыни, доброи запомогы. Вдячне пысарча спысало теперъ за для Зинька тую постанову и вси пидпысы громадянъ. Середъ тыхъ пидпысивъ Зинько знайшовъ килькы такыхъ, що люде ти не жылы на сели вже здавна, а одного вже й мертвого... ще й за килькохъ пысьменныхъ Рябченко роспысався мовъ за непысьменныхъ. Зинько бачывъ, що се вже якесь крутійство, але на що ёго зроблено,—спершу не зрозумивъ. Не розумивъ и того на що замисто однiеи постановы напысано ажъ тры, и землю Денысови продавано мовъ не всю вразъ, а якось частками и мовъ не въ одынъ день. Зинько пойихавъ у городъ и купывъ тамъ соби кныжку зъ законамы. Довго іи гортавъ, шукавъ, мало що розбираючы, але нарешти такы дошукався, черезъ що такъ зробыла волость. Треба було, щобъ ажъ дви третыны всіеи громады згодылыся продаты землю, а колы до двохъ третынъ не ставало, то й не вильно продаваты. Ото жъ и попрыпысувано тыхъ мандрованыхъ та мертвого, щобъ бильше було людей, а якъ не ставало ще, то прыпысалы й пысьменныхъ—такыхъ, що не хотилы роспысуватьcя,—за ихъ Рябченко черкнувъ мовъ за непысьменныхъ. Теперъ зъ погляду постанова була законна, але се тилькы тому, хто не знавъ, кого тамъ попидпысувано. А що на тры частыны волость подилыла землю, дакъ и се була мудра штука: якъ на велыки грошы продаты громадськои земли, то треба дозволу ажъ отъ министра зъ Петербургу, а якъ подилыты на тры частки, дакъ выходыла кожна на мали грошы, то й не треба було посылаты справы дали губерни. Певне, що Копаныця зъ товарыствомъ не сподивалыся тутъ ніякои зачипкы, бо зверху все було гараздъ, по закону.

Додлубавшыся Зинько до того всёго, розсказавъ про ёго й товарышамъ. Погомонившы, врадылы податы жалобу до начальныка и про все якъ треба въ тій жалоби спысаты. Якъ умилы такъ и спысалы, Зинько самъ одвизъ у городъ, самъ и подавъ

їи начальныкови. Той роспытався про все, сказавъ, що всю справу розбере и звеливъ Зинькови зъ товарышамы сыдиты тыхо й дожыдатыся. Писля того товарыство чуло, що старшыну клыкано въ городъ до начальныка, а Деныса чы тежъ клыкано, чы самъ винъ йиздывъ. Якъ и що тамъ робылося, Зинько того ничого не знавъ, ажъ трохы згодомъ тее жъ такы прыхыльне пысарча нышечкомъ дало ёму копію зъ паперу, що волость послала начальныкови про ёго, про Зинька. У папери було напысано, що Зинько баламутный чоловикъ, що винъ чыныть у громади всякый неладъ, пидбурюе молодижъ повставаты проты статечныхъ людей и разъ-у-разъ бунтуе народъ; начальства не поважае и нибы то часто каже: «наплювать мени на ваше начальство!» «А оное неуваженіе къ начальству»,—сказано було въ папери,—«не только въ исказаніи вышеупомянутыхъ ругательствъ оказуется, но даже и во многихъ другихъ поступкахъ развратнихъ и соблазнительнихъ, о которыхъ дайже неудобно и поносно въ служебномъ репорте виражать. Которая его жалоба на общественный приговоръ не отъ чего, только отъ вишеупомянутой развратности и поносности поступковъ пройзошла».

Порадывшыся Зинько зъ товарыствомъ, наважывся пойихаты просто до начальныка, щобъ выясныты всю справу. Начальныкъ допустывъ до себе, та заразъ же почавъ на ёго гриматы:

— Ты народъ бунтуешь! Ты разратничаешь! Тебя подъ судъ!

Крычавъ такы довгенко и багато говорывъ, а Зинько все слухавъ. Якъ утомывся вже начальныкъ, тоди Зинько й соби озвався:

— Чы пидъ судъ, ваше высокоблагородіе, то й пидъ судъ, абы було за що. А що жъ, якъ ваше высоко благородіе пидъ судъ мене завдасте, а выявытся, що то все брехню старшына на мене напысавъ?

— Якъ брехню? Якъ брехню? Винъ прысяжный чоловикъ, винъ не може збрехать!

— Отъ же й чорновусивськый старшына бувъ прысяжный чоловикъ, а пишовъ на Сибиръ за покрадени громадськи грошы,— видказавъ спокійно Зинько.

— Шо? якъ?—скрыкнувъ бувъ начальныкъ, а тоди заразъ истыхъ, одвернувся й пробубонивъ:—Ну, то другое дѣло!..

— Та найлучче,—казавъ дали Зинько,—прошу ваше высокоблагородіе, — зробить слидство. Нехай уси стари люде, вся громада скаже, чы воно тому правда, що про мене напысано. Нехай докажуть: колы й кому я що говорывъ або робывъ погане. Тоди й выдно буде, чымъ я завыноватывъ.

Начальныкъ подывывся на Зинька, подумавъ...

— Ну, гараздъ, — каже, — отъ скоро у васъ буду,—все зроблю.

И справди незабаромъ прыйихавъ. Зибравъ громаду и роспытувавъ про Зинька: чы винъ бунтуе народъ и чымъ и якъ винъ жыве и що винъ за чоловикъ. Рябченко та Манойло почалы булы лаяты Зинька, але инши заразъ же прыпынылы ихъ. Громада сама почувала, що розмынулася зъ правдою, продаючы Денысови землю, що Зинько бувъ правый, и ій було соромъ ще й выгадуваты на чоловика щось негарне. Вси озвалыся за ёго добре, а Рябченко зъ Манойломъ хочъ и лаялы ёго, та ніякыхъ поганыхъ дилъ Зиньковыхъ не моглы показаты,—то такъ се й зосталося. Пойихавъ начальныкъ, ничого Зинькови не сказавшы.

Наши товарыши думалы, що оце вже й справа зъ землею пиде теперъ куды треба, ажъ ни. Не чуть изъ гóрода ничого. Денысъ та старшына ще килькы разивъ йиздылы туды,—уже жъ не безъ того, що койилы все лыхо та недобре та на свою ру̀чъ навертали справу. Але щó сáме воны робылы,—Зинько зъ товарыствомъ не мигъ довидатыся. Выдымо тилькы, що поступатыся й гадкы не малы.

Зинько йшовъ теперъ помалу вулыцею и все морочывъ соби голову думкамы про те, що ёго тутъ робыты. Думаты було колы, бо винъ пишовъ не просто до Грыцька, а мавъ спершу зайты до свого родыча пысарчаты, роспытатыся, чы не знае той чого нового. Роспытався, ажъ и той ничого не видае. Теперъ вертавсь ажъ изъ другого краю села знову на свою вулыцю до Грыцька.

Зненацька почувъ здалека якыйсь галасъ, спивъ, музыкы. Прыслу́хавсь.

— Це жъ мабуть весилле Хоменкове,—подумавъ соби.

Пройшовъ ще трохы и побачывъ, що справди весилле. Въ двори й пидъ дворомъ була сыла народу. Яки дывылыся, товплючысь, яки сыдилы на прыспи пидъ хатою. На прыспи жъ сыдилы й троисти музыкы та й тялы зъ усіеи сылы до танцю. Дви пари швыдко рушалыся середъ натовпу—то воны танцювалы. За людьмы Зинько бачывъ тилькы ихъ головы й плечи, але ось люде розступылыся чогось, и ёму стало выдко танцюривъ. Середъ ихъ винъ заразъ побачывъ высоку чепурну постать—то Йивга була, Грыцькова жинка. И вона, повертаючысь, углядила ёго и мовъ на мыть спынылася.

Чымало пъяныхъ вийшло зъ двору и, точучысь, поплентолось улыцею. Щобъ обмынуты ихъ, Зинько звернувъ до знаёмого чоловика въ двиръ: звидты можно було пройты городомъ ажъ на луку, а лукою выйты або до своеи хаты, або хочъ и просто на край села, до Грыцьковои. Въ двори зустривъ хазяина и затрымався зъ имъ трохы, розмовляючы,—ще той провивъ ёго й черезъ свій садъ. Попрощавшыся, перескочывъ Зинько черезъ плитъ, стрыбнувъ на луку та й пишовъ по за горóдамы трохы вже протоптаною людськымы ногамы стежечкою.

Ишовъ замысленый, похылывшысь, не дывлючысь навкругы. Колы вразъ почувъ:

— Зиньку!

Глянувъ, зупынывшысь, и побачывъ передъ себе Йивгу.

Килькы вербъ, вырисши надъ крыначкою, оточывшы іи навколо, чынылы зъ себе маленькый захыстокъ, недоступный людському окови зъ лукы. Черезъ сей захысточокъ пробигала стежка и на ій теперъ стояла передъ Зинькомъ Йивга. Іи высока струнка постать, гарно вбрана, зъ повною шыею блыскучого намыста й дукачивъ, мыгтила яснымы колирамы на сиро-зеленому вербовому лысти. Зачервонившысь одъ бигу, а потроху й одъ чаркы, стояла передъ имъ уся румъяна, дыхала швыдко, ажъ тонки низдри роздымалыся, и высоко зводылыся зъ пидъ розхрыстанои керсеткы груды. Велыки смилыви очи дывылыся ще смилише, нижъ звычайно, своимъ палкымъ зваблывымъ поглядомъ.

— Зиньку!—промовыла знову, и Зинько почувъ, мовъ ёго пройнявъ той поглядъ пекучый.

— Чого?—спытався.

— Ой, не передыхну!.. бигла... Побачыла, що ты сюды пишовъ... Хотила перестриты...

— Хыба яке дило йе?—спытавъ Зинько, почуваючыся невпокійно.

— Дило!.. Ой йе, ще й велыке!—и вона прыступыла до ёго ще блыжче.—Хыба ты не бачышъ яке дило? Хыба ты слипый?..

Вона спынылася на мыть,—ій увирвався голосъ.

— Хыба ты не бачышъ, що я за тобою гыну?.. що я... и день, и ничъ тебе передъ себе бачу!.. Твои очи, твои бровы бачу!..

Вона нахылылася до ёго, шепочучы ти слова несамовытого запалу, и видъ усёго іи молодого дужого тила повійнуло на Зинька тымъ пекучымъ запаломъ.

И вразъ вона обхопыла ёго за шыю рукою и прыпала до ёго грудьмы, вся тремтючы, и впылася въ ёго уста своимы устамы. Винъ почувъ, що въ ёго туманіе голова... На мыть... а тоди, вхопывшы іи обома рукамы за плечи, видштовхнувъ одъ себе, скрыкнувшы:

— Йивго!—чы ты не збожеволила? У тебе жъ чоловикъ!..

— Що мени чоловикъ?! Я ёго ненáвыдю, я тебе люблю!— и вона зновъ простягла до ёго рукы.

Але винъ дужымъ рухомъ одхылывъ іи на бикъ и обмынувъ, промовывшы:

— Грихъ тоби, Йивго, таке казаты! Не буде сёго николы!

И пишовъ швыдко и вже бувъ по за вербамы на луци. А вона дывылась ёму вслидъ, вся тремтючы, простягшы до ёго рукы.

— Зиньку!—скрыкнула.—Вернысь!

Винъ и не озырнувся.

Вона постояла мыть, мовъ сподиваючысь ище, мовъ думаючы, що може й вернется. А тоди стыснула рукы въ кулакы и, сварючысь на ёго, скрыкнула:

— Ну, стрывай же ты!.. Я жъ...

Ту жъ мыть ій стыснуло горло, перепыныло мову, и вона якъ стояла, такъ и впала на землю и, прытыснувшы рукы до грудей, зарыдала тяжко...

Стыснувшы зубы, не подавала голосу, тилькы хлыпала, усимъ тиломъ здригаючысь...

Врешти почала затыхаты, прытыхла...

Не одного вона любыла вже, та ни за однымъ не пропадала такъ, якъ за Зинькомъ.

Отъ и недавно—Мыкыта Тонконоженко—якымъ гарнымъ винъ ій здавався, покы сёго Зинька не побачыла... А теперъ ій Мыкыта просвитку не дае, переймае та нагадуе старе цилуванне, а іи ажъ верне видъ ёго...

Звыкла до того, що на кого окомъ гляне, той и іи. А сей одынъ не глянувъ на неи ласкаво, не прыхылывся николы до неи, и може черезъ те й покохала ёго такъ, якъ ще никого не кохала.

Вже не вперше займае вона ёго потроху, закыдае ёму словамы, а винъ мовъ не бачыть, мовъ не чуе, мовъ не розуміе!..

А сёгодни... Вона сама не знае якъ це сталося... Вона не могла вдержатыся, іи всю обняло божевильне почуванне, жадоба кынутысь до ёго и цилуваты... цилуваты!.. Скоро побачыла ёго тамъ, на вулыци... И ось теперъ!..

Невже жъ вона ёго прычарувала такъ, тая недоросла Гаинка, и винъ не бачыть, що вона, Йивга, краща, чепурнища за неи? Чы винъ боится жинкы? Ни, винъ не съ боязькыхъ... То се любыть іи такъ!..

Вона зновъ застогнала, стыснувшы зубы...

Колы любыть, то що жъ изъ имъ зробышъ!

Та невже жъ такъ и покынуты? Та вона жъ пропаде!

Колы не прывернула вона ёго своимы очыма, то прыверне чымъ иншымъ. Йе-жъ зилля... Пиде до бабы Мокрыны—тá ій дасть... дасть такого, що якъ выпъе винъ, то видъ Гаинкы такъ и одверне, а до неи, до Йивгы, прыхылыть. Бигатыме винъ за нею

такъ якъ и вси инши бигалы!.. Оттоди вже не видипхне такъ, якъ сёгодни видипхнувъ! Тоди вже вона попануе надъ имъ!..

И де дали вона думала, то все бильше й бильше здавалося їй, що се добре буде до бабы Мокрыны питы. А що Зинько бувае въ ихъ у хати, то легко буде й даты ёму—чы спыты, чы зйисты.

Ця думка розважыла іи.

Устала, обтрусылася. Тоди пидійшла до крынычкы и вмылася холодною водою, щобъ не знаты було слизъ. Ще прычепурылася трохы й пишла. Выходючы зъ вербъ, побачыла здалека на луци якогось чоловика—ишовъ дорогою. Здалося, що Рябченко. Байдуже їй було до ёго. Перескочыла черезъ тынъ та й подалась изнову на весилле.

Зинько прыйшовъ до Грыцька, якъ уже вси позбиралыся: Грыцько лежавъ на полу зъ выбытою ногою, а на лави сыдилы Карпо та Васюта. Почалы розмовляты заразъ же за Денысову справу.

— А бачылы?—попытавъ Карпо.—Денысъ уже оре пересельську землю.

— Невже?

— Самъ бачывъ. То дожыдавсь, боявсь мабуть, а теперъ уже зосмилывсь.

— Це жъ выходыть,—винъ уже впевнывся, що справа на ёго ручъ повернется,—сказавъ Зинько.—Бо колы бъ певный не бувъ, то не оравъ бы навмання.

— Ге-ге! Винъ теперъ, зйиздывшы въ городъ, такъ пиднявъ морду, що й кочергою не достанешъ!—сказавъ Васюта.—Тилькы треба ёму назадъ іи нахылыты.

— Провчыты ихъ треба,—промовывъ Карпо,—провчыты наукою доброю, бо порозсобачувалыся безъ миры, немовъ ти псы.

— Еге, провчышъ ихъ!—одказавъ Грыцько.—Колы въ ихъ отой клятый Рябченко такый мудрый на выгадкы, що кризь сыто й решето пройде.

— Ну, людына!—крутнувъ головою Васюта.—Мавъ вылупытся чортъ, та пивни заспивалы,—вродывся чоловикъ. Такъ тоби й рые, такъ тоби й крутыть, мовъ той рогатый анцыболотъ у чорторыи...

— Васюто!!..—гарыкнувъ Карпо.

— Не буду... ій-бо, не буду!.. Хай ёму... всячына!..

Васюта замовкъ, сивъ и почавъ крутыты билявого вусыка.

— Кажы, Зиньку,—ты щó думаешъ?—пытався Грыцько.

— Якъ на мою думку,—видказавъ Зинько,—то пидождимо до Покровы: у той день ёму строкъ выходыть. Колы тоди не здасть земли громади, то заразъ пошлемо жалобу до губернатора.

— А якъ и губернаторъ ничого?—спытавъ Карпо.

— Тоди дали... у санодъ!..—одказáвъ Грыцько.—Хочъ до царя!.. Нехай Зинько пыше!

Карпо, сыдючы кинець стола и зипершыся на свою кощаву руку велыку, похытавъ головою:

— Ни, не такои имъ треба наукы, не такои!

— А якои жъ?

— Кажить и робить уже вы, а якъ вамъ не поталаныть, тоди й я зъ своимъ словомъ середъ васъ озвуся.

Почалы гуртомъ говорыты про тую жалобу и такы договорылыся, щобъ спысаты іи й готову маты, а заразъ писля Покровы, не гаючысь, и въ губерню.

По сій розмови озвався Грыцько:

— Отъ що, братця: позычывъ я въ васъ двадцять карбованцивъ... Спасыби вамъ, що таки добри, зарятувалы мене дуже!.. Теперъ я трохы заробывъ, трохы хлиба продавъ, то спроможенъ вамъ оддаты.

Вытягъ гаманця, розшморгнувъ, добувъ извидты два червинци и положывъ биля себе на полу.

— Визьмить, спасыби вамъ, бо самъ не встану!.. Визьмы, Васюто!

Васюта взявъ гроши.

— Э, братику!—скрыкнувъ,—такъ не годытся! Мы тоби давалы усе такымы здоровымы та билымы, та скилькы ихъ на-

давалы!.. що покы я донисъ, такъ и поперекъ у мене за малымъ не луснувъ!.. А ты даешъ тилькы двиꞈ маленьки жовтеньки кружалочкы! Я такъ не хочу.

— Беры яке дають!—одказавъ Грыцько сміючыся.

— Ни, не хочу!

— Отъ же й я не хочу!—озвався Зинько.—Щось я надумавъ,—не знаю тилькы, чы доладу буде мое слово. Намъ теперъ не такъ уже сутужно на грошы: хвалыты Бога, хлибъ зародывъ, то не будемо бидуваты. Мабуть можно буде намъ такъ обійтыся, щобъ не браты заразъ оцихъ двадцятёхъ карбованцивъ, а повернуты ихъ на одну добру дуже штуку.

— А ну-ну, на яку?—зацикавылыся товарыши.

— Отъ вы самы бачылы,—казавъ дали Зинько,—що ци грошы не погане дило зробылы: и чоловикови запомоглы, и далы ёму спроможнисть, не боявшыся глытаивъ, за громадську справу обстаты. Теперъ то въ насъ ничого соби, закрывылыся мы на людей,—ну, а може такъ трапытыся, що намъ на грошы буде сутужно и треба буде помочи такъ саме, якъ отъ Грыцькови треба було. И добра бъ ричъ, колы бъ завсигды мы моглы въ прыгоди товарышеви пособыты, щобъ винъ не йшовъ кланятыся глытаямъ.

— Дакъ що?—и пособымо, колы буде на той часъ чымъ пособыты,—сказавъ Карпо.

— Ото жъ то й то: колы буде! А треба, щобъ завсигды було, по всякъ часъ. Нехай оци грошы та до насъ и не вертаются, а будуть у насъ товарыськымы гришмы. Коженъ нехай кыне пъять карбованцивъ и положымо ти грошы въ кассу въ городи... Йе тамъ така зберегательна касса, що якъ грошы въ ій лежать, то й процентъ на ихъ иде. Отъ и на си грошы буде процентъ иты. А скоро кому зъ насъ треба буде якои запомогы, то хай визьме ихъ або вси, або скилькы потреба.

— И нехай винъ той процентъ, що й касса, платыть: тоди въ насъ грошей не меншатыме, а бильшатыме,—порадывъ Карпо.— Якъ зъ процентомъ, то чоловикъ и грошы швыдче вертатыме.

— Ни,—видповивъ Зинько,—можно й не той, а трохы меньшый.

Усимъ ця выгадка дуже вподобалась. Грыцько сказавъ, що й винъ прыстане до цёго. Заразъ у его грошей нема, дакъ винъ просыть Зинька: нехай пидожде ёму пъять карбованцивъ, а зъ тыхъ десятёхъ, що винъ ёму вернувъ, пъять заложыть за его въ кассу. А Грыцько, скоро розстарается, заразъ ёму верне. Зинько прыставъ на те.

— Шкода тилькы, що мало въ насъ грошей буде: тилькы двадцять карбованцивъ,—сказавъ Зинько.

— Дакъ же нема зъ чого намъ по бильше й даваты,— видмовывъ Карпо.

— Се такъ,—згодывся Зинько.—То треба, щобъ товарышивъ у насъ бильше було.

— О, дакъ у мене заразъ йе такый товарышъ!—скрыкнувъ Васюта.—Гарный чоловикъ, кращый за мене—куды! Дмытро Васыленко—винъ мени й родычъ... такый соби: нашого коваля у першыхъ слюсарь. Та те дарма, а тилькы чоловикъ гарный... и отого, що зъ хвостомъ не любыть изгадуваты... (Васюта моргнувъ на Карпа). Винъ уже давно мене пытае, чы не пускалы бъ мы его слухаты яки кныжкы чытаемо, та я все забувавъ сказаты, бо въ мене така дирчата голова, якъ старе решето... И чытаты просыть щобъ навчыты его.

— А що жъ,—промовывъ Карпо,—Дмытро справди чоловикъ добрый,—винъ и въ громади за насъ бувъ.

— И я такъ думаю, що его треба прыйняты,—згодывся Зинько.

— Винъ и до кассы прыстане... Отъ тилькы скажу, то й дасть пъять карбованцивъ,—упевнявъ Васюта.

— А я чытаты его навчу,—сказавъ Зинько.

— А хыба такый старый навчытся?—спытавъ Грыцько.— Ёму жъ такъ, якъ и мени—годъ трыдцять и пъять, а мо трохы й бильше.

— А чому не навчыться? Абы схотивъ!

Грыцько подумавъ трохы, а дали озвавсь несмилыво:

— Дакъ може бъ тее... може бъ и я?.. можебъ и мене ты, Зинько, прыйнявъ та вже двохъ одразу бъ и вчывъ?

— И дуже радый!—зрадивъ Зинько.—Бо треба, щобъ уси въ нашому товарыстви булы пысьменни. Тоди не будемо темнымы стежкамы ходыты, а добуватымемося соби шыршого свиту та кращои доли.

Усимъ чотырёмъ товарышамъ стало якось весело на серци. Радилы, що такъ гарно складается, и подавалы одынъ одному слово не розлучатыся, щыро гуртомъ за кожного обстоюваты и въ громади завсигды за правду стояты. А грошы прыручылы Зинькови одвезты въ городъ та й положыты въ кассу.

Тоди Грыцько почавъ розсказуваты про свій судъ изъ братамы—усе за тую нещасну десятыну. Ёго справа повернулася добре. Панасъ позывавъ. Усихъ трёхъ братив поклыкано на судъ. И старшына й судди дуже нахылялыся, щобъ у Грыцька землю видибраты, бо ихъ Панасъ добре попереду могорычывъ. Дакъ що жъ? Грыцько каже имъ: Якъ прысудыте забраты въ мене землю,—жалитымусь дали. Воны покрутылысь—покрутылысь та й кажуть: Не можемо васъ розсудыты,—идить до выщыхъ! А то воны розсудыты можуть, та тилькы не хочуть. Бо воны зъ бративъ Грыцьковыхъ та взявшы скупъ, не хочуть Грыцькови землю прысудыты; а зновъ-же боятся й того, що винъ жалитыметься дали, колы воны братамъ ёго прысудють.

Сёму була правда, що Грыцько казавъ. Копаныця, заплутавшысь у справу зъ Денысовою землею, не хотивъ покы встряваты ще й у це дило,—черезъ те хочъ и взявъ доброго хабаря видъ Момотивъ, а имъ земли не виддавъ Грыцьковои. Момоты страшенно черезъ те розлютувалыся и на ёго, и на Грыцька.

— Таке теперъ на мене зло, таке зло, що й годи!—розсказувавъ Грыцько.

— Лютый ридъ и немылосердный,—промовывъ Карпо.

— Се таки, що зубами на свити жывуть,—доточывъ Васюта.

— Що люти, то такъ,—промовывъ Зинько,—а то такы ще й те треба сказаты: дуже сутужно вже на землю стало. Отъ люде й сварются за коженъ клаптыкъ.

— Такъ сутужно, такъ сутужно, що ой-ой-ой та й годи! И на що ти й люде плодются? Уже бъ, здается, й годи!—вы-гадувавъ Васюта.—А, то мабуть скоро ланы будуть таки куценьки, якъ заячый хвистъ. Давайте краще чытаты, або що, а то вже й на мене суму нагналы.

— Та ни, вже пизно,—видмовывъ Карпо.

— Справди таки пизненько,—згодывсь и Зинько.—Нехай уже въ четверъ—свято... Тилькы знаете що, братця? Треба такъ, щобъ не сами мы сходылыся чытаты, а й жинкы наши. А то якъ у мене чытають, то моя жинка слуха, а—скажемо—Карпо-вои Катри вже й нема. А якъ у Карпа чытаемо, то моеи нема.

— Ну, моя така, що не пиде!.. махнувъ рукою Грыцько.

Зинько згадавъ, що ёму трапылося зъ Йивгою сёгодни и подумавъ соби, що й добре, колы не пиде.

— Воны того й чытання не дуже розберуть, а ще мы разъ-у-разъ про громадськи справы промижъ себе говорымо,—не есть то ихъ дило! Жиноча ричъ—коло прыпичка,—казавъ Карпо.

Винъ хочъ мавъ жинку дуже гарну людыну, та якось из-горда на жиноту дывывся и казавъ, що и въ Пысьми святому напысано, що зъ жынокъ усяке лыхе встае, та ще й почынавъ проказуваты: «Реку горчайшу паче смерты жену,—благій предъ лыцемъ Божіимъ изыметься отъ нея, а согришаяй ять будеть отъ нея».

— Нехай и те слухають!—видказавъ ёму Зинько.—Треба й имъ щось тямыты про громадськи справы.

— Та... нехай!.. Будешъ ходыты?—спытавъ Карпо свою жинку.

— А чому жъ? Буду!—видказала та, почервонившы.

— Про мене!..

Вернувшыся Зинько того вечера до-дому, довго розсказувавъ Гаинци що робылося й казалося на сходынахъ у Грыцька. А Гаинка розсказала ёму свою новыну,—не про бабу Мокрыну, ни,—про се вона а ни згадала. Казала тилькы, що була въ ма-тери, и тамъ пры іи сталася спирка въ дида Дороша зъ сыномъ, зъ Гаинчынымъ батькомъ. Дидъ навидався до-дому зъ пасикы и

саме нагодывся на той часъ, якъ прыйшла знову Марчыха, вже не сама, а зъ сыномъ-парубкомъ. Почалы прохаты, щобъ Остапъ вернувъ имъ ту землю, що забравъ за позычкы; казалы, що выплачуватымуть ёму грошы помалу, часткамы. Остапъ одказувавъ, що не верне, бо повыненъ бувъ покійный Марко въ строкъ заплатыты вси грошы, а колы бъ не заплатывъ, то мусыть за те Маркова земля ёму, Остапови, буты,—такъ у роспысци напысано. Марко не заплатывъ, то земля теперъ его, Остапова. Шкода вже й говорыты про се!

— А воны бидни плачуть—слёзы якъ горохъ—та ажъ у ногы батькови падають та просють,—розсказувала Гаинка.—А батько тилькы видвертаются. А дидусь слухалы-слухалы, та якъ побижать у свою хату та заразъ и назадъ.—Не просить его!—крыкнулы.—«Нате вамъ грошы, виддайте ёму, а винъ нехай вамъ верне роспыску!» Та й кынулы Марчыси въ рукы грошы. Батько почервонилы та:—«Не мишайтесь, тату,—се не ваше дило!» Тоди дидусь блиди-блиди зробылыся, якъ стина, та якъ закрычать:—«Оддай, я тоби кажу, оддай!.. Бо я тоби!..» Та й не доказалы, тилькы такъ и затрусылыся... Дакъ батько выйнялы роспыску та й оддалы, а грошы забралы... Марчыха зъ сыномъ плачучы дякують дидусеви, хотилы руку имъ поцилуваты, а дидусь тилькы махнулы:—«Идить, люде добри, подякуйте Богови, та обмынайте сей двиръ десятою вулыцею, бо тутъ жывуть не люде, а дерылюде!..» Та й выбиглы зъ хаты, а за имы й Марчыха зъ сыномъ... Тоди батько якъ заходылыся лаяты дидуся!.. Господы! и якъ то тяжко слухаты!.. Я мерщій утекла...

III.

Ворожи заходы.

Яхремъ Семеновычъ Рябченко, вертаючыся въ недилю зъ Чорновусу, ишовъ соби по-малу лукою. Дывывся на сильськи садкы й городы, що збигалы видъ хатъ унызъ до лукы, дывывся

на ту купу вербъ, що поросла надъ крынычкою. И вразъ побачывъ, що зъ тыхъ вербъ хтось швыдко выйшовъ. У Рябченка булы добри очи: прыдывывшыся, пизнавъ издалека, що то Зинько. Не здывувався, бо тамъ була стежка, и вси люде зъ Сывашевого кутка часто тудою ходылы, бо було блыжче, нижъ вулыцею. Ишовъ дали, про свое мизкуючы, и зновъ, згодомъ уже, уздривъ що зъ тыхъ-же вербъ, тилькы вже зъ другого боку, выхопылась молодыця, перестрыбнула черезъ тынъ на Демченкивъ городъ та й подалась угору. Бувъ теперъ уже блыжче до вербъ и видразу пизнавъ, що то Йивга.

— А що жъ то?—подумавъ.—Удвохъ тамъ сыдилы, чы якъ? Уже жъ ніякъ, якъ удвохъ, бо я не бачывъ, щобъ вона йшла писля ёго. Ге-ге! Дакъ онъ воно що! А я й не туды то, чого се нашъ праведныкъ до Грыцька вчащае, ще й грошей ёму позычае! Ажъ воно Грыцыха!..

Зрадивъ Рябченко. Та й якъ-же не зрадиты, колы выходыло, що Зинько зовсимъ не такый праведный, якъ здавалося, що винъ хочъ и крычыть про правду, а самъ робыть такъ, якъ и вси гришни. Бачъ, де збигаются! Ну, хыба жъ не направлю Мыкытку Тонконоженка зъ парубкамы!.. Той уже ёму дасть! Бо винъ самъ до Йивгы пидлабузнювався, а теперъ вона ёго зрадыла. Стрывай же ты, братику!..

А кудыжъ сей братикъ пишовъ? Певне не до-дому, бо свій провулокъ промынувъ. Мабуть такы до Грыцька. Бачъ, якъ мудро: зъ жинкою въ одному мисци, а зъ чоловикомъ у другому. Мабуть тамъ зибралыся вси та зновъ яки каверзы выгадують. Отъ якъ бы послухаты ихъ такъ, щобъ воны не зналы! Що воны тамъ вымудровують? Ну й клятый народъ! И чого въязнуты? Що сей паршывый Зинько, дакъ на шовковыхъ подушкахъ спавъ-бы, колы бъ до ихъ прыставъ! Дакъ ни! Ёму не того, ёму чогось иншого заманулося! Кунпанію зъ харпакамы завивъ, товарыство все бильшае. Скилькы клопоту зъ пересельською землею наробылы горлопаній идольськи! Ну, тутъ ище такъ-сякъ зарадылы лыхови... дакъ що жъ? Пожаліется куды дали (и якъ се винъ идоси не догадався?), то й зновъ начувайся клопоту. Та хыба це саме?

Скризь уйидается! Намагается, щобъ двичы на рикъ волость щытаты! Якъ бы винъ ище самъ бувъ, то не такъ бы шкодывъ, а то горе, що въ ихъ гуртъ, и гляды, що сей гуртъ де-дали бильшатыме, набиратыметься сылы. И може колысь такъ изробытся, що й имъ, Рябченкови зъ товарыствомъ, увирвется басъ у громади. Не можно сёго попустыты, ніякъ не можно,—треба щось робыты.

Та що саме? Уже й багато винъ про це розумувавъ... та такы що-дня думае!.. Думае, та ничого не выгадае. Винъ ото прырозумивъ даты доносъ на Зинька, що винъ и такый и сякый. И ловко було бъ, дакъ колы жъ начальныкъ, замисто щобъ просто поняты тому виры, та заходывся ще громаду пытаты. Ну, все й ляснуло!

Писля того бувъ старшына въ начальныка, дакъ що жъ?—Я,—каже,—знаю, що ты справный у мене старшына, а прыговоръ такы не по хворми. Колы бъ нихто не жалився, то я бъ и не знавъ, кого ты тамъ понапысувавъ, такъ бы воно й пишло, а якъ пожалилыся, то не можу жъ я тіеи жалобы затаиты, бо воны ще й дали жалитымутся.—Старшына почавъ ёму и те й се, що се жалоба—«пустякъ уныманія, бо то пысавъ такый ябедный и нестоющый чоловикъ розуратный»,—такъ шо жъ ты зъ имъ зробышъ, колы винъ каже, що громада про ёго, про Зинька, не такъ озвалася и никоторого доказателства нема? Ну, старшына таки догадався що ёму сказаты: «Пождить,—каже,—ваше высокоблагородіе, ще трохы: мы вамъ доказателства про ёго найдемо таки, що первый сортъ».—А не брешешъ?—«Буду стараться зъ усіеи сылы, ваше высокоблагородіе».—Ну, гляды жъ: ище трохы пидожду, а тамъ уже якъ знаешъ!

Добре сказавъ старшына, та такы жъ треба й справди тіи доказателства вышукаты. Що бъ же ёго вымизкуваты? Хыба сказаты, що до церквы не ходе? Дакъ ходе жъ... Якъ бы такъ, щобъ проты начальства щось робывъ або казавъ! Дакъ свидкивъ же треба буде... а воны бачъ яки: вси галасувалы, а якъ треба, то й поховалыся въ громади!..

Эхъ, якъ бы ихъ промижъ себе посварыты, то то бъ найкраще було! Тоди бъ ихъ гуртъ розбывся и розлизлыся бъ воны

якъ руди мыши. Тоди пропала ихъ сыла, бо воны поты страшни, покы въ гурти, а кожного по одынци зйисты легко—ого-го! Поризныты ихъ, каторжныхъ!.. Та чымъ? Якого способу добраты?

Ишовъ Рябченко вже вулыцею и проходывъ прозъ хату своеи родычкы, бабы Мокрыны-знахаркы. Саме якъ винъ іи промынавъ, изъ хаты выйшла молодычка, а за нею, выпроважаючы іи, баба Мокрына. Довела іи до ворить, попрощалыся, баба вернулася знову у хату, а Гаинка,—бо се вона була,—пишла вулыцею.

— Чого це вона до бабы Мокрыны ходыть?—думавъ Рябченко.—Певне, якесь ворожинне, або що. Ой, хытра ця баба Мокрына!.. Та́къ уміе выдурыты грошыкы! Та за що вона въ ціеи выдурюе? Що вона ій бреше?

Рябченко думавъ про це такъ соби—отъ, бо думалося. Видразу спынывся. Якась надзвычайна думка стрельнула ёму до головы. Та невже? А що, якъ бы справди? Отъ бы штука була! Тоди Зинько певне посварывся бъ изъ Грыцькомъ. Оце вже була бъ у ихъ у гурти одна сварка, та ще й не маленька. А тамъ и другу можно бъ прытулыты... хочъ бы й таку жъ саму... Ни, про се треба помиркуваты, гарненько помиркуваты!..

Винъ пишовъ веселый, усмихаючысь; а днивъ черезъ килькы ввечери пизно застукавъ у виконце до бабы Мокрыны.

— А видчынить. бабо!

Баба вже лагодылась лягаты, та, зачувшы Яхремивъ голосъ, заразъ пустыла.

— Здорови булы, бабо!

— Здоровъ, сынку, здоровъ! Сидай у мене!

— Якъ ся маете, бабо?

— Отъ, якъ тамъ! Старому—абы день до вечора: однакъ скоро вмираты.

— Ну, вы, бабо, ще такы, що хочъ и замижъ!

Баба засміялася велыкымъ ротомъ, повнымъ дебелыхъ жовтыхъ зубивъ. Вона хочъ и стара була, та ще кремезна и николы не вжывала ніякыхъ тыхъ ликивъ, що сама надиляла имы людей.

— А я до васъ, бабо, за диломъ.

— Скажешъ, сынку.

— Хочете заробыты карбованця?

— Отъ, чому бъ не хотиты?

— Дакъ я васъ пытатыму, а вы мени кажить. Якъ що прыйдется до дила, дакъ тоди я вамъ и скажу якъ заробыты.

— Пытай, сынку: що можно, дакъ и скажу, а чого Богъ не велыть, дакъ выбачай. Бо въ мене такъ бувае, шо що можно, а що, то й грихъ казаты.

— Знаю, знаю, бабо... Та се не грихъ... А ну: чого ходыть до васъ Гаинка Зинькова?

Баба глянула на Рябченка неймовирнымъ поглядомъ.

— А тоби чого до Зиньковои Гаинкы?—спыталася.

— Отъ! я казавъ, що я́ пытатыму, а вы видказуйте, а теперъ вы самы пытаетесь! Мени до Зиньковои Гаинкы ничого не треба, а тилькы кортыть знаты чого вона ходыть. Чы не того, щобъ до себе Зинька прывернуты?

Баба засміялася.

— Ни, не того. Ій сёго не треба. Колы за цымъ хто й ходыть, дакъ не вона.

— Дакъ се до васъ Йивга за цымъ ходыть?

— Ты вже й знаешъ!—гостро глянула на его баба.

— Я багато де чого знаю... Дакъ ходыть?

— Була.

— Хыба Зинько до неи не прывертается?

— Каже, що ни.

— Хм... А я думавъ, що воны вже тее... Ну, та дарма! А чы знаете вы, бабо, що воны зиходются на луци, у вербахъ надъ крыничкою?

— Ни, не знаю.

— Дакъ я вамъ се кажу.

— А на що мени ёго знаты?

— А колы до васъ Гаинка прыйде знову?

— Завтра ввечери я ій звелила прыйты.

— Дакъ вы ій розскажете про те, що у вербахъ надъ крыничкою... Про те, що до васъ Йивга прыходыла вы ни ій и

никому ничого не кажить, а про вербы добре розскажить — такъ, щобъ вона побачыла, що Зинько зовсимъ прылыпъ до Йивгы.

— Ну?

— Ну, то й матымете за се карбованця.

— А тоби жъ на що се?

— Отъ, бабо: вы таки стари, а щé постариты хочете! Такъ мени треба! За се матымете карбованця—ёго вáмъ треба.

— Гараздъ, сынку.

— Ну, а не чулы про Гаинку: вона сама ни до кого не нахыляе? До Васюты тамъ, чы ще до кого?

— Ни, не чула... Що не чула, то не чула,—не буду й гришыты, ни!..

Баба ажъ головою закрутыла,—такъ не хотила гришыты.

— Ну, дакъ почуйте теперъ, що Васюта до Гаинкы лыпне, а вона до ёго. Якъ бы такъ изробыты, щобъ про се Зинько довидався? Га, бабо?

Винъ прыщулывъ одно око та й поглядавъ на бабу, хытро всмихаючысь.

— Та воно... не знаю, чы не грихъ тилькы воно буде?..— вагалася праведна баба Мокрына.

— Ни, бабо,—якый же тамъ грихъ? Се жъ вы не самы выгадалы, се жъ вы одъ людей почулы!.. А треба жъ чоловикови знаты що ёго жинка робыть... а жинци такъ саме про чоловика треба знаты.

— Та воно... та тилькы...

— Усе грихъ? Та я вамъ дамъ ще й другого карбованця, то вы за ёго свичокъ до церквы купыте, то й одмолыте грихъ.

— Хыба, що такъ!—згодылася баба Мокрына.

— Отъ и добре! Тилькы се такъ треба зробыты, бабо, щобъ Зинько й Гаинка не видъ однiеи людыны про се чулы, а щобъ скризь про се люде гомонилы... щобъ пустыты луну по всёму селу...

— Знаю вже, знаю!

— Отъ якъ та луна й до мене докотытся, то заразъ вамъ и прынесу два карбованци.

— А не одурышъ?

— Ни.

— Забожысь!

— Нобый мене хресть!

— Колы добре зроблю, дакъ купышъ, на́звыще видъ платы, ще й чорный платокъ у ярмарку на Покрову?

— Схотилося платка! Отъ такы пидуть баба замижъ! Та вже нема що робыты: куплю.

— А колы купышъ, то й усе буде чого хочешъ.

Веселый пишовъ Рябченко видъ бабы Мокрыны. Та бувшы винъ чоловикъ обачный, зазырнувъ ще й до Захарька. Той здорово знемагавъ на похмилле, не мигъ и головы звесты горопаха. Бувъ самъ у хати.

— А хочешъ, Захарьку, похмелытыся?

— Ой!..

Рябченко давъ ёму злота. Той такъ бувъ и метнувся зъ хаты.

— Стрывай, не бижы! Спершу послухай що я скажу!

Наказавъ ёму те, що й баби Мокрыни, и поминывся, колы добре справытся, ще на пивкварты даты. Сей бувъ дешевшый за бабу.

Усмихаючысь ишовъ Рябченко до-дому й думавъ соби:

— Ну, ну, побачымо, любесеньки, якъ то вы теперъ ладнатымете!

Другого дни ввечери Гаинка прыбигла знову до бабы Мокрыны: мала іи баба зварыты зилле, дакъ прыйшла забраты.

— На жъ тоби, дочко,—казала баба,—оце зилле та пый ёго що дня по пивчарочкы на тще серце вранци, то воно и пособыть. Пособыть немынуче, абы тебе чоловикъ любывъ.

— О, винъ мене любыть, бабусенько! Такъ любыть!

— И добре, дочко, колы любыть,—казала баба,—завирчуючы въ папирець якесь зилле и не дывлючысь на Гаинку.—И добре, колы любыть! Я й сама такъ думаю, що то все брехни, що по селу про ёго плещуть.

— По селу плещуть?—спытала дывуючыся Гаинка.—А що жъ тамъ про ёго по селу плещуть?

— А хыба ты й не чула?

— Ничогисинько!

— Такъ, такъ, дочко... Се правда, що кому треба найпершому знаты, дакъ той звычайно останній довидается... Охъ, бидолашна ты, моя пташечко!

Баба вже загорнула свій верчычокъ, сила на лаву и, пидпершы голову рукою, сумно покывала надъ бидолашною Гаинчыною долею.

— Та ну бо кажить уже, бабо, що тамъ таке!—ажъ скрыкнула Гаинка.

— Охъ, не поспишайсь, моя дытыно, не поспишайсь!—казала баба зъ медомъ та зъ макомъ солоденькымъ голосочкомъ,—бо може про таке довидаешся, що й знаты ёго не схотила бъ,—хай бы воно соби йшло на очеретá та на болотá!.. хай бы воно каминемъ на дно въ глыбоку воду сило!..

— Бабо!..—благала Гаинка, прытыснувшы рученята до грудей.

— Та не знаю вже якъ и казаты... Трохы воно й ніяково... Ну, та вже я тебе, дочко, такъ люблю, що ты така до старыхъ людей увичлыва та прыятна,—видъ тебе не втаюся... Хыба жъ ты не чула, моя бидолашечко, моя горлычко сывесенька, хыба жъ тоби нихто не казавъ, мое серденятко, що твій чоловикъ та до Йивгы ходыть?

— До Йивгы?!.. Що се вы бабо? Та то винъ до Грыцька ходыть—чытають воны тамъ та розмовляють.

— Такъ, такъ, дочко: и чытають воны, и розмовляють, и говорыть винъ, що до Грыцька, а тамъ Йивга ёму такъ на шыю й высне.

— Неправда жъ бо! Неправда!.. Все це брехня!.. Я знаю, винъ не любыть Йивгы! Винъ самъ мени казавъ це!

Гаинка говорыла се гнивно, дратуючысь. Баба й соби выгадала образытыся:

— Оце такъ, дочко!.. спасыби тоби!.. Мени, старій, та брехню завдала! Шостый десятокъ дожываю, зроду мени й стари люде такого не казалы, а тутъ довелося видъ дытыны почуты! Я ій якъ добрій, любывшы іи, а вона!..

Гаинци стало соромъ, що вона такъ на стару крыкнула. Червоніючы, промовыла:

— Ни бо, бабусю... Я жъ не кажу того... То жъ я не про васъ,—я про людей... що то люде брехни повыгадувалы...

— А якъ бы це брехни булы, то я бъ тоби цёго й не казала,—навчала баба Мокрына докирлывымъ та поважнымъ голосомъ.—Баба Мокрына знае що брехня, а що—ни. Видъ бабы Мокрыны ни зъ чымъ не сховаешся,—вона й не бачывшы все знае. И зъ цымъ твій Зинько не сховався. Винъ тоби каже, що не любыть Йивгы,—ото жъ на те й каже, щобъ лучче тебе дурыты, щобъ ты й не подумала... А ты ёму виры не ймы, ты пыльнуй сама: якъ на ёго Йивга поглядае, а винъ на Йивгу... Та й прыдывляйся, чы винъ такый до тебе й доси, якъ бувъ, чы ни... Отъ що!.. Тоди й побачышъ, чы баба Мокрына правду казала, чы ни...

— Охъ, бабусенько! та не можу жъ я тому виры поняты!..

Бидолашна не сказала, а якось ажъ застогнала. А баба правыла свое:

— Отъ ты кажешъ, що воны до Грыцька чытаты та розмовляты збираются. А воно Зинько зъ Йивгою на луци, у вербахъ биля крыныци, зиходются... Тамъ ихъ люде бачылы, якъ воны видтиля порозбигалыся...

IV.

Зрадныкъ та зрадныця.

Якъ непрытомна выходыла Гаинка видъ знахаркы. Все въ неи въ души, въ голови поплуталося. Вона не вирыла, не могла тому виры няты, бо вона ёму, Зинькови, няла виру безъ миры, безъ краю... И винъ бы іи зрадывъ? И винъ бы говорывъ ласкави слова, а самъ бы ненавыдивъ и до иншои думкою лынувъ? И винъ бы зазыравъ ій у вичы, а ёму бъ зорилы инши, чужи очи? И винъ бы обнимавъ іи... и винъ бы цилувавъ іи, а самъ бы

про иншу, про иншу думавъ?!.. Ой ни, ни, ни! Сёго не може буты!.. Бо... бо... не може!.. Бо якъ такъ, то якъ же его й жыты?.. Ни! ни!.. Вона тому не йме виры, то все брехня, гыдка брехня!..

Не йме виры...

А чого жъ нема ій спокою? Чого си думкы не покыдають іи, печуть?

И такъ подуматы: баба Мокрына не брехуха, та й зъ якои жъ бы речи вона стала ій, Гаинци, брехаты? На що ій се? До чого ій воно? Не зъ пальця жъ и вона выссала те, що казала! Щось же воно та есть, колы вже й люде загомонилы... Та й баба Мокрына: се жъ правда, що вона знае таке, чого й не бачыла. Хыба жъ вона не знахарка?

Каже: пыльнуй! А що жъ ій пыльнуваты? Хыба Зинько не такый до неи, якъ бувъ? Що правда, винъ теперъ заклопотаный, сумный часомъ, дакъ то жъ черезъ громадськи справы...

Черезъ громадськи справы... А що, якъ ни? А що, якъ винъ сумный, заклопотаный черезъ те, що жыве зъ нею, а думае про Йивгу? И думае: и чого ся Гаинка раныше не вмерла,— тоди бъ я зъ Йивгою одружывсь?

И вона почула, якъ одъ ціеи думкы обняло іи мовъ огнемъ усю, такымъ страшнымъ пекучымъ огнемъ, що трохы не закрычала. Ни, ни! не треба про се думаты,—такъ страшно!..

Але якъ Зинько того дня пишовъ до Васюты, то вона подумала:

— А що, якъ не до Васюты винъ пишовъ, а до?..

И не стямылась, якъ выбигла зъ хаты та зъ двору та швыденько на край улыци до Грыцьковои хаты. Убигла въ двиръ, зазырнула въ викно: Грыцько зъ Йивгою дома, Зинька нема. Мерщій тоди назадъ! Ой, Боже! Гараздъ, що ще нихто не побачывъ іи!

Сила дома вдвохъ изъ матиррю шыты. Чы шыла, чы не шыла —

— Мамо, я воды прынесу пиду!

— Та въ насъ же йе вода.

— Та тамъ трохы,—я ще прынесу.

Схопылася та зъ хаты та за видра и опынылась на вулыци.

Чы не дурна жъ вона? Чого се вона выскочыла? Зъ видрамы знову буде до Грыцьковои хаты бигты, чы що? Отъ вона зовсимъ стерялася та й годи за цимы думкамы. Треба хочъ воды справди набраты.

Чы набрала воды, чы не набрала,—на те не дуже дывылась, а дывылась уздовшъ улыци, чы не йде Зинько и видкиля: чы видъ Грыцька, чы видъ Васюты.

Колы справди йде—и видъ Васюты!

Скочыла мерщій у хату, а якъ увійшовъ... Ой яка жъ вона ёму рада була! Ой яка жъ то все брехня, що баба розсказувала! Пры Зиньковыхъ очахъ Гаинка такъ добре се розумила! И вона щебетала до ёго щаслывымъ щебетаннемъ, сміялася такъ, мовъ бы то бувъ и смихъ, и плачъ, и дывылася въ ёго добри, ясни, правдыви очи, що николы, николы не дурылы!.. на ёго люби уста, що николы, николы не казалы ій неправды!..

Помынуло два—тры дни. За сей часъ чутка про Зинька та Йивгу та разомъ и про Гаинку зъ Васютою шыроко роскотылася по селу. Кумаси плескалы языкамы, ажъ одляскы по всихъ улыцяхъ ишлы.

Мыкыти Тонконоженкови самъ Рябченко про те розсказавъ. Ну й лютувавъ же парубокъ! Та й якъ же не лютуваты? Ёму ще зъ весны дуже впала въ око Гаинка. Винъ уже й на вулыци іи займаты хотивъ, и по саду въ Сывашивъ уночи лазывъ,—думка така—а може Гаинку саму застукае. Де тамъ! Ничого не пособылося! Не покыдаючы думокъ про Гаинку, зачепывся зъ горя за Йивгу. Ну, ся така, що довго не тупцявся,—сама слидкомъ бигала. Все лито зъ нею прокуёвдывъ, ажъ тутъ на́ тоби: почала видъ ёго тикаты! Винъ спершу й не туды то—чого воно, ажъ теперъ уже бачыть, що тутъ Зинько ставъ на завади. Що жъ це воно таке? Йивгу въ ёго Зинько видбывъ, а Гаинку Васюта... Ахъ же воны хамлеты! Ну! хыба вже винъ цёго Зинька та не попаде колысь у рукы! Дасть винъ ёму доброи ма́тланкы! Та й Васюти!..

А зъ Гаинкою де дали було гирше. Пишла до своеи подругы, Катри Карпо́вои.

— Що се ты, Гаинко, мовъ измарнила? Чы не хвора?

— Ни... я здужаю...

— Дакъ чого жъ ты така? Щось тоби йе.

— Ни... ни... мени ничого... я...

Та й заплакала!.. Ажъ Катря перелякалась, кынулась до неи, обняла, прыгорнула, якъ малу дытыну.

— Що се ты, боронь, Боже?! Чого се ты?

— Я... я... я не знаю...—казала хлыпаючы Гаинка.—Про Зинька...

— Що про Зинька?

По малу-малу выпытала въ неи Катря все. Почала іи тоди вмовляты:

— Не вирь тому, Гаинко! То все брехни, то хтось навмысне выгадуе, щобъ васъ посварыты. Твій Зинько такъ тебе любыть, що винъ бы й слидочокъ твій промитавъ. Та винъ же такый щырый,—винъ бы тебе не дурывъ.

Ти слова мовъ сцилющою й жывущою водою кропылы бидолашне Гаинчыне серце. Слухала вона ривный Катрынъ голосъ ласкавый, и ій ставало легше, легше...

— Отъ, людямъ заздро, що вы гарно, жывете,—ну й плещуть. Я се знаю. Мени разъ такъ було, що й про Карпа мого набрехано... Запекло й мени въ серци... Ажъ потимъ и выявылось, що брехня... Дакъ я теперъ знаю вже... Не вирь тому!

И Катря, трохы старша и завсигды поважниша за Гаинку, гладыла іи по облыччу, а Гаинка, мовъ дытына, тулылася до неи.

— Скажы, сестрыце,—пыталася, зазыраючы въ тыхи очи Катрыны,—скажы: ты ничого не помичала?

— Та ничогисинько! Отъ, яка ты неймовирна!.. Ну, хочешъ: я доглядатымусь, пыльнуватыму ихъ обохъ,—отъ побачышъ, що ничогисинько не буде.

Веселиша вернулася Гаинка видъ Катри до-дому, веселиша й дали була. Та не довго.

Зострила вона свою куму Вустю. Булы тилькы вдвохъ, и Вустя заразъ и поспишылась розсказаты іи те, що й баба Мокрына. (Вона чула ще й про Васюту, та про те розсказувала кому иншому). Гаинка розсердылась и докорыла куми, що та каже дурныци. Одначе іи зновъ уразыло те слово:

— Не вирышъ? Дакъ пыльнуй сама, прыдывляйсь!

Що вона пыльнуватыме, до чого вона прыдывлятыметься, колы винъ усымъ-усымъ такисинькый, якъ и бувъ!

Та якъ повернулась до-дому, то ввесь той упокій, що надыхнула іи Катря своимъ словомъ, мовъ розвіявся десь, а страшенна турбота зновъ обняла іи, трусыла, мовъ пропасныця.

А Зинько тымъ часомъ пишовъ до волости—понисъ подать. Идучы зостривъ родыча, дида Корнія Грабенка—и той туды йде. Пишлы вкупи, розбалакалысь.

— А що се, Зиньку, я чувъ про твого прыятеля Васюту говорють?—сказавъ дидъ.

— А що тамъ говорють?

— Винъ у тебе якъ: вирный прыятель? Ты его добре знаешъ?

— А добре: парубокъ гарный дуже, чесный, путящый.

— Ну, то й гараздъ!—сказавъ дидъ Корній.—Я черезъ те, бачъ, пытаюся, що люде почалы за его всяки дурныци плескаты.

— Этъ, люде—якъ люде: усе щось и змыслять!—махнувъ рукою Зинько.—Що жъ тамъ?—попытавъ, хотившы такы знаты, бо певный бувъ, що се вже Деньюовы полыгачи щось изнову вымудрувалы.

— Та таке, що трохы ніяково й казаты... Говорють, що винъ до твоеи жинкы стежку топче.

— Отъ чортъ-зна яка подлюшна брехня!—обурывся Зинько.

— Та й я такъ думаю, що се брехня,—по щырости сказавъ дидъ,—ну, а одначе перестерегты хотивъ, бо вже про це по селу бабы плещуть. Певне—брехня; ну, а все такы ты накынь тамъ колы-не-колы окомъ, бо кажуть, що наче бъ то десь и бачено ихъ у двохъ... Хто озыраеться, той не кается.

Зинько вертався до-дому, зовсимъ не думаючы про цю розмову... се бъ то думавъ, але зовсимъ не такъ: винъ Васюти й

Гаинци вирывъ зовсимъ, та не мигъ дорозумуватыся зъ чого пишлы ци бре́хни. Одначе прыйшовшы до-дому та побачывшы Гаинку, трохы здывувався, що вона якась... наче іѝ щось не тее...

А Гаинка ѝ соби дывылася на Зинька та ѝ думала:

— Такого я ёго ще николы не бачыла... Щось у ёго ѝ поглядъ якыйсь... непевный... Та невже жъ? Ой, Боже! ни, ни!..

И знову та страшна думка обняла іи вогнемъ.

Полягавшы воны ввечери спаты, ніякъ не моглы розбалакатыся. То було не говорють зъ вечора хыба вже якъ дуже потомлени—въ жныва, або що,—все було якъ почнуть то одне одного ажъ спыняе, що вже треба спаты, а теперъ—лежыть кожне соби мовчкы. И кожне думае: Чого се? такъ попереду не було...

Врешти Гаинка озвалася:

— А що ты сёгодни въ волости чувъ?

— Та такъ... ничого... оддавъ грошы та ѝ вернувся.

— А у Васюты не бувъ?

— Ни, а чого бъ я мавъ у ёго буты?

— Та хыба жъ я знаю?.. Та жъ у васъ усе справы... Та ѝ давно вже въ ёго не бувъ...

— Давно? А вчора?

— Чы то пакъ: винъ у насъ давно не бувъ.

— А хыба жъ якъ я до ёго пиду, дакъ то винъ у насъ буде?

— Та... ну... та... може прыйде...

— А на що тоби той Васюта?

— Да такъ... винъ такый гарный, веселый, балакучый...

Гаинка, заплутавшыся зъ тымъ Васютою, плела абы плесты, а Зинько думавъ:

— Чого це вона такъ ёго выхваляе?

И додавъ у голосъ, абы не мовчаты:

— Прыйде колысь...

Гаинка помовчала, а тоди озвалася несмилыво:

— А до Грыцька ты часто ходышъ...

— Ще ѝ частише ходытыму, бо треба жъ учыты ёго чытаты... А завтра ввечери вдвохъ пидемо—чытання гуртове буде.

Ся видповидъ запекла коло серця Гаинци. Хотила щось сказаты и не змогла. Лежала, зципывшы зубы, и мовчала. Удавала, немовъ спыть. Зинько й соби лежавъ тыхо. Довго не спалы обое—кожне за своимы думкамы.

Другого дни Гаинка не мала спокою зъ самисинького ранку. Коло одного такъ и крутются, такъ и плутаются въ неи думкы: все коло того вечора, що Зинько пиде до Йивгы... чы то—до Грыцька... За тымы думкамы не могла ничого робыты. Почала поратыся коло печи, дровъ положыла, а пидпалыты забула: горщыкъ у пичъ засувае, а дрова не горять. Ажъ маты посміялась:

— Оце дакъ такъ! Нова мода: щобъ не топывшы зварыты.

Узяла горщыкъ вымыты, а передъ очыма—Йивга вдвохъ изъ Зинькомъ у вербахъ надъ крынычкою... Затрусылась уся—горщыкъ зъ рукъ, гупъ, та й розскочывся.

— Ой шкода горщыка!—пожалкувала маты, а Гаинка стояла надъ черепкамы и не знала що ій робыты...

Такъ-сякъ поставляла що треба въ пичъ. Узяла мыску, щобъ змыты пшоно, насыпала ёго туды, стала налываты воды, а Йивга каже: Здоровъ, Зиньку... Мыска до-долу,—вода полылась, пшоно зъ черепкамы розскочылось.

— Та що се тоби, дочко?—метнулась до неи маты.—Чы ты хвора, чы що? Ой, яка жъ ты блида!..

— Я ничого, мамо... мени ничого... То такъ чогось рукы затрусылыся...

Сама стояла якъ биль била.

— Оце лыхо!—бидкалась маты.—Хочъ бы Зинько швыдче вертався!

— Ни, ни, мамочко! Не кажить ёму ничого, ничого!.. Се я такъ... се дарма!.. я здоровисинька... Я заразъ поратымусь... Тилькы не кажить ничого Зинькови!..

И справди заходылась удвохъ изъ матиррю поратыся и такъ-сякъ наварыла обидаты. Зинькови маты ничого не сказала, але сама все прыдывлялася до невисткы. Та сылкувалася не появыты передъ Зинькомъ ничого, навить удавала, нибы йисть за обидомъ, хочъ ій и въ губу не йшло. Але ввечери, якъ прый-

шовъ часъ иты до Грыцька на чытанне, почулася, що не може йты, що не зможе ввійты въ ту хату, глянуты на Йивгу... не здоліе высыдиты тамъ... Одмоглася тымъ, що болыть голова, и лышылася дома. Зинько пишовъ самъ, а Гаинка думала:

— Тамъ Катря буде... Вона пыльнуватыме... Вона мени скаже...

Покы Гаинка була въ хати зъ матиррю, вона сылкувалась ничого не выявляты. А вже якъ спаты пишла!..

Вона зъ Зинькомъ спала окремо, въ протывній хати. Гаинка такъ любыла цю хатку: чыстенько-чепурненько попрымазувану, зъ квиткамы й голубамы, помалёванымы сынимъ та червонымъ на билому комени; зъ папировымы квиткамы биля образивъ, зъ патретамы та малюнкамы по стинахъ, зъ маленькою шахвою на кныжкы та зъ лижкомъ Зинькового роблыва, зъ старымы лыповымы лавамы. Такъ було тыхо та гарно та любо, якъ у виночку. въ цій хатынци, въ цёму гниздечку, де вона вдвохъ изъ Зинькомъ воркувала!.. А теперъ!..

Яке воно все похмуре, непрывитне, негарне, мовъ и стины на неи падають. Яки велыки довги диды поставалы по куткахъ,— ажъ страшно. Якъ непрыхыльно навысъ коминъ,—мовъ и пичъ гнивается. И богы такъ похмурно неначе поглядають зъ божныка своимы выразнымы билястымы очима. Не хоче, не хоче вона ничого сёго, не хоче на ёго й дывытысь!..

Погасыла мерщій лямпу, щобъ и не бачыты. Сыдила, зипершысь на стилъ, у темряви.

На що ій це все, колы винъ іи не любыть, колы винъ пишовъ до тіеи!..

Вона жъ—якъ голубка покынута... Никуды ій и полынуты: ни до батенька, ни до матинкы, бо не вернуть воны дружынонькы!..

А винъ тамъ, а винъ усе тамъ!..

Якъ безъ миры довго!..

А може жъ... це все й брехня? А вона на ёго таке выгадуе!.. На свою дружыну!.. Це жъ грихъ!.. Треба не потураты серцеви!.. Вона ляже, спатыме...

Лягла справди, заплющыла очи, сылкувалася не думаты про се, сылкувалася заснуты. Та не могла. Все дослухалась, чы не йде.

Заторохтыть мыша въ синяхъ, а вона вже думае, що винъ за клямку берется. И духъ прытаить, дослухается... Ни, не винъ!..

Хтось улыцею йде. Оце певне винъ. Прычувается до ходы: тупъ-тупъ-тупъ... Ось проты ихъ хаты... Ну, ну,—завертай у ворота!.. Уже берется за ворота?.. Ни, пишло!.. пишло дали!..

Чы не въ викно хтось стукае?.. Зирвалась, пидбигла, видсунула виконце.

— Зиньку, се ты?—попытала зтыха.

Не чуть никого, нихто не озывается.

Вернулася на лижко.

Ой Боже! Якъ же винъ довго!..

Ни, вона не такъ изробыть: вона проказуватыме молытвы... вси, яки знае... и якъ уси перекаже, то винъ прыйде.

Почала проказуваты зъ «Во имья»... Казала помалу, кожне слово добре вымовляючы... Царю небесному, Тройцю, Отченаша, Богородыцю—уси, вси!.. Казала й Воскресного Бога, и Вирую й Помылуй...

Уже й усе, а ёго нема. Проказала ще заповиди. Прыслухалась,—не чуть...

Ой-ой! вона жъ, здается, въ Вирую промынула тамъ слова!.. Того жъ воно такъ и швыдко.

Завернулася назадъ и почала зъ Вирую проказуваты знову все—ажъ до краю. Вымолыла вси, яки знала... и ти, що видъ матери ще малою дытыною навчылася и якыхъ нема по молытовныкахъ...

Ось винъ уже йде... Ще ничого не чуть, та треба жъ трохы подождаты покы пидійде блыжче. Колы заразъ прыйде,—дакъ не ходыть до Йивгы, а колы не прыйде... Се вона такъ загадала.

Лежала, вдывляючыся шыроко росплющеными очыма въ темряву, и вся трусылася мовъ зъ пропасныци. Ничого вже не думала, тилькы слухала... Слухала й трусылася...

Скризь було тыхо. Винъ не йде.

Тоди пидняла рукы вгору, заломыла ихъ, и воны впалы за голову на подушку. Страшна безнадія нима стыснула ій душу... Душа холодила, застыгала, якъ крапля на морози, вмирала...

И вразъ почула, що Зинько видсувае ключемъ синешни двери.

Кынулася на лижкови, пидвелась и впала знову, прычаилася, затаившы й духа.

Зинько ввійшовъ у хату тыхо, тыхо скынувъ чумарку, розвувся й лигъ.

— Ты ще не спышъ, Гаинко?

— Ни...

— Я забарывся, серденько... Зачыталыся... А въ тебе й доси голова болыть?

— Ни, вже ничого...

— Я й Грыцька вчывъ... Винъ страхъ берется до наукы.

Почувала, що мусыть щось сказаты, видповисты на ци слова, та не могла розимкнуты уста. Одначе перемоглася:

— Добре, що берется...

А думала инше: Якъ бы винъ и довику не брався! Одначе не сказала цёго, тилькы промовыла:

— Колы хоче навчытыся, дакъ чомъ же винъ не ходе до тебе, а ты до ёго?

Напружувалася зъ усіеи сылы, щобъ не тремтиты, щобъ говорыты спокійно, а воно такы подужувало и разъ-у-разъ струсювало мовъ страшною трясцею.

— Соромляется пры чужыхъ,—одказавъ Зинько,—говорыть, що ёму лучче дома. Та й нога жъ у ёго ще болыть, не можно ходыты.

— А жйнкы... хыба не соромляется?

— Ни.

— Колы жъ вы вчылыся? Якъ ще вси не посходылысь?

— Еге жъ.

— А Катря була?

— Була.

— А вона... тутъ сыдыть, якъ вы... вчытеся?

— Хто, Катря?

— Ни, та... Грыцькова...

— Якъ колы: бувае й ни.

Зинько подумавъ про Йивгу. Писля тіеи подіи въ вербахъ, ёму не хотилося до Грыцька й ходыты, щобъ зъ нею не стри-

ватыся, та не можно було. Одначе вона сама почала ёго обмынаты, не дывылась ёму въ вичы. Винъ думавъ, що покаялась, не знаючы, що вона добирае способу, якъ бы ёму зилля даты.

— Не люблю я іи!—сказавъ винъ до Гаинкы.

— А чомъ не любышъ?

— Бо въязне до мене.

Гаинку мовъ импетомъ пидкынуло, але вона заразъ же прымусыла себе знову лягты й спыталася:

— Якъ то —въязне?

— Теперь, оци дни, сказаты—ни. Ато дакъ була штука..

И винъ по щырости розсказавъ Гаинци всю подію въ вербахъ.

— Я вже такъ наважывся,—казавъ дали Зинько,—якъ буде чепляться, то хочъ и Грыцькови скажу... Чы може краще ёму, бидоласи, вже не казаты такого? Якъ ты порадышъ, серденько?

И вразъ Зинько почувъ, якъ маленьки рукы вхопылы ёго, почалы тягты, торсаты, смыкаты.

— Ой, Зинечку, якый же ты любый!.. Ой якъ сонечко жъ!..

И вона стыскала ёго, прыгортала цилувала.

— Ой серце мое! Ой дружынонько моя вирная!

— Гаинко, голубочко! яка ты гарна!

— Я погана! я никчемна! я лыха! Ты—якъ сонечко праведне, якъ барвиночокъ зеленесенькый, а я якъ... якъ... якъ хмара чорна!..

— За що ты такъ себе лаешъ?

— Мени наказано, що ты ходышъ до Йивгы, а я...

— А ты не повирыла?

— Не повирыла, тилькы... тилькы сумно було, страшно, якъ у темній пустци самій... Ни, я трошечкы, триси-трисюни повирыла—якъ на мачыночку дрибнюю!.. Ой просты жъ мене, мое дороге, мое щыре, мое едыне серденько!..

— Ну, дакъ я жъ тоби скажу, що й мени про тебе наказано.

Вона такъ и схопылася.

— Про мене?! Про мене?!

— Що до тебе Васюта стежку топче.

— Васюта?... Ха—ха—ха!..

— Цыть, дурне, а то маты почують.

Гаинка реготала такъ дуже, що й справди маты могла почуты, хочъ и въ другій хати.

— Ой не вцытю!.. Васюта!.. Ха—ха—ха!..

Ледви втышывъ іи.

— А ты жъ повирывъ?

— Чы я жъ дурный?

— Отъ бачъ! отъ бачъ!—почала вона стукаты себе кулачкомъ у голову,—а ця голова дурна якъ пень, бо повирыла!.. повирыла!..

Забравъ іи рукы, щобъ не была себе.

— Це жъ, Гаинко, хтось насъ посварыты хоче. Хто тоби казавъ?

Роспыталыся. Зинько подумавъ...

— Гляды, що тутъ думка була не самыхъ насъ посварыты, а й усе наше товарыство промижъ себе... Стрывай, стрывай! А ты жъ чого була въ бабы Мокрыны?

Отъ, такъ ускочыла! Ой, якъ бы теперъ була не ничъ,— де бъ вона тоди очи подила?!

Прыгорнулася, прытулылася до ёго, знитывшысь якъ кошенятко.

— Я... я... я хотила... я думала...

И врешти прызналася цилкомъ. Зинько й сміявся й сердывся. Вычытавъ їй добре.

— Ну хыба жъ ты не бачышъ, що ся баба брехуха? Отъ же наказала тоби про Йивгу.

— Э, дакъ що? То вона наказала, що видъ людей чула, а въ хворобахъ вона такы зна...

Довго воны не спалы.

Другого дни вранци Гаинка прокынулась перша. Тыхо, якъ пташечка, скочыла зъ лижка й стала посередъ хаты. Сонце было золотымъ проминнемъ просто въ викно и осявало всю свитлыцю. Богы зъ божныка ласкаво й прыхыльно всмихалыся до Гаинкы,

усмихався й дидъ Шевченко зъ пидъ смушевои шапкы, и стины, и коминъ, и лавы—все блыщало въ золотому приминни и сміялося до неи прывитно, гарно... А вона стояла середъ того проминня, росчервонившыся писля сну, зъ променыстымы очыма, и ій було радисно, весело, ясно—такъ ясно, якъ тамъ, на тому блакытному неби, де грало те проминне золотесеньке теплесеньке...

— Зиньку! вставай! мы заспалы...

Маты ажъ уразылася, побачывшы Гаинку: вчора була хвора, якъ биль била, а сёгодни такъ одъ неи й бъе румъянцемъ та сяевомъ...

Писля снидання Гаинка саму виддала Зинькови пляшку зъ зиллемъ, а винъ ёго вылывъ и пляшку побывъ. Ій було такы трошкы жалко: а може бъ пособыло?..

Тоди побигла до Катри. Ускочыла въ хату якъ шурябуря.

— Здорова, сестрычко!

— Здорова!—видказала Катря, стоючы зъ засуканымы рукавамы биля печи.

— Пытай мене—чого я до тебе прыбигла!

— Хыба не знаю? Довидатыся, чы не доглядилась чого. Ну, дакъ скажу, що я й прыдывлялася, я й прыслухалася,—ничого нема, все брехня.

— Ха—ха—ха!—зареготалася Гаинка на всю хату, ажъ дытына въ колысци жахнулася, та й Катря здывувалася.

— Чого се ты?

— Отъ и не вгадала! Уже мени не треба того прыдывляння та прыслухання... Ха—ха—ха!..

— Та чого жъ ты сміешся?

— Бо мени и весело й чудно... Ой!..

Ухопыла Катрю за станъ рукою и покрутнула іи по хати такъ, що въ тіеи ажъ спидныця замаяла.

— Чы ты прысуствéнна?—сміялася вже й Катря, пручаючысь.—Кажы вже що тамъ йе!

Гаинка розсказала ій про все... и про Васюту...

Брехни про Зинька зъ Йивгою та про Гаинку зъ Васютою такы ходылы по селу ще де-якый часъ. Та ни Зинько, ни Гаинка вже не чулы ихъ, навить не зналы про те. На щасте й до Грыцька воно не добигло: у хату до ёго нихто зъ тымъ не зважывся питы, а самъ винъ ще тилькы по двору дыбавъ, а никуды не ходывъ, бо нога й доси болила. Помалу-малу й затыхло все.

Хочъ и баба Мокрына, и пъяныця Захарько не дурно взялы видъ Рябченка свою плату, та ёго грошы выдымо пропадалы ни за цапову душу. Винъ се бачывъ, лютувавъ и все думавъ, думавъ, вымизковуючы якись нови хвыкгли...

А Зинькове товарыство тымъ часомъ трохы побильшало: ставъ туды ходыты Дмытро Васыленко.

V.

Браты.

Панасъ Момотъ страшенно лютувавъ. Якъ на ёго думку, то се була непрощенна крывда, що Грыцько забравъ соби ту десятыну землн. Грыцько бувъ старшый, батько ёго виддилывъ першого, виддавъ ёму *все*, що треба, а те, що зосталося ще въ батька, повынно цилкомъ, *усе* належаты ёму, Панасови та меньшому братови Йванови. Воны жылы пры батькови, доглянулы ёго смерты, воны й повынни булы подилыты промижъ себе всю, яка зосталася, батькивщыну. И дуже не по правди зробывъ батько, що, вмираючы, зверивъ Грыцькови забраты ту десятыну. Дурныця яка, що Грыцькови тоди меньше прыпало землн! Уже скилькы прыпало, то прыпало, а якъ оддиленый, то виддиленый: знай свое, а до чужого не встрявай! Не по правди зробывъ батько, що видказавъ ту десятыну Грыцькови, а ще бильшу неправду вчынывъ самъ Грыцько, іи взявшы.

Панасъ на таке прыстаты не мигъ. Винъ и самъ усякымы способамы змагався зъ Грыцькомъ, и меньшого свого брата

Йвана до того нахылявъ и дратувавъ проты старшого. Найбильше лютувавъ теперъ Панасъ черезъ те, що ёму не пощастыло забраты зъ тіеи десятыны жыто Грыцькове. И въ яки дурни винъ, Панасъ, пошывся, нацилывшыся забраты жыто вночи пидъ вивторокъ и побачывшы въ понедилокъ уранци, якъ Грыцько зъ товарышамы визъ уже останни копы! Якъ бы не оте проклятое товарыство, то зроду-вику самъ Грыцько не встыгъ бы перевезты, а теперъ... И найгирше, що ніякого способу не доберешъ теперъ изъ Грыцькомъ. Самъ винъ ни трохы не поступается, а старшына крутыть:—Шо жъ, я не можу... одвичатыму... не по закону...

Не можу!.. А скупъ узявъ, дакъ те мигъ?.. Не по закону!.. А то по закону, що чужу землю загарбано?

Ходывъ Панасъ и до Рябченка порадытыся: той же такый хытрый, що й бисового батька одурывъ бы. Зъ пекла самъ родомъ, ба—ще тры мыли зъ-за пекла!.. Дакъ и той слебезуе:—Якъ судытыся, то трудно высудыты, бо по закону Грыцько правый. А перечасуй трохы, покы втыхомырытся справа зъ Денысовою покупкою, тоди старшына тоби пособыть.

Пособыть! Уси воны пособляють! Покы було треба, щобъ винъ за ихъ у громади галасувавъ, дакъ воны ёго манылы всякымы обицянка́мы-цяця́нкамы, а теперъ дакъ и жданыкамы годуйся, здобрій тымъ, що «перечасуй!» Гарне слово! А якъ же ёму ще «часуваты», колы Грыцько вже зновъ сіе на тій десятыни? И зновъ те буде що й було: посіе, а на той рикъ хлибъ забере. И тоди вже хочъ не кажы, що то ихъ, Панасова та Йванова, нива. Скажуть: та ёму батько іи видказавъ, та винъ уже давно тамъ сіе, та чого тамъ колотнечу заводыты, та те, та се—хыба винъ ихъ не знае? Перечасуй, пособымо! Чортового батька воны пособлють! Не вирыть винъ имъ и крыхты! Бо вже такъ одурыты, якъ воны ёго зъ судомъ одурылы, то вже годи!.. Такъ и тоди буде, и зостанется земля въ Грыцька, а воны, меньши браты, дулю зйидять!..

О, стонадцять ёму болячокъ у печинкы! И винъ оце попустыть тому дурному Грыцькови итакъ изъ себе знущатыся? Попустыть, щобъ оти Йивжыны вышкваркы на ёго батькивщыни хазяйнувалы? А не диждуть бисового заводу вылупкы! Не по-

пустыть винъ Грицькови верховодыты надъ собою! Ни зроду-звику! Винъ щось выгадае, вымудруе... Тилькы що?

Хочъ бы цей Иванъ бувъ моторнишый! Таке вайло, батигъ зъ клочча, лемишка чортова!... Оце иноди й роспалытся на Грыцька:—Та я ёму!.. та я его!.. Се та те!.. Та заразъ и прохолоне. Такъ такы просто й каже:—Та може бъ мы вже се облышылы, брате?—Облышылы! Якъ се можно облышыты?! Що жъ це—копійка тоби, чы пъятакъ пропадае? Це жъ земля, це *ажъ десятына* земли! Де жъ такы выдано, щобъ землю зъ рукъ пускаты? Та теперъ коженъ за землю и рукамы й ногамы й зубамы держытся! Надъ кожною грудочкою трусытся. А якъ полюднишае, то ще гирше буде. А у ёго жъ, у Панаса, сыны, та й Ивана ціеи осены мабуть женыты, то й тамъ же не безъ дитей буде. И всимъ треба буде земли! Де жъ воны іи наберуть, колы й тіею нещасною десятыною поступлются тымъ клятымъ выплодкамъ Грыцьковымъ? Та ще хочъ бы ёго, а то ще й іи, тіеи задрипанои захвóйданкы, тіеи пройды Йивгы! Чы то жъ изъ розумомъ воны будуть, колы пустють зъ рукъ такый шматокъ земли?

Ни зроду-звику!

Та що робыты? Слóва Грыцько не слухается, позывавъ—не пособылося. Нехай же послухается кыя, колы не слухается кыва! Ій-бо! Пиймаіы ёго та видлататы такъ, щобъ ажъ ребра кризь шкуру повылазылы, то винъ тоди вже не пиде сіяты на чужій земли. Та й тутъ перешкода! Самъ того не зробышъ, а сёго дурня Йвана хыба нахылышъ? А добре було бъ!

Можно такъ изробыты: застукаты ёго десь самого и быты, ажъ покы запрысягнется й земли зйисть, що поступыться тіею десятыною. Тоди вже гараздъ буде: разъ, що боятыметься, щобъ знову не быто, а друге: якъ запрысягнется, земли зйившы, то такои прысягы нихто не зламае. Тоди вже певне не встряватыме въ цю землю. Тилькы такымъ робомъ и можна щось удіяты, а иншого й способу нема. И нехай соби тамъ Иванъ якъ хоче, а мусыть на се прыстаты. А колы не хоче, то ось що: черезъ ёго въ Панаса пропаде пивдесятыны земли (бо тую, що въ Грыцька, воны на двохъ подилылы бъ),—ну, то хай

Иванъ поступытся ёму пивдесятыною зъ своеи частки, дакъ тоди вже Панасъ и облышыть цю справу. Тилькы не поступытся винъ, ни! Ну, то мусыть прыстаты до ёго выгадкы.

И Панасъ заходывся биля Йвана...

У недилю въ Чорновуси бувъ храмъ. Грыцькова Йивга, однисшы свого сына до сестры, пишла туды ще звечора: тамъ булы въ неи родычи, дакъ вона мала въ ихъ переночуваты. Грыцьковы диты дуже намагалысь, щобъ и ихъ узяты на храмъ. Де жъ такы! той храмъ давно вже имъ снывся! Сусидына дивчынка Прися тамъ була и розсказувала имъ про все: що тамъ ярмарокъ, а на ярмарку таки велыки прянывы продають: рыбы золотопери, кони таки здорови-здорови:—хочъ йижъ,—хочъ верхы сидай!.. и вси золотоголови!... Ище продають намыста́ и стричкы, и кругъ церквы зъ о́хрестамы ходють, и въ іи сестры,—іи сестра въ Чорновуси жыве,—дакъ, Боже, гарнымы пампушка́мы іи нагодовано!.. а ще продають рижкы—солодки!.. и свыстуны, и сопилкы... Та хлопцямъ кращого надъ золотоголови кони не було. Ти кони имъ уже й снылыся. А дивчынци мріялыся таки довги стричкы, що ажъ до пъятъ, и рижкы... вона дуже любыла рижкы!.. Ой прохалы жъ воны мачуху, щобъ узяла! Дакъ де тамъ!.. Та якъ вона пишла, воны вси до татка: нехай винъ ихъ одведе до титкы: вона добра, вона ихъ забере на храмъ. Титка, Грыцькова сестра, була справди добра людына. Побачывшы таку купу дитей, вона спершу сплеснула рукамы, а потимъ наважылася забраты на визъ и свои диты й Грыцьковы та й повезты всихъ на храмъ—отъ, нехай уже дитво́ра побавытся. Семеро дитей счыпылы зъ радощивъ страшенный галасъ, и Грыцько такъ и покынувъ своихъ на ничъ у сестры, бо другого дни треба було йихаты рано, то титка й зоставыла въ себе небожятъ. Грыцько давъ кожному по дви копійкы на кони золотоголови, рыбы золотопери, рижкы, бублыкы, намыста́, стричкы́ та всяки инши ласощи й окрасы, що мріялыся бидолашнымъ дитямъ пры словахъ «храмъ» та «ярмарокъ».

Грыцько вернувся додому самъ. Упоравшыся зовсимъ по хазяйству та повечерявшы, винъ ище не мигъ спаты. Сивъ за сто-

ломъ и замыслывся. Въ хати була тыша. Ажъ чудно стало Грыцькови, що то завсигды повна хата дитей, а теперъ такъ тыхо. Посыдивъ трохы, а тоди, знявшы зъ стины й поставывшы на стилъ поганеньку жерстяну лямпочку, що ледви блымала своимъ вузенькымъ кгнотыкомъ, розгорнувъ передъ нею кныжку. Винъ одъ Зинька вже навчывся всихъ литеръ, умивъ зъ ихъ и слова чытаты, тилькы ще дуже важко ёму було вымовляты все слово вразъ и розбираты що́ воно са́ме за слово. Отъ и теперъ винъ ніякъ не мигъ прочытаты що́ воно выходыть изъ оцихъ литеръ: *с-т-а-р-о-с-т-а*. Вымовыть кожну литеру, а циле ніякъ не складается Довго мудрувавъ ажъ покы домудрувався: *старосты*. Зрадивъ и схотивъ ще разъ прочытаты. Та заразъ же помитывъ, що на прыкинци стоить *а*, а не *ы*,—выходыть, що не *старосты*. Заходывся коло того слова знову, довго мордувався, ажъ покы такы вычытавъ:

— Староста! Онъ що! Староста—той, що видъ парубка ходе дивчыну свататы. Ловко! Ну, дали!

И почавъ чытаты дали, тяжко працюючы надъ кожнымъ словомъ, що ажъ питъ ёго проймавъ. Та бувъ радый зъ тіеи праци, певный, що вона дасть ёму колысь те, чого винъ шукае: бильше розуму, краще жытте. Вирывъ, що абы подужавъ розбираты кныгы, то вже зъ ихъ винъ вычытае все, все, що ёму треба: и якъ по закону бороныться видъ лыхого напасныка, и чы мають право браты́ въ ёго землю видниматы, и видкиля цей свитъ узявся, и що Хрыстосъ людямъ казавъ, и все, все! Кныга здавалась ёму чымсь велыкымъ и ве́лыко поважнымъ, джереломъ усіеи, яка тилькы може буты на свити, наукы, премудрости й правды...

Вразъ винъ почувъ, що нибы щось тыхо ступае въ ёго пидъ викномъ. Прыслухався,—ничого не чуть. Винъ знову схылывся до кныгы, але ще й слова не прочытавъ, почувъ що синешни двери стыха видчыныся.

— Чы не Зинько йде?—подумавъ Грыцько.—Дакъ ни,—винъ казавъ, що сёгодни ёму не можно.

Тыхо видчынылыся двери въ хату и на порози ставъ Панасъ, и Грыцько догадався, що другый, за имъ у темряви, бувъ,

Иванъ. Грыцькови стало моторошно. Ни слова не кажучы, воны кынулыся обыдва, вхопылы ёго й почалы крутыты ёму рукы назадъ.

— Панасе!.. Иване!.. братикы!.. що се вы робыте?

Винъ сылкувався пручатыся, але ничого не мигъ зробыты проты двохъ такыхъ здоровыхъ. Мовчкы й швыдко воны вытяглы ёго зъ-за столу, скрутылы назадъ рукы й зъязалы вирёвкою. Тоди положылы ёго на спыну до-долу.

— Слухай!—промовывъ Панасъ, достаючы зъ пидъ свыты сокыру,—тилькы пыснешъ, тилькы крыкнешъ, такъ тоби цією сокырою й розваляю голову. Розуміешъ? Мовчы жъ!

Грыцько мовчавъ, збентеженый, зляканый, тилькы дывывся на ихъ шыроко росплющеными очыма.

— Затуляй викна!—звеливъ Панасъ Иванови.

Одынъ ухопывъ Грыцькову свыту, другый чумарку й рядно и позатулялы тры невелычки виконця. Тоди посидалы на лави, а Грыцько зъязаный лежавъ доли середъ хаты.

— Слухай же ты,—озвався до ёго Панасъ,—чого мы до тебе прыйшлы! Одступысь одъ земли!

— Не видступлюсь,—одказавъ Грыцько.

— Дослухай спершу! Видступысь одъ земли, запрысягнысь, що не займатымешъ бильше іи и не позыватымешъ насъ и никому не скажешъ про те, що мы въ тебе булы! Запрысягнысь передъ иконою и святою землею! Иване, знимы икону!

Иванъ полизъ до божныка и знявъ. Панасъ узявъ икону въ ёго и пидійшовъ до Грыцька.

— Ось икона,—прысягайсь!

— Не запрысягнусь.

— Слухай, Грыцьку!—загомонивъ Панасъ,—ёго вже обнималы лютощи.—Слухай та помиркуй про те, що я заразъ тоби казатыму, добре помиркуй, щобъ потимъ не жалкувавъ. Колы ты заразъ не запрысягнешся,—мордуватыму тебе доты, ажъ покы скорышся. Подумай про це, да тилькы не довго, бо я довго не ждатыму.

Винъ положывъ икону на стилъ, а самъ сивъ на лави. Иванъ стоявъ у порога, похнюпывшысь. Грыцько мовчавъ, тилькы важко дыхавъ. Страшно блиде облычче ёго здавалося мертвымъ.

— Ну?—попытавъ нарешти Панасъ.

— Не запрысягнусь...—хрыпко ледви вымовывъ Грыцько.

— Дакъ брешешъ-же! запрысягнешся!..—скрыкнувъ Панасъ, зирвався зъ мисця й кынувся до Грыцька. Ухопывшы за налыгачъ, що имъ зъязано було тому рукы, винъ звивъ ёго на ногы и тоди видразу штовхнувъ, кынувъ до-долу. Безщасный упавъ, але заразъ же Панасовы рукы знову звелы ёго та й знову кынулы. Важко вдарывшысь объ доливку, Грыцько застогнавъ.

— Квокчешъ!—лютуючы гарыкнувъ Панасъ и все пидводывъ и кыдавъ ёго, пидводывъ и кыдавъ.

— Брате!—прохрыпивъ нещасный.—Брате!..

Панасъ прыпынывся.

— Ну?

— Змылосердься!..

— Запрысягнешся?

— У мене диты мали...

— Запрысягнешся?

— Брате! есть же Богъ на свити!.. Винъ же все бачыть!.. Винъ покарае... Брате, змылосердься!—на губахъ у ёго зачорнила кровъ.

— Запрысягнешся?

— Ни.

— Дакъ на́ жъ тоби...

Панасъ изнову вхопывъ ёго за налычагъ и зъ усіеи сылы штовхнувъ ище разъ. Грыцько впавъ головою просто на рижокъ скрыни, вдарывся объ ёго и тоди зсунувся внызъ, до-долу, лигшы ныць.

— Ну, ты, повертайсь!..

Панасъ копырснувъ ёго ногою й перекынувъ на спыну. Тило простяглось безъ жыття, голова закынулась назадъ.

— Ну, вдовольнывся? Кажы теперъ—що надумавъ?

Грыцько не озывався. Тило не ворушылось.

Иванъ увесь часъ стоявъ, немовъ скамъянилый. Не мигъ ворухнутыся, ступнуты, озватыся. Мовъ хтось ёго скувавъ, прыгнитывъ. Теперъ, ледви вымовляючы слова, сказавъ:

— Винъ мертвый...

— Мовчы, дурню!—видказавъ Панасъ, а тоди знову удався до Грыцька.—Ну, ты, кажу тоби,—не выгадуй, а озывайся! Чуешъ? А то я тебе зведу!

И винъ зъ усіеи сылы вдарывъ ёго чоботомъ у бикъ. Грыцько мовчавъ.

— Уставай, кажу тоби!—крыкнувъ Панасъ несамовыто.— Уставай! уставай! уставай!..

И за кожнымъ «уставай» винъ бывъ ёго зъ усіеи сылы въ бикъ чоботомъ, ажъ посувалось тило по хати, але не выявляло жыття. А Панаса обняла лютисть, страшна лютисть на се бездушне тило за те, що воно вже бездушне, що воно не ворушытся, не озывается. Винъ не хотивъ сёму няты виры, винъ мукою хотивъ прымусыты Грыцька выявыты жытте, розвіяты ёго, Панасивъ, страхъ. И винъ бывъ ёго, топтавъ ногамы, не розуміючы вже й самъ що робыть, и хрыпивъ:

— Уставай! уставай! уставай!

Иванъ стоявъ биля дверей, спидни щелепы ходылы въ ёго ходоромъ, винъ увесь трусывся, а все не мавъ сылы ступнуты, ворухнутыся. Тилькы стоявъ и дывывся божевильными очыма.

— Уставай! уставай! уставай!

Але винъ не встававъ.

Нарешти Панасъ зупынывся, знеможенный, важко дыхаючы... Стоявъ, стыснувшы кулакы, и дывывся на мертвого брата. Тоди вразъ мовъ схаменувся, нахылывся до Грыцьковыхъ грудей, прыпавъ до ихъ ухомъ...

Груды не дыхалы.

Помитывъ на голови, на выску, чорну пляму, ямку, саме въ тому мисци, де вдарылася голова объ гострый рижокъ зализомъ обкованои скрыни.

Панасъ пидвився й повернувся до Ивана:

— Слухай, ты! Колы ты мени хочъ словечкомъ кому пробовкнешся, що мы тутъ булы, то буде й тоби те, що ёму!

Хотивъ иты, але завернувся, сивъ на лави, ставъ думаты. Нарешти озвався до Йвана:

— Пиды въ сины, знайды тамъ вижкы, перекынь ихъ черезъ трамокъ.

Иванъ не йшовъ, а стоявъ, трусючысь.

— Ну, йолопе! Чого стырчышъ? Иды, кажу тоби!

Иванъ выйшовъ. Покы винъ тамъ порався, Панасъ розъязавъ Грыцька. Тоди вытягъ трупъ у сины, вынисъ туды й лямпочку. Перекынути черезъ трамокъ вижкы вже телипалыся середъ синей. Панасъ завъязавъ на одному кинци петлю, взявъ пидъ пахвы Грыцькове тило, пидтягъ пидъ вирёвку и надивъ трупови на шыю петлю.

— Тягны!

Иванъ узявся за другый кинець вижокъ. Вирёвка шморгнула черезъ трамокъ, трупъ пидвився головою. Панасъ пиддавъ ёго. Трупъ заколыхався надъ землею, вытягшыся ввесь, рукы повыслы, голова нахылылась напередъ.

— Я подержу ёго такъ, а ты по драбыни злизь на трамокъ, завъяжы тамъ вижкы.

Панасъ державъ трупъ, а Йванъ прыставывъ драбыну, полизъ на трамокъ и завъязавъ вижкы. Тоди Панасъ одійшовъ.

Трупъ заколыхався середъ синей.

Панасъ узявъ за руку Йвана и, якъ дытыну, вывивъ изъ синей.

Лямпочка, покынута въ куточку на водянци, блымала помалу тьмянымъ свитомъ, освичувала сины, а середъ ихъ—трупа зо звыслымы рукамы.

Винъ ще колыхався ривно й тыхо: ра—азъ... ра—азъ...

VI.

Хто вынен.

У недилю рано вранци Зинько лаштувався йихаты на ярмарокъ у Чорно́высъ. Оглядився, ажъ нема того лантуха, що треба було взяты зъ собою. Почавъ бувъ шукаты та й згадавъ, що ёго позычывъ Грыцько ще на тому тыждни та доси й не вернувъ. Було ще рано, и Зинько пишовъ по лантухъ до Грыцька.

Одчынывъ дверы въ сины и побачывъ, що середъ ихъ высыть чоловикъ, спустывшы рукы й нахылывшы напередъ голову.

— Що воно?—подумавъ Зинько, не зрозумившы що́ саме бачыть.

Прыступывъ блыжче, пизнавъ Грыцька, побачывъ вирёвку на шыи.

— Грыцько повисывсь!—промайнуло ёму въ голиви.

Винъ скочывъ, щобъ пособыты, щобъ зняты, и доторкнувсь до рукъ холодного трупу. Пособляты було никому: Грыцько бувъ мертвый.

Зинько кынувся зъ синей. Ледви выбигъ, побачывъ, що въ двиръ увиходыть сусида Грыцькивъ, Юхымъ.

— Грыцько повисывсь!—крыкнувъ ёму Зинько.

Той, чы не дочувъ, чы не мигъ ище зрозумиты такои надзвычайнои речы, и спытався:

— Що ты кажешъ?

— Грыцько повисывсь,—кажу.

Юхымъ спынывся враженый.

— Якъ то повисывсь? Чого?

— Не знаю... Высыть мертвый у синяхъ...

— Та ну?

— Иды глянь!

Воны вдвохъ пидійшлы до синей. Юхымъ глянувъ.

— Оце, не дай, Боже!—промовывъ перехрестывшысь.—Ходимъ швыдче до волости та скажемо!

Юхымъ не схотивъ переступаты й синешного порогу. Прычынылы двери и заразъ же вдвохъ пишлы до волости. Тамъ не було никого, тилькы сторожъ. Послалы ёго по врядныка та по старшыну. Врядныкъ жывъ поблызу и прыбигъ швыденько. Покы воны розсказалы ёму справу, прыйшовъ и Копаныця. Розсказалы й тому. Старшына гукнувъ на сторожа, щобъ бигъ по пысаря, а самъ, лаючысь, що не доведется побуты на ярмарку, пишовъ зъ урядныкомъ, зъ Зинькомъ, зъ Юхымомъ та зъ понятымы до Грыцьковои хаты.

Тымъ часомъ чутка про подію вже роскотылася селомъ, а надто, що люде бачылы, якъ волосни, зъ юрмою людей, ишлы до Грыцьковои хаты.

Оглянувшы тило, урядныкъ изъ старшыною поставылы биля ёго двохъ десятныкивъ, щобъ никого не пускалы туды, а самы пишлы до волости. Тамъ уже бувъ пысарь, и воны заходылыся пысаты про страшну прыгоду слидчому, становому та ликареви. Незабаромъ двое поштаривъ уже бигло верхы, везучы тіи звисткы. Зинькови та Юхымови звелено сыдиты дома й дожыдатыся покы ихъ поклычуть на допытъ.

Тымъ часомъ Рябченко йихавшы на ярмарокъ, пройиздывъ прозъ Грыцькову хату. Побачывъ у двори натовпъ народу, найбильше жиноты. Люде тыслыся до хаты, та два десятныкы зъ ломакамы стоялы биля дверей и не пускалы никого.

— Що воно за знакъ?—подумавъ Рябченко и прыпынывъ коня.

— А слухай, Ёсыпе!—гукнувъ до чоловика, що саме въ той часъ выходывъ зъ двору.—Чого се тутъ такый тыскъ народу?

— А хыба ты не чувъ? Грыцько повисывсь... чы повишено ёго... хто ёго зна!..—видказавъ той та й пишовъ соби вулыцею.

— Що це?—подумавъ соби Рябченко.—Чы не здуривъ цей Ёсыпъ?...

Одначе вставъ зъ воза, прывъязавъ коня до воритъ и ввійшовъ у двиръ. Десятныкы не пустылы ёго въ сины, та винъ зъ порогу побачывъ мертвого и помитывъ кровъ на сорочци.

— Ну, се штука!—думавъ винъ, идучы назадъ до свого воза.—Се не Грыцько самъ коло себе поравсь, а хтось иншый, бо чого бъ же була кровъ. Се така штука, що мабуть хай покы ярмарокъ пидожде, а я пиду лышъ до волосты.

Ударывъ коня й побигъ швыдко. У волости бувъ уже самъ старшына, бо врядныкъ шатнувся по селу—чы не довидается чого про подію, а пысарь такы хотивъ хочъ однымъ окомъ глянуты на ярмарокъ покы попрыйиздять паны,—тымъ и метнувся мерщій до-дому. Копаныця лютуючы ходывъ по волости и соби лагодывся йты до-дому, хочъ на ярмарокъ уже не думавъ йихаты, бо ликарь та слидчый моглы прыбигты й швыдко.

— А що, Грыгоріе Павловычу, бачылы?—спытався Рябченко, поздоровкавшысь.

— Та бачывъ, бачывъ,—бодай бы й ёго, и того, хто се зробывъ, чорты побачылы, якъ мени черезъ це ярмаркуваты не доведется! Хто вбывъ, а я одвичай!—одказавъ сердыто Копаныця.

— А хыба не самъ Грыцько зависывся?—попытавъ Рябченко.

— Де жъ тамъ самъ, колы голову пробыто!—видказавъ старшына.—Убывъ хтось, а тоди й повисывъ, мовъ бы то самъ Грыцько.

— Хм... Воно й мени такъ издалося... Дакъ, кажете, дуже треба на ярмарокъ?

— Такъ треба, що ажъ крычыть!—лютувавъ Копаныця.

Але Рябченко не зважавъ на те.

— Ну, зъ ярмаркомъ якось помырымося... А се таке дило, таке дило, що...

— Що-що?—спытавъ роздратованый Копаныця.

— Що може за ёго й два ярмаркы самохить оддасте, не то одынъ!—одказавъ Рябченко.

Чого жъ то такъ?

— А отъ давайте спершу роспытаемося! Якъ на вашу думку, Грыгоріе Павловычу, чые бъ се могло буты дило?

— Хм... хм...—закрутывся той на стильци.—Катъ ёго знае!.. Усе въ хати цило, ничого не пограбовано... Се не чужый чоло-

викъ, не злодіяка якый, а такъ... зъ своихъ чоловикъ... Хтось изъ Грыцьковыхъ ворогивъ.

— И я такъ думаю, — потакнувъ Рябченко, — що хтось изъ Грыцьковыхъ ворогивъ. — Та хто жъ?

— А мара ёго знае? Хыба вгадаешъ? И туды думка, и сюды думка... А въ тимъ... Глядить, чы не братывъ се дило? Воны жъ изъ имъ усе заводылыся...

— Що заводылыся, то заводылыся, а такы я на ихъ не думаю... бо все жъ такы воны ёму браты, то не зробылы бъ такого... Тутъ треба чужого чоловика шукаты.

— Ну, а яки жъ ище булы въ Грыцька ворогы? — згадувавъ Копаныця. — Здается, що й не було...

— А хто ёго знае... Хыба мы вси ёго справы видаемо? Може жъ и булы... А скажить, хто першый убытого Грыцька побачывъ?

— Та Зинько жъ Сывашенко.

— Хм... И не сусида ёму, а першый побачывъ... Сусиды ще не кынулысь, а винъ уже й побачывъ...

— Та й Юхымъ же слидкомъ за имъ, бо винъ, — каже, — въ двиръ, а Зинько зъ синей.

— Ото жъ то й то, що Зинько зъ синей! А якъ на вашу думку, Грыгоріе Павловычу, — мабуть той, хто першый побачывъ той найбильше й зна про це дило?

— То бъ то — щобъ Зинько? — здывувався Копаныця.

— А що жъ? Хыба Зинько такый святый, що не може цёго зробыты?

— Та ни... а тилькы не впада на ёго... Нá що бъ ёму се робыты?

— На що? Хе! — засміявся Рябченко. — Ну, скажемо такъ: ходыть Зинько до Грыцьковои молодыци, — це жъ вы чулы.

— Та чувъ... Про це по всёму селу плещуть...

— Ото жъ: ходыть до Грыцьковои молодыци. Ну, а шыла въ мишку не втаишъ, колы вже все село ёго бачыть. Побачывъ ёго й Грыцько.

— Ну?

— Ну, то якъ вы думаете: чы то ёму дуже вподобалося, що ёго жинка въ гречку скаче?

— Та ни... Дакъ що жъ?

— Якъ то—дакъ що жъ? Хыба вамъ цёго мало?

— Та я не розберу чымъ воно прытуляется до сёго душогубства.

— Оттакои! Ну, скажемо такъ: полизъ Зинько ныщечкомъ до Йивгы, а натрапывъ на Грыцька.—Ты чого?—Я—не я, я—такъ соби!..—А, дакъ ты до моеи жинкы,—нá жъ тоби!.. И завелысь!.. Ну, куды жъ Грыцькови проты Зинька?.. та ще може винъ удвохъ изъ Йивгою на ёго? Бехнулы ёго добре, дакъ той и лигъ.

Старшына дывывся на Рябченка здывованымы очыма й мовчавъ. Нарешти озвався:

— Глядить, що й прыходытся... Ну, а якъ же не винъ?

— Ну, дакъ що? А якъ не винъ, то й не осудють ёго. Посыдыть трохы на царській кватыри та й выйде. А покы винъ сыдитыме, дакъ мы вси свои справы такъ пидкрутымо, вже ёму ходу не буде, хочъ бы й вернувся. Вамъ же треба на ёго доказателство постачыты? Оце жъ и воно.

Копаныця ажъ изъ мисця зирвався.

— Ну й мытецъ изъ тебе, Яхреме Семеновычу! Отъ мытецъ!.. Це штука!.. Та се й мисяць у голови длубатыся, то такои штукы не выдлубаешъ! Це справди, що за для такого, дакъ можно начхаты й на ярмарокъ. Ну, якъ увъ око влипывъ! Именно, именно, именно такъ! Попався, голубчыку, попався! Не выкрутышся!

— Стрывайте лышъ, Грыгоріе Павловычу, не радійте бо видразу такъ дуже! Бо се, бачыте, мы зъ вамы такъ говорымо, а якъ про се слидствуватель скаже?

— Слидствуватель? Та тамъ таке молоде та дурне, що ёму що хочете можно въ голову натурчаты. Я ёму таке подозриніе накрутю,—отъ побачыте!.. А вы, Яхреме Семеновычу, тымъ часомъ пидить та чоловика чотыри хочъ направте такыхъ, щобъ воны на нашу ручъ казалы, та вкупи зъ имы й прыходьте до волости, якъ слидствуватель прыйиде.

— Гараздъ. Тилькы треба ще такъ пыльнуваты, щобъ уже нихто не выскочывъ у свидкы такый, що на иншый бикъ хылытыме... Щобъ нихто не згадувавъ, сказаты, про сварку зъ братамы... Бо якъ слидствуватель про се довидается, то щобъ ище въ той бикъ не повернувъ... Дакъ треба такыхъ назадъ, назадъ!..

— Зибъемо й назадъ!—одказавъ Копаныця.—Се добре, що вы нагадалы: буду пыльнуваты.

Писля полудня прыбигъ слидчый зъ ликаремъ. Не спыняючысь у волости, звеливъ старшыни везты себе до Грыцьковои хаты. Старшына прымостывся на передку зъ поштаремъ, и вси поторохтилы туды, а врядныкъ пидтюпцемъ побигъ за имы. Слидчый не хотивъ ничого роспытуваты, ажъ покы самъ побачыть убытого. Винъ бувъ дуже молодый и дуже певный, що вміе росплутуваты найзаплутаниши справы. Найсамперед узявъ соби до ввагы «обстанову злочынства». Выдыма ричъ, що Грыцько не самъ зависывся, а вже мертвого ёго повишено. Кровъ на сорочци, пробытый высокъ, усе тило побыте,—выдно видразу що воно було. Була якась боротьба, покійныкъ за жыття нибы змагався, бывся зъ кымсь, вельмы дужчымъ за себе, и той ёго помъявъ, понивечывъ. Хто се зробывъ? Зъ хаты не взято ничого. Выходыть, що се зробывъ не злодій, а такый чоловикъ, що ёму жыття Грыцькове було на завади, ворогъ убытому.

— Старшына!

— Издесь, ваше высокоблагородіе!

— Що сей... Грыгорій Момотъ... якъ винъ: ладнавъ зъ людьмы? Не було въ ёго якыхъ ворогивъ, або що?

— Хто ёго знае, ваше высокоблагородіе, — здается, не чуть було...—якымся непевнымъ голосомъ одказавъ старшына.

— Бреше! выдымо бреше! Сылкуется покрыты справу,— подумавъ слидчый, бо мавъ таку гадку, що слидчый завсигды мусыть никому не няты виры, тилькы соби самому,—тоди найшвыдче збагнешъ справу. И винъ сказавъ:

— Якъ же се такъ? Чоловикъ завсигды мае ворогивъ,—безъ цёго не можно. Колы не винъ, дакъ жинка.

— Хыба, що черезъ жинку... Се именно, ваше высокоблагородіе, що черезъ жинку... бо жинка... звисно... вона...

Копаныця плутавъ умысне, мовъ не хотивъ выказуваты, а слидчый думавъ:—Брешешъ! не выкрутышся!..

— Ну, кажы жъ! Чого ставъ? Хто зъ имъ черезъ жинку ворогувавъ?

— Та тутъ одынъ чоловикъ... Зинько Сывашенко...

— А черезъ що жъ винъ ворогувавъ?

— Та якось и казать ніяково, ваше высокоблагородіе... Воно... такъ, бачыте...

— Не мны ото языкомъ, а кажы просто!—крыкнувъ слидчый.—Мени треба все по правди казаты,—якъ батюшци на сповиди!

— Та що жъ... ваше высокоблагородіе й самы вже бачыте... Що жъ вамъ уже й казаты?.. Звисно, Зинько Сывашенко та злыгався зъ Грыцьковою жинкою Йивгою,—ну, черезъ те въ ихъ и ворожнеча була... Це все село знае...

— Такы выказавъ! Оттакъ ихъ треба ловыть!—подумавъ радіючы слидчый и додавъ голосно:—Бачъ, усе село знае, а ты думавъ одъ мене сховаты!

— Простить, ваше высокоблагородіе, я не догадавсь, що вамъ про таке дило треба знаты,—видповидавъ Копаныця, спускаючы очи додолу та покирненько кланяючысь.

— Не догадавсь! Вы вси таки, що не догадуетесь, покы ажъ прымусышъ васъ догадатыся! Ну, гляды жъ, щобъ теперъ мени все по правди казавъ! Самъ Грыгорій Момотъ—знавъ про це?

— Спершу—ни, а тоди вже, якъ усе село знало, то не инакъ, що й винъ довидався... Ну й сердывся здорово покійныкъ на жинку...

— Ну?

— Сварылыся часто... Бо вона за тымъ Зинькомъ пропадала... Оце той самый, що первый побачывъ сёгодни вранци вбытого...

— Ахъ, дакъ се той самый!—сказавъ слидчый, а выслухавшы, що сусида Юхымъ зостривъ Зинька, якъ винъ выходывъ одъ убытого, подумавъ:

— Ну, теперь выдыма ричъ: злочынцивъ тягне на те мисце, де злочынство вчынено... И дитей одведено, щобъ не булы на заваді...

Винъ почавъ роспытуваты Копаныцю дали и «такы прымусывъ» ёго сказаты, що винъ ни на кого не думае, тилькы на Зинька.

— Такъ ихъ ловыты! такъ!—думавъ слидчый и звеливъ старшыни прывесты Зинька, Юхыма, Йивгу та ще килькохъ свидкивъ, якыхъ простисинько пидказавъ ёму «нехотя» моторный Копаныця. Тымъ часомъ ликарь скинчывъ свою справу, и воны вдвохъ подалыся до волости,—допытуваты свидкивъ.

Свидкы вже булы тамъ готови. Йивгы самои ще не було зъ Чорно́вусу: ніякъ не моглы іи тамъ изнайты.

— Дило просте!—думавъ соби слидчый, сидаючы за стилъ.— Одынъ зъ грубыхъ сильськихъ романивъ та й годи. Ну, треба трошкы напружыты нервы въ героя сёго роману,—тоди легше буде ёго піймaты. Облышымо жъ ёго на самъ кинець, на закуску.

И почавъ допытуваты Юхыма.

Свидкивъ усихъ добрано такыхъ, що воны въ одынъ гужъ тяглы. Де дали, слидчый упевнявся все дужче й дужче, що винъ ніякъ не помыляется. Найбильше—Рябченкове свидченне подавало ёму сылу дрибныць, зъ якыхъ можно було складсты щось суцильне, и те суцильне зовсимъ обвыновачувало Зинька.

Винъ хотивъ бы допытаты ёго навить писля Йивгы, та Йивгы все не було. Доводылось заходытыся спершу коло ёго.

— Зиновій Сывашъ!

Зинько давно вже дожыдався на волосному рундуци своеи чергы и трохы дывувався, що всихъ допытано, а ёго такъ довго держать. Зрадивъ, якъ нарешти почувъ свое призвыще. Увійшовъ у волость, уклонывся двомъ панамъ, що сыдилы за столомъ, и ставъ биля дверей.

— Ты Зиновій Сывашъ?—спытався слидчый.

— Я.

— Пидійды блыжче!

Зинько пидійшовъ.

— Блыжче, ще блыжче! Ажъ сюды!

Зинько пидійшовъ ище блыжче.

— Дакъ ты—Зиновій Сывашъ...—сказавъ ище разъ слидчый, вымовляючы слова зъ протягомъ та зъ прытыскомъ и гостро дывлючысь на Зинька.—Дакъ онъ якый ты Зиновій Сывашъ!.. Скажы мени: се ты першый побачывъ убытого?

— Я.

— И ты знаешъ хто ёго вбывъ?

Зинько пиднявъ угору бровы зъ дыва.

— Ни, не знаю, - видповивъ.

— Ну, не знаешъ, дакъ не знаешъ. Добре! А розскажы, якъ ты ёго побачывъ!

Зинько почавъ розсказуваты. Слидчый слухавъ и дывывся, не одводючы одъ ёго очей и мовъ трохы всмихаючыся глузлыво. Зинькови ставало якось ніяково видъ того прыкрого погляду й видъ того незрозумилого усмиху. Се ёго збентежувало, и збентежинне видбывалось ёму й на облыччи.

— А бачъ!—думавъ соби, радіючы, слидчый,—уже ёму ніяково стае видъ мого погляду, вже почавъ плутаты. Стрывай, голубчыку,—я тебе ще й не такъ прыпечу!

— Такъ!—промовывъ винъ у голосъ, якъ Зинько доказавъ свое.—А теперь ось що скажы: чы до сіеи ночи Грыцько Момотъ знавъ, що ты ходывъ до ёго жинкы?

Зинько шыроко глянувъ на слидчого. Винъ спершу здывувався, потимъ обурывся и видказавъ изгорда.

— Цёму неправда! Я ёго жинкы не займавъ и николы до неи не ходывъ.

— Справди?—глузлыво запытавъ слидчый.—А ось заразъ іи прыведуть, то мы и въ неи роспытаемося, чы що тамъ у васъ було, чы не було. А покы я тоби щось вычытаю.

И винъ почавъ вычытуваты Зинькови коротеньки урывочкы зъ того, що казалы свидкы:

— Терентій Тонконоженко выказавъ, що ты зъ Йивгою Момотовою жывъ, якъ чоловикъ изъ жинкою... Мыхайло Сучковъ... выказавъ, що про це все село знае... Старшына Грыгорій Копа-

ныця те саме... Захарій Забигайко бачывъ не разъ, якъ ты вночи йшовъ одъ іи хаты... Ефремъ Рябченко,—що бачывъ васъ и піймавъ на вчынку на луци въ вербахъ... Уляна Петренкова—що бачыла васъ удвохъ у саду... Колы хочешъ, я тоби ще прочытаю, та буде й сёго. Що ты на се скажешъ?

— Що це все падлюшна брехня та й годи! Отъ що скажу!

— Ге-ге! якый ты палкый. Ну, теперъ же слухай що я тоби скажу!

Слидчый одхылывся трохы назадъ на стилець, утупывъ свій поглядъ у Зиньковы очи и промовывъ, мовъ одбываючы языкомъ кожне слово:

— Зиновій Сывашъ! Розскажы, за що ты вбывъ Грыгорія Момота!

Хочъ уже зъ того, якъ слидчый зъ имъ поводывся, Зинько бачывъ, що той ніякъ не доймае ёму виры и не знаты на що пытается не про дило, а про Йивгу, але *сёго* пытання винъ ніякъ не сподивався. Воно здалося ёму такымъ чуднымъ та недоладнымъ, що спершу якось навить не злякало ёго. Винъ тилькы шыроко глянувъ и промовывъ:

— Якъ?

— Хыба ты не чуешъ?—удаючы гострого голоса, щобъ уразыты тымъ «злочынця», казавъ молоденькый слидчый.—Я тебе пытаю: за що та якъ ты вбывъ Грыгорія Момота? Самъ, чы вдохъ изъ ёго жинкою?

Тилькы теперъ Зинько цилкомъ зрозумивъ яка на ёго напасть. Ёго пройняло холодомъ, та винъ одмовывъ поважно:

—Пытайте, пане, того, хто се зробывъ, а не мене.

— А хто жъ се зробывъ?

— Не знаю.

— Такъ я жъ знаю!—скрыкнувъ слидчый устаючы.—Знаю и кажу тоби: ты!

И щобъ уразыты бильше злочынця, винъ до голосу гризного ще й показавъ на ёго пальцемъ.

— Ты вбывъ ёго, и я тоби розскажу—якъ Ты прыйшовъ уночи до ёго жинкы, думавъ, що буде вона сама, а зустривъ ёго.

Вы посварылыся, почалы бытыся, и ты вбывъ. Тоди повисывъ, щобъ подумалы, що самъ Момотъ повисывся. Це все я дуже добре знаю й безъ тебе. А теперъ мени треба знаты тилькы оце: чы ты самъ его вбывавъ, чы вдвохъ изъ Йивгою Момотовою? Ну, кажы,—якъ? Самъ, чы зъ нею? Ну!

Слидчый стоявъ передъ Зинькомъ, гризно впываючысь у его очыма. Зинько, трохы тремтячымъ голосомъ, одказавъ:

— Ни самъ, ни зъ нею. Ничого сего не було, а колы хто вамъ и сказавъ, то той брехунъ та й годи! Даремне вы, пане, нападаетесь на мене... Я не вынenъ ничымъ,—шукайте вынного де-инде.

— Добре! мы знаемо де шукаты,—промовывъ глузлыво слидчый.—Урядныкъ! арештуваты его й видислаты въ городъ!

Урядныкъ пидийшовъ до Зинька.

— Ваше высокоблагородіе!—промовывъ Зинько.—За що вы зъ мене знущаетесь? Хто жъ то докаже, що се я зробывъ таке страшне дило? Нихто не може, а вы мене до арешту берете. Се жъ грихъ вамъ одъ Бога буде, що вы невынного занапащаете!..

— О, языкатый, языкатый!—казавъ слидчый.—Дарма: посыдышъ трошкы въ острози,—тамъ языкъ тоби прыкоротчають! А за те, щобъ доказаты, не журысь: докажемо! А покы тыхъ доказивъ шукатымемъ, дакъ ты, братику, посыдь! Урядыкъ! выведы его!

— Люде добри!—озвався Зинько.—Свидчусь Богомъ, що я не вынenъ! Я буду жалобу подаваты, що мене такъ изганьблено й знехтувано!..

— Ну-ну, йды, не роспатякуй!—потягъ его врядныкъ изъ свитлыци за рукавъ.

Слидчый сивъ пысаты постанову про те, щобъ арештуваты Зинька.

Покы се робылось у волости, Гаинка вешталась соби по хазяйству и ничого того не знала. Выглядала Зинька й дывувалась, що такъ довго не вертается. Треба було ій воды прынесты,— вхопыла видра й побигла до колодизя. Пидходючы до его, бачыла купку жинокъ: воны про щось жваво розмовлялы, а забачывшы іи, заразъ прытыхлы. Вона якъ думала про Зинька, заразъ и попытала:

— Чы вы не булы биля волости, не бачылы тамъ мого чоловика? Якъ пишовъ туды та й нема.

Жинкы глянулы на неи якось чудно, потимъ иззырнулыся промижъ себе. Гаинка здывувалася.

— Що се вы на мене такъ дывытеся?

— Та вона ничого не знае,—промовыла стара баба, а потимъ загомонила до Гаинкы:—Такъ ты ничого й не знаешъ, дочко?

— А що жъ мени знаты?—спыталася Гаинка, дывуючысь та трохы вже злякавшысь.

— Ой нещаслыва жъ твоя доля, дочко! нещаслыва твоя доля!—захытала головою и мало не заголосыла баба.—Та вже жъ везуть твого Зинька, везуть ёго въ городъ до тюрмы!..

— Зинька?.. въ городъ?.. до тюрмы?.. Що се вы кажете, бабо?

— Правду, серденько, правду! Уже й кони запрягають, везуть ёго... бо выявывъ слидчый, що Зинько Грыцька вбывъ.

— Брехня! се брехня!—скрыкнула Гаинка.

Видра брязнулы до-долу, а вона сама полынула вулыцею.

Бигла до волости. «Уже кони запрягають, везуть... везуть»...—се тилькы було въ неи въ голови и было въ голову, якъ молотомъ. Перейняты!.. перейняты, щобъ не повезлы!.. Щобъ поспиты!..

Бигла такъ, що люде лякалысь, побачывшы іи, та вона того не помичала.

Ось выдко волость... онъ рундукъ... онъ пидвода передъ рундукомъ... люде... Зинька нема...

Вже добигала до рундука, якъ ёго побачыла: выводылы зъ волости зъ изъязанымы назадъ рукамы.

Кынулась до ёго, прыпала, обвылась коло ёго, мовъ хмелыночка. Духъ перебывало, не здужала говорыты, ажъ покы змоглась:

— Що се? на що се? Зинечку, за що се?..

— Кажуть, що я Грыцька вбывъ... Везуть... въ острогъ...

— Неправда! неправда!.. Ты не вбывъ Грыцька... Ни, я знаю, що не вбывавъ!.. За що жъ тебе?.. Такъ не можно!.. Зъязалы.. Ни, не можно!.. Я розъяжу!..

И вона почала розъязуваты ёму рукы.

— Геть, молодыце, не чипай!—сердыто видштовхнувъ іи десятныкъ.

Зинько стоявъ блидый, якъ крейда, не можучы промовыты слова. А вона пручалась у рукахъ у десятныка и казала все тымъ задыханымъ тыхымъ голосомъ, мовъ упевняючы кого:

— Не можно жъ!.. не можно жъ такъ!.. Треба розъязаты!.. Пустить мене!.. я розъяжу... Ёму треба до-дому... Швыдче пустить мене!..

— Одведить іи геть!—почула Гаинка чыйсь голосъ и побачыла на рундуку якогось пана. Зрозумила, що се ёго тутъ сыла й воля. Выхопылася зъ десятныковыхъ рукъ и пидбигла до пана. Зупынылась передъ рундукомъ и, дывлючысь до пана вгору, говорыла:

— Паночку, лебедыку мій!.. Вы жъ бачыте: Зинько жъ не вынenъ... Вы жъ знаете,—винъ же не такый, щобъ се зробывъ!.. Ёго треба пустыты,—на що воны ёго зъязалы?

Благала тыхымъ голосомъ, говорыла якъ дытына до велыкыхъ, просючы не караты, змылуватысь.

— Твій Зинько чоловика вбывъ, за те ёго й зъязано!—видказавъ панъ.

— А неправда жъ!.. Такъ грихъ казаты!.. Це вы не знаете Зинька... Винъ добрый... Винъ такый добрый!.. Винъ мылостывый!.. Пустить ёго!..

— Не можно!.. одійды!—звеливъ панъ, додавшы кризь зубы:—Идіотська сцена!

Але вона не видійшла. Упала навколишкы, досягла рукамы ёму до колинъ, дывылась на ёго поглядомъ, повнымъ безмирного благання й слизъ.

— Ой пустить же!.. Пустить, паночку!.. Я за васъ Бога молытыму!.. щобъ Винъ вамъ щастя пославъ... де вы поглядомъ глянете, де словомъ обернетесь... Пустить!.. пустить!.. пустить!..

Вона задыхалась, а рукы тремтючы стыскалы ти невблагани колина. И вразъ почула, що визъ рушае. Зирвалася на ногы, озырнулась,—Зинько сыдивъ уже на вози.

— Прощавай, Гаинко!.. Молысь Богови!..

Визъ рушывъ... Вона кынулась до ёго, та чыись дужи рукы вхопылы іи ззаду, не пустылы. Вона дывылася у слидъ тому возови, якъ винъ поторохтивъ улыцею... докотывся до повороткы... завернувъ... въ останне облычче Зиньково бачыть... зныкъ...

— Охъ!..—промовыла тыхо и впала додолу.

Вже ничого не чула й не бачыла...

VII.

Своя воля!

Рябченкови зъ товарыствомъ була теперъ воля. Зинько вже два мисяци якъ у тюрми и похоже такъ, що й не выйде звидты. Зоставшыся молоде товарыство безъ ёго, прытыхло. Та хыба жъ бы й не прытыхло? Разъ що Зинько зпромижъ ихъ бувъ и найрозумнишый, и найпысьменнишый: за ёго порадою всимъ було добре, а теперъ воны не моглы даты справи ніякого ладу. А друге: не було въ ихъ безъ ёго того духу смилого, бадёрого, надійнаго, що винъ якось умивъ надыхаты имъ. Було, одно слово тилькы скаже, то вже такъ и хочется и робыты и добуватыся чого треба, а теперъ не було кому того слова казаты. А найбильше ихъ прыгничувало те, що черезъ яке дило Зинька въ ихъ нема. Якъ бы винъ просто кудысь пишовъ або пойихавъ, то се не такъ бы було имъ прыкро. Але на Зиньковои страшною хмарою налягло обвынуваченне... та ще яке!..

Що правда, товарыши тому не нялы виры и голосно промижъ себе и всимъ це казалы. Найпалкише оступався за ёго Васюта. Винъ навить йиздывъ у городъ, хотивъ одвидаты Зинька въ тюрми, ходывъ до слидчого, прохавъ,—не пущено. Почавъ бувъ упевняты слидчого, що Зинько не вынenъ, та той и слухаты ёго не схотивъ, и зъ хаты пишовъ. Васюта вернувся засмученый, але ще дужче сперечався, навить сварывся зъ тымы, хто обвыновачувавъ Зинька. А такыхъ було багато: Рябченко, Копаныця, Тонконоженко та инши такы обвыновачувалы черезъ

те, що имъ того було треба та й вельмы вже воны ненáвыдилы Зинька; инши черезъ те, що звыклы тымъ багатырямъ у всёму потураты й потáкуваты; ще инши тымъ, що завсигды воны ради, якъ йе хто поганишый за ихъ, и завсигды въ ихъ вынен той, кого обвыновачують; врещти, найбильше було такыхъ, що отъ—уси говорють, то воны й говорылы. И заразъ познаходылыся таки й жинкы й чоловикы, що бачылы, якъ Зинько й до Йивгы ходывъ, якъ и цилувавъ іи. Жинкы найбильше нападалыся на Йивгу. Іи того жъ дня, що й Зинька, посаджено було до тюрмы, та недовго держано, бо незабаромъ выявылося й доведено, що вона ще въ суботу вдень пишла въ Чорновусъ и тамъ ночувала. Та хочъ и вернулася зъ тюрмы, та не на добре: бачыла, якъ іи обмынають люде, чула, якъ про неи плетуть плиткы. А ихъ плетено такъ, що незабаромъ усе село знало, та й дрибненько знало,—колы та, якымъ побытомъ Йивга прынадыла Зинька, якъ воны вдвохъ Грыцька дурылы, якъ вона забула перестерегты его, що йде на ничъ у Чорнóвусъ, а Зинько прыйшовъ до неи та й натрапывъ на Грыцька; якъ Грыцько зъ имъ засперечався, а дали почалы воны й бытыся, ажъ покы здоровишый Сывашенко такы и вбывъ Грыцька. Це жъ теперъ кожне знало й мале. Доточувано ще й багатò иншого. Одни казалы, що въ Сывашивъ уже симъя така: одынъ коноводъ пишовъ на Сибиръ, другый отъ чоловика вбывъ, а третій такый, що й зъ жывого шкуру дере. А про те, що Зинько жъ повстававъ проты того Денысового шкуродерства, дакъ уже й не згадувано, мовъ того й не було. А те добре згадувано, що Зинько завсигды не такый, якъ люде, бувъ: що стари люде казалы, дакъ те все въ его дурныця, брехня, выгадкы, тилькы що въ кныжкахъ поначытуе, дакъ те правда. И про видьмы брехня, и про чорты брехня, и горилкы не пый, и въ громади правды нема,—таке, що й купы не держытся, пивтора людського та й годи! А що вбывъ, то то вже певна ричъ: колы жъ воно все такъ до того прыходытся!

Все до того прыходылося,—се бачылы й молоди товарыши, и це ихъ збентежувало найдужче. Воны не нялы, не хотилы няты тому виры, та навкругы вси якъ одынъ про се говорылы,

вси булы певни... а воно й робыло нагнитъ на ихъ души, а воно й лышало слидъ имъ у серци—непомитно имъ самымъ, а такы лышало. Воны не нялы виры, та й самы не постереглы, що тамъ десь глыбоко-глыбоко, ажъ на дни души, ворушылося страшне пытанне: А що, якъ сёму правда?

Зинько бувъ у ихъ головою, а теперъ усе село закыдае сёго чоловика болотомъ. И частына цёго болота падае нибы й на ихъ, мовъ бы то й воны булы негарни, слухавшыся людыны що сплямыла себе такымъ злочынствомъ. Цёго имъ нихто не казавъ, а якось мовъ бы выдко було ёго по людяхъ...

И все те страшенно прыгничувало духа трёмъ товарышамъ: Васюти, Карпови й Дмытрови. Тилькы трое ихъ теперъ и лышылося. Думка була, що зъ пъятёхъ душъ ихъ товарыство скоро выросте до десятёхъ, до двадцятёхъ и все ростыме, ростыме, ажъ покы визьме гору въ громади, а отъ теперъ и тыхъ пъятёхъ уже нема, тилькы трое... И си трое ходылы засмучени й зридка зиходылысь докупы, а колы зиходылысь, дакъ громадськыхъ справъ уже якось не зачипалы. Не ходылы и въ громаду...

А громадськи справы стоялы погано. Про тую жалобу за продану Денысови землю нихто теперъ и не згадувавъ,—вона вже пишла въ непамъять. Денысъ господарювавъ на тій земли якъ справжній хазяинъ. А все ихъ товарыство, вкупи зъ Вавыловымъ, узяло въ поссесію Горянського землю. Теперъ уже громадська земля опынылась у середени: багатырська ко́ломъ кругъ неи обвылась, и те ко́ло почынало вже стыскаты громадянъ такы дуженько. Заразъ же побильшано цину за землю ажъ на два карбованци. Дыбляне не схотилы спершу браты, шчынывся велыкый крыкъ. Галасувалы довго и наважылыся попытаты землм въ дальшыхъ панивъ. А ти, дочувшыся, що въ дыблянського товарыства земля подорожчала, прыкынулы цины й соби хочъ уже й не по два, а по карбованцю на десятыни. А якъ зважылы дыбляне, що се за якыхъ двадцять верстовъ треба возыты зъ поля снопы, то й зовсимъ пожурылысь. Побачылы, що воно чы й обійдется панська земля дешевше проты тутешнёи. И заразъ же де-хто, пишовъ та й узявъ землю въ Рябченка, чы

въ ёго полыгачивъ, а побачывшы тее, кынулыся й инши туды жъ. И такъ сталося, що дыбляне, погаласувавшы трохы, такы почалы платыты по два рубли зайвыхъ за десятыну.

Се одно, а тоди выявылось и друге. Де-кому довелося вже въ пылыпивку позычаты грошы. Звычайно бралы на видробитокъ. Думалы жъ, що видробитокъ буде такый, якъ и попереду, ажъ воно ни: побильшано ёго мало не въ пивтора разы. Зновъ де-хто кынувся де-инде пошукаты грошей, та де-жъ ихъ изнайдешъ? Тилькы въ того, въ кого воны йе, а ти вси однымъ духомъ дышуть. Якъ зъ землею було, такъ и зъ грiшмы: походылы-походылы, та й повернулыся до своихъ, на все згодывшысь.

Це все обурювало дыблянъ, а де-хто тямущишый почынавъ уже розумиты черезъ вищо Зинько зъ своимъ товарыствомъ такъ повстававъ, щобъ не продаваты Денысови земли. Теперъ уже выдко було выразно те, про що тоди й Зинько ще тилькы догадувався: сымъ продажемъ громада виддала себе до рукъ Денысовому товарыству, бо позамыкала соби вси шляхы й стежкы до земли. Може бъ теперъ, якъ бы Зинько бувъ у громади... Але Зинько бувъ у тюрмы...

Сумувала громада, а Рябченко зъ гуртомъ радилы. Що правда, було й середъ ихъ такыхъ двое, що имъ було трохы ніяково чорезъ подію зъ Зинькомъ. А се булы Денысъ та Гаинчынъ батько. Денысови ніяково було, що одынъ ёго братъ у Сибиру, а другый налагодывсь у тую жъ дорогу; Остапови ніяково, що ёго зять выходыть душогубъ-острожныкъ. Та вже що сталося, те сталося, ёго не переминышъ, и не имы воно сталося, воны тутъ ничымъ не вынни. Хочъ и ніяково такого родыча маты, ну, а зъ того, що ёго до тюрмы запаковано, чому жъ бы й не скорыстуватыся? То воны й корыстувалыся, ще й радилы вкупи зъ иншымы, що въ громади стало имъ теперъ просторо и все зробылося, якъ урадылы ще по весни. Вкупи зъ иншымы й радылысь якъ та що мають дали робыты, щобъ дыблянськыхъ мужыкивъ у шоры зовсимъ узяты. Теперъ у ихъ бувъ такый ладъ, що хочъ коженъ самъ соби на своій земли господарювавъ, а про те цину на землю, або яки видробиткы, — це

вже вызначалы воны вси гуртомъ; мало буты такъ саме й зъ цинамы на робитныкивъ, за выпасъ товару и за все инше, за що дybляне малы имъ платыты. Воны вже заздалегидь рахувалы ти цины и певни булы, що теперъ Дыбли у ихъ зъ рукъ не выскочуть—сыдитымуть, якъ рыба въ матни, та видроблятымуть таку панщыну, що ну-ну!

И Дыбли вже чулы се...

Зъ непрыхыльныкивъ Зиньковыхъ бувъ тилькы одынъ чоловикъ, що мучывся думкою про Зинькову неволю и палко бажавъ, щобъ Зинько зъ неи вызволывся. Сей чоловикъ бувъ Иванъ Момотъ.

Парубокъ не мавъ спокою писля тіеи страшнои ночи, якъ винъ удвохъ изъ Панасомъ замордувавъ брата. Еге, замордувавъ и винъ, а не самъ Панасъ. Упевнявъ себе спершу Йванъ дуже, що винъ не вынenъ, що все те Панасъ изробывъ самъ, та сумлинне сказало ёму инше.

Що правда, Йванъ николы такъ не ворогувавъ проты Грыцька, якъ Панасъ. Але винъ скорявся Панасови, слухався ёго, йшовъ не своимъ, а ёго робомъ, чынывъ усе за ёго прыводомъ—отъ и сталося!..

Будь вона проклята, трычи проклята, нещаслыва тая ныва, що черезъ неи таке сталося! Бодай бы вона довику ничого не вродыла, бодай бы вона запалася, крізь землю пишла, та й ёго, Йвана, поглынула зъ собою, аннижъ мае винъ такъ мучытыся, аннижъ мае винъ буты душогубомъ!

Пизно, пизно теперъ Иванъ побачывъ, що ёму не треба було слухатыся Панаса, не треба було змагатыся за землю,—бо туть Грыцькова правда була,—а найбильше не треба було тіеи ночи йты до Грыцька й пособляты Панасови.

Ой Боже!.. Боже!.. Боже!..

— Мовчы, а то й тоби те буде, що Грыцькови!—Це такъ Панасъ ёму сказавъ. Винъ каже, що не хотивъ убываты Грыцька, тилькы полякаты, щобъ поступывся землею. Се вже такъ на лыхо пишлося, що Грыцько вдарывсь объ скрыню, пробывъ соби голову та й умеръ зъ того. Панасъ того не бажавъ и за те

винъ не вынenъ. Та колы вже воно сталося, то не треба никому сёго казаты. А що Зинька взято до тюрмы, то то дурныця: подержать та й выпустють. А покы треба мовчаты, ни словомъ, ни поглядомъ не выявляты людямъ, щобъ и подуматы ничого не моглы. И Панасъ бувъ на похорони, ще й Иванови звеливъ изъ собою йты.

Була се Йванови найбильша мука. И якъ бы тутъ, биля ёго не стоявъ Панасъ, якъ бы винъ по всякъ часъ не почувавъ на соби ёго погляду ґострого, то винъ, Иванъ, не вытрымавъ бы: впавъ бы передъ сымъ знивеченымъ трупомъ навколишкы та й покаявся бъ, выявывъ бы правду передъ усымъ народомъ.

И чому винъ цёго не зробывъ? Побоявся кары? Та ніяку жъ кару не було бъ такъ тяжко видбуваты, якъ самому теперъ каратыся!

Занапастывъ брата, посыротывъ ёго диты и занапастывъ ще чоловика—Зинька...

Не мигъ ночамы спаты. Сей страшный трупъ, зъ обвыслымы внызъ головою й рукамы, зъ роззявленымъ ротомъ, не покыдавъ ёго. Бачывъ ёго передъ себе, абы зоставався на самоти въ темряви. Бачывъ такъ, мовъ справди винъ бувъ тутъ, высивъ. Парубокъ устававъ, сидавъ на постели та, обхопывшы колина рукамы, сыдивъ и дывывся на трупъ, а въ голови въ ёго якъ молотомъ стукало два слова: Убывъ брата! Убывъ брата! Убывъ брата!..

Тилькы два слова!.. Боже! тилькы два слова, два словечка, а чого жъ воны такъ ёго мордують, такъ печуть, що ёму хочется выбигты насередъ села и гукнуты на ввесь свитъ: Я вбывъ брата!..

И ледви задримае, а вже зновъ мовъ щось ёго штовхне, и винъ стрепенется, и вже передъ имъ выплывають изъ туману сины и середъ синей—винъ, братъ...

Одного разу винъ молотывъ.Ципы владъ токотилы по току: такъ-такъ-тáка! такъ-такъ-тáка!.. И вразъ, замисто того «такъ-такъ-тáка», Иванъ зовсимъ выразно почувъ, якъ ципы говорють: «Убывъ брата! убывъ брата!»—такъ, ажъ вымовляють! Глянувъ

на снопы, ажъ тамъ замисто снопа лежыть Грыцько мертвый. Скрыкнувъ, кынувъ ципъ и втикъ.

Тіеи жъ ночи винъ нышкомъ выкрався зъ дому та й пишовъ на кладовыще. Мовъ злодій, ховаючысь по-пидъ тынамы, перейшовъ улыцямы, выйшовъ за село. Мисяця не було, тилькы зиркы поблыскувалы на темному неби холоднымъ непрыхыльнымъ блыскомъ. За ихъ свитомъ Иванъ добачавъ уже перши крайни хресты на могылкахъ. Увійшовъ середъ ихъ. Боявся попереду буваты на кладовыщи. Разъ якось зъ парубками... та й то чогось моторошно було... А теперъ ишовъ самъ и не боявся. Ёго вело те, що страшнише за всякый страхъ. Блукавъ помижъ могылкамы й хрестамы, вышукуючы того невылыкого дубового хреста. Холодни зори прысвичувалы ёму зъ ворожого почорнилого неба. Знайшовъ.

Ось пидъ цією купкою земли Грыцько замордованый лежыть.

— Грыцю, братику! чы чуешъ ты мене?

Не озывается.

Прыпавъ до земли, обнявъ могылку рукамы.

— Грыцю, братику, чы чуешъ ты мене? Озвыся до мене, бо гыну, нема моеи сылы!..

Винъ бывся головою объ землю, винъ цилувавъ іи, винъ благавъ:

— Простыи мени, мій братыку, мій пораднычку добрый! Просты мени, що тоби мукы завдавъ, твои диткы маленьки посыротывъ!.. Та якъ бы жъ я те знавъ, що воно такъ буде, то я бъ же свитъ за очи лучче пишовъ, нижъ щобъ оте сталося!.. Та моій же кари и краю нема!.. Та тоби жъ, братику, и грихы Богъ простыть за таку смерть, а моя мука и на симъ, и на тимъ свити!.. Та ты жъ, братику, у раю зъ Богомъ будешъ пробуваты, а я жъ у смоли кыпитыму!.. Та просты жъ мене, мій ридненькый, та просты жъ, бо несыла моя, бо душа зъ тила выходе!.. Та просты жъ! Та помылуй-же!..

Слова урывалыся, мишалыся зъ рыданнемъ. Знеможена, змордована душа былася якъ пташка въ кигтяхъ у кишкы— оттакъ вона былася въ пазуряхъ у тіеи мукы несёгосвитнёи.

Высоке й шыроке небо простылалося надъ велыкою й шырокою землёю. А на земли, въ темряви, пидъ маленькымъ хрес-

томъ, простягся малый знеможеный чоловикъ и благавъ соби спокою.

— Та помылуй-же!.. Та якъ бы ты бувъ теперъ жывый, то я бъ твои й слидочкы цилувавъ!.. Накынь на мене покуту яку хочешъ, тилькы просты!.. Ой лучче бъ я самъ тутъ лигъ, легше мени було бъ!.. Якъ теперъ мени каратыся!.. Ой миры жъ нема тій кари!.. Не вытерпыть моя душа... гыне... Братику!.. Грыцю!..

Благання вмиралы безъ одповиди. Холодна мовчала земля. Холодне зводылось угору, мовчало чорне небо. Холодни, ворожи блыскалы зиркы.

Ниде—ни середъ того шырокого неба, ни на сій велыкій земли—винъ не мигъ знайты спокою.

Рыданне затыхало, слова змовкалы. Хочъ не було спокою,— прыходыла втома.

Врешти все затыхло. Тилькы знеможене тило ще лежало, прыпавшы головою до купкы земли. Чорни хресты поставалы кругъ його, попростягавшы въ темряву свои рамена́. Стоялы и дывылысь мовчкы довго.....

Пидвився, пишовъ...

Одначе пособылося. Прыйшовшы до-дому вперше писля тіеи страшнои ночи заснувъ якъ треба,—такъ твердо, що ничого не памъятавъ и не чувъ ажъ покы його збуджено. Другого дни ажъ самъ дывувався: бувъ зовсимъ спокійный. Смутный, та спокійный, не мордованый такый, якъ попереду. Мынувъ сей день, мынувъ другый, третій, тыждень... Усе однаково: мара вже не прыходе, на души смутокъ, але й упокій...

— Ой, братику! невже ты мене простывъ?

Такъ промынувъ мисяць. Иванъ ажъ поздоровишавъ. Спавъ добре, усе якъ треба робывъ, тилькы на Панаса й зглянуты не мигъ. Найнявся въ økономію, щобъ не бачыты його. Ничого й тамъ,—можно жыты, не турбуе його.

Одного разу, наробывшыся та натомывшыся, спавъ добре. И вразъ почувъ, що його мовъ импетомъ кынуло: ш-шморгъ!

Пидвився, сивъ и прислухавсь: ш-шморгъ! Отъ зовсимъ якъ вирёвка по дереву шморгае, колы тягты іи. Де се шморгае? Що се?

Почавъ прыслухатыся дужче и зовсимъ выразно чувъ, якъ вирёвка знову: шморгъ!.. И стала... И не чуть... А тоди зновъ...

Невпокій обнимавъ ёго, стыскавъ ёму груды. Чого воно шморгае? На що? Адже винъ дуже добре знае, що такъ саме, точнисинько такъ шморгнула вирёвка тоди, тамъ...

Онъ-онъ-онъ... винъ уже бачыть: изъ темрявы выступыла бантына, а черезъ неи перекынуто вижкы... Шморгъ! вижкы потяглыся вгору, а на кинци ихъ заколыхалося щось довге, важке... Грыцько...

И винъ колыхався передъ имъ у темряви зъ обвыслымы рукамы... Иванъ розумивъ, що се не Грыцьковы сины, що се паньска пекарня, що кругъ ёго люде сплять па полу, що тутъ нема бантыны... А Грыцько колыхався на ій, тыхо, мертво колыхався, и Йванъ бачывъ ёго середъ темрявы такъ добре, що добачавъ навить ту смужку кровы, що вытекла ёму зъ устъ по бороди за комиръ...

Иванъ не скрыкнувъ, не схопывся. Винъ тилькы трусывсь увесь и дывывся, якъ Грыцько тыхо хытався передъ имъ: ра-азъ... ра-азъ... ра-азъ...

И зрозумивъ, що все знову вернулося...

Зъ того часу мигъ спаты тилькы звечера. Писля пивночи шморгала по бантыни вирёвка, и винъ прокыдався. Лежавъ и дывывся, а надъ имъ колыхався Грыцько: ра-азъ... ра-азъ... ра-азъ...

Винъ звився ни на що. Ходывъ якъ мара, блидый, зъ божевильнымы, неспокійнымы блыскучымы очыма. Хочъ удень ёму теперъ все жъ було ничого... Вночи—що-ночи, а вдень—ни. Тилькы людей боявся, тикавъ одъ ихъ. Здавалося, що коженъ знае, що коженъ хоче ёго спытатыся: А що, и сіеи ночи бувъ у тебе Грыцько? И того пытання винъ черезъ щось боявсь ище дужче, нижъ Грыцька...

Молытыся давно кынувъ. Тилькы спершу сылкувався. Та не молылося... Однакъ винъ зна, що Богъ не прыймае дошогубовои молытвы.

А вже чувъ, що дали такъ не вытрымае.

Щось изробыть... щось мусыть изробыты....

Б. Гринченко.

Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики.

(Преимущественно по даннымъ юго-западнаго края).

III.

Кого изъ мѣстнаго населенія уѣздовъ и волостей можно надѣяться завербовать въ число регистраторовъ статистическихъ свѣдѣній. Невозможность привлеченія къ этому дѣлу лицъ, занимающихъ въ уѣздѣ извѣстное служебное положеніе, а также и чиновъ полиціи. Какія имѣются шансы на привлеченіе къ этой работѣ интеллигентовъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Степень возможности воспользоваться земскими статистиками. Вопросъ о привлеченіи въ число статистическихъ регистраторовъ сельскихъ учителей и волостныхъ писарей. Неизбѣжность ихъ привлеченія къ дѣлу регистраціи статистическихъ данныхъ. Условія, при соблюденіи которыхъ они могли бы быть привлечены. Возможная организація оффиціальной статистики при данныхъ условіяхъ. Уѣздные статистики, какъ руководители мѣстныхъ регистраторовъ и ихъ контролеры. Губернскіе статистическіе бюро и главныя основанія ихъ организаціи. Отношеніе ихъ къ мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ.

Такъ какъ пригодность статистическихъ данныхъ обусловливается прежде всего ихъ достовѣрностію, которая главнымъ образомъ зависитъ отъ пригодности собирателей свѣдѣній (регистраторовъ), то и остановимся сначала на выясненіи весьма существеннаго вопроса, кто же, какіе люди могутъ быть собирателями этихъ свѣдѣній на мѣстахъ, при условіи предположеннаго помянутымъ проектомъ изъятія дѣла собиранія статистическихъ данныхъ изъ вѣдѣнія волостныхъ правленій съ передачею его въ руки обязательныхъ и добровольныхъ агентовъ.

Въ виду того, что дѣло собиранія на мѣстахъ статистическихъ данныхъ требуетъ привлеченія массы лицъ, долженствую-

щихъ находиться для этого на мѣстахъ же, то естественнѣе всего поискать этихъ людей въ средѣ мѣстнаго же населенія. Обратимся сначала къ мѣстнымъ дѣятелямъ изъ интеллигенціи. Начнемъ хотя бы съ земскихъ начальниковъ (а въ сѣверо-и юго-западномъ краѣ—мировыхъ посредниковъ) и съ податныхъ инспекторовъ. И тѣ и другіе, повидимому, близко стоятъ къ мѣстному населенію, и тѣ и другіе должны быть повидимому достаточно интеллигентны для усвоенія пріемовъ предстоящей работы, и тѣмъ и другимъ не чуждо пользованіе статистическими данными того или иного рода, соотвѣтственно характеру ихъ служебныхъ занятій. Все это, повидимому, говоритъ за умѣстность привлеченія ихъ къ этому дѣлу. Но рядомъ съ этимъ есть нѣчто другое, говорящее безусловно противъ этого. Прежде всего наличность ихъ собственныхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, не оставляющихъ свободнаго времени для исполненія такого рода новой работы. Конечно, если назначить за нее хорошее—дополнительно къ ихъ жалованью—вознагражденіе, то нѣкоторые можетъ быть и возьмутся за эту работу, въ ущербъ своимъ непосредственнымъ обязанностямъ, но тогда кто-же они, въ сущности, будутъ: регистраторы статистическихъ данныхъ, или земскіе начальники? И помимо того, можно-ли будетъ ожидать добросовѣстнаго отношенія къ статистикѣ отъ людей, рѣшившихся запускать свои прямыя непосредственныя обязанности и какой же при томъ потребуется расходъ, чтобы денежно заинтересовать этихъ уже обезпеченныхъ хорошимъ жалованьемъ лицъ въ этой новой приватной для нихъ работѣ?! Неудачный опытъ собиранія свѣдѣній о положеніи сервитутнаго вопроса въ юго-западномъ краѣ чрезъ мировыхъ посредниковъ, изъ данныхъ которыхъ, вслѣдствіе ихъ неполноты и неточности, можно было сдѣлать лишь очень мало выводовъ, показалъ на дѣлѣ, какъ слаба надежда на пользованіе такого рода чиновниками для статистическихъ цѣлей, вслѣдствіе недостатка у нихъ времени, неподготовленности ихъ къ этой работѣ и незаинтересованности ихъ въ ней, при отсутствіи иныхъ побудительныхъ стимуловъ кромѣ приказанія начальства. Наконецъ, земскихъ начальниковъ или мировыхъ посредниковъ и вмѣстѣ съ податными

инспекторами, хотя ихъ и по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ уѣздѣ, все-таки такъ мало, что далеко недостаточно для собиранія статистическихъ свѣдѣній на мѣстахъ хотя бы только по нынѣ существующимъ программамъ и вѣдомостямъ центральнаго статистическаго комитета и всеподданнѣйшихъ отчетовъ.

Однако, это еще не все, что можно возразить противъ привлеченія этихъ чиновъ къ данному дѣлу. Чтобы расчитывать на полученіе отъ населенія откровенныхъ показаній, необходимо, независимо отъ извѣстнаго умѣнья держать себя съ нимъ, въ тоже время не быть ни въ какомъ особенномъ служебномъ къ нему отношеніи. Это нужно для того, чтобы, давая свои отвѣты, оно по возможности ничего не опасалось, не видѣло въ лицѣ собирателей свѣдѣній непосредственнаго своего начальства (тѣмъ болѣе съ завѣдомо карающею, а при томъ, пожалуй, и тяжелою десницею), не страшилось возможности какихъ либо со стороны ихъ административныхъ мѣропріятій, или воздѣйствій, не подозрѣвало въ задаваемыхъ вопросахъ какихъ либо намѣреній, преслѣдуемыхъ въ интересахъ фиска (извѣстно, какія опасенія даже въ помѣщичьей средѣ вызываютъ опросы, имѣющіе хотя бы косвенное отношеніе къ налогамъ, повинностямъ, обложенію и пр.)—и т. п. Между тѣмъ названные должностные чины, независимо даже отъ типичныхъ свойствъ ихъ личнаго состава, какъ разъ наименѣе всего отвѣчаютъ указаннымъ требованіямъ.

—

Далѣе, по значительности числа отдѣльныхъ представителей въ уѣздѣ, можно остановиться на чинахъ полиціи, т. е. собственно на г.г. полицейскихъ урядникахъ, доставляющихъ нынѣ съ мѣстъ многія «статистическія» данныя чрезъ становыхъ приставовъ исправникамъ и выше. Знающимъ дѣйствительную цѣну собираемымъ ими «статистическимъ свѣдѣніямъ», конечно, покажется даже страннымъ упоминаніе о подобныхъ «статистическихъ агентахъ» при обсужденіи вопроса о реформѣ статистики. Но разъ они употребляются для этой цѣли въ настоящее время, то нельзя же—при всей очевидной непригодности ихъ къ этой работѣ—не удѣлить пару словъ и имъ, особенно при той точкѣ зрѣнія, ко-

торая установилась на г.г. урядниковъ въ нѣкоторыхъ сферахъ. Говорить впрочемъ особенно долго нечего. Низкій уровень умственнаго и въ особенности нравственнаго развитія этой категоріи сельскихъ «чиновниковъ», ихъ начальственно-служебное отношеніе къ народу съ всегда почти угражающе приподнятою десницею, и, наконецъ, присвоенные имъ народомъ же, популярныя названія «куроцапъ» и «курятникъ» хорошо извѣстны каждому сельскому жителю. А разъ это такъ, то однимъ уже этимъ твердо устанавливается и полная невозможность довѣрчиваго и непринужденнаго отношенія между сторонами собирающею и сообщающею свѣдѣнія, и отсутствіе всякихъ гарантій къ безпристрастію и точности статистическихъ данныхъ.

—

Далѣе остаются изъ живущихъ на мѣстѣ людей: интеллигенты изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, сельскіе учителя и, наконецъ, тѣ самые волостные писаря, на которыхъ лежитъ теперь вся тяжесть собиранія статистическихъ данныхъ.

Начнемъ съ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Изъ числа ихъ надѣяться на привлеченіе къ данной работѣ можно только на тѣхъ, которые постоянно живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Пріѣзжающіе только на время—обыкновенно на лѣто—временные гости, наименѣе знающіе и этотъ самый мѣстный людъ и мѣстныя условія. Обыкновенно они пріѣзжають для отдыха и не на нихъ поэтому возлагать такую работу, какъ систематическій опросъ и перепись населенія. Такимъ образомъ кругъ лицъ изъ помѣщичьей среды, пригодныхъ къ данной работѣ, значительно съуживается благодаря абсентеизму землевладѣльцевъ, который, надо замѣтить, представляетъ мѣстами весьма распространенное явленіе.

Изъ остающихся надо еще выключить всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ въ тѣхъ особенныхъ начальственныхъ отношеніяхъ къ населенію, которыя могутъ нарушить необходимую искренность отношеній между собирающими и сообщающими свѣдѣнія, а равно и вообще всѣхъ служащихъ, имѣющихъ свои особыя обязанности, оставляющія имъ мало свободнаго времени для какого либо другого дѣла. Таковы, какъ было сказано, мѣстные земскіе

начальники, а также мировые судьи, предсѣдатели и члены земскихъ управъ и т. п.

Изъ остающихся за ихъ выключеніемъ необходимо еще выдѣлить также и тѣхъ, которые, въ силу какихъ бы то ни было причинъ и условій, находятся въ обостренныхъ отношеніяхъ съ населеніемъ. А такіе въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ всегда на лицо. Однѣ «поземельныя отношенія» (а въ нашемъ краѣ въ особенности сервитутныя) всегда даютъ для этого неистощимую почву. И само собою ясно, что при наличности взаимнаго недовѣрія и даже вражды нельзя надѣяться на установленіе между сторонами довѣрчивыхъ отношеній на время опроса. Могутъ, конечно, сказать, что такихъ можно командировать въ другіе районы,—туда, гдѣ населеніе не знаетъ объ ихъ обостренныхъ отношеніяхъ съ мѣстными крестьянами. Но такое командированіе будетъ уже отступленіемъ отъ системы пользованія *на мѣстахъ* изслѣдованія именно *мѣстными* силами. И отступленіе это неизбѣжно поведетъ къ спеціальнымъ расходамъ на болѣе или менѣе крупные разъѣзды, на выдачу особаго вознагражденія за труды, несомыя при болѣе тяжелыхъ условіяхъ (необходимость выѣзда въ другой районъ и жизни въ немъ въ теченіе того или иного времени въ году).

За выключеніемъ еще и всѣхъ этихъ остается, конечно, еще меньшій кругъ лицъ, подходящихъ для указанной цѣли.

Этотъ кругъ составляется изъ землевладѣльцевъ, занимающихся и незанимающихся лично хозяйствомъ. Первые заняты своимъ собственнымъ дѣломъ, отнимающимъ у нихъ все лѣтнее время и часть зимы. Слѣдовательно лѣтомъ они ни за какую статистику невозьмутся, во избѣжаніе ущерба собственному дѣлу, а зимой многіе, естественно, пожелаютъ и отдохнуть отъ кипучей лѣтней работы и даже уѣхать въ городъ, чтобы «освѣжиться», какъ это въ дѣйствительности и дѣлаютъ очень многіе. Конечно, можетъ случиться, что нѣкоторые же пожелаютъ, вмѣсто необходимаго отдыха, заняться работой зимою,—одни изъ интереса къ статистикѣ, другіе изъ интереса къ тому вознагражденію или тѣмъ привиллегіямъ, наградамъ или льготамъ (можетъ быть чи-

намъ, орденамъ, какъ кажется, предполагала коммиссія?) которыя за эту работу будетъ имъ предназначены.

Но много-ли будетъ такихъ и много ли изъ нихъ окажется достаточно подготовленныхъ къ этой требующей упорнаго настойчиваго труда, вниманія и времени работы, сопряженной съ неудобствами пребыванія въ неприглядной, иногда даже трудно выносимой для непривычнаго (тяжелый душный воздухъ, грязь и т. п.) деревенской обстановкѣ и много ли изъ нихъ выдержитъ такую работу достаточно долго, особенно при отсутствіи особаго интереса именно къ этой работѣ,—интереса, который одинъ только и можетъ помочь преодолѣть всѣ неудобства, сопряженныя съ работой этого рода?! Надо думать, что количество такихъ, пожелавшихъ остаться постоянными работниками статистики изъ группы помѣщиковъ, занимающихся лично хозяйствомъ, будетъ очень и очень ничтожно.

Засимъ остаются тѣ, которые хозяйствомъ лично не занимаются и слѣдовательно могли бы имѣть свободное для статистическихъ занятій время. Отсюда, конечно, исключаются состоящіе на службѣ, какъ имѣющіе свое особое дѣло—а къ таковымъ и принадлежитъ значительное число незанимающихся лично хозяйствомъ, такъ какъ именно служба отвлекаетъ ихъ отъ хозяйства. Но за ихъ исключеніемъ остается уже значительно меньшій процентъ лицъ, могущихъ располагать свободнымъ для статистики временемъ, если даже считать, что всѣ они окажутся сочувствующими дѣлу статистики, способными имъ заинтересоваться и склонными за нее приняться. Посмотримъ однако, каковъ вѣроятный составъ этой остающейся группы. Что можетъ заставить живущаго постоянно въ имѣніи помѣщика (пріѣзжающихъ на время и отсутствующихъ мы уже исключили) не заниматься хозяйствомъ, если онъ не отвлеченъ отъ него своимъ служебнымъ положеніемъ? Главнѣйшимъ образомъ: обезпеченность, дающая возможность возложить эту обязанность на нанятыхъ людей,—на управляющихъ, «приказчиковъ», «старостъ»,—или же большая выгодность и обезпеченность сдачи въ аренду, сравнительно съ веденіемъ собственнаго хозяйства, или же незнаніе хозяйства при отсутстіи жела-

нія ему научиться, либо, наконецъ, вообще отсутствіе склонности къ труду, или еще наличность у данныхъ лицъ какихъ либо особыхъ спеціальныхъ интересовъ (напр., спеціальныя научныя изслѣдованія, литературная работа), неоставляющихъ для хозяйства свободнаго времени. Само собою понятно, что лица послѣднихъ двухъ группъ: имѣющіе свои спеціальныя интересы и занятія, поглощающіе ихъ время, а также лица неимѣющіе вообще склонности къ труду должны быть совершенно исключены изъ числа тѣхъ, на которыхъ можно расчитывать, какъ на статистическихъ работниковъ.

Останутся подъ вопросомъ лишь прочіе изъ только что перечисленныхъ—и подъ вопросомъ именно въ томъ отношеніи, что многіе ли изъ обезпеченныхъ, изъ ни чѣмъ спеціально незанимающихся, ни чѣмъ особенно не интересующихся могутъ на столько интенсивно и при томъ прочно заинтересоваться статистикой, чтобы заняться ею и, преодолѣвая всѣ неудобства, связанныя съ этой работой, вести систематически изъ года въ годъ скучную для незаинтересованнаго статистикою работу переписи населенія.

Для вящшаго уясненія вообще даннаго вопроса небезполезно припомнить исторію земской статистики. Каждый, читающій газеты, знаетъ какая, бывало, борьба происходила изъ-за нее въ громадномъ большинствѣ земскихъ собраній и какое вызывало иногда негодованіе съ средѣ части земскихъ гласныхъ изъ помѣщиковъ одно упоминаніе о статистикѣ. Здѣсь не мѣсто разбирать причины этого. Достаточно указать на фактъ прямо враждебнаго къ ней отношенія многихъ изъ земцевъ—помѣщиковъ. Нѣтъ спора, что эти земскіе распри изъ-за статистики выяснили и наличность другой группы помѣщиковъ,—группы, сочувствующей статистикѣ; но дѣло не въ этомъ, а именно въ наличности часто весьма многочисленной (напр., во многихъ изъ тѣхъ земствъ, гдѣ статистика никогда не была организована) группы лицъ прямо *враждебныхъ* ей. Но это еще не все,—за этими двумя враждующими другъ съ другомъ изъ-за статистики группами обыкновенно идетъ то нейтральное, безразличное большинство, которое, смотря по на-

строенію, по направленію внѣшнихъ и мѣстныхъ вліяній и давленій, примыкаетъ то къ той, то къ другой, давая большинство голосовъ то той, то этой. Такимъ образомъ составъ помѣстнаго элемента по отношенію его къ статистикѣ совсѣмъ не безразличенъ и количество помѣщиковъ, на коихъ можно расчитывать, какъ на статистиковъ, должно быть прежде всего сокращено на все число лицъ, враждебныхъ ей. А что касается помянутаго большинства, т. е. нейтральной массы, дающей, смотря по обстоятельствамъ, голоса то той, то другой сторонѣ, то не надо забывать, что большинство это воспиталось на томъ формально-скептическомъ отношеніи къ слову «статистика», которое неизбѣжно должно было получиться въ результатѣ знакомства съ нынѣшней «пресловутой» «волостной статистикой», давно сдѣлавшеюся притчею во языцѣхъ. Толпа эта издавна привыкла относиться къ ней съ насмѣшкой, невѣрить статистическимъ цыфрамъ и выводамъ, считать статистику безполезною тратой времени. И съ этой точки зрѣнія, нельзя упрекнуть ее за подобное отношеніе, тѣмъ болѣе, что большая часть этой хотя и культурной, хотя и учившейся то тамъ, то сямъ толпы, статистикѣ не училась и понятіе о ней, какъ о наукѣ, имѣетъ обыкновенно довольно смутное. Но дѣло и не въ упрекѣ, а въ томъ, сколь же въ дѣйствительности малый процентъ окажется такихъ, которые возьмутся за регистрацію статистическихъ данныхъ!?

Если сопоставить все вышеизложенное, если разобраться такимъ образомъ хорошенько въ данномъ вопросѣ, то и окажется, что помѣщиковъ, на которыхъ бы можно было расчитывать какъ на постоянныхъ статистическихъ работниковъ совсѣмъ не такъ много, какъ можно было бы ожидать на первый взглядъ.

И окажется-ли ихъ въ общемъ достаточно для производства ститистическихъ работъ въ каждомъ данномъ районѣ—волости, уѣздѣ—это весьма и весьма большой вопросъ. Конечно, для правильнаго его рѣшенія у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ высказанныхъ выше общихъ соображеній, дающихъ весьма мало надежды на возможность найти въ помѣщичьей средѣ достаточное для данной цѣли количество работниковъ. Но для меня лично,

по скольку мнѣ знакомъ составъ ея въ нѣсколькихъ малороссійскихъ и великорусскихъ губерніяхъ, отрицательное рѣшеніе даннаго вопроса представляется внѣ сомнѣній: процентъ лицъ изъ среды помѣщиковъ, которые бы при данныхъ условіяхъ согласились, взялись и стали постоянными работниками статистики, будетъ почти повсюду очень ничтоженъ. Развѣ что для вящаго заинтересованія ихъ въ этомъ дѣлѣ будутъ придуманы какія нибудь служебныя льготы и привиллегіи (чины? ордена?) рядомъ съ достаточно солиднымъ денежнымъ вознагражденіемъ... Но послѣднее уже противорѣчило бы принципу удешевленія статистики, изъ котораго мы уже рѣшили исходить, въ виду малой вѣроятности достаточно значительныхъ ассигнованій...

Такимъ образомъ мы остановились на томъ, что однихъ помѣщичьихъ силъ далеко не хватитъ для данной работы и надо добрать недостающихъ еще откуда то. Изъ такъ называемыхъ разночинцевъ, изъ людей другихъ сословій? Но такихъ среди мѣстнаго населенія наберется, можетъ быть и еще того меньше. А главное для всего этого необходимъ на первыхъ же шагахъ выборъ и выборъ, и очень строгій и осмотрительный выборъ. Нужно вѣдь выбрать людей способныхъ отнестись къ работѣ достаточно добросовѣстно (правильность собранныхъ на мѣстахъ статистическихъ данныхъ трудно поддается провѣркѣ, а неточность собранныхъ кѣмъ либо свѣдѣній можетъ иногда выясниться лишь тогда, когда уже будетъ поздно собирать ихъ наново). Нужно вѣдь выбрать такихъ людей, которые бы явились не случайными, временно увлекшимися новизною дѣла, а постоянными работниками, способными вести данную работу постоянно, отдавая ей значительную часть своего времени и при этомъ терпѣливо вынося всѣ связанныя съ ней невзгоды упорнаго труда въ тяжелой деревенской обстановкѣ. Между тѣмъ самый уже этотъ выборъ значительно осложняетъ дѣло.

Было бы наоборотъ проще, значительно удобнѣе, легче, еслибы можно было имѣть при самомъ началѣ дѣла болѣе или менѣе значительный контингентъ лицъ, среди котораго по тѣмъ

или инымъ причинамъ можно было бы почти навѣрное расчитывать найти довольно крупный процентъ людей, пригодныхъ для этой работы и уже этотъ контингентъ дополнять въ случаѣ недостатка въ работникахъ, выборомъ со стороны. Подбирать наново полный составъ работниковъ гораздо вѣдь труднѣе, чѣмъ подыскать кое кого на замѣну оказавшихся негодными въ данномъ контингентѣ.

Наиболѣе подходящимъ для данной цѣли, казалось бы, долженъ считаться въ губерніяхъ, гдѣ есть земская статистика, наличный составъ земскихъ ститистическихъ бюро. Тутъ все люди, спеціализированные на статистикѣ—имъ, значитъ, и книги въ руки. Но, во первыхъ, ихъ всегда очень мало для этой работы. Обычный постоянный составъ земскихъ статистическихъ бюро 10—20 чел. на всю губернію, а для данной работы нужны работники въ каждой волости. Во вторыхъ, надѣяться воспользоваться для нее земскими статистиками, значило бы предполагать, что работникамъ оффиціальной статистики предстоитъ очень мало работы, что совершенно ошибочно, или что у самихъ статистиковъ почти нѣтъ своей текущей работы, которая, наоборотъ, всегда очень интенсивна. При данныхъ условіяхъ земскіе статистики могли бы оказать оффиціальной статистикѣ помощь только развѣ въ отношеніи руководства начинающими силами и можетъ быть нѣкотораго контроля на мѣстахъ.

Остаются, слѣдовательно,—изъ перечисленныхъ выше—сельскіе учителя и волостные писаря. Послѣдніе и теперь ведутъ эту самую оффиціальную статистику, но они же, надо замѣтить, и сдѣлали ее по тѣмъ или инымъ причинамъ «притчею во языцѣхъ» въ отношеніи неточности данныхъ. Но и первые и вторые употреблялись нѣкоторыми земствами для статистическихъ изслѣдованій и *при извѣстныхъ условіяхъ* не безъ успѣха.

Въ докладѣ Петербургской Губернской Земской Управы «О состояніи статистическихъ работъ къ 1 января 1884 г.» сдѣлана между прочимъ такая оцѣнка сельскихъ учителей въ отношеніи ихъ пригодности къ статистикѣ. «Въ этомъ отношеніи народные

учителя при всѣхъ своихъ недостаткахъ являются наиболѣе *пригодными* людьми: стоя близко къ народу, въ большинствѣ случаевъ даже выходя изъ его среды и, слѣдовательно, зная многое по личному опыту, они могли оказать, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, *существенныя услуги* дѣлу изслѣдованія. Конечно, большинство ихъ, при всей ихъ добросовѣстности, немогло явиться самостоятельными изслѣдователями, хотя бы и въ тѣхъ предѣлахъ, которые были начертаны для ихъ дѣятельности и оказалось пассивными исполнителями предъявленныхъ имъ требованій: но едва-ли болѣе удачны были бы первые шаги людей хотя и болѣе подготовленныхъ, но чуждыхъ населенію и незнакомыхъ съ жизнью изслѣдуемыхъ мѣстностей. Правда, среди большого числа сборщиковъ встрѣтилось нѣсколько лицъ, доставившихъ, вслѣдствіе своей неумѣлости, ненаходчивости или небрежности весьма плохія работы, но эти неизбѣжныя во всякомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ неудачи могутъ быть исправлены при сравнительно небольшихъ усиліяхъ. Въ гораздо худшемъ положеніи находятся свѣдѣнія о *частновладѣльческомъ* хозяйствѣ въ губерніи, такъ какъ къ сожалѣнію, *далеко не всѣ* частные землевладѣльцы проявили дѣятельное сочувствіе къ задуманному земствомъ дѣлу самоизученія».

Таковъ отзывъ о сельскихъ учителяхъ Петербургскаго земства, наиболѣе компетентнаго въ этомъ вопросѣ, такъ какъ почти всѣ его обширныя статистическія изслѣдованія произведены были именно чрезъ учителей. А этотъ отзывъ данъ между тѣмъ при обзорѣ данныхъ по Петербургскому уѣзду, изслѣдованіе коего осложнилось, по объясненію земства, трудностью отысканія лицъ, коимъ можно было бы поручить дѣло собиранія свѣдѣній. Осложнилось потому, что «учителя пригородныхъ районовъ *сравнительно болѣе обезпечены* въ матеріальныхъ средствахъ и плата съ каждаго двора (за перепись населенія) *не на столько велика*, чтобы *заинтересовать* ихъ». «Благодаря этому нѣкоторыя лица, взявшись было за собираніе статистическихъ свѣдѣній въ волостяхъ Петербургскаго уѣзда, потомъ отказывались отъ этого дѣла».

Но за учителями, какъ статистиками, имѣется одинъ существенный недостатокъ: они свободны только въ лѣтнее время, а

лѣтнее время представляетъ значительныя неудобства въ отношеніи опроса сельскаго населенія, такъ какъ послѣднее наиболѣе занято (текущими сельскохозяйственными работами, въ нѣкоторые моменты, когда, по выраженію крестьянъ, «день годъ кормитъ», весьма интенсивными) именно въ лѣтнее время. Это еще не устраняетъ возможности ихъ привлеченія къ данной работѣ, но уже до извѣстной степени осложняетъ и затрудняетъ положеніе дѣла. Если даже у нихъ хватитъ времени для собиранія текущихъ ежегодно собираемыхъ данныхъ, предполагая, что собираніе ихъ можно пріурочить къ какому угодно времени года (а это еще вопросъ, потому что для ихъ доставленія установлены извѣстные сроки), то врядъ ли ими всегда можно будетъ воспользоваться для собиранія какихъ либо экстренныхъ, такъ сказать сверхъ программныхъ свѣдѣній, въ которыхъ, какъ показалъ опытъ, отъ времени до времени является надобность и у мѣстной администраціи и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду того обстоятельства, что въ неземскихъ губерніяхъ составъ учительскаго персонала (считая только организованныя оффиціальныя школы и совершенно игнорируя церковно-приходскія, въ коихъ составъ наемныхъ учителей большею частію ниже всякой критики), благодаря малому числу училищъ, очень немногочисленъ, что имѣетъ мѣсто, напр., у насъ въ юго-западномъ краѣ. Слѣдовательно, если и можно будетъ воспользоваться сельскими учителями, то таковыхъ не вездѣ будетъ для данной работы достаточно, особенно если имѣть въ виду, что часть ихъ на дѣлѣ окажется еще непригодною и должна будетъ подлежать замѣнѣ со стороны.

—

Остановимся поэтому еще и на вопросѣ о привлеченіи къ статистикѣ волостныхъ писарей. Въ докладѣ Московской Губернской Земской Управы о работахъ статистическаго отдѣленія въ 1883 году говорится между прочимъ, что первая перепись сельскаго населенія губерніи произведена была «чрезъ волостныя правленія, въ которыя были разосланы заготовленные на этотъ предметъ разграфленные бланки». «Въ инструкціи, при которой препровождены

были бланки въ волостныя правленія, подробно разъяснено, *какъ* наполнять разныя графы и *какъ* составлять перепись. Но кромѣ инструкціи, лица, служащія въ статистическомъ отдѣленіи объѣхали въ зимніе мѣсяцы почти всѣ волостныя правленія, дѣлая подробныя словесныя *разъясненія* старшинамъ и волостнымъ писарямъ, при чемъ тѣмъ и другимъ ставилось на видъ, что по составленіи подворныхъ переписей они *будутъ провѣрены* на мѣстахъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, перепись составлена довольно удовлетворительно, какъ показала послѣдующая провѣрка». «Вообще опытъ показалъ, что *при достаточной предусмотрительности можно пользоваться* въ нѣкоторыхъ отрасляхъ статистики *услугами волостныхъ правленій, если* при этомъ требовать отвѣтовъ *на самые простые, удобопонятные вопросы*, которые бы не выходили изъ области, подлежащей вѣдѣнію сельскаго и волостного управленія».

Въ изданіи Нижегородскаго губернскаго земства подъ названіемъ «Урожай 1891 г. въ Нижегородской губерніи» выясняется между прочимъ, что книга эта составлена на основаніи статистическихъ матеріаловъ, составленныхъ волостными правленіями со словъ крестьянъ. «Къ статистическимъ матеріаламъ, доставляемымъ изъ волостей,—говорится далѣе въ этой книгѣ,—принято относиться съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Мы не намѣрены оспаривать такого скептицизма вообще, но въ данномъ случаѣ мы сочли возможнымъ воспользоваться для нашихъ выводовъ показаніями, полученными чрезъ посредство волостныхъ правленій, такъ какъ по тщательной ихъ провѣркѣ сопоставленіемъ съ другими данными и между собою, они оказались заслуживающими довѣрія. Быть можетъ, это слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать тому обстоятельству, что такіе годы, какъ нынѣшній, когда степень урожая въ той или другой мѣстности есть фактъ, привлекающій къ себѣ общее вниманіе и вызывающій разнообразные вопросы со стороны земскихъ и правительственныхъ учрежденій, волостныя правленія не могутъ не имѣть о немъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній и *при добромъ желаніи имѣютъ возможность* дать правдивыя показанія».

По мнѣнію профессора А. Ф. Фортунатова [1]) «волостные писаря сами по себѣ столь же разнообразны, какъ русскіе люди вообще. Изъ среды самой земской статистики слышались и слышатся голоса, допускающіе *при извѣстныхъ условіяхъ* пользованіе волостными писарями, какъ регистраторами [2]). Въ связи съ пригодностью волостныхъ писарей быть регистраторами по хозяйственной статистикѣ стоитъ вопросъ *объ особомъ жалованьи*, которое назначалось бы писарямъ за такую регистрацію». Напомнимъ кстати, что въ предыдущемъ изложеніи недочетовъ волостной статистики не разъ было отмѣчено, что многіе изъ этихъ недочетовъ происходятъ не отъ неспособности писарей, а или отъ неумѣлаго составленія программъ изслѣдованія, непониманія или неправильнаго пониманія заданныхъ вопросовъ, либо отъ неправильныхъ пріемовъ изслѣдованія при полномъ отсутствіи руководства на мѣстѣ, или просто отъ нежеланія собрать какъ слѣдуетъ свѣдѣнія, благодаря отсутствію всякаго контроля, вознагражденія и пр.

Итакъ, волостными писарями, какъ показываютъ факты, возможно воспользоваться для статистики, какъ и сельскими учителями,—и воспользоваться съ надеждою на успѣхъ. Необходимо только соблюсти *извѣстныя условія*, которыя бы могли этотъ успѣхъ обезпечить. Первое изъ нихъ было только что высказано выше, это—удобопонятность для нихъ программъ изслѣдованія (которою, какъ мы видѣли не отличаются нынѣшнія программы статистическихъ комитетовъ) и введеніе въ нихъ тѣхъ только вопросовъ, которые не выходятъ изъ сферы ихъ вѣдѣнія и пониманія. Само собою понятно, что для этого нужна переработка всѣхъ программъ (и безъ того впрочемъ, какъ видно изъ предыдущаго, вполнѣ необходимая). А вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно возложеніе собиранія части свѣдѣній (собираніе коихъ будетъ внѣ компетенціи волостныхъ писарей и сельскихъ учителей) на кого то другого,—хотя бы на проектированныхъ помянутою комиссіею уѣздныхъ статистиковъ, о чемъ еще скажемъ ниже.

---

1) Сельско-хозяйственная статистика Евр. Россіи, М. 1893, стр. 25.

2) См. матеріалы Казан. губ. I; Херсонск. текущ. ститист., Одесса 1887 г.; Красноуфимск. текущ. стат. 1889 г.

Другое условіе, на которое только что указано какъ на неизбѣжное, это установленіе особаго за статистическія работы волостныхъ писарей вознагражденія, которое, какъ мы видѣли выше, выдавалось (въ Петербургской губ.) и сельскимъ учителямъ, при чемъ размѣръ его имѣлъ вліяніе на результаты изслѣдованія (при сравнительно маломъ его размѣрѣ болѣе обезпеченные матеріально учителя Петербургскаго уѣзда, какъ помнитъ читатель, относились къ дѣлу изслѣдованія съ меньшимъ интересомъ).

Остальныя, только что отмѣченныя предыдущими выдержками условія, на которыя въ предыдущемъ изложеніи уже указывалось и мною, это составленіе удобопонятныхъ инструкцій, личныя разъясненія, руководство на мѣстахъ и заблаговременное предупрежденіе о предполагаемой провѣркѣ собранныхъ свѣдѣній на мѣстахъ ихъ собиранія.

Всѣ эти условія не могутъ быть разсматриваемы какъ что то стѣсняющее или осложняющее работу собиранія статистическихъ свѣдѣній ради только привлеченія къ ней волостныхъ писарей и сельскихъ учителей. Инструкціи, руководство на мѣстахъ, учрежденіе извѣстнаго контроля надъ работой, удобопонятность программъ, наконецъ, установленіе извѣстнаго вознагражденія за требующій напряженія силъ и требующій немало времени трудъ—всё это необходимыя и неизбѣжныя условія всякой организованной работы. Тутъ элементомъ стѣсняющимъ или съуживающимъ кругъ статистическихъ работъ является только указанное выше нѣкоторое ограниченіе круга вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію статистическихъ работниковъ изъ писарей и учителей.

Это дѣйствительно нѣкоторое неудобство. Но какъ его избѣгнуть, если еще большее затрудненіе вызвано было бы, при отсутствіи подходящаго контингента работниковъ, необходимостью нарочитаго подбора силъ изъ разныхъ группъ населенія и связаннымъ съ этимъ увеличеніемъ расхода на вознагражденіе и если единственнымъ подходящимъ контингентомъ такихъ силъ является персоналъ волостныхъ писарей и учителей?

Возможность ихъ привлеченія къ данной работѣ, послѣ сказаннаго, уже не подлежитъ сомнѣнію. Въ сравненіи съ наиболѣе

повидимому подходящей для этой же цѣли группой населенія—съ средою помѣщичьею—они имѣютъ еще преимущество въ сравнительно меньшей матеріальной обезпеченности писарей и учителей и ихъ такъ сказать подначальномъ, подчиненномъ служебномъ положеніи. Помѣщикъ не заинтересуется тѣмъ вознагражденіемъ, которое можетъ представить безусловный интересъ и даже такъ сказать приманку для писаря или учителя. Чтобы заинтересовать его въ работѣ, если у него нѣтъ къ ней спеціальнаго интереса, какъ къ таковой, нужно дать ему значительно болѣе солидный окладъ, что значительно удорожитъ изслѣдованіе. Съ другой стороны, что вы сдѣлаете съ помѣщикомъ, который по небрежности или иной причинѣ недоставитъ требуемыхъ свѣдѣній или доставитъ ихъ въ неполномъ, испорченномъ, негодномъ видѣ? Ничего, кромѣ только того, что не будете болѣе пользоваться его услугами. Писаря же и учителя—люди подначальные, дорожащіе своимъ служебнымъ положеніемъ, зависящіе отъ своего начальства, могущаго привлекать ихъ къ той или иной отвѣтственности. Слѣдовательно(если, конечно, исполненіе ими статистическихъ работъ будетъ признано ихъ такъ сказать государственною обязанностью), кромѣ интереса къ особому за статистику вознагражденію, у нихъ будетъ еще и опасеніе отвѣтственности. Это—два несомнѣнныя ихъ преимущества въ указанномъ отношеніи передъ остальными группами населенія. Конечно, нельзя признать нормальнымъ и желательнымъ такое положеніе дѣла, при которомъ правильное исполненіе работъ болѣе или менѣе зиждется на страхѣ наказанія, но отвѣтственность за дурное исполненіе обязанностей составляетъ вѣдь необходимое условіе всѣхъ служебныхъ положеній. Слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ, при данномъ уровнѣ нравственнаго развитія людей, это явленіе неизбѣжное и потому нѣтъ основаній на этомъ вопросѣ далѣе останавливаться.

Еще одно преимущество писарей и учителей передъ помѣщиками заключается (въ указанномъ отношеніи) въ томъ, что для крестьянъ, за рѣдкими исключеніями, помѣщикъ представляется хотя и сосѣдомъ, и мѣстнымъ человѣкомъ, а все-таки не своимъ,—все-таки бариномъ, паномъ,—до извѣстной степени начальникомъ.

Писаря и учителя, хотя изъ нихъ первые de facto до извѣстной степени тоже крестьянскіе «начальники», въ общемъ порядкѣ, люди гораздо болѣе свои, чѣмъ господа паны; съ ними крестьянинъ не такъ стѣсняется, съ ними отношенія проще, естественнѣе; они чаще люди «свои» и по ихъ происхожденію изъ крестьянской же среды. Хотя бываютъ и съ той и другой стороны исключенія, хотя многое зависитъ отъ умѣнья держать себя и тактичный интеллигентный помѣщикъ съумѣетъ сразу поставить себя на надлежащую ногу лучше многихъ изъ писарей, но въ общемъ порядкѣ, въ среднемъ выводѣ, все-таки это такъ; а это тоже надо принять во вниманіе.

—

Остановившись такимъ образомъ окончательно на необходимости и неизбѣжности привлеченія волостныхъ писарей и сельскихъ учителей къ собиранію статистическихъ свѣдѣній, я нахожу что наиболѣе правильною въ данномъ случаѣ была бы слѣдующая постановка дѣла.

Обязанность собиранія статистическихъ свѣдѣній возлагается въ общемъ порядкѣ, какъ на основной кадръ, на волостныхъ писарей (сирѣчъ волостныя правленія); въ случаѣ выясненной непригодности нѣкоторыхъ изъ нихъ или же выясненной невозможности исполнять данную работу въ тѣхъ или иныхъ районахъ силами однихъ волостныхъ писарей, дополнительный составъ работниковъ комплектируется изъ сельскихъ учителей. Если нехватитъ и этого, надлежитъ обратиться къ желающимъ по преимуществу изъ мѣстной помѣщичьей среды. Первоначальный подсчетъ собраныхъ свѣдѣній, если это признается нужнымъ, производится собирающими свѣдѣнія.

Для руководства и надзора на мѣстахъ, конечно, должны имѣться особые спеціалисты хотя бы подъ названіемъ проектированныхъ коммиссіею уѣздныхъ статистиковъ; но такъ какъ надзоръ и руководство должны быть поставлены серіозно и на нихъ же будетъ лежать собираніе свѣдѣній, не вошедшихъ въ программу вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію волостныхъ писарей, то, казалось бы, ихъ должно быть въ среднемъ выводѣ, не менѣе двухъ

на уѣздъ (и то въ виду уменьшенія расходовъ на статистику). Многое зависитъ тутъ отъ густоты населенія, пространства, занимаемаго уѣздомъ, путей сообщенія и пр.

Безусловно полезна и необходима централизація статистической организаціи хотя бы въ видѣ статистическаго комитета или «бюро»(одного на каждую губернію)—въ лицѣ проектируемаго коммиссіею губернскаго статистика, но не одного, потому что одно лицо съ предстоящимъ ему дѣломъ не справится, а съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ (минимумъ два—одинъ, главнымъ образомъ, для командировокъ въ случаѣ надобности на мѣста, другой, главнымъ образомъ, для помощи въ разработкѣ матеріаловъ) и съ тѣмъ, что уѣздные статистики считаются членами бюро, имѣющими право голоса въ его коллегіальныхъ совѣщаніяхъ. Такое участіе ихъ безусловно необходимо какъ мѣстныхъ руководителей статистики, знающихъ особенности своихъ районовъ, мѣстныя условія работы и мѣстныхъ работниковъ.

Въ случаѣ надобности и возможности, на уѣздныхъ статистиковъ возлагается и извѣстная доля работы по окончательной разработкѣ статистическихъ данныхъ. Губернское статистическое бюро должно располагать извѣстными средствами для найма счетнаго персонала; а если часть сводной счетной работы будетъ возложена на уѣздныхъ статистиковъ, то и часть этихъ средствъ должна быть передана имъ. Право приглашенія счетчиковъ должно быть предоставлено тѣмъ именно лицамъ, на которыхъ возложено производство счетной работы, такъ какъ на нихъ будетъ лежать и отвѣтственность за ея исполненіе.

Аналогично тому, какъ въ банковскихъ учрежденіяхъ министерства финансовъ, требующихъ спеціальныхъ коммерческихъ и бухгалтерскихъ познаній, допускается приглашеніе на службу лицъ не имѣющихъ правъ государственной службы, такъ и въ число уѣздныхъ и губернскихъ статистиковъ должны быть приглашаемы спеціалисты же и тоже независимо отъ обладанія ими правами государственной службы. У насъ на Руси вообще такъ мало спеціалистовъ статистики, что всякое ограниченіе выбора могло бы послужить только во вредъ дѣлу. Между тѣмъ въ дан-

ный моментъ можно было бы указать нѣсколько именъ извѣстныхъ въ русскомъ статистическомъ мірѣ, которые во всю свою жизнь не были на государственной службѣ. А вѣдь у насъ на государственной службѣ для занятія должности извѣстнаго разряда или класса требуется еще и извѣстный чинъ, котораго у свѣдущаго и безусловно нужнаго для статистики человѣка можетъ какъ разъ не оказаться.

Затѣмъ назначеніе губернскаго статистика должно быть изъято изъ вѣдѣнія губернской власти, потому что губернаторы не могутъ считаться компетентными въ вопросѣ о выборѣ спеціалистовъ по данной области знаній и компетенція эта можетъ принадлежать лишь высшему статистическому учрежденію въ Имперіи—въ данномъ случаѣ центральному статистическому комитету, въ особенности если и онъ, какъ ходили газетные слухи, тоже реорганизуется и будетъ состоять дѣйствительно изъ спеціалистовъ. Какъ бы то ни было, а долженъ быть примѣненъ именно этотъ принципъ назначенія спеціалистовъ-статистиковъ на мѣста, какъ, теоретически, единственно правильный. Это необходимо въ данное время еще и потому, что въ губерніяхъ слишкомъ привыкли смотрѣть на статистику, какъ на нѣчто ненужное, дающее лишь возможность увеличенія жалованья правителямъ канцеляріи губернаторовъ или наиболѣе симпатичнымъ чиновникамъ особыхъ порученій и совѣтникамъ губернскихъ правленій. Чтобы уничтожить съ корнемъ установившееся въ провинціальныхъ административныхъ сферахъ рутинное отношеніе къ этому дѣлу, необходимо прежде всего право назначенія статистиковъ изъять изъ ихъ вѣдѣнія, предоставя имъ дѣлать съ своей стороны лишь представленія о назначеніи лицъ извѣстныхъ на мѣстѣ, какъ спеціалистовъ статистики и знатоковъ края и мѣстныхъ условій. Такія представленія могутъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ назначенія спеціалистовъ въ томъ отношеніи, что центральный статистическій органъ можетъ и не имѣть свѣдѣній о существованіи нѣкоторыхъ полезныхъ работниковъ, хорошо извѣстныхъ на мѣстахъ ихъ жительства. Свѣдѣнія эти и

дадутъ ему возможность воспользоваться, въ случаѣ надобности, этими мѣстными силами путемъ назначенія на то или иное мѣсто.

Что касается назначеній собственно на мѣста уѣздныхъ статистиковъ, то они должны производиться центральнымъ статистическимъ органомъ по представленіямъ губернскаго статистика, какъ лица отвѣтственнаго за состояніе статистики и за своевременное исполненіе статистическихъ работъ въ краѣ; отвѣчать же онъ можетъ только за работу тѣхъ, кого онъ знаетъ, но не за тѣхъ, кто, выражаясь вульгарно, посаженъ ему на шею противъ всякаго его желанія. Такой порядокъ тоже до извѣстной степени обезпечитъ пользованіе мѣстными силами.

Затѣмъ существующее подчиненіе статистическихъ комитетовъ губернаторамъ должно быть устранено [1]).

Многолѣтній опытъ существованія этого подчиненія доказалъ его несостоятельность. Статистика, если не смотрѣть на нее такъ, какъ до сихъ поръ смотрѣли на оффиціальную статистику,—представляетъ собою, если можно такъ выразиться—бо́льшую спеціальность, чѣмъ хотя бы акцизная спеціальность; однако послѣдняя давно выдѣлена въ особую отрасль, подчиненную особому начальнику. Нельзя требовать отъ г.г. губернаторовъ, чтобы они были спеціалистами по статистикѣ, но и нельзя ставить дѣло, требующее спеціальныхъ познаній, въ зависимость отъ усмотрѣнія лица, неимѣющаго ихъ, неинтересующагося ими и неимѣющаго свободнаго времени для занятія ими. Наконецъ такое изъятіе губернской статистики изъ вѣдѣнія губернской администраціи въ самостоятельное учрежденіе необходимо для того, чтобы, въ устраненіе разъ навсегда существующаго въ административныхъ сферахъ рутиннаго отношенія къ статистикѣ, какъ къ ненужной канце-

---

[1]) Въ литературѣ и на статистическихъ конгрессахъ, какъ извѣстно, не разъ возбуждался даже вопросъ о выдѣленіи общей статистики въ государствахъ въ отдѣльныя вѣдомства на правахъ министерствъ, ибо при полной подчиненности одному министерству, она становится въ служебное къ нему отношеніе и страдаетъ нерѣдко односторонностію и пристрастіемъ въ выборѣ предметовъ изслѣдованія.

лярской формалистикѣ, разомъ поставить новое учрежденіе на надлежащую высоту, что будетъ между прочимъ имѣть важное психологическое значеніе въ смыслѣ возвышенія престижа оффиціальной статистики въ глазахъ всѣхъ мѣстныхъ сферъ и будущихъ мѣстныхъ работниковъ статистики. Что же касается тѣхъ работъ, которыми статистическіе комитеты всегда снабжали губернаторовъ для составленія всеподданнѣйшихъ отчетовъ и другихъ текущихъ надобностей, то наличность таковыхъ не можетъ составить препятствія для выдѣленія статистическихъ бюро въ самостоятельное губернское учрежденіе. Для этого достаточно только извѣстнымъ образомъ опредѣлить порядокъ дѣйствій губернскихъ статистическихъ бюро въ этомъ отношеніи, установить формы и сроки, по которымъ они должны своевременно доставлять губернаторамъ всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія и т. п.

Затѣмъ въ виду того, что, работая на мѣстахъ, чины губернскаго статистическаго бюро должны будутъ собирать свѣдѣнія отъ разныхъ лицъ и учрежденій и обращаться въ случаѣ надобности къ содѣйствію административныхъ и др. учрежденій, необходимо, надо думать, чтобы имъ присвоенъ былъ извѣстный классъ должностей находящійся въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ классами должностей тѣхъ лицъ, къ содѣйствію коихъ имъ придется обращаться (что имѣетъ существенное значеніе въ чиновномъ мірѣ и можетъ поэтому до извѣстной степени отзываться на ходѣ самого дѣла). Нѣкоторыя должностныя преимущества важно установить для этихъ должностныхъ лицъ еще и съ цѣлью увеличенія возможности привлеченія къ этому дѣлу лучшихъ спеціалистовъ.

За губернскими статистическими бюро необходимо, рядомъ со всѣмъ этимъ, оставить то важное право привлеченія мѣстныхъ силъ изъ всевозможныхъ сферъ населенія, которымъ обладаютъ существующіе губернскіе статистическіе комитеты, но которыми они, какъ выяснено, въ большинствѣ своемъ не умѣли воспользоваться. Устройство совмѣстныхъ съ мѣстными дѣятелями совѣщаній по отдѣльнымъ отраслямъ статистики, совмѣстная разработка разныхъ вопросовъ, проектовъ различныхъ мѣстныхъ изслѣдованій и экспедицій, все это (проектированное положеніемъ о

статистическихъ комитетахъ, но не осуществленное ими) будетъ только способствовать возбужденію въ средѣ мѣстныхъ дѣятелей самодѣятельности, интереса къ статистикѣ, объединенію мѣстныхъ работниковъ, привлеченію къ статистической работѣ новыхъ силъ на мѣстахъ, организаціи монографическихъ и анкетныхъ изслѣдованій и т. п. Само собою разумѣется, что за исполненіемъ обязательныхъ работъ, предуказанныхъ центральнымъ статистическимъ учрежденіемъ, губернскимъ статистическимъ бюро должна быть предоставлена извѣстная самостоятельность въ дѣлѣ намѣченія различныхъ подлежащихъ обслѣдованію вопросовъ и устройства мѣстныхъ изслѣдованій, относительно чего они могутъ входить въ соглашеніе съ губернаторами съ цѣлью выясненія тѣхъ вопросовъ, изслѣдованіе коихъ признается мѣстною администраціею въ данный моментъ наиболѣе настоятельнымъ. И вотъ въ дѣлѣ намѣченія такихъ вопросовъ, мѣстностей, подлежащихъ ближайшему изслѣдованію и самыхъ способовъ изслѣдованія указанныя совѣщанія съ мѣстными людьми, вѣроятно, могутъ принести наибольшую долю пользы. Останавливаясь на этомъ вопросѣ, нельзя между прочимъ не обратить вниманія на проскользнувшее въ газеты сообщеніе изъ помянутаго проекта коммиссіи, что губернскій статистикъ будетъ состоять «членомъ губернскаго присутствія»(?)... Вѣроятно, особаго—статистическаго, по примѣру дѣйствующихъ присутствій по городскимъ, крестьянскимъ, чиншевымъ и всякимъ другимъ дѣламъ. Вѣроятно, имѣлось въ виду именно перенести обсужденіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ вопросовъ въ соединенное засѣданіе представителей отдѣльныхъ учрежденій, могущихъ быть заинтересованными въ нарочитомъ и своевременномъ изслѣдованіи тѣхъ или иныхъ сторонъ жизни мѣстнаго населенія, съ участіемъ въ этомъ засѣданіи губернскаго статистика, какъ равноправнаго и непремѣннаго члена. Нѣтъ сомнѣнія, что и привлеченіе къ этимъ совѣщаніямъ представителей отдѣльныхъ учрежденій тоже имѣетъ свой raison d'être въ указанномъ отношеніи, но оно не устраняетъ полезности привлеченія вообще мѣстныхъ дѣятелей и не можетъ замѣнить ихъ собою. Поэтому полезно было бы дѣлать въ извѣстныхъ случаяхъ соединенныя засѣданія

тѣхъ и другихъ или извѣстнымъ образомъ отграничить сферу тѣхъ (вѣроятно болѣе общихъ) вопросовъ, которые будутъ подлежать обсужденію однихъ только представителей отдѣльныхъ учрежденій (конечно, съ губернаторомъ во главѣ). Кстати сказать, во всѣхъ такого рода совѣщаніяхъ несомнѣнную пользу могло бы оказать привлеченіе къ нимъ мѣстныхъ земскихъ статистиковъ, гдѣ они есть, какъ лицъ уже хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями жизни населенія и условіями статистической работы въ губерніи, какъ представителей жизнедѣятельныхъ учрежденій, уже заведшихъ связи съ мѣстными дѣятелями и могущихъ дать указанія на лицъ, за помощью коихъ можно обратится на мѣстахъ и пр.

Добавлю въ скобкахъ, что существованіе земской статистики одновременно съ реорганизованной оффиціальной я потому считаю вполнѣ умѣстнымъ и необходимымъ, что и при наличности послѣдней земская статистика будетъ имѣть свое особое дѣло, отвѣчающее текущимъ мѣстнымъ потребностямъ и нуждамъ земства. Вопросъ объ ихъ сліяніи и замѣнѣ земской статистики общегосударственною можетъ быть поставленъ вѣроятно развѣ только въ далекомъ будущемъ,когда выяснится на дѣлѣ практичность и цѣлесообразность новой организаціи общегосударственной статистики, когда она докажетъ свою жизненность и способность отвѣчать запросамъ дня и когда, наконецъ, она будетъ обладать значительно большими, чѣмъ можно ожидать, средствами.

Рядомъ съ только что указаннымъ правомъ и обязанностью губернскаго статистическаго бюро заботиться о привлеченіи и объединеніи мѣстныхъ силъ, необходимо предоставить ему—чтобы поставить дѣло изслѣдованія на вполнѣ практическую почву—и право и даже обязанность дѣлать въ центральное статистическое учрежденіе представленія объ измѣненіяхъ преподанныхъ свыше программъ и формъ, сообразно выясненнымъ на опытѣ недостаткамъ и недочетамъ таковыхъ (чего нынѣ совсѣмъ не дѣлается). Съ другой стороны, и центральное статистическое учрежденіе должно быть поставлено въ обязанность при составленіи новыхъ болѣе или менѣе обширныхъ программъ изслѣдованій доставлять

ихъ губернскимъ бюро на предварительное испытаніе на практикѣ для выясненія ихъ примѣнимости и практичности.

Такое предварительное испытаніе программъ изслѣдованія, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ основныхъ требованій статистическаго изслѣдованія [1]).

Таковы тѣ выводы, къ которымъ приводитъ ближайшее изученіе состоянія даннаго вопроса и насущныхъ его нуждъ въ настоящее время. Здѣсь приведены, конечно только главнѣйшія общія соображенія о желательной реорганизаціи оффиціальной статистики, по скольку ее можно осуществить при минимальномъ увеличеніи расходовъ на этотъ предметъ. Остальное—уже подробности.

Л. Личковъ.

1) Фортурнатовъ. Сельско-хозяйственная статистика, М. 1893, стр. 20.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ.

(Продолженіе [1]).

17.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Я буду въ Кіевѣ около 21 мая и привезу Вамъ рукопись Литовскаго Статута, въ которой мое вниманіе остановилось на заглавіи прибавленія: «Краткая Экономія. По сей всякъ человѣкъ осѣдлій господаремъ и маючійся имѣетъ обережность примѣчать по изображеннымъ пунктáмъ, а таковы пунктá, яко весьма согласны малороссійскимъ правамъ, въ какихъ именно правныхъ книгахъ понаписаннымъ, о томъ под всякимъ пунктомъ таковы права и показуются».

Адресъ Вас. Мих.: улица Гожая 16. Впрочемъ, хотя бы Вы написали въ Варшаву и безъ означенія улицы, то письмо Ваше было бы доставлено, такъ какъ о Вас. Мих. скоро будутъ печатать въ учебникахъ географіи, какъ объ одной изъ достопримѣчательностей города Варшавы.

Если не разрѣшать мнѣ журнала, то это будетъ для меня характеристикою современнаго общественнаго (сирѣчь администра-

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

тивнаго) мнѣнія. Но огорченъ я не буду, все равно какъ не огорченъ майскими морозами, причинившими вредъ молодымъ побѣгамъ моихъ деревьевъ, которыя милѣе мнѣ многихъ ýченыхъ, но не учéныхъ, людей. Въ области мысли такой остается, да и всегда будетъ оставаться, просторъ, что *Кіевскій журналъ*, въ моихъ глазахъ, и не проложитъ и не заградитъ мнѣ дороги. Всего больше интересуетъ онъ меня, какъ способъ соединить нѣсколько умовъ для общенія между собой болѣе непосредственнымъ способомъ, чего существенно не достаетъ кіянамъ.

Въ ожиданіи пріятнаго свиданія съ Вами, позвольте увѣрить Васъ и съ моей стороны въ таковомъ же уваженіи и преданности.

П. Кулишъ.

1876, мая 12. Мотроновка.

18.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Вѣроятно, по отправкѣ Вашего письма отъ 12 іюня, Вы узнали уже, что Ф. С. Шкляревскій [1]) былъ у меня. Онъ такъ восхищался хуторскими прохладами, что отбилъ у меня охоту мѣнять ихъ на аравійскую пустыню, именуемую Кіевомъ, да притомъ не желательно мнѣ прерывать мою уединенную работу. Богъ съ нимъ съ этимъ журналомъ! Нравственной поддержки я не предвижу ни откуда. Гораздо больше я буду удовлетворенъ трудами, зависящими только отъ меня лично.

Рукопись Литовскаго Статута Вы получите отъ меня вскорѣ, черезъ книжный магазинъ Ильницкаго, куда ее доставятъ съ надписью на Ваше имя и съ просьбою отослать къ Вамъ. Самъ же я буду въ Кіевѣ подъ осень, проѣздомъ за границу, гдѣ намѣреваюсь провести зиму.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1876, іюня 18. Мотроновка.

---

[1]) Присяжный повѣренный, ведшій въ то время въ судѣ дѣло г-жи Кулишъ о раздѣлѣ съ братьями.

Примите мою благодарность за Ваши аккуратныя увѣдомленія о томъ, чѣмъ можно было бы Васъ и не безпокоить, когда бъ мы не были малороссіяне.

19.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Рукопись Литовскаго Статута, закупоренная и надписанная на Ваше имя, вручена мною давно уже Александру Мих. Бѣлозерскому, какъ въ этомъ удостовѣритесь изъ письма, которое обрящете при оной. Задержанный нѣкоторыми дѣлами въ своемъ уѣздѣ, А-ръ Мих. вскорѣ долженъ доставить Вамъ мою посылку, которую возитъ съ собою, но не бойтесь—не потеряетъ.

Гоненіе, воздвигнутое на украинское слово, доказываетъ, что 1847 годъ не останется безъ послѣдствій. Во очію нашею совершается одна изъ тѣхъ уній, которыя надѣлали столько бѣдъ сѣверной Славянщинѣ. Творцы польско-русскихъ уній, такъ точно какъ и творцы московско-украинскихъ, гонялись за своими «приватами», а изъ этихъ дробныхъ источниковъ составляются широкія рѣки событій. И какую же выбрали пору, чтобы противодѣйствовать возсоединенію Руси! Ни поляки, ни нѣмцы не могли бы сочинить ничего лучшаго для своихъ разъединительныхъ видовъ. Даже коммунистическія издѣлія какихъ-то украинскихъ грамотѣевъ заграницею получаютъ послѣ этого нѣкоторое оправданіе. Балканскій полуостровъ объятъ пламенемъ, а они у себя дома скопляютъ горючіе матеріалы. Сербы и черногорцы идутъ на турка, а они вооружаются противъ тѣхъ, чьи дѣды и прадѣды одно только хорошее и завѣщали своему потомству—уничтоженіе Турціи. Такова исторія возсоединенія Руси! Но довольно объ этомъ. Въ наше время исторія почти не нуждается въ писателяхъ: политическая и соціальная ложь обнаруживается неудержимымъ теченіемъ событій.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1876, іюня 28. Мотроновка.

20.

1876, *іюля 21.* Мотроповка. [1])

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Очень радъ, что мой списокъ Литовскаго Статута оказался интереснѣе множества другихъ, у Васъ имѣющихся. Такъ бываетъ полезно говорить о нашей спеціальности даже и не принадлежащимъ къ нашему цеху. Вотъ и я написалъ теперь историческій трактатъ подъ заглавіемъ: *Козаки по отношенію къ государству и обществу*, да не съ кѣмъ посовѣтоваться, тѣмъ болѣе, что взглянулъ я на козаковъ объективно, вовсе не по украинофильски, и даже не въ духѣ тѣхъ публицистовъ, которые видятъ въ нихъ передовыхъ бойцовъ за свободныя права низшихъ классовъ. Какъ нельзя больше кстати Вы опять заявляете готовность посѣтить затворника. Да не можете же Вы меня стѣснить! Съ чего это Вы взяли? Вотъ Вамъ указанія:

Билетъ берите до станціи *Плиски.* Прибывъ туда часа въ 3 или $3^1/_2$, если выѣдете утромъ въ 8 часу, спрашивайте подводчика Искру. Если онъ въ разъѣздѣ, спрашивайте Гаценка. Если и того нѣтъ, берите какого нибудь подводчика, потому что всѣ они повезутъ быстрѣе почтовыхъ. (Тутъ же и почтовая станція у вокзала) [2]). Велите ѣхать лѣсами, а не на Борзну. Лѣсами 18 верстъ, на Борзну 18+5 верстъ.

Всего удобнѣе было бы мнѣ съ Вами побесѣдовать *28 іюля*, потому что до моихъ имянинъ (27 іюля) будутъ у Александры Михайловны разныя заботы; на имянины могутъ собраться люди, говорящіе про дождь, про ленъ, про скотный дворъ, но которыхъ

---

[1]) А посылается едва 25 іюля потому что сегодня воскресенье: теперь *жнива*!

[2]) Давайте 1 р. и торгуйтесь до 3-хъ, теперь жнива, то пожалуй сдерутъ и 3 р.

я par complaisance долженъ выслушивать, а на другой день ужъ навѣрное мы останемся одни. Нѣтъ, нѣтъ! сейчасъ Александра Михайловна объявила, что если пріѣдутъ 70-лѣтнія тетушки, то останутся ночевать. Итакъ мы будемъ принадлежать себѣ и Вамъ только *29 іюля*.

Вотъ бы Вы еще меня одолжили, когда бы взяли у М. Г. Щербака мой *сакъ съ бумагами и бѣльемъ!* Я не могу ввѣрить его разсѣянному А-ру Бѣл., кот. уѣхалъ къ брату въ Варшаву, а самъ въ Кіевъ крайне не желаю ѣхать. Тамъ есть и весьма приличное красное одѣяло, которое Вы могли бы подмостить подъ себя въ дорогѣ. А двѣ подушки пусть останутся для А-ра Бѣлозерскаго. Но не захватите ли у Щербака же моей *мягкой шляпы?* Хуторскую износилъ въ прахъ.

Можетъ быть и мой зонтикъ привяжете къ Вашему? А зонтикъ для себя берите.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

P. S. Еще не такъ. Если Вы желаете пробыть у насъ два дня, то пріѣзжайте *30 іюля*, если же только одинъ, то—31-го: ибо онъ предшествуетъ воскресенью, а въ жнива только по воскресеньямъ можно отправить Васъ обратно въ Плиску.

21.

28 іюля 1876. Мотроновка.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Докторъ Иванъ Пулюй былъ недавно въ Борзнѣ у одного своего знакомаго, и ему сказали, будто бы меня нѣтъ дома, а я очень желалъ видѣться съ нимъ, чтобы разузнать о моихъ рукописяхъ, хранящихся въ Вѣнѣ, и относящихся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Сей докторъ Пулюй ищетъ въ Кіевѣ профессора по математическимъ наукамъ. О немъ можно освѣдомиться у проф. Авенаріуса, а можетъ быть, и у кого другого. Хотя онъ и галичанинъ, но честный человѣкъ, что между галичанами весьма рѣдко. Политическія же его воззрѣнія самаго солиднаго свойства. Онъ—*ученый*. Если бы Вы нашли возможность доставить ему

прилагаемую записочку, очень меня обязали бы, а еще больше обязали бы, если бы взяли его въ спутники до Мотроновки. Вамъ было бы веселѣе ѣхать, такъ какъ докторъ П. былъ бы для Васъ живою газетою о томъ, чтó дѣлается теперь въ Австріи. Онъ служилъ нѣкоторое время при Морской Академіи въ Фіуме, доканчивалъ свой докторатъ въ Страсбургскомъ университетѣ и хотя вовсе не юристъ, но Вы бы нашли о чемъ поразговориться съ нимъ во время Вашего пути.

Я уже писалъ къ Вамъ, что ѣхать въ Кіевъ за моими вещами крайне тягочусь, а потому возобновляю мою покорнѣйшую просьбу захватить мой сакъ, зонтикъ, шляпу, одѣяло у Щербака, чѣмъ премного обяжете.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

22.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Пересматривая каталоги рукописей Румянцевскаго Музея, я нашелъ: подъ № 1165 *Копію Литовскаго Статута*, подъ № 1198 *Уложеніе о силѣ и важности правъ малороссійскихъ*, подъ №№ 1027, 1208, 1210—1225 *собраніе документовъ*, относящихся къ правамъ на владѣнія землями и угодіями, сдѣлки, промыслы и т. п., подъ № 1583 *Статутъ Литовскій* и способъ правъ трибунальскихъ (съ печ. изд.) подъ № 1624 *связку разныхъ юридическихъ и историческихъ документовъ* конца XVII ст. до 1827. Каталогъ съ этими нумерами называется *входнымъ*. Если еще чтó встрѣчу, запишу для Вашего свѣдѣнія.

Въ Москвѣ живется мнѣ не дурно, хотя центры моей жизни составляютъ Румянцевскій Музей и Гл. Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1876, сент. 10. Москва.

Адресъ: на мое имя, на Кузнечномъ Мосту, домъ Торлецкаго, въ 3-мъ этажѣ № 15.

23.

Москва. 1876, сент. 21.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Во исполненіе Вашего желанія, разсмотрѣлъ я рукопись подъ № 1198. Это списокъ Литовскаго Статута временъ Елизаветы, не имѣющій заглавнаго листа и потому записанный въ каталогѣ словами первой главы: о силѣ и важности правъ малороссійскихъ.

Начало главы: Арт. 1: Права малоросийскіе отъ всепресвѣтлѣйшихъ всеросийскихъ Монарховъ здешнему народу потвержденние силу и важность имѣютъ таковую что оними какъ малоросияне такъ вмалой Россіи всякие владѣльци и иностранние жильци и приежие судитись должни.

Всѣхъ главъ 30. Послѣ словъ: Конецъ книги сея, слѣдуетъ приписка: вышеписанние права по переводѣ изполского и латинского язиковъ на россійский діалектъ нами нижеподписавшимися вкоммиссію перевода и свода правнихъ книгъ опредѣленними поданной въ ту коммисию инструкціи в силу имянного указа изтрехъ книгъ водну книгу сведени etc.

Если этотъ списокъ Васъ интересуетъ, то благоволите наставить, чего въ немъ поискать.

Въ Кіевѣ печатается кѣмъ-то изъ ковалей Лѣтопись Самовидца по вновь открытому списку. Нельзя ли промыслить для меня экземпляръ, на томъ основаніи, что clericus, clericum non decimat? Теперь я этого въ особенности заслуживаю, потому что открылъ драгоцѣнные (хотя впрочемъ досадные для ковалей) документы, свидѣтельствующіе, что наши козаки были не что иное, какъ добычники или брави, безъ всякихъ гражданскихъ правилъ и съ религіею ниже нынѣшней турецкой. Вообще, надо сказать, что части архива иностранныхъ дѣлъ, умудрившіе уже нашихъ историковъ, требуютъ такого пересмотра, какъ будто къ нимъ никто еще не прикасался, не говоря уже о частяхъ еще не из-

слѣдованныхъ. Между прочимъ нашелъ я памятникъ 1604 года, интересный для ковалей относительно языка и правописанія, величиною въ листъ печати. Я воспроизведу его съ палеографическою точностію въ 1-мъ томѣ матеріаловъ для исторіи возсоединенія Руси. Онъ интересенъ и для Московской исторіи какъ относительно военныхъ, такъ и относительно мирныхъ предметовъ. Румянцевскій Музей богатъ старопечатными книгами, въ которыхъ я изучаю предисловія и посвященія. Замѣчательно, что іерархи и іеромонахи, пользуясь услугами козаковъ, относились къ нимъ точно къ наемникамъ, которыхъ надобно было терпѣть по неволѣ. Во всей полемикѣ, ругавшейся надъ папою и даже королевскою властью, ни разу не встрѣчается даже слово *козакъ*. Ихъ игнорируютъ какъ грубую силу, не имѣющую общаго съ интересами человѣка. Такъ и свѣтскіе паны, начиная отъ битвы при Бичино и кончая послѣднимъ захватомъ чужой земли, всегда имѣли подъ рукой запорожскихъ козаковъ; но козаки такъ точно не входятъ въ ихъ исторію, какъ и лошади, на которыхъ сидѣли эти рѣзуны. Но все это будетъ изображено въ комментаріяхъ къ документамъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

24.

1876, сент. 28. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Благодарю Васъ за намѣреніе прислать мнѣ экземпляръ Лѣтописи Самовидца, но позвольте отъ него отказаться. Я полагалъ, что тому, кто первый обратилъ вниманіе на эту лѣтопись, кто отправилъ ее въ Общество Ист. и Др. Росс., кто далъ ей названіе, подъ которымъ она извѣстна, слѣдуетъ получить экземпляръ новаго изданія gratis. Но ковали признавали за мной нѣкоторыя заслуги, пока я вмѣстѣ съ ними морочилъ публику народомъ, созданнымъ по образу нашему и по подобію. Когда же

я взялся за изученіе источниковъ и отнесся къ этому народу объективно, тогда потерялъ у нихъ всякое значеніе. Пусть и будетъ оно такъ—mniejsza o tém! Лѣтопись Самовидца доставитъ мнѣ одинъ изъ Московскихъ книгопродавцевъ, а Васъ покорнѣйше прошу забыть о ней.

Вы долженствовали психологически догадаться, что человѣкъ, попавшій на новое въ старомъ хламѣ архива, склоненъ къ преувеличеніямъ. Но я провожу тамъ ежедневно три-четыре часа съ истиннымъ наслажденіемъ.

Ваши предостереженія о козакахъ принимаю съ благодарностію. Не забывайте только, что у меня передъ глазами постоянно и вѣсъ и противовѣсъ. Я не уставилъ глаза въ одну точку. Козаки у меня являются на широкой сценѣ вмѣстѣ со множествомъ другихъ современныхъ явленій. Воздать каждому должное—это вѣдь такое нравственное наслажденіе, которымъ человѣкъ дорожитъ. Но это столь трудная функція, что я не могу быть увѣренъ въ своемъ безпристрастіи ко всѣмъ подсудимымъ, или лучше—въ непогрѣшимости. Одно вѣрно: что предвзятаго у меня ничего нѣтъ. Если бы свѣдѣнія и соображенія привели меня къ противоположнымъ выводамъ, я съ радостью отказался бы отъ того, въ чемъ былъ убѣжденъ, что это—непоколебимая правда.

Извѣстія объ указателѣ къ изданіямъ коммиссіи чрезвычайно меня радуютъ. Особенно предметный указатель меня интересуетъ.

Сижу погруженный въ истлѣвшія хартіи—кто-то подходитъ ко мнѣ; смотрю—Костомаровъ! Очень мы были довольны неожиданной съ обѣихъ сторонъ встрѣчѣ. Теперь работаемъ вдвоемъ и какъ въ архивномъ кабинетѣ никого больше нѣтъ, то о многомъ другъ у друга и освѣдомляемся; а вчера я провелъ вечеръ у него и познакомился съ его женой. Проговорили весь вечеръ объ исторіи, какъ юные школьники. Во многомъ и онъ измѣнилъ свой взглядъ на то, что прежде понималъ иначе. Сопоставленіе своей исторіи съ исторіями смежными и соприкасающимися отрезвляетъ умъ украинскій, столь склонный къ опьяненію.

Роль или мѣсто, занимаемое козаками въ дух. литературѣ XVII в. характеристична. Желательно было бы узнать, какую

позицію занимали они въ «правахъ», выразившихъ южно-русскую или русско-польскую жизнь. Вотъ одинъ изъ критеріевъ для оцѣнки этого явленія. Что́ внесли они въ право и какъ право, въ качествѣ философствующаго элемента жизни, отнеслось къ нимъ?

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

25.

1876, окт. 16. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Историч. пренія мои съ Кост. перешли въ рядъ самыхъ усладительныхъ совѣщаній. Много вечеровъ проводимъ мы вмѣстѣ, и его жена увѣряетъ, что никогда въ Петербургѣ не испытывала такого удовольствія среди вечернихъ собраній. По крайней мѣрѣ для меня много и пользы и удовольствія въ этихъ контроверсіяхъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Примѣчаніе. Слѣдующимъ письмомъ должно идти напечатанное въ февр. книжкѣ *первое* письмо, ошибочно датированное самимъ Кулишомъ *1867* годомъ вмѣсто 1876 года, вслѣдствіе чего, по недосмотру, оно поставлено не на своемъ мѣстѣ.

26.

1876, окт. 26. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Монографіи Костомарова по исторіи Украины, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, подвинули дѣло далеко послѣ того печальнаго

положенія, въ какомъ оно находилось во времена Маркевича. Но писать по нимъ образовательную по украино-русскому вопросу книгу рѣшится не каждый, и я не знаю, что́ лучше: не имѣть ли совсѣмъ прагматическаго изложенія исторіи южно-русскаго края, или получать ее, какъ выжатый изъ нашихъ до сегодпешнихъ писаній сокъ. Мы всѣ стоимъ при началѣ работы. Изданіе матеріаловъ—наше *спасенне діло*. Но переводить писанный архивъ на печатные листы, это только половина дѣла. Надобно рыться въ архивѣ человѣку, носящему уже въ умѣ былое и только дополняющему, исправляющему, озаряющему оное. У насъ это бываетъ рѣдко. Люди, лишенные способности воспроизводить жизнь, какъ напр. достопочтеннѣйшій Бодянскій, почти одни только и отдаютъ свое время на подобное дѣло. Если же Костомаровъ попадаетъ въ архивъ, то составляетъ себѣ поскорѣе букетъ неизвѣстныхъ публикѣ вещей и совершенно счастливъ ея благосклонною улыбкою. Восхитительная въ свое время мистрисъ Домби, умирая, хлопотала о розовыхъ занавѣскахъ. Такова участь почти всѣхъ популярныхъ историковъ. Я вижу, какъ усердно и какъ поверхностно работаетъ Костомаровъ. Еслибъ онъ забылъ, что онъ авторъ, съ его знаніями и талантомъ онъ былъ бы очень полезенъ для исторіографіи. Я иду слѣдомъ за двумя многотомными историками, и изъ того самаго архива, который угостилъ ихъ умственную ниву, составляю сборникъ нетронутыхъ ими матеріаловъ; а посмотрѣвши на то, что́ побросали редакторы Актовъ Зап. Россіи, нахожу *необходимымъ* составить новую редакцію оныхъ (и я увѣренъ, что она когда-то будетъ составлена). Не въ осужденіе Костомарову пишу Вамъ сіе я просто философствую на тему, какъ трудно вырабатываются наши прогрессивныя понятія. Конечно безъ Костомарова впереди, я бы иначе относился къ тому же самому дѣлу. Но я уклонился отъ переложенія писаннаго архива на печатные листы. Надобно, при изданіи актовъ, сообщать читателю свое крайнее разумѣніе оныхъ, показывать ему нить идей, руководившихъ поисками и выборомъ. Я это дѣлаю, бесѣдуя о каждомъ документѣ такъ, какъ будто думаю вслухъ, Тутъ можно вызвать и противорѣчіе въ читателѣ, слѣдо-

вательно и доказательство, а это полезно для хода науки въ нашей умственной сферѣ, въ сферѣ нашей интеллигентной современности. Сегодня подали наконецъ мнѣ первыя страницы на корректуру. Можетъ быть и лучше общее предисловіе, какъ дѣлаетъ Антоновичъ, но это ближе къ естественному движенію любознательности. По крайней мѣрѣ попробую.

О Чупринѣ и Чортоусѣ переведено съ польскаго и, кажется, напеч. въ *Основѣ* подъ названіемъ *Січові гості*. Не помню, та ли это передѣлка; но только оригин. разсказъ принадлежитъ не гайдамакѣ, а преслѣдователю гайдамакъ. Онъ лучше въ польскомъ текстѣ уже по одному тому, что не содержитъ вымысла и украшеній.—Грамматикою я занимался, но до глаголовъ не дошелъ. Одна работа перебивала другую. Была ревность, но не по разуму. Вотъ что приходится сказать въ заключеніе спектакля, когда наконецъ призываешь самого себя на строгій судъ. Вы о себѣ этого не скажете, потому что мановцами бродили. Мы увлекались центробѣжною силою, т. е. отдавались ей, ища центра въ пустомъ пространствѣ. Выбачайте за торопливость писанія. Спѣшу работать, пока не догорѣлъ огарокъ жизни.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

27.

1876, ноября 11.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Письмо Ваше объ Архивѣ пришло наканунѣ субботняго дня, въ который Архивъ для посѣтителей закрытъ. Въ понедѣльникъ мнѣ сказали, что надобно подать докладную записку. Во вторникъ она подана и только въ четвергъ получена резолюція. Записка нужна для того, чтобы видно было, сколь многіе интересуются архивомъ, а резолюція заключалась въ дозволеніи обозрѣть архивъ; обозрѣть же его могъ бы я по каталогу, еслибъ не обратился съ вопросомъ къ чиновнику, воображая, что онъ будетъ для меня Аріадною. На слѣдующемъ листкѣ обрящете пи-

саніе, сдѣланное въ самомъ архивѣ, а здѣсь скажу, что общія свѣдѣнія о немъ можно заимствовать изъ новѣйшаго энцикл. лексикона на русскомъ языкѣ. Я забылъ его названіе.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

P. S. Выбачайте за торопливость, опоздалъ, а откладывать отвѣта на другой день не хочу.

Реестръ Малороссійскимъ дѣламъ начинается 1522, а оканчивается 1781 годомъ. Первый документъ—привилегіи, данныя Кіевопечерскому монастырю.

О персонахъ, назнач. для составленія свода правъ, нѣтъ ничего.

Можетъ быть, были бы для Васъ интересны статьи Петра I явныя и тайныя, какимъ образомъ Андрею Измайлову поступать въ совѣтахъ, находясь при гетм. Скоропадскомъ, 1709, іюля 18, 27 и 30, № 43,—насколько онѣ не исчерпаны Соловьевымъ въ его Исторіи. Онѣ конечно послужили камертономъ и для составителей оной коммиссіи 1734 года.

Потомъ: Наказъ Борису фонъ-Вилерсу, как. обр. ему поступать въ небытность стольника Андрея Измайлова. 1710, мая 30, № 36.

Потомъ: Доношеніе отъ всего мал. народа съ просит. о ихъ надобностяхъ пунктами, 1710, № 45.

Въ дѣлахъ Архива много документовъ юридич., истекавшихъ изъ правит. власти. Напр.: универсалъ Скоропадскаго войту и мѣщанамъ бакланскимъ на разныя имъ выгоды, 1714. № 32. Унив. Скороп. досмотрщикамъ Стародуба о учрежденіи въ городѣ доброго порядка, 1715, № 9. Опредѣленія, указы, доношенія и запросы изъ Колл. Ин. Дѣлъ по мал. дѣламъ, 1732, № 3.

Но для Вашего предмета въ Архивѣ Мин. Юстиціи, безъ сомнѣнія, несравненно больше любопытнаго. Я туда еще не проникалъ, но имѣю знакомаго, тамъ служащаго, у котораго не премину случая поразспросить и, можетъ быть, добуду указанія на бумагѣ.

28.

1876 дек. 8. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Здѣсь она, здѣсь Александра Михайловна! Наконецъ и она дышетъ атмосферою человѣчности которой такъ мало въ нашихъ захолустьяхъ. Только этого и не доставало мнѣ для спокойнаго занятія моимъ дѣломъ.

Если понадобятся какіе документы, то вѣдайте, что Ал. М. захватила ихъ съ собой сюда.

Обѣ мои книги: Матеріалы и III-й томъ Исторіи печатаются, но страшно медленно. Пріятель мой Гатцукъ вертится съ своими календарями и проч., какъ муха въ окропѣ, и я долженъ упражняться въ христіанскомъ незлобіи, глядя на бремена, неудобь носимыя, еже возложи на рамена своя подвижникъ сей, странствуя по пути жизни. Да напечатаютъ хоть къ Святой! а тамъ и до-дому. Въ Кіевѣ тоже непремѣнно буду и наслажусь Вашимъ лицезрѣніемъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизданное письмо Н. В. Гоголя къ А. С. Данилевскому.

Какъ извѣстно А. С. Данилевскій съ ранняго дѣтства и до конца жизни Гоголя былъ его сверстникомъ и ближайшимъ другомъ. Ни съ кѣмъ Гоголь, осторожный въ сношеніяхъ съ людьми и часто углублявшійся въ свой внутренній міръ, не былъ такъ искрененъ, какъ съ Данилевскимъ. Близкіе сосѣди по имѣніямъ, они были ровесники по лѣтамъ и потому почти въ одно время поступили въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, которую и окончили въ одинъ (третій) выпускъ 1828 г.; затѣмъ вмѣстѣ отправились устраивать свою судьбу въ Петербургѣ и оттуда вмѣстѣ ѣздили въ Малороссію и за границу (въ 1836 г.), гдѣ прожили безвыѣздно нѣсколько лѣтъ. Данилевскій отъ природы былъ одаренъ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ и всегда съ большимъ интересомъ относился къ литературѣ и искусству, а потому Гоголь безъ труда сблизилъ его въ 1834 году съ кружкомъ литераторовъ, съ которымъ къ тому времени у него образовались уже прочныя связи; такъ Гоголь познакомилъ Данилевскаго съ Пушкинымъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, Крыловымъ и др.

По смерти матери (1838), извѣстіе о которой застало Данилевскаго за-границей, онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію и заняться устройствомъ своихъ дѣлъ; онъ поселился въ деревнѣ, но средства къ жизни у него были такъ недостаточны, что необходимо нужно было позаботиться о службѣ. Только къ концу 1843 года Данилевскій устроился инспекторомъ пансіона при

первой гимназіи въ Кіевѣ, но самъ онъ и Гоголь не очень рады были его педагогической карьерѣ.

Въ 1844 году Данилевскій женился на Ульянѣ Григорьевнѣ Похвисневой, которая будто-бы послужила Гоголю оригиналомъ для Улиньки во 2-ой части Мертвыхъ Душъ. Тѣмъ временемъ Гоголь, живя за-границей и переживая извѣстный переломъ во внутренней своей жизни, весною 1848 года отправился къ Пасхѣ въ Іерусалимъ, откуда черезъ Одессу въ срединѣ мая прибылъ въ свою Васильевку. Въ это холерное лѣто онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Кіевъ къ Данилевскимъ. Къ концу этого же лѣта Данилевскій, недовольный службой въ гимназіи, рѣшается оставить ее совершенно и уѣзжаетъ въ полтавское свое имѣніе, гдѣ они видятся съ Гоголемъ, и Гоголь обѣщаетъ черезъ своихъ пріятелей устроить его на службѣ въ Москвѣ. Въ концѣ августа Гоголь выѣхалъ въ Москву. Данилевскій сопровождаетъ его до села Сваркова въ Глуховскомъ уѣздѣ, гдѣ Гоголь гоститъ нѣсколько дней у дяди жены Данилевскаго, извѣстнаго по своей образованности и гуманной общественной дѣятельности въ Черниговской губерніи, Ал. М. Марковича

Неутѣшительныя вѣсти сообщаетъ Гоголь Данилевскому изъ Москвы; онъ пишетъ, что свободныхъ мѣстъ нѣтъ, жизнь въ Москвѣ очень дорога, и склоняется къ тому, что лучше Данилевскому продолжать оставаться помѣщикомъ (Письма Н. В. Гоголя. Изданіе А. Ф. Маркса. Т. IV., стр. 221—223). Данилевскій 21 декабря 1848 года отвѣчаетъ Гоголю, что онъ не рѣшается опять поселиться въ деревнѣ и согласится на мѣсто съ жалованьемъ хоть въ 6000 рублей ассигнаціями (Вѣст. Европы, 1890, II. стр. 604—605). Слѣдующее письмо, составляющее отвѣтъ Гоголя на предыдущее письмо Данилевскаго, и печатается нами теперь впервые [1]) Оно безъ даты, но очевидно писано въ январѣ 1849 г., такъ какъ письмо Данилевскаго отъ 16 февраля этого года является по смыслу и даже по отдѣльнымъ фразамъ отвѣтомъ на него. [2])

[1]) Подлинникъ хранится у Ал. П. Литвинова въ г. Глуховѣ.

[2]) Такимъ образомъ печатаемое здѣсь письмо Гоголя есть именно то, о которомъ В. И. Шенрокъ въ статьѣ «Н. В. Гоголь и А. С. Да-

На это письмо Данилевскій 16 февраля того же 1849 года отвѣчаетъ Гоголю: «письмо твое черезъ Александра Михайловича (Марковича) я получилъ давно, но не отвѣчалъ потому, что ровно не зналъ ничего сказать тебѣ въ отвѣтъ на твои проповѣди. Я вижу, тебя не урезонишь, ты все поешь одну пѣснь. Кто просилъ тебя искать для меня мѣсто, на которомъ можно было сидѣть сложа руки и ничего не дѣлать! Ну, да Богъ съ тобой! Мнѣ кажется, что мы переливаемъ изъ пустого въ порожнее, изъ этого ничего не выйдетъ. Ты—плохой ходатай, я—плохой искатель». (Вѣст. Евр. 1890, II, стр. 605—606). И дѣйствительно, старанія Гоголя были безуспѣшны, такъ какъ даже черезъ полгода онъ пишетъ Данилевскому: «по твоему дѣлу до сихъ поръ не сдѣлалъ ровно ничего, хотя, признаюсь тебѣ искренно, мнѣ часто желалось перетащить васъ обоихъ въ Москву и даже устроить вмѣстѣ хозяйство и жительство. (Письма Гоголя, IV, 269—270).

Весною и въ началѣ лѣта 1851 года Данилевскіе долго гостили у Гоголя въ Васильевкѣ. Разставаясь въ іюнѣ этого года съ Гоголемъ, уѣзжавшимъ въ Москву, Данилевскій разстался съ нимъ на вѣки, такъ какъ 21 февраля 1852 года Гоголя не стало.

Въ 1856 году Данилевскій получилъ мѣсто директора училищъ Полтавской губерніи, на которомъ оставался до середины 1861 года, а съ этого времени постоянно проживалъ въ имѣніи своей жены, въ с. Анненскомъ, Сумскаго уѣзда, гдѣ и скончался въ 1888 году, мучаясь полученною имъ за нѣсколько лѣтъ до смерти слѣпотою. Этотъ недугъ былъ особенно тяжелъ для Данилевскаго, который до послѣдней минуты жизни сохранилъ живой интересъ къ литературѣ.

—

Письмецо твое получилъ. Хотѣлъ было писать, не дожидаясь отвѣта и извѣстить что Росетъ предлагаетъ тебѣ при себѣ мѣсто въ 1000 р. серебр. Мѣсто, впрочемъ, не казенное. Но Росетъ внезапно уѣхалъ въ Калугу и когда будетъ назадъ не знаю.

нилевскій» (Вѣст. Европы 1890 г., кн. 2., стр. 605) говоритъ: «здѣсь одно письмо Гоголя утрачено». См. также: В. И. Шенрокъ «Матеріалы для біографіи Гоголя». М. 1898 г. Т. IV, стр. 718.

Если рѣшишься ѣхать въ Москву, не позабудь повидаться съ Алексѣемъ Васильевичемъ Капнистомъ и взять отъ него письма къ брату и еще къ кому нибудь изъ служащихъ и дѣловыхъ людей. Мои пріятели, какъ нарочно, *единаго прекраснаго жрецы* и большихъ сношеній съ дѣловыми людьми не имѣю. Впрочемъ будемъ работать по силамъ. За глаза дѣйствовать нельзя, и потому тебѣ заглянуть сюда дѣйствительно не мѣшаетъ. Писалъ я къ тебѣ о занятіи Деревней не потому, чтобы перемѣнилъ точку возрѣнья на твое положенье. Но потому что былъ разочарованъ безотрадностью всякихъ служебныхъ поприщъ. Еслибы у тебя было хотя честолюбіе и стремленье выйти въ люди, тебѣ бы легче было на службѣ, ты бы имѣлъ сколько нибудь духу перенести многое, что способно осорбить (sic) благородное чувство. Но этой силы стремлящей впередъ у тебя нѣтъ, по этому положенье твое будетъ въ нѣсколько разъ труднѣе положенья другого человѣка. Все пошло какъ то вкривь, для взяточниковъ есть поприще для честныхъ почти нѣтъ. Недавно имѣлъ случай узнать какъ даже и тѣ которые занимаютъ завидныя мѣста членовъ подвергаются сильнымъ взысканіямъ если только плутъ секретарь захочетъ упечь ихъ. Осмотрительность и вниманье къ читаемымъ дѣламъ нужно имѣть необыкновенные. Если хочешь какъ нибудь ужиться на службѣ и получить терпѣнье не бросить ее, то, пожалуста, не обольщай себя впередъ легкостью ея; на противъ рисуй лучше впередъ себѣ всякія ожидающія непріятности. Мнѣ сказывалъ одинъ, что онъ потому только ужился на службѣ, что ему при самомъ вступленіи нѣкто опытный человѣкъ далъ слѣдующій совѣтъ: не позабывайте ни наминуту, что всѣ ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь ни какому поступку съ ихъ стороны, принимайте его, какъ должное. Это одно только правило которое я съ тѣхъ поръ держалъ неотлучно въ головѣ своей спасло меня, говорилъ онъ. Еще одно: напрасно ты имѣешь увѣренность что тебѣ 6 тысячъ достаточно на содержанье въ Москвѣ. Это можешь только сказать тогда когда проживешь здѣсь и узнаешь на мѣстѣ цѣну всякой вещи. Я нашелъ, что все стало почти вдвое дороже противу того какъ было назадъ тому еще 7 лѣтъ. Не позабывай также и того

что ты не экономенъ и еще ни разу не сводилъ концы съ концами. Жизнь небогатаго семейнаго человѣка я думаю еще труднѣй въ Москвѣ чемъ въ Петербургѣ. Я это вижу по семействамъ которые вижу. Но да вразумитъ тебя Богъ во всемъ и дастъ мудрость, какъ управить трудную ладью жизни. О себѣ покуда могу сказать не много. Начинаю кое-какъ свыкаться съ климатомъ хотя не безъ простудъ и насморковъ. Занятія мои еще какъ слѣдуетъ неустановились отчасти можетъ быть и отъ того, что все что ни вижу и что ни слышу вокругъ себя неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселымъ и развлекаться но въ душѣ грусть: будущее страшно; все невѣрно. Вполнѣ спокойнымъ можетъ быть теперь только тотъ кто сталъ выше тревогъ и волненій и уже ничего неищетъ въ мірѣ, или же тотъ кто просто бесчувственъ сердцемъ и позабывается плотски. Прощай. Не огорчайся тѣмъ что въ письмахъ моихъ попадутся иной разъ совѣты и тексты, даю ихъ только потому что самъ ихъ ищу. До сихъ поръ всѣ совѣты отъ кого они ни были, даже отъ не весьма умныхъ людей, были мнѣ полезны. Если я и неслѣдовалъ многимъ изъ нихъ, то все таки въ слѣдствіе ихъ оглядывался пристальнѣе на самаго себя и вооружался большею осторожностью въ поступкахъ.

Твой весь. Н. Г.

Ульянѣ Григорьевнѣ душевный поклонъ и всѣмъ кто меня помнитъ. Я подписался за тебя на Москвитянинъ, который въ этомъ году обѣщаетъ быть хорошимъ журналомъ. Я прибавилъ бездѣлицу къ тѣмъ деньгамъ которые тебѣ Погодинъ оставался долженъ.

Листокъ обыкновеннаго формата почтовой бумаги, на которой написано это письмо, былъ свернутъ и рукою Н. В. Гоголя надписано:

Александру Семеновичу Данилевскому.

Сообщ. **Петръ Дорошенко**.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Маленькая замѣтка о мертвыхъ душахъ. Въ послѣднее время были опубликованы въ періодической печати соображенія о томъ, что безсмертному произведенію Н. В. Гоголя «Мертвыя души» основаніемъ послужили, между прочимъ, тѣ факты, которые попадались въ русской жизни, въ связи съ пріобрѣтеніемъ ловкими дѣльцами, для разныхъ своихъ аферъ, мертвыхъ душъ крестьянъ, числившихся по спискамъ живыми. Въ дополненіе къ этимъ справкамъ мы можемъ сообщить намекъ на одинъ такой фактъ, встрѣченный нами въ письмѣ М. Туманскаго къ своему родственнику Я. Бартошу, отъ 15 сент. 1842 года. Въ письмѣ этомъ М. Туманскій сообщаетъ, что Ив. Ив. Неплюевъ, извѣстный магнатъ, владѣвшій громадными имѣніями въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, оставшись недоволенъ дѣйствіями одного изъ своихъ управляющихъ, бывшаго у него на службѣ въ имѣніяхъ Золотоношскаго уѣзда (полтав. губ.), поручилъ принять отъ этого управляющаго всѣ дѣла Я. Я. Бартошу, и между прочимъ просилъ его пріемъ этотъ произвести со всей строгостью, т. к. слишкомъ много обнаружилось за нимъ разныхъ продѣлокъ. Въ концѣ письма находимъ слѣдующія строки: «Неплюевъ сказалъ, что мнѣ-бы хотѣлось его доѣхать порядочно....... *особенно за купленныя имъ мертвыя души*». Интересно было-бы разыскать какія-нибудь подробности объ этой покупкѣ, такъ какъ несомнѣнно, что Чичиковскія продѣлки были живымъ фактомъ въ тѣ годы на Руси.

Отрывки изъ дневника Г. П. Галагана, 1883—84 г.г. Г. П. Галаганъ имѣлъ обыкновеніе записывать въ «памятныхъ» книжкахъ тѣ или другія свѣдѣнія изъ встрѣчъ повседневной жизни. Книжки эти съ 80-хъ годовъ стали полнѣе, когда Г., ставъ членомъ государственнаго совѣта, получилъ возможность чуть не ежедневно сталкиваться съ разными интересными людьми и явленіями. Такимъ образомъ явились уже не «памятныя замѣтки», а настоящіе дневники. Конечно, современемъ (м. б. и не скоро) дневники эти дождутся своего изданія, а пока можно изъ нихъ брать кое-какія свѣдѣнія, которыя можно и теперь уже печатать, не безъ пропусковъ однакоже. На первый разъ приведемъ нѣсколько замѣтокъ Г. П. Г—на о «Кіевской Старинѣ», прожившей уже два десятка лѣтъ со времени своего возникновенія и потому, конечно, имѣющей уже свою исторію. Къ замѣткамъ о «К. Стар.» присоединяемъ два отзыва: о Костомаровѣ и о его книгѣ— «Мазепа».

1883 г., февраля 10. Получилъ февральскую книжку *Кіевск. Старины;* прочелъ статью Костомарова о Кулишѣ, не дурна; но можно бы сильнѣе сказать правду этому ....ному человѣку. *(Спб.).* [1])

— *Іюля 7.* Дочиталъ *Мазепу* Костомарова; интересная книга. О Кочубеѣ, Паліѣ и друг. очень важныя свѣдѣнія. Мой предокъ Игнатій представленъ жестокимъ предателемъ Сѣчи Запорожской. Съ заключеніемъ Костомарова согласиться никакъ нельзя: или узкій взглядъ или—il joue double jeu. Было бы время да поменьше упадка силъ, то написалъ бы объ этомъ статью, какъ и о *Гонтѣ.* Много можно бы было высказать. *(Сокиренцы).*

— *Октября 11.* Былъ у меня Ѳ. Г. Лебединцевъ, вернувшійся изъ Спб. Дѣло журнала идетъ плохо. Я возобновилъ ему для учета вексель на 1000 р. *(Кіевъ).*

— *Ноября 19.* Былъ у Ѳ. Г. Лебединцева, который къ удовольствію моему рѣшается продолжать свою *Кіевскую Старину.* Надобно его поддержать. *(Кіевъ).*

— *Декабря 9.* Отправился къ гр. Толстому говорить о дѣлахъ полтавскихъ. Я говорилъ еще Толстому о субсидіи *Кіевск. Старинѣ.* Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ денегъ, но уполномочилъ переговорить съ Бунге. *(Спб.).*

---

[1]) Въ скобахъ обозначается мѣсто, гдѣ сдѣлана запись.

— *Декабря 14.* Былъ въ д—тѣ у Заики (Вл. Ден.). Хлопоталъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи субсидіи *Кіевской Старинѣ.* Заика обѣщалъ. *(Спб.).*

1884 г. Января 18. Вчера получилъ письмо Меринга, который пишетъ, что онъ возмущенъ субсидіей, данной Лебединцеву...[1]) Прійдется и мнѣ защищаться отъ нападковъ... Надобно будетъ серьезно написать Лебединцеву. *(Спб.).*

— *Января 29.* Былъ у Х. Х.—Тутъ цѣлая интрига противъ Лебединцева, начавшаяся съ Кіева.

— *Февраля 6.* Утромъ писалъ Лебединцеву длинное письмо съ моимъ мнѣніемъ о его недоброжелателяхъ, о его неосторожныхъ дѣйствіяхъ и о статьѣ *Старосвѣтскіе батюшки и матушки.* [2])

— *Апрѣля 8.* Гр. Милорадовичъ, изъ Кіева пріѣхавшій, разсказываетъ, что Ю. кричитъ вездѣ о томъ, что *Кіевск. Стар.* опасна, что я выхлопоталъ субсидію такому журналу и проч., и проч.... невмѣняемый! *(Спб.).*

— Вечеръ провелъ у NN. Говорили о *Кіевской Старинѣ*, о Лебединцевѣ (съ которымъ надобно держать ухо востро) [3]) Встрѣтилъ Крыжановскаго; [4]) человѣкъ умный, полный жизни и здравыхъ русскихъ понятій. *(Спб.).*

— *Мая 4.* Былъ Вл. М. Юзефовичъ († 1898); разсказывалъ о дѣлахъ Главн. Упр. по дѣл. печати. Лебединцевъ дѣйствительно просилъ дозволенія употреблять кулишевскіе фонетическіе *і*, но ему отказали...

— Письмо Лебединцева очень обезкураженное, непонимающее преслѣдованій; пишетъ о буквѣ *і.* Я хочу писать ему, что неприлично серіозному журналу заниматься фонетическими фарсами, какъ *і.* *(Спб.).*

— *Іюля 8.* Пріѣхалъ Н. И. Костомаровъ [5]) съ своимъ сосѣдомъ Савченкомъ. Костомаровъ очень постарѣлъ, сдѣлался совсѣмъ дрях-

---

[1]) Назначенная Ѳ. Г. Лебединцеву субсидія была прекращена послѣ напечатанія имъ, въ К. Ст., статей Кузмичевскаго.

[2]) Повѣсть И. С. Левицкаго, печатавшаяся въ Кіевской Старинѣ.

[3]) Не объяснено—почему.

[4]) Еф. Мих. Крыжановскій, р. 1831 † 1888. См. *Собраніе сочиненій Е. М. К—аго.* 3 тома. Кіевъ, 1890. 8°.

[5]) Изъ с. Дѣдовцовъ, прилуцк. у., гдѣ К. жилъ въ имѣніи своей жены.

лымъ, а ему только 66 лѣтъ. Разговоръ его все-таки интересенъ.... Заговорилъ съ Костомаровымъ объ украинофильствѣ; онъ хотя не сочувствуетъ Z и К°, но вообще отвѣчаетъ уклончиво. Когда мы заговорили о памятникѣ Б. Хмельницкому, то онъ сказалъ, что совсѣмъ не сочувствуетъ извѣстной группѣ Микѣшина, но что его мысль была—поставить *Богдана* просто на конѣ съ булавою и надпись сдѣлать изъ словъ, сказанныхъ имъ Киселю: «згине Польша, згине, а Русь буде пановаты на усимъ свити!» Да, не дурно. Но... *(Сокиренцы).*

Поминка продковъ. Болѣе тридцати лѣтъ уже печатаемъ мы свѣдѣнія по части генеалогіи малорусскихъ старожилыхъ фамилій и— не перестаемъ съ того времени получать укоры и замѣчанія на какую то «тенденцію» этихъ генеалогическихъ очерковъ. Хорошо помнимъ, что послѣ напечатанія въ 1875 г., въ «Русск. Архивѣ», генеалогическаго очерка NN-овъ, тогдашній наличный потомокъ этой фамиліи, а нашъ знакомый, пересталъ быть нашимъ знакомымъ... Оказалось, что корень, изъ котораго выросло «древо»—въ нашемъ очеркѣ явился рядовымъ, неграмотнымъ козакомъ... Впрочемъ, мы должны тутъ же добавить, что это *незнакомство* обидившійся потомокъ черезъ нѣсколько лѣтъ прекратилъ и— въ послѣдніе годы своей жизни—проявилъ такія теплыя къ намъ отношенія, что мы, кромѣ доброй памяти, ничего не сохранили объ этомъ человѣкѣ, такъ откровенно сознавшемъ свой ложный шагъ... Другой эпизодъ, изъ проявленій ревности потомковъ къ памяти своихъ предковъ, имѣлъ мѣсто гораздо позже, но зато въ видѣ пространнаго «выговора на письмѣ»... Въ отвѣтъ на послѣдній мы предложили представить свое оправданіе *печатно*, но предложеніе это принято не было, и мы—полученный выговоръ сложили въ свой архивъ на память потомкамъ. А въ самое послѣднее время намъ переданъ редакціей «Кіевск. Старины» рядъ замѣчаній г. И. Полетики на два наши генеалогическіе очерка: лубенскаго полковника Максима Илляшенка и Григорія Андреевича Полетики. Замѣчанія г. И. Полетики изложены въ такой формѣ, что мы охотно на нихъ отвѣчаемъ, хотя и частично. Дѣло въ томъ, что изъ этихъ пространныхъ замѣчаній мы беремъ лишь ту часть, которая касается будто бы невѣрно истолкованнаго нами *родословія* Полетикъ. Остальныя замѣчанія, касающіяся имѣній Полетикъ,

заключая въ себѣ нѣкоторыя фактическія добавленія, не имѣютъ особаго значенія и не служатъ «пунктами» обвиненія.

Засимъ приводимъ отрывокъ изъ замѣчаній—*генеалогическаго* характера.

«Въ своей статьѣ Лазаревскій, приводя выдержки изъ родословія Полетикъ, оговаривается, что родословіе это составлено самимъ Григоріемъ Андреевичемъ Полетикой. Въ опроверженіе этого предположенія, я, какъ потомокъ рода Полетикъ, долженъ сказать, что родословіе Полетикъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ православнаго древняго шляхетства Волынской земли, удостовѣряется грамотой короля польскаго Станислава Августа, данной *для представленія въ коммиссію о разборѣ правъ нашего рода на дворянство въ 1787 году* (нашъ курсивъ), брату моего прадѣда, совѣтнику русскаго посольства въ Вѣнѣ и повѣренному въ дѣлахъ Григорію Ивановичу Полетикѣ. Въ этой грамотѣ признаны шляхтичами не только получившій ее—Григорій Ивановичъ, но и его отецъ и братья его отца, Павелъ и Василій Ивановичи, дѣти Ивана Ивановича Полетики, убитаго въ 1673 г., въ битвѣ подъ Хотиномъ, въ польскихъ хоронгвахъ, съ ихъ потомствомъ, а слѣдовательно и Григорій Андреевичъ Полетика и отецъ его Андрей Павловичъ Полетика».

«Родословіе Полетикъ, приведенное въ королевской грамотѣ *вполнѣ сходно съ родословіемъ найденнымъ* г. Лазаревскимъ въ бумагахъ Григорія Андреевича Полетики, съ той лишь разницей, что объ имѣніяхъ седневскаго сотника Полетики, зятя гетмана Многогрѣшнаго, какъ находившихся въ XVII стол. внѣ предѣловъ польскаго королевства, ничего не говорится въ той грамотѣ»...

«Изъ вышесказаннаго видно, что родословіе Полетикъ не есть сочиненіе Григорія Андреевича Полетики, а фактъ историческій, основанный на оффиціальныхъ доказательствахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію».

Засимъ г. И. Полетика приводитъ грамоту польскаго короля Станислава Августа въ русскомъ переводѣ, которая грамота будто бы опровергаетъ наше мнѣніе о *сочиненности* родословія Полетикъ.

Вотъ эта грамота. «Да будетъ вѣдомо на будущія времена всѣмъ—настоящій дипломъ нашей привеллегіи читающимъ или о немъ слышащимъ, что въ силу дозволенія намъ сеймомъ 1775 года дать шляхетскіе дипломы нѣкоторымъ особамъ и фамиліямъ, какъ о томъ яснѣе явствуетъ изъ конституціи того сейма, и вслѣдствіе покорнаго

намъ донесенія, заблагоразсудили мы удержать, на основаніи вышеупомянутаго намъ дозволенія, при шляхетствѣ польскомъ Григорія Полетику, совѣтника русскаго императорскаго посольства въ Вѣнѣ, кавалера ордена св. Владиміра, также и братьевъ его, какъ родныхъ, такъ и двоюродныхъ, фамилію Полетикъ носящихъ, какъ съ давнихъ временъ, польскимъ шляхтетствомъ защищающихся, изъ воеводства волынскаго происходящихъ, отъ прапрадѣда Ивана и того же имени прадѣда, который въ 1673 году, въ войскѣ нашемъ противъ турокъ, убитъ былъ подъ Хотиномъ, оставивъ трехъ малолѣтнихъ сыновей: Павла, Григорія и Василія, а также дочь Ѳеодосію, въ замужествѣ за шляхтичемъ польскимъ Колосовскимъ. Изъ нихъ Павелъ, окончивъ науки въ Кіевѣ, первый поселился въ Малой Россіи; затѣмъ—его братья Григорій и Василій. Первый, въ чинѣ офицерскомъ въ полтавскомъ полку служа, умеръ подъ Полтавой, въ битвѣ противъ шведовъ, въ 1709 году, оставивъ 3-хъ сыновей, Андрея, Ивана и Матвѣя, изъ которыхъ отъ Ивана между другими дѣтьми происходитъ и Григорій Полетика, совѣтникъ русскаго императорскаго посольства въ Вѣнѣ. А такъ какъ издавна, въ нашихъ краяхъ и въ Малой Россіи, принадлежали они къ шляхетству, то Григорія Полетику, братьевъ его родныхъ и двоюродныхъ, какъ и тѣхъ всѣхъ отъ дѣда ихъ Павла Полетики происшедшихъ, въ шляхетствѣ польскомъ признаемъ и утверждаемъ настоящимъ дипломомъ, вѣдая, что, вслѣдствіе уничтоженія во время революцій мѣстныхъ архивовъ, трудно иныхъ всякихъ доказательствъ добыть».

Что же говоритъ эта грамота?—Говоритъ она, что король, по праву, данному ему сеймовою конституціей 1775 г., «удерживаетъ» Полетикъ въ шляхетскомъ достоинствѣ, при чемъ имѣющіяся въ грамотѣ свѣдѣнія о предкахъ Полетикъ внесены сюда видимо подъ диктовку просителей, потому что, «вслѣдствіе уничтоженія во время революцій мѣстныхъ архивовъ, трудно иныхъ всякихъ доказательствъ добыть», говорится въ этой самой грамотѣ. Происхожденіе самой грамоты объясняется тогдашними обстоятельствами чиновныхъ малороссіянъ, стремившихся попасть въ ряды русскаго дворянства. Какъ видно изъ переписки Г. А. Полетики съ его родственникомъ Г. И. Полетикою [1]) (совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ), первый очень хлопоталъ — нельзя-ли его сыновьямъ заполучить какимъ-нибудь образомъ «иностранные офи-

---

[1]) См. *Частная переписка Гр. Андр. Полетики* (1750 -1784 г.) Кіевъ, 1895 8°. (Оттискъ изъ „Кіевск. Старины“).

церскіе чины» (стр. 170). Чины эти нужны были—практическому человѣку—для будущаго доказательства дворянства... Пріобрѣтеніе такихъ чиновъ заграницей—въ это время—уже практиковалось въ Малороссіи: въ 1775 г. *малолѣтніе* сыновья гадяцкаго полковника Ив. Тарновскаго, Иванъ и Михаилъ, имѣли уже чины *капитановъ* «польскихъ королевскихъ войскъ». [1]) Тарновскій добылъ эти чины для сыновей—тоже для будущаго доказательства дворянства. Такіе же чины хотѣлъ добыть и Г. А. Полетика, для своихъ сыновей, чрезъ вѣнскаго своего родича, но послѣдній отвѣчалъ ему, что въ Австріи и Пруссіи сдѣлать это трудно, а въ Польшѣ существуетъ для того «извѣстное препятствіе (?), нынѣ продолжающееся». Попробовалъ было вѣнскій дипломатъ обратиться за этими чинами еще—въ Данію, въ Пруссію, въ Саксонію..., но и здѣсь «не имѣлъ удачи въ тѣхъ попыткахъ». Болѣе успѣшною представилась попытка его въ Штутгартѣ: вѣнскій резидентъ Виртемберга «подалъ»—Полетикѣ—«надежду къ достиженію желаемаго»; начались было переговоры и о «потребныхъ къ сей коммиссіи *издержкахъ»* (стр. 179); однакожъ это дѣло не сладилось, п. ч. Г. А. Полетика не удовлетворялся «капитанскими и поручичьими чинами», которые ему предлагались, а желалъ большихъ (?). Вслѣдъ затѣмъ (1784 г.) Г. А. Полетика умеръ, и послѣ его смерти—исканіе доказательствъ будущаго дворянства, для всѣхъ уже Полетикъ, взялъ на себя вѣнскій ихъ представитель. Въ 1787 г. этотъ П—ка получилъ приведенную выше грамоту—на «удержаніе» въ шляхетствѣ, какъ самаго просителя, такъ и его братьевъ, «родныхъ и двоюродныхъ». Видимо, что для полученія такихъ грамотъ требовались не какіе либо акты о происхожденіи, а «издержки». Поэтому—о представленіи Полетиками при этомъ какихъ либо фамильныхъ документовъ—въ грамотѣ и не говорится, а упоминается лишь, что Полетики «съ давнихъ временъ защищаются польскимъ шляхетствомъ». Это послѣднее обстоятельство удостовѣрялось, какъ видно, однимъ лишь заявленіемъ просителей («мѣстные архивы уничтожены во время революцій»), которые при этомъ привели всѣ тѣ свѣдѣнія о своихъ предкахъ, о коихъ говоритъ грамота и которыя извлечены были не изъ какихъ либо актовъ, а изъ семейныхъ преданій, а послѣднія уже раньше сведены были въ особомъ «родословіи», авторомъ котораго

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, III, 356.

былъ Г. А. П—ка. Въ этомъ смыслѣ мы и говорили,—и теперь повторяемъ,—что родословіе Полетикъ было *составлено* Г. А. Полетикою, который, можно сказать, вообще былъ спеціалистомъ по части «сочиненія» такихъ «родословій», требовавшихся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII в. во множесвтѣ, при доказательствахъ дворянства. [1]) Составленное имъ родословіе Полетикъ послужило, такимъ образомъ, какъ для королевской грамоты, такъ и для насъ—однимъ и тѣмъ-же источникомъ для свѣдѣній о предкахъ Полетикъ.

А. Л.

Придворные гайдуки откуда набирались, видно изъ слѣдующаго документа. «Высокородный и высокопочтенный господинъ полковникъ переяславскій, милостивый государь мой! Прошедшого 759 году, разныхъ числъ, съ повелѣнія его сиятелства графа ясневелможнаго господина гетмана и кавалера, писано отъ мене къ вашему высокородію о пріисканіи въ полку переясловскомъ, для отъсилки къ высочайшому ея императорского величества двору, въ гайдуки, чрезъвычайно рослыхъ людей, тоесть, чтобъ были въ три аршина или мало чимъ менше, но оные писма повидимому забуты, что и (понынѣ?) таковыхъ велиganовъ не прислано, и проискано ль сколь (ко?) оныхъ—неизвѣстно. Нинѣ же отъ двора ея и. величества, зъ высочайшаго ея и. величества повелѣнія, гофъ-маршалъ Сѣверсъ таковыхъ чрезъвычайного росту велиganовъ нужно требуетъ. Для того его сиятелство ясневелможный господинъ гетманъ и разныхъ ординовъ кавалеръ изволилъ приказать писать къ вашему высокородию, чтобъ такого великого росту людей, сколько и какъ скорѣе можно отыскавъ, въ переясловскомъ полку, немедленно оныхъ (для) отправленія къ высочайшему двору при нарочныхъ послали въ домъ его ясневельможности, въ Глуховъ. (Только) того смотреть, чтобъ оные чрезъвычайного росту (люди) были на всемъ здоровы и лицемъ не гнюсны.

Вашего высокородія, милостивого государя моего, покорнѣйшій слуга Павелъ Ломѣковскій.

1760 году, ноября 22 дня.» *(Съ подлинника).*

---

[1]) См. письмо Г. А. П—ки къ Я. А. Гамалѣѣ въ собраніи писемъ перваго, стр. 84. Здѣсь П—ка говоритъ о „своемъ трудѣ въ сочиненіи происхожденія рода Гамалѣевъ“.

Къ этому можно добавить, что мужское населеніе приднѣпрянскихъ переяславскихъ селъ отличается своего статностью, причемъ тутъ нерѣдко можно встрѣтить настоящихъ богатырей—красавцевъ! Говорятъ, что контингентъ этого населенія даетъ наиболѣе рослыхъ «людей» въ гвардейскіе кирасирскіе полки, т. е. кавалергардскій и друг.

Добавка къ замѣткѣ о „Спискѣ студентовъ кіевской академіи 1779 г.“. Говоря въ этой замѣткѣ, что изъ списковъ учениковъ академіи изданъ былъ лишь одинъ—списокъ 1769—70 г. (Аскоченскимъ), мы ошибались. Въ «приложеніяхъ» къ VII-му тому «Описанія документовъ и дѣлъ архива свят. Сѵнода», (въ 1885 г.) напечатанъ «Реестръ учителей и учениковъ въ коллегіумѣ Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающихся, року 1727 г. поданный». Кромѣ 8-ми учителей, здѣсь перечислены; а) *ученики теологіи*—47, б) *ученики философіи*—83, в) *реторе*—79, г) *поэты*—84, *синтактики*—97, д) *грамматики*—51, е) *инфемисти*—84 и ж) *фаристи*—117. Всѣхъ учениковъ перечислено—642. Этотъ списокъ даетъ полную картину контингента кіевскихъ академистовъ нач. XVIII в. Тутъ мы видимъ цѣлый рядъ академистовъ изъ старшинскихъ дѣтей: Лизогубовъ, Забѣлъ, Марковичей, Танскихъ, Косачей, Себастіановичей и друг. Между прочимъ, здѣсь, въ числѣ «фаристовъ» показанъ *Григорій Галаганъ;* если это былъ сынъ прилуцкаго полковника Игнатія Галагана и самъ—будущій полковникъ, то мы, зная годъ его рожденія (1716 г.), [1]) видимъ, что этотъ «полковниченко» въ 11 лѣтъ уже учился въ кіевской академіи. Вообще списокъ 1727 г. представляетъ собою очень любопытный документъ для исторіи образованности въ старой Малороссіи, указывая степень распространенности въ ней школьнаго обученія въ перв. полов. XVIII в.

Вишневецкая библіотека. Польскій историкъ Балинскій, описывая лѣтъ 60 тому назадъ въ своей «Starożytna Polska» вишневецкій замокъ, [2]) бывшій нѣкогда резиденціей извѣстныхъ князей Виш-

---

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, III. 49.

[2]) м. Вишневецъ при р. Горыни въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ.

невецкихъ, говорилъ, между прочимъ, что находившееся въ замкѣ «драгоцѣнное собраніе книгъ насчитываетъ въ себѣ много первыхъ изданій, рѣдкихъ дѣлъ и важныхъ рукописей». Это собраніе книгъ и рукописей находится теперь въ г. Кіевѣ и принадлежитъ В. И. Толли, бывшему владѣльцу м. Вишневца. Въ своемъ теперешнемъ видѣ оно состоитъ изъ книгъ и рукописей, какъ князей Вишневецкихъ, такъ и позднѣйшихъ владѣльцевъ Вишневца: Замойскихъ, Мнишковъ, Пляте_ ровъ, и заключаетъ въ себѣ, кромѣ рукописей, до 5000 томовъ изданій съ конца XV до половины XIX в. на латинскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, русскомъ, греческомъ, сербскомъ и другихъ языкахъ. Что касается рукописей, то страннымъ кажется почти полное отсутствіе фамильныхъ бумагъ князей Вишневецкихъ, которыхъ, судя по библіотечнымъ каталогамъ конца XVIII в., раньше были цѣлыя сотни. Мало также оригинальныхъ документовъ XVI и XVII в. [1])

Самый богатый изъ отдѣловъ печатныхъ книгъ вишневецкой библіотеки—это отдѣлъ беллетристики. Онъ состоитъ изъ 1500 томовъ произведеній разныхъ авторовъ, начиная съ Bonsard'a (изданіе 1573 года), Noble, Pendari, Simon, Segrais, Sterne, Fontenelle, Fontaine, Filding, Morro и пр. и оканчивая безчисленными романами Kotzebue и A. Dumas.

Отдѣлъ книгъ богословскаго и духовнаго содержанія начинается Библіей, изданной въ 1497 г. на латинскомъ языкѣ (Biblia Sacra impressa in Selici Henetorum civitate 1497). Далѣе идутъ Библіи: нѣмецкія (1530—1603 гг.), латинская (1546 г.), польская (1577 г.), Псалтирь латинская (1515 г.), Новый Завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ (1533 г.), Евангеліе на польскомъ и литовскомъ языкахъ in 16⁰ безъ заглавнаго листа; Historya Starego y Nowego Testamentu z francuskiego vierszem polskim przetłumaczona, w Nancy 1761 r. Hebraica chaldaea graecaque et latina nomina virorum; populum, idolorum... quae in Bibliis sparsa sunt, Lugduni 1537. Joan. Thauleri De vita et passione Salvatoris nostri Jesu Christi 1548. Fragmenta Caroli Magni, aliorumque de veteris Ecclesiae ritibus, Antverpiae 1550. B. Platinae Historia de vitis pontificum romanorum, Coloniae Agrippinae 1568. Antonii Possevini Notae divini verbi, Poznaniae 1586. Joan Tvardovsk

---

[1]) Документы этого времени есть, но почти всѣ они являются только болѣе или менѣе поздними копіями.

Examen fidei sectariorum, Vilnae 1594. Francisci Lucae Brugensis Concordantiae bibliorum sacrorum, Antverpiae 1617. Fausti Socini Senensis De coena Domini tractatus brevis, Racoviae 1618. Paradisus cormeliticie decoris. Lugduni 1639. Wiecznosć piekielna, w Krakowie 1640. Philippus Jacobus Bibliotheca sanctorum patrum, Augustae Vindelicorum 1719. Piotr Skarga Kazania przygodne, w Wilnie 1738. Bullarium Benedicti papae XIV, Romae 1746. Къ литературѣ духовныхъ стиховъ относится M. I. Kuligowskiego Historya o swiętym Jozaphacie krolewicu Indiyskim y o swiętym Barlaamie pustelniku, w Krakowie 1688. Есть также много іезуитскихъ изданій и цѣлые десятки томовъ проповѣдей, преимущественно польскихъ.

Среди книгъ философскаго содержанія находятся: Aureli De secretis naturae, Basileae 1570. Problemata Aristotelis, Lugduni 1579. I. Badini Universae naturae theatrum, Francofurti 1597. A Senecae Opera a Justo Lipsio emendata, Antverpiae 1615. Hervicius Oreus Assenheim. Viridarium hierogliphico-morale, Francofurti 1619. H. Cardani De utilitate, Amsterodami 1672. Buffjer Elemens de méthaphisique, à Paris 1725. Есть произведенія Bacon'a, Beroaldi, Bartholimi, Gautier и др. Изъ сочиненій по алхиміи упомянемъ: Doctrina verae alchemiae, Basileae 1561. M. Rulandus Lexicon alchemiae 1612. Albertus Magnus. De secretis mulierum item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium, Amsterodami 1648. Отдѣлы юриспруденціи, математики, медицины, искусства,—сравнительно, болѣе бѣдны, за то богатъ отдѣлъ исторіи, особенно, польской.

По исторіи Польши, кромѣ извѣстныхъ хроникъ Длугоша, Кромера, Бѣльскаго, Гвагнина, находятся еще слѣдующія сочиненія: Paprocki Herby rycerstwa polskiego, w Krakowie 1584 и 1589. Epistola Georgii Chiakor de morbo et obitu Stephani regis Poloniae, Claudiopoli 1587. Arnoldus Milius regum polonorum vivae imagines, Coloniae Agrippinae 1594, Christophori Varsevicii De optimo statu libertatis libri duo, Cracoviae 1598. Его же: Paradoxa christianorum et de origine generis et nominis poloni dialogus, Romae 1601. Acta et decreta commissionum Poloniae et Sueciae, anno 1609 et 1612 habitarum, Cracoviae 1633. S. I. Petricii rerum in Polonia historia 1620—1621 an., Cracoviae 1637. Simon Okolski Orbis polonus, Cracoviae 1641. Ekerhard Vassenborgius Cisteron Joannis Casimiri carcer gallicus, Gedani 1644. Его же: Gesta Vladislaí IV, Gedani 1649. Epistolica relatio equitis poloni ad amicum de proelio contra tartaros ad Ach-

metoviam 30 jan. 1644 an., Dantisci 1644. Kojałowicz. De rebus anno 1648 et 1649 contra zaporovios cosacos gestis, Vilnae 1651. Joachimus Pastorius Bellum scythico-cosacicum, Dantisci 1652. S. Sczygielski Aquila polono-benedictina, Cracoviae 1663. Его же: Phorus benedictina, Cracoviae 1669. Reinboldi Heidensteinii rerum polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francofurti 1672. M. Christophori Hartcnochi Respublica Polonica, Jenae 1678. Bizardier Histoire de la scission ou division arrivée en Pologne le 27 juin 1679 au sujet de l'election d'un roy, à Paris 1700. Hauteville Relation historique de la Pologne, à Paris 1697. Instrumentum pacis inter sacras regias Majestates Sveciae et Poloniae et Regiam Majestatem Saxoniae, Lipsiae 1706. A. Chr. Załeskiego Epistolae historico familiares, Brunsbergae 1711. Freund Dissertatio de insignibus regiis polonicis, Lipsiae 1712. Desfontaines Histoire des revolutions de Pologne, à Amsterdam 1735. L'Abbé Coyer Histoire de Jean Sobieski, roi de Pologne, à Varsovie 1761. Eloge de Stanislas I, roi de Pologne, à Paris 1766. Burdillon Essai historique et critique sur les dissentions des églises de Pologne 1767. Есть нѣсколько рѣдкихъ брошюръ, относящихся къ личности короля Михаила Вишневецкаго. Онѣ имѣютъ чисто панегирическій характеръ, но, можетъ быть, представятъ интересъ тѣ данныя по генеалогіи и исторіи князей Вишневецкихъ, которыя въ нихъ находятся. Брошюры эти слѣдующія: Corona de lapidibus proetiosis... coronationis die domini Michaelis Dei gratia polonorum regis, Zamoscii 1669. V. I. Mazurkovic Cynthia Korybuthea in auguratione Michaelis Korybuthi, regis Poloniae, Cracovaie 1669. St. Temberski Chronologia synoptica palmitis Čoributei ad coronationis diem Michaelis I Dei gratia regis Poloniae, Cracoviae 1669. Joachimus de Hirtenberg Pastorus Diadema gloriae domini Michaelis D. g. regis Poloniae, Cracoviae 1669. 10 milliesque vivat serenissimus Michael. Такое же точно значеніе для изученія исторіи рода князей Любартовичей-Сангушковъ имѣетъ Sparta Polska. Panna naysw. Marya w cudownym obrazie w kosciele Łuckim dominikanskim, w Zamosciu 1703.

Древнѣйшей книгой изъ отдѣла всеобщей исторіи является Schedel'я Hartmann'a Register des buches der Cronichen und Geschichtens mit figure und pildnussen fon an begin der Velt bis auf dise unsere Zeit, Nurnberg 1493 или 1497. Далѣе упомянемъ: Pauli Jovii Historiae sui temporis Florenciae 1550. I. Funccius Chronologia omnium temporum 1552. A. Krautzii Rerum germanicorum historici claris.

Saxonia. Francofurti ad Moenum 1575. Le cabinet du roy de France 1581 M. Broniovii Tartariae descriptio, Coloniae Agrippinae 1585. I. Sturmii De bello adversus Turcos, Jenae M.D.IIC. Lopez de Gomera Histoire générale des Indes occidentales. à Paris 1606. Melancthon Ghil. Chronicon carionis 1617. P. Piasecius Chronica gestorum in Europa, Cracoviae 1645. Famiani Stradae romani e societate Jesu de belle belgico, Romae 1648. Briot Histoire de l'état présent de l'empire Ottomane, à Paris 1670. Stephani Broderici Narratio de proelio ad Mohatzium (1526), Argentorati 1688. Le grand théâtre historique, à Leide 1703. Description de la Livonie, a Utrecht 1705. Jacques le Long Bibliothèque historique de la France, à Paris 1719. Знаменитая энциклопедія Дидро, масса мемуаровъ XVII и XVIII в. Изъ изданій XVIII в. можно упомянуть о Colection orientale. Manuscrits inédits de la bibliothèque royale, à Paris 1840 въ 6 большихъ томахъ.

Книгъ, относящихся къ русской исторіи очень немного. Изъ нихъ болѣе рѣдкими являются: Reinoldi Heidensteni de bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, Basileae 1588. Rerum moskovitorum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti, Francofurti 1600. La croix guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie, à la Haye 1689. Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum czarus, cum bello Ivecis contra jusjurandum et nuperrime datam fidem, illato proetextum quaereret anno 1700. Holmiae Perry État présent de la Grande Russie ou Moscovie 1718. Traité d'amitié perpétuelle et de garantie de part de la Russie 1764. Очень рѣдкая брошюра, относящаяся ко времени Лжедимитрія I подъ заглавіемъ Andreus Locaechius Scotus Numen innocuo amicum sive victoria serenis principis Demetrii Joannidis, Magni Moscoviae ducis, Cracoviae 1605.

Въ отдѣлѣ географіи и космографіи находятся: Novus orbis regionum ac insularum, veteribus incognitarum, Basileae 1532. S. Munsterus. Cosmographiae universalis libri VI, Basileae 1559. Variarum in Europa itinerum deliciae 1599. Bilibaldus Strobaeus Silesius. Quinta pars Indiae orientalis, Francofurti 1601. Baptistus Riciolius Geographia et hydrographia reformata, Venetiis 1672. Smith Epistola de moribus turcorum 1674. P. Cluverii Introductio in universam geographiam 1678. Jacobi Gronovii Geographia antiqua. Lugduni Batavorum 1700. Σεφάνου Βυζαντίου περὶ πόλεων съ переводомъ на латинскій языкъ Авраама Перкеліуса, Lugduni Batavorum 1694. Dictionnaire geogra-

phique, historique. chronologique... de l'empire de la Chine et de la Tartarte chinoise, à Paris 1735—роскошное изданіе въ 4 томахъ in folio съ подробными картами и рисунками.

Въ отдѣлѣ атласовъ и картъ обращаетъ на себя вниманіе атласъ 1490 года. Заглавный листъ его не сохранился, но въ концѣ обширнаго географическаго очерка, помѣщеннаго въ немъ въ видѣ введенія, находятся слѣдующія строки, напечатанныя безъ раздѣленія словъ: «Hoc opus ptholomei memorabile quidem et insigne ex actissima diligentia castigatum iucondo quodam caractere impressum fuit et completum rome anno a nativitade domini M.CCCC.LXXXX die IV novembris arte ac impensis petri de turre». Для внутренней обложки переплета этого атласа послужили рукописи, изъ которыхъ одна пергаментная. Въ этомъ же отдѣлѣ находятся: Georgii Brauni urbium praecipuarum liber tertius, Coloniae Agrippinae 1631. Атласъ изъ картъ, преимущественно, амстердамскихъ изданій 1629—1659 годовъ. Среди нихъ находится карта Сѣверной Россіи Исаака Массы, карта нижняго теченія Днѣпра, подъ заглавіемъ: Tractus Borysthenis a civitate Czyrkassi ad ostia; карта Польши Іоанна Янсоніуса, карты рѣкъ Рейна и Дуная; карта Ливоніи, Моравіи, Валлахіи, разныхъ нѣмецкихъ государствъ, Турціи, Палестины, «Тартаріи», Азіи, Америки и пр. Mappa regni Poloniae et M. Ducatus Lithuaniae 1772. M' C''' et M' Guendeville Atlas historique on nouvelle introduction à l'histoire, à la Chronologie et á la Geographie ancienne et moderne représentée dans de nouvelles cartes, à Amsterdam 1713—1719 въ 6 томахъ. Здѣсь же мы упомянемъ о рукописной, очень подробной Delineacyi miasta Warszawy przedmiesciowy całey okolicy z wyrazeniem rynkow, ulic, kosciołòw, zamku, pałacow za szczesliwego panowania Sfanisława Angusta pod rządem łaski wielkiej koronney Stanisława Lubomirskiego w r. 1771 udziałana. Обозрѣніе печатнаго отдѣла вишневецкой библіотеки мы закончимъ указаніемъ на такія періодическія изданія, какъ La Clef du cabinet des princes de l'Europe 1704—1728 r. Journal des scavans 1708—1728 r. Kuryer polski 1733. Mercure Danois dédié au roi 1753—1760. Esprit des journaux 1791—3.

Что касается рукописей вишневецкой библіотеки, то ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: 1) фамильныя бумаги и 2) документы, непосредственно относящіеся къ исторіи Польши. Большинство документовъ первой группы относится къ роду Вороничей. Они обнима-

ютъ время съ 1579 до 1794 года, состоятъ, большею частью, изъ выписокъ изъ гродскихъ книгъ (замковъ: кіевскаго, житомірскаго, луцкаго, владимірскаго и львовскаго) и заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, нѣкоторыя данныя о земельныхъ владѣніяхъ львовскаго іезуитскаго коллегіума (годы 1699—1744), луцкаго доминиканскаго монастыря (1720—1759), бенедиктинъ (1699—1744), миноритокъ (1714), францисканъ (1700—1713), львовскихъ и бердичевскихъ босыхъ кармелитовъ 1701—1757). Далѣе слѣдуютъ фамильныя бумаги князей Збаражскихъ (1592 г.), Тышкевичей, Копцовъ, Дзыкъ, Сосновскихъ, Красицкихъ, Ваповскихъ, графовъ Потоцкихъ, Браницкихъ, Ржевусскихъ, Сангушковъ, Радзивилловъ и др.

Изъ документовъ второй группы къ XVII в. относится завѣщаніе короля Михаила Корибута 1673 г. въ позднѣйшей копіи съ сохраненіемъ почерка и цвѣта бумаги подлинника, который въ 1869 г. находился въ Варшавѣ и принадлежалъ Даніилу Лессеру. Къ XVII же вѣку относится и небольшой, in 16°, томикъ русской лѣтописи, написанной довольно четкой скорописью, безъ переносовъ. Листовъ въ ней 297. Она начинается покореніемъ Сибири Ермакомъ, оканчивается избраніемъ на царство Михаила Өеодоровича и принадлежитъ, можетъ быть, къ тому типу лѣтописей эпохи смутнаго времени, образецъ котораго находится, между прочимъ, и во второмъ выпускѣ труда Титова: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву, Москва, 1892. Къ концу XVII или къ началу XVIII в. относятся Apologia pro libertate rei publicae et legibus regni—рукопись въ пергаментномъ переплетѣ. Къ XVIII в. относятся: большой томъ in 4°, въ которомъ находятся (въ копіяхъ): грамота короля Августа II 1701 г., его-же инструкція сеймикамъ, предшествовавшимъ вольному варшавскому сейму 1701 г., рѣчь сеймового посла Сухоржевскаго къ королю, письмо короля къ сенаторамъ, рѣчь князя Ивана Радзивилла; небольшой трактатъ подъ заглавіемъ: Poloniae libertatis crisis. Изъ другихъ документовъ упомянемъ: Proponenda et resolvenda na konfederacyi w Zubrzy z panami generalami Cara, januar 1711. Постановленіе воеводствъ Княжества Литовскаго. Письма короля Станислава Лещинскаго и королевы Екатерины къ Адаму, графу Тарлы за годы 1722—1740. 32 письма Залусскаго 1734 г. Письма о войнѣ 1733 года на французскомъ языкѣ. Pamiętniki życia Franciszka Karpińskiego 1741—1791. Polska nejtralna w latach 1737, 1738, 1739 podczas wojny Rossyi z Turcyą. Рукопись эта, помѣченная 1859 го-

домъ и приготовленная къ печати, заключаетъ въ себѣ документы и письма, выбранныя изъ Тульчинскаго архива. Большинство рукописей вишневецкой библіотеки относится ко времени Станислава Августа и паденія Польши. При этомъ особенно ярко обрисовывается въ нихъ внутренняя жизнь погибавшаго королевства; агитація и борьба партій на сеймахъ, безчисленные пасквили на современныхъ общественныхъ дѣятелей, отживавшее свой вѣкъ традиціонное стремленіе къ «золотой свободѣ», и рядомъ съ этимъ—стремленіе къ реформѣ, къ умственному возрожденію, къ уничтоженію анархіи и какое-то судорожное исканіе способовъ спасенія Рѣчи Посполитой. На первомъ мѣстѣ нужно поставить 3 фоліанта, содержащихъ въ себѣ до 3000 копій разныхъ документовъ, относящихся ко времени Барской конфедераціи и послѣдующихъ 4—5 лѣтъ. Въ нихъ находятся: treść związku konfederatow' punkta i obowiązki sprzysiężonych, rota przysięgi konfederatow Barskich; универсалы, манифесты и дневники барской конфедераціи и конфедерацій генеральныхъ; грамоты и письма Станислава Августа, другихъ государей европейскихъ и турецкаго паши; указы Екатерины II; буллы и бреве папы Климента XIV къ епископамъ; выписки изъ современныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ; дневникъ суда «kroleboycow» 1773 г.; манифесты диссидентовъ; письмо молдавскаго господаря къ русскому послу кн. Репнину; воззваніе Красинскаго къ конфедераціи 1773 г., манифестъ Пулавскаго; стихотворенія и пасквили, подъ заглавіемъ: pożegnanie księcia Repnina, Żalu nieutolonego, do Stanisława Augusta, Véni creator konfederaciae, opisanie heroicznych dzieł pana Sapiehy kraiczego litowskiego, do kochaney oyczyzny и пр. Кромѣ того, есть много отдѣльныхъ стихотвореній и цѣлыхъ стихотворныхъ сборниковъ на тогдашнія злобы дня и, между прочимъ, на уничтоженіе іезуитскаго ордена. Изъ политическихъ трактатовъ упомянемъ: Uwagi pewnego wielkopolanina nad okolnym króla pruskiego listem pod datą 13 wereśnia w r. 1772 w Berlinie wyszłym; Reflexye pana Tyzenhauza nad woyną Holenderską znalezione między papierami posmierci jego; Du gouvernement des lois de Pologne a monsieur le Comte Viel...., smutne prawdy dla potomności polaka, szlachcic priusatny do narodu swego polskiego. Много сеймовыхъ рѣчей Станислава Августа; копіи его писемъ къ Пулавскому, къ кременецкому хорунжему и каштеляну любачевскому; копіи писемъ Малаковскаго къ Потоцкому 1789; нигдѣ еще, кажется, не напечатанный Journal du feu roi de Pologne Stanislas

Auguste (1797—1798 г.); дневникъ Іосифа Копца, бригадира войскъ польскихъ, схваченнаго въ битвѣ при Мацѣйовицахъ и сосланнаго въ Камчатку. Изъ рукописей XIX в. отмѣтимъ только «Zdanie admirała Mordwinowa», судя по припискѣ, поданное въ 1827 г. императору Николаю I.

Д. Щ.

Нѣсколько дополненій къ статьѣ И. Франка объ украинской литературѣ. Въ Літературно-науковому Вістнику» въ 1901 г. (№№ VI—IX), напечатана большая статья И. Франка подъ заглавіемъ: «З останніх десятиліть XIX в.». Эта чрезвычайно интересная статья даетъ въ общихъ чертахъ картину украинскаго литературнаго движенія въ два послѣднія десятилѣтія прошедшаго вѣка и заключается краткой характеристикой ряда новѣйшихъ, молодыхъ украинскихъ писателей. Между послѣдними мы, однако, не встрѣчаемъ нѣсколькихъ именъ, о которыхъ, по нашему мнѣнію, нельзя не упомянуть. Такъ какъ самъ г. Франко проситъ о поправкахъ и дополненіяхъ къ своей статьѣ. то мы и позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько такихъ дополненій.

Итакъ, прежде всего не видимъ мы въ статьѣ самого г. Франка, имя котораго какъ высокоталантливаго поэта, беллетриста, ученаго и публициста давно уже произносится съ чувствомъ глубочайшаго уваженія каждымъ, кому дороги интересы родной литературы, интересы просвѣщенія и поднятія самосознанія народа. Но понятно, что г. Франко не могъ писать о самомъ себѣ, а мы въ этой краткой замѣткѣ также не имѣемъ возможности представить чрезвычайно разнообразную и плодотворную дѣятельность этой блестящей литературной силы: для этого необходима особая статья. Переходимъ поэтому къ тѣмъ изъ новѣйшихъ писателей, которые были пропущены г. Франкомъ въ его обзорѣ, и скажемъ о каждомъ нѣсколько словъ, не выходя изъ масштаба, принятаго въ статьѣ галицкаго критика.

Изъ этихъ послѣднихъ раньше всѣхъ выступилъ г. Дм. Маркевичъ (первые малорусскіе разсказы его появились въ 1886 г.). Предметъ его разсказовъ: народная жизнь и ея горести. Характерной чертой этого автора является гуманное, любовное отношеніе къ изображаемымъ лицамъ и постоянное стремленіе найти подъ самой загру-

бѣвшей корой теплое человѣческое чувство, благородный порывъ сострадательной души. Эта черта, въ связи съ умѣньемъ г. Марковича избирать полныя драматизма положенія, даетъ возможность его маленькимъ очеркамъ производить очень большое, иногда потрясающее впечатлѣніе.

Тѣмъ-же чувствомъ гуманности и сочувствія ко всѣмъ «труждающимся и обремененнымъ» отличаются и разсказы г-жи Яновской. Она обратила на себя вниманіе превосходнымъ разсказомъ «Смерть Макарыхы»—очень пессимистической, но чрезвычайно реальной картиной смерти матери семьи. Хорошее знаніе народной жизни и языка и пластика изображенія придаютъ этому разсказу высокую цѣнность. Хороши и послѣдующія вещи г-жи Яновской: разсказъ «Идеальный батько» (жгучій вопросъ объ отношеніи отцовъ къ своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ), комедія «На Зеленый Клынъ» (переселенческое движеніе) и большая повѣсть «Городянка». Послѣдняя посвящена вопросу о вліяніи города на селянъ, при чемъ авторъ подчеркиваетъ ту справедливую мысль, что пріобрѣтенія современной цивилизаціи—литература, искусство, жизненныя удобства и пр.—хотя и существуютъ въ городахъ, но только для небольшой избранной группы лицъ, а масса трудящагося люда тутъ-же, рядомъ съ этимъ комфортомъ матеріальнымъ и умственнымъ, должна вести жизнь совершенно иную. Нѣкоторая идеализація села и языкъ интеллигенціи въ устахъ крестьянина—недостатки, проглядывающіе въ этой повѣсти, но, при желаніи, г-жа Яновская можетъ избавиться отъ нихъ очень легко.

Гораздо мрачнѣе смотритъ на сельскую жизнь талантливый молодой авторъ, закрывающійся псевдонимомъ Грыцька Грыгоренка. Въ своемъ сборникѣ разсказовъ «Наши люде на сели» онъ изображаетъ по преимуществу темныя стороны крестьянской жизни, сильно сгущая краски. Впрочемъ, въ послѣдующихъ своихъ разсказахъ авторъ избавляется отъ этого недостатка и достигаетъ въ своемъ рисункѣ надлежащаго отношенія свѣта и тѣни, постоянно оставаясь на совершенно реальной почвѣ. Нѣкоторая шероховатость и неотдѣланность стиля искупается у г. Грыгоренка живостью народной рѣчи и свѣжими сравненіями, постоянно блещущими въ его языкѣ.

Въ то время, какъ всѣ помянутые беллетристы занимаются почти исключительно изображеніемъ сельской народной жизни, г. Вл. Левенко очерчиваетъ болѣе широкій кругъ въ своихъ малыхъ и большихъ талантливыхъ разсказахъ. Начавъ съ изображенія солдатскаго

бунта («Салдатськый розрухъ») и отношеній между крупными землевладѣльцами и народомъ («Паны и люде»), г. Левенко даетъ затѣмъ рядъ интересныхъ характеристикъ нашего духовенства въ «Per pedes apostolorum», а потомъ заинтересовывается рабочимъ вопросомъ и въ «Старе й нове» изображаетъ положеніе рабочихъ-ремесленниковъ небольшого города, устроенный ими разгромъ евреевъ и, наконецъ, попытки лицъ изъ интеллигенціи воздѣйствовать извѣстнымъ образомъ на рабочихъ. Умѣнье автора присматриваться къ жизни, серіозность затрогиваемыхъ имъ темъ и симпатичные взгляды писателя дѣлаютъ его разсказы всегда интересными.

Говоря о беллетристахъ, намъ хочется упомянуть еще объ одномъ авторѣ, хотя его первая повѣсть появилась уже въ XX-мъ вѣкѣ и потому въ статью г. Франка не могла войти. Мы говоримъ о г. Эварницкомъ, извѣстномъ изслѣдователѣ Запорожья, выступившемъ въ 1901 г. съ повѣстью «Наша доля—Божа воля», въ которой авторъ рисуетъ паденіе старыхъ устоевъ крестьянской жизни рядомъ съ отсутствіемъ замѣны ихъ новыми лучшими. Прекрасный народный языкъ повѣсти, многія хорошо написанныя мѣста и интересное содержаніе заставляютъ забывать нѣкоторые ея недочеты и желать, чтобы г. Эварницкій не остановился на этомъ первомъ своемъ беллетристическомъ опытѣ на малорусскомъ языкѣ.

Послѣ беллетристовъ намъ остается упомянуть еще о многообѣщающемъ поэтѣ—г-нѣ Чернявскомъ. Первые его сборники стиховъ не удовлетворяли со стороны языка, но въ послѣднее время г. Чернявскій пишетъ все лучшимъ и лучшимъ языкомъ, расширяя понемногу и кругъ своего поэтическаго вдохновенія, первоначально довольно узкій. Мы не сомнѣваемся, что талантъ г. Чернявскаго дастъ ему возможность овладѣть въ полной мѣрѣ всѣми тайнами родной рѣчи, и въ новыхъ его произведеніяхъ мы услышимъ отзвуки радостей и болей, волнующихъ душу современнаго человѣка.

Б. Гринченко.

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о предкахъ Гоголя. «Въ № 36-мъ Полтавскихъ Губернск. Вѣдом.» напечатано письмо свящ. Ал. Петровскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ новыя данныя о предкахъ Н. В. Гоголя. Вотъ эти данныя.

Намъ удалось добыть дневникъ одного изъ старѣйшихъ священниковъ Миргородскаго уѣзда,—о. Владиміра Яновскаго, который приходится троюроднымъ братомъ Н. В. Гоголю. Изъ дневника этого видно, что родъ Гоголей-Яновскихъ ведетъ свое начало отъ Ивана Яковлевича (фамиліи въ документахъ нѣтъ)—выходца изъ Польши, который въ 1695 году былъ назначенъ къ Троицкой церкви г. Лубенъ «викарнымъ» священникомъ; вскорѣ онъ былъ переведенъ во вновь устроенную Успенскую церковь с. Кононовки того же уѣзда. Въ «Ставленной Грамотѣ» фамилія Ивана Яковлевича не обозначена, а только прописано, что «Божіею милостію... посвященъ во іереи Иванъ Яковлевичъ, мужъ благоговѣйный, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніямъ прилежно испытанный»... Продолжателями рода и преемниками духовной власти Ивана Яковлевича были: сынъ его Даміанъ Іоанновъ Яновскій (можно думать, что фамилія—отъ имени отца Ивана, по польски Яна), также—священникъ Кононовской Успенской церкви; далѣе родословная Яновскихъ идетъ по двумъ параллельнымъ линіямъ: 1) сынъ о. Даміана Афанасій Даміановъ (уже) Гоголь-Яновскій—«пріемеръ-майоръ» (какъ сказано въ семейной лѣтописи); сынъ его Василій и внукъ—Николай—писатель; 2) Кириллъ Даміановичъ—священникъ Кононовской церкви, его дѣти: Меркурій и Савва, оба священника,—1-й въ Кононовкѣ, 2-й въ Олефировкѣ, Миргородскаго уѣзда; сынъ этого послѣдняго, нынѣ здравствующій о. Владиміръ Яновскій, сохранилъ у себя всѣ уставныя грамоты своихъ духовныхъ предковъ, въ свою лѣтопись занесъ родословную послѣдовательность фамиліи Гоголей-Яновскихъ, а въ своей ясной и твердой памяти сохранилъ много глубоко-задушевныхъ и интересныхъ воспоминаній изъ жизни своего великаго сородича—Н. В. Гоголя.

По поводу этой замѣтки священника о. Петровскаго племянникъ писателя, Н. В. Быковъ даетъ слѣдующее разъясненіе. «Какъ по имѣющимся документамъ въ семейномъ архивѣ, такъ и по даннымъ въ депут. двор. соб. родъ Н. В. Гоголя вполнѣ установленъ и сходится со свѣдѣніями, имѣющимися въ біографіи Гоголя—Кулиша. Поэтому ка-

жется по меньшей мѣрѣ страннымъ пробовать опровергать эти документальныя данныя какими-то частными замѣтками или дневникомъ отца Яновскаго. Первоначальная фамилія рода покойнаго писателя была только «Гоголь», приставка «Яновскій» явилась дальнѣйшей прибавкой польскаго происхожденія, обозначавшей вѣтвь фамиліи Гоголей, ведшихъ свой родъ отъ Яна (Ивана) Гоголя. Это разъясненіе давалъ и самъ Гоголь въ своихъ письмахъ [1]). Что касается фамиліи «Яновскихъ», очень распространенной въ Полтав. губ., то за исключеніемъ одной отрасли ея, состоявшей въ очень отдаленномъ родствѣ, всѣ остальныя фамиліи въ родствѣ съ Гоголь-Яновскимъ г. Миргорода [2]) не состоятъ и происхожденіе ихъ совершенно другое. Объ этомъ покойный писатель также неоднократно говорилъ въ своихъ письмахъ, ввиду бывшихъ и тогда уже разныхъ поползновеній въ этомъ родѣ. Намъ приходилось слышать о заявленіяхъ представителей фамиліи Яновскихъ, что имѣніе Гоголя Васильевка-Яновщина тоже есть родовое им. фам. Яновскихъ, поэтому здѣсь, быть можетъ, будетъ не лишнимъ напомнить, что это имѣніе принадлежало роду «Лизогубъ» и одинъ изъ Гоголей получилъ его въ приданое за своей женой, рожденной Лизогубъ. Послѣднее время, когда явился спросъ на новинки о Гоголѣ, открытія, вродѣ замѣтки отца Петровскаго, повторяются особенно часто, не избѣжалъ этого и одинъ извѣстный литераторъ, нашедшій флигель въ м. Сорочинцы, въ которомъ родился Гоголь, и новыхъ родственниковъ писателя Анисимо-Яновскихъ—какъ то такъ и другое не вѣрно. Родился Гоголь въ д. Трихимово, нынѣ не существующей, а Анисимо-Яновскіе ни въ какомъ родствѣ съ родомъ Гоголя не состоятъ. Здѣсь будетъ кстати, пожалуй, сказать и нѣсколько словъ по поводу обычнаго, впрочемъ, желанія въ типахъ произведеній писателя искать портреты ему современныхъ родныхъ, знакомыхъ и проч. Въ настоящее время это же стремленіе повторяется и по поводу произведеній Гоголя особенно его «Миргородскихъ повѣстей». Поэтому позволю себѣ напомнить, что самъ Гоголь въ своихъ письмахъ горячо возставалъ противъ такихъ сопостановленій и находилъ ихъ очень странными, такъ какъ приданіе извѣстному типу жизненности и правдивости

---

[1]) Изданіе Маркса, редакція Шенрока 1902 г.

[2]) Есть Гоголь-Яновскіе Золотоношск. у., также не состоящіе въ родствѣ съ родомъ писателя.

до портретной схожести и составляютъ силу мастера и генія, въ чемъ былъ такъ силенъ и неподражаемъ самъ Гоголь («Полт. Губ. Вѣд.»).

Къ гоголевской выставкѣ. Членомъ историческаго общества Нестора-Лѣтописца В. А. Чаговцомъ собрано значительное количество предметовъ, относящихся къ памяти чествуемато писателя. Кромѣ рукописей, портретовъ и реликвій, на дняхъ имъ получены отъ В. Я. Головни портретъ Н. В. Гоголя, писанный масляннымн красками, а также серія картинъ полтавскаго художника Кульчицкаго, рисующнхъ наиболѣе интересныя мѣста родины поэта, Васильевки: 1) прудъ съ одной стороны (большая картина); 2) лѣвая часть пруда; 3) церковь въ Васильевкѣ и 4) холмъ, насыпанный по желанію поэта въ саду. Всѣ эти картины писаны по эскизамъ, набросаннымъ съ натуры и прекрасно передаютъ красоты поэтическаго уголка. Кромѣ того, полтавскій же художникъ В. А. Волковъ прислалъ эскизъ картины, бывшей на передвижной выставкѣ «Петръ I и Павелъ Полуботокъ». Послѣдній считается въ числѣ предковъ Гоголя, почему и эта картина можетъ находиться на гоголевской выставкѣ. Отъ него же получены два фотографическихъ снимка съ картинъ, только что законченныхъ и пересланныхъ въ Москву. Картины эти написаны послѣ тщательнаго и детальнаго изученія и реставраціи обстановки Н. В. Гоголя въ Васильевкѣ. На одной изображенъ поэтъ, слушающій бандуриста (варіантъ картины, писанной раньше), а на другой изображенъ поэтъ въ своей рабочей комнатѣ: передъ конторкой, обложенной книгами, сидитъ въ креслѣ поэтъ, обдумывая 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ». На лицѣ видна усталость, правая рука опущена, взоръ устремленъ впередъ... Въ углу теплится лампада, на стѣнѣ виситъ «Вознесеніе Господне» грав. Іорданомъ. Очень жаль, что судьба этихъ интересныхъ предметовъ (около 150 №№) такъ печально сложилась. Собранная съ такими стараніями выставка, предполагавшаяся въ актовомъ залѣ университета, теперь очутилась безъ пріюта, на рукахъ г-на Чаговца, вслѣдствіе отмѣны празднованія гоголевскаго юбилея въ университетѣ св. Владиміра («Кіевская Газета», № 42).

Чествованіе памяти Шевченка въ Севастополѣ. Четвертаго февраля въ севастопольскомъ городскомъ собраніи состоялся литературный вечеръ, посвященный памяти украинскаго поэта Т. Г. Шев-

ченка. Въ началѣ, мѣстнымъ актеромъ Е. А. Тыртовымъ былъ прочитанъ очеркъ г-жи Ефименко «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка», помѣщенный въ февральской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» за прошлый годъ. Поставленная затѣмъ художникомъ Протопоповымъ живая картина на слова поэта «Садокъ вышневый коло хаты» сразу перенесла слушателей въ ту природу и къ тѣмъ людямъ, которые были такъ дороги Шевченку. Но вотъ занавѣсъ опустился и на авансцену вышелъ бандуристъ Гнатъ Галайда. Залъ затихъ. Раздались звенящіе, мелодичные звуки, нѣсколько напоминающіе арфу. Звуки эти, переплетаясь, росли и обратились въ грустную, задумчивую мелодію, въ которую незамѣтно вступилъ мягкій баритонъ молодого композитора. Печальный звонъ струнъ мало по малу перешелъ въ шумные и грозные, какъ перекаты прибоя волнъ, аккорды, а вмѣстѣ съ ними выросъ и голосъ пѣвца... Имъ былъ исполненъ цѣлый рядъ думъ и народныхъ пѣсенъ.

Затѣмъ хоръ любителей изъ севастопольскаго народнаго театра, численностью около 35 человѣкъ, исполнилъ довольно трудную и эффектную музыкальную вещь г. Нищинскаго «Закувала та сыва зозуля».

Послѣ небольшого антракта г. Лазаревскій прочелъ составленный имъ очеркъ, характеризующій Т. Г. Шевченка, какъ человѣка, преисполненнаго любви къ ближнему.

Пріѣхавшая изъ Харькова вмѣстѣ съ г. Галайдой г-жа Хоткевичъ исполнила на роялѣ «Вторую украинскую рапсодію» М. В. Лысенка, блеснувъ техникой и особой, свойственной малорусскимъ пьесамъ, задушевностью исполненія. Кромѣ того исполнены были извѣстныя пьесы: «Гетьманы, Гетьманы, якъ бы вы вісталы» и «Садокъ вышневый коло хаты». Закончился вечеръ апоѳеозомъ Т. Г. Шевченка.

На сценѣ украинскій пейзажъ. Бѣленькія хатки, тополи, нѣсколько мельницъ, мимо которыхъ тянется змѣйкой проселокъ. Все это залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Ближе къ зрителямъ стоитъ на возвышеніи въ шубѣ и шапкѣ глубоко задумавшійся поэтъ, а вокругъ него красивой группой расположились герои его поэмъ: гайдамаки, сельскіе паробки, дивчата въ характерныхъ, украшенныхъ цвѣтами, головныхъ уборахъ, слѣпой кобзарь съ мальчикомъ поводыремъ, Катерина съ ребенкомъ на рукахъ, всѣ тѣ люди, о которыхъ болѣла чуткая душа Шевченка.

А хоръ тихо, тихо поетъ:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середъ степу шырокого,
На Вкраини мылій...

Сборъ съ вечера поступилъ въ пользу слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ («Ялтинскій Курьеръ», № 43).

О малорусскомъ національномъ типѣ. Подъ такимъ заглавіемъ 25 января въ Екатеринославѣ была прочитана лекція А. Н. Лисовскаго. Въ развитіи своей темы, лекторъ исходитъ изъ двухъ тезисовъ:

Тезисъ первый:

«Въ основѣ малорусскаго національнаго типа лежитъ *пассивное* чувство личности, чѣмъ этотъ типъ отличается отъ польскаго національнаго типа, въ основѣ котораго лежитъ *активное* чувство личности; въ свою очередь оба эти типа, какъ носители чувства личности, противополагаются великорусскому національному типу, носителю *общиннаго* чувства».

Свою схему развитія человѣчества лекторъ выразилъ слѣдующимъ образомъ. Въ безконечно далекомъ отъ насъ прошломъ существовали отдѣльныя, обособленныя національныя группы; каждый членъ группы являлся носителемъ всѣхъ національныхъ чертъ и могъ быть названъ типичнымъ ея представителемъ; индивидуальное начало въ это время всецѣло покрывается національнымъ. Въ безконечно далекомъ отъ насъ будущемъ—все человѣчество сольется въ единое общество, въ которомъ исчезнутъ всякія національныя черты и различія; начало индивидуальное расцвѣтетъ самымъ пышнымъ цвѣтомъ и покроетъ собою элементъ національный. Въ промежуткѣ между этимъ далекимъ прошлымъ и не менѣе отдаленнымъ будущимъ совершается процессъ высвобожденія начала индивидуальнаго изъ подъ опеки національнаго элемента; процессъ этотъ совершается наиболѣе рѣзко въ высшихъ слояхъ интеллигентнаго общества и крайне медленно въ народныхъ массахъ; нормально идетъ этотъ процессъ тогда, когда онъ совершается въ неприкосновенной области національнаго совершенствованія. Исторія уже не застала вполнѣ однородныхъ національныхъ группъ; историческій національный типъ складывается изъ комбинацій различ-

ныхъ физіологическихъ и психическихъ элементовъ, взятыхъ отъ прежнихъ однородныхъ національныхъ группъ; комбинація эта является весьма устойчивой въ основѣ своей; въ отдѣльныя историческія эпохи мѣняется не существо этой комбинаціи, а лишь ея выраженія; историческая эпоха является лишь штампомъ, съ помощью котораго отбивается тотъ или иной отпечатокъ на неизмѣнной основѣ національнаго типа.

Такимъ образомъ, каждая національность на протяженіи своей исторической жизни можетъ быть представляема типами, мало похожими другъ на друга, а въ отдѣльныхъ чертахъ своихъ даже противорѣчивыми. Малорусскій національный типъ представленъ въ исторіи козакомъ временъ Хмельницкаго, гайдамакой XVIII вѣка и пахаремъ современности.

Исторія Малороссіи, Великороссіи и Польши шла вполнѣ правильно и сообразно съ основными національными чертами этихъ народностей. Полякъ, носитель активнаго чувства личности, долженъ былъ выработать государственность съ раздробленной властью; малороссъ, носитель пассивнаго чувства личности, нормально чуждался всякой власти, не выработалъ самъ своей національной государственности и подчинялся въ исторіи чужимъ образцамъ государственнаго уклада, пока они не шли въ разрѣзъ съ его чувствомъ личной независимости; великороссъ, носитель общиннаго чувства, долженъ былъ создать государственность съ сосредоточенной властью, въ которой личное начало расплывалось. Столкновеніе прежде всего должно было произойти между носителями двухъ противоположныхъ чертъ личнаго начала; носитель общиннаго начала входитъ въ борьбу послѣднимъ; борьба должна была рѣшиться въ пользу носителя общиннаго начала, какъ представителя наиболѣе прочной и сосредоточенной организаціи государственности и власти. Типичное изображеніе великоросса, малоросса и поляка лекторъ видитъ въ литературныхъ типахъ Кутузова («Война и миръ»), Тараса Бульбы и Заглобы («Огнемъ и мечемъ»).

Тезисъ второй:

«Малорусскій національный типъ является въ народномъ творчествѣ въ двухъ образахъ: въ образѣ «*чужого чужаницы*» и «*козака-нетяги*», которые представляютъ собою субъективное и объективное выраженіе пассивнаго чувства личности; въ литературѣ представителемъ козака-нетяги былъ Котляревскій, а пѣвцомъ чужого чужаницы—Шевченко; въ энтузіазмѣ Гоголя нашли свой синтезъ оба эти образа».

Анализируя пассивное чувство личности, лежащее въ основѣ малорусскаго національнаго типа, авторъ отмѣчаетъ слѣдующія характерныя черты малоросса, проявленныя имъ во всей своей исторической жизни: 1) терпимость, ограниченную лишь отклоненіемъ посягательства на свою личность; 2) чувствительность, объясняемую той патетической средой, которая создается въ душѣ малоросса какъ результатъ и слѣдствіе борящихся и сталкивающихся между собою внутри и непроявленныхъ наружу чувствованій; 3) мечтательность, которая является результатомъ глубокой внутренней работы мысли, одинокой задумчивости, вызывающей идеи не отчетливыя, смутныя, лишенныя ясности и законченности; 4) великая любовь къ природѣ и, какъ слѣдствіе таковой, пантеистическое міропониманіе; 5) влеченіе къ патріархальному укладу жизни и 6) нелюбовь къ реформамъ, проистекающую не отъ косности и непониманія, а отъ малой активности и нежеланія нарушать установившійся, привычный ходъ жизни и мысли.

Вмѣстѣ съ козацкимъ періодомъ малорусской исторіи народилась и вмѣстѣ съ нимъ исчезла своеобразная, поразительная по внѣшней красотѣ и глубокому содержанію форма народнаго творчества—«дума». Дума всегда была двухъ родовъ: 1) дума лирическая, героемъ которой былъ «чужый-чужаныця», безродный, безпріютный, одинокій человѣкъ, погибавшій въ турецкой и иной неволѣ, передъ которымъ всегда витало золотое видѣніе родины, котораго всегда неудержимо влекло въ отчизну «на ясныи зори, на тыхыи воды», въ «край веселый, мыръ хрещеный», и 2) дума эпическая, въ которой изображался гордый, независимый, исполненный чувства собственнаго достоинства «козакъ-нетяга», неизмѣнный защитникъ слабыхѣ и угнетенныхъ, непреклонный противникъ «дукивъ», богатыхъ, сильныхъ угнетателей народа. «Чужый-чужаныця»—герой такихъ думъ, какъ знаменитая дума «Якъ тры браты изъ Азова втикалы», дума «Про Самуила Кишку» и др.; «козакъ-нетяга» впервые и наиболѣе законченно рисуется въ думѣ «Про Ганжу Андыбера, гетьмана запорожського», и затѣмъ становится героемъ чрезвычайно многочисленныхъ послѣдующихъ думъ. Есть, однако, дума, въ которой намѣчено чувство «чужого-чужаныци» и тонъ «козака-негяги», и которая является какъ бы синтетирующей оба рода думъ,—это дума извѣстная только въ одномъ варіантѣ, «Про сокола и соколя».

Въ дальнѣйшемъ лекторъ остроумно аналогируетъ Шевченка съ образомъ «чужого-чужаныци», Котляревскаго съ «козакомъ-нетягою» и указываетъ черты синтетическія для этихъ двухъ образовъ въ Гоголѣ.

Относительно этого послѣдняго писателя, какъ извѣстно, не писавшаго вовсе по-малорусски, лекторъ намѣтилъ чрезвычайно интересное положеніе: Гоголь долженъ былъ дать синтезъ малорусской литературы и жизни; обстоятельства перенесли его въ среду великорусскую, и великій писатель 43 лѣтъ погибаетъ отъ отсутствія живого духа въ его произведеніяхъ, посвященныхъ описанію чужого для него народа, основные элементы психики котораго остались для него не своими, не осязаемыми, чуждыми; творчество его изсякло, духъ погасъ, жизнь прекратилась. Несравненная галлерея типовъ въ первой части «Мертвыхъ душъ» смѣняется у Гоголя отвлеченными, безжизненными, придуманными персонажами второй части; третью часть, въ которой Гоголь предполагалъ дать синтезъ великорусской жизни, сожженна рукою самого автора. Синтезъ народной жизни можетъ дать только писатель, вышедшій изъ этого народа; такимъ писателемъ въ великорусской литературѣ является Левъ Толстой, подарившій міръ своей «Войной и миромъ».

Къ сожалѣнію, лекторъ только намѣтилъ, но не развилъ детально своего положенія о Гоголѣ («Приднѣпровскій Край», № 1440).

Украинцы въ Америкѣ. Въ № 15 «Волыни» помѣщена очень интересная замѣтка г. Случайнаго объ украинскихъ переселенцахъ въ Америкѣ, составленная на основаніи разсказовъ самихъ же переселенцевъ.

«Насколько удалось вынести изъ разпросовъ и бесѣдъ съ вернувшимися изъ Америки, наши мужички отлично, а главное быстро приспособляются къ существующимъ въ Америкѣ украинскимъ обществамъ, которыя образуютъ тамъ извѣстнаго рода «братства», церковные и политическіе союзы. Вы можете встрѣтить среди американскихъ украинцевъ о-во Богд. Хмельницкаго, Котляревскаго и др., въ честь великихъ украинскихъ дѣятелей. Малороссовъ насчитывается въ Сѣв. Америкѣ, по послѣднимъ даннымъ, около 600 тыс., въ южной Америкѣ—Паранѣ, Бразиліи около 60 тыс. Насколько они тамъ сплочены, можетъ свидѣтельствовать слѣдующее. Большинство американскихъ малороссовъ греко-католическаго обряда, православные же составляютъ о-ва 13—16 церковныхъ округовъ. Каждый изъ членовъ братства вноситъ при поступленіи свою лепту въ общую кассу и изъ нея, по послѣднимъ постановленіямъ съѣзда братчиковъ, вдовѣ умершаго члена полагается 500 дол., въ случаѣ же увѣчья за каждый изувѣченный

членъ есть особая такса, напр., за потерю глаза братчику выдается 200 долл., за потерю руки—200 и т. д. По послѣднимъ постановленіямъ, эти вознагражденія за увѣчья не вычитаются изъ суммы, которая выдается вдовѣ послѣ смерти мужа; раньше такія вычеты производились, но за то тогда и вознагражденія были большія. Любопытно, что и въ Новый Свѣтъ малороссы перенесли свои старыя привычки къ раздорамъ, несогласіямъ. И пословица: «де два вкраиньци, тамъ тры думкы» находитъ свое яркое подтвержденіе въ общественной жизни украинцевъ въ Америкѣ. Выразителемъ однихъ взглядовъ является издающаяся тамъ газета «Світъ». Характернымъ для этой газеты является то, что на заглавіи ея значится: съ разрѣшенія и благословенія святѣйшаго русскаго синода такого то числа такого-то года разрѣшено издавать въ Нью-Іоркѣ газету на малорусскомъ нарѣчіи подъ заглавіемъ «Світъ». Выразителемъ противоположныхъ взлядовъ является газ. «Свобода» и «Америк.-русскій Вістник». Между этими органами ведется самая ожесточенная полемика, находящая свой отзвукъ и среди читателей обоихъ лагерей. «Світъ» *на малорусскомъ языкѣ* старается доказывать, что *малорусской національности не сущуствуетъ,* въ то время какъ оба другіе работаютъ исключительно въ томъ направленіи, чтобы подымать въ читателѣ чувство національнаго самосознанія и чтобы отстаивать въ Америкѣ свою независимость.

Малороссы въ Америкѣ занимаютъ нѣкоторые штаты цѣликомъ (sic); особенно много ихъ въ Пенсильваніи, гдѣ они занимаются добываніемъ каменнаго угля и быстро достигаютъ на этомъ поприщѣ сравнительнаго благосостоянія. Въ эту то среду и попадаютъ чаще всего переселенцы.

Среди всевозможныхъ разновидностей малорусскихъ переселенцевъ, какъ-то: малороссовъ изъ Россіи, австрійскихъ-галичанъ, буковинцевъ, гуцуловъ, венгерскихъ русиновъ и бойковъ, невольно вниманіе останавливаютъ, какъ разсказываютъ и описываютъ переселенцы, послѣдніе. Типъ ихъ и общественная жизнь заставляютъ предполагать, что они нѣсколько другого происхожденія, чѣмъ всѣ малороссы. Въ то время, какъ общая характерная для малоросса черта—это его крайній индивидуализмъ, проявляющійся рѣзко даже тогда, когда онъ принадлежитъ къ извѣстной организаціи, бойки, наоборотъ, представляютъ изъ себя очень сплоченную общественную коллективную единицу. Затѣмъ, малороссы, какъ извѣстно, преимущественно земледѣльцы, такими они остаются въ Америкѣ, бойки же почти всѣ торговцы, занимаются торговлей овощами и фруктами.

Характерно, какъ акклиматизировавшіеся и прочно осѣвшіе на новомъ мѣстѣ бойки обращаются со своими новоприбывшими членами. Они ихъ ни за что не выпустятъ на улицу, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, раньше, чѣмъ не удастся придать имъ вполнѣ культурный, чисто-американскій внѣшній видъ. Одежда, обувь, прическа—все должно стать такимъ, какъ у янки, тогда и показывайся людямъ.

Какъ мы уже замѣтили, раздоры среди осѣвшихъ переселенцевъ происходятъ и весьма рѣзкіе. Они то и заставляютъ новоприбывшаго туда долго слоняться въ нерѣшительности, къ какой изъ группъ примкнуть. Уніаты и украинцы тянутъ къ себѣ, православные и москвофилы къ себѣ. И каждый изъ нихъ обѣщаетъ новичку чуть не золотыя горы и пугаетъ ужасами, если новичекъ пристанетъ къ противоположной партіи. Но проходитъ нѣкоторое время—новоприбывшій успѣетъ осмотрѣться, принаровиться къ условіямъ, начинаетъ работать, наживать деньгу, присылать роднымъ... И волшебная метаморфоза на лицо. Куда дѣвалась прославленная лѣнь малоросса, его мечтательная неподвижность! Въ Америкѣ зѣвать нельзя и въ этомъ убѣждается новичекъ на каждомъ шагу, убѣждается и пускается въ соревновеніе со своими родичами конкуррентами.

Какой ужасающе рѣзкій контрастъ являютъ собой переселенцы, вернувшіеся съ Амура и изъ Америки. Мнѣ приходилось ихъ наблюдать и сравнивать какъ разъ недавно, когда цѣлая группа амурскихъ переселенцевъ вернулась на свои родныя пепелища. Претерпѣвъ всяческія мученія, лишенія, очутившись безъ поддержки, безъ разумнаго руководительства въ чужомъ непривѣтливомъ, некультурномъ краю, «амурцы» вынуждены были насильно покинуть непріявшую ихъ страну, посылая проклятія на голову тѣхъ, кто разрисовалъ имъ Амуръ въ яркихъ, радужныхъ краскахъ. Дома, на пепелищѣ. ихъ ждали новыя лишенія—земля продана, усадьбы нѣтъ, негдѣ преклонить уставшую голову... «Американцы» же, наоборотъ, по доброй волѣ возвращаются на родину, соскучившись по ней, по роднымъ; здѣсь они либо покупаютъ землю и заводятъ новый уютный, благоустроенный уголокъ, либо, насмотрѣвшись на близкихъ, купивъ для нихъ землю, уѣзжаютъ обратно.

Внимательное наблюденіе надъ малороссами убѣждаетъ, что они очень трудно денаціонализируются въ Америкѣ, въ отличіе отъ остальнымъ націй. Наоборотъ, оставляя насиженныя мѣста съ тяжелымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, они тамъ, въ Америкѣ, быстро

оправляются, воспрянутъ духомъ; съ улучшеніемъ экономическихъ и соціальныхъ условій начинаютъ лучше и полнѣе сознавать свое «я». Этимъ, какъ намъ кажется, можно объяснить сильное развитіе въ Америкѣ за послѣднее время малорусской журнальной прессы, и все чаще открывающіеся книжные магазины, торгующіе малорусскими изданіями. Отмѣчу, что русскихъ газетъ въ Америкѣ совсѣмъ нѣтъ, польскія есть и даже много. Любопытно, что и въ Америку перенесена переселенцами вѣковая борьба между малороссами и поляками, хотя въ тоже время одинъ безъ другого и жить не мыслитъ. Гдѣ въ Америкѣ малороссъ, тамъ обязательно найдете и поляка, и наоборотъ. И оправдывается старая украинская пословица: «ляха хочъ лай, а зъ ляхомъ бувай». Тѣ изъ изслѣдователей народной жизни, которые смотрятъ на отливъ извѣстной части населенія, какъ на желательное явленіе, указываютъ въ настоящее время на Венецуэлу, какъ на мѣсто, гдѣ экономическія и пр. условія таковы, что могутъ только благопріятно вліять на переселенцевъ. И туда въ послѣднее время замѣтно сильно движеніе переселенцевъ. Правда, до сихъ поръ, все таки перевѣсъ переселяющихся остается за Бразиліей. И это, говорятъ переселенцы— большая ошибка. Въ Бразиліи мало хлѣба, за то сильно развито скотоводство. Интересныя сцены приходится, по словамъ очевидцевъ, наблюдать въ Бразиліи въ дни прихода пароходовъ съ хлѣбомъ. Огромныя толпы собираются на пристани и ждутъ очереди, пока имъ отпустятъ полагающуюся часть привезеннаго продукта. Не всегда запаса хватаетъ до слѣдующаго парохода. Кромѣ того въ Бразиліи свирѣпствуетъ желтая лихорадка, особенно поражающая новоприбывающихъ...

Къ исторіи вопроса о руссинскомъ университетѣ. Товариство имени Шевченка получило, по словамъ «Дѣла» (№ 18), слѣдующее заявленіе отъ студентовъ «Русской Высшей Школы Общественныхъ Наукъ» въ Парижѣ:

«Ознакомившись съ содержаніемъ петиціи, поданной отъ имени Вашего почтеннаго Общества въ Австрійскій парламентъ въ защиту культурныхъ правъ Русинско-Украинской народности и совершенно справедливыхъ требованій нашихъ товарищей—студентовъ Львовскаго университета, мы, студенты и студентки Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ и другихъ Парижскихъ высшихъ учебныхъ заведеній приносимъ Ученому Обществу имени Шевченка нашу

глубокую благодарность за эту защиту народно-культурныхъ и студенческихъ интересовъ и убѣдительно просимъ Васъ передать нашъ братскій привѣтъ нашимъ Львовскимъ товарищамъ.

Въ глубокомъ сознаніи нашей родственной связи съ ними, мы не можемъ оставаться равнодушными къ извѣстіямъ о возмутительномъ насиліи и открытой противузаконности, допущенной по отношенію къ ихъ языку и культурнымъ правамъ, слѣдствіемъ чего 680 человѣкъ нашихъ товарищей принуждены были оставить Львовскій университетъ.

Отъ всего сердца мы выражаемъ самое горячее сочувствіе ихъ справедливымъ требованіямъ и полную увѣренность, что эти вполнѣ конституціонныя требованія будутъ удовлетворены. Мы также глубоко вѣримъ, что лучшіе изъ поляковъ не могутъ не раздѣлять этихъ нашихъ взглядовъ, не могутъ не сочувствовать удовлетворенію законнѣйшихъ требованій единоплеменныхъ имъ, какъ и намъ, славныхъ украинцевъ. Относясь съ негодованіемъ къ нарушеніямъ своихъ культурныхъ правъ въ Познани и Варшавѣ, такіе поляки не станутъ оправдывать наглый образъ дѣйствій своихъ земляковъ, нарушающихъ подобныя же права русино-украинцевъ во Львовѣ.

Съ чувствомъ полнаго и совершенно одинаковаго отвращенія ко всевозможнымъ проявленіямъ національно-государственнаго деспотизма и хищничества, въ какой бы формѣ они не выражались:—и во имя высшихъ всеобъемлющихъ идеаловъ международности, основанной на свободномъ братствѣ всѣхъ народовъ земного шара—во имя славянскаго единства,—мы. русское студенчество въ Парижѣ, энергически протестуемъ противъ покушеній на народныя права Руси-Украины и отъ всей души желаемъ полнаго осуществленія справедливыхъ требованій Вашего Общества и нашихъ Львовскихъ товарищей.

Да здравствуетъ свободная русино-украинская культура! Да здравствуетъ независимый русино-украинскій университетъ во Львовѣ!

На дняхъ въ пражскомъ Каролинумѣ состоялось, въ присутствіи ректора и декановъ, многолюдное студенческое собраніе, посвященное вопросу объ основаніи русинскаго университета. По словамъ «Politik», прибывшіе въ полномъ составѣ русинскіе и великорусскіе студенты были приняты собраніемъ весьма радушно. Послѣ ряда рѣчей, въ которыхъ принимали участіе и русинскіе студенты, ознакомившіе присутствовавшихъ съ исторіей борьбы за самостоятельный русинскій

университетъ и съ современнымъ культурнымъ состояніемъ русинскаго народа, собраніе приняло единогласно резолюцію, высказывающуюся за необходимость основанія отдѣльнаго русинскаго университета во Львовѣ. («С.-Петерб. Вѣдомости»).

—

Чешскіе и русинскіе депутаты по взаимному соглашенію, предложили правительству довольно остроумную комбинацію, о которой сообщаетъ «Sfowo»: нѣмецкій университетъ долженъ быть изъ буковинскихъ Черновицъ перенесенъ въ Берно, гдѣ въ то же время основывается университетъ чешскій. Въ Черновицахъ же возникаетъ русинскій университетъ для русинской молодежи изъ Галиціи и Буковины. Едва ли этотъ проэктъ встрѣтитъ сочувствіе и поддержку среди русинско-украинскаго общества Черновицы.

—

Польскіе студенты лейпцигскаго университета высказались за открытіе во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета. (Дѣло).

Украинская читальня въ Вернѣ. Въ Бернѣ (въ Швейцаріи) существуетъ украинская читальня, основанная по иниціативѣ и на средства украинцевъ-студентовъ мѣстнаго университета. Въ читальнѣ получаются журналы и газеты на украинскомъ языкѣ («Літературно-науковий Вістник», «Молода Украіна», «Воля», «Кіевская Старина» и др. Студенческая молодежь предполагаетъ въ настоящемъ году устроить литературный вечеръ въ память Щевченка («Л.-Н. Вістник, кн. II).

„Руська Весида“ во Львовѣ. На дняхъ состоялось во Львовѣ годичное собраніе общества «Руська Бесіда». Изъ представленнаго отчета оказывается, что членовъ въ обществѣ было 121, доходъ составлялъ 5,032 кроны, расходъ 4,821. Театральный фондъ существующаго при обществѣ театра равнялся 17,097 кронъ, въ томъ числѣ 14,500 кронъ пособій отъ галиційскаго сейма. Русинскій театръ далъ въ минувшемъ году 217 спектаклей, составъ труппы 38 человѣкъ. Предсѣдателемъ «Бесиды» избранъ проф. Шухевичъ. («С.-Петерб. Вѣдомости, № 21).

Музыкально-этнографическая коммиссія въ Москвѣ. При этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи учреждена музыкально-этнографическая коммиссія для всесторонняго изученія народной музыки, преимущественно среди населенія Россіи.

Ближайшими вопросами изученія коммиссіею имѣютъ быть: складъ и особенности народной музыки велико-, мало- и бѣлоруссовъ, а также другихъ славянъ и ихъ взаимное отношеніе; складъ и особенности музыки неславянскихъ народностей (инородцевъ) и ихъ воздѣйствіе на русскую музыку и обратно; отношеніе современной народной музыки къ древне-греческой, восточной и западной. Для достиженія означенныхъ цѣлей, коммиссія, по соглашенію съ этнографическимъ отдѣломъ, предполагаетъ снаряжать музыкальныя экспедиціи для собиранія новыхъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, а именно: записей народныхъ напѣвовъ (съ текстомъ) по слуху или механическимъ способомъ и описаній обычаевъ и обрядовъ, сопровождаемыхъ музыкой и пѣснями; свѣдѣній о народныхъ пѣвцахъ и музыкантахъ и о музыкальныхъ инструментахъ; предметовъ, относящихся къ народной музыкѣ (инструментовъ, фотографій, книгъ и т. п.). Результаты своихъ изученій въ области музыки и связанныхъ съ нею народныхъ обычаевъ, а также руководящія программы, сборники и т. п. коммиссія публикуетъ въ особой серіи изданій отдѣла или въ издаваемомъ имъ *Этнографическомъ Обозрѣніи.* Для популяризаціи и болѣе успѣшнаго сохраненія лучшихъ народныхъ напѣвовъ, помимо изданій, коммиссія устраиваетъ по соглашенію съ отдѣломъ публичные платные этнографическіе концерты, посвященные народной музыкѣ, а равно засѣданія закрытыя или публичныя (послѣднія совмѣстно съ отдѣломъ). Коммиссія состоитъ изъ предсѣдателя, избираемаго изъ членовъ отдѣла, секретаря, казначея, библіотекаря и членовъ. Членами считаются всѣ члены отдѣла, изъявившіе готовность принять участіе въ занятіяхъ коммиссіи и лица, избранныя коммиссіею изъ спеціально интересующихся ея цѣлями. («Русск. Вѣдомости», № 31).

Старинная картина. У одного изъ Харьковскихъ обывателей находится старинная картина, изображающая Харьковъ и написанная болѣе ста лѣтъ тому назадъ. На первомъ планѣ картины помѣщенъ соборъ и нѣсколько «порядочныхъ» домовъ. Московская улица, пред-

ставляется рядомъ деревенскихъ избушекъ, прерывающихся садами и нѣсколькими двухъ-этажными домами. На улицахъ стоятъ возы и пасутся свиньи. Рѣка Харьковъ изображена широкой, безъ мостовъ,—со снующими по ней лодками. Снимокъ съ этой картины, какъ намъ кажется, могъ бы служить для иллюстраціи въ готовящееся къ 200-лѣтію города изданіе «Исторія Харькова». («Южный Край» № 7278).

Премія для студентовъ при Харьковскомъ университетѣ. При харьковскомъ университетѣ учреждается награжденіе золотыми медалями студентовъ безъ различія факультетовъ: а) за работы по изученію сочиненій Гоголя и Жуковскаго, б) за изслѣдованія въ области великорусскаго и малорусскаго языковъ, в) за научные труды по исторіи словесности, по исторіи литературы (русской, славянской, всеобщей) и по народной поэзіи, и г) за собраніе памятниковъ народнаго устнаго творчества. (Южный Край; № 7282).

Судьба бюста Шевченка. Покойнымъ А. К. Алчевскимъ на своей усадьбѣ въ Харьковѣ былъ поставленъ бюстъ Шевченка; впослѣдствіи этотъ участокъ земли устроителемъ былъ подаренъ Х. Д. Алчевской съ условіемъ, чтобы бюстъ украинскаго поэта былъ сохраненъ навсегда и чтобы никакихъ другихъ бюстовъ и статуй а также построекъ возводимо не было. Въ настоящее время имущество Алчевскихъ подлежитъ продажѣ съ торговъ. Интересно знать, какая судьба при этомъ постигнетъ бюстъ Шевченка?

— Головою (предсѣдателемъ) Львовскаго Наукового Товариства имени Шевченка вновь избранъ профессоръ М. С. Грушевскій (Дѣло, № 17).

Еще о Вергунѣ. Г. Вергунъ продолжаетъ отличаться. Какъ сообщаютъ въ «Дѣлѣ» (№ 24) изъ Вѣны, 1 февраля москвофильское общество «Буковина» устроило вечеръ на который были приглашены представители всѣхъ славянскихъ обществъ въ Вѣнѣ, исключая, конечно, украинскаго народнаго направленія. Г. Вергунъ выступилъ съ рѣчью, въ которой совершенно превратно изложилъ и освѣтилъ ходъ

событій въ львовскомъ университетѣ, повлекшій за собою массовой уходъ русинской молодежи, а въ заключеніе предложилъ собранію высказать свою солидарность съ «Буковиной», а украинскому обществу «Січ» и всей украинской молодежи выразить презрѣніе. За это предложеніе не поднялся ни одинъ изъ присутствующихъ славянъ; г. Вергунъ предполагая, что его не поняли, ставитъ предложеніе вторично, но отвѣтомъ было то же мертвое молчаніе. Сбитый съ позиціи г. Вергунъ обращается къ собранію съ вопросомъ, кому они сочувствуютъ—москвофильской ли «Буковинѣ» или украинской «Сiчи»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ предсѣдатель чешскаго общества Akademicka Spolka, заявивъ отъ имени общества, что оно можетъ только симпатизировать стремленіямъ украинской молодежи и, что вопросъ объ основаніи отдѣльнаго украинскаго университета наукой уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Во время преній выяснилось, что также относятся къ предложенію г. Вергуна и другіе гости. Не везетъ г. Вергуну.

Кружокъ „украинськихъ дивчатъ" въ Черновцахъ. 9 февраля въ Черновцахъ на Буковинѣ состоялось открытіе «Кружка украінськихъ дивчатъ», организованнаго по образцу уже существующаго съ тѣмъ же названіемъ общества во Львовѣ. Цѣль новаго общества—организація украинскихъ женщинъ для самообразованія и борьбы за національныя права украинской народности. Предсѣдательницей общества единогласно избрана Ольга Кобылянская (Дѣло, № 26).

Проектъ библіотеки Шевченка на его родинѣ. Кіевское Общество грамотности рѣшило открыть безплатную народную библіотеку въ селѣ Кирилловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, на мѣстѣ родины малорусскаго поэта Т. Г. Шевченка. Въ настоящее время Общество грамотности ведетъ переписку съ звенигородскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости о томъ, не признаетъ ли комитетъ возможнымъ отпустить половину той суммы, которая необходима на открытіе названной библіотеки («Русскія Вѣдомости», № 46).

Описаніе Житомира въ XVII вѣкѣ. Въ архивѣ городской управы найдена старая, довольно объемистая рукопись, въ которой

описывается Житомиръ, состояніе его хозяйства, имущественное положеніе въ 17—19 вѣкѣ. Книга написана на польскомъ языкѣ крупнымъ четкимъ почеркомъ. На нѣкоторыхъ бумагахъ имѣется печать польскихъ королей съ одноглавымъ орломъ и начинаются онѣ «Божіей милостью король польскій и т. д. Станиславъ Августъ». Къ концу книги пришыта печатная брошюрка. въ которой говорится о присоединеніи «житомирскаго старoства кіевскаго воеводства» къ польской коронѣ. О-во изслѣдователей Волыни обратилось съ просьбой въ городскую управу о передачѣ интересной рукописи въ библіотеку общества. (Волынь № 34).

— 1 сентября текущаго года въ Станиславовѣ (Галиція) открывается пятая украинская гимназія. (Nowa Reforma).

Библіографія.

Старинный малорусскій письмовникъ: „Книга, глаголемая Листовня“. *Съ предисловіемъ Б. Д. Гринченко (—нка?). Черниговъ, 1901, in 4⁰, стр. XIV+41.*

Среди старинныхъ бумагъ намъ неоднократно приходилось встрѣчать польскіе рукописные сборники образцовъ всевозможнаго рода юридическихъ актовъ, очевидно служившіе практическимъ пособіемъ для начинающихъ юристовъ и чиновниковъ разныхъ судебныхъ канцелярій въ южнорусскихъ воеводствахъ Рѣчи-Посполитой XVII—XVIII ст.; но малорусскіе сборники и руководства подобнаго рода пока не извѣстны. Г. Гринченку удалось отыскать слѣды существованія подобныхъ руководствъ и въ собственной Малороссіи конца XVII и начала XVIII ст. Ему была доставлена рукописная книга, въ четвертку, писанная на сѣрой бумагѣ, въ разбитомъ полотняномъ переплетѣ. По своему содержанію книга оказалась обычнымъ Silva rerum а по составу—механическимъ соединеніемъ нѣсколькихъ тетрадей и отдѣльныхъ листковъ, писанныхъ въ разное время и разными почерками. Самую значительную часть сборника составляютъ образцы дѣловыхъ бумагъ и писемъ, видимо попавшіе сюда изъ трехъ руководствъ подобнаго рода; одно изъ нихъ вошло въ сборникъ почти въ полномъ видѣ, а два другія лишь въ видѣ незначительныхъ отрывковъ. Первое имѣетъ заглавіе: «Книга, глаголемая Листовня»; она занимаетъ начальныя 57 страницъ рукописи, внизу коихъ, по листамъ, обозначено, что она принадлежала іерею Даніилу Гирману и «списася въ Мертвоводѣ, на перевозѣ, въ зѣмовнику Богомертвоводскомъ, року

1712». Былъ ли этотъ Гирманъ составителемъ или только «списателемъ» (переписчикомъ) Листовни—неизвѣстно. Здѣсь встрѣчаются образцы: «суплѣки до преосвященого» съ титуломъ митрополита Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго (+1690 г.); декрета полкового суда съ именемъ фастовскаго полковника Семена Палія, умершаго въ 1710 г.; «подорожнаго листа» съ титуломъ «ново избранного гетмана» Ив. Скоропадскаго, и т. под., изъ чего слѣдуетъ заключить, что самая Листовня составлена, приблизительно, между 1690—1709 годами. Но въ другомъ мѣстѣ сборника, на шести листахъ, снова продолжаются образцы дѣловыхъ бумагъ, заимствованные изъ руководства, составленнаго въ болѣе раннее время. Здѣсь при двухъ образцахъ (№№ 52 и 51 изд. Гринченка) проставлены годы 1680 и 1687, а одинъ образецъ, озаглавленный: «Респонсъ отъ митрополита» заключается такими словами: «С Чернѣгова, с каѳедри нашой архиерейской»—ясное указаніе на то, что этотъ образецъ списанъ съ подлинной грамоты черниговскаго архіерея Лазаря Бариновича, фактически заступавшаго должность кіевскаго митрополита съ 1676 до 1686 г.

Что же собственно представляла изъ себя старинная малорусская «Листовня»?

Въ полномъ заглавіи изданной г. Гринченкомъ «Листовни» іерея Гирмана заключается поясненіе, что «в сей книжицѣ обрѣтаются розмаитые інструкціи, информаціи, албо тежъ способи и доклади до вшелякихъ писарскихъ потребъ». Листовня самого о. Гирмана своимъ содержаніемъ не вполнѣ оправдываетъ заглавіе: въ ней приведены 43 образца разнаго рода официальныхъ бумагъ (прошеній, донесеній, «подорожныхъ листовъ» и т. под.), съ цѣлью показать на примѣрахъ, «якимъ способомъ которий листъ пишется»; но это—не болѣе, какъ «способы и доклады» (примѣры), а вовсе не «инструкціи» и «информаціи». Слѣдовательно, о. Гирманъ (или его оргиналъ) списалъ лишь общее заглавіе для своей Листовни, а наполнилъ ее образцами современныхъ ему дѣловыхъ бумагъ, и притомъ почти исключительно канцелярскихъ. Но въ томъ же сборникѣ, которымъ пользовался г. Гринченко, имѣется одинъ отрывокъ, попавшій сюда въ видѣ отдѣльнаго листка изъ какой-то болѣе старинной Листовни и помѣщенный въ изданіи г. Гринченка подъ № 55. Это уже—не голый образецъ, а настоящая *«информація»*, представляющая риторическій трактатъ о томъ, какъ слѣдуетъ располагать части или содержаніе извѣстнаго

«листа» такимъ образомъ, чтобы «кождая рѣчъ» стояла «на своемъ мѣстцу», сохраняя логическую связь съ предыдущими и послѣдующими мыслями. Къ сожалѣнію, листокъ этотъ не имѣетъ ни начала, ни конца, поэтому очень трудно съ точностью возстановить содержаніе данной «информаціи». Въ общемъ рѣчь идетъ о томъ, что, при составленіи извѣстнаго «листа» (письма), слѣдуетъ расчленить его содержаніе на извѣстныя логическія части, или *«комы»*, отдѣляемыя начальными союзами: *поневажъ, еднакъ, а же, зачимъ* и т. под. При этомъ дается указаніе, какими именно мыслями, учтивыми фразами и т. подобными loci topici слѣдуетъ наполнить каждую «кому» и какъ все письмо «конклюзуется албо кончится». За этой общей схемой слѣдуетъ образецъ письма, наполненнаго пустыми, риторическими фразами, но со стороны формы вполнѣ отвѣчающаго данной схемѣ. Далѣе идетъ новая (по счету третья) информація, поучающая въ какихъ случаяхъ и какіе именно «листы» писать «до гетмана албо до полковника, любъ до судей, албо тежъ до урядовъ меских». Если писать «от меншого до старшого, яко то от полковника до гетмана», то «по написѣ виразного и звичайного титулу», должна слѣдовать «нарація», но при этомъ «поздоровлене, узичене доброго здоровя не потреба писати», развѣ случилось бы то «подъ часъ триумфалныхъ и урочистыхъ святъ» Рождества и Пасхи,—тогда прилично «по титулѣ, въ нараціѣ тоею урочистостью вѣншовати»... Къ сожалѣнію на этомъ и обрывается эта интересная информація.

Такимъ образомъ ясно, что въ Малороссіи конца XVII в. существовало методическое руководство къ составленію разнаго рода «листовъ», по своимъ пріемамъ и терминологіи очень напоминающее пресловутую «Науку, альбо способъ зложеня казаній» Голятовскаго. Руководство это было изобрѣтено, конечно, въ кіевской Коллегіи и, быть можетъ, входило въ курсъ тогдашней риторики. Этотъ чрезмѣрный риторизмъ тогдашней учености прививалъ и въ обществѣ вкусъ къ витійству, изысканности стиля, что и вызвало потребность въ нарочитомъ пособіи, которое давало бы образцы и сообщало бы элементарныя правила для составленія «листовъ», т. е. писемъ. Отсюда возникло и самое названіе подобныхъ пособій—«Листовня» [1]), ибо

[1]) Въ актахъ Волынскихъ судовъ XVI в. не разъ встрѣчалось намъ слово „листовня"—въ значеніи сумки для ношенія „листовъ", портфеля.

вначалѣ дѣло шло не о формахъ канцелярскихъ бумагъ, а, именно, объ умѣніи составить витіеватое письмо, на какія существовала тогда мода. Такъ и въ изданной г. Гринченкомъ Листовнѣ, мы встрѣчаемъ образцы: а) поздравительнаго посланія къ важной особѣ (№ 14), б) утѣшительнаго письма—по случаю смерти ребенка (№ 53) и в) просительнаго къ кому-нибудь о матеріальномъ пособіи (№ 21). Это—любопытные образчики схоластическаго краснорѣчія и со стороны формы, и со стороны содержанія. Въ послѣднемъ, напримѣръ, проводится такая вычурная аналогія: Богъ такъ устроилъ вселенную, что еслибы рѣки и источники не питались отъ моря, то изсякли бы; звѣзды, если бы не занимали «свѣтлости» другъ у друга, певне бы оздобу свою утратили; такожде и во человѣцѣхъ: рабы провождаютъ животъ свой токмо благодѣяніемъ от своих благодѣтелей», поэтому «и азъ, нижайшій рабъ, до вашмосци пана и добродѣя моего, утѣкаю, упрашаючи (тутъ пиши—о чомъ)»...

Когда такія «Листовни» черезъ бывшихъ «спудеевъ» проникли въ низшіе слои общества, въ среду мѣщанъ и селянъ, гдѣ не къ кому было обращаться, комплиментными листами, а нужно было знать, какъ написать «суплѣку на попа», удостовѣреніе для шинкарки, разыскивающей воровъ, пропившихъ у нея чужое добро, и т. под., тогда Листовни стали все болѣе наполняться образцами обыкновенныхъ канцелярскихъ бумагъ. Такъ какъ въ XVIII в. судопроизводство въ полковыхъ, сотенныхъ и ратушныхъ судахъ было исключительно устное, то первоначально нужны были образцы преимущественно для письменныхъ сношеній съ епархіальною властью по приходскимъ дѣламъ; такіе именно образцы мы и встрѣчаемъ въ отрывкѣ изъ болѣе старинной Листовни (№ № 44—51). Впослѣдствіи и въ Малороссіи канцелярщина постепенно усиливается и соотвѣтственно этому образцы разнаго рода бумагъ увеличиваются и въ письмовникахъ.

Послѣ всего сказаннаго легко рѣшить вопросъ: кѣмъ составлялись подобные письмовники? Почтенный издатель рѣшаетъ его такъ: «Скорѣе всего составителями ихъ были какіе-нибудь канцеляристы, пожелавшіе такимъ путемъ облегчить себѣ трудъ сочиненія офиціальныхъ бумагъ». Конечно, изрѣдка и они могли заниматься такимъ дѣломъ; но нужно знать, изъ кого состояли тогдашніе канцеляристы. Они рекрутировались, главнымъ образомъ, изъ той многолюдной среды полуобразованной, убогой молодежи, которая по разнымъ причинамъ не оканчивала латинскихъ школъ и пускалась по свѣту промышлять

себѣ скудный заработокъ въ роляхъ «мандрованыхъ дьяковъ», сельскихъ «бакаляровъ», а иные и въ званіи сотенныхъ, полковыхъ, магистратскихъ и др. канцеляристовъ. Эти странствующіе «молодыки» должны были пускать въ оборотъ всѣ таланты и знанія, какимъ научились въ школахъ: они и пѣвцы, и педагоги, и художники, и актеры въ вертепныхъ драмахъ и интермедіяхъ. Какъ народъ «письменный», обученый «политичнымъ звычаямъ», они должны были, гдѣ нужно, сочинить приличныя вирши, сказать привѣтственную орацію, составить витіеватое письмо. Для всего этого они еще въ школѣ запасались нужными пособіями въ видѣ рукописныхъ сборниковъ, всегда находившихся въ ихъ походныхъ котомкахъ. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы сборникъ о. Даніила Гирмана, изъ котораго извлечена Листовня: вѣдь это какъ-разъ тѣ именно «бездѣльные шпаргалы», какими обычно была наполнена «торба» мандрованаго дьяка. Здѣсь имѣется и Орація на Воскресеніе Христово, и цѣлый рядъ другихъ прозаическихъ и стихотворныхъ орацій и вирши на разные случаи, и «лекціи з письма святого», и медицинскіе совѣты, и юмористическая «Суплѣка на веселье», и наконецъ—образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Цѣлая энциклопедія! Странствуя по свѣту, такой мандрованый философъ, по мѣрѣ надобности, пополнялъ свои «шпаргалы» тѣми или другими пьесами, какія оказывались ему болѣе нужными, или какія попадались подъ руку. Такимъ, именно, странствующимъ «дьякомъ», а можетъ быть и писаремъ, былъ, вѣроятно, и о. Даніилъ Гирманъ, не оставившій своихъ странствованій и послѣ того, какъ «посвятися на попы» въ 1709 г. Уроженецъ с. Богушковой-Слободки (нынѣ Золотон. у.), онъ, будучи уже священникомъ, попадаетъ въ отдаленный Запорожскій зимовникъ на Мертвоводѣ, гдѣ въ 1712 г. и списываетъ свою Листовню. Не удивительно, что въ нее попадаютъ въ качествѣ образцовъ документы изъ 16-ти мѣстностей правобережной Малороссіи и изъ 9-ти лѣвобережной.

Такъ такъ большинство образцовъ представляетъ не общія шаблонныя формы, а просто списки съ подлинныхъ документовъ, нерѣдко съ удержаніемъ собственныхъ именъ и датъ, и притомъ списки, сдѣланные всего чаще на правой сторонѣ Днѣпра въ такое время, отъ котораго не дошли актовые матеріалы, то изданная г. Гринченкомъ Листовня пріобрѣтаетъ еще интересъ и какъ сборникъ историческихъ матеріаловъ. Въ особенности цѣнно здѣсь все, что относится къ Семену Палію и его управленію. Вотъ, напр., подъ № 33 декретъ

1702 г., апр. 1: «Передо мною, Леонтіемъ Самарою, судиею полку его милости пана полковника Симиона Палѣя, полковника Фастовскаго»... Одного этого документа достаточно, чтобы удостовѣрить историка въ фактѣ существованія въ тогдашней правобережной Украинѣ полковыхъ судовъ, устроенныхъ такъ же точно, какъ и въ Гетманщинѣ, а документы подъ №№ 11, 23 и 28 удостовѣряютъ, что и въ селахъ функціонировали такіе же мѣйскіе или городовые суды, какъ и по лѣвую сторону Днѣпра. Въ документѣ № 19 выписана «суплѣка» товариства и мѣщанъ уманскаго «повѣта» къ кіевскому губернатору князю Голицыну о назначеніи уманскимъ полковникомъ избраннаго ими лица—фактъ неизвѣстный. Подъ № 20 приведена «суплѣка» Синявскихъ мѣщанъ и крестьянъ (на Подоліи) къ великор. полковнику Рожнову о милосердіи въ сборѣ съ нихъ провіанта.

Есть нѣсколько документовъ, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи; таковы №№ 12, 38, 44—48, рисующіе отношеніе прихожанъ къ священнику; № 49—доношеніе протопопа о священникѣ, пойманномъ на кражѣ, № 50—разборъ въ свѣтскомъ и духовномъ судѣ дѣла о «незгодѣ» супруговъ, требующихъ развода, и др.

Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи интереснаго памятника. Не знаемъ, имѣлъ-ли издатель подъ руками неисправную рукопись, или онъ не вѣрно прочелъ ее, но только тексты изданы очень плохо; почти въ каждой строкѣ встрѣчаются изуродованныя слова и выраженія, смыслъ коихъ трудно разгадать самому опытному человѣку. Для неопытнаго же читателя издатель самъ затруднилъ чтеніе, напечатавъ текстъ по системѣ, давно отвергнутой въ археографіи: онъ рабски воспроизвелъ всѣ погрѣшности стариннаго писца, безъ толку слившаго отдѣльныя слова, и раздѣлившаго слитныя, а въ предисловіи выражаетъ какъ-бы извиненіе въ томъ, что недостатокъ знаковъ въ типографіи лишилъ его возможности сохранить разныя начертанія *о* и *у* и заставилъ раскрыть титла. Смѣемъ увѣрить почтеннаго издателя, что изданная имъ рукопись, интересная какъ историческій и литературный памятникъ, не представляетъ никакой цѣны для палеографа, а потому его заботы о точномъ воспроизведеніи всѣхъ особенностей ея письма были напрасны.

О. Л.

Записки Сергія Григорьевича Волконскаго *(декабриста). Изданіе кн. М. С. Волконскаго, 1901 г.*

Литература о такъ наз. «декабристахъ» обогатилась въ истекшемъ году весьма цѣннымъ изданіемъ «Записокъ С. Г. Волконскаго». Эта роскошно изданная книга заключаетъ въ себѣ не только личныя воспоминанія декабриста С. Г. Волконскаго, написанныя имъ уже на 72 году жизни, лѣтъ за шесть до смерти, и оканчивающіяся, такъ сказать, на самомъ интересномъ мѣстѣ—на арестѣ и допросѣ автора, но и разсказъ сына его о дальнѣйшей судьбѣ отца.

Записки раздѣлены на 49 небольшихъ главъ, изъ которыхъ особый интересъ представляютъ послѣднія 6 главъ, прямо относящихся къ участію автора въ общественно-политическомъ движеніи, окончившемся извѣстною катастрофою 14 декабря 1825 г. Этотъ особый интересъ «Записокъ» начинается лишь съ XLIV главы, со времени возвращенія автора въ Россію послѣ кампаніи 1814—15 годовъ.

События, о которыхъ говорится въ послѣдующихъ главахъ, происходили въ Южной Россіи, а потому эти главы и представляютъ особый интересъ для ея исторіи.

Князья Волконскіе ведутъ свой родъ отъ Черниговскаго князя св. Михаила Всеволодовича.

Представитель южной вѣтви этого рода помѣщикъ Черниговской губ. Григорій Семеновичъ Волконскій (1742—1824), бывшій оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ Сергѣй и есть авторъ «Записокъ». Блестящая военная карьера доставила ему возможность весьма близко стоять къ событіямъ знаменательной эпохи и къ выдававшимся дѣятелямъ ея.

Послѣ закончившейся «кампаніи», молодой генералъ, князь С. Г. Волконскій хотѣлъ было «исколесить всѣ части свѣта», но вмѣсто того—самъ не могъ дать себѣ отчета почему—вернулся въ Россію гдѣ ожидала его безцвѣтная, по его словамъ, жизнь, жизнь вахтъ-парадовъ, выходовъ и т. п. «Зародышъ сознанія обязанностей гражданина сильно уже началъ выказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 гг., которыхъ я былъ свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, чро гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими».

По «новымъ» его убѣжденіямъ, жизнь въ Петербургѣ представлялась кн. Волконскому безцвѣтною. Назначенный командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, расположенной на Волыни, онъ отправился въ Новградъ-Волынскій, гдѣ и старался ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты».

На Волыни кн. Волконскій не могъ не замѣтить враждебныхъ отношеній между русскими и поляками. «Волынскимъ губернаторомъ былъ тогда полякъ Гажицкій, съ которымъ, какъ разъ во время проѣзда Государя черезъ Житомиръ, и пришлось столкнуться кн. Волконскому: вызванный Гажицкимъ на дуэль, онъ дрался съ нимъ на пистолетахъ. Послѣ этого князь пріобрѣлъ популярность и въ кругу подчиненныхъ и въ кругу товарищей, и въ кругу всего, что носило русское имя тогда на Волыни».

Вскорѣ послѣ этого его бригадная квартира была переведена въ г. Сумы, Харьковской губ. Когда дошла до Волконскаго вѣсть о рѣчи Императора на первомъ польскомъ сеймѣ, въ его сердцѣ глубокимъ сочувствіемъ отозвались слова Императора о намѣреніи его распространить и въ Россіи конституціонный порядокъ управленія. «Съ этой поры», говоритъ авторъ, «думы мои приняли другое направленіе».

Считая себя обиженнымъ по службѣ вслѣдствіе несоотвѣтствующаго, безъ его вѣдома, перевода въ гусарскую дивизію, кн. Волконскій, состоявшій тогда уже въ чинѣ генералъ-майора, подалъ просьбу объ отпускѣ безъ срока за границу; но получивши его, имъ не воспользовался, а поѣхалъ въ Одессу, гдѣ жила сестра́ его Зинаида. Здѣсь онъ былъ радушно принятъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ гр. Ланжерономъ. Интересна замѣтка его о тогдашней Одессѣ.

«Бытъ одесскій, говоритъ онъ, въ тогдашнее время былъ самый пріятный, общество не было стѣснено ни аристократическими замашками, какъ впослѣдствіи при гр. М. С. Воронцовѣ, корчившемъ изъ себя въ Новороссійскомъ краѣ—остъ-индскаго генералъ-губернатора; ни спѣсью и деспотизмомъ теперешняго генералъ-губернатора Строганова (въ 1862 г.). Ланжеронъ, хоть и не былъ великимъ администраторомъ, но былъ умный человѣкъ и слѣдовалъ предназначеніямъ герцога де-Ришелье—истиннаго основателя устройства Новороссійскаго края и, въ особенности, Одессы.—Родъ общественной жизни одесской мнѣ очень понравился, и я привязался къ этому краю и по вольному моему быту въ ономъ, и по занятіямъ по устройству хозяйства въ купленной мною степи въ Таврической губ.».

Въ началѣ 1819 г., послѣ поѣздки въ Петербургъ, кн. Волконскій посѣтилъ Кіевъ. «чтобы побыть на контрактахъ, тогда шумѣвшихъ и дѣлами денежными и общественнымъ съѣздомъ». Здѣсь онъ встрѣтился съ старымъ своимъ товарищемъ по воспитанію (оба учились у аббата Николи) и по службѣ Михаиломъ Орловымъ, который состоялъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса. У него онъ и поселился.

«У насъ сбирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, довольно большой по случаю съѣзда на контракты. и даже кругъ дамскаго знакомства не былъ пустосвѣтскій, а дѣльный. Въ это время у насъ въ Россіи ненависть къ Франціи, порожденная нашими военными пораженіями въ войнахъ 1805, 1806 и 1807 гг., вовсе исчезли; кампаніи 1812 г. и послѣдующихъ 13 и 14 г.г. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ ея установленіями, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко высказались уму и сердцу многихъ и, какъ всякая новая идея имѣетъ коновода,—Михаилъ Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ закоренѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный и рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной—не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи, и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать людей и сѣять сѣмена прогресса политическаго». [1])

«Благодаря тому, что я остановился на квартирѣ Орлова, я вошелъ въ этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ проповѣдуемымъ въ ономъ истинамъ. Болѣе. нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества. Сожитіе съ столь замѣчательнымъ лицомъ. какъ М. Орловъ, кругъ людей, съ которыми я имѣлъ ежедневныя сношенія, оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ

[1]) Тому же Мих. Орлову авторъ приписываетъ составленіе въ 1815 г. адреса Императору Александру I объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи, который былъ подписанъ „многими изъ первенствующихъ служебныхъ чиновниковъ“.

чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій! Съ этого времени началась для меня новая жизнь». Здѣсь же въ Кіевѣ кн. Волконскій познакомился со многими поляками и по этому поводу говоритъ: «Въ то время не было той рѣзкой черты непріязненности между русскими и поляками; не было въ этихъ послѣднихъ желанія отдѣлиться отъ Россіи со всѣми безразсудными для ихъ пользы, сумасшедшими, заносчивыми теперешними ихъ требованіями, (пишу я это въ 1862 году) въ родѣ того, что юго-восточная часть Россіи до Чернаго моря, Малороссія, Бѣлоруссія, Литва, Кіевъ, Смоленскъ, Остзейскія губерніи—все это есть коренная Польша и должно отойти отъ Россіи. Тогда господствовалъ въ обоюдныхъ убѣжденіяхъ соединенный славянскій элементъ, и это я подкрѣплю не одними моими воззрѣніями, но фактомъ: въ то время учредилась въ Кіевѣ массонская ложа, подъ именемъ: Les slaves réunis (ложа соединенныхъ славянъ),—одно это названіе доказываетъ наклонность общую къ соединенію. Le grand Maitre de la chaize (мастеръ стула) былъ полякъ, губернскій предводитель дворянства Кіевской губ., графъ Оливеръ; les deux surveilleurs (надзиратели) были русскіе, а члены были безъ разбора и русскіе, и поляки и дружно, по-братски подавали другъ другу руку».

«Такъ какъ я былъ массономъ, или, какъ это именуется, вольнымъ каменщикомъ, то мнѣ было предложено быть почетнымъ членомъ этой ложи, и я въ пріемномъ на это званіе засѣданіи говорилъ рѣчь, въ которой выразилъ чувства благодарности за честь, мнѣ дарованную,—и указывалъ, какія великія послѣдствія истекутъ изъ добровольнаго соглашенія между поляками и россіянами составить одно нераздѣльное цѣлое; моя рѣчь была принята съ общимъ одобреніемъ».

Волконскій былъ приглашенъ графиней Потоцкой пріѣхать въ Тульчинъ, куда на масляницѣ съѣзжались многія лица, мечтавшія о политическихъ преобразованіхъ. Эти мечты нашли теплый отголосокъ и въ чувствахъ и думахъ Волконскаго. Здѣсь же, въ Тульчинѣ, ему предложено было вступить въ члены «Союза благоденствія». «Съ самаго вступленія моего въ это общество», говоритъ онъ, «я сдѣлался ревностнымъ дѣятелемъ по оному, почелъ обязанностію не удаляться изъ Россіи и измѣнилъ принятое мною намѣреніе надолго отлучиться за границу. Я вступилъ въ тѣсную связь съ Пестелемъ и съ Юшневскимъ, предсѣдательствующими Южной думы этого общества».

Такъ же близко сошелся онъ и съ нѣкоторыми другими членами: М. А. фонъ-Визиномъ, съ Бурцовымъ, познакомился съ П. В. Абрамовымъ, княземъ Барятинскимъ и многими другими. Узналъ тогда Волконскій, что въ числѣ членовъ былъ и Василій Львовичъ Давыдовъ, котораго онъ называетъ личностью замѣчательною по уму и теплотѣ чувства къ дѣлу и признаетъ «коноводомъ по вліянію его бойкихъ обсужденій и ловкаго увлекательнаго разговора». Мѣстожительство Давыдова—с. Каменка, Чигиринскаго уѣзда, было ежегоднымъ сборнымъ пунктомъ для совѣщаній. Этотъ съѣздъ не навлекалъ на себя подозрѣній мѣстнаго полицейскаго начальства, потому что срокъ съѣзда былъ назначенъ на 24 ноября—день именинъ его матери.

XLVI-ая глава «Записокъ» представляетъ живую картину личныхъ сношеній, установившихся между представителями тайныхъ обществъ. Волконскій скоро сблизился съ Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ, котораго называетъ «человѣкомъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Это сближеніе съ Пестелемъ и привело Волконскаго ко вступленію въ «Союзъ благоденствія», членовъ котораго, лично ему извѣстныхъ, онъ и называетъ. «Вступленіе мое въ члены тайнаго общества, говоритъ авторъ, было принято радушно прочими членами, и я съ тѣхъ поръ сталъ ревностнымъ членомъ онаго и скажу по совѣсти, что я въ собственныхъ глазахъ вполнѣ понялъ, что вступилъ на благородную стезю дѣятельности гражданской». Вступивъ на путь пропаганды, Волконскій вербовалъ новыхъ членовъ во время частыхъ поѣздокъ своихъ въ Одессу, Тульчинъ, Кіевъ и обѣ столицы. На съѣздѣ депутатовъ въ Москвѣ 1821 г., вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о возбужденномъ надзорѣ правительства, рѣшено было временно закрыть оба общества, сѣверное и южное. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи Волконскій привезъ въ Кіевъ, но Южная Дума отвергла его и рѣшила дѣйствовать по прежней программѣ отдѣльно отъ Сѣверной. Такое рѣшеніе приняла и Сѣверная Дума. «Съ этого времени, говоритъ авторъ, Южная и Сѣверная думы поставили себѣ программы различныя: Южная—чисто демократическую, а Сѣверная—монархическую конституціонную. Въ это же время положено было, что цареубійство должно быть въ Южной Думѣ принято основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ. Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ сред-

ствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества; согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе же изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе. *Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ»* (курсивъ автора).

Хотя двѣ Думы руководились различными программами и дѣйствовали порознь, но общеніе между ними не прекратилось: Волконскій и В. Давыдовъ ежегодно ѣздили въ декабрѣ въ Петербургъ для «собесѣдованія» о дѣйствіяхъ обоихъ обществъ и привозили затѣмъ въ январѣ въ Кіевѣ отчетъ о ходѣ дѣлъ Сѣвернаго общества и о дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ правительства.

«У насъ на Югѣ, говоритъ авторъ, шло все дружно, и, кромѣ значительной пропаганды въ окрестностяхъ нашего мѣстопребыванія, Южная дума взошла въ сношенія съ тайнымъ обществомъ «Соединенныхъ славянъ», съ которымъ и соединилась, а затѣмъ взошла въ сношенія съ обществомъ польскимъ». Волконскій и былъ упономомоченъ вести переговоры съ этимъ послѣднимъ. Это было уже на контрактахъ 1825 г. по возвращеніи Волконскаго изъ Тифлиса, гдѣ онъ сошелся съ А. И. Якубовичемъ, который сообщилъ ему слишкомъ преувеличенное представленіе о революціонныхъ силахъ на Кавказѣ.

Въ январѣ 1825 г. Волконскій женился на Маріи Николаевнѣ Раевской и засѣданіе депутатовъ русскаго и польскаго обществъ было у него, уже женатаго, на квартирѣ. Интересны сообщаемыя имъ свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи.

«Изложеніе о ходѣ нашихъ дѣлъ, разсказываетъ онъ, начали русскіе депутаты, потомъ давали отчетъ польскіе, но какъ изъ ихъ словъ выяснилось, что для общаго согласія въ дѣлѣ нужно полякамъ знать, согласно-ли наше общество на присоединеніе къ Польшѣ, какъ они выражались, отторгнутыхъ отъ нея нынѣ губерній, то Пестель сказалъ: «о границахъ не ставить кондицій, мы клониться должны къ общему дѣлу: союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Вы ищите совокупнаго дѣйствія съ нами; что издавна русское, то должно остаться русскимъ; мы по національности составимъ федеративное цѣлое, не требуйте замысловатыхъ уступокъ. Вы найдете въ насъ братьевъ и гранью между нами не будетъ произволъ какого-либо сословія. Мы желаемъ добра и самостоятельности Польшѣ,

но первое наше дѣло—отстаивать свое отечество. Однимъ словомъ, согласитесь по этому вопросу ожидать и довольствоваться тѣмъ, что вамъ дадимъ, а не мечтайте о невозможномъ. Главное дѣло, это на обоюдныхъ правилахъ устроить возстанiе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ; мы начнемъ, и вы начинайте.

Въ гл. XVLII авторъ излагаетъ основную цѣль тайнаго общества, довольно подробно говоритъ объ отношенiяхъ къ нему Ник. Ив. Тургенева, избѣжавшаго преслѣдованiя и ускользнувшаго заграницу. Подробности эти понадобились автору, чтобы доказать лживость увѣренiя Т—ва въ непринадлежности его къ обществу.

«Отдавая ему (Т-ву) полную справедливость, говоритъ авторъ, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженiя крѣпостного права въ Россiи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣренiе, что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ и не былъ его членомъ, есть явная ложь».

Разсказавъ объ одномъ изъ своихъ свиданiй съ Тургеневымъ и приведя такой же разсказъ И. И. Пущина, «рыцаря правды» о его разговорѣ съ Тургеневымъ, доказывающiй несомнѣнное участiе последняго въ заговорѣ, авторъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что высказанное имъ о Тургеневѣ сужденiе никто не припишетъ «злобѣ на то, что онъ не дѣлилъ нашего опальнаго быта, или зависти, что онъ, не смотря на то, что признанъ былъ въ верховномъ уголовномъ судѣ виновнымъ, былъ вовсе даже отклоненъ отъ этого приговора, и ему былъ дозволенъ безпрепятственный въѣздъ въ Россiю».

Съ неменьшею подробностiю авторъ останавливается на предательскихъ дѣйствiяхъ гр. Вита, на шпiонствѣ Бошняка и на доносахъ Шервуда и Майбороды. Но роль этихъ послѣднихъ достаточно уже извѣстна и по другимъ источникамъ.

Относительно самыхъ плановъ тайныхъ Обществъ Волконскiй удостовѣряетъ постановленiе Южнаго Общества, чтобы «при удачѣ вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствiи отобрать отъ народа или чрезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россiя». Устраняя подробности относительно проектированныхъ мѣръ «послѣ переворота», такъ какъ за давностiю времени трудно возстановить ихъ съ необходимою отчетливостiю, авторъ говоритъ въ заключенiе: «одно скажу, что постановлено было, что по истеченiи срока временнаго правленiя—члены

онаго. какъ и члены общей народной думы, не могутъ быть участниками новаго, уже постояннаго, формулированнаго правленія, и что миссія ихъ соучастія кончена навсегда».

Сообщая о томъ, что положеніе объ административной и военной организаціи было поручено обработать Пестелю, а судоустройства и финансовой части—Тургеневу, авторъ говоритъ: «Труды Тургенева не попались въ руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано имъ о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи, во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ, имъ и нами замышляемомъ для Россіи, и это я завѣряю совѣстью».

Въ гл. XLVIII-ой авторъ передаетъ извѣстныя уже свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни Императора Александра I, объ освѣдомленности Государя относительно заговора, и подробно разсказываетъ о своихъ послѣднихъ встрѣчахъ съ Пестелемъ въ Тульчинѣ и Умани. Оба они уже были въ ожиданіи ареста, и Пестель, рѣшительно совѣтуя ни въ чемъ не сознаваться, заботился объ уничтоженіи «Русской Правды», которая одна, по его мнѣнію, можетъ ихъ погубить. «Къ несчастью, говоритъ авторъ, «Русскую Правду» не уничтожили, а закопали въ одномъ огородѣ, и впослѣдствіи, кажется, что она была отыскана и была главною уликою противъ Пестеля и всѣхъ членовъ тайнаго общества».

Жена кн. Волконскаго разрѣшилась отъ бремени 2-го или 3-го января 1825 г. въ с. Болтушкѣ, и князь, безъ прямого разрѣшенія своего начальства (онъ въ это время состоялъ бригаднымъ командиромъ во второй арміи, и находился въ Умани), на одинъ день съѣздилъ навѣстить жену и здѣсь то 5-го января узналъ о многихъ произведенныхъ арестахъ и о подробностяхъ возстанія 14-го декабря. На обратномъ пути въ Умань 7-го января онъ отъ тайкомъ отлучившагося слуги своего узналъ, что къ дому его приставленъ часовой и входныя двери запечатаны. «Тутъ уже все стало мнѣ ясно, и сердце мое исполнилось грусти не изъ страха за послѣдствія, которыя меня ожидали, а изъ опасенія, какъ это повліяетъ на мою жену, лежавшую на родильномъ одрѣ». Этими словами оканчивается предпослѣдняя XLVIII-я глава. Недописанною XLIX-ою главой оканчиваются «Записки».

Доставленный въ Петербургъ прямо къ Зимнему Дворцу, князь Волконскій въ то время, какъ Левашевъ вышелъ изъ кабинета доложить о немъ Государю, изъ бѣглаго взгляда на лежавшія на столѣ

бумаги успѣлъ узнать, что допрошенные раньше его Басаргинъ, Леманъ и Якушкинъ не отрицали принадлежности своей къ тайному обществу, но только въ первоначальномъ его видѣ, когда оно носило названiе «Зеленой книги», т. е. съ перемѣны устава общества послѣ Московскаго конгресса.

«Тутъ явился самъ Государь, въ сопровожденiи Левашева, и сказалъ мнѣ, тогда еще не гнѣвно: «отъ искренности вашихъ показанiй зависитъ ваша участь, будьте чистосердечны, и я обѣщаю вамъ помилованiе».—Государь вышелъ, и я остался глазъ на глазъ съ Левашевымъ. Начался допросъ и я, руководствуясь тѣми данными, которыя успѣлъ прочесть, какъ выше пояснилъ, и въ убѣжденiи изъ многихъ прежде мнѣ извѣстныхъ данныхъ, что существованiе общества извѣстно, дѣлалъ свои показанiя, не выходя изъ рамокъ устава «Зеленой книги». Какъ Левашевъ ни домогался отъ меня болѣе подробныхъ объясненiй, выставляя и прежнiя наши товарищескiя отношенiя, и преданность свою къ зятю моему Петру Михайловичу, а потому и ко мнѣ, ему все таки неудалось узнать ничего болѣе.

Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ Государю; вскорѣ оба опять воротились ко мнѣ. Государь мнѣ сказалъ: «Я.....» На этомъ словѣ прерываются «Записки». Издавая ихъ, сынъ дополнилъ свѣдѣнiями о дальнѣйшей судьбѣ автора въ связи съ его семейною жизнью и политическими событiями того времени на основанiи официальныхъ документовъ и другихъ источниковъ.

Дополненiя эти, занимая 63 страницы книги, представляютъ весьма обстоятельное изложенiе, хотя и чисто протокольнаго характера, зависѣвшаго, очевидно, отъ характера официальныхъ документовъ, какими пользовался авторъ,—важнѣйшихъ событiй жизни С. Г. Волконскаго въ связи съ судьбой его товарищей по ссылкѣ. Эта часть книги читается съ большимъ интересомъ и во многихъ случаяхъ заставляетъ сожалѣть о томъ, что авторъ нѣсколько поскупился на подробности.

Кн. С. Г. Волконскiй послѣ личнаго допроса, сдѣланнаго ему Императоромъ Николаемъ I, былъ заключенъ въ Алексѣевскiй равелинъ Петропавловской крѣпости, и это заключенiе въ тѣсномъ, полусвѣтломъ и сыромъ помѣщенiи было, по словамъ сына, «едва ли не самымъ тяжелымъ временемъ въ жизни кн. Волконскаго». Только 26-го iюля 1826 г. онъ былъ ночью отправленъ въ Сибирь въ числѣ 8 человѣкъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Тридцать лѣтъ пробылъ онъ въ Сибири, получивъ только въ августѣ 1856 г. разрѣшеніе возвратиться въ Россію, гдѣ жилъ въ теченіе семи лѣтъ подъ надзоромъ полиціи безъ права въѣзда въ столицы, безъ права сободнаго передвиженія. Крайне тяжело читать всю эту официіальную переписку относительно поднадзорности, отъ которой Волконскій освобожденъ былъ только 19-го февраля 1863 г. Умеръ онъ 28-го ноября 1865 г. въ с. Воронькахъ Черниговской губ. въ домѣ своей дочери и похороненъ рядомъ съ женой, которая умерла двумя годами раньше его (10 августа 1863 г.).

Въ заключеніе нельзя не выразить благодарности князю М. С. Волконскому (бывшему товарищу Министра Нар. Просв.) за изданіе посвященныхъ ему «Записокъ» его отца: этимъ изданіемъ онъ исполнилъ не только сыновній свой долгъ по отношенію къ отцу, оставившему ему такое наслѣдство, какъ славное имя, но и долгъ гражданина по отношенію къ памяти одного изъ благороднѣйшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей первой четверти прошлаго вѣка. Въ своемъ предисловіи къ изданію, князь М. С. Волконскій, сообщая, что при составленіи своихъ «Записокъ» отецъ не пользовался никакимъ печатнымъ или рукописнымъ матеріаломъ и основывался исключительно на указаніяхъ своей памяти, говоритъ: «Провѣряя нынѣ, въ видахъ изданія, сообщаемые имъ факты, я убѣдился въ полной исторической ихъ точности: не смотря на преклонный возрастъ, память почти нигдѣ ему не измѣнила». Что до освѣщенія этихъ фактовъ авторомъ, то нельзя не раздѣлять увѣренности издателя, что «искренность, правдивость и необыкновенная скромность, которыми проникнуты «Записки», съ первыхъ же страницъ внушатъ читателю полное довѣріе къ сужденіямъ автора о лицахъ и событіяхъ».

А. Андр.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1902 годъ. *Изданіе Кіевск. губ. стат. Комитета. Кіевъ 1901 г.*

Настоящее изданіе представляетъ обширную и весьма полную справочную книгу по всей Кіевской губ., около 500 стр., не уступающую по полнотѣ частнымъ изданіямъ этого рода и снабженную многочисленными объявленіями разныхъ фирмъ и учрежденій. Книжка

издана весьма опрятно и составляетъ дополненіе къ обширному и весьма полному списку населенныхъ мѣстъ Кіевской губ., изданія того же Стат. Комитета (1901 г.) въ 2000 стр. съ приложеніемъ карты губерніи; но, къ сожалѣнію, изобилуетъ опечатками.

Кромѣ разнообразныхъ справочныхъ свѣдѣній, памятная книжка снабжена отдѣльнымъ статистическихъ очеркомъ Кіевской губ., занимающимъ 100 стр. мелкой печати подъ скромнымъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о Кіевской губ. по даннымъ за 1900 г.»; содержаніе этого очерка составляютъ слѣдующіе главнѣйшіе отдѣлы его: естественныя и производительныя силы губерніи и экономическая дѣятельность населенія, обезпеченіе народнаго продовольствія, промыслы и заработки сельскаго населенія, фабричная и заводская промышленность, торговля, желѣзныя дороги, кредитныя учрежденія.

По характеру изложенія, очеркъ этотъ, видимо, представляетъ перепечатку свѣдѣній, излагаемыхъ въ «Обзорахъ» губерній, издаваемыхъ въ видѣ приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ, но выгодно отличается отъ обычныхъ обзоровъ полнотою и обстоятельностію изложенія. Это бросается въ глаза съ первыхъ же страницъ очерка, авторъ котораго, вопреки шаблону, прежде всего совершенно правильно дѣлитъ губернію на три типичныя ея части (сѣверную, среднюю и южную), давая характеристику каждой изъ нихъ отдѣльно и остроумно пользуясь для этой цѣли даже статистическими данными объ урожаяхъ. Очеркъ снабженъ массой разнообразныхъ таблицъ, исчерпывающая полнота которыхъ особенно бросается въ глаза при разработкѣ вопросовъ о площади и размѣрахъ посѣвовъ и сборахъ хлѣбовъ. Видно, что авторъ очерка съ большою любовью и вниманіемъ относится къ дѣлу, но очеркъ этотъ очень много теряетъ именно потому, что его данныя относятся почти исключительно къ одному году. Хотя для сравненія съ данными 1900 г. постоянно приводятся и цыфры 1899 г., но это мало помогаетъ дѣлу, потому что правильною можетъ считаться только та характеристика губерніи, которая основана на данныхъ за рядъ лѣтъ или по меньшей мѣрѣ на свѣдѣніяхъ за какой либо средній годъ. Въ данномъ же очеркѣ нѣтъ никакихъ указаній, является-ли который нибудь изъ этихъ двухъ случайно взятыхъ годовъ среднимъ въ томъ или иномъ отношеніи, почему и нельзя судить, на сколько слабы, велики, важны, характерны и типичны тѣ отклоненія цыфръ въ разныя стороны между 1899 и 1900 г.г., на которыя то и дѣло указывается при сопоставленіяхъ цыфръ. Вслѣдствіе всего этого, данный очеркъ

имѣетъ значеніе лишь какъ систематизированный сводъ сырого матеріала, которымъ при наличности такихъ же сводовъ за другіе года, можно будетъ впослѣдствіе воспользоваться для составленія обоснованнаго очерка губерніи по даннымъ за нѣсколько лѣтъ.

Въ активъ автора очерка губерніи можно записать то, что соотвѣтственно превалирующему значенію сельско-хозяйственной промышленности передъ фабрично-заводскою, онъ удѣляетъ наибольшее мѣсто главѣ о сельскомъ хозяйствѣ, разработанной съ особенной полнотою и подробностію. Однако, при наличности данныхъ максимумъ только за 2 года, всѣ эти выводы изъ разныхъ таблицъ о томъ, какое мѣсто занималъ тотъ или иной уѣздъ передъ другими уѣздами губерніи въ отношеніи урожая того или иного хлѣба, и въ какомъ уѣздѣ урожай какого либо хлѣба былъ въ извѣстномъ году лучше или хуже, теряютъ свое значеніе и становятся излишними.

Въ главѣ о кредитныхъ учрежденіяхъ приведены, имѣющія нѣкоторую связь съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ губерніи, интересныя данныя о покупкахъ, продажахъ и залогахъ земельныхъ имуществъ, котырыми мы хотимъ подѣлиться съ читателями. Можно только пожалѣть, что данныя о задолженности частновладѣльческихъ имѣній приведены лишь по одному Дворянскому Банку, такъ какъ частные земельные банки однородныхъ свѣдѣній совсѣмъ не доставили. По собраннымъ даннымъ,оказывается, что въ отчетномъ году изъ общаго числа проданныхъ чрезъ Крестьянскій Банкъ за этотъ годъ 13109 дес., дворянами продано 9990 дес., т. е. 76% общаго количества. Въ отчетномъ же году заложено въ Дворянскомъ Банкѣ 40515 дес., вмѣстѣ съ которыми общая задолженность частнаго землевладѣнія въ этомъ банкѣ выразилась къ 1 января 1901 г. 423080 десятинами земли. Жаль только, что за неприведеніемъ въ очеркѣ губерніи данныхъ объ общихъ размѣрахъ личнаго, и въ частности дворянскаго землевладѣнія въ губерніи, нельзя опредѣлить какой % того и другого составляютъ заложенныя земли. Во всякомъ случаѣ, если считать, что дѣйствія Дворянскаго Банка, на сколько помнится, распространены на Кіевскую губ. около 15 лѣтъ назадъ, то ежегодно въ залогъ этого банка поступало 28205 дес. За эти 15 л. выдано ссудъ дворянамъ 32.585.900 р., изъ нихъ внесено въ уплату взятыхъ ссудъ всего только 578.310 р.

Л. С. Л.

„Нѣсколько словъ о сервитутахъ и разверстаніи въ Юго-Западномъ краѣ воспитанника сельскаго хозяйственной и лѣсной Академіи въ Тарантѣ и Гейдельбергскаго университета“. *Кіевъ, 1902 г. 34 стран.*

Названная брошюра неизвѣстнаго автора представляетъ перепечатку его статей, напечатанныхъ въ газетѣ «Волынь» въ №№ 211—221 за 1901 г. и являвшихся возраженіемъ на статьи юриста т. Щ. по сервитутному вопросу въ той же «Волыни» (№№ 180 и 181). Юристу г. Щ. возражаетъ спеціалистъ по сельскому хозяйству и лѣсоводству; но возражаетъ не съ хозяйственной, а почти исключительно съ юридической точки зрѣнія. Брошюра имѣетъ исключительно полемическій характеръ. Поэтому изложеніе ея лишено характера цѣльности и является нѣсколько разбросаннымъ и отрывочнымъ, касаясь лишь тѣхъ сторонъ вопроса, во взглядахъ на которыя авторъ расходится съ юристомъ г. Щ. и судебными учрежденіями, которые авторъ обвиняетъ въ «волшебно-фокусныхъ представленіяхъ» въ сферѣ пониманія и рѣшенія сервитутныхъ вопросовъ (стр. 17).

Какъ и слѣдуетъ сельскому хозяину авторъ высказывается за упраздненіе («дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ») сервитутовъ (стр. 31), препятствующихъ правильному веденію хозяйства, но «при условіи соотвѣтственнаго вознагражденія крестьянъ». «Право же общей толоки, какъ временное право, установленное съ извѣстными цѣлями, а не какъ сервитутъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова», онъ находитъ «желательнымъ» офиціально признать «за полученіемъ крестьянами данныхъ и вводныхъ листовъ» (и не смотря на фактическое его примѣненіе и осуществленіе во многихъ имѣніяхъ) «потерявшимъ свою силу» (?). За утрату крестьянами права пастьбы скота по помѣщичьему лѣсу, авторъ проэктируетъ вознаградить ихъ отводомъ имъ въ собственность извѣстнаго пространства земли, «котораго цѣнность соотвѣтствовала бы цѣнности упраздняемаго сервитута». Размѣръ же послѣдней онъ опредѣляетъ суммою, «какую слѣдовало бы уплатить лѣсовладѣльцу за наемъ пастьбы для крестьянскаго скота въ томъ количествѣ штукъ, какое находилось на пастьбѣ въ лѣсу въ 1900 (?) году, если помножить ее на 20» (?), не объясняя, однако, почему такой разсчетъ вознагражденія можно считать выражающимъ наиболѣе близко дѣйствительную стоимость сервитута. Въ коммиссіи, которыя, вѣроятно, будутъ учреждены для приведенія въ исполненіе закона о разверстаніи и

упраздненіи сервитутовъ, авторъ не считаетъ нужнымъ приглашать представителей обѣихъ заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ сторонъ, а только—«значительное количество почетныхъ членовъ изъ землевладѣльцевъ и мѣстной интеллигенціи, которые бы, по очереди, могли, въ теченіе всего времени, принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ и тѣмъ облегчить работу бюрократіи (?), вслѣдствіе чего дѣло быстро было бы доведено до конца», —такого разумѣется, который болѣе всего имъ желателенъ. Нельзя не сказать по этому поводу, что при всей склонности къ теоретическимъ разсужденіямъ, воспитанникъ сельско-хозяйственной академіи оказался человѣкомъ весьма практичнымъ.

Л. С Л.

П. А. Кулишъ. Хуторни недóгаркы. *Стр. 111 in 16. Харькивъ, 1902 г. Цина 50 коп.*

Имя Кулиша перешло въ исторію украинскаго національнаго движенія съ двойственной репутаціей: съ одной стороны—это одинъ изъ выдающихся дѣятелей, можно сказать—апостоловъ украинскаго возрожденія, неутомимый работникъ на пользу родного народа, въ своихъ раннихъ произведеніяхъ нарисовавшій много симпатичныхъ образовъ изъ среды этого народа въ его прошломъ и настоящемъ; съ другой стороны—фанатичный ненавистникъ историческаго прошлаго своей родины, дошедшій въ своей ненависти положительно до какой-то маніи козакофобства; противникъ простого народа («черни»), не останавливающійся ни передъ какими крайностями; человѣкъ, сжегшій безъ оглядки все, чему поклонялся, слагавшій въ буквальномъ смыслѣ оды и гимны лицамъ, о которыхъ народъ сохранилъ не особенно добрую память... Поклонникъ и другъ Шевченка въ раннюю пору своей дѣятельности—и непримиримый врагъ его въ послѣдніе часы; натура, словомъ, сотканная изъ непримиримыхъ противорѣчій, въ своемъ родѣ—двуликій Янусъ, фигура, предъ которой съ недоумѣніемъ останавливается критика и читатели. До сихъ поръ еще не выяснены указанныя противорѣчія и будущему историку украинскаго движенія предстоитъ крайне трудная въ психологическомъ отношеніи, почти неразрѣшимая задача: освѣтить эту загадочную натуру, дать ключъ къ пониманію и разрѣшенію этой воплощенной загадки. Нечего и говорить,

что такое разрѣшеніе можетъ быть достигнуто только при достаточной наличности фактовъ, объясняющихъ тѣ или другія стороны дѣятельности Кулиша. Одинъ изъ такихъ новыхъ фактовъ мы имѣемъ передъ собой—это отрывки сгорѣвшихъ во время «хуторнои безлюдной пожежи» поэмъ Кулиша—«Хуторни недóгаркы».

Въ художественномъ смыслѣ эти «недогарки» не имѣютъ никакой цѣны: принадлежа къ послѣднему періоду литературной дѣятельности Кулиша, они въ превосходной степени отразили на себѣ отрицательныя стороны его поэзіи; растянутость, страсть по всякимъ поводамъ, а иногда и безъ всякихъ поводовъ, къ длиннымъ отступленіямъ, наконецъ, ихъ незаконченный, обрывистый видъ—все это понижаетъ ихъ художественную цѣнность до очень скромной степени. За то въ другомъ отношеніи, въ смыслѣ новыхъ матеріаловъ для разгадки психики ихъ автора, «Недогарки» очень интересны, хотя исключительно съ отрицательной стороны. Взгляды Кулиша высказываются тутъ такъ ярко, выпукло, какъ, можетъ быть, ни въ одномъ изъ его болѣе законченныхъ и болѣе цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи произведеній; человѣкъ, проникнутый извѣстными тенденціями, тутъ совершенно заглушилъ художника и въ результатѣ—поразительно превратное освѣщеніе и истолкованіе общеизвѣстныхъ явленій.

Вотъ, напр., крѣпостное право—явленіе достаточно опредѣленное, о которомъ, кажется, уже не можетъ существовать въ настоящее время двухъ различныхъ мнѣній. Всѣмъ извѣстно, какъ тяжело было положеніе закрѣпощенныхъ массъ; стоитъ взять въ руки какое угодно произведеніе—художественное-ли, научное-ли,—чтобы на первыхъ же строкахъ наткнуться на самыя возмутительныя проявленія того порядка, при которомъ одному человѣку предоставлена ничѣмъ не ограниченная власть надъ сотнями себѣ подобныхъ... Но послушаемъ Кулиша.

. . . . Народъ
Що за козацтва бувь соби гультяй гулящый,
Робывъ немало й намъ, и Москалеви шкодъ,
А за панивъ-новыхъ, що по Ляхахъ посталы,
Си злыдни въ запечкахъ сыдилы й воли ждалы [1]).
И справди жъ бо *жылы ничкурныкамы Хамы.*

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

На хлиби Панському бешнтанькамы рослы.
Не дозыралысь, якъ тамъ ходять за плугамы:
Про те у ныхъ батькы й стари диды булы.
Буялы по степахъ ажъ поты пастухамы,
Покы дивчата имъ кортиты почалы.
Тоди вже очкурню питтягувалы въ штаняхъ,
И мылысь у ставкахъ, а то и въ панськыхъ баняхъ...
(стр. 6—7).

Далѣе слѣдуетъ возмутительная по своему цинизму (не въ одномъ только ходячемъ значеніи этого слова) сцена, въ которой одинъ изъ такихъ «бугаевъ» (выраженіе автора) испрашиваетъ у пана разрѣшенія на женитьбу; добрый панъ убѣждаетъ его жениться по любви, но «лобасу» совершенно недоступны высшія понятія и онъ руководствуется одними лишь низменными побужденіями и грубымъ разсчетомъ. Убѣдившись въ безрезультатности своихъ словъ, панъ мягко соглашается — «Що хочешъ, те й чыны»... (стр. 9). Какъ мало похожа сильно смягченная въ нашемъ пересказѣ сцена на тѣ дѣйствительныя драмы. безмолвными свидѣтелями которыхъ были, въ то благословляемое Кулишомъ время, стѣны дѣвичьихъ барскихъ покоевъ и конюшенъ! Какъ мало «бугай» Кулиша напоминаетъ собою милліоны тѣхъ дѣйствительныхъ «бугаевъ», которыхъ насильно женили на обесчещенныхъ «добрыми» панами крѣпостныхъ «дѣвкахъ»!.. Нечего и говорить, что въ приведенныхъ выше, возмутительныхъ по своему цинизму строкахъ, нѣтъ ни слова правды; чувство художественной мѣры совершенно оставило автора, и вмѣсто дѣйствительнаго «крипака», выдерживавшаго на своихъ плечахъ невыносимую тяжесть крѣпостного гнета и произвола. онъ грубо нарисовалъ то, что нашептывала ему непонятная ненависть къ „черни“. До такой огульной ненависти ко всему народу, кажется, никто еще не доходилъ: даже фактами народной бѣдности и вполнѣ извинительнаго невѣжества онъ пользуется для упрековъ по адресу самого же народа, опять таки обходясь съ истиной очень своеобразно. «Такъ звыклы печкуры за Панщыны жынытысь», —заключаетъ Кулишъ приведенную сцену,—

Що воля имъ теперъ чынyты що-хотя:
Чы до смерты, мовлявъ, *за вексели судытысь,*
Чы на степы й Амуръ здійматысь безъ путтяя,
Або одынъ зъ одным *за батькивщыну бытысь*

И на *лыхе навчать* свое й чуже дытя.
А все такы Паны зистались вынуваты,
Що не було добра видъ хаты та й до хаты (стр. 9).

Еще бы! Паны, конечно, ни въ чемъ невиноваты, хотя самъ Кулишъ невольно проговаривается, что упомянутый уже добрый панъ, истощивъ всѣ свои аргументы, заключаетъ: „я тебе навчу, колы не навчылы сына отець изъ матеррю“.—Не трудно разгадать истинный смыслъ этого добродушнаго съ виду обѣщанія... А вотъ современный панъ:

Адамъ изъ Евою видъ хлопакивъ сусидъ
Ровамы окопавсь, мовъ у якому шанци,
А по окопови порисъ колючый глидъ,
Щобъ *не вкрадалыся по ягоды поганци...*
Не вдерживъ бы *сипакъ* ни валъ, ни глидъ колючый,
Та имъ булы страшни кудласти гавкуны...
. . . .
Почують, полетять и обирвуть штаны.
Воны жъ то напь и садъ и двиръ обороняли,
Зъ зори та й до зори, мовъ на вовкы, брехалы.

Не скрывается ли въ этихъ словахъ разгадка истинной причины ненависти къ народу, обнаруженной съ единственной въ своемъ родѣ откровенностью?...

Козакофобство у Кулиша принимаетъ размѣры настоящей маніи; нѣтъ такого самаго отвратительнаго порока и преступленія, которыми бы онъ не надѣлилъ представителей козачества; для изображенія его онъ не жалѣетъ черныхъ красокъ, густыми мазками отдѣлывая небывалыя черты.

Козацтво жъ—се бувъ хмиль пъяный, що вгору вывся,
Що въ пустоши—гаю всю памолодь давывъ.
Козакъ зъ Татарыномъ за хыжу здобычъ бывся;
Пропывшы, що здобувъ, своихъ симъянъ душывъ,
Або зъ мещанамы за тарануху грызся,
Або за гришъ панамъ у чварахъ ихъ служывъ;
По Руси ковтуномъ кудластымъ розроставсь,
Розбоемъ на води й на суси велычався.

Якъ прыпъялы жъ Паны Козацтво за розбойи
И дома и въ чужыхъ прымыреныхъ земляхъ,
Тоди зъ гиркыхъ пъяныць посталы въ насъ Геройи,
И навелы на всихъ панивъ безумный страхъ
И захыталыся вси жызняни устойи... (стр. 23—24).

. . . .

Здавенъ поставъ у насъ переказъ мижъ ратайства,
Що кодло се зъ зерна невирного взялось,—
Зъ якогось наплоду мижъ Руссю Азыяцтва,
Що въ нашу чысту кровъ отрутою влылось,
Та й росплодылося въ народи й розрослось,
Якъ иноди кукиль засяде у пшеныци;
И довго мучылысь дивчати й молодыци,
Покы Русь довела пшеныцю до сторыци (стр. 103—104).

Козакъ у Кулиша—синонимъ всякой мерзости; портретъ козака—«гыдка чубата образына», козацкаго «велыкого преславного героя пестыть зъ Іудою на лони зрады бисъ» (34), Запорожье—«Содомъ зъ Гоморою», «наслидныця Содома». Эпитетами: «пъяный козакъ», «пъяныци-чупрындери», сипакы-козакы», «шляхецьки паліи», «жыдивськи ризныкы», «людожеры кривави», кодло кляте», «зтатарени харцызы», «пухли опіякы», «клевреты мусульманства», «ватагы розбышакъ» и т. д.—буквально пестрятъ страницы «Хуторныхъ недогарkивъ», не смотря даже на то, что въ обращеніи къ музѣ авторъ говоритъ: «тоби не лычыть ихъ *мерзенныхъ* спомынать» (19), «забвення прокляттямъ побъемъ пекельни души» (20), и даже при одномъ воспоминаніи «въ серци сумъ, що ричъ иде про козакивъ» (22). Но Кулишу, очевидно, доставляетъ какое то удовольствіе—растравлять свою ненависть и онъ слова не скажетъ, не упомянувъ о ненавистномъ козачествѣ... О причинахъ поступленія въ козаки одно изъ выводимыхъ авторомъ лицъ говоритъ:

Згадай, якымъ я втикъ задрипою одъ васъ,
Видъ рала та серпа, за днипрови порогы,
Якъ въ Аксака Юрка, Пидстаросты *прокравсь*,
А въ жыда *задовжавсь* нетяжыще убогый (стр. 95).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще опредѣленнѣе указываетъ на «пъяныць та злодіякъ, що йшлы у козакы» (103). Къ довершенію всего—козаки еще и трусы:

Не зважылысь на грець кабашныкы гулякы.
«Лежать у заклади (мовлялы) вси шабли.
Ось въ кости граемо на кожанкы й кульбакы,
А якъ окупымось, тоди мы вси твои;
Зъ которымъ хочъ—рубайсь; не бiйсь, мы не драгли»
(стр. 96—97).

такъ отвѣчаютъ козаки при вызовѣ на честный поединокъ. «За-для костырства, картъ, блудныцтва, опыяцтва», они ни передъ чѣмъ не остановятся и представляютъ собою наиболѣе пригодный для населенiя ада матерiалъ:

Колысь давно, якъ Хмиль кругомъ насъ не обвывся,
И въ пекли геть було простирно, бо казакъ
Въ розбiйныцьку тоди потугу ще не вбывся (стр. 93).

Не лучше простыхъ козаковъ оказываются и народные герои: Петръ Могила—«Рымськый вовкъ» (27), Хмельницкiй—«старый гультяй и опiяка», «кровавый Тамерланъ, исчадье Евмениды и Медузы, воспитанникъ Козако-Езуитскiй» (74); онъ—«поты лыгавъ на тще-серце и на потуху оковыту, покы обдувсь, якъ барыло, та й давъ дуба» (87).

Въ гордомъ сознанiи своей непогрѣшимости, Кулишъ съ крайнею нетерпимостью относится и къ людямъ, которые расходятся съ нимъ во взглядахъ «на нашу пьяну старосвищыну»; этимъ не согласно мыслящимъ о козакахъ достается отъ Кулиша не меньше, чѣмъ и самимъ козакамъ.

Що за Коныського роспочато брехаты,
За насъ добрихуе пысьменство нависне,
Гайдаръ въ прыгрубныку манывъ дытыну,
Професоръ зъ каѳедры, возводыть у доктрыну (59).

Эти «пысьменни злюкы» (19), «безъ честы, безъ пуття й повагы пысьмакы» (30).

. . . . закопалыся байдужно въ перегнои
Пысьменщыны и викъ викують у темноти,
Мовъ гробакы гыдки на дни труны нимои... (стр. 32).
. . . .

Воны пойилы черни брехнею-бъ козакахъ,
Гласъ честы й совисты въ нетягахъ заглушалы
И кобзарямъ новымъ оману завищалы (стр. 62)...

. . . .

И проповѣдуютъ во славу Украины
Основу новую литературы—
Самоуправную расправу грубой силы,
Наперекоръ преданіямъ культуры (стр. 67)...

Довольно, хотя подобныхъ цитатъ можно бы еще много привести,—этими человѣко-ненавистными окликами несомнѣнно больной души полна почти каждая страница «Хуторныхъ Недогаркивъ». Страшно становится за человѣка, носившаго въ душѣ своей такую тяжесть ненависти—слѣпой, несправедливой, неумолимой; больно за поэта, не съумѣвшаго во время остановиться и сдѣлавшаго свою музу орудіемъ этой ненависти. «Хуторни недогарки»—это темное подземелье, гдѣ нѣтъ ни одного луча свѣта; въ нихъ худшія стороны человѣческой природы, ошибки выдающагося человѣка, обнаружились во всей своей ужасной, неприкровенной наготѣ. Несомнѣнно, что «Хуторни недогаркы» и всѣ подобныя имъ плоды ненависти обрѣчены на забвеніе и чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше, лучше для памяти того—*другого* Кулиша...

С. Е.—мовъ.

Неначе свитъ перевернувся *Вирши Дида Мыколы. Н. П. Стр. 190 in 16. Елисаветградъ, 1901. Цина 50 к.*

Есть, говорятъ путешественники, полудикій народецъ въ Средней Азіи, необыкновенно впечатлительный и отзывчивый на внѣшнія впечатлѣнія: встрѣтитъ корову—поетъ: «ой корова», заборъ увидитъ—поетъ: «ой, заборъ»... Такимъ же избыткомъ впечатлительности страдаютъ и нѣкоторые изъ современныхъ служителей музъ,—съ тою, очень существенной впрочемъ разницей, что полудикій сынъ степей поетъ для своего собственнаго услажденія и потому его впечатлительность вполнѣ законна и, по крайней мѣрѣ, никому не вредитъ, наши же поэты спѣшатъ повѣдать чуть не всему міру о тѣхъ «коровахъ» и «заборахъ», которые встрѣтились имъ на ихъ жизненномъ пути. Что изъ этого происходитъ—угадать не трудно.

Г. Дидъ Мыкола несомнѣнно страдаетъ такимъ избыткомъ впечатлительности и отзывчивости, а потому, согласно съ классическимъ рецептомъ для поэтовъ, «на всякій звукъ свой отзвукъ въ воздухѣ пустомъ родитъ онъ вдругъ»... Видитъ онъ напр., болото—сейчасъ впечатлительность его реагируетъ и онъ начнетъ воспѣвать прелести болота, гдѣ

Щебечуть пташкы безъ цензуры,
Гудуть роямы комари,
Белькочуть жабы-балагуры:
. . . .
Нема друкованыхъ законивъ,
Нема тюрмы и кандаливъ.
Нема ученыхъ Астрономивъ,
Нема аптекъ и ликаривъ... (стр. 18).

Видитъ трамвай—сейчасъ рождается «Трамвай лектричеськый»:

Ну, братци, та й штука
Трамвайна падлюка (!)
Не чыста душа... и т. п. (стр. 34).

Зайдетъ ли въ банкъ—нарисуетъ вамъ такую картину—«Въ збанку»:

Въ збанку (sic) чыновнычкы сыдять
Та гришмы все бряжчать, бряжчать... (стр. 37).

Прослышитъ ли онъ о соединеніи корифеевъ украинскаго театра въ одну труппу—изъ подъ его пера выливается несравненное «Якъ побачу Марка, то мынеться й сварка»... Но кромѣ «ученыхъ Астрономовъ, аптекъ и ликаривъ», никто, вѣроятно, не причинилъ столько тревогъ и огорченій нашему поэту, какъ представительницы прекрасной половины человѣческаго рода; потому то мы въ сборникѣ г. Дида Мыколы и находимъ значительное количество стихотвореній, посященныхъ женскому вопросу,—тутъ есть: «Думкы про жинокъ» и авторскій рецептъ «Якъ жинокъ дурыты», «Жиночый ядъ» и «Бабьячый крыкъ», «Жиноча писня» и «Дивоча писня», «Модна жинка» и «Жинка-тыхоня» и даже благодарственное посланіе къ бабѣ Рындычкѣ (изъ водевиля «По ревызіи»). Въ женскомъ вопросѣ авторъ большой пессимистъ и

темы избираетъ преимущественно отрицательныя; женофобство заставляетъ его забывать въ иныхъ случаяхъ даже свое недовѣріе къ аптекамъ и ликарямъ и онъ тогда патетически восклицаетъ:

О, клычте швыдче, швыдче Коха!
Пастера мертвого збудить;
Жинкамъ щобъ нашымъ хочь потрохы
Пидъ шкуру лымфу пидпустыть... (стр. 26).

Бѣдныя женщины!.. Но по человѣчеству намъ отъ души жаль и автора: много нужно претерпѣть, чтобы рѣшиться на такое геройское средство, какъ призываніе на помощь мертвыхъ!..

Центральнымъ мѣстомъ въ сборникѣ, такъ сказать, гвоздемъ его, является поэма «Неначе свитъ перевернувся», отъ которой и весь сборникъ получилъ свое, на первый взглядъ не совсѣмъ понятное названіе. О самой поэмѣ мы ничего не имѣемъ сказать,—за ея достоинства ручается имя автора; насъ смущаетъ только одно обстоятельство: въ примѣчаніи авторъ обѣщаетъ продолженіе этой поэмы въ слѣдующей книжкѣ... Не довольно ли будетъ и первой?..

С. Е.

Очеркъ дѣятельности Св.-Михайловскаго Братства въ с. Деньгахъ Золотоношскаго уѣзда за десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. *Составилъ Павловскій. Черкассы, 1901.*

Богатѣющая почва вызываетъ усиленное предложеніе услугъ разныхъ сѣятелей, и въ добровольцахъ-сѣятеляхъ нынѣ и за послѣдніе годы стало даже чувствоваться нѣкое изобиліе. Однимъ изъ такихъ сѣятелей добровольцевъ является и авторъ выписанной въ заголовкѣ брошюрки.

И брошюрка вполнѣ оправдываетъ права автора быть сѣятелемъ на нивѣ народнаго просвѣщенія. Издана она въ городѣ Черкассахъ, какъ извѣстно, находящемся въ предѣлахъ Юго-Западнаго края. Очевидно, самъ авторъ тоже принадлежитъ къ числу согражданъ сего края, ибо хотя въ заголовкѣ онъ пишетъ, что дѣйствуетъ въ с. Деньгахъ Золотоношскаго уѣзда, но это, повидимому «опечатка», такъ какъ на стр. 2-ой брошюры онъ увѣряетъ насъ, что с. Деньги лежитъ

«въ полосѣ юго-западнаго края», слѣдовательно не въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Это—безспорно и географическое, и просвѣтительное открытіе, разбивающее на голову и географовъ, и составителей учебниковъ географіи. Авторъ идетъ и далѣе. Онъ съ неменьшей побѣдоносностью разбиваетъ укоренившееся заблужденіе и этой стороны и съ точки зрѣнія исторической. Историки, какъ и географы, заблуждались. Они слишкомъ довѣряли старымъ документамъ, польскимъ люстраціямъ XVII в., описанію маетностей Переяславскаго полка XVIII в., и думали, что с. Деньги возникло лишь въ четверти XVII в., что въ немъ насчитывались тогда не болѣе двухъ трехъ десятковъ козаковъ, но не было слѣдовъ тамъ ни пановъ, ни жидовъ и что никакихъ данныхъ о борьбѣ противъ нихъ и другихъ враговъ исторія села намъ не сохранила. Но все это, очевидно, не болѣе какъ заблужденіе, ибо авторъ увѣряетъ насъ, что с. Деньги лежитъ въ Ю.-З. краѣ, гдѣ въ старину (какую?) панували поляки да жиды, гдѣ католичество хотѣло извести православіе и гдѣ потому велась самая ожесточенная борьба за вѣру, народность и свободу» (стр. 2).

Ревность въ дѣлѣ открытій, по истинѣ, поразительная, и разумѣется, вполнѣ равносильна она и дѣятельности просвѣтительной при помощи воскрешенія этой открытой авторами старины. Но странно одно: «авторъ горько жалуется, что лишь одни старики, вспоминающіе старину (старину въ 250—300 лѣтъ!), поддерживаютъ энергію сѣянія. Молодой возрастъ, сообщаетъ намъ авторъ, отзывается совсѣмъ ужъ наивно (sic!)»: «нехай це будемо робыть, якъ постаріемось», а средній возрастъ отзывался на двое. Очевидно, почва хотя и богатая въ Деньгахъ, но еще недостаточно много для доставленія удовольствія сѣятелямъ.

А между тѣмъ дѣятельность послѣднихъ весьма и весьма энергична, а подчасъ и полна оригинальности. Не только бесѣда, не только чтеніе, но даже лавка призвана на помощь въ дѣлѣ просвѣщенія. Почти годъ спустя послѣ начала просвѣтительной дѣятельности, построена была за 70 р. лавка, накуплены въ Кіевѣ разные товары, увы! оказавшіеся непригодными вовсе для села и проданные затѣмъ съ уступкой. Но, однако, это не обезкуражило энергіи. Накуплены новые товары и уже въ 1894 г. оказалось, что лавка выручила 52 р. 20 к. барыша. Но что значилъ барышъ, когда рядомъ выяснилось, что не только лавка не приноситъ убытка, а еще и пользу «неоцѣнимую». Какую-бы вы думали, читатель? Пользу «со стороны нравственнаго

просвѣщенія народа». Ибо, говоритъ намъ авторъ, «лавка хотя и медленно, но методично, все болѣе и болѣе, проникаетъ въ сознаніе народа, будитъ въ немъ понятія о правдѣ, истинѣ, чистотѣ и пользѣ душевной (стр. 7).

Мы просто преклоняемся предъ энергичностью, новостью и оригинальностью современныхъ сѣятелей на нивѣ народнаго просвѣщенія.

N.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 2; 2) Русская Старина № 2; 3) Историческій Вѣстникъ № 2; 4) Научное Обозрѣніе № 1; 5) Міръ Божій № 2; 6) Варшав. Универс. Извѣст. № 9-й 1901 г.; 7) Кіевск. Универс. Извѣстія № 12-й 1901 г.; 8) Книжка Восхода № 12-й 1901 г.; 9) Земскій Сборн. Черниг. губ. № 11-й 1901 г.; 10) Вѣстн. Всеміри. Исторіи № 1; 11) Этнографич. Обозрѣніе № 4-й 1901 г.; 12) Русское Богатство № 1; 13) Журналъ для всѣхъ № 1 и 2; 14) Вѣстн. Евр. № 1 и 2; 15) Лит.-Наук. Вистн. № 2.

Русскій Архивъ, № 2.

Аѳанасьевъ Д. М.—Къ исторіи Черноморскаго флота. Стр. 193—262.

Трудъ г. Аѳанасьева представляетъ собою сводку матеріаловъ по исторіи черноморскаго флота отъ возникновенія его въ 1768 г. до 1816 г.

Письмо И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану, сообщилъ А. Степовичъ. Стр. 362—365.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о книгѣ В. Шенрока «П. А. Кулишъ», появившейся первоначально въ нашемъ журналѣ и изданной отдѣльно.

Русская Старина, № 2.

Дубровинъ Н.—Русская жизнь въ началѣ XIX в. Гл. 17-ая. Стр. 229—255.

Въ настоящей главѣ авторъ излагаетъ событія, приведшія къ созданію Герцогства Варшавскаго. Между прочимъ приводится (стр.

231) офиціальная записка, выражающая взгляды правительства на Бѣлоруссію и Украину: «Виленская и Гродненская губерніи по единоплеменству жителей, по единству языка и вѣры, болѣе прочихъ устраняются отъ сближенія съ Россіей; въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, особливо въ Витебской, нравы начинаютъ измѣняться, почему и можно надѣяться, что оные и вовсе обрусѣютъ: губерніи же Кіевская, Волынская и Подольская, хотя и населены большею частію малороссіянами греко-россійскаго исповѣданія, но показываютъ нѣкоторые слѣды польскаго недоброхотства къ Россіи». Далѣе это «недоброхотство» приписывается исключительно вліянію поляковъ.

Шенрокъ В.—Н. В. Гоголь: I. Его отношенія къ Петербургу. II. Кто былъ родоначальникомъ реальнаго направленія, Гоголь или Пушкинъ. Стр. 257—282.

Историческій Вѣстникъ, № 2.

Щеголевъ П. Е.—Изъ школьныхъ лѣтъ Н. В. Гоголя. Стр. 509—547.

Интересная статья, на основаніи, между прочимъ, и новыхъ матеріаловъ (писемъ самого Гоголя и его воспитателей), дающая свѣдѣнія о пребываніи Гоголя въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Къ статьѣ приложено три портрета Гоголя.

Гоголь въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Изъ воспоминаній Любичъ-Романовича. Стр. 548—560.

Воспоминанія извѣстнаго въ свое время писателя, лицейскаго товарища Гоголя, въ очень неприглядномъ свѣтѣ изображаютъ отношенія Гоголя къ товарищамъ; повидимому, авторъ воспоминаній сильно сгустилъ краски. Къ воспоминаніямъ приложенъ портретъ Гоголя.

Энгельгардтъ Н. А.—Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ. Стр. 561—580.

Статья констатируетъ несомнѣнное вліяніе на Гоголя сочиненій другихъ писателей,—въ особенности Нарѣжнаго, являющагося прямымъ предтечею Гоголя и давшаго намеки на тѣ типы, которые съ такою силою изображены послѣднимъ. Въ приложеніи къ статьѣ—портретъ Гоголя.

Страховъ Н. Н.—Описаніе Днѣпра у Гоголя. Стр. 581—582.

Небольшая замѣтка покойнаго критика, сильно напоминающая ученическія сочиненія на заданную тему.

Полевой Н. П.—Гоголь. Опытъ характеристики. Стр. 583—595.

Бѣглая, ничего новаго для уясненія личности Гоголя не дающая характеристика. Въ приложеніи снимокъ «Гоголь въ гробу».

Михайловъ К. Н.—Вновь найденныя рукописи Гоголя. Стр. 596—654.

Авторъ выполнилъ чрезвычайно кропотливую работу сличенія вновь найденныхъ рукописей Гоголя («Пропавшая грамота», нѣсколько писемъ и отрывковъ) съ печатнымъ текстомъ. Въ приложеніи дано факсимиле этихъ рукописей, наглядно показывающее ходъ творческой работы Гоголя.

Щеголевъ П. Е.—Отецъ Гоголя. Стр. 655—666.

Характеристика личности В. А. Гоголя, къ сожалѣнію, совершенно не касающаяся наиболѣе интереснаго для насъ вопроса—объ украинскихъ его сочиненіяхъ, несомнѣнно оказавшихъ вліяніе и на Гоголясына.

Эварницкій Д. И.—Преображенская церковь въ м. Большихъ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи, гдѣ крестили Н. В. Гоголя. Стр. 667—678.

Описаніе древностей Преображенской церкви въ Сорочинцахъ, построенной гетманомъ Даниломъ Апостоломъ; авторъ попутно касается вопросовъ о времени и мѣстѣ рожденія Гоголя. Къ статьѣ приложены снимки церкви, болѣе интересныхъ иконъ и герба Апостола.

Каллашъ В. В.—Замѣтки о Гоголѣ. Стр. 679—685.

Мелкія замѣтки о Гоголѣ, извлеченныя г. Каллашемъ изъ старыхъ журналовъ и газетъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о новомъ изданіи писемъ Гоголя и трудахъ проф. Стороженка, отвосящихся къ украинской литературѣ.

Міръ Божій, № 2.

Богучарскій В.—Гоголь, какъ «учитель жизни». Стр. 56—76.

Анализъ «Переписки съ друзьями», доказывающій неосновательность возвеличенія этой книги нѣкоторыми писателями, видящими въ ней какое то глубокое откровеніе.

Морозовъ П.—Гоголевскій стиль. Стр. 166—185.

Передача содержанія недавно вышедшей книги проф. Мандельштама «О характерѣ гоголевскаго стиля», представляющей очень интересную попытку прослѣдить участіе языка въ творческой работѣ

писателя. Особенно интересны соображенія проф. Мандельштама о роли въ творчествѣ Гоголя украинскаго языка.

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь. 1829—1842 г. (продолженіе). Стр. 228—264.

Четвертая глава монографіи г. Котляревскаго содержитъ общій обзоръ «народности» въ русской литературѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, предъ выступленіемъ Гоголя на поприще художественной дѣятельности.

Въ «Критическихъ замѣткахъ» г. А. Б. находимъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ Гоголевскому юбилею, —собственно отношеніямъ къ Гоголю литературной и общественной среды, его окружавшей. Въ тѣхъ же «Замѣткахъ» авторъ останавливается, между прочимъ, на книгѣ Маликова «Край безъ будущаго«, посвященной описанію степной поволжской области и дающей нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни переселенцевъ-украинцевъ.

Кіевск. Университетскія Извѣстія, 1901 г. № 12.

Чаговецъ В. А.—Жизнь и сочиненія преподобнаго Θеодосія. Стр. 151—222.

Окончаніе труда г. Чаговца содержитъ подробный анализъ сочиненій преподобнаго Θеодосія по сборнику Румянцевскаго музея съ дополненіями по рукописи изъ библіотеки Кіево-Печерской Лавры.

Довнаръ-Запольскій М. В.—Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ. Стр. 777—807.

Окончаніе труда г. Довнаръ-Запольскаго заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 8) Спеціальныя подати съ евреевъ, 9) Свѣдѣнія о сборахъ земской подати и 10) Участіе въ военной повинности мѣщанства и крестьянства. Въ заключительной главѣ авторъ даетъ нѣкоторые общіе выводы о состояніи государственнаго хозяйства въ Литовской Руси въ разсматриваемый періодъ.

Въ офиціальной части напечатанъ «Краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности Университета Св. Владиміра въ 1900 г.»; отчетъ содержитъ свѣдѣнія о научныхъ работахъ, относящихся между прочимъ и къ нашему краю.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., 1901 г. № 11.

Балика А.—Городъ Сновескъ (м. Седневъ). Стр. 45—84.

Историческій очеркъ м. Седнева съ древнѣйшихъ временъ.

Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій,—подъ редакціей Н. П. Василенка. Стр. 193—296.

Въ настоящей книгѣ содержатся части: X, «Объ имѣніяхъ и преимуществахъ шляхетскихъ», XI., «О козацкихъ вольностяхъ и ихъ имѣніяхъ», XII. «О охочокомонныхъ компанѣйскихъ полкахъ», XIII, «О чинѣ, преимуществахъ и имѣніяхъ духовныхъ», XIV, «О малороссійскихъ чиновникахъ», XV, О арматѣ или артиллеріи малороссійской и бывшихъ тамъ пороховыхъ заводахъ», XVI, «О простомъ народѣ». XVII, «О грекахъ», XVIII, «О присоединеніи нѣкоторыхъ мѣстечекъ отъ Малороссіи къ Екатеринославскому намѣстничеству» и XIX, «О раскольникахъ, поселившихся въ Малой Россіи изъ великороссійскихъ и разныхъ людей.

Старинный малорусскій письмовникъ: «книга глаголемая листовня». съ предисловіемъ Б. Д. Гринченка.

Объ этомъ памятникѣ нашей письменности, вышедшемъ также и отдѣльнымъ изданіемъ, печататся въ этой книгѣ «К. Ст.» рецензія.

Вѣстникъ Всемірной исторіи, № 1.

Въ Литературной Лѣтописи пересказано содержаніе 3-хъ публичныхъ лекцій д-ра Франко въ Перемышлѣ, посвященныхъ исторіи послѣднихъ 30 лѣтъ въ области исторіи малорусской литературы въ Россіи и Галичинѣ. Лекціи эти напечатаны въ «Літературно-Науковомъ Вістнику» VII—IX кн. Пересказавъ ихъ содержаніе, рецензентъ останавливается на мнѣніи Каткова, что «малорусскій языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ польской интригѣ», мнѣніе, которое поддерживаютъ «молодые» и «старые» джентельмены „Новаго Времени“ и иллюстрируетъ не справедливость этогомнѣнія статьею проф. Гнатюка въ томъ-же „Вістнику“ по поводу послѣднихъ студенческихъ волненій въ Львовскомъ университетѣ. Польская пресса указываетъ, что эта агитація о малорусскомъ языкѣ ведется на „московскіе рубли“, а „Московскія Вѣдомости“ и „Новое Время“ обвиняетъ ихъ въ „польской интригѣ“. Рецензентъ дѣлаетъ выводъ, что „русины всѣми силами души противятся полонизаціи“ и что „наши квасные патріоты“ играютъ полякамъ въ руку.

Этнографическое Обозрѣніе, 1901 г. № 4.

Мошковъ В. А.- Гагаузы Бендерскаго уѣзда. Стр. 1—80.

Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Мошкова приводятся украинскія параллели къ вѣрованіямъ Гагаузовъ и ссылки на украинскую этнографическую литературу.

Русское Богатство, № 1.

Елисеевъ Г. З.—Гоголь. Стр. 37—71.

Неоконченная, къ сожалѣнію, статья очень популярнаго въ свое время публициста «Отечественныхъ Записокъ», изображающая извѣстный переломъ въ міровозрѣніи Гоголя.

Горнфельдъ А. Г.—Книга о языкѣ Гоголя. Стр. 76—90.

Критическая замѣтка по поводу недавно изданной книги проф. Мандельштама «О характеристикѣ гоголевскаго стиля».

Журналъ для всѣхъ, № 1 и 2.

Шенрокъ В.—Н. В. Гоголь. № 1, Стр. 3—14. Краткій біографическій очеркъ.

Русовъ М.—Областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ съ 28 сентября по 7 октября 1901 г. (№ 1).

Шенрокъ В.—Н. В. Гоголь. № 2, (Стр. 131—144).

Краткій очеркъ исторіи творческихъ замысловъ Гоголя, сводившихся, по словамъ самого писателя, къ желанію «изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей русской землѣ».

Ефименко А.—Малорусское козачество по Гоголю. № 2, Стр. 207—212).

Интересно написанный очеркъ г-жи Ефименко содержитъ выясненіе взглядовъ Гоголя на козачество и отмѣчаетъ ихъ достоинства и недостатки.

Русовъ М.—Областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ съ 28 сентября по 7 октября 1901 года (окончаніе). № 2. (Стр. 221—228).

Итоги съѣзда, происходившаго минувшей осенью въ Полтавѣ: въ статьѣ г. Русова отмѣчена между прочимъ дѣятельность съѣзда, отоосящаяся непосредственно къ украинскому народу (ходатайства о распространеніи книгъ на народномъ языкѣ, сохраненіе національнаго стиля въ работахъ и т. п.).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ г. Коваленкомъ-Коломацкимъ данъ отзывъ объ изданіяхъ С.-Петербургскаго Благотворительнаго Общества.

Вѣстникъ Европы, № 1 и 2.

Воропоновъ Ѳ. Ѳ.—Крестьянское дѣло въ Юго-Западномъ Краѣ 1865—1868 г. № 1. Стр. 289—318.

Интересныя воспоминанія одного изъ участниковъ примѣненія крестьянской реформы на мѣстахъ, изображающія процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ мировыми съѣздами. Главная трудность этихъ повѣрочныхъ работъ состояло въ недостаточности данныхъ и въ нерѣшительномъ отношеніи къ реформѣ представителей мѣстной администраціи. Послѣднее измѣнилось только съ назначеніемъ на постъ кіевскаго генералъ-губернатора Безака, проявившаго большое участіе къ работамъ по примѣненію кресьтянской реформы.

Багалый Д. И.—Изъ жизни Харьковскаго университета въ началѣ XIX в. № 2. Стр. 628—649. Извѣстнымъ знатокомъ исторіи Харьковскаго университета представлены интересныя данныя о студенческихъ организаціяхъ въ Харьковскомъ уииверситетѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Кочубинскій А.—Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя № 2. Стр. 651—675.

Авторъ, на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ «Historyi zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego» патера Смоликовскаго, констатируетъ несомнѣнное вліяніе, оказанное на міровоззрѣніе Гоголя основателями ордена воскресенцевъ (zmartwychwstancy). Въ концѣ 30-хъ годовъ основатели этого ордена—Семененко и Кайсевичъ—встрѣтились съ Гоголемъ въ Римѣ и при содѣйствіи кн. Волконской старались привлечь его къ своему ордену.

Воропоновъ Ө. Ө.—Крестьянское дѣло въ Юго-Западномъ Краѣ 1865—1868 г. (окончаніе). Стр. 733—771.

Окончаніе воспоминаній г. Воропонова даетъ характеристику отношеній крестьянъ къ реформѣ и направленію въ правительственныхъ сферахъ, явно принявшаго реакціонный оттѣнокъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о книгѣ г. Шенрока «П. А. Кулишъ». (№ 2).

Літературно-науковий Вістник, № 2.

Лепкий Б.—Осиння симфонія, Поезиї. Стор. 75—76.

Кобилянська О.—Земля, оповідане (далі). Стор. 77—114.

Яновська Л.—На Миланки, комедія в 1-й дії. Стор. 115—129.

Марійка К.—Як не твоя, то й нічия,—оповідане з гуцульского житя. Стор. 130—141.

Хрущ—Із поезий,—I—III. Стор. 142—143.

Гарборг Арне,—Загублений батько,—оповидане, переклав В. Стефаник. Стор. 144—165.

Корженко—Сокільський гимн. Стор. 166.

Р—ва—Народник в украінскій літературі. Стор. 81—97.

Статья г. Р—ва представляетъ собой интересную попытку выдѣлить образъ народника, какъ онъ сложился въ украинской литературѣ,—отъ Котляревскаго, давшаго, по мнѣнію автора, прототипъ народника въ Возномъ и до произведеній украинской литературы послѣдняго времени. Къ двумъ категоріямъ украинскихъ народниковъ, о которыхъ говоритъ авторъ,—націоналистамъ-романтикамъ и народникамъ-практикамъ, необходимо присоединить еще третью категорію, достаточно ясно обрисованную, хотя бы въ романахъ покойнаго Кониссκаго,—народниковъ съ соціально-политической подкладкой (Семенъ Жукъ, Юрій Горовенко).

Ефремов С.—Національне питанне в Норвегіі (кінець) Стор. 98—114.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1125 «Юга» помѣщено извѣстіе о разрѣшенныхъ цензурой къ печати украинскихъ книгахъ; кромѣ уже упоминавшихся въ нашемъ журналѣ, цензурой разрѣшены «Народни оповидання» Марка Вовчка (два тома), «Поэзіи въ прози» Гната Галайды и его же разсказы для народа «Якъ треба и якъ не треба».

—

Въ статьѣ «О чтеніяхъ для народа по сельскому хозяйству», помѣщенной въ № 3 «Хозяина», г. Яблоновскій, высказываясь за отмѣну существующихъ въ данной области ограниченій, подчеркиваетъ необходимость въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ вести чтенія на украинскомъ языкѣ, а также допустить къ народнымъ чтеніямъ брошюры г.г. Чикаленка, Ваганова, Немоловскаго, Ганька, Степовика и др., одобренныя министерствомъ земледѣлія.

—

Въ № 8 «Сборника Херсонскаго земства» за истекшій годъ помѣщенъ сочувственный отзывъ о четвертой книжкѣ «Розмовъ про сельське хазяйство» г. Чикаленка.

—

Въ мѣстной губернской типографіи печатается составленная В. Е. Бучневичемъ книга «Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ», второе изданіе, съ видами города и планомъ Полтавской битвы книга въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ и поступитъ въ продажу.

Проф. Багалѣй помѣстилъ въ № 15 «Харковскихъ губ. Вѣдомостей» начало статьи «Литературные труды студентовъ Харьковскаго университета при дѣйствіи устава 1804 г.» Въ статьѣ отмѣчено вліяніе, которое «должна была оказывать народившаяся уже въ это время малорусская литература, нашедшая въ г. Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ такихъ талантливыхъ выразителей, какъ проф. Гулакъ-Артемовскій и Г. Ѳ. Квитка. Современникъ—пѣвчій архіерейскаго хора Пѣхотинскій—свидѣтельствуетъ, что въ его время (до начала 1813 г.) малороссійскія пѣсни царили до такой степени, что захватывали даже чистыхъ великоруссовъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи, въ началѣ 30-хъ годовъ этому увлеченію поддались Н. И. Костомаровъ и Изм. Ив. Срезневскій и на почвѣ его создался рядъ серьезныхъ работъ въ области малорусскаго слова и этнографіи. Были попытки употребленія украинскаго языка и въ журналистикѣ. Въ 1816 г. нѣкто Масловичъ издавалъ журналъ «Харьковскій Демокритъ»; въ первомъ номерѣ помѣщено стихотвореніе издателя «Основаніе Харькова» на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Въ томъ же году студентъ Левшинъ напечаталъ «Письма изъ Малороссіи», представлявшія литературныя достоинства.

Въ №№ 4 и 5 журнала «Tygodnik Illustrowany» помѣщена статья Dunin-Karnickiego (seniora) подъ заглавіемъ «Ceny ziemi na Wołyniu».

Авторъ, мѣстный старожилъ, сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя, свидѣтельствующія о необычайно интенсивномъ экономическомъ процессѣ на Волыни, въ частности—на Полѣсьи, отразившемся болѣе всего на повышеніи цѣнъ на землю и лѣсъ.

Въ № 1 нью-іоркской газеты «Sonntagsblatt der New Jorker Volkszeitung» напечатана обширная статья Ивана Франка «Das Polenthum nach zwei Fronten». Въ первой части этой статьи авторъ

сотанавливается на Вжесенскомъ процессѣ и описываетъ угнетеніе поляковъ въ Германіи; вторая часть посвящена событіямъ прошлаго года въ львовскомъ университетѣ и угнетенію русиновъ поляками въ Галичинѣ.

—

Въ № 7271 «Южнаго Края» напечатано продолженіе статей проф. Сумцова «Изъ этнографическихъ экскурсій». На этотъ разъ авторъ описываетъ интересный, въ этнографическомъ отношеніи, великорусскій оазисъ среди сплошного украинскаго населенія. Автору удалось побывать въ одномъ изъ селъ населенныхъ великоруссами и собрать интересныя свѣдѣнія объ ихъ бытѣ. Проф. Сумцовъ констатируетъ сильное украинское вліяніе въ бытовой обстановкѣ, пѣсняхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ; такъ, напримѣръ, почти цѣликомъ усвоенъ свадебный украинскій ритуалъ и украинскія пѣсни. Единственное яркое отличіе великороссовъ отъ окружающаго украинскаго населенія заключается въ женскомъ костюмѣ, сохранившемъ чисто великорусскій видъ.

—

Въ № 42 «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ отзывъ о книгѣ г. Шенрока «П. А. Кулишъ».

—

Статья г. Коваленка-Коломацкаго о львовскомъ Товариствѣ ім. Шевченка подъ заглавіемъ «Малорусское ученое общество» перепечатана «Приднѣпровскимъ Краемъ» (№ 1434) и «Кіевской Газетой» (№ 28).

—

Въ первой книжкѣ нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала «Die Gartenlaube» за настоящій годъ помѣщена обстоятельная статья A. Amlacher'a—«Aus dem lande der Huzulen». Статья содержитъ описаніе края, жизни Гуцуловъ, ихъ обычаевъ, одежды и т. п. и нѣсколько рисунковъ изображающихъ Гуцуловъ («Дѣло», № 10 и 11).

—

Въ «Дѣлѣ» появился цѣлый рядъ статей Іл. К.—«Вражіня з подорожи на Украіну и Крим».

—

Статьи о петербургскомъ благотворительномъ Обществѣ имени Шевченка напечатаны въ газетахъ «Приднѣпровскій Край» (№1439), «Кіевская Газета» (№ 30), «Волынь» (№ 26) и «Крымскій Курьеръ»

(№ 20). Всѣ названныя газеты отмѣчають полезную дѣятельность Общества и приглашають сочувствующихъ къ поддержкѣ его пожертвованіями.

Разсказъ Марка Вовчка «Сестра» переведенъ на словинскій языкъ. (Gazeta Lwowzka).

Нѣкоторые изъ разсказовъ украинской писательницы, Ольги Кобылянской переведены на нѣмецкій языкъ. (Gazeta Lwowska).

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Богдана Залѣсскаго переведены на украинскій языкъ. (Gazeta Lwowska).

По поводу предложенія назвать одинъ изъ бульваровъ въ Житомирѣ именемъ Гоголя, фельетонисть «Волыни» предлагаеть, кромѣ Пушкинскаго и Гоголевскаго бульваровъ, заранѣе предназначить 3-й бульваръ для Т. Г. Шевченка. «Юбилей малорусскаго поэта наступить еще черезъ 9 или 14 лѣтъ, смотря потому будеть ли праздноваться 50 лѣтіе со дня его смерти или 100-лѣтіе со дня рожденія. Мѣсто и почву подъ памятникъ ему не мѣшало бы заблаговременно распланировать и очистить оть плевелъ, заглушающихъ попытки прійти къ единомыслію между сосѣдями столь близкими, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ литература, которая должна быть достояніемъ всего человѣчества». (Волынь, № 23).

Въ № 23 «Волыни» г. Очевидцемъ помѣщена сценка съ натуры «На житнемъ базарѣ», содержащая дословно записанный (по-украински) разсказъ крестьянина о своихъ судебныхъ злоключеніяхъ.

Въ № 25 «Волыни» помѣщена корреспонденція изъ Львова, рисующая далеко не въ отрадномъ освѣщеніи положеніе дѣлъ въ Галицкомъ сеймѣ, группировку партій и мѣсто, занятое украинскими депутатами.

Въ № 1128 «Юга» помѣщена замѣтка г. Ков.—Кол. «П. А. Кулишъ, какъ переводчикъ», содержащая свѣдѣнія о переводахъ Кулиша на украинскій языкъ сочиненій европейскихъ классиковъ и Священнаго Писанія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Альманах руско-українських богословів. Зібрав Ол. Сушко. Стор. 198. У Львові, 1902. Ціна 3 кор.

Борковский.—О щаслива Руси! (передрук фейлетонів «Дѣла»). Стор. 32. У Львові; 1901.

Вахнянин Н.—Оповіданя і гуморески. Стор. 202. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Гоголевскій Сборникъ, изданный состоящей при Историко-филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ Гоголевской комиссіей. Кіевъ, 1902. Цѣна 2 руб.

Das Ansiedlungswesen in der Bukowina seit der Besitzergreifung durch Oesterreich. Mit besonderer Berücksichtirgung der Ansiedlung der Deutschen. Mit Benützung der urkundlichen Materialen aus dem Nachlasse von I. A. Wickenhauser, von Raimund Friedrich Kaindl. XVI+537. Innsbruck, 1901.

Довнаръ-Запольскій М. В. — Государственное хозяйство Великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Кіевъ, 1901. Ц. 4 р.

Етнографічний Збірник. Видае етнографічна комісия Наук. Товариства ім. Шевченка. Т. X. Галицько-руські народні приповідки, зібрав і пояснив Ів. Франко. Вип. I (А—Відати). Стор. 200. У Львові; 1902.

Збірник математично-природописно-лікарськоі секциі Наук. Т—ва ім. Шевченка Т. VII, вип. II У Львові, 1902.

Зоря. ч. 1. Сѣчень, 1902. Стор. 18. У Коломыи, 1902. Ціна 10 сот.

Календарь для Американськихъ Русинôвъ на рôкъ 1902. Стор. 210. Olyphant, Pa, 1901. Ціна 50 центів.

Календарь для бразілійських Русинів. Стор. 32. У Львові; 1901. Ціна 1 мільрейс.

Любавскій М.—Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Москва, 1901. Ц. 4 руб.

Мандельштамъ, проф.—О характерѣ гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ 1902. Ц. 2 р. 75 к.

Маніфестъ комуністичноі партиі (Бібліот. украінського робітника, г. 1). Стор. 50. У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Масляк В.—Постова побіда. Стор. 28. У Коломиі, 1902. Ціна 20 сот.

Милорадовичъ, гр.—Родословная книга Черниговскаго дворянства. Два тома. СПБ., 1901. Ц. 6 руб.

Мордовцевъ Д. Л.—Палій, воскреситель правобережнои Украины. Историчне оповидання. СПБ. 1902. Ц. 75 к.

Новорічник листоноша. Стор. 8. У Перемишлі, 1902.

Нѣсколько словъ о сервитутахъ и разверстаніи въ Юго-Западномъ Краѣ. Кіевъ, 1902. Ц. 50 к.

Революція 1848 р. у Франціі. Переклад. Виданне Р. У. П., ч. 4. стор. 52. 1902.

Стебельський проф.—Австрийський процес карний (коментар). Правнича бібліотека, під редакциею проф. Дністрянського, т. I. вип. I. Стор. 196. У Львові, 1902.

Стороженко Н.—Изъ области литературы. Статьи, лекціи, рѣчи, рецензіи. Москва, 1902. Ц. 2 р.

Страйкъ чы бойкотъ? Писля В. Будзыновського. Выд. Р. У. П., ч. 5. Стор. 28. 1902.

Филевичъ, проф.—По поводу теорій двухъ русскихъ народностей. Львовъ, 1902. Цѣна 50 коп.

Хроніка украінсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові, р. 1901, вип. IV., ч. 8. Стор. 24. Ціна 30 сот.

Хроніка украінсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові, р. 1902, вип. I, ч. 9. Стор. 56. Ціна 50 сот.

Яворскій Ю.—Къ исторіи Галицко-русскихъ колядокъ. Львовъ, 1901. Ц. 60 к.

Яворскій Ю.—Очерки по исторіи русской народной словесности. Львовъ, 1901. Ц. 50 к.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

14 января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по утройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Н. И. Алякритскій познакомилъ съ результатами своей экскурсіи въ г. Дмитріевъ, Курской губерніи. Докладчикъ указалъ на рядъ городищъ и кургановъ, интересныхъ для изслѣдованія и уже отчасти изслѣдованныхъ г. Говоровымъ, и остановился подробно на древнихъ памятникахъ церкви Рождества Богородицы въ г. Дмитріевѣ и церкви Іоанна Богослова, и среди нихъ спеціально на двухъ синодикахъ, украшенныхъ гравюрами, представляющихъ собою повтореніе третьяго изданія синодика Бунина, одного изъ граверовъ на мѣди и знаменщика (рисовальщика) серебряной палаты при оружейной палатѣ. По поводу доклада постановлено: просить г. Говорова представить его коллекцію древнихъ памятниковъ для выставки при съѣздѣ.

Н. И. Алякритскій познакомилъ съ описью нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ, поступившихъ изъ запорожскихъ церквей и хранящихся въ церкви г. Никополя. Рѣшено ходатайствовать о присылкѣ этихъ памятниковъ для церковно-археологической выставки.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* познакомилъ съ народно-поэтическими матеріалами, поступившими въ распоряженіе комитета и изслѣдованіемъ студента Е. Криста о кобзаряхъ и лирникахъ Изъ этого матеріала выдѣляется сборникъ малорусскихъ свадебныхъ

пѣсенъ вмѣстѣ съ прекраснымъ описаніемъ свадебнаго ритуала учителя *А. Г. Водолазскаго* (Старый Салтовъ, Волчанскаго уѣзда), записи А. Д. Твердохлѣбова: «Пісни про біднаго Ла́зура», легенды «Попивки»; записи Дакарева—трехъ псалмъ; запись М Истомина; очеркъ В. А. Грищенко «Свадебные обычаи и пѣсни крестьянъ села Люджи».

Студентъ Е. Кристъ доложилъ о своей экскурсіи по изученію кобзарей и лирниковъ, и ихъ пѣсеннаго репертуара. Докладчикъ познакомилъ съ біографіями кобзарей: Остапа Бутенка, Петра Древнина, Ивана Зозули, и съ нѣкоторыми исполняемыми ими пѣснями, записанными имъ. Докладчикъ старается установить школы лирниковъ Харьковской губерніи. Докладчику и сотрудникамъ его (по приготовленію прекрасныхъ фотографій съ кобзарей): В. И. Леваковскому и Б. А. Дробному выражена комитетомъ благодарность.

А. В. Ветуховъ познакомилъ съ матеріаломъ, собраннымъ комитетомъ и относящимся къ вопросу о кобзаряхъ и лирникахъ. Отвѣты въ этихъ матеріалахъ большею частью цѣнности не представляютъ: это увѣдомленія, что въ такой-то мѣстности кобзари и лирники вымираютъ, иногда приводятся имена оставшихся въ живыхъ и перечисляются пѣсни, которыя они поютъ; иногда изъ-за этихъ сообщеній проглядываетъ и опасеніе, не о предосудительномъ-ли чемъ-нибудь даются свѣдѣнія, и потому корреспонденты послѣ болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній объ этихъ «вымирающихъ богатыряхъ» спѣшать прибавить, что пѣвцы эти на народъ особеннаго вліянія не оказываютъ. Однако есть и довольно обстоятельныя сообщенія, приводящія и интересные списки репертуара пѣвцовъ и ихъ характеристику.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ сообщенія: 1) св. села Ласны (Екатеринославск. губ.) о древностяхъ мѣстной церкви; 2) крестьянъ Немикина и Комащенко о желаніи производства на свои средства раскопокъ; 3) Ф. И. Трипольскаго о двухъ иконахъ, предлагаемыхъ имъ для выставки. Рѣшено просить о присылкѣ указанныхъ предметовъ.

Въ распоряженіе предварительнаго комитета и для музея древностей университета, среди другихъ памятниковъ старины, поступили: отъ Изюмской соборной церкви: рукописный Ирмалогій XVIII в., Новый Завѣтъ 1779 г., крестъ 1790 г., епитрахиль,

ризы—даръ Петра I, иконы и книги, и чаша XVII в.; отъ св. Черняева (с. Знаменкское, Валковск. у.): ризы, крестъ, Евангеліе 1712 г., Тріодіонъ 1717 г.; отъ Ахтырской Преображенской церкви: серебряная дарохранительница XVIII в., чаша серебряная 1763 г., Евангеліе 1698 г.; отъ св. Власова (Богодуховъ): Евангеліе 1677 г., крестъ XVII в., серебряный ковшикъ 1667 г., оловяная дарохранительница; отъ св. Макухина—множество старопечатныхъ книгъ, грамоты; отъ св. Шишлова: стальная алебарда, наконечникъ стрѣлы; отъ св. Ѳ. Таранскаго: монеты, указы, рукопись, Евангеліе 1753 г., крестъ 1778 г.; отъ И. С. Шировкина: глиняная копилка, мѣдная икона; отъ свящ. С. Котлярова—множество старинныхъ богословскихъ и ученыхъ сочиненій XVIII в., рукописи, воздушки; отъ св. Оптовцева—такое же собраніе книгъ; вѣнцы, крестъ 1812 г., шашка; отъ св. Ракшевскаго—Евангеліе XVII в., потиръ XVIII в.

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ, сдѣлавшимъ сообщенія и приславшимъ различные предметы.

—

28-го января состоялось другое засѣданіе того-же комитета.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что комитетомъ въ настоящее время принимаются записи въ члены съѣзда. Затѣмъ доложены заявленія уѣздныхъ земскихъ управъ (ахтырской, славяносербской и льговской) о присылкѣ ассигнованій на пріобрѣтеніе этнографическихъ предметовъ и сообщенія: 1) П. П. Глепенко—предложеніе для выставки предметовъ запорожскаго вооруженія изъ своей коллекціи; 2) екатеринославскаго губернатора о присылкѣ для г-жи Родаковой открытаго предписанія объ оказаніи ей законнаго содѣйствія при исполненіи возложенныхъ на нее комитетомъ порученій (собираніе этнографическихъ коллекцій въ Екатеринославской губ. для этнографической выставки при съѣздѣ); 3) комиссіи историко-филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко о представленіи собранныхъ ею предметовъ для выставки; 4) В. Николаева объ укрѣпленіяхъ и могилахъ при селѣ Локнѣ, Юнаковской волости, Сумского уѣзда; 5) Императорской археологической комиссіи о пожертвованіи въ музей древностей университета 143 серебряныхъ копѣечекъ Петра Великаго, найденныхъ въ с. Каменицкомъ, Ахтырскаго уѣзда; 6) П. П. Гревизирскаго о присылкѣ имъ въ даръ музею двухъ бронзовыхъ стрѣ-

локъ и фрагментовъ желѣзныхъ колечекъ, найденныхъ у с. Бригадировки, Богодуховск. уѣз.; 7) Ив. Сулина (Новочеркаскъ) о готовности прислать свои коллекціи этнографическихъ предметовъ (мелкіе шелковые кубилеки, колпаки, кубиленые пояса, базелики и др.); 8) студента П. П. Бѣлкина о древностяхъ с. Царебарисовки; 9) докт. Будзинскаго о присылкѣ имъ въ даръ фотографій съ памятниковъ древностей, находящихся въ Анапѣ; 10) студ. Василькова о присылкѣ имъ рукописи—о Брянской вѣрѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ репертуаромъ лирника Демьяна Васильевича Сыняло, изъ за Водолагъ, изъ Кабаковки, ученика старца Крупки Сергѣя. Лирникъ ослѣпъ 14 лѣтъ; онъ ходилъ по Харькову, по деревнямъ послѣ Покрова; изъ божественнаго поетъ про «Смерть», «Сыротыну», «Блудящаго сына», «Лазаря», «Олексія Божого чоловика», «Плаче рыдае горе», а изъ свѣтскаго—«Комарицьку», «Попадю», «Дворянку», «Хому и Ярему», «Олексія Поповыча».

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и предметы въ даръ и для выставокъ при съѣздѣ.

Е. Р.

Въ *Екатеринославскій губернскій распорядительный комитетъ* начинаютъ поступать свѣдѣнія о древностяхъ отъ земскихъ начальниковъ и другихъ лицъ, какъ матеріалы къ предстоящему археологическому съѣзду въ Харьковѣ. Въ *Новомосковскомъ уѣздѣ* въ церкви с. Чернетчина хрвнится древній синодикъ, писанный въ 1714 г. съ записью царей, царицъ, царевенъ, духовныхъ лицъ и 37 запорожскихъ куреней. Въ районѣ Очереватовской волости есть каменная баба, въ с. Спасскомъ, въ глиняной горѣ, существуютъ пещеры. *Въ Павлоградскомъ уѣздѣ* однимъ крестьяниномъ найденъ топорикъ и другое оружіе изъ мѣди. *Въ Маріупольскомъ уѣздѣ* встрѣчаются каменныя бабы, столбы съ фигурами человѣка и, по донесенію земскаго начальника 4 уч., въ сел. Богатырѣ, въ церкви, хранится крестъ, «принесенный грекомъ при переселеніи изъ Крымскаго полуострова, почитаемый греками Маріупольскаго уѣзда, какъ чудотворный.» Нѣкоторые крестьяне, по словамъ того-же земскаго начальника, находили каменные бабы и плиты съ надписями, но таковыя ими

уничтожены. Гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія даетъ мѣстное епархіальное братство св. Владиміра при духовной семинаріи. Вышеупомянутый крестъ въ с. Богатырѣ описанъ братствомъ болѣе подробно. Съ него имѣется и фотографія. Письменныхъ документовъ о происхожденіи креста не имѣется; по преданію, онъ вывезенъ изъ Крыма въ 1777 г. Затѣмъ, у крест. слоб. Андреевки на Волчьей, Бахмутскаго уѣзда, Ефросины Павленковой «найдена очень старая и весьма рѣдкая картина, писанная на холстѣ, которая служитъ ея владѣлицѣ вмѣсто иконы и виситъ въ красномъ углу. На этой картинѣ, посрединѣ, изображено въ сіяніи пылающее человѣческое сердце, обведенное терновымъ вѣнцомъ, сверху сердца находится четвероконечный крестъ съ надписью: IИС—ХРС; кромѣ того, по обѣ стороны сердца нарисовано по 2 ангела. Изъ лѣваго бока сердца течетъ кровь въ потиръ, стоящій нѣсколько ниже, какъ бы въ облакахъ. Въ срединѣ картины изображены крестъ, трость и копье пересѣкающимися. Въ мѣстахъ пересѣченія свито гнѣздо въ терновомъ вѣнцѣ, въ гнѣздѣ птица съ распущенными крыльями, подъ ней 3 птенца, на груди птицы три раны съ потоками крови. Вокругъ гнѣзда обвился змій съ краснымъ яблокомъ въ зубахъ. По свободнымъ мѣстамъ фона картины имѣются рисунки деревьевъ и какихъ-то растеній». Картина снабжена также надписями. («Придн. Край»).

Ученыя общества.

Общее собраніе членовъ Общества изслѣдователей Волыни состоялось 19 января, подъ предсѣдательствомъ от. ген.-лейт. Кононовича, въ присутствіи предсѣдателя о-ва, начальника губерніи I. Я. Дунинъ-Борковскаго. Собралось 26 членовъ. Столь малое число само по себѣ произвело уже нѣсколько расхолаживающее впечатлѣніе, усиленное еще заявленіемъ объ отказѣ отъ должности казначея Э. Э. Марница. Съ небольшимъ годъ тому назадъ, 2 декабря 1900 года, общество открылось при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, въ присутствіи 120 лицъ, высказывавшихъ, казалось, искреннюю готовность и твердое намѣреніе способствовать достиженію предположенныхъ цѣлей общества всѣми,

доступными имъ средствами. Помнится въ № «Волыни», вышедшемъ въ этотъ день, въ передовой статьѣ было сказано: «мы убѣждены, что волынская губернія и Житомиръ способны доставить полтора десятка человѣкъ, любящихъ родной край, желающихъ посвятить свои силы на его изслѣдованіе и по своимъ умственнымъ даннымъ способныхъ руководствоваться научными занятіями общества». Число такихъ лицъ на первомъ учредительномъ собраніи даже превзошло это скромное ожиданіе. Что же случилось въ теченіе одного только года, что охладило общество къ своему дѣлу, такъ что пришлось три раза созывать общее собраніе, чтобы оно могло, съ грѣхомъ по поламъ, состояться, ибо и 19 числа оно далеко не достигло $^1/_3$ общаго числа членовъ? Но и полтора десятка человѣкъ, въ качествѣ должностныхъ лицъ общества, согласившихся руководить занятіями общества, все таетъ и таетъ. Часть ихъ отказывается отъ своихъ должностей, другая-же просто не является въ назначенные для собранія дни, тѣмъ заставляя болѣе аккуратныхъ безъ пользы терять время.

Между тѣмъ собраніе 19 января должно было особенно интересовать всѣхъ членовъ общества, такъ какъ на немъ предстояло ознакомиться съ отчетомъ о дѣятельности общества за 1901 годъ, а также разсмотрѣть и обсудить нѣкоторые, важные для дальнѣйшей дѣятельности общества вопросы. Но видъ пустыхъ мѣстъ вокругъ стола не располагалъ къ продолженію засѣданія. Послѣ заслушанія отчета, Я. В. Яроцкій доложилъ о ходѣ печатанія трудовъ общества. Книжка эта, объемомъ въ 15 печатныхъ листовъ, выйдетъ 15 февраля. Кромѣ того высказано было нѣсколько желаній и предположеній на слѣдующій годъ: объ организаціи чтеній или лекцій великимъ постомъ, объ экскурсіяхъ въ лѣтнее время, какъ о наиболѣе существенномъ дѣлѣ общества, и объ устройствѣ археологической выставки, которая имѣетъ шансы на успѣхъ, т. к. въ волынской губерніи не мало цѣнныхъ частныхъ коллекцій. («Волынь»).

—

19 января состоялось засѣданіе отдѣленія археологіи русской и славянской *Императорскаго русскаго археологическаго общества.* Предметомъ занятій служили доклады: И. А. Шляпкина «Изъ поѣздки на островъ Торчелло» и А. А. Спицына «Объ аланахъ на Сѣверномъ Донцѣ» (по поводу новыхъ архео-

логическихъ открытій въ Харьковской губерніи). Раскопки, о которыхъ сообщилъ А. А. Спицынъ, произведены были прошлымъ лѣтомъ проф. Багалѣемъ и Покровскимъ въ Харьковской губ., въ мѣстности, гдѣ сдѣлалъ передъ этимъ любопытное открытіе учитель народной школы Бабенко. Открытіе имѣетъ огромную важность. Бабенко открылъ новую оригинальную культуру, господствовавшую здѣсь въ VIII—X столѣтіяхъ. Судя по аналогіямъ, культура эта шла съ сѣвернаго Кавказа и принадлежала племени алановъ, колоніи которыхъ распространены были далеко къ сѣверу отъ Кавказа.

—

20 января, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго, состоялось *общее собраніе членовъ и слушателей с.-петербургскаго археологическаго института*. Выслушаны были рефераты: Э. Л. Беренса «Великая китайская стѣна въ археологическомъ отношеніи» и Т. В. Кибальчича «О находкѣ въ Кіевѣ кремневаго топора третичной эпохи» и «О дополненіи списка художниковъ античнаго міра по археологическимъ находкамъ на югѣ Россіи». Г. Кибальчичъ время отъ времени выступаетъ съ какимъ ниб. «сенсаціоннымъ» сообщеніемъ. Такой характеръ несомнѣнно носитъ первый «рефератъ», гдѣ сообщается объ очень сомнительной находкѣ кремневаго топора «на глубинѣ 28 аршинъ, подъ находками костей мамонта, въ слоѣ, отдѣляющемъ слѣды четвертичной отъ третичной эпохи». Матеріаломъ для второго «реферата» послужила коллекція рѣзныхъ камней, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ не «археологическія находки», а покупки у разныхъ торговцевъ древностями.

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій *Московскаго Археологическаго Общества* были прочитаны доклады: В. Тевяшева—Доисторическіе памятники Воронежской губ.; А. М. Покровскаго—О раскопкахъ въ м. Салтовѣ, Харьковской губ. и гр. П. С. Уваровой—О неизданныхъ предметахъ Тифлисскаго музея.

Изслѣдованія и раскопки.

«Цыганская гора» вблизи с. Толкачей, Овручскаго у., Волынской губ. Въ февралѣ 1901 г. былъ доставленъ въ Житомиръ цѣлый ворохъ глиняныхъ черепковъ, изъ которыхъ довольно многіе снабжены орнаментомъ неолитическаго типа. Эти обломки сосудовъ сѣрой и красной глины, по словамъ привезшаго ихъ лица, были найдены крестьянами на песчаныхъ буграхъ къ сѣверу отъ Овруча, преимущественно на «Цыганской горѣ», вблизи села Толкачей; тамъ же попадаются и кремневыя орудія, главнымъ образомъ, наконечники стрѣлъ.

Посѣтивъ Овручъ лѣтомъ того-же года, я отправился въ с. Толкачи съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ сдѣланное мнѣ сообщеніе. Цыганская гора оказалась довольно обыкновенной въ тѣхъ мѣстахъ «выдмой», длиною около 170 метровъ въ направленіи съ С. на Ю. и около 130 метровъ шириною. Расположенная въ полуверстѣ къ С. отъ села Толкачей, гора эта названа, по словамъ крестьянъ, цыганской, такъ какъ на ней долго стоялъ цыганскій таборъ. Мѣсто, удобное для переѣзда черезъ болото къ Ю. отъ горы, называется «Цыганскимъ бродомъ». Прежде «гора» была значительно выше; теперь вѣтры уже передвинули и унесли съ нея много песку, незадержаннаго и низкимъ хвойникомъ, который пробивается въ разныхъ мѣстахъ изъ бѣлой сыпучей песчаной массы, образующей холмикъ вокругъ каждой такой поросли. Поверхностный слой песка въ разныхъ мѣстахъ неодинаковой толщины: отъ одного, двухъ сантиметровъ до полуметра. Подъ пескомъ земля черная. Пробныя раскопки рвомъ въ пяти мѣстахъ, пробы большимъ буравомъ мѣстахъ въ 12-ти не дали никакихъ результатовъ также, какъ и зондированье щупомъ. Поэтому, кажется, довольно вѣроятнымъ, во-первыхъ, что бугоръ подвергся сильному разрушенію, особенно благодаря вѣтрамъ,[1]) а

---

[1]) Результаты работы разрушившихъ «гору» дѣятелей должны были стать особенно значительными съ тѣхъ поръ, какъ въ окрестностяхъ Овруча были вырублены росшіе тамъ прежде лѣса, т. е. во времена, сравнительно недавнія.

отчасти и обитавшимъ или искавшимъ на немъ кладовъ людямъ; во-вторыхъ, что находки могли быть сдѣланы лишь въ песчаномъ слоѣ.[1]) Изслѣдованіе этого слоя обнаружило многочисленныя зольныя прослойки, въ иныхъ мѣстахъ большое количество мелкихъ угольковъ, мелкіе кусочки желѣзнаго шлака, слѣды какого-то жилья въ сѣверной части бугра, впрочемъ сильно поврежденные искателями кладовъ и, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, наконецъ, мелкіе кусочки костей, подвергшихся самой совершенной мацераціи. Кромѣ того, оказались еще въ довольно большомъ количесгвѣ осколки кремня, среди которыхъ попались и орудія: двѣ стрѣлки и ножикъ; затѣмъ найдены были также черепки глиняныхъ сосудовъ, аналогичные тѣмъ, какіе были привезены, какъ упомянуто выше, въ Житомиръ. Благодаря тому состоянію, въ какомъ находится теперь «Цыганская гора», разобраться въ вопросѣ объ ея археологическомъ значеніи нелегко, особенно, принявъ во вниманіе слѣдующій очень правдоподобный и обстоятельный разсказъ одного изъ крестьянъ, присутствовавшаго при раскопкахъ бугра. «Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда гора была еще довольно высока, этотъ крестьянинъ, проходя черезъ нее послѣ сильнаго вѣтра, сдувшаго мѣстами верхній слой песку, замѣтилъ какой-то темный кружечекъ, ясно выдѣлявшійся на бѣломъ фонѣ; подойдя къ мѣсту, гдѣ находился привлекшій его вниманіе предметъ, крестьянинъ, порывшись въ пескѣ, выкопалъ глиняный горшокъ и въ то же время замѣтилъ, на разстояніи

---

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе справедливости высказанной здѣсь мысли можно усмотрѣть въ сообщеніи, сдѣланномъ недавно К. А. Пухляковой, которая пожертвовала въ музей Общества изслѣдователей Волыни коллекцію кремневыхъ орудій и глиняныхъ черепковъ неолитической эпохи, найденныхъ въ Кременецкомъ уѣздѣ между фольваркомъ Бѣлокриницкой сельско-хозяйственной школы и селомъ Сапановымъ. Изъ двухъ мастерскихъ, тамъ открытыхъ, одна, въ видѣ огромной промоины, тянется къ р. Иквѣ, а другая, расположенная ближе къ фольварку, «имѣетъ видъ какъ-бы песчаного острова»; на этомъ островѣ «орудія и осколки валяются прямо на бѣломъ, чистомъ пескѣ сверху». «Попытка проникнуть дальше вглубь песчаной подпочвы не привела ни къ чему», прибавляегъ г-жа Пухлякова въ своемъ сообщеніи. Почти полная аналогія съ «Цыганской горой».

одного или полутора аршина, еще другой горшокъ, оказавшійся такимъ большимъ, что въ него могло войти до ведра воды; высыпавъ на землю содержимое сосудовъ, крестьянинъ обнаружилъ въ первомъ изъ нихъ пряслицу, а во второмъ--кремневый ножъ; видя, что горшки цѣлы и, пожалуй, могутъ пригодиться въ хозяйствѣ, находчикъ отправился къ сосѣднему ручью, что протекаетъ на западъ отъ «горы», и погрузилъ сосуды въ воду, съ цѣлью ихъ вымыть; но въ водѣ горшки «посинѣли» и совершенно развалились; кремневый ножъ долго валялся въ хатѣ, пока дѣти сперва не разбили, а затѣмъ и не забросили его; пряслица же цѣла и не затерялась. Въ подтвержденіе этихъ словъ, крестьянинъ пошелъ домой и принесъ пряслицу, хранящуюся теперь у меня. [1]) Дѣйствительно, лѣтъ двадцать тому назадъ изслѣдованіе «Цыганской горы» могло, вѣроятно, дать болѣе интересные результаты, чѣмъ въ настоящее время.

Я. В, Яроцкій.

Письмо въ редакцію. Многоуважаемый г. Редакторъ! Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины», въ «Археологической лѣтописи», помѣщено извѣщеніе о моихъ раскопкахъ вблизи г. Роменъ, Полт. губ. Ничего не имѣя противъ замѣтки я только покорнѣйше просилъ бы, въ виду возстановленія научной истины, исправить слѣдующее: раскопанное мною городище, скорѣе только начатое раскопками, т. к. въ слѣдующее лѣто раскопки будутъ продолжаться подъ моимъ наблюденіемъ, представляетъ памятникъ не неолетическаго времени, а памятникъ приблизительно VIII вѣка по Р. Х. и представляетъ собою славянское городище такъ наз. «Дьяковскаго типа», городище въ тѣхъ краяхъ, т. е. въ Полтавской губ. еще пока мало извѣстное. Далѣе сказано «найдено нѣсколько землянокъ съ остатками очаговъ». Очаги дѣйствительно найдены, какъ изъ обожженой глины, такъ и изъ песчаника, но землянокъ ни слѣда, да ихъ и не могло быть тамъ. Вотъ все что я просилъ бы исправить.

Н. Макаренко.

---

[1]) Этотъ разсказъ, но съ меньшими подробностями, былъ сообщенъ мнѣ еще раньше двумя другими крестьянами, которымъ находчикъ немедленно post factum повѣдалъ о своей находкѣ; указывали также и на другіе случаи, когда на «Цыганской горѣ» попадались въ пескѣ глиняные сосуды.

Случайныя находки

Находка плитъ въ м. Вороньковѣ, Переяславскаго у. Полтавской. губ. Возлѣ церкви Архангела Михаила строится церковно-приходская школа. [1]) 13 сентября 1901 г. рабочіе, копая въ двухъ саженяхъ отъ строющагося зданія яму, чтобы достать оттуда глину для обмазки его, на двухаршинной глубинѣ нашли двѣ квадратныя плиты, изъ песчаника, неправильной формы. Первая плита имѣетъ 1 арш. длины и 1 арш. ширины; толщина 5 вершк. На одной сторонѣ плиты высѣченъ крестъ, глубиною въ $^1/_4$ вершка, четырехконечный, концы его закруглены; въ длину онъ имѣетъ 5 вершковъ въ ширину 4 вершка и находится не посерединѣ плиты, а немного всторонѣ. Внизу креста небольшое, въ полъ вершка, круглое отверстіе, доходящее до половины толщины плиты. Та сторона, на которой находится крестъ, ошлифована, задняя же—неровна.

Вторая плита—тоже квадратная такая же самая какъ и вышеописанная, только безъ крестообразнаго углубленія. Она накрывала собою первую плиту. На ней находится семь небольшихъ отверстій такихъ же размѣровъ какъ и отверстіе въ первой плитѣ.

Невольно возникаетъ вопросъ, что это за плиты? Можно предположить что здѣсь стояла когда то церковь и эти плиты положены были въ ея основаніе. Мнѣніе это отчасти подтверждается документами архива Михайловской церкви. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ говорится, что церковь Архангело-Михайловская въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія сгорѣла отъ громового удара и временно около сгорѣвшей церкви сооружена небольшая деревянная церковь во имя Святителя Николая, передѣланная «изъ коморы». Эта церковь не могла вмѣстить въ себѣ большого количества прихожанъ и когда построена была новая церковь, на мѣстѣ сгорѣвшей, освященная въ честь Архангела Михаила

---

[1]) Въ этомъ же мѣстечкѣ есть и другая церьковь—Рождества Богородицы. Обѣ церкви старыя, построены болѣ 150-ти лѣтъ тому назадъ.

(и понынѣ существующая), Никольская церковь была разобрана и, по словамъ нѣкоторыхъ документовъ, продана за 5 рублей въ мѣстечко Барышевку.

Мѣсто, гдѣ найдены плиты, находится саженяхъ въ 10-ти отъ Михайловской церкви и если онѣ положены были въ основаніи церкви, то слѣдовательно здѣсь и стояла Никольская церковь, такъ какъ по словамъ документовъ, она находилась близъ сгорѣвшаго храма.

Вѣроятно на мѣстѣ разобразной Никольской церкви, стоялъ памятникъ («камплычка» какъ говоритъ народъ), обозначающій мѣстонахожденіе престола, но съ годами онъ обветшалъ и былъ уничтоженъ, и только каменная плита съ крестообразнымъ углубленіемъ, накрытая другою плитою, такихъ же размѣровъ, положенная въ основаніе церкви, осталась лежать въ землѣ до тѣхъ поръ, пока не была случайно найдена. Дальнѣйшія раскопки, производившіяся на мѣстѣ находки, не дали никакихъ результатовъ. Плиты находятся теперь на томъ же мѣстѣ, гдѣ и были найдены.

Г. Н. Корсунъ.

Осенью прошлаго года разнеслись *въ Ананьевскомъ уѣздѣ* слухи, что крестьяне *дер. Любовь-Александровки*, при вспашкѣ кургана, что стоитъ у дороги изъ с. Исаева въ д. Алексѣевку и м. Ново-Павловку, нашли какія-то древности. По распоряженію мѣстнаго земскаго начальника П. В. Новицкаго волостной старшина собралъ и доставилъ ему все сохранившееся у крестьянъ изъ этой находки, а земскій начальникъ прислалъ эти остатки въ херсонскій музей. Оказывается, что крестьяне распахали (проще сказать разрыли) *курганъ*, насыпанный надъ покойникомъ *греко-скиѳской эпохи*. Они нашли въ немъ массивный скиѳскій котелъ изъ красной мѣди съ двумя ручками и ножкой—и по своему невѣжеству разбили его на множество кусковъ. 15 кусковъ доставлено въ музей, но изъ нихъ нельзя составить всего сосуда: нѣкоторыхъ частей не достаетъ. Вмѣстѣ съ обломками котла изъ той-же могилы извлечены крестьянами: цилиндрическій камень, служившій для натачиванія острыхъ металлическихъ орудій (стрѣлъ, ножей), мѣдная лопатка и пуговица. («Югъ»).

Осенью-же прошл. года *въ г. Переяславѣ*, Полтавской г., на Заальтицкомъ форштадтѣ, во дворѣ мѣщанина Семена Коцаря на глубинѣ полъ аршина, былъ найденъ *кладъ*. Онъ состоялъ *изъ 353 серебр монетъ* помѣщавшихся въ горшкѣ—копилкѣ. Находка передана полиціи для отправки въ Петербургъ. («Кіевл».).

—

Той-же осенью, въ $1^1/_2$ верс. отъ *с. Людвиновки. Кіевск. у.*, на правомъ берегу рѣчки Руды, при раскопкѣ подъ питомникъ, найденъ прекрасный образецъ кремневаго ножа—пилы, выдающагося по своимъ размѣрамъ: длина его 17 стм., ширина $3^1/_2$—4 стм. На одной сторонѣ крупной подправкой оброзованъ рядъ зубьевъ, другая сторона также подправлена, по мелкой подправкой. Такого рода экземпляры очень рѣдки въ нашей мѣстности. Находка поступила въ собраніе М. К. Якимовича, очень интересующагося мѣстной стариной и производящаго самостоятельныя изслѣдованія.

—

Въ с. Куцеволовкѣ, Верхнеднѣпровскаго у., мѣстными крестьянами найдена въ землѣ, возлѣ усадьбы Евсея Зеленскаго, пещера. Она находится на глубинѣ трехъ саженъ отъ поверхности земли. Пещера представляетъ исъ себя квадратную комнату, трехъ саженъ длины и ширины. Высота ея достигаетъ до четырехъ аршинъ. Выложена она дикимъ камнемъ; каменный полъ пещеры покрытъ бѣлымъ чистымъ пескомъ. Съ западной стороны въ пещерѣ устроенъ ходъ, который былъ заложенъ большой каменной плитой. Въ пещерѣ найдены два человѣческихъ скелета; они настолько истлѣли, что при малѣйшемъ прикосновеніи разсыпаются. При самомъ тщательномъ розыскѣ надписей на плитѣ или гдѣ бы-то ни было въ пещерѣ не нашли. («Приднѣпр. Край»).

Разныя извѣстія.

Реставрація церквей. Изъ полученныхъ въ Императорской археологической комиссіи свѣдѣній было усмотрѣно, что нѣкоторыя духовныя начальства, въ случаяхъ необходимости ремонтировать древнія церкви, входятъ въ предварительныя сношенія съ

тѣмъ или другимъ археологическимъ Обществомъ или съ мѣстными архивными комиссіями, не испрашивая вовсе указаній Императорской археологической комиссіи. Между тѣмъ, всѣ поступающія въ эту комиссію дѣла, относительно реставраціи памятниковъ старины, обсуждаются въ особыхъ засѣданіяхъ при участіи представителей отъ Св. Синода, Императорской академіи художествъ и другихъ вѣдомствъ и, такимъ образомъ, дѣла эти могутъ тамъ быть разсмотрѣны всесторонне и правильно разрѣшены въ научно-археологическомъ и художественно-техническомъ отношеніяхъ. Въ виду этого, Св. Синодъ подтвердилъ въ настоящее время по всѣмъ епархіямъ о точномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія 11 марта 1889 г., согласно которому реставрація памятниковъ древности въ Имперіи можетъ быть производима не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ Императорскою археологическою комиссіею.

Съ 1-го февраля въ верхнемъ помѣщеніи Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ открыты выставка картинъ, этюдовъ и рисунковъ и *выставка бытовыхъ предметовъ Приднѣпровья XVI—XIX вв.* Послѣдняя была задумана въ широкомъ масштабѣ, правленіе Музея сдѣлало со своей стороны все зависящее, чтобы привлечь экспонаты, но наша публика и въ частности владѣльцы коллекцій оказались очень тугими на подъемъ. Однако, выставка все-таки состоялась и представляетъ не малый интересъ, главнымъ образомъ съ художественной точки зрѣнія. Отдѣльныя витрины занимаютъ предметы церковной старины, затѣмъ предметы домашняго обихода, оружіе, посуда и т. п. Прекрасный подборъ на выставкѣ старинныхъ матерій (напр. чудные слуцкіе пояса) и вышивокъ. Стѣны залы, гдѣ сосредоточены вышеперечисленные предметы, увѣшаны портретами (копіями) гетмановъ, матеріями, вышивками и старинными малорусскими «килымами», зачастую очень интересными по рисункамъ. Въ этой-же залѣ отдѣльный щитъ отведенъ подъ шитые «старосвитськы рушныкы». Выставленные предметы происходятъ изъ коллекцій В. Н. и Б. И. Ханенко (большинство предметовъ), А. Н. Терещенко, Ѳ. Ѳ. Кундеревича, К. В. Болсуновскаго, В. В. Хвойки и Н. Ф. Бѣляшевскаго.

Второй залъ, изъ двухъ, отведенныхъ подъ эту выставку увѣшанъ принадлежащей Музею коллекціей портретовъ и картинъ изъ Вишневца, заслуживающихъ по своей рѣдкости серьёзнаго вниманія.

—

По газетнымъ сообщеніямъ, *Д. И. Эварницкому* разрѣшено прочесть въ г. Екатеринославѣ въ текущемъ зимнемъ сезонѣ *двѣ публичныхъ лекціи* по археологіи. Первая лекція будетъ посвящена общему очерку доисторическихъ древностей, вторая—запорожской старинѣ, сохраняющейся въ частныхъ музеяхъ А. Н. Поля, Г. П. Алексѣева, Е. Н. Скаржинской и В. В. Тарновскаго; объ остаткахъ запорожской старины на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ сѣчей—Никитинской и Чертомлыцкой, Каменской Алешковской и Подпиленской и, наконецъ, о предметахъ запорожской старины въ Соловецкомъ монастырѣ и Бѣломъ морѣ.

—

Кн. М. Шаховской въ корреспонденціи изъ Чернигова въ «Нов. Вр.», сообщаетъ объ усилившемся за послѣднее время со стороны торговцевъ—антикваріевъ предложеніи различныхъ древностой, между которыми встрѣчается много *фальсификатовъ*. Усилился также и спросъ. «Но большинство настоящихъ историческихъ вещей, говоритъ корреспондентъ, находится въ рукахъ состоятельныхъ людей и только изрѣдка нуждающихся въ обмѣнѣ ихъ на деньги. Я видѣлъ историческіе документы: жалованныя грамоты, универсалы и т. п., заключенные въ три сундука, присланные въ губернскую земскую управу однимъ изъ послѣднихъ могиканъ одного древняго рода Черниговской земли, предлагавшимъ пріобрѣсти ихъ за 500 р. для историческаго музея Тарновскаго, находящагося въ Черниговѣ, кстати сказать, до сихъ поръ не открытаго для публики. Ассигнованій на такой расходъ у губернской управы въ распоряженіи не было. Была открыта подписка на пріобрѣтеніе,—собрано немного болѣе 100 руб. и предположено купить только наиболѣе цѣнные и, какъ оказывается, владѣлецъ на такое предложеніе согласился».

—

Въ Екатеринославскую городскую управу поступило курьезное заявленіе нѣкоего «археолога, коллежскаго регистратора Н. Т. Бѣлинского». Оно слѣдующаго содержанія:

«У археологовъ, по имѣющимся даннымъ, вдоль гористой, незастроенной постройками стороны г. Екатеринослава, на городской землѣ, начиная отъ Брянскаго завода, возлѣ боенъ, Монастырскаго лѣса, вдоль Краснопольской межи по надъ лагерями и другихъ мѣстахъ должны находиться зарытые запорожскими козаками разнаго рода предметы: прежняго типа огнестрѣльное и холодное оружіе, золотыя и серебряныя вещи и казна». «Археологъ» Бѣлинскій проситъ далѣе управу разрѣшить ему производить раскопки, съ условіемъ, что половина найденныхъ сокровищъ должна поступить въ собственность г. Бѣлинскаго, а другая—управы. («Приднѣп. Край»).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА."

Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній.—С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ.—М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы.—Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи.—П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія).—А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи.—Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи.—Д-ра А. Вireніуса, 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ.—Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.—С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи.—И. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе.—Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману).—М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ.—М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе.—О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ.—А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся.—Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній.—П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу.—Проф. Е. Будде; 19) Коммиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій.—Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы.—Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа.—М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ.—А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной

средней школы.—А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію.—Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія.—И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг.—И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы.—М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ.—К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ.—В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ.—Проф.—Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ.—Проф. В. Шимкевича; 33) Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ. Я. Руднева; 34) Нѣсколько словъ объ учебникѣ древней исторіи.—Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи.—К. Иванова; 36) Въ защиту натуральнаго метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Леше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному.—М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія чистописанія (по экспонатамъ Парижской выставки 1900 г.).—И. Евсѣева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ,—Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей—Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія—В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**семь** руб., съ доставкою—**7** руб. **50** к.; для иногородныхъ съ пересылкою—**восемь** руб.; за границу—**девять** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXVII.

1902 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 марта 1902 года.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», издававшихся Павломъ Свиньинымъ 1830 г. въ апрѣльскомъ номерѣ (ч. 42) помѣщены небольшія путевыя замѣтки о Полтавѣ. Кому онѣ принадлежатъ, неизвѣстно; но однажды было высказано даже мнѣніе, что авторомъ ихъ былъ Н. В. Гоголь [1]).

Въ этихъ путевыхъ замѣткахъ, теперь уже всѣми, навѣрно, забытыхъ, къ тому же еще многимъ и малодоступныхъ, находимъ слѣдующій отзывъ ихъ автора объ И. П. Котляревскомъ:

«Чай пилъ у Котляревскаго, который живетъ въ дѣдовскомъ домѣ, доселѣ еще весьма крѣпкомъ, не смотря, что деревянный. Древность его доказывается перекладиною, на которой начертано славянскими буквами, что хата сія во славу Божію построена въ 1707 году [2]).

Котляревскій было приготовилъ изданіе IV части Энеиды съ забавными рисунками, но тотъ, которому поручилъ онъ изданіе оныхъ, вѣроятно, затерялъ ихъ. Я совѣтовалъ ему приложить

---

[1]) «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя» Современникъ 1854 г., № 2 стр. 79.

[2]) О судьбѣ домика И. П. Котляревскаго въ настоящее время см. Кіев. Ст. 1884 г., кн. X, стр. 352—353; Кіев. Ст. 1891 г., кн. VI. стр. 485—486; Историч. Вѣст. 1897 г., кн. XII, стр. 943—947 и Кіев. Ст. 1898 г., іюль—августъ, стр. 152—154.

толкованіе многихъ словъ, кои означаютъ разные малороссійскіе обычаи въ значеніи историческомъ, нынѣ совершенно измѣнившіеся или вовсе исчезнувшіе.

Изъ бесѣды съ симъ единственнымъ малороссійскимъ поэтомъ можно получить много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній касательно духа и характера его земляковъ, которыхъ постигъ онъ совершенно, и кои болѣе всѣхъ народовъ, составляющихъ наше отечество, сохранили оригинальности въ характерѣ, нарѣчіи, нравахъ, обычаяхъ и во всемъ, чѣмъ только могутъ различествовать между собою одно поколѣніе отъ другого».

Вѣроятно, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ И. П. Котляревскимъ у автора вылилась изъ-подъ пера слѣдующая характеристика малорусскаго народа, его характера и языка [1]): «Своими наружными качествами, лицомъ, окладомъ, стройностію стана, лѣнью и беззаботностію малороссіяне болѣе сходны съ роскошными обитателями Азіи, но не имѣютъ тѣхъ буйныхъ, неукротимыхъ страстей, свойственныхъ поклонникамъ исламизма: флегматическая безпечность, кажется, служитъ имъ защитою и преградою отъ неспокойныхъ волненій, и часто изъ-подъ густыхъ бровей ихъ блеститъ огонь; пробивается смѣлый европейскій умъ; жаркая любовь къ родинѣ и чувства пламенныя, одѣтыя первоначальною простотою, помѣщаются въ груди ихъ. Эта простота доходитъ нерѣдко до излишества и даетъ право ихъ обманывать и проводить; она породила множество забавныхъ анекдотовъ, исполненныхъ чертами истиннаго добродушія. Напримѣръ: три козака спрятались отъ многочисленной ватаги татаръ, ихъ преслѣдовавшихъ, одинъ за стогъ сѣна, стоявшій на лугу, другой подлѣзъ подъ плотину, третій вскарабкался на дерево. Татары, увидя стогъ, сошли съ лошадей и начали рвать сѣно для корму руками. Долго сидѣлъ казакъ за стогомъ, сильно чесался у него языкъ, смотря на неловкость татарскую, наконецъ не вытерпѣлъ, чтобъ не ска-

---

[1]) Вѣроятность эта еще болѣе усиливается тѣмъ, что характеристика эта слѣдуетъ *непосредственно* за описаніемъ посѣщенія авторомъ И. П. Котляревскаго въ его домикѣ.

зать: «та возьмы хоть вылы, що онъ-онъ стоять край хаты! Хто-жъ такы смыче сино рукамы?» Татары обрадовались нечаянной находкѣ, схватили по долгомъ сопротивленіи козака и начали вязать его, какъ вотъ слышатъ голосъ другого, сидѣвшаго подъ плотиною: «ей, не пиддавайся землякъ!» Третій, который былъ несравненно старѣе и благоразумнѣе прочихъ, видя горькую участь своихъ товарищей, происшедшую отъ собственной ихъ безразсудности, произнесъ такимъ голосомъ, отъ котораго всѣ татары приподняли вверхъ головы: «дурни, дурни, и чого-бъ такы крычать?—мовчать бы було уже обоимъ». Другой анекдотъ такого же рода, случившійся тоже во время татаръ, можетъ вмѣстѣ служить примѣромъ необыкновенной доброжелательности и учтивости малороссіянъ, которое, кажется, всѣмъ имъ врождено. Одинъ спрятался отъ преслѣдованія татаръ въ тростникѣ, росшемъ около болота. Увидя, что татаринъ нагнулся и пьетъ воду, онъ забылъ и осторожность, и опасность своего положенія, и произнесъ довольно громко: «здоровъ бувъ, пывъ»—привѣтствіе, обыкновенное у малороссіянъ, когда они видятъ человѣка, пьющаго воду.

Языкъ малороссійскій довольно звученъ, не смотря на то, что принялъ много грубыхъ татарскихъ словъ, и къ церковному славянскому гораздо ближе, нежели русскій. Находясь подъ вліяніемъ Польши и Литвы, онъ во многихъ мѣстахъ, особливо въ пограничныхъ, потерпѣлъ большое измѣненіе. Полтава можетъ назваться столицею его; здѣсь онъ въ первоначальной чистотѣ своей, безъ посторонней примѣси, звучитъ по хуторамъ и селамъ. При приближеніи къ Чернигову, онъ замѣтно начинаетъ портиться, за Черниговымъ измѣняется въ литвинскій, въ Кіевѣ смѣшивается съ польскимъ, а за Кіевомъ совершенно исчезаетъ (sic). Обороты его и фразы, поименованіе цѣлаго изрѣченія однимъ лаконическимъ словомъ, частыя междометія и мѣстоименія, покажутся непонятными даже и для иностранца: это происходитъ большею частію отъ того, что всякій малороссіянинъ думаетъ, что говорящій съ нимъ непремѣнно долженъ понимать его; въ подтвержденіе этого разсказывали одинъ случай, когда помѣщикъ въ довольно затруднительномъ дѣлѣ совѣтовался со своимъ му-

жикомъ и требовалъ, чтобы тотъ сказалъ свои мысли. «Та воно, добродію—отвѣчалъ мужикъ, по глубокомъ раздумьи—воно бачыте й тее, такъ опьять же й тее—и снова углубился въ мысли.—Множество уменьшительныхъ именъ и глаголовъ дѣлаютъ его способнымъ къ выраженію чувствъ нѣжныхъ и кроткихъ, но мелодія его болѣе всего ощутительна въ пѣсняхъ, въ этомъ прекрасномъ достояніи народа, гдѣ онъ выразился съ малѣйшими измѣненіями и оттѣнками во дни тревогъ и мгновеннаго спокойствія, попеременно его волновавшихъ. Невыразимая скорбь, навѣваемая ими, кажется пронизываетъ насквозь душу; тоска и болѣзненныя жалобы, какъ будто о невозвратной утратѣ счастья, усиливаемыя воспоминаніемъ, составляютъ ихъ характеръ. Въ нихъ вы не встрѣтите, такъ какъ въ русскихъ пѣсняхъ, мечтательности и надежды любовника, ожидающаго свою любезную, но безнадежный плачъ матери или сестры, подъ которыми аллегорически всегда разумѣли малороссіяне свою отчизну, разлучающихся съ сыномъ или братомъ, идущимъ на вѣрную смерть.—Способность малороссіянъ къ пѣнію и музыкѣ удивительна; извѣстно, что лучшіе пѣвцы наши суть большею частію изъ Малороссіи, которую справедливо называютъ русскою Италіею». [1])

Авторъ посѣтилъ въ Полтавѣ, между прочимъ, и губернскую гимназію. Она находилась въ 1830 году тамъ, гдѣ находится теперь женская гимназія, въ домѣ, который занимался прежде почтамтомъ. Отсюда и названіе улицы—Почтамтской? «При гимназіи,—продолжаемъ дальше словами автора,—находится благотворительное заведеніе или пансіонъ на 100 дворянъ, въ томъ числѣ 30 пансіонеровъ, кои платятъ по 250 рублей за свое содержаніе, пищу и ученіе; а на казенныхъ отпускается только по 100 рублей, и за всѣмъ тѣмъ дѣти содержатся очень хорошо, одѣты опрятно въ губернскіе мундиры, постели у нихъ чистыя, всѣмъ вещамъ запасной цейхгаузъ! Секретъ сей состоитъ въ порядкѣ и неусыпномъ попеченіи директора онаго заведенія Ивана Петровича Кот-

[1]) Отеч. Зап. 1830 г., ч. 42, стр. 30—37.

ляревскаго, извѣстнаго писателя на малороссійскомъ нарѣчіи, а равнымъ образомъ въ дешевизнѣ всѣхъ жизненныхъ припасовъ. При гимназіи есть довольно изрядный минеральный кабинетъ, коего лучшіе штуфы подарены графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ и отличаются тѣмъ, что съ одной стороны ошлифованы, а съ другой оставлены въ натуральномъ видѣ». [1])

Ник. Василенко.

[1]) Отечеств. Зап. т. 42, стр. 26—27.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ө. КИСТЯКОВСКОМУ.

(Окончаніе [1]).

29.

Москва. 1877, янв. 3.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ,

Былъ здѣсь О. И. Левицкій и сообщилъ мнѣ, что въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Синодальной библіотеки нашелъ онъ интересную для него лѣтопись. Я самъ готовъ былъ идти въ сіе книгохранилище, и уже запасся рекомендаціею со стороны вліятельныхъ людей. Безъ сомнѣнія, сборникъ Ореста Ивановича не ускользнулъ бы отъ моего вниманія. Онъ не сказалъ мнѣ ни номера рукописи, ни примѣтъ: но когда я наконецъ пришелъ въ Синодальную библіотеку, эта рукопись очутилась у меня въ рукахъ первою. Не знаю, какъ поступили бы Вы на моемъ мѣстѣ; но я тотчасъ же приступилъ къ извлеченіямъ изъ нея того, чтó нужно для печатаемаго мною сборника матеріаловъ. Особенно для меня интересны башибузуки-козаки, списанные съ натуры человѣкомъ, очевидно, преданнымъ русской церкви и народности.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 3.

Дожидаться, пока Юзефовичъ вытребуетъ рукопись въ Кіевъ, и пока кіяне воспроизведутъ ее печатно,—значило бы отложить и для себя и для публики удовольствіе знать правду среди того сумбура, котораго напустили въ исторію господа козакоманы. Церковная унія также получаетъ болѣе яркое освѣщеніе изъ синодальнаго сборника. Не могу скрыть отъ Васъ удовольствія, что мною кое-что угадано по соединенію въ умѣ разбросанныхъ въ документахъ данныхъ, такъ что для меня лично въ сказаніяхъ неизвѣстнаго современника весьма немногое представляетъ новость. Какъ бы то ни было, но мои извлеченія появятся въ I-мъ томѣ Матеріаловъ для Ист. Возс. Р. подъ заглавіемъ «Сказанія современника о событіяхъ такихъ-то годовъ». Любители показныхъ изданій могутъ и послѣ меня напечатать всю лѣтопись,—тѣмъ болѣе, что она, какъ я думаю, не остановитъ ихъ отъ истолкованія данныхъ въ пользу разбойныхъ элементовъ русскаго общества, по готовымъ уже образцамъ историческихъ воззрѣній. Не пропадать же труду Микешина надъ памятникомъ Хмельницкому! Да и Юзефовичу не приходится отказаться отъ героя, которому его душа столь родственна! Наша эпоха оставитъ по себѣ не одинъ памятникъ умственнаго варварства, передъ которымъ станетъ въ тупикъ соціологія. Но шутки въ сторону. Пожалуйста оправдайте меня, если это возможно, передъ О. И. Левицкимъ. Онъ мнѣ очень понравился. Увѣрьте его, что я выше «суетной сла́вицы», и напечатаю извлеченія изъ Сборника единственно для того, чтобы лучъ истины поскорѣе проникъ во мракъ южно-русской исторіографіи

Съ пріѣздомъ Александры Михайловны, я веду свѣтскую жизнь, но къ счастью здѣсь обѣдаютъ поздно, и великіе паны, поглощающіе своими приглашеніями мое время, избавляютъ меня за то отъ работы при свѣчахъ, отъ которой воздержаться иначе не было бы силъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

30.

1877, янв. 8. Москва.

Многоуважаемый Александръ Θедоровичъ,

Я неточно выразился о юриспруденціи, и за то наказанъ вызванными у Васъ въ ея пользу аргументами. Но за Вашу «откровенность», согласно Вашему желанію, «извиняю» Васъ. Вашей науки я не могу не знать, потому что наука *одна*. Я не знаю Вашей спеціальности въ наукѣ—это такъ; но меня утѣшаетъ въ моемъ невѣжествѣ то, что каждый казуистъ знаетъ въ ней больше того, кто принадлежитъ даже къ двигателямъ науки. Отъ этого и выходитъ, что человѣкъ ничтожный торжествуетъ надъ приложеніемъ Вашей науки къ огражденію честныхъ людей отъ безчестныхъ. Со всею Вашею спеціальною эрудиціею Вы съ нимъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Но оставимъ это.

Ухъ!!... Теперь поздравляю Васъ и съ тремя кутьями, и съ новымъ годомъ отъ себя лично и отъ А. М.,—и Васъ, и Александру Ивановну.

Недавно я писалъ къ Вамъ о рукописи, обрѣтенной мною въ Синод. библіотекѣ. Она преинтересна, и именно въ томъ отношеніи, что возвращаетъ насъ къ понятіямъ, существовавшимъ объ исторіи до появленія украинофильства. Надѣюсь, что письмо мое о синодальной рукописи дошло до Васъ.

Въ Москвѣ намъ живется хорошо. Славные люди москвичи. Лучше петербуржцевъ. Тѣ какіе-то бездушные! Когда пріѣдете сюда работать, я увѣренъ, что Вы со мною согласитесь.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

31.

1877, янв. 15. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Собственно *лѣтопись* довольно обширна, и кіянамъ будетъ, что въ ней грызть; но переписчикъ оной, дописавши отъ Рюрика до 1563 года, сдѣлалъ то, что внушаетъ старецъ Пименъ (у Пушкина) послушнику своему Григорію: сталъ ее продолжать, какъ очевидецъ событій, и продолжилъ до 1608 года. Имя продолжателя не извѣстно, но можно думать, что онъ придворный попъ владѣльца городка Боркулабова, пана Боркулаба-Корсака, старосты дисенскаго, ротмистра королевскаго, а потомъ—его наслѣдника.

Чтобъ не забыть: я послалъ къ Вамъ совѣтуемое Вами прошеніе мое Левицкому, для передачи. Не зналъ его адреса.

Вотъ этотъ-то конецъ я и хочу напечатать подъ заглавіемъ: Боркулабовская хроника. Она интересна всего больше со стороны бытовой. Паны являются въ ней сотрудниками Стефана Баторія по цивилизаціи края, хотя не знаютъ иного просвѣщенія, кромѣ православнаго. Они колонизуютъ пустыню, отвоеванную у Москвы. Они тщательно хозяйничаютъ. Они, для привлеченія народа на слободы, строятъ церкви и интересуются тѣмъ, что тайкомъ отъ порядочныхъ людей и не взирая на мѣщанъ, затѣваютъ архіереи. Впрочемъ ихъ хата съ краю, какъ это было свойственно шляхетнымъ представителямъ Рѣчи Посполитой. Не видать угнетенія крестьянъ, да оно было и невозможно. Вопросъ объ угнетеніи вообще требуетъ пересмотра. Жестокіе для крестьянина законы вынуждались такими поступками подданныхъ, какими и въ наше время вынуждаются строгія постановленія. Нѣтъ надобности законодателю быть жестокимъ безъ необходимости. Я не вижу, почему землевладѣлецъ долженъ былъ быть хуже въ качествѣ пана, чѣмъ безземельникъ—въ качествѣ хлопа. Если вѣкъ создавалъ тиранію въ высшемъ сословіи, то тотъ же вѣкъ дѣйствовалъ соотвѣтственно и на низшее. Мы надъ мужикомъ

разжалобились, якъ Богъ надъ ракомъ. У мужиковъ не было политическихъ правъ, такъ у нихъ было право силы, право инерціи, право безсмысленнаго отношенія къ добровольно принятымъ на себя обязательствамъ. Вотъ Боркулабъ заводитъ колоніи и дѣлаетъ все доброе, что бы привлечь жителей. Почему онъ сдѣлается непремѣнно тираномъ, когда осадники высидятъ волю? И почему высидѣвшіе волю непремѣнно такъ будутъ поступать, какъ обѣщались? Человѣкъ грамотный и бывалый черезъ 20 лѣтъ сдѣлается звѣремъ, а человѣкъ неграмотный и полудикій не будетъ дѣлать ничего, вызывающаго строгіе законы! Но я заговорился съ Вами. Въ печати я буду молчаливѣе и ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, а въ свое время и въ своемъ мѣстѣ призову боркулабовскаго лѣтописца въ свидѣтели.

Писалъ я, что нашелъ еще одну лѣтопись. Она не велика, т. е. нѣсколько листковъ, но это другой Самовидецъ. Я предлагаю припечатать ее къ Самовидцу. Писана въ Хмелевѣ, тоже, должно быть, попомъ.—Да, въ Москвѣ хорошо!

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

32.

Москва. 1877, янв. 24.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Левицкій писалъ ко мнѣ о своемъ согласіи на мои извлеченія изъ синодальной рукописи, а я совѣтовалъ ему выписать ее въ Кіевъ, для разсмотрѣнія, не слѣдуетъ ли издать всей лѣтописи, изъ которой я заимствовалъ только конецъ, писанный ея продолжателемъ. При этомъ я отправилъ къ нему лѣтопись, мною самимъ открытую, для напечатанія при Самовидцѣ.

Что духовенство возымѣло первое мысль присоединенія Малороссіи и было главнымъ, можно сказать, единственнымъ двигателемъ присоединенія, въ этомъ удостовѣряютъ и открытыя мною бумаги, и всѣ другія историческія свидѣтельства. Вопросъ

этотъ дѣйствительно интересенъ, особенно по своей связи съ политическою дѣятельностью сѣверныхъ руссовъ, начавшеюся со временъ Іоанна III. Если-бы я дожилъ до 2-го изданія первыхъ томовъ моей исторіи, то началъ бы ее ab ovo и освободилъ бы себя отъ тяжкаго сознанія поверхностности сихъ двухъ томовъ. Для изображенія Московской Руси въ экономическомъ и бытовомъ отношеніи, я нашелъ матеріалы тамъ, гдѣ ихъ не слѣдовало искать, именно въ рукописяхъ, изданныхъ Мухановымъ, Археографическою коммиссіею и наконецъ Соловьевымъ, въ его исторіи. Всѣ они снимали сливки съ древнихъ рукописаній и оставили безъ вниманія все недипломатическое. Я много уже списалъ. Остальное спишу въ свое время; а теперь занятъ работами текущими.

Бодянскій напечаталъ только предположенія Разумовскаго объ основаніи университета въ Батуринѣ; о прошеніи же, поданномъ Екатеринѣ II, ни онъ, ни я даже и не слыхали. Это важное открытіе! Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Внушите кому слѣдуетъ, что Лѣтопись Самовидца, тотчасъ по напечатаніи, должна быть послана и Бодянскому. Я прошу моего экземпляра не обрѣзывать. Не терплю обрѣзанныхъ безъ переплета книгъ. Недавно прислалъ мнѣ Старицкій переводъ сербскихъ думъ въ этакомъ неприличномъ видѣ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

33.

Москва. 1877, февр. 26.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

3-й т. моей исторіи будетъ допечатанъ черезъ недѣлю, потомъ пройдетъ недѣля для брошюровки, да еще недѣля для цензуры и другихъ проволочекъ. I-й т. Матеріаловъ допечатанъ до половины. Его слѣдовало бы выпустить прежде 3-го т. Исторіи, но онъ выйдетъ послѣ. Иначе пришлось бы выпустить Исторію, когда

всѣ разъѣдутся изъ столицъ. Такъ наша русская пичъ пече! Съ 1-го сентября началъ я толковать о немедленномъ печатаніи съ пріятелемъ, и пріятель, оставаясь правъ и святъ, дотянулъ выпускъ книги до весны!

Александра Мих. вмѣстѣ со мною усердно кланяется Вамъ и Александрѣ Ивановнѣ.

Въ Москвѣ по прежнему жить весьма пріятно. Костомаровъ опять здѣсь. А. М. возобновила знакомство съ его женою, прерванное на 30 лѣтъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

34.

Москва. 1877, марта 5.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

За обиліе скорописныхъ словесъ благодарю зѣло благоутробіе Ваше. Но крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, паки реку, требуетъ пересмотра. Что касается до козацкихъ займищъ, то оныя можно разсматривать съ точки зрѣнія государственнаго права и съ точки зрѣнія автономической. Послѣдняя подлежитъ соціологическому разсмотрѣнію, и безъ сомнѣнія найдетъ прилежнаго работника. Но какъ различно ни понимался бы вопросъ, мы должны освободиться отъ предвзятой идеи, которая у каждаго, или почти у каждаго изъ насъ, осталась отъ прежняго, крайне жалкаго способа изучать былую жизнь въ международныхъ междусословныхъ дѣлахъ. Но объ этомъ нѣтъ возможности сказать что нибудь обстоятельно на листочкѣ почтовой бумаги. А вотъ я обращу Ваше вниманіе на помѣщенную мною въ III кн. Чтеній (которая еще не вышла, но не сегодня, такъ завтра выйдеть) статью: «Малорусскіе козаки между Россіей и Польшей по взгляду на нихъ ученаго серба Крижанича въ 1659 году». Она, я увѣренъ (т. е. не она, а самый документъ, къ которому она служитъ предисловіемъ), наведетъ Васъ на нѣкоторыя размышленія,

чуждыя того запаха украинской школы, нездороваго, спертаго запаха, которымъ пропитаны работы многихъ ученыхъ и даже талантливыхъ людей.

Мы уже помышляемъ о землѣ, освободившейся отъ снѣга, и о цвѣтахъ, пробивающихся изъ тьмы на свѣтъ. Я очень люблю ихъ въ этомъ періодѣ, какъ и древесную листву въ почкахъ. 1-го апрѣля намѣреваемся оставить Бѣлокаменную съ ея грязными улицами и прекрасными, подъ грязной оболочкой, людьми. Впрочемъ мы были такъ счастливы, что и подъ изящнымъ костюмомъ находили прекрасныхъ людей.

Извините за торопливое писаніе. Встаю изъ за корректуры и спѣшу въ Музей.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

35.

Москва. 1877, апр. 4.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Изъ Москвы выѣзжаемъ 5-го апр., т. е. завтра.

За гостепріимное Ваше предложеніе весьма благодаренъ; но не знаю еще, долго ли останусь въ Мотроновкѣ. Спишемся. Кажется, что я водворюсь сперва на Подолѣ ради академической библіотеки и купанья, а если не кончу тамъ своихъ кіевскихъ занятій къ концу іюня, то радъ буду провести съ Вами подъ одной кровлей хоть съ недѣлю, чтобы хорошенько потолковать объ исторіи передъ отъѣздомъ во Львовъ.

Матеріалы вышли изъ типографіи въ такое время, что цензоръ отложилъ принятіе оныхъ до 4-го апрѣля. Я получу свои экземпляры въ Мотроновкѣ не раньше 15 апрѣля. Тогда пришлю и Вамъ одинъ.

Типографія такъ жестоко меня обманула, что я нашелся вынужденнымъ остановиться на 21 печатномъ листѣ, тогда какъ предполагалъ напечатать листовъ 30.

Кланяемось обое Вамъ обоимъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

36.

Мотроновка. 1877, апр. 20.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ,

Бодянскій дѣйствительно изнемогалъ зѣло, такъ что могъ сказать со псалмопѣвцемъ: Прильпе земли утроба моя, приближися аду животъ мой. Но теперь обновися яко орля юность его. Оставихомъ его здрава и духомъ бодрственна, книжному же поученію неизреченно прилежна.

Посылаю книжицу, Матеріалы глаголемую. Одинъ изъ экземпляровъ благоволите вручить О. И. Левицкому, котораго письмо Москва прислала въ Борзну.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

37.

1877, мая 3. Мотр.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ,

За Вашу заботливость о томъ, чтобы о моей книгѣ было напечатано въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, примите мою искреннюю благодарность. Мнѣ бы не пришло и въ голову просить Васъ объ этомъ, но тѣмъ пріятнѣе для меня Ваше намѣреніе, что оно внушено Вамъ сочувствіемъ къ моему труду.

Соловьи поютъ сотнями. Запахъ черемухъ дѣлаетъ воздухъ густымъ, точно какъ будто съ него собраны сливки и влиты въ чашу мотроновской жизни. Здѣсь особенно хороши двѣ поры года—весна и осень. Онѣ всегда поражаютъ меня новизною: точно какъ будто я отъ роду не видалъ ни такой весны, ни такой осени.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

38.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Не можете ли такъ устроить, чтобы погостить у насъ на хуторѣ, а потомъ вдвоемъ ѣхать въ Кіевъ? Я Вамъ очень благодаренъ за предложеніе мнѣ Вашего крова на время моихъ кіевскихъ изысканій, которыя, надобно думать, продлятся не больше двухъ недѣль. За границу поѣду не раньше 1-го октября, вмѣстѣ съ Александрой Михайловной, которая усерднѣйше Вамъ обоимъ кланяется,—съ тѣмъ чтобы вернуться только къ веснѣ.

Можно ли будетъ заниматься въ академической библіотекѣ съ конца іюня—и до котораго времени? Если нельзя, то лучше и кіевскую поѣздку отложить на осень. Сія бо точію библіотека и нужна мнѣ.

Программа Ваша, я помню, была у меня въ рукахъ, но безпорядочные и подлые люди всѣ мои дѣла перепутали. Теперь я—аки Ездра на развалинахъ Іерусалима. Привезите съ собой. Мы прочтемъ. Можетъ быть, что нибудь и припомнится. Тутъ А. М. поможетъ Вамъ больше моего: она съ народомъ вѣчно возится.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1877, іюня 5. Мотроновка.

39.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ!

Душевно благодарю Васъ за справку въ академіи. Ничего не можетъ быть лучше, какъ взять книгу и почитывать подъ гостепріимнымъ кровомъ, который Вы такъ радушно мнѣ предлагаете. Тутъ бы и потолковать, и посовѣтоваться о томъ, о семъ по предмету моихъ занятій. Все прекрасно сладилось; но я долженъ оставаться въ хуторѣ. Надежда Мих. со чады къ намъ не пріѣдетъ въ этомъ году погостить. Мы двинемся изъ дому только къ зимѣ, да и то со стороны Александры Мих. будетъ жертва въ пользу исторіи. Впрочемъ Вамъ нельзя пріѣхать къ намъ только въ «іюнѣ». Жду Васъ въ іюлѣ. Тогда, надѣюсь, привязать дома младшаго брата Ал. М-ны на время моего отсутствія и уѣду въ Кіевъ недѣли на двѣ съ Вами. Крайне необходимо мнѣ почитать кой чего изъ хранящихся въ академіи книгъ и рукописей. А Вамъ да поможетъ Господь выпутать изъ бѣды малыхъ земли, ради которыхъ Вы не разрѣшаете себѣ отдыха.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1877, іюня 19. Мотроновка.

40.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ,

Дѣло о поѣздкѣ въ Кіевъ не клеится. Одну Александру Мих. оставить въ хуторѣ не могу, а гдѣ странствуетъ ея братъ, неизвѣстно. Между тѣмъ все разъѣдется изъ Кіева. Остается ждать возврата библіотекарей. Тогда уже пріѣду прямо на Подолъ, переберу библіотечную ветошь—и далѣе! Лѣто же у насъ такое роскошное, что жаль имъ пренебречь ради городской жизни. Въ откладываніи библіотечныхъ занятій утѣшаю себя тѣмъ, что под-

готовлю дома кое что для продолженія моихъ работъ. Думаю, что отворенное въ садъ окно у письменнаго стола сберегаетъ много физической силы, которая мнѣ нужна въ виду обширности предстоящихъ трудовъ. Когда же Вамъ будетъ возможно заглянуть въ наши дубравы, умоляю—не закосните. Для меня было бы поучительно узнать отъ Васъ подробности о чигиринцахъ. Вы совершили подвигъ гражданина Вашею защитою невѣжественныхъ жертвъ чиновничества. Естественно, что сіи жертвы не способны понять управлявшія Вами побужденія, и очень жаль, что для нихъ потеряно утѣшеніе въ напастяхъ. Они воображаютъ, что высшее сословіе только и живетъ притѣсненіемъ низшихъ, подобно тому, какъ болѣе сильные или проворные звѣри заѣдаютъ слабыхъ и неповоротливыхъ. Я полагаю, что этимъ путемъ даже и не возможно дать имъ понятіе о томъ благоволеніи къ ближнему, которое достигается нѣкоторыми изъ насъ, такъ называемыхъ, людей просвѣщенныхъ. Несравненно ближе къ цѣли—размноженіе въ нашемъ собственномъ классѣ людей благоволящихъ. Облегченіе способовъ существованія посредствомъ лучшихъ порядковъ дѣйствовало бы не на единицы, а на цѣлыя массы темнаго народа. Рваться изъ за каждаго притѣсненнаго едвали не то же, чтó продать все свое имущество и роздать неимущимъ. «Врачу! исцѣлися самъ», вопіетъ къ намъ темная масса своимъ угрюмымъ и тупымъ равнодушіемъ къ такимъ подвигамъ, какъ въ настоящемъ случаѣ Вашъ подвигъ.

Въ Варшавѣ Над. Александровна оставляла собственныхъ дѣтей на попеченіе прислуги, чтобы учить gratis сиротокъ Трубникова. Въ нашемъ интеллигентномъ семействѣ бываютъ также случаи, что оставляютъ безъ вниманія вопіющія нужды и неправды, испытываемыя членами оной, близкими и вѣдомыми по самому родству, и побиваются объ участи людей далекихъ и невѣдомыхъ. Этимъ нашли бы способъ помочь, а съ тѣми Богъ знаетъ, чтó и дѣлать. Тѣ даже отвергаютъ протянутую руку и въ тупоуміи своемъ готовы хватить по ней дубиною. Много, много потрачено мною денегъ, времени и силъ на безплодную

филантропію. Теперь я дѣйствую иначе, но не думаю, чтобы былъ менѣе добръ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1877, іюня 26. Мотроновка.

У Ильницкаго продаются: а) много моихъ русскихъ и малорусскихъ книгъ, б) нѣкоторыя вещицы, в) III т. Исторіи и I т. Матеріаловъ. Если для Васъ не тягостно или не неудобно почему либо, потрудитесь во время прогулки зайти, потребовать мои съ нимъ счеты и получить вырученныя деньги, сколько бы ихъ ни было. Деньги эти мнѣ не нужны, но я знаю, что чѣмъ дольше я не буду ихъ брать, тѣмъ труднѣе мнѣ будетъ ихъ получить. Сберегите ихъ у себя до нашего свиданія, но отнюдь не посылайте ко мнѣ.

41.

17 сент., 1877. Мотроновка.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ.

Предполагая, что не безъ важной причины пріостановили Вы нашу переписку, я ждалъ Вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Озабочивать же больного или сильно захлопотаннаго человѣка не годится. Слава Богу, Вы опять здоровы. Отвѣчаю на Ваше освѣдомленіе.

Миновавшее лѣто не имѣло качествъ, изображенныхъ Тредіаковскимъ:

О лѣто, лѣто горяче,
Мухами обильно паче,
Но да то лишь не любовно,
Что ужъ вотъ ты не грибовно;

почему я и не взывалъ съ Пушкинымъ:

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи.

Работы мои идутъ такъ, какъ могутъ идти въ хуторѣ, изъ котораго никакъ нельзя выѣхать.

О смерти Бодянскаго мы прочитали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, вскорѣ по полученіи книги чтеній, на которой напечатано: «1877, книга первая (сотая)». На сотнѣ такихъ томовъ не стыдно опочить сномъ вѣчнымъ. Бодянскій можетъ о себѣ сказать: «Теченіе жизни скончахъ и вѣру соблюдохъ». Какъ приверженецъ науки, онъ былъ высоко нравственная личность. Изъ своего содержанія за границею онъ много помогалъ убожествовавшему Шафарику; онъ въ одно время тратилъ на чтенія по 1500 руб. въ годъ изъ профессорскаго жалованья и спасъ ихъ отъ уничтоженія. Этотъ третій фактъ я знаю не въ точности. Но я увѣренъ, что подобныхъ двумъ первымъ откроется много. Когда я жилъ въ ссылкѣ, Бодянскій присылалъ мнѣ много книгъ изъ своей библіотеки, по моимъ увѣдомленіямъ о томъ, какія мнѣ нужны. А книгами онъ дорожилъ аки зѣницею ока.

Я не высокаго мнѣнія о его разумѣніи исторіи, но служилъ онъ ей героически.

Вскорѣ намѣренъ я побывать въ Кіевѣ для рѣшенія вопроса: проводить ли зиму въ Кіевѣ, или же ограничиться обязательнымъ Вашимъ исхлопотаніемъ дозволенія получить нѣкоторыя книги для занятій внѣ Кіева. Все зависитъ отъ того, найду ли я на Подолѣ удобную квартиру для жизни семейной. Хотимъ привезти и двухъ служанокъ, хотя едвали наши лучше кіевскихъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ ихъ и не столько будемъ бояться предательства.

Александра Михайловна вмѣстѣ со мною усерднѣйше кланяется Вамъ и Александрѣ Ивановнѣ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

42.

5 ноября, 1877.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Теперь о литературѣ. Я радуюсь широкому разливу Вашей ученой дѣятельности. Меня болѣе, чѣмъ самихъ юристовъ, интересуетъ Ваша спеціальность. Философія права—важное для меня дѣло. Безъ него я не могу ступить шагу. Читаю самыя такъ называемыя сухія книги. Все отвратительное, какъ Вы называете, для меня привлекательно. Во мнѣ Ваши изданія найдутъ самаго прилежнаго читателя. Пожалуйста пришлите, лишь только выйдутъ они въ свѣтъ.

Программою займемся. За біографію Иванишева очень благодаренъ. Этого человѣка я *зналъ*. Интересно знать, какъ отнеслась къ нему, въ Вашемъ лицѣ, исторія.

Извините за небрежность почерка. А. М. больна; на мнѣ большая часть хозяйства, которое въ этой мѣстности не можетъ идти хорошо, при отсутствіи экономическаго образованія народа, да еще съ нашими путями сообщенія.

Въ Кіевъ пріѣхать не можемъ. Развѣ къ слѣдующей зимѣ будемъ въ состояніи путешествовать.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

P. S. Что́ же новое изданіе Лѣтописи Самовидца? Ее можно бы напечатать уже 10 разъ. Если Левицкій забылъ прислать мнѣ экземпляръ, пожалуйста, купите и пришлите. На присланную ему мною для приложенія Хмельниковскую лѣтопись мнѣ приходится въ моемъ писаніи ссылаться по памяти, а надобно бы привести точныя слова, напримѣръ о старостахъ, пребывавшихъ

въ Украинѣ. Ихъ заурядъ бранять наши историки, а между ними были такіе же «добрые паны» (слова лѣтописца) какъ и между нынѣшними областными правителями, и это весьма натурально!

43.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Искренно благодарю Васъ за сообщеніе мнѣ Вашей интересной статьи о цензурѣ правовъ у народа. Отъ подобныхъ работъ выигриваетъ и наука и общественность, которыя никогда не должны разлучаться.

Мы провели лѣто въ безпокойствѣ о здоровьи Александры Михайловны; теперь собираемся за границу, по невозможности купить въ отечествѣ удобное помѣщеніе на зиму съ соотвѣтственною услугою. Въ Москвѣ и Петербургѣ можно бы этого достигнуть, но тамъ надобно проводить много времени въ закрытомъ воздухѣ.

Александра Михайловна благодаритъ Васъ за память о ней и посылаетъ Вамъ усерднѣйшій поклонъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1878, сент. 22. Мотроновка.

44.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Въ отвѣтъ на Ваше любезное письмо отъ 17 ноября, считаю долгомъ высказать, что мнѣ пріятно видѣть Ваше нежеланіе

принадлежать къ сонму тѣхъ, которые составляютъ понятіе обо мнѣ или по узкой субъективности, или по отзывамъ людей, глядящихъ и не видящихъ. У меня одно орудіе противъ этого общественнаго зла: удаленіе въ независящую отъ него область дѣятельности. Естественно, что я посторонился и отъ холода, какимъ повѣяло на меня отъ Вашего подарка. Тѣмъ болѣе радуюсь удостовѣренію, что книгу, свидѣтельствующую о трудѣ столь энергическомъ и полезномъ для изслѣдователей нашей общественной формаціи, положила на мой столъ рука дружественная. [1])

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1879, ноября, 30. Х. Мотроновка.

P. S. Отвѣчалъ бы я гораздо скорѣе; но Ваше письмо лежало на почтѣ во время моей поѣздки (ради больной А. М.) въ Кіевъ, а потомъ не дала мнѣ отвѣчать тотчасъ простуда.

45.

Многоуважаемый Александръ Өедоровичъ,

Вы взяли съ Хильчевскаго слово написать ко мнѣ по поводу новыхъ надеждъ, оживляющихъ мѣстную интеллигенцію. Изъ этого я вижу, что, въ интересахъ общественныхъ, Вы откладываете въ сторону личныя недовольствія. Слѣдую Вашему примѣру.

Хильчевскій совѣтуетъ мнѣ пріѣхать въ Кіевъ. Но я не вижу, для чего. Достаточно будетъ довести до Вашего свѣдѣнія, что мысль объ органѣ, подобномъ *Основѣ*, пошла въ ходъ еще съ прошлой осени. Я былъ въ Тернополѣ, Львовѣ и Вѣнѣ для ре-

---

[1]) А. Ф. Кистяковскій послалъ Кулишу извѣстный свой трудъ «Права, по которымъ судился малорусскій народъ».

когносцировки, а д-ръ Пулюй посѣтилъ Харьковъ. Вездѣ pia desideria, и больше покамѣстъ ничего, или весьма мало. Нужны деньги, а всѣ наши доброжелатели принадлежатъ къ недостаточному классу. Я совершенно согласенъ съ Маколеемъ, что «произведенія генія подчиняются тѣмъ же законамъ, которыми регулируется производство хлопка и сахарнаго тростника. Предложеніе соотвѣтствуетъ спросу». Безъ денегъ, *легковѣрно* затраченныхъ Катенинымъ, не существовала бы и Основа. Безъ денегъ, истраченныхъ безъ всякаго счета мною, не было бы ни малорусскихъ книгъ, ни метéликовъ, ни Каменецкихъ, ни Щербаковъ. И въ настоящее время движеніе въ малорусской интеллигенціи возможно поддержать только значительными затратами денегъ. До тѣхъ же поръ, пока одушевленіе малоруссовъ не выразитъ себя извѣстнымъ фондомъ, изъ ничего ничего и не будетъ. Наше краснорѣчивое поколѣніе уподобится козакамъ, которые, собравшись въ числѣ 40 тысячъ, кричали королевскому послу, что будутъ защищать свою древнюю вѣру aż do gardła, и во всю жизнь излюбленнаго ими митрополита Борецкаго не сложились по злотому для постройки мурованной дзвоницы въ Михайловскомъ монастырѣ.

Въ ожиданіи краснорѣчивыхъ дѣлъ, будемъ работать кабинетно, кто къ чему имѣетъ любовь. Такъ какъ Вы вспомнили обо мнѣ, радѣя обществу и родной національности, то позвольте обратиться къ Вамъ съ двумя просьбами:

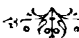
1. У меня недостаетъ 10, 11, 13, 15, 17, и 19 нумеровъ Описи актовыхъ книгъ. Мой экземпляръ оканчивается № 21. Не можете ли дослать, чего я не имѣю?

2. Голубевъ печаталъ въ Трудахъ Духовной Ак. историческіе документы. Не можете ли добыть для меня отдѣльный оттискъ оныхъ?

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1881, января 16. Х. Мотроновка.

P. S. Нѣтъ ли у васъ лишняго экз. I-го т. Актовъ Кіевской Коммиссіи, изданныхъ Иванишевымъ? Онъ мнѣ обѣщалъ полный экземпляръ, но, вмѣсто кожуха, я наслѣдовалъ послѣ него «панське слово». А мнѣ слѣдовало бы имѣть экз. Актовъ, яко члену той же коммиссіи. У меня и въ формулярѣ значится сіе членство, но экземпляръ былъ бы для меня слишкомъ высокою честью со стороны кіевскихъ оцѣнщиковъ.



ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ.

Повисть. [1])

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

Чому, куры, не піете?
Чому, люде, не чуете?
Туркы село звоювалы,
Громадамы людей гналы.
Нар. писня.

I.

Сумна хата.

У той страшный день, якъ забрано Зинька, люде пиднялы Гаинку непрытомну зъ земли, понеслы й положылы на волосный рундукъ. Почалы жинкы брызкаты ій въ облычче водою, ажъ покы вона очу́тылась. Росплющыла очи, помалу пидвелася. Не розумила спершу що зъ нею сталося, де вона й чого вона. Сыдила на ослони, дывлючысь померклымы очыма на людей, що кругъ неи стоялы. Потроху прытомнисть верталася до неи, и врешти вона згадала все. Глянула, озырнулась—ни коня зъ возомъ, ни Зинька вже не було. Устала мовчкы й почала зиходыты зъ рундука.

— Гаинко, куды ты, стрывай!—прыпынылы булы іи жинкы.

Але вона видхылыла ихъ рукою и пишла сама соби швыдко, хочъ и хытаючысь, додому. Не бачыла ничого передъ себе, тилькы

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 3.

почувала, що ій треба швыдче, швыдче дійты до своеи хаты. И дійшла такы, видчынила двери й стала на порози. Стара маты глянула на неи та ажъ перехрестылася: передъ неи стояла не Гаинка, а якась мара блида, страшна.

— Боже! дочко, чого се ты?

Стара кынулась до неи, але вона мовчкы злегенька видхылыла іи рукою, перейшла хату й сила за стилъ. Здывована маты, не розуміючы що зъ нею сталося, пидійшла знову.

— Доню, Гаиночко, скажы—що тоби?

— Ничого, мамо... Зинько въ острози...

— Якъ то въ острози?—вжахнулася стара.—Що се ты? Богъ зъ тобою!

— Эге, въ острози... Люде сказалы, що винъ убывъ Грыцька, дакъ ёго до острогу забрано...

Вона говорыла се ривнымъ тыхымъ голосомъ и такъ, мовъ се була звычайна ричъ и ни трохы не займала іи зглыбока. А очи божевильно-нерухоми втупыла въ одну якусь цятку и такъ сыдила, мовъ вытесана зъ билого каменю.

Маты, почувшы страшну новыну, и сама спершу занимила, а потимъ заголосыла, затужыла...

— Не голосить, мамо,—тымъ самымъ ривнымъ байдужнымъ голосомъ промовыла Гаинка,—я вже голосыла: не пособылося,—забралы воны.

— Хто жъ забравъ, дочко?

— Люде... паны... Воны сказалы, що винъ убывъ Грыцька, та й забралы ёго до острогу.

— Та хто жъ сказавъ? Де жъ се выдано, щобъ на Зинька таку напрасну выгадуваты? Ой Боже жъ мій, Боже!.. Ой горечко намъ, нещаслывымъ!.. Одного сына забралы, занапастылы, та й другого теперъ забирають!.. А що жъ я, бездольна, пры старощахъ моихъ робытыму?..

И тяжке матерыне тужинне озвалося знову по хати. Одна тужыла, схылывшы свою стару сыву голову на чорни худи, порепани видъ тяжкои довгои праци, рукы, а друга сыдила кинець

столу, выпроставшыся, сыдила нерухомо, и очи ій нерухомо дывылыся въ одну цятку...

А на свитъ насувала темрява. Зайшло сонце за обріемъ, покынуло землю, и воля теперъ була темряви обниматы покынуту своимы шырокымы чорнымы крыламы. Останне проминне злякaного свиту тикало слидкомъ за сонцемъ, а вона запанóвувала, а вона вступала скризь, у кожну мисцынку земли, покрывала степъ чорнымъ накрыттемъ, загортала въ ёго лисъ, исповняла глыбоки яры й долыны.

И до ихъ у хату вона зайшла—по куткахъ чорною марою стала, стины позапынала и сповныла всю хату и обняла ихъ обохъ,—и ту, що тамъ на полу здригалась одъ рыдання, и сю, що биля столу сыдила нерухома... Обняла тило, поняла й душу...

— Мамо!—почувся середъ темрявы ривный голосъ.—Тамъ темно...

— Де?

— Въ острози... Тамъ темно, нема свиту...

Ривный голосъ замовкъ, а въ другому кутку ще голоснише озвалося рыданне...

Темна хмарна ничъ була на свити...

. . . .

Прыйшовъ ранокъ похмурый, сирый, зъ косымъ холоднымъ дощемъ. Винъ сіявъ зъ набряклыхъ гыдкыхъ хмаръ, що понавысалы надъ землею и гнитылы іи своимъ мертвымъ шырокымъ поглядомъ. Виконця въ маленькій хати плакалы, велыки крапли слизъ разъ-у-разъ котылыся по ихъ и знықалы, щобъ попустыты мисце новымъ...

Маты пишла до волосты роспытуватыся про Зинька.

— А чого тоби, бабо, треба?—гукнувъ на неи Копаныця, побачывшы іи биля порогу.

Вона сказала чого ій треба, пызенько та покирно кланяючысь.

— Що жъ, бабо,—мы того ничого не знаемо,—видказувавъ Копаныця, розлигшыся въ крисли за зеленымъ столомъ.—Слид-

ствуватель звеливъ одвезты ёго въ острогъ,—мы й одвезлы, а бильше ничого не знаемо.

— Та винъ же не вынenъ!.. Та зá що жъ ёго забрано?..

— То не наше дило розбыраты, чы винъ вынenъ, чы ни, и ты намъ голову сымъ не морочъ. Отъ ты кажешъ, що ни, а слидствуватель говорыть, що вынenъ. То вже тамъ судъ розбере що та якъ,—на те й судъ.

— А колы жъ той судъ буде?—пыталася бидолашна.

— И того я тоби не скажу. Якъ исхоче самъ судъ, такъ и буде. Схоче завтра,—буде й завтра, а схоче черезъ два годы, то й черезъ два. На те й судъ.

— Та невже жъ оце ёму ажъ два годы сыдиты?

— По десять годъ сыдять,—не то по два. Якъ заробывъ, такъ хай и одвичае, а ты началныкамъ головы не клопочы, кажу тоби, своимы пустякамы! Иды вже соби до-дому, бабо!

Мовчкы пишла, до земли хылючысь, безталанна маты.

Другого жъ дни вона занедужала. Стала горыты, все тило болыть. Лежала на полу стогнучы, не здóліючы пидвестыся. А Гаинка мовъ и не бачыла того: сыдила, очи втупывшы въ одну цятку, и мовчала.

— Гаиночко, дай мени воды!

Подала и зновъ сила.

— Гаинко, ты бъ топыла вже пичъ.

Слухняно внесла дровъ, затопыла пичъ, стала й дывылася, якъ огонь перебигае по дереву.

— Гаинко, а чого ты горшкивъ не становышъ?

Почала Гаинка горшкы прыставляты—порожни.

— Ой мени лыхо та горе!—стогнала Параска.—Що мени теперъ робыты?

Саме на це вбигла въ хату Катря Карпова.

— Що се вы, бабусю, хвори?

— Та тутъ я хвора, а тутъ таке лыхо зъ Гаинкою сталося!—почала росказуваты стара.

Гаинка чула все, що про неи казано, и мовъ и не чула. Катря загомонила до неи.

— Гаинко, що тоби, голубочко?

— Ничого...

— То ты журышся. Ты не журысь такъ... Це все людська напрасна,—воно выявыться, Зинько вернется.

Молодыця розважала подругу, а та слухала мовчкы и ничого не чула. Катря, прыдывывшысь до іи нерухомого погляду, ажъ изляк алась.

— Оце лыхо!—подумала соби.—Вона жъ непрытомна! Вона жъ ни до якои роботы, а маты хвора.

Кынулась Катря до печи:

— Ось пострывайте,—я вамъ пособлю!

Поробыла що треба, попрыставляла до вогню горщыкы.

— Спасыби тоби, дочко!—дякувала Параска.

— Гаинко, дывысь, щобъ горшкы незбиглы! — наказала Катря,—а я заразъ вернуся.

Метнулася до-дому, розсказала про все Карпови, забрала дытыну та й зновъ до Сывашивъ. Поралась ажъ покы наварыла обидаты, попрыбирала все въ хати. Гаинка сыдила й дывылась на те.

Другого дни, швыденько впоравшыся дома, Катря знову прыбигла.

Погано, що Гаинка такъ сыдыть усе зъ своимы думкамы,— миркувала Катря.—Хай щось робыть,—воно думкы розбыватыме.

И почала наказуваты ій те або те робыты. Та слухалась.

Два тыждни, покы стара Параска була хвора, Катря що дня бигала до Сывашивъ поратыся, зазырала и ввечери. Маты не могла ій издякуватыся:

— Спасыби тоби, дочко! Яка ты добра та гарна! Якъ бы не ты, то що бъ мы й робылы, бидолашни? Дай тоби, Боже, викъ довгый та щасный за твою добристь!

— Отъ, бабусю,—що тамъ такого, якъ я забижу до васъ на яку хвылыночку! Та мени це ще й въ охотку,—веселише, якъ середъ людей, а то все дома та дома!—видказувала Катря, хочъ ій часомъ було дуже скрутно розрыватыся на дви хати, а

веселощивъ у Сывашивъ було стилькы, якъ на кладовыщи.— Абы вы та Гаинка швыдче остербувалы,—ото добре було бъ!

И вона клопоталась, бигала, пособляла, завсигды така щыра й прывитна, мовъ бы коло своеи дытыны. Не стало въ Сывашивъ грошей,—вона вырядыла Васюту повезты въ городъ та продаты трохы хлиба. За ти гроши покупылы що треба, ще й у волость повиддавалы оплаткы.

Помочы добри люде давалы, жыты було можно, та не моглы воны даты помочы души людській, не моглы розважыты іи горя велыкого. Катря сылкувалася розважаты и матирь, и Гаинку. Матери мовъ лекшало видъ тыхъ розмовъ, а Гаинка хочъ й слухала, та мабуть ничого не розумила.

Вона не плакала, не тужыла, не парикала. Вона мовчала. Робыла все, що ій загадувано, и помалу звыкла все робыты якъ треба: поралась, шыла, давала йисты,—такъ, мовъ и звычайно. Тилькы вона николы не думала про те що робыть: воно робылося саме. Вставала вранци й думала: «Вже день». Друга думка: «Боже, якый довгый... хочъ бы вечиръ!» Тоди бралася робыты все, що ій наказувала Катря або маты. Скаже: «порайся!»—порается, «шый!»—шые. А якъ нема чого робыты, сяде биля столу сама соби та й сыдыть, выпроставшыся, и дывытся въ якусь цятку. А въ думкахъ тилькы одно: «Уже мынае день, отъ уже вечиръ...» Прыходывъ вечиръ, прыходыла ничъ... Иноди вона спала, якъ утомлялася; иноди лежала безсонна всю ничъ и дывылася въ темряву... Дывылась и думала: «Отъ уже ничъ почалася... яка довга!.. Отъ уже мынае... Отъ уже ранокъ буде»...

А на що ій та ничъ, той ранокъ, той день,—не знала... Вона розумила дуже добре, що Зинько въ тюрми, що ёго судытымуть, можуть на Сибирь заслаты... розумила, що винъ невыненъ... Знала, що имъ безъ ёго жыты не можно... Потимъ знала, що бувае день и вдень треба поратысь, скотыни йисты даваты, хату месты, воды прыносыты, шыты... потимъ прыходе ничъ, и тоди треба спаты... ще треба йисты вдень... Все це робыла... Все це треба робыты... ажъ покы прыйде той день... той судъ...

Не ходыла никуды, не любыла озыватися ни до кого. Мовчкы обмынала людей. Зъ матиррю жыла такъ, що тилькы видповидала на пытане. Здавалася камъяною.

Тяжка туга, мовъ хмара, налягла на Зинькову хату, сповныла іи всю. Здавалося, що й стины тутъ сумувалы, понуро дывлючысь неосяяныммы яснымъ свитомъ викнамы. Туга вызырала зъ кожного куточка, промовляла померклымы жиночымы очыма, озывалась розбытымъ людськымъ голосомъ. Дви прыгничени безмирнымъ горемъ жинкы ходылы якъ дви мари, ворушылысь, робылы щось, иноди вдавалысь одна до одніеи словамы,—выдко було, що жыви. Але хто зазыравъ до сіеи хаты, тому здавалася вона труною...

Та й зазырало небагато. Спершу то бигалы де яки кумаси цикави: людямъ таке нещасте сталося, то треба жъ подывытыся що воны та якъ воны писля ёго... подывытыся, щобъ було що й людямъ розсказаты. Та Катря не вельмы ихъ витала; а дуже цикавого имъ ничого не выявылось, то воны скоро й покынулы бигаты. Заходылы Карпо зъ Васютою. Васюта хотивъ бувъ разъ своимы жарталы смутокъ розвіяты, але въ сій хати ёго шуткуванне плачéмъ озывалося и здалося всимъ и ёму самому такымъ дывнымъ, що винъ заразъ же змовкъ. Одвидувала Гаинку Лыкера, іи маты, але батько ни разу не зайшовъ. Часто зазыравъ дидъ Дорошъ. Гаинка була ёго влюбленыця здавна, и теперъ іи лыхо було дуже тяжке дидови. Винъ дывывся на неи, хытавъ головою, думавъ и казавъ:

— До знахаря треба,—отъ що... Тилькы доброго треба, щобъ умивъ одшептаты.

И почавъ умовляты Гаинку пойихаты въ Чорнóвусъ до Гострогляда. Гаинка спершу не зрозумила куды й чого йихаты, а зрозумившы, видказала:

— Не хочу...

Умовлявъ-умовлявъ дидъ,—не пособылося. Мусывъ облышыты.

Параска потроху оклыгувала, та дуже помалу. Казала, що хоче питы въ городъ до панивъ, щобъ пустылы іи до Зинька, але не могла йты: и дома ледви чапала по хати.

. . . .

А про Зинька не було чуткы. Выклыка́въ слидчый на допыть ще де кого зъ дыблянъ,—воны прыносылы стари звисткы. що Зинько все въ острози—дожыдае суду.

Одного разу надъ вечиръ Гаинка була въ своему садку, ажъ надъ самою ричкою,—пишла вытягты дижку, що тамъ замокала. Ще не дійшла до ричкы,—почула, що хтось иде. Озырнулася й побачыла Мыкыту Тонконоженка. Ставъ передъ нею, сміючыся:

— Здорова, Гаинко!

Ледви вымовыла «Здоровъ» и хотила йты дали, обмынувшы ёго. Але винъ прыпынывъ іи.

— А й давно я тебе не бачывъ, Гаинко! А хотилося бачыты! Эхъ, та й молодычка зъ тебе—первый сортъ! Што хароша, то хароша,—вотъ тольки плохо, што паблѣдла трошкы. Ну, не бида,—вотъ прайдётъ!.. А я за тобою скучывъ, вотъ чесно́е слово—скучывъ!

Вона слухала мовчкы, мало розуміючы ёго слова. А винъ думавъ, що ій хочется слухаты, и провадывъ свое дали:

— Не павѣрышъ?—такъ скучывъ, што ажъ!.. Я про тебе завсигда думаю... потому що такои молодычкы у насъ—ну, просто нема-нѣту та й годи всё! Эхъ, знаишъ што, Гаинко! Ты хароша, та й я не паганый,—давай любовъ завыдёмъ!

Винъ обхопывъ іи за станъ и хотивъ поцилуваты. Вона вдарыла ёго ликтемъ у груды, ажъ винъ одхылывся, выхопылася зъ рукъ и въ одну мыть выскочыла на гору. Перелынула садкомъ ажъ до хаты, тоди озырнулася,—чы не женется.

— А шо жъ, дочко, де дижечка?—спыталася маты, выходючы.

— Тамъ... я не взяла...—видказала Гаинка, тремтючы.

Маты хотила була спытатыся чому не взяла, та якъ глянула на іи облычче, то побачыла, що краще іи вже не посылаты. Пишла сама.

Всю ничъ Гаинка не спала. Трусыла пропасныця такъ, що ажъ зубы цокотилы. А дали голову мовъ полумъемъ обняло. Блудыла словамы, крычала щось несамовыте—про Мыкыту... про Зинька... голосыла... проклынала чы себе, чы когось... Тилькы передъ свитомъ заснула твердымъ сномъ и спала ажъ до обидъ. Маты не будыла іи. Прокынулась, пидвелась...

— Се вже день, мамо?

— День, дочко.

— Се я такъ довго спала?

— Абы на здоровле, то спы, дочко.

— Ни, я встану.

— Добре! Ось заразъ обидаты будемо!—казала маты, радіючы, що Гаинка сама озвалася й розмовляе,—се було вперше видъ того дня.

— Ни, я не обидатыму,—видказала Гаинка,—мени треба до Зинька йты.

— Якъ то до Зинька?—спыталася маты та ажъ похолола: ій здалося, що Гаинка ще й доси блудыть словамы.—Що се ты кажешъ, дочко? Якъ се ты пидешъ до Зинька?

— Я пиду, я хочу ёго побачыты.

— Та якъ же ты ёго побачышъ? Ты жъ не знаешъ куды й доступытыся.

— Я, мамо, пиду въ городъ. Прыйду до острогу, а якъ тамъ доступытыся, то вже знатыму. Я хочу ёго бачыты, хочу знаты—що ёму, якъ ёму.

Маты заплакала. Вона вже бачыла, що Гаинка не блудыть словамы, а говорыть якъ треба.

— Пиды, доню, пиды, моя дытыно! Ты молода,—ты доступышся. Тилькы не ходы сёгодни,—ты ще хвора. Иды завтра.

— Пиду сёгодни.

— Пизно вже: покы въ городъ дійдешъ та те та се, то й смеркне. Треба йты зранку.

Мусыла послухаты Гаинка. Але не спала всю ничъ,—такъ обнялы думкы та той невпокій, тее порыванне, щобъ швыдче, швыдче йты до ёго, побачыты, одвидаты!..

— Боже мій! Що жъ я наробыла?—думала вона.—Чого жъ я доси не пишла? Та чы я скамъяніла, чы я занимила, що сыдила дома? Мое сонечко тамъ поневиряется, а я й зъ мисця не рухнуся!..

Вона не розумила, якъ се такъ сталося, що ажъ до вчорашнёго вечора справди мовъ камъяна була. Тилькы вже якъ отой

гыдкый зачепывъ іи,—вона вся стрепенулася, душа мовъ огнемъ зайнялася. Пекло́ іи, мордувало всю ничъ... И теперъ пече!.. Ой. Боже! Яка довга ся ничъ! Хочъ бы швыдче, швыдче ранокъ!

Ще й не розывднялось, а вона вже схопылась.

— Уже йдешъ, дочко?

— Йду, мамо.

Засвитылы. Вона вбиралась, поспишаючыся.

— Ты поснидай, дочко!

— Не хочу, мамо—въ душу не йде.

— Дакъ визьмы въ городъ,—уже жъ тамъ увесь день будешъ, то схочется йисты.

Такы прымусыла взяты харчу трохы, ще й тры карбованци грошей:

— Може дозволють Зинькови даты... Та й такъ, гляды, комусь даваты доведется, бо вже безъ того не обійдешся.

Перехрестылася Гаинка, вдарыла поклонъ передъ образамы та й пишла. Маты хотила выпроводыты іи ажъ за царыну, не звелила, сама побигла, бо самій лышытыся хотилося.

Пишла вулыцею. Довги періи хатъ простягалыся далеко и зныкалы въ темряви. Хаты ще спалы, понасувавшы на го́ловы велыкы покривли. Стины ледви билилыся зъ пидъ кудлатыхъ острішкивъ, мовъ облычча зъ пидъ велыкыхъ бривъ, що звысалы внызъ на заплющени очы. И вразъ одна хата блымнула тымы очыма, росплющила ихъ, и дви смугы свиту ляглы впоперекъ улыци передъ Гаинкою. Трохы згодомъ тьмяно, мовъ позихаючы зо сну, глянула на вулыцю друга хата, дали третя... Покы одни ще дрималы въ останнёму досвитнёму сни, инши прокыдалыся вже, и кожна перегорожувала вулыцю пасмамы свиту. Гаинка переходыла ясни стягы поспишаючысь, то вступаючы въ сяево, то пирнаючы знову въ темряву, и темрява здавалася тоди ще гиршою, мовъ безнадійнисть писля проминя боязькои надіи. По дворахъ скрыпилы двери, ворота, де-не-де зачорнилы вже людськи постати. Село розбуркувалося, а Гаинци хотилося буты видъ ёго дали, дали, ажъ тамъ у го́роди, куды вела іи непевна надія, то ожываючы, то згасаючы въ души.

Нарешти вона перебигла останню свитляну смугу и зовсимъ пирнула въ темряву. Чы скоро жъ свитатыме? Глянула на небо: хмаръ не було,—клалося на годыну.

Ишла въ темряви, добре знаючы дорогу. Перейшовшы мабуть зъ верству за село, побачыла, що передъ нею почынае сириты своимы курнымы колодовбынамы шляхъ. Праворучъ, на темному простори, выразно зазначылася чорна купа велыкого лису, а просто неи въ поли—высоке самотне дерево.

— Се той дубъ надъ яркомъ,—подумала Гаинка и йшла дывлючысь на ёго, якъ винъ усе бильше та бильше вызначався, а темный простиръ стававъ усе менше та менше чорнымъ. Ще згодомъ—и якыйсь сиро-срiблястый свитъ мовъ почавъ налыватыся въ темряву, и темрява, мишаючыся зъ имъ, ставала зъ чорнои попелястою, зъ попелястои билою. Уже добре выдко стало траву надъ дорогою,—всю въ срiблястыхъ непрозорыхъ перлахъ; праворучъ по-пидъ лисомъ клубкамы котывся, сходывся й росходывся билый туманъ; дыхаты було мокро; похолоднишало. Гаинка пишла швыдче, щобъ нагритыся.

Незабаромъ червона смужка зазначылася ливоручъ надъ полёвымъ óбрiемъ. Ще трохы—и червоне проминне сыпнуло, брызнуло по небу. Туманъ пидъ лисомъ заколыхався дужче, заклуботався и почавъ росходытысь, блиднуты й зныкаты. Срiблясти перла на трави замыгтилы ясно—червонымъ, сынимъ, зеленымъ, золотымъ... тремтючы й граючы колирамы...

Гаинка вже була далеко, йшла швыдко, моторно, и мовъ якась нова снага, нова мiць уступала въ неи,—мовъ не йшла вона, а самы ногы iи неслы. Вона пиде, вона побачыть ёго—сiеи думкы було iй покы досыть. Що тамъ дали буде,—вона не знала. Тилькы здавалось iй чомусь, що дали буде щось любе,—ясне—таке, якъ ся роса мыгтюча, якъ те сонечко праведне тепле, що пидбываеться вгору, грiе й свитыть. А лыхо, а горе—воно якъ той туманъ передъ сонечкомъ розвiеться...

Пизнёго снидання була вже въ городи. Не знала навить де острогъ,—мусыла й про те пытатыся. Попыталася въ якогось мищанына.

— Острогъ?—поглянувъ на неи, дывуючысь, и додавъ.—А хыба ты туды хочешъ?

— Я... ни... я...

— А чого жъ тоби туды треба?

— Я... мени... треба мени...

Мищанынъ прыдывлявся до неи пыльнице.

— Ну?—пытавсь.

А вона стояла мовчкы, почервонившы, не зважуючыся сказаты чого ій туды треба.

— Дакъ ты, бачу, за такымъ диломъ, що й сказаты не можно!—промовывъ мищанынъ.—Ну, дакъ пытайся жъ кого иншого, колы такъ.

Повернувся та й пишовъ, промовывшы кризь зубы: «Эчъ, захвойданкы бисовы!»

Гаинка подалася дали. Побачыла на вулыцы салдата-поліціянта зъ шаблею.

— Попытаю цёго—подумала.—Уже жъ винъ знае, то може скаже.

Пидійшла й попытала несмилыво, ще й уклонылась:

— Скажить, спасыби вамъ, дядьку, де острогъ?

Поліціянтъ огляиувъ іи добре.

— А тоби на що?

— Чоловикъ мій тамъ сыдыть...—промовыла тремтячымъ голосомъ Гаинка, бачывшы, що вже треба прызнатыся.

— Чоловикъ?.. Гм... А чого жъ винъ тамъ сыдыть?

— Ни за що...

— Авже жъ, ни за що!.. Знаемо васъ такыхъ! Обикравъ або вбывъ та й ни за що! Шахраи прокляти!..

Поліціянтъ лаявся, бо бувъ гнивный (видъ старшыхъ ёму сёгодни добре впало), а зъ гниву вкынувъ зайву чарчыну, а надто хотивъ повелычатыся передъ селючкою, щобъ вона не подумала, що й винъ зъ такого жъ села, якъ и вона.

— Падлюкы! . злодіи!.. Путящому чоловикови спокою черезъ васъ нема!.. Валасаются!.. Чого стала? Маршъ! Щобъ тебе тутъ заразъ не було! Шарлатаны!.. Шалапуты!..

Перелякана Гаинка далеко вже видбигла, а винъ усе не вгававъ.

— Боже мій!—думала соби,—що жъ се мини робыты. Да тутъ таки люде, що я й не допытаюся... Ой ни, треба допытатыся!.. Пытатыму, ажъ покы такы довидаюсь. Попытаю ще панивъ.

Назустричъ бигъ якыйсь панокъ изъ ципочкомъ у рукахъ. Озвалася до его, але винъ и не спынывся навить. Вона пишла помалу вулыцею, вдывляючысь въ облычча: котре не таке страшне буде? Незабаромъ побачыла якусь невелыку дивчынку въ темній сукни зъ кныжкамы въ рукахъ.

— Здорови булы, панночко!

Билявенька панночка дывуючысь глянула на неи своимы яснымы очыма. Очы булы ласкави, и Гаинка не даремне оповидала передъ имы про свою прыгоду. Панночка такъ добре розсказала ій куды йты, що вона вразъ утрапыла простисинько до острогу.

Высоки товсти муры оградою, а за имы здорова била камъяныця. Гаинку ажъ холодомъ пройняло, якъ вона на ихъ глянула.

— Отутъ мое серденько гыне, якъ квиточка въ лёху попидземному!..

Передъ велыкою зализною брамою стоявъ салдатъ. Пидійшла до ёго, вклонылася.

— Здорови булы!

Поглянувъ на неи повагомъ, не озвавсь й одвернувсь мовчкы.

— Я до вашои мылосты...

Солдатъ мовъ не бачывъ іи.

— Тутъ мій чоловикъ у тюрми сыдыть...

Винъ не слухавъ. Вона вытягла семыгрывеныка, положыла ёму въ руку.

Винъ подывывся на ёго, повагомъ заховавъ у кышеню, тоди повернувсь до неи й промовывъ:

— Ну?

— Адже це острогъ?

— Ну?

— Тутъ мій чоловикъ сыдыть... Зинько Сывашъ...

— Ну?

— Пустить мене побачыты его!

— Гм... Дурна баба!.. проходь дали,—тутъ такъ не пускають.—И винъ одвернувся.

— А якъ же тутъ пускають? Скажить, спасыби вамъ!

Але салдатъ изнову не чувъ. Гаинка ще вытягла срибну грошынку. Заховавшы й сю, винъ повернувся.

— Твого... Зинька, чы якъ тамъ його?.. Судылы вже, чы ни?

— Ни...

— Ну, дакъ треба бумагу видъ слидствувателя,—тоди й пустють.

— А може бъ вы мене й такъ пустылы? Та я бъ за васъ Бога молыла!...

— Дурна баба! Кажуть тоби: прынесы бумагу видъ слидствувателя, тоди й пустють... А теперъ—маршъ соби,—не стій тутъ, не можно!..

— Та де жъ той слидстуватель жыве,—хочъ бы мени знаты!..

— Не мое дило!.. Геть извидсы, бо не можно!.. Геть, кажу тоби!..

Гримнувъ такъ, що Гаинка ажъ видбигла злякана. Ишла вулыцею й думала:

— Колыбъ пославъ мени Богъ изнову таку панночку, щобъ вона мени розсказала де той слидствуватель жыве!

Одначе сёго разу пощастыло ій дужче: заразъ же якыйсь добрый панъ и розсказавъ ій. Трохы зблукалась, а такы знайшла. На рундуку сыдять люде, дожыдаются. Пидійшла, поздоровкалась. Почалы люде роспытуваты чого прыйшла,—вона имъ розсказала...

— Буде тутъ выбигать такый пысарчукъ, выклыкаты насъ... кого, значыть, слидствуватель клыче, дакъ винъ того выклыкае... дакъ ты ёму й скажы про себе... А покы посыдь!

Вона сила. Незабаромъ выбигъ и пысарчукъ:

— Сыдиръ Харченко!

Одынъ чоловикъ уставъ и пишовъ у середыну, а Гаинка вдалася до пысарчука:

— До вашои мылосты...

— Чого тоби?

— Мени чоловика побачыты.

— Якого чоловика?

— Мого... Зинька Сываша... винъ у острози...

— А! ну добре... посыдь тутъ, пидожды!..

Вона сила ждаты. Довго ждала. Уже вси люде перейшлы, тилькы двое зосталося, уже й сонце пидбылося вгору та й унызъ почало сидаты,—вона все дожыдала. Пытала й пысарчука, якъ выбигавъ, але все одно видъ ёго чула:

— Пидожды!..

— Знаешъ що, молодыце?—сказавъ одынъ чоловикъ.—Я вже бачу, що зъ твого дила ничого не буде: оце ще насъ поклычуть, а тоди пысарчукъ выбижыть та й скаже: прыходь завтра,— слидствувателеви николы сёгодни!

— Ой, Боже мій!—злякалась Гаинка.—А що жъ я робытыму? Мени жъ треба сёгодни!

— Та що робыты? Пивкарбованця вкынь ёму въ руку, то й скаже слидствувателеви про тебе, дакъ той и поклыче. А то й тры дни ходытымешъ, та ничого не буде.

Гаинка послухалась и вкынула пысарчукови пивкарбованця въ руку... Іи поклыкано до слидчого.

— Що тоби?

Вона нызько-нызько вклонылася.

— Паночку, чоловика хочу побачыты... Зинька Сываша... пустить!..

— Не можно ёго бачыты.

Вона такъ и похолола.

— Не можно бачыты,—казавъ слидчый,—бо винъ дуже впертый: ніякъ не прызнаётся.

— Та якъ же ёму прызнаватыся, пане? Винъ же не выненъ!..

— Росказуй тамъ! Знаю я такыхъ невынныхъ! Накоивъ лыха та й не прызнаётся!.. Хай прызнáется, тоди й пускатыму до ёго родычивъ. А теперъ— ніякъ!

— Паночку! змылосердиться!.. помылуйте!..

— И не просы й не кажы!.. Йды соби!..

Слидчый повернувся та й пишовъ зъ хаты...

Пизно ввечери вернулася до-дому Гаинка. Увійшла въ хату, не роздягаючысь сила биля столу та й похылылась на ёго.

— Дочко! дочко? що тоби?—злякалася маты.—Що тоби сталося? Чы ты бачыла Зинька?

— Не пустылы, мамо... кажуть: не прызнаётся... Якъ прызнáется, що вбывъ Грыцька, тоди пустють...

— А бодай же й воны самы, и ихъ диты такои ласкы видъ людей зазналы!..

А Гаинка тилькы стогнала...

Покы отаке робылося въ Сывашевій хати, Остапъ усе щось думавъ. Була въ ёго одного разу така зъ Терешкомъ Тонконоженкомъ розмова:

— А що, Остапе, чуты за твого зятя?

— Та то такый мій зять, що хочъ бы ёго въ мене й зовсимъ не було!

— Ну, одначе,—що жъ сáме за ёго чуты?

— Да така чутка, що вже й не вернется.

— Ну, таке дило... А що жъ тоди твоя дочка? Адже вдовою буде...

— А буде...

— Знаешъ що, Остапе, я тоби скажу? Що якъ бы намъ та сватамы буты?

Остапъ глянувъ на Терешка.

— Якъ то?

— Да такъ: Гаинка твоя вдовою буде, а въ мене Мыкыта такый, що давно вже треба бъ оженыты ёго та прыставыты до хазяйства. Бо бачу, що покы не оженю, то зъ ёго путтяне буде. А надто—се вже я знаю,—що винъ и до Гаинкы прыхыльный... Отъ бы мы тоди вдвохъ дилá робылы!..

Остапъ подумавъ...

— Треба пидождаты суду.

— А заведено! Дакъ выходыть—такъ?

— Нехай буде й такъ.

— Чудесна штука буде! Оцёго тилькы боюсь: що якъ вона та схоче за имъ слидкомъ иты?

— Ну, то дурныця!—видказавъ Остапъ.—Я не попущу.

— А якъ же ты не попустышъ, колы вона пиде до тыхъ судейськыхъ та й сама скаже?

— Гляды, що й зробыть, бо такъ любыть канальська молодыця того свого мудрагеля, що бида. Ну, та дарма! Я сёму лыхови запобижу. Визьму іи жыты до себе та й не пускатыму никуды.

— И пречудесна штука!.. Глядить же, свате,—нехай ваше слово крипке буде!

— Буде, свате, крипке.

— А своси... покы ничого не кажить... А то знаете—жинота ся... Якъ бы не попсувалы справы...

— Гараздъ!..

И нови сваты розійшлыся, ради зъ самыхъ себе.

Другого дни писля того, якъ Гаинка ходыла въ городъ, Остапъ увійшовъ у хату до Сывашивъ.

— Здорови! зъ вивторкомъ!

— Здорови, свате!—видказала Параска, а Гаинка ледви озвалася, сыдючы на полу.

— Що се ты, Гаинко,—хвора, чы що?

— Таке вже наше здоровле!—видказала за неи стара.—Онъ учора ходыла въ городъ, хотила побачыты Зинька, дакъ не пущено... Сидайте бо въ насъ!

— Не пущено, кажете? Гм... Ни, я не сидатыму, бо на часынку зайшовъ. Дакъ чому жъ не пущено?

— Кажуть ти ироды, що якъ прызнается, що Грыцька вбывъ, дакъ тоди пустють.

— Гм... такъ... А я по тебе, Гаинко, прыйшовъ: иды до насъ,—маты тебе клыче.

— Не пиду я теперъ.

— Иды, бо дуже треба!

Узявъ за руку та й звивъ зъ полу, якъ малу дытыну.

— Убирайсь!

— Та може бъ вы іи, свате, теперъ не займалы?—прохала Параска.

— Не можно... Треба дуже. Ну, вже убралась? Ходимъ!.. Бувайте здорови!

Винъ повивъ іи зъ хаты за руку.

II.

У тюрми.

Маленьки виконця темряви зъ зализнымы кгратамы, попускани въ товстелезныхъ мурахъ. За тымы кгратамы блакитне небо мусыть буты, але ёго звидсиля не выдко: просто виконець други таки жъ саме товсти й понури муры. Навить соняшный проминь мовъ боится тыхъ кгратъ и зазырае сюды на одну тилькы часыночку—тоди, якъ сонце вже высоко-высоко пидибъется вгору. Тоди золотый ёго пáрусъ упаде помижъ двома мурамы, несмиливо зазырне кризь кграты, ледви всмихнется до тыхъ блидыхъ облыччивъ и, злякавшысь, тикае швыдче назадъ изъ ціеи темныци—туды середъ безмежни просторы блакытно-осяйного вильного неба.

Тутъ не небо, тутъ нызька запылена, задымлена чорна стеля, тутъ, брудни видъ усякои гыдоты, важки вохки стины, а въ ихъ маленьки дирочкы зъ кграткамы. А въ тій камъяній труни сири постати зъ сирымы, безъ сонця поблидлымы, облыччамы. Яки лежать на велыкому гуртовому полу середъ брудного хламúття, яки сыдять тамъ, гуляючы въ карты, яки сновыкгають безъ ніякои меты по куткахъ.

Се—злочынци.

Середъ ихъ Зинько.

Якъ бы ёму хто сказавъ колы давнише, що винъ буде тутъ,— якымъ бы винъ брехуномъ ёго назвавъ! А отъ же сталося!..

Теперъ винъ спокійнишый, тыхшый, але перши дни... ёму навить згадуваты ихъ страшно.

Ци зъязани рукы, ця ганьба передъ усіею громадою... Гаинка... поглядъ іи божевильно-безнадійный... рукы до ёго про-

стягае... Потимъ тяганына по поліціяхъ... и нарешти—ся темныця.

До блакытного неба безкраёго, до зеленого поля шырокого, до лисивъ холодкува́тыхъ, до садкивъ квитущыхъ запашныхъ винъ извыкъ, а теперъ тилькы муры товсти холодни, тилькы кграты зализни, тилькы тяжкый сморидъ гнылои тюрмы!..

А люде... Боже!..

Онъ той высокый, зъ здоровенными дужымы рукамы, зъ велыкою чорною бородою,—винъ же двохъ людей убывъ, щобъ пограбуваты ихъ!.. Сей билявый парубокъ зъ маленькымы ще вусамы задавывъ свою дытыну видъ дивчыны... Сей онъ пидпалывъ село... Отой дидъ старый, пъянымъ бувшы, пробывъ своему сусиди колякою голову, що той и вмеръ... Цей знову щось страшне зробывъ...—и такъ коженъ!..

И винъ, Зинько, середъ ихъ, невынный, а нихто ёму навить и виры не йме, що винъ не вынненъ, тилькы сміются зъ ёго... И ёго дожыдае така жъ кара, якъ и ихъ!.. За що? Де жъ та правда, колы можно караты чоловика за нищо? колы однаково терпитыме и отой чорный, що, сміючысь, росказуе, якъ винъ сокырою розрубавъ голову, и винъ, Зинько, що хотивъ тилькы одного: щобъ людямъ було краще, хотивъ добра людямъ!.. Безъ ніякого доводу ёго обвыновачено въ страшному злочынстви, зганьблено, закынуто въ тюрму, судытымуть и каратымуть ёго! На́ що жъ тоди ввесь цей ладъ на́ свити, ввесь цей порядокъ, колы черезъ ёго можно караты, мордуваты невынныхъ? Адже Зинько знае, що не зъ самымъ имъ такъ бувало,—винъ про се и чувъ, и чытавъ. А колы такъ, то навищо людямъ ци вси суды, ци вси начальныкы? Чы не краще було бъ, якъ бы цёго ничого не заводыты, якъ бы люде сами соби жылы, громадою ладъ и судъ давалы?

Громадою! А яка жъ и громада, якъ не така жъ? Чы вона жъ ёго, неповынного, обороныла? Ба ни, хыба ще глыбше втоптала въ се багно!.. Чы вона по правди громадськымъ справамъ ладъ давала? Ба ни—Денысы, Рябченкы, Сучкы—отъ кому середъ неи вильно й ласо жывется, а чоловикови чесному та вбогому—ни!..

Нема й у громады правды!.. А де жъ? Де?.. Може не середъ людей, може въ Бога? Такъ уси кажуть... Але жъ Богъ бачыть, якъ у громади неправедни люде, глытаи, панують,—чомъ же ихъ не зупынено? Адже Зинько невынный,—чомъ же сёго не выявлено? Чомъ?..

И страшни думкы вставалы въ Зиньковій голови... Винъ жахався ихъ, винъ прогонывъ ихъ одъ себе, а воны обнималы ёго все дужче й дужче, а воны пеклы ёго, палылы, що ажъ розумъ ёму туманивъ, що ажъ óбморокъ ёго бравъ.

Нема правды въ свити, а колы вона часомъ де й озвется, то тамъ ій рота затуляють, тамъ іи згничують, затоптують, выныщують.

И *нихто* не зробывъ такъ, щобъ вона подужала. А тымъ часомъ йе жъ така сыла, що могла бъ се вчыныты? Чы и въ тіеи сылы правды нема? Чы тіеи й сылы нема? Дакъ навищо жъ тоди й люде жывуть, родются, сміются й плачуть, борются и вмирають? Навищо?

Видповиди не було, а голова розскакувалась одъ божевильныхъ думокъ.

Не знаты що сталось бы зъ имъ черезъ си думкы, якъ бы ихъ не розбывалы на якый часъ оти допыты въ слидчого, де винъ повыненъ бувъ боронытыся, та жыття зъ людьмы, зъ якымы мусывъ пробувáты въ одній хати. Найбильшъ оци люде...

Винъ спершу й боявся ихъ, и гыдувавъ имы. Воны здавалыся ёму людьмы одминнымы видъ ёго самого, цилкомъ одминнымы, бо се булы злочынци, лыходіи. Ёму здавалося, що звычайни люде—то по одынъ бикъ, а злочынци—то по другой, що въ звычайныхъ людей усе такъ якъ и треба въ людей, а въ злочынцивъ усе инакше: и правда въ ихъ не така, и хочуть воны не того, що вси люде, та й уся въ ихъ душа не така, а гирша—лыха, темна, ворожа. Зъ такымы думкамы прыйшовъ Зинько до тюрмы, а якъ побачывъ си облычча, позначени острожною неволею, а часомъ и грихомъ, якъ уздривъ ту одежу, завсигды ёму страшну, то мовъ ище выразнише почувъ, що си люде—зовсимъ не те, що винъ, и не можуть буты тымъ. Кровъ у ихъ на ру-

кахъ, кровъ и на души. И булы воны ёму страшни. А ще гирши сталыся писля однiеи подiи. Ото тилькы вкынуто ёго въ сю пивтемну камъяну яму, ще не встыгъ винъ добре й розглянутысь, а вже ёго звидусиль оточено. Роздывлялыся на ёго зацикавлени, роспытувалыся якъ звуть, звидкы, за що потрапывъ сюды.

— За нищо потрапывъ,—одказавъ Зинько.—Хтось убывъ чоловика, а мене вынного зроблено.

— Овва! А ты хыба ёго не вбывавъ?

— Якъ бы я ёго вбывавъ, то не казавъ бы, що не вынenъ!— одмовывъ палко Зи́нько.

— Фю-фю!—засвыстивъ чорный рештантъ.—Коженъ, братику передъ слидствувателемъ каже, що винъ не вынenъ, бо никому не хочется на Сибиръ мандруваты, а тутъ инша ричъ. Мы се дило добре знаемо—насъ не одурышъ.

— Я й не думаю васъ дурыты.

— Отъ штукарь!—казавъ той такы рештантъ изъ велыкою чорною бородою,—я ажъ двомъ сокырою головы росколовъ та й то не ховаюся, а винъ одного прыдавывъ, та вже й злякався. Ха-ха-ха!

Чорный рештантъ зареготався, за имъ ище де-хто. Зинько сыдивъ то червоный, то билый якъ крейда. Винъ бачывъ, що не вневныть сихъ людей, що деремни будуть уси ёго слова: звыкшы самы брехаты й ховатыся зъ своимы ще невыкрытымы злочынствамы, воны й иншому не нялы виры. Зинько замовкъ, але вси ци люде сталы теперъ ёму таки огыдни!..

Винъ жывъ середъ ихъ тыхо, ни зъ кымъ не сварывся, та ни зъ кымъ и не ладнавъ. Що правда,—воны ёго не займалы. Винъ зъ того бувъ радый вельмы, сыдивъ соби въ темному куточку та думавъ свои тяжки думкы... А рештанты жылы своимъ жыттемъ: гулялы въ карты и часто за ихъ лаялысь, а то й былысь, оповидалы одынъ одному про свои прыгоды, добувалы десь тютюну й горилкы и часомъ бувалы пьяни. Якось трапылося, що одынъ рештантъ програвъ другому въ карты пивкварты. Добулы іи и постановылы выпыты гуртомъ—усимъ тимъ, що гулялы того разу въ карты. Середъ ихъ бувъ и Оныськo—той молоденькый биля-

вый хлопець зъ сирымы очыма, що задавывъ дытыну. Выпывшы винъ дви чаркы, трохы спъянивъ и сыдивъ похнюпывшысь, спустывшы вныз рукы.

— Чого розманижывся?—штовхнувъ его рештантъ, що сыдивъ биля его.—Эхъ, ты! пыты не вміешъ!.. Уже й пъяный!

— Я не пъяный...—озвався якымсь плачущымъ голосомъ парубокъ.

— Ну, а чого жъ ты росквасывъ губы?

— Сумно...—видказавъ тымъ самымъ голосомъ парубокъ.

— Сумно! Ха-ха-ха!—зареготалыся пъяни рештанты.—До мамы схотивъ? Чуешъ?

И воны почалы его смыкаты, штовхаты.

— Одчепиться!.. Душа моя не терпыть... Ой важко мени!... Ой тяжко!..

Винъ обхопывъ себе рукамы за голову и хытавъ нею, прыказуючы:

— Ой горечко жъ мени!.. Ой лышенько жъ мое!.. Ой шо жъ мени робыты?.. А воно жъ озывается!.. А воно жъ озывается!..

— Щó озывается, ты, рюмсало?

— Воно... якъ янголяточко... А я жъ его задавывъ... А я жъ... Ой, Боже!..

— Дакъ на що жъ ты его давывъ, слынявый? Колы вже нарядылы зъ дивкою дытыну, дакъ и нехай буде дытына, а то ще давыты!—казавъ той палій, що пидпалывъ село.

— Та хыба жъ я хотивъ?.. Та я жъ и не думавъ того робыты... та я жъ...—парубокъ уже плутавъ, хлыпаючы.

— Та чомъ же ты іи не взявъ?—пытавъ палій.

Парубокъ ще разъ хлыпнувъ, помовчавъ, а тоди видказавъ:

— Я бъ іи й узявъ... Колы жъ вона наймычка та така вбога, що въ ихъ не хата, а хливъ... а мій батько багатырь на все село. Каже мени: и въ голову соби того не клады, щобъ Хымку свататы. Николы того не буде. А мій батько такый, що якъ що сказавъ, то такъ уже й е. Я й знавъ, що батько не дозволыть свататы, а все ходывъ... усе ходывъ... бо такъ и порывá... Ну, а то разъ я на баштани бувъ... баштанъ стеригъ..

Прыбигае вона до мене: «Ой, Оныську, прыйшла по мене смерть!»—Чого ты?—«Утекла зъ дому, бо тамъ мене вбъють, якъ побачуть». А въ неи батько такый лютый, що якъ роспалытся, то й чоловика вбъе, а мачуха ще ёго й пиддрочуе... Ну, тамъ у курини й народылася дытынка... Взяла ёго Хымка, положыла до себе на колина, загорнула въ попереднықъ. Лежыть воно, пхыкае, пыщыть зъ холоду, а мы надъ имъ плачемо. Знаемо обое, що не можно Хымци зъ имъ до-дому прыйты. «Я,—каже вона,—пиду въ городъ».—Якъ же ты пидешъ туды безъ пашпорта? та й хто жъ тебе визьме зъ дытыною?—Якъ почала жъ вона тужыты, якъ почала!.. Дакъ у мене такъ серце й крается!.. А дали якъ почала мене клясты!.. И жаль мени іи, и вже чую, що й мене за серце вхопыло.—Цыть,—кажу,—не клены! Хыба мени самому легко?—А вона: «Та ты жъ уставъ та й пишовъ, та взявъ соби другу та й жытымешъ изъ нею викъ свій у добри та въ щасти!.. А я жъ пиду зъ имъ по-пидъ тынню!.. Та мени жъ черезъ ёго тилькы зъ мосту та въ воду!.. Та бодай бы тоби сонце праведне не свитыло, якъ ты мене занапастывъ!.. Я тебе просыла, я тебе благала, щобъ ты пожаливъ мене!.. А тыжъ не послухавъ!.. Теперъ беры ёго та робы зъ имъ що хочешъ!..» Та взяла тую дытынку та й положыла мени на колина, а сама все свое!.. Ухопыло мене за серце, обняло мене вогнемъ,—якъ ухоплю я ту дытыну, якъ струсону нею:—Черезъ тебе,—кажу,—прокляте, все це сталося! Та й кынувъ ёго до неи знову... А воно... бидненьке... и не... не пыснуло... и прытыхло... Сыдымо, мовчымо вже, а воно лежыть... и не ворухнется... Хымка до ёго: «Ой, Боже жъ! дытына нежыва!..» Та тоди знову у плачъ!.. Се жъ якъ я ёго струсонувъ, то й духъ изъ ёго вытрусывъ... Сыдымо надъ имъ та тужымо... Тужылы-тужылы—трохы не до свиту... а тоди... закопалы ёго... Отъ такъ... Отъ и все...

— Ну, а якъ же довидалысь?

— Собакы выгреблы та й вытяглы... Ой, Боже мій!.. Боже мій!.. оце спаты ляжу, а воно мовъ коло мене тутъ пыщыть... пыщыть!..

И парубокъ изнову почавъ хлыпаты, а ёго велыки сири очи зайшлыся слёзамы. Рештанты вси прытыхлы, не озывалыся. Вразъ чорный гукнувъ сердыто:

— Чортъ батька зна що! Слухають того плаксія!.. Пысцить! пысцить!.. Плюньте вы на ёго!.. Допываймо що йе!

И покынувшы парубка, взялыся знову до горилкы.

Але зъ того часу чорный и просвитку не дававъ Оныськови. Тилькы зўздривъ, що той сивъ самъ соби въ куточку або просто замовкъ, ничого не говорыть,—заразъ почынавъ:

— А що? вже пыщыть? Га? Пыщыть?

У безщасного видъ того нагадування все облычче якось бгалося, стыскалося въ одынъ выразъ страшнои пекучои мукы, сири очы туманилы... А чорный, не зважаючы на те, знущався:

— Прыдавы ёго дужче, щобъ не пыщало!

Оныська стыскавъ зубы та ажъ вывся зъ болю.

Де-хто зъ рештантивъ иноди казавъ:

— Та ну бо годи! Чого ты прычепывся до ёго?

Здебильшого жъ не зважалы на те. Чорного вси боялыся.

Одного разу, пидъ часъ такого мордування, Зинько вже не стерпивъ бильше. Винъ пидійшовъ до чорного и промовывъ тремтячымъ голосомъ:

— Не кажы ёму цёго!

— А тоби яке дило? Ты шо за панъ?—вызвирывся той.

— Таке мени дило, що ты ёго мучышъ. Отъ же не мучъ!..

— Чы ба, якый мылостывый!—зареготався чорный.—Плювать мени на тебе! Хочу казаты й казатыму!

— Ни, не казатымешъ!..—Зинько почувавъ, що голову въ ёго мовъ огнемъ обнимае.

— А шо жъ ты мени зробышъ, якъ казатыму?—глузлыво пытавъ чорный.

— Зроблю, що тоби зацинытъ!

— А покы те буде, дакъ я зъ твоеи морды зроблю настоящого патрета! Бачышъ?—И винъ пхнувъ ёму пидъ нисъ свого здоровенного кулака.—Нюхай!

Рештанты прытыхлы, вси облычча повернулыся до Зинька й чорного. Сей бувъ такый здоровый, що Зинько здавався передъ имъ трохы не хлопчыкомъ. Выдко було вже й заразъ, хто подужае, колы прыйде до бійкы.

— Геть зъ кулакомъ!—промовывъ Зинько голосомъ, що дзвенивъ и тремтивъ, якъ струна.

— Нюхай!—и чорный штовхнувъ ёго кулакомъ у зубы.

Ще одна мыть, и Зинько видштовхнувъ бы видъ себе нахабного, и тоди мусыла бъ початыся бійка. Але вразъ чыясь дужа рука дала такого штурханця чорному, що той ажъ поточывся й одскочывъ на бикъ. Передъ имъ стоявъ палій.

— Ты чого штовхаешся?—крыкнувъ чорный, кыдаючысь до ёго зъ кулакамы. Але ще не встыгъ и вдарыты до пуття, а вже самъ здобувся такого стусана по вуху, що голова ёму видразу схытнулася на бикъ, и самъ винъ, поточывшыся, за малымъ не впавъ на пилъ. Розлютованый, скаженіючы, ухопывъ винъ важку кавратку, що нею рештанты пылы воду, и кынувся знову до палія. Але ту жъ мыть килькы рештантивъ вчепылось за ёго ззаду, не пускаючы.

— Пустить мене! пустить!..—пручався винъ у ихъ у рукахъ.—Пустить, я ёму голову розвалю!.. Гетьте!..

— А ну, розвалы!—казавъ палій, стоючы зважлыво и ладе́нъ що-хвылыны збыты знову чорного до-долу, хочъ и самъ бувъ блидый, якъ крейда.—Або я тоби твою пельку заткну, щобъ ты бильше не въязъ до хлопця.

Тымъ часомъ рештанты видняли въ чорного кавратку и, хочъ винъ пручався, одвелы ёго й посадылы геть дали въ кутку. Помалу все затыхло.

Чорный зъ того часу зненавыдивъ и Зинька и хлопця й палія, але не займавъ уже никого: почувавъ, що тамъ бильша сыла. А Зинько того жъ вечора розговорывся зъ паліемъ, и той по щыросты розсказавъ ёму про свою прыгоду. Вона не здалася Зинькови дывною и була дуже проста.

Давыдови (такъ ёго звалы) було тилькы девъять рокивъ, якъ ёго батько вмеръ, а за имъ незабаромъ и маты. Ихъ було тилькы

двое, братъ та сестра,—обохъ ихъ громадськи опекуны порозда-валы по наймахъ. У батькивську хату пустылы якогось чоловика, а землю виддалы другому. Якъ парубокъ, вырисшы, схотивъ оже-нытыся и домагався свого добра, то мигъ вернуты соби сами голи пооблупувани стины батьковои хаты. Уся худоба десь ро-стеклася, а той чоловикъ, що колысь узявъ ёго землю, теперъ іи не виддававъ. Почалыся позвы, судова тяганына. Давыдивъ крывдныкъ напувавъ сильськихъ суддивъ горилкою, дававъ де треба хабаривъ, и тіи судди скрутылы всю справу. Позывався-позывався Давыдъ та, зневирывшыся зовсимъ, що зможе вернуты свое добро, вы-лаявъ старшыну й суддивъ; старшына кынувся ёго быты, а Да-выдъ, обороняючыся, вдарывъ ёго. За се винъ одсыдивъ зъ рикъ у тюрми. Выйшовшы зъ неи, не вернувся до-дому, блукавъ по заробиткахъ, ажъ покы одного разу сталося такъ, що ёму не выслано зъ волости пашпорту. Яко безпашпортного, ёго «по этапу» одведено до-дому й прыведено туды рештантомъ. Выявы-лося, що въ волости старшына (давній ворогъ Давыдивъ) удвохъ изъ пысаремъ завелы таки порядкы, що хто не прышле имъ трёхъ карбованцивъ хабаря, дакъ тому не посылають пашпорта. А що Давыдъ тыхъ трёхъ карбованцивъ не прыславъ, то за те мусывъ проходытыся до-дому. Винъ знову вылаявъ старшыну, а той ёго знову побывъ и замкнувъ до холоднои. Втикшы зъ неи вночи, Давыдъ пидпалывъ старшыну, а за имъ згорило й ище багато хатъ...

— Теперъ я пропавъ навикы!—казавъ Давыдъ.—Зашлють на Сибиръ та й годи,—запакують! Якъ бы теперъ, то я бъ уже ёго й не палывъ—нехай ёму лыхо! А тоди, дакъ такъ мене за серце вхопыло, що й не тямывъ ничого. Бачу, якъ за старшы-ною ще людськи хаты займаются, та й не жалко мени ихъ, ажъ радію: такъ вамъ и треба,—думаю соби,—попускаете крывдыты людей отакымъ глытаямъ—отъ же маете!.. Таке запекле серце тоди було. А теперъ жалко... Якъ изгадаю скилькохъ людей и хаты й худобы позбавлявъ, то такъ стане погано, що ажъ... Ви-рышъ, иноди вночи якъ здумаю, дакъ хочъ по вовчому вый та й годи!..

Давыдови Зинько розсказавъ усю прыгоду зъ собою,—доси винъ никому іи не оповидавъ. Сей ёму виры понявъ одразу:

— Дакъ се выходыть, що й зъ тобою таке зроблено, якъ зо мною!—сказавъ винъ.

Видъ ёго довидалыся про Зинькову справу й парубокъ Онысько, а тоди й дидъ Клочко—отой, що голову сусиди пробывъ. Сей тежъ ускочывъ у лыхо такъ, що й не схаменувся: напывшыся пъяный та й хéкнувъ колякою пó голови. Теперъ винъ усе зитхавъ та молывся вночи. За имы незабаромъ и вси рештанты зналы про Зинька. Бильша частына пяла ёму виры, инши мовчалы. Чорный лютувававъ, але не зачипавъ. За Зинька заразъ бы оступылыся и Давыдъ, и Онысько, и Клочко, може й ище хто.

Миркуючы Зинько теперъ про свои товарыши темнышни, трохы инакше вже гадавъ про ихъ. Теперъ си люде здавалыся ёму не съ такъ уже лыхымы, а бильше нещаслывымы. Бо й справди жъ! Ну, хочъ оцей Онысько: и самъ не хотивъ того, а зробывъ. Якъ бы винъ не бувъ такый роздратованый та трохы зручнише вхопывъ тую бидолашну дытыну, то й не було бъ ничого. Таке, якъ зъ Оныськомъ, то зъ усякымъ може трапытыся. А ще бильше може трапытыся таке, якъ зъ дидомъ Клочкомъ. Хыба мало по селахъ напываются пъяными та й бъю́тся, та ще й якъ. Побъются та й жыви зостаются, а сёму трапылось такъ, що вдарывъ незручно—и вбывъ чоловика. Хто пъе горилку, то тому й може се трапытыся,—а хыба ихъ багáто такыхъ, що не пъють? Та й Давыдъ... хочъ винъ и дуже погане дило зробывъ, село пидпалывъ,—дакъ же ёго прызведено до того! На що жъ ёго стилькы крывджено, що вже й терпець увирвався чоловикови? И пограбувалы, и въ тюрму закынулы, и по этапу тягалы, а тоди ще й пашпорту не дають! Чоловикови жъ треба щось йисты, треба десь заробыты, а ёму не дають змогы й заробыты. Звисно, чоловикови й паморокы забъе зъ такого горя... Отъ и сталося!.. И якъ бы такъ добре розибраты черезъ що той та сей злочынець свое лыхе дило зробывъ, то може бъ и за кожного щось можно бъ сказаты... Говоримо на вовка, та скажимо й за вовка!..

И згадався Зиньковои ще одынъ злочынець—ёго братъ ридный Романъ. Доси про ёго Зинько тутъ не згадувавъ якось... а теперъ згадавъ... Погано робывъ Романъ, а отъ же самъ Романъ не такый уже поганый бувъ... Покы винъ дома жывъ, то бувъ гарный и робочый парубокъ, а якъ пишовъ зъ дому та побувъ середъ поганыхъ людей, то й схытнувся... А тутъ ище Денысъ па́лу додававъ... Якъ бы Романъ не потрапывъ середъ лыхыхъ людей... Эге! Якъ бы жъ то тыхъ лыхыхъ людей не було!.. та ще щобъ и Денысивъ такыхъ не було!.. Тоди бувъ бы зъ Романа чоловикъ, а теперъ... Се винъ, Зинько, теперъ дуже добре розуміе, а хто не знае сёго та гляне на Романа, то здастся, що той самъ тилькы й вьиненъ. А воно до всёго треба додывлятыся: черезъ що воно са́ме такъ изробылося?

Отъ хочь и про сихъ людей: черезъ що воны такымы поставалы? Ся думка все муляла Зинька, винъ такъ и инакъ, на вси бокы, про се думавъ. И не мигъ ничого иншого выгадаты, тилькы те, що отъ дидъ Клочко пропавъ черезъ горилку—се заразъ выдко. И багато-багато людей черезъ горилку пропадають: и добро свое занапащають, и тило, и душу. Треба, щобъ люде не пылы горилкы, то тоди сёго й не буде. Ну, и про Давыда, то можно розибраты черезъ що винъ загынувъ: черезъ громадську крывду. Треба, щобъ крывды сіеи не було, щобъ усе по правди робылося. Се такъ... А вже отъ Оныcько, то се така справа, що не легенько росплутаты іи. Мабуть такъ треба думаты, що се черезъ мачуху: якъ бы вона не така люта була, то Хымка не пишла бъ зъ дытыною до Оныська и ничого того не сталося бъ... Ни, не выходыть: бувае такъ, що занапащають дитей и безъ мачухъ... Тутъ найголовниша штука, що батько Оныськивъ черезъ свое багатство та не хотивъ убогои невисткы взяты. Зновъ такы оте багатство й тутъ нашкодыло... А бувае жъ такъ, що й не черезъ багатство не хочуть якои дивкы за невистку—отъ, нелюба та й годи!.. Або й самъ парубокъ одкынется видъ дивчыны, а вона й занапастыть дытыну—зъ сорома. Онъ воно що: зъ сорома́ се робытся. Тилькы черезъ що жъ се такъ, що парубкови можно гришыты и нихто ёго за те не карае, а дивчыну вси такъ гань-

бують, що вона ладна́ й дытыну втопыты, и самій утопытыся? Се не по правди! Якъ бы й парубкивъ такъ ганьбувалы, то воны бъ не видкыдалыся такъ легко видъ дивчатъ,—не було бъ и ніякого лыха. Выходыть, що тутъ вынна *неоднакова* правда: до дивчыны така, а до парубка инша. А треба такъ: чого не можно дивчыны, того не можно й парубкови, бо правда про всихъ мусыть буты однакова.

Эге, треба, щобъ правда була однакова про всихъ... треба, щобъ громадськои крывды не було... треба, щобъ люде горилкы не пылы... Усе треба, усе треба, а якъ же ёго зробыты, щобъ тому требови догодыты? Се якъ бы вси люде прысталы на те, що такъ краще жыты—безъ горилкы, безъ крывды, то тоди бъ усе добре було. Такъ же люде того не розуміють, а колы й прыстають до сіеи думкы, то потроху.

Та такы жъ прыстають! Якъ розберуть добре въ голови та якъ своимы очыма побачуть, що такъ липпе, то й прыстають. Выходыть,—треба людей до того нахыляты—и напра́вою, и диламы. А хто жъ те робытыме? Та мабуть коженъ, хто розуміе, що сёго треба. То й винъ, Зинько...

Та чы може жъ винъ багато зробыты? Людей така сыла, а винъ самъ. Якъ то самъ? Отъ уже въ ёго йе товарыство... воно бильшатыме, ростыме... коженъ зъ ихъ прыхылятыме ще людей,—ажъ покы все село займуть... А за однымъ селомъ—ще се́ла, а за се́ламы й дали... И передъ Зиньковою душею ставало инше жыття: таке, де вси люде будуть тверези, працёвыты, розумни, пысьменни... уси погани порядкы попереминяють на кращи и жытымуть такъ, якъ у Евангеліи сказано, щобъ свого блыжнёго якъ самого себе любыты... Тоди не буде того лыха, тоди си бездольни люде не сыдитымуть у тюрми, и винъ, Зинько...

Ой Боже, Боже, Боже!.. Винъ намиряется людей прыхыляты, товарыство збыраты, а самъ у неволи, въ тюрми, въ розлуци зъ людьмы, въ розлуци зъ тымы, хто ёму найдорожчый за всихъ на свити!.. Маты!.. Ганнка!.. Що зъ имы діется? якъ воны жывуть, бидолашни? Та нема жъ кому имъ пособыты, та нема жъ кому ихъ обороныты!.. А люде жъ лыхи, нерозумни,—воны ще й

знущатымуться зъ ихъ, безоборонныхъ! Чоловикъ твій душогубъ! сынъ твій душогубъ!—отъ що казатымуть имъ люде, а въ безщасныхъ ажъ душа вмиратыме видъ того слова. И за що жъ це все? Яке право було въ цихъ людей: у Копаныци, въ Рябченка, въ слидчого—зламаты, знивечыты такъ ёму и всимъ имъ жыття? О, прокляти, прокляти крывдныкы!.. И страшне обуриння, лютисть обнимала Зинька на цихъ людей, така лютисть, що винъ, здается, заразъ бы пишовъ и помстывся надъ имы, зробывъ бы имъ щось!..

Але трохы заспокоившыся, почынавъ думаты инакше: помстывся! Зробывъ бы людямъ зло та й годи, а ничого не направывъ бы. А давно винъ думавъ, що треба прыхыляты людей до добра, до правды и словомъ, и диломъ... якымъ же диломъ? Хыба злымъ?

И винъ знову почынавъ жывыты въ соби ти думкы, щобъ людей до жыття доброго доводыты. Оце буде робота, Богови вгодна, а не помста! Оцимъ людська душа спасется! И винъ почынавъ молытыся, благаючы, щобъ Богъ пославъ ёму сылы видбуты се лыхо, и прысягався палко й щыро: дбаты, якъ выйде зъ тюрмы, щобъ правда шырылась середъ людей, дбаты про це що-дня, завсигды, дбаты такъ, якъ люде дбають про свои диты, про свое хазяйство!..

Такъ, дбатыме... тоди якъ выйде зъ тюрмы...

Чы выйде жъ?

Ніякои полегкосты, ніякои й малесенькои надіечкы доси нема! Слидчый мордуе ёго допытамы та лае, що не прызнаётся. Тилькы й йе надія на судъ, що той по правди все розбере и вызволыть ёго... А якъ же й судъ—ни? И винъ задзвоныть кайданамы и пиде туды, на Сибиръ!...

Страшный холодъ проймавъ Зинькови душу, несыла обнимала ёго, стыскала, до земли хылыла... Не мигъ часомъ ворухнутыся, лежучы на брудному полу ныць... Ни йисты, ни пыты... На людей якъ бы не дывытыся, не чуты ихъ... Умерты, отакъ лежучы, щобъ не болило...

Але не вмиравъ... Тилькы безнадія холодна зазырала ёму въ душу своимы сирозеленымы очыма, нерухомымы, мовъ скляными.. и дывылась на ёго душу, и дывылась, а душа въяла, сохла...

Хочъ бы хто ходывъ до ёго, одвидувавъ!.. А то мовъ повмиралы вси!.. Ни маты, ни Гаинка, ни товарыши!.. Невже жъ воны забулы за ёго, що не прыйдуть?!..

Ни, ни! не забулы. Се щось не такъ, се або ихъ не пускають, або воны хвори. Боже, Боже! Хто жъ имъ пособыть, хто жъ ихъ догляне? Може ихъ уже й на свити нема?

Тяжки безнадійни думкы мишалыся зъ згадкамы про мынуле, про любыхъ, серцеви дорогыхъ, людей. Мовъ намалёване ставало передъ имъ жыття на воли. Заплющувавъ очи и бачывъ самъ себе середъ поля шырокого. Весело та дружно йдуть волы дужи, глыбоко плугъ лемишамы впывается въ чорную землю, за скыбою скыба лягае, а Зинько йде за плугомъ, рукы на чепигахъ и радисно ёму роскрываты землянее лоно, щобъ кынуты въ ёго золотее зёрно... Кыдае, сіе, и отъ уже сходы зеленіють, отъ пидбываются вгору, колосъ выкыдають... красуется колосъ и видкрасуется и похылытся важкою повнозернистою головою до-долу... Дзвеныть коса, покисъ лягае...

— Гаинко! не оставайсь!—сміючысь гукае Зинько.

— Зйньку! швыдче, а то за ногы піймаю!—видгукуе Гаинка, поспишаючыся вьязаты зъ усіеи сылы.

Спынывся винъ косу погострыты, глянувъ позадъ себе: сами снопы лежать на постати, нема не повъязаного, а Гаинка стоить и втырае рукавомъ питъ изъ чола... Облычче загорило, почервонило, сорочка пыломъ прыпала, и той пылъ зостается въ Гаинкы на лоби. Помалёване облычче стае чудне, але таке воно любе таке гарне Зинькови!.. Ой щыра жъ та гарна робитныця зъ ёго маленькои Гаинкы!..

Ничъ прыйша, зори замыгтилы... Вечеря варытся въ казанку... Маты дрова пидкыдае, Гаинка стоить уся червона видъ огняного свиту... Якъ йистся смашно писля тяжкои роботы, а ще смашнише спытся пидъ зорявымъ небомъ променыстымъ на снопахъ запашныхъ!.. Спыть винъ и кризь сонъ чуе, якъ іи головонька спочывае въ ёго на плечи...

И тяжко робыты, та й солодко—зробывшы!.. Прыйде недиля, дакъ справди свято и весело выйты въ той садокъ, своимы ру-

камы саджeнный, полываный, глянуты на свою роботу, глянуты на село пидъ тыхымы вербамы задуманымы... Або зъ Гаинкою вдвохъ на тій пасици опынытыся, де сонечко золотомъ сыпле и бджолы золоти гудуть и пахощамы віе и квитомъ процвитае, а вона, Гаинка,—найкращый квитъ надъ квиты,—стоить уся въ золотому проминни и сміется, мовъ дзвоныкы срибни дзвонють:

— А не піймаешъ!..

Та такы жъ піймавъ!.. Удвохъ идуть до-дому, а дома вже товарыство вирне дожыдае—на любу розмову, на науку зійшлося, на пораду про справы громадськи...

А Гаинка побигла садкомъ до ричкы по воду и чуты, якъ спивае... ажъ до хаты лыне та любая писня, и не сыдытся въ хати, выскочывъ бы туды въ садокъ и дыхавъ бы пахощамы солодкымы, дывывся бъ на небо, якъ воно зорямы променіе...

И кынется винъ, схопытся, а передъ имъ холодный муръ тисный, а кругъ ёго ничъ темна, ворожа... смородомъ задушлывои тюрмы гнытыть...

Крыкомъ бы крычавъ, головою объ той муръ бывся-бъ, ажъ покы розбывъ бы іи, щобъ ничого не знаты, не почуваты, не мучытысь...

Гаинко!.. мамо!.. де вы? На що вы покынулы ёго самого вмираты, гынуты въ сихъ гнитючыхъ мурахъ?..

III.

Темни дни.

Забравшы Остапъ Гаинку зъ Зиньковои хаты, ишовъ зъ нею помалу вулыцею, роспытуючыся про те, якъ вона ходыла въ городъ та що тамъ чула. Вона не дуже ёму видповидала, бо зновъ почувалася такою прыгниченою та знеможеною, якъ и попереду, ще до города. Вона навить не цикава була знаты чого са́ме іи маты клыкала, и забула про се, а йшла куды ведено.

Дома зустрила іи маты радіючы. Лыкера була соби людына тыха й добра, та дуже боязька, несмилыва. Черезъ те корылася

чоловикови въ усёму що винъ робывъ, чы велывъ. Найстарша зъ дитей Гаинка була въ неи едыною дочкою, и маты дуже іи любыла; любыла й зятя и зовсимъ не знала про нови чоловикови замиры. Видко́лы Зинька забрано, вона не одынъ разъ до Сывашивъ забигала, та не могла а ни развважыты дочку, а ни вмовыты, щобъ одвидала батькову хату. Тымъ израдила теперъ дуже, побачывшы Гаинку въ себе. Та радіючы й журылась, дывлючыся на сю людыну, що ходыла й розмовляла, мовъ сама не помичаючы того, мовъ не жывучы зовсимъ, або жывучы не тутъ, а десь, въ иншому краи пробуваючы. Завела дочку до себе въ кимнату, поплакала надъ іи й надъ своею недолею...

Тымъ часомъ Остапови чогось було трохы клопитно на души. Винъ трохы боявся жинкы. Хочъ вона й звыкла ёго слухатыся, та, бачъ, теперъ справа була така, що здорово вже іи зачипала... Дочку дуже любыть и до Зинька прыхыльна... Колы бъ якои шкоды не сталося!..

— Этъ, дурныця!—видказувавъ самъ соби Остапъ, вештаючысь по хазяйству.—Звелю, то й буде все якъ схочу! Треба ще Гаинчыну худобу перевезты до себе завтра... Ни, не завтра,—доведется ще трохы пидождаты зъ цимъ... ажъ покы судъ буде, а то репетуватымуть—и Сывашыха, та й такъ люде... Отъ, чортъ ёго й зна, якъ оце погано, що й на того зважай, и на сёго зважай! То зробывъ-бы якъ схотивъ, а то круты та мудруй то туды, то сюды! Чортъ-вить-що!

Остапъ бувъ сердытый. Останнимы часамы все ёго якось гнивало. Зъ батькомъ недавнечко посварывся за свою кумерцію та за отого жъ такы слынявого Зинька. Не подобается старому, що такъ Зинька занедбалы, не клопочутся про ёго, то що... Якъ же тамъ ище клопотаться? Колы не вынenъ, дакъ и выпустыть судъ, а колы вынenъ, дакъ самъ знавъ на́що робывъ: якъ заробывъ, такъ хай и видбувае. Дуже комусь треба того Зинька! Не туды вже закрывылося!.. И такъ того клопоту повна голова, а тутъ ище старый въязне! Зъ самою Горянського землею скилькы морокы. Воно, звисно, хлибъ сёго року вродывъ, дакъ же й подешевшавъ здорово: то личывъ Остапъ, що ӧнъ скилькы визьме,

а теперъ уже й геть менше. А тутъ лыхо за лыхомъ. Увъ Остаповому млыни та прорвало греблю,—довелося гатыты: то жъ десяткою не видбудешъ! А вчора зновъ: найкращый вилъ пропавъ! Такый выкоханый, доморослый!... Та ще хочъ бы якъ тамъ пропавъ, а то задавывся. Мабуть падлюшный Мыхайло такъ прывъязавъ ёго и не доглянувъ, що налыгачъ якось обкрутнувся кругъ шыи, та й задавылася товаряка. И попобывъ винъ Мыхайла, и прогнавъ ёго, грошей не виддавшы, дакъ хыба те поможе? Мыхайловыхъ грошей якыхъ тамъ дванадцять карбованцивъ, а вилъ такый, що за ёго й пъятдесятъ мало. Ну, проклятый нáридъ идольськый! Нема того, щобъ хазяйського добра доглянуты, а жерты або спаты, дакъ того имъ подай!.. До сёго торгу й пишкы!..

У двиръ убигъ наймытъ изъ батижкомъ.

— Ты чого се?—спытавъ Остапъ.

— Та бида, обламалысь!..

— Туды къ лыхій годыни!.. Де?

— У ярку.

— А бисового сына сыны, прокляти роззявы! Вы мени всю спасть позанапащаете, попереводыте!—гримавъ Остапъ.

Се винъ пославъ до свого млына пшеныцю, а воны везучы до-дому борошно, та й обламалыся! Покы тамъ наймытъ бравъ нове колесо, Остапъ самъ пишовъ подывытыся. Прыйшовъ,—туды къ нечыстій матери! Мало, що обламалыся, а ще бисови лежни такъ позавъязувалы мишкы зъ борошномъ, що якъ визъ похылывся набикъ, одынъ мишокъ скотывшыся розъязавсь, и мирка або й бильше пречыстого та прегарного борошна пшенышного въ калюжу пишла!.. Ну й давъ же винъ имъ!.. А до-дому вернувся такый лыхый та гнивный, що й не знать що робывъ бы!

Тилькы ввійшовъ у хату, ажъ Гаинка лагодытся йты.

— Куды се?

— До-дому.

— Не выгадуй! Зоставайся, бо вже теперъ у насъ жытымешъ.

Гаинка дывуючысь глянула на батька.

— Ну, чого вырячылась, якъ лысе теля на нови двери? Уже твій Зинько не вернется, то не будешъ же тамъ довику жыты,— однакъ же доведется переходыты до насъ. Ну, дакъ и зоставайсь!

— Я не хочу!.. Прощавайте!..

Вона пишла до дверей, але батько переняв іи, вхопывшы за руку.

— Якъ то не хочешъ, колы я тоби велю? Хыба я тоби не батько? Чого ты тамъ сыдытымешъ? Покынь про свого дурня й гадку! Жытымешъ у насъ, то кращого знайду.

— Ай, пустить мене!..

— Та ты чуешъ щó я тоби кажу? Зиньковн твоему вже áминь, на Сибиръ пиде,—отъ що!

— И я... туды, де Зинько...

— Тю, дурна!.. Кажуть тоби: не вытребенькуй, жывы въ насъ!

Вона пручалась у ёго въ рукахъ.

— Пустить, тату!.. пустить!..

— Не пущу!

— Пустить!..—вона вже крычала.

— Не крычы й не пручайсь!

— Остапе! та що бо ты робышъ? пусты іи!—прохала маты.

— Одчепысь, не въязны!—гарыкнувъ на неи Остапъ.—Я самъ знаю щó роблю... А ты й не думай утикаты, бо я тебе й за косы видтиля прытягну.

— Ай!—скрыкнула несамовыто Гаинка и рвонулася въ ёго зъ рукъ, але винъ такы іи вдéржавъ.

Двери зъ кимнаты видчынылыся, и высока постать зъ билымъ волоссемъ, зъ довгою билою бородою, стала на порози. Дидъ Дорошъ зырнувъ по хати. Гаинка былася въ рукахъ у батька, а іи маты, не сміючы ничого зробыты, тилькы хлыпала.

— Що се ты робышъ?—понуро спытавъ дидъ у сына.

— Зоставляю сю дурну жыты въ насъ, а вона тика.

— Дидусю! скрыкнула Гаинка,—рятуйте мене!.. Не хочу я тутъ!.. Розлучають мене зъ Зинькомъ...

— Пусты іи!—такъ саме понуро звеливъ Остапови дидъ.

— Не встрявайте, тату, не въ свое дило, видкаснится вы видъ мене! Колы дають вамъ хлибъ, дакъ йижте мовчкы, а не...

Дали Остапъ уже не мигъ ничого вымовыты. Дидова рука вхопыла ёго за горло, стыснула й видштовхнула такъ, що винъ ажъ поточывся, выпустывшы Гаинку. Та мыттю выскочыла зъ хаты.

Дидъ Дорошъ стоявъ увесь блидый, огнысти очи гризно блыщалы, рукы, стыснути въ кулакы, трусылыся.

— Ироде!—скрыкнувъ до Остапа.—Не мучъ дытыны!.. Не забувай, що я тоби батько! Запакувалы нещасного чоловика въ острогъ, а теперъ ище й зъ жинкою розлучае!.. За гришмы, за барышамы ничого не бачыте! Тилькы грошы гарбаты!.. Очи мои не хочуть на тебе дывытыся! Нема въ тебе Бога въ серци, саме здырство прокляте!.. Жеры жъ самъ, глытай, трискай!.. Я тоби не буду на перешкоди, пиду видъ тебе, бо нема вже въ мене мочи жыты зъ тобою!.. Пиду!.. Та тилькы жъ знай, що колы ты Гаинку займешъ або що проты Зинька коитымешъ то отъ прысягаюся тоби на цёму мисци, що вернуся до-дому и выжену тебе якъ пса, бо не забувай того, що *я* ще хазяинъ и, колы схочу, то й у двиръ тебе сюды не пущу!..

Дидъ стоявъ ще яку мыть, мовъ ище щось хотивъ сказаты, але не сказавъ ничого, вхопывъ зъ килка шапку и выйшовъ зъ хаты. Враженый зъ несподиванкы Остапъ мовчавъ остовпилый. Лыкера, прыхылывшысь до стинкы, тыхо плакала...

А дидъ Дорошъ тымъ часомъ уже йшовъ улыцею. Гнивъ ёго помалу втыхавъ, але роздратовани думкы куёвдылыся въ голови, выхоплюючысь иноди словамы:

— Отъ же не давъ дожыты вику спокійно!.. За що мене Господь покаравъ такымъ сыномъ? Невже я такый велыкогришныкъ? Мабуть се вже страшный судъ наблыжается, що деріи гору взялы. Траплялыся й попередъ сёго лыхи люде, та якось не таке вже здырство було. А теперъ за-для того барыша, дакъ и дытыны риднои не жаліе. Бачъ, ёму зять не до вподобы, що зъ имъ не хоче въ одынъ гужъ тягты, дакъ уже й зъ жинкою ёго розлучае. Це такого ще й не чуты було!.. Ни Бога не боится, ни людей не соромляется.

Дидъ доходывъ уже до Зиньковои хаты. Передъ дворомъ спынывся на хвылыну.

— Иты, чы не йты? Якъ увійду, то вже не вернуся въ свою хату... А вона жъ такы мени ридна!.. И хазяйство жъ, и все... та такъ и покынуты?.. Та хто ёго зна якъ ище й тутъ буде!.. Кажуть, що зять—не сынъ, а колы вже теперъ и диты таки, то...

Дидови стало жалко покыдаты тую хату, де винъ викъ извикувавъ, зъ старою своею въ злагади стилькы прожывъ, дитей повыкохувавъ; жалко стало того хазяйства, що винъ ёго своею працею надбавъ... Та подумавъ про Остапа, про повсякчасну незлагоду... та й махнувъ рукою.

— Що Богъ дасть!.. Зинько й Гаинка добри диты... Хыба стара?... Ну, та що Богъ дасть!..

Увійшовъ у хату. Гаинка, якъ була вдягнена, лежала на полу, а стара Параска щось клопоталася коло неи.

— Здорово булы!—промовывъ дидъ.

— Здорови!—одмовыла Параска.—Ой, свате, що се зъ Гаинкою зробылося? Прыйшла та якъ упала, то й слова не промовыть!..—бидкалася вона.

— Дыво, що не промовыть!—одказавъ дидъ.—Колы таке зъ нею батько выробляе!..

И винъ розсказавъ про всю подію.

— Оце лыхо! Се такого ще й не чувано!—скрыкнула Параска.—Де жъ такы: видъ жывого чоловика сыломицъ жинку видлучаты!

— Отъ же й таке ще почулы! Та дарма!.. Ты, внучко, не бійся! Покы я жывый,—не займе вже тебе батько, не визьме зъ сіеи хаты.

Винъ пидійшовъ до Гаинкы та й почавъ гладыты іи, якъ малу дытыну, по плечахъ, по облыччу своимы старымы поморщеными рукамы. Гаинка пидвелась, прыхылылася до ёго и видразу зарыдала въ голосъ... Плакала вперше, видко́лы розлучылася зъ Зинькомъ...

Дидъ сивъ биля неи и давъ ій плакаты до схочу. Плакала довго, тоди помалу-малу почала затыхаты, вже тилькы хлыпала, тилькы здригалося ій усе тило.

— Отъ и добре, що выплакалася!—казавъ дидъ, усе жалуючы іи.—Якъ выплачешся, то воно полекшае. Слёза змывае горе, меньшае ёго писля слёзы,—отъ воно й лекшае людыни. Плачъ, моя пташынко, плачъ скилькы хочешъ!..

И вона плакала, тилькы вже тыхымъ, спокійнымъ плачемъ. А дидъ тымъ часомъ говорывъ до старои Параскы:

— А що, свахо, я вамъ казатыму? Отъ вы спытайте мене, чого я до васъ прыйшовъ!

— Та чого бъ ни прыйшлы, то мы ради вамъ,—одказувала Параска.—Скажете.

— Ради! Ще, може, й надокучу, то й у потылыцю старого доведется выбываты,—жартувавъ дидъ, а Параска ажъ скрыкнула:

— Оце жъ такы, не дай, Боже!.. Що се вы кажете?

— Оте, що чуете!.. Бо я до васъ прыйшовъ не абы чого, а отъ чого: прыймить мене до себе въ прыймы!

— Якъ то—въ прыймы?—пытала, не розуміючы, Параска.

— Да такъ, бачыте: хазяина у васъ теперъ нема, то покы прыйде,—йе у васъ упáле мисце... дакъ вы мене на те впале мисце... Хочъ не за хазяина, дакъ хочъ за попыхача... Онъ що!.. Бо якъ правду сказаты, то я вже тамъ не выжыву... Або самому видъ сына питы, або ёго выгнаты, бо не можу я на все те дывытыся... Ну я́къ мени на старости литяхъ ёго выгоныты та бешкетъ робыты?.. Та винъ и не покается,—однаковый буде... То краще я втечу видъ лыха въ тыхшый захыстокъ... Ото жъ, колы хочете, дакъ нехай ся хата й буде мени захысткомъ!.. Га? Чы, може, не туды, а онъ куды?

— Та, Боже мій!.. та мы зъ дорогою душею!—зрадила Параска.

— А ты жъ, Гаинко, чому мовчышъ, ничого не кажешъ? Може, не хочешъ дида въ хату пустыты?

Гаинка знову прыгорнулася до дида, шепочучы:

— Дидусю... зоставайтесь!..

— Ну й гараздъ... спасыби вамъ!.. Буду въ васъ жыты... А якъ вернется Зинько, то и въ ёго просытымусь.

— Ой, дидусю! Чы вернется?..

— Мабуть ёму вже не вертатыся! - додала маты, втыраючы слёзы.

— Отъ и зарюмсалы!.. Отъ уже й не люблю!.. Ну, сказаты, се—мале, дурне, а мы жъ изъ вамы, свахо, такы, спасыби Богови, пожылы вже!.. Ни, теперъ новый порядокъ щобъ у насъ у хати завився: щобъ и думкы тіеи не було, що Зинько не вернется! Хыба вы не знаете, що Богъ бачыть неповынныхъ, то й верне ёго? Воно выкрыется хто се зробывъ,—шыло въ мишку не втаится!.. Хочъ не видразу, а такы немынуче выявытся! Та й самъ Зинько хлопець моторный,—винъ знае оборонытыся.

И дидъ усе казавъ двомъ зажуренымъ жинкамъ усяки слова розвагы й надіи, надіи хысткои, але тяжко жаданои змученымы душамы; розвагы може непевнои, але дорогои кожному засмученому серцеви. И воны впывалыся тымы словамы,—любымы, якъ вона крынычана погожа литнёго пекучого дня чоловикови, згагою знеможеному...

Другого жъ дни дидъ Остапъ забравъ де що свое зъ риднои хаты, попрощався зъ невисткою, зъ онукамы,—тилькы зъ сыномъ не схотивъ прощатыся,—утеръ нышкомъ слёзу зъ старыхъ очей, та й оселывся зовсимъ у Сывашивъ. Зъ имъ укупи оселылася тамъ и надія,—невелычка, що правда, та все жъ вона давала спромогу дывытыся трохы яснише на свитъ, нижъ дывылыся бидолашни жинкы доси.

Чутка про те, що дидъ Дорошъ одъ сына перейшовъ до внукы, швыдко роскотылася по селу. Багато люде говорылы, нарикаючы на Остапа, тилькы свое товарыство ёго боронылo. Трохы черезъ сей людськый голосъ, трохы боячыся батька, Остапъ уже бильше не займавъ Гаинкы.

— Треба перечасуваты,—думавъ,—а тамъ, писля суду, то вже моя воля буде!

А Сываши тымъ часомъ жылы соби тыхо. Дидъ правывъ за господаря, дававъ усёму порядокъ; Карпо й Васюта завсигды

зъ дорогою душею охочи булы послухаты, запомогты. Було бъ и добре, якъ бы не було сумно.

Спершу, якъ прыставъ до ихъ дидъ, и Гаинци й матери стало не веселише, але спокійнише трохы. Той упокій породыла надія, а надію збудывъ своимы словамы дидъ Дорошъ. Обыдви жинкы думалы: «Отъ уже скоро... Отъ, може, завтра, по завтрёму вернется Зинько...».—Ни завтра, ни по завтрёму винъ не вертався.—«Ну, то въ недилю або въ середу...».—Мынала безъ ничого и недиля й середа... Бидолахы дожыдалыся, выглядалы що дня, и що-дня надія ихъ дурыла, и що-дня вона прыгасала, прыгасала... И помалу-малу душа въ матери окрывалася старымъ безнадійнымъ смуткомъ, помалу-малу Гаинка зновъ застыгала, якъ крапля на морози, зновъ робылася такою камъяною, якъ и попереду. И знову мыналы покволомъ забарни похмури ночи, похмури безнадійни дни...

Такъ мынула осинь понура, прыйшла зима била й холодна... Наблыжалося Риздво...

Надійшовъ и той «святый вечиръ», що его такъ побожно й радисно дожыдае на сели кожне, бо въ кожного зъ тымъ вечоромъ поедналыся люби й серцеви дороги згадкы про щось святе й радисне, про якусь любу надію й тыхый упокій. Винъ вытае тоди, той тыхый упокій, надъ усимъ селомъ, надъ усима хатамы, зазырае до кожнои въ середыну, зазырае въ душу кожному своимы ласкавымы тыхымы очыма—такымы ласкавымы, якъ усмихъ евангельськои дытыны, и такымы променыстымы, якъ тая зоря вечировая, що іи свиту зъ такою побожною надіею дожыдають уси того вечора.

Такъ, скризь упокій зазырае, въ кожну хату, въ кожну душу... Тилькы въ Сывашеву хату винъ не зазырнувъ, тилькы въ тій хати не всмихнувся винъ ни одній души...

Дуждалыся й тамъ зори вечировои... Давно въ хати було попрыбирано й чысто, давно вже блымала передъ образамы воскова свичечка, осяваючы потемниле малюванне, поблыскуючы на шатахъ, на билыхъ, густо вышываныхъ, рушныкахъ, на квиткахъ, що имы колысь позаквитчувала Гаинка образы... На покути давно

вже стояла середъ сина кутя, а застеляный билымъ убрусомъ стилъ дожыдався вечери,—та вечеряты нихто не сидавъ.

Стара маты не знать уже въ якый разъ переставляе на мысныку горшкы й мыскы, то внесе въ хату, то вынесе щось,—такъ, мовъ ище не все вона поробыла мовъ ще дѝла въ неи дуже багато. И дидъ Дорошъ усе знаходыть соби роботу: то винъ утрѐте вже до воливъ чогось навидуется, хочъ уже давно имъ дано йисты; то ступу на пшоно заходывся на щось переставляты въ синяхъ зъ одного кутка въ другый; то ёму свыткы й кожухы не такъ высять на жертци, якъ треба... И Гаинка якусь дуже нагальну роботу соби знайшла: знимае зъ килочкивъ та зновъ чипляе рушныкы та розгортае, щобъ вышыванe выдко було... викна тоди уже втрете захо̀дытся вытыраты...

Та такы поробылы все, все, що ни вышукувалы, що ни выгадувалы, абы загаятысь, абы диждатыся, чы не почують швыдкои ходы̀ знаёмои въ двори, чы не рыпнуть двери...

Ни, нихто не выдчынявъ ихъ...

Дидъ выйшовъ ще разъ изъ хаты, постоявъ, послухавъ на двори... Вернувся не поспишаючысь, скынувъ кожуха, положывъ на полу. Тоди до обохъ жинокъ промовывъ тыхымъ покирнымъ голосомъ:

— Давно вже зоря... часъ вечеряты...

Остання надія зныкла...

Мовчкы посидалы за стилъ. Биле волоссе й борода дидовы не билиши булы видъ облыччя Гаинчыного; а старе, потемниле якъ давне малюванне, змарниле видъ праци, хворобы й смутку облычче матерыне здавалася ще чорнишымъ биля того за малымъ не прозорого и дывно нерухомого облычча.

Старый дидъ Дорошъ узявъ чарку тремтячою рукою та й почавъ промовляты:

— Дай же, Боже, того року диждавшы, систы до святои вечери въ доброму здоровлю всимъ... всимъ—щобъ... А теперъ дай, Боже, доброго здоровля тому, хто неповынно въ неволи поневиряется!.. Нехай...

Та й не доказавъ дидъ,—перепынылы слово слёзы... Гаинка озвалася голоснымъ плачёмъ и выбигла зъ хаты. Маты, впавшы на стилъ, почала тужыты:

— Сыну мій! сыну мій!..

Дидова рука спустылася зъ чаркою на стилъ, била голова похылылася, а буйни слёзы котылыся зъ старыхъ очей и падалы на билый убрусъ...

Але дидъ першый себе перемигъ:

— Годи, свахо, годи! Плачемъ не пособымо. Господь мылосердный ёму поможе, а не нашъ плачъ. Будемо вечеряты, якъ законъ велыть, та его згадуваты, то ёму легше буде, бо й винъ же насъ изгадуе. Клычте, свахо, Гаинку!

Параска пишла по Гаинку. Та стояла въ синяхъ, прыпавшы въ кутку до стины головою, и вся здригалася видъ плачу́...

— Гаинко, дочко, ходимъ у хату!

Вона не видповидала ничого. Маты взяла іи за руку й повела. Прывела, посадовыла за стилъ.

— Гаинко, внучко люба, не плачъ!—ка́завъ дидъ.—Визьмы въ уста вечери—якъ законъ велыть...

— Не можу!—скрыкнула Гаинка, знову схопылася та й побигла въ другу хату...

Довго тіеи ночи бидолашна маты была поклоны передъ потемнилымы образамы; довго на лижкови въ другій хати здригалося видъ плачу́ знеможене людське тило, и душа въ ёму ще бильше знеможена була.

И темна ничъ холодна слухала мовчкы тыхъ молыто́въ, того плачу́... байдужна, гнитюча ничъ...

Була ще одна душа,—и вона́ мучылася тяжко, безмирно того тыхого святого вечора,—то була душа Иванова Момотова.

И тило его змарнило, зсохло,—ходывъ винъ марою. Зъ братомъ николы не розмовлявъ, обмынавъ его, колы де стривався. Скилькы разивъ винъ казавъ соби: Пиду, прызна́юся!.. Та й зупынявся... Черезъ що? И самъ добре не знае. Якыйся страхъ передъ тымъ прызнаннемъ обнимавъ его. Розумивъ, що скоро переступыть сей поригъ,—заразъ тоди повыненъ зректыся всихъ надій, бо зруйнуе

все свое жытте, перестане буты вильною людыною, зныкне зо свиту и жытыме тилькы на те, щобъ одбуваты кару... И черезъ те спынявся...

А мукы де-дали гиршалы. Наблыжалося свято, а винъ думавъ:

— То не мени. То людямъ побожнымъ, чеснымъ, а не душогубамъ.

И винъ зрозумивъ, що вси радощи сёго жыття, все, що йе въ ёму гарного, ясного,—все воно вже *не ёму*, все те належыть невынным, самымъ невынным. А въ ёго на души страшна й пекуча вага, и вона зйидае, вбывае ёму душу. О, якъ бы ёму скынуты ту вагу!..

Почувавъ, що може скынуты тилькы однымъ—покутою.

Теперъ уже не було въ ёго думокъ про те, що винъ зруйнуе свое жытте: зрозумивъ теперъ, що винъ уже зруйнувавъ ёго ще тоди, тіеи ночи, якъ удвохъ изъ Панасомъ пишовъ до Грыцька. Нищо, навить покута не зможе повернуты ёму занапащене... але жыты такъ и дали була незмога...

И винъ зважывся спокутуваты.

Саме на святъ-вечиръ винъ зныкъ изъ села. Винъ пишовъ у го́родъ...

. . . .

Першого дня Риздва Гаинка не пишла й до церквы. Безмирне горе давыло іи. Николы ще воно не було таке тяжке. Не могла вона молытыся, не могла на людей дывытыся. Вже вона вси молытвы перемолыла, вси благання переблагала. Ни одного слова молытовного не знаходыла теперъ у своій души. И ни одного слова до людей у неи не було.

Поклыкалы іи до обиду,—не пишла. Не выйшла зъ своеи хаты, лежала на лижкови нерухома й мовчу́ща. Не хотила озыватыся навить до дида й до матери. Померклымы очыма дывылася кудысь и ничого не бачыла. Ни, бачыла... Тамъ, десь булы били стины... по стинахъ патреты... малюнкы... образы... рушныкы... викна... шахва зъ кныжкамы... Се було десь далеко-далеко, мовъ по той бикъ велыкои рички, мовъ за якоюсь скляною стиною... Звидты й голосы озывалыся—дидивъ, матерынъ... А тутъ коло

неи, коло Гаинкы, не було ничого: ни хаты, ни людей, ни голосу... Вона сама була, така сама, що навить не розумила, якъ можно буты не самій...

На що іи займають, щось до неи кажуть? Вона жъ одъ ихъ далеко и не буде вже блызько николы... николы... николы...

Вона буде сама, все сама... сама вмиратыме, сама зныкатыме, ажъ покы не стане й іи, якъ не стало Зинька... бувъ и не стало, и вже николы не буде... николы... николы...

И ій здается, мовъ уже почынае душа іи часточкамы зныкаты—ростае, розвіюется, якъ туманъ середъ шырокыхъ безмежныхъ просторивъ, якъ била хмарка середъ блакытного неба: онъ росплывается шматочкамы... онъ ростае. . онъ зныкае... зныкла...

А блакытне небо почынае гаснуты, тьмарытыся... Помалу гасне, и за имъ гасне й зныкае все: патреты на стинахъ... стины... стилъ... лавы... вся хата... Ничого нема, все розвіялось, зныкло, потопло...

Тилькы далеко-далеко щось плаче... Отъ усе дужче й дужче, блыжче й блыжче... Ой такъ тяжко тужыть, що ажъ голосомъ голосыть—спивае... Ой то жъ на тому свити плачуть-тужуть... Чого? Може надъ нею, що вона вмерла?

Затыхло... вже й не тужуть... Ничого не выдко, ничого не чуты, все зныкло...

И видразу щось мовъ зашумило и тужинне озвалося зновъ—голосно...

Зирвалася зъ лижка й стала середъ хаты. Вся тремтила. Що се?

Помагай Бигъ тоби, пане хазяину!
Святый вечиръ!
Пане хазяину, славный пахарю!
Святый вечиръ!
Застылай столы, клады пырогы:
Святый вечиръ!
Будуть у тебе славніи гости...
Святый вечиръ!..

Дивчата колядують... Та вона жъ сюю колядку сама спивала, колядуючы въ одному гурти зъ имъ, зъ Зинькомъ!.. Та винъ же коло нєи стóючы іи спивавъ, а теперъ де винъ? де винъ?

А дивчата спивалы дали про того жъ славного пахаря:

Не багато пожывъ, та й славы нажывъ:
Билымъ зализомъ двиръ обгородывъ,
Поставывъ ворóта зъ щырого злота,
Помостывъ мосты все чавунныи,
Поставывъ стовпы все золотыи,
Поклавъ же жерде все срибранее,
Повишавъ ковры все шовковыи,
Самъ пойихавъ на горду войну...

Ой, Боже жъ мій, Боже!.. Не на війну жъ винъ пойихавъ, не на війну!.. А пишовъ винъ до темнои темныци, якъ до сырои земли, якъ до глыбокои ямы!..

Якъ несамовыта вона кынулася черезъ сины въ другу хату.

— Мамо!—скрыкнула,—прыпынить!.. Нехай сёго не спивають!..

Двери тыхо видчынылыся, и на порози ставъ чоловикъ у запорошеній снигомъ одежи, зъ невелычкою чорною бородою. Скыдаючы шапку, промовывъ тыхо:

— Добрый вечиръ!

Здригнулыся вразъ уси трое видъ того голосу: и дидъ, и маты, и Гаинка и замерлы на одну мыть, тилькы на одну мыть... А за мыть Гаинка кынулася до ёго, прыпала до ёго:

— Зиньку!..

А дивчата все спивалы:

Да вертае жъ винъ зъ гордои войны:
Застукалы мосты все чавунныи,
Заззялы стовпы все золотыи,
Забряжчало жерде все срибранее,
Замаялы ковры все шовковыи.

Що люде кажуть: королевычъ йиде!
Матинка каже! мій сынокъ йиде!..

Ни, вона не казала... Вона тилькы рыдала старымы выплаканымы очыма, рыдала, прыпавшы до ёго такъ, якъ и Гаинка, якъ и билый дидъ Дорошъ...

IV.

Нови надіи.

Въ церкви вже повно було народу другого дни Риздва, якъ Зинько зъ Гаинкою ввійшлы туды. Помалу протовплюючысь, доступылысь воны въ середыну и сталы вдвохъ.

— Глянь: Зинько!..—почувся шепить.

— Де?

— Та онъ же!

Люде поверталыся, дывылыся и незабаромъ шепить, мовъ хвыля пидъ витромъ, покотывся по церкви:

— Зинько вернувся!.. Зинько!...

Очи поверталыся въ той бикъ, де стояла щаслыва пара. Зинько, хочъ блидый и худый, та чысто выголеный, гарно вдягненый у крытый кожухъ, стоявъ спокійный та поважный. Видъ Гаинчыного облыччя такъ и было сяевомъ безмирныхъ радощивъ, безкраёго щастя. Та й було чого! Вчора—острожныкова жинка, сёгодни—дружына чесного, невынно покрывдженого чоловика. И винъ, сей безъ миры коханый, дорогый стоить поручъ изъ нею, и нико́лы, николы вже вона зъ имъ не розлучытся! Якъ же ій було не радиты, колы въ неи вся душа всмихалася и до сихъ людей, що, навкругы стоючы, дывылыся на неи, и до сіеи церковци старенькои, здавна ій риднои, и до того соняшного проминя, що зъ узенького загратованого викна насмомъ простягався по церкви, выблыскуючы на позлотыстому иконостаси, на потемнилому малюванни... Іи уста не шепотилы молытовъ,

вона забувала хреститыся, але вся душа іи поривалася радисно-молытовнымъ почуваннемъ безмирнои вдячносты...

Помалу занышкло шепотиння, вси знову сталы тыхо—ажъ до кинця службы. А ледви вона скинчылась и народъ посунувъ зъ церквы,—заразъ на рундуци обступылы Зинька зъ Гаинкою люде. Здоровкалыся зъ Зинькомъ, поздоровлялы, де-хто цилувався зъ имъ, роспытувалы, чы давно вернувся. Карпо зъ радощивъ ажъ заплакавъ. Помалу посуваючыся середъ натовпу, Зинько зъ Гаинкою выйшлы зъ цвынтарю на вулыцю, а натовпъ ишовъ за имы слидкомъ, и воны повынни булы видповидаты на всякы запытання людямъ, що цикави булы знаты, якъ та що зъ Зинькомъ робылося, якымъ робомъ винъ вызволывся. Винъ и самъ того до пуття не знавъ: учора видъ слидчого прыйшовъ паперъ такый до тюрмы, щобъ Зинька выпущено, бо винъ не вынenъ, а хтось иншый знайшовся. Оце все, що Зинько знавъ. Та людямъ ще дужче закортило довидатысь: хто жъ той иншый. Почалы догадуватыся, домысля́тыся...

— Пустить! пустить!..—уразъ почувъ Зинько и побачывъ, що ёму назустричъ, штовхаючы людей, безъ шапкы, въ самій чумарчыни, бижыть Васюта.

—Зиньку!.. братику!..—и кынувся ёго цилуваты.

Люде почалы шуткуваты, сміючыся:

— Тю! и шапку загубывъ, бигшы!

— Та то винъ забувсь узяты, якъ изъ хаты выскочывъ.

Васюта й справди забувсь іи взяты. Учора звечора нихто не довидався, що Зинько прыйшовъ, а Васюта въ церкви сёгодни не бувъ. Уже сидавъ обидаты, якъ побачывъ у викно Зинька середъ натовпу: въ чому бувъ, у тому й выскочывъ.

— Та пиды вдягнысь!—гукалы на ёго люде.—Морозъ же здоровый!

Але Васюта й не думавъ иты. Хтось ускочывъ до ёго въ хату и прынисъ ёму шапку й свыту.

Зъ гукомъ та зъ гомономъ провелы Зинька до хаты. Гаинка росла, и ажъ ўшка въ неи сміялыся.

Щаслывый та веселый обидъ бувъ у Сывашевій хати того дня. Уси почувалы мовъ крыла въ себе за плечыма. Гаинка якъ квитка розцвитала. Стара маты й не йила та все дывылася на сына, а дидъ Дорошъ, усмихаючысь своимы молодымы очыма зъ пидъ билыхъ кудлатыхъ бривъ, казавъ:

— Штука! уси позбиралысь обидаты, а нихто не йисть, тилькы ззыраются одне зъ óднымъ. Шо це за мода така? И пылыпивка мынула, здается, а воны все пóстують.

— Атъ, дидусю!—казала Гаинка и бралася за ложку, та заразъ же й забувала за неи, щебечучы до Зинька. Учора вона вмирала, камъянила, а сёгодни ажъ променúло видъ неи жыття, ажъ пашило схудле лычко, румъяніючы, зиркамы высвúчувалыся темни очи, а зъ маленькыхъ устъ падало слово за словомъ, дзвенючы радощамы, смихомъ...

Заразъ по обиди почалы прыходыты люде. Першый прыбигъ Васюта, за имъ Карпо й Дмытро зъ жинкамы, тоди Мыхайло; зъ родычивъ булы: Лыкера, Гаинчына маты, дидъ Корній Грабенко та ще трое. Въ хати стало повно, якъ у вулику. Увиходючы, вси поздоровлялы Зинька зъ щаслывымъ поворотомъ.

Писля всихъ прыйшовъ Савка.

— Де це ты бувъ?—напавсы на ёго Васюта.—Казавъ, що заразъ прыйду, а самъ зачепывся за пень та й стоявъ увесь день, вытрышкы ловлючы.

— Та такы й стоявъ,—одказавъ Савка,—та дывывся, якъ Панаса забирано.

— Якъ то забирано? куды? на що?

— Набиглы якись полицейськи зъ города та й забралы... бо се винъ убывъ Грыцька—зъ Иваномъ удвохъ... Дакъ той самъ пишовъ у городъ та й прызнався, а се й цёго забрано...

— Дакъ онъ воно що!.. Братъ брата!..

Вси затыхлы на хвылыну... Тоди загомонилы видразу. Се вже не жарты! Засварылыся такъ, що и вбываты одынъ одного почалы. И все за тую землю. Яка то вона дорогá людямъ стала! И якъ то доси нихто не догадався, що це Панасъ? Воно такы на ёго и впадало, та здорово перебывалося тіею брехнею про Зинька

та про Йивгу. Цёму люде поняли виры, то за Панасову сварку зъ братомъ и забулыся. Що жъ воно дали буде, колы й теперъ уже таке черезъ землю почынается?

Суворымъ похмурымъ голосомъ озвався Карпо:

— Нечестыви на праведныхъ війну воздвыгають,—а що жъ праведнымъ чыныты?

Якъ бы жъ то знаты що чыныты! Зинько радывъ найматы въ панивъ усіею громадою землю, а згодомъ купуваты іи,—адже й банкъ на тее. А надто не попускаты громадськои земли въ чужи рукы.

Дидъ Корній Грабенко не згожувався: не попустышъ, колы зъ рукъ ирвуть! Онъ пересельську вырвалы. Пидмогорычывъ кого треба та й аминь! Дбаты, щобъ горилкы люде не пылы? Ну, се вже Зинько абы що выгадуе! Увесь свитъ пье, а мы самы ёго переробымо! Та й не можно безъ горилкы: упыватыся не треба, а якъ законъ велыть на весилли пыты, то треба. Що? Зинько каже, що й весилля безъ горилкы можно? Ну, се вже дурныця, се вже винъ законъ ламае!

Демъянъ, другый родычъ Зиньскивъ, бувъ не видъ того, щобъ горилку пыты кынуты, дакъ же однакъ не пособытся: заробиткы мали, а всякому хатнёму требови й краю нема,—хочъ и не пытымешъ, то пидешъ до багатыривъ кланятыся. Хыба що ото скыдаться гришмы, якъ Зинько радыть, та завесты таке товарыство, щобъ одынъ одному пособлявъ,—се справди добре було бъ.

Одначе Корній Грабенко и зъ тымъ не згожувався. Та ёго не слухано, а слухано, якъ Зинько розсказувавъ про товарыство запомогы, то винъ и пишовъ соби до-дому; а за нымъ иние двое родычивъ. Поросходылыся до-дому й жинкы, бо треба було по хазяйству. Оприче чотырёхъ чоловика товарыства, зосталыся тилькы Мыхайло, Савка та Демьянъ. Си трое прысталы до гурту и навить заразъ же подалы по пьять карбованцивъ у складку. Дидъ Дорошъ усе дослухався мовчкы, а дали й соби озвався:

— Слухавъ я васъ, слухавъ, та й думаю соби: люде хочъ и молоди, а роблють доладу. Ій-бо до вподобы мени! Та тилькы

не знаю: чы самыхъ молодыхъ у васъ до гурту прыймають, чы, може, й старыхъ, га?

— Та якъ же! вже жъ и старыхъ!—загомонилы навкругы.— Ще й ради будемо, колы стари намъ порады даватымуть.

— Порады!..—всмихнувся дидъ.—Таки мудри поробылыся, що де вже намъ, старымъ, радыты!.. Ну, а одначе прыймить и мене до свого гурту!

— Та невже, диду? И вы прыстаете?—зрадивъ Зинько.— Оце такъ добре!

Уси дуже звеселылыся, а Васюта гукавъ на всю хату!

— Восьмеро насъ теперъ, восьмеро!

— Було бъ девьятеро, якъ бы бидолашный Грыцько жывъ!— промовывъ Дмытро.

— Такъ!—сказавъ Зинько.—Нехай же вичный упокій буде ёго души, а мы ёго, нашого любого товарыша, будемо по всякъ часъ изгадуваты добрымъ словомъ у своій громади.

— Будемо! будемо!—видказало товарыство.

Згадалы тутъ и за дитей Грыцьковыхъ. Воны зосталыся безъ путящого догляду. Йивга давно ихъ покынула,—пишла зъ своимъ сыномъ до-дому. Громада настановыла надъ имы опекуномъ Панаса Момота. Винъ старшого хлопця виддавъ у наймы, а тыхъ двохъ забрала Грыцькова сестра,--добра жинка, та въ самои гуртъ дитей, та не гуртъ чого йисты; чоловикъ іи гниваеться, що чужыхъ дитей набрала. А теперъ якъ Панаса взято, то й диты й худоба зосталыся безъ опекуна. Треба подбаты, щобъ наставлено доброго чоловика, та запомогты сыротамъ. Надто жъ, що Грыцько ихъ товарышъ бувъ. Урадылы й наважылысь досягты щобъ у громади опекуномъ наставлено або Зинька, або кого иншого зъ ихъ товарыства.

Тоди вже загомонилы про пересельську землю. Надумалы спысаты нову жалобу просто вже до губернатора, а на ій попидпысуваты яко мога бильше людей,—може се пособыть.

— Теперъ,—казавъ Савка,—багато прыстане, бо вже вси побачылы, куды Денысове товарыство хылыть. Теперъ такыхъ буде бильше, що за намы обставатымуть.

Заразъ же Зинько почавъ пысаты жалобу, вычытувавъ напысане, а коженъ докыдавъ чого треба ще додаты.

На пры кынци довго ще говорылы зновъ такы жъ про тую горилку и такы врадылы, щобъ нихто зъ товарыства не пывъ іи и въ себе въ хати не мавъ.

Поросходылыся товарыши вже пизно ввечери. Позадъ усихъ лагодылыся йты Васюта зъ Карпомъ.

— Ходимъ уже, Карпе, до-дому, або що,—казавъ Васюта,— бо ты мабуть дуже спаты хочешъ: увесь вечиръ мовчкы сыдивъ, надувшыся якъ сычъ.

Карпо справди ввесь часъ бувъ дуже похмурый та мовчазный.

— Я не спаты хочу,—видказавъ,—а невесело мени, що такъ воно робытся...

— Оттакои!—погукнувъ Васюта.—Тутъ треба радиты, а винъ сумуе. И Зинько прыйшовъ, и товарыства нашого побильшало.

— Се то добре, та отъ лыхо: мала въ насъ сыла дуже, ничого не вдіемо проты ихъ.

— А я думаю такъ,—одказавъ Зинько,—що якъ переважемо ихъ за пересельську землю, то до насъ тоди багато прыстане.

— Покы сонце зійде, роса очи выйисть,—такъ саме похмуро не згожувався Карпо.

— Ну, а що жъ по твоему треба робыты?—пытавъ Васюта.

— Сылу ихъ занапастыты. У багатстви велыкому сыла ихъ велыка: розвіяты ихъ багатство за витромъ,—не стане въ ихъ сылы, тоди й насъ нивечыты не будуть.

— Оттакои! Якъ же ты ёго розвіешъ?—спытавъ Васюта.

Карпо помовчавъ трохы. Воны булы тилькы втрёхъ, бо вже й дидъ Дорошъ пишовъ спаты.

— Глядить же, братчыкы: що я казатыму заразъ, дакъ щобъ воно не йшло дали вухъ вашыхъ—промовывъ згодомъ.

— Да що се ты, Карпе, мудруешъ сёгодни?—засміявся Зинько.—Мы жъ уже на те вси прысталы, шо що въ насъ говорытся, того нихто щобъ не знавъ.

— До того кажу се, що тилькы двомъ вамъ звиряюся, а бильше й зъ товарыства щобъ не довидався нихто.

— Ну гараздъ, гараздъ,—кажы вже!

— Думавъ я, братчыкы, довго думамы велыкымы та й надумавъ: нема намъ способу иншого, тилькы сей одынъ: попидпалюваты всихъ, то зъ дымомъ розвіется и багатство ихъ.

— Карпе: що се ты? схаменысь!.. скрыкнувъ Зинько.

Карпо, не видповидаючы, сивъ биля столу и зиперъ голову на велыку свою кощаву руку. Втупывшы очи въ дилъ сыдивъ мовчкы; дви зморшкы глыбоки выразно ляглы впоперекъ нахыленого лоба. Врешти загомонивъ якымсь гострымъ непрыхыльнымъ голосомъ, ще бильше протягаючы слова, нижъ звычайно.

— Чого бъ я мавъ схамынутыся? По правди кажу вамъ: не мени, схаменутыся, а вамъ треба,—прыйшовъ уже той часъ... И не занедбайте ёго, бо колы занедбаете,—горе всимъ буде!.. Нема иншого способу на тыхъ людей... Треба ихъ судыты Божымъ судомъ, бо суды людськіи на свою ручъ воны повертають. Хыба не бачуть сёго очи ваши? Грыцько зъ имы по правди чынывъ,—воны вбылы ёго; Зинько за правду ставъ,—воны въ неволю ёго завдалы.

— Завдалы, та не вдержалы: и выйшовъ же! видказавъ Зинько.

— Хвалы Бога, що Йванъ прызнався, а затявся бъ винъ,—може бъ и на Сибиръ ты помандрувавъ у неволю довишню. Немае въ ихъ змылування. Нехай же ихъ Божый судъ, огонь, судыть бо такыхъ—не грихъ зогнаты й зо свиту сёго.

— Ото!—скрыкнувъ Васюта.—Глянь, якъ нашъ побожный Карпо розгнивався! Це мабуть такого зъ божественныхъ кныгъ начытавъ.

Карпо пидвивъ голову, глянувъ на Васюту, и справди гнивный огонь блыснувъ ёму въ очихъ.

— А ты, Васюто, колы не знаешъ, то не смійся. Ты божественныхъ кныгъ не тямышъ, а я тоби скажу, що якъ бы прочытавъ тоби зъ ихъ де що,—самъ есы побачывъ бы, що моя правда, що по-Божому кажу я.

— Хыба жъ палыты, чы вбываты—то по Божому?—спытавъ Зинько.

— Ни, нехай винъ скаже, по якыхъ се божествéнныхъ кныгахъ напысано, щобъ таке робыты?—допытувався Васюта.

— Скажу!—видмовывъ Карпо, знову спускаючы очи додолу.—Напысано: рече Господь Саваоѳъ до Саула: ныни одомщу народови Амалыкови за все, що сотворывъ винъ Израилеви. И звеливъ Богъ иты й поразыты Амалыка и не пощадыты ёго, повбываты всихъ—и чоловикивъ, и жинокъ, и молодижъ—ажъ до младенцивъ малыхъ; и зныщыты все добро ихъ: и волы ихъ, и вивци, и верблюды, и ослы, и выногради... все! И не послухався царь Саулъ: усихъ побывъ, а царя амалыцького помылувавъ и не зныщавъ добро найкраще... Тоди прыйшовъ Самуилъ и россикъ мечемъ самъ царя того, а Богъ одвернувъ за сей грихъ одъ царя Саула лыце свое... Ото жъ бачыте, що вбываты Богъ велыть нечестывыхъ и добро ихѣ изныщуваты!

— А хыба й тоби, Карпе,—хытренько спытавъ Васюта,— Богъ сказавъ, щобъ ты ихъ попидпалювавъ або повбывавъ?

Зинько всмихнувся, але Карпо сыдивъ похмурый.

— Ни,—загомонивъ Зинько,—такъ не выходыть. Хрыстосъ уже пислля сторіи зъ Амалыкомъ звеливъ намъ любытыся, а не вбываты, чы пидпалюваты. Добра зломъ не зробышъ. Та й що зъ того було бъ? Адже ихъ багатство не въ самій хати: йе въ ихъ земля, йе гроши въ позыкахъ та въ банкахъ,—згорыть хата, то воны нову побудують та й зновъ почнуть хазяйнуваты; а колы не воны, дакъ ихъ диты; не ихъ диты, дакъ инши... А ты свою душу занапастышъ, ще й на Сибиръ пидешъ,—яке жъ то добро?

— Ну, а що жъ ёго чыныты?—пытався Карпо.

— Оте, що робымо. Свого права домогатыся.

— Добре! Хай покы буде й такъ. Побачымо щó зъ сёго буде.

Уставъ, попрощався й пишовъ, за имъ Васюта.

Зинько бачывъ, що Карпо своихъ думокъ не покынувъ, тилькы змовкъ, бо товарыши не прыстають на те. Боявся трохы

Зинько тыхъ думокъ и не до вподобы воны ёму булы. Спершу дывувався, якъ то така гарна людына, якъ отъ Карпо, та могла таке надуматы. Бувъ чоловикъ чесный дуже, правдывый, николы ничого й на макове зернятко не одурывъ, самъ завсигды робывъ по правди, якъ іи розумивъ, и видъ людей того вымагавъ, а теперъ онъ що выгадавъ! Такъ уже дуже роздратувала Карпа тая крывда людська! Ни, треба таки думкы ёго прыпыныты, бо зъ ихъ саме́ лыхо буде, а прыпынятся воны заразъ—абы зъ оціею морокою, зъ оціею пересельською землею досягты свого. Тоди й Карпо побачыть, що *сымъ* робомъ чынючы можно досягты свого, а не тымъ, про якый винъ каже.

И Зинько зъ усіеи сылы заходывся, яко мога бильше людей гуртуваты до жалобы. Савка справди не помылявся, що теперъ люде, побачывшы лыхо, дужче прыставатымуть до неи. Не мынуло й тыждня, вже тая жалоба була въ губернатора. Сёго разу товарыству пощастыло. Губернаторъ давно вже гнивався за щось на того начальныка и заразъ же взявъ до ввагы жалобу зъ Дыбливъ. Черезъ те незабаромъ до дыблянськои волосты прыйшовъ наказъ: прыпыныты справу зъ землею и видибраты іи покы въ Деныса.

Ся несподиванка такъ уразыла Деныса зъ товарыствомъ, мовъ гримъ изъ неба ясного дня. Воны не сподивалыся такои халепы, певни бувшы, що вже переважылы. Денысъ уже по всему селу велычався й выхвалявся, що «давъ по морди свыни»,—тобъ то Зинькови зъ товарыствомъ, а теперъ онъ якои пынхы ёму пиднесено! Соромъ и въ вичи людямъ глянуты! Такъ було ніяково, що Денысъ не пишовъ у громаду, якъ вона зибралася незабаромъ писля того. Трапылося, що са́ме въ той день не було въ громади ще трёхъ изъ ёго товарыства: Копаныцю начальныкъ несподивано выклыкавъ у го́родъ, Рябченко лежавъ хворый, а въ Тонконоженка братъ оддававъ дочку, дакъ Терешко, добре вынывшы на весилли, спавъ са́ме тоди пъяный. Черезъ те й Зиньковы прыхыльныкы насмилылыся въ громади дужче, и якъ Васюта озвався за диты Грыцьковы, то й не вельмы важко було зробыты, що громада опекуномъ надъ имы настановыла Зинька.

— А що, Карпе,—казавъ Васюта, идучы зъ громады.—Отъ же бачышъ, що не все воны намъ, а й мы имъ можемо вкрутыты хвоста. Зъ землею облызня вже піймалы, а й теперъ знову тертого хрину пиднеслы имъ такого, що довго въ носи крутытыме. Отъ побачышъ, що й дали духопелы видъ насъ йистымуть, та такы й не дамо намъ у кашу наплюваты.

— Не хвалысь такъ, Васюто,—видповивъ своимъ поважнымъ голосомъ Карпо,—коротки бо очи людськіи, не выдко имъ кинця дилови.

— То бъ то: кажы гоцъ, якъ перескочышъ? Та вже якось перескочымо! А якъ часомъ колы й увирвемось у ривъ, дакъ выдряпаемось. Отъ же й теперъ: зовсимъ уже «сидай на дно» булы, а теперъ пишлы нашы въ гору! Ой, хочется мени посміятыся зъ проклятыхъ деріивъ!

И Васюта такы й не втерпивъ: хочъ изъ старыхъ деріивъ и не поглузувавъ, дакъ пишовшы того вечора на вулыцю, прычепывся знову до Мыкыты Тонконоженка. Сёму недавнечко прытычына трапылася. Останнимы часамы середъ парубоцтва завелыся карты: не то велыки парубкы, а й хлопци-пидпарубочи такымы картныкамы поробылыся, що якъ де зійшлыся, такъ заразъ и гулять, звычайно на грошы. Мыкыта, звисно, бувъ у сій справи попередъ усихъ, и одного разу трапылось, що за вечиръ трыдцять карбованцивъ програвъ. Двадцять оддавъ, а десяткы не стало. До батька не посмивъ иты, дакъ добравъ ключа до батьковои скрыни, де грошы булы, а батько са́ме тоди сусиль у хату. Хочъ и якъ потуравъ сынови, але за се попобывъ дуже. Васюта заразъ и вчепывся за те. Побачывшы на вулыци середъ парубкивъ та дивчатъ Мыкыту, гукнувъ:

— Аговъ, хлопци й дивчата! Слухайте лышень сюды! Буду виршу проказуваты.

— Яку виршу? Хыба теперъ святкы, чы що?

— Дарма, що не святкы, а вы слухайте!

Розсився на колоди, зиперся рукамы на колина, втупывъ очи въ землю та й почавъ выгадуваты,—винъ бувъ мистець на таки пры́кладкы:

— Якъ бувъ соби чоловикъ Трындыта, та була въ ёго сира мужыцька свыта, а винъ каже: чортъ батька зна яка паскудна одежа: не можно хлиба йисты лёжа!..

— Ха-ха-ха!—зареготався де-хто, зрозумившы, куды се Васюта циляе. Догадався мабуть и самъ Мыкыта, та не выявлявъ того. Ставъ навпроты Васюты, одніею рукою пидперся въ бокы, а другою державъ цыгарку, пыхкаючы дымомъ та разъ-у-разъ чвыркаючы черезъ губу.

— Дакъ не можно, каже, хлиба йисты лёжа... Якъ бы мени хочъ драна ганчирына, да зъ панського колина, бо я й самъ уже здорово на пана закрывывся, якъ середъ панивъ пажывся: отъ будь я мужыцькый сынъ, колы не чыстывъ панськый гній тры годы й одынъ!

— Ха-ха-ха!—знову роскотывся регитъ, а Васюта, мовъ то й не винъ чынывъ усе лыхо, поважно проказувавъ дали:

— Де бъ же мени такои взяты ганчирыны, щобъ сиромужыцькои не вдягаты свытыны? Чы мени батька-матиръ продаты, чы въ ихъ видъ скрыни замкы повидбываты, чы въ карты навыграваты?

Вси хлопци й дивчата глянулы въ той бикъ, де Мыкыта, але Мыкыты вже не було: бачучы, куды воно йдется,—покрывся нышкомъ та й утикъ.

— Мыкыта втикъ, нема Мыкыты!—загомонилы.

— Утикъ? хто втикъ?—пытавъ Васюта, пидводючы голову.

— Мыкыта втикъ одъ твоеи виршы!

— Одъ моеи виршы? Хыба жъ то про Мыкыту? То про Трындыту! А вы й не розибралы? Бодай же васъ, якый у васъ курячый мозокъ! Дакъ колы вы не вміете доладу розбираты, то я не хочу дали й казаты!..

Хочъ и не казавъ дали, але якъ вертався самъ до-дому, то почувъ, якъ ёму биля вуха зашумила каминюка: хтось изъ-за тыну добре шпыргонувъ, та не добре вцилывъ. А за тыномъ щось затупотило, втикаючы. Зрозумивъ, чыя се ласка и гукнувъ навздогинци, зупынывшысь:

— Та й дурный ты! Хыба жъ такъ циляють? Вернысь, я тебе навчу, дакъ и зубы вызбираешъ,—отъ щобъ я здохъ!—вызбираешъ якъ намыстечко!..

Але Мыкыта не вернувся.

Зинько заразъ же заходывся коло справы зъ Грыцьковымы дитьмы. Пишовъ до Грыцьковои сестры,—тá була рада збутыся небожятъ, бо й своихъ дитей копыця. Та й сыротамъ у неи не було добре, бо справди такы николы було ихъ доглянуты. Вона порадыла Зиньковы замисто себе одну далеку родычку Грыцькову й свою. Зинько знавъ сю Кылыну. Диты й чоловикъ у неи померлы, а браты—и свои й чоловиковы—позабиралы въ удовы и землю й хату, и всю худобу. Убога жинка ходыла по наймахъ: жыла то за няньку въ панивъ, то ставала просто робитныцею. Сáме теперъ ій выходывъ рикъ. Зинько вмовлявся зъ нею такъ, що вона жытыме въ Грыцьковій хати, доглядатыме диты, до роботы ихъ прывчатыме, ходытыме коло горóду й садка, а за се и сама тымъ харчытыметься, и до зросту тыхъ дитей буде въ хати за хазяйку, ще й матыме невелыку плату. Зинько знавъ, що Кылына була людына путяща, працëвыта й чесна и до дитей прыхыльна, то й не боявся даты ій до рукъ сыритъ. Сама жъ Кылына така була рада хочъ трохы пожыты господынею, а не найманою попыхачкою, и сылкувалася все робыты такъ, щобъ добре було. Зинько зъ Гаинкою разъ-у-разъ навидувалыся до Грыцьковои хаты. Старшого хлопця Зинько лышывъ, щобъ винъ уже добувъ строку въ хазяина, а потимъ мавъ узяты до себе, прывчаты до хазяйства та й до кныжкы. Землю Грыцькову Зинько до хлопцевого зросту найнявъ и зъ тыхъ грошей мавъ одягаты диты й платыты Кылыни.

Хочъ Рябченко зъ своимы полыгачамы й репетувавъ, що Зинько нетямущый опекунства, тилькы лыха накоить, але теперъ воны якось прытыхлы, бо всимъ було выдко, що зроблено гараздъ. Ще й надто: побачывшы громадяне, що Зинько такъ доладу впорядкувавъ сю справу, почалы про ёго озыватыся дуже добрымъ словомъ: хто попереду лаявъ або глузувавъ зъ ёго, теперъ уже ча-

сомъ и хвалывъ. Не гудылы вже й за те, що горилкы не радыть пыты, хочъ самы, звисно, пылы.

Дома въ Зинька було все гараздъ. Дидъ Дорошъ такъ и лышывся въ ёго жыты. Зъ дидомъ було добре, тилькы зъ тестемъ ніякъ: одколы Зинько вернувся зъ тюрмы, винъ до ёго и въ хату не зазырнувъ. Зинько й соби дуже вразывся, довидавшыся про Остаповы замиры розризныты ёго зъ Гаинкою. Спершу такъ обурывся, що не думавъ до ёго николы й озыватыся. Та почала дуже теща намагатыся, щобъ помырыты зятя зъ чоловикомъ, а Зинько помиркувавъ соби, що такы винъ батько Гаинци, и наважывся не сварытыся зъ имъ зовсимъ, тилькы не хотивъ до ёго йты, думаючы, що Остапъ зрозуміе такы, якъ ве́лыко провынывъ передъ дочкою й зятемъ, и якось тую провыну направыть. Одначе Остапови й на думку не спадало становыты себе вынным передъ дитьмы, а що ёму такы ніяково було стриватыся зъ Зинькомъ, то обмынавъ ёго де мигъ. Колы часомъ и зострінутся на вулыци, то до шапокъ торкнутся: «Здорови!—Здоровъ!» та й годи, вже й поспишаются швыдче розійтыся.

Такъ мынавъ уже другый мисяць, одколы Зинько повернувся зъ тюрмы до-дому. Зъ початку третёго наспивъ и кинець справи про пересельську землю. Постанову громадську скасовано, землю зовсимъ забрано видъ Денcыса. И Копаныця й Денысъ кынулысь булы въ городъ, щобъ зарятуваты справу, та ничого не моглы зробыты. Однымъ тилькы й повеселылы ихъ: сказано, що касуется тилькы *ся* постанова громадська, а колы бъ громада знову такы продала Денысови землю та постанову доладу напысано, то тоди вже не скасують.

Довидавшыся Денысове товарыство про це, заразъ зійшлося на пораду въ Рябченка.

Теперъ, маючы дорогу черезъ свою пересельську землю, дыбляне знову моглы найматы землю въ пана Добровольського, и не треба имъ було йихаты до неи трыдцять верстовъ, обмынаючы болото: се жъ и прыпыняло ихъ, якъ земля въ Денcыса була. Такымъ робомъ уси замиры Рябченкового товарыства гынулы, и дыблянська громада выхоплювалася имъ изъ рукъ. Це вже й выдко

було: Зинька слухають бильше, нижъ ихъ. Эге, кажуть, и васъ можно збыты! Мы, кажуть, сихъ старшыну й старосту й пысаря поскыдаемо,—иншыхъ настановымо: Зинька та Карпа. А курсъ и старшыни й старости кинчается сёго року въ осены. Колы бъ имъ пощастыло справди своихъ людей настановыты, дакъ се була бъ пропаща справа. Тоди що хотилы бъ, те зъ имы ти горлопани й робылы бъ. Звисно, не зъ такъ то легко й скынуты хочъ бы й Копаныцю,– багато въ ёго сылы и тутъ, и въ городи,—ну, все жъ, якъ то кажуть, береженого й Богъ береже.

Оттакъ куды ни глянь, а все треба тую землю вдержаты въ своихъ рукахъ. Та якъ? Громаду можно зибраты хочъ и завтра, та що зъ того? Нема чого й думаты, щобъ вона теперъ удруге продала землю. Надто, що де-хто, прыставшы до Зиньковои спилкы, оплатывся вже зъ своимы позычкамы передъ заможнишымы людьмы. Теперъ уже сихъ не такъ легко прытыснуты, а дали ихъ ще побильшае.

И вызволыла жъ нечыста сёго Зинька зъ острогу! Не велыке було бъ лыхо, колы бъ ёго замисто Панаса, запроторено,—въ сели бъ тыхо стало. И що вже почавъ выгадуваты: щобъ горилкы не пылы, щобъ могорычивъ не було. Такъ и поступытыся цымъ! Хыба зъ тверезымъ що зробышъ? Отъ якъ налывъ ёго, дакъ тоди вже й беры за шыяку та й у ярмо. А то безъ могорычивъ!..

— Истыно розсобачуется мужыкъ за такымы шыбеныкамы, якъ оцей Зинько!—казавъ Сучокъ.—Я,—плеще,—подать заплатывъ, одбуткы вси поодбувавъ, никого не займаю, горилкы не пъю—шо вы зо мною зробыте? И верно: шо ты зъ имъ, паскуднымъ, тагда йздѣлаешъ? Одно слово: розуратство!

— Имено, имено правда!—потакувавъ Копаныця.—Никоторого тоби надъ имъ слѣствія нема. Ты ёго въ холодну, а винъ тоби крычыть: яке ты право маешъ? Значыть—покажы ёму, де твоя законная основанія! А сто чортивъ! Да якъ бы въ мене була полная законная основанія, дакъ я бъ тебе, идолового вышкварка, на дерть подравъ бы й свынямъ выкынувъ-бы, а не то що холодна, хамлетська ты морда!

— Законныкы пойшлы,—промовывъ Тонконоженко,—та праведныкы таки, шо бида!

— А якъ на мое розсужденіе,—казавъ Сучокъ,—дакъ провчыть ихъ, падлецёвъ! Шобъ прытыхлы!

— Та якъ же ихъ провчышъ?—пытавъ Копаныця.

— Отъ, штука!.. Хыба вы сёго порядку не знаете? Позвать ёго въ волость: Зачѣмъ это у тыбъя курыця дохлая проты двору на вулыци валяется?—Ни, не валяется.—Какъ ты, марзавыць, смѣишъ мыни говорыть, кагда я самъ выдивъ? Начальство запрыщаеть, санитаръ прыказано, а ты шо? Шобъ нюхало начальство? Да ще й брехню начальству задаёшъ!.. Марзавыць ты!.. падлець!.. ныгадяй!..—Ну, посли такого наставленія уже жъ винъ не втерпыть, шобъ чого не сказать, грубе яке слово,—тоди ёго въ зубы та на десятныкивъ гукнуть та й усыпать гарячыхъ, не жаліючы.

— Невозможно!—крутнувъ головою Копаныця.—Одно, що не грублять: ты ёго хочъ и вылай, то винъ каже: Господынъ старшына, вы не лайтеся, бо я на васъ жалобу произнесу; а друге: хочъ и зробышъ, дакъ винъ тоди таку тоби кутавасію зъ перцемъ пидниме, що хуже буде, нежéли за Деныса Пылыповыча землю. Ни, се не йдёть!

— А мени здается,—озвався Рябченко,—що Мыхайло Грыгоровычъ такы правду каже: имено ихъ треба провчыть. Хочъ не всихъ, дакъ хочъ самого Зинька. Тилькы не такъ трохы треба захожуватся.

— Ну, а якъ же?

— Нышкомъ, щобъ нихто не бачывъ та щобъ и винъ не знавъ, хто ёго провчывъ. Щобъ знавъ зá що, та не знавъ хто. Такъ ёму й сказаты: оце тоби за те й за те, а хто каже—чортъ ёго зна. Тоди ёму жалитыся ни на кого й ніякъ, а боятыся буде. Не до смерты ёго быты, нѣ, а такъ—добре пополохаты, щобъ трохы полежавъ та почухався.

— А шо вы думаете? Воно й правда!—доводывъ Тонконоженко.—Покы мы ихъ не почнемо вчыты, дакъ ничого дила не буде. А якъ одного та другого провчымо,—тоди ёго страхъ вóзьметь,—нышкомъ сыдитыме.

— И не высьма важна штука,—розсказувавъ Рябченко.— Се можно такъ ловко зробыть, шо мое поштеніе!.. Тилькы шобъ Грыгорій Павловычъ подозволывъ, бо безъ господына старшыны тутъ ніякъ нельзя.

— Хто ёго зна,—казавъ Копаныця,—се колы хочете, непорядокъ и дайже буйство... Ну, та за-для такого дила,—засміявся винъ,—можно й манюсинькое буйство соченыть.

— И чудесно!—задовольнывся Рябченко.—За тыждень, за два и готова штука буде. Зинька положымо, а сами тымъ часомъ у громади крутнемо.

— Ну, толькы знаешъ, Яхремъ Семеновычъ, ты тоже не высьма-очынь! А то шобъ такъ не було, якъ изъ Панасомъ.

— Ото жъ такы! Хыба я такый дуракъ, якъ Панасъ? Акуратно все такъ издѣлаемъ, шо ну! И науку получыть, и жывый останется...

Товарыство повеселишало. Чарка жвавише заходыла зъ рукъ до рукъ, наче й горилка въ ій посолодчала. Довгенько ще выпывалы та закусювалы...

Промынуло зъ тыждень.

Одного разу Рябченко прыйшовъ у свято до церквы, выстоявъ утреню, а тоди, не хотившы йты до-дому та знову прыходыты до службы (бо ёму такы далеко було), зоставсе пидождаты въ сторожци,—тамъ звычайно дожыдалы люде, покы вдарють до службы. Та сёго разу людей було мало: трое дядькивъ та Мыкыта Тонконоженко. Сыдилы та гомонилы гуртомъ, а дали такъ трапылось, що ти повыходылы, а зосталыся вдвохъ Рябченко зъ Мыкытою.

— Отъ и добре,—подумавъ соби Рябченко,—хотивъ бувъ до ёго самъ питы, та тутъ лучче буде побалакаты: хай люде не знають, що видъ мене до ёго стежка йе.

И винъ загомонивъ до Мыкыты:

— А що, Мыкыто, не пощастыло тоби Гаинку зачепыты,— вернувся такы Зинько.

— А штобъ вонъ луснулъ!—сердыто гарыкнувъ Мыкыта.

— Ну, а вже жъ и жиночка була бъ тоби хороша! Одно слово—якъ лялечка!

Мыкыта тилькы плюнувъ зо злосты.

— И все це Зинько тоби на завади стае,—правывъ свое Рябченко.—Отъ тоди въ тебе Йивгу одбывъ.

— Падлець,—одно слово!—вылаявъ Мыкыта.

— Все Васюту настренчуе, щобъ изъ тебе на вулыци знущався.

— Ныгадяй!—и Мыкыта ажъ побиливъ изъ серця, згадавшы виршу про Трындыту.

— Настоящый ныгадяй! И таке зловредне, що кожному шкоды наробыть. Теперъ таке почавъ, що якъ выграе справу, дакъ мы вси хочъ зъ торбамы по пидъ виконню йды.

— Та ну?—здывувався Мыкыта.—Нывжлй такое плохое дѣло?

— А ты жъ думавъ якъ? Колы въ Деныса однимуть землю, а мужыкы почнуть браты соби въ Добровольського, дакъ тоди, братъ, наша земля, що въ Горянського мы напялы,—вона имъ безъ надомности. Мы тоди на лёдъ силы, бо намъ нйчымъ буде Горянському заплатыть. А въ контрахти тысяча рубливъ невстойкы—онъ шо! Поцинують тоди, братъ, насъ усихъ та й тебе зъ батькомъ.

— Вотъ такъ штука!—ажъ излякався Мыкыта.—Дакъ черезъ такого падлеця да намъ усѣмъ пропадать?

— А шо жъ ты зробышъ? Якъ бы його чортяка вынесла куды хочъ на якый мисяць або два, дакъ мы бъ моглы соби раду даты и пересельську землю вдержаты, а такъ—нема ходу: шо ни почнемо, шо ни зробымо,—винъ и перебъе, винъ и перебъе! Хочъ бы захворавъ, або що... то все якось бы впоралысь... Эхъ, Мыкыто! якъ я гляну на теперишнихъ парнивъ, дакъ одынъ пустякъ та й годи! Якъ бы я парубкувавъ, дакъ хыба бъ я попустывъ отакъ изъ себе сміятыся якомусь тамъ Зинькови, якъ винъ изъ тебе насміявся? И Гаинку й Йивгу... Эхъ!..

— Ну, а шо бъ вы йздѣлалы?—спытавъ почервонившы Мыкыта.

— Хи, не знавъ бы шо! Зобравъ бы хорошыхъ парнивъ тры-чотыри души та й давъ бы ёму доброи мáтланкы—отъ що!

— А шо жъ вы думаете, шо я етого вже й не могу? Вотъ вазьму да й издѣлаю!

— Покы хвалько нахвалытся!..

— Какой я вамъ хвалько! Вотъ возьму да й могумынтально йздѣлаю. Мѣсяць буде чухатся,—не вычухается,—такого вгощенія дамъ!..

— Хто его зна... Звисно, була бъ се штука славна, и не самому тоби було бъ добре: покы Зинько вычухався бъ, то мы бъ у громади по своему крутнулы... А то поцинують насъ...

— Будь я первóй падлець, если не йздѣлаю!—скрыкнувъ Мыкыта.

— Та ты не гукай такъ: се, братъ, тыхенько треба робыты,—прыпынывъ Рябченко та й почавъ нышкомъ розсказуваты якъ та що треба робыты, щобъ усе було добре.

На церкви бовкнувъ дзвинъ.

— О, вже й до службы!—сказавъ Рябченко, и обыдва зъ Мыкытою перехрестылыся.—Треба йты... Тилькы жъ ты гляды, Мыкыто! Понимаешъ? ни я тоби ничого не говорывъ, ни ты мени...

— Понимаю! Усё буде въ плыпорцію и аджарымъ такъ, шо маё вамъ паштеніе, ще й здѣлайте одольженіе.

— Та не забудь: по голови а ни-ни-ни!.. ніякъ не можно!..

— Пускай голова ёму остаётся, а мы ныжче лупнёмъ!..

— Ходимъ же до церквы!..

VI.

Нáпадъ.

Прыходыла весна.

Снигъ лежавъ уже по самыхъ яркахъ та зáтинкахъ, а то скризь позбигавъ лепетлывымы—дзюркотлывымы струмкамы. Середъ пучечкивъ торишнёи видмолодилои травы де-не-де вызыралы вже

блакытнымы оченятамы пролискы, але вся земля лежала ще чорна, дожыдаючысь покы пресвитлее сонце обниме іи своимъ палкымъ проминнемъ та й убере въ пышни зелено-квитчасти мняки шаты. Лежала ще пивсонна и зитхала до неба теплымы грудьмы, и тее зитханне злитало вгору легенькою билястою парою. Пара лынула вгору, збиралася тамъ у хмары, и хмары тьмарылы небо, затуляючы земли сонце. Такъ молода жинка, думаючы про розлуку зъ своимъ подружжемъ, плаче гирко, и слёзы застылають ій свитъ, и вона не бачыть, що той, кого вона такъ палко дожыдае, що винъ уже вернувся, вже стоить тутъ, биля неи—ще мыть, и винъ однымъ дужымъ рухомъ прыгорне іи до себе на груды, обійме іи сяевомъ свого соняшного погляду, и воны поеднаются въ одному прекрасному, якъ мрія, поцилунку. Такъ земля зитхала за сонцемъ и не знала, що за малу годыну вона потопне въ ёго золотыхъ обіймахъ, и ти слёзы-туманы розвіются, зныкнуть одъ одного ясного променыстого погляду.

А покы ще хмары темни,—але теплп весняни хмары,—снувалы по небу. Землю прыспала ничъ. Не выдко було мисячка, спалы й зиркы, заступывшы за хмару. Тыхый упокій панувавъ скризь, той дужый и радисный упокій, що схыляется надъ землею передъ новымъ весняным днемъ, повнымъ соняшного сяева, блыскучыхъ колиривъ, спиву, руху, могучои праци...

Пишовшы ще вдень у Чорнóвусъ, вертався тіеи ночи Зинько по темному до-дому. Зъ вулыци повернувъ черезъ Карпивъ городъ на нызъ, щобъ швыдче дійты бо забарывся. Ишовъ лукою, звычайною стежкою по-пидъ горóдамы. Вже блызько й провулокъ на гору. Увійшовъ у ти вербы, що рослы надъ крынычкою. Тамъ було ще темнише.

Щось зашелестило, и вразъ передъ Зинькомъ зачорнила чыясь высока постать.

— Хто се?—спытався винъ, прыпынывшысь.

Здорова постать розмахнула рукамы вгору, и Зинько почувъ, якъ щось тверде штовхнуло ёго болюче въ груды такъ дуже, що винъ схытнувся. Але ту жъ мыть ударено ёго й у спыну. Зинько скочывъ напередъ и встыгъ ухопытыся за коляку, що здоровый

чоловикъ уже пиднимавъ надъ имъ удруге. Вырвавъ коляку и видстрыбнувъ на бикъ.

— Не пидходь!—крыкнувъ, пиднявшы коляку вгору.

— Якый страшный!—озвався глузлыво чыйсь голосъ, що здався Зинькови по знаку́.—Оце тоби за жалобы губернаторови!

И трое зъ колякамы кынулысь на ёго. Зинько зачепывъ когось своею, але ёго вдарылы тры вразъ, выбылы ёму зъ рукъ ломаку и почалы быты ёго въ груды, въ спыну, въ бокы, молотючы, якъ снипъципамы.

— Ратуйте!—скрыкнувъ Зинько и впавъ до-долу непрытомный...

. . . .

Гаинка того вечора довго дожыдалася Зинька зъ Чорновуса.

— Мамо, чого се ёго доси нема?—пыталася.

— Та мабуть, дочко, зостався тамъ почуваты,—бачыть, що ничъ темна, йты погано,—ну й зостався.

— Ни, винъ казавъ, що сёгодни вернется.

Та маты й дидъ певни булы, що Зинько заночувавъ у Чорновуси, и не турбуючысь спалы всю ничь. Гаинка жъ не могла заснуты: лежала й прыслухалася, чы не йде Зинько. Килькы разивъ іи чулася хода́, вона схоплювалася, пидбигала до викна и дывылась у двиръ, у темряву. Нихто не йшовъ. Одного разу вчулося навить, що винъ уже ходыть у двори,—щось робыть. Вона выбигла, гукнула зтыха,—не було никого. Вернулася й лежала, все ловлючы вухомъ тую знаёму іи ходу. Николы такъ не було, щобъ Зинько сказавъ «вернусь» и не вернувся. Тилькы разъ се було—якъ ёго до тюрмы взято. А теперъ?..

Нимый страхъ дывывся на неи велыкымы, якъ темрява, очыма, обнимавъ іи холодными обіймамы.

Вже свитало, якъ іи, знеможену, поборовъ на хвылыну сонъ.

Уразъ щось застукало въ викно, ажъ шыбкы задзвенилы. Гаинка схопылася зъ лижка и стала середъ хаты, не розуміючы зо сну що се.

— Зинько!—вразъ подумала и кынулась у сины видчыняты. Видчынила,—передъ нею стояла сусидка Стручыха.

— Нещасте!—крыкнула.

— Яке?—спыталася, вся похоловшы, Гаинка.

— Зинька твого на луци знайдено... побытого...

Гаинка захыталася и впала бъ, якъ бы не вхопылася за одвиркы.

Зъ-за Стручышынои постати побачыла: у двиръ увиходыло трое людей и несло... Струкъ изъ Васютою держалы за плечи й за голову, а Струкивъ наймытъ за ногы.

Гаинка дывылася на ихъ, якъ воны вступылы въ двиръ и йшлы обережно, помалу. Дывылася не одводючы очей, вся закамъянившы, не можучы ворухнутыся.

Воны пидходылы блыжче. Тило трохы згыналося посередыни вныизъ; безсыло хыталася, звысаючы, одна рука; голова зъ мертво блидымъ облыччемъ одкынулася назадъ и лежала трохы бокомъ на Васютыній руци; видъ устъ, трохы роскрытыхъ, значылася по щоци и потимъ на билому комири сорочкы темночервона смуга.

Воны пидійшлы до хаты, Стручыха оступылася, а Гаинка стояла нерухома и все глядила.

— Гаинко, оступысь!—промовывъ Васюта.

— Ай!—скрыкнула та, вхопывшыся за серце, и впала.

Стручыха кынулася въ сины, вхопыла по-пидъ плечи Гаинку и видтягла іи видъ дверей. Чоловикы понеслы Зинька въ хату.

Трохы згодомъ Васюта вже бигъ верхы въ Чорновусъ по ликаря...

Зинько лежавъ на лижкови. Винъ опрытомнивъ уже, але бувъ такый знеможеный, що не здужавъ озыватыся и лежавъ, заплющывшы очи. Кровъ зъ облычча ёму змыто, але сорочкы, всіеи закривавленои, не зважылыся скынуты: вона прыкыпила до тила: скынулы саму чумарку. Гаинка сыдила биля лижка въ ногахъ и дывылася на блиде Зиньково облычче. Сыдила якъ вытесана зъ каминю, дывылася застыглымъ нерухомымъ поглядомъ. Ій здавалося, що винъ уже вмирае.

Въ другій хати маты, прыпавшы навколишкы передъ образамы, молылася. Благала не виднrматы въ неи останню надію въ жытти...

А на двори Струкъ росказувавъ дидови, якъ винъ изнайшовъ Зинька на луци, якъ поклыкавъ на помичъ наймыта й Васюту, що на той часъ ишовъ вулыцею...

Ажъ писля обидъ прыйихавъ ликарь. И то довго вмовлявъ его Васюта: все не хотивъ йихаты, казавъ, щобъ Зинька до ёго прывезено.

Увійшовшы до хворого, заразъ повысылавъ обохъ жинокъ геть, «щобъ не рюмсалы», лышывъ тилькы дида та Васюту и почавъ оглядаты побытого. Треба було скынуты сорочку. Дидъ изъ Васютою обережно пидвелы Зинька, а ликарь почавъ скыдаты. Сорочка попрыкыпала до тила вкупи зъ кровъю. Ликарь ставъ іи виддыраты,—Зинько злегка застогнавъ.

— Не манижся! Не маленькый!—гарыкнувъ на ёго ликарь.

Але якъ скынувъ сорочку, то побачывъ, що було чого «манижытыся»: спына, груды, плечи—все було въ страшныхъ сынякахъ, все попухло, тило побыто такъ, що поробылыся велыки раны кривави.

— Добре впіймавъ!—крутнувъ головою ликарь.—Пъяный мабуть побывся зъ кымъ?

Хворый мовчавъ.

— Хто тебе побывъ? Чуешъ?

— Не знаю...—простогнавъ хворый.

Ликарь ще поглянувъ, прыпавъ ухомъ до грудей...

— Гум... У середыни багато пошкоджено... Треба тоби перейихаты до Чорновуса въ ликáрню... Не буду жъ я до тебе щодня йиздыты!

— Не хочу... я буду дома...—прошопотивъ Зинько.

— «Не хочу, я буду дома!»—перекрывывъ ёго ликарь.—Уси вы боитесь тіеи ликáрни, якъ чорта, а чого? Зйидять тебе тамъ, чы що? Та хыба вамъ що втовчешъ у дурну довбешку!.. Якъ знаешъ!.. То жинка твоя тутъ сыдила? Поклычте іи!

Васюта поклыкавъ. Увійшла Гаинка.

— Ну, слухай!.. Та не кысны, бо терпиты не можу рюмсання!—гримнувъ ликарь, хочъ у занимилои Гаинкы й слёзыны на очахъ не выдко було.—Ось тоби ликы...—и винъ почавъ роз-

сказуваты. Гаинка мало що розибрала зъ ёго московськои мовы, тилькы останни слова добре зрозумила: щобъ доглядала, а то вмре...

Якъ ликарь выходывъ, дидъ Дорошъ изъ Васютою прыпыныли ёго въ синяхъ.

— Скажить, пане,—спытавъ дидъ,—чы винъ буде жыты, чы ни? По правди!

— Якъ вычухается, то буде,—видмовывъ ликарь.

— Пане!—загомонивъ Васюта, що хочте визьмить, тилькы выгойте ёго!—и слёзы закапалы ёму зъ очей.

— Не рюмсай!.. Що ты ёму—братъ, чы родычъ якый?

— Товарышъ...

— Дакъ чого жъ и кыснешъ? Я не Богъ!.. Понапываются, побъются, а ты ихъ воскрешай!.. Давъ же ликы... Якъ не стане,—зновъ прыйидешъ.

Ликарь выйшовъ зъ синей и скóчывъ на брычку.

— Рушай!

Дзвоныкъ задзеленчавъ.

Дидъ махнувъ рукою.

— Чортъ зна що! Ничого зъ сёго ликаря не буде.

— Чому жъ не буде?—спытавъ Васюта.

— Ну що воны тямлють, си ликари? Ничогисинько! Отъ тилькы до одного й голинни: якъ попадется до ихъ чоловикъ, то заразъ ёму руку або ногу видризаты, а то й зовсимъ требушыты бидолаху... Хыба я не знаю, на що ёму Зинька въ ликáрню? хотилося подывытыся якъ тамъ у серéдыни побыто! Давъ бы чогось, що той бы й сконавъ, а тоди бъ и покарбувавъ. Ризныкы та й годи!..

— Та пострывайте жъ, диду,—може жъ цей ище й не такый?

— Уси воны однакови!..

Тымъ часомъ Гаинка сыдила биля хворого. Винъ лежавъ нерухомо, все заплющывшы очи, хрыпко дыхаючы, не озываючысь. Иноди тилькы прохавъ пошепкы пыты, и Гаинка подавала ёму тремтячою рукою воды. Пидводыла ёму голову, винъ на

хвылынку прыпадавъ смажнымы устамы до кухля и знову лежавъ, якъ мертвый.

Прыходылы Карпо й Дмытро,—винъ не озвався до ихъ, та воны й не займалы ёго...

Насунула ничъ. Гаинка все сыдила биля лижка й дывылася на Зинька. Пры темрявому свитли видъ маленькои лямпочкы ёго облычче здавалося ще блидишымъ, ще мертвишымъ. И такымъ помертвилымъ бувъ теперъ Гаинци ввесь свитъ. Винъ жывъ и озывався до неи тилькы тоди, якъ жывъ и озывався Зинько.

Якъ же винъ лежавъ такый нерухомый, тоди и въ Гаинку вступала тая нерухомисть. Мовъ усе тило обважніе, застыгне, не ворухнется. И вкупи зъ тиломъ застыгае, ниміе душа и озывается тилькы на Зинькивъ рухъ, на Зинькивъ голосъ.

Въ голови тилькы одна думка: оти ликаревы слова: доглядай, а то вмре.

Страшна була тюрма, якъ у ій сыдивъ Зинько, але се страшнише. Колы бъ Зинько пишовъ навить у Сибиръ, то винъ бувъ бы жывый, и вона пишла бъ слидкомъ за имъ, вона жыла бъ изъ имъ. Тюрма вернула бъ ище ій Зинька, смерть не верне.

Доглядай, а то вмре! Вона доглядала. Пыльнувала кожного ёго руху, дослухалася до кожного подыху... Винъ ще дыхае, ворушыть устамы, жыве... Жыве й вона...

Такъ промынула ничъ, промынувъ другый день. У вечери маты й дидъ хотилы положыты іи спаты. Вона мовчкы похытала головою и зосталася биля лижка.

Сыдила знову всю ничъ, не помичаючы ничого навкругы, тилькы бачыла Зинька, тилькы прыслухалася, якъ ёго палке дыханне выхоплювалося зъ пиводкрытыхъ усть.

А винъ спавъ и де-дали дыхавъ ривнище, спокійнище. Удосвита ёго дыханне зробылося таке ривне й тыхе, що Гаинци здалося мовъ уже винъ перестае дыхаты... Нахылывшысь надъ имъ, слухала довго...

Розвыднылось. Зинько поворухнувся, росплющывъ очи и вперше озвався голоснише:

— Гаинко!..

Винъ звивъ руку и за шыю прыхылывъ іи голову блыжче до себе, промовывшы:

— Мое серденько...

И вразъ Гаинка скрыкнула голоснымъ плачемъ и выбигла зъ хаты. Маты й дидъ Дорошъ злякалыся й кынулыся до Зинька, думаючы, що винъ уже вмеръ.

А Гаинка выбигла въ протывну хату, впала передъ образамы и рыдала такъ, що ажъ груды ій розрывалыся. Але почувала, що зъ тымъ плачемъ верталася до неи сыла, ожывала душа, якъ земля, морозомъ згничена, видъ сопяшного погляду ожывае.

Винъ озвався!.. Винъ буде жывый!.. Се вона знала и ожывала сама...

Дидъ знайшовъ іи й прывивъ знову до Зинька...

Ввечери Гаинка такы намагалася сыдиты ничъ, але й сама не помитыла, якъ заснула, схылывшысь на лаву,—се була вже ій четверта ничъ безъ сна.

Маты зъ дидомъ пыльнувалы хворого...

Другого дни ёму знову трохы полегшало, та тилькы жъ трохы. Мынувъ тыждень,—Зинько все лежавъ. Тяжки думы снувалысь у ёго въ хворій голови. За що? Що винъ лыхого зробывъ людямъ? Винъ тилькы оступався за правду, а воны ганьбылы ёго, въ тюрму закынулы и теперъ трохы не вбылы, здоровля збавылы. Чы то жъ правда йе на свити? Колы теперъ таке, то дали ще гирше буде: и зовсимъ ёго вбъють. Добуватымется, досягатыме чогось, а смерть у-разъ усе зруйнуе... Та й чы добудется чого? Колы въ ихъ така сыла и ничого воны не страхаются робыты. Ой, чы не краще воно буде не змагатыся вже, облышыты це все та, колы Богъ дасть ёму здоровля, тыхо жыты, никого не займаючы, щобъ и ёго не займано?

Отъ и хазяйство. Тоди бильше якъ тры мисяци згаявъ, у тюрми сыдючы,—воно жъ у господи не побильшало, а поменьшало. А теперъ? Хто ёго зна докы ще винъ лежатыме. А на двори жъ весна вже зеленіе, треба жъ и сіяты й ораты. Хто жъ те все зробыть? Будуть воны сёго року безъ хлиба сыдиты!..

Якъ гарно, якъ добре було торикъ по весни, якъ ище ничого сёго не почыналося! Зинькови згадався той день, якъ винъ ишовъ торикъ полемъ на пасику та озыравъ хлибъ высокый та буйный, що хвылямы, хвылямы котывся попередъ имъ. И такъ мовъ запахло Зинькови тымы пахощамы полёвымы, мовъ повіяло на ёго тымъ витромъ теплымъ и потягло ёго въ поле непереможною могучою сылою... Пидвився, хотивъ устаты и гострымъ бо́лемъ пройняло ёму груды,—упавъ назадъ, на подушку...

— Земленько моя ридна, ты жъ неорана-невпорана лежышъ! Та хто жъ тебе зъоре, хто жъ тебе засіе, хто жъ тебе жытамы-пшеныцямы покрые? Лежыть твій робитныкъ якъ колода, рукою не рухне, ногою не ступыть на тебе, моя земленько!.. Сыротою ты зостанешся недоглянутою, а мы безъ хлиба святого...

И буйни слёзы котылыся въ ёго по облыччу...

Треба щось же ёму думаты,—такъ же не можно. Прохавъ дида щобъ той найнявъ наймыта—удвохъ изъ наймытомъ хочъ трохы впоралы бъ земли. Дидъ казавъ: «Добре! добре!», а наймыта Зинько такъ такы й не бачывъ—отъ уже тры дни, а все нема.

Ввечери Зинькови такъ полегшало, що винъ уже сыдивъ на лижкови зъ закладеною за спыну подушкою. На столи блымала лямпочка, а биля неи, зъ шытвомъ у рукахъ, сыдила Гаинка. Зинькови выразно було выдко іи схылыне до роботы облычче, поблидле за турботамы та за бесоннымы почамы.

— Якъ ты змарнила, Гаинко!—промовывъ Зинько.

— Мовчы вже! самъ гарный!—видказувала вона жартомъ, удывляючысь у знеможене Зинькове облычче, що здавалось ище страшнишымъ у темнишому куточку.—Самъ гарный: жовтый, якъ вискъ, а худый, якъ скипка, ще й очи позатягало, а пидъ имы мовъ хто чорнымъ попидводывъ.

— Може ты?—шуткувавъ Зинько.—Ты жъ прымазувала оце колысь.

— Отъ, немала бъ чого робыты!.. Онъ треба тоби сорочку къ Велыкодню пошыты, щобъ ты не бувъ такый сердытый, якъ витеръ, що якъ ёму маты дасть товсту сорочку, то винъ заразъ

роспустыть губы та й почне зъ серця віяты, що ажъ дерева стогнуть... Стрывай, онъ хтось иде!

Въ синяхъ справди щось тупало. Двери видчынылыся, и въ хату вступылы Карпо та Васюта, а за имы дидъ Дорошъ.

— Здоровъ, брате! Ще не спышъ? О, та ты вже сыдышъ! Пишлы наши вгору, якъ той цыганъ!—выгадувавъ Васюта.

— Сыджу... Сидайте й вы!..

— Спасыби... Такы тоби полегшало, Зиньку?—пытався Карпо.

— Полегшало...

— Дай, Боже, щобъ и вставъ швыдко! Тоди заразъ можно буде позываты тыхъ, хто побывъ тебе.

Зинько махнувъ рукою:

— Про що думаты!.. Хочъ бы одужаты!.. Та й на кого я жалитымусь? Хыба я знаю хто се зробывъ? Я жъ никого не пизнавъ.

— Повыненъ урядныкъ изнайты!.. А колы не знайде, то въ гóродъ жалитыся. Не можно жъ такъ лыходіямъ безбожнымъ попускаты. Не послухалы тоди слова мого, а истыно воно булокары на ихъ велыкои треба, хочъ бы й смерты завдаты лютымъ, то й того воны заробылы грихамы своимы.

— Годи бо, Карпе, облышмо се!—прохавъ Зинько.—Ёму було тяжко теперъ про се говорыты.

— И справди хай ёму, Карпе!—сказавъ Васюта.—Говоримо краще чого прыйшлы. Адже мы до тебе за диломъ.

— Скажете.

— Та выдавай лышъ намъ зерно!

— Яке зерно? На що?

— Ото—на що! А ще хазяинъ! Щобъ сіяты,—хыба жъ на що?

— Та де жъ ёго сіяты?

— На твоій ныви. Мы вчора та сёгодни ще й оралы.

— Якъ то?

— Чы ты не знаешъ, якъ орють? За чепигы рукамы та й гей-собъ, мурый!.. Карпо та Дмытро, та зъ Савкою Мыхайло-помагайло, та оцей Васюта, що говорыть тута, та оцей дидусь Доронъ, що надъ имы командувавъ, та заходылыся ораты та й выоралы, а ты, пане господарю, добре теперъ дбай та имъ порядокъ давай—де та що сіяты!

Зинько похылывъ мовчкы голову, и слёзы забренилы въ ёго на очихъ.

— Ну, отъ и похнюпывся! Та ну бо глянь веселенько та розскажы намъ гарненько що робыты!

— Братикы мои ридни, спасыби вамъ за велыку ласку! Покы жывый буду,—не забуду іи!.. И вамъ, и дидови...

— Отъ гляньте вы на ёго!—засміявся Васюта.—Наговорывъ симъ мишкивъ гречанои вовны, а все пивтора людського, що й купы не держытся! Ты ёму про дило, про зерно, а винъ тоби про ласкы! Та намъ не треба ніякои ласкы,—намъ треба твого зёрна!

— Вы, братчыкы, мовъ удруге мене на свитъ оце народжуєте!..—казавъ Зинько.—Бо теперъ мени легше й на сонце дывытыся за такымъ щырымъ прыятельствомъ.

— А якъ же ты есы думавъ соби?—загомонивъ Карпо.—Одно въ насъ товарыство, однымъ дышемо духомъ, то чы покынемо жъ товарыша въ прытузи велыкій? Не треба було бъ и товарыства ніякого, колы бъ мы въ помочи не ставалы одынъ одному, про себе самыхъ тилькы дбаючы.

— Правду, Зиньку, хлопци кажуть!—озвався дидъ Дорошъ.—Отакъ и треба по людському, а не то що деры зъ кого попадя безъ ніякого жалю! Отъ ій-бо, веселише й жыты на старисть стае, такыхъ добрыхъ людей бачывшы, якъ оци хлопци!

— Хлопци та й хлопци!—гукнувъ Васюта.—Що се за напасть така, що все на хлопцивъ? Наче я дурно робывъ Зинькови чы що? А ни же! Ось нехай лышъ устане, а мене тымъ часомъ побъють,—бо вже вдруге каминюкою хтось кыдае,—то буде винъ робыты на мене, ажъ кректатыме! Отъ побачыте!.. Я ёго запряжу!..

Вси засміялыся, а Васюта сыдивъ поважно й щыпавъ свого билявого вусыка.

— Мои жъ вы добри!—казавъ Зинько зъ блыскучымы ще видъ слизъ очыма.—Нехай вамъ такъ Богъ допоможе, якъ вы мени допомоглы! Якъ бы вы зналы!.. Вы мени й душу немовъ ожывылы!.. Отъ прысягаюся: покы вику мого, поты зъ вамы!.. Будемо свое робыты, якъ Богъ велыть, – нехай хочъ и повбываютъ насъ! Мы своимъ не поступымося... Що Богъ дасть!..

— Не поступымося ни въ викъ!—промовывъ Карпо мицнымъ поважнымъ голосомъ.

Стыхлы вразъ, тилькы у всихъ блыщалы очи, променіючы однымъ почуваннемъ. А Гаинка чула, якъ ій по за спыною сыпнуло морозомъ, и ій стало такъ дывно и такъ страшно, якъ у церкви передъ сповиддю. Килькы хвылынъ було тыхо, ажъ покы озвався дидъ Дорошъ:

— Дасть Богъ, усе буде гараздъ! Може й ничого страшного не буде,—хыба жъ такы все крывды намъ терпиты! Дай, Боже. щобъ дали легше та веселише жылося!

— Отъ святе слово!—скрыкнувъ Васюта.—Дай, Боже, веселише жыты!

И справди вси повеселишалы за тымъ словомъ и довго ще гомонилы.

Довго й Зинько не мигъ тіеи ночи заснуты. Думка думку наздоганяла. Найбильше на себе ремствувавъ. Хыба жъ не зогришывъ винъ, думаючы облышыты все, покынуты всю справу! А товарыство його дакъ не покынуло! Себе жалчише йому зробылося, а не правды. А забувъ праведныхъ людей.—воны жъ и мукы терпилы, ихъ несвитськымъ катуваннемъ мордовано, на вогни палено... Його тилькы побыто, а воны вмыралы, а своею правдою не поступалыся. Зналы, що хочъ самы помруть, дакъ ихъ смерть иншыхъ до правды прыхылыть и такы направыть людей куды треба... Де жъ вона, та й правда, визьмется, колы коженъ зрекатыметься за неи обставаты? И якъ се винъ чудно думавъ: жыты, никого не займаючы, щобъ и його не займано! Хыба жъ крывда чепляется черезъ те, що іи займають? Вона сама хоче зайняты

чоловика, пидъ себе ёго пидгорнуты, забраты соби ёго сылу. Хочъ якъ ховайся, якъ обмынай іи,—вона сама тебе знайде! Ни. не можно такъ прожыты. Треба зъ нею змагатыся, а тамъ... а тамъ—що Богъ дасть!..

VII.

Л и к ы.

Зинько наче й одужувавъ, але вельмы по-малу. Кашлявъ и казавъ, що болять груды. Чапавъ иноди по хати, бильше то за стины, то за коминъ держучыся; выбирався на прыспу, сидавъ на сонечку... посыдившы трохы, казавъ, що ёму вже важко, и вертався на лижко. Тяжко-помалу верталося здоровле. Васюта йиздывъ разъ у Чорновусъ, прывизъ ще ликивъ, та воны щось мало пособлялы. Самъ ликарь бильше не зайиздывъ.

Дидови Дорошеви ликарь дуже не вподобався. И не черезъ те, що бувъ непрывитный,—отъ, якъ на дидову думку, то вси паны таки, що николы по людському, тыхенько-лагидненько слова не скажуть, а все зъ крыкомъ та зъ гукомъ,—то се не дывына́ була, що й ликарь такый. А оте дидови не вподобалося, що скилькы винъ уже личыть Зинька, а полегкости ніякои нема. Де жъ такы! Се такъ якъ одужуваты, дакъ безъ ликивъ швыдче остербаешъ. Та якъ на дидову думку, то вси ликари таки—ніякого зъ ихъ добра нема, хочъ бы ихъ и зовсимъ не було. Ничого воны не тямлють, тилькы людей псують. Дидъ памъятавъ, якъ ёго одного разу, ще за́молоду, побыто... Дакъ тоди гоивъ ёго Гарасымъ Савчукъ—ото бувъ превелыкый знахорь! Заразъ до ранъ рапныка попрыкладавъ, а пыты давъ такого зилля... ну, й за тыждень винъ здоровый бувъ,—отъ що! А то гоить, гоить отъ уже третій тыждень, а ничого помочи нема. Се такъ Зинько й до осены не вычуняе.

Ге! Якъ бы Гарасымъ Савчукъ жывый бувъ! Дидъ Дорошъ заразъ пишовъ-бы до ёго, попрохавъ бы того зилля, давъ бы

Зиньковн, дакъ уже давно бъ чоловикъ ходывъ та робывъ. Дакъ же вмеръ Гарасымъ—отъ лыхо! А теперъ такыхъ знахоривъ и не чуты щось. Хто жъ бы теперъ? Панасенко? Куды!.. Баба Мокрына? Де тамъ іи!.. Далеко куцому до зайця! Та й Радько... Ни, нема такого!..

Хыба... Отъ хыба глушкивськый Семенюкъ? Кажуть, добре знается на зилляхъ... Та такы дидъ и самъ бувъ одного разу въ ёго,—пособылося... Може въ ёго й те зилле йе, що видъ побытого? Хыба питы до ёго та попытатыся? Догнавъ—не догнавъ, а побигты можно.

И все думавъ дидъ про глушкивського Семенюка. Слухавъ, якъ Зинько кахыкае, дывывся, якъ винъ дыбае по хати, и бачывъ, що немынуче колы не до Семенюка, то ще до якого, знаючи́шого, знахоря вдарытыся.

Прыйшла недиля. Дидъ сказавъ, що пиде до ро́дыча, а самъ махнувъ у Глу́шкивку и вернувся геть пизно ввечери. Другого дни выклыкавъ Гаинку зъ Зиньковои хаты въ протывну и показавъ іи пляшку.

— Бачышъ, унучко, се?

— А що жъ то?

— Здоровле твоему Зинькови.

— Якъ то?

— Дякуй цидови! Быто колысь и мене за́молоду, да я не кволывся стилькы, якъ Зинько. Бо мене личывъ не ликарь нетямущый, а на всю округу знахорь Гарасымъ Савчукъ.

И дидъ оповивъ Гаинци шыроко про Гарасыма Савчука.

— Якъ давъ мени зилля, якъ выпывъ я разъ та двичы, та трычы,—стрепенувся та й пишовъ.

— Дакъ може жъ васъ не дуже побыто було, дидусю?

— Знаешъ ты,—не дуже!.. Може ще й гирше, нижъ Зинька!.. А якъ бы мене такый паршывый ликарь личывъ, якъ ёго, то й мени бъ те було. Дакъ я оце дывысь-дывысь на ёго та тоди соби й думаю: добуду я й ёму такого зилля. Та й добувъ!

— Де жъ вы ёго добулы?

— Де добувъ, то добувъ. У Семенюка. Не такый знаючый якъ Гарасымъ, а такы тямущый чоловикъ. Тилькы сказавъ ёму чого мени треба,—такъ заразъ: знаю,—каже,—знаю! Сымъ я багато пособляю людямъ. Я ёму тоди про Гарасыма: якъ бы,—кажу,—такого зилля, якъ у Гарасыма!—Дакъ оце жъ воно йе!—каже.—Я,—каже,—видъ Гарасыма сёго й навчывся.—Дакъ оце й палывъ пляшечку.

— Зинько не буде сёго пыты, дидусю.

— Хыба я твого Зинька не знаю? Такый мудрый, що й знахарямъ не вирыть. Знаю, що не пытыме, а мы зробымо, що такы выпъе.

— Якъ же вы зробыте?

— А такъ: ото Васюта якъ нови ликы видъ ликаря прынесе, дакъ ты ёму ихъ не давай, а сихъ чарочку всыпъ та й скажы, що се видъ ликаря, то винъ и выпъе.

— Ой, боюсь, дидусю!.. Якъ бы шкоды не було!

— Яка тамъ шкода буде? Ніякогисинькои! Казавъ Семенюкъ: зразу одужуваты почне. Отъ сама побачышъ! Якъ выдужае Зинько та розскажемо ёму, то ще й дякуватыме намъ.

И дидъ усе впевнявъ Гаинку, а вона все не зважувалася. Якъ бы се вона хвора була, то заразъ бы хыльнула та й край,—и не думала бъ! А Зинько... Винъ же іи завсигды казавъ, що знахарськи ликы дурныця: якъ же ихъ ёму даваты?

Але тоди й инши думкы поняли іи голову. Добре жъ, якъ воно й безъ того пособытся, а якъ же ни? Ликаревы ликы не дуже пособляють... не самому Зинькови, а й такъ, якъ хто лычытся въ ликаря, то мало помочи... Зинько говорыть, нибы се черезъ те, що ликари непрыхыльни до людей, то й роблють такъ, абы швыдче, а якъ бы схотилы, то моглы бъ дуже добре помагаты. Ну, дакъ колы жъ не хочуть! Однакъ ничого й не буде. А вже якъ знахарь, то пособыть, а надто си ликы: про ихъ уже й дидусь знае, що помагають, на соби досвидчывся. И маты кажуть.. Звисно, Зинько ихъ не схотивъ бы... ну, а якъ ёму не полегшае та винъ умре, то тоди якъ-же? Чы не вынна жъ вона буде сама, не давшы ёму такого зилля, що здоровля бъ ёму вернуло?

И вона боязько, турботно прыдывлялася до Зинька,—якъ ёму: чы легшае? чы выдужуе? А винъ усе кволывся, усе ныдивъ. Мынавъ день, другый, третій—ёму не легшало.

Четвертый день бувъ дуже соняшный, веселый. И Зинько мовъ побадёришавъ: самъ, не держучысь навить, почапавъ по хати и выйшовъ на прыспу. Гаинка й соби сила биля его.

Сонце весело сміялося зъ неба золотымъ смихомъ. Биленьки хмаркы плывлы по блакытному морю, купаючыся въ теплому свитли. Де яки дерева, заспавшыся за довгу зиму, ще чорнилы проты неба голымъ гиллемъ, але верба вже розбуркалася и скризь простягала до сонця блидо-зелене лыстячко. По горбочкахъ та по шпылыкахъ густа трава й соби пиднимала маленьки головкы вгору. Горобци на хати й по тынахъ цвиринькалы такъ весело й моторно, мовъ хотилы сказаты, що й воны знають колы весна. Зъ высокого двору Сывашевого выдко було пивсела. По городахъ скризь метушылася, порпылася жинота, вулыцямы йихалы люде зъ боронамы й мишкамы зерна на возахъ. Зинько дывывся на все те и ёму де-дали все ставало сумнише й сумнише.

— Боже! все ожывае, все робыть, тилькы я мовъ каминь лежу, ворухнутыся на здолію!—промовывъ винъ гирко.

— Не журысь, Зинечку!—розважала Гаинка,—отъ скоро, скоро й ты все робытымешъ—и дома й на поли... отъ побачышъ!..

Вона его розважала, а въ самои щемило серце, а сама думала: чы правду жъ вона каже?

— Дерева вже роспукуются, казавъ Зинько, дывлючысь на свій садокъ, а якъ сіеи весны ни одного деревця не посаджу!

— Въ осены посадышъ, чы на ту весну,—не журысь! Такый садъ, Зинечку, насадымо, що якъ гай буде!.. А ты въ ёму якъ сокилъ будешъ литаты.

— А то жъ, литатыму!—промовывъ гирко Зинько, дывлючыся, якъ, поблыскуючы крыламы проты сонця, лынулы кудысь у повитри пташкы—легеньки та вильни. И винъ додавъ думкою:— Оттакъ жыты бъ хотилося, такъ вильно, легко!.. Полынуты бъ, кынутыся до дила!..

Винъ поворухнувся,—груды заболилы дужче.

Безмирна журба, туга за втраченою сылою обняла ёго...

— Гаинко! поможы мени въ хату... не хочу я тутъ...

Вона пособыла ёму встаты, ввійты въ хату, дійты до лижка. Винъ лигъ и заплющывъ очи. Чорни кругы по пидъ имы вызначылыся ще выразнише. Облычче зробылося таке блиде, мовъ уся кровъ ёго покынула. Спершу дыхавъ важко, потимъ заспокоився, дыханне ставало все ривнише, тыхше... ледви чуты... И Гаинци здалось, що вона вже ёго зовсимъ не чуе, що вже смерть вызырае зъ того блидого облычча... що Зинько вже зовсимъ якъ мрець. Кынулась до ёго, вхопыла за руку:

— Зиньку!

Винъ издригнувся, розплющывъ очи.

— Що тоби, серце?

— Ничого, ничого... се я такъ... Я тебе збудыла... Спы, серденько!

— Ни, я не спатыму...

Але зновъ заплющывъ очи и зновъ лежавъ, якъ мрець.

— Ни, не пособыть ликареве гоинне!—думала Гаинка.— Треба послухатыся дида, бо вже... страшно, страшно й здуматы!..

И вона зважылася.

Того жъ вечора Васюта прывизъ изъ Чорнóвуса ликы. Вона не внесла ихъ до Зинька въ хату, а замисто ихъ поставыла туды дидову пляшку...

Одначе не зважувалася довго. Радила, що Зинько заснувъ звечора, и не треба було ёму даваты ликы. Але якъ прокынувся и сказавъ даты, то мусыла.

Въ неи такъ трусылыся рукы, якъ вона налывала зилле, що пляшка цокотила объ велыку чарку. Налыла и дуже довго затыкала пляшку, ажъ Зинько попытавъ:

— Що се ты тамъ робышъ, що не даешъ?

Тоди вона пиднесла ёму чарку, винъ пидвився, взявъ и выпывъ одразу. А іи вхопывъ холодный страхъ и не помичала, що винъ оддае ій порожню чарку.

Врешти взяла. Винъ лигъ изнову, заплющывъ очи й затыхъ. Лежавъ тыхо.

Ій потеплишало,—вона почынала заспокоюватыся. Одначе не лягала спаты й не гасыла, а сыдила на ослони биля ёго. Винъ, здается, спавъ.

Вразъ винъ росплющывъ очи, пидвився, вхопывся рукою за горло:

— Ой!.. дыхаты!.. давыть!..

Гаинка кынулась до ёго:

— Зинечку! де давыть? що?..

— Горло... въ грудяхъ пече... Дай воды!..

Вона подала ёму кухоль зъ водою. Винъ выпывъ трохы и впавъ на подушку. Вона стояла надъ имъ и дывылася на ёго шыроко росплющеными очыма. Винъ лежавъ тыхо килькы часу, а тоди зновъ ухопывся за груды.

— Воды!..

И видразу ёго скорчыло всёго такъ, що винъ ледви не впавъ зъ лижка. Гаинка вхопыла ёго.

— Диду!.. мамо!.. ратуйте!..—скрыкнула несамовыто.

Крыкъ бувъ такый страшный, що й дидъ, и маты попрокыдалыся и вскочылы въ хату.

— Що се?

— Зинько...

Воны глянулы,—Зинько лежавъ у неи на рукахъ, и на блидыхъ губахъ червонила въ ёго кровъ.

— Зиньку! сыну! що тоби?...—пыталася перелякана маты.

— Воды!..

Ёму подалы воды,—винъ пывъ жадибно. Тоди впавъ знесыленый на подушкы.

Та не багато перепочывъ. Нови корчи вхопылы ёго, и винъ забывся въ матери на рукахъ и знову зачервонила на губахъ кровъ. Дидъ кынувся до ёго зъ водою. Почавъ затыхаты, прыпавъ устамы до кухля...

— Ой, Боже, що жъ я наробыла!—скрыкнула Гаинка несамовыто и впала навколишкы передъ лижкомъ.—Ой, що жъ я, проклята, наробыла,—я жъ тебе, Зинечку, струила!..

Його очи росплющылыся, глянулы на неи дывнымъ поглядомъ.

— Що ты сказала?—ледви вымовывъ.

— Се жъ я тоби не ликивъ дала, а знахаревого зилля!..

— Ты... знахаревого... А я жъ казавъ...—простогнавъ хворый.

— Я жъ думала, що воно пособыть... я жъ не знала, що таке лыхо... я жъ...

— Диду!—промовывъ Зинько,—або самы... або бижыть до Васюты,—хай до ликаря... заразъ...

Переляканый дидъ кынувся, ни слова не кажучы, зъ хаты. Зинько лежавъ, заплющывшы очи, и тяжко дыхавъ. Гаинка все стояла навколишкахъ биля лижка, прытыснувшы рукы до грудей, и дывылась нерухомымъ поглядомъ на Зинька. Винъ мовчавъ довго. Врешти промовывъ:

— Мамо... нехай... вона пиде... Вы сами зостаньтесь зо мною...

Гаинка встала и выйшла зъ хаты.

Выйшла въ сины, повернула въ хыжку и забылася тамъ у найдальшый кутокъ. Сила доли и сыдила такъ у темряви, обхопывшы голову рукамы, прыхылывшы іи до стины.

Чула, що вмирае. Вмирае, бо винъ умиравъ и прогнавъ іи видъ себе.

Знала, що заробыла се.

Ворогы вбывалы,—не вбылы, а вона вбыла, вона своею зрадною рукою подала ёму смерть,

Знала що нема й кары на таке лыходійство.

Душогубови-розбійныкови йе кара, а ій нема, бо нихто такого не зробывъ, якъ вона.

Знала, що ій уже нема ничого на свити, сама темрява.

И вмирала въ темряви.

Не могла ворохнутыся, не могла скрыкнуты, у неи не було вже сылы, іи тило вже не жыло, тилькы душа жыва болила такъ...

О, якъ безъ миры, безъ краю!..

Ся ничъ, ся темрява—вона гнитыла ій душу, роздавлювала, знищувала, а душа все почувала, все болила.

А тамъ Зинько вмирае. И вона не сміе туды питы.

Боже, Боже! На що ся душа невмируща,—хай бы вона вмерла!.. Тилькы бъ не си мукы, не се мордуванне!..

Хочъ бы крычаты здужала!.. Нема голосу...

. . . .

Дидъ вернувся видъ Васюты зъ поганою звисткою: саме якъ Васюта ще вдень бувъ у Чорновуси, ликарь побигъ поштою на станцію, на машыну: на тры дни йихавъ у губернію, въ городъ.

Помочи не було. Зинько выслухавъ се мовчкы.

А дидъ, стоючы надъ имъ, казавъ:

— Зиньку! сыну! просты мене!.. Се я тебе занапастывъ!.. Се я добувъ зилля въ знахаря и Гаинци звеливъ...

Говорывъ хлыпаючы и весь трусывся.

— И вы, диду!..—тилькы промовывъ Зинько та й не сказавъ бильше ничого.

Усю ничъ маты зъ дидомъ булы коло хворого. Разъ-у-разъ ёго корчыло, пекла згага, и винъ пывъ, сылкуючысь іи залыты.

Передъ свитомъ сказавъ:

— Ногы обважнилы...

Маты торкнулася до нигъ,—воны булы холодни. Винъ зрозумивъ се зъ іи погляду.

— Холодни, мамо? Се вже смерть иде.

— Сыночку мій! не кажы такъ!..—простогнала безщасна маты.

— А що жъ, мамо, колы воно правда. Я сёгодни вмру.

Въ хати настала тыша.

Темряве свитло осявало блиде облычче хворого и дви прыбыти горемъ постати коло ёго лижка: маты сыдила, дидъ Остапъ стоявъ, похылывшыся.

Вразъ винъ схылывся до землы и вдарывъ передъ лижкомъ поклона.

— Сыну! Зиньку!.. просты мене!..

— Богъ простыть, дидусю,—я на васъ не гниваюся... Тилькы не кажить про се никому, никому!.. И Гаинци звелить, щобъ не казала...

Дидъ, хлыпаючы, вставъ.

— Сыну!—промовыла маты:—Поклычу батюшку,—може черезъ те Богъ полегкисть пошле.

Хворый помовчавъ, тоди сказавъ тыхо:

— Добре... А вы, дидусю, пидить—поклычте моихъ товарышивъ... усихъ... А до мене хай Гаинка тымъ часомъ увійде...

Маты й дидъ выйшлы зъ хаты, а трохы згодомъ туды ввійшла Гаинка. Тыхо спынылася биля порогу.

— Гаинко!.. иды!.. сядь отутъ... биля мене...

Вона пидійшла покирно и сила на лижкови.

— Дружынонько моя, поцилуй мене!—попрохавъ хворый.

Вона зирвалася, впала навколишкы, обхопыла ёму ногы и почала цилуваты ихъ мовчкы.

— Встань, Гаинко!..

Вона не вставала, а уста шепотилы, прыпадаючы до нигъ:

— Ниженькы мои!.. слидочкы ваши цилувала бъ, якъ бы вы ходылы!.. Не ходыте!.. вбыла!.. отруила!..

— Сядь тутъ биля мене!.. поцилуй въ уста!..

Нахылыся до ёго, цилувала въ уста, въ очи, въ рукы.

— Не ты мене, дружынонько моя вирна, струила... Ты мени здоровля хотила, моя добра... Любывъ тебе на цёму свити и на тому любытыму... Якъ я тебе покыну?.. Така маленька... така полохлыва... Та тебе люде заклюють... Якъ я тебе покыну?

Винъ плакавъ.

Узявъ іи рукы въ свои, прытулывъ ихъ до грудей та й затыхъ, знеможеный. Вона сыдила, не сміючы ворохнутыся.

Видпочывшы, озвався знову:

— Жывы зъ матиррю, зъ дидомъ, не ходы до батька: тамъ тебе занапастять... Никому не кажы про знахареве зилле. Чуешъ? Я тоби велю. И дидови й матери звеливъ... И сама забудь про се... Не думай!.. Мени однакъ умираты було,—довго не прожывъ

бы... Байдуже, колы трохы швыдче... Тилькы тебе жалко покыдаты... Ище жалко: не зробывъ... Охъ!..

Затыхъ изнову.

У неи душа крычала видъ несвитського болю, але ни одне слово не проходыло кризь уста.

У синяхъ затупотило. Се прыйшовъ батюшка...

Видбулы его...

Уже розвыднылося зовсимъ, якъ кругъ Зинькового лижка посталы товарыши.

— Пидведить мене!—промовывъ хворый.

Пидвелы, заложылы за спыну подушкы. Винъ сивъ.

— Уже груды ниміють... Часъ прыйшовъ умираты... Якъ сыдивъ у тюрми,—запрысягся не покыдаты сёго дила—за правду стояты... Не судывъ мени Богъ справдыты мою прысягу... Короткый мій викъ... Може Богъ васъ довшымъ благословыть... Нехай моя прысяга буде вашою!.

— Буде!.. буде, братику нашъ, товарышу нашъ вирный!..

— Спасыби!.. Добувайтеся правды!.. Тяжко безъ свиту!.. Де винъ?.. де винъ?..—пытавъ хворый, уже блудючы словамы.— Колы бъ хто показавъ!..

Затыхъ на мыть, опрытомнивъ.

— Маты стара зостается въ мене, дружына молода—зъ дидомъ нехай воны въ сій хати жывуть... А вы ихъ доглянъте, братикы!..

— Доглянемо!.. не турбуйсь тымъ!..

— Хай вамъ Богъ заплатыть!.. Мамо! Спасыби тымъ рученькамъ, що мене носылы-годувалы!.. тымъ ниженькамъ, що за мною ходылы!.. Прощавайте, мамо!..

Рыдаючы, прыпадала до ёго маты.

— Гаинко! дружыно моя вирная, серденько мое дорогесенько, раю мій любый!.. Прощавай!..

Вона мовчкы до ёго прыпадала, не можучы вымовыты слова.

Тоди прощався зъ дидомъ, зъ товарышамы и кожному казавъ останне прывитанне.

А воны пыталы:

— Кажы, брате,—може ще що звелыш.

— Ничого не звелю,—тилькы не забудьте мого заповиту!..

— Не забудемо!..

Глянувъ по хати.

— Одчынить викно!..

Видчыпылы.

— Хочъ бы сонце зійшло... Якъ темно!..

Сонце ще не сходыло.

— Гаинко!..

Кынулася до його,—винъ прыхылывъ іи голову соби на груды...

— Ще не зійшло сонце?

— Скоро зійде,—видказавъ Карпо.

Стыхъ на хвылыну, тоди ворухнувъ устамы:

— Прощав...

Зитхнувъ тыхо, не доказавшы слова, и голова ёму похылылася внызъ...

Рука впала зъ Гаинчынои шыи...

В. Гринченко.

У Чернигови, 1901.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.[1]

Жилье.

Выборъ мѣста подъ хату. Обряды закладинъ, накладки потолка и входинъ. Примѣты на новосельи. Надворныя постройки. Наружная сторона хаты, внутреннее ея расположеніе: пороги, печь, углы, хатнія примѣты.

Хозяинъ, замѣтивъ ранней весной мѣсто усадьбы, прежде всего оттаявшее и просохшее, на которомъ и впослѣдствіи не бываетъ по утрамъ обильной росы, предназначаетъ это мѣсто для хаты, если оно выдержитъ слѣдующія испытанія. По обозначеніи кольями размѣровъ будущей хаты, выкапываются четыре ямки на мѣстѣ предполагаемыхъ сохъ и въ каждую изъ нихъ кладется по горсти въ тридевять зеренъ жита вмѣстѣ съ кусками ржаного хлѣба, на три ночи подрядъ. Если утромъ горсти эти окажутся нетронутыми, то смѣло можно строить домъ на томъ мѣстѣ: онъ будетъ хорошій, полный. Разгребенная же рожь указываетъ на будущую убыль: семьи—если тронута кучка на предполагаемомъ

---

[1]) Подъ такимъ названіемъ предположено мною дать къ XII Харьковскому Археологическому Съѣзду рядъ отдѣльныхъ очерковъ по мѣстной хозяйственной этнографіи, обнимающихъ какъ потребности человѣка: пищу, одежду, жилище, такъ и источники удовлетворенія: земледѣліе, скотоводство и другіе.

«полу» (мѣстѣ ночлега семьи), скота—если тронута покутняя горсть, собаки—въ углу у дверей и кошки—на печкѣ (Силькись, бо не буде кота хочъ доставай, хочъ ни!). Совѣтуютъ поэтому, въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣсколько передвинуть сохи на другое мѣсто. Одновременно съ этимъ опытомъ, хозяинъ и самъ долженъ лечь на томъ же мѣстѣ и прислушиваться. Хорошо, когда вблизи раздастся пѣсня, когда же послышится плачь, то нечего разсчитывать на счастіе въ новомъ домѣ. Въ частности, ржаніе лошади, мычаніе коровы, птичій крикъ считаются указаніемъ, что такія животныя будутъ хорошо плодиться въ новомъ хозяйствѣ; поэтому невыгодно услышать собачій лай. Еще оставляютъ на ночь въ предполагаемомъ мѣстѣ стола жито, хлѣбъ, соль. Если забѣжавшая собака съѣстъ хлѣбъ, но оставитъ вещественные слѣды своего пребыванія, то въ новой хатѣ будетъ довольство и прибыль. Вообще слѣды собаки, кота или коровы, замѣченные на мѣстѣ, отведенномъ подъ домъ, очищенномъ и посыпанномъ пескомъ, считаются хорошимъ предзнаменованіемъ: отпечатки-же конскихъ копытъ и людскія ступни — дурнымъ. Кромѣ того, при выборѣ мѣста жилья ставятъ еще чарку съ девятью ложками воды. Прибывающая за ночь, льющаяся черезъ край вода, предсказываетъ благополучіе,—«вона ущербыться якъ не буде фортуны ни на скотыну, ни на птыцю, ни на диты». Переворачиваютъ также въ новомъ домѣ сковороду, чаунъ или горшокъ и подъ него кладутъ овечью шерсть (вовну). Если шерсть вспотѣетъ, а на сковородѣ обнаружится роса, то хата будетъ сырою [1]). Нельзя вновь строить хату на томъ мѣстѣ, гдѣ уже однажды была жилая постройка безъ нѣкотораго передвиженія и измѣненія размѣра ея: «неможна скапынъ занять у хату»; нельзя

---

[1]) Подобныя повѣрья приведены кратко у Чубинскаго (1., Тр. экспед. т. 1., в. 1., 101 и 2, Тр. т. VII., ч. III., 375) у Nowosielskiego (Lud Ukr. Wilno 1857. T. I., 163) считается благопріятнымъ предзнаменованіемъ появленіе муравьевъ подъ сковородой; у великороссовъ же по Костомарову («Очеркъ жизни великор. народа», въ Соврем. 1860 г., X, 523) муравьи или паукъ подъ корой бываютъ къ несчастію,—черви къ удачѣ.

и уменьшать бывшей постройки—уменьшится семья. На мѣстѣ же сожженнаго молніей строенія никогда уже не воздвигают новаго.

Хозяинъ и хозяйка, которая при постройкѣ хаты «у первій голови», взвѣсивъ всѣ приведенныя обстоятельства, обращаются къ мастерамъ,—обыкновеннно къ двумъ. Послѣдніе являются осмотрѣть вывезенный зимой и сложенный лѣсъ и подрядиться. «Любить дерево», начинаетъ переговоры хозяинъ, «и кажить цину».—35 карбованцивъ[1]).—«То дорого, берить 15»[2]).—Э, не хочемо робыть: попотесаты отстилькы!—«Подумайте, а я прибавлю. Хотилося шобъ вы зробылы: онъ зробылы Грыцьку, та такъ гарно—не дорожиться! Могорычъ вамъ буде шо дня,—воно й то шось стоить».—Ни, якъ шо не такъ, то шукайте соби; хай вамъ люды роблять.—«А, ке́пови хлопци, дорого хотять! Ну, уважте трохы, а я прыбавлю: нехай четвертна. Иды, молодыце, прынесы пивкварты та выпьемъ могорычъ».—Та глядить мени, шобъ хата не чадна!—требуетъ баба.

Явясь на усадьбу исполнять заключенный такимъ образомъ договоръ, мастера прежде правятъ дерево, потомъ основываютъ хату на землѣ, кладутъ ощепины, стропила и прибиваютъ по двѣ жерди (латы). Появленіе паутины на замкахъ сложенной хаты считается благопріятнымъ признакомъ. Потомъ хату опять разбираютъ, мѣтятъ деревья топоромъ, чтобъ не смѣшать ихъ при дальнѣйшей постройкѣ, закапываютъ сохи въ ямы, куда предварительно бросаютъ нѣсколько зеренъ жита и 1—2 коп. для богатаго, счастливаго житья, и затѣмъ хозяинъ назначаетъ «лехкій динь» (по Вильшанскому произношенію)—не понедѣльникъ, субботу или дни св. мучениковъ—для закладчынъ, «закладать сволокъ». Въ назначенный день, хозяйка выноситъ собравшимся мастерамъ, родичамъ и сосѣдямъ водку, хлѣбъ-соль и тотчасъ же развѣшиваетъ на сволокѣ кожухъ шерстью вверхъ. Хозяинъ, отпивая по обычаю первымъ, произноситъ: «Дай же, Господы, шобъ

---

[1]) и [2]) Найбольшая и наименьшая цѣны за постройку хаты, средняя теперь 25 руб.

намъ благополушно прожыть у новóму доми: мени и хазяйци и моему чадови: шобъ мы диждалы поженыть и поддавать и шобъ Господь хранывъ и пожаромъ и худимъ случаемъ. И шобъ вы, майстри, мени за гроши подякувалы, а я шобъ вамъ за роботу». Мастеръ также пьетъ и отвѣчаетъ: «Господы поможы и благословы! И пресвятая Богородыце помолы свого Сына за сей домъ, шобъ Господь давъ имъ благополушну жизнь. И святый анголъ молы пресвятую Богородыцю за сей домъ». Послѣ этихъ пожеланій начинается поднятіе и укладка сволока мастерами при содѣйствіи присутствующихъ. По народному вѣрованію мастеръ закладываетъ сволокъ непремѣнно на чью нибудь голову. Онъ дѣлаетъ это умышленно; напримѣръ, недовольный хозяиномъ, стучитъ трижды обухомъ въ «голову» сволока (часть, обращаемую къ покутю и образамъ) и говоритъ: «Стукаю я сволокъ у голову, щобъ стукало у голову хазяину, покы жызнь ёго симьи и до свого вику шобъ винъ не дожывъ!» или мимовольно, заслышавъ голосъ человѣка или животнаго, онъ закладываетъ на голову этого существа и послѣднее недолговѣчно. Поэтому лучше молчать во время установки сволока. Даже простая небрежность мастера опасна: если онъ имъ ударитъ о дерево, то хата будетъ угарной. Подъ голову сволока кладется обыкновенно ладанъ въ предупрежденіе грозовыхъ ударовъ, а съ противоположнаго (глухого) конца—кусочекъ хлѣба съ солью и мелкая монета для изобилія, и овечья шерсть (вовна)—для сухости и теплоты. Когда сволокъ установленъ, хозяинъ куритъ ладаномъ и кропитъ со всѣхъ сторонъ избу освященной водой, а мастера нарубливаютъ на каждой угловой сохѣ по три креста, приговаривая: «во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь!» Сверхъ третьяго креста зарубливается топоръ носкомъ въ стѣну. Недоброжелательный мастеръ роняетъ топоръ и самую молитву читаетъ наоборотъ (навпакы): не во имя Отца и т. д. Если въ постройкѣ участвуютъ четыре строителя, то каждый обязанъ нарубить кресты на особой сохѣ. Къ покутней сохѣ навсегда прибивается маленькій деревянный крестикъ. На зарубленный въ стѣну топоръ хозяинъ вѣшаетъ каждому мастеру по дешевенькому платку, а платки, назначенные крестнымъ отцу и матери—на

сволокъ. Затѣмъ на послѣдній усаживается мастеръ верхомъ, какъ на коня, и требуетъ себѣ хлѣбъ, соль, рушникъ и водку, говоря: «А, ну! теперъ я сивъ на сволокъ, давай мени, хазяине, чарокъ сорокъ!» Хозяинъ подымается такъ же на сволокъ съ квартой водки по правилу: сволокъ на хату, а кварта водкы у хату. Начинается угощенье. «Пыйте, мастри, тай пыйте!» упрашиваетъ хозяинъ.—Спасыби Вамъ, дай Богъ здоровья! Колыбъ намъ Богъ помигъ кончыть безъ урону,—отвѣчаютъ мастера.—«Не зробыть мени ничого худого, а я за Васъ буду Бога молыть». —Ну, лый! Дай же, Господы, фортуну! Шобъ Господь хлибъ родывъ у поли на сю хату и шобъ вона була суха и весела и шобъ вы диждалы въ сій хати дитей благословыть и за своими дитьми подаркы получыть!—«Спасыби! Дай Богъ здоровья за добре слово. А, ну, хазяйко, лизь и ты до насъ. Хозяйка лѣзетъ и потчуетъ: «Будьмо здоровеньки, посылай Господь на благополучія, на здоровья, на многія лита!» Мастерамъ, сидящимъ на сволокѣ, даютъ водку, сколько бы они ни пожелали, также и закуску, но недоброжелатель не станетъ закусывать. Обѣденный столъ на закладинахъ заключается въ борщѣ, локшинѣ, пирогахъ, варенивахъ со сметаной или яичницѣ съ саломъ, вареныхъ грушахъ. Гости подчиняются извѣстнымъ правиламъ: приходятъ съ хлѣбомъ солью непремѣнно въ двери строющейся избы, садятся, перекинувъ обѣ ноги черезъ постланныя доски [1]). И опять хозяинъ, выпивая первый, провозглашаетъ: «Дай, Господы, мени зъ своею хазяйкою въ сій хати жыть и дитей дружыть! Спасыби вамъ! дай, Боже, здоровья, що не забуваете мене!—Дай, Боже, отвѣчають гости, шобъ весело й гарно и въ поли, и въ доми, и въ скотыни и въ дытыни! Шобъ у поли хлибъ родывъ, а на симъ двори шобъ Господь скотыну плодывъ. Шобъ диждалы, кумасю, благословыть сынивъ и невистокъ набралы и дочокъ поддавалы!—

---

[1]) О посадкѣ во время ѣды у различныхъ народовъ у C. Haberland, «Ueber Gebräuche und Aberglauben beim Essen». въ Zeitsch. für Völkerps. und Sprachwis. Leipzig. 1888., III., 255. Мекленбургцамъ напр., какъ и у насъ, нельзя ѣсть со скрещенными ногами.

Выпивъ хозяйскую водку, гости складываются, посылаютъ за водкой, пьютъ и веселятся до утра.

Послѣ закладинъ, отважный хозяинъ еще разъ можетъ узнать грядущую судьбу. Для этого онъ долженъ поставить борону въ новой хатѣ, повѣсить на боронѣ хомутъ и, разведя небольшой огонь, смотрѣть сквозь борону. Если предстоитъ благополучіе, то придетъ заливать огонь существо въ шерсти, а если бѣдность, то придетъ голое и, выгнувъ бокъ, погрѣется у огня.

За окончаніемъ деревянныхъ частей хаты, слѣдуетъ мазка ея, начинающая съ потолка, и соединенная съ особымъ обрядомъ—«накладкою стели». День для этой первой мазки назначается такой же легкій, какъ и на закладины, не пасмурный, не дождливый, иначе постройка останется навсегда сырою, обыкновенно на второй или четвертой лунныхъ фазахъ: «на пидповнимъ мисяци, або тоди, якъ повный мисяць зъ круга зверне». Предъ началомъ хозяинъ куритъ ладаномъ и прилѣпляетъ зажженную страстную свѣчу къ покутней сохѣ. Мазальницы (мази), сосѣдки и родички или поденщицы, душъ 10—15, замѣсивъ глину съ навозомъ, иногда съ мелкой соломой или житной и пшеничной половой, предлагаютъ хозяйкѣ: «ну, мамо, почынай!» Хозяйка лѣзетъ съ подругами на чердакъ, а хозяинъ подаетъ туда: первые вальки глины, мелкія деньги и рожь или смѣсь всѣхъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса и гречки. Хозяйка разсѣваетъ зерна на четыре угла и, приговаривая «Господы благословы!» кладетъ первые три вальки глины съ заложенными въ нихъ копѣйками въ покутній уголъ, а потомъ вмѣстѣ съ мазями и въ остальные углы. На чердакѣ появляется водка и закуска; бабы садятся въ кругъ и пьютъ съ пожеланіями: «Дай, Боже, шобъ дитей дружыть и въ свити жыть!» Смазавъ (накыдавъ) потолокъ, бабы слазятъ внизъ и просятъ хозяина: «Прылывай, хазяине, гарненько, шобъ стина була гладенька та римненька». Выпьютъ и принимаются мазать стѣны. Опять хозяйка кладетъ первый валекъ съ мелкой монетой возлѣ покутней сохи, а затѣмъ съ мазями—и въ другіе углы, по три валька глины въ каждый. Въ стѣны вмазываютъ еще клочки шерсти изъ кожушины для того, чтобы изба

была богатая, теплая и сухая. Окончивъ хозяйскую водку, мази складываются, какъ на закладинахъ, и гуляютъ всю ночь.

Незадолго до входа въ новую, оконченную избу, ее принято накуривать различными способами: ладаномъ и смирной съ оттушенными на Благовѣщенье угольями или кусочками кожи (шкураттямъ), сорoмъ (сміттямъ) и бѣлою нехворощью (Artemisia annua. L.) «шобъ халѣра не прыстала и шобъ нечысти не було.» Въ м. Снѣтинѣ такимъ соромъ топятъ въ печи и закрываютъ трубу покуда не все еще перегорѣло, «шобъ хата вчадила, тоди людямъ буде хороше жыть, не будуть чадить.» Вѣроятно цѣль всѣхъ этихъ куреній одна и таже: выдворить невыносимымъ угаромъ враждебныхъ духовъ. [1].) Наканунѣ входа вновь гадаютъ о будущемъ, кладя хлѣбъ—соль и жито, и утромъ замѣчаютъ: цѣлы ли они. Будущность представляется сомнительной, если хлѣбъ оцарапанъ или пощипанъ или тронуто жито. Въ сс. Волчкѣ и Бересточи относятъ еще на ночь въ новую избу пѣтуха и курицу, или въ самый день входинъ пускаютъ ихъ впереди людей. Въ другихъ частяхъ уѣзда пропускаютъ такимъ же образомъ впередъ собаку или кота. Обыкновенія эти коренятся въ народномъ убѣжденіи о скорой смерти всякаго существа, вошедшаго первымъ въ новую избу. «Хто первый ввійде у хату: чы китъ, чы собака, чы горобець, або сорока залетыть—тому викъ не довгый.» [2]) Изъ

---

[1]) Объ изгнаніи духовъ подобными средствами разъяснено у Спенсера: 1, въ «Основаніяхъ Соціолог. С. Петерб. 1876 г. т. 1., 258, и 2, въ «Обществен. профес.» въ. Новомъ Словѣ. 1895 г. № 1, стр. 217.

[2]) Къ объясненію обрядовъ: закладинъ, настланія потолка и входинъ могутъ служить данныя изъ общечеловѣческаго фольклора о цементированіи построекъ живыми существами и ихъ кровью. Такъ римляне и персы закапывали живыхъ людей подъ постройки (Nowosielsk. Lud Ukrain. 157, 165.) Пикты орошали свои постройки человѣческой кровью. По словамъ легендъ, стѣны Либенштейна, Копенгагена, Галле, Вортигерна, Скадара покоятся на живыхъ существахъ. Св. Оранъ былъ зарытъ живымъ подъ основаніе монастыря, а въ 1463 г. при устройствѣ плотины въ Ногатѣ—нищій. Въ Азіи и Африкѣ и теперь

вещей прежде всего вносятъ иконы и учиненную дижу, на которую кладутъ хлѣбъ—соль и наблюдаютъ за всходящимъ тѣстомъ, такъ какъ хорошій всходъ обѣщаетъ и жизнь хорошую. Потомъ вносятъ мебель и утварь; люди же перебираются позже. Совѣтуютъ во избѣжаніе сглаза (урокивъ) входить въ домъ ночью. Въ с. Бересточи прежде всё семейство лѣзло первый разъ въ хату черезъ окно. Отецъ семейства, входя въ сопровожденіи чле-

---

при закладѣ зданій подъ нихъ кладутъ преступниковъ, невольниковъ, дѣтей. На Борнео при постройкѣ дома въ яму бросили невольницу, которую и раздавили столбомъ. Въ стѣнахъ зданій въ Даніи и Германіи задѣланы ягнята и пѣтухи. По нѣмецкимъ повѣріямъ въ новый домъ до входа нужно пустить собаку или пѣтуха. (Тэйлоръ. Первоб. культ. С.-Петерб. 1872 г., 98—101). Въ Германіи убивали бродягъ или дѣтей для того, чтобы ихъ души были покровителями постройки. Сіамскій король назначилъ для той же цѣли человѣка. (Ю. Липпертъ. Истор. культ. С.-Петерб. 1895. г., 322). По преданію при постройкѣ Коромысловой башни въ Нижнемъ Новгородѣ заложена въ стѣну дѣвица, раньше всѣхъ вышедшая за водой. (А. Н. Сергѣевъ въ Сѣверѣ 1892 г. № 1, 295). Въ Румыніи и Болгаріи каменщики, смѣривъ камышомъ тѣнь прохожаго, кладутъ камышъ въ стѣну, послѣ чего прохожій долженъ умереть, а духъ его покровительствуетъ зданію. Греки орошаютъ первый камень кровью барана. Въ Славоніи закапываютъ подъ строеніе пѣтуха и летучую мышь. Въ Сербіи предъ входомъ въ новое зданіе туда впускаютъ кошку, собаку или курицу. (I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898. T. IX, № 5, 104). Во Франціи, входя въ новое жилище, рѣжутъ цыпленка и по комнатамъ брызжутъ его кровью, вѣря, что духъ жертвы поддерживаетъ крѣпость и безопасность жилища. (Comte Goblet d'Alviella. L'idée de Dieu d'après l'anthrop. et l'hist. Par. 1892. 32). Въ Льежѣ, до переселенія въ новый домъ, туда запирали кошку, покуда сдохнетъ отъ голода. Жить въ такомъ домѣ считалось безопаснымъ. (Eugène Monseur Le Folkl. wallon. 115). Въ Харьковской губерніи передъ входомъ впускаютъ въ новую избу на ночь кошку, пѣтуха или насѣдку съ цыплятами (Ивановъ. Народ. разск. о домов., рус. Харьковъ, 1893 г., 12). Въ Подольской губ. въ новый домъ на ночь пускаютъ черныхъ пѣтуха и курицу, на другую—черныхъ-же кота и кошку, (Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. пер. въ Кіев. Стар. 1889 г., № 5, 6, 492). Тамъ же, чтобы не умереть скоро, строютъ домъ на чью-нибудь голову: собачью,

новъ семьи, иногда родичей и сосѣдей, съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ говоритъ: «Дай же намъ, Господы, святый, добрый часъ у новый домъ увійты, хлибъ и силь унесты, шобъ Господь пославъ намъ у симъ доми хлиба й солы и всёго добра до конця вику, шобъ Господь пославъ намъ у пари жыть у симъ доми, шобъ насъ Богъ не розризнывъ. И колыбъ Господь сей домъ хранувъ громомъ и грозю и потопомъ и велыкымъ клопотомъ!» Часто водвореніе въ новой хатѣ этимъ и оканчивается, не сопровождаясь по экономическимъ причинамъ ни освященіемъ, ни пиромъ.

Переселившаяся семья первые три дня на новосельи, а отчасти и позже, наблюдаетъ еще событія, примѣты и сны, также гадаетъ о будущемъ однимъ изъ способовъ гаданія дѣвицъ на рождественскихъ праздникахъ. [1]) На порогѣ кладутся сапоги, одинъ съ житомъ, другой съ кускомъ кирпича (печиною). Выберетъ хозяинъ первый — хорошо, къ житью, выберетъ второй—плохо, «буде пектысь.» Еще впускаютъ паука въ новый горшокъ и, завязавъ, ставятъ посреди хаты. Если онъ совьетъ паутину вверху», на винцяхъ», то дѣла пойдутъ успѣшно, а если паукъ бѣгаетъ по дну горшка и паутины не вьетъ, то и удачи ни въ чемъ не будетъ. Ночью прислушиваются съ замираніемъ сердца, не будетъ ли стучать на покути птица или что нибудь другое, такъ какъ такой стукъ предвѣщаетъ недоброе, болѣзнь или смерть. [2]) Сны на новомъ мѣстѣ, въ особенности вѣщіе, истол-

---

кошачью, мышиную. (Шейковскій. Бытъ Подол. II, 51, 54). Тоже убѣжденіе и въ Лубенскомъ у. (см. мои замѣтки въ Кіев. Стар., 1894, IV, 174 и 1897, № 9, 321). Итакъ, въ описываемыхъ обрядахъ сохранилось воспоминаніе о принесеніи человѣческихъ жертвъ для укрѣпленія зданія, съ постепенной замѣной ихъ жертвами животныхъ (впускъ животныхъ, закладка шерсти), растительными (зерна ржи и другихъ хлѣбовъ и, наконецъ, денежными).

[1]) Въ моихъ «Рождеств. святкахъ сѣверн. части Луб. у. Полтава. 1893 г., 21.

[2]) Такіе стуки предвѣщали смерть и древнимъ римлянамъ. Тэйлоръ. Первобыт. культ. I. 135, 136.

ковываются мѣстной онейромантикой слѣдующимъ образомъ. Чистую воду увидѣть во снѣ означаетъ здоровье, мутную (каламитну)—болѣзнь. Изъ растеній ячмень или жито [1]), особенно большой стогъ, снятся къ добру, но сбитое бурей жито предвѣщаетъ «шо выляже симья», печеный хлѣбъ—къ печали [2]); гречка же—къ смерти [3]). Лукъ во снѣ означаетъ слёзы, яблоки—радость. Изъ міра животныхъ: кони, особенно худыя, скверныя клячи—снятся къ болѣзни, быки въ плугѣ—на счастіе, удачу: больная, палая скотина—на убыль; поросная свинья—къ удачѣ, а тощая—къ смерти; собаки рвущія, или кусающія змѣи приснятся къ враждѣ и ссорамъ [4]); рыба означаетъ, «шо сусиды рыють». Мальчикъ снится передъ удачей, дѣвочка—передъ хлопотами [5]). Сны изъ міра неодушевленнаго означаютъ: золотыя и серебряныя деньги—удачу, мѣдныя—несчастье: «будуть злыдни въ тимъ доми, або слезы. «Пустая скрыня во снѣ предвѣщаетъ смерть [6]). Кромѣ того всякая прибыль въ теченіе перваго года въ семьѣ или хозяйствѣ служитъ указаніемъ и на дальнѣйшее благополучіе и наоборотъ. «Якъ найдется дытына, теля, лошя, або ягня, то люды радіють, шо буде весело жыть; якъ же умре дытына, або скотына сдохне, то обиждаются: Господы! твоя святая воля! якый не хорошый случай перейшовъ въ новому доми.» Появленіе сверчковъ (Acheta) служитъ благопріятнымъ предсказаніемъ. «Де цвиркунъ заведется, тамъ весела хата; воны якъ парубкы цвиринчять. Малисенькый, а такъ страшно трудытся! Винъ цвиринчить па негоду»—замѣчаютъ крестьянки.

Такимъ образомъ новая хата появляется среди другихъ крестьянскихъ построекъ. При всемъ разнообразіи и прихотливости расположенія послѣднихъ, существуютъ однако-же нѣкоторыя

1-5) Такое же снотолкованіе, кромѣ гречки, означающей падучую, у Манжуры, Сказки въ Сбор. Харьк. Истор. Филол. Общ. II, 160. См. также Чубинскій. Тр. 1., в. 1, 90.

6) Варіанты и болѣе подробное изложеніе мѣстной народной онейромантики въ моихъ Народ. обряд. и пѣсн. Лубен. у. въ Сбор. Хар. Ист. Филол. Общ. т. X, 6—9.

общія черты крестьянскихъ усадьбъ. Всѣ онѣ ограждены частью рвомъ съ пышно разросшейся дерезой (lycium barbarum. L.) и нѣсколькими вязами, берестами, ясенями или бѣлой акаціей надъ нимъ; частью плетнемъ (тыномъ) у воротъ, обыкновенно одностворчатыхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ продольныхъ жердей (воритныць), вдѣланныхъ въ столбики, и скрѣпленныхъ въ косомъ направленіи еще одною или двумя жердями (пидстрилынами). Около воротъ часто бываетъ «хвиртка» и всегда «перелазъ». Для утилизаціи плетня вдоль самой улицы располагается скотный сарайчикъ (повитка). Прежде она строилась такъ, какъ описано у Чубинскаго [1]), т. е. на двухъ сохахъ, сверхъ которыхъ помѣщалась легкая балка (трямъ). Съ нея спускались во всѣ стороны жерди (ключины), къ которымъ прикрѣплялись легкія продольныя жерди (павзины), а къ нимъ привязывалась солома кровли. Теперь повитки, лишенныя среднихъ сохъ и тряма, опираются только на тонкіе, боковые столбы (прысишки), а крыша состоитъ изъ стропилъ (кроквъ), какъ въ избѣ. Если по размѣру хозяйства необходима вторая повитка, то такая строится перпендикулярно къ первой, по межѣ, тоже для утилизаціи ограды. Эти постройки да еще сажъ на помостѣ съ корытомъ, закрытымъ крышкой (лядой), составляютъ небольшой скотный дворъ, отдѣленный отъ главнаго плетнемъ, и называющійся поэтому загородой. У мелкихъ хозяевъ такого особаго скотнаго двора нѣтъ и повитки выходятъ на «дворьице, двиръ», по срединѣ котораго роется колодязь. Старинные журавли, состоявшіе изъ сохи (звида) и жерди, съ одного конца которой привѣшено ведро (цеберъ) для воды, а съ другой тяжелая деревянная привѣска (собака), встрѣчаются теперь преимущественно при колодцахъ степныхъ хуторовъ и только изрѣдка въ селахъ, какъ остатокъ старины. На дворѣ, большею частью противъ хаты, строютъ рубленную квадратную коморю съ 3—4 засѣками или закромами для хлѣба, такимъ же способомъ какъ рубленную избу (на дубовыхъ, иногда діабазовыхъ торчахъ, на подвалинахъ, со стѣнами, срубленными въ замки). Прежде коморю дѣлали даже

---

[1]) Тр. Экспед. VII., ч. III., 393.

въ одной связи съ хатою и подъ одной кровлей; теперь же большая часть хозяйствъ обходится совсѣмъ безъ комори; но и самое бѣдное хозяйство не можетъ обойтись безъ клуни, возвышающейся обыкновенно поодаль отъ хаты за гумномъ (токомъ). Клуню дѣлаютъ больше круглой формы, чѣмъ четыреугольной. Въ основаніе ея ставятъ 4—8 дубовыхъ сохъ, толщиной 7—8 четвертей. На нихъ лежатъ по двѣ, срубленныя въ замки, балки, образующія стилець, снизу подкрѣпляемый жердями въ косомъ направленіи (пидстрилынами), а сверху двумя перекрещивающимися по срединѣ сволоками (трямами). Части крыши, значительно возвышенной, также устроены, какъ въ хатѣ и носятъ тѣже техническія названія [1]). Обращаясь къ послѣдней [2]) слѣдуетъ прежде всего

---

[1]) Вмѣсто стропилъ только «припусныци». Погреба устраиваются тѣми же способами, которые описаны у Чубинскаго. Ibid. 397, 398.

[2]) Малорусскія техническія названія строительнаго матерьяла, предметовъ, относящихся къ хатѣ и самой почвы подъ нею, во многомъ схожи съ нѣмецкими, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже филологическихъ указаній, могли зайти на Украйну помимо нѣмцевъ. Однозначущи на обоихъ языкахъ слѣдующія слова: балка—Balken, бантына—Band, глей (глинистый илъ)—Klei; горóдъ (огородъ)—латинское hortus, славянское градъ, древне-нѣмецкое Gart, Garten, датское Gaard—всѣ съ первоначальнымъ значеніемъ забора, изгороди (Ю. Липпертъ. Истор. культ. 212); двери, двиръ—Thür, англ. door; дерево—санскритское dru, darû, греческое drys, ирландское darach, уэльское derw, англійское tree, готское triu (М. Мюллеръ. Наука о языкѣ. 210); дилъ (полъ) Diele—половица, доска; дома, димъ—латинское domus, греческое dómos (demein—строить), древнеиндійское dhumas, англійское dome; коморя,—итальянское camera, нѣмецкое Kammer; коробка (у крыши)—Korb; крейда (мѣлъ для бѣленія избы)—Kreide, лата—Latte (англійское lath)—планка, latten—рѣшетить; ляда—Laden, ставень; лёхъ (погребъ) Loch—дыра, яма, нора; тынъ—нѣмецкое Zaún, англійское town (городъ),—первоначальное значеніе ограда (Ю. Липпертъ. 212); слово это встрѣчается и въ былинахъ (Шамбинаго. Древнерус. жилище въ Юбил. Сбор. въ честь В. Миллера, 130—131); отсюда возможно, что названіе древнѣйшаго мѣстнаго поселенія Снѣтинъ происходитъ отъ древнеславянскихъ снятись—собираться и тынъ—ограда, и изначаетъ: огражденное мѣсто собраній.

замѣтить, что не всякое дерево признается народомъ годнымъ для постройки, исключается, напримѣръ всё дерево, кромѣ глухого дуба (не роняющаго листьевъ), срубленное на третьей лунной четверти, потому что такое дерево источитъ шашель и постройка завалится. Въ хату нельзя еще класть осокоря [1]): «на ёму Спаса роспыналы»—объясняютъ старухи. Теперь принято строить избы болѣе квадратной, чѣмъ удлиненной формы, и большихъ размѣровъ (13—18 аршинъ длины и 7—9 ширины), чѣмъ прежнія, и ставить ихъ всегда внутри двора, ближе къ улицѣ, бокомъ жилой комнаты (причилкомъ) на югъ (на пивдня) для того, чтобы солнце свѣтило весь день въ каждое изъ оконъ попеременно, «шобъ сонце обиходыло кругомъ виконъ». Ни рубленыхъ избъ, ни землянокъ уже въ Лубенскомъ уѣздѣ почти не строютъ, такъ что образчикомъ мѣстной избы слѣдуетъ признать мазанку. Она основывается на нѣсколькихъ дубовыхъ сохахъ, четвертей 6—7 по угламъ, закапываемыхъ въ землю на глубину аршина съ четвертью или на полтора. Въ сохи врубливаются жерди (латы); къ нимъ привязывается очеретъ соломой или лозой, вѣтками вишенъ или глода (crathaegus monogyna. Jaeg). По очерету избу мажутъ (шпарують) до году только «рудою» глиной, замазывая трещины и выравнивая стѣны, а по прошествіи года «билують» [2]) особаго рода бѣловатой глиной [3]). Хозяйка и ея дочки исправляютъ стѣны избы послѣ каждаго ливня и кромѣ того

Затѣмъ самое слово хата встрѣчается во многихъ языкахъ: бактрійскомъ—kata, санскритскомъ—kuta, cota, ирландскомъ—cotta, англійскомъ—cottage, французскомъ hutte. (Van den Gheyn, Essais de mytholog. et de philolog. comparée. 1885, 122).

[1]) Въ ботаническомъ словарѣ Роговича (зап. Юго-Зап. Отд. Геогр. общ. I, 132) онъ соединенъ въ одинъ видъ съ сребристымъ тополемъ (populus alba. L.), но въ народѣ отличается отъ послѣдняго (билои осыкы).

[2]) Тотъ же запретъ бѣлить до году хату у Гринченка. Изъ устъ народа. Черниговъ, 1900 г. 33.

[3]) Локальный тонъ стѣнъ можно, кажется, передать бѣлилами съ небольшой примѣсью охры и vert Paul Véronese.

бѣлять снаружи трижды въ теченіе года: къ свѣтлому празднику, троицѣ и покровѣ, когда избу обставляютъ на зиму отъ холода соломой. Наружныя (синешни) двери придѣлываются къ одвиркамъ, закапываемымъ въ землю, мельче сохъ, всего лишь на три четверти аршина. Синешни двери дѣлаются нѣкоторыми мастерами ниже хатнихъ: первыя 2 арш. 6 вершк., вторыя же на два вершка выше для того, чтобы въ первыя заходило меньше холоду, а во вторыя удобнѣе было бы входить съ соломой; ширина же дверей одинакова: 5 четвертей 2 вершка. Прибитая къ одвиркамъ сторона дверей называется «глухій кинець», противоположная, открывающаяся—«чуткый». Запираются онѣ деревянной заверткой или крючкомъ и кое гдѣ красятся охрой или какой нибудь темной краской. О дверяхъ есть, кажется, только такая примѣта: трескъ ихъ предвѣщаетъ выходъ хозяина на новоселье или смерть его. Окна, состоящія изъ рамы (рамця) и стеколъ (шибъ), вышиной въ 1 арш. 5 вершк. и шириной въ 14 вершк., прикрѣпляются къ луткамъ и подлокотнику, выступающему внутрь избы вершка на полтора. Иногда къ нимъ придѣланы ставни (виконныци), окрашенныя въ красный или зеленый цвѣта. Верхняя часть избы до крыши заключается въ «оцинѣ», т. е. въ 3—5 брусьяхъ, срубленныхъ въ замки. На 2—4 брусѣ укладывается сволокъ въ различныхъ направленіяхъ: до Лубенъ больше продольно, въ окрестностяхъ города и продольно и поперечно, а за Лубнами—только поперечно. Во всякомъ случаѣ вся тяжесть верхней части избы ложится на сволокъ, который поэтому долженъ быть цѣльнымъ и крѣпкимъ: дубовымъ, кленовымъ, липовымъ, и только при недостаткѣ лѣса вербовымъ или осиковымъ. Избѣгаютъ берестовыхъ и вязовыхъ сволоковъ, слишкомъ чуткихъ къ сырости. Для крѣпости сволокъ болѣе стесанной стороной кладется въ бокъ и, проходя подъ потолкомъ черезъ всю избу, часто опирается на столбъ. Его мажутъ дегтемъ «шобъ шашель не взявъ до вику», или красятъ въ красный, иногда темно-зеленый цвѣта и сбоку вырѣзываютъ крестъ и время постройки избы. Сверхъ сволока кладутъ маленькіе сволочки, скрѣпленные на краю балкой (закрылиной), препятствующей падать глинѣ

настланнаго потолка. Сверхъ сволока кладутъ шелевки (тертыци), а надъ ними очеретъ. Необходимо, чтобы сволочки съ шелевками перекрещивались, образуя квадраты (карты), какъ на шахматной доскѣ: «Тоди краса, якъ дамчаста стеля». Требованіе это тѣмъ умѣстнѣе, что, по мѣстному обычаю, входящій въ хату, особенно молодая во время domu deductio, долженъ смотрѣть вверхъ. «Якъ хто увійде у хату та гляне уверхъ на образы, на стелю, то то къ добру, а якъ унызъ—нехороше у хати буде». Крыша (покривля) [1]) состоитъ изъ стропилъ (кроквъ) по срединѣ, и нарижныкивъ» (по Чубинскому «нарижныць») [2]) на причилкахъ. Для того, чтобы кроквы не разошлись, ихъ связываютъ поперечными балками (бантинами). Къ кроквамъ прибиваются деревянными гвоздями (тиблями) жерди (латы), къ которымъ подвязываются кульки соломы (паркй), если крыша кроется колосками внизъ. Если кровля кроется корешками вверхъ, то кульки кладутся только по краямъ (на стриху) [3]). Кровля корешками вверхъ служитъ, говорятъ, до двадцати лѣтъ и новою горитъ на солнцѣ золотыми иглами. Кровля парками, требующая меньше соломы и труда, служитъ вдвое меньше. Со временемъ всякая крыша темнѣетъ и пріобрѣтаетъ необыкновенно теплый, коричневый тонъ, красноватый при извѣстномъ освѣщеніи, рядомъ съ зелеными пятнами наросшаго мха. Наружная дверь ведетъ въ темноватыя сѣни, гдѣ обыкновенно помѣщается часть одежды, упряжь, утварь, иногда «кишъ», плетеный ящикъ для хлѣба. Здѣсь же стоитъ легкая лѣстница (драбына), [4]) ведущая на чердакъ—горыще. Сюда же выходитъ просторный, четырехугольный выводъ (дымарь), прово-

---

[1]) Нѣмецкое (оттуда польское и правобережное Dach въ Лубенскомъ у. употребляютъ только въ сложной формѣ пидташье—навѣсъ на столбахъ подъ крышей.

[2]) Тр., VII, ч. III, 378.

[3]) На стриху гадаетъ такимъ образомъ молода: «на Меланкы у вечери, якъ щедрують, тричи смыка зъ стрихы солому. Якъ знайде зерно, то буде багата и щаслыва».

[4]) Продольныя жерди драбины называются штагами,—нѣмецкое Stag Stange—жердь, поперечныя—щаблями.

дящій дымъ изъ печки вверхъ черезъ трубу на крышѣ. Часть сѣней отдѣляется подъ холодный чуланъ (хижу, хижи́ну) для помѣщенія одежды и провизіи. Противъ сѣней устраивается другое, теплое отдѣленіе, «хатына»—убѣжище стариковъ отъ пыли, бабъ съ ихъ пряжей и отъ дѣтей. Большія избы заключаютъ въ себѣ еще особую парадную комнату (кимнату, свитлыцю). Въ жилой избѣ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе своимъ разнообразнымъ значеніемъ порогъ. Между прочимъ на немъ обнаруживается разница классическаго и малорусскаго свадебныхъ обрядовъ, во многомъ столь сходныхъ: Какъ извѣстно римлянка или гречанка не смѣла коснутся порога во время deductio in domum [1]), наша же молодая наступаетъ на него, «шобъ було іи право». [2]) И впослѣдствіи, ставши матерью, женщина должна прясть, сидя на порогѣ, и бросать эту пряжу черезъ порогъ въ ночвы, чтобъ вылѣчить купаніемъ въ нихъ больное дитя [3]). Но въ обыкновенное время къ порогу пріурочено много различныхъ табу. Обыкновенно нельзя наступать на порогъ или стоять на немъ, особенно въ грозу [4]), нельзя также—какъ и у чеховъ [5])—встрѣчаться съ кѣмъ либо на порогѣ. Запрещается ѣсть на порогѣ, иначе «люды роты роззявлятымуть», и передавать или подавать что либо черезъ порогъ, [6]) особенно дѣтей,—даже ихъ пеленки. Исключеніе изъ этого правила опять допускается только въ пользу молодой: входя первый разъ въ домъ мужа, она прежде передаетъ иконы черезъ порогъ, потомъ идетъ сама. Нельзя переливать воду, помои послѣ бѣлья (змылкы) и всякія помои вообще черезъ порогъ и за порогомъ, «бо нападе куряча слипота». Стоящему у порога, не переходятъ дорогу съ золой или помоями: «бо въ ёго усе переведется на попилъ». Запрещается

---

[1]) Фюстель-Куланжъ. Древн. Общ. С.-Пет. 1867 г., 55, 57.

[2]) и [3]) Мои «Народ. обр. и пѣс. Луб. у.» 32 и 123.

[4]) Тоже запрещеніе встрѣчается у Гринченка. Изъ устъ нар. 26. См. также Чубинскій. Тр. I., в. I., 102.

[5]) C. Haberland. Ueber Gebrauche und Aberglaub. beim Essen. II., 159.

[6]) Чубинскій. Тр. I., 102.

месть избу отъ порога, «бо заметешъ у хату злыдни, а якъ одъ полу почынать и до порога,—то то вымитать злыдни изъ хаты» [1]). Притомъ если вымитать хату отъ порога, то не будутъ сваты ходить. Нельзя месть соръ (смиття) черезъ порогъ, особенно беременной, потому что у нея будутъ трудные роды, а у дитяти частыя рвоты и сухотка. Напротивъ смиття нужно собирать передъ порогомъ и выносить, не «пидрешиткомъ» только, потому что не будутъ телицы телиться. О порогъ нельзя ударять и рубить чтобы то ни было по слѣдующимъ причинамъ: 1) «одрубаешъ видьму», т. е, дашь ей возможность расхаживать по дому, 2) одябйешъ поганку одъ порога на себе, кажуть бо, шо лыхорадкы у порози жывуть, якъ рубать, то воны воздвыгнутся и на людей переходять», 3) якъ рубать до порога, то жабы ходытымуть у хату, а воны дурно не ввійдуть ни за що въ свити, а проты якогонебудь случаю: проты вмирущого». Въ послѣднемъ повѣрьи отражается обще-человѣческое предубѣжденіе по отношенію къ жабамъ, признававшимся, напримѣръ, въ средневѣковой Европѣ болѣе демонами, чѣмъ животными [2]).

Крайній уголъ отъ дверей (напичный) весь занятъ печью, иногда составляющей четвертую часть маленькой хатки. Печь складывается изъ сырца и состоитъ изъ слѣдующихъ частей: широкаго передняго навѣса—«ко́мина», соотвѣтствующаго переду или устью у великоруссовъ; припечка—выступа впереди топки съ боковымъ отверстіемъ въ стѣнѣ (верхомъ) для прохода дыма въ дымарь; изъ челюстей—навѣса надъ припечкомъ и свода за ними, верхняя часть котораго называется пиднебенье. Всё мѣсто печи за при-

---

[1]) Злыдни—маленькія, неотвязчивыя существа въ родѣ нѣмецкихъ кобольдовъ, живутъ подъ печью; служатъ источникомъ бѣдности. Отъ нихъ избавляются, затыкая ихъ въ рожокъ, бочку или колоду. О нихъ у Н. Ѳ. Сумцова. Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г. XII, 299, еще въ Кіевск. Стар. 1885 г., X, 354; у Чубинскаго; Тр. I., 211 и II., 393—400 и у Манжуры, Сказки, 58, 59.

[2]) Arturo Graf. Il diavolo. Milano 1890. 61. По Чубинскому (I., 102) при рубкѣ къ порогу въ домъ будутъ бѣгать бѣшеныя собаки.

печкомъ, на которомъ горитъ огонь и стоятъ горшки, носитъ названіе череня. Выдающійся наружу край припечка называется привалкомъ, досточка подъ нимъ—сковородникомъ, а низъ печи—пидпичьемъ. Особое отдѣленіе печи, согрѣвающее комнату, называютъ грубой, пространство за ней къ стѣнѣ-запичкомъ, а маленькія ниши—закапелками или пичурками. Наконецъ, широкое пространство поверхъ печи, на которомъ грѣется семья, лежатъ слабые и больные члены ея, сушится хлѣбъ, называется черинемъ. [1]) Печь украшаютъ клинчиками, кружками, крестиками и цвѣтами, нарисованными: синькой, жженой и обыкновенной охрами. Печь мажутъ одновременно съ хатой предъ свѣтлыми праздниками, «къ верби, або въ чистый четверъ, якъ заведется погань у хати: тараканы [2]), блощыцы [3]), стоногы» [4]); затѣмъ передъ зелеными (клечальными) праздниками, «мижъ пречыстымы (15 августа—8 сентября), шобъ нечысти не було»; предъ поминальницами (въ октябрѣ), предъ пущаннямъ (14 ноября), предъ рождествомъ, кромѣ того передъ свадьбой и послѣ похоронъ. Смазывая печь наблюдаютъ слѣдующія правила: въ новой хатѣ оставляютъ до году часть печи небѣленною; по пятницамъ, также когда есть въ домѣ больные оспой или горячкой, не подмазываютъ печи (и не чистятъ трубу); не мажутъ комина и припечка, когда огонь горитъ въ печи изъ опасенія лишиться зрѣнія; дѣвки никогда не должны мазать печь [5]): «доля буде цилый викъ печалыться»; не-

---

[1]) У Левченка (Нѣск. дан. о жилищѣ и пищѣ Южнорус. въ Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II., 139) это мѣсто названо лежанкой.

[2]) Blatta germanica.

[3]) Acanthia lectularia

[4]) Julus terrestris. Ихъ мало въ хатахъ. Отъ блохъ (pulex) смазываютъ чаще дилъ, разсыпая лепеху (acorus calamus. L), полынь (Artemisia Absinthium) и закапывая хрѣнъ въ полъ; отъ клоповъ освобождаются известью (вапною).

[5]) На огнѣ гадаютъ слѣдующимъ пріемомъ. Когда дѣвочка первый разъ спрядетъ немного пряжи, то послѣднюю, намотавъ на клубокъ, кидаютъ въ печь. «Якъ швыдко згорыть, то дивчына буде швыдко прясты».

заметають припечка вѣникомъ, а крыломъ «а то соръ буде». Въ печи всегда должна быть горячая вода: Окрипъ треба держать у печи для того, шо идолъ зъ ангеломъ спорыть. «Я запалю! каже идолъ».—Я утушу окропомъ.

«Де воды возьмешь?»—У моеи хазяйкы у печи йе.—Якъ окрипъ йе, то анголъ загляне у пичъ, промые очи, рукы помые и напьется зъ кухля». Печь нужно держать закрытою заслонкою «шобъ ворогы ротивъ не роззявлялы и шобъ домовыкы не лазылы»; а открывъ ее, и зажигая огонь, нужно перекрестить и сказать: «Господы благословы своимъ духомъ святимъ!»—что небходимо для предохраненія отъ домового, пребывающаго, большею частью, въ печи, хотя встрѣчающагося и въ другихъ мѣстахъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Якъ жинка пидпалюе въ печи та не перехрестыть, такъ тоби смагне зъ печи, що й очи повыпикало бъ, якъ бы не берегтысь. Мовъ вымите печъ. Палажка колысь такъ злякалась: повна хата дыму,—въ печи хочъ бы искра! То домовыкъ, винъ у всякый осели есть. Якъ спать лягаты, такъ-же треба викна и двери хрестыть. (От. Е. Недилькиной с. Литвяковъ).

2.

Жинка росказувала: лежу я, укрылась. Дивка була на улыци. Увійшло шось у хату, жинка щыта, шо то дивка и каже: «и де ты такъ довго ходыла?» А воно неозывается. Маты зновъ пыта: «чы то ты, Степанылдо, чы ни? Воно мовчыть... колы сюрчыть у чавунъ. Вона догадалась, пытае: «чы ты на худо, чы на добро?» А воно съ хаты бижыть та: «ху!» Симья розійшлась, збиднила. (Отъ Еф. Купріевой, д. Шекъ).

3.

Жинка лягла спать, чоловикъ іи пишовъ зъ дому и дивчата пишлы и сынъ. Ій услухается, шо въ хатыни ягня ревнуло. Вона встала, подумала: «де те ягня взялось у насъ?» Колы се

иде щось съ хатыны у хату, лягло на неи тай душыть. Вона узяла, рукы зняла и взялась за його. Колы воно у шерсты. Вона пыта його: «объ чимъ ты мене душышъ? Чы на добро, чы на худо?» Воно каже: «ху!». И хто його зна де й дилось. Сынъ тій жинкы пишовъ у ссылку. (Отъ Ф. Матвіенковой, д. Шекъ). [1]).

4.

Жинка лягла спать у хати. Стоить передъ нею дидура така здорова и давыть за пальци. Жинка злякалась, крычыть: «ты проты добра мене давышъ?»—Худо. Пишовъ зъ хаты, такъ двери стукнулы, чуть досокъ не побывъ. Вона встала, помолылась Богу, накадыла ладаномъ. Черезъ недилю диты померлы: одного дня двохъ, а на другый день одно. Звистку домовыкъ прынисъ. (Отъ О. Вѣричъ, с. Ольшанки).

5.

Жинка у досвита стала до печи, колы лежыть котюра на вси кочергы. Такъ вона злякалась, кынула кочергы и втекла назадъ. Де винъ дився—незвисно. (Отъ А. Боярской, с. Литвяковъ).

6.

У сели нашому чимсь домовыкъ невблаготворенъ; неможна ночувать: цилисиньку ничь на хати мовъ возомъ йиздыть. Бувалы досвитки, такъ однаково. Хазяйка якъ сама останется, то бере дытё и иде до сусида. (Отъ нея же).

7.

Домовыкъ йе у кажній оселі, у которій пидъ припечкомъ, у которій на хати. Одынъ чоловикъ чуе: стукотыть тай стукотыть на хати; пиду, думае, узнаю. Тилькы на драбыну ступывъ, воно

---

[1]) Вар. у П. Иванова, Народн. разск. о домов., лѣшихъ и т. д. Харьковъ 1893. 23.

ёму сыпнуло у вичи разъ и вдруге. А винъ протеръ очи и впять лизе, такъ воно ёго турнуло. Показалось чорне. Полылы водою—ожывъ. Винъ опять полизъ, ставъ пытать, а воно пхнуло у груды и сказало: «ты-жъ мене не узнавай, я домовыкъ. (Отъ П. Величкиной, с. Поресточи).

8.

У однимъ сели бувъ багатый чоловикъ. Винъ знався зъ домовыкомъ. А сынъ якъ оженывся, то сего ни чого не знавъ. Батько вмеръ и маты вмерла, а сынъ построивъ соби нову хату и перебравсь проты празныка. Жинка слуха: тужыть у хати старій. Вона чоловикови и каже: «шо то въ насъ въ старій хати тужыть?» То воны засвитылы свичку и подывылыся въ хати—нема ничого, а выйшлы на двиръ—упять тужыть. Воны пишлы соби до церквы, прыйшлы зъ церквы, посидалы, пообидалы, потимъ пойихалы, у гости до тестя. Не дуже успилы одйихать, колы хата горыть нова. То воны биглы, шобъ хоть старои не дать загориться. Сталы добигать до двора—и стара занялась. И воны сталы плакать и жалиться людямъ: «чулы, шо тужыло въ хати». Потимъ люды сталы казать: «то твій батько знався изъ домовыкомъ, а якъ ты сёго не знавъ, то не вмивъ попросыть ёго. Тоби бъ було взять хлибъ и дрибокъ солы и попросыть у сю хату». (Отъ Е. Сизоненковой, м. Снѣтина).

—

Между печью и такъ называемымъ холоднымъ (напильнымъ) угломъ, вдоль стѣны кладутъ нѣсколько досокъ (пилъ), на высотѣ аршина съ четвертью отъ «дола» для ночлега семьи. Сверху прибиваютъ полку для женскихъ вещей: шитокъ, мычокъ, веретенъ, и вѣшаютъ жердь для одежды и пряжи (пивмиткивъ). Сюда же привѣшивается и колыбель. Въ холодномъ углу сбрасываютъ: верхнюю одежду, подушки и постель. Такимъ образомъ этотъ уголъ слѣдуетъ считать отдѣленіемъ по преимуществу семейнымъ. Слѣдующій уголъ (кутъ), расположенный межъ двумя окнами покутнимъ (застильнимъ) и боковымъ (надвирнимъ), называется покуттямъ. Онъ соотвѣтствуетъ красному или святому углу великоруссовъ. Покуття разубрано цвѣтными бумажками. На немъ

«божныкъ» (великорусская божница). Въ срединѣ его ставятся на особыхъ досточкахъ благословенныя иконы отца и матери, потомъ старшаго сына, далѣе къ сволоку—младшаго. Кромѣ того на божникѣ необходимо имѣть: «Матерь Божу праворушну, шо дитё держыть на правій руци, або троерушну, Козельску Божу Матирь, Св. Тройцу, неопалыму купыну (одъ пожару); ище иконы: Св. Мыколы (винъ велыку сылу мае), Грыгорія, велыкого побидоносця (винъ звиромъ завидуе), Пантелеймона (дитячого сцилытеля), Антонія и Өтодосія (видъ йихъ пишлы манастыри—ще не було понятія, якъ ихъ строить). Парасковеи—одъ лыхорадкы и т. д. На покути же втыкають вишневую вѣтку, срѣзанную на праздникъ св. Екатерины для гаданія о дѣвичьей судьбѣ[1]). По словамъ Г. Левченка[2]) въ Лубенскомъ у. покутя убираютъ бумажными цвѣтами; обыкновеніе это сохраняется и до сихъ поръ въ подгороднихъ селахъ по хатамъ, въ которыхъ есть дивчата. Эти бумажные цвѣты дѣлаютъ изъ зеленыхъ, голубыхъ, жолтыхъ бумажекъ въ видѣ гвоздикъ, пioній или свадебнаго гильца. Кромѣ искусственныхъ, на покути есть и естественные засушенные цвѣты и растенія: барвинокъ (галицкое бервинокъ, pervinca), васильки (ocimum basilicum), гвоздики (tagetes erecta, L.), глодъ (crathaegus monogyna, «винъ пахне якъ воскъ, або медъ»), ласкавица (buplerum), мята (mentha piperita, L.), нагидки (calendula officinale), любыстокъ (итальянское libitico, levisticum officinalis, Koch.), троянды (rosa centifolia L.), черемха (prunus padus, L.), чорнобривци (tagetes patula, L.), шепшына (rosa canina, L.)[3]). За образа затыкаютъ еще вѣтки троицкихъ деревецъ (клечання) и замѣчаютъ: если онѣ почернѣютъ, то кто нибудь въ хатѣ скоро умреть. Возлѣ образовъ иногда ставятъ еще бутылки съ освященной водой, а за ними прячутъ деньги и документы. У по-

---

1) Мои «Рожд. Св. въ сѣв. части Луб. у. 19.

2) Записки Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. II. 140, также у М. Т. Симонова. Разсказы въ Кiев. Ст. 1899 г., VIII, прилож. 132.

3) Нѣкоторыя изъ этихъ растеній указаны и у Левченка (Записки. 140).

кутя стоитъ столъ, имѣющій, какъ у римлянъ и нѣмцевъ, [1]) священное значеніе: «стилъ на покути тежъ, шой престолъ». [2]) Онъ долженъ быть накрытымъ, и сверху долженъ лежать хлѣбъ. [3]) Часто столъ замѣненъ скрыней. [4]) Покутній уголъ вообще имѣетъ парадное, праздничное и священное значеніе. Здѣсь же сосредоточены, какъ у древняго очага, остатки культа предковъ. Въ народныхъ вѣрованіяхъ душа мертваго семьянина, оставивъ тѣло, пребываетъ отъ 3—40 дней на покути. На тризну по умершемъ

---

[1]) C. Haberland. Ueber Gebr. und Abergl. beim Essen. III. 264.

[2]) Чубинскій. Труды. I, 102.

[3]) Также у чеховъ. C. Haberland. Ueb. Gebr. 265.

[4]) Покойный Гатцукъ полагалъ (Основа 1862 г. V. Библіог. 65) что слово скрыня происходитъ отъ корня кры и незаимствованно малоруссами съ чужого языка, но оно звучитъ одинаково съ итальянскимъ scrigno, означающимъ сундучекъ, ящикъ для цѣнностей и, по всѣмъ вѣроятіямъ, латинскаго корня (scriniolum, польское scrynka, французское écrin). Скрыня сундукъ особой, традиціонной формы, въ $1^1/_2$ арш. длины, 1 арш. ширины и $1^1/_4$ высоты. Она дѣлается изъ вязоваго, грушового, липоваго или осиноваго дерева, иногда окрашивается въ красный, зеленый, коричневый и голубой цвѣта, всегда оковывается и всегда на колесцахъ, стоитъ 5—12 руб. Внутри ея придѣлываютъ маленькое, узкое отдѣленіе—прискрынокъ для помѣщенія мелочи и цѣнностей: наперстка, заполочи (красныхъ и чорныхъ нитокъ), голубца (голубыхъ), намиста, шолковаго платка, легкихъ платочковъ (хустокъ), восковыхъ свѣчей, денегъ и всякихъ документовъ: «купчихъ, минчихъ, духивныць, векселивъ», тщательно сохраняемыхъ обыкновенно крестьянами. Къ сожалѣнію, впрочемъ, акты XVII и XVIII вѣковъ, вслѣдствіе распространенія въ народѣ понятія о давности, теперь уничтожаются. Такимъ образомъ прискрынокъ дѣйствительно имѣетъ значеніе сокровищницы. Въ скрынѣ сохраняется еще бѣлье, полотно, запаски, легкая одежда. Ключь отъ скрыни хранится всегда у хозяйки, если же скрыня принадлежитъ дочери, то у послѣдней.—У стола и вдоль стѣнъ стоятъ еще скамьи (лавы) и скамейки (ослоны); «Скрыня, або лавы лущять на вмирущого.»

собираются предки и для нихъ на лавѣ простилается кожухъ.[1]) Раньше умершій семьянинъ ведетъ за собою всю семью. Уменьшенныя тѣни видны на покутней стѣнѣ такъ отчетливо, что можно признать каждаго: «По стану всякого можно пизнать. Воны мелькають швыдко». Такимъ же образомъ появляются предки на святвечеръ къ кутѣ.[2]) Но для того, чтобы мертвецы и благодѣтельные духи пребывали невидимо въ домѣ, необходимо соблюденіе слѣдующихъ правилъ приличія: въ хатѣ не должно курить, свистать,[3]) особенно же «лыхословыть, черкать, казать чорныхъ сливъ» (т. е. не призывать чертей), какъ видно между прочимъ изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Жывъ соби дидъ та баба удвохъ, не було въ ихъ дитей. Порадылысь соби на клечальныхъ святкахъ: «знаешъ шо, старый? мы жывемо на билому свити, дитей у насъ не мае, нихто насъ непомынатыме, исправымо мы обидъ». Винъ говорыть: «можно. Учыны ты, бабо, дижу пшенычного та встанешъ завтра та напечешъ булокъ та перогивъ». Вона встала, зготовыла, а винъ прынисъ водкы и каже: «ну, стара, ты хлиба понакладай, а я пиду поклычу сусидъ. «Вона говорыть: «иды, иды, старый!» Накурыла вона хату, свичу засвитыла та полыхословыла на кота: «лыха годына тебе у хату унесла, зла лычыно!» А родытели, покійныки вже сыдилы,— а то зза стола! А хазяинъ зостривъ прохожого и просыть: «прошу покорно до мене въ хату».—Благодарю покорно.—Зайшовъ прохожый, сивъ и говорыть: «хорошо здѣлалы, такъ не хорошо зговорылы: хотилы своихъ родытеливъ помянуть, такъ нáщо жъ вы полыхословылы?»—Я не лыхословыла.—«А нáщо на кота полыхословыла? Теперъ хочъ вы склыкайте, хочъ не склыкайте, бо ваши родытели сыдилы за столомъ, а теперъ увійшлы. И я не хочу трапезувать: ся трапеза не благословенна». Выйшовъ, не знать дей дивсь. (Отъ Наталки Кедевой, С. Литвяковъ).

---

[1]) См. въ моихъ «Обряд. и Пѣсн. Луб. у. 166, 170.

[2]) Въ моихъ «Рожд. свят. 3.

[3]) Тоже запрещеніе у Гринченка «Изъ Устъ Нар.» 34.

2.

Ишовъ прохожающый, упросывся наничь до людей; а ти люды справлялы обидъ по сынови. И воны далы повечерять прохожающому, а наничь людцивъ изобралы. Поночувалы воны надъ канупомъ. Пивни заспивалы, людци пишлы до-дому. А воны:— одна невистка дижу мисыть, друга борошно сіе, а третя кынулась ножа шукать, чыстыть картоплю. Не найде ножа. Началы спорыть одна на одну (а нижъ упавъ за лаву). И потимъ воны налыхословылы. Той старець уставъ, перехрестывсь и пишовъ изъ хаты. А роботныкъ надвóри спавъ и старець ему говорыть: «пиды скажы, що нижъ за лавою, а ты якъ зберуть воны людей, стань на покути и дывыся: якъ будуть люды увиходыть у хату, и якъ будуть янголы на порози плакать, а той буде на покути реготить, и выходытымуть уси души и плакатымуть. Той роботныкъ усе бачывъ и росказавъ хазяину и хазяйци. (отъ П. Величкиной, с. Бересточи.)

—

Хотя ангелы, какъ видно изъ настоящаго разсказа, и пребываютъ временно въ разныхъ частяхъ хаты, всё же любимое ихъ мѣсто—покуття. «Ангелъ де гарно въ хати, благословенно,— на покути сыдыть, а де не гарно, де раздоръ, тамъ винъ на двори. Якъ покурыть ладономъ, то анголы радуються, объ углы бьются, зазыраютъ.» Наконецъ на покути садятъ: новобрачныхъ, восходящихъ родственниковъ, кумовьевъ и почетныхъ гостей. Въ противоположность покутю, уголъ, находящійся у глухого конца дверей и самъ, поэтому, носящій названіе глухого (глухе покутя), имѣетъ только хозяйственное значеніе. Здѣсь помѣщается посуда на полкѣ (полыци), ложки и ножи на полочкѣ (мысныку). И по отношенію къ посудѣ хозяйки хранятъ примѣты и повѣрья и соблюдаютъ извѣстныя правила. Напримѣръ хозяйка не должна оставлять на ночь ложекъ въ горшкѣ или мыскѣ, какъ и у нѣмцевъ и чеховъ,[1] но должна перемыть и вдѣть въ особыя отвер-

---

[1]) C. Haberland. Ueber Gebr. und Abergl. beim Essen., III, 267.

стія въ мысникъ, иначе «буде нечыстый перебирать и торохтить, и диты не спатымуть.» Перемывать ложки нужно осторожно: «не цокотить, а то люды будуть балакать, а ворогы веселытся», не ронять изъ рукъ: «якъ ложка пада зъ рукъ—на вмирущого».[1]) Впрочемъ, выпавшая утромъ изъ рукъ ложка предвѣщаетъ гостью, а ножъ—гостя. Ножи также необходимо прятать на ночь и «не вкупи, а порознь, по одному; сатана пидносыть ихъ чоловику. Не можна ножа класты на викни—анголъ не сяде».[2]) Горшки нужно также перемыть на ночь и спрятать въ печь, а кружку (кухоль) перевернуть. Воду въ кадушкѣ слѣдуетъ накрыть, «шобъ сатана туды не наныкувавъ» или вбросить въ нее соломинки, соединенныя навкрестъ. Узенькое пространство между дверями и печью называется «у кочергахъ» или «кочерыжникомъ», потому что занято кочергами и лопатами. Послѣднія имѣютъ особое предохранительное значеніе: ихъ выбрасываютъ въ грозу и градъ на дворъ, какъ у нѣмцевъ настольникъ, а у сербовъ—ложку и миску.[3]) Кромѣ того зажигаютъ еще стрáстную свѣчу, крестятъ верхъ и порогъ. Затѣмъ, въ предупрежденіе всякихъ вообще несчастій, необходимо крестить окна и двери хаты трижды: утромъ, зажигая огонь и на ночь.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) У нѣмцевъ паденіе ложки предвѣщаетъ несчастье. Н. 281, 360.

[2]) Тоже у нѣмцевъ. Н. 274, 275.

[3]) Jbid. 264, 269.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]).

Отдѣлъ II.

Открытая въ составѣ четырехъ классовъ, Кіевская 2-я гимназія вскорѣ и даже раньше опредѣленнаго срока обратилась въ полную. Такъ, съ началомъ новаго учебнаго года ($183^6/_7$) въ ней былъ открыть 5-й классъ. «Пріемъ учащихся былъ такъ значителенъ (116), что общее число учениковъ возросло до 364 и, вѣроятно, тогда же потребовалось-бы образованіе параллельныхъ отдѣленій, еслибъ не превидѣлось скорое открытіе Печерскаго дворянскаго училища. Училище это открыто было 20 ноября 1836 г. и 105 учениковъ изъ трехъ низшихъ классовъ 2-й гимназіи были переведены въ его классы». [2]) Открытіе однако Печерскаго училища не остановило прилива учащихся во 2-ю гимназію. Съ наступленіемъ слѣдующаго академическаго ($183^7/_8$) года въ нее вошло новыхъ 76 учениковъ. «Въ виду возрастающаго числа ихъ, необходимо было подумать прежде всего о другомъ помѣщеніи, такъ какъ домъ Гербеля, особенно съ открытіемъ всѣхъ классовъ, былъ-бы тѣсенъ. Еще въ началѣ этого года По-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 3.

[2]) Дѣло 1836 г. № 241 и Слѣпушк. стр. 7.

печителемъ Округа въ дополненіе къ ассигнованной штатной суммѣ было исходатайствовано 4 т. р. ас. на наемъ дома. Это дало возможность съ началомъ новаго учебнаго года перевесть гимназію въ болѣе просторное помѣщеніе на Крещатикъ въ домъ Кисилевскаго» (нынѣ Попова, на углу Анненковской и Крещатика). Потомъ необходимо было ходатайствовать о раздѣленіи нѣкоторыхъ классовъ на параллельныя отдѣленія, такъ какъ переполненность ихъ рѣшительно мѣшала правильному ходу ученія. «Вслѣдствіе сего 17 августа 1837 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о раздѣленіи первыхъ четырехъ классовъ 2-й гимназіи на два отдѣленія и объ опредѣленіи для того пяти добавочныхъ учителей на правахъ младшихъ съ жалованьемъ по 1200 р. асс. на счетъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ римско-католическихъ монастырей, и притомъ съ тѣмъ, чтобы постепенное открытіе параллельныхъ классовъ было предоставлено усмотрѣнію Попечителя Округа по мѣрѣ того, какъ классы будутъ заключать въ себѣ отъ 60 до 80 учениковъ. На наемъ дома для параллельныхъ отдѣленій ассигновано было 1000 р. [1]) Въ силу этого повелѣнія во 2-й гимназіи съ сентября 1837 г. были раздѣлены на два отдѣленія классы 3-й и 4-й; въ слѣдующемъ ($183^8/_9$) году параллельное отдѣленіе 3-го класса было закрыто, а вмѣсто него открыть параллельный 2-й классъ. Вѣроятно, тогда же былъ-бы открытъ и 1-й параллельный классъ, еслибъ не наступило преобразованіе 1-й гимназіи въ шестиклассную. Тогда родители воспитанниковъ 2-й гимназіи (особенно 1-го кл.), видя возможность сократить пребываніе своихъ дѣтей въ гимназіи, стали одинъ за другимъ переводить ихъ изъ 2-й въ 1-ю и тѣмъ устранили необходимость создавать новый параллельный классъ. Въ томъ-же ($183^7/_8$) году прекратилось въ 1-й гимназіи преподаваніе греческаго языка, вслѣдствіе чего тѣ ея ученики 7-го класса, кои изучали греческій языкъ, были переведены во 2-ю гимназію и уже въ ней кончали курсъ ученія. [2]) Примѣръ 1-й гимназіи, вы-

[1]) Сбор. Пост. Т. II стр. 1018; Ж. М. Н. Пр. 1837 г.; Слѣпушк. стр. 24.

[2]) Такимъ образомъ 7-й классъ 2-й гимназіи былъ открытъ годомъ раньше.

пускавшей въ Университетъ безъ знанія греческаго языка, заразительно дѣйствовалъ на воспитанниковъ 2-й гимназій и ихъ родителей. Не медля, они стали являться съ просьбою объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ изученія греческаго языка, мотивируя свое заявленіе во 1-хъ, трудностью предмета и во 2-хъ тѣмъ, что ихъ дѣти по окончаніи гимназическаго курса поступятъ на юридическій факультетъ, или въ военную службу и т. п. Попечитель и Министръ должны были уступить, и съ тѣхъ поръ принято было за правило освобождать учениковъ отъ изученія греческаго языка, если ихъ родители «письменно будутъ просить о томъ училищное начальство и заявятъ, что они отказываются отъ всѣхъ правъ и преимуществъ, какія предоставляются лицамъ, окончившимъ гимна́зію». Просьбы тѣхъ же родителей вызвали распоряженіе—выдавать аттестаты тѣмъ изъ учениковъ, кои на окончательномъ испытаніи, хотя и оказали въ греческомъ языкѣ слабые успѣхи, но за то по другимъ главнымъ предметамъ получили отмѣтку удовлетворительную. Такіе ученики теряли только право на чинъ XIV кл., хотя бы и удовлетворяли всѣмъ прочимъ условіямъ, поставленнымъ для его полученія. [1])

Постепенное въ теченіи трехъ лѣтъ увеличеніе числа учащихся во 2-й гимназіи и, при разбросанности города, трудность надзора за ними, привели къ опредѣленію 4-го надзирателя. Высочайшее, на этотъ счетъ, повелѣніе состоялось 15 февр. 1838 г. [2])

Значительные расходы по устройству новыхъ училищъ, падавшіе на государственное казначейство, заставили высшую администрацію озаботиться изобрѣтеніемъ такихъ источниковъ дохода, располагая которыми, гимназіи не обращались-бы къ рессурсамъ казны. Такой источникъ былъ открытъ въ установленіи платы за ученіе въ размѣрѣ 15 р. ас. въ годъ, которую съ 1 іюля 1838 г. обязанъ былъ вносить каждый воспитанникъ гимназіи, за исклю-

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1837 г. ч. 13; Дѣло 1837 г. № 5 и Слѣпушк. стр. 12.

2) Сбор. Пост. Т. II отд. 1 стр. 1036.

ченіемъ дѣтей служащихъ въ учебномъ вѣдомствѣ, воспитанниковъ Приказа общественнаго призрѣнія, сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей, представившихъ свидѣтельство о бѣдности [1]) Благодаря введенію платы, средства 2-й гимназіи значительно усилились, но за то явилось неудобство особаго рода: приходилось иногда за невзносъ платы исключать учениковъ. Чтобы, по возможности избавиться отъ этой печальной необходимости, нужно было изобрѣсти какое-нибудь средство. И бывали случаи, когда 2-я гимназія въ лицѣ своихъ представителей являлась на помощь наиболѣе нуждающимся ученикамъ, жертвуя свои скудныя средства на уплату за отличнѣйшихъ изъ нихъ. Мало того: преподавателямъ 2-й гимназіи пришла въ голову благородная мысль изъ добровольныхъ взносовъ образовать фондъ для пособія нуждающимся ученикамъ. Хотя въ этомъ добромъ дѣлѣ принялъ участіе самъ Попечитель Округа, но ему не суждено было укрѣпиться на прочномъ основаніи: случились обстоятельства, прекратившія жизнь кассы съ самомъ ея зародышѣ. [2]) Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы 2-я гимназія не имѣла источника, изъ котораго могла-бы черпать на нужды бѣднѣйшихъ изъ своихъ учениковъ: ежегодно она получала изъ 1-й гимназіи часть процентовъ (146 р.) съ фундуша, завѣщаннаго въ пользу бѣдныхъ сиротъ, воспитывавшихся въ ней, Гириловичемъ.

Одновременно съ открытіемъ новыхъ классовъ приближался къ полному комплекту и положенный штатъ преподавателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ организована была и медицинская часть 2-й гимназіи. На основаніи составленной въ Округѣ инструкціи, положенъ былъ для разъѣздовъ врача особый сборъ съ учениковъ 2-й гимназіи (въ 5 р. ас.) «и первымъ врачомъ въ ней былъ Пассоверъ (съ 1837 по 1838 г.). Послѣ него были: Бржезинскій (1838—1843) и фонъ-деръ-Фуръ (1843—1845), котораго смѣнилъ докторъ И. Т. Щербина. Кромѣ того, при содѣйствіи врачебной

---

[1]) Сборн. Расп. Т. II стр. 273; дѣло 1838 г. № 10 и Слѣпушк. стр. 25.

[2]) Протоколъ засѣд. 1837 г.

управы, аптекари согласились отпускать ученикамъ 2-й гимназіи лѣкарства на 25% ниже обыкновенныхъ цѣнъ». [1]).

Такимъ образомъ мало по малу 2-я гимназія устроилась окончательно. Въ $183^8/_9$ учебномъ году «всѣ ея классы были открыты, всѣ мѣста преподавателей (и надзирателей) были замѣщены, учебный курсъ и внутренній порядокъ установленъ. Въ физическомъ кабинетѣ гимназіи, образовавшемся въ значительной степени изъ дубликатовъ, переданныхъ изъ 1-й гимназіи, было приборовъ 103. Библіотека еще не была вполнѣ устроена. Въ ней было только 48 томовъ періодическихъ изданій (Сынъ Отечества, Современникъ, С.-Петербургскія вѣдомости, Библіотека для чтенія, Московскій Наблюдатель». [2]) Болѣе основательному ея образованію было положено начало» въ 1840 году, когда послѣдовало разрѣшеніе выписать въ нее книгъ на относительно-значительную сумму (на библіотеку и физическій кабинетъ ассигновано было 511 р. 40 к.). [3]) Тогда библіотека 2-й гимназіи состояла уже изъ 450 названій въ 1095 томахъ.

«Празднуя на торжественномъ актѣ въ 1838 году первый выпускъ воспитанниковъ, директоръ читалъ записку о состояніи гимназіи и заключилъ ее слѣд. словами: 2-я Кіевская гимназія, будучи младшею по времени своего возрожденія, употребляетъ всѣ возможныя мѣры къ пріобрѣтенію того всеобщаго довѣрія и тѣхъ совершенствъ, какими пользуются равностепенныя съ нею учебныя заведенія и нѣтъ сомнѣнія, что... она современемъ возрастетъ, укрѣпится въ своихъ силахъ и станетъ въ ряду увѣнчанныхъ старшихъ сестеръ своихъ по праву собственнаго достоинства». [4])

Посмотримъ теперь, каковъ былъ тотъ педагогическій персоналъ, который, по словамъ директора, употреблялъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобъ 2-ю гимназію поставить на высокую сте-

---

[1]) Слѣпушк. стр. 23.

[2]) Проток. засѣд. 1836, 1837 гг.

[3]) Тамъ же за 1840 г.

[4]) Слѣпушк. стр. 27.

пень совершенства и поселить къ ней довѣріе правительства и общества.

Чувство правды заставляетъ сказать, что подборъ лицъ, въ зависимость отъ которыхъ ставилась судьба юной гимназіи, производился съ надлежащимъ вниманіемъ и осторожностью. Первому Попечителю Округа хотѣлось пріискать для нея такихъ дѣятелей, которые способны были-бы сразу поставить ее на подобающую высоту, и хотя не вполнѣ, но онъ достигъ своей цѣли. Такъ въ лицѣ перваго директора И. И. Милашевича 2-я гимназія пріобрѣла во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойнаго человѣка. Какъ воспитанникъ, славнаго нѣкогда Педагогическаго Инстутута, Милашевичъ обладалъ обширными свѣдѣніями, широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, что, какъ извѣстно, составляетъ весьма важную принадлежность хорошаго директора. Долголѣтній (въ теченіи 18 л.) и успѣшный опытъ преподавателя [1]) поднялъ его на пьедесталъ педагогическаго пониманія интересовъ учебнаго заведенія, а мягкость и доброта сердца ручались за благородное направленіе нравственности и благородный образъ мыслей ввѣреннаго его попеченію юношества. Къ сожалѣнію, у него не доставало твердой воли и того админираторскаго такта, который способенъ умѣрять порывы страстныхъ увлеченій и приводить къ одному знаменателю индивидуальныя особенности и стремленія. Недостатокъ этотъ былъ особенно ощутителенъ въ тѣ тяжелыя для 2-й гимназіи минуты, когда представилась, какъ увидимъ ниже, надобность бороться съ назрѣвшими неблагопріятными обстоятельствами. Да и ему самому довелось изъ-за этого перенести длинный рядъ служебныхъ непріятностей, завершившихся выходомъ его въ отставку. [2])

Инспекторъ А. К. Зейдлицъ былъ добрый старикъ, по воспоминаніямъ старожиловъ любившій дѣтей, какъ родной отецъ, но тяготившійся 2-ю гимназіею потому, что кажется, былъ перемѣщенъ изъ Чернигова противъ своего желанія: по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Дѣло 1836 г. № 3.

[2]) Дѣло 1836 г. № 714; 1837 г. № 715; 1839 г. № 34 и 64.

вскорѣ онъ попросился обратно въ Черниговъ и когда получилъ отказъ, то вышелъ въ отставку, пробывъ во 2-й гимназіи всего полгода.

Законоучитель православнаго вѣроисповѣданія А. Я. Синицынъ былъ даровитый и знающій классическіе языки [1]) воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, способный отлично вести преподаваніе закона Божія, но, къ сожалѣнію, страдавшій тяжкимъ недугомъ, который мѣшалъ ему какъ слѣдуетъ относиться къ ученикамъ и преподаванію, за что однажды подвергся замѣчанію отъ Попечителя [2]). Вскорѣ онъ сошелъ въ могилу въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ: въ день кончины ему не было и 30 лѣтъ.

Законоучитель римско-католическаго вѣроисповѣданія ксендзъ І. В. Стейгвилло, кандидатъ богословія Виленской главной семинаріи, былъ, по слухамъ, учитель строгій, не только требовавшій отъ своихъ учениковъ знанія предмета, но и зорко слѣдившій за исполненіемъ ими религіозныхъ обязанностей [3]).

Преподаваніе русскаго языка и словесности было поручено двумъ преподавателямъ—В. А. Унтилову и З. Ф. Коробкину. О первомъ можно составить себѣ понятіе изъ того, что Харьковскій университетъ предложилъ ему, какъ даровитѣйшему изъ своихъ воспитанниковъ, поступить въ Профессорскій Институтъ, существовавшій при Дерптскомъ университетѣ, съ цѣлью подготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію. Правда, Унтиловъ не принялъ предложенія; но не потому, что не чувствовалъ себя способнымъ, а потому, что ему не дозволяли согласиться на предложеніе дѣла по имѣнію. Что касается Коробкина, то кто не знаетъ этого злополучнаго старика съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ, который, не взирая на умственное потрясеніе, нерѣдко блещетъ прекрасною французскою или нѣмецкою рѣчью и который въ самой брани, коею по временамъ разражается, проявляетъ недюжинный даръ слова? Изъ дѣлъ и изъ разсказовъ о немъ быв-

---

1) Дѣло 1863 г. № 134; 1838 г. № 47.

2) Дѣло 1842 г. №

3) Семидневныя донесенія.

шихъ его учениковъ видно, что въ свое время это была краса 2-й гимназіи. Къ сожалѣнію, неблагопріятно сложившіяся обстоятельства частной жизни вызвали въ немъ тотъ болѣзненный процессъ, на который мы смотримъ въ настоящее время.[1])

Первый учитель математики Н. М. Гренковъ принадлежитъ также къ числу выдающихся свидѣтелей первыхъ дней жизни Кіевской 2-й гимназіи. Подобно Милашевичу и Коробкину, образованіе свое онъ получилъ въ Педагогическомъ Институтѣ, изъ котораго вышелъ въ числѣ первыхъ. Несомнѣнно, въ тѣ времена не много было такихъ, свой предметъ знающихъ, учителей, какъ Гренковъ: не даромъ же университетъ св. Вдадиміра въ лицѣ проф. Дьяченка приглашалъ его на каѳедру математики.

Учитель греческаго языка П. Н. Іеропесъ, природный грекъ, получившій образованіе въ гимназіи высшихъ наукъ въ Смирнѣ, отличался примѣрнымъ усердіемъ при исполненіи своихъ обязанностей и строгостью по отношенію къ ученикамъ, но въ то-же время не умѣлъ поселить въ нихъ надлежащаго уваженія къ своей личности, какъ кажется, потому, что плохо изъяснялся порусски и тѣмъ невольно возбуждалъ въ нихъ несерьезное настроеніе духа.

Младшій учитель географіи, кромѣ этого предмета преподававшій и другіе, В. М. Лисовскій получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи. Это былъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ тружениковъ стараго времени. Служебная карьера его началась съ копіиста. Переписывая бумаги, онъ находилъ, однако, время отрываться на часъ-другой отъ работы ради насущнаго хлѣба и посѣщать лекціи профессоровъ духовной Академіи. Такъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Окончивъ курсъ высшаго образованія, онъ долго еще скитался по разнымъ канцеляріямъ, пока, наконецъ, не получилъ мѣсто учителя гимназіи. И въ учительскомъ званіи онъ продолжалъ вести ту же трудовую жизнь, часто не получая за свои труды никакого вознагражденія. Такъ онъ безвозмездно преподавалъ чистописаніе въ 1-й гимназіи, потомъ во 2-й, да-

---

[1]) Писано въ 1885 г.

ромъ давалъ уроки у граф. Левашовой. Доброта его доходила до слабости, что, разумѣется, отражалось очень дурно на успѣхахъ его учениковъ въ тѣхъ предметахъ, которые онъ преподавалъ, за исключеніемъ, впрочемъ, чистописанія.

Учитель французскаго языка А. О. Козелли, служившій во 2-й гимназіи болѣе 12 лѣтъ, былъ плохой преподаватель французскаго языка, не умѣвшій изъясняться по-русски и наводившій на учениковъ страхъ суровымъ и черствымъ обхожденіемъ съ ними.

Учитель нѣмецкаго языка А. А. Шеневе, воспитанникъ Вѣнскаго Университета, оставилъ послѣ себѣ въ дѣлахъ 2-й гимназіи самую дурную аттестацію учителя и человѣка. Вотъ что въ секретномъ донесеніи Попечителю писалъ о немъ преемникъ Милашевича Богородскій: «весьма полезно было-бы поручить преподаваніе нѣмецкаго языка во всѣхъ классахъ Сигизмунду вмѣсто Шеневе, котораго и Ваше Сіятельство, согласно моимъ замѣчаніямъ и словеснымъ донесеніямъ, нашли совершенно неспособнымъ къ преподаванію нѣмецкаго языка въ гимназіи» [1]). Съ воспитанниками онъ обращался столь грубо, что Попечитель вынужденъ былъ объявить, что если онъ не перемѣнитъ манеры обращенія съ учащимися, то будетъ удаленъ отъ должности и подвергнутъ строгому взысканію. Просто-на-просто онъ во 1-хъ, ставилъ пристрастныя отмѣтки какъ за успѣхи, такъ и за поведеніе и билъ учениковъ по щекамъ [2]). Не высоки были и нравственныя качества этого человѣка. Никогда и ни на кого во 2-ю гимназію не поступало столько жалобъ и совершенно основательныхъ претензій, какъ на Шеневе: то онъ не возвращаетъ родителямъ вещей своего пансіонера, то онъ не платитъ долговъ, то строится безъ разрѣшенія полиціи, чинитъ побои, то наконецъ грабитъ [3]).

---

[1]) Секретн. дѣла за 1839 г. № 1.

[2]) Дѣло 1842 г.

[3]) Дѣло 1838 г. № 50; 1839 г. № 82; 1840 г. № 236; 1842 г. № 41.

Относительно учителя чистописанія и рисованія И. Я. Краснокутскаго нужно замѣтить, что дѣла архива 2-й гимназіи рисуютъ его личность въ весьма неблагопріятномъ для него свѣтѣ. Не лучше сталъ онъ и послѣ того, когда занялъ должность учителя. Грубость и безсердечіе были постоянными его спутниками на педагогическомъ поприщѣ, за что ученики неоднократно платили ему также грубостью и дерзостью [1]). Чтобы видѣть, что это былъ за человѣкъ, послушаемъ, что писалъ ему въ 1842 г. выведенный изъ терпѣнія инспекторъ: «я постоянно замѣчаю неточное исполненіе вами своей должности, неприличное ваше съ учениками обращеніе употребленіемъ разныхъ бранныхъ словъ, чрезъ что воспитанники теряютъ къ вамъ должное уваженіе, и напослѣдокъ замѣчено, что вы наказываете въ классѣ учениковъ линейкою по рукамъ, отчего воспитанники являются ко мнѣ съ опухшими отъ побоевъ вашихъ руками. Напоминанія, дѣлаемыя вамъ неоднократно директоромъ и мною, какъ замѣчено, не производятъ никакого впечатлѣнія, и ученики по вашему предмету не оказываютъ никакихъ успѣховъ» [2]). Единственный возможный изъ подобной аттестаціи выводъ—тотъ, что Краснокутскій былъ и дурной учитель, и дурной человѣкъ. Изъ списка пансіонеровъ, которыхъ онъ содержалъ, изъ той высокой платы, которую онъ бралъ за ихъ содержаніе [3]), видно, что служба была для него дѣломъ второстепеннымъ, на первомъ же планѣ стояла нажива.

О надзирателяхъ: О. Д. Урсо и А. М. Бондзкевичѣ знаемъ только то, что первый изъ нихъ окончилъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента Виленскій университетъ, а второй былъ отставной капитанъ и только на томъ основаніи, что ни въ отдѣльныхъ объ нихъ дѣлахъ, ни въ семидневныхъ донесеніяхъ инспектора,

---

[1]) Проток. засѣд.

[2]) Дѣло 1842 г. № 91.

[3]) Дѣло 1837—1839 г. № 717.

словомъ —нигдѣ нѣтъ ни жалобъ на нихъ, ни проявленія по отношенію къ нимъ ученической непочтительности, ни замѣчаній или выговоровъ начальства, на этомъ основаніи. повторяемъ, мы вправѣ заключать, что они были весьма хорошими надзирателями; жаль только, что не долго (напр. Бондзкевичъ — нѣсколько мѣсяцевъ) [1]).

Вотъ каковъ былъ первоначальный составъ педагогическаго персонала Кіевской 2-й гимназіи. Если характеристика, сдѣланная нами, не грѣшитъ, то такой составъ вполнѣ заслуживаетъ названіе весьма удовлетворительнаго. Впрочемъ въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ не долго: не прошло и пяти лѣтъ, какъ изъ него не осталось почти никого. Такъ въ 1836 году вышли Гренковъ, Пиляцкевичъ, Зейдлицъ и Бондзкевичъ; въ 1837 г.— Унтиловъ, Коробкинъ (впрочемъ послѣ, на короткое время, онъ опять вошелъ), Іеропесъ; въ 1838 г.—Урсо и Пассоверъ; въ 1839 г.—Милашевичъ. Мѣста ихъ были заняты новыми людьми; кромѣ того новыми-же людьми нужно было замѣстить учительскія мѣста, открывавшіяся съ постепеннымъ преобразованіемъ 2-й гимназіи изъ четырехклассной въ семиклассную. Такія мѣста были: 1) старшаго учителя исторіи со статистикою, 2) математики съ физикою и 3) литинскаго языка; съ прибавкою же двухъ параллельныхъ отдѣленій понадобились и учителя этихъ отдѣленій. 6 января 1837 г. мѣсто старшаго учителя исторіи предоставлено было учителю 1-й гимназіи В. Г. Ордѣ, о которомъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ пребываніе его во 2-й гимназіи продолжалось только до 1 іюля 1838 г. Его смѣнилъ собою А. А. Потаповичъ, кандидатъ Университета св. Владиміра, выпущенный съ золотою медалью. Въ дѣлахъ мы нашли только одинъ, такъ сказать, штрихъ, который на нашъ

---

[1]) Объ учителѣ латинскаго языка И. Н. Пилянкевичѣ мы умалчиваемъ, потому что намъ не удалось собрать о немъ никакихъ извѣстій, да онъ всего только полгода и былъ во 2-й гимназіи.

взглядъ, рисуетъ его учительскій образъ съ весьма выгодной стороны: Потаповичъ не придерживался печатнаго руководства, а излагалъ свою науку по запискамъ, трудясь въ то же время надъ составленіемъ руководства [1]). Чтобы по достоинству оцѣнить этотъ фактъ, нужно знать, что учебникъ Кайданова, употреблявшійся въ тѣ времена, представлялъ изъ себя по содержанію нѣчто невозможное, а по цѣнѣ (6 р. 25 к.) просто недоступную книгу. Кромѣ исторіи, Потаповичъ обязанъ былъ преподавать еще статистику, а учебника между тѣмъ не существовало; приходилось самому составлять и учебникъ по статистикѣ. Потаповичъ сталъ трудиться и трудился такъ много, что заболѣлъ. Бывшіе его ученики, нынѣ сѣдиною убѣленные старцы, передавали намъ, что Потаповичъ былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ преподавателей своего времени, съ основательнымъ знаніемъ своего предмета соединявшій рѣдкій даръ слова. Изъ архива-же мы узнали, что онъ былъ строгій и требовательный учитель, за что даже получалъ отъ директора замѣчанія; но ученики, кажется, любили его, чему доказательствомъ служатъ успѣхи ихъ въ исторіи. Ниже мы приведемъ цифры, а теперь скажемъ только, что ни одинъ предметъ не былъ поставленъ такъ блестяще, какъ исторія. Немаловажнымъ подтвержденіемъ служитъ также благодарность, объявленная ему Министромъ, присутствовавшимъ на его урокахъ. Преподавателемъ математики и физики назначенъ былъ 19-ти лѣтній юноша Я. А. Линовскій, даровитый ученый, показавшій на дѣлѣ свои ученыя силы: при выпускѣ изъ университета онъ былъ награжденъ за два сочиненія двумя медалями—серебряною и золотою и на 20-мъ году жизни удостоенъ былъ степени магистра зоологіи и ботаники [2]). Учителемъ 2-й гимназіи онъ былъ около полутора года (съ 1 марта 1837 по 14 авг. 1838 г.). Преемникомъ его со 2 декабря 1838 г. былъ извѣстный впослѣдствіи ученый и профессоръ ботаники въ университетѣ св. Влади-

---

[1]) См. годов. отч. за 1840 и 1841 гг.

[2]) Дѣло 1837 г. № 182.

міра, отличавшійся необыкновеннымъ добродушіемъ, А. С. Роговичъ. Третье вакантное мѣсто—мѣсто старшаго учителя латинскаго языка 28 янв. 1837 г. занялъ И. Д. Юскевичъ-Красковскій. Это—одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ преподавателей, которые остаются до конца жизни вѣрными своему учительскому призванію: во 2-й гимназіи онъ пробылъ до 9 февр. 1860 г., то есть—до полной выслуги лѣтъ. Въ воспитанникахъ своихъ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ прекрасный учитель и гуманный педагогъ, умѣвшій возбуждать въ своихъ питомцахъ любовь къ одному изъ труднѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса. И такъ мы видимъ, что вакантныя мѣста старшихъ учителей были заполнены вполнѣ достойными личностями, соперничавшими другъ съ другомъ, кто изъ нихъ лучше.

Что касается перемѣнъ въ первоначальномъ личномъ составѣ 2-й гимназіи, то онѣ выразились въ слѣд.: 1) по выходѣ Гренкова, учителемъ математики въ сентябрѣ 1836 г. назначенъ И. Е. Гаевскій. Есть сильный поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы Гаевскій былъ хорошій знатокъ своего предмета, прежде всего потому, что онъ не получилъ высшаго математическато образованія, слѣд., подобно всякому ученику послѣдняго класса, могъ знать не болѣе того, что заключалъ въ себѣ учебникъ; во 2-хъ, на эти соображенія наводитъ отчетъ о ревизіи Инспектора казенныхъ училищъ [1]). 2) 9 сентября 1836 г. на мѣсто вышедшаго Пилянкевича поступилъ П. А. Крыловскій, магистръ Кіевской Духовной Академіи [2]), глубокій знатокъ классическихъ языковъ, отличный педагогъ и человѣкъ; но его пребываніе во 2-й гимназіи было непродолжительнымъ, равно какъ и его преемника, магистра Виленскаго университета К. С. Климовскаго [3]). Вакантное мѣсто занялъ тогда Г. П. Крыловскій, сынъ П. А., по образованію далеко уступавшій своему отцу: онъ—воспитанникъ Черниговской Духовной семинаріи, откуда легко догадаться, какимъ знаніемъ

---

1) Дѣло 1838 г. № 51.

2) Дѣло 1836 г. № 177.

3) См. прилож.

латыни онъ могъ обладать, да и по собраннымъ у его бывшихъ учениковъ болѣе поздняго времени (1845—1849 г.) справкамъ оказывается, что онъ былъ далеко незамѣчательный учитель. 3) За учителемъ греческаго языка Іеропесомъ, въ 1837 г. переведеннымъ на должность инспектора Житомирской гимназіи, одинъ за другимъ слѣдовали: Ф. Г. Іептзенъ, докторъ философіи Іенскаго университета, В. И. Гиршъ, кандидатъ университета св. Владимира, чрезъ $2^1/_2$ мѣсяца по вступленіи въ должность умершій отъ чахотки, Н. П. Шаверневскій, бывшій въ сферѣ преподаванія греческаго языка тѣмъ же, чѣмъ на каѳедрѣ латинскаго языка былъ Юскевичъ-Красковскій, и, наконецъ, въ теченіи полугодія, К. Ѳ. Страшкевичъ,—извѣстный въ Кіевѣ лингвистъ, въ особенности хорошо знавшій греческій языкъ и обладавшій удивительнымъ даромъ научать своихъ учениковъ, въ чемъ согласится съ нами всякій, кому приходилось начинать изученіе греческаго языка въ университетѣ св. Владиміра, въ которомъ онъ впослѣдствіи состоялъ адъюнктомъ (съ 16 декабря 1840 г.). 4) Учителемъ русскаго языка и словесности, послѣ выбывшаго Унтилова, назначенъ былъ Е. А. Арсеньевъ—воспитанникъ Педагогическаго института, а по выходѣ его въ 1838 г. Ѳ. В. Березницкій,—одинъ изъ немногихъ ветерановъ 2-й гимназіи (отъ 1839 по 1857 г.). Какъ воспитанникъ Педагогическвго института, Березницкій обладалъ, конечно, и основательными познаніями, а какъ учитель 2-й гимназіи онъ пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную репутацію, которую онъ, однако, подъ конецъ своей педагогической дѣятельности омрачилъ болѣе усерднымъ, чѣмъ слѣдовало, поклоненіемъ богу винодѣлія. Доказательствомъ его недюжинныхъ способностей можетъ служить, между прочимъ, написанный имъ учебникъ ариѳметики и составленная, по порученію Попечителя, инструкція для преподаванія въ приходскихъ училищахъ русскаго языка и ариѳметики [1]).

---

[1]) Прекращеніе чтенія лекцій въ университетѣ св. Владиміра, по случаю временнаго закрытія его въ январѣ 1839 года, имѣло для 2-й гимназіи то послѣдствіе, что въ нее на нѣкоторое время вошли

Въ директорство Милашевича младшими учителями 2-й гимназіи, кромѣ извѣстныхъ уже намъ, были: 1) И. С. Семяновскій (1837—1860 г.), 2) П. Г. Карнаковскій (1838—1844 г.), 3) В. С. Мирецъ-Имшенецкій (1838—1840 г.), 4) М. И. Падренъ-де-Карне (1838—1845 г.), 5) Карлъ И. Фридманъ (1837—1839 г.), 6) А. С. Сигизмундъ (съ перерывами отъ 1837 по 1861 г.) и 7) Самойленковъ (имя отчество и время не извѣстно).

Вскорѣ перемѣнились и надзиратели. На мѣста прежнихъ трехъ поступили: К. И. Ленгерихъ, П. П. Рогге, знакомый намъ Краснокутскій и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія о четвертомъ надзирателѣ, Р. Ф. Смигельскій. Не далѣе, какъ въ 1839 году выбыли всѣ до одного и эти надзиратели. Новые, смѣнившіе ихъ, за исключеніемъ одного, держались также не долго (Гавриловъ и Данилевскій поступили и вышли въ 1839 г., Наумовъ 1839—1840, Гиргасовъ 1839—1843 и Матковскій 1839—1842).

Останавливая свое вниманіе на частной характеристикѣ и обрисовывая, на сколько позволяли намъ средства, отдѣльные образы лицъ, входившихъ въ качествѣ руководителей юношества въ составъ 2-й гимназіи, мы имѣли въ виду показать, какому направленію суждено было сложиться во 2-й гимназіи въ утреннюю зарю ея жизни. Направленіе это не нуждается въ обильныхъ выраженіяхъ—полное единодушіе въ дѣйствіяхъ и сердечное отношеніе къ учащимся,—вотъ и все. Доказательствомъ перваго служатъ протоколы Совѣта, показывающіе, что засѣданія шли мирно, безъ малѣйшихъ пререканій съ чьей-бы то ни было стороны, а под-

---

въ качествѣ преподавателей слѣд. лица изъ университетской корпораціи: 1) профессоръ математики Тихомандрицкій, 2) профессоръ греческой словесности Нейкирхъ, 3) адъюнктъ римской словесности Делленъ, которому поручено было преподавать во 2-й гимназіи нѣмецкій языкъ, и 4) лекторъ французскаго языка Плансонъ. Кромѣ того учителю рисованія Клембовскому вмѣнено было въ обязанность «имѣть постоянное наблюденіе за обученіемъ рисованія въ гимназіи». (Дѣло 1839 г. № 65 и семидн. донес.). Занятіе ихъ во 2-й гимназіи продолжалось до возобновленія лекцій въ Университетѣ.

твержденіе второго находимъ въ учрежденіи на собственныя средства кассы для вспомоществованія бѣднѣйшимъ ученикамъ и въ неоднократной уплатѣ за ихъ ученіе изъ собственнаго кармана. [1]) Но, къ сожалѣнію, согласіе и доброе настроеніе было потрясено назначеніемъ на открывшуюся послѣ Зейдлица вакансію инспектора Е. Я. Зимовскаго. Въ смыслѣ канцелярскаго чиновника это было безспорно человѣкъ дѣловой и усердный, но эта дѣятельность, это усердіе были чисто эгоистическаго свойства: все было разсчитано на карьеру. Ради карьеры онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями и готовъ былъ ломать все, что стояло поперекъ его дороги. Самое назначеніе его на должность инспектора мотивировано ничѣмъ инымъ, какъ карьерою. Рекомендуя его министру на должность инспектора, фонъ-Брадке пишетъ: «Зимовской въ поданномъ ко мнѣ прошеніи изъяснилъ, что онъ желаетъ воспользоваться предоставленными званію инспектора преимуществами (т. е. правомъ по выслугѣ въ этомъ званіи четырехъ лѣтъ на чинъ VIII кл., съ которымъ соединено было тогда возведеніе въ потомственное дворянство, съ зачетомъ сихъ четырехъ лѣтъ въ старшинство на чинъ), а потому я входилъ къ Министру съ представленіемъ объ опредѣленіи его инспекторомъ 2-й гимназіи» [2]) и проч. И вышло, что вопреки Высочайше утвержденному Уставу, старшій письмоводитель канцеляріи Попечителя, не имѣвшій ни по образованію, ни по занятію ничего общаго съ педагогикою, чиновникъ и интриганъ, становится помощникомъ директора въ дѣлѣ образованія и воспитанія юношества только потому, что ему хочется воспользоваться правами по должности. Нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ человѣкъ въ мирную гимназическую семью тотчасъ-же внесъ разладъ. Опираясь на полное довѣріе къ себѣ Попечителя, онъ началъ съ того, что сталъ вредить во мнѣніи Попечителя директору, въ которомъ не трудно

---

[1]) Проток. засѣд. 1838 и 1840 г. Даже бланки для вѣдомостей учителя согласились печатать на свой счетъ, щадя скудныя въ началѣ средства гимназіи. Проток. засѣд. 1837 г.

[2]) Дѣло 1836 г. № 175.

было сразу подмѣтить недостатокъ чиновничьяго такта, и сталъ такимъ образомъ въ натянутыя отношенія прежде всего къ главѣ заведенія. Первое столкновеніе между нимъ и директоромъ произошло, если не ошибаемся, по поводу аптекаря Венцеля, которому Милашевичъ запретилъ содержать учениковъ, потому что на его квартирѣ происходили разные безпорядки. [1]) Зная, что фонъ-Брадке имѣлъ слабость оказывать поддержку своимъ соплеменникамъ, Зимовской принялъ сторону аптекаря и представилъ дѣло въ такомъ видѣ, что Милашевичъ оказался виноватымъ, получилъ выговоръ и долженъ былъ, по волѣ Попечителя, отмѣнить свое прежнее распоряженіе. Съ тѣхъ поръ между ними происходили постоянныя пререканія: директоръ сталъ внимательно слѣдить за служебною дѣятельностью инспектора и, въ случаѣ неисправности, дѣлалъ ему формальныя замѣчанія; [2]) съ своей стороны инспекторъ о каждомъ промахѣ директора доводилъ до свѣдѣнія Попечителя. Попечитель обыкновенно принималъ сторону Зимовского и выставлялъ директору на видъ неправильный образъ его дѣйствій. Зимовскому удалось наконецъ настроить Попечителя такъ, что за все, что ни случилось-бы, вина падала на Милашевича; распоряженія его обыкновенно отмѣнялись и такимъ образомъ дѣятельность его постоянно попадала въ тиски. Такъ случилось, между прочимъ, по поводу надзирателя Ленгериха. Надзиратель этотъ часто являлся въ гимназію въ нетрезвомъ видѣ и одинъ разъ до того напился, что не могъ держаться на ногахъ и чуть не побилъ стеколъ. Милашевичъ вошелъ къ Попечителы съ представленіемъ объ увольненіи Ленгериха. Попечитель счелъ нужнымъ освѣдомиться о Ленгерихѣ у инспектора; инспекторъ, разумѣется, далъ о поведеніи Ленгериха одобрительный отзывъ. Попечитель вѣрилъ инспектору и потому сдѣлалъ директору замѣчаніе, что онъ «оставляя безъ увѣщанія и взысканія проступки подвѣдомаго ему лица, подвергаетъ его дурной аттестаціи»; по отношеніи жъ къ Ленгериху ограничился строгимъ выговоромъ [3]).

---

[1]) Дѣло 1837 г. № 715.

[2]) Дѣло 1837—1839 г. № 717; 1836 г. № 1.

[3]) Дѣло 1836 г. № 714.

Въ такія же натянутыя отношенія сталъ Зимовской и къ цѣлому Педагогическому Совѣту.

Высокомѣрный тонъ и заносчивая, неделикатная манера обращенія съ учителями поселяли въ нихъ враждебное къ нему настроеніе тѣмъ болѣе, что въ немъ «не безъ основанія видѣли человѣка, подавшаго Попечителю идею тѣхъ стѣснительныхъ для учителей правилъ», которыя приведены нами выше и тяжесть коихъ онъ давалъ имъ чувствовать. Первое крупное столкновеніе между нимъ и Совѣтомъ произошло въ ноябрѣ 1837 года по поводу добровольныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ учителями въ пользу недостаточныхъ учениковъ. Такъ какъ инспекторъ, принимавшій пожертвованія, не хотѣлъ давать отчета въ томъ, куда они расходовались, то учителя, подъ скромнымъ предлогомъ «разныхъ домашнихъ обстоятельствъ», отказались отъ дальнѣйшихъ взносовъ. Когда объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Попечителя, то онъ, желая поддержать доброе дѣло, выступилъ съ предложеніемъ, въ которомъ выразилъ увѣренность, что учителя, «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ прекратившіе таковое пожертвованіе, конечно, при перемѣнѣ таковыхъ обстоятельствъ, вновь приступятъ къ начатому ими полезному и благому обязательству», и что онъ самъ готовъ содѣйствовать въ этомъ добромъ предпріятіи и взносить ежегодно 50 р. асс. Когда въ засѣданіи Совѣта было прочитано это предложеніе, то учителя прежде всего потребовали отъ инспектора «подробнаго отчета, сколько всѣхъ денегъ взнесено и кѣмъ именно; сколько изъ нихъ и на что употреблено и затѣмъ, сколько остается въ наличности». Послѣ этого храненіе денегъ поручено было учителю Лисовскому и составлены были правила для храненія и раздачи жертвуемыхъ денегъ, при чемъ инспектору представлено было единственное право доставлять Совѣту списокъ бѣдныхъ учениковъ. Такимъ опредѣленіемъ Совѣта Зимовской обидѣлся вдвойнѣ: 1) какъ власть, у которой осмѣливаются требовать отчета, и 2) лишаютъ его права, по своему усмотрѣнію, выдавать ученикамъ пособіе и тѣмъ пріобрѣтать ихъ расположенность къ непосредственному даятелю благъ. Въ силу этихъ соображеній, онъ не согласился съ опре-

дѣленіемъ Совѣта и вошелъ съ особымъ мнѣніемъ. [1]) Было-ли принято во вниманіе его мнѣніе, или нѣтъ,—не знаемъ: только съ того времени рѣдкое засѣданіе Совѣта обходилось безъ «особаго мнѣнія». Особое мнѣніе обратилось у Зимовского въ правильную систему, посредствомъ которой онъ рѣшился постоянно тормозить дѣятельность Педагогическаго Совѣта. Такое напряженное состояніе обѣихъ сторонъ должно было, наконецъ, чѣмъ-нибудь разрѣшиться, и оно разрѣшилось двумя бурными сценами, послѣднимъ актомъ которыхъ былъ выходъ изъ 2-й гимназіи сперва Зимовского, а потомъ и Милашевича. Начало этой драмы таково: «въ ноябрѣ 1838 г., по предложенію Попечителя, въ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о примѣнимости составленныхъ программъ испытанія и говорилось, между прочимъ, о принятіи мѣръ противъ малоуспѣшности учениковъ». Во время преній Зимовской, по обыкновенію, молчалъ; но когда пришлось подписывать протоколъ, онъ подлѣ своей фамиліи поставилъ неизмѣнное «особое мнѣніе». Въ мнѣніи этомъ «онъ коснулся нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ въ протоколѣ не значилось. Такъ, по вопросу о малоуспѣшности, по коему вовсе не требовалось представлять Попечителю заключеніе, потому что онъ былъ возбужденъ иниціативой самóй гимназіи, онъ высказалъ, что мнѣніе одного учителя наказывать линейкою по рукамъ для отклоненія малоуспѣшности находитъ неприличнымъ и съ настоящимъ духомъ учебныхъ заведеній несообразнымъ, но въ то же время признаетъ необходимымъ усилить тѣлесныя наказанія въ классахъ, гдѣ это дозволено Уставомъ. Далѣе *по долгу службы* заявилъ, что малоуспѣшность по нѣмецкому языку происходитъ отъ метода преподавателя, который, кромѣ другихъ недостатковъ, будучи вялымъ и безъ всякой энергіи, лишаетъ даже лучшихъ учениковъ охоты заниматься симъ предметомъ и своею личностью вовсе не внушаетъ къ себѣ должнаго уваженія. Представленная фонъ-Брадке записка эта возъимѣла свое дѣйствіе. Хотя директоръ, представляя ее, и объяснилъ, что учитель, говорившій о линейкѣ, говорилъ только въ видѣ историческомъ (sic), а не

---

[1]) Протокъ. засѣд. отъ 22 ноября 1837 г.

съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы употреблять оную на самомъ опытѣ, хотя онъ и оправдывался, что тѣлесныя наказанія всегда употреблялись и употребляются въ надлежащей мѣрѣ, почему инспектору и не было повода доводить объ этомъ до свѣдѣнія Попечителя, и что отзывъ о преподавателѣ нѣмецкаго языка пристрастенъ, такъ какъ тотъ отличается усердіемъ и ревностью къ своимъ обязанностямъ, но это не поправило дѣла. Директору было сказано, что онъ долженъ былъ истребовать мнѣніе отъ Зимовского въ самомъ Совѣтѣ и притомъ объяснить ему, что онъ не долженъ былъ включать въ свое мнѣніе предметовъ постороннихъ, о которыхъ могъ войти съ особыми докладными записками. Эту неправильность дѣйствій велѣно было поставить ему на видъ, мнѣніе его вновь подвергнуть обсужденію Совѣта, а о преподавателѣ нѣмецкаго языка донести особо, предварительно разслѣдовавъ дѣло. Передáвая Зимовскому замѣчаніе Попечителя, Милашевичъ усилилъ его выговоромъ съ своей стороны, подвергнувъ рѣзкому осужденію вообще образъ дѣйствій Зимовского. Тогда Зимовской черезъ директора вошелъ на имя Попечителя съ прошеніемъ, въ которомъ, оправдывая свои дѣйствія, жаловался на то, что за одну вину подвергнутъ двумъ взысканіямъ. Фонъ-Брадке нашелъ жалобу Зимовского справедливою и, поставивъ это на видъ Милашевичу, предписалъ ему измѣнить предложеніе, данное имъ инспектору, ограничившись только передачею замѣчанія Попечителя». [1]) Не успѣло потухнуть одно дѣло, какъ началось другое, не менѣе серьезное. 25 января 1839 г. въ Совѣтѣ подвергалось обсужденію предложеніе Попечителя относительно правилъ для учителей, надзирателей и учениковъ, которыя въ видѣ опыта введены были годъ тому назадъ и съ которыми мы имѣли случай ознакомиться въ предъидущей главѣ. «Правилами этими, какъ видно [1]), очень тяготились да притомъ и отношенія къ инспектору были слишкомъ ужъ натянуты. Это высказалось и въ заключеніяхъ Совѣта, направленныхъ большею частью къ ограниченію власти инспектора.

[1]) Проток. засѣд. отъ 10 сентября. 1839 г.

[2]) Прот. засѣд. отъ 10 Сентября 1839 г.

Такъ Совѣтъ особенно возсталъ противъ выбора старшихъ исключительно инспекторомъ, противъ изъятія ихъ отъ взысканія Совѣта, противъ исключительной аттестаціи учениковъ инспекторомъ и т. п. Во всѣхъ этихъ тогдашнихъ правахъ инспекторской власти онъ видѣлъ возможность злоупотребленій, развитія наушничества (которое, по свидѣтельству весьма почтенныхъ стариковъ, бывшихъ тогда учениками, практиковалось *in extenso* при посредствѣ учениковъ, коимъ товарищи ихъ давали прозвище «инспекторскихъ любимчиковъ»), неповиновенія и находилъ необходимымъ участіе Совѣта въ рѣшеніи дѣлъ этого рода. Высказался Совѣтъ также и противъ прихода въ гимназію за 10 минутъ до начала уроковъ и противъ возложенія на преподавателей, помимо преподаванія, и нѣкоторыхъ другихъ обязанностей. Зимовской вошелъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ, между прочимъ, употребилъ о преподавателяхъ выраженіе *нерадивые*» [1]). Когда въ засѣданіи Совѣта (отъ 4 февраля) было прочитано это мнѣніе, учителя пришли въ сильное негодованіе и, имѣя на своей сторонѣ директора, въ видѣ протеста постановили: «какъ же инспекторъ Зимовской упоминаетъ въ своемъ мнѣніи о нерадивыхъ учителяхъ, якобы находящихся во 2-й гимназіи, и не означаетъ, какихъ именно преподавателей и почему считаетъ нерадивыми; между тѣмъ извѣстно, что никто изъ преподавателей не получалъ отъ начальства не только выговора, но и замѣчаній по службѣ за нерадѣніе, то Совѣтъ 2-й Кіевской гимназіи, находя означенныя слова инспектора Зимовского недоказанными и обидными для всѣхъ преподавателей 2-й гимназіи, мнѣніемъ полагаетъ: жаловаться отъ лица всѣхъ преподавателей 2-й гимназіи Управляющему Округомъ» [2]). Получивъ протестъ, Попечитель Округа предписалъ инспектору казенныхъ училищъ Люце и знакомому намъ директору 1-й гимназіи Петрову произвести дознаніе по всѣмъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ засѣданія Совѣта отъ 25 января, а пока шло дознаніе, онъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ Зимовского на

---

[1]) Слѣпушк. стр. 30—31.

[2]) Проток. засѣд. 1839 г.

мѣсто Іеропеса, состоявшаго тогда инспекторомъ въ Житомирѣ, а Іеропеса—на мѣсто Зимовского. Созвавъ Педагогическій Совѣтъ, слѣдователи «требовали у него объясненія по всѣмъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ имъ на правила въ томъ смыслѣ: были-ли эти замѣчанія дѣлаемы какъ возможность, или на основаніи бывшихъ случаевъ? Учителя давали письменныя показанія по всѣмъ пунктамъ и большею частью высказались, что они разумѣли возможность, но при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла указали и на нѣкоторые случаи. Результатомъ этого всего была грозная бумага отъ Попечителя. Разобравъ подробно всѣ замѣчанія Совѣта, фонъ-Брадке заключилъ: находя способъ дѣйствованія преподавателей противнымъ всѣмъ правиламъ службы и обнаруживающимъ неправильный духъ заведенія, предлагаю: членамъ Совѣта—старшимъ учителямъ (поименно) сдѣлать выговоръ, инспектору замѣтить его неумѣстное выраженіе *нерадивыхъ* и предложить, чтобы ни въ какомъ случаѣ не занималъ учениковъ своими порученіями, а и того менѣе не поручалъ имъ записывать время прихода учителей на уроки, директору-же за слабое управленіе, которое, очевидно, составляетъ главную причину всѣхъ безпорядковъ, строгій выговоръ съ предупрежденіемъ, что если не приметъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ къ водворенію надлежащаго устройства, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности по законамъ» [1]). Утомившись борьбою, Милашевичъ, по полученіи сего, тотчасъ вышелъ въ отставку. Такъ какъ раздоръ въ средѣ педагогической корпораціи не могъ ускользнуть отъ взора учениковъ, потому что изъ засѣданій Совѣта онъ переносился на ежедневныя взаимныя отношенія его членовъ, скрыть которыя отъ учениковъ невозможно, то понятно, какъ дурно должно было вліять это на ихъ нравственное настроеніе, да это и видно между прочимъ изъ слѣдующихъ словъ донесенія преемника Зимовскаго инспектора Іеропеса преемнику Милашевича С. О. Богородскому: «я почелъ нужнымъ укротить и унять въ ученикахъ смѣлый и даже дерзкій духъ, ибо тотчасъ замѣтилъ, что они отъ бывшаго несогласія между директо-

---

[1]) Прот. засѣд. 1839 г. и Слѣпушк. стр. 31—32.

ромъ и инспекторомъ были до того доведены, что нимало не почитали учителей и даже явно обнаруживали духъ неповинованія. Сколько поэтому было неудовольствія, вы сами въ началѣ своего управленія были свидѣтелемъ» [1]). Въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены факты, показывающіе, что въ донесеніи инспектора Іеропеса много правды, а теперь органичимся замѣчаніемъ, что своимъ поведеніемъ Зимовской дѣйствительно нарушалъ правильное теченіе жизни 2-й гимназіи. Приходилось вести борьбу съ нимъ не на жизнь, а на смерть; но для такой борьбы требовался обильный запасъ энергіи, которою обладаютъ далеко не всѣ и поневолѣ должны уступать. Не этимъ-ли слѣдуетъ объяснить, что въ первые годы Кіевской 2-й гимназіи такъ часто мѣнялись въ ней и преподаватели, и надзиратели? Другой причины, лежащей внѣ Зимовского, мы не видимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Проток. засѣд. за 1836 г. и Слѣпушк. стр. 7.

Разграбленіе большого кургана „Огюзъ" близъ с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, Мелитопольскаго уѣзда.

Въ первыхъ числахъ февраля 1902 г. я случайно зашелъ по дѣлу въ Мелитопольское уѣздное полицейское управленіе и увидѣлъ сваленную на полу присутственной комнаты кучу, изъ которой выдавались куски разбитыхъ большихъ амфоръ, ржавое желѣзо, солома и мелкіе предметы. Кучѣ этой сопутствовалъ слѣдующій рапортъ пристава 2 стана Мелитопольскаго уѣзда отъ 29 января с. г. на имя уѣзднаго исправника: «Крестьяне с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, въ числѣ 33 человѣкъ, по своему почину, занялись раскопками кургана, что возлѣ с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, подъ названіемъ «Агузки». Этотъ курганъ разрытъ былъ членомъ Археологической Комиссіи Веселовскимъ въ 1893 г., который и закончилъ свои раскопки. Въ настоящее же время вышесказанными крестьянами открытъ совершенно новый тунель и найдено во время раскопокъ *нѣсколько* предметовъ, которые отъ нихъ мною отобраны и представляются вашему высокоблагородію. При этомъ имѣю честь доложить, что мною дальнѣйшее разрытіе этой могилы было воспрещено еще 12 сего января, сейчасъ же, какъ было обнаружено, что производятся раскопки; за сохраненіемъ этого кургана учрежденъ надзоръ, сдѣланныя отверстія въ курганѣ зарыты и виновные въ числѣ 33 душъ привлечены къ законной отвѣтственности. Своевременно же не было донесено въ виду того,

что не былъ увѣренъ, всѣ ли отобраны найденныя вещи». Въ описи присланныхъ предметовъ, составленной тѣмъ же приставомъ, значится: 1) «Три металлическія полоски съ украшеніями; 2) двѣ металлическія чашечки; 3) восемь металлическихъ колецъ; 4) одинъ мѣдный кранъ съ изображеніемъ дракона; 5) одна металлическая пластинка и пуговичка; 6) металлическое кольцо въ формѣ урѣзаннаго конуса съ обѣихъ сторонъ; 7) металлическое кольцо съ тремя такими же накладками; 8) восемь кусковъ отъ глиняной посуды; 9) 15 желѣзныхъ кусковъ отъ разныхъ предметовъ и 10) восемь кусковъ мѣди». Какъ видитъ читатель, эти *нѣсколько* предметовъ составляли: 8 кусковъ глиняныхъ, 15 предметовъ желѣзныхъ, 8 мѣдныхъ и 18 (въ дѣйствительности 19) *металлическихъ*, и того ровно 50 предметовъ. Скромность сообщенія пристава окажется еще болѣе милой, если добавимъ, что всѣ 19 предметовъ, названныхъ въ его сообщеніи *металлическими*, оказались *золотыми* разной пробы.

Разобравшись въ предметахъ этой интересной находки, я нашелъ въ ней слѣдующее.

Изъ 19 золотыхъ предметовъ только пять имѣли блестящій, свѣтлый видъ безъ патины, а остальные покрыты были болѣе или менѣе темнымъ налетомъ, свидѣтельствовшимъ о томъ, что предметы эти при невысокой пробѣ лигатуры, подвергнуты были дѣйствію огня.—При содѣйствіи опытнаго мѣстнаго ювелира, опредѣлена была приблизительная проба лигатуры съ помощью азотной кислоты. Покупая постоянно ломъ золота, ювелиры привыкли опредѣлять довольно точно пробу наглядно, по реакціи на азотную кислоту. Такое *приблизительное* опредѣленіе пробы золота я и привожу ниже, не ручаясь за ея непреложность.

№№ 1 и 2.—Два круглыхъ золотыхъ украшенія для плоскаго ремня (вѣроятно для пояса) въ видѣ большихъ круглыхъ пуговицъ; наружная поверхность слегка выпукла и гладко полирована; края кругомъ загнуты внутрь; съ внутренней стороны припаяно бронзовое ушко для продѣванія плоскаго ремня; ушко сохранилось у одного кружка, а въ другомъ истлѣло и отбито; оба покрыты, преимущественно съ внутренней стороны, темной

потиной; свѣтлыя части имѣютъ видъ латуни. Кружокъ съ ушкомъ имѣетъ 5½ сант. въ діаметрѣ, 45,0 граммовъ вѣсъ; золото отъ 32 до 40 пробы; кружокъ безъ ушка въ діаметрѣ 5¾ сантим. вѣсомъ 35,25 грам. той же пробы.

№№ 3, 4 и 5.—Три пластинки изъ листового золота, съ вырѣзными по одному краю украшеніями; кругомъ пробиты дырочки для гвоздей, которымъ пластинки довольно густо были прибиты къ деревянному, очевидно, предмету, такъ какъ на одной изъ нихъ, съ внутренней стороны, прилипли остатки истлѣвшаго дерева. Предметъ, на которомъ были прибиты онѣ, не былъ плоскій,—такъ какъ на двухъ пластинкахъ одинъ конецъ расширенъ и выдѣланъ выпукло, какъ на головку. Можетъ быть, это обивка отъ сѣдла. Всѣ пластинки покрыты темной потиной. Въ нѣкоторыхъ дырочкахъ сохранилися части гвоздей изъ неизвѣстнаго мнѣ сплава, давшаго темносизую окись, а не красную, какую дасть всегда желѣзо.—Одна пластинка цѣльная, 34 сантим. длины, вѣситъ 35,2 грам.; другая 28½ сант. длины и при ней отломанъ широкій конецъ (выпуклый) въ 6½ сант. длины, вѣситъ 43,0 грам., и третья цѣльная, безъ расширенія, съ загнутыми вверхъ концами, 22 сант. длины, вѣситъ 21,0 грам. Проба ихъ около 36.

№ 6.—Массивный золотой предметъ, съ рѣзнымъ орнаментомъ и выступающей звѣриной головкой съ раскрытой пастью. Въ описи пристава онъ названъ краномъ, потому что сквозь пасть, горло и туловище проходитъ каналъ. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ прикрѣпленія его къ сосуду и вообще нѣтъ слѣдовъ ни тренія, ни изношенности. Поверхность чиста и свободна отъ налета. Вѣсъ 49,0 грам., проба около 40.

7. Массивное золотое круглое кольцо отъ застежки съ пуговкой, въ видѣ выступающаго гвоздя съ плоской шляпкой, и орнаментомъ въ видѣ трехъ, вмѣстѣ сложенныхъ, шариковъ по обѣимъ сторонамъ пуговки. Вѣсъ 11,0 грамм., проба 82; поверхность совершенно чистая, безъ слѣдовъ изношенности.

8. Втулка золотая, въ видѣ боченочка безъ допушекъ, гладкая, чистая; вышина 2 сант., діаметръ отверстій 1,3 сант., вѣсъ 14,0 грам., проба 92.

9. Восемь колечекъ, спаянныхъ изъ золотой пластинки шириною 0,6 сант., съ продольными по краямъ и по серединѣ выпуклыми, выдавленными линіями, покрытые темной потиной; вѣсъ всѣхъ 5,9 грам., проба около 40.

10. Гладкая, круглая, выпуклая золотая пуговка съ маленькимъ ушкомъ; вѣсъ 0,2 грамма, проба 92.

11. Трехугольная, тонкая, золотая бляшка, съ точечнымъ выпуклымъ тисненымъ орнаментомъ, съ тремя по угламъ дырочками для нашивки на платье; длина каждой стороны треугольника 1,3 сантим., вѣсъ 0,3 грам., проба 60. Бляшка эта весьма характерна. Типъ этотъ, очевидно, былъ распространенъ у скифовъ; такія бляшки первоначально найдены были въ Керченскомъ (Кульобскомъ) курганѣ, затѣмъ въ большомъ Александропольскомъ курганѣ и въ Чертомлынскомъ[1]). Точно такія же бляшки, въ числѣ 42 шт., я видѣлъ въ музеѣ Краковской Академіи, добытыя при раскопкѣ большого Рыжановскаго кургана въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевс. губ., только больше размѣромъ.

Итого всѣ 19 золотыхъ предметовъ, разной пробы, вѣсятъ 261,85 грамма, или 61 золотникъ и 36,67 доли.

Кромѣ того, оказались еще слѣдующіе предметы:

12. Конусикъ съ дырочкой изъ композиціи сѣраго цвѣта, 1,3 сант. въ діаметрѣ основанія.

13. Круглая верхушка горлышка маленького стеклянаго сосуда.

14. Горшечекъ, лѣпленый безъ гончарнаго круга; 9½ сант. вышины и 12 сант. діаметр. отверстія; внѣшняя выпалка красная, въ разломѣ черная; кругомъ верхней части орнаментъ, сдѣланный нажимомъ крученой бичевки; разбитъ, но держится связанный.

15. Нѣсколько кусковъ отъ двухъ разбитыхъ большихъ амфоръ, общеизвѣстнаго типа, съ остроконечнымъ дномъ; ни на ручкахъ, ни на другихъ частяхъ клеймъ не найдено.

---

[1]) См. *«Воспорскео царство»* ч. III, табл. 39, фиг. 126; *«Древности Геродотовой Скифіи»* I, табл. 9, № 16; II, стр. 96 и 97.

16. Небольшой кусокъ слившихся желѣзныхъ колецъ кольчуги.

17. Четыре отломка желѣзнаго ножа съ обложенной костяными пластинками рукояткой.

18. Пятнадцать кусковъ отъ нѣсколькихъ желѣзныхъ большихъ удилъ.

19. Бронзовое колечко.

20. 5 кусковъ разбитаго толстаго бронзоваго сосуда, въ родѣ котелка.

21. 3 куска разбитаго толстаго желѣзнаго сосуда.

По этимъ бронзовымъ и желѣзнымъ отломкамъ нельзя заключить о видѣ этихъ сосудовъ, такъ какъ отломковъ мало; всѣ они имѣютъ выпуклую, сферическую форму. Толщина стѣнокъ значительная.

Вслѣдъ за доставленіемъ этой находки, въ симферопольской газетѣ «Салгиръ», въ № 27, отъ 1 февраля сего года, появилась слѣдующая замѣтка:

По поводу раскопокъ древней могилы. (Корреспондента «Салгира»). Сегодня мнѣ пришлось видѣть у крестьянъ Василія Чумака и Тимофея Мелешки съ товарищами добытыя ими изъ скиѳской могилы «Агузки» разныя древнія вещи: пластинку голубокъ, собачку изъ литого золота, пуговку съ двумя ушками съ изображеніемъ лица миѳологической богини, такую же съ двумя дырочками безъ ушекъ пластинку, кружокъ, величиной въ копѣйку, съ выпуклой пчелкой, пластинку величиною въ двѣ коп. съ изображеніемъ цвѣтка, двѣ пластинки угольниковъ величиною съ дюймъ, восемь трехугольныхъ пластинокъ въ родѣ наперстковъ для иголокъ, такую же квадратную, 36 витыхъ кусковъ трубочекъ отъ ожерелья, 141 золотыхъ пуговокъ съ ушками, 123 такихъ же, но золота на нихъ болѣе; четыре пластинки съ тремя дырочками, 67 колечекъ, костяную пуговку конусомъ, обложенную золотомъ, 18 кружковъ вродѣ бусъ, 15 обломковъ золота, кольцо съ уздечки на манеръ наперстка, но больше и толще.

Всѣ эти вещи *золотыя*; а затѣмъ изъ бронзы, мѣди и другихъ металловъ: 30 пластинокъ отъ сѣделъ, которыми были обиты

чепраки, 43 кружка, схожихъ съ канфоркой съ самовара, но съ небольшими краями, съ ушками и безъ оныхъ: 2 литыя круглыя бляхи на цѣпочкахъ, толщиною въ пятакъ: 39 разныхъ мѣдныхъ украшеній вродѣ полумѣсяца и разныхъ другихъ формъ съ разными вырѣзками и рѣзьбой: 5 колокольчиковъ съ цѣпочками: 4 мѣдныхъ пластинки съ головою, похожею на летучую мышь: одна сковорода изъ красной мѣди въ діаметрѣ 5 дюймовъ: разбитый кружокъ съ головою орла, обложенный тонкимъ золотомъ: собачка изъ бѣлаго мягкаго металла, литая: головка сфинкса, кольцо изъ бѣлаго металла. 100 головокъ отъ гвоздей, не тронутыя ржавчиной. Всѣ эти находки крестьяне предполагають сдать на почту для отсылки въ Археологическую коммисію въ Петербургъ. Нашли они всѣ эти вещи въ подземной галлерeѣ, сдѣланной, вѣроятно, въ скорости послѣ того, какъ была насыпана могила скиѳами. Подземный ходъ этотъ профессоромъ Веселовскимъ, по разрытіи могилы, былъ изслѣдованъ на разстояніи 16 саженъ, но теперь земля осѣла и крестьяне раскопали еще на девять саженъ въ другую сторону и тутъ-то нашли эти вещи.

Н. Г—нъ.

Января 27 дня, 1902 г.

Въ виду этой корреспонденціи, приставу по телеграфу предписано было разыскать указанные въ ней предметы, но въ отвѣтъ получился слѣдующій его рапортъ отъ 5 февраля: «... имѣю честь донести, что какъ только было обнаружено о производствѣ крестьянами Нижнихъ Сѣрогозъ раскопокъ кургана «Агузки», немедленно же дальнѣйшая работа была мною прекращена, и что удалось отобрать изъ числа найденныхъ предметовъ, я представилъ вашему высокоблагородію. Что же касается остальныхъ предметовъ, поименованныхъ въ представляемомъ спискѣ и напечатанныхъ въ № 27 газеты «Салгиръ», то компанія крестьянъ, производившихъ раскопку во главѣ Василія Чумака, отъ меня утаила, несмотря на мои убѣжденія все найденное доставить мнѣ, и обратившись въ мое отсутствіе по стану къ мѣстному жителю Николаю Гордону для составленія всѣмъ предметамъ перечня, тайнымъ образомъ всѣ эти вещи отправили посылкой чрезъ Н. Сѣрогозское

почтово-телеграфное отдѣленіе въ С.-Петербургъ, въ Археологическую комиссію; такимъ образомъ, Гордонъ, какъ корреспондентъ газеты Салгиръ, воспользовался этимъ перечнемъ и сообщилъ въ названную газету.—При этомъ имѣю честь доложить, что при разспросахъ мною Чумака съ его компаніей, что именно ими руководило скрывать отъ меня найденные предметы, послѣдніе *объяснили: лѣтъ пять тому назадъ они нѣсколько разъ разрывали курганъ и всѣ найденные предметы отсылали въ Археологическую комиссію, откуда имъ высылалось хорошее вознагражденіе*, и вотъ предполагая, что съ переходомъ вещей въ руки полиціи, таковыя не туда попадутъ, куда они лично посылали, рѣшили тайнымъ образомъ отъ всѣхъ сокрыть и по примѣру прежнихъ опытовъ, послать непосредственно въ Петербургъ, при чемъ изъ найденныхъ предметовъ у себя положительно ничего не оставили».

Къ этому рапорту приложена копія приведеннаго выше въ корреспонденціи списка вещей, отосланныхъ крестьянами въ Археологическую комиссію еще 27 января с. г.

Изъ этого списка видно, что всѣхъ металлическихъ предметовъ найдено 651, а вмѣстѣ съ отобранными приставомъ свыше 700.—Изъ сравненія этого списка съ отобранными приставомъ предметами я убѣжденъ, что показанные въ немъ тридцать пластинокъ и сорокъ три кружка тоже золотые и весьма тяжелые: они вполнѣ соотвѣтствуютъ указаннымъ подъ №№ 1—5 моего списка. Если же принять во вниманіе, что опредѣленіе золота въ предметахъ, покрытыхъ патиной или сдѣланныхъ изъ низкопробнаго древняго золота, смѣшаннаго почти исключительно съ серебромъ, представляется затруднительнымъ, то и многіе изъ остальныхъ предметовъ могутъ оказаться золотыми.—Серіозная цѣнность этой находки, по стоимости одного металла, не подлежитъ никакому сомнѣнію. О значеніи же ея для археологіи, при такомъ разнообразіи предметовъ и указаніи на орнаментъ, не можетъ быть спора. Крестьяне сохранили и отослали только то, за что надѣются получить вознагражденіе, что сами считали цѣннымъ—золото и немного другихъ металлическихъ предметовъ. Желѣзо,

издѣлія изъ глины, остатки дерева, черепа и кости въ ихъ спискѣ отсутствуютъ совершенно, а все это тамъ непремѣнно должно было находиться.—О ходѣ раскопки, о расположеніи вещей, о похоронномъ обрядѣ и т. д. узнать уже нѣтъ возможности. Словомъ, этотъ одинъ изъ богатѣйшихъ памятниковъ для науки представляется разграбленнымъ.

Мнѣ лично ничего неизвѣстно о раскопкѣ г. Веселовскимъ этого кургана и о добытыхъ имъ результатахъ. Изъ собранныхъ мною въ Мелитополѣ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній оказывается слѣдующее.

Старая, большая солевозная чумацкая дорога, ведущая отъ Никопольской на Днѣпрѣ переправы (у Каменнаго Затона), на югъ къ Перекопу и Геническу, проходитъ въ одномъ мѣстѣ мимо длинной балки, называемой Сѣрогозской, получившей свое названіе отъ двухъ большихъ кургановъ, стоящихъ по двумъ ея сторонамъ. Одинъ изъ нихъ, сѣвернѣе, на поляхъ с. Ново-Александровки, по дорогѣ въ с. Верхніе Сѣрогозы, называется *Сыгыръ* (по татарски—корова), а другой южнѣе, между с.с. Верхними и Нижними Сѣрогозами, называется *Огюзъ* (по татарски—быкъ, волъ). Отъ этихъ двухъ названій *Сыгыръ* и *Огюзъ* и произошло названіе балки и селъ по ней *Сѣрогозы*. Курганъ *Сыгыръ* раскапывался по порученію Археологической комиссіи еще въ 1865 году Ив. Егор. *Забѣлинымъ* [1]), съ какими результатами, не знаю. Курганъ *Огюзъ* (или какъ его теперь зовутъ крестьяне, Огузъ, Агузъ и Агузка) подвергнутъ былъ изслѣдованію членомъ Археологической комиссіи Веселовскимъ въ 1892 и 1893 годахъ. Огромный этотъ памятникъ прорѣзанъ былъ траншеями, и на уровнѣ окружавшей степи, въ серединѣ его, обнаружена просторная камера, выстроенная изъ большихъ каменныхъ глыбъ, скрѣпленныхъ между собою большими металлическими скобами изъ какого-то сплава, который не могъ быть на мѣстѣ опредѣленъ.—Въ камерѣ былъ скелетъ, но другихъ предметовъ было

---

1) *Епископъ Гермогенъ*: Таврическая Епархія. Псковъ 1887 г. стр. 247.

мало, и г. Веселовскій или кто-то изъ его сотрудниковъ высказывали мнѣніе, что курганъ разграбленъ. Обнаружены были боковые ходы, но они, будучи признаны за воровскіе, не были изслѣдованы. На этомъ раскопка эта, стоившая, якобы, нѣсколько тысячъ, была и закончена. Затѣмъ въ 1895 году нѣкоторые изъ крестьянъ, участвовавшихъ въ работѣ при раскопкѣ, стали по собственной иниціативѣ искать клада, нашли какія то цѣнныя вещи, отправили ихъ въ Археологическую комиссію, которая и выслала имъ въ 1899 году черезъ мѣстную полицію 700 рублей вознагражденія.

Далѣе, лившіе въ декабрѣ 1901 года дожди размыли часть кургана у обнаженнаго якобы, воровского хода. Тѣ же крестьяне, пользуясь необыкновенно теплой погодой, принялись за работу, увѣнчавшуюся для нихъ, какъ видѣлъ читатель, полнымъ успѣхомъ.

Все, мною разсказанное, къ прискорбію, одна истина. Случай этотъ въ сотый разъ указываетъ на настоятельную необходимость принятія болѣе раціональныхъ мѣръ къ сохраненію для науки памятниковъ старины, чѣмъ тѣ, которыя предпринимались донынѣ. Раскопка кургана *Огюзъ*, предпринятся Археологической комиссіей, была, такъ сказать, офиціально закончена, памятникъ для науки использованъ. Оставшіяся развалины кургана перестали быть запретнымъ участкомъ, и владѣльцы ихъ—крестьяне не были стѣснены въ пользованіи занимаемою ими площадью. Такъ несомнѣнно смотрѣли на этотъ вопросъ и крестьяне и мѣстная власть, допустившая крестьянъ къ раскопкамъ въ 1895 году. Такъ, очевидно, смотрѣла на это дѣло и Археологическая комиссія, считавшая своимъ долгомъ уплатить за добытыя крестьянами вещи значительную сумму.—Какъ видно изъ приведеннаго выше рапорта пристава, уплата вознагражденія и побудила крестьянъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ. Въ настоящее время полиція привлекла 33 человѣка крестьянъ за самовольную раскопку, но правильность такого обвиненія представляется весьма проблематической, такъ какъ научная раскопка кургана была уже закончена и новыя находки оказываются совершенно случайными, неожиданными.

Обязанность же представить случайную находку въ комиссію крестьянами исполнена.

Исторія нашихъ раскопокъ даетъ весьма солидный матеріалъ, указывающій на неполноту изслѣдованія большихъ кургановъ. Вспомнимъ знаменитую и дорого стоившую раскопку кургана Перепятыхи, произведенную особою комиссіею, при ближайшемъ участіи профессора Иванишева. Если мы, просматривая описаніе этой раскопки[1]) и тѣ скудные результаты ея, которые хранятся въ кабинетѣ древностей при Кіевскомъ университетѣ, возмущаемся порчей этого грандіознаго памятника, то, по крайней мѣрѣ, утѣшаемъ себя соображеніемъ, что вѣдь было сіе еще въ 1845 году, когда археологія пыталась ставить первые шаги и шла ощупью. Не съ такой уже легкой душой вы пройдете мимо раскопокъ другого большого кургана въ той же мѣстности—*Перепята*. Проф. Иванишевъ, описывая раскопку Перепятыхи, удостовѣрилъ, что нашелъ Перепята *«срытымъ уже до основанія»* [2]). Вскорѣ, однако, послѣ этого, въ томъ же кабинетѣ древностей появляется особая витрина съ древностями, добытыми при раскопкѣ Перепята, насколько мнѣ извѣстно, произведенной при его же участіи. Витрину эту я осматривалъ еще лѣтъ 12 тому назадъ. Вѣроятно, она и до сихъ поръ на мѣстѣ. Чего только въ ней нѣтъ? Сопоставленіе хранящихся въ ней предметовъ производитъ впечатлѣніе грушъ выросшихъ на вербѣ. Удивленіе мое впослѣдствіи разсѣялось, когда я узналъ, что Перепятъ вовсе не раскопанъ лопатой археолога, не тронутъ, и ждетъ еще изслѣдованія. Такимъ онъ былъ лѣтъ 10 тому назадъ и о раскопкѣ его въ новѣйшее время я не слышалъ. Знаменитую и извѣстную въ Украинѣ могилу «Сороку», портилъ, кто только хотѣлъ, и кладоискатели и археологи любители; таскали изъ нея многое, выдавая за козацкіе либо польскіе доспѣхи. А все же она ждетъ еще изслѣдователя и можетъ дать много цѣннаго для науки.

---

[1]) «Древности, изданныя Временною комиссіей для разбора древнихъ Актовъ» (на русскомъ и французскомъ языкахъ) Кіевъ, 1846 г.

[2]) Ibid стр. 3.

Съ большимъ Рыжановскимъ (Звенигородскій уѣздъ) курганомъ случился казусъ, аналогичный раскопкамъ нашего кургана «Огюзъ».—Въ 1884 г., владѣлецъ Рыжановскаго имѣнія поручилъ раскопку этой могилы извѣстному нынѣ антропологу д-ру Ю. Гринцевичу, который, руководствуясь общепринятыми пріемами, прорѣзалъ ее крестообразно траншеями, въ которыхъ нашелъ нѣсколько отломковъ глиняной амфоры, желѣзное остріе копья, слѣды угля и немного костей животныхъ. Въ центрѣ кургана, на днѣ его, обнаружена куча желто-сѣрой глины, насыпанной на материковомъ нетронутомъ грунтѣ. Не найдя никакихъ признаковъ похоронной камеры и дорывшись до материка, отъ дальнѣйшей работы отказались и оставили могилу въ покоѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Отъ дождей въ одномъ мѣстѣ траншеи произошелъ провалъ и мѣстный крестьянинъ началъ тайкомъ извлекать изъ этого провала разныя вещи, между прочимъ амфору и золотыя украшенія. Владѣлецъ, узнавъ объ этомъ открытіи, выкупилъ добытыя вещи и пригласилъ для дальнѣйшихъ раскопокъ извѣстнаго геолога и археолога, покойнаго Готфрида Оссовскаго, который осенью 1887 г. изслѣдовалъ провалъ и открылъ подъ материкомъ катакомбу съ женскимъ костякомъ и массой предметовъ. Однихъ золотыхъ вещей найдено имъ было 446, вѣсомъ свыше 406 каратовъ. Изъ разсмотрѣнія плановъ и хода этой раскопки оказывается, что открытая катакомба находилась въ боковой части кургана и ходъ въ нее шелъ изгибомъ подъ землей. Катакомба съ ходомъ занимаетъ въ этомъ большомъ курганѣ небольшой уголокъ и провалъ, обнаружившій ее, произошелъ только потому, что траншея случайно прошла надъ катакомбой. Такъ какъ она занимаетъ незначительное мѣсто въ боковой части кургана, то вѣроятнѣе всего, подъ нимъ найдется не одна еще катакомба, какъ это можно предположить по расположенію катакомбъ въ Александропольскомъ и Чертомлынскомъ курганахъ. Г. Оссовскій ограничился изслѣдованіемъ только этой одной, случайно открытой катакомбы, но не призналъ кургана раскопаннымъ, а напротивъ, заявилъ, что Рыжановскій курганъ подлежитъ еще тщательному изслѣдованію[1]).

---

[1]) Смотри описаніе раскопокъ Рыжановскаго кургана въ XII т. Zbioru Wiadomości do Antr. Kra. и въ особомъ изданіи «Wielki kurhan Ryżanowski». Краковъ 1888 г. (на польск. и франц. яз.).

Описанные казусы съ раскопками не единичны, случались они и съ другими, ихъ не искать стать. Практикуемые до сихъ поръ пріемы траншейныхъ раскопокъ большихъ кургановъ несостоятельны и въ этомъ слѣдуетъ давно сознаться и бросить ихъ. Раскопки колодцемъ давно уже признаны неправильными. Довольно взглянуть на всѣ изданные планы раскопокъ, чтобы убѣдиться, какъ много осталось послѣ нихъ неизслѣдованной курганной массы и почвы. Исковеркать траншеями курганъ, наткнуться случайно на одну какую-либо похоронную камеру или одинъ—два костяка развѣ можно серіозно признать это за научное изслѣдованіе курганнаго памятника, а не за порчу его?

Въ дневникахъ какъ любительскихъ, такъ и заправскихъ археологовъ, весьма часто читаешь пресловутую отмѣтку: *могила разграблена.* Есть скептики, которые находятъ, что всѣ почти курганы ограблены и съ этой предвзятой мыслью приступаютъ къ раскопкѣ. Добравшись въ какомъ либо пунктѣ до материка и найдя одинъ костякъ съ убогимъ скарбомъ, они, замѣтивъ какой нибудь засыпанный боковой ходъ, *убѣждаются,* что ихъ предвзятое предположеніе объ ограбленіи вѣрно, и успокаиваются на этомъ. Словъ нѣтъ, что грабители навѣщали курганы въ разное время и портятъ ихъ и теперь, но все-таки понятіе объ ограбленіи весьма относительно. Если археологи, производя правильныя раскопки, бросаютъ курганъ, полные разочарованія, а потомъ оказывается, что въ курганѣ осталось все, чего они искали, то почему думать, что воры, грабившіе тайкомъ и неумѣло успѣли больше археолога? Всѣ знаютъ, что для раскопки небольшого кургана, кромѣ знанія, требуется продолжительный трудъ и значительныя средства, чего затратить искатели кладовъ не въ состояніи. Это обстоятельство служитъ лучшей охраной большихъ кургановъ отъ разграбленія. Воры изроютъ съ разныхъ сторонъ курганную насыпь, могутъ случайно напасть на какой нибудь одинъ похоронный пунктъ, но ограбить курганъ совсѣмъ, лишить его научнаго значеніи, они не въ состояніи. Весьма часто, послѣ прочтенія въ дневникѣ отмѣтки о разграбленіи кургана, видишь на планѣ этой раскопки, что онъ плохо, далеко не полно изслѣ-

дованъ. И не знаешь тогда, вѣрить или не вѣрить раскопкѣ: такъ и оставляешь и курганъ и археолога въ *сильномъ подозрѣніи.*

Мнѣ извѣстенъ и такой случай. Одинъ археологъ изслѣдовавъ крупный курганъ колодцемъ, дорылся до материка и, не найдя похоронной камеры, рѣшилъ, что это курганъ не могильный а сторожевой. Такъ какъ подобные случаи наблюдались и другими, то онъ и высказалъ положеніе, что курганы сторожевые ничего общаго съ могильными не имѣютъ, что происхожденіе ихъ слѣдуетъ отнести ко времени татарскихъ набѣговъ и т. п. Когда же, два года спустя, въ разрытомъ имъ курганѣ нашли въ трехъ мѣстахъ скифское погребеніе, онъ не хотѣлъ вѣрить, настойчиво утверждая что противъ него ведутъ недостойную интригу.

Многіе памятники древности отличаются тѣмъ, что они могутъ быть въ большей или меньшей степени сохранены на долгое время въ томъ видѣ, въ какомъ обнаружены изслѣдователемъ, и изученіе такихъ памятниковъ можетъ быть предпринимаемо въ разное время и разными лицами. Небольшой грѣхъ, если какой нибудь письменный памятникъ или памятникъ искусства будетъ плохо изученъ неумѣлымъ или небрежнымъ изслѣдователемъ. Его работу поправятъ другіе, болѣе опытные или знающіе. Не то съ могильными памятниками. Самый процессъ анатомированія кургана уничтожаетъ его въ конецъ. Провѣрить археолога, дополнить его изслѣдованіе, опровергнуть ошибочныя его впечатлѣнія и заключенія, не представляется уже никакой возможности. Плохо произведенная раскопка, при которой изслѣдователь далъ волю фантазіи либо поспѣшнымъ заключеніямъ, вдвойнѣ опасна. Она не только безвозвратно уничтожаетъ памятникъ, но и вноситъ подчасъ цѣлый сумбуръ въ научный матеріалъ.

Большихъ кургановъ, этихъ драгоцѣннѣйшихъ для нашей археологіи памятниковъ, нетронутыхъ раскопками, уже осталось сравнительно немного. Дальнѣйшая ихъ порча поспѣшнымъ, неосновательнымъ изслѣдованіемъ просто преступна. Представляется поэтому настоятельная необходимость обезпечить для науки такое ихъ изслѣдованіе, которое бы стояло на высотѣ современныхъ знаній. Частичное ковыряніе курганныхъ насыпей должно быть воспрещено

безусловно. Послойная съемка всей курганной массы и тщательное изслѣдованіе всей подъ нимъ материковой площади должны быть поставлены непремѣннымъ и *обязательнымъ* условіемъ раскопки какъ малыхъ, такъ и большихъ кургановъ. Правда, такая раскопка большихъ кургановъ дорого обходится и требуетъ продолжительнаго времени. Что же дѣлать, если она представляется единственно раціональной, какъ указываетъ на это горькій опытъ. Кромѣ этого главнаго положенія, должны быть, по возможности нормированы и другія *обязательныя* условія, касающіяся дневника, плановъ, сохраненія предметовъ и т. п. Не менѣе важно принять мѣры къ сохраненію того, что еще осталось въ плохо разрытыхъ курганахъ. Какъ мы видѣли изъ раскопокъ Рыжановскаго и Сѣрогозскаго кургановъ, въ нихъ оказывались драгоцѣнные для науки уголки, обреченные на вандализмъ искателей кладовъ. Необходимо, поэтому, признать всѣ частично разрытые до сихъ поръ *большіе* курганы неприкосновенными до тщательно ихъ lege artis изслѣдованія[1]).

Ц. Г. Нейманъ.

[1]) Послѣ написанія этой замѣтки, получено мною свѣдѣніе о томъ, что Императорская Археологическая Комиссія приняла мѣры къ предупрежденію дальнѣйшаго разграбленія кургана Огюзъ. Для охраны его поставлена стража, а произведенное дознаніе направлено въ Комиссію. Прибывшему на мѣсто по порученію Комиссіи удалось пріобрѣсти отъ разныхъ лицъ еще много цѣнныхъ для науки вещей. По всей вѣроятности, курганъ будетъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. И. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого. Въ оглавленіи февральскаго номера журнала «Образованіе» на первомъ мѣстѣ значится «Сорокъ Лѣтъ. Разсказъ Л. Н. Толстого, стр. 1—43»; въ печатномъ текстѣ это произведеніе, за подписью того же автора, озаглавлено: «Сорокъ лѣтъ (малороссійская легенда)». На 1-й страницѣ редакція въ выноскѣ сообщаетъ, что «въ 1876 г. нашимъ извѣстнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ была напечатана малороссійская легенда—«Сорокъ лѣтъ». Эта легенда обратила на себя вниманіе гр. Льва Николаевича Толстого, который, значительно сокративъ ее, написалъ къ ней другой конецъ (XIV главу)».

Полагаемъ, что редакція «Образованія» поступила бы правильнѣе, назвавши авторами произведенія и Костомарова и гр. Толстого, какъ въ оглавленіи, такъ и подъ текстомъ легенды. Такая двойная подпись болѣе соотвѣтствовала бы фактамъ: вѣдь перу Костомарова, даже послѣ значительныхъ сокращеній, сдѣланныхъ гр. Толстымъ, принадлежитъ 39 стр. (въ первоначальномъ изданіи 93 стр. in 8⁰), а послѣднему лишь 4 страницы (XIV глава). Легенда была написана Н. И. Костомаровымъ, какъ сообщаетъ онъ, въ ея первоначальномъ печатномъ текстѣ въ 1840 г. по-малорусски, переведена по-русски въ 1876 г., а напечатана въ 1881 г. (а не въ 1876 г., какъ ошибочно сообщаетъ «Образованіе») въ видѣ приложенія къ «Газетѣ Гатцука». Еслибъ редакція, печатая легенду, въ самомъ заглавіи указала бы, что въ сочиненіи послѣдней въ томъ видѣ, какъ она теперь напечатана, принимали участіе и Костомаровъ и Толстой, то это не только

соотвѣтствовало бы истинѣ, но было бы полезнѣе и для самой редакціи: не пришлось бы при такихъ условіяхъ гр. С. Л. Толстому, по порученію своего отца, напечатать въ «Русск. Вѣд.» слѣдующее заявленіе: «Въ объявленіяхъ о выходѣ февральской книжки «Образованія» сообщается, что въ этой книжкѣ будетъ помѣщенъ разсказъ Л. Н. Толстого «Сорокъ лѣтъ». Между тѣмъ, этотъ разсказъ написанъ Н. И. Костомаровымъ, и Левъ Николаевичъ только написалъ къ нему заключеніе. Прошу другія газеты перепечатать это сообщеніе». Если-бы редакція «Образованія» правильно указала въ заглавіи обоихъ авторовъ, то этимъ она также лишила бы возможности г. І. Ясинскаго упрекнуть ее въ контрафакціи и въ сокрытіи давняго появленія въ печати легенды; дѣлая этотъ упрекъ, г. Ясинскій игнорируетъ выноску, которую мы цитировали; игнорировать же указаніе обоихъ авторовъ въ заглавіи онъ и при желаніи не могъ бы.

Собственно говоря, и Костомарову и Толстому принадлежатъ лишь передѣлки и литературная обработка легенды. Первоначальнымъ авторомъ ея является украинскій народъ; она примыкаетъ къ многочисленному циклу украинскихъ легендъ, въ которыхъ человѣкъ запродаетъ свою душу чорту по записи или вслѣдствіе содѣланнаго по внушенію лукаваго грѣха. Такія легенды встрѣчаются и у другихъ арійскихъ народовъ, къ нимъ примыкаетъ также нѣмецкая легенда о Фаустѣ, пользующаяся всемірной извѣстностію, благодаря Гете и Гуно, которыя ее использовали. Первоначальная запись Н. И. Костомаровымъ легенды изъ устъ народа не дошла до насъ, но по сравненію съ другими подобными произведеніями народа и литературному изложенію ея, можно предполагать, что герой ея совершаетъ преступленіе по непосредственному внушенію чорта и что черезъ 40 лѣтъ послѣ совершенія имъ преступленія онъ погибаетъ отъ громового удара.

Въ легендѣ, въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ «Образованіи», разсказывается о безродномъ наймитѣ Трофимѣ (у Н. И. Костомарова сначала Трохимъ Яшникъ, потомъ Трофимъ Семеновичъ Яшниковъ), который, чтобы добиться женитьбы на любимой дѣвушкѣ, убиваетъ проѣзжаго купца и его кучера и присваиваетъ себѣ найденныя у перваго деньги. Поступаетъ онъ такъ по совѣту и подстрекательству (и поддержкѣ) пришлеца невѣдомаго происхожденія и загадочной національности Придыбалки (У Костомарова окрестные крестьяне предполагаютъ, что это самъ чортъ), отрицающаго весь кодексъ сложившихся у народа религіозныхъ и нравственныхъ пред-

ставленій, всѣ признанныя понятія о добрѣ и злѣ. Трофиму, при помощи Придыбалки, удается скрыть всѣ слѣды преступленія, но ему представляется, что предсказано ему понести наказаніе черезъ 40 лѣтъ. Деньги, доставшіяся посредствомъ убійства, идутъ ему въ прокъ; во всемъ ему удача: онъ быстро добивается богатства, которое съ годами становится многомилліоннымъ; онъ счастливъ въ семейной жизни, занимаетъ видное общественное положеніе, которое все повышается, получаетъ ордена, дѣлается дворяниномъ, пользуется общимъ уваженіемъ и почетомъ. Но совѣсть часто напоминаетъ ему о совершенномъ преступленіи и объ ожидающей его карѣ. Онъ старается заглушить совѣсть посредствомъ неутомимой дѣятельности, посредствомъ внѣшней набожности и щедрой милостыни; по совѣту архіерея, для искупленія вины сооружаетъ богатый храмъ; схимникъ совѣтуетъ ему раздать нищимъ все состояніе, нажитое вслѣдствіе убійства; съ другой стороны, какъ нѣкогда Придыбалка, такъ и сынъ Трофима, интеллигентный человѣкъ, служащій по дипломатической части, безусловно отрицаетъ основательность его опасеній, не признаетъ существованія Бога, загробной жизни и нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ.

Къ наступленію сорокалѣтней годовщины убійства все сильнѣе мучатъ Трофима опасенія грядущей кары. Страшно волнуясь и съ непрерывнымъ трепетомъ переживаетъ онъ день сорокалѣтія, но день этотъ благополучно проходитъ. У Костомарова послѣ этого для него начинается спокойная безмятежная жизнь, въ передѣлкѣ же гр. Толстого—напротивъ, подъ вліяніемъ пережитаго и разсужденій, выслушанныхъ когда-то отъ Придыбалки и впослѣдствіи отъ сына, характеръ Трофима начинаетъ извращаться: у него развивается подозрительность, все возрастаетъ глубочайшее недовѣріе къ людямъ, даже наиболѣе близкимъ и нѣкогда любимымъ; онъ постоянно и глубоко мучитъ себя, и въ этомъ, по истеченіи 40 лѣтъ, какъ бы несетъ ту кару, которая когда-то, какъ ему казалось, была ему предсказана.

Такимъ образомъ Н. И. Костомаровъ и гр. Л. Н. Толстой различно представляютъ себѣ душевное состояніе Трофима послѣ несбывшагося предсказанія, и читателю обоихъ варьянтовъ одной и той же легенды самому приходится судить, кто изъ двухъ авторовъ вѣрнѣе рѣшилъ психологическую проблемму, представляемую человѣкомъ, преступленіе котораго остается нераскрытымъ, который избѣгнулъ

кары и послѣ срока, котораго онъ опасался въ теченіе многихъ лѣтъ [1]).

В Б-мъ.

Погибшая библіотека. Во время послѣдняго кіевскаго археологическаго съѣзда, въ 1899 г., въ Кіевъ привезена была для продажи библіотека, занявшая стѣны комнаты примѣрно въ 7 × 7 арш. дл. и шир. Книги были преимущественно русскія, XVIII и первой четверти XIX в., включая сюда и журналы. Было нѣсколько книгъ старопечатныхъ и нѣсколько иностранныхъ, преимущественно иллюстрированныхъ. Библіотека принадлежала г. С., библіофилу, собравшему книги преимущественно въ предѣлахъ Полтавской губерніи, по разнымъ панскимъ домамъ, какъ свидѣтельствовали о томъ надписи на многихъ книгахъ, указывавшія на прежнихъ ихъ владѣльцевъ: лубенскаго Кирьякова, переяславскаго Ив. Бутовича, Александра Полетику, «Марью Паскевичеву» и проч. [2]) Болѣе всего тутъ было книгъ, принадлежавшихъ извѣстному прилуцкому педагогу Павлу Бѣлецкому-Носенку, человѣку для своего времени оч. образованному. [3]) Принадлежность книгъ Б.-Н—ку удостовѣрялась какъ его собственноручною подписью, такъ еще и печатными ярлычками на заглавіяхъ: «Павелъ Павловичъ Бѣлецкій-Носенко». [3]) Тутъ же мы встрѣтили пачку старыхъ

---

[1]) Желая облегчить нашимъ читателямъ возможность этого сужденія относительно 2-хъ различныхъ представленій о психологіи одного и того же человѣка при наличности одинаковыхъ предшествующихъ условій жизни, мы, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ уважаемой Алины Леонтьевны Костомаровой, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „К. Ст." напечатаемъ давно вышедшую изъ обращенія легенду „Сорокъ лѣтъ" въ редакціи Н. И. Костомарова. Пользуясь также общимъ разрѣшеніемъ, даннымъ гр. Л. Н, Толстымъ на перепечатки его произведеній, мы напечатаемъ тоже послѣднюю XIV главу легенды въ его изложеніи.

Ред.

[2]) Встрѣтилась тутъ одна книга съ такою собственноручною надписью: „Изъ книгъ Григорія Galagana". Книга эта —„Истинный христіянинъ и честный человѣкъ" и проч. Спб. 1762. 8°. (Было еще два изданія). Книга указываетъ родъ чтенія образованныхъ малороссіянъ пол. XVIII в.

[3]) См. о немъ въ „Очеркахъ истор. украинск. литер.", Н. И. Петрова, стр. 60.

календарей, преимущественно бердичевскихъ, съ любопытными замѣтками бывшихъ ихъ владѣльцевъ. [1]) Библіотека г. С. продавалась туго, п. ч. за всю гуртомъ назначалась цѣна большáя, а на отдѣльныя книги назначать цѣны продавцы затруднялись, не имѣя понятія о рыночныхъ цѣнахъ у антикварныхъ книгопродавцевъ. Разумѣется, эту библіотеку слѣдовало купить какому-нибудь меценату и отдать затѣмъ хотя бы въ кіевскую публичную библіотеку. Но меценатовъ не оказалось, и погибла эта библіотека самымъ жалкимъ образомъ. Совершенно неожиданно встрѣтили мы, годъ назадъ, книги изъ этой библіотеки—въ грудахъ, сваленныхъ на рогожахъ—на подольскомъ рынкѣ. Груды эти распродавались татарами-старьевщиками, по десяти коп. за любую книгу. Говорили, впрочемъ, подольскіе букинисты, что татары, покупая эту библіотеку по частямъ, отбирали лучшія (по виду) книги и продавали ихъ особо, по рублевымъ цѣнамъ, и только уже остатки (нѣсколько сотенъ книгъ) вывозили на подольскій рынокъ для окончательной распродажи, почему и назначили такую низкую огульную цѣну.

Къ великому сожалѣнію, намъ удалось видѣть груды этихъ книгъ только въ одинъ базаръ (базары эти на Подолѣ бываютъ по воскресеньямъ), но и и при этомъ мы пріобрѣли, кромѣ разныхъ русскихъ книгъ к. XVIII в. (напр., «О парныхъ россійскихъ баняхъ», Саншеса, Спб. 1779 г., *первое изданіе* «Недоросля», «Разсужденіе о дражданскомъ и уголовномъ законоположеніи» Бентама, [2]) еще и слѣгующія:

1. De arte poetica libri III, ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolanae, dictati Kioviae, in orthodoxa academia mohyleana. Anno Domini 1705. (Феофана Прокоповича) Mohilowiae. In privilegiata à sua imperatoria majestate typographia illustrissimi, excellentissimi ac reverendissimi domini, domini achi-episcopi mohiloviensis. Anno Domini 1786. 16°, 185 и ненум. 22 стр. [3]) Изданіе этой книги принадлежитъ несомнѣнно знаменитому Георгію Кониcскому, тогдашнему могилевскому архіепископу, бывшему вѣроятно и основателемъ тамошней типографіи.

---

[1]) См. Чтенія въ истор. общ. Нестора-лѣтоп., кн. XIV.

[2]) Съ подписью Н. Бѣлецкаго-Носенка и съ его замѣткою: „Цѣна тома 20 рублей“. Книга Бентама напечатана въ 1805 г

[3]) Бывшій владѣлецъ книги: „Possessor huius libri Alexander Peszicz. 1800 anno, martii 23 dies.

2. Illustrissini ac reverendissimi Theophani Prokopowicz. Miscellanea Sacra, variis temporis antea edita, nunc primum uno fasce comprehensa coniunctimque evulgata. Accesserunt ejusdem poemata quaedam, quibus adiuncta sunt: a) Elegia illustr. metropolitae riazanensis Jaworski iam iam morituri supra bibliothecam suam. b) Michaelis Malardi poemata nonnulla et c) Kreslingii epistola ad illustr. ac reverend. Raphaelem, archiepiscopum metropolitam kiioviensem. (Editio emendatius recusa). Vratislaviae. DCCXLV. Cura Johannis Jacobi Kornii bibliopolae. 16°, 297 стр. Изъ сочиненій Прокоповича здѣсь помѣщены: Apologia fidei, Apologia sacrarum reliquiarum patrum nostror., qui in cryptis nostris kioviensibus quieverunt lypsanorum, Oratio gratulatoria Annae imperatricis, нѣсколько мелкихъ статей въ стихахъ [1]) и наконецъ—Orationes asceticae, habitae Kiioviae, на польскомъ языкѣ, шесть проповѣдей, кажется только здѣсь и напечатанныхъ.

3. *Lapis offendiculi* etc., composita ab Helia Meniata, in latinam autem sermonem conversa a Nicolao Mothonis et Gregorio Kositzki. Vratislaviae. MDCCLII, 16°, 200 и ненум. 10 стр. [2]) Оба переводчика—кіевскіе академисты, потомъ по разнымъ путямъ разошедшіеся въ жизни: Матоніусъ (такъ онъ писался позже) устроивъ сначала свое благосостояніе женитьбою на внучкѣ нѣжинск. полковника Жураковскаго, потомъ пріобрѣлъ себѣ славу дѣльца, [3]) а Козицкій—сталъ секретаремъ Екатерины II.

---

[1]) Между ними можетъ быть припомнено: Descriptio situs urbis Kiioviae, quod nempe haec ab oriente fluvia Boristhene alluitur, ab occidente vero montibus tumet, quod unoquoque disticho bis decies expressum est.

Amne Boristhenio sonat urbs qua lucifer exit:
Montibus assurgit, qua trahit umbra Diem
Occiduas urbis cinxere cacumina partes:
Oppositum aurora perluit unda latus и т. д.

Элегія Стефана Яворскаго на прощаніе съ его библіотекой,—общеизвѣстна:

Ite meis manibus gestati saepe libelli,
Ite meus splendor, luxusque, decusque meum...

[2]) Объ этомъ переводѣ см. у м. Евгенія, Словарь свѣтск. писат. I, 296.

[3]) См. Опис. Стар. Малор., II, 61, 83.

Кромѣ этихъ книгъ, тутъ же мы нашли, и купили за 10 коп., рукопись любопытнаго латинско-русскаго словаря. Это рукопись въ 4-ку, писанная красивымъ малорусскимъ почеркомъ конца XVII или нач. XVIII в., принадлежавшая сыну генер. писаря Семена Савича, Федору, какъ видно изъ надписей.[1] Словарь этотъ уже кратко описанъ Н. М. Петровскимъ, по списку, находящемуся въ Дубровникѣ (въ б—кѣ тамошняго францисканскаго монастыря).[2] Въ этомъ описаніи приведена «первая страница цѣликомъ» дубровницкаго списка. Въ нашемъ спискѣ есть слѣд. отличія отъ приведеннаго отрывка: къ переводу слова *abacion—тавлія игралная и числителная*, добавлено еще: *скрижаль;* въ дубровн. сп.: *abaculus—столики, abaculi—камыки числителныя*, а въ нашемъ: *abaculus—столикъ, abaculi—множ.* (число). Поясненія «камыки числителныя»—нѣтъ. Кромѣ того, въ наш. спискѣ первыя десять словъ словаря снабжены, кромѣ русскаго поясненія, еще и польскимъ. (Засимъ польскихъ поясненій во всемъ словарѣ почти не встрѣчается).

Изъ бѣглаго пересмотра этого любопытнаго словаря можно замѣтить, что въ немъ на ряду со словами старославянскаго языка, встрѣчаются и позднѣйшія малорусскія. – Для большаго знакомства съ составомъ словаря приводимъ нѣсколько словъ изъ него.

Cuba—Ꙇoźe, возокъ. *Cuculus*—кукавица птица. *Culeola*—плѣска орѣховъ зеленыхъ. *Culeus*—тоболецъ, пира, тломокъ. *Cumerum*—сломянка, сосудъ. *Curiose*—оплазивѣ, любопытнѣ.[3] *Cymbulum*—лодийца, човникъ. *Dejuro*—кленуся, рочуся. *Dejurum*—клятва, рота. *Delitigo*—прюся, сваруся, бранюся. *Demo*—спорижъ трава. *Dentale*—насадъ, рало. *Deparcus*—скупый, ощадный. *Despuo*—долѣ плюю. *Dodrans*—девятосилная мѣра, пядъ. *Deliora*—делвица, чванецъ. *Dolialis*—делвный, кадный. *Dolabra*—оскордъ, сѣчило. *Dos*—вѣно, посагъ. *Drama*—дѣйство. *Fascinum*—очарованіе, урѣкъ. *Fascino*—урѣкаю, мамю, чарую, обаваю. *Fascinus*—урѣкъ, богъ у поганъ. *Februus*—плютонъ, богъ поганскій. *Fellico*—мелзю, ссу. *Figulus*—гон-

---

[1]) Надпись болѣе ранняя: „Ex libris Porfiry Siemiennikow". Болѣе поздняя надпись: „С книгъ гидна Савича". – „Ex libris Theodori Sawicz, hoc. subscripsit."

[2]) Извѣст. Общ. Археол., Истор. и Этногр. 1901 г., т. XVII, вып. I, стр. 42—50. (Казань).

[3]) Слово „любопитнѣ" – позднѣйшаго почерка.

чаръ, скуделникъ. *Fistuca*—таранъ, баба. *Forica*—афедронъ. *Foricanus*—афедроночиститель. *Fulmen*—перунъ, трѣщица. *Harpago*—крукъ, гакъ. *Miro*—чуждуся, дивлюся. *Miraculum*—чудо, дивъ, диво. *Morologus*—юродословъ, блядословъ. *Mulgeo*—дою, мелзю.[1] *Mulus*—мешъ. *Mula*—мща. *Origanum*—червоная лобода, материнка. *Oreon* спорышъ тр. *Ostracium*—скорупа, черепъ. *Pallarana*—цебуля. *Pessulus*—завора, верея, заклепи. *Sodalis*—клеврѣтъ. *Strufertarii*—жрущіи пре древахъ перуномъ ударенныхъ. *Sudarium*—сударъ, убрусецъ, понявица. *Sulfur*—жупелъ, сѣра. *Sulores*—шевцы. *Supporus*—скутъ, ожереліе, вѣтрило малое, рыза женская. *Tepor*—лѣтепло. *Testudo*—желвъ, камора, гусли. *Tricor*—бляду, кощунствую. *Vades*—емецъ, рокоймя, испоручникъ. *Vidulus*—тоболецъ.

Нѣсомнѣнно, что этотъ словарь заключаетъ въ себѣ остатки одного изъ старинныхъ словарей, затѣмъ дополнявшагося по требованіямъ того или другого мѣста и времени.

Архитекторъ Мостипановъ. Печатаемыя ниже бумаги заключаютъ въ себѣ свѣдѣніе *о первомъ малороссійскомъ архитекторѣ* Мостипановѣ, который изъ глуховскихъ канцеляристовъ попалъ въ ученики къ тогдашнему извѣстному русскому архитектору Баженову. Какъ это сдѣлалось и какіе были результаты для М. отъ ученія у Баженова, объ этомъ и говорятъ печатаемыя здѣсь: прошеніе М-ва Румянцову, и удостовѣренія архитекторовъ Баженова и Красова.

Въ прошеніи поданномъ Румянцову (въ сентябрѣ 1767 г., изъ Москвы) войск. канцеляристъ Максимъ Мостипановъ писалъ: «Въ бытность его сіятельства генер.-фельдмаршала, сенатора и кавалера, (графа Кирилла) Григорьевича Разумовского въ Малой Россіи гетманомъ, въ 1759 году опредѣленъ..... канцеляріи малороссійского скарбу въ званіе войсковыхъ канцеляристъ и на..... по 763 годъ безпорочно. А въ томъ году, съ соизволенія его жъ с-ва ....ского и генералной канцеляріи, опредѣленъ въ обученіе для націи малороссійской.... (архитектури) съ обнадеживаніемъ за полученіемъ отъ мене въ семъ успѣха, н...... чына и жалованья. Отъ вашего же с-ва сіе мое ученіе милости.....

---

[1] Повидимому, слово это находится въ близкой связи съ словомъ *молозиво*.

тверждено доставленіемъ меня къ архитектору въ чужихъ краяхъ оного.... обучавшемся, у которого я въ теоріи и нѣсколко въ практикѣ до сего успе..... имѣлъ, и въ томъ успехѣ двоекратно в. с-ву аттестованъ.... Для чего, въ разсужденіи прежде данныхъ мнѣ именемъ его с-ва графа (Кирилла) Григорьевича Разумовского отъ генер. канцеляріи о повишеніи меня чиномъ и жалованьемъ обѣщаніи, принимаю смѣлость трудить симъ в. с-во, въ согласіе прежде посланныхъ и у сего приложенныхъ объ успѣхѣ моемъ въ о.... и о службѣ при канцеляріи аттестатовъ, о повишеніи меня чиномъ и о..... жалованья, ибо я онымъ, нынѣ получаемымъ жалованьемъ, едва платемъ.... квартирою и кушаньемъ содержать себя могу; для покупки же книгъ и красокъ, бумаги, туши и протчаго необходимо мнѣ надобно въ годъ д(вѣсти?) рублевъ. О семъ всенижайше прошу учинить милостивое в. с-ва разсмотреніе и опредѣленіе. Опредѣленний въ обученіе архитектурѣ войсковій канцеляристъ Максимъ Мостипановъ». [1])

Къ этому прошенію приложены слѣд. два удостовѣренія: а) «Его сіятельству повелительнѣйшему г. генер.-фельдмаршалу, малороссійскому генер.-губернатору и проч. Порученной мнѣ отъ в. с-ва малороссійской колегіи войск. канцеляристъ Максимъ Мостипановъ для докончанія начатой имъ архитекторской науки, особливою его къ оной склонностію и усерднымъ прилежаніемъ и въ началныхъ пропорціяхъ и композиціяхъ приобрѣтеннымъ знаніемъ, заслуживаетъ о себе рекомендаціи.—Я довольно видѣвъ его къ сему художеству ревность, тщаніе и успѣхи, за долгъ мой почитаю здѣланной имъ по задачамъ в. с-ва прожектъ в. с-ву въ разсмотреніе представить, а притомъ со всякою справедливостію в. с-ву засвидѣтельствовать могу, что онъ, Мостипановъ, подаетъ хорошую надежду быть полезнымъ въ семъ художествѣ отечеству.—Теперь остается в. с-ва власти отличить его за такія прилежности отъ прочихъ малороссійской коллегіи служителей, приличной его наукѣ чиномъ, а ктому наградить его, какъ для содержанія себя, такъ для покупки необходимо потребныхъ къ архитектурѣ книгъ и на инструменты съ матеріалами, годовымъ достаточнымъ жалованьемъ, что онъ совершенно въ свое время отечеству заслужитъ. Архитекторъ профессоръ и членъ разныхъ академіевъ Василей Баже-

---

[1]) Точками обозначены истлѣвшія мѣста въ рукописи.

новъ [1]) ч. —ноября, 1766 г.») б) «*Аттестатъ*. 1766 года генваря 22 д., данъ сей аттестатъ опредѣленному ко мнѣ, в силѣ контракта моего, во обученіе архитектурской науки ведомства малороссійской коллегіи изъ войсковыхъ канцеляристъ Максиму Мосцѣпанову въ томъ, что прошлого 763 году, августа съ 6 дня, будучи онъ, Мосцѣпановъ, ко мнѣ опредѣленъ и обучился по нынѣ ариѳметики, частию геометріи, капированія чертежей, снятія съ малихъ ситуаціевъ плановъ, ѳасадовъ и при произвожденіи практики у присмотру казенныхъ работъ прилежнимъ оказивался и обходился добропорядочно. И в томъ, чрезъ сие свидѣтелствую. Коллежскій ассесоръ і архитекторъ Андрей Красовъ». *(Всѣ три документа съ подлинниковъ).*

Судьба Мостипанова послѣ окончанія имъ «архитекторской науки» была довольно оригинальная: въ *Спискахъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.*, общественное положеніе М-ва описано такимъ образомъ: «Мосцѣпановъ Максимъ, майоръ, въ службѣ городничимъ въ г. Коропѣ; живетъ въ г. Коропѣ; женатъ на дочери кол. ассес. Лихошерстова Марьѣ; у него дѣти: Иларіонъ и Онуфрій (позже были еще: Евлампій и Павелъ). Имѣетъ людей (т. е. крестьянъ) въ м. Нов. Млинахъ, наслѣдныхъ (жениныхъ), а въ г. Коропѣ, на купленныхъ земляхъ, поселенныхъ въ 6-ти хатахъ, муж. п. 10, а ж. пола 7 душъ. Имѣетъ вмѣсто патента, изъ государств. воен. коллегіи на чинъ свой указъ. О предкахъ же показалъ, что, зашедшіе съ Польши, а отецъ Климъ Мосцѣпановъ—бунч. товарищъ». [2])

Не оказалось значитъ нужды въ архитекторскихъ знаніяхъ Мостипанова, и Румянцовъ направилъ его дѣятельность по другому пути. Нуждаясь въ образованныхъ людяхъ изъ мѣстнаго элемента для введенія велико-русскихъ порядковъ въ б. гетманщинѣ, Румянцовъ болѣе способныхъ изъ нихъ награждалъ велико-русскими чинами, военными и гражданскими. Въ число этихъ мѣстныхъ піонеровъ попалъ и Мостипа-

---

[1]) Баженовъ Вас. Петр. (р. 1737), первый вице-президентъ академіи художествъ, учился архитектурѣ между прочимъ въ Парижѣ, у Дюваля, и въ 1761 г. выдержалъ при парижской академіи экзаменъ на званіе архитектора.

[2]) „Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г.“ Черниговъ. 1890. 16°. По спискамъ 1788 г. (рукопись), Макс. М., уже въ чинѣ надв. совѣтн., значится тѣмъ же „городничимъ коропскимъ“; крест. у него въ это время уже больше: муж. п.—26 и ж. п.—21 тамъ же, въ Коропѣ и Нов. Млинахъ.

новъ, который, какъ видно, получилъ военный чинъ, для чего у Румянцова не требовалось особаго знанія военной науки, когда люди съ этими чинами направлялись въ сферу гражданской дѣятельности. Какъ видно, въ эту сферу направленъ былъ и Мостипановъ: при реформѣ въ 1781 г. общественнаго строя прежней гетманщины, Мостипановъ получилъ мѣсто городничаго, около родного своего г. Кролевца. Дѣло въ томъ, что показаніе Мостипанова о «выходѣ» его предковъ изъ Польши—было обычное указаніе на свое де не простое, а шляхетское происхожденіе, п. ч. изъ Польши, (причемъ разумѣлись Волынь и отчасти кіевская Украина) предполагалось—могли выходить только шляхтичи... Но отецъ нашего архитектора, «Климъ» Мосцѣпановъ, былъ сынъ *крестьянина* с. Подолова (около г. Кролевца), принадлежавшаго падчерицѣ гетм. Скоропадскаго, второбрачной женѣ генер. судьи Чарныша[1]). Сынъ этого крестьянина Климентій, будучи хорошо грамотенъ, сначала былъ писаремъ кролевецкой сотни, а потомъ достигъ и почетнаго чина бунчук. товарища, представивъ на который патентъ малорос. коллегіи 1781 г., М-въ былъ признанъ дворяниномъ. По ревизіи 1780 г. у него значится—крест. об. п. 6 душъ. У Климентія М. былъ и другой сынъ, Матвѣй, служившій въ 1788 г. вахмистромъ въ орденск. кирас. полку. Разумѣется, интересно было бы знать—удавалось-ли Максиму Мостипанову прилагать на дѣлѣ свои архитекторскія знанія или же—въ таковыхъ совсѣмъ не являлось тогда потребности....

Полуботокъ въ «оковахъ». На послѣдней, передвижной выставкѣ картинъ въ Кіевѣ (1901—902), находилась между прочими картина художника В. А. Волкова—«Императоръ Петръ I посѣщаетъ заключеннаго въ темницу наказнаго атамана (sic) Полуботка, въ 1724 г.» [2]). Снимокъ этой картины помѣщенъ въ «Нивѣ» 1901 г., № 18. Здѣсь видимъ комнату, несомнѣнно въ «темницѣ», въ комнатѣ—скамья, покрытая *соломою*, около скамьи столъ, а на немъ—«рушникъ», кружка и около—повидимому, кусокъ хлѣба и раскрытая книга. На скамьѣ лежитъ Полуботокъ, съ закатившимися къ «небу» глазами и съ поднятой по тому же направленію рукой, на которой виситъ длинная цѣпь, протянутая къ другой рукѣ. У ногъ Полуботка, на скамьѣ, сидитъ Петръ, опер-

---

[1]) Записки Черниг. статист. комит., I, 28.

[2]) При названіи картины въ скобкахъ добавлено; „Исторія Малороссіи Бант.-Каменскаго“.

шись одной рукой на колѣно, а другой держащій палку. Картина должна изображать Петра В., посѣтившаго Полуботка въ петербургской крѣпости, причемъ художникъ, какъ значится въ каталогѣ выставки, пояснилъ, что картина имъ де написана по Бант.-Каменскому. Въ книгѣ послѣдняго разсказывается, что послѣ заключенія Полуботка въ крѣпость, 10 ноября 1724 г., за его рѣчь Петру, (сочиненную повидимому Г. А. Политикою), онъ, Полуботокъ, «недолго влачилъ жизнь горестную *въ оковахъ,*» такъ какъ вскорѣ затѣмъ умеръ въ заключеніи, причемъ передъ смертью былъ посѣщенъ Петромъ В., который де при этомъ «уговаривалъ» умирающаго «забыть прошедшее и прибѣгнуть къ пособію врача»... Вотъ изъ этого то разсказа Б. Каменскаго художникъ и взялъ свои «оковы», которыя повѣсилъ почему то только на руки... Но дѣло въ томъ, что разсказъ Бант.-Каменскаго о Полуботкѣ относится къ *двадцатымъ годамъ* прошлаго столѣтія, при чемъ историкъ для этого эпизода пользовался, какъ видно изъ его книги, только Шереромъ и «Исторіей Руссовъ». Но съ тѣхъ поръ кругозоръ историческихъ свѣдѣній о Малороссіи очень расширился... Не говоря о томъ, что еще Ригельманъ, бесѣдовавшій лично съ Игнатомъ Галаганомъ (прилуцкимъ полковникомъ въ 1715—1740 г.г.) о нѣкоторыхъ событіяхъ его времени,—не говоритъ ни о какихъ «оковахъ» Полуботка, намъ теперь до точности извѣстна та обстановка, при которой Полуботокъ съ товарищами былъ арестованъ 10 ноября.—Въ этотъ моментъ «привели въ гнѣвъ» Петра В. рѣчи Полуботка, но какія же рѣчи и почему онѣ раздражили царя?—Полуботокъ писалъ и говорилъ *отъ имени народа,* а Петръ В. хорошо зналъ (особенно чрезъ Меншикова) объ антагонизмѣ этого самого народа къ старшинѣ. Чтобы имѣть въ рукахъ факты по этому вопросу, Петръ В., сейчасъ же послѣ ареста Полуботка, послалъ на Украину Румянцова такъ сказать—добыть объ этомъ языка.

Съ одной стороны Румянцовъ, а съ другой мѣстные недруги Полуботка дали возможность Петру В. вполнѣ убѣдиться, что старшинскій протестъ никакимъ препятствіемъ—въ задуманныхъ имъ реформахъ по отношенію къ гетманщинѣ—быть не могъ. А слѣдовательно—ни въ какихъ оковахъ никакой нужды не было. Да ни слова не говорятъ объ «оковахъ» и Соловьевъ съ Костомаровымъ, пересматривавшіе подлинное дѣло о Полуботкѣ, хранящееся въ государственномъ архивѣ. [1])

---

[1]) См. обо всемъ этомъ Русск. Арх. 1880 г., кн. I. „Пав. Полуботокъ“.

Приводимъ всѣ эти замѣчанія съ цѣлію указать, что художникъ, посвящающій себя исторической живописи, не долженъ удовлетворяться при изученіи того или другого событія—архаическимя матеріалами, а долженъ изучить это событіе по всѣмъ источникамъ, какъ настоящій историкъ. Въ этомъ же смыслѣ можно сдѣлать г. Волкову большой упрекъ и по поводу изображенія имъ самого Полуботка: вѣдь достовѣрный портретъ послѣдняго изданъ (Кіевск. Стар. 1890 г., дек.); пусть же художникъ потрудится сравнить свою фантазію съ лицомъ настоящаго Полуботка....

Картина *Полуботокъ въ «темницѣ»* показываетъ, что г. Волковъ, при написаніи ея, былъ очень далекъ отъ того способа подготовки къ писанію исторической картины, какой напр. практиковалъ Мейсонье, хотя бы готовясь изображать на полотнѣ—Наполеона.... [1])

---

[1]) Въ мартовск. кн. Кіевск. Стар. 1902 г. читаемъ, что „полтавск. художникъ В. А. Волковъ прислалъ (на Гоголевскую выставку въ Кіевъ) эскизъ картины, бывш. на передв выставкѣ „Петръ I и Пав. Полуботокъ". Послѣдній *считается въ числѣ предковъ Гоголя* (?), почему и эта картина можетъ находиться на Гоголевской выставкѣ." Намъ неизвѣстно, кто считаетъ Полуботка въ числѣ предковъ Гоголя, но онъ въ числѣ ихъ *не былъ*. Въ числѣ этихъ предковъ изъ млрск. старшины (по женской линіи), повидимому, были только: Петръ Дорошенко тесть Еф. Лизогуба), Лизогубы и Вас. Танскій.

Побывавъ лично на „Гоголевской выстаткѣ", мы видѣли тамъ и „эскизъ" картины „Петръ I и Пав. Полуботокъ" (почему то уже—послѣдній—безъ „оковъ") и главное—родословникъ предковъ Гоголя, неизвѣстно кѣмъ составленный и висящій тутъ же, на выставкѣ, на стѣнѣ; въ немъ неизвѣстный генеологъ наглядно показалъ, почему П. Полуботокъ „считается въ числѣ предковъ Гоголя". Вотъ начало этого родословника:

„Гетманъ Скоропадскій—П. Полуботокъ.

|

Сем. Яковл. Лизогубъ"
и т. д.

Какъ понимать здѣсь родство П. Полуботка съ Скоропадскимъ—недоумѣваемъ... Замѣтимъ при этомъ, что если почтенный генеологъ въ лицѣ С. Я. Лизогуба желалъ указать зятя Скоропадскаго, то таковымъ былъ Сем. *Ефимовичъ* Лизогубъ, внукъ П. Дорошенка по матери.

Купчая на домъ въ Кременчугѣ, 1654 г Настоящій актъ по своему содержанію представляетъ обыкновенную купчую запись и заслуживаетъ вниманія лишь по тѣмъ двумъ въ немъ выраженіямъ, изъ которыхъ видимъ, какъ разумѣлъ малороссійскій народъ свое противъ поляковъ возстаніе и какъ называлъ онъ обыденно новаго своего властителя.

«Я Яско Охрѣмовичъ, козакъ войска Запорозкого, обыватель Нѣжинский, маючи домъ мой власный и за копу мою купленый в месте Кременъчуку, подчасъ заверухъ, з росказаня господаря нашого, его милости пана гетмана, по розниxъ мѣстахъ (?) Прето я з малжонкою моею, отримавши тотъ домъ одъ Дана (?) Безпятего, а часу теперешнего я повернувшися ку домови своему до Нѣжина, а тотъ домъ продалемъ пану Юрю Мойсеенку, у Кременчуку, в моц и въ посесию пущаю, и в спокойное держане вѣчными часы, за которою шлубую (sic), же ни отъ кого панъ Юрей Мойсеенко, ни од кого жадного затрудненя мѣть не маетъ, я самъ и малжонка моя повына в томъ отповедать потребуючому в той продаже, а пана Юря Мойсеенка во всемъ очищать и отъ всего ослобожать, где бъ хто важился турбацыю чинить пану Юрю. И для увереня и при написаню того листа зезнаного былъ панъ Левко Булда, панъ Иванъ Цѣвченко, Мартинъ Шора Папенко, козаки кременчуцкии, и пана Богдана Лавриченка, сотника, и пана Ивана Дяченка, просили о приложене печати звыклой, товарыства и писара о подписъ руки, що на прозбу мою учинить рачили. В Кременчуку. Року 1654, мца феврая 19 дня.

М. П.

Миколай Пинчукъ, писаръ Кременчуцкий, рукою

(Съ подлинника).

Парубоцкія громады въ Полт. губ. Г-нъ П. П. П. въ своихъ замѣткахъ (К. Ст. 1901 г. №№ 7—8 и 12) знакомитъ съ любопытной организаціей, съ «парубоцькими громадами (атаманствами) г. Маякъ, Херсон. губ. Въ корреспондеціи г. Д. изъ С. Горбовъ Кременч. уѣз. въ Полт. Губ. Вѣд. (№ 52), помѣщаемой нами ниже, сообщаются интересныя свѣдѣнія объ аналогичной громадѣ, въ названномъ селѣ. Подобныя же организаціи подъ названіями *парубоцькихъ громадъ, атаманствъ, кассъ, спилокъ* встрѣчаются во многихъ селеніяхъ Малорос-

сіи; они очень живучи, не смотря на отсутствіе юридическихъ гарантій для ихъ существованія и на стѣсненія со стороны духовенства и особенно полиціи; стѣсненія вызываются непосредственной связью парубоцькихъ громадъ съ повсемѣстными въ украинскихъ селахъ вечерныцями и досвитками. Въ генеологическомъ отношеніи современныя парубоцькія организаціи непосредственно примыкаютъ къ братствамъ, нѣкогда существовавшимъ во всѣхъ приходахъ. Въ С. Горбахъ въ обычной организаціи имѣется еще очень интересное въ этнографическомъ отношеніи переживаніе: это взиманіе съ жениха «воротныхъ;» оно находится въ генеологической связи съ несравненно болѣе древнимъ языческимъ обычаемъ выкупа невѣсты.

«Изъ *с. Горбовъ,* Кременчугскаго уѣзда, намъ пишутъ: У мѣстныхъ жителей не женатыхъ парней, по существующему съ незапамятныхъ временъ обычаю, имѣется особаго рода капиталъ, по мѣстному выраженію «парубоцкіе гроши». Капиталъ этотъ, составляющій иногда сотни рублей, образуется изъ слѣдующихъ доходовъ: 1) каждый молодой человѣкъ, достигшій 15—16 лѣтъ отъ роду, начинающій появляться на «вечерницахъ», обязательно долженъ уплатить «паруботщины» 50 коп. и горе тому, кто не въ состояніи или не захочетъ уплатить этой суммы. Надъ нимъ на первый разъ взрослыми парнями продѣлываются всевозможныя издѣвательства, перечислять которыя заняло-бы много мѣста, а на второй—не обходится и безъ серьезныхъ побоевъ. Примѣромъ такого насилія можетъ послужить случай съ помощникомъ волостного писаря Степаномъ Корогодомъ, который въ ночь на 17 февраля настоящаго 1902 года Горбовскими парнями былъ избитъ до крови, за неуплату 50 коп. «паруботщины». Въ виду такого жестокаго обычая каждый молодой человѣкъ, хотя-бы онъ и не желалъ являться на «вечерницы», но по наружному виду достигъ извѣстнаго возраста, не можетъ выходить по вечерамъ за ворота отцовскаго двора—онъ рискуетъ каждый разъ быть избитымъ. Не извѣстно, откуда добываютъ малые подростки деньги, но неуплатившихъ «паруботщины» въ Горбахъ почти нѣтъ. 2) По пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ въ день свадьбы, парни стоятъ на воротахъ и не пускаютъ жениха во дворъ, пока не получатъ «воритныхъ», затѣмъ требуютъ выкупъ за невѣсту; сумма въ этихъ случаяхъ назначается не одинаковая, смотря по состоянію жениха и невѣсты. При неуплатѣ женихомъ требуемыхъ сборовъ, на помощь парнямъ являются старики и дѣло нерѣдко доходитъ до драки, и 3) ежегодно подъ осень парни объѣзжаютъ все

село до единой хаты, производя сборъ доброхотныхъ пожертвованій деньгами и хлѣбомъ, якобы на пріобрѣтеніе принадлежностей церковной утвари въ свою приходскую церковь, какъ-то: хоругвей, крестовъ и проч. Деньги, собранныя означенными способами, за вычетомъ расходовъ на покупку водки для угощенія сотоварищей, сдаются кассиру, избранному парнями изъ своей среды, на храненіе, до накопленія извѣстной суммы, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги купить что-либо для церкви въ даръ отъ имени парней. Неизвѣстно, было ли куплено что нибудь въ церковь, но въ послѣднее время замѣчено, что парни начали расходовать наличныя деньги на покупку водки при устраиваемыхъ пирушкахъ; кромѣ того, по распоряженію парней-же, кассиръ роздалъ много денегъ въ займы частнымъ лицамъ за проценты, получивъ долговыя росписки лично на свое имя, при чемъ нѣкоторые долги оказались безнадежными къ поступленію. Тогда отцы парней, коимъ дороги старичные обычаи, желая установить правильный порядокъ пріема и расходованія «парубоцкихъ грошей» и способа храненія таковыхъ, возбудили объ этомъ вопросъ на сельскомъ сходѣ, въ виду чего Горбовскій сельскій сходъ, въ составѣ до 70 человѣкъ домохозяевъ, 2-го января 1902 года постановилъ приговоръ, коимъ избраны въ должность кассира козакъ К., изъ женатыхъ, человѣкъ пожилой, малограмотный, какъ значится въ приговорѣ, честнаго и трезваго поведенія, подъ судомъ не бывшій, и три человѣка изъ числа парней уполномоченными счетчиками для учета кассира. Приговоромъ вмѣнено въ обязанность кассиру принимать отъ парубковъ деньги, хранить ихъ и расходовать по усмотрѣнію парубковъ же. Новый кассиръ К. охотно согласился служить. Получивъ на руки приговоръ, засвидѣтельствованный сельскимъ старостой, онъ принялъ кассу деньгами и «документами» (долговыя расписки на имя прежняго кассира) и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Первымъ долгомъ онъ заказалъ въ Кременчугской типографіи приходо-расходную шнуровую книгу, съ затянутымъ бѣлымъ шнуркомъ для скрѣпы; оставалось только приложить печать, но тутъ встрѣтили затрудненіе: по новости дѣла К. не знаетъ, кому представить книгу для скрѣпленія, а потомъ случайно узналъ отъ кого-то, что сборъ доброхотныхъ пожертвованій на благотворительныя цѣли, съ примѣненіемъ вымогательствъ и насилій, закономъ воспрещенъ, и, кажется, уже не будетъ никуда обращаться съ просьбой о скрѣпленіи книги, а оставить таковую не скрѣпленной, но отъ должности не намѣренъ отказаться. Такіе же обычаи существу-

ютъ и въ другихъ селахъ и деревняхъ Горбовской волости, при чемъ собираются весьма крупныя суммы, какъ, напримѣръ, въ небольшой деревнѣ Сидорахъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ собрано болѣе 500 руб., куплено двѣ хоругви и еще что-то въ церковь, всего на сумму до 150 руб.; немного денегъ имѣется на лицо и роздано въ займы, а большая половина ушла на покупку водки.

Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. 1) *Воспрещеніе воспитанникамъ кіевской духовной академіи и семинаріи посѣщать Царскій садъ.* Кіевскій военный губернаторъ П. Ѳ. Желтухинъ 15 апрѣля 1828 г. писалъ митрополиту кіевскому Евгенію: «по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, въ бесѣдкѣ Государева сада найдено было множество начерченныхъ карандашныхъ знаковъ и, въ особенности, стиховъ, показывающихъ вольнодумство и безнравственность. Хотя стѣны по поводу сего были перекрашены, но надписи начали показываться по прежнему.—Вчерашній день, обозрѣвъ лично Государевъ садъ, я видѣлъ въ бесѣдкѣ двухъ студентовъ духовнаго вѣдомства, которые, замѣтивъ меня, тотчасъ скрылись, но въ тоже время на стѣнѣ я нашелъ недоконченную надпись, весьма неблагопристойную по своему содержанію.—Желая отвратить всякое нареканіе на счетъ людей, принадлежащихъ къ духовному званію, я долгомъ поставилъ покорнѣйше просить в. высокопр-ство, не благоугодно-ли будетъ приказать, чтобы воспитанники духовныхъ учебныхъ заведеній для гулянія въ саду пускаемы были не иначе, какъ подъ надзоромъ старшихъ, сообразно примѣрамъ прочихъ учебныхъ заведеній».

Этотъ запросъ повелъ къ цѣлому разслѣдованію «о образѣ мыслей академистовъ и о ходящихъ изъ нихъ въ Государевъ садъ, но ни по тому, ни по другому не открылось никакого на нихъ подозрѣнія», а 14 апрѣля 1828 г. никто изъ академистовъ и не могъ быть въ саду, потому что до обѣда они «занимаемы были классическимъ дѣломъ», а вечеромъ всѣ были у всенощной. Правда, 13 апрѣля больной академистъ Бойковъ, по совѣту лѣкаря, прохаживался въ саду, но начальство рекомендовало его весьма скромнымъ и благомысленнымъ. «Впрочемъ—писалъ далѣе высокопреосвященный Евгеній П. Ѳ. Желтухину-для предотвращенія впредь и подозрѣній на академистовъ, я предписалъ академіи и семинаріи обязать подписками всѣхъ своихъ настав-

никовъ и учениковъ не ходить никогда въ Государевъ садъ. Ибо и правилами св. Отецъ запрещено ходить духовнымъ людямъ на позорища; а в. пр-ство покорнѣйше прошу приказать полиціи замѣчать ходящихъ туда вопреки моего запрещенія и мнѣ записками давать знать».

Было-ли когда нибудь снято это запрещеніе—неизвѣстно.

—

2) *Къ столѣтію рожденія Іосифа Богдана Залѣсскаго.* По поводу сотой годовщины рожденія Залѣсскаго, въ № 8 варшавской газеты «Tygodnik illustrowany» 9/22 февраля текущаго года напечатана статья г. Каз. Глинскаго, который съ особеннымъ вниманіемъ старается выдвинуть на первый планъ характерную черту лирики знаменитаго въ свое время поэта—его привязанность къ Украинѣ, къ ея поэтическимъ преданіямъ. Черту эту покойный, можно сказать, всосалъ съ молокомъ матери; эта струна его поэтической арфы сдѣлала звуки ея милыми и дорогими для современниковъ: внѣ этой сферы, поэзія Залѣсскаго не дала ничего сильнаго, могучаго и своеобразнаго. Г. Глинскій съ легкой тѣнью недоумѣнія и сожалѣнія останавливается на особенности поэта. Критикъ не безъ ироніи упрекаетъ покойнаго въ нарушеніи исторической перспективы, въ томъ, что онъ умышленно сглаживалъ въ своихъ произведеніяхъ кровавыя воспоминанія и какъ бы забывалъ о кривдахъ, нанесенныхъ козачествомъ исторической Польшѣ. Всѣ эти черты музы Залѣсскаго г. Глинскій объясняетъ неизгладимыми воспоминаніями дѣтства поэта, которое протекло подъ мирной кровлей украинскаго мужика.

Хорошо пишетъ г. Глинскій, но должно пожалѣть, что, упрекая покойнаго поэта въ нарушеніи перспективы. онъ самъ рѣшаетъ историческую распрю въ одну сторону, какъ будто козачество явилось какимъ-то deus ex machina и какъ будто сочувственное отношеніе къ его исторической роли представляетъ собою преступленіе sui generis съ польской точки зрѣнія. Съ такими историческими масштабами, предназначенными ad usum delphini, едва-ли возможна безпристрастная оцѣнка поэтическаго творчества Залѣсскаго, который былъ знакомъ съ исторіей старой Польши, вѣроятно, не меньше своего критика. Усвоенный г. Глинскимъ пріемъ критической оцѣнки по справедливости должно назвать суздальскимъ.

Поясненіе. Въ мартовской кн. «Кіев. Старины» помѣщена рецензія на изданную г. Гринченкомъ брошюру «Старинный малорусскій письмовникъ», при чемъ г. рецензентъ сдѣлалъ замѣчаніе, что текстъ этого памятника изданъ неудовлетворительно. По этому поводу г. Гринченко, въ письмѣ въ редакцію, поясняетъ, что онъ точно воспроизводилъ текстъ старинной рукописи, но самая рукопись крайне неисправна.

Текущія извѣстія.

Къ столѣтію Полтавской губерніи. 9-го марта истекло столѣтіе со дня открытія Полтавской губерніи. По исторической справкѣ «Полт. Губ. Вѣд.», въ 1802 г., 27 февраля изъ Малороссійской губерніи повелѣно было образовать двѣ губ. Полтавскую и Черниговскую, составивъ первую изъ слѣдующихъ 12 уѣздовъ, или повѣтовъ: Полтавскаго, Кременчугскаго, Хорольскаго, Золотоношскаго, Лубенскаго, Гадячскаго, Пирятинскаго, Переяславскаго, Прилукскаго, Роменскаго, Константиноградскаго, а вмѣсто Зѣнькова возстановить повѣтовымъ бывшій малороссійскимъ полковымъ городомъ Миргородъ, съ переводомъ въ него повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ изъ Зѣнькова.

Тогдашній малороссійскій военный губернаторъ и управляющій гражданскою частью генералъ-отъ инфантеріи Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ, объѣзжая, въ исполненіе Высочайшей воли, ввѣренный управленію его край, «по личномъ обозрѣніи удобствъ относительно къ пространству и населенію предполагаемыхъ къ учрежденію обѣихъ малороссійскихъ губерній», «нашелъ весьма выгоднымъ одному изъ губернскихъ городовъ быть въ сѣверной, а другому въ южной части края»; первымъ продложилъ онъ быть Чернигову, а вторымъ—*Полтавѣ*. Несомнѣнно что историческое воспоминаніе о знаменитой побѣдѣ Петра I надъ шведами рѣшило дѣло въ пользу Полтавы, хотя выгода мѣстности, въ срединѣ губерніи, была на сторонѣ Лубенъ. Вслѣдствіе этого, 9 марта 1802 г. и была открыта Полтавская губернія по особо составленному церемоніалу первымъ ея губернаторомъ тайнымъ совѣтникомъ А. Б. Солнцевымъ.

Въ 1803 году, марта 27, повелѣно: границу Полтавской губерніи отъ Екатеринославской положить по рѣкѣ Орели, присоединивъ

къ Полтавской все постранство земель между рѣками Берестовою и Орелью, дабы тѣмъ возстановить древніе предѣлы Малороссіи, и сверхъ существующихъ въ Полтавской губерніи 12 повѣтовыхъ городовъ учредить таковыми же города: Зѣньковъ, Лохвицу и мѣстечко Кобеляки.

Юбилейный день, 9 марта, былъ отпразднованъ въ Полтавѣ очень скромно. Наканунѣ, въ засѣданіи городской думы, гласный И. Фр. Павловскій сдѣлалъ краткое сообщеніе изъ исторіи г. Полтавы съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлана была губернскимъ городомъ. Первымъ полт. генералъ губернаторомъ былъ назначенъ князь А. Б. Куракинъ. Во время его управленія Полтава обогатилась многими полезными учрежденіями, въ видѣ гимназіи, аптеки, богоугоднаго заведенія съ богадѣльней, родильнымъ пріютомъ и домомъ для психически больныхъ. При кн. Куракинѣ былъ организованъ пожарный обозъ, основанъ городской садъ, а также сооружены памятники столѣтія полтавской битвы и многія капитальныя казенныя зданія. Выслушавъ сообщеніе гл. Павловскаго, городская дума, въ цѣляхъ увѣковѣченія памяти перваго генералъ-губернатора Полтавской губерніи, постановила нынѣшнюю Кременчугскую улицу переименовать въ «Куракинскую».

Рѣчь о Гоголѣ въ Академіи Наукъ 21 февраля состоялось засѣданіе Академіи Наукъ, посвященное памяти Гоголя. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ этомъ засѣданіи, отмѣтимъ рѣчь приватъ-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета В. Н. Перетца на тему «Гоголь и малорусская литературная традиція». По мнѣнію г. Перетца, повѣсти Гоголя представляютъ собою рѣдкій примѣръ живучести въ нашей литературѣ. Встрѣченныя неблагосклонно современной имъ критикой, онѣ подверглись суровому осужденію и позже, со стороны извѣстнаго этнографа и историка малорусской литературы—Кулиша, обвинившаго Гоголя въ отсутствіи знанія народной жизни. Но изслѣдованія въ области малорусской жизни XVIII вѣка обнаруживаютъ живое соприкосновеніе и связь Гоголя съ его предшественниками, авторами интермедій, позже—комедій. Любимые типы послѣднихъ, ставшіе народными, воспроизводятся Гоголемъ въ повѣстяхъ; таковы типы простоватаго мужика, бойкой жинки (Солохи, Хиври), Янкеля-шинкаря, цыганъ, чертей и другіе. Серьезные типы также имѣютъ

свою исторію и представляютъ собою не живую, но литературную, народно-поэтическую традицію: мать Остапа и Андрія—снимокъ съ матерей въ думахъ, сами герои «Тараса Бульбы» и «Страшной мести» взяты изъ малорусскихъ народныхъ думъ, бывшихъ живой исторіей многострадальной Украины XVI—XVIII вѣковъ. Біографія Гоголя, опровергая мнѣнія Кулиша, будто Гоголь изучалъ народную жизнь «съ панскаго крыльца», подтверждаетъ существованіе постояннаго вліянія на нашего поэта поэтическихъ преданій и пѣсенъ родной его Украйны («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 52).

Отношенія Тургенева къ украинской литературѣ. Въ февральской книжкѣ «Вѣстника Всемірной Исторіи» помѣщены «Воспоминанія украинскаго писателя о Тургеневѣ». Хотя «украинскій писатель» почему то не названъ, но изъ контекста легко догадаться, что это—М. П. Драгомановъ. Авторъ «Воспоминаній», останавливаясь между прочимъ на отношеніяхъ Тургенева къ украинской литературѣ, сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, рисующихъ эти отношенія въ истинномъ свѣтѣ.

«Я почиталъ въ И. С. знаменитаго русскаго писателя,—пишетъ Драгомановъ,—и пріятеля украинской литературы: переводчика разсказовъ Марка Вовчка, автора воспоминаній о Шевченкѣ, напечатанныхъ при парижскомъ изданіи Кобзаря, внушителя французской статьи о Шевченкѣ г. Эмиля Дюрана въ «La Revue des deux Mondes» и т. п. Поэтому, послѣ моей ему рекомендаціи по дѣлу о бумагахъ Н. И. Т., я считалъ долгомъ вѣжливости посылать ему оттиски моихъ журнальныхъ статей по украинскому вопросу и свои изданія украинскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Въ 1876 г. я послалъ ему изъ Вѣны повѣсти Федьковича, который представляетъ для карпатской Руси то же самое, что М. Вовчокъ для россійской Украины,—съ моимъ предисловіемъ (писаннымъ по-украински) о галицко-русской литературѣ, въ которомъ я дѣлаю, между прочимъ, характеристику двухъ теченій въ ней».

Въ отвѣтъ на эту посылку Драгомановъ получилъ отъ Тургенева слѣдующее письмо: «Я получилъ въ одинъ день и ваше письмо и повѣсти г. Федьковича. Искренно благодарю васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ—и безъ большого затрудненія—прочесть ваше предисловіе—и могу сказать, что раздѣляю вполнѣ вашъ образъ мыслей—

въ чемъ я, впрочемъ, не сомнѣвался, зная ваши прежніе труды и ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти г. Федьковича, я позволю себѣ выразить вамъ съ полной откровенностью мое мнѣніе. Заранѣе чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды, а все остальное—либо призракъ, либо трупъ».

Свою симпатію къ Украйнѣ и ея населенію Тургеневъ выражалъ Драгоманову и при личныхъ свиданіяхъ. «Въ одно изъ такихъ свиданій,—пишетъ Драгомановъ,—Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украйнѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій остаются въ его романахъ: Маша въ повѣсти «Затишье» и Михалевичъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ».—«У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ утилитаризмомъ или распущенностью великороссійскими. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ «Вѣстникъ Европы», что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ беретъ вещи не широко, но отчетливо, уже стоитъ на томъ, что говоритъ».

Какъ извѣстно, по иниціативѣ Драгоманова, на гробъ Тургенева возложенъ былъ и вѣнокъ «Отъ украинской печати».

Голоса духовенства объ украинскомъ переводѣ Евангелія. Слухъ о разрѣшеніи Св. Синодомъ Евангелія на украинскомъ языкѣ, опровергнутый, кстати сказать, оффиціально (см. «Церковныя Вѣдомости» № 6) вызвалъ на столбцахъ газеты «Югъ» обсужденіе со стороны духовныхъ лицъ. Священникъ Голимскій въ письмѣ въ редакцію, помѣщенномъ въ № 1151 «Юга», высказывается рѣшительно противъ перевода: «на что,—спрашиваетъ онъ,—для юга этотъ переводъ? Если для того, чтобы украсить библіотеку, то это такъ; для народа же этотъ переводъ не нуженъ. Народъ знаетъ Евангеліе на славянскомъ языкѣ: онъ съ такимъ благоговѣніемъ привыкъ относиться къ слушанію Евангелія на славянскомъ языкѣ, что ему даже (!) не нуженъ русскій переводъ. Изъ своей службы я знаю, что наканунѣ Воскресенія Христова народъ хочетъ слушать чтеніе Дѣяній апостольскихъ непремѣнно на славянскомъ языкѣ... Народъ самъ знаетъ, что ему нужно, и предполагать, что ему нужно Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ, можетъ

только тотъ, кто не знаетъ народа». Противъ этого категорическаго сужденія о. Голимскаго выступило съ рѣшительнымъ протестомъ другое духовное лицо въ замѣткѣ «Audiatur et altera pars», подписанной «тоже священникъ» (Югъ, № 1154). Авторъ прежде всего указываетъ, что *русскій* переводъ дѣйствительно не нуженъ для *украинскаго* народа, такъ какъ «русскій языкъ столько-же мало понятенъ для простого украинскаго населенія, насколько и церковно-славянскій языкъ... Указавъ затѣмъ, что очевидно самъ о. Голимскій не знаетъ народа, авторъ замѣтки продолжаетъ: «истины евангелія и вообще священнаго писанія не только не вредны для общественнаго спокойствія, но безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ благотворно вліяютъ на народъ. Поэтому желательно, чтобы евангеліе и вообще книги св. писанія были доступны пониманію народа, а это наилегче достигается через̆ переводъ ихъ на родной языкъ. О, сколько разъ я,—заключаетъ свою горячо написанную замѣтку авторъ,—читая евангеліе Св. Страстей, съ ужасомъ замѣчалъ, что умиленная паства о содержаніи евангелія только догадывается по отдѣльнымъ выраженіямъ, въ родѣ «распни, распни его!»... О, какимъ чувствовалъ себя я безпомощнымъ, какъ нравственно болѣлъ, когда мнѣ приходилось убѣждаться, что какой нибудь пропойца-странникъ, шарлатанъ-пророкъ или мнимый монахъ изъ Аѳона, одурачивавшіе и грабившіе мою паству, не могли быть дискредитированными мною предъ народомъ, ибо они нашли дорогу къ душѣ его, пользуясь его роднымъ языкомъ и постигнувъ его психологію»... Несомнѣнно, что то же испытываетъ и каждый священникъ, вдумчиво относящійся къ духовныхъ нуждамъ народа и не смотрящій на нихъ сквозь очки формализма и проторенныхъ дорожекъ. О.о. Голимскимъ слѣдовало бы помнить, что они, стоя на почвѣ формализма и непониманія народной психики, лишаютъ себя возможности благотворнаго воздѣйствія на народъ. Доказательство этого—въ видѣ крайняго невѣжества, суевѣрій съ одной стороны, и сектантства, не удовлетворяющагося оффиціальнымъ ученіемъ съ другой—слишкомъ извѣстны всѣмъ, чтобы о нихъ стоило распространяться...

Еще объ убійствѣ стариковъ. Статья «Убійство дѣтей и стариковъ», помѣщенная въ 67 полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря», продолжаетъ вызывать обсужденіе въ печати; большинство лицъ, пи-

савшихъ по этому вопросу, рѣшительно отвергаютъ существованіе обычая убивать стариковъ въ современной Малороссіи. Въ подтвержденіе этого обычая ссылались на существующія въ украинскомъ языкѣ выраженія «садовить на саночкы», «сажать на лубокъ», указывающія будто бы даже самый способъ убійства: старика привязывали къ лубку и спускали въ оврагъ или же вывозили на саняхъ въ степь, гдѣ и оставляли, пока онъ не замерзнетъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Славинскій («Приднѣпровскій Край, № 1435») въ оборотѣ рѣчи «*на саночкы посадовить*» не заключается никакого намека на возможность убійства стариковъ, хотя этотъ оборотъ рѣчи, можетъ быть, и послужилъ для народа поводомъ создать легенду, въ которой, конечно, есть отголосокъ правды, но правды, которая была таковою, пожалуй, только въ доисторическія времена. Малорусское выраженіе «на саночкы посадовить», равносильное слову «похоронить», конечно, есть отголосокъ древне-русскаго оборота рѣчи, тогда правдоподобно соотвѣтствовавшаго дѣйствительности. Какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи" пишетъ: „Азъ, худый, сѣдя на санѣхъ", т. е. переводя на современный языкъ: „На смертномъ одрѣ, я..." и т. д. Кромѣ того, существуетъ рукописная миніатюра, изображающая перевезеніе мощей св. Глѣба, на которой изображены сани, а на нихъ гробъ и надпись: «Везуть святого Глѣба въ рацѣ каменѣ». Существуютъ и другія свидѣтельства о странномъ обычаѣ древней Руси провожать мертвыхъ въ могилу на саняхъ и зимою и лѣтомъ. Обычай этотъ исчезъ, но оборотъ рѣчи сохранился въ малорусскомъ языкѣ, какъ вообще въ этомъ языкѣ сохранились многія архаическія формы и выраженія. Странному обороту рѣчи, непонятному выраженію, народъ всегда подыскиваетъ объясненіе,—и вотъ, какимъ путемъ, не берусь рѣшить,—слова «посадовить на саночкы» оказались связанными съ существовавшимъ въ народѣ сказочнымъ къ настоящему времени преданіемъ объ убійствѣ стариковъ.

«Саратовскій Дневникъ» добавляетъ, что обычай хоронить на саняхъ и теперь еще не исчезъ окончательно. «Въ прошломъ году такіе похороны на саняхъ лѣтомъ пришлось наблюдать хорошо извѣстному намъ лицу въ Бессарабіи. Въ Подольской губерніи, по разсказамъ очевидцевъ, этотъ обычай имѣлъ значительное распространеніе еще въ 60-хъ годахъ и, быть можетъ, не вывелся въ глухихъ мѣстахъ и по сей день. И у молдаванъ, и у малороссовъ проводы умершихъ стариковъ въ могилу лѣтомъ на саняхъ выражаютъ дань

крайняго уваженія: не хотятъ трясти останки покойнаго, тревожить его. Въ сани запрягаютъ не менѣе двухъ паръ воловъ, а иногда пять-шесть паръ, смотря по достатку. Такимъ образомъ выраженіе «посадовить на саночкы» означаетъ не просто похоронить, а похоронить съ почетомъ».

Другое заподозрѣнное выраженіе «сажать на лубокъ» объясняетъ священникъ Бѣлобржицкій. „Въ Малороссіи, говоритъ онъ („Новости", № 46),- есть обычай, внушенный церковью, по которому покойника тотчасъ послѣ смерти омываютъ. Въ Малороссіи бань нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ. Для умершаго дитяти еще можно найти какое-нибудь приспособленіе или посуду въ хозяйствѣ, въ которой производятъ омовеніе тѣла. Что-же касается взрослаго человѣка, то для омовенія его рѣшительно нѣтъ никакихъ приспособленій. Обыкновенно это дѣлается такъ. Приносится липовый лубокъ, длиною арш. въ 3—4, смотря по росту покойника, разстилается прямо на полу, и на этомъ лубкѣ кладутъ и обмываютъ покойника. Отсюда выраженіе „пора на лубокъ", т. е. пора умирать, употребляется въ отношеніи глубокихъ стариковъ или людей тяжко больныхъ, на выздоровленіе которыхъ надежды нѣтъ. Выраженіе „пора на саночкы садовыть" означаетъ близость смерти изъ давняго обычая малороссіянъ вывозить покойниковъ на кладбище непремѣнно на саняхъ не только зимою, но и лѣтомъ. Правда, въ настоящее время этотъ обычай выводится (особенно въ городахъ), но еще зажиточные люди по деревнямъ, особенно имѣющіе воловъ, придерживаются этого обычая и теперь. Нерѣдко можно увидѣть среди лѣта, какъ четыре вола тянутъ сани съ покойникомъ на кладбище».

Этими объясненіями, думается намъ, совершенно опровергнуто невѣроятное открытіе, сдѣланное авторомъ статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ»; опровергается оно и общимъ міровоззрѣніемъ украинскаго народа, у котораго, по справедливому замѣчанію г. Славинскаго, «скорѣе можно замѣтить слегка преувеличенный культъ старости» и который непочтительное отношеніе къ родителямъ и вообще къ старшимъ считаетъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ. Въ «Новостяхъ» г. Абрамовъ приводитъ очень распространенную щедривку, въ которой Матерь Божія предлагаетъ Христу выпустить изъ «пекла» грѣшныя души, за исключеніемъ одной, которая «отця-матирь налаяла, це налаяла—подумала».

Къ дѣятельности Общества изслѣдователей Волыни. Ни одно изъ существующихъ у насъ ученыхъ обществъ не имѣетъ столь широкой програмны, какъ основанное нѣсколько лѣтъ назадъ въ Житомирѣ Общество изслѣдователей Волыни. Къ сожалѣнію, недостаточность мѣстныхъ ученыхъ силъ лишаетъ это симпатичное Общество возможности осуществлять тѣ широкіе планы, какіе имѣлись въ виду при его учрежденіи. Кое-что общество все-таки дѣлаетъ. Недавно, 3 марта, происходило засѣданіе его Историко-археологической секціи, въ составѣ 10-ти членовъ и четырехъ постороннихъ лицъ. Засѣданіе открыто было краткой рѣчью предсѣдателя, въ которой онъ выразилъ вполнѣ справедливую мысль, что лучше дѣлать хоть что нибудь, чѣмъ ничего не дѣлать. А такъ какъ собираніе матеріала для научныхъ изслѣдованій по губерніи посредствомъ экскурсій требуетъ денегъ, которыхъ у Общества нѣтъ, то остается дешевый способъ собираній ихъ посредствомъ картъ и записныхъ книжекъ, въ которые члены заносили бы попутно, по однообразному плану, все, что можетъ интересовать общество, все что каждому случится узнать, увидѣть, услышать или прочитать. Желающіе взять на себя этотъ трудъ приглашены были подписаться на листѣ. Затѣмъ спрошены были присутствующіе, не пожелаютъ ли они высказаться по поводу этого предложенія. Членъ о-ва г. Закусило сообщилъ объ одной мѣстности въ окрестностяхъ Житомира, гдѣ онъ нашелъ кремневыя орудія и въ особенности замѣчательный по художественности отдѣлки кремневый молотъ, кромѣ того глиняную трубу въ руку толщиной. Не видя этой трубы, трудно было угадать ея назначеніе. Находки свои г. Закусило обѣщалъ демонстрировать въ слѣдующемъ засѣданіи. Затѣмъ все остальное время засѣданія, часовъ до 11, занялъ рефератъ извѣстнаго изслѣдователя Волынской старины О. А. Фотинскаго, посвященный исторіи рода Немиричей и брачному праву въ XVI—XVII в.в. Рефератъ былъ выслушанъ съ большимъ интересомъ, но замѣчаній не вызвалъ, по отсутствію въ собраніи лицъ, спеціально знакомыхъ съ предметомъ. Былъ лишь возбужденъ вопросъ: на какомъ языкѣ написаны приводимые рефeрентомъ цитаты изъ бракоразводныхъ записей и другихъ документовъ? При чемъ, если вѣрить сообщенію «Волыни», всѣ единогласно рѣшили, что это не малорусскій, а скорѣе бѣлорусскій языкъ. Судя по этому рѣшенію, дѣйствительно приходится признать, что въ средѣ засѣдавшихъ не было ученыхъ спеціалистовъ.

Селедка на... головѣ. Г. Діонео въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 67) приводитъ одинъ изъ многочисленныхъ курьезовъ, встрѣчающихся въ англійскихъ переводахъ произведеній Гоголя. Англичане съ изумленіемъ узнаютъ,—говоритъ г. Діонео,—что малороссіяне носили на головѣ... «шапку», догадывайтесь вы. Нѣтъ, *селедку*. Всему виною слово *оселедецъ*. Въ своемъ словарѣ переводчикъ нашелъ слово «селедецъ», поясненное такъ: «областное, южнорусское слово, означаетъ *селедку*». И вотъ, нисколько не смущаясь лишней буквой о, переводчикъ передалъ свой *оселедецъ*—herring. Можно ли было разсчитывать, что чопорные англичане, возводящіе чистоплотность въ культъ, заинтересуются народомъ, прячущимъ подъ шапку сельдей»?.. Подобныхъ курьезовъ, обнаруживающихъ невѣжество переводчиковъ относительно украинскаго языка, можно указать множество и не только въ англійскихъ переводахъ. Изобилуютъ ими въ сильной степени и русскіе переводы украинскихъ произведеній. Намъ припоминается глубокомысленное объясненіе, данное Кояловичемъ слову «рештa», прочитанному имъ какъ «регита» и произведенному отъ нѣмецкаго regiment!..

Сорокъ первая годовщина смерти Т. Г. Шевченка въ южнорусской печати. Среди многихъ южныхъ гезетъ установился обычай въ день смерти украинскаго поэта помѣщать статьи, посвященныя его памяти.

Перечислимъ то, что могли найти въ нынѣшнемъ году:

1) Въ Херсонской газетѣ «Югъ» № 1141 г. Коваленко-Коломацкій передаетъ содержаніе сохранившейся въ рукахъ автора и своевременно напечатанной въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Народный языкъ» рѣчи В. В. Лесевича, произнесенной имъ въ 1897 г. на обѣдѣ въ память Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ.

Принимая во вниманіе положеніе губернской газеты и ея значеніе для круга ея читателей, тема г. Коваленко-Коломацкаго является весьма подходящею: мѣстному читателю весьма полезно въ данный день напомнить хотя бы чужими словами, словами почтеннаго ученаго, что «народный языкъ будетъ тѣмъ священнымъ стягомъ, подъ сѣнью котораго только и возможно приближеніе къ лучшему, свѣтлому будущему».

2) Екатеринославская газета «Приднѣпровскій край» посвятила 26 февраля «Памяти Т. Г. Шевченка» фельетонъ г. Славинскаго, въ которомъ авторъ указываетъ, между прочимъ, какъ особенность малорусской литературы,—изображеніе въ ней исключительно жизни народной, мужицкой». Эта литература, по словамъ автора,—«крестьянская литература въ самомъ широкомъ и свѣтломъ значеніи этого слова». Иллюстрируетъ авторъ свою мысль прозаическимъ переводомъ стихотворенія Леси Украинки, которое помѣщено въ сборникѣ «Викъ» и представляетъ, по его мнѣнію, и правдивую и высоко-художественную характеристику родной литературы.

3) Издающаяся въ г. Ялтѣ газета «Крымскій Курьеръ» помѣстила 26 февраля фельетонъ В. Доманицкаго «Культурно-историческое значеніе поэзіи Т. Г. Шевченка». Это— краткій очеркъ развитія того національнаго самосознанія малорусской народности, какое пробуждено было поэзіей Шевченка въ предѣлахъ Россіи и въ особенности въ Руси Галицкой. Здѣсь названы важнѣйшія научныя и литературныя изданія послѣдняго времени на малорусскомъ языкѣ.

4) Газета «*Волынь*» (№ 52) помѣстила статью В. Мировця «Причины, вызвавшія особый интересъ къ личности и произведеніямъ Шевченка»,—обзоръ высказанныхъ выдающимися литературными дѣятелями мнѣній о личности и поэзіи Шевченка.

5) Издающаяся въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ газета «Сѣверный Кавказъ» въ № 25 помѣстила довольно обстоятельный и хорошо написанный А. Гавришемъ біографическій очеркъ «Т. Г. Шевченко».

6) Въ Харьковской газетѣ «Южный Край» появилось 26 фев. въ фельетонѣ стихотвореніе В. Иванова «Памяти Т. Г. Шевченка» и большая статья проф. Н. Ѳ. Сумцова: «Стихотвореніе Т. Г. Шевченка «Сонце заходыть» въ бытовой и литературной обстановкѣ». Стихотвореніе В. Иванова не отличается особою значительностью мысли или красотой выраженія, но на страницахъ «Южнаго Края» оно звучитъ прекрасно, заканчиваясь такъ:

«Нынче—въ день скорбный кончины
Славной Украйны пѣвца
Боль и тоски и кручины
Наши терзаетъ сердца.
Но передъ милою тѣнью
Скажемъ отъ сердца всего:

Слава его вдохновенью!
Слава страданьямъ его!»

Статья проф. Сумцова, какъ видно изъ ея предисловія, является «какъ запоздалая дань» уваженія автора къ недавнему юбиляру проф. Н. И. Стороженку, почитателю «геніальнаго горемыки», и «за пропускомъ всѣхъ сроковъ» не попала въ извѣстный сборникъ «Подъ знаменемъ науки», изданный учениками и почитателями Н. И. Стороженка.

Указавъ на глубоко реальную обстановку даннаго стихотворенія Шевченка и независимость его отъ какихъ бы то ни было литературныхъ вліяній, авторъ отмѣчаетъ, какъ наиболѣе оригинальное въ немъ, обращеніе къ вечерней звѣздѣ; другіе же мотивы повторяются и въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ 1847 и 1848 годовъ, съ которыми оно находится въ тѣсной связи.

7) «*Южное Обозрѣніе*» въ день 26 февраля помѣстило замѣтку А. Каневскаго «Памяти Т. Г. Шевченка», приглашающую читателей во имя «найменьшого брата», обнять котораго молилъ когда то поэтъ своихъ земляковъ, — содѣйствовать широкому развитію «Общества имени Т. Г. Шевченка», имѣющаго цѣлію помогать учащемуся въ столицѣ южно-русскому юношеству.

8) «*Одесскія Новости*» въ тотъ же день въ «Напоминаніи землякамъ о геніальномъ горемыкѣ» А-ра обращаютъ вниманіе на жалкое положеніе средствъ «Общества имени Шевченка» и, приведя фактическую справку объ этомъ положеніи, называютъ его «позорнымъ для насъ», земляковъ поэта.

9) «Одесскій Листокъ» не помѣстилъ такого же напоминанія въ день 26 февраля «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ», но, уже независимо отъ всякаго рода «поминокъ» поэта въ годовщину его смерти, напечаталъ въ № 66 отъ 11 марта обстоятельную статью А. Каневскаго «О положеніи Общества имени Т. Г. Шевченка», въ которой авторъ выражаетъ мысль о томъ, что и городскія, и земскія управленія южной Россіи должны бы принять участіе въ дѣятельности Общества своими единовременными и ежегодными взносами. Такъ какъ и земскія и городскія управленія ассигнуютъ ежегодно извѣстныя пособія учащимся, то «въ интересахъ наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія такихъ пособій» городскія и земскія управленія Юга Россіи должны бы воспользоваться услугами «Общества имени

Т. Г. Шевченка» и своими взносами помочь болѣе широкому развитію его дѣятельности.

10) Изъ столичныхъ газетъ откликнулись только «С.-Петербургскія Вѣдомости», помѣстивъ въ № 55 статьи 1) г. А. Л-цкаго «Т. Г. Шевченко»—объ основныхъ мотивахъ его поэзіи и о вліяніи ея на позднѣйшихъ украинскихъ писателей, и 2) г. Кулябки—«Памяти апостола правды», отмѣчающую стремленіе къ правдѣ, какъ главный мотивъ поэзіи украинскаго Кобзаря.

Шевченковы роковины въ Вѣнѣ. 8 февр. студенты малороссы въ Вѣнѣ устроили вечеръ въ честь незабвеннаго поэта. Публики было очень много; кромѣ украинской колоніи, было много нѣмцевъ, чеховъ, словинцевъ и поляковъ. Вечеръ открылъ рѣчью студентъ Косевичъ. Потомъ слѣдовало концертное отдѣленіе, пѣлъ хоръ подъ управленіемъ В. Лозынскаго. Кульминаціоннымъ пунктомъ концерта было прекрасное исполненіе «Гетьманы», «Мени одноково», «За думою дума» (въ композиціи Лысенка) оперным̆ пѣвцомъ (въ Франкфуртѣ на Майнѣ) Менцинськимъ. Послѣ концерта начался собственно вечеръ, участвовали всѣ бывшіе на концертѣ. Было произнесено много рѣчей. Отмѣтимъ рѣчи Косевича, чеха Главича (говорилъ по-украински), славинца Билиба. Получено было много телеграммъ и письменный привѣтъ отъ русской колоніи въ Вѣнѣ. Вечеръ окончился въ 2 часа ночи. («Руслан», 1902, № 34).

Вечеръ Т. Г. Шевченка въ Екатеринославѣ. Успѣхъ состоявшагося 10 марта въ аудиторіи народныхъ чтеній вечера, посвященнаго памяти Шевченка, превзошолъ самыя смѣлыя ожиданія. Всѣ исполнители, видимо, вложили душу въ желаніи способствовать успѣху вечера. Особенно шумныя оваціи вызвали: «И тутъ, и всюды», «Садокъ вышневый», «И шырокую долыну», «Писня Левка», изъ оперы «Утоплена».

Нумера декламаціи, при прекрасномъ ихъ выборѣ, были исполнены очень хорошо и при томъ вполнѣ оригинально, каждымъ исполнителемъ.

Но, несомнѣнно, залогъ успѣха вечера лежалъ въ хорѣ любителей. Величественная музыка кантаты «Бьють пороги» сразу приподняла настроеніе публики, которое не покидало ее до конца вечера.

Обстановочная сторона вечера не оставляла желать ничего лучшаго. Чудной работы бюстъ пѣвца Украины, подаренный литературно-музыкальной секціи однимъ изъ почитателей поэта, буквально утопалъ въ зелени, расположенной умѣлой рукой. Все остальное убранство бюста, казалось, ясно говорило, что устроители вечера отнеслись къ бюсту поэта, какъ къ живому любимому существу. («Вѣстникъ Юга» № 28).

Полемика о „всеславянахъ". Русскія газеты все еще продолжаютъ интересоваться д-ромъ Вергуномъ. Въ «Одес. Листкѣ» былъ помѣщенъ фельетонъ г. Звѣздича, направленый противъ воинственной политики подобныхъ ему славянскихъ «дѣятелей». Въ 53 № той же газеты г. И. В. Каменскій, сотрудничающій въ издаваемомъ г. Вергуномъ «Славянскомъ Вѣкѣ», выступилъ на защиту этого (по его словамъ) «симпатичнаго, энергичнаго, высокообразованнаго и передового бойца за славянское сближеніе, за славянскую свободу, за равноправный союзъ всѣхъ славянъ въ видѣ федераціи, за идеи Хомякова, Аксакова, Герцена, Костомарова, Шевченка». Охарактеризовавъ этими словами д-ра Вергуна, его защитникъ, между прочимъ, объясняетъ, что изданіе «Славянскаго Вѣка» предпринято имъ съ «троякою» цѣлью: «1) Дать русскому и славянскому читателю *полное, ясное и правдивое представленіе* о культурной жизни всего славянства; 2) итти на встрѣчу желанію юго-западныхъ славянъ ознакомиться съ русскою рѣчью настолько, чтобы русскій языкъ могъ сдѣлаться со временемъ *общимъ* языкомъ для культурныхъ славянъ между собою, и 3) дать австро-венгерскимъ, русскимъ и балканскимъ производителямъ и торговцамъ войти въ непосредственныя сношенія».

Защита г. Каменскаго вызвала въ № 75 той же газеты горячую отповѣдь г. Конощенка. «Не знаю», говоритъ онъ, «насколько достигается д-ромъ Вергуномъ послѣдняя цѣль; что-же касается первыхъ двухъ, то объ этомъ можетъ дать «полное, ясное и правдивое представленіе», во 1-хъ, лекція о «Зарубежной Руси», читанная имъ при довольно исключительныхъ обстоятельствахъ въ Кіевѣ и Москвѣ, и «десять заповѣдей» такъ называемыхъ въ Галичинѣ «староруссовъ», къ партіи которыхъ принадлежитъ д-ръ Вергунъ, этотъ «всеславянскій боецъ». Повторивъ вкратцѣ возраженія противъ тезисовъ лекціи г. Вергуна, высказанныя во многихъ органахъ русской печати, г. Ко-

нощенко переходитъ затѣмъ къ пресловутымъ „заповѣдямъ“ и продолжаетъ такъ: «Изъ „десяти заповѣдей для русскихъ хлоповъ“, напечатанныхъ въ органѣ „староруссовъ“ „Русское Слово“, приведу только двѣ, достаточно рельефно характеризующія „всеславянское“ настроеніе „староруссовъ“ и д-ра Вергуна съ ними:

1) „Будь тѣмъ, чѣмъ сотворилъ тебя Господь, т. е. *русскимъ хлопомъ*, а не якимъ-то *украинцемъ* и т. д., а не будутъ изъ тебе другіи народы смѣятися и будутъ тебе поважати“.

6) Если тебѣ кто скаже, що ты—*украинецъ*, то скажи ему: „ты самъ дурный“.

Такимъ образомъ, для „всеславянъ“ типа д-ра Вергуна тридцатимилліонный украинскій народъ, принадлежность котораго къ славянской расѣ несомнѣнна, только „хлопъ“, только то историческое „быдло“, на хребтѣ котораго созидала свое благополучіе польская шляхта Руси Украинской и Галицкой, а стремленіе къ развитію національнаго самосознанія, проявляющееся теперь во всѣхъ слояхъ украинскаго народа, только признакъ „глупости“. И это говорятъ „симпатичные, энергичные...“ и т. д., борцы „за равноправный союзъ всѣхъ славянъ, за идеи Хомякова, Аксакова, Костомарова, Шевченка!“ Это проповѣдуютъ дѣятели, которые печатаютъ свой „Славянскій Вѣкъ“ на всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ украинскаго,—этого несчастнаго языка „хлоповъ“ и „дурней“, признаннаго, однако, самостоятельнымъ языкомъ свѣтилами славянской филологіи!

Руки прочь, гг. „симпатичные, энергичные...“ и т. д. „всеславянскіе бойцы!“ Не прикрывайте своей, вносящей рознь въ славянскую семью, дѣятельности именами великихъ славянофиловъ, дѣйствительно стремившихся къ свободному, равноправному, культурному единенію *всѣхъ* славянскихъ народовъ! Не ставьте на своемъ знамени именъ Костомарова и Шевченка, любившихъ тотъ украинскій народъ, который вамъ хотѣлось-бы оставить вѣчнымъ „хлопомъ“, и тотъ украинскій языкъ, котораго вы теперь „цураетесь!“ А

„Хто матиръ забуває“,-

сказалъ великій украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко,—

„Того Богъ карае,
Чужи люде цураються,
Въ хату не пускають“.

Присужденіе премій за малорусскія драматическія пьесы въ Галичинѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ постоянную статью расхода, вносимую галицкимъ сеймомъ въ областной бюджетъ, составляетъ премія за лучшія драматическія произведенія на малорусскомъ языкѣ. Послѣдній конкурсъ назначенъ былъ областнымъ управленіемъ въ 1899 г., но вслѣдствіе непредставленія заслуживающихъ преміи произведеній срокъ его былъ продолженъ до конца августа 1901 г. На конкурсъ, къ которому допускаются только рукописныя и притомъ не исполнявшіяся на сценахъ произведенія, было представлено 13 работъ.

4-го марта жюри, состоявшее изъ представителей областнаго управленія, профессоровъ львовскаго университета (Колесса, Студинскій), преподавателей среднихъ школъ и литераторовъ, не нашло возможнымъ присудить высшую премію ни одному изъ представленныхъ произведеній. Вторая премія присуждена за историческую драму «Въ народи» И. М. Стешенку изъ Кіева; третья—за драму изъ народнаго быта «Кара совѣсти» Г. Цеглинскому изъ Перемышля, въ Галиціи, и, наконецъ, четвертая—за комедію «Дзвинъ до церкви склыкае, та самъ у неи не бувае»—Л. А. Яновской изъ Лубенъ (Русскія Вѣдомости, № 76).

Присяга по-малорусски въ Галичинѣ. Вопросъ о произнесеніи малороссами адвокатской присяги на родномъ языкѣ разрѣшенъ, по словамъ «Руслана», въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Формула (малорусская) присяги для адвокатовъ и натаріусовъ уже имѣется въ высшемъ судѣ во Львовѣ. Первымъ присягалъ по малорусски Романъ Бачинскій, назначенный натаріусомъ въ Пидбужѣ. («Русланъ», 1902, ч. 5).

Львовскіе студенты. Судьба студентовъ русиновъ, вынужденныхъ оставить Львовскій университетъ и перейти въ другіе, живо интересуетъ всю Галичину и въ пользу ихъ повсюду собираются пожертвованія. Какъ велика сумма этихъ сборовъ—можно судить по тому, что въ банкъ Товариства взаимного кредиту «Днистеръ» до 28 февр. (нов. ст.) поступило 55,483 кор. (т. е. болѣе 23,000 р.). Для бѣдной Галичины это сумма немалая.

«Галичанинъ» сообщилъ недавно извѣстіе, будто бы русинскіе студенты-богословы, пребывающіе нынѣ въ Вѣнѣ, заявили митрополиту о своемъ желаніи вернуться во Львовъ къ будущему семестру. Нынѣ два студента-богослова Заіончковскій и Яновичъ помѣстили въ «Дѣлѣ» открытое письмо, въ которомъ заявляютъ, что русинская академическая молодежь на собраніи, имѣвшемъ мѣсто въ Вѣнѣ, 6 марта, постановила единогласно въ Львовъ не возвращаться. («С.-Петерб. Вѣдом., № 66»).

Органъ чешскихъ реалистовъ «Čas» помѣстилъ передовицу «Ku přijezdu rusinských studentů». Статья проникнута симпатіями къ малорусскому народу. Авторъ ея говоритъ о старо-русской партіи въ Галиціи и осуждаетъ ее: Москвофилы, по мнѣнію названной газеты, ничтожная группа ретроградовъ, все уменьшающаяся съ теченіемъ времени; среди нихъ нѣтъ ни одного даже «средняго» человѣка. Насколько вредна для народа эта партія, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ Галиціи она (во время своей силы) задержала прогрессъ на десятки лѣтъ, а въ Угорской Руси привела народъ почти на край гибели.

Въ итальянской газатѣ «Jl Giornale D'Italia» (№ 340, 1901 г.) помѣщена статья объ уходѣ русинскихъ студентовъ изъ Львовскаго унив. Статья довольно подробно касается исторіи этого событія и яркими красками рисуетъ оживленіе, вызванное имъ среди галицкихъ малороссовъ.

Юбилей М. К. Заньковецкой. Нѣкоторыя изъ газетъ помѣстили извѣстія, что въ текущемъ году исполняется 25-лѣтіе сценической дѣятельности М. К. Заньковецкой и, какъ сообщаетъ «Одесскій Листокъ», артистка 9 марта получила свыше 300 поздравительныхъ телеграммъ и адресовъ. На самомъ дѣлѣ 25-лѣтіе сценической дѣятельности М. К. Заньковецкой исполнится лишь въ 1907 году, такъ какъ она на сценѣ съ 1882 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Проф. И. П. Филевичъ. *По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей.* Львовъ, 1902. Изданіе «Галицко-русской Матицы» (стр. 59).

Вопросъ, которому посвящена брошюра г. Филевича, имѣетъ за собою, какъ извѣстно, уже довольно почтенную древность. Надъ посильнымъ выясненіемъ его потрудились филологи, историки, антропологи, этнографы и публицисты. Очертивъ перипетіи этого давняго «спора славянъ между собою» до 1890 г., А. Н. Пыпинъ, въ особой главѣ своей «Малорусской этнографіи» (Исторія русской этнографіи. Спб., 1891. Т. III), выразилъ пожеланіе, «чтобы, хотя для сохраненія научнаго достоинства нашей литературы, этому вопросу дано было вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ, и чтобы «споръ между южанами и сѣверянами» кончился на спокойной и свободной научной почвѣ» (стр. 338). Благородное пожеланіе почтеннаго академика, какъ извѣстно, не сбылось. Всѣмъ памятны печальные отзвуки стародавняго спора на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ 1899 г. Читателямъ «Кіевской Старины» извѣстна позиція, занятая въ этомъ спорѣ нашимъ историческимъ журналомъ. Повторять здѣсь высказанное по этому поводу въ статьяхъ г.г. В. Антоновича, А. Крымского, К. Михальчука, В. Науменка и др. нѣтъ нужды уже потому, что г. Филевичъ въ своей брошюрѣ лишь случайно упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ статей и тѣмъ лишилъ себя хорошаго случая высказать свои вѣскія соображенія по вопросу, который, вѣроятно, считаетъ важнымъ, разъ, что призналъ нужнымъ писать о немъ для читателей «Научно-литер. сборника» галицко-русской Матицы.

Глава X «Малорусской этнографіи» г. Пыпина («Споръ между сѣверянами и южанами») потребовала 38 страницъ. Брошюра г. Филевича растянулась на 59 страницъ. Это и понятно,—вѣдь два эти труда раздѣляетъ цѣлое десятилѣтіе, которое не прошло безслѣдно въ ученой и публистической литературѣ. Г. Филевичъ какъ будто стремится подвести итоги ученому и публицистическому разномыслію, указать правильную методу для разрѣшенія вопроса, словомъ, направить галицкихъ своихъ читателей на путь истинный. Какъ же выполнилъ онъ свою задачу и въ чемъ состоитъ то свое, новое, что стремится дать авторъ?

Въ главѣ первой (стр. 1—18) г. Филевичъ въ весьма несвязномъ видѣ излагаетъ литературные факты, отлично сгруппированные г. Пыпинымъ въ помянутомъ выше очеркѣ, но добавляетъ, уже отъ себя, нѣсколько полу-ироническихъ замѣчаній по адресу «украінсько-руського» направленія въ трудахъ галицкихъ ученыхъ, которые-де стремятся изложить исторію «украінсько-руського» народа, какъ совершенно отдѣльнаго цѣлаго, не смущаясь ни «супоречкой» въ лингвистикѣ, ни другими сомнѣніями... Деликатный и изящно-остроумный авторъ нашъ полагаетъ, что въ «украінсько-руськой» литературѣ Галичины теорія двухъ народностей пользуется большою популярностью и что изъ нея «уже сдѣланы всѣ выводы, какіе только возможны». Помилуйте, одни уже ждутъ спеціально «украінсько-руського Богдана», другіе—предвидятъ даже кровавую борьбу въ полномъ смыслѣ слова. Словомъ, теорія двухъ народностей формулирована г. г. Грушевскимъ, Франкомъ и Бачинскимъ съ полною опредѣленностью. «Попытаемся хоть въ общихъ чертахъ оцѣнить ее.»

Этой попыткѣ оцѣнки посвящена глава вторая (стр. 19—30). Указавъ на сложность и трудность проблемы, авторъ съ похвальною осторожностью обѣщаетъ не вдаваться въ подробности лингвистическаго характера и лишь указать въ общихъ чертахъ на ходъ разработки вопроса и главнѣйшіе результаты: «это въ значительной степени поможетъ уяснить сущность занимающаго насъ вопроса». Далѣе снова излагается весьма несвязно и въ туманныхъ отчертаніяхъ о, что находимъ у г. Пыпина въ связномъ видѣ, а именно: упомянуто о трудахъ Срезневскаго, Лавровскаго, П. Житецкаго, Соболевскаго, который «представилъ примѣръ настоящаго академическаго отношенія къ спорнымъ въ наукѣ положеніямъ», тогда какъ другіе (напр., г. Крымскій, возражавшій г. Соболевскому въ «Кіев. Старикѣ») явно не

желаютъ признавать дѣйствительные факты; наконецъ, приводится длинная выдержка изъ статьи г. Шахматова объ образованіи русскихъ нарѣчій и народностей, и уже на основаніи этой статьи, которой г. Филевичъ видимо не понимаетъ, дѣлается блистательный по новизнѣ и глубинѣ выводъ, напечатанный курсивомъ: «Но всѣ эти народности (велико,—мало—и бѣлорусская) представляютъ лишь части одного цѣлаго—русскаго народа». Этотъ блестящій выводъ свой г. Филевичъ снабжаетъ дополнительными ликующими соображеніями, поразительными по страшной путаницѣ понятій и терминовъ. Совершенно запамятовавъ о только что приведенной выдержкѣ изъ весьма осторожной статьи г. Шахматова, нашъ авторъ строитъ такую схему, наивно воображая, что этимъ карточнымъ домикомъ «гораздо яснѣе представляется самая сущность историческаго процесса народной жизни»: *народности* въ этнографическомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ понятіе *нарѣчія;* понятію народа соотвѣтствуетъ «другая фикція—языкъ. Но эти фикціи могутъ осуществиться въ дѣйствительности, какъ результатъ историческаго процесса. Въ такомъ случаѣ механическая совокупность отдѣльныхъ однородныхъ частей—народъ—превращается въ живое культурное цѣлое—*націю, національность,* а наиболѣе яркимъ ея выраженіемъ является *литература* и *литературный языкъ*». Далѣе еще нѣсколько столь же ясныхъ и остроумныхъ соображеній, въ результатѣ коихъ новый выводъ: «Умноженіе этого капитала (т. е. литературнаго языка) составляетъ задачу всѣхъ культурныхъ націй. Рѣзкое исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ сторонники теоріи двухъ русскихъ народностей, стремящіеся къ созданію особаго «украіньско-руського «языка».

Въ этомъ блистательномъ аккордѣ своемъ г. Филевичъ, по свойственному ему обычаю, забылъ только что приведенную имъ выдержку изъ статьи Драгоманова о провансальскомъ и нижнегерманскомъ литературномъ движеніи. Слѣдя за этими логическими прыжками г. Филевича, остается лишь воскликнуть: cur, quomodo, quibus auxiliis?! Какими логическими путями изъ разсужденій о «фикціяхъ» г. Шахматова возникло осужденіе, яко-бы отъ лица «науки» (недаромъ же г. Филевичъ именуетъ себя профессоромъ—не знаю только, какихъ наукъ), литературныхъ стремленій галичанъ? Полагаю, самъ г. Шахматовъ не разгадаетъ этого ребуса.

Такова эта «попытка оцѣнки». Оцѣночная глава оканчивается новымъ обѣщаніемъ: «Посмотримъ, въ заключеніе, какъ представляются

ихъ (т. е. все тѣхъ же зловредныхъ галичанъ) стремленія къ обособленію съ точки зрѣнія господствующихъ въ наукѣ взглядовъ на общій ходъ исторической жизни русскаго народа».

Посмотримъ. Господствующіе въ наукѣ взгляды излагаются въ главѣ III и послѣдней (стр. 31—59). Изложеніе состоитъ въ чрезвычайно несвязныхъ выпискахъ изъ Леонтовича, Градовскаго, Пыпина, Павла Алеппскаго (по Милюкову), Милюкова, Соловьева, Н. Попова (о Татищевѣ), Синопсиса, Брикнера, М. Кояловича, Драгоманова, Чичерина, И. Аксакова, Герье и нѣк. другихъ. Путеуказателемъ нашему автору въ его странствованіяхъ, видимо, служатъ блистательные труды г. Милюкова по русской исторіографіи и исторіи культуры. Но неблагодарный нашъ авторъ, по свойственному ему гибельному стремленію къ самобытности, жестоко перепуталъ стройное изложеніе своего источника, а затѣмъ не преминулъ отблагодарить за науку: г. Милюковъ оказался «археологическимъ остаткомъ», отрѣзавшимъ себя отъ новыхъ направленій русской исторической науки, однимъ изъ «современныхъ представителей дореформенной русской эмиграціи». Cur, quomodo? Дѣло вотъ въ чемъ: «Не даромъ онъ (Милюковъ) скорбѣлъ надъ вліяніемъ крымской войны и польскаго возстанія въ русской жизни. Онъ, очевидно, сохранилъ себя въ полной неприкосновенности отъ этихъ вліяній, и благодаря этому его «Очерки по исторіи русской культуры» и представляютъ строгую Немезиду старой московской исторической школы. Кажется, можно думать по этимъ даннымъ (какимъ?), что пора воздушныхъ витаній миновала. Дѣйствительная жизнь не можетъ больше довольствоваться миражемъ; она требуетъ *живого содержанія.* Это живое содержаніе указываетъ теперь и русская наука, сдѣлавшая, между прочимъ, благодаря крымской войнѣ и польскому возстанію, громадные успѣхи и переставшая быть спеціально московской, или петербургской, или кіевской и проч.[1]), а ставшая дѣйствительно русской исторической наукой?» [2]).

---

[1]) *Примѣчаніе г. Филевича:* „Къ сожалѣнію, именно въ такомъ зачаточномъ видѣ представляется русская исторія новѣйшему представителю старой исторической школы. См. обзоръ русской исторіографіи П. Милюкова въ „Энцикл. словарѣ“, кн. 55.—*Мое примѣчаніе*: Въ указанномъ томѣ Словаря на стр. 444 сказано: „націоналистическіе взгляды К. Н. Бестужева-Рюмина отразились въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ его послѣдователей, напр. И. Филевича“... Только всего. Inde irae.

[2]) *Мое примѣчаніе:* Блистательный плодъ такой дѣйствительно русской науки представляетъ собою трудъ г. Филевича: „Исторія древней

Отлично. Въ чемъ же тутъ секретъ и какое отношеніе весь этотъ вздоръ имѣетъ къ задачѣ брошюры?

Всѣ, изложенныя въ III главѣ запутанныя разсужденія о литературѣ русской XVIII в. (по Пыпину), русскихъ историкахъ (по Милюкову) и зловредномъ археологическомъ остаткѣ— Милюковѣ (уже по Филевичу) направлены къ доказательству того, что истинный путь русской исторической наукѣ указалъ только покойный Бестужевъ—Рюминъ, ибо «монографіи Костомарова представляютъ лишь отдѣльные мазки (sic!) на полотнѣ русской исторіи»: Бестужевъ «впервые изложилъ въ надлежащей мѣрѣ судьбы всѣхъ частей русскаго міра» и пр. Въ этомъ направленіи идетъ монографическая разработка исторіи отдѣльныхъ западно-русскихъ земель; одна и таже идея сказывается одинаково въ Петербургѣ, Вильнѣ (даже въ Вильнѣ!), Варшавѣ, Кіевѣ, Москвѣ, въ дѣятельности лицъ самыхъ различныхъ взглядовъ и направленій. «Въ этомъ именно (въ чемъ же именно?) и сказалась сила и значеніе новѣйшей русской исторической науки». Прекрасно: что же отсюда вытекаетъ и какъ это вяжется съ темой брошюры? А вотъ какъ: «Всѣмъ извѣстно, что это научное движеніе продолжается и въ настоящее время. Не трудно понять, что оно имѣетъ громадное значеніе именно для русскаго націонализма, что оно и расширяетъ, и углубляетъ его содержаніе, обновляя его новыми элементами своей же народности. Объединенная на новыхъ началахъ равноправія и свободы (cur, quomodo, quibus auxiliis?!), русская народность входитъ чрезъ западную Русь въ непосредственное общеніе съ остальнымъ славянствомъ... Вотъ условія развитія русскаго націонализма. И наука (какая?), и жизнь (гдѣ, какъ, почему?) согласно и съ полною опредѣленностью указываетъ его элементы. Только эти силы (какія?), а не подновляемыя археческія теоріи (id est, Милюковъ и К°), непонятныя теперь безъ спеціальнаго изученія, могутъ въ будущемъ опредѣлить взаимодѣйствіе частей русскаго цѣлаго, русскаго народа» (этимъ заканчивается брошюра г. Филевича).

Темно, очень темно!

Руси. Часть 1: Территорія и населеніе". Варшава, 1896. Прискорбную методу этого аллегорическаго произведенія я имѣлъ случай охарактеризовать въ „Кіев. Старинѣ" 1896 г., сентябрь, стр. 79-93. Къ моему сожалѣнію, юный авторъ не внялъ моимъ добрымъ совѣтамъ и въ настоящей брошюрѣ еще пріумножилъ дефекты своей манеры трактовать серьезные вопросы. Oleum et operam perdidi.

Я старался уловить въ брошюрѣ г. Филевича все новое и существенное для уясненія поставленныхъ имъ же вопросовъ о двухъ русскихъ народностяхъ и о значеніи стремленій галицко-русскихъ писателей съ точки зрѣнія господствующихъ въ «наукѣ» взглядовъ. Сознаюсь въ своемъ жестокомъ пораженіи: чуетъ моя душа, что ничего не уловилъ, несмотря на тщательные поиски, кромѣ факта, имѣющаго въ «наукѣ» весьма слабое значеніе: да, вѣрю и вижу воочію, что г. Филевичъ очень не любитъ г. Милюкова, но почему—это тайна, которую, вѣроятно, г. Филевичъ раскроетъ въ одномъ изъ будущихъ своихъ экскурсовъ въ область исторіографіи. Въ общемъ остается сказать, что г. Филевичъ по прежнему склоненъ стоять на пьедесталѣ верховнаго судіи и пророка, но его сужденія и пророчества не отличаются проницательностью: онъ склоненъ вѣщать отъ лица неизвѣстныхъ еще міру наукъ, но вѣщанія его втунѣ; улавливать чужія ошибки, но всегда неудачно; онъ любитъ давать непрошенные совѣты, выражать сожалѣнія, неудовольствія и порицанія, заподазривать чужое безпристрастіе и научную добросовѣстность—черта весьма непохвальная; онъ очень строгъ къ другимъ—но не къ себѣ; вообще, онъ хлопочетъ какъ истая кумушка, собирая свои крупицы отовсюду понемножку, и волнуется безмѣрно—но для чего вся эта сумятица и треволненія, и набаты, и скрежеты, и дѣланный паѳосъ—изъ брошюры не видно: это тайна. Написанный въ заголовкѣ брошюры вопросъ требуетъ большой научной подготовки даже для того, чтобы толково поставить его предъ читателемъ. Брошюра представляетъ собою покушеніе освѣтить вопросъ въ извѣстномъ направленіи, но это въ полномъ смыслѣ слова покушеніе съ негодными средствами. Не только освѣтить вопросъ, но даже подойти къ нему—нашему автору никакъ не удается: онъ все ходитъ вокругъ да около; онъ, какъ чепурушечка въ бѣло-русской пѣснѣ, «трется да мнется, думаетъ такъ обойдется». Но я не теряю надежды, что въ будущихъ своихъ покушеніяхъ г. Филевичъ наконецъ схватитъ быка за рога.

Н. М.

„Памятная книжка Волынской губерніи на 1902 годъ" *Изданіе Волынскаго Губернскаго Статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей секретаря комитета И. И. Леонтьева. Житоміръ. 1901 г. Цѣна не обозначена* [1]).

Когда у секретаря какого-то статистическаго комитета спросили: «Зачѣмъ вы издаете памятныя книжки, переполненныя всевозможными справочными свѣдѣніями и не представляющія никакой статистической разработки собираемыхъ вашимъ комитетомъ данныхъ?»—то онъ совершенно резонно отвѣтилъ: «А чѣмъ же намъ иначе прикажете жить?—Вѣдь это главнѣйшій источникъ нашего существованія, наша главная доходная статья! Публика же нуждается въ такихъ справочныхъ книжкахъ и покупаетъ ихъ охотно, а собрать намъ всякаго рода справочный матеріалъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому»...—«Зачѣмъ же спросили тогда секретаря—вы всегда наполняете часть своихъ памятныхъ книжекъ еще и разными сырыми матеріалами по статистикѣ въ видѣ цѣлой серіи никому ненужныхъ и никѣмъ не читаемыхъ вѣдомостей о числѣ зданій, выданныхъ торговыхъ документовъ, церквей, жителей, насильственныхъ смертяхъ и устройствѣ пожарной части?»—«А затѣмъ»—былъ простой отвѣтъ—«что комитету статистическому было бы неудобно издавать книжки, не имѣющія абсолютно ничего статистическаго, никакой, такъ сказать, статистической окраски. Мы и сами хорошо понимаемъ, что никому этотъ балластъ не нуженъ, но совсѣмъ безъ него намъ такъ же нельзя, какъ кораблю выйти безъ балласта въ море»!

Вѣроятно, руководствуясь приблизительно такими же соображеніями, снабжена статистическими матеріалами и вышеназванная книжка, перепечатавшая изъ примѣчаній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ вѣдомости о числѣ арестантовъ, «о случайныхъ смертяхъ», о числѣ и родѣ преступленій, разбираемыхъ въ окружныхъ судахъ, о количествѣ головъ разнаго скота въ итогахъ по цѣлымъ уѣздамъ и т. п. Кому онѣ могутъ понадобиться—дѣйствительно трудно себѣ представить. Но за то въ справочномъ и календарномъ отдѣлахъ, снабженныхъ дѣйствительно разнообразными справочными свѣдѣніями, начиная отъ перечня улицъ г. Житомира и подробнѣйшихъ свѣдѣній объ урядническихъ

[1]) Въ Кіевѣ въ разныхъ магазинахъ продается по различнымъ цѣнамъ: у г. Оглоблина по 1 р. 35 к., у г. Іогансона по 1 р. 20 к.

участкахъ съ адресами гг. урядниковъ и кончая указателемъ свода законовъ, помѣщено многое множество свѣдѣній, необходимыхъ въ текущемъ жизненномъ обиходѣ. Памятная книжка дополняется, кромѣ того, многими объявленіями разныхъ фирмъ, что отчасти увеличиваетъ справочный интересъ книги, а главное—доказываетъ, что такія книги имѣютъ ходъ, такъ какъ иначе торговыя фирмы не стали бы тратиться на объявленія въ нихъ.

Между помѣщенными въ цитируемомъ изданіи справочными свѣдѣніями обращаетъ на себя вниманіе отдѣлъ землевладѣнія, содержащій нѣкоторыя довольно интересныя данныя, съ которыми мы и хотѣли бы познакомить читателя. Правда, онъ, по всей вѣроятности, не отличается особой точностью, потому что общая цыфра земли въ губерніи по Стрѣльбицкому (6575625 десят.), приведенная на стр. 3 «отдѣла III», не совпадаетъ, напр., съ общимъ итогомъ на стр. 11 «отдѣла IV» (6263029 дес.), но всетаки данныя эти до нѣкоторой степени характеризуютъ состояніе землевладѣнія въ губерніи въ настоящее время.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что дворянское землевладѣніе (русское и польское), занимая первое мѣсто по количеству принадлежащихъ этому сословію земель, составляетъ 41% общаго количества удобныхъ земель въ губерніи, крестьянское (и надѣлы и купленныя земли) распространяется на 40% общаго количества ихъ, остальныхъ сословій—12%, казны и городовъ 7%.

Данныя о распредѣленіи частнаго землевладѣнія (безъ крестьянскихъ надѣловъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что средній размѣръ частнаго землевладѣнія въ губерніи составляетъ 250 дес. (на 13331 частнаго владѣльца приходится всего 3308891 дес.). Наибольшее количество земель частнаго владѣнія губерніи сосредоточено въ рукахъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ: у лицъ, имѣющихъ свыше 10.000 дес. (въ среднемъ 21.000 дес. на одного), сосредоточено 26,1% общаго количества частновладѣльческихъ земель, тогда какъ сами эти лица составляютъ только 0,3% общаго числа частныхъ владѣльцевъ губерніи. Лица, имѣющія *вообще отъ 1000* и болѣе дес. земли, составляя только 4,6% общаго числа частныхъ владѣльцевъ, имѣютъ въ своихъ рукахъ 69,5% всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ губерніи.

Обращаясь къ сравнительно болѣе мелкимъ размѣрамъ владѣнія, мы видимъ наоборотъ, что группа самаго мелкаго владѣнія—не свыше 25 дес. на владѣльца—составляетъ 57% всѣхъ владѣльцевъ губерніи,

а имѣющееся въ ея рукахъ количество земли едва достигаетъ 2,3$^0/_0$ всей частновладѣльческой земли въ губерніи. Второе мѣсто по числу владѣльцевъ (16$^0/_0$) принадлежитъ группѣ ихъ съ количествомъ земли отъ 25—60 дес. и у нихъ въ рукахъ сосредоточивается тоже около 2,3$^0/_0$ земель личнаго владѣнія; третье мѣсто по численности занимаютъ владѣльцы съ 60—200 дес. (11,5$^0/_0$), у которыхъ сосредоточено 5,4$^0/_0$ частновладѣльческихъ земель. Если всѣ эти цыфры расположить въ одной табличкѣ, то сразу же бросится въ глаза быстрое пониженіе процента владѣльцевъ сообразно увеличенію размѣровъ землевладѣнія и наоборотъ:

	$^0/_0$ къ общему числу въ губерніи:			
Размѣры землевладѣнія:	владѣльцевъ:		десятинъ земли у нихъ:	
до 25 дес.	57		2,3	
25—60 «	16		2,4	
60—200 «	11,5	95,4	5,4	30, 5
200—500 «	6,8		8,9	
500—1000 «	4,1		11,5	
1000—2000 «	2,6		14,4	
2000—5000 «	1,3	4,6	16,2	69,5
5000—10000 «	0,4		12,8	
болѣе 10000 «	0,3		26,1	
Итого . . .	100,0		100,0	

Изъ приведенныхъ въ книгѣ цыфръ видно, что громадное большинство мелкихъ земельныхъ владѣній сосредоточивается въ рукахъ лицъ православнаго исповѣданія, владѣнія средняго размѣра (отъ 200—2000 дес.) почти равномѣрно распредѣляются среди лицъ православнаго и католическаго исповѣданія, а въ крупномъ землевладѣніи нѣкоторое преобладаніе лежитъ на сторонѣ лицъ католическаго исповѣданія. Но распредѣленіе землевладѣнія по исповѣданіямъ интересно преимущественно съ политической точки зрѣнія. Было бы много полезнѣе и интереснѣе, если бы, помимо этого, Памятная книжка привела данныя о распредѣленіи владѣній разныхъ величинъ (хотя бы по тѣмъ же размѣрамъ владѣнія) по сословіямъ, а кромѣ того пополнила бы ихъ еще и свѣдѣніями о такомъ же распредѣленіи за прежніе или хотя бы за какой-либо одинъ изъ прежнихъ (наиболѣе отдаленныхъ) годовъ. Тогда бы можно было составить

нѣкоторое понятіе и о движеніи землевладѣнія въ губерніи: мельчаетъ оно, или крупнѣетъ, или же сосредоточивается въ группахъ средняго владѣнія, и какія сословія теряютъ землю, какія—наоборотъ—увеличиваютъ свои владѣнія? Въ той же книжкѣ, напр., указано, что за 1900 г. при помощи крестьянскаго банка крестьяне пріобрѣли 14498 д. земли; но они вѣдь пользовались этою помощью и въ прежніе годы. Вотъ и интересно было бы между прочимъ узнать, отъ какого сословія они по преимуществу пріобрѣли эти земли и не пополняло ли, можетъ быть, это сословіе сдѣланныя отчужденія пріобрѣтеніемъ на вырученныя деньги новыхъ земель—и т. д. и т. д.

Въ той же Памятной книжкѣ приведена интересная таблица арендныхъ и продажныхъ цѣнъ даннаго времени по уѣздамъ губерніи. При томъ сильномъ ростѣ цѣнъ, который замѣчается въ послѣдніе годы, помѣщеніе этихъ свѣдѣній несомнѣнно могло бы имѣть даже нѣкоторое практическое значеніе, если бы только свѣдѣнія эти не составлены были почему-то «примѣнительно къ оцѣнкѣ Крестьянскаго Поземельнаго Банка» [1]). Изъ названной таблицы видно, что въ уѣздахъ губерніи были въ послѣднее время слѣдующія среднія и крайнія (отъ— и до) цѣны, въ зависимости отъ качества арендуемыхъ и продаваемыхъ земель, параллельно которымъ мы (цыфрами поставленными въ скобкахъ) приведемъ свои данныя о цѣнахъ, по коимъ фактически продавались и сдавались въ долгосрочную аренду въ послѣдніе 3 года (съ 1899 г. включительно) земли въ этихъ уѣздахъ (отъ—и до):

	Арендныя цѣны въ рубляхъ:	Продажныя цѣны въ рубляхъ:
Житомирскій уѣздъ	2-5-8 (4-8,5-11)	40-90-200 (50-120-360)
Заславскій «	2-5,5-10 (5-10-12)	40-100-160 (50-100-130)
Кременецкій «	3-5-7$^1/_2$ (4,5-9-12)	50-85-120 (90-140-200)
Ковельскій «	0,5-2,5-4 (2,4-4,8-8)	15-35-60 (20-80-160)
Ровенскій «	1-3,7-8 (3-7,7-10)	15-45-150 (20-74-190)
Острожскій «	3-5-7 (3-10-12)	50-85-140 (90-150-200)
Овручскій «	0,2-2,5-6 (1,7-5,6-8)	6-35-90 (30-75-125)

[1]) Собственно говоря, трудно даже понять, что значитъ: „примѣнительно" къ какой „оцѣнкѣ" (не вѣрнѣе ли: оцѣнкамъ?) Крестьянскаго банка и когда имѣла мѣсто эта „оцѣнка"... арендныхъ и продажныхъ цѣнъ?

Вл.-Волынскій	«	2-4,5-7 (2-5-7,3)	20-67-120 (25-100-160)
Луцкій	«	1,5-4,5-7 (2,5-8-10)	15-70-130 (25-120-180)
Новг.-Волынск.	«	2-4,5-8 (3-7,4-11)	30-65-160 (50-130-200)
Дубенскій	«	1,5-3,5-7 (5-8-10,5)	20-55-130 (30-115-160)
Ст--Констант.	«	5-6-9 (6,5-9,5-13)	90-95-150 (110-150-215)

Изъ сравненія цыфръ Памятной книжки съ приведенными нами (повторяемъ, по извѣстнымъ намъ конкректнымъ случаямъ продажъ и арендъ съ 1899—1902 г. вкл.) видно, чтс первыя замѣтно ниже и слѣдовательно не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ значительно возросшимъ цѣнамъ на земли. Если приведенныя въ Пам. книжкѣ продажныя цѣны дѣйствительно соотвѣтствуютъ «оцѣнкамъ» Банка, то такая разница является вполнѣ понятною, такъ какъ банки въ своихъ оцѣнкахъ, въ силу естественной осторожности, никогда не идутъ въ курсѣ современнаго роста цѣнъ, производя оцѣнки обыкновенно съ нѣкоторымъ противъ нихъ пониженіемъ, Слѣдовательно, оцѣнки банковъ не могутъ служить правильными показателями цѣнъ каждаго даннаго момента.

Въ разсматриваемой книгѣ имѣется еще «литературный отдѣлъ», включающій въ себѣ два очерка. Первый представляетъ «эпизодъ изъ исторіи Волыни въ XVII вѣкѣ», составленный О. А. Фотинскимъ и имѣющій своимъ содержаніемъ біографію Юрія Немирича, современника Богдана Хмельницкаго и Выговскаго. Второй, принадлежащій перу г. Бордычевскаго, трактуетъ о положеніи пчеловодства на Волыни и его нуждахъ и настаиваетъ на необходимости принятія мѣръ къ болѣе правильной постановкѣ пчеловоднаго дѣла въ народной средѣ.

На сколько авторъ преданъ дѣлу и высокаго мнѣнія о пользѣ пчеловодства, можно судить по интересному разсчету (стр. 48—49) доходовъ отъ пчеловодства, сильно напоминающему извѣстный всѣмъ читающимъ хрестоматіи разсчетъ мужика, мечтавшаго разбогатѣть при видѣ лежавшаго въ полѣ зайца, котораго онъ собрался поймать.

Л. С. Л.

Родословная книга Черниговскаго дворянства *Изд. графа Г. А. Милорадовича. 2 т. Спб. 1901, 8⁰.*

Въ послѣднее двадцатилѣтіе появилось нѣсколько большихъ русскихъ родословныхъ сборниковъ, указывающихъ, что въ русскомъ образованномъ обществѣ проявился замѣтный интересъ къ генеологіи дворянства. Чѣмъ вызванъ этотъ интересъ—опредѣлить довольно трудно; быть можетъ, одною изъ его причинъ было желаніе ближе познакомиться съ исторіей того сословія, у котораго «дворянское названіе», по словамъ закона (т. IX, ст. 15), «есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное».

Несомнѣнно, что эта цѣль руководила Черниговскимъ дворянствомъ, когда оно поручило своему бывшему предводителю гр. Г. А. Милорадовичу напечатать полную свою родословную книгу. Теперь порученіе это исполнено, и предъ нами два солидные тома этой книги, въ которой помѣщены родословія всего того Черниговскаго дворянства, которое озаботилось представленіемъ о себѣ свѣдѣній въ свое дворянское депутатское собраніе.

По закону (ст. 958) «въ каждой губерніи, на память будущимъ родамъ, составляется дворянская родословная книга, въ коей вписывается дворянство той губерніи, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду тѣмъ наипаче пособіе продолжать свое достоинство и названіе наслѣдственно, въ поколѣніе, непрерывно, непоколебимо и невредимо, отъ отца къ сыну, внуку, правнуку и законному, пока Богу угодно продлить имъ, наслѣдію».—Дворянская родословная книга по закону дѣлится на шесть частей: І-я часть заключаетъ въ себѣ дворянство пожалованное или дѣйствительное; ІІ-я—дворянство военное (пріобрѣтенное чиномъ военной службы); ІІІ-я—дворянство бюрократическое, пріобрѣтенное чиномъ гражданской службы или пожалованіемъ ордена; IV-я—иностранные дворянскіе роды; V-я—титулами означенные роды, и VI-я—древніе благородные роды. Здѣсь требуютъ поясненія части первая и шестая. Въ первую вносятся, кромѣ дворянства жалованнаго, роды тѣхъ лицъ, которые доказали документально свое дворянское происхожденіе, при томъ если дворянское состояніе пріобрѣтено менѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до 1785 г., т. е. до изданія дворянской грамоты. Въ шестую часть вносятся роды, дворянское

достоинство которыми прiобрѣтено не менѣе, какъ за сто лѣтъ до 1785 г. Содержанiе остальныхъ частей опредѣляется выше сдѣланнымъ указанiемъ.

Изданная гр. Милорадовичемъ «родословная книга» интересна прежде всего, какъ матерiалъ для исторiи малороссiйскаго дворянства. Извѣстно, что роды этого дворянства произошли отъ козачьей старшины, выдѣлившейся изъ народа въ теченiе XVII и XVIII в.в. [1]). Рóды, внесенные въ первую и шестую книги, мѣстнаго происхожденiя, должны это положенiе подтвердить.

Дѣйствительно, большинство родовъ, внесенныхъ въ I-ю часть, происходитъ отъ лицъ, занимавшихъ тѣ или другiе козачьи уряды. Напр.: *Борисенки* происходятъ отъ хоружого выбельской сотни; *Бурые*—отъ значковаго товарища; *Бутовичи*—отъ войскового товарища: *Бѣлопольскiе*—отъ полков. есаула; *Власенки*—отъ сотеннаго писаря: *Голяховскiе*—отъ писаря генер. суда и т. д., и т. д. Такимъ образомъ перечисленные роды несомнѣнно указываютъ на свое недавнее дворянство. Здѣсь видно, что тѣ или другiя лица, доказывавшiя свое дворянство, представляли разные «патенты» и другiя свидѣтельства о *чинахъ* своихъ предковъ, при чемъ эти патенты и служили для герольдiи доказательствомъ дворянства. Но здѣсь же, въ той же I-й ч. встрѣчается нѣсколько родовъ, называющихъ своими родоначальниками «польскихъ шляхтичей» или просто «шляхтичей». Часть изъ нихъ (напр., Добровольскiе, Запольскiе. Зѣневичи и проч.) переписались въ черниговскiе дворяне изъ бѣлорусскихъ и сѣверозападныхъ губернiй, а другiе—на это происхожденiе изъ чужихъ мѣстъ не указываютъ (Кириленки, Коробки, Нѣговскiе) и заставляютъ думать, что ихъ «шляхетство» явилось не изъ «патентовъ» и другихъ документовъ. *Коробки*, напр., указывая свое происхожденiе отъ «малороссiйскаго шляхтича» Iеремiи К. и представляя универсалъ Мазепы 1690 г. на мельницу, данную этому Iеремiи, не представляютъ никакихъ основанiй къ заключенiю, что «шляхетство» Iеремiи К. было юридическое, а не произвольно написанное потомками. Слѣдуетъ думать, что въ универсалѣ Мазепы Iеремiя К. значился тѣмъ же войсковымъ товарищемъ или другимъ подобнымъ чиномъ.

---

[1]) См. монографiю Д. П. Миллера—*Превращенiе козацкой старшины въ дворянство* (Кiевъ, 1897) и наши *Замѣчанiя* на эту монографiю (Харьковъ, 1899).

Во всякомъ случаѣ первая часть «Р. Кн.» для исторіи важна тѣмъ, что она служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ недавняго происхожденія значительной части малорусскаго дворянства и притомъ путемъ пріобрѣтенія такихъ малыхъ чиновъ, какъ войсковой товарищъ, сотенный атаманъ и проч. Въ I-ю же часть «Р. Кн.» внесено нѣсколько родовъ, происходящихъ отъ священниковъ (Корсакевичи, Кушакевичи, Огинскіе, Проценки, Могилевскіе, Стеблины и др.). Потомки ихъ доказывали дворянство тѣмъ, что родоначальники ихъ владѣли *населенными имѣніями.* Въ старой Малороссіи нерѣдки были пожалованія бѣлаго духовенства «маетностями», т. е. селами [1]). Но потомки только что названныхъ родовъ указываютъ на такія «населенныя крестьянами имѣнія», которыхъ въ тогдашнихъ оффиціальныхъ описаніяхъ селъ не находимъ. Такъ родъ Русобтовскихъ—Могилянскихъ признанъ въ дворянствѣ потому, что родоначальникъ его Василій Р.-М. «съ 1764 по 1782 г. владѣлъ населеннымъ крестьянами имѣніемъ въ с. Обтовѣ, Кролевецкаго уѣзда». Но обращаясь къ подробному описанію этого села, сдѣланному въ 1781 г. наряду съ другими, по распоряженію Румянцова, видимъ, что *никакихъ крестьянъ Могилянскихъ или Русобтовскихъ здѣсь не было,* а были только крестьяне, исключительно принадлежавшіе двумъ Забѣламъ, Николаю и Андрею [2]). Такое же точно возбуждаетъ недоразумѣніе и свѣдѣніе о владѣніи населеннымъ имѣніемъ родоначальника Кушакевичей, священника Федора К., о которомъ въ «Р. Кн.» говорится, что онъ «съ 1739 г. владѣлъ населеннымъ имѣніемъ въ с. Прохорахъ, Борзенскаго уѣзда, которое по смерти его перешло къ сыновьямъ его Якову и Степану К., затѣмъ и къ потомкамъ послѣдняго; на этомъ основаніи родъ К-чей и признанъ правит. сенатомъ въ дворянствѣ со внесеніемъ въ первую часть родословной книги». Обращаясь къ точному указанію о томъ, кто владѣлъ крестьянами въ с. Прохорахъ въ 1781 г. [3]), видимъ, что владѣльцами тутъ были: Григоровичи—6 двор. крест. и Виридарскіе—

---

[1]) Напр., прилуцк. село Березовка отдано было въ 1716 г. Скоропадскимъ прилуцкому протопопу Трифоновскому. См. Опис. Стар. Малор., III, 344. Такихъ примѣровъ не мало.

[2]) См. Опис. Стар. Малор., II, 323.

[3]) Въ Опис. Черниг. намѣстн., Пащенка, которое сдѣлано по распоряженію того-же Румянцова и притомъ съ замѣчательною точностью. См. Опис. Стар. Малороссіи, I, предисловіе, стр. X.

1 дворъ, да было еще подсосѣдковъ 5 двор., принадлежавшихъ «разночинцамъ», безъ обозначенія ихъ фамилій. Только въ числѣ этихъ разночинцевъ и могли быть, слѣдовательно, священники Кушакевичи. Значитъ, только въ числѣ этихъ пяти подсосѣдческихъ дворовъ и могло заключаться то «населенное крестьянское имѣніе», о которомъ говоритъ родословіе К-чей... Къ этому можно добавить, что такими «населенными имѣніями», какія представляли собою жившіе въ чужихъ хатахъ подсосѣдки, могли владѣть *всѣ*: козаки, крестьяне, мѣщане... Для этого нужно было только имѣть кусокъ усадебной земли, а на ней хату, а въ хатѣ—подсосѣдка, т. е. какого-нибудь бѣдняка, который изъ нужды селился въ чужой избѣ, за что платилъ хозяину послѣдней личною своею работою или, какъ говорилось тогда, «послухалъ» хозяину.

Обращаемся къ VI-й части, въ которой записаны «древніе» роды. Называемъ изъ нихъ нѣсколько, несомнѣнно малорусскаго происхожденія: Александровичи, Бакуринскіе, Бородухи, Борозды, Галаганы, Гамалѣи, Лашкевичи, Миклашевскіе, Полетики, Рубцы, Сахновскіе, Шафонскіе, Шишкевичи...

Изъ перечисленныхъ фамилій Бакуринскіе, Борозды, Гамалѣи, Миклашевскіе и Рубцы несомнѣнно были уже извѣстны во второй полов. XVII в., занимая тѣ или другіе уряды въ такъ называвшемся «Войскѣ запорожскомъ». При этомъ въ Бороздахъ и Рубцахъ слѣдуетъ видѣть, повидимому, единственныхъ въ Малороссіи представителей древнерусскаго боярства [1]). И тѣхъ и другихъ засталъ въ Стародуб-

[1]) Очень вѣроятно, что остались на мѣстѣ потомки и другихъ боярскихъ родовъ, но они, обѣднѣвъ, затерялись въ массѣ. Вотъ примѣръ Въ числѣ „доказательствъ дворянства“, поданныхъ въ Н.-Сѣверское двор. депут. собраніе, послѣ изданія дворянской грамоты 1785 г., священникъ с. Ксензовки (Кролевецк. у.) Осипъ Кнышъ разсказалъ любопытную исторію своего рода, въ оффиціальномъ изложеніи которой читаемъ: „сей родъ благородное свое происхожденіе имѣетъ отъ россійского боярского рода, съ коихъ боярскому сыну Невструю Васильевичу Книшку, владѣвшему въ Стародубскомъ уѣздѣ деревнями Селищемъ, да пустыми Болотовичами съ угодіи, во время бывшого полского короля Жигмунда третьяго съ Россиею войнѣ подъ полское владѣніе подшедшему, отъ помянутого короля Жигмунда 1625 года жалована привилегія спокойному и потомственному оними добрами владѣнію. Сынъ же его, а вышеписанного Иосифа прадѣдъ Козма, *служивши первие на Запорожу*, а потомъ въ полку Нѣжинскомъ козакомъ, названъ Кнышомъ, каковою фамилиею произшедшіе отъ него потомки были: Степанъ Козминъ въ селѣ Меннѣ священникомъ, а Стефановы сыны Федоръ также священникомъ, оставивши по себѣ оного Иосифа, а дру-

щинѣ Деулинскій договоръ (1619 г.), причемъ, когда поляки потребовали отъ нихъ актовъ на ихъ громадныя земельныя имѣнія, то Бороздны и Рубцы представили всѣ «права и грамоты», отъ великихъ князей русскихъ имъ данныя.—Другіе роды позднѣйшаго происхожденія—«отъ корней» изъ круга козацкой старшины. При этомъ, при чтеніи ихъ исторіи, какъ она показана въ «Р. Кн.», встрѣчаются недоразумѣнія, которыя не поддаются разъясненію, если только нѣтъ ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, въ приводимыхъ фактахъ. Беремъ *Александровичей*. Извѣстнымъ ихъ родоначальникомъ здѣсь показанъ Иванъ Максимовичъ, бунч. товар., у котораго былъ сынъ Иванъ, прилуцкій полков. писарь. О происхожденіи А-чей въ «Р. Кн.» говорится, что фамилія ихъ ведетъ начало «отъ польскаго шляхетства; предокъ рода этого былъ ремментаремъ (?) въ Кіевѣ и имѣлъ сына Александра, потомки котораго, именуясь А-чами, служили россійскому престолу въ разныхъ малороссійскихъ чинахъ и владѣли имѣніями. *Происшедшій изъ этого рода* Ив. Макс. А-чъ также служилъ въ малороссійскомъ войскѣ и 16 декабря 1776 г. пожалованъ населеннымъ имѣніемъ въ с. Березовкѣ (слѣдуетъ—Бережовкѣ) [1]. прилуцкаго уѣзда». Свѣдѣнія эти основаны, повидимому, *на одномъ семейномъ преданіи*, такъ какъ изъ документальныхъ данныхъ объ А-чахъ извѣстно только, что *полковой писарь* Иванъ А-чъ показанъ въ спискѣ канцеляристовъ генер. к-ріи 1739 г.—сыномъ кіевскаго бурмистра; что этотъ полков. писарь былъ именно тѣмъ лицомъ, о которомъ говорится въ Р. Кн., это доказывается указаніемъ на пожалованіе его, въ 1776 г., с. Бережовкою. Никакихъ другихъ свѣдѣній о предкахъ полк. писаря Ивана А-ча въ дѣлѣ о дворянствѣ [2]) его предковъ не имѣется, такъ что и

гій Иванъ Книшъ, отправлявшій военную службу, сплодивъ одного жъ сына Романа, отъ которого рождены три сыны: Федоръ, Дмитрій и Михайло Книши". (*Родосл. Книга дворянства Новг.-Сѣверскаго Намѣстничества, 1788 г. рукопись*). Не сомнѣваемся, что никакого преднамѣреннаго *сочиненія* въ этой исторіи нѣтъ и что она основана на семейномъ преданіи, зерно котораго—о боярскомъ сынѣ Невструѣ Васильевичѣ Книшкѣ—тѣмъ достовѣрнѣе, что въ исторіи Стародубскаго села Невструева сохранилась память о его владѣльцѣ перв. полов. XVII в Степанѣ Невструѣ. (Опис. Стар. Малорос., I, 145) Упоминаемаго Кнышами с. Пустыхъ Болотовичъ теперь не существуетъ, если только это названіе не переиначено въ преданіи.

[1]) Хотя въ прилуцкомъ уѣздѣ и есть с Березовка, но она принадлежала Трифановскимъ, а б. полков. писарю Александровичу въ 1776 г. была пожалована *Бережовка*. См. Опис. Стар. Малорос., III, 314.

[2]) См. Опис. Стар. Малор , III, 61. Повидимому, полк. писарь Иванъ А-чъ былъ близкимъ свойственникомъ прилуцкаго полковника Игн. Га-

объ указанномъ въ Р. Кн. бунч. тов. Иванѣ Максимовичѣ А-чѣ никакихъ документальныхъ свѣдѣній тоже нѣтъ.—Такимъ образомъ изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, что объ А-чахъ *раньше 30-хъ годовъ XVIII в. ничего документально неизвѣстно.*

Бородухи. Въ «Р. Кн.» говорится, что предокъ ихъ, Федоръ Лаврентьевичъ Б-ха», подкоморій полка (?) Черниговскаго, по привилегіи польск. короля Сигизмунда III, 2 іюля, 1589 г., возведенъ въ шляхетское достоинство и что сынъ его Максимъ былъ сотникомъ Синявскимъ. Въ имѣющейся у насъ рукописной родословной книгѣ дворянства Н.-Сѣверскаго намѣстничества 1788 г., Иванъ Севастьяновичъ Б-ха (по «Р. Кн.» № 4) показалъ, что онъ родился въ 1746 г. и происходитъ отъ *прадѣда* Федора, служившаго въ Черниговскомъ *повѣтѣ* подкоморіемъ, и отъ дѣда, наказного сотника Максима Б-хи. Эти свѣдѣнія вѣрнѣе свѣдѣній «Р. Кн.» уже и тѣмъ, что въ 1589 г. никакого Черниговскаго полка не было причемъ не могло быть въ это время здѣсь и *подкоморіевъ*, такъ какъ въ к. XVI в. Черниговъ принадлежалъ къ Московскому Государству. А если *дѣдъ* Ивана Севастьяновича Б-хи (наказный сотникъ) жилъ въ к. XVII в., то, разумѣется, отецъ этого дѣда Федоръ въ 1589 г. (т. е. *за сто лѣтъ* передъ тѣмъ) едва ли могъ получать какія либо привилегіи... Слѣдуетъ думать, что потомки Федора Б-хи *отодвинули его къ слишкомъ раннему времени,* прибавивъ при этомъ и какую-то «превиллегію»...

Галаганы явились на сценѣ общественной дѣятельности никакъ не раньше нач. XVIII в., какъ это видно и изъ «Р. Кн.», поэтому непонятно, откуда же могло явиться здѣсь требуемое для VI-й части *столѣтіе.*

Лашкевичи ведутъ свой родъ, какъ видно изъ «Р. Кн.», отъ «польскаго шляхтича Ивана Лашка», жившаго въ неизвѣстное время. Изъ документовъ же Л-чей оказывается, что первымъ извѣстнымъ ихъ предкомъ былъ Стародубскій мѣщанинъ Семенъ Тихоновичъ Дорогинецъ или Тищенко, усиленно добивавшійся въ нач. XVIII в. стародубскаго войтовства [1]). Только сынъ этого Дорогинца, Иванъ, попалъ

лагана, который былъ женатъ, по семейному преданію, на вдовѣ кіевскаго сотника (*не бурмистра ли?*) Александровича. (Т. III , 47). Очень можетъ быть, что полк пис. Иванъ А-чъ былъ ея сыномъ отъ перваго брака. Во всякомъ случаѣ Ив. А—ча вывели въ люди Галаганы, по предстательству которыхъ онъ изъ Глуховскихъ канцеляристовъ попалъ прямо въ полковые писари.

[1]) Опис. Стар. Малор., I, 119, 126.

въ козацкую старшину, разбогатѣвъ по женитьбѣ на внукѣ полков. обознаго Журмана. Завладѣвъ при этомъ принадлежавшимъ Журманамъ с. Задубеньемъ, Иванъ Семеновичъ сталъ писаться Лашкевичемъ Рубцовымъ [1]). Умеръ Иванъ Л-чъ бунч. товарищемъ. Такимъ образомъ изъ Л-чей первый получилъ право на «шляхетство»—Иванъ Семеновичъ, онъ же и первый Лашкевичъ (р. 1693+1765). Не продолжаемъ подобныхъ указаній, полагая, что и приведенныхъ данныхъ достаточно для того, чтобы не всѣ свѣдѣнія, приводимыя «Р. Кн.» можно было считать за непреложные факты.

Относительно II и III частей «Р. Кн.» можно замѣтить, что большинство помѣщенныхъ здѣсь родословій состоитъ изъ *одного лица*: родословія этихъ двухъ частей большею частью составлены только на основаніи заявленія того или другого лица, получившаго чинъ или орденъ, дающіе право на дворянство. Дѣти этихъ лицъ большею частью не заявляли о себѣ,—конечно, по отсутствію въ томъ практической надобности,—и въ родословіяхъ значатся лишь одни „отцы".

Отъ подачи заявленій—объ утвержденіи въ дворянствѣ—въ разное время ближайшихъ родичей въ „Р. Кн." являются такіе странности, что родные братья показываются лицами разныхъ „вѣтвей". Напр., послѣ Як. Вас. Калиты, получившаго дворянство въ 1886 г., по ордену св. Владиміра, показывается *другою* „вѣтвью" *родной его братъ* Ник. Вас. Калита, получившій дворянство въ 1882 г., по тому же ордену св. Владиміра. То же самое видимъ и относительно двухъ родныхъ братьевъ Богаевскихъ, показанныхъ въ двухъ „вѣтвяхъ" (кн. III, стр. 23).

Относительно II и III частей можно еще замѣтить, что сюда попали несомнѣнно и старинные рóды, позднѣйшимъ потомкамъ которыхъ не удалось документами связать свое родство съ предками. Въ этомъ отношеніи особенно интересно, что Кулябки попали во II-ю ч. (стр. 294), между тѣмъ какъ они несомнѣнно происходятъ отъ полк. писаря, который въ нач. уже XVIII в. владѣлъ населенными маетностями [2]).

Въ IV-й ч., заключающей въ себѣ „иностранные дворянскіе роды", обращаетъ на себя вниманіе родъ Шираевъ, не принадлежащій къ иностраннымъ, но попавшій въ число послѣднихъ, по объясненію

---

[1]) Тамъ же, 67. Изъ Рубцовъ была мать Ивана Л-ча.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1886 г. кн. I, стр. 8.

„Р. Кн.“, вслѣдствіе того, что „предки Шираевъ представили бумаги, будто они происходятъ отъ польскихъ выходцевъ, поэтому родъ Шираевъ правит. сенатомъ ошибочно внесенъ въ IV ч. Р. Кн.“

Въ V-й ч. (титулами означенные рóды) изъ мѣстнаго происхожденія значатся: Безбородки, Гудовичи, Завадовскіе и Разумовскіе; изъ нихъ, кромѣ Гудовичей, остальные роды угасли. Впрочемъ, Разумовскіе еще живутъ, но внѣ Россіи: одинъ изъ сыновей гетмана, Григорій Кирилловичъ, женившись на второй женѣ при живой первой, долженъ былъ удалиться изъ Россіи заграницу, вмѣстѣ съ дѣтьми отъ второго брака, гдѣ всѣ они приняли протестанство. Внукъ этого Р—аго, гр. Камиллъ Р—ій и теперь живетъ въ Австріи. Свѣдѣніе это находится въ родословіи Р—ихъ, куда оно внесено видимо не изъ „Р. Кн.“, а изъ книги Васильчикова о Разумовскихъ. Также восполнены по свѣдѣніямъ, взятымъ не изъ „Р. Кн.“, и родословія Кушелевыхъ-Безбородковъ, Гамалѣевъ, Дунинъ-Борковскихъ, Завадовскихъ, Кочубеевъ, Лашкевичей, Лизогубовъ, Марковичей, Миклашевскихъ, Скоропадскихъ и нѣкотор. другихъ. Кромѣ того, издатель внесъ въ «Р. Кн.“ и „угасшій родъ“ Полуботковъ, съ подробными свѣдѣніями о его членахъ, взятыми изъ разныхъ книгъ. (Полуботки, повидимому, вовсе не были записаны въ „Р. Кн.“, такъ какъ родъ этотъ прекратился до 1785 г.) Остается пожалѣть, что издатель „Р. Кн“ не сдѣлалъ подобныхъ дополненій и относительно многихъ другихъ рóдовъ, при помощи потомковъ, какъ это онъ сдѣлалъ относительно Домонтовичей и Дорошенковъ. Несомнѣнно, что многіе потомки охотно отозвались бы на зовъ о такой помощи. А при этомъ потомки несомнѣнно внесли бы поправки, которыхъ необходимо требуютъ нѣкоторыя родословія. Напр., извѣстнымъ родоначальникомъ Солонинъ въ „Р. Кн.“ показанъ Сергѣй Васильевичъ, сотникъ Остерскій, но таковымъ долженъ быть дядя этого Сергѣя—Константинъ С., бывшій Кіевскимъ полковникомъ уже въ 1676 г., который собственно и положилъ начало имущественному благосостоянію этого рода. Вообще „Р. Кн.“ могла быть значительно пополнена—какъ только издатель допустилъ возможность ея дополненій и не изъ свѣдѣній дворянскаго архива. Напр., въ «Р. Кн.» не помѣщенъ родъ Острянскихъ, которые въ перв. полов. XIX в. владѣли большими имѣніями въ Конотопскомъ уѣздѣ. Пропускъ такихъ рóдовъ—очень замѣтенъ.

Пестрятъ книгу и нѣкоторыя ошибки и «досадныя» опечатки. Послѣднія должны были быть непремѣнно исправлены въ концѣ книги, а

то чему же вѣрить, если мы видимъ на стр. 173, ч. III, что Я. Л. род. въ 1829 г., былъ женатъ и умеръ въ 1840 г.? Одна изъ цифръ, видимо, ошибочна, но которая же?—Въ такихъ изданіяхъ какъ «Р. Кн.» имена и цифры должны быть безусловно вѣрны. А между тѣмъ показанный на стр. 179, ч. VI-й, родоначальникъ Сахновскихъ (сосницкихъ) Иванъ С., обозный Черниговск. полка, былъ Игнатъ, а не Иванъ. Вѣроятно, и тутъ явилась опечатка.

Кончая на этомъ обзоръ Родословной книги Черниговскаго дворянства, мы должны признать большую заслугу за ея издателемъ гр. Г. А. Милорадовичемъ, который въ этомъ солидномъ своемъ трудѣ даетъ богатый матеріалъ для исторіи нашей общественности въ XIX вѣкѣ, указывая цѣлые ряды лицъ, которыя такъ или иначе оставили свои слѣды въ этой исторіи. Нельзя не пожелать, чтобы и полтавское дворянство послѣдовало примѣру Черниговскаго и издало свою родословную книгу; кстати, полтавское дворянство въ этомъ году празднуетъ свой столѣтній юбилей. Несомнѣнно, что родословныя книги дворянства этихъ губерній значительно восполнятъ и объяснятъ одна другую.

А. Л.

Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. *(Раскопки В. В. Хвойка въ 1899-1900 годахъ). С.-Петербургъ. 1901, 8⁰. 19 стр.+ 5 таблицъ.*

Съ особымъ удовольствіемъ мы должны привѣтствовать вышеназванную работу В. В. Хвойки. Она соотвѣтствуетъ много разъ уже высказаннымъ нами пожеланіямъ, чтобы многочисленныя раскопки этого неутомимаго изслѣдователя древностей нашего юга, сдѣлавшаго столько важныхъ открытій, были бы наконецъ опубликованы, стали бы общимъ достояніемъ ученаго міра, тѣмъ болѣе, что онѣ этого вполнѣ заслуживаютъ. Настоящая работа охватываетъ лишь незначительную часть раскопокъ г. Хвойки,—будемъ надѣяться, что и остальныя не замедлятъ выходомъ въ свѣтъ. Нѣтъ нужды, что опубликованіе изслѣдованій, какъ напр. настоящихъ, носитъ скорѣе протокольный характеръ, не отличается обширностью изложенія,—для археологіи, какъ для всякой другой точной науки, важны, прежде всего, факты, интересно возможно вѣрное описаніе ихъ. Дѣло будущаго—разобраться

въ фактахъ, систематизировать ихъ, найти между ними взаимоотношеніе.

На поля погребеній, о которыхъ рѣчь, впервые было обращено серьезное вниманіе г. Хвойки; со свойственной ему энергіей онъ принялся за ихъ разысканія и изслѣдованія, и въ настоящее время пополнено еще одно недостающее звено далекаго прошлаго юга Россіи. Вотъ краткая характеристика этого рода памятниковъ, составляющая, такъ сказать, вводную часть работы.

«Поля погребеній были открыты въ Кіевскомъ, Черкасскомъ, Каневскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ Кіевской и въ южной части Черниговской губ. (въ Остерскомъ уѣздѣ, по лѣвому берегу р. Десны), но районъ ихъ распространенія, несомнѣнно, гораздо обширнѣе, особенно по направленію Подольской губ. и далѣе на западъ; весьма вѣроятно также, что ихъ можно найти и въ Полтавской губ.

Поля погребеній представляютъ собою болѣе или менѣе обширные могильники безъ всякихъ признаковъ насыпей, расположенные на площадяхъ возвышенностей и отчасти на ихъ склонахъ. Въ нихъ встрѣчаются совмѣстно два погребальные обряда—сожженіе и зарываніе покойника въ землю. Погребенія первой категоріи, за нѣкоторыми исключеніями, находятся обыкновенно на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли, начиная отъ 20 см. до 1 м. Сожженныя кости, иногда перемѣшанныя съ уцѣлѣвшими, но по большей части поврежденными огнемъ металлическскими предметами (фибулами, шпильками и т. д.) и кусками расплавленнаго стекла, наполняютъ обыкновенно урну или другой сосудъ, при которомъ стоятъ остальные; иногда же кости заключаются въ урнѣ безъ всякой примѣси предметовъ, которые лежатъ тогда возлѣ нея или между другими сосудами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако же, остатки обожженныхъ костей, зола и уголь, вмѣстѣ съ такими же предметами, лежатъ непосредственно на глиняной площадкѣ, обставленные сосудами, расположенными вокругъ нихъ или сгрупированными въ сторонѣ.

Погребенія второго рода находятся гораздо глубже, отъ 1 до 3 и даже даже до $3^1/_2$ м. Направленіе скелетовъ различно—на З., СЗ., Ю. и ЮЗ.; они лежатъ на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, съ различнымъ расположеніемъ рукъ; преобладающихъ служитъ параллельное туловищу. При нихъ расположено также по нѣскольку сосудовъ, разставленныхъ обыкновенно съ лѣвой стороны, или вдоль всего тѣла, или у поясницы, въ ногахъ и въ особенности у головы, гдѣ они

всегда сосредоточены въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. Въ одномъ изъ нихъ, чаще всего имѣющемъ форму миски, а иногда и подъ нимъ, находятся при большинствѣ погребеній кости барана, при которыхъ изрѣдка бываетъ воткнутъ въ землю желѣзный ножъ».

Отличительнымъ признакомъ инвентаря полей погребеній является полное отсутствіе оружія и затѣмъ сравнительная бѣдность украшеній. Но за то керамика отличается изобиліемъ и разнообразіемъ. Число сосудовъ при погребеніяхъ и сожженіяхъ доходитъ отъ 3 до 12 и даже болѣе. Большинство сосудовъ—глиняные, хорошей выдѣлки, приготовленные на кругѣ, въ формѣ горшковъ, вазъ, кувшиновъ, чашъ. Поверхность сосудовъ—глянцовитая, чернаго съ сѣрымъ цвѣта. Орнаментъ—въ общемъ не богатъ и довольно примитивенъ. хотя нѣкоторые ихъ небольшихъ сосудовъ очень изящно украшены—оттисками въ видѣ розетокъ и звѣздочекъ. Кромѣ глиняныхъ, найдены также и прекрасные образчики стеклянныхъ сосудовъ. Правда, послѣднихъ, въ общемъ, добыто всего нѣсколько экземпляровъ, но что такого рода сосуды были довольно распространены у населенія, оставившаго намъ поля погребеній, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные обломки и сплавы стекла, находимые въ могилахъ, особенно съ сожженіемъ.

Изъ другихъ предметовъ чаще встрѣчаются слѣдующіе: бусы изъ сердолика, янтаря, коралла и композиціи, подвѣски изъ морскихъ раковинъ, съ продѣтыми въ нихъ бронзовыми кольцами, серебряныя, бронзовыя и желѣзныя фибулы, поясныя пряжки, бронзовыя иглы, шилья и шпильки, бронзовыя кольца и браслеты, желѣзные ножи и серпы, костяные гребешки. [1]) Изъ единичныхъ находокъ особое значеніе имѣютъ три монеты, изъ которыхъ двѣ найдены завернутыми въ матерію подъ спиной скелета въ одномъ изъ погребеній; одна изъ нихъ оказалась серебряной имп. Фаустины младшей, другая—золотой. съ изображеніемъ имп. Гордіана, типа доселѣ неизвѣстнаго.

Нѣкоторые изъ выше перечисленныхъ предметовъ, особенно же стеклянные сосуды, фибулы провинціальнаго римскаго типа и, наконецъ, римскія монеты, указываютъ на вліяніе римской культуры и датируютъ эпоху;—послѣднюю можно опредѣлять отъ конца II в. до V в.

---

[1]) Предметы эти изображены на приложенныхъ въ концѣ таблицахъ.

Изъ трехъ могильниковъ, краткія описанія раскопокъ которыхъ приведены въ настоящей работѣ, болѣе тщательному обслѣдованію подвергся могильникъ у с. Черняхова, Кіевскаго у., давшій главную массу находокъ (м. п. и римскія монеты). Могильникъ занимаетъ до 7000 кв. метровъ, а количество погребеній, заключенныхъ въ немъ можетъ быть опредѣлено въ 500—600. Въ изложеніи г. Хвойки отмѣчены болѣе типичныя погребенія, помѣщенъ также планъ могильника и иллюстрирующіе текстъ рисунки. Наряду съ обычными погребеніями вышеуказанныхъ двухъ типовъ, здѣсь, въ двухъ случаяхъ, открыты также деревянные склепы, заключавшіе, повидимому, богатыя погребенія, оказавшіяся, къ сожалѣнію, ограбленными.

Слѣдующій могильникъ—въ с. Ромашкахъ, Васильковск. у. Здѣсь раскопки были не значительны, но тутъ удалось констатировать тѣ же два похоронныхъ типа и совершенно анологичные черняховскимъ предметы.

Третій могильникъ при с. Зарубинцахъ, Каневскаго у. Могильникъ былъ частью разрушенъ при добываніи камня; произведенныя затѣмъ раскопки дали весьма интересные результаты. Въ данномъ случаѣ также были и сожженія и погребенія, но, судя по добытому инвентарю, могильникъ нужно признать болѣе старымъ, чѣмъ черняховскій и ромашковскій; здѣсь м. п. посуда приготовлена безъ гончарнаго круга.

Всѣ черепа, добытые изъ этихъ могильниковъ, оказались длинноголовыми.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, касающихся бытовой стороны жизни племени, оставившаго намъ данные памятники (осѣдлый образъ жизни, устойчивость обрядовъ), г. Хвойка заключаетъ свою работу вопросомъ о народности этого племени. Основываясь на похоронномъ обрядѣ и принимая во вниманіе большое сходство нѣкоторыхъ предметовъ полей погребеній съ таковыми же изъ болѣе позднихъ, несомнѣнно уже славянскихъ могильниковъ, авторъ считаетъ племя полей погребеній—славянскимъ.

Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ авторомъ, мы не можемъ, однако, сдѣлать этого по отношенію къ другому, болѣе кардинальному положенію г. Хвойки, высказываемому на послѣднихъ страницахъ его работы. Положеніе это—не является чѣмъ-то новымъ, оно было высказываемо уже давно и не одинъ разъ и въ свое время получало соотвѣтственныя возраженія. Разница лишь въ томъ, что бла-

годаря отрытіямъ въ послѣднее время нѣкоторыхъ новыхъ видовъ памятниковъ, г. Хвойка включилъ и ихъ въ общую сумму, присоединивъ къ прежнимъ. Положеніе это хотя и сложно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно кратко,—именно: и площадки съ до-микенской культурой, и различные греко-скифкіе памятники (городища, могилы, поля погребеній) и, затѣмъ, съ другой стороны, вышеописанныя поля погребеній и другія, относящіяся къ VIII-X в.—все это оставлено намъ въ наслѣдіе однимъ и тѣмъ-же племенемъ—славянами. Главнѣйшими и, повидимому, единственными основаніями для такого положенія служатъ для г. Хвойки распространенность на всемъ этомъ протяженіи вѣковъ обряда сожженія и одинаковость антропологическаго типа (длинноголовость). Но если принять во вниманіе, что какъ обрядъ трупосожженія, такъ и длинноголовость являются обще-распространенными въ доисторическое время и встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о славянахъ не можетъ быть и рѣчи, то и само положеніе представится намъ необоснованнымъ.

Мы нисколько не отрицаемъ, что при смѣнѣ народностей извѣстныя черты культуры и даже физическаго склада передаются отъ предыдущихъ послѣдующимъ—то же могло быть и въ данномъ случаѣ. Но чтобы судить о племени, какъ о самостоятельной единицѣ, нужно имѣть на лицо всѣ признаки, характеризующіе племя. По отношенію къ древнѣйшимъ насельникамъ нашего юга такихъ признаковъ мы не имѣемъ, да наврядъ-ли когда и будемъ имѣть, а потому и говорить о нихъ, какъ о славянахъ, не вдаваясь въ область гипотезъ и догадокъ,—нѣтъ основаній.

Н. Б.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Въ настоящемъ номерѣ разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Научное Обозрѣніе, № 2, 2) Новое Дѣло, № 1 и 2, 3) Книжка Восхода, № 2, 4) Русскій Архивъ, № 3, 5) Русская Старина, № 3, 6) Труды Кіевской духовной Академіи, № 1—3, 7) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 3, 8) Журналъ для всѣхъ, № 3, 9) Русское Богатство, № 2, 10) Міръ Божій, № 3, 11) Літературно-науковий Вістник, № 3, 12) Варшавскія университетскія извѣстія, № 1.

Русская Старина, № 3.

Письма С. П. Шевырева къ П. Я. Чаадаеву и Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову. Сообщилъ В. Шенрокъ. Стр. 593—598.

Въ письмахъ упомянутыхъ лицъ сообщается о смерти Н. В. Гоголя.

А. К. и *Ю. Ф.* «Страшная месть» Гоголя и повѣсть Тика «Пьетро Апоне». Стр. 641—647.

Сличеніемъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ повѣстей Гоголя и Тика авторы доказываютъ вліяніе повѣсти послѣдняго на «Страшную месть».

Русскій Архивъ, № 3.

Аѳанасьевъ.—Къ исторіи Черноморскаго флота, съ 1816 по 1853 г. (продолженіе). Стр. 369—458.

Гоголь въ Одессѣ. Стр. 543—562.

Дневникъ нѣкоего Неводчикова, бывшаго домашнимъ учителемъ у Стурдзы, о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—1851 г.

Труды Кіевской духовной Академіи, кн. 1, 2 и 3.

Вишневскій Д.—Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII ст. Кн. I. 17—60, III. 315—358.

Начало обширнаго историческаго очерка Кіевской Академіи, обнимающее въ напечатанной части систему управленія Академіи, ея ректоровъ и префектовъ, средства содержанія учителей и учениковъ.

Ѳ. Т.—Проф. И. И. Шараневичъ. Кн. I. 162—170.

Некрологъ и обзоръ трудовъ покойнаго Галицкаго ученаго.

Стеллецкій Н.—Религіозно-нравственное міросозерцаніе Гоголя. Кн. II. 185—234, III. 422—441.

Линицкій Н. И.—Нѣсколько словъ о Гоголѣ, какъ нравоучительномъ писателѣ. Кн. III. 442—449.

Ѳ. Т.—Урокъ съ Запада. Кн. III. 450—479.

Библіографическая замѣтка по поводу недавно вышедшей на польскомъ языкѣ исторіи Кіевской Академіи Яблоновскаго.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 3.

Сергѣевичъ В. И.—Древности русскаго землевладѣнія. IV. Стр. 1—66.

Въ началѣ настоящей главы выясняется вопросъ о происхожденіи тягла и даются свѣдѣнія о формахъ, въ которыхъ оно выражалось въ Кіевскій періодъ русской жизни.

В. Срезневскій. О нѣсколькихъ автографахъ И. П. Котляревскаго. Стр. 110—131.

Авторъ сообщаетъ о бумагахъ И. П. Котляревскаго, сохраняющихся въ Императорской публичной библіотекѣ,—дневникѣ, «Размышленіи о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. Евангеліи Луки», черновомъ прошеніи объ отставкѣ, и различныхъ мелкихъ замѣткахъ. Кромѣ того, авторъ останавливается на рукописи «Москаля Чаривныка», хранящейся въ архивѣ И. И. Срезневскаго. Въ приложеніи напечатано прошеніе объ отставкѣ и отрывокъ изъ «Размышленія».

Міръ Божій, № 3.

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь (продолженіе). Стр. 229—261.

Літературно-науковий Вістник, № 3.

Леся Українка.—Одержима, драма. Стор. 167—178.

Кобилянська.—Земля, оповіданне (далі). Стор. 179—226.

Грінченко Б.—Як я вмер, оповіданне. Стор. 227—241.

Климентія П. Б.—Сільські політики. Стор. 242—246.

Жарко Я.—За хвилину до смерти. 246—249.

Кміт Ю.—Сповідь. Стор. 250—253.

Гарборъ Арне,—Загублений батько (кінець). Стор. 254—263.

Плешкан Ів.—Зачарований край (за Надсоном). Стор. 264—266.

Франко Ів.—Ultra montes. Стор. 136—147.

Раковський.—Поезия в освітленню наук природничих. Стор. 148—171.

Адам Георг.—Із чужих літератур: де-що про румунську літературу. Стор. 172—177.

Уваги на сучасні теми. V. Славянський клюб у Кракові. Б. Л. Стор. 178—180. VI. «Москалі» про «москалефила». Вільхивського. Стор. 181—186.

Хроніка і бібліографія. Стор. 26—38.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ Литературно-художественномъ сборникѣ: «На трудовомъ пути» помѣщена біографія Т. Г. Шевченка, составленная Н. И. Стороженкомъ подъ заглавіемъ «Геніальный Горемыка»,—такъ прозвала Шевченка княжна В. Н. Репнина въ одномъ изъ писемъ къ поэту. Это прозвище, по словамъ Н. И. Стороженка, не представляетъ ничего преувеличеннаго, и. ч. Шевченко «обладалъ геніальными поэтическими способностями, которыя заставили нѣкоторыхъ критиковъ, напр. Ап. Григорьева, ставить его на ряду съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ, и не менѣе справедливо, что жизнь его, къ тому же оборванная преждевременной кончиной, была въ полномъ смыслѣ многострадальной». Особенность этой талантливой и тепло написанной біографіи та, что въ ней приведено трогательное письмо Шевченка отъ 10 января 1850 г. къ Дубельту, еще нигдѣ не обнародованное, слѣдующаго содержанія. «Ваше Превосходительство! Походъ въ Киргизскую степь и почти двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моею покорнѣйшею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, подтвердитъ истину моихъ словъ, ежели угодно будетъ В. П. спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ августѣйшимъ Монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго,—свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ. Умоляю Васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу Васъ, пріймите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей, и Богъ Васъ наградитъ за доброе дѣло». Письмо осталось безъ отвѣта.

Къ біографіи приложены портреты Т. Г. Шевченка и автора—Н. И. Стороженка.

Вышла въ свѣтъ изданная въ Полтавѣ (еще въ концѣ прошлаго года) книга А. Грановскаго: «Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. Историко-статисти-

ческій опытъ. Выпускъ I». О ней будетъ данъ въ нашемъ журналѣ обстоятельный отзывъ.

—

Въ «Гоголевскомъ Сборникѣ», изданномъ ко дню пятидесятилѣтія смерти Гоголя, редакціей «Дѣтскаго Чтенія» напечатанъ русскій переводъ извѣстной пьесы Гоголя—отца: «Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ.

—

Въ № 7295 «Южнаго Края» помѣщена статья проф. Сумцова «Малорусскій элементъ въ творчествѣ Гоголя», посвященная вопросу о вліяніи на творчество Гоголя его украинскаго происхожденія.

—

Въ № 52 «Кіевлянина» помѣщена замѣтка: „Гоголь, какъ историкъ Малороссіи", составляющая пересказъ лекціи г. Каманина по тому же вопросу.

—

Въ статьѣ „Гоголь о музыкѣ и Гоголь въ музыкѣ" („Харьковск. губ. Вѣдомости", № 50) г. Бичъ-Лубенскій даетъ обзоръ оперъ и вообще музыкальныхъ произведеній на Гоголевскіе сюжеты; въ особую группу авторъ выдѣляетъ украинскія оперы Н. В. Лысенка „Утоплену" и „Риздвяну ничъ".

Оперы г. Лысенка разбираетъ также и г. Энгель въ статьѣ «Гоголь въ музыкѣ» („Русскія Вѣдомости", № 76).

—

Въ газетѣ „Волынь" (№ 59) помѣщена обстоятельная статья г. Мартина Корчинскаго о Богданѣ Залѣскомъ, по поводу столѣтней годовщины его рожденія.

—

28 февраля настоящаго года исполнилось 25-лѣтіе Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, однимъ изъ выдающихся дѣятелей котораго былъ покойный профессоръ А. М. Потебня. По этому поводу нѣкоторыя газеты («Южный Край», № 7304, «Харьковск. губ. Вѣдомости», № 56 и «Русскія Вѣдомости», № 63) помѣстили на своихъ столбцахъ статьи, посвященныя обзору дѣятельности Общества и его членовъ за истекшее 25-лѣтіе.

—

Въ газетѣ «Волынь», № 4, 7 и 42, помѣщенъ рядъ очерковъ Б. Гринченка подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ новостей украинской

литературы». Въ послѣднемъ очеркѣ даются отзывы о повѣстяхъ Т. Шевченка и А. Свидницкаго, вновь изданныхъ въ 1901 г., о повѣсти г. Эварницкаго «Наша доля—Божа воля», и повѣсти г-жи Яновской «Городянка».

Въ 1471 «Приднѣпровскаго Края» напечатана статья г. Пономарева «Эволюція формъ городского общественнаго управленія», посвященная историческому обзору формъ городского управленія на Украинѣ. Матеріаломъ для статьи послужилъ сборникъ «35-лѣтіе черниговскаго городского общественнаго управленія», съ очеркомъ исторіи Чернигова.

Въ «Кіевлянинѣ» № 65 помѣщена статья «Выборы Кіевскаго войта въ XVII ст».

Въ №№ 1474 и 1475 «Приднѣпровскаго Края» помѣщена интересная статья г. Быкова «Земское запорожье и неземская екатеринославщина». Авторъ объясняетъ современный укладъ жизни екатеринославской губерніи ея прошлымъ, исторію котораго онъ и излагаетъ довольно подробно. Продолженіе статьи обѣщано авторомъ.

Газета «Сѣверо-Западное Слово», выходящая въ Вильнѣ, помѣстила въ № 1150 русссккій переводъ разсказа Д. Марковича «Иванъ изъ Буджака». Заголовокъ, предшествующій разсказу—«Современные малорусскіе писители» даетъ основаніе предполагать, что газета намѣрена дать цѣлую серію переводовъ изъ украинскихъ писателей.

Въ № 1479 «Приднѣпровскаго Края» г. Ковал.-Колом. въ статьѣ «Къ вопросу о начальномъ образованіи» высказывается за введеніе въ начальныхъ школахъ преподаванія на украинскомъ языкѣ.

Въ № 42 «Пріазовскаго Края», г. Ященко дѣлаетъ историческую справку по поводу форменной одежды церковныхъ пѣвчихъ. По мнѣнію г. Ященка, этотъ костюмъ съ откидными рукавами заимствованъ первоначально запорожцами у кавказскихъ горцевъ, получилъ затѣмъ широкое распространеніе на Украинѣ, отсюда вмѣстѣ съ архіереями «изъ черкасъ» (малороссіянъ) перешелъ въ Великороссію и

почти повсемѣстно употребляется въ качествѣ пѣвческой формы, сохраняя кое-гдѣ прежнее имя «черкесокъ».

—

Въ № 7299 «Южнаго Края» напечатано продолженіе «Воспоминаній старожила» г. Карпова; въ настоящемъ номерѣ содержится интересный въ бытовомъ отношеніи разсказъ о жизни студентовъ Харьковскаго университета въ старину.

—

Въ № 1136 «Юга» и въ № 26 «Вѣстника Юга» помѣщены краткіе отзывы о книгѣ г. Гринченка «Изъ устъ народа».

—

Въ № 1131 газеты «Югъ» напечатана рецензія на брошюру г. Коваленка «Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа».

—

Въ № 1150 той же газеты помѣщена обстоятельная рецензія священника Ант. Гри—а на семейную хронику Свидницкаго «Люборацьки».

—

Въ № 1152 той же газеты данъ отзывъ о «Старинномъ малорусскомъ письмовникѣ», изданномъ Б. Д. Гринченкомъ.

—

Въ № 1146 той же газеты г. Ков.-Кол. данъ обзоръ первыхъ книжекъ «Кіевской Старины».

—

Газета «Южное Обозрѣніе» напечатала статью г. Коневскаго, представляющую обстоятельный обзоръ вышедшихъ въ настоящемъ году книжекъ «Кіевской Старины». Отмѣтимъ кстати одну ошибку почтеннаго автора: приписанное имъ Кулишу стихотвореніе «До праці» принадлежитъ на самомъ дѣлѣ Б. Гринченку.

—

Въ «Кубанскихъ обл. Вѣдомостяхъ (№ 34) помѣщена обстоятельная статья: «Кубанская область за десять лѣтъ (1892—1901)», представляющая обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ населеніемъ области въ земледѣліи, садоводствѣ, винодѣліи, торговлѣ, промышленности, борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями, въ народномъ образованіи и въ другихъ сторонахъ культурнаго преуспѣянія.

—

Что и въ маленькой Галиціи хорошая книжка можетъ расходиться въ большомъ количествѣ, указываетъ слѣд. фактъ: извѣстная передѣлка *Ив. Франка «Лис. Микита»* вышла уже 3-мъ изд.; первыя два розошлись въ непродолжительномъ времени въ количествѣ 6000 экземпляровъ (каждое изданіе по 3 тыс. экз.).

—

Въ № 8 журнала «Tygodnik Illustrowany» (стр. 115) помѣщена замѣтка Люціана Невяровскаго «Ieszcze słów kilka o Wołyniu» по поводу статьи Дунина-Корвицкаго «Ceny ziemi na Wołyniu» (въ № 4 того же журнала) Авторъ замѣтки не согласенъ съ мнѣніемъ Дунина-Корвицкаго объ этнографической розни собственной Волыни и Полѣсья. На основаніи историческихъ данныхъ указывается на то, что населеніе Волыни смѣшанное (76% малороссовъ, 12% поляковъ и 12% евреевъ), и прочно обозначить этнографическую границу невозможно.

—

Въ № 6 журнала «Kraj» (стр. 11) помѣщена корреспонденція о намѣреніи русинскихъ и румынскихъ депутатовъ оставить буковинскій сеймъ.

Въ № 7—въ замѣткѣ «W Brazylji» (стр. 11) сообщаются интереныя подробности объ эмигрантахъ-русинахъ въ Missiones, (въ Аргентинѣ) въ колоніяхъ: Apostoles, Azara, San-Iose. По словамъ корреспондента, галицкіе колонисты гораздо интеллигентнѣе сосѣднихъ французскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ.

Въ № 8—(стр. 11—12) сообщается о чествованіи памяти Шевченка «русско-украінськими академиками» въ Вѣнѣ; на стр. 12—кореспонденція изъ Волыни—объ эмиграціонномъ движеніи въ Америку. Въ томъ же № напечатана историческая справка г. Андрея Стороженка о кіевскихъ костелахъ съ XI до конца XVIII ст., основанная на документахъ и современныхъ извѣстіяхъ. Не представляя ничего новаго для лицъ, знакомыхъ съ исторіей Кіева, справка имѣетъ цѣлью исправить неточности, вкравшіяся въ статью того же «Kraj'a» за прошлый годъ (№№ 47 и 48—«Z przeszłosci i terazniejszosci Kijowa).

Въ №№ 9 и 10 того же журнала помѣщена статья Люд. Яновскаго «Akademja Zamojska», по поводу выхода въ свѣтъ двухъ сочиненій объ этой Академіи (ks. *Wadowski* Wiadomość o profesorach Akademji Zawojskiej. Warszawa, 1899-1900 и *Kochanowski*, Dzije Akademji Zawojskiej (1594-1784). Kraków, 1894-1900). Авторъ излагаетъ крат-

кую исторію Академіи и попутно отмѣчаетъ пробѣлы въ упомянутыхъ двухъ трудахъ, напр. отсутствіе свѣдѣній о воспитанникахъ Академіи: Кассіанѣ Саковичѣ, Сильвестрѣ Коссовѣ, Адамѣ Киселѣ.

—

Извѣстнымъ чешскимъ археологомъ д-ромъ Любаромъ Нидерле издается выпусками большое сочиненіе «Славянскія древности». Оно должно замѣнить нынѣ значительно устарѣвшія «Славянскія древности» Шафарика. Вышло уже нѣсколько выпусковъ, посвященныхъ вопросамъ о происхожденіи славянъ, ихъ древнѣйшемъ мѣстожительствѣ, разборѣ древнѣйшихъ о нихъ свидѣтельствъ, данныхъ языка, исторіи и археологіи и т. д. («Русск. Вѣдомости», № 76).

—

Въ №№ 18, 19, 21, 22 и 23 «Руслана» за настоящій годъ помѣщенъ разсказъ покойнаго Александра Як. Конискаго: «*Тревоги автора і видавника*» (з натури). Въ немъ разсказывается о мытарствахъ, какія должна претерпѣвать украинская книжка прежде, чѣмъ появиться въ свѣтъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Абрамовъ Ив. Въ культурномъ скиту. (Среди неплюевцевъ). Содержаніе: «Воздвиженская школа—колыбель братства.—Братская колонія. С.-Пб. 1902 г. ц. 75 коп.

Абрамовъ И.—Край Тараса Бульбы. Стр. 32. СПБ., 1902. Цѣна 25 к.

Александровъ А. Н. Памяти Виктора Ивановича Григоровича. Варшава, 1902 г. стр. 33.

Андрю Діксон Уайт.—Розвій географічних поглядів. Із англійского переклав Франко. Літ.-Наук. Библіотека, ч. 23. Стор. 56. У Львові, 1901. Ціна 30 сот.

Барвінській. О.—Вибіръ з українсько-руськоі літератури для учительських семинарій. У Львові, 1901. Ціна 3 корони.

Грановскій А. Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи съ 1803 г.) и настоящемъ (историко-статистическій опытъ). Вып. I. Полтава, 1901., 418 стр.

Гринченко Б.—Оповидання про Ивана Котляревского. Изданіе благотворительнаго Общества, № 14. Стор. 32. С.-Петербургъ. 1902. Цина 3 и 5 коп.

Дністрянський Др.—Австрийске право облігацийне. Вип. I, Правнича библіотека, т. II. Стор. 198. У Львові, 1901. Ціна 2 кор.

Застирец.—Підручна історія рускоі літератури від найдавнійших до найновійших часів. Стор. 79. У Львові, 1902. Ціна 1. 70 кор.

Збірник математично-природописно-лікарськоі секциі. Наук. Товариства ім. Шевченка, Т. VIII, вип. 1. У Львові, 1901.

Каллашъ В. В. Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. М. 1902. Ц. 50 к.

Каталогъ изданій Императорской Академіи Наукъ. I. Изданія на русскомъ языкѣ. Сп. 1902, стр. 188.

Коваленко Гр.—Видъ чого вмерла Меласяʔ Оповидання про обкладъ. Изданіе благотворительнаго Общества, № 13. Стор. 36. С.-Петербургъ, 1902. Цина 3 коп.

Крымськый А. Е.—Изъ повистокъ и эскизивъ. Выдання друге, выправлене. № 5. Стор. 138. Москва, 1902. Цина 50 к.

Малинка Ал. Н. Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору (Черн., Вол., Полт., и др. губ.). Колядки, щедровки, пословицы, заговоры, народная медицина, примѣты, разсказы и сказки. Черниговъ, 1902, стр. 388.

Милорадовичъ Г. А., графъ. Родословная книга Черниговскаго дворянства. Т. I, части 1 и 2. Т. II, части 3, 4, 5, 6 и приложенія. С.-Петербургъ, 1901. Цѣна за оба тома 6 р.

Павловъ Н. М. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. (Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія). (1362—1862). Томъ I. Москва, 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Памятка 25-лѣтного ювилея вступленя на апостольскій престолъ папы Льва XIII. Перемышль, 1902.

Руданський Степанъ.—Творы, т. I. № 4. Стор. IV+267. Кыивъ, 1902. Цина 50 коп., на кращ. пап. 75 коп.

Твейн М.—Збôрка начеркôвъ. Библіотека найзнаменитшихъ повѣстей, т. LXV. Стор. 280. У Львові, 1901. Ціна 1. 60 кор.

Франко Ів.—Лис-Микита. Вид. руськ. Педагогичного Товариства, ч. 100. Стор. XVI+144. У Львові, 1902. Ціна 1 кор.

Франко Ів.—Украдене щастя, драма в 5 діях (Літ.-Наук. Библіотека, ч. 24. Стор. 118. У Львові, 1901. Ціна 50 сот.

Часопись правнича і економічна. Т. III. У Львові, 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Др. Ст. Дністрянський—Права рускоі мови

у Львівскім університеті. Стор. 1—38. 2) Др. Гвоздецький—Причинки до науки про умовну кару, 1—19. 3) М. Новаковський—Поступоване въ спорах з найму і аренди, 1—31. 4) Др. Дністрянський—Австрийське право облігацийне (далі), стор. 93—198. 5) Оцінки і реферати, 1—33. 6) Miscellanea, 34—42.

Чикаленко Е.—Розмова про сельске хазяйство, 3-тя кныжка. Выдання друге—благотворительнаго Общества, № 15. Стор. 40. Спб., 1902. Цина 5 коп.

Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. XV, вып. 1—3. 1901, ц. 4 р. 25 к.

Шевченко Т.—Поезиі. Виданнє т-ва «Просьвіта». Стор. 698. У Львові, 1902. Ціна 2 корони.

Шпойнаровський.—Руска Читанка для другоі кляси шкіл середних. Стор. 272, Черніівці, 1901. Ціна 2.80 кор.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

18-го февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. *М. С. Дриновъ* сообщилъ свои замѣчанія о важности этнографическихъ наблюденій А. Ѳ. Музыченка надъ болгарскими колонистами Ѳеодосійскаго уѣзда и познакомилъ съ его трудами, посвященными изученію быта, поэтическихъ произведеній этихъ колонистовъ.

Проф. *Д. И. Багалѣй* доложилъ сообщеніе *В. Василенка* «Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи». Авторъ доказываетъ необходимость собиранія матеріаловъ для составленія по каждой губерніи толковыхъ словарей туземной технической терминологіи. Эти, такъ сказать, частные словари должны послужить матеріаломъ для общаго Украинскаго техническаго словаря со включеніемъ матеріаловъ по прежнимъ печатнымъ источникамъ (Максимовичъ, Номисъ, Чубинскій, Гринченко и др.). При этомъ въ общій словарь должна быть включена терминологія не только по кустарнымъ промысламъ, но и по земледѣлію, метеорологіи, пчеловодству, садоводству и т. п. Украинцы имѣютъ по всякимъ прикладнымъ знаніямъ вѣковой опытъ и наблюденія и своимъ образнымъ языкомъ давно назвали различныя проявленія небесныхъ явленій, земной растительности,

домашнихъ и дикихъ животныхъ и всякую тварь. Далеко не все это извѣстно и нужно многое записать изъ устъ народа.

Докладъ г. Василенка вмѣстѣ съ инструкціей и программой собиранія матеріаловъ по технической терминологіи рѣшено напечатать въ «Трудахъ» комитета, и кромѣ того доложить его на съѣздѣ.

Заслушано сообщеніе *А. Еленева* о раскопкѣ «Острой Могилы», находящейся въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. Паловской волости, въ имѣніи «Орловкѣ» Еленева. При раскопкѣ найдены: каменный дискъ, кремневая стрѣла, желѣзный предметъ и три погребенія, изъ коихъ одно было съ двумя скелетами, положенными между необтесанными плитами, на лѣвомъ боку.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ*, помимо нѣкоторыхъ другихъ сообщеній, доложилъ: 1) о присылкѣ Императорской академіей наукъ пяти картъ для картографической выставки при съѣздѣ; 2) отчетъ Екатеринославской коммиссіи по собиранію матеріаловъ для XII археологическаго съѣзда, 3) предложеніе г. Сулимы (Новочеркасскъ)—продать свою этнографическую коллекцію (постановлено—просить о присылкѣ ея на выставку); 4) сообщеніе свящ. Спѣсивцева о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ мѣстъ стоянокъ каменнаго вѣка и жилищъ кочевниковъ, съ приложеніемъ плана мѣстъ находокъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые переданы имъ въ комитетъ и музей древностей харьковскаго Университета (постановлено—просить свящ. Спѣсивцева доложить сообщеніе на съѣздѣ), 5) сообщеніе г-жи Литвиновой о присылкѣ ею введенія и описанія рисунковъ для издаваемаго комитетомъ альбома малорусскаго орнамента на основаніи ея собранія (постановлено благодарить г-жу Литвинову за ея цѣнный и важный трудъ); 6) сообщеніе М. Р. Кіянова о готовности предоставить свою коллекцію гравированныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ для выставки.

Въ члены комитета избрана г-жа Литвинова (Глуховъ, Черниговской губ.).

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и предметы для выставокъ и музею древностей Университета.

Е. Р.

Ученыя общества.

12 марта, подъ предсѣдательствомъ Б. И. Ханенка, состоялось *годичное общее собраніе членовъ Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ.* Собранію были доложены: докладъ правленія о его дѣятельности въ 1901 г., денежный отчетъ и смѣта на 1902 г. По выслушаніи вышеуказанныхъ докладовъ и по утвержденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, были произведены выборы какъ должностныхъ лицъ, такъ и новыхъ членовъ Общества. Приводимъ нѣкоторыя данныя изъ отчета за 1901 г.

Членовъ Общества въ 1901. г. состояло 178. Наличность имущества представляется въ слѣдующемъ: зданіе Музея съ новой пристройкой—239,148 р. 90 к., движимость въ коллекціяхъ и обстановкѣ—26,294 р. 65 к., въ деньгахъ—1,860 р. 34 к., въ долгахъ Обществу—168 р. 65 к., всего—267,472 р. 54 к.

Въ теченіе 1901 г. въ Музей поступило отъ 13 лицъ и учрежденій 800 предметовъ (главное количество ихъ составляетъ часть собранія гр. А. А. Бобринскаго), и на 1 января 1902 г. коллекціи Музея заключали предметами и книгами 7779 номеровъ.

Въ 1901 г. правленіе Общества, заботясь объ обезпеченіи содержанія Музея, подало почетному предсѣдателю Общества вел. кн. Владиміру Александровичу докладную записку съ изложеніемъ положенія дѣла и ходатайствомъ о субсидіи. Записка имѣла послѣдствіемъ ассигнованіе изъ средствъ Госуд. Казначейства по 1500 р. ежегодно.

Общество, кромѣ того, получаетъ городскую субсидію въ 1000 руб., но эти средства оказываются очень недостаточными для покрытія всѣхъ расходовъ по содержанію зданія и служащихъ, вслѣдствіе этого настоящее собраніе вновь уполномочило правленіе на ходатайство по данному предмету.

Дѣятельность правленія въ 1901 г. сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на приведеніи въ окончательный видъ зданія Музея и въ устройствѣ новой пристройки, заключающей въ себѣ парадную лѣстницу на второй этажъ. Кромѣ того, правленіемъ были устроены въ Музеѣ выставки картинъ, археологическая и предметовъ старины Юго-западнаго края XV—XIX вв.; выставки привлекли довольно значительное число посѣтителей.

Въ составъ членовъ правленія, произведенными въ концѣ засѣданія выборами, избранъ А. Н. Терещенко, а въ члены контрольнаго комитета—В. Л. Беренштамъ. Собраніе утвердило затѣмъ въ должности директора Музея предложеннаго правленіемъ члена правленія Н. Ф. Бѣляшевскаго.

Отчетъ о дѣятельности Общества изслѣдователей Волыни за 1901 г. Приводя данныя о дѣятельности Общества за минувшій первый годъ своего существованія, отчетъ самъ отмѣчаетъ, что, имѣя въ виду такую серьезную и широкую задачу, какъ всестороннее обслѣдованіе Волыни, общество, за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, не могло за короткій срокъ своей дѣятельности развить ее въ желательной мѣрѣ.

При всемъ томъ, кое-что сдѣлано и, на нашъ взглядъ, даже сдѣлано не мало. Прежде всего, секціи намѣтили себѣ каждая свою работу и выработали соотвѣтствующія программы. Секція естественныхъ наукъ намѣтила изслѣдованіе флоры и фауны Волыни и собираніе матеріаловъ для составленія геологической карты. Вторая секція этнографическая—собираніе по составленной уже детальной программѣ свѣдѣній о народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ и по внѣшнему быту, (предполагается составить программы и по другимъ отдѣламъ). Третья секція экономическая—статистическо-экономическое обслѣдованіе и, наконецъ, четвертая историческая—собираніе матеріаловъ по библіографіи Волыни, біографіи дѣятелей ея, составленіе историко-географическаго словаря; предположена организація экскурсій; приняты мѣры къ охраненію археологическихъ памятниковъ; осуществлены экскурсіи предсѣдателемъ секціи Я. В. Яроцкимъ въ овручскомъ уѣздѣ и членомъ секціи О. А. Фотинскимъ въ острожскомъ уѣздѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ Общества предпринялъ начатое печатаніемъ изданіе трудовъ Общества.

Общество изслѣдователей Волыни, распадающееся на четыре секціи—естественныхъ наукъ, этнографическую, экономическую и историческую, насчитываетъ въ настоящее время 157 членовъ. Совѣтъ Общества, избранный учредительнымъ собраніемъ 2-го декабря 1900 г., состоялъ: изъ предсѣдателя г. начальника губерніи І. Я. Дунинъ-Борковскаго, вице-предсѣдателя В. С. Ногай-

скаго, предсѣдателя секцій 1—Р. О. Собкевича, 2—Е. И. Щербицкаго, 3—Я. В. Яроцкаго и 4—протоіерея Н. Н. Трипольскаго.

Въ теченіе года произошли слѣдующія перемѣны: за отказомъ протоіерея Н. Н. Трипольскаго, предсѣдателемъ исторической секціи избранъ предсѣдатель экономической секціи Я. В. Яроцкій, предсѣдателемъ же экономической секціи А. П. Старосвѣтскій. За отказомъ предсѣдателя этнографической секціи Е. И. Щербицкаго, избранъ членъ секціи О. А. Фотинскій.

Совѣтъ Общества имѣлъ шесть засѣданій. Въ этихъ засѣданіяхъ контролировались суммы Общества, установленъ порядокъ сношеній секцій съ разными учеными обществами, постановленно издавать труды Общества, организовать чтеніе публичныхъ лекцій, къ чему привлечь членовъ Общества.

Секція естественныхъ наукъ имѣла 2 засѣданія. Секція этнографическая имѣла 5 засѣданій. Были прочитаны слѣдующія сообщенія: О. А. Фотинскимъ—о важнѣйшихъ задачахъ этнографической секціи; В. Г. Кравченкомъ—изъ наблюденій собирателя этнографическихъ матеріаловъ и крестьянская свадьба въ с. Курозванахъ, острожскаго уѣзда. Кромѣ того, въ соединенномъ засѣданіи 2 и 4 секціи О. А. Фотинскимъ былъ сдѣланъ докладъ—исторія народныхъ обычаевъ ковельскаго уѣзда. По экономической секціи состоялось 4 засѣданія. Историческая секція имѣла шесть засѣданій. Были прочитаны слѣдующіе рефераты: С. С. Гамченкомъ—о задачахъ исторической секціи Общества изслѣдователей Волыни; Н. П. Авенаріусомъ—башня Владимира Васильевича въ Каменцѣ-Литовскомъ; О. А. Фотинскимъ—исторія Дорогобужа въ связи съ исторіей средней Погорыни; Я. В. Яроцкимъ—важнѣйшіе вопросы, возникающіе при изученіи первобытныхъ древностей Волыни; ревизія Владиміро-Волынской повѣтовой школы въ 1803 г.; краткій отчетъ о раскопкѣ Рѣчицкаго могильника.

Музей Общества состоитъ изъ коллекцій: 1) минераловъ и почвъ, 2) палеонтологической, 3) нумизматической и 4) археологической. Первыя три, переданныя въ вѣдѣніе Общества распорядительнымъ комитетомъ публичной библіотеки, въ порядокъ еще не приведены и надлежащей описи имъ не составлено. Коллекція же археологическая слагается: 1) изъ коллекціи каменныхъ орудій и иныхъ предметовъ древностей, переданныхъ Обществу комитетомъ библіотеки и собранныхъ членомъ Общества Я. В. Яроц-

кимъ; 2) изъ коллекцій литографій, гравюръ и фотографій, переданныхъ Я. В. Яроцкимъ въ распоряженіе общества; 3) двухъ коллекцій предметовъ древности, найденныхъ въ овручскомъ уѣздѣ; 4) коллекціи дрогичинскихъ пломбъ и др. дрогичинскихъ древностей, пожертвованныхъ Н. П. Авенаріусомъ; 5) коллекціи каменныхъ орудій изъ Кременецкаго уѣзда, собранныхъ и пожертвованныхъ г-жей Пухляковой. Наконецъ, сюда же относится серебряный аграфъ княжеской эпохи, пожертвованный В. С. Ногайскимъ, кремневое долото изъ Житомирскаго уѣзда, пожертвованіе М. И. Корчинскаго. Архивъ общества составляетъ около 300 рукописныхъ документовъ, собранныхъ и пріобрѣтенныхъ Я. В. Яроцкимъ. («Волынь»).

Въ состоявшемся 9 марта очередномъ засѣданіи *Научнаго Общества въ г. Екатеринославѣ* былъ заслушанъ докладъ Н. В. Быкова о задачахъ архивной коммиссіи по организаціи областного музея имени А. Н. Поля. По окончаніи доклада, предсѣдатель собранія А. С. Синявскій коснулся болѣе важныхъ сторонъ вопроса о возможно широкой работѣ членовъ Общества по собиранію археологическихъ памятниковъ и остатковъ запорожской старины. Для этого постановили возбудить ходатайство объ открытіи архивной комиссіи. («Вѣстникъ Юга»).

Музеи и собранія древностей.

Музей при «Науковім Товаристві ім. Шевченка» во Львовѣ. Въ XLIII т. «Записок Наук. Тов. ім. Шевченка» помѣщена «Відозва до ш. земляків», касающаяся вопроса объ устройствѣ при Товариствѣ музея.

Передаемъ содержаніе этого обращенія; оно въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ выставлены для обозрѣнія публики коллекціи музея Товариства, которое въ теченіе многихъ лѣтъ чувствовало потребность въ учрежденіи украинско-русскаго музея и въ собираніи для него предметовъ. Переходъ Товариства въ концѣ 1900 г. въ новое помѣщеніе далъ возмож-

ность осуществить эти стремленія, и теперь, при канцеляріи Товариства, можно осматривать:

1) Коллекцію портретовъ наиболѣе извѣстныхъ украинско-русскихъ дѣятелей.

2) Коллекцію автографовъ украинско-русскихъ писателей и дѣятелей.

3) Коллекцію фотографій болѣе извѣстныхъ лицъ и достопримѣчательныхъ мѣстностей Украины-Руси.

4) Коллекцію древностей, въ которую входятъ слѣдующія болѣе интересныя собранія: изъ похороннаго поля с. Чехивъ (культура, переходная отъ камня къ желѣзу, раскопки М. Грушевскаго); находки изъ Звенигорода галицкаго, подаренныя М. Мекелитою (каменная, переходная и славянская культуры); находки съ Княжей горы; кромѣ того, много единичныхъ находокъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ.

Пока еще приводятся въ порядокъ—этнографическія коллекціи (писанокъ, вышивокъ, кустарныхъ издѣлій, старинныхъ и новыхъ костюмовъ и т. д.).

Въ интересахъ расширенія и пополненія вновь основаннаго музея, Товариство и обращается ко всѣмъ интересующимся и сочувствующимъ съ просьбой о помощи въ организаціи музея. Хотя, съ своей стороны, Товариство не жалѣетъ на это дѣло своихъ скромныхъ средствъ (въ смѣтѣ на настоящій годъ на этотъ предметъ ассигновано 1500 кронъ), но главнымъ образомъ надѣется на сочувствіе общества.

Вотъ краткій перечень того, что желательно сосредоточить въ музеѣ:

а) Древности: предметы изъ раскопокъ и находокъ въ предѣлахъ украинско—русской территоріи (съ возможно полнымъ указаніемъ мѣста и обстоятельствъ находокъ). Здѣсь указывается, между прочимъ, что по отношенію къ памятникамъ славянской старины особенно было бы интересно собирать такія находки на мѣстахъ древне-русскихъ городовъ, каковы Перемышль, Теребовля, Галичъ и др.; народные учителя, пріучая дѣтей приносить такія находки въ обмѣнъ на перья, мелкія монеты и т. п., могли-бы собрать прекрасныя коллекціи, какъ это напр. сдѣлалъ г. Мекелита (изъ Звенигорода Галицкаго). Находки монетъ имѣютъ значеніе лишь тогда, когда извѣстно мѣсто находки и

если монеты болѣе или менѣе древнія—не позже XV в.; болѣе позднія только тогда интересны, когда образуютъ систематическія коллекціи.

б) Старинная посуда, инструменты, одежда, различные старые образцы мѣстныхъ промысловъ—рѣзьба по дереву и металлу, инкрустаціи, ковры, вышивки и т. п.

в) Старинныя иконы, портреты, переплеты.

г) Старопечатныя книги русскихъ типографій.

д) Старинныя рукописи и документы.

е) Автографы украинско—русскихъ писателей и дѣятелей.

ж) Картины и гравюры новѣйшихъ мастеровъ—украинцевъ или на украинско-русскія темы.

з) Вышивки, писанки, рѣзныя издѣлія, образчики ткацтва и другихъ современныхъ промысловъ.

—

Въ областной Екатеринославскій музей имени А. Н. Поля пожертвована проф. Д. И. Эварницкимъ его коллекція древностей разныхъ періодовъ и остатковъ запорожской старины. Кромѣ того, между другими пожертвованіями, поступили въ музей: каменная баба—отъ директора трубопрокатнаго завода г. Маттео, старинный мечъ—отъ инженера г. Юргевича, старинный крестъ XVI вѣка съ финифтью, три куска мозаики изъ развалинъ Помпеи и минералы изъ горъ Гарца—отъ профессора В. В. Курилова, наконечникъ бронзовой скифской стрѣлы и раковины третичной эпохи, добытые геологомъ Соколовымъ при рытьѣ колодца на Мандрыковкѣ—отъ Н. В. Быкова, нѣсколько жалованныхъ грамотъ—отъ Н. В. Чехова, каменная пряслица, русскія монеты XVII—XVIII вѣка, Ипатская и Лаврентьевская лѣтописи—отъ А. С. Синявскаго. Кромѣ того, обѣщаны значительныя пожертвованія коллекцій естественно-историческихъ, въ частности, геологическая отъ С. А. Бродницкаго и отъ другихъ лицъ. При передаваемыхъ музею предметахъ, а равно въ каталогахъ музея будутъ сохранены навсегда имена жертвователей—создателей музея на пользу родного края. Въ настоящее время положено начало естественно-историческому и археологическому отдѣламъ музея. Въ дальнѣйшемъ, при благопріятномъ развитіи дѣла, предположены отдѣлы:

искусствъ, экономики, географическій съ фотографическимъ отдѣленіемъ, а также и торгово-промышленный, по образцу подобнаго музея въ Варшавѣ. Торжественное открытіе музея предположено 6-го мая, въ годовщину основанія Научнаго общества, но, вѣроятно, удастся сдѣлать музей доступнымъ для осмотра публики сейчасъ-же послѣ Пасхи. («Приднѣпр. Край»).

—

«Вѣстникъ Юга» сообщаетъ о рѣдкихъ археологическихъ багатствахъ, находящихся въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., въ имѣніи гофмейстера Алексѣева. Въ саду, при усадьбѣ въ имѣніи, находится 21 каменная баба, затѣмъ здѣсь же находятся 6 пушекъ малаго калибра, изъ которыхъ 4—на осадныхъ лафетахъ, и 6 осадныхъ орудій безъ лафетовъ; всѣ орудія вылиты изъ чугуна и на нѣкоторыхъ указанъ годъ литья—1727—1728. Въ домѣ хранится масса цѣнныхъ коллекцій древнихъ монетъ, рукописей и другихъ предметовъ, составляющихъ большую археологическую цѣнность.

—

Число лицъ, посѣтившихъ Лубенскій Музей Е. Н. Скаржинской въ 1898—1901 г. Секретаремъ Лубенскаго Музея С. К. Кулжинскимъ намъ любезно доставлена вѣдомость о числѣ посѣтителей музея. Вѣдомость эта подробная, но за краткостью мѣста, мы принуждены привесть лишь годичные итоги.

Въ 1898 г. посѣтителей было 62, въ 1899—64, въ 1900—331, въ 1901—771, итого 1228.

Эта краткая справка съ очевидностью говоритъ за усиливающійся въ послѣднее время интересъ публики къ Музею.

Музей находится въ 5-ти верстахъ отъ г. Лубенъ и, вслѣдствіе этого, главный процентъ посѣтителей составляютъ лубенцы,—за послѣдній годъ Музей посѣтило изъ общаго числа 771—581 жителей Лубенъ и окрестностей.

Такимъ образомъ труды, затрачиваемые владѣлицей на устройство и пополненіе Музея, не остаются безплодными—Музей выполняетъ свое назначеніе—служить, помимо научныхъ, и цѣлямъ просвѣщенія окрестнаго населенія.

Изслѣдованія и раскопки.

Стоянка палеолитической эпохи у с. Селища. Каневск. у. Кіевской губ. Въ прошломъ году священникъ с. Селища П. М. Дзбановскій сообщилъ Кіевскому Обществу Древностей и Искусствъ, что въ оврагахъ, прилегающихъ къ селу, по мѣрѣ размыванія ихъ, находятъ много костей мамонта. Вслѣдствіе этого заявленія хранитель Кіевскаго Музея В. В. Хвойка отправился на мѣсто и произвелъ осмотръ овраговъ. Оказалось, что, дѣйствительно, въ оврагахъ, на протяженіи двухъ верстъ, залегаетъ большое количество костей мамонта, которыя, по мѣрѣ размыванія склоновъ овраговъ, вываливаются наружу. Осмотръ, произведенный г. Хвойкой не далъ пока никакихъ данныхъ, указывающихъ на присутствіе здѣсь стоянки первобытнаго человѣка.

Не обнаружилъ здѣсь слѣдовъ человѣка и В. И. Лучицкій, посѣтившій Селище въ августѣ прошлаго года съ геологическими цѣлями. В. И. Лучицкій любезно сообщилъ намъ нижеслѣдующія наблюденія о положеніи костей мамонта.

«Мамонтъ залегалъ здѣсь въ лессовидномъ суглинкѣ послѣледниковаго возраста, въ оврагѣ «Губчинъ яръ»; кверху суглинокъ переходитъ въ типичный лессъ. Мощность породъ надъ мамонтомъ—около $4^1/_2$ саж.; совмѣстно съ костями мамонта въ суглинкѣ встрѣчаются и раковины моллюсковъ—Pupa muscorum, Succinea и др. Насколько мнѣ извѣстно, здѣсь были найдены слѣдующія кости, принадлежащія одному и тому-же мамонту: кости черепа, бивень, нѣсколько зубовъ съ обломками челюстей, нѣсколько позвонковъ, куски реберъ, кости таза, нѣсколько костей конечностей (часть этихъ костей находится въ настоящее время въ университетѣ св. Владиміра). Вообще, окрестности с. Селища весьма богаты костями мамонта, которыя выносятся, главнымъ образомъ, изъ большого Студенецкаго оврага, между сс. Селище и Бобрица. Мнѣ удалось наблюдать бивень молодого мамонта въ томъ-же Губчиномъ оврагѣ, въ лессовидномъ суглинкѣ, а въ оврагѣ «Ѳоминивщина», ьпадающемъ въ с. Селище, въ пескѣ, подлежащемъ лессу,—бивень взрослаго мамонта.»

Повидимому, счастливѣе были развѣдки въ той-же мѣстности редактора «Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи» Н. І. Криштафовича. На XI съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ

Петербургѣ имъ былъ прочтенъ докладъ: «Станціи древнѣйшаго палеолитическаго человѣка на территоріи Европейской Россіи и ихъ геологическій возрастъ», гдѣ сообщается объ изслѣдованіи такой станціи и у с. Селища. Г. Криштафовичемъ встрѣчены здѣсь въ большомъ количествѣ кости мамонта съ различными кремневыми орудіями древне—палеолитическаго характера. По словамъ г. Криштафовича, станцію у селища можно сравнить съ такой-же Ново-Александрійской, имъ обслѣдованной, и съ Кіевской (на Кирилловской ул.). Докладчикъ полагаетъ, что всѣ онѣ одного и того-же возраста и относятся къ межледниковому періоду.

Какъ сообщаетъ намъ Н. І. Криштафовичъ, результаты его наблюденій у с. Селища будутъ въ непродолжительномъ времени опубликованы въ «Ежегодникѣ по геологіи и минералогіи Россіи»— по выходѣ въ свѣтъ этого изданія, мы постараемся дать болѣе подробныя свѣдѣнія о стоянкѣ у с. Селища.

—

Раскопки кургана при д. Луговкѣ, Мглинск. у. Черниговск. г. Учителемъ народнаго училища С. А. Гатцукомъ прислано подробное описаніе раскопокъ одного изъ кургановъ могильника у д. Луговки, произведенныхъ прошлымъ лѣтомъ. Помѣщаемъ здѣсь краткія свѣдѣнія, извлеченныя изъ этого отчета. Луговской могильникъ расположенъ на высокомъ берегу рѣки Ипуть, занимаетъ площадь отъ 1 до $1^1/_4$ десятины и заключаетъ 30 кургановъ. Большинство кургановъ сохранилось въ цѣломъ видѣ, высотой отъ $2^1/_2$ до 3-хъ арш. и діаметромъ 10—12 арш. Нѣкоторые изъ кургановъ имѣютъ круговыя канавки.

Раскопкой одного кургана обнаружено погребеніе на поверхности земли; костякъ лежалъ головой на западъ; никакихъ вещей при немъ не найдено.

Въ насыпи кургана, въ сѣверной его части, открыты остатки какого-то кирпичнаго склепа, повидимому позднѣйшаго происхожденія.

Характеръ могильника и погребальный типъ указываютъ на то, что Луговской могильникъ—славянскій, сравнительно поздній.

—

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1902 г.

МАЙ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 апрѣля 1902 года.

АЛЕКСАНДРЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

31 марта, въ $4^1/_2$ часа пополудни, въ Кіевѣ умеръ извѣстный историкъ Малороссіи Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій.

Для «Кіевской Старины» это—тяжелая, незамѣнимая утрата. Покойный былъ постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала съ самаго основанія его въ 1882 году, и читатели «Кіевской Старины» привыкли видѣть, особенно за послѣднее десятилѣтіе, почти въ каждой книжкѣ журнала статьи, документы или изслѣдованія, подписанныя именемъ покойнаго, или чаще его неизмѣнными иниціалами А. Л.

Но Александръ Матвѣевичъ не только былъ усéрднымъ сотрудникомъ «Кіевской Старины»: онъ былъ «вѣрнымъ другомъ» ея, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Онъ раздѣлялъ ея радости, онъ болѣлъ ея горестями. Рѣдко кто изъ читателей «Кіевской Старины» ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ выхода новой книжки, какъ Александръ Матвѣевичъ, рѣдко кто раньше его прочитывалъ эту книжку съ такимъ вниманіемъ, такъ огорчался по поводу малѣйшаго въ ней недосмотра или промаха и съ такой радостью встрѣчалъ хорошія статьи. Во всемъ этомъ сказывалось одно: любовь къ своему дѣтищу—журналу. Въ изданіи «Кіевской Старины» А. М-чъ видѣлъ долгъ интеллигенціи предъ обществомъ

и всегда гордился той полкой въ своей библіотекѣ, на которой помѣщались 76 томовъ «Кіевской Старины».

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты, мы можемъ лишь скорбѣть о томъ, что безжалостная судьба такъ неожиданно отняла у нашей родины одного изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ сыновъ ея и работниковъ, но должны отложить до другого времени оцѣнку научныхъ и общественныхъ заслугъ покойнаго, равно какъ и вообще оцѣнку его оригинальной, даровитой и необыкновенно благородной личности. Такая оцѣнка—прежде всего долгъ нашей любви и благодарной признательности къ почившему, и мы надѣемся представить на страницахъ нашего журнала рядъ очерковъ и воспоминаній, посвященныхъ его памяти. Теперь же ограничиваемся тѣмъ, что помѣщаемъ некрологъ Ал. М-ча, описаніе его похоронъ и хронологическій перечень его печатныхъ трудовъ.

А. М. Лазаревскій родился 8 іюня, 1834 года, въ с. Гирявкѣ, конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи. Отецъ его, Матвѣй Ильичъ, служилъ въ то время въ Конотопѣ. Мальчикъ жилъ въ деревнѣ съ матерью, которой былъ обязанъ своимъ начальнымъ развитіемъ. Она же первая стала обучать его и грамотѣ по складамъ. «Каждый день вооружался я «указкой» изъ нехворощаного вѣника и училъ склады»—разсказываетъ объ этомъ времени въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ Ал. М-чъ. «Ученіе поощрялось тѣмъ, что мать брала меня съ собою иногда на ярмарки—конотопскую и роменскую, на которыхъ покупались игрушки въ родѣ дрожекъ, запряженныхъ парою лошадей съ кучеромъ и бариномъ». Лазаревскіе вели замкнутый образъ жизни; въ гости ѣздили мало, близкихъ отношеній съ сосѣдями у нихъ не было. Александръ Матвѣевичъ росъ одинокимъ. «Сверстниковъ мальчиковъ у меня вовсе не было—говоритъ онъ,—исключая одного двороваго, съ которымъ, впрочемъ, я подружился уже позже, лѣтъ въ десять. Младшій братъ Иванъ, будучи моложе меня двумя годами, былъ малъ, когда мнѣ было

6—7 лѣтъ, а старшій Яковъ въ это время уже учился въ конотопскомъ уѣздномъ училищѣ. Поэтому дѣтство мое проходило довольно скучно».

Въ 1842 году Ал. М-ча отвезли въ Харьковъ къ брату Ѳедору, и съ этого времени начинается его долгая, на диво скитальческая жизнь, продолжавшаяся собственно говоря до переселенія въ Кіевъ, въ 1880 г. До тѣхъ поръ ему не сидѣлось обыкновенно на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть, эту черту въ немъ развили его юношескіе годы.

Братъ Ал. М-ча Ѳедоръ былъ въ 1840-хъ годахъ студентомъ Харьковскаго университета, и Ал. М-ча отвезли къ нему учиться, такъ какъ дома учить было некому. Онъ прожилъ въ Харьковѣ два года, ничего не дѣлая: братъ не обращалъ на него никакого вниманія, не занимался съ нимъ, и мальчикъ жилъ безъ всякаго надзора. Въ 1844 году А. М-чъ возвратился, наконецъ, домой и былъ отданъ въ первый классъ конотопскаго уѣзднаго училища, гдѣ пробылъ до февраля 1846 года, когда изъ 2-го класса былъ взятъ домой. Оказалось, что онъ былъ записанъ кандидатомъ въ кадеты Дворянскаго полка, и родители рѣшили отправить его заранѣе въ Петербургъ. Кстати туда ѣхалъ самый старшій братъ А. М-ча, Василій. Онъ окончилъ уже университетъ, скопилъ себѣ денегъ на кондиціяхъ и отправлялся искать счастья въ столицѣ.

24 февраля 1846 года братья выѣхали изъ Гирявки. Разница между ними была въ 17 лѣтъ, близости не было; двухнедѣльное путешествіе до Петербурга и теплыя заботы брата сблизили ихъ, и это въ значительной степени смягчало для А. М-ча горечь разлуки съ матерью и съ родиной. Впослѣдствіи А. М-чъ всегда съ сердечной теплотой и глубокой благодарностью вспоминалъ о братѣ Василіи Матвѣевичѣ, которому онъ, какъ и остальные братья, былъ многимъ обязанъ.

Въ Петербургъ братья пріѣхали въ началѣ марта 1846 года. Василій М-чъ, увлеченный новой жизнью въ столицѣ, новыми знакомствами, обращалъ на младшаго брата мало вниманія. Мальчикъ снова оставался, какъ и въ Харьковѣ, безъ присмотра, хо-

дилъ по городу, глазѣлъ на все и почти ничѣмъ не занимался. Кончилось это тѣмъ, что въ Дворянскій полкъ онъ экзамена не выдержалъ. Оставаться ему въ Петербургѣ не имѣло смысла; возвратиться же въ Малороссію для двѣнадцатилѣтняго мальчика было затруднительно.

Василій Матвѣевичъ попробовалъ было въ Петербургѣ заниматься литературнымъ трудомъ и этимъ добывать себѣ средства къ жизни. Когда это оказалось нелегко, онъ сталъ подумывать о поступленіи на службу. Братья Михаилъ и Өедоръ Матвѣевичи служили въ это время въ Оренбургѣ, въ Коммиссіи, вѣдавшей кочевавшихъ около Оренбурга киргизовъ, и стали звать его туда. Въ 1847 году Василій Матвѣевичъ переѣхалъ въ Оренбургъ и взялъ съ собою и Александра, такъ какъ его не на кого было оставить въ Петербургѣ.

Василій Матвѣевичъ пробылъ въ Оренбургѣ недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ. Зимою 1847 года генералъ Ладыженскій, вѣдавшій оренбургскихъ киргизовъ, отправился по службѣ въ Петербургъ и взялъ съ собою Василія Матвѣевича. Послѣдній познакомился во время этой поѣздки съ Далемъ, понравился ему и чрезъ его посредство поступилъ на службу къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Александръ Матвѣевичъ же оставался въ Оренбургѣ у брата Өедора, ожидая случая переправиться въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить у брата.

Прошло полгода; случая не представлялось, и мальчикъ продолжалъ оставаться безъ дѣла въ Оренбургѣ. Впрочемъ, пребываніе его здѣсь не осталось для него безслѣднымъ. «Въ это время (разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи) я началъ уже почитывать книги, преимущественно старые журналы. Мнѣ попалась въ руки Исторія Малороссіи, кажется, Бантышъ-Каменскаго, прочитывая которую, я сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія. Въ это же время сталъ ко мнѣ ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было тогда немало въ Оренбургѣ.....

Со многими вопросами по исторіи Малороссіи я обращался къ нему, но учитель какъ-то мало удовлетворялъ мое любопытство. Между тѣмъ Малороссія возбуждала мое любопытство и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившимъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до перевода его въ Орскую крѣпость».

Тогда, очевидно, зародилась у Александра Матвѣевича та любовь къ板 родинѣ, къ ея быту, прошлому, которая составляла характерную особенность его личности, и это чувство въ немъ не только не угасало съ годами, но, можно сказать, непрерывно росло и увеличивалось до самой его смерти.

Изъ Оренбурга А. М. Лазаревскій выбрался только лѣтомъ 1848 года и выбрался въ довольно оригинальной обстановкѣ. Въ Самару шелъ обозъ въ нѣсколько десятковъ подводъ и съ нимъ отправлялась въ Петербургъ дешевымъ способомъ семья какого-то майора. Семьѣ этой и поручили доставить въ столицу А. М. Лазаревскаго. Предстояло, такимъ образомъ, томительное, безконечное путешествіе. Впрочемъ, оно было скоро прервано. Въ Самару путешественники прибыли въ разгаръ свирѣпствовавшей тогда холеры, и Лазаревскій остался въ семьѣ Арсенія Ѳедоровича Бѣлокрысенка, университетскаго товарища его старшаго брата Василія. Прожилъ онъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ ничего не дѣлая, занимаясь только ловлей рыбы на Волгѣ. Осенью, наконецъ, случилась оказія въ Петербургъ, и А. М. предпринялъ довольно оригинальное путешествіе. Офицеръ оренбургскаго козачьяго войска Соколовъ велъ въ Петербургъ человѣкъ пятнадцать козаковъ-артиллеристовъ, которые ѣхали туда на обывательскихъ подводахъ. «Съ нимъ отправили и меня—разсказываетъ А. М-чъ. Путешествіе это было превеселое. Соколову было лѣтъ двадцать, и помню, что онъ всѣ свои впечатлѣнія, свое горе и свои радости часто повѣрялъ мнѣ, какъ товарищу. Съ подчиненными своими онъ обращался очень дружелюбно, и тѣ превозносили своего командира. Напиваясь нерѣдко до-пьяна, козаки горланили, сидя на обывательскихъ подводахъ:

Командиръ нашъ Соколовъ,
Онъ служить съ нами готовъ...

Купивъ у одного козака фуражку, я также преобразился въ козака, при чемъ просилъ, чтобы и мнѣ, какъ другимъ, отводилась на стоянкахъ квартира въ крестьянскихъ избахъ. Соколовъ этому желанію не противорѣчилъ, и я былъ предоволенъ, когда крестьянскія бабы выражали ко мнѣ особое сочувствіе, что вотъ молъ какого молодого козаченька везутъ уже на службу».

Въ Новой-Ладогѣ Лазаревскому пришлось проститься съ козаками, такъ какъ тамъ стояла ихъ батарея, и до Петербурга онъ путешествовалъ уже одинъ, по подорожной «недоросля изъ дворянъ». Ѣхать приходилось часто ночью, и юноша натерпѣлся немало страха.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, А. М—чъ снова сталъ болтаться безъ дѣла, такъ какъ братъ Василій не зналъ, что съ нимъ дѣлать, и боялся, что содержаніе его въ учебномъ заведеніи будетъ непосильно для отца въ матеріальномъ отношеній. Александра М—ча помѣстили сначала у одного изъ гувернеровъ 2-й гимназіи, пока, наконецъ, не рѣшили отдать его въ гимназію. Въ то время ему шелъ уже 16-й годъ, подготовленъ онъ былъ крайне плохо, такъ какъ у гувернера 2-й гимназіи Прейса, гдѣ онъ въ послѣднее время жилъ, обращалось почти исключительное вниманіе на французскій языкъ; другіе же предметы оставались въ полномъ загонѣ. Началось усиленное приготовленіе къ экзамену, и въ февралѣ 1850 года Лазаревскій былъ наконецъ принятъ въ 3-й классъ 2-й Петербургской гимназіи. Въ гимназіи онъ оставался до 1855 года, причемъ всѣ предметы ему легко давались, кромѣ математики. Любовь къ Малороссіи, пробужденная еще въ Оренбургѣ, получила у А. М—ча въ старшихъ классахъ гимназіи болѣе опредѣленный характеръ: онъ сталъ интересоваться ея исторіей, бытомъ, и еще будучи гимназистомъ съ 1853 года сталъ печатать въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» замѣтки по исторіи своей родины. Съ тѣхъ поръ начинается его непрерывная литературная дѣятельность, какъ изслѣдователя малорусской старины. Въ освѣщеніи послѣдней онъ видѣлъ главное

призваніе своей жизни и куда впослѣдствіи судьба его ни забрасывала, въ какое положеніе ни ставила, онъ всегда находилъ время для своихъ любимыхъ занятій исторіей Малороссіи.

Въ Петерб. университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, А. М—чъ пробылъ 4 года; но университетъ, кажется, мало далъ ему. На лекціяхъ Н. Г. Устрялова по русской исторіи онъ, какъ самъ сознается, ни разу не былъ. Болѣе другихъ изъ профессоровъ онъ сблизился съ М. И. Сухомлиновымъ, съ которымъ дружественныя отношенія сохранялись у него до смерти послѣдняго. Подъ вліяніемъ М. И. Сухомлинова была написана А. М—чемъ работа о хронографахъ. М. И. Сухомлиновъ предлагалъ ему даже остаться при университетѣ, но онъ рѣшительно отклонилъ это, считая себя неспособнымъ къ профессурѣ.

Главныя занятія А. М—ча въ университетѣ были посвящены исторіи Малороссіи. Въ 1858 году онъ, еще будучи студентомъ, напечаталъ «Указатель для изученія малороссійскаго края». Это очень тщательно составленный хронологическій перечень матеріаловъ для изученія Малороссіи, показывающій въ авторѣ хорошее знакомство съ литературой предмета. Кружокъ малороссовъ и лицъ, сочувствовавшихъ малорусскому народу и его духовному развитію, сгруппировавшійся въ то время въ Петербургѣ, еще болѣе способствовалъ укрѣпленію въ А. М—чѣ интереса къ родинѣ. Къ этому времени подоспѣло возвращеніе въ Петербургъ Т. Г. Шевченка, бывавшаго чуть не ежедневно въ квартирѣ старшаго брата А. М—ча, гдѣ и онъ проживалъ. Когда стала издаваться «Основа», А. М—чъ примкнулъ къ ней и напечаталъ тамъ цѣлый рядъ статей. Онъ, между прочимъ, былъ при смерти Т. Г. Шевченка и описалъ его послѣдніе часы и его дѣтство, по разсказамъ сестры. По смерти Шевченка, А. М—чъ вмѣстѣ съ Честаховскимъ поѣхалъ провожать его тѣло въ Малороссію, на мѣсто его вѣчнаго упокоенія возлѣ г. Канева [1]) Народническое увлеченіе того времени захватило и А. М—ча. У семьи его есть

---

[1]) Отрывки изъ воспоминаній объ этомъ путешествіи напечатаны Ал. М—чемъ въ «Кіев. Ст.».

нѣсколько портретовъ Ал. М—ча въ малорусскомъ національномъ костюмѣ. Такъ одѣвалась тогда молодежь, желавшая ближе стать къ народу. Какъ разъ въ то время подоспѣла крестьянская реформа. Все лучшее отозвалось на нее, и Ал. М—чу захотѣлось послужить «великому дѣлу», какъ онъ всегда называлъ освобожденіе крестьянъ. Онъ бросилъ столицу и переѣхалъ къ себѣ на родину, въ Черниговскую губернію.

До сихъ поръ официальное его положеніе складывалось такимъ образомъ:

«По окончаніи полнаго курса наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата,—говоритъ его формулярный списокъ,—въ службу вступилъ въ С.-Петербургское губернское правленіе канцелярскимъ чиновникомъ 1859 г. сентября 15. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 18 мая 1860 г. за № 120 утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря со старшинствомъ со дня вступленія въ службу. Приказомъ по вѣдомству м-ва народ. просв. за № 17 22 іюня 1860 г. перемѣщенъ чиновникомъ Археографической коммиссіи, состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія». Кажется, въ это именно время Ал. М—чъ былъ библіотекаремъ у графа А. С. Уварова и составилъ описаніе его рукописей.

«Въ началѣ марта 1861 года,—разсказываетъ онъ въ своихъ «Отрывкахъ изъ черниговскихъ воспоминаній» [1])—неожиданно появились въ С.-Петербургѣ въ продажѣ Положенія 19 февраля 1861 года. Всѣ бросились читать этотъ—давно уже тогда ожидаемый актъ. Когда я прочелъ «Общее положеніе», въ которомъ излагались общія начала уничтоженія крѣпостного права, а затѣмъ и другія «Положенія», меня обуяла великая охота самому попасть въ число тѣхъ, которые призывались для «приведенія въ дѣйствіе» великаго закона; казалось, что всѣ молодыя силы отдалъ бы этому дѣлу,—такъ оно было свѣтло и радостно... Но, увы, главными исполнителями по приведенію въ дѣйствіе закона 19 февраля 1861 года являлись мировые посредники, которые вы-

---

[1]) Кіевская Старина, 1901 г. мартъ и апрѣль.

бирались изъ мѣстныхъ дворянъ, съ извѣстнымъ образовательнымъ и земельнымъ цензомъ; я же хотя и имѣлъ цензъ по черниговской губ., но не жилъ на мѣстѣ, недавно лишь окончилъ одинъ изъ столичныхъ университетовъ, далекій отъ родины. Разсчитывать попасть въ число избранныхъ я не могъ... Но кромѣ посредниковъ, въ имѣвшихъ образоваться крестьянскихъ учрежденіяхъ оказалась должность, на которую я имѣлъ уже болѣе доступное для меня право. Въ «Положеніяхъ» говорилось, что въ «Съѣздѣ» мировыхъ посредниковъ участвуетъ, кромѣ уѣзднаго предводителя дворянства, еще и «членъ отъ правительства»; функціи этой должности въ законѣ не опредѣлялись, но затѣмъ практика выработала изъ этой должности нѣкоторое подобіе теперешнему товарищу прокурора, участвующему въ «Съѣздахъ» мировыхъ судей. Намѣтивъ себѣ эту должность, я сталъ думать о способахъ къ ея полученію. И тутъ не было у меня почти никакихъ шансовъ»... Благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ, Ал. М—чу удалось обратиться за поддержкой къ бывшему тогда тов. министра внутр. дѣлъ Н. А. Милютину. Послѣдній написалъ письмо о немъ къ новому черниговскому губернатору кн. С. П. Голицыну, сочувственно относившемуся къ крестьянскому дѣлу, и Ал. М—чъ 11 августа 1861 года былъ назначенъ «членомъ отъ правительства въ Черниговскую губернію».

Съ этихъ поръ вся его остальная судьба и жизнь проходитъ въ провинціи, на родинѣ въ Малороссіи, разработкѣ исторіи которой онъ посвятилъ свои лучшія силы и большую часть своей жизни. Одинъ годъ только служилъ Ал. М—чъ внѣ предѣловъ Малороссіи: это—когда въ 1879 году онъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя курскаго суда. Впрочемъ, въ Курскѣ Ал. М—чъ «томился» не долго: чрезъ годъ, какъ увидимъ ниже, или даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, онъ былъ уже въ Кіевѣ, куда давно стремился.

Членомъ отъ правительства въ Съѣздѣ мировыхъ посредниковъ А. М—чъ оставался до 1863 года, когда, съ введеніемъ въ Черниговской губерніи акцизной системы, перешелъ на службу въ акцизное вѣдомство и былъ назначенъ надзирателемъ акциз-

ныхъ сборовъ сначала 3-го, а въ 1864 г.—4 округа Черниговской губерніи. Въ 1865 году мы видимъ его уже секретаремъ черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и секретаремъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета; въ 1866 году—правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора. Въ 1868 году Ал. М—чъ былъ назначенъ совѣтникомъ черниговскаго губ. правленія, но оставилъ службу, не вступая въ должность, и снова перешелъ въ акцизъ надзирателемъ 8 округа. Въ то время въ Полтавской губерніи вводились Судебные Уставы 1864 года, и Ал. М—чъ 7 ноября 1868 г. былъ назначенъ членомъ полтавскаго окружного суда. Не долго онъ, по обыкновенію, оставался и въ Полтавѣ. Въ 1872 году вышелъ въ отставку, принялъ частную должность члена оцѣнщика полтавскаго земельнаго банка и поселился въ конотопскомъ уѣздѣ. Въ это время онъ, кажется, началъ устраивать свой хуторъ Подлипное, въ 4 верстахъ отъ ст. Конотопъ, Кіево-Воронеж. жел. дороги. Подлипное всецѣло создано Ал. М—чемъ: имъ построенъ домъ, разведенъ большой довольно садъ, насажена сосновая роща, которой онъ обыкновенно любилъ хвалиться, говоря, что рощей этой онъ опровергъ предразсудокъ, будто на черноземной почвѣ конотопскаго уѣзда не могутъ расти хвойныя деревья. Въ Подлипномъ Ал. М—чъ проводилъ обыкновенно лѣто. Еще въ день своего заболѣванія, такъ внезапно сведшаго его въ могилу, онъ отправилъ туда, какъ то дѣлалъ каждую весну и осень,—деревья для новыхъ посадокъ. Устроивъ свой хуторъ, Ал. М—чъ сдѣлался, какъ его въ шутку называли, «конотопскимъ патріотомъ» и дѣйствительно, трудно найти другого человѣка, который бы такъ любилъ свой уѣздъ, какъ Ал. М—чъ. У него даже была особая именная печать съ гербомъ Конотопа и надписью: «Лазаревскій изъ Конотопа».

Поселившись въ конотопскомъ уѣздѣ, Ал. М-чъ занялъ въ 1873 г. должность мирового посредника григоровскаго участка, но и здѣсь усидѣлъ недолго. Подъ бокомъ открывался нѣжинскій судъ, и въ 1874 году онъ былъ назначенъ членомъ его. Въ Нѣжинѣ Лазаревскій оставался пять лѣтъ, пока въ 1879 году не получилъ

назначенія товарищемъ предсѣдателя курскаго, а въ 1880 году, съ открытіемъ судебныхъ учрежденій въ кіевской губерніи,—кіевскаго окружного суда. 4 декабря 1885 года онъ былъ назначенъ членомъ кіевской судебной Палаты. Въ этомъ званіи онъ и умеръ.

Офиціальной службой не ограничивалась дѣятельность Ал. М-ча. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій, онъ былъ гласнымъ конотопскаго уѣзднаго земства, нѣсколько разъ былъ представителемъ своего уѣзда въ губернскомъ земскомъ собраніи, избирался почетнымъ мировымъ судьею. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ земскимъ учрежденіямъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ дѣятельности земства въ черниговской губерніи и въ участіи, въ качествѣ гласнаго, въ конотопскомъ земствѣ онъ всегда видѣлъ свою нравственную и общественную обязанность. Помимо участія въ земскихъ собраніяхъ, которыя онъ пропускалъ только въ исключительныхъ случаяхъ, А. М-чъ принималъ на себя не одинъ разъ и спеціальныя порученія земскаго собранія. Въ 1890 году онъ составилъ, напр., Памятную книжку конотопскаго земства, которая подводила итогъ дѣятельности земскихъ учрежденій въ конотопскомъ уѣздѣ за 25-лѣтній періодъ ихъ существованія. Въ послѣдніе годы онъ, по порученію собранія, ревизовалъ дѣлопроизводство управы.

Трудно представить себѣ другого человѣка, который перемѣнилъ бы за свою жизнь столько мѣстъ службы, какъ покойный А. М. Лазаревскій. Объяснить это можно только тѣмъ, что ни одна служба не соотвѣтствовала его природной склонности. Ал. М-чъ былъ человѣкъ науки по преимуществу. Увлекшись еще въ молодости исторіей Малороссіи, онъ въ занятіяхъ ею находилъ свое удовольствіе, свой отдыхъ. Главныя его занятія начинаются съ переѣздомъ въ Черниговъ. Здѣсь въ то время находился архивъ генеральной канцеляріи, румянцевская опись Малороссіи, архивъ казенной палаты, заключавшій въ себѣ много матеріала по исторіи землевладѣнія. Съ ними и начинаетъ свое знакомство Ал. М-чъ, извлекая изъ архивной пыли все болѣе и болѣе важные документы. Онъ, между прочимъ, привелъ въ порядокъ Румянцевскую Опись, перенесъ ее изъ архива казенной палаты

въ Черниговскій статистическій Комитетъ, откуда она уже поступила потомъ въ Академію наукъ. Свои труды А. М. Лазаревскій печаталъ въ это время въ «Памятныхъ книжкахъ» Черниговской губерніи, въ «Запискахъ черниговскаго статистическаго Комитета», издававшихся подъ его редакціей, а также въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Въ 1-й книжкѣ «Записокъ черниговскаго статистическаго Комитета» за 1866-й годъ было напечатано изслѣдованіе Ал. М-ча «Малороссійскіе посполитые крестьяне»,—трудъ, не потерявшій всей своей важности до настоящаго времени и упрочившій за авторомъ славу серьезнаго изслѣдователя въ области внутренней исторіи Малороссіи. Въ концѣ 1860-хъ годовъ А. М. Лазаревскимъ было предпринято «Обозрѣніе Румянцевской Описи», оконченное потомъ Н. А. Константиновичемъ. «Обозрѣніе» это, несмотря на свои недостатки, зависѣвшіе отъ спѣшности работы, познакомило ученый міръ съ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по исторіи Малороссіи.

Переѣздъ въ Полтаву не измѣнилъ характера занятій Ал. М-ча. Сосредоточивъ главное свое вниманіе на исторіи администраціи, дворянскихъ родовъ, колонизаціи малорусскаго края, Ал. М-чъ нашелъ богатый матеріалъ въ архивахъ Полтавской казенной палаты, окружного Суда и дворянскаго депутатскаго Собранія. Эти матеріалы легли впослѣдствіи въ основу 3-го тома «Описанія Старой Малороссіи» и затѣмъ на основаніи ихъ Ал. М-чъ началъ составлять 4-й томъ, посвященный Полтавскому полку. Матеріалы, извлеченные имъ въ Полтавѣ, пріобрѣтаютъ тѣмъ большую цѣнность, что многіе изъ нихъ, между прочимъ и бывшая часть Руменцевской описи Малороссіи, обнимавшей юго-восточную часть теперешней полтавской губерніи, погибли во время пожара, истребившаго большую часть архива полтавской казенной палаты...

Послѣ отъѣзда изъ Полтавы до назначенія Ал. М-ча товарищемъ предсѣдателя кіевскаго окружного суда (1872—1880 гг.). наступаетъ нѣкоторое затишье въ научной дѣятельности его. Правда, къ этому времени относятся его «Очерки малороссійскихъ

фамилій» въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 и 1876 г., его замѣчательная по собраннымъ матеріаламъ и ихъ научной критической оцѣнкѣ статья о Полуботкѣ (Рус. Арх. 1880), написанная въ отвѣтъ на ст. Костомарова, и нѣсколько другихъ статей, но въ общемъ періодъ этотъ былъ менѣе продуктивенъ въ литературной дѣятельности Ал. М-ча, чѣмъ предыдущій, въ особенности, чѣмъ послѣдующій, послѣ переѣзда въ Кіевъ. Съ одной стороны, заботы объ устройствѣ хутора въ с. Подлипномъ, съ другой—жизнь въ Нѣжинѣ и Курскѣ, очевидно, мѣшали этому.

Въ 1880 году А. М. Лазаревскій переѣзжаетъ на жительство въ Кіевъ, куда онъ давно стремился. Нужно сказать, что онъ держался всегда того убѣжденія, что Кіевъ и его высшія учебныя заведенія должны служить главнымъ мѣстомъ разработки малорусской исторіи, что здѣсь, въ кіевскихъ архивахъ, должны быть сосредоточены всѣ историческіе матеріалы: Кіевъ—всегда былъ историческимъ центромъ малорусской жизни.

Въ 1882 г. Ѳ. Г. Лебединцевъ основываетъ «Кіевскую Старину», и А. М. дѣлается ея постояннымъ сотрудникомъ и остается имъ до самой смерти. Здѣсь напечатана имъ наиболѣе значительная часть его работъ по внутренней исторіи Малороссіи, всецѣло построенная, по обыкновенію, на новыхъ архивныхъ матеріалахъ. Въ концѣ 1880-хъ годовъ Ал. М-чъ сталъ дѣлать сводку матеріаловъ, собранныхъ имъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Сводкѣ этой онъ придалъ характеръ «Описанія Старой Малороссіи» по полкамъ, сообщая данныя о территоріи полка, административномъ дѣленіи, біографическія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ представителяхъ изъ старшины, наконецъ—данныя, относящіяся къ исторіи селъ и селянъ въ Старой Малороссіи. Первый томъ этого «Описанія», обнимающій собою Стародубскій полкъ, явился въ 1889 году, второй, посвященный Нѣжинскому полку,—въ 1893 году, третій—Прилуцкому полку—въ прошломъ 1901 г. Предъ смертью Ал. М-чъ, какъ уже не разъ выше упоминалось, работалъ надъ такимъ же «Описаніемъ» полка Полтавскаго. Первые два тома «Описанія старой Малороссіи» были увѣнчаны уваровской преміей и, по отзывамъ рецензентовъ, проф. Д. И. Ба-

галѣя и В. А. Мякотина, представляютъ собой цѣнный вкладъ въ изученіе историческаго прошлаго Малороссіи, заключая въ себѣ массу важнаго матеріала по разнымъ вопросамъ малорусской исторіи. Третій томъ, оставшійся пока еще безъ надлежащей оцѣнки, представляетъ собой въ этомъ отношеніи не меньшую, если не большую цѣнность. Прилуцкій полкъ—мѣсто родины Ал. М-ча, и онъ давно уже самымъ тщательнымъ образомъ собиралъ всѣ матеріалы для исторіи его территоріи. По его собственнымъ словамъ, матеріалъ въ третьемъ томѣ полнѣе и еще болѣе разнообразенъ, чѣмъ въ первыхъ двухъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ал. М-чъ свое постоянное сотрудничество въ «Кіевской Старинѣ» раздѣлялъ съ участіемъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора лѣтописца», которое тоже въ концѣ концовъ получило систематическій характеръ.

Научный формуляръ Ал. М-ча былъ такой.

По окончаніи университета кандидатомъ историко-филологическаго факультета, Ал. М. Лазаревскій 19 апрѣля 1860 года былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Русскаго археологическаго Общества; 11 ноября 1861 года—членомъ черниговскаго статистическаго Комитета; 15 марта 1876—членомъ сотрудникомъ педагогическаго Общества; въ 1880 году—членомъ историческаго Общества лѣтописца Нестора; 31 мая 1886 года—членомъ Кіевской Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ; 8 февраля 1889 года—членомъ церковно-археологическаго Общества при кіевской духовной Академіи; 14 марта 1893 г. Историческое Общество Нестора лѣтописца избрало Ал. М-ча своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Черниговскаго статистическаго комитета и Черниговской архивной комиссіи.

Изъ всѣхъ этихъ обществъ и коммиссій онъ фактическое участіе принималъ только въ историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора. Участіе это выражалось первоначально въ формѣ періодическихъ жертвованій книгъ по исторіи, зачастую рѣдкихъ, значительно обогатившихъ библіотеку Общества, а затѣмъ въ печатаніи матеріаловъ, статей и въ чтеніи рефератовъ. Въ одно время, съ 18 сентября 1895 г. по 5 октября 1896 года, А. М-чъ былъ

предсѣдателемъ Общества. Это было время наибольшаго оживленія въ дѣятельности Общества въ 1890-хъ годахъ, когда имѣлось въ виду поставить задачей Общества изученіе преимущественно южно-русской исторіи и литературы. Благодаря стараніямъ Ал. М-ча Лазаревскаго, Н. А. Терещенко пожертвовалъ въ распоряженіе Общества 1000 рублей, и Ал. М-чъ задумалъ рядъ систематическихъ описаній по исторіи нашего юга. Пожертвованная тысяча рублей должна была быть фондомъ для вознагражденія лекторовъ и изданія прочитанныхъ ими лекцій и пополняться платой, очень притомъ дешевой, за слушаніе лекцій. Въ годъ предсѣдательства Ал. М-ча были прочитаны лекціи проф. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ по исторіи и геологіи г. Кіева, которыя потомъ и были изданы отдѣльной книжкой. Къ сожалѣнію, на этомъ дѣло и стало. Въ силу предразсудка, что предсѣдателемъ Общества долженъ быть непремѣнно профессоръ, Ал. М-чъ черезъ годъ долженъ былъ уступить предсѣдательство профессору и былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя. Въ этомъ званіи онъ и оставался до смерти. Начинанія Ал. М-ча заглохли, лекціи въ такомъ видѣ, какъ онъ предполагалъ, уже болѣе не возобновлялись.

Еще въ предсѣдательство проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, въ 4 и 5 книгахъ «Чтеній Общества лѣтописца Нестора» Ал. М-чъ помѣстилъ важные матеріалы по исторіи землевладѣнія и съ того времени печаталъ что-нибудь чуть не въ каждой книгѣ «Чтеній». Наиболѣе важными трудами изъ напечатанныхъ здѣсь, несомнѣнно, были: рецензія на книгу Д. И. Эварницкаго: «Исторія запорожскихъ козаковъ», въ которой Ал. М-чъ подвергъ суровой критикѣ трудъ г. Эварницкаго и побудилъ автора къ пересмотру, исправленію и переработкѣ его въ новомъ изданіи: затѣмъ «Очерки полтавской Лубенщины», написанные по типу «Описанія старой Малороссіи» и заключающіе въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи этого интереснаго уголка Малороссіи. Между сырыми матеріалами, напечатанными въ «Чтеніяхъ», отмѣтимъ «Переписныя книги» 1666 года, составленныя послѣ поѣздки гетмана Брюховецкаго въ Москву и напечатанныя Ал. М-чемъ по рукописи московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ал. М-чъ былъ, несомнѣнно, лучшимъ знатокомъ малорусской исторіи. Громадная память, громадная начитанность и знакомство съ литературой, касающейся малорусской исторіи, широкое и всестороннее знакомство съ архивнымъ матеріаломъ, составляли его характерныя особенности. Трудно было встрѣтить книгу, съ которой бы онъ былъ незнакомъ, историческій документъ, характеръ котораго былъ бы для него новъ.

За всю свою жизнь Ал. М-чъ собралъ довольно большой запасъ документовъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ жизни Малороссіи, и рѣдкую по подбору книгъ библіотеку. Документы переплетены были въ большіе сборники, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ. Каждое воскресенье въ 10 часовъ утра Ал. М-чъ отправлялся въ Кіевѣ на Подолъ, на толкучій рынокъ, и здѣсь у букинистовъ или же просто на базарѣ у старьевщиковъ пересматривалъ книги, пополнялъ свою библіотеку или же покупалъ книги для своихъ пріятелей, интересующихся и занимающихся исторіей Малороссіи. Книги, брошюры, газетные и журнальные вырѣзки—все это переплеталось въ особые «Малорусскіе сборники». Такихъ сборниковъ составилъ Ал. М-чъ свыше 200. Всѣ они переплетены были въ своеобразные *ситцевые* переплеты. Этимъ способомъ Ал. М-чъ думалъ сохранить для потомства образцы ситцевъ, которые въ его время были въ обращеніи среди малорусскаго народа. Сборники Ал. М-ча представляютъ собой рѣдкое, по подбору матеріала, собраніе литературы по изученію малорусской жизни и исторіи. Всѣ они завѣщаны Ал. М-чемъ Кіевскому университету, гдѣ должны составить особый отдѣлъ библіотеки, безъ права выдачи изъ него книгъ на домъ.

Кромѣ библіотеки, Ал. М-чъ оставилъ небольшое собраніе старинныхъ портретовъ. Цѣнность этой коллекціи заключается въ томъ, что большинство портретовъ не копіи, а подлинники. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ были помѣщены въ разное время въ «Кіевской Старинѣ».

Ал. М-чъ собиралъ вообще все, что такъ или иначе могло характеризовать Малороссію. Въ послѣднее время, послѣ своей

поѣздки въ Полтаву въ 1896 году[1]), онъ очень интересовался полтавскими гончарными издѣліями, коллекціи которыхъ ему присылала обыкновенно его крестница изъ Полтавы.

Смерть застала Ал. М-ча за работой и для всѣхъ явилась полной неожиданностью. За двѣ недѣли его видѣли живымъ, бодрымъ, по обыкновенію, остроумнымъ... Врачи, повидимому, не опредѣлили его болѣзни. Думали сначала, что это воспаленіе легкихъ, но затѣмъ пришлось отказаться отъ этого діагноза.

Отпѣваніе покойнаго А. М—ча происходило 2 апрѣля, въ ближайшей къ его квартирѣ Вознесенской церкви, на Львовской улицѣ. Сюда собралася численная толпа родственниковъ, друзей, сослуживцевъ и почитателей покойнаго. На гробъ были возложены вѣнки: отъ сотрудниковъ нашего журнала съ надписью: «Славному историку Малороссіи и вѣрному другу «Кіевской Старины» отъ друзей, почитателей и товарищей по редакціи», отъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца; отъ товарищей сослуживцевъ Кіевской Суд. Палаты; отъ украинскихъ женщинъ съ надписью: «Вична память за шыру працю для ридного краю дорогому А. М. Лазаревському видъ украинокъ»; отъ семьи Лучицкихъ; отъ неизвѣстнаго лица съ надписью: «Дорогому незабвенному А. М—чу. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ», и еще нѣсколько другихъ вѣнковъ отъ родныхъ и друзей. При выносѣ гроба изъ церкви, Л. А. Куперникъ произнесъ прочувствованную рѣчь, въ которой отмѣтилъ неизмѣнную вѣрность покойнаго лучшимъ завѣтамъ эпохи введенія судебной реформы 1864 г. и его горячую любовь къ родной Малороссіи. Около 12 часовъ печальное шествіе направилось мимо Судебной Палаты и Окр. Суда на вокзалъ, гдѣ друзья и почитатели А. М—ча навѣки простились съ его прахомъ, отправленнымъ затѣмъ для погребенія на его родину.

---

[1]) Кіев. Стар. 1897 г. т. 57.

Похороны А. М. Лазаревскаго.

(Впечатлѣнія очевидца).

Второго апрѣля, по прибытіи печальной процессіи на кіевскій вокзалъ, гробъ съ тѣломъ почившаго историка сейчасъ же былъ поставленъ въ товарный вагонъ, поданный къ платформѣ. Отслужили еще одну литію. Глубоко взволнованный, профессоръ И. В. Лучицкій сказалъ нѣсколько словъ, напомнивъ присутствующимъ о неизмѣримой тяжести понесенной утраты; волненіе и слезы не позволили ему кончить рѣчи.

Подошелъ казавшійся постарѣвшимъ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ ближайшій другъ и сотрудникъ покойнаго, П. И. Житецкій и, обращаясь къ вдовѣ почившаго, дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Киньте жъ тамъ на его и одъ мене грудочку земли...

Гробъ стали запаивать. Было совсѣмъ тихо; гудѣлъ только въ вагонѣ мѣхъ, раздувавшій огонь, на которомъ плавилось олово.

Казалось, что друзья и почитатели покойнаго Александра Матвѣевича сполна выразили ему чувства сердечной любви и признательности, провожая его въ путь къ мѣсту вѣчнаго упокоенія; но на этомъ пути его ожидали еще встрѣчи и проводы, столь же сердечныя и трогательныя, со стороны земцевъ родного ему Конотопа и селянъ Подлипнаго и Гирявки, и если чистая душа почившаго видѣла всѣ эти трогательныя сцены, которыя происходили тамъ, на его родинѣ, и слышала искреннія соболѣзнованія односельчанъ, то радовалась она радостью великою, видя, что и этотъ «найменшій братъ», о нуждахъ котораго такъ онъ заботился, платилъ ему сердечною любовью.

Въ тотъ же день, въ 11 ч. ночи, поѣздъ съ гробомъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ въ Нѣжинѣ всѣмъ составомъ Нѣжинскаго окружного Суда, при чемъ была отслужена панихида и на гробъ возложенъ вѣнокъ съ надписью: «Нѣжинскій Окружный Судъ незабвенному дѣятелю перваго состава Суда».

Третьяго апрѣля, въ семь часовъ утра, на перронѣ конотопскаго вокзала, передъ только что открытымъ вагономъ съ гробомъ, толпились представители мѣстнаго земства, точно сейчасъ только понявшіе, какого сотрудника они потеряли.

Въ вагонъ вошелъ предсѣдатель конотопской земской управы П. Н. Кандиба, положилъ на гробъ еще одинъ роскошный вѣнокъ и отъ имени всего уѣзда благодарилъ своего старѣйшаго гласнаго, который такъ много сдѣлалъ для конотопцевъ. Затѣмъ гробъ подняли на рукахъ и поставили на платформѣ на двѣ принесенныя скамьи. Началась литія. Толпа сомкнулась. Вѣтеръ шевелилъ волосы на обнаженныхъ головахъ козаковъ и крестьянъ, изъ которыхъ каждый лично зналъ почившаго. Церковныя погребальныя пѣсни сливались въ весеннемъ утреннемъ воздухѣ съ «живканьемъ» сидѣвшихъ на нераспустившихся еще тополяхъ воробьевъ, и солнце ласкало своимъ свѣтомъ металлическую крышку гроба. Зазвучала «вѣчная память».

Послѣднюю строфу тенора и альты взяли вверхъ, особымъ напѣвомъ, и этотъ грустный, полный мысли и чувства мотивъ напомнилъ задумчивыя мелодіи малорусской пѣсни. Крестьяне подняли гробъ и понесли его на ожидавшія во дворѣ простыя, безъ всякаго убранства дроги, запряженныя тройкой лошадей. Хоругви заколыхались, и шелестъ ихъ испугалъ пристяжныхъ, которыхъ сейчасъ же отпрягли. Шествіе медленно двинулось черезъ городъ, который былъ такъ близокъ покойному и въ которомъ родились и умерли его дѣды и прадѣды. По временамъ останавливались возлѣ церквей для чтенія евангелія. Прошли по вокзальному шоссе, потомъ центральной частью города и свернули на роменскую улицу къ селу Подлипному. За желѣзнодорожнымъ переѣздомъ отслужили еще одну литію. Духовенство, пѣвчіе и представители земства вернулись обратно въ городъ. Многочисленные вѣнки были уложены на отдѣльную, покрытую

чернымъ сукномъ телѣгу. Къ дрогамъ, на которыхъ стоялъ гробъ, припрягли пристяжныхъ лошадей. Родные и знакомые сѣли въ экипажи.

Двинулись небольшою рысью. И снова казалось, что земныя почести кончены и что всѣ близкіе покойному люди уже сказали ему свое послѣднее «прости».

Дорога постепенно дѣлается все уже и, извиваясь, вводитъ въ с. Подлипное. Издали видны хоругви. На откосахъ, возлѣ дороги стоятъ «школяры» и «школярки», а ниже, на самой дорогѣ, столпились, окруживъ принесенныя изъ церкви «мары» (носилки), селяне, большинство— «половинщики» и «сусиды» Александра Матвѣевича. Почти у всѣхъ у нихъ такія же грустныя и растерянныя лица, какъ и у земцевъ, и они какъ-будто не вѣрятъ тому, что случилось. Любимецъ покойнаго, Савка Батюкъ, размахивая руками, суетится, распоряжается и, видимо, прилагаетъ все усердіе къ тому, чтобы внѣшній видъ процессіи былъ какъ можно торжественнѣе. Съ безнадежной грустью въ глазахъ уставился въ землю Семенъ Голинка. Микита Коровай поворачиваетъ голову то вправо, то влѣво, какъ-бы спрашивая:

— Та не вже-жъ у цій труни́, шо везутъ,—нашъ панъ?..

Яковъ Коротя съ негодованіемъ говоритъ, что вчера въ селѣ прошелъ невѣрный слухъ, будто процессія пойдетъ другою дорогою, благодаря чему не всѣ желавшіе будутъ имѣть возможность проводить гробъ. Слышенъ чей-то старческій всхлипывающій голосъ; это говоритъ дидъ Павло Столяръ, руками котораго сдѣлана почти каждая вещь въ Подлипенскомъ домѣ Александра Матвѣевича. Павло много старше покойнаго. Голова у него трясется, волосы уже не сѣдые, а какіе-то пепельные, глаза слезятся и языкъ полупарализованъ; изъ его неразборчивыхъ рѣчей можно только понять, что онъ сѣтуетъ на судьбу, которая отняла у людей добраго пана и въ то-же время оставила жить его, уже ни къ чему неспособнаго дида.

— Не то шо люды, а уси диты на сели зналы покійнечка,—разсказываетъ какая-то баба.—Було, якъ йидуть зъ города, то куплять прянычкивъ або канхветивъ и кидають дитямъ, а воны

ще якъ далеко загледять ихъ, то крычать: пане, пане, дайте «шахалю»...

Голоса мало-по-малу умолкаютъ. Дроги съ гробомъ все ближе и ближе и, наконецъ, остановились у самыхъ «маръ», на которыя его ставятъ. Священникъ быстро облачается и беретъ у діакона кадильницу.

Святый Боже, Святый крѣпкій,
Святый без-см-е-е-ртный...

заливаются дѣтскіе голоса въ чистомъ весеннемъ воздухѣ. И снова дѣлается невыразимо тяжко отъ сознанія, *кого* хоронятъ...

Рядомъ въ толпѣ кто-то шепчетъ:

— А казалы люды, шо на тимъ тыждни воны непреминно прыйидуть. Уже зъ города загáдано було Ивану, шобъ на вакзалъ йихавъ.

— Отъ-же жъ и прыйихалы!—съ глубокой грустью отвѣчаетъ другой голосъ, и слышенъ вздохъ. Послѣ «вѣчной памяти» процессія снова выстраивается и начинаетъ медленно двигаться по с. Подлипному. Гробъ несутъ болѣе молодые. Впереди, сейчасъ же за священникомъ, идутъ съ обнаженными головами пожилые и старики съ многочисленными вѣнками въ рукахъ. Дидъ Павло Столяръ несетъ голубой вѣнокъ изъ васильковъ; двѣ длинныя ленты достаютъ почти до земли; на одной написано: Олександру Матвіевичу Лазаревському», а на другой: «Одъ украинокъ за щыру працю для ридного краю».

По пути, къ процессіи то и дѣло примыкаютъ люди. Такъ шли до подлипенскаго выгона. Здѣсь гробъ снова поставили на дроги, а вѣнки положили на телѣгу. Подлипенцы распрощались въ послѣдній разъ со своимъ дорогимъ паномъ, впрочемъ не всѣ: нѣсколько наиболѣе любившихъ его крестьянъ рѣшили итти десять верстъ, до самой Гирявки. Пошли братья Савка и Костюкъ Батюки, Семенъ Голинка, Яковъ Коротя, Денысъ Лыстровый и Павло Столяръ; послѣднихъ двухъ, какъ наиболѣе старыхъ и слабыхъ, уговорили сѣсть на свободныя мѣста въ экипажахъ. Поѣхали теперь по тому самому, обсаженному вербáми «ще за Катерыны» шляху, по которому съ самаго дѣтства ѣздилъ такъ

часто покойный Александръ Матвѣевичъ. Мимо этихъ вѣковыхъ вербъ везли его еще когда-то мальчикомъ учиться въ Петербургъ. Ѣздилъ онъ потомъ часто по этому шляху уже взрослымъ, общественнымъ дѣятелемъ, изъ Подлипнаго въ Гирявку, къ матери, которую обожалъ, а теперь везли его бездыханнаго... И какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ заливались жаворонки надъ головою юноши, такъ-же звонко пѣли они и теперь, трепеща крылышками надъ гробомъ человѣка, любившаго всѣмъ сердцемъ и эти вербы, и природу, и людей, и весь дорогой ему край. Мало-помалу Подлипное уплываетъ въ сторону. Долго видны только еще тополи усадьбы Александра Матвѣевича, тѣ самые тополи, изъ которыхъ почти каждый посаженъ его руками. Изрѣдка на шляху встрѣчаются небольшія стада овечекъ, выгнанныхъ на едва зазеленѣвшую травку. Лежащіе на разостланныхъ свиткахъ пастухи, при приближеніи гроба, встаютъ съ земли и, снимая шапки, набожно крестятся.

Вотъ завиднѣлись впереди деревья хуторовъ Путивца, а справа Сарановки. Скоро и Гирявка.

Вспомнилось мнѣ, какъ часто покойный Александръ Матвѣевичъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, ѣзжалъ этой дорогой въ Гирявку въ своей повозочкѣ и, держа въ рукахъ возжи, въ полголоса напѣвалъ любимую пѣсню:

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
А ще тыхше дивка косу чеше...

Въ послѣдній разъ миновалъ онъ хуторъ Путивецъ. За хуторомъ шляхъ поворачиваетъ вправо и сейчасъ же открывается вся Гирявка. Виденъ на горѣ бѣленькій домъ Лащинскихъ, тоже не чужой покойному, а еще дальше на горѣ двѣ церкви, одна старая, а другая новая, побольше, еще не совсѣмъ отдѣланная, въ постройкѣ которой Александръ Матвѣевичъ принималъ такое близкое участіе.

Въ долинѣ слѣва качаютъ еще голыми вѣтвями деревья сада, гдѣ покойный бѣгалъ и игралъ еще ребенкомъ. А вотъ выглянула и зеленая крыша дома и потянулся высокій плетень («ли́са»), окружающій усадьбу, въ которой ро-

дились и выросли Лазаревскіе. Дроги съ гробомъ пошли шагомъ. Вдали показались хоругви встрѣчной процессіи Гирявцевъ. И вспомнилось мнѣ, что лежащій подъ этой холодной металлической крышкой когда-то, должно быть, среди такого же весенняго пейзажа и сопутствуемый такими же сельскими встрѣчами и проводами, въѣзжалъ въ предѣлы родной Малороссіи, сопровождая гробъ съ прахомъ украинскаго поэта Т. Г. Шевченка.

При въѣздѣ въ село гробъ сейчасъ же окружила еще большая чѣмъ въ Подлипномъ толпа селянъ. Среди нихъ выдѣляется мѣстный учитель, съ головой, повязанной платкомъ; старый дьячекъ Прокопъ также прикрылся хусткой. Священника о. Андрея пришлось обождать,—онъ оканчивалъ обѣдню. Настроеніе становится особенно скорбнымъ: чувствуется, что здѣсь, въ Гирявкѣ, гробъ съ останками дорогого человѣка скроется уже *навсегда* въ родную для него землю. Минутъ черезъ восемь видно, какъ подымается въ гору въ экипажѣ о. Андрей. Онъ сильно постарѣлъ, но глаза его блестятъ, а голосъ раздается властно и твердо. Смотришь на этого старика и думаешь: хоронилъ онъ мать Александра Матвѣевича, первую его жену, брата Михаила Матвѣевича, а теперь пришлось ему погребать и его самого. А въ толпѣ то и дѣло слышишь:

— «Такого дру́гого пана у Гирявци не було́ и не буде вже...»

— А дьякъ тутъ?—спрашиваетъ о. Андрей, вылѣзая изъ экипажа, и получивъ отвѣтъ: «осьде!»—начинаетъ облачаться.

Послѣ краткой литіи «мары» съ гробомъ снова поднимаютъ дядьки́ и снова заливаются дѣтскіе голоса:

... «без-см-е-е-ртный помы-луй на-а-асъ!»

и снова непрерывный топотъ «чобі́тъ» и «черевыкивъ». Не качаются страусовыя перья на лошадиныхъ головахъ, не видно уродливыхъ треуголокъ факельщиковъ, не переваливается сбоку на бокъ бархатный балдахинъ катафалка, и пѣвчіе поютъ не по городскому—по-ученому, а во весь голосъ, точно «по-улычному». Блеститъ только, покачиваясь, гробъ надъ подстриженными въ кружокъ, обнаженными козацкими и крестьянскими головами... А

душу охватываетъ какое-то трогательное чувство при мысли, что всѣ эти «чоловикы» и «жинкы» не чужіе покойному, а его дѣти, съ глубокою скорбью отдающія послѣднюю почесть своему славному «батькови». Не суетный этикетъ, не праздное любопытство, не выгода ихъ сюда собрали.

Возлѣ усадьбы покойнаго «мáры» съ гробомъ ставятъ на землю. Топотъ ногъ мгновенно стихаетъ. Отчетливо раздается вибрирующій басъ о. Андрея:

«И Азъ воскрешу его въ послѣдній день»...

Хоръ дружно подхватываетъ въ тонъ послѣдней ноты священника:

Слава тебѣ Господи,
Сла-а-а-ва Тебѣ...

Идутъ черезъ «греблю». Все ближе и ближе къ церкви и цвинтарю. Передъ самымъ крыльцомъ школы еще одна остановка для чтенія евангелія: школу эту выхлопоталъ для своихъ дорогихъ селянъ Александръ Матвѣевичъ и выстроилъ ее изъ стараго дома своей матери. Къ церкви нужно подыматься по довольно крутому подъему. «Мары» скользятъ на плечахъ и несущимъ трудно итти, не мѣшая другъ другу.

— И ты, Хвóтій, несешъ?—спрашиваетъ кто-то изъ нихъ оглядываясь.

— Якъ же такы ридного батька да не понесты?—серьезнымъ шопотомъ отвѣчаетъ онъ.

Хвóтій, по фамиліи Петруша, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Александра Матвѣевича по постройкѣ новой церкви. Замѣтивъ сыновей покойнаго, Хвотій говоритъ о немъ:

— Якъ прыиздылы передъ Риздвомъ, то казалы: «ну, Хвотій, будемо робыть, а тамъ може и намъ хтось скаже спасыби». Та отъ якъ довелося имъ ще разъ прыйихать!..

Хвóтій еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но умъ и сердце у него, какъ у поживишаго. Онъ больше другихъ понимаетъ все значеніе покойнаго для Гирявцевъ, и печаль его острѣе и глубже.

Наконецъ и цвинтарь. Шествіе круто поворачиваетъ и входитъ въ ворота, а затѣмъ и головы несущихъ, и гробъ мало-помалу скрываются въ дверяхъ церкви. Толпа ринулась вслѣдъ. Зашаркали и застучали ноги селянъ, желающихъ стать поближе къ «труни». Въ каменной церкви холоднѣе, чѣмъ на дворѣ, и пахнетъ новымъ деревомъ. Стѣны еще не окрашены.

Зажгли и роздали свѣчи и началась послѣдняя панихида. Резонансъ огромный, и каждое слово, каждый стихъ звучатъ особенно отчетливо.

Въ цвинтарѣ идетъ работа намъ могилой, которая еще не совсѣмъ закончена. Самая яма огромна, сажня два въ длину, и вырыта очень близко отъ церкви, лѣвѣе главныхъ дверей. Въ передней ея части возятся съ известкой и кирпичами два каменщика; они спѣшатъ кончить кладку свода для склепа. Сверху видны только ихъ спины и быстро двигающіеся локти. Надъ краемъ могилы суетится племянникъ Александра Матвѣевича, В. Д. Огіевскій. Лицо у него измученное, онъ нѣсколько ночей не спалъ и пріѣхалъ въ Гирявку еще до прибытія гроба съ тѣломъ, а за недѣлю передъ тѣмъ похоронилъ свою мать Глафиру Матвѣевну. Родные братъ и сестра, послѣдніе изъ славнаго поколѣнія Матвѣевичей, перешли въ другой міръ почти одновременно. Дивчата и бабы съ испуганными лицами толпятся по краямъ ямы и съ ужасомъ заглядываютъ вглубь ея.

Хвóтій стоитъ, облокотившись о рѣшетку, окружающую могилы отца и брата Александра Матвѣевича, и ковыряя ногтемъ ржавчину, говоритъ кому-то изъ односельчанъ:

— Ну, шобъ було имъ ще хочъ одынъ годъ пожыть!!.

Черезъ полчаса склепъ уже готовъ, а еще черезъ десять минутъ пѣніе слышно уже не въ церкви, а на дворѣ, и виденъ гробъ, который несутъ на рукахъ.

Пожилые козаки и крестьяне, съ вѣнками въ рукахъ, стали вдоль могилы, на холмѣ, образовавшемся изъ вырытой земли. Ленты трепещутъ и шелестятъ подъ вѣтромъ. Двѣ молодыци, охвативъ руками стволъ вишневаго дерева, растущаго надъ самой могилой, сосредоточенно глядятъ на приближающійся гробъ. Уже

подвели «рушныкы». Еще минута—и гробъ, плавно покачиваясь, опускается...

Вичная памъять,
Вичная памъять!..

произноситъ о. Андрей и, набравъ съ поданной ему лопаты нѣсколько комковъ земли, сыплетъ ее на гробъ; потомъ бросаютъ землю родные. Застучала о металлическую крышку и та «грудочка» земли, которую еще въ Кіевѣ просилъ бросить отъ него П. И. Житецкій.

Гробъ на каткахъ ввели въ склепъ и каменщики стали его задѣлывать.

Послѣ похоронъ въ усадьбѣ покойнаго собрались помянуть всѣ потрудившіеся для него въ послѣдній разъ козаки и крестьяне. Были тутъ Савка и Костюкъ Батюки, Семенъ Голинка, Денысъ Лыстровый, Хвотій Петруша, Іосыпъ Муха, Грыцько Зозуля и многіе другіе. Тѣснымъ кругомъ усѣлись они вокругъ разостланной скатерти и «незлымъ тыхымъ словомъ» поминаютъ усопшаго. Безнадежно грустнымъ тономъ говоритъ Павло Столяръ:

— Було, що-году воны прыказують баби Химци, шобъ къ Велыкодню для бидного Павла була паска...

Его перебиваетъ Лексій Бугай:

— Оце, якъ йе на сели хочъ трошкы пьяный чоловикъ, та почуе, що Лазаревській ийде, то заразъ ховается куды выдно, бо стыдно пьяному було дывытыся имъ у вичи.

Л. Б.

На могилѣ А. М. Лазаревскаго.

(Въ 20-й день по его кончинѣ).

Существуетъ древнее повѣрье чуть-ли не у всѣхъ народовъ, что душа умершаго человѣка нѣсколько дней носится надъ тѣломъ его, надъ могилой его, какъ бы прощаясь съ нимъ на вѣки. Скорбящему сердцу успокоительно вѣрить такому доброму мнѣнію. Проникнутый имъ, я обращаюсь къ тебѣ, Александръ Матвѣевичъ, почившій тѣломъ, но присущій духомъ, незримый взору, но памятный сердцу, обращаюсь съ прощальнымъ и благодарнымъ словомъ.

Еще первая вѣсть о томъ, что ты опасно заболѣлъ, горестно отозвалась въ сердцахъ многихъ знающихъ тебя; а извѣстіе о быстрой кончинѣ глубоко взволновало насъ и спѣшно созвало насъ на встрѣчу твоему гробу. Что же именно собрало насъ и нынѣ вокругъ твоей могилы? Искренняя сердечная скорбь о твоей нежданной смерти и живое сознаніе, что мы потеряли въ тебѣ великаго трудолюбца по изученію минувшихъ судебъ родного края, потеряли усерднаго и полезнаго общественнаго дѣятеля, всегда вѣрнаго своему долгу, своему слову, и ко всѣмъ внимательнаго человѣка. Я въ настоящія минуты припоминаю только твое значеніе, *какъ историка нашей родины.*

19-тилѣтнимъ юношею, въ 1853 году, ты уже издалъ опытъ указателя источниковъ для изученія малороссійскаго края; потомъ ты значительно дополнилъ его, означивъ въ немъ книги и статьи болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ. Этотъ трудъ обратилъ на тебя вниманіе печати и даже авторитетнаго московскаго профес-

сора О. М. Бодянскаго. И безъ сомнѣнія, онъ, о которомъ ты до конца жизни своей сохранялъ свѣтлую и признательную память, онъ имѣлъ на тебя окрыляющее вліяніе, и труды твои стали пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Въ 1870-хъ годахъ ты уже являешься съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій о людяхъ старой Малороссіи: болѣе пятидесяти старѣйшихъ фамилій освѣщены тобою въ ихъ родословной судьбѣ, *съ строжайшей исторической правдою*; многіе только отъ тебя узнали интересныя подробности о своихъ предкахъ. Въ то же время ты продолжалъ изслѣдованіе о бытѣ малороссовъ въ прошедшіе вѣка—о приходскомъ духовенствѣ, о монахахъ, о старшинѣ, о школахъ, о шпиталяхъ, о старинныхъ архивахъ и о старинѣ нашего родного города. Потомъ ты очертилъ цѣлыя области Малороссіи,—полки: Стародубскій, Нѣжинскій, Лубенскій, Прилуцкій. Избранный въ предсѣдатели Историч. Общества Нестора-Лѣтописца, ты первый организовалъ при немъ публичныя чтенія и этой мѣрою старался сблизить науку съ обществомъ. И почти предъ смертью своею, изъ той же любви къ родинѣ и желанія облегчить работу будущихъ дѣятелей ея въ области исторіи, ты отдалъ Кіевскому университету составленное тобою единственное и обширное собраніе журнальныхъ и др. статей о родномъ краѣ и богатую коллекцію рукописей. И такимъ образомъ ты работалъ для родины *цѣлыхъ 49 лѣтъ*! Вотъ почему мы говоримъ, что великую утрату понесли мы въ тебѣ, и вотъ почему мы пришли поклониться твоимъ останкамъ, помолиться объ упокоеніи твоего духа и сказать тебѣ послѣднее прости!

3—19 апрѣля 1902 г. Конотопъ.

Говоря на могилѣ твоей животворное «*Христосъ воскресе*», полагаемъ на нее, вмѣсто краснаго яичка, списокъ трудовъ твоихъ, собранный въ хронологическомъ порядкѣ. Богъ вѣсть, будетъ ли когда-нибудь издано собраніе твоихъ сочиненій, но то несомнѣнно, что многіе будутъ обращаться къ нимъ за справками; въ облегченіе ихъ и въ память о тебѣ приносится сей скромный трудъ.

С. П.

Труды А. М. Лазаревскаго.

(Сообщенія, изслѣдованія, рецензіи).

(Въ хронологическомъ порядкѣ).

1853 г.

1) Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края. Черниг. губ. Вѣдомости, № 45 (рецензія въ Журн. М. Н. Пр. 1854, ч. 81, отд. VII, стр. 56).

1855 г.

2) Обозрѣніе книгъ и статей періодическихъ изданій, относящихся къ исторіи и географіи Малоросс. края за 1854 годъ. Черн. губ. Вѣдом. 1855, №№ 3 и 9.

1856—1857—1859 г.

3) Украинская литературная лѣтопись за 1856 годъ. Черн. губ. Вѣдом. 1856 г., №№ 12, 19, 38, 49 и 51.

4) То же за 1857 годъ, ibidem, №№ 7 и 8, 47—49.

5) То же за 1858 г. ibid., 1859, №№ 14 и 15.

За 1856 и 1857 годы были и отд. оттиски, in 8^{0}, 36 и 33 стр. Здѣсь представленъ обзоръ статей о малорос. гетманахъ, о М. П. Миклашевскомъ, о борьбѣ украинскихъ козаковъ, о Дняхъ и мѣсяцахъ Максимовича, о Древнемъ р. языкѣ Срезневскаго и Погодина и пр. и пр.

1857 г.

6) Библіографическія замѣтки по русской литературѣ—въ Сборникѣ, изданномъ студентами С.-Пб. университета: матеріалы для біографіи Н. И. Новикова, стр. 321; А. Ѳ. Воейковъ, 335; о службѣ Гоголя въ департаментѣ удѣловъ, 345; о французскихъ стихахъ В. Л. Пушкина, 346, и стихотвореніяхъ Іосифа Олова, 347.

7) Объ изданіи Н. Бѣлозерскимъ «Южно-русскихъ лѣтописей», Черн. губ. Вѣд. № 7.

8) Замѣтки объ украинской старинѣ: Духовницы: а) жены бунчуковаго товарища, б) отрывокъ изъ завѣщанія бунч. товарища 1740 г. Черн. г. Вѣд. № 19.

1858 г.

9) Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, вып. 1, С.-Пб. II и 121 стр. (посвященъ Ос. Макс. Бодянскому). Здѣсь книги и статьи указаны съ 1622 г. по 1857 включительно. (Рецензіи: Атеней, 1858 г. № 43; Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. VII, с. 120; Черн. губ. Вѣдом. 1858, № 36; Дополненія В. Ефименка, Черн. г. Вѣд. 1860, №№ 9 и 20).

10) Анакреонтическія пѣсни Державина. Библіогр. Записки кн. 1, № 6, столб. 182—184.

1859 г.

11) Записка о русскомъ хронографѣ. Извѣстія Имп. Ак. Наукъ, по отд. р. яз. и слов. т. VIII, с. 384—390; приложеніе къ запискѣ: 4 отрывка изъ хронографа, заимствованные у византійцевъ, ibidem, т. IX, с. 115—128. Были и отд. оттиски, 8^{0}, 10 л. 7 стр.

1860 г.

12) Хозяйство украинскаго пана XVIII в. (бунчуковаго товарища Забѣлы). Черн. Г. Вѣд. № 7.

13) Для исторіи Коропа 1669 г. Черн. Губ. Вѣдом. № 49.

14) Запорожье въ концѣ XVIII в. Современная записка. Архивъ Калачова, кн. 2, отд. V, с. 5—14.

1861 г.

15) Матеріалы для исторіи волжскихъ разбойниковъ. Архивъ Н. Калачова, кн. 2, отд. V, с. 28—81.

16) Черты изъ старо-украинскаго быта. Козакъ Мигаль. Черниговскій Листокъ, № 5.

17) Планъ Публичной Библіотеки въ С.-Пбургѣ, составленный въ 1766 году. Библіогр. Записки, № 3, с. 70.

18) Для біографіи А. Сумарокова. Библ. Записки № 4, стр. 97—99.

19) Послѣдній день жизни Т. Г. Шевченка. Сѣверн. Пчела № 48; Черн. Губ. Вѣд. № 12.

20) Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ? Основа, № 8, с. 9—13.

21) Нѣсколько свѣдѣній для біографіи А. С. Пушкина и Грибоѣдова. Библіогр. Записки, № 19, с. 598—600.

1862 г.

22) Конотопская старина (Историческія свѣдѣнія, съ примѣчаніями и съ приложеніемъ 19-ти документовъ). Памятная книжка Черн. губерніи, с. 301—352.

23) Кролевецкіе сотники. Черн. Губ. Вѣдом. № 3.

24) Отрывокъ изъ Путевыхъ замѣтокъ старца Леонтія по Малороссіи (1700). Черн. Листокъ №№ 4—8.

25) Дѣтство Шевченка. Матеріалъ для біографіи его. Основа, № 3, стр. 1—10.

26) О южно-русскомъ словарѣ Шейковскаго. Основа № 3, стр. 57—61.

27) Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ. Основа, № 5, стр. 82—89. Переп. въ Черн. Епарх. Извѣстіяхъ, № 17, стр. 546—555 и въ Вѣстникѣ Юго-зап. Россіи, № 3.

1863 г.

28) Ризница Новгородсѣверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Извѣстія Импер. Археол. Общества, т. V, вып. 1, стр. 49—54.

29) Разсказы изъ исторіи лѣвобережной Украины XVIII в. I. Почепскіе козаки и Меншиковъ. II. Украинскіе сотники. Черниг. Листокъ №№ 7, 8, 13 и 14.

30) О малороссійскомъ языкѣ. Черниг. Листокъ № 9 (на эту статью замѣтка А. Добротворскаго, Моск. Вѣдом. № 179).

1864 г.

31) Украинскіе юридическіе акты XVII вѣка. Черниг. Губерн. Вѣдомости, №№ 14—17, 22—24 и 31.

1866 г.

32) Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 г.). Историко-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ. Черниговъ 1866. Отд. оттискъ изъ Записокъ Черн. Губ. Стат. Комитета, вып. 1, стр. 1—152.

33) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи (1765 г.). А. М. Лазаревскаго и Н. Константиновича. Черн. Губ. Вѣд. 1866 г., №№ 33, 35—37, 41, 42, 44—46. То же, тамъ же, 1867 г. №№ 4—8, 12—14, 16, 22, 24, 25, 28—33, 36, 40, 42, 43, 46 и 49. То же, тамъ же, 1873, №№ 4—19, 21—26, 39—51. То же, тамъ же, 1874, №№ 2—4, 6—8, 10—14, 19, 22—26, 30, 35—41 и 43. То же, тамъ же, №№ 4—19, 21, 26, 39—51. Отд. оттискъ. Черн. 8°, 857 стр.

34) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи, выпускъ 2-й, полки Кіевскій и Нѣжинскій. Ч. 1866. 1 р. 50 к.

1867 г.

35) Описаніе Черниговскаго Намѣстничества 1781 г. Трудъ Д. Р. Пащенко и А. М. Лазаревскаго. Черн. Губ. Вѣд. №№ 44—48; То же, 1868, №№ 1, 4, 6, 7 и 9. Были отдѣльные оттиски 8° IV и 56 стр. То же въ Записк. Черн. Губ. Стат. Комит. кн. II, приложеніе.

1868 г.

36) Очеркъ старѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Черн. губерніи, Черниговъ. Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Черн. Губ. Стат. Комит. кн. 2, стр. 35—148. Сюда вошли: *Бакуринскіе, Бобыри, Богуши, Бороздны, Борсуки, Бугаевскіе, Бутовичи, Валькевичи).*

1871 г.

37) Очеркъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ: Приходское духовенство. Русск. Архивъ, с. 1884;—Монахи, ibid, с. 1893.

38) Выдержки изъ писемъ В. А. Каратыгина къ П. А. Катенину, Р. Арх. № 6, стр. 0241—0244.

39) Мнѣніе бывшаго императора Петра III (іюнь 1762), изъ рукоп. сборника графа А. С. Уварова. Р. Арх. № 12, с. 2055.

1872 г.

40) Списокъ водяныхъ мельницъ Черниговскаго полка. Записки Черн. Губ. Стат. Комит. выпускъ 5—6.

1873 г.

41) Очерки внутренней жизни Малороссіи въ 18 в.; Сотники. Рус. Арх. т. 1, № 3, стр. 341.

42) Два письма в. князя Павла Петровича къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1776 г.). Русск. Арх. № 4, с. 0461.

1874 г.

43) Предисловіе къ письмамъ пѣшеходца В. Г. Барскаго (1723—1746) Русск. Арх. № 9, с. 514.

1875 г.

44) Очерки малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII—XVIII в.:

Апостолы, Русск. Арх. т. 1, стр.	91.
Базилевскіе	95.
Безбородки	311.
Бороховичи	314.
Галаганы	318.
Гамалѣи	439.
Герцики	448.
Гоголи-Яновскіе	451.
Горленки, Р. Арх. т. II, с. . .	248.
Грабянки	259.
Дмитрашки-Раичи	402.
Жученки-Жуковскіе	406.
Иваненки, Р. Арх. т. III. . .	297.
Искры (Остряницы)	300.

1876 г.

45) Два письма графа П. А. Румянцева (1771—1772 г.), Рус. Старина, № 1, с. 212.

46) Очерки малоросс. фамилій:

Капнисты, Русск. Арх. т. III, с. 437.

Кочубеи (Вас. Леонт. Кочубей), Мазепа и Матрена Кочубей; Мазепа и Кочубей, казнь Кочубея, Вас. Вас. Кочубей, Өедоръ Кочубей; самоуправство пановъ,—с. 438—455.

1880 г.

47) Павелъ Полуботокъ. Р. Арх. т. I, с. 137—209.

48) Скоропадскіе. Истор. Вѣстникъ, № 8, с. 710.

1882 г.

49) Люди старой Малороссіи:

Лизогубы, Кіевск. Старина № 1, с. 101—125.

Милорадовичи. . . . . . № 3, с. 479—498.

Миклашевскіе . . . . № 8, с. 243—253.

Свѣчки. . . . . № 8, с. 253—258.

Были и отдѣльные оттиски, Кіевъ 8⁰, 62 стран.

50) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля. Кіевская Старина, I, 212.

51) Властная гетманша. К. Стар. I, 213.

52) Забавная родословная (рисунокъ и стихи *Куксы*). Кіевская Старина. I, 223.

53) Старинные малороссійскіе портреты. Кіев. Стар. № 5, с. 337—342 и № 10, с. 173—175.

54) Гетманскіе клейноды (1758). К. Стар. № 5, с. 343.

55) Дополненіе «Разговора Великороссіи съ Малороссіей», Кіев. Стар. № 7, с. 137—148.

56) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ, К. Стар, № 8, с. 382—384.

57) Рѣчь «о поправленіи состоянія Малороссіи». К. Стар. № 10, с. 119—125.

58) Сулимовскій фамильный архивъ. К. Стар. № 11, с. 292—295—предисловіе къ нему. Сулимовскій архивъ былъ изданъ потомъ

въ 1884 г. съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго, 8⁰, 1—XVI, 316 стр. съ 5 портретами и указателями (рецензія В. Б. Антоновича, Кіев. Стар. 1884, № 10, стр. 332—336).

1883.

59) Сабля Мазепы. Кіев. Стар. № 1, с. 213.

60) Лѣтописныя замѣтки (1651—1749), изъ Сулим. архива, Кіев. Стар. № 3, стр. 680—682.

61) Отчего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ? (изъ Сулим. архива). К. Стар. № 4, с. 893.

62) Малороссійскіе чины и должности и оклады ихъ содержанія; два документа (1756—1786), Кіев. Стар. № 6, с. 381—385.

63) Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ (1665—1703), К. Стар. № 7, с. 506—538.

64) Гетманское представительство при русскомъ Дворѣ. К. Стар. № 9—10, с. 317.

65) Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. К. Стар. № 9—10, с. 322.

66) Галагановскій фамильный архивъ; предисловіе къ нему, К. Стар. № 11, с. 452—456.

67) Судьба наслѣдства полковника Искры. К. Стар. № 11, с. 519—520. *(Но это было уже раньше напечатано, съ варіантами*, въ Русск. Архивѣ 1869, вып. 9, стр. 1566, и въ Русской Старинѣ 1870, т. 2, изд. 3, с. 530).

1884.

68) Марковичи. К. Стар. № 1, 51—82.

69) Предисловіе и примѣчанія къ Дневнику Н. Ханенка. К. Стар. № 3, с. I—XV.

70) Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ. К. Стар. № 9, стр. 129—131.

71) Рецензія на книги: О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей, 1871, и Сказаніе о родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей. 1884. Кіев. Стар. № 10, с. 331—332.

1885.

72) Голубы. К. Стар. № 5, с. 1—6.

73) Крыжановскіе, тамъ же, с. 7—13.

74) Тамары, тамъ же, с. 14—20.

75) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи (Н. И. Тризнѣ), К. Ст. № 5, с. 180—181.

76) Универсалъ гетмана Разумовскаго объ ограниченіи права перехода крестьянъ. К. Стар. № 7, стр. 477—482.

77) Письмо гетмана Скоропадскаго къ черниг. полковнику Полуботку о воспрещеніи сборовъ на ралець. К. Стар. № 10, с. 363.

1886.

78) Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда, юго-восточная часть. Черниговъ, 1886. 8°. 33 стр. (рецензія *О. Левицкаго*, К. Стар. 1887, кн. 10, стр. 368).

79) Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ. К. Стар. I, 195—198.

80) Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго. К. Стар. I, 200—201 [1]).

81) Кулябки, К. Стар. № 1, с. 1—10.

82) Ломиковскіе, ibid. 10—16.

83) Афендики, ibid. № 7, с. 443—445.

84) Левенцы, ibid. 445—451.

85) Лѣсницкіе, ibid. 452—455.

86) Къ исторіи черниговской типографіи. К. Стар. № 7, с. 574; два документа къ ней же, № 11, с. 571—579.

1887.

87) Архивные отрывки для исторіи Полтавской епархіи. (Изъ Румянц. описи). Полтава.

88) Два акта для исторіи «руины» правобережной Украины, К. Стар. II, 368—370.

89) Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ «книгъ правныхъ» на малорос. языкъ, К. Ст. IV, 788.

90) Рецензія на книгу: Андрей Степ. Милорадовичъ, губернаторъ Черниг. намѣстничества, К. Ст. V, 171.

---

[1]) Во 2-мъ № сообщено А. М. Л—мъ стихотвореніе В И. Лизогуба „Отчетъ гласнаго 1865 г.“, стр. 414—419.

91) Борозды, К. Стар. VI—VII, 379.

92) Раковичи, ibid. VIII, 627.

93) Оболонскіе, ibid. 631.

94) Мануиловичи, ibid. 635.

95) Еще свѣдѣніе о дикомъ попѣ, К. Ст. XI, 577.

96) Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ 1657—1674. Черниговъ (ц. 75 к.).

1888.

97) Описаніе Старой Малороссіи, томъ I. Полкъ Стародубскій. Кіевъ. 8°, XVI, 470 и XXX стр. (рецензіи: Д. Багалѣя, Ж. М. Н. Пр. № 10; И. В. Лучицкаго, Кіевскія Университ. Извѣстія, № 12; Правда, 1889 т. IV, с. 15, А. Я. Кониcскаго.

98) На комъ былъ женатъ Мазепа? К. Старина, томъ XXI, отд. 2, стр. 43—45.

99) Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниг. каѳедры Саввѣ Шпаковскому, 1721, ibid.

100) Черниговъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. К. Стар. т. XXII, с. 55—62 (перепеч. изъ Ч. Г. Вѣд. 1851 г., гдѣ было озаглавлено: «Черниговъ за 45 лѣтъ».

101) Панъ-повѣтовый маршалъ (П. И. Булюбашъ). К. Ст. т. XXIII, 149—161.

102) Жураковскіе, ibid 364—368. Носенки-Бѣлецкіе, 368. Троцинскіе, 371.

103) Рецензія на Историко-статистич. описаніе города Мглина, ibid. 13—14. (М. Токмакова).

1889.

104) Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Т. М. Сенютовичъ. К. Стар. т. XXIV.

105) Запорожцы посылаютъ изъ СПБ. въ Сѣчь за водкой. ibid. XXIV.

106) Посылка гетмана Апостола въ Москву за лѣкарствомъ. ibid. XXIV.

107) Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. ibid. XXIV.

108) Рецензія: Указатель неоффиц. части Подольскихъ, Волынскихъ и Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостей за 25 лѣтъ, ibid. XXIV.

109) Рецензія: Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра, ibid. XXIV.

110) Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ? Кіев. Стар., т. XXV.

111) Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, ibid. XXV.

112) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ предисловіемъ, ibid. XXV и отд. оттиски.

113) Четыре письма О. М. Бодянскаго (1855—58 г.) Кіев. Стар. т. XXVII.

114) Опись имѣній Бороздны (1638). К. Стар. т. XXVII, № 12, с. 622—628.

115) Запорожье въ концѣ XVIII в. Ibid. XXVII, с. 628.

116) Къ исторіи Мазепиной измѣны, ibid. XXVII, с. 645.

1890.

117') Голосъ Малороссіи конца XVIII в. К. Стар. т. XXVIII, 455.

117'') Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г., Кіев. Стар. т. XXVIII, с. 117—119.

118) Гетманскіе проповѣдники, ibid. XXVIII.

119) Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ, ibid. XXVIII.

120) Будто-бы домъ Богдана Хмельницкаго, ibid. XXVIII.

121') Генеральный писарь Андрей Безбородко (1711—1780). Къ портрету его. Ibid. XXVIII, стр. 135—140.

121'') Михайло Бороховичъ, гадяцк. полк. ibid. XXVIII, 547—551.

122) Два документа для исторіи Разумовскихъ. Кіев. Стар. т. XXIX, с. 160—161.

123) Два письма А. И. Чепы, ibid. XXIX.

124) Мотыжинскій архивъ. Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. подъ редакціею А. М. Лазаревскаго (дополненіе къ Сулим. архиву). К. 1890. Рецензія А. М.: К. Стар. № 9, с. 519—521.

125) Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725) и Коломацкія челобитныя, съ предисловіемъ. Кіев. Стар. XXIX и отд. оттиски.

126) Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. К. Стар. т. XXX.

127) Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. ibid. XXX.

128) Къ исторіи Кіевскаго паломничества, ibid. XXX, № 9, стр. 496.

129) Памятная книжка Конотопскаго земства. К. 1890, 8°, 149 стр.

130) Два письма Н. Д. Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу 1743—1748. К. Стар. XXXI.

131) Тепловка. Страница изъ исторіи стараго Батурина. К. Ст. XXXI. Отд. отт. 8°, 9 стр.

132′) Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства по оффиціальнымъ даннымъ. Черниговъ, 1890. 8°, 186 стр.

132″) Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи 1630—1690 г. Чтен. въ Общ. Нест. Лѣт. IV, 87—125.

1891.

133) Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. К. Стар. XXXII, с. 1—18 и XXXV, с. 216—231.

134) Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ, историческихъ бумагъ о Малороссіи. К. Стар. XXXII.

135) Четыре письма жены полкового обознаго Сахновской къ мужу (1743—1794), ibid. XXXII.

136) Невѣрное свѣдѣніе о Шевченкѣ, ibid. XXXII.

137) Максимъ Илляшенко, полковникъ лубенскій (1667—1687), ibid. XXXII.

138) Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ: Григорій Андреевичъ Полетика, свѣдѣніе о библіотекѣ его и догадка объ авторѣ «Исторіи руссовъ». К. Стар. XXXIII, № 4, с. 97—116. (Въ XI книгѣ Чтеній Общ. Нестора Лѣт.: Записки Полетики о началѣ Кіевской академіи).

139) Полковничьи чиншевики, ibid. XXXIII.

140) Мамаевъ дубъ, ibid. XXXIII.

141) Позднѣйшая память о Богданѣ Хмельницкомъ въ Суботовѣ, ibid. XXXVIII.

142) Рукописное Евангеліе будто бы Сагайдачнаго, ibid. XXXIII, № 4, с. 165—167.

143) Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII вѣка. Кіев. Стар. XXXIV, 284—289.

144) Полтавщина въ XVII в., ibid. XXXIV, 357—374.

145) Распредѣлительная запись имѣній графа К. Гр. Разумовскаго между сыновьями, ibid, XXXIV.

146) Письмо Н. И. Костомарова къ А. М. Л. ibid XXXIV.

147) Рецензія: Каталогъ военно-учебнаго архива Главнаго Штаба, ibid. XXXIV.

148) Свѣдѣнія о дунайскихъ запорожцахъ (1826 г.) Кіев. Стар. т. XXXV.

149) Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни, ibid. XXXV, № 12, 482—484.

150) Съ апрѣльской книжки К. Стар 1891 г. начатъ печатаніемъ дневникъ Якова Марковича (1717—1767), который потомъ изданъ отдѣльно, въ двухъ частяхъ, въ 1893—1895 г., подъ редакціей А. М. Л., съ его предисловіемъ и примѣчаніями. 1,—XVI, 329 и 2—11, 342 стр.

1892 г.

151) Памяти А. В. Марковича, съ портретомъ его. Кіев. Стар. XXXVIII, № 9, с. 405—409

152) Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи, ibid. XXXVIII.

153) Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, ibid XXXIX.

154) Опись Конотопской сотни 1711 г. Черниговъ, 8°, 30 стр.

155) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка.

1893 г.

156) Троцины. К. Ст. т. XLIII.

157) Къ исторіи культуры, ibid. XLIII.

158) Рецензіи: Кіево-Подольская Успенская церковь, и

159) Историческій очеркъ Милеевской Параскевіевской церкви, ibid. XLIII.

160) Описаніе старой Малороссіи. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ. 8°, IV, 521 и XXV стр. (Рецензія на эту книгу В. Мякотина въ Отчетѣ о XXXVII присужденіи наградъ графа Уварова).

1894 г.

161) Гробъ Шевченка въ Кіевѣ у Христорождественской церкви. К. Стар. XLIV.

162) Записка о послѣднихъ годахъ жизни графа А. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ. К. Стар. XLIV.

163) Генеральный обозный В. К. Борковскій (1640—1702), ibid. XLIV.

164) Рецензія: Семейная хроника. Записки А. В. Кучубея, ibid. XLIV.

165) Рецензія: Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ, ibid. XLIV.

166) Рецензія: Населенныя мѣсга Подольской губерніи, ibid. XLIV.

167) Письмо жены Гадяцкаго полковника Григорія Грабянки къ Ив. Забѣлѣ, Кіев. Стар. т. XLV.

168) Историческія мелочи, ibid. XLV.

169) Изъ отношеній Печерской Лавры къ кіевской митрополіи и Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малор. старины. К. Ст. т. XLVI.

170) Рецензія: Т. Гр. Шевченко, біографическій очеркъ Яковенка, ibid. XLVI.

171) Рецензія: Хронологическій указатель указовъ за 240 лѣтъ, ibid. XLVI.

172) Рецензія: Описаніе ризницы и библіотеки Черниговскаго архіерейскаго дома, ibid. XLVI.

173) Рецензія: Каменскій Свято-Успенскій женскій монастырь, прот. Платонова, idid. XLVI.

174) Прежніе изыскатели малорусской старины: Як. Мих. Марковичъ, Кіев. Стар. XLVII, с. 348—387, и А. И. Мартосъ, 1895, LXVIII, 170—194.

175) Изъ прошлой жизни Печерской Лавры, ibid. т. XLVII.

176) Къ поминкамъ о Сковородѣ, ibid. XLVII.

177) Опущенная изъ печати страница изъ Лѣтописи Грабянки, ibid. XLVII.

178) Дневникъ гетмана Апостола, ibid. XLVII.

179) Рецензія: Историческія и статистическія записки о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи 1838 г., ibid. XLVII.

180) Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 г. В. Ломиковскимъ, редакція и примѣчанія А. М. Л. Кіевъ, 8°, 32 стр.

1895.

181) Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 г., Кіев. Стар. т. XLVIII.

182) Листъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни, ibid. XLVIII.

183) Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ, ibid. XLVIII.

184) Рецензія: Жизнь и труды М. П. Погодина (Н. Барсуковъ) кн. VIII; idib. т. XLVIII.

185) Какъ высохла наша степь, ibid. XLVIII.

186) Рецензія: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IX, ibid. XLIX.

187) Ал. Ив. Ханенко, некрологъ, ibid. т. L, стр. 367—368.

188) Перечень имѣній графа В. В. Завадовскаго, ibid. L.

189) Два письма Г. П. Галагана (1859), ibid. L.

190) Рецензія: Кіев. Епарх. Вѣдомости (1892—1894), ibid. т. L.

191) Ив. Ром. Мартосъ, ibid. LI, с. 48—71, № 10.

192) Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго, ibid. LI.

193) Черниговскій Коллегіумъ въ началѣ XVIII в., ibid. LI.

194) Жегота Паули, некрологъ, ibid. LI.

195) Рецензія: Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи, ibid LI.

196) Рецензія: Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ, ibid. LI.

197) Рецензія: Украинскія народныя преданія, Кулиша, и Этнографич. матеріалы, Гринченка, ibid. LI. [1]).

1896 г.

198) Лубенщина и князья Вишневецкіе. Кіев. Стар. т. LII, с. 334—357 (было сообщеніе въ Общ. Нестора Лѣтописца).

199) Г. Ѳ. Квитка, какъ сотрудникъ «Современника», ibid. LII.

200) Рецензія: Христофоръ Сулима, еписк. Харьковскій, соч. прот. Лащенко, ibid. LII.

201) Частная переписка И. Р. Мартоса, ibid. LIII, 344—368.

---

[1]) Намъ неизвѣстно, гдѣ напечатано его сообщеніе о кладѣ, найденномъ въ августѣ 1895 г. въ с. Пилявѣ, Каневскаго уѣзда.

202) Договоръ прихожанъ съ причтомъ (1834 г.) ibid. LIII.

203) Къ свѣдѣніямъ о старой малор. школѣ, ibid. LIII, отд. 2 [1]).

204) Козачья служба въ гетманство Разумовскаго, ibid. LIII, отд. II.

205) Къ исторіи малор. духовенства, ibid. LIII. Отд. II.

206) Рецензія: П. Тутковскій: Юго-западный край и Ем. Левицкій: Галицко-русская библіографія, XIX стол. ibid. LIII.

207) Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій, ibid. LIV.

208) По поводу ста лѣтъ отъ смерти графа П. А. Румянцева, ibid. т. LV, стр. 374—394, № 12.

209) Письмо св. Θеодосія Углицкаго (1691) ibid. LV.

210) Черта характера графа Румянцева, idid. LV.

211) Хозяйство графа П. А. Румянцева, ibid. LV.

212) Рецензія: Этнографическіе матеріалы, Гринченко, ibid. LV.

213) Рецензія: Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego, ibid. LV.

214) Рецензія: Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, ibid. LV.

215) Рецензія: Указатель неоффиц. отдѣла Кіев. Епарх. Вѣдомостей (1871—1895), ibid. LV.

216) Историческіе очерки Полтавской Лубенщины. Чтенія въ истор. обществѣ Нестора Лѣтописца, книги X и XI.

1897 г.

217) Александръ Михайловичъ Марковичъ, Кіев. Стар. LVI, стран. 275—310.

218) Памяти Н. М. Бѣлозерскаго, ibid. LVI, стр. 145—150.

219) Рубанъ Вас. Григорьевичъ, ibid. LVI, отд. II.

220) Кому принадлежитъ редакція сборника малорусс. пословицъ, изд. въ 1864 г., ibid. LVI, отд. II.

221) Чаша Богдана Хмельницкаго, ibid. LVI, отд. II.

222) Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи, ibid. LVI.

223) Какъ основалась Кіевская Старина? ibid. LVI.

224) Рецензія: Главнѣйшіе матеріалы изъ исторіи запорожскаго козачества, Д. Эварницкаго, ibid. LVI. (См. также Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. X).

---

[1]) Авторъ книги, неизвѣстный А. М. Лазаревскому, очень извѣстенъ: *Федоръ Петровичъ Лубяновскій*, переводчикъ Телемака.

225) Поѣздка въ Полтаву, Кіев. Стар. т. LVII. стр. 67—77.

226) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 г. ibid. LVII, отд. 2.

227) Два поддѣльныхъ историческихъ документа, ibid. LVII, отд. 2.

228) Рецензія: О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ, Вит. Эйнгорна, ibid. LVII.

229) Письма Д. М. Велланскаго (1805—1834), Кіев. Стар. т. LIX, стр. 289—310.

230′) Рецензія: Ив. Серг. Аксаковъ въ его письмахъ, томъ 4 (Спб. 1896) ibid. т. LIX.

230″) Перший русско-американскій календарь, ibid. LIX, рецен.

230‴) Эварницкій: Исторія запор. козаковъ, ibid. LIX, рецензія.

1898 г.

231′) Гетманскіе дома въ Глуховѣ, Кіев. Стар. LX, с. 160—166.

231″) Письма Честаховскаго о похоронахъ Шевченка, ibid. LX, стр. 167—193.

232) Замѣтки о Мазепѣ, по поводу книги о немъ Ѳ. Уманца, ibid. LX, стр. 457—485, т. LXI, стр. 131—167, 395—411.

233) Универсалъ гетмана Гавріила Крутневича (1603) т. LX, отд. II.

234) Рецензія: Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи кубанскаго козачьяго войска, ibid. LX.

235) Рецензія: Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей, ibid. LX.

236) Рецензія: Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, ibid. LX.

237) Любечскій архивъ графа Милородовича, приложеніе къ Кіев. Стар. 1896—1898 гг., т. LXI.

238) Кресты гетмана Сагайдачнаго. ibid. LXI, отд. 2.

239) Городецкій Музей Волынской губерніи, ibid. LXI, отд. 2.

240) Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго Приднѣпровья въ концѣ XVII в. ibid. LXI. отд. II.

241) Келья св. Димитрія Ростовскаго, ibid. LXI, отд. II.

242) Проектъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ, ibid. LXI.

243) Рецензія: Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, ibid. LXI.

244) Рецензія: Русская политика въ восточномъ вопросѣ, idid. LXI.

245) Рецензія: Отчетъ о 4-мъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова, idid. LXI.

246) Рецензія: Крѣпости и гарнизоны Южной Россіи въ 1718 г. ibid. LXI.

247) Суды въ старой Малороссіи, LXII, стр. 75—115.

248) Матеріалы для біографіи Г. П. Галагана, ibid. LXII, стр. 189—224.

249) Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? ibid. LXII. отд. 2.

250) Предки П. А. Кулиша, ibid. LXII, отд. 2.

251) Рецензія: Богданъ Хмельницкій, анонимная поэма 30-хъ годовъ, ibid. LXIII.

252) Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—1723 г., Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, книга XII.

1899 г.

253) Изъ семейной хроники Берловъ, Кіевская Старина, LXIV, стр. 101—133.

254) Новопетровское укрѣпленіе, ibid. LXIV, стр. 291—295.

255) Къ исторіи Мазепинаго замысла, документъ 1710 года, ibid. LXIV, отд. 2.

256) Рецензія: Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубан. козач. войска, ibid. LXIV.

257) Рецензія: Воспоминанія и дневники Адр. Моис. Грибовскаго, ibid. LXIV.

258) Замѣтка о портретахъ Мазепы, ibid. LXIV, стр. 453—462.

259) Малорусская кабальная запись 1725 г., ibid. LXIV, отд. 2.

260) Пѣсня изъ крѣпостного быта про Галаганцивъ, съ предисловіемъ. Кіев. Стар. LXV, отд. 2.

261) Показаніе о службахъ лубенскаго полковника Андрея Петровскаго (1678—1712), ibid. LXV, отд. 2.

262′) Изъ семейныхъ отношеній начала XVIII в., ibid. LXV, отд. 2.

262″) Старинныя пригласительныя на свадьбу письма, ibid. LXV.

263) Дневникъ Як. Ив. Костенецкаго, ibid. LXV, отд. 2, стран. 137—140.

264) Малороссійскія переписныя книги 1666 года. Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIII, отд. III, стр. 35—143.

265) Эпитафіонъ возная Андрея Чечеля. Кіевская Старина, т. LXVII, отд. 2.

1900 г.

266) Старинные польско-русскіе календари. Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIV, вып. 2, отд. 2, стр. 102—123.

267) Четыре письма А. Ф. Шафонскаго къ А. С. Сулимѣ. Чтенія въ общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIV, вып. 2, отд. Ш, стр. 71—83.

268) Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану, Кіев. Стар. т. LXXI, отд. 2.

1900—1901 г.

269) Описаніе старой Малороссіи, т. III. Прилуцкій полкъ, Кіев. Стар. и отд. книгою 1902, in 8, XIV, 426 и XXIII стр. Посвященъ памяти *Осипа Максимовича Бодянскаго.*

1901 г.

270) Конотопская старина по устному преданію. Кіев. Старина. LXXII, отд. 2, стр. 1—3 (изъ записей С. Д. Носа).

271) Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи, ibid. LXXII, отд. 2, стр. 3—4.

272) Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній, ibid. LXXII, № 3, с. 352 и № 5, стр. 282. Отд. оттискъ 8° 34 стр.

273) Предисловіе къ письму Н. В. Шугурова, ibid. № 12, стр. 153—155.

274) Матеріалы для исторіи торговли пенькою Стародубья съ заграницею. Чт. въ общ. Нестора Лѣт. XV, вып. 1. отд. 3, стр. 3—4.

275) О собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ губерніяхъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Чтен. въ Общ. Нестора Лѣтописца XV, вып. 2, отд. V, стр. 43.

1902 г.

276) Поминки предковъ (о родѣ Полетикъ), Кіевская Старина № 3, отд. 2, стр. 158—162.

277) Рецензія: Родословная книга Черниговскаго дворянства, изданіе графа Г. А. Милорадовича, 2 тома, 1901 г. Кіев. Старина, т. LXXVII, № 4, отд. 2, стр. 46—54.

278—281) Четыре замѣтки (безъ подписи) въ март. кн. Кіев. Старины: Погибшая библіотека, Архитекторъ Мостипановъ, Полуботокъ въ оковахъ и Купчая на домъ въ Кременчугѣ 1654 г.

282) Цеховые акты лѣвобережной Малороссіи (1622—1645 гг.). Чт. Общ. Нестора Лѣт., кн. XV, вып. 4, отд. 3.

283) Украинскіе козаки въ двадцатыхъ годахъ XVII в. Ibidem, отд. 5. [1])

КЛЮЧЪ

къ хронологическому указателю трудовъ

А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО.

(Собственныя имена и главнѣйшіе предметы).

[1]) Въ этомъ спискѣ не поименованы многочисленныя историч. замѣтки, помѣщенныя А. М. Лазаревскимъ въ „Кіев. Старинѣ“ безъ имени ихъ составителя. Въ послѣдніе годы каждый почти № журнала заключалъ въ себѣ отъ 4-хъ до 6—7 его замѣтокъ. *Ред.*

С. П.

СОРОКЪ ЛѢТЪ.

(Народная малороссійская легенда).

> Почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дѣти ихъ съ ними предъ лицемъ ихъ и внуки ихъ предъ глазами ихъ. Домы ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ... Проводятъ дни свои въ счастьи и мгновенно нисходятъ въ преисподнюю. А между тѣмъ они говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей Твоихъ! Что Вседержитель, чтобы намъ служить Ему? И что пользы прибѣгать къ Нему?... Но Бога ли учить мудрости, когда Онъ судитъ и горнихъ!
>
> *(Кн. Іова, гл. XXI, стихи: 7—9, 13—14, 22).*

Въ краѣ, гдѣ великорусская и малорусская народности сходятся между собою рубежами, есть слобода, называемая Мандрики. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія она принадлежала отставному гвардіи поручику Мотылину, проживавшему тамъ безвыѣздно съ женою.

Крестьяне въ тѣхъ краяхъ не были тогда слишкомъ обременены. Требованія степныхъ помѣщиковъ были умѣренны и не представляли владѣльцамъ необходимости выжимать сокъ изъ подданныхъ, а лѣнь, одолѣвавшая провинціаловъ, не дозволяла имъ вымышлять новыхъ средствъ къ житейскимъ удобствамъ. Мотылины были изъ неприхотливыхъ и некорыстолюбивыхъ вла-

дѣльцевъ. Барщины у нихъ не было вовсе, кромѣ двухъ недѣль сѣнокоса. Земля раздавалась крестьянамъ съ оброка и, хотя размѣръ оброка для каждаго крестьянина зависѣлъ отъ воли господина, но Мотылинъ не накладывалъ на крестьянъ своихъ большихъ оброковъ, и потому крестьяне въ слободѣ Мандрикахъ жили довольно зажиточно.

Однимъ изъ зажиточнѣйшихъ обитателей слободы Мандрики былъ Денисъ Савельичъ Шпакъ. Дворъ у него былъ просторенъ. Ко двору прилегалъ плодовитый садъ, а за садомъ былъ огородъ и гумно. Во дворѣ Шпака было двѣ хаты. Одна, передняя, носила названіе свѣтлицы и была внутри помощена досчатымъ поломъ; къ ней примыкалъ другой покой, меньше свѣтлицы, называемый комнатою. Рядъ иконъ подъ потолкомъ, увѣшанныхъ барвинкомъ и васильками, передъ иконами—двѣ лампадки и полдюжины маленькихъ подсвѣчниковъ для восковыхъ свѣчекъ, нѣсколько раскрашенныхъ гравюръ, прибитыхъ гвоздиками къ стѣнамъ, четыре немалыхъ окна съ растворчатыми рамами, зеленая муравленая печь и пестрый коверъ, застилавшій липовый столъ,—все это придавало свѣтлицѣ веселый видъ, а нѣсколько книгъ въ массивныхъ переплетахъ, лежавшихъ на лавкѣ въ углу подъ образами, обличали въ хозяинѣ грамотнаго человѣка. Ребромъ къ свѣтлицѣ стояла во дворѣ другая хата, носившая названіе черной, но она была цвѣта бѣлаго, такъ же, какъ свѣтлица, будучи и снаружи, и внутри обмазана растворомъ мѣла съ молокомъ: то была рабочая изба съ большою печью у входныхъ дверей и съ пристроенными къ ней чуланчиками для храненія домашней рухляди. Кромѣ этихъ двухъ избъ, во дворѣ Шпака были амбаръ, конюшня и плетеный сарай для скота и повитка (навѣсъ), подъ которою стояли плугъ, телѣги и сани. Шпакъ былъ настолько зажиточенъ, что могъ держать наймита и наймичку, и это было для него тѣмъ удобнѣе, что вся семья его, кромѣ его самого, состояла изъ одной дочери, которую онъ очень любилъ и баловалъ.

Въ прежніе годы Шпакъ чумаковалъ и этимъ промысломъ успѣлъ себѣ зашибить копѣйку. Когда онъ начиналъ старѣться,

пересталъ ходить въ дорогу и въ это время попалъ въ милость къ своему барину. Мотылинъ держалъ съ нимъ совѣты по хозяйственнымъ дѣламъ и давалъ ему кой-какія порученія. Шпакъ былъ отъ природы уменъ и понялъ, что въ такихъ случаяхъ, когда дѣло шло о господскомъ интересѣ, выгодно быть честнымъ. Шпакъ очень понравился Мотылину. Желая сдѣлать ему благодѣяніе, баринъ далъ ему взаймы денегъ. Шпакъ накупилъ хлѣбнаго зерна. Черезъ два года послѣ того сдѣлался неурожай, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ, и Шпакъ продалъ свое зерно въ шесть разъ дороже той цѣны, по какой самъ покупалъ. Шпакъ обогатился пуще другихъ односельцевъ и сталъ возбуждать къ себѣ зависть. Его вообще не долюбливали въ слободѣ: былъ онъ мужикъ суровый, постоянно ходилъ съ потупленною головою, на всѣхъ глядѣлъ какъ будто изъ подлобья, ни съ кѣмъ не веселился, не ходилъ въ шинокъ, не посѣщалъ пирушекъ и самъ ихъ у себя не заводилъ, не пѣлъ пѣсенъ, не балагурилъ, хоть не прочь былъ при случаѣ отпустить на другихъ колкость, особенно, когда ему приходилось щегольнуть своимъ превосходствомъ грамотнаго человѣка, а въ слободѣ Мандрикахъ, кромѣ церковниковъ, изъ крестьянъ было только двое грамотныхъ. Скупцомъ Шпакъ не былъ, но никто не называлъ его и щедрымъ; не былъ онъ злымъ, но никто не находилъ, чтобъ онъ былъ добросердеченъ. «Себѣ на умѣ, крутой мужикъ!» говорили про него всѣ, кто только зналъ его. Послѣ своей наживы, Шпакъ сталъ побаиваться, чтобъ его не обокрали и, отдавая своему помѣщику занятыя на торговлю деньги, просилъ взять на сохраненіе свои семь тысячъ ассигнаціями. Мотылинъ, принявши отъ Шпака эту сумму, далъ ему собственноручную росписку и тогда же, сообразно желанію Шпака, написалъ въ оставляемомъ сыну, на случай своей кончины, завѣщаніи, чтобъ тотъ отпустилъ на волю дочь Шпака вмѣстѣ съ ея будущимъ мужемъ, если этотъ мужъ будетъ изъ крѣпостныхъ слободы Мандрикъ. О себѣ не просилъ Шпакъ.

Немного времени прошло послѣ того; сперва умерла госпожа Мотылина, а за нею, мѣсяцевъ черезъ пять, послѣдовалъ и Мотылинъ.

Единственный сынъ и наслѣдникъ Мотылиныхъ учился въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, не показывая ни способностей, ни охоты къ ученью. Молодой Мотылинъ чувствовалъ и зналъ, что онъ столбовой дворянинъ и наслѣдникъ шести сотъ ревизскихъ душъ и 12864 десятинъ земли, въ количествѣ которой числилось до двухъ тысячъ десятинъ лѣса. Въ тѣ времена въ дворянскомъ сословіи господствовало такое убѣжденіе, что столбовому дворянину да еще богатому учиться незачѣмъ, и съ такимъ убѣжденіемъ молодой Мотылинъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ родителя, пріѣхалъ въ Мандрики. Онъ объявилъ назначенному надъ нимъ опекуну, что учиться не хочетъ, а желаетъ служить. Молодецъ вступилъ въ гусары. Черезъ три года послѣ того онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета, по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Прибывши въ Мандрики весною 1820 года и поживши мѣсяца три въ родительскомъ гнѣздѣ, молодой баринъ задумалъ жениться на дочери сосѣда, человѣка богатаго, занимавшагося откупами и лѣтомъ проживавшаго въ своемъ имѣніи въ слободѣ Лубкахъ, въ трехъ верстахъ отъ Мандрикъ.

Событіе, составляющее начало нашего повѣствованія, происходило именно въ ту пору, когда молодой Мотылинъ вознамѣрился жениться.

Выше было сказано, что у Шпака была единственная дочь. Звали ее Вассою. Ей былъ уже восемнадцатый годъ. Это была дѣвица рослая, бѣлокурая, немного курносенькая, что составляетъ признакъ красоты у малоруссовъ. Одѣвалась она пестро и, по сельскому обиходу, богато: зеленый корсетъ съ красными кисточками нашитыми по всему корсету, желтая запаска, клѣтчатая плахта, красные сапожки, на головѣ двухцвѣтный шолковый платокъ въ видѣ повязки, изъ подъ котораго спадало на спину нѣсколько косъ со вплетенными въ нихъ лентами разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ нитки коралловъ, на груди серебряные крестики и сердечки, въ ушахъ коралловыя серьги, а пальцы у ней на рукахъ были словно окованы золотыми перстнями и кольцами. Въ

ея походкѣ, въ каждомъ поворотѣ ея тѣла, виднѣлось сознаніе достоинства дочки богатаго крестьянина. Васса никогда не ходила на сборища сельской молодежи, ни даже съ дѣвушками въ хороводы, ни въ дружкахъ на свадьбы; и это не потому, чтобъ отецъ ее не пускалъ: сама она ничего подобнаго не любила, а съ молодыми ребятами не только на вела бесѣдъ, но какъ только какой-нибудь вздумаетъ подъѣзжать къ ней съ двусмысленными выходками, Васса, не говоря ему ни слова, повернется спиною и уйдетъ, а молодецъ останется въ дуракахъ. Во всей слободѣ находили ее неприступною, гордою, называли даже недоброю, и никто не зналъ, что въ серцѣ этой чванной дочки богатаго мужика уже зародилось чувство любви.

Былъ у Шпака наймитъ, по имени Трохимъ, по прозвищу Яшникъ, круглый сирота. Родителей потерялъ онъ такъ рано, что и не помнилъ ихъ. Вскормила его тетка солдатка, женщина очень бѣдная. Нерадостно прошло дѣтство Трохима. Тетка была баба ворчливая, вѣчно хныкавшая о своемъ горѣ. Да и было отъ чего. Земли за нею не было. Во дворѣ съ обваленнымъ плетнемъ стояла хата, близъ которой находился погребъ: въ этомъ погребѣ ничего не сберегалось, потому что сберегать было нечего. За дворомъ былъ небольшой огородъ, гдѣ садились только лукъ, картофель, да подсолнечники, безъ которыхъ обойтись не можетъ ни одна малороссіянка, ни богатая, ни бѣдная. Хлѣба солдаткѣ не за что было купить, приходилось его выпрашивать, и ходила она со двора на дворъ, произнося имя Христово: въ одномъ дворѣ дадутъ ей хлѣбный недоѣдокъ, въ другомъ щепотку соли. Если же кто, разщедрившись, дастъ ей кусокъ сала, тогда у солдатки—праздникъ: топилась печь, варились галушки. Трохимъ по слѣдамъ тетки ходилъ также за подаяніемъ съ грязнымъ мѣшкомъ за плечами. Хлѣбъ и вода составляли его обычную пищу. Вкуса въ молокѣ онъ не зналъ, а яйца и мясо отвѣдывалъ развѣ только на пасху, когда, въ видѣ Христовой милостыни, дадутъ ему гдѣ-нибудь красное яичко или кусокъ освященной поросятины. Въ тринадцать лѣтъ отъ роду приставила Трохима громада пасти свиней, и за это занятіе онъ получалъ три руоля въ годъ, да,

кромѣ того, два раза въ годъ, весною и осенью, обходилъ дворы хозяевъ тѣхъ свиней, что пасъ, и получалъ подачки. Носилъ онъ рубаху съ заплатами, а сверху надѣвалъ сѣрую ветхую свиту; впрочемъ какой-то мужикъ сжалился надъ Трохимомъ и осенью подарилъ ему изношенный тулупчикъ своего сына, Трохимова однолѣтка. Спалъ Трохимъ гдѣ попало, въ полѣ съ своими свиньями, а у тетки въ хатѣ ложился на голой землѣ, подостлавши тулупъ и свитку подъ головы: постели онъ не зналъ, какъ и тетка не знала. Лѣтъ пять исполнялъ Трохимъ такимъ образомъ должность свинопаса, а тѣмъ временемъ выросталъ и становился красавцемъ: его каріе глаза и черныя брови заставляли засматриваться на него слободскихъ дѣвушекъ. Только большая худоба лица тотчасъ показывала, что дѣтство его протекало непривѣтливо.

Увидалъ его однажды Шпакъ, когда молодецъ гналъ съ поля свиней, и подумалъ про себя богатый мужикъ: «какой славный хлопецъ! Ему бы дать другое дѣло, а пасти свиней могъ бы кто иной, похуже его»! Шпакъ взялъ Трохима къ себѣ въ наймиты.

Нельзя сказать, чтобы у Шпака положеніе наймита было Богъ знаетъ какое хорошее. Крутой мужикъ хозяинъ часто ворчалъ на него и упрекалъ то въ лѣни, то въ непослушаніи, хотя Трохимъ былъ не лѣнивъ и послушенъ. Да и самъ Шпакъ былъ имъ внутренно доволенъ, только такъ уже считалъ нужнымъ держать наймита въ строгости, чтобъ тотъ не зазнавался, и ни на минуту не забывалъ разницы между собой и своимъ хозяиномъ. Но Шпакъ Трохима кормилъ и одѣвалъ, и то ему послѣ того житья, какое переносилъ Трохимъ у своей тетки, житье у Шпака показалось очень сноснымъ.

Дочь Шпака не такъ отнеслась къ бѣдному наймиту, какъ ея родитель. Статность и красота наймита защемили ей сердце. Трохимъ отъ природы былъ сметливъ и уменъ и менѣе чѣмъ всякій другой способенъ былъ на смѣлую выходку къ дочери своего хозяина. Дѣвушка предупредила его и сама первая сказала ему, что полюбила его. Трохимъ предался ей всею душою. Они видались по ночамъ въ саду и любезничали. Васса надѣя-

лась, что отецъ, любя ее безъ ума, согласится отдать ее за Трохима, если только хорошенько упросить-умолить старика. Долго стыдилась Васса и не рѣшалась заговорить съ отцомъ о своей любви. Наконецъ, пришелъ къ Шпаку одинъ разъ сосѣдъ односелецъ, и, послѣ ухода гостя, Шпакъ говорилъ дочери:

— Приходилъ ко мнѣ Павло Дрижакъ и молвилъ: «какъ бы намъ спаровать своихъ дѣтей. У тебя—говоритъ—дочь, а у меня сынъ». А я ему въ отвѣтъ: жить съ моей дочерью не тебѣ, а твоему сыну, и съ твоимъ сыномъ жить не мнѣ, а моей дочери. Спрошу у дочери, какъ она скажетъ, такъ пусть и будетъ. Коли скажетъ, что пойдетъ за твоего сына, такъ присылай сватовъ, а скажетъ, что сынъ твой ей не по сердцу, тогда не взыщи.

— Я не пойду за Дрижиченка. Я не люблю его,—отрывисто и рѣшительно произнесла Васса.

— Не любишь,—сказалъ Шпакъ—такъ и разговора больше не будетъ объ этомъ. Я такъ и скажу Дрижаку. Я своей дочери силовать не буду, да и мѣшать ей не стану. За кого она захочетъ выходить, за того пусть и выходитъ.

— Такъ вы, тату, не станете мѣшать вашей дочери выходить замужъ за того, за кого она сама захочетъ?—сказала Васса.

— Боже сохрани! Большой это грѣхъ!—произнесъ Шпакъ.

— А если—сказала Васса,—я захочу идти за нищаго, безроднаго?

— Хмъ! Какъ это можетъ статься, чтобъ ты пошла за нищаго, безроднаго! Какъ таки нищій и безродный посмѣетъ приступить къ тебѣ? Знаю тебя я, дочка! Не то что нищій и безродный—и любой отецкій сынъ въ нашей слободѣ безъ опаски не пойдетъ къ тебѣ. Ты вся въ своего батька.—Такъ говорилъ Шпакъ.

— Тату! робко произнесла Васса:—я полюбила всею душою нашего наймита Трохима и ни за кого не хочу выходить, только за него.

— Дочко!—сказалъ Шпакъ:—что ты шалишь, что батька дразнишь?—Не повторяй этого больше. А то: чего добраго! Под-

слушаетъ твои рѣчи паймитъ и заберетъ себѣ въ голову не знать что!

— Нѣтъ, тату, я не дразню батька, я говорю правду. Люблю Трохима: отдай меня за него; ни за кого другого идти не хочу,— сказала рѣшительно дѣвушка.

Шпакъ, сидѣвшій до того времени на лавкѣ съ палкою въ рукѣ, вскочилъ, сталъ ходить по свѣтлицѣ, потомъ остановился и судорожно ударилъ палкою о помостъ.

Васса стояла у печки, молча, ожидая своей судьбы. У отца сверкали глаза гнѣвомъ. Онъ, какъ будто, готовился что-то произнести, но удержался. Постоявши немного времени на одномъ мѣстѣ, онъ ѳпять прошелся по свѣтлицѣ, потомъ сѣлъ на скамью и сталъ водить концемъ палки по помосту. Васса все молчала, глядя на отца. Наконецъ, Шпакъ, силясь казаться спокойнымъ, сказалъ:

— Что сказано, такъ тому и быть. Я сказалъ: за кого сама захочешь, за того и выходи. И опять скажу: силовать тебя, дочка, я не стану. Только теперь я тебя за Трохима не отдамъ, а отдамъ, коли Богъ дастъ, послѣ. Пусть твой Трохимъ наживетъ себѣ жупанъ изъ синяго панскаго сукна, да пріѣдетъ ко мнѣ со сватами на своемъ собственномъ возѣ, своею собственною лошадью. Тогда я отдамъ тебя за него. А до той поры пусть не порывается: сегодня же сгоню его со двора. Пусть сюда своего носа не суетъ!

— Это загадка!—сказала Васса:—куда какіе вы, тату, добрые на словахъ, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и вы, я вижу, такіе же, какъ и другіе батьки, а можетъ быть и злѣе!

— Не тебѣ наставлять меня,—сказалъ Шпакъ разсерженнымъ голосомъ:—яйца курицу не учать. Ты моя, за кого захочу, за того иди, а противъ моей воли ты не смѣешь!

— Такъ, что же, что я ваша,—сказала Васса съ горячностію.—Развѣ, коли я ваша, такъ вы меня съѣсть можете? Ай, тату, тату! Я противъ воли вашей не пойду, да и какъ идти: попы вѣнчать не станутъ безъ вашего согласія. Только я вамъ, тату, говорю: не пойду ни за кого, только за одного Трохима.

А когда вы за него меня не отдадите, то своей дочери свѣтъ завяжете.

— Иди прочь! На дразни меня! сказалъ Шпакъ: — отдамъ тебя за Трохима тогда, какъ Трохимъ пріѣдетъ ко мнѣ въ синемъ жупанѣ, на своемъ возѣ, своею лошадью. Я жъ тебѣ сказалъ. Чего-жъ тебѣ еще? Слово мое не перемѣню. Любишь отца и почитаешь—жди, а не любишь и не почитаешь—иди себѣ куда хочешь со своимъ Трохимомъ. Живите себѣ у его тетки, нищей солдатки вдовы Орины.

Говоря это, Шпакъ стучалъ палкою о помостъ.

Васса завопила и вышла изъ свѣтлицы. Ея рыданія раздавались въ сѣняхъ. Минуты черезъ три за нею вслѣдъ вышелъ и отецъ. Онъ прошелъ мимо нея, умышленно показывая видъ, что не замѣчаетъ ея слезъ и не обращаетъ на нихъ вниманія. Шпакъ пошелъ по двору и встрѣтилъ Трохима, который несъ въ рабочую хату наколотыя щепки.

— Трохимъ! сказалъ хозяинъ:—приходи сейчасъ ко мнѣ въ свѣтлицу.—И съ этими словами Шпакъ повернулъ назадъ въ свѣтлицу и опять прошелъ мимо плакавшей Вассы, все-таки показывая видъ, что не замѣчаетъ ее.

Сдѣлавши свое дѣло со щепками, наймитъ, по зову хозяина, шелъ въ свѣтлицу, но встрѣтивши въ сѣняхъ Вассу, сталъ расспрашивать, о чемъ она плачетъ, какъ вдругъ изъ дверей свѣтлицы высунулъ голову Шпакъ и сурово произнесъ:

— Трохимъ, иди сюда!

Вошелъ Трохимъ въ свѣтлицу. Шпакъ сказалъ сухо и отрывисто:

— Ты мнѣ неугоденъ. Вотъ тебѣ твое жалованье за два года съ мѣсяцемъ. Возьми и ступай со двора.

— Куда мнѣ идти?—началъ было Трохимъ:—у меня ни роду, ни племени!...

— А я что же, безродныхъ, безплеменныхъ содержать долженъ?—сказалъ Шпакъ:—въ царскую службу ступай, коли у тебя нѣтъ ни роду, ни племени. Тамъ такихъ и нужно.

— Я не хочу въ солдаты,—произнесъ Трохимъ.

— Такъ займись ремесломъ какимъ-нибудь, либо торговать начни. Расторгуешься, разживешься, купишь себѣ лошадь, справишь себѣ синій жупанъ изъ панскаго сукна: тогда, нарядившись пристойно, ко мнѣ пріѣдешь. Тогда иной почетъ будетъ тебѣ, тогда и за будущаго зятя приму. А то рано задумалъ. У тебя, вижу, губа то не дура.

Такъ говорилъ ему Шпакъ.

— Какъ я начну торговать?—замѣтилъ Трохимъ:—кто дастъ мнѣ денегъ на торговлю?

— Не знаю, сказалъ Шпакъ:—это не мое дѣло, а твое.

Пытался Трохимъ еще заводить рѣчь съ хозяиномъ, но тотъ перебилъ его и сказалъ:

— Ступай себѣ, разговаривать нечего; когда пріѣдешь въ синемъ жупанѣ, на собственной лошади, тогда поговоримъ. Теперь что мнѣ съ тобой, сермяжникомъ, толковать. Иди отсюда.

Трохимъ вышелъ. Васса, стоявшая за дверью въ сѣняхъ, все слышала. Она бросилась къ Трохиму на шею, но грозный отецъ выглянулъ изъ-за дверей и сурово крикнулъ:

— Васса, иди сюда. Скорѣе иди. Слушайся отца!

Повиновалась Васса, вошла въ свѣтлицу и порывисто промолвила:

— За что вы насъ мучите?

— Кого это насъ?—злобно усмѣхаясь, сказалъ Шпакъ:— тебя да еще кого?

— Моего жениха!—произнесла дочь.

— А кто, спрашивалъ отецъ:—кто васъ пожаловалъ въ женихи съ невѣстою? Женихомъ съ невѣстою называются такая пара, что ее родители благословили. А васъ какіе родители благословляли? Говорилъ я тебѣ, и Трохиму тоже говорилъ: когда онъ разживется, разбогатѣетъ, справитъ себѣ синій жупанъ, лошадь себѣ купитъ и пріѣдетъ ко мнѣ со сватами—вотъ тогда вы будете женихъ съ невѣстою.

Завернулъ Трохимъ въ узелъ свои двѣ пары рубашекъ да сѣрякъ, подарокъ Шпака, и отправился къ нищей теткѣ. Узнавши, что сталось съ племянникомъ, солдатка разразилась проклятіями Шпаку и его дочери, потомъ начала корить и бранить племянника за то, что не ужился во дворѣ богатаго хозяина, а напослѣдокъ принялась за свои обычныя жалобы на нищету и безпомощность.

Наслушавшись теткинаго ворчанья, Трохимъ вышелъ изъ хаты, не зная, что съ собой дѣлать и куда идти. Сталъ онъ бродить подъ заборомъ барскаго двора, около двухъ кузницъ, построенныхъ на обрывистомъ берегу рѣчнаго плеса, поросшаго тростникомъ. Солнце отражалось въ водѣ и въ окнахъ барскаго дома, чванно глядѣвшаго сквозь зелень липъ, посаженныхъ во дворѣ вдоль заборной стѣны. Стало Трохиму какъ-то и больно и досадно.—«Вотъ какъ свѣтъ стоитъ!—размышлялъ онъ:—однимъ роскошь, другимъ нищета и горе».—Озлобился Трохимъ на все, что было богаче и сильнѣе его. И мгновенно сверкнула въ головѣ у него мысль: «зачѣмъ мнѣ жить на этомъ свѣтѣ? Счастья-доли нѣтъ мнѣ и, видно, не будетъ. Я молодъ. Много лѣтъ придется горевать. Лучше теперь порѣшить съ собой, чѣмъ долго терпѣть». И поддался Трохимъ такой роковой думѣ и бросился къ плесу съ намѣреніемъ утопиться. Вдругъ его ухватилъ кто-то сзади за плечо. Оглянулся Трохимъ—передъ нимъ былъ невысокій, кругленькій человѣчекъ, одѣтый въ свѣтло-сѣрую бекешу, подпоясанную ременнымъ поясомъ съ серебряною пряжкою. На головѣ у него былъ черный бархатный картузъ.

— Куда ты лѣзешь? дурень!—сказалъ человѣчекъ.

Трохимъ опамятовался, ничего не отвѣтилъ и торопливыми шагами повернулъ отъ воды. Незнакомецъ зашелъ ему впередъ и, глянувши въ лицо Трохиму, сказалъ:

— Пойдемъ въ шинокъ. Выпьешь—полегчаетъ!

Онъ дернулъ Трохима за рукавъ и почти насильно потянулъ въ шинокъ.

— Ты, можетъ быть,—говорилъ онъ Трохиму дорогою:—слыхалъ про меня что-нибудь недоброе? Не вѣрь ничему. Я человѣкъ хорошій, всѣмъ радѣтельный.

Вошли въ шинокъ, который содержалъ великороссіянинъ. Жидовъ въ этомъ краѣ не держали. Угостилъ назнакомецъ Трохима, потомъ пригласилъ его выйти и повелъ къ барскимъ кузницамъ.

— Ну-ка,—произнесъ онъ:—что у тебя за горе, что ты себя хотѣлъ живота лишить? разскажи!

Трохимъ разсказалъ ему про все.

— Только-то!—сказалъ незнакомецъ.—Не знаю я этого Шпака, но слыхалъ: про него говорятъ—крутъ мужикъ! Но ужъ коли сказалъ, что отдастъ за тебя дочь, такъ отдастъ. Не посмѣетъ не отдать, когда пріѣдешь къ нему такъ, какъ самъ онъ велѣлъ: на своей лошади, въ синемъ жупанѣ изъ панскаго сукна!

— А гдѣ мнѣ взять жупанъ и лошадь? говорилъ Трохимъ. —Я не то что человѣкъ бѣдный, совсѣмъ какъ есть нищій, безъ роду, безъ племени. Тетка есть, и та нищая: Христовымъ именемъ кормится. Старикъ Шпакъ сказалъ нарочно на смѣхъ: ему поругаться бы надъ моею бѣдностью, зналъ онъ, что не достать мнѣ лошади и жупана: отъ того такъ и сказалъ.

— Ты жалуешься, сказалъ назнакомецъ:—что у тебя ни роду, ни племени. А я тебѣ скажу: были бы деньги, а при деньгахъ будутъ и родъ, и племя. При доброй годинѣ у человѣка браты и побратимы!

— А при лихой нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ!—сказалъ Трохимъ:—а я, кромѣ лихой, никакой другой не зналъ.

— Бываетъ, сказалъ неизвѣстный:—при лихой годинѣ явится другъ благодѣтель, что добру научитъ и къ счастью приведетъ. И съ тобой такъ сталось. Я твой другъ-благодѣтель!

Этотъ странный человѣкъ проживалъ въ барскомъ дворѣ, куда назадъ тому съ годъ поступилъ главнымъ садовникомъ. Онъ помѣщался въ саду въ одной половинѣ длинной садовничьей избы, въ другой помѣщались его помощники изъ крѣпостныхъ Мотылина, и они то собственно были настоящими садовниками. Этотъ же, главный, получалъ отъ господъ порученія иногда вовсе не относящіяся къ садоводству. Съ первыхъ дней своего водворенія во дворѣ, онъ поддѣлался къ опекуну, управлявшему имѣ-

ніемъ, а, по возвращеніи изъ военной службы молодого Мотылина, сошелся съ послѣднимъ еще тѣснѣе, чѣмъ съ опекуномъ. Дворня, замѣчая, что онъ въ милости у господъ, уважала его и побаивалась; но въ слободѣ смотрѣли на него съискоса. Лице его было не показисто, все покрыто веснушками. Зеленоватые глаза бѣгали изъ стороны въ сторону. Кругловидный обликъ лица съ торчащими усами придавалъ его физіономіи что-то кошачье. Въ слободѣ звали его Придыбалкою, выражая этою кличкою, что онъ неизвѣстно откуда приплелся (придыбавъ), а во дворѣ величали его Ѳетисомъ Борисовичемъ. Считали его иностранцемъ, хотя никто не могъ сказать, какой онъ націи. Прозвище его было какое-то мудреное, такъ что никто этого прозвища не помнилъ. Въ церкви его никто никогда не видалъ, но въ шинокъ онъ хаживалъ, хотя самъ тамъ не пилъ, только другихъ угощалъ. Батюшка села Мандрикъ невзлюбилъ его черезъчуръ и говорилъ, что этотъ Придыбалка—самъ лукавый въ человѣческомъ образѣ. Съ голоса батюшки и другіе то же про него говорили, старые, благочестивые люди.

— Пріѣхалъ,—говорилъ Придыбалка Трохиму,—въ нашъ барскій дворъ кацапъ съ товаромъ. Есть у него всякое сукно на жупанъ, и денегъ найдется еще въ придачу на покупку тебѣ лошади и воза. Пробудетъ онъ у насъ только до вечера, а къ ночи выѣдетъ вдвоемъ съ своимъ батракомъ и поѣдетъ по дорогѣ, что пошла черезъ слободу Лубки. За Лубками есть лѣсъ, а въ лѣсу оврагъ очень глубокій, весь поросъ кустарникомъ. Дорога идетъ по самому краю оврага. Ступай туда и засядь возлѣ оврага за деревьями. Какъ поѣдетъ по дорогѣ мимо оврага ихъ повозка, ты выскочи и ударь дубиною въ голову купца, потомъ батрака, только поскорѣе, чтобы, когда станешь бить одного, другой не успѣлъ повернуться. Заберешь себѣ изъ повозки, что тебѣ нужно, а повозку съ побитыми людьми и съ ихъ лошадьми перевернешь въ оврагъ. Наѣдетъ земскій судъ. Увидятъ, что лошади не уведены и товаръ остался при мертвыхъ. Судящіе не знаютъ, сколько у нихъ товара было и сколько ты взялъ себѣ:

присудять такъ, что купцы, ѣдучи ночью, наѣхали на оврагъ, опрокинулись и убились до смерти.

— Какъ же я людямъ-то буду говорить, гдѣ досталъ жупанъ? Всѣ знають, что у меня нѣтъ ни гроша за душею,—возразилъ Трохимъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ совѣтомъ.

— Скажешь, что я тебѣ далъ взаймы денегъ, а ты за нихъ справилъ жупанъ,—отвѣчалъ Придыбалка.

— Да какъ же это?—говорилъ Трохимъ.—Побить людей! Неповинныя души загубить? Какъ это можно! За такое дѣло Богъ накажетъ. Я не хочу быть злодѣемъ.

— Такъ тебѣ не видать своей Шпакивны женою твоею, какъ не видать своихъ ушей,—говорилъ ему Придыбалка.—Коли хочешь быть праведникомъ, не думай ни о женитьбѣ, ни о синемъ жупанѣ, думай о царствѣ небесномъ, ступай въ монастырь, поступи въ тяжелую работу къ чернецамъ. А коли хочешь весело на свѣтѣ пожить, такъ не бойся грѣха: грѣши, только такъ, чтобъ люди про твой грѣхъ не узнали, да въ Сибирь тебя не услали!

— Богъ накажетъ пуще Сибири!—со вздохомъ произнесъ Трохимъ.

— А ты видалъ этого Бога?—засмѣявшись сказалъ Придыбалка.

— Не видалъ, да люди говорятъ;—отвѣчалъ Трохимъ:—и батюшка говорилъ, что Богъ все знаетъ, ничто отъ Него не укроется и Онъ за всякое дурное дѣло накажетъ.

— Кабы всѣ боялись, что Богъ накажетъ, такъ всѣ бы думали, чтобъ имъ сдѣлаться старцами, что милостыни просятъ, а не бились бы, какъ рыба объ лёдъ, чтобъ разбогатѣть. Ты, дурень, думаешь, всѣ, что богатѣютъ,—это они отъ трудовъ праведныхъ, безъ грѣха богатѣютъ? Сами-то они такъ про себя говорятъ, только вѣрятъ имъ въ томъ одни дурни. А умные знаютъ, что коли кто разбогатѣлъ, такъ это значитъ, что другихъ по міру пустилъ, а то еще и хуже бываетъ: иные черезъ нихъ и животъ свой порѣшили. Хочешь себѣ счастья: первое дѣло—не бойся грѣха; дѣлай все, что тебѣ корысть приноситъ!

— Говорятъ,—сказалъ Трохимъ съ задумчивымъ видомъ—кровь христіанская рано ли, поздно ли, не пропадаетъ даромъ. Люди узнаютъ и въ Сибирь сошлютъ!

— Не узнаютъ!—говорилъ искуситель:—дѣлай только такъ, какъ я тебя научу. Главное никому про то ни гугу! Теткѣ своей ничего не скажи; невѣстѣ своей еще пуще того не подай никакого вида. Никто не узнаетъ. Я тебѣ ручаюсь. Смотри, вонъ, солнышко уже закатывается. Скорѣе отправляйся. Вотъ тебѣ суковатая дубина. Время. Скорѣе. До того мѣста, гдѣ оврагъ, верстъ пять добрыхъ будетъ. Купецъ уже собирается выѣзжать. Ихъ двое: сладишь. Смотри только: не шуми, не кричи, присядь, за деревьями и тихо жди и сразу, молча, бросься на нихъ. Лупи ихъ прямо по головамъ. На твое счастье купецъ можетъ быть заснетъ въ своей повозкѣ.

Трохимъ, увлекаемый какою-то непонятною для него силою, не нашелъ болѣе ничего возражать, не отважился и звать съ собою невѣдомаго искусителя въ товарищи, хотя внутренно былъ недоволенъ, зачѣмъ тотъ, давши ему такой совѣтъ, самъ не предложилъ помогать Трохиму. Принявши изъ рукъ Придыбалки суковатую палку, онъ пошелъ въ путь.

Дорога шла изъ Мандрикъ черезъ плотину на другой берегъ заросшей камышемъ рѣки и поднималась на гору, покрытую лѣсомъ. Взошедши на гору, Трохимъ шелъ версты двѣ мимо убранныхъ нивъ: былъ тогда августъ, ночь съ 12 числа на 13-е. Дошелъ Трохимъ до слободы Лубки, проминулъ помѣщичью усадьбу, прошелъ мимо деревянной церкви, обсаженной березами, и вступилъ въ лѣсъ. Страхъ началъ подступать ему къ сердцу. Затревожила его мысль ѳ Божескомъ наказаніи, но онъ спѣшилъ прогнать отъ себя эту мысль пріятными образами синяго жупана, Вассы и стараго Шпака, который, увидя его въ такомъ видѣ, въ какомъ самъ велѣлъ ему явиться, отдастъ за него дочь, по данному обѣщанію. Извѣстно, что голосъ совѣсти у человѣка слабъ до совершенія преступленія: иначе бы ихъ такъ много не совершалось. Трохимъ ускорилъ шаги свои, вдаваясь въ лѣсную густоту. Наконѣцъ, дорога поворотила влѣво и подходила къ оврагу

не далѣе, какъ шага на три. Здѣсь Трохимъ остяновился и сѣлъ за деревьями ожидать свою добычу.

Недолго пришлось ему ждать. Черезъ какія нибудь четверть часа онъ услышалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. Купецъ ѣхалъ по дорогѣ почти вслѣдъ за Трохимомъ. Какъ только повозка поравнялась съ оврагомъ, бросился Трохимъ и сперва огрѣлъ дубиною по головѣ правившаго лошадьми батрака, потомъ спавшаго въ своей повозкѣ купца. Пробужденный ударомъ купецъ произнесъ крикъ, но Трохимъ повторилъ ударъ и купецъ не испустилъ болѣе никакого звука. Трохимъ вынулъ у мертваго изъ кармана бумажникъ, а потомъ сталъ выбрасывать товарные тюки, какъ вдругъ передъ нимъ нежданно явился Придыбалка. Удивленный Трохимъ хотѣлъ было разспрашивать его, какъ онъ здѣсь; но Придыбалка, взявши одинъ изъ тюковъ, сказалъ Трохиму: «вотъ это съ собой бери, а прочее все бросай! Земскій судъ наѣдетъ, пусть увидитъ, что съ мертвыми ихъ товаръ остался и подозрѣнія въ разбоѣ ни на кого не будетъ!»

Опрокинули въ оврагъ повозку съ трупами побитыхъ людей, съ ихъ товаромъ и съ лошадьми.

— Оно такъ лучше будетъ!—говорилъ Придыбалка:—я еще въ барскомъ дворѣ подсмотрѣлъ, что у него въ этомъ тюкѣ есть. Тутъ все найдешь, что тебѣ теперь нужно. Двѣ штуки сукна: одна синяго: изъ этой будетъ тебѣ жупанъ, другая—чернаго: изъ той сдѣлаешь себѣ штаны и шапку; есть еще здѣсь и бархатъ на жилетъ и штука тонкаго холста на рубашки.

Трохимъ показалъ ему бумажникъ. Придыбалка сосчиталъ и нашелъ, что въ немъ было до восьми тысячъ рублей.

Оба воротились въ Мандрики. Придыбалка ушелъ въ барскій дворъ, а Трохимъ къ своей теткѣ, которая уже спала. Трохимъ, не тревожа ее, улегся въ сѣняхъ, осаждаемый попеременно то сладкими мечтаніями о могущемъ ему быть счастіи, то уколомъ нечистой совѣсти.

На другой день по совершеніи убійства, мужики слободы Лубки увидали опрокинутую въ оврагъ повозку съ мертвыми тѣлами людей и лошадей. Дано было знать земской полиціи. На мѣстѣ приключенія земская полиція произвела слѣдствіе и удостовѣрилась, что съ мертвыми остался ихъ товаръ. Въ карманѣ у купца нашли еще бумажникъ съ деньгами. Трохимъ не замѣтилъ этого бумажника, когда вынималъ другой, потому что онъ находился въ другомъ карманѣ кафтана на противоположномъ боку. Это обстоятельство болѣе всего утвердило земскую полицію въ томъ рѣшеніи, что найденные мертвыми погибли отъ собственной неосторожности. И врачъ, свидѣтельствовавшій ихъ трупы, также заявилъ, что смерть постигла этихъ людей отъ сильнаго удара головами о древесные пни во время паденія въ оврагъ. Во избѣжаніе подобныхъ несчастныхъ случаевъ на будущее время, земская полиція обязала владѣльца дачи, приписанной къ слободѣ Лубкамъ, устроить около оврага со стороны дороги кирпичную загородь.

Обо всемъ этомъ узналъ Трохимъ отъ Придыбалки. По распоряженію послѣдняго, дворовый портной взялся шить Трохиму длиннополый сюртукъ, который тогда малороссы называли жупаномъ, черные штаны, бархатный жилетъ и шапку; дворовый сапожникъ принялся шить ему сапоги, а барскія бѣлошвеи кроили и шили Трохиму бѣлье. Всѣмъ во дворѣ Придыбалка разсказывалъ, что далъ Трохиму денегъ на одежу и на покупку лошади и воза. «Шпакъ», говорилъ онъ, «посмѣялся надъ бѣднякомъ: задалъ ему такую хитрую загадку, что тотъ хотѣлъ наложить на себя руку. Теперь я въ свою очередь насмѣюсь надъ богачомъ». Это всѣмъ слушавшимъ нравилось, потому что малороссы вообще охотники подтрунить надъ чванствомъ своего брата разбогатѣвшаго мужика. Придыбалка приговорилъ двухъ человѣкъ въ сваты Трохиму: одинъ былъ тотъ дворовый сапожникъ, что шилъ Трохиму сапоги, другой зажиточный крестьянинъ изъ слободы Неглядъ.

Дожидаясь приготовленія одежи, Трохимъ отправился повидаться съ Вассою. Онъ рѣшился открыть ей про себя всю правду.

Трохимъ слишкомъ горячо любилъ Вассу, чтобы рѣшиться лгать передъ нею, сочинять и притворяться. Сталъ Трохимъ ходить около Шпакова сада и, заглянувши въ щель частокола, увидалъ Вассу. Она была, какъ казалось, одна въ саду и рвала яблоки. Трохимъ черезъ щель сказалъ ей, что нужно съ нею поговорить, и Васса вышла изъ сада во дворъ, изъ двора въ ворота, и, обогнувъ дворъ и садъ, очутилась за оградою сада передъ Трохимомъ.

— Станется все точно такъ, какъ твой батько велѣлъ, сказалъ Трохимъ Вассѣ.—Я пріѣду со сватами на своемъ собственномъ возѣ, своею лошадью, одѣтъ буду въ синій жупанъ изъ панскаго сукна.

— Гдѣ-жъ ты досталъ все это?—спрашивала его Васса, съ выраженіемъ неожиданной радости и вмѣстѣ испуга.

— Чужимъ людямъ никому про то не скажу, а тебѣ все открою,—отвѣчалъ Трохимъ.—Воля твоя будетъ: хочешь выходи за меня, хочешь плюнь на меня, какъ на самое послѣднее ледащо!

Трохимъ разсказалъ ей все подробно, сообщилъ и о томъ, что земская полиція присудила послѣ произведеннаго слѣдствія.

Слушая страшную повѣсть, Васса блѣднѣла, потомъ отскочила отъ Трохима съ какимъ-то дикимъ взглядомъ, потомъ подняля руки и закрыла ими лицо себѣ. Трохимъ дрожалъ какъ Каинъ. Боязнь Божеской кары, уже до того времени тревожившая его, охватила въ немъ душу съ неудержимою силою. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ. Молчала и Васса, продолжая закрывать себѣ лицо руками и всхлипывая.

— Ахъ Васса, Васса!—началъ снова Трохимъ.—Ты думаешь, мнѣ не страшно того, что я сдѣлалъ? А какъ же было дѣлать? Я хотѣлъ утопиться и утопился бы, когда бы этотъ Придыбалка меня не оттащилъ отъ рѣки. Легче ли было бы тебѣ, еслибъ я самъ себя смерти предалъ? Коли ты меня больше не любишь, скажи одно слово, и я пойду, брошусь въ воду!

Васса стала смотрѣть на него съ выраженіемъ скорби, потомъ задумчиво опустила голову и немного погодя, какъ бы что-то вспоминая, промолвила:

— Говорятъ, когда кто убьетъ человѣка, то пусть идетъ въ самую глухую полночь на то мѣсто, гдѣ похоронили убитаго: тамъ ему привидится такое, что онъ узнаетъ, какъ его Богъ покараетъ и скоро ли постигнетъ его кара. Такъ старые люди говорятъ. Батько въ книгѣ читалъ, что одному убійнику было такое видѣніе на могилѣ убитаго. Убійникъ послѣ того сталъ спасаться, и Богъ его простилъ. И ты сдѣлай такъ: иди въ полночь въ лѣсъ, гдѣ побитыхъ зарыли въ землю. Что тамъ тебѣ станется— мнѣ про то скажешь. Тогда подумаемъ, что дѣлать.

Въ раздумьи ушелъ отъ ней Трохимъ и въ тотъ же день въ сумерки направилъ путь свой туда, куда посылала его невѣста.

Взошелъ Трохимъ на гору, дошелъ до Лубковъ, прошелъ слободу Лубки, сталъ входить въ лѣсъ. Мимо собственной воли стало Трохиму очень-очень страшно. Совѣсть въ немъ заговорила. «Судъ не узнаетъ»,—думалъ онъ, «правда»; судъ уже рѣшилъ, что купцы сами убились, и разбоя никакого не было; на меня никто не положилъ думки! всѣхъ обманули мы, но Бога обмануть невозможно. Богъ все видѣлъ, какъ дѣлалось, Богъ все знаетъ... Богъ знаетъ, что былъ разбой, и разбойникъ—я. Богъ и такое знаетъ, чего еще не сдѣлалъ человѣкъ, а только думалъ сдѣлать. Богъ—такой судья, что отъ Него ничто, ничто не скроется. Богъ справедливъ. Не только худое дѣло, и худая думка не останется у Бога безъ кары».

Никакъ и ничѣмъ не могъ Трохимъ отогнать отъ себя гнетущей мысли о Божіемъ наказаніи. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ роковому мѣсту, тѣмъ страшнѣе становилось ему. Ночь была безлунная; звѣзды на небѣ то закрывались тучами, то сверкали, выступая изъ-за тучъ. Была глубокая тишь; листья на деревьяхъ не шевелились. Вотъ, наконецъ, Трохимъ дошелъ.

На лѣвой сторонѣ отъ дороги въ ночномъ полумракѣ отличилъ Трохимъ новый деревянный крестъ, поставленный на могилѣ свѣжей, еще не утоптанной. Воображенію преступника стали представляться мертвецы, вылѣзающіе изъ-подъ земли:

они грозно глядятъ на него и какъ будто призываютъ противъ него Божеское правосудіе. Скрѣпившись, подходитъ онъ къ могилѣ; ноги у него подкашиваются. Трохимъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и произнесъ: «Господи, помилуй! А вы, души праведныя, простите меня, вашего убійника». Вдругъ у него въ глазахъ зарябило, сердце застучало. Онъ—не въ силахъ приподняться. Онъ не понимаетъ, что съ нимъ творится. Ему мерещится Придыбалка: вотъ онъ какъ будто стоитъ прямо противъ него и смотритъ такъ насмѣшливо. Ему представляется синій жупанъ, представляется и лошадь, запряженная въ новый возъ; и приходитъ ему въ голову: вотъ еслибъ я не побилъ купцовъ, не имѣлъ бы ни синяго жупана, ни лошади, ни воза, и не увидать бы мнѣ Вассы во вѣки! Но эту мысль быстро смѣняетъ другая: не лучше-ли было мнѣ терпѣть нищету, оставаться свинаремъ? Меня-бъ не давило тогда такое горе, что теперь давитъ: оно тяжелѣе нищеты. Вслѣдъ за тѣмъ ему въ голову какъ бы вскакиваетъ опять мысль, противоположная: деньги у меня есть, а съ деньгами еще деньги будутъ и прибудутъ. Люди не знаютъ и не узнаютъ, откуда я ихъ добылъ! Но эту искусительную мысль тотчасъ смѣнила другая: да, люди не знаютъ, такъ Богъ узнаетъ и Богъ накажетъ. Трохимъ напрасно силится приподняться съ земли: глаза у него закрываются; его бросаетъ то въ хододъ, то въ жаръ; на него какъ будто сонъ находитъ, онъ со сномъ напрасно борется. Порывается Трохимъ встать и не можетъ: словно гвоздями прибитъ онъ къ землѣ! И чудится ему,—вотъ таки будто своими ушами онъ слышитъ, изъ-подъ земли голосъ выходитъ: «Господи покарай того злодѣя, что насъ побилъ!» А этому голосу отвѣчаетъ другой, кто его знаетъ откуда: «покараю въ сорокъ лѣтъ!» [1]) И потомъ—нѣтъ ничего! Трохиму какъ будто стало легче, его члены раздвигаются, онъ открываетъ глаза; но его глаза приковываются къ могилѣ и Трохиму опять страшно. Кажется, вотъ-вотъ изъ-подъ земли два мертвеца вылѣзутъ. Вдругъ

---

[1]) Въ народной редакціи легенды: Господи, Господи! побый того злочинця, що насъ побывъ! Отвѣтъ: Побъю у сорокъ литъ.

Трохимъ будто не своею силою сорвался съ мѣста и бросился во всю прыть назадъ по дорогѣ, а ему чудится, что за нимъ кто-то гонится, кто-то бѣжитъ такими тяжелыми шагами, что земля гудитъ, что этотъ кто-то бросаетъ за нимъ вслѣдъ огромныя деревья, хочетъ попасть въ Трохима. Бѣжалъ Трохимъ безъ отдыха и безъ оглядки, пока не выбѣжалъ изъ лѣса въ поле. Далѣе бѣжать онъ былъ не въ силахъ и упалъ на землю.

Въ эту минуту никакъ нельзя было увѣрить Трохима, что съ нимъ на самомъ дѣлѣ не было того, что ему представилось. Спустя нѣсколько минутъ онъ всталъ и пошелъ медленнѣе; вмѣсто страха, ему подъ сердце подступила томительная тоска.

Прошедши слободу Лубки, Трохимъ наткнулся на человѣка, идущаго насупротивъ его. Трохимъ приглядѣлся и узналъ Придыбалку.

— Ты что тутъ шляешься?—спрашивалъ его Придыбалка.— Зачѣмъ сюда забрелъ въ такую пору? Отвѣчай, да смотри: говори правду. Не думай обмануть меня. Не выдумывай ничего. Слышь: правду говори. Меня ты не обманешь.

Трохиму показалось, что этотъ загадочный человѣкъ спрашиваетъ его о томъ, что уже знаетъ, и спрашиваетъ только для того, чтобъ его выпытать: будетъ ли онъ ему лгать или откроетъ правду. Не могъ Трохимовъ языкъ пошевелиться, чтобы лгать предъ наставникомъ и благодѣтелемъ. Трохимъ отвѣчалъ:

— Я ходилъ на могилу убитыхъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Придыбалка.

— Хотѣлъ узнать: не привидится ли мнѣ чего нибудь, не откроется ли мнѣ, будетъ ли мнѣ кара отъ Бога,—говорилъ Трохимъ.

— Дурень ты великій,—сказалъ Придыбалка.—Не умѣешь держать языка за зубами. Проболтался бабѣ или дѣвкѣ, а тебѣ наплели бабьихъ розсказней, а ты, дурень, всему вѣришь и дѣлаешь глупости. Такъ доболтаешься до бѣды. Ахъ ты дурень, дурень! Недоволенъ ты, видно, что все такъ хорошо сложилось для твоей пользы. Ты своимъ дурацкимъ языкомъ все портишь: и себя самаго погубишь своею дуростью, и меня подведешь. По-

падешься въ бѣду, да на меня всю главную вину сложишь: я тебя искусилъ, я тебя на злое научилъ, подбилъ! Вы всѣ такіе, ледачіе, сами заплатить готовы зломъ за добро, что вамъ сдѣлаешь. Ну, разсказывай, дурень: что тамъ тебѣ на могилѣ привидѣлось

Разсказалъ ему Трохимъ все, что ему представлялось.

— Дурень и еще дурень!—воскликнулъ Придыбалка и расхохотался.—Тебѣ со страху пригрезилось. Ты и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что мертвецы съ Богомъ разговаривали! Куда ужъ имъ разговаривать, когда ты хватилъ ихъ по головамъ дубиною такъ, что и черепъ проломалъ и мозги вывернулъ.

— А душа?—сказалъ Трохимъ.—Не даромъ же говорятъ, что у человѣка не то, что у скотины или у какой нибудь твари, душа есть. Когда человѣкъ умретъ, его душа отлетитъ къ Богу, и Богъ будетъ судить ее за грѣхи.

— Бабы это все наплели!—сказалъ Придыбалка.—Никакой души у тебя нѣтъ и не было, и никуда она не отлетитъ. Что человѣкъ, что звѣрь, что птица, что рыба, что червякъ: все одинаково поживетъ на свѣтѣ и умретъ, и согніетъ, и нѣтъ его больше.

— Какъ можно?—говорилъ Трохимъ:—человѣкъ тварь крещеная: оттого у него и душа есть. Батюшка говоритъ, что всѣ мы послѣ нашей смерти будемъ жить на томъ свѣтѣ; праведныя души въ рай пойдутъ, а грѣшныя въ пеклѣ мучиться будутъ за худыя дѣла. Батюшка такъ говоритъ, а онъ все знаетъ, что и какъ написано.

— Ахъ простота, простота!—сказалъ Придыбалка:—всему вѣритъ, что ему ни скажутъ. Да вѣдь батюшки нарочно такъ выдумываютъ, чтобъ на васъ туманъ напускать, да васъ обирать; вы боялись бы на томъ свѣтѣ пекла, а батюшки за молебны да за панихиды съ васъ деньги станутъ брать.

Удивился Трохимъ такимъ рѣчамъ. Подобнаго онъ еще не слыхалъ.

— Значитъ,—спрашивалъ онъ у Придыбалки—по твоему такъ: души у человѣка нѣтъ, и кто умеръ—тому ужъ не жить?

— Не будетъ тотъ больше жить, кто умретъ!—объяснялъ ему Придыбалка:—коли батюшки знаютъ такое мѣсто, гдѣ живутъ тѣ, что померли на этомъ мѣстѣ—пусть вамъ покажутъ такое мѣсто.

— Про то Богъ знаетъ!—сказалъ Трохимъ—А мнѣ сдается: не можетъ быть такъ, чтобъ человѣкъ какъ умретъ, такъ душа его не жила бы на томъ свѣтѣ у Бога. Насъ всѣхъ будетъ судить Богъ; и меня станетъ судить за мое лихое дѣло. Вотъ я и боюсь страшнаго суда Его, и на муку вѣчную въ пекло меня Богъ осудитъ.

— Почему ты знаешь, что есть на свѣтѣ какой-то Богъ? Я объ этомъ тебя уже разъ спрашивалъ; и теперь опять спрашиваю. Видалъ ты этого Бога? Покажи ты мнѣ Его, дай поглядѣть на твоего Бога, смѣясь говорилъ Придыбалка.

— Люди умные говорятъ про Него, а я что?—сказалъ Трохимъ:—я простъ человѣкъ. Попы—люди письменные, ученые; они про то знаютъ и насъ, дурней, учатъ; надъ попами есть архіереи: тѣ еще умнѣе поповъ, а надъ архіереями, сказываютъ, есть старшой: папа Римъ называется,—тотъ, говорятъ, Бога видитъ, и съ самимъ Богомъ разговариваетъ.

— Все вздоръ, все глупыя бабы такое болтаютъ,—сказалъ Придыбалка.—Никто Бога не видалъ, никто съ Богомъ не разговаривалъ, потому что Бога на свѣтѣ нѣтъ и никогда не было. Нынче умные люди не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ діавола, ни рая по смерти не дожидаютъ, ни муки въ пеклѣ не боятся, только говорить о томъ не смѣютъ.

— Коли Бога нѣтъ, какъ ты говоришь, такъ кто жъ это сотворилъ свѣтъ весь?—спрашивалъ озадаченный Трохимъ.

— Само себя все сотворило!—отвѣчалъ Придыбалка.—Все что ты видишь кругомъ себя,—небо, солнце, звѣзды, всякая тварь на землѣ и въ водѣ, всякая рослина въ полѣ, все это называется природа: все это сталось само собою, безъ всякаго Бога, такъ-таки само себѣ сложилось. Ты думаешь, всѣ, что вамъ разсказываютъ про Бога, думаешь они на самомъ дѣлѣ вѣрятъ, что есть Богъ? Нѣтъ, Трохимъ. Они знаютъ правду, знаютъ, что Бога нѣтъ,

да вамъ этой правды не сказываютъ для того, чтобъ вы были всѣ дурнями, ничего не видали, ни объ чемъ не судили, и вѣрили бы всему, что вамъ скажутъ и дѣлали бы то, что вамъ велятъ. Вотъ они и законъ такой написали, чтобъ вамъ во вредъ былъ—обдуриваютъ васъ: говорятъ вамъ, будто самъ Богъ далъ такой законъ. Смекни братъ Трохимъ, откуда взялся этотъ Богъ, что ты Его такъ боишься? Никто того Бога не видалъ, никто не зналъ и не знаетъ, хоть и говорятъ, будто Онъ есть гдѣ-то.

— Стало быть и суда отъ Бога намъ не будетъ за наши худыя дѣла?—спрашивалъ Трохимъ.

— Конечно, не будетъ—отвѣчалъ Придыбалка.—Кому судить, коли Бога нѣтъ. Да и какъ тебя судить, когда тебя на свѣтѣ не будетъ.

Трохимъ не нашелся, что на это сказать. Молча, шли они оба вмѣстѣ. Приближались къ Мандрикамъ Придыбалка возобновилъ бесѣду и говорилъ:

— Вы всѣ боитесь суда за злыя дѣла. А какія такія злыя дѣла и почему они злы—того не знаете. Волкъ задеретъ овцу, кошка задеретъ птичку. Что это развѣ не злыя дѣла? А если злыя, то стало быть и волковъ, и кошекъ, и всякаго лютаго звѣря будетъ судить Богъ? Какъ ты скажешь?

— Не знаю—отвѣчалъ Трохимъ,—нашъ дьячокъ какъ-то разъ говорилъ, что на страшномъ судѣ волкъ принесетъ въ зубахъ кость того барана, что когда-то задралъ, и Богъ будетъ его судить.

Придыбалка сказалъ:

— Волкъ скажетъ Богу: мнѣ ѣсть захотѣлось, оттого я задралъ овцу. Зачѣмъ ты, Боже, создалъ меня такого, что я не могу ѣсть травы, а ѣмъ только мясо? Коли мнѣ овецъ не драть, такъ съ голода пропадать. И тебя, еслибъ сталъ Богъ спрашивать: зачѣмъ ты купцовъ побилъ?.. А ты-бы тому Богу въ отвѣтъ сказалъ: зачѣмъ, Боже, сотворилъ меня бѣднякомъ? Коли бъ я бѣднякомъ не былъ, я бъ и купцовъ не побивалъ. А то я вижу: другіе люди женятся, и мнѣ захотѣлось жениться; но другіе люди живутъ въ добрѣ и холѣ, и за нихъ дѣвушки идутъ, а я

живу въ нищенствѣ и за меня, черезъ мою бѣдность, дѣвушки не отдали. Вольно было тебѣ, Господи Боже, создавать меня бѣднякомъ! Мнѣ тоже, какъ и всякому другому, хочется хорошо пожить—нужны деньги, нужно платье, нужна лошадь и много чего еще нужно. У другихъ людей все это есть, а у меня нѣтъ. Даромъ никто не даетъ, купить не за что, а жить хочется. Вотъ я пошелъ и побилъ купцовъ: затѣмъ ихъ побилъ, чтобъ набрать себѣ такого, чего нужно для житья хорошаго. Зачѣмъ, Боже, сотворилъ меня такимъ, что я долженъ дѣлать тебѣ неугодное? Когда меня Ты сотворилъ, то зналъ, что я буду худое дѣлать. Ты бы лучше меня совсѣмъ не творилъ!—Это я тебѣ, Трохимъ, только для примѣра говорю, какъ бы ты отвѣчалъ передъ Богомъ, еслибы тебя сталъ Богъ судить; но Бога нѣтъ, и судить тебя некому будетъ, и говорить тебѣ такъ не придется. Поживешь, поживешь, потомъ умрешь и согніешь въ землѣ. Вотъ и весь конецъ тебѣ. И всѣмъ тотъ же конецъ. Одни дурни думаютъ о Богѣ и боятся суда Его. Умные люди о такой чепухѣ не помышляють и стараются только о томъ, какъ-бы на этомъ свѣтѣ повеселѣе пожить.

Не привыкъ Трохимъ прежде размышлять, а слѣпо держался дѣтскихъ представленій не въ силахъ онъ былъ однако защищать ихъ, когда Придыбалка принялся ихъ разбивать. Въ Трохимовой головѣ возникъ какой-то туманъ.

Дошедши до Мандрикъ, собесѣдники разстались. Придыбалка пошелъ къ себѣ въ барскій садъ, Трохимъ къ теткѣ. Онъ сообразилъ, что тетка уже спитъ, не вошелъ въ хату, а уклался подъ повиткою. Утромъ, вошедши въ хату, онъ далъ теткѣ денегъ и поручилъ ей купить курицу, молока и водки и приготовить обѣдать по своему желанію, а самъ отправился ко двору Шпака. Съ улицы, черезъ окно свѣтлицы, увидалъ онъ старика, возившагося около своихъ книгъ. Съ нимъ въ свѣтлицѣ была и дочь его. Васса изъ свѣтлицы черезъ окно увидала своего возлюбленнаго, ходившаго по улицѣ. Трохимъ подмигнулъ Вассѣ. Васса кивнула головою. Черезъ три минуты Васса была уже за воротами своего

двора и пошла вслѣдъ за Трохимомъ, стараясь итти вдали отъ него, чтобъ отецъ изъ свѣтлицы не замѣтилъ ихъ вмѣстѣ. Они обогнули дворъ, пошли вдоль сада и сошлись. Трохимъ разсказалъ ей, что съ нимъ было на могилѣ убитыхъ купцовъ. Прослушавши разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ, Васса сказала:

— О, коли въ сорокъ лѣтъ обѣщаетъ Богъ побить тебя, такъ намъ таки долго придется пожить! Пріѣзжай со сватами къ отцу моему и синій жупанъ надѣнь на себя. Отецъ отдастъ меня за тебя. За сорокъ лѣтъ успѣемъ покаяться и отмолить твой грѣхъ; въ церковь начнемъ усердствовать, нищимъ будемъ раздавать милостыню по нашему достатку. Богъ насъ помилуетъ. Богъ безъ мѣры милосердъ. Отецъ въ книгѣ читалъ, что такого грѣха нѣтъ, чтобъ его нельзя отмолить передъ Богомъ.

Трохимъ подъ вліяніемъ Вассы успокоился. Онъ отправился къ теткѣ, пообѣдалъ съ нею, потомъ пошелъ къ Придыбалкѣ.

Сошлись они на завѣтномъ мѣстѣ подъ барскими кузницами, и сталъ Трохимъ держать совѣтъ, какъ ему жить на свѣтѣ.

Придыбалка говорилъ:

— Первое, мой дорогой Трохимъ, покинь всякія бабьи розсказни. Забудь про своего Бога, совсѣмъ выбей себѣ изъ головы эту поповскую нисенитницу. Моихъ совѣтовъ послушайся, и будетъ тебѣ хорошо на свѣтѣ. Ты былъ совсѣмъ нищій, а я тебя своимъ совѣтомъ разомъ изъ нищенства поднялъ: и въ люди начинаешь ты выходить, и выйдешь, коли по моимъ наставленіямъ жить будешь; богатымъ сдѣлаешься, люди знать и уважать тебя станутъ! Думай всегда о томъ, что тебѣ можетъ принести корысть, и чтобъ тебѣ убытку не было, а о томъ никогда не помышляй, за что грѣхъ, за что нѣтъ грѣха! Все это бабьи выдумки. Правду я тебѣ скажу: грѣха на свѣтѣ за людьми нѣтъ вовсе, а коли хочешь, есть у людей глупость: вотъ она то и есть настоящій грѣхъ. Кто глупъ, тотъ и грѣшенъ. Деньги наживать—не глупо, стало быть и не грѣшно. Надобно только такъ дѣлать, чтобъ никто не зналъ, какъ ты ихъ наживаешь, и никто бы не посмѣлъ тебя осудить. Самъ теперь видишь, какъ умно ты поступилъ по моему совѣту: убилъ купца и добылъ отъ него все, что тебѣ

нужно было, а лишняго ничего не взялъ. Никто на тебя не положилъ подозрѣнія. Никто не знаетъ, что это сдѣлалъ ты никто этого и не узнаетъ, пока самъ не проболтаешься. Сдѣлалъ бы ты иначе, погнался бы за большою выгодою, забралъ бы себѣ весь товаръ, увелъ бы къ себѣ лошадей—вотъ и пропалъ бы! Тогда судъ смекнулъ-бы, что тутъ было убійство, сталъ бы доискиваться и навѣрное доискался-бы. А ты вотъ за лишнимъ не погнался, взялъ только свое, что тебѣ необходимо было и только. И теперь все шито-крыто. Вотъ по этому образцу и всегда такъ поступай. Безъ самой послѣдней крайности не пускайся на такое дѣло, что за него пришлось бы итти въ Сибирь, коли бъ оно за тобой открылось. Этого мало. Безъ послѣдней крайности никого не обмани, ни у кого чужого не зажиль, никого не огорчи, со всѣми въ согласіи будь, живи такъ, чтобъ никто худого про тебя сказать не посмѣлъ; а ужъ коли пришла крайность послѣдняя, тогда ничего не бойся, никого не жалѣй, нужно обмануть—обманывай, только такъ, чтобъ люди не узнали, а хоть бы узнали, то чтобъ не посмѣли попрекать; придется украсть—украдь, но только такъ, чтобъ люди никакъ не узнали, что ты укралъ; нужно человѣка убить—убей, да только такъ, чтобъ все было шито-крыто, вотъ какъ теперь сталось. Не бойся грѣха,—суда Божія на томъ свѣтѣ себѣ не жди, а умѣй только отъ суда людского на этомъ свѣтѣ укрыться. Вотъ что называется быть умнымъ. Я тебѣ скажу: узнаю все, что съ тобой напередъ будетъ, и узнаю вѣрнѣе того Бога, что ты слыхалъ, какъ Онъ на могилѣ въ лѣсу съ мертвецами разговаривалъ. Онъ обѣщалъ тебя въ сорокъ лѣтъ покарать, а я тебѣ скажу: неправда; будешь ты жить въ богатствѣ и благополучіи; будь только уменъ и живи по моему совѣту.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, одежа, обувь и бѣлье для Трохима было все готово. Придыбалка купилъ ему возъ и лошадь. Запрягли лошадь въ возъ, сѣли на возъ двое сватовъ,—Неглядъ и сапожникъ; съ ними сѣлъ Трохимъ, одѣвшись въ свой новый длиннополый сюртукъ. Поѣхали къ Шпаку. Трохимъ соскочилъ съ воза и отворилъ ворота во дворъ. Цѣпная собака,

завидя чужихъ, рвалась на длинной веревкѣ, по которой скользило кольцо ея цѣпи. Васса съ наймычкою стояла тогда на порогѣ рабочей хаты. Она ждала гостей, но отца не предупредила. Послѣ того какъ Шпакъ прогналъ со двора Трохыма, Васса ни разу не дала отцу повода замѣтить, что встрѣчалась гдѣ-нибудь съ нимъ, а самъ Шпакъ не напоминалъ о немъ дочери: онъ надѣялся, что время все исцѣлитъ, и Васса, безъ всякихъ усилій со стороны родителя, перестанетъ тосковать о Трохимѣ. И вотъ, когда Шпакъ, надѣвши очки, готовился читать въ Четьи-минеяхъ житіе Саввы Дороѳея, послышался стукъ колесъ въѣзжавшаго на дворъ воза. Закрывши очки и положивши книгу, Шпакъ бросился отворять дверь свѣтлицы, и вдругъ передъ нимъ является Неглядъ съ хлѣбомъ въ рукахъ. Помолившись къ образамъ, Неглядъ началъ произносить рѣчь, которую при сватаньи, по обычаю, произносятъ малоруссы: какъ молодой князь ѣздилъ на охоту, какъ гонялся за лисицею и потерялъ ея слѣдъ, какъ потомъ слѣдъ пропавшаго звѣря нашелся и довелъ ихъ до двора хозяина. Говоря о князѣ, Неглядъ указалъ пальцемъ на Трохима, но Шпакъ нѣсколько секундъ не могъ узнать, кто таковъ былъ этотъ названный князь въ синемъ жупанѣ: до того Шпакъ былъ далекъ предполагать, чтобъ его бывшій наймитъ могъ такъ скоро явиться къ нему въ качествѣ жениха и притомъ въ такомъ одѣяніи. Только тогда, когда Неглядъ назвалъ жениха по имени, Шпакъ дрогнулъ и поблѣднѣлъ, а Трохимъ, поклонившись до земли, сказалъ:

— Вы обѣщали отдать за меня Вассу Денисовну, когда я пріѣду на своемъ возѣ, собственною лошадью, въ синемъ жупанѣ. Я такъ пріѣхалъ, какъ велѣли.

— А гдѣ взялъ синій жупанъ? — спрашивалъ Шпакъ.— Укралъ или, можетъ быть, купца на дорогѣ убилъ, да у него изъ товара сукна взялъ?

Невольно дрогнулъ Трохимъ. Такую рѣчь въ пору было бы Шпаку произнести, еслибъ онъ сидѣлъ въ лѣсу за Лубками, когда Трохимъ расправился съ офенями. Шпакъ продолжалъ:

— Вотъ я покажу тебѣ свою дочь. Я тебя въ земскую полицію отправлю: пусть доищутся, гдѣ ты досталъ жупанъ и лошадь.

— Не говорите такъ,—сказалъ Неглядъ.—Не кладите на свою душу грѣха, а на свою семью позора. Трохимъ бѣденъ да честенъ. Мы знаемъ, откуда онъ добылъ себѣ жупанъ, и возъ, и лошадь. Нашлись добрые люди, дали ему взаймы денегъ, на эти деньги онъ себѣ все справилъ.

— Какъ это можетъ статься?—сказалъ Шпакъ.—Какой дуракъ дастъ денегъ такому оборванцу?

— Не всѣ такіе, что даютъ деньги только ради своей наживы,—сказалъ Неглядъ.—Есть на свѣтѣ и такіе добрые люди, что бѣдному человѣку помогаютъ въ нуждѣ.

— Эти добрые люди,—сказалъ Шпакъ:—вѣрно дали ему денегъ, надѣясь получить ихъ отъ меня, когда успѣютъ меня одурачить и сдѣлать тестемъ этого голодранца. Скажите, какіе это добрые люди въ мой карманъ заглядываютъ?

— Не тревожься, Денисъ Савельевичъ,—сказалъ Неглядъ:—никто въ твой карманъ не заглядываетъ. Ты прогналъ Трохима отъ себя за то, что дочь твоя полюбила его; онъ, бѣдный, хотѣлъ съ горя утопиться, но по Божіей волѣ спасъ его отъ смерти добрый человѣкъ, Ѳетисъ Борисовичъ. Этотъ Ѳетисъ Борисовичъ и денегъ ему далъ. Не бойся, Денисъ Савельичъ, онъ съ тебя этихъ денегъ править не будетъ. Твой зять, когда разживется, самъ ему заплатитъ, а не то баринъ за него отдастъ, а не изволитъ баринъ отдать и съ твоего зятя получить нельзя будетъ, все-таки съ тебя Ѳетисъ Борисовичъ ихъ не потребуетъ. Богъ наградитъ его за доброе дѣло, что человѣка отъ напрасной смерти спасъ!

— Кто такой этотъ Ѳетисъ Борисовичъ?—спросилъ Шпакъ.

— Тотъ, что у барина въ садовничьей живетъ,—сказалъ Неглядъ.—Кто онъ таковъ—Богъ его знаетъ, а въ слободѣ зовутъ его Придыбалкою.

— Я отлыгаться не стану,—сказалъ Шпакъ:—говорилъ я этому голодранцу, что тогда не стану перечить своей дочери вы-

ходить за него, когда онъ пріѣдетъ ко мнѣ на своемъ возѣ, собственною лошадью, одѣтымъ въ синемъ жупанѣ. Не отпираюсь. Я такъ сказалъ. Только ужъ коли Ѳетисъ Борисовичъ нашелся ему такимъ благодѣтелемъ, такъ подобало бы ему притти ко мнѣ и со мной повести объ этомъ дѣлѣ разговоръ.

— Онъ придетъ, какъ вы дадите согласіе, отвѣчалъ Неглядъ.

— Я спрошусь у барина,—сказалъ Шпакъ.—Покойный баринъ—царство ему небесное!—обѣщалъ вольную моей дочери вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ ея мужемъ, а моимъ зятемъ. Онъ велѣлъ тогда притти къ его сыну. Нельзя мнѣ не сходить къ молодому барину.

— Хорошее дѣло, Денисъ Савельичъ,—сказалъ Неглядъ:—барская воля всему голова. Только намъ, сватамъ вы должны сказать: согласны ли отдать дочь свою и жениху тоже объявите: вотъ онъ передъ вами!

— Позову дочку,—сказалъ Шпакъ.—Сама она пусть скажетъ. Я ее ни въ чемъ не силую.

Онъ вышелъ и черезъ двѣ минуты опять вошелъ въ свѣтлицу вмѣстѣ съ Вассою.

— Васса,—сказалъ отецъ:—сватаютъ тебя за Трохима... Господа сваты! какъ бишь вы его величаете?

— Семеновича,—сказалъ сапожникъ.

— За Трохима Семеновича,—продолжалъ Шпакъ.—Желаешь ли итти за него замужъ?

— Желаю, тато!—сказала Васса.

— Слышите, господа сваты,—сказалъ тогда Шпакъ.—Ея добрая воля: сама вамъ объявила. Я ей не перечу; спрошу только барина, потому что я изъ барской воли не выхожу.

Явились на столъ водка, пироги, колбасы. Сталъ хозяинъ угощать гостей. Въ это время двери отворились и въ свѣтлицу вошелъ Придыбалка.

— Денису Савельичу сто лѣтъ здравствовать,—сказалъ онъ входя.—Хлѣбъ-соль добрымъ людямъ и горилка. У васъ, вижу, на ладъ пошло.

Шпакъ пригласилъ новаго гостя къ бесѣдѣ, хотя смотрѣлъ на него недовѣрчиво. Придыбалка не допустилъ Шпака дѣлать подходы къ дѣлу, и самъ первый завелъ рѣчь о Трохимѣ, занесъ Шпаку турусы на колесахъ о томъ, какъ Трохимъ хотѣлъ утопиться, а онъ, случайно вышедши со двора, увидалъ это и остановилъ парня, какъ потомъ далъ Трохиму денегъ взаймы, чтобъ справилъ себѣ жупанъ, возъ и лошадь. «А тебѣ, Денисъ Савельичъ,—прибавилъ онъ,—надобно непремѣнно сходить къ барину. И я буду при баринѣ, когда ты придешь къ нему».

Шпакъ, выпроводивши гостей, надѣлъ на себя новую свитку свѣтлосиняго сукна, которую надѣвалъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ годъ и вышелъ изъ дома.

Придыбалка, подбившійся въ расположеніе къ молодому Мотылину, уже сообщилъ ему исторію Трохима, выставивши себя спасителемъ. Баринъ въ этотъ день зналъ, что дѣлается у Шпака, и ожидалъ послѣдняго къ себѣ, когда Шпакъ, вышедши съ своего двора, направился къ барскому двору. Мотылинъ былъ человѣкъ добродушный и заранѣе потѣшался надъ тѣмъ, что богатый мужикъ зачванился, а потомъ запутался такъ, что теперь долженъ будетъ въ самомъ дѣлѣ дѣлать то, что обѣщалъ только въ насмѣшку надъ бѣднякомъ. Придыбалка былъ вмѣстѣ съ бариномъ, когда Шпакъ входилъ во дворъ.

— Что старый хрѣнъ, попался въ тенета?—сказалъ ему отставной гусаръ:—самъ научилъ зятька. Видишь, онъ такъ и пріѣхалъ къ тебѣ, какъ ты ему велѣлъ.

— Я за тѣмъ и къ вашей барской милости осмѣлился притти, чтобъ испросить вашего господскаго дозволенія,—сказалъ Шпакъ, низко кланяясь.

— Ему,—сказалъ Мытылинъ:—ему, доброму Ѳетису Борисовичу, благодаренъ будь за все. Онъ твоего зятя изъ бѣды выручилъ, изъ воды вытянулъ! А ты, старикъ, я вижу, недобрый человѣкъ! Какъ тебѣ не жаль было бѣднаго парня? до чего ты его довелъ? сквалыга ты этакой! Вотъ за это стоишь ты, право, того, чтобъ тебя здѣсь разложить да взбучить. Я прощаю тебѣ

ради моего покойнаго отца, что онъ тебя, стараго хрѣна, любилъ и въ завѣщаніи написалъ, чтобъ тебѣ отдать семь тысячъ, что ты отдалъ ему на сохраненіе.

Мотылинъ ушелъ и, возвратившись снова, держалъ въ рукѣ билетъ Сохранной Казны Воспитательнаго Дома.

— Вотъ,—говорилъ онъ:—и твои деньги. Покойный отецъ отправилъ ихъ въ Опекунскій Совѣтъ, чтобъ накопить тебѣ процентовъ. Тутъ ихъ накопилось уже за четыре года. Изъ этихъ процентовъ, что наросли на твой капиталъ, заплати Ѳетису Борисовичу все, что онъ истратилъ на твоего зятя. Слышишь?

— Слушаю,—сказалъ Шпакъ.

— А ты, Ѳетисъ Борисовичъ—продолжалъ Мотылинъ, обращаясь къ Придыбалкѣ:—подай ему счетъ. Послѣ этого нечего медлить, старикъ: за свадьбу!

— Благодаримъ вашей барской милости,—сказалъ Шпакъ, кланяясь и касаясь пальцами до земли.

— Послѣ свадьбы, — сказалъ Мотылинъ: — пусть молодые придутъ ко мнѣ получить отпускную.

Прошло послѣ того не болѣе какъ двѣ недѣли, и дворъ Шпака огласился свадебными пѣснями дружекъ. Была первая половина сентября. Погода стояла ясная, теплая. Крестьяне покончили полевыя работы и занимались возкою споповъ на гумна: это самое подходящее время для веселостей въ сельскомъ быту. Свадьба у Шпака устроена была не хуже и не скупѣе, какъ у всякаго зажиточнаго мужика, но тамъ недоставало живой непринужденной воселости. Хозяинъ старался быть со всѣми привѣтливъ, всѣхъ просилъ ѣсть-пить и веселиться, но всѣмъ было какъ то неловко въ близости съ нимъ, и всѣ дышали тѣмъ свободнѣе, чѣмъ меньше замѣчали внимательность къ себѣ хозяина. Даже тетка Трохимова, послѣ многихъ лѣтъ нищенской жизни, теперь, въ качествѣ жениховой матери, посаженная на почетномъ мѣстѣ, чувствовала себя такъ стѣснительно, что хотѣла бы уйти въ свою бѣдную хатку.

Послѣ свадьбы новобрачные ходили къ барину, и Мотылинъ выдалъ имъ отпускную.

Пришелъ послѣ того къ Шпаку Придыбалка и при немъ говорилъ его зятю:

— Я тебѣ, Трохимъ Семеновичъ, дамъ вотъ какой совѣтъ: ты переселись въ городъ и запишись въ купцы. Только прежде выучись читать и писать. Человѣкъ неграмотный все равно, что малый ребенокъ, которому всегда нужна нянька. Такъ неграмотному нуженъ всегда благопріятель, чтобъ его во всемъ наставлять. А выучишься грамотѣ,—словно изъ слѣпого сдѣлаешься зрячимъ: никто тебя не обманетъ, а всякій будетъ еще бояться, чтобъ ты его не обманулъ!

— Истинно, правда, Ѳетисъ Борисовичъ,—сказалъ Шпакъ, лебезившій тогда передъ Придыбалкою, панскимъ любимцемъ, до униженія.—Настали такія времена, что, не знаючи грамотѣ, невозможно никуда сунуться!

Предложилъ Придыбалка самъ учить Трохима гражданской печати, которую зналъ тверже, чѣмъ Шпакъ, болѣе свѣдущій въ церковной. Сталъ Трохимъ ходить къ Придыбалкѣ и учиться чтенію и письму, гражданской печати, ариѳметикѣ и умѣнью считать на счетахъ. Придыбалка хвалилъ понятливость ученика своего.

Въ слѣдующую зиму передъ масляницею молодой Мотылинъ женился на дочери своего сосѣда, владѣльца слободы Лубки и, по окончаніи свадебныхъ пировъ, въ барскомъ дворѣ, въ великій постъ, Трохимъ, по обычаю пришедши къ Придыбалкѣ заниматься, услышалъ отъ него такое слово:

— Намъ приходится разстаться, и вѣрно ужъ навсегда. Дай мнѣ руку.

Трохимъ подалъ ему руку. Придыбалка внимательно посмотрѣлъ ему на ладонь и говорилъ:

— Я умѣю угадывать по рукамъ, что съ человѣкомъ впередъ станетъ. Ты богатъ будешь. Пойдешь въ купцы—знай: все торговое дѣло на томъ построено, что одинъ другому лжетъ, одинъ другого обманщикомъ обзываетъ, а себя честнымъ выставляетъ, а всѣхъ искуснѣе, умѣлѣе тотъ, кто успѣетъ такъ прикинуться,

что всѣ его честнымъ считаютъ и никто его въ обманѣ никакъ не поймаетъ, а онъ-то самый первый обманщикъ и есть. Тотъ паче всѣхъ разбогатѣетъ. Смотри, Трохимъ! дойди до того, чтобы всѣхъ обманывать, а тебя никто обманщикомъ назвать бы не посмѣлъ и всѣ бы трубили про твою честность. А чтобъ до этого дойти, нужно съ начальствомъ ладить, нужно ему взятки давать. И ты, знавши это, не скупись, давай всѣмъ, кому нужно давать: лучше иногда и лишнее дать, и такому иногда дать, что можно бы и не давать; все-таки лучше, нежели не дать или не отдать, кому слѣдуетъ. Давши начальству взятки, не бойся ничего и никого: уже тебя никто не посмѣетъ чернить, боясь начальства, потому что начальство—сила, а ты себѣ силу закупилъ! Только надъ всякимъ начальствомъ на свѣтѣ есть еще начальство верхнее. Большому кораблю плаваніе большое, а малой лодкѣ плаваніе малое. Вотъ ты начнешь торговать въ небольшомъ городѣ; это тебѣ—малое плаваніе будетъ. Тутъ городничіе, исправники, засѣдатели и другіе, всѣхъ ихъ закупишь себѣ взятками. А расторгуешься—перейдешь въ губернію, тамъ тебѣ будетъ побольше плаваніе. Тамъ губернаторы и прочія важныя лица, подлаживайся къ нимъ и взятки давай. Они вѣдь тоже люди, и имъ своя польза дорога. Расторгуешься—перейдешь въ столицу: тамъ тебѣ будетъ самое большое плаваніе. Тамъ начальство еще выше: тамъ министры, генералы, всякія знатныя особы. И они люди, и имъ хочется жить какъ можно лучше: и къ нимъ подладиться можно. За то ужъ какъ съ ними въ пріятство войдешь, такъ широко и высоко пойдешь; всею Россіею повернешь! Тогда обманывай всѣхъ сколько хочешь, никто не посмѣетъ обвинить тебя, ни даже попрекнуть.

— Куда мнѣ такъ высоко залетать?—сказалъ Трохимъ.

— Не говори такъ!—сказалъ Придыбалка:—сколько такихъ примѣровъ, что смолоду ходитъ человѣкъ въ изорванномъ сѣрякѣ, а подъ старость ворочаетъ милліонами. Мнѣ, Трохимъ, сдается, что съ тебя выйдетъ богатѣйшій купецъ на всю Россію. У тебя смекалки-то много. Перечислишься въ купцы, прислушаешься къ ихъ рѣчамъ, присмотришься къ ихъ дѣламъ, и многое поймешь. Не забывай только моихъ наставленій,—главное: о своемъ Господѣ

Богѣ не думай, суда Его не жди, чертей въ пеклѣ послѣ смерти не бойся! Помышляй только о томъ, какъ бы себѣ на этомъ свѣтѣ пользы больше получить.

— Вы куда жъ уходите отсюда?—спросилъ Трохимъ.

— Нашъ баринъ женился. Молодая барыня не взлюбила меня. Я ухожу отъ нихъ,—отвѣчалъ Придыбалка.

— Куда?—еще разъ попытался спросить Трохимъ.

— На что тебѣ знать?—сказалъ Придыбалка.—У тебя своя дорога. И мы, вѣрно, ужъ болѣе не встрѣтимся. Помни мои наставленія.

И они попрощались. Черезъ три дня Придыбалки не было въ барскомъ дворѣ. Никто не могъ сказать, куда и въ какое время онъ уѣхалъ и даже уѣхалъ ли. Словно испарился или сквозь землю провалился. Не было объ немъ съ той поры ни слуху. Въ Мандрикахъ тогда сильнѣе подозрѣвали: не бѣсъ ли то былъ въ человѣческомъ образѣ! А оно правдоподобно, судя по тому, какъ онъ отзывался о Богѣ.

Того-жъ года послѣ Пасхи не было въ Мандрикахъ ни Трохима съ Вассою, ни его тестя. Усадьба Шпака по продажѣ, съ разрѣшенія помѣщика, перешла къ другому лицу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„УЧИТЕЛЬ ДРУЖИЩЕ".

(Школьныя воспоминанія).

Когда настала пора временно разстаться мнѣ съ родительскимъ домомъ, отецъ отвезъ меня въ Е—дъ, гдѣ, выдержавъ пріемныя испытанія, я поступилъ въ духовное училище.—Устроивъ на квартирѣ и давая разныя родительскія наставленія, отецъ при послѣднемъ *прости,* сказалъ мнѣ: «Смотри, слушайся учителя Сп. Як., не обижай его, какъ вѣрно будутъ дѣлать это другіе,—онъ очень добрый и разумный учитель; уважай и люби его какъ дѣдушку, потому что онъ и мнѣ былъ учителемъ».—Слушайся учителя Сп. Як., не обижай его!—такое наставленіе показалось мнѣ страннымъ и непонятнымъ. Первоначальное образованіе я получилъ въ военно-поселенческой школѣ, гдѣ учителемъ былъ отставной унтеръ-офицеръ, практиковавшій дикіе, но обычные въ то время педагогическіе пріемы: линейки, розги, толчки, отъ которыхъ ученики лишались зубовъ, чубчики во весь захватъ (т. е. съ вырываніемъ волосъ), заушники, послѣ которыхъ вмѣстѣ со слезами текла кровь, и проч. пріемы, внушавшіе трепетное послушаніе и непосильное прилежаніе, хотя я, какъ привилегированный ученикъ, испытывалъ эти пріемы въ болѣе деликатной формѣ. Вотъ поэтому мнѣ и показались непонятными и странными слова отца: «слушайся и не обижай учителя Сп. Як.».

Настало время, когда мнѣ сказали, чтобы я шелъ въ училище на уроки; собравъ въ узелъ всѣ книги, какія только купилъ мнѣ отецъ, я отправился.—Хотя я и не былъ такъ наз. волченкомъ, но все-же смутился въ училищѣ, гдѣ встрѣтилъ такъ много подобныхъ себѣ и болѣе взрослыхъ *паничей*, какъ меня дома величала прислуга и вообще крестьяне. Сталъ я въ корридорѣ со своимъ узломъ книгъ, довольно объемистымъ и тяжелымъ, не зная куда идти и что дѣлать.

Изъ числа бѣгавшихъ по корридору, подошелъ ко мнѣ одинъ ученикъ, старше меня года на три, и говоритъ: «Эй, новичокъ! чего болванишь? ты квартирный, давай булки, то проведу на мѣсто!»

Я удивленно посмотрѣлъ на грубаго стараго школяра и не зналъ, что сказать. Вдругъ этотъ нахалъ толкнулъ изрядно по узлу книгъ, которыя выпали изъ рукъ и съ шумомъ разлетѣлись по корридору, послѣ чего онъ ушелъ размашистой походкой изъ корридора въ садъ, напѣвая что-то безъ словъ.

До того времени ничего подобнаго мнѣ не приходилось испытывать, а потому мнѣ сдѣлалось и грустно и досадно; съ выступившими слезами и какимъ то давленіемъ въ горлѣ началъ я собирать книги.—Въ это время вошла какая-то фигура и невольно обратила на меня вниманіе, остановилась, такъ какъ я, собирая книги, заслонилъ дорогу. Когда я поднялся, то съ радостью увидѣлъ въ этой фигурѣ знакомаго мнѣ учителя С. Б—го, бывавшаго часто въ домѣ отца (онъ былъ родомъ изъ сосѣдняго селенія). — Радость моя не долго продолжалась,— этотъ учитель назвалъ меня по фамиліи, что меня смутило и показалось страннымъ: я еще не привыкъ слышать обращенія къ себѣ по фамиліи, а тѣмъ болѣе отъ человѣка, который еще такъ недавно, на каникулахъ, да и всегда раньше, называлъ меня уменьшительнымъ именемъ. Когда я смущенно передалъ учителю, что случилось и собралъ книги, учитель, взявъ меня за руку, провелъ въ младшій классъ и указалъ гдѣ сѣсть.

Пробилъ колокольчикъ. Шумной толпой входили ученики изъ сада въ корридоръ, а бывшіе въ немъ расходились по классамъ.

Младшій классъ былъ полонъ еще до звонка, несмѣлые новички сидѣли чинно и рѣдко кто разговаривалъ другъ съ другомъ; нѣкоторые, живущіе по сосѣдству, были знакомы, у меня же не было такого товарища, сосѣда по селу.

Не скоро, послѣ звонка, вошелъ въ младшій классъ учитель. Первый урокъ назначенъ былъ для ариѳметики. Учитель былъ не старый, человѣкъ лѣтъ за тридцать, довольно благообразный, чистенько и даже съ изяществомъ одѣтый.—Онъ заставилъ кого-то изъ новичковъ прочитать молитву, тотъ началъ «Преблагій Господи», но учитель остановилъ и заставилъ читать «Царю небесный». Когда молитва была окончена, учитель обратился къ намъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Ну, здравствуйте!» Въ тотъ-же моментъ послышалось нѣсколько голосовъ, очень быстро и громко произнесшихъ: «Здравія желаемъ!» Сейчасъ видно было знакомыхъ съ военно-поселенческой школьной выправкой. Учитель, замѣтно было, что-то хотѣлъ говорить, но улыбнулся и сказалъ только «садитесь!»

Самъ сѣлъ за столикъ и началъ, какъ онъ сказалъ, знакомиться, вызывая каждаго по алфавиту. По окончаніи знакомства учитель началъ говорить что-то непонятное о «математикѣ». Даже самое слово математика было новымъ слушателямъ невѣдомо. Послѣ туманнаго предисловія о математикѣ, учитель началъ испытывать наши знанія, предлагая устныя задачи, довольно легкія для рѣшенія; въ числѣ вызываемыхъ былъ и я. Пробилъ звонокъ. Тогда учитель заставилъ меня читать молитву: «Достойно есть». По окончаніи молитвы онъ поклонился и направился къ выходу.

Второй урокъ назначался для латинскаго языка. Не успѣли еще всѣ ученики войти въ классъ, какъ въ толпѣ ихъ показалась простенькая фигура: она двигалась мѣрными, тихими шагами; лицо ея бритое и съ морщинами; на головѣ лысина, волосы—пепельнаго цвѣта, почти сѣдые и низко обстриженые; на высокомъ бѣломъ лбу бородавка. Фигура эта въ старенькомъ сѣренькомъ лѣтнемъ пальто, въ брюкахъ темно-зеленаго отлива съ нѣсколькими заплатами, а сапоги со многими латками и почти безъ каблуковъ. Это былъ полнѣйшій контрастъ предшествен-

ника—учителя математики, который вошелъ быстро, важно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, въ очень изящныхъ, т. наз. *бомбэ* сапогахъ: съ круглыми широкими носками, на четвертныхъ почти каблукахъ и вершковой толщины подметкахъ, издававшихъ самый сильный скрипъ, какой только способны устроить искусные сапожники, получая за это отъ любителей такой музыки на полуштофъ водки.—Скрипъ сапоговъ отдавался двойнымъ эхомъ во всѣхъ углахъ класса и такъ понравился ученикамъ, что они не могли налюбоваться этими сапогами, не сводя съ нихъ глазъ, и даже во время отвѣтовъ украдкой посматривали на нихъ. Я такъ внимательно разсматривалъ диковинные сапоги, что посчиталъ всѣ мѣдные винтики въ носкахъ этихъ сапогъ.

Фигура, вошедшая въ классъ послѣ 1-го урока, была чрезвычайно пріятна и добродушна: на лицѣ улыбка съ простосердечнымъ выраженіемъ, на которое смотришь и не насмотришься; такъ и хочется невольно заговорить и прикоснуться къ рукѣ, или даже къ пальто, и чувствуешь, что она не оттолкнетъ, а приласкаетъ. Это былъ незабвенный Сп. Як. Рой.

Когда онъ вошелъ въ классъ, то заставилъ вертѣвшагося возлѣ него ученика, изъ старичковъ, читать молитву. Тотъ началъ и нарочно читалъ плавно и протяжно «Царю небесный»—въ то же время другой изъ старичковъ читалъ «Достойно есть», а третій--«Да воскреснетъ Богъ».

Все это вмѣстѣ съ шумомъ входившихъ учениковъ представляло что-то странное, а для новичковъ совсѣмъ непонятное. Не взирая на это Сп. Як. стоялъ спокойно и очень набожно крестился, посматривая на читавшихъ одновременно другія молитвы. Читавшій «Царю небесный» окончилъ, Сп. Як. такъ-же спокойно и медленно, не обращая никакого вниманія на чтецовъ, подошелъ къ столу и началъ складывать свои учительскія принадлежности, которыя старички-ученики называли: «разный бакалейный товаръ». Предметы эти были слѣдующіе: нѣсколько книгъ, классный журналъ, линейка, большихъ размѣровъ темно-зеленая старинная

хрустальная чернильница, ручка съ перомъ, карандашъ, футляръ съ очками, нѣсколько кусочковъ мѣла и вохкая тряпка.

Разложивъ довольно симметрично всѣ эти предметы на столѣ на давно опредѣленныхъ для каждаго мѣстахъ, Сп. Як. вынулъ изъ футляра очки; они были въ серебряной оправѣ, а въ концѣ прутиковъ привязана ленточка—неопредѣленнаго отъ времени цвѣта. Очки надѣлъ, а футляръ положилъ на столѣ. Пока все это Сп. Як. дѣлалъ, къ нему довольно смѣло подошло нѣсколько старичковъ. Одинъ изъ нихъ безцѣльно началъ брать по очереди каждый изъ лежавшихъ на столѣ предметовъ, осматривалъ и опять клалъ на мѣсто; когда-же коснулся футляра, то Сп. Як. схватилъ футляръ и говоритъ:

— Не тронь!

— Развѣ я его съѣмъ?—отвѣчалъ ученикъ.

— Съѣсть не съѣшь, а навѣрно испортишь! Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ!

— Да вамъ уже стыдно въ немъ носить очки!—говоритъ тотъ же ученикъ,—пора-бы купить новенькій, а этотъ мнѣ бы пригодился на перья да иголки.

— А тебѣ пора-бы хоть въ этомъ году поумнѣть!

Въ это время на задней партѣ послышалось пѣніе старавшагося басить Сенички Б.... на какой-то неопредѣленный гласъ:

— Го-о-спо-ди во-о-звахъ къ Те-е-бѣ у-услы-и-ши мя!

— Вотъ я тебя, подлецъ, услышу!—воскликнулъ Сп. Як.

— А развѣ вы, Сп. Як., Господь?—отвѣчаетъ пѣвецъ.

— У-у! подлецъ ты послѣ этого, ослиная башка!.. и зачѣмъ я тебя защищалъ, когда хотѣли исключить! Шелъ-бы ты себѣ къ чорту!

Въ это время третій, стоявшій возлѣ Сп. Як., перелистывая большую грамматику Смирнова, говоритъ:

— И какъ вамъ не грѣхъ. Сп. Як., черезъ васъ меня оставили на второй курсъ?

— Врешь, только у меня тебѣ было $2^1/_2$, а по всѣмъ предметамъ двойки да единицы, да и по моему предмету ты больше не зналъ, какъ на единицу.

— Ну, теперь вы мнѣ должны ставить пятерки.

— Да,—отвѣчаетъ Сп. Як.,—если заслужишь! Думаешь, мнѣ пріятно ставить двойки! Будь увѣренъ, что мнѣ досаднѣй ставить, чѣмъ тебѣ получать!

Въ такихъ разсужденіяхъ прошло болѣе половины урока.

Разсуждать и злить Сп. Як. было кому, такъ какъ оставленныхъ было болѣе 10 душъ; насъ-же поступило 40 новичковъ, но пока еще ни одинъ не осмѣлился что нибудь спросить или сказать; и всѣ новички какъ-то дико посматривали на происходившее, а старички на перебой, одинъ предъ другимъ, старались показать свою удаль въ простотѣ обращенія со Сп. Як., какъ-бы хвастаясь предъ нами, или они по привычкѣ не могли иначе держать себя въ отношеніяхъ къ нему: объяснить это я теперь никакъ не могу, потому что скоро мы всѣ одинаково обращались съ Сп. Я.—Съ этого урока я понялъ наставленіе отца относительно Сп. Я. и сознаюсь, плохо его исполнялъ, какъ и вообще плохо исполняются всякіе разумные и добрые совѣты; ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Иногда случалось, что голосъ совѣсти упрекалъ и дѣлалось какъ-то больно за Сп. Як., когда устроишь ему какую нибудь подлость, а онъ на нее и вниманія не обратитъ: на лицѣ его не увидишь не только злости, а даже упрека— и тогда тѣмъ болѣе совѣстно станетъ самому себѣ.—Во время перваго-же урока мы услыхали всѣ тѣ эпитеты, которые давались Сп. Як. въ присутствіи его, какъ-то «Лапша въ карманѣ»,— гопъ-чики-нѣтъ! 5+на лбу!» и мног. друг., переходившіе по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе; о многихъ изъ нихъ не сохранилось никакого преданія, почему они были присвоены Сп. Як., на столько были древни.

Эпитетъ «Сакенскія калоши» былъ данъ, вѣроятно, потому что у С. Як. были большія, глубокія, буйволовой кожи, галоши, существовавшія нѣсколько десятковъ лѣтъ. По изяществу работы и цѣнности, такія галоши, по мнѣнію учениковъ, могъ носить только извѣстный въ свое время графъ Остенъ-Сакенъ, жившій недалеко отъ г. Е..... По глухому гулу этихъ галошъ можно было узнать Сп. Як. въ самую темную ночь.

Сп. Як. не сталъ съ нами знакомиться по журналу, какъ предыдущій учитель, а сталъ по серединѣ класса и съ добродушной улыбкой спросилъ:

— А кто изъ васъ умѣетъ читать по-латыни?

— Я, я, Сп. Як.!—крикнули почти всѣ старички.

— Васъ не спрашиваютъ!—сказалъ онъ.

Тогда нѣсколько поднялось изъ насъ. Онъ подносилъ каждому латинскую грамматику и заставлялъ прочесть; читавшихъ отмѣчалъ въ журналѣ. Потомъ написалъ на доскѣ азбуку и самъ читалъ незнавшимъ, указывая на каждую букву.—Читалъ онъ нѣсколько разъ: но ударилъ звонокъ и старички подняли ужасный шумъ, читая всѣ одновременно молитву и говоря:—Довольно довольно! пора съ класса!—

Онъ собралъ все принесенное на урокъ; старички предлагали помочь донести до учительской комнаты, но онъ всѣхъ прогонялъ и отказывался.

Спустя мѣсяцъ, мы такъ ознакомились со Сп. Як., что насъ нельзя было отличить отъ старичковъ.—

Уроки Сп. Як. всегда были шумны во всѣхъ классахъ, не исключая IV, гдѣ уже ученики должны были-бы быть скромнѣй и благоразумнѣй; но тамъ были самые мудрые на всякія продѣлки.

Въ теченіе уроковъ Сп. Як. каждый занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ кому угодно было; по большей части приготовляли урокъ слѣдующаго какого нибудь предмета. Уроки по латинскому языку исправно готовили очень немногіе изъ насъ: тѣ только, которые всегда исправно знали всѣ уроки; тѣ внимательно слушали, ничѣмъ посторошнимъ не занимались и не шумѣли; къ нимъ съ особенной, можно сказать материнской, любовію относился Сп. Як.

Ученики лѣнивые и равнодушные къ единицамъ и двойкамъ, обыкновенно во время уроковъ Сп. Як. занимались разными мастерствами: нисколько не стѣсняясь, сбрасывали съ себя сюртукъ или жилетъ и портняжили; хотя Сп. Як. и вырывалъ починяемое, но осаждаемый просьбами или доводами, что необходимо исправить, опять отдавалъ для починки; иные изъ учени-

ковъ починяли сапоги, а другіе въ перья или во что нибудь играли, словомъ, каждый былъ занятъ, но отнюдь не латинскимъ языкомъ. Разговоръ между какими нибудь пріятелями велся обыкновеннымъ тономъ, не взирая на частыя покрикиванья Сп. Як. «ма-алчать, подлецы!» или «вонъ съ класса», послѣ нѣсколькихъ замѣчаній.

А изъ класса безъ всякаго позволенія выходилъ каждый, даже по нѣсколько разъ; иногда въ классѣ оставалась только половина учениковъ. Всѣ мастеровые, покончивъ свои работы, вели разные разговоры со Сп. Як. выводя его изъ терпѣнія: и въ концѣ концовъ долготерпѣливый Сп. Як. на неугомонномъ ученикѣ практиковалъ *кулачное право*, послѣ котораго потерпѣвшій, притворяясь плачущимъ, выходилъ изъ класса и угрожалъ пожаловаться кому нибудь изъ начальствующихъ, на что Сп. Як. говорилъ:

— Иди, иди! чортъ тебя бери!

Разумѣется никогда никто не жаловался, такъ какъ зналъ, что самъ-же будетъ наказанъ.

Въ теченіе урока Сп. Як. наполнялъ всѣ свои карманы пуговками, въ которыя играли ученики, перьями, косточками изъ рожковъ, тоже служившими для игры, разныхъ величинъ волчками, которые часто пускались на урокѣ. При конфискованіи этихъ предметовъ не было сопротивленія: каждый зналъ, что всегда получитъ послѣ урока свою вещь; если иногда Сп. Як. уносилъ эти предметы въ свою комнату, то складывалъ ихъ тамъ на окнѣ, откуда часто воровали ихъ другіе ученики. Не находившій своей вещи требовалъ отъ Сп. Як. платы и всегда получалъ 3—5 коп., и при этомъ торгъ велся самымъ серьезнымъ образомъ, какъ будто-бы Сп. Як. покупалъ и предлагалъ свою цѣну, а владѣлецъ требовалъ свою. Иныхъ нахаловъ, у которыхъ онъ ничего и не взялъ на урокѣ, но которые надоѣдали ему, выгонялъ изъ своей комнаты; но это очень рѣдко бывало и только тогда, когда ученикъ этотъ былъ слишкомъ дрянной и у Сп. Як. не было денегъ; а случались у него деньги, то онъ всегда дастъ 3—5 коп., чтобы отвязаться отъ нахала.

Всѣ обращались къ Сп. Як. за займомъ денегъ на бумагу, карандаши, перья, какую нибудь книгу и проч.; и никогда никому онъ не отказывалъ; если и неимѣлъ, то самъ займетъ, а все-же дастъ. Такія нужды въ большинствѣ случаевъ были измышлены, да и долгъ этотъ никогда не отдавался и самъ Сп. Як. не помнилъ его. Если кто возвращалъ долгъ, то Сп. Як. распрашивалъ, когда былъ сдѣланъ заемъ и для чего: принималъ заемъ крайне неохотно, предлагая ученику употребить эти деньги на что нибудь необходимое. Такой безграничной добротой многіе слишкомъ злоупотребляли.

Нужно было только показать Сп. Як-чу изорванные сапоги и сказать: «займите, Сп. Як., пока папаша пріѣдетъ, а то не въ чемъ ходить!» Сп. Як., ни слова не говоря, заказывалъ сапоги тѣмъ, о которыхъ зналъ, что могутъ обмануть; а честнымъ ученакамъ давалъ два-три руб. Самъ-же ходилъ въ старенькой скудной одеждѣ. Во время моего пребыванія въ училищѣ, я не видѣлъ у Сп. Як. чего-нибудь новаго изъ одежды, да врядъ-ли видѣли это и нѣсколько предшествовавшихъ курсовъ. Будучи священникомъ, я встрѣчалъ Сп. Як. въ той-же шинели и сюртукѣ, которые мнѣ были знакомы еще въ училищѣ. Случалось, что онъ надѣнетъ новые сапоги; тогда ему не давали ученики проходу, говоря: «И-и-и, Сп. Як., какіе у васъ сапоги! Сколько они у васъ будутъ носиться лѣтъ? и почему-бы не заказать по модѣ, со скрипами, на подборахъ съ подковками?» Что касается разныхъ продѣлокъ, на урокахъ Сп. Як. и внѣ классныхъ занятій, то ихъ была такая масса, что только ничтожная доля сохранилась въ памяти. Что ни день или урокъ, то въ каждомъ классѣ устраивалось Сп. Як—чу что нибудь новенькое. Иногда ученики сговаривались сидѣть на урокѣ Сп. Як—ча тихо, и въ рукахъ или на партѣ не имѣть ничего, кромѣ латинской книги. И вотъ—въ классѣ тишина, всѣ заняты латинскимъ языкомъ. Такое поведеніе казалось Сп. Як. страннымъ и удивительнымъ. Въ такихъ случаяхъ, до прихода Сп. Як., ученики сидѣли чинно на своихъ мѣстахъ; когда онъ входилъ, тихо поднимались, дежурный читалъ четко и громко молитву, всѣ крестились правильно съ набожнымъ

выраженіемъ физіономій; садясь на мѣста, никто не смѣлъ слова сказать даже шепотомъ; доска была предварительно вытерта, столъ и стулъ были на своемъ мѣстѣ, парты разставлены такъ, какъ нравилось Сп. Як., т. е. чтобы были свободные проходы кругомъ; каждый сидѣлъ ровно и смотрѣлъ или въ книгу, или на доску, или на отвѣчающаго ученика. Въ классѣ тогда, какъ говорятъ, слышно, какъ муха пролетитъ, хотя такъ бывало всегда на урокахъ другихъ учителей. Сп. Як. тогда, замѣтно по лицу, самый счастливый человѣкъ: улыбается, вмѣсто ученика самъ отвѣчаетъ урокъ; если-же отвѣчающій не знаетъ урока, а читаетъ его по книгѣ, меньше четверки не ставитъ такому ученику. Такъ пройдетъ полъ-урока; видно Сп. Як-чу чего-то недостаетъ, онъ не привыкъ къ этому и самъ себѣ не вѣритъ: почему такая тишина? откуда такіе все хорошіе отвѣты? Вотъ, наконецъ, ученикъ отвѣчаетъ очень бойко—и Сп. Як. только слушаетъ, не имѣя возможности подсказывать. Тогда на половинѣ отвѣта ученикъ нарочно остановится—и водворится могильная тишина. Сп. Як., забываясь отъ восторга, невольно произноситъ свое обычное «чи-и-ишь!» и на лицѣ его скользнетъ улыбка съ выраженіемъ насмѣшки надъ самимъ собой. Въ этотъ моментъ раздается самый зычный всеобщій взрывъ хохота, а затѣмъ пѣніе и проч. по обыкновенію до конца урока. Цѣлый урокъ такого затишья Сп. Як. не могъ-бы вынести; къ концу урока, въ подобныхъ случаяхъ, у него все какъ-то не такъ выходило. Если иногда смотритель училища посѣщалъ его урокъ и сидѣлъ долго, то Сп. Як. въ это время объяснялъ урокъ на слѣдующій день и всегда писалъ такую массу примѣровъ на доскѣ, заставляя учениковъ разбирать и переводить, что въ этомъ проходилъ цѣлый урокъ.

Почти предъ каждымъ латинскимъ урокомъ ученики сдвигали парты въ сплошную массу къ стѣнѣ, такъ что нельзя было пройти между ними: кому нужно было сѣсть, то перелазили. Послѣ молитвы Сп. Як. начиналъ раздвигать парты, заставляя какого-нибудь ученика помогать ему; но рѣдкій помогалъ. Обыкновенно Сп. Як. самъ разставлялъ парты. Иной-же проказникъ, будто-бы помогая, съ другаго конца тянулъ скамью къ себѣ въ

то время, когда Сп. Як. тянулъ ее къ себѣ. Парта не двигалась,—это страшно злило Сп. Як. и онъ направлялся съ кулаками къ своему помощнику. Рѣдко ему удавалось поймать проказника, который съ быстротой козы перепрыгивалъ черезъ парты, показывая языкъ; слѣдовать-же за нимъ Сп. Як. не рѣшался.

Въ такихъ передвиженіяхъ проходила половина урока. Когда парты были разставлены, Сп. Як. вызывалъ учениковъ къ доскѣ отвѣчать урокъ, который, какъ я выше упоминалъ, не многіе основательно знали; ученики выписывали урокъ на клочокъ бумаги, приклеивали къ переплету книги и по немъ отвѣчали. Хотя Сп. Як. и замѣчалъ эту хитрость, но рѣдко вырывалъ и не придавалъ особеннаго значенія, а ставилъ не болѣе тройки. Если-же отвѣчавшій доказывалъ, что онъ больше заслуживаетъ, то Сп. Як. послѣ надоѣдливыхъ приставаній, прибавлялъ плюсъ, а потомъ половину и съ тѣмъ отправлялъ отвѣчавшаго, какъ онъ говорилъ, «къ чорту».

Во время отвѣтовъ, остальные ученики производили самый невѣроятный базарный шумъ: иной, наломавъ нѣсколько кончиковъ стальныхъ перьевъ или какихъ нибудь стальныхъ пластинокъ, забивалъ ихъ подъ партой и производилъ музыкальные звуки въ тѣ моменты, когда учитель былъ на другомъ концѣ класса. Слухъ у него былъ удивительный.

Не подавая вида, что заслышалъ музыку и подмѣтилъ игравшаго, постепенно приближался Сп. Як. къ музыканту. Если послѣдній не остерегался, то Сп. Як., посмотрѣвши на него искоса нѣсколько разъ и убѣдившись въ вѣрности своего наблюденія, съ быстротой коршуна направлялся къ игравшимъ схватывалъ ихъ за чубъ, отыскивалъ инструментъ, ломалъ его, а музыканта выгонялъ изъ класса.

Такихъ музыкантовъ ему приходилось выгонять десятки въ теченіе урока. Иной, очень хитрый, устраивалъ арфу до урока подъ сидѣніемъ изъ проволоки или струнъ и игралъ, очень внимательно слѣдя за всѣми движеніями Сп. Як.

Въ такихъ случаяхъ трудно удавалось ему схватить музыканта. Отъ досады и озлобленія, Сп. Як. ударялъ сильно по партѣ ру-

кой и кричалъ: «Ма-а-алчать подлецы!» Нѣкоторые имѣли цыганскій «вирганъ» [1]). Игроковъ на «вирганѣ» было нѣсколько, располагались они въ разныхъ углахъ и поочередно наигрывали, смотря по положенію, гдѣ былъ Сп. Як.. Когда онъ объяснялъ слѣдующій урокъ (т. е. былъ возлѣ доски и писалъ примѣры), то раздавался полный оркестръ разныхъ инструментовъ съ припѣвомъ хористовъ, по большей части со словами «со святыми упокой», на мотивъ комаринскаго бычка и малороссійской пѣсни «та внадывся журавель». Сп. Як. продолжалъ писать, не обращая никакого вниманія; но когда пѣніе, сопровождаемое музыкой, доходило до мѣста: «таки-таки упокой, таки-таки цыбатый, таки-таки носатый!», то онъ моментально поворачивался—и скрежеталъ зубами, потрясалъ въ воздухѣ кулаками, стучалъ сапогами, присѣдая такъ, какъ будто-бы выбивалъ трепака подъ музыку и кричалъ: «Ма-а-алчать с.... с...., безбожные анаѳемы, подлецы!» Моментально все стихало и выраженія физіономій учениковъ были самыя невинныя, солидно смотрящія на доску, а Сп. Як. бросалъ молніеносные взоры по всѣмъ партамъ. Въ это время кто нибудь изъ послѣдней парты, такъ наз. «Кавказа», подымался и говорилъ:

— Ну, вотъ, давно бы такъ Сп. Як. потанцовали, по крайней мѣрѣ веселѣй было-бы, чѣмъ писать разныя глупости!»—«Что-о-о!» возвышая голосъ, говорилъ Сп. Як. «вотъ я тебя повеселю, подлецъ!» и быстро направлялся къ тому ученику, который былъ уже готовъ, зная, что его ожидаетъ, выскакивалъ изъ-за парты и направлялся въ противоположный конецъ. Начиналась игра «въ кошки и мышки»; бѣгающій ученикъ дѣлалъ ему самыя невѣроятныя гримасы, приговаривая «да не поймаете!»

---

[1]) Инструментъ этотъ дѣлается изъ вдвое согнутой стальной пластинки; въ середину вставлена тоже стальная тоненькая пластинка съ крючкообразнымъ концомъ; пластинку нужно брать въ губы и трогать крючокъ пальцемъ такъ, чтобы онъ соскакивалъ; эта тоненькая средняя пластинка издавала гармоническій звукъ, который могъ повышаться и понижаться смотря по тому какъ держать пластинку—твердо или слабо.

Это злитъ еще больше Сп. Як.; но онъ старается успокоиться и говоритъ:

«Вонъ изъ класса, подлецъ!»

— «Нѣтъ, не надуете! отойдите дальше, то пойду!» говоритъ ученикъ Сп. Як-чу, если этотъ былъ вблизи дверей.

— Иди, иди, подлецъ, не трону, чортъ съ тобой!

— Нѣтъ, не вѣрю, отойдите, надежнѣй будетъ!

— Ну, иди, подлецъ! Говорятъ тебѣ, ей Богу, не трону!

— Вотъ теперь пойду! и выходитъ смѣло, зная, что послѣ клятвы Сп. Як. не тронетъ; идетъ ученикъ тихимъ шагомъ напѣвая.—Сп. Як. смотритъ ему въ слѣдъ, плюетъ и говоритъ:

— Тьфу! извергъ проклятый, во адѣ, подлецъ, будешь!

Минутъ черезъ 10, выгнанный такимъ образомъ, возвращался и какъ ни въ чемъ не бывало садился за парту, а Сп. Як. забылъ уже происходившее съ этимъ, такъ какъ былъ занятъ другими, которые во время погони въ разныхъ концахъ кричатъ по очередно: «кук-са! гопъ! чики! нѣтъ!» кричатъ разными голосами: выходилъ какой-то вполнѣ дикій концертъ—тѣмъ болѣе, что слышались кошачьи звуки.

Нѣкоторые могли такъ искусно подражать котамъ, что иногда по вечерамъ, мяукая, обманывали котовъ, которые, мурлыча, сходились на природный свой звукъ и за это получали камни или палки отъ искусниковъ. Эти-то господа дополняли концертъ; а Сп. Як., видя невозможность что нибудь сдѣлать, останавливался, крестился, плевалъ и говорилъ:

— Вотъ ироды! дьяволово отродье!

У Сп. Як. были излюбленные углы партъ, по которымъ онъ сильно стучалъ рукой, усмиряя учениковъ, произнося обычное—*молчать*. Однажды на такомъ углѣ кто-то налилъ чернила, которое было незамѣтно, да и парты были чорнаго цвѣта. На томъ углѣ сидѣлъ хорошій и скромный ученикъ; Сп. Як. очень любилъ его. Дойдя до того угла, по обыкновенію смотрѣлъ во всѣ стороны на учениковъ; только хотѣлъ усмирять, стукнувъ рукой по партѣ, какъ почувствовалъ влагу и увидѣлъ руку въ чернилѣ. Это его удивило, такъ какъ случилось возлѣ такого ученика, что

онъ не могъ допустить отъ него продѣлки; но минуту спустя сказалъ:

— Такъ и ты, подлецъ! а еще кажешься тихоней! и началъ вытирать руку о физіономію этого ученика, которую изрядно выпачкалъ.

Тотъ самъ изумился и началъ божиться, что не онъ; но Сп Як. не вѣрилъ въ тотъ моментъ, хотя и говорилъ:

— Ну, такъ скажи, кто?

Когда-же ученикъ началъ плакать и усиленно божиться, что не знаетъ, Сп. Як. извинился, а вечеромъ позвалъ его къ себѣ на чай.

Во время такой мазки произошелъ всеобщій взрывъ хохота и довольства, что удалась такая продѣлка, да еще былъ подведенъ подъ гнѣвъ такой тихоня и любимчикъ Сп. Як.

Другую подобную, но еще болѣе подлую продѣлку устроилъ одинъ изъ товарищей, когда мы были уже въ другомъ классѣ.

Наломавъ кончиковъ изъ перьевъ онъ позабивалъ ихъ на углѣ парты. Когда Сп. Як. стукнулъ, то острые концы перьевъ почти цѣликомъ вошли въ руку и показалась кровь; сжавъ отъ боли кулаки, онъ изрядно отколотилъ продѣлавшаго эту штуку и на этотъ разъ не напрасно.

Продѣлка эта не порадовала учениковъ: всѣмъ какъ-то невольно сдѣлалось жалко Сп. Як.; нѣкоторые даже, озлобившись, настаивали, чтобы Сп. Як., заявилъ смотрителю, но онъ сказалъ: «Чортъ съ нимъ! развѣ онъ, оселъ, понимаетъ, что его исключатъ съ дурнымъ поведеніемъ и пропадетъ какъ собака, а родителей убьетъ горемъ; у него отецъ прекрасный человѣкъ. Богъ съ нимъ! Богъ съ нимъ, не хочу!»

Это на насъ сильно подѣйствовало: продѣлавшій эту штуку плакалъ, я думаю, не отъ боли, которую нанесъ ему Сп. Як. кулаками, а, вѣроятно, отъ угрызенія совѣсти.

Послѣ этого случая мы нѣсколько дней вели себя на урокахъ Сп. Як., какъ слѣдуетъ; если и разговаривали громко, то вѣдь нельзя-же было безъ этого, и Сп. Як. не привыкъ къ абсолютной тишинѣ, но продѣлокъ никакихъ себѣ не позволяли. Спустя

нѣсколько дней все пошло по старому, да и не могло быть иначе...

У читателей можетъ возникнуть вопросъ· какъ-же смотрѣли и относились ко всему этому смотритель, его помощникъ и надзиратели? Вѣдь такой шумъ слышенъ былъ не только въ сосѣднихъ классахъ, корридорѣ, но даже на улицѣ... Но вѣдь это старый шумъ давно всѣмъ знакомый, съ нимъ свыклись; да, наконецъ, большинство, если не весь персоналъ учащихъ, тоже когда-то учились у Сп. Як. и были такими же проказниками, какъ и мы.

Всѣ хорошо знали, что Сп. Як. никогда не пожалуется и не выдастъ ни одного ученика и самаго отъявленнаго шалуна будетъ защищать. Случалось, что на шумъ входилъ смотритель и заставалъ какую-нибудь сцену.

Захваченный подвергался строгому наказанію; заключали даже на сутки въ карцеръ. Надзиратели въ классъ не входили, а иногда, подслушавъ или встрѣтивъ выгоняемыхъ изъ класса, оставляли безъ обѣда, или ставили на колѣни.

Еще нѣкоторыя продѣлки.

Иногда кто-нибудь приносилъ воробья и, выждавъ удобную минуту, выпускалъ его, а другой въ это время говорилъ:

— Вотъ, Сп. Як., ваша душа летаетъ!

Ученики старались поймать летавшаго воробья, но Сп. Як. разгонялъ ихъ и не позволялъ трогать птичку.

Въ это время кто-нибудь спрашивалъ:

— А правда, Сп. Як., что воробей отъ чорта и представляетъ образъ жида, а ласточка отъ ангела и есть образъ христіанина?

— Все равно, дуракъ! развѣ не знаешь, что все есть созданіе Бога,—какой дуракъ это тебѣ разсказывалъ?

А то приведутъ щенка. Когда начнутъ тормошить его, онъ пищитъ. Этого не могъ выносить Сп. Як. и угощалъ проказниковъ кулаками, причемъ все время стоялъ возлѣ щенка и защищалъ его, или приказывалъ какому-нибудь ученику вынести щенка; но въ тоже время и самъ сопровождалъ, чтобы выносившій не билъ его.

Одинъ изъ учениковъ безподобно на однѣхъ губахъ такъ игралъ, какъ-бы у него былъ «вирганъ», о которомъ я упоминалъ; музыки его нельзя было отличить отъ настоящаго виргана. Сидѣлъ этотъ ученикъ въ музыкальномъ забытьи и наигрывалъ, не замѣтивъ, что недалеко былъ Сп. Як., который быстро подбѣжалъ, схватилъ за руку и ротъ такъ, что тотъ долженъ былъ раскрыть свой ротъ. Къ изумленію своему Сп. Як., кромѣ двухъ рядовъ зубовъ ничего не увидѣлъ и спрашиваетъ: «гдѣ дѣвалъ?» Ученикъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ и никогда не было виргана.

— А на чемъ же ты игралъ?

Ученикъ повторилъ ему и Сп. Як., улыбаясь, отошелъ, ничего не сказавъ. Другой ученикъ посовѣтывалъ Сп. Як. попросить того-же ученика засвистать по соловьиному, на что тотъ сказалъ:

— Ну, ну, хорошъ и ты соловей!

Будь внѣ класса, Сп. Як. послушался-бы и попросилъ показать такое искусство. Внѣ класса Сп. Як. былъ самый лучшій пріятель учениковъ и какъ товарищъ обращался со всѣми одинаково, даже съ тѣми, кто больше всего надоѣдалъ ему на урокахъ. Правда, что и ученики очень любили его внѣ класса и никогда ни одинъ, въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ объ учителяхъ, о немъ ни одного худого слова не говорилъ, на которыя вообще такъ богаты ученики.

Шелъ куда-нибудь Сп. Як., то ученики говорили: «Вотъ пошло дружище!» или кричали ему: «Счастливый путь, Сп. Як.! Богъ въ помощь, да не забудьте гостинчика принести!»

Гостинцами Сп. Як. дѣйствительно часто дарилъ учениковъ. Многимъ другимъ учителямъ далеко не такія пожеланія посылали, да и про себя только... Эпитетомъ, *дружище*, всѣ называли Сп. Як. и дѣйствительно онъ былъ рѣдкій общій другъ.

Столовался Сп. Як. на частной квартирѣ, гдѣ жило много учениковъ, всѣ сокквартиранты были его большіе друзья, они не такъ съ нимъ обращались на урокахъ, какъ другіе, хотя всего бывало... Чай онъ пилъ у себя въ квартирѣ; она находилась при училищѣ и въ тоже время была учительской, въ которой стоялъ

клеёнчатый диванъ. На этомъ диванѣ Сп. Як. спалъ, имѣя подушку да шинель вмѣсто одѣяла; а зимой спалъ на лежанкѣ въ правленіи училища, которое помѣщалось рядомъ съ его комнатой и находилось въ полномъ его распоряженіи. При томъ-же Рой былъ безсмѣнный членъ правленія.

За столъ Сп. Як. платилъ большія деньги, а ѣлъ то, что и ученики. Хозяйка квартиры, дочь священника, была въ замужествѣ за какимъ-то дворяниномъ, который по внѣшности и пріемамъ былъ самый грубый городской пройдоха-мѣщанинъ; отъ него всегда несло сивухой. Постоянно этотъ господинъ выпрашивалъ у Роя на чвёртки *опохмѣлиться*, а хозяйка занимала у Сп. Як. на базары; эти займы никогда не возвращались; въ общемъ они составляли тройную плату квартиры. Оставаясь часа два-три послѣ обѣда на квартирѣ, Сп. Як. помогалъ ученикамъ при ученіи уроковъ; рѣшалъ всѣ задачи. Ариѳметику Сп. Як. зналъ прекрасно и преподавалъ ее нѣсколько лѣтъ. По языкамъ диктовалъ переводы, выписывалъ слова и дѣлалъ разборъ по греческому языку, который зналъ основательно и говорилъ свободно; такъ-же, какъ и по-латыни. Не было такого предмета изъ училищнаго и семинарскаго курса, чтобы Сп. Як. не зналъ. Всѣ эти предметы онъ зналъ далеко основательнѣй другихъ учителей, которые сознавались, что обращались къ нему за разъясненіемъ какихъ нибудь недоразумѣній; и называли они его *ходячей энциклопедіей*. Соквартирантамъ Сп. Як. легко было учиться, вѣрныя знанія доставались безъ труда, стоило только нѣсколько усвоить ихъ; но изъ соквартирантовъ не было ни одного хорошаго ученика, о чемъ сожалѣлъ Сп. Як. Онъ всегда радъ былъ, если приходили ученики изъ другихъ квартиръ послушать переводъ или что нибудь другое; если иногда запаздывали, то, по ихъ просьбѣ, онъ повторялъ. Ученикамъ, жившимъ въ училищѣ на казенномъ содержаніи, всегда помогалъ приготовлять уроки и не тяготился, повторяя иногда одно и то же по двадцати разъ; за трудъ довольствовался простымъ «спасибо», которое всегда было искренно. Впрочемъ, нѣкоторые ученики привозили Сп. Як-чу послѣ праздниковъ: горшечекъ масла, кусокъ сала, булку или

пасху, меду и проч. съѣстное, которое Сп. Як. принималъ, боясь огорчить ученика; все это поѣдали тѣ-же ученики, которыхъ онъ приглашалъ на чай, и другіе изъ казенно-коштныхъ; да и учителя не отказывались закусить что нибудь послѣ второго-третьяго урока у Сп. Як.

Если привозившій масло или что другое плохо отвѣчалъ и получалъ двойку или тройку, то недовольный такимъ балломъ говорилъ: «Я вамъ, Сп. Як., хабара привезъ, а вы мнѣ плохую отмѣтку ставите; другой разъ не привезу!».

— Да и не нужно!—говорилъ Сп. Як.—Ты подлецъ, меня упрекаешь: «масло взяли, масло взяли!»—а самъ же его съѣлъ да и отъ меня хабары получалъ, и деньги я тебѣ давалъ. и чай у меня пилъ, а все же подличаешь и совсѣмъ не учишься!—Такіе упреки учениковъ были шуточны, лишь-бы подразнить Сп. Як. На урокахъ еще такого рода бывали продѣлки: дѣлали резинковые лучки на палочкѣ изъ двухъ рожковъ, стрѣлами служили туго скрученные небольшіе кусочки бумаги; сильно пущенная такая бумажка ужасно била, такъ что ударъ въ руку или въ лицо у слабаго ученика вызывалъ слезы, да и выносливаго заставлялъ чувствовать боль съ озлобленіемъ. Изъ этихъ лучковъ часто пускали стрѣлы въ Сп. Як. Однажды мѣткій стрѣлокъ попалъ Сп. Як. въ лобъ такъ, что онъ почесалъ его, но не видѣлъ, кто пустилъ; а стрѣлокъ, довольный удачнымъ выстрѣломъ, скорчилъ серьёзную физіономію, уставился глазами въ потолокъ и говоритъ:

— Пора бы штукатурить классы, а то штукатурка отваливается, пожалуй весь потолокъ завалится!

Сп. Як. въ первый моментъ не сообразилъ и поднялъ глаза на потолокъ; но когда увидѣлъ, что тамъ ни одной трещинки нѣтъ, сказалъ: «Вотъ я тебѣ, подлецъ, какъ наштукатурю физіономію, то будешь знать, я лучше выстрѣлю чѣмъ ты!»

Ученикъ божился и клялся, что не онъ и не знаетъ въ чемъ дѣло. Спустя нѣкоторое время Сп. Як. стоялъ сзади того стрѣлка, который забылъ, что ему можетъ угрожать; этотъ проказникъ наложилъ стрѣлу и уже цѣлился въ одного изъ товарищей, какъ

раздался выстрѣлъ руки Сп. Як. по физіономіи стрѣлка, который никакъ не ожидалъ удара и повернулъ лицо туда, откуда раздался выстрѣлъ, а Сп. Як., какъ ни въ чемъ не бывало, прошелъ безъ вниманія, а потомъ повернулся да и говоритъ:

— Вотъ видишь, потолокъ обвалился,—ты правду говорилъ! Ишь, подлецъ, а еще божится, что не онъ. Вонъ изъ класса! Вонъ!

Во время экзаменовъ ученики компаніями отправлялись готовиться въ степь, большей частію по направленію къ Б..., предмѣстью г. Е... По берегу рѣки ученики выбирали уютныя мѣста между скалъ; особенно красивыя мѣста были возлѣ желѣзнодорожнаго моста. Занимаясь, въ промежуткахъ ученики купались, ловили раковъ и варили ихъ.

Однажды компанія на одной площадкѣ, между скалъ, замѣтила какую-то фигуру; тихонько приблизившись, узнали въ ней Сп. Як., который безъ сюртука и шапки стоялъ на колѣняхъ и молился Богу. Компанія притихла и старалась быть незамѣченной; приблизившись на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, условились напугать Сп. Як.: набрали камешковъ и начали бросать, но не старались попасть, а мимо. Въ первый моментъ Сп. Як. не обратилъ вниманія, продолжалъ молиться. Когда же каменная канонада усилилась, Сп. Як. схватился, забралъ одежду и началъ быстро удаляться, не поварачиваясь. Ученики съ хохотомъ выбѣжали изъ засады и начали звать Сп. Як.; онъ остановился. Приблизившись, ученики сказали:

— А что, Сп. Як. испугались? вѣроятно подумали, что васъ чортъ искушаетъ?

— Да, было-бы хуже чорта, если бы вы мнѣ голову провалили!

Его увѣрили, что хотѣли только напугать и бросали мимо. Попросили его помочь готовиться, на что онъ безпрекословно согласился, и ѣлъ съ ними кашу и раковъ. По окончаніи занятій ученики пѣли, имъ баскомъ подтягивалъ Сп. Як.; но пѣсни ему не нравились, а потому пѣли такъ называемое архіерейское «Пріидите поклонимся» и «Достойно есть».

Ученики обратились къ Сп. Як. съ вопросомъ какую онъ знаетъ и любитъ малороссійскую пѣсню?

Онъ улыбнулся и говоритъ: А вотъ переведите и споете: «Virgo vero turtur, ad millitem fertur, milles vero ut aquila mortuûs erat visa illa». Быстро ученики сообразили, что это давно знакомая имъ пѣсня: «Ой дивчина горлыця, до козака горнеця»... Любилъ Сп. Як. военныя пѣсни временъ Суворова, Кутузова, но ученики ихъ не знали. Предлагалъ разные каламбуры и загадки на латинскомъ языкѣ; рѣшавшимъ давалъ 15—20 коп. Однажды предложилъ рѣшить слѣдующую загадку: «Встрѣтились два римскихъ корабля; капитанъ одного посылаетъ привѣтствіе другому такого рода: Mitto tibi navem rostro puppique carentem!». Долго ученики рѣшали и никакъ не могли, а за рѣшеніе онъ предложилъ рубль на компанію. Нѣсколько дней онъ назначилъ сроку; но сколько ни морочились, ничего не выходило, а загадка интересовала больше рубля. Наконецъ, попросили Сп. Як. рѣшить; онъ сказалъ: отбросьте въ словѣ «navem» буквы n и m получится ave=здравствуй!

Сп. Як—чъ отъ мѣсяца до мѣсяца не имѣлъ въ остаткѣ ни одной копѣйки, еще оставался въ долгу. У него было двѣ сестры, которымъ онъ помогалъ, каникулы проводилъ всегда съ ними. Отъ г. Е... въ деревню, гдѣ жили сестры и гдѣ онъ родился, около 70 верстъ, и онъ всегда ходилъ пѣшкомъ. Иногда Сп. Як. путешествовалъ пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ. Не помню въ какомъ году, пошелъ Сп. Як. въ Кіевъ, пробылъ тамъ нѣкоторое время, проживая у своего товарища архимандрита Макарія, бывшаго въ то время смотрителемъ Кіево-Софіевскаго духовнаго училища. Простившись съ нимъ, ушелъ въ Лавру, гдѣ были его спутники; было не рано, а потому отложили путешествіе до утра. Съ богомольцами Сп. Як. расположился въ Лаврѣ на ночлегъ. Ночью у кого-то изъ богомольцевъ вытащили деньги; потерпѣвшій заявилъ монаху, который заперъ находившихся въ общемъ ночлежномъ отдѣленіи и пригласилъ для обыска полицію.

Явившаяся полиція требовала паспорты и безпаспортныхъ забирали въ участокъ. У Сп. Як. не было никакого вида, и онъ

попалъ въ полицейскій участокъ: хотя онъ и назвалъ себя, но по внѣшности ему не повѣрили: Богъ вѣсть какъ было-бы, пока навели справки, но его выручила случайность. Утромъ слѣдующаго дня архимандритъ Макарій ѣхалъ въ Лавру съ какимъ-то докладомъ къ митрополиту; проѣзжая мимо Печерскаго участка полиціи, онъ случайно посмотрѣлъ на окна съ рѣшетками и, къ своему изумленію, увидѣлъ за ними улыбающуюся физіономію Сп. Як. Тогда онъ остановился, зашелъ въ участокъ, узналъ въ чемъ дѣло, и выручилъ Сп. Як., котораго взялъ съ собой.

Сп. Як. не былъ женатъ. На вопросы учениковъ во время урока, почему онъ не женился, отвѣчалъ: «какое вамъ дѣло!». Внѣ-же урока говорилъ, что не хотѣлъ жениться, что можно и такъ быть; а на совѣты поступить въ монахи говорилъ, что трудно быть монахомъ, какимъ онъ долженъ быть, такъ какъ въ монастырѣ больше всякихъ искушеній.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти съ Роемъ былъ слѣдующій случай. Былъ онъ у священника сел. И.... о. Т., пошелъ съ нимъ на вечерню; возвратившись изъ церкви, священникъ пошелъ по хозяйству, а Сп. Як. въ домъ и, никѣмъ незамѣченный, прошелъ въ кабинетъ. Жена священника слыхала, что кто-то вошелъ, и думала, что мужъ, о Сп. Як. она забыла; она вошла въ кабинетъ приглашать чай пить; въ кабинетѣ былъ полумракъ, она направилась къ фигурѣ, сидѣвшей къ ней спиной, наклонилась и поцѣловала въ голову; это такъ поразило и смутило Сп. Як., что онъ только могъ сказать:

— Богъ съ вами! Богъ съ вами! вы ошиблись!

Она тоже смутилась, не могла ничего сказать и цѣлый вечеръ не могла смотрѣть на улыбавшуюся и конфузившуюся физіономію Сп. Як.—Я думаю, этотъ случайный поцѣлуй отъ женщины въ жизни Сп. Як. былъ первый и послѣдній.

Находясь въ отставкѣ и живя постоянно въ деревнѣ съ сестрами, Сп. Як. не пропускалъ ни одного богослуженія, всегда бывалъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ. Ходилъ всегда пѣшкомъ и заходилъ не надолго къ знакомымъ священникамъ, особенно къ бывшимъ ученикамъ, которые всегда были искренно рады его

посѣщенію. Долго приходилось его уговаривать воспользоваться лошадью, чтобы доѣхать до другого селенія или куда ему нужно было; онъ отговаривался, боясь стѣснить, и часто старался уйти незамѣченнымъ. У меня въ домѣ, когда я былъ священникомъ, онъ былъ два раза; одинъ разъ мнѣ удалось довезти его. Сп. Як. очень любилъ ходить пѣшкомъ, не смотря на свои старческіе годы.

Въ заключеніе скажу о немъ, что можетъ сказать каждый, сколько нибудь знавшій его. Сп. Як. былъ рѣдкій человѣкъ: съ обширными, всесторонними, основательными знаніями, добрѣйшей душой, самой честной трезвой натурой (никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ выпилъ хотя рюмку водки), сострадательный и готовый помочь всегда каждому, довольный своимъ скуднымъ матеріальнымъ положеніемъ, счастливый счастьемъ другихъ, великій труженикъ и неподражаемый глубокорелигіозный христіанинъ... *Онъ былъ человѣкъ!..*

Вѣчная о тебѣ память, незабвенный, дѣдушка, учитель, *дружище!...*

Свящ. **Г. И. Сорокинъ**.

Г. Елисаветградъ.

СПОМЫНКЫ.

Ще малымъ я любывъ ходыты до Камьяного. Такъ звалася нызька могыла на спуховастому взгирьи. На цій могыли колысь було кладовыще, и тамъ стоявъ ще камьяный хрестъ, старый, сирый, ямкуватый. Наше село простяглося вдовжъ болота попидъ горою. По другый бикъ болота, проты нашого села, стояло ще трое селъ,—одно велыке зъ трёма церквамы, а двое такыхъ, якъ и наше. На болоти було два береговихъ островы, а проты ихъ «Круглый лисъ», що здавався мени тоди велыкимъ справжнимъ лисомъ, хочъ ёго було не бильшъ десятынъ пьяты або шесты. По болоту протикала невелычка ричка; а видъ неи, якъ лапы павука, простяглыся стружкы. Стружкы и ричка зъ бокивъ позаросталы очеретомъ та сытнягомъ, а на середыни, якъ шкура, рисъ ризакъ та де-ни-де латаття. Чыстовына на нашій ричци попадалася зридка та й тамъ вкрывала іи ряска, и тилькы на колини пидъ селомъ, що стояло якъ разъ супроты нашого, не було й ряскы, й ризаку, по-пидъ берегомъ тилькы по-де-куды росло купцамы латаття.

Выбижышъ було до Камьяного,—свого села и одного чужого тилькы трошкы выдно, а двое чужыхъ стоялы, якъ на долони,—одно помижъ островамы, а друге прямо черезъ болото, и видъ Камьяного воны булы мовъ упызу; а я, здавалося, такъ высоко стою, особлыво—якъ злизу було на хрестъ та ще й стану на перехрести... Ажъ духъ забывае! Витеръ гуде въ ушахъ,

тонконогомъ, що рисъ коло Камьяного, шелестыть... Чудово!... На пи́вдень—болото, якъ въ теремку зъ селамы, а за болотомъ въ однимъ мисци круча, а по-надъ кручею лисъ: зъ ливого боку, на схидъ сонця, гора выщала, а на гори, надъ баюрою, стоить высока «Руда могыла»; зъ другого боку, поручъ зъ болотомъ, Булатець зъ сумпымы вербамы на гребли; а на захидъ сонця—роздилъ, скилькы окомъ скынешъ; а тамъ дали мріють горы Днипрови, сыніють мовъ въ дощовій хмари; на пивничъ тежъ роздилъ зъ хуторамы,—зъ одного боку ажъ до соспового бору, що стоить чорпою стипою, а зъ другого—до спуховастого взгирья, по котрому сталы рядомъ могылы; а мижъ нымы сыпила па чотыри углы насыпанная могыла «Пидторопосовка» зъ коротенькымъ валомъ до чумацькои дорогы. Тоди ще не оралы тихъ могылъ, и на ихъ рисъ тонконигъ, васылькы, чебрець, а зридка и шовкова трава.

Озырпешъ було кругомъ, повернешся на Камьяному, пиднимешъ рукы въ гору,—витеръ надме сорочку, якъ пузыръ... Гарпо, духъ забывае; у грудяхъ, коло серця, мовъ щось чудпо залоскоче, а по тилу мовъ защемыть... Мовъ боязно стане. Сплыгнешъ зъ хреста, покотышся качапомъ зъ гробокъ по топкози—и прутнешъ до-дому; ажъ острахъ, було, визьме,—мовъ женется хто.

Пидрисъ,—а все-такы кращого мисця видъ Камьяного не знаходывъ я у ридпому сели. Прыйдешъ було зъ школы до дому та мерщій бижышъ довидаться до Камьяного, чы по давпёму тамъ гарно. А воно ще кращало; що року здавалося краще... И скилькы тамъ пережылось и передумалось на самоти—неможпо того росказаты, бо й сливъ таыкхъ немае, щобъ росказаты про те, що иншый разъ пережывешъ, передумаешъ... Хиба жъ можна росказаты словомъ про те, що иноди діется у души?

Любывъ я выходыты до Камьяного або тоди, якъ вже темнило, або жъ якъ сопце зовсимъ сидало за горы Днипрови, и досыжувавъ, покы стане на свитъ благословыться, або й зовсимъ вже розсвипе... Небо чысте, мисяць сяе, а зиркы—тилькы-що мыгтять; болото все вже въ копьякахъ, очереты гадюкою простяг-

лыся, а зъ-за очерету чыстовына на колини пидъ чужымъ селомъ, якъ скло, на мисяци блыщыть; березовый острывъ мовъ сміется, а Круглый лисъ сумуе. Заснулы села, не сплять тилькы парубкы та дивчата, а поле—нибы шыльпотыть. Тутъ жыто половее, красуючысь на мисяци, колоскамы зтыха шелестыть, нибы сумуе, що серпъ его вже дожыда; а тамъ, дали, цила рука гречкы,—биліе вона, якъ молоко; видтиль, якъ иноди витеръ подыхне, запахне медомъ. Мижъ гречкою по-де-куды баштаны чорніють, а у пасикахъ вихы бованіють и де-ни-де огныще блыщыть,—вечерю пасишныкъ готуе... Дывышся,—а по гречци щось чорне поплывло, мовъ легенькый човенъ по води, все блыжче и скорише, до жыта доплыва. Зыркнешъ у гору, ажъ то маленька хмарка на мисяць ясный набига. Черезъ хвылыну мисяць пурнувъ у хмару, потемнило, а навкругы ще яснише стало. Потимъ звидкиль не визьмется витрець, буруномъ дыхне, по жыту пиде; захвылюется воно, зашелестыть, загомоныть... И знову тыхо у поли. А на селахъ вже спивы й регитъ почалысь. Тамъ гуртъ парубкивъ спивае: «гей, зъ-за горы та изъ-за кручы, та рыплять возы йдучы»; у другимъ мисци: «чы це жъ тая крыныченька, що голубъ купався»; а десь дальше, на кинци чужого села, ледве чуты: «ой по гори, по гори вивчарь вивци зганяе, вивчарь вивци зганяе та й на хлопцивъ гукае».

А дивочый гуртъ спива: «ой тамъ за яркомъ брала дивка лёнъ, не вмила вьязаты». А у верболози, що рисъ геть до Булатця, чуты писню: «маты жъ моя, маты жъ моя, маты моя мыла! Не дай мене за рудого, бо я чорнобрыва». Звидусиль льются спивы, до купы мишаются; въ кручи и островахъ луна йде, у Круглимъ выгукуе, и далеко по полю ци спивы розлягаются. А то, мовъ змовлятся, замовкнуть, и все ущухне, тилько десь далеко, у стинкахъ за горою, та въ дибривци луна озвется. У таку годыну инколы, було, одынокый парубокъ затягне: «стоить яворъ надъ водою, въ воду похылывся; на козака пригодонька,—козакъ зажурывся». Усе мовъ ще дужче ущухне,—ни шелесне, ни теленькне нищо... Здается, и мисяць, и небо прислухаются, якъ стогне писня. Замовкне парубокъ, а нихто не почына своеи писни,—

кожный прислухается до свого серця, якъ воно защемило,—прыслухается, якъ душа зколыхнулася до самисенького дна. Иноди, нибы въ одповидь на цю писню, у поли плугатарь чы почлижныкъ заспива: «та нема гиршъ никому, якъ бурлаци молодому». А тамъ, гляды, дивчына заспива голосомъ, котрый за серце хвата, душу твою переверне: «летыть галка черезъ балку, та летючы кряче; сыротына молоденька важко, гирко плаче».

И знову тыхо, тилькы мисяць сяе, а зори нибы засмутніють,—нибы й воны цей плачъ-писню чують и зъ нещаснымы у купи сумують... И не скоро вже почнутся гуртови писни: треба, щобъ видъ серця одлягло, щобъ душа хочъ трохы утыхомырылась. Кожна людына мовъ занимie, уста сципыть щось. Треба, щобъ якый-небудь гуртъ, де найбильше горёванцивъ, утявъ такои веселои, щобъ ажъ тило затремтило; тоди тилькы знову хвылямы поплывуть писни. А иноди траплялося,—у таку годыну нáдовго замовкалы спивы, та й пустування нигде не чуть було... Хыба жъ такъ скоро розійшлысь по хатамъ засмучени плакучою тяжкою писнёю? Ни, розходытысь и не думалы... Парубкы и дивчата, мовъ змовывшысь, пишлы пидъ березу, куды ихъ потягло дуже уражене серце,—пидъ ту березу, де горя багато вылывалось,—на выгинъ за селомъ, де зходылысь дви дорогы,—селянська и полёва, и де въ самому рижку, мижъ дорогамы, росла розхылыста плакуча береза, кущъ калыны и кущъ вышныку. На цимъ выгони пидъ березою наши селяне въ останне прощалыся зъ тымъ, хто зовсимъ або нáдовго выходывъ зъ села. Тутъ въ останне прощалыся зъ лыпійцями, переселенцямы, некрутамы. Валкою йшлы спиваючы ажъ до березы и коло неи зупынялысь, въ останне выпывалы на дорогу, и хто выряжавъ, звидциль вертався до-дому, а хто выряжався,—йшовъ дали. Зупынывшысь, селяне стоялы тутъ валкою, ажъ покы ти, хто выряжався, не повертали на колини дорогы и не зныкалы за горбомъ. Не одно серце надрывалось коло цiеи березы, и багато вона бачыла горя на своимъ довгимъ вику! Тутъ плакалы очи, рыдала тутъ писня... Стара маты и вирна дивчына на викы ховалы тутъ свои надіи. Отъ сюды-то иноди и сходылысь парубкы и дивчата. Зъ кинця

села почынала вже плакаты ихъ писня, и довго потимъ іи чуты було зъ-пидъ березы!..

Стари люды росказувалы, що березу отутъ посадыла засватана дивка Марьяна, котра потимъ, не диждавшысь мылого зъ москаливъ, пишла у черныци. Давно те діялось. На сели тоди бувъ жвавый та моторный парубокъ Дмытро. Йты у москали не ёго була черга, бо въ ёго бувъ тилькы одынъ малый братъ, зовсимъ хлопецъ, а на сели чы мало було такыхъ хазяинивъ, що малы и по тры сыны; та такъ склалося, якъ часто и густо складается на билимъ свити, що ёму довелось опынытысь у москаляхъ. На вси выгадкы Дмытро бувъ гострый, якъ брытва, и ни передъ кымъ не стоявъ. За це сильськи дукари на ёго узлылысь и похвалкы гналы, а винъ байдуже,—гулявъ, якъ рыба у води. «Треба пагулятысь,—винъ казавъ,—щобъ було за що згадувать лита молоди».

Гулявъ Дмытро, спивавъ, танцювавъ, ажъ чортамъ було нудно, а иноди штукарювавъ такъ, що й на цимъ свити де-кому нудыло и за серце жучыло. Дивчата коло ёго такъ и увывалысь, такъ и лыплы до ёго, та винъ мовъ и не прымичавъ ихъ, ажъ покы Марьяна не вразыла ёго серця... Покохалысь воны, покохалысь щыро и вирно. И писля гречаныхъ жнывъ, Дмытро пишовъ зъ старостамы до Марьяныныхъ батькивъ. Стари, не змагаючысь довго, згодылыся виддать за ёго Марьяну и почалы готуватысь до весилля, котре положылы одгуляты заразъ писля Кузьмы и Демьяна. Марьянынъ батько збиравсь не абы-якъ виддаты дочку, не такъ, якъ кажуть, абы выпхнуты, а по хазяйськи: на Дмытра у ярмарку купывъ дви пари воливъ, корову и коняку, зробывъ два воловыхъ возы и одынъ кинськый,—настояще хазяйство готувавъ зятеви. На Кузьму й Демьяна треба бъ було коровай бгаты, ажъ Марьяна занедужала та такъ тяжко, що нихто не сподивався, щобъ вона й одужала. Дмытро перевився ни на що,—одна тинь ёго зосталась. Але Марьяна очуняла. Уси зрадилы. Весилля одклалы на-писля Риздвяныхъ святъ, та те Дмытрови байдуже: винъ знову блыснувъ. Диждалы Мыколая,— Марьяна спивала, якъ и перше; Дмытро заверховодывъ дужче.

нижъ попередъ; а старый батько зъ радощивъ прывивъ зъ ярмарку пару добрыхъ вороныхъ коней. На цихъ коняхъ винъ сподивався одвезты молодыхъ до винця, а довелося одвезты ными Дмытра на прыёмъ.

За тыждень передъ Риздвомъ объявылы некруцькый наборъ, и наше село повынне було поставыты одного некрута и одного пидставу до ёго. Некрутомъ назначылы никчемнаго парубка,— жовнуватого, набокуватого, а пидставою—Дмытра.

Зразу уси сказалы, що не некрутови буть у москаляхъ, а Дмытрови.

Усе село выряжало Дмытра. Зъ одного боку лавою йшлы хлопци, зъ другого—дивчата, а по середыни жинкы та чоловикы, попереду и зъ-заду—дитвора и пидлиткы. Якъ сподивалысь, такъ и сталось: Дмытро не повернувся зъ города,—ёго забрылы.

Диждавшысь весны, Марьяна посадыла березу на тимъ мисци, де въ останне зъ мылымъ попрощалась, якъ зарученая, и сказала, що буде дожыдаты Дмытра, ажъ покы береза выросте выще дзвиныци. И ждала, та тилькы не диждалась Дмытра. Що зъ нымъ прыключылося, нихто певне не знавъ. Балакалы, що нибы винъ тикавъ зъ москаливъ, прыбигавъ у свое село, ховався у стинкахъ та по островахъ, не показуючысь людямъ на очи, а Марьяна носыла ёму харчи, ажъ покы ёго піймалы и десь запроторылы. Инши казалы, що ёго вбыто на війни, а де-яки плелы, що пидъ війну винъ заслужывъ охвыцера, ставъ паномъ и забувъ про Марьяну... Багато де-чого казалы, але нихто певне не знавъ, де подився Дмытро, а тилькы винъ николы не повернувся до-дому. И чуткы про ёго не було. Марьяна, диждавшысь, покы береза іи выросла выще дзвиныци, а сама старитысь почала, пишла на прощу та й пострыглась у черныци. Коло березы потимъ хтось посадывъ калыну, вышни... А про тыхъ, кого вырядылы и хто бильшъ не вернувся зъ чужои краины, почалы забуваты, може бъ и зовсимъ забулы, якъ бы береза не нагадувала про ихъ.

Така-то була ця береза, котра маныла до себе кожного, кому хотилось плакать. Частенько доводылось мени зъ Камьяного слухать, якъ плакала и стогнала писня пидъ березою...

Вже хлопци и дивчата було поросходятся спаты и все ущухне, тилькы думкы не вщухалы, довго не вщухалы... И засумуешъ, и зрадіешъ, самъ себе було не розберешъ; забуваешъ, де сыдышъ, думкы чы зовсимъ зныкалы, чы ихъ такъ багато було, що ни жаднои не схопышъ; а душа такъ и рвется, нибы хоче кудысь полетиты,—ни то на небо, щобъ не чуты цёго плачу й утыхомыряться,—ни то злизты у ти могылы, що поставалы рядамы по гори, щобъ знизнаты, чого воны такы сумни,—чы не видъ ихъ и на свити такъ сумно... И плакать хочется, що лыха на свити багато, и радіешъ, що люды не вмерлы душею. Мовчать ними могылы, та писня багато намъ каже,—та писня, що витае надъ нымы нимымы, де, може, лежать ти, котри писню цю склалы и вперше спивалы на цимъ шырокимъ степу, де стилькы крови и слёзъ гарячыхъ розлылось. Слова и мелодія цихъ писень намъ голосно кажуть, яке щыре та гаряче серце былося у тихъ, хто вперше проспивавъ ихъ, скилькы въ ихъ було художнёи тямы и смаку.

Чуешъ серцемъ, що й теперъ ця мелодычна писня проганяе зъ головы не одну нечысту думку, скорипяе не одно нечысте жадання и багато нарождае чыстыхъ и свитлыхъ, якъ Петривня ничъ, думокъ и жадань. Ця мелодычна писня що-денно будыть людей, що-денно нагадуе имъ, що на свити може буты и есть де-що краще, нижъ що-денни клопоты, есть щось таке, безъ чого и сами оци клопоты роблятся безтолковою мукою. Стоячы коло Камьяного, я вирывъ, що наша писня повынна породыты у людей чысти и добри почуття и бажання, щыру и гарячу любовъ правды що допоможуть знайты ту теплу правду, не блыскучу, «безъ каминю и золота», але дужу, котра не тилькы покаже людямъ дорогу до тыхого счастя,—те жъ безъ «каминю и золота», але святого счастя, никому нешкодлывого,—а ще й поведе ихъ по такій дорози, по якій люды повынни бъ иты и моглы бъ пройты, не штовхаючысь, не попыхаючысь и не топчучы одынъ другого... Такъ сподивалося тоди, коло Камьяного, и здавалося легко допомогтыся такого щастя... Мени здавалося, що николы не погасне у душахъ святый огонь, до-

вику не замовкне згукъ святои правды. Скризь ёго чуты,—треба тилькы прыслухатысь. Чы мени тилькы такъ здавалося, вчувалося, чы воно такы й справди згукъ правды тоди скризь литавъ, та частише у душу людськую залитавъ и будывъ іи?.. Чы може жъ статысь, щобъ такъ спивалы згыдли, никчемешни люды?—я самъ себе пытавъ. Ни, хто вміе такъ спиваты, той ще мае въ души святый огонь...

Потимъ нáдовго довелось мени покынуты не тилькы ридне село, а й ридну краину. Чы мало довелося поблукаты писля того по свиту и довго не чуты риднои писни, ридпои мовы. Одвидавъ и пустыни, де наносыть хучурганы писку, якъ снигу; побувавъ и на прехорошихъ, высокыхъ азіятцькыхъ горахъ, де, здается, и до Бога блыжче, та ни за що не зачепывся серцемъ, ни до чого воно не прылыпло. Прыдывляюсь було зъ горы, якъ сонце заходыть, а думка далеко вытае: згадуется, що на родыни сонце ще не заходыть, стоить надъ деревомъ; саме полудень. Спека мынулася, выльготнише стало, и пополуднувавшы, по жвавивши, косари и гребци заспивалы, прыпыльновуючы до роботы, щобъ надолужыты те, чого не зробылы въ спеку... И задумувався я, и вчувалысь мени косарськи писни, ввыжалось, якъ косы блыщать... Ось воны забряжчалы видъ мантачокъ... Мени вчувалось такъ, нибы це коло мене мантачять косы, нибы й самъ я зъ косою... А тамъ, де сино вже высохло, якъ печорыци, ростуть копыци, а дивчата та молодыци лементуются, пустують, спивають и метуть покосы, якъ митлою. На горахъ вже добре смеркало, зори блыщалы, а я не прымичавъ того, а прыдывлявся, якъ косари доходылы останнихъ ручокъ, гребци обгрибалы и вертилы останни копыци, щобъ до-дому мерщій йты, бо сонце зовсимъ сило, ватагы у сели и утята вже полетилы на ставокъ жыруваты... На горóдахъ въ казанкахъ вечерю варять косарямъ та гребцямъ...

Прыдывлявся, и думка боязно запытувала: чы скоро жъ настане той часъ, що ця святая праця стане шанобною, кожній людыни любязною, и перестане буты ганебною хлопською пра-

цею, видъ котрои усякый сылкуется якъ-небудь одкараскатысь,—хочъ мошенствомъ, обманствомъ, кривдою видъ неи одкрутытысь?.. Чы скоро намъ стане мылою порепана працёвана рука пахаря, а не мьяка, якъ шовкъ, обманщыцька, здырська?.. Мабуть, не одна ще ричка высохне, покы це буде,—нышкомъ одповидувавъ я самъ соби, и вертався зъ горы оглядившысь, що ни косаривъ, ни гребцивъ и блызько нема, а кругомъ стоялы хочъ и гарни, але чужи горы, котри й стоялы тилькы черезъ те, що вкрасты ихъ неможна... и непрацёвани рукы ихъ не можуть загребты.

Тыняючысь по тихъ степахъ та горахъ, де люды часто забувають, що воны люды, а не скотына, де воны перестaлы вже соромытысь и того, чого соромылысь дома,—а не гуртъ чого, окримъ праци, воны соромылысь и дома,—я не видавъ, що діялось дома, на ридній краини, де думкою що денно вытавъ, де надія на счастя людськее зросла, и почавъ бувъ дубиты душею и тиломъ; але дождався часу йты до-дому, и знову душа зъ надіи ожыла, до неба очи пидняла.

Вертаючысь до-дому, я у дорози несподивано стрився зъ землякомъ. Разъ, зостановывшысь ночуваты коло поштарського станку, пидъ горою, пры заходи сонця пишовъ я трохы погуляты, зъ горы подывытысь, на самоти поличыты, чы скоро дома буду. Одійшовшы зъ верству видъ становыща, зійшовъ на спуховасту гору и сивъ проты сонця. Такъ гарно було. Степъ саме зазеленивъ и зацвивъ. Спека ще не почыналась, и степъ такый бувъ роскишный, пышный, свижый та молодый, выльготный витеръ такъ прыязно подыхавъ!.. Не можно було думаты, що черезъ мисяць або ще й скорише цей роскишный гарный степъ стане пустынею и не тилькы квиткы нигде не вгледишъ, а й свижои травыны не знайдешъ.

Не встыгъ я гараздъ надывытысь и надуматысь про домивку, якъ почулась зъ горы писня. Выще мене, трохы на узбичъ, хтось спивавъ... Я здрыгнувъ... Боже!.. видкиль це ридна писня узялась на цій далекій чужій гори? Я прыслухався,—зъ горы на долыну лылася писня: «стоить гора высокая, а пидъ горою гай, зеленый

гай, густесенькый, неначе справди рай». Я сыдивъ, якъ зачарованый, прытаившы духъ... Опынывшысь отутъ, далеко видъ риднои стороны, хтось одспивувавъ свою молодисть... Теперъ тилькы я згадавъ, що й моя молодисть проходыла; але я ще сподивався на ридній сторони дожываты молодисть такъ, щобъ було чымъ згадаты іи на старости литъ. Невже жъ вона пройшла и не вернется?—шпыгнуло мени у серци. Невже жъ вона поплывла за водою, якъ одирваный одъ дерева лыстокъ? Невже жъ и ридна краина прожыла свою молодисть, постарила, знемощила и вже не ожыве, не осыльніе?.. До цёго часу я про це не згадувавъ и не думавъ. Я вирувавъ та надіею жывъ; а писня нагадала мени про те, що може вже не вернутысь, и що надія моя марна.

Пишовшы туды, звидкиль писню було чуты, я знайшовъ молодого москаля. Винъ вже не спивавъ, а засмученый сыдивъ, похнюпывшы голову...

Трохы не всю ничъ мы просыдилы у купи. Винъ мени розсказувавъ багато де чого такого, видъ чого болило серце; та я розважавъ себе тимъ, що молода людына зъ свижого горя прыбильшуе. Вранци мы попрощалысь и розійшлысь: винъ зъ дому въ азіятчыну, а я—зъ азіятчыны до-дому. Винъ бувъ тяжко засмученый, та й я вже не такъ радивъ. Сидаючы на пидводу, винъ сказавъ:

— Боюсь, що вы не радитымете, що зъ азіятчыны повернетесь до-дому, и землякы не радитымуть, що вы повернулысь...

Прыйихавшы на первимъ тыжни Петривкы у свій повитовый городъ, звидкиль до села було верстовъ 25, я зъ велыкою сылою прымусывъ себе зиждаты, покы сонце стане надъ-вечоры, щобъ у ридне село прыйихаты у вечери, якъ смеркне, а не въ день. Кожна хвылына дожыдання здавалася мени за цилисиньку годыну, и я насылу диждався полудня. За те якъ зрадивъ тоди, якъ сивъ на воза, щобъ йихать до-дому! Йидучы, мени здавалося, що я николы не дойиду до-дому. Кожну хвылыну я вдывлявся, чы не бованіе Марьянына береза, бо іи здалека було выдно... А березы не выдно... Невже жъ ще далеко?.. Чы, може я забувъ, де

вона повынна стояты?—допытувався самого себе. И прохавъ пидводчыка скорише поганяты... Ажъ ось и колино нашои дорогы, це вже пидъ селомъ,—а де жъ береза?.. Іи не выдно було. Пидйихалы до выгонця—нема березы. Я злизъ зъ воза и пишовъ пишкы; прыйшовъ на рижокъ выгонця,—а тамъ ни березы, ни калыны, тилькы одломани стовбури сухихъ вышень стерчалы, а блыжче до дорогы стоявъ стовпъ зъ таблыцею, окрашеный смугамы, билымы и чорнымы, а мижъ нымы вузькымы червонымы. На таблыци було пропысано ймення села и скилькы въ ёму людей. Дежъ хочъ пень зъ березы?—пытавъ я самого себе, думаючы про те, якъ довго я не бувъ дома, що й береза устыгла всохнуты и слиду іи не стало. Ажъ роздывывсь—колы цей стовпъ зъ березы зроблено: зпылылы іи, обтесалы, обмалювалы, прыбылы таблыцю, та такъ и зоставылы на корини... Отъ розумни люды насталы, чы стари порозумнишалы и стародавни выгадкы повернулы на корысть соби! Мицный стовпъ зробылы... Цёго вже свыни не пидрыють зплоха... Потимъ уже я знавъ, що зъ калыны староста выпливъ соби ясла,—мабуть бы и ёму впадало бъ йисты зъ ихъ,—а то стояла по пустому, прынажувала тилькы горобцивъ, що шкодылы соняшныкамъ. Черезъ те й вышныкъ сплюндрувалы, бо й винъ тилькы горобцивъ та хлопцивъ прынажувавъ: а за ягоды колысь дви жинкы погано полаялысь, и старости довелося ихъ судыты. Тилькы клопитъ бувъ зъ тымы выгадкамы, а корысти ніякисинькои. Чого воно въ старовыну не було зъ нымы ніякого клопоту,—про те селяне, мабуть, и не думалы.

Покы я роздывлявся на плюндрування, на сели заспивалы,—парубкы «чубарыкы чубрыкы», а дивчата верзлы якусь нисенитныцю зъ прыспивомъ: «рижте, ѣште больную грудь мою,—тоди узнаете, кого я люблю». У другимъ мисци парубкы, якъ несамовыти, горланылы: «восимъ дѣвокъ, одынъ я». Я скорише пойихавъ у село: тяжко було дывытысь на плюндрування, гирко було на цимъ мисци, де зъ горя плакала й земля, слухаты писню, въ котріп що ни слово, то—ганьба на людське почуття. Прыйихавшы до двору, я знайшовъ нашу хату пусткою... Кругомъ неи росла кропыва та булыголовъ такі, що й вовкамъ можно

було бъ сховатысь... Мабуть, правду спивавъ молодый москаль на азіятськії гори,—подумавъ я... Теперъ, мабуть, въ азіятчыни частише будуть спиваты ридну писню, нижъ дома... На сели парубкы знову зазипалы: «Гоцъ калына, гоцъ малына!» а дивчата пройшлы повзъ двиръ, спиваючы романсъ зъ жыдивського постоялого двору: «Ваня, серце, ненаглядный, заглянь окомъ въ грудь мою, то увидишъ и повирышъ, сколь тебе я ще люблю».

Тяжко стало. У грудяхъ мовъ щось порвалось и такъ заболило, защемило, мовъ писля того, якъ вырвешъ шматокъ жывого тила.

Забравшы зъ пидводы свое збижжя и покынувшы ёго пидъ хусткою, я мерщій пишовъ до Камьяного... Винъ стоявъ, якъ и перше, тилькы,—здалось мени,—мовъ поныжчавъ та почорнивъ видъ лышаю, що скризь ёго облипывъ. Мисяць прымеркавъ и ще темно було. Все було, якъ попередъ: и зори, и жыто, що вже половило и хвыли жытомъ по давнёму ходылы; та не було давнёи хвыли, що колысь ходыла надъ Камьянымъ, надъ могыламы сумнымы, вже пооранымы, и надъ шырокимъ роздоломъ,—нема іи, бо не стало у людськихъ душахъ тіеи сылы, що ганя́ла ти хвыли. Замисть писни, лынувъ безтолковый крыкъ, въ котримъ душі не чуты было: не зъ душі лылась ця́ писня, а зъ легкихъ, зъ горла,—не глыбше вона родылась. Пидтяло щось жыву сылу народнёи душі, що людей людьмы робыла, одрывала иноди одъ землі, загадувала на небо позыраты. Нализлы видкилясь пидйидни, поча́лы грызты кориння нашого жыття, и черезъ те стала вьянуты и народня душа, одирвавшись видъ предкивськихъ завитивъ, видъ того грунту, на котримъ зросла народнисть. И знову згадавъ я молодого москаля и ёго писню на азіятськії гори, и знову шпыгнуло мене въ серце: невже жъ мынулося и вже не вернется, якъ молодисть? Ни!—щось зъ глыбыны одповило. Моя и моихъ перевеснықивъ молодисть, може, и пройшла, зныкла у негоди и не вернется бильше; а молодисть народности повынна вернутысь. Це осинь іи прыйшла; теперишни люды, якъ лыстъ на дереви у осены, змарнилы, зныклы, одирвалысь видъ могучого и здорового дерева народности; але вернется весна и народнисть знову зацвите

и чыстіи хвыли своеи народнёи сылы знову ажъ до неба пошле... Воно такъ повынно буты, та тожъ колысь, а теперъ гирко слухать, тяжко дывытысь,—думалося мени пидъ Камьянымъ. А на сели, якъ навмысне, парубкы и дивчата гуртомъ заспивалы перекручену, зпоганену стародавню писню: «Одъ Кыива до Лубень, посіяла коноцель». У цій писни теперъ багато було соромного; а іи спивалы парубкы й дивкы укупи...

Мисяць давно вже свитывъ, та й винъ,—здалось мени,—мовъ плакавъ. Петривня ничъ коротка; скоро стало и на свитъ благословыться, а я сыдивъ пидъ Камьянымъ, радый, що на сели усе замовкло.

Трохы згодомъ на стежци, що лежала черезъ Камьяный, по котрій селяне ходылы навпростець, выткнулысь люды зъ жыта. Я знявся и тежъ пишовъ стежкою. Люды, що йшлы ззаду мене, балакалы про якись свидкы. Я й до того йшовъ тыхою ходою, а потимъ пишовъ ще тыхше, и воны мене скоро догналы. Поздоровкалысь и пишлы вкупи. Воны булы зъ шанькамы черезъ плечи,—значыть дорожни. Идучы, я й запытавъ ихъ, куды и чого воны йдуть такъ рано.

— Бодай не казаты!—одказавъ одынъ зъ гурту.—Трохы погане зкоилось у нашимъ сели: на однимъ тыжни ажъ дви дивкы подушылы своихъ дитей. Одна закынула у ривъ коло гамазея, а друга пидсунула одному чоловикови пидъ кули, на чужимъ кутку... Такъ оце теперъ мы и плуганымось до слидувателя у городъ. Разъ у село воны прыйиздылы, та два разы насъ требовано у городъ, а це й у третье идемо, бодай нихто добрый не диждавъ ходыты... Хочъ бы вже якъ одкараскатысь до косовыци...

— Це вперше таке дило зкоилось на вашимъ сели?

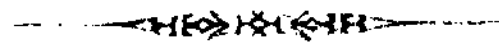
— Ни, не вперше... прорывается по-де-куды... А вы куды йдете?

— Мени треба у це село,—одказавъ я, повертаючы до села на выгинци, куды мы дійшлы у купи.

На схидъ сонця дуженько вже червонило, пташкы по-де-куды тёхкалы, на болоти бугай загувъ, у кошарахъ закашлялы

овечкы, якъ проходывъ я по кутку до своеи пусткы. У души въ мене тежъ пусткою віяло. Не сподивався я застаты такого на ридній краини. И розмалеваный стовпъ зъ Марьянынои березы згадався мени, якъ пидступывъ я до пусткы, ужалывшы ливу руку объ кропыву пидъ прычилковимъ викномъ, де рисъ колысь любыстокъ та пыжмо...

Е Ш.



ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]*).*

Обратимся теперь къ обозрѣнію дѣятельности Педагогическаго Совѣта, предъ которымъ, особенно въ первый годъ существованія 2-й гимназіи, раскрывалось весьма обширное поле для воздѣлыванія.

Хотя работы по устройству новаго учебнаго заведенія предстояло много, но изъ протоколовъ Совѣта за 1836-й годъ не видно, чтобы Совѣтъ 2-й гимназіи особенно интересовался вопросами, вытекающими изъ потребностей ея жизни. Повидимому Совѣтъ бездѣйствовалъ: изъ 13 засѣданій 10 «было посвящено свидѣтельствованію приходорасходныхъ книгъ и суммъ, а въ остальныхъ трактовалось о выпискѣ журналовъ и книгъ, объ избраніи лицъ для написанія рѣчей къ торжественному акту и только въ одномъ говорилось о порядкѣ предстоящаго испытанія и то постановлено было испросить указаній Попечителя въ этомъ отношеніи» [2]. Причину этого явленія надо искать, однако, не въ равнодушіи Совѣта къ учебно-воспитательнымъ вопросамъ заведенія, а въ другихъ обстоятельствахъ. Во 1-хъ, Кіевская 2-я гимназія была губернскою, а это значитъ, что директоръ ея долженъ былъ значительную часть времени удѣлять на дѣла по управленію учили-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

[2]) Проток. засѣд. за 1836 г. и Слѣпушк. стр. 7.

щами губерніи и, естественно, не могъ созывать Совѣтъ почаще для того, чтобы обсуждать въ немъ дѣла, касающіяся непосредственно гимназіи; во 2-хъ, новооткрытая гимназія въ началѣ своего бытія требовала большихъ заботъ о матеріальномъ ея благоустройствѣ и, наконецъ, въ 3-хъ, Совѣтъ не могъ не знать, что въ Округѣ предпринята была тогда разработка и составленіе разныхъ правилъ, относящихся и къ дисциплинарному порядку, и къ регулированію учебнаго дѣла. По изготовленіи ихъ, они для обсужденія были разосланы по всѣмъ гимназіямъ Округа и тѣмъ способствовали оживленію дѣятельности Педагогическихъ Совѣтовъ, чему доказательствомъ служитъ и Кіевская 2-я: въ 1837 г. она имѣла уже 30 засѣданій, въ 1838 г, ихъ было 35, а въ 1839 г.—45, изъ коихъ около половины употреблено было на рѣшеніе вопросовъ, опредѣляющихъ условія правильнаго теченія учебно-воспитательной жизни гимназіи. Опытъ цѣлаго года также не мало способствовалъ оживленію дѣятельности Совѣта, хотя, говоря правду, въ большинствѣ случаевъ иниціатива принадлежала не Совѣту, а Попечителю Округа и, въ нѣкоторой степени, директору Милашевичу.

Изъ предметовъ, подлежавшихъ обсужденію Совѣта 2-й гимназіи, найбольшее вниманіе обращаютъ на себя слѣдующіе: 1) какъ устроить ученическія квартиры, чтобъ онѣ найболѣе соотвѣтствовали цѣлямъ воспитанія, 2) какъ вести преподаваніе вообще и 3) какъ вести преподаваніе новыхъ языковъ, чтобы оно пришло въ гармонію съ другими предметами гимназическаго образованія, чего дотолѣ, какъ мы видѣли, не было.

Такъ какъ ученическія квартиры стояли въ зависимости отъ топографіи Кіева, то прежде, чѣмъ изложимъ мнѣніе Совѣта по этому предмету, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, каковъ былъ Кіевъ въ тогдашнее время.

50 лѣтъ назадъ[1]) Кіевъ имѣлъ иную физіономію, не ту, что теперь; Крещатикъ и Лютеранская гора состояли изъ трехъ—четырехъ каменныхъ домовъ, между которыми тамъ и сямъ вид-

---

[1]) Писано въ 1885 году. *Ред.*

нѣлись незначительные домики, всѣ, разумѣется, одноэтажные. Александровскаго спуска, Царско-садской и Институтской улицъ не существовало. Гдѣ теперь женскій институтъ, тамъ 50 лѣтъ назадъ были дебри, среди коихъ поднимался деревянный, неоконченный постройкою домъ генерала Бѣгичева, пристанище бродягъ, наводившее трепетъ на запоздалаго путника. Гора Михайловскаго монастыря соединялась съ Царскимъ садомъ, что препятствовало стоку крещатицкой воды въ Днѣпръ. Одинъ старикъ недавно разсказывалъ намъ, что онъ помнитъ то время, когда на мѣстѣ нынѣшней Думы находилось озеро, а на немъ мельница. Послѣ проливного дождя кіевляне катались по Крещатику въ лодкахъ (въ 1845 г. цѣлыхъ двѣ недѣли, пока не прорыли нынѣшній Александровскій спускъ). На мѣстѣ нынѣшней Владимірской улицы, Кадетской и Бульварной были также пустыри, да валы, да овраги. Заселенныя части города были только Подолъ и Печерскъ; 2-я же гимназія помѣщалась вначалѣ противъ Царскаго сада, а потомъ на Крещатикѣ; помѣщенія для учениковъ ея сосредоточивались поэтому на Крещатикѣ, на Козьемъ болотѣ, на Лютеранской улицѣ и, отчасти, въ Липкахъ. Не лишнее прибавить, что мостовая и тротуаръ въ тѣ отдаленныя времена считались большою рѣдкостью; такимъ образомъ на случай ненастной погоды иные ученики попадали въ крайне непріятное положеніе. Желая вывести изъ этого положенія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, коихъ родители жили внѣ Кіева, члены Кіевской 2-й гимназіи собрались въ особое, для этой цѣли назначенное, засѣданіе и занялись обсужденіемъ мѣръ, которыя-бы помогли горю. Хотя заключеніе, къ которому пришелъ Совѣтъ, нѣсколько и странно, хотя странностью своею оно и вызываетъ невольную улыбку, тѣмъ не менѣе нѣтъ повода сомнѣваться, что въ основаніи его лежала не личная корысть, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а несомнѣнная польза учащихся. Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1838 г, фонъ-Брадке разослалъ по гимназіямъ для обсужденія правила о содержаніи пансіонеровъ учителями учебныхъ заведеній М. Н. Пр., которыми между прочимъ запрещалось держать пансіонеровъ директору, инспектору и штатному смотрителю,

а также ограничено было число пансіонеровъ на каждой квартирѣ 10-ю. Разсматривая эти правила, Совѣтъ 2-й гимназіи находилъ, что 1) «воспрещать директорамъ, инспекторамъ и штатнымъ смотрителямъ нѣтъ никакой убѣдительной причины, особенно въ тѣхъ заведеніяхъ, при которыхъ не существуютъ пансіоны; въ семъ послѣднемъ случаѣ дозволеніе имѣть пансіонеровъ можетъ приносить существенную пользу дѣтямъ, находящимся подъ непосредственнымъ надзоромъ сихъ лицъ, кои, пользуясь полнымъ довѣріемъ высшаго начальства и родителей, ни въ какомъ случаѣ не пожелаютъ лишиться сего довѣрія злоупотребленіемъ. Такое позволеніе должно быть распространено *преимущественно на нихъ*, потому что лица сіи, какъ по мѣсту жительства, такъ и по другимъ отношеніямъ, всегда могутъ доставить своимъ пансіонерамъ болѣе средствъ къ успѣшнѣйшему ученію. Нельзя, притомъ, не замѣтить, что лица, занимающія сіи мѣста, могутъ быть не всѣ достаточнаго состоянія и въ такомъ случаѣ, при ограниченномъ окладѣ ихъ жалованья, пресѣкать всѣ законныя средства къ своему поддержанію было бы предосудительно [1]). 2) Ограничивать число пансіонеровъ 10-ю учениками никакой нѣтъ необходимости; сіе слѣдуетъ допустить съ тою цѣлью, чтобы всѣ ученики могли воспользоваться удобными и приличными квартирами. При томъ же дѣти недостаточныхъ родителей въ такомъ только случаѣ могутъ найти приличную квартиру за умѣренную плату, когда содержатели пансіонеровъ будутъ имѣть у себя большое число учениковъ съ значительною платою, могущею покрыть всѣ необходимые расходы, а сего не иначе можно достигнуть, какъ только при значительномъ числѣ достаточныхъ пансіонеровъ. Въ противномъ случаѣ ученики недостаточныхъ родителей принуждены будутъ нанимать квартиры отдаленныя и весьма неудобныя у частныхъ лицъ, не могущихъ доставить имъ ни надлежащаго надзора, ни другихъ необходимыхъ пособій; *даже*

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что Милашевичъ держалъ трехъ пансіонеровъ, съ которыхъ получалъ по 600 р. за каждаго. Дѣло 1839 г. № 64.

слѣдуетъ воспретить всѣмъ частнымъ лицамъ содержать у себя пансіонеровъ и вмѣнить въ непремѣнную обязанность родителямъ помѣщать своихъ дѣтей у учителей; сею только мѣрою можно доставить учителямъ средство.... достигнуть истинной цѣли воспитанія». Далѣе Совѣтъ предлагаетъ назначить для надзора за пансіонерами заслуживающихъ довѣрія учениковъ высшихъ классовъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ соображеній, наиболѣе резонныя, были приняты начальствомъ во вниманіе, хотя сказать въ точности, что именно, по недостатку указаній не можемъ.

Вопросъ о томъ, какъ вести преподаваніе, былъ возбужденъ Милашевичемъ въ засѣданіяхъ 28 сентября и 9 октября 1837 г. Наблюдая въ продолженіи года за ходомъ преподаванія, онъ замѣтилъ, что учителя задаютъ уроки, «несообразные съ силами учениковъ, что́ при многочисленности предметовъ, которые изучаютъ, и ограниченности времени на пріуготовленіе оныхъ, затрудняетъ успѣхи» и потому подтверждаетъ учителямъ, чтобы они назначали уроки «соразмѣрно времени и понятію учениковъ, и какъ учебныхъ мѣсяцевъ, за исключеніемъ іюля для каникулъ, декабря и августа, назначенныхъ для экзаменовъ, считается только 9, то и курсъ ученія можно раздѣлить на три періода, полагая въ каждомъ по три мѣсяца. Сообразно сему времени и каждый учебный предметъ должно раздѣлить на три соразмѣрныя части такъ, чтобы одна часть не превышала другой и была-бы непремѣнно окончена въ продолженіе своего періода, дабы чрезъ то занятія учениковъ были уравнены и приведены въ точную соразмѣрность съ временемъ». Едва-ли, однако, при условіи раздѣленія предмета на три соразмѣрныя части, достигалось облегченіе для учащихся прохожденія ими гимназическаго курса, если вмѣстѣ съ тѣмъ выставлялось требованіе—пройти непремѣнно все, положенное по программѣ, потому что программами этими устанавливалось очень обширное изложеніе предмета и вдобавокъ учебники, одобренные министерствомъ для употребленія, по нѣкото-

---

[1]) Проток. засѣд. 1838 г.

рымъ предметамъ были весьма объемисты. При этомъ случаѣ необходимо замѣтить, что въ тѣ времена учебники были вообще очень дороги и потому не всякій ученикъ могъ пріобрѣсть ихъ, а это несомнѣнно отзывалось на успѣхахъ учениковъ. Во 2-й гимназіи употреблялись слѣд. учебники: пространный катехизисъ *Филарета*, начертаніе христіанскихъ обязанностей по ученію православной греко-россійской церкви—*Кочетова*, [1]) краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной—*Скворцова* (ц. 55 к.), исторія россійской церкви—*Муравьева* [2]), изъясненіе Евангелій (1 р. 20 к.), ветхій завѣтъ (70 к.), чтеніе изъ 4-хъ евангелистовъ (85 к.), польскій пространный катехизисъ (1 р. 80 к.), Historya biblijna—*Szmidta*, Krótki katechizm, Wykład obrzędów kościelnych historyczny i duchowny, historya powszechna koscielna—*Bielskiego* [3]), сокращенная грамматика—*Востокова* (70 к.), пространная его-же (3 р. 80 к.), общая реторика—*Кошанскаго* (1 р. 50 к.), христоматія и славянская грамматика—*Пенинскаго*, логика—*Кизеветтера* (въ пер. Толмачева), которую потомъ замѣнила логика—*Рождественскаго*, руководство—*Бѣллюстина* [4]), его-же книга для упражненій съ русскаго на латинскій (5 р. 65 к.), латинская грамматика, составл. по Цумпфту—*Попова* (3 р. 30 к.), грамматика (латин.)—*Бредера*, христоматія—*Кошанскаго*, руководство—*Комовскаго* для греч. яз. [5]), греческая христоматія—*Якобса* (3 р. 20 к.), грамматика—*Бутмана* [6]), Одиссея (4 р. 40 к.), алгебра и геометрія—*Белавеня* (геом. 4 р. 35 к.), алгебра—*Погорѣльскаго* (2 р. 5 к.), математическая и физическая географія—*Ободовскаго* (1 р. 75 к.), ариѳметика—*Буссе* (90 к.), географія—*Зябловскаго*, которую 16 іюня 1838 г. велѣно замѣнить другою книгою (2 р.), всеобщая географія—*Соколовскаго* (5 р.),

---

1) Тогдашняя цѣна этихъ книгъ не извѣстна.

2) Цѣна не извѣстна.

3) Тоже.

4) Тоже.

5) Тоже.

6) Тоже.

нѣмой атласъ (35 р.), русская и всеобщая исторія—*Кайданова* (6 р. 25 к.), русская исторія—*Устрялова* (3 р.), физика—*Баумгартена* и съ 1839 г. *Ленца* [1]), нѣмецкій и французскій букварн, учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ—*Геккера* (85 к.), нѣмецкая грамматика—*Гаке* (1 р. 50 к.), начальныя основанія французскаго языка—*С. Жульена* (1 р. 15 к.), франц. грамматика—*Ломонда*, синтаксисъ *Летелье* [2]), нѣмецкая христоматія, руководство для переводовъ на нѣмецкій языкъ; на русскій языкъ переводили по книгѣ: «Leseübungen aus Büchern der heiligen Schrift des alten und neuen Testaments», французская христоматія, руководство для переводовъ на французскій языкъ, «Leçons de litterature et de morale»—par Noël и «Abrégé des aventures de Télémaque», наконецъ прописи (75 к.).

Въ засѣданіи 9 октября Милашевичъ предложилъ: а) «наблюдать постепенность въ преподаваніи предметовъ такъ, чтобы знанія учениковъ каждаго класса соотвѣтствовали своему степени и б) обратить особенное вниманіе на слабыхъ учениковъ въ каждомъ классѣ и употребить всѣ мѣры къ уменьшенію числа оныхъ». Но ни однимъ вопросомъ Совѣтъ 2-й гимназіи не былъ такъ сильно озабоченъ, какъ вопросомъ о извѣстномъ намъ уже, оригинальномъ распредѣленіи преподаванія новыхъ языковъ. Желая непремѣнно поставить его въ нормальныя условія, Совѣтъ нѣсколько разъ возвращался къ нему и наконецъ достигъ своей цѣли, не смотря на то, что Попечитель упорно стоялъ на своемъ [3]). Въ одномъ изъ засѣданій, посвященныхъ этому вопросу, Совѣтъ представилъ столь убѣдительные мотивы, что съ ними нельзя было не согласиться. Онъ говорилъ, что для того, чтобы составить ясное понятіе о томъ, въ какомъ состояніи находятся знанія учениковъ въ новѣйшихъ языкахъ, нужно разсмотрѣть вѣдомости. «Изъ разсмотрѣнія сего Совѣтъ убѣдился, что во 2-й гимназіи поступаетъ весьма малое число учениковъ съ такими

---

[1]) Тоже.

[2]) Тоже.

[3]) Проток. засѣд. 1837—1838 г.

познаніями въ новѣйшихъ языкахъ, по которымъ имъ слѣдовало-бы слушать лекціи сихъ языковъ въ классѣ высшемъ того, въ какомъ они по другимъ учебнымъ предметамъ находятся; такъ, напр., изъ 3-го класса въ нынѣшнемъ году по превосходствующимъ познаніямъ въ языкахъ должны перейти въ 5-й классъ только 2 человѣка, изъ 4-го въ 5-й тоже 2. При существованіи отдѣльнаго преподаванія языковъ отъ наукъ, Совѣтъ принималъ однихъ и тѣхъ же новыхъ учениковъ въ высшій классъ по предметамъ и въ низшій по языкамъ....; тѣмъ-же руководствовался Совѣтъ при переводахъ учениковъ изъ класса въ классъ. Отъ этого произошло примѣтное неравенство въ знаніяхъ наукъ съ знаніями языковъ, т. е. что большая часть учениковъ имѣетъ въ новѣйшихъ языкахъ познанія слабѣе, нежели въ прочихъ предметахъ; такое неравенство Совѣтъ находитъ неудобнымъ, потому что одни классы чрезмѣрно велики, а другіе до крайности малы, такъ напр., во 2-мъ классѣ находится 78 учениковъ, въ 3-мъ 27, а въ 5-мъ 67, что самое въ прошедшемъ году служило значительнымъ препятствіемъ преподавателямъ къ водворенію успѣховъ, и, безъ сомнѣнія, въ нынѣшнемъ году будетъ таковымъ-же препятствіемъ». Ходатайствуя о параллелизмѣ въ преподаваніи языковъ и предметовъ, Совѣтъ не скрывалъ и тѣхъ неудобствъ, которыя на первыхъ порахъ могли представиться. Онъ говорилъ: «высшіе классы въ текущемъ году наполнятся такими учениками, которые по слабымъ познаніямъ не совсѣмъ въ состояніи будутъ слушать съ пользою преподаваніе сихъ языковъ въ высшемъ классѣ....; эти ученики составятъ значительное затрудненіе для преподавателей языковъ, но затрудненіе это продолжится только одинъ годъ и можетъ быть отклонено частью нарочитымъ усердіемъ преподавателей, частью-же удвоеннымъ стараніемъ учениковъ къ изученію новѣйшихъ языковъ», что несомнѣнно поведетъ къ большей, чѣмъ теперь, успѣшности учениковъ по этимъ языкамъ [1]).

---

1) Протok. засѣд. отъ 15 сентября 1838 г.

Мы сказали, что, учиться 50 лѣтъ тому назадъ было трудно между прочимъ потому, что по нѣкоторымъ предметамъ курсъ былъ великъ. [1])

Какъ въ старину оцѣнивались познанія учениковъ и ихъ поведеніе? Изъ архивныхъ лоскутовъ, попадавшихся намъ въ руки, мы узнали, что первоначально (правда, очень короткое время) практиковалась довольно курьезная система балловъ, а именно: по Закону Божію въ первыхъ четырехъ классахъ высшею отмѣткою считалось 7, въ трехъ высшихъ—4; по русскому языку и словесности въ трехъ низшихъ классахъ—10, въ трехъ среднихъ—9 и въ 7-мъ классѣ—7; то же самое и по математикѣ; по новымъ языкамъ въ трехъ низшихъ классахъ—5, а въ остальныхъ—6; по черченію и рисованію въ трехъ низшихъ классахъ—4, а въ трехъ высшихъ—3 и т. д. Перевода въ высшій классъ удостоивались тѣ ученики, которые въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ получали не менѣе $^2/_3$ удовлетворительныхъ отмѣтокъ; подвергались переиспытанію послѣ каникулъ получившіе не менѣе $^5/_9$ и совсѣмъ не переводились имѣвшіе въ среднемъ выводѣ менѣе $^5/_9$. За поведеніе ставилась отмѣтка также своеобразно, а именно: для обозначенія отличнаго поведенія бралась удвоенная высшая отмѣтка того предмета въ классѣ, по которому высшая отмѣтка была самая большая; такъ напр., въ низшихъ классахъ высшая отмѣтка, выражаемая цифрою 10, ставилась только за найлучшія познанія въ русскомъ языкѣ и матема-

---

[1]) Опускаемъ приводимую здѣсь подробную программу по каждому предмету въ каждомъ классѣ. Скажемъ только, что, напр., по латинскому яз. при 23 урокахъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ, ученики должны были достигнуть такихъ знаній, чтобы читать трудныхъ авторовъ—Тита Ливія, Цицерона, Горація; по греческому яз. въ VII классѣ практиковали «переложеніе поэтическаго языка въ греческую прозу, переводы на русскій и латинскій яз., изъясненіе на латинскомъ яз., заучиваніе избранныхъ мѣстъ и декламація». По другимъ предметамъ программы были не меньше, чѣмъ въ нынѣшнихъ 8-ми классныхъ гимназіяхъ. Сверхъ того учащіеся были обременены срочными письменными работами.

тикѣ, за тѣ же познанія въ другихъ предметахъ ставили то 5, то 7 и т. д., поэтому отличное поведеніе обозначалось отмѣткою 20. [1]) Такой способъ оцѣнки продолжался до 29 января 1837 г., т. е. до изданія министерствомъ правилъ, основанныхъ на *пятибальной* системѣ. По правиламъ этимъ: 1) успѣхи учениковъ отмѣчаются цифрами: 1 (значитъ слабые), 2 (посредственные), 3 (достаточные), 4 (хорошіе) и 5 (отличные); 1 въ поведеніи значитъ худое поведеніе, 2—посредственное, 3—добропорядочное, 4—хорошее и 5—отличное; 2) цифра 5 въ отмѣткѣ успѣховъ принадлежитъ тѣмъ ученикамъ, которые все пройденное въ учебномъ предметѣ знаютъ весьма основательно, на всѣ вопросы отвѣчаютъ весьма удовлетворительно и при томъ въ систематическомъ порядкѣ, *всѣ возраженія опровергаютъ*, выражаются ясно, точно и свободно. Цифру 4 получаютъ тѣ изъ учащихся, которые предметъ свой знаютъ основательно, на важнѣйшіе вопросы отвѣчаютъ удовлетворительно, но непослѣдовательно дѣлаютъ выводы изъ главныхъ понятій, *не всѣ возраженія опровергаютъ*, выражаются не совсѣмъ опредѣлительно, иногда сбивчиво и несвободно. Цифра 3 предоставляется тѣмъ, которые пройденное знаютъ и на всѣ вопросы отвѣчаютъ, но неотчетливо, непослѣдовательно, *возраженій не разрѣшаютъ*, выражаются не совсѣмъ ясно. Цифра 2 назначается тѣмъ, которые пройденное понимаютъ порядочно, отвѣчаютъ на вопросы посредственно, но не въ надлежащемъ порядкѣ и на иные, съ помощью испытателя, выражаются неопредѣлительно. Наконецъ 1 ставится тѣмъ, кои многаго изъ пройденнаго предмета не понимаютъ, отвѣчаютъ сбивчиво, пересказываютъ лишь вытверженное наизусть, притомъ со многими ошибками и неясно. [2]) Хотя правила эти составлены для оцѣнки ученическихъ познаній при экзаменахъ, но ими руководились и при оцѣнкѣ успѣховъ ученика въ продолженіе цѣлаго учебнаго года.

---

[1]) См. объ этомъ также у Михалевича: Прилож. 10.

[2]) Сбор. Распор. т. II, стр. 164 и Ж. М. Н. Пр. ч. 13.

Испытаніе учениковъ было производимо по правиламъ, сущность которыхъ состояла въ слѣд.: 1) во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, испытаніе долженъ былъ производить преподаватель предмета въ присутствіи директора и одного изъ старшихъ учителей, по назначенію Педагогическаго Совѣта гимназіи, при чемъ для сокращенія времени экзаменовъ въ одинъ день могло производиться испытаніе и въ двухъ предметахъ, одно—подъ предсѣдательствомъ директора, другое инспектора; 2) въ тѣхъ предметахъ, для коихъ имѣется по два учителя, испытаніе производитъ старшій изъ нихъ, хотя-бы онъ и не былъ преподавателемъ въ томъ классѣ, который подвергается испытанію; 3) окончательное испытаніе должно было производиться въ полномъ составѣ Педагогическаго Совѣта, а въ обѣихъ Кіевскихъ гимназіяхъ еще въ присутствіи Инспектора Казенныхъ Училищъ. На это испытаніе обязательно приглашаемы были Почетный Попечитель и «любители просвѣщенія»; 4) каждый учебный предметъ обращался въ подробную программу, раздѣленную на извѣстное число полнообъемистыхъ послѣдовательныхъ статей. Вызванный ученикъ бралъ изъ однообразно свернутыхъ два билета и по нимъ отвѣчалъ; 5) перевода въ высшій классъ удостоивались тѣ, кои получали въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ отмѣтокъ какъ за годъ, такъ и на испытаніи, не менѣе 3-хъ (нѣкоторое время спустя не менѣе $2\,^1/_2$), причемъ по какому-нибудь предмету дозволялось имѣть и неудовлетворительную отмѣтку, лишь-бы она не мѣшала общему среднему выводу, опредѣленному для перевода; исключеніе сдѣлано было только въ пользу изученія Закона Божія и русскаго языка, по которымъ полученная единица служила рѣшительнымъ препятствіемъ къ переводу въ высшій классъ. Если въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ отмѣтокъ по какому-нибудь предмету получалась дробь, то она или превращалясь въ единицу (если была больше $^1/_2$), или совсѣмъ отбрасывалась (когда меньше $^1/_2$); 6) право на награду предоставлялось не болѣе, какъ тремъ ученикамъ въ классѣ; награждались получившіе по успѣхамъ и поведенію не менѣе 4-хъ; 7) для полученія аттестата требовалось имѣть въ среднемъ выводѣ не менѣе 3-хъ изъ всѣхъ пред-

метовъ въ общей ихъ сложности, ни по одному предмету не получить единицы и по каждому главному предмету, т. е. по Закону Божію, русскому языку и словесности, латинскому и греческому языкамъ, ариѳметикѣ и геометріи, имѣть въ среднемъ выводѣ не менѣе 3-хъ. По чистописанію, черченію и рисованію экзамена не полагалось [1])

Во 2-й гимназіи нѣкоторое время практиковался разрѣшенный Попечителемъ весьма оригинальный способъ перевода учениковъ минуя одинъ классъ, въ слѣдующій высшій. «Мѣра эта мотивирована одобреніемъ стремленія юношества къ скорѣйшему поступленію въ высшія учебныя заведенія и желаніемъ сохранить побужденіе къ полезной дѣятельности». [2]) Правомъ этимъ воспользовались слѣд. ученики 2-й гимназіи: 1) Даневскій Пій (который былъ переведенъ изъ 4-го кл. въ 6-й), 2) Чоповскій Антонъ (также изъ 4-го въ 6-й кл.), 3) Стронинъ Петръ (изъ 3-го въ 5-й) и 4) Нечаевъ Александръ (изъ 1-го въ 3-й). Не меньшею оригинальностью отличалось позволеніе выпускать въ Университетъ отличнѣйшихъ учениковъ 6-го класса, которые, «имѣли не менѣе 16 лѣтъ и при переводахъ изъ низшаго класса въ высшій не миновавъ прежде ни одного класса гимназіи, получали при годичномъ испытаніи не менѣе $^8/_9$ полныхъ шаровъ». Такое право имѣли во 2-й гимназіи ученики: Заіончевскій Иванъ и Блотницкій Андрей (въ 1839 г.). Кромѣ этихъ двухъ учениковъ мы не нашли больше никого, вѣроятно потому, что вскорѣ такому странному правилу положенъ былъ конецъ.

Центръ тяготѣнія въ гимназіи, отъ котораго зависитъ все ея благосостояніе, а это благосостояніе выражается въ успѣхахъ и нравственности ея питомцевъ, всецѣло находится въ преподавательской корпораціи. Какъ бы ни были высоки умственныя и нравственныя качества директора, инспектора и надзирателей, никогда они не въ состояніи производить на учащихся того вліянія, которое находится въ распоряженіи каждаго преподава-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1837 г. ч. 13.

[2]) Слѣпушк. стр. 15.

теля; никогда ни директоръ, ни инспекторъ, ни надзиратели не могутъ принести учащимся большаго вреда, если только составъ преподавателей отличный и наоборотъ: при дурномъ составѣ преподавателей никакія усилія гимназическаго начальства и надзора не приведутъ ни къ чему. Правда, что на учащагося производятъ вліяніе и тѣ обстоятельства, которыя развиваются внѣ школы, но дѣйствіе, производимое ими, тѣмъ слабѣе, чѣмъ выше умственный и нравственный цензъ преподавателя, который тогда становится для ученика величайшимъ авторитетомъ. Мы имѣли уже случай видѣть, что въ общемъ преподавательскій составъ 2-й гимназіи за первое четырехлѣтіе былъ весьма удовлетворительный; но и онъ не былъ свободенъ отъ темныхъ пятенъ. Печально то, что почти всѣ преподаватели необыкновенно часто пропускали уроки и притомъ не столько по болѣзни, сколько по неизвѣстнымъ причинамъ. Это повторялось такъ часто, что обратило наконецъ на себя вниманіе высшаго начальства и сдѣлалось предметомъ занятій Комитета Министровъ, который мнѣніемъ положилъ: «распространить на преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія вычетъ изъ жалованья по разсчету за уроки, на которые они не явятся безъ предъявленія начальству законныхъ причинъ отсутствія. Такое вычтенное жалованье было обращаемо въ экономическую сумму заведенія [1]). Не только заболѣвшій учитель долженъ былъ извѣстить инспектора, что онъ не можетъ посѣщать классовъ, но и выздоровѣвшій долженъ былъ увѣдомить, что онъ тогда-то начнетъ занятія, для объявленія о томъ ученикамъ» [2]). Уроки отсутствующихъ учителей или распредѣлялись между остальными преподавателями, или поручались студентамъ Университета, которые въ такомъ случаѣ исполняли роль настоящихъ учителей, или наконецъ въ классы для наблюденія за порядкомъ посылались надзиратели и ученики высшихъ классовъ. Изъ студентовъ, временно несшихъ

---

[1]) Но и эта мѣра оказалась недостаточною, поэтому Высочайше повелѣно было предавать учителей, манкирующихъ уроками, суду.

[2]) Слѣпушк. стр. 17.

обязанность учителей 2-й гимназіи, въ семидневныхъ донесеніяхъ упоминаются: Страшкевичъ, будущій учитель и адъюнктъ, Шаверновскій, будущій учитель и др. Такъ какъ несеніе обязанностей отсутствующаго учителя оставалось безъ всякаго вознагражденія, то тѣ преподаватели, на которыхъ часто возлагались такія обязанности, были весьма недовольны, и это недовольство служило источникомъ нареканій съ ихъ стороны на училищное начальство.

Къ числу особенностей, имѣвшихъ мѣсто въ первые годы существованія 2-й гимназіи. слѣдуетъ отнести еще слѣд. двѣ: первая состояла въ томъ, что учениковъ, въ теченіе первыхъ друхъ мѣсяцевъ, оказывавшихъ слабые успѣхи, переводили въ низшій классъ [1]), а вторая—въ томъ, что въ гимназію допускались вольные слушатели, которые посѣщали уроки учителей по своему избранію. Такъ въ 1837 г. былъ допущенъ къ слушанію вмѣстѣ съ учениками 7-го класса уроковъ по русской словесности, исторіи, статистикѣ и по латинскому языку окончившій Виленскую гимназію нѣкто Кучинскій; на такомъ-же основаніи допущенъ былъ во 2-й классъ вольнослушателемъ бывшій ученикъ того-же класса Чайковскій [2]).

О томъ, какъ въ разсматриваемое время шло преподаваніе и какъ оно отразилось на успѣхахъ учениковъ, свѣдѣнія наши крайне неудовлетворительны отъ того, что архивные источники содержатъ въ себѣ указанія отрывочнаго свойства; изъ нихъ трудно почерпнуть краски для полной картины. Такъ, напр., въ актовой запискѣ 1838 г. директоръ выражаетъ упованіе, что воспитатели «будутъ направлять юныя сердца къ цѣли нравственнаго образованія сообразно духу православія, самодержавія и народности и что умственное совершенствованіе безъ совершенствованія нравственнаго—мечта и мечта пагубная» [3]). Будучи лирическимъ, заявленіе это не даетъ права дѣлать какія-нибудь

---

[1]) Дѣло 1836 г. № 650.

[2]) Дѣло 1837—1839 г. № 717.

[3]) Слѣпушк. стр. 27.

реальныя построенія. Нѣсколько болѣе свѣта проливаютъ на тогдашнее состояніе преподаванія во 2-й гимназіи два отчета: 1) инспектора казенныхъ училищъ о преподаваніи математики въ 1838 г. и 2) проф. Нейкирха о преподаваніи греческаго языка. Инспекторъ казенныхъ училищъ говоритъ, что ариѳметику въ 1 кл. у учителя Гаевскаго, алгебру и геометрію въ 3-мъ и 4-мъ параллельныхъ классахъ у учителя Самойленкова онъ нашелъ въ хорошемъ состояніи; ариѳметику-же во 2-мъ кл., алгебру и геометрію въ 3-мъ и 4-мъ кл. у учителя Гаевскаго, геометрію въ 5-мъ кл. у учителя Линовскаго въ посредственномъ состояніи [1]). Хваля вообще преподаваніе учителя Іеропеса, проф. Нейкирхъ находитъ, что для болѣе успѣшнаго изученія греческаго языка было-бы полезно не переводить ученикамъ того, что имъ задается, не употреблять произношенія современныхъ грековъ и ввести въ употребленіе другія книги; такъ напр. христоматію Якобса и Schulgrammatik—Бутмана, которую слѣдовало-бы сперва перевести на русскій языкъ [2]). Что касается успѣховъ учениковъ, то болѣе или менѣе правильное сужденіе объ этомъ предметѣ могли бы дать частныя и общія вѣдомости, но, къ сожалѣнію, за время отъ 1836 до 1838 г., вѣдомости дошли до насъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что по этимъ клочкамъ мы не рѣшались дѣлать какіе-бы то ни было выводы. Только начиная съ 1838 г., мы вправѣ что-нибудь сказать.

Изъ вѣдомостей за $183^8/_9$ годъ оказывается, что если не считать 7-го класса, то *по Закону Божію* успѣвающіе составляли во всѣхъ классахъ около 92% всего числа учащихся, *по русскому языку и словесности*—80%, при чемъ найбольшую успѣшность представляетъ 1-е отд. 2-го класса (около 94%), *по математикѣ*—около 75% съ найбольшими успѣхами во 2-мъ отд. 4-го кл., гдѣ только одинъ ученикъ имѣлъ неудовлетворительную отмѣтку по геометріи (учитель Самойленковъ); *по латинскому языку*—немного болѣе 67%, причемъ наименьшіе успѣхи оказывали не-

---

1) Дѣло 1838 г. № 51.

2) Дѣло 1837 г. № 19 и 39.

раздѣленные въ этомъ году на параллельныя отдѣленія классы 1-й и 3-й (въ 3-мъ кл. неудовлетворительныхъ больше 1/2); *по греческому языку*—также немного болѣе 67% (наименѣе успѣвающій 4-й кл. 2-е отд.—около 1/2); *по французскому языку*—75%, при чемъ самый неуспѣвающій классъ былъ 1-й; *по нѣмецкому языку*—тоже 75%, при чемъ въ 3-мъ классѣ перевѣсъ на сторонѣ неудовлетворительныхъ; *по исторіи*—число успѣвающихъ достигало огромной цыфры 94%; *по географіи*—87%. Средняя успѣшность по всѣмъ вообще предметамъ гимназическаго курса можетъ быть выражена дробью—3/4 [1]). Изъ взаимнаго сопоставленія этихъ величинъ можно сдѣлать слѣд. выводы:

1) средняя успѣшность гимназіи вообще должна быть признана удовлетворительною;

2) *лучшіе* успѣхи получились по исторіи и *худшіе*—по древнимъ языкамъ;

3) наименѣе успѣвающіе классы—1-й и 3-й, что иначе не можетъ быть объяснено, какъ *многолюдностью* этихъ классовъ съ одной стороны, и *введеніемъ въ курсъ этихъ классовъ незнакомыхъ еще ученику предметовъ*,—изученіе которыхъ обыкновенно дается не легко,—съ другой. Такъ учениковъ 1-го класса всегда затрудняло начало изученія новыхъ языковъ, а учениковъ 3-го класса—алгебра, геометрія и исторія. Въ заключеніе намъ кажется не безъинтереснымъ упомянуть о томъ, по какому предмету въ тѣ времена было наиболѣе отличныхъ и хорошихъ, т. е. имѣвшихъ отмѣтку 5 и 4, потому что число таковыхъ даетъ понятіе объ особенномъ интересѣ къ ученію, да и общая цифра таковыхъ во всей гимназіи также не лишена извѣстнаго смысла. Что касается перваго, то наибольшее число такихъ учениковъ падаетъ на исторію и географію (болѣе 66% общаго числа учащихся), за тѣмъ по уменьшающейся прогрессіи одинъ за другимъ слѣдуютъ: Законъ Божій, математика, русскій языкъ и словесность, французскій, нѣмецкій, греческій и наконецъ латинскій языкъ. Вообще во всей гимназіи число такихъ учениковъ, которые въ

---

1) При чемъ наименѣе переведенныхъ изъ 1-го и 3-го классовъ.

большей части предметовъ имѣли одну изъ высшихъ отмѣтокъ (4 и 5), доходило до $^1/_3$.

Таковы были успѣхи учениковъ 2-й гимназіи за время $183^8/_9$ учебнаго года.

Переходя отъ нихъ къ обозрѣнію нравственнаго состоянія 2-й гимназіи за тотъ-же промежутокъ времени, мы прежде всего снимаемъ съ себя отвѣтственность за то, что свѣдѣніи наши по этому предмету не отличаются надлежащею полнотою: не наша вина, если не сохранились источники, которые могли-бы сообщить намъ болѣе подробныя указанія. Нужна, кромѣ того, оговорка другаго рода: источники, относящіеся къ данному вопросу, рисуютъ нравственный образъ учениковъ съ отрицательной стороны; они содержатъ въ себѣ факты, свидѣтельствующіе о проявленіи однѣхъ лишь дурныхъ наклонностей и стремленій учащейся молодежи, или, говоря проще, разные ученическіе проступки. Главнѣйшими изъ этихъ источниковъ должны быть признаны такъ называемыя семидневныя донесенія инспектора. Въ донесенія эти заносились ученики, совершившіе какой-нибудь проступокъ или оказавшіеся неуспѣвающими въ наукахъ. Въ обоихъ случаяхъ они подвергались наказанію, смотря по виновности, карцеромъ или розгами. Карцеромъ обыкновенно наказывались ученики высшихъ классовъ, розгами—низшихъ; случалось иногда и обратное. Наказанія за проступки производились ежедневно, за неуспѣшность—по субботамъ, отъ чего и назывались *субботниками.* Донесенія эти не всегда даютъ ясное представленіе о свойствахъ ученическихъ проступковъ, потому что слишкомъ лаконичны. Въ нихъ писалось обыкновенно такъ: такой-то наказанъ за шалость, такой-то—за грубость, или дерзость, но въ чемъ именно выразилось то или другое, изъ нихъ не видно. Совершенно ясныя опредѣленія попадаются изрѣдка, такъ напр.: за бѣгство изъ гимназіи, или изъ города, за пьянство, за картежную игру и др. Служа извѣстною мѣрою при опредѣленіи нравственнаго настроенія учащихся, донесенія эти въ нѣкоторой степени могутъ быть пригодны для характеристики личности и оцѣнки дѣятельности главнымъ образомъ инспектора, потому что отъ него почти исключительно зависѣлъ выборъ и назначеніе наказанія.

Семидневныя донесенія стали производиться только съ 1839 г.; за предъидущіе годы ихъ не существуетъ.

Другой, не менѣе важный источникъ—Протоколы педагогическихъ засѣданій Совѣта. Въ нихъ встрѣчаются только такіе проступки, которые влекли за собою исключеніе изъ гимназіи. Есть наконецъ отдѣльныя дѣла, содержащія въ себѣ проступки съ рѣзкимъ оттѣнкомъ уголовщины. Существенное отличіе какъ отдѣльныхъ дѣлъ, такъ и протоколовъ донесеній состоитъ въ томъ, что проступки они излагаютъ со всевозможною детальностью и, перенося читателя въ далекій міръ прошедшаго, ставятъ его въ положеніе современника, наблюдающаго живую дѣйствительность.

Собираясь по этимъ источникамъ сдѣлать очеркъ нравственнаго настроенія учениковъ 2-й гимназіи въ данное время, считаемъ нужнымъ объясниться по поводу той мѣрки, которую мы приложили къ опредѣленію высоты уровня этого настроенія. Не количествомъ наказаній измѣряли мы его и не количествомъ проступковъ. Количество первыхъ даетъ представленіе не столько объ учащихся, сколько о системѣ воспитанія; количество вторыхъ само по себѣ ничего не выражаетъ, потому что можетъ быть масса проступковъ самаго невиннаго свойства. Мы смотримъ на дѣло иначе: для насъ важно сперва качество проступковъ, а потомъ уже ихъ количество. Зная то и другое, мы говоримъ: если проступки вытекаютъ изъ испорченной дѣтской природы и если въ данномъ учебномъ заведеніи они повторяются часто, то это—явный признакъ низкаго уровня нравственности этого заведенія, и наоборотъ—то учебное заведеніе, которое было-бы совершенно свободно отъ нихъ, вполнѣ отвѣчало-бы идеальнымъ требованіемъ воспитанія.

Если приложить теперь эту мѣрку къ характеристикѣ учениковъ 2-й гимназіи 1836—1839 годовъ, то получится впечатлѣніе далеко не отрадное. Случаи, обнаруживающіе нерѣдко глубокую нравственную порчу дѣтской природы, попадаются столь часто, что навѣваютъ тяжелое раздумье. Нерѣдки также примѣры разнузданности нравовъ. Для наглядности извлекаемъ слѣд. факты, придерживаясь ихъ хронологической послѣдовательности:

Первый и относительно не важный проступокъ, найденный нами въ дѣлахъ 2-й гимназіи, былъ проступокъ ученика 5-го класса С—а, состоявшій въ томъ, что войдя въ классъ и не обративъ никакого вниманія на присутствіе учителя, при всѣхъ ученикахъ класса дерзко заявилъ, что инспекторъ[1]) на него «злобствуетъ» и что поэтому онъ будетъ жаловаться на него Попечителю. [2]) Другой ученикъ (3 кл.), замѣтивъ, что инспекторъ собирается высѣчь его, убѣгаетъ изъ гимназіи. Желая поставить на своемъ, инспекторъ посылаетъ къ нему на квартиру съ двумя сторожами надзирателя для того, чтобы они насильно привели его въ гимназію. Завидѣвъ ихъ издали, ученикъ прыгаетъ въ окно, не смотря на его значительную высоту, и бѣгомъ направляется къ своей бабушкѣ, у которой надѣется найти покровительство и защиту. Бабушка дѣйствительно заступается за него и объявляетъ инспектору, что если ея внука высѣкутъ, то онъ лишитъ себя жизни. «Я знаю его» прибавила она, «а потому предваряю, чтобъ послѣ не вышло бѣды». Инспектору послѣ такого категорическаго заявленія не оставалось ничего больше, какъ передать дѣло на обсужденіе Педагогическаго Совѣта. При разсмотрѣніи прошлой гимназической жизни этого ученика оказалось, что онъ часто манкировалъ уроками, не разъ заводилъ съ товарищами драку, не разъ убѣгалъ изъ квартиры и не разъ за эти проступки подвергался наказанію сперва карцеромъ, а потомъ розгами. [3]) Само собою разумѣется, что его исключили. Другой ученикъ того-же класса въ томъ-же году убѣжалъ изъ Кіева и неизвѣстно, гдѣ скрылся.[4]) Одинъ изъ учениковъ 6-го класса занимался кражей шинелей. [5]) Ученикъ 4-го кл. Г. «велъ себя первоначально хорошо», говорится въ донесеніи инспектора Педагогическому Совѣту, «но впослѣдствіи времени подъ разнымп предлогами началъ уклоняться отъ

---

[1]) Зимовской.

[2]) Дѣло 1837 г. № 652.

[3]) Проток. засѣд. отъ 4 іюня 1837 г.

[4]) Дѣло 1837 г. № 682.

[5]) Проток. засѣд. отъ 23 дек. 1838 г.

посѣщенія классовъ и церкви. Тогда уже надзиратель обратилъ на него особое вниманіе». И что-же послѣ внимательнаго надзора оказалось? Этотъ ученикъ посредствомъ наглаго обмана выманивалъ у другихъ учениковъ деньги и, разумѣется, не отдавалъ ихъ. Стало извѣстнымъ, что онъ даже воруетъ. Мало того: не получивъ за малоуспѣшность разрѣшеніе на домовой отпускъ, онъ самовольно уѣзжаетъ изъ Кіева и возвращается обратно, просрочивъ слишкомъ трое сутокъ. [1]) Одинъ изъ учениковъ 5-го класса, по просьбѣ учителя К., былъ оставленъ подъ арестомъ до 7 ч. вечера. Послѣ выхода изъ гимназіи учениковъ, онъ отпросился на-дворъ, и сторожъ, по заведенному порядку, отворилъ двери отъ комнаты, въ которой онъ былъ запертъ. Воспользовавшись случаемъ, ученикъ этотъ идетъ въ инспекторскую комнату, обрываетъ въ шкафу, въ которомъ хранились отобранныя у учениковъ книги, запавѣсь, разсматриваетъ отмѣтки и уноситъ съ собою книгу (подъ названіемъ: Черная Женщина). «Видѣлъ это ученикъ, которому приказано было стоять на колѣняхъ въ инспекторской. Поведеніе этого ученика, продолжаетъ инспекторъ, мною не одобряется, ибо онъ неоднократно былъ замѣченъ въ шалостяхъ въ классѣ, за что и былъ наказываемъ сперва стояніемъ на колѣняхъ, а потомъ арестомъ, и кромѣ того 15-го числа жаловался на его учитель К. за грубость, ему оказанную. Я приказалъ ему просить у учителя прощенія, но онъ не исполнилъ моего приказанія». Бывали случаи коллективныхъ проступковъ, въ родѣ напр. того, намъ неизвѣстнаго, за который на двое сутокъ подвергся аресту весь 4-й классъ, [2]) или того, который сохранился въ одномъ изъ дѣлъ 1837 года и поражаетъ своею грандіозностью. [3]) Дѣло въ томъ, что 11 учениковъ 2-й гимназіи и Печерскаго училища образовали изъ себя воровскую шайку съ обдуманнымъ заранѣе планомъ, съ правильнымъ распредѣленіемъ ролей и при-

---

[1]) Проток. засѣд. отъ 7 янв. 1839 г.

[2]) Дѣло 1836 г. № 1. Надо полагать, что проступокъ этотъ былъ не пустячный.

[3]) № 24.

нялись за похищеніе чужой собственности. Къ своей операціи они приступили въ весьма удобное, такъ называемое контрактовое время, когда въ контрактовомъ домѣ собиралась масса покупателей. Гдѣ наиболѣе скоплялось ихъ и гдѣ слѣд. вниманіе продавцевъ было наиболѣе отвлечено отъ воришекъ въ гимназическомъ одѣяніи, тамъ съ усиленною энергіею работали они, унося все, что только попадалось подъ руки: картины, рамы, краски, карандаши, щетки, гребешки, помаду, зеркала, чубуки, табакъ курительный, табакъ нюхательный, конфекты, вино, стаканы (у сбитеньщика) и пр., и пр. Воровали они въ продолженіе двухъ недѣль, захватывая значительными порціями попадавшееся подъ руку: напр. фунтъ табаку, связку чубуковъ, десятокъ картинъ и т. д. Въ особенности много при обыскѣ найдено у нихъ карандашей. [1]) Въ тотъ-же промежутокъ времени имъ удалось утащить изъ квартиры барона Остенъ-Сакена сундукъ съ деньгами и цѣнными вещами, снести его въ оврагъ и заранѣе приготовленнымъ орудіемъ вскрыть его. Накраденное они распродавали и на вырученныя деньги въ самыхъ страшныхъ трущобахъ въ компаніи со всякимъ сбродомъ предавались пьянству и другимъ растлѣвающимъ порокамъ. И это дѣлали дѣти въ возрастѣ отъ 16 до 12 лѣтъ: только одному изъ нихъ, и то не главному руководителю, а простому, рядовому соучастнику было 18 лѣтъ. Фактъ знаменательный, явно очерчивающій ту глубокую нравственную порчу, которая проникла въ юные организмы какъ разъ въ ту пору, когда страхъ тѣлеснаго наказанія долженъ былъ-бы, повидимому, наложить крѣпкую узду и не допустить проявленія безобразій подобнаго рода, а между тѣмъ оказывается полное безсиліе подагогики, основанной на тѣлесномъ наказаніи. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ преступники были наказаны розгами, причемъ зачинщикъ былъ наказанъ «сильно» и почти всѣ исключены изъ училища. Достойно замѣчанія, что двухъ мальчиковъ 2-го класса, участвовавшихъ въ шайкѣ пьянствовавшихъ, посѣщав-

---

[1]) Не съ тѣхъ-ли поръ ученики 1-й гимназіи дразнятъ учениковъ 2-й словомъ: *«карандашъ»?*

шихъ домъ терпимости и застигнутыхъ на *corpus-delicti*, не исключили изъ гимназіи, а въ видѣ злого сѣмени оставили въ средѣ товарищей и только отвели для нихъ отдѣльную скамейку, которую они должны были занимать «впредь до совершеннаго исправленія» (sic).

Вообще нужно сказать, что въ средѣ учащихся того времени стало развиваться направленіе невысокой доброкачественности. Въ семидневныхъ донесеніяхъ [1]) мы постоянно наталкиваемся на такіе проступки, какъ бѣгство изъ гимназіи и даже изъ города, ночныя шатанія по городу, воровство, картежная игра, пьянство (пьянствуютъ напр. ученики 1-го класса) и др. Но ни на одинъ проступокъ не приходится столько случаевъ, какъ на непочтительность къ старшимъ, на грубость и даже дерзость по отношенію къ учителямъ и инспектору [2]). Невольно рождается вопросъ, гдѣ-же причина столь безотраднаго явленія? Нехорошая закваска положена была еще въ 1836 г. Когда сдѣлано было распоряженіе о переводѣ во 2-ю гимназію учениковъ, учившихся въ 1-й, то гимназія эта постаралась сбыть прежде всего малоуспѣвающихъ въ наукѣ и сомнительныхъ по поведенію, а потомъ уже обратились къ хорошимъ; отсюда произошло, что на первыхъ же порахъ существованія своего 2-я гимназія наполнилась такими элементами, съ которыми предстояла нелегкая борьба. Къ этому обстоятельству присоединилось еще другое. Ученики жили или въ домѣ своихъ родителей и родственниковъ, или въ наемныхъ помѣщеніяхъ, содержимыхъ квартиросодержателями. Изъ этихъ послѣднихъ, судя по донесеніямъ инспектора гимназіи и инспектора казенныхъ училищъ, далеко не всѣ приспособлены были къ условіямъ жизни ученика, возникающимъ изъ требованій правильнаго воспитанія, и потому не мало способствовали развитію

---

[1]) См. донесенія за 1839 г. № 1—22.

[2]) Не считая такихъ проступковъ, какъ драка, обманъ, непослушаніе и т. п., однихъ крупныхъ мы насчитали за половину 1839 г. 30 (на 374 ученика), что составляетъ 8%; см. еще дѣла: за 1837—1839 г. № 717 и за 1839 г. № 99.

и укорененію въ средѣ учащихся тѣхъ порочныхъ наклонностей, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Изъ донесенія инспектора казенныхъ училищъ видно, что а) многія квартиры найдены имъ въ совершенномъ безпорядкѣ; б) въ нѣкоторыхъ квартирахъ ученики по недостатку кроватей спятъ на стульяхъ, или по два на одной кровати; в) на одной квартирѣ ученикъ не имѣлъ ни «постояннаго мѣста для занятій, ни стула, на чемъ можно было бы сѣсть, ни кровати»; г) на нѣкоторыхъ квартирахъ ученики курили трубку. То же самое читаемъ въ донесеніи инспектора Іеропеса директору Богородскому, въ которомъ сказано, что 1) ученики 2-й гимназіи занимаютъ большею частью квартиры неудобныя какъ по помѣщенію, такъ и со стороны надзора, а также по отдаленности отъ гимназіи; 2) нѣкоторые изъ учениковъ живутъ совмѣстно со студентами, канцеляристами и учениками 1-й гимназіи, вмѣстѣ съ ними курятъ трубку, играютъ въ карты и т. п. [1]) Въ какой степени трудно было даже такому энергическому инспектору, какъ Іеропесъ, бороться со зломъ, видно изъ его донесенія, въ которомъ онъ жалуется, что квартиросодержатели оклеветали его предъ Попечителемъ Округа въ небывалыхъ злоупотребленіяхъ властью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только настойчиво требовалъ отъ нихъ исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей, а неблагонадежныхъ въ какомъ-либо отношеніи представлялъ къ лишенію права содержать учениковъ. Основываясь на донесеніи инспектора, не трудно прійти къ убѣжденію, что нѣкоторые изъ квартиросодержателей, особенно тѣ, которые получали солидные куши за содержаніе учениковъ [2]) и слѣд. весьма дорожили ими, что эти квартиросодержатели потворствовали своимъ квартирантамъ и сквозь пальцы смотрѣли на ихъ поведеніе. Но за чѣмъ-же смотрѣли надзиратели? Случалось, что

---

[1]) Дѣло 1839 г. № 64 и 99. Надзиратель Вояковскій извѣщалъ инспектора, что въ квартирѣ одного ученика свалено женское платье и служанка гладитъ бѣлье. См. еще дѣло 1839 г. № 34.

[2]) Отъ 500 до 800 р. асс., т. е. около $^{2}/_{3}$ годоваго оклада младшаго учителя.

ради корыстныхъ побужденій, нѣкоторые надзиратели сами скрывали дурные проступки ученика; иные, бывая часто въ нетрезвомъ видѣ, не могли аккуратно исполнять своей обязанности;[1]) иные наконецъ уставали въ борьбѣ съ квартиросодержателями.

Умноженію проступковъ въ средѣ учащихся не мало способствовали грубые нравы тогдашняго общества: учениковъ иногда обижали и наносили имъ столь чувствительныя оскорбленія, что сносить ихъ иной разъ было не подъ силу.

Не смотря однако на всѣ эти недостатки, мы думаемъ, что Милашевичъ былъ отчасти правъ, публично заявивши на торжественномъ актѣ, что 2-я гимназія «употребляетъ всѣ возможныя мѣры къ пріобрѣтенію того всеобщаго довѣрія и тѣхъ совершенствъ, какими пользуются равностепенныя съ нею учебныя заведенія»,— правъ, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ учебной. Если-бы было иначе, то навѣрное не ускользнуло-бы это отъ зоркаго ока Государя Николая Павловича, которому 2-я гимназія была представлена въ 1837 году (совмѣстно съ 1-ю гимназіей), и не остался-бы доволенъ ею знаменитый въ исторіи нашего просвѣщенія министръ С. С. Уваровъ, посѣтившій ее въ октябрѣ того-же года[2]) «Онъ присутствовалъ на урокахъ во всѣхъ классахъ, вникалъ въ методы преподаванія учителей, предлагалъ ученикамъ вопросы и остался доволенъ удовлетворительными ихъ отвѣтами. Результатомъ этого посѣщенія была благодарность, объявленная Попечителемъ всѣмъ служащимъ въ гимназіи лицамъ»[3]). Конечно, многаго еще не доставало для того, чтобы стать въ уровень съ другими гимназіями, но уже и то было хорошо, что во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1839 годъ министръ могъ выразиться объ ней такъ: по успѣхамъ учениковъ она между гимназіями Кіевскаго Учебнаго Округа занимаетъ третье мѣсто, а въ отчетѣ за 1840 г. мы уже читаемъ, что министръ находитъ ее «образцовою», точно такъ-же какъ и

---

[1]) Дѣло 1836 г. № 714.

[2]) Ж. М. Н. Пр. за 1837 г.

[3]) Слѣпушк. стр. 26.

Кіевскую 1-ю [1]) Не безъ значенія и то обстоятельство, что въ 1837 г., кромѣ Государя Императора и его министра, 2-ю гимназію удостоилъ высокой чести своимъ посѣщеніемъ наслѣдникъ престола, а потомъ она представлялась принцу прусскому Альберту и австрійскому посланнику, графу Фикельмону,—не безъ значенія потому, что свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, который возбуждало собою это, еще юное, учебное заведеніе.

Н. Тумасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1840 г. ч. 26 и 30. Въ 1840 г. Уваровъ снова обозрѣвалъ обѣ Кіевскія гимназіи.

Малорусскіе народные повѣрья и разсказы о пятницѣ[1].

Празднованіе пятницы, введенное въ текстѣ эпистоліи о недѣлѣ, будто бы упавшей съ неба, заключалось у всѣхъ христіанскихъ народовъ въ воздержаніи отъ работъ, удовольствій, развлеченій и скоромной пищи, подъ угрозой различныхъ несчастій за неисполненіе этихъ предписаній (А. Н. Веселовскій. Опытъ по разв. хр. легенды, въ Журн. мин. нар. просв. 1876 г., III, 79, 81; 88, 332, 333; C. Haberland. Ueber Gebr. und Abergl. beim Essen въ Zeits. für Volkerps. und Sprachw. 1888, I, 52, 53; А. Малинка. Апокр. въ Юбил. Сб. въ честь Вс. Миллера. Москва 1900 г., 88, 92; Шашковъ. Оч. истор. рус. женщ. С.-Петерб. 1872 г., 66; Якушкинъ. Сб. рус. пѣс. въ Отеч. Зап. 1860 г., III, 61; Романовъ. Бѣлор. Сб. V, 265, 366; Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., II, 116—118; Кіев. Стар. 1889 г., IX, 696).

По западноевропейскимъ народнымъ понятіямъ, пятница— несчастный день. «Le vendredi est un jour de malheur», (J. F.

[1]) Повѣрья о пятницѣ, заключая въ себѣ запрещенія о пищѣ и объ одеждѣ, о нарядахъ, изготовленіи и мойкѣ бѣлья, относятся къ двумъ отдѣльнымъ моимъ очеркамъ, посвященнымъ этимъ сторонамъ народной жизни, но не могли быть распредѣлены между ними, потому что пришлось бы разъединить цѣльныя представленія, а выдѣлены въ настоящій особый очеркъ.

Bladé, Contes de la Gascogne. Paris, 1895, 268), giorno infausto, поэтому въ пятницу не предпринимаютъ ничего важнаго:

Giorno di venere, giorno di Marte
Non si sposa, non si parte.

Изъ домашнихъ работъ запрещена въ этотъ день пряжа,—у непослушной пряхи сгараетъ прялка, а саму ее уноситъ вѣтеръ; запрещено также мыть бѣлье,—maudite la femme, qui lave,—мыться, чесаться, убирать волосы, прихорашиваться и наряжаться. (Веселовскій 61—63, 64, 90; A. Trombatore. Folklore catanese, 35, 46). Тѣ же дѣйствія запрещены и малороссіянамъ. Такъ: «У пьятныцю добри люды не прядуть.—Господы, не побый плоскони, а побый матирку, шобъ не прялы въ пьятинку» (Гринченко. Этн. мат. II, 303 и III, 325). Въ Харьковской губ. по пятницамъ бабы не прядутъ. (Ивановъ. Сѣв. Вѣстн. 1887 г. VIII. Обл. отд., 75, Кіев. Стар. 1885 г., IX, 734). «Тій жинци, шо пряде у пьятныцю, пробывають горло клоччямъ на 'тимъ свити, а на симъ конопли не будуть родыть и горобци ихъ пытымуть». (Изъ народныхъ устъ). Запрещаются также по пятницамъ всякія предшествующія пряжѣ работы надъ коноплей. «Не можно типать, терты, мняты конопель, мычокъ мыкать. Якъ типать конопли, то лыхорадка типатыме. У пьятныцю коноплямы не трусыть, шобъ очей не запорошыть. И пьятныця плачется дуже: мы ій очи порошымъ» (тоже). Нельзя еще стирать бѣлья (Кіев. Стар. 1895 г., IX, 745) и золить. Въ пѣснѣ, исполнявшейся Остапомъ Вересаемъ (Зап. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. II, 33), пятница приказываетъ людямъ: «У пьятныцю плаття не золите». Слѣдующія домашнія работы не разрѣшаются также по пятницамъ: нельзя лазить въ печь, чистить трубъ (трусыть сажу), выбирать золу, мазать печь и припечокъ, и печь хлѣбовъ; особенно строго запрещено приготовлять квашу. «Жинка мазала проты страсиои пьятныци у груби, та взялась за голову, та пишла по хутору гола, спива веснянкы. Тры дни проходыла и померла. А якъ жинка наробыть кваши проты пьятныци, то прыйде шось у почи та набере у брыль кваши та тоди: «гопъ, чукъ—наши! брыль у кваши».

або каже:—йила бъ я квагу, такъ логы нема,—та лыне по хати и стины повлёпуе». (Изъ народныхъ устъ). Женщинамъ нельзя чесаться въ пятницу. «Жинка якъ родыть, то просыть пьятинку:—порятуй мене.—Постій, каже пьятныця, помажу, позмываю, росчешусь стилькы разъ, скилькы ты чесалася, прыберусь, и тоди до тебе на помичъ прыйду; (тоже) нельзя еще пѣть, смѣяться, развлекаться съ гостями: «Де ты, дивко, свою долю у пьятёнку проспивала? (Чубинскій. Тр. эксп., V, № 202, 602). Ты свою долю у недилю проснидала, а въ пьятныцю проспивала. Спивання въ пьятныцю, а снидання въ недилю николы не мынется. Хто въ пьятныцю засміется, той въ недилю буде плакать. Хороши гости, та въ пьятныцю втрапылысь». (Номисъ. Укр. прик. 12, 170, 232).

По западноевропейскимъ вѣрованіямъ, за пряхами наблюдаютъ особыя существа: у нѣмцевъ Берта, у итальянцевъ Бефана, которыя поощряютъ прилѣжныхъ, наказываютъ лѣнивыхъ, запоздавшей пряхѣ накидываютъ пустыя веретена съ приказаніемъ обмотать къ сроку. (Веселовскій, 263, 280, 281). Въ Тиролѣ, Перхтѣ, Стампѣ или Гангѣ оставляютъ кушанье въ ночь на Богоявленіе. Въ Богеміи остатки кушанья также оставляются съ четверга на пятницу. (C. Haberland. Ueber Gebräuche und Abergl. beim Essen. 371, 372). Въ разныхъ департаментахъ Франціи феи приходятъ къ пряхамъ, ѣдятъ, шумятъ, ласкаютъ дѣтей (E. Cosquin, Contes popul. de Lorraine. II, 289. P. Sébillot, Contes de prov. de France. Paris. 1884. № 28. La fée (171—173). Въ Перигорѣ, Бретани и Нормандіи имъ накрываютъ также столъ и оставляютъ кушанье на ночь. (Haberland. 372). У литовцевъ въ четвергъ противъ пятницы по ночамъ появляется Лаума и уноситъ пряжу (Буслаевъ, Слав. сказки, въ Библіот. для чтенія 1860 г., III, 671). На Украйнѣ надзоръ надъ соблюденіемъ пятницъ возложенъ на самую же пятницу,—сложный образъ, иногда смѣшиваемый съ св. Прасковіей, обезглавленной при Діоклетіанѣ (Бахметева, Избр. жит. святыхъ. Москва. 1870 г., X. 146—149), иногда являющійся особымъ фантастическимъ существомъ. Какъ къ святой, къ ней обращены заговоры и молитвы съ названіемъ матинка (Кіев. Стар. 1885, IX, 734), хотя бываетъ и наоборотъ, что ма-

тери придается эпитетъ: «пьятинка». Напр., въ похоронной причети: «Моя й матинко, моя й пьятинко!» (Мои «Нар. обр. и пѣсни Луб. у.», № 29, 196) или:

Мы булы въ Бога,
Молылыся Богу,
Святій пьятинци,
Марусиный матинци.
(Мои «Свад. пѣсн. въ Луб. у.», № 241, 189).

Какъ фантастическое существо, она отождествляется иногда со смертью, кумой, старухой, сдираетъ кожу съ пряхи или корчитъ ей пальцы, чаще, однако, является «гарною дивчыною», накидывающей пряхѣ 20—100 веретенъ прясть. (Чубинскій, Тр. экспед. т. I, 217 и II, № 130, 429, 430, 132, 432, 433). «Многіе видѣли—говоритъ Маркевичъ—какъ св. пьятынка ходила по селамъ, исколотая иголками, изсверленная веретенами—это виноваты швейки и пряхи». (Обыч. повѣр. кух. малор. Кіевъ 1860. 19). Въ Стародубскомъ полку въ церковномъ ходѣ водили подъ видомъ пятницы женщину, а въ 1831 г. пятница, явясь къ городничему, просила запретить работы въ означенный день. (Кіев. Стар. 1885 г., IX, 745). Наконецъ въ глухихъ селахъ и хуторахъ Лубенскаго уѣзда сохранилось еще воспоминаніе—порою и самый фактъ—кормленія пятницы. Старыя хозяйки съ четверга на пятницу застилали, бывало, столъ, клали на него хлѣбъ—соль, немного ухи или каши въ горшкѣ, накрытомъ мыской, ложку для пятницы; подъ праздникъ же св. Прасковьи, 28 октября (на Параскы) и въ ночъ на страстную пятницу эта пища замѣнялась разведеннымъ медомъ (сытою, кануномъ).

Прилагаемые народные разсказы, записанные мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, послужатъ къ дальнѣйшему выясненію изложенныхъ представленій о пятницѣ.

I.

Пишовъ чоловикъ мій на Таврію, а мене покынувъ и такъ же гирко покынувъ: хлиба ни кусочка, солы ни дрибочка и двое

дитей. И я плачу: «съ чимъ ты мене кыдаешъ? Якъ мени прожываты?» А винъ каже: «жывы якъ знаешъ». Я заплакала, Богу молылась, лягла спаты. Пизни ляганы вже. И мени учулось—иде куткомъ дивка, спива. А я изъ хаты выскочыла, хотила узнать. Выбигла зъ синей, на перелазъ ступыла, упала и тамъ и заснула. И прыйшла передъ мене билява хороша дивка и въ билому усёму и спрашуе: «чого ты гирко плачешъ?» А я й кажу: «гирко мени жыть, ничымъ дитокъ кормыть, що я ниде не стану жать изъ двома дитьмы».—Почимъ же ты выскочыла сюды изъ своеи господы?—А я й кажу: «я хотила васъ узнать».—Чого жъ ты бигла узнать? Ну, я на твоихъ дитокъ оглядаюсь. Дывысь: я пьятныця, и кажы ты людямъ, щобъ воны каялысь, мычокъ не мыкалы и коноплель не мнялы, не прялы и сажи не трусылы и щобъ ты бильше не выходыла, а якъ выйдешъ, то хоть годъ болитымешъ, хоть зразу помрешъ, своихъ дитокъ покыдаешъ.— «Якъ же мени дитокъ воспытать?»—Иды въ свое село до ридного батька, и чоловикъ оддае десятыну жыта за снипъ и буде пьятый снипъ и одъ копы день одроблять.—(Отъ крест. с. Березоточи Прасковьи Величкиной).

2.

Одынъ чоловикъ йихавъ у ярмарокъ; дывытся, колы бижыть за имъ гола дивка. Винъ воламы йихавъ: озирнувся, злякався, поганя волы, а вона гука: «пидожды, чоловиче, пидожды!» А винъ тика. А вона вже нагоныть ёго, недалеко, каже: «Богъ зъ тобою, чоловиче, я не що-небудь таке, я пьятынка!» Бачыть винъ, що не втече, пидождавъ. Вона ёго нагнала, винъ накынувъ іи рядномъ. Сила вона на вози. А въ ейи на грудяхъ нагрузылось кострыци та клоччя, мовъ прытулено. Винъ пытае: «що жъ то таке у васъ на грудяхъ?» А вона каже: «оце жъ то, що котори люды мнуть та прядуть у пьятныцю, такъ воно сида мени на серце. Я не помагаю тимъ людямъ, котори не чтять пьятинкы святои, ни въ поли, ни въ доми, ни въ пути—дорози. Не спасаю того чоловика, который мене не спаса, а который спаса мене, такъ спасаю и я ёго, не даю ему погыбнуть, ёго мылую и пры-

храняю. А ты, якъ пойидешъ до-дому, то прыкажы жинци и дочкамъ, шобъ воны до девьятого поколиння штылы пьятныцю, то буду у помичъ». (Отъ Параски Лысенковой, м. Снѣтина).

3.

Ишовъ чоловикъ степомъ, колы иде полунычка: дивка роспатлана, у глыни, у кострыци, подряпана и кровъ на ій бижыть. Винъ ставъ іи роспытувать: «що ты таке?» Вона каже: «я полунычка, пьятныця: що мене деруть, по моій голови мажуть у пьятныцю. Тилькы мени легше стане, якъ дивка косу росчеше». Просыла та дивка чоловика, щобъ ничого не робылы въ пьятныцю, «бо мени, каже, важко жыть на свити». (Отъ Оксаны Комлыковой, с. Литвяковъ).

4.

Прясты не можно ни въ пьятныцю, ни проты пьятныци—не показано. Проты пьятныци пряды, то бува и прывыденція. Пьятныцю не побачышъ, а тилькы прывыденцію. Каже женщына изъ Вовчка: «сыжу я, пряду проты пьятныци до пизнёго времени. Прыйшло шось и каже: «прядешъ?»—Пряду—«На жъ и мои починкы». Такъ я й узяла ти починкы, думаю: се жъ мени шось насмихъ зробыло. Такъ якъ устала у пьятныцю, такъ мовъ гниздо пороблено зъ тіеи пряжи». А одній жинци ось шо случылось: пряла вона проты пьятныци и не одирвала ныткы одъ гребеня, колы опивночи шось пряде на іи прядци. Вона встала и пытае: «шо ты таке?»—Пьятныця. Шобъ ты и проты пьятныци и у пьятныцю пряла и у себе не мала!» Зареклась та женщына бильшъ прясты. (Отъ кр. с. Литвяковъ Ганны Кириченковой).

5.

Сила жинка прясты по мисяцю проты пьятныци и пряде вона. Ось округъ хаты обійшло, пыта: «шо ты робышъ?»—Пряду.—«Ну, на жъ тоби двенадцять веретенъ; покы я округъ хаты трычи обійду, шобъ ты понапрядала почынкы и шобъ ты

мени ихъ выдала». Вона на те веретено лычко стулыть, а на друге волоконце змота, а трете ныточку выведе; то це возьме на те лычко замота тай выкыне въ викно, а на те волоконце та впять выкыне и вона веси ти двенадцятеро веретенъ позамотувала шыйкы; и та третій разъ уже добига и жинка вже двенадцятеро веретенъ выкынула. Вона добигла до викна, въ викно цокнула, а жинка каже: «вже дило сполныла». Та ти веретена схватыла: «дывысь, каже, якъ я ци веретена розрываю. Догадлыва ты, скоро зробыла дило. Оттакъ бы я и тебе розирвала, колы бъ ты дила не сповныла. Молысь Богу, лягай спать та бильшъ такъ не робы, не пряды проты пьятныци». (Отъ Прасковьи Величкиной).

6.

Пряла женщына проты пьятныци. Прыйшла пидъ викно дивка, пьятныця, пыта: «прядешъ?». — Пряду. — «Одчыны мени винко». А вона й одчыныла. И та дивка вкынула ій кулыкъ — пьятдесятъ веретенъ, каже: «шобъ ты позапрядала уси си веретена до свита». Такъ та жинка усе нытку выведе и выкыне за викно, выведе и выкыне за викно и позапрядала уси ти веретена. Тоди таке мовъ птыця трахнула въ викно, розбыла викно, каже: «догадалась, шо робыть». Такъ та жинка перелякалась и годъ цилый лежала. (Отъ кр. м. Снѣтина Усти Косенковой).

7.

Сила женщына прясты проты пьятныци и такъ, шо пряла скоро до пивночи. Колы ось пидходыть дивка пидъ викно, одсунула викно, поздоровкалась до жинкы: «прядешъ ты?». — Пряду. — «Ну, на тоби си сорокъ веретенъ и позапрядай, шобъ до свита воны повни булы, покы я повернусь изъ другого мисця. И шобъ якъ напряла, то й за викно выкынула». Догадалась та жинка; бувъ у еи пивлитокъ, надила вона на витушку, давай мотать на ти веретена; шо намотае, то й выкыне. Позамотувала ти веретена, повыкыдала ихъ за викно, встала зъ гребиня, давай Богу молыться. Ось вона — та пьятныця — пидъ викно пидходыть;

жинка вже Богу домолюется.—«Ну, догадлыва-жъ ты, бильше бъ не пряла не то проты пьятныци,—а николы!» Жинка стала просытыся въ неи: «просты жъ мене, свята пьятныце, я не буду вже прясты проты пьятныци и дитямъ заказыватыму и не буду робыть у пьятныцю». (Отъ Катерины Норовой, м. Лукомья).

8.

Женщына сила й пряде по мисяцю. Пидійшла пьятныця пидъ викно; «добри-вечиръ!»—Здорова.—«Шо ты робышъ?»—Пряду.—«Лягай спать, молодыце добра, не пряды». А вона байдуже. Колы це одчыня двери, иде въ хату; взяла ту молодыцю за косы, почала мнять: оце шобъ знала, якъ прясты проты пьятныци!». (Отъ Палажки Одокіенковой, м. Снѣтина).

9.

Пряла свекруха проты пьятныци пизно зъ вечера. Напряла починокъ пасомъ дви хорошихъ и посукнула и впало веретено до-долу. Вона нахылылась брать те веретено; не вхватыла веретена, загрузло веретено позъ костку и мижъ костку у гомилку по саму пряжу: легеньку четверть. Вытяглы, вона зомлила и пролежала цилу зиму писля того, и зареклась изъ тихъ поръ проты пьятныци прясты. (Отъ Ф. Матвіенковой, д. Шекъ).

10.

Булы мы дивкамы, ходылы на досвиткы до Мыччыхы. Проты Ганны-зачаття, проты пьятныци, отпрядалы досвиткы. Отпрялы, зморылысь, полягалы спать. Слухаемъ ноччю, досвичана маты балака громко, а до неи дви жинки увійшло: Ганна и Пьятныця. Одна ногу задрала, каже: «дай руку, я тоби печать прыложу, шо ты проты пьятныци робышъ».—А я не робыла.—«Такъ тоби робылы». Мы полякалысь, дывымось спидъ рядна. Колы іи чоловикъ прыйшовъ, каже: «Одчыны».—Не одчыню, каже досвичана маты, бо злякалась. Узяло, погасылося свитло и де воно й дилось. А чоловикъ перелизъ черезъ хату. (Отъ С. Латенковой, х. Тернавщины).

II.

Тры невисткы въ чоловика, и одна невистка годъ цилый болила и обрикалася ничого не робыть у пьятныцю, все ривно, якъ у недилю. А ти дви сміются съ тіи, що вона не робыть ничого. Одна пишла воды посыты, а друга стала мычокъ мыкать, а третя, та, що обрикалась, на печи сила. Измыкала та, друга невистка, циле повисьмо, стала въ неи голова болить, вона й заснула, а та пьять разъ прынесла воды. Прыйшла дивка, сама пьятныця, и на пичъ заглянула и каже тій, що не робыть ничого: «ты не скажешъ никому ничого?»—Ни.—«Дывысь, що я буду робыть, и прыказуй другимъ, щобъ не робылы». Взяла голову тій жинци, що повисьмо конопель змыкала, росколола голову и черепъ изняла и ту кострыцю тій у голову чысто всю высыпала, шовкомъ изшыла и сцилыла голову, якъ була. Та дивка пишла съ хаты, а жинка кынулась и стала братыся за голову: болыть голова. А та невистка, що ничого не робыла, усмихнулась.—«Чого ты сміешся? Се ты мене наврочыла, що я багато мычокъ намыкала. Ты святоха-Евдоха, сыдышъ на печи, ничого не робышъ». И вона занедужала, а та молодыця все сміется, а не каже. Уже й до дохторивъ іи—нихто не помога, и вона годъ цилый болила и потимъ отъ уже ій помирать. А тій, що не робыла, снытся: «скажи тій больній, нехай вона обрикае и нехай вона пьятнадцать пьятныць испиcныка и пьять молебнивъ найме у пьяты церквахъ, такъ тоди вона оздоровіе». И вона стала говорыты тій больній. Та не поняла виры и такы дила не сполня. Тоди ій самій пьятныця прыснылась и каже: «а ты знаешъ, що въ твоій голови йе?»—Не знаю.—«А хочъ, щобъ узнать?»—А хочу.—«Якъ не хочъ дила сполнять, то помрешъ, покынешъ дитей».—Исполню дило.—Та каже: «сякны на дилъ». Вона стала сякать, стала кострыця выпадать.—«Дывысь, що въ твоій голови». Вона на вколишкы, давай писныкать и молебствовать, и упять пьятныця сонъ наслала и прыйшла, узяла голову, роспорола, вымыла и вычыстыла и сцилыла, а ту кострычку въ купку—и та жинка кынулась, лупнула очима, глянула: передъ нею уся та

кострыця лежыть, шо вона зъ мычокъ намыкала. Пьятныця каже: «бильшъ такъ не будешъ робыть?». Вона зареклась. (Отъ кр. с. Бересточи Прасковьи Величкиной).

12.

За золиння було такъ, шо одна жинка наклала сорочокъ у жлукто и начала окропы лыть, и набигло вже у ямку. Дытынка ходыть така, годовъ пьять, дивчынка, и воно вмочыло руку по ликоть у ту золу и ручку спекло на викы и померло съ того на другый день. (Отъ Ф. Матвіенковой).

13.

Золыла проты пьятныци одна женщына. У вечери одзолыла, колы у ночи жлукто те перевернене, мовъ по хати тупотыть, тупотыть, и взяло те жлукто, перекынуло. Пидвелась та жинка, каже: «боюсь, боюсь, не знаю де бъ я й дилась». Узяло ти сорочкы, выняло зъ жлукта, ляпа тимы сорочкамы. Колы воно якъ гримне зъ хаты дверьмы и каже: «ото, шобъ ты проты пьятныци бильшъ не золыла». (Отъ кр. д. Шекъ Химки Купріевой).

14.

Ишла дивка, шо въ пичъ лазыла проты пьятныци, на досвиткы и перестрила незнакомыту дивку; косы у неи роспущени напередъ лежять сюды. И каже ій та чужа дивка: «Моя сетрычко, моя родыночко! зверны мени зъ дорогы, бо мени такъ важко, такъ тяжко тоби звертать». Такъ вона, покы звертала чужій дивци,—куды не повернется, та и дивка проты неи. Такъ вона промовыла: «Тисно тоби, не розмынешся. Отакъ мени трудно та тисно, шо вы мене не храныте й не почытаете». Звернула тоди та дивка, тилькы налякала, а ся вернулась до дому, уже на досвиткы не пишла. (Отъ коз. с. Волчка Хомулиной.)

15.

Полизла жинка у пичъ, начала сажу трусыть. По-первамъ ій увыдилося, будьто увійшла дивка, каже: «невже тоби время

не буде, шо ты начала у такый день отаке дило робыть?» Такъ тій жинци, шо въ печи була, услухалось. Вона не вирыть, дума: «се мени вслухается такъ, буду я такы свое дило робыть, колы вмазалась, буду кинчать». И кончыла ту пичь, якъ слидуе буть. Запорошыла будто око; тоди запорошыла, якъ скыдала съ себе. Стала вона нездужать, боліе на все, и очи болить сталы дуже. Сталы ій уже розсказувать други: «ты помолысь Богу и святои Пьятынкы попросы, шобъ вона тебе помылувала». Вона стала молытыся Богу и святу Пьятынку спомынать. И ослобонывъ Богъ іи и очи пересталы болить. (Отъ Федосьи Матвіенковой, д. Шекъ).

16.

Якъ полизла жинка у цичъ у пьятныцю проты суботы, потрусыла сажу. Увійшло шось у хату, не одчиняло дверей, и начало іи душыть. И душыло іи до смерты такъ, шо стала вона просытыся: «Шо воно йе за прычта? шо-жъ воно таке мени случылось?» Такъ пьятныця, та, шо душыла, сказала: «Ты получаешъ прычту сюю за твои дила, шобъ вы не трусылы сажы у пьятныцю, не ришалы моеи жизни». (Отъ А. Боярской, с. Литвяковъ.)

17.

Була женщына одынока, хто зна де хазяинъ бувъ, а дитей двое. Полизла вона у пичъ мазать и сажы трусыть. Колы вылизла зъ печи, а одна дытына влиплена, въ сажу вмазана, сыдыть на полу. Такъ вона зразу стала молытыся: «Господы мылостывый! свята Пьятинко! очысть мое чадо. Покы жыва въ свити, не лазытыму въ пичъ и десятому заказыватыму у пьятныцю лизты въ пичъ». Колы де взявся метелыкъ по хати и загасывъ свитло. Чую—лёпается на полу. Колы засвичу—сыдыть дытына така, якъ маеть буть, чыста. (Отъ Усти Косенковой.)

18.

Прыйшла жинка зъ панщыны проты страстнои пьятныци та наробыла кваши, каже: «сяду, пивмитка допряду, а то заходе

празныкъ». Сила и пряде коло викна. Колы воно на печи гука: «отъ якъ наши: голова въ кваши!» Такъ вона покынула прясты та за каганець. Колы засвитыла, колы шапка чоловича на лави въ кваши. И нема никого, а шапка въ кваши. Такъ вона ту шапку вытягла и обтерла, взяла лягла, колы на лави пряде. Такъ вона засвитыла та стала на колина Богу молытыся, такъ воно хто зна де й дилось. Стала вона мовъ тороплена. (Отъ Мотри Кривенковой, с. Литвяковъ).

19.

Робыла жинка кваши, берегла пьятныци: шобъ проты пьятныци не робыть. А потимъ хтось ій сказавъ: «можно робыть, такъ тилькы накрыть квашу покрышкою и на покрышци хрестыкъ положыть». Вона такъ и робыла, а потимъ забула, не накрыла и хрестыка не положыла. И така вона чепурна була, шо якъ ляже спать, очипокъ зъ неи спаде. Отъ пьятныця взяла у ночи той очипокъ коло неи и вмочыла въ квашу и скризь стины облипыла. Жинка злякалась и більшъ проты пьятныци не робыла. (Отъ Хотыны Поліянковой. с. Литвяковъ).

20.

Булы соби чоловикъ и жинка и маты у ихъ була. Колы спыть маты на полу, а та молодыця на пичъ полизла. Колы се каже маты: «засвиты Марто, мене шось душыть и душыть та скубе». Колы та молодыця чуе—двери ляпнуло, одчыныло и обизвалось у синяхъ: «не поможе твоій свекруси, нихто не поможе; не впросыте, диты, Бога, бо прогриша вона дуже, чешется у пьятныцю, хочъ яка найважниша пьятныця». (Отъ Усти Косенковой).

21.

Хорошымъ людямъ неможна чесаться проты пьятныци. Почала жинка чесаться ночью проты пьятныци, зачало ій увыжаться,

що зъ волосся сыплется огонь, искры. Ну, вона злякалась, прыостановыла чесаться; стало ій моторошно, стала вона бояться и зарикаться: «не буду чесаться у святу пьятинку». Голова стала дуже болиты, то вона стала Богу молытыся и святій Пьятинци—оздоровила. (Отъ Федосьи Матвіенковой, д. Шекъ).

В. Милорадовичъ.

Тры сестры, царевычъ, степъ и море.

Бувъ соби царь и мавъ той царь одного тилькы сына. Якъ вырисъ царевычъ и прыйшла пора ёго женыть, отъ царь и пославъ гонцивъ по всему царству иськать царевычеви дивыцю. Пойихалы гонци; два рокы провешталысь, бо царство було дуже велыке, тай знайшлы тры сестры; одна въ одну, та такы хороши, шо кращихъ на всёму свити нема. Пойихавъ царь зъ царевычемъ подывыться на тыхъ сестеръ; глянулы—справди, якъ одна: не знае царевычъ, яку зъ ныхъ браты за себе. Отъ царь ёму й каже: «сыну мій, вси воны однаково гарни, такъ выбирай соби ту, котра бильшъ въ прыгоди стане твоему царству».

Ставъ царевычъ прыслухаться, що воны мижъ собою розсказують. Отъ, разъ чуе, старша каже: «якъ-бы царевычъ одружывся зо мною, то я бъ ёму однымъ окрайцемъ хлиба усе ёго військо нагодувала».

— А я,—каже середуща,—оцею мычкою, що пряду, усе бъ ёго військо зодягла.

— А я,—каже менша,—родыла бъ ёму дванадцять сынивъ, до пояса золотихъ, а одъ пояса срибныхъ.

Розсказавъ царевычъ батькови, що почувъ одъ сестеръ. Отъ царь ёму и говоре: «беры меншу, бо одъ такыхъ сынивъ буде велыка слава твоему царству».

Вже старша сестра думала, що царевычъ буде іи сватать, якъ прыйшлы старосты и посваталы меншу. Розсердылысь старша и середня, та й сталы ка-зна що выгадувать на меншу. «Вона,— кажуть царевычу,—никчемна; вона тоби не дванадцять сынивъ родыть, а дванадцять кошенятъ прыведе». Однакъ, що вже сестры зъ заздрощивъ не выгадувалы на меншу, а царевычъ зъ нею одружывся.

Писля весилля царь не довго жывъ. Отъ царевычъ ставъ царемъ, а менша сестра царыцею. Жывуть воны у превелыкій дружби, а диточокъ Богъ не дае. Отъ сестры зновъ почалы набрехуваты на меншу, такъ царь розсердывся на неи и говоре: «якъ бачу, ты мене обманыла: обицяла мени дванадцять сынивъ родыть, та й доси и одного не родыла».—Постривай, каже менша сестра, я тоби рожу разомъ дванадцять сынивъ, до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри.—

Мынувъ ще рикъ, а диточокъ усе Богъ не дае. Отъ царь и заславъ жинку, меншу сестру, ажъ на край свого царства, къ морю, и звеливъ, щобъ вона до ёго не прыйиздыла и лыстивъ не прысылала, ажъ покы не родыть дванадцять сынивъ, до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри.

Жыве вона соби надъ моремъ не якъ царыця, а якъ проста мужычка, въ невелыкій хатци; тилькы и давъ ій царь до послугы одного чоловика та стару бабу. И року не мынуло, якъ іи туды заслалы, родыла вона дванадцять сынивъ, до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри. Напысала лыстъ до царя, тай каже тому чоловику, що пры ній жыве: «одвезы оцей лыстъ до царя и розскажы, що мени и ёму Богъ давъ, та гляды, щобъ зъ тобою не сталось чого, до никого не заходь и никому про це не розсказуй».

Пойихавъ чоловикъ. Йиде день, йиде другый; на третій якъ ушкварывъ дощъ, а тутечкы бачыть—край дорогы хатка стоить, такъ чоловикъ у ту хатку; дывытся, ажъ тамъ царыцыны сестры, старша и середня. Позналы й воны чоловика, заразъ почастувалы, роспытують про сестру. Той чоловикъ ничого имъ не каже. Отъ воны и сталы улещувать чоловика, щобъ винъ заночувавъ у ныхъ.

«Спочынешъ, кажуть, у насъ, а завтра раненько пойидешъ». Чоловикъ бачыть, що такъ щыро ёго просять, и згодывсь. У ночи, якъ винъ заснувъ, сестры вытяглы лыстъ до царя, та спалылы, а на мисто ёго напысалы другый, буцимъ менша сестра дае звистку царю, що прывела ёму дванадцять кошенятъ. Дуже розсердывся царь, якъ прочытавъ той лыстъ, що сестры напысалы; порвавъ ёго на шматкы, а чоловика звеливъ зъ двору выгнать и на очи до себе не пустывъ. Вернувся чоловикъ до меншои сестры и розсказавъ ій усе, якъ було. Отъ вона заразъ догадалась, що се, мабуть, іи сестры обмынялы лыстъ: заразъ подумала, погадала, що ій робыть, та й выгадала. Ще якъ жыла вона зъ царемъ и сестры на неи наговорювалы и набрехувалы, царь давъ ій перстень та й говоре: «якъ спитка тебе яке лыхо черезъ сестеръ, то прышлешъ мени оцей перстень, отъ я и знову до тебе прыхылюся». Отъ вона узяла той перстень, заховала у коробочку, та напысала у друге лыстъ и знovъ послала того чоловика до царя. «Тилькы, каже ёму, гляды, крый Боже, щобъ тебе не спиткало, ни до кого не зайизджай, а якъ прыйидешъ до царя, такъ оддай оцей лыстъ и сю коробочку».

Зновъ пойихавъ чоловикъ до царя. Тилькы дойизжа до тіеи будовы, де жывуть сестры, зновъ лынувъ дощъ, якъ зъ видра. Однакъ, яке вже було лыхо, обмынувъ винъ ту будову. Йиде дали, а тутъ якъ набижыть друга хмара зъ громомъ, зъ блыскавкою; якъ ушкварыть градъ зъ куряче яйце, а тутъ дывытся сердешный чоловикъ—стоить край дорогы невелычка хатка; отъ винъ зъ коня, тай ставъ пидъ стрихою. Колы выходыть зъ хаткы стара бабуся и запрошуе ёго въ хатку обсушытысь и спочыть. А чоловикъ и дума соби: «ни́чого бояться мени старои», тай увійшовъ у хату. А ся бабуся була не хто, якъ нянька старшои сестры, злюща-презлюща баба: вона жъ то найдужче сердылась на меншу сестру за те, що вона помишала старшій буты царыцею. Нагодувала стара Яга чоловика, участувала и положыла спаты, а сама вытягла зъ сумкы лыстъ та коробочку, мерщій до сестеръ. Вынялы сестры зъ коробочкы перстень, а на мисто ёго положылы дванадцять мышенятъ, тай напысалы до царя лыстъ,

буцимъ одъ меньшои сестры, що вона посылае цареви мышенятъ, що диткы його кошенята наловылы ёму на гостынець. Покы чоловикъ спавъ, стара нянька звернулась до-дому и зновъ сховала лыстъ и коробку у сумку. Прокынувся у ранци чоловикъ, оглядивъ сумку, бачыть, що усе такъ якъ и було; подякувавъ Ягу за хлибъ-силь, тай пойихавъ до царя. Дуже розозлывсь царь, якъ прочытавъ той лыстъ, та заглянувъ на мышенятъ. Заразъ такы звеливъ тому чоловикови, що прывизъ гостынець, одчесать голову, а царыцю вытурыть зъ свого царства, щобъ и духу іи не було.

Якъ дійшла ся звистка до меншои сестры, отъ вона и стала думать та гадать, що ій на свити робыть зъ дванадцятьма сынамы. Зоставыла соби одного старшенького, а одынадцять понесла къ морю; сившы зъ диткамы на скелю, гирко плаче жемчужнымы слёзамы и такъ молытся до моря: «Море шырокее, море глыбокее, прыймы до себе моихъ дитокъ, безталанныхъ сыритокъ, и будь имъ риднымъ батькомъ та ридною матирью». Тры дни плакала царыця надъ моремъ. На четвертый прокынулось море и почуло матиръ: стрепенулось фылямы, пидняло до горы билу грыву и послало кыта-рыбу забрать диточокъ. Вырнула передъ царыцею кытъ-рыба, выкынула на берегъ матчыны жемчужни слезы, а диточокъ ухопыла и понесла у крышталевый будынокъ, ажъ на саме дно.

Зибрала менша сестра свои слёзы, та взявшы старшенького сына, пишла зъ царства свитъ-за очи. Йде тай иде; прытомылась сердешна; вже й запасъ, що съ собою взяла, зйила; одъ журбы и безъ харчивъ не стало у неи покорму: ничымъ годувать сына. Отъ вона сила на могыли, плаче и такъ до степу промовляе: степу мій шырокый, степу мій просторый, прыймы до себе останёго мого сына и будь ёму риднымъ батькомъ та ридною матирью». Закрутывся передъ царыцею игрець, пиднявся до неба стовбъ пылу и вхопывъ царевыча и помчавъ у зеленый гай, де пасется печеный бугай, де й кабанъ гуляе, що зубомъ оре, вухомъ засивае, а хвостомъ загрибае.

Осталась царыця середъ степу однимъ-одна. Однакъ не покыдае іи Господь Богъ: надійде до неи дыка коза,—отъ вона

надоить молочка тай напъется; попалитають до неи дрохвы, хохитва и нанесуть яечокъ.

Не такъ швыдко въ свити діется, якъ въ казци кажется. Довго блукала менша сестра по степахъ. Разъ чуе, щось позадъ іи тупотыть. Озирнулась, ажъ бачыть: йиде на доброму кони багатырь и веде за собою печеного бугая и кабана, що зубомъ оре, вухомъ засивае, а хвостомъ загрибае. Злякалась царыця та хотила було сховаться въ травыцю, а багатырь ій и каже: «не ховайся, моя матинко ридная, одъ свого сына, що степъ выпестувавъ тоби на радисть та на пидмогу». Та се кажучы, розкрывъ жупанъ, а золоти груды неначе сонце заблыщалы. «Сыну мій мылый, сыну мій любый!—скрыкнула маты:—якый же ты хорошый-прехорошый! И хто жъ тебе надилывъ конемъ, бронею и сымы дывамы, що ведешъ»?—«Сымы дывамы,—одказуе царевычъ,—надилывъ мене нареченый мій батько, степъ. Зъ ными ни въ кого не будемо хлиба просыть, а ще увесь свитъ нагодуемъ. Теперечкы, каже, моя матинко, буде кому тебе доглядить и заспокоить». Се кажучы, посадывъ іи на коня и помчавъ. Надъ вечиръ уже, якъ зовсимъ посутенило, дойихалы воны до шырокои ричкы и заночувалы. На другый день прокынулысь, дывлятся,—по той бикъ ричкы высоки-превысоки горы и скели вкрыти лисомъ. Перевизъ царевычъ на той бикъ матиръ, обравъ мисце та й збудувавъ велыкый та гарный будынокъ и вкрывъ ёго голубынымы крыламы. Тымъ часомъ, покы винъ будувавсь, кабанъ наоравъ зубомъ, насіявъ ухомъ и заскородывъ хвостомъ. Якъ уродывъ Богъ пшеныцю, царевычъ выпустывъ у царыну печеного бугая. Де винъ пройде, тамъ пшеныця сама у копы складается, и молотытся, и віется, и въ закромы засыпается. Жыве менша сестра зъ царевычемъ у превелыкому багатстви; зъ далекыхъ краивъ йидуть до ныхъ купци купувать пшеныцю; а прыйидуть бидни, такъ даромъ ихъ надилять.

Разъ йидуть по-биля двору купци зъ крамомъ. Дывлятся, ажъ гарный будынокъ стоить на гори, вкрытый голубынымы крыламы, а въ саду пасется печеный бугай та кабанъ, що зубомъ оре, ухомъ сіе, хвостомъ загрибае. Дуже воны дывувалысь,

дывлячысь на ти дыва, а дали пишлы, поклонылысь хазяинамъ. Царыця и царевычъ ласкаво ихъ прыняды и сталы ихъ запрошувать, куды воны йидуть. Отъ воны имъ кажуть: «веземо мы крамъ велыкому цареви, що оженывся бувъ на меншій сестри та й прогнавъ іи зъ свого царства за те, що вона, замисть дванадцять сынивъ, прывела ёму дванадцять кошенятъ, а теперечкы кажуть, той царь оженывся на старшій сестри, такъ вона ёму однымъ окрайчыкомъ усе військо годуе». Почувшы се, царевычъ ставъ у матери просыться, щобъ вона пустыла его зъ купцямы побачытысь зъ батькомъ.

«Йидь,—каже ему маты,—та никому не кажы, що ты царевычъ; а то якъ старша моя сестра довидается, то вона тебе зъ свита зжене».

Перерядывся царевычъ у просту одежыну, сивъ на коня свого та й пойихавъ зъ купцямы до батька. Прыйихалы купци до царя, сталы ёму розсказуваты, яки имъ довелось дыва бачыть, про печеного бугая и про кабана, и въ якому гарному будынку жыве маты зъ сыномъ.

Якъ почула про це старша сестра, заразъ догадалась, що се мабуть іи менша сестра зъ царевычемъ жывуть у тимъ будынку, тай стала намовлять царя, щобъ винъ зибравъ свое військо та однявъ печеного бугая и кабана. Царь не хотивъ бувъ іи послухать, а вона якъ прысикалась до ёго: иды, тай иды... (а вона орудовала царемъ, якъ сама хотила)—такъ царь и звеливъ зъ усёго царства зибрать військо, а купцивъ зоставыть у себе, щобъ було кому провесты.

Якъ почувъ царевичъ, що батько збирается на ныхъ войною, пойихавъ до степу, свого нареченого батька, та й гукнувъ до ёго молодецькимъ покрыкомъ: «Степу мій шырокый, степу мій просторый, обороны мене и мою матинку одъ лютого ворога, старшои сестры, и не допусты намъ загынуть у сырицтви».

— Не бійтеся,—загувъ степъ,—не дійде те військо до васъ, тай назадъ не вернется: побиліе зелена трава не снигомъ, а кисткамы.

Якъ зибралось військо, самъ царь ёго повивъ и царыцю, старшу сестру, зъ собою узявъ. Покы йшлы своимъ царствомъ, у всёму бувъ достатокъ, а якъ увійшлы у степъ, такъ зробылась превелыка засуха; порепалась земля, нема ни паши, ни водопою; витеръ гуде, зъ нигъ валыть чоловика, пискомъ очи засыпае. На людей напавъ голодъ, хороба, и все військо цареве згынуло и вкрыло поле билымы кисткамы. Тилькы й вернувся царь изъ царыцею, старшою сестрою, та зъ нымы скилько прыслужныкивъ.

Розсердывся царь та й ставъ лаять старшу сестру: «Се, каже, мене Богъ покаравъ за те, що давъ мени велыке царство, а я хотивъ ще й чуже загарбать».

А старша сестра ёму и одказуе: «на те тоби Богъ давъ велыке царство, щобъ ты робывъ, що знаешъ. Згынуло одно військо, наберы друге; не дійшлы степамы, доплывемо ричкамы, морямы, а все такы буде по твоёму».

Довго старша сестра уговорювала и скребла моркву, ажъ покы царь не згодывся, та набравъ зновъ військо, та налагодывши байдакы и човны, и поплывъ ричкамы добувать печеного бугая та кабана.

Якъ довидалась менша сестра, що царь плыве до ныхъ зъ військомъ, и говоре царевычу: «Сыну мій мылый, сыну мій любый, йидь до моря глыбокого, нехай воно мени верне моихъ сынивъ любыхъ, щобъ було кому обороныть нещаслыву матиръ. Возьмы, каже, оце намысто—матчыны слёзы, та якъ выплывешъ на середыну моря, кынь ихъ у воду, то воны тебе и почують».

Дойихавъ царевычъ до моря, злизъ зъ коня и пустывъ ёго пастысь, а самъ зробывъ соби човенъ, та й поплывъ. Доплывшы до середыны, вынявъ зъ кышени намысто и кынувъ у море. Якъ кынувъ, такъ море и заграло: покотылась хвыля за хвылею и передъ царевычемъ вырнула кытъ-рыба, а на тій кытъ-рыби стоять одынадцять братывъ до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри.

— Хто се до насъ озывается? пытають.

— Матчыны слёзы,—одказуе царевычъ.

— А ты хто такый?—пытають.

— Я ридный вашъ братъ,—каже царевычъ,—матуся васъ зове до себе: оборонить іи одъ лютого ворога—старшои сестры. Сидайте у човенъ та поспишайте, бо вже цареве військо недалеко.

Посидалы браты у човенъ та й озвалысь до моря: «Море шыроке, море глыбоке, спасыби тоби, що стало намъ сыротамъ за батька ридного и за матиръ ридную».

Пиднялась высока хвыля, неначе искрамы розсыпалась передъ братамы, тай выкынула имъ изъ кытъ-рыбы перо. Узялы те перо браты та й поплылы до берега. Прыставшы, якъ повыходылы зъ човна, старшый братъ тилькы свыснувъ до свого коня, такъ винъ и ставъ передъ нымъ, якъ укопанный. Высмыкнувъ старшый братъ зъ грывы одынадцять волосынъ та й пустывъ за витромъ. Якъ пустывъ, такъ зъ тыхъ волосынъ и стало одынадцять коней такыхъ же, якъ и у старшого брата. Посидалы браты та й помчалы до матери. Стрила маты своихъ сынивъ на порози, а воны поклонылысь ій до земли та й кажуть: «Матинко наша ридна, породыла есы насъ въ золоти—въ серебри, а доли соби зъ намы не добула».

А маты одказуе: «Сыны мои мыли, сыны мои люби, матчына доля витала (sic) зъ іи диткамы; теперечкы, якъ вы вернулысь до мене, то й долю мою зъ собою прынеслы. Тепереңькы буде кому мене обороныть, заспокоить и на старости литъ втишыть.

Повела маты своихъ сынивъ у садочокъ, щобъ показать свое хазяйство. Тилькы що вийшлы зъ будынку, ажъ бачать—плыве військо, такъ байдакамы та човнамы и вкрыло ричку; а попереду въ золотому корабли плыве самъ царь изъ царыцею—старшою сестрою. Якъ стало зблыжатыся те військо, маты и каже своимъ сынамъ: «диточкы мои мыли, диточкы мои люби, йидьте до царя, вашого батька, та й зазывайте ёго до мене обидаты, а щобъ військо зъ старшою сестрою за тысячу гонивъ звидсы одиславъ. Та глядить, каже, якъ будете запрошувать царя, то не кажить ёму, що винъ вашъ батько, а вы ёго диты».

Посидалы браты у човенъ и поплылы на зустричъ війську. Якъ поривнялысь зъ царевымъ кораблемъ, тай гукнулы на лоц-

манивъ, щобъ вызвалы до ныхъ царя. Выйшовъ до брат ивъ царь тай пытае: «а чого вамъ одъ мене треба?» А браты и кажуть: «ненька наша запрошуе тебе до себе обидать, а щобъ свое військо зъ царыцею одиславъ звидсы за тысячу гонивъ.—

Царь дывытся на братив и дума соби: «яка то щаслыва маты, що мае такыхъ сынивъ! Хочъ бы мени Богъ одного такого пославъ». А старша сестра пизнала, шо се его сыны, та й каже ему тыхенько: «запрошуй братив у свій корабель у гости». Запросывъ ихъ царь у свій корабль, не надывытся на ныхъ, такы воны ему мыли, та люби: серце батьковське вистъ ему подало. Частуе-угощае царь братив, а старша сестра ему на вухо шопотыть: «Побый братив, а не побьешъ, то воны вылущать усе твое військо». Царь и слухаты іи не хоче, а вона сикается до царя та на вухо ему турчыть: «Побый, кажу тоби, а якъ не побъешъ, то я й війська твого не стану годуваты, а моя сестра не буде его зодягаты, то воно безъ хлиба и одежи пропаде».

Замыслывся царь; думавъ-думавъ та й каже: «ну, робы зъ братамы, що сама знаешъ, а я рукы своеи на ныхъ не пидійму».

Такъ ото покы браты бавылысь изъ царемъ, старша сестра извелила, щобъ у ихъ човни пробыть дирку тай заткнуть чопомъ, а до того чопа прывьязать пидъ човномъ мотузокъ.

Подякувалы браты царя за хлибъ-силь, та й посидалы у човенъ. Тилькы що одплылы гонивъ здвое, а старша сестра смыкъ за верёвку. Чопъ якъ видиткнувся, вода и забулькотила у човенъ, такъ его и потягло на дно. Не дуже злякалысь браты, бо вырослы у мори. Вхопылы старшого брата зъ човна, тай поплылы. Бачыть старша сестра, що ничого не вдіяла, гукнула до війська: «стриляйте зъ лукивъ; якъ ихъ не повбываете, то сами пропадете».

Посыпалысь на братив стрилы, непаче хмарою ихъ вкрылы. Однакъ и сёго не злякалысь браты,—пирнулы, та и вырнулы ажъ на тимъ боци, биля матчыного будынку. Тилькы що розсказалы браты, якъ старша сестра хотила ихъ потопыть, колы дывляться, пидплывае цареве військо, вже изъ лукивъ стриляють; одъ тихъ стрилъ и сонце закрылось.

— Ну, теперечкы, каже маты, диточкы мои люби, диточкы мои мыли, рятуйте себе, рятуйте й мене; нехай вамъ Богъ помогае у правому дили; тилькы глядить, якъ стане погыбать царь, вашъ батько, то выратуйте ёго и прыведить до мене.

Почалы боронытыся браты. Старшый стриляя зъ лука; якъ попужне у пьять пудъ стрилу, то неначе огнемъ палыть військо. А одынадцять бративъ шпурляють каминнямы пудъ у двадцять: якъ торохне по байдаку, то такъ винъ зъ людьмы трисками и розсыплется.

Однакъ, якъ браты не боронылысь, чого не робылы, а військо уже блызыться, бо велыке було, та ще й самъ царь по переду веде. Браты бачать, що вже имъ самымъ не оборонытся. Отъ воны ухопылы перо зъ кытъ-рыбы, що море имъ подарувало, якъ махнуть разъ и вдруге, такъ зъ моря и покотылась хвыля, одна велыка, а друга ще бильша; а тутъ ще якъ дмухне витеръ, такъ уси байдакы зъ військомъ порозносыло и поперевертало догоры ногамы. Дывлятся браты, и царивъ корабель похылыло на бикъ,—отъ-отъ хвыля переверне; такъ воны скорійшъ у воду, ухопылы той корабль и вынеслы на берегъ. Узялы браты царя и сестеръ, старшу и середню, и повелы до матери у будынокъ. Выйшла маты до царя зъ хлибомъ-силью назустричъ. Тилькы царь на неи споглянувъ, заразъ и пизнавъ.

— Видкиля, спытавъ, ты узялась? Чы ты тутъ хазяйка, чы въ наймахъ?

А царыця, менша сестра, ёму одказуе: «жыву сама соби у своему будынку зъ моимы сынамы, що народыла тоби, до пояса въ золоти а одъ пояса въ серебри».

— Ты жъ,—каже царь,—пысала до мене лыстъ, що прывела мени дванадцять кошенятъ, ще й дванадцять мышенятъ прыслала на гостынець.

— Ни,—одказуе менша сестра,—не я се тоби пысала, не я мышенятъ на гостынець посылала, а спытай, каже, у моихъ сестеръ, може воны знають, хто до тебе пысавъ и посылавъ.

Глянувъ царь на сестеръ, пытае; воны дрижать, неначе трясця ихъ трясе, устромылы очи въ землю и слова не промовлять.

— Э, якъ я бачу, каже царь, такъ вы се мени лыха наробылы: зъ моимъ любымъ подружжямъ и зъ моимы диткамы розлучылы мене; черезъ васъ загубывъ два мои війська. То нехай же буде катузи по заслузи.

Взявъ два кони, попрывьязувавъ сестеръ до конячыхъ хвостивъ косамы та й пустывъ у поле. Самъ остався жыть зъ сынамы и матирью; кабана и печеного бугая выпустывъ, такъ воны ёму стилькы хлиба наробылы, що зъ усёго ёго царства прыйиздылы и куповалы хлибъ.

Зъ той поры ёму сталы родычамы степъ и море, и царство ёго багатило.

Приведенная здѣсь нами сказка: «Три Сестры» записана, какъ видно изъ имѣющейся у меня рукописи, около 15 лѣтъ тому назадъ, ученикомъ Ново-Екатеринославскаго 2-хъ классиаго училища Александромъ Кочергою со словъ дѣда. Ближайшихъ свѣдѣній о происхожденіи этого варіанта у меня не имѣется.

Сказка эта не новость въ малорусской этнографіи, но нашъ варіантъ, кромѣ несомнѣнныхъ повѣствовательныхъ достоинствъ, отличается своеобразными особенностями содержанія. Сказки, среди бродячей народной литературы, занимаютъ первое мѣсто по своей подвижности, распространенности и разнообразію варіантовъ. Если сравнить варіанты бродячихъ пѣсенъ, то окажется, что куплетная ихъ форма представляетъ серіозную защиту ея отъ порчи и искаженія. Заученные куплеты не такъ легко забываются и легче перенимаются, а потому большинство пѣсенъ представляютъ сравнительно небольшія уклоненія въ варіантахъ. Народъ довольно ревниво оберегаетъ пѣсню отъ искаженія и сознательно выразилъ это въ поговоркѣ: зъ писни слова не выкыдають.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ сказкахъ. Свободная форма довольно сложнаго повѣствованія исключаетъ возможность дословнаго заучиванія и запоминанія пространнаго текста сказки. Изучается только и перенимается фабула и главнѣйшія характерныя черты разсказа, а затѣмъ текстъ варіантовъ вполнѣ зависитъ отъ

индивидуальныхъ способностей и таланта разсказчика. Записываніе полныхъ варіантовъ сказокъ, уже извѣстныхъ, если въ этихъ варіантахъ основной сюжетъ не измѣненъ, представляется для этнографіи безцѣльнымъ. Достаточно, вмѣсто изложенія полнаго текста, записать только содержаніе варіанта. Если мы и привели здѣсь полный текстъ варіанта, то къ этому насъ обязывали не только своеобразныя въ немъ отклоненія отъ сюжета извѣстныхъ уже варіантовъ, но и литературныя достоинства его, какъ памятника изустнаго народнаго творчества.

Основная фабула нашего варіанта состоитъ въ слѣдующемъ. Царь выбираетъ себѣ невѣсту изъ трехъ сестеръ. Старшая обѣщаетъ однимъ «окрайцемъ» хлѣба накормить все его войско; средняя—одной горстью пряжи одѣть это войско, а младшая обѣщаетъ родить двѣнадцать чудесныхъ сыновей до пояса золотыхъ, а отъ пояса серебряныхъ. Послѣднее обѣщаніе рѣшаетъ выборъ, но двѣ старшія, отвергнутыя сестры, путемъ обмана и интриги, склоняютъ царя къ изгнанію жены, неисполнившей, якобы, обѣщанія. Только случайно потомъ узнаетъ царь объ интригѣ, возвращаетъ царицѣ и ея чудеснымъ сыновьямъ подобающее имъ мѣсто, а виновныхъ сестеръ ея наказываетъ.

Изъ имѣющихся у меня подъ руками варіантовъ сказокъ съ этой фабулой, ближе всѣхъ къ нашей сказкѣ подходитъ записанная во II т. сборника Чубинскаго подъ № 9, озаглавленная: Песынськый, Жабынськый, Сухынськый и золотокудри сыны царыци (изъ Бориснполя, Переяславскаго уѣзда). Въ ней сестры даютъ тѣ же обѣщанія и царь взялъ въ жены младшую, обѣщавшую родить ему двѣнадцать золотокудрыхъ сыновей. Она успѣла три раза уже родить чудесныхъ сыновей, но бабка каждый разъ подмѣняла ихъ то собачкой, то жабой, то сухимъ мальчикомъ, а ея сыновей бросала въ «кернычку». Потерявъ вѣру въ обѣщаніе жены, царь, по совѣту придворныхъ, велѣлъ забить ее съ мнимыми ея дѣтьми въ бочку и пустить на море. Дѣти эти выбили дно, бочка причалила къ острову, отъ котораго дѣти построили стеклянный мостъ черезъ море. Чумаки разсказали объ этомъ чудѣ царю, но бабка, желая отвлечь его вниманіе, сообщила ему, что

возлѣ керныички у нея есть чудесная яблонька съ золотыми яблоками. Прибѣжавшая отъ царицы съ чумаками собачка подслушала это, вырыла яблоньку и понесла къ царицѣ. Царь яблоньки не засталъ уже, а потомъ отъ чумаковъ узналъ, что яблонька эта на островѣ. Баба опять сказала, что у нея есть чудесный кабанъ, который клыкомъ пашетъ, ухомъ засѣваетъ, а хлѣбъ самъ собирается и молотится, но пока царь успѣлъ пойти посмотрѣть его, собачка и Сухынськый увели кабана къ царицѣ. Чумаки опять сообщили царю, что кабанъ этотъ на островѣ, тогда баба заявила, что у нея въ керныичкѣ есть три золотокудрыхъ мальчика. Собачка и Сухынськый, съ помощью жабы, успѣли добыть мальчиковъ изъ керныичкы и отвели ихъ къ матери. Узнавъ и объ этомъ отъ чумаковъ, царь приказалъ привязать бабу къ хвосту коня, а самъ отправился къ царицѣ.

Какъ видимъ, фабула этого варіанта тождественна съ фабулой нашей сказки. Тѣ же три сестры, тѣ же обѣщанія ихъ; точно такъ-же обманываютъ царя путемъ подмѣна чудесныхъ дѣтей; даже чудесный кабанъ въ обѣихъ сказкахъ тотъ же. Значительная, однако, разница въ подробностяхъ, указывающая на неполноту варіанта Чубинскаго. Въ немъ интригу ведетъ какая то баба, неизвѣстно почему озлобленная на царицу. Въ нашемъ варіантѣ активную роль въ интригѣ играютъ сестры царицы, а баба имъ только помогаетъ; борьба доведена ими до конца и царь караетъ не постороннюю бабу, а злыхъ сестеръ. Еще болѣе существенное отклоненіе замѣчается въ роли сыновей царицы. Въ варіантѣ Чубинскаго золотокудрыя дѣти царицы, укрытыя бабой въ колодцѣ, выступаютъ лишь при разоблаченіи интриги и то пассивно, какъ доказательство правоты ихъ матери, а самое разоблаченіе и борьбу съ бабой ведутъ подброшенные ею собачка, жаба и сухенькій мальчикъ. Въ нашемъ же варіантѣ борьбу съ злыми сестрами ведутъ всѣ сыновья царицы и они предоставляютъ въ распоряженіе матери и чудесныя силы природы, степи и моря.

Родственныя черты находимъ еще въ сказкахъ: «Царевычъ— на потылыци звизда, а на лоби мисяць» (Чубинскій II, 71), но

основная фабула здѣсь сильно искажена, очевидно, подъ вліяніемъ какой то другой сказки изъ обширнаго цикла семейныхъ сказокъ. Здѣсь, въ началѣ, выступаетъ на первый планъ вражда, возникшая между молодой женщиной и сестрой ея мужа, дѣвушкой. Обѣ онѣ не могутъ ужиться въ хатѣ и замужняя рѣшается избавиться отъ золовки. Съ этой цѣлью она убиваетъ собственнаго ребенка и взводитъ обвиненіе въ убійствѣ на невинную сестру мужа. Послѣднюю признаютъ виновной, отрубаютъ ей обѣ руки и нагую пускаютъ по міру. Въ одномъ саду, куда она забрела, увидѣлъ ее царевичъ и, плѣненный ея красотой, беретъ ее въ жены, при чемъ она обѣщала родить ему сына со звѣздой на затылкѣ и мѣсяцемъ на лбу. Послѣ свадьбы, царица родила обѣщаннаго чудеснаго сына въ отсутствіи мужа, которому враждебные ей придворные ложно сообщили, что царица обманула его, и царь послалъ приказаніе прогнать ее. Только впослѣдствіи царь случайно увидѣлъ своего сына со звѣздой и мѣсяцемъ, вернулъ къ себѣ жену, а виновныхъ велѣлъ разстрѣлять. Изъ приведеннаго содержанія ясно, что сказка эта состоитъ изъ фрагментовъ двухъ самостоятельныхъ сказокъ и только вторая часть ея составляетъ искаженный варіантъ нашей сказки.

Какъ на болѣе близкіе къ нашей сказкѣ можемъ указать еще на варіантъ въ сборникѣ И. Рудченка «Богатырь зъ бочкы» (Народныя Ю.-Р. сказки II, 89) и на варіантъ бѣлорусскій въ сборникѣ Афанасьева «По колѣни ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ» (III, 29).—Тамъ мы найдемъ болѣе значительныя уклоненія въ сферѣ чудеснаго. Появляются на сцену котъ-баюнъ, коверъ-самолетъ, чудесная мельница, змѣя, воспитывающая отнятыхъ у царицы сыновей, и т. д.

Въ сборникѣ литовскихъ сказокъ Яна Карловича имѣется еще одинъ варіантъ нашей сказки, записанный въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губ. «О королевнѣ и ея дѣтяхъ съ серебрянными зубками и золотыми волосами» (Jan Karłowicz. Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie. Zbiór Wiad. do Antr. Krajowej. Kraków 1887 r. t. XI str. 256).—Содержаніе ея слѣдующее: Три королевны ходили по саду и говорили: старшая, что своимъ ве-

ретеномъ весь міръ одѣнетъ, другая, что маковкой весь міръ накормитъ, а младшая, что будетъ рожать дѣтей съ серебрянными зубками и золотыми волосами. Подслушалъ ихъ женихъ королевичъ и взялъ въ жены младшую. Родила она въ отсутствіе мужа три раза и каждый разъ бабка-вѣдьма подмѣняла дѣтей то кошкой, то собачкой, то ужомъ. Разгнѣванный царь заключилъ жену въ темницу и женился на дочери бабки-вѣдьмы Между тѣмъ, въ саду, надъ погребеннымъ тамъ бабой старшимъ сынкомъ царицы, выросъ яворъ, сіявшій на весь садъ. Вторая жена царя, зная о происхожденіи явора, уговорила царя срѣзать яворъ и сдѣлать изъ него кровать, но когда и кровать освѣтила весь дворецъ, велѣла ее сжечь. Овца полизала золу съ этой кровати и родила ягненка съ серебряными зубками и золотой шерстью. Узнавъ объ этомъ, царица—дочь вѣдьмы велѣла его зарѣзать. Сорока подняла щепку, на которую упала капля крови ягненка, понесла ее къ темницѣ царицы и бросила ей въ окошечко. Царица перебросила щепку черезъ одно плечо—показалась половина ея сынка; перебросила черезъ другое—сталъ весь ея сынокъ. Она его одѣла и послала къ царю, который, узнавъ отъ сына правду, велѣлъ вторую жену—дочь вѣдьмы растерзать желѣзными боронами. Разсказанныя въ этой сказкѣ превращенія (яворъ, кровать, зола, ягненокъ, щепка) совершенно аналогичны съ превращеніями въ бѣлорусскомъ варіантѣ Афанасьева.

Болѣе варіантовъ этой сказки я не знаю, а указанныхъ весьма недостаточно для какихъ либо выводовъ, какъ о ея происхожденіи, такъ и о несомнѣнномъ ея миѳологическомъ значеніи. Детальная обстановка фабулы во всѣхъ варіантахъ столь различна, столь пріурочена къ мѣстностямъ, въ которыхъ они записаны, что не можетъ дать рѣшительно никакихъ указаній на происхожденіе сказки. Въ приведенномъ, напр., литовскомъ варіантѣ мы видимъ дворецъ, при немъ садъ, темницу, ужа, яворъ; въ нашемъ же описывается въ полной и весьма яркой картинѣ южная наша природа: широкая степь, море, вѣтеръ, судоходная рѣка. Усвоенная народомъ фабула во всѣхъ варіантахъ пріобрѣла совершенно мѣстный колоритъ и, утративъ всѣ почти свои индивидуальныя черты, стала для всякой мѣстности своей народной сказкой.

Единственный варіантъ Чубинскаго: Песынськый, Жабынськый, Сухынськый (II 40) представляетъ небольшія подробности, указывающія на не мѣстное происхожденіе сказки.

Въ этомъ варіантѣ баба говоритъ царю: «десь да подесь, да така яблонька есть—срибне яблочко, золоте яблочко; якъ ударытця яблочко объ яблочко, да такъ якъ у *органы* грае» (43). Пріемный сынокъ царицы — собачка вырылъ съ корнями яблоньку, принесъ ее черезъ море домой и посадилъ около окна. *Органъ* въ бориспольскомъ варіантѣ прямо указываетъ на его западное происхожденіе, а образъ чудесной яблоньки, которую похищаетъ сынокъ царицы, не малорусскій и несомнѣнно заимствованъ.

Яблоня въ малорусской поэзіи, особенно въ древнѣйшихъ произведеніяхъ, встрѣчается весьма рѣдко. За то у балканскихъ славянъ чудесная яблоня съ золотыми яблоками представляетъ излюбленный образъ въ обрядныхъ пѣсняхъ—величальныхъ и свадебныхъ.

Въ величальной болгарской пѣснѣ жена разсказываетъ мужу свой сонъ, который ей снился въ воскресеніе утромъ:

Изникнала яболшница
Среде дворѣ песочина,
Сребен корен, злати гранки,
Завързала пет яболка,
Пет яболка позлакени.

Мужъ объясняетъ женѣ значеніе сна тѣмъ, что яблоня—это она сама, а яблоки—ихъ дѣти.

Въ сербскихъ величальныхъ пѣсняхъ болѣе распространенъ образъ золотой яблони, на вершинѣ которой свилъ гнѣздо соколъ, а подъ корнями поселилась змѣя и хочетъ сжечь яблоню и похитить соколятъ. Соколъ, однако, успѣлъ выростить своихъ птенцовъ, они уже улетѣли въ славный путь и должны скоро принести хорошія вѣсти (тому, кого величаютъ). Образъ этотъ варъируется различно и чаще всего встрѣчается лишь указаніе на то, что на вершинѣ покрытой золотыми плодами яблони сидитъ соколъ, глядитъ вдаль и видитъ какое-нибудь славное дѣло вели-

чаемаго лица. Въ этомъ видѣ перешелъ этотъ образъ и въ малорусскія коляды, но чудесная яблоня въ нихъ уже исчезла, а соколъ сидитъ то на соснѣ, то на березѣ:

Ой въ лиску, въ лиску,
На жовтимъ писку,
Стояла сосна, тонка высока,
Сриблом̆ъ обросла, лыстомъ шырокымъ.
А на тій сосни сывъ сокилъ седыть,
Сывъ сокилъ седыть, далеко выдыть,
Далеко выдыть, на сыне море;
На сынимъ мори корабель плыве...
(Чубинскій Ш, 298, 473).

Отъ золотой чудесной яблони осталось лишь указаніе, что сосна *сриблом̆ъ обросла* (хотя стволъ ея красный) и *широкимъ листомъ* (а сосна листьевъ не имѣетъ).

Болѣе близкое отношеніе къ нашей сказкѣ имѣетъ распространенный въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ третій образъ чудесной яблони. Дѣвица стережетъ золотыя яблока на деревѣ и никому изъ близкихъ (отцу, матери, брату и т. д.) не хочетъ снять яблока, а снимаетъ лишь для милаго. Пѣсня эта имѣется и у малоросовъ и въ ней только одной сохранился образъ чудесиой яблони:

Ой въ лиску, въ лиску, на жовтимъ писку,
Росла яблунька, тонка высока,
Тонка высока, лыстомъ шырока.
Зродыла вона золото ябка;
Стерегла ябка гречная панна.
Прыходыть до ней батенько еи:
Ой здіймы, доню, золоти ябка.
Бигъ-ме не здійму, мылому держу...
(Чубинскій Ш, 311).

Въ болгарскихъ свадебныхъ пѣсняхъ образъ этотъ развитъ далеко полнѣе. Чудесная яблоня растетъ во дворѣ невѣсты, иногда

за чернымъ моремъ; его бережетъ змѣя и женихъ не рѣшается добыть ее. На помощь ему является богатырь—мальчикъ, 12-ти, а то и 7-ми лѣтъ, переплываетъ на конѣ море, побѣждаетъ змѣя, съ корнями вырываетъ чудесную яблоню съ тремя золотыми яблоками и приноситъ ее жениху. Это весьма древній и очень распространенный образъ. Онъ напоминаетъ, съ одной стороны, былиннаго Добрыню (12 лѣтняго), побѣждающаго змѣя и добывающаго себѣ дѣвицу (Королевичну отъ синя моря), а съ другой—греческій миѳъ о Гераклѣ, яблокахъ, охраняемыхъ гесперидами при помощи гидры. Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ пѣсняхъ образъ этотъ съуживается: такъ, напримѣръ, дѣвица обѣщаетъ любовь тому изъ юнаковъ, который исполнитъ слѣдующее ея желаніе: пусть надѣнетъ панцырь и латы.

Да препливет преку църно море,
Да излезит на край, на краище,
Тамо имат злата яболшница,
Да си скинат три злати яболка...

И въ нашей сказкѣ у злой бабы чудесная яблонька съ серебряными и золотыми яблоками; добываетъ ее съ корнями сынокъ царицы-собачка, уноситъ ее домой, за море, черезъ стеклянный мостъ и сажаетъ у окна царицы. Родство этого мотива съ болгарскими пѣснями несомнѣнно [1]). Необычность въ малорусскомъ народномъ творчествѣ образа добыванія малолѣткомъ чудесной яблони устраняетъ предположеніе, что онъ попалъ въ нашу сказку случайно, какъ амплета, вставленная разсказчикомъ изъ другой сказки или пѣсни. Правдоподобнѣе допустить, что онъ занесенъ въ Малоросію вмѣстѣ со сказкой издалека.

Кромѣ *органа* и чудесной яблони, въ томъ-же варіантѣ Чубинскаго имѣется еще одно вѣское указаніе на иноземное про-

---

[1]) О чудесной яблонѣ въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ см. *А. Потебня.* Объясненія II 229, 255, 257, 312, 362, 363, 484, 485, 476.

исхожденіе сказки. Когда царевичъ явился къ отцу трехъ сестеръ, сватаясь за младшую, говорившую, что родитъ чудесныхъ сыновей, послѣдняя оказалась на печкѣ, и отецъ зоветъ ее такъ: «устань, лышень, *Маргарыдо*» (sic. Чубин. II, 41). Это характерное имя, совершенно неизвѣстное въ такой формѣ у славянъ, должно служить основательнымъ поводомъ къ розыскамъ нашей сказки по этнографическимъ сборникамъ западно-европейскимъ.

Ц. Г. Нейманъ.

Кобзарь Михайло Кравченко и его думы.

Когда заходитъ рѣчь о современныхъ намъ кобзаряхъ, еще поющихъ, между прочимъ, и историческія думы, то часто приходится слышать мнѣніе, что новыя условія жизни, несущія съ собой нивеллировку чертъ народнаго быта, стерли уже съ лица земли настоящихъ украинскихъ бардовъ; что если они и существуютъ кое-гдѣ, то это уже не люди почвы, не пышные цвѣты ея, а тощіе, изсыхающіе ростки, приспособившіеся кое-какъ, чтобы дотянуть свой никому ненужный вѣкъ и умереть уже навсегда; что современная почва не можетъ дать тѣхъ живительныхъ соковъ, какіе необходимы для поэтическаго творчества отходящихъ въ область преданія бардовъ; что на современной почвѣ только и могутъ кое-какъ держаться люди, приспособившіеся къ новымъ запросамъ и вкусамъ солдатско-фабричнаго репертуара.

Мнѣніе это однако справедливо лишь отчасти; оно, такъ сказать, констатируетъ лишь фактъ, не входя въ разборъ и оцѣнку причинъ его, не пытаясь показать, какъ-же бороться противъ нежелательнаго явленія, разъ мы этимъ явленіемъ возмущаемся. О полномъ исчезновеніи народныхъ пѣвцовъ я читаю уже со времени открытія «послѣдняго кобзаря»—Остапа Вересая, т. е., тридцать лѣтъ подъ рядъ. Такъ въ 1873 году извѣстный дѣятель-статистикъ А. А. Русовъ въ своемъ рефератѣ «Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ» между прочимъ писалъ: «Дѣйствительный членъ Императорскаго Географическаго

Общества П. П. Чубинскій, изъѣздивъ по порученію Общества всѣ малорусскія земли по правой сторонѣ Днѣпра и всѣ мѣстности Черниговской губерніи по сю сторону Десны, не нашелъ уже никого, кромѣ Остапа Вересая» и далѣе:—«Ост. Вересай, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть послѣдній представитель кобзарей или бандуристовъ, умѣющихъ играть на кобзѣ и знающихъ старыя пѣсни и думы». А между тѣмъ, не смотря на такое категорическое утвержденіе, не проходило съ тѣхъ поръ ни одного лѣта, чтобы я не слышалъ гдѣ-либо въ Малороссіи и даже въ Новороссіи кобзаря, поющаго и историческія думы. Черезъ три года по напечатаніи упомянутаго реферата объ Ост. Вересаѣ, а именно въ 1876 году я видѣлъ и слушалъ въ городѣ Лохвицѣ перваго «велыкого кобзаря»,—такъ его называютъ полтавскіе кобзари и до сихъ поръ,—Ивана Крюковскаго (иначе «Крюкъ»). Человѣкъ этотъ пользовался необыкновеннымъ авторитетомъ у своихъ собратій,—во первыхъ, какъ человѣкъ, необыкновенно много знающій [1]), во вторыхъ, какъ «Панъ-майстеръ», т. е., президентъ довольно сложной, кобзарско-лирницкой организаціи, имѣвшей свои обычаи, законы, и даже языкъ, и въ третьихъ, какъ человѣкъ необыкновенно справедливый, рѣшавшій всѣ дѣла по чистой совѣсти и свято соблюдавшій всѣ обычаи и церемоніи своей корпораціи. Самая наружность кобзаря была весьма внушительна,—это былъ сухой, выше средняго роста старикъ, съ почти бѣлыми волосами, лежавшими у него на плечахъ, какъ у священника. Онъ очень дорожилъ своей шевелюрой, говоря что ему, какъ кобзарю и пану-майстру, это приличествуетъ. Великихъ трудовъ и многихъ угощеній стоило моему товарищу П. Д. Мартиновичу, писавшему тогда портретъ-этюдъ пана-майстра уговорить его остричь свои волосы, думая этой мѣрой достигнуть еще большей типичности; правда, въ концѣ концовъ, хотя и съ величайшей неохотой, но кобзарь согласился на эту операцію; разумѣется, вышло Богъ знаетъ что:

---

[1]) На дняхъ я слышалъ отъ кобзаря Опанаса Баря, изъ с. Черевокъ что думъ всѣхъ 12 и что ихъ всѣ зналъ только «велыкый кобзарь Иванъ Крюкъ». Кстати: у меня сохранился фотографическій портретъ Крюковскаго, который при случаѣ и будетъ мною опубликованъ.

передъ нами былъ уже не типъ патріарха-барда, а обыкновенный дидъ съ «пидголеннымъ чубомъ», какихъ тогда было еще очень много. П. Д. Мартиновичъ записывалъ думы Крюковскаго цѣлую недѣлю, да иначе и быть не могло, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр. «Самійла Кишку» старикъ отчасти забылъ. Съ утра до ночи продолжалось это записываніе и воспоминаніе; на столѣ стояла бутыль водки и дидъ Иванъ, выпивая чарку за чаркой, ходилъ по хатѣ, волнуясь и вспоминая забытое. Онъ то нервно перебиралъ на бандурѣ [1]), то теръ себѣ голову и жаловался на старѣющую память. Иногда, среди совершенно постороннихъ разговоровъ, онъ вдругъ вскрикивалъ—«Бачте, якъ воно! отъ и згадавъ—пышить, пышить же швыдче». Такимъ труднымъ путемъ работа П. Д. Мартиновича увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: онъ превосходно записалъ всѣ 12 думъ Крюковскаго, а между ними есть и неизвѣстная въ печати дума «про дида Мехійка» [2]). Остается высказать величайшее сожалѣніе о томъ, что это богатство и до сихъ поръ еще П. Д. Мартиновичемъ не напечатано. Правда, черезъ пять лѣтъ послѣ этого событія, извѣстный любитель украинской старины В. П. Горленко былъ у Крюковскаго и записалъ его думы, которыя и напечаталъ въ «Кіевской Стар.»; однако, ко времени посѣщенія г. Горленкомъ старика Крюковскаго, память послѣдняго еще болѣе ослабѣла и онъ могъ продиктовать только 9 думъ, да и то нѣкоторыя съ пропусками, а о «Самійлѣ Кишкѣ» лишь небольшіе отрывки. Послѣ Крюковскаго изъ болѣе значительныхъ кобзарей, пользовавшихся славой «знаючыхъ», я помню «Трихона зъ Бубнивъ» (роменскаго уѣзда). Съ 1887 по 1894 г. я каждое лѣто проживалъ въ южной Черниговщинѣ, гдѣ за это время видѣлъ не мало кобзарей, которые иногда пѣли и думы; къ сожалѣнію, я тогда не записывалъ ихъ и потому не помню, были ли интересные варіанты. Прославившійся кобзарь Павло Братыця также былъ мною прослу-

---

[1]) Бандура у него была на 28 струнъ, тогда какъ у Вересая имѣла лишь 12.

[2]) Сатирическаго содержанія.

шанъ; онъ зналъ 10 думъ, но его «поспысовалы» гораздо ранѣе нашей встрѣчи. Далѣе слышалъ я тогда какъ о самомъ знаменитомъ кобзарѣ на всю Черниговщину о Савостіѣ Килишко изъ Березнаго—«той и грае дуже добре, и зна багато козацькыхъ, отъ про Ганджу Андебера то-що. Э, надъ Кылишка нема й на всю Расѣю»!—говорилъ мнѣ плохенькій кобзарикъ,—«куды тому Братыци до Кылишка»... Отмѣчены у меня еще: кобзарь Петро Мудракъ изъ села Петровки, близъ Седнева («той спива про козакивъ»), Скачокъ Марко и Мыкыта, оба изъ Андреевки черниговскаго уѣзда, два́ кобзаря въ Лосиновкѣ, близъ Нѣжина, а также три мастера, которые хорошо дѣлаютъ кобзы: 1-й Самійло Грыгоровычъ изъ села Щербиновки, 2 и 3-й изъ Довжики—Василь Плахута и братъ его Антонъ Плахута. Кобзарей, не знающихъ думъ, я даже не отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ; я просто фотографировалъ ихъ, если они были живописны. Послѣ черниговскихъ кобзарей я теперь наблюдаю полтавскихъ и за двухлѣтнее пребываніе въ г. Миргородѣ я встрѣтилъ ихъ 4 души, а собралъ свѣдѣнія о 14 кобзаряхъ, изъ которыхъ почти всѣ живутъ въ округѣ Миргорода. Вотъ они: Михайло Кравченко изъ Б.-Сорочинецъ, Иванъ Кнюхъ, Петро Лаврыкъ 30 лѣтъ («знае казацьки»), Олексій Соляненко 50 лѣтъ, Иванъ Сироштанъ 40 лѣтъ,—всѣ четыре живутъ въ Хомутцѣ; Петро Степовиденко и Остапъ Барь—оба живутъ въ с. Черевкахъ, Барь поетъ только «про вдову» и остальныя думы знаетъ лишь въ обрывкахъ; Иванъ Чорнуцькый, Давыдъ Марковськый и Семенъ Марковськый—всѣ трое живутъ въ Комышнѣ; Юхымъ Марченко зъ Попивкы—«сей продавъ уже свою кобзу Петру Лаврыку у Хомутець»; Самійло Харытоновычъ Яшный, глубокій старикъ, живетъ въ Миргородѣ, учитель Михайла Кравченка, о которомъ рѣчь впереди; Василь Парасо́чка родомъ изъ Константинограда, хорошо играетъ; Петро у Мелюшкахъ хорольскаго уѣзда. Изъ мастеровъ, дѣлающихъ кобзы, славится Андрей Далченко (Кумедійщыкъ) въ Большихъ Сорочинцахъ: «сей и скрыпкы робыть хороше, а що вже кобзы, то й пидъ лакъ скрывае,—такъ хиба карбованцивъ чотыри, або й пъять выйнять треба». Изъ лирниковъ извѣстны

мнѣ 10 слѣдующихъ: Сильвестръ зъ Ерёкъ, Грыцько Говтва изъ с. Коваливъ, Зѣньковскаго у., Юхымъ Бутовськый, родомъ изъ Кременчугскаго уѣзда,—«а самъ купецького званія—знае усп слипецьки законы»; Мына изъ Краснаго Кута, богодуховскаго у., Хведиръ Губенко, въ Почапцяхъ, красивый старикъ, знаетъ думы; Оксентій Веремiенко въ Петривцяхъ—«знае козацьки»; Антонъ Скоба изъ м. Богачки, знаетъ думы (я записалъ отъ него 2 превосходныхъ варiанта «про Озовськыхъ бративъ» и «Удову»); Семенъ Скорыкъ изъ Константиноградскаго уѣзда, Юхымъ Максымовычъ изъ Бутовщыны, 55 лѣтъ,—«знае 120 псалёмъ и козацьки писни—отъ про Коновченка то-що»; Максымъ Захаровычъ изъ Решетиловки—«знае козацьки, а межъ ными й про «Дивку-бранку» (дума, еще неизвѣстная въ печати). Кромѣ лирниковъ, мнѣ извѣстны еще три пѣвца думъ: Остапъ Ка́лный изъ м. Большихъ Сорочинецъ, поетъ очень хорошо и прекрасные варiанты—«О трехъ братьяхъ Озовськыхъ» и думу «Про вдову и сынивъ»; Платонъ Кравченко изъ села Шахворостовки, близъ Миргорода, и наконецъ Палажка Павливська, зѣньковскаго у., знаетъ думы и между ними «Про Дивку-бранку». Съ глубочайшимъ сожалѣнiемъ я недавно узналъ, что умеръ великолѣпный кобзарь Хведиръ Холодный, старикъ лѣтъ 70. Всѣ слышавшiе и знавшiе его кобзари, лирники и частныя лица говорятъ, что по экспрессiи пѣнiя и по изяществу игры нѣтъ ему никого равнаго; это былъ истинный артистъ и глубоко несчастный человѣкъ, не имѣвшiй никакого пристанища, проводившiй ночи то подъ тыномъ, то гдѣ-либо въ хлѣву или просто въ канавѣ и бурьянѣ. Никакая погода не могла загнать его къ людямъ, которыхъ онъ не любилъ, и онъ предпочиталъ дрожать и мерзнуть на холодѣ, мокнуть подъ дождемъ, лишь бы не обращаться ни къ кому за помощью,—потому его и прозвали «Холодный». Пѣлъ онъ лишь тогда, когда рѣшительно все пропивалъ въ шинкѣ, оставаясь даже безъ сорочки, въ одной лишь дырявой свиткѣ. На дняхъ бывшiй у меня кобзарь Опанасъ Барь, давнишнiй мой знакомый, съ которымъ я впервые встрѣтился еще у Крюковскаго въ 1876 году, описывая мнѣ жизнь скитальца Холодного, говорилъ объ его игрѣ, что ничего подоб-

наго онъ во всю свою жизнь не слышалъ—«було якъ сяде, якъ зашкряба, якъ затужыть, той самъ плаче, и вси за нымъ, а мидякы то якъ той горохъ у коновочку тилькы тр... тр... тр...». Никто не могъ умягчить этого загадочнаго сердца,—всѣ заботы о себѣ сочувствующихъ или жалѣющихъ его людей, онъ встрѣчалъ крайне холодно и не цѣнилъ нисколько; иногда «люде, або й паны» одѣвали его, предлагали пріютъ и тепло, но выдерживать такую жизнь онъ могъ только день-два, а далѣе опять пропивалъ всю одежду, бросалъ теплый уголъ и уходилъ въ свои канавы и бурьяны. Вотъ съ кѣмъ надо было встрѣтиться М. Горькому и разсказать о глубоко несчастномъ скитальцѣ-художникѣ, такъ ужасно проведшемъ свою горемычную, долгую жизнь!.. Зналъ Холодный 7 думъ и множество псальмъ (70) и пѣсенъ. На мое сожалѣніе, что все это погибло, Барь утѣшилъ меня тѣмъ, что «одъ Хведора чысто усе поспысувавъ панъ Трушъ, сенецькый, у Засулью.—такъ уже й той панъ умеръ». Гдѣ теперь хранятся записи п. Труша и что съ ними—Богъ вѣдаетъ. Кажется, впрочемъ, что всѣ думы отъ Холодного записаны также и П. Д. Мартиновичемъ, но они, слѣдовательно, лежатъ вмѣстѣ съ неопубликованными записями отъ Крюковскаго и другихъ кобзарей, и не извѣстно, дождутся ли счастія увидѣть свѣтъ Божій, — этому драгоцѣнному для науки достоянію въ его настоящемъ состояніи грозятъ всѣ случайности, какъ пожаръ, воровство и просто утрата... Объ игрѣ Хведора Холоднаго говорятъ кобзари и подтверждаетъ О. Барь, что бывало пристануть къ Холодному, чтобы онъ принялъ пари сыграть любой козачекъ на бандурѣ босыми ногами и пари блистательно выигрывалось Холоднымъ: общій хохотъ и восторги слушателей были наградой диду Хведору за его искусство; нѣкоторые, впрочемъ, были убѣждены что игра ногами производится не безъ участія рукъ нечистаго, при помощи котораго только и можно выдѣлывать подобныя штуки.

Кромѣ перечисленныхъ кобзарей, мнѣ хочется остановиться на одномъ изъ нынѣ здравствующихъ—не старомъ еще, но во многихъ отношеніяхъ интересномъ кобзарѣ Михайлѣ Степановичѣ Кравченкѣ. Ему всего 43 года, онъ житель мѣстечка Большіе

Сорочинцы, гдѣ у него въ Преображенскомъ приходѣ есть своя небольшая хатка. Онъ недавно женился второй разъ; отъ первой же жены имѣетъ троихъ дѣтей: двѣ дѣвочки и сына; живетъ онъ въ одной хатѣ со своимъ братомъ и его женой, людьми, вслѣдствіе своихъ болѣзней, ни къ какому труду неспособными, такъ что у дядька Михайла большія заботы. Росту онъ средняго, сложенія плотнаго, голова его почти круглая, а въ темно-русыхъ волосахъ начинаетъ уже пробиваться сѣдина. Лицо его довольно симпатичное, съ добрымъ, ласковымъ выраженіемъ. Замѣчанія его мѣтки, сужденія трезвы и правильны, но о себѣ онъ говорить не любитъ; впрочемъ, мы знакомы всего лишь мѣсяцевъ пять и онъ, можетъ быть, просто еще «не оговтався». Такъ, вполнѣ понятное съ моей стороны любопытство—узнать, существуетъ-ли и теперь такая же кобзарско-лирницкая организація какая была за временъ Крюковскаго, и кто «панъ-майстеръ» въ этой организаціи,—онъ встрѣчалъ съ недовѣріемъ и умышленно переводилъ разговоръ на другія темы. Удалось мнѣ все-таки узнать, что «одклинне, столове и вызвилокъ» существуютъ и теперь; что же касается тайныхъ пѣсенъ, которыя поются только въ тѣсномъ кругу слѣпыхъ членовъ громады, какъ напр. пѣсня «про Жачку» [1]), (заклинаніе нечистаго), то дядько Мыхайло говоритъ—что это было когда то, а теперь нѣтъ, что ихъ такъ преслѣдуетъ полиція, что собираться, какъ прежде, и думать нечего; я убѣжденъ однако, что Мыхайло, какъ человѣкъ положительный, что называется, умѣетъ держать языкъ за зубами. Надѣюсь, впрочемъ, что впослѣдствіе мнѣ удастся побѣдить его недовѣрчивость и вызвать на откровенность, тѣмъ болѣе, что мнѣ сейчасъ удалось сдѣлать ему большую услугу—устроить его поѣздку на счетъ Императорскаго Географическаго Общества на кустарную выставку въ Петербургъ, гдѣ онъ будетъ, вѣроятно, пѣть свои думы, по примѣру

---

[1]) Пѣсня, заключающая въ себѣ 14 вопросовъ нечистаго и 14 отвѣтовъ Жачки (дьяка?); поется она всѣми, присутствующими и съ необыкновеннымъ подъемомъ духа; ее ни въ какомъ случаѣ нельзя оборвать, не окончивъ.

Вересая, и въ засѣданіяхъ Географическаго Общества. Учился Кравченко здѣсь же въ Миргородѣ у нынѣ еще здравствующаго хотя и глубокаго уже старика, Самійла Харитоновича Яшного, который за старостью лѣтъ и играть уже не способенъ. Репертуаръ Кравченка не малъ: онъ поетъ пять думъ, а именно: «Дивку-бранку»—думу, какъ уже упомянуто, еще неизвѣстную въ печати,—«Тры браты Озовськи», «Про Удову и трехъ сынивъ» и два «Невольныцькыхъ плача». «Дивку-бранку» онъ, къ величайшему сожалѣнію, знаетъ не всю, средину ея онъ забылъ, но утѣшаетъ меня тѣмъ, что ее помнитъ всю и поетъ иногда лирникъ Максимъ Захаровычъ рѣшетиловскій, съ которымъ онъ вмѣстѣ перенялъ ее отъ скитальца-кобзаря Холоднаго; кромѣ того, эту же думу Кравченко слышалъ отъ Палажкы Павливськои, которая пѣла ее не такъ давно въ Лютенькѣ.

«Думы малорусскія козацкаго періода забыты, почти окончили къ настоящей минутѣ свое существованіе; народъ, переставъ творить новыя пѣсни съ политическимъ оттѣнкомъ за неимѣніемъ содержанія, забылъ старыя, и если-бы изданія Цертелева, Максимовича, Мордовцева, Костомарова, Лукашевича и Кулиша не успѣли захватить ихъ во время, теперь уже всѣ попытки отыскать ихъ были бы напрасны» [1]).—Это утвержденіе, сдѣланное столь категорически въ извѣстномъ рефератѣ объ Остапѣ Вересаѣ еще въ 1873 г., оказывается, такимъ образомъ, совершенно невѣрнымъ. Читатель видитъ изъ предыдущаго, что напротивъ—не только слѣдовало дѣлать попытки искать старинныя думы, но надо было призывать къ этому и ободрять людей, интересующихся украинскимъ эпосомъ. Съ тѣхъ поръ, не только были найдены новые, прекрасные варіанты уже извѣстныхъ и раньше думъ, но и цѣлыя новыя думы. Сдѣлались извѣстными также и кобзари, какъ напр. Крюковскій, до котораго Вересаю, по отзывамъ знавшихъ ихъ обоихъ, было очень далеко. «Великый кобзарь» былъ на цѣлую голову выше Вересая и думъ онъ зналъ ровно

---

[1]) 1-й томъ записокъ, юго-зап. отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

вдвое больше противъ послѣдняго (Вересай—6, Крюковскій—12). Я отлично помню, какъ передо мной и П. Д. Мартиновичемъ возмущались тогда собравшіеся въ Лохвицѣ кобзари, услышавъ, что Вересая,—«Лабзу», какъ они презрительно его называли,—возили въ Петербургъ—и они были правы. Я глубоко убѣжденъ, что и теперь еще не исчерпана сокровищница народного историческаго творчества, что надо не «пытаться» лишь, а серьезно приняться за поиски уцѣлѣвшихъ еще обломковъ историческихъ пѣсенъ. Но возвратимся къ Кравченку. Дума «Про удову и трехъ сынивъ» представляетъ хорошій варіантъ и состоитъ изъ 190 стиховъ, тогда какъ у Крюковскаго она, по записи В. П. Горленка, имѣетъ лишь 60, а у Вересая 90. Дума «Про трехъ бративъ Озовськыхъ», или «Пихотынець» представляетъ прекраснѣйшій, своеобразный варіантъ, состоящій изъ 243 стиховъ, тогда какъ напр. у Вересая она состоитъ изъ 182 стиховъ. Дума «Плачъ невольныцкый» и вторая того же названія не представляютъ ничего новаго и оригинальнаго въ сравненіи съ извѣстными уже варіантами и потому мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, «Псальмъ» Кравченко знаетъ 18 (Вересай зналъ 11); вотъ перечень ихъ:

1) До часнёго жывого чоловика. 2) Войшлы мои лита. 3) Родъ жыдивськый засмутывся (спиваютъ тилькы у пистъ). 4) Идуть мои лита изъ усёго свита. 5) Блудящый сынъ. 6) Мыхаилъ. 7) Смотрысь какъ намъ смерты. 8) Мыколай. 9) Земля плачется до Бога. 10) Въ славнимъ гради у Ерусалыми (тилькы у пистъ спиваютъ). 11) Царю Хрысте (тилькы у пистъ спиваютъ). 12) Постелныкъ. 13) Лазуръ. 14) Про правду. 15) Ой горе горе на симъ свити жыты. 16) Седыть Господь на небесахъ. 17) Древо, древо пресвятое. 18) Сотворывъ Богъ небо и землю.

Пѣсенъ сатирическаго содержанія Кравченко знаетъ двѣнадцать (отъ Вересая записано 5) слѣдующихъ: 1) Дворянка 2) Чечитка. 3) Сусидка. 4) Сусидка (босячокъ). 5) Хома и Ярема 6) Якъ пойихавъ мій миленькый въ лисъ по дрова (Васылечкы). 7) По городу ходыла. 8) Кужелю мій кужелю. 9) Бида. 10) Кумъ зъ кумою залыцявся. 11) Невдашечка (швыдка) и 12—не разобрано въ помѣткѣ. За симъ идуть пѣсни разпообразнаго содержанія, напр.

«Кинь чуе, де Васыль ночуе». «А я свого мыленького и по шагу познаю». «У городи у Варшави тамъ дивчата хвабри-брави». «Не вдашечка—якъ оженывся» и т. д. Кромѣ пѣсенъ, Кравченко играетъ множество козачковъ, танцевъ и маршей. Манера пѣнія думъ у нашего бандуриста, какъ и вообще у кобзарей и лирниковъ Миргородскаго района, нѣсколько иная чѣмъ та, которую я слышалъ до сихъ поръ всюду, за исключеніемъ, впрочемъ, Черниговщины, гдѣ даже основной мотивъ думы мало похожъ на полтавскій. У Миргородскихъ кобзарей нѣтъ тѣхъ речитативовъ, которые такъ были характерны для Вересая, Крюковскаго, Трихона и многихъ другихъ, слышанныхъ мною кобзарей; нѣтъ того повышеннаго плача, которымъ такъ трогалъ мастеръ пѣть О. Вересай. Здѣсь мотивъ ровнѣе и нѣсколько однообразнѣе, хотя выразительность его отъ этихъ упрощеній не страдаетъ нисколько. Какъ въ каждой мѣстности поются свои излюбленныя думы, такъ и мотивы этихъ думъ [1]) и даже аккомпаниментъ на кобзѣ непремѣнно разнится отъ другого района. Зависитъ это, разумѣется, отъ оригинальности, артистическаго чутья и познаній учителей, отъ которыхъ воспринимаютъ ученики этихъ мѣстностей. Плохой учитель—плохіе ученики и наоборотъ. «Зинькивська наука», собственно игра на кобзѣ, считается самой изящной, и трудной—тамошніе кобзари играютъ лѣвой рукой (сверху кобзы) по тѣмъ же струнамъ, что и внизу правая рука, чего наши Миргородскіе никогда не дѣлаютъ, за исключеніемъ игры думъ,—тогда кобза прикладывается почти плашмя къ груди и лѣвая рука ложится не на грифъ а на приструнки сверху кобзы. Замѣчательно, что почти всѣ здѣшніе кобзари и лирники поютъ думы нѣсколько отлично одинъ отъ другого; изъ всѣхъ ихъ мнѣ наиболѣе понравился Шахворостовскій пѣвецъ и Антонъ Скоба, лирникъ изъ

---

[1]) Около двухъ лѣтъ назадъ, я слышалъ кобзаря въ Таврической губ. близъ Бердянска; онъ пѣлъ «Озовськыхъ бративъ», которые спасались изъ турецкой неволи, на челнѣ «Озовськымъ моремъ утикалы», и мотивъ былъ съ речитативами и пр. Козбарь оказался родомъ изъ Берестовой, Екатеринославской губерніи.

Малой Богачки: оба они поютъ такъ выразительно и хорошо, что многіе слушатели плачуть. Что касается пѣнія М. Кравченка, то поетъ онъ тоже хорошо, хотя его пѣнію нѣсколько вредитъ неособенно чистый голосъ. Особенно любитъ онъ пѣть «Запорозьки псальмы», т. е. думы, а по современному просто—козацьки писни или еще проще—«невольныцьки». На мой вопросъ, почему онъ въ свои «Запорозьки псальмы» вноситъ иногда новыя слова, обороты и даже цѣлые стихи, которыхъ раньше не пѣлъ, кобзарь наставительно отвѣтилъ: «Э, то вже всякый такъ, се жъ не писня. Якъ пидійде, знаете:—иноди й коротко, а иноди й довше буде... То вже всякый такъ: те забуде—друге выгада, або й одъ иншого згадуе що небудь. То вже у писни друге дило, а то жъ такы!»... Очевидно, при пѣніи думъ многое зависитъ отъ настроенія самого пѣвца и проникновенія имъ содержаніемъ думы. Я, впрочемъ, и ранѣе зналъ, что мѣста речитативовъ и высокіе возгласы—плачи не могутъ быть всѣ заранѣе обозначены—это дѣло того или другого настроенія пѣвца, и даже обстановки. О кобзарскомъ ремеслѣ Кравченко думаетъ, что оно падаетъ отъ разныхъ причинъ, но больше всего отъ невыносимыхъ преслѣдованій полиціи, которая народныхъ пѣвцовъ трактуетъ такъ же какъ разныхъ бродягъ, нищихъ, кочующихъ по ярмаркамъ и базарамъ обширной Украины. Крестьяне, зная подобное отношеніе къ кобзарямъ, тоже теряютъ прежнее уваженіе и интересъ къ преслѣдуемымъ артистамъ, а потому никто не хочетъ и учиться ремеслу кобзаря. Кравченко, напр., уже два года проситъ одного крестьянина въ Сорочинцахъ, чтобы тотъ отдалъ ему въ науку своего слѣпого и способнаго мальчика, но тотъ не соглашается говоря:—«Нехай лучче такъ хлиба просыть, якъ ёго будуть по полыціяхъ тягать та пидъ арешты сажать».—«Эхъ, щó намъ усюды бувае видъ тыхъ городовыхъ, урядныкивъ, становыхъ то що!»—говорилъ мнѣ недавно Опанасъ Барь: «и струны тоби на бандури порве и бандуру грозыть поламать, а посперечайся— то й у бокы пауштовха—не ходы та й годи!.—«Дежъ я, ваше благородые, того хлиба шматокъ визьму? аже мени до-дому ёго нихто не пренесе».—«То й такъ, каже, здыхай, а штобъ не хо-

дывъ бо нидзя». Оце ще сей рикъ мы дывуемось, що хочъ зъ струментомъ иты можна, а то було Боже храны!»...—«Такъ одъ ныхъ и ховаемось,—говоритъ Кравченко,—неначе, нехай Богъ мылуе, мы злодіи яки-небудь або що. Якъ зачуемъ, що йде або йиде, то такъ куды влучывъ. туды й упавъ, абы бида мынула!.. И тожъ, скажыть, яки часы насталы: жыденята зъ катерынкамы ходять, то тимъ же й можна, хочъ воно й на весь городъ скыглыть, а тутъ же про Боже спиваешъ, людей одъ грихивъ одводышъ, ни не можна! Вы, каже,· народъ коло себе збираете, то мошенныкы можуть по карманахъ лазыть у тыхъ, що слухають,—хыба жъ у катерынщыкивъ та въ тыхъ, що на шапци дзвоныкы, а зъ заду бухтыть, то хиба жъ такы биля сыхъ не можуть мошенныкы по кышеняхъ тее?»... Дѣйствительно здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе: съ одной стороны народнымъ творчествомъ и его представителями интересуется весь ученый міръ, въ Петербургѣ учреждена по Высочайшему повелѣнію пѣсенная комиссія для собиранія памятниковъ народнаго творчества; недавно еще на устроенной въ Петербургѣ Всероссійской кустарной выставкѣ самъ Государь слушалъ такого же народнаго пѣвца, какъ и уѣхавшій на туже выставку Кравченко, старика Рябинина, милостиво разговаривалъ съ нимъ и даже наградилъ его медалью, съ надписью «за усердіе»,—а съ другой стороны, тотъ же пѣвецъ, завидѣвъ у себя дома урядника или станового, долженъ падать куда придется, лишь бы не выдать своего присутствія на бѣломъ свѣтѣ. Въ обстоятельной статьѣ—«Современные лирники и бандуристы въ Полт. губ.» Л. П., помѣщенной въ «Полт. Губ. Вѣдомостяхъ» прошлаго года, между прочимъ, тоже сообщается объ излишнемъ усердіи полиціи, отъ котораго терпятъ преслѣдуемые кобзари и лирники въ Пирятинскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Отчего бы тѣмъ-же ученымъ и вообще интересующимся величественными обломками народной поэзіи людямъ не обратиться напр. въ Императорское Географическое Общество съ просьбой защитить вымирающихъ бардовъ? Тѣ же сельскія власти, освѣдомившись, напр., у священниковъ, въ приходахъ которыхъ живутъ кобзари и лирники, могли бы давать и имъ свидѣтельство объ

ихъ профессіи, и ненормальный разладъ между поощреніемъ съ одной и преслѣдованіемъ съ другой стороны легко былъ бы устраненъ. Отправляя Кравченка въ Петербургъ, усадивъ его въ вагонъ, я спросилъ—«а що, дядьку Мыхайло, якъ-бы й вамъ Богъ давъ те, що тому Рябинину—якъ бы й вамъ довелось спивать передъ самымъ Царемъ, щó бъ вы тоди?»—«А що жъ,—отвѣтилъ кобзарь,—якъ що Богъ прыведе до того, то прохатыму пресвитлого царя, щобъ усій нашій братьи було вильно ходыть де хочешъ, а мени самому ничого не треба». Я былъ пораженъ сознаніемъ у этого простого человѣка интересовъ «своей братіи», интересовъ, которые онъ очевидно ставилъ выше своихъ личныхъ.

Историческія думы и особенно бытового характера еще живутъ въ народѣ и пѣть ихъ есть кому. Не могу себѣ достаточно уяснить, почему въ статьѣ «Современные лирники и бандуристы въ Полт. губ. по сообщеніямъ добровольныхъ корреспондентовъ Полт. губ. статист. комитета» Л. П. показано всего лишь 5—6 [1]) бандуристовъ и 24 лирника и это свѣдѣнія изъ 139 волостей! Правда, авторъ оговаривается, думая, что тѣхъ и другихъ больше, «однако, общее число бандуристовъ, лирниковъ и кобзарей едва-ли превосходитъ болѣе чѣмъ въ два раза число, показанное корреспондентами изъ 139 волостей». Читатель видитъ, что мною собрано свѣдѣній о 14 кобзаряхъ и 10-ти лирникахъ почти только Миргородскаго района, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не былъ замѣченъ г.г. добровольными корреспондентами. Если принять во вниманіе число всѣхъ волостей въ полтавской губ. (261) и невысокую степень наблюдательности г.г. добровольныхъ корреспондентовъ, то будетъ ясно, что кобзарей и лирниковъ не въ два раза больше, а въ двадцать—тридцать разъ. Въ одной только Полтавщинѣ есть о комъ позаботиться и есть у кого искать остатковъ старины и народнаго поэтическаго творчества. И это надо дѣлать какъ можно скорѣе, пока творчество народа еще не изсякло; въ искусствѣ, напр., оно держится еще въ такой степени, что вы-

---

[1]) Причемъ изъ числа кобзарей надо вычеркнуть имя Саввы Лоташа, уже умершаго.

зываетъ къ себѣ неподдѣльный восторгъ: такъ на той же кустарной выставкѣ, гдѣ теперь подвизается кобзарь М. Кравченко, всѣхъ приводитъ въ восторгъ между другими экспонатами коллекція украинскихъ писанокъ, о чемъ засвидѣтельствовало даже «Новое Время». Въ № 14 «Хуторянина» помѣщена корреспонденція съ той же выставки и въ этой корреспонденціи г. Рклицкій разсказываетъ, какъ одинъ финляндецъ, кажется, художникъ, долгое время любовавшійся коллекціей гончарныхъ, орнаментированныхъ мисокъ и что то записывавшій въ свою записную книжку, обратился наконецъ къ корреспонденту и на ломаномъ русскомъ языкѣ выразилъ ему свое удовольствіе: «у вашего народа очень большой духъ есть, а это,—онъ указалъ на выставленныя школьныя керамическія издѣлія,—это худо»...

Итакъ, повторяю еще разъ, разсказы о «послѣднихъ кобзаряхъ» и тщетности попытокъ собрать, или даже услышать что либо изъ казацкихъ думъ, недостаточно обоснованы; они все время опровергаются жизнью. Можно ли было повѣрить читавшему эти печатныя увѣренія, что въ XX вѣкѣ еще откроются новые превосходные варіанты старыхъ казацкихъ [1]) думъ и даже цѣлыя никому неизвѣстныя думы,—а между тѣмъ—это фактъ...

Еще разъ надо повторить также и то, чтобы любители старины и вообще друзья науки, спѣшили собрать то, что еще носитъ въ своей памяти народъ и его пѣвцы; пусть собираютъ и записываютъ, не взирая на то, что многое сглаживается и гибнетъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ. Неудивительно: народъ, порвавшій духовную, языковую связь со своей интеллигенціей, народъ, утратившій связь со своей стариной, получающій просвѣщеніе въ школѣ съ ея учебниками, въ которыхъ ни прошлое этого народа, ни окружающая современная дѣйствительность не отражаются даже слабыми контурами; народъ, инстиктивно чующій этотъ неестественный разладъ со своими интеллектуальными запросами, смутно сознающій, что весь укладъ его жизни надо

---

[1]) Думы, записанныя мною отъ другихъ кобзарей и лирниковъ я представлю въ редакцію со временемъ.

или перестраивать на какой то новый, но чуждый, невѣдомый ему ладъ, или же, наоборотъ, замкнуться въ стихійную непроницаемость,—такой народъ и не можетъ сберечь въ полной чистотѣ и неприкосновенности свои національныя преданія... Можетъ быть, сознаніе утрачиваемой мало-по-малу національности, искуственная оторванность отъ своего родного прошлаго, шествіе чуждыхъ внѣшнихъ формъ культуры, неотвратимость этого надвигающагося невѣдомаго—все это произвело въ душѣ украинца ту душевную смуту, тотъ хаосъ интеллектуальнаго смятенія, подъ тяжестью сознанія которого онъ лишь способенъ или молиться въ своихъ псальмахъ или смѣяться надъ собой въ своихъ сатирическихъ пѣсняхъ. Вотъ почему сфера проявленія народнаго творчества суживается до того, что только религіозныя темы да пѣсни шуточныя и сатирическія и удержались хорошо въ его памяти, т. е. въ репертуарѣ кобзарей и лирниковъ. Задѣлайте же эти ужасныя бреши, о которыхъ сейчасъ говорилось; оберегите разрушаемую неблагопріятными условіями духовную твердыню народа; дайте ему, этому народу, дѣйствительно культурную интеллигенцію, интересующуюся своимъ прошлымъ, а слѣдовательно и пѣвцами этого прошлаго,—тогда и умственный уровень и репертуаръ этихъ пѣвцовъ повысится, а творческія способности народа развернутся сообразно тому щедрому запасу, который вложила въ него мать-природа...

Думы кобзаря Михайла Кравченка.

Тры браты Озовськи (або Пихотынець).

Ой у святую недиленьку, рано-пораненьку,
Не сыніи туманы уставалы,
Не буйніи витры повивалы,
Не чорніи хмары наступалы,
Не дрибніи дощи накрапалы,
Когда тры браты изъ города Азова
Зъ турецькои-бусурменськои
Велыкои неволи утикалы.

Два ли то брата кинныхъ,
А найменшый пихой-пихотынець
За кинными братамы угоняе,
За стремена хапае,
По билому каминню, по сырому кориннюо
Свои козацьки-молодецьки ногы собывае,
Кровью слиды залывае,
Пискомъ раны засыпае,
Мижду кони убигае,
За стремена хватае,
До братив словамы рече-промовляе:
«Братія мои ридненьки,
Якъ соколы ясненьки,
Станьте вы, братія, пидождите,
Свои козацькіи-молодецькіи кони прыпыните,
И мене пишого пихотынця
Миждо себе на кони возьмите,
Хочъ мало-немного версту миста пудвезите,
У хрыстіянськыи города подвезите,
А ни—вы мени браття,
У чыстому поли, по своій добрій воли,
Зъ пличъ головоньку здіймите,
Козацькее мое молодецькее
Тило въ сыру землю поховайте,
Звиру-птыци на поталу не давайте.

Середульшый братъ добре дбае,
До найстаршаго брата словамы промовляе:
«Брате мій ридненькый,
Якъ соколе ясненькый,
Станьмо мы, брате, надождимо,
Свои козацькіи-молодецькіи кони прыпынимо,
Брата свого найменьшого
Пишого пихотынця надождимо,
Хочъ мало-немного,

Версту миста пидвезимо,
У хрыстіянськыи города пидвезимо.
Лучше не мы ёму, ёму, брате, у чистому поли,
У своій добрій воли
Зъ пличъ головоньку здіймимо,
Козацькее его молодецькее
Тило въ землю сыру поховаймо,
Звиру-птыци на поталу не подаваймо.
Що мое ли серце не смилыться
Во́йна моя рука не зниметься,
Булатная шабля не йме сикты-рубаты,
Лучше було, брате,
У турецькій-бусурменьській неволи,
Усимъ трёмъ помираты,
Чымъ намъ свого брата, пишого пихотынця.
У велыкій неволи покидаты.
Найстаршый братъ худо дбае
Зъ плеча нагайкою крае,
Свому братови рече, промовляе,
Що якъ будемо мы, брате,
Свого брата найменьшого, пишого-пихотынця
Ждаты-ожыдаты,
Козацькіи молодецькіи кони обиждаты,
Буде за намы велыкая неволя—
Сыльна погоня ганяты,
Будуть насъ у плинъ у гиршу неволю завертаты;
Будуть наше тило на тры часты
Сикты-рубаты,
То пумъ ли мы, браття, тикаты:
Лучше нашому брату найменшому
Пишому пихотынцю у турецькій неволи
Самому помираты;
А мы ли будемъ братте тикаты,
Безпечно лисамы та байракамы гуляты,
Зъ клену-древа верхы ламаты,

Своему братови найменшому пихому-пихотынцю
На прикмету покыдаты.
Йихалы ли ти браты не день не два,
Не тры й не чотыри,
Сталы ти браты до лисивъ, до байракивъ дойизджаты;
Ставъ середульшый братъ,
Зъ клену-древа верхы ламаты
Своему братови найменшому,
Пихому-пихотынцю,
На пути-дорози покидаты.

Ставъ найменшый братъ дохождаты,
Горко плакать и рыдаты,
Дрибни слёзы пролываты,
Своихъ братівъ спомынаты:
«Невже жъ моихъ братівъ на свити немае?
Невже жъ за нымы турецька-бусурменьська
Сылна погоня гоняла,
У плинъ у гиршу неволю завертала,
Йихни тила на тры часты сикла-рубала?»
Сталы ти браты за лиса, за байракы выйизджаты.
Сталы воны до тыхыхъ водъ дойизджаты.
Середульшый братъ добре дбае,
До тыхыхъ водъ дойизджае,
До свого брата словамы промовляе:
«Брате мій ридненькый, якъ соколе ясненькый,
Що тутъ ли, брате, травы зелени
И воды холодни,
Станьмо мы, брате, надождимо,
Свои козацьки-молодецьки кони прыпынимо,
Свого ли брата найменшого
Пихого-пихотынця,
Хоть мало-немного пидождимо,
Версту миста пудвезимо,
У хрыстіянськіи городы пудвезимо,
Або не мы ли ёму брате у чистому поли

По своій добрій воли,
Зъ пличъ головоньку здіймимо
Козацьке его молодецьке тило,
У сыру землю поховаймо,
Звиру-птыци на поталу не подаваймо.
Мое серце не осмилыться.
Вóйна моя рука не здійметься,
Булатная шабля не йме сикты-рубаты,
Лучше нашому брату найменшому
Пихому пихотынцю,
У турецькій неволи самому помираты».
Сталы ти два браты за лиса, за байракы выйизджаты,
Сталы воны у вольніи степи выйизджаты,
У вольніи степы выйизджаты,
Ничого у себе не маты.
Середулшый братъ добре дбае,
На соби единый дорогый сыній каптанъ мае,
Та й той обрывае,
Свому братови, пихому-пихотынцеви
На пути-дорози покыдае.
Ставъ найменшый братъ
За лиса, за байракы выхождаты,
Ставъ винъ дорогіе вещи у вичи забачаты,
Ставъ винъ до йихъ дохождаты
Дорогіе прыкметы по сырій земли забираты,
Ой у свои руци браты,
Къ свему серцю прыниматы,
Горко плакаты-рыдаты, дрибни слёзы пролываты,
Своихъ братйвъ спомынаты:
«Невже жъ моихъ братйвъ на свити немае,
Бо й не обчому ихъ дорогіи вещи
По сырій земли валяються,
Невже ли за ными турецька-бусурменьська
Велыка неволя сыльну погоню гоняла,
У плинъ у гиршу неволю завертала,

Йихне тило на тры часты сикла-рубала,
А мене найменшого, пихого-пихотынця,
По лисамъ по байракамъ на спочывкахъ мынала?»
Ставъ найменшый братъ до Савуръ-Могылы дохождаты,
Ставъ ли буйный витеръ повиваты,
Изъ козацькыхъ-молодецькыхъ ёго нигъ валяты.
Що перве горе безвиддя, друге безхлибъя,
Трете горе бративъ не догнавъ,
Уже ли мени своихъ бративъ не наганяты,
Уже мени въ отцевському двору не буваты,
Уже мени свого отця-неньку у вичи не видаты;
Наслидувавъ мени Господь
У турецькій у бусурменській у велыкій неволи
На Савуръ-Могыли смертю постраждаты,
Стало ли сонце намеркаты,
Сталы сызокрыліи орлы налитаты,
На козацькый на молодецькый
На чорный чубъ наступаты;
Сталы воны зъ лоба очи вынематы,
Хрыстіянською кровью запываты;
Туды звири нахождалы
Коло жовтои косты тило оббиралы,
По лисамъ, по байракамъ розношалы,
У сырую землю загрибалы,
На пути-дорози не покыдалы.
Сталы ти два браты
До хрыстіянськыхъ городивъ дойизджаты,
Ставъ середулшый братъ свого старшого брата
Правды-неправды пытаты:
«Що то мы будемъ, брате,
Своему отцю й неньци отвичаты,
Що въ одному мы городи бувалы,
Йидніе лысты пысалы,
Що мы свого брата найменшого пихого-пихотинця
У турецькій неволи покыдалы.?»

Найстаршый братъ худо дбае,
Зъ плеча нагайкою крае,
Своему брату слова непрыятни рече-промовляе:
«Брате ридненькый, якъ соколе сывенькый,
Якъ маемо мы, брате, свого найменьшого брата,
Пихого-пихотынця ждаты-ожыдаты,
Буде за намы турецька-бусурменська велыка неволя,
Сыльна погоня уганяты,
Буде наше тило на тры часты сикты-рубаты;
А ще худо, брате, отцеве имучество
На тры часты роздиляты,—
Лучше ли будемо, брате,
На дви часты паюваты,
Свему отцю-неньци неправду казаты:
Не въ одному мы полку бувалы,
Не одному мы пану служылы,
Що мы свого брата найменшого
Пишого-пихотынця
Девъять литъ у вичи не выдалы».
Сталы ти два браты
До отцевського двору дойизджаты,
Сталы отець и матуся
Изъ хлибомъ и силью выхождаты;
Сталы воны свого найстаршого сына
За гостя прыйматы и за стилъ сажаты;
Сталы воны про найменшого сына
Усю правду пытаты.
Ставъ же найстаршый сынъ за стилъ сидаты,
Своему отцю-неньци неправду казаты:
«Не въ одному мы полку бувалы,
Не одному мы пану служылы,
Що мы свого брата найменшого
За девъять литъ у вичи не выдалы.»
Ставъ середулшый братъ за стилъ сидаты,
Гирко плакать и рыдаты,

Дрибни слёзы пролываты;
Ставъ винъ своему отцю-неньци
Усю правду казаты:
«Що въ одному мы полку бувалы,
И одному мы пану служылы—
У турецькій-бусурменській у тяжкій неволи,
У городи у Озови пробувалы,
Изъ города Озова у-мисти изъ плину утикалы,
Тилькы мы свого брата найменшого
Пихого-пихотынця
У турецькій у бусурменській велыкій неволи покыдалы».
Сталы отець-маты обиды справляты,
Молебни найматы;
Сталы найстаршого сына изъ двору зсылаты,
Сталы ёго обчествомъ-народомъ
Къ розстрелу выпровождаты.
Ставъ найстаршый братъ
Горко плакаты-рыдаты,
Свого брата найменшого
Пихого-пихотынця спомынаты:
«Лучче мени було тебе, брате,
У турецькій у бусурменській велыкій неволи
Тебе доглядаты,
А чымъ мени, брате, мижъ своимъ народомъ
У своимъ безридди смертю постраждаты».

Про удову и трёхъ сынивъ.

Ой у святую недиленьку,
Рано пораненьку,
Ой, не у бору сосна зашумила,
Не сывая зозуля кувала,
Не дрибна пташка щебетала,—
То бидна удова у своему доми
Зъ своимы дитьмы розмовляла;

Вона жъ ручкамы-пучкамы
Хлибъ-силь одробляла,
Да все сынивъ годувала
Да у наймы не пускала,
На поталу не давала,
И все Бога-Творця прохала:
«Поможы мени, Боже,
Сынивъ погодуваты,
До розуму подоводыты
И дома построиты
И йихъ подружыты!»...
То скоро бидная удова
Йихъ возростыла
И грамоты поучыла,
До розуму подоводыла.
Дома построила,
И йихъ подружыла.—
Сталы ти сыны удовыченькы
Жыты-прожываты,
Сталы воны у себе
Разную монету маты,
Сталы соби молодыхъ княгынь заручаты.
Сталы воны свою матиръ,
Несчасну удовыцю, зъ подвирья зсылаты:
«Ой иды ты, иды,
Наша маты старая,
Пречъ изъ нашого багатого двору,
Бо ты намъ невдобна,
Дила робыты неспособна;
Годи тебе, наша маты старая,
Штыты-поважаты,
Своихъ женъ страхаты,
Малыхъ дитей обиждаты.
Иды ты, иды, наша маты старая,
Пречъ изъ нашого багатого двору—

Будуть до насъ
Гости-панове найизджаты,
Будуть у насъ пыты-гуляты—
Тутъ тоби наша маты
Спокою не буде».
Це бидная вдова зачувае,
Дрибни слезы пролывае,
Що мовыть словамы,
Обильеться гиркымы слезамы:
«Якъ то я васъ, сыны, годувала,
Якъ каминь глодала,
А тепера чого я одъ васъ соби дождала—
Що йты на чуже подвирья прожываты...
Я буду у другій кимнати седиты
Вашихъ дитокъ глядиты»...
— «Иды ты, иды, наша маты старая,
Пречъ изъ нашого багатого двору—
Будуть у насъ гости найизджаты
У сынихъ каптанахъ
У китаевыхъ [1]) штаняхъ,
А ты будешъ промиждо насъ ходыты
Ра́мнямъ трусыты—
Насъ молодыхъ челядыновъ страмыты».
У святу недиленьку,
Рано пораненьку,
Не уси то дзвоны дзвонять,
А то тіи тры браты
Свою матусю, несчасну удовыцю.
Зъ подвирья изгонять.—
Найстаршый братъ
Пидъ руци выводжае,

---

[1]) Другой разъ кобзарь пѣлъ у *кысіевыхъ штаняхъ;* на мое замѣчаніе, что «кысіевыхь штанивъ не бувае» онъ отвѣчалъ—«то значыть у дорогихъ—мо тоди й кысіеви носылы».

Середулшый братъ
У потылыцю выбывае,
Найменьшый братъ
Воритечка одчиняе,
Іи бидну клене-проклынае:
— «Иды, бидная удова,
На чуже подвирья прожываты,
Бо ты намъ невдобна—
Робыты дила неспособна,
Оце жъ тоби шляхъ-дорога
Шырока и довга»...
Пишла бидная вдова, плаче,
Стежечкы не баче, спотыкаеться,
А седыть найменшый сынъ
Край виконечка, насмихаеться:
«Ой дывиться, хлопци, панове-молодци,
Якъ то наша маты на старисть,
Чы вона напываеться,
Чы ума лышаеться—
Що по-пидъ тынамы хыляеться».
Обздумавъ середулшый сынъ—
Що маты наша ни вына не напывалась,
Ни ума не лышалась,
Ни пидъ тыномъ не валялась,
А вона насъ годувала
И совершенныхъ литъ ожыдала,
Думала при сынахъ до старосты дожываты;
Мы жъ іи зъ свого подвирья зогналы,
И передъ Богомъ и передъ людьмы
Сміятыся сталы.».
Пишла бидная удова
Плаче, спотыкаеться,
Идеть проты неи чужая-чужанына
Молодая челядына, пытается:
— «Чого ты, бидная вдово, плачешъ?»

— «Визьмы мене, чужая-чужаныно,
Молодая челядыно,
На свое подвирья прожываты,
Буду тоби сины-хату вымитаты,
Буду малыхъ дитей доглядаты».
Чужая-чужанына молодая-челядына
Воритечка одчиняе,
Бидную удову до себе зазывае:
— «Иды ты, бидная вдово, до мене прожываты,
Не будешъ мени ни синей-хаты вымитаты,
Будешъ тилько малыхъ дитокъ
У хати доглядаты,
И мени молодій челядыни
Порядокъ даваты;
Буду тебе за ридную неньку почытаты
И до смерты годуваты и до жыття годуваты,
Тилько будешъ у мене по викъ прожываты.»
Бидная удова у чужои-чужаныны,
У молодои челядыны прожывала,
Трынадцять годъ прожывала.
На чотырнадцятый годъ
Сталы хуртовыны наступаты,
Сталы вдовыченькивъ побываты—
Що первая хуртовына—дома попалыла,
Другая хуртовына—у поли й у доми попоныла,
Третя хуртовына—скотыну поморыла
И ничого вдовыченькомъ не остановыла.
Сталы вдовыченькы жыты-прожываты,
Ничого у себе не сталы маты.
Сталы гирко прожываты.
У святую недиленьку, рано-пораненьку,
Тожъ не у вси дзвоны дзвонять.
То про удовыченькивъ усе люде говорять.
Гости-панове пылы-гулялы,
За двиръ выйизджалы, удовыченькивъ осміялы:

— «Що вже мабуть въ удовыченькивъ
Хлиба-солы не стало,
Що воны бидную удову
Зъ свого подвирья зослалы»...
Що у святу недиленьку,
Рано пораненьку,
То не сызіи орлы заклекталы,
Якъ тры братикы одъ сна уставалы,
Били лыця промывалы,
Божихъ молытовъ промовлялы,
Що мовлять словамы
Обильются дрибными слёзамы;
Ставъ старшый сынъ
Братамъ своимъ промовляты:
— «Брате мій середульшый, брате найменьшый,
Не гарно мы вси у-трёхъ изробылы,
Що мы свою неньку удову стареньку
Изъ свого подвирья прогналы;
Ходимъ тепера передъ Богомъ, передъ людьмы
Грихъ-страмъ потерпимо,
И свою неньку, удову стареньку
На свое подвирья возьмимо;
Будемъ прохаты,
Чы не перестане насъ Господь
Хоть мало-немного караты».
Скоро шапкы у рукы забралы
И на колина упалы,
Свою неньку, удову-стареньку,
На свое подвирья прохалы:
«Иды, ненько, удово старая,
До насъ прожываты,
Будемъ дитей поучаты,
А молодыхъ женъ спыняты,
И тебе за ридну неньку почытаты,
Чы не перестане насъ Господь караты».

Бидная удова на слезы не вдаряла,
Словамы промовляла:
— «Якъ то я васъ, сыны, годувала,
Якъ каминь глодала!
А тепера чого одъ васъ дождала—
Що на чужому подвирью прожываю,
Да вже й буду на чужому подвирью прожываты;
Просить Бога и всевышнёго Творця.
Щобъ переставъ васъ караты,
А я буду на чужому подвирьи помираты».
Бидная удова на чужому подвирьи й померла;
Іи слава, іи памьять
Тайно не пройде;
А тилько іи слава,
Іи памьять пройшла
Миждо морямы, миждо землямы.
Миждо православнымы христіянамы.

«Дивка бранка»

Сестра зъ братомъ не въ мыру жывуть.
У Цари-гради на базари,
Де збираеться торговына.
Тамъ брать сестру запродае,
Та не знае, що взять мае,
Бо вона сама соби цину знае,
Цину вызначае:
«Беры, брате, гроши не личачы,
Сребро-злато не важучы.
Кытаечку не мирячы.».
Десь узявся злый татарынъ,
Десь узявся презлый панычъ,
Дае гроши не личачы,
Сребро-злато не важучы.

Кытаечку не мирячы.
Ставъ братъ сестру зъ рукъ здаваты,
Татарына научаты:
«Татарыне, презлый пане,
Не дай дивци заплакаты,
Въ свою землю поглянуты,
Отця неньку спомъянуты».
Дивка-бранка не втерпила,
Въ свою землю поглянула,
Отця-неньку спомъянула.
Якъ угледивъ татарынъ,
Якъ угледивъ презлый панычъ,
Да вдарывся у билу грудь..
. . . . и везе у свою землю...
Десь взялась на мори хвыля,
Уси кораблыкы побыла.
Й татарына затопыла;
Дивку-невольнычку зостановыла,
У свою землю выкынула.
Іи слава, іи памъять
На многіи лита.

А. Г. Сластіоновъ

Записано въ Миргородѣ. 21-го февр, 1902 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи учрежденія Кіевскаго и другихъ Центральныхъ архивовъ (2 апр. 1852 г.). Въ истекшемъ апрѣлѣ исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня изданія закона 2 апрѣля 1852 г. объ учрежденіи въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ Центральныхъ архивовъ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ. Этимъ законодательнымъ актомъ навсегда сохранены драгоцѣнные историческіе памятники, полвѣка уже служащіе и еще на многіе вѣка имѣющіе служить неисчерпаемымъ источникомъ для изученія минувшей жизни западно-русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства. Чтобы судить о томъ, какъ безмѣрно велико въ количественномъ отношеніи это драгоцѣнное историческое наслѣдство, достаточно сказать, что въ настоящее время въ трехъ названныхъ архивахъ хранится свыше 32,000 актовыхъ книгъ XVI—XVIII ст. Въ одномъ Кіевскомъ архивѣ ихъ числится около 6,000, да сверхъ того около полумилліона отдѣльныхъ документовъ. Что касается научной цѣнности актовыхъ матеріаловъ, достаточно сослаться на многочисленныя уже и теперь, и все еще растущія количественно изданія Кіевской и Виленской археографическихъ коммиссій и Витебскаго архива и хотя въ общихъ чертахъ припомнить ту массу весьма цѣнныхъ вкладовъ, какую внесли въ историческую науку труды названныхъ учрежденій въ короткій сравнительно періодъ ихъ существованія. Въ частности, относительно нашего края, можно съ увѣренностью сказать, что всестороннее изученіе исторіи Волыни, Подолья и Кіевской Украины сдѣлалось возможнымъ лишь съ того времени, какъ актовыя книги этихъ областей

были собраны въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ и сдѣлались основнымъ матеріаломъ для ученыхъ изданій мѣстной Археографической Коммиссіи.

Честь инициативы въ сохраненіи этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ принадлежитъ Кіеву и его ученымъ силамъ. Полвѣка назадъ западно-русская исторія была въ полномъ смыслѣ tabula rasa, и потому актовыя книги, какъ историческій матеріалъ, не могли быть оцѣнены не только въ мѣстахъ ихъ храненія—въ провинціальной глуши Сѣверо-западнаго и Юго-зап. края, но и въ столичныхъ центрахъ, гдѣ о нихъ не имѣли никакого понятія. Правительство съ 1833 года было заинтересовано судьбою этихъ книгъ единственно въ смыслѣ огражденія ихъ отъ систематическихъ подлоговъ и фальсификацій, какимъ онѣ подвергались тогда со стороны мѣстныхъ шляхтичей, стремившихся этимъ способомъ доказать права дворянства или отклонить конфискацію имѣній послѣ мятежа 1831 года. Въ этихъ видахъ дважды были учреждаемы (въ 1833 и 1842 гг.) особыя повѣрочныя коммиссіи, которыя должны были составить точныя описи всѣмъ актовымъ книгамъ, прошнуровать ихъ, переномеровать въ нихъ листы и, вообще, принять мѣры, которыя сдѣлали бы невозможными дальнѣйшіе въ нихъ подлоги. Составленныя изъ уѣздныхъ чиновниковъ, коммиссіи эти не въ состояніи были удовлетворительно исполнить возложенное на нихъ порученіе, и когда въ мартѣ 1851-го года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы провѣрка актовыхъ книгъ непремѣнно была окончена къ 1-му января 1852 г., то оказалось, что повѣрочныя коммиссіи лишь накопили цѣлые фоліанты безполезной переписки, а къ составленію описей актамъ и не приступали.

Между тѣмъ, годъ спустя послѣ учрежденія повѣрочныхъ коммиссій 1842 года, въ Кіевѣ, по ходатайству генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, открыта была въ 1843 г. Археографическая Коммиссія. Приступивъ къ собранію матеріаловъ для своихъ трудовъ, эта коммиссія обратила особенное вниманіе на актовыя книги XVI—XVII ст. и въ нихъ нашла неисчерпаемый источникъ для историческихъ изысканій. Почти всѣ наиболѣе драгоцѣнные матеріалы, опубликованные въ первыхъ изданіяхъ Коммиссіи и привлекшіе къ ея трудамъ самое живое вниманіе и интересъ, были именно отысканы ею въ древнихъ актовыхъ книгахъ. Этимъ впервые было указано и доказано, что актовыя книги имѣютъ важное значеніе не потому лишь, что заключаютъ въ себѣ юридическія доказательства правъ состоянія для мѣстнаго

дворянства, какъ тогда ихъ односторонне только и цѣнили, но еще болѣе потому, что онѣ могутъ служить для науки драгоцѣннымъ пособіемъ, возстановляющимъ исторію западно-русскихъ областей совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, въ какомъ она до того времени представлялась польскими историками и публицистами. Но ознакомившись подробно съ тѣмъ, какая громадная масса актоваго матеріала была разсѣяна по всему Юго-западному краю, и какъ небрежно она хранилась въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ, бывшихъ городскихъ магистратовъ и ратушъ и въ другихъ мѣстахъ, Коммиссія, въ своихъ представленіяхъ генералъ-губернатору, неоднократно указывала на неотложную необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище въ Кіевѣ и тѣмъ спасти ихъ отъ угрожавшей имъ гибели. Бибиковъ, какъ умный человѣкъ, съ самаго начала не придавалъ повѣрочнымъ актовымъ коммиссіямъ серьезнаго значенія и въ своихъ представленіяхъ министрамъ неоднократно проводилъ мысль, что ихъ слѣдовало бы закрыть, какъ совершенно безполезныя учрежденія. Въ первое время онъ не могъ лишь придумать, чѣмъ ихъ замѣнить. Теперь идея учрежденія Центральнаго архива, симпатичная ему и сама по себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ представилась ему и какъ превосходная мѣра къ выходу изъ того затруднительнаго положенія, въ какое ставила правительство бездѣятельность повѣрочныхъ коммиссій. Выждавъ время, когда министерство юстиціи и само убѣдилось въ томъ, что отъ этихъ коммиссій нельзя ожидать никакой пользы, Бибиковъ поручилъ Кіевской Археографич. Коммиссіи выработать въ основныхъ чертахъ проектъ учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива для актовыхъ книгъ и, минуя посредствующія инстанціи, представилъ (въ январѣ 1850 г.) личный докладъ императору Николаю I по этому дѣлу. Государь одобрилъ его проектъ и велѣлъ представить подробныя соображенія по этому предмету въ министерства юстиціи, внутр. дѣлъ и народн. просвѣщенія для внесенія ихъ установленнымъ порядкомъ въ Государств. Совѣтъ. Всѣ три названныхъ министра отнеслись къ проекту учрежденія Кіевскаго Центр. архива съ полнымъ сочувствіемъ; но когда онъ министромъ нар. просвѣщенія былъ внесенъ въ Госуд. Совѣтъ, то послѣдній подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло касается актовъ, съ одной стороны, важныхъ для исторіи законодательства, а съ другой—могущихъ служить часто доказательствами правъ состоянія и собственности, призналъ необходимымъ подвергнуть данный проектъ предварительному соображенію 2-го отдѣле-

нія собств. Е. И. В. Канцеляріи для вторичнаго внесенія, съ его заключеніемъ, въ Госуд. Совѣтъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла глубоко огорчилъ нетерпѣливаго Бибикова: «Какъ жаль—писалъ онъ князю Ширинскому-Шихматову, — что у насъ можетъ встрѣчаться столько затрудненій къ осуществленію самыхъ полезныхъ предположеній!»

Главноуправляющимъ 2-мъ отдѣленіемъ Канцеляріи былъ въ то время извѣстный государственный дѣятель, графъ Д. Н. Блудовъ. Онъ около года продержалъ у себя проектъ Бибикова и лишь въ апрѣлѣ 1851 г. представилъ свое заключеніе въ видѣ обширной записки, въ которой не оставилъ безъ возраженія или замѣчанія ни одного изъ положеній, предложенныхъ въ ходатайствѣ кіевскаго генералъ-губернатора, вслѣдствіе чего Госуд. Совѣтъ вторично возвратилъ проектъ для новыхъ соображеній. Мы не можемъ въ немногихъ словахъ передать содержаніе обширной записки гр. Блудова; замѣтимъ лишь, что въ ней нѣтъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго и важнаго возраженія, за то на каждомъ шагу встрѣчаются мелочныя, придирчивыя замѣчанія, чаще всего свидѣтельствующія о недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ спора. Авторъ не отвергаетъ пользы учрежденія Центр. архива, но съ такою настойчивостью и съ такимъ какъ-бы скрытымъ недоброжелательствомъ подрываетъ главныя основанія проекта, что въ умѣ читателя его записки возникаетъ невольное подозрѣніе: не потому ли не отвергаетъ, что проектъ въ основныхъ чертахъ уже получилъ Высочайшую санкцію, и оппоненту ничего другого не оставалось, какъ спорить лишь о средствахъ и способахъ его осуществленія, хотя онъ нерѣдко оспариваетъ и основанія проекта. Вообще же записка гр. Блудова страдаетъ отсутствіемъ ясныхъ принципіальныхъ основаній, уклончивостью въ сужденіяхъ и какъ бы недоговариваніемъ чего-то.

Бибиковъ рѣшилъ не оставить этой записки безъ должнаго отвѣта, составленіе котораго было имъ поручено проф. университета и главному дѣятелю кіевской Археогр. Коммиссіи Н. Д. Иванишеву, единственному въ то время ученому, практически и научно знакомому съ древними актовыми книгами. Иванишевъ, съ свойственною ему основательностью и знаніемъ дѣла, составилъ блестящее опроверженіе всѣхъ возраженій гр. Блудова; въ противоположность его оппоненту, въ каждомъ словѣ записки Иванишева звучитъ благородная прямота, искренность и непреклонная убѣжденность въ томъ, что за-

щищаемое имъ дѣло какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ здраво понимаемымъ государственнымъ интересамъ, не говоря уже о пользѣ для науки. Тѣмъ не менѣе графъ Блудовъ, ознакомившись съ этой запиской, категорически заявилъ, что онъ остается при прежнемъ мнѣніи и не намѣренъ отказаться ни отъ одного изъ раньше высказанныхъ имъ замѣчаній. Это такъ испугало докладчика проекта, князя Ширинскаго, что, извѣщая объ этомъ Бибикова, онъ писалъ ему: «за такимъ отзывомъ д. т. сов. графа Блудова не предвидя успѣха настоящему дѣлу въ Госуд. Совѣтѣ, я нужнымъ считаю объ этомъ увѣдомить васъ, не признаете ли вы за лучшее отложить это дѣло до другого времени». Какъ ни протестовалъ Бибиковъ противъ такой отсрочки, но министръ нар. просвѣщенія такъ-таки и не отважился въ третій разъ внести въ Госуд. Совѣтъ проектъ объ архивѣ.

Но сила вещей привела все-таки къ тому, что этотъ проектъ долженъ былъ осуществиться. Приближалось 1-е января 1852 г.— срокъ, къ которому, согласно Высочайшему повелѣнію, непремѣнно должна была закончиться повѣрка актовыхъ книгъ уѣздными коммиссіями. Министръ юстиціи гр. Панинъ не могъ скрыть отъ государя, что его воля никакъ не можетъ быть выполнена, что коммиссіи все еще не приступали, да и не могли вовсе приступить къ возложенному на нихъ порученію вслѣдствіе полной неподготовленности къ такому дѣлу, требующему палеографическихъ знаній. И вотъ, въ самомъ концѣ 1851 года, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе: актовыя коммиссіи закрыть повсемѣстно съ 1 января новаго года, а о томъ, какія мѣры принять для повѣрки и лучшаго храненія актовыхъ книгъ, поручить министру юстиціи внести въ Госуд. Совѣтъ свои соображенія не позже 1-го февраля того же 1852 года. Но при этомъ императоръ Николай I собственноручно приписалъ на докладѣ: «а мнѣніе генералъ-адъютанта Бибикова я раздѣляю въ полной мѣрѣ». Понятны послѣ этого дѣйствія гр. Панина: онъ цѣликомъ воспользовался проектомъ кіевскаго генералъ-губернатора, но примѣнилъ его не къ Югозападному только, а и къ Сѣверозападному краю. Теперь ничьи возраженія и замѣчанія не имѣли больше силы. Государств. Совѣтъ принялъ проектъ безъ измѣненій. Указомъ, даннымъ Правит. Сенату 2 апр. 1852 г., повелѣно учредить Центральные архивы въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія раньше были предложены Бибиковымъ для одного Кіева.

Такъ спасены были отъ грозившей имъ гибели актовыя книги девяти западныхъ губерній.

О. Л.

Письмо царицы Екатерины къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому. [1])

«Преосвященный Іоасафъ Митрополитъ.

Благодарствуемъ за Ваше архіерейское писаніе, которое мы получили отъ нашего посланного Ивана Котелницкаго, за сіе жъ наипаче, что по нашему прошенію показали усердіе во изысканіи священника и пѣвчихъ. *И за книшку благодарны.*

И за симъ благословенія
Вашего и молитвъ прося,
остаемся *ц. Екатерина.* [2])

Изъ Москвы. 1716 г.
ѳевраля въ 15 д.»

Сообщ Д. **Вишневскій.**

Рѣдкая книжка. Въ 1883 г. г. М. Ф. Комаровъ издалъ «Бібліографичный покажчыкъ новои украинськои литературы (1798—1883)», который, не смотря на всю свою неполноту (изъ него были исключены всѣ работы галичанъ и буковинцевъ), принесъ большую пользу не однимъ только историкамъ украинской литературы. Весьма желательно было-бы, чтобы какъ можно скорѣе появилось новое изданіе этого указателя,—дополненное; оно теперь будетъ во много разъ превосходить первое. Пока же оно появится, не лишнее будетъ указать на одну не вошедшую туда книжку, а такъ какъ книжка эта, кромѣ того, теперь большая рѣдкость, то и дать о ней болѣе подробныя свѣдѣнія.

---

[1]) Подлинное нами передано въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи.

[2]) Подчеркнутыя слова писаны рукою самой Екатерины,

Книжка эта—брошюра въ 2+12 страницъ in 8° и называется такъ: «Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ, говоренное Филаретомъ, архіепископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ. (Въ переводѣ Малороссскомъ). Черниговъ. 1859».

На оборотѣ цензурное дозволеніе: «Отъ Кіевскаго Духовно-Цензурнаго Комитета 10 сентября 1859 г.» Въ началѣ книжки, на первой ея страницѣ, стоитъ второй заголовокъ (сохраняемъ вездѣ въ точности правописаніе):

«Прóповідь протúвъ враждебникивъ, хтúвихъ до доносивъ».

За заглавіемъ эпиграфъ:

«Бывайте же другъ ко другу блази. Ефес. 4, 32. („Бувáйте дóбри одúнъ до другóго")».

Намъ неизвѣстно, самъ-ли архіепископъ-историкъ, будучи убѣжденъ въ необходимости малорусской проповѣди, изложилъ свое слово по-малорусски, или же кому либо поручилъ это сдѣлать, но такъ или иначе онъ счелъ нужнымъ, чтобы церковь обращалась къ народу народнымъ языкомъ, благодаря чему и была напечатана книжка.

«Слово» часто приводитъ тексты священнаго писанія ветхаго и новаго Завѣта и каждый разъ сопровождаетъ ихъ переводомъ. Очевидно, авторъ хорошо зналъ, что иначе тексты не будутъ поняты народомъ, и полагалъ, что передача священнаго писанія малорусскимъ языкомъ является дѣломъ, достойнымъ христіанской церкви.

Для образца языка приведемъ два отрывка:

«Тебе зневажають, тебе ганьбують,—нехай тобі не вмоготу здержати свое серце, знести обиду и оддячить добромъ за зло. Господь въ такому разі указавъ тобі инший судъ. Господь сказавъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе не послушаетъ, поими съ собою еще единаго или два. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви.* (Мат. 18, 15, 16, 17). («Коли тебе прогнівить братъ твій, иди и обвиновать ёго на самоті. Коли жъ тебе не послухае вінъ, возьми зъ собою ище одного, або двохъ. Коли жъ вінъ не послухае й тихъ, оповісти церкви») (стр. 9-я).

«Послухаймо жъ, якъ судия усёго світа гримить своімъ словомъ до тихъ окаяннихъ, котори не слухають Его святоі волі и ніколи не мають ні щирости, ні благости до другого: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мат. 25, 41).

(«Идіть одъ Ме́не проклятии у огонь вічний, придбаний задля диявола и челяді его»). (Стр. 12-я).

Было бы весьма желательно переизданіе этого «Слова» не только какъ матеріала для чтенія, но и какъ фактическаго указанія того, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ православной церкви относился къ наболѣвшему вопросу объ изданіи давно готоваго перевода Священнаго Писанія на малорусскій языкъ. Вѣдь долженъ же когда нибудь этотъ вопросъ рѣшиться въ положительномъ смыслѣ, разъ распространеніе христіанскихъ истинъ среди народа является обязательнымъ для христіанской церкви.

П. В.

Сельская сатира. Въ началѣ XIX ст. (1804 г.) въ с. Колодистомъ, Звенигородскаго уѣзда, у крестьянина Ивана Береговóго родилась дочь Меланія, слывшая во время дѣвичества особой необычайно остраго ума. Будучи таковой, она еще подросткомъ (не болѣе 15—16 л., т. к. на семнадцатомъ году ее уже выдали замужъ), на вечорныцяхъ или на «досвиткахъ», когда собиралась молодежь, сочиняла по адресу присутствующихъ всевозможныя остроты. И вотъ однажды ей пришло на мысль сочинить виршу, въ которой бы фигурировали всѣ хозяева с. Колодистаго, со включеніемъ и нѣкоторыхъ лицъ не крестьянскаго сословія. Чтобы удобнѣе было привлечь къ сатирѣ свои жертвы, молодая поэтесса взяла сюжетомъ ея «квашу», наваренную въ огромномъ количествѣ, въ извѣстныя отношенія къ которой она и поставила то или иное лице.

Приводимый нами ниже текстъ «Кваши», записанный отъ старожиловъ с. Колодистаго крестьяниномъ Ильей Гайшукомъ, въ настоящемъ своемъ видѣ носитъ на себѣ, безъ сомнѣнія, слѣды безпрерывныхъ наслоеній. Въ теченіе 80 лѣтъ никого изъ упоминаемыхъ первоначально въ сатирѣ лицъ не осталось уже въ живыхъ,—вслѣдствіе чего новыя редакціи къ прежнимъ фамиліямъ, откинувъ имена отцевъ, примѣнили имена сыновей и внуковъ; нѣкоторыя фамиліи добавлены въ позднѣйшее время, являясь анахронизмомъ по отношенію къ первоначальной редакціи.

Но оставивъ въ сторонѣ историческую часть сатиры, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что если она и не стоитъ высоко со стороны ли-

тературной, за то многія изъ ея характеристикъ являются столь мѣткими, что врядъ-ли исчезнутъ еще и черезъ десятки лѣтъ.

Начало приводимой нами сатиры отмѣчаетъ и автора, который уже, естественно, фигурируетъ въ образѣ «бабы Меланкы». Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ сатиры навсегда получилъ прозвище «Квашыхы», а сынъ ея, нынѣ еще здравствующій 65 лѣтній старикъ, «Квашуна».

Писня про Квашу.

Стара баба Меланка Квашыха
Съ понедилка на вивторокъ
Напарыла кваши видеръ сорокъ;
А якъ стала іи кваша граты,
То сталы стелю рваты;
Тоди сталы думаты—гадаты,
Якъ-бы тую квашу роздаты.
Отъ прыйшовъ Билозиръ—
Набравъ кваши на вузиръ;
Прыйшовъ Журавель—
Набравъ кваши въ карабель;
Отъ прыйшовъ Васыль Горелъ (Орелъ)—
Коло квашы ажъ умеръ;
Прыйшовъ Гулючокъ Горбатый—
Почавъ квашу ту сёрбаты;
Прыйшовъ Горобець Иванъ—
Набравъ кваши у карманъ;
Прыйшовъ ще Якивъ Безуглый
И заглядае изъ-за угливъ [1]);
А якъ прыйшовъ Пацюрна:
«Яка жъ кваша чепурна!»
Прыйшовъ потимъ и Заремба—
Набравъ кваши на ребра,
Прыйшовъ дали Гайшукъ—
Набравъ кваши у капшукъ;
Прыйшовъ знову Швець Мусій—
Коло кваши на день засивъ; [2])

---

[1]) Былъ скупой, всегда держался осторонь, заглядывалъ изъ-за угла.
[2]) Былъ большой пьяница; характерная черта - куда прійдетъ, тамъ и засядетъ.

Прыйшовъ Журавель Гаврыло—
Набравъ кваши у барыло;
Прыйшовъ Тарасъ Токовый—
Коло кваши ажъ завывъ;
Прыйшовъ ще Кузьма Канакъ—
Набравъ кваши хочъ на знакъ;
Прыйшовъ знову старый Лазуръ [1])
Навколюшкы коло кваши лазывъ;
Прыйшовъ Гордій Туру́ра—
«Яка жъ кваша дорога́!»
Прыйшовъ Грыгоръ Полишукъ—
Набравъ кваши у капшукъ;
Прыйшовъ ще старый Шевченко—
«Чы це кваша ваша всенька?» [2])
Прыйшовъ ище Иванъ Китъ—
Квашею языкъ опикъ;
Прыйшлы вси Городнюкы—
Взялы кваши въ блызнюкы;
Прыйшовъ Матвій Заверюха—
Набравъ кваши на вуха;
Прыйшовъ Прокипъ Ополонець—
Набравъ кваши цилый корець;
Прыйшовъ Галка Матвій—
Набравъ кваши у запилъ;
Прыйшовъ Трыфинъ Кособлыкъ—
Набравъ кваши у шаплыкъ;
Прыйшовъ Марчукъ Ярехта—
«Яка жъ ваша кваша крепка!»
Прыйшовъ потимъ старый Юзь [3])—
Набравъ кваши у картузъ;
Прыйшовъ Кононъ Баранець—
Набравъ кваши въ гаманець;

---

[1]) Лазаръ Галка, нынѣ 75 лѣтній старикъ. Характеристика перенесена съ отца на сына.

[2]) Этому всегда всего бывало мало.

[3]) Іосифъ (Юзь) Доманицкій, сверстникъ автора сатиры, въ началѣ XIX ст., приписавшійся къ крестьянскому обществу.

Прыйшовъ знов Петро Багрій—
И той кваши нагрибъ;[1])
Прыйшовъ ще Танась Коршокъ—
Набравъ кваши у мишокъ;
Прыйшовъ Мыкола Мулинській—
Коло кваши заиржавъ по-кинській;[2])
Прыйшовъ Подопрыгора Танась—
Забувъ на квашу взять прыпасъ;
Прыйшовъ старый Стратій—
На квашу карбованця стратывъ;
Прыйшовъ Заверуха Гаврыло—
Набравъ кваши винъ на рыло;
Прыйшовъ ще Левко Коршокъ—
Набравъ кваши у горщокъ;
Прыйшлы два Прысяжнюкы—
Взялы кваши въ блызнюкы;
Прыйшовъ зъ Лукивкы[3]) Гармыдеръ—
Далы кваши ажъ симъ видеръ;
Прыйшовъ посли старый Щуръ—
Набравъ кваши у каптуръ;
Прыйшовъ Шулякивъ Степанъ—
И той кваши щось набравъ;
Прыйшовъ знову Васыль Ракъ[4])—
Набравъ кваши у корякъ;
Прыйшовъ старый Юхымъ Ракъ—
Коло кваши и заклякъ;[5])
Прыйшовъ Печерыця Ёсыпъ—
И той кваши соби просыть.
Прыйихалы Морозы[6])
Набралы кваши на возы.

---

[1]) Характерная черта для фамиліи Багріевъ.

[2]) Также характерно для даннаго лица, нынѣ еще здравствующаго 74 лѣтняго старика.

[3]) Село Звенигородск. у., въ 4 верстахъ отъ с. Колодистаго.

[4]) Племянникъ автора сатиры. Позднѣйшее наслоеніе.

[5]) Сынъ автора - позднѣйшее наслоеніе.

[6]) Морозы изъ с Торговицы, Уманскаго у.—въ 25 в. отъ с. Колодистаго. Этой фамиліи нѣтъ въ с. Колодистомъ.

Прыйшовъ старый Тарабанъ—
Набравъ кваши въ барабанъ;
Прышовъ ще Грыгоръ Лядецькый—
Возывъ квашу у Бродецьке[1]).
Отъ и въ Бродецьке повезлы—
И тамъ всеи не продалы,
Та ажъ у Калныболота[2]) повезлы,
И тамъ видеръ съ пьять за нюхъ табакы оддалы,
Та и ще всеи не продалы
И такъ до-дому прывезлы.
Отъ прыйшовъ Ополонець Назаръ:
«Везимъ квашу на базаръ!»
Отъ прыйшовъ Танась Курчакъ[3])—
Та й почавъ квашу кончать;
Ажъ прыйшовъ старый Лынець—
А вже й кваши кинець.
А писля всихъ прыйшовъ попивъ Хома[4]),
А вже й кваши нема,
А винъ каже: «трясця вашій ма,
Колы мени кваши нема!»
Щаслыва бабка була,
Що всю квашу роздала!

Къ сожалѣнію, въ данномъ варіантѣ пропущенъ куплетъ про мѣстнаго эконома—Быстрицкаго, которому также дано было мѣсто въ сатирѣ. Когда ему передали объ этомъ, онъ вызвалъ ко двору поэтессу и велѣлъ дать ей 50 горячихъ.

—

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что «писня про квашу» послужила образцомъ для другихъ шутливыхъ произведеній, сочиняемыхъ

[1]) С. Звениг. у. въ 9 в. отъ с. Колодистаго. Позднѣйшее наслоеніе т. к. Лядецкіе появляются въ с. Колодистомъ въ 1860 г. изъ м. Екатеринополя (Калниболотъ).

[2]) Мѣст. Звениг. у., въ 10 в. отъ с. Колодистаго, ближайшій базарный пунктъ.

[3]) Нынѣ 65 лѣтній старикъ.

[4]) Θома Доманицкій, нашъ двоюродный дѣдъ, сверстникъ автора сатиры, бывшій всю жизнь (съ 1817—1877) дьячкомъ въ с. Колодистомъ Женился онъ на крестьянкѣ и былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ вечорныцъ.

крестьянами с. Колодистаго. Отрывокъ такого стихотворенія, составленнаго въ послѣдніе 5—10 лѣтъ, несомнѣнно въ духѣ «писни про квашу», мы и приводимъ [1]).

Була у нашого Остапа
Ряба кобыла,
Симъ годъ горшкы возыла,
Тай ни одного не розбыла.
А якъ вона умерла,
То ногамы двери пидперла.
Сходылысь тоди уси бра́ты:
«Будемъ кобылу рятуваты!»
Прыбигъ Заверуха—
Бере кобылу за вуха;
Прыбигъ Заремба—
Ударывъ кобылу по ребрахъ;
Прыбигъ Макаръ—
Та кобылу злякавъ;
Прыбигъ Горобець—
Ставъ съ кобылы жеребець.
Не журиться вы, дивчата:
Й ты Ярыно,
Й ты Марыно,
Й ты Явдохо,
Й ты Мартохо
И ще Гапчукова Хрысте:
Буде зъ нашои кобылы до-чорта корысты:
Изъ грывы—свытка,
А зъ спыны—скрыпка,
А зъ реберъ—нары,
Ще й будуть комусь окуляры!».

Сообщ. **В Доманицкій**.

---

[1]) По записи крестьянина, просившаго не открывать его имени,—въ виду могущихъ быть непріятностей со стороны главнаго дѣйствующаго лица данной сатиры—Остапа Пономаренка. Этотъ послѣдній, дѣйствительно, покупаетъ никуда негодныхъ лошадей, чуть-ли не по 1½ руб. пару, и заѣзживаетъ ихъ до смерти.

Малярь-стихотворецъ. Въ с. Ивахнахъ, липовецкаго уѣзда, въ настоящее время проживаетъ нѣсколько семействъ изъ фамиліи Заборовскихъ; числятся они липовецкими мѣщанами и занимаются всѣ (мужчины) иконописаніемъ.—По липовецкому, гайсинскому и др. смежнымъ уѣздамъ кіевской и подольской губерній разъѣзжаютъ Заборовскіе, красятъ церкви, расписываютъ иконостасы; лѣтомъ они постоянно въ разъѣздахъ, а зимою пишутъ иконы и развозятъ по ярмаркамъ.—Родоначальникомъ этой фамиліи былъ дворянинъ Михаилъ Сидоровичъ Заборовскій, служившій въ Липовцѣ въ чинѣ губернскаго регистратора еще въ началѣ XIX столѣтія. Въ молодости онъ оставилъ службу, полюбилъ искусство иконописанія, предался ему всею душою, работалъ усердно и, какъ видно по имѣющимся въ церкви въ с. Ивахнахъ его иконамъ, достигъ замѣчательнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ,—около ста лѣтъ назадъ писаны эти иконы, но лики святыхъ такъ явственно изображены и такою хорошею краскою, что подновлять ихъ пока нѣтъ надобности, да и опасно при нынѣшнемъ состояніи иконописанія въ селахъ. По разсказамъ старожиловъ и его сына Панкратія, коему теперь 82 г., покойный Михаилъ Заборовскій ходилъ всегда въ подряснику, какъ ходятъ причетники, былъ очень религіозенъ. Ему даже предложено было однажды принять священническій санъ, но по смиренію онъ отказался и считалъ себя достойнымъ только быть церковнымъ старостою въ с. Ивахнахъ.

Иконы своей работы онъ не развозилъ по ярмаркамъ, а къ нему являлись церковные старосты изъ дальнихъ селъ и, не торгуясь, за предложенную имъ цѣну брали его издѣлія; Заборовскій же съ своей стороны никогда не бралъ за свои издѣлія дороже того, что стоилъ ему трудъ, краска и проч. Заборовскій велъ знакомство съ священниками, былъ вездѣ принятъ, какъ свой, и особенно любилъ ѣздить въ таращанскій уѣздъ, гдѣ имѣлъ между священниками самыхъ близкихъ друзей; въ м. Пятигорѣ, при погостѣ церковномъ, окруженномъ торговою площадью, Заборовскій иногда выставлялъ свои издѣлія. Будучи живописцемъ, Заборовскій вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ даромъ стихотворства и любилъ къ иконамъ приписывать стихи собственнаго сочиненія. Питая къ семейству мѣстнаго священника о. Василія Крыжановскаго особое расположеніе, онъ написалъ ему на память икону спящаго Спасителя, окруженнаго орудіями страданій, и подъ иконою написалъ слѣдующіе стихи:

Се спитъ, какъ человѣкъ, не дремлющій отъ вѣкъ.
Его блаженный сонъ; что жъ въ немъ видитъ онъ?
Крестъ, гвоздіе, копье—страданіе свое.
Онъ распятъ былъ отъ рукъ жидовскихъ.
Спаси родъ Крыжановскихъ.

Въ домѣ Ивахновскаго священника Василія Васильевича Крыжановскаго (сына), живущаго на приходѣ болѣе 30 лѣтъ, и теперь имѣется на дверяхъ, ведущихъ въ комнаты, большая картина, на коей изображенъ отецъ—старикъ, одѣтый въ священническую рясу, съ длинными волосами, стоящій въ молитвенномъ положеніи; предъ нимъ на столѣ чернильница съ гусинымъ перомъ, а по другой сторонѣ стола стоитъ молодой юноша, чрезвычайно благообразный, съ наклоненною головою, принимающій какъ-бы отъ отца родительское благословеніе. Подъ картиною стихи:

Честь имѣй, много не пей,—будешь здоровъ;
Въ должномъ трудись, мѣры держись,—будешь богатъ.
Бога ты чти, врагамъ не мсти,—будешь правдивъ;
Съ кротостью знайся, тяжбы удаляйся,—будешь счастливъ;
Чистосердъ будь, воздержи грудь,—будешь любимъ.
Помни о сихъ, что въ единъ мигъ будеши мертвъ.

Замѣчательно, что покойный Заборовскій къ каждой иконѣ, которую предназначалъ своему пріятелю, старался непремѣнно приписать нѣсколько стиховъ. Въ старину стихи любили писать не только на иконахъ и картинахъ, но и на дверяхъ при входѣ въ домъ. Старики расказываютъ, что въ ихъ время на дверяхъ многихъ духовныхъ особъ, при входѣ, имѣлись стихи.

Въ Кіевѣ на дверяхъ кельи одного монаха были стихи слѣдующаго содержанія:

«Приходи не докладываясь,
Выходи не оглядываясь,
А если нѣтъ ключа,
Отходи не стуча».

Михаилъ Заборовскій прожилъ 98 лѣтъ и погребенъ при церкви с. Ивахновъ, гдѣ и теперь видна его могила; кромѣ дѣтей и внуковъ, всѣ мѣстные крестьяне глубоко чтутъ память его.

П. Клебановскій.

По поводу статьи Ц. Г. Неймана о Бондаривнѣ. Я съ удовольствіемъ прочелъ въ мартовской книгѣ «Кіевской Старины» статью г. Неймана о малорусской пѣснѣ «Бондаривна», трактатъ, въ коемъ онъ глубоко исчерпываетъ значеніе и смыслъ подобныхъ пѣсенъ въ ряду другихъ произведеній народнаго творчества. Въ 1885 году въ той же «Кіевской Старинѣ» была напечатана моя замѣтка о двухъ украинскихъ пѣсняхъ, казавшихся мнѣ мало извѣстными собирателямъ народныхъ пѣсенъ. Тогда, помнится мнѣ, откликнулся на эту мою статью покойный И. П. Новицкій, указавшій нѣкоторыя невѣрности въ сообщаемыхъ о панѣ Каневскомъ свѣдѣніяхъ.

Пѣсня была записана мною такъ, какъ я слыхалъ ее въ народѣ, (а именно въ каневскомъ уѣздѣ) въ тѣхъ годахъ (1860—1866). Разсказъ объ убійствѣ Бондаривны паномъ Каневскимъ, нѣсколько разнящійся по основной фабулѣ отъ пѣсеннаго изображенія этого эпизода, я слышалъ тоже въ каневскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ села Потокъ, въ с. Дударяхъ.

Г. Нейманъ не указалъ точно, въ чемъ онъ находитъ искаженіе пѣсни въ записанномъ мною варіантѣ, но можно предполагать, что искаженіе это онъ видитъ въ основной фабулѣ событія моего варіанта, по каковой фабулѣ нѣсколько затушевывается идеализація дѣвичьей цноты Бондаривны, чѣмъ, разумѣется, пѣсня эта изъ общенародной баллады сводится къ стихотворному разсказу о случившемся съ дочерью бондаря, такъ сказать конкретируется сказаніе около опредѣленныхъ лицъ и даже мѣстъ съ возможной въ такой формѣ разсказа реальностію. Пѣсню эту нельзя отнести къ историческимъ, но въ то же время врядъ ли можно считать ее достояніемъ общенародной идеализаціи дѣвичьей невинности и насилія какой-то мрачной силы. У насъ имѣются еще нѣсколько пѣсенъ, въ коихъ воспѣты жизненные случаи разныхъ, но точно по имени и даже прозвищу опредѣленныхъ лицъ. Таковы пѣсни: о «Лымарихѣ», гулявшей «на меду» и пропившей нѣкоему Шкандыбенку «свою дочку молоду»; о «Семенѣ», коего съ дѣтьми малыми бросаетъ жена Катерына; о загулявшемъ съ компаніею своей братіи ремесленниковъ Куперьянѣ; о какомъ-то дураковатомъ Явтухѣ, дозволяющемъ послѣ усиленной просьбы поцѣловать себя, но съ предупрежденіемъ, чтобы цѣлующая не укусила его; объ «Устасѣ»—коханкѣ, не смѣющей приступить къ выглядывающему въ тюремное оконце любимому ею козаку. Все это несомнѣнно конкретные жизненные эпизо-

ды, послужившіе темою для пѣсенныхъ о нихъ разсказовъ, какъ и тѣ, о которыхъ говоритъ г. Нейманъ въ своей статьѣ.

Вообще, я не вижу даже и причинъ, почему пѣсню о Бондаривнѣ слѣдуетъ отнести къ общенароднымъ типамъ пѣсенъ, а не признавать за нею значенія воспѣтаго частнаго случая, своевременно поразившаго окружающую среду своею драматичностью. Наконецъ, г. Нейманъ не даетъ намъ даже примѣра чего-либо аналогичнаго въ пѣсняхъ другихъ племенъ, если не считать варіантъ этой же самой «Бондаривны» у бѣлоруссовъ, очевидно ими заимствованный.

Кромѣ основной фабулы, г. Нейманъ видитъ искаженіе въ словахъ «ружье заряжае». Ну, это неизбѣжное уже въ народной рѣчи измѣненіе, которое сказывается на всемъ обшарѣ Украины, поставленной въ обязательное общеніе съ русскою рѣчью. «Заряжаты ружье» на столько же русское, а не чисто малорусское выраженіе, насколько «рушныцю набывать»—польское. На Кубани говорятъ: «вынтовку заправлять». Съ этимъ слѣдуетъ мириться, какъ вообще съ эволюціонизмомъ рѣчи. Теперь нельзя услыхать въ Полтавщинѣ той малорусской рѣчи, какую читаемъ въ прекрасныхъ очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія Ор. Левицкаго (Кіевская Стар. 1901 г.). И въ «Бондаривнѣ» мы встрѣчаемъ въ разныхъ ея варіантахъ неправильности малорусской рѣчи и даже мало понятныя выраженія: «прыхожала», «вывожала», «не прыступай (не прытыскай?) за пальчыкы», творительный падежъ съ окончаніями на *ой*, вмѣсто—ою: «зъ набытой рушныцей».

Что жъ дѣлать? Такія искаженія мы теперь сплошь и рядомъ встрѣчаемъ. Но что касается основной фабулы пѣсни, то я стою на томъ, что пѣсня воспѣваетъ конкретный случай и не во всѣхъ ея варіантахъ имѣетъ подчеркнутою дѣвичью «цноту» ея героини. Для меня, достаточно знакомаго съ бытомъ народа и его этикой, нѣкоторыя выраженія въ пѣснѣ о Бондаривнѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и плачущій надъ ея горькою долею народъ все-таки видѣлъ въ ней особу не совсѣмъ корректнаго поведенія. Беру на выдержку выраженія, помѣщенныя въ варіантахъ пѣсни, приводимыхъ г. Нейманомъ:

Ой у Луцку, славнимъ мисти, капелія грае,
Молодая Бондаривна *всю ничку гуляе...* (Костомаровскій варіантъ)

А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома петь, петь,
Не пускай ихъ пизно въ корчму, та най дома спеть, спеть.
А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома дви, дви,
Не дай имъ таку волю, якусь дала мени. (Два галицкіе
варіанта Вацл. съ Ол. и Головацкаго).
Вдарылася Бондарыха по поламъ рукамы:
Казала я тоби, доню, не стій зъ козакамы (т. е. зъ прислугою панскою). (Вар. Голов.).
Тамъ *гуляла Бондаривна всю ниченьку пьяна* (вар. Лысенка).

Наконецъ, слова моего варіанта въ сопоставленіи съ записаннымъ разсказомъ и съ грубою, неприличною для «цнотливой» дѣвушки фразою—«за пса тебе маю»:

Чы кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
Та якъ перше до намету було прыхожала?
Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу межъ панамы, *за пса тебе маю.*

Даже въ бѣлорусскомъ переспѣвѣ:

Адгуляла, мае дзиця, *зъ* тыми *двоpакамы.*

Что же? Все это *искаженія*?

Предложенная мнѣ г. Нейманомъ провѣрка правильности записи мотива пѣсни, мнѣ, ровно ничего не смыслящему въ нотахъ, далась не легко: мнѣ пришлось обращаться ко многимъ музыкантамъ мѣстнымъ, объясненія коихъ меня мало удовлетворяли. Проигрываемые ими оба мотива—мой и г. Неймана—выходили однимъ и тѣмъ же напѣвомъ. Наконецъ я попалъ человѣка, который довольно для меня вразумительно истолковалъ мнѣ въ чемъ дѣло. Минуя всѣ подробности разъясненія, такты, ферматы и т. п., мало понятные для меня, я уразумѣлъ, что въ мотивѣ, записанномъ г. Краснокутскимъ, не разставлены, какъ слѣдуетъ, музыкальные знаки препинанія, и потому признаю, что мотивъ г. Неймана болѣе правиленъ, нежели записанный мною или, что тоже, г. Краснокутскимъ.

Б. Познанскій.

Варіанты къ пѣснѣ о Бондаривнѣ. Статья г. Неймана о Бондаривнѣ вызвала присылку въ редакцію изъ разныхъ мѣстъ Малороссіи варіантовъ этой пѣсни. Не находя нужнымъ печатать цѣликомъ эти варіанты, мы выбираемъ изъ нихъ лишь такія мѣста, которыя представляютъ какія-нибудь новыя черты этой широко распространенной баллады.

Варіантъ, записанный отъ 60-тилѣтней крестьянки изъ с. Фарбованаго, пирят. у., сопровождается слѣдующимъ ея же поясненіемъ: панъ Канёвскій, о которомъ поется въ пѣснѣ, былъ владѣльцемъ хутора Каневскаго, (что въ переясл. уѣздѣ). Онъ былъ очень уродливъ,—его лицо было изрыто оспой. Въ числѣ его крестьянъ былъ бондарь, имѣвшій красавицу дочку. Зная его за человѣка, способнаго на рѣзкій отпоръ, панъ Канёвскій не рѣшился открыто взять себѣ въ любовницы его дочь, а прибѣгъ къ хитрости: выслалъ Бондаря въ «далеку дорогу» для покупки нужныхъ въ его ремеслѣ матеріаловъ и по поводу его отъѣзда устроилъ пиръ, расчитывая при этомъ осуществить свои замыслы относительно Бондаривны. Съ этого и начинается пѣсня.

Ой выкотывъ панъ Канёвськый тры бочкы горилкы:
«Пыйте, люде, горилочку, та просите Бога,
Щобъ нашому бондарыку щаслыва дорога».
Пылы люде горилочку, говорылы тыхо:
«Тикай, тикай, Бондаривно, буде тоби лыхо!»
Якъ побигла Бондаривна степамы тикаты,
Ой угледивъ панъ Канёвськый та й ставъ доганяты.
Якъ побигла Бондаривна до мостка тикаты,
Вже наздогнавъ панъ Канёвськый та й ставъ цилуваты.
— «Незугаренъ. незугаренъ мене цилуваты,
А зугаренъ ты, Канёвській, мене роззуваты».
Въ чыстимъ поли-поляночци вивчарычокъ грае,
Ой тамъ же, тамъ панъ Канёвськый ружжё заряжае.
Ой выстрелывъ въ Бондаривну пидъ правую руку,
Збиглысь люде дывытыся на велыку муку.
Ой понеслы Бондаривну у нову свитлыцю,—
Крычыть, крычыть панъ Канёвськый: «Несить у темныцю!»

Дальше слѣдуютъ общеизвѣстные стихи о кровавомъ слѣдѣ несомой Бондаривны.

Якъ вгледила Бондарыха—рукамы сплеснула:
«Дочко моя едыная! Навикы заснула!»
Ой почалы говорыты вси добрыи люде:
«Не плачъ, тикай, Бондарыхо, бо й тоби те буде!

Варіантъ, сообщенный Д. И. Эварницкимъ и записанный имъ въ с. Куликовомъ-полѣ, ананьевскаго у. херс. губ., имѣетъ такое начало:

Ой на гори коршомочка, де лёнъ, де лёнъ брала,
А у тои коршомочкы Бондаривна грала.
Ой гуляла Бондаривна темненькои ночи,
И сподобавъ панъ Канёвськый, що каріи очи.
Звеливъ, звеливъ панъ Канёвськый музыкы наняты,
А самъ узявъ Бондаривну та й пишовъ гуляты.
Молодая Бондаривна жарту не прыйняла,—
Якъ одвела билу ручку, та й по морди дала.
Найихалы чумаченькы, все чужіи люде:
«Тикай, тикай, Бондаривно, горе тоби буде!»
Ой тикала Бондаривна мостомъ по-за мистомъ,
А за нею панъ Канёвськый зо всимъ своимъ військомъ.

Далѣе говорится о томъ, какъ ее поймали «на камьянимъ мости» и привели «на новое подвирья»; вопросъ Канёвскаго, желаетъ ли она «въ билимъ свити жыты», или «въ сырій земли гныты», и отвѣтъ Бондаривны, что она предпочитаетъ послѣднее. Сцены убійства нѣтъ, а прямо слѣдуетъ распоряженіе Канёвскаго объ изготовленіи «труны» и стихи о кровавомъ слѣдѣ «куды везлы Бондаривну».

Варіантъ изъ г. Кременца, волынской губ., сообщенный В. Храневичемъ, начинается какъ большая часть волынскихъ варіантовъ, съ измѣненіемъ лишь имени города:

У Варшави, на рыночку, капелія грае;
Молодая Бондаривна въ ратуши гуляе.
Прыйшовъ до ней панъ Канѣвськый,—на бикъ шапку носыть,—
Молодую Бондаривну на медъ-выно просыть.

Слѣдуетъ рядъ его вопросовъ: «Ой чы волышъ... медъ-выно пыты,—кытайку носыты,—въ салопи ходыты», или въ сырій земли гныты? Послѣ отвѣта Бондаривны, что она предпочитаетъ послѣднее,—

Ой сказалы Бондаривни та добріи люде:
«Тикай, тикай, Бондаривно, бида тоби буде!»

Бондаривна «утикала у чысте поле,—помыжы домамы,—помыжы крамныци», за нею гонится Канѣвскій и стрѣляетъ «зъ тонкои рушныци». Раненная—

Ой прибигла до батенька, на порози впала:
«Теперъ же я, мій батеньку, на викы пропала!»
Ударывся старый Бондарь объ полы рукамы:
«Не разъ, не два наказувавъ: не пый зъ дворакамы!»

Дальше—распоряженія Канѣвскаго о наймѣ столяровъ «труну збудуваты», «муляривъ грибъ вымуроваты» и «музыкъ—маршъ до гробу граты».

Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. 1) *Свадьба заплечнаго мастера.* Въ 1838 г. кіевскій заплечный мастеръ Иванъ Смеречинскій и содержащаяся подъ стражею дѣвка Өекла Гурская возымѣли желаніе сочетаться бракомъ, при чемъ, дабы между супругами не было въ религіи различія, С., римско-католическаго обряда, рѣшился принять православное грекороссійское исповѣданіе.

Изъ молодыхъ: С.—незаконнорожденный сынъ жительки заштатнаго города Смотрича (Под. губ.), Розаліи Смеречинской, сосланной въ Сибирь на поселеніе. Гурская же, уроженка мѣстечка Черче, дочь шляхтича, содержалась въ тюрьмѣ по несостоятельности къ уплатѣ пени за контрабанду въ 365 р. (5-лѣтнее заключеніе).

Бракъ разрѣшенъ консисторіею, «не вѣдавшею о воспрещеніи кому-бы то ни было изъ неслужащихъ показывать заплечныхъ мастеровъ, содержащихся въ тюрьмѣ, наравнѣ съ арестантами».

Когда дѣло было сдѣлано, генералъ-губернаторъ приказалъ не препятствовать сожительству новобрачныхъ, съ тѣмъ, однако, чтобы Гурская отсидѣла въ заключеніи срокъ, указанный ей судебнымъ приговоромъ.

---

2) *Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ.* Въ 1838 году таращанскій земскій судъ доносилъ кіевскому военному губернатору: «По случаю происходящихъ въ настоящее лѣто частыхъ дозжей, въ ржаныхъ ко-

лосьяхъ уродилось много спорыньи, или черныхъ рожковъ, признаваемыхъ простолюдинами добрымъ признакомъ; но эти черные рожки, по заключенію г-на таращанскаго уѣзднаго лѣкаря, суть весьма вредны, такъ что при употребленіи въ пищу, даже въ маломъ количествѣ, производятъ жестокіе припадки; но человѣка, принявшаго ихъ во множествѣ, они поражаютъ антоновымъ огнемъ...»

Генералъ-губернаторъ, не довѣряя «огню», тѣмъ не менѣе призналъ употребленіе рожковъ въ пищу вреднымъ, и въ циркулярѣ на имя гг. губернаторовъ предложилъ предупреждать населеніе о вредѣ рожковъ и побуждать поселянъ заняться отдѣленіемъ рожковъ отъ зерна усерднымъ вѣяніемъ, или промывкою, при коей рожки всплываютъ на поверхность воды...

Сообщ. *А. Мёрдеръ.*

Текущія извѣстія.

Памяти И. И. Манжуры. «Вѣстникъ Юга» посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ памяти И. И. Манжуры, по случаю истекающаго въ будущемъ году десятилѣтія со дня его смерти. «Манжура,—говоритъ екатеринославская газета,—покоящійся на нашемъ Севастопольскомъ кладбищѣ, принадлежалъ къ тѣмъ огонькамъ-самородкамъ, которые не мирились съ обступавшими жизнь сумерками. Личность И. И. Манжуры немного загадочна, а скитальческая часть ея мало извѣстна. Но, несомнѣнно, онъ былъ натурой, выходящей изъ ряда вонъ по своимъ дарованіямъ.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ объ исходномъ пунктѣ, опредѣлившемъ всю его дѣятельность:

Любовъ къ людыни, недолею стритій,
Мени проказала, сумуючы, ихъ.

Она же, любовь къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», обойденнымъ судьбою, наложила грустный оттѣнокъ на всю его жизнь:

Любовы жъ безъ суму немае на свити,
А може и есть де... у царстви святыхъ...

Эта же любовь къ «людыни недолею стритій» бросила его въ народную среду, гдѣ

Лыхе горе та бидонька.
Мовъ гирка та лобидонька,

заѣли жизнь человѣка, «питающагося лебедой». Онъ съ любовью старой матери-козачки прислушивался къ его стону, вникалъ въ его нужды, записывалъ его пѣсни,—его глубоко поэтическія пѣсни, отражающія всѣ думы и чувства малоросса, и непрестанно твердилъ про него обществу въ своихъ пѣсняхъ и этнографическихъ очеркахъ. Только у Манжуры могло вылиться столько стихотвореній, проникнутыхъ народнымъ горемъ и съ поражающей реальностью отражающихъ народную скорбь о «нывѣ, стомленній, спеченній, пыломъ прыбытій и дощемъ не полытій», «о малыхъ незмысленныхъ диткахъ», о лежащей безъ корму «худобѣ» и «безверхой хатынѣ». Только Манжура, весь проникнутый заботами и радостями малоросса земледѣльца, могъ воскликнуть, глядя на «добру ныву», такимъ наивнымъ, нѣжнымъ языкомъ:

Гарнее житце, помножъ ёго, Боже!
Всяку даешъ Ты годыну!
Дай, да мынае торишня недоля
Бидну трудящу людыну...

Но если и мольба его не разгоняла тоски, навѣянной «торишней недолей бидной трудящей людыни», онъ размыкивалъ свою горечь обычнымъ способомъ...

Тилькы инколы въ куточку
Пожурышся стыха
Та гиркою (не слезою)
Зальешъ свое лыхо.

У Манжуры мало стихотвореній и очерковъ, гдѣ-бы народъ не являлся центральной фигурой всѣхъ его думъ и чувствъ. Юношеская любовь не пробуждаетъ въ немъ воспоминаній о «шопотѣ, робкомъ дыханьѣ» и лунныхъ ночахъ. Вспоминаетъ онъ бѣдную комнатку, «келью святую, дѣвственныхъ думъ и завѣтовъ полную», гдѣ *онъ* съ *нею* читаетъ о томъ же удрученномъ нуждою народѣ. Покинутый любимой дѣвушкой, онъ не упрекаетъ ее за обманутую любовь и разбитое сердце, но онъ не можетъ ей простить перехода въ иной лагерь, гдѣ проклинаютъ то, чему они молились и о чемъ мечтали всю свою жизнь.

Судьба Манжуры была очень печальна. Онъ велъ скитальческую горемычную жизнь; къ концу ея онъ чуть-ли не утратилъ литературную рѣчь и предавался извѣстному пороку. Онъ самъ писалъ про свою горькую жизнь:

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ васылечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхо гирке та бидонька,
Мовъ гирка та лобидонька,
Его змалку проросло...

Эту жизнь нѣсколько красила литературная работа.

Умеръ Манжура въ земской больницѣ, и сопровождалъ его гробъ больничный сторожъ»... («Вѣстникъ Юга», № 33).

Къ этому необходимо прибавить, что до сихъ поръ даже литературное наслѣдіе этого даровитаго поэта не приведено въ извѣстность. Небольшая книжка стихотвореній, изданная въ 1889 г. въ Петербургѣ покойнымъ профессоромъ Потебней, подъ заглавіемъ «Степови спивы та думы» составляетъ лишь незначительную часть этого наслѣдія. Остальное находится неизвѣстно гдѣ, если только не утрачено уже окончательно и безвозвратно. Неужели лица, у которыхъ находятся бумаги покойнаго писателя, не откликнутся и теперь и допустятъ, чтобы выстраданныя поэтомъ произведенія затерялись окончательно? Это было бы преступленіемъ и предъ памятью поэта, и предъ родной литературой, однимъ изъ талантливыхъ дѣятелей которой былъ Манжура...

Мѣсто для памятника И. П. Котляревскому. Въ засѣданіи Полтавской городской думы 21 марта, окончательно разсмотрѣнъ вопросъ о мѣстѣ для постановки памятника Котляревскому. Городской голова прочелъ заявленіе 15 гласныхъ объ отмѣнѣ состоявшагося послѣдняго постановленія, коимъ рѣшено памятникъ поставить на площадкѣ противъ гостинницы Воробьева, и затѣмъ обратился къ собранію съ предложеніемъ: не открывая дебатовъ, чтобы не повторять того, что уже много разъ было говорено, приступить прямо къ рѣшенію вопроса путемъ подачи мнѣній на запискахъ. Соглашаясь пересмотрѣть вопросъ, нѣкоторые изъ гласныхъ все-таки настаивали на томъ, чтобы

въ собраніи были открыты пренія, но большинство высказывалось противъ этого, и какъ только кто-нибудь изъ гласныхъ начиналъ говорить, со всѣхъ сторонъ раздавались голоса: «довольно! знаемъ! мы это уже слышали» и проч.

Гласные Старицкій и Пилипенко болѣе другихъ стояли за возстановленія нѣкоторыхъ доводовъ за и противъ того или другого мѣста, но ихъ заявленія не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ дума большинствомъ рѣшила не открывать преній и приняла предложеніе городского головы. По запискамъ 11 гласныхъ высказалось за Ивановскую, 14 за Протопоповскую, 9 за площадку противъ Воробьева, 4 за мѣсто противъ дома Радунскаго, 2 за уголъ противъ сгорѣвшихъ лавокъ и 1 за Петровскую площадь. Затѣмъ по очереди подверглись баллотировкѣ первыя пять изъ перечисленныхъ шести мѣстъ, при чемъ получились такіе результаты: Протопоповская получила 15 бѣл и 15 черныхъ шаровъ, Ивановская 12 б. и 18 ч., Воробьевская площадка 13 б. и 17 ч., мѣсто противъ дома Радунскаго 8 б. и 21 ч. и уголъ М.-Петровской и Протопоповской противъ Еврейскихъ лавокъ 5 б. и 24 ч. Такимъ образомъ дума окончательно рѣшила памятникъ поставить на Протопоповской ул., что и было подтверждено единогласно открытой подачей голосовъ, произведенной гор. головой предъ закрытіемъ засѣданія.

Г. Певный, которому заказанъ постаментъ для памятника Котляревскому, заявилъ полтавскому городскому головѣ, что какъ самый постаментъ, такъ и ступени къ нему уже совершенно закончены и въ непродолжительномъ времени все это будетъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частяхъ перевезено въ Полтаву. Постаментъ вѣситъ около 1,000 пудовъ («Полт. губ. Вѣд.» № 67 и 68).

Козацкая старина. Извѣстный историкъ Запорожья, профессоръ Московскаго университета Д. И. Эварницкій, по словамъ «Прид. Кр.», принесъ въ даръ открывающемуся въ маѣ въ городѣ Екатеринославѣ музею древностей имени А. Н. Поля свою обширную коллекцію, которую онъ собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ мѣстахъ бывшаго Запорожья. Коллекція эта состоитъ изъ вещей временъ доисторическихъ, временъ историческихъ, а главнымъ образомъ—козацкаго періода: рѣдкія картины съ изображеніемъ запорожцевъ, вооруженіе, церковныя вещи, рукописи, ножи, ложки, чашки, посуда,

орнаментированныя кафли изъ куреней, бокуны, или церковныя мѣста для сидѣнія старшинъ въ церкви во время чтенія псалмовъ и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ предметовъ старины составляютъ уники, доставшіеся собирателю послѣ долгихъ трудовъ, стоившихъ денегъ и времени. Въ числѣ отправленныхъ рѣдкостей имѣются громадныя кости мамонта, добытыя въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, черепа и рога древнихъ туровъ и нѣсколько запорожскихъ череповъ, изъ которыхъ одинъ служилъ моделью для художника Е. Е. Рѣпина къ картинѣ его «Запорожцы». Это не послѣдній вкладъ со стороны Д. И. Эварницкаго: у него намѣчено еще много интересныхъ археологическихъ находокъ, которыя будутъ отправлены въ тотъ-же екатеринославскій музей.

Предметы церковной старины въ Полтавской губерніи. Учрежденная въ Полтавѣ особая коммиссія по подготовительнымъ работамъ для предстоящаго въ августѣ XII Археологич. Съѣзда и выставки при немъ разослала настоятелямъ церквей въ губерніи вопросные пункты относительно сохранившихся предметовъ старины и получила отъ нихъ свѣдѣнія, ясно указывающія на то, что Полт. губернія далеко не такъ бѣдна древностями, какъ принято думать. Несомнѣнно, что далеко не всѣ настоятели отозвались на призывъ коммиссіи, но и полученные отвѣты дали возможность составить довольно большой списокъ старинныхъ предметовъ, недавно опубликованный въ № 74 Полт. Губ. Вѣдомостей. Однихъ рукописныхъ книгъ (не считая документовъ и копій указовъ) въ немъ названо 12. Между ними поименовано рукописное евангеліе будто-бы XII в. (въ с. Рымаровкѣ, Гад. у.), такое же евангеліе 1657 в. (въ соборной церкви г. Кобелякъ) и нѣсколько богослужебныхъ книгъ безъ хронологическихъ датъ. Старопечатныхъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ указано: Львовской печати XVII в.—17; Кіевской—19; Виленской XVI—XVII в.—3; Почаевской XVIII в.—1; Черниговской и Новгородъ-Сѣверской XVII--XVIII в.—4. Предметовъ церковной утвари (чашъ, дарохранительницъ, крестовъ, облаченій, иконъ и т. под.) сохранилось очень много, но не древнѣе XVIII в. Впрочемъ, хронологическія даты, указанныя настоятелями, нуждаются въ повѣркѣ.

Въ томъ же спискѣ есть указанія и на коллекціи старинныхъ предметовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Попытка обзора украинской литературы. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 102) помѣщена статья г. С. Р. «Очерки новѣйшей малорусской литературы»—обзоръ украинской беллетристики, помѣщенной на страницахъ «Кіевской Старины» и «Л.-Н. Вѣстника». Дольше другихъ авторъ останавливается на произведеніяхъ г.г. Гринченка, Эварницкаго, Левенка, Яновской, Днипровой Чайки и Коцюбинскаго, дѣлая попытку дать литературную характеристику каждаго изъ названныхъ писателей. Къ сожалѣнію, авторъ иногда судитъ слишкомъ субъективно и потому его характеристики не всегда удачны, а иногда и прямо несправедливы (таковъ, напр., отзывъ объ «искусственномъ» и «тяжеломъ» языкѣ произведеній г. Гринченка, съ трудомъ понимаемомъ, будто бы, даже читателями малороссами). Но, несмотря на указанный недостатокъ, статью г. С. Р. нужно признать очень интересной, какъ одну изъ немногихъ въ русской печати попытокъ обзора современной украинской литературы. Благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, такіе обзоры почти не встрѣчаются на столбцахъ общей русской печати, о чемъ нельзя не пожалѣть въ виду того, что лучшія произведенія украинской литературы могли бы заинтересовать и русскую публику. Тѣмъ болѣе это было бы полезно для украинской литературы, не имѣющей пока въ Россіи собственныхъ органовъ для обсужденія вопросовъ литературы и жизни и находящейся вообще въ особыхъ условіяхъ существованія. «Нашимъ малорусскимъ писателямъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ «Очерковъ»—не легко дождаться, чтобы ихъ произведенія были собраны и изданы. Въ Малороссіи совершенно нѣтъ обезпеченныхъ съ денежной стороны издательскихъ фирмъ; для покровительства малорусской изящной словесности нѣтъ ни литературныхъ обществъ, ни періодическихъ изданій. Всѣ малорусскіе писатели пишутъ gratis, всѣ они не могутъ посвятить себя литературному поприщу и развивать свой талантъ: каждый пишетъ урывками, между дѣломъ, отрывая свободную минутку отъ платной обязательной работы, не тогда, когда хочется писать, когда вдохновеніе свободно льется, а когда случайно явится праздный часъ внѣ изсушающей, подчасъ совершенно не соотвѣтствующей поэту работы». Конечно, указанными обстоятельствами не исчерпываются всѣ препятствія, стоящія на пути нормальнаго развитія украинской литературы, но и они играютъ очень важную роль, а потому необходимо какъ можно чаще указывать на нихъ и стараться парализовать ихъ вредное вліяніе.

О сепаратизмѣ и партикуляризмѣ. «Кавказскій Вѣстникъ» (кн. за мартъ) въ статьѣ «Сепаратизмъ и партикуляризмъ» останавливается на вопросѣ «о допустимости національныхъ особенностей и о правѣ существованія внутри русскаго государства самостоятельныхъ инородческихъ культуръ». «Допустимо-ли, съ точки зрѣнія правильно понимаемыхъ государственныхъ пользъ и нуждъ, рядомъ съ все болѣе и болѣе распространяющимся знаніемъ русскаго языка—знаніе туземцами своихъ національныхъ языковъ и употребленіе ихъ при сношеніяхъ съ земляками? При полученіи назначенія на Кавказѣ—caeteris paribus, знаніе чиновникомъ своего родного языка есть-ли плюсъ или минусъ? (вопросъ этотъ, повидимому странный, у насъ ставился на практикѣ). Является-ли лицо, говорящее у себя дома на родномъ языкѣ, политически столь же благонадежнымъ, какъ и лицо, говорящее только по-русски? На всѣ эти вопросы, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, даемъ мы,—говоритъ журналъ,—положительный отвѣтъ. Иной отвѣтъ даютъ такъ называемые «руссификаторы». Такъ же рѣшительно высказываемся мы и по поводу другихъ проявленій партикуляризма. Туземная школа, театръ, книга, газета, журналъ, поскольку они преслѣдуютъ государственно-полезныя цѣли и не проповѣдуютъ ничего субверсивнаго, имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и русская школа, книга etc; на государственное единство они никоимъ образомъ не посягаютъ. То же самое нужно сказать про всякія иныя туземныя культурныя начинанія. «Мѣстныя культуры» не только не вредны съ государственной точки зрѣнія, но даже полезны въ видахъ пріобщенія къ культурѣ народныхъ массъ... Партикуляризмъ—явленіе культурное. Уничтожить его, если это необходимо, можно лишь средствами культурными. Всякое въ этомъ отношеніи принужденіе, касаясь того, что въ каждомъ человѣкѣ самаго святого, ожесточаетъ его и безцѣльно отчуждаетъ; приводитъ оно всегда къ результатамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ стремится. Когда, наконецъ, станетъ у насъ аксіомой, что органическая связь окраины съ центромъ создается и поддерживается не только общностью экономическихъ интересовъ, но и сознаніемъ у туземцевъ окраины своей равноправности съ природными русскими и обезпеченности интересовъ высшаго порядка»?... Соображенія эти справедливы не для одного только Кавказа; они имѣютъ жгучій интересъ и для многихъ другихъ мѣстностей Россіи...

Вопросъ о языкѣ на Кустарномъ Съѣздѣ. На состоявшемся въ мартѣ всероссійскомъ Кустарномъ Съѣздѣ (въ Петербургѣ) произошелъ слѣдующій довольно характерный инцидентъ. По обсужденіи § 19. о желательности составленія руководствъ для кустарей въ возможно болѣе популярной формѣ, Н. В. Левитскій просилъ включить въ резолюцію пожеланіе, чтобы такія руководства издавались не только на русскомъ языкѣ, но и на инородческихъ языкахъ и діалектахъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Предсѣдатель г. Тимирязевъ находитъ это требованіе совершенно излишнимъ; г. Левитскій, при поддержкѣ многихъ участниковъ съѣзда, настаиваетъ на своемъ предложеніи. Предводитель дворянства Суджанскаго уѣзда г. Евреиновъ восклицаетъ, что русскій народъ долженъ учиться читать по-русски и если онъ выучится читать по-русски, то онъ пойметъ и русскую книгу. *Г. Левитскій* громко протестуетъ противъ подобной постановки вопроса. *Предсѣдатель* заявляетъ, что онъ снимаетъ предложеніе г. Левитскаго съ очереди. Многіе члены просятъ баллотировать поправку г. Левитскаго. Предс. *Д. А. Тимирязевъ* (очень громко): «А я прошу прекратить эти разговоры (*Обращаясь къ секретарю*)—читайте дальше»!.. Секретарь принимается за чтеніе. *Г. Левитскій*, еле сдерживая волненіе, выходитъ изъ зала. За нимъ тотчасъ поднимается нѣсколько человѣкъ, ихъ примѣру слѣдуютъ ближайшіе ряды, и затѣмъ со всѣхъ концовъ залы движется толпа къ выходу. Объявляется перерывъ на десять минутъ. Послѣ перерыва мѣсто среди членовъ Съѣзда занимаетъ г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, д. с. с. А. С. Ермоловъ. *Предс. Д. А. Тимирязевъ*: При обсужденіи § 19, у насъ произошло очевидное недоразумѣніе. Я, собственно говоря, ничего не имѣю, по существу, противъ включенія въ него желательности изданія популярныхъ руководствъ на мѣстныхъ языкахъ и діалектахъ; я только считалъ эту поправку излишнею, такъ какъ вообще у насъ не запрещено печатать книги на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ виду-же желанія многихъ членовъ собранія, я ничего не имѣю противъ этой поправки. Угодно собранію ее принять? Поправка принимается единогласно, послѣ чего § 19 включается въ резолюцію съѣзда въ слѣдующей редакціи: Съѣздъ высказывается за необходимость составленія руководствъ на русскомъ языкѣ, а также на инородческихъ и мѣстныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ по отдѣльнымъ отраслямъ кустарныхъ производствъ, при чемъ руководства эти должны по возможности въ популярной формѣ обнимать собою технику даннаго производства и быть снабженными

рисунками, чертежами и даже образчиками, а кромѣ того быть по цѣнѣ доступными кустарямъ. Въ той-же популярной формѣ должны быть составлены уставы различныхъ товариществъ—кредитныхъ, кооперативныхъ и др. («Югъ», № 1168).

На томъ же всероссійскомъ Кустарномъ Съѣздѣ украинская писательница г-жа Косачъ возбудила *вопросъ о поощреніи кустарей, выдѣлывающихъ всякіе предметы въ малороссійскомъ стилѣ.* Съѣздъ отнесся къ этой мысли съ большимъ сочувствіемъ и постановилъ просить земства малороссійскихъ губерній о назначеніи премій за лучшія работы мѣстныхъ кустарей въ національномъ стилѣ («Приднѣпровскій край», № 1495).

Украинская народная музыка на Кустарномъ Съѣздѣ. Полтавская губернская земская управа, по просьбѣ пѣсенной комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества, отправила на кустарную выставку въ С.-Петербургъ слѣпого лирныка изъ с. Диканьки въ сопровожденіи его дочери, ученицы Диканской школы. Затѣмъ туда же отправлена «тройиста музыка», т. е. обычный народный оркестръ, играющій на свадьбахъ и въ другихъ случаяхъ (на ярмаркахъ и т. п.), состоящій изъ двухъ скрипокъ, баса (віолончели) и бубна. Эти музыканты пріѣхали изъ Константиноградскаго уѣзда. Есть предположеніе на выставку послать еще сопильщика, играющаго на сопилкѣ съ 12-го дырочками (изъ Чутова), и бандуриста (изъ Сорочинецъ или Лохвицкаго уѣзда, смотря по тому, гдѣ найдутся охотники на поѣздку въ столицу). Полт. Губ. Вѣд., № 74

Этнографическая выставка при Харьковскомъ университетѣ. Въ № 7322 Южн. Края помѣщена «Этнографическая замѣтка» проф. Сумцова по поводу этнографической выставки, устраиваемой въ Харьковѣ для XII археологическаго Съѣзда. Въ настоящее время въ библіотечной залѣ университета идетъ разборка, группировка и разстановка этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ прошлымъ лѣтомъ. Собрано довольно много образцовъ крестьянской одежды, головныхъ уборовъ, обуви, вышивокъ, тканей, писанокъ, кустарныхъ издѣлій, фотографій съ построекъ и пр. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя интересныя стороны народоизученія совсѣмъ не затрогиваются въ собранномъ матеріалѣ. Такъ, до сихъ поръ не собрано предметовъ относи-

тельно народной медицины. Отдѣльными, кратковременными экскурсіями здѣсь ничего нельзя достигнуть. Болѣе всего въ этомъ отношеніи могли бы сдѣлать близко стоящіе къ селу приходскіе священники и земскіе врачи. Весной и лѣтомъ бываетъ главный сборъ народныхъ врачебныхъ травъ. Было бы весьма желательно собрать мѣстныя цѣлебныя растенія, разные корешки, настойки, такъ называемые декохты и ладонки, употребляемыя крестьянами съ лѣчебными цѣлями. Можно было бы увеличить число головныхъ уборовъ, вышивокъ, тѣмъ болѣе, что въ этой области обнаруживается большое разнообразіе. Можно было бы собрать простонародныя хлѣбныя печенія (по заказамъ) и выходящія нынѣ совсѣмъ изъ употребленія писанки. Какъ было уже отмѣчено, можно въ настоящую весну собрать, по указанію мѣстныхъ свѣдущихъ людей, тѣ травы, которыя употребляются крестьянами отъ чародѣйства и болѣзней. Этнографическая выставка должна все ей предоставленное разгруппировать и сохранить. Всякаго рода этнографическія коллекціи и предметы, какъ бы ни были они незначительны, будутъ приняты съ благодарностью и войдутъ въ каталогъ выставки или въ послѣдующія къ нему добавленія. При соотвѣтствующихъ сопоставленіяхъ и надлежащихъ объясненіяхъ, въ связи съ другими предметами, маленькія собранія и отдѣльные предметы, при всей ихъ незначительности въ отдѣльности, могутъ принести пользу въ дѣлѣ разносторонняго изученія современнаго народнаго быта, по крайней мѣрѣ, сохраненія его, какъ переходной стадіи, для будущихъ изученій. Современность неустойчива, и многое изъ того, что сегодня современно, завтра можетъ обратиться въ старину, вродѣ тѣхъ обрывковъ отъ быта прошлыхъ столѣтій, которые нынѣ еще мелькаютъ кое-гдѣ въ народной обстановкѣ. Этнографія—это сама жизнь, пестрая, измѣнчивая. Когда сходятъ съ нея краски молодости, она обращается въ сухую и ветхую археологію. Всякаго рода этнографическія сообщенія и посылки адресуются въ Харьковскій Университетъ, на имя предварительнаго Комитета XII Археологическаго съѣзда.

Изъ Львовскаго университета. Въ русской и польской печати появлялись въ послѣднее время самыя разнорѣчивыя извѣстія о настроеніи студентовъ-галичанъ, оставившихъ въ прошломъ году Львовскій университетъ. Сообщалось, между прочимъ, что молодежь воспользуется первымъ удобнымъ предлогомъ, чтобы возвратиться обратно во

Львовъ. Въ № 83 «Волыни» помѣщена обширная корреспонденція изъ Львова, рисующая истинное положеніе дѣлъ въ Львовскомъ университетѣ и отношеніе молодежи къ прекращенію такъ называемой сецессіи. Въ виду крупнаго интереса, какой представляетъ и для насъ вопросъ о Львовскомъ университетѣ, мы приводимъ цѣликомъ эту корреспонцію, вышедшую, очевидно, изъ-подъ пера лица, хорошо ознакомленнаго съ дѣломъ.

«Съ перваго по восьмое апрѣля украинское населеніе восточной Галиціи, а во Львовѣ и поляки, были въ напряженномъ ожиданіи того, какъ начнется лѣтній семестръ во Львовскомъ университетѣ; вернутся ли въ него украинскіе студенты, или ихъ сецессія будетъ продолжаться. Съ перваго по восьмое были короткія феэріи между зимнимъ и весеннимъ семестрами, когда за границей студенты могутъ переводиться изъ одного университета въ другой.

Въ публикѣ во Львовѣ носились слухи, что къ лѣтнему семестру будетъ опубликовано распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, которымъ будетъ дано удовлетвореніе украинскому народу и въ первой линіи украинскимъ студентамъ. Нашлись украинцы, преимущественно такъ называемые «старшіе», которые охотно повѣрили этимъ слухамъ и сильно были заняты вопросомъ о прекращеніи сецессіи; они исходили изъ совершенно правильной мысли, что отсутствіе интеллигентной молодежи приноситъ большой вредъ краю. «Молодежь» же, какъ оказалось, достаточно умудрена австрійскимъ правительствомъ, достаточно хорошо знаетъ силу всесильнаго въ Австріи «Koła Polskie-го», чтобы быть легковѣрной;—и украинскіе студенты рѣшили протянуть сецессію до конца академическаго года. Помимо яснаго пониманія силы Koła Polskie'го въ вѣнскихъ правящихъ сферахъ и вытекающаго отсюда безсилія министра народн. просв. даже при его доброй волѣ, которая, впрочемъ, находится подъ большимъ сомнѣніемъ,—на это рѣшеніе повліяло и то обстоятельство, что прекратить сецессію съ началомъ лѣтняго семестра для украинскихъ студентовъ значило бы перемѣнить тактику борьбы, сдѣлать борьбу болѣе активной и то съ первыхъ же дней пребыванія своего во львовскомъ университетѣ. Это обстоятельство сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами: изъ нихъ самое важное то, что украинскіе студенты въ теченіе 4 мѣсяцевъ были разбросаны по разнымъ университетскимъ городамъ Австріи. Съ началомъ же новаго академическаго года дѣло будетъ въ лучшемъ положеніи: во время каникулъ студенты могутъ устроить

одинъ—два съѣзда и обсудить новый планъ борьбы, къ тому же и силы ихъ увеличатся абитуріентами нынѣшняго года. Конечно, молодежи, какъ и старшимъ, были извѣстны всѣ тѣ мотивы, которые говорили за окончаніе сецессіи; однако мотивы, говорившіе противъ ея окончанія, для молодежи были убѣдительнѣе первыхъ.

Наконецъ въ намѣстництвѣ появился ожидаемый министерскій рескриптъ и 4-го апрѣля офиціально сталъ извѣстенъ галиційскому митрополиту гр. Андрею Шептыцкому, лицу, имѣющему въ вопросѣ сецессіи важный голосъ, такъ какъ среди студентовъ-сецессіонистовъ около половины богослововъ, для которыхъ митрополитъ въ вопросахъ ихъ университетской жизни почти единственное начальство. На другой день рескриптъ этотъ появился въ газетахъ (неофиціально) и возмутилъ весь Львовъ; русины возмущались искренно, а польскіе шовинисты—дѣланно. Рескриптъ явился подверждeніемъ того заявленія, какое изготовилъ польскій шовинистически-бюрократическій сенатъ львовскаго университета. Ясно, какое заявленіе могъ дать сенатъ, члены котораго публично заявляютъ, что «хотя Львовскій университетъ и на украинской землѣ, что хотя онъ и содержится на средства, собираемыя съ русинъ, тѣмъ не менѣе... (выводъ совершенно неожиданный) они, профессора, не дадутъ русинамъ ни одного кирпича съ него, а объ украинскомъ языкѣ преподаванія и дѣловодства въ немъ и слышать не хотятъ, даже если бы имъ пришлось остаться безъ хлѣба».

И дѣйствительно, министерскій рескриптъ не только не расширилъ правъ украинскихъ студентовъ во Львовскомъ ун., а, наоборотъ, ограничилъ ихъ.

Такое поведеніе министра возмутило даже самыхъ лойяльныхъ русинъ и они рѣшили выразить ему письменно, за подписями, «свое возмущеніе и протестъ». Послѣ такого рескрипта «старшіе» потеряли надежду на то, чтобы молодежь нашла возможнымъ окончить сецессію теперь, и они признали, что окончаніе сецессіи возможно лишь какъ начало борьбы по новому плану. Поэтому они, «совѣтуя молодежи окончаніе сецессіи, какъ безполезной, призываютъ ее, во всякомъ случаѣ, къ солидарности». Этотъ призывъ къ солидарности былъ необходимъ, такъ какъ нашлись элементы, которые хотѣли выставить рескриптъ министра какъ побѣду молодежи; особенно усердствовала шовинистская польская пресса съ профессоромъ Гломбинскимъ во главѣ, выпускающая въ свѣтъ цѣлый рядъ статей, которыя озаглавила: «Покушеніе

русинъ на *польскій* львовскій университетъ». Она хотѣла убѣдить украинцевъ, въ томъ числѣ студентовъ, что рескриптъ—это цѣлая побѣда; словомъ, хотѣла «вмовыты, якъ нимця въ хоробу», что русины могли бы уже почить на лаврахъ побѣдителей, чтобы тѣмъ пошатнуть незрѣлые политически умы и вызвать расколъ въ украинской студенческой средѣ, чтобы сломить солидарность. Но студенты вторично обнаружили свою политическую зрѣлость и вторично не дали себя спровокировать: они не сдѣлали шаговъ, слишкомъ желательныхъ для враговъ.

На сходкѣ въ Краковѣ 7-го апрѣля и въ Вѣнѣ 8, украинская молодежь рѣшила: 1) *что министерскій рескриптъ ограничиваетъ права во Львовскомъ университетѣ, какіе она раньше имѣла; 2) констатируетъ, что всѣ слухи объ окончаніи сецессіи невѣрны, и 3) что украинская молодежь не видитъ на основаніи рескрипта ни малѣйшей возможности вернуться во Львовскій университетъ.*

Украинскіе студенты въ Прагѣ приняли тѣ же резолюціи.

Такимъ образомъ Львовскій университетъ и въ лѣтнемъ семестрѣ будетъ безъ украинскихъ студентовъ.

Министерскій рескриптъ, послѣ столькихъ лишеній молодежи, послѣ многихъ огорченій старшихъ, послѣ кровныхъ, послѣднихъ грошей, даваемыхъ бѣднымъ народомъ на усиленіе матеріальныхъ и моральныхъ средствъ борющихся студентовъ, является издѣвательствомъ, вызовомъ, брошеннымъ бюрократомъ этому народу. Впрочемъ, конецъ этого рескрипта звучитъ нѣсколько странно: министръ полагаетъ, что университетскія власти будутъ расширять границы употребленія украинскаго языка наравнѣ съ польскимъ. Что хочетъ этими словами сказать министръ, хорошо знающій и эти власти, и ихъ связи съ Коломъ? Похоже, что онъ намекаетъ на свою зависимость отъ Кoł'a Polskiё-го, что онъ сознается въ своемъ безсиліи. Тогда почему бы ему прямо не повторить классической фразы: ваше право на остріяхъ вашихъ мечей; почему открыто не объявить украинское населеніе восточной Галиціи внѣ конституціонныхъ гарантій?

Какъ всѣ народы, такъ и Украина имѣетъ своихъ Іудъ: здѣсь они носятъ названіе «твердыхъ» русинъ. Какъ истинные предатели своего народа, они съ радостью становятся въ ряды палачей его. Они не пропускаютъ ни одной минуты, ни одной возможности, чтобы не распинать своего народа; теперь же ихъ дѣятельность приметъ еще большіе размѣры, т. к. они сплотились съ Кoł'омъ, врагомъ не только всего украинскаго, но и всего польскаго народнаго, а не шляхетскаго.

Въ борьбѣ же за университетскія права они по ошибкѣ и по недомыслію своему,—потому что еще не всѣ изъ нихъ успѣли вытравить въ себѣ молоко матери,—присоединились къ сецессіи, за что получили выговоръ со стороны своихъ вожаковъ. Теперь, исправляя свою ошибку, они съ радостью вернулись во Львовскій университетъ, гдѣ рабски отказываются отъ украинскихъ правъ, ясно опредѣленныхъ закономъ.

Въ началѣ я подчеркнулъ то обстоятельство, что министерскій рескриптъ, кромѣ намѣстництва, офиціально былъ объявленъ митрополиту. Это былъ политическій ходъ, хотя и плохо разсчитанный. Коło, намѣстникъ и Гартель были увѣрены что, митрополитъ, получивъ рескриптъ, заставитъ богослововъ вернуться во Львовскій университетъ, и тѣ, не смѣя его ослушаться, вернутся и тѣмъ подорвутъ сецессію и солидарность. Но они ошиблись въ разсчетѣ. Митрополитъ открылъ общежитіе; пускай, молъ, желающіе возвращаются, а заставлять я никого не буду. Желающихъ нашлось до 60 человѣкъ, именно «твердыхъ». Польскіе шовинисты возмущены поведеніемъ митрополита и теперь накинулись на него въ газетахъ съ весьма опредѣленной руганью, называя его «вчерашнимъ полякомъ—сегодняшнимъ русиномъ».

Въ дополненіе къ этому приводимъ по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» (№ 93) постановленія польскихъ студентовъ по поводу того же циркуляра министра просвѣщенія. «Въ то время, какъ одна часть молодежи, выразителемъ которой явился студентъ Кахникевичъ, предлагала, въ развитіе циркуляра, созданіе всѣхъ параллельныхъ каѳедръ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и даже особой русинской канцеляріи, другая часть, и притомъ значительно большая,—постановила обратиться къ сенату съ просьбой протестовать противъ циркуляра, ограничивающаго (!) права польскаго языка въ Львовскомъ университетѣ, и послать въ Вѣну депутацію молодежи для представленія пожеланій польскихъ студентовъ. Въ случаѣ неудовлетворенія этихъ требованій, молодежь принуждена будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ протеста, какими пользовались русины.

Какая трогательная близость,—замѣчаютъ С.-Петерб. Вѣдом.,—не только въ образѣ мышленія, но и въ пріемахъ для достиженія своей цѣли у сыновей и у отцовъ, у этихъ студентовъ, и у парламентскихъ дѣятелей!»

Университетъ по подпискѣ. Львовское «Товариство імени Шевченка» въ принципѣ приняло рѣшеніе основать самостоятельный украинскій университетъ на средства, собранныя всенародной подпиской и самымъ широкимъ привлеченіемъ жертвователей (Дѣло, № 67). Толчекъ къ такому рѣшенію данъ недавно появившеюся въ Черновцахъ брошюрой подъ заглавіемъ «Університет через підписку». Авторъ этой брошюры доказываетъ, что русины могутъ создать нужное имъ высшее учебное заведеніе собственными силами. Необходимость же такого учрежденія видна изъ слѣдующихъ положеній: 1) если молодежь будетъ учиться за границей, то много силъ будетъ для страны потеряно; 2) русинская наука будетъ лишена прочнаго основанія, если молодежи русинской не будетъ во Львовѣ; 3) русинская молодежь должна учиться именно во Львовѣ, чтобы противодѣйствовать чуждому элементу, наконецъ, 4) необходимо помнить, что средства, собранныя для вспомоществованія выселившимся изъ Львова студентамъ (въ количествѣ 60 тыс. кронъ), уже изсякаютъ, и студентамъ предстоитъ или умирать съ голоду на чужбинѣ, или же возвратиться во Львовскій университетъ, что возможно лишь въ случаѣ полной амнистіи для виновныхъ. Кромѣ того, русинскій университетъ необходимъ для сохраненія національности. Поэтому авторъ брошюры приглашаетъ какъ можно скорѣе приступить къ осуществленію этой задачи и совѣтуетъ избрать сейчасъ же комитетъ изъ выдающихся гражданъ, который началъ бы собирать пожертвованія отъ всѣхъ русиновъ и украинцевъ для созданія національнаго университета. («С.-Петерб. Вѣдомости», № 82).

Движеніе въ пользу увеличенія числа русинскихъ школъ въ Галиціи безпрестанно растетъ и развивается.

Въ г. Бережанахъ (восточн. Галиція) состоялся митингъ, въ которомъ участвовала не только мѣстная русинская интеллигенція и духовенство, но и крестьяне окрестныхъ мѣстностей, явившіеся на митингъ въ значительномъ количествѣ. Докладчикъ д-ръ Чайковскій, указавъ на то, что число учениковъ-русиновъ бережанской гимназіи изъ года въ годъ возрастаетъ, что въ настоящее время число это въ каждомъ изъ пяти младшихъ классовъ уже достаточно для заполненія нормальнаго класса, что школьное обученіе на польскомъ языкѣ представляетъ ничѣмъ неоправдываемыя затрудненія для дѣтей-русиновъ (особенно для крестьянскихъ дѣтей, число коихъ тоже возросло за

послѣднее время),—предложилъ собранію выразить въ резолюціи требованіе, обращенное къ сейму и центральному правительству, основанія въ Бережанахъ самостоятельной русинской гимназіи или на первыхъ порахъ открытія параллельныхъ русинскихъ классовъ въ существующей польской гимназіи съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ годомъ при переходѣ учениковъ-русиновъ въ старшій классъ открывалось соотвѣтственное параллельное отдѣленіе. Резолюція была принята единогласно. («Волынь», № 72).

—

Въ вѣнскомъ рейхсратѣ русинскими депутатами Романчукомъ и Барвинскимъ произнесены рѣчи, имѣющія злободневный интересъ для Галичины. Ораторы требовали увеличенія числа украинскихъ гимназій въ Галичинѣ и открытія во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета.

—

Съ 1 сентября текущаго года въ Станиславовѣ (Галиція) открывается украинская гимназія. Это будетъ по счету пятая гимназія съ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ. («Приднѣпровскій Край», № 1493).

—

Въ Тарнополѣ въ непродолжительномъ времени будетъ открыто украинское ремесленное училище. («Nowa Reforma»).

Черновецкій университетъ. Особенный типъ учебнаго заведенія въ этнографическомъ отношеніи представляетъ университетъ въ Черновцахъ, въ Буковинѣ. Изъ общаго числа 543 студентовъ, нѣмцевъ—62, евреевъ, считающихъ себя нѣмцами—235, румынъ—125, русиновъ,—коренного населенія—45, поляковъ—56 и 20 человѣкъ другихъ народностей. Преподаваніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ румынскихъ и русинско-украинскихъ, ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Духъ же царитъ здѣсь настолько нѣмецкій, что русины, пожелавшіе перевестись сюда изъ Львова, не были приняты университетскимъ сенатомъ (С.-Петерб. Вѣд. № 74).

Очевидно, въ данномъ случаѣ причиной послужила, выражаясь вульгарно, боязнь за собственную шкуру, потому что Черновецкій университетъ не могъ бы оставаться нѣмецкимъ, если бы число «гражданъ» его сразу пополнилось нѣсколькими сотнями русиновъ.

Новое Общество во Львовѣ. «Товариство імени Котляревського», основанное во Львовѣ въ 1898 г. въ память 100 лѣтія появленія «Энеиды», въ цѣляхъ поддержки и развитія украинскаго драматическаго искусства, предполагаетъ издать цѣлый рядъ лучшихъ украинскихъ драматическихъ произведеній по цѣнѣ, доступной и простому народу. Этимъ общество намѣрено способствовать устройству любительскихъ спектаклей и, вообще, ознакомленію народа съ украинской драматической литературой (Дѣло, № 59).

Первый выпускъ «Русскои драматичнои бібліотеки» составитъ «Наталка-Полтавка» Котляревскаго, второй — «Ворожбит», комедія Гр. Цеглинскаго; въ слѣдующіе выпуски войдутъ пьесы, премированныя въ настоящемъ году на драматическомъ конкурсѣ: «В народі» Ив. Стешенка, «Кара совісти» Цеглинскаго и «Лісова квітка» г-жи Яновской («Дѣло», № 79).

Конкурсъ „Товарыства Просвита“. Львовское общество «Просвита» опубликовало въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ о конкурсѣ на соисканіе преміи за лучшее научно-популярное сочиненіе для народнаго чтенія на украинскомъ языкѣ. Премія, въ размѣрѣ двухсотъ коронъ, имѣетъ быть выдана изъ процентовъ съ «Капитала имени Ивана Череватенка». Фондъ этотъ учрежденъ лишь въ прошломъ году и конкурсъ объявляется, на основаніи «Статута фонду», въ первый разъ. Требованія, которымъ должна удовлетворять представленная на конкурсъ работа, изложены въ нижеслѣдующихъ параграфахъ помянутаго устава:

«§ 7. Преміи выдаються за оригинальни наукови творы, ниде ще не друковани, напысани для шырокыхъ массъ народу, и маютъ популяризуваты здобуткы свитовои наукы.

§ 8. Завбилшкы такый твиръ мусытъ буты не менше якъ два аркуши друку, рахуючы въ аркуши сорокъ тысячивъ литеръ.

§ 9. Премія не може буты выдана за твиръ, якый тымъ чы иншымъ способомъ захвалюе неволю, панування одного народу або громадського стану надъ другымъ, або за твиръ конфесійный.

§ 10. Украинська мова твору мусыть буты проста, зрозумила кожному пысьменному вкраинцеви на всёму простори, де жывуть наши люде».

Порядокъ представленія рукописей и присужденія премій таковъ:

«§ 11. Задля суду надъ прысланымы на конкурсъ працямы и задля прысуду преміи выдилъ Товарыства «Просвита» що-разу склыкае раду зъ пъятёхъ душъ: головы Товарыства, профессора зъ украинськои университетськои катедры, народнёго вчытеля и двохъ украинськыхъ пысьменныкивъ—такыхъ, що хочъ одынъ зъ ихъ уже пысавъ для народнихъ массъ.

§ 12. Творы подаються на конкурсъ безъ авторового пидпысу; папиръ зъ власноручнымъ авторовымъ пидпысомъ мусыть податы авторъ въ окремій запечатаній коверти, а на ій мае стояты заголовокъ твору.

§ 13. Преміёваный твиръ лышаеться авторовою власнистю, але друкуючы ёго, авторъ не мае права робыты видмины, ворожи принципамъ, высловленымъ у §§ 7—10 сёго статуту".

Рукописи слѣдуетъ посылать на имя „Головного Выдилу Товарыства Просвита" (Австрія, Галиція, Львовъ, Рынокъ, № 10) въ теченіе двухъ лѣтъ, считая съ 3-го марта новаго стиля 1902 г.

---

7 апрѣля въ засѣданіи Московскаго Общества любителей россійской словесности, посвященномъ памяти Гоголя и Жуковскаго, проф. Сумцовъ произнесъ рѣчь „Добрыя дѣла Жуковскаго" въ которой отмѣчаетъ, между прочимъ, благожелательное отношеніе Жуковскаго къ украинскимъ писателямъ—Шевченку, Максимовичу и Квиткѣ („Русскія Вѣдомости", № 97).

Между почитателями таланта пѣвца Украины Т. Г. Шевченка явилась мысль увѣковѣчить память пребыванія поэта въ 1859 году въ Черкассахъ, гдѣ имъ написана не одна страница безсмертнаго „Кобзаря". Въ виду этого они рѣшили возбудить ходатайство предъ городскою думою о переименованіи въ Шевченковскую улицу нынѣшней Верхъ-Горовой, на мѣстѣ коей, какъ помнятъ старожилы, поэтъ нерѣдко любовался видами на Днѣпръ. („Кіевская Газета", № 99).

Въ срединѣ марта въ черниговскомъ городскомъ театрѣ предполагался любительскій спектакль въ пользу городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Къ постановкѣ предполагалась драма Старицкаго „Не су-

дылось"; участіе въ спектаклѣ принимали извѣстные общественные дѣятели. На дняхъ всѣхъ поразило извѣстіе, что предполагавшійся спектакль не разрѣшенъ администраціей, объяснившей, что отнынѣ малорусскія пьесы вовсе не будутъ разрѣшаться къ постановкѣ любителямъ. („С.-Петербургск. Вѣдомости", № 73).

Снята со сцены, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, новая пьеса Захаренка „Заклёвана голубка" вслѣдствіе допущеннаго исполнителями въ сценѣ казни чрезмѣрнаго реализма, вызывавшаго чуть-ли не массовые обмороки и истерики среди зрителей („Югъ", № 1179).

Комитетъ полтавской общественной библіотеки, желая устроить при библіотекѣ особый Гоголевскій отдѣлъ, куда должно войти все, что связано съ именемъ писателя, и не обладая достаточными матеріальными рессурсами, обращается къ разнымъ лицамъ, учрежденіямъ, редакціямъ газетъ и журналовъ съ просьбой прислать въ полтавскую общественную библіотеку оттиски статей о Гоголѣ, уже появившихся въ печати или имѣющихся появиться въ настоящемъ году.

Библіографія.

Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. *Историко-статистическій опытъ). Выпускъ I. Составилъ А. Грановскій. Полтава, 1901, in 8, 10+418 стр.*

Въ будущемъ году исполнится столѣтіе со времени учрежденія Полтавской епархіи. Въ виду этого г. Грановскій предпринялъ издать историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ, предпославъ ему довольно обширный (на 113 страницахъ) историческій очеркъ епархіи отъ временъ св. Владимира до начала XIX в. Нашъ журналъ всегда охотно привѣтствуетъ появленіе подобныхъ трудовъ и не предъявляетъ къ нимъ строгихъ требованій, принимая во вниманіе, что авторами ихъ обыкновенно бываютъ мѣстные изслѣдователи, лишенные необходимыхъ пособій и не обладающіе профессорскою эрудиціею, и что такіе по истинѣ академическія изданія, какъ недавно вышедшая подъ редакціею о. Евфимія Сѣцинскаго книга «Приходы и церкви Подольской епархіи», всегда будутъ счастливыми исключеніями. Но все-же есть извѣстный minimum требованій, которому должна удовлетворять самая скромная работа, если только она претендуетъ на характеръ научнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, книга г. Грановскаго не удовлетворяетъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ научной критики. Задумавъ написать исторію Полт. епархіи, онъ не позаботился предварительно запастись хотя бы элементарными свѣдѣніями по исторіи края, для чего ему слѣдовало проштудировать, по крайней мѣрѣ, монографіи Костомарова, относящіяся къ исторіи Малороссіи. Вмѣсто этого онъ предпочелъ взять себѣ въ руководители

Маркевича и Бантышъ-Каменскаго (изд. 1842 г.), въ простотѣ души и не подозрѣвая, что эти историки давнымъ-давно потеряли всякій ученый кредитъ, да къ нимъ присоединилъ столь же малонадежные въ научномъ отношеніи историко-статистическіе очерки, въ разное время печатавшіеся въ «Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ». Понятно, что примѣшанная къ этой бочкѣ дегтю ложка меду въ видѣ «Описанія старой Малороссіи» А. М. Лазаревскаго и немногихъ другихъ серьезныхъ пособій не только не скрасила этого мѣсива, а внесла еще большій сумбуръ въ историческія представленія автора, вслѣдствіе чего онъ на каждой страницѣ впадаетъ въ непримиримыя противорѣчія. Сюда еще присоединилось какое-то странное, чисто схоластическое трактованіе темы. Поставивъ въ заголовкѣ своей книги: «Полтавская епархія въ ея прошломъ», г. Грановскій въ-серьезъ задумалъ составить связную исторію «Полтавской» епархіи съ X до XIX вв.; по его мнѣнію, эта епархія насчитываетъ «почти тысячелѣтнюю исторію, со времени учрежденія въ Переяславѣ первой въ Россіи епископской каѳедры, перенесенной затѣмъ уже въ Кіевъ» (стр. 1). Въ составъ этой епархіи въ X--XI вв. входило, будто бы, болѣе 50-ти городовъ и селеній, въ числѣ коихъ съ удивленіемъ находимъ и Полтаву, и Лохвицу, и Миргородъ, и цѣлый рядъ другихъ поселеній, несомнѣнно возникшихъ лишь въ XVII ст. [1]). Съ XIII ст. территорія нынѣшней Полтавщины, какъ извѣстно, пустѣетъ и въ теченіе трехъ вѣковъ остается въ состояніи этого запустѣнія; но нашъ авторъ какъ-будто игнорируетъ это обстоятельство и силится продолжать и далѣе непрерывное изложеніе исторіи «Полтавской епархіи». Онъ лишь досадуетъ на то, что нѣтъ у него «данныхъ для точнаго топографическаго обозначенія границъ епархіи, ни тѣмъ болѣе свѣдѣній по исторіи приходовъ и церквей», за то онъ располагаетъ данными, дающими, будто бы, возможность «возстановить преемственный рядъ епископовъ, управлявшихъ епархіей, и дѣлать нѣкоторыя заключенія о формахъ церковнаго управленія». И точно, онъ приводитъ безконечный перечень—сначала переяславскихъ епископовъ, затѣмъ черниговскихъ (на томъ основаніи, что часть Переясл. княжества впослѣдствіи отошла къ Черниговскому

---

[1]) Отвѣтственность за этотъ невѣрный перечень слѣдуетъ, впрочемъ, снять съ г. Грановскаго и частью переложить на В. Г. Лясковонскаго, книгой котораго „Исторія Переяславльской земли“ г. Грановскій слишкомъ довѣрчиво пользовался

княжеству, «а слѣдовательно и епархіи»), потомъ сарайскихъ, будто бы управлявшихъ прекратившеюся въ XIII в. Переяславскою епархіею, затѣмъ снова черниговскихъ и, наконецъ, кіевскихъ митрополитовъ (съ 1240 по 1461 гг.). Изъ этого сухого перечня, разумѣется, нельзя почерпнуть ни малѣйшаго свѣдѣнія о судьбѣ «Полтавской епархіи»; при томъ же, о большинствѣ сарайскихъ и черниговскихъ епископовъ у автора отмѣчено: «ничѣмъ неизвѣстный», или: «кромѣ имени, о немъ ничего не извѣстно». А объ «епархіальномъ управленіи того времени и бытѣ духовенства» сообщаются не извѣстно откуда заимствованныя свѣдѣнія, будто «на приходы были назначаемы не только бѣлые священники, но и монашествующіе; супружество не было обязательно для священника: священники могли быть и холостые; въ управленіи преобладалъ изустный (sic!) способъ».

Съ половины XV ст. авторъ на время прерываетъ епархіальную исторію и переходитъ къ подробному изложенію «гражданской» исторіи края. Онъ начинаетъ съ извѣстной сказки о лит. князѣ Гединимѣ, якобы разбившемъ въ 1320 г. татаръ при р. Ирпени и присоединившемъ южнорусскія земли къ Литвѣ. «Племянникъ Гедимина, Голшанскій князь Миндовгъ сталъ первымъ намѣстникомъ Малороссіи, а съ 1324 г., начиная съ князя Георгія Андреевича Галицкаго и Владимірскаго, Малороссіей стали управлять князья (какіе?) и правили до 1500 года». Скоро послѣ того Малороссія становится автономнымъ государствомъ, вступающимъ въ федеративный союзъ съ Польшею и Литвою. «При Ягайлѣ произошло соединеніе Польши, Литвы и Малороссіи на условіяхъ «pacta conventa» (?) какъ равныхъ съ равными. При немъ же были учреждены три равныхъ гетмана: польскій, литовскій и русскій (малороссійскій), которые, впрочемъ, вначалѣ были только военачальниками, а гражданскими правителями оставались все тѣ же князья-намѣстники». Счастливая была тогда Малороссія: и князей своихъ имѣла, и гетмановъ! Но «въ 1476 г. Казимиръ уничтожилъ отдѣльное Кіевское княжество и ввелъ устройство чисто польское. Частной собственности въ это время еще не существовало: земли принадлежали королю и раздавались имъ на ленномъ правѣ. Позже въ такое же отношеніе (?) стали и гетманы». Слава Богу, гетманы всетаки остались! «Первымъ русскимъ гетманомъ уже съ правами намѣстника былъ избранъ зять князя Острожскаго Предславъ Лянцкоронскій, изъ сенаторской польской фамиліи, своякъ польскаго короля Александра. Онъ гетманствовалъ съ 1500 по 1512 г. Малороссійскому

гетману было назначено пребываніе въ Черкасахъ». Должно быть, малороссіяне дали маху, избравши себѣ въ гетманы польскаго сенатора, потому что съ тѣхъ поръ «поляки, по праву сильнаго, вѣроломно стали попирать «pacta conventa». Земли раздаются польскимъ сановникамъ и колонизируются ими; но въ колонизаціи края сыграли замѣтную роль и Запорожцы», съ начала XV в. поселившіеся за Днѣпровскими порогами. «При Сигизмундѣ (какомъ?) Сѣчь была отдана во власть малороссійскаго гетмана, а первый же гетманъ, Лянцкоронскій, позволилъ запорожцамъ селиться по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, выше пороговъ; оставшіеся въ Запорожьи козаки получили названіе низовыхъ, а поселившіеся въ Украинѣ—украинскихъ или городовыхъ. Эти-то украинскіе козаки и заселили постепенно Полт. губернію» такъ что «при гетманѣ Евстафіи Рожинскомъ (1514—1534 г.) въ предѣлахъ теперешней Полт. губерніи были образованы слѣдующіе полки: Крапивянскій, Переяславскій, Миргородскій, Полтавскій, Лубенскій и Прилуцкій». А когда «при слѣдующемъ гетманѣ Вѣнцеславѣ Хмѣльницкомъ (1334—1569 г.) король Сигизмундъ-Августъ отдѣлилъ южно-русскія земли (а слѣдовательно и пространство Полт. губ.) окончательно къ Польшѣ, край подвергся еще худшей участи: 48 городовъ и селъ составили владѣніе одного Іереміи Вишневецкаго». При Стефанѣ Баторіѣ «Малороссія переживала лучшее время»: онъ позволилъ малороссіянамъ судиться «по русскимъ статутамъ», отдалъ гетману г. Батуринъ, въ составѣ гетманскаго генералитета прибавилъ двухъ есауловъ и бунчужнаго», учредилъ «Малороссійскій трибуналъ изъ 7-ми департаментовъ»... Щадя читателей, хоть азбучно знакомыхъ съ исторіей Малороссіи, не будемъ продолжать эти «безумные глаголы», которые снились когда-то автору Исторіи Руссовъ и легковѣрно повторены были Маркевичемъ и Бантышемъ (во 2-мъ изданіи его «Исторіи Малороссіи»). Но вѣдь съ тѣхъ поръ не даромъ же работали М. А. Максимовичъ, Н. И. Костомаровъ и десятки другихъ ученыхъ, отвергшихъ всѣ эти басни и создавшихъ истинную исторію Малороссіи. Какъ же не стыдно и не грѣхъ историку Полт. епархіи и въ 1901 г. повторять полвѣка назадъ опровергнутыя сказки, будто Косинскаго замуровали въ каменномъ столбѣ, Наливайка сожгли въ мѣдномъ быкѣ, съ Павлюги (Павлюка) заживо содрали кожу, а Остряницу колесовали? Вся разсказанная имъ якобы-исторія Малороссіи отъ Гедимина до Скоропадскаго есть сплошная небылица, въ чемъ онъ самъ убѣдится, ознакомившись съ сочиненіями Максимовича, Косто-

марова, проф. Антоновича, или даже прочтя подлинныя малороссійскія лѣтописи Величка и Самовидца.

Такова у нашего автора «гражданская исторія»; не лучше ея и церковная. Унія, по его словамъ, «была принята на Кіевскомъ соборѣ 1595 г., а утверждена на Брестскомъ сеймѣ 1596 г.» (стр. 25). Мы увѣрены, что и полтавскимъ семинаристамъ за подобные отвѣты ставятъ единицы. «Князь Литовскій Александръ сталъ усердно пропагандировать унію: католическіе монахи съ виленскимъ епископомъ Альбертомъ Таборомъ и православнымъ епископомъ смоленскимъ Іосифомъ Солтаномъ ѣздили изъ города въ городъ склонять населеніе къ уніи» (стр. 50). Эту басню опровергъ еще митроп. Евгеній въ своемъ «Описаніи Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи», изд. въ 1825 г. (стр. 113—115). О кіевскомъ митрополитѣ Исаіѣ Копинскомъ, столь памятномъ именно для Полтавщины, гдѣ онъ устроилъ нѣсколько монастырей, историкъ Полт. епархіи ничего не знаетъ и даже его извѣстное посланіе къ князю Іереміи Вишневецкому съ укоромъ за вѣроотступничество приписываетъ какому-то «архимандриту Мгарскаго монастыря» (стр. 36). Но верхомъ невѣжества должно быть сочтено то, что говорится (на стр. 56—57) о епархіальномъ управленіи и бытѣ духовенства въ Малороссіи XVI—XVII ст.: «Епархіи были подѣлены на округа намѣстническіе и десятиннические, или просто десятины. Въ послѣднихъ находились десятинники (которые со времени Стоглаваго собора 1551 г. стали назначаться изъ духовныхъ лицъ, а не изъ свѣтскихъ), поповскіе старосты и закащики... Всѣ вмѣстѣ они составляли десятиннический дворъ—судебно-административное учрежденіе. Въ качествѣ приказныхъ въ составъ его входили: повытчикъ, писцы, земскіе старосты и цѣловальники. Послѣ собора 1675 г. десятинники были замѣнены духовными управителями»... Спохватившись, что эта выписка изъ семинарскихъ записокъ относится къ великорусскому церковному управленію, нашъ авторъ хочетъ поправить себя: «Впрочемъ, такая форма церковнаго устройства въ малоросійскихъ епархіяхъ прививалась постепенно». Напрасно такъ думаете—ея здѣсь никогда не было. Сами же вы говорите, что органами церковнаго управленія здѣсь были клиросы и «протопопіи». Но автору хочется до конца использовать свои записки и онъ продолжаетъ: «Кромѣ «освященнаго собора», были еще учрежденія подъ именемъ святительскихъ дворовъ. Въ началѣ XVII в. они были преобразованы въ приказы и разряды: архіерейскій, казенный и дворцовый... Монашествующіе постепенно

были отклоняемы отъ участія въ приходской жизни. Бѣлаго духовенства было слишкомъ достаточно. Оно образовало контингентъ безприходныхъ «крестныхъ» поповъ, собиравшихся на перекресткахъ въ ожиданіи спроса на свои услуги». Да, все это точно было, но въ другомъ мѣстѣ, и историку Полт. епархіи не слѣдовало бы вводить въ заблужденіе своихъ читателей: помилуйте, когда же и какіе были въ Малороссіи «приказы и разряды» и «крестные попы?

Разсказавъ (по Маркевичу) исторію Малороссіи до начала XVIII в., авторъ возвращается къ своему любимому занятію—перечню іерарховъ, якобы управлявшихъ Полт. епархіей съ конца XV до нач. XVIII в. И вотъ на семи страницахъ (50—56) тянется скучный перечень—сначала кіевскихъ митрополитовъ, потомъ смоленскихъ архіереевъ (на томъ, видите-ли, основаніи, что въ 1465 г. черниговская епархія была причислена къ смоленской), затѣмъ черниговскихъ—послѣ возстановленія этой епархіи въ 1653 г., бѣлогородскихъ и обоянскихъ. За что послѣдніе удостоились поминанія—это извѣстно одному автору: онъ, видите ли, прочелъ гдѣ-то въ Полт. Еп. Вѣдомостяхъ, будто часть территоріи нынѣшней Полтавщины, именно уѣзды Константиногр. и Кобеляцкій отошли въ 1667 г. къ вновь открытой Бѣлогородской (курской) епархіи. Не ручаемся за Константиноградскій—онъ тогда только еще заселялся и частью входилъ въ составъ Слободской Украины, но относительно Кобел. уѣзда беремся документально доказать, что онъ до 1776 г. въ полномъ составѣ принадлежалъ къ Кіевской епархіи. Да и какой прокъ въ этихъ именныхъ перечняхъ? Вѣдь ни объ одномъ—не только бѣлогородскомъ или смоленскомъ, но и черниговскомъ архіереѣ авторъ не приводитъ ни одного факта, указывающаго на то, чтобы они принимали хоть какое-нибудь участіе въ судьбахъ будущей Полт. епархіи.

Перейдя въ XVIII вѣкъ, авторъ «бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое» и въ нѣсколькихъ словахъ рисуетъ «картину, какую представляла къ этому времени территорія нашей епархіи». Вотъ эта картина: «Полтава только что начала возражаться (sic!) изъ пепла послѣ междоусобій Виговскаго съ Пушкаремъ» (долго же она «возражалась»—болѣе 40 лѣтъ!); «Лубны, Пирятинъ, Зеньковъ, Миргородъ также едва стали оправляться отъ развалинъ, произведенныхъ тою же братоубійственною рукою; Переяславъ подвергся той же участи отъ руки Дорошенка; Ирклѣевъ, Кременчугъ, Лохвица подвергнулись той же участи»—не сказано, отъ кого: вѣроятно отъ Турокъ,

о вторженіи которыхъ «къ м. Снѣтину, Луб. у.» разсказывается на стр. 46. Послѣ «бѣгства Мазепы былъ избранъ въ гетманы Скоропадскій. «Его утвердилъ уже не государь, а графъ Головкинъ»... «Наконецъ, при императрицѣ Екатеринѣ II (sic!) еще разъ былъ назначенъ, и на этотъ разъ уже послѣдній, гетманъ Малороссіи К. Г. Разумовскій (1750—1764)». «Въ 1764 г. состоялось именное повелѣніе: Новосербію и всѣ при крѣпости св. Елисаветы селенія называть Новороссійской губерніей, куда, между прочимъ, были отчислены Кременчугская и Власовская сотни и часть Полтавскаго полка съ г. Бѣлевымъ (Константиноградомъ), назначеннымъ губернскимъ городомъ... Въ томъ же году Славяносербія переименована въ Екатеринославскую провинцію, съ главнымъ городомъ Кременчугомъ» (стр. 60—62).

Сдѣлавъ на трехъ страницахъ столько историческихъ и хронологическихъ промаховъ, нашъ историкъ паки и паки перечисляетъ имена архіереевъ: переяславскихъ (съ 1701 г.), кіевскихъ митрополитовъ (съ 1708 г.), черниговскихъ епископовъ (съ 1713 г.), бѣлгородскихъ (съ 1705 г.), словенскихъ, полтавскихъ, (съ 1803 г. до нашихъ дней) и тѣмъ оканчиваетъ историческую часть своей книги.

Далѣе слѣдуетъ часть историко-статистическая, т. е. описаніе церквей и приходовъ. Въ нынѣшній выпускъ вошли пока уѣзды: полтавскій, зѣньковскій, гадячскій и лубенскій. Матеріалы у автора—самые скудные: клировыя вѣдомости за 1899 г., описи церковнаго имущества 1816—1827 гг., ревизскія сказки, генеральныя слѣдствія о маетностяхъ, какія доселѣ изданы, и затѣмъ кое-какія журнальныя статьи, преимущественно мѣстныхъ Епарх. Вѣдомостей. Видимо г. Грановскій не воспользовался даже церковными лѣтописями, какія давно уже обязательно ведутся въ каждомъ приходѣ епархіи. Личнаго осмотра старинныхъ церквей авторъ также не предпринималъ; онъ не догадался даже сдѣлать того, что недавно было сдѣлано полтавской комиссіей по подготовительнымъ работамъ для предстоящаго XII Археол. Съѣзда, разославшей настоятелямъ церквей вопросные листки и получившей въ отвѣтъ многочисленныя указанія о старинныхъ рукописяхъ, старопеч. книгахъ и прочихъ разнообразныхъ предметахъ церковной старины. Эти указанія, недавно опубликованныя въ Полт. Губ. Вѣдомостяхъ (№ 74), куда богаче тѣхъ, какія имѣются въ книгѣ нашего автора.

Описанію церквей полтавскаго уѣзда предпосланъ историческій очеркъ г. Полтавы, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается такой перлъ:

«Въ 1243 году Батый съ своими полчищами достигъ Полтавы и расположилъ часть своихъ войскъ въ Полтавѣ на зимнія квартиры» (стр. 116). Въ описаніи Полт. монастыря авторъ подробно описываетъ, якобы и нынѣ существующую въ настоятельскомъ домѣ такъ называемую Екатерининскую залу, между тѣмъ въ прошломъ году намъ лично пришлось убѣдиться въ томъ, что этой залы давно уже нѣтъ и въ поминѣ. М. Старымъ-Сенжарамъ авторъ, почему-то, усвояетъ и другое имя—*Козельщина*, тогда какъ село съ этимъ именемъ находится въ кобел. у. Въ покровской старо-сенжаровской церкви, будто-бы, хранится неслыханная достопримѣчательность: «евангеліе на малорусскомъ языкѣ Петерб. печати 1819 года», а въ церкви с. Ивашекъ «евангеліе Краковской печати 1575 г. безъ раздѣленія на главы и стихи». Въ м. Опошнемъ имѣется Требникъ Петра Могилы, поступившій въ церковь еще въ 1600 году, т. е. когда Могилѣ было всего 3 года отъ роду. И много, много подобныхъ диковинокъ хранится, будто-бы, въ церквяхъ Полт. епархіи. Понятно, что все это подрываетъ всякое довѣріе къ показаніямъ автора относительно церковной старины, и нѣтъ ему оправданія въ томъ, что такъ-де написано въ церковныхъ описяхъ. Простецъ-священникъ какого-нибудь села Ивашекъ могъ написать, что въ его церкви хранится рукописное евангеліе XVI в. съ надписью: «сію книгу братство всѣ купили року 1543, за панованья короля Владислава IV», но редактору нельзя не знать, когда именно царствовалъ Владиславъ IV. Точно также нельзя было давать вѣру голословнымъ утвержденіямъ приходскихъ историковъ, будто многія села и мѣстечки основаны въ XV и даже въ XIV ст. (стр. 248, 316 и др.), когда самъ авторъ, на 30 стр. историческаго очерка, утверждаетъ, что «монгольское нашествіе обратило весь край въ пустыню, каковой онъ и оставался до XVI в.» (точнѣе—до конца XVI в.)

Если бы мы захотѣли отмѣтить всѣ историческіе и хронологическіе промахи и невѣрности, въ изобиліи наполняющіе разбираемую книгу, то наша рецензія разрослась бы до размѣровъ, мало уступающихъ объему самой книги. Поэтому ограничиваемся сказаннымъ и заключаемъ свой отзывъ суровымъ, но, къ прискорбію, совершенно заслуженнымъ приговоромъ: книга г. Грановскаго можетъ принести вредъ, распространяя среди сельскаго духовенства (для котораго она главнымъ образомъ предназначена) невѣрныя свѣдѣнія по исторіи епархіи и края, и не принесетъ никакой пользы людямъ, научно ин-

тересующимся церковной стариной, ибо сообщаемыя въ ней свѣдѣнія изъ этой области очень скудны, часто невѣрны и, въ лучшемъ случаѣ, неточны или недостаточно провѣрены.

О. Л

Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1898 годъ. *Съ 7-ю таблицами и 288 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1901 г. 4°. 191 стр.*

Согласно принятому обычаю, отчеты Имп. Археологической Комиссіи являются не отчетами въ обыкновенномъ смыслѣ, а солидными работами, дающими массу матеріала какъ въ сыромъ видѣ, такъ, отчасти, и въ обработанномъ. Этимъ характеромъ изданій объясняется и то, что для составленія ихъ требуется значительное время, вслѣдствіе чего запаздываетъ и выходъ въ свѣтъ.

Данный отчетъ распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) производство археологическихъ изслѣдованій, 2) пріобрѣтеніе коллекцій и случайныя находки и 3) разрѣшеніе частнымъ лицамъ производства раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ и разсмотрѣніе ходатайствъ о реставраціи, ремонтѣ, сохраненіи и упраздненіи древнихъ памятниковъ зодчества. Кромѣ того, почти половину отчета занимаютъ приложенія, заключающія въ себѣ извлеченія изъ отчетовъ о раскопкахъ.

Передавая вкратцѣ содержаніе выше перечисленныхъ отдѣловъ, мы будемъ отмѣчать лишь то, что имѣетъ отношеніе къ южно-русскимъ древностямъ.

Въ первомъ отдѣлѣ древности юга занимаютъ первенствующее положеніе. Особенно интересными оказались въ отчетномъ году результаты продолженій раскопокъ Херсонскаго городища, производимыхъ К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ. Здѣсь открыты замѣчательныя фортификаціонныя сооруженія, а въ насыпи, покрывавшей ихъ, и отчасти въ обнаруженныхъ гробницахъ найдено нѣсколько греческихъ и латинскихъ надписей и множество другихъ остатковъ древности.

Другимъ изслѣдователемъ—К. Е. Думбергомъ открыты также очень интересныя сооруженія на мѣстѣ древней Пантикапеи. Обнаружены они на восточныхъ скалахъ Митридатовой горы въ Керчи и

составляютъ остатки термъ, какъ можно думать, I-го вѣка по Р. X. Кромѣ сооруженій, и здѣсь встрѣчены другіе памятники старины—части античныхъ мраморныхъ статуй, терракотовыя издѣлія и т. д.

Въ Крыму же, на берегахъ р. Карасу, производилъ раскопки проф. Кулаковскій. Раскопанныя могилы заключали въ себѣ окрашенные скелеты, каменныя орудія и первобытную глиняную посуду.

Въ Мелитопольскомъ у. Таврической губ. членъ Комиссіи Ѳ. А. Браунъ, близь с. Большой Бѣлозерки, раскопалъ большой курганъ съ богатымъ конскимъ погребеніемъ IV в. до Р. X. При костяхъ лошадей найдено множество бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ бляшекъ, иногда украшенныхъ прекрасно исполненными рельефными изображеніями головъ Геракла, Медузы и Пана.

Въ виду развившагося кладоискательства въ Кубанской области, на нее въ послѣднее время было обращено Комиссіей особое вниманіе и тамъ, въ Майкопскомъ отдѣлѣ, въ отчетномъ году производилъ изслѣдованія проф Н. И. Веселовскій. Близъ станицы Царской имъ открытъ новый видъ древнихъ погребеній, въ видѣ двухъ скрытыхъ въ курганѣ дольменовъ съ разновременнымъ погребальнымъ инвентаремъ, начиная отъ каменныхъ орудій и кончая металлическими, въ томъ числѣ и золотыми вещами.

Въ Баталпашинскомъ и Екатеринодарскомъ отдѣлахъ той-же Кубанской обл., небольшія раскопки производились преподавателемъ Екатеринодарской гимназіи В. М. Сысоевымъ. Здѣсь обнаружено нѣсколько земляныхъ гробницъ, большей частью разграбленныхъ; сохранившіяся-же цѣлыми заключали человѣческіе костяки съ очень бѣдной обстановкой: при нѣкоторыхъ не было никакихъ предметовъ, при другихъ-же находились глиняные сосуды, костяныя издѣлія и желѣзные наконечники копій и стрѣлъ.

Второй отдѣлъ (пріобрѣтеніе коллекцій и случайныя находки) заключаетъ свѣдѣнія, уже приведенныя въ систематическій порядокъ и расположенныя по губерніямъ и областямъ. Отмѣтимъ изъ нихъ болѣе интересныя.

Въ Кіевской губ. кромѣ нѣсколькихъ кладовъ русскихъ, польскихъ и западно-европейскихъ монетъ XVI—XVII в. и клада пражскихъ грошей Болеслава III и серебр. джучидскихъ монетъ (с. Чайки, Каневск. у.), найдены: въ с. Хотинѣ, Каневск. у.,—копья, сабли и стре- ри человѣческомъ и лошадиномъ остовахъ; въ м. Княжа- , Липовецк. у.,—65 бронз. стрѣлъ и 4 обломка глинян. ам-

форы; въ самомъ Кіевѣ—бронз. браслеты, 8 серебр. серегъ и мѣдный крестикъ.

Въ Волынской губ. отмѣчены исключительно находки монетъ, причемъ изъ 11-ти кладовъ десять заключали польскія и зап.-европ. монеты XVII—XVIII ст., а одинъ состоялъ изъ 52 серебр. римскихъ монетъ I и II. вв. по Р. Х. (Заславскій у., безъ болѣе точнаго обозначенія мѣста находки).

Въ Подольской губ.: въ д. Старой-Синявѣ, Летичевск. у.,—2 серебр. римскія монеты имп. Александра Севера и Коммода; въ Межирѣчкѣ, Балтск. у.—20 бронз. стрѣлъ и 5 желѣзн. гвоздей; въ с. Крыжополѣ, Ямпольск. у.,—польск. и зап.-европ. монеты XVII в.

Изъ Черниговской губ. поступившія въ Комиссію находки ограничиваются кладами русскихъ монетъ XVIII и XIX ст.

Въ Полтавской губ. изъ нѣсколькихъ кладовъ монетъ заслуживаютъ вниманія 82 серебр. аббасидскихъ и другихъ куфическихъ монетъ VIII и IX в., найденныхъ въ м. Мачехахъ, Полтавск. у. Изъ находокъ предметовъ интересенъ цѣлый кладъ великокняжеской эпохи, найденный въ с. Войтовцахъ, Переяславск. у. [1]).

Изъ очень многочисленныхъ находокъ, отмѣченныхъ для *Херсонской губ.*, можно упомянуть о двухъ подвѣскахъ отъ серегъ изъ с. Парутина (древней Ольвіи).

Такъ же немногочисленны находки и въ *Екатеринославской губ.*,—ихъ всего двѣ: человѣческій черепъ, 2 мамонтовыхъ зуба, позвонокъ носорога и глиняный сосудъ, найд. близъ г. Екатеринослава, въ дачѣ Александровскаго Южнороссійскаго завода, и 2 мѣдныя старинныя пушки, найденныя въ м. Никополѣ, Екатеринославск. у.

Харьковская губ. дала очень интересный матеріалъ. Во-первыхъ, здѣсь найденъ бронзовый ножъ съ ножнами (с. Сеньково, Купянск. у.), а затѣмъ въ даръ Комиссіи принесена свящ. Спѣсивцевымъ цѣлая коллекція древностей, собранная имъ близъ г. Славянска, въ окрестностяхъ с. Райгородка. Коллекція состоитъ изъ нѣсколькихъ кремневыхъ орудій, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ, серебряныхъ и мѣдныхъ золотоордынскихъ монетъ XIV в. и замѣчательнаго меча съ серебрянымъ ефесомъ и обвитою серебряными нитями рукояткой,

---

[1]) Подробное описаніе этого клада помѣщено въ „Кіевск. Стар.“, февраль 1901 г., „Археологическая лѣтопись“.

на которую насажена серебряная, украшенная чернью головка. На одной сторонѣ ея, посреди диска, окруженнаго плетенкой, изображенъ бѣгущій заяцъ и птица, а на другой, въ круговомъ орнаментѣ изъ листьевъ аканфа—т. н. «печать Соломона». Ножны меча сгнили, но отъ нихъ сохранились три серебряныя обоймища; на двухъ изъ нихъ помѣщены исполненныя чернью арабскія надписи; одна содержитъ имя «Эмира Гарсъ-эд-дина», въ другой выражены владѣльцу меча пожеланія славы, счастья и господства. Вмѣстѣ съ вещами свящ. Спѣсивцевымъ сообщена Комиссіи записка (помѣщенная въ отчетѣ) съ описаніемъ мѣстности, гдѣ найдены вещи, и обстоятельствъ находокъ.

Въ Таврической губ. находки оказались, какъ и слѣдовало ожидать, довольно изобильными; относятся онѣ главнымъ образомъ ко времени черноморскихъ колоній.

Наконецъ, въ *Кубанской обл.* найдены двѣ золотыя серьги (ст. Сѣверская, Темрюкск. отд.) и мѣдная монета города Агриппіи (въ томъ же отдѣлѣ).

Въ спискѣ частныхъ лицъ, получившихъ разрѣшенія производить раскопки въ интересующемъ насъ районѣ, помѣщены: В. В. Хвойка (Кіевскій у.), И. А. Линниченко и С. А. Мазараки (Роменскій и Лубенскій уу. Полтавской губ.), I. Я Стемпковскій (с. Парханы, Тираспольск. у. Херсонской губ.), Н. Ф. Романченко (Евпаторійскій у. Таврическ. г.) и В. М. Сысоевъ (Псебайская станица, Майкопск. отд. Кубанской обл.).

Въ «Приложеніяхъ», среди извлеченій изъ отчетовъ о другихъ раскопкахъ, помѣщено сравнительно обширное «Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ, произведенныхъ въ Херсонѣ въ 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ»—о немъ мы уже упомянули выше. Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что всѣ болѣе или менѣе интересные предметы, о которыхъ упоминается въ Отчетѣ, воспроизведены въ рисункахъ какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ таблицахъ—это еще болѣе увеличиваетъ цѣнность помѣщенныхъ въ Отчетѣ свѣдѣній и значительно облегчаетъ справки.

Б.

„Кіевское Общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности за двадцатипятилѣтіе съ 1876 по 1901 годъ. Краткій очеркъ, составленный секретаремъ Общества Т. Осадчимъ“. *Печатано по распоряженію г. предсѣдателя Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства». Кіевъ, 1901 г.*

Въ 1901 г. истекло 25 лѣтъ существованія Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства, и Общество, выражаясь языкомъ брошюры (стр. 37), «отпраздновало» свой двадцатипятилѣтній юбилей устройствомъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ,—симпатичнымъ начинаніемъ, привлекающимъ нынѣ общее вниманіе. Вопросъ объ устройствѣ сельско-хозяйственной школы (стр. 27), какъ оказывается, возбужденъ былъ въ Обществѣ еще въ восьмидесятыхъ годахъ, когда для этой цѣли Кіевскій земельный банкъ пожертвовалъ Обществу нѣсколько тысячъ рублей. Затѣмъ въ 1894 г. на то же дѣло Я. В. Тарновскій «изъявилъ было согласіе пожертвовать подъ школу 34 дес. земли близъ с. Мотовиловки», но проектъ этотъ все-таки не могъ осуществиться за недостаткомъ средствъ. Наконецъ, къ концу 25-лѣтія существованія Общества капиталъ его возросъ до 20000 р., и это дало ему возможность достойнымъ образомъ отпраздновать свой юбилей путемъ организаціи полезнаго и вполнѣ необходимаго дѣла, которое, будемъ надѣяться, пуститъ прочные корни и изъ учрежденія, пріуроченнаго къ празднеству, обратится въ постоянное. Потребность въ его существованіи несомнѣнна, активное сочувствіе къ нему спеціалистовъ—лекторовъ опредѣлилось на столько ясно, что не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ согласіи на продолженіе данной работы въ будущемъ, средства имѣются, а въ случаѣ ихъ сокращенія недостающія суммы можно исходатайствовать изъ министерства земледѣлія, въ содѣйствіи котораго этому полезному дѣлу нельзя, конечно, сомнѣваться.

Къ этому же юбилейному году пріурочено и изданіе вышеназванной брошюры, въ которой Общество сельскаго хозяйства знакомитъ читающую публику съ своей 25-лѣтней дѣятельностью и подводитъ итоги своей работѣ. Итоги эти очень интересны, и мы постараемся въ краткомъ извлеченіи познакомить съ ними читателя. Не можемъ, однако, не высказать сожалѣнія, что, при краткости изданной брошюры, итоги эти нельзя считать достаточно полными. Дѣло въ томъ, что, оглядываясь на пройденный путь, всегда полезно выяснить себѣ не только положительныя, но и отрицательныя стороны своей дѣятель-

ности—ея недостатки и слабыя стороны. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, и признать ошибки, допущенныя въ честной работѣ, отнюдь не позорно; напротивъ, выясненіе недочетовъ прежней дѣятельности и главнѣйшихъ причинъ ихъ появленія можетъ быть только полезно для будущаго. Между тѣмъ названная брошюра содержитъ лишь данныя о томъ, что уже сдѣлано и что предпринято Обществомъ и какіе вопросы въ немъ возбуждались; но въ ней нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, насколько цѣлесообразна и практична была постановка тѣхъ или иныхъ начинаній Общества, насколько эти начинанія достигли цѣли, въ чемъ заключались (всегда возможные) недочеты тѣхъ или другихъ предпріятій, были ли они и какимъ образомъ исправляемы и пр. и пр. А между тѣмъ начинаній и предпріятій этихъ было за 25 лѣтъ довольно много. Обществомъ устроено было 6 выставокъ (1880, 1883, 1884, 1888 (двѣ) и 1897 г.) [1]), четыре спеціальныхъ (1890, 1892, 1895, и 1897 г.) областныхъ съѣзда, [2]) независимо отъ съѣздовъ сельскихъ хозяевъ по случаю выставокъ и спеціальныхъ засѣданій Общества съ участіемъ пріѣзжихъ сельскихъ хозяевъ ежегодно въ періодъ контрактовъ. Общество завело собственный печатный органъ (издающійся съ 1884 г. подъ именемъ «Земледѣліе»), мысль объ изданіи котораго возникла у него еще въ 1877 г. Оно же устроило въ разное время рядъ конкурсовъ сельскохозяйственныхъ орудій, произвело рядъ систематическихъ опытовъ надъ культурой различныхъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растеній ради выясненія полезности и пригодности разныхъ сортовъ ихъ для различныхъ мѣстностей, добилось, съ цѣлью защиты интересовъ мѣстныхъ хозяевъ, права имѣть своихъ представителей при Одесскомъ элеваторѣ, образовало особое (Деребчинское) опытное поле и т. п. Въ 1898 г., благодаря пожертвованію гр. Тышкевича, Общество обзавелось химико-агрономическою лабораторіею съ контрольною станціею сѣмянъ. Въ 1899 г. (стр. 59) добилось организаціи въ краѣ Общества взаимнаго страхованія землевладѣльцевь, учредило у себя сельско-хозяйственную сберегательно—пенсіонную кассу для обезпеченія лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и сельско-хозяйственной службой

---

[1]) Въ томъ числѣ 3 общихъ сельско-хозяйственныхъ, двѣ сѣмянныхъ и одна—спеціальныхъ культуръ.

[2]) Въ томъ числѣ, въ 1888 г., съѣздъ хмѣлеводовъ и пивоваровъ

(36) [1]) и устроило бюро по рекомендаціи сельско-хозяйственныхъ служащихъ, получившее въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ существованія 467 заявленій и пристроившее къ мѣстамъ 73 лица. Къ сожалѣнію, въ краткой брошюрѣ о дѣятельности Общества нѣтъ данныхъ о томъ, какъ пошла дѣятельностъ этого бюро въ послѣдующее время и какихъ, вообще, размѣровъ достигла работа каждаго изъ остальныхъ, возникшихъ при Обществѣ или благодаря Обществу учрежденій. Благодаря этому, характеристика дѣятельности Общества получается не полная, не выясняющая, какъ велика и результатна работа каждаго учрежденія, числятся ли, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ только, такъ сказать, на бумагѣ, или напротивъ работаютъ, что называется, во всю. Изъ отчета видно, что съѣзды сельскихъ хозяевъ—спеціальные и по случаю выставокъ—имѣли, вообще, довольно важное значеніе въ дѣлѣ возбужденія многихъ существенныхъ вопросовъ мѣстнаго хозяйства, которые безъ этихъ съѣздовъ, можетъ быть, долго еще не были бы поставлены на очередь. Польза съѣздовъ въ отношеніи совмѣстнаго обсужденія назрѣвшихъ вопросовъ и нуждъ хозяйства скоро стала на столько очевидной для самихъ сельскихъ хозяевъ, что на одномъ изъ областныхъ съѣздовъ возбужденъ былъ даже вопросъ о необходимости поуѣздныхъ съѣздовъ (48). Конечно, дѣятельность съѣздовъ можетъ выразиться главнымъ образомъ въ возбужденіи и обсужденіи вопросовъ, проведеніе же ихъ въ жизнь должно принадлежать постоянно дѣйствующимъ учрежденіямъ, къ которымъ, именно, и принадлежитъ сельско-хозяйственное Общество. Но это отнюдь не умаляетъ значенія съѣздовъ въ дѣлѣ иниціативы совмѣстнаго обсужденія вопросовъ и привлеченія къ этому обсужденію по возможности всѣхъ мѣстныхъ силъ, которыя безъ нихъ не могли бы принять участія въ ихъ разработкѣ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, почему предисловіе къ очерку двадцатипятилѣтія Общества такъ налегаетъ на пользу совмѣстнаго «обсужденія и выясненія» вопросовъ. Намъ непонятно только, зачѣмъ въ предисловіи терминъ «совмѣстное обсужденіе» замѣняется терминомъ «свободное обсужденіе». Конечно, «свободное» обсужденіе—понятіе весьма относительное: свобода свободѣ рознь и чѣмъ свободнѣе всякое обсужденіе, тѣмъ разумѣется, лучше. Но обсуждать и выяснять каждый сельско-хозяйственный вопросъ

[1]) На стр. 58 говорится, впрочемъ, почему то только о сельскохозяйственныхъ *служащихъ* и самая касса названа только пенсіонной.

можно вѣдь и въ одиночку (тогда уже, разумѣется, вполнѣ свободно), и вдвоемъ, и втроемъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ сосѣдями и другими хозяевами. Но это далеко не то, что обсуждать его въ сообществѣ хозяевъ изъ разныхъ мѣстъ, пользуясь умомъ, опытомъ и знаніями нѣсколькихъ десятковъ, а иногда и сотенъ лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ суть дѣла не въ «свободномъ», а именно въ совмѣстномъ (при данныхъ условіяхъ) обсужденіи и выясненіи вопросовъ.

Изъ очерка дѣятельности Общества видно, что многіе изъ возбуждавшихся и обсуждавшихся въ немъ и на съѣздахъ вопросовъ, опытовъ и начинаній получали свое осуществленіе не сразу и требовали иногда для этого довольно продолжительнаго времени. Помѣхою являлся иногда недостатокъ средствъ, иногда необходимость более обстоятельной и детальной разработки выдвинутыхъ на очередь проектовъ, иногда какія-то (невыясненныя въ очеркѣ) независящія обстоятельства (помѣшавшія осуществленію конкурса машинъ въ Браиловѣ, (стр. 16), иногда тѣ или иныя внѣшнія обстоятельства, (напр. неурожай, политическія осложненія съ другими государствами—стр. 9) и т. п. Въ частности вопросъ о заведеніи непосредственныхъ сношеній съ Зап. Европой по сбыту сельско-хоз. произведеній, затянувшійся вслѣдствіе неурожая и запрещенія въ 1891 г. вывоза хлѣба за границу, и совсѣмъ, напр., не осуществился вслѣдствіе того, что этими обстоятельствами «отнята» была «почва для существованія подобной организаціи». Къ удивленію, это однако нисколько не помѣшало г. члену общества Б. И. Ханенку, изслѣдовавшему этотъ вопросъ по порученію же Общества, какъ это видно изъ очерка, вскорѣ же приняться за устройство для этой цѣли независимаго отъ Общества земледѣльческаго синдиката, т. е. такого чисто коммерческаго предпріятія, которое, насколько мы понимаемъ, является до нѣкоторой степени даже конкурентомъ Обществу въ дѣлѣ, напр., посредничества, снабженія хозяевъ сѣменами, орудіями и т. п. операцій, отъ которыхъ Общество могло бы получать лишнія средства къ существованію.

Стремясь разсмотрѣть вопросъ о роли и значеніи сельско-хозяйственнаго Общества «съ болѣе широкой точки зрѣнія» (стр. 39), авторъ очерка, «невольно вдумывавшійся при составленіи очерка въ суть этой дѣятельности», приходитъ къ заключенію, что оно сдѣлало за истекшіе 25 л. въ сферѣ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ «весьма много»,—но только не «въ области улучшенія вообще общественныхъ

условій земледѣльческаго быта». Это, собственно говоря, единственное мѣсто очерка, гдѣ дѣлается попытка критической оцѣнки дѣятельности Общества и то только потому, что авторъ его, какъ бы выходя изъ оффиціальной роли секретаря Общества, пробуетъ говорить въ качествѣ «составителя очерка» (39). Въ данномъ случаѣ, разсматривая дѣло «съ болѣе широкой точки зрѣнія», составитель очерка, какъ видно, имѣетъ въ виду помощь Общества крестьянскому земледѣльческому населенію края. Справедливо ставя Обществу въ заслугу, что оно не участвовало въ опозорившихъ нѣкоторыя провинціальныя Общества попыткахъ «законодательнаго ограниченія и безъ того узкихъ правъ неимущаго земледѣльческаго населенія, вынужденнаго существовать наемнымъ трудомъ», составитель очерка какъ бы успокаивается на томъ, что Общество, напротивъ, первое въ Россіи возбудило вопросъ о пенсіонномъ обезпеченіи лицъ, служащихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ какъ этимъ онъ и заканчиваетъ свое отступленіе въ область болѣе широкихъ точекъ зрѣнія. Намъ кажется, что такая «широкая» точка зрѣнія на вопросъ объ «улучшеніи вообще общественныхъ условій земледѣльческаго быта» въ дѣйствительности не отличается особенной широтою, и что предъявленныя, въ этомъ отношеніи, къ Обществу требованія слишкомъ скромны... если только составитель не былъ стѣсненъ въ данномъ случаѣ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ секретаря, составлявшаго очеркъ по порученію. Нельзя не согласиться, что въ указанныхъ отношеніяхъ Общество дѣйствительно сдѣлало за 25 лѣтъ очень не много. Но въ то же время можно было бы, повидимому, указать изъ его дѣятельности и кое-что большее пенсіонной кассы для однихъ только сельско-хозяйственныхъ служащихъ,—напр., на мѣропріятія Общества, направленныя къ поднятію крестьянскаго земледѣлія устройствомъ показательныхъ участковъ (стр. 55) по культурѣ травъ и корнеплодовъ, и на заботы Общества (въ которыхъ, какъ извѣстно дѣятельно участвовалъ и самъ авторъ) о крестьянскомъ травосѣяніи (55). Эти мѣропріятія, направленныя къ улучшенію быта низшей братіи, выступили на сцену главнымъ образомъ въ послѣдніе годы дѣятельности Общества. Будемъ поэтому надѣяться, что факты такого рода знаменуютъ симпатичный поворотъ дѣятельности Общества въ указанномъ направленіи, объясняемый, можетъ быть, отчасти тѣми сравнительно благопріятными нынѣ условіями сельскаго хозяйства, при наличности которыхъ гг. хозяева, управившись съ своими насущными нуждами, могутъ, наконецъ, подумать и о другихъ.

Думаемъ, однако, что главнымъ условіемъ удержанія этого направленія должно быть измѣненіе личнаго состава Общества въ смыслѣ возможнаго допущенія въ его среду представителей изъ той самой среды, для которой устраиваются пенсіонныя кассы, травосѣяніе и т. п.; безъ этого же всѣ подобныя мѣропріятія всегда будутъ явленіемъ случайнымъ, зависящимъ не отъ назрѣвшей потребности, а отъ альтруистическихъ наклонностей отдѣльныхъ членовъ Общества. Крупный (10 р.) членскій взносъ Общества совершенно устраняетъ отъ участія въ немъ значительный кругъ лицъ, занимающихся такъ или иначе сельскимъ хозяйствомъ, но не обладающихъ средствами для такого единовременнаго расхода,—возьмемъ хотя бы иностранныхъ колонистовъ или тѣхъ самыхъ сельско-хозяйственныхъ служащихъ, для которыхъ устроена пенсіонная касса, или отдѣльныхъ мелкихъ собственниковъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, обладающихъ иногда достаточнымъ интеллектомъ для участія въ обсужденіи сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, и для сознательнаго и связнаго изложенія нуждъ и потребностей своей среды. Обширная сфера лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ сельскому хозяйству, настолько у насъ обширна и разнообразна, что сельско-хозяйственныя Общества, искрене желающія отвѣчать всѣмъ запросамъ этой среды, неизбѣжно должны принимать и извѣстныя мѣры къ привлеченію въ число своихъ членовъ представителей отъ всѣхъ входящихъ въ нее разнообразныхъ группъ и классовъ населенія. А это несомнѣнно въ извѣстной мѣрѣ достигается и пониженіемъ членскаго взноса. Повидимому, наша мысль о желательности возможнаго расширенія круга лицъ, изъ котораго комплектируется составъ Общества, до извѣстной степени раздѣляется и самимъ Обществомъ, если судить по нижеслѣдующей выдержкѣ (стр. 4—5) изъ предисловія къ очерку [1]): «Общество сельскаго хозяйства состоитъ изъ большого числа *сельскихъ хозяевъ*, [2]) разбросанныхъ на обширной территоріи, *жизнедѣятельность ему могутъ придать лишь эти люди*—съ большимъ интересомъ они относятся къ общественнымъ дѣламъ земледѣлія—это отражается на дѣятельности Общества, пульсъ его жизни подымается, на оборотъ въ періодѣ преобладанія индивидуалистическихъ стремленій—даже въ эти періоды Общество

---

[1]) Къ сожалѣлію, выдержка эта, вѣроятно, вслѣдствіе выпаденія набора, мѣстами страдаетъ недостаточною ясностью изложенія.

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

не утрачиваетъ своего значенія, являясь учрежденіемъ, сосредоточивающимъ матеріалы—пособія, *касающіяся обширнѣйшей отрасли народнаго хозяйства.* Всѣ другія отрасли имѣютъ своихъ представителей,—сельское хозяйство въ такомъ огромномъ центрѣ также должно имѣть своего представителя и Общество служитъ единственнымъ такимъ представителемъ интересовъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, *не обнимая, впрочемъ, всѣхъ группъ земледѣльцевъ, что собственно говоря, и ограничиваетъ его значеніе,—размѣры его дѣятельности».* [1])

Брошюра изложена довольно интересно; но авторъ иногда нарушаетъ стилистическія правила, начиная нерѣдко фразы послѣ точки со словъ: «послѣ *чего»* (12), «въ виду *чего»* (28), «при *чемъ»* (29, 80), тогда какъ такого рода выраженія могутъ имѣть мѣсто только въ срединѣ фразы.

Л. С. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера пересмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Мысль № 1, 2) Историческій Вѣстникъ № 4, 3) Вѣстникъ Европы, № 4, 4) Русское Богатство, № 3 и 4, 5) Научное Обозрѣніе, № 3, 6) Русская Школа № 2, 7) Міръ Божій № 4, 8) Русская Старина, № 4, 9) Русскій Архивъ, № 4, 10) Ученыя записки Имп. Казанскаго университета, № 2, 11) Варшавскія университетскія извѣстія № 2, 12) Земскій сборникъ Черниговской губерніи № 1 и 2, 13) Журналъ для всѣхъ, № 4, 14) Русскій Филологическій Вѣстникъ. № 1 и 2, 15) Книжки Восхода, № 3.

Русская Мысль, № 1, январь.

Гиляровскій В. А.— Въ Гоголевщинѣ (изъ послѣдней поѣздки). Стр. 65—86.

Авторъ, побывавшій на родинѣ Гоголя, передаетъ нѣкоторыя мелочи изъ біографіи Гоголя, записанныя отъ лицъ, знавшихъ писателя.

Баженовъ Н. Н.—Болѣзнь и смерть Гоголя. Стр. 132—149.

Авторъ разсматриваетъ болѣзнь Гоголя съ психіатрической точки зрѣнія и объясняетъ ее наслѣдственностью: мать Гоголя, помимо

---

[1]) Курсивъ нашъ.

своего «психопатическаго темперамента», родила его, будучи слишкомъ молодой (около 15 лѣтъ).

Историческій Вѣстникъ, № 4, апрѣль.

Кучинскій—Исторія шести мѣсяцевъ (окончаніе) Стр. 179—205.

Обзоръ событій послѣдняго польскаго возстанія 1862 года.

П. Щеголевъ—Къ біографіи П. А Кулиша. Стр. 24—247.

Приводится письмо Кулиша къ М. И. Гоголь, не имѣющее большого общественнаго интереса. Краткая характеристика Кулиша, служащая предисловіемъ къ письму, написана съ знаніемъ дѣла.

П. К.—ій—Чествованіе памяти Гоголя. Стр. 248—284.

Въ статьѣ г. К-аго собраны корреспонденціи, статьи и замѣтки изъ разныхъ газетъ, касающіяся чествованія Гоголя. Авторъ расположилъ матеріалъ на четыре отдѣла: 1) чествованіе Гоголя вь Петербургѣ, 2) въ Москвѣ, 3) въ провинціи и 4) за границей.

Иславинъ—Имѣніе «Ляличи». Стр. 285—289.

Въ замѣткѣ г. Иславина приведены нѣкоторыя подробности относительно имѣнія Ляличи(Черниговской губерніи), принадлежавшаго графу П. В. Завадовскому.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи на «Гоголевскій сборникъ» (изд. библіологическаго Общества) и «Описаніе старой Малороссіи» (т. Ш) покойнаго А. М. Лазаревскаго.

Русское Богатство, № 2 и 3, февраль и мартъ.

Венгеровъ С. А.—Писатель-гражданинъ. Стр.: II, 122—145, III. 222—248.

Мастерская характеристика личности и дѣятельности Гоголя, преимущественно на основаніи его переписки съ разными лицами.

Въ отдѣлѣ библіографіи (февраль) помѣщенъ отзывъ о русскомъ переводѣ разсказовъ Ив. Франка—«Въ потѣ лица».

Научное Обозрѣніе, № 3.

Андреевичъ Е.—О Гоголѣ. Стр. 104—113.

Небольшая юбилейная замѣтка, опредѣляющая Гоголя, какъ «нашего перваго художника-соціолога».

Соколовъ Н. Н.—Н. В. Гоголь и современное ему русское Общество. Стр. 114—180.

Авторъ въ обстоятельной статьѣ даетъ портретъ друзей Гоголя и общую характеристику современнаго ему общества.

Русская Школа, № 2, февраль.

Бѣлоконскій И.—На родинѣ Гоголя. Стр. 59—68.

Впечатлѣнія автора отъ поѣздки въ Миргородъ.

Погодинъ А.—Трагедія Гоголя. Стр. 69—113.

Психологическій очеркъ, составленный на основаніи переписки Гоголя.

Анненскій И.—Художественный идеализмъ Гоголя. Стр. 114—125·

Статья представляетъ собою, говоря словами автора, «попытку выяснить одну изъ главныхъ причинъ непрестаннаго и вѣчно живого обаянія гоголевскаго творчества—его идеализма».

Налимовъ А.—Педагогическія идеи Гоголя. Стр. 126—134.

В. Ч. «Ревизоръ» на сценѣ С—го городского училища. Стр. 135—148.

Мiръ Божiй, № 4, апрѣль.

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь (продолженіе). Стр. 165—194.

Въ VI главѣ своего труда г. Котляревскій касается первыхъ литературныхъ произведеній Гоголя, отзывовъ о нихъ критики и ихъ значенія для біографіи писателя. Въ VII главѣ разсказывается эпизодъ о научныхъ замыслахъ Гоголя—его желаніи занять каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ и написать исторію Украины,—замыслахъ, окончившихся, какъ извѣстно, полной неудачей.

Русская Старина, № 4, апрѣль.

Письма и записки В. А. Жуковскаго къ гр. Ю. Ѳ. Барановой Стр· 121—133.

Для насъ представляетъ значительный интересъ только одно письмо Жуковскаго къ воспитательницѣ дочерей императора Николая I, гр. Барановой, писанное въ апрѣлѣ 1838 г. Оно имѣетъ заглавіе: «Историческое обозрѣніе благодѣтельныхъ поступковъ Юліи Ѳеодоровны и разныхъ другихъ обстоятельствъ, курьезныхъ происшествій

и особенныхъ всякихъ штучекъ. Сочиненіе Матвѣя», и въ шутливомъ тонѣ передаетъ обстоятельства выкупа Шевченка изъ крѣпостной зависимости. Письмо иллюстрировано каррикатурными рисунками, изображающими Шевченка, самого Жуковскаго, Брюлова и гр. Баранову. Въ качествѣ матеріала для исторіи освобожденія Шевченка письмо Жуковскаго имѣетъ несомнѣнный интересъ.

Русскій Архивъ, № 4, апрѣль.

Аѳанасьевъ Д. М.—Къ исторіи Черноморскаго флота (продолженіе). Стр. 637—702.

Исторія Черноморскаго флота съ 1853 по 1857 годъ.

Н. Ч. «Родословная книга Черниговскаго дворянства». Стр. 703.

Краткая библіографическая замѣтка по поводу недавно вышедшей книги гр. Милорадовича о черниговскомъ дворянствѣ.

О происхожденіи Гоголя. Стр. 705. Свѣдѣнія изъ родословной Гоголя. Автобіографическая записка М. И. Гоголь, матери Н. В. Гоголя. Стр. 706—724.

Письма Гоголя къ Д. Е. Бенардаки, къ кн. Репниной, гр. Вьельгорской, къ гр. Сологубу и его супругѣ. Стр. 725—737.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Въ № 91 «Кіевской Газеты» г. Степановичъ помѣстилъ обстоятельную рецензію на повѣсть Свидницкаго «Люборацьки».

Въ № 91 той же газеты помѣщена замѣтка о новыхъ украинскихъ изданіяхъ, какъ вышедшихъ, такъ и готовящихся къ печати въ Кіевѣ, а въ № 109—этнографическая замѣтка: «Праздникъ въ деревнѣ» (письмо изъ Подольской губ.).

Въ «Кіевлянинѣ», № 92, напечатанъ некрологъ А. М. Лазаревскаго съ краткой оцѣнкой его научныхъ и общественныхъ заслугъ. Такіе же некрологи помѣщены въ «Полт. Губ. Вѣдомостяхъ», въ № 86, въ „Крымскомъ курьерѣ", № 91, „Одесскомъ Листкѣ" № 87 и др. изд.

Въ № 60 «Волыни» помѣщена замѣтка «Великій постъ и первая его недѣля у крестьянъ», сообщающая украинскія народныя повѣрья, относящіяся къ Великому посту.

Въ томъ же номерѣ находимъ замѣтки относительно празднованія украинскимъ крестьяниномъ «Теплого Олексы» и «Сорока святыхъ.

—

Въ № 83 той же газеты г. Ив. Б—скій помѣстилъ обстоятельную замѣтку «Страстной четвергъ у крестьянъ на Волыни».

—

Въ № 84 той же газеты помѣщена замѣтка «Пасха у крестьянъ», содержащая описаніе празднованія украинскими крестьянами «Велыкодня»,

—

Въ газетѣ «Югъ» г. Ков.-Кол. помѣстилъ рецензіи на книги Б. Гринченка «Оповидання про Ивана Котляревського» (№ 1157) и «Народные спектакли» (№ 1165), на разсказъ г. Коцюбинскаго «Дорогою циною» (№ 1173) и повѣсть Гринченка «Середъ темнои ночи» (№ 1178).

—

Въ № 1182 той же газеты помѣщенъ святочный разсказъ г. Енохина на украинскомъ языкѣ «Видьма».

—

Въ № 69 газеты «Асхабадъ» напечатано въ русскомъ переводѣ извѣстное стихотвореніе Т. Шевченка «На городи коло броду». Переводъ, довольно прозаическій, принадлежитъ Ал. Виддинову.

—

Въ № 1158 газеты «Югъ» напечатанъ русскій переводъ разсказа «Сельскій верховодъ», помѣщеннаго первоначально въ «Л.-Н. Вістнику».

—

Въ книжкѣ за апрѣль «Дѣтскаго Чтенія» помѣщенъ въ русскомъ переводѣ дѣтскій разсказъ г. Хоткевича «Удивительныя приключенія муравья Сангвина, имъ самимъ разсказанныя». Въ оригиналѣ на украинскомъ языкѣ этотъ разсказъ появился во Львовѣ въ прошломъ году.

—

Въ № 9-10 журнала «Народное Благо», подъ заглавіемъ «Артельный батька», крестьяниномъ Красновымъ данъ очеркъ дѣятельности Н. В. Левитскаго по устройству артелей. Къ статьѣ приложенъ портретъ г. Левитскаго.

—

Замѣтка г. Случайнаго объ украинскихъ переселенцахъ въ Сѣверной Америкѣ перепечатана газетами «Griднѣпровскій Край» (№ 1491) и «Харьковскія губернскія Вѣдомости» (№ 70).

—

«Дѣло» въ № 84 помѣстило украинскій переводъ извѣстной сказки Максима Горькаго «Про чыжа брехуна и про дятла правдолюба»; переводъ принадлежитъ В. Щурату.

—

Въ № 11 журнала «Kraj» (стр. 132) даны отзывы о книгахъ: «Dr. Wacław Sobieski, Nienawiść wyznaniowa tłumów za rządów Żygmunta III. Warszawa, 1902, стр. 199, и «Alexander Jabłonowski. Polska XVI w. Ziemie ruskie. Ruś Czerwona. Warszawa 1902, стр. 467».

—

Въ № 13 того же журнала (стр. 11) въ корреспонденціи изъ Кіева по поводу реформы ремесленнаго самоуправленія, сообщается вкратцѣ исторія цехового устройства въ правобережной Малороссіи.

—

Въ Черновцахъ вышло въ свѣтъ новое изданіе украинскаго перевода извѣстнаго разсказа Гаршина «Художники» («Буковина»).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Антоновичъ В.—Волынская тревога 1789 года. Изданіе Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1902. Цѣна 50 коп.

Архивъ Юго-зап. Россіи. Часть III, т. 5. Акты о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Юго-зап. краѣ въ 1789 г.; стр. 1—99+1—828+I—XLVI. Кіевъ, 1902. Ц. 2 р.

Василенко В. И.—Очерки кустарныхъ промысловъ полтавской губерніи. Вып. I. Полтава, 1900.

Воротниковъ А. П.—Анна Ярославна, королева Франціи (1051—1060). Москва, 1901, ц. 1 р.

Гиляровскій В. А.—На родинѣ Гоголя. Изъ поѣздки по Украйнѣ. Москва, 1902. Цѣна 25 коп.

Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при Историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко Гоголевской комиссіей. Подъ ред. проф. М. Сперанскаго. Кіевъ, 1902. Ц. 2 руб.

Гоголевскій сборникъ. Изданіе русскаго библіографическаго Общества. СПБ. 1902.

Гоголевскій сборникъ. Изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія». Москва, 1902. Цѣна 60 коп.

Ефремовъ С.—Въ борьбѣ за просвѣщеніе. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Стр. 34. Кіевъ, 1902. Цѣна 10 коп.

Ефремов Сергій.—Національне питання в Норвегії. Літ.-Наук. Библіотека, ч. 25. Стр. 66. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Заикинъ.—Бесѣды о травосѣяніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ Южной полосы Россіи. Москва, 1901. Цѣна 2 коп.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, 1901, декабрь. Черниговъ, 1902.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1901 г., № 3-5. Кременчугъ, 1901—1902.

Истоминъ М. П.—Обученіе живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ XVIII в. Цѣна 1 руб.

Короленко П. П.—Кошевые отаманы Черноморскаго козачьяго войска XVIII ст. Изданіе «Вѣстника козачьихъ войскъ». СПБ. 1901 Цѣна 20 коп.

Коцюбинскій М.—Дорогою циною. Оповидання. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Стр. 65. Кыивъ, 1902. Цина 40 коп.

Кустари и ремесленники Полтавской губерніи. Стр. 213+133. Полтава 1901.

Лазаревскій Ал.—Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. III. Полкъ Прилуцкій. Кіевъ, 1902. Цѣна 3 руб.

Лисакъ Тамаренко. Невесели сельски малюнкы. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Кыивъ, 1902.

Лисенко С. И.—Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. Вып. 2. Стр. 540. Одесса, 1900.

Лисовскій А. М.—Хома Коваль. Драматычна оперетта у 3 діяхъ и 5 одминахъ. Стр. 59. Сумы. 1901. Цина 25 коп.

Лисовскій А. М.—Двп сестры. Драма у 4 д. и 5 одм. Стр. 63. Сумы, 1901. Цина 30 коп.

Лисовскій А. М.—Безталанный. Драма у 4 д. и 5 одм. Стр. 54. Сумы, 1901. Цина 25 коп.

Лисовскій А. М.—Хто батька покыдае, того Богъ карае. Драмат. картыны у 5 д. и 6 одм. Стр. 62. Сумы, 1901. Ц. 30 коп.

Лисовскій А. М.—Зла мачуха. Драма у 4 д. Стор. 44. Сумы. 1901. Цина 20 коп.

Лисовскій А. М.—Сбирныкъ творивъ (вси помянути драмы). Стр. 284. Сумы, 1901. Цина 1 руб.

Лозинський М.—Тарас Шевченко, ёго життя і значіня. Львів, 1902.

Льдовъ К.—Къ юбилею Гоголя. Литературныя замѣтки. Библіотека «Звѣзды», вып. II. СПБ. 1902. Ц. 75 коп.

Михайловъ К. Н.—Вновь найденныя рукописи Гоголя. СПБ. 1902. Цѣна 1 р. 50 коп.

Наумовичъ І. Г.—Повѣсти и разсказы изъ галицко-русской жизни. Кіевъ, 1901. Цѣна 50 коп.

Наша дума. Українсько-руські народні пісні, зібрав і для хору уложив Ф. Колесса. Львів, 1902. Ціна 2. 50 кор.

Небесні співці, драматична алегорія. Написав С. Яричевскій, Музика р. Зарицького. Перемишль, 1902.

Нейманъ Ц. Г.—Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Стр. 46. Кіевъ, 1902.

Орда Л. Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкъ, 1902. Стр. 41.

Павловъ-Сильванскій Н. П.—Иммунитетъ въ удѣльной Руси. Цѣна 40 коп.

Павловъ-Сильванскій Н. П.—Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси. Цѣна 60 коп.

Папковъ А. А.—Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины. Цѣна 25 коп.

Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1881 г. по 1 іюля 1900 г. Стр. 401+119. Полтава, 1900.

Перетцъ В.—Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. СПБ, 1901. Цѣна 3 руб.

Письма Н. В. Гоголя. Подъ ред. В. И. Шенрока. Четыре тома. СПБ, 1901. Цѣна 6 руб.

Площанскій В. М.—Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII в. и другимъ источникамъ. Вып. II. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пѣтуховъ Е.—Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературный матеріалъ изъ эпохи преобразованій.

Родные поэты. Т. Шевченко. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1901. Ц 10 коп.

Рудович Ів.—Исторія галицко-львôвскои Епархіи. Жовква, 1902.

Стешенко И.—И. П. Котляревскій, авторъ украинской «Энеиды» (критическая біографія). Стр. 48. Кіевъ. 1902. Цѣна 30 коп.

Турцевичъ А.—Русская исторія (въ связи съ исторіей Вел. Кн. Литовскаго). Курсъ 3-го кл. гимн. Изд. 6-е, съ пятью картами и 22 рисунками. Вильна, 1901, ц. 50 коп.

Українка Леся.—Відгуки поезиї. Виданне товариства «Молода Україна». Стор. 100. В Чернівцях, 1902. Ціна 1 корона.

Харламповичъ К. В.—Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ. Львовъ, 1902. Цѣна 25 коп.

Эварницкій Д. И.—Какъ побѣждали Запорожцы мусульманъ. Изд. „Вѣстника Казачьихъ Войскъ". Стр. 32. СПБ. 1902.

Археологическая лѣтопись.

Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины.

Среди безчисленныхъ фактовъ уничтоженія или искаженія памятниковъ старины, извѣстная доля ихъ падаетъ на архитектурные памятники. Въ виду того, что главный процентъ этихъ памятниковъ, сохранившихся еще волею судебъ до нашихъ дней, составляютъ церкви,—эти послѣднія служатъ главнымъ объектомъ для современнаго вандализма. Свѣтскихъ старинныхъ построекъ дошло до насъ сравнительно очень немного, особенно это относится къ Юго-западному краю,—тѣмъ печальнѣе, тѣмъ досаднѣе видѣть, что онѣ постепенно исчезаютъ съ лица земли, исчезаютъ на глазахъ у всѣхъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вызывая протесты.

Вопросъ о мѣрахъ сохраненія и поддержанія памятниковъ старины поднимался и обсуждался уже не разъ какъ частными лицами, такъ и учеными обществами и правительственными учрежденіями. Въ большинствѣ случаевъ дѣло разсужденіями и предложеніями и заканчивалось, а по разнымъ угламъ нашего отечества разрушительная работа въ этомъ направленіи шла своимъ чередомъ.

Что это такъ,—объ этомъ можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, и недавно изданный по этому предмету циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 6-го сентября 1901 г.). Циркуляръ разосланъ губернаторомъ и градоначальникамъ и оберъ-

полиціймейстерамъ и гласитъ слѣдующее: «По дѣйствующему законодательству воспрещается разрушать остатки древнихъ замковъ, крѣпостей, памятниковъ и другихъ зданій древности, а надзоръ за охраненіемъ ихъ возлагается на мѣстныя полицейскія власти и начальниковъ губерній, которые обязываются доносить о всѣхъ древностяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточиваются свѣдѣнія о памятникахъ древности и дѣла объ охраненіи оныхъ (т. XIII св. зак. изд. 1900 г., Уст. строит, ст. 76-я, т. II Общ. Учр. губ. ст. 328-я, т. I Св. зак. изд. 1892 г., Учрежд. минист. ст. 372-я)».

Но оказывается, гласитъ далѣе циркуляръ, что о многихъ древностяхъ и памятникахъ въ министерствѣ не имѣется достаточно полныхъ свѣдѣній, причемъ имѣются указанія, что нѣкоторыя древности, по отсутствію надлежащаго надзора и охраненія ихъ, совершенно разрушаются. Вслѣдствіе этого циркуляромъ предписывается собрать такія свѣдѣнія съ приложеніемъ подробныхъ описаній памятниковъ и указаній о томъ, когда и кѣмъ памятники сооружены, въ чьемъ вѣдѣніи находятся, на какія средства поддерживаются, отпускаются-ли на содержаніе ихъ въ исправности средства изъ казны и въ какомъ размѣрѣ, находятся-ли они въ надлежащемъ видѣ и если нѣтъ, то, приблизительно, какая сумма требуется на ихъ исправленіе. Для достиженія полноти этихъ свѣдѣній циркуляръ предлагаетъ пользоваться не только указаніями, доставленными мѣстными полицейскими властями, но и тѣми, которыя могли-бы быть получены отъ другихъ учрежденій, а также и частныхъ лицъ. Срокомъ для доставленія списковъ назначено 1-ое апрѣля наст. года.

Можно съ увѣренностью сказать, что если требуемыя вышеприведеннымъ циркуляромъ свѣдѣнія и получены, то въ виду царствующей еще повсюду у насъ разрушительной тенденціи по отношенію къ памятникамъ старины, большинство ихъ должно быть самаго неутѣшительнаго характера.

Для подтвержденія нашихъ словъ, приведемъ одну справку, причемъ оговариваемся, что фактовъ, подобныхъ ниже изложенному, фактовъ, съ болѣе печальнымъ концомъ, можно привесть десятки.

Дѣло, о которомъ рѣчь,— уже прошлое, сданное въ архивъ, но дѣло любопытное.

Весной 1885 г. въ Императорскую Археологическую комиссію было препровождено на заключеніе отношеніе управляющаго Деп-томъ Удѣловъ «О разрѣшеніи сноса развалинъ замка князей Острожскихъ въ г. Острогѣ».

Отношеніе это, въ общемъ, слѣдущаго содержанія. Съ покупкою въ 1879 г. въ удѣлъ Острожскаго имѣнія, вмѣстѣ съ другими постройками приняты были въ удѣльное вѣдомство памятники старины, находящіеся въ г. Острогѣ и состоящіе изъ трехъ крѣпостныхъ башенъ на Красной, Татарской и Судовой горахъ, съ замкомъ князей Острожскихъ на этой послѣдней горѣ. Башни эти въ 1882 году были исправлены удѣльнымъ вѣдомствомъ, но Волынское Губернское Правленіе произведенный удѣломъ ремонтъ признало недостаточнымъ. Для осмотра башенъ и составленія смѣты на исправленіе ихъ, былъ командированъ управляющимъ Кіевскою Удѣльною Конторою на мѣсто помощникъ архитектора Толстой, который нашелъ, что башни требуютъ нѣкотораго ремонта, замокъ-же князей Острожскихъ, по своей архитектурѣ не представляющій памятника старины (всей штукатурки и украшеній не имѣется, а крыша, рамы и входная галлерея придѣланы въ позднѣйшее время), угрожаетъ ежеминутнымъ разрушеніемъ, а потому руину эту нельзя не признать весьма опасной для идущихъ и ѣдушихъ мимо ея и живущихъ подъ горою и требующей, за невозможностью ремонта, немедленнаго сноса. Почему управляющій Кіевскою Удѣльною Конторой просилъ разрѣшенія Деп-та удѣловъ распорядиться немедленной продажей замка на сносъ, съ употребленіемъ части матеріала на ремонтъ башенъ. Въ виду 181 и 182 ст. Уст. Строит., управляющій удѣлами обратился къ кіевскому генералъ-губернатору по сему-же предмету и въ отвѣтъ ему были сообщены слѣдующія заключенія Строительнаго отдѣленія Волынскаго губернскаго правленія, которое нашло: 1) что остатки замка князей Острожскихъ не представляютъ, по своей безобразной архитектурѣ, памятника древняго зодчества, 2) что стѣны остатковъ этого замка, находящіяся на самомъ скатѣ горы, потрескались и контрфорсы наклонились до того, что грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ и опасностію для пролегающей у этой горы улицы, по которой совершается постоянное движеніе, равно какъ и расположеннымъ по ней домикамъ и 3) что поэтому

упомянутые остатки замка, въ устраненіе грозящей отъ нихъ опасности, неминуемо должны быть снесены.

Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ этихъ заключеній, остаткамъ замка предстояла неизбѣжная гибель.

На выше изложенное отношеніе Археологическая Комиссія отвѣтила, что вопросъ о срытіи развалинъ замка можетъ быть разрѣшенъ только тогда, когда ей будутъ доставлены рисунки или фотографіи внѣшняго вида замка, планы расположенія его и подробное описаніе теперешняго состоянія уцѣлѣвшихъ остатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія обратилась къ волынскому губернатору съ просьбой выслать изданные въ 1868 г. строительнымъ отдѣленіемъ Волынскаго Губернскаго Правленія рисунки уцѣлѣвшихъ на Волыни памятниковъ русской старины, среди которыхъ былъ и снимокъ Судовой горы.

Комиссіей были получены четыре фотографіи, планъ и описаніе замка, а отъ волынскаго губернатора—«Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни» съ 5-ью рисунками, причемъ волынскій губернаторъ Фонъ-Валь просилъ Комиссію пріостановиться разрѣшеніемъ вопроса о сломкѣ остатковъ замка впредь до представленія имъ подробныхъ свѣдѣній о нихъ послѣ личнаго осмотра при предстоящемъ объѣздѣ губерніи.

Съ этого момента почти уже рѣшенное дѣло получаетъ другой оборотъ.

Во время посѣщенія волынскимъ губернаторомъ Острога въ сентябрѣ 1885 г. были сняты и затѣмъ отправлены въ Археологическую Комиссію планъ Судовой (или Замковой) горы и три фасада замка. Вмѣстѣ съ симъ губернаторъ сообщаетъ Комиссіи, что при личномъ осмотрѣ замка обнаружено слѣдующее. Вслѣдствіе образовавшихся въ кирпичныхъ стѣнахъ замка трещинъ, еще въ незапамятныя времена къ нему были пристроены контрфорсы изъ грубо отесаннаго булыжника. Одинъ изъ этихъ контрфорсовъ также весьма давно осѣлъ и въ нижней своей части отдѣлился отъ зданія, наклонившись въ то-же время верхнимъ концомъ въ сторону замка, отъ этого образовалась щель. Но щель эта не представляетъ никакой опасности, такъ какъ, во первыхъ, осѣданіе контрфорса произошло давно, и во вторыхъ, наклонъ его въ сторону замка служитъ гарантіей того, что онъ

не можетъ опрокинуться въ противоположную сторону. Щель въ контрфорсѣ и трещина, имѣющаяся въ красной стѣнѣ и не представляющая также ничего опаснаго, для предотвращенія дальнѣйшаго разрушенія, могутъ быть задѣланы кирпичемъ. На эти задѣлки, а равно на очистку, укрѣпленіе верхней части красной стѣны, съ возобновленіемъ ея покрытія, и на незначительную подмуровку основаній остальныхъ контрфорсовъ потребуется не слишкомъ значительный расходъ. Далѣе, волынскій губернаторъ замѣчаетъ, что хотя зданіе это по наружнымъ верхнимъ фасадамъ, имѣя болѣе современный видъ, и не напоминаетъ замѣчательнаго памятника древности, но по внутреннему устройству сводчатыхъ, вполнѣ сохранившихся покоевъ, расположенныхъ въ различныхъ горизонтахъ, представляется не безынтереснымъ въ архитектурномъ отношеніи. Помимо этого, зданіе имѣетъ еще и историческое значеніе, какъ бывшее жилище одного изъ древнихъ русскихъ княжескихъ родовъ, долгое время отстаивавшаго свою народность и вѣру предковъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и принимая во вниманіе, что поддержаніе этого памятника не потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ, губернаторъ высказывается за его сохраненіе.

Археологическая Комиссія вполнѣ согласилась съ этимъ заключеніемъ волынскаго губернатора и соотвѣтственно этому отвѣтила на запросъ заинтересованнаго вѣдомства. Зданіе, «угрожавшее ежеминутнымъ разрушеніемъ», осталось стоять по прежнему и, если мы не ошибаемся, благополучно стоитъ и до сихъ поръ, никого не задавивъ и никому не причинивъ вреда.

Острожскій памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ только счастливому случаю—не будь его, такъ энергично поднятый и проводимый вопросъ о сносѣ этого зданія получилъ-бы желаемое разрѣшеніе. И несомнѣнно, къ такому концу, т. е., къ полному уничтоженію, пришелъ не одинъ памятникъ нашей свѣтской старинной архитектуры.

Какъ уже было упомянуто выше, сравнительно большее число сохранившихся у насъ памятниковъ зодчества падаетъ на церковныя постройки, такъ что центръ трактуемаго вопроса лежитъ именно въ этихъ послѣднихъ.

Объ уничтоженіи памятниковъ церковной старины говорилось уже много разъ. Говорилось объ уничтоженіи и искаженіи

какъ самыхъ зданій, такъ и церковной живописи, утвари и т. д., и, собственно говоря, снова повторять одно и то же—не стоитъ. Но мы здѣсь пользуемся случаемъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ человѣка, задачей всей жизни котораго было стремленіе помочь этому горю. Говоримъ о не такъ давно скончавшемся начальникѣ Синодскаго архива А. Н. Львовѣ. [1]) Въ 1899 А. Н. Львовъ напечаталъ обширную записку (не поступившую въ продажу) «О мѣрахъ къ сохраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, находящихся въ духовномъ вѣдомствѣ». Въ запискѣ этой онъ, между прочимъ, говоритъ: «Вещественные и письменные памятники, относящіеся до исторіи Россіи, вообще, и исторіи русской церкви, въ особенности, сосредоточены у насъ главнымъ образомъ въ монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства... нельзя сказать, чтобы они охранялись и разрабатывались согласно ихъ историческому значенію. Всѣмъ, болѣе или менѣе интересующимся русскою стариною, извѣстны многіе печальные случаи уничтоженія и расхищенія разныхъ церковныхъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ. Всѣ многочисленные общественные и частные музеи и коллекціи, переполненные иконами, иконостасами, церковною утварью, облаченіями, богослужебными книгами и прочими церковными принадлежностями, наглядно свидѣтельствуютъ, что церкви не сохранили своего исконнаго достоянія. Но и тѣ древніе вещественные и письменные памятники, которые остались теперь въ монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, охраняются настолько случайно, что не представляется достаточной увѣренности въ непремѣнной ихъ сохранности въ будущемъ».

Таково безпристрастное мнѣніе человѣка, близко стоявшаго къ дѣлу.

Для упорядоченія этого дѣла А. Н. Львовымъ былъ выработанъ проектъ, въ которомъ онъ предлагаетъ устроить въ каждой епархіи, по образцу губернскихъ архивныхъ комиссій,—епархіальные церковно-археологическіе комитеты для наблюденія, изученія,

---

[1]) Некрологъ его напечатанъ А. Соболевскимъ въ одной изъ книжекъ «Журнала Мин. Народн. Просв.» за прошлый годъ. Изъ него мы беремъ нѣкоторыя, помѣщаемыя ниже, данныя.

регистрированія и научнаго изслѣдованія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ своей епархіи. При комитетахъ должны быть устроены церковно-археологическіе музеи и епархіальные историческіе архивы. Для объединенія и направленія дѣйствій комитетовъ, при Синодѣ образуется центральное учрежденіе— особая церковно-археологическая комиссія.

«Хлопоты по приведенію въ исполненіе изложеннаго въ запискѣ проекта, говоритъ авторъ некролога, хотя отчасти и увѣнчались успѣхомъ, но доставили А. Н. Львову много непріятностей и, кажется, въ значительной степени повліяли на ходъ его болѣзни. Теперь, безъ А. Н. Львова, этотъ проектъ будетъ, вѣроятно, преданъ забвенію»

Если негромоздкіе церковные предметы находятъ себѣ мѣсто въ музеяхъ, то гораздо хуже обстоитъ дѣло съ болѣе крупными, каковыми, напр., являются старые иконостасы—они обыкновенно гибнутъ безслѣдно. Принимая во вниманіе, что большинство церквей у насъ строилось и строится изъ дерева,--и онѣ, прійдя въ ветхость, подвергаются той-же участи, при чемъ ни рисунковъ, ни фотографій, ни плановъ, ни обмѣровъ—ничего этого обыкновенно не дѣлается при сломкѣ старой церкви, представляющей изъ себя зачастую оригинальную и интересную въ архитектурномъ отношеніи постройку. Намъ кажется, что нѣтъ нужды указывать здѣсь еще на «реставраціи» какъ церквей, такъ и частей ихъ: до какихъ иногда грандіозныхъ размѣровъ безвкусія и невѣжества доходятъ эти т. н. «реставраціи»—давно и всѣмъ извѣстно.

Но обратимся къ сути вопроса. Чѣмъ и какъ обезопасить отъ порчи и уничтоженія наши памятники (главн. обр. архитектурные), какъ свѣтской, такъ и церковной старины?

Вопросъ—уже старый, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующій же наконецъ рѣшенія. Осложняется онъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при рѣшеніи его, какъ это можно видѣть хотя-бы изъ вышеприведенной исторіи съ Острожскимъ замкомъ, приходится всегда имѣть въ виду какъ объяснимыя, такъ часто и необъяснимыя противоположныя теченія,—не даромъ покойному А. Н. Львову причинилъ столько безпокойствъ его проектъ, имѣвшій лишь самыя благія цѣли.

Но, съ другой стороны, данный вопросъ облегчается тѣмъ, что для одной части Россіи онъ уже рѣшенъ.

Недавно отпраздновала свой десятилѣтній юбилей *Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ*, состоящая при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Программа дѣятельности Комиссіи—это именно то, о чемъ здѣсь рѣчь. Благодаря Комиссіи, масса памятниковъ старины спасена отъ гибели или отъ искаженія. Особенно широко развилась дѣятельность ея въ 1900—1901 г., когда комиссія имѣла 40 засѣданій, на которыхъ разсмотрѣно 240 дѣлъ. Въ виду все развивающейся дѣятельности, Комиссія въ вышеозначенный періодъ озаботилась выработкой новыхъ правилъ. Правила были выработаны и утверждены Обществомъ.

Остановимся нѣсколько на основныхъ положеніяхъ этихъ правилъ.

Главная цѣль Комиссіи—постоянное наблюденіе за сохраненіемъ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія и заботы объ ихъ возстановленіи согласно требованіямъ исторіи и археологіи. Комиссія разсматриваетъ и даетъ заключенія касательно представляемыхъ проектовъ пристроекъ, возобновленій и сломки зданій или частей ихъ; возбуждаетъ вопросы, относящіеся до сохраненія древнихъ памятниковъ и наблюдаетъ за реставраціями ихъ. Въ составъ Комиссіи входятъ лица, занимающіяся исторіей искусствъ, зодчествомъ, иконописью и живописью. Свои рѣшенія Комиссія полагаетъ: 1) на основаніи данныхъ, получаемыхъ изъ консисторій и другихъ вѣдомствъ, 2) на основаніи свѣдѣній, имѣющихся или собираемыхъ членами Комиссіи и 3) на основаніи осмотровъ памятниковъ, поручаемыхъ Комиссіей одному или нѣсколькимъ изъ своихъ членовъ. Постановленія Комиссіи по археологическимъ вопросамъ реставрацій *обязательны* для того архитектора или техника, которому поручено дѣло мѣстнымъ начальствомъ, равно какъ и представленіе рисунковъ и чертежей, необходимыхъ для рѣшенія вопросовъ по реставраціи.

Такова въ основныхъ чертахъ программа дѣятельности Комиссіи; болѣе частныхъ параграфовъ мы не приводимъ, упомянемъ лишь объ одномъ интересномъ пунктѣ: памятники древностей Москвы раздѣляются между членами Комиссіи на группы, съ цѣлью возможно полнаго ихъ изученія и наблюденія за производимыми работами. Этотъ пунктъ вполнѣ характеризуетъ то

серьезное отношеніе къ дѣлу, какимъ уже давно зарекомендовала себя Комиссія.

Районъ распространенія дѣятельности Комиссіи—Московскій учебный округъ, хотя благодаря энергіи предсѣдателя Комиссіи гр. П. С. Уваровой, Комиссія интересуется и возбуждаетъ дѣла и внѣ этого района.

Слѣдя за дѣятельностью Комиссіи, видя достигнутые ею результаты, самъ собой напрашивается вопросъ: почему-бы не устроить подобныя же комиссіи и въ другихъ центральныхъ пунктахъ?

По отношенію къ памятникамъ старины Южной Россіи, такимъ пунктомъ по праву долженъ быть Кіевъ, и здѣсь, на нашъ взглядъ, есть уже и то общество, при которомъ удобнѣе всего было-бы учредить комиссію по сохраненію памятниковъ старины,— Общество Древностей и Искусствъ, среди членовъ котораго есть и историки, и археологи, и архитекторы, и художники.

Учрежденіе комиссіи, обладающей извѣстными полномочіями для района хотя-бы Кіевскаго учебнаго округа, является единственнымъ исходомъ изъ того невозможнаго положенія, въ какомъ находятся памятники нашего прошлаго, уничтожаемые, даже въ самомъ Кіевѣ, съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія.

Н. Бѣляшевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 4-я.—АПРѢЛЬ, 1902.

I.—НАШИ «ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА» И ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.—По поводу 30-лѣтія „Положенія о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года“.—*Валер. Гебель.*—II.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—XXVIII-XXXV.—Окончаніе.—*П. Д. Боборыкина.*—III.—НАКАНУНѢ РЕФОРМЪ ВЪ КИТАѢ.—*П. С. Попова.*—IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-IV.—*В. П. Маркова.*—V.—РОССІЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРІАРХІЯ, послѣ крымской войны.—1856—1860 гг.—По неизданнымъ матеріаламъ.—I-III.—*Кн. Г. Т.* VI—БАБУШКИНА ВНУЧКА.—Повѣсть.—I-IV.—*Н. Анненковой-Бернаръ.*—VII.—ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦА XIX-го ВѢКА—въ литературныхъ типахъ того времени.—III-IV. — Окончаніе.—*Юр. Веселовскаго.*—VIII.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА.—Романъ Ф. Голендера.—Часть третья: I-XV.—Съ нѣм. *П—ны С—вой*—IX.—Н. М. МАРТЬЯНОВЪ и МИНУСИНСКІЙ МУЗЕЙ.—*И. Бѣлоконскаго.*—X. ХРОНИКА.—Положеніе мелкаго кредита въ Петербургѣ.—*А. Н. Никитина.*—XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Нѣсколько земскихъ ходатайствъ. Предѣлы права ходатайства, и практическое его значеніе.—Два противоположныхъ мнѣнія о фиксаціи земскихъ сборовъ.—Замѣчательное изслѣдованіе «вымирающей деревни».—Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера.—Слухъ объ изъятіи статистическихъ работъ изъ вѣдѣнія земства.—Исторія вятскаго земства.—Значеніе личностей въ общемъ дѣлѣ.—Съѣздъ кустарныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ.—XII.—По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Письмо въ Редакцію. —*В. Д. Кузьмина-Караваева.*—XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Франко-русская декларація.—Отношенія державъ на Дальнемъ востокѣ.—Рѣчь Делькассé въ сенатѣ.—Новыя проявленія жизненности франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія.—Г. Делькассé и «Новое Время» о багдадской желѣзной дорогѣ.—Южно-африканская война.—Сесиль Родсъ.—XIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Н. К. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи.—*Н. Карѣева.*—А. А. Кауфманъ. Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка.—Харьковскій Ка-

лендарь на 1902 годъ.—*В. В.* Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—*С—ій.*—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты.—*К. А.*—«Крестьянинъ», ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—*А. П.*—Новыя книги и брошюры.—XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Brunetière, Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—*З. В.*—XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: „Крестьянинъ“.—Ступеньки литературной лѣстницы въ Англіи и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики.—Различные способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскаго юридическаго общества.—Ѳ. Д. Нефедовъ†.—XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможенія.—II. Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ.—XVIII—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая.—Стихотворенія П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“.—Сабанинъ, В. В., Систематическая Роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи—за 1899-й годъ, т. I, вып. 1.—П. Сергѣенко, Сократъ, драмат. хроника.—Д. Мережковскій, „Любовь сильнѣе смерти“, „Наука любви“, „Микель-Анджело“.—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, послѣдній.—XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

ПОДПИСКА НА 1902-Й ГОДЪ

(тридцать-седьмой годъ).

Контора журнала—С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ—15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть года—3 р. 90 к.; съ доставкой въ Спб.: на годъ—16 р.; на полгода—8 р., на четверть года—4 р. Съ пересылкою: на годъ—17 р., на полгода—9 р.—8 р., на четверть года—5, 4, 4, 4 р. За границей: на годъ—19 р., на полгода—10 р.—9 р.; на четверть года—5, 5, 5, 4 р.

Нумеръ журнала отдѣльно—1 руб. 50 коп.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. Стасюлевичъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXVII.

1902 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчак-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 мая 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 77-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, 1902 г.

Книга первая—апрѣль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая — май.

Книга третья—іюнь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и сынъ сотника Данило Забѣла въ Архангельской ссылкѣ въ 1713—1721 гг.

Переходъ въ 1708 году малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы съ значительною частью козацкой старшины на сторону шведскаго короля Карла XII и послѣдовавшая за симъ на Украинѣ борьба партій тяжело отразились на судьбѣ многихъ украинцевъ, разныхъ званій и состояній. Многіе изъ нихъ сложили свои головы на плахѣ, многіе поплатились своимъ состояніемъ и свободою и умерли въ заточеніи; немало ихъ попало въ ссылку въ отдаленные края Руси и, между прочимъ, на берега Бѣлаго моря—въ Соловки и въ Архангельскъ или, какъ называли его тогда, «городъ Архангельскій». Въ числѣ другихъ оказались выброшенными на берега непривѣтливаго Бѣлаго моря лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и сынъ борзенскаго сотника Данило Забѣла, хотя они и принадлежали по своимъ убѣжденіямъ къ противоположнымъ партіямъ: первый—протопопъ Рогачевскій—къ партіи малорусской, сочувствовавшей политикѣ Мазепы и его сторонниковъ, а второй—Забѣла—къ такъ называемой тогда «московской» партіи, стоявшей за полное сліяніе Малороссіи съ Великороссіей. Много перенесли оба они невзгодъ, пока добрались до г. Архангельска; невесело жилось имъ здѣсь, но это нимало не охладило ихъ пыла, не измѣнило ихъ убѣжденій и не помѣшало имъ еще разъ, вдали отъ своей родины—Украины, на дальнемъ сѣверѣ, свести свои политическіе счеты...

За что собственно сосланъ былъ на берега Бѣлаго моря бывшій лохвицкій протопопъ Рогачевскій, точно неизвѣстно. Самъ онъ, въ своемъ объясненіи, данномъ св. Синоду въ 1722 году (см. опись актовъ, хранящихся въ Архивѣ св. Синода), говоритъ, что онъ пострадалъ вслѣдствіе доноса одного священника, который, будучи за что-то недоволенъ на него, въ 1709 г., заявилъ, будто бы онъ, Рогачевскій, не объявилъ въ церкви какого-то манифеста. Историкъ же Малой Россіи Бантышъ-Каменскій объясняетъ его арестъ и ссылку на сѣверъ тѣмъ, что Рогачевскій въ числѣ другихъ лицъ замѣшанъ былъ въ измѣнѣ Мазепы или, выражаясь точнѣе, заподозрѣнъ былъ въ принадлежности къ партіи, сочувствовавшей Мазепѣ [1]). Мнѣніе Бантышъ-Каменскаго кажется намъ болѣе вѣрнымъ; его подтверждаютъ обстоятельства, изложенныя ниже.

Побывавъ въ Москвѣ на розыскѣ въ Преображенскомъ приказѣ, о. Ив. Рогачевскій высланъ былъ отсюда въ 1712 году въ г. Архангельскъ при царскомъ указѣ на имя бывшаго въ то время вице-губернатора Архангельска Курбатова [2]) съ тѣмъ, чтобы послѣдній отослалъ его съ провожатымъ въ Соловецкій монастырь для содержанія его тамъ наравнѣ съ прочей монастырской братіей. Указъ этотъ, вмѣстѣ съ Рогачевскимъ, доставленъ былъ въ г. Архангельскъ 28 ноября 1712 г. Въ это время, по случаю наступавшей зимы, сообщеніе съ Соловецкимъ монастыремъ прекратилось и Рогачевскаго нельзя было препроводить туда, вслѣдствіе чего Курбатовъ оставилъ его въ городѣ и объ этомъ 5 декабря того-же года донесъ въ приказъ Малой Россіи. Въ слѣдующемъ 1713 году, 12 апрѣля, полученъ былъ изъ Москвы указъ, предписывавшій Курбатову оставить Рогачевскаго въ г. Архангельскѣ съ назначеніемъ его префектомъ вновь открытыхъ въ городѣ школъ. Что это были за школы, опредѣлить не рѣшаемся; по крайней мѣрѣ, въ архангельскихъ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ ясныхъ

---

[1]) См. Ист. Малой Россіи, часть 3, примѣч. 175.

[2]) Въ то время губернаторовъ въ г. Архангельскѣ еще не было; ихъ функціи отправляли вице-губернаторы, стоявшіе во главѣ губерніи.

указаній на школы, учрежденныя въ городѣ около этого времени. Такъ называемая «цыфирная» школа могла быть учреждена въ г. Архангельскѣ лишь въ 1714 г., такъ какъ только въ этомъ году (въ апрѣлѣ) послѣдовалъ указъ Петра I-го объ учрежденіи означенныхъ школъ [1]).

Какъ проходила педагогическая дѣятельность протопопа Рогачевскаго въ г. Архангельскѣ, мы свѣдѣній не имѣемъ. За то имѣемъ указанія на то, что онъ не ограничивался только этою дѣятельностью; какъ человѣкъ ученый, онъ часто говорилъ проповѣди съ церковной каѳедры, что было новостью для жителей Архангельска и что должно было расположить горожанъ къ нему, какъ ученому и учительному пастырю. И точно, о. Рогачевскій, проживая въ Архангельскѣ, водилъ знакомство даже съ чиновными людьми и бывалъ запросто во многихъ домахъ; такъ, напримѣръ, знакомъ онъ былъ со стряпчимъ Соловецкаго монастыря Иваномъ Патрикѣевымъ, съ подъячимъ Яковомъ Матвѣевичемъ и др. Вообще, какъ можно судить, жилось ему здѣсь сносно, по крайней мѣрѣ мирно, вплоть до 1719 года, до прибытія въ этомъ году въ г. Архангельскъ его земляка Данила Забѣлы.

Личность Данила Петровича Забѣлы хорошо извѣстна историкамъ. Это былъ найболѣе ярко очерченный типъ злостнаго ябедника и доносчика, народившійся въ Малороссіи въ концѣ XVII ст. и расцвѣтшій пышнымъ цвѣтомъ въ смутную эпоху, наступившую вслѣдъ за измѣною Мазепы. Забѣла былъ сыномъ борзенскаго сотника Василія Петровича († 1690 г.) и внукомъ по матери кіевскаго полковника Конст. Солонины, имѣнія котораго онъ разсчитывалъ наслѣдовать. Но гетманъ Мазепа, по смерти Солонины, отобралъ эти имѣнія и роздалъ монастырямъ, игуменьей которыхъ состояла его мать. Питая за это злобу къ гетману, Дан. Забѣла побѣжалъ въ Москву и подалъ доносъ, будто Мазепа дружитъ съ поляками и хочетъ измѣнить царю. Доносу этому не повѣрили однако, и доносчика выдали головою гетману, который велѣлъ

[1]) См. Мореходныя школы въ Холмогорахъ въ концѣ XVIII в. I. М. Сибирцева, 1899 г.

судить его по войсковымъ правамъ. Подвергнутый пыткѣ, Забѣла винился, что со злости клеветалъ на гетмана, и былъ приговоренъ къ смертной казни, но по ходатайству знатной родни, Мазепа освободилъ его отъ казни и даже велѣлъ возвратить конфискованныя у него по суду имѣнія. Разсчитывая и впредь на заступничество родичей, Забѣла позволялъ по отношенію къ своимъ подданнымъ и сосѣднимъ козакамъ такія жестокія насилія, которыя выходили изъ ряда обычныхъ даже и въ то суровое время. Когда Мазепа измѣнилъ, Забѣла, пользуясь наступившимъ смутнымъ временемъ, задумалъ увеличить свое состояніе путемъ доносовъ на разныхъ старшинъ (въ томъ числѣ и на близкихъ своихъ родичей), болѣе или менѣе скомпрометированныхъ по дѣлу Мазепы, и успѣлъ пріобрѣсти жалованныя царскія грамоты на ихъ бывшія имѣнія. Но гетманъ Скоропадскій, видимо побаивавшійся опаснаго доносчика и всячески ему потворствовавшій, какъ мужу своей племянницы, не могъ, однако, удовлетворить всѣмъ его вожделѣніямъ и чѣмъ-то не угодилъ ему. Тогда Забѣла отправился въ 1716 г. въ Петербургъ и подалъ доносъ на самого Скоропадскаго, будто онъ приближаетъ къ себѣ людей изъ бывшихъ сторонниковъ Мазепы, а его жена и братъ послѣдней А. Марковичъ держали якобы въ 1709 г. доносителя подъ карауломъ за то, что онъ проклиналъ измѣнника гетмана, и будто говорили ему такія слова: «За що ты зовешъ Мазепу проклятымъ? Якъ Мазепа выграеть, де ты подинешся? Отсе тоби смерть кортыть! Хочь ты и мудрый чоловикъ, а проклынаешъ Мазепу напрасно». Но этотъ доносъ не имѣлъ ожидаемаго успѣха: когда царю Петру доложили о немъ, онъ приказалъ, не разслѣдуя дѣла, сослать доносителя Забѣлу и его товарища Загоровскаго въ г. Архангельскъ на вѣчное житье.

Это было въ ноябрѣ 1718 года, а въ январѣ слѣдующаго года Забѣла былъ препровожденъ въ Архангельскъ при указѣ изъ государственной посольской канцеляріи, въ которомъ было сказано, что онъ ссылается туда «на вѣчное житье за лживое его доношенье на его царскаго величества подданнаго, войска обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана Ивана Ильича Скоропацкаго», при чемъ

«велѣно поставить его въ солдатскую слободку за присмотромъ аѳицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не съѣхалъ». «И по той его царскаго величества грамотѣ,—какъ сказано въ справкѣ,—оный Забѣла поставленъ въ солдацкой слободѣ и велѣно его присматривать архангелогородскаго гарнизона ундеръ-аѳицеромъ».

Поселившись въ г. Архангельскѣ на столь льготныхъ условіяхъ, Забѣла, какъ человѣкъ видимо общительный и для своего времени образованный, завелъ кой-какія знакомства и сталъ бывать въ нѣкоторыхъ домахъ. При такихъ условіяхъ онъ естественно долженъ былъ столкнуться съ своимъ землякомъ, б. лохвицкимъ протопопомъ Рогачевскимъ. И дѣйствительно, столкновеніе ихъ произошло скоро, въ слѣдующемъ 1720 году. 15 апрѣля этого года у подьячаго Якова Матвѣевича состоялся по какому-то случаю званный обѣдъ. Въ числѣ гостей приглашены были протопопъ Рогачевскій и Данило Забѣла. Во время обѣда, видимо достаточно угостившись, Рогачевскій и Забѣла стали пререкаться между собою, упрекая въ чемъ-то другъ друга. Забѣла назвалъ Рогачевскаго «ворогомъ царскимъ и всего войска» (малороссійскаго). Рогачевскій въ свою очередь напомнилъ Забѣлѣ Мазепу, видимо въ чемъ-то попрекнулъ его по поводу Мазепы. Забѣла въ отвѣтъ на это, судя по всему, отозвался нелестно о послѣднемъ. Послѣ этого хозяинъ дома и его гости, по заявленію Забѣлы на имя архангельскаго вице-губернатора Ладыженскаго, «обурилися на него, Забѣлу, за проклятого Мазепу и за ворога царского Рогачевского и выпхали изъ избы». Такого позора Забѣла, разумѣется, не могъ простить Рогачевскому и сталъ искать случая отомстить ему. Случай такой вскорѣ же представился.

О столкновеніи Рогачевскаго съ Забѣлою на обѣдѣ у Матвѣевича, видимо, сдѣлалось извѣстнымъ многимъ архангелогородцамъ; сталъ извѣстенъ и поводъ къ столкновенію—различный взглядъ того и другого на дѣятельность бывшаго гетмана. Немногимъ изъ архангелогородцевъ понятенъ былъ истинный смыслъ и значеніе этого повода. Нѣкоторые склонны были видѣть въ столкновеніи ихъ на обѣдѣ у подьячаго Матвѣевича лишь одну смѣшную сторону и не прочь были вновь натравить ихъ другъ

на друга съ тѣмъ, чтобы посмѣяться. Къ числу людей, такъ легко смотрѣвшихъ на пререканія двухъ ссыльныхъ малороссіянъ, принадлежалъ и нѣкій архангелогородскій посадскій человѣкъ изъ г. Холмогоръ Василій Ивановъ Дудинъ. Зайдя вечеромъ 28 іюня 1721 г. въ соборную церковь отслушать всенощную и увидавши здѣсь Забѣлу, Дудинъ подошелъ къ нему и, заведя рѣчь про Рогачевскаго, сказалъ, будто бы послѣдній говорилъ ему, что «нашъ де Мазепа святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ». При этомъ разговорѣ Дудина съ Забѣлой находился подъячій Петръ Егорновъ. Забѣла принялъ это сообщеніе Дудина къ свѣдѣнію и, отправившись 5 іюля (почему не ранѣе—неизвѣстно) къ тогдашнему архангельскому вице-губернатору Ладыженскому, заявилъ (билъ челомъ) доносъ на Рогачевскаго, при чемъ добавилъ, будто-бы Рогачевскій, въ присутствіи Дудина, проклиналъ государя (Петра I), а когда Дудинъ хотѣлъ его побить за это, то другіе не допустили его до того. Но Лодыженскій, видимо, зналъ Забѣлу, какъ лживаго доносчика, и не особенно довѣрялъ его словамъ и потому потребовалъ отъ него представленія точныхъ доказательствъ преступленія, въ которомъ онъ уличалъ своего земляка, протопопа Рогачевскаго. Забѣла, видимо исполняя это требованіе вице-губернатора, подалъ ему того же 5 іюля письменное заявленіе, въ которомъ въ цвѣтистыхъ и довольно туманныхъ выраженіяхъ изложилъ обстоятельства своей ссоры съ Рогачевскимъ, происшедшей 15 апрѣля того же года на обѣдѣ у подъячаго Матвѣевича. Ладыженскій оставилъ это послѣднее заявленіе Забѣлы безъ послѣдствій, какъ не заключавшее въ себѣ указанія на преступленіе, касавшееся чести и здоровья государя, а занялся разслѣдованіемъ только перваго, словеснаго доноса его. Первымъ допрошенъ былъ Дудинъ, показавшій, что въ 1720 г., какого мѣсяца и числа не помнитъ, онъ какъ-то зашелъ на соловецкое подворье къ проживавшему тамъ стряпчему Ивану Патрикѣеву, который въ то время былъ боленъ («скорбенъ»). Тамъ онъ засталъ протопопа Ивана Рогачевскаго и ссыльнаго донского козака Василія Поздѣева. Во время зашедшаго разговора, видимо общаго, о Мазепѣ, онъ, Дудинъ, сказалъ Рогачев-

скому, что «у насъ Мазепу проклинаютъ». На это Рогачевскій ему отвѣтилъ, что Мазепа погребенъ честно архимандритомъ, кающихся же Богъ пріемлетъ. Больше никакого разговора у него, Дудина, съ протопопомъ Рогачевскимъ не было, при чемъ не было и рѣчи про царское величество. 28 іюня 1721 г. въ соборной церкви на повечеріи онъ, Дудинъ, дѣйствительно сказалъ Забѣлѣ, что Рогачевскій говорилъ ему, что «де Мазепа нашъ святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ»; говорилъ ли онъ еще что-либо о Мазепѣ или государѣ, не помнитъ, потому что былъ пьянъ; а если что и говорилъ, то говорилъ ложно.

Подъячій Петръ Егорновъ, въ присутствіи котораго происходилъ 28 іюня въ церкви разговоръ Дудина съ Забѣлой, показалъ на розыскѣ, что Дудинъ, бывшій въ это время выпивши, сказалъ Забѣлѣ, что «мазеповщина протопопъ Рогачевскій сказываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учитъ, а самъ добраго не чинитъ и за государя нашего Бога не молитъ, а Мазепу называетъ святымъ, и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что онъ, Мазепа, умеръ въ Волоской землѣ и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вотъ государь не будетъ въ небѣ», а больше ничего не говорилъ Дудинъ Забѣлѣ.

Стряпчій Иванъ Патрикѣевъ отозвался, что во время разговора Дудина съ Рогачевскимъ о Мазепѣ онъ былъ боленъ и ничего изъ происходившаго тогда въ его квартирѣ не помнитъ. Донской же козакъ Василій Поздѣевъ показалъ, что онъ встрѣчался въ квартирѣ Патрикѣева съ Дудинымъ и Рогачевскимъ, но при немъ у нихъ никакого разговора о Мазепѣ или царскомъ величествѣ не происходило.

Самъ протопопъ Рогачевскій не былъ допрошенъ вице-губернаторомъ Ладыженскимъ.

Выслушавъ показанія названныхъ выше лицъ и докладъ старшаго подъячаго Богданова и средней статьи Бедринскаго о томъ, что за люди протопопъ Иванъ Рогачевскій и Данило Забѣла по даннымъ архангелогородской канцеляріи гарнизоннаго стола и какіе изданы указы, имѣющіе отношеніе къ данному случаю (на справку приведены были три царскіе указы, прислан-

ные въ канцелярію), вице-губернаторъ Ладыженскій остановился на указѣ отъ 12-го декабря 1719 г. и согласно съ нимъ постановилъ: лохвицкаго протопопа Ивана Рогачевскаго, малороссійца Данила Забѣлу да холмогорца Василія Иванова сына Дудина, заковавъ имъ руки и ноги, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, а также съ присланными изъ Соловецкаго монастыря прежде бывшимъ рижскимъ протопопомъ Иваномъ, а нынѣ въ чернечествѣ Іоасафомъ Буяновскимъ, да старцемъ Аврааміемъ, отослать за надлежащимъ карауломъ въ Москву въ Преображенскій приказъ, а отъ Егорнова, Патрикѣева и Поздѣева отобрать поручительную подписку, чтобы они не смѣли отлучаться изъ города впредь до окончанія дѣла о Рогачевскомъ и Забѣлѣ. Во исполненіе этого постановленія Ладыженскаго, снаряженъ былъ капралъ мѣстнаго гарнизона Степанъ Мостининъ съ 10 солдатами, и подъ надзоромъ ихъ, при подорожней отъ 7 іюля 1721 г., всѣ названныя пять лицъ отправлены были на подводахъ чрезъ Вологду и Ярославль въ Москву. Мостининъ прибылъ въ Москву съ ввѣренными ему колодниками 9 августа и тогда же сдалъ ихъ въ Преображенскій приказъ.

Отъ Патрикѣева 15 іюля отобрана была подписка о неотлучкѣ изъ города за поручительствомъ въ томъ разныхъ лицъ. Егорновъ же и Поздѣевъ, какъ люди не мѣстные и, видимо, мало извѣстные въ городѣ, не могли представить за себя поручителей, вслѣдствіе чего заключены были подъ стражу при канцеляріи. Впрочемъ, Егорновъ вскорѣ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи съ отобраніемъ отъ него подписки о неотлучкѣ.

Чѣмъ разрѣшилось въ Преображенскомъ приказѣ дѣло Рогачевскаго, въ архивныхъ дѣлахъ г. Архангельска свѣдѣній нѣтъ; но изъ дѣлъ архива св. Синода за 1721 годъ [1]) намъ извѣстно, что отсылка Рогачевскаго въ Москву послужила ему на пользу. Преображенскій приказъ, по изслѣдованіи его дѣла, никакой (политической) вины за нимъ не нашелъ и самое дѣло о немъ, какъ о лицѣ духовнаго сана, передалъ въ Синодъ на рѣшеніе. Си-

---

[1]) Опись имъ издана св Синодомъ.

нодъ немедленно освободилъ Рогачевскаго изъ-подъ стражи, отдавъ его на поруки дьяку рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго Афанасію Кульбицкому (очевидно, земляку лохвицкаго протопопа); затѣмъ потребовалъ отъ него объясненія о причинѣ ссылки его въ Архангельскъ. Рогачевскій объяснилъ, что поводомъ къ тому послужилъ доносъ, будто онъ не объявилъ какого-то манифеста. Синодъ, видимо, удовлетворился этимъ объясненіемъ и предоставилъ Рогачевскому свободу. Вернулся ли онъ на родину и вообще гдѣ и какъ окончилъ онъ дни свои, намъ неизвѣстно.

Данило же Забѣла, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, былъ возвращенъ обратно въ г. Архангельскъ. Здѣсь въ слѣдующемъ 1722 году съ нимъ самимъ приключилась бѣда: пришлось ему лично пострадать отъ того же средства, какимъ онъ хотѣлъ допечь своего политическаго противника протопопа Рогачевскаго.

21 января 1722 года въ канцелярію архангелогородской земскихъ дѣлъ коллегіи юстиціи доставленъ былъ москвичъ Алексѣй Михайловъ Григорьевъ по обвиненію въ томъ, что онъ, ложно назвавшись приказчикомъ купцовъ Андрея Калмыкова и Ивана Мосолова, выдалъ отъ имени ихъ двѣ кабалы (заемныя обязательства) англичанину Франсу Гарнеру на 150 руб. и голландцамъ Ананію и Данилѣ Пеле на 416 руб., и по допросѣ былъ заключенъ въ колодницкую. Сидя здѣсь, онъ заявилъ капралу, что «знаетъ его императорскаго величества слово за черкашениномъ Данилой Забѣло». Доставленный 30-го же января къ архангелогородскому вице-губернатору Ладыженскому, Григорьевъ заявилъ, что какъ-то въ январѣ, будучи въ городѣ, онъ зашелъ къ рудоискателю Василію Лодыгину, у котораго въ то время квартировалъ Данило Забѣла. Послѣдній въ присутствіи Лодыгина сказалъ, что онъ, Забѣла, знаетъ измѣну, а какую—не объяснилъ. Спрошенный по поводу этого доноса Григорьева, Забѣла заявилъ, что ни о какой измѣнѣ онъ не говорилъ Григорьеву, и сослался въ этомъ на Лодыгина. Выслушавъ доносъ Григорьева и объясненіе Забѣлы, вице-губернаторъ 31 того же января распорядился заковать ихъ обоихъ въ кандалы и отослать подъ карауломъ въ Москву, въ Преображенскій приказъ, въ распоряженіе страшнаго тогда князя

И. Ф. Ромодановскаго съ товарищами, что и было приведено въ исполненіе, какъ видно изъ подписи на подорожней, при коей были отосланы въ Москву Григорьевъ и Забѣла. Послѣдніе приняты были въ приказѣ 20 февраля, того же 1722 года.

Чѣмъ разрѣшился доносъ Григорьева на Забѣлу и былъ-ли послѣдній возвращенъ обратно въ Архангельскъ, изъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ неизвѣстно. Но можно думать, на основаніи дальнѣйшей судьбы Забѣлы, что послѣдняя поѣздка его въ Москву по доносу Григорьева послужила ему на пользу, какъ поѣздка протопопа Рогачевскаго по доносу Забѣлы. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Петра I среди малороссійской старшины началось движеніе въ пользу сохраненія правъ и вольностей Малороссіи на основаніи договоровъ, заключенныхъ Хмельницкимъ и другими гетманами. Движеніе это окончилось не въ пользу старшины: стоявшіе во главѣ его Полуботко, Савичъ, Чернышъ и др. въ 1724 г. были схвачены и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Разслѣдуя дѣло Полуботка и другихъ, Петръ вспомнилъ про Данила Забѣлу, когда-то доносившаго на гетмана Скоропадскаго, и отправивъ въ Малороссію Румянцева для слѣдствія по дѣлу старшинъ, писалъ ему въ концѣ 1723 года: «оставьте мѣсто нарочитое уряда Данилѣ Забѣлѣ, который прежде доносилъ на старшину, которое тогда не повѣрено, а нынѣ все сбылось, и оный впредь отправится на Украину по окончаніи розыску» [1]. Однако Забѣлѣ не дали никакого уряда, и онъ оставался въ Москвѣ и послѣ смерти Петра.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I мы видимъ его не только на свободѣ, но и дѣйствующимъ въ качествѣ совѣтника: онъ представилъ императрицѣ свою докладную записку о мѣрахъ къ тому, чтобы «впредь въ Малой Россіи не было измѣны». Въ ней содержатся и цѣнныя замѣчанія, напр. о тягостномъ положеніи монастырскихъ крестьянъ, которыхъ онъ совѣтуетъ повернуть въ козаки, а монаховъ заставить заводить латинскія школы, «дабы въ государствѣ умножились мудрые люди». Вер-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, изд. 2-е, стр. 236.

нулся Забѣла на родину лишь въ гетманство Апостола и до конца жизни занимался тяжбами, захватами чужихъ земель и закрѣпощеніемъ подсосѣдковъ [1]).

При этомъ считаемъ умѣстнымъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями, какія у насъ имѣются о личности случайнаго спутника лохвицкаго протопопа Рогачевскаго въ Преображенскій приказъ, бывшаго рижскаго протопопа Ивана Буяновскаго, въ иночествѣ Іоасафа, судя по фамиліи—тоже украинца. Откуда Буяновскій былъ родомъ, какъ попалъ въ рижскіе протопопы и за что угодилъ оттуда въ Соловецкій монастырь, мы свѣдѣній не имѣемъ.

Изъ справки, данной о немъ архангельскому вице-губернатору Ладыженскому въ 1721 г., видно, что онъ присланъ былъ въ Архангельскъ въ 1719 году изъ посольскаго приказа, по царскому указу, выраженному въ письмѣ отъ 13 января того же 1719 г. изъ Амстердама государственнаго канцлера Гавр. Ив. Головкина и государственнаго подканцлера барона П. Н. Шафирова, для ссылки въ Соловецкій монастырь съ содержаніемъ его здѣсь наравнѣ съ рядовыми монахами «*за нѣкоторыя непристойныя и похвальныя слова*». Проживая въ Соловкахъ, Буяновскій принялъ монашество съ именемъ Іоасафа и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, пользовался здѣсь кое-какимъ почетомъ. Но въ 1721 году проживавшій въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ монахъ палiостровскаго монастыря Авраамій, бывавшій у Буяновскаго, заявилъ настоятелю монастыря, что Буяновскій говорилъ ему, Авраамію, «про царскія лица слова, ихъ же неудобно произнести въ писаніи». Это послужило поводомъ къ отсылкѣ ихъ обоихъ въ Архангельскъ, въ распоряженіе мѣстнаго вице-губернатора Ладыженскаго. Послѣдній отослалъ ихъ въ Москву въ Преображенскій приказъ. Здѣсь Буяновскій «съ розыску повинился» (въ чемъ—неизвѣстно); его лишили священническаго сана и монашества и

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ Описаніи Старой Малороссіи, А. Лазаревскаго, т. II, 400—411.

въ 1722 году возвратили закованнымъ въ кандалы въ Соловецкій монастырь для содержанія въ земляной тюрьмѣ. Что такое были въ старину земляныя тюрьмы, можно себѣ представить изъ описанія сохранившейся и по настоящее время такого рода тюрьмы возлѣ села Ныробъ, чердынскаго у., пермской губ., въ которую заключенъ былъ Борисомъ Годуновымъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, дядя царя Михаила Ѳедоровича.

По внѣшнему виду это яма въ землѣ, представляющая изъ себя мрачный и тѣсный подвалъ около 2-хъ квадратныхъ саженей и не болѣе $2^1/_2$ аршинъ въ высоту; потолокъ выведенъ сводомъ изъ кирпича и въ немъ маленькое отверстіе-оконце, чрезъ которое заключенному подавали пищу и чрезъ которое выходилъ дымъ, когда узникъ раскладывалъ у себя на маленькомъ огнѣ огонь для того, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться [1]). Но Буяновскому не пришлось попасть въ такую тюрьму, потому что, къ счастью его, таковой не оказалось въ Соловецкомъ монастырѣ. О томъ, что въ этомъ монастырѣ не было земляныхъ тюремъ, видно изъ производства, возникшаго по поводу закрытія этихъ тюремъ. Какъ ни жестоки были люди XVIII в. по части изобрѣтательности всякаго рода человѣческихъ мученій и въ особенности по примѣненію ихъ людьми, стоящими у кормила правленія, къ своимъ политическимъ противникамъ,—но видимо и ихъ возмущала жестокость страданій, связанная съ содержаніемъ живого человѣка въ могилѣ, которую въ дѣйствительности изображала изъ себя земляная тюрьма. И вотъ явилась мысль объ уничтоженіи ихъ. Мысль эта выразилась въ высочайшемъ указѣ, данномъ 19 января 1758 г. на имя Правит. Сената о командированіи курьеровъ въ тѣ мѣста, гдѣ находились «въ землѣ погреба ради колодниковъ» (земляныя тюрьмы), для осмотра этихъ погребовъ и засыпки ихъ, съ переводомъ содержащихся въ нихъ колодниковъ въ другія помѣщенія.

---

[1]) Лит. Прилож. къ Нивѣ, авг. 1901 г. *Конецъ свѣта.* Б. Никонова, стр. 690.

Въ г. Архангельскъ указъ этотъ привезъ сенатскій курьеръ Василій Степановъ 3 февраля того же года; въ немъ говорилось объ уничтоженіи земляныхъ погребовъ, бывшихъ, будто бы, въ Соловецкомъ монастырѣ. Во исполненіе этого указа губерн. канцелярія въ помощь Степанову командировала секундъ-майора мѣстнаго гарнизона Путимцева съ двумя солдатами и при этомъ снабдила его надлежащей инструкціей.

Прибывъ въ Соловецкій монастырь, Степановъ и Путимцевъ немедленно приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія—къ осмотру земляныхъ тюремъ, но таковыхъ тамъ не оказалось. Путимцевъ потребовалъ отъ архимандрита Геннадія письменнаго удостовѣренія въ томъ, что въ монастырѣ дѣйствительно нѣтъ земляныхъ тюремъ. Архимандритъ далъ требуемое удостовѣреніе; въ немъ онъ свидѣтельствуетъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ никогда не было земляныхъ тюремъ, что колодники содержатся «поверхъ земли», въ каменныхъ зданіяхъ, находящихся частью среди монастырскихъ строеній (въ кельяхъ), а частью за оградою, въ отдѣльномъ зданіи; «а хотя напредь сего и были двѣ тюрьмы, именуемая одна Корожная въ бойницѣ, другая Головленкова, у Архангельскихъ воротъ, въ стѣнѣ, и тѣ не земляныя, но на верховьи земли, кои въ прошломъ 1742 г. по силѣ указовъ изъ св. Синода... закладены», о чемъ «съ показаніемъ мѣръ и рисунка репортовано» мѣстному архіерею.

Что въ Соловецкомъ монастырѣ дѣйствительно не было земляныхъ тюремъ, это подтверждается и дѣломъ о Буяновскомъ, возникшимъ въ 1725 году. По доставленіи въ 1722 г. въ Соловецкій монастырь, Буяновскій былъ заключенъ, вопреки указа о немъ, въ обыкновенную тюрьму, а не въ земляную (очевидно, за неимѣніемъ таковой), и содержался въ ней довольно снисходительно: къ нему ходили въ гости монахи, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи бумагу и чернила. Но какъ ни снисходительно относились къ Буяновскому монастырскія власти, ему, видимо, надоѣло сидѣть въ Соловкахъ, и у него явилось желаніе вырваться оттуда. Единственный способъ къ тому былъ—заявленіе о себѣ «слова и дѣла». Но такъ какъ монастырскія власти такого

заявленія, видимо, не желали принимать отъ Буяновскаго лично, то онъ потихоньку составилъ на имя государя письменное заявленіе о томъ, что онъ имѣетъ за собою слово и дѣло «зело надобное», помѣтивъ это заявленіе 20 авг. 1721 г., и передалъ его вхожимъ къ нему ссыльнымъ монахамъ, греку Парѳенію и Герасиму. Заявленіе это какимъ-то образомъ попало 18 февраля 1725 въ руки монастырскихъ старцевъ и затѣмъ переслано было, вмѣстѣ съ Буяновскимъ, къ мѣстному архіерею, который отправилъ Буяновскаго въ архангельскую губерн. канцелярію на распоряженіе. На допросѣ у вице-губернатора Ладыженскаго Буяновскій отказался разъяснить, какое онъ знаетъ государево слово и дѣло, заявивъ, что онъ скажетъ его тамъ, «гдѣ надлежитъ», почему 23 февраля онъ отправленъ былъ въ Москву, въ Преображенскій приказъ. По розыску въ приказѣ за Буяновскимъ никакого важнаго слова и дѣла не оказалось, вслѣдствіе чего послѣдовало распоряженіе «бить его кнутомъ нещадно», а по наказаніи возвратить обратно въ Соловецкій монастырь для содержанія въ прежнемъ положеніи, при чемъ о содержаніи его въ земляной тюрьмѣ уже ничего не говорится; ничего не говорится и о томъ, что онъ ранѣе сего, вопреки прежняго указа, содержался въ обыкновенной тюрьмѣ, а не въ земляной, что можно объяснить лишь тѣмъ, что таковой въ монастырѣ не имѣлось. Для отягченія положенія Буяновскаго, велѣно было никого къ нему не пускать изъ числа ссыльныхъ монаховъ, чернилъ и бумаги ему не давать. Для острастки же тюремныхъ сторожей приказано: сторожа, допустившаго къ Буяновскому монаховъ Парѳенія и Герасима, наказать шелепами, вмѣсто кнута; тому же наказанію подвергнуты были и монахи Парѳеній и Герасимъ.

Дальнѣйшая судьба Буяновскаго неизвѣстна.

Г. Б.

Архангельскъ, 26 марта, 1902 г.

СОРОКЪ ЛѢТЪ.

(Народная малороссійская легенда).

(Окончаніе [1]).

Перебрался Трохимъ въ городъ, записался въ третью гильдію, принялся, по совѣту съ тестемъ, торговать подсолнечнымъ масломъ, которое въ то время было совершенною новостью и давало Трохиму большіе барыши, до тѣхъ поръ, пока, по примѣру его, другіе торговцы не взялись за то же; тогда случайно на улицѣ услыхалъ Трохимъ разговоръ двухъ прохожихъ, толковавшихъ о томъ, что одинъ торговецъ другого города разжился отъ торговли косами, которыя тогда привозились изъ Австріи. Не сказавши никому о своемъ намѣреніи, Трохимъ договорилъ одного нѣмца, жившаго въ аптекарскихъ гезеляхъ переводчикомъ, съѣздилъ съ нимъ за границу и привезъ оттуда транспортъ косъ. Обогатили Трохима косы пуще подсолнечнаго масла. Трохимъ былъ въ состояніи купить себѣ двухъ-этажный домъ съ лавками внизу. Потомъ замѣтилъ Трохимъ, что люди ни отъ чего такъ быстро не разживаются, какъ отъ винныхъ откуповъ, и вступилъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г., № 5.

въ компанію откупщиковъ, состоявшую изъ купцовъ и помѣщиковъ. Въ этомъ дѣлѣ еще болѣе посчастливилось Трохиму.

«Эка! какъ ему деньги-то сыпятся!—говорили торговцы. А кажись, никакой особой мудрости въ немъ нѣтъ». И въ самомъ дѣлѣ, никакъ не могли отыскать въ Трохимѣ такихъ качествъ, что помогали ему разживаться. Съ виду онъ казался такъ себѣ, простофилею, прикидывался незнайкою, когда его пытались о чемъ-нибудь выспросить, самъ никогда прямо не спрашивалъ о томъ, что его въ данное время занимало, а старался узнать объ этомъ какъ-нибудь съ-боку, слушая однимъ ухомъ и показывая видъ, будто его не касается вовсе то, о чемъ идетъ рѣчь, а потомъ уже извлекалъ, какъ могъ и умѣлъ, свои выгоды. Изъ купцовъ своего города онъ одинъ только читалъ газеты и въ состояніи былъ говорить и по своему судить о такихъ предметахъ, которые для другихъ были совершенно чужды, и поэтому онъ нравился дворянамъ, которые были съ нимъ въ одной откупной компаніи.—«Какой умный мужикъ этотъ хохолъ, какой простой и честный!»—говорили они о Трохимѣ.

Васса оставалась безграмотною, но, одаренная природнымъ умомъ, отличалась замѣчательнымъ житейскимъ тактомъ: она успѣла отстать отъ такихъ слободскихъ привычекъ, которыя слишкомъ угловато выдавались въ ея новомъ положеніи; со всѣми привѣтлива, ни съ кѣмъ не заносчива, ни съ кѣмъ особенно не дружилась, ни съ кѣмъ не ссорилась, никого въ глаза не хвалила, никого за глаза не бранила и, несмотря на зависть, возбуждаемую скорымъ обогащеніемъ Трохима, находилась со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ первый же годъ своего переселенія въ городъ Васса родила сына. Въ голову Трохима вошла тогда зловѣщая мысль: *что если сынъ его*, теперь невинный младенецъ, *понесетъ кару отъ Бога за тяжкія преступленія родителей?* Не даромъ Шпакъ разсказывалъ ему изъ какого-то прочитаннаго благочестиваго разсказа, какъ невинный человѣкъ, не сдѣлавши ничего дурного, пилъ горькую чашу бѣдствій за преступленія своего родителя и, наконецъ, самъ того не желая, *погубилъ отца своего*. Такъ Богъ покаралъ грѣшника. Такъ, можетъ быть, думалъ Трохимъ,

и меня когда-то Богъ покараетъ чрезъ моего сына. Придыбалки не было; его искусительныхъ наставленій подновить было некому, память о нихъ теряла свѣжесть и силу. Дѣтскія грезы брали верхъ. Внутренній голосъ какъ-будто шепталъ Трохиму: есть Богъ и Онъ тебя накажетъ!—Когда Васса оправилась отъ родильнаго недуга, мужъ напомнилъ ей о ея обѣщаніи молиться Богу за грѣхъ его. Васса сказала:

— Будемъ молиться. Надобно! Каждый праздникъ въ церковь станемъ ходить, посты будемъ соблюдать, милостыню раздавать начнемъ у церковныхъ дверей, а я непремѣнно исполню обѣщаніе—схожу пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ.

И потекли мѣсяцы, годы... Жила Васса, не помышляя о подвигахъ покаяній и о паломничествѣ въ Кіевъ.

На десятомъ году послѣ своего переселенія въ городъ, похоронивши своего тестя, перебрался Трохимъ въ губернскій городъ.

Здѣсь счастье улыбнулось ему еще дружелюбнѣе. Нашъ Трохимъ—теперь уже Трофимъ Семеновичъ Яшниковъ—богатѣйшій купецъ во всей губерніи; уже онъ не примыкаетъ къ откупной компаніи, онъ самостоятельный дѣятель, и къ нему примыкаютъ другіе: ни у кого денегъ взаймы онъ не проситъ, своихъ у него вдоволь; зато другіе его просятъ: сдѣлай милость, батюшка Трофимъ Семеновичъ, возьми, будь благодѣтель!—и Трофимъ Семеновичъ многимъ благодѣтельствуетъ: беретъ у кого сотни, у кого тысячи, а у нѣкоторыхъ и десятки тысячъ, платитъ процентовъ по пятнадцати, а самъ, пуская въ оборотъ занятыя деньги, наживаетъ по два рубля на рубль и болѣе. У него въ откупу пять уѣздовъ и губернскій городъ, а въ послѣднемъ два каменныхъ дома: въ одномъ изъ нихъ помѣщается его питейная контора. Губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель и совѣтники казенной палаты, всѣ полицейскіе и земскіе чиновники—у него на опредѣленномъ жалованьи; а его питейная контора—источникъ богатыхъ милостей. Служить по питейной части было такъ выгодно, что управляющимъ конторою Трофима Семеновича былъ статскій совѣтникъ, оставившій коронную службу и всѣ сопряженныя съ

нею надежды на чины и ордена за двадцать тысячъ жалованья въ годъ и удобную квартиру при конторѣ. За предѣлами своей питейной части Трофимъ Семеновичъ пользовался такимъ вѣсомъ и значеніемъ, что стоило только заручиться его покровительствомъ, чтобъ имѣть успѣхъ во всякомъ тяжебномъ дѣлѣ, гдѣ бы оно ни производилось.—Показисто жилъ Трофимъ Семеновичъ: давалъ обильные обѣды и блестящіе вечера, гдѣ бывали губернскіе властители, и каждому изъ нихъ оказывалась подобающая честь по его рангу. И кто бы могъ узнать оныхъ временъ бѣднаго наймита въ этомъ милліонерѣ, предъ которымъ такъ лебезили высокородные и превосходительные свѣточи губернскаго міра! Не забывалъ Трофимъ Семеновичъ и долга христіанскаго человѣколюбія: каждый годъ жертвовалъ по 300 рублей на городскую больницу и раздавалъ обильную милостыню нищенствующей братіи у подъѣзда своего дома въ день великаго пятка.

На двадцать первомъ году своей коммерческой дѣятельности Трофимъ Семеновичъ, отправившись въ Петербургъ на сенатскіе торги, возвращался въ свою губернію съ намѣреніемъ переселиться въ столицу. Но какъ только онъ вступилъ въ подъѣздъ своего дома, услыхалъ печальную вѣсть. Васса Денисовна скончалась за недѣлю до возвращенія мужа изъ столицы. Отъ доктора, лѣчившаго г-жу Яшникову, онъ узналъ, что смерть постигла ее скоропостижно, отъ разрыва артеріи.

Сильно загрустилъ Трофимъ Семеновичъ объ утратѣ жены, съ которою сжился въ продолженіи многихъ лѣтъ. Скорбѣлъ онъ, между прочимъ, о томъ, что Васса Денисовна все собиралась совершить путешествіе въ Кіевъ на богомолье и уже теперь не могла никогда исполнить своего обѣта. До сихъ поръ счастье неуклонно везло Трофиму Семеновичу, а въ счастьи, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ мало способенъ бываетъ къ раскаянію и сердечному сокрушенію; отъ этого, какъ ни осаждало душу Яшникова воспоминаніе о содѣянномъ имъ когда-то преступленіи, но не могло надолго и всецѣло овладѣть его существомъ. Бывало, когда такое чувство охватитъ его, онъ спѣшитъ подѣлиться имъ

съ своею женою, и Васса Денисовна такъ или иначе старается успокоить мужа. Теперь ея не стало, и въ цѣломъ свѣтѣ не было уже никого, съ кѣмъ бы онъ могъ заговорить о своей сердечной тайной боли. Преступникъ осужденъ теперь страдать одинъ, безъ раздѣла. Священнику онъ ни разу не открывалъ своего грѣха на исповѣди: жена постоянно просила его, чтобъ онъ, ради своей безопасности и добраго имени, этого не дѣлалъ, да и отъ другихъ лицъ Яшниковъ слыхалъ, будто попы, узнавши на исповѣди о совершенныхъ преступленіяхъ, открывали ихъ. Трофимъ Семеновичъ выбиралъ себѣ въ духовные отцы таких попов, которые у исповѣдующихся не спрашиваютъ о грѣхахъ по росписи, какая составлена и напечатана въ требникахъ, а ограничиваются общими выраженіями въ родѣ такихъ: покайтесь, въ чемъ чувствуете себя грѣшнымъ, и тому подобное,—такъ что, исповѣдуясь у такого попа, можно и не открыть ему грѣха и не скрыть его, а совершить настоящее іезуитское restrictio mentalis. Теперь, когда не было съ Трофимомъ Семеновичемъ единственнаго друга, знавшаго всю подноготную его прошедшей жизни, пробудившаяся съ неукротимою силою нечистая совѣсть жестоко мучила его. Неудержимо хотѣлось ему подѣлиться своею тайною мукою. Онъ обратилъ мысль на мѣстнаго архіерея, а этотъ архіерей пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ губернскомъ городѣ, какъ мужъ святой жизни и мудрыхъ словесъ. Преосвященный Агаѳодоръ былъ извѣстенъ Яшникову и прежде. Къ нему отправился теперь онъ для тайной бесѣды.

— Ваше преосвященство,—сказалъ архіерею откупщикъ,—я тяжелый грѣшникъ, пришелъ къ вамъ просить совѣта, утѣшенія и наставленія. Исповѣдуйте меня, духовный отецъ, по правиламъ.

Богъ знаетъ, какъ принялъ бы такую просьбу отъ кого нибудь другого преосвященный владыка, но отъ богатаго и всѣми уважаемаго въ губерніи откупщика онъ принялъ ее любезно, приказалъ подать себѣ мантію, поставилъ аналой, прочиталъ молитву и началъ спрашивать.

— Я грѣшникъ великій!—сказалъ Яшниковъ.—Тяжелый грѣхъ лежитъ на моей совѣсти многіе годы.

— Нѣтъ грѣха, который былъ бы оставленъ Богомъ безъ прощенія, если только грѣшникъ принесетъ истинное покаяніе.— сказалъ владыка.—Каялись-ли вы предъ духовнымъ отцомъ?

— Я страшился—сказалъ Трофимъ Семеновичъ—чтобъ духовный отецъ, узнавши о моемъ преступленіи, не предалъ меня въ руки земнаго правосудія. И теперь, если я рѣшаюсь исповѣдать мой грѣхъ предъ вами, владыко, то поступаю такъ отъ того, что питаю къ вамъ особое, величайшее уваженіе и притомъ открою предъ вами свой грѣхъ только тогда, когда вы соизволите дать свое архипастырское слово, что...

Архіерей перебилъ его рѣчь и сказалъ:

— По правиламъ св. отецъ, никакой священно-служитель не долженъ открывать никому чужихъ грѣховъ, о которыхъ онъ узналъ отъ исповѣдующагося грѣшника. Если вамъ наговорили, будто священники могутъ повредить вамъ, узнавши отъ васъ тайны ваши на исповѣди, то вамъ не слѣдовало этому вѣрить. А что вы такъ безпокоитесь, то даю вамъ свое архипастырское слово: не смущайтесь, говорите смѣло; хоть бы вы родителей своихъ убили или собственную дочь изнасиловали,—все равно—будьте покойны! Я вамъ назначу, сообразно вашимъ винамъ, церковное наказаніе, но не предамъ васъ ни мірскому суду, ни мірской молвѣ.

Яшниковъ, успокоенный такими словами, началъ повѣсть своей жизни и разсказалъ о событіи, случившемся въ дачѣ села Лубки, въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Другого тяжкаго грѣха никакого за собою не сознаете?— спросилъ владыка.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Трофимъ Семеновичъ.

— Я потому васъ объ этомъ спросилъ,—сказалъ архіерей,— что обыкновенно одно преступленіе влечетъ за собою рядъ другихъ преступленій; но, если вы не совершили послѣ того никакихъ порочныхъ поступковъ, это значитъ, что содѣянное вами преступленіе было плодомъ пылкой молодости, неопытности, крайней

бѣдности и, главное, полнѣйшаго невѣжества, въ которомъ вы тогда пребывали, наравнѣ со всѣмъ простонародіемъ. Грѣхъ вашъ великъ, но вина ваша смягчается обстоятельствами вашей тогдашней жизни и вашего тогдашняго духовнаго состоянія. Я не могу назвать васъ испорченнымъ грѣшникомъ, когда вы, сдѣлавши преступленіе въ юности, потомъ, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, прожили честно, принося пользу обществу, и притомъ, какъ мнѣ посторонніе сообщали, не оставили дѣлъ благочестія и христіанскаго милосердія. Если я особенно строго буду васъ порицать, то за то, что вы такъ долго не открывали своего грѣха духовнику и не постарались заранѣе очистить свою совѣсть. За это я вамъ назначу епитимію. Въ память вашей добродѣтельной супруги, которую Господу угодно было призвать къ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ искупленіе грѣха вашего, содѣяннаго въ тѣ годы, когда волнуютъ человѣка страсти, извольте построить церковь, снабдить ее изящнымъ иконостасомъ, изрядною утварью, нарочитымъ священнослужительскимъ облаченіемъ и положить въ ея пользу сумму, на каковую могъ бы содержаться клиръ. Если свершите сіе благое дѣло, примете сторицею благая и въ семъ житіи, и въ будущемъ, и отступится вамъ грѣхъ вашъ. Согласны ли исполнить назначаемую вамъ епитимію? Не выше ли средствъ вашихъ она будетъ? Откровенно скажите: тогда я иную назначу.

Япниковъ поклонился съ видомъ смиренія. Архіерей продолжалъ:

— Однако, не подумайте, что, созидая храмъ Богу, вы, такъ сказать, подкупаете Его правосудіе. Такое помышленіе да не внидетъ въ душу вашу. Сущность покаянія—въ сердечномъ сокрушеніи и въ искреннемъ сожалѣніи о томъ, что вы совершили грѣхъ предъ Богомъ! Но всякое содѣянное человѣкомъ преступленіе требуетъ возмездія, которое состоитъ въ томъ, чтобъ виновный потерпѣлъ нѣчто за свою вину. На семъ основаніи и земной судъ опредѣляетъ кару по закону. И церковь, хотя чадолюбивая мать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праведная судія, прощая кающемуся грѣшнику, требуетъ однако, чтобъ онъ понесъ воз-

мездіе за свой грѣхъ. Вотъ на такомъ-то основаніи я налагаю на васъ епитемію. Кромѣ сего имѣю еще и то въ виду. Если бы вы знали близкихъ кровныхъ убитыхъ вами людей, то сочли бы своимъ долгомъ оказать имъ съ своей стороны какое-нибудь благодѣяніе. Конечно?

Яшниковъ утвердительно кивнулъ головою.

— Но вы ихъ не знаете,—продолжалъ архипастырь,—такъ вмѣсто нихъ совершите благодѣяніе для христіанскаго общества. Вы сами говорите, что, желая умилостивленія за свой грѣхъ, раздавали милостыню. Но что значитъ плотская милостыня? Вы изъ своихъ сокровищъ давали неимущимъ только тѣлесныя блага. Выше всѣхъ тѣлесныхъ благъ благо духовное. А такое благо дадите вы алчущимъ и жаждущимъ онаго тѣмъ, что создадите храмъ, въ которомъ будутъ всегда возноситься молитвы и куда будутъ притекать ожидающіе отъ Бога великія и богатыя милостыни.— Тогда и многолѣтнее томленіе души вашей, яко раскаяніе, вмѣнится вамъ въ искупленіе грѣха вашего.

— Обѣщаюсь исполнить все, что изволите наложить на меня,—сказалъ Яшниковъ.

— Я васъ лишаю причащенія св. Таинъ, дондеже не совершите налагаемаго на васъ дѣла,—сказалъ владыка.—Впрочемъ, если бы, сохрани васъ отъ этого Богъ, вы заболѣли опасно, тогда можете причаститься.

Немедленно принялся Яшниковъ за постройку храма.

Денегъ откупщикъ не жалѣлъ, и потому дѣло это пошло живо. Въ мартѣ, послѣ бесѣды съ владыкою, происходила закладка, осенью въ тотъ же годъ все церковное зданіе было готово, поставленъ иконостасъ, и преосвященный Агаѳодоръ совершилъ освященіе новаго храма съ придѣломъ, во имя св. мученицы Вассы. Въ день освященія владыка произнесъ слово о заслугахъ создателей и благотворителей св. Божіихъ храмовъ, а «въ своихъ палатахъ», оставаясь наединѣ съ Трофимомъ Семеновичемъ, сказалъ ему:

— Нынѣ древній грѣхъ вашъ отпущается вамъ всецѣло. Писано бо: аще разрѣшите на земли, разрѣшено будетъ на не-

беси. Я, смиренный и недостойный, разрѣшаю грѣхъ вашъ: вѣрьте, что и Господь разрѣшилъ его. Таковы слова Христа самого. Не помышляйте болѣе о грѣхѣ своемъ и не страшитесь каръ за него, иначе, показывая недовѣріе къ словамъ Господа, согрѣшите тяжко и оскорбите безмѣрное милосердіе Божіе. Теперь, послѣ исповѣди, можете причаститься св. Таинъ!

Спустя немного времени, преосвященный Агаѳодоръ былъ указомъ св. синода переведенъ въ другую епархію, а потомъ Трофимъ Семеновичъ, успокоившись и утѣшившись о потерѣ супруги, вступилъ вторично въ бракъ съ дочерью помѣщика слободы Лубковъ, тестя Мотылина. Этотъ баринъ занимался откупнымъ дѣломъ, и потому Трофимъ Семеновичъ съ нимъ сблизился.

Скоро послѣ свадьбы Трофимъ Семеновичъ перебрался въ Петербургъ.

И начался еще новый періодъ Трофима Семеновича Яшникова. Годы пошли за годами: живетъ онъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ. Не ограничиваясь откупнымъ дѣломъ, онъ взялъ въ Сибири золотые пріиски и ведетъ дѣла черезъ своихъ довѣренныхъ. Въ золотомъ дѣлѣ везетъ ему счастье, пуще чѣмъ въ откупномъ. Остряки, выражаясь о возрастаніи его богатства, говорятъ, что Яшниковъ просто пухнетъ. Молва доводитъ его капиталъ до суммы многихъ милліоновъ. Онъ—коммерціи совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра, сообщавшаго ему потомственное дворянство. Весь нижній этажъ его дома занятъ его конторою: она, по качеству его занятій,—въ двухъ отдѣленіяхъ и представляетъ подобіе министерскаго департамента. Въ бель-этажѣ помѣщается самъ хозяинъ. Широкая, устланная коврами и уставленная экзотическими растеніями лѣстница ведетъ его въ покои, гдѣ все блеститъ серебромъ, золотомъ, фарфоромъ, малахитомъ, яшмою... Домъ Трофима Семеновича постоянно открытъ для гостей: роскошные обѣды, блестящіе вечера, широкое хлѣбосольство хозяина и хозяйки! Лѣтъ черезъ восемь послѣ переселенія Яшникова въ столицу, къ нему въ домъ прибыла сестра жены его, Мотылина, которой мужъ, умирая,

оставилъ въ собственность свои Мандрики. Эта госпожа, поживши у Яшникова года два членомъ семьи ихъ, умерла, передавши полученное отъ мужа имѣніе своей сетрѣ, Яшниковой. Послѣ того Трофимъ Семеновичъ, вмѣстѣ съ женою и дочерью отъ перваго брака, отправился въ доставшіяся женѣ его вотчины. Незадолго до того скончался ея отецъ, и ей теперь доставались и Лубки, и Мандрики.

Путь ихъ съ большой почтовой дороги направлялся проселочною дорогою къ Лубкамъ. Приближаясь къ этой слободѣ, Трофиму Семеновичу приходилось проѣхать черезъ то мѣсто, гдѣ когда-то происходило событіе, тяготившее его совѣсть. Крестъ, поставленный па могилѣ двухъ убитыхъ, еще стоялъ на своемъ мѣстѣ, но подгнилъ, почернѣлъ и покрылся зеленою плѣсенью. Со стороны дороги оврагъ былъ обнесенъ кирпичнымъ парапетомъ: уже нѣсколько кирпичей изъ него успѣло выпасть и обвалиться въ оврагъ. «Ah, quel abîme!»—невольно воскликнула дочь Яшникова, отворачивая голову отъ оврага.

— Хорошо еще, что обгорожено!—замѣтила госпожа Яшникова:—а то не дай Богъ заѣхать сюда вт глухую ночь! А вотъ и чей-то крестъ: можетъ быть здѣсь похороненъ такой, что ночью опрокинулся въ этотъ оврагъ!

Ямщикъ, услыхавши замѣчаніе барыни, сказалъ:—Это такъ точно было, сударыня: ѣхалъ купецъ съ товаромь ночью и опрокинулся въ оврагъ, и товаръ при немъ остался, и лошадей съ нимъ нашли въ оврагѣ. Такъ его то вмѣстѣ съ батракомъ здѣсь похоронили.

— Давно это было?—спросила Яшникова.

— Годовъ, почитай болѣе тридцати будетъ. Не при нашей памяти. Старые люди сказываютъ,—отвѣчалъ ямщикъ.

Трофиму Семеновичу подперло дыханіе, но онъ не произнесъ ни слова.

Пріѣхали въ Лубки. На другой день госпожа Яшникова, вмѣстѣ съ падчерицею, отправились служить панихиду надъ могилою своихъ родителей. Трофимъ Семеновичъ остался дома. Онъ былъ сильно взволнованъ послѣ того, какъ увидѣлъ мѣсто, гдѣ

когда-то совершилъ страшное преступленіе, и, въ безпокойствѣ расхаживая по комнатамъ дома, въ углу подъ образами нашелъ святцы кіевской печати, принадлежавшіе его давно уже умершей тещѣ. Онъ машинально развернулъ ихъ и наткнулся на слѣдующее мѣсто во вседневной полунощницѣ: «День онъ страшный помышляющи, душе моя, побди, вжигающе свѣщу твою, елеемъ просвѣщающи; не вѣси бо, когда пріидетъ къ тебѣ гласъ, глаголющій: се женихъ!» Трофимъ Семеновичъ положилъ святцы и сталъ ходить по комнатамъ, но прочитанныя въ святцахъ слова не отставали отъ его души. Грозно воскресало предъ нимъ прошедшее въ страшныхъ, знакомыхъ образахъ: какъ онъ убивалъ купцовъ, какъ вмѣстѣ съ Придыбалкою опрокидывалъ ихъ тѣла въ оврагъ, какъ, потомъ, пришедши на ихъ могилу, услышалъ неизвѣстно откуда исходившій голосъ: «покараю въ сорокъ лѣтъ!» Вотъ уже прошло тридцать четыре года, осталось шесть лѣтъ: и тѣ пройдутъ, и сороковой годъ наступитъ, и тотъ пройдетъ, и настанетъ день, о которомъ говорится въ святцахъ, день когда къ душѣ его пріидетъ гласъ, глаголющій: се женихъ! Сталъ тогда пытаться Трофимъ Семеновичъ утѣшать себя воспоминаніями о преосвященномъ Агаѳодорѣ; онъ вѣдь владыка, архипастырь, онъ въ церкви носитъ на себѣ образъ самого Христа Господа. Не сказалъ ли преосвященный, что грѣхъ его прощенъ, что ему не слѣдуетъ томить себя и пугать ожиданіями Божія суда? Да, онъ сказалъ такъ. Что можно возразить противъ того, что онъ говорилъ? Не указалъ ли онъ на слова самого Бога, давшаго власть настырямъ разрѣшать грѣхи людей? Не оставилъ ли Господь обѣщаніе, что все разрѣшенное на земли будетъ имъ разрѣшено на небеси? Развѣ это не такъ? Да, а между тѣмъ совѣсть начала снова жечь сердце Трофима Семеновича. Развѣ разрѣшеніе архіерея безсильно? Или не значитъ ли, что со стороны грѣшника еще что-то осталось сдѣлать? Что же? Каяться; но вѣдь архіерей не велѣлъ болѣе ни скорбѣть, ни думать о томъ, что уже разрѣшено и прощено! Да, архіерей разрѣшилъ, и Богъ, стало быть, разрѣшилъ; а Трофиму Семеновичу страшно, больно.... Колѣна его тряслись, сердце задрожало. Онъ перересталъ ходить по ком-

натамъ дома, въ изнеможеніи прилегъ на диванъ и невольно закрылъ глаза.

Вернулись жена и дочь. Принялись завтракать. Напрасно Трофимъ Семеновичъ думалъ залить бургонскимъ виномъ и заѣсть честерскимъ сыромъ разшевелившуюся совѣсть. Случайно раскрытая въ святцахъ страница не выходила у него изъ воображенія: ему все мерещился страшный день, свѣча и гласъ, вопіющій: се женихъ!

Пробывши съ недѣлю въ Лубкахъ, Яшниковы отправились въ Мандрики. Невыразимыя ощущенія охватили душу Трофима Семеновича, когда онъ увидалъ то село, гдѣ родился, проѣхалъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ когда-то бродилъ съ мѣшкомъ за плечами, выпрашивая хлѣбные недоѣдки. Теперь вотъ онъ въѣзжаетъ въ барскій дворъ, тотъ самый дворъ, куда онъ назадъ тому тридцать пять лѣтъ не смѣлъ войти, пугаясь грознаго имени: баринъ; а баринъ въ его дѣтскомъ воображеніи представлялся существомъ страннымъ и вмѣстѣ ужаснымъ, существомъ непохожимъ на обыкновенныхъ людей, такимъ существомъ, которое все только сердится и дерется! Теперь—онъ самъ баринъ, да еще владѣлецъ этого самаго двора, котораго въ ребячествѣ такъ боялся.

Въ первый же день, когда Яшниковы расположились въ барскомъ домѣ слободы Мандрикъ, Трофима Семеновича что-то невольно потянуло въ садъ. Вотъ оранжерея, вотъ садовая изба: въ отдѣльной половинѣ этой садовой избы жилъ Придыбалка, сюда приходилъ къ нему учиться чтенію, письму и цифири молодой крестьянинъ, только что женившійся на дочери богатаго мужика. У дверей оранжереи стоялъ невѣдомый Трофиму Семеновичу рабочій; онъ почтительно снялъ шапку, сознавая, что передъ нимъ новый баринъ.

— Кто у васъ теперь главный садовникъ?—спросилъ его Трофимъ Семеновичъ. Рабочій назвалъ его по имени.

— Не знаешь ли,—спросилъ Трофимъ Семеновичъ—гдѣ теперь Ѳетисъ Борисовичъ, что былъ у покойнаго Мотылина главнымъ садовникомъ?

— Не могу знать,—отвѣчалъ рабочій.—Такого, сударь, кажись, у насъ не было.

— Былъ, сказалъ Трофимъ Семеновичъ, давно только; годовъ больше тридцати тому прошло.

— Этого мы помнить не можемъ,—отвѣчалъ рабочій:—я въ тѣ поры еще не родился.

Отошелъ отъ него Трофимъ Семеновичъ; онъ пошелъ гулять по саду; вездѣ замѣчалъ онъ отпечатокъ запустѣнія. Видно было, что этотъ садъ много лѣтъ уже оставался безъ хозяйской любви къ нему. Вышедши изъ сада и проходя черезъ дворъ, Трофимъ Семеновичъ встрѣтилъ служителя; волосы съ просѣдью показывали, что онъ живетъ на свѣтѣ около пятидесяти лѣтъ. Трофимъ Семеновичъ остановилъ его и спрашивалъ:

— Не помнишь ли ты Ѳетиса Борисовича, что былъ когда то главнымъ садовникомъ у Мотылина?

— Немного помню—сказалъ служитель,—только я тогда жилъ еще на слободѣ, и во дворъ меня не брали. Помню. Его звали въ слободѣ Придыбалкою.

— Да, да, Придыбалкою, сказалъ Трофимъ Семеновичъ. Не знаешь ли, не слыхалъ ли, гдѣ онъ?

— Не знаю, сударь,—отвѣчалъ служитель. Да наврядъ-ли кто въ слободѣ про то знаетъ. Про него ходили въ народѣ странные слухи;--ну да вѣдь глупый народъ, мало-ли чего болтаетъ.

— Что такое?—спросилъ Трофимъ Семеновичъ.

— Такое, баринъ,—сказалъ служитель,—такое, что и говорить про то не годилось бы. Извѣстно, народъ глупъ, мало-ли что мелетъ.

— Что такое?—скажи,—съ любопытствомъ допрашивалъ его Трофимъ Семеновичъ.

— Что будто...—говорилъ таинственно служитель,—будто онъ только въ образѣ человѣческомъ ходилъ, а на самомъ дѣлѣ не человѣкъ былъ.

— Кто же?—спрашивалъ баринъ.

— Извѣстно,—сказалъ служитель—народъ глупъ, сударь: необразованность, мало-ли чего выдумаетъ простонародіе по своей простотѣ?

— За кого же считали въ слободѣ этого Придыбалку?—скажи,—допрашивалъ баринъ.

— За самого лукаваго, сударь,—сказалъ служитель.—Говорили: кто только съ этимъ Придыбалкою свяжется, того онъ сейчасъ на грѣхъ подведетъ. Съ покойнымъ нашимъ бариномъ, говорять, такое было, въ тѣ поры какъ они были молоды и пріѣхали изъ полка. Совсѣмъ было обошелъ ихъ этотъ Придыбалка, во всемъ на него баринъ положился и души въ немъ не слышалъ; только послѣ, какъ они изволили остепениться и женились, молодая барыня первымъ долгомъ потребовала отъ барина, чтобъ этого Придыбалки у нихъ ни во дворѣ, ни въ слободѣ не было. Баринъ послушались добраго совѣта барыни и согнали Придыбалку. Куда тотъ ушелъ, гдѣ дѣлся, гдѣ жилъ послѣ того, и живетъ-ли онъ до сихъ поръ на свѣтѣ, про то я не знаю, и наврядъ-ли у насъ въ слободѣ есть такой, кто про это знаетъ. Еще про него въ слободѣ ходила такая притча, что коли кто по наущенію его пойдетъ и пообѣщаетъ ему жить такъ, какъ онъ укажетъ, того онъ богатымъ сдѣлаетъ и въ большую честь введетъ. Былъ у насъ въ слободѣ старикъ, лѣтъ ему за восемьдесятъ перевалило; недавно умеръ. Тотъ, помню, разсказывалъ: былъ, говоритъ, у насъ въ слободѣ, парень, бѣдный такой, что совсѣмъ нищій, милостыни подъ окнами просилъ! Этотъ Придыбалка и говоритъ ему: «дай мнѣ клятву, что будешь дѣлать все, что я тебѣ велю. Я тебя за то богачемъ произведу». Парень искусился и далъ ему такую клятву. Чтожъ вы думаете? Этотъ парень какъ-то вышелъ на волю и ужасть какъ разбогатѣлъ. Такъ старикъ этотъ сказывалъ, а Богъ его знаетъ, правда ли это, или нѣтъ.

Отъ этого разсказа поблѣднѣлъ Трофимъ Семеновичъ. Онъ понялъ, что рѣчь шла не о комъ другомъ, а именно о немъ. У народа про него сложилась сказка. Вотъ что оно—думалъ Яшниковъ, ушедши отъ разсказчика,—народъ здѣсь не совсѣмъ забылъ

про меня, сплелъ про меня небылицу. Значитъ, надобно быть осторожнымъ, чтобъ крестьяне не узнали, кто теперь у нихъ сталъ бариномъ. А развѣ можно утаить шило въ мѣшкѣ? Пусть-бы знали, что я когда-то по этой слободѣ ходилъ бѣднымъ оборвышемъ. Это не бѣда. Тѣмъ больше чести. А вотъ что дурно, когда станутъ болтать, что ихъ баринъ разбогатѣлъ при помощи чорта, ходившаго въ человѣческомъ образѣ. А чтожъ? Станутъ болтать. Что тутъ подѣлаешь? Всѣмъ не зажмешь рта. Всего хуже, какъ провѣдаютъ, съ какого повода я богатѣть началъ. Нѣтъ, нѣтъ! Этого провѣдать не могутъ. Судъ уже давно рѣшилъ, что убійства не было: купцы по собственной неосторожности опрокинулись въ оврагъ. Такъ и въ народѣ, какъ видно, осталось. Вотъ и ямщикъ, что насъ везъ, говорилъ: ѣхали какіе-то купцы и упали съ повозкою въ оврагъ, и товаръ, и лошади при нихъ найдены. Стало быть ихъ никто не убивалъ, иначе разбойники взяли бы себѣ товаръ. Нѣтъ, люди не узнаютъ моей тайны; одинъ Богъ знаетъ ее. Но архіерей увѣрялъ меня, что Богъ простилъ уже меня. А вотъ умные люди говорятъ, что Бога вовсе и нѣтъ. А кто его знаетъ: однако все равно, мнѣ бояться нечего, коли есть Богъ, такъ Онъ меня простилъ, и наказывать больше не станетъ, а коли Его нѣтъ, такъ и наказывать меня некому.

Прошедши черезъ дворъ, Трофимъ Семеновичъ не вошелъ въ домъ, а вышелъ чрезъ калитку и очутился въ виду двухъ господскихъ кузницъ. И вспомнилъ онъ, какъ здѣсь, подъ этими кузницами, онъ видался съ Придыбалкою и слушалъ его наставленія; увидалъ онъ и то плесо, куда хотѣлъ броситься, когда Шпакъ прогналъ его. Вспомнилъ онъ и рѣчи Придыбалки, какъ тотъ указалъ ему путь найти себѣ синій жупанъ и лошадь, чтобъ жениться на Вассѣ. Вспомнилъ онъ и про то, какъ Придыбалка предсказывалъ, что онъ будетъ богачемъ. Пророчество сбылось. Но съ чего пошла его разжива? Съ того несчастнаго бумажника, что онъ вынулъ изъ кармана убитаго имъ человѣка! Ахъ какой скверный начатокъ! Ахъ какое ужасное дѣло! Не съ этого ли гнуснаго дѣла началъ онъ богатѣть, а мало-по-малу дошелъ до того, что сталъ коммерціи совѣтникомъ, дворяниномъ, знатнымъ

бариномъ. Какая необычная и вмѣстѣ проклятая судьба! Всему начало положило преступленіе, за которое слѣдовало его, по закону, сослать въ каторгу. Чтожъ теперь дѣлать? Каяться. Но кому каяться? Богу? Но Богъ простилъ его: такъ архипастырь сказалъ, и то было уже давно. А вонъ другіе умные люди, что все читали и много знають, говорятъ, будто и Бога-то нѣтъ.

Такъ перевертывались мысли въ головѣ Трофима Семеновича, когда онъ остановился передъ кузницами, подъ которыми тридцать четыре года тому назадъ слушалъ наставленія Придыбалки. И не на что было его уму опереться: снова начиналась и не кончалась въ его душѣ обычная внутренняя борьба.

Воротившись съ прогулки въ домъ, Трофимъ Семеновичъ предложилъ женѣ и дочери проѣхаться по дачѣ. Пообѣдавши, они сѣли въ коляску покойныхъ Мотылиныхъ, оставшуюся въ имѣніи послѣ господъ. Проѣхали мимо того мѣста, гдѣ жила когда-то солдатка Ирина, Трохимова тетка. Не было уже убогой солдаткиной хаты, гдѣ проводилъ когда-то теперешній петербургскій богачъ свое грустное отрочество. Вмѣсто нея въ новомъ дворѣ стояли двѣ нарядныхъ избы, а позади, гдѣ былъ когда-то жалкій огородъ солдатки, зеленѣлъ густолистный садикъ. Яшниковы проѣхали мимо бывшаго двора Шпака: и тамъ увидалъ Трофимъ Семеновичъ совсѣмъ не то, что напечатлѣвалось въ его памяти отъ молодыхъ лѣтъ. Ни слѣда прежней свѣтлицы, ни рабочей избы; прежнія ворота отнесены въ другое мѣсто, а тамъ, гдѣ у Шпака были ворота во дворъ, красовался домикъ въ великорусскомъ стилѣ, съ пятью окнами, передъ которыми не во дворѣ, а на улицу въ палисадникѣ зеленѣли кусты сирени и бузины. Все перемѣнилось въ Мандрикахъ за тридцать четыре года—замѣтилъ Трофимъ Семеновичъ. Даже церковь, въ которой его крестили и вѣнчали, измѣнила свой наружный видъ: прежде она была покрыта дранью, а теперь—листовымъ желѣзомъ, покрашеннымъ ярко-зеленою краскою, а посаженныя вокругъ церкви березки, которыя зналъ Трофимъ Семеновичъ маленькими деревцами, стали теперь большими, густолистными деревьями. Только два надгробные памятника въ церковной оградѣ гласили о прошедшемъ слободы Мандрикъ:

первый—покрывалъ останки стараго Мотылина и жены его, другой, рядомъ съ первымъ, поставленъ былъ на могилѣ послѣдняго изъ Мотылиныхъ, оставившаго имѣнія женѣ своей, передавшей его, по завѣщанію, въ родъ Яшниковыхъ.

Пробывши около двухъ недѣль въ Мандрикахъ, и сдѣлавши хозяйственныя распоряженія объ управленіи Мандриками и Лубками, Яшниковы возвращались въ Петербургъ.

Яшниковы выѣхали на своихъ лошадяхъ на почтовую дорогу. Путь ихъ въ Петербургъ лежалъ черезъ Москву. На этомъ пути, въ тридцати верстахъ отъ столбовой дороги находился знаменитый во всей Россіи монастырь: чудотворная икона Богоматери привлекала туда богомольцевъ изъ близкихъ и далекихъ сторонъ православнаго русскаго міра. Госпожѣ Яшниковой казалось предосудительнымъ не посѣтить этого монастыря хоть разъ въ жизни, особенно когда случай приводилъ ее проѣзжать неподалеку отъ этой святыни. Трофимъ Семеновичъ, угождавшій женѣ, и теперь не отказалъ ей. Яшниковы свернули съ почтовой дороги и прибыли въ монастырскую гостинницу, гдѣ расположились въ трехъ покояхъ. Въ большой монастырской церкви стояла въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ чудотворная икона Богоматери; въ другой церкви былъ колодецъ, называемый живоноснымъ: народъ признавалъ особую благодать въ водѣ этого колодца. Когда Яшниковы побывали у архимандрита, тотъ сообщилъ имъ, что въ монастырѣ есть схимникъ, отецъ Пафнутій, старикъ семидесяти пяти лѣтъ, имѣвшій даръ прозорливости и провидѣнія будущаго. Впрочемъ, преподобный отецъ, какъ счелъ нужнымъ замѣтить архимандритъ, не терпѣлъ, чтобъ къ нему приходили изъ любопытства; нерѣдко посѣтителю, являвшемуся съ такимъ побужденіемъ, схимникъ говорилъ: «что ты ко мнѣ гадать пришелъ? Ступай лучше къ бабѣ ворожеѣ, коли тебѣ охота заниматься суевѣріями!» Если же посѣтитель ему нравился, то схимникъ укорялъ его въ наставительномъ тонѣ: «будущее одному Богу вѣдомо! Грѣшно желать знать о своей грядущей судьбѣ: полагайся во всемъ на волю Божію». Хотя онъ былъ постникъ и отшельникъ, но никого

не заманивалъ къ прелестямъ монашескаго житія. Пришелъ къ нему однажды купчикъ, которому пришла охота странствовать изъ монастыря въ монастырь, съ намѣреніемъ вступить современемъ самому въ монахи. «Тебѣ»—сказалъ ему отецъ Пафнутій—«не велитъ Богъ думать о монашествѣ. Не всякому инокомъ быть можно, а только тѣмъ, кого Богъ самъ къ тому избираетъ! Не думай, что въ мірѣ спастись нельзя. Ступай въ свой городъ и занимайся торговлею. Богъ пошлетъ тебѣ хорошую жену, и ты будешь добрый семьянинъ и честный торговецъ». Такъ поступилъ купчикъ и такъ съ нимъ сталось въ жизни. Не всякаго допускалъ къ себѣ схимникъ; инымъ онъ не отвѣчалъ, когда, подходя къ его дверямъ, они произносили молитву: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ! Не дождавшись благосклоннаго: аминь!—они принуждены были уходить съ прискорбіемъ. Однажды пришла къ нему какая-то барыня. Схимникъ допустилъ ее, но, не давая ей обычнаго благословенія, спросилъ ее: «какой ты вѣры?»—Какъ какой?—сказала изумленная барыня—православной, грекороссійской!—«Есть люди»—сказалъ отецъ Пафнутій—«именующіе себя христіанами, а они—сущіе язычники и поклоняются многимъ идоламъ. И ты такая же. У тебя идолы—женскія платья, шляпки, ленты, перчатки: все это идолы твои». И потомъ началъ ее учить отецъ Пафнутій, что надобно паче всего любить Бога, а къ тлѣннымъ земнымъ вещамъ не прилѣпляться. Много подобнаго разсказывали объ отцѣ Пафнутіи, во свидѣтельство его мудрости и прозорливости.

Услыхавши отъ архимандрита объ этомъ прозорливомъ старцѣ, Трофимъ Семеновичъ, остававшійся подъ вліяніемъ впечатлѣнія, возбужденнаго посѣщеніемъ Мандрикъ, рѣшился пойти къ старцу и у него исповѣдываться.

По указанію монаха, Трофимъ Семеновичъ отправился на монастырское кладбище, отдѣленное невысокою каменною оградою отъ главнаго монастырскаго двора, на которомъ стояли церкви. На кладбище вела калитка, настолько широкая, что черезъ нее можно было пронести гробъ съ покойникомъ. Вправо отъ калитки вдоль стѣны, отдѣлявшей кладбище отъ двора, стояла не-

большая церковь; главный входъ въ эту церковь былъ со двора, а на кладбище выходила изъ церкви другая дверь, желѣзная, отворявшаяся только въ такомъ случаѣ, когда нужно было нести покойника въ могилу. Далѣе за церковью, вдоль той же стѣны, была келья схимника. Единственный входъ въ эту келью былъ со стороны кладбища. Близь ея двери продѣлано было маленькое оконце, а на противоположной сторонѣ во дворъ было другое оконце, нѣсколько шире перваго; черезъ это послѣднее затворнику подавали пищу. У самой кельи на кладбищѣ были могилы, и одинъ надмогильный крестъ, стоя у самой двери, какъ будто просился въ келью къ отшельнику. По наставленію, сообщенному монахомъ, Яшниковъ подошедши къ оконцу, выходившему на кладбище, произнесъ: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! Изъ кельи послышалось: аминь. Дверь отворилась.

Трофимъ Семеновичъ вступилъ въ келью. Это была маленькая комнатка, въ ней не могло стать въ рядъ болѣе трехъ человѣкъ. Каменная лежанка, безъ всякой постели, составляла ложе отшельника. Столъ, съ двумя лежавшими на немъ книгами и простая, некрашеная скамеечка составляли всю мебель комнаты. Надъ лежанкою висѣлъ образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Передъ Трофимомъ Семеновичемъ стоялъ мужчина въ черной власяницѣ, закрытый схимническимъ аналавомъ, съ изображеніемъ креста и адамовой головы подъ крестомъ. Трофимъ Семеновичъ хотѣлъ поцѣловать ему руку; схимникъ отдернулъ ее.

— Я.... началъ было золотопромышленникъ.

— Ты,—перебилъ его отшельникъ,—грѣшникъ! Но всѣхъ грѣшниковъ Богъ по своему безконечному милосердію прощаетъ, если они смиренно покаются предъ Богомъ. Есть грѣхъ паче всѣхъ грѣховъ—то гордость духа. Рекъ бо Господь: Блаженни нищіи духомъ: тѣхъ бо есть царствіе Божіе! Смиряйся и кайся!

Другой бы счелъ такія слова обычнымъ иноческимъ нравоученіемъ, примѣнительнымъ ко всѣмъ людямъ; но Трофимъ Семеновичъ оставался подъ впечатлѣніемъ воспоминанія о своемъ преступленіи; ему пришло въ голову такое соображеніе: онъ сразу назвалъ меня грѣшникомъ, онъ стало быть узналъ, кто къ нему

пришелъ. Правду говорятъ про него, что онъ прозорливъ. И Трофимъ Семеновичъ разсказалъ отцу Пафнутію всю повѣсть житія своего, начиная съ дѣтства. Не утаилъ онъ страшнаго дѣла, совершеннаго въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Окончилъ?—спросилъ отецъ Пафнутій строгимъ, но спокойнымъ голосомъ.

— Окончилъ,—отвѣчалъ Трофимъ Семеновичъ.—Меня смущаетъ...

— Да не смущается сердце ваше, сказалъ отшельникъ: терпи наказаніе отъ Бога и уповай на его безпредѣльное милосердіе.

— Меня,—продолжалъ Трофимъ Семеновичъ,—именно то смущаетъ, что я не понесъ никакого наказанія, и я думаю, что кара меня ожидаетъ тогда, когда исполнится сорокъ лѣтъ, какъ мнѣ обѣщано было на могилѣ. До сихъ поръ все идетъ благополучно, деньги за деньгами сыпятся въ карманъ, мнѣ только и горя было, что потерялъ жену, но скоро потомъ Богъ даровалъ мнѣ другую, также достойную. И дѣтьми своими я доволенъ.

— *Этимъ тебя Богъ и наказываетъ*—сказалъ схимникъ—*что тебѣ во всемъ удача и благополучіе; въ этомъ тебѣ и почин̆ъ кары Божіей.* Никакой грѣхъ не останется у Бога безъ кары, ни одна добрая мысль—безъ награды. Какъ бы ты, послѣ совершеннаго тобою злого дѣла, перенесъ какое-нибудь несчастье, то счелъ бы его Божіимъ наказаніемъ, а ты вотъ говоришь,—во всемъ тебѣ удача была, и денегъ у тебя много, и семьею ты доволенъ. Это значитъ—Богъ оставляетъ впередъ кару надъ тобою. Хорошо было бы, когда бы на самомъ дѣлѣ приключилось тебѣ какое-нибудь несчастіе, или болѣзнь тебя постигла, прежде чѣмъ исполнится сорокъ лѣтъ, а то хуже будетъ, когда и сорокъ лѣтъ пройдетъ, и съ тобой ничего не случится, и денегъ у тебя много будетъ, и будешь ты здоровъ и благополученъ, и во всѣхъ дѣлахъ твоихъ будетъ удача. Тогда перестанешь ты страшиться кары, и тогда совсѣмъ потеряешь—не скажу вѣру въ Бога: у тебя ее нѣтъ,—потеряешь страхъ Божій, который у тебя еще есть. Вотъ тогда послѣдняя твоя будетъ кара на землѣ. Земные

люди слухомъ внимаютъ и не слышатъ, очима смотрятъ и не видятъ. Имъ нерѣдко благополучіемъ кажется то, что есть великое бѣдствіе; добро видятъ они тамъ, гдѣ настоящее зло. Со стороны глядя на тебя, люди подумаютъ: вотъ надъ нимъ благословеніе Божіе! Оттого ему во всемъ удача и счастье! Обманываются люди: не благословеніе тебѣ это, а кара! Вотъ какъ-бы привелъ тебя Господь потерпѣть даже за то, въ чемъ ты ни душой, ни тѣломъ не виноватъ. И тогда было бы тебѣ лучше. Пусть бы люди напрасно тебя обвиняли, а ты бы самъ зналъ, что не за то, по Божію смотрѣнію, несешь наказаніе. А если такъ до твоей смерти будетъ тебѣ во всемъ одно благополучіе, и люди будутъ тебя хвалить и прославлять, не зная, что ты былъ великій грѣшникъ и злодѣй, тогда горе тебѣ! Это значитъ, что зѣло прогнѣвилъ ты Бога, и Богъ соблюдаетъ для тебя кару въ твой послѣдній день.

— Что мнѣ дѣлать?—честный отецъ.—Скажи, что мнѣ дѣлать? Я думалъ угодить Богу и заслужить Его милосердіе, я на святыя церкви жертвовалъ, храмъ построилъ, нищимъ благодѣтельствовалъ.

— А что сказано—возразилъ отецъ Пафнутій:—«аще вся имѣнія моя раздамъ нищимъ, любве же не имамъ, никая польза ми есть». Храмъ построилъ, нищимъ благодѣтельствовалъ! Вы думаете Бога подкупить вашею милостынею? Да вѣдь Іуда предатель о нищихъ пекся, когда укорилъ жену, пролившую драгоцѣнное муро на Господа. Что ему Господь сказалъ: нищихъ всегда имѣете съ собою, а меня не всегда. А Онъ, Господь, что такое? Онъ—любовь всесовершенная. Когда въ наше сердце вступаетъ любовь, значитъ самъ Богъ въ него вступитъ. Съ нами тогда Христосъ. Пользуйся, человѣче, минутою, когда Христосъ съ тобою. Пройдетъ сія драгоцѣнная минута, отгонишь Христа отъ себя лукавыми своими помыслами и намѣреніями, тогда мѣсяцы, годы пойдутъ обычною чредою, а Христа съ тобою не будетъ; станешь звать его къ себѣ, а онъ не придетъ! Тогда сколько ни раздавай милостыни, сколько ни строй церквей—все тщета, никакая ти польза [redacted] хвалить бу-

дутъ и только. Отъ людей воспріимешь мзду свою, а отъ Бога ее не ожидай.

— Что же,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—что же дѣлать, когда ни милостынею, ни богоугодными дѣлами нельзя, какъ говоришь ты, загладить грѣха? А честный владыка, повелѣвшій мнѣ построить храмъ во искупленіе моего преступленія, сказалъ мнѣ, что какъ онъ разрѣшилъ мнѣ грѣхъ здѣсь, такъ и на небѣ разрѣшенъ будетъ грѣхъ тотъ.

— По разрѣшенію пастырскому,—сказалъ схимникъ,—грѣхъ разрѣшенъ на небеси Богомъ только тогда, когда грѣшникъ самъ кается съ вѣрою. А у тебя нѣтъ вѣры. Безъ собственной вѣры безсильно всякое разрѣшеніе духовнаго лица. А чтобъ имѣть вѣру, надобно со смиреніемъ вымолить ее у Бога.

— Какъ же это сдѣлать? Научи!—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.

Если я укажу тебѣ къ тому средство, ты не поступишь по моему совѣту,—сказалъ отшельникъ.

— Поступлю, честнѣйшій отецъ. Скажи твой совѣтъ,—произнесъ Трофимъ Семеновичъ.

— Скажу тебѣ—сказалъ отецъ Пафнутій:—только напередъ знаю, что ты моего совѣта не примешь; скажу тебѣ для того, чтобъ ты зналъ тотъ путь спасенія, по которому пойти у тебя не хватитъ ни рѣшимости, ни силы. Раздай всѣ свои капиталы на добро своимъ ближнимъ, а самъ останься безъ гроша. Съ чего началось твое обогащеніе? Съ преступленія, со злодѣянія? Потеряй же добровольно все, нажитое тобою на этомъ нечистомъ пути: тогда получишь ты возможность испросить у Бога полное прощеніе за свой тяжкій грѣхъ. Только все раздай, ничего у себя не оставь; не уподобись Ананіи и Сапфирѣ. Такъ раздай, чтобъ никто не узналъ, что это роздано тобою. Не труби передъ собою!

— Какъ же?—сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—я сдѣлаю нищими собственныхъ дѣтей, неповинныхъ въ отцовскомъ грѣхѣ?

— А ты,—сказалъ ему отецъ Пафнутій—читаешь въ повседневной молитвѣ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Если такъ молишься, чего тебе страшиться за дѣтей? Богъ дастъ имъ

хлѣбъ насущный. Господь силенъ прокормить и одѣть твоихъ дѣтей. Въ евангеліи сказано: имѣйте вѣру Божію, и аще речете горѣ сей: верзися въ море, будетъ по глаголу вашему. Это, вѣдь, словеса самого Господа. У тебя нѣтъ вѣры; я это вижу, но безъ вѣры никакая щедрая милостыня не примиритъ тебя съ Богомъ; безъ твоей собственной вѣры архипастырское разрѣшеніе не разрѣшитъ тебя на небеси. Вѣру надобно пріобрѣсть, а чтобъ ее пріобрѣсть—я подаю тебѣ такой совѣтъ. Весь свой капиталъ потратишь, дѣтямъ своимъ не оставишь, тогда дѣтей своихъ предашь въ волю Божію. Вотъ тутъ и будетъ твоя вѣра въ Бога. Тутъ важно не то, что ты свои милліоны издержишь на богоугодныя дѣла. Что милліоны? Прахъ, тлѣнъ, соръ. Что такое богоугодныя дѣла? Отъ дѣлъ не оправдится никакая плоть предъ Нимъ. Тутъ именно то важно, что дѣти твои тебѣ милѣе и дороже всего, а ты имъ никакихъ богатствъ не оставишь, и предашь ихъ въ волю Божію. Этимъ ты благодать Божію къ себѣ привлечешь.

Трофимъ Семеновичъ молчалъ, потупивши голову. На лицѣ его изображалось смущеніе.

— Что, богачъ? Видно, жестоко слово сіе!—сказалъ схимникъ.—Видно, ты уподобляешься тому богачу, ему же Христосъ предложилъ, если хочетъ совершенъ быти, раздать всѣ свои имѣнія нищимъ и идти за Христомъ! Не прошло мимо тебя слово Господа, рекшаго: удобѣе верблюду пройти сквозь уши иглиныя, нежели богатому въ царствіе Божіе внити! Пусть же Богъ самъ вразумитъ тебя и наставитъ, а я болѣе не скажу тебѣ ничего. Оставь меня.

Трофимъ Семеновичъ поклонился и вышелъ изъ келіи молча.

Ничего не сказалъ онъ ни женѣ, ни дочери, которыя осматривали монастырскую ризницу въ то время, какъ Трофимъ Семеновичъ посѣщалъ отшельника. Послѣ него мать и падчерица, по совѣту архимандрита, ходили къ схимнику, но обѣ возвратились въ гостинницу, не видавши схимника. Три раза, одинъ вслѣдъ за другимъ, подъ дверьми его келіи госпожа Яшникова произносила обычную молитву: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй

насъ! Не послѣдовало на эту молитву желаннаго: аминь! Прозорливый старецъ не показалъ охоты вступать съ ними въ бесѣды.

Вернулись Яшниковы изъ монастыря на почтовую станцію, а оттуда покатили въ столицу.

Дорогою Трофимъ Семеновичъ былъ грустенъ и молчаливъ. Онъ солгалъ женѣ и дочери, сказавши, будто отшельникъ не принялъ его такъ же, какъ и ихъ, но, углубясь въ себя, размышлялъ о бесѣдѣ со схимникомъ. «Вишь ты»—думалъ онъ:—«раздай другимъ ни за что, ни про что весь свой капиталъ, а самъ останься безъ всего! Хорошо такъ говорить, когда у него въ кельѣ даже постели нѣтъ! А мнѣ какъ это сдѣлать!» И стало Трофиму Семеновичу воображаться: всѣ свои банковые билеты, всѣ свои деньги раздаетъ онъ на благотворительныя учрежденія, продаетъ свой домъ на Невскомъ и вырученныя съ продажи деньги обращаетъ туда же, и поступаетъ такъ, какъ велѣлъ схимникъ; никто не знаетъ, откуда жертвуются такія суммы. И ему за это ровно ничего. Шишъ подъ носъ. Ни ордена, ни монаршаго благоволенія, ни министерской благодарности, ни газетной похвалы! Никто не знаетъ, что онъ свершилъ такой подвигъ. Только дѣти узнаютъ. Какъ имъ не узнать, когда они черезъ этотъ отцовскій подвигъ станутъ бѣдняками? Что тогда они скажутъ? И стало Трофиму Семеновичу ужасно. «Ахъ я дуракъ! Пошелъ спрашивать совѣта у выжившаго изъ ума чернеца!»—говорилъ самъ въ себѣ Трофимъ Семеновичъ»: я человѣкъ общественный, и ужъ коли спрашивать совѣта, такъ спрашивать его у такого, что живетъ самъ съ людьми, а не на кладбищѣ съ мертвецами. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не загладилъ грѣха молодости и невѣжества честною и полезною для общества жизнью въ теченіе многихъ лѣтъ? Развѣ низачто меня и люди одобряли и государь жаловалъ? Что, я былъ развѣ скупъ для неимущихъ? Мало ли я благодѣтельствовалъ и нищимъ и святымъ храмамъ? Архіереи поважнѣе этого схимника, и тѣ меня въ примѣръ благочестія и всякихъ добродѣтелей ставили, а преосвящен-

ный Агаѳодоръ давно уже разрѣшилъ мой тяжкій грѣхъ! Да еще какъ разрѣшилъ: вмѣнилъ мнѣ въ новый грѣхъ, если я стану безпокоиться за свой прежній, имъ разрѣшенный! Помню я, какъ этотъ мудрый архипастырь насчетъ раздачи милостыни говорилъ: слѣдуетъ давать милостыню съ разсужденіемъ, съ толкомъ, и давать ее такъ, чтобъ и себя самого и дѣтей своихъ не разорять. Вотъ истинно мудрое наставленіе! А этотъ чернецъ что говорилъ? Надѣли дармоѣдовъ, а собственныхъ дѣтей пусти по міру. Да почему это бѣдные такъ пріятны Богу, что другіе должны трудиться и собирать состояніе, чтобъ его бѣднымъ раздавать? Гораздо больше благотворитъ тотъ, кто не дастъ никому даромъ ни гроша, а устраиваетъ какое-нибудь дѣло и доставляетъ трудъ бѣднымъ людямъ, и имъ за трудъ платитъ. Хоть онъ и себѣ доставляетъ пользу, но и другимъ даетъ, и даетъ не даромъ, а за трудъ. Это похвальнѣе. И средства бѣднымъ доставляются, и къ лѣности они не пріучаются. Развѣ я не такъ поступалъ? Мало ли народа служитъ у меня и по откупамъ, и по золотымъ пріискамъ? Всѣ получаютъ исправно за свой трудъ жалованье, никто не пожалуется, чтобъ я кому-нибудь не доплатилъ, кого-нибудь обманулъ. Развѣ все это не благотвореніе общественное? Вотъ это-то и есть настоящая благотворительность, а вовсе не глупая раздача денегъ лѣнтяямъ и бродягамъ, какъ насъ учатъ эти монахи! Вишь, что выдумали! Хочешь спастись—говорятъ—раздай нищимъ все свое состояніе; это значитъ: самъ трудись, ни днемъ ни ночью покоя не знай, а что наживешь,—все это раздай такимъ, что сами трудиться не хотятъ, пріобрѣтать не умѣютъ, а охочи на чужой счетъ пожить! А отъ чего нищій сталъ нищимъ? Спросить бы ихъ. Отъ того, что работать не хотѣлъ. Конечно, такъ. Кто трудится и, притомъ, кто одаренъ умомъ, тотъ богатѣетъ, а кто лѣнится и глупъ, тотъ весь вѣкъ остается бѣднякомъ. А у этихъ чернецовъ такое разсужденіе: ты богачъ, у тебя всего много; раздай все тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, а самъ бѣднякомъ стань. Тогда въ рай пойдешь. Богатому, говорятъ они, нельзя войти въ царствіе небесное: такъ самъ Богъ сказалъ. Охъ, видно не совсѣмъ правы тѣ умные и ученые люди, что очень-то вѣрятъ

въ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, какой премудрый Богъ, что такое сказалъ, чтобъ не входить богатому въ царствіе небесное!

И путемъ саморазмышленія Трофимъ Семеновичъ подходилъ опять къ отрицанію Божества.

Воротились Яшниковы въ Петербургъ. Трофимъ Семеновичъ опять погрузился въ свои торговыя и промышленныя спекуляціи. Дѣла его не только не упадали, но становились все лучше. Откупа онъ совсѣмъ покинулъ и ограничивался одною золотопромышленностію, и съ этой цѣлію онъ въ лѣтнее время съѣздилъ въ Сибирь. Два семейныхъ праздника огласили необычною веселостью домъ золотопромышленника, и безъ того всегда людный и шумный. Первый—былъ выходъ замужъ его дочери за князя знатной фамиліи, избравшей Елену Трофимовну какъ ради ея красоты, такъ и ради богатаго приданаго. Второй праздникъ была женитьба сына его, служившаго по дипломатической части. Отецъ достойно своему состоянію надѣлилъ и отдѣлилъ обоихъ дѣтей своихъ.

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды.
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.

И вотъ насталъ роковой сороковой годъ со времени совершенія преступленія, тяготившаго совѣсть Трофима Семеновича. Въ іюнѣ этого года жена Яшникова уѣхала въ свои имѣнія по дѣламъ. Трофимъ Семеновичъ не поѣхалъ съ нею, отозвавшись, что важныя дѣла требуютъ его присутствія въ столицѣ.

Проводивши жену, Трофимъ Семеновичъ проживалъ на собственной дачѣ, близь Царскаго Села, и часто по дѣламъ ѣзжалъ въ городъ. Состояніе духа его дѣлалось день ото дня тревожнѣе. Преступленіе совершено было 13 августа, и Яшниковъ ждалъ сороковаго изъ прожитыхъ имъ съ тѣхъ поръ августовъ съ такимъ же ужасомъ, какъ Громобой появленія Асмодея. Трофиму Семе-

новичу представлялись разные виды Божеской кары, долженствующей его постигнуть ровно черезъ сорокъ лѣтъ: то думалъ онъ, что на него нашлется смертная болѣзнь, и онъ пробовалъ узнать: нѣтъ-ли признаковъ начинающейся водянки, или рака и т. п. То приходила ему мысль, что онъ умретъ отъ внезапнаго апоплексическаго удара, и онъ спрашивилъ врачей, не предрасположенъ ли онъ къ апоплексіи? То воображалось ему, что онъ погибнетъ отъ неожиданнаго случая: загорится домъ, и онъ не успѣетъ изъ него выскочить, либо обвалится сводъ зданія, гдѣ онъ будетъ находиться, и убьетъ его. Иногда золотопромышленникъ опасался тайныхъ враговъ и завистниковъ: они затѣютъ извести его и подкупятъ слугъ, или какимъ нибудь способомъ найдутъ возможность отравить его. Все навязчивѣе становились пугающіе его признаки. Въ началѣ августа онъ пригласилъ къ себѣ на дачу сына, жившаго отъ родителя отдѣльно, въ подаренномъ ему отцомъ домѣ.

— Александръ,--сказалъ ему отецъ:—хочу поговорить съ тобою объ очень важной матеріи. Ты у меня ученъ и ученъ, а мы, грѣшные, учились на мѣдныя деньги и то не доучились.

— Слушаю, батюшка!—отвѣчалъ сынъ.

— Я, мой другъ,—сказалъ старикъ:—всегда былъ откровененъ съ своимъ семействомъ, а съ тобой болѣе всего. Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня знаешь, не произошло со мною ничего сколько нибудь важнаго, о чемъ бы ты не узналъ отъ меня самого. Но ты не знаешь кое-чего такого, что со мною происходило въ то время, когда тебя на свѣтѣ не было. А было со мною такое, чего я до сихъ поръ ни тебѣ, ни кому другому не открывалъ; не потому, чтобъ я не довѣрялъ своей семьѣ, но видишь ли: бываетъ, у человѣка останется изъ прошлаго на душѣ такое, что ему самому вспоминать непріятно; хотѣлось бы, чтобъ этого не было въ жизни; да ничего не подѣлаешь, когда знаешь, что оно было!

— Я думаю, батюшка,—сказалъ Александръ Трофимовичъ:— нѣтъ на свѣтѣ человѣка, у котораго на душѣ не оставалось бы непріятныхъ воспоминаній. Если не ошибаюсь, мнѣ кажется, тебя тревожитъ воспоминаніе о чемъ нибудь такомъ, что легло

бременемъ на твою совѣсть, воспоминаніе о какомъ-нибудь событіи въ твоей жизни, когда ты поступилъ не такъ, какъ бы хотѣлъ послѣ поступить, и желалъ бы ты, когда бы этого событія не случалось съ тобою. Не такъ ли, дорогой батюшка?

— Истинно такъ, Александръ!—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.—Ты угадалъ. Ну, ты знаешь меня, своего родителя; скажи способенъ ли я нанести оскорбленіе моему ближнему.

— Ты, батюшка, выражаешься немного по церковному,—сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Слово «ближній» употребляется часто, но не всегда въ одинаковомъ смыслѣ. Послушаешь какого нибудь монаха, такъ изъ его рѣчей выйдетъ такой смыслъ, что ближній намъ тотъ, кто молится съ нами одинаково написанным иконамъ. А если принимать, что намъ ближній тотъ, съ кѣмъ мы постоянно въ сношеніи, такъ выйдетъ, что мой ближній будетъ мой сетеръ. Ты, батюшка, вѣрно хотѣлъ спросить: считаю-ли я тебя способнымъ оскорбить человѣка? На это я тебѣ скажу: еще тотъ не родился на свѣтъ, чтобы могъ угодить всѣмъ. Всегда найдутся такіе, что будутъ недовольны твоими поступками и сыщутъ поводъ жаловаться, что ты ихъ оскорбилъ. Не мудрено, что и противъ тебя найдутся такіе, что скажутъ, будто ты оскорбилъ ихъ. Но я думаю, что мой родитель не способенъ умышленно сдѣлать кому-нибудь зло.

— И мнѣ, мой другъ, кажется,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—что съ тѣхъ поръ,какъ я посвятилъ себя торговой дѣятельности, я не сдѣлалъ ни одного поступка, въ которомъ бы совѣсть упрекала меня. Но было время, когда я былъ молодъ, неопытенъ и такъ бѣденъ, что не имѣлъ дневнаго пропитанія. При своей крайней бѣдности, я находился въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, не въ состояніи былъ отличить, что хорошо, что худо, и самъ, ничего не зная, долженъ былъ во всемъ слушаться чужихъ совѣтовъ. Въ это-то время, Александръ, былъ случай, когда я нанесъ оскорбленіе человѣку, не желавшему мнѣ ни дурного, ни хорошаго. Я не могъ исправить нанесеннаго оскорбленія, потому что оскорбленный сошелъ въ могилу.

— Это со многими бываетъ,—сказалъ сынъ.—Но что было, то, говорятъ, былью поросло. Что прошло, то не вернется!

Въ томъ то и бѣда, что не вернется,—вздохнувши произнесъ Трофимъ Семеновичъ.—Та и бѣда человѣка вообще, что дурного дѣла поправить нельзя!

— Однако, батюшка, у тебя желаніе было его поправить!—сказалъ сынъ.—Это я вижу изъ твоихъ же словъ.—Развѣ ты виноватъ, что оскорбленный тобою сошелъ въ могилу!

— А если виноватъ?—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.

Сынъ смутился и поблѣднѣлъ. Отецъ, замѣтивши это, продолжалъ:

— Сегодня не стану разсказывать, какъ это случилось. Послѣ, когда-нибудь, все разскажу. Теперь мнѣ тяжело припоминать подробности.

— Я и не требую,—сказалъ сынъ.—Я понимаю суть дѣла. Нанесенное тобою оскорбленіе свело оскорбленнаго въ могилу. Не такъ-ли?

— Да, оно такъ!—отвѣтилъ задумчиво отецъ.—Но уволь меня, Александръ, отъ разсказа. Послѣ все тебѣ разскажу подробно. Теперь же скажу тебѣ, что оно меня сорокъ лѣтъ безпокоило и до сихъ поръ безпокоитъ. Тревожимый совѣстью, я ходилъ въ полночь на могилу оскорбленнаго и тамъ молился о прощеніи своего грѣха. Тогда изъ могилы послышался голосъ: «Господи! Накажи того, кто меня... кто меня оскорбилъ и привелъ къ смерти!» На эти слова въ отвѣтъ услышалъ я дрогнувшій голосъ неизвѣстно откуда; онъ произнесъ: «накажу черезъ сорокъ лѣтъ!» Я ожидаю кары отъ Бога. Въ ночь на 13 августа текущаго года исполнится сорокалѣтній срокъ. Вотъ, Александръ, что меня томитъ и мучитъ!

— Тебѣ представилось — не болѣе, — сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Ты былъ тогда взволнованъ, находился въ неестественномъ положеніи, въ забытьи, въ дремотѣ, въ полуснѣ; вотъ и привидѣлось тебѣ такое, чего быть не можетъ. Голоса, которые ты слышалъ, выходили не изъ могилы, не съ неба, а

изъ твоего собственнаго воображенія: ихъ создали твои возбужденные и разстроенные нервы!

— Такъ и мнѣ часто казалось,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—а иногда мнѣ думалось, что то былъ Божій гласъ, и Богъ опредѣлилъ меня покарать черезъ сорокъ лѣтъ. Александръ! ты человѣкъ умный и ученый: вѣришь ли ты въ Бога?

— Конечно, нѣтъ!—сказалъ Александръ Трофимовичъ,—въ нашъ вѣкъ сколько нибудь образованный человѣкъ развѣ можетъ вѣрить въ Бога?

— Отчего-же люди вѣрятъ?—спрашивалъ Трофимъ Семеновичъ:—видишь вездѣ церкви поставлены, устраиваются храмы Божіи. Люди сходятся Богу молиться. Не все же только дураки туда ходятъ. Бываютъ тамъ и умные. Отчего же они вѣрятъ?

— Оттого, что еще не додумались,—отвѣчалъ на это Александръ Трофимовичъ:—тѣ, что уже додумались, въ церковь не ходятъ и Богу не молятся.—Ты хорошо понимаешь, что значитъ отвлеченное понятіе?

— Это... это... понимаю,—говорилъ старикъ...

— Неясно, батюшка, понимаешь,—сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Я тебѣ объясню. Вотъ, напримѣръ, видишь ты: человѣкъ сердится, потомъ въ иномъ дѣлѣ видишь: другой человѣкъ сердится. Ты замѣчаешь, что тотъ и другой чѣмъ-то похожи между собою, когда сердятся. Вотъ ты, чѣмъ они походятъ другъ на друга, когда сердятся,—ты называешь: гнѣвъ. Это и есть отвлеченное понятіе. Видишь ты, что мужъ съ женою согласно живутъ: одно другому во всемъ угождаетъ, одно для другого ничего не жалѣетъ, и въ другомъ мѣстѣ видишь, что мужъ съ женою такъ-же живутъ, замѣчаешь сходство между тѣми и другими и то, что одни на другихъ походятъ, называешь—любовь. И это отвлеченное понятіе. Пока люди своимъ размышленіемъ не доискались, какъ у нихъ складываются отвлеченныя понятія, люди воображали себѣ, что эти понятія гдѣ-то существуютъ отдѣльно отъ человѣческой головы и съ ними можно говорить, какъ съ живыми людьми. Вѣрили, напримѣръ, что гнѣвъ и любовь гдѣ-то существуютъ не въ человѣкѣ, а особо; замѣчали, что люди дѣлаютъ

людямъ добро и зло, и вообразили, что гдѣ-то есть существо, называемое добро, и есть другое существо, называемое зло. Но мало того, что человѣкъ изъ своихъ отвлеченныхъ понятій выдумалъ себѣ существа небывалыя на свѣтѣ; онъ еще вообразилъ, что эти существа, хоть имѣютъ человѣческія свойства, но выше и сильнѣе человѣка и назвалъ ихъ божествами или богами. Встарину признавалось много боговъ; на каждое явленіе человѣческой жизни было свое божество: были божества любви, гнѣва, драки, мира, торговли, плутовства, пьянства,—и какихъ-то боговъ не было! Дѣтское воображеніе надѣлало у этихъ боговъ сыновей, дочерей, внуковъ. Воображали себѣ люди, что небеса населены такими богами и богинями, и эти боги и богини, хоть въ коймемъ похожи на человѣка, но никогда не умираютъ. Когда же люди поумнѣли, то уразумѣли, что это совсѣмъ не боги и не живутъ на небесахъ, а есть только наши отвлеченныя понятія, создались въ нашихъ головахъ и безъ нихъ отдѣльно ни на небѣ, ни на землѣ, нигдѣ не существуютъ. Однако не могъ скоро человѣкъ освободиться отъ того, что у него вошло въ привычку. Пересталъ вѣрить человѣкъ въ прежнихъ боговъ, а съ единымъ Богомъ не могъ разстаться. Вообразили себѣ люди, что есть единый Богъ, всесовершенный, преблагій, премудрый; устроили ему храмы, установили обряды служенія ему и думаютъ, что этотъ Богъ человѣка слушаетъ, когда человѣкъ къ нему заговоритъ, что этотъ Богъ можетъ человѣка надѣлить счастьемъ или покарать его, если человѣкъ Богу не угодитъ. Такъ думаютъ и такъ вѣрятъ до сихъ поръ всѣ люди, мало думавшіе и мало образованные. Напротивъ, люди, вполнѣ умные и просвѣщенные науками, Богу не молятся и въ Бога не вѣрятъ, оттого, что понимаютъ, что и этотъ Богъ такой же, какъ тѣ боги, что имъ прежде когда-то люди вѣрили и молились: и нашъ Богъ, которому строятъ церкви и служатъ обѣдни, тоже не что иное, какъ наше собственное отвлеченнное понятіе о всемогуществѣ и добрѣ, а не какое-то высшее, живое и мыслящее существо. Умные люди вѣруютъ только въ могущество человѣческаго разума: этотъ разумъ создалъ Бога; онъ же его и уничтожаетъ, додумавшись, что Богъ не су-

щество какое-нибудь, а собственное человѣческое отвлеченное понятіе.

— Стало быть,—сказалъ отецъ:—и страшнаго суда послѣ нашей смерти не будетъ?

— Послѣ насъ,—сказалъ сынъ,—будетъ надъ нами судъ совершенъ тѣми людьми, что послѣ нашей смерти будутъ на свѣтѣ жить. Родъ человѣческій не прекращается; вымираетъ одно поколѣніе, живетъ послѣ него другое, и это въ свою очередь отживетъ, умретъ, наступитъ третье, а за третьимъ четвертое и такъ далѣе. Новое поколѣніе пріобрѣтаетъ жизнью смысла и свѣдѣній болѣе стараго, и потому новое поколѣніе совершаетъ судъ надъ старымъ, оцѣниваетъ: что хорошаго и что дурного сдѣлало старое поколѣніе. Вотъ тебѣ и страшный судъ, батюшка! А чтобы каждый изъ насъ послѣ своей смерти жилъ гдѣ-то и подвергался суду отъ какого-то Господа Бога, такъ наука не представляетъ для этого никакихъ доводовъ, и вѣра въ безсмертіе души есть такое же суевѣріе, какъ и вѣрованія въ мертвецовъ, выползающихъ изъ могилъ и бродящихъ въ ночной темнотѣ по міру, какъ воображаетъ себѣ чернь.

— По твоему,—замѣтилъ отецъ:—душа наша умираетъ съ нашимъ тѣломъ.

— Вотъ, батюшка—объяснилъ ему сынъ—горящая свѣча, догоритъ свѣча, потухнетъ огонь; нѣтъ болѣе свѣчи, нѣтъ и огня. Видалъ ли ты, батюшка, огонь безъ свѣчи или безъ того, что горитъ? Никто не видалъ. Вотъ такъ никто не видалъ души безъ тѣла. Что такое душа? Способность человѣка думать, чувствовать, желать, говорить. Когда говорится, что у человѣка душа есть, это значитъ, что у человѣка такія способности есть. Но у человѣка есть еще жизненныя способности: ѣсть, пить, спать, ходить, сидѣть. Умретъ челевѣкъ—не будетъ онъ ѣсть, пить, спать, ходить, сидѣть оттого, что не станетъ уже того, что прежде ѣло, пило, спало, ходило, сидѣло. Точно также умретъ человѣкъ—не будетъ онъ думать, чувствовать, желать, говорить, потому что не станетъ того, что прежде думало, чувствовало, желало, говорило. Не можетъ

быть живого человѣка безъ души, не можетъ быть и душа безъ живого тѣла.

— Вотъ—сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—какъ ты начнешь мнѣ объяснять, такъ мнѣ кажется правдою все, что ты говоришь. А пройдетъ немного времени, опять меня страхъ забираетъ: опять боюсь суда Божія и кары, и самъ не знаю, какъ отъ себя этотъ страхъ отогнать.

— Понятно,—сказалъ Александръ: — ты, батюшка, очень умный человѣкъ отъ природы, да не учился и съ ребячества набрался разныхъ предразсудковъ. Извѣстно, что съ дѣтскихъ лѣтъ усвоишь, съ тѣмъ нелегко разстаться въ старости. Оттого такъ важно воспитаніе дѣтей.

Наступило двѣнадцатое августа. Трофимъ Семеновичъ проснулся такъ рано, что еще не всходило солнце, и вышелъ въ свой садъ. Лучи утренней зари играли жемчугомъ и брилліантами на капляхъ росы, набѣгавшей на цвѣты. Глянулъ Трофимъ Семеновичъ на востокъ и вспомнилась ему слышанная въ театрѣ арія изъ «Жизни за Царя», гдѣ Сусанинъ прощается съ своею послѣднею зарею. «И моя послѣдняя заря, быть можетъ, теперь свѣтитъ; много разъ будетъ она свѣтить, да ужъ не мнѣ, много разъ будетъ восходить солнце, а меня ужъ не освѣтитъ и не согрѣетъ!» Невольно безпокоила его мысль, что въ слѣдующую ночь, когда исполнится сорокалѣтній срокъ, съ нимъ послѣдуетъ конецъ; правда, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго предвѣстія болѣзни, но припоминалъ себѣ много случаевъ, когда конецъ постигалъ человѣка такъ неожиданно, что за какой-нибудь часъ предъ концомъ человѣкъ не былъ въ состояніи предвидѣть, что съ нимъ случится. Жизнь стала особенно мила Трофиму Семеновичу, и все достояніе его возвысило свою цѣнность въ его помышленіи, когда его тревожила мысль, что не пройдетъ сутокъ, какъ ему, быть можетъ, придется со всѣмъ разстаться.

Въ этотъ день сынъ Яшникова обѣдалъ съ отцомъ, а послѣ обѣда, вечеромъ, сказалъ отцу:

— Поѣдемъ къ Марушкинымъ. Проведемъ тамъ этотъ вечеръ. У нихъ сегодня большое общество; и сестра съ зятемъ тамъ будутъ. Я, батюшка, не отойду отъ тебя до завтрашняго утра.

Марушкины были богатые помѣщики, проживавшіе на собственной дачѣ въ Царскомъ Селѣ, пріятельски знакомые съ Яшниковыми.

Заложили коляску. Отецъ и сынъ Яшниковы сѣли въ коляску и покатили въ Царское Село. Небо закрывалось тучами, на югѣ, сквозь тучи, мелькнула молнія, раздались раскаты грома. Когда коляска въѣзжала во дворъ Марушкиныхъ, громъ слышался сильнѣе. Невольно въ головѣ Трофима Семеновича промелькнула мысль: меня здѣсь убьетъ громъ!

Когда усѣлись за чайнымъ столомъ, Трофимъ Семеновичъ противъ себя увидѣлъ фигуру, какъ двѣ капли воды напоминавшую ему лицо Придыбалки. Фигура смотрѣла на него, и Трофимъ Семеновичъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Кто это сидитъ противъ насъ?—спросилъ онъ сына.

— Не знаю,—отвѣчалъ Александръ Трофимовичъ:—я его въ первый разъ вижу. Спрошу у хозяина

Фигура не сводила глазъ съ Трофима Семеновича. Старикъ безпрестанно опускалъ голову внизъ, но какъ только приподнималъ ее, глаза его невольно встрѣчались съ лицомъ, которое какъ будто уставилось прямо противъ него, съ испытующимъ взглядомъ.

Улучивши удобную минуту, Александръ Трофимовичъ всталъ, поговорилъ шепотомъ съ хозяиномъ дачи и воротившись къ отцу, сказалъ:

— Это какой-то иностранецъ, называетъ себя голландцемъ. Онъ садовникъ на сосѣдней дачѣ. Здѣсь онъ въ первый разъ, и по русски почти не знаетъ.

— Какое странное сходство!—сказалъ отецъ: да еще и садовникъ! Онъ напомнилъ мнѣ человѣка, котораго я зналъ въ молодости: и тотъ былъ также садовникъ..

— Сходства бываютъ поразительныя!—сказалъ Александръ Трофимовичъ.

Гроза разыгрывалась. Въ окна дачнаго дома заглядывали ярко-синія полосы молніи. Удары грома сыпались за ударами. Дождь хлесталъ по крышѣ дачнаго дома и по оконнымъ стекламъ. Трофиму Семеновичу лѣзло въ голову: вотъ грянетъ громъ и убьетъ меня!

Громъ, однако, не убилъ Трофима Семеновича. Чай отпили. Гости расходились по комнатамъ. Гроза стала утихать. Но старикъ Яшниковъ былъ до того потрясенъ, что едва держался на ногахъ и не отходилъ отъ сына. Кто только съ нимъ ни заговаривалъ, всякъ дивился: что съ нимъ дѣлается. Глядитъ дико; слова путаются у него на языкѣ. Въ полночь Трофимъ Семеновичъ хотѣлъ уѣхать, но Александръ Трофимовичъ убѣдилъ его подождать ужина.

За ужиномъ Трофимъ Семеновичъ искалъ глазами фигуру, испугавшую его, но въ ряду сидѣвшихъ за столомъ, ея не было.

— Гдѣ тотъ господинъ, что за чаемъ сидѣлъ противъ насъ?— спросилъ онъ сына.

— Онъ ушелъ тотчасъ послѣ чая,—отвѣчалъ сынъ.—Я видѣлъ, какъ онъ взялъ свою шляпу и проскользнулъ, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Присутствіе лица, похожаго на Придыбалку, перестало тревожить Трофима Семеновича, но онъ чувствовалъ себя какъ бы выбившимся изъ колеи и не могъ самъ себѣ объяснить, что съ нимъ происходило.

Послѣ ужина гости стали разъѣзжаться. Отецъ и сынъ Яшниковы возвращались къ себѣ на дачу. Александръ Трофимовичъ спросилъ отца:

— Отчего ты, батюшка, такъ взволновался, увидѣвши этого господина?

— Онъ—отвѣчалъ отецъ:—какъ двѣ капли воды похожъ на одного моего знакомаго, который сорокъ лѣтъ тому назадъ о Богѣ и судѣ Божіемъ говорилъ такія рѣчи, какія слыхалъ я отъ тебя.

— Этотъ человѣкъ былъ русскій или иностранецъ?—спросилъ сынъ.

— Кто его знаетъ!—отвѣчалъ отецъ.—Мнѣ онъ казался не русскимъ, и людямъ нашей слободы также. Онъ былъ садовникомъ у владѣльца.

— Не дуракъ онъ былъ, какъ я вижу!—сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Въ то время и въ такой глуши! Однако, если онъ произносилъ такія рѣчи передъ вашими хохлами, они вѣрно сочли его воплощеннымъ дьяволомъ.

— Ты угадалъ, Александръ, — сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—именно такъ было.

— Не трудно угадать!—сказалъ Александръ Трофимовичъ:—такъ всегда бывало и бываетъ съ тѣми, кто дерзнетъ невѣжественной толпѣ открывать истины и разбивать суевѣрія, которыми утѣшаютъ себя темные люди, наталкиваясь на необъяснимые для нихъ вопросы.

Пріѣхали на дачу. Разсвѣло.

— Прошла зловѣщая ночь!—сказалъ Александръ Трофимовичъ:—кончился сорокалѣтній срокъ, такъ долго тревожившій воображеніе моего дражайшаго родителя.

— Ахъ, Александръ, Александръ!—сказалъ старикъ:—теперь только я вижу, что напрасно тревожилъ себя цѣлыхъ сорокъ лѣтъ! Все отъ того, что напугали меня, что я, какъ мнѣ казалось, слышалъ въ лѣсу. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что это мнѣ только представлялось. Ты, Александръ, сущую правду говорилъ: все, что люди разсказываютъ, будто мы послѣ нашей смерти будемъ жить и отдавать Богу отчетъ за наши грѣхи—все это выдумка, вздоръ, брехня, какъ говорятъ наши малороссіяне.

— Жаль,—замѣтилъ Александръ Трофимовичъ:—что человѣчество столько вѣковъ не могло освободиться отъ этой брехни и теперь еще не освободилось!

Тутъ обрывается наша легенда. Сорокъ лѣтъ прожилъ преступникъ въ полномъ довольствѣ и благополучіи, и только временами тревожило его опасеніе кары, которая должна была постигнуть его въ срокъ, указанный въ видѣніи. Дожилъ онъ наконецъ и до его срока, а кара не пришла. Не зналъ онъ и не уразумѣлъ, что началомъ обѣщанной кары—было его многолѣтнее земное благополучіе, а ея завершеніемъ—потеря Бога. Не понялъ этого и архіерей, отпустившій ему грѣхъ за построенную имъ церковь. Понялъ это одинъ схимникъ, обитавшій на землѣ единымъ тѣломъ, но голосъ его не былъ голосомъ земной мудрости. Эта же мудрость земная, говорящая разсудку, а не сердцу, внушающая увѣренность, но не вѣру, не могла дать Трофиму Семеновичу иного утѣшенія, кромѣ того, что преподалъ ему Александръ Трофимовичъ. Неудивительно, что грубая проповѣдь современнаго намъ атеизма переворотила, такъ сказать, вверхъ дномъ все нравственное существо стараго разжившагося мужика, умственно совершенно неразвитаго, когда подобныя проповѣди въ наше время сбивали съ толку людей, подготовленныхъ воспитаніемъ къ болѣе правильному міровоззрѣнію. Матеріализмъ привлекаетъ къ себѣ людей небогатой духовной натуры своею легкостію и доступностію для каждаго умника разсудочныхъ доводовъ, годныхъ въ предметахъ житейскаго обихода, но вовсе неприложимыхъ къ высокимъ вопросамъ о божествѣ, о духѣ, о безсмертіи. Сынъ заглушилъ въ сердцѣ родителя послѣдніе остатки того дѣтскаго страха, который священное писаніе называетъ началомъ премудрости. Трофимъ Семеновичъ разлучился съ Богомъ, и какъ свободно, какъ привольно ему тогда показалось! Не опасался онъ уже ни суда Божія, ни кары за свое злодѣяніе; онъ мгновенно какъ бы забылъ про страшное дѣло, имъ когда-то совершенное въ лѣсу надъ оврагомъ, какъ будто онъ объ этомъ дѣлѣ слыхалъ или читалъ когда-то уже давно. Прежде онъ не чуждался благотворительности: нищимъ раздавалъ милостыню, бѣднымъ помогалъ, въ благотворительныя заведенія дѣлалъ пожертвованія; теперь все это было оставлено, не было побужденій къ хлопотамъ и издержкамъ; и въ церковь никогда Трофимъ Семеновичъ не заглядывалъ,

не нужно было подкупать, ни умаливать какого-то Бога, въ чаяніи снисхожденія къ своимъ грѣхамъ. Ѣда и питье во всѣхъ видахъ и обстановкахъ; роскошные обѣды и ужины, повара искуснѣйшіе, вина лучшаго достоинства, сервировка изящнѣйшая, при столѣ своя музыка! Жилъ Трофимъ Семеновичъ во все свое удовольствіе. Но не очень долго прожилъ онъ послѣ окончанія сорокалѣтняго срока: однажды послѣ веселаго ужина отправился онъ по обыкновенію спать и утромъ уже не проснулся. Кончина внезапная и, конечно, легкая! Его богатый гробъ повезли на кладбище Александроневской лавры; за гробомъ слѣдовала толпа дармоѣдовъ, посѣщавшихъ прежде обѣды и ужины покойника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово, въ которомъ высоко превознесъ добродѣтель усопшаго. Проповѣднику вѣрили, да и самъ онъ былъ убѣжденъ, что говоритъ правду. Никто не имѣлъ причины сомнѣваться. О преступленіи, совершенномъ Трофимомъ Семеновичемъ въ юные годы, никто не зналъ, и до сихъ поръ не знаетъ о немъ никто, кромѣ насъ съ вами, благосклонные читатели.

Н. Костомаровъ.

Написано по-малорусски въ 1840 г.
Переведено по-русски въ 1876 г

Найдутся, быть можетъ, читатели, которые не зададутъ себѣ труда вникнуть въ глубину мысли, лежащей въ основаніи этой легенды. Ихъ, быть можетъ, непріятно поразитъ то, что выведенный въ этой легендѣ злодѣй не только не испытываетъ никакой ощутительной кары за свое преступленіе, но во всю жизнь пользуется земнымъ благополучіемъ и вмѣсто кары, которая, по собственному его ожиданію, должна придти на него въ сорокалѣтній срокъ, окончательно успокаивается, достигши полнаго отрицанія вѣры въ Божество и въ будущую жизнь. Не есть ли, скажутъ, это проповѣдь безвѣрія, матеріализма, не есть ли это оправданіе крайней разнузданности порока, не ждущаго отъ высочайшаго міроправящаго Разума себѣ достойнаго возмездія? Тѣхъ,

которые бы искусились такъ взглянуть на этотъ разсказъ, мы просимъ о слѣдующемъ.

Во первыхъ—обратить вниманіе на мысль, высказанную схимникомъ, что земное благополучіе можетъ посылаться и въ наказаніе грѣшнику, когда у него нѣтъ побужденія къ истинному покаянію и исправленію, и что видимое отсутствіе кары на землѣ можетъ быть признакомъ, что грѣшнику уготована вѣчная кара по кончинѣ земного бытія.

Во вторыхъ: выведенный въ нашей легендѣ грѣшникъ не остается безъ кары, но то кара предуготовительная для дальнѣйшей кары, ожидающей его въ будущей жизни, кара духовная, и потому съ перваго раза неуловимая. Герой легенды въ молодости искушается дьявольскою (по народному разсказу—Придыбалка есть бѣсъ въ человѣческомъ образѣ) проповѣдью отрицанія, выраженною довольно грубо и цинично, сообразно тому кругу, въ которомъ происходятъ событія. Черезъ сорокъ лѣтъ, когда должно было его постигнуть обѣщанное въ видѣніи Божіе наказаніе, внушается ему другая проповѣдь отрицанія—вульгаризованное ученіе Фейербаха и Бюхнера; она окончательно наноситъ ему духовную гибель. До тѣхъ поръ сорокъ лѣтъ сряду боялся онъ кары, и этотъ страхъ тянулъ его къ покаянію, но грѣшникъ не послушалъ внушеній таинственнаго голоса этого страха—не принесъ истиннаго покаянія и оттого не избѣжалъ въ сорокалѣтній срокъ обѣщанной кары. Въ этотъ именно моментъ онъ дошелъ до полнаго отрицанія, послѣ котораго не оставалось уже ни страха, ни возможности покаянія. Въ этомъ-то состояла окончательная кара, постигшая его на землѣ: тяжелѣе такой кары не могло быть, потому что за нею слѣдуетъ неизбѣжно уже кара вѣчная.

Мысль, господствующая въ этой легендѣ, совершенно сообразна съ священнымъ писаніемъ, въ которомъ не разъ указывается, что если мы не видимъ грѣшнику наказанія на землѣ, то это должно насъ располагать къ смиренному сознанію нашего ничтожества, препятствующаго намъ видѣть пути Божіи. Малороссійскій народъ усвоилъ себѣ такой взглядъ, что показываетъ какъ настоящій разсказъ, сохраненный нами въ основныхъ чер-

тахъ сообразно народной редакціи, такъ и многія народныя легенды съ такимъ же смысломъ, какъ напримѣръ, разсказъ о томъ, что Христосъ, путешествуя съ апостоломъ Петромъ по землѣ, богачу, не принявшему ихъ въ домъ, посылаетъ бочку золота, а у бѣдной вдовы, угостившей ихъ молокомъ въ своей убогой хаткѣ, приказываетъ волку съѣсть ея единственную корову, и все это потому, что бѣдной вдовѣ въ будущей жизни уготовано вѣчное блаженство, а скупому и злому богачу—вѣчное отверженіе.

Прим. автора.

Въ № 4-мъ «Кіевской Старины» редакція, помѣстивъ замѣтку г. В. Б—ма объ этой легендѣ въ обработкѣ Н. И. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого, сдѣлала отъ себя примѣчаніе, что, желая облегчить читателямъ возможность сравненія того, какъ различно представляется двумъ авторамъ психологія преступника, избѣгнувшаго ожидаемаго наказанія, она рѣшаетъ напечатать какъ разсказъ Н. И. Костомарова не въ сокращеніи Л. Н. Толстого, а въ полномъ видѣ, такъ и прибавленную къ нему нашимъ маститымъ беллетристомъ послѣднюю главу. Глава эта (14-я въ разсказѣ гр. Л. Н. Толстого) связывается съ предыдущимъ изложеніемъ тѣмъ, что, на замѣчаніе сына Трофима Семеновича: «Жаль, что человѣчество столько вѣковъ не могло освободиться отъ этой брехни и теперь еще не освободилось» (см. стр. 382),—старикъ отвѣчаетъ: «Но я освободился». И, дѣйствительно, онъ освободился отъ всякаго страха. Послѣ этихъ словъ и помѣщена заключительная глава гр. Л. Н. Толстого, которую мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

Ред.

Въ эту-же первую ночь, съ 12-го на 13-е августа, когда онъ, послѣ разговора съ сыномъ, легъ одинъ спать въ своей комнатѣ, началось его наказаніе. Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказанья! Какъ хорошо! Какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасно мучалъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ. Борьба за существованіе—вотъ законъ. И другого нѣтъ. И мнѣ

Богъ далъ быть побѣдителемъ! Богъ далъ?—все остается эта глупая привычка. Не Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ—вотъ и хорошо. И всякій борись, а кто поборолъ, пользуйся своей побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь. Хорошо мнѣ было жить, только воспоминаніе отравляло. Я понимаю, что имъ завидно. (Онъ воспомнилъ слова схимника). Имъ завидно, каждому хочется, а хочется, такъ борись. Самъ борись, а не жди, чтобъ тебѣ дали.

Вотъ и Александръ. Онъ вспомнилъ, какъ Александръ на дняхъ говорилъ ему, что положенныхъ ему 20 т. въ годъ мало. Онъ просилъ прибавить еще 10 т., и, когда я отказалъ, онъ былъ недоволенъ. Положимъ, онъ разсчитываетъ имѣть все, когда я умру, и, вдругъ, Трофиму Семеновичу ясно пришло въ голову, что сынъ долженъ желать его смерти. Борись, чтобъ быть побѣдителемъ. Я боролся, убилъ купца, ихъ смерть мнѣ была нужна, и я взялъ ихъ жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна? Онъ остановился и привсталъ на постели. Чья смерть? Моя! Да, я ему стою на дорогѣ. Сколько-бы я не давалъ ему, ему лучше, чтобъ я умеръ, и онъ-бы былъ хозяинъ. И Трофимъ Семеновичъ сталъ вспоминать взгляды и слова сына и во всемъ онъ видѣлъ то, что сынъ желаетъ его смерти. И не можетъ не желать. А если желаетъ, и онъ образованный человѣкъ, безъ суевѣрій, такъ онъ долженъ убить меня. Положимъ, онъ не захочетъ погубить себя. Но есть ядъ. И, вдругъ, ему вспомнился разговоръ сына о старинныхъ ядахъ такихъ, которые убиваютъ такъ, что слѣдовъ нельзя найти. А если у него будетъ этотъ ядъ, то какъ-же онъ не дастъ мнѣ? Онъ долженъ дать. Онъ говорилъ уже, что я запускаю дѣла, онъ говорилъ, что можно сдѣлать больше. Да, стаканъ чаю—и готово. Подкупить людей, повара. Они всѣ продажны. Онъ сталъ вспоминать своего камердинера—щеголя. Этому дай 1000 рублей—и готово, а повару тоже. Трофимъ взволновался, думая это, и чтобъ успокоиться, хотѣлъ выпить стаканъ сахарной воды, стоявшій на столикѣ у его кровати. Онъ взялъ въ руку стаканъ, на днѣ было бѣлое. Кто знаетъ, что это? Нѣтъ, не обманетъ, сказалъ онъ и вылилъ воду и пошелъ къ

рукомойнику, и выпилъ воды оттуда. Да, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Бороться, такъ не зѣвать. Буду осторожнѣе. Буду пить и ѣсть то, что будетъ ѣсть жена. Да и она тоже. Она знаетъ, что ей пойдетъ 7-я часть. А ея бѣдные родные давно требуютъ отъ нея. Да, война—такъ война. Надо такъ поставить себя, чтобъ имъ не было выгоды въ моей смерти. Надо написать завѣщаніе такое, которое-бы лишило ихъ всего, чтобъ смерть моя была невыгодна имъ. Да, завтра сдѣлаю это и объявлю имъ.

Онъ хотѣлъ заснуть, но мысли не давали ему спать. Онъ сталъ сочинять завѣщаніе. Надѣлъ халатъ и туфли, подошелъ къ столу и сталъ писать начерно завѣщаніе, въ которомъ онъ отдавалъ все состояніе на богоугодныя заведенія. Окончивъ это, онъ хотѣлъ лечь; но тутъ пришла ему мысль о лакеѣ, о дворникѣ. Онъ самъ переносился въ душу лакея и говорилъ себѣ—что если бы я былъ бѣдный лакей съ 15 р. жалованья въ мѣсяцъ и за 5 комнатъ отъ меня спалъ бы богачъ съ деньгами, и я бы твердо зналъ, какъ я знаю теперь, что нѣтъ Бога, нѣтъ и суда,—что бы я сдѣлалъ? Я сдѣлалъ бы то, что я сдѣлалъ съ купцомъ. И на Трофима Семеновича нашелъ страхъ. Онъ опять всталъ и сталъ запирать свою дверь, но задвижка не держала, и онъ задвинулъ дверь кресломъ, привязалъ его полотенцемъ къ ручкѣ, и на кресло поставилъ кресло, чтобъ оно загремѣло. Только тогда онъ затушилъ свѣчу и легъ спать. Заснулъ онъ утромъ и проспалъ такъ поздно, что жена обезпокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали, загремѣли. Трофимъ Семеновичъ вскочилъ испуганный, блѣдный. Кто? что? Караулъ!—даже закричалъ. Онъ долго не могъ опамятоваться. Ему при пробужденіи показалось, что его пришли убивать. Когда онъ опомнился, то сказалъ, что онъ изъ осторожности загородилъ и постарался скрыть свой страхъ; но сколько онъ ни старался скрывать, съ этого дня и домашніе и прислуга стали замѣчать въ немъ большую перемѣну.

Прежде онъ бывалъ веселъ, бывалъ и сердитъ, бывалъ и добръ, бывалъ и унылъ, когда думалъ о своемъ грѣхѣ. Прежде онъ однихъ людей не любилъ, другихъ любилъ, особенно дѣтей—внуковъ. Теперь-же онъ всегда былъ одинаковъ, всегда былъ мол-

чаливъ, остороженъ, на всѣхъ смотрѣлъ подозрительно и со всѣми даже съ дѣтьми, былъ одинаково холоденъ.

Завѣщаніе сдѣлалось для него съ этого времени главнымъ занятіемъ. Долго не могъ онъ сдѣлать такого, какое ему хотѣлось сдѣлать. Всѣ приказные, которые пріѣзжали къ нему за этимъ дѣломъ, не могли угодить ему. Онъ писалъ, переписывалъ, и перемѣнялъ.

Въ пищѣ онъ также сталъ особенно требователенъ. Иногда самыя вкусныя и любимыя его кушанья онъ оставлялъ, не отвѣдавъ ихъ, часто отказывался отъ обѣда и приходилъ въ серединѣ стола и бралъ у сына, дочери или жены начатую тарелку и тогда только ѣлъ. Вино онъ покупалъ самъ особо и держалъ въ своей комнатѣ въ шкафу. Дѣлами онъ сталъ заниматься меньше, но когда и занимался, всегда скрывалъ отъ домашнихъ свои барыши и то, сколько онъ получаетъ. Состояніе, деньги, которыя доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучали его. Онъ старался уберечь ихъ отъ другихъ и чувствовалъ, что уберечь ихъ нельзя противъ такихъ людей безъ Бога, какимъ онъ самъ былъ.

Онъ чувствовалъ, что если всѣ узнаютъ то, что онъ зналъ, и что знаетъ его сынъ, что Бога и суда нѣтъ, то тогда никакія силы не сохранятъ его. Его убьютъ, отравятъ, отнимутъ состояніе обманомъ или силою. Одно было спасеніе—не показывать людямъ того, что онъ знаетъ, что нѣтъ Бога и суда, а, напротивъ, внушать имъ это всѣми силами.

И потому еще послѣдняя перемѣна, которая сдѣлалась съ Трофимомъ Семеновичемъ послѣ 12 августа была та, что онъ сталъ особенно набоженъ, такимъ, какимъ еще не былъ во всю свою жизнь. Онъ не пропускалъ ни одного поста, ни среды, ни пятницы, не пропускалъ ни одной службы, не пропускалъ никогда случая внушать своимъ семейнымъ и своимъ знакомымъ и своей прислугѣ того, что есть Богъ и его законъ, и что тѣ, которые не будутъ соблюдать его, тѣ погибнутъ и будутъ жестоко наказаны въ будущей жизни. Онъ внушалъ даже сыну своему объ этомъ,

дѣлая видъ, что онъ забылъ все, что говорилъ съ нимъ или, что раскаивался въ этомъ.

Съ самаго того срока 12-го августа, когда онъ увѣрился въ томъ, что ему бояться нечего и некого, что Бога нѣтъ, и что теперь ничто ему не помѣшаетъ жить вполнѣ въ свое удовольствіе, отпали всѣ его удовольствія: изъ всѣхъ удовольствій сдѣлались мученія.

Страхъ убійства, отравленія, обмана, самыхъ страшныхъ преступленій въ своей семьѣ и между своими домочадцами не оставляли его. Онъ подозрѣвалъ всякаго человѣка во всѣхъ самыхъ ужасныхъ замыслахъ и боялся и ненавидѣлъ всякаго человѣка— и жену, и сына, и дочь, и всѣхъ существующихъ. Даже маленькіе внуки его, которыхъ онъ прежде любилъ, теперь казались ему злыми звѣрьками. Ему казалось, что они такъ-же ненавидятъ его, какъ онъ ненавидѣлъ людей.

Чтобъ спасаться отъ своего страха, онъ дѣлалъ, не переставая, два дѣла: первое—скрывалъ все отъ всѣхъ, всѣхъ обманывалъ хоронилъ концы, принималъ мѣры осторожности отъ всѣхъ людей, тогда какъ никто не думалъ ничего замышлять противъ него. Другое дѣло его было то, чтобы обманывать людей и внушать имъ то, что есть Богъ, есть добродѣтель, есть судъ Божій. Онъ считалъ, что его спасеніе въ томъ, чтобъ увѣрять людей въ томъ, во что онъ самъ не вѣрилъ. Состояніе его, которое все увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его врагами. Простыхъ радостей—ѣды, питья, сна—и тѣхъ у него не было. Онъ во всемъ подозрѣвалъ злые противъ себя замыслы.

Такъ прожилъ несчастный Трофимъ Семеновичъ еще болѣе 10-ти лѣтъ. Другимъ, со стороны, были видны его странности, но никто не видалъ его страданій. А страданія его были велики; особенно были велики его страданія тѣмъ, что онъ не могъ ждать отъ нихъ облегченія и въ смерти. Онъ мучился, страдалъ самъ, не зналъ зачѣмъ, и все-таки боялся смерти, потому что зналъ, что послѣ смерти ничего не будетъ, окончится его жизнь навсегда, и поправить эту жизнь онъ не могъ ни въ жизни, ни въ смерти.

Такъ промаялся Трофимъ Семеновичъ 13-ть лѣтъ, и одинъ разъ, придя отъ обѣдни и, позавтракавъ у себя въ комнатѣ и, выпивъ вина, запертаго у него въ шкапу, онъ легъ спать и больше не проснулся.

Смерть внезапная, и конечно легкая. Богатый гробъ Трофима Семеновича повезли на кладбище Александро-Невской лавры. За гробомъ шла толпа дармоѣдовъ, ѣздившихъ на богатые обѣды и ужины богача-золотопромышленника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово и много говорилъ о добродѣтели, благочестіи и счастливой жизни усопшаго. Никто, кромѣ Бога, не зналъ ни о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога.

Гр. Л. Н. Толстой.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.

(Продолженіе [1]).

Пища.[2])

Новый годъ; зимніе праздники и будни. Печеніе хлѣба. Масляная, застольныя присловья и триндолки. Великій постъ. Приготовленіе кваши. Свѣтлый праздникъ и праздничный столъ. Весенніе, лѣтніе и осенніе мясницы и посты. Рождественскіе праздники, колядки и щедривки.

Три зимніе праздника выдѣляются въ народныхъ понятіяхъ изъ ряда прочихъ:

Що первее свято—святее рожество.
А другее свято—святый Васылій,
А третее свято—самъ Иванъ Хрестытель.

---

1) См. Кіев. Ст. № 4.

2) Настоящій очеркъ тѣсно соединенъ съ предыдущимъ о жильѣ, такъ какъ и самое жилище изобрѣтено человѣчествомъ, вѣроятно, для защиты огня (Ю. Липпертъ. Истор. культ. I, 117); но такъ какъ мнѣ приходилось уже въ разное время на страницахъ Кіевской Старины, сборниковъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества и др.. передавать о столѣ на крестинахъ и покрестинахъ (въ Народ. обряд. и пѣсн. Луб. у Харьк. 1897 г. 24, 27), объ угощеніи на досвиткахъ (Ib., 61), о свадебныхъ хлѣбахъ и кушаньяхъ (Свад. пѣсни въ Луб. у. 1890 г., 23, 24), объ угощеніи на рекрутскихъ проводахъ (Прощан. рекрута. Кіевъ 1897 г. 1 и 2), о тризнѣ (Нар. обр. 170) и о кормѣ рабочихъ (Рабоч. пѣсни. Кіевъ 1895 г., 3)—то въ настоящемъ дополнительномъ очеркѣ излагается мною какъ обычное будничное питаніе мѣст-

Поэтому на новый годъ существуютъ тѣ же обыкновенія, что и въ другіе указанные праздничные дни. Женщина не идетъ въ эти дни рано утромъ за водой; самъ хозяинъ долженъ первый принесть воду, подобно тому какъ у великоруссовъ, по мѣстамъ, на новый годъ старшій мужчина приноситъ воду для обрядового приготовленія каши [1]). Затѣмъ уже идетъ хозяйка и, погружая ведра, привѣтствуетъ рѣку или колодезь: Добрый день тоби, водо Уляно, а земле Тетяно! Поздравляю я тебе съ симъ праздыкомъ, зъ новымъ годомъ и Васыллямъ! Господы благословы твоимъ духомъ святымъ и преспоры на всяке время (с. Волчокъ). Добрыдень тоби, колодязе Романе, а ты, водо Уляно, а ты, земле Тетяно! Прыйшла я до тебе воды браты и Господа Бога на помичъ прызываты. Якъ до тебе прыбувае вода изъ гиръ, изъ яривъ, изъ жерелъ, шобъ такъ до мене усе добро прыбувало (с. Губское). Добрыдень тоби, водо Уляно, а земле Тетяно, а колодязю Прокопе! А вы, зори зоряныци! Васъ на неби тры сестрыци: одна вечирня, одна полунишня, а одна свитова. Освищаете небо и землю и очистить воду сюю (с. Литвяки). На новый годъ женщины не должны еще заходить въ чужія хаты до выхода изъ церкви или, по крайней мѣрѣ, до прихода посыпальниковъ, иначе хозяевъ тѣхъ хатъ постигнутъ болѣзни и неудачи: «Не буде фортуны никоторои». Во многихъ семьяхъ хозяинъ до прихода «посыпальныкивъ» самъ «обсіе свою господу», для чего, прійдя съ утрени, беретъ въ сѣняхъ приготовленную съ вечера рукавицу со всякимъ зерномъ: житомъ, пшеницей, ячменемъ, просомъ, гречкой, овсомъ и коноплей, входитъ въ хату и, разсѣвая сѣмена, говоритъ: «На щастя, на здоровья, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю. Здрастуйте! изъ новымъ го-

---

наго крестьянина въ теченіе года, такъ и праздничныя обыкновенія, имѣющія отношеніе къ пищѣ, преимущественно не отмѣченныя еще этнографами. Въ концѣ приводятся новые варіанты колядокъ и щедривокъ, исполнители которыхъ, получая гонораръ пищевыми припасами, являются, такимъ образомъ, участниками праздничнаго стола.

[1]) Сахаровъ. Сказаніе рус. народа. Народ. дневникъ. С.-Петерб. 1885 г., 3.

домъ, изъ Васыллямъ будьте здорови!» Подошедшіе посыпальники, выражая такія же пожеланія, поютъ еще изрѣдка старую посыпальную пѣсню:

А въ поле, поле
Самъ Господь ходе;
Маты Марія
Йисты носыла,
Йисты носыла,
Бога просыла.
Ходыть Илія
На Васылля,
Носыть палію
Жытнюю.
Сюды махне,
Туды махне,
А за нымъ жыто
Кущамы росте!
— Дядько, шажокъ,
Титко, перижокъ!

(Отъ А. Боярской, с. Литвяковъ). [1])

Новый годъ раздѣляетъ еще одну особенность другихъ годовыхъ праздниковъ: какъ хлѣбъ и пироги, такъ и всѣ кушанья должны быть приготовлены заранѣе, наканунѣ, и только разогрѣты предъ обѣдомъ, причемъ хозяйка, приготовляя кушанья, должна непремѣнно положить по три кусочка мяса въ каждое. Возвратясь изъ церкви, хозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу, кадитъ ладаномъ и все семейство, безъ исключенія, садится за общій столъ, состоящій изъ борща съ свинымъ мясомъ, рѣдко куринымъ, и локшины съ мясомъ же или молокомъ,—хотя бы въ данной семьѣ, по многочисленности членовъ ея или по преданіямъ, женщины по буднямъ обѣдали не за общимъ столомъ, а отдѣльно на полу

---

[1]) Вар. Сахаровъ. Нар. дневн. 5., Маркевичъ. Обычаи, повѣр., кухня малор. 1, Чубинскій Тр. эксп. III, 452.

(доскахъ у печи) и невѣстки прислуживали стоя [1]). Отпивая водки, хозяинъ произноситъ: Спасыби Богу, що дождалы нового году уси жыви, здорови, благополучни. Дай Богъ новый годъ проводыть и велыкодня диждать. Дай Богъ щобъ по сёму году Господь хлибъ уродывъ. Царство небесне помершимъ, прыставшимъ душамъ и родытелямъ хай легко згадается, а намъ дай Богъ на здоровья.

Послѣ обѣда хозяинъ, какъ всегда, благодаритъ Бога установленной молитвой: «Спасыби тоби, Боже, за хлибъ за силь». Вскорѣ появляются переодѣтые парни и разыгриваютъ святочный фарсъ, изображающій ухаживанье стараго волокиты (машкара) за молодицей или дѣвушкой (Меланкой). Мѣстами за ними слѣдуетъ также чучело коня или козы. Меланку со свитой одаряютъ паляницами, колбасами и мелочью [2]).

Накануне крещенія такъ-же кто нибудь изъ мужчинъ приноситъ воду съ рѣки для приготовленія вечери, которая непре-

---

[1]) Молодыя невѣстки во многихъ семьяхъ мѣстами ѣдятъ еще стоя (см. В. Щ. Пища и питье крест. малор. въ Этногр. Обозрѣн. 1899 г. №№ I и II., 306. У многихъ племенъ, между прочимъ у сербовъ, грековъ, армянъ, женщины не садятся за столъ, а обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ, какъ и у насъ; у другихъ за столомъ сидятъ только отецъ и мать, прочіе члены семьи стоятъ или ѣдятъ на полу). C. Gaberland. Ueber Gebrauche und Aberglauben beim Essen въ Zeitschr. fur Völkerps und Sprachwis. 1888. II, 134—136, 148.

[2]) Какъ посыпаніе зернами, такъ и святочный фарсъ имѣютъ вѣроятно отдаленную связь съ классическими обыкновеніями обхода римскими мальчиками, изъ которыхъ одинъ былъ въ маскѣ, домовъ въ январскія календы (М. Дикаревъ въ Кіев. Стар. 1899 г. X, 35) съ святочными плясками и играми римскихъ замаскированныхъ мужчинъ и женщинъ (Ширяевъ. Маски въ Сѣверѣ 1893 г., 2759, 2766, 2767 и 2772) и съ ношеніемъ чучела съ кобыльей головой у славянъ и нѣмцевъ. (Вс. Миллеръ. Всемір. сказка въ Рус. Мысли 1893 г. 11; 212). Неизвѣстно, когда именно и какимъ путемъ зашелъ въ Лубенскій уѣздъ указанный фарсъ; любопытно только, что итальянское слово maschera (арабское maskhára—смѣхъ, греческое μασχαρας) напоминая нашу машкару, имѣетъ тотъ-же двоякій смыслъ: какъ маски, такъ и замаскированнаго лица.

мѣнно должна состоять въ этотъ день изъ семи блюдъ (стравъ): рыбнаго борща, супа или галушекъ, жареной соленой, а не свѣжей, рыбы, капусты, гороха, кути и озвару. Всѣ эти кушанья изготовляются не въ обыкновенныхъ большихъ горшкахъ (варильныкахъ, золійныкахъ), а въ маленькихъ (горщятахъ, стовбырочкахъ). Хозяинъ самъ ставитъ горшокъ съ кутьей, обернутый рушникомъ, на покутя въ сѣно, приговаривая: «скилькы въ сёму горшку кутенятъ, щобъ стилькы я имивъ у своимъ хазяйстви телятъ, лошатъ, ягнятъ, поросятъ, гусятъ и утятъ. По возвращеніи кого либо изъ членовъ сéмьи съ освященной водой (вечирнею), хозяинъ, привѣтствуя семью словами: «добрывечиръ! изъ постомъ будьте здорови!» и, перекрестившись, пьетъ самъ и даетъ воды семьѣ, а затѣмъ кропитъ жилье и вездѣ на луткахъ и дверяхъ пишетъ кресты, причемъ отвѣдываетъ большого пирога съ капустой, горохомъ или фасолей и говоритъ: «хреста впысну, пырога вкусну». Этимъ же пирогомъ начинаютъ вечерю [1]). На слѣдующій день всѣ постные остатки доѣдаются предъ обѣдомъ, такимъ же, какъ на новый годъ.

Какъ извѣстно гребень, подобно всѣмъ рабочимъ орудіямъ, выносится изъ избы въ комору на святки. Обратный вносъ его въ хату на такъ называемый рождественскій или риздвяный день, т. е. первый такой же день, въ какой было Рождество, сопровождается особымъ праздникомъ «опровоження святокъ». «Гребинь уводятъ для того, щобъ святкы протяглысь».

На риздвяный день въ чью нибудь избу собираются сосѣдки, разодѣтыя въ плахты и бѣлыя сорочки. Хозяйка вноситъ гребень въ хату и ставитъ его на покутя. Жинки говорятъ: «спасыби, Господы, що диждалы празныкы проводыты! Господы благословы намъ сей гребинь окрасыты! Дай, Боже, щобъ радисно прялося и щобъ веселылося»! Съ этими пожеланіями женщины начинаютъ наряжать гребень какъ дѣвицу: умотаютъ его въ плахту, красную

[1]) О другихъ обыкновеніяхъ на голодную кутю: приглашеніи къ ужину мороза и объ изгнаніи кути въ моихъ «Рождественскія святки 22, 23».

или зеленую запаску, подвяжуть червонымъ поясомъ. Верхушку (зубья, пелюстки) повяжутъ платкомъ, увѣнчаютъ калиной, васильками, барвинкомъ, гарусомъ (жычками) и лентами. «Стоить винъ на покути, ажъ горыть, мовъ молода». Окончивъ уборъ гребня, женщины пьютъ и слегка закусываютъ, приговаривая: «будьмо здорови! Дай, Боже, щобъ гребинь увивши изъ сёго гребня прялось и моталось, щобъ и нытка не рвалась, щобъ напрялы и поткалы и обилылы и пошылы и здорови поносылы» (д. Шеки) или такъ: «будьмо здорови! Дай, Боже, на здоровья, на благополучія и нашимъ дитямъ и всему мырови хрещеному. Дай, Господы, вамъ, хазяечка, щобъ на сёму гребиныку и прялось и хотилось и щобъ не дрималось и нищо не болило. Щобъ вамъ Господь пославъ спихъ, якъ у молодои людыны смихъ» (с. Вовчокъ). Затѣмъ жинки съ пѣніемъ несутъ гребень въ трактиръ и тамъ его пропиваютъ, т. е. оставляютъ (заставляють) шинкарю, а сами идутъ по хатамъ для сборовъ муки, сала, колбасъ, огурцовъ, сметаны. Собравъ эти припасы, женщины возвращаются за гребнемъ въ шинокъ, говоря: «ходимъ выкупымъ, треба на чимсь прясты», берутъ въ складчыну водку и собираются опять въ ту хату, гдѣ разбирался гребень, ставятъ его на покутя и гуляютъ всю ночь. Хозяйка одѣляетъ собесѣдницъ калиной и жичками. Первая съѣдается, вторыми перевязываютъ заболѣвшія руки, приговаривая: «якъ у сёго гребиныка не болять ни ёго руки, ни ёго зубы, то хай такъ и въ насъ нищо не болыть».

Съ риздвянымъ днемъ оканчиваются зимніе праздники и настаютъ будни съ ихъ будничными заботами, изъ которыхъ первая—печеніе хлѣба [1]), соединенное съ слѣдующими обрядовыми правилами. Нельзя печь хлѣба противъ большихъ праздниковъ,

---

[1]) Первоначальной пищей человѣчества была каша, потомъ ячный хлѣбъ (Regnier. Aikerbau Altun 186), въ видѣ прѣсной лепешки; квасной же хлѣбъ появился позже въ Египтѣ и затѣмъ черезъ Грецію и Римъ переданъ другимъ европейскимъ народамъ (Ю. Липпертъ. Истор. культуры 57), поэтому слѣдующія малорусскія пищевыя названія сходны съ восточными и классическими: каша, санскр. каш—тереть (Н. Θ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. 51), кулишъ—kullestis.

также противъ пятницы и недѣли. Если крайность заставитъ спечь, то приготовляется лишь ограниченное, необходимое для питанія количество. «Не можна на недилю заводыть багато хлиба», иначе можетъ постигнуть несчастіе, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

У недилю никому не можна багато хлиба пекты, тилькы скилькы пожыве, абы пойилы у недилю. У жинкы було багато дитей и стала вона напикать на жныва, прыйихала съ поля у субботу увечери тай учынила дижу. У недилю вранци встала вона, пишла до кумы сирныка позычать, колы прыйде—у печи въ неи горыть. Вона пишла куми хвалыться, що въ печи горыть, колы прыйде—вже й дижа замишана. Пишла вона впять до кумы хвалытся, вернулась—колы вже й покачано. Пишла вона впять до кумы, прыйшла, колы посаженый у пичъ хлибъ; изнову вона йде до кумы, вертается, ажъ хлибъ, повытяганый съ печи, уже на лави, и дидъ сыдыть на покути и труна коло лавы стоить. Дидъ каже:—Напекла хлиба?—Напекла, дидусю.—Пойижъ сёгодни ёго.—Не пойимъ, порозношу по людяхъ.—Ни, сама пойижъ.—Ни, не пойимъ.—Ну, надивай свое те, що на смерть, та лягай у труну. Вона пишла, вбралася, понадивала те, що на смерть, каже: у мене дытына маленька на печи лежыть, возьму іи зъ собою.—Ни, тилькы попрощайся. Вона лягла у труну, дидъ закрывъ труну и хто знае де й дивсь. Люде йдуть зъ церквы, прыйшовъ іи чоловикъ до-дому, колы труна въ хати. А винъ излякався, ставъ іи одкрывать, колы не одкрывается, винъ ставъ рубать, одпылювать—кровъ иде,—крычыть жинка. Винъ тоди повизъ скризь

родъ хлѣба у египтянъ и евреевъ (Regnier 315) греческое κολις, лат. culeus, литовск. kulle—мыска (J. Van den Gheyn. Essais de mythol. et de philol. comparée 310) паляница—греческ. πέλανος (М. Дикаревъ въ Кіев. Стар. 1899, X, 49), хлибъ—clibanites—хлѣбъ, clibanus—хлѣбная печь; страва,—санскр. tra—кормить; йисты, йимъ—санскр. djam, англійск. to eat (выговаривается um).

по Кіевахъ по велыкихъ, у Ерусалымъ повизъ. Жинка та каже людямъ: «кайтесь, люде добри, на мени, не печить хлиба у недилю, бо я це хлибъ пекла и се мени такъ сталось—молиться Богу за мене гришну» (отъ Е. Пулькиной с. Литвяковъ).

2.

Пекла хазяйка въ недилю паляныци. Тилькы що посажала въ пичъ, выйшла, увійшла въ хату, колы сыдыть жинка, каже: «Выймай уже хлибъ изъ печи». Хазяйка каже: «ще не спикся». — «Уже спикся». Колы выняла, колы вже готове. Розломыла ту паляныцю та жинка, що війшла, каже: «прытулы до серця, чы буде пекты тебе?» Прытулыла та хазяйка соби до серця, потимъ зачала крычать: «о, пече, пече!»—А що, каже та, хорошо, якъ тоби пече? То такъ вы насъ печете у недилю. Хлибъ тамъ и урисъ проты серця, не можна одирвать. И сталы іи по свитамъ водыть, сталы людей прохать: «кайтеся, каже вона людямъ, на мени, не печить хлиба у недилю» (отъ Орленковой, с. Тишокъ).

3.

Вчыныла жинка дижу проты недили и не вкынула соли, замисыла дижу и начала пекты. Испекла вона пятеро хлиба и повыбирала. И прыйшла дивка и взяла первый хлибъ и розломыла той хлибъ, розидрала и прыложыла жинци до грудей и начала вона крычать, а дивка спрашуе: «зачимъ ты проты недили учыняла дижу? Чомъ же ты не посылала? Не годытся разовый [1]) хлибъ пекты, а покачай борошномъ паляныцямы». Жинка пыта: «що жъ вы таке йе?»—«Я свята недилонька и ты должна мене штыть и прыбирать и стать на колинкы и Богу помолыться». Стала та жинка на колина падать и просыть: «свята недилонька помылуй мене!» И та каже: «я на тебе положеніе маю на дитокъ, а щобъ ты лежала ў постели годъ цилый. Исказуй другимъ

---

[1]) Ржаной.

людямъ щобъ воны каялыся и щобъ воны за мене Богу молылыся. (Отъ П. Величкиной, с. Бересточи).

—

Не только нельзя печь хлѣба въ указанные дни, но нельзя въ нихъ также сѣять борошно: «на тимъ свити очи порошыть будуть»; «будешъ на тимъ свити у пылу». Сѣя муку въ обыкновенное время, нужно начертить рукою крестъ [1]) на ней и остерегаться, чтобы не стучать ночвами и не бить объ нихъ руками, иначе будетъ радоваться вѣдьма—повѣрье, подобное встрѣчающемуся въ Харьковской губерніи, гдѣ стукъ ложекъ доставляетъ удовольствіе дьяволу, [2]) и заграничному: силезскому, чешскому, норвежскому, гдѣ стукъ пальцами или ножемъ по столу привлекаетъ вѣдьмъ, дьявола и нужду. [3]) Просѣянное борошно хозяйка сыпетъ въ дижу. Отъ послѣдней также во многомъ зависитъ качество хлѣба, согласно поговоркѣ о дурно выпеченномъ хлѣбѣ: «чы дижа сдижылась, чы хазяйка сказылась». Уже при самой покупкѣ этой важной утвари, имѣющей вѣщее значеніе, [4]) и стоящей обыкновенно на покути, нужно остерегаться, какъ-бы не купить дижа вмѣсто дижи, потому что «якъ дижъ, то хлиба не йижъ». Избѣгая ошибки при покупкѣ начинаютъ считать съ одной клепки: дижа, дижъ, и если на послѣднюю клепку выпадетъ опять дижа, то посуда годится, а если дижъ—нѣтъ. Купленную дижу [5]) намачиваютъ на сутки водою лѣтней температуры (литепломъ) съ гречневой соломой; кипяткомъ-же (окрипомъ) можно

---

[1]) Западноевропейскіе христіане чертятъ крестъ на мукѣ, тѣстѣ, и крестятъ лопату, сажая хлѣбъ. (I. Teirlinck. Le folk. flamand., 73., въ Bibliot. Belges connais. modernes).

[2]) В. Щ. Пища и питье крест. малор. 305.

[3]) C. Gaberland Ueber gebr. und Aberg. beim Essen III. 278. У насъ есть еще такія повѣрія: 1, якъ цокать ножемъ объ стилъ, то ссоръ буде у хати 2, якъ кывать ногою за столомъ, то то—скушеніе.

[4]) Трескъ дижи предвѣщаетъ смерть кого либо въ семьѣ, а лопнувшій на ней обручъ смерть хозяйки. Тоже повѣрье въ сборникѣ Гринченка «Изъ устъ народа», 25.

[5]) Цѣна дижи—отъ 60 коп. до 1 р. 20 к., смотря по величинѣ и матерьялу.

только испортить (запарить) дижу. Неисправную дижу поправляють двояко: или опрокидывають и дно крестятъ ножемъ, а затѣмъ поливаютъ окропомъ, или же ставятъ на порогъ съ воткнутымъ въ нее ножемъ. [1]) Вчиняютъ хлѣбъ рано «въ досвита, до схидъ сонця» такимъ пріемомъ. Дно дижи натирается солью, затѣмъ въ нее кладется еще горсть соли, [2]) льется вода и бросается для броженія кусокъ закисшаго тѣста (рощыны) или еще лучше размоченныхъ сухарей изъ хлѣба, спеченнаго съ хмѣлемъ (роскрышку). «Безъ роскрышкы хлибъ буде такый, якъ лемишка, а на роскрышци буде пухкый—не треба й дрожей», поясняютъ хозяйки. Въ дижу прибавляютъ еще «литепла и борошна», и закрывъ дижу ожидаютъ результатовъ броженія (Якъ хлибъ пидходыть угору). Когда тѣсто взойдетъ (высходится) и начнетъ осѣдать, хозяйка мѣситъ, пока оно не отстанетъ отъ дижи и отъ рукъ и оставляетъ его еще всходить, послѣ чего уже, помочивъ руки, катаетъ хлѣбы до полученія ими круглой формы. Кто катаетъ хлѣбъ къ себѣ «у того симья буде при ёму, а хто одъ себе, одъ того и Богъ одвернется и ридъ розійдется». Покачанный хлѣбъ не тотчасъ же садятъ въ печь, а оставляютъ еще съ полчаса на столѣ. Его нельзя считать въ это время: «Буде стилькы урону у хазяйстви, скилькы насчытаешъ хлиба». Хлѣбъ нужно садить по правую руку отъ себя и первый скатанный хлѣбъ, помѣченый крестикомъ, первымъ же садить и въ печь. Нельзя садить заразъ на лопатѣ по двое хлѣбовъ, ни свадебныхъ шишекъ, потому что будутъ умирать по двое въ семьѣ. Хлѣбъ печется обыкновенно часа полтора, затѣмъ хозяйка пробуетъ легокъ ли онъ, отходитъ ли мякоть. «Тоди выймать хлибъ, якъ постукать и гуде». Если два хлѣба слились вмѣстѣ, то ихъ разламываютъ или надъ головою неговорящаго ребенка для ускоренія рѣчи или надъ головою дѣ-

---

[1]) Если хлѣбъ не удался, сѣлъ на скорину, то надъ кухаркой подсмѣиваются: «дижа, дижа! треба до тебе вихтя й ножа; та обмыты, та ладаномъ накадыты, та тоди дижу вчыныты»—намекая на извѣстный анекдотъ о нерадивой хозяйкѣ, желавшей освятить дижу.

[2]) Въ Харьковской же губерніи, приготовляя ржаной хлѣбъ, въ дижу не кладутъ соли. (В. Щ. Пища и питье. 277).

вушки. Перевернувшійся въ печи хлѣбъ свидѣтельствуетъ какъ о близкой смерти, такъ и о предстоящемъ несчастіи. Напримѣръ: «Наложыла я пичъ и натопыла и выкачала. Взяла яма и выбылась, выпало печи и паляныця перевернулась. Черезъ день сыну ногу машына обраныла». (Отъ С. Латенковой, х. Тернавщины). Почти также опасно нечаянно или нарочно обернуть хлѣбъ [1]. Если подъ хлѣбомъ мокро, то ожидаютъ дождя. Неудачный хлѣбъ вызываетъ такія замѣчанія: если недопеченъ, то говорятъ «закальця на тры пальця», объ отставшей коркѣ: «хочъ горобцивъ заганяй», а о трещинѣ: «мовъ плугомъ поорано». Помѣченный крестомъ хлѣбъ разламываютъ на двое и кладутъ на покути или на покутнемъ окнѣ для предковъ. «Первый хлибъ—номынкы, винъ душамъ спасеня, пара зъ ёго доходыть до мертвыхъ на той свить». «Пара якъ пиде зъ хлиба, то помершимъ». Его потомъ отдаютъ нищимъ. Не всякій, впрочемъ, хлѣбъ угоденъ предкамъ: тотъ на который дули, вынувъ изъ печи, или обтирали полой, запаской, суконкой, который, наконецъ, садили на капустный листокъ, не годится для поминокъ, что доказывается слѣдующими разсказами.

1.

Жинка готовытся помынать своихъ родныхъ икъ помынальныцямъ. Посажала у пичь пыроги, а ти мертви идуть за стилъ, сидають. А наймычя колыше дытя и выда ихъ, а жинка ихъ небачыть та выбира зъ печи пыроги й кныши и обтыра запаскою. Стала обтырать запаскою и кладе на лаву. А старыкъ изъ-за стола каже: «ходимъ диты, се не для насъ готовытся». Идуть изъ за стола, а хлопець крывенькый иде та зачепывсь за лопату тай упавъ. А наймытъ коло колыскы засміявсь. Жинка та пыта: «чого ты сміешся?»—Хто у васъ, титко, крывый умеръ?—Хлопчыкъ.—Я бачывъ оце воны за столомъ сыдилы та пишлы геть, а хлопчыкъ зачепывсь за лопату та впавъ, а я тымъ засміявсь. А вона: «Якъ

---

[1]) У валлоновъ обернутый хлѣбъ привлекаетъ дьявола въ домъ. E. Monseur. Le Folkl wallon. 116 въ Bibl. Belge des connais. modernes.

же ты бачывъ?»—За столомъ сыдилы, дидъ прыводывъ. Воны кныщивъ вашихъ такъ дожыдалы, та то, що вы запаскою ихъ обтыралы, такъ воны знялысь и пишлы. Вона заплакала та на другый день стала готовытся другимъ порядкомъ. Годи запаскою обтырать—грихъ, а крыльцемъ. (Отъ Е. Купріевой, д. Шекъ).

2.

Наймытъ бувъ у дяка такый негришный, що все бачывъ, николы не лаявся, николы не сміявся. Сивъ винъ пидъ прыпичкомъ; дячыха выбирала паляныци. Поки вона выбирала и ничимъ не втерала, то іи симъ покійныхъ сынивъ сыдилы за столомъ. А то вона якъ послидню выпяла паляныцю, та взяла тай обтерла попередныкомъ тай духнула, такъ сыны тоди съ хаты, одынъ крывый попереду тай упавъ на порози, а ти попадалы уси на ёго, а той робитныкъ сыдыть та дывытся. Такъ винъ и усмихнувся. Вона ёго и спрашуе: чого ты сміешся? А винъ каже: «та я такъ».—Ни, ты дурышъ мене, ты щось знаешъ. Прызнайся мени.—Да, каже, бувъ у васъ сынъ крывый?—Бувъ.—Якъ оце вы духнулы на паляныцю и обитерлы попередныкомъ, такъ уси покійныкы началы тикать, попереду крывый; спиткнувсь тай упавъ на порози, а ти на ёго попадалы.—Хыба такъ не можна робыть?—Неможна, грихъ. (Отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ).

Приготовленіе кушаньевъ (стравы), какъ и печеніе хлѣба, соединено у крестьянокъ съ различными повѣрьями и примѣтами. Начать съ того, что варящая пищу хозяйка или кухарка, обязанная сама о себѣ позаботиться по пословицѣ: «якъ кухарка зъ голоду вмре, то й пипъ не ховатыме»,—тѣмъ не менѣе у печи должна стоять впроголодь, а если наѣстся сама, то семья останется голодной. Для того, чтобы выиграть время и топливо, хозяйка утромъ сразу приготовляетъ пищу на весь день, начиная борщомъ, который «найздоровшый, усёму голова». Она лагодыть ёго, т. е. крошитъ овощи, наливаетъ въ горшокъ бураковаго квасу или сыровцу, и солитъ, остерегаясь лихословить и вспоминать нечистаго, иначе борщъ не удастся и въ немъ скупаются демоны. Вкусъ борща за-

висить еще отъ другихъ причинъ, отъ горшка: «якъ яке въ ёго облыччя», но принятаго въ Харьковской губерніи дѣленія этой посуды на горшокъ и горщыцю [1]) въ Лубенскомъ уѣздѣ не наблюдается и на вопросъ о такомъ различіи мѣстныя хозяйки, недоумѣвая, отвѣчали: «оце! такого ще й не чулы». Приготовивъ борщъ, хозяйка зажигаетъ солому въ печи, креститъ какъ печь такъ и борщъ, и, приговаривая «Господы благословы!» ставитъ послѣдній на огонь. Когда борщъ закипитъ три раза, [2]) то хозяйка, попробовавъ его, отставляетъ горшокъ въ сторону, обкладываетъ его жаромъ, сама же принимается толочь сало въ «ковчанкѣ» (салотовци) и разминать макогономъ пшено въ макитрѣ, пока оно не обратится въ муку. Замѣчаютъ: «Якъ жинка мне пшоно, та лыже макогинъ, то іи чоловикъ лысый буде. [3]) Замявъ борщъ, т. е. выливъ въ него столченное сало и пшено, хозяйка отставляетъ горшокъ—борщъ готовъ. Но хотя борщъ и главное кушанье, всё же самъ по себѣ онъ «удивець», къ нему нуженъ еще «прыварокъ»—каша. Приготовляя послѣднюю, хозяйка смываетъ прежде пшено холодной водой, потомъ горячей, солитъ, приливаетъ воды и ставитъ въ печь. Когда пшено начинаетъ раздуваться (набухать), то «каша сердытся, треба іи помишать, а когда пшено розбухло и каша згусла,—пора іи пидіймать», т. е. перемѣстить сподъ на верхъ и поставить въ жаръ. Если горшокъ съ кашей лопнетъ въ печи, то умретъ скоро варившая ту кашу хозяйка или невѣстка, а если только образуется пустое пространство въ горшкѣ,—то умретъ кто-нибудь въ домѣ. Замѣчаютъ еще: «Горшкы съ печи неможна обтырать сукопкою, або запаскою—покійни родытели розійдутся зъ хаты. Дивчыни и молодыци не можна горшка скребты ложкою—буде свекруха

---

[1]) В. Щ. Пища и питье кр. малор., 273.

[2]) Три степени кипѣнія воды передаются въ Лубенскомъ у. такими выраженіями: 1, окрипъ намысто ныже, 2, ударывся въ ключи, 3, перекыдается.

[3]) Также: якъ хто надине мыску на голову жинци, шуткуючи, то чоловикъ облысіе.

скребты голову». Вынувъ горшки съ печи, и разливая кушанья въ мыски, женщина должна сказать: «Господы благословы», иначе черти опять скупаются въ ухѣ,—и затѣмъ отвѣдать блюда для того, чтобы хорошо кормить грудью дитя. [1])

Пища распредѣляется въ теченіе дня такимъ образомъ. Въ 7—8 часовъ бываетъ завтракъ, состоящій изъ капусты, коржей, кулиша или локшины съ саломъ. Въ постный день сало смѣняется или олеей, служащей приправой къ огурцамъ, капустѣ, картофелю, или молокомъ изъ конопляннаго сѣмени, которымъ приправляютъ: ячную кутю, отваренный ячмень (зубци), мятое пшено (поливку), или коноплянымъ сѣменемъ съ гречневыми лепешками (плескавкою). За обѣдъ садятся съ 11 часовъ и позже (передъ вечоры), если задержитъ молотьба или другое дѣло. Обѣдъ состоитъ изъ борща съ саломъ и каши со смальцемъ, рѣдко съ молокомъ, а въ постный день изъ борща же съ фасолей, бураками, съ олеей или таранью, и каши, иногда отваренныхъ фасоли и гороха, вареников съ картофелемъ, коржей съ горохомъ, примазанныхъ медомъ. На ужинъ довольствуются остатками отъ обѣда, или ухой (юшкою) и галушками.

За пищей также не обходится безъ присловьевъ и замѣчаній. Челядь, напримѣръ, садясь обѣдать, приговариваетъ:« Боже благословы, щобъ жонати не почалы». Если накрошено много хлѣба или каша падаетъ съ ложки на землю, то замѣчаютъ, что у хозяина будетъ много дѣтей; объ опрокинувшемся винѣ говорятъ: «то на помынання, бо горилка сама добрійша вещъ». Другіе полагаютъ, что опрокинутымъ виномъ ангелъ тушитъ пожары. [2]) За обѣдомъ не принято много разговаривать или смѣяться: «Краще умовчать, а то скушеніе. Негодыться черкать надъ трапезою: не-

---

[1]) Первоначально предварительное испробованіе блюдъ женой дѣлалось вѣроятно для избѣжанія отравы. У Ашантіевъ жена пробуетъ предлагаемую мужу пищу, а на Перечномъ берегу и у Макололо отпиваетъ первая вина или пива—изъ боязни отравленія. (С. Gaberland. Ueber gebr. und Aberg beim Essen. II, 148, 149).

[2]) По римскимъ повѣрьямъ упавшій со стола кусокъ предоставляется ларамъ, по древнехристіанскимъ—мертвецамъ. Ib. III, 362, 363.

чыстый духъ заходе у мыску». [1]) Но послѣ неудачнаго или скуднаго обѣда раздаются ироническія похвалы кухаркѣ или скупой хозяйкѣ, не дающей, напримѣръ, пироговъ къ борщу, а отдѣляющей ихъ особо,—въ такомъ родѣ: «Спасыби Богу,—найився ей Богу, нагодувала Явдошка, перепавсь якъ дошка. Найився якъ быкъ, перепався якъ смыкъ. Борщу не йивъ, каши не бачывъ, а мьяса зовсимъ не далы!»

Вошедшій къ обѣду посторонній долженъ привѣтствовать обѣдающихъ словами: «хлибъ-силь!» Онъ считается всегда le bienvenu: «Той, що нагодывсь на обидъ, то достойный, и той достойный, до которого нагодывсь. Якъ увійшовъ чужый, а мы обидаемъ, то якъ же винъ буде намъ у очи глядить, а мы йимо? Годыться и ёго прысогласыть: «просымъ Бога й тебе: сидай обидать». Собравшихся на праздникъ гостей, хозяинъ приглашаетъ къ столу въ такой формѣ: «Богъ благословыть, а хазяинъ велыть—кормиться Господа! Прошу покорно, чымъ багатъ, тымъ и радъ,—звыняйте». Затѣмъ, отвѣдавъ водки и кушанья, «прыгоща» гостей пыть и опорожнять мыскы:—добирайте, чесна кумпанія! Эти пріемы гостепріимства—сколки общечеловѣческихъ обыкновеній, объясняются Габерландомъ въ томъ смыслѣ, что пріемъ пищи самый удобный моментъ для вхожденія вмѣстѣ съ нею и разныхъ чаръ въ открытый ротъ, почему у многихъ народовъ избѣгаютъ во время питанія или всѣхъ вообще людей или, по крайней мѣрѣ, опаснѣйшихъ, особенно женщинъ, а вошедшій случайно, долженъ непремѣнно отвѣдать чего-нибудь, такъ какъ, раздѣляя трапезу, онъ уже не будетъ околдовывать ее изъ боязни повредить чарами самому себѣ. Изъ предосторожности же гость имѣетъ право выждать, пока хозяинъ попробуетъ пищу первымъ. Затѣмъ у многихъ народовъ умѣренность гостей представляется обидной хозяину, а опьяненіе и объяденіе, напротивъ,—честью. Въ Полинезіи гости должны даже недоѣденные остатки кушаньевъ уносить съ собою. Притомъ остатки признаются жертвой дьяволу

---

[1]) По нѣмецкимъ повѣрьямъ также не должно разговаривать, пѣть, бормотать, когда другой ѣстъ. Ib. 261.

и вѣдьмамъ; [1]) поэтому вездѣ въ Африкѣ и Америкѣ необходимо, чтобы остатковъ отъ стола не было. [2])

Кромѣ обыкновенныхъ гостей, на мясницы являются еще и сваты и, подавая хлѣбъ-соль, просятъ: «Нате вамъ, тату хлибъ и силь, а намъ дайте дочку». Сватовъ угощаютъ и за могорычемъ приговариваютъ: «Дай, Боже, щобъ зъ сёго могорычу до бильшого; щобъ сей попыть та ще купыть!» На самомъ же весилли молодыхъ привѣтствуютъ такою рѣчью: «Дай, Боже, нашимъ молодымъ на викъ, на здоровье, а ворогамъ на безголовье. Посылай, Господы, нашимъ молодымъ счастя и викъ довгый, и розумъ добрый. Щобъ воны одно одного почиталы и ридъ свій не забували. Щобъ диждалы всёго добра и въ поли, и въ доли, щобъ Господь хлибъ родывъ и скотыну плодывъ!»

Затѣмъ привѣтствуютъ отдѣльно каждаго члена семьи: отца:—Здрастуй, тату нашъ! Идемо до тебе на оченашъ; молодую:—Поздравляемъ тебе зъ червоною головою; молодого:—А тебе зъ жинкою молодою; мать:—А тебе, мамо, зъ блызнятамы.

Заговѣны, оканчивающія зимнія мясницы, получили названіе «нижкове пущання» отъ захоложенныхъ свинныхъ ногъ (драглей) [3]). Теперь они не соединяются уже съ такимъ изобиліемъ, какъ во времена Квитки, на какое изобиліе намекаетъ лишь мѣстная сохранившаяся поговорка: «розсилась, якъ на пущання». Теперь небольшіе кружки распиваютъ въ этотъ день полкварты водки и больше съ обычными пожеланіями: «дай, Боже, щобъ сей день опроводыть, святого посту диждать и велыкодня. Спасыби Богу, шо заговилы въ добримъ здоровьи, дай Боже, розговиться благополучно».

Поѣдаютъ блины (млынци) съ саломъ или масломъ, пироги съ печенкой или сыромъ, свинину, курицу. Существенно только, чтобы въ этотъ день къ столу было мясо. Молодежь такъ-же схо-

---

[1]) Ib. II, 148—151, 166—168., III. 363, 366—369.

[2]) Липпертъ. Истор. культ. 18.

[3]) У Маркевича (Обычаи, повѣр. 153) ошибочно сказано будто бы не праздникъ, а самое блюдо называется «нижкове пущання».

дится на досвитки, поставляя: дѣвки—съѣстные припасы, парни—водку и музыку. Такое сборище называютъ: «коржи, пекты коржи».

И масляная проходитъ безъ особой пышности. Бабы не прядутъ всю недѣлю; въ понедѣльникъ онѣ «наставляють масныцю»—т. е. пьютъ въ складчину водку; пьютъ такимъ же образомъ «якъ опровожають масныцю», на масляне пущання. Въ столѣ преобладаетъ молочное: блины, пироги съ сыромъ, главное масляничное блюдо—вареники, молочная каша, молочный кисель. Выпивая, бабы приплясываютъ, поютъ триндолки (трендычки) и пьяницкія пѣсни и приговариваютъ слѣдующее:

Зъ ма́сныцею поздоровляю, дай, Боже, щобъ другои диждать.

Дай, Господы, усёго луччого: у поли урожаю, у хати счастя.

Дай же, Боже, щобъ все гоже; що негоже—поправъ, Боже!

Дай, Господы, благополушно, щобъ не було ни холодно, ни душно.

Казавъ старець по мызынный палець.

Недопившей говорятъ: На що-жъ вы мени на слёзы оставляете?

Присутствующая вдова отзывается: Отій нещасній удовыци; сама на печи, ногы на полыци.

Пыйте бо, пыйте—у кого въ рукахъ, у того въ устахъ.

Дай, Боже, сю попыть,
Та ще й· купыть!

1.

Музыканты мои,
Вы заграйте мени,
Бо я бидна сырота
Веселого жывота.

(м. Снѣтинъ).

2.

Чарочка моя малесенькая!
Ни сучечка ни пенечка

Выпьемо, серденько,
До денечка.

(с. Литвяки).

3.

Ой выпьемо до дна—
Горилочка добра,
Выпый, выпый, тай поставъ,
Щобъ насъ нихто не заставъ.

4.

И чарка нова,
И горилку бъ пыла,—
Хылю, хылю не тече,
Коло серця пече.

5.

Пыйте люды горилочку,
А вы, гусы, воду,
Горе мени на чужыни
А безъ свого роду.

(Отъ кр. Уст. Косенковой, м. Снѣтина)

6.

Ой, выпыймо, родыно,
Щобъ намъ жыто родыло;
И жытечко и овесъ,
Що зибравсе ридъ увесь.

Вар. второй такой же куплетъ у Конощенка—Украинськи писни. Одесса 1900, 7, № 3-й.

7.

У насъ на вгороди два купцыкы мняты,
Сбирается ридъ до роду: хоче погуляты:

У насъ на вгороди два купцыка пору,
Сбирается ридъ до рида гуляты не впору;
У насъ на вгороди два купцыка пыжма,
Сбирается ридъ до роду гулять середъ тыжня.
У насъ на вгороди зацвилы нагидкы,
Сбирается ридъ до роду напыться горилкы;
У насъ на вгороди зацвилы волошкы,
Сбирается ридъ до роду погулять хоть трошкы.
(Въ 1896. отъ кр. м. Снѣтина Домникіи Ивахненковой, 60 л.).

8.

Въ понедилокъ празныкъ,
А въ вивторокъ и такъ не робыты,
А въ середу горилочку пыты,
Ай у четверъ похмылятыся,
А въ пьятныцю поправлятыся,
А въ субботу чашн мыты,
Увесь тыждень не робыты.
(Въ 1891 г. отъ кр. х. Николаевки Степаниды Векленковой).

9.

Ой, добра, добра чужа горилка,
Выпыймо, кумо, для понедилка.
Зложымось, кумо, шагивъ по сорокъ,
Выпыймо, кумо, щей у вивторокъ.
Поженемъ, кумо, до череды
Да выпьемо, кумо, за для середы.
Помыймо, кумо, мыскы та ложкы
Та выпьемо, кумо, у четверъ трошкы.
Продаймо, кумо, рябу ягныцю
Та выпьемо, кумо, щей у пьятныцю,
Зложымо, кумо, усю роботу
Та выпьемо, кумо, щей у субботу.
(Отъ кр. м. Снѣтина, Агафіи Шевченковой).

10.

Ой, выпыймо, кумо, тутъ:
На тимъ свити не дадуть.
Хочъ дадуть, не дадуть—
Такъ выпыймо, кумо, тутъ.
И выпыла й выхылыла,
Сама себе похвалыла,
Бо я панського роду—
Пью горилку якъ воду.
Хылю, хылю не тече,
Коло серденька пече.
На здоровьячко пылось,
По запасочци лылось,
Щей по довгій поли
На здоровьячко мени.

(Въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Пелагеи Рѣзниченковой). Вар. въ Этногр. мат. Гринченка. Ш., № 557, 290.

11.

Ой выпьемо, кумцю,
Выпыймо по рюмци,
Бо якъ пидемъ, на той свитъ
Тамъ и рюмокъ такихъ нитъ.

12.

Я до тебе, кума моя, не гулять прыйшла,
Я до тебе, кума-жъ моя, работáть прыйшла,
Изъ дныщечкомъ, гребеныщечкомъ,
Напыймося горилочкы соби пыщечкомъ.

13.

Прыйшовъ кумъ до кумы
Конопелечокъ мнять.

Винъ мнявъ, прымынавъ,
Намынаючы, казавъ:
Кумко, голубко, кумко моя,
Хто-бъ тоби намынавъ, якъ бы не я?
Прыйшовъ кумъ до кумы
Полотенечка ткать.
Винъ ткавъ, натыкавъ,
Натыкаючы, казавъ:
Кумко, голубко, кумко моя,
Хто-бъ тоби выткавъ, якъ бы не я?

(Отъ козачки с. Волчка Лукины Хомулиной).

14.

Буду пыты пытушечкы,
Пропыла моточокъ изъ вытушечкы;
А ще за те я не заплатыла,
Що пропыла моточокъ изъ мотовыла.
У шыночокъ иду—оснивку несу,
А за мною дытынята несуть клубенята.
Ой пыймо, чоловиче, та пыймо,
Кобыльчыну пропыймо,
Нехай вона не гыгыче,
Чужои стрихы не смыче;
Нехай вона не гыгоче,
Головонькы не клопоче.

(Въ 1895 г. отъ кр. м. Снѣтина, Прасковьи Лысенковой).

15.

Та пропывъ батько волыка,
А маты зъ станка коныка
Ой, Боже мій! та не лаймося,
Та ходимъ до-дому тай порадьмося,
Та ще щось пропьемъ [1]).

[1]) Припѣвъ повторяется за каждымъ двустишіемъ, въ самомъ концѣ: «Та вже ничого пропывать».

Та пропывъ батько корову,
А маты прудку ворону.

—

Та пропывъ батько подушкы,
А маты зъ горшкомъ галушкы.

—

Та пропывъ батько индыка,
А маты ходыть трендыка.

(Въ 1891 г. отъ кр. д. Шекъ Ф. Матвѣенковой).

16.

Щось у лиси гукае,
Петро батька шукае:
Идить тату до-дому,
Пропье маты худобу
И качалку, и рубель,
И повисмо коноцель,
И сиру лошыцю,
И сина копыцю,
И коныка тупака,
И пивныка спивака,
И юпку чорну,
И кожушанку нагольну.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Настасіи Шерстюковой).

17.

Щось у лиси гукае,
Дочка батька шукае:
— Идить тату до-дому,
Пропье маты худобу
Изъ попамы, изъ дякамы,
Съ хорошымы козакамы.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. сел. Литвяковъ Олены Кунаковой).

18.

Будемъ пыть, будемъ пыть—горилочка добра,
Будемъ спать, будемъ спать, ажъ до полудня.
А у мого мыленького ажъ тры ямы жыта,—
Колы-бъ же я, Господы, та не була быта,—
Въ одній макъ, въ другій такъ, а у третій ничогисенько,
А я пью горилочку тай не боюсь никогисенько.
Одчыняй мени, муже, одчыняй своій коханци,
Не прыйшла я изъ вечора та прыйшла уранци.
Ой ты не поповычъ, а я не попивна,
Не бый мене пьяной, побый на похмилля,
Бо якъ будешъ пьяну быть, я не буду знаты,
А якъ побьешъ на похмилля—буду намятаты.
(С. Вильшанка, отъ Вѣричъ).

19.

Ой пый та не лый,
Любы жинку та не бый.
Буду пыть, буду лыть,
Буду любыть, буду й быть.
(м. Спѣтинъ).

20.

Чи я-жъ тоби не казала:
Не беры-жъ ты мене,
Бо я роду шалёного,
Не навчышъ ты мене;
Бо я й роду шалёного,
А ты й не такого,
Пыла-бъ же я горилочку,
А ты й не одъ того.
(Д. Шеки. Ф. Матвѣенкова).

21.

Ой бувъ та нема,
Пойихавъ на ричку.
Колы бъ ёго чортъ узявъ,
Одминыла бъ свичку.
(Отъ кр. м. Снѣтина Пр. Лысенковой).

22.

Ой бувъ та нема,
Та вбыла кобыла;
Та не давъ мени Богъ,
Кого я любыла.
Тай давъ мени Богъ,
Кого я не знала,
Тай за той перебиръ,
Що перебирала.
Полюбыла коваля
Тай недоля моя:
Я й думала кучерявый,
Ажъ и чуба нема;
Хоть йе трошкы
Такъ не кучери:
Уже мени шолудыви
Надокучылы.
(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ Ф. Матвѣенковой).

23.

Спыть жинка и не чуе,
Що чоловикъ въ шынкъ мандруе.
Нехай вона спыть:
Я тымъ часомъ одягнуся,
Тай на вовну потягнуся.
Якъ горилкы я напьюся,
Биса жинкы не боюся.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Березоточи Татьяны Пироговой, 20 л.).

24.

А хто горя не знае,
То хай мене спытае,
Бо я зъ горемъ обидала,
Такъ я ёго розвидала.

(м. Снѣтинъ).

25.

Горе намъ, та не намъ,
А нашимъ ворогамъ.
Воны тилькы знають,
Що насъ осуждають.

26.

Прыйшла смерть, прыйшла смерть
Одъ самого Бога.
Ой, де іи взять—
Гуляе небога.

(с. Литвяки).

На первой недѣлѣ великаго поста, въ жыловый понедилокъ совсѣмъ не бываетъ обѣда. Только и ѣдятъ: рѣдьку, хрѣнъ, жиляныки (коржи), «щобъ закрипыться, щобъ жыловымъ буты». По мѣстамъ мелкіе хозяева, сговариваясь о супрягѣ, т. е. кому съ кѣмъ вмѣстѣ орать, выпиваютъ водки; попадаются также пьяницы, слѣдующіе старому обычаю полоскать въ этотъ день зубы водкой, чтобы ничего скоромнаго во рту не оставалось[1]); большинство однако не пьетъ водки или весь постъ или покуда отговѣется.

[1]) Откуда и самый понедѣльникъ этотъ называется полоскозубъ. (Чубинскій Тр. III., 8).

Въ жыловый понедѣльникъ не принято работать, «щобъ не побрывало пальцивъ», а женщинамъ заходить въ чужія избы. Скудный постный столъ разнообразится нѣсколько квашей, приготовляемой такимъ способомъ. Въ макитру или чавунъ льютъ тепловатую воду, бросаютъ туда же вишневаго листу, горсть солода (муки изъ согрѣвающцаго жита), горсть гречневой, двѣ горсти ржаной муки, разводятъ смѣсь кипяткомъ и мѣшаютъ, прибавляютъ еще кипятку и солоду и ждутъ пока кваша окиснетъ [1]). Не всякому и не всегда удается кваша. Удачнѣе приготовляетъ ее женщина, «у котрóи довги пяты». «Дивци совсимъ не можна робыть квашу, бо долю втопыть у квашу». «Якъ увійде у хату хорошый чоловикъ, не удается кваша, а якъ увійде хто нечепурный — удается». Если приготовлять одновременно квашу и хлѣбъ, что-нибудь одно не удастся. Нельзя дѣлать квашу на первой недѣлѣ поста, а только на второй, нельзя такъ-же приготовлять ее по пятницамъ и воскресеньямъ, какъ видно изъ слѣдующаго. «Наробыла жинка проты недили кваши и накрыла на лави скатертынкою, а сама спаты лягла и заснула. Колы чуе: лепъ, лепъ по стини ополоныкомъ, ажъ трычи и сказало: «йе квага, та логы нема!» Такъ жинка та встала перехрыстылась и зариклася до вику робыть квашу проты недили». (Отъ П. Величкиной, с. Бересточи). Изготовляя квашу, приговариваютъ:

Сытыся, квашо, медыся, патокою берыся, добра вдавайся, медомъ полывайся!

Удавайся кваша солоденька, якъ медокъ, а кысленька, якъ вынце!

Тоби въ церкви не бувать, святыхъ тоби не выдать, тутъ тоби солодать.

Солодысь, солодысь, щобъ маленьки поросята напылысь.

Ишовъ грекъ, нисъ меду глекъ та въ нашу квашу. А ты, квашо, робыся и медыся, выномъ становыся и панамъ годыся.

Ишовъ грекъ та нисъ меду й вына глекъ та спиткнувсь на пенёкъ, а въ нашу квашу выно та медокъ. Солодысь и добрысь, а бильшъ окропу не сподивайсь.

---

[1]) Такъ-же у Чубинскаго. Тр. Эксп. VIII, ч. III. 440, 441.

Ишовъ насишныкъ зъ пасикы, нисъ улыкъ на плечи зъ медомъ та выномъ, спиткнувсь на пенёкъ, а въ нашу квашу выно та медокъ. И медыся, и солодыся, и намъ знадобыся.

Ишовъ чернець по-пидъ горою та нисъ кушынъ меду зъ собою, та спиткнувсь на пенёкъ та высыпавъ намъ у квашу медокъ.

Прыйшовъ козакъ пидъ викно, щобъ наша кваша була, якъ выно.

Нелюбящіе кваши шутятъ:

Прыйшовъ козакъ (або вынныкъ) зъ вынныци, щобъ наша кваша була у помійныци.

Ходывъ вынныкъ по вынныци,
Носывъ квашу въ помійныци.
Бигла кваша черезъ вынныцю
Та впала въ помійныцю [1]).

На четвертой недѣлѣ великаго поста (на хрести) пекутся пшеничные кресты съ отмѣткой для каждаго члена семьи. Въ средину этихъ крестовъ задѣлываютъ листья барвинка и нитки заполочи. Сотлѣвшія нитки, пожелтѣвшій, почернѣвшій листикъ барвинка предвѣщаютъ скорую смерть владѣльцу креста, зеленый—долгую жизнь. Сѣятелю также пекутъ особый крестъ съ копѣйкой въ срединѣ. Обычай требуетъ бросить эту монету въ церкви въ кошелекъ послѣ посѣва пшеницы. Наканунѣ Благовѣщенья приготовляется обѣдъ съ рыбой и пирогами и съѣдается на самый этотъ праздникъ, на который многіе совсѣмъ не топятъ. Послѣдніе три дня страстной недѣли такъ-же не готовятъ обѣда, довольствуясь хлѣбомъ, капустой, огурцами, а старыя женщины, ничего не ѣвшія весь постъ по пятницамъ, воздерживаются и эти дни отъ пищи [2]).—«Бо вже недалечко червоне яечко».

Большая радость крестьянину дождаться прекраснаго весенняго праздника. О счастливыхъ, жизнерадостныхъ людяхъ выра-

---

[1]) Вар. у Чубинскаго. Тр. I, в. I, 110.

[2]) Также у Свидницкаго (Патриченка)- Велыкдень у Подолянъ. Основа 1861 г. № X, 50.

жаются даже: «ходыть такый (або така), якъ на велыкдень». Но и приготовленія къ празднику, ложащіяся всею своею тяжестью на хозяйку, такъ-же велики. «Жинци найскрутнійше велыкдень». Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ заботъ о чистотѣ жилища и бѣлья всей семьи, женщина должна почти безъ участія мужчинъ изготовить сложный пасхальный столъ, состоящій изъ различнаго рода пшеничныхъ хлѣбовъ, яицъ, молочныхъ и мясныхъ блюдъ. Для пасхи въ Лубенскомъ уѣздѣ предпочитается вообще озимая голоколосая пшеница, такъ называемая, стрыжена, або гладенька, переродокъ сандомирки [1]. «Зъ озимои пшеныци биле тисто, тягутише, а зъ яроп жовте». Однако за невозможностью достать озимой пшеницы, довольствуются кущовкой—ярой съ продолговатымъ, бѣлымъ зерномъ [2]. Она представляетъ извѣстныя выгоды. «Зъ яроп пшеныци выще тисто буде, дужче вгору жене». Предъ праздникомъ всякая пшеница должна быть очищена отъ ржи и ячменя и смыта; затѣмъ обыкновеннымъ перемоломъ нельзя ограничиться, необходимо еще шеретовать пшеницу,—что обходится дороже. Подъ шеретовкой понимаютъ предварительное обдергиваніе, очищеніе пшеницы отъ шелухи посредствомъ высоко поднятаго камня. За обыкновенный помолъ отходитъ мельнику 12-я, а за помолъ съ шеретовкой—10-я мѣра. Муку на пасху просѣваютъ на густое сито «щобъ бувъ пылокъ, пухъ»; просѣянная же сквозь рѣдкое сито мука (межиситка) годна лишь для паляницъ. Однако, однихъ такихъ внѣшнихъ условій успѣшности приготовленія пасокъ еще недостаточно, нужны, кромѣ того, и внутреннія, заключающіяся въ искусствѣ самой хозяйки, притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ при обыкновенномъ печеніи хлѣба. «Не по муци, а по хозяйци. Котрá тямуща, то зробыть изъ жытнёго пшенычне, а котрá не тямыть, та зъ пшенышнёго жытне зробыть». Иной бѣднягѣ выпадаетъ на долю развѣ слабое утѣшеніе: «Не вдалысь паскы, та вдалысь паляныци». Во избѣжаніе такихъ случайностей

[1]) Остистая пшеница почти вышла изъ обихода.

[2]) Другой сортъ ярой пшеницы арнаутка «окъ празныку негодытся, у ей чорна кожа, жовта мука».

иногда подгороднія хозяйки предпочитаютъ покупать пасхи на базарѣ (съ 25—70 коп.) вмѣсто пасхъ собственнаго приготовленія. Большинство хозяекъ, начиная печь пасхи съ четверга «страшнои недили», надѣваютъ чистую рубашку, и сыплютъ въ макитру пшеничной муки и вскипяченной воды или молока. Такая жидкость называется опарой [1]). Въ остывшую опару вливаютъ дрожжи [2]) и оставляютъ ее; хозяйка-же принимается за цидъ, для чего, размявъ качалкой пшеничныя высѣвки, кладетъ и въ нихъ дрожжи и, процѣдивъ, добавляетъ воды и выливаетъ въ опару. Въ эту смѣсь хозяйка добавляетъ муки и даетъ подходить; мѣситъ и опять оставляетъ тѣсто бродить, а затѣмъ уже рѣжетъ его накрестъ, приговаривая: «Господы! благословы своимъ духомъ святимъ и преспоры!» и выдѣлываетъ пасхи по двумъ традиціоннымъ образцамъ: высокимъ, нѣсколько расширеннымъ кверху, столбикомъ, какъ и самая посуда-поставець, тазокъ, или обыкновенной круглой булкой. Сверхъ паски кладется крестъ изъ двухъ полосъ тѣста, перекрещивающихъ верхушку хлѣба. На самомъ верху помѣщаютъ маленькую шишку такой же формы, какъ и свадебная, или голубчика. Шишка прикрѣпляется къ паскѣ вѣточкой освященной вербы, а вокругъ вершины еще кладутъ бахрому зубцами изъ тонкой полосы тѣста. Въ пасху втыкаютъ изюмъ и сливы. Иногда кладутъ еще въ средину пасхи яичницу или сыръ, «щобъ паска була непорожня». Выраженіе это основано на искаженіи смысла словъ пасхальной стихиры: «пасха непорочная, пасха великая». Но такая пасха не надежна, можетъ выйти глевкою, почему хозяйки признаютъ за лучшее ограничиваться масломъ. Выдѣланныя пасхи ставятся или на полъ (доски) на подушку, застланную чистой простыней или на столъ, который не должно двигать. «Тамъ вони пидходять, наростають». Когда пасхи высходятся, хозяйка разсы-

---

[1]) Въ старину опара была извѣстна далеко не всѣмъ. Многія хозяйки выливали въ дижу горшокъ кулишу, солили и учиняли.

[2]) Дрожжи дѣлаются изъ хмѣля и ржаного тѣста. Броженіе производятъ споры грибка cryptococcus fermentum (В. Григорьевъ. Руков. къ ботан. Моск. 1864 г. III изд., 367).

паетъ горсть муки по черипю, бросаетъ другую въ огонь и ждетъ, пока пламя стихнетъ; затѣмъ, очистивъ печь отъ посуды, обматываетъ пасхи чистыми тряпками и, проговоривъ: «Господы благословы! духъ святый зъ намы», трижды креститъ печь лопатой, ставитъ туда пасхи: высокія въ поставцахъ, круглыя на сковородѣ, потомъ закрываетъ (загнитыть) печь заслонкой. При этомъ иная хозяйка говоритъ: «Паскы въ пичъ, а вы, хлопци та дивчата, не сыдить та замижъ идить. Паскы выпикайтеся, а вы замижъ поспишайтеся!» Другая машетъ лопатой во всѣ углы хаты, приговаривая: «Буду въ пичъ паскы сажаты, а вы, тарканы, блощыци, стоногы, причъ зъ моеи хаты! Тарканы, стоногы! выходьте зъ свитлыци въ темныцю». Затѣмъ хозяйка, поднявъ лопату вверхъ широкимъ концемъ, восклицаетъ; «пидходь хлибъ у печи, якъ сонечко въ неби!» Настаетъ опасное время. Хозяйка бережетъ пасхи «якъ свою душу, щобъ воны не засмалылысь, не порепалысь», такъ какъ дыра въ срединѣ пасхи предвѣщаетъ смерть семьянина[1]), а трещина—убыль въ хозяйствѣ: «щось трисне». Никто не долженъ стучать въ это время, особенно дверью, или часто ходить мимо пасокъ. Крайне нежелательна въ это время женщина съ дурнымъ взглядомъ. Одновременно съ пасхами приготовляютъ обыкновенные булки и бухани, калачи—продолговатые, плетеные хлѣбы, стульни—свернутые коржи, пироги съ мясомъ, печонкой и сыромъ; послѣдніе «зъ очыма», т. е. сыръ видѣнъ по краямъ, и еще особую просфору съ отпечаткомъ крестика, который носятъ на шеѣ.

Въ составъ праздничнаго стола входятъ окрашенныя яйца въ большомъ количествѣ, отъ 50—300, такъ что иногда въ хозяйствѣ остается лишь немного ихъ для угощенія гостей яичницей. Въ чистый четвергъ моютъ яйца, въ пятницу ихъ галунятъ, т. е. погружаютъ въ растворъ квасцовъ, въ субботу красятъ, вбрасывая въ красную краску (кирку), оранжевую (жовтогарячу) изъ лука, желтую, сдѣланную изъ смѣси квасцовъ, гречневой половы и полевой нехворощи (Artemisia Scoparia. Walst et Kit),

---

[1]) Тоже замѣчаніе встрѣчается въ сборникѣ Гринченка (Изъ устъ нар. 25).

зеленую—изъ весенней травы (рясту) особенно изъ голубыхъ пролѣсковъ (Scilla bifolia. L.) и темную—въ черный сандалъ (бразолію). Красный цвѣтъ любимый: «Господь показавъ святыть червону крашанку, бо усяке радіе червоному». Можно святить яйца, окрашенныя и въ другіе цвѣта, кромѣ темнаго, «бо нечыстый радуется».

Писанокъ [1]) въ Лубенскомъ уѣздѣ уже почти не дѣлаютъ, да и прежде дѣлали немного «дитямъ похизуваться»,—способомъ, указаннымъ въ изслѣдованіи профессора Н. Ѳ. Сумцова. [2]) На мѣстныхъ писанкахъ встрѣчались орнаменты: геометрическій (безконешныкъ, зубцы, картата, ламане дерево—спираль, хрестыкова, гречкивочка—андреевскіе крестики, крывулечкамы) астральный (зиркова) и растительный (выноградъ, рожа, слывкова, сосиова, яблукова). Животнаго орнамента, вообще, не принятаго въ Малороссіи, [3]) не встрѣчалось и на мѣстныхъ писанкахъ; встрѣчалась ли свастика (croix gamées) [4]), точно неизвѣстно: показанія о ней противорѣчивы, а личныя воспоминанія неясны.

О писанкахъ существуетъ слѣдующее повѣрье: хоть цилый годъ вылежыть пысанка и зовсимъ высохне, а на велыкдень буде повна.

Главнымъ мяснымъ блюдомъ воскреснаго стола бываетъ свинина въ видѣ жаркого, сала и колбасъ. Поросенки, очень вздорожавшіе, рѣдко теперь появляются на столѣ въ противоположность пятидесятымъ годамъ, когда, напротивъ, они встрѣчались вездѣ [5]).

---

[1]) О происхожденіи писанокъ приходилось слышать слѣдующее замѣчаніе: «Богъ давъ червону крашанку, а нечыстый каже: спышу ще й кращу и выдумавъ пысанку».

[2]) Писанки. Кіевъ 1891. Въ изслѣдованіи этомъ выяснено, что обыкновеніе красить яйца и одаривать ими извѣстно было персамъ и римлянамъ; вѣрнѣе, однако, допустить, что къ восточнымъ славянамъ оно дошло изъ Византіи съ христіанствомъ. Въ красный цвѣтъ красили яйца въ воспоминаніе о крови, пролитой Спасителемъ и Предтечей (6, 7, 9); рисуются писанки при помощи воска и жестяныхъ кисточекъ разнымъ орнаментомъ (19, 20, 29—46).

[3]) Отличія червонор. и южно-рус. орнам. Кіевъ. 1877 г. 6.

[4]) Интересный символъ плодородія, благословенія, благоденствія. Comte Goblet d'Alviella La migration des symboles. Paris. 1891., 68.

[5]) Маркевичъ. Обыч., повѣр., кухня малор. 5.

И птицы, кромѣ голубей, не рѣжуть къ велыкодню; она уплачиваетъ подать яйцами. «Гришка курку ризать, що вона дае крашанкы. Вона яечко покрасыла».

Предъ разсвѣтомъ, когда заблаговѣстять къ обѣднѣ, хозяинъ или взрослый сынъ идетъ къ церкви со всѣми предметами, подлежащими освященію: саломъ, колбасами, мясомъ, рыбой,[1]) масломъ, сыромъ, пасхой, просфорой, кускомъ хлѣба,[2]) пшеномъ[3]), макомъ,[4]) пшеницей, гречкой,[5]) перцемъ,[6]) хрѣномъ,[7]) солью,[8]) квасцами,[9]) ладаномъ,[10]) восковою свѣчой,[11]) шнуркомъ или ленточкой (стежкою)[12]). Обыкновенно вся семья идетъ въ церковь, а хату запираютъ. Возвратясь изъ обѣдни «съ свяченымъ», хозяинъ первымъ входитъ въ хату, говоритъ: «Христосъ воскресъ!» куритъ ладаномъ и зажигаетъ восковую свѣчу. Разговляются сначала просфорой, потомъ пасхой, крашанками и т. д. Отпивая водки, хозяинъ приговариваетъ: «Христосъ воскресъ! желаемъ доброго здоровья, щобъ Господь дававъ хорошу весну, дощи». Всю свѣтлую недѣлю не полагается поминать мертвыхъ. Имъ оставляютъ

---

[1]) Согласно легендѣ: «Рыбу святять, бо Маты Божа зйила ниврѣберця рыбы и тоди прыйшла звистка: твій Сынъ воскресъ—и рыба та ожыла». Подробнѣе у Чубинскаго. Тр. экспед. I., в. I, 67.

[2]) Его дають ѣсть больнымъ людямъ и животнымъ.

[3]) Прибавляють къ корму цыплятъ.

[4]) Имъ осыпаютъ корову въ предупрежденіе порчи.

[5]) Ее бросаютъ въ воду и даютъ умываться больнымъ глазами (хто не дуже очамы зарыть).

[6]) Ѣдять въ предупрежденіе слѣпоты.

[7]) Закапываютъ въ мѣстахъ произрастанія осота (Cirsium arvense Scop), растенія демоническаго происхожденія (Чубинскій. Тр. I, в. I, 81), для уничтоженія его.

[8]) Ѣдять при боли желудка.

[9]) Засыпаютъ бѣльма скоту.

[10]) Подкуриваютъ отъ испуга (переполоха).

[11]) Ее зажигаютъ на погостѣ (цвинтарѣ) при освященіи пасхи.

[12]) Носятъ въ предупрежденіе слѣпоты. Почти тѣже предметы освящаются и въ Харьковской губ. (В. Щ. Пища и пит. Малор. 317).

только «тайну мылостыну», т. е. пасху и крашанки въ церкви. Пасха эта потомъ раздается нищимъ и странникамъ. [1]).

На первый день свѣтлаго праздника принято посѣщать бабу и родителей. Входя, посѣтители христосуются съ ними, поздравляютъ съ праздниками и подаютъ крашанки, булку, калачи, колбасу и водку. Праздничный столъ обыкновенно съѣдается въ три дня и замѣняется потомъ обыкновенными скоромными обѣдами, по возможности, съ мясомъ и молокомъ; пасхи же стоятъ всю недѣлю день и ночь на столѣ. Остатки освященныхъ кушаньевъ собираютъ въ мыску и бросаютъ на воду. [2]).

Передъ дарной недѣлей опять красятъ яйца, имѣющія особое поминальное значеніе: «Изъ крашанкы найкращи помынкы. у яечку сорокъ помынкивъ»;—также пекутъ булки и пироги. Три булки, нѣсколько пироговъ и крашанокъ идетъ на панихиду; затѣмъ послѣ служенія—обѣдъ: борщъ, локшину, молочную кашу, сметану, кныши, пироги, узваръ и водку выносятъ на гробкы. Каждый садится у родныхъ могилъ. Сначала кадятъ ладаномъ, потомъ пьютъ и закусываютъ, приглашая и прохожихъ раздѣлить тризну. Попивая, приговариваютъ: «Царство небесне, вишный покой прыставшимъ душамъ: всимъ родытелямъ, сродныкамъ блызькимъ и далекимъ. Лёгко имъ лежать, перомъ землю держать. Посылай, Господы, имъ царство небесне и поставъ мылостыну малу за велыку передъ душею».

Весною, послѣ свѣтлаго праздника, питаніэ довольно скудно. На завтракъ бываетъ хлѣбъ съ солью, или остатки кислой капусты и огурцовъ, также пшенный или ячный кулишъ (кандеръ, дубовый). На обѣдъ—борщъ съ зеленью, хмѣлемъ (Humulus lupulus L.), щавелемъ (Rumex acetosa L.), крапивой (Urtica dioica L.), лободой (Atriplex hortensis. L.) и ботвой (Beta vulgsris L.)

---

[1]) См. въ моихъ «Нар. обряд. и пѣсни Луб. у». 171 и «Замѣт. о малор. демонол». Кіевъ 1899 г. 2.

[1]) Вѣроятно, обыкновеніе это заимствовано, какъ и самая пасха. отъ евреевъ, у которыхъ такъ-же не дозволяется оставлять никакихъ остатковъ отъ пасхи. С. Gaberland. III. 366.

и каша съ саломъ, молокомъ или олеей. На полдникъ, начинающійся съ 23 апрѣля, дается только хлѣбъ съ зеленымъ лукомъ, а на ужинъ уха или галушки.

Мясо: курица или цыпленокъ бываетъ только на Тройцу, когда родственники приходятъ въ гости. Въ четвергъ на зеленыхъ святкахъ, «на росавчынъ велыкдень» матери, терявшія некрещенныхъ дѣтей (росавокъ, русалокъ), угощаютъ сосѣднихъ ребятишекъ молочной кашей, пирогами или варениками, маленькими коржиками и разведеннымъ медомъ (кануномъ).

Въ первый понедѣльникъ Петровки старѣйшія бабы, одѣвшись въ плахты, собираются къ хозяйкѣ у которой есть корова, говоря: «Нумъ наставлять петривку, щобъ глечыкы не сбигалы». Посреди стола ставятъ онѣ пустой кувшинъ (глечыкъ), вѣнчаютъ его вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, натыкаютъ травами и подвязываютъ красной запаской. Потомъ складываются на водку (гуртову), распиваютъ ее, покусывая коржи и приговаривая; «Дай, Боже, щобъ наши коровы булы дійни, збирни, щобъ глечыки не збигалы, щобъ вершокъ хороше стоявъ», или: «щобъ наши коровы на нашу ходылы и найидалысь и по-багату молока носылы; щобъ мы глекы налывалы, по-багато вершка збиралы, щобъ сыроваткою не пидходылы». Подгулявъ, распѣваютъ петривку, лучше сказать пародію на эти прелестныя пѣсни, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Малая ничка петривочка,
Та не выспалась наша дивочка.
До череды гнала тай задримала,
На килочкы ногы позбывала.
Дывніи люде хуторяны,
Що воны сёму дыву дывувалы!
Ще я бачыла ще й дывнише:
Що ракъ-небоpакъ цивкы суче,
А муха-горюха йисты варыть,
А комарь джыщыть, воду тащыть.

(Отъ М. Кривоносовой, с. Литвяковъ).

Петривка еще скуднѣе предыдущихъ мясницъ, потому что прошлогодніе запасы вышли, а новые еще не поспѣли. «Якъ оліи нема — шабашъ». Даже борщъ замѣняютъ часто однимъ сыровцомъ, приготовляемымъ такъ: въ кадушку (дижку) бросаютъ: сухари, особые хлѣбы изъ песѣянной муки (млынаи) или только муку и наливаютъ кипяткомъ, потомъ туда же прибавляютъ нѣсколько ложекъ тѣста изъ дижи и ждутъ, покуда жидкость выбродится (выграется) [1]; тогда сыровцомъ наставляютъ борщъ всю весну и лѣто до созрѣванія бураковъ, и ѣдятъ невареннымъ съ примѣсью лука и укропа (холодець). Лѣтнія мясницы, наступающія послѣ Петра и Павла немногимъ лучше поста. «Якъ у кого коровына, то не ввирытся, а якъ нема, то однаково, що пистъ». Только съ конца лѣта начинается улучшеніе въ столѣ при помощи овощей и фруктовъ. Къ обѣду вмѣсто каши варится часто тыква, горохъ, фасоль, кукуруза. На полдникъ къ хлѣбу прибавляютъ: огурцы, сливы, дыни, арбузы, лѣсныя груши:— «Спасивка-ласивка». На Спаса (6 августа) освящаютъ въ церкви: медъ, груши и яблоки. Люди, терявшія дѣтей, въ память о нихъ раздаютъ фрукты чужимъ дѣтямъ у самой церкви или дома. На обѣдъ въ этотъ день бываетъ борщъ съ рыбой, пироги или вареники съ фасолью или картофелемъ. Особенность обѣденнаго стола «на головосика» (29 августа, усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя) заключается въ томъ, что борщъ въ этотъ день замѣняютъ супомъ для того, чтобы головки капусты видомъ своимъ не напоминали отрубленную голову. Нельзя также ничего рѣзать въ этотъ день: ни арбуза, ни хлѣба, ни рубить капусту. По повѣрью, приведенному Маркевичемъ [2], на срубленной въ этотъ день капустѣ видна кровь; а женщина, срубивъ головку капусты, увидѣла вмѣсто нея голову своего ребенка [3]). По одинаковымъ

---

[1]) Съ примѣсью хмѣля и мяты къ сыровцу получаютъ брагу.— Въ статьѣ В. Щ. «Пища и пит. малор.» 280, приведено повѣрье, что въ сдѣланномъ въ четвергъ (кромѣ «чистаго») сыровцѣ. купается дьяволъ.

[2]) Обыч., пов., кух. 18.

[3]) Чубинскій. Тр. эксп. III. 254.

же основаніямъ великороссы не варятъ 29 августа щей [1]). Съ 1 сентября, когда дни становятся короче, отмѣняется полдникъ. Народная память крестьянъ с.с. Волчка и Бересточи сохранила старую поговорку на этотъ случай: «за Семена не бувае полудня: кобыла зайила въ вивси полудень». Въ поговоркѣ этой заключено воспоминаніе о хлѣбномъ духѣ или божкѣ, скрывающемся при концѣ жатвы въ послѣдней полосѣ или послѣднемъ снопѣ, особенно часто изображаемомъ во Франціи въ видѣ кобылы. Въ Берри, напримѣръ, полдневный (médion) отдыхъ жнецовъ на полѣ называется voir la jument [2]). Около этого же времени хозяйки начинаютъ квасить бураки для замѣны сыровца болѣе вкуснымъ бураковымъ квасомъ. Нельзя скребти бураковъ на третьей лунной четверти, вблизи мертваго тѣла, и женщинѣ въ менструаціяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ квасъ былъ бы горькимъ и бураки сгнили бы. Нужно квасить на первой четверти (якъ на остерби мисяць) такимъ пріемомъ. Дижку, назначенную для бураковъ, слѣдуетъ накурить ладаномъ, на дно ея положить крестикъ изъ гречаной соломы и кусочекъ ржаного хлѣба, потомъ очищенные (поскребены) бураки, налить водой и накрыть кружкомъ; потомъ снимаютъ только пѣну. Не хорошій признакъ, если бураки побѣлѣютъ (зминятся): «Або хто буде болить, або вмре, або-жъ буде случай». Поправляютъ обезцвѣченный квасъ, бросая въ него первый спеченный, еще горячій хлѣбъ, и мѣшая лопатой трижды навкрестъ. Позже, съ Покровы, послѣ нѣсколькихъ морозовъ шаткуютъ капусту, иногда съ помощью сосѣдокъ. «Якъ на другу кватырю поверне, тоди шаткувать капусту: вона хороша буде». Кадушку относятъ въ погребъ, тамъ окуриваютъ ладаномъ, застилаютъ дно листьями капусты, потомъ хозяйка набиваетъ туго порѣзанную капусту въ кадь и солитъ. Разомъ съ капустой кладется перецъ, лавровый (лаврывъ) листъ, яблоки, груши, изрѣдка ар-

---

1) Даль. О повѣр. рус. нар. 102.

2) J. Van den Gheyn Essais de mythol. et de philol. corpm. 63,—L. Marillier. „M. Frazer et la Diane de Nemi". Рецензія въ Revue de l'ist. des relig. Paris. 1892. T. XXV. 83.

бузы. При помощи заготовленныхъ, такимъ образомъ, запасовъ «Пелыпивка» проходитъ въ пищевомъ отношеніи лучше другихъ постовъ до самаго Рождества. Кутю наставляютъ «непочатою» водою въ новыхъ горшкахъ наканунѣ святвечера, потому что ячныя зерна долго развариваются. «Кутя кыпыть безъ путя» [1]). Во время кипѣнія дѣвушки, а не женщины, должны мѣшать кутю ложкой. Тогда же наставляютъ и узваръ. Ужинъ съ рыбой и разными пирогами приготовляется на самый святвечиръ [2]). Самъ хозяинъ ставитъ кутю и узваръ на покутя въ сѣно. Предъ ужиномъ онъ же куритъ ладаномъ и зажигаетъ восковую свѣчу.

Ужинъ начинаютъ съ нѣсколькихъ зеренъ кути, потомъ хозяинъ, отпивъ водки, произноситъ: «Дай, Боже, на викъ, на здоровья, на благополучіе. Легко згадается усимъ роднымъ, де хто жывый повертается. Царство небесне батькамъ и матерямъ, дидамъ и бабамъ и всимъ родытелямъ [3]). Часть ужина дѣти (вечерныкы) относятъ старшимъ родственникамъ, кумамъ, бабѣ; часть оставляютъ на ночь усопшимъ родичамъ. «Якъ не положыть ничого, а одни тилькы мыскы, ложкы, то тарабанытыме усю ничъ» [4]).

---

[1]) О кутѣ есть такое же повѣріе, какъ о кашѣ: «Якъ кутя верхъ выведе, то добре, а якъ западе—на вмируще».

[2]) Рождественскіе праздники изложены мною здѣсь сжато въ виду существованія двухъ сочиненій о празднованіи ихъ въ Лубенскомъ у.; 1, М. Т. Симонова «Риздвяни святки» въ Основѣ 1861 г., 2, моихъ «Рождеств. святки въ сѣв. части Луб. у.».

[3]) Вар. у Номиса. Укр. прык. 226.

[4]) Жертвенное и поминальное значеніе кути доказывается прежде всего самимъ родомъ зерна, изъ котораго она приготовляется—ячменемъ, издавна употреблявшимся при религіозныхъ церемоніяхъ (Regner. Arkezbau der Alten. 184); затѣмъ помѣщеніемъ кути на сѣнѣ, подобно тому, какъ древне-индѣйскія жертвенныя кушанья ставились на священную траву (C. Gabezland. Ueber Gebr. und Aborgl beim Essen. 371); сходными обыкновеніями различныхъ народовъ, наприм. римлянъ, приносившихъ жертвы предкамъ во время календъ, нонъ и идъ каждаго мѣсяца, и удѣлявшихъ ларамъ часть трапезы (Спенсеръ основ. социол. I, 317, примѣч.), оставленіемъ части рождественскихъ блюдъ душамъ и духамъ во Франціи, Богеміи, Силезіи и Сербіи (Gaberland 272). Между прочимъ по древнѣйшимъ египетскимъ вѣрова-

Рождественскій обѣдъ состоитъ изъ борща и локшины со свининой [1]), какъ и всѣ послѣдующіе обѣды до новаго года. Это время оживляется хорами дивчатъ, распѣвающихъ слѣдующія колядки и щедривки.

1.

Пане́ господарю! що на твоимъ двори
Тры столы стояло, тры кныгы лежало,
Тры свичи палало, тры святихъ сыдило,
Тры кныгы чыталы, трое святъ казалы.
Що первое свято—святое ро́жество,
А другее свято—святый Васылій,
А третее свято—самъ Иванъ Хрестытель.
Святое ро́жество намъ радость пры́знесло,
Святое Васылля на многое лито,
Иванъ Хрестытель воду освящае,
Воду освящае, людей очыщае.
Пане господарю! ты не самъ собою,
Не самъ собою зъ диткамы, зъ женою.
Зъ диткамы, женою, зъ усимъ своимъ родомъ.
Ой, радуйся земле, свите веселыся:
Сынъ Божій народывся!

(Въ 1900 г. въ с. Шершневкѣ). Варіантъ у Чуб. (Тр. эксп. III, № 67, стр. 337) кратче.

2.

Ой, у Ерусалыми рано задзвоныли.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ,

ніямъ мертвецы, лишенные жертвы, отнимаютъ пищу насильно, а не находя ее, поѣдаютъ грязь и нечистоты (Dr. A Windemann Die Toten und ihre Reiche im Glauben der alten Aegypter Leipzig. 1900. 25).

[1]) Свинина у римлянъ была праздничнымъ и поминальнымъ кушаньемъ, у грековъ жертвеннымъ въ культѣ Деметры (Reynier. Ackerbau. 262. Липпертъ. Истор. культуры. 82).

Добримъ людямъ на здоровье.
Що дива Марія сына й уродыла,
Вона й уродыла та й не охрестыла.
Прыйихалы паны зъ чужои стороны
Та й сталы гадаты: яке ёму имя даты?
Далы ёму имя святее Илля.
Матка сёго имя та й не возлюбыла.
Далы ёму имя пресвяте Васылля.
Матка за се имя поблагодарыла.

(Въ 1900 г. отъ коз. с. Юсковець, Горпины Сеньковой).

3.

Жыдивськый край, жыдивщына
Туды збиралася вся жыдова.
Радылы раду жыдивську,
Якъ намъ Хреста уловыть.
А вловывшы умертвыть?
Ваппою умывалы,
Ожыною вытыралы,
А шепшыною пидперезалы.
Терновый винокъ на голову клалы.
На древо роспыналы.
Гвоздямъ рукы прыбывалы,
А пидъ древомъ кровъ спускалы.
Анголы чаши пидстановлялы,
Хрыстовои крови въ землю не пускалы.
Прыйшла къ ёму Божая Маты.
Божая Маты, дива Марія.
«Ой, сыну мій и Боже мій!
Чы на викы жъ ты помираешъ?»
— Маты моя, дива Марія,
Я не навикы помираю.
За праведни души страсть прыймаю.
Прынявъ Хрыстосъ мукы й раны

За праведни души хрыстіяны.
Алилуй, алилуй! Господы помылуй!

(Записана въ 1895 г. отъ кр. х. Тернавщины, Софіи Писаренковой). У Чубинскаго въ Труд. экспед. т. III, № 90, 366, варіантъ гораздо кратче.

4.

Ой, вы вечоры,—ой дежъ вы булы?
Ой дежъ мы булы?—на Осіянськихъ горахъ.
Аминь, аминь, алылуя.
Ой, вы вечоры, що-жъ вы робылы?
Що-жъ мы робылы?—кружа кружылы,
Кружа кружылы, церкву строилы.
Церкву строилы зъ трёма банямы,
Зъ трёма банями, зъ трёма й гробамы.
Що въ первомъ гроби Ісусъ Хрыстосъ лежыть,
А въ другимъ гроби—святый Мыколай,
А въ третимъ гроби—дива Марія,
Аминь, аминь, алылуя дива Марія!
Надъ Ісусомъ Хрыстомъ свичи палають,
Надъ Мыколаемъ та й пезгасаютъ,
Надъ Маріею рожа процвила.
А съ тіи рожи та вылитавъ птахъ.
Не есть же то птахъ, ой то сынъ Божый!
Аминь, аминь, алылуя сынъ Божый!
Ой, то сынъ Божый людей намножывъ!
Аминь, аминь, алылуя людей намножывъ.

(Отъ кр. м. Снѣшина Николая Ивахненка).

5.

Добрывечиръ пане-господару!
Благословить Хрыста славыть.
Ой, янголы, арханголы!
На святый вечиръ Меланію.

Меланія пребагата
Дай на церковъ срибла-злата.
Не жалила бъ удилыты,
Щобъ було церковъ оббилыты,
И за отця, и за неньку,
И за себе, молоденьку.
Боронь Боже наше стадку,
Щобъ не було вамъ упадку;
Якъ вы дасте намъ удвое,
То Богъ дасть вамъ ажъ утрое!

(Въ 1900 г. въ с. Шершневкѣ).

6.

Ой, добрый вечиръ, пане хазяинъ!
Мы навидалы хорошого сына у тебе.
Соколе ясный, панычку красный, Мыколо!
Нема дома десь у гетмана;
Десь у гетмана городъ городыть.
Загородывъ тры городочкы:
Що первый городъ, що изъ царямы,
А другый городъ—изъ панамы,
А третій городъ—изъ мужыкамы.
Що изъ царямы медъ-выно пыты,
А изъ панамы сады садыты,
А зъ мужыкамы хлиба робыты.
Мы жъ тебе, Мыколко, не поныжаемъ,
Съ празныкомъ рожествомъ поздоровляемъ.

(Отъ коз. м. Лукомья, Катерины Норовой).

7.

У нашого пана та выросло древо:
Сребряне гилля, а золота кора.
Тамъ панъ хазяинъ ходыть, ружо заряжа;
Ружо заряжа, сокола стреля.

— Ой, не стреляй ты мене, пане хазяину!
То я тоби стану въ велыкій прыгоди:
Якъ будешъ женыться, то я твою мылу
Крылечкамы вкрыю
Тебе молодого, коня вороного.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Пятигорецъ Варвары Карпенковой). Вар. въ моихъ Рожд. святкахъ сѣв. части Луб. у., 18.

8.

По-за садомъ, садомъ,
Садомъ-выноградомъ,
Дивка Мотрушка садъ садыла;
Садъ садыла, выномъ полывала;
Выномъ полывала, ще й Бога прохала:
Роды, Боже, яблучка й оришкы.
Яблучкамы пидкыдатысь,
Оришкамы осыпатысь.

(Въ 1900 г. отъ кр. м. Снѣтина Даріи Сизоненковой, 18 л.) Болѣе подробный варіантъ у Н. Маркевича: Обычаи, повѣрья, кухня малорос. Кіевъ. 1860 г., 26, 27.

9.

Ой, мосту, мосту,
Калына въ лысту.
Калыно моя!
Луженькы вода поняла.
А тамъ стояла шынкивля нова,
Та тамъ у неи тры козакы пье.
Що первый же пывъ—коныка пропывъ,
А другый же пывъ—сидельце пропывъ,
А третій же пывъ—персны чокъ пропывъ.
Персны чокъ узяла, сама надила;
Коныка взяла, братику ддала.
Сидельце взяла, батеньку ддала.

(Отъ Н. Щербиневой). Чуб. т. 3, № 118, стр. 391—вар. отдаленный.

10.

Ой, выйды, дядьку, щось тоби Богъ давъ.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Прывела корова полового быка,
Прывела вивця чорного барана.
Половымъ быкомъ у Крымъ ходыты,
У Крымъ ходыты силь возыты,
А чорнимъ бараномъ вивци плодыты.
Щедрый вечиръ; добрый вечиръ!

(Отъ кр. м Снѣтина Николая Ивахненка).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гоголь какъ художникъ.

Личность Гоголя представляетъ высокій, разносторонній и почти неисчерпаемый интересъ и во многомъ является любопытной психологической загадкой, разрѣшеніе которой, при всей трудности, необыкновенно завлекательно. Не только любитель и знатокъ литературы, но и моралистъ, медикъ, психологъ, каждый въ своей сферѣ изученія найдетъ себѣ обильную жатву въ судьбѣ и сочиненіяхъ Гоголя. Если иныя стороны его замкнутаго и необщительнаго характера могутъ представляться не вполнѣ симпатичными для нѣкоторыхъ, то трудно назвать другое имя, съ которымъ было бы связано столько важныхъ и любопытныхъ психологическихъ вопросовъ, и которое напоминало бы о такой трагической судьбѣ великаго генія. Но этого мало: всѣмъ памятенъ роковой конецъ Гоголя, а сколько горя испыталъ онъ при жизни, сколько на него сыпалось ожесточенныхъ упрековъ и безпощадной брани за изображеніе темныхъ сторонъ жизни! Но въ настоящую минуту насъ занимаетъ Гоголь какъ художникъ и къ обзору его литературной дѣятельности мы и обратимся.

Трудно было сначала Гоголю, какъ и многимъ молодымъ людямъ, опредѣлить свое призваніе. Первые шаги часто бываютъ ошибочны; не избѣгнулъ и Гоголь этой почти общей участи. Великіе писатели также не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія и не всегда сразу находятъ настоящую дорогу. Не странно ли, что Крыловъ дебютировалъ въ литературѣ ходульными ложно-

классическими пьесами? Гоголь, еще далекій отъ мысли считать литературу своимъ призваніемъ, началъ сперва писать стихи вслѣдствіе потребности излить свои чувства и юношескія мечты. По смерти отца онъ пишетъ маленькое стихотвореніе «Непогода», которое было внушено ему его горемъ, а спустя нѣкоторое время увлекается случайно попавшейся ему книгой и пишетъ «Ганца Кюхелгартена».

Гоголю тогда еще, очевидно, не приходила мысль черпать матеріалъ для своихъ сочиненій изъ окружающей жизни; онъ былъ занятъ собственнымъ внутреннимъ состояніемъ, и вмѣсто того, чтобы написать небольшое лирическое стихотвореніе, задумалъ украсить свои юношескія изліянія нарядной рамкой, которою и послужилъ для него заимствованный сюжетъ. Первый блинъ вышелъ комомъ, и Гоголь поспѣшилъ предать огню этотъ плодъ своей музы. Послѣ этого, совершенно случайно, уже переселившись въ Петербургъ, подъ вліяніемъ матеріальной нужды, замѣтивъ, что въ столицѣ многихъ интересуетъ все малороссійское, онъ рѣшился воспользоваться такой счастливой возможностью выпутаться изъ затруднительнаго положенія и пишетъ «Вечера на хуторѣ», которымъ ни тогда, ни послѣ не придавалъ особеннаго значенія. Теперь ему уже не нужно было ходить за вдохновеніемъ въ чужую страну; онъ просто выбираетъ центромъ дѣйствія своихъ разсказовъ знакомыя съ дѣтства родныя Сорочинцы, Миргородъ, Диканьку, и рисуетъ близкій ему, простой малороссійскій бытъ. Здѣсь передъ читателемъ проходятъ уже разнообразные и чрезвычайно живые и занимательные типы: безпечный и лѣнивый украинецъ, отчасти комикъ по натурѣ, статный, бравый паробокъ, удалый, отчаянный запорожецъ, обаятельная своей свѣжей, дѣвственной красотой молодая дѣвушка и ворчливая, отцвѣтшая старуха и въ добавокъ иногда еще запоздалая кокетка, типы винокура, головы, дьячка,—вообще міръ совершенно демократическій. Уже въ «Вечерахъ», въ этомъ благоухающемъ вешнемъ цвѣткѣ Гоголевскаго творчества, мы видимъ смѣлую кисть мастера, а бьющая ключомъ, захватывающая веселость юности невольно плѣняетъ читателя: съ истинно поэтиче-

скимъ воодушевленіемъ авторъ рисуетъ картины Днѣпра и украинской ночи, и дѣда своего разсказчика, и безподобнаго дьячка Ѳому Григорьевича, «который всегда приметъ васъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, за которое онъ платилъ въ Полтавѣ чуть не по шести рублей за аршинъ» и «отъ сапогъ котораго никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя». И вообще «Вечера» такъ и дышатъ свѣтлымъ юморомъ. Неподражаемо рисуетъ Гоголь наивное изумленіе кузнеца при въѣздѣ въ столицу: «съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ домы устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ, въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ. «Я думаю, каждый, кто ни проѣдетъ по улицѣ, то и засѣдатель, засѣдатель! А тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ—когда не городничіе, то, вѣрно, коммиссары, а можетъ быть, еще и больше». Или: «кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ только медъ да сало и тому подобное; но почувствовалъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока и рѣшился замолчать». Здѣсь на каждомъ шагу оригинальная поэзія и беззаботный смѣхъ, пока еще не омраченный скорбью о людской пошлости.

Но жизнь полагаетъ свою тяжелую руку и на генія, такъ же, какъ и на обыкновенныхъ людей, и въ «Миргородѣ», продолженіи «Вечеровъ», при такой же роскоши богатой фантазіи чувствуется уже другое настроеніе, и каждый изъ четырехъ разсказовъ, составляющихъ книгу, окрашенъ какимъ-то траурнымъ колоритомъ, при чемъ печаль соединяется обыкновенно съ какимъ-то трогательнымъ раздумьемъ, которымъ явно побѣждается веселый юморъ. Вспомнимъ похороны Пульхеріи Ивановны: «Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ» и проч. Это описаніе послѣ словъ: «покойницу понесли, наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ»

производить невыразимо грустное впечатлѣніе, Еще болѣе трогательны предсмертныя заботы Пульхеріи Ивановны о любимомъ мужѣ: «смотри мнѣ, Явдоха, когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любить; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградить тебя». Но особенно трогательны послѣ этого слова автора: «бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставила сирымъ и безпріютнымъ».

Изучая Гоголя, мы восхищаемся его необычайно оригинальнымъ и глубокимъ дарованіемъ, представляющимъ неистощимый источникъ эстетическихъ наслажденій, но особенно хороши у него тѣ мѣста, въ которыхъ затрогивается задушевное чувство и гдѣ читателемъ невольно овладѣваетъ грустное раздумье. Съ ранняго дѣтства и до гробовой доски не мирился Гоголь съ тѣмъ безотчетнымъ существованіемъ, которымъ такъ легко удовлетворяется великое множество людей, и всю жизнь онъ, какъ могъ и умѣлъ, искалъ лучшей и болѣе достойной цѣли, страдая отъ тяжелыхъ нравственныхъ мукъ, и это безпокойное исканіе идеала и составляетъ самую привлекательную черту его личности и творчества. Онъ осмѣивалъ житейскую пошлость, но не злымъ, безпощаднымъ смѣхомъ, а сокрушался о ней въ душѣ и имѣлъ полное право сказать, что онъ смѣется сквозь слезы. Если бы Гоголь не жилъ такой богатой внутренней жизнью, то не могли бы его сочиненія такъ сильно дѣйствовать на чувство и такъ глубоко затрогивать за живое. Но, рисуя окружающую дѣйствительность со всею ея пошлостью и недостатками, онъ вовсе не относился къ ней безучастно, и за всѣми изображаемыми имъ мелочами жизни въ еко произведеніяхъ всегда сказывается тонко и глубоко чувствующая личность автора, что и даетъ такую чудную жизнь его созданіямъ. Читая Гоголя, мы любуемся его не-

обыкновенной наблюдательностью въ изображеніи лицъ и явленій жизни. Но главное, что всему придаетъ смыслъ и значеніе, благодаря чему мелочи повседневной жизни не остаются только ничтожными и смѣшными, заключается, конечно, въ живомъ отношеніи автора къ человѣку къ его душевному міру, хотя бы и порочному и пошлому, и въ его по истинѣ прекрасномъ смѣхѣ сквозь слезы. Эта задушевность автора незамѣтно передается читателямъ и волшебнымъ свѣтомъ озаряетъ кучу мелкихъ наблюденій, которыя иначе никогда не получили ни такой магической силы. Юморъ Гоголя возбуждаетъ не только смѣхъ, но и жалость и глубокое участіе къ человѣку. Приведемъ примѣры. Въ повѣсти «Портретъ» прекрасное описаніе картинной лавочки, возвращенія художника домой, описаніе его убогой обстановки и студіи, появленіе квартальнаго и проч.; но вамъ невольно сообщается глубокая сердечная скорбь автора за сбившагося съ истиннаго пути художника, и особую красоту особый, смыслъ всему придаютъ тонкіе трагическіе штрихи, вкрапленные въ описаніе будничнаго комизма повседневной жизни. «Художникъ ловилъ всякій оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами»—говоритъ Гоголь, разсказывая о томъ, какъ онъ рисовалъ портретъ молоденькой барышни—аристократки, — «и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: «ахъ, зачѣмъ это? Это не нужно», говорила дама: «у васъ тоже... вотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнычки», Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составляютъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется. «Но позвольте здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской», сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили». Какъ прелестна здѣсь эта встрѣча комическаго съ самымъ настоящимъ трагизмомъ: мы уже присутствуемъ при началѣ нравственнаго паденія способнаго художника

дѣлающаго, ради денегъ и славы первую уступку людской пошлости, за которой не замедлять послѣдовать и другія, а затѣмъ ему останется только катиться внизъ по наклонной плоскости, и мы уже предвидимъ его жалкій конецъ. Описывая далѣе обманчивый внѣшній, хотя и громкій успѣхъ художника, Гоголь снова юмористически рисуетъ пошлость, но читателю уже ясенъ трагическій смыслъ повѣсти. Наконецъ наступаетъ сильный трагическій моментъ передъ картиной молодого художника, который добросовѣстно обработалъ свой талантъ, и въ душѣ Черткова вдругъ жаркимъ пламенемъ вспыхнуло позднее раскаяніе, когда дѣла поправить было уже нельзя, и ему осталось только содрогаться и страдать отъ сознанія, что легкомысленно и безжалостно онъ загубилъ свое дарованіе. Вообще, если позволительно употребить старинное, любимое выраженіе Бѣлинскаго, паѳосъ Гоголя заключался или въ восторженномъ очарованіи, какъ, напр., въ «Днѣпрѣ», или же въ чувствѣ содроганія, когда ему, по выраженію Шекспира, за человѣка становилось страшно. Трагическія ноты у Гоголя всегда вдругъ озаряютъ нарисованную картину новымъ чуднымъ блескомъ. Обыкновенно отмѣчаютъ, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, лирическія мѣста въ поэмѣ «Мертвыя Души», но ихъ не мало и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ и особенно въ «Тарасѣ Бульбѣ». Таково, напр., размышленіе Тараса передъ трупомъ убитаго сына, начинающееся словами: «и погибъ казакъ!» Или въ «Шинели»: «Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главу сильныхъ міра сего!» Сколько здѣсь прекраснаго, гуманнаго чувства, и какъ сильно это лирическое мѣсто въ повѣсти!

Въ подобныхъ мѣстахъ Гоголь захватываетъ читателя, и хотя и во все остальное время онъ не остается безучастнымъ къ героямъ разсказа, но здѣсь онъ, такъ сказать, поднимаетъ завѣсу и прямо говоритъ отъ своего лица, какъ и при изображеніи раскаянія одного изъ болѣе порядочныхъ и добрыхъ сослуживцевъ бѣднаго Акакія Акакіевича въ безсердечномъ обращеніи съ нимъ: «И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ»...

Больше и ярче всего бросается въ глаза въ сочиненіяхъ Гоголя его сокрушеніе о людской пошлости и нравственномъ ничтожествѣ; такъ всегда и понимали его «смѣхъ сквозь слезы»; но порой встрѣчаются у него и просто слезы, уже не соединенныя съ смѣхомъ, когда онъ выражаетъ сочувствіе незаслуженному горю, и эти мѣста у него также прелестны. Такъ, превосходно его описаніе чувствъ матери въ первой главѣ «Тараса Бульбы», и также въ слѣдующихъ строкахъ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, гдѣ тоже изображается материнское горе: «Не по одному козаку взрыдаетъ старая мать, ударяя своими костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между ними одного милѣйшаго изъ всѣхъ». Правда, это чудное мѣсто было внушено Гоголю народной козацкой думой «о выходѣ на линію» и другою «Ивась Коновченко», но, какъ самостоятельная переработка разныхъ пѣсенъ, оно также свидѣтельствуетъ о характерѣ творчества Гоголя. Какъ трогательно передано здѣсь чувство повтореніемъ нѣсколькихъ простыхъ, но многозначительныхъ словъ и какой яркій образъ создается благодаря двумъ-тремъ выразительнымъ эпитетамъ: «ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси» и «распознавая каждаго въ очи»—выраженія, которыхъ нѣтъ въ названныхъ думахъ—здѣсь цѣлая картина; а простой, заурядный

эпитетъ «сердечная» какъ усиливаетъ впечатлѣніе! И какъ это трогательное изображеніе несчастной матери погибшаго козака, промелькнувшее среди суровыхъ и грозныхъ картинъ битвы, вноситъ въ разсказъ живое разнообразіе и дополняетъ уже произведенное на читателя впечатлѣніе! Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы Гоголь прекрасно изображаетъ глубокое раздумье Остапа и Андрія по поводу полученнаго каждымъ изъ нихъ образа изъ дому отъ матери. Еще выше и сильнѣе трагическій тонъ—въ тѣхъ строкахъ, гдѣ раздумье молодыхъ казаковъ вдругъ переходитъ въ раздумье самого автора и послѣднее выражено съ такой силой, задушевностью и глубокой поэзіей, что невольно хватаетъ за сердце. Тутъ, вдругъ, словно молніей, на мгновеніе озаряется вся картина, и затѣмъ, послѣ чудной вспышки лиризма, авторъ снова возвращается къ прежнему спокойному тону повѣствованія. Вотъ все это мѣсто: «надѣли на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припоминая старую мать. Что-то пророчитъ и готовитъ имъ это благословеніе? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой, на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы не распознавая въ очи другъ друга, голубка—не видя ястреба, ястребъ—не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели»... Также въ другомъ мѣстѣ поэмы: «но не вѣдалъ Тарасъ, что готовитъ Богъ человѣку завтра». Напомню еще превосходное описаніе смерти Кукубенка въ «Тарасѣ Бульбѣ»: «и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стеклянномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги: поскользнулись тутъ же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай въ жизни, чтобы, если приведетъ Богъ на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть съ нимъ вмѣстѣ прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ». Наконецъ, есть у Гоголя

такія мѣста, гдѣ изъ обѣихъ основныхъ стихій его поэзіи, лиризма и юмора, первый беретъ рѣшительный перевѣсъ и заходитъ такъ далеко, что наконецъ нарушается обычное равновѣсіе этихъ элементовъ даже въ ущербъ реальному изображенію. Такъ въ превосходной патетической сценѣ между Андріемъ и панночкой не вполнѣ натуральны эффектныя и длинныя тирады ими произносимыя,—такъ, покрайней мѣрѣ, полагали нѣкоторые критики, но тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ иное достоинство: здѣсь мы имѣемъ дѣло какъ бы съ отрывкомъ изъ прекрасной лирической поэмы и не достаетъ только стихотворнаго размѣра. Такіе же элементы поэмы по высокому подъему настроенія мы находимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ «Тараса Бульбы», начиная съ неподражаемаго изображенія обаянія, произведеннаго на душу Андрія въ костелѣ звуками органа. «Величественный ревъ органа наполнилъ вдругъ всю церковь; онъ становился гуще и гуще, разростался, перешелъ въ тяжелые раскаты грома, и потомъ вдругъ, обратившись въ небесную музыку, понесся высоко надъ сводами, своими поющими звуками, напоминавшими тонкіе дѣвичьи голоса, и потомъ опять обратился въ густой ревъ и громъ, и затихъ. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа подъ сводами, и дивился Андрій съ полураскрытымъ ртомъ величественной музыкѣ». Религіозное чувство Гоголя, производящее сравнительно слабое впечатлѣніе въ «Перепискѣ съ друзьями», кромѣ прекрасной статьи «Свѣтлый праздникъ», въ увлекательной формѣ передано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Тараса Бульбы», напр. въ описаніи смерти Кукубенка: «и вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ. «Садись, Кукубенко, одесную Меня!»—скажетъ ему Христосъ: «ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ Мою церковь»..

Всѣ такія лирическія мѣста имѣютъ большое значеніе и какъ одно изъ средствъ проникнуть во внутренній міръ автора, такъ какъ въ нихъ несомнѣнно отражаются самыя сильныя и интимныя его чувства. Между произведеніями Гоголя и внѣшними фактами его біографіи со временемъ будетъ перекинутъ

мость, но предварительно должны быть тщательно изучены внѣшніе факты, чтобы получить прочную почву для выводовъ, а затѣмъ уже можно попытаться на основаніи лирическихъ мѣстъ и вообще произведеній, глубже проникнуть въ душу поэта. О Гоголѣ, какъ и о другихъ писателяхъ, сохранилось множество воспоминаній, но недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что, даже при безусловно полной добросовѣстности авторовъ,—а это не всегда бываетъ,—они неизбѣжно получаютъ субъективную окраску и очень часто страдаютъ односторонностью и случайностью впечатлѣній, и вообще, мы имѣемъ здѣсь дѣло не непосредственно съ самимъ Гоголемъ, но видимъ его сквозь призму посредника, третьяго лица. Но и здѣсь также есть опасность увлечься апріорными, т. е. недостаточно обоснованными и провѣренными соображеніями, почему и слѣдуетъ къ такимъ выводамъ приступать съ особенной осторожностью и лишь послѣ самаго обстоятельнаго изученія внѣшнихъ фактовъ. Все это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Гоголь сталъ собственно въ непосредственной формѣ высказывать свои взгляды и убѣжденія только въ послѣдніе годы своей жизни, сперва въ личной перепискѣ, а затѣмъ и въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». До изданія этой книги Гоголь говорилъ съ публикой исключительно художественными образами, а потому она была совершенно не посвящена въ его міросозерцаніе. Когда же она наконецъ была введена въ его внутренній міръ, то всѣ были изумлены и поражены. Контрастъ показался слишкомъ разительнымъ: въ первой половинѣ литературной дѣятельности Гоголь являлся глубоко чувствующимъ и замѣчательно наблюдательнымъ и оригинальнымъ художникомъ— и вдругъ выступилъ утомительный и сухой резонеръ. Получалась какая-то двойственность, теперь уже достаточно разъясненная, но для современниковъ совершенно непонятная. Еслибы предположить, что Гоголь не дожилъ бы до «Переписки съ друзьями», то недоумѣніе потомства было бы еще труднѣе разсѣять, и можетъ быть, казалось бы совершенно невѣроятной рѣзкая разница между характеромъ его произведеній и писемъ; и наоборотъ, еслибы Гоголь вздумалъ по какому-нибудь случаю высказывать свои

убѣжденія раньше пресловутой «Переписки», то онъ былъ бы для всѣхъ несравненно понятнѣе.

Но возвратимся къ произведеніямъ Гоголя.

Въ комедіяхъ Гоголя мы находимъ новый, еще почти небывалый элементъ. Имѣя достойнаго предшественника только въ лицѣ Грибоѣдова, создавшаго, впрочемъ, единственную капитальную вещь, онъ вступилъ на поприще изображенія въ драматической формѣ ежедневной жизни. Мелочность и пошлость еще рельефнѣе выступаютъ въ комедіи, нежели въ повѣсти. «Чтó если въ самомъ дѣлѣ городничій потащитъ меня въ тюрьму?» говоритъ Хлестаковъ. «Чтó жъ, если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купчихой»; или его знаменитое: «удалимся подъ сѣнь струй». А какова Марья Александровна въ «Отрывкѣ»: «Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говоритъ, и нарочно такъ, чтобы я слышала,—а я сижу третьею: «я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Я рада, что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака». Ужъ какъ онъ хочетъ, а я употребляю всѣ старанія, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть черезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ!» Или это наивное восхищеніе почтмейстера въ «Ревизорѣ» описаніемъ бала въ одномъ изъ задержанныхъ имъ у себя писемъ: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ, говоритъ, въ эмпиреяхъ; барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ! «Съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ!». Въ «Утрѣ дѣлового человѣка» Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ, якобы дѣловые люди, поспоривши о томъ, кто какую карту сбросилъ, собираются вмѣстѣ ѣхать за разрѣшеніемъ спора къ своему общему знакомому и, вѣроятно, сослуживцу Лукьяну Ѳедосѣевичу. А какъ живо изображеніе хлопотуна Кочкарева и робкаго, нерѣшительнаго Подколесина, безпардоннаго Яичницы и жеманной Агаѳьи Тихоновны, а въ «Игрокахъ» заманиваніе мнимаго молодого Глова расторопнымъ и продувнымъ проныpой Утѣшительнымъ! Богатство и разнообразіе типовъ въ комедіяхъ Гоголя изумительны. Другіе наши

величайшіе драматурги отмежевали себѣ какую-нибудь одну сферу: Грибоѣдовъ изобразилъ, хотя и геніально, только московское общество двадцатыхъ годовъ въ своемъ «Горѣ отъ ума» (остальныя его произведенія имѣютъ мало значенія), Островскій, главнымъ образомъ, купечество; у Гоголя же специализаціи въ его пьесахъ нѣтъ.

Наконецъ,—«Мертвыя Души», главное созданіе нашего писателя. Великій восторгъ, но вмѣстѣ и глубоко грустное чувство возбуждаетъ воспоминаніе объ этомъ произведеніи. Здѣсь во всемъ блескѣ раскрылся талантъ автора, нарисовавшаго въ первомъ томѣ грандіозную картину необыкновенной яркости; талантъ автора достигаетъ здѣсь полной зрѣлости; съ другой стороны, тѣже «Мертвыя Души» были могилой его таланта или, по выраженію Анненкова, «подвижнической кельей, изъ которой его вынесли бездыханнымъ». Съ годами все серьезнѣе и глубже смотритъ Гоголь на свое творчество: отъ веселыхъ, игривыхъ «Вечеровъ на хуторѣ» онъ перешелъ къ болѣе глубокому и выше стоящему въ художественномъ отношеніи «Миргороду» и къ петербургскимъ повѣстямъ, затѣмъ въ «Ревизорѣ» рѣшилъ собрать въ одну кучу все дурное, что есть въ Россіи, чтобы разомъ посмѣяться надъ всѣмъ; наконецъ, въ «Мертвыхъ Душахъ» сначала хотѣлъ показать «съ одного боку всю Русь», съ ея хорошими и дурными сторонами, наконецъ, расширилъ сюжетъ и задачу произведенія до невѣроятной степени и сталъ соединять съ нимъ такія неимовѣрныя мистическія надежды, что даже такой могучій талантъ, какъ его, не могъ выдержать. Во всякомъ случаѣ этимъ великимъ произведеніемъ Гоголь хотѣлъ принести пользу своимъ соотечественникамъ, и въ «Мертвыхъ Душахъ» больше нежели гдѣ-либо, изображая недостатки и пошлость людей, онъ глубоко скорбѣлъ и, конечно, имѣлъ полное право сказать знаменательныя слова: «И долго еще мнѣ опредѣлено чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы».

Самый герой поэмы—человѣкъ, не возбуждающій никакихъ симпатій; Плюшкинъ—тѣмъ менѣе; но авторъ не только представляетъ ихъ въ томъ отталкивающемъ видѣ, какого они заслуживаютъ, но даетъ читателю возможность заглянуть глубже въ ихъ прошедшую жизнь и внутренній міръ и показываетъ намъ, почему человѣкъ могъ такъ низко пасть. Мы смѣемся надъ Чичиковымъ и презираемъ его, но вѣдь надо вспомнить весь ужасъ обстановки его дѣтства. «Жизнь при началѣ взглянула какъ-то кисло, непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ. Страшно представить себѣ это! «Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ—больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу, вѣчное сидѣніе на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ». А это по истинѣ убійственное наставленіе отца Чичикова, который въ своей бѣдной, низменной жизни не видалъ радости, а о существованіи какихъ-нибудь идеальныхъ стремленій никогда и не подозрѣвалъ: «Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а болѣе всего—угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ». Какой несправедливый, возмутительный и глубоко-грустный взглядъ на жизнь передаетъ отецъ своему сыну на прощаньѣ, можетъ быть, на вѣкъ! И какъ этотъ человѣкъ, никогда-то во всю жизнь не видавшій отрады, забитый и измученный,—какое горькое и невѣрное вынесъ онъ представленіе о жизни и о людяхъ, которыхъ, въ сущности, безъ исключенія, считаетъ подлецами, хотя, можетъ быть, и не отдаетъ себѣ въ томъ

яснаго отчета. Сыну онъ хотѣлъ добра, а сдѣлалъ великое зло. «Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ». Слова эти въ устахъ отца въ торжественную минуту разлуки съ сыномъ ужасны; насколько выше и справедливѣе взглядъ народа, выраженный въ простой пословицѣ: «не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей». Казалось бы, такое чудовищное наставленіе не могло и запасть въ душу десятилѣтняго ребенка, но развращающій ранній практицизмъ уже былъ имъ унаслѣдованъ отъ отца и ужасное сѣмя пало на благопріятную почву. А сколько ужаса и сосредоточенной грусти въ этихъ строкахъ о Плюшкинѣ: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. И нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно!» Эти слова поэтъ относитъ ко всѣмъ людямъ и къ разнымъ возрастамъ, но преимущественно они относятся къ юношеству, едва вступающему на трудную жизненную дорогу.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Окончаніе [1]).

Съ наступленіемъ весеннихъ дней 1839 г. Кіевская 2-я гимназія вступаетъ въ новый фазисъ жизни, продолжавшійся слишкомъ 15 лѣтъ.

Если въ первомъ періодѣ, не смотря на всѣ затрудненія, создаваемыя Зимовскимъ, она напрягала свои усилія къ тому, чтобы дѣйствовать въ духѣ любви къ своимъ питомцамъ, потому что безъ нея рѣшительно не возможенъ успѣхъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, или, какъ выразился въ своей запискѣ словами апостола Павла Милашевичъ: «если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звучащая или кимвалъ звенящій», то во второмъ періодѣ она пошла по иному пути, стала держаться другого направленія, въ основаніи котораго лежала не любовь, а строгость, стремившаяся къ поддержанію формальнаго порядка и внѣшней дисциплины, и относившая нравственное вліяніе къ области пустыхъ, безплодныхъ мечтаній.

Проводникомъ во 2-ю гимназію этого новаго направленія былъ, извѣстный въ свое время въ Кіевѣ, ординарный профессоръ Университета св. Владиміра, докторъ правъ, Савва Осиповичъ

[1]) См. Кіевск. Стар. 1902 г., № 5.

Богородскій. Это былъ человѣкъ большого ума и образованія, но въ немъ не доставало той сердечной теплоты, безъ которой на педагогическомъ поприщѣ нельзя сдѣлать и шага. Во внѣшнихъ его пріемахъ проглядывалъ слѣдъ грубаго семинарскаго воспитанія, дававшаго всякому чувствовать, что предъ нимъ директоръ и профессоръ. Какъ энергическій администраторъ, онъ, можетъ быть, принесъ и большую пользу въ этомъ отношеніи, но какъ педагогъ, онъ не годился никуда. На гимназію онъ смотрѣлъ такъ, какъ нѣкогда на Францію Людовикъ XIV, приснопамятное изреченіе котораго слишкомъ хорошо извѣстно, чтобъ напоминать о немъ. Онъ первый изъ директоровъ 2-й гимназіи завелъ державшійся потомъ очень долго обычай появляться въ гимназію какъ можно рѣже и своимъ появленіемъ наводить трепетъ на заведеніе. Вѣсть о его приближеніи, подобно грозному феномену, производила всеобщее смятеніе: все суетилось, чего-то взадъ и впередъ бѣгало, а ученики, глядя на эту суматоху, въ страхѣ ждали, что то будетъ, что то будетъ? Наконецъ, гроза прошла; еслибъ заглянуть тогда въ душу молодыхъ людей, то оказалось бы, что въ ней шевелятся недобрыя чувства и между ними первое—чувство презрѣнія къ наставникамъ и къ надзирателямъ, суетливостью доказывавшимъ полную свою несостоятельность.

Твердо вѣруя, что не онъ въ гимназіи, а гимназія въ немъ, Богородскій старался устранить какъ можно подальше отъ участія въ ея дѣлахъ всѣхъ членовъ Педагогическаго Совѣта и ограничивалъ ихъ дѣятельность однимъ лишь пунктуальнымъ, и слѣд. механическимъ, исполненіемъ своихъ требованій и требованій Округа. Въ силу такого образа дѣйствій Педагогическій Совѣтъ заснулъ при немъ глубокимъ летаргическимъ сномъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока не разбудило его магическое прикосновеніе Пирогова. Ни откуда не видно, чтобы въ наставшій періодъ времени его занимали какіе-нибудь вопросы педагогическаго или дидактическаго свойства, которыми такъ богата школьная жизнь и которые чуть не ежедневно бросаются въ глаза и напрашиваются на размышленіе. Не видно, хотя засѣданія его случались въ иные годы очень часто. Такъ въ 1840 г. ихъ

было 33, въ 1842-мъ, [1]) въ 1843-мъ и въ 1844-мъ году по 35, въ 1845-мъ г.—31, въ 1846-мъ—28, въ 1850-мъ—26, въ 1852-мъ—24, въ 1854-мъ—27. [2]) При всемъ томъ, эти засѣданія очень мало касались внутренней жизни 2-й гимназіи: они составлялись обыкновенно для свидѣтельствованія суммъ и приходо-расходныхъ книгъ гимназіи, для производства испытанія на званіе учителя какого-нибудь училища (уѣзднаго или приходскаго), для назначенія перевода учениковъ въ высшій классъ или для того, чтобъ кого-нибудь изъ нихъ исключить изъ гимназіи за дурное поведеніе, очень рѣдко для выслушанія и принятія «къ руководству и исполненію» предложеній Попечителя и только дважды для распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ.

Такое равнодушіе къ образованію и воспитанію юношества должно было неминуемо повлечь за собою упадокъ гимназіи какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, что, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно и случилось.

Заколдованный кругъ, начерченный сильною рукою профессора уголовнаго права, такъ тѣсно обхватывалъ всѣхъ его преемниковъ по управленію 2-ю гимназіею до Н. М. Гренкова включительно, что если-бы кто изъ нихъ и сдѣлалъ попытку выйти изъ него, то очутился-бы въ непріятномъ и даже весьма неудобномъ положеніи. Установились опредѣленныя привычки, побороть которыя при господствовавшемъ тогда административномъ режимѣ края не въ силахъ была директорская власть. Перемѣна «modus-vivendi» зависѣла отъ комбинацій высшей власти и могла наступить не раньше времени Пирогова. Вотъ почему до этого времени всѣ, за Богородскимъ слѣдовавшіе, директоры (Трахимовскій, Ригельманъ, Стеблинъ-Каменскій и Гренковъ) шли по старому пути, держась направленія, созданнаго ихъ предшественникомъ, хотя, быть можетъ, и сами тяготились своимъ положеніемъ. Какъ-бы то ни было, только духъ 2-й гимназіи до второй

---

1) Протоколовъ за 1841 г. не сохранилось.

2) Въ остальные годы число засѣданій колебалось между 9 и 17-ю.

половины 50-хъ годовъ былъ именно тотъ, который оставленъ въ наслѣдство сошедшимъ со сцены Богородскимъ.

Изъ шести инспекторовъ 2-й гимназіи, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ періодъ времени отъ 1840 по 1856-й годъ, вниманіе сосредоточивается преимущественно на двухъ: П. Н. Іеропесѣ и Г. Э. Траутфеттерѣ. Первый былъ ревностный помощникъ Богородскаго въ дѣлѣ утвержденія между учащимися строгой дисциплины, желавшій довести ее до высшей степени совершенства; второй показалъ примѣръ, какъ можно управлять учащимися, не прибѣгая къ слишкомъ крутымъ и строгимъ мѣрамъ. Къ этимъ двумъ типамъ болѣе или менѣе приближались всѣ прочіе инспекторы, изъ коихъ болѣе выдающимися слѣдуетъ признать П. О. Науменка, дѣйствовавшаго въ духѣ Траутфеттера, и Н. М. Гренкова, прослывшаго въ свое время за одного изъ самыхъ суровыхъ инспекторовъ во всемъ Округѣ. Онъ былъ потомъ директоромъ 2-й гимназіи (съ 1855 по 1860 г. и вторично въ концѣ 1861 года).

Личный составъ преподавателей этого періода времени во 2-й гимназіи обновлялся чаще всего притокомъ такихъ дѣятелей, за которыми издавна утвердилось названіе золотой посредственности, хотя нельзя сказать, чтобы на горизонтѣ ея по временамъ не восходили свѣтлые образы такихъ преподавателей, которые съ честью могли занимать предоставленное имъ мѣсто. Таковы были: 1) И. В. Вернадскій, извѣстный впослѣдствіи ученый политикоэкономъ, 2) К. И. Гиршъ, трудившійся надъ исторической географіей Россіи—оба не долго украшавшіе собою 2-ю гимназію: первый перешелъ на ученое поприще, а второй сошелъ въ могилу, поэтому послѣ нихъ едва-ли остался замѣтный слѣдъ, 3) А. А. Николаевскій, воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, былъ искренно преданный своему дѣлу учитель, чему доказательствомъ его учебникъ «Исторія русской литературы», къ сожалѣнію, не напечатанный, хотя историко-филологическій факультетъ Университета св. Владиміра, разсмотрѣвъ его, далъ отзывъ, что онъ можетъ быть «принятъ за руководство въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преподается этотъ предметъ». Бывшіе его ученики утверждаютъ,

что онъ отлично велъ преподаванiе русской словесности, но только лишь въ дни, когда позволяло ему его здоровье, сильно надломленное страданiемъ легкихъ, причинившимъ ему преждевременную смерть. 4) Послѣ него преподаванiе русской словесности перешло къ М. К. Чалому, котораго, со словъ его бывшихъ учениковъ, нельзя назвать иначе, какъ талантливымъ и знающимъ преподавателемъ своего, предмета, подтвержденiе чему находимъ въ циркулярахъ Пироговскаго времени. 5) В. Я. Шульгинъ, о которомъ и говорить нечего, ибо кто не знаетъ этого профессора-художника, увлекавшаго воображенiе своихъ слушателей изящнымъ калейдоскопомъ лицъ и событiй и силою своего ораторскаго таланта? Конечно, онъ былъ украшенiемъ 2-й гимназiи. Исторiю послѣ перехода его въ Университетъ св. Владимiра одинъ за другимъ преподавали сперва И. В. Лашнюковъ (1851—1853), пользовавшiйся потомъ извѣстностью даровитаго профессора въ Нѣжинскомъ лицеѣ, а за нимъ И. О. Самчевскiй, даровитый не менѣе своего предшественника, но съ теченiемъ времени вслѣдствiе болѣзни сдѣлавшiйся раздражительнымъ и совершенно охладѣвшiй къ своимъ обязанностямъ. Литературные труды его, частью педагогическаго, частью ученаго содержанiя—не мало говорятъ въ его пользу. Такъ, онъ въ качествѣ члена Кiевской археографической Коммиссiи издалъ двѣ лѣтописи: а) Самуила Величка и б) Грабянки и напечаталъ двѣ педагогическiя статьи въ циркулярѣ по управленiю Округомъ за 1862 и 1863-й годы. [1]) Вообще, нужно сознаться, что во 2-й гимназiи въ разсматриваемое время наиболѣе везло преподаванiю двухъ предметовъ—русской словесности и исторiи. Изъ преподавателей другихъ предметовъ заслуживаютъ быть упомянутыми: Байеръ, преподававшiй сперва нѣмецкiй языкъ, а потомъ математику, старавшiйся поставить во 2-й гимназiи свой предметъ такъ, чтобъ его знали всѣ ученики, и съ этою цѣлью устраивавшiй въ послѣобѣденные часы перiодическiя репетицiи, Малербъ,—хорошiй учитель французскаго языка и М. Самчевскiй, преподаватель географiи.

---

[1]) 1862 г. № 7 и 12; 1863 г. № 4 и 5.

Младшими надзирателями какъ въ гимназіи, такъ и въ общихъ квартирахъ назначались преимущественно отставные военные, между которыми находимъ не только капитановъ, но даже одного подполковника. Это—Веселовскій (1844—1846).

Кромѣ военныхъ надзирательскую обязанность несли еще обыкновенно бывшіе учителя приходскихъ училищъ, между которыми чаще всего попадаются люди, учившіеся нѣкогда въ низшихъ классахъ духовной семинаріи. Изъ этого разряда надзирателей выдѣляется только одинъ—П. И. Романовскій, окончившій полный курсъ семинаріи. Единственное, что можно обо всѣхъ ихъ сказать, это—то, что они, за исключеніемъ развѣ Романовскаго да еще двухъ-трехъ, столь часто мѣнялись, какъ мѣняются въ волшебной панорамѣ картины: рѣдкій изъ нихъ былъ больше года. Такая подвижность ихъ, безъ сомнѣнія, должна была вести къ ослабленію надзора, потому что каждому вновь поступающему нужно было начинать съ приспособленія къ новому дѣлу.

Начало второго періода жизни 2-й гимназіи ознаменовалось весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ,—учрежденіемъ общихъ ученическихъ квартиръ. Событіе это находится въ связи съ тою политическою агитаціею, которая не задолго передъ симъ стала проникать въ среду учащейся молодежи юго-западнаго края. Обнаруженные въ 1838 г. симптомы ея заставили мѣстную администрацію принять рѣшительныя мѣры къ ея пресѣченію. Такъ какъ агитація избрала однимъ изъ своихъ центровъ Кіевскій Университетъ, то онъ былъ немедленно на нѣкоторое время закрытъ, а наиболѣе скомпрометированные студенты были удалены изъ него и высланы изъ Кіева; но Университетомъ дѣло не ограничилось: взялись и за гимназію. Еще раньше учебное начальство было озабочено вопросомъ о частныхъ ученическихъ квартирахъ и желало поставить ихъ на такую ногу, чтобы онѣ вполнѣ соотвѣтствовали воспитательнымъ цѣлямъ учебныхъ заведеній; но не придумало ничего существеннаго. Теперь этотъ вопросъ получилъ окончательное рѣшеніе, отлившись въ форму *общихъ ученическихъ квартиръ.* Высочайшая воля на учрежденіе ихъ послѣдовала

23 апрѣля 1840 г. [1]). Главнѣйшая цѣль ихъ состояла въ охраненіи учащихся отъ вліянія на ихъ образъ мыслей внѣшнихъ условій. Первоначально онѣ устроены были въ домахъ, нанятыхъ гимназическимъ начальствомъ у частныхъ лицъ и дѣлились по размѣрамъ платы на три разряда. По предложеніямъ директора 2-й гимназіи Богородскаго, утвержденнымъ Попечителемъ Округа, княземъ Давыдовымъ, въ каждомъ разрядѣ должно было помѣщаться 35 воспитанниковъ, изъ коихъ $^1/_{10}$ находилась на безплатномъ содержаніи; въ первомъ разрядѣ плата за содержаніе полагалась въ 70 р. с. въ годъ, во второмъ разрядѣ—90 р. с. и въ третьемъ—110 р. с. Безплатныхъ учениковъ въ первомъ и третьемъ разрядахъ полагалось по 5, а во второмъ—6 [2]). Расходы по содержанію были вычислены такимъ образомъ: а) на продовольствіе 40 учениковъ перваго разряда пищею, на прислугу, освѣщеніе и мытье бѣлья 1540 р. с. б) на 41 учен. второго разряда на тотъ-же предметъ 2255 р. с., в) на 40 учениковъ третьяго разряда—2640 р. с.; всего—6435 р. с.; г) на наемъ трехъ домовъ—1457 р. с.; д) на отопленіе, полагая 65 саж. дровъ, по 6 руб. ка каждую и по 75 к. за пилку,—438 р. 75 к.; е) на постройку мебели и прочіе расходы при первоначальномъ устройствѣ ихъ—610 р. 32 к. и ж) на непредвидѣнные расходы 200 р. с.; всего 9141 р. 7 коп. [3]).

Непосредственный надзоръ за общими квартирами, кромѣ директора и инспектора, имѣли: 1) старшій надзиратель, [4]) избиравшійся изъ учителей гимназіи, 2) два (впослѣдствіи больше) младшіе надзиратели и 3) комнатные старшіе. Для занятій съ учениками низшихъ классовъ назначались изъ учениковъ стар-

---

[1]) Дѣло 1840 г. № 3 и № 154.

[2]) Въ концѣ 1846 г. было учреждено еще 4-е отдѣленіе съ платою 40 р. с. въ годъ, но оно существовало только до конца 1847 г. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. апрѣль.

[3]) Дѣло 1840 г. № 227.

[4]) Допол. къ Сбор. Пост. 1840 г. іюня 12. Сбор. Распор. II (1840 г. ноябрь 11).

шихъ классовъ репетиторы съ платою по 30 р. с. въ годъ на безплатномъ содержаніи. Каждому младшему надзирателю полагалось 200 р. с. въ годъ. Вознагражденіе старшаго надзирателя зависѣло отъ числа учениковъ и отъ усмотрѣнія начальства.

Кромѣ обыкновенныхъ правилъ, касающихся содержанія, успѣховъ и поведенія учениковъ общихъ квартиръ, особою инструкціею директору требовалось: 1) чтобы въ общія квартиры были помѣщены «всѣ ученики, жившіе доселѣ въ наемныхъ квартирахъ. Впрочемъ, если къ приведенію сего въ исполненіе встрѣтятся неотвратимыя препятствія, то можно помѣщать ихъ у учителей и чиновниковъ гимназій и даже, въ крайнихъ случаяхъ, оставлять у пансіонеросодержателей, но съ строгимъ соблюденіемъ правилъ относительно ихъ выбора и утвержденія. Это разрѣшеніе, однакожъ, не должно быть никому извѣстно и можетъ имѣть приложеніе только подъ видомъ частнаго изъятія. 2) Надзиратели квартиръ должны быть непремѣнно изъ русскихъ чиновниковъ благоблагонадежныхъ. 3) Если бы ученики пожелали брать частные уроки, то надлежитъ строго наблюдать, чтобы къ преподаванію сихъ уроковъ допускались лица, имѣющія на то право и притомъ извѣстныя по благонадежности. 4) Репетиторами равно какъ и старшими въ квартирахъ должны быть преимущественно назначаемы ученики русскаго происхожденія. 5) Разговорный языкъ въ общихъ квартирахъ долженъ быть непремѣнно русскій», но достигать этого нужно, «не прибѣгая къ средствамъ явнаго принужденія». 6) Кромѣ осмотра книгъ и тетрадей, дѣлаемыхъ комнатными старшими, надлежитъ пересматривать оныя со всею внимательностью не только надзирателямъ, но инспектору два раза, а директору хотя одинъ разъ въ недѣлю. 7) Надзиратели квартиръ должны непремѣнно знать, съ кѣмъ и какую ведутъ переписку ученики. 8) Надзиратели должны непремѣнно находиться при свиданіи учениковъ съ посторонними лицами и не дозволять имъ разговаривать не въ слухъ или на языкѣ, для нихъ непонятномъ, кромѣ сего надлежитъ наблюдать, чтобы къ свиданію съ учениками допускались только родственники или лица, принимающія въ нихъ близкое участіе. Дабы ученики не развлекались частыми посѣще-

ніями посторонних лицъ, признается за лучшее назначить для сего одинъ день въ недѣлю; въ другіе же дни могутъ приниматься только родители, не живущіе въ городѣ, но пріѣзжающіе туда на время, или родственники заболѣвшаго ученика. 9) При отпускѣ учениковъ изъ квартиръ надлежитъ быть весьма разборчивымъ и не дозволять имъ вовсе посѣщать такихъ лицъ, кои по какимъ-либо причинамъ могутъ имѣть вредное на нихъ вліяніе. 10) Директоръ и прочія лица, имѣющія надзоръ за общими квартирами, должны обращать преимущественное вниманіе на нравственность и образъ мыслей воспитанниковъ, стараться пріучать ихъ къ покорности властямъ и внушать имъ преданность къ правительству и любовь къ общему отечеству нашему Россіи» [1]). Само собою разумѣется, что требованія эти исполнялись со всею строгостью [2]) Какъ видно изъ донесенія директора Попечителю, общія квартиры на первыхъ порахъ занимали не совсѣмъ удобное помѣщеніе, но помочь бѣдѣ было весьма трудно во 1-хъ потому, что съ домовладѣльцами былъ заключенъ на три года контрактъ, а во 2-хъ потому, что пришлось-бы увеличить плату за содержаніе, что на основаніи опыта признавалось неудобоисполнимымъ, такъ какъ, по заявленію директора, «нѣкоторые изъ родителей, по истеченіи перваго полугодія, перевели своихъ дѣтей изъ высшаго разряда въ низшій, а другіе вовсе отобрали изъ оныхъ, признавая для себя вносить опредѣленное количество за содержаніе учениковъ денегъ тягостнымъ» [3]) Хотя плата за содержаніе учениковъ въ общихъ квартирахъ была не высокая, тѣмъ не менѣе нѣкоторые родители предпочитали помѣщать своихъ дѣтей у частныхъ квартиросодержателей, а такъ какъ это запрещалось, то они обыкновенно заявляли, что эти квартиросодержатели состоятъ съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ и содержатъ ихъ дѣтей безплатно. [4])

---

[1]) Дѣло 1840 г. № 3.

[2]) Въ февралѣ 1841 г. при общихъ квартирахъ была учреждена особая должность казначея. (Сбор. Распор. т. II) съ платою 200 р. с. въ годъ.

[3]) Дѣло 1841 г. № 96. Евреи въ общія квартиры не допускались. Дѣло 1841 г. отъ 15 февр.

[4]) Дѣло 1842 г. № 43.

Впрочемъ такіе родители составляли исключеніе; большинство ихъ отдавало дѣтей своихъ въ общія квартиры, вслѣдствіе чего послѣднія наполнялись учениками въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ предполагалось при ихъ учрежденіи, такъ что Министръ Нар. Пр. могъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1840 годъ сказать, что «мѣра относительно общихъ квартиръ увѣнчалась успѣхомъ свыше всякаго чаянія, какъ я удостовѣрился личнымъ осмотромъ новыхъ пріютовъ обучающагося юношества». [1]) Подтвержденіе словамъ Министерства мы находимъ во 1-хъ въ томъ обстоятельствѣ, что ученики общихъ квартиръ имѣли постоянныхъ руководителей, каковыми въ первое время были: старшіе учителя—Роговичъ и Страшкевичъ и младшіе—Семяновскій и Сигизмундъ, ежедневно отъ $6^1/_2$ до 8 ч. утромъ и отъ 6 до 8 вечера занимавшіеся съ учениками «повтореніемъ пройденнаго въ классахъ и и приготовленіемъ ихъ къ новымъ урокамъ, осматривавшіе ихъ тетради и книги, наблюдавшіе, чтобы ученики назначенное для ученія время употребляли съ пользою, вникавшіе въ ихъ нравственныя качества и, въ случаѣ нужды, принимавшіе мѣры къ ихъ исправленію». [2]) Хотя уставомъ общихъ квартиръ такихъ репетиторовъ и не полагалось, но они были введены по мысли Богородскаго и получали за свой трудъ даже для того времени низкую плату—200 р. въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что институтъ такого рода надзирателей долженъ былъ неминуемо подѣйствовать на общія квартиры самымъ благотворнымъ образомъ и жаль, что мы не имѣемъ для этого болѣе точныхъ, числовыхъ данныхъ. Во 2-хъ, число поступившихъ въ эти квартиры съ каждымъ годомъ, можно сказать, увеличивалось. Такъ, въ 1840 г, ихъ было 129, къ 1 января 1844 г.—156; [3]) къ 1 янв. 1845 г.—159; къ 1 янв. 1846 г.—157; къ 1 янв. 1847 г.—170; къ 1 янв. 1848 г.—210; къ 1 янв. 1849 г.—213; къ 1 янв. 1850 г.—185; къ 1 янв.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1841 г. ч. 30.

[2]) За время отъ 1 янв. 1841 г. по 1-е 1843 г. свѣдѣній мы не нашли.

[3]) Дѣло 1840 г. № 227.

1851 г.—205; къ 1 янв. 1852 г,—209; къ 1 янв. 1853 г.—182; къ 1 янв. 1854 г.—194; къ 1 янв. 1855 г.—178; къ 1 янв. 1856 г.—189; къ 1 янв. 1857 г.—200, и т. д. Эти цифры показываютъ, что противъ предполагавшагося вначалѣ числа (120 уч.), личный составъ учащихся въ общихъ квартирахъ съ теченіемъ времени почти удвоился. Въ 3-хъ, общія квартиры имѣли то преимущество на своей сторонѣ, что онѣ могли давать средства къ содержанію значительнаго числа бѣдныхъ учениковъ, а именно: если платныхъ учениковъ было напр. 150, то при нихъ безплатно содержалось, не считая репетиторовъ, 15 бѣдняковъ. Въ 4-хъ, общія квартиры располагали такими учебными пособіями, какихъ не могла представить никакая другая квартира. Кромѣ библіотеки, ежегодно пополнявшейся новыми литературными произведеніями русскихъ писателей, въ нихъ находились географическія карты, глобусы и др. пособія. Въ 5-хъ, на случай болѣзни ученика, при общихъ квартирахъ открыта была больница съ своею маленькою аптекой, съ своимъ фельдшеромъ, оказывавшая немедленную помощь по указанію гимназическаго врача. [1])

Какъ ни желательно было учебному начальству, чтобы дѣти родителей, живущихъ внѣ Кіева, воспитывающіяся во 2-й гимназіи, жили въ общихъ квартирахъ, тѣмъ не менѣе нужно было дѣлать уступку въ пользу тѣхъ, которые не желали отдавать своихъ дѣтей въ это заведеніе. Между послѣдними были такіе, которые или хотѣли дать своимъ дѣтямъ болѣе роскошное содержаніе, чѣмъ то, которое могли дать общія квартиры, или считали для своихъ дѣтей болѣе полезнымъ жить на квартирѣ какого-нибудь учителя. Отсюда должно было выйти то, что на самомъ дѣлѣ и вышло, т. е. предоставлено было право держать учениковъ и другимъ лицамъ. Право это было, однако, весьма стѣснено различными ограниченіями, изъ которыхъ важнѣйшія слѣдующія: 1) директоръ и инспекторъ могли содержать учениковъ не иначе,

[1]) Свѣдѣнія эти извлечены нами изъ годовыхъ отчетовъ 2-й гимназіи.

какъ съ разрѣшенія Министерства; 2) только тѣ учителя имѣли это право, которые были безукоризненнаго поведенія, добросовѣстно исполняли свои учительскія обязанности и сверхъ того занимали удобное и приличное помѣщеніе. 3) Учитель не могъ содержать болѣе 10 дѣтей, включая въ это число и своихъ собственныхъ, если они живутъ при немъ. 4) Если у учителя болѣе 5-ти пансіонеровъ, или если въ числѣ ихъ находятся не посѣщающіе еще гимназическихъ классовъ, въ такомъ случаѣ для наблюденія за ними въ отсутствіе учителя полагался надзиратель. На обязанность учителей, содержавшихъ пансіонеровъ, возложено было: 1) помнить «что они приняли на себя обязательство замѣнять имъ, по возможности, родителей»; 2) что онъ долженъ предоставить своимъ пансіонерамъ необходимыя учебныя пособія (словари, глобусы и т. д.); 3) что они должны имѣть надъ ними бдительный надзоръ, заботиться объ ихъ здоровьи и проч. Наблюденіе за учительскими пансіонерами ввѣрено училищному начальству, которое обязано было «посѣщать, сколько можно чаще, учительскихъ пансіонеровъ и наблюдать за ихъ успѣхами и благонравіемъ. Оно обязано представлять о нихъ каждые полгода «вѣдомость» Попечителю Округа [1]). Права учителей, содержавшихъ пансіонеровъ, съ теченіемъ времени подвергались еще бóльшимъ ограниченіямъ, а именно: разрѣшалось держать только недостигшихъ 10-ти лѣтняго возраста и подготовляющихся къ поступленію въ учебное заведеніе; всѣ же ученики, коихъ родители живутъ не въ Кіевѣ, обязательно должны были поступать въ общія квартиры, за исключеніемъ того случая, если-бы послѣднія были совершенно заполнены. [2]) Около того-же времени ученическія квартиры были преобразованы въ закрытое учебное заведеніе. Еще въ 1841 г. дворянство трехъ юго-западныхъ губерній—Кіевской, Волынской и Подольской согласилось жертвовать по 3 коп. въ годъ съ души крестьянъ, которыми владѣло по праву

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1841 г. ч. 35 и Сбор. Распор. т. II (1842 г. іюня 19).

[2]) Дѣло 1848 г. № 22.

крѣпостной зависимости, на учрежденіе въ этихъ трехъ губерніяхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. [1]) Средства эти, собиравшіяся въ теченіи 11-ти лѣтъ, наконецъ, дали возможность открыть при 2-й гимназіи общія квартиры на новыхъ основаніяхъ закрытаго учебнаго заведенія (1851-й г.). Въ немъ обязаны были «жить всѣ ученики 2-й гимназіи, которыхъ родители или воспитатели не живутъ постоянно въ Кіевѣ, и потому нуждающіеся въ наймѣ для себя квартиръ. За полное содержаніе съ одеждою, учебными пособіями, лѣченіемъ въ случаѣ болѣзни и прочимъ, исключая бѣлья, которое ученики должны имѣть отъ родителей, взималось по 125 р. с. въ годъ съ каждаго; сверхъ означенной платы за содержаніе съ воспитанниковъ закрытаго заведенія взималась установленная плата за обученіе и на первоначальное обзаведеніе по 20 р. единовременно. Всѣ воспитанники закрытаго заведенія были свободны отъ сбора суммы на разъѣзды врача». [2])

Что касается надзора за учениками въ стѣнахъ 2-й гимназіи и внѣ ихъ, а также системы наказаній за проступки учениковъ, то сравнительно съ прежними распоряженіями въ этомъ отношеніи въ разсматриваемый періодъ не было сдѣлано почти ничего новаго; соблюденіе опрятности и форменной одежды, коротко остриженные волосы, запрещеніе выпускать маленькихъ учениковъ въ городъ безъ провожатыхъ и т. п.—предписывалось и теперь такъ точно, какъ и прежде [3]). Единственнымъ нововведеніемъ можно считать слѣд.: «дабы расширить средства къ наблюденію и дать возможность каждому, встрѣтившему ученика въ безпорядкѣ, удостовѣриться въ его имени и заведеніи, къ которому онъ принадлежитъ», попечитель кн. Давыдовъ завелъ такъ называемыя «печатныя марки, наклеивъ оныя на картонѣ съ означеніемъ на нихъ заведенія, имени ученика и класса, въ которомъ онъ находится и учится или нѣтъ греческому языку». Это послѣднее пояс-

---

[1]) Сбор. Пост. т. II отд. II (1841 г. мая 20 и 1852 Окт. 14).

[2]) Дѣло 1851 г. № 8.

[3]) Дѣло 1839 г. № 57, 128, 164; 1841 г. № 169; 1844 г. № 119; Дѣло 1845 г. № 4 и др.

неніе нужно для того, чтобы ученики, встрѣчаясь на улицѣ въ классное время, не употребляли ложной оговорки, что они принадлежатъ къ числу неучащихся греческому языку. Каждый ученикъ обязывается не выходить никуда безъ означенной марки ни въ учебные, ни въ праздничные дни. Не имѣющій марки долженъ быть подвергаемъ немедленному строгому наказанію [1]). Наказанія также остались прежнія и, главнымъ образомъ, выражались карцеромъ и розгами [2]).

Обращаясь теперь къ мѣрамъ по учебной части, мы должны остановить свое вниманіе на одной, которая принята была въ 1844 г. (конечно, по распоряженію Попечителя Округа) и практиковалась во 2-й гимназіи до временъ Пирогова,—мѣра эта, имѣвшая цѣлью путемъ соревнованія между учениками въ ихъ успѣхахъ вызвать въ нихъ большій интересъ къ ученію и приведшая какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ, состояла въ томъ, что 1) въ каждомъ классѣ извѣстное число переднихъ скамеекъ (одна или двѣ), окрашенныхъ цвѣтомъ, отличнымъ отъ цвѣта прочихъ скамеекъ, предназначалось *для отличныхъ* и *прилежнѣйшихъ* учениковъ; при этихъ скамейкахъ укрѣплялись столбы, на коихъ красовались бѣлыя дощечки съ соотвѣтствующею надписью (т. е. отличные и прилежнѣйшіе). На первую скамью попадалъ тотъ ученикъ, который въ теченіе мѣсяца не подвергался никакому взысканію, постоянно получалъ по каждому предмету не менѣе $3^1/_2$ и въ среднемъ выводѣ изъ мѣсячныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ имѣлъ по крайней мѣрѣ 4. На вторую скамейку помѣщались тѣ ученики, которые въ теченіе мѣсяца рѣдко подвергались замѣчаніямъ или маловажнымъ взысканіямъ, ежедневно получали по большей части преподаваемыхъ предметовъ не менѣе $3^1/_2$, ни въ одномъ предметѣ ни одного раза не получили отмѣтки *0* и въ мѣсячномъ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ имѣли не менѣе $3^1/_2$. Ученикъ, хотя одинъ разъ въ теченіе мѣсяца получившій единицу въ Законѣ Божіемъ, русскомъ

---

[1]) Дѣло 1845 г. № 4.

[2]) Семидневн. донесенія за 1840—1857 г.

языкѣ, русской географіи и русской исторіи, послѣ этого мѣсяца не переходилъ въ отличные, хотя бы онъ имѣлъ требуемый средній выводъ. Ученикъ, получившій болѣе трехъ разъ единицу по одному изъ предметовъ преподаванія, въ теченіе мѣсяца не переводился въ прилежнѣйшіе, хотя бы по поведенію и прочимъ отмѣткамъ и имѣлъ на это право. 3) Въ общихъ квартирахъ отличные и прилежнѣйшіе ученики садились за особеннымъ столомъ, у котораго возвышались столбики съ такою же надписью, какъ и въ классѣ, и пользовались лишнимъ противъ прочихъ учениковъ блюдомъ. 4) Въ церквахъ во время богослуженія для нихъ было отведено отдѣльное отъ другихъ мѣсто. 5) При разбирательствѣ ученическихъ проступковъ показанія лучшихъ учениковъ принимались на вѣру и на основаніи ихъ составлялись приговоры; и только тогда, когда показанія двухъ такихъ учениковъ расходились, производилось подробное дознаніе. Отличный ученикъ, давшій умышленно ложное показаніе, исключался изъ отличныхъ на время до 4-хъ мѣсяцевъ (прилежнѣйшій на 3 мѣс.), пока не пріобрѣтетъ утраченное довѣріе. 6) Разсаживаніе учениковъ на мѣста отличныхъ и прилежнѣйшихъ производилось въ началѣ каждаго мѣсяца. 7) «Отличный ученикъ, три раза переведенный въ прилежные, или два раза исключенный вовсе изъ отдѣленій, не могъ поступить ни въ то, ни въ другое отдѣленіе въ томъ-же классѣ,» а прилежный,—если три раза былъ исключенъ изъ отдѣленія. 8) «Каждое полугодіе предъ вакаціями директоръ назначалъ день для приглашенія мѣстныхъ властей, родственниковъ и всѣхъ желающихъ посѣтителей въ конференцъ-залу для выслушанія списка учениковъ, бывшихъ постоянно прилежными и отличными. Ежегодно послѣ окончанія годичнаго курса ученія и провозглашенія на актѣ именъ учениковъ, постоянно въ теченіе года отличавшихся и прилежныхъ, директоры могли посылать въ редакцію губернскихъ вѣдомостей статью съ поименованіемъ всѣхъ отличныхъ учениковъ, постоянно въ теченіе года сохранявшихъ право на это названіе». При отпускахъ на вакаціи въ заглавіи отпускного билета обозначалось: «отличному или прилежному

ученику такому-то» [1]). Съ тою же цѣлью—поднятія успѣховъ учениковъ во 2-й гимназіи примѣнялось правило, по которому ученикъ, пропустившій безъ уважительной причины болѣе четверти всѣхъ уроковъ, былъ оставляемъ въ томъ-же классѣ на слѣдующій годъ. Къ той же цѣли направлено было измѣненіе прежней системы перевода учениковъ въ высшіе классы и выпуска ихъ изъ гимназіи. Прежде въ высшій классъ переводили учениковъ, имѣвшихъ по сложеніи всѣхъ, какъ годовыхъ, такъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ и по раздѣленіи ихъ на число предметовъ, въ среднемъ выводѣ не менѣе $2^1/_2$, съ соблюденіемъ одного лишь условія, т. е. чтобы ни въ одномъ предметѣ не было единицы. Средній же выводъ дѣлался такъ: если ученикъ имѣлъ въ среднемъ выводѣ за годъ напр. по Закону Божію $2^7/_{10}$, то эта отмѣтка принималась за *3;* если такой ученикъ получилъ на экзаменѣ 2, то его переводили, потому что средній выводъ изъ 3+2 получался $2^1/_2$. Такимъ образомъ въ высшій классъ переходили нерѣдко ученики съ весьма слабою подготовкою. Этотъ недостатокъ былъ ослабленъ новымъ способомъ производить средній выводъ, состоявшимъ въ томъ, что дроби не отбрасывались, но «принимались въ счетъ, какъ онѣ есть, и только при одномъ окончательномъ выводѣ, опредѣляющемъ право ученика на переводъ изъ класса въ классъ или на полученіе похвальнаго аттестата дробь бо́льшую половины принимать за единицу» [2]). Экзаменъ ученикамъ послѣдняго класса производился въ присутствіи всѣхъ членовъ Педагогическаго Совѣта, изъ которыхъ каждый имѣлъ право ставить испытуемому отмѣтку. Окончательная оцѣнка познаній ученика зависѣла отъ средняго вывода изъ всѣхъ отмѣтокъ, продиктованныхъ ассистентами, причемъ иногда случались странныя явленія, въ родѣ напр. слѣдующаго: директоръ ставитъ 1, учитель того предмета, по которому произведено испытаніе *2,* а ассистенты по *4* и въ среднемъ выводѣ выходило *3*, потому что ассистентовъ—большинство. Случалось и обратно. Отсюда пре-

---

[1]) Цирк. отъ 15 дек. 1844 г.

[2]) Цирк. отъ 15 іюля 1840 г.; отъ 8 авг. 1844 г.

реканія, становившіяся извѣстными Округу, и приведшія къ тому, что судьба ученика на окончательномъ испытаніи попала въ совершенную зависимость отъ воли директора, потому что онъ получилъ право, въ случаѣ разногласія съ учителями, останавливать постановку отмѣтокъ и письменно давать знать объ этомъ Попечителю Округа [1]).

Отъ 1840 до начала 1846 г. ученики 2-й гимназій изучали тѣ же предметы и по тѣмъ же программамъ, которыя введены были въ употребленіе въ первое четырехлѣтіе, и по тѣмъ же учебникамъ. Начиная съ этого времени, мало-по-малу совершаются перемѣны во всѣхъ отношеніяхъ этого рода. Такъ, прежде всего былъ ограниченъ объемъ элементарной математики прекращеніемъ преподаванія начертательной и аналитической геометріи, что повлекло за собою новое распредѣленіе этого предмета по классамъ, а именно: *ариѳметика* оканчивалась не во 2-мъ классѣ, какъ прежде, а въ 3-мъ; въ 3-мъ же начиналась *алгебра* и доводима была до рѣшенія уравненій 1-й степени со многими неизвѣстными; въ 4 и 5 классахъ проходились алгебра и геометрія при 3-хъ урокахъ въ недѣлю; въ 6-мъ классѣ оканчивалась алгебра и была проходима тригонометрія; 7-й классъ служилъ повтореніемъ всего пройденнаго въ предъидущіе годы (при 2-хъ урокахъ въ недѣлю) [2]).

Такое распредѣленіе математики продержалось до 185⁵/₆ года, когда съ введеніемъ въ курсъ гимназическаго образованія естественныхъ наукъ потребовалось новое преобразованіе по всѣмъ вообще отраслямъ гимназической науки. Существенная разница между прежнимъ и новымъ распредѣленіемъ математики заключается въ томъ, что преподаваніе геометріи раздѣлено было на 3 класса, начиная съ 3-го, [3]) отчего произошло, что 3-й классъ былъ непомѣрно обремененъ изученіемъ математики, такъ какъ ученики этого класса при 4-хъ урокахъ въ недѣлю должны были ознакомиться а) съ правилами: тройнымъ, товарищества и смѣшенія,

---

[1]) Цирк. отъ 28 апр. и 30 мая 1844 г.

[2]) Сбор. Распор. т. II (штаты и прилож.).

[3]) Тамъ-же т. III (шт. и прил.).

б) съ начальною алгеброю до рѣшенія уравненія 1-й степени и в) съ планиметріею—до пропорціональныхъ линій. Относительно прочихъ предметовъ нужно замѣтить, что перемѣны, какія въ нихъ произошли, обусловливаются отчасти стремленіемъ усилить изученіе родного языка, родной страны и народа, частью—введеніемъ законовѣдѣнія и естественныхъ наукъ. Усиленіе преподаванія русскаго языка привело къ мысли прекратить преподаваніе логики, а усиленіе русской географіи и исторіи произведено было на счетъ преподаванія статистики, которая въ видѣ голыхъ цифръ вошла въ географію. Вновь введенное законовѣдѣніе преподавалось по учебнику Рождественскаго (Руководство къ Россійскимъ Законамъ) [1]) такимъ образомъ, чтобы по своду Законовъ 1842 г. ученики получили знакомство съ основными законами, съ законодательствомъ объ учрежденіяхъ и состояніяхъ, съ гражданскими, уголовными и полицейскими законами [2]). Ограниченіе преподаванія латинскаго языка четырьмя высшими классами и перенесеніе на эти классы всего того, что прежде распредѣлялось на на всѣ 7 классовъ, неминуемо должно было отразиться на серьезности изученія этого предмета, хотя, повидимому, оканчивающіе гимназію и по реформѣ 1849 г. выносили тѣ же свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ, что и прежніе ученики, потому что они проходили то же, что и ихъ предшественники. Такъ, они проходили:

въ 4-мъ классѣ главныя правила этимологіи, переводъ легкихъ статей съ латинскаго на русскій языкъ и легкихъ предложеній съ русскаго на латинскій языкъ;

въ 5-мъ классѣ дополненіе къ этимологіи, главнѣйшія правила синтаксиса, переводы съ латинскаго языка на русскій легкихъ прозаиковъ: Евтропія, Юстина, Корнелія Непота, Веллея Патеркула и нѣкоторыя басни Федра, переводы съ русскаго языка на латинскій предложеній для упражненія въ этимологическихъ и синтаксическихъ правилахъ и, кромѣ того, получали понятіе о латинской просодіи;

---

[1]) Сборн. Распор. т. II стр. 1027.

[2]) Тамъ-же (шт. и прил.).

въ 6-мъ классѣ должно были итти систематическое преподаваніе подробнаго синтаксиса, переводъ и объясненіе римскихъ авторовъ: Саллюстія, Юлія Цезаря, Тита Ливія, Овидія, Тибулла, Проперція, Катулла и переводъ съ русскаго языка на латинскій;

въ 7-мъ же классѣ положено было чтеніе авторовъ съ грамматическимъ и логическимъ разборомъ и необходимыми объясненіями изъ Цицерона—de officiis, pro Archia poëta, изъ Тацита, изъ Виргиліевой Энеиды, изъ Горація—de arte poëtica и нѣкоторыя другія; переводъ съ русскаго языка на латинскій по выбору преподавателя.

Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли все это было проходимо учителями 2-й гимназіи, мы обратились къ ихъ вѣдомостямъ и нашли, что изъ всего положеннаго они давали своимъ ученикамъ только краткія свѣдѣнія изъ грамматики и упражняли ихъ въ переводѣ изъ Корнелія Непота, Саллюстія (иногда Юлія Цезаря и Цицерона) и очень рѣдко изъ Виргилія и Овидія, а одинъ изъ учителей даже вошелъ съ прошеніемъ объ освобожденіи его совсѣмъ отъ преподаванія латинской просодіи [1]).

Зато преподаваніе прочихъ предметовъ сравнительно съ прежнимъ, было значительно упорядочено; но это упорядоченіе наступило не прежде 1852 г. [2]). Оно состояло въ томъ, что *по Закону Божію*:

въ 1-мъ классѣ требовалось, кромѣ изложенія свящ. исторіи ветхаго завѣта, повтореніе и объясненіе главнѣйшихъ молитвъ и повторялись начатки христіанскаго ученія, т. е. краткая свящ. исторія съ краткимъ катехизисомъ;

въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ классахъ ученики изучали пространный катехизисъ, а ученики 5-го класса—еще «краткое ученіе о богослуженіи вседневномъ, праздничномъ и великопостномъ»;

въ 6-мъ классѣ положена была исторія церкви вселенской и отечественной, а въ 7 классѣ шло повтореніе всего пройден-

---

1) Прот. засѣд. 1842 г.

2) Сбор. Распор. т. III (шт. и прил.).

наго въ предъидущихъ классахъ [1]). Изъ дѣлъ видно [2]), что во 2-й гимназіи одно время практиковалось иное распредѣленіе Закона Божія по классамъ такимъ образомъ, что изученіе его оканчивалось въ 5 классѣ, 6-й классъ назначенъ былъ для повторенія цѣлаго курса, а что дѣлали ученики 7 класса, остается неизвѣстнымъ.

Преподаваніе *русскаго языка и словесности* подчинилось слѣдующему, сравнительно съ прежнимъ, видоизмѣненію:

въ 1-мъ классѣ (при 4-хъ ур. въ недѣлю) ученики учились читать и писать подъ диктовку, читать по-славянски и заучивали наизусть избранные отрывки;

въ 2-мъ классѣ (при 4-хъ ур.) они занимались тѣмъ же и кромѣ того пріучались дѣлать грамматическій разборъ;

въ 3-мъ классѣ (при 4-хъ ур.) положено было: а) русская грамматика—младшій курсъ, б) чтеніе и письмо подъ диктовку, в) заучиваніе наизусть избранныхъ отрывковъ, г) славянское чтеніе и д) грамматическій разборъ на основаніи правилъ подробнѣе;

въ 4-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) славянская грамматика, чтеніе и письмо подъ диктовку, заучиваніе избранныхъ отрывковъ наизусть, славянское чтеніе и грамматическій разборъ на основаніи правилъ, письменные переводы съ славянскаго и древнерусскаго;

въ 5-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) общая теорія словесности и краткія понятія о сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ, историческія извѣстія о писателяхъ русскихъ и иностранныхъ при чтеніи образцовыхъ отрывковъ, письменный переводъ съ славянскаго и древне-русскаго, опыты въ сочиненіи;

въ 6-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) русская грамматика—старшій курсъ, теорія прозы и поэзіи, практическія занятія, въ 5-мъ классѣ поименованныя;

---

[1]) 2-й классъ остался безъ перемѣны.

[2]) Дѣло 1851 г. № 48.

въ 7-мъ классѣ (при 3-хъ ур.) исторіи русской литературы, чтеніе писателей, составленіе лекцій (?) и практическія занятія, поименованныя въ 5-мъ классѣ.

Физика начиналась не съ 6-го, а съ 5-го класса; *математическая же и физическая географія* преподавалась въ 7 классѣ. Учитель физики долженъ былъ въ 5-мъ классѣ пройти о свойствахъ тѣлъ, о тѣлахъ твердыхъ и капельно-жидкихъ, въ 6-мъ классѣ объ упругихъ жидкихъ тѣлахъ и въ особенности объ атмосферѣ, о звукѣ, свѣтѣ и теплородѣ, а въ 7-мъ классѣ—о магнетизмѣ и электричествѣ, повторяя при этомъ и прежде пройденное.

Исторія также получила иное распредѣленіе. Прежде въ 3-мъ классѣ преподавалась одна древняя исторія Востока; теперь къ ней прибавленъ «общій очеркъ исторіи русской съ хронологическимъ указаніемъ главныхъ событій» (?); въ 6-мъ классѣ вмѣсто 3-хъ уроковъ назначено 4, потому что кромѣ новой исторіи полагалась еще русская до Петра В.; въ 7-мъ классѣ оканчивалась русская исторія и повторялась всеобщая. 4-й и 5-й классы остались безъ перемѣны.

Въ распредѣленіи *географіи* произведено измѣненіе въ томъ, что обозрѣніе Европы со 2-го класса перенесено на 3-ій, а описаніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи съ 3-го класса перенесено на 2-й и преподаваніе русской географіи растянуто на два класса 4-й и 5-й, а 7-й классъ былъ назначенъ на повтореніе пройденнаго въ низшихъ классахъ, при чемъ черченіе картъ по прежнему оставалось обязательнымъ для всѣхъ классовъ.

По нѣмецкому языку, при 3 урокахъ въ 1—6 классахъ и 2 въ 7-мъ, проходилась грамматика, ученики упражнялись въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій и обратно, грамматическомъ разборѣ, разговорѣ, а также учили наизусть стихотворенія и писали небольшія сочиненія.

По французскому языку при 3 урокахъ къ каждомъ классѣ была почти та же программа, какъ и по нѣмецкому.

На этомъ прерывается доставленный намъ текстъ; судьба остальной части труда Н. С. Тумасова, какъ уже было сказано въ предисловіи, неизвѣстна.

Отрывки изъ автобіографіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго.

Послѣ смерти Александра Матвѣевича Лазаревскаго среди его бумагъ найдено нѣсколько отрывковъ изъ его воспоминаній, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни, и, между прочимъ, записки, въ которыя онъ вносилъ разные выдающіеся случаи, преимущественно кіевской жизни.

Часть его воспоминаній, связанныхъ съ введеніемъ положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи, напечатана въ «Кіевской Старинѣ» еще самимъ покойнымъ подъ заглавіемъ «Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній», [1]) хотя и въ сокращенномъ видѣ. Напечатать ихъ цѣликомъ, какъ и вообще большую часть изъ замѣтокъ Александра Матвѣевича о своей жизни, въ настоящее время не представляется возможнымъ: слишкомъ близко еще то время, о которомъ онъ говоритъ, живы еще тѣ люди, съ которыми ему приходилось въ разное время сталкиваться на жизненномъ пути.

У Александра Матвѣевича всегда было готово желаніе подробно, систематически описать свою жизнь. Свое желаніе онъ неоднократно высказывалъ близкимъ людямъ, ждалъ только, когда онъ «поуправится съ работами» или на досугѣ, у себя

---

[1]) Кіев. Стар. 1901 г. мартъ и апрѣль.

въ Подлипномъ, разберетъ свои замѣтки, приведетъ въ систему то, что онъ помнитъ изъ прошлаго... Но годы проходили за годами, одна работа рождала другую, досуга и въ деревнѣ не было: въ Подлипномъ приходилось кончать то, что начато въ Кіевѣ. Вотъ почему послѣ смерти Александра Матвѣевича остались только отрывки его воспоминаній о разныхъ періодахъ его жизни. до начала его автобіографіи.

Судя по замѣткамъ въ рукописи, начало это написано въ три дня, съ 3 по 5 іюля 1891 года, когда Александръ Матвѣевичъ особенно сильно увлекся, должно быть, мыслью описать свою жизнь. Работа затѣмъ была брошена и больше уже никогда не возобновлялась.

Благодаря любезности семьи покойнаго, мы печатаемъ теперь эти отрывки изъ автобіографіи. Читатели сами увидятъ, на сколько цѣнны, на сколько интересны эти отрывки, и, конечно, раздѣлятъ съ редакціей огорченіе, что Александру Матвѣевичу не удалось привести въ исполненіе свою мысль описать такъ подробно всю свою жизнь. Онъ успѣлъ коснуться только своего пребыванія въ гимназіи, т. е. небольшой частицы своей 68-лѣтней жизни...

Ред.

Родился я въ деревнѣ Гирявкѣ 8 іюня 1834 г., гдѣ и провелъ младенческій свой возрастъ.

Первое мое воспоминаніе относится къ лѣту 1839 года, когда выходила замужъ старшая сестра моя Марья за Я. М. Армашевскаго. Живо помню и теперь пляску дворовыхъ женщинъ въ нашемъ домѣ, сопровождавшую эту свадьбу. Въ то же лѣто женился Ф. А. Лащинскій на М. Н. Юркевичъ, отъ которыхъ въ 1846 году родилась первая моя жена Катерина. Помню, что на сестриной свадьбѣ братъ Яковъ ходилъ хромой, потому что передъ тѣмъ сломалъ ногу, упавъ съ дерева, куда полѣзъ за сорочьимъ гнѣздомъ. Ногу братъ сломалъ совершенно, но взятая въ лубки, она срослась и не помѣшала брату поступить въ кадетскій корпусъ, а затѣмъ служить въ военной службѣ.

Дома прожилъ я безвыѣздно до семи лѣтъ. Нянькой у насъ въ это время была «баба Явдоха», ласковое обращеніе которой съ нами и интересныя сказки привлекали къ ней наши сердца. Особенно умѣла она привлекать наше вниманіе своими разнообразными сказками, изъ которыхъ я особенно любилъ одну, въ которой кто-то кому-то говоритъ: «Парамонъ! бери лёнъ!» Отца за это время я мало помню, такъ какъ онъ почти дома не жилъ, будучи на службѣ въ Конотопѣ. И семью, и хозяйство вела почти исключительно мать. Въ безмѣрной материнской любви, она, желая заставить меня ежедневно молиться Богу, помню, давала каждое утро за это по «шагу». Мать выучила меня первой молитвѣ; она же первая начала учить меня и чтенію. Каждый день вооружался я «указкой» изъ пехворощанаго вѣника и училъ склады. Чтеніе поощрялось тѣмъ, что мать брала меня съ собою иногда на ярмарки—конотопскую и роменскую, на которыхъ покупались игрушки въ родѣ дрожекъ, запряженныхъ парою лошадей съ кучеромъ—бариномъ. Въ гости ѣздилъ я мало, потому что, кажется, рѣдко ѣздила по гостямъ сама мать. Наиболѣе близкія отношенія у нашей семьи были съ Кандыбами, Григоріемъ Петровичемъ и его женой Авдотьей Андреевной. Въ Куриловкѣ мать обыкновенно варила свои варенья, при чемъ я почти постоянно сопровождалъ её при этихъ поѣздкахъ. Всѣ дѣти Гр. П-ча Кандыбы имѣли сверстниковъ въ нашей семьѣ и наоборотъ; такъ старшій изъ дѣтей Кандыбы Петръ былъ сверстникомъ старшаго нашего брата Василія и т. д. Моей сверстницей была дочь Александра, бывшая потомъ замужемъ за салтыководѣвицкимъ Селецкимъ, и это былъ едва-ли не единственный пріятель дѣтскихъ моихъ лѣтъ. Другимъ такимъ сверстникомъ и пріятелемъ была дочь Андрея Андреевича Кандыбы (богача и скупца), тоже Александра, по мужу Тарновская. Сверстниковъ—мальчиковъ у меня вовсе не было, исключая одного двороваго мальчика, съ которымъ, впрочемъ, я подружился уже позже, лѣтъ въ десять. Младшій братъ Иванъ, будучи моложе меня двумя годами, былъ малъ, когда мнѣ было 6—7 лѣтъ, а старшій Яковъ въ это время уже учился въ конотопскомъ уѣздномъ училищѣ. Поэтому дѣтство

мое проходило довольно скучно, почему сказки бабы Явдохи такъ привлекали мое дѣтское вниманіе.

Въ 1842 г. въ моей жизни произошло чрезвычайное для моихъ лѣтъ и тогдашнихъ временъ событіе: меня отвезли въ Харьковъ къ брату Ѳедору, харьковскому, въ это время, студенту. Отвезли меня, вѣроятно, для ученія, такъ какъ дома учить было меня некому, а въ конотопское приходское училище отдавать меня было еще рано. Въ Харьковѣ я прожилъ года два, но изъ этого пребыванія тамъ я, кажется, не вынесъ ровно ничего: двадцатилѣтній студентъ былъ плохимъ наставникомъ. Помню, что хозяйки тѣхъ квартиръ, гдѣ братъ за эти годы жилъ, очень участливо относились ко мнѣ въ виду моего дѣтства и безнадзорства. Помню разсказы студентовъ объ ихъ кутежахъ, подробности которыхъ жадно ловило дѣтское ухо...

Харьковская жизнь моя окончилась въ 1844 г. Въ томъ же году меня отдали въ конотопское уѣздное училище, куда я былъ принятъ въ первый классъ. «Штатнымъ смотрителемъ» училища въ это время былъ Иванъ Петровичъ Княгницкій, который, считаясь пріятелемъ отца, обращалъ на меня особое свое вниманіе. Ученіе мое въ Конотопѣ обставлено было, по возможности, заботливо. На квартиру меня помѣстили къ Аннѣ Степановнѣ Яковлевой, которая принимала къ себѣ на квартиру только *аристократовъ*, т. е. дѣтей конотопскихъ панковъ. У нея жили на квартирѣ: Лобода, Коровицкій, Драгомировъ (М. И.), разные Костенецкіе и т. д. У нея же жилъ на квартирѣ одинъ изъ учителей уѣзднаго училища Гасп. Ант. Лѣснобродскій, учитель математики, которому былъ порученъ особый надо мною надзоръ, состоявшій въ томъ, что онъ каждый день спрашивалъ меня заданные на другой день уроки. Пребываніе въ конотопскомъ училищѣ сохранилось въ моей памяти очень отчетливо, и я его опишу подробнѣе, какъ любопытную страницу изъ исторіи нашего начальнаго обученія.

Начну съ хозяйки и хозяина.—Анна Степановна, тучная старуха, лѣтъ подъ 60-тъ, была сестрой тогдашняго конотопскаго городничого Аф. Ст. Соболевскаго, погарскаго панка, который

изъ военной службы получилъ конотопское градоправительство и жилъ на немъ безбѣдно съ своей семьей. Была у него и сестра, устарѣвшая дѣвица, которую, однако жъ, соблазнилъ брачный союзъ, предложеный ей выслужившимся изъ солдатъ въ офицеры великорусскимъ крестьяниномъ Лукою Яковлевымъ. Лука Яковлевичъ Яковлевъ былъ своего рода типъ. Отслуживъ Богу и Государю двадцать пять лѣтъ и дослужившись подпоручьяго чина, Яковлевъ вышелъ въ отставку и, встрѣтивъ въ Конотопѣ перезрѣвшую дѣву, сестру городничаго и собственницу хорошей усадьбы съ солидными постройками, предложилъ ей бракъ, который и былъ заключенъ. Получивъ, такимъ образомъ, обезпеченный кусокъ хлѣба, Яковлевъ сталъ попивать водочку и, втянувшись въ это занятіе. велъ такую жизнь во время моего квартированія у Анны Ст-ны: съ утра начиналъ пить по рюмочкѣ и къ обѣду былъ уже полупьянъ; съ этого времени начиналъ онъ отпускать разныя шуточки насчетъ супруги; затѣмъ, когда пьянѣлъ совсѣмъ, начиналъ ту же супругу уже бранить и преимущественно «московскою» бранью, при чемъ присутствіе малолѣтнихъ квартирантовъ его не стѣсняло. Супруга, зная буйный нравъ мужа, терпѣливо сносила такое, чуть не ежедневное его времяпрепровожденіе. Въ трезвомъ состояніи Яковлевъ былъ добродушный солдатъ, очень любовно относившійся къ намъ, за что и мы относились къ нему дружелюбно. Анну Степановну мы, дѣти, очень чтили за ея заботы о нашихъ желудкахъ, которые, какъ помню, никогда не голодали. Заботы Анны Степановны о нашихъ желудкахъ простирались до того, что напр., если за обѣдомъ случалась молочная каша, то намъ, дѣтямъ, предлагалось пить, кто хочетъ, воду *до* каши, съ предупрежденіемъ, что *послѣ* каши воды не дадутъ...

Обращаюсь теперь къ наставникамъ. Главный изъ нихъ былъ штатный смотритель Княгницкій, старый холостякъ, опрятный и аккуратный до педантизма, къ своимъ обязанностямъ онъ относился, повидимому, вполнѣ добросовѣстно: часто посѣщалъ классы, слушалъ донесенія о поведеніи учениковъ и довольно нелѣниво наказывалъ выходившія изъ общаго уровня шалости. А таковыя бывали часто и довольно разнохарактерныя, смотря

по различію возрастовъ; когда я былъ въ первомъ классѣ, мнѣ было 10 лѣтъ, но у меня были товарищи и гораздо старше, такъ лѣтъ по 16—17 и 18. Изъ наказаній Княгницкій практиковалъ и розги; но эти послѣднія употреблялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще Княгницкій представлялъ изъ себя человѣка, который, не устроивъ собственнаго гнѣзда и имѣя бездну свободнаго времени, отдавалъ послѣднее училищу, находя въ этомъ училищѣ единственное развлеченіе въ жизни. Позднѣе уже, послѣ моего выхода изъ училища, Княгницкій женился на вдовѣ одного изъ конотопскихъ чиновниковъ, полуграмотной женщинѣ, которую, говорятъ, заставлялъ читать вслухъ газеты и выходилъ изъ себя, когда чтеніе выходило дикое. Я уже сказалъ, что Княгницкій присчитался пріятелемъ отца, что, однако жъ, не мѣшало матери присылать этому пріятелю черезъ меня, когда я возвращался съ праздниковъ изъ дома въ училище, кулёчки съ разными сельскохозяйственными продуктами. Кулёчки эти отбиралъ угрюмый сторожъ училища Несторъ, красивая дочь котораго волновала кровь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ товарищей, которымъ по лѣтамъ приличествовало болѣе жениться, а не учиться.

Учителей у насъ было пять. Законоучитель о. Иванъ Леонтовичъ, священникъ изъ с. Поповки, благообразный и привѣтливый человѣкъ, о которомъ память сохранила одни лишь хорошія впечатлѣнія. Сынъ о. Леонтовича Θедоръ, мой одноклассникъ, теперь одесскій профессоръ—юристъ [1]).

Другіе учителя были: полякъ Лѣснобродскій училъ математикѣ, Морозовскій—русскому языку, полякъ Бучинскій—исторіи и географіи и Слюсаревскій—рисованію и писанію. Обо всѣхъ этихъ учителяхъ память говоритъ, что оносились они къ своему дѣлу болѣе или менѣе внимательно. Межъ ними не было ни одного, который бы какимъ-нибудь своимъ недостаткомъ возбуждалъ дѣтскій юморъ. Строже всѣхъ и, кажется, и дѣльнѣе былъ Лѣснобродскій, который, между прочимъ, какъ и Княг-

---

[1]) Писано въ 1891 году. Въ настоящее время Θедоръ Ивановичъ Леонтовичъ состоитъ профессоромъ Варшавскаго университета. *Ред.*

ницкій, отличался чрезвычайною опрятностью: въ классъ онъ входилъ вымытый и выбритый, какъ на парадъ. Предметъ свой преподавалъ толково; способные мальчики учились у него хорошо; но зато былъ онъ неумолимо строгъ и при этомъ вспыльчивъ. Лѣснобродскій умѣлъ ловко подмѣтить особенности своихъ учениковъ, давалъ имъ свои клички, которыя становились для Лѣснобродскаго нашими вседневными прозвищами. Помню, что я названъ былъ *Капкою*, потому кажется, что у меня изъ-подъ носа часто капало. Въ хорошемъ настроеніи духа и, когда уроки отвѣчались хорошо. Лѣснобродскій умѣлою шуткою съ нами вызывалъ общее довольство. Но бѣда была, когда какой-нибудь лѣнтяй какимъ-нибудь нелѣпымъ отвѣтомъ сердилъ вспыльчиваго поляка. Прежде всего являлись на сцену *пали*, т. е. битье особо сдѣланною для сего лопаткою по ладонямъ наказуемаго «Давалъ пали» какой-нибудь взрослый уже ученикъ, обладавшій для сего достаточною силою. У насъ въ классѣ такимъ раздавателемъ паль былъ Александръ Ельфимовъ, теперь конотопскій купецъ и земскій гласный. Паль давалось отъ двухъ—трехъ и до нѣсколькихъ десятковъ. Ладони у наказаннаго вспухали, какъ *пампушки*.. Болѣе всего паль приходилось на классы Лѣснобродскаго, предметъ котораго былъ труднѣйшимъ, да и учитель былъ требователенъ. Но очень часто вспыльчивость Лѣснобродскаго не ограничивалась палями, а пускались въ дѣло собственныя руки учителя: дралъ онъ въ такихъ случаяхъ за волосы, билъ объ доску, на которой рѣшались задачи, головою, бросалъ на землю, топталъ ногами... Однимъ словомъ, остроумный полякъ приходилъ въ бѣшенство и обращался въ какого-то звѣря, наводившаго на насъ ужасъ... Помню одинъ такой случай, когда это звѣрство обрушилось на мое дѣтское тѣло. Разъ какъ-то пріѣхала мать въ Конотопъ навѣстить меня. Каждый такой пріѣздъ представлялъ для меня несказанную радость: мать крѣпко любила меня, баловала, а я въ Конотопѣ скучалъ. Возвращаясь изъ училища на квартиру, я каждый разъ присматривался, особенно зимою, къ слѣдамъ колесъ и полозьевъ, которые вели въ ворота Анны Степановны, думая среди этихъ слѣдовъ встрѣтить слѣды гирявскаго

экипажа. Въ пріѣздъ матери ученіе шло, разумѣется, плохо, почему Лѣснобродскій и не любилъ этихъ пріѣздовъ. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ матери, я, увлекшись радостью свиданья, не пошелъ къ Лѣснобродскому на квартиру (жилъ онъ въ отдѣльномъ домикѣ, въ саду Анны Степановны) для репетиціи уроковъ. На другой день, въ классѣ, Лѣснобродскій вызвалъ меня къ доскѣ и, придравшись къ какому-то неудачному отвѣту, положительно избилъ меня, пустивъ въ дѣло и свои кулаки. Такія избіенія проходили для Лѣснобродскаго безнаказанно: никто не рѣшался жаловаться, вѣроятно, чувствуя, что у Княгницкаго защиты противъ дѣльнаго и исправнаго учителя найти нельзя было, а родители могли только жаловаться тому же Княгницкому.

Морозовскій былъ, повидимому, добрый человѣкъ; по крайней мѣрѣ, дѣтская память никакихъ горькихъ воспоминаній съ нимъ не связывала. Изъ его ученія помню грамматику Востокова и изученіе на память разныхъ стихотвореній. Стихи мы учили, кажется, только уже во 2-мъ классѣ; въ первомъ учили басни Крылова. Изъ стиховъ, помню, нѣкоторые никакъ не давались дѣтскому пониманію. Напр., никакъ не могъ я уразумѣть смысла Пушкинскаго «Поэта»:

«Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ».

Легче, казалось, давалось пониманіе одъ Державина, но, въ дѣйствительности, и тутъ ни одинъ изъ насъ не могъ бы передать содержанія ихъ. Басни учились легко, и тутъ же подходящіе изъ нихъ стихи пускались въ разговорный оборотъ.

У Бучинскаго, помню, мы исправно зубрили слово въ слово «маленькую Устряловку», очень часто вовсе не понимая выраженій въ родѣ—«удѣльная система падаетъ»... Бучинскій былъ апатичный добрякъ, который, кажется, никогда никого и не наказалъ. Наконецъ, у Слюсаревскаго усердно и безполезно рисовали какіе-то носы, губы и глаза. Доходили нѣкоторые и до головъ, украшенныхъ римскими шлемами.

Для характеристики преподаванія въ училищѣ слѣдуетъ сказать, что для ежедневной повѣрки исправнаго внѣкласснаго при-

готовленія уроковъ, классъ былъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, человѣкъ по пяти въ каждомъ, называемыхъ *ратами*, и надъ каждой ратой былъ поставленъ одинъ ученикъ *авдиторъ*, обязанный передъ началомъ класса спросить уроки у учениковъ своей раты и поставить имъ отмѣтки въ особомъ журналѣ, который затѣмъ представлялся учителю. Учитель спрашивалъ въ свою очередь уроки, повѣрялъ правильность дѣйствій авдиторовъ и, если находилъ, что незнающему ученику были выставлены отмѣтки удовлетворительныя, то наказывалъ и ученика не знающаго урока, и его авдитора. Наказаніе послѣднихъ часто бывало вполнѣ заслуженно, такъ какъ многіе изъ нихъ брали взятки, за которыя и ставили удовлетворительныя отмѣтки. Помню, что у меня въ ратѣ по географіи былъ балованый сынокъ конотопской мѣщанки, право спрашивать уроки котораго выпросилъ у меня мой двоюродный братъ Алексѣй Страшный, (поѣхавшій потомъ искать счастья въ Архангельской губерніи, въ уѣздныхъ судахъ и тамъ навсегда застрявшій), и затѣмъ очень умѣло вымогалъ у него булки и разныя лакомства. Помню, при переходѣ изъ перваго во второй классъ трое насъ, Леонтовичъ, Вятковскій и я, получили въ награду «книги» при чемъ намъ даны были какіе-то французскіе діалоги, завалявшіеся на чердакахъ училища. Экзамены оканчивались «актами», на которыхъ, кромѣ раздачи наградъ, раздавали еще и пироги, конечно, уже всѣмъ ученикамъ, въ изобиліи присылавшіеся въ эти торжественные дни изъ Семеновки тамошнимъ помѣщикомъ Н. Г. Гамалѣемъ, который, будучи почетнымъ смотрителемъ конотопскаго уѣзднаго училища, въ этомъ лишь одномъ дѣйствіи и проявлялъ свое попеченіе о его преуспѣяніи.

Воспоминаніе свое о конотопскомъ училищѣ окончу свѣдѣніемъ о персоналѣ учащихся. Учениками сюда поступали преимущественно дѣти бѣдныхъ панковъ, которые въ то время составляли и главный контингентъ конотопскихъ «присутственныхъ мѣстъ», т. е. разныхъ судовъ, опекъ, канцелярій. Изрѣдка попадали въ училище и дѣти богатыхъ козаковъ, напр. дептовскіе Калиты, бахмацкіе Страшные. Въ мое время былъ и одинъ крѣпостной крестьянинъ, но это былъ сынъ какого-то Гамалѣевскаго

приказчика, готовившійся помѣщикомъ послѣ окончанія училища, также на какую-нибудь дворовую дѣятельность.

Въ уѣздномъ училищѣ я пробылъ до февраля 1846 г., когда изъ 2-го класса неожиданно взятъ былъ домой. Оказалось, что такъ какъ я былъ записанъ кандидатомъ въ кадеты дворянскаго полка, то отецъ съ матерью и рѣшили заранѣе отправить меня туда съ старшимъ братомъ Василіемъ, который въ это время, окончивъ университетъ и скопивъ немного денегъ на «кондиціяхъ», ѣхалъ въ С.-Петербургъ искать тамъ счастья.

Горестное, помню, было мое разставанье съ домомъ. Поѣздка въ С.-Петербургъ, болѣе, чѣмъ за 1000 верстъ, въ тогдашнее время, съ полною увѣренностью, что возвращеніе домой можетъ быть не прежде окончанія корпуса, приводило и меня и мать въ удрученное состояніе. Особенно страдала мать, отпуская въ такую даль на неизвѣстное будущее двѣнадцатилѣтняго своего любимчика. У нея уже былъ одинъ примѣръ передъ глазами: братъ Яковъ, отправленный въ полтавскій кадетскій корпусъ въ 1842 г., оттуда прямо переведенъ былъ въ Спб., гдѣ и находился въ это время въ старшихъ классахъ дворянскаго полка, отсутствуя изъ дома уже четыре года, и не зная, когда судьба дастъ возможность побывать дома. Хорошо помню послѣдніе дни передъ выѣздомъ въ Спб., когда мать, наставляя меня, какъ вести себя, чтобы заслужить у чужихъ людей ласку, между прочимъ, давала мнѣ такой завѣтъ, что, если же мнѣ будетъ очень худо жить между чужими людьми, то, чтобы я тогда по вечерамъ старался смотрѣть на группу звѣздъ, называемую «Большая Медвѣдица» и вѣрить, что въ этотъ же моментъ будетъ и она смотрѣть на тѣ же звѣзды и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свою ласку и соболѣзнованіе своему сынку, заброшенному въ далекую чужую сторону.

24 февраля 1846 г. выѣхалъ я изъ благословенной Гирявки на земное странствіе. Братъ Василій ѣхалъ въ Спб., какъ я уже сказалъ, искать счастья и везъ при этомъ съ собою скопленныя учительствомъ у донского богача Себрякова небольшія деньги. Везъ онъ при этомъ съ собою крѣпостного лакея Никифора и собаку Бонгарда, т. е. ѣхалъ въ обстановкѣ, которая говорила о

нѣкоемъ достаткѣ. Достатокъ этотъ отразился и на мнѣ; по крайней мѣрѣ, дѣтскія мои нужды братъ ласково и сердечно удовлетворялъ. Такая обстановка нѣсколько сглаживала впечатлѣніе чужой стороны. Помню, ѣхали мы до Спб. около 2-хъ недѣль, перемѣнивъ теплую зимнюю кибитку на перекладную телѣгу, по случаю заставшей насъ въ дорогѣ весны. За дорогу я привыкъ къ брату, который, будучи старше меня на 17 лѣтъ, сначала казался мнѣ получужимъ человѣкомъ. Впрочемъ, только впослѣдствіи я вполнѣ могъ оцѣнить всю сердечную теплоту этого брата, которому не только я, но и всѣ остальные братья были такъ многимъ обязаны.

Въ Спб. мы пріѣхали въ началѣ марта въ весеннюю слякоть, которая, быть можетъ, и заслонила собою то впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на меня большой городъ, далеко оставлявшій за собою знакомый уже мнѣ Харьковъ. Никакихъ впечатлѣній первое пребываніе въ Спб. въ моей памяти не оставило. Ходилъ по улицамъ, глазѣлъ, разѣвалъ ротъ передъ величиною домовъ, дворцовъ и—только. Особаго влеченія къ осмотру подробностей столичнаго величія не было, конечно, по дѣтской незрѣлости.

Проживъ въ Спб. весну и лѣто, я, однакожъ, мало занимался приготовленіями къ экзамену въ дворянскій полкъ; братъ, развлеченный своими занятіями и новыми знакомствами, лишь слегка понукалъ меня къ этимъ занятіямъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что экзамена въ дворянскій полкъ я не выдержалъ, и остался жить съ братомъ въ Спб., не знаю, съ какою цѣлью; можетъ быть, потому, что возвращеніе въ Малороссію было ужъ очень затруднительно.

Братъ разсчитывалъ первое время добывать средства къ жизни литературнымъ трудомъ; но добывать этимъ путемъ средства оказалось очень нелегко, и братъ сталъ думать о государственной службѣ. Въ это время два брата, Михаилъ и Ѳедоръ, служили въ Оренбургѣ въ коммиссіи, вѣдавшей кочевавшими около Оренбурга киргизами; они стали туда звать и Василія. На этотъ зовъ послѣдній согласился, особенно въ виду того обстоятельства, что въ это же время его *посватали* на довольно зрѣлой дѣвицѣ Не-

плюевой, оренбургской помѣщицѣ, съ которою рѣшено было вѣнчаться въ оренбургской деревнѣ Неплюевыхъ, гдѣ жила мать невѣсты. Лѣтомъ 1847 г. пріѣхалъ въ Спб. одинъ изъ братьевъ невѣсты и повезъ съ собою домой невѣсту съ женихомъ; повезли и меня, потому что негдѣ было меня оставить. Ближайшее знакомство жениха съ невѣстой во время дороги повело къ тому, что, пріѣхавъ въ деревню Неплюевыхъ, братъ рѣшивъ, должно быть, что отъ этого брака добра не видать, уѣхалъ въ Оренбургъ, обѣщая оттуда скоро вернуться, но не вернулся, и бракъ его съ Неплюевой разстроился.

Оренбургъ произвелъ на меня впечатлѣніе гораздо сильнѣе Спбурга. Киргизы, верблюды, зауральскія степи,—всё это вмѣстѣ отпечатлѣлось въ моей памяти такъ, что и теперь могу себѣ представить тогдашній Оренбургъ. Въ Оренбургѣ на службѣ находилось тогда нѣсколько малороссовъ, которые, сходясь вмѣстѣ, составляли довольно дружескій кружокъ, любившій наполнять время воспоминаніями о родинѣ.

Братъ Василій недолго побылъ въ Оренбургѣ. Зимою 1847 г. начальникъ оренбургской коммиссіи, вѣдавшей киргизовъ, генералъ Ладыженскій ѣхалъ въ Спб. по службѣ и забралъ съ собою и брата Василія. Въ Спб. братъ встрѣтился съ Далемъ, служившимъ въ то время у министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, и былъ приглашенъ на службу къ послѣднему. По этому случаю братъ въ Оренбургъ не возвратился, а я, живя у брата Ѳедора, сталъ ждать случая переправиться тоже въ Спб., гдѣ долженъ былъ продолжать жительство при братѣ Василіи. Болѣе полугода пришлось мнѣ прожить еще въ Оренбургѣ. Въ это время я началъ уже почитывать книги, преимущественно старые журналы. Въ это же время попалась мнѣ въ руки исторія Малороссіи, кажется, Бантыша-Каменскаго, прочитывая которую, я сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ, какъ въ Спб., такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія Въ это же время сталъ ко мнѣ ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было въ это

время не мало въ Оренбургѣ. Помню, что мой учитель хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, которому хотѣлъ и меня выучить, почему, обучая меня ариѳметикѣ и прочимъ наукамъ, говорилъ со мною почти исключительно по-нѣмецки. Помню, что со многими вопросами по исторіи Малороссіи я обращался къ моему учителю поляку, но онъ какъ-то мало удовлетворялъ мое любопытство, представляя изъ себя на видъ полунѣмца. Между тѣмъ Малороссія возбуждала мое любопытство и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившемъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до его перевода въ Орскую крѣпость. Весною 1848 г. меня въ первый разъ повезли за Уралъ въ степь, гдѣ я и прожилъ нѣсколько дней въ киргизской кибиткѣ, питаясь кумысомъ и какими-то киргизскими яствами. Больше всего понравилась мнѣ ѣзда въ степи верхомъ. Безграничность степи какъ-то упоительно дѣйствовала на воображеніе.

Выбрался я изъ Оренбурга только лѣтомъ 1848 г. въ очень оригинальной обстановкѣ. Изъ Оренбурга ѣхалъ въ Самару какой-то обозъ въ нѣсколько десятковъ подводъ: съ этимъ обозомъ отправилась и семья какого-то майора, перебиравшаяся дешевѣйшимъ способомъ въ Спб. Эта семья взялась доставить въ Спб. и меня. Путешествіе предстояло безконечное... Къ счастію моему, добравшись до Самары, мы встрѣтили тамъ порядочную холеру, которая послужила предлогомъ для прекращенія моего путешествія съ семьей майора, и я остался у университетскаго товарища брата Василія, Арс. Ѳед. Бѣлокрысенка, который служилъ тогда въ самарской удѣльной конторѣ. Бѣлокрысенко только что женился передъ этимъ на дочери служившаго въ Самарѣ финляндца-офицера Луизѣ Адольфовнѣ. Вотъ эта-то послѣдняя и была моимъ добрымъ геніемъ, изъявшимъ меня изъ семьи майора и оставившимъ у себя для ожиданія лучшей компаніи при переѣздѣ въ Спб. Луиза Адольфовна, не смотря на свою молодость (едва-ли ей было въ это время 20 лѣтъ), отнеслась ко мнѣ съ нѣжностью матери, и три-четыре мѣсяца, проведенныхъ мною въ Самарѣ, были однимъ изъ лучшихъ моментовъ моей отроческой жизни.

Лишенный материнской ласки, я ее нашелъ у едва вышедшей изъ отрочества финляндки, которая, будучи сама заброшена судьбой межъ чужихъ людей, можетъ быть, сердцемъ поняла и мое подобное положеніе. Живя въ Самарѣ и ничего не дѣлая, я пристрастился къ уженью рыбы на Волгѣ, гдѣ иногда просиживалъ ночи на плотахъ съ *донной* удочкой [1]). Два-три язя вознаграждали мое рыбацкое терпѣніе и приводили въ неописанный восторгъ. Луиза Адольфовна и выговаривала мнѣ за эти отлучки и въ то же время не хотѣла меня лишать удовольствія, которое могло дѣйствовать только благодѣтельно на воображеніе четырнадцатилѣтняго возраста. Волга съ ея особой, своеобразной жизнью, не могла не развивать отроческаго воображенія. Въ самарской же удѣльной конторѣ служилъ старшій братъ Ар. Өедоровича *Бѣлокрысенка* Матвѣй *Бѣлокрысовъ* (такъ по документамъ писались родные братья); служилъ онъ землемѣромъ, поэтому часто долженъ былъ по службѣ ѣздить въ предѣлахъ своей удѣльной конторы; очень часто онъ бралъ меня съ собою при этихъ поѣздкахъ. Разъ помню, при переѣздѣ черезъ Волгу, поднялась буря и наша лодка-паромъ заливалась водой... Я видѣлъ, какъ Бѣлокрысовъ сталъ раздѣваться, ожидая, что вотъ-вотъ лодку опрокинетъ... Въ этотъ моментъ я сидѣлъ оцѣпенѣвшій; но Богъ насъ спасъ.

Прожилъ я въ Самарѣ до осени, когда случилась оказія для дальнѣйшаго путешествія въ Спб. Оказія была снова очень оригинальная. Офицеръ оренбургскаго казачьяго войска Соколовъ везъ въ Спб. человѣкъ пятнадцать казаковъ-артиллеристовъ, которые ѣхали туда на обывательскихъ подводахъ. Съ Соколовымъ отправили и меня. Путешествіе это было превеселое. Соколову было лѣтъ 20, и, помню, что онъ всѣ свои впечатлѣнія, свое горе и свои радости часто повѣрялъ мнѣ, какъ товарищу. Съ подчиненными же своими обращался очень дружелюбно, и тѣ превозносили своего командира: напившись нерѣдко до пьяна, казаки горланили, сидя на обывательскихъ подводахъ:

---

[1]) Любовь къ уженью рыбы сохранилось у Ал. М-ча до старости. *Ред.*

Командиръ нашъ Соколовъ
Онъ служить съ нами готовъ.

Купивъ у одного казака фуражку, я тоже преобразился въ казака, причемъ просилъ, чтобы и мнѣ, какъ другимъ, отводилась на стоянкахъ квартира въ крестьянскихъ избахъ. Соколовъ этому желанію не противорѣчилъ, и я былъ предоволенъ, когда крестьянскія бабы выражали ко мнѣ особое сочувствіе, что вотъ молъ какого молодого казаченка везутъ уже на службу.

Такъ мы доѣхали до Н. Ладоги, гдѣ стояла баттарея, въ которую назначена была партія Соколова. Отъ Ладоги мнѣ пришлось ѣхать уже одному на почтовыхъ по подорожней «недоросля изъ дворянъ». Я забылъ сказать, что изъ Оренбурга я везъ съ собою оставленную тамъ братомъ Василіемъ прекрасную датскую собаку Беппо: собака эта сопровождала меня всю дорогу до Спб., и я особенно былъ ей благодаренъ за путь отъ Ладоги: пришлось ѣхать ночью или поздно вечеромъ, было страшно, и только Беппо своимъ присутствіемъ умѣрялъ этотъ страхъ. Наконецъ, осенью достигъ я Спб. Здѣсь опять сталъ я болтаться безъ цѣли, такъ какъ, кажется, и самъ братъ не зналъ, что предпринять со мною, боясь, что помѣщеніе въ учебное заведеніе будетъ сопровождаться непосильною для отца платою. Но въ началѣ 1849 г. братъ помѣстилъ меня у одного изъ гувернеровъ 2-ой гимназіи. (Б. Мѣщанская) швейцарца Пренса, съ цѣлью практическаго изученія французскаго языка. Тутъ же меня учили и другимъ предметамъ на французскомъ языкѣ. У Пренса я проболтался около года и, правда, научился болтать по-французски, но всѣ остальные предметы были заброшены. Между тѣмъ мнѣ шелъ 16-й годъ, и пора было рѣшить, что же дальше со мной дѣлать?— Рѣшено было, наконецъ, помѣстить меня въ гимназію, и, такъ какъ, по своимъ лѣтамъ, я долженъ былъ поступить не ниже 3-го класса, то началось усиленное приготовленіе къ предстоящему экзамену, особенно, изъ ариѳметики и алгебры, которыя были мною или забыты, или вовсе не учены. Въ февралѣ 1850 г. я былъ, наконецъ, принятъ во 2-ую гимназію въ 3-ій классъ, причемъ меня помѣстили въ пансіонъ, гдѣ плата въ то время

была 200 р. съ чѣмъ-то. Я усиленно принялся учиться, чувствуя самъ, что долго загулялся. Всѣ предметы мнѣ легко давались, за исключеніемъ математики, которую къ тому въ нашемъ классѣ преподавалъ пользовавшійся громкою въ Спб. извѣстностью, какъ учитель, Ф. Ф. Эвальдъ. На экзаменахъ кривая вывезла, и меня перевели въ слѣдующій классъ. Затѣмъ я пробылъ четыре года въ гимназіи, въ пансіонѣ, и остановлюсь на этомъ времени нѣсколько подробно, потому что, несомнѣнно въ это время окончательно опредѣлились мои духовные вкусы и совершилось то первоначальное развитіе, которое служило главнымъ основаніемъ для послѣдующаго.

2-ая гимназія считалась одною изъ лучшихъ въ Спб. по составу наставниковъ и, кажется, справедливо.

Припомню по возможности весь персоналъ этихъ наставниковъ.

Директоромъ у насъ былъ А. Ф. Постельсъ, совершившій, въ качествѣ естествоиспытателя, кругосвѣтное путешествіе, кажется, съ Литке. Съ нѣмецкою пунктуальностью исполнялъ онъ свои обязанности, кажется, ни на часъ, не оставляя безъ своего надзора и учащихъ и учащихся. Учителя его побаивались, а гувернеры и просто трепетали. Поэтому, какъ внѣшній, такъ и внутренній порядокъ въ гимназіи былъ образцовый. Особенно слѣдилъ Постельсъ за жизнью пансіонеровъ, не оставляя ихъ безъ надзора ни днемъ, ни ночью. Слѣдилъ онъ также и за пищею, почти постоянно присутствуя при нашихъ обѣдахъ. Нельзя сказать, чтобы мы, гимназисты, особенно боялись Постельса, но чувствовалось, что этотъ человѣкъ, посвятивъ всего себя исполненію долга, не имѣлъ въ своей природѣ той сердечности, безъ которой наставникъ юношества никогда не будетъ пользоваться привязанностью послѣдняго: не завоевавъ сердецъ, наставникъ никогда не достигнетъ благихъ результатовъ. Мы уважали Постельса, но никогда не умѣрили-бы нашихъ шалостей изъ-за одного того, что Постельсъ этимъ будетъ недоволенъ; всегда готовы были мы и обмануть его. Никакой духовной связи между имъ и нами не было. Тѣмъ не менѣе Постельсъ считался въ

Спб. образцовымъ педагогомъ и впослѣдствіи былъ воспитателемъ дѣтей у принца Ольденбургскаго.

Совершенную противоположность съ Постельсомъ представлялъ инспекторъ Хр. Ив. Пернеръ. Хотя и тоже нѣмецъ, но Пернеръ былъ прежде всего безтолковъ: никогда нельзя было понять, чего онъ хочетъ, когда приходилось ему покричать на насъ. При этой безтолковости Пернеръ былъ до крайности добръ, и всѣ мы его любили. Еслибы Пернеръ умѣлъ и захотѣлъ, онъ могъ почти всецѣло распоряжаться нашимъ поведеніемъ: до такой степени мы его любили. Любили же его прежде всего, конечно, за его сердечность, а потомъ какъ противоположеніе Постельсу. Хотя Пернеръ старался подражать Постельсу и непрочь былъ иногда покричать на насъ, но этотъ крикъ какъ-то сразу приводилъ насъ въ доброе расположеніе, потому что мы напередъ знали, что крикъ долженъ кончится шуткой, улыбкой и затѣмъ спокойнымъ удаленіемъ Хр. Ив. Особый видъ представлялъ собою Пернеръ въ тѣ моменты, когда долженъ былъ ассистовать Постельсу при какихъ-либо особенно грозныхъ мѣропріятіяхъ Постельса. Помню, разъ произошло въ гимназіи чрезвычайное событіе: Постельсъ при общемъ собраніи всѣхъ гимназистовъ наказалъ двухъ—трехъ изъ насъ розгами, которыя вообще у него не практиковались. Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ петербургскихъ гимназіяхъ, а можетъ и въ другихъ, введено было обученіе шагистикѣ. Послѣдней насъ училъ какой-то преображенскій унтеръ, довольно ревностно относившійся къ своей задачѣ. Замѣчая, что мы нерадиво относимся къ его преподаванію и шагаемъ съ улыбками, унтеръ пожаловался Постельсу. Послѣдній нашелъ нужнымъ показать намъ, что шагистика не шутка и приказалъ отвести старшіе классы въ «сборню», гдѣ уже приготовлены были розги и около нихъ стоялъ памятный намъ красноносый унтеръ-офицеръ Луниковъ, вѣдавшій гимназическихъ служителей. Сказавъ предварительно краткую рѣчь на тему о необходимости послушанія, Постельсъ указалъ какую-то жертву, которая мигомъ подверглась самому краткому, впрочемъ, сѣченію. Затѣмъ указалъ на старшаго Слонецкаго-Михайловскаго,

но этотъ отвѣчалъ, что онъ не ляжетъ, чувствуя себя больнымъ. Произошло смятеніе. Пернеръ пришелъ въ ужасъ отъ такой смѣлости. Постельсъ смѣшался, но тутъ же вышелъ изъ затрудненія: въ первомъ ряду стоялъ 7-ой классъ и въ числѣ ихъ сынъ близкаго пріятеля Постельса Темьянскій. Послѣдній стоялъ какъ-то свободно, выставивъ, кажется, ногу. «А вы, Т-скій, какъ стоите? не знаете, какъ слѣдуетъ стоять при начальствѣ? Я покажу вамъ, что я помню дружескія отношенія къ вашему отцу—ложитесь!» Двумя—тремя розгами Постельсъ сорвалъ свое сердце на сынѣ пріятеля. Экзекуція кончилась длиннымъ увѣщаніемъ, произнесеннымъ грозно и громко, которое окончилось словами:» Луниковъ! *положи розги въ соль*!» Повернувшись затѣмъ, Постельсъ ушелъ, сказавъ Пернеру отпустить насъ изъ сборной. Нужно было видѣть бѣднягу Пернера, когда, по уходѣ Постельса, онъ обратился ко всѣмъ намъ съ словами: «и какъ можно доводить себя до такой мѣры! И какъ вамъ, господа, не жаль себя! За что пострадалъ бѣдный Темьянскій?» (юноша вообще скромный и серьезный). А затѣмъ погрозивъ пальцемъ Михайловскому, видимо, одобряя въ душѣ его смѣлость, приказалъ итти пансіонерамъ въ камеры, а приходящимъ домой: этотъ случай наказанія розгами былъ при мнѣ, сколько знаю, единственный. Можетъ быть, когда какого-нибудь «маленькаго» и посѣкли, но это уже дѣлалось келейно; до общаго свѣдѣнія такіе случаи не доводились.

Обращусь теперь къ учителямъ, которыхъ я знаю съ перехода въ 4-ый классъ.

Начну съ законоучителя отца Матѳія Муретова, который училъ въ старшихъ классахъ. Муретовъ былъ магистръ кіевской академіи и, должно быть, очень ученый попъ, потому что былъ священникомъ въ тогдашней Иркіевской церкви находившейся въ адмиралтействѣ. Ничего особаго Муретовъ изъ себя на видъ не изображалъ, кромѣ развѣ того, что былъ большой трусъ. Учились бы мы у него плохо, при его нетребовательности; но мы боялись ревизора преподаванія Закона Божія въ петербургскихъ гимназіяхъ—протоіерея казанскаго собора о. Андрея Райковскаго. Послѣдній заглядывалъ къ намъ очень нерѣдко, каждый разъ

приводя въ трепетъ Муретова. Вспомнимъ, что дѣло идетъ о времени, когда министромъ былъ назначенъ Ширинскій. Райковскій очень часто задавалъ вопросы невозможные; мнѣ, напр., разъ задалъ въ 6-мъ классѣ, разсказать содержаніе одного изъ апостольскихъ посланій и, на мой отвѣтъ: «не знаю», поставилъ нуль; подобные же общіе вопросы были предложены и другимъ, которые получили такіе же нули. Впрочемъ, строгость Райковскаго была такова, что самъ Постельсъ не очень смущался результатомъ его посѣщеній, видя, какъ говорили, что Райковскій больше прицирается къ Муретову. Трусость Муретова, какъ разсказывали, имѣла свою исторію. Дѣло въ томъ, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе, начиная съ Новаго года и до Святой, посѣщать почти всѣ среднія учебныя заведенія, какъ военныя, такъ и гражданскія. Всегда посѣщались при этомъ и гимназіи. Обыкновенно эти посѣщенія происходили при такой обстановкѣ: какъ только проходилъ слухъ, что царь посѣтилъ то или другое заведеніе, сейчасъ же начиналось его ожиданіе и въ остальныхъ. Въ нашей гимназіи это ожиданіе выражалось въ томъ, что съ 12-ти часовъ мы, пансіонеры, переодѣвались въ новое платье и сидѣли въ классахъ уже на чеку, поминутно ожидая трехъ звонковъ изъ швейцарской. Муретовъ спеціально дѣлалъ распоряженіе, чтобы при входѣ царя въ классъ послѣ здорованья и приказанія садиться, лучшій ученикъ не садился, а готовился бы отвѣчать урокъ, какъ будто передъ тѣмъ вызванный Муретовымъ. Такія приготовленія были сдѣланы и въ 1850, кажется, году, когда императоръ Николай въ послѣдній разъ посѣтилъ нашу гимназію. Какъ обыкновенно, пріѣхавъ въ гимназію, царь прежде другихъ классовъ входилъ въ 4-ый, бывшій первымъ по расположенію комнатъ. Въ пріѣздъ царя въ 1850 г., въ 4-мъ классѣ шелъ урокъ Закона; услыхавъ царскій звонокъ, Муретовъ, спрашивавшій въ это время посредственнаго ученика (кажется Лаубе), по обыкновенію, сказалъ, чтобы при входѣ царя отвѣчалъ кто-то другой, конечно, одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Пришелъ царь, сопровождаемый, какъ обыкновенно, директоромъ и инспекторомъ, поздоровался, приказалъ садиться и затѣмъ, об-

ратясь къ Муретову, сказалъ—«продолжайте!». Но послѣ приказанія садиться, Лаубе продолжалъ стоять и Муретовъ не нашелся вызвать другого и обратился къ нему съ вопросомъ: «какъ читается 8-ая заповѣдь?» Лаубе молчалъ и молчалъ—минуты двѣ. Царь началъ терять терпѣніе... Наконецъ, Лаубе вспомнилъ: не прелюби сотвори!—Царь крикнулъ: «дуракъ!» а затѣмъ повернулся и говорятъ, уѣхалъ изъ гимназіи, не заходя уже въ другіе классы... Муретовъ, разумѣется, остался ни живъ, ни мертвъ... Этотъ случай произвелъ на него, какъ разсказывали, такое впечатлѣніе, что онъ впослѣдствіи всегда имѣлъ видъ чѣмъ-то угнетеннаго, всегда чего-то боящагося человѣка. Помнилъ, должно быть, этотъ случай и царь: до своей смерти онъ затѣмъ не заглядывалъ во 2-ую гимназію, хотя каждый годъ и послѣ этого мы ожидали его въ урочное время, каждый день надѣвая новыя куртки и каждый день производя директорскую репетицію отвѣта на царское привѣтствіе—«здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Ухудшилъ угнетенный духъ Мур. и попечитель Мусинъ-Пушкинъ, о которомъ скажу послѣ, особенно любившій посѣщать уроки Закона и русской исторіи, при чемъ очень часто задавалъ самъ вопросы, на которые получалъ отвѣты, далеко не всегда удовлетворительные. Разъ помню въ 6-мъ классѣ, кажется, ни одинъ ученикъ не съумѣлъ полностью повторить молитвы передъ причастіемъ. Разумѣется, Муретовъ трепеталъ.

Затѣмъ будутъ слѣдовать учителя математики. Поступивъ въ 3-й классъ, я засталъ, какъ уже говорилъ, учителемъ ариѳметики Ф. Ф. Эвальда, который пользовался въ Петербургскомъ ученомъ мірѣ большою славою, вполнѣ заслуженною, какъ одинъ изъ лучшихъ преподвателей математики въ многочисленныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, въ 1850 г. онъ оставилъ нашу гимназію, отдавъ всю свою педагогическую дѣятельность военнымъ учебнымъ заведеніямъ. Вѣроятно, Ростовцевъ [1]) лучше умѣлъ цѣнить даровитыхъ учителей. Послѣ Ф. Ф.

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ былъ тогда главнымъ начальникомъ военныхъ учебныхъ заведеній.

Эвальда остался въ гимназіи пользовавшійся не меньшею славою хорошаго учителя математики—Мих. Кир. Иващенко, у котораго я учился въ 4-мъ классѣ. У Иващенка не было того тонкаго юмора, которымъ умѣлъ Эвальдъ разнообразить свои уроки, но за то была какая-то несокрушимая логика въ его объясненіяхъ урока, заставлявшая слѣдить за этимъ объясненіемъ не только хорошихъ, но и среднихъ учениковъ. Помню очень хорошо, какъ я, плохой математикъ, вообще, ловилъ плавное, ровное объясненіе теоріи уравненій, такъ какъ у Иващенка была метода тутъ же заставлять продолжать свое объясненіе, словами: «а затѣмъ...». Всякому хотѣлось уразумѣть слѣдовавшее *затѣмъ*... И Иващенко пробылъ въ гимназіи при мнѣ недолго; въ началѣ 1851 г. его перевели директоромъ Могилевской гимназіи, конечно, по предстательству Мусина-Пушкина, который, не смотря на свои грубыя отношенія къ учащимъ и учащимся, цѣнилъ хорошихъ учителей. Иващенка замѣнилъ ничтожный Зоннъ, который первое время, ставя отмѣтки, руководствовался отмѣтками Иващенка: кому Иващенкомъ была поставлена хорошая отмѣтка, тому ставилъ такую-же и Зоннъ, хотя-бы отвѣтъ совсѣмъ былъ плохъ. Впослѣдствіи Зоннъ сталъ преподавать физику, а математика была отдана переведенному изъ Астрахани, Рихтеру. Послѣдній былъ, кажется, способнымъ учителемъ, но его, сопровождаемая слюнами дикція, затемняла его рѣчь и портила впечатлѣніе. Ученики, впрочемъ, относились къ Рихтеру пріязненно, такъ какъ чувствовали въ немъ честнаго человѣка.

Русскій языкъ въ старшихъ классахъ преподавалъ очень извѣстный тогда въ Спб. А. П. Алимпіевъ, старецъ лѣтъ за 60, обучившій на своемъ вѣку, по крайней мѣрѣ, два поколѣнія. У Алимпіева мы учили разныя «теоріи» по книжкамъ Зеленецкаго, стихи, отрывки на старославянскомъ языкѣ по хрестоматіи, кажется, Пенинскаго и, наконецъ, писали сочиненія. Все это у Алимпіева дѣлалось какъ-то машинально, безъ всякаго участія со стороны учителя къ тому, что говорилъ или писалъ ученикъ. Алимпіевъ былъ сильно глуховатъ, что способствовало тому, что ему, вмѣсто урока, часто пороли всякую гиль. Глухота развила у Алимпіева

подозрительность и онъ, бывало, чуть увидитъ улыбку на лицѣ ученика, сейчасъ же обращается къ нему: ну чего *лыбишь?* Перейдя въ 7-ой классъ, мы получили, вмѣсто вышедшаго за старостью въ отставку Алимпіева, только что окончившаго педагогическій институтъ студента Кургановича. Этотъ молодой учитель принадлежалъ къ числу тѣхъ, у которыхъ отсутствіе природнаго дара замѣняется трудолюбіемъ и прилежаніемъ. Благодаря последнимъ двумъ качествамъ, Кургановичъ окончилъ институтъ въ числѣ первыхъ и сразу получилъ мѣсто въ петербургской гимназіи, что было нелегко. Нашъ классъ учился у Кургановича всего годъ; за это короткое время никакого впечатлѣнія на насъ онъ не произвелъ, да, должно-быть, и впослѣдствіи онъ ничѣмъ не выразился: никогда не приходилось и послѣ о немъ ничего читать. Изъ печатныхъ его работъ помню подаренную нѣкоторымъ изъ насъ книжку—«Мысли Платона о воспитаніи».

Исторію преподавалъ младшій братъ Ф. Ф. Эвальда, Влад. Ф. Послѣ ухода его брата и Иващенка, это былъ, несомнѣнно, лучшій учитель 2-й гимназіи. Хорошо одаренный отъ природы, Вл. Ф. Эвальдъ, какъ стало намъ видно послѣ, постоянно читалъ, при чемъ читалъ не однѣ книги по своей спеціальности, но, вообще, что называется, слѣдилъ за литературой. Эвальдъ никогда не задавалъ намъ уроковъ по книгѣ, а читалъ настоящія лекціи, придерживаясь учебника лишь въ порядкѣ изложенія событій. Въ этихъ лекціяхъ онъ подчеркивалъ существенныя мѣста, дополнялъ учебникъ характернымъ событіемъ или освѣщалъ эти событія другимъ, чѣмъ въ учебникѣ, свѣтомъ; и хотя мы этихъ лекцій не записывали, но многое запоминали и многое на репетиціяхъ отвѣчали изъ того, что было разсказано учителемъ и чего не было въ учебникахъ. А учебники эти были прежалкіе: изъ всеобщей исторіи—Смарагдовъ, а изъ русской—двухтомный Устряловъ... Особенно былъ ужасенъ тонъ изложенія и освѣщенія фактовъ у Смарагдова. Помню и теперь, какъ внимательно слушали мы лекціи Эвальда, особенно о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ напр. крестовые походы, французская революція... Разсказывая событія русской исторіи, Эвальдъ, напр., познакомилъ насъ съ сочиненіями Соловьева,

т. е. съ объими его диссертаціями. Мусинъ-Пушкинъ, какъ я уже сказалъ, любилъ присутствовать на урокахъ исторіи, и эти посѣщенія уроковъ Эвальда всегда сходили благополучно, потому что Эвальдъ какъ-то умѣло спрашивалъ и умѣло направлялъ на истинный путь спутавшагося ученика. Мусинъ уходилъ съ урока видимо довольный, но все-таки постукивалъ своей палочкой... Толково преподавалъ свой предметъ Эвальдъ, кромѣ того, любилъ вести съ учениками бесѣды и о постороннихъ предметахъ; умѣлъ онъ подмѣтить личныя слабости нѣкоторыхъ изъ насъ и съ тонкимъ юморомъ подвергалъ ихъ осужденію. Помню, былъ у насъ товарищъ Филиппеусъ, который очень гордился своимъ шведскимъ или финляндскимъ дворянствомъ.—Эвальдъ не замедлилъ замѣтить этому Филиппеусу, что онъ, Эвальдъ, не сомнѣвается, что у него, Филиппеуса, задница черная, что составляетъ необходимую принадлежность дворянина. Подобными замѣчаніями Эвальдъ благотворно вліялъ на наше общее развитіе, которое тогда, вообще, старались обходить. Эвальду-же мы обязаны были и первымъ знакомствомъ съ Гоголемъ, котораго онъ очень любилъ, и о которомъ готовъ былъ всегда говорить. Гоголя Эвальдъ настолько изучилъ и выучилъ, что указывая намъ на прелести «Тараса Бульбы», онъ пояснялъ различіе между первою и второю редакціями этой повѣсти. Эвальдъ насъ познакомилъ съ Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ, «малою дытыною» Шпонькою и другими личностями, говоря о которыхъ приводилъ подлинныя рѣчи тѣхъ или другихъ героевъ. Вообще, Вл. Эвальдъ имѣлъ огромное вліяніе на наше развитіе и, конечно, не одинъ изъ насъ добромъ поминалъ этого, мало еще оцѣненнаго у насъ, педагога. Кажется, что Вл. Ф. Эвальдъ и А. Ст. Вороновъ, замѣстившій Постельса (уже послѣ меня) на директорствѣ 2-й гимназіи, были замѣчательнѣйшими нашими педагогами въ Александровскую эпоху. Какъ жаль только, что время полнаго развитія ихъ духовныхъ силъ совпало съ Толстовскимъ классицизмомъ, знаніе котораго и Вороновъ и Эвальдъ, въ той формѣ, какая для него была измышлена Катковымъ и Леонтьевымъ, настойчиво отрицали. Враждебность свою къ Толстовскому классицизму Эвальдъ выразилъ

тѣмъ, что, будучи ученикомъ Греффе [1]) онъ тѣмъ не менѣе вторую половину своей жизни посвятилъ реальной школѣ. А между тѣмъ надо было послушать, когда Эвальдъ разсказывалъ троянскую войну, пересыпая разсказъ отрывками изъ Иліады, эпическую прелесть которой онъ, конечно, лучше понималъ, чѣмъ теперешніе «классики», которые до тонкостей знаютъ грамматику и не идутъ дальше буквальнаго содержанія читаемаго автора..

Латинскій языкъ преподавалъ у насъ нѣмецъ Радловъ, отлично знавшій свое дѣло, но «не строгій», почему большинство учениковъ училось у него плохо. Радловъ походилъ болѣе на профессора, чѣмъ на учителя: онъ объяснялъ читаемаго автора съ увлеченіемъ и думалъ, что съ такимъ же интересомъ слушаютъ его и ученики, а послѣдніе въ то время читали какую-нибудь книжку...

Преподаваніе греческаго языка при мнѣ было уничтожено.

Окончивъ съ персоналомъ учителей, я, какъ бывшій пансіонеръ (т. е. интернъ) долженъ еще сказать о нашихъ гувернерахъ, подъ надзоромъ которыхъ мы находились внѣ классовъ. Ихъ было восемь: четыре француза и четыре нѣмца; одинъ день было французское дежурство, другой нѣмецкое; два дежурили въ камерѣ старшихъ классовъ, а два въ камерѣ младшихъ. Отъ этихъ гувернеровъ мы должны были учиться языкамъ практически; но, разумѣется, изъ этого ничего не могло выйти по одному уже количеству учениковъ: въ каждой камерѣ было не менѣе 60-ти человѣкъ; потомъ эти гувернеры любили почему-то говорить болѣе по-русски, особенно браниться съ нами. Большинство гувернеровъ были люди сомнительнаго происхожденія и изображали изъ себя въ присутствіи Постельса положительныхъ лакеевъ. Леммъ, Крюгеръ и Альбрехтъ особенно отличались въ лакействѣ. Изъ желанія угодить директору эти наставники другъ передъ дру-

[1]) Федоръ Богдановичъ Греффе (1780—1851 г.) былъ академикомъ и профессоромъ греческой словесности въ спетербургскомъ университетѣ.

гомъ щеголяли въ шпіонствѣ, для чего особенно усердно слѣдили за гимназистами, которые, по строптивости характера, всегда находились въ подозрѣніи. Полною ничтожностью отличались два француза Жоберъ и Госсе; первый былъ, говорили, барабанщикъ наполеоновской арміи. Оба они были цѣлью постоянныхъ насмѣшекъ, любившихъ упражняться въ остроуміи, гимназистовъ.

(На этомъ обрывается автобіографія А. М. Лазаревскаго).

Къ вопросу о славянахъ.

Въ апрѣльскомъ № журнала «Кіев. Стар.» за настоящій годъ помѣщенъ Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ разборъ недавно появившейся моей статьи «Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ», въ которомъ уважаемый авторъ сдѣлалъ мнѣ честь, быть можетъ и мало заслуженную, отнестись благосклонно къ моимъ скромнымъ трудамъ въ области археологіи, за что считаю своимъ неуклоннымъ и пріятнымъ долгомъ принести ему мою глубокую благодарность. Тѣмъ не менѣе, относительно нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ мною теорій и положеній мы нѣсколько расходимся во взглядахъ, почему я считаю себя въ правѣ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ на страницахъ того-же уважаемаго журнала,—не съ цѣлью полемизировать съ многоуважаемымъ Н. Ѳ., а просто въ защиту того, въ чемъ я глубоко убѣжденъ внутренно и что стало для меня непреложной истиной въ силу многолѣтнихъ собственныхъ и чужихъ изслѣдованій, давшихъ не подлежащіе сомнѣнію факты.

Главнѣйшимъ возраженіемъ противъ высказаннаго мною служитъ слѣдующее: г. Бѣляшевскій, вполнѣ соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ относительно народа, которому принадлежатъ могильники полей погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ, и который я считаю славянами, не находитъ возможнымъ признать того-же происхожденія за жителями предшествующей эпохи, т. е. начиная отъ каменнаго вѣка вплоть до времени около Р. Х., къ которому

относятся уже нѣкоторые могильники средне-приднѣпровскихъ полей погребеній, не смотря на то, что я высказался въ этомъ смыслѣ на основаніи тѣхъ-же данныхъ, какія принимались мною во вниманіе и при опредѣленіи предъидущихъ,—именно: 1) антропологическихъ (форма череповъ), 2) осѣдлаго, земледѣльческаго образа жизни, подтверждаемаго предметами быта, и 3) устойчивости погребальнаго обряда. Въ своемъ заключеніи онъ указываетъ на то, что это положеніе не является чѣмъ-то новымъ,—что оно не разъ уже было высказано раньше и получало въ свое время соотвѣтствующія возраженія. Не останавливаясь на вопросѣ, кѣмъ и когда это было сдѣлано и полагаясь въ этомъ вполнѣ на обширную эрудицію г. Бѣляшевскаго, въ превосходствѣ которой надъ моей собственной, въ данномъ случаѣ, я нисколько не стыжусь сознаться, я перейду къ нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ его заключенія, такъ или иначе остающимся для меня не вполнѣ ясными.

«Мы нисколько не отрицаемъ», говоритъ онъ, «что при смѣнѣ народностей извѣстныя черты культуры и даже физическаго склада передаются отъ предъидущихъ къ послѣдующимъ: то-же могло быть и въ данномъ случаѣ».

Я нѣсколько затрудняюсь понять, какого рода смѣну народностей можно имѣть въ виду при обстоятельствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. То, о чемъ говоритъ многоуважаемый авторъ, конечно, вполнѣ естественно и неизбѣжно при условіяхъ насильственной или добровольной замѣны одного народа другимъ въ извѣстной мѣстности, если послѣ этого они поддерживаютъ и сохраняютъ между собою прямыя и притомъ продолжительныя сношенія: но, чтобы говорить такъ, необходимо предположить здѣсь, что первоначальные обитатели нашего края необходимо должны были быть не славянами и только вошли съ послѣдними въ соприкосновеніе впослѣдствіи,—что, мнѣ кажется, еще труднѣе доказать, нежели мою, основанную на положительныхъ фактахъ, теорію противоположнаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, я истолковываю себѣ значеніе приведенныхъ словъ, не ручаясь за то,

что я понялъ правильно, и что и г. Бѣляшевскій предполагалъ именно это.

Почти въ такой-же степени, но уже въ другомъ смыслѣ для меня неясны слова: «Чтобы судить о племени, какъ о самостоятельной единицѣ, нужно имѣть на лицо всѣ признаки, характеризующіе племя». При всемъ моемъ уваженіи къ автору, я все-же позволю себѣ назвать его нѣсколько требовательнымъ, если онъ не считаетъ достаточными такіе капитальные признаки, какъ культура и бытовые предметы, указывающіе на образъ жизни, обрядъ погребенія и антропологическія данныя относительно его физической организаціи. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, мнѣ приходилось думать, что на основаніи этихъ трехъ основныхъ характеристическихъ особенностей можетъ быть установлено опредѣленіе народа, который къ тому-же не принадлежитъ къ числу новооткрытыхъ и мало извѣстныхъ, подобно мелкимъ океанійскимъ племенамъ, а имѣетъ за собой многовѣковую, давно служащую предметомъ изученія исторію и широко разработанную литературу, причемъ обѣ передаютъ одинаковые факты и указываютъ на общія ему во всѣ вѣка черты. Исключительно на основаніи ихъ я счелъ возможнымъ высказать такое категорическое мнѣніе и не раскаиваюсь въ немъ и понынѣ.

Но наиболѣе поразительнымъ для меня является то, что г. Бѣляшевскій, не обинуясь, говоритъ; «по отношенію къ древнѣйшимъ насельникамъ нашего края такихъ признаковъ мы не имѣемъ, *да и наврядъ-ли когда-либо будемъ имѣть*, почему говорить о нихъ, какъ о славянахъ, не вдаваясь въ область гипотезъ и догадокъ, нѣтъ основаній».

Такой безнадежный взглядъ на дѣло со стороны того, кто самъ принималъ и принимаетъ такое живое участіе въ изученіи нашего края и славянскаго вопроса въ особенности, едва-ли желателенъ и грѣшитъ значительной дозой пессимизма, въ самой слабой степени оправдываемаго современнымъ состояніемъ и общимъ поступательнымъ ходомъ науки. Опытъ и исторія учатъ насъ, что весьма многія блистательно подтвердившіяся теоріи считались въ свое время абсолютной невозможностью,

абсурдомъ и ересью, для защиты которой нуженъ былъ значительный запасъ смѣлости, не смотря на глубокую вѣру въ правоту своего дѣла. Чтобы не ходить далеко, я приведу одинъ примѣръ изъ наиболѣе близкихъ къ намъ по времени и мѣстности. Не болѣе какъ десятка три лѣтъ тому назадъ западно-европейскіе ученые съ полнымъ убѣжденіемъ утверждали, что у насъ въ Россіи нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы человѣкъ могъ существовать одновременно съ мамонтомъ и что вообще едва-ли возможное, чтобы онѣ когда-либо могли появиться.

Между тѣмъ въ теченіе этого сравнительно короткаго промежутка времени открыто было въ предѣлахъ Россіи нѣсколько мѣстъ со слѣдами одновременнаго пребыванія въ нихъ человѣка и мамонта, въ томъ числѣ одна стоянка въ нашей мѣстности, которая по характерности и разнообразію даннаго ею матеріала не находитъ себѣ равныхъ въ изрекшей такой суровый приговоръ западной Европѣ. Поэтому предрѣшать будущее едва-ли основательно, и лучше вѣрить въ науку, какъ вѣрилъ въ нее въ указанномъ случаѣ великій Кювье, произнося свое знаменитое «нѣтъ еще» по поводу того-же вопроса.

Принимая все это во вниманіе, а также зная хорошо, что въ научныхъ вопросахъ требуются не слова, а неоспоримые факты, въ подборѣ которыхъ, кромѣ того, необходимо соблюдать величайшую осторожность, я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь еще разъ заявить со всею увѣренностью, что въ указанной мною въ моей работѣ мѣстности (начиная съ окрестностей Кіева, въ Кіевскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Сквирскомъ, Липовецкомъ и Уманскомъ уѣздахъ Кіевской губ., въ примыкающей къ нимъ сѣверной части Херсонской и большей половинѣ Подольской губ., а также отчасти въ районѣ лѣваго берега Десны въ Черниговской губ. и въ Прикарпатской области) *съ незапамятныхъ временъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ жилъ осѣдлый земледѣльческій народъ арійскаго происхожденія, въ которомъ я вижу только нашихъ предковъ--славянъ, и, кромѣ того, считаю указанную территорію его европейской прародиной.* Болѣе подробныя доказательства я постараюсь представить въ

своей будущей работѣ, матеріалъ для которой въ настоящее время мною уже подготовляется. Независимо отъ личныхъ убѣжденій и изслѣдованій, я твердо увѣренъ, кромѣ того, что родная сестра исторіи, археологія, при помощи своихъ вѣрныхъ друзей, антропологіи и сравнительнаго языкознанія, выяснитъ окончательно этотъ вопросъ въ самомъ недалекомъ будущемъ и поставитъ его на почву, не допускающую сомнѣній и колебаній, для меня лично давно уже не существующихъ. Основываясь на этомъ убѣжденіи, я намѣреваюсь высказать здѣсь вкратцѣ мои соображенія о томъ, когда и откуда появилась въ области средняго Приднѣпровья и Карпатъ часть арійскаго племени. Это будетъ служить повтореніемъ того, что я уже высказалъ въ статьѣ «Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья», помѣщенной въ невышедшихъ еще «Трудахъ XI Археологическаго Съѣзда».

Изъ геологическихъ данныхъ извѣстно, что въ послѣтретичную эпоху, впродолженіе всего ледниковаго періода и даже долѣе, на мѣстѣ нынѣшнихъ Эгейскаго и Мраморнаго морей находилась суша, соединявшая въ этомъ мѣстѣ оба материка: Европейскій и Азіатскій. Эта мѣстность, благодаря своему положенію между двумя морями, отличалась роскошной природой и умѣренно-теплымъ климатомъ, и, на основаніи многихъ соображеній, я именно здѣсь предполагаю первоначальную колыбель арійскаго племени, которое, по мѣрѣ надобности и возможности со стороны природныхъ условій, распространилось въ одну сторону по ближайшимъ мѣстамъ Европейскаго материка, а въ другую—по примыкающей къ нему Азіи. Такое постепенное распространеніе этого племени могло безпрепятственно продолжаться въ теченіе многихъ вѣковъ до тѣхъ поръ, пока громадный бассейнъ соединенныхъ еще въ то время Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Аральскаго морей, можетъ быть вслѣдствіе сильнаго поднятія уровня ледниковыхъ водъ открывъ себѣ новый путь, не соединился со Средиземнымъ моремъ, затопивъ все раздѣляющее ихъ пространство. Этотъ катаклизмъ, раздѣливъ прежній сплошной

материкъ на два новые, раздѣлилъ и общее до того племя людей на двѣ части: одну, занявшую Европейскій материкъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда не достигла вода соединившихся морей, и другую, подобнымъ-же образомъ разселившуюся по Азіатскому материку. Явленіе, о которомъ я говорю, имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшую участь единоплеменнаго народа, которому пришлось жить раздѣльно и при разныхъ условіяхъ, такъ какъ этимъ путемъ прекратились навсегда массовыя, періодическія и другія передвиженія четвероногихъ съ одного материка на другой,—изъ птицъ-же могли вынести перелетъ только наиболѣе крѣпкіе и наилучше приспособленные къ этому виды. Ясно, что жители упоминаемой мѣстности, потерявъ безвозвратно такую громадную территорію, должны были отыскивать новыя мѣста для жительства по обѣ стороны разъединившаго ихъ воднаго пространства, или, по крайней мѣрѣ, занять тѣ мѣстности, гдѣ раньше жили насельники окраинъ, въ свою очередь принужденные отступить въ сосѣдніе предѣлы. Очертить точную границу распространенія арійскаго племени по обоимъ материкамъ на основаніи наличныхъ данныхъ пока еще затруднительно, и вопросъ этотъ принадлежитъ будущему, но въ общемъ возможно намѣтить ходъ хотя-бы приблизительно. По моему мнѣнію, весьма возможно, что часть указаннаго племени въ видѣ бродячихъ отрядовъ, отыскивая себѣ пропитаніе и періодически передвигаясь съ одного изъ знакомыхъ имъ мѣстъ на другія, могла существовать на Европейскомъ материкѣ уже какъ въ доледниковую, такъ и впродолженіе всей ледниковой эпохи. Въ послѣднемъ періодѣ ея, особенно когда большая часть Европы занята была ледникомъ или образовавшимися изъ него водами, вмѣстѣ со льдинами разносившими различный наносный матеріалъ, эти бродячія толпы должны были ограничить свои передвиженія или, при условіяхъ постояннаго жительства, перенести свое мѣстопребываніе въ болѣе удобныя и безопасныя мѣстности, куда не достигало распространеніе ледника и какими могли быть только южныя, наиболѣе возвышенныя оконечности Европы. Вообще, въ этомъ отношеніи я имѣю главнымъ образомъ въ виду среднюю полосу Европы по направленію отъ юга къ

сѣверу: весьма возможно, что въ юго-западной части Европейскаго материка, въ особенности принимая во вниманіе соединеніе его въ то время съ Африканскимъ, могъ жить одновременно человѣкъ другого, не-арійскаго происхожденія.

Въ послѣледниковую эпоху, въ неолитическія времена, отъ предположеній возможно уже перейти къ положительнымъ фактамъ: распространеніе арійскаго племени мы видимъ тогда въ нашей приднѣпровской мѣстности съ одной стороны по направленію къ югу (Эгейскому морю) и съ другой стороны—около Прикарпатья и далѣе на сѣверо-западъ. Южную часть этого племени, распространенную отъ Эгейскаго моря къ сѣверу, почти до Карпатъ, я считаю арійской вѣтвью греко-латинскихъ племенъ, тогда какъ сѣверная часть его, обитавшая отъ средняго теченія Днѣпра до Карпатъ, составляла, по моему мнѣнію, другую его вѣтвь, именно славяно-литовско-германскую. Изъ числа послѣднихъ, народъ, населявшій мѣстность между Днѣпромъ и Прикарпатьемъ, былъ вполнѣ осѣдлымъ, занимавшимися земледѣліемъ, скотоводствомъ дриугими свойственными подобному образу жизни отраслями промышленности, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ уже извѣстный культъ и его обряды. Подтвержденіемъ этому могутъ служить разновременно открытыя раскопками жилища въ видѣ землянокъ и сопровождающія ихъ погребальныя площадки, оставленныя цѣлымъ рядомъ поколѣній и въ безчисленномъ количествѣ встрѣчающіяся на упомянутомъ пространствѣ. Находимыя въ жильяхъ зернотерки, кости, копыта и рога домашнихъ животныхъ, а въ площадкахъ—цѣлые слои поджаренныхъ зеренъ пшеницы, проса и другого хлѣба, кромѣ множества остатковъ глинобитныхъ стѣнокъ съ примѣсью мякины, иногда съ зернами тѣхъ-же растеній, ясно указываютъ на осѣдлый и, преимущественно, землѣдѣльческій образъ жизни, присущій славянамъ во всѣ времена ихъ существованіи и безпрерывно продолжающійся до настоящаго времени.

Что это было именно такъ, а не иначе, т. е., что обитавшій здѣсь народъ былъ со временъ самой глубокой древности всегда однимъ и тѣмъ-же и что въ жизни его насчитываются лишь

отдѣльные промежутки временнаго господства надъ нимъ пришлыхъ кочующихъ народовъ (скиѳовъ), оставя въ сторонѣ очевидные слѣды сношеній съ другими народами, доказывается постепеннымъ и непрерывнымъ развитіемъ мѣстной культуры, въ которой на всемъ отражается главное занятіе народа,—земледѣліе. Достаточно вспомнить, въ частности, громадное количество серповъ, паральниковъ, лемеховъ, мотыкъ и др. земледѣльческихъ орудій, найденныхъ при раскопкахъ Пастерскаго городища, могущаго быть отнесеннымъ къ V в. до Р. Х., также какъ и находки въ окрестныхъ мѣстностяхъ мѣдныхъ и бронзовыхъ серповъ болѣе ранняго періода, или-же вообще массовыя находки аналогичныхъ желѣзныхъ предметовъ позднѣйшихъ городищъ нашего края. Наконецъ, тождественность и непрерывное пребываніе въ указанной области одного-же и того-же народа (исключая, м. б., нѣкоторые иноплеменные элементы, оставшіеся между мѣстнымъ населеніемъ и впослѣдствіи слившіеся съ нимъ до уничтоженія), легко прослѣдить въ обратномъ порядкѣ, начиная съ могильниковъ городищъ VIII—XII в., или отдѣльныхъ одновременныхъ имъ славянскихъ могильниковъ, вплоть до самыхъ площадокъ; какъ полная устойчивость обряда погребенія и всей его обстановки, такъ и поразительное сходство антропологическихъ данныхъ при сохранности скелетовъ говорятъ, какъ нельзя яснѣе, объ одномъ и томъ-же неизмѣнявшемся народѣ. Такую-же поразительную устойчивость типа, не смотря на проложенную вѣками громадную разницу между неолитической и славянской эпохами, можно замѣтить и въ устройствѣ самыхъ жилищъ съ ихъ инвентаремъ, сохраняющихъ, къ какому-бы времени онѣ ни принадлежали, почти всегда одинъ и тотъ-же видъ.

Упомянутыя мною здѣсь данныя заимствованы, какъ это легко видѣть, непосредственно изъ землянаго архива нашего края, разборомъ котораго занимался не я одинъ, а и многіе другіе; подлинность и достовѣрность ихъ во всякое время возможно подвергнуть провѣркѣ, такъ-какъ доставившая ихъ почва всегда доступна новому изслѣдованію. Для меня-же онѣ послужили достаточнымъ основаніемъ, чтобы признать за славянами право на имя древ-

нѣйшихъ и постоянныхъ обитателей всего указаннаго мной пространства. Тотъ, кто хотѣлъ-бы опровергнуть подобное заключеніе, должень былъ-бы не только начать съ отрицанія наличности приведенныхъ мною фактовъ и доказать существованіе другихъ, противорѣчащихъ имъ, но и указать тотъ, до сихъ поръ неизвѣстный никому народъ, который могъ-бы съ бóльшимъ основаніемъ быть сочтеннымъ за населяющій указанную территорію со временъ самой глубокой древности, и, кромѣ того, опредѣлить точное мѣсто прародины славянъ, хотя-бы и не на Европейскомъ материкѣ, на основаніи такого же богатства памятниковъ его культуры, какое мы видимъ въ нашей мѣстности.

Остается указать еще вкратцѣ на ходъ предполагаемаго распространенія азіатскихъ арійцевъ, многія племена которыхъ играли впослѣдствіи значительную роль на Европейскомъ материкѣ, особенно на югѣ Россіи.

Въ виду препятствія, которое представляло обширное пространство, въ настоящее время суша, между Чернымъ и Каспійскимъ — и Каспійскимъ и Аральскимъ морями, покрытое водой во время отступленія ледниковъ, первоначальное распространеніе азіатскихъ арійцевъ могло происходить постепенно, кромѣ предѣловъ Малой Азіи и прибрежья Чернаго моря, также въ прикавказской мѣстности и далѣе, въ окрестностяхъ южнаго берега Каспійскаго моря по направленію къ Афганистану до Гималайскихъ горъ. Впослѣдствіи, когда произошло соединеніе Чернаго и Средиземнаго морей, множество водъ перваго отхлынуло во второе; общій уровень ихъ, постепенно понижаясь, дошелъ, наконецъ, до того, что сперва наступило отдѣленіе Аральскаго отъ Каспійскаго, а позже и послѣдняго отъ Чернаго моря. Такимъ образомъ въ этихъ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ началось образованіе суши, сперва пересѣченной множествомъ соединенныхъ между собою бассейновъ, которые затѣмъ превращались въ болота и озера, а по высыханіи послѣднихъ превратившейся въ равнины или степи. Новыя мѣста эти, покрытыя богатой растительностью, естественно привлекали пограничные имъ народы. Кочевыя или полукочевыя племена со своими стадами сначала пользовались

ближайшими окрестностями, а затѣмъ начали проникать все далѣе и далѣе въ глубь страны, внося съ собой новую жизнь и новыя ея элементы. Подобнымъ-же образомъ могла быть занята вся южная страна, находящаяся на прибрежьяхъ Азовскаго и отчасти Чернаго морей, начиная отъ востока къ западу, т. е. отъ самаго Кавказа и береговъ Каспійскаго моря и вообще далѣе, гдѣ только мѣстность была свободна и границы ея не успѣли притти въ соприкосновеніе съ заселенной Европейскими арійцами полосой, о направленіи которой съ юга на сѣверъ, отъ Эгейскаго до Балтійскаго морей, я уже говорилъ раньше. Соприкосновеніе это тамъ, гдѣ оно случалось, не всегда, конечно, было дружелюбнымъ, въ особенности, когда стали прибывать все новыя и новыя волны народовъ со стороны Кавказа и береговъ Каспійскаго моря; это возрастающее давленіе новыхъ пришельцевъ должно было неминуемо вызвать передвиженія ихъ предшественниковъ или ожесточенную борьбу послѣднихъ за свои права. То и другое не могло не оставить слѣдовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ путь переселенцевъ былъ прегражденъ укоренившимися уже тамъ жителями, какъ это было въ открытой мѣстности по направленію къ Дунаю. Въ этомъ наименѣе защищенномъ отъ природы мѣстѣ, между Карпатами и Балканами, могли главнымъ образомъ тѣсниться различные пришлые кочевники и производить усиленные набѣги на растянутую уже цѣпь арійскихъ племенъ, которыя принуждены были, добровольно или насильственно, отступить къ западу, въ болѣе защищенныя отъ нихъ окрестности Альпійскихъ горъ. Такимъ образомъ произошло вторичное крупное раздѣленіе арійскаго племени и распаденіе его на этотъ разъ на три отдѣльныя, самостоятельно развивавшіяся группы народовъ, а именно: южную часть Европы отъ Балканъ заняли греческія, западную-латинскія племена, а третья группа, наиболѣе численная, состоящая изъ славяно-литовско-германской отрасли, осталась въ предѣлахъ, заключающихся между среднимъ Приднѣпровьемъ, Прикарпатьемъ и далѣе на сѣверъ къ Балтійскому морю. Народы, появившіеся въ области Чернаго и Азовскаго моря къ Дунаю и проникшіе отчасти и въ нашу мѣстность, судя по оставленнымъ ими памятни-

камъ и ихъ содержимому, представляли изъ себя новую группу народовъ арійскаго племени, развившуюся въ предѣлахъ Азіи. Въ нашемъ краѣ имъ принадлежитъ большая часть могилъ съ насыпями, заключающихъ скорченные или окрашенные скелеты, а также нѣкоторыя изъ могилъ т. н. скиѳскаго типа.

Что же касается народовъ угро-финскаго или монгольскаго племени, то появленіе ихъ мы видимъ у насъ, за весьма рѣдкими исключеніями, въ сравнительно гораздо болѣе позднее время, хотя они, выйдя изъ центральной Азіи и переправясь черезъ южные склоны Урала или обойдя степями, могли уже въ самую раннюю эпоху, по окончаніи всѣхъ переворотовъ ледниковаго періода, проникнуть въ восточную часть Россіи одновременно или нѣсколько позднѣе азіатскихъ арійцевъ, двигаясь по противоположному отъ нихъ направленію и придерживаясь пути отъ востока къ сѣверо-западу. Возможно также, что нѣкоторые изъ этихъ народовъ еще въ глубокой древности успѣли проникнуть въ различные пункты западной Европы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ антропологическія данныя, доставляемыя скелетами древнихъ западно-европейскихъ могилъ.

В. Хвойка.

Кіевъ, май 1902 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О подземельи на усадьбѣ Кіевскаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, возлѣ В.-Житомирской и В.-Владимірской улицъ. Подземелье открыто подъ фундаментомъ строющагося дома названнаго Общества, почти на серединѣ усадьбы, на глубинѣ около 4 саженъ отъ поверхности земли до его основанія или пола. Оно идетъ поперекъ усадьбы, съ востока на западъ, въ видѣ узкаго корридора, отъ 3 до 4 саженъ длины и $1^{1}/_{2}$ аршина ширины, съ двумя поперечинами въ видѣ 6-ти конечнаго креста, образующими 4 боковыя ниши. Своды подземелья—полукруглые. Надъ восточнымъ концомъ его былъ устроенъ круглый люкъ для сходней, въ давнюю пору засыпанный культурною землею; а западный конецъ вполнѣ нами не обслѣдованъ, такъ какъ полузасыпанъ грунтовымъ обвалившимся лессомъ (глиною), угрожающимъ обвалиться совсѣмъ; но и на немъ виденъ полукруглый заворотъ стѣнки, въ видѣ ниши; по всѣмъ признакамъ, корридоръ и оканчивался тутъ. Стѣнки и вѣнчающіе ихъ своды, гдѣ они сохранились въ неприкосновенности, имѣютъ темный, даже черный цвѣтъ. На полу корридора не оказалось никакихъ выемокъ въ грунтѣ, засыпанныхъ культурною землею; въ полу было сдѣлано архитекторомъ нѣсколько пробныхъ буровыхъ скважинъ. Изъ вещей найдены въ подземельи: черепъ барана, черепъ собаки, узкій кирпичъ желѣзнякъ, приближающійся къ формѣ нынѣшняго кирпича, и половинка довольно широкаго, низкаго глинянаго сосуда, въ родѣ вазона для цвѣтовъ, съ тонкими стѣнками и дномъ, сдѣланнаго при помощи гончарнаго круга.

Параллельныя этому подземелья не разъ открываемы были въ кіевской почвѣ, на Старомъ городѣ, на Подолѣ и на Печерскѣ. Въ 1889 году открыто было подземелье на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ чиновника Подсудзевскаго, по Срѣтенской улицѣ, съ довольно сложною системою ходовъ или корридоровъ, въ которыхъ найденъ только деревянный чопъ отъ бочки. Планъ этого подземелья сдѣланъ В. И. Гошкевичемъ и переданъ въ церковно-археологическій музей при Кіевской дух. Академіи. Въ 1890 году вновь открыто подземелье на Печерскѣ, по Московской улицѣ, противъ жандармскихъ казармъ, съ кирпичными сводами,—и одинъ кирпичъ изъ него переданъ тѣмъ же Гошкевичемъ въ тотъ же церковно-археологическій музей. Въ 1880-хъ годахъ обнаруженъ былъ на Подолѣ, противъ главнаго алтаря Притиско-Николаевской церкви, въ углу между семинарской оградой и сосѣднимъ домомъ частнаго владѣльца, какой-то каменный склепъ, состоявшій изъ трехъ камеръ. Наконецъ, въ сентябрѣ прошлаго 1901 года, на Старомъ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Орлова, по Трехсвятительской улицѣ, приблизительно въ 50-ти саженяхъ отъ Трехсвятительской церкви, открытъ былъ какой-то погребъ, на днѣ котораго, въ особой небольшой выемкѣ, засыпанной культурною землею, найденъ былъ кладъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей до-татарской эпохи. Къ сожалѣнію, форма этого погреба осталась неизвѣстною [1]).

О значеніи подземныхъ ходовъ вообще въ юго-западной Россіи можно сказать только то, что они устроялись съ различными цѣлями. Въ г. Ковно, при сліяніи рѣкъ Нѣмана и Виліи, на берегу Виліи и донынѣ существуютъ развалины древней крѣпости, построенной около 1384 года нѣмецкими рыцарями. Отъ нея идетъ къ р. Виліи подземный ходъ, обнаруженный въ 1886 или 1887 годахъ [2]). По всему вѣроятію, ходъ этотъ сдѣланъ былъ для полученія воды изъ рѣки, на случай непріятельскаго нападенія и осады. Въ г. Кременцѣ, волынской губерніи, существовали, да, вѣроятно, и теперь еще существуютъ остатки цѣлой системы подземныхъ ходовъ съ кирпичными сводами. Въ 1731 году, при копаніи фундамента подъ іезуитскій костелъ, составляющій нынѣ православную семинарскую церковь, было открыто 27

---

[1]) „Археологич. лѣтопись Южной Россіи“, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, ноябрь, 1901 г., стр. 185.

[2]) „Изъ путешествія въ Сѣверо-Зап. край“, въ Кіевской Старинѣ“, мартъ, 1889 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій и замѣтокъ“.

подземныхъ пещеръ, и подъ правою башнею новаго храма—желѣзный шлемъ съ конскими подковами, цѣпями, щипцами и другими желѣзными орудіями, въ обиліи найденными [1]). О назначеніи этихъ кременецкихъ пещеръ мы читали когда-то въ архивѣ Почаевской лавры копію протестаціи кременецкихъ жителей о томъ, что въ 1648 году козацкій полковникъ Кривоносъ, взявъ Кременецъ и разоривъ его, проникъ и въ городскіе подземные ходы, истребилъ хранившіеся въ нихъ городскіе документы и расхитилъ городское имущество. Слѣдовательно, эти подземные ходы назначались для храненія городского имущества и городскихъ документовъ въ случаяхъ непріятельскаго нашествія и устроены были гораздо ранѣе 1648 года. Кирпичи въ этихъ ходахъ, какъ и въ Кременецкой крѣпости Боны, не квадратные и широкіе, какіе употреблялись въ до-татарскій періодъ южно-русской исторіи, а продолговатые и узкіе, и должны быть отнесены къ литовскому періоду южно-русской исторіи. Къ этому разряду подземныхъ ходовъ должны быть отнесены обнаруженный въ прошломъ 1901 году подземный ходъ, съ обширною камерою, въ Каменцѣ-Подольскомъ, на Губернаторской улицѣ, противъ Армянскаго костела [2]), и всѣ такъ называемые «мурованые лёхи» въ древнихъ городахъ и мѣстечкахъ Юго-западнаго края, бывшихъ въ старину укрѣпленными пунктами. Въ этихъ «лёхахъ» искатели наживы обыкновенно ищутъ кладовъ. Дѣйствительно, въ этихъ «лёхахъ» могутъ и должны быть клады, но—чисто научнаго характера, вовсе не интересные для героевъ наживы.

Что же касается вышепомянутыхъ кіевскихъ подземелій, то они раздѣляются на два разряда: подземелья съ кирпичными сводами и подземелья, выкопанныя въ грунтовой глинѣ, безъ кирпичныхъ сводовъ.

Первыя изъ нихъ, по времени ихъ происхожденія, могутъ быть опредѣлены съ приблизительною точностью. Склепъ на Кіево-Подолѣ, вблизи Притиско-Николаевской церкви, сооруженъ, по всей вѣроятности, кіевскими доминиканами, построившими возлѣ своего костела (бывшаго до послѣдняго времени православною семинарскою церковью) склепъ для храненія и продажи сыченаго меда. О существованіи этого склепа свидѣтельствовалъ въ 1699 году старожилъ кіевскій, межигорскій игуменъ Ѳеодосій Васьковскій. А кіевскіе доминикане основались

---

[1]) „Труды Кіев Дух. Академіи", февраль, 1867 г., стр 226.

[2]) „Археологич. лѣтопись Южной Россіи", Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, октябрь, 1901 г., стр. 146—150.

на мѣстѣ бывшей семинаріи въ концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII вѣка [1]). Къ этому времени должно быть отнесено и построеніе склепа. Печерскій склепъ, судя по формѣ кирпича, относится къ половинѣ XVIII вѣка и, по всей вѣроятности, находился на бывшей печерской торговой площади.

На Старомъ Кіевѣ всѣ три доселѣ обнаруженныя подземелья не были обложены кирпичомъ. Древнѣйшимъ изъ нихъ нужно признать подземелье на усадьбѣ г. Орлова, по Трехсвятительской улицѣ, судя по найденному въ немъ кладу изъ предметовъ до-татарскаго періода. Подземелья же на усадьбѣ г. Подсудзевскаго и на усадьбѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, сдѣланы или, по крайней мѣрѣ, утилизированы въ сравнительно позднее время, въ XVII и много XVI вѣкахъ. Послѣ Батыева погрома въ 1240 году, Старый Кіевъ былъ совершенно заброшенъ кіевлянами и новыми ихъ господами, литовцами, которые во второй половинѣ XIV вѣка, занявъ Кіевъ, построили новый замокъ на горѣ Киселевкѣ (Флоровской). Старый Кіевъ сталъ вновь заселяться только въ послѣдней четверти XVI столѣтія послѣ того, какъ кіевскій воевода князь К. К. Острожскій приказалъ своему намѣстнику, князю Матушу со Збаража Вороницкому, сдѣлать вызовъ желающихъ поселиться около Софійскаго собора, между валами, *на пустомъ издавна мѣстѣ,* съ предоставленіемъ имъ льготъ на 24 года. Вслѣдствіе этого, къ 1586 году образовалась здѣсь слобода съ шинками [2]). Жители этой слободы, не защищаемые крѣпостью, и могли дѣлать подземные тайники для сбереженія своего имущества во время непріятельскихъ набѣговъ; могли они устроять погреба для складовъ или же просто для храненія хозяйственныхъ запасовъ.

Въ обширномъ подземельи на усадьбѣ Подсудзевскаго, судя по найденному въ немъ чопу, хранились какія-то бочки или съ горячимъ виномъ, или съ порохомъ. Порохъ могли хранить здѣсь поселившіеся на Старомъ Кіевѣ съ половины XVII вѣка московскіе стрѣльцы, отъ которыхъ и сосѣдняя улица получила названіе Стрѣлецкой. Конечно, они могли воспользоваться и готовыми подвалами и расширить ихъ для своихъ надобностей.

---

[1]) См мои „Историко-Топографическіе очерки древняго Кіева“, Кіевъ, 1897 г., стр. 225.

[2]) „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи г. Кіева“, Кіевъ, 1874 г., отд III, стр. 50-52.

Что же касается подземелья на усадьбѣ религіозно-просвѣтительнаго Общества, то это подземелье представляется простымъ подваломъ частнаго домовладѣльца. Подземелье это находилось подъ бывшею здѣсь Златоустовскою деревянною церковью и проходило поперекъ ея. Златоустовская же церковь перенесена сюда съ Подола въ 1631 году [1]), но едва-ли пользовалась, для практическихъ своихъ цѣлей, существовавшимъ подъ нею подваломъ, потому что культурный слой земли, которымъ забросано было устье подвала (люкъ), очень плотно слежался и, слѣдовательно, набросанъ сюда въ очень давнее время. Вѣроятно, Златоустовская церковь поставлена была въ 1631 году на мѣстѣ какой либо частной усадьбы съ колодцемъ, тоже найденнымъ на этой усадьбѣ, и съ погребомъ, устье котораго и засыпано было землею около этого времени. Самый же погребъ могъ существовать приблизительно съ 1586 года, т. е. со времени основанія населенной слободы около Софійскаго собора. Ко времени между 1586 и 1631 годами могутъ быть отнесены и найденные въ этомъ подвалѣ кирпичъ и часть глинянаго вазона.

Н. Петровъ.

Стрѣлянье въ кресты. *(Изъ народныхъ суевѣрій).* Кто только путешествовалъ по Волыни и Подоліи, тотъ, конечно, не могъ не видѣть стоящихъ на поляхъ, на «роздорожьяхъ» крестовъ съ изображеніемъ распятія, такъ-называемыхъ здѣсь «фигуръ».—Кто обратилъ вниманіе на эти «фигуры», тотъ, конечно, не могъ не замѣтить и того, что нѣкоторые изъ нихъ со слѣдами засѣвшей въ нихъ дроби.—Путешествуя по Волыни и Подоліи, я имѣлъ случай видѣть нѣсколько такихъ пострѣлянныхъ крестовъ; но особенно два изъ нихъ обратили мое вниманіе. Верстахъ въ 2 отъ с. Рыхты, Каменецкаго уѣзда, по дорогѣ въ м. Орыининъ, на «роздорожьи» стоитъ каменная «фигура» сооруженная крест. с. Рыхты, кажется, въ память событія 19 февраля 1861 г. Проѣзжая по этой дорогѣ, я невольно обратилъ вниманіе на этотъ крестъ и замѣтилъ, что онъ пострѣлянъ и со слѣдами дроби. Я заинтересовался вопросомъ, кто бы и зачѣмъ могъ стрѣлять въ кресты, и за разъясненіемъ обратился къ ямщику, который и разсказалъ мнѣ слѣдующее.

---

[1]) „Описаніе Кіева", Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 323.

«Межъ мыслывымы (охотниками) есть така гадка, що для того, щобъ сама плоха стрéльба добре и сыльно была, а щобъ самый плохый мыслывый и стрилець добре стрилявъ, и щобъ тому мысловцéви на кожнимъ кроку попадалась дычына и винъ николы до-дому зъ порожними рукамы не прыходывъ—треба, щобъ винъ выстрелывъ въ хрестъ. Тоди, якъ цее зробыть, то нехай яка буде погана стрéльба, то буде добре быты,—и нехай якый буде поганый стрилець, то буде стриляты и убываты безъ промаху, и скризь ёму буде попадатыся дычына: николы порожній не прыйде».

— Та цёму можно и повирыты,—добавилъ онъ:—бо тому чоловикови, хто цее зробыть, добрый духъ и Богъ не поможе, а тилькы хиба шатанъ буде помагаты ёму и завжде буде не нёго гнаты дычыну: птахивъ и звиривъ. И такъ, якъ у насъ въ Рыхти и Слобидци Рыхтецькій мыслывихъ йе досыть, то колысь йидного ранку и оцю нашу фигуру зобачылы постреляную шротомъ. Выдно, межъ нашымы мыслывымы найшовся такый очаяный чоловикъ, що не побоявся стреляты въ хреста и запысаты свою душу нечыстому,—закончилъ свой разсказъ ямщикъ.

Подтвержденіе такому народному вѣрованію или суевѣрію, которому, скажу, охотники изъ крестьянъ глубоко и слѣпо вѣрятъ, мнѣ пришлось встрѣтить и на Волыни въ разсказѣ одной старухи—крест. д. Григоровки, Старо-Константиновскаго уѣзда.

Вотъ этотъ разсказъ:

«То кажуть, що якъ мыслывый хоче, щобъ добре быты дычыну и завше вона ёму попадалася,—треба, щобъ винъ на саме Благовищення, до схода сонця, выстрылывъ въ фигуру. Це робылося въ нашимъ сели чотыры рокы назадъ: на саме Благовищення пишла по сели межъ людьмы мова, що хтось бачывъ, якъ нашыхъ сельскыхъ два мыслывыхъ стрылялы до схода сонця въ фигуру. Але-жъ тій мови и вирылы, и не вирылы. Але-жъ того самого року, въ короткимъ часи у идного мыслывця въ ночи видъ грому загорилась хата; винъ зъ жинкою и дитьмы ледве вспилы выскочыты въ иднихъ сорочкахъ, а маты ёго такы згорила въ хати; а другого мыслывця скоро пислятого задушыла парова машына, що хлибъ молотять.

Тоди вже вси повирилы и заговорылы, якъ въ бубны забылы—що то Богъ ихъ покаравъ за те, що на Благовищення стрилялы въ фигуру».

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Судъ св. Юрія *(изъ народныхъ устъ).* Извѣстно, что съ именемъ св. Георгія Побѣдоносца связано много разнообразныхъ легендъ и повѣрій, очень распространенныхъ въ народной массѣ. Духовные стихи о Егоріи Храбромъ частію сообщаютъ факты изъ его фантастической біографіи, частію основаны на космогоническихъ представленіяхъ, связывая съ именемъ Егорія установленіе на Руси мірового порядка, особенно что касается міра разнообразныхъ животныхъ. Есть цѣлый рядъ разсказовъ о томъ, какъ св. Георгій, именуемый въ Малороссіи Юріемъ, ежегодно, 23 апрѣля, устанавливаетъ извѣстный порядокъ на цѣлый годъ въ мірѣ животныхъ, опредѣляя каждому изъ нихъ свою добычу. Одинъ изъ такихъ разсказовъ, записанный мною въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, я приведу теперь, какъ дополненіе къ ранѣе напечатаннымъ.

«Св. Юрко йе опикунъ, господаръ и началныкъ надъ всима́ птáхамы и звирáмы, и безъ ёго прыкáзу ни жаденъ вовкъ ничого зъ домашнёи худобы не задушыть, не зйисть, а безъ ёго воли ни якый мыслывый не вбье ни птаха, ни звира. Що-року, на свое свято, де-небудь въ лиси, на велыкій галяви, вси птахы и звири збираются и тутъ св. Юрый робыть имъ судъ, розсказуе и показуе кожному звирови, кожній птаси, де зъ ныхъ хто мае жыты, и хто що мае йисты.

То бувъ соби иденъ чоловикъ, и дуже винъ бувъ цикавый; чоловикъ той чувъ видъ старыхъ людей, що св. Юрый на свое свято судыть звиривъ, и цикаво ёму зробылось, дуже захотилось зобачыты той судъ святого. Ще чувъ той цикавый чоловикъ видъ старыхъ людей свого села, що недалеко ихнёго села, де жывъ той чоловикъ, въ лиси йе превелыка галява, и що на тій галяви що-року въ день св. Юрья той святый судыть звиривъ. Отъ дождавшы дня св. Юрья, той цикавый чоловикъ ще въ «досвита», якъ тилькы ще почало сирiты, розвыднятыся, пишовъ въ лисъ, на ту галяву, вылизъ на дерево, що стояло по середыни галявы,—сыдыть и чекае,—що то буде. Колы тилькы що розвыднылось,—чуе цикавый чоловикъ страшенный тупотъ,—дерево, гилля трещыть, ажъ земля гуде. Глянувъ,—тай зо̀ страху охолонувъ, ажъ въ середыни тёхнуло; дывытся внызъ, а на галяву сталы збигатыся звири; позбигалыся, де-яки тилькы йе у насъ! Якихъ тилькы звиривъ тамъ не було?! На самому переди стоявъ невылыкій гуртъ волохатыхъ ведмедивъ; рядомъ зъ нымы, вже бильше, стоялы понури дыки свыни; за нымы стояла страшенна сыла нашыхъ злодіякъ,—сироманцивъ-вовкивъ. Тутъ булы и дыки козы, що бояз-

лыво озыралысь на вовкивъ, и велыка шайка хытрыхъ лысыць; и выдымо-невыдымо зайцивъ, що боялысь всихъ и косо на всихъ поглядалы. Тутъ булы и ризни други дрибни и мали звирята, але-жъ ихъ той чоловикъ за велыкымы и не розглядивъ. Вси ти звири стоялы кожна порода гурточкомъ, особно; вовкы стоялы рядомъ зъ козамы, а лысы рядомъ зъ зайцямы, нибы, справди, велыки прыятели, але-жъ идни другыхъ не чипалы, не обижалы. Вси сталы мордамы до того дерева, на котримъ седивъ той цикавый. Колы чуе чоловикъ, щось страшенне шумыть, нибы дуже велыка хмара зъ витромъ йде; дывытся—летыть выдымо-невыдымо птаства всякого,—ажъ неба не выдно и сонце заступылы. Прылетилы и геть вси деревá кругомъ тыеи галявы и того цикавого чоловика обсилы,—якъ облипылы; просто ажъ чорно; идна коло другои такъ густо, що не було де голкою ткнуты. Якыхъ тилькы пташокъ тутъ не було! Яки тилькы йе въ свити. Попереду сыдила маленька стайка орливъ; за нымы йшла велыка сыла яструбивъ: велыкыхъ—«куроцапивъ», трохи меньшыхъ—«голубячыхъ», и нарешти ще меньшыхъ—«горобьячыхъ». Тутъ сыдилы и лупоглази совы, и не велычки путькала. Дали засилы крукы, гайвороны, ворогы нашыхъ курчатъ и гусятъ, сири ворóны, кавкы́, а дали сыдила вже дрибнота: маленьки, дрибни пташечкы, такъ багато, якъ червы, якъ лысту на дереви, и такыхъ ризныхъ породъ, що цикавый чоловикъ не знавъ навить, якъ воны называются. Вси птахы сыдилы такъ же гурточкамы и вси дзёбамы до того дерева, на котрóму сыдивъ той чоловикъ. Не вспивъ той чоловикъ розглядиты всёго птаства налетившого, якъ хмары,—чуе, чого-сь вси звири внызу заворушылысь. Винъ зыркъ внызъ,—та ажъ въ серци ёму похолонуло; затрусывсь весь и ледве зъ дерева не злетивъ на землю: пидъ тымъ деревомъ, на котри́мъ винъ сыдивъ, десь взявся столы́къ, а на столи хрестъ и шабля; за столомъ сыдивъ якыйсь чоловикъ въ военни́мъ убранни, а видъ лыця ёго, якъ видъ сонця сяе. Догадався той цикавый чоловикъ, що то св. Юрый, та й тыхенько шапку знявъ. Отъ почавъ св. Юрый судыты звиривъ, начавъ зъ велыкыхъ: перше ведмедямъ сказавъ, де вовы мають жыты́ и чымъ кормытыся; тіи выслухалы, повернулысь та й пишлы; потимъ дыкимъ свынямъ сказавъ,—и ти видійшлы; дали и до вовкивъ колія дійшла; св. Юрый и имъ розсказавъ, куды воны мають йты, котры́й де и що мае йисты, де и у кого воны мають зйисты вола, або коня, чы вивцю, або свыню. Вовкы, понурывшысь, выслухалы прыказъ св. Юрья, повернулысь, та й пишлы своею дорогою. Такъ, идно

по другимъ, св. Юрый видправывъ по порядку, по коліи, всихъ звиривъ до найменьшыхъ и всихъ пташокъ до самыхъ маленькыхъ. Зостався на тій галяви ще тилькы иденъ вовкъ,—а то вже вси звири и птахы, получывшы прыказъ св. Юрья, розійшлысь и розлетилысь. А той вовкъ, що зостався, бувъ такый старый та видъ старости и голоду худый, зигнутый, якъ ключка, що ажъ жаль було на нёго дывытысь. Отъ и каже св. Юрый до того вовка: «А ты, старый, вже не гόденъ ходыты и шукаты соби пропытаніе, то маешъ зйисты того чоловика, що сыдыть надо мною на дереви». Та й не стало зразу ни св. Юрья, ни стола зъ хрестомъ пидъ деревомъ.

Тоди той старый вовкъ лигъ пидъ тымъ деревомъ, де сыдивъ той чоловикъ, та й не видходыть видъ ёго,—чекае, покы чоловикъ той злизе або впаде зъ дерева. А чоловикъ той сыдивъ-сыдивъ, нарешти голодъ и страхъ зморылы ёго, и винъ, якъ гныла груша, полетивъ зъ дерева, та прямо тому вовкови въ зубы».

Такой же или подобный разсказъ мнѣ пришлось слышать въ той же мѣстности немного въ другомъ варіантѣ, съ другимъ окончаніемъ. Въ разсказѣ этомъ о судѣ св. Юрья надъ звѣрями разсказывается такъ же, какъ и въ первомъ; но когда, наконецъ, очередь дошла до оставшагося на полянѣ лишь одного стараго волка, то св. Юрій сказалъ ему: «а ты вже старый и не годенъ далеко и багато ходыты, шукаты пропытанія соби, то позволяю тоби, можешь зйисты пару коней у цёго чоловика, що надо мною на дереви сыдыть, щобъ винъ не бувъ такый цикавый,—знаты те, що ёму не належыть знаты». И справди, якъ той чоловикъ не беригъ коней, а скоро писля того вовкъ такы у ёго пойивъ ихъ».

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Кременчугъ сто лѣтъ назадъ.* Въ 1804 г. визитаторъ Харьковскаго учебнаго округа проф. И. Ѳ. Тимковскій обратился съ просьбой къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину «способствовать ему сообщеніемъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній о Малороссіи».—«При обозрѣніи училищъ въ губерніяхъ Харьковскаго округа,—писалъ князю Тимковскій,—обязанность вникнуть въ состояніе тѣхъ губерній, со стороны хозяйственной, по связи ея съ образованіемъ народнаго смысла и же-

лая стяжать объ нихъ свѣдѣнія въ родѣ статистики и разсчетовъ экономіи политической, часто я нахожу самъ по себѣ невозможность исполнить такое намѣреніе въ точности, отъ которой зависитъ и точность соображеній. Съ чувствительнѣйшею признательностью пріемлю споспѣшное вниманіе и благоволеніе вашего сіятельства ко мнѣ въ пріобрѣтеніи оныхъ свѣдѣній о Малороссіи, которая особенно занимаетъ меня, въ которой все являетъ высокую попечительность вашу о цвѣтущемъ ея состояніи; осмѣливаюсь изъяснить только желаніе мое подробно въ простыхъ, у сего предлагаемыхъ вопросахъ: 1) о каждой губерніи и повѣтовомъ городѣ, 2) о каждомъ повѣтѣ, и 3) вообще о губерніяхъ черниговской и полтавской». Тимковскій не формулировалъ точно своихъ желаній, въ формѣ вопросовъ или таблицъ, какъ это дѣлается теперь статистиками, а просилъ сообщить о числѣ жителей, занятіяхъ, промыслахъ, количествѣ домовъ, цѣнахъ и т. под. все въ общихъ выраженіяхъ. Князь Куракинъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, очень сочувственно отнесся къ желанію Тимковскаго и предписалъ губернаторамъ черниговской и полтавской губерніи озаботиться о доставленіи этихъ свѣдѣній. Губернаторы предписали, въ свою очередь, городничимъ и земскимъ судамъ, которые и сообщили данныя по требуемымъ вопросамъ, но отнеслись къ этому дѣлу не очень внимательно, а сообщали то, что знали; поэтому сообщенныя ими свѣдѣнія крайне неполны, отрывочны, но все-таки и по нимъ можно составить представленіе о повѣтовыхъ городахъ полтавской губерніи того времени.

Наиболѣе населеннымъ городомъ полт. губ. въ то время, какъ и теперь, былъ Кременчугъ, что объясняется его положеніемъ при Днѣпрѣ, давшимъ ему возможность скоро развиться въ торговомъ отношеніи. Всѣхъ жителей въ немъ было въ 1804 году 7228 человѣкъ, изъ коихъ женскаго пола, что встрѣчается вообще рѣдко, было больше чѣмъ мужского, а именно мужского 3602, а женскаго пола 3626. Городничій, сообщая о городѣ («Камеральное описаніе», какъ онъ озаглавилъ свое донесеніе), отказывается сообщить годъ основанія города, а старожилы говорятъ,—пишетъ онъ,—яко бы слышали они, что селиться началъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ...

Всѣхъ домовъ было въ городѣ 963, изъ которыхъ каменныхъ только 2, но зато изъ 112 лавокъ было 27 каменныхъ. Въ то уже время количество евреевъ въ Кременчугѣ, по сравненію съ другими городами, было очень велико; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ совсѣмъ ихъ не было, въ Полтавѣ былъ одинъ только еврей, а въ Кременчугѣ ихъ

было въ то время 533 чел., т. е. болѣе 10% общаго числа жителей; всѣ они были мѣщане, платившіе 2283 р. 63 к. подушной подати. Среди этого еврейскаго населенія было до 40 человѣкъ евреевъ-ремесленниковъ, а остальные, вѣроятно, занимались торговлею. Ярмарокъ въ Кременчугѣ ежегодно было три; изъ нихъ одна продолжалась болѣе двухъ недѣль. На послѣднюю ярмарку,—замѣчаетъ городничій,—пріѣзжаютъ изъ Москвы съ серебряною посудою и пушнымъ товаромъ, изъ Бердичева съ сукнами, изъ Калуги съ красными товарами, изъ Тулы съ «ружейными вещами». По замѣчанію городничаго, во время этихъ ярмарокъ цѣны на квартиру «свыше ничуть не бываютъ, а какъ съ хозяиномъ договорятся, то самое и платятъ, ибо въ Кременчугѣ всякому пріѣзжему нанять квартиру можно». Еще городничій сообщаетъ цѣны на многіе продукты, которые были очень дешевы, особенно мѣстнаго производства; но и привозные продукты были дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ; напримѣръ, соль здѣсь цѣнилась 40 к.—50 коп. асс. пудъ, а въ Полтавѣ ея цѣна доходила до 1 р.—20 к. асс. за пудъ. Интересны цѣны на нѣкоторые продукты (беремъ главные, необходимые): мясо 1 пудъ—1 р. 40 к. (дороже Полтавы); свинина 1 ф.—4. к.; четверть ржаной муки—отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 80 к. (въ 1802 году), овса четверть отъ 80 к. до 1 р. 60 к.; птица—курица 12—15 к., утка 15—20 к., гусь 35—40 к.

Въ 1804 году всѣхъ прибывшихъ по Днѣпру барокъ было 244. Кременчугъ торговалъ, главнымъ образомъ, лѣсомъ; онъ и въ то время снабжалъ всѣ окрестности досками, бревнами и, вообще, строевыми матеріалами. Всѣхъ арестантовъ, содержавшихся въ заключеніи съ 1797 г. по 1804 годъ, было 1472 чел.,—цифра большая, въ сравненіи съ количествомъ жителей, что, впрочемъ, можно объяснить пришлымъ элементомъ, постоянно прибывающимъ въ торговый городъ. Городничій упоминаетъ о наводненіи 1797 года, когда почти весь городъ, до двадцати дней, былъ въ водѣ. Ремесленниковъ въ то время въ Кременчугѣ было 264, сюда входили шапошники, сапожники (одинъ былъ изъ дворянъ), портные, часовщики, мѣдники, столяры и т. п... Городъ и для того времени былъ не бѣденъ; въ немъ было объявлено купеческихъ христіанскихъ капиталовъ (а не все объявлялось, конечно) на 334,255. р.—за что вносилось въ казну % 4178 р. 18¾ коп. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, свѣдѣнія, доставленныя городничимъ о Кременчугѣ, въ началѣ прошлаго вѣка. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 200).

—

2) *Статистика врачей въ Полтавской губерніи въ 1804 году.* Помимо губернской врачебной управы, гдѣ было три врача, были еще повѣтовые врачи въ каждомъ повѣтѣ. Вольнопрактикующихъ врачей было очень немного. Въ самой Полтавѣ было всего два врача, и въ остальныхъ уѣздахъ вольнопрактикующими врачами были большею частью отставные военные врачи, числомъ 14. Такимъ образомъ всѣхъ врачей въ Полтавской губерніи въ 1804 году было 32 чел., а жителей мужскаго пола, платившихъ подати, по ревизіи 1795 года было 674,125 чел., а съ дворянами и духовенствомъ до 700 тысячъ. Прибавивъ къ этому еще лицъ женскаго пола, то не будетъ ошибкой, если скажемъ, что въ то время одинъ врачъ приходился на 40 тыс. населенія. (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 200).

И. Ф. Павловскій.

Изъ погибшаго архива. Лѣтъ пять тому назадъ въ г. Черкасахъ, Кіев. губ., на базарныхъ рундукахъ продавался на вѣсъ архивъ Кременчугскаго нижняго земскаго суда. Заинтересовавшись архивомъ, я нѣсколько дней провелъ за разборомъ клочковъ старыхъ бумагъ безъ особенныхъ, впрочемъ, результатовъ, такъ какъ большая часть дѣлъ оказалась разрозненною, а отъ многихъ дѣлъ остались лишь заголовки, указывавшіе на ихъ содержаніе. Дѣла архива относились къ послѣдней четверти XVIII и первой четверти XIX ст. и, по словамъ купившихъ архивъ евреевъ, ихъ было около 700 пудовъ. Изъ заголовковъ дѣлъ видно, что въ погибшемъ архивѣ было не мало интересныхъ документовъ для характеристики быта помѣщичьихъ крестьянъ и взаимныхъ отношеній владѣльцевъ къ крестьянамъ, много данныхъ о цѣнахъ на людей, о колонизаціи южныхъ степей, о военныхъ поселеніяхъ, о чумѣ и другихъ повальныхъ болѣзняхъ, о войнѣ 1812 г. и т. д. Попадались, впрочемъ, дѣла, сохранившіяся полностью,—это большею частію нескончаемые судебные процессы прославившихся своимъ сутяжничествомъ полтавскихъ дворянъ—помѣщиковъ. Просматривая процессы, часто наталкиваешься на ссоры Ивановъ Ивановичей съ Иванами Никифоровичами; попадаются и такіе дворяне, что вели войны на всѣ фланги,—со всѣми окружными сосѣдями; таковы были братья Булюбаши и др.

Покамѣсть предлагаемъ вниманію читателей дѣло 1826 г. объ уничтоженіи административнымъ порядкомъ остатковъ язычества въ народныхъ обычаяхъ подъ заголовкомъ: «О прекращеніи дѣлаемыхъ простолюдинами неблагочиній». Дѣло это небольшое; состоитъ оно изъ «указа Малороссійскаго губернскаго правленія Кременчугскому нижнему земскому Суду», рапортовъ шести волостныхъ правленій (Максимовскаго, Пѣсковскаго, Келебердянскаго, Потоцкаго, Градижскаго и Чигриндубровскаго) и столькихъ же собственноручныхъ подписокъ, отобранныхъ въ поименованныхъ волостяхъ отъ крестьянъ, козаковъ и помѣщиковъ въ томъ, что они «обовязуются» подъ страхомъ отвѣтственности «не учинять безчиній и игрищъ» въ дни св. Троицы, а также 24 іюня, въ день Ивана Купала. Указъ губ. правленія былъ вызванъ донесеніемъ благочиннаго переяславскаго уѣзда, протоіерея Григорія Дубнякова Полтавской духовной Консисторіи о томъ, что въ с. Скопцахъ, переясл. у., происходятъ въ поименованные дни игрища.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Малороссійскаго Полтавскаго Губернскаго Правленія Кременчугскому Нижнему Суду.

По указу Е. И. Величества, Губернское Правленіе, слушавъ сообщеніе Полтавской Духовной Консисторіи, коимъ по донесенію благочиннаго Переяславскаго повѣта, села Бзова, протоіерея Григорія Дубнякова, что прошедшаго іюня 6 числа, въ недѣлю Пятидесятницы, увидѣлъ онъ Переяславскаго повѣта въ селѣ Скопцахъ на площадныхъ дорожныхъ улицахъ раставленные шести (шесты) вышины саженей въ шесть и болѣе, украшенные травою, цвѣтами и изъ сучьевъ зеленаго дерева, и при распросѣ его о семъ, сказано ему, что таковыя статуи ставятся не оттеперъ скопецкими мужеска и женска пола юношами въ день онаго праздника, и около оныхъ, переходя отъ одного къ другому, чрезъ всю ночь бываетъ игрище ихъ въ пѣсняхъ и танцахъ, однако-жъ не безъ воровства на сіе и матеріаловъ; по чему онъ, благочинный, по должности своей, желая таковые отломки идолщины вывести, при наставленіи его старожилыхъ, что симъ грѣшатъ ихъ дѣти противъ заповѣдей Господнихъ, да и они, позволяющіе имъ, не останутся правими въ истинности христіанской рилигіи (sic) и что всѣ они согрѣшили противу Духа Святаго, склонилъ села Скопецъ выборнаго собрать оные украшенные зеленью статуи въ сельскую полицію, о чемъ объявлено отъ него, благочиннаго, и Переяславскому Нижнему Земскому Суду; а дабы впредь и на 24 числѣ послѣ того

мѣсяца, въ день рождества Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, сего подобно аріепству (sic) въ ликахъ отъ скопецкихъ юношей не воспослѣдствовало, просилъ онъ того Суда, въ поддержаніе его, благочиннаго, истинны, прихожанамъ Скопецкія Троицкія церквы подтвердить. Почему оная Консисторія о таковомъ неблагочиніи, соединенномъ съ суевѣріемъ, противными законамъ и вредными для благонравія юношества, сообщая въ сіе Правленіе къ распоряженію, требуетъ о пресѣченіи повсемѣстно производденія таковыхъ не благоприличныхъ дѣйствій сылою земской полиціи учинить распоряженіе и о послѣдующемъ оную Консисторію увѣдомить. Приказали: о выполненіи по означенному сообщенію Полтавской Духовной Консисторіи и о строжайшемъ наблюденіи со стороны градскихъ и земскихъ и сельскихъ полицій, дабы впредь нигдѣ по вѣдомствахъ ихъ прописанныхъ въ томъ сообщеніи не благоприличныхъ и вредныхъ для благонравія дѣйствій не происходило и отнюдь допускаемо не было, подъ собственною ихъ за противное тому отвѣтственностію, предписать указами какъ Переясловскому, такъ и всѣмъ прочимъ здѣшней губерніи нижнимъ земскимъ судамъ и градскимъ полиціямъ. Ноября 23 дня, 1826 года.

Сообщ. **Ф. Матушевскій**

Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. *Открытіе волынскимъ аптекаремъ болотной бумаги.* Въ 1838 г. волынскій губернаторъ сообщаетъ о томъ, что аптекарь Эйландъ представилъ въ волынскую врачебную управу найденныя имъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ м. Березнаго, по Случи, на высохшихъ лугахъ, довольно крѣпкія массы вещества, совершенно похожаго на легко раздираемую бумагу.

Управа, изслѣдовавъ представленные образцы, нашла въ свою очередь, что растительное вещество, получая начало въ стоячихъ болотистыхъ водахъ, обращается, подъ вліяніемъ жары, въ плавающую, сгустившуюся зеленую паутину до 5 локтей длины. По Линнеевой системѣ это растеніе должно принадлежать къ XIX классу водяныхъ тканей—wasser faden,—будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мохообразнымъ. Управа далѣе прибавляетъ: «Сіе растеніе еще въ древнія времена было извѣстно нашимъ предкамъ, и ими было предназначено для упо-

требленія въ пряжу, на свѣчныя свѣтильни, для изготовленія бумаги, набиванія подушекъ и тюфяковъ—*но были ли ихъ предноложенія приведены въ дѣйствіе—покрыто неизвѣстностью»*...

Кажется, что и «предположеніе» Эйланда не было «приведено въ дѣйствіе».

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Текущія извѣстія.

Памятникъ И. П. Котляревскому. Коммиссія, завѣдующая постановкой памятника Котляревскому въ Полтавѣ, рѣшила въ послѣднемъ своемъ засѣданіи памятникъ поставить такимъ образомъ, чтобы центръ его приходился на оси Протопоповскаго бульвара, въ 9 саженъ отъ Мало-Петровской ул., при чемъ 2 саж. изъ 9 отойдутъ подъ свободную площадку, а остальныя 7 подъ цвѣтникъ, который и будетъ прилегать къ одной изъ сторонъ пьедестала; такой же цвѣтникъ будетъ разбитъ и съ другихъ сторонъ постамента. Городскимъ землемѣромъ уже произведена разбивка мѣста, гдѣ предполагается поставить памятникъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ работамъ по укладкѣ фундамента и установкѣ постамента. Г. Певный, взявшій на себя подрядъ по изготовленію постамента для памятника Котляревскому и постановку памятника, приступилъ на дняхъ къ устройству фундамента. Всѣ работы по установкѣ постамента продолжатся мѣсяца три и, такимъ образомъ, можно ожидать въ августѣ, не позже сентября, открытія памятника. («Полт. губ. Вѣд.» № 94 и 96).

Публичныя лекціи проф. Д. И. Эварницкаго. 3 и 4 апрѣля Д. И. Эварницкимъ прочитаны въ г. Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи, двѣ публичныя лекціи: «О Запорожьѣ и остаткахъ его» и вторая—по археологіи вообще.

10 мая въ Екатеринославѣ, въ помѣщеніи Научнаго Общества, имъ же прочтена лекція на тему: «Смѣна народностей въ Южной Россіи» («Вѣстникъ Юга», № 37.

Новый народный обычай. Если вѣрить корреспонденту «Живописной Россіи» (№ 68), въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ послѣднее время почти повсемѣстно установился обычай уплачивать за невѣсту, выходящую аамужъ, извѣстную сумму денегъ въ видѣ вознагражденія ея семьи за потерю рабочей силы. Размѣры выкупной платы, извѣстной здѣсь подъ именемъ „столоваго" (?), смотря по состоянію жениха, бываютъ различны, начиная отъ 5 руб. и доходя до 50. Обычай этотъ порождаетъ дурныя послѣдствія для крестьянской семьи. Многіе парни, будучи не въ состояніи заплатить „столовое", остаются холостыми; дѣвушки же, за которыхъ уплачена большая сумма, вступая въ семью, постоянно встрѣчаются враждебно и испытываютъ отъ своихъ свекра и свекрови укоризны и даже побои. Одна такая дѣвушка принуждена была, по выходѣ замужъ, оставить семью, чтобы, заработавъ на сторонѣ уплаченныя за нее деньги, снова возвратиться. По наблюденіямъ мѣстныхъ жителей, означенный обычай идетъ изъ области Войска Донского и возникъ въ Купянскомъ уѣздѣ не болѣе 10—15 лѣтъ, захватывая собою все большій и большій районъ.

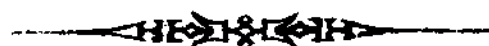
Народный языкъ въ народной книгѣ. «Почему не читаетъ и не желаетъ читать народъ, почему закрываетъ онъ свои читальни?»—такимъ вопросомъ задается корреспондентъ газеты «Вѣстникъ Юга» (№ 76) по поводу отказа сельскаго общества м. Саксагани, Екатеринославской губерніи, субсидировать мѣстную народную читальню. Изслѣдовавъ причины такого равнодушнаго отношенія крестьянъ къ просвѣщенію, корреспондентъ находитъ, что онѣ лежатъ въ самой постановкѣ у насъ просвѣтительнаго дѣла. «Въ то время,—говоритъ онъ,—какъ дѣти, хотя и съ трудомъ усвоившія малопонятную для малоросса русскую литературную рѣчь, охотно читаютъ Диккенса, Вальтеръ-Скотта, Гончарова и проч., ихъ отцы и братья, тоже когда-то грамотные, проводя время въ 15—17 часов. тяжеломъ физическомъ трудѣ, теряютъ всякую привычку и охоту къ чтенію, возвращаясь къ родной рѣчи. Сдѣлавшись матеріалистами, рабами куска хлѣба по неволѣ, они говорятъ: «на що намъ кныгы, якъ хлиба нема,—хыба воны його намъ дадуть?» Напрасно вы будете предлагать такому скептику непонятнаго ему Пушкина, и даже Гоголя, лучшую книгу по сельскому хозяйству и совѣтовать измѣнить систему его хозяйства,—онъ вѣритъ только

тому, въ чемъ можетъ убѣдиться собственными глазами, тому только онъ и подражаетъ и слѣдуетъ. Изданія г. Чикаленка: «Чорный паръ, плодозминъ и сіяни травы», «Выноградъ» и друг. напечатанныя на малорусскомъ языкѣ брошюры по сельскому хозяйству читаютъ охотнѣе и взрослые; прекрасный, образный родной языкъ еще кое-какъ находитъ дорогу къ ихъ уму и читается, въ особенности молодыми, но старики свое твердятъ автору такой книги или его сторонникамъ: «зробить же вы попереду, а мы подывымся: якъ буде добре, то й мы такъ зробымъ». Вполнѣ правильный отсюда выводъ тотъ, «что въ нашемъ краѣ всѣ народныя библіотеки должны располагать допущенными въ народныя читальни книгами на малорусскомъ языкѣ, относящимися къ сельскому хозяйству, медицинѣ и гигіенѣ, каковы изданія «Благотворительнаго общества изд. дешевыхъ и полезныхъ книгъ», «Розмовы про сильске хазяйство» Е. Х. Чикаленка, брошюры Имшенецкаго, Коваленка и др.».

Народно-просвѣтительная дѣятельность въ Галичинѣ. Недавно вышелъ въ свѣтъ годичный отчетъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ просвѣтительныхъ обществъ въ Галичинѣ, товариства «Просвита», служащій нагляднымъ показателемъ того, какихъ поразительныхъ результатовъ можетъ достигать усердная, убѣжденная и мало стѣсняемая внѣшнею регламентаціею дѣятельность интеллигенціи на пользу своего народа. Надо вѣдь помнить, что населенная малороссами восточная Галичина по пространству и числу жителей не превосходитъ средней изъ нашихъ губерній и что малорусская интеллигенція тамъ крайне бѣдна и почти поголовно состоитъ изъ сельскаго духовенства и мелкаго чиновничества. И вотъ, среди этой малочисленной и матеріально мало обезпеченной интеллигенціи возникла въ 1868 г. мысль организовать на самыхъ широкихъ началахъ народно-просвѣтительное Общество подъ именемъ „Просвита“. Теперь передъ нами цифровой отчетъ о положеніи этого Общества спустя 33 года со времени его основанія.

Оказывается, что въ настоящее время „Просвита“ имѣетъ свыше 50,000 членовъ, громадное большинство которыхъ составляютъ сами же крестьяне; Обществомъ открыто 1044 народныхъ читаленъ въ разныхъ мѣстахъ Галичины, имѣющихъ свыше 80,000 книгъ. Кромѣ того, по инціативѣ „Просвиты“ организовано въ селахъ болѣе 300 общественныхъ лавокъ, 150 хлѣбныхъ-запасныхъ магазиновъ и 180

ссудныхъ кассъ. Въ послѣдніе $1^1/_2$ года Общество многократно устраивало сельско-хозяйственныя бесѣды и чтенія для народа и издало 18 книгъ, преимущественно популярно-научнаго содержанія. Популярность Общества такъ велика, что въ послѣдніе годы оно ежегодно пріобрѣтаетъ среднимъ числомъ 1000 новыхъ членовъ и открываетъ 100 читаленъ. Не забудемъ, что въ Галичинѣ существуютъ и другія народно-просвѣтительныя учрежденія, но среди нихъ „товариство Просвита" занимаетъ первое мѣсто по своей энергичной и плодотворной дѣятельности.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Światowit. Rocznik, poświęcony arpheologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowianskiej, wydawany przez Erazma Majewskiego. Tom IV. *Warszawa, 1902. 4⁰. 280 стр.+ 4 табл.+411 иллюстр. въ текстѣ.*

Введеніе къ настоящему тому этого интереснаго ежегодника составляетъ „Отчетъ о четырехлѣтней дѣятельности „Святовита". Редакторъ, Е. Маевскій, прежде всего указываетъ на то, что начинать дѣло пришлось съ очень небольшимъ числомъ работниковъ. Это обстоятельство находилось въ прямой зависимости отъ уменьшенія интереса къ доисторической археологіи, которое можно наблюдать въ послѣднее время въ районѣ Царства Польскаго. Не смотря на это, редакторъ „Святовита", приложивъ старанія, что бы изданіе разошлось возможно шире, поставилъ себѣ девизомъ, какъ онъ говоритъ, малорусскую поговорку: „не зважай на врожай, сій жыто—хлібъ буде". И дѣйствительно, 4-хъ-лѣтняя работа въ дѣлѣ изданія дала очевидные результаты: тогда какъ въ 1-омъ томѣ „Святовита" принимало участіе всего 4 автора, теперь, съ выходомъ 4-го тома, подводя итоги, оказывается, что во всѣхъ 4-хъ томахъ участвовало 38 авторовъ и корреспондентовъ и 4 переводчика, давшихъ 40 сравнительно большихъ работъ и болѣе ста мелкихъ замѣтокъ. Кромѣ этого, очень цѣнной особенностью изданія является обиліе рисунковъ: въ 4-хъ томахъ помѣщено 47 таблицъ и 583 рисунка въ текстѣ, дающихъ вмѣстѣ 1834 изображенія предметовъ, плановъ и картъ.

Что касается мѣстностей, въ которыхъ происходили изслѣдованія или обнаружены находки, описанныя въ „Святовитѣ“, то онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 21 уѣздъ въ 8-ми губерніяхъ Царства Польскаго, 17 уѣздовъ въ 6-ти другихъ губерніяхъ Имперіи, 1 уѣздъ въ Галичинѣ и 2 уѣзда въ кн. Познанскомъ. Въ этомъ числѣ интересующаго насъ района касаются: уу. Липовецкій и Звенигородскій—въ Кіевской губ., Заславскій, Дубенскій, Луцкій, Овручскій и Кременецкій—въ Волынской, Каменецкій и Брацлавскій—въ Подольской и Коломыйскій—на Покутьи.

Останавливаясь на этихъ результатахъ, нельзя не отдать должнаго той энергіи и знаніямъ, съ какими ведется это изданіе редакторомъ его, Е. Маевскимъ; невольно является мысль: почему-бы и въ Кіевѣ, для района Южной Россіи, не основать подобнаго изданія? Вѣдь и работниковъ и матеріаловъ у насъ гораздо больше. Но, повидимому, рано еще думать объ этомъ,—говоримъ по опыту, такъ какъ и небольшія попытки въ этомъ направленіи встрѣчаютъ непонятный отпоръ даже со стороны лицъ, причастныхъ наукѣ...

Настоящій, 4-ый, томъ „Святовита“ распадается, какъ и предыдущіе, на отдѣлы: оригинальныя статьи и корреспонденціи, археологическое обозрѣніе, затѣмъ критика и библіографія и, наконецъ,—мелкія извѣстія.

На этотъ разъ, въ первомъ отдѣлѣ помѣщена довольно обширная статья, касающаяся нашей области и принадлежащая извѣстному археологу и владѣльцу прекраснаго собранія подольскихъ древностей, Францишку Пуласкому—„Mogiły o nasypie kamiennym w powiecie kamienieckim.“ Могилы съ каменной насыпью, подвергшіяся обслѣдованію г. Пуласкаго, расположены въ мѣстности, богатой различными доисторическими памятниками, что ясно видно изъ приложенной къ статьѣ небольшой археологической карты этого уголка Подоліи. Между прочимъ, у с. Серватынецъ, между сс. Заводынцами и Ивахновцами и за послѣднимъ селомъ расположены три группы кургановъ, изъ которыхъ было раскопано 4 кургана. У с. Ивановецъ раскопаны два кургана. Первый, высотой 1 метръ и окружностью 42 м., былъ обставленъ у подошвы большими камнями. По снятіи верхнихъ слоевъ дерна и чернозема, оказалось, что вся насыпь, на глубину 1 метра, состоитъ изъ мелкихъ известковыхъ камней. Подъ этой насыпью, на глубинѣ 1 м. 20 стм., была встрѣчена площадка, уложенная небольшими каменными плитками. Плитки составляли покрышку продолго-

ватой могилы, обставленной со всѣхъ сторонъ большими камнями. Въ могилѣ находился скелетъ, головой на западъ; голова опиралась на небольшой четыреугольный камень. При скелетѣ найдены слѣдующіе предметы: желѣзный наконечникъ копья, 6 бронзовыхъ стрѣлокъ, два украшенія, одно бронзовое, а другое золотое, въ видѣ серегъ, бронзовая шпилька, большой глиняный сосудъ, другой сосудъ поменьше и глиняная же миска. Всѣ эти предметы составляютъ обычный инвентарь скиѳскаго погребенія. Къ этой-же эпохѣ относятся и всѣ прочіе курганы, раскопанные г. Пуласкимъ.

Насыпь второго Ивахновецкаго кургана, который былъ немного выше перваго (1 м. 30 стм.), состояла изъ большихъ камней въ перемежку съ меньшими. Подъ насыпью—могила, прямо въ землѣ; въ ней—скелетъ, немного скорченный; при скелетѣ семь бронзовыхъ и двѣ костяныхъ стрѣлы, желѣзное удило и желѣзный поясъ. Въ южной части кургана, подъ крыломъ его, открыта другая могильная яма со скелетомъ въ скорченномъ положеніи. При скелетѣ двѣ бронзовыхъ стрѣлы, небольшой глиняный горшочекъ, глиняная миска и 3 глиняныхъ черпака, типичныхъ для скиѳскихъ погребеній.

У с. Серватынецъ также раскопано два кургана. Насыпь перваго нѣсколько отличалась отъ предыдущихъ: она состояла не сплошь изъ камня, а въ верхней части, посрединѣ, заключала какъ-бы яму, суженую книзу и наполненную землей. Въ могилѣ, подъ насыпью, обнаружено 2 скелета и при нихъ нѣсколько глиняныхъ сосудовъ разныхъ типовъ

Насыпь второго кургана заключала, между прочимъ, камни, носящіе ясные слѣды огня. Скелета здѣсь не обнаружено, однако найдено нѣсколько сосудовъ.

Кромѣ подробнаго описанія раскопокъ вышеуказанныхъ кургановъ, г. Пуласкій, въ дополненіе къ статьѣ, изложилъ свѣдѣнія о раскопкѣ еще двухъ кургановъ въ той же мѣстности. Новаго онѣ дали мало; отмѣтимъ лишь находку каменнаго блюда, сдѣланнаго изъ гранита,—встрѣченныя до сихъ поръ подобнаго рода блюда обыкновенно изготовлены изъ песчаника. Любопытной, затѣмъ, представляется находка въ верхней части кургана межевыхъ знаковъ позднѣйшаго времени: на глубинѣ 60 стм. отъ поверхности найдены два сосуда, современнаго типа, наполненные различнымъ зерномъ.

Въ отдѣлѣ корреспонденцій, между другими, находимъ слѣдующія замѣтки. Л. Жытынскій помѣстилъ „Spis zabytkow epoki kamie-

nia gładzonego, znalezionych w gub. Wołyńskiej,“ гдѣ перечисляетъ отбивныя и шлифованныя каменныя орудія, имѣющіяся въ его собраніи и происходящія, главнымъ образомъ, изъ Дубенскаго и Луцкаго уѣздовъ. I. Потемковскій, въ замѣткѣ: „Zabytki podolskie“, даетъ общую характеристику каменныхъ орудій, найденныхъ на стоянкѣ у с. Ильяшовки и отчасти на Сестринецкихъ поляхъ подъ Лысянкой, въ Звенигородскомъ у. Кіевск. г., затѣмъ описываетъ бронзовый топорикъ, найденный на поляхъ с. Шарапановки, и нѣсколько другихъ предметовъ, найденныхъ при скелетахъ въ с. Капустянахъ. I. Потемковскимъ были также присланы редакціи „Святовита“ и воспроизведены послѣдней въ настоящемъ томѣ четыре фотографіи съ мраморной статуэтки, хранящейся у г. Піонтковскаго, въ с. Капустянахъ. Статуэтка, какъ справедливо замѣчаетъ редакція, изображаетъ скиѳа, сидящаго на креслѣ; на бокахъ кресла помѣщена греческая надпись. Если статуэтка окажется подлинной, въ чемъ еще можно сомнѣваться, то она представляетъ значительный интересъ. Отмѣтимъ еще одну замѣтку общаго характера—художника Т. Лисевича: „W sprawie kamieni ze „śladami“. Авторъ старается объяснить происхожденіе и назначеніе довольно распространенныхъ чашечныхъ углубленій въ камняхъ, а также углубленій продолговатыхъ, обыкновенно называемыхъ народомъ „стопами Богородицы“. По мнѣнію г. Лисевича, однѣ изъ этихъ углубленій произошли отъ шлифованія каменныхъ орудій, другія же служили для добыванія огня. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія приводится примѣръ, что и теперь русскіе пастушки, когда не хватитъ у нихъ спичекъ, берутъ палку, обматываютъ ее шнуркомъ такимъ образомъ, чтобы можно было вертѣть въ обѣ стороны, опираютъ одинъ конецъ палки въ камень или дерево, а другой притискиваютъ дощечкой и, вращая палку, очень быстро добываютъ огонь. Объясненія г. Лисевича если не по отношенію ко всѣмъ подобнаго рода памятникамъ, то къ нѣкоторой части ихъ, имѣютъ извѣстную долю вѣроятія.

Слѣдующіе отдѣлы заполняетъ рядъ цѣнныхъ статей и замѣтокъ, но прямого отношенія къ нашей области онѣ не имѣютъ. Упомянемъ лишь о заключающей томъ довольно обширной замѣткѣ Г. Лопацинскаго: „Sprawozdanie z działu archeologii prezdhistorycznej na wystawach rolniczo-przemysłowej, oraz przedmiatów sztuki i starożytności w Lublinie 1901 r“. Г. Лопацинскій былъ устроителемъ на выставкѣ вышеназваннаго отдѣла. Передъ выставкой имъ была составлена и разослана программа отдѣла, но результаты получились не особенно

блестящіе, хотя, все-таки, были доставлены какъ предметы, такъ и свѣдѣнія о памятникахъ старины,—замѣтка и посвящена перечисленію полученнаго.

Каждый новый томъ „Святовита" даетъ все больше и больше цѣннаго, въ большинствѣ случаевъ, научно обработаннаго матеріала. Такимъ совершенствованіемъ изданіе всецѣло обязано неутомимой энергіи его редактора, а потому, въ заключеніе, пожелаемъ послѣднему продолжать и на будущее время и съ такимъ же успѣхомъ это полезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудное дѣло.

Вѣна, 9 мая.

Н. Бѣляшевскій.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т.т. XLII—XLV *(кн. IV—VI за 1901 р. и кн. I за 1902 р.). У Львові, 1901—1902 р.*

Въ настоящемъ году исполнилось десятилѣтіе со дня выхода первой книжки солиднаго научнаго изданія Наукового Товариства ім. Шевченка—«Записок», достигшихъ, какъ видимъ, въ теченіе десятилѣтія не малой цифры—44 томовъ, содержащихъ огромное множество цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, преимущественно касающихся Украины-Руси. За это время «Записки» успѣли снискать всеобщее признаніе въ ученомъ мірѣ, и въ настоящее время не много найдется ученыхъ обществъ и учрежденій въ Европѣ, которыя бы не обмѣнивали своихъ изданій на изданія «Наукового Товариства ім. Шевченка». Это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что научныя достоинства почтеннаго изданія обратили на себя вниманіе ученаго міра и побудили этотъ послѣдній считаться съ дѣйствительно капитальными нерѣдко изслѣдованіями, имѣющими не только мѣстный интересъ.

Въ разсматриваемыя нами четыре послѣднія книжки «Записок» вошло 3 историческихъ, 2—этнографическихъ и 4 историко-литературныхъ статей. Изъ числа первыхъ—одна выходитъ за границы спеціальныхъ задачъ журнала и относится къ міру античному. Это—«*Критична аналіза т. зв. Тукидидової Археології*»—Ів. Копача (т. XLII). Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, слѣдующіе: 1) т. наз. Ѳукидидова археологія не представляетъ цѣльнаго,

хорошо обдуманнаго и законченнаго вполнѣ обзора греческаго прошлаго; 2) тѣ части, изъ которыхъ она состоитъ въ настоящее время, явились не сразу, но авторъ сочинялъ ихъ постепенно, въ различное время; 3) авторъ рѣшилъ предпослать исторіи Пелопонесской войны полный обзоръ греческаго прошлаго лишь тогда, когда началъ считать 27-лѣтнюю войну чѣмъ-то одноцѣльнымъ.

Къ древне-русской исторіи относится критико-историческое изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго: «*Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва*» (т. XLV). Разобравъ грамоты 1297, 1443 и 1557 гг., считаемыя въ научномъ мірѣ наиболѣе автентичными, авторъ нагляднымъ образомъ доказываетъ, что какъ эти, такъ и всѣ остальныя грамоты, приписываемыя князю Льву Даниловичу, фальсификаты, которые, по всей вѣроятности, стали появляться въ Галичинѣ уже въ началѣ польскаго владычества, для защиты правъ на землю, не обезпеченныхъ въ древней Руси никакими письменными документами (въ большинствѣ случаевъ было фактическое пользованіе «зъ дида зъ прадида» или словесный договоръ).

Третья историческая статья—«*Причинки до історії рекрутчини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX століття*», Мих. Зубрицкаго.

Авторъ собралъ на селѣ у крестьянъ свѣдѣнія объ уклоненіяхъ отъ рекрутскаго набора, послѣ введенія его въ 1788 г. Уклоненія выражались двояко: рекрутъ или пускался въ бѣга, или увѣчилъ себя. Любопытный матеріалъ для характеристики какъ того, такъ и другого рода уклоненій авторъ и сообщаетъ въ данной статьѣ.

Къ области этнографіи относятся двѣ статьи: весьма цѣнное изслѣдованіе Ив. Верхратскаго «*Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів*» (т. т. XLIV и XLV) и собственно критико-литературная статья—Володимера Гнатюка «*Словаки чи Русини?* (Причинок до виясненя спору про національність західних русинів)» (т. XLII). Первая представляетъ окончаніе капитальнаго труда, печатавшагося въ предыдущихъ томахъ «Записок», и содержитъ образцы говора угорскихъ русиновъ (повѣрья, разсказы, загадки, поговорки, пѣсни). Матеріалъ собранный г. Верхратскимъ, въ высшей степени цѣненъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ заключеніе дается обстоятельный словарь угорскихъ словъ, со сравнительнымъ нѣмецкимъ, чешскимъ и словацкими параллелями. Во второй—авторъ, путемъ разбора литературныхъ мнѣній и на основаніи опросовъ мѣстныхъ жителей, доказы-

ваетъ, что т. наз. Бачванскіе русины (на югѣ Угорщины, на пограничьи со словаками) не могутъ быть относимы къ словакамъ. Въ статьѣ собрано много цѣннаго матеріала, свидѣтельствующаго въ пользу утвержденія автора.

Переходя къ области историко-литературныхъ изслѣдованій, мы прежде всего остановимся на интересномъ изслѣдованіи д-ра Ів. Франка *«Пяницьке чудо въ Корсуні, причинок до старорускої легендової літератури»*. (т. XLIV). Уважаемому автору удалось отыскать во Львовѣ небольшую легенду о пяницькомъ чудѣ въ Корсунѣ, въ прибавленьи къ житію св. Косьмы и Даміана. Легенда найдена въ двухъ рукописяхъ XVI вѣка; первая записана въ Полоцкѣ и содержитъ въ языкѣ болѣе сѣверныхъ, бѣлорусскихъ чертъ; вторая—гдѣ то на Украинѣ, б. м. даже во Львовѣ. Содержаніе легенды, озаглавленной «Чюдо о братщинѣ иже въ Корсунѣ градѣ», слѣдующее. Однажды въ Корсунѣ «у мужа единого» была «обчина гостинная». Пили уже 7 дней и на 8-ой еще явились. Но не хватило вина. Хозяинъ обращается къ гостямъ: «братія, нѣсть уже питія! «Тѣ же въ шутку отвѣчаютъ: «возмь сосудъ великъ полнъ воды!» Тогда подымается съ мѣста попъ, даетъ каждому по «сткляницѣ» воды, самъ беретъ чашу и произноситъ тропарь св. Косьмѣ и Даміану. И вдругъ случилось чудо: «обратися вода въ медъ сладокъ». Всѣ, конечно, возрадовались, прославили св. Козьму и Даміана и пили 12 дней, а сосудъ «не пречерпаше николи же благодатію божіею и чюдесъ ради святоую безмѣзднику и врачю». Но «егдаже безумніи человѣци начаша молвити скверныя словеса и все нелѣпое творити, —погыбѣ медъ отъ нихъ, яко рай отъ Адама, и бысть пакы вода въ сосудѣ томъ и въ чашахъ».

На основаніи такихъ указаній, какъ слово «братчина», пѣніе тропаря во время выпивки (характерно для XII—XIII в.) и др. авторъ приходитъ къ тому заключенію, что возникновеніе легенды можно отнести къ XII—XIII в., и южнорусское ея происхожденіе имѣетъ за собой если не больше, то и не меньше вѣроятія, чѣмъ сѣвернорусское.

Не безынтересенъ также матеріалъ, сообщаемый М. Галущинскимъ въ его статьѣ: *«Меморія в обороні прав православних і дісидентів з часів чотиролітнього сейму»* (т. XLV). Авторъ пользовался рукописнымъ сборникомъ, найденнымъ въ Вѣнѣ, въ который, кромѣ Синопсиса Іоанникія Гизеля и Синода тайнослуженія церковнаго въ Москвѣ 1678 г., вошелъ неизвѣстный донынѣ литературный памятникъ

подъ заглавіемъ «Stan Historyi Narodu Polskiego, z Warszawy 1791». Написанъ онъ послѣ перваго раздѣла Польши человѣкомъ несомнѣнно образованнымъ, начитаннымъ въ либеральномъ духѣ, доказательствомъ чего является признаніе имъ основой полнаго развитія государства и счастливаго пребыванія въ немъ гражданъ—полной религіозной толерантности, свободы личности, равенства передъ закономъ. Въ отношеніи къ церковной уніи—онъ требуетъ равенства, какъ для уніатской, такъ и православной церкви (какъ и для всѣхъ иныхъ исповѣданій). Очевидно, ему болѣе извѣстно положеніе диссидентовъ, чѣмъ уніатовъ и православныхъ. Кромѣ общаго интереса для характеристики теченій и направленій въ современномъ ему польскомъ обществѣ, очень любопытны нѣкоторые факты, сообщаемые имъ по поводу современныхъ событій, какъ, напримѣръ, указаніе, что кіевскіе мѣщане, а также кременьчанскіе (?) и переяславскіе, по уничтоженіи въ Кіевѣ муниципальнаго устройства, которое продолжало оставаться въ Житомирѣ согласно декрету комиссіи boni ordinis 1783 г., явившись въ Бердичевъ на ярмарокъ съ товарами, отправились оттуда въ Житомиръ и заявили о своемъ желаніи уйти навсегда изъ Кіева и поселиться въ Житомирѣ, лишь только имъ гарантируютъ, что польское правительство не выдастъ ихъ Россіи; но не встрѣтя сочувствія у житомирскихъ властей, вернулись обратно. Интересенъ также фактъ отказа Могилевскаго магистрата и всего города присягать на вѣрность Россіи.

Немалый интересъ представляетъ и сообщаемая др. Кирилломъ Студинскимъ *корреспонденція Деныса Зубрицького* (р.р. 1840—1853). Въ рукописяхъ Зубрицкаго, перешедшихъ въ собственность гр. Виктора Баворовскаго, оказались письма къ Зубрицкому Максимовича (5), Ганки (2), Копитара (4), Раковскаго (3) и черновикъ письма Имп. Общ. Исторіи и Древностей.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ письма Максимовича (три 1840 г., 1—1841 и 1—1843). Первое письмо было напечатано въ 1863 г. Як. Головацкимъ въ Литературномъ Сборникѣ «Галичанинъ» (1863, кн. I, вып. II, стр. 107—113). Въ немъ характеренъ двоякій взглядъ Максимовича на украинскій языкъ. Галичанамъ онъ совѣтуетъ писать на ихъ родномъ языкѣ: «на какомъ бы ни писали языкѣ галичане, все равно, лишь бы писали они о своей Руси; но молодому—нынѣшнему и будущему поколѣнію надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ, чехамъ и всѣмъ почти другимъ націямъ». Относительно же украинскаго языка

въ Россіи онъ держится иного взгляда: «все, что у насъ пишется по малороссійски, есть, нѣкоторымъ образомъ, уже *искусственное*, имѣющее интересъ областной... У насъ *не можетъ быть* словесности на южнорусскомъ языкѣ, а только могутъ быть и есть отдѣльныя на ономъ сочиненія—Котляревскаго, Квитки, Гребенки и другихъ». «Ваши (т. е. галицкіе) молодые писатели должны писать чистымъ южнорусскимъ языкомъ, какой представляется особенно въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ и старинныхъ червонорускихъ; а этотъ языкъ пополнять могутъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ галицкихъ и украинскихъ, гдѣ много есть словъ и оборотовъ,—а потомъ уже пополнительнымъ источникомъ пусть будетъ великорусскій языкъ, преимущественно передъ другими словенскими». Въ этомъ же письмѣ онъ предлагаетъ извѣстное свое правописаніе, представляющее, по его мнѣнію, «старинный способъ писанія южнорусскій, приноровленный къ народному языку». Въ остальныхъ письмахъ, какъ и въ первомъ, много подробностей, интересныхъ для біографіи Максимовича и для уясненія отношеній его къ галицкимъ дѣятелямъ эпохи возрожденія.

Любопытны также и письма Копитара. Извѣстно, что Копитаръ, въ числѣ другихъ славянскихъ ученыхъ и дѣятелей, былъ посредникомъ между русинами и славянскимъ движеніемъ первыхъ десятилѣтій XIX ст. Онъ старался оказывать вліяніе на молодое русинское поколѣніе, и подъ его руководствомъ образовался первый русинскій писатель—Іосифъ Лѣвицкій. Русиновъ Копитаръ считалъ такимъ народомъ, который можетъ существовать самъ, собственными силами, и не желалъ бы ихъ видѣть ни въ чьихъ чужихъ объятіяхъ. Въ письмѣ къ Зубрицкому отъ 18 іюня 1843 года онъ пишетъ: «Русиновъ должно хватить самихъ для себя, безъ помощи великороссовъ, они должны печатать своего Каменскаго (die Russinen, ohne die Nordrussen sich selbst genugen, ihren Kaminski drucken lassen etc).

Письма Ганки и, въ особенности, Ив. Раковскаго интересны въ другомъ отношеніи—для характеристики будущей старорусской партіи.

Остается еще одна статья—критическая Івана Стешенка «*Ол. П. Стороженко, причинки до характеристики ѐго творів*» (т. XLII). Въ первой части своего труда авторъ съ большой старательностію входитъ въ разсмотрѣніе біографическихъ данныхъ объ Ал. П. Стороженкѣ и старается характеризовать его, какъ «сознательнаго украинскаго патріота, человѣка патріархально-крѣпостнической психики, одѣтаго въ мундиръ шовинизма и полной благонамѣренности». Во вто-

рой части авторъ приступаетъ къ разбору его произведеній и прежде всего даетъ имъ иную, чѣмъ у Петрова и Огоновскаго, классификацію, а именно: произведенія историческаго характера: a) съ сюжетами реальными и b) легендарно-фантастическими; произведенія этнографическаго характера, и произведенія—анекдоты; относительно же вопроса, къ какой школѣ можно отнесть Стороженка—авторъ высказывается въ такомъ смыслѣ, что Стороженко создалъ украинскую школу исторической беллетристики, и все его значеніе въ исторіи литературы въ этомъ и заключается.

Соглашаясь, болѣе или менѣе, съ общими выводами автора, съ трудомъ соглашаемся съ частностями въ его трудѣ. Кромѣ того, намъ кажется, авторъ тратитъ слишкомъ ужъ много энергіи на обличеніе и ниспроверженіе мнѣній и сужденій авторовъ, съ которыми онъ не согласенъ.

Остается намъ еще отмѣтить болѣе мелкіе матеріалы, помѣщенные въ отдѣлѣ Miscellanea. Но раньше мы должны остановиться на двухъ статьяхъ др. Ів. Франка, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ «Наукова Хроника». Въ первой (въ XLII т.)—«Нові досліди над найдавнійшою історией жидів» авторъ даетъ обзоръ новѣйшихъ изслѣдованій, весьма интересныхъ, въ области еврейской исторіи; во второй—(т. XLV) «Причинки до историї польскої суспільности на Україні в XIX в. (I—VI)», крайне интересной и цѣнной для характеристики польско-украинскихъ отношеній въ началѣ XIX ст., авторъ на основаніи трудовъ P. Chmilowskiego, Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815—1823), Warszawa, 1898 г., и Tadeusza Bobrowskiego, Pamiętniki, Lwów, 1900, т. I (второго пока не касается)—даетъ яркую картину состоянія польскаго общества, а параллельно и украинскаго, насколько первое входило въ соприкосновеніе со вторымъ. Въ отдѣлѣ «Miscellanea» имѣются нѣкоторые очень цѣнные матеріалы. Здѣсь помѣщены: два неизвѣстные перевода Іосифа Левицкаго, привилей г. Миколаива надъ Днѣстромъ (перв. пол. 17 в.), Хлопська комісия»—(по поводу кражи въ церкви въ Красній, въ Галичинѣ, въ 1847 г. (т. XLIII) «Лист Стефана Баторія до калги 1577 р.»; Чубъ, чупрына,—замѣтка для историковъ, художниковъ и актеровъ; Николай Савичъ, біографическая замѣтка объ этомъ участникѣ Кирило-Меѳод. братства (т. XLIV), къ біографіи гайдамакъ Желѣзняка и Чорняя,—сообщаются свѣдѣнія, имѣющіяся объ этихъ послѣднихъ въ сочиненіяхъ Державина; къ

участи русиновъ въ наполеоновскихъ войнахъ, некрологи Ис. Шараневича, Сухомлинова и Жданова.

Біографическій отдѣлъ, по обыкновенію, весьма обстоятеленъ и заключаетъ огромное количество критическихъ отзывовъ о различныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ книгахъ.

В. Д.

Статистическое бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1899 годъ (по сообщеніямъ корреспондентовъ). *Полтава, 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.*

Содержаніе названной книги составляютъ: глава о погодѣ, земледѣльческихъ работахъ и условіяхъ произрастанія хлѣбовъ и травъ, глава объ урожаѣ хлѣбовъ, промышленныхъ растеній и травъ, садовъ и огородныхъ растеній; о состояніи скотоводства, пчеловодства, цѣнахъ на рабочія руки, отхожихъ неземледѣльческихъ промыслахъ и съемныхъ, арендныхъ продажныхъ цѣнахъ, съ многочисленными табличными приложеніями къ нимъ, занимающими болѣе $^1/_3$ книги. Книга составлена по матеріаламъ, доставленнымъ 659 корреспондентами. Съ особенною подробностью, почему-то, составлена глава о погодѣ, занимающая болѣе половины текста книги, при чемъ въ послѣдующихъ главахъ—особенно объ урожаѣ, мѣстами приходится говорить о той же погодѣ.

Въ виду того, что сообщаемыя въ этомъ изданіи данныя относятся къ сравнительно уже давнему (1899) году, почему и сообщеніе сельско-хозяйственныхъ итоговъ этого года не можетъ имѣть особеннаго значенія, остановимся лишь на данныхъ: о съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ, которыя и въ Полтавской губерніи, какъ оказывается, имѣютъ теперь нѣкоторую тенденцію къ подъему, какъ и у насъ въ Юго-западномъ краѣ.

Оказывается, что испольная форма съемки (погодной аренды) земель повсемѣстно въ Полтавской губ. сократилась, при чемъ сокращеніе это было весьма значительно и равномѣрно во всѣхъ уѣздахъ, хотя все-таки она осталась еще преобладающей формой аренды въ Переяславскомъ и Прилукскомъ уѣздахъ. Наоборотъ, отработочная система, значительно развитая въ 80-хъ годахъ, нынѣ получила еще большее распространеніе, главнымъ образомъ, на счетъ испольной въ

Пирятинскомъ, Золотоношскомъ и Полтавскомъ уѣздахъ, а въ Хорольскомъ и Константиноградскомъ—и на счетъ денежной аренды. На счетъ сокращенія испольной формы съемки почти повсемѣстно, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ уѣздовъ, произошло расширеніе денежной. Съ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ въ 1897 г. и хорошими урожаями послѣднихъ лѣтъ, крестьяне стали охотнѣе снимать землю за деньги, и отдача земли изъ урожая стала менѣе выгодна, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняются помянутыя измѣненія въ условіяхъ съемки. Въ то же время въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, вслѣдствіе значительнаго возрастанія съемныхъ цѣнъ въ послѣдніе годы, увеличился спросъ на землю за отработки, главнымъ образомъ со стороны малообезпеченныхъ съемщиковъ.

Что касается измѣненія съемныхъ цѣнъ во времени, то изъ собранныхъ данныхъ видно, что въ теченіе трехлѣтія съ 1894 г., съемныя цѣны сравнительно съ 1893 г. упали на $^1/_3$, въ слѣдующее трехлѣтіе повысились противъ низшей цѣны 1896 г. на 55% и на 5% превысили уже цѣны 1893 г. Наибольшее повышеніе произошло въ уѣздахъ Прилукскомъ, Пирятинскомъ, Золотоношскомъ и Константиноградскомъ, черезъ которые въ теченіе послѣдняго пятилѣтія проложены новые желѣзнодорожные пути. Измѣненіе арендныхъ цѣнъ въ теченіе послѣдняго семилѣтія совершалось параллельно съ измѣненіемъ съемныхъ цѣнъ, но только болѣе равномѣрно и съ меньшими колебаніями, чѣмъ послѣднія. Изъ собранныхъ данныхъ видно, что, рядомъ съ подъемомъ арендныхъ цѣнъ, произошелъ въ губерніи и подъемъ продажныхъ цѣнъ—приблизительно на тотъ же процентъ, какъ и арендныхъ. Путемъ продажъ площадь землевладѣнія въ теченіе отчетнаго года измѣнилась такимъ образомъ: количество дворянскихъ земель уменьшилось на 18100 дес., а у крестьянъ и козаковъ увеличилось на 11700 дес. и у купцовъ и проч. сословій на 6400 дес.; главными, по своей численности, продавцами и покупателями являются козаки и крестьяне, на долю которыхъ падаетъ около $^2/_3$ всѣхъ сдѣлокъ по продажѣ и свыше $^4/_5$ по покупкѣ; они покупаютъ почти все количество земли, поступающее на рынокъ отъ лицъ своихъ сословій, и кромѣ того болѣе мелкіе участки изъ продаваемыхъ дворянами и другими сословіями.

Л. С. Л.

Поеми Михайла Макаровського. Видав др. Кирило Студиньский. *(у Львові).*

Д-ру Студинскому, профессору Львовскаго университета, пришла благодарная мысль издать произведенія стараго и даровитаго украинскаго писателя Макаровскаго. Тщательно исполненному тексту украинскихъ поэмъ львовскій ученый предпослалъ „вступне слово", хотя и краткое, но цѣнное по затронутому и отчасти рѣшенному вопросу генезиса изданныхъ имъ произведеній. Въ началѣ своего сравнительно-литературнаго очерка г. Студинскій указываетъ, вслѣдъ за г. Вильхивскимъ, на небрежность украинскаго общества, не переиздавшаго цѣнныхъ поэмъ Макаровскаго. Не входя въ оцѣнку упомянутой „небрежности", равно какъ и другихъ причинъ неизданія у насъ поэмъ Макаровскаго, мы только напомнимъ г. Студ-му, что лучшая вещь Макаровскаго—„Наталя" вышла въ свѣтъ еще въ 1890 г. Послѣ этого перейдемъ къ разсмотрѣнію мыслей г. Студ-го о поэмахъ Макаровскаго и прежде всего о „Наталѣ". Говоря о послѣдней, профессоръ отмѣчаетъ близость ея къ „Hermann und Dorothea" Goethe u „Wiesław"' у Бродзинскаго. Такая отмѣтка заслуживаетъ полнаго вниманія. Сравненіе „Натали", особенно съ „Hermann'омъ, даетъ полную возможность сказать, что произведеніе Макар-го написано подъ вліяніемъ Гете, и мы только недовольны тѣмъ способомъ, какимъ доказываетъ г. Ст-ій близость обоихъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ говоритъ сколько-нибудь о близости „Натали" къ „Hermann'у" тотъ фактъ, что „Макаровський виводить нам в своій „Натали" не лише селян-хліборобів", при чемъ эти „не лише селяне-хлібороби" „звідують далекі краі" и т. п. (стр. 6). Это „звідування" не играетъ *никакой* роли въ „Hermann'ѣ и второстепенную въ „Наталѣ", и въ томъ и другомъ произведеніи не оказываетъ *никакого* вліянія на фабулу или ходъ дѣйствія. Приводить-же слова Фоки (изъ „Гараська") для доказательства близости между „Hermann"'омъ і „Наталею" мнѣ кажется совсѣмъ уже страннымъ и непонятнымъ пріемомъ. Такимъ-же неудачнымъ необходимо признать и доказательство близости „Hermann'a" къ „Наталѣ" путемъ указанія общей черты между „Наталею" и „Wiesław"'омъ (?). Такими пріемами только затуманиваются совсѣмъ ясные вопросы... Во всякомъ-же случаѣ связь между произведеніемъ Гете и „Наталею" мы должны признать безусловно. Можно даже прямо сказать, что фабула послѣдней вполнѣ заимствована у Гете и только украшена самобыт-

нымъ изложеніемъ да украинскими типами. Что касается сравненія „Натали“ съ „Wiesław'омъ, то здѣсь много говорить не приходится. Разъ произведеніе польскаго писателя писано подъ вліяніемъ и, скажу я, очень близкимъ,—Hermann'a Гете, то, очевидно, „Наталя“ стоитъ съ нимъ въ такомъ же соотношеніи, какъ и съ Гетевскимъ произведеніемъ, или какъ польская поэма съ нѣмецкимъ произведеніемъ. А разъ такъ, то доказывать близость Wiesław'a“ и „Натали“. доказавши близость послѣдней къ Гете, мнѣ кажется лишнимъ тѣмъ болѣе, что и любопытный, т. е. новый пунктъ такой близости, въ видѣ присутствія въ обоихъ произведеніяхъ (украинца и поляка) „пропащоі особи“, является все-таки несущественнымъ. Словомъ, подобное сравненіе не приноситъ новыхъ данныхъ, которыя измѣняли-бы основную идею „Натали“, заимствованную у Гете. За то и съ другой стороны мы не можемъ не признать, что и фактъ присутствія въ произведеніяхъ Бродзинскаго и Макаровскаго еще чертъ, хоть и не существенныхъ, но отсутствующихъ у Гете, заслуживаетъ вниманія и заставляетъ насъ сказать, что и польскій писатель, подобно нѣмецкому, повліялъ на нашего поэта, впрочемъ болѣе формальнымъ образомъ. И отмѣтка такого факта должна быть признана заслугой г-на Студ-го... Мнѣ только кажется страннымъ, что изслѣдователь называетъ „Наталю“ *эпической* поэмой,—это вѣдь масло масляное: если произведеніе есть поэма, то, очевидно, оно принадлежитъ къ эпосу, а не къ иному роду поэзіи... Показавъ по возможности близость „Натали“ къ вышеупомянутымъ произведеніямъ, г. Ст-ій довольно вѣрно указываетъ и эстетическое ея значеніе, но ошибается, когда, вслѣдъ за Огоновскимъ, находитъ у Мак-го каррикатуру. Я таковой совершенно не вижу, и г. Студинскому слѣдовало бы точно указать образцы такихъ каррикатуръ или чего-либо подобнаго.

Обратившись къ „Гараську“, г. Ст-ій удачно приводитъ замѣчаніе проф. Петрова о вліяніи Пушкина на эту поэму, именно „Кавказскаго плѣнника“. Конечно, вліяніе это очень формально и безконечно меньше вліянія на Мак-го Гете и даже Бродзинскаго, но все-таки фабулу „Гараська“, хоть и значительно измѣненную, слѣдуетъ искать именно у Пушкина. Въ оцѣнкѣ данной поэмы г. Ст-ій стоитъ также близко къ истинѣ, хотя нѣсколько и уклоняется отъ нея, уменьшая цѣнность „Гараська“. Уклоняется потому, что эту поэму, какъ истинно-художественное произведеніе, врядъ-ли можно поставить ниже „Натали“, тѣмъ болѣе, что и общій тонъ „Гараська“, какъ чисто

психологической картины, не можетъ идти въ сравненіе съ этнографически-бытовымъ произведеніемъ „Наталею". Эта же психологичность, переходящая иногда то въ драму, то въ лирику, проявлена въ поэмѣ очень удачно,—такъ что послѣднюю мы должны поставить очень высоко. Въ силу той же психологичности поэмы нельзя ставить ей въ упрекъ и недостатокъ „характеристичных прикмет украинського буття", о которомъ говоритъ г. Ст-ій: этотъ недостатокъ замѣняется обиліемъ совсѣмъ иного матерьяла, собственно психологическаго, и потому напрасно было требовать отъ поэта „побутовости". Оканчивая свои замѣчанія о литературномъ очеркѣ г-на Ст-го, мы должны еще обратить его вниманіе на отсутствіе у него указанія, къ какой литературной школѣ принадлежитъ нашъ старый поэтъ и какова eo ipso основная черта его творчества... Какъ извѣстно, проф. Петровъ причислилъ Мак-го къ „сентименталистамъ", что совершенно невѣрно и безосновательно. Не думаю, чтобы львовскій профессоръ раздѣлялъ указанное воззрѣніе, а если такъ, то онъ обязанъ былъ показать его ошибочность; въ случаѣ же согласія своего съ Петровымъ, долженъ былъ бы отмѣтить, почему правъ г. Петровъ, чья классификація періодовъ нашей литературы признана уже проф. Дашкевичемъ не вполнѣ удовлетворительной. Во всякомъ случаѣ и указанныя мысли г-на Ст-го, въ видѣ сравненій и т. п., должны стать годнымъ матерьяломъ для будущаго болѣе широкаго изслѣдованія о Макаровскомъ. Что касается самаго изданія произведеній Мак-го, то я не понимаю, почему оно названо „критичным" (стр. 4)? Если-бы оно являлось результатомъ разсмотрѣнія и работы надъ различными текстами поэмъ Мак-го и было собственно плодомъ ихъ критики, то, разумѣется, его нужно было-бы назвать критическимъ... Но вѣдь данное изданіе есть только повтореніе напечатаннаго текста въ „Южномъ русскомъ сборникѣ" Метлинскаго,—въ чемъ-же тогда критичность новаго изданія? Впрочемъ, спасибо издателю и за него.

Н. Стешенко.

А. Кузьминъ. Запорожская сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ.
Стр. 96. Москва, 1902 г. Цѣна 40 коп.

Исторія Малороссіи съ 16 по 18 в. есть, до нѣкоторой степени, и исторія Запорожской Сѣчи, которая своимъ существованіемъ всецѣло

была обязана политическому и экономическому строю жизни всего украинскаго народа. Населенная выходцами изъ Украины, Запорожская Сѣчь въ каждомъ изъ своихъ обитателей носила тотъ протестантскій элементъ, который не позволялъ порабощенному народу мириться съ произволомъ и насиліями панской власти, и потому въ самобытной жизни Запорожской Сѣчи ясно сказалось стремленіе украинскаго народа осуществить въ жизни хоть и не всѣми сознаваемые, но всѣмъ дорогіе идеалы всеобщаго равенства, свободы, служенія на пользу родному народу тѣмъ избыткомъ энергіи и силъ, который эти бѣглецы приносили съ собой на Запорожье. Жизнь тутъ была необыкновенно сурова и полна опасностей, но и люди приходили сюда въ большинствѣ случаевъ незаурядные; въ результатѣ получались достойныя удивленія личности, заставлявшія современниковъ въ каждомъ изъ запорожцевъ подозрѣвать «характерника», дѣйствующаго при помощи неземной силы. Да и вниманіе послѣдующихъ поколѣній привлекалось интересными типами обитателей Запорожской Сѣчи, оригинальнымъ ея устройствомъ и выдающимся историческимъ значеніемъ и потому Запорожье дало матеріалъ для многочисленныхъ художественныхъ произведеній и ученыхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія по исторіи и внутренней жизни Запорожской Сѣчи разбросаны такъ отрывочно, или же представляютъ столь спеціальныя монографіи, что недоступны большинству публики, а потому книга, которая бы «въ небольшомъ и общедоступномъ изложеніи» доставила всякому желающему «возможно полное ознакомленіе съ исторіей и бытомъ Запорожской Сѣчи», является крайне желательный. Дать такую книгу и было, очевидно, цѣлью г. Кузьмина. Пользуясь поэтическими описаніями Гоголя, Мордовцева и другихъ, живымъ и образнымъ языкомъ рисуетъ онъ картины приднѣпровья и запорожскихъ степей—роскошныя, прекрасныя весною и лѣтомъ и суровыя, безотрадныя поздней осенью и зимою. Это описаніе отчасти даетъ понятіе о той трудной жизненной школѣ, которую проходили запорожцы и которая воспитывала въ этихъ дѣтяхъ природы такую силу воли, характеръ, отвагу, стремленіе къ подвигамъ, презрѣніе къ опасностямъ и мужество въ страданіяхъ.

Исторіи Запорожья г. Кузьминъ почему-то удѣлилъ меньше вниманія; она въ его изложеніи, вообще, отличается отрывочностью, краткостью, а иногда и значительными пропусками. Изъ кошевыхъ атамановъ авторъ говоритъ лишь о Сагайдачномъ, Хмельницкомъ и Глад-

комъ, при чемъ послѣднему удѣляетъ больше мѣста, чѣмъ первому, не смотря на обратное отношеніе ихъ значенія въ исторіи; о дѣятельности же другихъ выдающихся кошевыхъ: Сирка, Кальнышевскаго и другихъ не менѣе извѣстныхъ, чѣмъ Гладкій, о цѣлой эпохѣ такъ называемой «великой руины» не упомянуто ни однимъ словомъ. Такіе ничѣмъ не оправданные пропуски составляютъ крупный недостатокъ разбираемой книги, понижаютъ то значеніе, какое она могла бы имѣть для средняго читателя.

П.

Обзоръ журналовъ текущаго года

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Міръ Божій, № 5, 2) Научное Обозрѣніе, № 4, 3) Русское Богатство, № 4, 4) Новое Дѣло, № 4, 5) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 4, 6) Университетскія Извѣстія, № 3 и 4, 7) Ученыя Записки Имп. Казанскаго университета, № 3, 8) Записки Имп. Харьковскаго университета, № 1, 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4 и 5, 10) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 4, 11) Книжки Восхода, № 4, 12) Літературно-науковий Вістник, № 4 и 5, 13) Историческій Вѣстникъ, № 5, 14) Русская Старина, № 5, 15) Журналъ для Всѣхъ, № 5, 16) Вѣстникъ Европы, № 3, 4 и 5, и 17) Русская Мысль, № 3, 4 и 5.

Міръ Божій, № 5, май.

Шенрокъ В.—Гоголь и Бѣлинскій. Авторъ разсматриваетъ отношенія Бѣлинскаго и Гоголя, закончившіяся знаменитымъ письмомъ Бѣлинскаго по поводу «Переписки съ друзьями».

Научное Обозрѣніе, № 4, апрѣль.

Соколовъ Н. Н.—Гоголь и современное ему русское общество. (Окончаніе).

Подробно и обстоятельно составленный очеркъ о той средѣ, въ которой приходилось вращаться Гоголю, и объ отношеніяхъ между нимъ и современными ему литературными дѣятелями.

Русское Богатство, № 4, апрѣль.

Венгеровъ С.—Писатель-гражданинъ (окончаніе).

Окончаніе интересной статьи г. Венгерова посвящено анализу извѣстной «Переписки съ друзьями» и обзору мнѣній критики по поводу этой книги, доставившей такую печальную извѣстность ея автору.

Новое Дѣло, № 4, апрѣль.

Красновъ А. Н.—По русскому югу (продолженіе).

Авторъ передаетъ свои впечатлѣнія изъ посѣщенія Полтавской губерніи, описываетъ ея природу и города, даетъ характеристику мѣстнаго населенія и нѣкоторыхъ его обычаевъ. Мѣстами встрѣчаются довольно шаблонныя замѣчанія и объясненія (таково, напр., объясняемое пресловутою малороссійскою лѣнью обиліе собакъ въ украинскихъ селахъ).

Записки Императорскаго Харьковскаго университета кн. 1-я.

Багалѣй Д. И.—Опытъ исторіи Харьковскаго университета (продолженіе).

Продолженіе почтеннаго труда Харьковскаго профессора содержитъ, по обыкновенію, массу фактовъ, характеризующихъ состояніе науки и просвѣщенія въ Харьковскомъ университетѣ въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.

Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ (продолженіе).

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4, апрѣль.

Петровъ Н. И.—Слѣды литературныхъ вліяній въ произведеніяхъ Н. В. Гоголя.

Говоря о литературныхъ вліяніяхъ на произведенія Гоголя, почтенный авторъ болѣе подробно останавливается на произведеніяхъ украинскихъ писателей, оказавшихъ болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на творчество Гоголя; къ этимъ писателямъ относятся: Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Гоголь—отецъ, Квитка-Основяненко и Нарѣжный.

Отчетъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовн. Академіи за 1901 годъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи. № 5, май.

Малининъ В. Н.—Преподобный Өеодосій, основатель Кіево-Печерскаго монастыря,—очеркъ жизни и дѣятельности препод. Өеодосія.

Вишневскій Д.—Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія (продолженіе). Гл. III.

Настоящая часть труда г. Вишневскаго содержитъ матеріалы для изученія преимущественно научныхъ средствъ Академіи въ данный періодъ: обзоръ наукъ, преподававшихся въ Академіи, учебниковъ, библіотеки и т. п. и заканчивается характеристикой общаго состоянія нравственно-воспитательнаго дѣла.

Ө. Т. Поставленіе во діакона и священника и избраніе епископа въ древней западно-русской церкви, или Кіевской митрополіи въ XIV—XVI в. в.

На основаніи современной рукописи авторъ даетъ описаніе поставленія въ духовные чины въ Кіевской митрополіи въ XIV—XVI в. в.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 3, мартъ.

Джонсонъ И.—Гоголь. Краткая литературная характеристика Гоголя.

Літературно-Науковий Вістник, кн. IV и V.

Надгробні стихири, Петра Карманьского, стор. 1—5.

Земля, оповідане О. Кобилянськоі (далі), стор. 6—61.

Демон, драма Крушельницького, стор. 62—77.

Забув, оповідане Модеста Левіцького, стор. 78—81.

Із поэзіи Виктора Гюго, I—III, стор. 82—87.

Із оповіданъ А. Немоевського: I. Майлях, 88—96.

Соті роковини вродження В. Гюго, Ів. Франка, стор. 1—6.

Кельтська археольогія, нарис Райнаха, 7—20.

Новини нашоі літератури: Хвиля за хвилею, С. Волоха, 21—32.

Ювилей I. В. *Ягіча,* В. 33—37.

Наукові листки: I. Вавилон і Біблія, II. Анна Ярославна, III. Еміль Голюб (некрольогъ), стор. 38—42.

Хроніка і бібліографія, стор. 1—18.

Із поэзий Грыцька Кернеренка, стор. 97—98.

Скалки души, Ів. Федорченка. 98.

На старі теми, Ів. Франка. Стор. 99—100.

Земля, оповидане Кобилянськоі (далі). Стор. 101—160.

Чи потрібне?—драмат. малюнок Гната Галайди. Стор. 161—175.

Промінь, Ганны Барвінок. Стор. 176—179.

Адресатка померла, Евгеніи Ярошинськоі. Стор. 179—181.

Фока, оповідане Ремі де Гурмона. Стор. 182—187.

Із поэзий Ади Негрі, переклав П. Грабовський. Стор. 188.

Михайло Старицький (з портретом), Ів. Франка. Стор. 43—67.

Наші театральні новини. Допис із Киіва, В. Мировця. Стор. 68—81.

Въ справі народного языка, Ів. Верхратського. Стор. 82—95.

Хроніка і бібліографія. Стор. 19—33.

Историческій Вѣстникъ, май 1902 г.

Въ «Воспоминаніяхъ о Н. С. Лѣсковѣ» Фаресова приводится слѣдующее письмо Лѣскова, написанное при вѣсти о смерти Костомарова: «О Костомаровѣ глубоко скорблю. Это былъ настоящій писатель и человѣкъ съ литературною честностью, какихъ все становится меньше и меньше. «Память его будетъ съ похвалами» и «во благихъ водворится». Онъ пожилъ и потрудился довольно, но безъ него станетъ пусто».

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщенъ разборъ соч. В. К. Гульдмана, «Памятники старины въ Подоліи».

Въ отдѣлѣ смѣси разсказано о торжественномъ собраніи Харьк. историко-филологическаго общества по случаю его 25-лѣтняго юбилея. Въ томъ же отдѣлѣ сообщено о засѣданіи (18 февр.) Предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ некрологъ А. М. Лазаревскаго, составленный по газетамъ «Новости» и «Новое Время».

Вѣстникъ Европы, № 3, 4 и 5.

А. Кочубинскій. Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя. Замѣтки II—IV. (Окончаніе, № 3. стр. 5—20). Здѣсь даны нѣкоторыя поправки и дополненія къ трудамъ В. И. Шенрока о Гоголѣ, устанавливающія факты изъ біографіи послѣдняго, а именно—о поѣздкѣ Гоголя въ Далмацію въ 1841 году, о встрѣчѣ его съ Ганкою въ Прагѣ. Что касается мелкихъ поправокъ, то намъ кажется, что г. Кочубинскій самъ ошибся, называя А. Н. Демидова «извѣстнымъ княземъ Санъ-Донато». Насколько намъ извѣстно, титулъ князя Санъ-Донато полученъ былъ П. П. Демидовымъ въ концѣ 70-хъ годовъ 19 вѣка; это тотъ самый Демидовъ, который былъ первымъ кіевскимъ головой послѣ реформы городового положенія.

Д. Рихтеръ Къ вопросу объ обѣдненіи черноземнаго центра Россіи (№ 3, хроника, стр. 320—328). Говоря о значительномъ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія черноземной полосы Россіи за послѣднія 30—40 лѣтъ, авторъ касается и фактовъ изъ жизни нашего юга.

Русская Мысль, № 3, 4 и 5.

В. Каллашъ. Гоголь и его письма (№ 3, стр. 69—91). Авторъ, по письмамъ Гоголя, слѣдитъ за тѣми поворотами, которые случались въ жизни писателя, вліяя на характеръ творчества. Въ пятой главѣ есть нѣсколько строкъ, посвященныхъ и его малороссійскимъ повѣстямъ.

Н. В. Тулуповъ. Народныя чтенія въ городахъ (№ 3, стр. 154—169; № 4, стр. 1—18). Въ этомъ обзорѣ авторъ между прочимъ даетъ свѣдѣнія и о дѣятельности разныхъ учрежденій въ Малороссіи (устройство чтеній въ мастерскихъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ; постройка зданія для просвѣтительныхъ цѣлей въ Кременчугѣ; устройство такого же зданія въ м. Рѣшетиловкѣ, полт. губ.; о народныхъ чтеніяхъ въ Кобелякахъ, полт. губ.; о постройкѣ народнаго дома въ Кіевѣ). Жаль, что авторъ ни словомъ не упомянулъ о кіевской коммиссіи народныхъ чтеній, полезная дѣятельность которой длится уже 20 лѣтъ.

С. Русова. Современная провансальская литература (№ 4, стр. 99—119). Статья эта имѣетъ столько параллельныхъ явленій въ нашей малорусской литературѣ, что мы считали себя обязанными отмѣтить ее, какъ имѣющую отношеніе къ нашему югу Россіи.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. И. Лаппо. Великое княжество литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія.* (№ 3, стр. 73—75); 2) *А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. 3 выпуска.* (№ 3, стр. 90—91). 3) *В. П. Краннхфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья* (№ 4, стр. 124).

Во «Внутреннемъ обозрѣніи» помѣщенъ краткій некрологъ *А. М. Лазаревскаго* (№ 5, стр. 251—252).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ Харьковѣ подготовляется къ печати Н. К. Воронымъ украинскій альманахъ подъ нѣсколько замысловатымъ названіемъ «З-надъ хмаръ и зъ долынъ». Въ альманахѣ предполагается сотрудничество слѣдующихъ украинскихъ писателей: г.г. Гринченка, Грабовскаго, Кобринской, Кобылянской, Коцюбинскаго, Крымскаго, Ив. Левицкаго, Маковея, Мовы, Мордовцева, Старицкаго, Украинки Леси, Франка, Чернявскаго, Щурата и др.

—

Въ вышедшей недавно второй книжкѣ харьковскаго журнала «Мирный трудъ» помѣщены, между прочимъ, статьи: проф. Сумцова— «Отношеніе В. А. Жуковскаго къ Г. Ѳ. Квиткѣ, Т. Г. Шевченку и М. А. Максимовичу» и г. Харціева—«Ученіе А. А. Потебни о народности и націонализмѣ»,

—

Въ № 88 «Волыни» помѣщена замѣтка г. Славинскаго «Знаменательный указъ» по поводу напечатаннаго въ нашемъ журналѣ (февр. 1902 г.) указа полтавской духовной консисторіи 1861 г., разрѣшающаго духовенству произносить проповѣди на украинскомъ языкѣ. «Всякій, кто жилъ въ малорусской деревнѣ,—говоритъ г. Славинскій,—и посѣщалъ деревенскую церковь, знаетъ, на какомъ удивительномъ языкѣ малорусскіе священники обращаются съ проповѣдью къ своимъ прихожанамъ-малороссамъ. Для того, чтобы понимать эту амальгаму изъ языковъ: литературно-русскаго, церковно-славянскаго и малорусскаго,—надо приложить все свое вниманіе, надо обладать при этомъ еще основательнымъ знаніемъ всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ языковъ. Слушатели же, малорусскіе крестьяне, въ большинствѣ даже негра-

мотные, обладаютъ хорошимъ знанiемъ лишь одного своего родного языка и зачастую съ безнадежнымъ усердiемъ слушаютъ рѣчь своего духовнаго отца». Картина, набросанная г. Славинскимъ, слишкомъ знакома всѣмъ, кто нашу деревню знаетъ не изъ прекраснаго далека. Поэтому, едва-ли кто будетъ спорить противъ заключительныхъ словъ автора:. «Живое общенiе съ народомъ возможно только на его родномъ языкѣ, внѣ котораго начинается формализмъ и обособленiе, а это, конечно, совершенно недопустимо въ области религiи и вѣры. Родная рѣчь сближаетъ, рождаетъ довѣрiе и непосредственную связь, говоритъ сердцу и уму, освобождаетъ мысль и окрыляетъ чувство»...

—

Въ той же газетѣ появились слѣдующiя статьи и замѣтки, касающiяся этнографiи Украины: «Велыкдень у крестьянъ на Волыни» (№ 89) «День св. Юрiя» (№ 90), «Проводы въ Житомирскомъ уѣздѣ» (№ 92) и «Рахманськый велыкдень» и «довгого Ивана» (№ 102) А въ №№ 93 и 95 помѣщено «Воспоминанiе о Волыни. Дубно», принадлежащее перу польскаго писателя Крашевскаго.

—

Въ № 1178 газеты «Югъ» помѣщена обстоятельная рецензiя г. Ков.-Кол. на повѣсть г. Гринченка «Середъ темнои ночи»; въ № 1199 той же газеты помѣщена замѣтка по поводу повѣсти г. Гринченка «Пидъ тыхымы вербамы», принадлежащая также г. Ков.-Кол.

—

Въ № 1189 той же газеты помѣщена статья г. Ков.-Кол. «Малорусскiй театръ и его жрецы», составляющая пересказъ статьи г. Хоткевича изъ «Л.-Н. Вiстника».

—

Въ 107 № «Кiевской Газеты» черниговскiй корреспондентъ напоминаетъ о забытомъ постановленiи черниговской гор. думы. Во время Пушкинскаго юбилея въ 1899 г. былъ возбужденъ вопросъ о наименованiи одной изъ черниговскихъ улицъ «Пушкинскою», именно Шоссейной. Но такъ какъ это названiе собственно носятъ двѣ улицы—одна по кiевскому, другая по гомельскому шоссе, то дума постановила ходатайствовать о переименованiи одной части Шоссейной улицы въ «Пушкинскую», а другой—въ «Шевченковскую». Съ тѣхъ поръ минуло три года, а черниговцы все еще не знаютъ, какая судьба постигла ихъ думское постановленiе.

—

Въ № 109 той же газеты г. Степановичемъ помѣщена обстоятельная рецензія на первыя четыре книжки нашего журнала; авторъ останавливается преимущественно на беллетристическихъ произведеніяхъ.

—

Въ № 7367 «Южнаго Края» помѣщено продолженіе «Этнографическихъ экскурсій» проф. Сумцова; въ настоящей части авторъ даетъ очеркъ сельской народной медицины и знахарства.

—

Въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» находимъ «этнографическія справки»: «Чистый четвергъ» (№ 56) и «Велыкдень» (№ 60).

—

Издающаяся въ Львовѣ большая ежедневная газета «Діло», до сихъ поръ употреблявшая этимологическое правописаніе, съ 1 апрѣля стала печататься исключительно фонетикой.

—

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1 мая 1894 г. положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1,000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Слѣдующее очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1904 года; въ виду этого, сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ комитетъ не позже 19 февраля 1903 г. («Биржевыя Вѣдомости», № 109).

—

Львовское просвѣтительное общество «Просвіта» объявляетъ конкурсъ на популярную «Історію України», предназначенную для читателей изъ народа (Діло, № 101).

—

Такое же общество «Руська Бесіда», въ Черновцахъ, объявляетъ конкурсъ на популярныя брошюры для народа изъ области

науки, земледѣлія, торговли, промышленности и историческіе или бытовые разсказы («Буковина», № 57).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акиндіевъ И. Я.—Природа Екатеринослава и юга Россіи. Стр. 99. Екатеринославъ, 1902 ц. 75 к.

Амічіе—Найдена сотка, оповіданне. Зъ италійського переклав Бодревичъ. Стор. 76. Коломыя, 1902.

Археологическая лѣтопись Южной Россіи. Сост. подъ ред. Н. Ф. Бѣляшевскаго, т. Ш. Кіевъ, 1901. Ц. 2 руб.

Байда Петро (Ніщинський).—Гомерова Іліяда. Рапсодія А. («Літ.-Наук. Бібліотека», ч. 26). Стор. 64. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Білецкий В.—Рецензия підручника: Закшевський—«Всесвітня історія для висших кляс середніх шкіл». Львів, 1902.

Бобровъ проф.—Исторія изученія Святославова сборника. Стр. 49. Казань, 1902. Ц. 25 коп.

Вахнянин Н.—Причинки до історні руськоі справи в Галичині в літах 1848—1870. Стор. 98. У Львови, 1902. Ціна 70 сот,

Викъ (1798—1898). Томъ першый: украиньска поэзія видъ Котляревського до останнихъ часивъ. Выдання друге, зъ одминамы й додаткамы. Сторинъ 494. Томъ другый: украинська проза видъ Квиткы до 80 рокивъ XIX в. Сторинъ 584. Томъ третій: украинська проза зъ 80 рокивъ XIX в. до останнихъ часивъ. Сторинъ 564. У Кыиви, 1902. Цина кожного тома 2 руб., на велен. пап. 3 р., на слоновому—4 руб.

Гринченко Б.—Драмы й комедіи. Стор. 399. Черныгивъ, 1902 Цина 1 р. 50 к.

Гринченко Б.—Пидъ тыхымы вербамы. Повисть. Стор. 231. Кыивъ, 1902. Цина 75 коп.

Дмитерко Д.—Як можна вилічитыся із сухіт. Стор. 31. Тернопіль, 1902.

Драгоманов М.—Два учителі (Літ. Наук. Бібліотека, ч. 27). Стор. 80. У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Етнографічний Збірник, т. XII. Галицько-руські народні легенди. Зібрав В. Гнатюк. Стор. XII+216. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Закшевській В.—Всесвітня історня для висших кліс середних шкіл. т II. Стор. X+256. У Львові, 1901. Ціна 2 . 40 кор.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. р. 1902, кн. 1. т. XLV. У Львові, 1902. Стор. 22+12+55+16+46+14. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Чи маемо автентичні грамоти кн. Льва,—критично-історична розвідка М. Грушевского. 2) Меморіал в обороні прав православних і діссидентів з часів чотиролітнього сойму, подав М. Голущинський, 3) Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів, подав Ів. Верхратський, 4) Miscellanea: а) До біографіі Залізняка і Чорнія, под. Ол. Маркевич, б) До участи Русинив у наполеонських війнах, под. Кобилецький, в) Ізидор Шароневич, і г) М. Сухомлинов, некрологи; Ів. Жданов, некрол. замітка Грушевського. 5) Наукова хроника. 6) Бібліографія (рецензіі й справоздання).—Покажчик до XXXIX—XLIV томів записок.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1902, кн. II, т. XLVI. У Львові 1902. Стор. 12+44+68+6+24+44. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Магдаленське мастерство на Україні, написав Хв. Вовк. 2) Святий Климент у Корсуні, напис. Ів. Франко. 3) Угроруські духовні вірші, подав В. Гнатюк. 4) Miscellanea: а) Монах ворожбитом, под. М. Грушевський, б) Руська пісня польського агитатора з 1848 р., под. Королевський, в) Як складаються легенды, под. Олексій Маркевич. 5) Наукова хроніка, 6) Бібліографія,

Застирець.—Зъ нашои бувальщыны. Стор. 70. Коломыя, 1902.

Застирець.—Відповідь Д-ру Щуратові на критику «Підручника історіи руськой літератури». Стор. 8. Бережани, 1902.

Каммерер.—Вôнъ здурѣвъ. Смѣховинка въ 3-хъ вôдслонахъ. Коломыя, 1902.

Колесса Ф.—Наша дума. Українсько-руські народні пісні. Стор. 10+52+32. У Львові, 1902. Ціна 2 . 50 кор.

Кониський Ол.—Молодий вік Максима Одинця. Хроніка з давно минулого («Беллетристична бібліотека». ч. 41) Накладом укр.-руськ. Видавничоі Спілки. Стор. 198. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Кониський Ол.—Тревоги автора і видавника. З натури. Стор. 36. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Корсунськый-Турчаниновъ М.—Зимовый вечиръ. Оповидання по Э. Ожешковій. Стор. 36. Москва, 1902. Ц. 15 к.

Лаврівський В.—Як можна законно увільнитися від служби військовоі? Стор 48. У Львові, 1902. Ц. 70 сот.

Левицкій Ор.—Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст. Кіевъ, 1902. Ц. 2 руб.

Лозинський М.—Тарас Шевченко, його житя і значіня. Стор. 66. У Львові, 1902, Ціна 40 сот.

Лапатинський Л.—Хмари-чари, жарти й нежарти. Стор. 100. У Львові, 1902 Ціна 1 кор.

Максимейко.—Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи, Харьковъ, 1902. Ц. 2 руб.

Мочульскій В. Н.—Малороссійскія и петербургскія повѣсти Гоголя (къ исторіи художественнаго творчества). Стр. 20. Одесса, 1902.

Начеркъ статутôвъ товариства рускихъ церковныхъ громадъ въ Сполученныхъ-Державахъ и Канадѣ. Olyphant Pa, 1901.

Полтавская Коммиссія народныхъ чтеній. Отчетъ за 1801 годъ (годъ восьмой). Полтава, 1902 г. 56 стр.

Русановъ Г. А.—Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Гоголя и его статей автобіографическаго характера. Москва 1902 г. Цѣна 25 коп.

Справозданье посла Николая рыцаря Василька о его дѣятельности въ державнôй думѣ и въ краевôмъ соймѣ въ рокахъ 1898 до кôнця 1900. Стор. X+302. Чернôвцѣ, 1902.

Стеллецкій Н.—Религіозно-нравственное міросозерцаніе Гоголя. Кіевъ, 1902. Цѣна 50 коп.

Тарасенковъ А.—Послѣдніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2. Москва, 1902. Ц. 30 к.

Томашівський С.—Київська козаччина 1855 р. (Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 29). Єтор. 20. У Львові, 1902. Ціна 10 сот.

Університет через підписку. Стор. 22. Чернівці, 1902. Ціна 50 сот.

Федкович Осип Юрій.—Писання т. I. Поезиї з перводруків і автографів зібрав, упорядкувавъ і пояснення додав Ів. Франко. Перше повне й критичне видане («Українсько-руська бібліотека», т. I). Стор. XXII+806. У Львові, 1902. Ціна 6 кор.

Фінкель і Гломбинський.—Історія і статистика австрийско-угорської монархії. Переложив В. Білецький. Стор. 86. У Львові, 1901. Ціна 2 кор.

Франко Ів.—Вибір деклямаций для руських селян і міщан. Стор. 64, У Львові, 1902. Ціна 50 сот.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1901, eptember—December. Heft. IV, № 8. У Львові, 1902. Стор. 28. Ціна 30 сот.

Хоткевичъ Гнатъ (Галайда).—Поезія въ прози (збирныкъ). Стор. 102. Харьковъ, 1902. Цина 75 коп.

Шухевич В.—Гуцульщина. ч. III. (Материяли до українсько-руськоі етнольогіи, т. V). Стор. 255. У Львові, 1902. Ціна 6 кор.

Юбилейный сборникъ сочиненій Н. В. Гоголя. Саратовъ, 1902. Цѣна 40 коп.

Яворскій Ю. А.—Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. Стр. 15. Львовъ, 1902.

Языковъ Д.—Н. В. Гоголь. Біографич. очеркъ. Москва, 1902. Цѣна 20 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апрѣля, 1-го іюля 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной; въ СПБ., въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Перми, въ Земскомъ центральномъ кн. складѣ. При к-рѣ редакціи журнала «Русская Мысль» находится складъ изданій.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

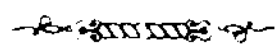
9-го іюля скончался въ Кіевѣ одинъ изъ нашихъ ближайшихъ сотрудниковъ

Алексѣй Александровичъ

Андріевскій,

много поработавшій для изученія прошлаго нашего края.

Въ виду того, что настоящая книжка ко времени смерти покойнаго была уже набрана, мы помѣстимъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. А. Андріевскаго въ слѣдующей книжкѣ журнала.



Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси.

Въ исторіи до-петровской школы особенно выдвигаются два момента, когда столкнулись между собой греческое и латинское или латино-польское педагогическія вліянія (такъ какъ о нихъ, главнымъ образомъ, идетъ здѣсь рѣчь),—въ концѣ XVI—началѣ XVII в. въ западной Россіи и въ концѣ XVII ст.—въ московской. Въ этихъ двухъ столкновеніяхъ нельзя не замѣтить аналогичныхъ чертъ. Какъ въ западной, такъ и въ восточной Руси борьба школьныхъ вліяній была только одной изъ сторонъ борьбы двухъ культуръ—византійской и латинской, пытавшихся подчинить себѣ Русь. Какъ тамъ, такъ и здѣсь школьный вопросъ получилъ особое значеніе потому, что былъ вызванъ и связанъ съ религіозными мотивами. Религіозная именно пропаганда протестантовъ и католиковъ произвела въ западной Россіи въ 80-хъ годахъ XVI ст. такое умственное оживленіе, что догматическими вопросами заинтересовались даже женщины, которымъ, по выраженію Гер. Смотрицкаго, приличнѣе заниматься пряжей и веретеномъ, чѣмъ—что написано перомъ. Ровно черезъ сто лѣтъ на Москвѣ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ вызвалъ въ обществѣ такой живой интересъ, что имъ, по словамъ патр. Іоакима (Остенъ, Казань—1865 г., 115. 116), занялись не только мужи, но и жены съ дѣтьми; онъ породилъ даже особую хлѣбопоклонную ересь, вслѣдствіе того, между прочимъ, что за одной изъ споривших сторонъ виднѣлись поселившіеся въ Москвѣ іезуиты, да и

протестанты, казалось, были не совсѣмъ безучастны къ нему. Съ 80-хъ годовъ XVI ст. въ западной Руси устраивается рядъ школъ съ греческимъ характеромъ, но не чуждымъ латинской наукѣ и польской образованности; то и другое направленіе, то мирно уживаясь, то борясь другъ съ другомъ и съ русской національной педагогіей, чрезъ полстолѣтіе совмѣщаются въ кіево-могилевской коллегіи такимъ образомъ, что преобладаніе получила латино-польская школьная система съ отведеніемъ для греческаго языка и науки незначительнаго сравнительно мѣста. И въ московской Руси, послѣ того, какъ протесты представителей стариннаго русскаго воспитанія и образованія показали его несостоятельность, споръ о преимуществахъ латинской и греческой образовательной системы сопровождался устройствомъ—въ 80-хъ годахъ XVII ст.—латинской школы Сильвестра Медвѣдева и типографскаго греческаго училища, слившихся въ славяно-греко-латинской академіи, которая превратилась въ 1701 г. въ «латинскія школы». На западѣ восточное вліяніе поддерживалось греками, западное же проводилось самими русскими; такое же равновѣсіе силъ было и въ Москвѣ: на одной изъ боровшихся сторонъ стояли тѣ же восточные греки, на другой—преимущественно малороссы и бѣлоруссы.

I.

Какъ на западной, такъ и на восточной аренѣ борьба возникла не вдругъ,—она подготовлялась въ теченіе длиннаго періода исторической жизни русскаго народа, въ развитіи которой сыграла значительную роль Византія. Въ частности, школьное греческое вліяніе можно слѣдить, хотя въ слабой степени и съ большими перерывами, со времени св. князя Владиміра, съ котораго ведетъ начало исторія нашего школьнаго просвѣщенія.

Эта исторія открывается слѣдующимъ извѣстіемъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 988 годомъ: «и нача (кн. Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое

чади дѣти (т. е. дѣтей изъ высшихъ классовъ общества) и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плахахуся». Какъ ни понимать это свидѣтельство—видѣть ли тутъ раздачу дѣтей частнымъ учителямъ, учрежденіе училищъ, и самыя училища признавать ли чисто духовными, или общеобразовательными,—несомнѣнно, что первыми нашими учителями были греки, такъ какъ это свидѣтельство стоитъ въ связи съ сообщеніемъ о переводѣ Владиміромъ поповъ изъ Корсуня. Самый походъ Владиміра подъ Корсунь, обставленный въ первоначальной лѣтописи не совсѣмъ естественно, очень правдоподобно можетъ быть объясненъ желаніемъ князя пересадить къ намъ греческое просвѣщеніе и греческую культуру.

Историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій не сомнѣвается, что попытка кн. Владиміра дѣйствительно водворила у насъ просвѣщеніе, хотя и ненадолго. Доказательства существованія его у насъ г. Голубинскій видитъ прежде всего въ свидѣтельствѣ лѣтописи (Лаврентьевской подъ 1037 г.): «Ярославъ же... любимъ бѣ книгамъ... книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское писмо и списаша книгы многы»,—которому авторъ придаетъ тотъ смыслъ, что «переводомъ съ греческаго Ярославъ занимался самъ». Но самъ ли Ярославъ переводилъ греческія книги, или чрезъ другихъ—близость его къ греческимъ источникамъ науки и просвѣщенія несомнѣнна. Еще яснѣе мысль проф. Голубинскаго подтверждаетъ сынъ Ярослава Всеволодъ, знавшій, по свидѣтельству сына его, Владиміра Мономаха, пять языковъ, которые онъ изучилъ «сидя дома». Историкъ, предполагая, что изъ этихъ пяти языковъ два—варяжскій и половецкій—изучены Всеволодомъ практически и для практическихъ цѣлей, замѣчаетъ, что не было ему нужды изучать остальные три иностранные языка (одинъ изъ нихъ—греческій) и что, слѣдовательно, князь изучилъ ихъ по чувству любознательности [1]). Затѣмъ, безъ допущенія существованія у насъ просвѣ-

---

[1]) Подъ этими пятью языками иные разумѣютъ греческій, латинскій, нѣмецкій, венгерскій и половецкій; другіе—греческій, скандинав-

щенія, хотя и кратковременнаго, не могли бы быть объяснены такіе факты, какъ слово о законѣ и благодати м. Иларіона и риторическія слова еп. Кирилла Туровскаго. Слово митроп. Иларіона, родомъ русскаго, «есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою изъ новыхъ рѣчей идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина... Съ совершеннымъ ораторскимъ умѣніемъ и искусствомъ сдѣлано общее расположеніе слова; о совершенномъ знаніи ораторства, какъ школьной науки, свидѣтельствуетъ отдѣлка всѣхъ частностей, гдѣ все отдѣлано отлично, гдѣ нѣтъ ничего лишняго и гдѣ съ совершеннымъ ученымъ умѣніемъ употреблены въ дѣло всѣ внѣшніе ораторскіе ресурсы». Точно также представляется несомнѣннымъ, что Кириллъ Туровскій «былъ человѣкъ, получившій настоящее образованіе, и что онъ есть писатель и ораторъ не самоучка, лишенный всякаго школьнаго подготовленія, какъ всѣ другіе наши писатели (за исключеніемъ Иларіона), но писатель и ораторъ въ собственномъ смыслѣ образованный и изучавшій науку ораторства, представляющій изъ себя то же, что современные ему образованные писатели и ораторы греческіе»... [1])

Программу школьнаго и домашняго образованія въ Греціи X—XII в. в. составляли: богословіе, философія, риторика, правовѣдѣніе, ариѳметика, геометрія, грамматика, и эти предметы всего болѣе разрабатывались греками того времени. Но, за исключеніемъ названныхъ примѣровъ, мы не знаемъ случаевъ, когда бы греческая наука сдѣлалась достояніемъ русскихъ въ цѣломъ ли своемъ объемѣ, или въ той или въ другой части. Это и понятно, если обратить вниманіе на упадокъ знаній и научнаго духа въ это время въ самой Греціи. Вотъ какъ характеризуетъ одинъ

скій, половецкій, венгерскій и русскій; иные—болгарскій, казарскій, ясскій, касожскій, обезскій; польскій, литовскій, корельскій, финскій (М. Сухомлиновъ, Объ языкознаніи въ древней Россіи. Ученыя Записки 2-го отдѣленія Императ. Акад. Наукъ, кн. I (1854), 200, 201).

[1]) Голубинскій, Исторія русской церкви. т. I, 1-я половина, изд. 2 (М., 1901), 701—709, 795—803.

ученый состояніе греческой науки этого періода: «облеченная въ сухія отвлеченныя формы, она существовала отдѣльно отъ жизни, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія,—вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія византійскихъ грековъ» [1]). Съ другой стороны, попытка Владиміра пересадить къ намъ греческую науку и потому не удалась, что для послѣдней у насъ не было готовой почвы, какъ это было на западѣ въ вѣкъ Карла великаго и затѣмъ въ періодъ возрожденія. «На западѣ просвѣщеніе и его духъ, строго говоря, не умирали, а только значительно падали; живая традиція просвѣщенія тамъ совершенно никогда не прерывалась, но какъ ни близко доходило до опасности совершенно прерваться и угаснуть, все таки продолжала сохраняться» [2]). Потому то тамъ въ концѣ среднихъ вѣковъ случилось, что философскія и классичесмія византійскія воздѣйствія, давъ толчокъ къ возбужденію самодѣятельности, послужили только матеріаломъ для усиленнаго научнаго движенія, которое раздвинулось гораздо шире этихъ воздѣйствій [3]). Мы же по отношенію къ грекамъ были народъ совершенно новый и чужой, у насъ не было ни малѣйшей тѣни подобныхъ вліяній византійской учености. При отсутствіи у насъ интереса къ греческой наукѣ и доброй воли усваивать ее, въ неудачѣ попытки Владиміра имѣли, наконецъ, значеніе форма обученія, заимствованная у грековъ, и недостатокъ правительственнаго контроля. «Послѣ похода корсунскаго Владиміръ,—объясняетъ Е. Е. Голубинскій,—привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ таковаго, а оставилъ каждаго изъ нихъ

---

[1]) Н. Лавровскій, О древне-русскихъ училищахъ (Харьковъ, 1854), 72—73.

[2]) Е. Голубинскій, о. с., 717.

[3]) А. Пыпинъ, Исторія русской литературы, I (Спб., 1898), 47, 48.

отдѣльнымъ и свободнымъ или, такъ сказать, вольно-практикующимъ профессоромъ и роздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говоритъ и лѣтопись, набранныхъ имъ дѣтей боярскихъ. Эта то форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло чрезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето» (ibid., 711).

Впрочемъ, недостатка въ частныхъ учителяхъ въ первые 2—2½ вѣка христіанства на Руси не было. Въ свитѣ митрополитовъ и епископовъ—грековъ всегда могли найтись люди образованные, имѣвшіе желаніе преподавать охотникамъ изъ русскихъ греческую грамоту и тѣ или другіе предметы греческой школьной системы (даже въ отдѣльныхъ краяхъ Россіи, какъ Новгородъ и Псковъ, встрѣчаются греки, не чуждые образованія [1]). Такой частный наставникъ нашелся въ Туровѣ или Кіевѣ для св. Кирилла и обучилъ его греческому языку [2]) и риторическому искусству. Такимъ же, вѣроятно, учителемъ былъ въ половинѣ XII в. въ Смоленскѣ нѣкто Григорій, у котораго «изучилъ всю словесъ грамоту» греческую смоленскій пресвитеръ Ѳома [3]). Но «ни по чему нельзя предполагать, говоритъ А. Н. Пыпинъ, чтобы это ученье было пріобрѣтаемо въ какой-либо правильной школѣ; это было единоличное ученіе у отдѣльныхъ учителей и потому было случайно. Что были люди, изучавшіе подобнымъ образомъ греческій языкъ и церковно-греческую литературу,

---

[1]) Изъ нихъ два выступаютъ, какъ кандидаты въ новгородскіе архіепископы, одинъ—какъ георгіевскій игуменъ; четвертаго псковичи посылаютъ посломъ къ новгородскому князю (1 новгород. лѣтопись подъ 1192, 1226, 1228 и 1229 годами).

[2]) Нѣкоторые отрицаютъ знакомство Кирилла съ греческимъ языкомъ, напр. Н. К. Никольскій (Журналы Совѣта Спб. дух. академіи за 1901 уч. годъ, 214.—Хр. чт. 1901, окт.).

[3]) Посланіе м. Климента Смолятича къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ (въ сочиненіи Н. Никольскаго: «о литературныхъ трудахъ м. Климента Смолятича», Спб., 1892).

можно видѣть изъ состава древнѣ-русской литературы, въ которой обширное мѣсто занимаютъ именно разнообразные переводы съ греческаго» (ibid., 79).

Такимъ образомъ въ древней, до-монгольской Руси въ области педагогической проявлялось вліяніе греческое, благодаря тѣмъ церковнымъ, политическимъ и литературнымъ отношеніямъ, которыя связывали насъ съ Византіей, но при отсутствіи правильно поставленныхъ школъ оно не укрѣпилось и имѣло приложеніе только въ немногихъ, сравнительно, случаяхъ частнаго, домашняго обученія. Никакимъ другимъ школьнымъ вліяніямъ мѣста тогда не было.

Предметомъ такого же случайнаго, а не систематическаго воздѣйствія греческой образованности служила Русь и въ монгольской періодъ. И послѣ приходится только удостовѣрять отдѣльные случаи знакомства русскихъ съ греческимъ языкомъ. Къ XIV в. относится чудовская рукопись Новаго Завѣта—новой славянской редакціи, совершенной, по преданію XVII в., свят. Алексіемъ-митрополитомъ [1]). Русскому же принадлежитъ исправленный по греческому оригиналу текстъ Евангелія, дошедшій до насъ въ константинопольскимъ спискѣ 1383 г.

Новое доказательство знакомства русскихъ въ XIII—XIV в.в. съ греческимъ языкомъ заключается въ житіяхъ царевича ордынскаго Петра и св. Стефана пермскаго. Первое разсказываетъ, что царевичъ Петръ, придя съ еп. ростовскимъ Кирилломъ († 1262) въ Ростовъ, слышалъ здѣсь, въ церкви пресв. Богородицы, «пѣнія доброгласная, якоже (аки) ангельская: (бѣ бо) тогда (въ церкви пресв. Богородицы) лѣвый крылосъ грѣческы(і)й пояху, а пра-

———————

[1]) Редакція перевода сдѣлана по греческой рукописи, съ буквальной къ ней близостью. Показаніе объ авторѣ перевода, оспариваемое акад. Соболевскимъ (Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в.в.), подтверждается спеціальной статьей проф. Муретова (богосл. вѣстн.. 1898, I). Ср. Голубинскаго, т. II, пол. I, стр. 218—221.

вый рускый(скій)»[1]). И Буслаевъ (Историческіе очерки русской словесности и искусства), и Ключевскій (Древне-русскія житія святыхъ) объяснили происхожденіе легенды о царевичѣ Петрѣ, но ни тотъ, ни другой не усомнились въ вѣроятности сообщенія о греческомъ пѣніи. Но Голубинскій старое пониманіе этого извѣстія въ томъ смыслѣ, что пѣніе на лѣвомъ клиросѣ было греческимъ по тексту, признаетъ «до крайней степени смѣшнымъ». «Неужели думаютъ, спрашиваетъ онъ, что въ пономари ростовскаго собора были ставимы люди, знающіе греческій языкъ, и что въ рукахъ у нихъ былъ кругъ греческихъ богослужебныхъ книгъ?» Самъ онъ предлагаетъ «понимать свидѣтельство житія иначе, нежели какъ оно обыкновенно понимается, именно—разумѣть его не объ языкѣ, а о напѣвѣ». Но, кажется, еще не доказано, чтобы въ XIII вѣкѣ существовало особое русское пѣніе, которое противополагалось бы греческому. Тогда употреблялось два распѣва—греческій, такъ называемое кондакарное пѣніе, вышедшее изъ употребленія въ XV в., и знаменный или греко-славянскій (греко-болгарскій); послѣдній только къ XVII вѣку обособился въ національный распѣвъ, въ «русское пѣніе», а его нотные знаки стали называться «россійскимъ крюковымъ знаменемъ»[2]). Слѣдовательно, въ житіи царевича Петра рѣчь идетъ не о напѣвѣ греческомъ (по гречески пѣли и на правомъ клиросѣ), а о текстѣ. Г. Голубинскій допускаетъ, что «самъ еп. Кириллъ или кто-нибудь изъ его предшественниковъ завелъ, чтобы въ ростовскомъ соборѣ въ дни архіерейскихъ служеній или вообще въ

[1]) Правосл. собесѣдникъ, 1859, I, 362; ср. выдержки изъ житія у м. Макарія, IV, 339, 340 и текстъ по рукописи сборника ростовскаго собора въ книжкѣ «Ярославская іерархія въ описаніи протоіер. Троицкаго», съ предисловіемъ А. Титова, вып. I (Ярославль, 1901), стр. 29. Интересно, однако, что цитуемаго мѣста нѣтъ въ напечатанной тутъ же редакціи житія по рукописи толгскаго монастыря. Жаль, что издатель не обозначилъ времени написанія житій и не описалъ сборниковъ, откуда они извлечены.—Житіе извѣстной доселѣ редакціи появилось въ XIV вѣкѣ.

[2]) Дим. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи (1867, Москва), 111, 153, 155.

дни праздничные, для большей торжественности, пѣты были на лѣвомъ клиросѣ: «Господи, помилуй» и «Подай, Господи», или же только одно первое, не по-славянски, а по-гречески: вотъ то единственное, что можетъ быть предполагаемо (не выходя изъ границъ здраваго разума) о знаменномъ пѣніи въ ростовскомъ соборѣ (т. II, первая половина тома (1900, М.), 268, прим.). Но въ виду сказаннаго о напѣвахъ не только можно, но и нужно допустить большее, чѣмъ допускаетъ проф. Голубинскій, иначе авторъ житія не противополагалъ бы греческаго пѣнія русскому. Одно «Господи, помилуй» по-гречески умѣли пѣть не только дьяки, но и народъ, какъ это видно изъ разсказа ипатской лѣтописи о звенигородцахъ, взывавшихъ «Куріи елисонъ» при освобожденіи отъ враговъ въ 1146 г., и о войскахъ кіевскаго князя Изяслава, восклицавшихъ «Кирелѣисонъ», когда князь былъ найденъ на полѣ битвы живымъ (1151 г. П. С. Р. Л., II, 22, 64).

Изъ житія св. Стефана Пермскаго узнаемъ, что онъ въ половинѣ XIV в. въ Ростовѣ, въ монастырѣ Григорія Богослова, научился греческой грамотѣ, говорить по-гречески, читать греческія книги и переводить ихъ [1]).

Что въ Ростовѣ XIII—XIV вѣковъ могло существовать греческое пѣніе и ученіе, это подверждается и отношеніями Ростова къ Царьграду. Въ мѣстныхъ сказаніяхъ о святыхъ ростовскихъ просвѣтителяхъ-епископахъ Леонтіи, Исаіи и преп. Авраамiи изслѣдователи нашли желаніе связать церковную святыню Ростова не только съ Кіевомъ, но съ самимъ Царьградомъ. «По легендѣ, Ростовъ просвѣщается христіанствомъ непосредственно изъ Царьграда: самъ патріархъ «много печаль имѣетъ» о далекомъ упрямомъ Ростовѣ и долго ищетъ для него «твердаго пастуха»,—таковой нашелся въ Леонтіи, который ѣдетъ изъ Царьграда прямо въ Ростовъ, не вступая въ сношенія съ Кіевомъ и его митрополитомъ. Подобная черта—указаніе на прямую связь Ростова съ Царьградомъ—замѣтна и въ житіи Авраамія, и это сопоставляютъ

---

[1]) Памятники старинной русской литературы, IV. О времени написанія житія св. Стефана—у Ключевскаго, 92.

съ исторически извѣстной тенденціей Ростова къ независимости отъ кіевской митрополіи». Өеодоръ, ростовскій епископъ, съ помощью котораго Андрей Боголюбскій хлопоталъ объ отдѣленіи ростовской каөедры отъ Кіева, очень гордился тѣмъ, что получилъ хиротонію въ Константинополѣ; онъ не принялъ благословенія отъ кіевскаго митрополита и, по словамъ лѣтописи, говорилъ: «не митрополитъ меня поставилъ, но патріархъ въ Царьградѣ; такъ отъ кого еще другого искать мнѣ наставленія и благословенія?» [1]). Быть можетъ, эти именно отношенія Ростова къ Константинополю и притязанія на непосредственную зависимость отъ него помогутъ объяснить преимущественное сохраненіе въ Ростовѣ греческихъ учителей и книгъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Не даромъ одна изъ редакцій житія св. Леонтія заявляетъ, что онъ «россійскій и *греческій* языкъ добрѣ разумѣяше, книгамъ же россійскимъ и греческимъ вельми хитрословесенъ и сказатель отъ юности бывъ» [2]).

Если исключить Ростовъ, то оскудѣніе греческаго ученія на Руси падаетъ преимущественно на XIV и XV в. Кромѣ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ Россіи и ослабленія церковныхъ связей между ею и Византіей, это обусловливалось и тѣмъ, что оно оскудѣло и въ самой Греціи. Уже нѣсколько вѣковъ греки жили только процентами съ научнаго наслѣдія предковъ. Долго же продолжавшійся упадокъ умственной и литературной производительности грековъ, въ связи съ политическими невзгодами, кончившимися паденіемъ Константинополя, подорвали и умственные интересы грековъ и возможность ихъ удовлетворенія, такъ какъ и ученые люди, и манускрипты мало по-малу переходили изъ Византіи на западъ. Оттуда—писалъ въ XV в. Эней Сильвій—намъ переданы многія рукописи древнихъ мудрецовъ,—надѣемся, что и въ будущемъ многія перейдутъ къ намъ». Такъ и случилось, и на умственномъ именно банкротствѣ грековъ рас-

---

[1]) Ключевскій, о. с., 18—21. Пыпинъ, I, 327, 328. Выясненіе этой исторіи—у Голубинскаго, I, изд, II, 439—443.

[2]) М. Макарій, т. II, (2 изд.), 331.

цвѣло пышнымъ цвѣтомъ западное возрожденіе наукъ и искусствъ,— «музы оставили Грецію и переселились въ Германію», какъ писалъ въ 1576 г. Ѳеодосій Зигомала. Но этотъ расцвѣтъ въ XVI в. произвелъ умственное оживленіе въ самой Греціи, которая стала наполняться учениками западно-европейскихъ, преимущественно итальянскихъ (Венеція, Падуя, Римъ) школъ. «Чистый классическій языкъ,—писалъ въ 1575 г. Давидъ Хитрей, ростокскій профессоръ богословія, своему тюбингенскому коллегѣ Мартину Крузію,—нѣкоторые греки изучаютъ въ Италіи и, воротившись домой, сами учатъ ему. Другіе принимаютъ его отъ родителей, какъ бы чрезъ нѣкоторую передачу руками, иные, напоенные грамматическими правилами Кон. Ласкариса, постояннымъ чтеніемъ научаются понимать весьма многое у отцовъ, каковы митрополиты и нѣкоторые монахи». Изъ письма же къ Крузію его константинопольскаго корреспондента Зигомалы узнаемъ, что послѣдній насчитывалъ въ Греціи въ свое время больше семидесяти «дидаскаловъ мудрыхъ». Въ Греціи искалъ учителей для основываемой въ Римѣ аѳанасіевской коллегіи папа Григорій XIII (что, прочемъ, объясняется отчасти его стремленіемъ снискать у грековъ довѣріе къ этой уніатской семинаріи). Въ константинопольской патріаршей школѣ XVI вѣка, какъ и въ другихъ греческихъ училищахъ, главными предметами занятій были: грамматика, риторика съ піитикой, діалектика и философія Аристотеля (а также его астрономія и нѣкоторыя свѣдѣнія по физикѣ), иѳика. Читались и объяснялись древніе поэты и риторы: Гезіодъ, Гермогенъ, Аммоній. Изучалось и богословіе и св. отцы [1]).

Чрезъ Грецію возрожденіе наукъ отразилось и въ Россіи, на которую съ другой стороны—съ запада—стало дѣйствовать и непосредственно. Такимъ образомъ, только съ этого времени от-

---

[1]) Факты, характеризующіе постановку школьнаго дѣла въ Греціи, а также въ западной Россіи до Петра Могилы, собраны въ нашей книгѣ: «Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка» (Казань, 1898 г.). Туда отсылаемъ читателя и за цитатами.

крывается дверь двумъ вліяніямъ на нашу школу—греческому и латинскому. Бѣдна была тогда Русь своими собственными, русскими школами и не широка была ихъ программа: славянское чтеніе, пѣніе, письмо—составляли всю образовательную силу ея, начетчество же было высшимъ выраженіемъ тогдашней учености. И вотъ на этой то основѣ, съ пробужденіемъ умственныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ, и произошло столкновеніе двухъ просвѣтительныхъ теченій—византійскаго и западно-европейскаго.

II.

Столкновеніе это произошло раньше въ западной Россіи, которая стояла ближе и къ Греціи, и къ Европѣ географически и въ другихъ отношеніяхъ. Политическая связь съ Польшей давала западноруссамъ возможность знакомиться съ европейскимъ просвѣщеніемъ. И уже въ XV в. мы встрѣчаемъ среди баккалавровъ и студентовъ краковскаго университета (въ то время одного изъ лучшихъ въ Европѣ) немало русскихъ уроженцевъ не только ближайшихъ къ Кракову городовъ—Перемышля, Люблина, Бреста, но и болѣе отдаленныхъ—Пинска, Вильны и вообще Литвы. Извѣстнѣе всѣхъ ихъ былъ Францискъ Скорина изъ Полоцка, докторъ свободныхъ наукъ и медицины, получившій первую степень въ Краковѣ, а вторую въ Падуѣ въ 1512 г. Затѣмъ въ половинѣ XVI ст. научные и педагогическія успѣхи протестантовъ въ Германіи и въ самомъ польско-литовскомъ государствѣ двинули въ преобразованныя и новооткрытыя протестантскія школы цѣлые кадры русскихъ юношей и еще ближе познакомили ихъ съ западно-европейской наукой. [1]) Наконецъ, въ 1565 г. въ поль-

---

[1]) Изъ нѣмецкихъ протестантскихъ школъ особенно извѣстны были въ зап. Россіи университеты Виттенберга, Лейпцига, Женевы, Кролевца (Кенигсберга), гимназіи страсбургская, гольберская, торнская, данцигская, эльбинская. Изъ польско-литовскихъ наиболѣе посѣщались виленскія гимназіи (лютеранская и кальвинская), дубецкая, любартовская, хмѣльницкая, раковская.

ско-литовскомъ государствѣ открываются одна за другой іезуитскія коллегіи, [1]) послужившія для русскихъ новымъ источникомъ знакомства съ европейской наукой. И въ протестантскихъ, и въ католическихъ школахъ наука эта была одинакова: латинская и греческая грамматика, риторика и піитика, сопровождавшіяся чтеніемъ, разборомъ, заучиваніемъ классическихъ авторовъ, направленнымъ къ умѣнію говорить и писать по-латыни и по-гречески, не только прозой, но и стихами; діалектика, а въ нѣкоторыхъ училищахъ и другія части философіи; немного математики, еще меньше естествовѣдѣнія и, само собой разумѣется, вѣроученіе съ правоученіемъ.

Послѣднее, въ связи со всѣмъ школьнымъ строемъ, дѣлало иновѣрное образованіе настолько опаснымъ для православныхъ западноруссовъ, что они очень скоро пришли къ сознанію необходимости устроить собственныя училища съ программой, нѣсколько соотвѣтствующей иновѣрнымъ, но съ другимъ духомъ, съ другими источниками свѣдѣній, съ другими учителями и руководствами. Сознаніе это въ 70—80-хъ годахъ выразилось прежде всего въ усиленіи образовательныхъ сношеній съ Греціей. Сношенія западнорусской церкви съ греческой въ XV—XVI в. были вообще оживленнѣе и правильнѣе, чѣмъ восточнорусской, и знаніе греческаго языка держалось прочнѣе, чѣмъ въ московской Руси. Кн. Курбскому на Волыни не такъ трудно было найти знатоковъ греческаго языка. Не безъ вліянія тутъ было, конечно, пребываніе множества грековъ въ Острогѣ и Львовѣ, гдѣ они заселяли цѣлыя улицы. Курбскій расширилъ путь греческому вліянію, завязавши ученыя сношенія съ Аѳономъ и, очевидно, съ Константинополемъ. По этому же пути пошелъ кн. К. К. Острожскій, искавшій въ греческихъ монастыряхъ и у константинопольскаго патріарха исправныхъ редакцій библій и людей, знающихъ греческій (и славянскій) языкъ. На востокѣ же онъ искалъ и учителей для открытой въ Острогѣ предъ 1580 г. школы. Таковъ,

---

[1]) Въ Браунсбергѣ и Пултускѣ, потомъ въ Вильнѣ, Ярославлѣ, Замостьѣ, Полоцкѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Люблинѣ, Несвижѣ.

напр., былъ Никифоръ, впослѣдствіи предсѣдатель брестскаго православнаго собора 1596 г. [1]). Питомецъ падуанскаго университета, онъ предъ 1575 г. около 10-ти лѣтъ состоялъ тамъ профессоромъ и даже «ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ», при чемъ у него учились нѣкоторые польскіе паны («съ Польшы паията слухали наукъ его»). Затѣмъ онъ былъ семь лѣтъ (до 1582 г.) проповѣдникомъ въ церкви св. Марка въ Венеціи и потомъ, по пріѣздѣ въ Константинополь, получилъ званіе протосингела и экзарха п. Іереміи и въ этомъ званіи направился въ 1583 г. въ Зап. Россію для улаженія безпорядковъ и утишенія волненій, возбужденныхъ иновѣрцами. Впослѣдствіи, въ 1597 г., Никифоръ заявилъ, что незадолго до того (лѣтъ за 10—15) онъ былъ приглашенъ кн. Острожскимъ въ основанную имъ въ Острогѣ школу и изъявилъ согласіе быть здѣсь дидаскаломъ. Не вѣрить этому нѣтъ основаній: князь могъ знать объ ученой и учебной правоспособности Никифора отъ его бывшихъ слушателей въ Падуѣ. [2]) Но въ этотъ разъ Никифору не удалось попасть въ Зап. Россію и его путешествіе закончилось Яссами. Интересно, что съ нимъ направлялся въ Россію въ качествѣ переводчика западноруссъ Өеодоръ спудей (σπουδαῖος—студентъ, учащійся), обучавшійся въ Константинополѣ греческому языку, богословію и «внѣшнимъ» (свѣтскимъ) наукамъ, съ цѣлью педагогической подготовки. П. Іеремія II предполагалъ послать на Русь съ этимъ Өеодоромъ, послѣ того какъ онъ усовершенствуется въ наукахъ, «и ина мужа упремудрена», чтобы юноши русскіе «причастились богословскимъ ученіямъ и могли противостать козням еретическимъ». И это участіе восточныхъ святителей, и прямая цѣль устройства острожскаго училища—одинаковая съ учрежденіемъ типографіи, именно борьба съ «лютыми волками» невѣрія (что подтверждается

---

[1]) О немъ всего больше можно читать у П. Н. Жуковича въ «Сеймовой борьбѣ православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей» (Спб., 1901. Страницы см. по указателю).

[2]) Можетъ быть, въ числѣ ихъ былъ двоюродный братъ Курбскаго кн. Михаилъ Оболенскій, учившійся два года въ Италіи.

и свидѣтельствомъ Поссевина), заставляютъ думать, что въ Острогѣ дѣйствительно учили греки и что греческій языкъ и греческая наука стояли тутъ очень высоко или, по крайней мѣрѣ, на первомъ мѣстѣ. И когда въ 1588 г. владимірскій епископъ Ѳеодосій Лазовскій съ капитулой рѣшили, по внушенію кн. Острожскаго, завести при соборѣ греко-славянскую школу съ двумя «бакалярами»,—острожская школа, очевидно, могла уже дать для послѣдней греческаго учителя. Послѣ кратковременнаго оскудѣнія острожской школы учеными силами, она опять поднимается, когда въ 1594 г. руководство ею перешло въ руки Кирилла Лукариса, а чрезъ два года въ ней принялъ непосредственное участіе протосингелъ Никифоръ. Хотя они оба учились въ итальянскихъ школахъ и Лукарисъ, повидимому, знакомилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ острожскихъ учениковъ съ Ѳомой Аквинатомъ, тѣмъ не менѣе усиленіе въ это время греческаго вліянія несомнѣнно. Тотъ же Кириллъ занимался съ двумя учениками Исагогикой Порфирія, Органомъ Аристотеля, исторіей Кедрина. Въ 1598—9 г.г. Острожская школа названа въ двухъ сочиненіяхъ «кгрецкой». И въ самомъ началѣ XVII в., когда кн. Константинъ рѣшился преобразовать свое училище, не безъ внушенія со стороны п. Мелетія Пигаса, онъ опять обратился въ Грецію за учителями. Проектъ князя былъ такъ широкъ, что, по одному современному свидѣтельству, въ будущую академію стали стремиться юноши даже изъ римской аѳанасіевской коллегіи, «въ которой была сосредоточена вся греческая наука»... Совершенный же въ 1611 г. переводъ съ греческаго на славянскій языкъ полемической книги греческаго писателя, еп. Ѳеодора Авукара (IX в.)—«единымъ отъ спудеевъ училища острозскаго греко-славянскаго» — показываетъ, что Острожская школа до конца своихъ дней была выразительницей греческаго образовательнаго направленія.

Впрочемъ, острожское училище въ теченіе своего полувѣкового существованія отражало не разъ и западныя вліянія. Сношенія кн. Острожскаго съ папой, вызванныя желаніемъ получить и изъ «римскихъ предѣловъ» точные тексты библіи, закончились тѣмъ, что въ 1583 г. князь въ благодарственномъ

письмѣ Григорію XIII просилъ его прислать для острожской коллегіи ученыхъ и испытанныхъ людей—грековъ и греческой вѣры для перевода греческихъ книгъ на славянскій языкъ, или, если это окажется невозможнымъ, на латинскій. Хотя папа и не исполнилъ этой просьбы, не смотря на то, что «весьма охотно» обѣщалъ князю прислать для коллегіи ученыхъ грековъ (очевидно, питомцевъ аѳанасіевской коллегіи) и все, что покажется необходимымъ,—изъ письма Острожскаго видно, что у него все же были люди, знакомые съ латинскимъ языкомъ: вѣдь они, конечно, должны были переводить съ латинскаго на славянскій то, что ученые римскіе греки перевели бы съ греческаго на латинскій. Таковъ былъ Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, руководитель ученыхъ работъ по изданію библіи и, быть можетъ, первый ректоръ школы, знавшій славянскій и оба классическіе языка. Тогда же жили при дворѣ князя греки Москопулъ, учившійся въ Римѣ, и Палеологъ, внушившій Острожскому мысль о вызовѣ іезуитовъ въ его школу. Затѣмъ латинское—не вѣроисповѣдное, а ученое—вліяніе могли оказывать на острожскую школу тѣ греки и русскіе, которые учились въ учебныхъ заведеніяхъ Венеціи и Падуи и имѣли къ ней какое-либо отношеніе. Имѣемъ тутъ въ виду изъ грековъ Кирилла Лукариса и Никифора; изъ русскихъ іером. Кипріана. Можетъ быть, и краковскій профессоръ, докторъ медицины и философіи Іоаннъ Латосъ, одно время пользовавшійся пріютомъ въ Острогѣ, тоже привнесъ свою долю вліянія въ образовательную и воспитательную систему острожскаго училища.

Съ другой стороны, для насъ внѣ сомнѣнія, что послѣднее не стояло въ сторонѣ и отъ протестантской педагогіи. Извѣстно, съ какимъ одобреніемъ относился кн. Острожскій къ просвѣтительной дѣятельности протестантовъ, даже крайнихъ толковъ (социніанъ). О послѣднихъ онъ писалъ въ 1595 г. брестскому епископу Ипатію Потѣю: «Что касается съѣздовъ, то—чтобы были у насъ такіе же, какъ у тѣхъ, кого мы называемъ некрещенными людьми, аріанами, новокрещенцами, еретиками. Они, когда съѣдутся, дѣлаютъ постановленія и соблюдаютъ ихъ; очевидно, съѣзжаются они не для банкетовъ или пировъ, не для ин-

тригъ и козней, но для совершенія святыхъ и благочестивыхъ дѣлъ. Потому у нихъ повсюду школы, типографіи, госпитали, и безконечное множество проповѣдниковъ». Симпатіи кн. Острожскаго къ протестантамъ и высокое мнѣніе объ ихъ учености доходили до того, что онъ прибѣгалъ къ ихъ услугамъ въ литературной борьбѣ съ католиками. Такъ, по его порученію нѣкій Мотовилло, социніанинъ, написалъ сочиненіе противъ латинянъ, которое не было напечатано только вслѣдствіе протеста А. М. Курбскаго. Впослѣдствіи такое же порученіе князь далъ другому протестанту Хр. Бронскому, издавшему подъ пседонимомъ Хр. Филалета извѣстный Апокрисисъ. Поэтому вполнѣ допустимо увѣреніе латино-уніатскихъ писателей, что въ острожской школѣ преподавали протестанты, приглашенные княземъ изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій. — Вліяніе католическихъ и протестантскихъ педагоговъ могло имѣть тотъ результатъ, что въ острожскую школу было введено преподаваніе латинскаго языка съ нѣкоторыми другими предметами. За это говоритъ уже поэма Пенкальскаго 1600 г. (опускаемъ болѣе раннія и позднѣйшія свидѣтельства), въ которой острожская школа названа «треязычной гимназіей, треязычнымъ лицеемъ». Эти названія, какъ и «коллегія» и «школа свободныхъ наукъ», довольно рѣшительно указываютъ не только на то, что въ Острогѣ преподавался латинскій языкъ, но и на то, что здѣсь осуществлялась та программа, какая была принята тогда во всѣхъ польскихъ и европейскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это грамматика, риторика и діалектика, составлявшія trivium или основную часть системы семи свободныхъ наукъ; ариѳметика, геометрія, музыка (пѣніе) и астрономія (пасхалія), составлявшія quadrivium, вторую часть, менѣе обязательную. Впрочемъ, по недостатку историческихъ данныхъ нельзя опредѣлить, какія изъ этихъ наукъ преподавались въ острожской школѣ, въ какіе моменты ея существованія, по какимъ учебникамъ и въ какомъ отношеніи стояли онѣ къ первоначальной греко-славянской программѣ школы.

Подобно острожской братскія школы конца XVI и начала XVII в. представляли въ своихъ программахъ и своемъ

устройствѣ сочетаніе греческихъ и западно-европейскихъ педагогическихъ элементовъ съ преобладаніемъ то тѣхъ, то другихъ. Сначала, правда, царило греческое вліяніе. Вызванная необходимостью противодѣйствовать вреднымъ результатамъ учебной дѣятельности иновѣрцевъ, потребность образованія русскаго юношества въ духѣ греческаго православія встрѣтила сильное сочувствіе со стороны восточныхъ святителей. Въ январѣ 1586 г. антіохійскій патріархъ Іоакимъ поддержалъ намѣреніе львовьянъ основать общественную школу греческаго и славянскаго языковъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія не разъ утверждалъ порядки и уставы послѣдней и вообще очень участливо относился къ ней, особенно въ виду вражды мѣстнаго епископа къ львовскому братству и его просвѣтительнымъ начинаніямъ. Онъ же утвердилъ въ 1588 г. виленское братство со школой. Въ 1597 г. Мелетій Пигасъ въ трехъ посланіяхъ въ зап. Россію точно также выразилъ заботливость объ ея просвѣщеніи: онъ «повелѣвалъ о св. Духѣ учреждать академіи, т. е. училища, въ каждой епархіи и особенно во Львовѣ, не щадя никакихъ издержекъ». П. Кириллъ Лукарисъ, бывшій одно время ректоромъ острожской и виленской школъ, и по оставленіи предѣловъ западной Россіи не забывалъ объ ея училищахъ и нравственно поддерживалъ ихъ. Въ 1614 г. онъ содѣйствовалъ подъему упавшей было львовской школы; въ 1620 г. онъ послалъ въ Литву и на всю Бѣлую Русь іеромонаха Іосифа «для науки и утвержденія вѣры христіанскіе». Въ 1624 г. Лукарисъ утвердилъ уставъ луцкаго братства и его школы. Такую же заботливость о западно-русскомъ просвѣщеніи обнаруживали и другіе восточные святители, охотно утверждавшіе братскія школы и убѣждавшіе русскихъ учиться, между прочимъ, греческому языку. «Чада ваши и отрока, писалъ въ 1620 г. іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ западно-руссамъ, юность свою да упражняютъ въ училищехъ, языка греческаго и словенскаго учащеся». Въ частности, онъ благословилъ греческое училище.

Мысль о томъ, что именно патріархамъ Русь обязана школами, была и у современниковъ. Въ «Перестрогѣ» помѣщенъ такой отвѣтъ на заявленіе Потѣя, что «епископы русскіе ушли

отъ патріарховъ, потому что не могли имѣть отъ нихъ никакой утѣхи, науки и порядка»: «О, безстыдный языкъ!.. Не можете говорить добраго, будучи злыми... Развѣ не присылали къ вамъ патріархи учителей, во всѣ времена уча васъ?.. Школу греческую кто заложилъ, если не самъ патріархъ и греки? И не Арсеній ли, митрополитъ еласонскій и димонитскій, пріѣхавши отъ патріарха, два года обучалъ во Львовѣ греческой и славянской грамматикѣ? И когда онъ съ помощью учениковъ напечаталъ грамматику—размножилось число греческихъ и славянскихъ сочиненій, чего никогда въ русскомъ народѣ не было».

Арсеній еласонскій, случайно попавшій въ 1596 г. во Львовъ и послѣ получившій отъ п. Іереміи благословеніе остаться здѣсь для педагогическихъ трудовъ, былъ воспитанникъ трикской въ Өессаліи школы, основной п. Іереміей; тамъ онъ изучилъ грамматику, риторику и піитику подъ руководствомъ учителей повидимому, въ западной Европѣ не учившихся. Знакомство сверхъ того съ славянскимъ языкомъ дѣлало его въ глазахъ львовянъ самымъ подходящимъ кандидатомъ для учительства въ основной или греко-славянской школѣ, и онъ, дѣйствительно, въ два года такъ хорошо поставилъ дѣло, что приступилъ съ помощью учениковъ къ изданію составленной имъ по Константину Лакарису и другимъ грамматистамъ греческой грамматики на славянскомъ языкѣ. (Эта грамматика—'Αδελφότης—вышла въ свѣтъ только въ 1591 г.). По уставу школы, греческій языкъ былъ языкомъ преподаванія и отчасти разговорнымъ. Арсеній положилъ, такое прочное основаніе греческой постановкѣ львовской школы, что знаніе греческаго языка долго не оскудѣвало въ ней и послѣ него. Ученики не только переводятъ съ греческаго патріаршія грамоты и сочиненія (Мелетія Пигаса—«Ко іудеямъ отвѣтъ», 1593 г.), но и сами пишутъ по-гречески—прозой и стихами («Просфонима»—Привѣтъ м. Михаилу Рагозѣ, 1591 г.).

Не менѣе хорошо поставлено греческое ученіе и въ виленской школѣ («академіи») въ преподавательство Кирилла Транквилліона, умѣвшаго говорить по гречески (1592), и въ ректорство Кирилла Лукариса (1594—5): и тамъ студенты издали одну

книгу—Διάλογος Ὀρθόδοξος Мелетія Пигаса, снабдивъ его написаннымъ по-гречески посвященіемъ нѣкоему Іоанну. И не въ языкѣ только было дѣло. Программа львовской школы, начертанная въ 1587 г. п. Іереміей, очень напоминаетъ программу его собственной школы въ Константинополѣ: изученіе божественнаго и священнаго писанія еллинскаго и славянскаго, грамматика, риторика съ піитикой, діалектика и философія... Конечно, греческими же были руководства и изданія отцовъ и классиковъ, методы преподаванія учебныхъ предметовъ и нѣкоторыя подробности воспитательнаго плана,—все это шло къ намъ съ востока и складывалось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ его, конечно, на основѣ старинной русской педагогіи. Не даромъ патр. Мелетію показалось, что упавшее въ самой Греціи греческое просвѣщеніе загорается яркимъ свѣтомъ въ западной Россіи, на пользу всего православія. О львовской именно школѣ онъ выразился въ письмѣ къ царю Өеодору (1593): «Не маловажная возжена тамъ промысломъ Божіимъ искра, для возстановленія находящагося въ опасности по всему востоку благочестія, для подпоры православія, для оживленія греческаго обученія, въ здѣшнихъ (греческихъ) странахъ совершенно истребленнаго».

При такихъ то условіяхъ создались въ XVI в. наши «греческія» школы съ «дидаскалами», «педагогами»: кромѣ указанныхъ (острожской, владимирской, львовской, виленской), рогатинская, перемышльская, брестская, минская, могилевская, а въ началѣ XVII в.—стратинская, кіевская, луцкая, пинская, кутеинская.

Но чисто греческій, безпримѣсный типъ наши школы сохраняли очень недолго: съ самаго же начала нѣкоторыя изъ нихъ отразили на себѣ другое—польско-латинское вліяніе, прежде въ отношеніи къ внѣшнему устройству и порядкамъ училищной жизни, а послѣ и въ области дидактической, и вліяніе это, все сильнѣе и сильнѣе охватывая весь строй ихъ, отразилось и на учебной программѣ. Началось съ обученія латинскому языку. Языкъ этотъ, съ легкой руки гуманистовъ, а за ними первыхъ нѣмецкихъ педагоговъ, сдѣлался главнымъ учебнымъ предметомъ во всѣхъ протестантскихъ школахъ, иногда ставившихъ своею задачей воз-

становленіе той его чистоты и того его значенія, какія онъ имѣлъ въ золотой вѣкъ римской литературы. Іезуиты, случайно или намѣренно подражавшіе имъ, отвели латинскому языку не меньшее мѣсто, тѣмъ болѣе, что онъ былъ языкомъ церкви. Такимъ образомъ, предъ глазами учителей братскихъ школъ было два типа училищъ съ латинскимъ преподавательскимъ языкомъ. Научное же его значеніе, извѣстное западноруссамъ по знакомству съ краковскимъ и заграничными университетами, усердно защищалось въ полемическихъ трактатахъ іезуитовъ (Скарги). Кромѣ того, въ Польшѣ латинскій языкъ былъ языкомъ администраціи и суда. Вотъ потому то онъ очень скоро вошелъ въ программы острожскаго и братскихъ училищъ—въ иныхъ сразу [1]), въ другихъ нѣсколько позже открытія [2]). Но латинскій языкъ былъ важенъ не самъ по себѣ,—онъ былъ ключомъ, открывавшимъ западноруссамъ дверь къ богатой западно-европейской литературѣ и наукѣ. Введеніе его въ братскія школы, сначала какъ учебнаго предмета, а послѣ какъ языка преподаванія, повело къ измѣненію какъ программы ихъ, такъ и всего ихъ строя и состава библіотекъ. Вмѣсто довольно неопредѣленной программы греко-славянской школы съ преимущественно духовнымъ и церковнымъ направленіемъ, наши школы принимаютъ установившуюся въ латино-протестант-

---

[1]) Виленская съ 1584-6 г., быть можетъ перемышльская съ 1592 г., могилевская съ 1597 г., кутеинская съ 1670 г., кіевская лаврская съ 1631, пинская предъ 1631 годомъ.

[2]) Брестская, основанная въ 1590 г., съ 1592 г. Львовская, хотя уже въ 1592 г. получила королевскій привилей на званіе латинской школы свободныхъ наукъ, продолжала нѣкоторое время оставаться греко-славянскимъ училищемъ. Въ изготовленномъ около 1593 г. ходатайствѣ королю братчики просятъ, чтобы только въ ихъ школѣ можно было учить по гречески и по славянски и въ ихъ типографіи печатать книги на этихъ языкахъ, не упоминая о латинскомъ. И послѣ, когда латинскій языкъ былъ введенъ въ преподаваніе (предъ 1600 г.), львовская школа продолжала называться греко-славянскою. Минская, основанная въ 1592 г., съ 1612 г., Луцкая, основанная въ 1620 г., съ 1624 г., Кіевская братская, открытая ок. 1615 г., предъ 1620 г.

скихъ гимназіяхъ программу такъ называемыхъ семи свободныхъ наукъ съ характеромъ преимущественно гуманитарно-филологическимъ, и въ нихъ всѣ науки, начиная съ грамматики и кончая богословіемъ, начинаютъ мало-по-малу отражать особенности латино-польской образованности, особенно благодаря учителямъ иновѣрцамъ, которыхъ братства по нуждѣ приглашали въ свои школы.

Наибольшее вниманіе посвящается латинской грамматикѣ: изучается она по средневѣковому руководству Доната, по учебнику Альвара [1]) и др. Въ изученіи греческой грамматики не ограничиваются львовскимъ «Адельфотесомъ», а пользуются и латинскими учебниками (напр., Кленарда). Въ области діалектики наши педагоги перестаютъ руководствоваться древнимъ и новымъ переводомъ философіи Іоанна Дамаскина, а знакомятся съ европейскими учебниками ея, начало чему положено уже было кн. Курбскимъ, переведшимъ отрывокъ о силлогизмахъ [2]). Послѣ европейскіе учебники діалектики вошли въ нашу школу и цѣликомъ и въ подлинникахъ, равно какъ и другія части философіи стали изучаться по латинскимъ изданіямъ древнихъ философовъ. Въ области краснорѣчія свѣтскаго и духовнаго латинское вліяніе выразилось прежде въ случайномъ заимствованіи нашими школьными, церковными и полемическими ораторами чуждыхъ греческой риторикѣ фигуръ и въ привнесеніи польскихъ и латинскихъ словъ и выраженій, а затѣмъ, подъ вліяніемъ латинскихъ учеб-

---

[1]) Элій Донатъ, учитель блаж. Іеронима, авторъ грамматики, состоящей изъ двухъ частей: а) Ars sive editio prima de litteris sillabisque, pedibus et tonis и б) Editio secunda de octo partibus orationis. Въ Польшѣ было множество изданій Доната, начиная съ 1503 г. (и кончая 1795 г.). Эммануилъ Альваръ, испанецъ іезуитъ, авторъ грамматики, канонизованной въ качествѣ учебника іезуитскихъ коллегій— De instituione grammatica libri tres.

[2]) См. нашу брошюру: «Новая библіографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбскаго». (Оттискъ изъ Кіев. Старины за 1900 г.).

никовъ риторики и сборниковъ иновѣрныхъ проповѣдей, перешло въ полное подражаніе всѣмъ пріемамъ той въ высшей степени искусственной и изысканной рѣчи, которая даже въ тѣ времена вызывала неодобреніе со стороны представителей греческаго направленія въ краснорѣчіи. Въ проповѣди библія и творенія св. отецъ стали дѣлить свой авторитетъ съ авторитетомъ философовъ и свѣтскихъ ученыхъ, рядомъ съ библейскими сказаніями начинаютъ фигурировать историческія и даже миѳологическія, и святыя и священныя лица ставятся рядомъ съ древними богами и героями. Интересъ содержанія смѣняется интересомъ формы и свѣтской учености, направленной къ тому, чтобы поразить слушателя: поучительность уступаетъ мѣсто занимательности. Связанная съ риторикой піитика потерпѣла такое же измѣненіе. Уже первыя поэтическія произведенія нашихъ школъ сложились по тѣмъ образчикамъ, какія дала польская литература, взявъ у нихъ форму (посвященія въ книгахъ и панегирики) и силлабическій стихъ. На первыхъ порахъ наши стихотворные опыты все же сильно отличались отъ своихъ образцовъ по языку, близкому къ церковно-славянскому, по внѣшнему построенію, по содержанію и изложенію, чуждому слишкомъ утонченныхъ метафоръ и миѳологическихъ прикрасъ, по простотѣ и естественности тона. Но мало-по-малу всѣ эти достоинства уступили мѣсто тѣмъ невысокимъ качествамъ латино-польской панегирической поэзіи, которыя такъ поражаютъ нашъ вкусъ. Самый языкъ ихъ изъ славянскаго перешелъ въ западно-русскій съ примѣсью польскихъ словъ, а потомъ превратился въ польскій съ значительнымъ процентомъ латинизмовъ.

Включеніе польскаго языка въ школьную программу было такой же уступкой требованіямъ времени, какъ и введеніе латинскаго. Проникновеніе его, какъ и вообще польской культуры, въ обиходъ русской жизни началось уже давно, а золотой періодъ польской литературы (XVI в.) подчинилъ ему различные слои русской интеллигенціи. Даже духовенство наше уступило вліянію польскаго языка и польской литературы. Уже въ 1570 г.

социніанинъ Василій Тяпинскій [1]), странствующій типографъ, въ предисловіи къ переведенному имъ на русскій языкъ евангелію замѣтилъ, что попы, не имѣя школъ для изученія русскаго языка, обучали своихъ дѣтей по-польски. Литературное и государственное значеніе польскаго языка обусловило и то, что православные, вслѣдъ за протестантами, избрали его орудіемъ полемики съ католиками и потомъ съ уніатами. Все это и создавало необходимость изучать его въ школахъ православныхъ. И, дѣйствительно, мы видимъ его въ школахъ виленской (съ 1589 г.,—въ 1588 г. п. Іеремія еще не говоритъ о польскомъ языкѣ), брестской (съ 1592 г. [2]), могилевской (съ 1597), львовской (предъ 1600 г.), кіевской братской (1620), луцкой (предъ 1627 г.), кутеинской (1630), кіевской лаврской 1631), пинской (1633).

Математическія науки (ариѳметика, геометрія, отчасти астрономія съ пасхаліей) не подверглись замѣтному латинскому вліянію—и по самому существу своему, и по меньшему значенію въ системѣ братскаго образованія, хотя и здѣсь не обошлось безъ польско-латинскихъ учебниковъ. Но за то церковное пѣніе, которое еще въ срединѣ XVI ст. подражало сербской и греческой музыкѣ, очень скоро подпало латинскому вліянію. Уже въ концѣ XVI ст. братства запрашиваютъ восточныхъ патріарховъ, можно ли ввести въ церковный, а слѣдовательно, и въ школьный обиходъ партесное пѣніе и инструментальную музыку. На послѣднее не было дано согласія, первое же восточные святители благословили подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно было прилично и благопристойно. Въ результатѣ—появленіе въ нашихъ братскихъ школахъ латино-польскихъ учебниковъ пѣнія и нотныхъ тетрадей на 5, 6 и 8 голосовъ.

---

[1]) О социніанствѣ его см. Довнаръ-Запольскаго въ Извѣстіяхъ отдѣленія рускаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ, т. IV (1899), и отдѣльно: «В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе» (Спб., 1899).

[2]) Въ возстановленной привилеемъ Владислава IV 1641 г., согласно наданію 1633 г., брестской школѣ рѣчь идетъ только о русскомъ и польскомъ языкахъ.

Параллельно съ этимъ шло сближеніе нашей школы съ латино-польской образованностью въ богословіи и въ литературѣ,—центръ тяжести видимо переносился съ греческихъ святоотеческихъ твореній на схоластическія, съ церковной науки и богослужебныхъ книгъ, представлявшихъ первоначальный матеріалъ для чтенія, на свѣтскую ученость и языческихъ авторовъ, съ изученія живой дѣйствительности на схоластическую игру понятій и на мертвыя формы.

Однимъ изъ показателей усиленія въ школѣ того или другого братства латино-польскаго учебно-литературнаго направленія служатъ каталоги библіотекъ. Сохранилось два каталога львовской братской библіотеки: 1600—1 г. и 1637—8 г. [1]) По первому, латинскихъ книгъ вчетверо больше, чѣмъ греческихъ; по-второму—это отношеніе уравновѣшивается. Изъ латинскихъ книгъ братство въ 1600—1 г. владѣло руководствами по грамматикѣ, риторикѣ и діалектикѣ, музыкѣ, латинскимъ словаремъ, изданіями (вѣроятно, школьными) Овидія, Цицерона, Виргилія, Горація, Валерія Максима; кромѣ того, у него были на латинскомъ языкѣ: «Сабеликусъ о войнѣ венецкой», Никифоръ, Плутархъ, «Кроничка руская малая», «Хронографія», «Псалтырь латинская съ польскимъ». Большинство польскихъ книгъ—назидательнаго содержанія: «Животъ Езусовъ», «Чистецъ людскій», «Рай духовный», «Студница живота»; но есть и такія, на которыя можно смотрѣть какъ на учебныя. Таковы: «Молитвы православныхъ христіанъ», «Катехизисъ для дѣтей» (впрочемъ онъ, какъ и «Катехизисъ польскій», могъ попасть сюда случайно), «Исторія о потопѣ», «О збуреню (разрушеніи) Іерусалиму», «Аврелиушъ», «Кроника всего свѣта на шесть вѣковъ». Въ теченіе слѣдующихъ 35 лѣтъ латинскихъ книгъ поступило очень немного: Аристотель,

---

[1]) Первый напечатанъ проф. С. Т. Голубевымъ въ приложеніи № 21 къ I тому «Митр. Петра Могилы». Второй—имъ-же: въ Чтеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца, V, въ Матеріалахъ, и А. С. Крыловскимъ въ невыпущенномъ еще въ свѣтъ томѣ Актовъ Львовскаго братства, № 76.

Аполлоній александрійскій, Овидій (2 экз.), 3 экз. греко-латинской грамматики, грамматика Корнелія. Изъ польскихъ—блаж. Августинъ, Конституціи (2), Венгерская исторія, Сборникъ проповѣдей, «Артыкулы братства св. Ганны».

Интересенъ также каталогъ Луцкаго братства, составленный въ 1627 г. [1]) Здѣсь, кромѣ славянскихъ книгъ, мы находимъ семь нотныхъ тетрадей (партесовъ), латинскій словарь, грамматику Доната, псалтырь, Новый Завѣтъ, польско-латинскій катехизисъ, Vita honesta—тоже на обоихъ языкахъ. (Изъ документа 1627 г. видно, что у учащихся на рукахъ было много польскихъ книгъ). Послѣ 1627 г. братство купило Баронія и проповѣди Петра Бессія (Сорбоннскаго доктора) въ латинскомъ переводѣ (2 тома).

Еще сильнѣе и выразительнѣе о поступательномъ ходѣ польско-ламинскаго вліянія свидѣтельствуетъ наша литература, преимущественно полемическая, но этотъ предметъ мы обходимъ по огромности его и потому, что онъ не разъ уже подвергался обслѣдованію [2]).

Такое взаимное положеніе заняли различные элементы латино-польской и греко-славянской образовательной системъ въ братскихъ школахъ въ первыя 50 лѣтъ ихъ существованія. Въ этотъ періодъ западно-русскія братскія школы не носили одного опредѣленнаго характера,—онѣ не были ни исключительно греческими, ни исключительно латинскими. Нельзя отвергать, подобно г. Пыпину, всякое сходство ихъ съ греческими училищами [3]), но невозможно также рѣшительно противополагать ихъ школамъ слѣдующаго періода, школамъ типа могилянской коллегіи, какъ

---

[1]) Памятники кіевской комиссіи, изд. 2, I, № 42.

[2]) См. между прочимъ у проф. А. С. Архангельскаго перечень западно-русскихъ литературныхъ произведеній въ концѣ XVI—нач. XVII в. (Чт. въ Моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I).

[3]) А. Н. Пыпинъ готовъ совершенно отрицать греческое школьное вліяніе на нашу образовательность и братскія училища, для которыхъ, по его мнѣнію, былъ только одинъ образецъ предъ глазами—латинскія, католическія школы (Послѣднія времена московской Россіи. Вѣстникъ Европы 1894, V, 764—6. Ср. Ист. рус. литер., II, 341—3).

это обыкновенно дѣлаютъ. Каждая почти изъ болѣе видныхъ братскихъ школъ уже въ нашъ періодъ прошла двѣ стадіи въ своемъ развитіи: сначала она существовала, какъ школа греко-славянская, потомъ постепенно сближалась съ латино-польскою, причемъ это сближеніе заходило подчасъ очень далеко. Случалось также, что въ нѣкоторыхъ школахъ вновь оживало греческое вліяніе и онѣ становились опять ближе къ типу греко-славянскихъ училищъ, чѣмъ латино-польскихъ (такъ было во Львовѣ, насколько можно судить объ этомъ по каталогамъ братской библіотеки). А иногда латинскій и польскій языки сразу вводились въ програму, оттѣсняя даже греческій, какъ это было въ Вильнѣ, гдѣ на первыхъ порахъ не нашлось преподавателя послѣдняго и гдѣ впослѣдствіи (съ 1617 г.) изъ пяти классовъ только въ двухъ изучались славянскій и греческій языки, а въ остальныхъ трехъ читалась «латинская наука». Еще больше мѣста занимала послѣдняя въ кіевской братской школѣ (предъ 1630 г.), гдѣ она преподавалась въ трехъ классахъ изъ четырехъ. Отсюда не труденъ и естественъ былъ тотъ шагъ, какой сдѣлалъ Петръ Могила, устроившій училище съ преподаваніемъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и какой пыталось было сдѣлать пинское братство.

Но прежде, чѣмъ перейти къ новому періоду западно-русской образованности, скажемъ о той оппозиціи, какую встрѣтило стремленіе православныхъ придать своимъ школамъ сходство съ латино-польскими училищами. Оппозиція эта шла съ двухъ сторонъ— со стороны нашего духовенства, чуждаго научнаго образованія и руководившаго еще менѣе знакомыми съ наукой мірянами, и со стороны латино-уніатскаго общества.

Въ борьбѣ первыхъ противъ «латинскихъ наукъ» сказалось давнее христіанское противоположеніе языческой мудрости— христіанской, духовной. Отправными точками тутъ были тексты свящ. писанія въ родѣ слѣдующихъ: «мудрость міра сего буйство есть отъ (у) Бога», или «не въ словеси царство Божіе, но въ силѣ добрыхъ дѣлъ»,—тѣ самые, которыми и въ московской Руси защитники стараго начетчества въ XVI—XVII вв. оборонялись

отъ всякаго, даже слабаго свѣта науки, въ родѣ грамматическихъ правилъ. Вотъ что писалъ въ XVII в. одинъ изъ московскихъ книжниковъ: «Братие не высокомудръствуйте но во смерениі пребывайте по сему же і прочая разумѣвайте. Аще кто ти речет вѣси ли всю философію и ты ему рцы. Еллинских борзостеі не текохъ ни риторских астрономъ (!) не читах ни смудрыми Философы в бесѣде не бывах. учюся книгамъ благодатнаго закона аще бы мощно моя грѣшная душа очиститі от грѣх». (Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 463 [1]). Наши книжники развивали отрицательное отношеніе къ свѣтской мудрости въ приложеніи къ наукѣ иновѣрцевъ— католиковъ и протестантовъ. Такъ, инокъ Артемій, опровергая въ полемикѣ съ Симономъ Буднымъ его положеніе: «хорошо учителямъ знать многіе языки», выразился: «при правомъ сердцѣ истинное слово и безъ грамматики и риторики можетъ просвѣтить и умудрить во благое» (Р. И. Б., IV, 1324. 1325). Такое же отрицаніе грамматики съ риторикой и многихъ языковъ высказалъ авторъ «Списанія противъ люторовъ» (Р. И. Б., XIX 173. 174). Но если оба эти лица свое отношеніе къ западноевропейской наукѣ мотивировали извѣстными имъ случаями отпаденій въ ереси «многихъ наученыхъ во всѣхъ языцехъ», то позднѣйшіе писатели даютъ ему и теоретическое обоснованіе. Такъ, острожскій писатель Василій въ своемъ сочиненіи «О единой вѣрѣ» (1588) настаиваетъ на мысли о неприложимости къ догматамъ человѣческихъ соображеній,—того, что онъ называетъ «діалектическими усилованми и софисматами, сирѣчь злохитрьствами». Его возмущаютъ и удивляютъ тѣ, которые, «отступивши

---

[1]) Этотъ отвѣтъ взятъ изъ посланія старца Филоѳея къ дьяку Михаилу Мисюрю (Прав. соб., 1861 II, 84). А. И. Соболевскій по поводу выраженія: «Еллинскихъ борзостей не текохъ» выясняетъ, что Филоѳей неправильно понялъ и употребилъ его: въ древнѣйшихъ записяхъ (напр. рукоп. Тр. лавры 1414 г., № 165) находится выраженіе: «аще еленьскыя борзости претечеши», въ которомъ прилагательное еленьскъ произведено отъ елень, а не отъ Еллины (Ж. М. Н. Пр. 1901, дек.,—рецензія на соч. проф. Малинина: Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія (Кіевъ, 1901).

отъ духовнаго разума и прельстившись геометрическими фигурами и прочими къ землѣ влекущими бреднями человѣческихъ вымысловъ, утверждають, что можно постигнуть все божеское существо», и которые тайну троичности пытаются «изобразить геометрическимъ треугольникомъ и прочими суемудрыми діалектическими вымыслами», и обучая этому—прочихъ соблазняютъ (Р. И. Б., VII, 664. 673. 699). Подобнымъ образомъ отзывается о свѣтской наукѣ и философіи, принудительно вліяющей на само богословіе (какъ въ иновѣрныхъ школахъ и трактатахъ), авторъ «Вопросовъ и отвѣтовъ православному съ папежникомъ» (1603). Онъ, вслѣдъ за Василіемъ, возстаетъ противъ увлеченія въ западныхъ школахъ Аристотелемъ, Платономъ, Цицерономъ и «тѣми, что вокругъ нихъ», простирающагося до того, что безъ нихъ никакая наука, ни человѣческая, ни божеская, не кажется твердой. (Ср. Максима Грека—Сочиненія, I, 247. Казань, 1859). Соглашаясь, что свѣтскія науки важны для развитія и упражненія разсудка, авторъ противъ примѣненія ихъ въ сферѣ божественныхъ догматовъ, такъ какъ послѣдніе выше всякаго пониманія и уразумѣнія и могутъ быть постигнуты только вѣрою, безъ пособія какихъ-либо логическихъ ухищреній и вымысловъ. Утверждая фактъ розобщенности польско-латинской науки съ «вышней діалектикой» и съ «внутренней Богомъ данной церковной философіей», «Православный» вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и на основаніи опытовъ всю гибельность для вѣры и нравственности западно-европейскаго образованія (ibid., 106—110).

Но особенно сильно вооружился противъ западной науки Іоаннъ Вышенскій[1]). Вышенскій, какъ и другіе противники ея, исходилъ изъ противоположенія ея мудрости «ректора надъ ректорами—І. Христа», причемъ судилъ о гибельности ея по нравственнымъ свойствамъ нѣкоторыхъ ея представителей. Обращаясь въ «Зачапкѣ» къ Петру Скаргѣ, онъ говоритъ: «а что ты хва-

---

[1]) Большинство сочиненій, характеризующихъ его взгляды по этому вопросу, напечатаны въ Прилож. къ I т. «Петра Могилы» С. Т. Голубева и въ Арх. Юго-зап. Россіи, I, VII.

лишься школами и науками, то разсуди, для спасенія онѣ учреждены или для погибели. Если для спасенія, то почему изъ латинской школы не выходятъ ученики, носящіе образъ и подобіе того перваго дидаскала, который сказалъ: научитеся отъ Меня, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ?... Отчего оттуда выходятъ не смиренные, а гордые духомъ фарисеи? Зачѣмъ хвалить свои школы, когда въ нихъ нѣтъ учителя Христа, ни Павла и Петра, а есть соблазнители, поганцы, Аристотели, волхвы, еретики, Оригены. Покажи мнѣ изъ латинской школы такого ученика, который и самъ бы исполнилъ заповѣдь небеснаго ректора и другихъ научилъ,—всю бы философію небесной мудрости въ смиреніи изобразилъ и научилъ... Въ вашихъ школахъ научаютъ сопротивляться волѣ Христа... Недаромъ и ап. Павелъ предостерегалъ, напоминалъ и училъ, чтобы благовѣрные не впали въ языческія науки діалектики, въ силлогизмы, въ препирательскіе извороты и самовольное велерѣчіе». Въ сочиненіи «Порада о очищеню церкви» Вышенскій вопрошаетъ: «Не лучше ли тебѣ изучить часословъ, псалтирь, октоихъ, апостолъ и евангеліе съ иными церкви принадлежащими (книгами) и быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, чѣмъ изучить Аристотеля и Платона, зваться философомъ мудрымъ и попасть въ геенну? Разсуди!» Въ противоположность ядовитой и гибельной наукѣ латинской онъ предлагаетъ свою программу образованія и рекомендуетъ свой идеалъ правовѣрной школы: «Во первыхъ, пусть изучаютъ ключъ, т. е. греческую или славянскую грамматику. Потомъ вмѣсто лживой діалектики, учащей дѣлать изъ бѣлаго черное и изъ чернаго бѣлое,—пусть изучаютъ богомолебный и праведнословный часословецъ; вмѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмовъ и велерѣчивой риторики—молитвенную псалтырь; вмѣсто философіи, располагающей мысль разумную скитаться по воздуху, пусть изучаютъ склоняющій къ плачу и смиренномудрію октоихъ или осмогласникъ, содержащій догматы церковнаго нашего благочестія, а также нравственное богословіе [1]), послѣ того пусть изучаютъ апо-

---

[1]) Вышенскій самъ сдѣлалъ попытку дать руководство по философіи,—но «не поганскаго (языческаго) учителя Аристотеля, а пра-

стольскія и евангельскія писанія съ толкованіемъ простымъ, а не искусственнымъ, не слухъ чешущимъ, а влагающимъ въ сердца слушающихъ силу св. Духа. Тогда и всякое другое боговдохновенное писаніе можно проходить».

Вышенскій не скрывалъ, что онъ не изучалъ мелочей грамматическихъ, не видалъ игрушекъ риторическихъ, не слышалъ философіи высокомечтательной, и, предупреждая упрекъ во враждѣ къ научному образованію, объяснялъ, что «познаніе онъ хулитъ, а то, что наши новые русскіе философы не умѣютъ ничего въ церкви читать,—ни псалтири, ни часослова. А если кто немного и умѣетъ, то, изучивши какой-нибудь стишокъ басней аристотельскихъ, уже стыдится читать псалтирь и прочее церковное правило ни во что не вмѣняетъ и считаетъ грубымъ и дурнымъ». Такъ какъ подобныя явленія онъ замѣтилъ во Львовѣ, въ свой пріѣздъ съ Аѳона, то онъ совѣтовалъ заправиламъ братства утверждать прежде дѣтей въ благочестіи, въ любви къ церковности и къ православной вѣрѣ, и уже послѣ того знакомить и съ свѣтскими науками. Впрочемъ, эта уступка Вышенскаго свѣтской, внѣшней наукѣ была временной...

Неизвѣстно точно, когда львовскому братству былъ данъ Вышенскимъ этотъ совѣтъ и какъ оно отнеслось къ нему. Во всякомъ случаѣ, замѣчанія такого авторитетнаго лица должны были произвесть сильное впечатлѣніе во Львовѣ и поощрить существовавшую тамъ партію, враждебно относившуюся къ братской школѣ и всякому образованію. Во главѣ этой партіи стоялъ еп. Гедеонъ Балабанъ, игравшій очень двусмысленную роль. Самъ человѣкъ образованный, Балабанъ былъ на первыхъ порахъ если не иниціаторомъ просвѣтительныхъ начинаній братства, то горячимъ пособникомъ. Но когда привилегіи, утвержденныя восточными патріархами за братствомъ, задѣли его права, какъ епархіальнаго

вославныхъ Петра и Павла».—Подобно Вышенскому, неодобрительно относился къ изученію «разума Аристотеля, Цицерона, Платона и прочихъ языческихъ любомудрцевъ» Исаія Копинскій, послѣ кіевскій митрополитъ (Голубевъ, «Петръ Могила», т. II (1898), 9, 10).

архіерея, онъ измѣнилъ свои отношенія и къ братству, и къ его школѣ. Онъ сталъ преслѣдовать всѣ проявленія умственной, книжной дѣятельности братства: гналъ братскаго типографа, проповѣдника, даже мальчика, переписывавшаго святоотеческія творенія двумъ братчикамъ; запрещалъ читать книги и даже оспаривалъ права мѣщанъ и крестьянъ на ученіе. «А о наукѣ, говорилъ онъ однажды гологурскимъ мѣщанамъ, не годится вамъ, простымъ людямъ, спрашивать». Когда-же нѣкто возразилъ, что ап. Павелъ повелѣваетъ учиться, разгнѣванный владыка воскликнулъ: «стану я учить тебя, хлопа, только что вылѣзшаго изъ навоза! что тебѣ до Писанія!»—и приказалъ бить его. Также относится онъ и къ братской школѣ. На нее онъ послалъ однажды своихъ родственниковъ и слугъ, которые бранили дидаскаловъ, грозили изсѣчь ихъ саблями, а у одного чуть было не вырвали всю бороду. Хуже всего было то, что епископъ возбудилъ противъ братства часть львовскихъ горожанъ и низшаго духовенства, непріятно задѣтаго даннымъ братству правомъ обличать его пороки. Какія формы приняла оппозиція, видно изъ посланія братства къ цареградскому патріарху Θеолипту отъ 25 мая 1586 г. объ утвержденіи братскихъ привилегій и благословеніи школъ и типографіи, «да заградятся всяка уста противящіяся душеполезному сему хотящему быти строенію». Въ немъ братчики, имѣя въ виду своихъ противниковъ, спрашивали патріарха, подобаетъ ли мірянамъ—ремесленникамъ сходиться послѣ обѣдни въ праздничные дни для чтенія отеческихъ твореній, и какъ имъ думать объ іереяхъ и епископахъ, если они, безчинно живя, «ненавидятъ, хулятъ и возбраняютъ ученія и проклинаютъ учащихся, говоря, яко «благословенна всяка душа проста, многіе же книги въ неистовство влагаютъ» [1]).

---

[1]) Ср. свидѣтельство Курбскаго: «Сія ересь въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными,—блядословятъ бо, не потреба, рече, книгамъ много учитися, понеже въ книгамъ заходятся человѣци, сирѣчь безумѣютъ, або въ ересь упадаютъ» (Ученыя Записки Казан. Унив., 1901, янв., 16).

На сторону братства стали и патріархъ (Іеремія), и м. Михаилъ Рагоза. Первый выяснялъ значеніе школы и типографіи, какъ двухъ спасительныхъ путей, и необходимость тщательнаго изученія свящ. писаній, какъ такихъ, которыя «могутъ умудрить и спасти человѣка». Второй на соборѣ въ Брестѣ въ 1590 г. отлучилъ отъ церкви нѣсколькихъ львовскихъ мѣщанъ за оппозицію просвѣтительной дѣятельности братства, –за пороченіе братскаго ученія, какъ будто несовершеннаго, пустого, растлѣннаго и малопотребнаго, за запрещеніе ходить въ братскую школу, слушать грамматическое, діалектическое и риторическое ученіе, за противодѣйствіе распространенію свящ. книгъ и проповѣди слова Божія [1]). Но и послѣ того братству приходилось жаловаться на то, что «школьное ученіе уничижается», такъ какъ окончательное примиреніе съ еп. Гедеономъ послѣдовало только въ 1602 г.

Смущенные усиленіемъ въ братскихъ школахъ и православной литературѣ латинскаго вліянія, еллинофилы опять подняли свои голоса, когда увидѣли, что польза отъ сближенія съ западной наукой довольно призрачна, а вредъ—ощутителенъ. И вотъ нѣкоторые ревнители православія вспомнили о Вышенскомъ и рѣшили обратиться за духовной помощью на востокъ. Уже въ 1619 г. виленское братство проектировало вызвать на родину нѣсколькихъ западноруссовъ, подвизавшихся на Аѳонѣ (Кирилла, Пафнутія, Елисея). Спустя 2—3 года эту же мѣру предлагала осуществить группа людей, составившихъ документъ подъ названіемъ: «Совѣтованіе о благочестіи: Рада и способъ, яко въ народѣ Россійскомъ вѣру и догмата церкве всходнеи заховати и ростити и абы

---

[1]) Какъ много выше понимали пользу ученія тѣ «шевцы» и «кравцы», которые составляли, быть можетъ, ядро Львовскаго братства! Вотъ ихъ исповѣданіе по этому пункту въ посланіи къ п. Іереміи 1588 г.: «Таковы плоды училища: отсюда выходятъ здравомысленные учители, попечительные пастыри, преподобные іереи, хорошіе врачи, благородные правители, истинные строители, искусные граждане, полезные ремесленники. Ибо въ училищѣ произрастаетъ корень мудрости» (ср. Exegesis Сильвестра Коссова.—«Петръ Могила», II, 267).

митрополитове и епископове не уставали». Именно они находили нужнымъ послать на св. гору аѳонскую за преподобными—мужами россами Кипріаномъ, Іоанномъ Вышенскимъ и прочими цвѣтущими въ житіи и богословіи, и отправлять туда русскихъ, какъ въ духовную школу. Вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось православнымъ въ своей школьной и литературной дѣятельности основываться не на латинскихъ силлогизмахъ и извращающихъ истину сочиненіяхъ (каковыми считались католическія и протестантскія), но на догматахъ и твореніяхъ св. отцовъ.

Но ни авторитетность аскетовъ Іоанна Вышенскаго, Исаіи Копинскаго и др., ни непріятности отъ людей, подобныхъ львовскимъ обскурантамъ, ни убѣжденія авторовъ «Совѣтованія о благочестіи», ничто не могло повернуть назадъ того историческаго теченія, въ которое попали наши школы. Вѣдь латино-польское направленіе послѣднихъ было плодомъ не безотчетнаго подражанія братствъ модному и пріятному образованію, но сознательнаго его предпочтенія старымъ, узкимъ школьнымъ программамъ и методамъ. Наши братства въ то время были слишкомъ живой силой и слишкомъ чутко относились къ потребностямъ времени, чтобы отказаться отъ удовлетворенія ихъ въ угоду отдѣльнымъ личностямъ, хотя бы и очень уважаемымъ. Вѣдь и польскій и латинскій языкъ, и риторика съ діалектикой въ польско-латинской постановкѣ ихъ, и даже партесное пѣніе—все это было для православныхъ предметомъ самой первой необходимости, по условіямъ ихъ политической и религіозной жизни. Взять хотя бы церковное пѣніе. Въ юго-западной Россіи въ XVI и даже въ XVII в. существовало, какъ и въ московской Россіи, пѣніе хомовое, съ растяженіемъ гласныхъ: «согрѣши*хомо*, беззаконнова*хомо*», «Христосо, Бого наше», «о рекошеихо мони» (вм. «о рекшихъ мнѣ»). Пѣли также въ одну ноту «Господи, помилуй», не слушая прошеній ектеніи (многогласіе). По сравненію съ искусственнымъ пѣніемъ и инструментальной музыкой въ костелахъ, наше монотонное пѣніе, сопровождавшееся извращеніемъ текста, теряло очень многое и, быть можетъ, это было причиной совращенія въ католичество изъ православія не одного любителя церковной кра-

соты. Братства это понимали, какъ понимали и латино-уніаты, и не даромъ у нихъ происходили столкновенія изъ-за хорошихъ пѣвчихъ (такъ, въ Вильнѣ православное и уніатское братства сманивали пѣвчихъ другъ у друга, а въ Луцкѣ желаніе іезуитовъ и ихъ сторонниковъ перетянуть къ себѣ братскаго дисканта Ивана и другихъ «выборнѣйшихъ спеваковъ» выразилось въ цѣломъ разгромѣ братскихъ учрежденій и въ избіеніи одного пѣвчаго—для устрашенія другихъ (1627 г.). И хотя Вышенскій называлъ партесное пѣніе «вавилонскими страстями музыки» и сурово внушалъ православнымъ: «Латинскій смрадъ пѣсней изъ церкви изжденѣте, простою же нашею пѣснію русскою поюще, Бога благодарите»,--прямая польза не позволяла братствамъ послушать его.

Насколько сильно прояснилось въ теченіе 20—30 лѣтъ существованія братскихъ училищъ сознаніе необходимости науки вообще и съ латино-польскимъ оттѣнкомъ, въ частности,—показываетъ участіе въ ней даже запорожскихъ козаковъ. Вписавшись in corpore въ кіевское братство вмѣстѣ съ своимъ гетманомъ Сагайдачнымъ и затѣмъ узнавши изъ прочитанныхъ на его похоронахъ «Виршей», что его предсмертнымъ желаніемъ было поддержаніе въ братской школѣ науки, они на сеймѣ 1623 г. хлопотали о привилеѣ для нея, разрѣшающемъ многіе языки. И если послѣ, въ 1631 г., они негодовали на печерскаго архимандрита Петра Могилу и на учителей заведеннаго имъ въ лаврѣ латинскаго и польскаго училища, «чего до того не бывало и спасались», называли ихъ уніатами и неправославными и чуть было не убили ихъ,—то тутъ они дѣйствовали по подстрекательству со стороны кіевскаго братства и, быть можетъ, самого м. Исаіи Копинскаго и дѣйствовали въ интересахъ того же братства. Добившись же перенесенія лаврской школы въ ограду братскаго монастыря, они успокоились и затѣмъ много разъ защищали ее, хотя ученіе въ ней шло на тѣхъ же латинскомъ и польскомъ языкахъ. Мало того, что латино-польская наука была допущена въ наши школы,—къ концу домогилянскаго періода выработано было принципіальное оправданіе пользованія ею. «Если лати-

няне, писалъ ок. 1621 г. Захарія Копыстенскій, хвалятся свѣтской наукой—они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо мудрость Платонова, Аристотелева и иныхъ греческихъ философовъ—греческая, а имъ только отчасти была удѣлена... И мы, русскіе, если для образованія отправляемся въ нѣмецкіе края, то ради греческой, а не латинской науки, и ею мы пользуемся, какъ собственностью, только на короткое время довѣренною западнымъ, причемъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чистымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото. И что касается даже истиннаго богословія, то и оно съ востока,—восточнымъ богословіемъ дышатъ западные!»...

Православные западноруссы могли проникнуться убѣжденіемъ въ пользѣ и важности научнаго образованія и именно по примѣру латино-польскаго тѣмъ скорѣе, что враги ихъ—латиняне и уніаты—сильно противились ему. Львовскіе православные горожане уже ок. 1570 г. почувствовали стѣсненіе въ своемъ стремленіи къ образованію со стороны львовскаго магистрата, состоявшаго на половину изъ католиковъ и не допускавшаго дѣтей православныхъ въ городскую школу (что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ школа эта была отчасти каѳедральной). На это они жаловались королю, и Сигизмундъ-Августъ позволилъ львовянамъ отдавать своихъ сыновей въ школы и гимназіи какъ Львова, такъ и другихъ городовъ королевства, для изученія свободныхъ наукъ, причемъ на ослушниковъ налагалъ огромный штрафъ (1572). Несмотря на подтвержденіе этой грамоты королями Генрихомъ (1574) и Стефаномъ (1577), львовскія городскія власти попрежнему продолжали препятствовать православнымъ обывателямъ изучать свободныя науки въ школѣ, какъ это видно изъ новой грамоты Баторія (1578). Нерасположеніе католическаго львовскаго общества къ научному образованію своихъ православныхъ согражданъ обнаружилось вновь и со всей силой въ 90-хъ годахъ, послѣ основанія братствомъ собственной школы и дарованія ей права преподавать свободныя науки и послѣ поселенія во Львовѣ іезуитовъ. Въ декабрѣ 1592 г. ректоръ польскаго училища Крыштофъ дважды насылалъ своихъ учениковъ на братскихъ воспитан-

никовъ, собиравшихъ позднимъ вечеромъ милостыню. Послѣдняя было отнята и славельщики были избиты. Хотя братство получило удовлетвореніе, но и послѣ того его школѣ приходилось терпѣть немало. Въ своихъ «Требованіямъ къ королю» (ок. 1593 г.) братство, ходатайствуя о гарантированіи своихъ правъ на школьные и на другіе свои дома и грунты, просило вмѣстѣ съ тѣмъ позволенія для своихъ бѣдныхъ учениковъ искать продовольствія повсюду безъ препятствій съ чьей бы то ни было стороны, чтобы учителя не подвергались оскорбленіямъ, а ученики насиліямъ отъ какихъ бы то ни было властей и отъ другихъ школъ. Не лучше было и послѣ, несмотря на ходатайство предъ королемъ за братство и школу князей Острожскихъ. По заключенію Юрія Рогатинца въ посланіи къ виленскому братству (1599), дѣло сводилось къ желанію католиковъ совсѣмъ запретить братству «учить русскихъ учениковъ». Тутъ не могли помочь никакія ходатайства, такъ какъ и само правительство польское, руководимое нунціями и посланіями изъ Рима и вдохновляемое римско-католическимъ духовенствомъ, держалось той же политики гнета православныхъ. Какъ разъ передъ этимъ король отнялъ у православныхъ и передалъ уніатскому епископу Потѣю брестскую братскую школу (1597 г.,—а въ 1598 г. самъ Потѣй завладѣлъ владимірской соборной школой), а виленская школа потерпѣла разгромъ со стороны католической черни, предводительствуемой іезуитскими студентами (въ пасху 1598 г.), причемъ виновные, повидимому, не понесли никакого наказанія. Польское правительство не только съ трудомъ давало новые привилеи на открытіе новыхъ православныхъ школъ, но и лишало своего покровительства существующія, несмотря на присягу короля соблюдать вѣротерпимость и вырванную рокошемъ Зебржидовскаго сеймовую конституцію «о греческой религіи» 1607 г. Отсюда нападенія латино-уніатовъ на школы въ Вильнѣ, Минскѣ, Луцкѣ, отнятіе могилевскаго, бѣльскаго, пинскаго и др. училищъ.

Съ воцареніемъ Владислава легче вздохнулось западнорусскимъ школамъ, и у православныхъ блеснула надежда на возможность свободнаго развитія учебнаго дѣла въ томъ направленіи,

какое руководители его считали самымъ подходящимъ въ интересахъ церкви и русскаго народа. Но надежда скоро померкла: оказалось, что благожелательность и здравомысліе короля мало значатъ при фанатизмѣ римско-католическаго духовенства и близорукости пановъ... Послѣ того, какъ «Статьями для успокоенія народа русскаго греческой религіи», подписанными Владиславомъ IV въ ноябрѣ 1632 г., и дипломомъ его отъ 14 марта 1633 г. была гарантирована диссидентамъ, вообще, и православнымъ, въ частности, свобода религіозныхъ отправленій и просвѣтительныхъ начинаній, а сепаратными грамотами—права отдѣльныхъ братствъ и ихъ школъ,—Альбертомъ Радивилломъ была основана въ Пинскѣ іезуитская коллегія и закрыта только что утвержденная королемъ пинская школа, потому именно, что она могла повредить іезуитамъ, такъ какъ «фотиніане» намѣрены были вести ученіе на латинскомъ языкѣ. Петръ Могила испросилъ у короля на коронаціонномъ сеймѣ титулъ и привилегіи академіи для кіевской братской школы, но утвердить ихъ своими подписями не пожелали ни канцлеръ (Холмскій бискупъ Задзикъ), ни подканцлеръ (Ѳома Замойскій). Мало того, въ томъ же году кіевское католическое духовенство возбудило протестъ противъ латинскаго характера основаннаго Могилой училища. Протестовавшіе сообщали, что Петръ Могила «сотворилъ школы и академію якуюсь», въ которой юношеству преподаются на польскомъ и латинскомъ языкахъ почти всѣ тѣ науки, какія читаются въ коронныхъ коллегіяхъ, получившихъ привилегію, почему искали съ него 50 тысячъ копъ грошей литовскихъ убытку [1]).

Такъ какъ Петръ Могила неуклонно шелъ къ своей цѣли и, открывъ въ 1634 г. новую латинскую коллегію въ Винницѣ (вѣрнѣе, преобразовавъ существовавшее тамъ братское училище), намѣтилъ еще нѣсколько пунктовъ для учрежденія школъ по типу

---

[1]) Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. Синодѣ, № 631. Копа грошей въ это время равнялась рублю слишкомъ (въ 1629 г.—1 р. 18,90 коп., въ 1640—1 р. 8,45 коп.—Горбачевскій, словарь древняго актоваго языка сѣв.-зап. края... 1874, 332 стр.).

кіевской, то латино-уніатская партія пустила въ ходъ другія средства борьбы. На винницкую православную школу напали католическіе ученики (повидимому, ученики винницкой іезуитской коллегіи),—и вотъ латино-уніаты обвиняютъ православныхъ въ своевольномъ поведеніи и нарушеніи спокойствія. Въ результатѣ этого въ концѣ 1634 г. послѣдовало королевское распоряженіе о низведеніи кіевской коллегіи на уровень низшаго учебнаго заведенія и о закрытіи винницкой и др. школъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было уничтожить кіевскую типографію съ латинскимъ шрифтомъ. Вмѣсто этого Петръ Могила поручилъ бывшему префекту кіевской коллегіи Сильвестру Коссову литературную защиту ея и другихъ православныхъ школъ. Послѣднее представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что какъ разъ въ это время какой то анонимъ-католикъ выпустилъ сочиненіе, направленное противъ тѣхъ школъ. Въ сочиненіи этомъ, до насъ не дошедшемъ, проводились двѣ мысли: первая, что въ школахъ, открытыхъ Петромъ Могилой, преподается ученіе еретическое (лютеранское, кальвинское и социніанское), что́ доказывалось заграничнымъ, протестантскимъ образованіемъ ихъ наставниковъ и кальвинскимъ образомъ мыслей главы православной церкви п. Кирилла Лукариса; вторая—что православные въ своихъ школахъ могутъ производить обученіе только на русскомъ и на греческомъ языкахъ, ибо польскіе короли будто бы никогда не дозволяли имъ заводить училища съ расширенной программой и съ латинскимъ языкомъ, почему латинскія школы въ Кіевѣ и Винницѣ существуютъ незаконно. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ отвѣтѣ (Exegesis, to-jest: Danie sprawy o szkołach kiowskich y winickich. 1635), опровергши обвиненіе въ еретичествѣ православныхъ учителей и сославшись мимоходомъ на то, что они получили образованіе въ католическихъ академіяхъ[1]) Польши, Литвы и Германіи (страны цесарской), доказываетъ необходимость для православныхъ знанія ла-

---

[1]) Впослѣдствіи и авторъ Лиѳоса увѣрялъ, что никто изъ наставниковъ коллегіи не учился въ протестанскихъ (еретическихъ) школахъ (Арх. юго-зап. Россіи I, ч. IX, 377).

тинскаго языка. «Но какая же надобность въ латинскихъ школахъ нашему народу?» спрашиваетъ онъ. «Та, прежде всего, чтобы бѣдную нашу Русь не звали глупою Русью. «Учитесь, говоритъ клеветникъ, по-гречески, а не по-латыни». По правдѣ, хорошій совѣтъ, но онъ болѣе полезенъ въ Греціи, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ наиболѣе успѣваетъ. Поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—безъ латины платитъ вины, безъ нея ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; а только присматривается то къ тому, то къ другому, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ. Не нужно насъ побуждать къ изученію греческаго языка: стараемся и о немъ при латинѣ, такъ что, дастъ Богъ, онъ будетъ у насъ для церковнаго употребленія, а латина—для судебныхъ нуждъ (Graeca ad chorum, a łácina-ad forum). Не вспоминаемъ о диспутахъ: немного надиспутировалъ бы въ Польшѣ по-гречески. «Зачѣмъ, говоритъ клеветникъ, Руси учиться (у себя) латыни? пусть учатся ей у римлянъ». Красивый для меня дятелокъ, да еще съ носикомъ (pięknyś mi dzięciołek, a ieszcze y z noskiem): совѣтуешь намъ ходить по міру за хлѣбомъ, когда мы имѣемъ его дома. Побирались мы имъ въ прежнее время по Ингольштадтамъ, Ольмюцамъ; а въ настоящее время, по милости Божіей, и сами имѣемъ его достаточно, и другихъ одолжаемъ. О жадность неизмѣримая!». Затѣмъ упрекъ въ незаконности существованія латинскихъ училищъ у православныхъ Коссовъ опровергаетъ ссылкой на привилегіи братскимъ школамъ Вильны и Львова и на дипломъ Владислава IV. «И если въ королевскомъ дипломѣ нѣтъ слова «латинскія» школы, то нѣтъ въ немъ также словъ: «русскія, греческія». Такъ неужели намъ нельзя учить по-русски и по-гречески?» Клеветникъ говоритъ о невѣжествѣ русскихъ поповъ, забывая, что его богословы, проповѣдники, духовники, ораторы всѣ вышли изъ школъ. «Поэтому ты, полный святыни народъ русскій, при иныхъ, издавна тебѣ принадлежащихъ «вольностяхъ», всегда послѣдовательно подтверждавшихся чрезъ помазанниковъ Божіихъ ихъ присягой, и въ настоящее время наипокорнѣйше умоляй, чтобы тебѣ не возбраняли сей манны свобод-

ныхъ наукъ, а, напротивъ, сжалившись надъ настоятельной твоей нуждой, позволили фонтану почтенныхъ музъ разливаться у тебя океаномъ, при содѣйствіи твоей же братіи, воспитанной въ твоей древней религіи. Потому что отсюда твои церкви наполнятся священниками, при богобоязненности и просвѣщенными; твои каѳедры зацвѣтутъ краснорѣчивыми проповѣдниками; потомки твои, утвержденные (udyamentowane) въ отеческой вѣрѣ ораторски, философски, юридически, прославятся мнѣніями, сужденіями, доводами на общихъ сеймахъ, правосудныхъ трибуналахъ, на рокахъ, рочкахъ, въ земствахъ. Твои ходатаи никогда не перестанутъ во всякихъ судахъ домогаться справедливости и тщательно оберегать свои права» [1]). Exegesis Коссова сыгралъ свою роль: онъ не только измѣнилъ мѣстное общественное мнѣніе о кіевской и другихъ братскихъ школахъ, но и повліялъ на сеймъ 1635 г. По изданному на этомъ сеймѣ королевскому диплому, православнымъ позволено было изучать греческій и латинскій языки,. съ тѣмъ однако, чтобы гуманныя науки (humaniora—свободныя) преподавались не далѣе діалектики и логики [2]).

Такимъ образомъ мы подошли ко второму періоду западнорусской образованности—могилянскому. Въ какія же формы отлилась она, что представляла изъ себя кіевская коллегія въ началѣ и послѣ до конца XVII ст., чѣмъ было вызвано ея появленіе и въ какія отношенія стала она къ православнымъ школамъ предшествующаго періода?.

III.

Въ лицѣ братскихъ училищъ русская педагогика успѣла стать въ непосредственныя отношенія къ западно-европейской и

---

[1]) Голубевъ, Исторія кіевской дух. академіи, I, прилож. 83, 84. Петръ Могила, II, 263—267. Цѣликомъ Exegesis будетъ напечатанъ проф. Голубевымъ въ VIII томѣ I части Архива юго-зап. Россіи.

[2]) Напечатанъ въ Архивѣ юго-зап. Россіи, I, VI, № 280 и въ прилож. къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.» (Труды кіев. дух. акад., 1895, III).

научная дѣятельность получила большое оживленіе, такъ какъ умножились ея источники,—тѣмъ не менѣе были поводы къ недовольству ими. Съ одной стороны, сближеніе съ латино-польской наукой не было полнымъ и во многихъ школахъ едва-ли простиралось далѣе основаній латинской грамматики, преподаваніе которой, какъ и другихъ наукъ, происходило на русскомъ или славянскомъ языкѣ. Съ другой,—нѣкоторые учебные предметы все еще изучались и старыми дидактическими пріемами, и по старымъ учебникамъ. Наконецъ слабую сторону нашихъ училищъ составлялъ преподавательскій персоналъ. Нигдѣ онъ не носилъ такого разнообразнаго и случайнаго характера, какъ въ братскихъ училищахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и дьяковъ школьныхъ—представителей старой русской педагогіи, и грековъ разнообразныхъ іерархическихъ степеней, и московскихъ выходцевъ, и учениковъ іезуитскихъ школъ, и протестантскихъ педагоговъ, и студентовъ замостской и, вѣроятно, краковской академіи. Даже наиболѣе богатое виленское братство съ трудомъ добывало нужныхъ учителей. Предъ 1619 г. оно повсюду «промышляло своего рода и благочестія трудолюбны (и искусны) учители имѣти», но, не найдя, просило львовское братство прислать кого-нибудь, хотя бы и не славнаго мнимой ученостью, а затѣмъ вынуждено было со скорбью сердца нанять для своей школы «иновѣрныхъ нѣмецъ», которые долго не переводились въ ней... Къ мысли посылать своихъ питомцевъ въ иновѣрныя школы для продолженія образованія братства пришли сравнительно поздно, да и тутъ не обходилось безъ непріятностей, такъ какъ были случаи совращенія ихъ въ инославіе. Скудна была учеными силами и кіевская школа, какъ объ этомъ можно, пожалуй, заключить по отказу м. Іова Борецкаго послать русскаго учителя въ Слуцкъ для кальвинской гимназіи (1624). Видя все это, Петръ Могила, человѣкъ, самъ знакомый и съ братской педагогіей и, кажется, съ заграничными университетами, какъ только получилъ власть въ западно-русской церкви, задался цѣлью снабдить Русь такими учебными заведеніями, которыя, будучи по духу строго православными, не уступали бы лучшимъ коллегіямъ западно-европейскимъ и поль-

скимъ и, стоя въ уровень съ потребностями времени, могли-бы давать своимъ питомцамъ полное и всестороннее образованіе и сдѣлали бы излишними поѣздки за границу для восполненія пробѣловъ домашняго образованія. Могила началъ съ того, что послалъ за границу для довершенія образованія нѣсколькихъ молодыхъ монаховъ, а затѣмъ, будучи во Львовѣ въ 1631 г., пригласилъ въ предположенное имъ къ открытію лаврское училище двухъ тамошнихъ братскихъ учителей—монаховъ Сильвестра Коссова и Исаію Трофимовича, прошедшихъ католическія академіи въ Замостьѣ (и, можетъ быть, въ Краковѣ). Такимъ образомъ положено были основаніе контингенту учителей съ высшимъ образованіемъ, отъ которыхъ, можно было надѣяться, пойдетъ рядъ правоспособныхъ преподавателей, не чуждыхъ польско-европейской науки и въ то же время не обязанныхъ ѣздить за границу для обновленія своихъ знаній. Важно было имѣть подъ руками запасъ учебныхъ пособій, и вотъ самъ Петръ Могила дѣлаетъ въ Варшавѣ и Львовѣ закупку книгъ (1632—1633 г.г.). Изъ 86-ти номеровъ купленныхъ имъ книгъ огромная часть приходится на долю твореній св. отцовъ и учителей церкви и историческихъ сочиненій. Неизвѣстно, попало ли что-нибудь изъ нихъ въ училище Могилы и пользовались ли этими книгами въ качествѣ учебныхъ пособій. Но для коллегіи, конечно, были пріобрѣтены слѣдующія изданія: латинскій словарь Кнапа (III-ій томъ въ двухъ экземплярахъ), комедіи Плавта, трагедіи Сенеки и Кавзина (іезуита-педагога), Ювеналъ, Горацій съ комментаріями Ламбина, Марціалъ съ схоліями, Цицероновы рѣчи, письма и «обязанности» съ комментаріями Мануція, комментаріи Іакова Понтана на Овидіевы Метаморфозы, «Печали» и «Къ Морю», его-же—Poëticae institutiones, Кавзина—О краснорѣчіи (2 экз.), Сарбіерія Лирика, Мануція Римскія древности, Тригонометрія, Липсія введеніе въ стоическую философію, Массія Логика и Метафизика (2 экз.) [1]).

[1]) Каталоги напечатаны въ рефератѣ проф. С. Т. Голубева: «О составѣ библіотеки Петра Могилы» (Труды III археологич. съѣзда въ Россіи, II. (Кіевъ, 1878).

Проектированная Петромъ Могилой школа для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ была открыта осенью 1631 г. въ лаврѣ, при св.-троицкой церкви [1]. Она состояла изъ философскаго отдѣленія и пяти низшихъ классовъ: инфимы, грамматики, синтаксимы, риторики и поэзіи. съ изложеніемъ наукъ главнымъ образомъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Уже это внѣшнее устройство лаврской школы и преподавательскіе языки даютъ видѣть, что образцомъ для нея послужили іезуитскія коллегіи съ философскимъ курсомъ. До послѣдняго времени эта мысль была общепринятой. Но въ 1895 г. проф. Н. И. Петровъ усмотрѣлъ источники устройства кіевской коллегіи, наряду съ іезуитскими, еще въ піарскихъ школахъ [2]. Орденъ піарскій (ordo scholarum piarum), основанный въ началѣ XVII ст., имѣлъ своею цѣлью единственно первоначальное воспитаніе юношества, но впослѣдствіи открылъ и высшіе, философскіе классы. Но самъ же проф. Петровъ признаетъ, что «іезуитскія и піарскія коллегіи въ XVII в. въ существѣ дѣла принадлежали къ одному и тому же типу учебныхъ заведеній и имѣютъ даже генетическое родство между собою, такъ какъ піарскія коллегіи весьма много заимствовали у іезуитскихъ коллегій». Съ другой стороны, орденъ піаровъ былъ допущенъ въ польское королевство лишь въ 1642 г., уже по учрежденіи Кіево-могилянской коллегіи, и Петру Могилѣ не зачѣмъ было брать образецъ для послѣдней въ малоизвѣстныхъ еще западно-европейскихъ низшихъ піарскихъ школахъ, когда предъ его глазами были пользовавшіяся довольно хорошей репутаціей іезуитскія коллегіи. При многихъ недостаткахъ послѣднихъ, ярко бросались въ глаза положительныя ихъ качества: религіозное воспитаніе, недурно поставленное изученіе латинскаго и даже греческаго языка, развитіе стихотворнаго искусства, знакомство съ риторикой и діалектикой, столь важными въ

---

[1] Такъ извѣщалъ православную Русь 18 ноября 1631 г. самъ Петръ Могила.

[2] «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.» (Труды Кіев. дух. Академіи, 1895, II).

тогдашней конституціонной Польшѣ, разнообразіе свѣдѣній по другихъ предметамъ (правда, отрывочныхъ и не глубокихъ), развитіе въ ученикахъ умѣнія держать себя въ обществѣ, внутренняя упорядоченность въ коллегіяхъ и строгая субординація, спектакли, публичные экзамены... Быть можетъ, проф. Петровъ склонился къ своей мысли въ виду того соображенія, что, «піары были менѣе фанатичны, чѣмъ іезуиты, отличались скромностью, не вмѣшивались въ свѣтскія дѣла и воспитывали юношество въ строгихъ сравнительно порядкахъ», каковыя свойства онъ находилъ и у воспитанниковъ Кіево-могилянской коллегіи XVII в. Но помѣщенныя въ XXIII т. Актовъ Виленской археографической комиссіи жалобы на безчинства и буйства піарскихъ учениковъ въ Холмѣ, по отношенію къ частнымъ лицамъ и къ монахамъ уніатскаго монастыря, заставляютъ смотрѣть на піарскія школы нѣсколько другими глазами. Съ другой стороны, свидѣтельство І. Галятовскаго о своеволіи учениковъ кіевской коллегіи, спасавшихся отъ наказанія къ іезуитамъ (еще при жизни Петра Могилы!—«Фундамента и штурмы», 1683), и частыя напоминанія польскаго и русскаго правительства о томъ, чтобы въ Кіево-могилянскую коллегію не принимались люди буйные, непослушные,—не позволяютъ идеализировать ея воспитанниковъ [1]).

---

[1]) А вотъ что писалъ въ 1710 г. проѣзжавшій чрезъ Кіевъ московскій свящ. Іоаннъ Лукьяновъ: «Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ—тогда пришедши ночью да и укокошатъ хозяина-то; а изъ двора корову или овцу сволокутъ; нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ; а вечеръ пришелъ, то и пошли по избамъ псалмы пѣть, да хлѣба просятъ; даютъ имъ всячиною: и деньгами и хлѣбомъ, а иные имъ даютъ убоясь. (Рус. архивъ, 1863 (изд. 2), 150; id. Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева, II (1874), отд. II, 120, 121). Ср. «Очерки народной жизни въ Малороссіи» (57—«Кіевскіе студенты)» Ор. Левицкаго (Кіев. Стар., 1901, дек.), «Челобитье» кіевскихъ мѣщанъ на студентовъ академіи «за князя Хованскаго» въ «Сборникѣ матеріаловъ» И. Каманина (1840) и грамоту п. Адріана отъ 27 апр. 1699 г. (Тр. Кіев. дух. акад. 1900, дек., 604, 605).

Не касаясь всѣхъ особенностей строя и быта Кіево-могилянской коллегіи въ XVII в. [1]), обратимся къ тому, что составляетъ предметъ нашего очерка—къ учебной сторонѣ.

Невыяснено, съ чего и какъ начиналось преподаваніе въ кіевской коллегіи. Возможно, что первые уроки латинскаго языка—главнаго учебнаго предмета въ низшихъ классахъ—излагались по-русски или по-польски, но послѣ вели ихъ по-латыни, какъ это было и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, тѣмъ болѣе, что принятъ былъ и учебникъ іезуитскій—грамматика Альвара. Впослѣдствіи, въ 1670 г., въ лаврѣ былъ изданъ Элементаръ на польскомъ и латинскомъ языкѣ (Эйнгорнъ, О сношеніяхъ малорос. духовенства съ москов. провительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, 870, 872),—очевидно, латинская азбука на польскомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ латинскій языкъ занималъ въ Кіево-могилянской коллегіи XVII в. первое мѣсто,—на немъ читали всѣ предметы, начиная съ риторики и кончая богословіемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся доселѣ рукописные ихъ курсы [2]). Почти всѣ они носятъ латинскій заголовки и написаны по-латыни (только нѣкоторые и по-польски, напр., риторика Лазаря Барановича, 1647 г.). И это положеніе латинскаго языка въ кіевской коллегіи понятно,—оно отобра-

---

[1]) Изъ новѣйшихъ трудовъ объ этомъ можно читать въ статьѣ проф. Петрова (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, II, III,), въ рѣчи проф. Голубева: Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст. (ibid., 1901, ноябрь), въ книгѣ г. Яблоновскаго: Akademia Kijowsko-Mohilańska (Krakow, 1899, 1900).

[2]) У проф. Петрова ихъ зарегистровано 39 номеровъ (Сюда вошли учебники риторики, піитики, діалектики, и логики, философіи, богословія. Тр. кіев. дух. акад., 1895, III, 597—607). Это число можетъ быть увеличено двумя учебниками риторики (Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., XIV, вып. I,—сообщеніе В. Н. Перетца), учебникомъ ариѳметики, геометріи и пасхаліи (Кіево-софійская библіотека, № 577), руководствомъ по поэзіи (Синод. типогр. библ.,—Тр. кіев. дух. ак., 1901, ноябрь 361, прим. 21: Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Рѣчь на годичномъ актѣ академіи).

жало роль его во всемъ тогдашнемъ учебномъ и ученомъ мірѣ. И не даромъ право изучать его такъ отстаивалъ Сильвестръ Коссовъ, а послѣ авторъ (или авторы) Лиѳоса (1644) [1]).

Польскій языкъ былъ въ польско-русскомъ государствѣ языкомъ общества,—и обойтись безъ него въ русской городской школѣ нельзя было уже потому, что, вѣроятно, его знала практически большая часть поступившихъ туда учениковъ. Не маловначителенъ тотъ фактъ, что въ польскомъ языкѣ не отказывалъ русскимъ даже Саковичъ, почему и автору Лиѳоса не приходилось доказывать его пользу и необходимость. Впослѣдствіи, въ 1687 г., львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій писалъ своему епархіальному духовенству: «Сама справедливость и нужда духовная требуютъ отъ насъ, живущихъ въ Коронѣ польской, чтобы мы могли отвѣчать римско-католическому духовенству на его языкѣ, чтобы священникъ могъ бесѣдовать съ паномъ по свѣтски, не затрудняясь отвѣчать ему. Потому то духовенству нашему православному нужно знать не только славянскій языкъ, но и польскій, а если можно, то и латинскій». Онъ же свидѣтельствуетъ, что въ галицкой школѣ въ это время изучались польскій и латинскій языки, наряду съ русскимъ и славянскимъ (Ар. Зап. Р., V, № 168). Въ брестской православной школѣ, возобновленной въ 1633 г. и утвержденной въ 1641 г., преподаваніе велось по-русски и по-польски. Въ кіевской и винницкой коллегіяхъ польскій языкъ стоялъ если не наравнѣ съ латинскимъ, то вслѣдъ за нимъ. [2]). Курсы риторики и піитики этихъ

---

[1]) Въ Лиѳосѣ необходимость для русскихъ изученія латинскаго языка доказывается, кромѣ его административнаго и судебнаго значенія въ Польшѣ, употребленіемъ его на религіозныхъ диспутахъ и тѣмъ, что на немъ написано множество и богословскихъ, и свѣтскихъ книгъ (Арх. юго-зап. Россіи, I, IX, 375. 376).

[2]) Въ грамотѣ кор. Михаила кіевской коллегіи 1670 г. говорится, что шляхта и обыватели кіевскаго воеводства, по соглашенію съ м. Петромъ Могилой, постановили въ 1633 г. основать при братской богоявленской церкви гимназію для изложенія наукъ на *польскомъ*, латинскомъ и греческомъ языкахъ, на что получили и привилей

школъ представляютъ цѣлыя страницы выдержекъ изъ польской беллетристики и чисто польскихъ цвѣтовъ краснорѣчія [1]). О положеніи въ кіевской школѣ польскаго языка свидѣтельствуетъ та литература, преимущественно панегирическаго (первый опытъ— «Mnemozyne sławy» 1633) и богословско-полемическаго характера (начинается Exegesis'омъ и Πατερικον'омъ Сил. Коссова 1635), которая расцвѣла здѣсь въ теченіе XVII ст.—Интересно, что когда въ 1693 г. м. Варлаамъ Ясинскій просилъ русскихъ государей объ утвержденіи кіевскаго училища съ предоставленіемъ права учить на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и польскомъ языкахъ,— о послѣднемъ въ отвѣтной грамотѣ умолчано [2]).

Русскій языкъ въ кіевской коллегіи былъ въ нѣкоторомъ загонѣ, что видно изъ отсутствія грамматики его, хотя отличіе отъ славянскаго было давно уже сознано, какъ сознана была и національная нужда его изученія. Но если и прежде, въ домогилянскій періодъ нашего школьнаго образованія, отличавшійся общесословностію и народностію, русскій языкъ назывался «простою мовою», «простѣйшимъ» и «подлѣйшимъ, въ противоположность высокимъ качествомъ славянскаго, то теперь въ нашу духовно-учебную корпорацію проникли польско-шляхетскія понятія, которыя на поло-

отъ к. Владислава, но этотъ привилей погибъ въ бѣдственныя времена, и существованіе его въ 1670 г. доказывалось разными другими документами (Пам. Кіев. Ком., изд. 2 (1898), т. 1 и 2, 464). Мы сомнѣваемся въ существованіи его. Хотя Петру Могилѣ легко было бы выхлопотать для своей школы привилегію, но онъ ея не получилъ, иначе Сил. Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ сослался бы на нее въ подтвержденіе права кіевскихъ учителей учить по-латыни (а не на общій только дипломъ 14 марта 1633). Неполученіе привилея Могилой можно объяснить тѣмъ, что онъ добивался для своей школы грамоты на титулъ академіи, но не получивъ ея, остался совсѣмъ безъ сепаратнаго привилея.

[1]) Въ такой формѣ риторика съ поэзіей преподавалась и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, въ одной изъ которыхъ была даже сдѣлана попытка приложенія правилъ ихъ къ польскому языку.

[2]) Арх. юго-зап. Россіи, I, V, 388. Пам. Кіев., Ком., изд. 2, т. 2—1, 489.

женіи русскаго, народнаго языка должны были отразиться еще печальнѣе [1]). Тѣмъ не менѣе, если онъ не сталъ учебнымъ предметомъ, то на немъ все же преподавали нѣкоторыя науки (что́ допустить было тѣмъ необходимѣе, что онъ не былъ исключенъ даже изъ іезуитскихъ и протестантскихъ училищъ). Такъ, на немъ изучался катихизисъ, изданный въ 1645 г. въ печерской лаврѣ подъ названіемъ: «Събраніе краткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской» [2]). На южно-русскомъ же языкѣ былъ написанъ въ 1665 г. еще одинъ катихизисъ [3]). Затѣмъ, проф. Петровъ полагаетъ, что напечатанная въ приложеніи къ сборнику проповѣдей Іоанникія Галятовскаго (къ «Ключу разумѣнія») «Наука албо способъ зложеня казаній» «есть не что иное, какъ примѣненіе къ проповѣдничеству риторическихъ правилъ, которыя преподавалъ Галятовскій въ Кіево-могилянской коллегіи въ $165^7/_8$ году» (гомилетика преподавалась въ Кіевѣ не какъ отдѣльный предметъ, а какъ прикладная часть риторики). Возможно, что и піитика не отказывалась заниматься составленіемъ стиховъ именно на русскомъ языкѣ. По крайней мѣрѣ первое (и единственное) стихотвореніе, вышедшее изъ лаврской еще школы Петра Могилы—«εὐχαριστήριον албо вдячность» (29

---

[1]) Уже въ Лиѳосѣ говорится о своевольныхъ украинскихъ хлопахъ... а Іоанникій Галятовскій, ректоръ коллегіи, производя «панскій и духовный станъ» (состояніе, сословіе) отъ Сима и Іафета, родоначальника «поспольству» (простымъ обывателямъ) «видѣлъ въ Хамѣ». (Эйнгорнъ, o. c., 482. О паденіи въ Малороссіи XVII в. и въ коллегіи демократическихъ принциповъ см. еще у Ор. Левицкаго—Кіевская Старина, 1901, декабрь, 452).

[2]) Перепечатанъ въ прилож. къ «Петру Могилѣ«, II, № 81. Первое его изданіе на польскомъ языкѣ имѣло въ виду главнымъ образомъ опроверженіе написанныхъ по-польски сочиненій враговъ церкви православной («Предмова до чителника»).

[3]) Напечатанъ въ прил. (VI) къ статьѣ проф. Петрова въ Трудахъ Кіев. дух. акад. 1895, III, 608—632. Правда, въ поэтическомъ классѣ катихизисъ проходился, въ видѣ повторенія, еще разъ—на латинскомъ языкѣ (ibid., 223. 609).

марта 1632 г.),—написано по-русски. Нельзя, конечно, не усматривать въ этомъ произведеніи «профессора риторики Софронія Почасскаго» вліянія братской дидактики, такъ какъ Почасскій—ученикъ К. Саковича и одинъ изъ сотрудниковъ его по составленію Виршей на смерть гетмана Сагайдачнаго (1622). Но и послѣ питомцы коллегіи писали русскіе стихи. Такъ, Симеонъ Полоцкій, учитель братской полоцкой школы, учившійся въ Кіевѣ предъ 1650 г., подноситъ ц. Алексѣю Михайловичу привѣтственные стихи на русскомъ языкѣ (1656); на немъ же написаны стихи на возвращеніе въ Полоцкъ изъ Москвы иконы Божіей Матери (1659). Да и въ Москвѣ Полоцкій усердно занимался стихосложеніемъ на русскомъ языкѣ [1]). Извѣстно, что и въ самомъ концѣ XVII ст. въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ кіевской коллегіи происходили опыты стихосложенія на русскомъ языкѣ, наряду съ латинскимъ и польскимъ [2]). Вернувшійся въ 1689 г. въ Кіевъ послѣ окончанія образованія въ Познани и Вильнѣ, кіевскій питомецъ Стефанъ Яворскій подвергся въ родной коллегіи испытанію и при этомъ обнаружилъ такое искусство въ составленіи русскихъ, польскихъ и латинскихъ стиховъ, что былъ почтенъ званіемъ лавроноснаго поэта (poëta laureatus) [3]).

Хотя еще братская школа знала двѣ грамматики славянскаго языка (Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго) и два словаря его (Л. Зизанія и Памвы Берынды)—положеніе его въ кіевской коллегіи было настолько не высоко, что Симеонъ Полоцкій, переѣзжая въ Москву, долженъ былъ взяться за учебникъ его, чтобы выработать свой литературный языкъ и возвести его до

---

[1]) А. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVIII ст. (Спб., 1889), 7—9.

[2]) «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи»—Труды академіи, 1866, іюль, 323. 324.

[3]) «М. Стефанъ Яворскій»—Тр. кіев. дух. акад., 1864, янв., 56. 57. Отмѣтимъ, что въ 1670 г. гетманъ Дорошенко добивался отъ польскаго правительства фундованія въ Кіевѣ (и еще въ одномъ городѣ) академіи съ преподаваніемъ на греческомъ, латинскомъ и *русскомъ* языкѣ (А. Ю. и З. Р., IX, №№ 47 и 77, стр. 199 и 302. 303).

чистоты языка древнихъ церковныхъ книгъ, какъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ:

«Писахъ въ началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣвъ многу пользу быти
Славенску ся чистому учити.
Взяхъ грамматику, прилѣжахъ читати;
Богъ же удобно даде ю ми знати..:
Тако славянскимъ рѣчемъ приложихся;
Если далъ Богъ, знати научихся;
Сочиненіе возмогохъ познати
И образния въ славянскомъ держати (Изъ предисловія къ «Риѳмологіону»,--у Майкова).

«И усилия Симеона, говоритъ его біографъ Л. Н. Майковъ, не были напрасными: въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имъ написаны въ Москвѣ, мы дѣйствительно находимъ довольно чистый церковно-славянскій языкъ, почти свободный отъ польскихъ и западно-русскихъ формъ, словъ и оборотовъ»... Для характеристики положенія славянскаго языка въ кіевской коллегіи, важно также свидѣтельство ея воспитанника Іоанна Максимовича, въ предисловіи къ латино-славянскому словарю 1724 г.: «Дивно, что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кіевскаго, вящше отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовавшася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ» [1].

---

[1]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., I, 194.— Въ Кіевѣ въ теченіе всего XVII ст. напечатанъ только одинъ букварь славянскаго языка 1664 г. Изъ другихъ мѣстъ зап. Россіи славянскіе буквари были издаваемы—въ Вильнѣ въ 1621 и 1652 г. Кутеинѣ 1631, Львовѣ 1671, 1692 и 1710 годахъ (ib., 169. 170), Черниговѣ 1680 г. (Сумцовъ, Лазаръ Барановичъ 31).—О положеніи славян. языка въ кіевской коллегіи XVII в. и у малороссійскихъ писателей и объ отношеніи его къ народному существуетъ изслѣдо-

Относительно греческаго языка въ Кіево-могилянской коллегіи у ея новѣйшаго историка проф. Петрова находимъ слѣдующія строки: греческій языкъ преподавался по Гретперу, принятому также въ іезуитскихъ коллегіяхъ [1]). Но уже въ 1649 г. преподаваніе греческаго языка въ кіево-братской коллегіи значительно упало, какъ это видно изъ грамоты іерусалимскаго патріарха Паисія, который свидѣтельствуетъ, что греческій языкъ кіево-братскіе учителя знали только отчасти. А Варлаамъ Лащевскій въ предисловіи къ своей «Грамматикѣ греческаго языкя» (Grammatica graecae linguae, Bresl., 1746) говоритъ, что до него греческій языкъ не преподавался въ кіевской академіи 100 лѣтъ (Тр. кіев. дух. ак., 1895, Ш, 222. 223). И эти извѣстія какъ будто подтверждаются примѣромъ Сим. Полоцкаго и свидѣтельствомъ Епифанія Славинецкаго. О Симеонѣ Полоцкомъ въ Москвѣ были убѣждены, что онъ «греческаго писанія ничтоже знаяше» («Остенъ», Казань, 1865 г., 71. 130). И, какъ оказывается, Полоцкаго затруднялъ греческій текстъ: при переводѣ на русскій языкъ Лигаридова «Опроверженія челобитной попа Никиты» онъ оставлялъ не переведенными цѣлыя греческія изреченія св. отцовъ и классическихъ писателей [2]). Мы лично убѣждены, что греческій языкъ въ кіевской коллегіи изучался и что Сим. Полоцкій его зналъ, но, по отсутствію практики, не владѣлъ имъ въ достаточной степени: вѣдь только у него могъ научиться греческому языку Сильвестръ Медвѣдевъ [3]). Что касается Епифанія Слави-

---

ваніе г. Житецкаго: «Очеркъ литературной исторіи мало-русскаго нарѣчія въ XVII в.» (Кіевъ, 1889).

[1]) Ссылка на Исторію школъ въ Польшѣ І. Лукашевича, у котораго авторъ беретъ и другое сообщеніе: Со времени Яна Казимира изъ іезуитскихъ школъ въ Польшѣ и Литвѣ былъ совершенно изгнанъ греческій языкъ, или же въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, гдѣ его удержали, предоставлено желанію учениковъ учиться этому языку, или не учиться.

[2]) Мат. для ист. руск. раск., IX, стр. 12. Сменцовскій, о. с., 22, прим. 1.

[3]) Біографъ Медвѣдева г. Прозоровскій сообщаетъ, что въ библіотекѣ его были греческія книги (между прочимъ нѣсколько гре-

нецкаго, то онъ, по словамъ вошедшей въ «Остенъ» статьи о немъ и о Полоцкомъ, въ бесѣдѣ съ послѣднимъ въ 1673 г. далъ такое свидѣтельство по интересующему насъ вопросу: «наши кіевляне училися и учатся точію по-латинѣ и чтутъ книги токмо латинскія, и оттуду тако мудрствуютъ, а гречески не училися и книгъ греческихъ не чтутъ» (73). Изслѣдователи противополагаютъ этимъ «кіевлянамъ» (въ частности, Симеону Полоцкому) самого Славинецкаго, прекраснаго знатока греческаго языка. «Онъ воспитывался, говорятъ, въ братской школѣ до преобразованія ея Петромъ Могилой, т. е. до 1632 г., въ такое время, когда въ ней тщательно изучался греческій языкъ. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что Епифаній положилъ въ основу своего образованія глубокое знаніе греческаго языка, какое онъ проявилъ впослѣдствіи, въ своей учено-литературной дѣятельности въ Москвѣ» [1]). Хотя это мнѣніе сдѣлалось въ литературѣ общимъ мѣстомъ, естъ нѣкоторыя основанія оспаривать его. Прежде всего, оно—только предположеніе, не опирающееся ни на какія свидѣтельства и не имѣющее за себя хронологическихъ датъ. Епифаній Славинецкій предъ переходомъ въ Москву въ 1649 г. состоялъ учителемъ въ братской школѣ. Если даже согласиться съ предположеніемъ г. Ротара, что учителемъ онъ сдѣлался въ 1642 г., такъ какъ совершенный имъ въ это время переводъ—передѣлка словаря Амвросія Калепина—имѣлъ въ виду нужды

ческихъ грамматикъ) и одна изъ нихъ испещрена собственноручными его замѣтками, доказывающими, что Медвѣдевъ не разъ читалъ ее, дѣлалъ поправки, выноски, толкованія и пр., а изъ одного показанія Медвѣдева видно, что онъ сличалъ напечатанную въ Москвѣ книгу филадельфійскаго митрополита Гавріила «О св. тайнѣ» съ рукописными переводами и съ греческимъ оригиналомъ. Ничего нельзя имѣть противъ предположенія, что Медвѣдевъ основательно познакомился съ греческимъ языкомъ впослѣдствіи, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что элементарныя, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія онъ получилъ въ школѣ Сим. Полоцкаго («Сил. Медвѣдевъ», М., 1896, 76. 79).

[1]) Ив. Ротаръ, «Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.» (Кіев Стар. 1900, октябрь, 6).

школы [1]), а предъ тѣмъ провелъ два года въ Печерскомъ монастырѣ (что не совсѣмъ вѣроятно), то нужно признать, что ученіе его за границей падаетъ на послѣдніе тридцатые годы XVII ст. [2]), а въ Кіевѣ—на первые, и что онъ, слѣдовательно, питомецъ уже Кіево-могилянской коллегіи, а не братской школы. А что его учено-литературная дѣятельность носила греческій характеръ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Онъ самъ сознается, что вначалѣ едва совсѣмъ не увлекся латинскою мудростью: «Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію,—говорилъ о себѣ Епифаній по свидѣтельству одного изъ его совре-

---

[1]) Кiев. Стар., 1900, окт., 10—13. Но правдоподобно, что въ учителя Славинецкій попалъ позже, иначе въ семь лѣтъ подвинулся бы въ школѣ въ старшіе классы и заявилъ бы себя какимъ-нибудь собственнымъ курсомъ—по риторикѣ или по философіи. (Извѣстно, что въ кіевской могилянской коллегіи, какъ и въ іезуитскихъ, учителя переходили съ учениками изъ класса въ классъ).—Оригиналъ первой филологической работы Славинецкаго хранится въ Москвѣ, въ библіотекѣ Главнаго архива Министерства иностр. дѣлъ, подъ № 241/441. Рукопись озаглавлена: «Лексиконъ латинскій зкалепина преложенный на словенски лѣта отъ созданія мира ҂зрн» (7150—1642). С. Брайловскій, Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго (Рус. филол. вѣстникъ, 1890, II, 236, 237). У г. Брайловскаго и у Вал. Погорѣлова (во 2 вып. Описанія библіотеки московской синодальной типографіи, Москва, 1899 г., предисловіе и текстъ, стр. 88 и слѣд.) читатель найдетъ сличеніе разныхъ рукописей и редакцій латино-славянскаго словаря Славинецкаго. Впрочемъ, нужно замѣтить, что проф. А. И. Соболевскій, основываясь на датѣ, признаетъ передѣлку Калепина принадлежащей не Славинецкому, а одному изъ переводчиковъ посольскаго приказа (Западное вліяніе на литературу Московской Руси, 72).

[2]) «Эпифаній Славинецкій» значится въ числѣ лицъ, посылавшихся за границу, въ спискѣ (черновомъ) нѣкоторыхъ начальствующихъ и учащихъ лицъ кіевской академіи, составленномъ въ 1820 г.; самая ранняя дата въ этомъ спискѣ—1633 г. (Тр. кіев. дух. акад., 1895, III, 596). Свидѣтельство о томъ же м. Евгенія (Епифаній Славинецкій обучался въ заграничныхъ академіяхъ въ началѣ XVII в.) очень неопредѣленно.

менниковъ,—дондеже не прочитая святыхъ отцевъ писаній греческихъ книгъ, но точію читая латинскія; егда же, озарився благодатію св. Духа, начахъ прочитати греческія книги, тогда лесть латинскую познахъ и въ писаніихъ ихъ новшество и блуды и растлѣнія уразумѣхъ и вся ихъ оплевахъ, за еже вся лживо и противно св. древлнимъ отцамъ пишуть; и оттолѣ писахъ, яже писахъ, съ греческихъ книгъ и себѣ написахъ книгу греческимъ діалектомъ, собравъ разумѣнія св. отцевъ множайшихъ, яже всегда прочитахъ; латинская же мудрованія вся отвергохъ» (у Сменцовскаго въ Прилож., стр. XXIII). «На основаніи этой выдержки можно заключать, пишетъ г. Ротаръ, что въ научныхъ убѣжденіяхъ Епифанія былъ переломъ. Если принять во вниманіе, что въ кіевской коллегіи онъ обучался до преобразованія ея Петромъ Могилой, когда греческое вліяніе нераздѣльно царило въ ней, то это увлеченіе латинскою наукою должно быть отнесено ко времени его пребыванія за границей» (ibid., 4. 10). Но оно совсѣмъ не имѣло бы мѣста, если бы въ кіевской школѣ у Епифанія было заложено такое твердое греческое основаніе. Наконецъ, не нужно забывать, что латинскій языкъ и ученіе въ Кіевѣ еще до Могилы получили преимущественное значеніе... Только личнымъ настроеніемъ Славинецкаго можно объяснить, что, при латинскомъ преимущественно образованіи, онъ изъ двухъ источниковъ богословскаго знанія, послѣ нѣкотораго колебанія, остановился на греческомъ и усвоилъ себѣ византійское отношеніе къ догматамъ [1]).

---

[1]) «Силлогисмомъ же—исповѣдывался Славинецкій—паче же латинскимъ, аще и доволенъ есмь въ тѣхъ, не послѣдую, ниже вѣрую; бѣгати бо силлогисмовъ, по св. Василію, повелѣваемся, яко огня, зане силлогисмы, по св. Григорію богослову, и вѣры развращеніе, и тайны истощеніе. Но послѣдую св. отцевъ, восточныя церкве учителей, преданію и ученію»... (Остенъ, 71).—Много раньше назвалъ Славинецкаго ученикомъ могилянской коллегіи Аскоченскій (Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею (1856), I, 148, 149, 160—162). Но онъ ничѣмъ не подтвердилъ своего мнѣнія. Также думаетъ и проф. Житецкій (Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. Кіевъ, 1889, 13).

Безъ сомнѣнія, греческій языкъ изучался въ Кіево-могилянской школѣ. Вѣдь и основана она была, какъ объявлялъ 18 ноября 1631 г. Петръ Могила, для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ, а въ 1635 г. Коссовъ заявлялъ, что они—учителя—при латинѣ не забываютъ и греки. Для преподаванія греческаго языка м. Могила искалъ грековъ, и въ 1645 г. для этой цѣли хотѣлъ было оставить въ Кіевѣ ученаго константинопольскаго архимандрита Венедикта (М. Макарій. XI, 131). И если дѣйствительно іерусалимскій патріархъ Паисій, посѣтивъ въ 1649 г. кіевскую коллегію, нашелъ въ ней дѣлателей, «юношъ благородныхъ правъ обучающихъ... ученіемъ словенскаго, яко свойственнаго, латинскаго, яко между латинами живущимъ имъ благопотребнаго, *отчасти* и нашего греческаго языка» (П. К. К., изд. 2, т. 1 и 2, 441),—московскому правительству тогда же было извѣстно, что двое изъ братскихъ учителей «божественнаго писанія вѣдущи и Еллинскому языку навычны и съ Еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ», почему оно и просило прислать ихъ въ Москву на время «для справы библѣи и для риторскаго ученія»,—именно, какъ «учителей, божественнаго писанія вѣдущихъ и Еллинскому языку навычныхъ» (А. Ю. и З. Р., Ш, №№ 267, 330). Допускаемъ, что въ программѣ коллегіи греческій языкъ стоялъ не очень высоко, и готовы предположить, что поэтому именно племянникъ Арсенія Суханова Юрій учился ему предъ 1662 г. не въ Кіевѣ, а въ Валахіи [1]). Но все же онъ изучался. Иначе едва ли п. Паисій, просившій въ 1669 г. царя за коллегію, выразился бы, что въ Кіевѣ Богъ «вторые Афины, вмѣсто оныхъ грѣческихъ древнихъ, в Россіи воздвиже»... (С. Т. Голубевъ, кіевская академія (рѣчь), 37). И хотя въ жалованной грамотѣ Кіево-братскому монастырю к. Михаила, отъ 25 апр. 1670 г., его школа названа латинской, 10 октября того же года

---

[1]) У Паисія Лигарида. Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, I, (1891), 76—78, 439. Въ 1650 г. въ Валахіи находился какой то Өедоръ Русинъ, студентъ (id., II, вып. 1, изд. 2, (1894) 43).

король утвердилъ за нею старую, Владислава IV (?), привилегію на преподаваніе наукъ «польскимъ, латинскимъ и греческимъ языкомъ» [1]). Затѣмъ, и предъ московскимъ правительствомъ кіевскія духовныя власти и гетманъ не разъ хлопотали объ утвержденіи въ Кіевѣ «училищъ словенскимъ, греческимъ и латинскимъ языкомъ»: въ 1670 г. братскій игуменъ Варлаамъ Ясинскій (Эйнгорнъ, 683), въ 1685 г. гетманъ Ив. Самойловичъ [2]), въ 1693 г. м. Варлаамъ Ясинскій, просившій объ утвержденіи преподаванія въ Кіевѣ разныхъ предметовъ, отъ грамматики до богословія, на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и польскомъ языкахъ (ibid., 388), на что и послѣдовала 11 янв. 1694 г. грамота, разрѣшавшая ученіе «славеноросійскимъ и еллиногреческимъ и латинскимъ языком», подтвержденная затѣмъ 26 сент. 1701 г. [3])

Грамматика, преимущественно латинскаго языка, въ кіевской коллегіи изучалась въ теченіе трехъ лѣтъ. Четвертый годъ изучалась поэзія. Дошедшіе до насъ рукописные курсы піитики (на латинскомъ языкѣ) дѣлятся на двѣ части: въ первой говорится о

---

[1]) П. К. К. изд. 2, т. 1—2, 461—465. Затрудняемся сказать, въ какой внутренней связи съ этими двумя грамотами к. Михаила стоятъ «Статьи, предложенныя гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ на съѣздѣ съ польскими эмиссарами въ Острогѣ» (10 мая 1670 г.), утвержденныя королемъ и напечатанныя 22 дек., и инструкція, данная Дорошенкомъ посламъ запорож. войска, отправленнымъ на польскій сеймъ, въ октябрѣ этого же года (А. Ю. и З. Р., IX, №№ 47 и 77). Въ обоихъ послѣднихъ документахъ содержится ходатайство о фундованіи въ Кіевѣ академіи съ *греческимъ*, латин. и русскимъ языками.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, V, 69: «Къ тому дабы не отриновенно было ученіе свободныхъ наукъ греческимъ і латинскимъ языкомъ, что издавна обыкло бывати подъ вѣдомостью митрополита въ Кіевѣ, въ монастырѣ братскомъ, яко і нынѣ подъ счастливымъ вашимъ царскаго величества обладаніемъ обрѣтается» (Ср. 77). Это ходатайство было удовлетворено царями въ томъ же году (ibid., 97, 99).

[3]) П. К. К., изд. 2, I—II, 489, 495 (ср. подтверждавшую ихъ жалованную грамоту имп. Елисаветы Петровны 11 дек. 1742,—ibid., 505).

поэзіи, природѣ ея, матеріи и формѣ, о стихѣ и о пособіяхъ (de subsidiis poëseos,—здѣсь кратко излагается греко-римская миѳологія и предлагаются индексы сентенцій и примѣровъ изъ классическихъ писателей), а во второй—о поэзіи въ частности, т. е. о видахъ ея (эпопея, комедія и трагикомедія, трагедія, буколическая и элегическая поэзія, эпиграмма). Изъ всѣхъ видовъ поэзіи въ Кіево-могилянской коллегіи преимущественно культивировались эпитафіи, вирши на радостные случаи въ жизни знатныхъ лицъ и вирши религіознаго содержанія, иногда въ драматической формѣ (мистеріи). Кіевская школьная поэзія, какъ и іезуитская, не была поэзіей въ собственномъ смыслѣ, а лишь стихотворствомъ, изложеніемъ мыслей и чувствъ въ строкахъ опредѣленнаго размѣра. Болѣе того, подчиненіе размѣру стиха и формѣ стихотворенія (акростихъ, «курьезный» стихъ—расположенный въ формѣ яйца, бокала, пирамиды) стѣсняло содержаніе и дѣлало изъ стихотворенія нѣчто искусственное, лишенное печати художественнаго творчества [1]).

Характеръ кіевской школьной поэзіи, ея источниковъ и основныхъ мотивовъ всего яснѣе выступаетъ въ конкретномъ примѣрѣ литературной дѣятельности Семеона Полоцкаго, кіевскаго воспитанника и усерднаго виршеслагателя, всегда питавшаго желаніе, «да риѳмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенскомъ книжномъ языцѣ», какъ процвѣтаетъ оно у другихъ народовъ. Самъ Полоцкій написалъ стихами очень много, составивъ изъ плодовъ своей музы два большіе сборника—«Риѳмологіонъ» (стихи «на случай») и «Вертоградъ многоцвѣтный» (пьесы разнообразнаго содержанія: подобія, образы, присловія, толкованія, эпитафіи, повѣсти, лѣтописныя сказанія, подписи къ картинамъ, молитвы, увѣщанія и обличенія. Майковъ, о. с., 94—120). Подражая латинскому метрическому переводу псалтири Буханана и польскому стихотворному переложенію Яна Кохановскаго, онъ и самъ переложилъ псалтирь на славянскую стихотворную рѣчь.

---

[1]) См. цитованную выше статью: «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи».

Затѣмъ есть у Полоцкаго подражанія церковнымъ пѣснямъ, въ родѣ «Стиховъ краесогласныхъ на день успенія прес. Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи», представляющихъ какъ бы переложеніе акаѳиста Богоматери. Немало сюжетовъ дали Полоцкому латинскіе средневѣковые повѣствовательные сборники («Римскія дѣянія», «Великое зерцало»), прологи, житія святыхъ и гражданская исторія,—заимствованными отсюда поучительными разсказами онъ иллюстрировалъ религіозныя и нравственныя истины и аскетически-монашескіе свои взгляды на жизнь. Но особенно характеризуютъ Полоцкаго и то піитическое направленіе, которому онъ служилъ, «множество стихотвореній на разные случаи изъ жизни царскаго семейства и другихъ почетнѣйшихъ лицъ—привѣтствій въ праздничные дни, поздравленій и хвалебныхъ одъ на разныя радостныя событія и жалостныхъ элегій на происшествія печальныя». Такъ какъ въ основѣ ихъ лежало не всегда искренное чувство и расположеніе, а чаще разсчетъ и явное угодничество, очень откровенно рекомендуемое самимъ же Полоцкимъ («Аще у мужъ велможныхъ есть благодать тебѣ, употребляти ея всеопасно требѣ». Майковъ, о. с., 109), то этимъ объясняются и безцвѣтность общаго ихъ содержанія, и фальшивый, нерѣдко, тонъ, и напыщенность. Послѣдняго впрочемъ и требовала кіевская піитика отъ хвалебной лирики. Чрезъ полвѣка послѣ Полоцкаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ, будучи въ Кіевѣ профессоромъ піитики, допускалъ, что восхваляемаго въ стихахъ героя можно сравнивать со всякимъ высокимъ предметомъ, даже съ самимъ Богомъ, при одномъ только ограниченіи: «если мы распространимъ что-нибудь чрезъ сравненіе съ Богомъ, то не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или что онъ самъ Богъ; но достаточно сказать, что онъ или кажется подобнымъ Богу, или немного ниже его» (Тр. Кіев. дух. акад. 1867, I, 92).

Произнесеніе составленныхъ С. Полоцкимъ привѣтствій и пѣніе духовныхъ пѣсенъ и кантовъ поручалось имъ иногда нѣсколькимъ лицамъ, изъ которыхъ каждое исполняло отдѣльныя строфы. Это—обычай, привившійся въ западной Россіи, гдѣ онъ получилъ

впервые примѣненіе еще въ 1591 г. при посѣщеніи львовской братской школы м. Михаиломъ Рагозой. Оттуда же Полоцкій заимствовалъ и перенесъ въ Москву еще одну словесную форму—школьную драму. Послѣдняя, опять таки, получила мѣсто еще въ братской школѣ, по подражанію польскимъ училищамъ, и, естественно, перешла въ кіевскую коллегію. Изъ такихъ драмъ въ Кіево-могилянской коллегіи самою раннею была «Дѣйствіе на страсти Христовы», содержавшая исторію ветхозавѣтнаго патріарха Іосифа, прообразовавшаго страданія Христа. Въ 1673 г. «чрезъ шляхетную молодь студенскую въ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ» была представлена другая драма: «Алексѣй человѣкъ Божій» [1]). Хотя она была написана и представлена въ честь царя Алексѣя Михайловича, «въ знаменіе вѣрнаго подданства», однако имѣла священный характеръ, нисколько не касаясь современной общественной и политической жизни. Подобно другихъ малороссійскимъ пьесамъ, она представляла изъ себя переработку польскаго подлинника подъ тѣмъ же заглавіемъ, передѣланнаго изъ житія св. Алексія іезуита Скарги. [2]) Подражая этимъ школьнымъ драмамъ съ религіозными сюжетами, Полоцкій написалъ въ Москвѣ «Комедію о Навходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ», при чемъ, по словамъ, Л. Н. Майкова, несомнѣнно имѣлъ въ виду московскій обрядъ пещнаго дѣйствія (пьеса съ подобнымъ названіемъ разыгрывалась въ іезуитскихъ коллегіяхъ въ началѣ XVII ст.). Другая драматическая пьеса Полоц-

---

1) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., I, 393—397. Интересно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ во главѣ московской театральной труппы стоялъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ Грегори западноруссъ, шляхтичъ Степанъ Чижинскій, два года преподававшій передъ тѣмъ латинскій языкъ въ кіевской коллегіи и затѣмъ въ Смоленскѣ (Чт. Моск. общ. ист. и др., 1882, III. Е. В. Барсовъ, Новыя разысканія о первой эпохѣ русскаго театра, 4—5).

2) Н. Петровъ,—Тр. Кіев. дух. акад., 1895, III, 248. 249. Но П. И. Житецкій считаетъ ее «первой оригинальной малорусской драмой» («Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея»,—Кіев. стар.. 1900, I, 19).

каго «Комедія притчи о блудномъ сынѣ», состоящая изъ шести дѣйствій съ интермедіями, тоже не безъ подражанія западнымъ образцамъ и въ формѣ, и въ способѣ передачи содержанія притчи. Но главный интересъ ея заключается въ отношеніяхъ Полоцкаго къ русской жизни того времени, въ попыткѣ рѣшенія возникавшаго тогда спора между коснымъ и упрямымъ въ приверженности къ старинѣ поколѣніемъ отцовъ и тяготѣвшимъ къ образованію и новизнѣ младшимъ поколѣніемъ (Майковъ, 133. 134).

«Риторика въ Кіево-братской коллегіи дѣлилась на общую и частную или прикладную. Общая риторика, кромѣ предварительныхъ свѣдѣній о ней, состояла изъ пяти частей: объ изображеніи, расположеніи, выраженіи, памяти и произношеніи. Частная или прикладная риторика излагала ученіе о видахъ краснорѣчія: преимущественно изъяснительномъ или панегирическомъ, а отчасти совѣщательномъ и судебномъ. Въ этомъ классѣ преподавались иногда и правила церковнаго краснорѣчія или проповѣдничества, по примѣру іезуитскихъ риторикъ Мендозы, Кавзина и др. Однѣ изъ кіевскихъ риторикъ, говоря, напр., о составленіи предложенія, приступа и т. п , тутъ же замѣчали, что такой то способъ составленія предложенія или приступа свойственъ какъ свѣтскимъ, такъ и священнымъ ораторамъ, приводили примѣры проповѣдей, а иногда помѣщали и цѣлыя проповѣди, такъ что, чѣмъ далѣе идетъ рядъ подобныхъ руководствъ, тѣмъ болѣе и болѣе проникаются они замѣчаніями о проповѣдяхъ и примѣрами изъ проповѣдей. Другіе же изъ кіевскихъ риторовъ помѣщали въ своихъ риторикахъ особые трактаты о проповѣди» (Н. И. Петровъ, о. с.).

Кіевская коллегія XVII ст. не создала знаменитыхъ ораторовъ ни судебныхъ, ни политическихъ. Сравнительно извѣстны духовные—Галятовскій, Барановичъ, Радивиловскій, Полоцкій, Дмитрій Туптало. Характерныя свойства кіевской проповѣди XVII в.—свойства проповѣди католической и протестантской, съ которой русскіе церковные витіи познакомились и которой стали подражать еще въ періодъ процвѣтанія братскихъ школъ. Къ срединѣ XVII ст. у кіевскихъ ученыхъ сложились уже вполнѣ опредѣлен-

ныя понятія о томъ, какова должна быть церковная проповѣдь. «Кто хочетъ сочинить казанье,—пишетъ І. Галятовскій въ своей «Наукѣ» (въ приложеніи къ «Ключу разумѣнія» 1663 и 1665 гг.),—долженъ прежде всего положить изъ св. писанія ѳему, которая есть фундаментъ всего казанья»... Въ казаньи должно быть три части: «экзордіумъ, початокъ, въ коемъ казнодѣй чинитъ приступъ къ самой рѣчи, которую хочетъ сказывать, и гдѣ онъ представляетъ людямъ пропозицію, т. е. излагаетъ, что онъ думаетъ говорить въ казаньи... и проситъ Бога или преч. Дѣву о помощи, а людей—о вниманіи. Другая часть есть наррація, повѣствованіе, ибо въ этой части казнодѣй ужъ излагаетъ людямъ то, что онъ обѣщалъ повѣдать; эта часть есть наибольшая, ибо въ ней содержится все казанье, и къ ней сводятся всѣ прочія части. Третья часть есть конклюзія, заключеніе; тутъ казнодѣй припоминаетъ изложенное въ нарраціи и увѣщеваетъ людей, чтобы они любили то доброе, о чемъ онъ имъ говорилъ, или бы хоронились отъ дурного, если онъ велъ рѣчь о злѣ. Всѣ эти части должны согласоваться съ ѳемой, ибо какъ изъ малаго истока выходитъ великая рѣка, а вода въ ней все такая же что и въ истокѣ,—такъ и изъ малой ѳемы слагается великое казанье»... Но, конечно, не въ этой схемѣ характерное отличіе латино-польскаго направленія проповѣди: она проста,—а въ неуклонномъ соблюденіи ея, при которомъ одна проповѣдь можетъ пригодиться во множествѣ другихъ случаевъ, съ замѣной только именъ [1]), въ искусственномъ

---

[1]) Самъ Галятовскій предлагаетъ проповѣдь хотя бы на день великомуч. Георгія, мало измѣнивши, говорить въ любой другой день,—пусть будутъ тѣ же части, но гдѣ говорится о Георгіи, тамъ припоминать св. Димитрія или Прокопія, или Евстафія, или того мученика, который прославляется. Тредьяковскій представляетъ забавный примѣръ пользованія одного проповѣдника этимъ рецептомъ Галятовскаго. Хоронили сотника, и проповѣдникъ, взявъ за образецъ извѣстное слово Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Вел., началъ: «Чтó сіе! Что мы видимъ! Что дѣлаемъ! Ахъ, господина сотника погребаемъ», измѣнивъ «съ крайнимъ безуміемъ» фразу Ѳ. Прокоповича: «Петра

иногда связываніи частей проповѣди, и еще больше—въ способѣ трактованія темы. Послѣднее выражается уже въ пріискиваніи содержанія для наполненія разъ навсегда установленной формы. «Можетъ быть, говоритъ Галятовскій, кто-либо спроситъ: гдѣ взять матерію, изъ которой можно учинить казанье? Отвѣчаю: нужно читать библію, житія святыхъ, нужно читать учителей церковныхъ—Василія вел., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія, Ѳеодорита, Іоанна Дамаскина, Ефрема и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ св. Писанія; нужно читать исторіи и хроники о различныхъ государствахъ и странахъ, о томъ, что въ нихъ происходило и теперь происходитъ; нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, травахъ, камняхъ, о разныхъ водахъ, которыя въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ находятся; узнавать ихъ натуру, свой-

---

Великаго погребаемъ». «Съ Петромъ Великимъ, добавляетъ Тредьяковскій, вся Россія, такъ сказать, была погребаема. Но господъ сотниковъ сколько ни умерло, Россіи отъ того ни на волосъ не сдѣлалось убытка» (Майковъ, о. с., 78., прим.). А вотъ еще характерный примѣръ той беззастѣнчивости, съ какой кіевскіе панегиристы хвалили людей. Стефанъ Яворскій, будучи игуменомъ Николо-пустынскаго монастыря въ Кіевѣ, произнесъ рѣчь при бракосочетаніи своего бывшаго ученика Іоанна Обѣдовскаго, царскаго стольника и нѣжинскаго полковника. Издавая ее въ 1698 г. подъ названіемъ: «Виноградъ Христовъ», Яворскій снабдилъ ее примѣчаніемъ, въ которомъ говоритъ, что не завидуетъ ни Аристотелю, учившему Александра Македонскаго, ни Сенекѣ, учителю Нерона, потому что въ «Аѳинахъ кіевскихъ» онъ обучилъ риторикѣ и философіи Обѣдовскаго: греческіе ученые воспитали—одинъ «вселенскаго разбойника», другой—кровопійцу, онъ же (Яворскій)—человѣка, изукрашеннаго всѣми христіанскими добродѣтелями (Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., II, 1862, Спб., № 2). Стольникъ Іоаннъ Обѣдовскій выступаетъ, какъ авторъ посвященія поднесенныхъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ философскихъ и богословскихъ тезисовъ, защищенныхъ въ кіевской колегіи въ 1691 г. (Ровинскій Д., Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ (1889), II, 1290—1296).

ства и отличія и то себѣ отмѣчать и примѣнять къ той рѣчи, которую хочешь сказывать. Читай и различныя казанья казнодѣевъ нынѣшняго времени и слѣдуй имъ; найдешь въ нихъ достаточную матерію, изъ которой можешь сложить казанье на хвалу Божію, на отпоръ еретикамъ, на возбужденіе вѣрныхъ и на спасеніе души своей». Для обогащенія проповѣди содержаніемъ предлагалось примѣнять извѣстный способъ риторическаго «изобрѣтенія»—отвѣты на рядъ вопросовъ: кто что дѣлалъ? на какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? для чего? какимъ образомъ? въ какое время? и разныя фигуры. Все это дѣлало изъ проповѣди не вдохновенное произведеніе, отображающее внутреннее возвышенное настроеніе оратора, а механическое, чисто школьное упражненіе. Обильное же пользованіе свѣтскими источниками, иногда сказочнаго характера или миѳологическаго, окончательно ослабляло элементъ назидательности и усиливало черту занимательности, иногда до забавности [1]).

Въ философскомъ двухгодичномъ (одно время трехгодичномъ) классѣ кіевской коллегіи преподавалась діалектика съ логикой (краткой діалектикой иногда заканчивались курсы риторики), метафизика и физика. До введенія въ кіевскую коллегію богословія, въ курсы философіи нерѣдко занимались и богословскими вопросами, соприкасавшимися съ философіей. Таковъ курсъ Иннокентія Гизеля 1645—7 г.г., въ которомъ есть отдѣльные богословскіе вопросы (о душѣ, ея происхожденіи, безсмертіи и духовности) и даже цѣлый философско-богословскій трактатъ о Богѣ и ангелахъ. Въ самомъ концѣ XVII ст. всѣ подобные предметы вошли въ богословскій курсъ, но за то расширился философскій курсъ введеніемъ психологіи, космологіи, астрологіи. Кіевская философія—та же философія Аристотеля, что и у іезуитовъ, конституціи которыхъ прямо требовали отъ профессоровъ философіи, чтобы они слѣдовали во всемъ Аристотелю (какъ его по-

---

[1]) Майковъ, 76 и слѣд. Ср. характеристику южно-русскихъ проповѣди и проповѣдниковъ въ очеркахъ Н. Ѳ. Сумцова: «Къ исторіи южно-русской литературы XVII ст.»

нимали средневѣковые схоластическіе богословы, почитатели этого философа). Изъ письма кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго къ о. Колачинскому отъ 24 іюня 1695 г. видно, что въ кіевской коллегіи философію трактовали по-римски (po rzymskiey), т. е. по латинскимъ католическимъ методамъ и руководствамъ, именно по курсамъ, читаннымъ въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ (между прочимъ въ Люблинѣ и Львовѣ) [1]). Кіевскій философскій факультетъ въ теченіе XVII в. не внесъ ничего новаго въ исторію философской мысли, уже потому, что онъ не слѣдилъ за развитіемъ этой мысли въ Европѣ. Чуть ли не впервые кіевскіе ученые знакомятся съ Бэкономъ Веруламскимъ въ 1708 г., когда его сочиненія выписалъ м. Димитрій ростовскій, бывшій ученикъ коллегіи [2]).

Богословскій курсъ открылся въ Кіевѣ лишь по окончательномъ присоединеніи города къ Россіи (1686 г.). Богословіе включилъ въ программу коллегіи профессоръ и игуменъ Николо-пустынскаго монастыря Іоасафъ Кроковскій [3]). Когда лѣтомъ 1693 г.

---

[1]) Лѣтопись Самуила Величка, III, 348 (Кіевъ, 1855). Протоколы Кіевской духовной академіи, 189$^5/_6$, 163—165.

[2]) Душепол. чт., 1864, II,—Извѣстія и замѣтки, 2. 3. Шляпкинъ, о. с., 417.

[3]) Въ рукописномъ курсѣ риторики, прочитанномъ въ Кіевѣ въ 168$^9/_{90}$ уч. году, записаны школьныя привѣтствія, сказанныя предъ Кроковскимъ, «читавшимъ въ Кіево-могилянской коллегіи два курса философіи и тогда—профессоромъ свящ. богословія въ ней» (Кіево-Софійская библіотека, № 450, л. 114—117). Ссылаясь на эту замѣтку, проф. Петровъ (а за нимъ другіе) утверждаетъ, что преподаваніе богословія началъ Кроковскій въ 16$^{89}/_{90}$ уч. году и свой четырехлѣтній курсъ окончилъ въ 1696 г. (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, III, 47, 575, 576). Послѣдняго показанія г. Петровъ ничѣмъ не подтверждаетъ, но есть нѣкоторыя данныя стоять за него. Поднесенные Обѣдовскимъ богословскіе тезисы (Conclusiones Tleologicae — уставленія Богословская) были защищены «богословами» «Кіевскаго атенея» въ августѣ 1691 г. въ присутствіи «профессора свящ. богословія» и Николо-пустынскаго игумена (Кроковскаго). И въ посвященіи Обѣдов-

прибыло въ Москву большое посольство отъ кіевскихъ духовныхъ семинарій, съ ректоромъ Кроковскимъ во главѣ, то въ числѣ разнообразныхъ петицій, представленныхъ московскому правительству, одна касалась выдачи коллегіи грамоты на преподаваніе не только поэтики и риторики, но и философіи и богословія. Просьба эта стояла въ связи вообще съ расширеніемъ правъ кіевской коллегіи до значенія высшаго учебнаго заведенія, чего коллегія могла добиться теперь въ виду большей матеріальной обезпеченности своей и богатства образовательныхъ силъ, такъ какъ среди ея корпораціи появились вновь лица съ заграничными учеными титулами. Подкрѣпленное челобитьями митрополита и гетмана, который выставлялъ на видъ, что отъ упроченія и расширенія правъ коллегіи воспослѣдуетъ не только «вящее примноженіе хвалы Божіей», но и «великимъ государямъ, ихъ царскому Величеству, всенародная слава», — ходатайство посольства имѣло успѣхъ, и царской грамотой 11 янв. 1694 г. за коллегіей утверждено было право имѣть не только низшіе классы, но и высшіе— философіи и богословія; разрѣшалось обучать не только дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ, но и «изъ иныхъ странъ приходящихъ» (но только «благочестивой греко-россійской вѣры»); коллегія ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны

скаго говорится объ «упражняющихся богословски» и выражается желаніе, чтобы цари повелѣли «наставляться полезнымъ богословскимъ ученіемъ» (Ровинскій, о. с.). Съ этими извѣстіями требуетъ только согласованія ставленная грамота ректору Кроковскому отъ 20 янв. 1693 г., свидѣтельствующая, что онъ трудился «въ монастырѣ Братскомъ четырехлѣтнимъ ученіемъ философіи и *единолѣтнимъ ученіемъ богословія*, кромѣ нижайшихъ съ початку нѣсколколѣтнихъ ученій въ школахъ», и что онъ преподавалъ богословіе еще до первой ректуры, на которую былъ назначенъ еще м. Гедеономъ (Голубевъ. Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII в., 54, 55; здѣсь дата грамоты 1692 г. вмѣсто 1693,—ср. его-же «Гедеонъ Одорскій»,—Тр. Кіев. дух. акад., 1900, дек., 602), т. е. въ указанномъ уже $16^{89}/_{90}$ уч. году (И. И. Малышевскій, прот. кіев. дух. акад., $189^{5}/_{6}$ уч. г., 153—155,—рецензія на изслѣдованіе Н. И. Петрова).

военныхъ чиновъ и городского управленія и сверхъ того ей назначалось опредѣленное царское вспомоществованіе по 50 р. и 50 четвертей ржи въ годъ [1]). Преподаваніе богословія и нѣкоторая доля самоуправленія были элементами высшаго учебнаго заведенія, и коллегія, ходатайствуя вновь въ маѣ 1701 г. о подтвержденіи права собственнаго суда, на которое посягнули кіевскіе мѣщане, не усомнилась назвать себя академіей, и этотъ титулъ былъ дѣйствительно оставленъ за ней грамотой Петра I-го 26 сент. 1701 г. [2]).

Богословскій курсъ въ кіевской коллегіи наканунѣ XVIII в. былъ не широко поставленъ и далеко не равнялъ ее съ католическими академіями. Изъ богословскихъ предметовъ въ Кіевѣ читались только богословіе положительное или созерцательнее и полемическое или обличительное. По сравненію съ богословскимъ факультетомъ виленской іезуитской академіи даже начала XVII в. тутъ недоставало нравственнаго богословія казуистическаго, свящ. писанія съ еврейскимъ языкомъ, каноническаго права. У іезуи-

---

1) Другой грамотой съ той же датой укрѣплялись за училищнымъ монастыремъ его помѣстья и угодья (П. К. К., I—II, изд. 2, №№ 35—36). Голубевъ, Кіевская академія (рѣчь), 7—8.

2) П. К. К., I—II, № 37. Историки кіевской академіи —и старые (іером. Макарій и В. Аскоченскій), и новые (проф. Малышевскій и Ст. Т. Голубевъ) придаютъ царской грамотѣ 1701 г. рѣшительное значеніе въ исторіи возведенія кіевской коллегіи въ разрядъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ противоположность имъ проф. Петровъ и г. Д. Вишневскій («Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII ст.»— Тр. Кіев. дух. акад., 1902, янв., 19, прим. 2) говорятъ, что эта грамота подтвердила только то, что дано было предшествующей царской грамотой 1694 г. Къ этому послѣднему мнѣнію примыкаемъ и мы. Если бы въ 1694 г. кіевской коллегіи не даны были права высшаго учебнаго заведенія, то ее не назвали бы академіей царь Петръ I въ указѣ о пропускѣ въ Кіевъ Конона Зотова отъ 18 авг. 1701 г. (Кіев. Стар., 1893, сент., 138) и ея корпорація въ жалобѣ м. Варлааму въ первой половинѣ мая 1700 г. (Тр. Кіев. дух. акад., 1900, № 12, 604; Голубевъ, Кіевская академія (рѣчь, 61).

товъ главнымъ руководствомъ по богословію служила схоластическая система Θомы Аквината. Ее профессора должны были не только излагать, но и защищать, потому что, какъ замѣчено было на V генеральной конгрегаціи іезуитскаго ордена, ученіе этого «князя богословія» есть и самое основательное и безопасное, и одобрено конституціями ордена и папами. По Θомѣ профессора католическаго богословія и составляли свои курсы. Θомой же въ концѣ XVII в. пользовались и въ Кіевѣ, что и неудивительно: своей богословской системы кіевскіе ученые еще не успѣли создать и читали по тѣмъ курсамъ, какіе слушали въ іезуитскихъ или вообще католическихъ академіяхъ.

Впрочемъ, пользованіе католическими догматическими сочиненіями началось въ Кіевѣ не съ Іоасафа Кроковскаго,—еще задолго до него въ произведенія кіевскихъ ученыхъ проникли латинскія мнѣнія (о времени пресуществленія св. даровъ, о чистилищѣ)... Какъ далеко заходило у кіевскихъ ученыхъ пользованіе католическими богословами, видно изъ анализа Вѣнца вѣры, богословской системы (невыдержанной) Симеона Полоцкаго. Прежде всего, Полоцкій уклоняется отъ православнаго воззрѣнія и становится на католическую точку зрѣнія, полагая въ основу своей догматики такъ наз. апостольскій символъ вѣры. Затѣмъ, вліяніе католической теологіи и латинскаго образованія обнаруживается во всемъ развитіи его труда: въ пользованіи латинской библіей, въ цитаціи западныхъ отцовъ церкви (чаще всего блаж. Іеронима и Августина) и даже позднѣйшихъ писателей—Майнцкаго архіепископа Рабана Мавра (IX в.), кентерберійскаго архіепископа Анзельма (XI), Жерсона (XIV—XV), архіепископа экскаго Женебрара (XVI), кардиналовъ Палеопити и Баронія и особенно іезуита Беллярмина (XVI), который въ свое время считался свѣтиломъ богословія въ католической церкви, причемъ къ мнѣніямъ ихъ не всегда видно критическое отношеніе, въ полномъ довѣріи къ легендарной сторонѣ католичества—къ разсказамъ о святыняхъ и чудесахъ. Западнымъ же богословскимъ вліяніемъ объясняется присутствіе въ Вѣнцѣ вѣры апокрифическихъ разсказовъ (взятыхъ не изъ русской или славянской письменности, а изъ

католическихъ же источниковъ) и побочныхъ богословію свѣдѣній (о 30 тысячахъ боговъ у Гезіода, о 12 сивиллахъ, объ устройствѣ видимаго міра; хотя, говоря о послѣднемъ, Полоцкій руководился примѣромъ Іоанна Дамаскина, но взялъ немало и изъ средневѣковыхъ астрологическихъ писаній) (Майковъ, 65—69).

Латино-польское направленіе богословія, какъ и философіи, въ Кіевѣ въ XVII в. выражалось, между прочимъ, въ томъ, что преподаваніе его сопровождалось диспутами—частными и публичными, часто на темы схоластически-мелочныя и курьезныя[1]).

Такимъ образомъ, кіевская коллегія и кіевская ученость въ теченіе всего XVII в. сохраняли узкій, спеціальный характеръ, оставаясь чужды широкому содержанію западно-европейскаго просвѣщенія. Для нихъ были неизвѣстны великія имена въ области европейской литературы и науки той эпохи. Естественно-научныя пріобрѣтенія, развитіе классической филологіи, національныя литературы—всего этого кіевская ученость не знала. Даже свой родной русскій языкъ почти ничѣмъ не обязанъ коллегіи XVII в. Культивировалось здѣсь главнымъ образомъ знаніе латинскаго языка... Но это то и давало кіевлянамъ сильное оружіе въ борьбѣ съ иновѣріемъ и ключъ къ сокровищамъ западно-европейской мысли. Коллегія внушала своимъ питомцамъ симпатіи къ европейской наукѣ и культурѣ уже тѣмъ однимъ, что научала ихъ не бояться религіозной ея стороны,—и благодаря этому то Петръ I нашелъ въ нихъ такихъ помощниковъ при проведеніи своей реформы, какихъ не могла дать ему московская Русь.

Этотъ успѣхъ латино-польской науки въ западной Россіи, подготовившій побѣду ея и въ Москвѣ, былъ созданъ самимъ положеніемъ русскихъ въ польскомъ государствѣ и тѣми исто-

---

[1]) Едва ли удобенъ для публичной защиты тезисъ, на который ссылается одинъ уніатскій писатель (Рутка) въ доказательство вліянія на кіевскую коллегію католическаго богословія: «Beatissima haec sponsa et ante partum in partu, et post partum est Virgo sine labe originali concepta» (защищался онъ въ 1695 г.) (Голубевъ, Кіевская академія (рѣчь), 80, 11).

рическими условіями, среди которыхъ явились наши западно-русскія школы. Побѣда латино-польскаго школьнаго и литературнаго вліянія выяснилась уже въ началѣ XVII в., и факторами и глашатаями ея были болѣе крупныя братскія училища и особенно Кіево-могилянская коллегія съ подчиненными ей училищами—винницкимъ (въ 30-хъ годахъ), смѣнившимъ его ок. 1640 г. гощскимъ на Волыни [1]), кременецкимъ (съ 1636 г.) [2]). Впрочемъ болѣе или менѣе выяснена роль въ этомъ дѣлѣ только кіевской коллегіи, относительно же внутренней жизни и дѣятельности прочихъ православныхъ школъ въ періодъ времени 1633—1700 г. извѣстно очень мало. Все же есть указанія, что и въ нихъ учебное дѣло велось въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ кіевской коллегіи, на тѣхъ же латинскомъ и польскомъ языкахъ. Кромѣ только что приведеннаго свидѣтельства Іосифа Шумлянскаго, важно показаніе неизвѣстнаго автора «Довода вкратцѣ: яко ученія и языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія и чѣмъ пользуетъ словенскому народу», относимое къ времени ок. 1686 г. [3]): «бѣлоруси... учатся

---

[1]) По проф. Петрову, оно прекратило свое существованіе въ 1672 г., съ турецко-татарскимъ нашествіемъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1895, II, 603). Но епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, которому былъ отданъ гощскій монастырь въ пожизненное владѣніе (ibid, прим. 5), увѣщевая свое епархіальное духовенство учить дѣтей «первѣй своего словенскаго письма и языка». «потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ ходити имъ не забороняти», писалъ: «суть зъ ласки Божой школы, не только тутъ, во Львовѣ, въ Ярославлю, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ...; суть и ближей насъ въ Гойщи» (1687. А. З. Р., V, № 167).

[2]) Въ этомъ году Петръ Могила благословилъ открытое въ 1633 г. кременецкое братство и его школу съ тѣмъ, чтобы послѣдняя была подчинена кіевскому ректору и чтобы учебное дѣло въ ней шло «согласно съ порядками кіевскаго училища» и науки преподавались на разныхъ языкахъ (Тр. Кіев. дух. акад., 1887, сент., 128, 129).

[3]) Напечатанъ въ приложеніи къ актовой рѣчи проф. Н. Каптерева: «о греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-латинской академіи» (М., 1889).

латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Львова, что учатся гречески)»... И, дѣйствительно, въ виленской братской школѣ, получившей въ 1635 г., наряду съ кіевской, право преподавать по-гречески и по-латыни, хотя и не далѣе діалектики, послѣдній языкъ получилъ предпочтеніе предъ греческимъ еще задолго до этого. Могилевская школа тоже была сравнена съ кіевской грамотою царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. («а школамъ, сирѣчь училищамъ, указали мы Великій Государь быти въ Могилевѣ православной христіанской вѣры греческаго закона противъ кіевскихъ училищъ»), но и помимо того она должна была походить на послѣднюю, такъ какъ была руководима просвѣщенными епископами, стоявшими въ близкихъ отношеніяхъ къ виленской и могилевской школамъ и къ м. Петру Могилѣ: Іосифомъ Бобриковичемъ, бывшимъ ректоромъ виленской школы въ періодъ ея процвѣтанія въ 20-хъ годахъ и «правой рукой» Петра Могилы, Сильвестромъ Коссовымъ и Іосифомъ Кононовичемъ-Горбацкимъ, бывшими ректорами кіевской коллегіи. Интересна сохранившаяся клятвенная запись Іосифа Горбацкаго, данная имъ при возведеніи въ санъ могилевскаго епископа, о своей обязанности заботиться о процвѣтаніи наукъ и школъ для славы Божіей и для пользы православія. Понятно, что онъ могъ быть на сторонѣ только того школьнаго направленія, какому служилъ въ Кіевѣ и какое старался поддерживать въ кіевской коллегіи, обязавшись (1650) вмѣстѣ съ другими епископами вносить ежегодно на ея содержаніе по 500 зл. (высшая цифра). Направленіе полоцкой школы удостовѣряется характеромъ учебной и литературной дѣятельности ея бывшаго учителя Симеона Ситніановича Петровскаго (Полоцкаго). О новой Новгородъ-Сѣверской монастырской школѣ извѣстно только то, что въ ней преподавались латинскій и польскій языки [1]). Что касается

[1]) Эйнгорнъ, 468, 1003. 1008,—подъ 1668 и 1675 г.г. Въ 1689 г. она была переведена въ Черниговъ архіеп. Лазаремъ Барановичемъ, мечтавшимъ о преобразованіи ея всецѣло по образцу кіевской коллегіи (П. В. Знаменскій, Духовныя школы въ Россіи до

Львовскаго училища, то преимущественное положеніе въ немъ греческаго языка и греческой науки, обусловленное проживаніемъ въ городѣ многихъ грековъ и наиболѣе близкими отношеніями братства къ Константинополю, было обезпечено Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, завѣщавшимъ въ 1622 г. львовской братской школѣ 1500 зл., проценты съ которыхъ (150 зл.) должны были итти «на выхованье (содержаніе) ученаго майстра (магистра, мастера-учителя), въ греческомъ языку бѣглого» [1]). И авторъ Лѣтописи львовскаго братства свидѣтельствуетъ подъ 1647 г., что въ львовской школѣ всегда былъ учитель греческаго языка [2]). Впрочемъ, и здѣсь преподавался латинскій языкъ и имѣли мѣсто другіе элементы польско-латинской школьной программы и школьнаго устройства. Такъ въ 1689 г. здѣсь дано было съ большой пышностью представленіе на священный сюжетъ [3]).

И въ этотъ періодъ исторіи западно-русскаго просвѣщенія и оно само, и принятое имъ польско-латинское направленіе встрѣ-

---

реформы 1808 г. (Казань, 1881), 20. Н. Ѳ. Сумцовъ, Лазарь Барановичъ (Харьковъ, 1885, 24).

[1]) Въ 1604 г. львовское братство наняло преподавателя обоихъ классическихъ языковъ за 40 зл.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1849, кн. 62, стр. 154. Интересно, что въ изданномъ во Львовѣ славянскомъ букварѣ 1671 г. (перепечатанномъ въ 1692 и 1710 г.) напечатаны на греческомъ языкѣ, но «летерами русскими» «Отче нашъ», «Царю небесный» и «Достойно есть»—«для цвѣченя дѣтей по греческу» (Пекарскій, о. с., 170).

[3]) Думаютъ, что въ Львовѣ преподавалась и философія—конечно латино-польская. И. А. Шляпкинъ (о. с., 161, прим.) и г. Прозоровскій (Сил. Медвѣдевъ, 318) считаютъ Львовскимъ преподавателемъ философіи Инокентія Монастырскаго, отвѣтившаго на вопросъ о курсахъ философіи, что у него ихъ два: одинъ собственный львовскій, а другой—покойнаго о. Яндзурскаго — Люблинскій (Лѣтопись Величка, III, 351). Но легко понять, что рѣчь здѣсь идетъ о курсахъ философіи, выслушанныхъ и записанныхъ—Монастырскимъ въ Львовской іезуитской коллегіи, и Яндзурскимъ—въ Люблинѣ. Стоитъ только прочесть мѣсто это въ контекстѣ.

тили противодѣйствіе со стороны латино-польскаго общества, развивавшаго тѣ же отношенія къ нашимъ школамъ и вообще къ православію, какія укрѣпились въ реакціонное царствованіе Сигизмунда III и какія, какъ мы видѣли, обнаружились при самомъ возникновеніи Кіево-могилянской коллегіи. Пренебреженіе къ правамъ и привилегіямъ православныхъ и увѣренность въ полной безнаказанности нарушеній ихъ проявляется въ исторіи почти всѣхъ нашихъ школъ въ 1633 — 1700 г.г. Луцкая братская школа испытала уже въ 1634 г. новый разгромъ. Въ 1640 г., еще при жизни Петра Могилы, кіевскій воевода Янъ Тышкевичъ, досадуя, что въ братской коллегіи учится множество русскихъ, и желая разогнать ихъ насильно по прежнимъ училищамъ (т. е. католическимъ), обвинилъ одного изъ ея студентовъ (Ѳеодора Гоголевскаго) въ пораненіи кого-то въ корчмѣ и, безъ разслѣдованія, велѣлъ обезглавить его. Онъ же ввелъ въ Кіевъ іезуитовъ съ цѣлью подорвать популярность православной коллегіи (1645). И, дѣйствительно, много студентовъ послѣдней перешло въ іезуитскую коллегію и тамъ приняло католичество. Въ 1684 г. виленская школа потерпѣла нападеніе со стороны студентовъ іезуитской академіи. Въ 1694 г. подверглась разгрому со стороны учениковъ латинскаго училища Львовская братская школа. И замѣчательно, что учащіеся католики очень часто бывали застрѣльщиками въ нападеніи на православныя и вообще иновѣрныя учрежденія и въ концѣ XVI, и въ теченіе всего XVII ст. Въ 70-хъ годахъ XVI ст. много разъ терпѣли отъ краковскихъ студентовъ тамошніе протестанты. Въ Холмѣ въ 1582 г. ректоръ католической школы съ учениками буйствовалъ въ синагогѣ и грозилъ сжечь ее, а въ слѣдующемъ году напалъ на монастырскаго бакаляра. Въ Луцкѣ ксендзъ Грегоръ съ учениками разгромилъ городской рынокъ... Но особенно чуткими выразителями религіозныхъ настроеній польскаго общества и даже правительственныхъ круговъ были іезуитскіе школьники. По свидѣтельству I. Лукашевича, автора исторіи школъ въ Польшѣ и Литвѣ, архивы городовъ польско-литовскаго государства наполнены жалобами на своеволія студентовъ іезуитскихъ школъ. Потому то уже

на сандомирскомъ рокошовомъ сеймѣ шляхта заявила требованіе о запрещеніи іезуитамъ селиться въ другихъ городахъ, кромѣ Познани, Калиша, Вильны, Люблина, Браунсберга. Пултуска. Ярослава и Несвижа (Пл. Н. Жуковичъ, Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.). Спб., 1901, 507), а на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 г. послы диссидентовъ ставили вопросъ объ удаленіи іезуитскихъ коллегій изъ Вильны и Люблина. И не даромъ гетманъ Ив. Выговскій гадячскимъ договоромъ съ поляками въ 1658 г. добивался удаленія католическихъ школъ изъ Кіева и еще изъ одного города, гдѣ предполагалась имъ вторая русская академія, въ мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей [1]).

Хотя недоброжелательныя отношенія къ православнымъ школамъ проявляли главнымъ образомъ молодежь и духовенство, не неповинно было въ нихъ и правительство: оно состояло изъ членовъ того же общества, которымъ руководило духовенство и

---

[1]) Касающіеся школъ пункты гадячскаго договора гласили: академіи въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными краковской, съ тѣмъ однакожъ, чтобы здѣсь не было ни профессоровъ, ни учениковъ исповѣданія аріанскаго, кальвинскаго и лютеранскаго; прочія же всѣ школы католицкія, какія доселѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей, для избѣжанія ссоръ и столкновеній (§ 6); дозволить и другую академію завести съ тѣми же правами, гдѣ удобнѣе покажется, и въ томъ мѣстѣ другимъ иновѣрнымъ школамъ также не быть (§ 7). Volumina legum, IV (1859), 298. Впрочемъ этотъ договоръ не имѣлъ силы, а во время скоро вспыхнувшей вскорѣ войны между козаками пострадала сама коллегія такъ сильно, что прошло около 40 лѣтъ, прежде чѣмъ былъ ей дарованъ титулъ академіи. Въ 1670 г. гетманъ Дорошенко, ходатайствуя предъ польскимъ правительствомъ, согласно съ гадячскими статьями, о фундованіи въ Кіевѣ и въ Могилевѣ (или гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ на Украинѣ) академіи съ правами и вольностями краковской академіи, опять добивался удаленія изъ этихъ городовъ іезуитскихъ и другихъ иновѣрныхъ школъ, во избѣжаніе столкновеній ихъ учениковъ съ русскими студентами (А. Ю. и З. Р., IX, №№ 47 и 77).

младшее поколѣніе котораго составляла учащаяся молодежь. Давая православнымъ меньше, чѣмъ сколько оно могло дать для развитія ихъ школъ, правительство польское не въ состояніи было, а иногда и не хотѣло оградить даже данныхъ уже правъ. Потому справедливымъ кажется обвиненіе, высказанное по адресу его кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ 1693 г. Прося у п. Адріана благословенія, а у царей грамоты на свободное обученіе въ кіевской коллегіи грамматикѣ, поэтикѣ, риторикѣ, философіи и богословію на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ языкѣ, онъ добавилъ: «Таковыя ученія аще за державы королевской еще и возбраняемы бяху въ Кіевѣ сыномъ россійскимъ, зависти ради отъ противныхъ, но нынѣ въ благополучное царство государей нашихъ благочестивыхъ, милостію Божіей и благословеніемъ всесвятительства вашего умножившимся въ Малой сей Россіи людемъ премудрымъ, философамъ и богословамъ, свободно ученія тѣ да подаются» (Арх. Ю.-З. Р., I, V, 388). И когда нѣкоторые латино-уніатскіе писатели, какъ напр., авторъ сочиненія, вызвавшаго появленіе Exegesis'а, и Саковичъ, отказывали православнымъ въ правѣ знакомиться въ своихъ школахъ съ латинской наукой, но направляли ихъ къ изученію греческой,—правительство изъ видовъ политическихъ готово было и послѣдней преградить доступъ въ западную Россію. Такой именно смыслъ могло имѣть сеймовое постановленіе 1676 г., подтвержденное въ 1678 и 1699 г.г., воспрещавшее ставропигіальнымъ братствамъ сноситься съ константинопольскимъ патріархомъ и представлять на его рѣшеніе дѣла, касающіяся вѣры, причемъ православнымъ всѣхъ сословій возбранено было отлучаться за границу или же пріѣзжать оттуда (Арх. Ю.-З. Р., I, IV, № XV) (Ср. Антоновичъ В. Б., Монографіи по исторіи западной и юго-зап. Россіи, I (1885), 272). Если бы это постановленіе исполнялось въ точности, то должны были бы совершенно прекратится ученыя и учебныя сношенія западной Россіи съ греческимъ востокомъ.

Впрочемъ, и помимо того образовательныя сношенія съ востокомъ ослабѣли въ своей живости и аккуратности. Авторъ Лиѳоса, отвѣчая Саковичу по поводу его предложенія, чтобы рус-

скіе учились въ своихъ школахъ по-гречески, славянски и польски, а не по-латыни, объяснялъ между прочимъ: «на славянскомъ языкѣ мало богословскихъ книгъ и нѣтъ свѣтскихъ, греческія же можно пріобрѣтать съ большими трудностями и издержками, тогда какъ латинскія доставать легко». Быть можетъ, эту именно «скудость греческаго ученія» имѣлъ въ виду и авторъ «Довода вкратцѣ». Съ другой стороны, съ востока трудно было достать и учителей—чистыхъ грековъ, потому что ихъ было немного и въ самой Греціи, да и немногіе рѣшались ѣхать въ чужую страну. Безуспѣшно старалась заманить такихъ людей даже богатая Москва. И если въ Кіевъ случайно попадали образованные греки, могшіе заниматься въ братской коллегіи, то они оказывались людьми западно-латинскаго образованія, слѣдовательно не идущими въ разрѣзъ съ установившимся направленіемъ коллегіи [1]). Потому и попытки такихъ ревнителей эллинской идеи и эллинскаго ученія, какъ іерусалимскій патріархъ Досиөей, увѣщевавшій западно- и южноруссовъ бѣгать мірской и суетной мудрости и обращавшій вниманіе московскаго правительства на зловредный характеръ коллегіи, оказывались напрасными [2]).

К. Харламповичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Арсеній грекъ (въ 1649 г.). Проф. Голубевъ отрицаетъ высказанное архіеп. Филаретомъ и поддержанное проф. Н. И. Петровымъ утвержденіе, что Паисій Лигаридъ въ началѣ 70-хъ годовъ преподавалъ въ Кіевской коллегіи философію (Кіевская академія въ к. XVII и нач. XVIII ст., 49—50).

2) Н. Ө. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиөея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707). (1891, М.), 30, 31, 89, 92.

Письма Н. В. Закревскаго къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Авторъ этихъ писемъ—извѣстный историкъ Кіева, Николай Васильевичъ Закревскій. Онъ родился въ 1805 г. на Подолѣ, близъ Флоровскаго монастыря, гдѣ его отецъ имѣлъ домикъ, истребленный пожаромъ въ 1811 г., когда сгорѣлъ весь Подолъ. Это обстоятельство повергло семью Закревскихъ въ крайнюю бѣдность. Отецъ вскорости умеръ, вдова и сынъ остались безпомощны. Опредѣленный въ кіевскую «Высшую гимназію» въ апрѣлѣ 1820 г., мальчикъ съ 16-тилѣтняго возраста былъ вынужденъ заниматься репетиціями, чѣмъ содержалъ себя и мать. Не окончивъ полнаго курса, молодой Закревскій бросилъ гимназію и въ 1825 г. отправился въ Петербургъ искать мѣста, но, проживъ безплодно тамъ около трехъ лѣтъ, снова вернулся въ кіевскую гимназію и, по окончаніи курса, вступилъ въ 1829 г. въ число студентовъ Дерптскаго университета, по юридическому факультету. Недостатокъ средствъ вынудилъ его прервать ученіе и поступить учителемъ—сначала въ уѣздное училище, затѣмъ въ Ревельскую гимназію. Послѣ 16-тилѣтней службы въ Остзейскомъ краѣ, Закревскій вышелъ въ отставку, съ пенсіею въ 95 р., и переселился въ Москву, гдѣ жилъ частными уроками. Нужда заставила его вернуться въ 1853 г. въ Ревель, но здѣсь онъ скоро овдовѣлъ и снова поселился въ Москвѣ—уже навсегда. Здѣсь онъ служилъ корректоромъ при университ. типографіи, а когда она перешла въ

руки Каткова. Закревскій занялъ мѣсто помощника библіотекаря при Румянц. Музеѣ. Такъ въ бѣдности и лишеніяхъ провелъ всю жизнь (умеръ въ 1871 г.) этотъ благородный идеалистъ, всецѣло посвятившій себя одной идеѣ—составить полную исторію своего родного города. Вотъ что онъ самъ говорилъ по этому предмету въ послѣсловіи къ »Описанію Кіева»:

«Съ молодыхъ лѣтъ еще плѣняла меня идея исторіи города Кіева, возбужденная чтеніемъ «Описанія Берлинскаго», которое даже и тогда казалось мнѣ слишкомъ краткимъ. Первые матеріалы, впрочемъ скудные, сталъ я собирать въ библіотекѣ Дерптскаго университета. Пользуясь досугомъ въ глуши Вейсенштейнской (Эстляндской губ., гдѣ онъ былъ учителемъ уѣзднаго училища), 14 марта 1832 г. я началъ составлять *Описаніе* моей родины, которая стала для меня тѣмъ любезнѣе, чѣмъ отдаленнѣе я находился отъ нея. Отказывая себѣ во многомъ, съ немаловажными издержками выписывалъ я книги, собиралъ возможные матеріалы и рисунки. Переселясь въ Ревель, рѣшился издать въ 1836 году небольшую брошюру подъ заглавіемъ: *Очеркъ исторіи г. Кіева*, въ 8 д. листа, 68 стр., съ 5-ью дурно награвированными таблицами. Но я вскорѣ убѣдился, что столь малая брошюра прошла незамѣченною. Впрочемъ, это не огорчало моего самолюбія; напротивъ того, я продолжалъ прилежно изучать и обработывать любимый предметъ и нѣсколько разъ перемѣнялъ планъ изложенія. Спустя десять лѣтъ послѣ появленія Очерка, изрядное число собранныхъ матеріаловъ приведено въ систему; 150 мелко исписанныхъ мною листовъ и болѣе ста рисунковъ собственной же работы составили *Описаніе Кіева*. Не имѣя средствъ издать все это и опасаясь, что многолѣтніе труды мои въ частныхъ рукахъ могутъ легко погибнуть, я рѣшился 9 февраля 1846 г. эту рукопись отдать въ Публичную Библіотеку въ Петербургѣ. Оставшуюся у меня копію въ продолженіе $2^1/_2$ лѣтъ подвергъ я новой передѣлкѣ и, переселясь въ Москву, 13 мая 1848 г. вручилъ ее г. проф. Іосифу Максимовичу Бодянскому для напечатанія въ журналѣ Общества Исторіи и Древн. Рос.». Половина книги уже была напечатана, какъ Общество постигла

извѣстная катастрофа за напечатаніе записокъ Флетчера. Лишь въ 1858 г., по возобновленіи «Чтеній Моск. Общества Ист. и Др.», трудъ Закревскаго вышелъ въ свѣтъ; но авторъ уже былъ имъ недоволенъ, ибо за истекшее десятилѣтіе открыто было много новыхъ данныхъ по исторіи Кіева. Между тѣмъ его занималъ уже новый трудъ, посвященный все той же горячо любимой имъ родинѣ. «Съ 1840-го года—пишетъ Закревскій—занимался я собираніемъ малорусскихъ пѣсенъ и пословицъ и составленіемъ подробнаго словаря идіомовъ этого нарѣчія. Переѣхавъ на жительство въ Москву, опредѣлился я въ 1859 г. корректоромъ при типографіи Моск. университета. Этимъ довольно труднымъ и скудно вознаграждающимъ мѣстомъ воспользовался я для того, чтобы удобнѣе издать свой новый Малороссійскій сборникъ подъ названіемъ «Старосвѣтскій Бандуриста». Книга 1-я—Пѣсни, книга 2-я—Пословицы и книга 3-я—Словарь идіомовъ. Изданіе это окончено въ концѣ іюля 1861 года. Это была во многихъ отношеніяхъ очень цѣнная книга. Къ тексту пѣсенъ и пословицъ Закревскій присоединилъ интересные бытовые и историческіе комментаріи. Собранный имъ словарь малорусскихъ идіомовъ (въ количествѣ 11127) и до сихъ поръ остается полезнымъ матеріаломъ для полнаго малорусскаго словаря. Въ концѣ книги приложенъ длинный списокъ старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ и новыхъ литературныхъ произведеній (украинскихъ и галицкихъ), изъ которыхъ составитель почерпалъ свой лексическій матеріалъ. Въ свое время этотъ списокъ служилъ довольно полнымъ обзоромъ малорусской литературы. Въ предисловіи къ «Бандуристу» авторъ горячо защищаетъ право малороссіянъ имѣть литературу на своемъ родномъ языкѣ.

Поступивъ въ 1863 г. на службу въ Румянц. Музей, Закревскій, пользуясь тамошнею богатою библіотекою, снова принялся за пополненіе и переработку исторіи Кіева. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Кіевъ, чтобы сдѣлать рисунки съ фресковъ и другихъ древностей. Это было первое его посѣщеніе родного города послѣ юношеской разлуки съ нимъ въ 1829 г. Несмотря на большія перемѣны физіономіи Кіева, старый кіевля-

нинъ нашелъ, что «общій характеръ города остался прежній. Тѣ же очаровательныя горы, тѣ же святыя златоглавыя обители, тѣ же благодатныя церкви, тотъ же благорастворенный мягкій климатъ Южной Россіи, тѣ же толпы усердныхъ богомольцевъ, тотъ же простодушный малорусскій типъ главнаго народонаселенія и тѣ же неугомонные жиды, что были за 35 лѣтъ тому назадъ. Кратко, тотъ самый *вѣчный* Кіевъ, наша Roma aeterna! Не станемъ упоминать о чувствахъ, съ какими мы вступили на родную почву; чувства эти не ложатся на бумагу. Старикъ Вигель, въ своихъ запискахъ, справедливо написалъ слѣдующее: «Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, воспоминанія о немъ еще и понынѣ способны изъ потухающихъ глазъ моихъ извлекать слезы. Въ теченіе всей жизни моей ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры». Въ словахъ этихъ выражены и наши собственныя чувства».

Но не все новое въ Кіевѣ понравилось его историку. Его огорчило срытіе древнихъ валовъ на Старомъ-городѣ и уничтоженіе другихъ остатковъ древности. «Гдѣ теперь Боричевъ взвозъ? Онъ засыпанъ. Гдѣ Лядскія ворота, предъ коими татары начали свой разрушительный приступъ? Гдѣ Батыевы, Кіевскія ворота? Гдѣ мѣсто древнѣйшаго моста, ведшаго въ Кіевскій Кремль? Все это разрыто и изглажено! Потомство будетъ отыскивать историческія мѣста только по планамъ и преданіямъ. Для чего Златыя Врата не охраняются отъ непогодъ и преданы поруганію черни? Какое равнодушіе къ остаткамъ святой древности!.. Для чего истреблена столѣтняя липовая роща на Кловѣ, служившая украшеніемъ этихъ мѣстъ? Развѣ для того, чтобы уступить мѣсто десятку незавидныхъ деревянныхъ домовъ, которые теперь величаютъ пышнымъ названіемъ *аристократической части* (Липки). Но къ чему безплодные вопросы и вопли!»...

Вновь переработавъ и дополнивъ свое «Описаніе Кіева», Закревскій предложилъ его изданіе Моск. Археологическому Обществу. Здѣсь оказалъ ему неоцѣнимое содѣйствіе его молодой землякъ, впослѣдствіи профессоръ Кіев. Университета А. А.

Котляревскій. Послѣ долгихъ обсужденій, тогдашній предсѣдатель Археол. Общества графъ А. С. Уваровъ великодушно принялъ на свой счетъ издержки по изданію книги, и въ 1868 г. явилось, наконецъ, въ полномъ видѣ «*Описаніе Кіева*»—плодъ 36-лѣтняго неустаннаго, кропотливаго труда, согрѣтаго живѣйшимъ чувствомъ любви автора къ своему родному городу.

Въ послѣсловіи къ своей книгѣ Н. Закревскій, разсказавъ о своей жизни и научныхъ трудахъ, заканчиваетъ эту повѣсть трогательными словами: «Приближаясь къ старости и подвергаясь болѣе и болѣе немощамъ, желалъ бы я опять переселиться на свое старое пепелище, близъ могилъ моихъ предковъ. Здѣсь увидѣлъ я свѣтъ Божій и здѣсь желалъ бы закрыть глаза свои. Довольно мыкался я на своемъ вѣку, но родина всегда тянула къ себѣ. Необъяснимое и непобѣдимое чувство! Заключаю желаніе мое трогательными словами препод. Симеона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго (кіевлянина): «Сего же дѣля и азъ грѣшный тужу и скорблю и желаю тамо (въ Печерской обители) ми скончатися, да быхъ точію положенъ былъ въ блаженной той персти».

Задушевному желанію Закревскаго переселиться на родину сочувствовали и готовы были оказать содѣйствіе нѣкоторые кіевляне, съ которыми онъ познакомился въ пріѣздъ сюда въ 1864 г. Въ числѣ ихъ былъ покойный П. Г. Лебединцевъ, столь же, какъ и онъ, преданный дѣлу изученія кіевской старины; тому же, видимо, сочувствовалъ и тогдашній ректоръ Университета Н. Д. Иванишевъ, тоже Кіево-подольскій уроженецъ и знатокъ мѣстной исторіи. Въ томъ же 1864 г. возникла мысль о предоставленіи Закревскому должности хранителя Музея Древностей при Кіев. Университетѣ. Но этотъ проектъ не осуществился потому, что въ скорости была закрыта должность особаго хранителя музея, съ возложеніемъ этой обязанности на одного изъ профессоровъ.

Къ этому именно времени относятся помѣщаемыя нами письма Закревскаго, представляющія тѣмъ большій интересъ, что

біографія этого писателя, столь много потрудившагося для составленія полной исторіи Кіева, до сихъ поръ не написана.

1.

Ваше высокопреподобіе, отецъ протоіерей!

На обратномъ пути изъ Петербурга я имѣлъ несчастіе какъ-то простудиться и прохворать цѣлую недѣлю. Это удержало меня отъ переписки съ вами. Имѣя въ виду ваше обязательное обѣщаніе, я послалъ 4 августа къ вамъ 15-ть экземпляровъ моего «Бандуриста», съ покорнѣйшею просьбою одинъ экземпляръ принять въ память отъ меня, а прочіе или разослать по надписямъ, или объявить означеннымъ на книгахъ лицамъ, чтобы они благоволили прислать къ вамъ за полученіемъ. Признаюсь, мнѣ очень совѣстно такъ утруждать васъ, но ваше предупредительное радушіе подало мнѣ смѣлость поручить вамъ столько хлопотъ. Три экземпляра, назначенные о. о. Кавчинскому, Дашкевичу и Громаковскому вручить кому-нибудь одному изъ нихъ, а дальше они сами передадутъ. Всѣ прочіе экземпляры придется отдавать по одиночкѣ, а пять книгъ покорно прошу вручить Ивану Ивановичу Литову, [1]) ради Бога не Степану. Наше общество иконописи послѣ 20 іюня еще не собиралось; оно не можетъ опомниться, что министръ не далъ ему права цензуры, и намѣревается хлопотать объ этомъ. Это и причина, что уставъ нашъ, если кое-гдѣ и напечатанъ, напримѣръ, въ собраніи указовъ С.-Петербурскаго Сената, въ Московскихъ полицейскихъ Вѣдомостяхъ, но общество хочетъ его напечатать, пріобрѣвъ прежде право собственной цензуры. Все это длится. Я приготовляю статью къ первому засѣданію, подъ названіемъ: Замѣтки о древностяхъ Кіева. Въ статьѣ этой будутъ предложены въ сочлены наши три извѣ-

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродевецъ, родной братъ Степана, тоже книгопродавца.

стныя Вамъ лица. Я уже разговаривалъ объ этомъ съ коноводами нашего общества, и мысли мои, какъ мнѣ кажется, приняты весьма радушно. Мнѣ обѣщали замѣтки мои, равно какъ и протоколы, вскорости напечатать. Тогда сами увидите. Покорнѣйше прошу, изготовьте поскорѣе обстоятельную статью о кіевскихъ фрескахъ, она была-бы весьма кстати. Пришлите на имя секретаря, профессора Θедора Буслаева, или редактора Юрія Дмитріевича Филимонова. Было даже положено платить за статьи. Еще прошу Васъ, при случаѣ, когда будете въ Михайловскомъ мо-монастырѣ, списать надгробную надпись Кирилла Куницкаго [1]). Онъ, бывши еще студентомъ, былъ и моимъ частнымъ учителемъ. Хотѣлъ жениться на какой-то кіевской мѣщанкѣ, фамилію ея забылъ, но жестокая дѣва ему отказала. Съ досады онъ пошелъ въ монахи и умеръ [2]) викаріемъ кіевскаго митрополита. Я хотѣлъ было списать эту надпись и всѣ другія, какія по монастырю разсѣяны, но забылъ. Портретъ Филарета, митрополита московскаго, еще не успѣлъ достать, а посылаю пока портретъ Василія, архіерея полоцкаго, который случайно попался мнѣ въ руки. Этотъ портретъ въ «Бандуристѣ», страница 90. Нѣкоторые москвичи обѣщались подарить вамъ свои сочиненія, но объ этомъ послѣ. Простите меня, что наскучилъ вамъ длиннымъ письмомъ. Прошу васъ передать мой сердечный поклонъ Пелагеѣ Ивановнѣ Шепелевой и о. іеремонаху Лаврентію (Неплюеву).

Москва, 5 августа 1864 г. Остаюсь Вашъ покорный слуга

Николай Закревскій.

2.

Ваше высокопреподобіе, отецъ Петръ!

Знакомство мое съ вами, и притомъ нечаянное, не подготовленное, я буду причислять къ пріятнымъ событіямъ въ жизни

---

[1]) Епископъ викарный, настоятель Кіево-Михайл. м-ря въ 1828-1835 гг.

[2]) Въ 1839 году.

моей. Наша общая любовь къ древностямъ Кіева, вашъ характеръ и познанія,—все это побуждаетъ меня дорожить знакомствомъ вашимъ. Думаю, что вы не почтете это лестью, но данью истиннаго уваженія къ личности вашей, потому что я изъ этого знакомства не ищу и не могу искать для себя никакой матеріальной выгоды. Правда вы сказывали, что будете освѣдомляться, какъ пойдетъ дѣло о моемъ перемѣщеніи изъ Москвы, въ Кіевъ. Положа руку на сердце, говорю вамъ откровенно, что хотя любовь моя къ родинѣ очень и очень велика и что она-то собственно причиною, что я, безъ всякаго вознагражденія, слѣдовательно безкорыстно, съ 1831 года посвятилъ всю послѣднюю половину жизни своей изученію исторіи Кіева и желаю написать ее, насколько умѣнья хватитъ: но матеріальныя средства, по расчетамъ холоднаго ума, должны стоять не на послѣднемъ мѣстѣ. Ubi panis, ibi patria; иначе я не могъ бы прилично существовать и притомъ своими же средствами издать преднамѣреваемое Описаніе Кіева; потому что я не имѣю надежды получить помощь отъ-инуду. А потому на перемѣщеніе мое въ Кіевъ я смотрю такимъ образомъ: если я получу тамъ мѣсто съ приличнымъ вознагражденіемъ, то это было бы для меня въ высшей степени пріятно; если же это не удастся, то обстоятельство это нисколько не повергнетъ меня въ отчаяніе, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, съ будущаго года нашъ штатъ при Московскомъ Музеумѣ (утвержденный первоначально на три года въ видѣ опыта) подвергнется большой передѣлкѣ, и оклады наши положено увеличить (на сколько?—это одинъ Аллахъ вѣдаетъ). 2) Мнѣ остается выслужить до полнаго пансіона $3^1/_2$ года; слѣдовательно, прерывать теперь службу безъ всякихъ уважительныхъ причинъ было бы какъ-то странно. 3) Въ это время,—если Богу угодно—я могу напечатать свое второе изданіе Описанія Кіева здѣсь же. въ Москвѣ, и притомъ тѣмъ удобнѣе, что литографіи московскія,—между ними есть отличныя,—стоятъ несравненно на высшей степени совершенства, чѣмъ кіевскія и, по причинѣ конкуренціи, гораздо дешевле. Не поскучайте, почтеннѣйшій о. протоіерей! Всѣмъ этимъ балластомъ я осмѣлился утруждать вниманіе ваше для того

только, чтобы показать вамъ, что перемѣщеніе мое въ Кіевъ далеко не составляетъ исключительную цѣль моего знакомства съ вами и моихъ писемъ къ вамъ, но что личныя ваши качества составляютъ главную, и скажу смѣло, единственную причину моей привязанности и признательности къ вамъ, и что извѣстіе, сообщенное вамъ о себѣ, служило бы для меня великою радостію. Далѣе: вы были столь благосклонны, что позволили обратиться мнѣ съ посылкою книгъ на ваше имя. 4-го августа я отправилъ нѣсколько экземпляровъ «Бандуриста». Въ книгѣ, надписанной на ваше имя, я вложилъ фотографическій портретъ одного архіерея; а въ особомъ письмѣ на имя ваше я вложилъ фотограф. портретъ митрополита Филарета. Что вы получили книги, это я знаю изъ письма бывшаго моего товарища по гимназіи, Ивана Леонтьевича Марковскаго, служащаго теперь въ Императорскомъ Инженерномъ Управленіи. Это былъ единственный человѣкъ въ Кіевѣ, который отъ 9-го сентября извѣстилъ меня о подаркѣ, а никто и доселѣ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, не удостоилъ меня даже ни однимъ словомъ. Долговременное ваше молчаніе я объясняю себѣ тѣмъ, что, можетъ быть, какой-нибудь писарь на почтѣ, замѣтивъ въ вашемъ письмѣ фотографическую карточку, изъ любопытства удержалъ и самое письмо къ вамъ. Какъ-бы то ни было, но я осмѣлюсь утруждать васъ, многоуважаемый о. Петръ, моею покорнѣйшею просьбою: не оставлять меня увѣдомленіемъ о себѣ. Изъ протоколовъ въ 10 книжкѣ Извѣстій Университета св. Владиміра за 1864 г. видно, что для открытія въ Кіевѣ древностей и для сообразнаго употребленія отпускаемыхъ для этой цѣли 1400 р., профессоръ Ставровскій полагаетъ, что прежде всего нужно избрать способнаго человѣка, который смотрѣлъ бы за этими открытіями. Ясно, что Его Превосходительство, Николай Дмитріевичъ Иванишевъ, способствуетъ отысканію человѣка. Какой-бы ни былъ, впрочемъ, результатъ этихъ протоколовъ, я съ своей стороны душевно желаю Николаю Дмитріевичу отъ милосерднаго Бога здравія и благоденствія за его доброжелательство. Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе госпожѣ Пелагеѣ Ивановнѣ Шепелевой и его

высоко преподобію о. Лаврентію, начальнику типографіи Печерской Лавры. Извѣстіе объ нихъ было бы для меня чрезвычайно пріятно.

Простите великодушно, о. Петръ, за длинное письмо; это произошло отъ глубины сердца, которое къ вамъ не равнодушно: а вы, между тѣмъ, наказываете меня упорнымъ молчаніемъ. Но русскій человѣкъ живетъ на авось. Авось и вы удостоите меня своимъ отвѣтомъ. О занятіяхъ моихъ по описанію Кіева, также кое-что интересное и объ нашемъ обществѣ иконописи, въ другой разъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего высокопреподобія покорный слуга Николай Закревскій.

Москва 1 декабря 1864 г.

3.

Ваше высокопреподобіе, отецъ Петръ!

Послѣ долгаго молчанія, причина котораго до полученія вашего отвѣта была для меня неизвѣстна, наконецъ получилъ я ваше письмо (второе, а первое для меня, къ сожалѣнію, потеряно) отъ 14 декабря. Это было весьма отрадное извѣстіе изъ Кіева, за которое сердечно васъ благодарю, а также за исполненіе моей просьбы по раздачѣ лицамъ моего «Бандуриста», которыя почти всѣ меня о томъ уже извѣстили. Прошу васъ сказать мнѣ, кто этотъ Г. Крыжановскій, о которомъ Вы пишете? Одинъ—Семенъ Крыжановскій написалъ статью о Софійскихъ фрескахъ и помѣстилъ ее въ № 246 Сѣверной Пчелы за 1843 г., другую о Софійской и Михайловской мозаикѣ, помѣщенную въ Запискахъ Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ въ VIII томѣ за 1856 г. Другой Евфимъ Крыжановскій написалъ статью о Кіевской Андреевской церкви, она помѣщена въ № 1 Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Кто такіе эти господа? Наконецъ, могу поздравить васъ и Николая Дмитріевича Иванишева съ избраніемъ 7-го марта, въ воскресенье, сего 1865 г. въ дѣйствитель-

ные члены Общества Древне-Русскаго искусства. Объ этомъ нашемъ Обществѣ можно багацько говорыты, та нічого сказаты. Оно еще не совсѣмъ устроилось и не окрѣпло, надѣлало много шуму, произвело впечатлѣніе въ публикѣ; но пока еще на дѣлѣ ничего не вышло важнаго. Можетъ быть, время многое сдѣлаетъ. Безспорно, есть въ немъ люди очень дѣльные и почтенные; но, къ сожалѣнію, какъ обыкновенно водится, много втерлось и..., многіе имѣютъ крайне высокое мнѣніе о себѣ, всякій хочетъ себя выставить, порисоваться, говоритъ много и... только. Но Богъ съ ними. Вскорѣ послѣ пріѣзда моего изъ Кіева я предложилъ три лица, но никакъ не могу добиться толку, а между тѣмъ вижу, что нахлынуло много и золотой посредственности и даже не золотой; я опять написалъ напоминательное письмо къ секретарю Буслаеву, которое я при семъ прилагаю вамъ въ копіи, и, послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ, настоялъ на этомъ. Отца Іосифа Желтоножскаго [1]) не успѣли выбрать вчера, единственно по недостатку времени, что, вѣроятно, исполнится въ воскресенье, 21 марта. Проволочки эти происходятъ именно отъ того, что если кто начнетъ что-либо говорить, то не успѣетъ кончить и затянетъ безконечную, и притомъ скучную пѣсню, а время уходитъ. Но сами нѣкоторые члены видятъ эту несообразность, и со временемъ все прійдетъ въ разумные предѣлы. О себѣ имѣю честь сообщить вамъ, что я только недавно поправился отъ бывшаго моего путешествія, такъ сильно простудился на возвратномъ пути изъ Кіева. Не смотря на это, прилежно сижу за передѣлкою моего «Описанія Кіева» и теперь почти кончилъ лѣтопись, какъ введеніе; а далѣе посмотрю, что Богъ дастъ. Изъ газетъ знаю, что Николай Дмитріевичъ Иванишевъ перемѣщенъ въ Варшаву. Желаю отъ души этому ученому и доброму мужу отъ Бога всякаго счастья; впрочемъ, кажется, положеніе его и въ Кіевѣ было не дурное. Если увидите Михаила Александровича Максимовича, то покорнѣйше прошу васъ засидѣтельствовать отъ меня ему мое глубокое уваженіе. Если вы имѣете что-либо мнѣ вручить, то

---

[1]) Священникъ Рожд. церкви на Подолѣ. О немъ—ниже.

покорно прошу васъ обратиться къ Владиміру Григорьевичу Чайковскому, живущему на углу Кузнецкой улицы, въ домѣ Шульгина, близъ Университета. Я имѣлъ удовольствіе съ этимъ милымъ и любезнымъ человѣкомъ познакомиться на возвратномъ пути. По веснѣ онъ долженъ пріѣхать въ Москву; онъ занятъ по желѣзной дорогѣ. Когда вы получите дипломъ отъ Общества и уставъ, одинъ Богъ знаетъ; потому что еще и рисунокъ къ диплому, по причинѣ разныхъ споровъ, не готовъ, хотя и было представлено нѣсколько недурныхъ проектовъ. Въ заключеніе усерднѣйше прошу Васъ не оставлять меня извѣстіями о себѣ.

Честь имѣю быть Вашъ покорнѣйшій слуга Николай Закревскій.

Москва, 8 марта 1865 г.

Къ этому письму приложена копія письма Н. В. Закревскаго къ Буслаеву, отъ 15 января 1865 г.

Милостивый Государь Ѳедоръ Ивановичъ!

Принимаю смѣлость утруждать Васъ моею покорнѣйшею просьбою представить въ собраніе Общества Древне-Русскаго искусства, на благоусмотрѣніе господъ членовъ онаго, слѣдующее мое предложеніе. Бывши этого лѣта въ Кіевѣ для изученія недавно открытыхъ древностей и копированія знаменитыхъ фресковъ въ Софіевскомъ соборѣ, я имѣлъ въ виду и самое знакомство съ тѣми лицами, которыхъ безкорыстное разработываніе науки о нашихъ древностяхъ принесло уже столь славные результаты. Старанія мои имѣли цѣлію привлечь достойныхъ дѣятелей въ наше общество для распространенія и процвѣтанія онаго. На основаніи этихъ соображеній, я имѣю честь предложить слѣдующія лица въ члены нашего общества. 1) Дѣйствительнаго статск. совѣтника Николая Дмитріевича Иванишева, ректора Университета св. Владиміра, давно уже извѣстнаго ученому свѣту археологическимъ раскрытіемъ и описаніемъ доисторическихъ кургановъ въ Кіевской губерніи и великолѣпнымъ изданіемъ древнихъ памятниковъ и актовъ Южно-Русскихъ. 2) отца протоіерея Петра

Гавриловича Лебединцева, редактора Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ которыхъ помѣщены многія статьи о Кіевскихъ достопамятностяхъ. Статьи эти составляютъ очевидное доказательство весьма обширнаго знанія исторіи Кіева и вообще Южной Россіи и ея древностей. Сочиненіе его о Кіевскихъ фрескахъ, которое намѣревается онъ сдѣлать вскорости извѣстнымъ публикѣ, по своей спеціальности, обширности и глубокому изученію предмета, будетъ въ высшей степени занимательно и, наконецъ: 3) священника Рождественской церкви на Подолѣ о. Іосифа Желтоножскаго, по призванію собственно художника, занимающагося живописью. Высочайше утвержденный комитетъ для возстановленія древнихъ фресковъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, убѣдясь въ недостаткѣ знаній и способности иконописца, которому было сначала повѣрено, принужденъ былъ отказать ему и поручить эту трудную работу его бывшему помощнику—нынѣ священнику Іосифу Желтоножскому, который въ теченіе десяти лѣтъ совершилъ громадный подвигъ, возстановивъ древнія изображенія въ возможно первоначальномъ видѣ. Такимъ образомъ художникъ этотъ уже на дѣлѣ доказалъ свои познанія и искусство по древней иконописи и въ качествѣ члена соревнователя можетъ превосходными копіями фресковъ и совѣтами по части техники принесть нашему Обществу несомнѣнную пользу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Николай Закревскій.

4.

Почтеннѣйшій отецъ протоіерей Петръ Гавриловичъ!

Послѣ долгаго молчанія я имѣлъ удовольствіе получить отъ васъ письмо отъ 9 марта 1866 г. Вамъ нѣтъ никакой надобности недоумѣвать на счетъ напоминанія о себѣ; оно было и будетъ всегда въ высшей степени пріятно для меня: но я имѣлъ причину недоумѣвать доселѣ, не получивъ отъ васъ отвѣта на одинъ предметъ изъ Кіева. Но я получилъ его другимъ путемъ. Нѣтъ ни малѣйшей надобности извиняться вамъ предъ Общест-

вомъ Древне-Русскаго искусства. Славны бубны за горами! Это Ноевъ ковчегъ, въ которомъ собрались и литографы, и словорѣзчики, и деревенскіе маляры, и торгаши изъ рядовъ. Выключая очень малаго числа членовъ, это очень разнородное собраніе. Доблестнѣе многихъ и многихъ купецъ Солдатенковъ, но его избрали для того только, чтобы пользоваться его богатымъ великодушіемъ. Нельзя всего писать. Три-четыре человѣка затѣяли Общество, чтобы самимъ порисоваться, и у кого горло крѣпче всѣхъ, тотъ овладѣваетъ словомъ и усыпляетъ васъ своею... Тамъ происходили споры и сцены, достойныя толкучаго рынка, особенно за статью, написанную о сосудахъ св. Антонія Римлянина, будто-бы они подложные. Статью эту написалъ Филимоновъ, человѣкъ молодой, лѣтъ за 30, съ небольшою ученостію, но съ порядочною порціею самообожанія... Онъ же и главный учредитель Общества. Многіе члены отказывались уже отъ чести принадлежать къ этому Обществу. Я давно уже не посѣщаю его. Главные зачинщики собрали деньги съ купцовъ и издали недавно большой фоліантъ собственной фабрикаціи. Повѣрьте, что все дѣлается для самообожанія, и что ваша статья никогда не дождется быть помѣщенной. Жалобы доходили уже до митрополита и, кажется, это Общество не долговременно, оно само собою расклеится. Совсѣмъ другое дѣло въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Оно состоитъ исключительно изъ людей ученыхъ и избранныхъ аристократовъ. Предсѣдатель его, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, человѣкъ энергическій, ученый и съ огромными средствами и весьма вліятельными связями. Здѣсь совсѣмъ другой духъ: всякій талантъ, всякая дѣльная статья найдутъ вѣрный пріютъ. Какъ жаль, что о. Іосифъ Желтоножскій отослалъ свои копіи въ Общество Древне-Русскаго искусства, которое въ Москвѣ въ шутку называютъ Общество суздальскихъ богомазовъ! Тамъ не дадутъ ему ходу! Если имъ еще разъ удастся высосать изъ купцовъ нѣсколько денегъ, то они скорѣе вставятъ свои творенія, содержащія въ себѣ туманъ и фразеологію, чѣмъ дать ходъ другимъ, хотя-бы въ сто разъ лучше ихъ. Вы тоже членъ Археологическаго Общества; по моему мнѣнію, гораздо достойнѣе и полез-

нѣе прислать со временемъ (дѣло не къ спѣху) ваше сочиненіе въ это Общество, нежели ввѣрить его людямъ, коимъ свое я, хотя-бы и пустое, дороже вселенной. Въ Обществѣ Древне-Русскаго искусства разрабатывается не наука, но ячество. Довольно объ этой... Археологическое Общество весьма нуждается въ корреспондентѣ въ Кіевѣ. Оно, т. е. графъ, издаетъ на свой счетъ мое Описаніе Кіева и желаетъ имѣть хорошія фотографическія изображенія нѣкоторыхъ Кіевскихъ древностей. Такъ какъ вы молчали, то я совѣтывалъ чрезъ секретаря г. Герца обратиться къ священнику П. Троцкому, который написалъ милое письмо къ Обществу съ благодарностью за избраніе его и вызвался быть корреспондентомъ; а вы, напротивъ, отозвались сухо. О. Троцкій, по просьбѣ Герца, на высланные 4 рубля купилъ Сементовскаго изображеніе съ картины Благовѣщенія надъ иконостасомъ въ Софіи и другую, тоже Благовѣщенія, въ алтарѣ. Графъ нашелъ эти картины крайне неудовлетворительными и желаетъ имѣть хорошія фотографическія. Ваше письмо я сообщу графу Уварову. Но чтобы не компрометировать и Общество, покорнѣйше васъ прошу, переговорите вы предварительно съ г. полковникомъ Биркинымъ, будетъ ли ему угодно, въ случаѣ, если Общество обратится къ нему съ просьбою доставить изъ Кіева нѣсколько фотографическихъ изображеній, нужныхъ для Общества; если онъ согласится, то прошу васъ увѣдомить меня или секретаря, г. Герца, и тогда Общество уже смѣлѣе къ нему напишетъ. Намъ нужно имѣть хорошіе снимки: 1) съ мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Софіи; 2) съ фресковаго изображенія тоже Благовѣщенія въ алтарѣ св. Іоакима и Анны въ Софіи; 3) съ креста Марка Гробокопателя (обѣ стороны); 4) съ фресковъ въ церкви Спаса на Берестовѣ, хоть-бы только съ лучшихъ; 5) съ фресковъ въ церкви св. Тройцы въ Кирилловскомъ монастырѣ; 6) съ портрета Саввы Туптала тамъ же. Это на первый случай. Разумѣется, что расходы графъ охотно принимаетъ на свой счетъ. Ради Бога, не взыщите за мое скорое и не разборчивое писаніе. У меня теперь нѣтъ ни одного часа свободнаго. Въ апрѣлѣ или маѣ ѣду въ Петербургъ заняться въ Археологической Коммиссіи,

Публичной библіотекѣ и въ Архивѣ Главнаго Штаба, все для своего Кіева. 200 писаныхъ листовъ уже готовы, печатаніе уже началось. Будетъ до 200 рисунковъ. Если только благій Богъ сподобитъ все это благополучно кончить и заключить мою 34-хъ лѣтнюю работу. О текстѣ, разумѣется, не мнѣ судить; но будутъ приложенія, за которыя всѣ любители святыни Кіевской и почитатели древностей русскихъ будутъ графу Уварову обязаны великою благодарностію.

Нѣтъ, достойный отецъ протоіерей, оставьте вы попеченіе о толкучемъ рынкѣ,—Московское Археологическое Общество имѣетъ совсѣмъ другой элементъ. Съ вашими познаніями и съ вашимъ вкусомъ оно было-бы вамъ по сердцу, еслибы вы здѣсь сами были. Прошу покорно поклониться отъ меня о. Іосифу Желтоножскому. Говорятъ, что онъ ко мнѣ писалъ; но, къ сожалѣнію, я ничего не получалъ. Онъ принялъ меня недовѣрчиво и потому я ничего не просилъ у него, хотя мнѣ и нужны были очерки софійскихъ фресковъ. Если онъ пришлетъ въ Общество рисунковъ нѣсколько, напримѣръ 20 фресковъ Софійскихъ или Спасскихъ, то можно и его предложить въ члены Общества, и судя по количеству и качеству его работъ, можно ему доставить и доставлять всѣ изданія нашего Общества, но не прежде. Повѣрьте, и время докажетъ, что его труды, которые онъ сюда въ Общество Др. Русск. искусства прислалъ—пропали. Что касается до желанія о. іеромонаха Лаврентія, то я душевно радъ услужить святой Лаврской обители, но прошу повременить. Москва велика, а я старъ, ходить много не въ состояніи, а ѣздить незначительное жалованье не позволяетъ. При томъ же я теперь сильно занятъ; сверхъ того, надобно прежде обо всемъ этомъ хорошенько разузнать, къ кому обратиться. Во всякомъ случаѣ, за привѣтливое обхожденіе о. Лаврентія, я постараюсь, сколько могу, исполнить его желаніе, но прошу повременить.

Да хранитъ васъ всеблагое Провидѣніе. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорный слуга Николай Закревскій.

Москва. 20 марта 1866 г.

5.

Почтеннѣйшій отецъ протоіерей Петръ Гавриловичъ!

Думаю, что вы уже возвратились изъ путешествія по епархіи съ вашимъ митрополитомъ, и потому намѣреваюсь отвѣчать на ваше письмо отъ 16 іюля 1866 г. Сейчасъ я только окончилъ два черновыя письма отъ имени Общества Археологическаго, одно къ вамъ, а другое къ о. Павлу Троцкому. Поэтому мнѣ нѣтъ надобности повторять, что тамъ написано; полагаю, что нашъ секретарь, Карлъ Ивановичъ Герцъ вскорости отошлетъ ихъ къ вамъ. Рисунокъ съ нагруднаго украшенія супруги Тимоѳея Богдановича Хмельницкаго я передалъ г. Герцу. Осипу Максимовичу Бодянскому я разсудилъ не передавать потому, что въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ которомъ я тоже дѣйствительнымъ членомъ, нѣтъ денегъ для подобныхъ изданій. Они и за печатаніе своего журнала почти каждый годъ вымаливаютъ у министра скидку со счетовъ типографскихъ. Это прекрасное Общество держится собственно своимъ секретаремъ Бодянскимъ; но весьма дѣльный журналъ почти не расходится,—такъ публика наша равнодушна къ солиднымъ занятіямъ. Къ Димитрію Гавриловичу Биркину я тоже приготовилъ черновое письмо имени Общества; г. Герцъ, думаю, не задержитъ его долго отсылкою. Снимки съ фресковъ въ церкви Спаса на Берестовѣ не столь для меня необходимы, какъ снимки съ мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Софійскомъ соборѣ, надъ иконостасомъ, и съ одного чрезвычайно любопытнаго фреска на лѣстницѣ въ ризницу. Я крайне сожалѣю, что не успѣлъ снять его, когда былъ въ Кіевѣ. Желательно бы еще имѣть снимокъ съ креста св. Марка Гробокопателя. Не разсердитесь, достойный отче, если я вамъ скажу, что съ вашими знаніями и способностями, въ два года нашего знакомства, вы давно бы могли что-либо дѣльное, хоть бы и о фрескахъ, написать и сообщить въ Общество. Не думайте впрочемъ, Петръ Гавриловичъ, что общество нуждается въ статьяхъ. Ихъ довольно, лишь бы деньги были на печать; но какъ я теперь имѣю случай

при редакціи,—то для меня было бы особенное удовольствіе держать корректуру вашего сочиненія и издать, какъ бы только вамъ хотѣлось. Сегодня попался мнѣ 11-й номеръ 1866 г. Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или собственно статья о мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея, сочиненіе Михаила Александровича Максимовича. Тутъ же говорится о Крестовоздвиженской церкви, о Копьеревѣ концѣ и проч и проч. Однимъ словомъ, статья куріозная. Алежъ, Богъ дасть, побачымо, чы воно такъ йе.

Желаю вамъ здоровья и благоденствія. Вашъ покорнѣйшій слуга Николай Закревскій.

Москва. 24 августа 1866 г.

Сообщ. **І. Г.**

Къ исторіи текста „Мертвыхъ душъ“.

Кому не извѣстно, какое колоссальное значеніе въ жизни и творчествѣ Гоголя имѣли «Мертвыя Души»? Ни одно произведеніе не было такъ тѣсно связано съ его судьбой, и можно смѣло сказать, что всѣмъ остальнымъ произведеніямъ, въ совокупности, включая сюда даже «Ревизора» и «Тараса Бульбу», онъ не посвятилъ столько времени, упорнаго труда, заботъ и душевной энергіи. Недаромъ современники смотрѣли на Гоголя преимущественно какъ на творца «Мертвыхъ Душъ», и на этой поэмѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ сосредоточивались ихъ надежды и ожиданія отъ Гоголя. Цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ работалъ онъ надъ своей поэмой, и кто знаетъ, сколько времени взяло бы ея продолженіе. Для Гоголя это былъ такой же задушевный и многолѣтній трудъ, какъ для Пушкина «Онѣгинъ», и даже еще больше: и по объему, и по грандіозности замысла, и по тѣмъ надеждамъ, которыя въ душѣ автора были связаны съ его поэмой. Пушкинъ трудился надъ «Онѣгинымъ» около десяти лѣтъ и въ этотъ промежутокъ изъ вступающаго въ жизнь юноши успѣлъ сдѣлаться зрѣлымъ мужемъ и семьяниномъ и, оглядываясь назадъ, признавался, что, когда принимался за свой трудъ, то «даль свободнаго романа сквозь магическій кристалъ еще неясно различалъ», и что въ то время Татьяна и Онѣгинъ являлись ему только «въ смутномъ снѣ». Гоголь также еще очень молодымъ приступилъ къ созданію своей поэмы; онъ жилъ тогда въ Петер-

бургѣ, занималъ каѳедру въ университетѣ и оканчивалъ «Ревизора». Послѣ этого онъ оставляетъ университетъ, ставитъ на сцену свою комедію, уѣзжаетъ за границу, путешествуетъ тамъ, надолго остается въ Италіи, снова возвращается на родину и опять уѣзжаетъ за границу и проч. и проч. Сколько за это время было имъ передумано, перечувствовано и пережито! Но у него оставалась все одна цѣль жизни, и всего дороже для него, послѣ вопроса о душевномъ спасеніи, былъ его завѣтный трудъ. Пушкинъ имѣлъ возможность окончить свой романъ и, такимъ образомъ, испытать глубокое нравственное удовлетвореніе, которое такъ прекрасно вылилось изъ его души въ чудномъ, задушевномъ прощаніи съ читателемъ; Гоголю не суждена была эта высокая отрада, и передъ смертью, съ чувствомъ глубокаго разочарованія, онъ поставилъ крестъ на многолѣтнемъ трудѣ и предалъ его уничтоженію...

При такомъ значительномъ промежуткѣ времени, котораго потребовало созданіе «Мертвыхъ Душъ», понятно, что и къ Гоголю должны быть примѣнены слова Пушкина, что онъ вначалѣ «даль свободнаго романа сквозь магическій кристалъ еще неясно различалъ». Уже a priori невозможно допустить, чтобы полтора десятка лѣтъ и все пережитое и перечувствованное за это время не наложило своего отпечатка на личность автора и на его созданіе. Такъ дѣйствительно и было. Прежде всего, принимаясь за трудъ, Гоголь былъ очень далекъ отъ мысли, что это будетъ отнынѣ его единственнымъ произведеніемъ и что оно поглотитъ всю остальную жизнь, и никакъ не ожидалъ, что поэма можетъ принять такіе грандіозные размѣры. Въ то время, во второй половинѣ 1835 г., главнымъ трудомъ, почти всецѣло привлекавшимъ къ себѣ его вниманіе, былъ «Ревизоръ», а «Мертвыя Души» были для него пока дѣломъ второстепеннымъ. Онъ самъ впослѣдствіи признавался Аксакову, что онъ сначала смотрѣлъ на «Мертвыя Души», какъ на забавный и любопытный анекдотъ [1]). Самое происхожденіе сюжета было случайное. Въ концѣ апрѣля

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 46.

или въ началѣ мая 1835 г. Гоголь выѣхалъ изъ Петербурга на родину, въ Малороссію. По дорогѣ онъ набрасывалъ какія-то замѣтки, въ которыхъ заносилъ на бумагу свои впечатлѣнія. Вернувшись въ Петербургъ, по своей привычкѣ онъ показалъ ихъ Пушкину, который и подалъ ему совѣтъ воспользоваться ими для большого произведенія. Встрѣчающіяся далѣе въ разныхъ источникахъ несогласія въ подробностяхъ разсказа о передачѣ Пушкинымъ сюжета «Мертвыхъ Душъ» могутъ быть объяснены тѣмъ, что къ этому вопросу оба писателя могли возвращаться въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ; во всякомъ случаѣ примиреніе этихъ противорѣчій можетъ быть теперь только гадательное. Въ «Авторской Исповѣди» Гоголь такъ говоритъ объ этомъ: «Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе, и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, неприняться за большое сочиненіе? Это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за «Донкихота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому» [1]). Ясно, что по этому разсказу слѣдуетъ предположить передъ разговоромъ писателей чтеніе Гоголемъ какого-нибудь драматическаго отрывка, а никакъ не путевыхъ замѣтокъ, заключавшихъ въ себѣ изображеніе дороги, а не характеровъ людей. Смирнова въ своихъ «Запискахъ» пере-

[1]) Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 248—249.

даетъ дѣло иначе: «Пушкинъ провелъ четыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа. Герой объѣдетъ провинцію; Гоголь воспользуется своими путевыми записками» [1]). Въ «Авторской Исповѣди» совсѣмъ нѣтъ упоминанія о путевыхъ запискахъ; но сообщеніе Смирновой заслуживаетъ довѣрія въ виду слѣдующихъ соображеній. Въ сохранившихся отрывкахъ изъ этихъ записокъ мы находимъ слѣдующее: «Эхъ, куда забросило русскую столицу! Въ Чухну, на край свѣта!» сказалъ я, обратившись назадъ, когда низенькій и ровный Петербургъ утонулъ, и пошли писать по обѣимъ сторонамъ дороги кочки, обгорѣлые пни сосенъ, молодой ельникъ, торчавшій, какъ попало, по какому-то сѣро-зеленому грунту. Какъ стрѣла летитъ шоссе сквозь это безбрежное пространство,— пространство высохшаго болота. Крѣпче завернусь въ мою бурку, зажмурю глаза: Богъ ними, съ этими видами! На Руси ихъ такъ много, что ужъ даже слишкомъ» [2]) и проч. Этимъ отрывкомъ Гоголь воспользовался частью въ своей статьѣ «Петербургскія записки 1836 г.», частью въ началѣ второй главы перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Такъ первая фраза почти буквально внесена въ «Петербургскія Записки»; ими онѣ и начинаются; а также дальше, какъ обстоятельно разъяснено Н. С. Тихонравовымъ, многое изъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ вошло въ ту же статью. Но затѣмъ слѣдующія строки изъ приведеннаго выше мѣста въ легкомъ измѣненіи были внесены во вторую главу «Мертвыхъ Душъ», гдѣ онѣ читаются такъ: «Едва только выѣхалъ онъ за городъ, какъ пошла писать, по нашему, русскому обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги; кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ. Виды извѣстные. На все это Чичиковъ не глядѣлъ вовсе, потому что такихъ видовъ на Руси не оберешься». Дословное сходство не оставляетъ, мнѣ кажется, никакого сомнѣнія въ существованіи связи между путевыми записками и «Мертвыми Душами». Внесеніе же изъ одного источника вставокъ въ разныя произведенія можно предположить у

---

1) «Записки» А. О. Смирновой, ч. I, стр 45.

2) Соч. Гог. изд. X, и V, стр. 654.

Гоголя и въ другихъ случаяхъ; такъ описаніе Коломны въ повѣсти «Портретъ» по сходству характеристики съ нѣкоторыми мѣстами повѣсти «Невскій Проспектъ» можно заключить, что сначала эти два описанія предназначались для одной статьи, которая должна была заключать въ себѣ очеркъ Петербурга, подобно тому, какъ нѣсколько штриховъ для характеристики этой столицы, уже было дано Гоголемъ въ одномъ изъ писемъ къ матери и впослѣдствіи въ «Петербургскихъ Запискахъ 1836 года».

Изъ разсказа Гоголя въ «Авторской Исповѣди» видно далѣе, что Пушкинъ былъ не только крестнымъ отцомъ «Мертвыхъ Душъ» въ смыслѣ сообщенія Гоголю сюжета, но что и самая мысль о разъѣздахъ Чичикова по Россіи также дана была Пушкинымъ, и это новое подтвержденіе словъ Смирновой о значеніи путевыхъ замѣтокъ въ смыслѣ отдаленнаго первоисточника «Мертвыхъ Душъ». Затѣмъ, такъ какъ Гоголь приступилъ къ созданію своей поэмы еще въ то время, когда не былъ совершенно оконченъ «Ревизоръ», то, конечно, на первыхъ порахъ творческія силы его раздроблялись, тѣмъ болѣе, что главное вниманіе посвящалось пока «Ревизору», пьесѣ, требовавшей напряженныхъ заботъ не только въ смыслѣ художественной обработки, но даже чисто практическихъ хлопотъ и заботъ. Кромѣ того, что Гоголь не могъ пока сосредоточиться на своемъ новомъ трудѣ, но и самый творческій замыселъ созрѣвалъ у него постепенно. Въ «Авторской Исповѣди» онъ признается, что «началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой». «Я думалъ просто»— продолжаетъ Гоголь,—«что смѣшной проектъ, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными» [1]). Вникая въ смыслъ этихъ словъ, мы легко можемъ убѣдиться, что ходъ творчества Гоголя былъ приблизительно такой: сначала передъ нимъ,

---

[1]) Соч. Гог. изд. X, т. IV, стр. 250.

въ качествѣ лишь отчасти годнаго матеріала, находились отрывочныя путевыя записки, совсѣмъ не предназначавшіяся прежде собственно для этой цѣли, и данный ему Пушкинымъ сюжетъ, который, конечно, уже самъ по себѣ предполагалъ извѣстный намъ характеръ героя, представлявшагося пока автору лишь смутно опытнымъ пройдохой и плутомъ; поэтому онъ проситъ Пушкина познакомить его съ какимъ-нибудь ябедникомъ; очевидно, онъ собираетъ матеріалы и краски для не только задуманной, но уже и начатой поэмы. Тутъ же онъ говоритъ, что хочетъ показать въ ней съ одного боку всю Русь. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Гоголь, подъ вліяніемъ Пушкина, уже значительно расширяетъ задуманный сюжетъ: «Пушкинъ»—говоритъ онъ—«находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести многое множество характеровъ».

Теперь, прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ измѣненіи сюжета и плана «Мертвыхъ Душъ», мы должны указать одну особенность Гоголя, какъ писателя: онъ никогда не могъ удовлетвориться уже созданнымъ произведеніемъ и вскорѣ начиналъ относиться съ явнымъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ къ прежнимъ трудамъ. Эта черта проходитъ красной нитью чрезъ всю его литературную дѣятельность. Такъ, не говоря уже объ извѣстномъ сожженіи юношеской его идилліи «Ганца Кюхельгартена», онъ быстро охладѣваетъ и къ тѣмъ произведеніямъ, успѣхъ которыхъ ему льстилъ и которыми онъ прежде былъ вполнѣ доволенъ. 2 ноября 1831 года онъ не безъ молодого самодовольства пишетъ Данилевскому о «Вечерахъ на хуторѣ»: «Порося мое давно уже вышло въ свѣтъ. Теперь, я думаю, Василій Ивановичъ, (сосѣдъ его, Черникъ) совокупно съ любезнымъ зятемъ Егоромъ Львовичемъ его почитываютъ. Оно успѣло уже заслужить славы брань, кривые толки, шумъ и брань» и проч. Прошелъ годъ съ небольшимъ,—Гоголь былъ уже занятъ мыслью о созданіи комедіи и уже презрительно отзывается о «Вечерахъ». 1 февраля 1833 года онъ пишетъ Погодину: «Вы спрашиваете о «Вечерахъ» Диканьскихъ. Чортъ съ ними! Я не издаю ихъ, и

хотя денежныя пріобрѣтенія были бы нелишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художественное не изыдетъ изъ меня». Такъ же и впослѣдствіи Гоголь смотрѣлъ на «Вечера» и въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій объясняетъ, что допустилъ ихъ только потому, что «въ нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодого вдохновенія», и даже предлагаетъ снисходительному читателю пропустить весь первый томъ и начать чтеніе прямо со второго. Когда Гоголь приступалъ ко второму изданію своихъ сочиненій, то онъ снова думалъ было посягнуть на «Вечера». То же самое повторилось потомъ и съ «Ревизоромъ», который въ теченіе полутора года почти совершенно поглощалъ всѣ помыслы автора. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и Гоголь съ досадой пишетъ Прокоповичу: «Скажи, пожалуйста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора?» Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора»—плевать, а во-вторыхъ—къ чему это?.. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта».

То же самое повторилось не разъ и съ «Мертвыми Душами». Намѣреніе Гоголя изобразить съ одного бока всю Русь было высказано имъ въ письмѣ къ Пушкину 7 октября 1835 г. Гоголь такъ говоритъ тамъ: «Началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись». Эти строки письма къ Пушкину подтверждаютъ слова Гоголя въ «Авторской Исповѣди» о томъ, что ему не сразу выяснилась личность главнаго героя. Но изображеніе помѣщиковъ

слишкомъ тѣсно связано съ разговоромъ о мертвыхъ душахъ и въ самомъ ходѣ поэмы замѣчается крѣпкая органическая связь, которая едва ли могла бы возникнуть изъ разрозненныхъ пробныхъ набросковъ. Ноздревъ, напримѣръ, какъ видно изъ хода поэмы, уже съ первой главы былъ намѣченъ авторомъ, какъ будущій разрушитель плана Чичикова, что и составляетъ главное назначеніе его въ поэмѣ, такъ какъ покупка у него мертвыхъ душъ не состоялась, а у Гоголя каждое болѣе или менѣе значительное лицо всегда имѣетъ значеніе не только по отношенію къ себѣ самому, но и къ цѣлому произведенію. Притомъ и въ самомъ расположеніи и обрисовкѣ типовъ у Гоголя видна постоянная забота о композиціи всего произведенія: благодушному и мечтательному Манилову противополагается Собакевичъ, человѣкъ положительный и нисколько не сентиментальный; нехозяйственному Манилову и его любви къ вычурнымъ затѣямъ противополагается безхитростная, но вполнѣ хозяйственная Коробочка; планъ Чичикова нарушается, какъ это бываетъ и въ дѣйствительной жизни, разными непредвидѣнными случайностями, но все вмѣстѣ даетъ чрезвычайно стройную картину. Очень естественно поэтому, что Гоголь долженъ былъ остановиться въ своемъ сочиненіи на третьей главѣ до выясненія личности и характера Чичикова.

Далѣе Гоголь говорилъ въ «Авторской Исповѣди», что послѣ «Ревизора» почувствовалъ потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ «чѣмъ слѣдуетъ смѣяться». Этой потребностью объясняется разница въ общественномъ значеніи раннихъ произведеній Гоголя и повѣстей вродѣ «Носа» и «Коляски» и зрѣлыми созданіями его генія; но на дальнѣйшей стадіи своего развитія стремленіе Гоголя сообщить своимъ созданіямъ глубокій, знаменательный смыслъ получило нездоровое, неестественное направленіе. Это совпало съ дальнѣйшей стадіей въ расширеніи первоначальнаго сюжета, когда Гоголь задумалъ изобразить уже всю Россію не только съ дурными, но и съ хорошими ея сторонами. Вообще, первоначальный планъ Гоголя постепенно расширялся и видоизмѣнялся. Такъ какъ Гоголь имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ Пушкинымъ, показывать ему свои

черновыя рукописи, то впечатлѣнія Пушкина, несомнѣнно, имѣли извѣстное и довольно существенное вліяніе на характеръ творчества Гоголя. Объ этомъ онъ говорилъ Плетневу въ слѣдующихъ выраженіяхъ по поводу смерти поэта: «Никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что́ скажетъ онъ, что́ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что́ меня только занимало и одушевляло мои силы». Естественно, поэтому, что когда Пушкину показалась слишкомъ мрачной нарисованная въ «Мертвыхъ Душахъ» картина, то Гоголь сталъ заботиться о смягченіи впечатлѣнія. Надо думать, что онъ читалъ Пушкину не ту редакцію, которая изъ числа сохранившихся считается первоначальною, а еще болѣе раннюю, затерянную, такъ какъ въ существующихъ редакціяхъ различіе слишкомъ незначительное. Сличая первыя сохранившіяся редакціи, можно замѣтить ослабленіе красокъ только въ томъ, что Гоголь старается вездѣ сгладить насмѣшливыя общія характеристики русской жизни, устраняя именно обобщеніе.

Ожесточенный пріемъ публикой «Ревизора» не могъ не отразиться, въ свою очередь, на характерѣ творчества Гоголя: онъ всегда чутко прислушивался къ толкамъ объ его произведеніяхъ какъ публики, такъ и критики, и горячо принималъ ихъ къ сердцу, при чемъ былъ особенно чувствителенъ къ нападкамъ. Его больше всего затрогивала за живое нелѣпая щепетильность публики, оскорблявшейся за всякій незначительный намекъ, касающійся извѣстнаго сословія или класса общества. Онъ часто вооружался противъ этой нелѣпой обидчивости, но особенно раздосадовало его отношеніе публики къ «Ревизору». Не говоря о «Театральномъ Разъѣздѣ» который цѣликомъ относится къ этому вопросу, досада Гоголя не могла не отразиться и въ другихъ его произведеніяхъ. Такъ въ «Петербургскихъ Запискахъ 1836 г.» мы читаемъ: «Такая раздражительность у насъ рѣшительно распространяется на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните

«Ревизора». Но удалившись за границу, съ теченіемъ времени Гоголь мало-по-малу сталъ спокойнѣе относиться къ тому общему неудовольствію, которое не давало ему покоя на родинѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно одно, впослѣдствіи опущенное мѣсто въ заграничной редакціи: «Я теперь рѣшительно безъ всякихъ чиновъ и церемоній. Было время, когда и я, не смотря на неповоротливость, глядѣлъ въ глаза, старался угадывать желанія тѣхъ, съ которыми мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, когда унесло меня море изъ нашей пространной имперіи, все благоговѣніе, которое питалось въ душѣ къ разнымъ правителямъ канцелярій и многимъ другимъ достойнымъ людямъ, испарилось совершенно. Теперь кланяться я не умѣю; я состарѣлся, нѣтъ той гибкости въ костяхъ, которую сохраняютъ въ своемъ хребтѣ многіе дѣльные и дѣловые люди. Я упрямъ; я не хочу видѣть тѣхъ физіономій, на которыя нужно плевать». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ по поводу предполагаемаго пренебреженія дамъ къ его герою: «Весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: «фи такой гадкій!» Увы, все это извѣстно автору, и онъ признается, что до сихъ поръ не произвелъ ничего по внушенію дамскому, и даже чувствовалъ какую-то странную робость и смущеніе, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь кончено все; даже и смущеніе не забирается въ его душу». Есть одно мѣсто, безусловно устраняющее сомнѣніе въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ Гоголь говоритъ подъ вліяніемъ воспоминаній объ озлобленномъ пріемѣ «Ревизора»: «авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ ему назвать обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы опять не разсердились на него, какъ серживались встарь, во времена прежнія, за «Ревизора» и множество другихъ старыхъ грѣховъ, и не укорили бы его даже о помѣщеніи какихъ-либо личностей».

Всѣ приведенныя мѣста достаточно показываютъ, что сильное впечатлѣніе, произведенное на душу Гоголя первыми представленіями «Ревизора», хотя, конечно, постепенно изглаживалось и смягчалось, какъ увидимъ, имѣло потомъ довольно существенное вліяніе на дальнѣйшія стадіи въ исторіи «Мертвыхъ Душъ». Но пока возвратимся къ внѣшней исторіи произведенія.

Послѣ продолжительнаго перерыва работы, вызваннаго заботами о постановкѣ на сценѣ «Ревизора» и послѣдовавшихъ за-

тѣмъ сборовъ за границу, наконецъ, отчасти и самаго путешествія, Гоголь возвратился къ своему труду уже осенью 1836 г. въ Веве, гдѣ, по словамъ его письма къ Погодину, онъ «началъ писать и продолжать «Мертвыхъ Душъ», а потомъ продолжалъ свою работу надъ ними въ Парижѣ. Въ письмѣ къ Жуковскому Гоголь говоритъ объ успѣшномъ ходѣ своей работы: «Осень въ Веве настала прекрасная, почти лѣто, и я принялся за «Мертвыя Души», которыхъ было оставилъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ, и теперь веду его спокойнѣе, какъ лѣтопись». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращается къ Жуковскому съ такой просьбой: «Не представится ли вамъ какихъ-нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь; потому что, какъ бы то ни было, ваше воображеніе, вѣрно, увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину: авось либо и онъ найдетъ что-нибудь съ своей стороны». Послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ работа Гоголя при его разъѣздной жизни подвигалась очень неравномѣрно: то онъ на долго оставлялъ ее, то вдругъ вдохновеніе дарило его неожиданными сюрпризами. Гоголь любилъ впослѣдствіи вспоминать, какъ однажды въ самой неудобной обстановкѣ, въ трактирѣ одного мѣстечка между Дженино и Альбано, при шумѣ и гамѣ, ему удалось за одинъ присѣстъ написать цѣлую главу «Мертыхъ Душъ», тогда какъ въ послѣдніе годы воображеніе его работало вяло и, по его собственному признанію, ему приходилось клещами изъ себя вытягивать каждое слово.

Въ 1839 г., когда Гоголь возвратился въ Россію для того, чтобы взять сестеръ изъ института, онъ нѣсколько разъ читалъ у своихъ друзей по нѣсколько первыхъ главъ «Мертвыхъ Душъ», но слѣдующихъ не читалъ никому, откуда можно сдѣлать предположеніе, что онѣ тогда, по крайней мѣрѣ, не были достаточно обработаны. По свидѣтельству Анненкова, онъ читалъ Петербургѣ первыя четыре главы у Прокоповича, а потомъ зимой и весной 1840 г. у Аксаковыхъ—первыя шесть главъ. Вліяніе московскихъ впечатлѣній на работу Гоголя было довольно незначительное: оно состояло почти исключительно во внесеніи въ разсказъ описанія оживленной сцены лѣтняго торга въ той части Москвы, которая находится между Плющихой и Смоленскимъ рынкомъ и

по близости Дорогомиловскаго моста, гдѣ Гоголь часто прогуливался, живя на Дѣвичьемъ Полѣ, въ домѣ Погодина, но потомъ и это описаніе было снова опущено. Но обработка прежнихъ главъ продолжалась и, можетъ быть, тогда же въ Москвѣ написаны слѣдующія главы перваго тома. По крайней мѣрѣ, вскорѣ по возвращеніи въ Римъ, въ декабрѣ 1840 г., Гоголь уже работалъ надъ окончательной отдѣлкой первой полной редакціи и въ концѣ этого мѣсяца сообщалъ Аксакову: «Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что печатанье ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе моего труда выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу. что, можетъ быть, современемъ выйдетъ кое-что колоссальное. если только позволятъ мои слабыя силы. По крайней мѣрѣ, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ». Здѣсь, слѣдовательно, мы опять видимъ, что измѣненіе плана и характера произведенія совершается все въ томъ же направленіи. Какъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ 12 ноября 1836 г. Гоголь говорилъ: «кто-то незримый пишетъ передъ мною могущественнымъ жезломъ». такъ и теперь онъ начинаетъ думать, что вдохновеніе посылается ему прямо отъ Бога, потому что никогда не выдумать человѣку такого сюжета. Въ началѣ 1841 г. первая полная редакція «Мертвыхъ Душъ» была уже совершенно готова и Гоголь тотчасъ же, почти безъ промежутка, приступилъ ко второй полной редакціи. которую и началъ переписывать сперва Пановъ, потомъ Анненковъ, и вся переписка этой редакціи была закончена въ августѣ 1841 г. Къ числу отличительныхъ чертъ второй редакціи слѣдуетъ между прочимъ отмѣтить внесеніе въ нее множества словъ изъ записныхъ книжекъ Гоголя, частью заключавшихъ въ себѣ рѣдкія, но чрезвычайно характерныя и мѣткія по его мнѣнію, выраженія. Одновременно эти же выраженія изъ записныхъ книжекъ вносились и въ послѣднія редакціи «Женитьбы» и «Игроковъ». Но это мелкая подробность, а существенная разница вытекала изъ перемѣны взглядовъ автора на свой трудъ. Въ декабрьскомъ письмѣ 1840 г. къ Аксакову читаемъ: «Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни»; и также къ Погодину

въ письмѣ отъ того же числа: «Чувствую свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками, и даже продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Вижу, что предметъ становится глубже и глубже». Такъ какъ первый томъ тогда былъ уже законченъ, то ясно, что дѣло идетъ уже о второмъ, о которомъ Анненковъ говоритъ положительно, что онъ былъ готовъ въ своемъ первоначальномъ видѣ одновременно съ первымъ, а Погодинъ даже поторопился на этомъ основаніи подѣлиться въ «Москвитянинѣ» съ публикой радостью, говоря о «Мертвыхъ Душахъ», что «два тома́ уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года». Кажется, нельзя сомнѣваться по совпаденію времени и содержанія, что приведенныя выдержки имѣютъ самое непосредственное отношеніе къ тѣмъ мыслямъ, высказаннымъ въ седьмой главѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» второй полной редакціи, гдѣ Гоголь говоритъ о судьбѣ двухъ писателей, изображающихъ свѣтлую и темную сторону жизни. «Почему знать, можетъ быть, сіи низкія страницы предстанутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ и, можетъ быть, будущій поэтъ (о, какая чудная награда!) смятенный остановится передъ ними, грозная вьюга вдохновенья обовьетъ главу его, и не слышанныя пѣсни освѣжатъ міръ». Достаточно сравнить эти строки съ соотвѣтствующими строками первой полной редакціи, чтобы замѣтить существенное измѣненіе тона: тамъ онѣ читаются такъ: «Два — три могутъ найтиться въ шумномъ омутѣ свѣта величавые, старцы въ юношескомъ возрастѣ, которыхъ устремленное орлиное око и встрепенувшееся чувство заполнятъ дрожью и священнымъ трепетаніемъ твое сердце, которые замѣнятъ тебѣ крики толпы». Ясно, что все это мѣсто, въ которомъ поэтъ излилъ годами накоплявшуюся въ его сердцѣ горечь, создалось подъ вліяніемъ давнихъ впечатлѣній и представляетъ собой отдаленный отголосокъ того сердечнаго вопля, который вырвался изъ груди Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора», когда, съ досадой отбросивъ поднесенный ему друзьями въ видѣ сюрприза только что отпечатанный экземпляръ комедіи, онъ сказалъ Прокоповичу: «Господи Боже мой! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ!» Сперва оскорбленная мысль Гоголя, ища себѣ утѣшенія, охотно останавливаясь на надеждѣ найти хотя бы немногихъ истинныхъ знатоковъ—цѣнителей, но во время при-

близительно около конца 1840 г. онъ обращаетъ свой умственный взоръ на ожидаемое сочувствіе вдохновеннаго поэта, подобно тому, какъ въ стихотвореніи Пушкина «Полководецъ» несправедливо поруганная тѣнь Барклая внушила поэту негодующее обращеніе къ пошлой и неблагодарной толпѣ, начинающееся словами: «О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха» и проч. Вскорѣ мечта о поэтѣ, который сумѣетъ оцѣнить трудъ Гоголя и можетъ вдохновиться имъ, перешла у него въ увѣренность, что грозная вьюга вдохновенія, о которой онъ говорилъ въ приведенномъ отрывкѣ, обовьетъ уже его собственную главу, и уже въ окончательной редакціи это мѣсто читается такъ: «И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей». Покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ такъ говоритъ о переработкѣ текста поэмы въ данномъ мѣстѣ: «Переработывая по частямъ, по фразамъ лирическое начало седьмой главы, Гоголь долго искалъ точныхъ выраженій для характеристики предметовъ своей поэзіи и своего литературнаго направленія. Онъ, наконецъ, нашелъ ихъ послѣ долгихъ усилій. Въ новой редакціи этой знаменитой характеристики слышатся уже и новыя чаянія писателя: не отъ «будущаго поэта» ожидаетъ онъ теперь «пѣсенъ, которыя освѣжатъ міръ»—онъ исполненъ надежды, что эти «другія рѣчи» потекутъ нѣкогда изъ собственныхъ его устъ—новое указаніе на вторую часть «Мертвыхъ Душъ»... Скорбныя слова о писателѣ, «оклеветанномъ молвою», намекавшія на старыя пересуды о «Ревизорѣ», были теперь исключены». Вообще, все это лирическое мѣсто представляетъ собой несомнѣнную переработку глубокихъ личныхъ впечатлѣній Гоголя и указываетъ именно на то, что занимало его мысли въ концѣ 1840 года. Между прочимъ въ письмѣ отъ 17 октября этого года къ Погодину Гоголь говоритъ: «Ты хотѣлъ разомъ отнять у меня и глубину чувствъ, и душу, и сердце, и назначить мнѣ мѣсто ниже самыхъ обыкновенныхъ людей». Въ поэмѣ это мѣсто читается такъ: «ему» (т. е. писателю, изображающему темную сторону

жизни) «не избѣжать оклеветанному и опозоренному молвою отъ площаднаго позорнаго суда, отнимающаго отъ него и сердце, и душу, придающаго имъ ему качества же изображенныхъ героевъ». Что же касается перехода Гоголя отъ болѣе скромной надежды на то, что трудъ его въ будущемъ можетъ вдохновить великаго поэта, къ убѣжденію, что вьюга вдохновенія обовьетъ именно его собственную главу, то психологически вполнѣ понятно подобное явленіе, и оно легко объясняется именно увлеченіемъ любимой мечтой. Такъ и Карамзинъ послѣ встрѣчи съ французскимъ историкомъ Левеномъ сперва только мимоходомъ подумалъ о томъ, что напрасно полагаютъ, будто русская исторія лишена интереса: «можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и прочихъ могло выйти нѣчто привлекательное», а спустя нѣкоторое время сталъ уже помышлять о томъ, чтобы самому принять на себя эту задачу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь началъ смотрѣть на свой трудъ какъ на внушенный самимъ Богомъ, а на оконченную первую часть лишь какъ на «крыльцо къ тому дворцу, который въ немъ строился» (письмо къ Плетневу отъ 17 марта 1842 г.).

Такимъ образомъ мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Надѣемся недалеко то время, когда эта исторія обогатится новыми любопытными и цѣнными данными, когда выйдутъ изъ-подъ спуда матеріалы, касающіеся исторіи второго тома и принадлежащіе П. Я. Дашкову. Въ полномъ видѣ эта исторія, конечно, никогда не будетъ возстановлена вслѣдствіе неоднократныхъ сожженій, но, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться, что будетъ значительно пополненъ тотъ пробѣлъ, о которомъ Н. С. Тихонравовъ говоритъ такъ: «Никакихъ черновыхъ набросковъ второй части «Мертвыхъ Душъ», кромѣ листа, сохранившаго рѣчь генералъ-губернатора, и небольшого уголка отъ листка почтовой бумаги,—не оказалось въ бумагахъ Гоголя. Исторія текста второй части «Мертвыхъ Душъ» лишена, такимъ образомъ, тѣхъ пособій, которыя въ такомъ изобиліи и полнотѣ окружаютъ первую часть поэмы».

Но, къ сожалѣнію, Н. С. Тихонравову, опытному, внимательному и высоко авторитетному издателю, эти матеріалы не попали въ руки и вообще до послѣдняго времени хранились въ строжайшей тайнѣ. Слухъ о пріобрѣтеніи П. Я. Дашкова проникъ

въ литературные кружки уже года три тому назадъ, но для такъ называемой «большой публики» это дѣло оставалось въ полнѣйшемъ секретѣ. Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана часть спасенныхъ рукописей и приложены факсимиле. Тѣмъ не менѣе считаю нелишнимъ сказать слова два объ ихъ исторіи. Спасеніемъ ихъ мы обязаны покойному М. П. Погодину, который, узнавъ отъ слуги Гоголя во время предсмертной болѣзни писателя, что онъ истребляетъ свои черновыя бумаги, поспѣшилъ пріѣхать къ больному пріятелю и незамѣтно для него подобралъ разрозненные клочки, положилъ ихъ въ наволочку, а послѣднюю въ чемоданъ Гоголя и увезъ къ себѣ. Впослѣдствіи онъ принялся за разборку этого хаоса, но примѣнилъ не вполнѣ практичный способъ: онъ подбиралъ куски *по смыслу*, но это оказалось такъ трудно и сложно, что, не достигнувъ результата, Погодинъ эту работу оставилъ. Послѣ смерти его бумаги перешли къ также покойному нынѣ академику Кулику и, наконецъ, къ П. Я. Дашкову, догадавшемуся примѣнить болѣе простой и цѣлесообразный методъ объединенія клочковъ: онъ подбиралъ ихъ просто *по цвѣту и виду бумаги* и, послѣ продолжительныхъ и упорныхъ усилій, говорятъ, достигъ блистательнаго успѣха. Можно надѣяться, что, благодаря нынѣшнему юбилею, эти любопытные и цѣнные документы, такъ долго и такъ тщательно скрываемые подъ спудомъ, увидятъ, наконецъ, свѣтъ благодаря искусству П. Я. Дашкова, и изученіе нашего писателя снова подвинется впередъ. Приступивъ къ изданію втораго тома еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, Гоголь по крайней мѣрѣ трижды сжигалъ его (въ 1843, въ 1845 и передъ смертью), вслѣдствіе чего трудно разсчитывать на полную реставрацію втораго тома «Мертвыхъ Душъ», но если бы нашлись страницы, заключавшія въ себѣ, по свидѣтельству современниковъ, превосходное описаніе сада Тентетникова, встрѣчи Платонова съ эмансипированной Чагриновой, португальца Экспантона, то это было бы великое пріобрѣтеніе, которое многое освѣтило бы въ жизни и творчествѣ Гоголя за послѣдніе годы, и тогда мы могли бы надѣяться глубже проникнуть въ душу великаго писателя.

В. Шенрокъ.

Полтава въ началѣ XIX вѣка.

(Очерки по архивнымъ даннымъ съ рисунками).

О Полтавѣ писали многіе. Наиболѣе ранній трудъ, составленный въ 1846 г., принадлежитъ Н. Арандаренку (3 части) и представляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость; но о Полтавѣ тамъ сравнительно немного, зато много тамъ свѣдѣній, очень интересныхъ, о полтавской губерніи, ея торговлѣ, флорѣ, фаунѣ и т. п. Второй трудъ—П. П. Бодянскаго—работа, не потерявшая значенія до сей поры. Въ ней собранъ богатый статистическій матеріалъ, главнымъ образомъ за 1865 годъ; здѣсь же представлены свѣдѣнія, довольно подробныя, о памятникахъ Полтавы, полтавской битвѣ и т. под. Затѣмъ слѣдуютъ труды: Богдановича, бывшаго полтавскаго вице-губернатора, и Трощинскаго, внука министра юстиціи,—но оба они очень кратки и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Послѣдней является книга В. Е. Бучневича. «Записки о Полтавѣ», вышедшая въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ. Этотъ трудъ цѣненъ по обилію матеріаловъ; все, писанное Арандаренкомъ и Бодянскимъ, вошло въ эту книжку съ добавленіемъ мелкихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ разныхъ брошюръ, журнальныхъ статей и т. под. Но ни одинъ изъ названныхъ авторовъ не пользовался архивнымъ матеріаломъ, находящимся въ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Настоящая работа представляетъ попытку изображенія прошлаго Пол-

тавы исключительно по даннымъ, заимствованнымъ изъ архивовъ Полтавскаго Губернскаго Правленія, Городской Думы, Губернскаго Земства, Приказа Обществ. призрѣнія и др. Конечно, мы не могли игнорировать и печатные источники, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится говорить о предметахъ, относительно которыхъ нѣтъ архивныхъ данныхъ, напримѣръ о монастырѣ и другихъ полтавскихъ церквяхъ; но при этомъ, желая избѣжать повтореній, мы старались не вдаваться въ подробности. Настоящая работа обнимаетъ время управленія перваго генералъ-губернатора полтавскаго, кн. Куракина (съ 1802—1808). Это—эпоха, когда Полтава изъ скромнаго полкового городка, какимъ она была во время Гетманщины, становится губернскимъ городомъ и въ короткое время преобразовывается по новому типу. Во всей ея исторіи едва-ли можно указать другой моментъ, когда въ ней общественная, экономическая жизнь и самая физіономія города потерпѣли бы такое быстрое и рѣзкое измѣненіе, какъ именно въ эти немногіе годы. Тщательно пересмотрѣвъ всѣ архивныя дѣла за эти годы, мы убѣдились, что они даютъ возможность представить довольно полную картину возрожденія Полтавы, какъ губернскаго города, и вообще того состоянія, въ какомъ она была сто лѣтъ назадъ. Можно лишь пожалѣть о томъ, что многія дѣла уже извлечены изъ архива Полтавскаго Губернскаго Правленія и переданы въ Харьковъ. Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность бывшему губернатору А. К. Бельгардту, губернскому предводителю дворянства С. Г. Бразолю, бывшему предсѣдателю губернской земской Управы П. Д. Шкляревичу и городскому головѣ В. Н. Трегубову, любезно предоставившимъ намъ возможность пользоваться подвѣдомственными имъ архивами.

Глава I.

Учрежденіе Полтавской губ. Генералъ-губернаторъ кн А. Б. Куракинъ; его біографія. Письма къ нему съ поздравленіями; „Ода“ Котляревскаго. Открытіе губерніи. Новыя губернскія учрежденія. Ассигнованіе дворянствомъ суммъ на эти учрежденія. Первое дворянское собраніе и его церемоніалъ по „Обряду“, нарочно составленному для этого случая.

Въ настоящемъ году, 9 марта, исполнилось столѣтіе Полтавы, какъ губернскаго города. Еще въ 1781 г., «для лучшаго управленія всей Малороссіей», повелѣно было уничтожить въ ней старое дѣленіе на полки и раздѣлить ее на три намѣстничества: Кіевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское. Спустя два года Полтава была отчислена къ Екатеринославскому намѣстничеству и сдѣлана повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) городомъ. Въ 1796 г., вмѣсто трехъ намѣстничествъ, была учреждена одна губернія—Малороссійская съ главнымъ городомъ Черниговомъ; къ ней отошла и Полтава съ своимъ повѣтомъ. Такъ было до 1802 года, когда изъ Малороссійской губерніи были образованы двѣ губерніи: Полтавская и Черниговская. Въ составъ первой вошло 12 повѣтовъ: полтавскій, кременчугскій, хорольскій, золотоношскій, лубенскій, гадячскій, пирятинскій, переяславскій, прилукскій, роменскій и константиноградскій. Въ слѣдующемъ году еще было прибавлено три уѣзда: зѣньковскій, лохвицкій и новообразованный уѣздъ кобеляцкій. Первоначально существовало предположеніе сдѣлать губернскимъ городомъ не Полтаву, а Лубны, какъ центральный пунктъ, но историческое прошлое Полтавы дало перевѣсъ послѣдней, и Полтава сдѣлалась губернскимъ городомъ.

Одновременно съ этимъ прежній генералъ-губернаторъ обѣихъ малороссійскихъ губерній С. К. Вязьмитиновъ былъ вызванъ въ

Сергѣй Кузьмичъ Вязьмитиновъ.
Малороссійскій военный губернаторъ († 15 окт. 1819 г.).

Петербургъ и занялъ другой постъ, а его преемникомъ въ февралѣ 1802 года былъ назначенъ дѣйств. тайный совѣтникъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

Князь Куракинъ родился 19 сентября 1759 года. Онъ былъ правнукомъ Бориса Ивановича Куракина, свояка Петра В., и внучатнымъ племяникомъ гр. Панина; его родной братъ Александръ воспитывался вмѣстѣ съ цесаревичомъ Павломъ Петровичемъ. Знатность рода и большія связи способствовали быстрому возвышенію его на служебномъ поприщѣ. По обычаю того вре-

мени, кн. А. Б-чъ началъ службу въ гвардіи, но скоро перешелъ въ канцелярію генералъ-прокурора кн. Вяземскаго. Получивъ зва-

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

ніе камергера и чинъ тайнаго совѣтника, онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго Банка, затѣмъ генералъ-прокуроромъ, министромъ удѣловъ и казначеемъ Россійскихъ орденовъ. Въ началѣ 1802 г., какъ мы сказали, онъ былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и управляющимъ гражскою частью въ обѣихъ губерніяхъ. На этомъ посту онъ пробылъ до 1808 года, когда получилъ назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣдняя служба его была въ должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Скончался онъ 30 декабря 1829 года.

Не успѣлъ еще князь прибыть въ Полтаву, какъ многія лица изъ администраціи Полтавы и Чернигова поспѣшили поздравить князя, желая заручиться его расположеніемъ. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ, знавшій кн. Куракина по Петербургу, писалъ ему: «Сіе назначеніе сколь душевно меня обрадовало, столь же не менѣе подкрѣпило упованіе мое въ таковомъ же милостивомъ и благодѣтельномъ вашего сіятельства расположеніи ко мнѣ, каковымъ я всегда и при всякомъ случаѣ пользовался. Я же смѣю, сіятельнѣйшій князь, съ своей стороны, совершенно увѣрить, что и теперешнему начальству вашего сіятельства надо мною, сверхъ еще обыкновеннаго по службѣ долга, потщусь всегда доказать съ крайнимъ усердіемъ ту самую преданность и глубочайшее высокопочитаніе. Не смѣю, васъ, малостивый мой князь, поздравлять, по крайней мѣрѣ себя и свою землю поздравляю съ начальникомъ вашихъ достоинствъ». Въ такомъ родѣ не мало было отправлено посланій князю, главнымъ образомъ отъ черниговцевъ: Милородовича, президента казенной палаты Руновскаго и др.; но всѣхъ превзошелъ черниговскій прокуроръ Прусовецкій. «Съ душевнымъ порадованіямъ освѣдомился я,—писалъ онъ,—что по высокомонаршей волѣ ваше сіятельство опредѣлены въ Малороссію генералъ-губернаторомъ. Зная любопытный вашего сіятельства духъ къ предметамъ службы, долгомъ считаю препроводить у сего двѣ выписки: первую изъ правъ Статута, употребляемыхъ въ первомъ департаментѣ Генеральнаго Суда, а вторую о законахъ, коими рукодствуется второй департаментъ Генеральнаго Суда». Кн. Куракинъ тотчасъ же отвѣтилъ прокурору и поблагодарилъ его за «поспѣшное доставленіе двухъ выписей изъ статутовыхъ правъ, совершенно могущихъ меня руководствовать къ познанію, нужному при новомъ вступленіи моемъ въ управленіе губерній малороссійскихъ. Письмо это князь закончилъ не безъ ироніи: онъ обѣщалъ прокурору доказать на дѣлѣ «опыты своего вниманія къ усердной службѣ» [1]).

---

[1]) Арх. Губ. Правл., по описи № 113.

Кн. Куракинъ былъ, несомнѣнно, видный дѣятель. Необыкновенно трудолюбивый и хорошо образованный, онъ вникалъ во все и обладалъ большой настойчивостью и иниціативой. Очень ласковый въ обращеніи, обходительный, доступный, онъ былъ весьма требователенъ, всегда опирался на законъ и преслѣдовалъ нарушенія его. Аристократъ по рожденію, онъ былъ истиннымъ вельможей, любилъ роскошную жизнь, обстановку и нерѣдко дадавалъ раскошные обѣды, на которые удостоивались приглашенія высшіе чины администраціи и суда. И. П. Котляревскій, извѣстный малорусскій поэтъ, проживавшій въ то время въ Полтавѣ послѣ выхода въ отставку, посвятилъ князю похвальную «Оду», долго ходившую въ рукописныхъ спискахъ. П. А. Кулишъ, впервые напечатавшій ее, [1]) находилъ, что она наполнена грубою лестью; но съ этимъ трудно согласиться. Несомнѣнно, что въ ней есть и преувеличеніе заслугъ кн. Куракина (иначе она не была бы одой въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали этотъ родъ лирики), но въ общемъ Котляревскій былъ правъ, когда хвалилъ князя за его трудолюбіе, правосудіе и защиту слабыхъ. Будучи личнымъ свидѣтелемъ дѣятельныхъ заботъ кн. Куракина о вдовахъ, сиротахъ, объ устройствѣ больницъ и т. под., Котляревскій могъ совершенно искренно желать, чтобы онъ, какъ можно долѣе, оставался правителемъ края, о нуждахъ котораго такъ заботился.

Будь здоворъ изъ новымъ годомъ
И надъ нашымъ ще народомъ,
Ще хоть трохы попануй...
Трохы!.. ой, колы бъ багацько!..
Бо ты намъ и панъ, и батько...

Котляревскій пользовался расположеніемъ и преемниковъ кн. Куракина, Лобанова-Ростовскаго и Рѣпнина; при послѣднемъ онъ вновь поступилъ на службу надзирателемъ въ домъ для воспитанія бѣдныхъ и былъ попечителемъ богоугодныхъ заведеній; кн. Репнинъ также очень сочувственно къ нему относился,—и

---

[1]) Въ «Основѣ», 1861 г., Янв. 251—255.

однако, поэтъ не посвятилъ имъ ни одной строки. Это доказываетъ, что написанная имъ ода была внушена ему вовсе не угодливостью или низкимъ искательствомъ, а дѣйствительно чувствомъ уваженія къ заслугамъ его героя. Дальнѣйшее изложеніе должно подтвердить нашу мысль.

Торжество открытія Полтавской губерніи происходило 9 марта 1802 года, въ то время, когда кн. Куракинъ еще не успѣлъ прибыть изъ Петербурга; его мѣсто пока заступалъ губернаторъ Сонцевъ. Городничій Значко-Яворскій оповѣстилъ всѣхъ жителей города о готовящемся торжествѣ, а городской голова, купецъ Яковъ Кищенко отправилъ приглашеніе мѣстнымъ купцамъ и мѣщанамъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ: «благоволите къ сему случаю, для принесенія при отправленіи въ здѣшней соборной церкви божественной литургіи и молебствія о здравіи Его Императорскаго Величества и всей высочайшей фамиліи одѣть себя чисто, какъ долгъ требуетъ, и явиться въ полтавскую Думу завтрашній день, съ полуночи въ седьмомъ часу; буде же кто не явится по собственному своему уклоненію, то съ таковымъ поступлено будетъ по законамъ» [1]). На торжество съѣхались дворяне со всей губерніи, вмѣстѣ съ уѣздными маршалами. Оно открылось рѣчью губернатора [2]), послѣ чего все дворянство, духовенство и жители направились въ Успенскій храмъ къ литургіи, по окончаніи которой былъ отслуженъ молебенъ и прочитано высочайшее повелѣніе объ открытіи губерніи. Богослуженіе совершалъ архимандритъ Крестовоздвиженскаго монастыря Ѳеодосій, какъ старшій среди полтавскаго духовенства (епископы полтавскіе жили тогда въ Переяславѣ). Изъ церкви всѣ присутствовавшіе отправились въ назначенное помѣщеніе, гдѣ и было провозглашено губернаторомъ объ открытіи въ Полтавѣ: губернскаго

---

[1]) Гор. Архивъ 1802. № 50 (вторая связка) и № 475, а самый церемоніалъ всѣхъ чиновъ по гл. учрежденіямъ и порядокъ слѣдованій въ храмъ хранится въ архивѣ полиціи. Не печатаемъ, такъ какъ онъ не представляетъ особаго интереса.

[2]) Рѣчь эта напечатана въ Полт. губ. Вѣд. 1864, № 5.

правленія, казенной палаты, генеральнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія—четырехъ учрежденій, необходимыхъ въ то время для губернскаго города.

Торжество сопровождалось обѣдами. 9 марта былъ сервированъ у губернатора столъ на 100 кувертовъ, а вечеромъ былъ концертъ и ужинъ. Вечеромъ была иллюминація. Спустя три дня, 12 марта, конотопскій маршалъ Кочубей давалъ обѣдъ, а затѣмъ дворянство, духовенство и купечество чествовали обѣдомъ губернатора. По случаю открытія губерніи, городской голова Яковъ Кищенко, бургомистръ, городского магистрата Яковъ Лакащенковъ, купецъ Илья Прокофьевъ, будущій преемникъ Кищенка, простили долги, правда, небольшіе и векселя представили губернатору [1]).

Скажемъ нѣсколько словъ о новооткрытыхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Казенная палата вѣдала всѣ доходы казны, по всѣмъ сборамъ и повинностямъ, и ревизовала всѣ отчетности. Составъ ея былъ не великъ. Начальникомъ ея былъ вице-губернаторъ, называвшійся иначе вице-президентомъ палаты и получавшій жалованья 1200 р. асс. [2]). Помимо его, было три совѣтника 6-го класса, съ содержаніемъ по 600 р., губернскій казначей (600 р.) и ассесоръ (400 р.). Вотъ и весь составъ каз. палаты, не считая канцеляріи, составъ которой былъ въ зависимости отъ усмотрѣнія начальника, на что отпускалось 5 тыс., считая въ этой суммѣ и расходъ на прислугу, канцелярскіе расходы, наемъ помѣщенія и т. под. Еще въ палатѣ было 4 присяжныхъ изъ отставныхъ гвардейскихъ или армейскихъ унтеръ-офицеровъ, получавшихъ содержанія по 80 р. въ годъ.

Генеральный судъ состоялъ изъ двухъ департаментовъ: одинъ вѣдалъ дѣла уголовныя, другой—гражданскія. Такъ было до 1831 года, когда генер. судъ былъ переименованъ въ уголовную и гражданскую палаты. Въ каждомъ департаментѣ засѣдалъ гене-

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1802, по описи № 115.

[2]) Деньги считались въ то время на ассигнаціи. Чтобы перевести на серебро, надо сумму раздѣлить на 7 и умножить на 2. Т. обр. 1 р. асс. будетъ $28^1/_2$ к. сер.

ральный судья,—мѣсто, на которое мѣняли въ то время должность губернскіе предводители дворянства; онъ получалъ содержанія 1200 р. ассигн. При немъ было два совѣтника 6-го класса, съ жалованьемъ по 600 р. и секретарь—360 р.; помимо этихъ должностей, были и выборные отъ дворянства, въ числѣ 8, получавшіе и содержаніе отъ того же дворянства. Нельзя сказать, чтобы судъ того времени былъ отягощенъ работою: со дня его открытія до 1-го марта 1804 года, т. е. за два года, въ него поступило изъ повѣтовыхъ судовъ, городовыхъ магистратовъ и ратушъ всего 327 дѣлъ. Замѣтимъ, что генеральный судъ разбиралъ дѣла по аппеляціямъ [1]).

Прокуратора состояла изъ губернскаго прокурора 6-го класса, съ жалованьемъ 600 р. и двухъ стряпчихъ—одного для уголовныхъ и другого для гражданскихъ дѣлъ. Каждый изъ нихъ получалъ по 360 р.

Губернское правленіе вѣдало дѣла, касающіяся общаго благоустройства въ губерніи, народное продовольствіе, промышленность и, вообще, должно было «содѣйствовать всѣмъ другимъ управленіямъ въ исполненіи законовъ и понуждать подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію ихъ обязанностей». Здѣсь предсѣдательствовалъ губернаторъ и присутствіе составляли еще три совѣтника (одинъ назыв: старшій) и ассесоръ. Губернаторъ получалъ жалованья 3000 р., а совѣтники по 600 р. секретарь 360 р. При губернскомъ правленіи, по мысли кн. Куракина, въ 1804 г. была учреждена особая «экспедиція» для завѣдыванія постройкой казенныхъ зданій [2]). Отдѣльнымъ учрежденіемъ при губернскомъ правленіи была медицинская или врачебная управа, вѣдавшая медицинскую часть въ губерніи. Во главѣ ея стоялъ инспекторъ, или штадтъ-физикъ, получавшій жалованья 700 р. и при немъ еще два врача: операторъ и акушеръ, (по 500 р.), а также и двѣ повивальныя бабки, одна старшая

---

[1]) Арх. губ. Правл. по описи № 200, 1804 г. листъ 36.

[2]) Арх. Г. думы 1804 г. № 199.

съ окладомъ 120 р., а другая младшая—80 р. Все же содержаніе управы обходилось въ 2260 р. ассиг. [1])

Наконецъ, четвертымъ учрежденіемъ, открытымъ 9 марта 1802 г., былъ Приказъ общественнаго призрѣнія, существовавшій до введенія земскихъ учрежденій. Вѣдѣнію его подлежали, главнымъ образомъ, дѣла благотворительности, какъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ, устройство госпиталей, богадѣленъ, аптекъ, «работныхъ и смирительныхъ» домовъ и т. п. Дѣлился онъ на два отдѣленія; въ одномъ было 4 стола, въ другомъ 2. Въ общемъ присутствіи былъ непремѣнный членъ, назначаемый отъ правительства, два депутата отъ генеральнаго суда, начальники отдѣленій и секретарь. Содержаніе ихъ было не болѣе 600 р. и то эту сумму получалъ непремѣнный членъ. Все же содержаніе приказа обходилось въ 5050 р. с. [2])

На всѣ эти учрежденія, помимо казны, ассигновало суммы (на основаніи указовъ отъ 18 декабря 1797 и 28 марта 1799 г.) еще и дворянское сословіе. Всего дворянство отпускало 46263 р.; они расходовались на жалованье генеральнымъ судьямъ, на содержаніе 12-ти нижнихъ земскихъ судовъ, на губернскаго и уѣзднаго землемѣра, врачебную управу, губ. архитектора и проч. Дворянство не всегда аккуратно вносило эти деньги, и шестью депутатами, засѣдавшими въ генеральномъ судѣ, была даже подана жалоба на это генералъ-губернатору. Князь Куракинъ ходатайствовалъ передъ высшею властью о разрѣшеніи примѣнить къ дворянству «дѣйствіе полиціи и способы законовъ, на собраніе казенныхъ доходовъ предоставленныя». Ходатайство это было разсмотрѣно Сенатомъ, который нашелъ, что возможно примѣнить къ дворянамъ «установленные закономъ на таковые случаи способы.» Но до этого не дошло. Надо сказать, что отъ дворянства требовались тогда большіе взносы, что сознавалъ князь Куракинъ и ходатайствовалъ передъ Государемъ объ ассигнованіи

---

[1]) Ар. г. правл. по описи № 116 и Законоположенія 1802 г. № 3 Арх. П. Г. Земства.

[2]) Арх. г. Земства 1808 № 1808 etc.

изъ казны на каждый земскій судъ по 500 р. с. Да и само дворянство, въ первомъ же собраніи, 27 іюня 1802 г. рѣшило ходатайствовать о принятіи на счетъ казны содержанія повѣтовыхъ и подкоморныхъ судовъ [1]).

Это собраніе, какъ мы сказали. было первымъ по открытіи губерніи. Оно было обстановлено очень торжественно, что было въ духѣ самого кн. Куракина. По этому случаю былъ составленъ особый «Обрядъ выборамъ малороссійской полтавской губерніи благороднаго дворянства въ городѣ Полтавѣ». Этотъ любопытный документъ, состоящій изъ 9 параграфовъ, довольно подробно регламентируетъ всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 іюня, необходимо было доставить списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 ч. утра, всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генералъ-губернатора, гдѣ полтавскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Сонцевъ вручаетъ губернскому маршалу вѣдомость о селеніяхъ, по новому разсчисленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ . Церемоніймейстеры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ былъ помѣститься губернскій предводитель. Когда всѣ займутъ назначенныя имъ мѣста, губернскій предводитель отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернскій предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія, для почести его, отъ каждаго уѣзда по одному молодому дворянину, которые съ этого момента должны составлять почетную свиту князя. Указавъ причину созыва дворянъ, генералъ-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ соборъ, благовѣстъ въ которомъ долженъ начаться въ 8 ч. утра. Въ соборѣ этомъ разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи котораго только начинается литургія. Послѣ ея окончанія, по приказанію генералъ-губернатора, входитъ на первую ступень амвона прокуроръ и читаетъ Высочайшій указъ о созывѣ дворянъ Полтавской гу-

---

[1]) Арх. губ. Правл. 1802 по описи № 2.

берніи. Затѣмъ слѣдуетъ молебенъ, а послѣ него губернскій стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, «приличныя къ выбору», послѣ чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого, дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 ч. утра въ залъ собранія для назначенныхъ выборовъ, а «приглашенные къ столу отправятся въ домъ генералъ-губернатора». Мы уже говорили, что князь Куракинъ жилъ роскошно и былъ очень богатъ, что и давало ему возможность обставить себя по-барски, и на жалованье, получаемое имъ—всего 6 тысячъ—жить такъ нельзя было даже въ то время.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. «По возвращеніи изъ церкви—читаемъ мы,—губернскій маршалъ съ двумя повѣтовыми маршалами предстанутъ къ господину генералъ-губернатору для принесенія всеподданической благодарности Его Императорскому Величеству за высокомонаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ, почему генералъ-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оставитъ донести Государю». Но желаніе дворянъ не осуществилось. Спустя мѣсяцъ кн. Куракинъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Александра I: «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отправить ко мнѣ депутацію для принесенія благодарности за установленіе ихъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъявить имъ за сіе мою признательность и въ то же время объявить имъ, что, бывъ увѣренъ, въ благонамѣренности ихъ и усердіи, исполненіе желанія я считаю для нихъ отлагательнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный. Александръ» [1]).

Собраніе дворянъ было открыто рѣчью генералъ-губернатора. Всѣхъ дворянъ присутствовало 438 чел. Продолжалось оно довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, который только 3 іюля отправилъ бумагу губернскому предводителю о разрѣшеніи дворянамъ разъѣхаться по домамъ.

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1802. № 128.

Глава. II.

Площадь, занимаемая Полтавой въ 1802 году. Число жителей. Отзывы о ней путешественниковъ: Зуева, графа Сегюра, Сумарокова и кн. Долгорукаго. Памятникъ, сооруженный Руденкомъ въ память полтавской битвы. Картина полтавской битвы Патрикія Балабина. Подземелья въ Полтавѣ. Остатки украшеній и описаніе бастіоновъ. Полтавскія церкви и монастырь.

Полтава, въ моментъ открытія губерніи, была небольшимъ городкомъ, похожимъ больше на большую деревню, чѣмъ на городъ. При въѣздѣ въ городъ было немало вѣтряныхъ мельницъ, что уже служило признакомъ скорѣе деревни, чѣмъ города. Городъ занималъ площадь нынѣшняго Подола, затѣмъ отъ собора до Срѣтенскаго храма, гдѣ въ то время было кладбище, остававшееся здѣсь до 1825—30 годовъ, и затѣмъ тянулся вдаль нынѣшней Петровской площади, до нынѣшняго института, гдѣ стоялъ небольшой домикъ, принадлежавшій С. М. Кочубею. Центръ города и лучшая его часть была около Спасскаго храма, гдѣ былъ гостинный дворъ и лавки. Вокругъ Полтавы не мало было разбросано поселковъ, хуторовъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города. Изъ этихъ предмѣстій, сохранившихся до сей поры, были Павленки, гдѣ въ то время было 397 д. м. пола, платившихъ подати, и Кривохатки, гдѣ было 163 д. почти исключительно крестьянъ Крестовоздвиженскаго монастыря. При рѣчкѣ Рогизной (нынѣ ея нѣтъ) былъ поселокъ, гдѣ жило 11 д. крестьянъ, вошедшихъ въ ревизію. Трибы, представляющія теперь только лѣсъ, гдѣ имѣется одна хата для сторожа, въ то время были хуторомъ, съ населе-

ніемъ въ 140 душъ. Кругомъ Полтавы, мы сказали, были разбросаны поселки, принадлежавшіе по преимуществу козакамъ и коз. крестьянамъ. Было не мало и дворянскихъ земель, но безъ усадебъ. Въ Полтавѣ въ то время было 7975 жителей, изъ коихъ муж. пола 4063, а женскаго 3912. По составу населеніе распредѣлялось такъ: помѣщичьихъ крестьянъ было 412 д., козаковъ 300, ремесленниковъ 300, остальные были разночинцы, дворяне, мѣщане и т. п. Замѣчательно, что еврей былъ только одинъ, а иностранцевъ совсѣмъ не было [1]).

Первое описаніе Полтавы конца XVIII в. мы находимъ въ запискахъ Василія Зуева, посѣтившаго Малороссію въ 1782 г., когда Полтава была еще повѣтовымъ городомъ Новороссійской губерніи. «Это,—пишетъ Зуевъ,—небольшой городокъ, съ 1000 деревянныхъ, низкихъ, но чисто снаружи выбѣленныхъ домиковъ, изъ которыхъ всего 2 или 3 каменныхъ. «Лучшій домъ, каменный, принадлежалъ Руденку (гдѣ нынѣ Губ. Земская Управа), пріобрѣтенный потомъ Куракинымъ за 12 тысячъ [2]).

Нѣсколько позже Зуева былъ въ Полтавѣ графъ Сегюръ, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, сопровождавшій Императрицу Екатерину II въ ея путешествіи по югу Россіи въ 1787 г. «Полтава,—говоритъ онъ,—небольшой городокъ, худо украшенный и мало населенный, не представляетъ вниманію ни одного замѣчательнаго зданія» [3]). Сумароковъ, бывшій въ Полтавѣ въ годъ открытія губерніи, такъ рисуетъ ее: «Полтава бѣдный и маленькій городишко, въ которомъ нѣтъ ни правильныхъ улицъ, ни порядочныхъ строеній» [4]). Такого же мнѣнія о Полтавѣ и кн. Долгорукій, который при этомъ замѣчаетъ: «Но сколько сла-

---

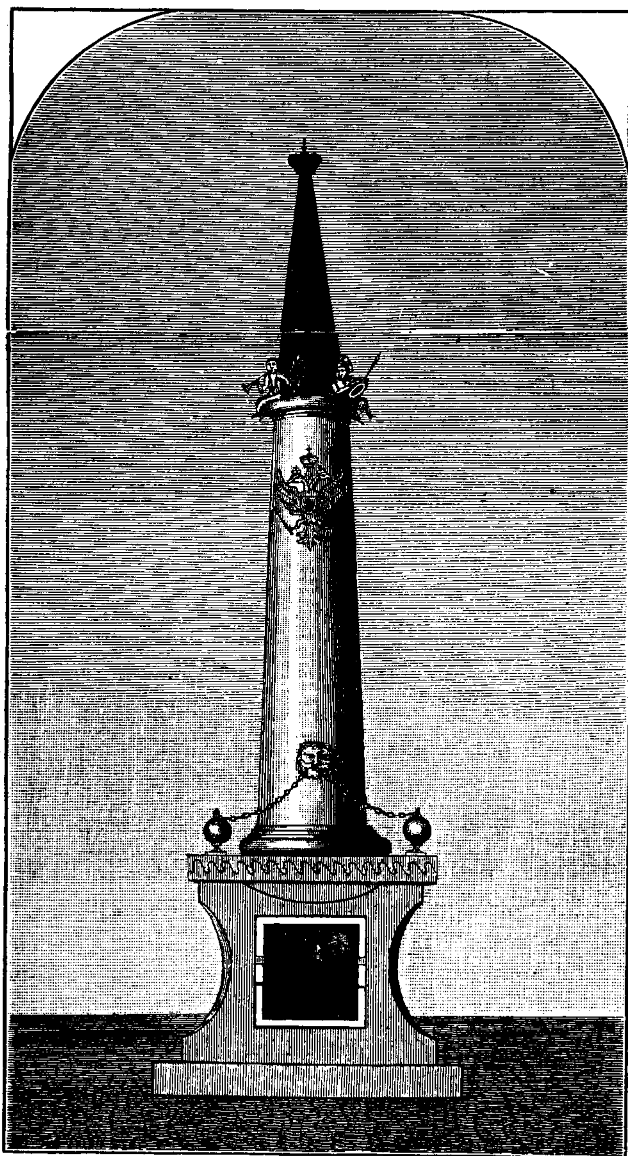
[1]) Полт. Губ. Вѣд. 1848 г., № 5.

[2]) Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году. СПБ. 1787 г.

[3]) Записки Сегюра, стр. 23.

[4]) Досуги крымскаго судьи, или 2-е путешествіе въ Тавриду. Павла Сумарокова. СПБ. 1803 г.

венъ городъ (по историческимъ воспоминаніямъ), столько дуренъ въ натурѣ. Баталіи прославить могутъ мѣсто, дать ему громкую похвалу въ дѣеписаніяхъ, но сдѣлать городомъ красивымъ, знатнымъ—одна сильна торговля, а здѣсь какой быть?» [1])....



Первый памятникъ полтавской битвы, сооруженный полтавскимъ обывателемъ Руденкомъ.

[1]) Долгорукій. Славны бубны за горами, стр. 65.

Изображеніе Полтавскаго боя на мѣдной доскѣ, хранящейся въ Воскресенской церкви.

Таковы отзывы современниковъ о тогдашней Полтавѣ. Единственнымъ украшеніемъ Полтавы былъ памятникъ полтавской битвы, воздвигнутый Руденкомъ (Зуевъ неправильно приписываетъ его Марченку). Руденко соорудилъ его на свой счетъ въ память того, что Петръ В. освободилъ его отца изъ шведскаго плѣна. Онъ былъ поставленъ недалеко отъ Воскресенской церкви. Это былъ каменный столбъ, оштукатуренный, съ изображеніемъ у основанія двухъ сидящихъ юношей въ римскихъ одѣяніяхъ, а на верху памятника было большое вызолоченное яблоко. Въ пьедесталѣ его была вставлена мѣдная доска, на которой былъ изображенъ полтавскій бой граверомъ Академіи Художествъ Патрикіемъ Балабинымъ. Одинъ психически-больной, проходя мимо памятника, испортилъ топоромъ два изображенія, послѣ чего картину сняли и помѣстили въ Воскресенскомъ храмѣ, гдѣ имѣется предѣлъ во имя Сампсонія Странноприимца, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ. Картина эта величиною въ два квадратныхъ аршина. На ней слѣдующая надпись:

Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Сампсоновъ, Карлъ сраженъ Петромъ, низпалъ;
Руденко гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ.
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Сампсону,
Въ хвалу жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней.
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

Затѣмъ слѣдуетъ годъ сооруженія (1778). Памятникъ этотъ былъ, какъ мы сказали, украшеніемъ («единымъ трофеемъ», какъ выразился Сумароковъ) нашего города, а въ 1766 г. жители жаловались, что Полтава «никакихъ публичныхъ строеній и при-

личнаго украшенія не имѣетъ» [1]). Картина, бывшая на этомъ памятникѣ, есть точная копія съ современной гравюры Дени младшаго съ тѣмъ только различіемъ, что Балабинъ на верху картины своей помѣстилъ молящагося св. Сампсонія Страннопріимца, празднуемаго 27 іюня, въ день полтавской баталіи.

Старая часть Полтавы, особенно Петровская площадь, и нынѣ еще изрыта въ разныхъ направленіяхъ подземными ходами. Ихъ называютъ минами. Ходы эти идутъ на глубинѣ 3—6 саженей отъ поверхности земли своеобразными корридорами, высота которыхъ въ ростъ человѣка, ширина же въ 3 и болѣе аршина. Иногда въ нихъ встрѣчаются окна, въ видѣ круглой воронки, которыя, вѣроятно, служили для удаленія подземныхъ газовъ и соединялись между собою отверстіями, продѣланными въ земляныхъ простѣнкахъ, сквозь которыя свободно могъ пролѣзть человѣкъ. До сей поры въ этой части города появляются провалы, какъ это было и въ нынѣшнемъ году, недалеко отъ собора. Среди полтавцевъ распространено мнѣніе, что мины эти проведены шведами съ цѣлью взорвать крѣпость, которую они такъ долго и упорно осаждали въ 1709 году; но съ этимъ трудно согласиться. Шведы не могли въ короткій срокъ осады устроить подобныя многочисленныя мины, тянущіяся на довольно большое разстояніе. Надо думать, что эти подземные ходы относятся къ болѣе древнему времени, именно къ XVII, ст., когда Полтава часто подвергалась татарскимъ набѣгамъ.

Извѣстно также, что Полтава, со времени своего основанія, была укрѣпленнымъ городомъ, т. е. обнесена землянымъ валомъ съ частоколомъ и башнями. Эти укрѣпленія, обновленныя во время шведской войны, оставались несрытыми до 1817 года. Описаніе ихъ мы встрѣчаемъ въ одномъ документѣ 1799 года, хранящемся въ архивѣ городской полиціи. Городъ тогда дѣлился на семь частей или кварталовъ. Первая часть заключала въ себѣ крѣпость отъ Панянской горы до мѣста, гдѣ Срѣтенская церковь, далѣе

---

[1]) См. «Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.», изданіе «Кіев. Старины» 1889 г., стр. 120.

валъ шелъ, къ Подолу и нынѣшнему городскому саду. Въ этой части и сохранялись валы, уничтоженіе которыхъ началъ князь Куракинъ, а окончательно ихъ уничтожилъ князь Репнинъ въ ожиданіи пріѣзда въ Полтаву императора Александра I въ 1817 году, за что получилъ высочайшій выговоръ. Уничтоженные бастіоны были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ бастіонъ былъ близъ нынѣшняго каѳедральнаго собора, другой—немного лѣвѣе, а третій—тамъ, гдѣ такъ называемый «раскатъ». Между нимъ и вторымъ бастіономъ была укрѣпленная башня и въѣздъ въ городъ; башня и въѣздъ назывались Сампсоніевскими. Четвертый бастіонъ былъ противъ нынѣшняго дома полтавскаго Земельнаго Банка (бывшій домъ Позена), на Петровской площади; здѣсь въѣздъ въ городъ и башня назывались Мазуровскими. Пятый бастіонъ былъ, гдѣ нынѣ Николаевская церковь; здѣсь въѣздъ въ городъ и башня назывались Николаевскими; самая церковь была въ бастіонѣ.

Но лучшимъ украшеніемъ тогдашней Полтавы были ея храмы, построенные еще въ XVIII ст.

Главнымъ изъ нихъ былъ Успенскій соборъ, существующій и въ настоящее время. Это была первая въ Полтавѣ каменная церковь, заложенная въ 1748 г. рядомъ съ прежнею деревянною, и оконченная лишь въ 1770 г. Строителями ея были: полковникъ полтавскій Андрей Горленко, полковой судья Григорій Саховскій, полковой обозный Андрей Руновскій, войсковой товарищъ Дмитрій Бѣлуха и др. Построена была она внутри старинной полтавской крѣпости, которую такъ безуспѣшно пытался взять Карлъ XII. Это—пятиглавый храмъ прекрасной архитектуры, въ стилѣ кіевскихъ церквей конца XVII ст. Въ украшеніи этого храма принималъ участіе извѣстный покоритель Крыма, князь Василій Михайловичъ Долгорукій, гербами котораго были украшены нѣкоторыя иконы и тумбы въ иконостасѣ, но теперь нѣтъ ни тѣхъ иконъ, ни прежняго иконостаса. Единственную память о князѣ Долгорукомъ теперь составляютъ—отлитый имъ большой колоколъ, на соборной колокольнѣ, и хранящійся въ ризницѣ его портретъ.

Видъ Успенскаго каѳедральнаго собора въ Полтавѣ, въ 1804 году. Съ гравюры Стадлера.

Три приходскія полтавскія церкви—Воскресенская, Срѣтенская и Николаевская, также нѣкогда деревянныя, къ концу XVIII ст. были замѣнены каменными. Лишь одна изъ такихъ церквей,

именно Спасская, по прежнему оставалась деревянною. Такъ какъ исторія этой церкви связана съ историческими воспоминаніями о Петрѣ I, то о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Спасская церковь въ Полтавѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была съ 1811 до 1840-хъ годовъ.

Современный видъ Спасской церкви.

Спасская церковь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ полтавскихъ храмовъ; о ея существованіи еще въ половинѣ XVII ст. имѣются документальныя данныя. При гетманѣ Мазепѣ священникомъ въ ней былъ извѣстный Іоаннъ Свѣтайло, впослѣдствіи сосланный въ Соловецкій монастырь за участіе въ доносѣ Кочубея и Искры на гетмана. Въ 1704 г. Спасская церковь сгорѣла, но черезъ два года была вновь выстроена. Въ этомъ храмѣ, по преданію, молился Петръ, квартировавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ домѣ полт. обывателя Магденка. Болѣе ста лѣтъ послѣ того простояла еще Спасская церковь въ прежнемъ видѣ; но по мѣрѣ того, какъ полтавцы стали селиться за чертой бывшихъ укрѣпленій, приходъ ея все уменьшался, и въ ту пору, о которой мы ведемъ рѣчь, т. е. въ началѣ XIX ст., Спасская церковь пришла въ крайнюю степень ветхости. Не имѣя средствъ для ея починки, прихожане были вынуждены въ 1811 г. разобрать ее, оставивъ только сѣверный ея придѣлъ, лучше другихъ сохранившійся, который и былъ починенъ и приспособленъ для богослуженія въ видѣ малой однокупольной, покрытой гонтомъ церкви, приписанной къ собору. Въ такомъ видѣ Спасская церковь простояла до 1837 года, когда Полтаву посѣтилъ Государь Наслѣдникъ (впослѣдствіи Императоръ) Александръ Николаевичъ. Осмотрѣвъ эту убогую церковь, онъ пожелалъ, чтобы Спасская церковь, какъ дорогой историческій памятникъ Петровской эпохи, была сохранена на вѣчныя времена въ томъ самомъ видѣ, посредствомъ устройства сверхъ нея каменнаго футляра въ видѣ храма, на что его высочество тогда же пожертвовалъ 2 тыс. рублей. По ходатайству тогдашняго генералъ-губернатора графа Строганова, былъ разрѣшенъ сборъ пожертвованій по всей имперіи, давшій до 25 тыс. р. По проекту извѣстнаго художника-архитектора Тона, служившаго въ то время въ Харьковѣ, поверхъ деревянной Спасской церкви былъ сооруженъ каменный одноглавый храмъ тяжелой московской архитектуры, существующій и понынѣ. Освященіе его происходило 4 сент. 1845 г.

Кромѣ приходскихъ церквей, въ Полтавѣ существуетъ еще Крестовоздвиженскій монастырь, основанный въ половинѣ XVII

ст., при содѣйствіи тогдашняго полтавскаго полковника Мартына Пушкаря и другихъ козацкихъ старшинъ. Онъ расположенъ въ верстѣ отъ города, на высокой, живописной горѣ, откуда откры-

Видъ Полтавскаго монастыря въ 1804 г. Съ гравюры Стадлера.

вается восхитительный видъ на окрестности, на отдаленные луга и лѣса и на городъ, расположенный на другой, противоположной горѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія вся гора, на которой стоитъ монастырь, была покрыта еще густымъ, вѣковымъ лѣсомъ, только одна тропинка среди него вела въ монастырь. Теперь вся гора обнажена; даже сосѣдній лѣсъ, принадлежащій монастырю, представляетъ теперь жалкій остатокъ своего прежняго величія.

О прошломъ монастыря свѣдѣнія очень скудны. Извѣстно, что онъ не мало пострадалъ въ 1695 г. отъ нашествія татаръ во главѣ съ Петрикомъ, опустошившихъ и Полтаву. Пострадалъ онъ и во время шведской войны. Шведы овладѣли имъ и поставили въ немъ нѣсколько пушекъ, откуда громили Полтаву. Нынѣшній главный монастырскій храмъ былъ построенъ въ половинѣ XVIII ст. полтавскимъ полковникомъ Вас. Кочубеемъ. Храмъ этотъ въ византійскомъ стилѣ; онъ крестообразной формы, о семи главахъ, и четырехъ престолахъ. Архитектура его производитъ и нынѣ, несмотря на сильный шагъ впередъ строительнаго искусства, очень хорошее впечатлѣніе. Въ 20 саженяхъ отъ него находится колокольня, построенная при архіепископѣ Никифорѣ Ѳеотоки, въ 1776 году. Превосходная ея архитектура напоминаетъ нѣсколько колокольню Кіево-Печерской лавры. Высота ея 22 саж., и она видна на разстояніи 40 верстъ отъ города.

До конца XVIII ст. монастыремъ управляли игумены, а съ 1775 по 1798 г. онъ былъ резиденціей славено-херсонскихъ архіепископовъ, переименованныхъ затѣмъ въ екатеринославскіе. Изъ нихъ болѣе замѣчательны первые два: Евгеній Булгаринъ и Никифоръ Ѳеотоки —оба греки, получившіе высшее образованіе въ зап. Европѣ. Благодаря ихъ стараніямъ, въ Полтавѣ (въ 1778—1780 гг.) была открыта такъ называемая Славянская семинарія, въ которой, между другими, учился извѣстный малороссійскій поэтъ И. П. Котляревскій. Въ 1798 г. эта семинарія, вмѣстѣ съ архіепископской каѳедрой, была переведена изъ Полтавы сначала въ Новомиргородъ, а потомъ въ Екатеринославъ [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя описанія Полтавскихъ храмовъ не входятъ въ нашу задачу; ихъ можно найти въ трудахъ Арандаренка, Бодян-

До недавняго времени въ Полтавскомъ монастырѣ, въ настоятельскомъ домѣ, существовала особая зала, устроенная въ 1786—1787 гг. архіепископомъ Амвросіемъ Серебряковымъ и украшенная по стѣнамъ живописными изображеніями библейско-историческаго содержанія. По преданію, въ этой залѣ архіепископъ принималъ въ 1787 г. императрицу Екатерину II, въ память чего и зала именовалась потомъ Екатерининскою. Въ числѣ другихъ изображеній, здѣсь была аллегорическая картина, величиною въ квадратную сажень, изображающая Петра В. на бѣ-

Аллегорическое изображеніе Петра I, побѣдителя шведовъ. Картина хранится въ Полтавскомъ монастырѣ.

скаго, Бучневича, протоіерея Мазанова и въ нашей брошюрѣ «Полтавская битва и ея памятники».

ломъ конѣ, попирающаго льва; побѣжденные шведы подаютъ русскому царю свои мечи. Внизу картины подпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ—
Гласитъ народъ и флотъ, художества и войски.
Гражданскіе труди и подвиги геройски.

Эта интересная картина и теперь хранится въ монастырѣ, въ настоятельскомъ домѣ.

Глава III.

Городовое положеніе 1785 г. „Градское общество“ и составъ его. Общая Городская Дума и ея задачи. „Шестигласная Дума“. Кругъ ея дѣйствій. Отношенія администраціи къ Думѣ. Дума служитъ ломбардомъ для жителей.

Помимо особой экспедиціи, завѣдывавшей постройками казенныхъ зданій, князь Куракинъ въ дѣлѣ устроенія города, не мало возлагалъ работы и на Городскую Думу. Управленіе городовъ того времени было организовано такимъ образомъ: согласно изданному 21 апрѣля 1785 года «Городскому Положенію» или «Городовой грамотѣ», городскимъ обывателямъ разрѣшалось составить Общую Городскую Думу, которую составляли городской голова и гласные отъ городскихъ обывателей, отъ гильдіи, цеховъ, отъ иногороднихъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ. Такъ группируетъ этотъ законодательный актъ городскихъ обывателей. Совокупность ихъ въ смыслѣ юридическаго лица и составляетъ «градское общество». Всѣ городскіе обыватели вносились въ такъ назыв. «обывательскую книгу». Они раздѣлялись на шесть классовъ: къ первому принадлежали такъ именуемые въ Грамотѣ «настоящіе городскіе обыватели», «кои въ томъ городѣ домъ или иное строеніе или мѣсто или землю имѣютъ». Вторую группу составляли купцы, дѣлившіеся, по капиталамъ, на три гильдіи. Къ первой относились тѣ, кто имѣлъ отъ 10 до 50 тысячъ капитала, а таковыхъ въ то время, при маломъ развитіи торговли и промышленности, было очень мало: ко второй—имѣющіе отъ 5 до 10 тысячъ и къ третьей—отъ 1

до 5 тысячъ. Купцовъ въ то время въ Полтавѣ было немного: въ 1798 г.—58 ч., 1799 г.—74, 1800—65, 1801—62, 1802—51, 1803 г.—59, а по инымъ 162—вѣроятно, первая цыфра вѣрнѣе [1]). Купцы первыхъ двухъ гильдій были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Купецъ первой гильдіи могъ ѣздить въ каретѣ парою, а второй—только въ коляскѣ; прокатиться же купцу третьей гильдіи въ каретѣ безусловно запрещалось, какъ запрещалось запречь болѣе одной лошади. Третій классъ городскихъ обывателей составляли ремесленники, записанные въ цехи. Такихъ цеховъ въ Полтавѣ въ то время было нѣсколько: кравецкій, ковальскій, шевскій (сапожный), кушнѣрскій, бочарный, гончарный, ткацкій и рѣзницкій [2]). Для составленія цеха требовалось не менѣе шести человѣкъ одного и того же мастерства. Всякій цехъ имѣлъ ремесленную управу, подчиненную магистрату [3]). Четвертую группу составляли иногородные и иностранцы, приписавшіеся къ городскому обществу «съ цѣлями промышленности». «Положеніе» довольно подробно останавливается на ихъ правахъ. Если въ городѣ было пятьсотъ и болѣе семействъ иностранцевъ или иногороднихъ, то законъ разрѣшалъ имъ избрать изъ своей среды въ городовой магистратъ столько же бургомистровъ, ратмановъ, вѣдавшихъ дѣла судебныя. Но въ Полтавѣ иностранцевъ было очень немного. За право торга въ городѣ съ нихъ взималось отъ 1 р. до 100 р. въ городскую кассу [4]). Оставляя городъ и переѣзжая на новое жительство въ другое мѣсто, всякій иностранецъ обязанъ былъ донести объ этомъ магистрату. При этомъ онъ долженъ былъ уплатить свои долги; въ противномъ случаѣ, равно какъ и въ случаѣ неплатежа трехгодичной подати, городовой магистратъ обязанъ былъ публиковать ихъ имена въ газетахъ, «дабы всякъ стерегся того бѣглаго должника». Иностранцы имѣли право учреждать фабрики, заводы и т. п.—Фабрикъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Полтавѣ совсѣмъ не было. Суконныя фабрики, устроен-

---

[1]) Арх. П. Г. Правл. 1804 г., по описи № 200, 154—155 стр.

[2]) Ар. Г. Пр. по описи № 260. 1804.

[3]) О нихъ Гор. Положеніе очень подробно говоритъ, см. 24—42 ст.

[4]) Гор. Арх. 1805 г. № 770.

ныя колонистами, выписанными правительствомъ изъ Германіи, были учреждены только въ 1808 году.

Къ пятому классу принадлежали «имянитые граждане». Городовое положеніе подробно разсматриваетъ этотъ классъ городскихъ обывателей. Оно дѣлитъ ихъ на семь группъ, при чемъ всякая группа, если въ ней будетъ не менѣе пяти человѣкъ, могла избирать гласнаго въ думу. Эти семь группъ были слѣдующія: 1) служившіе по выборамъ,—это, такъ сказать, почетные обыватели, «кои, проходя по порядку службу городскую и получивъ уже названіе степенныхъ, вторично по выборѣ отправили службу мѣщанскаго засѣдателя совѣстнаго суда или губернскаго магистрата или бургомистра или городского головы съ похвалою»; такихъ гражданъ было, конечно, не много; 2) лица, имѣвшія академическіе или университетскіе дипломы; 3) художники трехъ художествъ, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и «музыкосочинители», «кои суть члены академическіе или удостоенія академическія о своемъ знаніи или искусствѣ имѣютъ»; 4) владѣющіе капиталами свыше 50 тыс.; 5) банкиры, обладающіе капиталомъ свыше 100 тысячъ; 6) оптовые торговцы, не имѣющіе лавокъ, и, наконецъ, 7) «кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляютъ». Едва ли нужно говорить, что этотъ классъ почти отсутствовалъ въ то время не только въ Полтавѣ, но и въ другихъ, болѣе значительныхъ городахъ. Онъ, по мнѣнію проф. Дитятина, составлялъ, такъ сказать, «аристократію людей средняго рода». Въ нихъ, людяхъ этой категоріи горожанъ, Екатерина II, очевидно, думала осуществить свою завѣтную идею о русскихъ tiers état. Всѣ «имянитые граждане» могли имѣть загородные дворцы и сады, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и могли ѣздить по городу въ каретѣ «парою» и «четвернею». Помимо этого, «имянитый гражданинъ», по достиженіи тридцати лѣтъ, при условіи безпорочной жизни, могъ просить о причисленіи его къ дворянству, если только его дѣдъ и отецъ были также въ числѣ «имянитыхъ гражданъ». Наконецъ, шестой классъ—посадскіе, къ которымъ, по смыслу городового положенія, относились всѣ, кто не входилъ въ составъ первыхъ

пяти группъ. Это было промышленное и рабочее населеніе. «Посадскіе, какъ суть въ томъ городѣ старожилы или поселившіеся или родившіеся, въ другія части городской обывательской книги не внесены; промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ». Законъ предоставлялъ имъ право заниматься торговлей, откупами, подрядами и т. п. Проѣхать по городу на парѣ лошадей посадскій не могъ, а тѣмъ болѣе прокатиться въ коляскѣ или каретѣ.

Таковъ составъ «градскаго общества» по законодательному акту 1785 г. Переходъ изъ одного класса въ другой, конечно, былъ возможенъ. «Градскому Обществу» разрѣшалось составить «Общую Думу», состоявшую изъ городского головы и гласныхъ, избранныхъ по одному изъ настоящихъ обывателей, отъ каждой гильдіи, отъ каждаго цеха, отъ имянитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. При выборахъ правомъ голоса пользовался всякій, достигшій 25 лѣтняго возраста и обладавшій капиталомъ, доходъ съ котораго былъ не менѣе 50 р. Избраніе было шарами, или, какъ тогда говорили и писали въ законодательныхъ актахъ, «по баламъ». Дума эта собиралась разъ въ три года, съ разрѣшенія генералъ-губернатора или губернатора, въ «зимнее время». Такимъ образомъ, служба гласныхъ Общей Городской Думы продолжалась три года, а въ сущности всего одинъ или два дня, когда происходили собранія. Грамота точно не указываетъ, кто предсѣдательствуетъ въ этой Думѣ, какой порядокъ засѣданія, способъ подачи голосовъ и т. п. Въ грамотѣ только указывается, что собранію «дозволено представлять губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» разсматривать и провѣрять обывательскую книгу, которая составлялась спеціально избранной для этого комиссіей, и затѣмъ избирать должностныхъ лицъ. На всякое требованіе администраціи Дума должна была дать приличный отвѣтъ, «сходственный съ узаконеніями и общественнымъ благомъ»—понятіе очень растяжимое, особенно при неясности и неточности законоположеній того времени. Если же Дума сдѣлаетъ постановленіе, «противное законамъ» или предъявитъ тре-

бованіе, «нарушающее законы,» то можетъ быть оштрафована пеней въ 200 р.

Одною изъ важныхъ сторонъ дѣятельности Общей Городской Думы было избраніе должностныхъ лицъ. Она избирала: городского голову, членовъ депутатскаго собранія и лицъ, имѣющихъ занять сословныя городскія должности, именно—бургомистровъ, ратмановъ, засѣдателей, старость и судей совѣстнаго суда Бургомистры и ратманы засѣдали въ городовыхъ магистратахъ, а засѣдатели въ губернскихъ магистратахъ. Обращалась ли когда-либо администрація къ Общей Думѣ при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ—изъ дѣлъ не видно. Эта Общая Дума, избирала изъ своей среды шесть гласныхъ, которыя и составляли «Шестигласную Думу», собственно вѣдавшую городскія дѣла. Отношенія Общей Думы къ «Шестигласной» только этимъ и ограничивались; она не могла контролировать ея дѣйствій. Такимъ образомъ, Общая Дума являлась только вторую избрательною инстанціею гласныхъ въ «Шестигласную Думу». Грамота даже устанавливаетъ, «какъ и гдѣ засѣданіе имѣть въ городской Думѣ». По рединѣ долженъ сидѣть на стулѣ городской голова, противъ него «на лавкѣ», направо, голосъ цеховыхъ, налѣво—голосъ посадскихъ. Возлѣ городского головы съ правой стороны («въ правомъ заворотѣ»), на лавкѣ голосъ настоящихъ городскихъ обывателей и голосъ иногороднихъ и иностранныхъ гостей; возлѣ городского головы съ лѣвой стороны («въ лѣвомъ заворотѣ»), на лавкѣ, голосъ имянитыхъ гражданъ и голосъ гильдейскій».

Въ чемъ же состояли обязанности «Шестигласной Думы» и кругъ ея вѣдѣнія? На ея обязанности было: 1) «доставить жителямъ нужное пособіе къ ихъ прокормленію или содержанію». Конечно, нельзя этого понимать буквально; дума должна была заботиться, какъ поясняетъ другое постановленіе грамоты, о привозѣ въ городъ и продажѣ всего того, «что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей»; 2) сохранять городъ отъ ссоръ и тяжбъ съ окрестными городами или селеніями; 3) сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе. Замѣтимъ здѣсь, что судебная дѣятельность была чужда думѣ,—она

находилась въ вѣдѣніи магистратовъ и ратушъ; 4) возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно; 5) посредствомъ наблюденія доброй вѣры и всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ; 6) наблюдать за прочностью публичныхъ городскихъ зданій, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, амбаровъ, магазейновъ и тому подобнаго, что можетъ быть выгодно и полезно; 7) стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по Приказу общественнаго призрѣнія; 8) разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ въ силу сдѣланныхъ о томъ положеній...

Мы нарочно выписали цѣликомъ всѣ параграфы, опредѣляющіе кругъ дѣятельности Думы. Нельзя сказать, чтобы здѣсь все было ясно и точно формулировано. Такъ, предписывая Думѣ охранять миръ и тишину и доброе согласіе, т. е. возлагая на нее обязанности полицейскія, въ то же время положеніе запрещаетъ ей касаться дѣлъ, предоставленныхъ «вѣдѣнію лицъ и установленій полицейскихъ». Далѣе, грамота возлагаетъ на Думу разрѣшеніе «сомнѣній и недоразумѣній по ремесламъ и гильдіямъ», а какія это «сомнѣнія» и въ какихъ случаяхъ Дума должна въ это вмѣшаться,—изъ грамоты не видно. На самомъ дѣлѣ Дума того времени мало имѣла отношенія къ цехамъ и гильдіямъ; она вѣдала хозяйственныя нужды города и находилась въ полной зависимости отъ администраціи, предложенія которой она исполняла [1]).

При кн. Куракинѣ полтавская Дума была учрежденіемъ, много помогавшимъ его заботамъ объ устроеніи города. По всѣмъ дѣламъ Дума должна была входить съ отношеніями въ губернское правленіе. Одинъ разъ за все время генералъ-губернаторства князя Куракина, Полтавская Дума отнеслась къ нему непосредственно, но за это получила строгій выговоръ и предписано было ей «отъ

---

[1]) Гор. Арх. 1802. № 222.

подобныхъ поступковъ воздержаться, въ противномъ случаѣ не останется она безъ взысканій». Отчетность о своихъ дѣйствіяхъ Дума должна была представлять губернскому правленію и казенной палатѣ. Сложить съ себя званіе гласнаго въ то время было не легко. Купеческій сынъ, Подсудевскій, страдая «ломовою болѣзнью въ ногахъ» (ревматизмомъ), просилъ увольненія отъ должности гласнаго. Пошла по этому дѣлу переписка, и во врачебномъ отдѣленіи штабъ-лѣкарь Крестинскій должепъ былъ подвергнуть его медицинскому осмотру, о чемъ подробно увѣдомилъ губернское правленіе, которое, послѣ разсмотрѣнія медицинскаго протокола уволило просителя отъ званія гласнаго [1]). Такая строгость въ то время вполнѣ соотвѣтствовала взгляду правительства на службу по выборамъ. «Доходитъ до свѣдѣнія,—читаемъ въ одномъ указѣ императора Александра I (1804 г.),—что будто лучшее дворянство и граждане уклоняются отъ выборовъ, слѣдовательно, и отъ службы. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы, по нерадѣнію къ общему благу, въ семъ знаменитомъ поприщѣ, въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ обществахъ соревнованіе угасло; а потому повелѣваемъ Правительствующему Сенату ко всѣмъ начальникамъ губерній предписать, дабы дворянству черезъ своихъ предводителей, а гражданамъ чрезъ своихъ городскихъ головъ дали знать волю Нашу, что Намъ весьма пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностью собираться станутъ къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостаивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага. Сіе самое, между исполненіемъ другихъ обязанностей, будетъ достовѣрнымъ знакомъ истинной любви къ отечеству, вѣрной службы и соотвѣтствіемъ Нашего о нихъ попеченія [2]).

---

[1]) Гор. Арх. 1804, стр. 90.

[2]) Ар. П. Губ. Земства по описи № 3, стр. 129 и Законополож. 1802 года.

Дума того времени должна была исполнять и распоряженія полиціи, особенно, если это касалось ремонта зданій. Но Дума входила нерѣдко въ пререканія съ городничимъ, а затѣмъ и съ полиціей, что вызвало распоряженіе князя Куракина: «Въ случаѣ нетерпящихъ времени починокъ, исправлять оныя безъ малѣйшаго промедленія по требованію полиціи и о томъ доносить по надлежащему губернскому начальству[1]). При отношеніяхъ губернатора или генералъ-губернатора къ Думѣ, если это касалось построекъ или ремонта, мы очень часто встрѣчаемъ напоминаніе объ экономіи, съ угрозой «взысканія». Была ли поводомъ къ тому замѣченная администраціей расточительность со стороны Думы въ расходованіи городскихъ средствъ или даже злоупотребленіе,—изъ дѣлъ не видно; но такія выраженія, какъ «при семъ исправленіи сумма не была бы излишне употребляема, въ противномъ случаѣ передача взыщется съ присутствующихъ оной Думы»,—встрѣчаются очень часто въ бумагахъ того времени. Князь Куракинъ, проѣзжая однажды въ Крестовоздвиженскій монастырь, замѣтилъ, что мостъ очень плохъ. Онъ предписалъ Думѣ исправить его въ теченіе трехъ дней, при чемъ прибавляетъ, что «излишняя сумма будетъ обращена пополненіемъ на присутствующихъ въ Думѣ». [2]). Бывали случаи, что князь Куракинъ не довѣрялъ Думѣ и назначалъ частнаго пристава наблюдать за работами, производимыми Думой [3]). Просматривая однажды смѣту на ремонтъ, князь Куракинъ предписываетъ провѣрить «количество матеріаловъ аккуратнымъ образомъ, поелику непомѣрное увеличеніе въ ней таковыхъ раждаетъ большое въ томъ сомнѣніе. Провѣрка была сдѣлана, но кн. Куракинъ все-таки не довѣрилъ Думѣ и велѣлъ «купно съ полицеймейстеромъ и стряпчимъ произвести ремонтъ и донести губернскому правленію» [4]).

Таковы были отношенія тогдашней администраціи къ Думѣ, лишавшія ее всякой самодѣятельности и требовавшія отъ нея только безпрекословнаго исполненія. За все время генералъ-губернаторства князя Куракина мы встрѣчаемъ одинъ только случай,

---

1) Гор. Арх. 1804 № 3048 и № 59.

2) Г. Арх. 1802 № 1663 и 137, 2236.

3) Гор. Ар. 1802 № 200.

4) Гор. Арх. 1806. № 34450 (донесеніе Г. Правленія).

когда гласный Ѳедоръ Емельяновъ подалъ отдѣльное мнѣніе и рискнулъ не согласиться съ княземъ по вопросу объ увеличеніи жалованья секретарю думы. Князь Куракинъ велѣлъ разсмотрѣть это мнѣніе думѣ вмѣстѣ съ магистратомъ, которые и порѣшили: «оставить его (т. е. мнѣніе) безсильнымъ и возвратить ему опое» [1]). Не столько было дѣла въ то время, сколько переписки; такъ отправлялись дѣла не въ одной городской думѣ, но и въ другихъ учрежденіяхъ того времени. При отвѣтѣ на какую-либо бумагу всегда писался весь текстъ ея, а затѣмъ отвѣтъ; если такихъ бумагъ по одному вопросу было нѣсколько, то всѣ переписывались цѣликомъ, что, конечно, утомляло администрацію и отнимало не мало времени. Князь Куракинъ обратилъ на это вниманіе и издалъ приказъ, полезный и для нашего времени: онъ предписывалъ, чтобы во всѣхъ представленіяхъ и донесеніяхъ излагали только сущность дѣла, а то «нерѣдко бываетъ, что нѣкоторыя учрежденія предписанной эссенціи въ представленіяхъ и донесеніяхъ внизу оныхъ не означаютъ, чѣмъ самымъ и наводятъ ему, генералъ-губернатору, затрудненіе» [2]). Бумаги не щадили а она была не дешева: за стопу бѣлой платили 4 р. 30 к. немного хуже—3 р. 50 к.

Дума того времени, помимо завѣдыванія хозяйствомъ города, служила для жителей и ломбардомъ, гдѣ можно было занимать деньги подъ залогъ вещей, недвижимости, что практиковалось съ 1795 года. Иногда закладывались крестьяне по оцѣнкѣ 70 р. за душу, при чемъ взималось 5%; но такіе случаи были не часты. Въ 1802 г. получилъ въ займы надв. совѣтникъ Кочубей 5 тыс. р. подъ залогъ «крестьянъ со всѣми угодьями»; штабъ-лѣкарь Тишевскій получилъ небольшую суду подъ залогъ 34 душъ, и вторично Кочубей еще получилъ 5 тысячъ. Крестьянскія души принимались и какъ залогъ при желаніи взять какой-либо подрядъ, какъ это сдѣлалъ кременчугскій купецъ Пинчуковъ въ 1803 г., заложившій 94 души для полученія виннаго откупа [3]).

---

[1]) Гор. Арх. 1802 г.

[2]) Гор. Арх. 1803 № 224.

[3]) Гор. Арх. 1802 г., № 1570, и Ар. Губ. Земства 1802 г., № 83.

Глава IV.

Заботы князя Куракина о постройкѣ зданій для правительственныхъ учрежденій. Цѣны на строительный матерьялъ. Забота о рабочихъ. Переписка съ гр. Разумовскимъ о пріобрѣтеніи отъ него для города левады и дома. Покупка кн. Куракинымъ нижняго сада и переписка съ С. М. Кочубеемъ о пріобрѣтеніи для города верхняго сада. Заботы объ устройствѣ городского сада.

Одною изъ главныхъ заботъ князя Куракина, тотчасъ по пріѣздѣ въ Полтаву, была постройка зданій для правительственныхъ учрежденій. Въ Полтавѣ въ то время не было хорошихъ, большихъ домовъ, гдѣ бы могли помѣститься эти учрежденія; нанятыя же помѣщенія были тѣсны, притомъ крайне ветхи. Нельзя было найти сколько-нибудь приличнаго помѣщенія и для начальствующихъ лицъ; самъ кн. Куракинъ жилъ въ небольшомъ домѣ около Воскресенской церкви (нынѣ тамъ домъ Шатуновскаго). Губернаторъ Сонцевъ обратилъ на это вниманіе гор. думы и въ 1802 году предписалъ ей, чтобы она «за обязанность свою почла доставить ему и вице-губернатору квартиры настоящія, согласивъ домохозяевъ, исправя ихъ на свой коштъ, отдать въ наймы ихъ, употребля на то нужное число денегъ изъ городскихъ доходовъ, вмѣсто найма засчитать оные хозяевамъ безъ всякой ихъ обиды и съ ихъ въ томъ согласія». [1]) Этимъ пріемомъ губернаторъ Сонцевъ получилъ возможность имѣть нѣсколько хорошихъ

---

[1]) Гор. Арх. 1802 г., №. 116.

квартиръ. Князь Куракинъ, ознакомившись съ городомъ, донесъ государю Александру, что въ Полтавѣ нѣтъ зданій, гдѣ бы возможно помѣстить присутственныя мѣста. «Вице-губернаторъ,—писалъ онъ,—жилъ въ домѣ, гдѣ обвалились потолки, а губернаторъ жилъ въ плохомъ домѣ Милорадовича, за что платили 1000 р. въ годъ» [1]). Кн. Куракинъ поэтому ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства необходимой суммы на постройку зданій въ городахъ Полтавской губерніи и въ самой Полтавѣ. Ходатайство было уважено, и въ распоряженіе князя было отпущено 400 тысячъ р. [2]) При немъ были построены или начаты постройкой слѣдующія зданія, существующія до сей поры: 1) Присутственныя мѣста (кромѣ боковыхъ крыльевъ, построенныхъ въ 1850-хъ годахъ), гдѣ помѣщались: губернское правленіе, казенная палата, Приказъ общ. призрѣнія и судъ. И въ то время, какъ и теперь, стоимость зданія всегда превышала смѣту. Смѣта на это зданіе была исчислена въ 78 тыс., а постройка обошлась въ 95 тыс. р. Окончено зданіе постройкой въ 1810 г. 2) Городское полицейское управленіе (стоившее 38 тыс.), гдѣ помѣщался нижній земскій судъ, полиція, казначейство квартира городничаго, а затѣмъ полицеймейстера; 3) такъ назыв. старо-губернаторскій домъ (нынѣ принадлежитъ кадетскому корпусу), оконченный въ 1811 г., стоимостью въ 96 тыс. р.; 4) острогъ, одинъ корпусъ въ 42 тыс., оконченъ въ 1808 году: 5) губернаторскій домъ, построенный въ 1810 г. за 43700 р.; во дворѣ былъ устроенъ домъ для вице-губернатора за 31 тыс.

Кн. Куракинъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы постройки эти обошлись возможно дешевле. Прежде всего онъ старался объ устройствѣ кирпичныхъ заводовъ, и въ 1802 году, имѣя въ виду только эти постройки, губернаторъ Сонцевъ, по предложенію князя, предписалъ думѣ устроить заводъ на левадѣ, назыв. Задыхальной (внизу нѣмецкой колоніи), отдавъ его въ распоряженіи Приказа общественнаго призрѣнія. Левада эта, въ нѣс-

---

[1]) Арх. Губ. Правл. по описи № 123.

[2]) Гор. Арх. 1804 г., Указъ Губ. Правл. № 625.

колько десятинъ, куплена была городомъ еще въ 1773 году у священника Латушинскаго за 100 р. и отдавалась въ аренду купцу Ковалевскому за 31 р. въ годъ. На уступку этой левады Приказу послѣдовало высочайшее повелѣніе 10 апрѣля 1802 года. Тамъ же городъ устроилъ и другой заводъ на землѣ, лично приторгованной кн. Куракинымъ за 325 р. (13 дес. 1291 кв. саж.) [1]). Изъ частныхъ заводовъ были: Воскресенской церкви и Крестовоздвиженскаго монастыря [2]). Интересны цѣны того времени на строительный матерьялъ (1802—1803 г.г.): 1 тысяча кирпича, длиною 6 в., шириною 3, толщиною $1^1/_2$—6 р.; въ 1810 г. цѣна повысилась и доходила до 10 р.; кладка одной тысячи 2 р.—2 р. 50 к.: алебастръ 25 к. пудъ; глина, куб. сажень—6 р.; песокъ, куб. сажень—8 р.; сажень извести, которую привозили и тогда изъ Бѣлгорода, 55 р.; листовое желѣзо 1 пудъ 7 р. 50 к., желѣзо вообще 1 пудъ 2 р. 50 к. и 3 р.--50 к.; работа печи 16 р.; кафельной 14 р.; голландской 15 р.; русской 8 р.; грабарская работа 2 р. отъ куб. сажня; краски: охра 1 п.—4 р. 50 к.; лазурь $1^1/_2$ ф.—1 р. 80 коп.; сурикъ $3^1/_2$ ф. 88 коп.; шингель 1 ф.—60 к.; свинцовыя бѣлила 1 п.—1 р., голландская сажа 1 ф.—80 к.; гвозди 1 п.—1 р. 60 к.; плита для лѣстницъ, погонная сажень—8 р.; [3])

Лѣсъ на постройку въ то время, какъ и нынѣ, доставлялся изъ Кременчуга. Но въ виду многихъ построекъ не только въ Полтавѣ, но и въ уѣздахъ, гдѣ строились тюремные замки, больницы и проч., кн. Куракинъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на полученіе ста тысячъ дубовыхъ брусьевъ изъ казенныхъ лѣсовъ кіевской, могилевской и орловской губерній, для рубки которыхъ былъ посланъ Куракинымъ чиновникъ губ. правл. Софроновъ. [4])

Цѣны на лѣсъ были слѣдующія: 4 саж. (діаметръ 8 вер.) доска 5 р.; 3 саж.—4 р.; сосновыя бревна: 6 саж. 6 вер.—6 р.. 4 саж.—4 р., 3 саж.—3 р.; дубовые брусья 4 саж. 4 вер.—2 р. 50 к.; сосновая доска 3 саж. ($2^1/_2$ д.) 80 коп.

---

[1]) 1804 г. Прот. Думы, стр. 42 и Арх. Губ. Земства 1802 г.

[2]) 1804. Гор. Арх. №. 1584.

[3]) Ар. Губ. Правл. 1803 по описи №. 185.

[4]) Арх. Полт. Губ. Зем. 1802 по описи № 40.

Скопленіе рабочихъ при постройкахъ озабочивало генералъ-губернатора, и онъ далъ слѣдующее предписаніе губ. правленію: «Нерѣдко можетъ случиться, что рабочіе люди бываютъ больны и, не имѣя пристанища на призрѣніе, могутъ находиться въ опасности жизни; дабы доставить симъ людямъ нужную помощь, предлагаю губернскому правленію учинить распоряженіе, дабы городовъ господа полицейместеры и городничіе, за узнаніемъ о семъ отъ смотрителей за строеніями, принимали ихъ во временно отстроенныя больницы городскія, гдѣ повѣтовый лѣкарь обязанъ ихъ будетъ пользовать [1]).

Помимо постройки казенныхъ зданій, кн. Куракинъ старался о пріобрѣтеніи частныхъ домовъ; такъ, имъ былъ пріобрѣтенъ домъ Руденка за 12 тыс., едва-ли не лучшій домъ въ то время въ Полтавѣ (нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ губернскаго земства). Но прежде чѣмъ купить, кн. Куракинъ пытался у богатыхъ людей выпросить для города безвозмождно, и когда это не удавалось, то тогда уже покупалъ. Расширяя черту города, князь обратился съ просьбой къ графу Льву Кирилловичу Разумовскому уступить городу три десятины левады. Начинается переписка. На письмо князя, графъ отвѣтилъ, что не можетъ рѣшить вопроса объ уступкѣ левады, пока не получилъ увѣдомленія отъ управляющаго своей экономіей (Карловка, Конст. уѣзда), нужна ли она. «Городъ Полтава,—пишетъ далѣе графъ,—и такъ съ моей стороны довольно имѣетъ пожертвованій, ибо два дома состоящіе въ оной занимаются въ пользу ея тому уже нѣсколько лѣтъ къ ряду, одинъ—присутствеными мѣстами, а другой—губернской чертежной, съ неминуемо претерпѣваемымъ отъ такого занятія въ деревянныхъ зданіяхъ разореніемъ: хотя, мнѣ кажется, помѣщеніе присутственыхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ строеній, должно бы лежать на общемъ городскомъ иждивеніи, а не на обремененіи одного частнаго человѣка. И когда всѣ прочіе полтавскіе обыватели не имѣли никакаго постоя, тогда чиновники, управляющіе моимъ имѣніемъ и дѣлами, пріѣзжая въ городъ, по причинѣ занятія моихъ

---

[1]) Арх. Гор. 1805, предп. № 3265.

домовъ, припуждены искать пристанища наймомъ». Графъ обѣщалъ продать леваду, если онъ будетъ освобожденъ отъ постоя на «соразмѣрное время тому, черезъ которое оныя дома мои заняты были, дабы черезъ то уровненъ былъ я съ прочими полтавскими жителями... Но продажу обѣщалъ совершить, если князь купитъ у него домъ, занятый присутственными мѣстами, «за резонабельную цѣну»; въ противномъ случаѣ не соглашался, «ибо думаю, (писалъ онъ), что и такъ никто изъ граждан Полтавы болѣе меня для нея не сдѣлалъ». Продажу дома онъ поручилъ совершить управляющему своимъ имѣніемъ, Карловкой, нѣкоему Соколову. Соколовъ былъ вызванъ въ Полтаву. Онъ запросилъ за домъ 3 тысячи р., но Куракинъ давалъ только $2^1/_2$ тыс. Начался торгъ. Соколовъ не уступилъ и уѣхалъ. Спустя два мѣсяца князь опять вызвалъ его и все-таки сторговалъ домъ за $2^1/_2$ тыс. съ разсрочкой платежа на три года. Стоимость уплаты пошлинъ и вводъ во владѣніе составили расходъ въ 150 р. ассигн. [1]).

Такъ устраивалъ городъ Куракинъ. Интересно, какъ онъ пріобрѣлъ городской садъ, и нынѣ составляющій украшеніе города. Прежде всего, часть сада (нижнюю) князь Куракинъ пріобрѣлъ на свои средства у отставного майора Романа Крыловскаго; верхняя же его часть принадлежала Семену Михайловичу Кочубею, къ которому кн. Куракинъ отправилъ письмо съ просьбою уступить садъ городу. Кочубей отвѣтилъ, что онъ боленъ, но оправившись, сочтетъ своею обязанностью лично побывать у князя и поговорить объ этомъ. Князь Куракинъ подождалъ нѣкоторое время и вторично послалъ ему письмо съ просьбой объ уступкѣ сада, увѣряя его, что онъ проситъ не для себя, а для города. Кочубей исполнилъ эту просьбу; тогда и Куракинъ формально передалъ городу смежную часть сада, купленную имъ у Крыловскаго, и благодаря этому Полтава на вѣчныя времена пріобрѣла большой прекрасный садъ. [2]) Князь Куракинъ сейчасъ приказалъ устроить каменную ограду, бесѣдки, началъ садить деревья, за-

---

[1]) Ар. Губ. Правл., по описи №. 228.

[2]) Арх. Губ. Правл., 1803 г., по описи № 174.

Видъ Полтавы въ 1804 году отъ Садовой площади, со двора Семена Михайловича Кочубея (нынѣ Институтъ благор. дѣвицъ). Съ гравюры Стадлера.

велъ цвѣтники и оранжереи. Садовника, знающаго свое дѣло, въ то время достать въ Полтавѣ нельзя было. Его выписали изъ Батурина, вѣроятно, изъ имѣнія гр. А. Разумовскаго. Садовникъ, которымъ былъ крестьянинъ Даніилъ Неванка, получалъ жало-

ванья 4 р. въ мѣсяцъ. На содержаніе сада и его устройства отпускала средства городская дума. Въ 1805 г. было истрачено на на садъ 560 р., а въ послѣдующіе года тратилось много больше, такъ какъ преемникъ князя Куракина, князь Лобановъ-Ростовскій очень любилъ заниматься садомъ. Это отмѣтилъ въ своихъ путевыхъ запискахъ кн. Долгорукій. «Кн. Лобановъ—говоритъ онъ—охотникъ до садовъ; гуляя съ нимъ по саду, я любовался. видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ, всякое ему знакомо, онъ неоднократно его осмотрѣлъ». Въ саду этомъ и по зимамъ бывали гулянья. Для публики были устроены камины, гдѣ можно было отогрѣться. [1]) Постройка ограды и бесѣдокъ велась городской управой подъ руководствомъ губ. архитектора Афросимова и его помощника Плотникова, на что было истрачено болѣе 3 тысячъ рублей. Князь Куракинъ остался этимъ очень недоволенъ. Просматривая отчетность по постройкѣ, князь былъ удивленъ, что стоимость кирпичной кладки была поставлена въ 3 р. 50 к. съ тысячи, а не 2 р.—2 р. 50 к., какъ была цѣна въ то время. Завязалась большая переписка, окончившаяся тѣмъ, что кн. Куракинъ отстранилъ городского архитектора отъ завѣдыванія садомъ и поручилъ это дѣло бывшему городничему, а тогда служившему въ экспедиціи, Значко-Яворскому.

Въ 1804 году были устроены въ саду оранжереи. Уѣзжая въ мартѣ мѣсяцѣ для обозрѣнія губерніи, князь Куракинъ предписалъ устроить оранжереи «самопоспѣшнѣйшимъ образомъ, дабы при открытіи весны ни въ чемъ работы не имѣли остановки». Работы начались черезъ два дня. При кн. Куракинѣ медлить нельзя было: самъ онъ легко работалъ и того же требовалъ отъ другихъ. [2])

---

[1]) «Славны бубны за горами», стр. 86—87.

[2]) Ар. Губ. Правл. № 174, 1803 г.; Гор. Арх. 1804 и 1805 г.

Глава. V.

Устройство кн. Куракинымъ аптеки въ Полтавѣ. Имѣнія, принадлежавшія городу. Забота Куракина объ устройствѣ памятника полтавской битвы. Памятникъ и его открытіе. Стихотореніе В. В. Капниста. Открытіе богоугодныхъ заведеній. Устройство ботаническаго сада. Родильный госпиталь. Богадѣльня. Привитіе оспы. Учрежденіе дома для душевнобольныхъ

До пріѣзда кн. Куракина въ Полтавѣ была лишь единственная, и то частная, аптека врача Тишевскаго, служившаго во врачебной управѣ. Задумавъ открыть казенную аптеку, кн. Куракинъ въ 1803 г. обратился съ просьбой къ министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею объ отпускѣ для предполагаемой аптеки лѣкарствъ изъ Лубенской аптеки, снабжавшей въ то время весь югъ Россіи медикаментами. Медицинская коллегія, куда было передано это ходатайство, не нашла возможнымъ отпустить лѣкарства безвозмездно, такъ какъ таковой отпускъ, по законоположеніямъ того времени, допускался только для военныхъ и флотскихъ госпиталей, въ виду чего министръ разрѣшилъ лишь взять изъ Лубенской аптеки необходимыя лѣкарства съ разсрочкою платежа въ два, три срока. Тогда кн. Куракинъ нашелъ болѣе выгоднымъ купить аптеку Тишевскаго и заранѣе пригласилъ на должность аптекаря Ивана Сесса, изъ Москвы, котораго рекомендовалъ ему родной братъ Куракина. Жалованье ему назначено было на первый годъ 600 р. с., затѣмъ 800 р. Лѣкарь Тишевскій, узнавъ о желаніи Куракина открыть аптеку, началъ энергично заготовлять возможно больше травъ и другихъ

лѣкарствъ, чтобы повыгоднѣе продать свою аптеку. Онъ запросилъ за нее 17850 р.; но Сессъ, человѣкъ очень энергичный и честный нашелъ эту цѣну слишкомъ высокой. Противъ Сесса, въ защиту Тишевскаго, выступилъ врачебный инспекторъ, лѣкарь Фалькенштейнъ; но Сессъ дѣйствовалъ самостоятельно и непосредственно обращался прямо къ кн. Куракину, въ которомъ находилъ поддержку, чѣмъ обижалась врачебная управа, считавшая Сесса своимъ подчиненнымъ. Пререканія эти доходили до министра внутреннихъ дѣлъ. Сессъ аптеку Тишевскаго оцѣнилъ всего въ 9500 р. Долгія пререканія закончилися тѣмъ, что изъ аптеки Тишевскаго было пріобрѣтено лѣкарствъ на 7062 р., а остальныя, недостающія, выписывали изъ Лубенской аптеки, съ уступкою 15%. Надзоръ за аптекой лежалъ на Приказѣ общ. призрѣнія, а врачебная управа производила ежемѣсячную ревизію. Доходы съ аптеки поступали въ Приказъ. Открыта она была 11 августа 1804 года и по 1 января 1807 г. дала чистаго дохода 10515 р. асс. [1])

Въ 1804 году князь Куракинъ рѣшилъ, въ виду истекшаго столѣтія со дня полтавской битвы, соорудить въ Полтавѣ памятникъ. Изыскивая средства на его сооруженіе, онъ рѣшилъ прежде всего употребить на его сооруженіе деньги, которыя слѣдовало получить городу за отобранныя у него имѣнія. Исторія этихъ имѣній такова. Петръ Великій въ благодарное воспоминаніе побѣды, одержанной надъ шведами въ 1709 г., указомъ 1718 г. пожаловалъ Полтавѣ деревни Иванчинцы, Ивашки, Грабиновку и часть села Осмачковъ. По ревизіи 1782 г. въ этихъ селахъ числилось 1045 душъ, а по ревизіи 1795 года—1147 душъ. Всѣхъ хатъ 383 г. Этими деревнями городъ владѣлъ до 1785 года, получая съ каждой души по 1 р., и кромѣ этого, обложилъ каждую хату въ 50 к. (такъ назыв. «подымное»). Помимо этого, магистратъ пользовался даровымъ трудомъ крестьянъ для городскихъ работъ «особливо во время квартированія въ городѣ генералитета и полковъ». Крестьяне возили дрова, сѣно, воду и т. под. За времена

---

[1]) Арх. Губ. Пр., по описи № 165.

съ 1762 по 1784 г. (раньше свѣдѣній нѣтъ) городъ получилъ изъ своихъ имѣній 11655 р. 52$^1/_2$ к. Въ 1785 году, по приказанію Потемкина, доходы съ этихъ имѣній были обращены на укомплектованіе полтавскаго коннаго полка. Имѣнія города такимъ образомъ поступили въ вѣдѣнія директора экономіи, наравнѣ съ другими казенными деревнями, что и было подтверждено указомъ императрицы Екатерины II на имя Румянцева-Задунайскаго. Согласно этому указу, магистрату Полтавы, въ вознагражденіе за отобранныя села, должны были отпускаться изъ казны денежныя суммы, но до 1804 года онъ ничего не получилъ. Когда же былъ поднятъ вопросъ о памятникахъ, то кн. Куракинъ и началъ хлопотать о выдачѣ городу уплаты за потерянныя имѣнія. Кн. Куракинъ довелъ это дѣло до свѣдѣнія императора Александра I, который повелѣлъ разсмотрѣть его въ Сенатѣ и «безъ очереди». Правительствующій Сенатъ запросилъ мнѣнія кн. Куракина, который и высказался въ томъ смыслѣ, что ходатайство гор. думы, желавшей получить денежное вознагражденіе, должно быть удовлетворено. По расчету думы, ей слѣдовало получить съ казны 22851 р., но Сенатъ значительно уменьшилъ это требованіе и постановилъ выдать городу всего лишь 8551 р. 58 к. [1]). Эти деньги кн. Куракинъ употребилъ на сооруженіе памятника на Александровской площади, вокругъ которой онъ задумалъ построить рядъ зданій для правительственныхъ учрежденій и школъ (гимназіи, семинаріи). До постройки памятника, площадь эта принадлежала помѣщикамъ Степану и Петру Левенцамъ, которымъ въ замѣнъ ея дана была земля въ другомъ мѣстѣ, въ размѣрѣ 1 дес. 1529 саж. Еще сюда примыкали земли дворянина Бужула и Кончихи, которымъ было уплочено 845 р. Торжество закладки памятника происходило въ годовщину Полтавскаго боя, 27 іюня, 1804 года. Наканунѣ этого дня на Шведской могилѣ, за городомъ,

[1]) Арх. Губ. Правл. по описи № 154, и гор. Арх. 1803, № 947 и 242. Полтавское городское Управленіе и до сей поры получаетъ за отобранныя когда-то имѣнія, согласно Указу Сената отъ 2 ав. 1803 г., ежегодно по 655 р. 43 к.

была впервые совершена торжественная панихида по императорѣ Петрѣ I и всѣхъ участникахъ боя, и съ тѣхъ поръ княземъ Куракинымъ было установлено, чтобы такая панихида ежегодно совершалась 26 іюня, что свято выполняется и донынѣ.

Видъ Шведской могилы въ моментъ совершенія панихиды 26 іюня 1804 г. Съ гравюры Стадлера.

Затѣмъ приступлено было къ подготовительнымъ работамъ по сооруженію монумента на Александровской площади. Въ этихъ подготовительныхъ работахъ много потрудились тогдашній городничій Значко-Яворскій и городской голова Илья Прокофьевъ, получившіе за это, по ходатайству князя, первый—царскій подарокъ, а второй—золотую медаль для ношенія на шеѣ. Проектъ монумента былъ составленъ извѣстнымъ профессоромъ Академіи художествъ Томасомъ де-Томаномъ. Памятникъ представляетъ высокую колонну, на верху которой орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ во рту, обращенный къ полю сраженія. Пьедесталъ сдѣланъ изъ

Видъ памятника Полтавской побѣды, сооруженнаго по мысли кн. Куракина.

мѣстнаго гранита, добытаго въ Келебердѣ (Кременчуг. уѣзда), и окруженъ 18-тью пушками, изъ которыхъ 10 взяты изъ бастіоновъ бывшей полтавской крѣпости, а 8 отняты у шведовъ при

Переволочной. Самъ авторъ проекта такъ описываетъ его: «Такъ какъ колонна эта тріумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго событія его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его торжеству. Съ этою цѣлью я прибѣгнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ. Колонна изъ желѣза въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединеніе, каждый шовъ закрыть вѣнкомъ: первый изъ лавра и пальмъ, второй изъ лавра, а третій изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеніями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ листьевъ, надъ которыми возвышается цоколь, увѣнчанный полусферой, на коей распростеръ свои крылья орелъ, держащій въ когтяхъ молніи войны и въ клювѣ лавровый вѣнокъ». Проектъ паматника былъ одобренъ государемъ, при чемъ самъ императоръ Александръ I изъявилъ желаніе принять на свой счетъ бронзовыя украшенія. Вотъ его указъ по этому поводу князю Куракину: «Указомъ, въ 11 день сентября 1804 года Правительствующему Сенату даннымъ, согласно желанію, отъ полтавскихъ гражданъ изъявленному, предназначены были доходы, возвращенные сему городу съ принадлежащихъ ему прежде деревенъ, обратить на сооруженіе монумента въ воспоминаніе побѣды, одержанной подъ Полтавою государемъ императоромъ Петромъ Великимъ. Споспѣшествуя сему благому намѣренію полтавскихъ гражданъ, и желая быть участникомъ въ сооруженіи памятника, знаменующаго происшествіе столь славное и для каждаго россіянина толико достопамятное, препровождаю къ вамъ при семъ планы монументу сему, здѣсь составленные, поручаю вамъ, согласно прежнимъ распоряженіямъ, приступить къ устроенію его на мѣстѣ, за исключеніемъ бронзовыхъ украшеній, къ нему принадлежащихъ, кои особенно здѣсь будутъ сдѣланы и доставлены къ своему назначенію». [1]) Первоначальная смѣта памятника была 48,109 р. 58 к., но обошелся онъ въ 135 тыс. Не-

---

[1]) Арх. П. Губ. Правл. по описи. № 154.

достающія деньги были пополнены изъ капитала въ 300 тысячъ, отпущеннаго по ходатайству кн. Куракина изъ ассигнаціоннаго банка на окончаніе памятника и устройство богоугодныхъ заведеній въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. [1]) Памятникъ не былъ готовъ къ столѣтію битвы; онъ былъ открытъ лишь 27 іюня 1811 г. На это торжество прибылъ изъ Переяслава епископъ полтавскій Ѳеофанъ, сказавшій при этомъ слово [2]). Извѣстный писатель того времени В. В. Каннистъ (1757 † 1824), служившій въ полт. генеральномъ судѣ и бывшій затѣмъ губернскимъ предводителемъ дворянства, прочелъ слѣдующее свое стихотвореніе.

«Красуйся, торжествуй, Полтава,
И лавръ обвей вокругъ чела:
Твоя днесь обновилась слава,
Какъ юность древняго орла.
Ты зрѣла, какъ здѣсь Левъ Полнощный
Кровь чадъ твоихъ рѣками лилъ,
И какъ его десницей мощной
Самсонъ Россійскій поразилъ.
Петровой подражатель славы
Днесь новый лавръ и пальмы плетъ
Въ побѣдныя поля Полтавы
Изъ поля собственныхъ побѣдъ.
Что Петръ девятилѣтней бранью
Въ поляхъ полтавскихъ заложилъ,
То Александръ могучею дланью
Чрезъ вѣкъ въ единый годъ свершилъ.
Съ восторгомъ зри средь поля брання
Днесь имъ воздвигнутый трофей,
Въ честь предка славою вѣнчанна
И въ память вѣрности твоей.

---

[1]) Арх. Пол., Г. Земства. 1808 № 107.

[2]) Напечатано въ Полт. Еп. Вѣд. 1863 г. № 3.

Столѣтіе побѣды Россовъ
Днесь празднествомъ почтилъ твой Царь:
Ты, вмѣсто мраморныхъ колоссовъ,
Въ сердцахъ поставь ему алтарь,
Взнеси моленіе усердно
Къ Царю царей, Отцу щедротъ,
Чтобъ царство мудро, милосердно
Продлилъ онъ съ славой въ родъ и родъ [1])

На торжествѣ открытія памятника присутствовалъ І. О. Судіенко, тайный совѣтникъ, членъ почтоваго управленія, завѣдывавшій имѣніями извѣстнаго вельможи кн. Безбородька. Подъ впечатлѣніемъ открытія памятника, воскресившаго событіе, имѣвшее столь громадное значеніе для Россіи, І. О. Судіенко внесъ лично въ Стародубское казначейство 50 тысячъ р., а его душеприказчикъ—въ полтавскій Приказъ общ. призрѣнія еще 50 тыс. съ тѣмъ, чтобы на полѣ полтавскомъ былъ устроенъ храмъ, а на остатокъ—богадѣльня для увѣчныхъ и больныхъ воиновъ черниговской и полтавской губерніи [2]).

Въ годъ закладки памятника, открыты были въ Полтавѣ богоугодныя заведенія,—предметъ постоянныхъ заботъ кн. Куракина. Подъ богоугодными заведеніями тогда разумѣли не только больницу, но и родильный или госпитальный пріютъ, богадѣльню и домъ для психически-больныхъ. До открытія ихъ въ Полтавѣ была больница, содержимая городомъ. Больница была построена тамъ, гдѣ она находится и нынѣ; до постройки это былъ поселокъ съ домами, принадлежавшій Степану Кулику и др. На первоначальное обзаведеніе больницы городомъ было ассигновано 6 тыс. р. и на содержаніе 4200 р. Помимо этого, было еще отпущено 50 тыс. на постройку зданія. Построена она была на 60

---

[1]) Чтенія при Моск. Университетѣ 1847 г., т. IX и Полт. Губ, Вѣдомости 1848 г., № 10.

[2]) О судьбѣ этого капитала, впервые израсходованнаго въ 1850-хъ годахъ, будетъ сказано въ дальнѣйшихъ выпускахъ.

кроватей, но уже въ первый годъ въ ней больныхъ было 114 ч. За лѣченіе и содержаніе больного взималась плата по 5 р. въ мѣсяцъ. На пищу больныхъ отпускалось въ сутки на человѣка по 6¼ к. На улучшенный столъ для нѣкоторыхъ больныхъ—дворянъ и чиновниковъ—отпускалась въ годъ сумма въ 100 р. На лѣкарства, въ первые годы, тратилось въ годъ 18 р. въ среднемъ на человѣка—сумма значительная, что указываетъ на дороговизну лѣкарствъ того времени.

Штатъ служащихъ въ больницѣ былъ не великъ. Врачъ получалъ жалованья всего 400 р.; при немъ было два помощника,—лѣкарскіе ученики, одинъ съ содержаніемъ въ 100 р., а другой—въ 75. Смотритель больницы получалъ 90 р. Было еще четыре надзирателя съ жалованьемъ по 36 р. въ годъ и четыре надзирательницы—по 24 р. каждой [1]). Попечителями богоугодныхъ заведеній были мѣстные дворяне, первымъ былъ кн. Эристовъ, пробывшій до 1811 года, затѣмъ совѣтникъ генеральнаго суда Сахновскій, а за отказомъ послѣдняго—Левенецъ, тоже мѣстный дворянинъ. Въ числѣ попечителей, при генералъ-губернаторѣ Репнинѣ, былъ извѣстный малорусскій поэтъ И. П. Котляревскій. Первымъ врачомъ больницы былъ Андрей Афанасьевичъ Кондура. Онъ учился въ университетѣ въ Галле, а затѣмъ въ 1800 г. держалъ экзаменъ въ государственной медицинской коллегіи, разрѣшившей ему практику. Сначала онъ жилъ въ Нѣжинѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Полтаву, гдѣ былъ врачомъ съ 1802 г. при городской больницѣ. Жалованья онъ не получалъ; мало того, свои сбереженія (1500 р.) онъ отдалъ на улучшеніе богоугодныхъ заведеній, что видно изъ его прошенія на высочайшее имя о выдачѣ ему аттестата о службѣ до назначенія его врачомъ въ богоугодное заведеніе [2]).

Въ ноябрѣ 1805 года жена генералъ-губернатора, княгиня Наталія Куракина, подала заявленіе своему супругу о желаніи пожертвовать всю церковную утварь, если будетъ устроена при

---

[1]) Ар. Губ. Правл. 1804 г. № 154.

[2]) Арх. Губернскаго Земства 1802 г. № 54, № 609.

больницѣ церковь. Смѣта на церковную утварь была исчислена въ 2111 р. 32 к. Церковь была устроена въ верхнемъ этажѣ нынѣшняго главнаго корпуса [1]).

При богоугодномъ заведеніи кн. Куракинымъ былъ устроенъ ботаническій садъ. Дороговизна лѣкарствъ навела его на эту мысль. Упомянувъ въ своемъ предписаніи Приказу объ устройствѣ сада кн. Куракинъ говоритъ: «чтобы усилить способы къ усовершенствованію самаго учрежденія аптеки, устроеніе ботаническаго сада при ней я почитаю необходимымъ и тѣмъ не менѣе для самаго Приказа общественнаго призрѣнія полезнымъ, что онъ, получая для аптеки своей домашнія свои произростанія, замѣнитъ многія денежныя издержки на то потребныя» [2]). Неутомимымъ помощникомъ князя въ устройствѣ сада былъ аптекарь Иванъ Сессъ, о которомъ мы уже говорили. Онъ составилъ смѣту на необходимыя постройки, а именно: двухъ оражерей, выкопку большой ямы для скопленія дождевой воды и небольшого жилья для прислуги. Все это стоило 5045 р. с. Планировка мѣстности, ея ограда—549 р. Ему помогали депутатъ генеральнаго суда майоръ Остроградскій и губернскій архитекторъ Афросимовъ. Покупка сѣмянъ стоила 430 р. с. Черезъ два года, въ 1807 году, ботаническій садъ могъ уже продавать растенія, и продано было на 143 р. Смѣта на его содержаніе была 500 р., изъ которыхъ только 300 р. отпускалъ Приказъ, а остальные покрывались доходами отъ продажи растеній. Разводились, главнымъ образомъ, лѣкарственныя растенія: мята четырехъ сортовъ (перечная, кудрявая, рута, чесокъ), божье деревцо, можевельникъ, который разводился въ большомъ количествѣ, такъ какъ онъ служилъ дезинфецирующимъ средствомъ для больницъ. Садовникъ былъ нѣмецъ, котораго выписали и платили ему 50 р. въ годъ.

При больницѣ былъ устроенъ тѣмъ же кн. Куракинымъ «родильный госпиталь». Въ 1804 г. прибыли въ Полтаву двѣ акушерки, окончившія институтъ въ Петербургѣ. Это и навело

---

1) Арх. Губ. Земства, 1808 г., № 113.

2) Арх. Губ. Земства, 1805 г., дѣло № 1509.

князя на мысль устроить родильный госпиталь, чтобы воспользоваться знаніемъ этихъ лицъ, получившихъ специальное образованіе. «Пользуясь благотворительнымъ для человѣчества случаемъ, извѣстною, вашему пр—ву (писалъ онъ губернатору) присылкою въ Полтаву двухъ бабокъ, окончившихъ въ С.-Петербургскомъ институтѣ, намѣренъ я здѣсь устроить «родильный госпиталь» на 6 кроватей, для помощи неимущимъ, столь много отъ недостатковъ своихъ во время разрѣшенія страждущимъ. Предполагая поручить учрежденіе сіе помянутымъ бабкамъ, прошу васъ, милостивый государь мой, на первый случай для помѣщенія онаго нанять домъ». Такъ какъ эти двѣ акушерки числились при врачебной управѣ, то кн. Куракинъ считалъ достаточнымъ прибавить имъ еще немного; старшей 80 р., а младшей 70 р. Деньги 300 р. были отпущены Приказомъ общ. призрѣнія, но вся эта сумма даже не издерживалась,—бывали остатки [2]).

Надо сказать, что кн. Куракинъ былъ очень сердечный человѣкъ, всегда чутко относившійся къ бѣдняку, страждущему, и много дѣлавшій въ этомъ отношеніи. Имъ же была организована въ 1805 г. богадѣльня. Всѣхъ призрѣваемыхъ было 73 чел. При немъ нищіе не могли ходить по городу и просить милостыни; имъ запрещено было сидѣть на многолюдныхъ улицахъ,—ихъ забирали и отправляли въ богадѣльню, а на содержаніе ихъ дума ассигновывала ежегодно по 500 р. [3]). Бывали въ то время и частныя пожертвованія на содержаніе нищихъ, хотя частная благотворительность въ то время вообще мало была развита. Нѣкто Евреиновъ пожертвовалъ капиталъ въ 4 тыс. р.: 2 тысячи въ полтавскій Приказъ и двѣ—въ черниговскій съ тѣмъ, чтобы на проценты содержали по 6 нищихъ [4]). Городничій Значко-Яворскій собиралъ иногда для содержанія нищихъ деньги въ храмахъ.

Заботы о привитіи оспы младенцамъ также очень занимали князя Куракина: это было дѣло новое для того времени. Приви-

[1]) Ар. П. Г. Земства 1805. № 63.
[2]) Арх. Губ. Земства, 1804., № 32.
[3]) Арх. Губ. Правл. по описи № 278,
[4]) Арх. Губ. Земства, 1802, № 122.

тіемъ оспы занимался врачъ Кондура, когда жилъ въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ привилъ ее 600-мъ младенцамъ. Въ Полтавской губерніи занимались привитіемъ ея гадячскій врачъ П. Я. Барабашъ, золотоношскій—Г. Костюковскій и харьковскій—Александръ Свѣтловскій [1]). Къ сожалѣнію, мы не нашли въ архивѣ статистическихъ данныхъ о количествѣ сдѣланныхъ прививокъ. За это доброе дѣло кн. Куракинъ былъ удостоенъ Высочайшей признательности: «Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—читаемъ въ указѣ императора Александра I, 1804 г.—представилъ мнѣ дошедшія отъ васъ вѣдомости о привитіи въ истекшемъ году коровьей оспы по губерніямъ малороссійскимъ. Съ удовольствіемъ видя изъ числа младенцевъ, коимъ благополучно совершено сіе прививаніе, что столь благодѣтельное изобрѣтеніе попеченіемъ вашимъ имѣетъ добрый успѣхъ въ губерніяхъ, начальству вашему ввѣренныхъ, я свидѣтельствую вамъ совершенную мою признательность, поруча вмѣстѣ съ симъ изъявить благоволеніе мое и тѣмъ врачебнымъ чинамъ, кои въ дѣлѣ семъ оказали свое усердіе» [2]). Заканчивая обзоръ благотворительныхъ учрежденій, бывшихъ въ завѣдываніи Приказа общ. призрѣнія, упомянемъ объ учрежденіи дома для психически-больныхъ, содержаніе котораго обходилось въ годъ въ тысячу рублей. Въ іюлѣ 1804 г., когда его открыли, было принято больныхъ 6 ч., но къ 1 января слѣдующаго года число ихъ возрасло до 16 человѣкъ [3]).

И. Ф. Павловскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Двор. архивъ 1803. № 5.

[2]) Арх. Губ. Прал. 1804 № 252.

[3]) Арх. Губ. Правленія, № 277.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

Въ № 6 мы закончили печатаніемъ ту часть «Исторіи Кіевской 2-й гимназіи», которая, какъ было сказано, сохранилась въ бумагахъ покойнаго автора ея. Въ настоящее время сыномъ автора доставлено намъ еще нѣсколько страницъ, составляющихъ продолженіе напечатанной уже части. Принося глубокую благодарность В. Н. Тумасову за доставленныя страницы, мы помѣщаемъ ихъ въ настоящей книжкѣ журнала, еще разъ прося читателей указать намъ, не отыщется-ли гдѣ нибудь окончаніе этого интереснаго труда. Въ особенности просимъ объ этомъ наслѣдниковъ покойнаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа С. П. Голубцова, у котораго, можно предполагать, былъ полный экземпляръ рукописи труда Н. С. Тумасова. *Ред.*

Обращая вниманіе на умственную сторону, не забыли и физической стороны развитія воспитанниковъ, думали о гимнастикѣ, но понимали ее нѣсколько своеобразно. Такъ напр., еще въ актовой запискѣ 1838 г. говорится, что «одинъ разъ въ недѣлю въ гимназическомъ залѣ или въ хорошую погоду на дворѣ, ученики высшихъ четырехъ классовъ 2-й гимназіи подъ руководствомъ опытнаго надзирателя и надзоромъ инспектора пріучаемы были къ приличной стойкѣ и правильному хожденію въ рядахъ и къ надлежащему отданію чести старшимъ лицамъ, при чемъ обращаемо было внима-

ніе на соблюденіе надлежащей формы и чистоты одежды и бѣлья» [1]). Такая гимнастика примѣнялась къ ученикамъ общихъ квартиръ 2-й гимназіи во все продолженіе сороковыхъ годовъ и въ началѣ 50-хъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ она еще болѣе усилилась, когда Бибиковъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, предписалъ имѣть въ числѣ служителей одного и болѣе «способныхъ и благонадежныхъ» унтеръ-офицеровъ изъ отставныхъ или безсрочно-отпускныхъ, которые два раза въ недѣлю по часу въ присутствіи инспектора и надзирателей «упражняли воспитанниковъ въ маршировкѣ и поворотахъ, наиболѣе соотвѣтственныхъ цѣли наружнаго образованія. и когда Государь Императоръ повелѣлъ открыть «въ столичныхъ Университетахъ и высшихъ классахъ всѣхъ гимназій преподаваніе строевого устава пѣхотной службы ротнаго и баталіоннаго, и сверхъ того въ означенныхъ Университетахъ артиллеріи и полевой фортификаціи» [2]). Эта мѣра, будучи вызвана стремленіемъ тогдашней учащейся молодежи становиться въ ряды бойцовъ Крымской войны, никогда не была приведена въ дѣйствіе, потому что въ началѣ слѣд. года Имп. Николай Павловичъ умеръ, а его преемникъ, окончившій войну, призналъ мѣру эту лишнею [3]).

О ходѣ преподаванія во 2-й гимназіи за этотъ періодъ времени можемъ судить частью на основаніи личныхъ воспоминаній бывшихъ ея воспитанниковъ, частью на основаніи оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ данныхъ, которыя намъ удалось извлечь изъ архива. По личнымъ воспоминаніямъ, репутаціею превосходныхъ преподавателей изъ прежнихъ пользовались: учитель исторіи Потаповичъ, учитель греческаго языка Страшкевичъ, учитель русскаго языка Коробкинъ, учитель словесности Березницкій и учитель латинскаго языка Юскевичъ-Красковскій; изъ вновь поступившихъ— учителя русскаго языка и словесности Бернадскій и Николаевскій, учитель греческаго языка Ѳедоровъ и учителя исторіи —Шульгинъ и Лашнюковъ, между которыми особеннымъ даромъ препо-

---

[1]) Слѣпушк. стр. 23.

[2]) Сбор. Пост. т. II, стр. 1349.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1856 г. Іюль.

даванія отличался первый. Если-бы кто захотѣлъ отклонить всѣ свидѣтельства прошлаго, за исключеніемъ мнѣнія тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, то о состояніи преподаванія во 2-й гимназіи за это время могъ-бы произнести самый лестный отзывъ. По мнѣнію Министра, въ 1850 г. осматривавшаго обѣ Кіевскія гимназіи, онѣ «вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію: ученіе въ нихъ преподается успѣшно, по хорошей методѣ и способными учителями» [1]). Но въ то же время изъ отчета, представленнаго Бибикову инспекторомъ казенныхъ училищъ о преподаваніи во 2-й гимназіи за 1850 годъ, узнаемъ, что на самомъ дѣлѣ было нѣсколько иначе. Въ особенности плохо шло преподаваніе новыхъ языковъ, благодаря главнымъ образомъ преподавателямъ: а) французскаго языка Лабендскому и б) нѣмецкаго языка Іензену. О первомъ впослѣдствіи (въ 1861 г.) директоръ такъ отозвался: «учитель французскаго языка Лабендскій придерживался въ преподаваніи своемъ странной методы: едва успѣвши научить дѣтей читать, онъ задавалъ имъ наизусть спряженіе глаголовъ *avoir* и *être* по всѣмъ временамъ, заставляя ихъ переписывать по нѣсколько разъ эти спряженія, переводы съ французскаго на русскій, слова и басни. У учителя нѣмецкаго языка Іензена успѣховъ еще меньше» [2]). Даже такіе, въ началѣ служебной дѣятельности отличные, учителя, какъ Березницкій и Николаевскій, чѣмъ далѣе, тѣмъ неохотнѣе и небрежнѣе стали относиться къ своему занятію; доказательство находимъ въ замѣчаніяхъ Бибикова, сдѣланныхъ въ 1850 г. директору по поводу бывшей ревизіи. «Въ преподаваніи словесности учители Березницкій и Николаевскій не обращаютъ довольно вниманія на приложеніе теоріи къ практикѣ. Для лучшаго усвоенія предмета учениками нужно, чтобы излагаемыя опредѣленія и правила болѣе показывались въ примѣрахъ и примѣненіи. Для сего учители обязаны, во 1-хъ, читать сколь можно болѣе образцовыхъ статей съ подробнымъ разборомъ ихъ, начиная съ 4-го класса, и продолжать въ послѣдующихъ

---

[1]) Дѣло 1850 г. № 38.

[2]) Годов. отч. за 1861 г. Ср. дѣло о ревиз. 1850 г. 19 Марта.

классахъ примѣнительно къ пройденнымъ частямъ реторики и піитики. При экзаменахъ должно въ этомъ требовать отчета отъ учениковъ, допуская для выиграния времени отвѣты письменные, какъ все это опредѣлено примѣчаніями въ программахъ 1847 г. Во 2-хъ, должно упражнять учениковъ сколько можно болѣе въ сочиненіяхъ и для этого требовать непремѣнно отъ каждаго не менѣе двухъ упражненій въ мѣсяцъ. Такъ какъ ученики по ограниченному кругу познаній и малой начитанности не всѣ могутъ имѣть собственный матеріалъ для сочиненій, то учитель долженъ имъ доставлять его, а именно: прочесть и разобрать статью, анекдотъ, разсказъ, описаніе, разсужденіе и т. п., соблюдая постепенность по классамъ, и приказать изложить это письменно. Задавая для сочиненія тему, учитель долженъ прежде самъ развить ее словесно и дать ученикамъ планъ сочиненія, указавъ разные способы расположенія. Только въ 7-мъ классѣ и отъ нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ учениковъ 6-го класса можно требовать сочиненій безъ этого пособія учителя. Но непремѣнно вмѣстѣ съ сочиненіями должно задавать ученикамъ переводы съ иностранныхъ языковъ: переводы полезны въ томъ отношеніи, что, передавая мысль иностраннаго писателя, ученикъ долженъ болѣе трудиться надъ роднымъ языкомъ, нежели выражая собственныя мысли, и такимъ образомъ, лучше научается владѣть имъ... Всѣ такія упражненія учитель словесности въ 6-мъ и 7-мъ классѣ долженъ, просмотрѣвъ на дому, возвращать ученикамъ съ поправками и требовать вторичнаго представленія ихъ уже исправленными по его замѣчаніямъ. Упражненія, заслуживающія болѣе прочихъ вниманія, учитель разбираетъ предъ учениками въ классѣ. Въ 4-мъ и 5-мъ классахъ учитель, просмотрѣвъ предварительно ученическія сочиненія, указываетъ ученикамъ ошибки ихъ съ объясненіемъ причинъ. Въ 1-мъ классѣ учитель русскаго языка долженъ преимущественно обращать усилія свои на пріученіе учениковъ къ внимательности, на развитіе въ нихъ понятливости и способности выражаться правильно и чисто. Для этого онъ прочтетъ имъ статью содержанія доступнаго ихъ познаніямъ и потребуетъ, чтобъ они указали ему въ ней

предметъ или лица, отношенія предмета или дѣйствія лицъ и проч., и потомъ разсказали статью своими словами. Каждыя двѣ недѣли въ нѣсколько уроковъ учитель можетъ, такимъ образомъ, разобрать одну статью и, переходя къ другимъ, онъ долженъ повторять и прежнія. Особенно удобны для такихъ упражненій притчи Крумахера и басни Крылова какъ по содержанію, такъ и по языку. Занятія эти, объясненныя подробно въ примѣчаніи къ программѣ по русскому языку, полезно продолжать и во 2-мъ классѣ». Замѣчанія и наставленія въ такомъ духѣ показываютъ, что ничего подобнаго не дѣлалось и что, слѣд., все ученіе въ то время сводилось на изученіе теоріи языка и далѣе не шло. Почти всѣ преподаватели стремились не къ тому, чтобы научить учениковъ, а къ тому, чтобы какъ можно болѣе облегчить самихъ себя. Въ большинствѣ случаевъ они ограничивались заданіемъ урока по книгѣ: «отсюда и до сихъ поръ», предоставляя остальное на волю судебъ. Большую часть класснаго времени они истрачивали на переспрашиваніе заданнаго и на повѣрку аудиторовъ. Чтобъ имѣть понятіе, что это за аудиторы, нужно знать, что въ то время учителя обязаны были подавать вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ не четыре раза, какъ теперь, а 9 разъ въ годъ. Переспросить какъ слѣдуетъ всѣхъ учениковъ къ концу мѣсяца не было никакой возможности. Чтобъ помочь бѣдѣ, учителя назначали лучшихъ въ классѣ учениковъ аудиторами и распредѣляли между ними ихъ товарищей, которыхъ они обязаны были до прихода учителя въ гимназію переспросить урокъ и оцѣнить заслуженною отмѣткою. Отмѣтка диктовалась учителю и, если не была опротестована, заносилась въ классный журналъ. Въ случаѣ протеста, учитель переспрашивалъ протестующаго. Аудиторъ, оказавшійся виновнымъ въ пристрастіи, лишался аудиторства, а иногда отдавался подъ аудиторство обиженнаго. Аудиторы имѣли также своего начальника. Онъ назывался аудиторъ надъ аудиторами; онъ-же обыкновенно назначался цензоромъ класса, т.е. наблюдателемъ за поведеніемъ товарищей. Провинившихся онъ вносилъ въ свой списокъ, который представлялъ по начальству.

Краснорѣчивѣйшими истолкователями положенія учебнаго дѣла за этотъ періодъ времени служатъ, конечно, выраженные въ цыфрахъ успѣхи учениковъ. Цыфры эти настолько поучительны, такъ хорошо рисуютъ быть 2-й гимназіи какъ со стороны преподавателей и ихъ метода преподаванія, такъ и со стороны учащихся, что для надлежащаго представленія о дѣйствительномъ положеніи ученія 2-й гимназіи безъ нихъ рѣшительно нельзя обойтись [1]).

Изъ общаго вывода по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, объ успѣшности котораго говоритъ число выданныхъ аттестатовъ, не трудно прійти къ заключенію, далеко не согласному съ тѣмъ, которое сдѣлано Министромъ. Общій выводъ успѣховъ всѣхъ учениковъ 2-й гимназіи во всѣхъ предметахъ за всѣ годы, начиная съ 1840 и оканчивая 1856-мъ, равняется $^1/_2$, т. е. только половина учениковъ оказала въ это время удовлетворительные успѣхи; при этомъ нужно замѣтить, что изъ 17 лѣтъ 7 было такихъ, когда числа успѣвающихъ было значительно менѣе числа неуспѣвающихъ. Сдѣлавъ вычисленіе по общимъ вѣдомостямъ [2]), мы не вѣрили своимъ глазамъ: мы не думали, чтобы возможно было такое ненормальное положеніе дѣлъ, особенно, когда мы сравнили полученныя нами цыфры съ цыфрами оффиціальнаго отчета, показывающими весьма большой процентъ успѣшности; при всемъ томъ, надо согласиться, что офиціальныя показанія до 1848 г. обманчивы, что бросилось въ глаза даже одному изъ тогдашнихъ попечителей (к. Давыдову). Съ 1849 г. наши вычисленія начинаютъ уже совпадать съ оффиціальными, которыя съ той поры становятся вполнѣ добросовѣстными. Такъ напр., на основаніи вѣдомостей мы нашли, что число успѣвшихъ

---

[1]) Цыфры, приводимыя ниже, получились путемъ счисленія по вѣдомостямъ, а не по отчетамъ гимназическаго начальства, которые оказываются фальшивыми.

[2]) Мы такъ считали: учениковъ, имѣющихъ по данному предмету въ среднемъ выводѣ не менѣе $2^1/_2$ мы признавали удовлетворительными.

въ 1849 и 1850-мъ годахъ гораздо менѣе половины всего числа учениковъ; обратившись къ запискамъ о состояніи 2-й гимназіи за эти годы, читаемъ: «число учащихся въ началѣ истекающаго учебнаго года съ вновь поступившими было 623. Выбыло въ продолженіе сего года до окончанія курса 68, окончило полный гимназическій курсъ 50 (аттестатовъ выдано собственно только 31)... Нынѣ въ гимназіи состоитъ учениковъ 574; изъ нихъ вслѣдствіе годичнаго испытанія удостоено перевода... всего 227 учениковъ», т. е. немного болѣе $^1/_3$ всѣхъ учениковъ. «Число учащихся, говорится въ запискѣ $184^9/_{50}$ г., нынѣ въ гимназіи—506; изъ нихъ вслѣдствіе годичнаго испытанія удостоено перевода..... всего 221», т. е. опять таки немногимъ болѣе $^1/_3$. Самый благопріятный результатъ даютъ только два года—1851-й и 1853-й, въ $185^0/_1$ году число успѣвшихъ относится къ числу неуспѣвшихъ, какъ 3 : 1, а въ $185^2/_3$—какъ 2 : 1. Такова общая успѣшность учениковъ 2-й гимназіи за эти годы.

Въ частности, по каждому предмету изъ тѣхъ же вѣдомостей мы получаемъ выводы также далеко неутѣшительные. Изъ нихъ первый—тотъ, что, за исключеніемъ закона Божія и греческаго языка, нѣтъ ни одного предмета, по которому-бы во всѣ годы число успѣвающихъ постоянно превышало цыфру неуспѣвающихъ; лучше другихъ предметовъ поставлена была физика и исторія, но и тутъ бывали годы, когда неуспѣвающихъ было больше, чѣмъ успѣвающихъ; во 2-хъ, ни одного предмета преподаваніе не шло такъ неудачно и ни по одному не было такого малаго процента успѣшности, какъ по новымъ языкамъ; въ 3-хъ, вообще успѣхи учениковъ 1-хъ отдѣленій всѣхъ классовъ выше, чѣмъ во 2-хъ отдѣленіяхъ: въ 4-хъ, чѣмъ классъ многолюднѣе, тѣмъ успѣшность его ниже; въ 5-хъ, наименѣе успѣвающими представляются классы—1-й (въ одни годы), 3-й (въ другіе), 4-й и 5-й. Безъ сомнѣнія, причинъ такого заявленія много; укажемъ на нѣкоторыя, болѣе осязательныя.

а) Если первыя отдѣленія оказываются успѣвающими лучше вторыхъ, то надо полагать, что весь секретъ заключается въ общихъ квартирахъ, въ коихъ жившіе ученики составляли не ма-

лый процентъ тѣхъ классовъ, въ спискахъ которыхъ они значились, а они записаны были въ первыхъ отдѣленіяхъ; ученики общихъ квартиръ находились подъ бдительныхъ надзоромъ, слѣд., меньше развлекались, чѣмъ ихъ товарищи 2-го отдѣленія; у нихъ были репетиторы, съ ними, наконецъ, занимались повтореніемъ стараго и выучиваніемъ новаго учителя гимназіи, аккуратно каждый день посѣщавшіе ихъ (Юскевичъ-Красковскій, Березницкій, Байеръ, Сигизмундъ, Козелли, Семяновскій и др.).

б) Если успѣшность класса находилась въ обратномъ отношеніи съ численностью его, то и объяснять нечего: причина на лицо.

в) Наименьшая успѣшность 1-го класса 2-го отд. зависѣла главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: 1) отъ того, что ученики этого класса приступали къ систематическоу изученію новыхъ для нихъ наукъ и 2) что рѣдкіе изъ нихъ находили у себя дома знающихъ помощниковъ. Что касается классовъ 3-го, 4-го и 5-го, то причина ихъ очень малой успѣшности лежала главнымъ образомъ въ многопредметности и въ непосильномъ трудѣ. Такъ, въ 3-мъ классѣ съ 1840 г. до 1847 г. преподавались начала наукъ—алгебры, геометріи и исторіи (всеобщей и русской). Этотъ классъ сталъ легче съ тѣхъ поръ, какъ въ 4-й классъ была перенесена геометрія (т. е. съ 1847 г.). Въ 4-мъ классѣ начинались новыя науки—реторика, славянскій языкъ, греческій языкъ, а съ 1847 г. еще и геометрія. Въ 5-мъ классѣ преподавались новыя науки—логика (до 1847 г.), космографія (до 1847 г.) и физика (съ 1851 г.). Хотя въ 1847 г. алгебра не преподавалась въ этомъ классѣ, за то увеличенъ былъ объемъ геометріи. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что программы по всѣмъ предметамъ этихъ классовъ были весьма обширны.

г) Малая успѣшность тогдашнихъ учениковъ 2-й гимназіи по всѣмъ вообще предметамъ вытекаетъ изъ множества причинъ, которыя часто неуловимы; тѣмъ не менѣе значительная доля вины падаетъ прежде всего на духъ времени, требовавшій неумолимой строгости по отношенію къ воспитанникамъ, которая нерѣдко переходила въ суровость и даже жестокость. Не успѣлъ

Богородскій вступить въ управленіе дѣлами 2-й гимназіи, какъ сейчасъ же обнаружилось присутствіе въ ней суровой требовательности. Ее почувствовали всѣ ученики отъ 1-го до послѣдняго класса включительно: въ $183^8/_9$ г. число успѣвающихъ и, стало быть, переведенныхъ въ высшій классъ составляло болѣе $^3/_4$, а въ $183^9/_{40}$ г.—менѣе $^1/_2$ всего числа учащихся; въ $183^8/_9$ г. на меньшее число учениковъ выданы аттестаты 9-ти, а въ $183^9/_{40}$—при большемъ составѣ 7-го класса—всего 6; тоже замѣчается и въ 1841 г.: изъ 26-и учениковъ аттестатъ получили 10 человѣкъ. Она отразилась и на числѣ выбывшихъ учениковъ: въ $183^8/_9$ г. учениковъ было 374, а въ $183^9/_{40}$ г.—уменьшалось до 356, не смотря на то, что въ теченіе этого года вновь поступило 97 человѣкъ. Въ слѣдующіе два года учениковъ стало еще меньше, не смотря на вновь поступающихъ: такъ, къ концу $184^0/_1$ г. учениковъ было 317, а въ $184^1/_2$ г.--289. Приростъ начался только съ $184^2/_3$ г., когда число учащихся поднялось до 352 человѣкъ. Въ 1856 г. 2-я гимназія считала у себя 586 учениковъ.

д) Наименьшая успѣшность въ новыхъ языкахъ происходила, какъ кажется, отъ другихъ причинъ; изъ нихъ первая—та, что для перевода въ высшій классъ отъ учащагося не требовались удовлетворительныя познанія въ этихъ языкахъ, если только по остальнымъ предметамъ его познанія удовлетворяли поставленнымъ требованіямъ. Ученики это знали и потому къ изученію новыхъ языковъ относились, вообще говоря, небрежно. Вторая—заключалась въ самыхъ преподавателяхъ, плохо владѣвшихъ русскимъ языкомъ, неумѣвшихъ надлежащимъ образомъ разъяснить ученикамъ грамматическихъ правилъ и мало заботившихся о выработкѣ лучшаго метода преподаванія; такъ, между прочимъ, они заставляли учениковъ, мало или даже совсѣмъ не понимающихъ языка, учить наизусть цѣлыя страницы изъ грамматики французской или нѣмецкой, изъ чего, разумѣется, не выходило никакого толка. Правда, учитель Сигизмундъ написалъ грамматику нѣмецкаго языка для русскихъ, которая освобождала учащагося отъ необходимости изучать правила нѣмецкаго языка по-нѣмецки; но по обширности и трудности изложенія она едва-ли была до-

ступною для пониманія. Мы говоримъ такъ на основаніи собственнаго знакомства съ нею и потому, быть можетъ, ошибаемся; но на насъ она произвела впечатлѣніе чего-то необыкновенно тяжелаго и неудобопонятнаго.

Въ заключеніе намъ остается коснуться вопроса объ учебникахъ. Въ этомъ отношеніи ученики 2-й гимназіи въ разсматриваемый періодъ испытывали тѣ-же затрудненія, что и въ предъидущее время, несмотря на то, что по нѣкоторымъ предметамъ вошли въ употребленіе руководства, безспорно лучшія противъ прежнихъ. Такъ, напр., вмѣсто всеобщей и русской исторіи Кайданова приняты были за руководство—всеобщая исторія *Смарагдова*, и русская—*Устрялова*; вмѣсто географіи Зябловскаго географія *Ободовскаго*; вмѣсто теоріи словесности Копіанскаго руководство *Зеленецкаго* и др.; но учащіеся вообще выиграли отъ этой перемѣны немного, потому что большая часть новыхъ руководствъ были столь-же трудны для изученія, какъ и прежнія. Трудность состояла, главнымъ образомъ, въ необыкновенномъ обиліи фактическаго матеріала и мелочей, усвоить которыя, не взирая на всю невозможность, считалось обязательнымъ. Сколько намъ извѣстно, нѣкоторые учителя старались облегчить въ этомъ отношеніи учащихся, въ особенности Шульгинъ, издававшій свои собственныя записки по исторіи, но во 1-хъ, такіе случаи были весьма рѣдки, а во 2-хъ, отступать отъ признанныхъ департаментовъ Министерства руководствъ было очень рисковано, такъ какъ окружное начальство противилось преподаванію по запискамъ, имѣя, конечно, на то свои, для всякаго понятныя, основанія. Циркуляромъ отъ 31 августа 1843 года попечитель округа предлагаетъ директору 2-й гимназіи, «строго наблюдать, чтобы учителя въ изложеніи преподаваемыхъ ими наукъ отнюдь не отступали отъ принятыхъ руководствъ и дозволять имъ давать ученикамъ свои записки только въ такомъ случаѣ, когда въ руководствѣ нѣтъ какого-либо отвѣта на вопросъ, заключающійся въ утвержденной мною программѣ». Такія распоряженія появлялись и потомъ неоднократно.

Что касается до нравственнаго состоянія 2-й гимназіи за періодъ времени отъ 1840 до 1856 года, то если судить о немъ по количеству наказаній (карцеромъ и розгами), то наименѣе удовлетворительнымъ оно окажется въ промежутокъ времени отъ 1840 по 1844 годъ включительно и отъ 1851 по 1853 годъ, т. е. во время инспекторства Іеропеса, Корейши и Гренкова. Въ это время число наказаній постоянно превышаетъ 50% общаго числа учениковъ. Такъ напр., въ 1840 г. на 357 учениковъ наказаній было 206, въ 1841 г. на 417 учениковъ 239 наказаній и т. д.; но самая большая цыфра наказаній падаетъ на 1842-й годъ, когда на 289 учениковъ наказанныхъ было 163, а наказаній—268, и на 1852-й годъ, когда на 565 учениковъ наказанныхъ карцеромъ было 503 уч., а розгами—198, самихъ-же наказаній, благодаря тому, что нѣкоторые ученики были наказаны нѣсколько разъ, въ этомъ году было 747. Съ 1845-го до 1850 года цыфра наказаній падаетъ, благодаря инспекторамъ: Траутфеттеру и, въ особенности, отличившемуся добродушіемъ Науменку, и съ 1854 года, когда инспекторомъ былъ Монаховъ.

Высшая мѣра наказанія карцеромъ состояла въ заключеніи на хлѣбъ и воду отъ 3-хъ сутокъ до 7-ми дней назначалась, главнымъ образомъ, за игру въ карты, продолжительную самовольную отлучку изъ общихъ квартиръ, за бродяжничество по ночамъ, за крупную дерзость учителю или инспектору и нѣк. друг. проступки. Найбольшее количество ударовъ розгами не переходило за 30 (при Науменкѣ обыкновенно давали отъ 3-хъ до 5-ти розогъ).

Разсматривая ученическіе проступки того времени по ихъ характеру, находимъ, что, не считая обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей, наибольше количество ихъ приходится на манкированіе уроками, бѣгство, изъ класса во время уроковъ (иногда въ окно), просрочка отпуска, самовольный, иногда весьма продолжительный (въ теченіе 3-хъ дней), отпускъ изъ общихъ и частныхъ квартиръ, неповиновеніе, грубость и дерзость по отношенію къ надзирателямъ, учителямъ, инспектору и даже директору. Изрѣдка попадаются даже такіе проступки, какъ оскорбленіе чести женщины,

развратъ, оскорбленіе дѣйствіемъ служителей, городовыхъ, семинаристовъ и учителей, буйство въ общихъ квартирахъ, обманъ, подлогъ, воровство, порча чужой собственности, картежная игра, уходъ изъ-подъ ареста, бѣгство изъ города, нехожденіе въ церковь и неприличное поведеніе (напр. драка) во время молитвъ какъ въ квартирѣ, такъ и въ церкви.

При разсмотрѣніи семидневныхъ донесеній мы замѣтили нѣсколько характерныхъ особенностей, которыя стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ на страницахъ предлагаемаго труда потому, что онѣ отлично рисуютъ предъ нами цѣлесообразность тогдашней дисциплины. Первое, что намъ бросилось въ глаза, это—*упорство, иногда заматорѣлость въ проступкѣ*; ученика наказываютъ напр. за бѣгство изъ гимназіи или изъ общей квартиры, или за обманъ, и онъ по нѣсколько разъ попадается въ томъ самомъ проступкѣ, за который наказанъ. Во 2-хъ за нѣсколькими учениками намъ удалось прослѣдить другую особенность, а именно: *одинъ проступокъ замѣняется другимъ crescendo*; такъ напр., ученикъ, наказанный сначала за простую шалость и лѣнь, наказывается въ слѣдующій разъ за безпорядокъ (въ классѣ или на квартирѣ) и упорную лѣнь, потомъ за манкированіе уроками, бѣгство изъ гимназіи, бродяжничество, за пороки чувственности, и все это завершается дерзостью и даже буйствомъ, подъ которымъ нужно разумѣть вооруженное сопротивленіе начальству. Наконецъ, нельзя было не подмѣтить и того факта, что довольно часто совершались въ это время проступки, стоящіе на рубежѣ съ преступленіемъ. Для того, чтобъ наши замѣчанія не казались голословными, заставимъ говорить факты, придерживаясь ихъ хронологическаго порядка.

Вотъ что доносилъ директору заступившій мѣсто Зимовскаго инспекторъ Іеропесъ объ ученикѣ 5-го класса М—мъ: «М—ій за шалости, производимыя предъ классомъ и во время оныхъ, былъ призываемъ мною въ инспекторскую комнату, но, несмотря на трехкратное приказаніе, ослушался и, по окончаніи уроковъ, ушелъ домой. На другой день онъ не пришелъ въ классъ, и посему мною былъ посланъ надзиратель, чтобы узнать о причинѣ

его небытности, и на вопросъ онаго М—ій дерзко отвѣчалъ, что онъ боленъ. Послѣ доклада надзирателя я поручилъ врачу гимназіи..... освидѣтельствовать, дѣйствительно-ли М—ій боленъ; на сіе врачъ донесъ, что онъ совершенно здоровъ. Послѣ сего я немедленно донесъ директору, который, зная о его прежнихъ шалостяхъ и дерзостяхъ противъ учителей и, что онъ за сіе неоднократно былъ подвергаемъ наказанію, приказалъ мнѣ объявить содержателю М—го и ему самому, чтобъ онъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, ибо въ противномъ случаѣ онъ будетъ исключенъ законнымъ порядкомъ. Посему, немедленно призвавши содержателя, я объявилъ таковую волю директора, а также и М—у чрезъ надзирателя; но онъ, отправившись въ домовой отпускъ, и по сіе время не только не воспользовался снисходительностью училищнаго начальства, но.... еще болѣе и болѣе высказываетъ свое дурное поведеніе. Доказательствомъ тому служитъ послѣдній его поступокъ: 9-го сего мѣсяца въ 6 ч. по полудни я встрѣтилъ М—го, ѣдущаго на дрожкахъ, разстегнутаго и развалившагося и, несмотря на то, что я остановился и пристально на него смотрѣлъ, онъ даже не удостоилъ меня поклономъ, смотря на меня съ насмѣшливою улыбкою; на другой день я узналъ изъ рапорта надзирателя, что того-же числа и онъ встрѣтилъ его въ такомъ же видѣ. Что упомянутый М—ій есть дерзкій ослушникъ, и что не исполняетъ ученическихъ обязанностей, свидѣтельствуютъ отзывы гг. учителей, рапорты надзирателей и собственныя мои замѣчанія. Кромѣ того о дурномъ его поведеніи мнѣ отзывались содержатель М—го, родной братъ ученика 5-го класса Р—го и опекунъ его Р., которые мнѣ говорили, что ученикъ Р. былъ добрыхъ нравовъ и качествъ, но испорченъ М—мъ, съ которымъ онъ имѣлъ тѣсное знакомство и частныя сношенія. Однимъ словомъ, въ мою кратковременную бытность во 2-й гимназіи я въ М—мъ не замѣтилъ ничего хорошаго, кромѣ дерзкихъ поступковъ, ослушанія начальства, неаккуратнаго посѣщенія классовъ, дурного исполненія ученическихъ обязанностей и слабыхъ успѣховъ въ наукахъ, и что поведеніе его служитъ весьма дурнымъ примѣромъ для прочихъ учениковъ Кіевской 2-й гимназіи

и приноситъ вредъ нашему заведенію». По тогдашнимъ правиламъ такого ученика слѣдовало немедленно исключить изъ гимназіи, но вслѣдствіе заступничества почетнаго попечителя, онъ не былъ ни исключенъ, ни подвергнутъ, какъ того добивался инспекторъ, тѣлесному наказанію, а только посаженъ на двое сутокъ въ карцеръ.

Въ томъ же (1839) году ученикъ 4-го класса В., неоднократно наказанный за разные проступки, подстрѣлилъ кантониста Кіевскаго военнаго госпиталя и, какъ оказалось, вмѣсто гимназіи посѣщалъ непотребныя мѣста. Ученикъ 4-го класса Ф. позволялъ себѣ въ классѣ при всѣхъ ученикахъ передразнивать учителя, часто не ночевалъ дома, гдѣ-то бродяжничая, и не разъ попадался въ куреніи табаку. Въ 1840 г. Совѣтъ слушалъ донесеніе инспектора объ ученикахъ, квартировавшихъ у какой-то Кедровой, которые, швыряя камнями, совсѣмъ испортили шляпку, которую несла дѣвица Ясенская. Въ томъ-же году инспекторъ докладывалъ Совѣту объ ученикѣ 4-го кл. Р—мъ, занимавшимся воровствомъ. Ученикъ 2-го класса Л. ушелъ изъ Кіева и куда-то скрылся. Въ томъ-же году возникло дѣло по жалобѣ нѣкоей Блоцкой на ученика Д., за нанесенные ей побои. Отъ 1841 г. осталось дѣло, показывающее, что ученики общихъ квартиръ вели себя столь неблагопристойно, что вынуждали мирныхъ жителей Кіева подавать формальныя жалобы начальству. Такова жалоба капитана Барановскаго, который говоритъ, что ученики общихъ квартиръ не даютъ прохода людямъ, осыпая ихъ позорными словами. Въ томъ же году поступила жалоба на ученика 5-го класса К—ли, который, въ бытность свою въ царскомъ саду, напалъ на прогуливавшуюся жену студента Харьковскаго университета Пузину, сорвалъ съ нея платокъ и избилъ ее. Слѣдствіе по этому дѣлу длилось довольно долго и прекращено вслѣдствіе примиренія сторонъ, при посредствѣ отца этого ученика. За 1842-й годъ мы имѣемъ донесенія слѣд. содержанія: 1) Ученикъ 2-го класса С—ій, 12 лѣтъ отъ роду, послѣ утреннихъ уроковъ, отправляясь на обѣдъ домой, зашелъ въ одну изъ лавокъ на Крещатицкомъ базарѣ и похитилъ въ оной 50 р. ас. и, бывъ пойманъ, отправ-

ленъ въ Старокіевскую часть. 2) Ученикъ 4-го класса Г—нъ, несмотря на неоднократныя запрещенія и взысканія, не перестаетъ заводить къ себѣ въ домъ учениковъ и занимать ихъ трубкою и игрою въ карты на деньги; наконецъ, дошелъ до такой степени, что надзиратель Роговичъ донесъ мнѣ рапортомъ, что онъ находится въ невозможности наблюдать болѣе за его нравственностью. Вслѣдствіе сего я сегодня призвалъ отца его, чтобы въ присутствіи моемъ наказать его розгами; но онъ, схвативъ стулъ, закричалъ: первый, кто осмѣлится подойти, будетъ убитъ и, наговоривъ множество дерзостей, ушелъ. Считая сего закоренѣлаго ученика вреднымъ для другихъ учениковъ гимназіи, не нахожу болѣе средствъ держать его въ повиновеніи. 3) Въ семидневныхъ донесеніяхъ за 1839, 1840, 1841 и 1842 годы намъ часто приходилось встрѣчаться съ героизмомъ братьевъ К—выхъ, фамилія коихъ до сихъ поръ живетъ въ памяти кіевскихъ старожиловъ; одинъ изъ нихъ, наконецъ, вывелъ 2-ю гимназію изъ терпѣнія и она рѣшилась избавиться отъ него. По сохранившемуся свидѣтельству инспектора, онъ, живя въ общихъ квартирахъ, производилъ въ нихъ постоянные безпорядки, а если не то, то совсѣмъ убѣгалъ и въ то время, когда шли уроки, бродилъ по базару, на которомъ продавалъ свои, а можетъ быть и чужія книги и вещи, такъ какъ его подозрѣвали въ воровствѣ. Не разъ его наказывали и розгами и карцеромъ, но ничто не помогало. Послѣдній его проступокъ заключался въ томъ, что онъ сломалъ замокъ и окно въ карцерѣ, куда его посадили, и бѣжалъ. Отъ 1844 года сохранились указанія на слѣд. крупные проступки, героями которыхъ были ученикъ 4-го класса И—скій, 4-го же класса В—ко совмѣстно съ ученикомъ 6-го кл. С—кимъ, ученики 7-го класса Х—кій и П—кій, ученики 5-го кл. К—въ и, наконецъ, ученикъ 3-го класса Б—скій. Относительно перваго изъ этихъ учениковъ нужно замѣтить, что это была натура по истинѣ дикая, учиться онъ не хотѣлъ, но подобно К—ову, уходилъ изъ гимназіи и квартиры, цѣлые дни шатался по городу; приведенный въ гимназію, онъ грубилъ и наносилъ дерзости какъ надзирателямъ, такъ и учителямъ, билъ учениковъ, семинаристовъ и сторожей. За такое поведеніе онъ не

разъ сидѣлъ по нѣсколько дней въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, а послѣдній разъ его посадили даже на цѣлую недѣлю; но изъ этого ничего не вышло. Въ томъ же году къ директору 2-й гимназіи поступила жалоба еврейки на учениковъ С. и В., что они напали на ея комнату, насильственно стащили съ постели одѣяло и, когда она защищалась, избили ее. Чѣмъ кончилось назначенное по этому дѣлу слѣдствіе, неизвѣстно. Проступокъ ученика 7-го класса П—скаго состоялъ въ томъ, что безъ вѣдома начальства онъ уѣхалъ изъ Кіева въ Винницу и, какъ оказалось впослѣдствіи, опредѣлился въ тамошнюю гимназію. Его-же товарищъ по классу Х—цкій, желавшій также покинуть 2-ю гимназію, былъ менѣе счастливъ. Онъ началъ съ того, что, забравшись на квартиру къ чиновнику Островскому, совсѣмъ пересталъ ходить въ гимназію. За это его подвергли наказанію карцеромъ на хлѣбъ и на воду въ продолженіи 5-ти дней (отъ 30 окт. по 4 ноября). Х—цкій нашелъ способъ уйти на слѣдующій день изъ карцера; его нашли и снова посадили. Тогда онъ рѣшился выломать дверь и опять уйти. Вслѣдъ за симъ онъ составилъ отъ имени отца своего прошеніе объ увольненіи и подалъ его директору. Подозрѣвая подлогъ, директоръ снесся съ отцомъ его и оказалось, что дѣйствительно отцу и въ голову не приходило увольнять своего сына. За такой образъ дѣйствій Педагогическій Совѣтъ присудилъ Х—цкаго къ исключенію. Ученикъ 3-го класса В—скій участвовалъ въ компаніи, составлявшей подложные документы, по которымъ получены были деньги изъ казначействъ: Кіевскаго, Васильковскаго и Липовецкаго. Что касается, наконецъ, ученика 5-го класса К—ва, то, какъ видно изъ годового отчета за 1844-й годъ, его проступокъ заключался въ томъ, что при посредствѣ ученика, у котораго состоялъ репетитортмъ, онъ кромѣ денегъ уворовалъ у капитана Ломтева 4 рубахи и двѣ штуки голландскаго холста, которыя снесъ, по всей вѣроятности, къ своей любовницѣ, потому что изъ дѣлъ оказывается, что онъ прижилъ съ нею ребенка. Въ дѣлахъ 1845 года упоминается только одинъ крупный проступокъ, принадлежащій ученику 5-го класса П—цкому, укравшему у крестьянина Noскова 195 р. с. Въ 1846 году также

одинъ значительный проступокъ записанъ, проступокъ ученика 5-го класса Б—го. Объ этомъ ученикѣ инспекторъ Трауфеттеръ доносилъ слѣд. образомъ директору: «27-го минувшаго января я приказалъ вторично всѣмъ ученикамъ гимназіи, чтобы у всѣхъ до понедѣльника были острижены волосы на головѣ; въ этотъ день я началъ осматривать первые классы, дабы тѣмъ напомнить ученикамъ высшихъ классовъ и дать имъ болѣе времени исполнить мое приказаніе. 4-го сего февраля послѣ обѣда я осматривалъ учениковъ 5-го класса и нашелъ нѣсколькихъ между ними неостриженными, приказалъ имъ выйти изъ партіи и стать на колѣни, тогда ученикъ Б—скій отвѣчалъ мнѣ съ грубостью, что онъ не слышалъ моего по сему предмету приказанія по небытности въ классѣ; но, какъ объявляя приказаніе о стрижкѣ волосъ, я самъ дѣлалъ перекличку учениковъ по списку въ 5-мъ классѣ и Б—скій былъ на лицо и слышалъ оное, то я не могъ принять въ уваженіе неумѣстнаго его отзыва и вторично приказалъ стать на колѣни; на сіе также онъ ослушался до того, что я принужденъ былъ чрезъ служителя понудить его къ исполненію моего приказанія, но и тогда онъ противился до того, что нужно было грозить ему исключеніемъ изъ гимназіи, тогда какъ другіе безпрекословно стали на колѣни; послѣ сего онъ также сталъ на колѣни и когда я говорилъ ему, что онъ будетъ наказанъ, то онъ самовольно всталъ и вышелъ вовсе изъ класса». Проступки, подобные описаннымъ и выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, продолжаютъ проявляться и въ послѣдующіе годы, доходя иногда до грандіозныхъ размѣровъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько изъ нихъ. Ученикъ Ш. своровалъ дорогіе часы; ученикъ П. стянулъ у своего отца 20 р. с. и пистолетъ и дизертировалъ въ Житоміръ; ученикъ Г. судился за сосну, которую срубилъ въ Гладковскихъ лѣсахъ; ученикъ К. бросился съ ножомъ на сторожа, которому приказано было высѣчь его, и едва не нанесъ ему раны; ученикъ П—скій былъ удаленъ за систематическое воровство. Въ 1853—54 году дошло до того, что одинъ изъ учениковъ, по фамиліи Ш., сталъ являться въ гимназію съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и, однажды въ присутствіи цѣлаго класса, бросился на учи-

теля Гааза и избилъ его. Проступками самаго возмутительнаго свойства особенно обильно начало 50-хъ годовъ, таково по крайней мѣрѣ свидѣтельство семидневныхъ донесеній.

Какъ ни безотрадны явленія, подобныя описаннымъ, но когда подумаешь, что ученики, отличавшіеся необузданностью природы и чаще другихъ подвергавшіеся наказанію, въ глазахъ своихъ товарищей слыли за богатырей, что предъ ними другіе ученики благоговѣли, имъ повиновались, иногда болѣе, чѣмъ училищному начальству, то на душѣ становится еще тяжелѣе, еще больнѣе. О такихъ ученикахъ слагались легенды и имена ихъ передавались потомству. Нѣкоторыхъ изъ нихъ кіевскіе старожилы помнятъ до сихъ поръ; они помнятъ, какъ такіе герои формировали вокругъ себя разбойничія шайки, предводительствуя коими, открывали кровавый бой съ бурсаками и семинаристами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь прекрасныя Владимірская и Фундуклеевская улицы, и гдѣ прежде были валы и овраги. Помнятъ они, какъ этихъ героевъ потомъ сѣкли и какъ на экзекуцію они шли, все равно что на веселый пиръ.

Среди учившихся въ тѣ времена намъ попался типъ ученика 2-й гимназіи въ высшей степени оригинальный, который не можетъ быть подведенъ ни подъ одну категорію тогдашнихъ учениковъ. Это—ученикъ 5-го класса Х—скій; онъ имѣлъ отъ роду 25 лѣтъ и отличался тѣмъ, что велъ вполнѣ независимую жизнь полноправнаго гражданина. Изъ дѣла, возбужденнаго объ немъ инспекторомъ казенныхъ училищъ, открывается: что за пять лѣтъ предъ тѣмъ онъ вышелъ изъ 5-го класса для того, чтобъ поступить въ военную службу, въ которой и состоялъ все это время. Желая продолжать прерванное образованіе, онъ вышелъ въ отставку и согласно прошенію былъ принятъ въ тотъ самый классъ, въ которомъ числился до поступленія на государственную службу. Не считая себя связаннымъ никакими гимназическими правилами, онъ нанялъ себѣ самостоятельную квартиру, принималъ къ себѣ гостей, угощалъ ихъ водкой и трубкой, при чемъ и себя не забывалъ, а такъ какъ у него средства къ жизни были недостаточныя, то онъ пріобрѣлъ себѣ дрожки и лошадь и посылалъ своего

кучера на биржу для заработковъ. По его собственному показанію, онъ иногда самъ садился на козлы, когда кучеръ оказывался пьянымъ.

Заключимъ нашъ очеркъ 15-ти лѣтней жизни 2-й гимназіи словами Пирогова, произнесенными съ цѣлью уяснить отношенія, сложившіяся между учащеюся молодежью и ея руководителями въ разсмотрѣнный нами промежутокъ времени: «Всѣ, знакомые съ краемъ и любящіе правду, вѣрно согласятся въ томъ, что, вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, братской любви и т. п., произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ здѣшнихъ гимназій, такъ и на учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ.... Въ руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го разряда Россійской имперіи 1794 т. запрещались: 1) всѣ тѣлесныя наказанія и 2) всѣ посрамляющія и честь трогающія униженія, какъ то—ослиныя уши, названіе скотины и т. п. Однакоже эти запрещенія не помогли» и потому, прибавимъ отъ себя, получились тѣ неутѣшительные результаты, которые только что приведены нами.

До чего ученикамъ 2-й гимназіи были чужды въ это время уваженіе къ справедливости и чувство законности, обнаружилось довольно выразительно въ учрежденномъ Пироговымъ совѣстномъ судѣ товарищей, а какъ они привыкли уважать старшихъ,—попытка обратить литературныя бесѣды въ арену борьбы съ начальствомъ за тѣ запрещенія, которыми оно обуздывало ихъ дурныя наклонности. Въ своихъ замѣчаніяхъ на таблицу о проступкахъ и наказаніяхъ, которую Пироговъ издалъ въ руководство учащимъ и учащимся, тогдашній инспекторъ 2-й гимназіи Чалый, хотя и соглашается съ тѣмъ, что «совѣстный судъ товарищей оказался вообще весьма полезенъ на дѣлѣ въ томъ отношеніи, что способствовалъ образованію между учащимися общественнаго мнѣнія,.... но не всегда, говоритъ, можно положиться на самый судъ выборныхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имъ

судить обиды и оскорбленія между учениками высшаго класса и низшаго». Если иногда случалось, что «ученики цѣлымъ классомъ выдавали своего товарища, сдѣлавшаго предосудительный проступокъ, оскорбительный для чести класса» и облегчали инспектора въ дѣлѣ розысканія виновнаго, не прибѣгая къ тайнымъ допросамъ; если «боязнь общественнаго приговора заставляла сознаться самого виновнаго въ такихъ проступкахъ, которые при другомъ направленіи могли надолго оставаться извѣстными однимъ его товарищамъ», то бывали факты и такіе, которые обличали презрѣніе къ законности и склонность къ произволу. «У насъ въ гимназіи, говоритъ Чалый, было два такихъ случая и оба не обошлись безъ моего участія. 1-й случай: ученики 7-го класса общей квартиры вытолкали изъ комнаты для занятій ученика 5-го класса за то, что тотъ не хотѣлъ идти спать въ положенное время и безъ позволенія инспектора сидѣлъ до 10 часовъ, каковымъ правомъ пользуются одни ученики 7-го класса; при этомъ ученикъ 7-го класса Ж—скій ударилъ по головѣ ученика 5-го класса Д—ича и назвалъ его товарищей, тутъ-же бывшихъ, дураками. Вслѣдствіе этого Д—ичъ, встрѣтившись съ Ж—скимъ на корридорѣ во время уроковъ, ударилъ его въ лицо. Ученики 7-го класса хотѣли, дождавшись перемѣны, расправиться съ Д—чемъ, но были во время остановлены. Наряженъ былъ судъ. Послѣ уроковъ я собралъ выборныхъ въ одинъ классъ и оставилъ ихъ. Судили они отъ половины 2-го до половины 5-го, не обѣдая, и ничѣмъ не рѣшили: 7-й классъ не хотѣлъ подчиняться приговору выборныхъ другихъ классовъ. Я долженъ былъ высказать имъ свое мнѣніе, съ которымъ всѣ судьи согласились. 2-й случай былъ такой: ученикъ 6-го класса ударилъ ученика 5-го класса, еврея К—ка. Судьи, руководствуясь не общею идеею права, а единственно общимъ положеніемъ еврея въ обществѣ христіанъ, присудили строгій арестъ не обидчику, а обиженному, какъ онъ-де смѣлъ обругать христіанина. И тутъ это дѣло не обошлось безъ моего содѣйствія».

Оставляя въ сторонѣ все остальное, въ разсказѣ Чалаго отмѣтимъ одно лишь крайне прискорбное явленіе въ прошлой

жизни 2-й гимназіи; это—самая разнообразная интоллерантность— и по классамъ, и по вѣроисповѣданіямъ, и по національностямъ. Понятно, что при строѣ, основанномъ на такомъ фундаментѣ, не могло привиться учрежденіе, подобное совѣстному суду.

Литературныя бесѣды, устроенныя по мысли Пирогова для учениковъ 1-й и 2-й Кіевскихъ гимназій, имѣли цѣлью поощрить ихъ самостоятельный трудъ и вызвать въ нихъ научное соревнованіе. На первыхъ порахъ онѣ шли довольно успѣшно: учениковъ занимала новинка; но потомъ онѣ уклонились отъ прямой цѣли и стали превращаться въ безпорядочныя препирательства о совершенно безполезныхъ матеріяхъ, въ родѣ напр. того, почему гимназическое начальство запрещаетъ куреніе табаку, когда оно очень нужно и т. п. Бесѣды оказались непригодными еще и потому, что вмѣсто благороднаго соревнованія въ области труда и знанія въ ученикахъ двухъ гимназій поселили враждебное чувство обоюднаго антагонизма, источникъ котораго, кажется, скрывался въ количественномъ преобладаніи работъ учениковъ 2-й гимназіи.

Попечитель Округа собиралъ у гимназій мнѣнія о томъ, какъ въ будущемъ устроить такъ, чтобы бесѣды эти достигали своей цѣли. Педагогическій Совѣтъ 2-й гимназіи, повидимому, отстаивалъ бесѣды и доказывалъ, что: 1) если ученики съ каждымъ годомъ представляли менѣе сочиненій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что «самодѣятельность, предоставленная самой себѣ, не находила въ возрастѣ учащихся достаточной опоры и потому нуждается въ опекѣ. Если самодѣятельность учениковъ въ первые два года, когда они представляли много сочиненій на бесѣды, была достаточна, то на третій годъ она не могла потеряться, а вѣроятнѣе можно заключить, что она ослабѣла вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Поэтому нужно устранить эти причины, а не прибѣгать къ опекѣ для возбужденія самодѣятельности, къ которой можно пріохотить учениковъ, но не принудить. 2) Хотя соединеніе учениковъ обѣихъ гимназій на бесѣдахъ, быть можетъ, не достигло цѣли развитія одного только дружественнаго соревнованія, но за то оно сглаживало односторонность ученическихъ понятій о разныхъ научныхъ предметахъ и различныхъ писателяхъ, вело ихъ къ разви-

тію полноты взглядовъ между бесѣдовавшими и потому, имѣя слѣдствіемъ уясненіе истины, ослабляло предразсудки учениковъ двухъ гимназій другъ о другѣ, слѣд., приводило къ духовному сближенію ихъ, а не къ разъединенію. Соединеніе гимназій даже возбуждало соревнованіе, такъ какъ были рецензіи воспитанниковъ одной гимназіи на сочиненія другой; оттого какъ сочиненія, такъ и рецензіи при конкуренціи, возбуждали въ авторахъ ихъ болѣе эрудиціи и солидности. Если же и проявлялись иногда вспышки антагонизма двухъ гимназій, то онѣ умѣряемы были руководителями бесѣдъ. 3) Если на бесѣдахъ и случались проявленія «своеволія рѣчи», то.... справедливость требуетъ устранять ихъ, особенно въ педагогическихъ учрежденіяхъ, какими были литературныя бесѣды, а не уничтожать чрезъ нихъ самыя учрежденія. 4) Выборъ темъ на сочиненія для бесѣды дѣланъ былъ иногда учениками дѣйствительно неудачно: но въ этомъ должно винить не учениковъ, а учителей, одобрявшихъ темы и цензуровавшихъ самыя сочиненія и нерѣдко уступавшихъ претензіямъ молодыхъ людей, желая заохотить ихъ къ самостоятельному труду и, сообразуясь съ принципомъ свободы, положеннымъ въ основаніи бесѣдъ ихъ учредителемъ». Впрочемъ со времени рѣчи Пирогова, произнесенной имъ на бесѣдѣ, бывшей во 2-й гимназіи 17 февраля 1860 года, съ большею разборчивостью одобряемъ былъ выборъ темъ, дѣлаемый воспитанниками, а послѣ неоднократнаго признанія на диспутахъ бывшимъ Попечителемъ авторитета наставниковъ, сталъ исчезать и полемическій характеръ какъ въ изустныхъ преніяхъ, такъ и въ письменныхъ отзывахъ учителей объ ученическихъ сочиненіяхъ. Что же касается окончательныхъ четырехъ предположеній предписанія Попечителя, то Совѣтъ 2-й гимназіи особенно расходится съ первымъ пунктомъ, по которому предполагается обратить литературныя бесѣды въ классныя упражненія русскаго языка. По его мнѣнію, низвести добровольныя занятія учениковъ на бесѣдахъ на степень обязательныхъ классныхъ упражненій равносильно совершенному уничтоженію литературныхъ бесѣдъ, ибо предлагаемый предписаніемъ способъ разбора учителя словесности ученическихъ сочиненій въ классахъ

всегда существовалъ въ гимназіяхъ. Бесѣды учреждены какъ дополненіе къ обязательнымъ упражненіямъ въ языкѣ и словесности, такъ называемымъ сочиненіямъ, не дававшимъ, какъ замѣчено на опытѣ, развитія самодѣятельности учащихся, съ цѣлью дать просторъ, свободу развиться этой самодѣятельности въ ученикахъ послѣднихъ двухъ классовъ.... Обращеніе бесѣдъ въ обязательныя занятія на урокахъ словесности, или, что то же, уничтоженіе ихъ остановитъ развитіе учащихся въ гимназіяхъ и лишитъ чрезъ то университеты слушателей съ сколько-нибудь самостоятельнымъ умомъ. Главною причиною всѣхъ недостатковъ литературныхъ бесѣдъ было ложное пониманіе учениками цѣли и назначенія бесѣдъ, на которыя они смотрѣли, какъ на какія-то ученыя собранія, ожидающія отъ нихъ новыхъ научныхъ взглядовъ, идей и открытій. Чтобы оградить учениковъ отъ такихъ претензій, ввести бесѣды, соотвѣтственныя нравственнымъ силамъ молодыхъ людей, воспитывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, нужно положить въ основаніе будущихъ ученическихъ бесѣдъ третій пунктъ предложенія Попечителя, т. е. темы для сочиненій избирать Совѣтамъ гимназій, которымъ извѣстны средства и силы ихъ учениковъ. Внѣшнею причиною неуспѣшности бесѣдъ въ послѣдніе годы было, во 1-хъ, то обстоятельство, что при началѣ ихъ по счастливому стеченію нѣсколькихъ способныхъ молодыхъ людей въ обѣихъ гимназіяхъ представлено было много дѣльныхъ сочиненій, которыя стѣсняли самостоятельную дѣятельность менѣе способныхъ учениковъ, и, во 2-хъ, строгость суда какъ воспитанниковъ, такъ и преподавателей другой гимназіи. Поэтому Совѣтъ Кіевской 2-й гимназіи считаетъ не безполезнымъ, чтобы литературныя бесѣды въ каждой гимназіи происходили отдѣльно».

Давая такой отзывъ о литературныхъ бесѣдахъ и настаивая на ихъ продолженіи, Педагогическій Совѣтъ 2-й гимназіи очевидно былъ подкупленъ силами тѣхъ ея воспитанниковъ, «которые фигурировали на бесѣдахъ и, подобно живой картинѣ, доказывали умственное превосходство 2-й гимназіи предъ 1-ю, если не по качеству, то по крайней мѣрѣ по количеству представлен-

ныхъ сочиненій». Въ $185^8/_9$ году изъ учениковъ 2-й гимназіи на этихъ бесѣдахъ отличались: ученики 7 класса: *Дикій*, писавшій о Шекспирѣ, *Бутовичъ*, написавшій разсужденіе о Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ и представившій рецензію на сочиненіе одного изъ учениковъ 1-й гимназіи «Объ Іоаннѣ Грозномъ», *Карташевъ*, разсуждавшій о литературныхъ бесѣдахъ и о темахъ, выбираемыхъ для нихъ, *Лапченко*—«О необходимости образованія въ крестьянскомъ и купеческомъ сословіяхъ» и *Сокруха*, написавшій «Очеркъ исторіи русскаго театра до императрицы Екатерины II-й»; ученики 6-го класса: *Цвѣтковскій*—«Объ искуствѣ вообще и поэзіи въ особенности» и представившій критику на сочиненіе ученика 1-й гимназіи на тему: «Онъ получилъ прекрасное воспитаніе», и *Германъ*, читавшій «Краткое замѣчаніе объ обязанностяхъ критика». Въ $18^{59}/_{60}$ году для бесѣдъ трудились слѣд. ученики: 7 класса—*Нейманъ*, написавшій два сочиненія; 1) «О заслугахъ Казимира Великаго» и 2) «О присоединеніи Литвы къ Польшѣ», и разобравшій сочиненіе своего товарища *Росцишевскаго* подъ заглавіемъ «Литва до введенія въ нее христіанства», *Левандовскій*, переведшій изъ Густ. Планша «О критикѣ французской», *Недзѣльскій*, сочиненіе котораго носитъ заглавіе «Бытъ русскихъ царей»; онъ, кромѣ того, критиковалъ произведеніе ученика 6-го класса *Липпомана*, писавшаго на тему «Степь и море, верблюдъ и корабль», и *Лясковскій*, критиковавшій сочиненіе ученика 6-го кл. *Выговскаго* «О важности пріобрѣтенія рѣки Амура»; 6-го класса: кромѣ Выговскаго и Липпомана читали свои произведенія—*Булюбашъ* о томъ, что «Все на свѣтѣ проходитъ», *Забугинъ* 2-й «Объ открытіи Америки Колумбомъ» и *Андріевскій*, который представилъ критику на сочиненіе Росцишевскаго, Липпомана и одного ученика 1-й гимназіи, писавшаго «О крестовомъ походѣ Людовика IX святаго».

Не смотря на горячее отстаиваніе литературныхъ бесѣдъ со стороны 2-й гимназіи, онѣ, какъ извѣстно, приняли другой характеръ, ибо преобразились въ классныя упражненія.

Хотя изображаемыя явленія взяты изъ послѣдняго періода жизни 2-й гимназіи, который начинается со вступленія на пре-

столъ Императора Александра II и по его завѣтнымъ идеямъ продолжается Пироговымъ, но мы относимъ ихъ къ предъидущему, потому что на нихъ покоится знаменіе предъидущаго. Какъ извѣстно, новыя начала прививаются не вдругъ; нуженъ извѣстный срокъ для расчистки почвы и для подготовки способныхъ дѣятелей. Хотя ко времени назначенія Пирогова на постъ Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа во 2-ю гимназію уже вошло нѣсколько лицъ съ новыми и лучшими задатками ума, съ большею широтою взгляда на воспитаніе (Чалый, Ѳеодоровъ, Омельяненко, Сербуловъ, Хильчевскій), но въ большинствѣ еще преобладали старыя понятія, старыя привычки, побороть которыя было не легко. Въ то время какъ люди новаго вѣянія отдавали преимущество воспитательному элементу, основанному на вѣрѣ въ силу убѣжденія, люди прежняго закала отстаивали права административной педагогики, отправлявшейся на страхѣ тѣлеснаго наказанія; тогда какъ первые утверждали, что въ дѣлѣ гимназическаго образованія всѣ усилія должны быть обращены на развитіе въ учащихся мыслительныхъ способностей, вторые—хлопотали о дрессировкѣ, посредствомъ механическаго заучиванія уроковъ, памяти, а на развитіе мысли не обращали никакого вниманія. Когда Пироговъ призвалъ къ откровенной и чистосердечной исповѣди, то во 2-й гимназіи перевѣсъ остался за приверженцами старыхъ принциповъ. Во главѣ ихъ стоялъ человѣкъ непоколебимой воли, съ убѣжденіями и взглядами па воспитаніе также не допускавшими никакихъ колебаній—И. М. Грепковъ, бывшій тогда директоромъ кіевской 2-й гимназіи. Реформаторская дѣятельность Пирогова ни ему, ни его союзникамъ не нравилась и, дѣйствительно, на ихъ сторонѣ была нѣкоторая доля правды: Пироговъ бывалъ иногда опрометчивъ. Опрометчиво, напр., поступилъ онъ, приказавъ по всѣмъ классамъ прочесть таблицу о проступкахъ и наказаніяхъ, таблицу, которая въ числѣ проступковъ заключала такія названія, какъ развратъ, пороки чувственности и др. Въ дѣтяхъ низшихъ классовъ доселѣ незнакомыя и непонятныя слова подстрекали любопытство проникнуть въ таинственный смыслъ ихъ и, разумѣется, находили свѣдущихъ толкователей и комментаторовъ,

благодаря которымъ преждевременно знакомились съ тѣмъ, чего знать имъ еще не слѣдовало. Настроенное на развратный ладъ воображеніе преображалось въ форму сквернословія и онанизма, на слѣды которыхъ наводятъ современныя семидневныя донесенія. Вотъ что по поводу оповѣщенія этой таблицы говоритъ человѣкъ, близкій къ дѣлу: «Первое впечатлѣніе, произведенное на учениковъ прочтенною имъ таблицею, было неодинаково: на учениковъ высшихъ классовъ она подѣйствовала иначе, чѣмъ на учениковъ низшихъ, иное впечатлѣніе она сдѣлала на хорошихъ учениковъ и иное на дурныхъ. Ученики высшихъ классовъ, какъ люди болѣе развитые, сразу поняли значеніе правилъ, съ одной стороны гарантирующихъ ихъ личность отъ произвола властей, а съ другой—узаконяющихъ заслуженное наказаніе въ силу такого-то параграфа. Что же касается учениковъ низшихъ классовъ, то на однихъ—дѣтей скромныхъ и боязливыхъ—эти таблицы навели паническій страхъ; другіе-же—шалуны и лѣнтяи,—знакомые уже съ разнаго рода проступками и наказаніями, ощутили совершенно противоположное чувство: они прежде всего замѣтили, что розги, грозившія имъ прежде, какъ мечъ Дамокла, не только за шалости, но и за лѣность, по новымъ правиламъ употребляются только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (за воровство и за оскорбленіе лицъ постороннихъ и начальствующихъ). Нѣкоторые же проступки, не свойственные дѣтскому возрасту (развратъ, пороки чувственности, азартная игра и проч.) безъ сомнѣнія должны были произвести на мальчиковъ 11—12 лѣтъ страшное впечатлѣніе и повесть къ разнымъ толкованіямъ и объясненіямъ, оскорбительнымъ для нравственнаго чувства дѣтей, изъ которыхъ не многимъ были извѣстны эти пороки по имени».

Какъ-бы то ни было, только приверженцы стараго порядка вещей въ культурной борьбѣ съ носителями новыхъ идей держались весьма энергически до тѣхъ поръ, пока ихъ противники, подкрѣпленные прибытіемъ новыхъ союзниковъ, не восторжествовали окончательно. Полную побѣду ихъ можно отнести къ началу 1865 года, такъ какъ еще въ декабрѣ 1864 года во время ревизіи 2-й гимназіи, произведенной тогдашнимъ окружнымъ

инспекторомъ Туловымъ, нѣкоторыя изъ прежнихъ явленій продолжали существовать въ ней. Все время, пока эта борьба шла, 2-я гимназія находилась въ переходномъ состояніи: функціонируя сперва въ старомъ направленіи, начиная съ 1859 и оканчивая 1861-мъ годомъ, она идетъ по пути Пироговскихъ реформъ, а съ 1861 года старается освободиться отъ тѣхъ неудобствъ, которыя на практикѣ произвели эти реформы. Несмотря, однакожъ, на переходное состоянія и на тѣ бурныя сцены, которыя 2-я гимназія переживала въ это время и которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ описаны, нельзя отказать ей въ томъ, что она сдѣлала большой шагъ какъ въ учебномъ, такъ и съ воспитательномъ отношеніяхъ. Прежде всего она сдѣлала богатое пріобрѣтеніе въ лицѣ новыхъ преподавателей, большая часть которыхъ получила доступъ къ учительскому званію и занятію по конкурсу, который при Пироговѣ и подъ его личнымъ наблюденіемъ былъ дѣломъ не шуточнымъ. Изъ конкурировавшихъ Пироговъ всегда отдавалъ предпочтеніе достойнѣйшимъ и только достойнѣйшимъ предоставлялъ учительское мѣсто. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, если даже такой взыскательный директоръ, какъ Гренковъ, аттестуя преподавательскій составъ 2-й гимназіи, могъ писать: «всѣ учителя по мѣрѣ силъ своихъ и способностей исполняютъ свои обязанности болѣе или менѣе усердно и добросовѣстно. Изъ преподавателей, обратившихъ на себя особенное вниманіе основательнымъ знаніемъ предмета, опытностью, педагогическимъ тактомъ и умѣньемъ передать свѣдѣнія ученикамъ, были слѣд.: законоучители Лебединцевъ и Шатрницкій, учитель географіи Шумовскій, алгебры и физики Сербуловъ, латинскаго языка Звонниковъ и Хильчевскій, исторіи Самчевскій 1-й, географіи и исторіи Самчевскій 2-й, французскаго языка Мальгербъ». Дурно, по его отзыву, шло только преподаваніе французскаго языка у учителя Лабендскаго и нѣмецкаго языка у Іензена. Относительно преподаванія русской словесности Тулубомъ онъ выражается такъ: «ученики мало упражнялись въ сочиненіяхъ; но помочь этому недостатку нѣтъ никакой возможности. Ученики, обремененные уроками, часто отказываются изготовить на срокъ сочиненія, если же и успѣваютъ подать къ

сроку, то учитель не успѣваетъ пересмотрѣть болѣе 200 тетрадей въ мѣсяцъ». Кромѣ преподавателей, которыхъ Гренковъ удостоилъ похвальнаго отзыва, въ то время начинали свою плодотворную дѣятельность: талантливый учитель греческаго языка, замѣнившій Өеодорова, А. Д. Юркевичъ, съ рѣдкою преданностью своему дѣлу служившій цѣлыя 25 лѣтъ, учителя математики О. И. Пясецкій и В. И. Ростоцкій и учитель естественныхъ наукъ Худзинскій. По выходѣ Гренкова и Чалаго, мѣсто директора предоставлено В. В. Вилуеву, а инспекторское И. И. Слѣпушкину, изъ коихъ первый извѣстенъ былъ Округу, какъ отличный администраторъ, а второй кромѣ административныхъ способностей самоотверженіемъ въ дѣлѣ служенія интересамъ просвѣщенія.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію Округа, имѣвшаго достойныхъ представителей власти въ лицѣ попечителей—барона Николаи и Ө. Ө. Витте, Педагогическій Совѣтъ 2-й гимназіи могъ смѣло дѣлать попытки къ улучшеніямъ разнаго рода, а улучшенія требовались въ сферахъ—и въ учебной, и воспитательной. Одно изъ самыхъ важныхъ препятствій, стоявшихъ на пути успѣшнаго хода преподаванія, представляла обширная программа 3-го класса, вслѣдствіе которой почти половина учениковъ оказывалась въ немъ малоуспѣвающею (около 45%). Нужно было подумать объ облегченіи учащихся, и вотъ Совѣтъ 2-й гимназіи дѣлаетъ слѣд. постановленіе: «Принимая во вниманіе, что преподаваніе русской исторіи при одномъ урокѣ въ недѣлю ограничивается только краткимъ и сухимъ изложеніемъ главныхъ фактовъ, обременяющихъ память и легко забываемыхъ,—предметъ этотъ слѣдуетъ преподавать въ видѣ біографическихъ разсказовъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ». (На этомъ и обрывается отрывокъ).

ЖЕРТВЫ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ.

Анатоль Свыдныцькый. «Люборацьки». Семейна хроника. Кыивъ, 1901 р. VII+326. Цина 65 к., на веленев.—80 к.

«Литературная новинка какого-то начинающаго автора въ украинской литературѣ», подумаетъ почти каждый, кому попадется въ руки этотъ изящно изданный томикъ съ хорошо исполненнымъ портретомъ въ высшей степени симпатичной личности автора въ студенческомъ мундирѣ. Но стоитъ только открыть первую страницу книги, чтобы изъ небольшого предисловія, предпосланнаго покойнымъ уже А. Я. Конисскимъ, убѣдиться въ совершенно противоположномъ: и произведеніе давнее, и авторъ его давно уже сошелъ въ могилу, настолько давно, что въ 1901 г.,—которымъ помѣчено первое изданіе повѣсти въ Россіи, исполнилась тридцатая годовщина смерти его. На судьбѣ этого выдающагося произведенія и его автора со всей силой отразилась судьба всей украинской литературы и общественности, а потому и оно само, и авторъ его заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать больше, чѣмъ обыкновенно говорится въ библіографической замѣткѣ по поводу появленія новой книги. Въ виду же изданія повѣсти въ тридцатую годовщину со дня смерти автора ея, настоящая замѣтка будетъ, кстати, скромнымъ, хотя и запоздалымъ листкомъ въ вѣнокъ на мало кому извѣстную могилу безвременно угасшаго крупнаго таланта.

Къ сожалѣнію мы располагаемъ лишь самымъ скуднымъ біографическимъ матеріаломъ о личности Свидницкаго, и не можемъ, поэтому, не выразить своего глубокаго сожалѣнія по поводу равнодушнаго отношенія родственниковъ, друзей и современниковъ къ памяти покойнаго писателя, на которыхъ лежитъ обязанность подѣлиться своими воспоминаніями и свѣдѣніями о Свидницкомъ въ интересахъ и общества, и будущихъ біографовъ и историковъ нашей общественности, почему весьма желательно было бы, чтобы наша скромная замѣтка послужила почином въ дѣлѣ ознакомленія съ личностью и жизнью талантливаго нашего беллетриста, которыя интересны какъ сами по себѣ, такъ и по причинамъ общаго характера.

А. Свидницкій, сынъ священника Подольской губ., родился 3 іюня 1834 г. въ с. Маньковкѣ, Гайсинскаго у. Уже въ раннемъ дѣтствѣ мальчикъ обнаруживалъ выдающіяся способности: онъ выучился, напримѣръ, грамотѣ почти самостоятельно, слушая только, какъ учили его старшаго брата. На десятомъ году (1843) его опредѣлили въ духовное училище, по окончаніи котораго онъ поступилъ въ 1851 г. въ духовную семинарію въ Каменцѣ, гдѣ все время шелъ первымъ ученикомъ. За годъ до окончанія курса Свидницкій рѣшаетъ бросить семинарію и идти въ университетъ. Безжизненная, сухая семинарская наука, очевидно, не въ состояніи была удовлетворить пытливаго ума талантливаго юноши, да къ тому же—тяжелое матеріальное и нравственное положеніе сельскаго священника не могло сулить благъ въ будущемъ честному и съ широкими запросами ума юношѣ. Отецъ Свидницкаго, мечтавшій уже видѣть своего сына, въ виду его способностей, бакалавромъ академіи, а потомъ и въ архіерейской митрѣ, рѣшительно воспротивился намѣренію юноши вырваться изъ тѣсныхъ, тяжелыхъ, сковывающихъ умъ и сердце рамокъ богословскаго образованія, но сынъ не сдавался, результатомъ чего былъ полный разрывъ отношеній до проклятій включительно. Несмотря на это, въ 1856 г. Свидницкій былъ уже студентомъ Кіевскаго университета.

Поступивъ въ университетъ противъ воли отца, 22 лѣтній, не окрѣпшій ни физически ни нравственно юноша, съ первыхъ же дней студенчества очутился въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Трудность борьбы съ нуждою вынуждаетъ Свидницкаго бросить университетъ въ 1860 г. до окончанія полнаго курса его. Сдавши въ декабрѣ 1860 г. экзаменъ на званіе учителя уѣзднаго училища, Свидницкій получаетъ мѣсто учителя въ Миргородѣ, Полтавской г., но въ 1862 г. бросаетъ учительство, поступаетъ въ Козелецъ по акцизу и женится. Къ сожалѣнію женитьба была не изъ счастливыхъ и повлекла за собою только лишь усиленіе той роковой страсти, отъ которой погибло и гибнетъ такъ много выдающихся талантовъ и силъ въ Россіи,—страсти къ рюмкѣ, начавшейся, безъ сомнѣнія, еще въ бурсѣ и семинаріи. Лѣтомъ 1868 г. Свидницкій теряетъ службу въ акцизѣ, переѣзжаетъ въ Кіевъ, гдѣ терпитъ страшную нужду, и только спустя годъ получаетъ мѣсто въ центральномъ архивѣ при «Археологической Комиссіи» съ окладомъ жалованья въ 514 р. въ годъ: Скудный бюджетъ свой Свидницкій дополняетъ литературнымъ заработкомъ, помѣщая свои разсказы и повѣсти на страницахъ «Кіевлянина» того времени. Тяжесть матеріальной нужды приводитъ больного, страдающаго галлюцинаціями Свидницкаго, къ мысли стать священникомъ. И вотъ лѣтомъ 1870 г. Свидницкій отправляется въ Каменецъ—къ архіерею съ цѣлью получить приходъ, но ему отказываютъ въ просьбѣ, а черезъ годъ, лѣтомъ 1871 г., Свидницкій умираетъ въ томъ возрастѣ, когда, обыкновенно, человѣкъ вступаетъ въ періодъ расцвѣта своихъ силъ.

Такова фактическая сторона недолгой, но многострадальной жизни этого, безспорно, талантливаго писателя. Литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ него, правда, не велико, но оно достаточно вполнѣ для того, чтобы въ авторѣ его признать крупную литературную силу, угасшую, прежде, чѣмъ она успѣла разцвѣсти. Кромѣ вышедшей впервые у насъ хроники «Люборацьки» (въ Галиціи она появилась около 20 лѣтъ тому назадъ), г. Кониссій насчитываетъ до 14 небольшихъ разсказовъ Свидницкаго, напечатанныхъ имъ между 1869—1871 г.г. въ «Кіевлянинѣ». Изъ

очень краткаго біографическаго очерка, предпосланнаго къ вышедшей хроникѣ покойнымъ Конисскимъ, мы, наконецъ, узнаемъ, что Свидницкій является авторомъ двухъ популярнѣйшихъ пѣсенъ на Украинѣ, а именно: «Вже бильше литъ двисти» и «Въ поли доля стояла», успѣвшихъ стать очень распространенными уже ко времени первой встрѣчи Конисскаго съ Свидницкимъ въ 1861 г.

Мы не станемъ утруждать вниманіе читателя подробной передачей содержанія произведенія Свидницкаго и отсылаемъ интересующихся къ самой повѣсти, такъ какъ главный интересъ и, такъ сказать, центръ тяжести ея заключается не въ фабулѣ и не въ судьбѣ выведенныхъ въ ней лицъ, подавляющей читателя чрезмѣрнымъ трагизмомъ развязки, составляющей, къ слову сказать, едва ли не единственное слабое мѣсто въ этой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ хроникѣ, а совершенно въ другомъ. Интересъ «Люборацькыхъ» заключается въ глубоко задуманной и прекрасно выполненной авторомъ художественной картинѣ, представляющей правдивую, яркую характеристику быта духовенства на Подоліи въ первой половинѣ истекшаго столѣтія въ связи и зависимости съ общими культурно-историческими и соціально-экономическими условіями и факторами жизни; живую и рельефную характеристику постановки образованія и воспитанія въ духовныхъ школахъ «добраго стараго времени», въ этихъ своеобразныхъ разсадникахъ просвѣщенія и фабрикованія служителей церкви и просвѣтителей темной народной массы уже болѣе новой формаціи, явившихся на смѣну прежнимъ пастырямъ, образованіе которыхъ не выходило за предѣлы простой грамотности, и устанавливавшихъ свои отношенія къ народу уже не на прежнихъ основахъ непосредственнаго міровоззрѣнія, а на началахъ, привитыхъ системой бурсацко-семинарскаго образованія и воспитанія. Въ этомъ именно послѣднемъ отношеніи повѣсть Свидницкаго является болѣе всего интересною и цѣнною, поскольку она вѣрно и живо воспроизводитъ картину смѣны старыхъ, отжившихъ формъ жизни и отношеній и возникновенія на развалинахъ ихъ новыхъ. Тотъ или иной ходъ этого вполнѣ естественнаго и исторически-необходимаго процесса зависитъ отъ

цѣлаго ряда тѣсно-связанныхъ и переплетающихся другъ съ другомъ условій и обстоятельствъ. При комбинаціи ихъ, благопріятной естественному ходу процесса, послѣдній проходитъ сравнительно быстро и безболѣзненно и наоборотъ—при комбинаціи неблагопріятной процессъ этотъ въ соціологическомъ организмѣ сопровождается цѣлымъ рядомъ печальныхъ, уродливыхъ и болѣзненныхъ явленій. Изображенію такого именно болѣзненнаго процесса эволюціонирующихъ формъ жизни и уясненію главнѣйшихъ причинъ его, источникъ которыхъ лежитъ въ денаціонализаціи и деморализующемъ вліяніи школы, чуждой истинныхъ общественныхъ интересовъ и задачъ, авторомъ отведено значительное мѣсто въ повѣсти. Вотъ почему повѣсть Свидницкаго сохранила и до настоящаго времени живой интересъ, несмотря на то, что написана она давно.

Авторъ вводитъ насъ въ семью священника с. Солодьокъ, Подольской губерніи, о. Гервасія Люборацькаго, состоящую изъ матушки, трехъ дочерей: Маси, Орыси и Текли и сына Антося.

Батюшка Люборацькій среди своихъ сотоварищей по профессіи не представляетъ собою чего-либо выдающагося. Онъ, какъ и большинство священниковъ первой половины XIX ст., даже не окончилъ курса семинаріи не потому, чтобы не могъ, а потому, что въ этомъ не было необходимости: въ то время можно было, не обременяя своего ума изученіемъ богословско-семинарской премудрости, быть «пастыремъ словеснаго стада», прошедши только у какого-нибудь бакаляра курсъ пѣнія по обиходу, псалтирь и часословъ. Начиная прохожденіе степеней церковнослуженія съ чтенія и пѣнія на клиросѣ еще въ дѣтскіе годы, будущій кандидатъ священства проходилъ постепенно должности пономаря, дьячка, діакона и, наконецъ, къ годамъ тридцати-сорока дѣлался священникомъ. Такимъ образомъ, сама жизнь была школой будущихъ священниковъ того времени, которые и по тѣлу и по духу были дѣтьми своего народа, органически-тѣсно связанными съ нимъ, а потому—понимающими его и понимаемыми имъ.

О. Люборацькій былъ именно такимъ типичнымъ священникомъ. «О. Гервасій,—говоритъ авторъ,—бувъ зъ тыхъ старыхъ

ще панъ-отцивъ, що въ бакаляривъ вчылысь; писля самъ бакаляруvавъ, а тамъ помаленьку и до попивства дійшовъ... и выйшовъ панъ-отцемъ простымъ, людянымъ, почувався украинцемъ и держався старосвитчыны, та не знавъ бильше свита, що въ викни».

Но хорошо ли это?—спроситъ читатель.—Таковы ли должны быть руководители народа въ его духовной и религіозно-нравственной жизни? Не слѣдуетъ ли радоваться, что подобные наставники народа сдѣлались уже достояніемъ исторіи, и что ихъ мѣста заняли прошедшіе духовную среднюю и высшую школу, образованные люди, стоящіе по своему уму и образованію не на одномъ уровнѣ съ пасомыми, а выше ихъ головой?

Свидницкій, несомнѣнно, предвидя возможность подобныхъ вопросовъ говоритъ: «Дывни дила твоя, Господы! Здается отси вчени та товчени панъ-отци повынни бъ лучче громади подобатысь: и бильше чытавъ, и бильше вчывся,—хочъ зъ кныжокъ та свитъ повыненъ-бы знаты и себе спизнаты. А пиды-жъ! выйде—наче зъ лиса, и въ дяка вчиться правыты, и въ старосты хазяйнуваты. А въ громаду выйде, що ясне сонце—высоко—высоко; якъ не вклонысь, не догледыть. Все мабуть якысь велыки та высоки думы думають, що й пидъ ногы не дывытся. А що зъ того? Ни за собою, ни передъ собою,—дарма тилькы батькы кошты несуть... На простого чоловика погляне,—то наче ворога въ ёму пизнавъ. Чы така вже наука, чы такый свитъ наставъ?»

Какъ видитъ читатель изъ приведенной нами выдержки, достаточно ярко характеризующей священниковъ новой формаціи и ихъ отношенія къ простому народу, симпатіи автора цѣликомъ на сторонѣ прежнихъ, хотя и необразованныхъ, но близкихъ къ народу «старосвицькихъ батюшекъ». Источникъ этихъ симпатій лежитъ не въ романтическомъ отношеніи къ «старосвитчинѣ» и идеализированіи ея, независимо отъ того, худа или хороша она была, и не въ отрицательномъ отношеніи къ наукѣ вообще, къ которой такъ усиленно стремился самъ Свидницкій, а въ отрицательномъ отношеніи къ строю, духу и направленію духовной школы. Эта школа, не давая ровно ничего или слишкомъ мало для умственнаго развитія своихъ питомцевъ, внося нравственное

разложеніе въ ихъ духовно-моральный обликъ, лишала ихъ и того непосредственнаго достоянія, какимъ они обладали до того момента, когда переступали черезъ порогъ бурсы. Эта школа, не только не дававшая ничего, что важно и необходимо знать каждому образованному человѣку, а даже убивавшая въ самомъ корнѣ способности къ познанію всего, что важно и нужно въ общечеловѣческомъ смыслѣ, менѣе всего, конечно, могла подготовлять своихъ питомцевъ, какъ и теперь она безусловно неспособна этого дѣлать, къ особливо высокому служенію священника, по самому существу своему требующему особенной умственной и нравственной подготовки. Но объ этомъ намъ придется еще говорить далѣе.

Жена о. Гервасія, добрая сердечная, простая, даже совершенно неграмотная женщина, домовитая хозяйка, чадолюбивая мать. Она вся ушла въ заботы по хозяйству, которымъ и исчерпывается кругъ ея жизненныхъ интересовъ. Какъ по своимъ интересамъ, такъ и по умственному развитію, она стояла на одномъ уровнѣ съ сельскими бабами, и была довольна и рада ихъ обществу, такъ же, какъ и онѣ ея; общество иныхъ людей было бы для нея тяжело, и она не знала бы какъ держать себя въ немъ; въ то время какъ темъ для разговоровъ съ «молодычкамы» у нея было безконечное количество: «то дивування згадають, то се, то те, то про лыху долю не наговорятся,—и ще добре якъ скинчать на спивахъ, а то й до плачу не разъ доходыть». Случалось, что матушка и выпьетъ съ собесѣдницами, но—говоритъ авторъ—«се не то, щобъ пани-матка та любыла торкнуты, а такъ соби:— частуючы робитныка та дякуючы, що послухалы». Умѣнье обойтись съ простымъ человѣкомъ, понимать его, видѣть въ немъ такого же человѣка, какъ и ты самъ, ничего кромѣ глубокой симпатіи и любви, не вызывало въ сердцахъ прихожанокъ. «Спасыби вамъ, мамуню! Дай вамъ, Боже, и на рикъ маты, а намъ у васъ робыть диждаты».

Взаимныя отношенія членовъ семьи Люборацькихъ другъ къ другу, родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, отношенія

къ прихожанамъ запечатлѣны чертамы патріархальной простоты и непосредственности, являющимися характерными для описываемой эпохи. Всѣ члены семьи живутъ въ дружномъ согласіи съ установившимися «споконъ вику» нравами, обычаями, взглядами и традиціями, покоящимися на крѣпко стоящихъ основахъ непосредственнаго, полнаго наивной простоты міросозерцанія, къ которому не успѣлъ еще прикоснуться духъ критики и анализа. Для иллюстраціи сказаннаго нами предоставимъ слово самому автору, рукою мастера-художника бросившему нѣсколько штриховъ, ярко характеризующихъ несложную систему міросозерцанія Люборацькихъ.

— Ни вже, що не кажы, а анцыхрыстъ або вже народывся, або скоро народытся!—заговорыла пани-матка.—Де таке выдано, щобъ дивчатъ учылы, якъ хлопцивъ? Ни вже, вже останни часы наблыжаются!

— Дурна ты та нерозумна зъ своимы часамы останнимы! сказавъ панъ-отець.

. . . .

— Та пуста ричъ сказаты: дурна, дурень. Ще я—ну, хай и дурна, а що мои татуньо покійни, то дуже розумни булы.

О. Гервасій засміявся.

— Ты смієшся? А ну жъ скажы кому въ пекли буде найгирше?

— Тому, хто найбильше нагришыть.

— А хто жъ найбильше нагришыть?

— Отъ тоби й разъ!.. А почимъ мени знаты?

— Бачъ, не знаешъ, а покійни татуньо той зналы: пипъ найбильше нагришыть!.. А который такъ не служыть, не щыро правыть, а тилькы языкомъ меле, тому языкъ высытеме ажъ до пояса, та такый чорный! И чорты гакамы тягтымуть ёго за языкъ... Онъ-то якъ!.. Э, якъ бы мои татуньо всталы!—додала, кываючы головою.

— То щобъ? то щобъ?—забалакавъ панъ-отець.

— Воны все бъ розтолкувалы, що до чого йде... Отъ я дывлюсь теперъ на свитъ, то наче ихъ речи слухаю. Кажуть

було: монахы жытымуть, якъ мыряне: а мыряне, якъ невира. Хиба жъ теперъ не такъ?—Кажуть було, що якъ зблыжытся страшный судъ, то люде пороблятьcя скнáрымы, та грошы любытымуть; одынъ ривъ будуть засуваты, а другый копаты; лисы пообкопують!.. А теперъ хиба не такъ?—Та нихто не бачыть. Женытымуться, кажуть було татуньо, веселытымуться до останнёи годыны; никому и въ голову не прыйде, що ангелъ иде и печати несе; кохатымуться, женыхатымуться и гадкы не матымуть: ослипыть сатана. И блаженъ тилькы той, кого обрящетъ бдяща,—закинчыла пани-матка и зложыла рукы до Бога.

Дійшло до смаку панъ-отцеви, винъ и озвався.

— Та й Мартынъ Задека пыше багато. Винъ каже, що Москва взойдеть на высочайшый градусъ; що духовное владеніе прыйдеть во изможденіе, и законы ослабіють. Воно-бъ, бачся, й такъ! Та ще жыдовы чымало на свити зосталось, а въ останни часы воны вси выхрестяться... Отъ що! То я й думаю, що до того ще далеко!

— Безпрестанно молитеся, пышется въ письми святимъ, заговорыла пани-матка,—майтесь на осторожносты, бо не висте ни дня, ни часа, въ огонь же сынъ человѣческый прыидеть...

— Въ якый огонь? То въ «онь же»!—поправывъ панъ-отець.

— Говоры!—озвалась пани-матка.—Хиба ты розумнійшый одъ мого татуня? А воны, покійни, було чытають въ «огонь же».

— Та я тоби кныжку покажу.

— Якъ бы я вмила прочытаты, то що иншого... Та й те сказать, що теперешни кныжкы перепорчени;—давнихъ, правдывыхъ нема, попереводылы.

— Бачъ, тоби погано, що не вміешъ чытаты, а Масю до наукы не хочешъ весты.

— Вона жъ уже вміе по кныжци молытысь, то чогожъ бильше?

— Сёго мало по теперешнёму свити. Отъ послухала бъ йесы Росолинського, то не такъ бы заговорыла.

— А винъ хиба зъ Богомъ говорывъ?

— Та дурна твоя голова жиноча! Хиба якъ зъ Богомъ не говорывъ, то вже й виры ёму не няты?

— А чого жъ ты вирышъ въ ёго, якъ турчынъ въ мисяць? Хиба винъ знае, куды до раю новпростець?

— Этъ! Кому що, а курци просо,—заговорывъ панъ-отець изъ серцемъ, и ажъ сплюнувъ».

Семья эта счастлива по-своему, конечно, какъ могутъ быть счастливы люди средняго достатка, небогатые, но и не терпящіе матеріальной нужды, физически здоровые, живущіе жизнію близкою къ природѣ, съ самымъ минимальнымъ количествомъ умственныхъ запросовъ, удовлетворяемыхъ свѣдѣніями, находящимися въ календарѣ, за которымъ нужно, впрочемъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ пану Росолинському, дидычу въ с. Солодькахъ, да твореніями знаменитаго Мартына Задеки.

Воспитаніе дѣтей въ этой патріархальной семьѣ, отличавшейся отъ любой крестьянской семьи только лишь сравнительнымъ матеріальнымъ достаткомъ, ни чѣмъ не разнилось отъ воспитанія крестьянами своихъ дѣтей. Женская половина семьи съ юныхъ лѣтъ являлась дѣятельной помощницей матушки-матери въ ея хозяйственныхъ работахъ. Четырнадцатилѣтняя Мася въ семьѣ Люборацькихъ выполняла всю черную работу по хозяйству наравнѣ съ прислугой, нисколько не тяготясь этой работой и не стыдясь ея. Въ свободное же отъ работы время, или въ праздникъ, дочери батюшки проводили время въ тѣхъ же развлеченіяхъ, что и ихъ сверстницы, сельскія дѣвушки.

Въ воспитаніи мальчиковъ была лишь одна особенность: подготовляя ихъ къ наслѣдственной профессіи священно и церковно-служителей, отцы къ десяти-двѣнадцати годамъ выучивали ихъ грамотѣ, т. е. умѣнью читать по псалтыри, часослову и пѣть по обиходу.

Но вотъ подъ вліяніемъ незамѣтно начавшихъ измѣняться условій жизни и формъ патріархальнаго быта, мало-по-малу начинаютъ въ ровный, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ общихъ всѣмъ хозяевамъ-земледѣльцамъ заботъ, ненарушаемый спокойный ходъ жизни съ большей или меньшей силой вторгаться новыя понятія

и взгляды, а вмѣстѣ съ ними возникаютъ и новыя требованія, не идти на встрѣчу которымъ нельзя. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежитъ вопросу объ образованіи дѣтей въ школѣ.

Сознаніе невозможности бороться противъ новыхъ требованій жизни, съ одной стороны, а съ другой—естественное желаніе родителей видѣть своихъ дѣтей счастливыми, заставляетъ Люборацькихъ подчиниться требованію духовныхъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духу времени. Но если о. Гервасій, съ свойственной мужскому сердцу твердостью, подчиняется необходимости, скрѣпя лишь сердце, то матушка Люборацькая не можетъ не дать воли материнскимъ слезамъ. Причиной горькихъ слезъ ея кромѣ печальной необходимости разстаться на продолжительное время съ малюткой-сыномъ, было то, что съ представленіемъ о наукѣ въ ея понятіяхъ тѣсно связывалось представленіе и о мукѣ, какая ждетъ неминуемо ребенка, а затѣмъ—суевѣрный страхъ въ виду несомнѣнныхъ предзнаменованій скораго пришествія антихриста, съ такою яркостью нарисованныхъ отцомъ ея, въ необычайную мудрость и провидѣніе котораго она безусловно вѣрила. «То-то вже плачу було!—говоритъ Свидницкій.—Не такъ хто плакавъ, якъ маты. Згадала покійныка тата свого, що все, було, розсказуе,—зъ якыхсь кныжокъ вычытувавъ,—що пидъ кинецъ свита, якъ вже матыме анцыхрыстъ народытысь, всюды будуть ученыкы и учытели; а то не учытели будуть, а мучытели; не ученыкы, а мученыкы; на маму дывлячысь и дочкы слизьмы залывалысь. Панъ-отецъ лышъ сопъ—не такъ за чымъ, якъ треба було грошы везты то учытелямъ, то—що».

Но если вѣра матушки въ скорое пришествіе антихриста, хотя бы и основанная на указаніи несомнѣнныхъ признаковъ ея покойнымъ отцомъ, не имѣла подъ собой достаточныхъ основаній въ дѣйствительности, то смутныя предчувствія материнскаго сердца на счетъ обученія Антося въ школѣ, нисколько не обманывали ее, даже больше того,—живая дѣйствительность была далеко жестче, суровѣе и ужаснѣе, чѣмъ тѣ картины, какія рисовало воображеніе Люборацькой. Материнское сердце ея заранѣе обливалось кровью при мысли, что Антосьо будетъ недосыпать, не

доѣдать, будетъ бить и учителями и взрослыми учениками, но всего этого было слишкомъ и слишкомъ недостаточно еще для того, чтобы представить себѣ весь ужасъ бурсацкой науки, бурсацкаго быта и нравовъ.

Надѣемся, что читатели не будутъ на насъ въ большой претензіи, если мы позволимъ себѣ здѣсь сдѣлать значительное отступленіе, точнѣе сказать—экскурсъ въ область исторіи русской литературы, въ виду важности преслѣдуемыхъ этимъ экскурсомъ цѣлей. А именно. Однимъ изъ историковъ украинской литературы былъ повторенъ ходячій взглядъ на процессъ развитія украинской литературы, по которому эта послѣдняя, лишенная всякой самостоятельности и самобытнаго творчества, представляла и представляетъ собою подголосокъ и чуть-ли не рабское слѣдованіе образцамъ болѣе богатой и количественно и качественно, родственной литературы, великорусской. Желаніе во чтобы то ни стало подогнать подъ заранѣе поставленную тенденціозную мѣрку литературные факты довело ученаго до способности видѣть въ «Перебендѣ» Шевченка «Пророка» Пушкина, въ «Иванѣ Гусѣ»—подражаніе «Клеветникамъ Россіи», а въ «Наймычкѣ»—повтореніе мотива «Подъ вечеръ осенью ненастной». Хотя тенденціозность подобнаго взгляда была прекрасно опровергнута другимъ ученымъ, тѣмъ не менѣе ходячій взглядъ продолжаетъ существовать и вносить путаницу и въ безъ того спутанныя, вообще, а на счетъ украинской литературы въ особенности, понятія общества, и до сихъ поръ. Въ хроникѣ Свидницкаго значительная часть ея, посвященная описанію ученическихъ лѣтъ Антося то въ бурсѣ, то въ семинаріи, заключаетъ въ себѣ много яркихъ очерковъ до-форменной бурсы, быта, нравовъ и ученія въ ней. Чтобы предостеречь читателей, руководствующихся ходячими взглядами при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, отъ возможности и въ данномъ случаѣ впасть въ ошибку на счетъ рабскаго слѣдованія украинской литературы по стопамъ великорусской въ виду существованія въ послѣдней знаменитыхъ «Очерковъ бурсы» Помяловскаго, мы должны сказать, что «Люборацьки» написаны Свидницкимъ если

не раньше, чѣмъ появились «Очерки» Помяловскаго, то во всякомъ случаѣ не позже. Дата «Миргородъ», стоящая въ автографѣ подъ первой частью хроники, даетъ знать, что «Люборацьки» написаны не позже начала 1862 г., т. е. одновременно съ первыми «Очерками» Помяловскаго. Какъ видитъ читатель, эти два такъ близкія другъ къ другу по содержанію произведенія, писались одновременно двумя писателями, не знавшими друга друга, и, такимъ образомъ, о подражаніи не можетъ быть здѣсь и рѣчи, хотя между появленіемъ ихъ въ печати и лежитъ значительный промежутокъ времени.

Среди современныхъ читателей мало уже найдется такихъ, которые бы сами были свидѣтелями и очевидцами той бури негодованія, какая поднялась противъ автора «Очерковъ бурсы» въ духовныхъ сферахъ административной и педагогической. Змѣиное шипѣнье до-реформенныхъ педагоговъ, ревниво охранявшихъ неприкосновенность смрадныхъ своихъ болотъ «отъ призора людскихъ очесъ», превратилось въ настоящій вой, когда вдобавокъ къ этому появилась извѣстная статья, начинавшаго приковывать къ себѣ общественное вниманіе Писарева, подъ заглавіемъ «Погибшіе и погибающіе». Статья эта, какъ извѣстно, была вызвана одновременнымъ появленімъ въ печати «Очерковъ бурсы» Помяловскаго и «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскаго. Писаревъ провелъ между бурсой и «мертвымъ домомъ» блестящую параллель, причемъ, какъ, безъ сомнѣнія, помнитъ читатель, окончательные выводы оказались далеко не въ пользу бурсы: Писаревъ насчиталъ до десятка подмѣченныхъ имъ въ произведеніи Достоевскаго хорошихъ, симпатичныхъ чертъ, присущихъ обитателямъ «мертваго дома», между тѣмъ какъ въ обитателяхъ бурсы онъ не нашелъ ни одной хорошей черты, ни одного что называется, живого мѣста въ этомъ больномъ организмѣ.

«Въ бурсѣ, описанной Помяловскимъ,—говоритъ Писаревъ,—я не замѣтилъ такихъ задатковъ развитія (какъ въ «Мертвомъ

домѣ»). Начальство можетъ, конечно, замѣнить розги карцеромъ, карцеръ—еще какимъ-нибудь другимъ болѣе деликатнымъ наказаніемъ. Начальство можетъ улучшить столъ воспитанниковъ, истребить сырость и грязь, вентилировать комнаты и зажигать лампы на цѣлый вечеръ. Все это, конечно, значительно облегчитъ участь бурсаковъ, но основное зло бурсы останется нетронутымъ, потому что оно *неизлѣчимо*. Это основное зло заключается въ той антипатіи, которая существуетъ между умами учениковъ и бурсацкой наукой. Эту антипатію невозможно искоренить, потому что бурсацкую науку невозможно сдѣлать привлекательной. Всѣ лучшія силы общества устремлены совсѣмъ не на тѣ знанія, которыя могутъ сформировать хорошихъ бурсацкихъ преподавателей. То, что оставляется безъ вниманія лучшими умами, по неволѣ облекается въ такія сухія и черствыя формы, которыя никому не могутъ нравиться и которыя приходится навязывать ученикамъ насильно... Ученики воспринимаютъ неохотно, забываютъ немедленно и выносятъ съ собою въ жизнь вмѣсто полезныхъ знаній отвращеніе къ умственному труду».

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти мысли вылились изъ-подъ пера Писарева, но съ тѣмъ большимъ удивленіемъ и вмѣстѣ уваженіемъ мы останавливаемся предъ силой его ума и ясностью мысли. Дѣйствительно, со времени Помяловскаго и Свидницкаго бурса подверглась значительнымъ перемѣнамъ и реформамъ въ тѣхъ отношеніяхъ, на возможность которыхъ указывалъ Писаревъ, т. е. уничтоженія розогъ, улучшенія стола, уменьшенія грязи и т. п., но все это очень мало помогло горю, размѣры котораго страшны для общества, если принять во вниманіе общее число бурсъ и семинарій и количество гибнущихъ въ нихъ силъ, такъ какъ основное зло бурсы осталось нетронутымъ и до сихъ поръ, а въ послѣднее время усиливается и охраняется съ большою ревнивостью иногда по соображеніямъ особаго рода, иногда же и вовсе безъ всякихъ соображеній.

Вотъ въ этотъ-то «мертвый домъ» должны были отвезти маленькаго Антося Люборацькіе. Прихвативъ съ собою все необходимое, что полагалось при «явкѣ» къ училищному начальству,

какъ-то: «пару калачивъ що и въ решети не вмистятся, пляшку вына и тры карбованци гришмы, матушка повела сына «являтысь». При приближеніи къ училищу ее охватилъ невыразимый страхъ; когда же она встрѣтила какого-то незнакомаго батюшку, пришедшаго сюда также съ сыномъ, лицо котораго было покрыто смертельной блѣдностью, тогда она вся стала олицетвореніемъ чувства страха. «Бидни диты,—думае вона,—не дарма мои татуньо було кажуть, що будуть не ученыкы, а мученыкы, не учытели, а мучытели»... «Скилькы тутъ (у дверей смотрителя, куда пришла матушка съ Антосёмъ) молылося, зитхало! скилькы плакало, рыдало! Нема того, щобъ переличывъ. Топтавсь и я тутъ»...—прибавляетъ авторъ. «Здается зъ меньшымъ страхомъ ставалы люде передъ судомъ инквизиціи, якъ оттутъ. Душа, було, завмре, зовсимъ завмре, якъ муха въ осены. И земли пидъ собою не чуешъ, и свита передъ собою не бачышъ, тилькы въ ухахъ шумыть та серце бьется, якъ рыбка на гачку. Вертаешся, було, то наче зъ-заду чортъ доганяе,—такъ помыкаешъ. Ажъ тоди трохы видійде на серци, якъ за ворота выйдешъ та оглянешся, що нема никого за тобою».

Описать ярче и картиннѣе чувство дѣтскаго страха, охватывающаго все существо ребенка отъ головы до ногъ, трудно. Одинъ внѣшній видъ смотрителя могъ навести страхъ не только на робкую дѣтскую душу, но и на взрослаго человѣка.

«Нисъ ёму карлючкою, а очи свитятся, якъ у кота,—здается, отъ и кынется, якъ китъ на мышу».—

Послѣ аудіенціи у этого изверга-педагога матушка Люборацькая къ обычному своему причитанію насчетъ учителей, добавила: «Не одному дытяти за наши грихы тутъ вика вкоротять».

— А що не одного талану позбавлять, то й Богъ забувъ,— додавъ панъ-отець.

Вліяніе бурсы быстро сказалось на юномъ физическомъ и нравственномъ обликѣ Антося: за время пребыванія въ школѣ до праздниковъ Рождества, Антось успѣлъ одичать настолько, что

потерялъ способность отвѣчать на сердечныя привѣтствія соскучившихся по немъ родныхъ.

«Прывытавшысь, ставъ неборакъ пидъ грубою. А батько пидійшовъ до ёго, погладывъ по голови й каже:

— Змерзъ, га?

Антось ничого не видказавъ и навить не подывывсь на батька.

— Та подывысь бо на мене!—каже тато и взявъ ёго рукою пидъ бороду тай пиднявъ голову. Та голова пидвелась, а очи въ землю дывылысь, або по бокахъ.

— То й не подывышся на батька?—каже панъ-отецъ».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ умѣлою кистью талантливаго художника кладетъ штрихъ за штрихомъ на задуманной имъ картинѣ постепеннаго процесса утраты естественныхъ, симпатичныхъ свойствъ человѣческой души и искусственнаго привитія противуестественныхъ глубоко-отталкивающихъ чувствъ, мыслей, желаній и поступковъ подъ вліяніемъ ужасной атмосферы бурсацкаго быта... Отсылая интересующихся подробностями къ самой книгѣ, мы остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ лишь пунктахъ.

Въ параллели, проведенной Писаревымъ между бурсой и «мертвымъ домомъ» многіе видѣли, а нѣкоторые и до нынѣ продолжаютъ видѣть, грубую, тенденціозную натяжку, подтасовку и и безцеремонное пристегиваніе фактовъ подъ извѣстную тенденцію, проще—обвиняли автора въ злостной клеветѣ. Появись повѣсть Свидницкаго своевременно, это обвиненіе, несомнѣнно, встрѣтило бы въ ней сильный отпоръ общественнаго мнѣнія. Предъ глазами читателя проходитъ цѣлый рядъ живо, талантливо написанныхъ картинъ, ярко и рельефно обрисовывающихъ различныя стороны быта дореформенной бурсы. Вотъ, напримѣръ, авторъ нѣсколькими удачными штрихами характеризуетъ намъ обстановку ежедневной жизни учениковъ духовной школы на частныхъ общихъ квартирахъ у хозяевъ и хозяекъ, пользующихся особымъ расположеніемъ училищнаго начальства по причинамъ, неимѣющимъ ничего общаго ни съ выгодами учениковъ, ни съ педагогическими зада-

чами, въ обстановкѣ совершенно антигигіенической и антипедагогической. Далѣе идетъ цѣлый рядъ удачно схваченныхъ сценъ, ярко обрисовывающихъ бурсацкую среду въ ея взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, какъ членовъ одной корпораціи, къ начальству и къ учителямъ. Это по истинѣ «мертвый домъ», это—«міръ отверженныхъ». Анализируя эту среду съ точки зрѣнія примѣненія къ ней уголовнаго уложенія, легко убѣдиться, что ни одна изъ статей уложенія не рискуетъ остаться безъ примѣненія: тутъ дѣйствительное царство преступленій и пороковъ, въ формахъ: воровства, обмана, членовредительства, причиненія страданій, угрожающихъ здоровью и даже жизни; о нанесеніи оскорбленій мы даже не упоминаемъ. Что касается отношеній бурсы къ педагогическому персоналу, то они могутъ быть характеризованы краткой и вполнѣ уже установившейся у насъ формулой—отношенія двухъ враждебныхъ, ведущихъ борьбу не на жизнь, а на смерть лагерей, давно несчитающихся, да врядъ ли когда-нибудь и считавшихся, съ элементарными началами даже военной этики. Какъ съ той такъ и съ другой стороны всѣ находящіеся въ распоряженіи человѣка способы и средства борьбы признаны и освящены и общественнымъ мнѣніемъ міра отверженныхъ, и исторіей, и преданіемъ его. Нечего и говорить, конечно, о томъ, что употребительнѣйшимъ средствомъ борьбы съ преступной средой бурсаковъ въ рукахъ начальства является пресловутая порка во всѣхъ формахъ и видахъ. Хотя объ этомъ способѣ педагогическаго воздѣйствія, примѣнявшагося не только въ злополучныхъ и прославленныхъ бурсахъ, но и въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ, говорилось и писалось у насъ не мало, но мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ пунктѣ въ виду того, что въ повѣсти Свидницкаго находимъ относительно порки интересные факты и наблюденія, а затѣмъ—и въ интересахъ современности и своевременности сказать по этому поводу нѣсколько словъ: великія истины, какъ говорятъ, слѣдуетъ повторять почаще, иначе онѣ забываются.

Въ этомъ царствѣ розги и кулачнаго внѣдренія началъ науки и добродѣтели создался особый культъ розги съ соотвѣтствующимъ

ритуаломъ: существовалъ, на подобіе класса жрецовъ, классъ палачей, носившихъ громкое классическое названіе «цензоровъ» или библейское—«спекулаторовъ». Въ «спекуляторы» посвящались самими учителями «ледачи и здорови», которыхъ уже никогда не били, такъ какъ ихъ, какъ отпѣтыхъ, никогда не «спрашивали». Пріобрѣтеніе розогъ совершалось за счетъ истязуемыхъ: «На ризкы тамъ складалыся: коженъ по шагу: а давалы й побильше, щобъ прыдобрытысь цензорови». Это, какъ видите, были sui generis религіозныя жертвы. И какъ истинно правовѣрнымъ можетъ считаться лишь побывавшій въ Меккѣ, такъ и настоящимъ бурсакомъ имѣлъ лишь право называться тотъ, кого пороли. А чтобы никто не лишенъ былъ почетнаго званія бурсака, то учителя строго блюли, чтобы ни одна душа, исповѣдывавшая бурсацкую вѣру, не осталась безъ порки. «Нема такого, щобъ небытымъ выйшовъ зъ духовныхъ школъ,—не за одно, то за друге, або просто за те, що небытый, ростягнуть и дадуть, ажъ не прысядешъ». Въ одинъ пріемъ давали до пятидесяти и шестидесяти и даже до ста ударовъ. «Заторськый,—учытель латыни,—сикъ, докы теплый». Но въ тотъ же самый день, того же бурсака могъ подвергнуть поркѣ и другой преподаватель, наконецъ, третій; что въ дѣйствительности и бывало нерѣдко. Помяловскій также говоритъ о подобныхъ фактахъ. Писаревъ, останавливаясь на этихъ ужасныхъ фактахъ дикой, превышающей способность человѣческаго пониманія жестокости, и сравнивая положеніе бурсака съ положеніемъ арестанта, говоритъ: «при такой раздробительной системѣ наказанія на долю одного бурсака можетъ придтись въ одинъ день по нѣсколько сѣченій, чего съ арестантомъ уже никакимъ образомъ случиться не можетъ, такъ такъ въ острогѣ право казнить принадлежитъ одному начальству, а въ бурсѣ это право распредѣляется между многими учителями».

Въ бурсѣ, описываемой Свидницкимъ, какъ и въ другихъ бурсахъ существовали знаменитыя «субитки». Онѣ были особенно страшны еще и потому, что въ этотъ день раздавали «оккупаціи», т. е. письменныя работы, плохое исполненіе которыхъ усиливало обычную порку, а посему удесятеряло страхъ предъ наступле-

ніемъ этого, по истинѣ суднаго дня. Въ ожиданіи его бурсаки трепетали съ вечера и по сновидѣніямъ пытались отгадать тотъ или иной исходъ его для себя.

— «Чого ты плачешъ?» — спрашиваютъ соквартиранты проснувшагося въ субботу утромъ товарища.

— «Эге, чого! Кони снылысь!—видказуе».

«И нихто не подывуе, що того плачешъ, бо коженъ зна, щó вищуе такый сонъ, бо й самому не разъ таке снылось. Кажуть: «не вирь въ сонъ». Ни, въ сонъ треба вирыты!—скаже коженъ школяръ. Я вже, скаже, самъ перевирывсь, що якъ сняться мидни грошы, або що яйце йисы, або яблука, вышни,—то будуть быты. Ще се иноди вищуе тилькы слёзы, що «въ пáлю» дадуть, або на колина поставлять; а вже якъ прыснытся заець, або весилля, або кони, то такыхъ дадуть гарячыхъ!.. И вже заразъ знаты, кому таке снылось: *якъ звареный иде въ класъ.* Другый бидняка не выдержыть и втиче зъ классу; то дывысь—прыведуть, и збудется сонъ».

Но вотъ входитъ учитель-инквизиторъ.

«Загрукотало, що вси на ногы схопылысь, и одынъ якъ дзвинокъ прочытавъ: «Царю небесный»... Хто, кажуть, не бувъ на мори, той не молывся. Нитъ! мабуть и морякы не молятся такъ щыро, якъ отся бидна дитвора. Йесть и таки, що ввійшовшы въ классъ бьють поклоны, щобъ Господь помылувавъ. А вже якъ чытають «Царю небесный», то й передъ смертію щырище не помолышся».

При одномъ чтеніи описанія этихъ ужасовъ, цѣлая буря смѣшанныхъ чувствъ негодованія, глубокаго отвращенія и желанія, если хотите, мести и кары, къ этимъ палачамъ-педагогамъ поднимается въ вашей душѣ за безпрерывное, систематическое, безсердечное, дикое истязаніе дѣтскихъ тѣлъ и душъ, топтаніе въ грязь человѣческой личности. Что же долженъ былъ испытывать несчастный бурсакъ? Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ тѣ же чувства должны были клокотать и, какъ говоритъ авторъ, дѣйствительно клокотали и въ душѣ бурсака, но... срокъ обученія въ бурсѣ тянулся отъ шести до двѣнадцати лѣтъ. Согласитесь, что

сохранить способность реагировать на ежедневную порку въ теченіе такого времени, невозможно. Чувствительность дѣтскаго сердца притуплялась вмѣстѣ съ чувствительностію тѣла и, наконецъ, совершенно исчезала, атрофировалась: бурсакъ переставалъ бояться розги, и вообще всякихъ побоевъ, онъ дѣлался къ нимъ нечувствительнымъ ни физически, ни нравственно. Наряду съ этимъ происходило совершенное одичаніе и глубокое ожесточеніе, озвѣреніе дѣтской души. Разрушать, уничтожать бить все и всѣхъ, къ чему только можетъ прикоснуться человѣческая рука, дѣлается потребностью этой ожесточенной, искалѣченной въ ужасной атмосферѣ, души. Сначала эта потребность объясняется естественнымъ желаніемъ выместить на комъ-нибудь или на чемъ-нибудь всю горечь накипѣвшей обиды и злобы, а потомъ—потомъ эта потребность превращается въ органическую, до тѣхъ поръ, пока не получитъ характера автоматически выполняемыхъ движеній рукъ и ногъ. Бурсаки били другъ друга, били мѣщанъ и мѣщанскихъ дѣтей, били гимназистовъ, мучили животныхъ, били и разрушали все, что попадется подъ руку, били безъ злобы, а просто «такъ».

И нашъ бѣдный Антось прошелъ всѣ эти ступени постепеннаго одичанія и озвѣренія человѣческой души. До поступленія въ училище Антось былъ рѣзвымъ, веселымъ, привѣтливымъ мальчикомъ. Цѣлые дни онъ проводилъ въ дѣтскихъ играхъ съ крестьянскими мальчиками, своими сверстниками. Теперь же нѣсколько лѣтъ пребыванія въ бурсѣ сдѣлали изъ него вотъ что.

«Якъ прыйихавъ Антосьо до-дому—разсказываетъ авторъ—то вже... не побигъ, выгадуючы, а все наче боявся, наче соромывся, наче одуривъ. Ставъ соби коло порога, та й стоить, обдертый, обшарпаный, лышъ чухается.

— Чого ты наче чужый?—пытается маты.

Лупнувъ неборакъ очыма и мовчыть.

— Антосьо! Чы чуешъ?—заговорыла Текля, веселенька та здоровенька, ластючысь коло матери.

— А винъ все мовчыть, лышъ очыма поведе... Выйшовъ соби на двиръ, та й сивъ на прызьби,... та побачывъ хворостъ

на купи.... кынувсь до хворосту и почавъ пруття вытягаты. Веселый навибиравъ повну жменю, звязавъ ихъ у ризку и ставъ быты по прызьби, та все прыговорюе: «А будешъ учытыся? а будешъ? ото тебѣ: учись!» И другымъ голосомъ, наче плаче: «Буду, господинъ учитель! ей-Богу, буду!» И зновъ перпіымъ голосомъ: «Я знаю, что будешъ! Сѣки его! лучче-лучче-лучче-лучче!» И тымъ другымъ: «Ой-ой-ой! ой-ой-ой! господинъ учитель, помилуйте! ой-ой-ой». Якъ набьется вдоволь, то й крыкне: «Довольно!... слѣдующій!». И почавъ, наче бъ-то той просытся: «Господинъ учитель, я вже буду учиться!» Та такы не помылувавъ: почавъ сикты та прыговорюваты; тамъ—«слѣдующаго» позвавъ и бывъ та й бывъ. Зъ прызьбы шматкамы глына летыть, а винъ прымовляе: «ото тебѣ знай! ото учись! А то вы ужъ разобрали себѣ!» И на сей ладъ балакаючы, зновъ звяже ризку и зновъ те жъ почынается».

За порчу заваленки Антосю сначала дѣлали замѣчаніе, а потомъ, наконецъ, сестра не выдержала и ударила его, но онъ, «що той вилъ, лыпъ бокамы поведе якъ ёго штовхнуть».

Въ такомъ развлеченіи провелъ мальчикъ всѣ каникулы.

«Тилькы и роботы мавъ Антосьо за вси вакаціи, що хлёставъ та й хлёставъ. Було иноди и выйде зъ подвирья. Ну, думають, на баштанъ потягъ. Вышлютъ чы вечеряты, чы обидаты, а ёго тамъ и не було: якъ не въ лозахъ ризкы плете, то де-небудь зарыется въ солому и пухне.

— Чому ты не пидешъ, не побавышся, якъ торикъ!—каже маты.

— Не хочу я,—озвется Антосьо,—зъ мужыкамы заходыты! и пиде на тикъ, щобъ зъ очей зійты, або й на баштанъ потягне на яку годыну, та й тамъ хлёста, ажъ яры въ земли повыбывавъ. Здычавивъ хлопець,—думалы вдома. А стара не забула спогадать свого покійного татуня, зитхне и каже: не даремно покійни було розсказують що то будуть не учытели, а мучытели! Отсе такъ вымучылы всю жвависть зъ дытыны. А яка хороша була та жвава яка!»

Въ бурсѣ съ товарищами Антосьо держалъ себя иначе: пока онъ былъ въ младшихъ классахъ, онъ являлся лучшимъ испол-

нителемъ всевозможныхъ замысловъ бурсаковъ старшихъ классовъ. Хитрыя и ловкія продѣлки Антося вызывали въ товарищахъ удивленіе и снискивали ему похвалы и уваженіе, такъ что когда онъ перешелъ въ старшій классъ, то кандидатура его на мѣсто «ватажка-коновода» бурсацкой банды, была, такъ сказать, внѣ конкурса. Послѣдствіемъ этого были болѣе частыя и усиленныя порки, «переселеніе на Кавказъ», т. е. на послѣднюю скамью, гдѣ сидѣли «отпѣтые», а съ другой стороны—развитіе особаго рода высокомѣрія и презрительного отношенія ко всѣмъ, не исключая сестеръ и даже матери.

Одичаніе мальчика и отчужденіе его отъ родныхъ, постепенно переходитъ въ немъ въ отношенія, отмѣченныя характеромъ необычайной грубости, жестокости и безсердечія. Нужно сказать, что отецъ Антося умеръ черезъ два года послѣ поступленія его въ училище. Естественно, что матеріальное положеніе семьи отъ этого сильно пошатнулось. Антосьо не хочетъ этого понимать и грубо требуетъ отъ матери денегъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ именно онъ хочетъ, такъ какъ къ этому времени онъ началъ пить и «франтить», а когда мать отказываетъ ему въ этомъ то онъ крадетъ послѣдніе сто рублей и уѣзжаетъ. Вотъ одна изъ характерныхъ сценъ.—Антосьо пріѣзжаетъ домой.

— «Позносышь!—сказавъ Антосьо хурманови зъ такою миною, наче тамъ у его казенни гроши або що, и пишовъ выступци, поволикъ чоботы. Осмихнувся хурманъ и пойихавъ на тикъ, бо въ брычци, окримъ кылымка, подушкы, та двохъ-трохъ паръ шмаття, ничого не було. Хиба ще кныжка яка. Ввійшовъ Антось до хаты и важно-преважно поклонывся, наче аршынъ проковтнувъ и не може головы зигнуты, такъ-же важно поклавъ свій кашкетъ на столыку коло дверей и почавъ вытатысь зъ мамою, зъ сестрамы та все мовчкы. Потимъ... выйнявъ хустыну зъ кышени,—якъ онуча,—и ставъ вытераты лыце передъ дзеркаломъ.

— Ухъ,—каже,—какъ я запмалился! а пыли сколько!

— Якъ на свынячимъ стегни,—озвалась Мася.

— Ну-да. т. е. какъ у тебя на шеѣ, ты хотѣла сказать!— озвався Антосьо.

— Зовсимъ нитъ,—каже Мася,—въ мене шыя чыста: я щодня мыю, хиба вже премъ часу не маю.

— Гдѣ видано, гдѣ чувано, чтобы свиндя,—на се слово налигъ голосомъ,—та шею себѣ умывала?—каже Антосьо.

— Тожъ—свыня, а то—Мася,—озвалась Орыся.

— А я между вами не различаю,—Антосьо каже:—и то свиндя, и то свиндя.

— То свыня жъ ты самъ!—За щожъ ты мене свынею нарикаешъ?—озвалась Орыся.

— Бо ты свындя, просто свындя, еще и бурая, тупорылая. Вотъ тебѣ—ей-Богу!

— Навчывся!—каже Текля.

— И ты, поросенокъ, смѣешъ? Такъ и дамъ!—И замахнувся кулакомъ.

— А зась! не знаешъ?—озвалася Орыся.

— Чого ты? чого ты? я и тебе по «макоѣдахъ!»

Антосьо и въ кулакъ вже наплювавъ, щобъ такъ и трахнуть, та ввійшла маты.

— Що, вже заходылысь воюватыся?—заговорыла вона.

— А чего жъ они, дряни, смѣютъ возвышать свой нелѣпый голосъ противъ меня?

— Такъ якъ же зъ тебе не сміятысь?—каже маты.—Та подывысь самъ на себе! И засміялась.

— Tu quoque, Brute!—заговорывъ Антосьо и додавъ:—а развѣ я самъ на себя стараюсь? Если я смѣшной, то вы съ себя смѣйтесь, что такъ меня убираете.

И ставъ ходыты по хати та рукамы розмахуваты.

— Якъ не буде мени сиртука,—почавъ дали Антосьо,—то хату рознесу.—И стукнувъ кулакомъ въ стилъ.

— Де я тоби визьму тыхъ грошей?—сказувáлась маты.

— А меня гдѣ взяли? Тамъ и денегъ возьмите.

— Отсе бида мене опала зъ тымы чужоземцямы!—каже соби стара.—То ляшка вдалася, сей москалемъ ставъ! Ото понаучувалысь! Цуръ ёму зъ тымы школамы.

Чтобы оцѣнить всю горечь скорби, заключающуюся въ послѣднихъ словахъ старухи и понять тяжесть ея горя, нужно обратиться къ прерванному нами изложенію содержанія повѣсти.

Помѣщикъ с. Солодьокъ, шляхтичъ Росолинскій, съ которымъ о. Гервасій поддерживалъ хорошія отношенія, такъ какъ пользовался отъ него то дровами, то выпасомъ, и у котораго нерѣдко бывалъ, неоднократно заводилъ разговоръ съ о. Гервасіемъ о томъ, что старшей дочери, Масѣ, необходимо дать образованіе, для чего рекомендовалъ «пансіонъ» пани Печержинской, въ которомъ получали образованіе дочери нѣкоторыхъ священниковъ и даже дочь о. благочиннаго. Долго о. Гервасій не поддавался увѣщаніямъ пана Росолинскаго, но ядовитыя насмѣшки надъ «мужичествомъ» Маси, надъ тѣмъ, что она ничѣмъ не отличается отъ «хамокъ», сдѣлали свое дѣло, и о. Гервасій рѣшилъ отдать Масю въ науку къ пани Печержинской. Какъ ни противилась этому матушка, но въ концѣ концовъ и она уступила послѣ ряда продолжительныхъ объясненій съ батюшкой.

«Довго пани-матка не прыставала виддаты Масю въ науку, а ще до ляхивкы: «На́що, каже ій та наука? Щей виры видцурается!» И вмовлявъ о. Гервасій и все. И ёму, правду сказать, не наукы бажалось для дочкы, не освиты; а хотилось, щобъ и вона була, якъ людськи дочкы, якъ всяка панянка: чы навчытся, чы ни—абы въ учытелькы була, та по-лядськы цвенькала, бо зъ «хамською», хлопською мовою, мовлявъ Росолинськый, теперъ вже никуды соватысь. Такый, значыть, свитъ наставъ»....

Результаты обученія въ пансіонѣ пани Печержинской сказались скорѣе, чѣмъ можно даже было ожидать. Мася скоро прониклась презрительнымъ отношеніемъ къ средѣ, изъ которой вышла, къ простому народу, къ родному языку и религіи, внушеннымъ ей пани Печержинской и ея системой воспитанія. Система же эта заключалась вотъ въ чемъ: «Не разъ Мася на-вколишкы стояла, не разъ и въ руку брала... Всёго було! Було й те, що черезъ ослинчыкъ перегынали за размову зъ хлопкамы, за размову на своій ридній мови. Всёго, кажу, було, нижъ Мася узвычаилась по-польскы балакаты, по-католыцькы молытысь—и «Zdrowas

Marijo», и Ojcze nasz», и Wierzę w Boga Ojca», зъ погордою спомынаты батька-попа, матку-попадю, хлопивъ, хлопську мову и хлопську церкву».

И наука эта скоро сказалась. Вотъ какъ встрѣтила Мася мать, пріѣхавшую забрать ее на праздники домой.

— «Ktoś idzie! ktoś idzie—закрычалы панянкы, завважывшы, якъ ишла Масина маты черезъ подвирья. Глянула Мася въ викно, та й каже:

— To moja popadia płącze się.

— Jaka popadia?--пытають.

— Luboracka, a jaka ż!—видказала Мася».

— Niby to matka twoja?—кажуть.

— Jaż mówię, że moja popadia,—озвалася Мася.

Отпуская Масю съ матерью домой, п. Печержинська даеть ей наставленіе «съ хлопкамы не сходиться».

— «То соромъ,—каже,—то встыдъ; а по-хлопськы побалакавшы,—каже,—такъ пыскы заогыдышъ, що й свяченою водою не сполощешъ, ни окропомъ не видпарышъ. Та ще й маму напросыла, щобъ пыльнувала, щобъ доглядала Маси, абы на-ново не «zchłopiała».

И чѣмъ больше продолжалась наука Маси у пани Печержинськой, тѣмъ разлагающее вліяніе ея сказывалось съ большей силой. Мася сдѣлалась просто неузнаваемой. Изъ простой, работящей дѣвушки, послушной и доброй дочери, она сдѣлалась капризной бѣлоручкой, жестокой, грубой и нетерпимой, особенно по отношенію къ матери, которую она третировала и оскорбляла на каждомъ шагу. Особенно много пришлось матери вынести оскорбленій отъ Маси по смерти о. Гервасія, когда отъ согласія Маси выйти замужъ за богослова зависѣла участь семьи. Мася наотрѣзъ, грубо и оскорбительно отказалась выйти когда бы то ни было за попа. Осиротѣвшую семью поддержалъ братъ матушки, добрый о. Якимъ, согласившійся наблюдать приходъ до пріисканія жениха младшей дочери, Орысѣ. Чрезъ нѣкоторое время женихъ нашелся. Это былъ «тульской духовной семинаріи кончившій курсъ Тимоха, Егоровъ сынъ, Петропавловскій»,—какъ отрекомендовался

онъ, прибывъ въ домъ Люборацкихъ, присланный дядюшкой—архіереемъ въ качествѣ жениха и кандидата на приходъ. Мы не станемъ здѣсь воспроизводить мастерски описанной Свидницкимъ сцены появленія этого кандидата во священство въ с. Солодькахъ, «смотринъ» невѣстъ и т. д, скажемъ только, что всѣ: и дядя невѣсты, благодушный о. Якимъ, и невѣста, и даже мать, такъ желавшая выхода дочери замужъ, видѣли, что Тимоха, Егоровъ сынъ, Петропавловскій совсѣмъ не пара Орысѣ. Его некультурность, безцеремонность, граничившая съ грубостью и нахальствомъ, неуваженіе къ людямъ, у которыхъ онъ является гостемъ, третированіе ихъ «хахлами»,—все это не предвѣщало счастья супружеской жизни. Но, съ одной стороны, боязнь «оскорбить» начальство въ лицѣ архіерея отказомъ въ выходѣ замужъ за его племянника, а съ другой—страхъ остаться въ дѣвушкахъ да еще сиротой, заставляютъ податливую, симпатичную Орысю дать свое согласіе. Нравъ Тимохи, сына Егорова, скоро сказался: онъ оказался плохимъ и мужемъ, и священникомъ. Рѣзкой чертой его вообще несимпатичнаго характера является полнѣйшее отсутствіе способности уважать чужую личность, признавать права индивидуальности. Здѣсь сказались результаты семинарскаго образованія, осложненные, кромѣ того, чертами національнаго свойства. Такимъ же характеромъ нетерпимости и высокомѣрно-презрительнаго отношенія къ тому, что бы мы назвали общественнымъ мнѣніемъ, отмѣчены и его отношенія къ прихожанамъ, какъ общественной единицѣ. Обычная же склонность къ чрезмѣрному употребленію водки еще увеличивала тяжесть сожительства съ этимъ дикимъ, невоспитаннымъ характеромъ. Орыся терпѣливо, не жалуясь, несла, какъ говорятъ, свой крестъ. Но наблюдательный глазъ матери и безъ ея жалобъ видѣлъ всю глубину страданій молодой, загубленной жизни, и материнское сердце ея болѣло и страдало за дочь, тѣмъ болѣе, что цѣной этой жертвы не достигнуто было и то условное счастіе, ради котораго, собственно, и приносилась эта жертва, т. е. матеріальное обезпеченіе осиротѣвшей семьи, такъ какъ зять все «прибравъ до рукъ» и выселилъ тещу съ ея семьей изъ квартиры священника.

Антосьо въ это время уже окончилъ духовное училище и поступилъ въ семинарію.

Мы не будемъ долго останавливаться на годахъ ученія Антося въ семинаріи и на характеристикѣ быта, жизни и ученья семинаристовъ, такъ какъ тутъ пришлось бы повторять многое изъ того, что сказано нами о бурсѣ. Къ сказанному о бурсѣ слѣдуетъ прибавить лишь нѣсколько словъ, а именно, что задатки, пріобрѣтенные тамъ, здѣсь только культивировались, и достигали высшаго развитія и совершенства формъ, такъ какъ семинаріи управлялись и вдохновлялись педагогами, выковывавшимися и шлифовавшимися въ томъ же горнилѣ, въ той же кузницѣ, что и педагоги бурсъ. Атмосфера и отношенія здѣсь существовали тѣ же, что и въ бурсѣ. Такъ, описывая зданіе семинаріи въ Каменцѣ и мѣстоположеніе ея, авторъ говоритъ: «найхутче пизнаты іи можна по тому, що учытели лаются, якъ салдатва». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «урядъ такъ держыть себе, що легше до скаженого вовка прыступыты». Наряду съ олимпійскимъ величіемъ, съ какимъ держатъ себя «профессора» и начальство семинаріи, авторъ отмѣчаетъ другую интересную черту въ поведеніи педагоговъ—какого то сладострастнаго злорадства въ выслѣживаніи своихъ питомцевъ за занятіями, наказуемыми по уложенію о наказаніяхъ, дѣйствующему въ семинаріяхъ. Говоря объ о. инспекторѣ, особенно любившемъ предаваться удовольствіямъ ловли и охоты за семинаристами, авторъ говоритъ, что «очи ёму свитятся несказанною радистю» въ случаѣ удачной охоты. При такой системѣ воспитанія, при непрерывномъ гнетѣ такого режима удивительно было бы видѣть семинаристовъ бодрыми, жизнерадостными, веселыми, открытыми юношами, горячо откликающимися на все, что способно дѣйствовать такъ или иначе на душу человѣка. И Свидницкій, описывая внѣшній обликъ питомцевъ семинаріи, говоритъ: «Вси наче на ввесь свитъ сердылысь, наче въ биду попалысь... Зглянътесь на семинарыста! Замлиле, заплисниле, на людей позыра, якъ дычакъ якый, и життя ёму не въ жыття, а нудьга, скорбота». Эту «нудьгу и скорботу» помимо всего прочаго создаетъ ужасная, одуряющая зубрежка того, что никому

не нужно, что на каждомъ шагу противорѣчитъ и здравому смыслу и нормальному нравственному чутью. «Якъ скинчу,—докы жытыму и въ рукы николы кныжкы не визьму»,—даетъ клятву одинъ изъ семинаристовъ, швыряя съ остервенѣніемъ какой-то патристикой или догматикой въ уголъ. Зубрежка безжизненнаго схоластическаго хлама вызываетъ полную антипатію къ наукѣ вообще и апатичное отношеніе къ жизни, къ вопросамъ современности. «Нема того въ семынаріи, щобъ хто думавъ зъ наукы, зъ кныжокъ розуму набратысь, а вчаться, щобъ скинчыты курсъ; кинчають курсъ, щобъ забратысь на село; забираються на село, щобъ залягты, якъ рыба на дощъ, щобъ ни гримъ, ни туча зъ мисця не зрушилы» и т. д. «Та кому те зубриння не дойисть до жывыхъ печинокъ?»—спрашиваетъ авторъ.—«Душа жъ жыва, тилькы наче обмерла, наче въ шкарлупи, якъ курча въ яйци,—то вже хиба и ій не треба ульгы?» Этимъ присутствіемъ остатковъ «живой души» и потребностью «ульгы» въ семинаристахъ авторъ объясняетъ и оправдываетъ и попойки семинаристовъ и ихъ продѣлки съ начальствомъ, хотя какъ за то, такъ и за другое жестоко приходится расплачиваться, такъ какъ семинарское начальство широко пользуется всегда однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ средствъ выслѣживанія, которыя въ корнѣ подтачиваютъ и разъѣдаютъ всякій общественный организмъ,—доносомъ товарищей: оно его создаетъ и всячески поощряетъ.

Въ семинаріи такъ же, какъ и въ бурсѣ, способный Антосьо учился не дурно. Спасли его здѣсь отъ окончательной, преждевременной гибели первая, чистая, пылкая юношеская любовь къ внучкѣ сосѣдняго священника, Галѣ, а затѣмъ—скрипка, игрѣ на которой Антосьо предавался со свойственной его пылкой натурѣ страстью. Незадолго до окончанія курса Антосьомъ, въ семьѣ ихъ происходятъ событія, оставляющія глубокій слѣдъ въ душѣ Антося, пробуждающія въ немъ самосознаніе, заставляющія его окинуть внимательнымъ взоромъ себя и вокругъ себя. Чувствуется, что явись въ этотъ моментъ своевременная и крѣпкая нравственная поддержка, и Антосьо былъ бы спасенъ въ томъ смыслѣ, что сталъ бы полезнымъ и хорошимъ членомъ общества,

но... такой поддержки не оказалось. Звѣрское обращеніе Тимохи съ Орысей, отъ которой, по выраженію автора, только «типь іи ходыла»,—возбуждало негодованіе прихожанъ. Наконецъ, прихожане, бывшіе свидѣтелями безобразной кулачной расправы ихъ священника съ тещей, матушкой Любораццкой, рѣшаютъ «выгнать такого попа». Ихъ рѣшеніе встрѣчаетъ сочувствіе и поддержку въ панахъ и окружныхъ священникахъ, не любившихъ Петропавловскаго за его высокомѣрное отношеніе къ нимъ, въ основѣ котораго лежало сознаніе своей принадлежности къ господствующей націи, а затѣмъ—близость къ архіерею-дядюшкѣ. Прихожане побили Петропавловскаго на сходѣ за своевольную, безъ вѣдома громады, покупку колокола, написали жалобу новому архіерею, результатомъ которой было заточеніе Петропавловскаго на девять мѣсяцевъ въ монастырь. По возвращеніи изъ ссылки Петропавловскій въ состояніи опьяненія ударомъ бутылки въ високъ убилъ Орысю.

Антосьо окончивъ курсъ семинаріи, радостный ѣхалъ въ это время въ родныя Солодьки, не зная о трагической смерти несчастной Орыси. Надмогильный новый крестъ, замѣченный имъ при въѣздѣ во дворъ, говорилъ о чемъ-то недобромъ. Скоро несчастная, убитая горемъ, мать разсказала сыну обо всемъ. Тутъ же Антосьо узналъ, что Мася, вышедшая замужъ за шляхтича Кулинскаго, бывшаго экономомъ у пана Росолинскаго, бросила Солодьки, выѣхавъ съ мужемъ подальше отъ шокировавшихъ ее родныхъ.

Антосьо, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что сообщенныхъ ему страшныхъ новостей, самъ уже стоя у открывающихся передъ нимъ дверей дѣйствительной, самостоятельной жизни, глубоко задумался надъ вопросами жизни, рѣшеніе которыхъ стояло на ближайшей очереди, какъ-то: женитьба, семейная жизнь, священство, простой народъ.

«Чы й зъ мене, моя Галочко, выйде такый же азіятъ?»—мысленно спрашиваетъ себя, обращаясь къ своей Галѣ, Антосьо, въ размышленіяхъ по поводу жестокихъ отношеній Тимохи къ Орысѣ.—«О, ни! Я знаю, що то жинка!.. Ты въ мене будешъ щаслыва—увѣряетъ онъ себя.

«А пастыри яки! Боже мылосердный! Насмишныкы, а не пастыри... Отъ я выйду на попа, то заразъ школу заведу, учытыму дитей, стоятыму за громаду передъ паномъ, передъ судомъ, передъ царемъ. Зайидять? То що? Хрыстосъ давъ намъ взиръ собою... На що воны зважають? «Образъ будьте стаду»—имъ говорится, а воны «безобразіе» стаду. И самы якъ стадо яке: тилькы йидять, йидять та множатся... Та и стадо не такъ, бо хочъ купы держаться, а воны—росполохане стадо, та не овецъ безсловесныхъ, а свыней... Господы мій! Невжежъ и я такый буду? Не дай мени загынуты... Я буду добрымъ попомъ!..»

Вскорѣ послѣдовавшее затѣмъ свиданіе Антося съ Галей, признаніе ей въ любви, горячій отвѣтъ на его чувства съ ея стороны, согласіе родителей на ихъ бракъ и надежда на занятіе прихода въ родныхъ Солодькахъ,—все это окрыляетъ мечты молодого человѣка и наполняетъ сердце его сладостью надежды.

Но не суждено было сбыться мечтамъ Антося. Судьба готовила ему жестокій ударъ, нанесенный ему рукою семинарскаго начальства, избавленію отъ котораго Антосьо такъ былъ радъ, что даже составилъ по этому поводу спеціальную молитву. Когда Антосьо былъ уже въ богословскомъ классѣ, семинаристы «выслѣдили» одного товарища, бывшаго шпіономъ у о. инспектора. По иниціативѣ Антося, взявшаго на себя руководство семинаристами въ этомъ дѣлѣ, семинаристы потребовали у о. ректора увольненія шпіона Робусинського. Ректоръ настоялъ на увольненіи обвиняемаго, не по принципу, впрочемъ, а «впику» о. инспектору, съ которымъ онъ враждовалъ. Семинаристы торжествовали, Антосьо, конечно больше другихъ. Надъ уволеннымъ, кромѣ того, устроенъ былъ жестокій самосудъ, лишившій уродливаго и некрасиваго, Робусинськаго и тѣхъ остатковъ образа и подобія человѣческаго, какія онъ сохранилъ. О. инспекторъ, ставши вскорѣ ректоромъ, вмѣстѣ съ Робусинськимъ отомстили за себя. Первый и главный ударъ ихъ мести, конечно, долженъ былъ пасть на голову зачинщика, т. е. Антося. Неокончившему курса Робусинському, по просьбѣ и рекомендаціи о. ректора, архіерей предоставляетъ священническое мѣсто въ Солодькахъ, а Антося выпускаютъ

изъ семинаріи «внѣ разряда». Антосьо, ничего не зная, является въ Каменецъ за полученіемъ аттестата и разрѣшеніемъ архіерея на занятіе отцовскаго прихода и тутъ узнаетъ о совершенной надъ нимъ жестокой несправедливости. Архіерей сначала предлагаетъ ему дьячковское мѣсто и только послѣ долгихъ просьбъ соглашается дать ему приходъ, но подъ условіемъ, что онъ прежде пробудетъ нѣкоторое время на испытаніи или въ консисторіи или въ монастырѣ. Антосьо выбираетъ консисторію и пишетъ письмо невѣстѣ о постигшемъ его несчастіи. Но Робусинській успѣлъ уже сосватать Галю и занять приходъ въ Солодькахъ. Антосьо, оскорбленный, обманутый, соглашается занять приходъ предоставленный ему архіеремъ, подъ условіемъ женитьбы его на старой, безобразной сестрѣ архіерейскаго діакона. Сдѣлавшись священникомъ, Антосьо скрашиваетъ свою такъ грустно сложившуюся жизнь игрой на скрипкѣ и... рюмкой, и вскорѣ получаетъ чахотку. Умирая онъ говоритъ: «Не своею я смертію вмираю: мене вбыла семынарія, та»... Авторъ не говоритъ, что именно то другое, что убило несчастнаго Антося.

Судьба остальныхъ членовъ безталанной семьи Люборацкихъ не менѣе печальна. Текля уходитъ въ монастырь подъ вліяніемъ тяжкихъ ударовъ судьбы, такъ безжалостно жестоко преслѣдовавшей членовъ ихъ семьи.

Несчастной матери суждено было перенести всѣ эти удары судьбы и взять на себя заботы по воспитанію внука Фони, оставшагося на ея рукахъ по смерти Орыси. Съ старухой Люборацкой, сопровождавшей послѣ каникулъ пѣшкомъ своего внука въ городъ, и остановившейся отдохнуть въ корчмѣ, встрѣчается священникъ, товарищъ Антося по бурсѣ, узнаетъ, кто она и разсказомъ о трагической смерти старшей ея дочери, Маси, покончившей жизнь самоубійствомъ, наноситъ послѣдній ударъ въ это изстрадавшееся сердце: старушка умираетъ при этомъ страшномъ извѣстіи. Здѣсь ее возлѣ корчмы и погребаютъ.

Таково содержаніе этой прекрасной хроники. Изложеніе ея не страдаетъ присущими многимъ беллетристамъ длиннотами. Во всей повѣсти нельзя указать страницы, даже строчки, о которой

можно было бы сказать, что она лишняя. Даже, напротивъ: авторъ вездѣ настолько кратокъ, что иногда приходится жалѣть о томъ, что онъ не далъ развитія брошенной мысли, или намѣченной двумя-тремя штрихами картинкѣ, благодаря выдающейся наблюдательности его глаза. Языкъ его сжатый, образный, нѣсколько съ оттѣнкомъ подольскаго говора, что мѣстами, въ свою очередь, сообщаетъ ему своеобразную прелесть силы и выразительности.

Указанныя нами достоинства повѣсти Свидницкаго, безъ сомнѣнія поставившія бы его въ ряды выдающихся писателей и болѣе богатой литературы, чѣмъ украинская, вызываютъ въ насъ смѣшанныя чувства сожалѣнія и радости,—сожалѣнія по поводу того, что такое прекрасное произведеніе, имѣющее не только мѣстный, окраинный, но и общій интересъ по глубинѣ и важности затрагиваемыхъ имъ вопросовъ, оставалось такъ долго неизвѣстнымъ нашей читающей публикѣ, и радости по поводу выхода, хотя и поздняго, этой повѣсти. Чтобы рельефнѣе отмѣтить достоинства ея, необходимо помнить, что Свидницкій выступилъ на литературное поприще въ то время, когда въ великорусской литературѣ утвердилось направленіе, созданное Пушкинымъ и Гоголемъ, а въ украинской—Шевченкомъ, направленіе глубоко реальное, жизненное, открывавшее возможность всесторонняго, правдиваго изображенія жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Но въ то время, какъ въ великорусской литературѣ по новому пути, открытому двумя названными нами колумбами литературы, пошли цѣлые десятки болѣе или менѣе крупныхъ дарованій, въ литературѣ украинской, которая еще до сего дня вынуждена отстаивать права на признаніе, отваживались идти только одиночки, посвящая при томъ ей не всѣ свои силы, не дѣлая ее призваніемъ своей жизни и дѣятельности, а только диллетантствуя въ ней. Естественно, что при такомъ положеніи литературы и отношеніи къ ней какъ общества, такъ и самыхъ авторовъ, не могло быть и рѣчи о безповоротномъ утвержденіи новаго направленія въ молодой литературѣ и о господствѣ того, что называется «литера-

турной школой». Вотъ почему мы и наблюдаемъ въ исторіи развитія украинской литературы факты, если так можно выразиться, атавизма, воскрешенія повидимому отошедшихъ уже въ область исторіи и сданныхъ въ архивъ литературныхъ теченій то романтизма, то сентиментализма въ произведеніяхъ даже такихъ крупныхъ дарованій, какъ Квитка, Кулишъ и Марко Вовчокъ. Свидницкій, выступившій на литературное поприще въ очень молодыхъ, еще студенческихъ годахъ, твердой ногой становится сразу на почву строго реальную. Авторъ повѣсти, несмотря на свои молодые годы, несмотря на то, что эта хроника является едва-ли не первымъ его опытомъ въ беллетристикѣ, сумѣлъ, кромѣ того, поставить факты пережитой и наблюдаемой имъ дѣйствительности на широкую соціально-бытовую почву, поставить эти факты въ связь съ общими условіями жизни и быта, уяснить ихъ съ точки зрѣнія этихъ общихъ началъ въ прекрасной, художественной формѣ. Это обстоятельство служитъ самымъ вѣскимъ доказательствомъ наличности крупнаго литературнаго таланта въ безвременно погибшемъ Свидницкомъ, такъ какъ оставаться все время на высотѣ художественнаго творчества, открывая предъ взоромъ читателя картину за картиной изъ пережитой и выстраданной самимъ авторомъ дѣйствительности, не сбиться съ тона и не сойти на скользкую почву публицистики въ изображеніи явленій и фактовъ, являющихся наболѣвшимъ мѣстомъ, легкое прикосновеніе къ которому отзывается мучительной, острой болью въ изстрадавшемся сердцѣ,—безъ сомнѣнія способенъ только крупный художникъ, обладающій чувствомъ художественнаго чутья и мѣры. Таковымъ, дѣйствительно, и является Свидницкій передъ глазами, не ошибемся, если скажемъ, даже самаго взыскательнаго читателя, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что сложись его жизнь счастливѣе, поставь она его въ условія, благопріятствовавшія развитію его крупнаго дарованія, не прервись, наконецъ, она въ то самое время, когда талантъ достигаетъ своего расцвѣта, украинская литература обогатилась бы не

однимъ произведеніемъ, подобнымъ хроникѣ. Но, къ сожалѣнію, Свидницкому, какъ и многимъ другимъ даровитымъ украинскимъ писателямъ (Стороженко, Номисъ, Манжура), суждено было быть жертвой того тяжелаго безвременья, которое длится и до нашихъ дней, отнимая одну за другой наши литературныя силы.

Ф. Матушевскій.

СЫЛА И КРАСА.

I.

Тыхо-тыхо въ Сонгороди. Тыхо въ ёму, якъ и дощыкъ сиче день и ничъ, якъ и снигъ трищыть пидъ ногою, тыхо й тоди, якъ соловейко залывается писнею-коханнямъ по садахъ, по гаяхъ, по зеленыхъ дибровахъ. А надто тыхо въ литній, робочый день. Тыхо на улыцяхъ зъ плетеными тынамы, тыхо на головній вулыци зъ неодминною полицыею, управою и будынкомъ про арештантивъ, тыхо коло крамныць на базари,—скризь тыхо. Выйдешъ на головну вулыцю, що гинъ на трое тягнется зъ одного кинця миста до другого, подывышся праворучъ—тыхо, пусто и никого нема; глянешъ ливоручъ—тынъ, дереза и никого нема; куды не глянешъ—тыхо, пусто, тилькы витеръ тыхенько шелестыть та грается лыстямъ. Де-колы пройде закутаный въ сирый балахонъ урядныкъ зъ лошямъ позаду, зжене горобцивъ, що купалыся въ мьякому, гарячому пороси на шляху, проплентается жыдъ на биди, пробижыть якый-небудь Сирко зъ репъяхамы въ хвости, скакаючы на трёхъ ногахъ и ховаючы голову по затинкахъ, вытkне голову зъ рову свыня, важко зитхне, хрюкне и зновъ заховается; и знову все стыхне, знову засне, тилькы налякани горобци позлитають зъ тынивъ на горячый порохъ та витрець тыхенько шепочется зъ лыстямы.

Край миста на гори, на самому выгони, стоить маленька, старенька хатынка. Биля неи на подвирьи все пошарпане, поруйноване,—клуня обидрана, хливець безъ покривли похылывся, тынъ ледве держытся и сама вона тежъ похылылась, покрывылась, облупылась и якось сумно дывытся маленькымы виконцямы на городъ. Спытайте кого хочете въ Сонгороди, чыя то хата, и кожный вамъ скаже, що то—хата Илька Чубатого, хочъ и молодого, але першого злодія на цилый Сонгородъ,—злодія, котрого самъ батько одцурався, а добри люде десятою вулыцею обмынають, зъ котрымъ мають дило тилькы ёго прыятели, таки жъ якъ и винъ злодіи: Андрій Голубъ, Марко Чумарченко, дочка Марка, Мотря, де-килькы голодрабцивъ и весь той людъ, що не мае въ души Бога й не боится ни тучи, ни грому. Кожный вамъ скаже, що Илько вже сыдивъ въ губерніи въ тюрми, що мало, якъ два разы на тыждень сыдыть винъ на этапи, що сходъ збирается ёго выслаты «на поселення», та Илько на се не вважае: у ночи грабуе—палыть, а въ день або спыть, або гуляе.

Сонце стоить на пивдни. Тыхо на вулыци. Далеко видніется циле мисто таке невелычке, що скорище бъ можна назвать ёго велыкымъ селомъ. Широко розляглося воно соломьяными покривлямы, зеленымы садкамы, далекымы лугамы. Тилькы по середыни вьется стежка зъ зализныхъ покрывль—то крамныци та казенни будынкы.

Схылывся Илько на тынъ и замеръ,—ни думокъ, ни бажань, навить дыхання не почувавъ винъ въ соби, тилькы чувъ, якъ сонце грило-пекло въ спыну, якъ розлывало якись линощи по тили и байдужисть до всёго. Байдуже дывывся винъ, якъ пиднявся выхоръ, закрутывъ соломою, розигнавъ горобцивъ, попхнувъ до тыну якусь курку, що розипьяла хвоста, мовъ віяло; байдуже слухавъ, якъ хтось десь за горóдомъ гукавъ: «Явдó-о-о-хо!.. Явдохó-о-ó!!...» Тилькы якъ сонце сховалось за хмару й на вулыци потемнишало, подвився, зитхнувъ и пишовъ до хаты. Пройшла жъ хмара, выглянуло сонце—Илько розлигся на широкій прызьби и зновъ почувъ ёго на соби, зновъ почувъ линощи й байдужисть.

— Драстуй, Ильку!—вмыть почувъ винъ коло себе. Илько здригнувсь, росплющывъ очи й пидвився.

— Тю! злякала,—промовывъ винъ, зновъ лягаючы й закыдаючы рукы за голову.—Мотря.... думавъ, хто такый... Драстуй!

— Не пизнавъ?—пидхопыла Мотря, якось нервово й швыдко зрываючы зъ головы хустку и прыглажуючы тремтячою рукою чорне, якъ сажа, волосся, що высмыкувалось на вси бокы.—Давно бачылысь! якъ въ гороси, такъ и доси!

— Ажъ здригнувся—позихаючы, промовывъ Илько.

— Такъ злякала? Ха-ха-ха! Хиба й злодіи уміють лякаться? Отъ-то!

Илько здывовано подывывся на неи.

— Чого дывышся? Не пизнавъ, може, ще й доси? Я—Мотря! Мотря, Мотря! Твоя полюбовныця... ха-ха-ха! Чудно, правда?... Ну й душно!... Та чого дывышся? Не бачивъ? Може поцилуешъ? Ха-ха-ха! А Андрій за це мене ще буде быть.. Винъ мене тилькы що зновъ бывъ.. Дывы, о... сынякъ вже набигъ... А ты поцилуй! Ты жъ тежъ полюбовныкъ, ха-ха-ха! Одынъ бье, а другый цилуе. Ось винъ заразъ прыйде сюды, а я на злисть ёму прыбигла до тебе... Ты, може, думаешъ, що я тебе́ люблю? Пхи! Я ёго люблю, а тебе ни!..

— Слухай,—пидвившись, поважно промовывъ Илько,—ты, ій-Богу, здурила.

— Ха-ха-ха-ха!!

— Може выпыла?

— А вже-жъ выпыла! а то жъ якъ! Полюбовныкы пьють, а полюбовныци то й не можна?! Ха-ха-ха! Дурный ты!.. Ну, й душно! Чы й тоби душно?... Та! я й забула, що ты, якъ кавунъ, на сонци...

Мотря махнула на себе хусткою, сила на прызьби и задумалась. Илько, пыльно слидкуючы за нею, проты воли задывывся на красу іи, що теперъ ще якось выразнище выявлялась на сирому тли стины,—на ту красу, що не бье въ вичи, що на первый поглядъ ледве прымитна, а тилькы въ неи вдывывшыся, можна впыться й очамы, й серцемъ, всею истотою. То була краса,

що выкохуется тилькы на Украини, але не така, якъ малюють де-якы зъ нашыхъ пысьменныкивъ. Не було у неи ни «губокъ, якъ пупьянокъ, червоныхъ, якъ добре намысто», ни «пидбориддя, якъ горишокъ», ни «щокъ, якъ повная рожа», и сама вона не «вылыскувалась, якъ макивка на городи». Чорна, безъ блыску, товста коса; невысокый, трохы выпнутый лобъ; нисъ тонкый, ривный, зъ жывымы пиздрямы; свижи, наче дытячи губы, що якось мыло загыналысь на кинцяхъ; легка смага на матовыхъ, наче марморовыхъ щокахъ и велыки, надзвычайно велыки, зъ довгымы віямы, темно-сири очи, зъ котрыхъ, здавалось, дывлячысь, наче лывся якыйсь тыхый, мнякый, ласкавый свитъ,—то була й уся краса ціеи дивчыны.

— Та-а-къ...—протягнувъ Илько, не зводячы зъ неи очей и прыслухаючысь, якъ у грудяхъ у ёго щось то захолоне, то зомліе зъ одного погляду въ іи очи, въ той глыбокый, чаруючый поглядъ.

— Га?—мовъ прокынулась Мотря.—Шо ты кажешъ?

— Ничого... Чого ты така? Та й гарна жъ, ій-Богу!—перебывъ себе Илько.

— Хиба гарна?—пидхопыла Мотря.—Дуже? Га? Ты бъ, правда, не вдарывъ-бы, пожаливъ? Ха-ха-ха! Та куды тоби! Ще бъ я тебе набыла, якъ бы схотила. Ты тилькы жыдивъ и вміешъ быть. А здоровый!...

— А ну, дай, зацидю,—побачышъ, чы вмію!

— Ну-да «дай»! А крыкны на тебе—то й сховаешъ хвоста... Хиба ты посміешъ? Отъ Андрій... дывы... о!. о!.. ось!—розстибнувшы кохточку, не соромлячысь, наче поспишаючы куды, показала вона чотыри круглыхъ сынякы.—Це такъ ухопывъ рукою!

— Ого!—засміявся Илько,—а ну, пидожды..., та стій, я подывлюсь.

— Эть! одчепысь!—одипхнула вона ёго руку й закрылась.

— Та за вищо жъ то?—роблено позихнувъ Илько,—може й ёму руку одпыхала? За це стоить!

— Стóить?—пиднялась Мотря и трохы одкынулась высокымъ тонкымъ станомъ назадъ,—стоить, говорышъ?

— Та чого жъ? абы й видъ мене була у тебе дытына, то й я бывъ бы, якъ бы одпыхала. Не задавайся!

— Не задавайся?—дывлячысь пыльно на ёго, перепытала Мотря.

— А то жъ! Звязалась и мовчы!

— Мовчы?

— А мовчы, бо й не те ще буде!

— Буде?

— Тю! та ты здурила!.. Та чого такъ дывышся на мене? Не бачыла?

Мотря всмихнулась, накынула хустку на голову и, роздывляючысь на Илька, промовыла:

— Бачыла.. пхи! такого добра!... Дывлюсь на тебе, що ты такый дурный и... гарный. Ха-ха-ха!

— А хиба поганый? Гыдче й за Андрія бъ то?

— За Андрія? О, ни, ни!.. Э якъ бы Андрій такый, якъ ты! Якъ бы Андріеви ци кучери, ци бровы, очи, однымъ словомъ, якъ бы винъ бувъ твоеи красы! А все такы люблю Андрія. Не вирышъ?.. усмихаешся?

— Ни, чого жъ, на здоровья...

— А ну васъ къ чорту! Ты, краще, знаешъ що?—зразу зминыла вона тонъ,—заховай мене де-небудь. Їй Богу! А то винъ заразъ прыйде сюды и побачыть... Заховай, Ильку!..

— Та хай бачыть, хиба це первына, чы що, що ты у мене?—знехотя пидвився Илько.—Куды жъ тебе заховать?—повивъ винъ очыма навкругы,—нема де... Хиба въ хати?

— Ни, въ хати побачыть... Та й правда: хиба первына? Не треба!—махнула рукою Мотря и, щось надумавшы, побигла до воритъ.—Ще нема!—вернувшысь, промовыла вона,—а буде, заразъ буде! О, то-сатана! хытра тварюка!... А щó винъ тоби говорыть про мене?

— Ничого не говорыть.

— Якъ «ничого»! Щось же та говорыть?

— Ничого. Мовчыть усе.

— О! потаенный, чортъ! Куды тоби!! Плохый ты проты ёго... Винъ заразъ прыйде. Все одно дознався бъ, що я тутъ. Ну, та не хай бачыть! Дытыну вбье? Хай убывае... Клопитъ!.. Меньче морокы!...

— Та за вищо жъ винъ сёгодчя бывъ тебе?—позихнувъ Илько, зновъ сидаючы на прызьби.

— За що?—перепытала Мотря, пыльно дывлячысь на ёго.— Сказать?.. За те, що була у тебе вчора, за те, що задывляюсь на тебе, за те, що цилую и ёго, и тебе! За те, що одъ ёго бижу до тебе!

Илько всмихнувся.

— Правда, гыдка я? Якъ сама послидня?.. Отъ-то! Нехай!..

— Та чого винъ зъ тобою не одружытся?—поважно промовывъ Илько.

— Бо я не хочу!

— И до мене бъ тоди не ходыла бъ, и не бывъ бы. Чы ходыла бъ? Га?

— Ну, то вже дулю зйивъ бы!—гордо блыснула очыма Мотря.—То вже чорта пухлого!

— Хиба?.. Хм..., а мени здается, що ходыла бъ.

— Ну, то побачылы-бъ!—кынула вона.

— А якъ бы Андрія піймалы й засадылы въ тюрму?

— То до тебе, думаешъ, побигла-бъ?... А хиба не бигаю? Ха—ха—ха! Слухай, ты заховай мене, ій-Богу,—винъ убье мене... Заховай, голубе, заховай! Винъ заразъ прыйде...—и, оглядаючысь навкругы, Мотря нервово потягнула Илька за руку зъ прызьбы.

— Та не вбье, одчепысь!... Заступлюсь.

— Хто? ты?—пустывшы ёго руку, зареготала Мотря:—проты Андрія? Ой, Господы!

— То бъ то не подужаю?—всмихаючысь, потягся Илько и, выривнявшы могутный, ривный, высокый станъ, глянувъ на себе зъ горы.—Не подужаю? Я?

— Та... подужаешъ, та що зъ того? Винъ тебе однымы словамы... Та ни! ты й рукы не смитымешъ пиднять на ёго. Винъ тилькы подывытся на тебе, то ты й прысядешъ.

— Я?—знову задоволено всмихаючысь, повивъ Илько очыма видъ чобитъ до грудей. - Я прысяду? Хиба буду нижче видъ ёго? А подывысь!

Илько провивъ рукою по темныхъ, шовковыхъ вусахъ, пиднявъ ґарну свою голову, трохы прыщурывъ чорни, оксамытни очи, выставывъ впередъ высоки, дужи груды и всмихнувся. Мотря знехотя подывылась, заразъ же одвернулась и буркнула:

— Та тилькы й того, що гарный та здоровый!

— А мало хиба?

— Та...—и не договорыла.

— А мало хиба? Га?—нахыляючысь до неи и, стыха обнимаючы, прошопотивъ Илько.

— Одчепысь, побачять...—безсыло одпыхаючы, задывляючысь въ темни, глыбоки очи ёго, ледве вымовыла вона.

— Правда жъ, доволи? правда, не мало?—прыгортаючы и и щыльнище прытуляючысь, ледве чутно говорывъ винъ.

— Доволи?—скынула вона очыма на ёго—доволи? Ой, ни, ни!..

— А що жъ тоби?

— Що?... що?... А хто ёго зна... Ой, не тулы такъ—побачять.

— Якый чортъ! теперъ и собакы на улыци нема. А то ходимъ у хату... Га?

— Ни, ни, не треба. Такъ краще... Ты теперъ такый хорошый... Стій, я подывлюсь... Знаешъ, якъ я дывлюсь на тебе, мени якось робытся... якось.., ну, якъ бы тоби сказать... весело. Прямо якось весело, якъ я дывлюсь на тебе!...

Илько мовчавъ и почувавъ, якъ молоде, гнучке іи тило тремтило пидъ ёго рукою, що лежала на стани, якъ тепло цёго тила переходыло на ёго; якъ зъ кожнымъ обіймомъ, зъ кожнымъ поглядомъ въ іи очи, що любовалы зъ ёго, серце ёго все бильшъ замирало и стукало до болю въ грудяхъ...

— Пидожды я тоби розправлю вуса... стій... отъ такъ... Ой, не тулы такъ,—и такъ душно. Ну тебе, я разъ-у-разъ тилькы роспаскужуюсь коло тебе... Нема того, щобъ тыхо та любо по-

сыдить... Онъ якый вже! Пусты! Хочъ и гарный, а пусты... Чуешъ?... Ну, щожъ мовчышъ? Пусты!

И важко дыхаючы, розчервонившысь, схопылась вона и стала коло Илька, котрый похмурывся и дывывсь кудысь на улыцю. «Чортова дивка,—подумалось ёму,—покы не дывышся на неи—лыпне: самъ почнешъ лыпнуть—одлыпа».

— Та й чудни вы бабы!—усмихаючысь, вымовывъ винъ.

— Чого такъ?—трохы здывувавшысь, спытала Мотря.

— Та того: покы зъ вамы, якъ зъ собакою, поты й хороши, ставъ за панибрата—собакою зробышся...

— Хм... А ты женысь, то разъ-у-разъ хороши будуть,—тыхо кынула Мотря и вдумлыво подывылась на ёго.

Илько нічого не видповивъ, тилькы подывывся на неи й одвернувся.

— А справди, слухай, одружывся-бъ ты зо мною?—якось жваво запытала вона и заразъ же, поспишаючысь додала:—тилькы не думай, що я справди хочу,—я тилькы пытаю.

— Про всякый, значытся случай?—усмихнувся Илько.

— Та то... вже...

— Чы оженывся-бъ я зъ тобою?—протягнувъ винъ и, пыльно удумавшысь, подывывся на неи. И за сымъ поглядомъ, видъ думкы самои про шлюбъ зъ нею, винъ почувъ, якъ чогось очи іи зробылысь не такымы вже гарнымы, якъ груды, коса, станъ, губы, нисъ сталы зразу такымы знаёмымы, самымы звычайнымы, якъ весь вплывъ красы іи кудысь зныкъ и замисць ёго стала якась ніяковисть и навить нудьга.

— Хто ёго зна...—ніяково всмихнувся винъ и, удаючы зъ себе веселого, додавъ:—А хто жъ тоди злодійствувать буде? Вже жъ треба тоди покынуть гульню?

— Такъ не оженывся-бъ?

— Та на вищо тоби знать?

— Ну, я хочу!... Не оженывся-бъ? Ну, говоры!

— Комедія! Ну..., не оженывся-бъ... Та на вищо тоби выходыть замижъ? Хиба такъ погано?

— Я такъ, хотила тилькы довидатысь,—сухо кынула Мотря и задумалась. Илько помовчавъ и тыхо лигъ на прызьби.

— Тилькы ты не думай, що я набываюсь, або що!—стрепенувшысь засміялась Мотря.—Може, не выйшла-бъ за тебе, якъ бы ты й хотивъ.—Я такъ тилькы... Стій, стій,—перебыла вона себе и стала прыслухатысь. Улыцею, выдко, наблыжався хтось, спиваючы.

— Ій-Богу, Андрій!—зблидла Мотря и нервово усмихнулась.—О! хытрый чортъ! наче винъ такъ соби... Ну, и я заспиваю... Нехай! Пхи!...

«Ой, не ходы, козаче, до мене,
Буде слава на тебе й на мене»...

взяла вона мнякымъ, груднымъ сопрано, и сумни згукы чуло рознеслысь по кутку и обизвалысь мижъ высокымы вербамы горóдивъ. Чоловичый голосъ заразъ же змовкъ и черезъ де-килька хвылынъ коло воритъ показався середнёго зросту парубокъ рокивъ трыдцяты, въ клитчатыхъ вузькыхъ, на выпускъ, штаняхъ, въ такимъ же самимъ пиджаку, въ картузи, яки носять ляшкы-прыкащыкы по экономыяхъ, и въ черевыкахъ на такыхъ рыпахъ, що ихъ було чуть ще тоди, якъ самого хазяина ихъ ще й въ вичи не выдаты.

— Я-жъ казала, що Андрій!—прошепотила Мотря и, наче не прымичаючы ёго, весело й швыдко заговорыла до Илька, котрый пидвився й закрываючы очи видъ сонця, ласкаво й прывитно всмихавсь до Андрія. А Андрій, знявшы картуза, вытыравъ червоненькою хусткою билый-билый, высокый лобъ, обведеный сызою смугою видъ картуза, веснянкувате, зъ шырокымы вылыцямы, лыце зъ червонымы плямамы тамъ, де у инчихъ бувае смага; протыравъ видъ пороху маленьки, сиреньки, зъ билымы віямы, очи, яки бувають у молодыхъ, билыхъ поросятъ; протыравъ руди, коротки, кудлати вуса,—и роблячы се все повагомъ, не поспишаючы, й соби весело-прывитно посмихався й наблыжавсь до ныхъ.

— А! и Андрій сюды!—наче тилькы що побачывшы ёго, повернулась Мотря и весело заговорыла до ёго:—А я оце йшла до титкы, та й зайшла, знаешъ, сюды...

— Драстуй, Ильку,—перебывъ іи Андрій—гріешся все на сонечку? Ахъ, ты жъ, лодарю! А въ вечери...

И не договорывъ: поривнявшысь зъ Мотрею, вмыть зупынывся, блыснувъ очима, замахнувся кулакомъ, и Мотря, скрыкнувшы, захыталась, закрылась рукамы и звалылась, якъ снипъ. Якъ дыкый звиръ накынувся винъ на неи и почавъ топтать іи ногамы, быть передкамы черевыкивъ у бокы, въ спыну, въ жывитъ, шарпаючы за косы, зъ пиною на губахъ, зъ якымсь хрыплымъ ревомъ прымовляючы:

— А—а—а—э—э!... Сміешся! А! сміешся ще! Э—э! Тикать?... Отъ!... отъ!... Э!

А Мотря, закрывшы щыльно рукамы лыце, зигнувшысь якось на бикъ, тилькы здригувалась, посовувалась пидъ ударамы и не плакала, не крычала, навить не застогнала й разу.

— Та що ты, Андрію! Тю! Та годи, здуривъ!—схаменувся сторопилый Илько.—Убьешъ же! Годи!—и потягнувъ за руку.

— Ильку!! не въ свое дило не мишайсь!—прохрыпивъ Андрій, зупынывшысь и повернувшысь до Илька.—Заступныкивъ не треба!

Розпатлана, зъ збытою на бикъ хусткою, зъ сынимы губамы, зъ темно-червоною плямою на ливій щоци, зъ пыломъ и смиттямъ, що попалыпалы на другій, розхристана, важко дыхаючы, пиднялась Мотря и впылася очыма въ Илька.

— Та убьешъ!... Хыба жъ можна такъ?—одступывъ трохы Илько.

— Не твое дило!!

— Та про мене!—здвыгнувъ Илько плечыма, нахыляючы голову на бикъ и махнувшы рукою.—Вбьешъ, самъ одвичать будешъ...

— Ха—ха—ха—ха! Заступывсь, заступывсь!—зареготала Мотря и, схопывшысь, пидбигла до Илька.—Такъ ось же тоби, тьфу! тьфу! тьфу у саму твою гарну морду! Тьфу на тебе! «Я

заступлюсь!» каже. Ха—ха—ха! Ты?! Проты ёго?! У, паршывый, никчемный! Тьфу! Ось тоби, о, на́!

— Ну, ты...—одхыляючысь одъ іи дуль, муркнувъ Илько,—бо якъ дамъ...

— Ха—ха—ха! Ты? дасы? А ну, спробуй, а ну, а нужъ, ну! Чого ты? На́ ще, на́! Бый же! Тьфу на тебе! Тьфу у сами твои гарни очи!... У, паршывый!.. А ты, сатано руда, не посмихайсь, не задавайсь! Ты думаешъ, я не знаю твоихъ думокъ? Знаю, знаю! Тилькы ты не задавайся. Я ёму плюю въ морду и пиду до ёго и буду ходыть, на зло тоби буду ходыть, бо винъ—гарный, а ты—рудый! И ось вамъ обомъ прокляти, ось!—и тыкнувшы зъ ненавыстю дви дули, блыснула очыма, насунула хустку й швыдко пишла зъ двору.

— Скажена баба, ій-Богу!—ніяково всмихаючысь, промовывъ Илько, сидаючы на прызьбу. Андрій мовчкы всмихнувся, пиднявъ зъ земли соломынку и сивъ рядомъ. Навкругы писля галасу зробылось наче ще тыхище, тилькы десь далеко-далеко гавкалы собакы та витеръ злегка шелестивъ соломою.

— Пидешъ завтра на ярмарокъ?—помовчавшы трохы, спытавъ Илько.

— Небезпреминно. А ты?—пидвивъ голову Андрій.

— Та хто ёго зна...

— Гайда вдвохъ!

— Чого?

— Поможешъ мени.

— Та у тебе жъ Остапъ йе.

— Та ну ёго къ бису—самого Остапа: винъ або спыть, або пье... Та й чортъ ёго зна, де ёго шукать. Гайда ты... Га?

— Та хто ёго зна.., ій Богу..,—замнявся Илько.

— «Та хто ёго зна»! А що жъ ты завтра робытымешъ? Колы жъ и заробыть, якъ не завтра? Та й «робота» жъ яка: пидійшовъ до того, кого покажу, роспытавсь, назвавсь родычемъ и пишовъ зъ нымъ въ пывну... Хе—хе—хе! Робота! А въ кышени вже и йе десятка... Га? А ще розумный хлопець!

— Та я розумію; чого-жъ?—образывшысь трохы, промовывъ Илько,—що-жъ тутъ не розумить? Звисно, можна заробыть. Але... не люблю я ходы—ы—ыть, та говоры—ы—ыть, та пиддурювать. По моёму: побачывъ, взявъ та й герехть!... Або якъ що—въ морду, въ ухо...

— А потимъ побачылы, взялы—и въ тюрму. Такъ?

— Ну!...

— Отъ тó то-жъ бо й йе, що «ну»! А тутъ, братъ, прыйшовъ, побалакавъ, зробывся родычемъ и йды въ пывну и не одвичаешъ!

— Та воно такъ,—згодывся Илько,—колы-жъ... Ну, а якъ винъ не повирыть и не захоче одійты одъ воза?

— Ну, якъ такы не повирыть? Повирыть! Мурло дурне, зрадіе...

— Ну-да, зрадіе... А якъ його зъ имъ балакать?

— Прямо говоры, що знавъ його батька, брата, чы що... Прыплеты сюды свого дида, бабу...

— Та хто його зна... Ни, ій-Богу, Андрію, я не можу. Що друге, знаешъ, я можу... Хыба жъ я колы одказувавъ? Чы пидпалыть жыда—палывъ; чы розбыть кого—бывъ.—А це, прыставляться... Не можу!

— Скажы, що не хочешъ,—усмихнувся Андрій.

— Ну, отъ ще!

Змовклы.

— Чого-то вчора до тебе батько твій прыходывъ?—трохы згодомъ промовывъ Андрій.

— Та звисно чого!—засміявся Илько,—умовляты, щобъ я кынувъ гулять та за роботу взявся.

— Ну?

— Ну, а я йому сказавъ, що тоди буду робыть, якъ буде робыть Клейтухъ, Тартаковськый и уси багачи.

— А винъ?

— «Такъ воны, каже, не грабують». И я, кажу, не грабую. «Брешешъ, каже, ты, каже, тымъ и жывешъ!» Ба ни, кажу, якъ

на те пишло, то воны саме й грабують, бо деруть и зъ слабого, и зъ бидного: а я зъ бидного не деру...

— Бо чортма чого драть!—хытро пидморгнувшы, усмихнувся Андрій.

— Ну-да!—зареготався Илько—на чортá мороку зачипать зъ бидным, якъ на багатому можна пойихать?...

— Хоча бидного все-таки жаль...

— Та ну-да жаль!—пидхопывъ Илько и подывывся пыльно на Андрія,—звисно, бидный що? заразъ заплаче..

— Ну, а батько жъ що?

— Та що? «За це, каже, на тимъ свити зъ тебе будуть шкуру драть.» Эге! кажу, до того свиту далеко, а якъ други тутъ деруть, то чого жъ я не можу зъ ныхъ подрать?

— А винъ що?

— Плюнувъ та й пишовъ до-дому.

— Ну-да,—почавъ Андрій—то все, бачышъ, такъ. Колы жъ одне... Багачи, бачъ, якъ деруть, то хочъ не бьють. А ты ще й бьешъ.

— Ну, що тамъ! ударю разъ, два...

— Ого! добре разъ, два—засміявся Андрій,—а якъ тому ковбасныкови щелепы звернувъ?

— А чого лизъ?—зареготався Илько—я ёму...

— Бачъ, якъ-бы ты робывъ такъ якъ я,—перебывъ Андрій,—не бывъ, не заводывся, а тыхо та любо, то й було-бъ, що й ты не грабуешъ...

— Ну-да,—муркнувъ Илько.

— А то ты и змалечку усе бьешся. И тоби достается. Памьятаешъ, якъ разъ тебе трохы не вбылы на базари? Якъ-бы не я, то й убылы-бъ мабуть.

— То коло Хаимовського?

— Эге-жъ.

— Ну, такъ ихъ же було зъ трыдцятеро, а я самъ.

— Та то все одно, а вбылы-бъ.

— А вбылы-бъ, гаспиды!—зареготавсь Илько,—якъ-бы не пидскочывъ ты, убылы-бъ!

— А якъ хлопцямы ще булы,—пидхопывъ Андрій—то разъ-у-разъ же я тебе вызволявъ, бо то зъ тымъ, то зъ другымъ заведешся...

— Та и въ школи...

— А якъ на ставку? Жыденята? Та и въ школи... А якъ зъ школы зъ тобою тикалы, памьятаешъ? Ты, бувало, ховавъ кныжкы биля Рывкы у бурьянъ. А, знаешъ, тоди якось веселище було!—ожывывся Илько.—Бувало, памьятаешъ, цилый день на рычци... товарыши...

— Хм!...—гирко усмихнувся Андрій,—то правда, що тоди тилькы й товарыши, якъ самому бида... А теперъ якъ допомогты тому самому товарышови, то й нема... Эхъ!...

— Та чудный ты, ій - Богу, Андрію!—вынувато глянувъ Илько,—хыба жъ я не хочу?

— Та ну-да не хочешъ! Тутъ же нічого важкого нема.

— То тилькы, говорышъ, пидговорыты у пывну?

— Бильше ничого! Тамъ вже я самъ зъ Грышкою.

— Та я пиду... А десятка-жъ буде?

— Якъ удачна робота буде, то й дви дамъ!

— Ну?!

— Ій-Богу! Такъ обищаешъ?

— Обищаю.

— Ій-Богу?

— Ій-Богу.

— Ну, гляды-жъ!—вставъ Андрій.

— О! Куды-жъ ты? Посыдь ще, побалакаемъ. Усе згадалось... Вставъ и Илько, кысло вытягнувшы лыце.

— Ни, николы... Треба ще... Такъ не обманешъ?

— Та вже сказавъ... Та посыдь, поговорылы-бъ...

— Ну, гляды! Прощай!

«А все-такы до Остапа треба зайты, прыготовыть про всякый случай»,—выходячы зъ двору,—подумавъ Андрій и тыхо пишовъ улыцею, що спускалась у яръ, потимъ ишла на другу гору и пропадала мижъ хатамы.

На самому дни яру, биля крыныци зъ велыкымъ журавлемъ, обсажена навкругы садкомъ, стояла хата Марка Чумарченка, батька Мотрыного, удовця-звощыка, гиркого пьяныци, прыятеля Ильковоrо и Андріёвого. Порівнявшысь зъ хатою, Андрій спынывся и глянувъ черезъ тынъ. На прызьби сыдила Мотря, склавшы рукы й дывлячысь замыслено кудысь у бикъ. Андрій постоявъ трохы, подумавъ, крыво-ніяково всмихнувся и ставъ перелазыть черезъ тынъ. Почувшы шарудиння, Мотря повернула голову, пошукала очыма и, забачывшы Андрія, похмурылась и одвернулась.

— Болыть и доси?—тыхо спытавъ Андрій, сидаючы биля неи и беручы за ликоть. Мотря, не повертаючы головы, шарпнула руку и знову склала на колина.

— Дуже болыть?—ще тыхше спытавъ Андрій. И въ тыхому сёму пытанни, наче въ розбытому голоси було стилькы теплои ласкы, стилькы благання й жалю вынуватого, що у Мотри наче морозъ пройшовъ по тилу, а серце здавылось страшнымъ до мукы жалемъ до Андрія, до себе, до своеи щокы, що й доси ще палала, до побытыхъ рукъ, нигъ, до всёго свого понивеченого жыття. И Андрій почувъ, якъ та рука, що перше пручалась, задрижала въ ёго руци, побачывъ, якъ велыки іи очи налылысь слизьмы, якъ губы якось по-дытячому скрывылысь и затремтило пидборидця. Андрій похоловъ, замеръ. Си очи, що налылыся слизьмы, си горди губы, що скрывылысь по-дытячому, се урывчасте хлыпання, се тремтиння тила, се тяжке рыдання Мотри,— тои Мотри, що тилькы злистно-весело сміялась разъ-у-разъ на вси ёго бійки та гордо всмихалася на вси ёго скажени речи, у котрои винъ николы не бачывъ и не думавъ побачыть сыхъ слизъ, сыхъ скрывленыхъ губъ,—се все було такъ несподивано, такъ дывно, такъ невымовно чудно, пронызало ёго такымъ гострымъ болемъ жалощивъ, що спершу винъ ничого не мигъ вымовыть, тилькы якось пиднявшы бровы, зблиднвшы, ніяково скрывывшы губы въ усмишку, сылкувався пиднять іи голову, одтулыть одъ лыця іи рукы, заспокоить, потишыть. И вже якъ рыдання сталы зтыхать, а рукы пересталы давыть ёго шыю, винъ змигъ пробурмотать:

— Отъ!... хм! Ты дывы... Отъ нещастя... Ну, буде, ну годи... Оть-то! Та Богъ зъ тобою... Отъ-то! Ну, годи-жъ... Отъ-то... Ты дывы...

И тилькы, якъ Мотря мижъ хлыпаннямъ вымовыла: «Тилькы... не кыдай... мене»..., заговорывъ розумно, и зъ такымъ запаломъ невымовнои любовы, зъ такою сылою чуття, що Мотря заразъ же стыхла, пидняла голову и очамы, на якыхъ блыщалы ще слёзы, радистно, зъ любовою дывылась на ёго. Андрій змовкъ. Мотря нахылыла голову й задумалась.

На улыци по малу прокыдалось жыття: заревла череда, замекалы вивци, заляскалы батогамы пастухы, заторохкотилы потроху возы, заскрыпивъ журавель биля крыныци, задымылысь дымари, почулыся писни.

— Андрію!—тыхо промовыла Мотря, не пиднимаючы головы. Андрій одвивъ свій поглядъ одъ червоныхъ останнихъ проминнивъ сонця й мовчкы повернувъ до неи голову.

— Засылай сторостивъ—ще тыхище додала Мотря и ще ныжче нахылыла голову.

— Якъ! що?—не ймучы своимъ ушамъ виры скрыкнувъ Андрій.—Ты кажешъ, щобъ я засылавъ до тебе старостивъ? А ты жъ... Та брешешъ!

— Ій-Богу. Годи вже..., не можу...

Андрій одхылывся трохы, пиднявъ іи голову и пыльно подывывся ій у вичи.

— Ни, здается, не брешe... Правда?

— Правда, Андрію!—усмихнулась Мотря,—ій-Богу, правда. Оця бійка, сварка..., дытына... Годи вже... засылай старостивъ...

— Й Илька кынешъ?—Здержуючысь и трохы тыхище запытавъ винъ. Мотря крыво всмихнулась и, нахылывшысь, мовчкы хытнула головою.

— Зовсимъ? Не пидешъ николы?

Мотря легше хытнула.

— Николы не поцилуешъ, николы не дасы ёму й рукы до тебе простягнуть? Николы?

Мотря тилькы мовчала.

— Илька?.. Подумай: ты и торикъ це жъ саме говорыла и на другый же день побигла... Подумай, удумайся... Я жъ и теперъ скажу: не быть буду, а убью, якъ побижышъ жинкою!

— Знаешъ що, Андрію,—ніяково всмихаючысь, не дывлячысь на ёго, пидняла голову Мотря,—я... ще... подумаю. Я скажу вже потимъ... Ну, въ четверъ скажу...

— Ага!—зъ злистю муркнувъ Андрій,—я такъ и знавъ. Ухъ, ты, хвойда проклята!— зъ зневагою, зъ ненавыстю кынувъ винъ и, одпыхнувшы іи руку, що лежала на колини у ёго насунувъ картуза и вставъ.

— Пидожды!—зблидла Мотря,—куды жъ ты? Я жъ не сказала, що не пиду за тебе...

— Такъ скажешъ, все одно. Прощай!..

— Ну, ни, пидожды... Я жъ... ты жъ... Ты жъ самъ говорышъ «подумай». Я пиду за тебе, я подумаю. Ты жъ... я жъ тоби николы ничого не казала, якъ ты позаторикъ не хотивъ брать мене, якъ я хотила; я жъ мовчала.

— Бо не любыла!

— Якъ не любыла? А якъ же?—здывувалась Мотря.

— Такъ прямо...

— И дытына тилькы такъ?—глухо, нахмурывшысь, запытала вона.

— И дытына...

— И въ тюрму до тебе бигала що-дня тилькы такъ?

Андрій махнувъ рукою, але не сказавъ ничого.

— И кулакы твои два рокы зношу тилькы такъ? Чого жъ мовчышъ? На якого жъ чорта ты мени рудый здався, якъ я могла кращыхъ знаты? Га?.. Ухъ, ты!!

— А хиба не знайшла? А Илько? Ще задаєтся... Прощай!—ненавыстно выговорывъ винъ за однымъ духомъ и, повернувшысь, швыдко пидійшовъ до тыну, перелизъ и пишовъ по улыци.

— А въ четверъ прыбижышъ!—навздогинци кынула, сміючысь, Мотря.

— Не диждешъ гадыно!

— Ой, прыбижышъ!

Андрій гыдко на всю улыцю, не вважаючы на людей, вылаявсь до Мотри.

— Прыбижышъ, прыбижышъ, бо въ четверъ всю правду скажу!—почувся ще разъ голосъ Мотри и за нымъ якыйсь нервовый, голосный іи смихъ. Андрій ще разъ вылаявсь и швыдче пишовъ одъ хаты, видъ якои наумысне-голосно, якось нервово почулось:

А я славы тои не боюся,
Зъ кымъ люблюся,—не наговорюся.

II.

Прокынувся Сонгородъ. Ярмарокъ. На улыцяхъ стоить туманъ пылу; торохкотять возы зъ прывьязаными до ныхъ киньмы, воламы, коровамы, телятамы; литае солома, шерсть; «дядькы», поспускавшы зъ полудрабкивъ ногы, по тры, по чотыры, а то й цилымы купамы поспишають до базарю. А на базари галасъ, регитъ, ревъ, выкрыкування, заклыкання, гукання; ряды возивъ, ряды перекупокъ, жыдивъ, кацапивъ, ряды шатривъ зъ хусткамы, намыстамы, кожухамы, ряды зъ рыбою, ряды зъ паляныцямы, ряды зъ дёхтемъ, саломъ, силью. И туманъ пылу по всёму.

Тыхый, спокійный, навить флегматычный украинськый ярмарокъ. Нема въ ёму ни зайвои турботы, ни зайвого крыку, ни зайвои биганыны: мырно, спокійно,—и легкый колёръ флегмы на всёму. Тилькы коло жыдивъ, бублейныць та цыганъ и почуешъ несамовыти крыкы, безсоромну брехню, тилькы коло ныхъ побачышъ бійку, иноди кровъ и разъ-у-разъ полицію.

— Бублычкы! бублычкы гарячи! на сали, на масли, на всимъ продовольстви! Пьять копіёкъ за тры пары, симъ—десятокъ! Добирайте, дядькы, молодыци, гарненьки дивчатка!

И пидійде дядько зъ батогомъ въ рукахъ, уважно обдывытся бублыкы, калачы, паляныци, спытае по чому, подумае трохы, поторкае обережно пальцемъ и мовчкы одійде соби.

— Куды жъ вы, дядечку? Паляныци жъ, якъ сахарь. Десять копiёкъ, дядю! Ну, за девьять оддамъ!

— Знаемъ вашъ сахарь! – бовкне соби пидъ нисъ «дядько» и такъ само пиде дали, проштовхуючысь, роздывляючысь, обмацуючы й одходячы...

— Ахъ, какыи вы сталы скупыи?—докирлыво хытае головою молодый жыдокъ засмаленiй, товстопыцiй дивци, що роздывлялась на червону зъ зеленымы квиткамы хустку.—Самая петербурская матéрiя!.. По самой первой моди!.. Ахъ, скупыи, барышня... Это нé хорошо!

— Дамъ трыцять пьять!—пиднима голову дивка, не выпускаючы хусткы.

— Меньше, какъ шезьдéсятъ, накажи минé Господь нé можна!. Вамъ какихъ нытокъ?.. Какыи вы скупыи! Такая багатая и красивая барышня и только трыцять пьять... Здачи? Суре, гибъ имъ здачи... Нету?.. Вотъ я чичасъ дамъ здачи, одну мынуточку... Если вы хотите купить этотъ платокъ я вамъ для васъ можý отдать за 50 копéёкъ... По знакомству...

Мовчкы, довго роздывляючысь, стоить дивка биля хусткы и нарешти розвьязуе край своеи хусточкы, выймае грошы, довго личыть ихъ, оддаé жыдкови, пыльно-обережно склада хустку и одходыть тыхо, спокiйно, задоволено.

А ще тыхище, ще спокiйнище ярмаркують на воловiй та киннiй.

Веде пару сиренькыхъ, невелычкыхъ бычкивъ худенькый, маленькый, трохы сывенькый «дядечко», зъ одною выпущеною штаныною зъ полотняною латкою на колини, въ брыли, зъ такымъ носомъ, що, здавалося, сей дядечко ще змалечку не цурався чарочкы.

— Що за бычкы, сыпiй нисъ?

Мовчокъ, тилькы суворый поглядъ зъ пидъ сывенькыхъ бривъ и сердыте «гей!».

— Дядьку! землякъ зъ буряковымъ дюхачемъ! Що за бычкы дамъ?

— Зашмаруй напередъ ряботыння!—одмовляе сыній нисъ,—а тоди й пытайсь про бычкивъ,--полякаются! И задоволено всмихаючысь, прямуе соби дали и такъ само скризь розмовляе, задоволено посмихается и ходыть доты, покы жинка не одниме воливъ, не продасть ихъ кумови и тымъ самымъ не одбере у ёго спроможносты ходыть, перекыдаться гострымы словамы, тымъ самымъ не одбере всю мету ёго ярмаркування.

А сонце пече, розлыва по тили якусь млявисть; пахтыть кинськымъ гноемъ, молодымы огиркамы, жытнимъ хлибомъ, таранею, дёгтемъ. Въ довгій, вузькій вулычци возивъ затовпленій киньмы, воламы, людьмы чуты регитъ, сварку, торгування; на возахъ, заваленыхъ лантухамы, синомъ, свижою травою, свыткамы, голосно перегукуются молодыцы, дивчата, невелычки хлопчыкы; на выгони плаца, пидгукуючы, пидкыдаючы ликтямы, хлопчыкы сылкуются удать зъ себе Шмуливъ, буланыхъ, кацапивъ то-що; коло рички выбрыкуючы, похнюпывшысь, весело ржучы, товплятся кони, коровы, волы.

Але торгъ провадытся повагомъ, не хапаючысь, не передыраючысь одынъ передъ другымъ; торгуются спокійно, поважно, де-не-де зъ смишкомъ, зъ тонкою ироніею, зъ коментаріямы до товару; торгуются безъ выдырання очей, безъ дыкого запалу, безъ хытрощивъ, але зъ тонкымъ пидходомъ. Надходыть поважный «дядько» въ новій свыти, въ картузи, зъ маленькымы очыма пидъ густымы бровамы, зъ тонкымы губамы и невелычкымъ ряботынням по худому лыци; пидступае випъ до купкы, що стоить, посспиравшысь на коней и розмовляючы тыхо та мырно. Навкругы, звычайно, кони, люде; вси товплятся, штовхаются, пролазять мижъ киньмы, перегукуются, регочуть. Дядько розводыть дви спыны коней, просовуется и, потягнувшы злегка за картуза, промовляе:

— Драстуйте! Боже поможы!

— Спасыби!—одзываются де-котри и, не переминяючы поставъ, слухають дали якого небудь оповидача. Дядько те-жъ постоить, послухае, подывытся иноди на конячокъ и, намитывшы якунебудь вороненьку зъ худымы бокамы, зъ вытертымъ чубкомъ и

повысмыкуванымъ хвостомъ, наче знехотя ткне батогомъ у бикъ и тежъ знехотя, ни до кого властыве не звертаючысь, бовкне:

— А що просыть?

Конячка крутне хвостомъ, переступыть на другу ногу, зитхне зъ прысвыстомъ и зновъ похылытся; а хазяинъ іи, одвернувшысь трохы одъ оповидача и, мицнище упершысь ликтемъ, тежъ наче знехотя муркне:

— Тры красни.

— ... Ну, та й говорю ёму, значыть тому такы панови,— чуется зъ купкы—«змылуйтесь, ваше благородіе, я жъ тутъ хиба якъ? хиба я що?» А винъ, чортъ ёго-зна, чы вже таке зроду погане, чы.... якъ заверещыть: «на неделю у тюрму!»...

— А дви?—зновъ торкае пужалномъ конячынку дядько. Коняка зновъ крутыть хвостомъ, зитхае и переминяе ногу; хазяинъ зновъ трохы одвертается, зновъ умощуется зручнійшъ на спыни и одповидае:

— Двадцять симъ дають.

— Та мабуть невелычкыхъ?

— Чого? Хиба не стоить? Кинь, якъ кинь.

— Та вже-жъ! И голова, и вуха йе... Дви берете?

— Та що вы, землякъ! всмихается хазяинъ и повертается вже зовсимъ до дядька.—Хиба вже я якъ? у Бога теля зъивъ, чы що? Узять дви, якъ до ихъ дають ще симъ!

— Та й берить!

— Та й визьму!

— Та й держить!

— Та й вдержу!

Дядько одходыть трохы, повештается навколо, потыкае въ бокы де-якыхъ конячокъ и наче зовсимъ ненавмысне опынытся коло вороненькои:

— А що держыте?—ледве всмихаючысь, кыдае винъ до хазяина конячкы.

— Держу.

— А поснидалы добре?

— До обиду не далеко.

— Ну, то... зверху додамъ два.

— Ни, буде холодно. Коняка добра... молода.

Дядько пидходыть блыжче, мовчкы пиднима голову вороненькій, розтуляе рота й дывытся въ зубы.

— Та що тамъ?—всмихается хазяинъ—хочъ дывиться, хочъ ни, а бильшъ пьяты не дасте.

Дядько, не видповидаючы обходыть навкругы, пиднима ногы, маца бокы, тягне за грыву, бье по клубахъ и, наче твердо обмиркувавшы, ришае:

— Ну, то оть-такъ... Держить руку... Двадцять пьять и (бье зъ повагомъ) крышка!

— Ни,—хова руку хазяинъ,—якъ не тры, то й не тратьте, куме, сылы.

— То такъ такы й тры?

— Та такъ.

— Ну, а такъ, щобъ продать?

— Щобъ продать?—замыслюется хазяинъ—такъ, щобъ продать, то оть-що: даете двадцать висимъ и берить. Хай вже...

— А якъ по Божому?

— Та що вы, дядьку, торгуетесь?—вмишуется одынъ зъ купкы въ шыроченному брыли, зъ веселымъ, лукавымъ поглядомъ.—Крыця, не лошыця: бижыть-дрожить, упаде,—лежить. Сестра іи въ Кыиви зъ горы бигае.

Въ купци посмихаются, дядько поважно обдывляется, хазяинъ пыльнуе его.

— Ну, двадцять шисть.. Держить руку!

— Двадцять висимъ!

— Двадцять шисть!

— Двадцять висимъ!

— Ще й цыбулю на хвистъ—додае брыль.

— Ну, то щобъ не по вашому и не по моёму.

— Держить руку... Держить. Двадцять симъ!

— Та давай, Даныло,—радыть брыль,—бо вороненька вже стелется.

— Ще бъ полтыныка... чухается Даныло.

— Э—э...—докирлыво хытае головою дядько, выймаючы грошы й одличуючы 27 карбованцивъ,—ще мало вамъ.. Берить!

— Ну, хай иде.. Давайте.. Хай вамъ Богъ помага, а конячынка, ій Богу,-добра!—переличуючы грошы, ховаючы у кышеню й передаючы оброть дядькови, зитха Даныло.—Якъ бы не така скрута... Эхъ!..

— Прощавайте!

— Щаслыво.

— Но!

И скоса поглядаючы на вороненьку, посмыкуючы часамы за оброть, пропыхаючысь мижъ купамы людей и рядамы коней, прямуе соби дядько до воза. Але, зустрившысь изъ землякамы, спынытся, розбалакается, обипрется тежъ на спыну вороненькій и, слухаючы якого небудь оповидача, поважно на запыты покупцивъ одповидае:

— Не продажня.

Тилькы жъ вмишается де жыдъ, або цыганъ, тамъ спокій сей зминяется на крыкъ, на гвалтъ, сварку, иноди и на бійку. И набига полиція, збигаются люде, пиднимается галасъ и нарешти трое або четверо дядькивъ попадають въ холодну, тягнучы за собою цыгана й жыда.

На воловій, биля купкы людей, въ темному пиджаку, такыхъ же штаняхъ, въ глаженій сорочци й новому картузи, стоявъ Андрій. Биля ёго, перемынаючысь зъ ногы на ногу, часто поглядаючы черезъ головы людей до крамныць, крутывся невелычкый парубокъ зъ прыщоватымы щокамы и сыненькымы, полыннлымы оченяткамы.

— Та ёго, Андрій Панасовычъ, не буде, ій-Богу, не буде,—заглядаючы въ вичи, вымовывъ нарешти винъ.—Винъ мабуть де-сь уже запывъ.. Хе—хе—хе!

Андрій погано вылаявсь.

— Хе—хе—хе! А я ще вчора ёго пытавъ:—«Будешъ, кажу, на ярмарку»? «Буду»,—каже.

— Ты ось що,-—почавъ Андрій,—бижы..., того ёлопа, правда, все одно не буде, ты бижы заразъ до Берка й пошукай тамъ Остапа,—винъ тамъ повыненъ буть. Скажы, що я ёго клычу.

— Робота буде, хе—хе—хе!

— А якъ не буде у Берка, бижы до Тартаковського. Знаешъ?

— Ну, отъ! Скажу, що йе хороша работа...

— Цёго не кажы! Прямо скажы: Голубъ клыче.. Пидожды.. А самъ до мене потимъ не пидходь. Чуешъ?

— Ну-да, бо, звисно...

— Та не перебывай! Не тямышъ и мовчы!

Прыщуватый ніяково всмихнувся и вынувато глянувъ Андріеви въ вичи.

— До мене не пидходь, а якъ побачышъ, що Остапъ поведе онъ-тыхъ хлопцивъ до пывнои.. Бачышъ якыхъ?

— Бачу, бачу: одынъ у брыли, а другый безъ шапкы, волыкы коло ихъ.

— Эть! дурне! кажу, слухай! Дывысь: бачышъ червону гарбу экономычеську? Та куды лупаешъ! Он-он-но!

— Ага, бачу!

— Бачышъ-же?

— Ій-Богу, бачу. Здорови, сири волы коло неи... Парубкы сыдять биля вія.. йидять щось. О! одынъ уставъ.

— Ну, такъ. Такъ якъ побачышъ, що воны пидуть зъ Остапомъ, иды заразъ же до гарбы, сидай коло неи и... сыды. Сыды та й годи.

— Ну-да, розумѣеця..

— А якъ пидійду я зъ кымъ-небудь, скынешъ шапку й будешъ звать мене паномъ...

— Хе-хе-хе! Ну-да, бо панамъ, сто бисивъ ихъ матери, разъ-уразъ дешевше уступають.

— Та ни! Ну й дурный же ты, Грышка, Господь зъ тобою!—усмихнувся Андрій.

— Я не купувать, а продавать ти волы буду. Чуешъ, розуміешъ, капустяна голово?

— Ага.

— И ты не чужый мени, а мій наймытъ, зъ села Лементаривкы..

— Ну-да, такъ.. Мы зъ экономіи... Ага-а-а!!—прояснивъ вмыть Грышка й зереготався.

— Розибравъ? Ну, такъ бижы.. Твои тры карбованци и пивкварты. Та швыдко! Пидожды, пидожды. А Остапови скажы, щобъ тежъ до мене не пидходывъ, а прямо йшовъ до хлопцивъ... Той уже зна, куды ихъ весты. Ну, гайда!

Прыщуватый весело насунувъ картуза на лоба, штовхнувъ якогось дядька, крыкнувъ «а ну, мурло, зъ дорогы!» и пропавъ середъ натовпу.

— Нема Илька, обманувъ,—майнула въ Андрія думка.— Дурень... А!! Може винъ у Мотри? Он-що! А я думаю... О, хвойда проклята.! То жъ то вона ще хотила подумать... Та ни, на вищо бъ говорыть, що пиде за мене?.. Такъ он-що! Ну, добре, добре!... Це батька нема, такъ вона прямо въ хати обнимае.. Якъ бы знавъ, якъ бы я догадався ранище, я бъ... Упустю жъ таку рыбку... Чы може плюнуть? Ни, нехай..., не треба думать...

— Отъ якъ бы застать, тыхенько пидійты й накрыть... Чы вони въ горныци, чы въ кухни? Мабуть въ кухни, обидать варыть.! Ни, сёгодня недиля.. А може вона пишла до церквы?... Ну-да,. гм... Я думаю, що пишла до церквы.. Гм... отъ не подумавъ! Той може теперъ десь на роботи, когось уже облапошывъ, а я казюсь.. Ще прогавлю сёго дида. Чы не прогавывъ?.. Ни ще стоять; дававъ девяносто одынъ..., карбованцивъ зъ сотню мае.. Ще чого доброго купыть волы... А тутъ ще, чы найде того Остапа.. Ну-да, мабуть до церквы, хм... такъ я й знавъ... Ну-да,— недиля... хмъ...

Биля Андрія зупынылась купка людей. По середыни то прыскакуючы до молодого парубка, то одскакуючы, шарпаючы за собою малесеньку конячынку, гарячывся высокый, гарный цыганъ. Парубокъ, спершысь на буланого, молодого, стрункого коныка, спокійно, навить насмишкувато всмихаючысь, хытавъ тилькы головою й иноди порывався йты. Мижъ нымы въ розхристаній сорочци, безъ шапкы, ледве дывлячысь, заточувався якыйсь пьяный «землякъ».

— Бій, бій!! Не хочешъ? не хочешъ? Жалить будешъ!

Парубокъ всмихнувся и, подывывшысь на конячку, иронычно спытавъ:

— Вона жъ хочъ витеръ повезе?

— Ха!—стрыбнувъ цыганъ.—Дывы! Вона справыться за трёхъ такыхъ, якъ твій. Ты дывы, о! и не вгнется!—и стрыбнувшы, винъ вмыть опынывся на шкапынци, котра, не сподивавшысь такого, перелякалась хытнулась и ледве не впала.

— Ну й «лошадь»!

— Вогонь!

— Ты нею ладанъ возы!

— Миняйсь, Сыдоре, диты кататымутся!

— Та щьо ви сміетесь, щьо ви сміетесь?!—не зважаючы на регитъ, пидбигъ цыганъ до купкы.—А давай на щьо, щьо випередыть хочъ яку! Давай! Ага! боитесь? Та по ій выдно... Ти дивышся, щьо вона мала? Ха-ха-ха! Та це жъ кыргызка, сама чистокровна кыргызка! Що жъ би то й була за кыргызка, якъ бы вона не мала була... Ну, берешъ пьять додачи? Ни? Шисть берешъ? А симъ?.. Ну, то йды къ чорту! Но!!...

Цыганъ швыдко повернувся, шарпнувъ шкапынку, ступывъ ступнивъ изъ пьять и, хутко повернувшысь, пидбигъ до парубка, схопывъ за руку и, наче пускаючысь на-одчай, крыкнувъ:

— Ну, чортъ ёго беры! Нá висимъ, давай буланого. Хай мое пропада! Бій!

— Та я не хочу миняться! Вдесяте кажу!

— И висимъ не хочешъ? Дурный же ты! Будешъ жалить, схочешъ вернуть, та пизно буде. Беры, покы дають! Говорю тоби, золото берешъ, а не коня!

— Ни.

— Эхъ! пропадать, такъ пропадать! Держи руку, держи руку.

— Та не хочу!

— Держи! Даю девьять! Бій!!

— Бый, Даныло, б-б-бый,—заговорывъ вмыть «землякъ», що доты мовчкы хытався и слухавъ ледве поводячы очимы.

— Та то, дядьку, не Даныло.

— Ну, то... Иванъ..

— И не Иванъ.

Ну, то... йды пидъ тры чорты! Не зъ тобою говорю! Свын-ня!.. Ты, Гаврыло, б-б-бый.. або знаешъ що? не б-б-бый..

— Не мишайте, дядьку!—одипхнувъ его цыганъ. Дядько замовкъ, похытнувся, хотивъ провесты рукою по вусахъ и, мацнувшы тилькы по мокрыхъ губахъ, хытнувсь въ другый бикъ и зупынывъ свій важкый, затуманеный поглядъ на цыганови.

— Держи руку! Держи! Девьять!!

— Ни.

— Ну, чортъ же зъ тобою и зъ твоимъ буланымъ! Зъ дурнемъ дило мать!... Но!... Берешъ девьять?

— Ни.

— Но!!

Але одійшовшы трохы, вмыть повернувся, пидійшовъ до парубка, взявъ за руку, подывывсь ёму въ вичи, всмихнувсь и, зитхнувшы, полизъ у кышеню, промовляючы до купкы:

— Прыйдется дать, ничого не вдіешъ... Бачу, десятку хоче..

— Та не выймайте,—сказавъ парубокъ,—я не поминяюсь... Комедія, ій-Богу!

Але цыганъ, наче не чуючы, выпявъ гаманця й почавъ личыть.

— Та не давайте, не визьму!

— Сорокъ пьять... До пари мени буланый... шистдесятъ...

— Та я жъ вамъ говорю, що не поминяюсь. Ну, й...

— Девяносто пьять.. Оце висимъ... Висемдесятъ... десять! На́, беры!—Махнувшы рукою, скинчывъ цыганъ.

— Та я жъ вамъ говорю, що не миняюсь.. Но!! Гайда, Мыкыто!

Цыганъ спершу мовчкы трохы подывывся парубкови вслидъ, потимъ вылаявсь на всю губу.

Уся валка, сміючысь, разбрелась на вси бокы.

— Тьфу, чортъ!—схаменувся Андрій,—заслухався чортового цыгана и мабуть прогавывъ дида... Ну-да.. Ни, слава Богу, стоить... Що жъ Грышка?.. Ни, й той вже лежыть...

Грышка дійсно лежавъ вже биля гарбы й иноди поглядавъ у той бикъ, де стоявъ Андрій.

— Ну, пора!—ришывъ Андрій и, обдывывшысь на себе, линыво, наче гуляючы, ставъ наблыжаться до купкы селянъ, що стоялы коло пары здоровыхъ, круторогыхъ воливъ.

— Ій-Богу, не можна, чоловиче добрый! Отъ якъ передъ Господомъ мылосерднымъ, самъ торикъ давъ девяносто пьять... Волы, говорю вамъ, таки, що.. а—а! Тутъ же и робота, и сыла, и подывытся йе на що.. Рогы, гляньте, яки... Хрыстомъ-Богомъ завиряю, що самъ давъ девяносто пьять.

— Та воно та-а-къ,—схылывъ голову на бикъ и розвивъ рукамы прыстаркуватый чоловичокъ зъ сывенькою, риденькою боридкою колы жъ... дорого.

— Не дорого, землякъ, ій-же Богу, не дорого!

— Драстуйте, мужичкы—прывитно всмихаючысь, промовывъ, пидходячы, Андрій. Де-котри познималы картузы, де-котри тилькы потягнулы за козырькы й одказалы разомъ:

— Доброго здоровья.

— Торгуетесь? Хе—хе—хе! Торгуйтесь, торгуйтесь.. Волыкы хорошыи. Да, дѣйстлительно, волыкы не плохыи.. Да, да.. Скилькы просять?

— Не дорого, господинъ... девяносто пьять?

— Ну-да, оно.. собственно... А дають?

— А даю девяносто два,—промовывъ чоловичокъ.

— Гм... Волыкы ничево сибѣ... Тольки, хе—хе—хе, знаете, усякому свое. Той, значыть, любыть такое, а иной уже сякое.. Отъ, скажемъ, прымѣромъ, за мине. Люблю волыкы, ій Богу, люблю!.. Я самъ помѣщыкъ, имѣю землю... Да... А вотъ, какъ повидю волыкы, такъ прямо и бирёть охота... Выдѣлъ я тольки што волыкы. А—а—а, ть—ть! Прямо золото... И отъ же, преобразить сибѣ, не дорого, ій-Богу, не дорого. Такъ будь деньги, такъ и купывъ бы. И немного: девяносто рублей... Тольки жъ и волыкы.. И ето волыкы хорошыи, но тѣи будуть какъ будто полѣпше... Тольки жъ опьять скажу, хто што любыть...

Отъ скажемъ, прымѣромъ, етотъ мужычокъ. Онъ но выдимости больше любыть... не такыи, какъ ето волы. Такъ мужичокъ?

— Та, знаете—усмихнувся «мужычокъ»—не такъ любышъ, якъ треба.

— Э, ни!—добродушно пидхопывъ Андрій,—не скажить, не скажить... То такы, значыть, нада—што нада, то нада!—а то такы и... какъ бы вамъ по простому изъясныть?... и охота, чы што. Охота, знаете, большое дѣло.

— Ну-да, звисно, що охота...

— О! о! Хе-хе-хе! Я вже знаю! Ето и по наукахъ звѣсно. Охота, пышется въ кныгѣ, пособныця на работу. Хе-хе-хе-хе!

— А вже безъ охоты за роботу не берысь—згодывся одынъ зъ купы, зитхнувшы.

— Ну, купуйте, купуйте, не буду мишать—наче схаменувшысь, промовывъ Андрій и нацилывся йты.—Волыкы хорошыи, купуйте, дядьку... А я пойду посмотрю на тѣи волыкы... Люблю, хе-хе-хе... Прощайте! Ходю сибѣ, знаете, та всё разсматрюю. Натомышся за недѣлю въ економіи, ну—и... хе-хе-хе... дозволишъ сибѣ погулять у воскресеніе. Досвиданіе!

— Щаслыво... прощавайте...—потягнулы дядькы за козырькы, и Андрій заразъ же почувъ:

— Такъ берете девяносто два?

— Чоловиче добрый! Якъ бы можна було хиба бъ я торгувався!

— Ну, то якъ хочете... Пиду. Прощавайте.

— Куды жъ ты, Тарасе?

Тарасъ махнувъ рукою и, не поспишаючы, ставъ доганяты Андрія, который линыво, потыхеньку пробирався мижъ людьмы. Поривнявшысь зъ нымъ, Тарасъ ставъ мовчкы йты рядомъ, похлёскуючы иноди батогомъ.

— О! и вы!—наче тилькы що побачывшы, трохы згодомъ промовывъ Андрій,—не сторгувалысь?

— Дорого; волыкы-бъ и ничого, та...

— Волыкы... да... Тилькы знаете, я вамъ такъ скажу: лучче купы то, што нравытся, чымъ то, што не нравытся. Отъ хочъ бы

й я: имѣю волы; волы, не скажу, щобъ плохыи, но... не нравлятся..., прямо не люблю! Я, знаете, челаекъ простой,—минѣ не нада тамъ усякыхъ панськыхъ выгадокъ, хочь самъ я и, можна сказать, не зъ прóстыхъ. Ты минѣ дай, щобъ челаекъ былъ харошый и... словомъ, харошый... Минѣ все одно, чы ты мужыкъ, чы панъ... абы въ тибѣ душа была, абы ты не обыдилъ блыжнёго. Сказано «любы блыжнёго, какъ самого сибе».

— По Евангеллю, значыть, жывы... А далеко ти волыкы, що вы говорылы?

— Да, да! Не обманы и не украдь!... А он-о-нó и волыкы тѣи. А, волыкы, золото! Отъ пройдёмъ отъ тутъ мижъ возамы, оно выйдётъ блыжче... А отъ ето и мои волы... Що, Грышка, наповавъ волы?

— Наповавъ, пане!—схопывся Грышка и знявъ картуза.

— Пылы добре?

— Добре, пане.

— Пидкынь же синця... Ну, що,—повернувся Андрій до Тараса,—ничево волыкы? Тольки куды имъ до тыхъ. Вы подывится на тыхъ... Вы посмотрить... Отъ отцеда лучче выдно... Мордочкы какыи... Ахъ, вы жъ мои!... Эхъ! знаете, если бъ хто далъ сичасъ минѣ за мои восимдесятъ, доложылъ бы десять и купылъ бы! Накажы мине Богъ, купылъ-бы... Тольки што-жъ? не дадуть за мои восимдесятъ... А тутъ зъ дому не взялъ... Узялъ на всякыи покупкы, та што-жъ? за пятнадцать рублей не купышъ ихъ! Пойдёмъ, посмотрыте...

— Та чого вы думаете, що за ваши не дадуть висимдесятъ?—розглядаючы волы, промовывъ Тарасъ.

— Ха—ха—ха! А, бодай васъ!—наче розуміючы жарты, добродушно ударывъ Андрій по плечу дядька, але заразъ-же поважнійшъ додавъ:—Хоча, положыть, волыкы ничево сибѣ... Тольки-жъ посмотрить на ти, куды-жъ етымъ!

А ци волыкы булы здорови, сыти, крутороги волы, зъ мицнымы, здоровымы ногамы, зъ дужымы, шырокымы грудямы: «золоти» жъ волы булы здоровеньки, звычайни волыкы. Тарасъ подывывся на ти, на си, пыльно глянувъ на добродушну и навить

дурненьку посмишку Андріёву, постёгавъ трохы замыслено батогомъ по колесахъ и промовывъ:

— А все-такы, я думаю, що й за ваши можна дать висимдесятъ... Пидождить, що вы сміетесь! То волы хороши, воны такы й лучче цихъ—що правда, то правда! але-жъ и цина за ихъ лучча! Що луччи воны, то луччи, що й говорыть, але-жъ и ци ничого. Ось вы знаете що? не смійтесь, а оддавайте мени ваши волыкы... Вамъ ти прыйшлысь до души, а мени ци... Га?

— Та що вы?!

— А отъ же ій-Богу!

— За мои даете висимдесятъ?!

— Даю.

— И заразъ грошы?!

— И заразъ грошы!.. «Та й дурни жъ ци панкы, просты Господы!»—мовывъ соби въ думци Тарасъ.

— Значыть, я можу заразъ и ти волыкы купыть?—радисно скрыкнувъ Андрій,—Господы! Та ни, вы... шуткуете.

— Ну, отъ!...

— Грышка, чуешъ? Заразъ купымъ ти волыкы. Ну, спасыби вамъ, спасыби велыке, Тарасъ... Тарасъ... звынить, не знаю, какъ по батюшкѣ...

— Семеновычъ.

— Тарасъ Семеновычъ. Спасыби, ій Богу, выручылы. На радощахъ выпью прямо, хочъ вже мисяця два якъ не пывъ... Заразъ-же могорыча вамъ, Тарасъ Семеновычъ... Грышка, бижы въ монопольку и таскай сюды пивкварты... Пидожды... грошы-жъ на́... Купышъ дви чверткы,—вже пошепкы и зъ выду гризно додавъ Андрій,—и въ одну выллешъ зъ цёго слоика... Чуешъ? Не бійсь, це—сонни капли... На́. Та беры та́къ, щобъ той не бачывъ. Та гляды, якъ будешъ налывать намъ, не налый мени зъ тои чверткы... Назначы іи якъ-небудь, надирвы бумажку, що налиплена, чы-що... Иды!!.. Та не барысь, Грышо!—се вже въ голосъ говорывъ Андрій.—Купышъ тамъ и ковбаскы й палянычкы... Пидожды! Прынесешъ ето всё туды на берегъ за очеретомъ, мы будемъ пидъ вербою... Знаете, усё такы какъ-тось непрылично

пидъ возомъ, чы знакомыи какыи помѣщыкы, чы штось такое... А тамъ никада никого не буваеть, не повыдять и не такъ душно,— травычка, ставочокъ, вербычка, хе—хе—хе!

— Ну-да, пидъ вербою, якъ той казавъ, и йистся смашнище.

А пидъ вербою, що стояла на березі ставка далеко одъ водопою, за очеретомъ, справди було краще: травычка, очеретъ, ставочокъ, тинь и... ни души навкругы. Незабаромъ пидоспивъ и Грышка; налылы, закусылы и бесида ще теплище, ще щырище полылась мижъ недавнимы прыятелямы. Налылы зновъ, закусылы, поговорылы; налылы по третій, четвертій, пьятій...

— Вы вже той... звынить, я трошкы ляжу... Натомывся, ходячы, та щось до сну клоныть,—прымощуючысь, промовывъ писля шостои Тарасъ и вже пьяненько осмихнувся.

— Ничого, ничого... Звисно, наморыщся... Отъ хочъ бы, прымѣромъ... Отъ сюды лягайте головою, тутъ наче горбыкъ... А я вже вамъ договорю такы за свого дядька. Ну, то й пишовъ винъ до тои, выходыть, барыни, його родычкы. Входыть до неи у комнату, а тамъ уже сыдыть той, що перепынявъ дядька... Отъ преобразить соби, Тарасе Семеновычу, таку штуку: тутъ значыть...

Тарасъ Семеновычъ трохы росплющывъ очи, мугыкнувъ щось, заплющывъ зновъ, ще разъ тыхо мугыкнувъ и, схылывшы голову на ликоть, спокійно й тыхо заснувъ.

— Спыть вже,— прошопотивъ Грышка, що весь часъ слидкувавъ за нымъ. Андрій, розповидаючы все-такы якусь нисенитныцю, вырвавъ очеретыну, облущывъ іи й дуже хлёснувъ Тараса по пальцяхъ. Той не зворухнувся.

— Ну, йды стань тамъ и дывысь,—повернувся Андрій до Грышкы,—якъ буде хто йты, кашлянешъ.

Грышка, весело смихнувшысь и поглядаючы назадъ, пишовъ и ставъ на поворотци.

— Що за чортъ! нема!—хапаючысь, и поглядаючы на Грышку, шепотивъ Андрій.—И за пазухою нема... Невже брехавъ... Убью гада! Ну, повертайсь... Щось въ цій кышени,... завьязано...

Розирвавшы очкуръ, Андрій налапавъ щось тверде, схопывъ зъ травы ножыка и одризавъ всю кышеню. Зъ розгорнутои кышени глянулы стари бумажкы, пьятырублёвкы, десяткы и прости срибни карбованци.

— А що, багато?—пидбигъ Грышка.

— Есть. Ты-жъ позакыдай ци пляшкы, або я й самъ це зроблю... Закынь и ковбасу, а то собакы набижять и ще розбудять... Ну, гайда! У вечери прыходь до Эстеркы—тамъ пьятёрку получышъ... А теперъ пидожды трохы, не йды за мною.

— Андрій Панасовычъ!...—несмилыво й ніяково посмихаючысь, промовывъ Грышка, йдучы за Андріемъ—якъ-бы заразъ... Сёгодня-жъ недиля...

— Н-ну!!—гризно крыкнувъ Андрій и зупынывъ сиреньки, гостри свои очи на Грышци,—сказавъ у вечери... Чого-жъ ще!

Грышка здвыгнувъ плечыма, зигнувся, пидождавъ трохы, подывывся на Тараса, усмихнувся й тыхо пишовъ за Андріемъ...

А черезъ годыну отовпленый великою валкою людей, розхристаный, блидый, зъ сынимы губамы, Тарасъ зъ дыкымъ одчаемъ и слёзамы въ очахъ розсказувавъ все урядныкови, котрый поважно й суворо слухавъ ёго.

— Це Голубъ! Це нихто, якъ Андрій! Гайда вси до ёго!—заревлы де-котри зъ купы.—Ходимъ до ёго, однимемъ! Це-жъ розбій!

И вся валка, зъ поважнымъ урядныкомъ и зигнутымъ, блидымъ Тарасомъ попереду, гучно посунула по головній улыци.

III.

— Куды, Ильку?... Драстуй! Ишъ! надивъ нового пиджака та й не пизнае вже...

Илько повернувся,—коло тыну, трохы перехылывшысь на улыцю, стояла Мотря й граючы очыма ласкаво всмихалася.

— Не бачывъ,—пидходячы до неи, усмихнувся й Илько.—Драстуй.

— А може ще й доси сердышся?

— За що?

— А за те, що... тоди...

— Ну, отъ!—зновъ усмихнувся Илько, нахылывшы голову й розглядаючы чобитъ,—хыба-жъ це первына?

— Ни, а справди не сердышся? Га?—заглядаючы въ вичи и якось тепло-ласкаво дывлячысь на ёго, спытала Мотря.

— Та й чудна!—пиднявъ голову Илько,—говорю ни, то й ни... Чого це ты такъ убралась: кохточка, нова спидныця... ху, ты!

— А тебе ждала, ха—ха—ха! Ни, ій - Богу, думала тебе побачыть... Та чого стоишъ тамъ, перелазь,—та гайда въ садокъ.

— Ни, треба йты на ярмарокъ. Андрій дожыдае.

— Хиба й ты зъ нымъ на «роботу»?

— А то-жъ!

— И пидешъ такы?

— Та пиду-жъ.

— А може не пидешъ... Га? А я бъ тоби щось сказала, росказа-а-ала. Га?

— Ни, ни... Андрій сердытся буде. Пропаде «робота». Мени, положымъ, вона не до души, але... обищавъ. Прощай!

— Та пидожды!—схопыла ёго за рукавъ Мотря.—Самъ каже, що не до души и йде... Андрій соби знайде, а ты посыдь зо мною. Батька нема, на быржи. А Андрій знайде...

— Та хто ёго зна...—почухався Илько.

— Та перелазь, перелазь! А я щось розскажу хороше-хоро-оше. Ты, ій-Богу, Ильку, чудный: самому не до души, а йдешъ. Тебе разъ-у-разъ уговорыть можна, не можешъ ты по своёму зробыть. А Андрій то—чортъ! А я бъ щось розсказала... Перелазь! Я ій-Богу, скучыла за тобою... А цикаве-бъ розсказала... Отъ побачышъ!

Илько подывывся на Мотрю; дывно хороша вона була, хороша, якъ радисть, якъ молоде, тепле чуття, хороша якъ мрія бажанна. Глянувъ Илько у велыкіи очи, зустрився зъ глыбокымъ поглядомъ, котрый обицявъ щось, про щось говорывъ, чогось про-

хавъ,—зитхнувъ, почухався, ще разъ глянувъ на ласкаву іи усмишку и... поставывъ ногу на тынъ.

— А справди-жъ щось скажешь цикаве?—спыняючысь, спытавъ винъ.

— Ій-Богу, ій-Богу розскажу!... Отъ такы-жъ пиде за мною!—додала вона въ думци.

— Ну, якъ такъ...—не договорывъ Илько и ставъ перелазыть черезъ тынъ зъ такымъ выдомъ, наче-бъ хотивъ сказаты: «Отъ-же лизу черезъ те тилькы, що треба послухать щось цикаве, а инакше ни за що въ свити не полизъ-бы!»

Винъ перелизъ, стрыбнувъ и, щобъ не впасты, ухопывся за Мотрю й, обнявшы іи, прыгорнувъ до себе.

— Гайда на прызьбу!—прытуляючысь до ёго и одхыляючы виты вышень, промовыла вона й тыхо пишла впередъ.

— Ну, що-жъ тамъ цикаве?

— А тоби дуже хочется знать?

— Якъ... якъ оце заразъ поцилувать тебе!

— Ну? скажы якый! Ха-ха-ха!

— Та говоры!

— Ну, слухай,—не повертаючысь до ёго и пахыляючысь одъ витей, тыхо вымовыла вона,—выходю замижъ за... Андрія.

— Та ну?!—спынывшысь, скрыкнувъ Илько,—брешешъ!

— Ій-Богу, правда!—повернулась Мотря и пыльно глянула на Илька, що нибы ажъ зблидъ трохы.

— И такы не брешешъ?—крыво всмихнувся винъ.

— Въ четверъ и рушныкы подамъ.

— Онъ якъ...—тыхо промовывъ винъ и мовчкы пишовъ до прызьбы.

— Правда цикаве?—сміючысь, спытала Мотря, сидаючы биля ёго.

Илько ничого не одказавъ и мовчкы замыслено ставъ дывытысь кудысь черезъ тынъ. На серци щось страшенно болило й нудно-нудно стало.

— Такъ онъ-якъ!—дывлячысь на неи, зновъ крыво усмихнувся винъ и зновъ одвернувся.

— А такъ...—тежъ крыво всмихаючысь, прошепотила Мотря й зупыныла свій поглядъ на ёму.

«Такъ онъ-що, замижъ за Андрія!—крутылось зъ сымъ тяжкымъ щемлиннямъ у Илька.—Це, значыть, прощайся вже зъ нею, прощайсь зъ тымы тыхымы, любымы вечорамы, зъ тымы мылымы розмовамы, прощайсь зъ ридною, едыною людыною, зъ цымъ стрункымъ, гнучкымъ станомъ, палкымы губамы, глыбокымы очыма, зъ цымы гарнымы дорогымы, чудовымы очамы»... Си думы не мыслывъ винъ, не высловлювавъ, не складавъ ихъ.—метнулысь воны въ ёго зъ сымъ щемлиннямъ, съ сымъ якымсь чудно-тяжкымъ чуттямъ. Винъ знову глянувъ на неи, прыдывывся й почувъ, яки сталы далеки и дороги, люби, хороши си таки знаёми ёму бровы, губы палкіи, очи чудови.

А Мотря все дывылась на ёго и тежъ прыслухалась, якъ щось давыло-щемило на серци. И хотилось ій, дуже хотилось, обнять ёго, прыгорнуться, замерты коло дужои рукы ёго, заглянуты въ вичи й дывыться-дывыться на чудову красу ёго, на чорніи бровы, у каріи очи. И почувала вона, якъ боляче холонуло у неи у грудяхъ зъ самои думкы, що не прыйдется ій бильшъ цилувать ёго, цилувать найлюбійше мисце, що одтинялось чорнымъ вусомъ; не прыйдется бильшъ дратувать-розпалять палкымъ поцилункомъ и любоваты, якъ зачервоніется злегка лыце ёго, якъ краса ёго ще выразнищъ, ще дужче стане передъ нею й захвылюе, захопыть и іи...

— А ты не выходь замижъ,—тыхо промовывъ Илько, колупаючы палычкою стежку, що йшла по-падъ прызьбою. Мотря одвела свій поглядъ, зитхнула й хоча чула ёго слова, але, не встыгны вызволытысь видъ вплыву своихъ думокъ, перепытала:

— Що ты сказавъ?

— Я кажу, щобъ ты не выходыла зовсимъ замижъ.

— Не выходыть зовсимъ?—сумно усмихнулась вона.—Не можу Ильку, ій-Богу, не можу. Дытына росте, треба батька... Та й самій... Ну, хиба-жъ се добре, що я бигаю до тебе, що винъ мене бье разъ-у-разъ... Ни, ришыла, такъ и буде. А тобижъ хиба що?

— Та такъ...—нахылывся зновъ Илько—якось... Чортъ ёго зна... думаю про це... и якось, знаешъ, скучно... Буде скучно безъ тебе.

— Та и мени, ось дывлюсь на тебе, тежъ якось скучно...

Замовклы зновъ. Тыхо було въ садку. Сонце ледве пробывалось кризь лыстя и грало на колини въ Илька; цвиринькалы й былысь горобци на вышняхъ, та за тыномъ по улыци йшлы люде до церквы.

— А за мене пишла-бъ?—ніяково всмихаючысь и старанно перепыняючы червоненькій козявци дорогу, тыхо спытавъ Илько.

— За тебе?—наче сподиваючысь сёго пытання й дывлячысь на козявку, котра зашамоталась и полизла вливо, перепытала Мотря.—За тебе? А Андрій же якъ?

— А Андріеви можна дать одъ коша́.

— Та буде такъ, якъ учора?

— Ну!—пиднявъ голову Илько и махнувъ палычкою. Козявка покрутыла вусыкамы, повернула въ бикъ, перелизла стежку и сховалася въ трави.

— Ну, що-жъ «ну!»—усмихнулась Мотря, переводячы очи зъ козявкы на Илька.

— А то «ну», що теперъ не дамъ быть тебе... Вчора то винъ мавъ право, а теперъ бы... вже... Та побачыла-бъ!

— Эхъ. Ильку, Ильку,—захытала головою Мотря,— бачыла я вже вчора... Пидожды, не перебывай. Я вчора умысне прыбигла до тебе, хотилось ще разъ спробуваты тебе и що-жъ побачыла? Ты не змигъ питы проты Андрія.

— Та то-жъ, кажу, вчора, а теперъ хай-бы посунувся!

— Эхъ, не задавайся, Ильку! побачышъ Андрія и прысядешъ зновъ. Ты, знаешъ, такый: ты тилькы не сердься; я цилу ничъ думала про це й рипшла сказать усю правду. Якъ-бы не побачыла оце тебе, побигла-бъ до тебе... Ты, бачъ, такый: якъ зо мною говорышъ, ты мене слухаешъ, зъ кымъ другымъ—того слухаешъ. Якъ-то кажуть: «куды витеръ віе, туды я хылюся»... Ты-жъ не сердься!... Ось теперъ Андріеви обищавъ помогты, а зо мною сыдышъ, бо я уговорыла. Такъ и тоди буде, якъ выйду

за тебе: покы будешъ зо мною, будешъ мій, а выйшовъ зъ дому— и вже чыйсь. А Андрій вже не те. Андрій той ще самъ, кого хочешъ, подужае... Та й то взять: ну, отъ ты сыдышъ передо мною, я любую зъ тебе и якъ «оченашъ» знаю тебе. А Андрія то вже й самъ чортъ не взнае,—сёгодни винъ такый, завтра такый, тоди онъ-якый... Проты ёго я прямо не можу йты. Ну, выйшла-бъ я за тебе, пожыла-бъ и заскучала. А Андрій—то и розскаже, и побье, и насмишыть, и налякае, и розсердыть.

Илько мовчавъ и пысавъ палычкою по запорошеному чоботи.

— Ты й добрищый за Андрія. Ты отъ чы «заробышъ» де, чы якъ тамъ, заразъ роздасы, прогуляешъ... Хиба ты матымешъ колы що? Ни. Ну, я выйду за тебе, чы ты-жъ кынешъ гулять, будешъ годувать мене? Хиба-жъ ты зможешъ? Правда-жъ ни?

Илько тилькы колупнувъ палычкою.

— Отъ, бачъ, мовчышъ. А Андрій той и теперъ грошы мае, за тымъ я не пропаду. Та й Ивасько... Хиба ты ёго любытымешъ, такъ якъ Андрій,—не твій сынъ...

Илько мовчавъ. Замовкла и Мотря, тилькы горобци наче ще голоснище цвиринькалы мижъ лыстямы.

— Колы-жъ якъ подумаю,—тыхо зновъ почала Мотря,— що прыйдется не бачытся зъ тобою, сумно стае. Прывыкла до тебе, чы-що? Тры рокы... Та й до Андрія прывыкла... Це вже, значыть, годи,—не прыйду я вже до тебе, не буду любоваты зъ тебе...

Илько пиднявъ голову, хотивъ щось сказать и... зновъ похылывсь.

— Страшно жалько...—наче думала въ голосъ Мотря.—Подумаю кынуть Андрія—я вже думала багато вчора—такъ якось совсимъ и жыть не хочется... И тебе жалько... Якъ-бы можна за двохъ выйты!—засміялась вона и заразъ-же сумно замыслылась.

— А ты ще подумай,—проговорывъ тыхо Илько и тыхо глянувъ на неи.

— Я сама такъ думаю.

— А колы скажешъ?

— Колы?... колы?... Ій-Богу, не знаю. Андріеви обищалась въ четверъ... скажу тоби въ середу... Добре? Ты-жъ не сердышся на мене? Га?—ласкаво заглянула вона въ вичи й прыхылылась до ёго.

— Чого-жъ сердытьск?—усмихнувся Илько и тыхо обнявъ іи, прытулывшы щильно-щильно, до болю, до себе.

— Не тулы такъ...—прошепотила Мотря, зчервонившы трохы.

— Чого?—нахылывся винъ до неи,—може-жъ бильше не прыйдется... Здается, задавывъ-бы тебе!...

Мотря зитхнула, одкынула голову, подумала и, палко обнявшы, стала цилувать въ губы, въ очи, щоку, найлюбійше мисце надъ чорнымъ, мнякымъ вусомъ.

— Не пидешъ за Андрія?—не пидешъ?—шепотивъ Илько.

— Не знаю, не знаю! Я не знаю, за кого я пиду. Обнимы, обнимы мене!... Прощай, мій хорошый, мій гарный... Обнимы...

IV.

Гучно було въ пывній у Мошка, якъ увійшовъ туды Илько. Доли валялысь лушпайкы зъ огиркивъ, кисточкы зъ рыбы, стоялы калюжы пыва; кругъ столивъ сыдилы пьяни, спитнили, червони лыця; смердило потомъ, чобитьмы, махоркою.

— А! Илько!—почулось зъ-за одного столу, занятого якымысь парубкамы въ пиджакахъ и червоныхъ сорочкахъ.—Иды до насъ!

Илько обдывывсь навкругы й сивъ коло якогось дядька, що вже бувъ пьяный и щось спивавъ разомъ зъ другымъ дядькомъ; той сыдивъ проты ёго и що-хвылыны перепынявъ писню гыкавкою. Мижъ нымы сыдила якась жинка, твереза, гарно одягнена й сумно, безнадійно поглядала на дядькивъ.

— Мошку!—гукнувъ Илько.

Видъ стойкы одскочывъ жвавый, маленькый жыдокъ и шлёпаючы калошамы, пидбигъ до столу.

— Пару пыва!

— И больше ничево?

— Ничого.

Черезъ хвылыну холодне пыво стояло передъ Илькомъ. Выпывшы жадибно пидъ-рядъ тры склянкы, Илько утерся, сумно схылывъ голову на руку и задумався.

«За-а-аблистѣ-е-ела зорька-а-а-а»... почувъ винъ коло себе и повернувъ голову до дядька.

— Семене! та побійся-жъ Бога!—благаючы, заговорыла жинка—пойидемъ до-дому... Кони-жъ морени стоять... Куме! хоть вы вже згляньтеся!...

Кумъ тилькы гыкнувъ, замовкъ и безсыло схылывъ голову на стилъ.

— Жинко!—мыролюбно заговорывъ Семенъ, ловлячы рукамы пляшку,—и ты... и... я... свыни... Выпый!...

— Та Богъ зъ тобою! Не хочу... Пойидемъ... кони-жъ морени.

— Кони? И ко-о-ни постоять... «За-а-блистѣ-е-е-ла зо-о-рька-а-а...

— За-а-...—гыкнувъ кумъ и пиднявъ голову.

— Ну, що ты въ свити Божому будешъ робыты?—трохы не плачучы, здвыгнула плечыма жинка.

Илько одвернувся й налывъ въ склянку пыва.

— Господинъ!—торкнувъ ёго Семенъ,—какъ... Зъ недѣлёю васъ!

— И васъ,—знехотя всмихаючысь, видповивъ Илько.

— Спасыби, спасыби... Отъ спасыби, такъ спасыби!.. Куме, дай пляшку, выпью... отъ зъ господиномъ.

Кумъ мацнувъ рукою по пляшци, ледве не звалывъ іи та такъ и застыгъ.

— Семене!—благала жинка, пидхоплюючы пляшку.

— Дай сюды пыво!—безсыло простягнувъ руку Семенъ.

— Пойидемъ до-дому.

— Дай сюды пыво...

— Отъ наказаніе Господне!—зитхнула жинка и подала пыво. Семенъ взявъ, поважно налывъ въ склянкы, пиднисъ, розхлюпуючы, одну Ильковы, другу взявъ самъ и промовывъ:

— Доброго здоровья...

Илько выпывъ. Семенъ поставывъ свою склянку, взявъ Илька за руку, довго дывывся ёму въ вичи, обнявъ, поцилувавъ и зараз-же выпывъ свое пыво.

— Бо... люблю! - повернувся винъ до жинкы,—и не мишайсь... Уторгувавъ, продавъ волы и буду гулять... Такъ, господинъ?

— Такъ, такъ!—усмихнувся Илько.—А за багато продалы?

— За сто та ще й двадцять!... О!...—выпявъ винъ червону хустку, помахавъ якымся вузломъ на нiй и ставъ пыльно запыхать знов у кышеню зъ того боку, де сыдивъ Илько. Илько прыдывывсь, одвернувсь и почавъ покволомъ пыть пыво. Черезъ десять хвылынъ воны булы вже щырымы прыятелямы, обнималысь, выпывалы, цилувалысь и смiялысь зъ благання жинкы.

Мошку, пыва!—гукнувъ Илько.

Мошку!... жыде!... пыва!!—стукнувъ кулакомъ Семенъ и полизъ въ кышеню за хусткою.

— Та не треба, не треба!—затурбовався Илько,—я самъ заплатю, я самъ... Нехай.., нехай...

— Ни!... Ого! Семенъ Торба не може пыва купыть... Фюфю! Ого!... Де-жъ це грошы?... Ого! Я не можу... Де-жъ це?...

— Та ты-жъ у ту кышеню поклавъ,—промовыла жинка. Семенъ ставъ шукать и въ другiй кышени, але й тамъ не було ничого.

— Чы не выпалы?—поблидныы, встала жинка и почала дывыться пидъ стилъ, пидъ лавы. Вставъ и Семенъ, мацаючы по кышеняхъ, вставъ и Илько, зазыраючы тежъ и пидъ стилъ и пидъ лаву; сыдивъ тилькы кумъ, навить кризь сонъ погыкуючы.

— Нема! Ой, Господы!—скрыкнула жинка.

Де-хто повернувся, коло сусидъ замовкло, пидбигъ Мошко.

— Та я-жъ у цю кышеню поклавъ,—розумнище трохы промовывъ Семенъ и глянувъ на Илька, котрый пыльно заглядавъ пидъ стилъ, пиднимавъ пляшкы на столи и озыравсь навкругы.

— Це-жъ оцей вытягнувъ у його!—обмацавшы, обшукавшы всёго Семена, крыкнула жинка й показала на Илька. Илько блыснувъ очыма, вставъ и взявъ зъ столу картузъ.

— Ни, господинъ, пидождить трохы,—схопывъ ёго за руку Семенъ, —я той...

— Иды пидъ тры чорты, мурло! Не бачывъ я твоихъ грошей.

Въ пывній зтыхло и коло Семена поставало вже де-кiлькы дядькивъ.

— Люде добри! скрыкнула жинка,—вы-жъ бачылы, що воны пылы вдвохъ. Тамъ же веси грошы... Теперъ и за пыво нема чымъ росчытаться.

— Вы, Илько, послушайте,—затурбовався Мошко,—може, ежели вы взяли.. Минѣ какое дѣло, нехай минѣ за пыво... Я въ палиція...

— Та якого вамъ чорта!—повертаючысь иты, крыкнувъ Илько.—Не бачывъ я ніякыхъ грошей! У ёго ихъ и не було.

— Брешешъ, собачый сыну, брешешъ! Булы! Ты самъ бачывъ ихъ, цей ёлопъ тоби жъ и показувавъ!—закрычала жинка.

— Оддай грошы!—тыхо, але выразно промовывъ Семенъ.

Илько здвыгнувъ плечыма, всмихнувся, глянувъ на дядькивъ, котри мовчкы и суворо дывылысь на се, и повернувся.

— Нѣтъ, позвольте,—выкрыкнувъ Мошко и ухватывсь за Илька,—такъ нидзя.. Дай минѣ за пыво... Хае бѣгай за палицейськымъ!

— Оддай грошы!—зробывшы килька ступнивъ до Илька пропидывъ Семенъ и сципывъ зубы.

— А вже-жъ оддай... Що жъ це!—почулось мижъ дядькамы.

Илько сиппувъ руку, крутпувъ Мошкомъ й ступывъ до дверей.

— Оддай грошы!!—заревивъ Семенъ и кынувся на Илька зъ пидиятымъ кулакомъ. Илько повернувсь, одхылывсь, якъ дыкый звиръ наскочывъ на Семена й повалывъ ёго на стилъ, зъ страшною сылою опускаючы кулакы на голову, жывитъ, груды. Жинка крыкнула й кынулась до ныхъ, але заразъ же одлетила и впала пидъ стилъ, облываючысь кровю; посунулысь, було, де-хто зъ гурту, але тежъ де-яки полетилы на лавы, а де-яки сами похо-валысь одъ страху, глянувшы тилькы на червоного, страшного, зъ пиною на губахъ, Илька.

— Повбываю!!—хрыпло крыкнувъ винъ, блыскаючы очыма й хапаючы рукою зъ стола пляшку. Але не встыгъ винъ й вымовыть, якъ захытався, махнувъ рукою й гепнувъ до-долу лыцемъ.

— Теперъ быйте ёго!! —крыкнувъ Мошко, выскакуючы зъ-за Илька й держучы ёго за ногы. Зъ крыкомъ кынулысь уси на Илька насилы и... поднялысь разомъ зъ нымъ.

— Держите, держите! я одберу у ёго деньги!... вотъ, вотъ они!—выскакуючы зъ гурту, крыкнувъ Мошко и помахавъ червоною хусткою. Жинка зъ обмазанымъ кровю лицемъ и сыній, побытый Семенъ заразъ же кынулысь до ёго. Илько скажено заревивъ, крутнувсь, когось вкусывъ, когось пацнувъ, рванувся й, тягнучы за собою всю валку, выскочывъ на улыцю.

V.

Сумно въ Сонгороди въ-осены. Нызьке темно-сире небо: не то ранокъ, не то вечиръ цилый день; пронызуватый, холодный витеръ, купы пожовклого, мокрого лыстя и дощыкъ, дощыкъ и дощыкъ. Плачуть пидъ нымъ викна, плачуть стрихы, плачуть деревья, тыны, кони, плаче навить картузъ звощыка, що, закутавшысь, схылывся на передку. На улыцяхъ ни души, тилькы де-не-де перебижыть черезъ дорогу яка-небудь баба, пиднявшы спидныцю на голову, просуне важкымъ ходомъ жыдивська балагура, та звощыкъ розибье блыскучу, сталёву грязюку ривненькою стежкою. Сумно. А ще сумнище въ темный, довгый, холодный вечиръ. Витеръ, наче сказытся,—то стогне, то плаче, то регить пидниме, то стыха, поволи застука по виконыцяхъ запертыхъ, то зновъ заскыглыть, завые, заплаче й сыпне, и сыпне дрибненькымъ дощемъ. Пусто страшенно, безлюдно, тилькы тополи неначе зъ докоромъ хытають чорнымы вершечкамы, мовъ дывуючысь, якъ такы можна вылазыть на улыцю въ такую негоду.

Ледве блыщыть лямпочка въ камери «слѣдственныхъ» Сонгородського «арестнаго помѣщенія». Тхне потомъ, парашою, махоркою и кыслою капустою. Посхылявшысь надъ койкою, пры-

слухаючысь иноди до дверей, розмовляючы по-шепкы, грають въ карты рештанты. Чуты: «краля зверху!», «симка хвалыть». «занышы хвалёну, «выно-козырь»; иноди по-шепкы, але выразно прокочуется лайка.

По темныхъ куткахъ сплять.

Щось тыхо застукало зъ улыци въ викно. Андрій вставъ, положывъ карты, прошепотивъ «безъ мене грайте» и пидійшовъ до викна. Якась темна жиноча постатать, освичена свитломъ одного зъ двохъ на циле мисто лыхтаривъ (другый биля полиціи), стояла пахылывшы голову.

— Ты, Мотре?—одчыняючы злегка викно, прошепотивъ Андрій.

Постать пидняла голову, трохы розмотала товсту хустку, й на Андрія глянулы велыки, глыбоки Мотрыни очи.

— Я. На́...

Андрій простягнувъ руку кризь кгратки и взявъ невелычкый клуночокъ.

— Тамъ десятокъ пырижкивъ и курка,—додала Мотря.

— Добре... чого вчора не прыйшла?

— Ты сердышся?

— Я пытаю, чого вчора не прыйшла,—сухо прошепотивъ Андрій.

— Не можна було.

— Не брешы!

— Ну отъ «не брешы»! Батька не було до пивночи, дытына сама, а я оце побигла бъ до тебе.

— Де жъ батько бувъ?

— На «роботи».

— Де?

— Розбылы лавку старого Хаима. Знаешъ?

— Знаю. Багато?

— Рублывъ на пьядесять, казалы. Илько насылу виисъ лантухъ.

— А! онъ-що! Хм...—злистно всмихнувся Андрій.—Тамъ булы Илья Ивановычъ! Ну, теперъ я знаю...

Мотря мовчкы нахылыла голову.

— Може не пускалы Илья Ивановычъ? Воны жъ тежъ на лынiи соломьяного женыха. Чы въ проходку зъ ными ходылы? Га?.. Чого жъ мовчышъ, суко!—грызно прошепотивъ Андрiй,—похвалысь же!

Мотря мовчала.

— Говоры жъ!.. Може вже рушныкы подавала?

— Ну, отъ-ще!—пидняла голову Мотря и знов нахылылась.

— Гляды, гадыно!—сципывъ зубы Андрiй,—обманула, обищалась сказать правду, тягнешъ и доси... гляды, тилькы подумаешъ выйты за Илька, убью. Чуешъ? убью першои жъ ночи! Я николы на витеръ не говорю. Не дуры!

Витеръ, що затыхъ на хвылыну, мовъ прыслухавшысь, засвыстивъ, загудивъ, засыпавъ густымъ дощемъ и трохы не попхнувъ Мотри.

— Не змерзла?—помочавшы, буркнувъ Андрей.

— Ни.

— Що? Та пиднимы голову, чого нахылылась?

— Не змерзла,—промовыла Мотря й несмило подывылась ёму въ вичи. Замовклы. Чуть було ляпання заялозяныхъ картъ, «выно свитыть» и дриботиння дощу по викни. Мотря куталась.

— Не бачыла Ныкодыма?

— Бачыла.

— Що, не говорывъ ничого?

— Про тебе?

— Ну-да.

— Лается... На що ты ёго такъ?.. Бидуе страшно.

— А такъ паршывому й треба, хай не задается! Думае, якъ надзыратель, то й цяця велыка!—зъ злистю прошепотивъ Андрiй.

— Винъ каже, що зовсимъ и не хотивъ тебе лаять.

— Бреше гадъ! Ты знаешъ, якъ все це було?

— Та говорывъ винъ щось... Розскажы ты... Знаю, що черезъ тебе...

— От-то нехай не задается и знае, кого зачипае!

— Якъ же це выйшло?

— Такъ винъ каже, що й не лаявъ?

— И не думавъ, каже.

— Гм... Ишъ, мурло проклято!

— А лаявъ?

— Та того мало, а ще захотивъ штовхатся. Я, бачъ, не давъ ёму разъ горилкы, що ты мени передала. Такъ образылысь... И отто разъ прычепывся до мене, щобъ у ка́мору йшовъ. «Ще рано, кажу, не пиду!» «Ну, не розсказувать!» Я й вылаявъ ёго... Винъ зо всіеи сылы трахъ! у груды мене... Хотивъ я ёго задушыть тамъ же, та здержався, тилькы сказавъ: «гляды, Ныкодыме, це даромъ не мынется тоби. Знай, кого быть!» «Плювать, каже, я на тебе хотивъ и хочу. Страшный вовкъ у лиси, а въ тенетахъ тьху!» Ну, добре, нехай такъ, —побачымо. Пройшло, мабуть, зъ тыждень. Я зъ нымъ наче помырывсь, выпывавъ попрыятельськы, однымъ словомъ... ну, помырылысь, наче того й не було. А от-то въ той понедилокъ кажу ёму: «попросы смотрытеля, щобъ пустывъ мене зъ тобою въ цылюрню,—мене тутъ пускають,—поставлю, кажу, пивкварты». Попросывъ винъ; пишлы. Прыйшлы до Васькы—знаешъ? Я тому заразъ моргъ! Той туды, сюды, и покы мене пострыглы, Ныкодымъ уже бувъ пьяный, якъ свыня... Тилькы й розуму, що дывытся... Кынувь я ёго, прыйшовъ до смотрытеля та й кажу: «Такъ и такъ, ваше благородіе, надзыратель Ныкодымъ, который мине водилъ у цылюрню, напился пьяный и не спольняетъ своей службы. Я могъ бы утикты»... Той, звисно, перелякався, дякуе мени та заразъ за Ныкодымомъ— и прогнавъ... Не задавайся и знай, зъ кымъ дило маешъ!

— И ты не втикъ?—похопылась Мотря,—отъ-то! чого жъ ты?

— Тикать не треба.

— Якъ?

— А такъ: якъ бы я втикъ, ёго не выгналы бъ зъ службы, бо винъ сказавъ бы, що я чы побигъ, чы якъ-небудь... А такъ— я самъ прыйшовъ безъ ёго, тутъ уже оправдання нема... Нехай теперъ безъ заробитку поскаче...

— Диты жъ маленькы у ёго... жинка...

— А друге те, що мени нема для чого й тикать: все одно оправдають. Це, що я не втикъ, буде ще одне доказательство, що я не вынenъ. Абы то я выманывъ грошы у того мужыка, абы я, значыть, бувъ вынenъ, дакъ хиба бъ я не втикъ, колы такый случай пидійшовъ? Га?

— Ну-да, але-жъ...

— «Але-жъ!»—перебывъ Андрій.—У суди, абы щось представывъ такого, якъ се, то й оправдають.

— А якъ засудять?

— Плювать я на ихъ хочу! Хто докаже, що то я бувъ? Мало, що такый и такый! Ты прямо докажы, що бачывъ, якъ я бувъ зъ нымъ и грошы бравъ. А може хто схожый зо мною?.. А ще жъ ты будешъ говорыть, що я у тебе бувъ тоди та й герехтъ.

— А якъ Илько покаже, що тебе не було... Винъ теперъ ненавыдыть тебе, то може...

— Хм... якъ зробывся женыхомъ, такъ и ненавыдыть ставъ,—саркастычно всмихнувся Андрій.—Ну, такъ я жъ ёго не боюсь.

— Якъ? А якъ винъ скаже, що винъ бувъ у мене весь часъ и не бачывъ тебе.. А ёго у мене бачыла Хведора,—нахылывшы голову, тыхище додала Мотря.

— Хм... мылувалысь... И все такы плювать! Абы ты показала. А хиба я повыненъ предъ нымъ сыдить? Скажешъ, що пьяный спавъ цилый день у повитци. Отъ и все... Та ёго й пытать не будуть, а самъ напросыться—побоиться мене... Винъ тоди саме, якъ мое дило буде розбираться, буде сыдить тутъ. Перекажешъ ёму, що черезъ тыждень винъ уже буде тутъ. Той подавъ на ёго... буде одвичать за «буйство и покушеніе на грабижъ». Смотрытель казавъ...

— Черезъ тыждень?—перепытала Мотря.

— А що, тоби жаль? Такъ чого жъ—просю-жъ тебе—украдь хочъ у ціеи Хведоры курку, піймайся нарочыто, полайся—и посадять... И не будешъ розлучаться зъ нымъ.,. А то жъ жаль!..

Мотря промовчала.

— ... Та що похылылась?... Говоры жъ щось, якого жъ чорта прыйшла!

— Скучыла!—пиднявшы голову, прывитно дывлячысь на ёго, прошопотила Мотря.

— И за Ильком скучышъ?

Мотря почала кутаться.

— А ще довго до суда тоби?

— Та ты зубы не заговорюй,—мымо воли всмихнувся Андрій,—а говоры те, що пытають.

— Та я не чула зовсимъ, що ты говорывъ.

— Эхъ! не чула...

— Холодно, Андрію, уся змокла... Я вже пиду...

— Убирайсь къ чорту, чого жъ стоишъ!

— Ну, то я зостанусь,—ты сердышся...

— Иды, йды...

— Ни, ты сердышся... Скажы, що не сердышся...

— Та йды, простудышся. Прощай.

— Прощай. А завтра прыйты?

— Якъ хочешъ,—зачыняючы викно, сухо видповивъ Андрій и, наче зачепывшысь, возывсь коло защипкы.

— Я прыйду.

— Прыходь,—байдуже мурквувъ винъ и защипнувъ викно. Мотря ще трохы постояла, подывылась па викно, зитхнула и, щильнище закутавшысь, тыхо пишла въ темный, глухый переулокъ.

И дійсно, черезъ тыждень Илько вже сыдивъ въ камери «срочныхъ» мижъ штундарямы, посадовленымы за збиркы, дрибнымы злодіямы и «буянамы». Заразъ же винъ звеливъ всимъ подилыться гришмы, побывъ одного, що хотивъ зъ нымъ змагаться, посыдивъ тры дни въ карцери, але вернувшысь, повытягавъ у ночи гаманци у багатыхъ, подилывъ ривно на всихъ и напоивъ усю камеру квартою «монопольки», яку невидомо де роздобувъ. Дозорци, та й самъ смотрытель навить, наче ничого не бачылы, не бажаючы черезъ якый часъ маты соби страшного ворога на воли.

А ще черезъ тыждень вводылы въ ворота Мотрю, закутану, зъ дытыною на рукахъ, трохы блиду, але черезъ се ще кращу. Въ той саме часъ Андрій сыдивъ на прызьби. Побачывшы іи, винъ спершу зблидъ, потимъ почервонивъ, зновъ зблидъ и, не миняючы позы зъ ненавыстю буркнувъ, якъ вона поривнялася зъ нымъ, весело посмихаючысь до ёго:

— У! паскудо!.. мовчала! Прыбигла такы за Илькомъ!!

— Ба за тобою!—радисно дывлячысь на ёго й, наче чекаючы сёго пытання, жваво видповила Мотря. Але Андрій вылаявся, сципывъ зубы, одвернувсь, пишовъ у камеру й пьять день не показувавсь. А якъ и выходывъ на хвылыну—до Мотри не заговорювавъ; колы вона вынувато благаючы ёго зачипала, винъ тилькы лаявся зневажлыво й наче не добачавъ іи. Мотря зблидла, схудла, благала ёго черезъ стороживъ, простоювала цилымы вечорамы пидъ викномъ ёго камеры, а зъ Илькомъ и не говорыла, навить разъ вырвалась и плюнула, якъ той хотивъ обнять іи. Андрій змылувався—и звеселила Мотря: заспивала, засміялась, обцилувала Иваська и на другый день вже жартувала и сміялась до Илька. Зновъ зминывсь Андрій, але вже не ховавсь въ камери, не тикавъ одъ розмовъ зъ Мотрею, тилькы говорывъ зъ нею такъ холодно, такъ якось по чужому, дывывсь на неи такъ чудно, що Мотри зъ нымъ було и важко, й ніяково, а на самоти якось пусто, нудно и сумно, до смерты сумно. Зновъ почалысь благання, зновъ Илько остогыдъ, зновъ осмихнувсь «по ридному» Андрій—и зновъ звеселила Мотря, тилькы вже пры Андріеви розмовляла зъ Илькомъ безъ смиху, безъ жартивъ,—безъ Андрія жъ пыльнувала, щобъ все зналы тилькы вона та Илько. Илько жъ хоча и всмихавсь до Андрія и самъ заговорювавъ до ёго,— пры Мотри махавъ кулакамы и... щыро задававсь.

Выдався теплый, ясный день, одынъ зъ тыхъ днивъ, колы лито наче вырывается зъ мокрыхъ, холодныхъ обіймивъ осены, спишыть попрощатьса зъ людьмы, всмихнуться тепло—ласкаво въ-останне й покорыться доли. Сонце грило—пекло, грало въ калюжахъ, що займалы трохы не пивъ двора, жваво цвиринькалы горобци, трипалысь куры, лазыла по двори свыня зъ порося-

тамы, тилькы деревья оголени якось сумно выставлялы зъ саду голи свои виты та тужлыво хыталы вершечкамы. Зъ камеръ повысыпáлы рештанты, порозсидалысь биля дверей, повыносылы койкы зъ тоненькымы сиппыкамы, порозвишувалы мокри спидныци, сорочкы, онучи; де-хто зтыха заводывъ писни, де-хто борюкався, а де-хто прямо сыдивъ, грився и смаковыто хмурывсь на сонце. Навить Степанъ, старшый дозорець,—«соціялыстъ», якъ звавъ товарышъ ёго Гаврыло за те, що той не постывъ у Петривку, йивъ въ недилю до звону, не хотивъ чытать а-ни буквы зъ Библіи и не любывъ багато балакать,—навить Степанъ вылизъ зъ темнои сторожкы, сивъ на корыдори, надивъ окуляры и ставъ читать «Путешествіе по рѣкѣ Оранжевой и ея притокамъ», що вже рокивъ зо тры, якъ винъ ёго почавъ чытать. Биля тыну, проты сонця, на койци сыдивъ старый Демьянъ, ватажокъ штундаривъ, зъ симпатычнымъ лыцемъ и добрымы очыма, дидочокъ. Поручъ сыдилы «браты» ёго, се-бъ то однои зъ нымъ виры дядькы,—одынъ рудый, бородатый, огрядный; другый носатый, чорный и худый. Проты ихъ, на другій койци, сыдивъ Гаврыло, «челаекъ зъ понятіемъ»—высокый, худый и тонкый, схожый, якъ самъ про себе не безъ зъ гордощивъ казавъ, на святого Антонія, чудотворця Печерського. Гаврыло не пропускавъ ни однои церковнои службы, харчувався самою цыбулею й жытнимъ хлибомъ и въ розмови закыдавъ «по вченому». Биля Гаврыла, прымостывшысь на цеглынахъ, пысавъ на койци лыста худенькый чоловикъ, старанно выводячы буквы, поводячы за рукою кинчыкомъ высунутого языка, и черезъ кожни тры хвылыны повертаючысь до Гаврыла за порадою. Дали, ступнивъ на тры, на голобляхъ тачкы сыдила Мотря, а на самій тачци, пацаючы ногамы и вставляючы иноди й свое до балачкы, прыбраный и веселый Илько.

Зайшла религійна суперечка. Демьянъ говорывъ спокійно, навить весело, Гаврыло иронычно всмихався, худый де-колы додававъ свого гострого и «зъ перцемъ» слова; рудый, добродушно ростягнувшы рота въ усмишку, однаково пыльно слухавъ и Демьяна й Гаврыла и однаково, якъ выдно було, не разумивъ ни того, ни другого, але самый процессъ суперечкы, очевыдячкы, ёму стра-

шенно подобався. Середъ двору, махаючы шапкою, посвыстуючы, ганявъ смотрытельскыхъ голубивъ Андрій, похмуро часамы поглядаючы на Илька й Мотрю.

— Ха-ха-ха!—зареготався Гаврыло, одкынувшысь назадъ.— Такъ по вашему выходыть, що церквы не нада?! Ето—фактъ!.. Ха-ха-ха!. Ну, а де-жъ, прымѣромъ сказать, должны нахадыться усякыи богослужебныи вещи, ну сказать, чы чаши усякыи, чы... ну хоча бъ и чаша? Де по вашому?

— Будли-де,—усмихнувся Демьянъ,—можна и въ скрыню покласты.

— Ето, значыть, тамъ, де штаны, сорочкы. Ха-ха-ха! Тамъ и воши, и блохы...

— Вошы тежъ одъ Бога.

— Ну!..

— Хоча чаши передъ службою мыються передъ всима, такъ, щобъ вси бачылы. А що роблять ваши попы, вы не знаете. Отъ-що!

— Хто жъ то мые? Пипъ вашъ?

— У насъ попивъ нема, а мые той, хто у той разъ службу служыть.

— Ну, такъ! Пидождить,—ухопывся Гаврыло,—вы говорыте, що «той, хто службу служыть». А випъ же мае право?

— Мае.

— Хто жъ ёму ёго давъ?

— Мы.

— Ето фактъ! А вы жъ маете право давать право?

— Таке жъ саме, якъ вашъ архыерей, або сынодъ.

— Ха-ха-ха! Иванъ, Степанъ, Денысъ—сынодъ! Ха-ха-ха! Славная препорція!..

— Оть, Гаврыло Петровычъ,—перебывъ чоловичокъ, протягуючы лыста,—чы такъ? Бо той...

Гаврыло поважно взявъ и ставъ чытать:

— «Писмо пущено Мною Маркомъ Гаврыловычомъ къ жини Своій Параскы Мыхайловни прошу тебе». Ну, ето я вже чытавъ... «що Марко будь тобы Масло»...ето вже... Ага, отцеда: «Я

Марко Гаврыловычъ Прошу вашой мылосты вы выказуете що я вамъ масло прынисъ а я никакого масла ны выдилъ и ны знаю и ны бачывъ и ны чувъ А вы якъ находыте на сибе прытенцію то дасте 5 рублей и будете одвичать сыльно строго якъ ны бачылы острога то побачыте»...

— А я такъ говорю,—почавъ тыхо Демьянъ, якъ чоловичокъ зновъ высунувъ языка, пахылывъ голову на бикъ и ставъ выводыть буквы,—бидному чоловикови й копійка багато значыть. Вы визьмить те: чы въ тебе родытся, чы помре, чы свято яке, чы штось такое,—уже платы! Платы попови, бо—грихъ.

— А въ Пысаніи що сказано?—поважно и навить строго перебывъ Гаврыло:—«шедше убо научать уси языкы, крестяще ихъ во имия Отца и Сына и Св. Духа, аминь».—Га? То какой фактъ? То, значыть, що самъ Исусъ Хрыстосъ постановывъ, щобъ булы священыкы. А вы жъ тилькы Евангеллю вирыте,—це жъ по Евангеллю...

— Та не сказано, щобъ за те воны и зъ жывого и зъ мертвого шкуру дерлы,—вставывъ худый, не зводячы очей зъ Гаврыла. Рудый добродушно засміявся.

— Воны й не деруть, а беруть те, що дають.

— Та вы Гаврыла хлибомъ не кормить, а попивъ не чипайте!—крыкнувъ, сміючысь Илько. Гаврыло хытнувъ головою и зневажлыво, але такъ, щобъ не бачывъ и не чувъ Илько, скрывывшы губы, пробубонивъ:

— Дурный пипъ, дурна ёго й молытва!

Помовчалы.

— Не даромъ кажуть,—почавъ, зитхнувшы Демьянъ,—«чыи ворота мынешъ, а поповыхъ не мынешъ»... Деруть воны зъ васъ, якъ сами хотять.

— А ну, Гаврыло Петровычъ, прочытайте дали,—протягнувъ зновъ лыста чоловичокъ. Гаврыло хотивъ щось сказать Демьянови, але тилькы махнувъ рукою и взявъ лыста.

— . . . и... то побачыте...—промымрывъ винъ, шукаючы нового—Ага!.. «И прошу вашой мылосты ны радийте моему гору»... «Какъ господь дасть мини благодать то якось воно буде. Мини

господь поможыть нещасному то якось воно буде А Я Марко Гаврыловычъ и такъ никогда слёзы ны высыхають у мине и прошу вашой мылосты ны оставте моий прозьбы изъ тымъ досвсвыдание остаюсь жывъ тольки здоровя у мене плохо потому што досадую Ну все байдуже якось воно буде Писмо пысавъ Марко Гаврыловычъ звыните»...

— Воны усе, значыть, мени масломъ дорикають,—пояснывъ чоловикъ,—а я того масла, такъ отъ не грихъ запрысягнуться, и не бачывъ, яке воно на выдъ...

Андрій вылаявся на весь двиръ. Вси повернулысь,—жовторябый, трубохвостый голубъ, не вважаючы на Андріивъ свыстъ, ляскання въ долони, ніякъ нехотивъ, пидниматься вгору до гурту и все перелитавъ то зъ хлива на лёхъ, то зъ лёху на хливъ.

— Пидожды жъ!—злистно просычавъ Андрій, пидкрадаючысь до лёху, де сивъ жовторябый,—политаешъ у мене!

— Параска каже: «прызнайсь, тоби легше буде». А въ чому я буду прызнаваться? Я того масла...

— Отъ вы говорыте,—перебывъ чоловика Демьянъ,—грихъ оконы палыть... А я на се можу сказать...

Жовторябый, ничого не гадаючы повернувся хвостомъ до краю и ставъ чепурыться. Мотря й Илько пыльно слидкувалы за Андріемъ, котрый, то присидаючы, то ледве ступаючы, наблыжався до лёху. Ось винъ уже биля дверей, ось загляда на голуба, ось... піймавъ!

— Та не бый!!—крыкнула Мотря.

Андрій навить не пиднявъ головы и ставъ злорадно быть по ногахъ, по крылахъ, по голови переляканого жовторябого.

— Та пусты, не мучъ!—крыкнувъ Илько.

Намиряючысь вже пустыть, Андрій по сыхъ словахъ мовчкы злистно глянувъ на Илька, усмихнувся й, схопывшы нижку жовторябого, крутнувъ. Почувся легенькый хрускъ, голубъ несамовыто забывся й затрипався,—Андрій зламавъ ёму нижку. Сей хрускъ, розкрытый вмыть ротъ жовторябого, безсыле ёго трипання,—все се наче морозомъ пройняло Илькови тило.

— Пусты!!—рявкнувъ винъ и кынувсь до Андрія. Мотря зблидла, схопылась и побигла до ныхъ. Штунда и Гаврыло змовклы и, не знаючы въ чому ричъ, сталы дывытысь въ ихъ бикъ.

— Пусты, не мучъ!..—глухо прохрыпивъ червоный, зъ пиною на губахъ, важко дыхаючы, Илько.

— А тоби яке дило?!—блидый, ажъ жовтый, зъ сынимы губамы глянувъ на ёго ненавыстно Андрій, не выпускаючы голуба.

— Та чого ты прысикався до ёго?—сухо промовыла Мотря,— выпустыть!.. Якый сердобольный!..

— А! такъ ты за Андрія!!—блыснувъ на неи очыма Илько и ступывъ до Андрія:—Пусты, говорю!

Андрій мовчкы, дрижачою рукою ставъ щось шукать у кышени.

— Плювать мени на твій пижъ! Не пустышъ?!!

Андрій важко дыхавъ, зъ прызырствомъ усмихався и мовчкы копався въ кышени, не выпускаючы голуба.

— Такъ отъ же!!—розмахнувся Илько и, не сподиваючысь сёго, не вспившы прыгнуться, Андрій спиткнувся, зачепывсь и впавъ, выпустывшы голуба.

— Ахъ, ты жъ!!—тилькы скрыкнула Мотря и, якъ вовчыця, вйилась зубамы Илькови въ руку; але заразъ же почула, якъ щось важке ударыло іи въ перенисся; въ голови страшенно зашумило, мыгнувъ въ очахъ жовтый тынъ и, хытаючысь, вона впала до-долу.

— Стережысь, Илько!!!—вмыть пронеслось по двори зъ десятокъ несамовытыхъ, переляканыхъ голосивъ. Илько здригнувсь, хотивъ повернуться до Андрія и, крыкнувшы якось «у-е!» скрывывсь, схылывсь и, скоцюбывшысь, упавъ рядомъ зъ Мотрею. Кровъ выразною червоною стежкою полылась зъ розпоротого жывота, полылась по колинахъ, по чоботяхъ, и стала всмоктуваться въ билый, сухый писокъ.

Пройшовъ рикъ. Илько хутко писля того выдужавъ, одбувъ строкъ, выйшовъ зъ буцыгарни, ще гирше запывъ, загулявъ, піймавсь на «роботи» й попавъ у губернію въ тюрму, звидкиль вже не вертавсь. А Мотря зъ батькомъ, зъ сыномъ, зъ старою матирью Андрія, спродавшы свою й Андріеву хаты й грунтъ, заразъ же, якъ повезлы Андрія въ тюрму, пойихала за нымъ, повинчалась, и вси выйихалы «на поселення», куды прысудылы Андрія за «покушеніе на убійство».

В. Винниченко.

Памяти В. В. Тарновскаго, А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова.

(Къ рисунку).

Эти три лица, такъ близко стоявшія къ редакціи нашего журнала, очень быстро, въ три года, сошли въ могилу одинъ за другимъ... В. В. Тарновскій хоть болѣлъ долго, смерть подтачивала его организмъ постепенно. Кончина же А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова для всѣхъ была полной неожиданностью...

Они не были друзьями въ томъ смыслѣ, чтобы чувствовать постоянную потребность одинъ въ другомъ. Среда, въ которой они выросли, воспитались, весь складъ ихъ жизни и обычныхъ житейскихъ интересовъ у каждаго былъ свой, особенный. Они могли мѣсяцы, даже годы не видѣть другъ друга, но эта разлука никогда не оставляла и признаковъ отчужденія. Они всегда радостно встрѣчались и до смерти были близкими людьми. Какъ только поздней осенью В. В. Тарновскій возвращался изъ деревни или въ послѣдніе годы изъ Наугейма, гдѣ онъ лѣчился отъ подтачивавшей его постепенно болѣзни, какъ только по городу начинали бѣгать въ разныя стороны посланные въ извѣстныхъ всему Кіеву малорусскихъ козакинахъ, одинъ изъ первыхъ прибѣгалъ непремѣнно къ А. М. Лазаревскому извѣстить, что «Василь Васильевичъ сегодня уже пріѣхали». Въ два часа дня—время обычной своей прогулки—А. М. Лазаревскій непремѣнно

забѣгалъ уже на Большую Владимирскую, гдѣ въ послѣдніе годы жилъ В. В. Тарновскій. Не успѣвалъ или не могъ зайти Ал. М—чъ, навѣрно вечеромъ того дня, послѣ 10 часовъ, когда Ал. М—чъ подумывалъ уже о снѣ, у подъѣзда его останавливалась карета, запряженная парой темносѣрыхъ лошадей, и В. В. Тарновскій, больной, едва передвигавшій ноги, но постоянно сердившійся за то, что его поддерживаютъ, медленно взбирался на второй этажъ, чтобы полчасика, часокъ провести съ Ал. М—чемъ и похвалиться, а иногда и похвастаться своими новыми пріобрѣтеніями для историческаго музея и для Шевченковской коллекціи.

Александръ Матвѣевичъ никогда не тяготился этими поздними посѣщеніями В. В. Тарновскаго. Бывало, раздается звонокъ у парадныхъ дверей въ половинѣ одиннадцатаго вечера, Ал. М—чъ прислушается. «Это Тарновскій»—скажетъ онъ, улыбаясь, хватаетъ со стола свѣчку и бѣжитъ навстрѣчу отворять входную дверь и затѣмъ все время, пока взбирается В. В. Тарновскій, Ал. М—чъ стоитъ на верхней ступенькѣ лѣстницы и шутитъ. Съ людьми, къ которымъ онъ чувствовалъ пріязнь, которыхъ считалъ близкими себѣ, онъ всегда шутилъ, при чемъ шутка эта, при всей иногда свойственной Ал. М—чу рѣзкости, отличалась удивительной мягкостью и деликатностью.

Иногда В. В. Тарновскій привозилъ Ал. М—чу вновь пріобрѣтенныя вещи для музея показать, похвастаться, и Ал. М—чъ съ обычной ему шутливостью начиналъ разсматривать и критиковать ихъ.

«Это, чортъ знаетъ, что-съ»! Это Васъ надули-съ»!—останавливалъ онъ вдругъ вниманіе на какой-нибудь вещи, которою больше всего былъ заинтересованъ В. В. Тарновскій.

-- Отчего?—смущенно, съ недоумѣніемъ и какъ бы виновато спрашивалъ тотъ.

— Оттого, что это поддѣлка, это—чортъ знаетъ что; это надулъ Васъ мошенникъ***», и А. М. называлъ при этомъ имя одного изъ антикваріемъ—торговцевъ, который частенько заходилъ къ В. В. Тарновскому и сбылъ ему не мало разнаго хлама

и негодныхъ вещей за дорогую цѣну. Иногда В. В. Тарновскій слушался Александра Матвѣевича. Благодаря, напр., ему, Василій Васильевичъ не купилъ въ свой музей поддѣльной чаши Богдана Хмельницкаго. Правда, онъ долго колебался, слишкомъ была заманчива покупка, и только замѣтка А. М. Лазаревскаго объ этой чашѣ, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» предупредила В. В. Тарновскаго отъ безполезной и значительной затраты, на которую подбивалъ его одинъ изъ кіевскихъ антикваріевъ—продавцовъ.

Роль Алек. М. Лазаревскаго при составленіи музея В. В. Тарновскаго, вообще должна быть признана, особенно за послѣднее время, очень значительный. Онъ являлся главнымъ совѣтчикомъ В. В. Тарновскаго, онъ далъ ему много автографовъ, гравюръ, нѣкоторые изъ старинныхъ потретовъ, онъ побуждалъ В. В. Тарновскаго составить при музеѣ библіотеку и помогалъ ему въ этомъ, слѣдилъ за работой по описанію музея при жизни В. В. Тарновскаго, редактировалъ и корректировалъ каталогъ Шевченковской коллекціи; ему же принадлежитъ мысль передать музей Черниговскому земству, куда, послѣ долгихъ колебаній, и завѣщалъ его В. В. Тарновскій.

Знакомство Ал. М—ча Лазаревскаго съ В. В. Тарновскимъ, было давнее, еще съ молодыхъ лѣтъ. Они познакомились, кажется, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ то время, когда оба близко стояли къ крестьянскому дѣлу. Съ Николаемъ Васильевичемъ Шугуровымъ Ал. М—чъ познакомился позже, въ 1880-хъ уже годахъ, когда Н. В. Шугуровъ былъ назначенъ членомъ Кіевской Судебной Палаты. «Это я обрѣлъ его»—говорилъ Ал. М—чъ. До тѣхъ поръ Н. В. Шугоровъ былъ товарищемъ предсѣдателя окружного суда въ одномъ изъ захолустныхъ городовъ Черниговской губ.—Стародубѣ.

По окончаніи Московскаго университета Н. В. Шугуровымъ судьба было улыбнулась ему, онъ быстро сдѣлалъ карьеру, былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя одесскаго окружного суда и затѣмъ вдругъ переведенъ въ Стародубъ, забытъ, какъ человѣкъ безъ всякой протекціи, и въ такомъ забытьи прожилъ больше

десяти лѣтъ, если не пятнадцать. А. М. Лазаревскій зналъ о Н. В. Шугуровѣ по слухамъ, по разсказамъ людей близкихъ, или которымъ онъ довѣрялъ. О Шугуровѣ много ему разсказывалъ другъ его, покойный П. Г. Васьковъ, землякъ и университетскій товарищъ Н. В. Шугурова; его хорошо зналъ и А. С. Лашкевичъ, покойный редакторъ-издатель «Кіевской Старины»; знали и многіе въ Черниговской губ., съ которыми приходилось сталкиваться А. М. Лазаревскому; читалъ онъ, наконецъ, и статьи Н. В. Шугурова. Все это вмѣстѣ уже напередъ располагало къ нему А. М. Лазаревскаго. Ал. М—чъ предложилъ Шугурова въ члены Кіевской Судебной Палаты и поддержалъ его кандидатуру въ Общемъ Собраніи. Оттого онъ и говорилъ иногда, что «это онъ обрѣлъ Николая Васильевича». Дѣйствительно, не будь Александра Матвѣевича, скромный Николай Васильевичъ, быть можетъ, и дни свои кончилъ бы товарищемъ предсѣдателя суда, все въ томъ же Стародубѣ. Теперь же онъ умеръ предсѣдателемъ Нѣжинскаго окружного суда.

А. М. Лазаревскій всегда очень много придавалъ значенія первому впечатлѣнію, которое производилъ на него человѣкъ. Умный, скромный, молчаливый, горячо любящій свою родину и науку, Н. В. Шугуровъ сразу же завоевалъ для себя всѣ симпатіи А. М. Лазаревскаго и сразу же сдѣлался близкимъ человѣкомъ, не сослуживцемъ только, а человѣкомъ, съ которымъ не только Ал. М—чъ Лазаревскій, но и многіе изъ пріятелей Ал. М—ча почувствовали свое духовное сродство. Въ семьѣ Ал. М—ча Лазаревскаго Н. В. Шугуровъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Большую часть жизни Н. В. Шугуровъ прожилъ одинокимъ человѣкомъ и только подъ конецъ дней ему улыбнулось семейное счастье. Но не надолго: смерть скоро похитила его. Раньше, когда онъ былъ одинокимъ, когда наступали каникулы, праздники, онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ д. Коренекъ, глуховскаго уѣзда, навѣстить старушку мать и такъ дѣлалъ всегда до самой смерти матери. Ничто не останавливало его, никакая погода, и часто 70 верстъ тащился онъ отъ желѣзной дороги по весенней распутицѣ, чтобы провести пасху съ старушкой-ма-

терью. Отъ матери онъ уѣзжалъ куда-нибудь по бѣлу свѣту: въ Петербургъ, Финляндію, на Кавказъ. Онъ любилъ ѣздить, и какъ разъ предъ смертью посѣтилъ Днѣпровскіе пороги. Но за послѣдніе годы дальнія поѣздки на каникулахъ дѣлались все рѣже и рѣже. Н. В. Шугуровъ любилъ на каникулахъ заѣхать въ Подлипное (конотоп. уѣзда) къ А. М. Лазаревскому, прожить тамъ недѣльку, другую, а то и мѣсяцъ, и тамъ провести большую часть своихъ каникулъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ гостей, которые не могли стѣснить, не могли выбить хозяевъ изъ колеи, создать для нихъ излишнюю суету, нарушить теченіе обычной жизни и тѣмъ сдѣлать свое пребываніе въ гостяхъ тягостнымъ. Н. В. Шугуровъ могъ по цѣлымъ днямъ оставаться одинъ, по цѣлымъ днямъ молчать, ходить, про него можно было и забыть совсѣмъ, а когда онъ появлялся къ обѣду, чаю, ужину, онъ былъ всегда желаннымъ членомъ дома. Вотъ почему А. М. Лазаревскій, отдыхавшій у себя въ Подлипномъ отъ городской суеты и людей, любившій деревенскую свободу, покой, любившій проводить лѣто въ кругу только своей семьи, всегда звалъ къ себѣ на лѣто Н. В. Шугурова. И Н. В. Шугуровъ ѣздилъ, за послѣдніе годы чуть ли не каждое лѣто, и подолгу живалъ въ Подлипномъ. Очевидно, ему, одинокому, хорошо, тепло жилось и чувствовалось въ семьѣ А. М. Лазаревскаго.

Ал. М—чъ любилъ Николая Васильевича за его душевную чистоту, не позволявшую и, можно смѣло сказать, не позволившую ему когда-нибудь поступиться своими основными убѣжденіями. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова честный человѣкъ, честный гражданинъ честный судья; при томъ же Николай Васильевичъ горячо любилъ свою родину и науку,—словомъ, у Н. В. Шугурова была наличность всѣхъ тѣхъ заповѣдей, исполненія которыхъ А. М. Лазаревскій требовалъ отъ близкихъ къ себѣ людей и прежде всего отъ самого, конечно, себя.

А. М. Лазаревскій былъ человѣкъ довольно замкнутый и очень туго сближавшійся. Въ судебной палатѣ у него было много знакомыхъ, даже хорошихъ знакомыхъ среди сослуживцевъ, но близкимъ былъ одинъ Н. В. Шугуровъ. Съ нимъ онъ схо-

дился во взглядахъ, съ нимъ любилъ обсуждать новости и мѣропріятія по министерству юстиціи или разныя событія въ жизни кіевской суд. палаты. Оба они были закоренѣлыми приверженцами суда присяжныхъ, несмѣняемости судей, выборнаго начала и вообще основъ судебныхъ уставовъ 1864 года: оба были противниками новѣйшихъ мѣропріятій по министерству юстиціи, смѣшенія суда и администраціи, противниками карьеризма, который дѣлался характернымъ явленіемъ въ судебномъ мірѣ за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ, когда особенно стали расшатываться лучшія судебныя традиціи 1860-хъ годовъ. Иногда, подъ вліяніемъ какой-нибудь новости въ этомъ родѣ, А. М—чъ забѣгалъ въ воскресенье по пути съ Подола, гдѣ онъ просматривалъ книги у букинистовъ, къ Н. В. Шугурову и здѣсь отводилъ свою душу. Хозяинъ сидѣлъ въ это время въ креслѣ, молчалъ. Кругомъ на столахъ были разбросаны новые журналы, преимущественно, иллюстрированные. Ал. М-чъ, по своей живости, не могъ никогда усидѣть на одномъ мѣстѣ при разговорѣ, вѣчно бѣгалъ; пересѣдалъ съ одного стула на другой... Вдругъ глаза его упали на какой-нибудь журналъ, заинтересовала статья, рисунокъ относящійся къ Малороссіи...

— Вы бы, Николай Васильевичъ—написали объ этомъ для «Кіевской Старины».

— Да, у меня еще есть матеріалы... И Николай Васильевичъ начиналъ выкладывать одну папку за другой. Недавнія огорченія на время забыты, и Ал. М-чъ поглощенъ разсматриваніемъ матеріаловъ, собранныхъ Н. В. Шугуровымъ, дивится ихъ богатству, рѣдкости. Ал. М-чъ массу зналъ, удивить его какой-нибудь статьей, книгой по исторіи Малороссіи было трудно, но у Н. В. Шугурова онъ всегда много находилъ новаго для себя. Нужно сказать, впрочемъ, что главной областью, которой интересовался Н. В. Шугуровъ, была область искусства вообще, и малорусскаго въ частности, и въ этомъ отношеніи имъ собрано не мало интереснаго. Къ сожалѣнію, сравнительно рѣдко Н. В. Шугуровъ брался за перо, да и то въ большинствѣ случаевъ А. М. Лазаревскій побуждалъ его подѣлиться съ читателями бога-

тыми свѣдѣніями, которыми, несомнѣнно, обладалъ Н. В. Шугуровъ и которыя онъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ неиспользованными унесъ съ собой въ могилу.

Чрезъ А. М. Лазаревскаго Н. В. Шугуровъ познакомился и съ В. В. Тарновскимъ и затѣлъ сблизился съ нимъ. Насколько Н. В. Шугуровъ цѣнилъ В. В. Тарновскаго, это онъ высказалъ въ одной изъ своихъ статей, «Памяти В. В Тарновскаго», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» и подписанной иниціалами Н. Ш—въ, какъ обыкновенно подписывалъ свои мелкія статьи Н. В. Шугуровъ.

А. М. Лазаревскаго, Н. В. Шугурова и В. В. Тарновскаго связывало вмѣстѣ одно главное чувство—любовь къ своей родинѣ—Малороссіи и желаніе быть ей, такъ или иначе, полезнымъ, и каждый изъ нихъ, по своему, удовлетворялъ этому желанію. А. М. Лазаревскій занимался разработкой исторіи ея и составилъ себѣ на этомъ поприщѣ крупное научное имя, собралъ много рукописей, библіотеку, которою обогатилъ кіевскій университетъ, Н. В. Шугуровъ поработалъ также не мало для исторіи Малороссіи и составилъ также цѣнное собраніе матеріаловъ и библіотеку, которая пока еіце, благодаря отсутствію завѣщанія, не нашла себѣ пристанища. Имя В. В. Тарновскаго хорошо извѣстно въ Малороссіи, какъ человѣка, составившаго богатѣйшій музей малорусскихъ древностей и какъ глубокаго почитателя таланта и личности незабвеннаго Кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченка.

Шевченко для В. В. Тарновскаго былъ своего рода культъ. Онъ дорожилъ каждой мелочью, каждымъ пустякомъ, относившимся къ личности поэта и его біографіи. Кто хоть разъ видѣлъ В. В. Тарновскаго за работой въ его кабинетѣ, тотъ никогда не забудетъ и съ умиленіемъ будетъ вспоминать этого поломаннаго тяжкою болѣзнію, едва стоявшаго на ногахъ старика, съ замѣчательно своеобразнымъ красивымъ малорусскимъ лицомъ, всецѣло погруженнаго въ разборку, сортировку, подклейку своихъ драгоцѣнностей—вырѣзокъ изъ газетъ и журналовъ, картинокъ и бумажекъ, относящихся къ памяти Т. Г. Шевченка. Для В. В. Тар-

новскаго все было цѣнно, гдѣ стояло имя Т. Г. Шевченка, даже простое объявленіе о панихидѣ въ память его, все было дорого. Такъ бываетъ намъ дорогъ всякій пустякъ, на которомъ только стоитъ имя любимаго человѣка...

В. В. Тарновскаго всегда очень огорчало, что надъ именемъ Шевченка стоялъ въ Кіевѣ запретъ, нельзя было по немъ ни панихиды служить, ни публично чествовать его память. Долго онъ добивался снятія запрета, и, наконецъ, бывшій Кіевскій генералъ-губернаторъ графъ А. П. Игнатьевъ снялъ его. Лица, бывшія на Шевченковскихъ вечерахъ въ залѣ литературно-артистическаго Общества въ Кіевѣ, на Рогнѣдинской, хорошо помнятъ, что, пока былъ живъ В. В. Тарновскій, ни одинъ изъ вечеровъ не обходился безъ его присутствія. Чествовали тамъ же столѣтіе появленія «Энеиды» И. П. Котляревскаго, т. е. другими словами столѣтіе новой малорусской литературы, В. В. Тарновскій былъ и на этомъ чествованіи. Больной, опираясь на палку, поддерживаемый двумя лакеями, едва передвигавшій ноги, взбирался онъ на второй этажъ и, несмотря на видимую усталость, высиживалъ чествованіе до конца. Жаль, больно было смотрѣть на стоявшаго у края могилы старика, но вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно и для многихъ, если хотите, было и поучительно его присутствіе. Болѣзнь не останавливала его передъ памятью Шевченка, и въ послѣдніе годы своей жизни В. В. Тарновскій почти ежегодно совершалъ паломничество въ Каневъ, на могилу незабвеннаго поэта. Нанимался особый пароходъ: своя семья, нѣсколько близкихъ знакомыхъ, почитателей Т. Г. Шевченка—въ такомъ обществѣ ѣздилъ В. В. Тарновскій на могилу, чтобы провести тамъ нѣсколько часовъ вблизи останковъ человѣка, почитаніе памяти котораго сдѣлалось въ концѣ концовъ чуть ли не содержаніемъ послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Въ с. Качановкѣ, борзенскаго уѣзда, чернигов. губ., въ бывшемъ имѣніи В. В. Тарновскаго, не одинъ разъ гостилъ Т. Г. Шевченко, когда В. В. Тарновскій былъ еще студентомъ, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Въ Качановкѣ Василій Васильевичъ и позна-

комился съ нимъ въ одинъ изъ его пріѣздовъ. Пока имѣніе оставалось въ рукахъ В. В. Тарновскаго, много уголковъ въ паркѣ было связано съ именемъ Шевченка: тамъ Шевченко сидѣлъ, тамъ кавуны ѣлъ... А. М. Лазаревскій частенько подтрунивалъ надъ этими воспоминаніями, надъ этими достопримѣчательностями, которыя хозяинъ любилъ показывать своимъ гостямъ. На одномъ изъ этихъ достопримѣчательныхъ мѣстъ висѣлъ и медальонъ Т. Г. Шевченка.

В. В. Тарновскій любилъ иногда мечтать. То ему мечталось, что онъ на своемъ еще вѣку увидитъ въ Кіевѣ памятникъ украинскому народному поэту. Онъ уже и мѣсто для него назначалъ, на Бибиковскомъ Бульварѣ, противъ 1-й гимназіи, съ лицемъ, обращеннымъ къ Большой Владимірской улицѣ. То мечталось еще сдѣлать изъ своей Качановки какую-то малорусскую національную святыню, перевезти туда и похоронить тѣла всѣхъ видныхъ малороссіянъ: Шевченка, Костомарова, Квитку, Котляревскаго и др., насыпавъ надъ ними высокія могилы, какая насыпана была имъ надъ могилой друга Шевченка, художника Честаховскаго, въ послѣдніе годы часто проживавшаго у В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ и похороненнаго въ качановскомъ паркѣ. Можетъ быть, эти мечты были однѣ смѣшны, другія только несбыточны, но онѣ показываютъ въ какомъ направленіи работала мысль В. В. Тарновскаго: хотѣлось что-то еще сдѣлать для родины хорошаго.

Музей малорусскихъ историческихъ древностей В. В. Тарновскаго и его Шевченковская коллекція—это не праздная забава собирателей рѣдкостей. Это—глубоко-національное дѣло, выполненное В. В. Тарновскимъ предъ родиной. Что такъ онъ самъ смотрѣлъ на свой музей, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что онъ никогда не считалъ музея своимъ фамильнымъ имуществомъ. Въ музеѣ онъ всегда видѣлъ общественное достояніе, долго не могъ онъ остановиться на учрежденіи, которому онъ со спокойной совѣстью довѣрилъ бы свое любимое дѣтище, учрежденіи, которое бы уберегло его, какъ національную собственность, не позволило бы увезти музей и Шевченковскую коллекцію изъ Ма-

лороссіи, гдѣ они только и имѣютъ смыслъ. Такимъ учрежденіемъ, по совѣту А. М. Лазаревскаго, явилось какъ извѣстно, Черниговское Губернское Земство. Туда поступилъ уже музей малорусскихъ древностей, туда поступила и Шевченковская коллекція. Въ сущности, оба эти отдѣла составляютъ неразрывное цѣлое. Трудно прослѣдить генезисъ музея В. В. Тарновскаго, одно несомнѣнно, имъ всегда руководилъ духъ Шевченка...

Прилагаемый рисунокъ сдѣланъ со случайной любительской фотографіи, снятой въ с. Качановкѣ, въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній ея А. М. Лазаревскимъ и Н. В. Шугуровымъ. Посрединѣ сидитъ В. В. Тарновскій, по лѣвую руку отъ него А. М. Лазаревскій, по правую—Н. В. Шугуровъ.

Качановка—одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Малороссіи: громадный 600-десятинный паркъ, приведенный въ образцовый порядокъ покойнымъ В. В. Тарновскимъ, пруды, масса зелени, видовъ, одинъ другого красивѣе и разнообразнѣе... В. В. Тарновскій долго лелѣялъ, долго оберегалъ свою Качановку. Къ сожалѣнію, подъ конецъ жизни денежныя обстоятельства заставили его продать ее П. И. Харитоненку.

А. М. Лазаревскій, обыкновенно рѣдко когда-нибудь выѣзжавшій лѣтомъ изъ своего Подлипнаго, въ послѣдніе годы жизни В. В. Тарновскаго въ Качановкѣ, почти ежегодно бывалъ тамъ. Качановка нравилась ему своей красотой, своей прелестью. Гостепріимство хозяина, радушіе его, возможность уйти въ паркъ, остаться одинокимъ, когда хочется, никому не мѣшать—все это подкупало Александра Матвѣевича, и онъ охотно ѣхалъ туда, чаще всего съ Н. В. Шугуровымъ, когда тотъ лѣтомъ гостилъ у него. Въ Качановкѣ В. В. Тарновскій жилъ въ барскихъ двухэтажныхъ, еще при Румянцевѣ выстроенныхъ хоромахъ, съ безконечнымъ количествомъ комнатъ. Надъ домомъ на флагштокѣ развѣвался обыкновенно флагъ съ гербомъ Тарновскихъ—знакъ, что хозяинъ дома. Но рядомъ съ этими хоромами, среди зелени парка, для забавъ дѣтей была выстроена бѣленькая малорусская хатка съ соломенной крышей, характернымъ малорусскимъ перелазомъ

чрезъ плетень; на огородѣ—гарбузы; внутри хатки—черепяная посуда на полыцяхъ, на покути—икона вся заквитчана и убрана малорусскими рушныками, простой столъ, накрытый малорусской скатертью и лавки кругомъ...

На призьбѣ у этой хатки Н. Ф. Бѣляшевскій случайно и снялъ на память потомству трехъ, теперь уже дорогихъ покойниковъ... Не случайно они только были вмѣстѣ...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Какъ вводилось оспопрививаніе въ Уманскомъ уѣздѣ сто лѣтъ назадъ. Въ іюнѣ 1803 года кіевскій гражданскій губернаторъ Петръ Прокопьевичъ Панкратьевъ обратился къ митрополиту Гавріилу съ отношеніемъ, въ которомъ яркими красками рисовалъ бѣдствія, наносимыя роду человѣческому натуральной оспой. «Довольно извѣстно,— писалъ онъ,—сколько пагубны для человѣческаго рода слѣдствія натуральной оспы, отъ которой множество народа еще въ младенчествѣ и въ цвѣтущемъ состояніи лишаются жизни. Для отвращенія сего зла изобрѣтено весьма полезное и спасительное для человѣчества средство прививать всѣмъ младенцамъ, у которыхъ натуральной оспы не было, коровью; и какъ средство сіе распространилось и употребляется уже съ наилучшимъ успѣхомъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, да и въ Россіи многіе благомыслящіе люди начинаютъ уже стараться вводить его въ употребленіе, то, послѣдуя сему примѣру, и графъ Станиславъ Потоцкій, которому почти весь Уманскій сей губерніи повѣтъ принадлежитъ, для предохраненія крестьянъ своихъ отъ сей гибельной язвы, приказалъ управителю имѣній его всѣмъ малолѣтнимъ дѣтямъ привить коровью оспу, для чего прислалъ туда и нарочито искусныхъ докторовъ; но крестьяне, узнавъ о томъ, по невѣжеству своему, не только не соглашаются допустить для прививанія дѣтямъ своимъ оспы и *прячутся съ ними въ лѣса*, но даже явно противу сего ропщутъ и толкуютъ сіе благодѣтельное для нихъ средство совсѣмъ въ противную сторону, выдумывая смѣху достойныя басни,—во прекращеніе чего предписано отъ меня тамошнему земскому начальству,

чтобъ присланные отъ графа Потоцкаго доктора насильно къ тому никого не принуждали, а сдѣлали бы сію операцію только надъ тѣми дѣтьми, которыхъ родители сами на то изъявятъ свое согласіе». Усердно желая, чтобы «сіе спасительное средство скорѣе было введено и въ здѣшнемъ краѣ» и будучи увѣренъ, что приходскіе священники «большую имѣютъ довѣренность и уваженіе своихъ прихожанъ», Панкратьевъ обратился къ митрополиту съ просьбой дать всѣмъ приходскимъ Кіевской губерніи священникамъ предписаніе, «дабы они съ своей стороны, яко люди благомыслящіе, вразумляли и истолковывали поселянамъ, что прививаніе дѣтямъ ихъ коровьей оспы не только не противно закону Божію, но, напротивъ, есть дѣйствіе человѣколюбія и самое полезнѣйшее для избавленія людей отъ пагубныхъ слѣдствій натуральной оспы, чрезъ которую такъ много истребляется дѣтей и вообще народа». Само собою разумѣется, митрополитъ не отказался предписать всѣмъ духовнымъ правленіямъ Кіевской губерніи, «дабы они приказали приходскимъ священникамъ располагать своихъ прихожанъ къ принятію, гдѣ нужда требуетъ, сего спасительнаго средства противъ гибельной оспы, опровергая пустые и неосновательные толки противъ коровьей оспы, отъ простолюдиновъ выдуманные»...

Спустя два года мы наталкиваемся на оспопрививательную дѣятельность въ уманскомъ уѣздѣ одного изъ «нарочито искусныхъ докторовъ»—штабъ-лѣкаря 8 класса Трофима Ноздри. Въ іюлѣ 1805 года онъ отправилъ въ Уманскій нижній земскій судъ сообщеніе, что, «вслѣдствіе полученныхъ имъ изъ государственной медицинской и Кіевской врачебныхъ управъ его императорскаго величества указовъ, имѣетъ приступить по данному ему печатному наставленію и особому по наукѣ его искуствѣ (!) къ прививанію малолѣтнимъ дѣтямъ коровьей оспы, на которыхъ еще не было оной, служащей ко истребленію вовсе отъ заразы натуральной оспы—*безъ всякой заплаты, но единственно изъ человѣколюбія* къ роду человѣческому», и требовалъ со стороны суда оповѣстить всѣхъ жителей Уманскаго уѣзда, что «какъ сей способъ всѣми медицинскими чинами признанъ справедливымъ ко истребленію погубляющей многимъ числомъ родъ человѣческій натуральной оспы и не наноситъ малолѣтнимъ дѣтямъ никакихъ сумнительныхъ послѣдствій, то и не отваживался бы никто при начинаніи сего спасительнаго дѣла сопротивляться и дѣлаться ослушнымъ». По справкѣ въ Уманскомъ земскомъ судѣ оказалось, что въ минувшемъ 1804 году «по случаю начинанія прививаться той оспы, во всемъ здѣшнемъ

повѣтѣ простолюдины, не понимая сей спасительной для ихъ собственной пользы, пришли было до такого смятенія, что нѣкоторые производили разныя нелѣпыя умствованія, *молились въ церквахъ отъ избавленія дѣтямъ ихъ отъ сего прививанія*, а многіе готовы защищаться непозволительнымъ образомъ; жены же съ малолѣтними дѣтьми *скрывались въ лѣсахъ и степахъ*, даже до того, что земская полиція принуждена была оставить дѣйствія сего прививанія, а черезъ священниковъ велѣно прежде внушить сему народу, какую приноситъ пользу сіе прививаніе, и привлечь ихъ къ тому посредствомъ наставленій и дѣйствіемъ, такъ чтобы *сперва прививаема была оспа дѣтямъ шляхетскимъ, священническимъ* и другого рода, а потомъ уже крестьянскимъ, и то, когда они согласятся добровольно, а принужденія отнюдь не дѣлать. Уповательно, что такимъ наставленіемъ и очевиднымъ опытомъ простолюдины до сего времени хотя не всѣ, но большею частью должны познать дѣйствія въ прививаніи оспы коровьей для нихъ полезными, для того господину штабъ-лѣкарю Ноздрѣ къ начинанію прививать ту оспу на вышеписанномъ основаніи не препятствовать и во извѣстіе о семъ распубликовать по всѣму повѣту, съ тѣмъ, чтобы не только священники каждаго селенія въ церквахъ и другихъ, гдѣ только прилично, мѣстахъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ отъ начальства ихъ предписаній, но и сами помѣщики, посессоры и экономы старались выводить крестьянъ изъ сумнѣній по сему предмету содержимыхъ всякими удобовозможными средствами, и помянутому штабъ-лекарю Ноздрѣ къ распространенію оспопрививанія сколько можно въ большомъ числѣ дѣтямъ оказывали вспомоществованіе».

Къ сожалѣнію, о дальнѣйшей судьбѣ «человѣколюбивыхъ» намѣреній лѣкаря Ноздри и ему подобныхъ, свѣдѣній у насъ не имѣется. Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что и въ послѣдующіе затѣмъ годы дѣло съ оспопрививаніемъ обстояло не лучше. Изъ имѣющейся у насъ копіи указа свят. Синода отъ 31/VII 1811 г. Кіевскому митрополиту Серапіону, по поводу учрежденія по всей Россіи оспопрививательныхъ комитетовъ (губернскихъ и уѣздныхъ), видно, что народъ по прежнему продолжаетъ недовѣрчиво относиться къ заботамъ объ его благополучіи. Въ пунктѣ 2-омъ указа говорится: «къ вящему же достиженію въ ономъ (оспопрививаніи) успѣха со стороны духовенства, и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто дѣйствуетъ болѣе на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благо-

разумное увѣщеніе, не безполезно кажется учинить, *чтобы дѣти, а особливо по деревнямъ,* у коихъ была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи, *приводимы были въ праздникъ или въ воскресный день,* смотря по удобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, *въ церковь* для слушанія божественной литургіи, *коихъ и ставить впереди* на особенномъ имъ, отъ священника назначенномъ, мѣстѣ». *Пунктъ 3-й*: «Обязанность священника при семъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобы онъ, по окончаніи богослуженія, для подражанія другимъ, для увѣренія другихъ въ безопасности и пользѣ прививанія коровьей оспы, объявилъ имена выздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, съ свойственнымъ пастырю духовному увѣщаніемъ, и о тѣхъ, гдѣ къ несчастью случится, кои потеряли бы по небреженію своему «сѣменнаго» человѣка отъ натуральной оспы»...

В. Доманицкій.

Священникъ, преданный суду за возмущеніе крестьянъ гр. Разумовскаго. Какъ извѣстно, терминъ «возмущеніе крестьянъ» необыкновенно щедро примѣнялся къ самымъ невиннымъ дѣйствіямъ сельскаго духовенства въ эпоху крѣпостного права. Стоило, напр., вольному человѣку, незаконно закрѣпощаемому помѣщикомъ, или крестьянину, угнетаемому паномъ, его управляющимъ или экономомъ, обратиться за совѣтомъ къ своему естественному совѣтчику—приходскому священнику и получить отъ него указаніе, гдѣ и какъ онъ можетъ найти защиту своихъ законныхъ правъ,—и поводъ для обвиненія священника въ «возмущеніи крестьянъ» былъ готовъ. Весьма вѣроятно, что и священникъ Петрашевскій, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ документѣ, былъ повиненъ въ такомъ же дѣйствіи. Его обвинитель, графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій, былъ однимъ изъ шести сыновей бывшаго гетмана. По распредѣлительной записи послѣдняго, совершенной въ 1800 г. [1]), на долю Льва К-ча досталась «въ повѣтѣ полтавскомъ волость Карловская, съ принадлежащими къ ней селами, деревнями и хуторами, съ коннымъ заводомъ и всякими другими заведеніями и наличностію», а также заднѣпровскія дачи съ слободами Кириловою и Разумовою, и сверхъ того «оставшіяся отъ

---

[1]) Кіев. Старина, 1891 г.. августъ, стр. 317.

продажи Гадяцкого замка въ гадяцкомъ и зѣньковскомъ повѣтахъ» села: Комыши, Павловка, Павловочка и деревня Довжикъ съ хуторами Шиловскимъ и Шаповаловскимъ, да въ роменскомъ повѣтѣ с. Опанасовка съ коннымъ заводомъ и пр. Въ составъ Карловской волости входила и Ковалевка, на рч. Коломакѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Полтавы. Раньше это было козацкое село, входившее въ составъ одной изъ полтавскихъ сотенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ оно было пожаловано гетману, трудно было крестьянамъ и помышлять о возвращеніи былой вольности; но въ первые годы царствованія Александра I закрѣпощенные малороссіяне нерѣдко пытались хлопотать о возстановленіи старыхъ своихъ козацкихъ правъ. При тогдашнемъ живомъ общеніи прихожанъ съ духовенствомъ, кому было лучше вѣдомо, кто изъ нихъ происходилъ изъ козаковъ, а кто изъ посполитыхъ? Конечно, мѣстному причту, обыкновенно наслѣдственно занимавшему церковныя должности. Но тутъ духовенству предстояла трудная альтернатива: уклониться отъ совѣта и помощи прихожанамъ значило потерять ихъ расположеніе и уходить изъ прихода; дѣйствовать въ ихъ пользу—подвергнуться отвѣтственности за нарушеніе изданныхъ на сей предметъ указовъ. Эти обстоятельства до крайности затрудняли прежде столь простое и легкое прохожденіе приходской службы въ Малороссіи и немало способствовали разрыву прежняго нравственнаго единенія пастырей и пасомыхъ. *Ред.*

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Хорольскаго духовнаго правленія благочинному протоіерею Василію Городецкому. Въ указѣ изъ малороссійской Духовной Консисторіи, въ семъ правленіи настоящаго мѣсяца 24 числа полученномъ, изображено: въ оной духовной консисторіи, по прошенію его сіятельства графа Льва Кириловича Разумовскаго повѣреннаго Карловской волости, войскового товарища Калинника, пишется въ учиненіи изслѣдованія (о) возмущеніи Полтавскаго повѣта с. Ковалевки священникомъ Іоанномъ Петрашевскимъ тамошнихъ помянутаго графа Разумовскаго крестьянъ къ выискиванію ими козачества, поступленіи съ нимъ Петрашевскимъ по силѣ имяннаго Высочайшаго 1797 года генваря 20 дня состоявшогося и во всенародное извѣстіе при церквахъ публикованнаго указа опредѣлено и его высокопреосвященствомъ Сильвестромъ, епископомъ Малороссійскимъ, Переяславскимъ и ордена св. Анны 1-го класса кавалеромъ, утверждено: какъ указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго Синода по именному Высочайшему отъ

9 іюня 1800 года состоявшихся, (sic) предписано, что если кто изъ церковно и священнослужителей и за симъ окажется въ возмущеніи крестьянъ участникомъ, то таковаго, тотчасъ отрѣша отъ прихода и запретя священнослуженіе, отсылать къ сужденію въ мѣстное правительство съ тѣмъ, что буде по изслѣдованіи и по рѣшенію онаго признанъ будетъ виновнымъ, то, лиша званія его и отославъ въ то правительство для поступленія съ нимъ по законамъ, репортовать во извѣстіе святѣйшему Синоду немедленно; для того сообщить въ Малороссійское Полтавское губернское правленіе съ тѣмъ, чтобы отъ онаго предписано было кому слѣдуетъ, при депутатѣ со стороны духовной, учинить относительно наводимаго на священника Петрашевскаго подозрѣнія въ наклоненіи крестьянъ графа Разумовскаго къ возмущенію, изслѣдованія и рѣшенія и что потому окажется, дано бы знать оной Консисторіи обстоятельно къ должному объ немъ Петрашевскомъ разсмотрѣнію, и въ Полтавское духовное правленіе послать указъ, предписавъ въ ономъ, дабы, какъ скоро получено будетъ о высылкѣ онаго священника Петрашевскаго требованіе, по оному его для сужденія, по отрѣшеніи отъ прихода и запрещеніи священнослуженія, отослало бы, а равно и депутата для бытія при слѣдствіи объ немъ и рѣшеніи отрядило немедленно; дабы же всѣ подвѣдоміе оной Консисторіи священно- и церковно-служители ни подъ какимъ видомъ въ толь постыдніе и закону противные поступки не вмѣшивались, о подтвержденіи имъ о томъ съ подписками всѣмъ духовнымъ правленіямъ указами предписать. Во исполненіе котораго указа въ хорольскомъ духовномъ правленіи опредѣлено: послать благочиннымъ указы съ тѣмъ, дабы они всѣмъ подвѣдомымъ имъ священно и церковно-служителямъ строжайше подтвердили съ подписками, чтобы они въ толь постыдніе и законопротивніе поступки отнюдь не вмѣшивались, а затѣмъ оные подписки прислали бы въ сіе правленіе въ немедленномъ времени для храненія при дѣлѣ, очемъ и вамъ посилается. Сего 1803 года, октября 26 дня. (Изъ архива Георгіевской церкви г. Хорола).

Сообщ. **П. Китицынъ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *Города Ромны, Гадячъ, Миргородъ и ихъ уѣзды сто лѣтъ назадъ.* Въ предыдущей кн. «К. Ст.», сообщая статистическія свѣдѣнія о Кременчугѣ за 1804 г., мы кратко

указали и поводъ, по которому они были собраны, именно, что свѣдѣніями этими интересовался визитаторъ Харьковскаго учебнаго округа, проф. И. Ѳ. Тимковскій. Согласно выраженному имъ желанію, тогдашній Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ предписалъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ полтавской и черниговской губерній, доставить такія свѣдѣнія. Объ уѣздныхъ городахъ свѣдѣнія доставляли городничіе, а объ уѣздахъ—нижніе земскіе суды. Въ руководство имъ дана была цѣлая программа вопросовъ, по которой относительно уѣздовъ требовалось сообщить: 1) о числѣ жителей уѣзда, священно-церковно-служителяхъ, количествѣ монаховъ, количествѣ незаконнорожденныхъ, о семьяхъ, имѣвшихъ отъ восьми до десяти душъ дѣтей, 2) о селеніяхъ, гдѣ есть три церкви и болѣе, и какія деревни съ 1780 г. обратились въ села; 3) о каменоломняхъ, лѣсахъ, фруктовыхъ садахъ, о шелководствѣ, 4) о количествѣ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, о заводахъ, фабрикахъ, ярмаркахъ; 5) о количествѣ выбранныхъ паспортовъ и о мѣстахъ, куда населеніе отправляется лѣтомъ на заработки; 6) о врачахъ, богадѣльняхъ, о привитіи оспы; 7) о числѣ школъ въ селеніяхъ и о томъ, занимаются ли въ школѣ священники обученіемъ дѣтей, и, наконецъ, 8) о достопримѣчательностяхъ въ уѣздѣ и о томъ, были ли какія-либо бѣдствія, разрушенія, какъ то: наводненія, пожары и т. под.

Городничіе и нижніе земскіе суды отвѣтили по всѣмъ этимъ пунктамъ, но очень кратко, отрывочно; тѣмъ не менѣе и эти скудныя статистическія данныя могутъ представлять извѣстный историческій интересъ.

Г. Ромны и его повѣтъ. Какова была площадь, занимаемая городомъ въ 1804 году, городничій затрудняется сообщить: «сколько десятинъ земли по новому плану,—пишетъ онъ,—здѣшній городъ занимать будетъ—знать не можно, поелику оный по плану еще не разбитъ, а по прежнему его положенію, занимаетъ земли 545 десятинъ». Когда онъ былъ основанъ, городничій тоже не знаетъ, такъ какъ объ этомъ «свѣдѣній по дѣламъ полиціи не имѣется». Всѣхъ дворовъ въ городѣ 445, въ которыхъ было только два каменныхъ дома, принадлежавшихъ дворянамъ. Болѣе 10% этого числа дворовъ принадлежали помѣщичьимъ крестьянамъ, а затѣмъ, наибольшее количество принадлежало козакамъ (117 двор.). Церквей въ городѣ было 5, изъ нихъ 3 каменныхъ. Всѣхъ жителей въ Ромнахъ было 4173 чел., изъ коихъ муж-

ского пола 1742., а женскаго 2431 (вѣроятно, городничій спуталъ цифры: мужчинъ было, безъ сомнѣнія, больше). Наибольшій контингентъ обывателей по сословіямъ составляли мѣщане—668 ч.; евреевъ было 125 ч., изъ нихъ одинъ былъ купецъ. Ремесленниковъ было всѣхъ 176 ч., изъ нихъ сапожниковъ 70 ч., остальные цеховъ кравецкаго, калашниковскаго, кузнечнаго, ткацкаго и мясницкаго. О цѣнахъ на продукты городничій говоритъ очень подробно; сообщаетъ ихъ по мѣсяцамъ. Изъ этого сообщенія видимъ, что четверть ржи въ 1802 и 1803 г.г. стоила отъ 1 р. 65 к. до 2 р. 25 к. Мясо продавалось по 4 к. ф. Помимо цѣнъ на эти продукты, городничій сообщаетъ о цѣнахъ на ягоды: въ 1800 г. былъ плохой ихъ урожай, и ведро вишенъ стоило отъ 50 к. до 80 к. ассиг., сливъ отъ 40 до 60 к., а въ 1801 г. ведро вишенъ стоило 10 к., что указываетъ на большой урожай. Всѣхъ ярмарокъ въ городѣ было 4, изъ которыхъ главной была Ильинская, переведенная въ 1852 г., при генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ, въ Полтаву. На ярмарку эту съѣзжалось очень много народа «изъ россійскихъ отдаленныхъ городовъ; цѣны квартиръ во время оной ярмарки возвышаются такъ высоко, что въ безъярморочное время можно заплатить ту цѣну квартиры за цѣлый годъ, какая бываетъ въ ярмарку на одну недѣлю». Но интересно, что, несмотря на дороговизну квартиръ и наплывъ пріѣзжихъ, цѣны на продукты во время ярмарки не повышались, а пріѣзжихъ, судя по количеству засвидѣтельствованныхъ паспортовъ и подорожнихъ въ 1802 году было 1158 чел... Роменскій городничій, какъ и всѣ городничіе другихъ уѣздовъ, очень аккуратно сообщаетъ о количествѣ арестованныхъ при полиціи. Въ 1797 году было ихъ 228 ч., а въ 1803 г. число ихъ достигло 427 чел., при чемъ городничій замѣчаетъ: «чтобъ же были въ сихъ годахъ крѣпостные люди, отъ помѣщиковъ къ наказанію или укрощенію какому-либо представляемыя, о семъ по дѣламъ полиціи свѣдѣній нѣтъ».

Таковы свѣдѣнія о самомъ городѣ. Что же касается уѣзда, то они еще отрывочнѣе и короче. Извлекаемъ наиболѣе интересныя данныя. Всего населенія въ роменскомъ уѣздѣ, по ревизіи 1795 г. было 52616 д. (разумѣется только мужского пола). Изъ нихъ купцовъ было 152, мѣщанъ 732, купцовъ-евреевъ 1, мѣщанъ-евреевъ 167, козаковъ 26668 д., казенныхъ крестьянъ 5036 д., помѣщичьихъ 19235 д. Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 67, въ томъ числѣ 2 каменныхъ. Священниковъ всѣхъ было 115, церковно-служителей 223 ч. Евреевъ было 43 ч., цыганъ 211 ч. На заработки жители уѣзда от-

правлялись преимущественно въ Донскую область, не говоря о чумакахъ, которые были вездѣ, во всей губерніи, ѣздили за солью въ Крымъ. Школъ при церквахъ вовсе не было. Что касается народныхъ бѣдствій, наводненій и т. п., то городничій сообщаетъ очень интересный фактъ бывшаго въ уѣздѣ 24 окт. 1802 г. землетрясенія, «продолжавшагося черезъ три или четыре минуты часа». Объ этомъ землетрясеніи сообщали и изъ другихъ сосѣднихъ уѣздовъ. Селеній, гдѣ было три церкви, земскій судъ указываетъ только два: Глинскъ (заштатный городъ) и Смѣлое. Въ послѣднемъ было 6 тыс. слишкомъ жителей; «причина такого многолюдства», по объясненію городничаго, происходитъ «отъ древнято тамъ поселенія».

—

Г. Гадячъ и его повѣтъ. Гадячъ, расположенный на Пслѣ, въ 1804 г. занималъ площадь въ 55 десятинъ. О времени его основанія городничій отказался дать какое-либо свѣдѣніе, такъ какъ „по дѣламъ городническаго правленія никакого свѣдѣнія не оказалось". Всѣхъ дворовъ въ городѣ было 480, изъ нихъ только одно зданіе было казенное, 25 принадлежали дворянамъ, а остальныя купцамъ, мѣщанамъ и др. Церквей было 6, считая въ томъ числѣ и кладбищенскую. Жителей было всего 3175 д., изъ нихъ мужского пола 1550, а женскаго—1625 д. Ремесленниковъ было 413; въ числѣ ихъ однихъ сапожниковъ,—чего не встрѣчаемъ въ другихъ уѣздныхъ городахъ,—было 161 ч. Цѣны на хлѣбъ были нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ городахъ; такъ, четверть муки стоила отъ 1 р. 60 к. до 4 р. 80., овесъ—отъ 80 к. до 2 р., мяса ф. 4 к., соль 1 пудъ—80 к., медъ—5 р., воскъ—22 р., (обыкновенная цѣна въ Малороссіи въ то время была: меда пудъ—4 р., а воска—20 р.). Ярмарки въ городахъ были очень многолюдны; на нихъ немало съѣзжалось народа изъ среднихъ губерній Россіи, бывали и изъ Московской. Однихъ паспортовъ пріѣзжихъ въ 1803 году было заявлено у городничаго 543, что рѣдко встрѣчалось въ другихъ уѣздахъ. Всѣхъ ярмарокъ было пять.

«Изъ важныхъ естественныхъ разрушеній», какъ писалъ городничій, здѣсь было въ 1802 году. 14 окт. землетрясеніе, «которое, начавшись въ 2 часа 30 минутъ по полудни, продолжалось и кончилось черезъ одну минуту и нѣсколько секундовъ, но отъ того никакого разрушенія не послѣдовало».

Всѣхъ жителей въ уѣздѣ, платившихъ подати, было въ 1804 году 43363 д., изъ коихъ купцовъ 72, мѣщанъ 828, козаковъ 16976,

помѣщицьихъ крестьянъ 17024 д. Были и евреи, но ни одинъ изъ нихъ не былъ приписанъ, а земскому нижнему суду извѣстно было, что муж. пола евревъ было отъ 150 до 180 ч., а женскаго отъ 160—200 д. Гадячскій уѣздъ въ то время былъ особенно богатъ хорошими помѣстьями; такъ, здѣсь владѣли имѣніями: гр. А. К. Разумовскій, И. А. Безбородько, Кочубей, гр. Гудовичъ, Неплюевъ, провіантмейстеръ-лейтенантъ Туманскій, Милорадовичъ, Чарнышъ (бывшій полт. губ, пред. дворянства, а затѣмъ генеральный судья), Масюковъ (фамилія существуетъ до сей поры). У Масюкова и Чарныша были въ имѣніяхъ каменные дома, у перваго въ два этажа. У нихъ же были и «капелліи музыкантовъ». У очень многихъ помѣщиковъ имѣлись винокуренные заводы,—ихъ было 55, и конскіе заводы, которыхъ было всего 5.

Церквей въ уѣздѣ было 52, изъ нихъ только двѣ каменныхъ. Въ 1799 г. въ уѣздѣ было нашествіе саранчи, истребившей всѣ посѣвы. На заработки населеніе, съ наступленіемъ лѣтняго времени, отправлялось, главнымъ образомъ, въ Екатеринославскую губернію; не мало ѣздило въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою.

Г. Миргородъ и его повѣтъ. Городъ Миргородъ, расположенный на ровномъ и низкомъ мѣстѣ, при рѣкѣ Хоролѣ, имѣлъ въ длину 2046, въ ширину 1279, а въ окружности 6865 трехъ-аршинныхъ сажней. «Сколько десятинъ,—замѣчаетъ при этомъ городничій,—занимаетъ городъ, сказать нельзя, по отлучкѣ въ губернскій городъ Полтаву землемѣра, а безъ него неудобно». Несмотря на малую площадь, въ городѣ было, по сообщенію городничаго, едва ли, впрочемъ, достовѣрному, 6334 д. жителей, изъ коихъ мужского пола 3315, а женскаго 3019 д. Всѣхъ дворовъ было 1027; дома были всѣ деревянные, не было ни одного каменнаго. Составъ населенія города, какъ и всѣхъ уѣздовъ того времени, состоялъ, главнымъ образомъ, изъ мѣщанъ, крестьянъ. Дворянъ, чиновниковъ, военныхъ было немного. Наиболѣе было владѣльческихъ крестьянъ—1200 чел. Евреевъ было 147 чел., ремесленниковъ—121 ч. Ярмарокъ было четыре. Со всѣхъ пріѣзжавшихъ на ярмарку взымалось, вѣроятно, за право торговли на площади, по 50 к. и съ каждой лошади по 25 к. Цѣны на продукты были: четверть ржи въ 1802 г.—1 р. 10 к. асс., въ 1803 г.—1 р. 80 к.; овса—1 р. 40 к., фунтъ мяса—3 к., свинины—$1^1/_2$ к., баранины—2 к., пудъ соли—60 к., пудъ меду—4 р.

Городничій, перечисляя роды ремеслъ, замѣчаетъ, что въ Миргородѣ «незаконнорожденыхъ не имѣется», а во всемъ уѣздѣ такихъ было—73 д.

Что касается свѣдѣній объ уѣздѣ, то онѣ очень кратки, отрывочны. Всего населенія въ миргор. уѣздѣ было 45120 чел. Изъ нихъ купцовъ—25, мѣщанъ,—290, мѣщанъ-евреевъ-147, козаковъ—24275, казенныхъ крестьянъ—425, помѣщичьихъ—19958 ч. Это свѣдѣніе по ревизіи 1795 года. Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 45 и при нихъ священниковъ 63 и церковно-служителей 52. Селъ, гдѣ было болѣе трехъ церквей, всего три: Сорочинцы, Хомутецъ и Комышна. Вь Сорочинцахъ, одномъ изъ лучшихъ мѣстечекъ этого уѣзда, было жителей 4436 ч., въ Хомутцѣ—1513 и въ Комышнѣ—2175 ч. Каменная церковь была только одна въ уѣздѣ, въ с. Сорочинцахъ; здѣсь разумѣется, безъ сомнѣнія церковь Преображенія, существующая до сей поры. Она построена гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, въ ней онъ и погребенъ. Сорочинцы и Хомутецъ принадлежали къ маетностямъ гетмана. Хомутецъ, послѣ прекращенія рода гетмана Д. Апостола, перешелъ къ его родственникамъ Муравьевымъ, принявшимъ фамилію Муравьевыхъ-Апостоловъ. Послѣдними представителями этого рода, нынѣ вымершаго, были сыновья Ивана Матвѣевича: Сергѣй, Ипполитъ, Матвѣй, бывшіе декабристы и Василій, владѣвшій въ Миргородскомъ уѣздѣ, до своей смерти въ 1866 г., 18 тыс. десятинъ земли. Нынѣ имѣнія Муравьевыхъ перешли въ разныя руки, а главное—Хомутецъ достался воспитанницѣ Василія Ивановича, по мужу Гартингъ. Въ имѣніи этомъ, по замѣчанію земскаго коммисара, была «капеллія музыкантовъ», при томъ единственная во всемъ уѣздѣ. Чѣмъ Миргор. уѣздъ рѣзко отличается отъ другихъ—это обиліемъ винокуренныхъ заводовъ (55) и пивоваренъ (10), а также конскихъ заводовъ. Послѣдніе были въ имѣніяхъ генералъ-аншефа Гудовича, подполковника Апостола (Муравьева), въ хуторѣ Столбинномъ (нынѣ принадлежитъ частью кн. Б. Б. Мещерскому, а часть пріобрѣтена великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ), помѣщиковъ Лошковскихъ, Лапы-Данилевскаго, Маркова. На заработки населеніе отправлялось въ Екатеринославскую губернію; ѣздили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою.

Главнымъ занятіемъ населенія было хлѣбопашество и скотоводство. Сообщая о занятіяхъ жителей хлѣбопашествомъ, земскій коммисаръ прибавляетъ, что «хозяевъ таковыхъ, которые лошадьми пашутъ, въ

селеніяхъ сего повѣта не имѣется». Пахали, какъ извѣстно, волами, лучшая пара ихъ стоила отъ 70 до 80 р. ассиг. Какихъ-либо бѣдствій, въ родѣ наводненій, пожаровъ, за послѣднія десять лѣтъ въ уѣздѣ не было, за исключеніемъ землетрясенія, бывшаго и здѣсь, какъ и въ другихъ уѣздахъ, въ окт. 1802 года, но сколько времени оно продолжалось, свѣдѣній не сообщается. Какихъ-либо достопримѣчательностей въ уѣздѣ нѣтъ, нѣтъ и «насыповъ»—замѣчаетъ коммисаръ,—а валы есть въ мѣстечкахъ Сорочинцахъ, Хомутцѣ, Комышнѣ, Устивицъ, Богачкѣ, Шышакахъ. Таковы отрывочныя свѣдѣнія о Миргородѣ и его уѣздѣ въ началѣ прошлаго столѣтія. (Арх. Полт. Губ. Правленія по описи № 200).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Прошеніе нѣжинскихъ купцовъ и мѣщанъ о воспрещеніи польскимъ и австрійскимъ евреямъ розничной торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи. 1797 г. въ іюлѣ. Сіятельнѣйшему графу, высокоповелительному господину генералъ-фельдмаршалу... кіевскому военному губернатору, управляющему Малороссійскою губерніею, Ивану Петровичу его сіятельству Сальтикову (sic) прошеніе.

Высочайшимъ имяннимъ Е. И. В. указомъ истекшаго 1796 года, ноября 30 числа изданнымъ, всемилоствѣйше велѣно въ Малой Россіи возстановить правленіе и судопроизводство сообразно тому, какъ оное въ здѣшнемъ краѣ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало. По прежнымъ же обрядамъ, въ Малой Россіи изъ давныхъ лѣтъ заведеннимъ, и бывшимъ установленіямъ, жиды, или евреи, не только преже открытія въ Малой Россіи въ прошломъ 1782 году бывшихъ Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородско-Сѣверскаго Намѣстничествъ, и после того даже до 795 года никакого въ оныхъ купеческаго произвожденія коммерціи не имѣли, но еще высочайшими указами, въ прошлыхъ 1727 апрѣля 26 и 728 годовъ октября 15 числъ послѣдовавшими, велѣно выслать ихъ изъ Россіи за границу. А хотя послѣднимъ указомъ дозволено было приѣзжать имъ въ Малую Россію на ярмонки, но и то ради продажи единственно только товаровъ обтомъ, а не въ розь, локтемъ, и мѣрою, и для покупки на вырученныя денги въ Малой Россіи взаимообразно товаровъ; однако жъ и тутъ строжайше запрещено, чтобы они никакой россійской золотой и сребной монеты за границу ни подъ какимъ образомъ отнюдь не вы-

возили. Въ слѣдствіе чего и Ея Имп. Величество блаженныя памяти государыня императрица Елисаветъ Петровна, по вступленіи на всероссійскій престолъ, узнавъ происходимые отъ сихъ еврей различные злоупотребленія, соизволила указать выслать ихъ изъ Россіи. Нынѣ жъ сихъ еврей столь умножилось, что они, приѣзжая изъ Польши и другихъ заграничныхъ мѣстъ, а большею частію изъ кордона Цесарского, не только въ городахъ, но даже по мѣстечкахъ и селеніяхъ Малороссійской губерніи, собираясь превеликими партіями, по нѣсколько десятковъ лавокъ, подъ видомъ первой и второй гилдій, не только третой гилдіи, но даже мѣщане и различные рода ихъ художники, назвавъ первие сихъ послѣднихъ подъ именемъ своими прикащиками, производятъ купеческую коммерцію, продавая вывозимыя ими разнаго рода товары не обтомъ, но въ розь, аршиномъ и подробно вещми, дѣлаютъ какъ намъ знатной въ купечествѣ подривъ, такъ и казнѣ не малой ущербъ, особливо тѣмъ, что изъ сихъ самыхъ еврей взявъ на кредитъ не въ давномъ времени изъ иностранныхъ фабрикъ въ Бреславлѣ и въ Цесарской области на нѣсколько сотъ тысячъ рублей суконнаго и другаго товару, объявыли себя несостоятельными къ платежу долгу, почему и убѣждены, что фабриканты означенныхъ фабрикъ получатъ отъ нихъ частями по срокамъ на рубль только по тридцати копѣекъ, а они, прибравъ къ рукамъ своимъ столь на знатную сумму товаръ и вывозя оной частями на ярмонки въ Россію, продаютъ оной умышленно на подрывъ намъ самыми низкими ценами, не говоря о томъ, что они, собирая за продаваемой товаръ на нѣсколько тысячъ рублей мѣдные и ассигнаціями денги, промѣниваютъ оные на сребную и золотую россійскую монету и голландскіе червонцы и, уповательно, высилаютъ оные на покупку и паки въ иностранныхъ фабрикахъ товаровъ. Хотя жъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1794 года, іюня 23 числа, дозволено евреямъ отправлять купеческіе и мѣщанскіе промисли въ губерніяхъ Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записався, по городамъ въ мѣщанство и купечество, однако сіе дозволеніе можетъ ли распространяться и на здѣшную Малороссійскую губернію, тѣмъ наипаче съ одной стороны, что существо онаго указа разумѣемъ мы—производженіе мѣщанскихъ и купеческихъ евреямъ промысловъ единственно въ томъ мѣстѣ и однымъ тѣмъ евреямъ, гдѣ кто изъ нихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ запишется въ купечество и мѣщанство и

имѣтиметъ собственной свой домъ и жительство, ибо преимущество отдается только состоящимъ въ гражданствѣ, кто, по наставленію высочайшого 1766 года, декабря 14 числа указа, имѣетъ свой домъ или осѣдлость въ городѣ. Сіи жъ евреи не только не имѣютъ собственнаго своего помѣстія, но проживаютъ большею частію въ чужихъ, наемныхъ домахъ, и дальшой никакой степенности не имѣютъ, а потому, въ отвращеніе слѣдовать могущаго отъ нихъ россійскому купечеству подриву въ другихъ россійскихъ губерніяхъ, и торгу имѣть имъ означеннымъ 794 года указомъ вовся запрещено. А сверхъ того, и особымъ высочайшимъ указомъ, прошлаго 1791 декабря 23 числа изданнымъ, дозволено евреямъ правомъ гражданства пользоваться въ одныхъ только пограничныхъ Бѣлорускихъ и Екатеринославской губерніяхъ да въ области Таврической; а съ другой стороны, за силою выше подведеннаго высочайшаго, ноября 30 числа истекшаго 796 года послѣдовавшаго указа, могутъ ли тамъ евреи равномѣрно участвовать въ купеческихъ и мѣщанскихъ промыслахъ и выгодахъ, гдѣ Его Императорское Величество къ народу здѣшней Малороссійской губерніи особые излываетъ монаршіе милости? За всѣмъ же тѣмъ, о сихъ самыхъ евреяхъ въ выше подведенномъ 794 года, іюня 23 числа указѣ сказано: кто съ оныхъ еврей не похотитъ остатся въ россійскомъ подданствѣ, таковымъ, по заплатѣ трехлѣтной двойной подати, дозволяеться выехать съ Россійской Имперіи. Слѣдственно, прибравъ они къ рукамъ своимъ разными подобными неправильными промыслами знатную сумму капиталовъ, могутъ навсегда удалитъся съ Россіи въ разные иностранные государства, а мы, бывъ вѣчно вѣрно подданными Всероссійской Имперіи, можемъ причиною ихъ возчувствовать неизбѣжное въ купечествѣ разореніе и подвержены будемъ лишится кредиту и всякаго довѣрія.

И въ слѣдствіе того, подносся при семъ данное намъ отъ купцовъ и другихъ сограждан Малороссійскаго города Нѣжина писменное уполномочіе, вашего сіятельства, какъ главнаго начальника здѣшней губерніи, нижайше просимъ: благоуваживъ предписанные обстоятельства, о запрещеніи евреямъ, пріѣзжающимъ изъ Польши и другихъ мѣстъ на ярмонки въ повѣтовые города и другіе мѣста малороссійской губерніи, производженія розничной товаровъ продажи кому слѣдуетъ дать высокое ваше повелѣніе, о чемъ и Его Императорскому Величеству не оставте ваше сіятельство здѣлать всеподданнѣйшее

представленіе и тѣмъ не допустить насъ къ подрыву по коммерціи и неповинному разоренію.

Милость и благотвореніе вашего сіятельства обяжетъ насъ прославлять всегда высокую особу вашу.

1797 года, « » іюля. (Изъ бумагъ А. М. Лазаревскаго).

Посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною въ сентябрѣ 1828 года Въ мѣстныхъ архивахъ имѣется два современныхъ описанія этого посѣщенія: одно было составлено по распоряженію тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Желтухина, и другое—«съ благословенія» митрополита Евгенія. Помѣщаемъ оба эти описанія, такъ какъ они взаимно дополняютъ одно другое.

1) *Извѣстіе о пребываніи въ Кіевской губерніи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.* Въ обратное путешествіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Кіевская губернія удостоена особеннаго Всемилостивѣйшаго вниманія Ея Величества. 12 числа сентября въ 5 часу вечера Ея Величество изволила прибыть въ г. Умань и остановиться въ домѣ графовъ Потоцкихъ, убранномъ съ отличнымъ вкусомъ супругою генералъ-адъютанта Киселева, урожденною графинею Потоцкою; чрезъ полчаса Ея Величество изволила посѣтить Софіевку, прелестный садъ Потоцкихъ, гдѣ природа и искусство богатою рукою разсыпали очаровательныя картины и содѣлали Софіевку извѣстною въ цѣлой Европѣ. 13 числа сентября Государыня Императрица изволила провесть въ Умани и еще разъ удостоила посѣтить Софіевку, а на другой день въ 11-мъ часу утра изволила отправиться ближайшею проселочною дорогою въ мѣстечко Бѣлую-Церковь. Въ 6 часовъ вечера Государыня Императрица благополучно пріѣхала въ сіе мѣстечко и встрѣчена была тамъ оберъ-гофмейстериною графинею Браницкою, графинею Литта, оберъ-камергеромъ графомъ Литта, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ и другими почетными особами; иллюминація украшала часть сада Александріи, предъ павильономъ, назначеннымъ для пребыванія высокой путешественницы. Ея Величество изволила провести здѣсь три дня, посѣщала прекрасные сады графини Браницкой и удостоила оставить лестное для графини воспоминаніе, посадивъ собственными своими руками дерево, тамъ, гдѣ подобнымъ же

образомъ посажены деревья блаженныя памяти императоромъ Александромъ I и благополучно царствующимъ нынѣ государемъ императоромъ Николаемъ I.

17 числа сентября утромъ Государыня Императрица изволила отправиться въ Кіевъ, гдѣ въ 5 часовъ вечера у шлагбаума была встрѣчена кіевскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ Желтухинымъ, при многочисленномъ стеченіи народа. Прибытіе Ея Величества въ городъ возвѣщено было 101 пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпостныхъ бастіоновъ и колокольнымъ звономъ. Въ сопровожденіи г. военнаго губернатора, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, Ея Величество изволила прибыть прямо въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ встрѣчена была высокопреосвященнымъ Евгеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, военными и гражданскими чиновниками. По совершеніи церковной эктеніи и по провозглашеніи многолѣтія императорскому дому, Государыня Императрица изволила прикладываться къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и ко всѣмъ св. мощамъ, почивающимъ въ храмѣ. Изъ лавры Государыня Императрица изволила проѣхать въ Старый Кіевъ въ древній Софійскій Соборъ и тамъ, послѣ обычной встрѣчи духовенствомъ, прикладывалась къ св. иконамъ и мощамъ. Въ 7 часовъ Государыня Императрица изволила отправиться въ квартиру, гдѣ поставленъ былъ почетный караулъ, на правомъ флангѣ котораго находились всѣ господа генералы и штабъ-офицеры 4 пѣхотнаго корпуса и прочихъ командъ, въ Кіевѣ квартирующихъ. Чиновники сіи въ тотъ же вечеръ имѣли счастіе представляться Ея Величеству; между тѣмъ городъ былъ иллюминованъ. На другой день, 18 числа сентября, въ 10 часу утра, представлялисъ Ея Величеству гражданскіе чиновники первыхъ пяти классовъ; потомъ въ 10 часовъ высокопреосященнымъ митрополитомъ кіевскимъ съ духовенствомъ совершено было въ Софіевскомъ соборѣ, въ присутствіи Государыни Императрицы, благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю взятія крѣпости Ахалцыха. По окончаніи молебствія, Государыня Императрица изволила обозрѣвать всѣ достопримѣчательности Софійскаго собора. Въ 11-мъ часу Ея Величество изволила принимать духовенство и вслѣдъ за тѣмъ отправилась въ ближнія пещеры для поклоненія св. мощамъ; при чемъ Ея Величество изволила осматривать ризницу лаврскую, а на обратномъ пути изъ лавры Государыня Императрица посѣтила дворцовый садъ, и нѣсколько времени изволила

провести на устроенномъ въ видѣ эстрады, на концѣ сада, надъ Днѣпромъ, такъ называемомъ треугольникѣ, который нѣкогда удостоенъ былъ особеннаго вниманія императрицы Екатерины II-й. Съ треугольника открываются прекраснѣйшіе виды на Старый Кіевъ, на Кіево-Подолъ и, въ особенности, на Днѣпръ, протяженіе котораго видно на нѣсколько десятковъ верстъ. Государыня Императрица, замѣтивъ отсюда вдали на возвышенномъ берегу Днѣпра Вышгородъ, извѣстный въ исторіи нашей пребываніемъ тутъ св. благовѣрной княгини Ольги и многими другими происшествіями, изволила сдѣлать нѣсколько вопросовъ, относящихся къ историческимъ и церковнымъ событіямъ на семъ достопамятномъ мѣстѣ. Послѣ обѣда въ 5 часу Ея Величество изволила отправиться за Днѣпръ для обозрѣнія оттуда мѣстоположенія Кіева. Городъ сей съ предмѣстіями и садами расположенъ на пространствѣ 15 верстъ по чрезвычайно высокому берегу Днѣпра, и представляетъ изъ-за рѣки величественные и вмѣстѣ прекраснѣйшіе виды. На возвратномъ пути Государыня Императрица изволила проѣзжать городомъ, когда оный былъ уже иллюминованъ самымъ блестящимъ образомъ. Черезъ часъ Ея Величество снова изволила обозрѣвать иллюминацію, проѣзжая по городу въ открытомъ экипажѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, и въ 9 часовъ возвратилась на квартиру. 19 сентября въ 11 часовъ утра Ея Величество изволила быть въ Михайловскомъ монастырѣ, прикладывалась къ св. иконамъ и, въ особенности къ мощамъ св. великомученицы Варвары. Народъ съ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ на государыню, когда Ея Величество, въ христіанскомъ смиреніи, повергаясь предъ гробницею св. великомученицы, изволила надѣть на перстъ ея собственное свое кольцо и, освятивъ его таковымъ прикосновеніемъ къ святынѣ, возложила по прежнему на свою руку. Въ числѣ достопримѣчательностей сего храма Ея Величеству представлена икона архистратига Михаила, украшенная бриліантами и присланная Императоромъ Александромъ 1-мъ изъ Парижа. Послѣ сего Государыня Императрица изволила быть въ церкви св. Апостола Андрея Первозваннаго, воздвигнутой на самомъ высокомъ холмѣ. Здѣсь Ея Величество прикладывалась къ св. иконамъ и съ возвышенія изволила обозрѣвать окрестности Кіева, въ самомъ прелестномъ видѣ отсюда представляющіяся. Потомъ Ея Величество отправилась къ мѣсту древняго Десятиннаго храма, на фундаментѣ котораго воздвигается нынѣ новая церковь. Здѣсь Государыня Императрица, осматривая остатки прежняго зданія, изволила говорить съ

высокопреосвященнымъ митрополитомъ объ исторической древности сего знаменитаго храма. Отсюда, проѣзжая на Кіево-Подолъ, чрезъ Крещатикъ, Ея Величество изволила останавливаться близъ памятника, воздвигнутаго на берегу Днѣпра въ воспоминаніе бывшаго на семъ мѣстѣ крещенія народа въ княженіе св. благовѣрнаго князя Владимира. Изъ Кіево-Подола Ея Величество изволила отправиться въ Лавру и тамъ въ дальнихъ пещерахъ прикладывалась къ мощамъ св. печерскихъ угодниковъ. Въ то же время великая княжна Марія Николаевна изволила посѣтить ближнія пещеры и ризницу Кіево-печерской лавры въ сопровожденіи дѣйствительной статской совѣтницы Барановой. По возвращеніи въ квартиру, Ея Величество изволила 2 часа принимать дамъ первыхъ шести классовъ. Въ сей день приглашены были къ обѣденному столу Ея Величества знатнѣйшее духовенство, генералы и нѣкоторые гражданскіе чиновники и дамы. Въ 7 часовъ Государыня Императрица изволила удостоить своимъ посѣщеніемъ приготовленную дворянствомъ въ Государевомъ саду иллюминацію и тутъ же устроенный съ особеннымъ вкусомъ и тщаніемъ павильонъ, въ которомъ приготовлены были для Ея Величества чай и разные плоды. Садъ иллюминованъ былъ превосходнѣйшимъ образомъ: освѣщены были не только аллеи, но и самыя рощи, во многихъ мѣстахъ поставлены были ярко освѣщенныя пирамиды, которыя сквозь зелень деревъ дѣлали очаровательный видъ, оконечности аллеи украшены были прозрачными картинами, изъ которыхъ одна въ боку главной аллеи изображала на высокомъ пьедесталѣ бюстъ Государя Императора, по сторонамъ двѣ колонны, на которыхъ обозначены названія крѣпостей и городовъ, покоренныхъ въ послѣднія двѣ кампаніи; у у пьедестала Муза Исторіи рѣзцомъ своимъ изображаетъ потомству дѣянія и благость великаго Государя въ двухъ словахъ: Caesar et Pater (Государь и Отецъ). Изъ аллеи, ведущей къ павильону, видѣнъ былъ весь Старый Кіевъ, освѣщенный множествомъ огней. Ея Величество встрѣчена была въ воротахъ сада хозяиномъ праздника губернскимъ маршаломъ и знатнѣйшими военными и гражданскими чиновниками. Народъ привѣтствовалъ августѣйшую посѣтительницу громогласнымъ ура; музыка играла во многихъ мѣстахъ сада, и Государыня Императрица послѣ прогулки въ аллеяхъ изволила войти въ павильонъ. Отсюда Ея Величеству представился еще новый прекраснѣйшій видъ: противоположный берегъ Днѣпра и нѣкоторые острова были освѣщены большими огнями; самый Днѣпръ покрытъ былъ множествомъ иллюмино-

ванныхъ судовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ гремѣла музыка. Въ 9 часу Государыня Императрица изволила отправиться обратно въ открытомъ экипажѣ. Шествіе Ея Величества отъ павильона уподоблялось торжественному тріумфу: народъ, окруживъ экипажъ Ея Величества, наполнялъ воздухъ радостными восклицаніями; на Дворцовой площади и въ Кловской улицѣ толпы народа еще болѣе стѣснились; экипажъ едва могъ подвигаться впередъ, восклицанія не прерывались ни на минуту и сопровождали Государыню до самой квартиры, гдѣ народъ оставался до 12 часа ночи, когда Ея Величество, изволила отойти во внутренніе покои. 20 сентября, въ день отъѣзда Ея Величества, усердные кіевляне стекались со всѣхъ сторонъ, одни къ квартирѣ Государыни Императрицы, другіе въ крѣпость, а нѣкоторые за Днѣпръ. Въ 10 часу утра Ея Величество изволила выѣхать въ Лавру. На дорогѣ, у воротъ Никольскаго монастыря, Государыня Императрица изволила остановиться и войти въ церковь, гдѣ прикладывалась къ св. иконамъ и потомъ прибыла въ Лавру. Здѣсь, послѣ напутственныхъ молитвъ и окропленія святою водою, Ея Величество снова прикладывалась къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и потомъ, удостоивъ принять завтракъ, приготовленный въ покояхъ высокопреосвященнаго митрополита, изволила отправиться въ 11 часовъ. Отбытіе Ея Величества возвѣщено пушечною пальбою съ бастіоновъ крѣпости и колокольнымъ звономъ. Отъ Лавры до другого берега Днѣпра Ея Величество была сопровождаема г. военнымъ губернаторомъ и почетнымъ отрядомъ городской кавалеріи; между тѣмъ народъ устремился за Днѣпръ и тамъ за чертою губерніи еще разъ привѣтствовалъ августѣйшую свою посѣтительницу громогласнымъ ура, которое повторялось на высотахъ противоположнаго берега, усыпанныхъ народомъ, долго еще сопровождавшимъ взорами высокую путешественницу. Въ половинѣ 12 часа Государыня Императрица изволила уже въѣхать въ предѣлы Черниговской губерніи; но здѣсь въ сердцѣ каждаго она оставила особенное чувство благоговѣнія къ христіанскому Ея благочестію и благодушію, съ которымъ Ея Величество во все время пребыванія своего въ Кіевѣ изволила являть любовь къ народу и состраданіе къ бѣднымъ, облегчивъ судьбу многихъ семействъ монаршими своими щедротами».

Въ архивномъ дѣлѣ имѣется помѣта, что это «Извѣстіе», составленное въ самый день отъѣзда Императрицы, 20 сентября 1828 г., немедленно было отправлено экстрапочтою въ обѣ столицы. 15-го ноября того же года генералъ Бенкендорфъ увѣдомилъ кіевскаго гене-

ралъ-губернатора, что присланное «Извѣстіе» доведено имъ до Высочайшаго свѣдѣнія и признано статьею «весьма приличною и полезною къ напечатанію».

---

2) *Описаніе встрѣчи Ея Императ. Величества Государыни Императрицы Александры Өедоровны и Ея Императ. Высочества великія княжны Маріи Николаевны.* 1828 года, сентября 17-го, Ея Императорское Величество съ Великою Княжною, проѣздомъ изъ Одессы, изволила прибыть въ Кіевъ въ 5 часу пополудни при колокольномъ звонѣ по всему городу и пушечной пальбѣ, сперва въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ при святыхъ вратахъ, на коврахъ, встрѣчена была его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Евгеніемъ со святымъ крестомъ и святою водою и преосвященнымъ епископомъ викаріемъ Кирилломъ, въ саккосахъ, и всею монастырскою братіею въ облаченіяхъ съ хоругвями и кадилами. По цѣлованіи святого креста и окропленіи святою водою, Ея Императорское Величество и Великая Княжна, въ предшествіи братіи по два врядъ и архіереевъ, изволила шествовать по разостланному и прибитому сукну до великой церкви, предъ входомъ коей и до самаго церковнаго мѣста и иконостаса постланы были ковры. Митрополитъ, неся предъ Нею св. крестъ въ лѣвой рукѣ, правою рукою окроплялъ весь путь святою водою. Клирошане, идучи предъ архіереями, пѣли до церкви стихъ: «Днесь благодать св. Духа насъ собра». По вступленіи въ церковь, клирошане запѣли входное «Достойно есть», а митрополитъ проводилъ Ея Величество съ Великою Княжною до царскаго мѣста и потомъ съ викаріемъ сталъ посреди церкви безъ амвона. Потомъ начата сугубая эктенія и по окончаніи оной съ возгласомъ и многолѣтіемъ поднесенъ паки Ея Величеству и Великой Княжнѣ крестъ и окроплены св. водою. Послѣ того митрополитъ пригласилъ ихъ къ цѣлованію чудотворной иконы, а отъ нея къ мощамъ святого равноапостольнаго князя Владимира, оттуда къ мощамъ преподобнаго Өеодосія, потомъ всѣхъ печерскихъ преподобныхъ и митрополита Михаила. На возвратѣ къ царскому мѣсту Ея Величество и Ея Высочество цѣловали икону, оставленную въ Лаврѣ блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Во время цѣлованія клирошане пѣли тропарь храму. По возвращеніи на царское мѣсто Ея Величество и Великая Княжна вышли изъ церкви къ экипажамъ, предшествуемыя тѣмъ же порядкомъ, какимъ встрѣчены, и митрополитъ осѣнилъ ихъ

при отпускѣ св. крестомъ. Народъ взывалъ «ура»! и поелику тогда уже смеркалось, то при выходѣ зажжена была по Лаврѣ, при святыхъ вратахъ и на колокольнѣ иллюминація. Въ то же время прямо изъ Лавры Ея Императорское Величество съ Великой Княжною изволила отправиться въ каѳедральный Софійскій соборъ, гдѣ собрано уже было въ ожиданіи все градское бѣлое духовенотво, а митропотитъ, во всемъ облаченіи, сѣвши въ карету, упредилъ Ее для встрѣчи въ соборѣ. Встрѣча и провожаніе по разостланному сукну и коврамъ происходили тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ Лаврѣ. Ея Величество и Великая Княжна подходили къ цѣлованію мощей священномученика митрополита Макарія и потомъ къ ракѣ разныхъ св. мощей. Оттуда митрополитъ показывалъ Ей придѣлъ, гдѣ погребенъ Великій князь Ярославъ у другіе князья. Дворъ соборный и колокольня были иллюминованы. Послѣ сихъ встрѣчъ во всѣхъ церквахъ кіевскихъ принесено тогда же благодарственное моленіе о прибытіи Ея Величества, а въ коѳедральномъ соборѣ самимъ митрополитомъ. На другой день, 18 сентября, Ея Величество безъ Великой Княжны, по совершеніи митрополитомъ литургіи, въ 10 часовъ утра изволила прибыть паки въ Софійскій соборъ для слушанія благодарственнаго молебствія о взятіи турецкой крѣпости Ахалциха. Встрѣча и провожаніе были, какъ и въ первое посѣщеніе. Все градское духовенство собрано было на молебенъ. По отправленіи молебствія, во время многолѣтія всей императорской фамиліи, производимъ былъ на колокольняхъ звонъ, а съ крѣпости пушечная пальба. По возвращеніи въ квартиру, въ 11 часовъ утра того же дня, Ея Величество съ Великою Княжною принимали митрополита, его викарія, настоятелей, присутствующихъ дикастеріи и флоровскою игуменію съ казначеею, эклезіаршею и благочинною. При томъ Ея Величеству отъ Софійскаго собора поднесена храмовая икона, а отъ фроловскихъ двѣ иконы, Императрицѣ и Великой Княжнѣ. По отпускѣ духовенства, Ея Величество безъ Великой Княжны изволила вь 12 часу отправиться въ ближнія пещеры, гдѣ встрѣчена митрополитомъ безъ облаченія, а намѣстникомъ съ пещерною братіею въ облаченіи со св. крестомъ и св. водою. По сугубой же эктеніи и многолѣтіи въ пещерной Воздвиженской церкви, изъ оной поведена Ея Величество митрополитомъ для поклоненія въ пещеры. По выходѣ изъ пещеръ проведена до экипажа и изволила оттуда подъѣхать безъ всякой церемоніи въ Лавру, гдѣ, приложась къ чудотворной иконѣ, изволила осматривать всю церковь и архіерейскую ризницу, и потомъ пре-

провождена къ экипажу за святыя врата. 19 числа, въ 11 часовъ утра, послѣ литургіи, Ея Величество съ Великой княжною изволили прибыть въ Михайловскій монастырь къ мощамъ св. великомученицы Варвары, встрѣчены преосвященнымъ викаріемъ со св. крестомъ и святою водою въ полномъ облаченіи съ братіею при святыхъ вратахъ, въ присутствіи митрополита безъ облаченія, съ колокольнымъ звономъ, и по входѣ въ церковь предъ мощами слушала сугубую эктенію съ многолѣтіемъ, потомъ сама и Великая Княжна приложилися къ св. мощамъ, приняла поднесенныя Ей отъ викарія двѣ иконы, кольцы и кресты золотые съ мощей. Потомъ осматривала церковь и, приложась паки къ мощамъ, отправилась къ Андреевскому собору, гдѣ учинена Ей встрѣча протоіереемъ по вышеписаному же. По окончаніи многолѣтія и выходѣ изъ церкви, обошла около Андреевской церкви по галлереямъ и обозрѣвала подольскую часть города. Отъ Андреевской церкви отправилася къ мѣсту Десятинной церкви и такъ же обозрѣвала оное. По отъѣздѣ же отпустила съ Крещатикской улицы Великую Княжну въ Лавру для обозрѣванія церкви и ризницы и для поклоненія въ ближнія пещеры въ сопровожденіи по онымъ отъ намѣстника, а сама изволила отправиться на Подолъ для проѣзду. А вскорѣ затѣмъ Ея Величество прибыла на дальнія пещеры, гдѣ встрѣчена митрополитомъ безъ облаченія, а начальникомъ съ братіею въ облаченіи и по сугубой эктеніи и многолѣтіи митрополитомъ водима была по пещерамъ. По выходѣ изъ оныхъ препровождена до экипажа. Въ сей день митрополитъ и его викарій удостоены приглашенія къ столу Ея Императорскаго Величества. 20 сентября, въ день отъѣзда Ея Величества, она съ Великою Княжною изволила по дорогѣ къ Лаврѣ посѣтить Николаевскій монастырь и встрѣчена архимандритомъ съ братіею за святыми вратами съ крестомъ и св. водою и препровождена въ церковь, гдѣ пѣта была сугубая эктенія и многолѣтіе. Оттуда изволила прибыть въ Лавру на отпускное моленіе въ 3 четверти 11-го часа по утру; встрѣчена и проведена митрополитомъ и викаріемъ съ лаврскою братіею въ облаченіяхъ до великія церкви, гдѣ изъ молебна о путешествующихъ проговорена эктенія и прочитана напутственная молитва съ колѣнопреклоненіемъ. Потомъ сама и Великая Княжна приложилися къ чудотворной иконѣ и приняли поднесенныя имъ двѣ иконы съ просфорою. Изъ церкви удостоили онѣ посѣщенія настоятельскіе покои, въ коихъ пріуготовленъ былъ завтракъ и пито всѣми за здравіе Ея Императорскаго Величества, а отъ Лавры под-

несенъ Императрицѣ патерикъ, а Великой Княжнѣ молитвенныя книжки. Изъ покоевъ архіереями въ мантіяхъ, а братіею въ облаченіяхъ препровождены они до святыхъ вратъ, къ экипажу, и по поднесеніи къ цѣлованію креста, отпущены съ колокольнымъ по всему городу звономъ и пушечною съ крѣпости пальбою».

Это «Описаніе» было доставлено генералъ-губернатору при письмѣ митрополита отъ 23 сентября, на которое П. Ѳ. Желтухинъ отвѣчая, выразилъ, м. Евгенію сожалѣніе, что «изъ сего искусно составленнаго описанія онъ ничего заимствовать не могъ», такъ какъ экстрапочта, уносившая въ столицу его собственное «Извѣстіе», была уже въ дорогѣ.

Сообщ **А. Мёрдеръ.**

По поводу „Новаго народнаго обычая“. Въ іюньской книжкѣ «Кіев. Стар.» помѣщена замѣтка со словъ корресподента «Живоп. Россіи», объ установившемся въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерн., обычаѣ уплачивать за невѣсту извѣстную сумму денегъ, такъ назыв. «столовыхъ» (очевидно отъ выраженія «выйняты зъ кышени та покласты на стилъ»). Въ сущности этотъ «новый народный обычай» не такъ ужъ новъ среди нѣкоторой части украинскаго народа. Пишущему эти строки приходилось встрѣчаться съ этимъ обычаемъ еще въ 80-хъ годахъ, лѣтъ 18—20 тому назадъ, въ Бердянскомъ и Милитопольскомъ уѣздахъ Тавр. губ., гдѣ уплата за «молоду» этого своего рода «украинського калыма» составляетъ для жениха безъ различія соціально-экономическаго его положенія, начиная «зъ бидноты» и «до дукаривъ», непремѣнное условіе и главную заботу; при чемъ этотъ «калымъ» доходитъ тамъ иногда до цифры внушительныхъ размѣровъ 100 и больше рублей, смотря *по дородности* «дивчыны», и по состоянію «парубка». Откуда этотъ обычай заимствованъ населеніемъ Тавріи намъ неизвѣстно, но только въ тѣ уже годы онъ былъ широко распространенъ тамъ, и населеніе уже очевидно тяготилось имъ: неоднократно прихоходилось слышать изъ устъ народа такого рода разсужденія, конечно, со стороны жениха: «Добро панамъ, у ныхъ ще за молодою дають, а у насъ молоду треба купыты». Не безъ зависти дѣлаются такія-же ссылки и на Полтавскую губернію, гдѣ «за молодою дають прыдане», часто бываютъ случаи, что тавричане ѣздятъ «по молоду» въ Полтавщину, лишь бы избѣгнуть уплаты за невѣсту, или же женятся на

«наймычкахъ»—полтавкахъ. Мы склонны думать, что тавричане позаимствовали этотъ несимпатичный обычай или отъ поселенцевъ, м. б. болгаръ, а можетъ быть еще отъ ногайцевъ.

Г. Ков.-Кол.

„Изъ харьковскаго прошлаго“.—Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ № 156 «Харьк. Вѣдом.» замѣтка проф. Багалѣя. Приводимъ эту замѣтку дословно.

«Ниже мы печатаемъ весьма интересный документъ, открытый нами въ журналѣ «Украинскій Вѣстникъ», издававшемся въ Харьковѣ въ 1819 году. Говоримъ объ открытіи этого печатнаго документа потому, что ни въ одномъ харьковскомъ книгохранилищѣ не было той книжки журнала, гдѣ онъ помѣщенъ, и мы могли познакомиться съ нимъ только благодаря тому, что журналъ за этотъ годъ былъ выписанъ нами изъ Императорской публичной библіотеки. Перепечатывая его теперь, мы надѣемся, что, быть можетъ, онъ вызоветъ въ памяти кого-либо изъ харьковцевъ какія-нибудь преданія или воспоминанія, которыя помогутъ намъ разыскать упоминаемые въ немъ матеріалы. Опроверженія напечатаннаго тогда извѣстія не послѣдовало—это убѣждаетъ насъ въ томъ, что самый фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто и не былъ измышленъ, при томъ достовѣрность извѣстія подтверждается и самою редакціей его—общій тонъ разсказа производитъ впечатлѣніе правдиваго документальнаго свидѣтельства.

«При разбираніи здѣшней соборной старой колокольни въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ найдена потайная кладовая. Въ ней найдены кипы бумагъ и сундукъ съ надписью «по секрету». Теперь величайшее любопытство овладѣло всѣми узнать, что заключается въ сихъ бумагахъ? Ибо и сундукъ также съ бумагами. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ это любопытства! Нѣкоторые, бывшіе при открытіи сихъ бумагъ, видѣли на верху одной *1711 годъ.* Слѣдовательно заключить можно, что въ числѣ сихъ бумагъ находятся и бумаги XVII столѣтія, а можетъ быть, и еще древнѣе. Можетъ быть въ нихъ сокрыто основаніе Харькова, разряды и дѣла здѣсь въ древности существовавшихъ полковъ, даже историческія извѣстія о всемъ здѣшнемъ краѣ; даже какъ знать! и о древнемъ состояніи всей южной Россіи... Въ простонародіи пронесся уже слухъ, что тутъ скрыты сочиненія какого-то древняго архимандрита-алхимика. По сему, можетъ быть, слуху и забраны всѣ сіи

бумаги духовнымъ здѣшнимъ начальствомъ. Жаль, если не обратятъ на сіи бумаги другого вниманія—кромѣ, какъ розыска: не заключается ли въ нихъ чего противнаго христіанской вѣрѣ!? При томъ же все бы, кажется, приличнѣе было разсмотрѣть ихъ вообще здѣшнимъ начальствамъ: гражданскому, университету и духовному. Тогда бы древности историческія перешли въ вѣдѣніе университета для настоящей ихъ оцѣнки; происшествія касательно города, можетъ быть, права какія-нибудь гражданскія—по принадлежности гражданскому начальству; а метрическія книги—въ архивъ начальства духовнаго. Впрочемъ, какъ слышно, всѣмъ симъ бумагамъ дѣлается по заглавіямъ опись.

Большая часть сихъ бумагъ въ переплетѣ и всѣ онѣ пощажены совершенно временемъ—такъ что разбирать ихъ никакого не стало бы труда, кромѣ надлежащаго вниманія».

Текущія извѣстія.

Раскопки вблизи Екатеринослава. Въ половинѣ іюня А. Синявскимъ, вблизи Екатеринослава, произведены были обслѣдованія мѣстности и раскопки нѣсколькихъ кургановъ и валовъ у сс. Каменки, Поповки и Подгородней, Новомосковскаго уѣзда, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, противъ Екатеринослава. Курганы были раскопаны у с. Каменки, городище и валы—у с. Подгородней. Задача изслѣдованій—собрать матеріалъ для опредѣленія древнѣйшихъ насельниковъ территоріи, ближайшей къ Екатеринославу, и установить, существовало-ли единство между правой и лѣвой стороной Днѣпра. Раскопки дали довольно цѣнные результаты. Найдено довольно много предметовъ, остатковъ посуды, 8 цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ, нѣсколько сосудовъ съ оригинальнымъ первобытнымъ орнаментомъ, два древнѣйшей формы съ круглымъ дномъ по типу первыхъ сосудовъ—череповъ животныхъ и людей. Раскопки велись попластно, что хотя удорожало стоимость раскопки, но обезпечивало большую ихъ научную цѣнность: открыто 8 цѣнныхъ погребальныхъ типовъ, изъ нихъ одинъ парный. Скелеты лежали къ югу въ согнутомъ положеніи, что въ связи съ другимъ обстоятельствомъ заставляло-бы ихъ отнести къ древнѣйшему погребальному типу. У головъ, а у нѣкоторыхъ и у ногъ, поставлены сосуды. Сосуды сдѣланы еще безъ помощи гончарнаго колеса и плохо обожжены, но нѣкоторые не лишены изящества. Черепа почти не сохра-

нились и даже не могли быть сфотографированы. Хотя въ нашей почвѣ первобытные черепа сохраняются тысячелѣтія, если не поддаются дѣйствію сырости, но въ данномъ случаѣ кости скелетовъ истлѣли совершенно, и едва сохранились только общія очертанія черепов. Безъ особаго риска все же можно сказать, что данная курганная раса скорѣе брахоцефалическая, чѣмъ долехоцефалическая, и дать общіе выводы о данной курганной культурѣ было-бы поспѣшнымъ въ виду небольшого числа раскопокъ, но несомнѣнно то, что вскрытые курганы и городище (майданъ) принадлежали одному и тому же уже осѣдлому, достигшему извѣстной культуры, народу, жившему не менѣе чѣмъ 7 вѣковъ до нашей эры. Дальнѣйшія раскопки въ ближайшее время будутъ производиться у селъ, лежащихъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а также по правой и у Екатеринослава. Найденные при раскопкахъ предметы и сосуды помѣщены въ музей Научнаго Общества. («Екат. Лист.», № 65).

Работы музея Научнаго Общества въ Екатеринославѣ. «Вѣстн. Юга» (№ 123), отмѣчая энергичную дѣятельность г. Синявскаго, говоритъ, что до сихъ поръ раскопки производились преимущественно у Екатеринослава. Для полноты свѣдѣній о прошломъ всего юга Научное Общество вырабатываетъ нынѣ вопросные листки для всѣхъ интересующихся археологическими, этнографическими и бытовыми особенностями родного южнаго края. Несомнѣнно, что лица, получившія такой листокъ, добросовѣстно отнесутся къ предлагаемой задачѣ, осуществляя этимъ просвѣтительныя цѣли общества.

Наряду съ этимъ заслуживаетъ большого вниманія еще одна благодарная инициатива—составить программу по этнографіи, исторіи, палеонтологіи, археологіи и пѣсенному творчеству мѣстнаго края, имѣя въ виду возможность, благодаря безплатному посѣщенію музея, дать публикѣ картинное представленіе о естественныхъ и историческихъ богатствахъ края, а также и о его историческомъ прошломъ. Такимъ образомъ, музей явится дополненіемъ къ школѣ, гдѣ можно будетъ учиться нагляднымъ путемъ, на коллекціяхъ и образцахъ.

Нынѣ г. Синявскій занятъ составленіемъ каталога всѣхъ предметовъ музея, распредѣляя ихъ по отдѣламъ. Къ болѣе значительному отдѣлу относятся: каменный періодъ, затѣмъ—бронзовый, далѣе—козацкій и др. Въ достаточномъ количествѣ имѣются данныя о бытовыхъ особенностяхъ нѣкоторыхъ періодовъ,—картины, грамоты, книги. По естественной исторіи вполнѣ удовлетворяетъ недурная коллекція минераловъ, остатки мамонтовъ и проч. Къ великому сожалѣнію, при-

ходится отмѣтить индифферентное отношеніе къ музею и задачамъ научнаго общества со стороны нашей интеллигенціи. Весь трудъ по раскопкамъ кургановъ, составленію замѣтокъ о найденныхъ предметахъ, составленію программъ, каталоговъ и пр. и пр.,—вся эта сложная, имѣющая богатое общественное значеніе работа, всецѣло лежитъ на нѣсколькихъ лицахъ. А вѣдь сколько пользы въ данномъ дѣлѣ могла-бы принести наша интеллигентная молодежь!

Раскопки древнихъ могилъ въ Херсонскомъ уѣздѣ. Въ Херсонскомъ у., Любомирской вол., по р. Висуни, въ имѣніи г-на Высоцкаго были произведены раскопки подъ наблюденіемъ сына владѣльца. Найденныя древности г. В—ій передалъ въ Херсонскій археологическій музей, а свѣдѣнія о раскопкахъ доставилъ въ редакцію «Юга» (№ 1211).

Кладоискатели. Крестьяне Ольгопольскаго уѣзда Свиридъ и Ужвакъ, осенью прошлаго года явились въ селеніе Поборку, Гайсинскаго уѣзда, и предложили мѣстному крестьянину Зозулѣ разрѣшить имъ заняться раскопками въ его усадьбѣ, съ тѣмъ условіемъ, что если будетъ найденъ кладъ, о которомъ они имѣютъ свѣдѣніе, то подѣлятся съ нимъ поровну. Зозуля согласился, и искатели клада 15-го апрѣля, дѣйствительно, на глубинѣ 3 саженъ открыли квадратную, еще довольно сохранившуюся, комнату съ тонко обдѣланными каменными стѣнами, въ одной изъ которыхъ видна заложенная плоскимъ обдѣланнымъ камнемъ дверь, ведущая куда-то дальше Мѣстная власть воспретила, по словамъ «Одесск. Нов.», дальнѣйшую раскопку до особаго разрѣшенія. Въ виду этого, Свиридъ и Ужвакъ намѣрены подать въ археологическую коммиссію просьбу о разрѣшеніи имъ продолжать начатую работу. («Харьк. Вѣд.», № 128).

Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. Этнографическимъ отдѣломъ музея Императора Александра III опубликована программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. Отдѣлъ обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, «близкимъ къ народной жизни какой-либо области Россіи», съ просьбою «не отказать въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи по составленію этнографическихъ коллекцій для будущаго музея этнографіи», а также по полученію свѣдѣній о частныхъ коллекціяхъ и о лицахъ, которыя могли

бы быть полезны отдѣлу въ этомъ отношеніи. Отдѣлъ обращается также ко всѣмъ интересующимся русской этнографіей съ просьбою о доставленіи своихъ замѣчаній по поводу отдѣльныхъ вопросовъ программы и по самой техникѣ собиранія этнографическихъ матеріаловъ. («Югъ», № 1222).

Художественно-литературное общество им. Гоголя въ Полтавѣ. По словамъ «Вѣстн. Юга» (№ 112) во время чествованія Гоголя, по иниціативѣ проживающаго въ Полтавѣ писателя Вл. Гал. Короленко, на одномъ изъ думскихъ засѣданій, было единогласно рѣшено учредить «Литературно-художественное Общество имени Н. В. Гоголя».

Проектъ устава сводитъ дѣятельность общества къ двумъ цѣлямъ: 1) изученіе произведеній Гоголя, собираніе и коллектированіе изданій его произведеній, а также и всего того, что имѣетъ отношеніе къ біографіи и литературной дѣятельности Гоголя; 2) сближеніе мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей съ лицами, интересующимися дѣломъ изученія родины и искусства. Для выполненія этихъ цѣлей общество проектируетъ пользоваться слѣдующими средствами: а) лекціи, публичныя чтенія, концерты, литературно-музыкальные вечера и спектакли; б) учрежденіе библіотеки съ спеціально гоголевскимъ отдѣломъ; в) художественныя выставки; г) изданіе книгъ и альманаховъ по вопросамъ, входящимъ въ кругъ интересовъ общества.

Лѣчебница имени Шевченка. Въ селѣ Кирилловкѣ, Тарасовской волости, Звенигородскаго уѣзда, состоялась на дняхъ закладка зданія сельской лѣчебницы имени Шевченка. Въ селѣ этомъ насчитывается свыше 5000 жителей. Сооруженіе зданія лѣчебницы обойдется до 12000 руб. изъ которыхъ 3000 рублей пожертвованы владѣльцемъ села Кирилловки Н. А. Терещенко· Въ селѣ Кирилловкѣ родился Т. Г. Шевченко. Здѣсь и теперь указываютъ избу, въ которой жилъ Шевченко, и дубъ, подъ которымъ онъ писалъ свои «вирши». Ближайшіе родственники родоначальника малорусской поэзіи и теперь продолжаютъ жить въ этомъ селѣ. («Харьк. Вѣд.», № 143).

Конкурсъ на словарь украинскаго языка. На премію имени Н. И. Костомарова за составленіе «Словаря малорусскаго нарѣчія», съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ, объявленъ академіею новый конкурсъ на три года; срокъ представленія трудовъ на этотъ кон-

курсъ назначенъ на 1 января 1905 года. Премія состоитъ изъ 4,000 руб. вмѣстѣ съ процентами, которые наростутъ на эту сумму съ 1881 г. по день присужденія преміи. («С.-Петерб. Вѣд.», № 147).

Даръ А. М. Лазаревскаго Кіевской публичной библіотекѣ и Музею древностей. Кіевскимъ окружнымъ судомъ утверждено къ исполненію духовное завѣщаніе извѣстнаго историка д. ст. сов. А. М. Лазаревскаго, который завѣщалъ кіевской городской публичной библіотекѣ всѣ книги, имѣющія на корешкахъ заглавія: «украинскія», «малороссійсскія», «малорусскіе сборники», которыхъ ко времени составленія завѣщанія имѣлось болѣе ста восьмидесяти томовъ, пять сборниковъ всякаго рода картинъ, наклеенныхъ на бумаги; сборники эти имѣютъ на корешкахъ заглавіе «Живописная Украина», рукопись съ картинами Деляфлиза, заключающую въ себѣ описаніе Кіевской губерніи, и сборникъ рисунковъ, его же, селъ Кіевской губерніи и всѣ губернскія вѣдомости, какія имѣются въ его библіотекѣ. («Южн. Кр.», № 7419).

Музею же наслѣдниками А. М Лазаревскаго, въ исполненіе воли покойнаго, переданы 3 портрета, а именно: кіевскаго воеводы Адама Киселя, матери Іереміи Вишневецкаго Раины Могилянки (двоюродной сестры митрополита Петра Могилы) и Кирилла Тарловскаго, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ «Дикаго попа». Портретъ послѣдняго представляетъ собой копію съ подлинника. находящагося въ Козелецкомъ соборѣ (Черниговской губ.). («Южн. Кр.», 7390).

Цѣнный даръ. Въ кіевскій музей, по словамъ «Нов.», на дняхъ поступила громадная коллекція историческихъ портретовъ, пожертвованная А. В. Толли, купившимъ громадныя помѣстья князей Вишневецкихъ. Одна часть портретовъ, писанныхъ съ натуры съ лицъ, игравшихъ видную роль въ исторіи Польши, уже выставлена для обозрѣнія публики, другая же часть требуетъ реставраціи и будетъ выставлена въ близкомъ будущемъ. Всѣхъ портретовъ болѣе четырехсотъ. («Южн. Кр.», № 7403).

Памятникъ Котляревскому. По словамъ «Полт. Вѣд.» (№ 109) работа по установкѣ постамента для памятника Котляревскому быстро подвигается впередъ и можно разсчитывать, что памятникъ будетъ окончательно готовъ до сентября. Вчера городской голова телеграфно

просилъ г. Позена, составлявшаго проектъ памятника, поторопиться высылкой берельефовъ и вѣнка для постамента.

Командировка для изслѣдованія говоровъ. Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ профессоръ Харьковскаго университета М. Г. Халанскій командированъ на лѣто въ Курскую, Черниговскую и Орловскую губерніи, гдѣ профессоръ предполагаетъ закончить начатыя имъ въ прошлые годы изслѣдованія народныхъ говоровъ. («Харьк. Вѣд.», № 132).

Къ 200-лѣтнему юбилею печати. 2-го января 1903 г. библіологическое общество по случаю исполняющагося 200-лѣтія печати рѣшило устроить торжественное собраніе въ залахъ академіи наукъ. Ко дню юбилея общество выпускаетъ слѣдующія изданія: «Сборникъ трудовъ по библіографіи печати и исторіи ея», «Художественный сборникъ», въ который войдутъ портреты редакторовъ и издателей, снимки съ заглавныхъ листовъ и шрифтовъ. Кромѣ того обществомъ будетъ изданъ сборникъ копій съ каррикатуръ прежнихъ временъ на печать, гдѣ печать явится въ собственномъ каррикатурномъ изображеніи. Помимо, этого ко дню юбилея будетъ издана книга «Русская періодическая печать», въ которой будутъ приведены подробныя данныя о постепенномъ ростѣ печати. Кромѣ того общество предполагаетъ устроить выставку журналовъ, газетъ и всего того, что относится къ журналистикѣ. («Рус. Вѣд.»).

Украинскій театръ.—По словамъ «Биржю. Вѣд.» (№ 143, 168. 180), труппа Суслова, играющая въ одномъ изъ садовъ Петербурга, пользуется большимъ успѣхомъ, несмотря даже на дурную погоду. Театральный рецензентъ особенно отмѣчаетъ игру Линицкой, Зарницкой, Суслова, Манько и др. Судя по словамъ рецензента, на сценѣ преобладаетъ репертуаръ веселаго характера: ставятся—Сорочинскій ярмарокъ, Вій. и т. д.

Съ конца іюня въ Харьковѣ открылись представленія труппы Кропивницкаго, Садовскаго и Саксаганскаго. Первой шла пьеса «Глытай». По словамъ Харьк. Вѣд. (№ 168) «первый спектакль былъ настоящимъ праздникомъ малороссовъ». Изъ дальнѣйшихъ сообщеній

той-же газеты (№ 172) видно, что вообще труппа пользуется большимъ успѣхомъ и театръ посѣщается усердно.

Въ Полтавѣ съ 20 іюня играетъ труппа Глазуненка.

Лѣтній садъ въ с. Диканькѣ. Интересную замѣтку находимъ въ Полт. Вѣд. (№ 113) о народномъ театрѣ въ с. Диканькѣ. Театральный вопросъ—по словамъ газеты—волнуетъ не только мѣстныхъ интеллигентовъ, которымъ принадлежитъ его иниціатива, но также и простой народъ, который принимаетъ активное участіе въ этомъ вопросѣ, давши разрѣшеніе построить на общественной землѣ спеціальное помѣщеніе для сцены. Благодаря этому разрѣшенію и дѣятельному участію мѣстныхъ любителей, здѣсь уже сооружается зданіе лѣтняго закрытаго театра и съ 9-го іюня откроется лѣтній сезонъ. Предполагается постановка цѣлаго ряда спектаклей, сборъ съ которыхъ цѣликомъ будетъ направленъ для завѣтной цѣли Диканьчанъ—постройки просвѣтительнаго народнаго дома.

Указавъ на назрѣвшую въ народѣ потребность въ хорошо-поставленномъ театрѣ и на готовность мѣстныхъ культурныхъ силъ идти на встрѣчу этой потребности, корреспондентъ говоритъ, что въ репертуаръ, на-ряду съ серьезными малорусскими пьесами, войдутъ русскія комедіи и фарсы, а также и пьесы обстановочнаго характера. Въ числѣ новинокъ драматическаго репертуара появится только что разрѣшенная къ постановкѣ комедія Я. И. У—ва «Брехунци».

Малорусскій литературно-вокальный вечеръ въ Томскѣ. Коммиссіей народныхъ развлеченій въ мартѣ былъ устроенъ вечеръ, прошедшій съ большимъ успѣхомъ. Самый шумный успѣхъ выпалъ на долю хора. Хоръ былъ смѣшанный. Одѣтый въ національные малороссійскіе костюмы, онъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на публику однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Онъ исполнилъ 3 номера по программѣ и нѣсколько номеровъ на бисъ. Мужской хоръ исполнилъ два раза знаменитую «Зозулю». Жаль только, что въ программѣ не было ни одного литературнаго номера и въ этомъ, какъ намъ передавали, виновата сама коммиссія.—Съ матеріальной стороны вечеръ также удался: залъ библіотеки былъ полонъ публики; сидѣли даже въ оркестрѣ.

Народныя пѣсни въ школахъ.—Циркуляромъ попечителямъ учебныхъ округовъ предложено, чтобы въ программы школьныхъ му-

зыкальныхъ собраній включались былины, духовные стихи и протяжныя народныя пѣсни. Признано также желательнымъ, чтобы въ хрестоматіяхъ помѣщались ноты народныхъ мелодій. («Южн. Кр.», № 7384).

Странная пропаганда „Славянскаго Вѣка“.—Офицеры екатеринославскаго гарнизона получили по почтѣ воззваніе Славянскаго общества въ Москвѣ съ предложеніемъ поддержать своей подпиской и сотрудничествомъ журналъ извѣстнаго г. Вергуна, издающійся въ Вѣнѣ—«Славянскій Вѣкъ». («Придн. Кр.», № 1501).

Могила И. Манжуры.—Въ № 199 «Придн. Края» напечатано слѣдующее письмо въ редакцію Гр. Чумаченка:

«Въ печати многократно говорилось о томъ равнодушіи и небрежности, съ какимъ мы относимся къ памяти выдающихся людей нашей родины.

Вотъ еще одинъ фактъ, подтверждающій это мнѣніе.

Въ 1893 году въ Екатеринославѣ, въ земской больницѣ, умеръ малорусскій поэтъ и этнографъ И. И. Манжура и былъ похороненъ на Севастопольскомъ кладбищѣ. Провожалъ его одинъ больничный сторожъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Манжуры, нѣкоторыя лица, знавшія покойника лично, рѣшили поставить на его могилѣ крестъ, но оказалось, что могила его затеряна, и крестъ пришлось поставить по указанію больничнаго сторожа, увѣрявшаго, что онъ хорошо помнитъ мѣсто погребенія Манжуры.

Еще въ прошломъ году я читалъ въ газетѣ «Донская Рѣчь», что нѣкто посѣтилъ могилу поэта и видѣлъ на ней повалившійся на бокъ крестъ.

Наконецъ, въ этомъ году я самъ нѣсколько разъ посѣтилъ Севастопольское кладбище, съ цѣлью разыскать могилу поэта, но сколько я ни старался въ этомъ отношеніи, сколько ни разспрашивалъ роющихъ могилы на этомъ кладбищѣ, поиски мои не увѣнчались успѣхомъ. Потомъ я узналъ, что еще и другія лица пытались отыскать затерянную могилу и, какъ мнѣ извѣстно, не нашли. По всей вѣроятности, крестъ на могилѣ пришелъ въ ветхость и развалился.

Въ будущемъ 1903 году исполняется 10 лѣтъ со дня смерти И. И. Манжуры, и неужели не найдутся люди, знавшіе его лично, которые взяли бы на себя заботу отыскать могилу «небораки» и поставить на ней крестъ?»

М. М. Антокольскій. 26-го іюня въ Бадъ-Гомбургѣ скончался извѣстный скульпторъ, положившій реалистическое начало въ русской скульптурѣ, М. М. Антокольскій. Его рѣзцу принадлежитъ извѣстная статуя «Несторъ-Лѣтописецъ».

Отказъ въ выдачѣ о-ву „Просвіта" субсидіи. Въ іюньской книжкѣ нашего журнала были отмѣчены плодотворные результаты необычайно энергичной дѣятельности общества «Просвіта» въ Галиціи при крайней ограниченности въ средствахъ, отпускаемыхъ правительствомъ въ пользу этого общества. Такая энергичная просвѣтительная дѣятельность молодой институціи на пользу украинской народности пришлась, очевидно, не по вкусу полякамъ, такъ какъ въ газетѣ «Діло» (№ 109) находимъ извѣстіе, что «Краевий Виділ» въ засѣданіи 14 мая отказалъ въ выдачѣ обществу «Просвіта» субсидіи въ количествѣ 6000 коронъ, ассигнованныхъ сеймомъ въ 1901 г., мотивируя свой отказъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ выданной «Просвітою» популярной брошюрѣ «Русь-Украіна і Московщина» пробиваются антипольскія тенденціи и встрѣчаются мѣста «въ высшей степени вредныя, возбуждающія къ національной враждѣ и нарушенію общественной гармоніи въ краѣ». Протестуя противъ этой мѣры, «Діло» съ чувствомъ горечи говоритъ, что поляки еще разъ дали доказательство того, что «украинскій народъ имѣетъ только одно право—платить подати», но не имѣетъ права даже въ микроскопической дозѣ пользоваться «зъ гроша, зложеного з його власноі кервавиці», и въ подтвержденіе своей вполнѣ справедливой жалобы сопоставляетъ ничтожныя цыфры, особенно на первыхъ порахъ,—1000—1500 кор.—субсидій въ пользу «Просвіти» съ десятками тысячъ коронъ въ пользу «Mac cierr'и Polssk'y», «Wydawnictwa dzielek ludowych» Rótnicz'aго»' которые, взятые всѣ разомъ, не сдѣлали и десятой доли того для просвѣщенія и экономическаго поднятія широкой народной массы, несмотря на содѣйствіе «сполечнои гіерархіи и громадныя субсидіи, что успѣла сдѣлать «Просвіта». Горячо протестуя противъ этой мѣры, газета призываетъ народъ къ рѣшительному протесту какъ противъ самой мѣры, такъ и противъ мотивировки ея на томъ основаніи, во-первыхъ, что 4 милл. украинскаго народа имѣютъ право на субсидію въ десятки разъ большую, а во-вторыхъ,—что и изданія шовинистской шляхетско-клерикальной партіи не подчинены никакому контролю.

Отмѣчая этотъ печальный фактъ крайне-враждебнаго отношенія польскихъ станчиковъ къ совершенно естественному и справедливому стремленію зарубежныхъ русинъ къ свѣту и свободѣ, мы не можемъ обойти молчаніемъ факта значительной перемѣны во взглядахъ нѣкоторой части русскихъ поляковъ на польско-украинскія отношенія въ Галиціи. Быть можетъ голосъ поляковъ русскихъ, являющихся въ качествѣ объективныхъ зрителей обострившейся борьбы двухъ сродныхъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ народностей, внесетъ коррективъ въ эти ненормальныя отношенія. Недавно «Kraj» посвятилъ большую статью вопросу о политической организаціи руссинъ и подведенію итоговъ достигнутыхъ ими успѣховъ въ области просвѣщенія и культуры. Нарисовавъ картину группировки политическихъ партій русинскихъ, давъ оцѣнку каждой изъ нихъ и отмѣтивъ затѣмъ, результаты соединенной дѣятельности русинъ всѣхъ оттѣнковъ, на почвѣ стремленій къ своему національному возрожденію, «Kraj» въ концѣ концовъ долженъ былъ притти къ тому заключенію, что національная эволюція русинъ подвинулась настолько впередъ, что нынѣ русинскимъ движеніемъ нельзя ни принебрегать, ни его не замѣчать. Русинскій вопросъ перестал быть, говоритъ «Kraj»,—«уголовнымъ», какъ его полстолѣтія тому назадъ назвалъ одинъ изъ нѣмецкихъ гофратовъ, а развился и сталъ синтезомъ культурныхъ стремленій всего трехмилліоннаго народа. Благодаря этому русины перешли границу, гдѣ оканчиваются многочисленныя теоретическія пожеланія, и вступили въ сферу практическихъ послѣдствій своего развитія. Однимъ изъ такихъ послѣдствій является вопросъ о русинскомъ университетѣ, вопросъ, который, несмотря на все легкомысліе (?) и нетактичность, съ которыми въ прошломъ году былъ возбужденъ, очень значителенъ и лучше всего свидѣтельствуетъ, что опредѣленіе пути, на которомъ долженъ быть урегулированъ національный вопросъ въ восточной Галиціи, становится все болѣе нетерпящимъ отлагательства. Думаемъ, что галицкіе русины согласятся расписаться въ полученіи аттестаціи «о легкомысліи и непрактичности» за признаніе со стороны польскаго «Kraj'а» неотложности рѣшенія вопроса объ украинскомъ университетѣ.

Выходъ буковинскихъ пословъ изъ сейма. Наши читатели безъ сомнѣнія помнятъ прошлогодній фактъ демонстративнаго выхода изъ зала сеймовыхъ засѣданій въ Галиціи русинскихъ пословъ, вызванный тѣмъ обстоятельствомъ, что галицко-польское большинство систематически трактовало представителей украинскаго народа, какъ что-то совсѣмъ не стоющее вниманія. Это большинство не только от-

казывало въ самыхъ минимальныхъ требованіяхъ чисто культурнаго характера со стороны русинскихъ пословъ, но не постѣснялось въ присутствіи этихъ самыхъ пословъ вносить проекты законовъ, направленныхъ прямо противъ украинскаго народа, какъ націи.

Тоже самое случилось въ нынѣшнюю сеймовую сессію въ Буковинѣ. 19 іюня (2 іюля по н. ст.) буковинскіе послы вынуждены были также оставить залъ засѣданій, такъ какъ нѣмецко-польско-румынская коалиція позволила себѣ пренебречь ихъ правами настолько, что сочла возможнымъ произвести выборы въ комиссіи представителей отъ русинъ безъ участія въ выборахъ русинскихъ пословъ. Посолъ проф. Смаль-Стоцкій заявилъ, что поведеніе большинства въ сеймѣ есть насиліе надъ правами русинъ, и что русины не примутъ участія въ совѣщаніяхъ до тѣхъ поръ, пока буковинскіе русины не получатъ сатисфакціи и вмѣстѣ съ послами Василькомъ, Левицкимъ и Пигулякомъ оставилъ залъ засѣданій.

«Буковина», оповѣстивши буковинскихъ русинъ объ этомъ фактѣ, обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами: «Наступила минута чрезвычайно важная, но не грозная и не страшная, если украинскій народъ станетъ всей массой и смѣло за своими послами. Святой обязанностью всѣхъ сознательныхъ русиновъ является постараться собрать въ день Ивана Крестителя на народное вѣче тысячи народа». Буковинцы, очевидно, горячо откликнулись на призывъ стоять за свои права, такъ какъ въ № 140 «Діла» напечатана телеграмма изъ Черновцевъ, оповѣщающая о томъ, что 7 іюля по н. ст. состоялось небывалое вѣче, созванное послами-сецессіонистами, на которомъ было пять тысячъ народа, вполнѣ одобрившее поступокъ своихъ пословъ и выразившее свое презрѣніе тѣмъ посламъ другихъ народностей, которые будучи избраны буковинскимъ населеніемъ, заняли въ сеймѣ враждебную позицію противъ русинъ.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Подготовительныя работы къ предстоящему археологическому съѣзду въ Харьковѣ Къ предстоящему въ Харьковѣ археологическому съѣзду готовится цѣлый рядъ изданій. Нѣкоторыя изъ нихъ уже отпечатаны, другія печатаются и, къ открытію съѣзда, выйдутъ въ свѣтъ. Владѣлецъ картографическаго заведенія въ Петербургѣ, харьковскій уроженецъ, И. П. Поддубный издалъ на свой счетъ и преподнесъ предварительному комитету 130 экземпляровъ «Атласа Слободско-украинской губ.» 1802 года, хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ. Изданіе будетъ сопровождаться предисловіемъ проф. Д. И. Багалѣя. Харьковскій губернскій статистическій комитетъ заканчиваетъ изданіе «Атласа харьковскаго намѣстничества 1787 года», который до сихъ поръ хранился въ рукописи и теперь явится цѣннымъ вкладомъ въ южно-русскую картографію. Предварительный комитетъ выпустилъ въ свѣтъ «Южно-русскій орнаментъ» г-жи Литвиновой, съ предисловіемъ, проф. Е. К. Рѣдина. Проф. А. С. Лебедевъ заканчиваетъ печатаніемъ обширный трудъ о бѣлгородскихъ епископахъ, съ портретами этихъ послѣднихъ, который будетъ имѣть особенный интересъ, для Харькова, потому что харьковская епархія во 2-й половинѣ XVII и въ XVIII вв. входила въ составъ бѣлгородской. А. Н. Гусевъ издаетъ къ съѣзду иллюстрированный путеводитель по Харькову. Работы по устройству съѣзда теперь въ самомъ разгарѣ: устраиваются выставки, печатаются каталоги, два обширныхъ тома «Трудовъ предварительнаго комитета».

Вообще съѣздъ обѣщаетъ быть любопытнымъ и можно надѣяться, что имъ заинтересуются у насъ широкіе круги общества. Членами съѣзда могутъ быть всѣ желающіе (обоего пола), по внесеніи пятирублеваго членскаго взноса. Взносы принимаетъ секретарь комитета проф. Е. К. Рѣдинъ въ университетѣ, гдѣ теперь устраиваются выставки. На съѣздъ ожидается прибытіе многихъ извѣстныхъ ученыхъ не только изъ Россіи, но и изъ-за границы,—преимущественно славянскихъ земель. Нѣкоторые французскіе археологи сами уже заявили о своемъ желаніи пріѣхать въ Харьковъ. («Харьк. Вѣд.», № 153).

По вопросу объ участіи галицкихъ ученыхъ въ Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ намъ сообщены нѣкоторыя подробности, служащія продолженіемъ печальнаго инцидента, бывшаго на прошломъ Кіевскомъ съѣздѣ по поводу рефератовъ на малорусскомъ языкѣ.

Въ виду того, что въ теченіе всего времени подготовительныхъ работъ къ Харьковскому съѣзду ни Науковое Товариство имени Шевченка, ни отдѣльные члены его не получали никакихъ приглашеній отъ Московскаго организаціоннаго комитета, равно какъ и отъ Харьковскаго предварительнаго комитета съѣзда, вопросъ о степени участія въ съѣздѣ галицкихъ ученыхъ совсѣмъ не поднимался въ Галиціи. Только въ апрѣлѣ текущаго года Науковое Товариство получило запросъ отъ Московскаго археологич. общества, кто изъ галицкихъ ученыхъ и съ какими рефератами предполагаетъ прибыть на съѣздъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Науковое Товариство сообщило, что, не получая до сихъ поръ никакихъ приглашеній, а равно не зная, въ какомъ положеніи будетъ находиться на съѣздѣ вопросъ о чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ, оно не занималось обсужденіемъ степени своего участія въ съѣздѣ, хотя въ «Товариствѣ» непрерывно идутъ работы въ областяхъ, соприкасающихся съ программой археологическихъ съѣздовъ, и если-бы приглашеніе прислано было раньше и была-бы у галицкихъ ученыхъ увѣренность, что они могутъ читать рефераты на своемъ родномъ языкѣ, то число рефератовъ изъ Галичины могло-бы быть значительно большимъ. Въ настоящее время имѣются готовыми слѣдующіе рефераты: 1) проф. М. Грушевскаго—два реферата объ остаткахъ древне-русскаго искусства въ Галиціи; 2) д-ра І. Франка—изслѣдованія объ украинской легендарной литературѣ; 3) д-ра Студинскаго—изъ исторіи полемической литературы; 4) д-ра Щурата—изъ исторіи Галичины XVIII в.; 5) д-ра Колессы—изъ украинской литературы XIX в.; 6) проф. Верхратскаго—изъ діалектологіи галицкой и угорской Руси. На это извѣщеніе не послѣдовало никакого отвѣта отъ Московскаго археологическаго общества, а только г.г. Верхратскій, Студинскій и Щуратъ получили программы Харьковскаго съѣзда, но они отвѣтили Московскому комитету, что имѣли намѣреніе принять участіе въ съѣздѣ, какъ члены Науковаго Товариства имени Шевченка; ввиду-же того, что послѣднее приглашенія участвовать въ съѣздѣ не получило, а также ввиду отсутствія свѣдѣній о допущеніи ихняго языка въ рефератахъ, они не могутъ принять участія въ съѣздѣ.

Въ настоящее время въ Харьковѣ ведутся спѣшныя работы по устройству археологической, исторической и этнографической выставки, открывающейся въ августѣ во время археологическаго съѣзда.

Въ историческомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе богатая коллекція церковныхъ древностей по преимуществу изъ сельскихъ

церквей Харьковской губерніи, а также изъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній. Тутъ имѣются старинные иконостасы, хранившіеся въ сельскихъ церквахъ за ненадобностью на чердакахъ и колокольняхъ. Точно также оставшаяся уже давно безъ употребленія старинная церковная утварь изъ олова. Много имѣется разысканныхъ по сельскимъ церквамъ, у священниковъ и у обывателей иконъ древняго письма, восходящаго даже къ 16 вѣку. Есть нѣсколько священныхъ изваяній, между прочимъ фигура сидящаго Христа изъ дерева и раскрашенная; изваянія эти, найденныя въ православныхъ храмахъ, очевидно представляютъ остатки былого вліянія западной церкви на религіозный бытъ Малороссіи. Многія изображенія на древнихъ иконахъ, какъ по содержанію своему, такъ и по характеру письма также должны быть приписаны тому же вліянію католичества.

Такъ, напримѣръ, имѣется, между прочимъ, ультрареалистическое изображеніе дѣтства Христа: Іосифъ занятъ столярной работой и что то пилитъ; Матерь Божія сидитъ тутъ-же въ комнатѣ за рукодѣльемъ, а отрокъ Христосъ подметаетъ около нихъ полъ.

Интересно также изображеніе, извѣстное подъ названіемъ «Недреманное Око»—младенецъ Христосъ спитъ на крестѣ съ однимъ полуоткрытымъ глазомъ, а вокругъ Него изображены орудія предстоящихъ Ему страстей.

На ряду съ иконами у крестьянъ часто фигурируетъ въ божницахъ аллегорическое изображеніе бѣлой птицы, разрывающей себѣ клювомъ грудь и кровью своей кормящей птенцовъ; надъ птицей же изображено пылающее сердце. На картинѣ этой имѣется слѣдующая надпись: «Пеликанъ птица, не жалѣя себя, дѣтей своихъ питаетъ».

Одно изъ такихъ аллегорическихъ изображеній «Пеликана птицы» также доставлено на выставку.

Вообще для любителей и знатоковъ церковной древней живописи тутъ много интереснаго, а, быть можетъ, и рѣдкостнаго.

Въ собственно историческомъ отдѣлѣ экспонаты относятся къ исторіи Украйны.

Тутъ есть интересныя коллекціи оружія временъ козачества и гетманства; есть двѣ подлинныхъ гетманскихъ желѣзныхъ булавы, портреты цѣлаго ряда гетмановъ въ копіяхъ и рядъ подлинныхъ большихъ портретовъ масляными красками извѣстныхъ историческихъ дѣятелей Малороссіи.

Далѣе имѣется первая коллекція портретовъ харьковскихъ архіепископовъ съ 1802 г., т. е. съ основанія харьковской епархіи.

Есть довольно фантастическая картина, якобы портретъ не менѣе же фантастическаго казака Харько, основателя города Харькова.

Онъ изображенъ на конѣ, со щитомъ въ одной рукѣ, съ копьемъ въ другой и съ лукомъ и колчаномъ за плечами.

Затѣмъ имѣется нѣсколько видовъ г. Харькова и уличныхъ сценъ начала прошлаго вѣка.

Всѣ эти предметы частью уже установлены, частью еще устанавливаются.

Археологическій отдѣлъ выставки состоитъ изъ обильнѣйшихъ коллекцій древностей, найденныхъ при раскопкѣ въ харьковской губерніи могильныхъ кургановъ.

Очень интересенъ и представляетъ большую научную цѣнность очень хорошо сохранившійся костякъ древняго обитателя нашего края въ дубовомъ гробу.

Затѣмъ идетъ коллекція череповъ человѣческихъ.

Далѣе слѣдуютъ большія коллекціи глиняной посуды изъ могильниковъ же. Замѣчательно, что нынѣшній кувшинъ былъ точно такимъ же чуть ли не тысячелѣтія тому назадъ.

Богатыми и очень красивыми коллекціями представлены древнія украшенія въ видѣ бусъ и т. п. тоже изъ кургановъ; затѣмъ монеты, оружіе и т. д.

Вообще произведенныя прошлымъ лѣтомъ раскопки дали очень много, и, кажется совершенно неожиданно, весьма цѣннаго въ научномъ отношеніи, очень рѣдкостнаго и занимательнаго матеріала.

Этнографическій отдѣлъ съ возможной полнотою представляетъ современный бытъ харьковскаго крестьянства: тутъ одежда, жилище, ремесла, орудія сельскохозяйственныхъ работъ, наборы инструментовъ кустарныхъ производствъ, образцы кустарныхъ произведеній гончарныхъ, ткацкихъ, рукодѣлій.

Въ отдѣльномъ помѣщеніи построена въ натуральную величину малорусская хата подъ соломенной крышей, съ заваленкой, съ коморой и съ полнымъ внутреннимъ убранствомъ, начиная отъ типичной варистой печи и кончая божницами и кусками обоевъ на стѣнахъ въ переднемъ углу въ видѣ украшенія.

Рядомъ съ хатой имѣется модель пасѣки съ куренемъ дѣда-пасѣчника и съ самимъ дѣдомъ.

Есть полный наборъ рыболовной снасти до неуклюжаго «човна» изъ цѣлаго дуба включительно. («Харьк. Вѣд.», № 148, 11 іюня).

Изъ с. Казацкаго, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, священникомъ мѣстной церкви присланы ризы и воздухи, подаренные нѣкогда въ эту церковь гетманомъ Самойловичемъ. Оттуда же при-

сланъ и поясъ, принадлежавшій Самойловичу, широкій, золотой, съ золотыми же кистями. Изъ Никополя поступили вещи, принадлежавшія нѣкогда кошевой церкви на Запорожьѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе огромное евангеліе (1759 г.) вѣсомъ около двухъ пудовъ съ замѣчательнымъ серебрянымъ окладомъ, вѣсящимъ 28 фунтовъ; дорогая, тяжеловѣсная риза, пріобрѣтенная кошемъ для своей церкви, плащаница изящной работы, съ вышитой на ней надписью: «сія плащаница Іоанна Гаркуши, курѣня Тимошѣвского»; затѣмъ серебряная кружка съ выбитыми на ней фигурами, отнятая запорожцами въ 1746 г. у какого-то нѣмца близъ Канева, во время гайдамацкаго наѣзда на польскую украину; медаль, пожалованная одному изъ запорожцевъ Императрицей Екатериною. Едва ли не самымъ интереснымъ изъ доставленныхъ на выставку предметовъ запорожской старины является аналой, присланный кошу въ даръ константинопольскимъ патріархомъ въ то время, когда послѣ участія въ неудачной измѣнѣ Мазепы запорожцы принуждены были поселиться внѣ тогдашнихъ предѣловъ русскаго государства (1709—1734 гг.). Аналой сдѣланъ изъ какого-то ахавскаго дерева и великолѣпно украшенъ черепахой, слоновой костью и перламутромъ. Аналой по матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, и по стилю напоминаетъ собою знаменитый амвонъ въ константинопольской патріаршей церкви.

Въ этомъ же церковномъ отдѣлѣ выставки обращаетъ на себя вниманіе деревянная статуя Христа. Христосъ изображенъ почти въ нормальный ростъ человѣка, въ сидячемъ положеніи съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о цѣломъ рядѣ статуй святыхъ и ангеловъ, собранныхъ въ разныхъ церквахъ нашего края и несомнѣнно указывающихъ на сильное вліяніе на южную Русь западнаго католицизма. («Южн. Кр.», 7402, 13 іюня).

О дѣятельности комиссіи при Полтавскомъ статистическомъ комитетѣ по подготовительнымъ работамъ къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ въ № 130 Полт. Вѣд. сообщается, что въ іюньскомъ засѣданіи комиссіи предположено размѣстить на выставкѣ экспонаты по отдѣламъ «предметовъ, при чемъ въ основу разграниченія отдѣловъ принята система удовлетворенія потребностей, какъ то: пища, одежда, жилище и т. д. съ подраздѣленіемъ каждаго изъ такихъ отдѣловъ на составляющія его группы.

Полтавская губернія на этнографической выставкѣ археологическаго съѣзда будетъ представлена разнообразными относящимися къ

характеристикѣ народнаго быта коллекціями естественноисторическаго музея Полтавскаго губернскаго земства, частью состоящими въ наличности, частью имѣющими быть собранными И. А. Зарѣцкимъ по выработанному музеемъ плану, одобренному губернскою управой и утвержденному губернскимъ земскимъ собраніемъ. Какъ результатъ дѣятельности комиссіи на этнографическую выставку будутъ представлены собранная экспедиціоннымъ путемъ коллекція разнообразныхъ дѣтскихъ игрушекъ, а также альбомъ фотографическихъ снимковъ представителей населенія губерніи въ типичномъ убранствѣ, типичныхъ жилищъ, игръ и т. д. Въ связи съ дѣятельностью комиссіи на выставку представлены будутъ относящіяся исключительно къ Золотоношскому уѣзду собранныя коллекціи предметовъ козацкаго и чумацкаго быта.

Затѣмъ, въ виду того, что Полтавская комиссія возникла въ іюлѣ 1900 года, какъ вспомогательная огранизація въ подготовительныхъ работахъ Харьковскаго археологическаго съѣзда, и главнымъ образомъ въ работахъ, касающихся этнографической выставки, въ виду приближенія съѣзда, представлялось необходимымъ сформулировать, въ чемъ выразилась дѣятельность комиссіи въ теченіе почти 2-хъ лѣтъ. Обобщая проявленія дѣятельности комиссіи, пришлось установить, что работы ея велись въ двухъ направленіяхъ: а) въ сношеніяхъ съ лицами съ цѣлью вызвать интересъ къ предстоящему археологическому съѣзду съ этнографической выставкой и побудить доставить комитету съѣзда при посредствѣ Полтавской комиссіи или непосредственно въ Харьковъ хранящіеся у частныхъ лицъ предметы старины и б) въ разработкѣ сообщенныхъ добровольными корреспондентами свѣдѣній по вопросамъ, касающимся мѣстной старины и мѣстнаго народнаго быта. Сношенія комиссіи отразились рядомъ печатныхъ обращеній къ интеллигентнымъ лицамъ въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, связаннымъ съ представляющими интересъ для археологическаго съѣзда предметами или по своему происхожденію изъ старинныхъ малорусскихъ фамилій или засвидѣтельствовавшихъ свою близость къ такимъ предметамъ литературными работами, сообщеніемъ свѣдѣній о такихъ преметахъ и т. д. Завязывались сношенія съ лицами и при экскурсіи, обнявшей значительную часть губерніи и предпринятой для описанія древнихъ городищъ, земляныхъ валовъ, могильниковъ и другихъ памятниковъ древности, а также для обслѣдованія типичныхъ сторонъ современнаго народнаго быта вообще и дѣтскихъ игръ съ ихъ ар-

хаическими элементами въ частности. Результаты этой части работъ коммиссіи скажутся на археологической и этнографической выставкахъ археологическаго съѣзда.

Работы литературнаго характера, предпринятыя отдѣльными членами комиссіи, выражаются въ докладахъ, изготовляемыхъ ими для археологическаго съѣзда».

«Генералъ Бранденбургъ производитъ раскопку древнихъ кургановъ близъ Триполья, въ 40 верстахъ ниже Кіева по Днѣпру. Раскопано пять могилъ, найдены костяки и интересные предметы скифской культуры и погребальнаго обряда VIII и X вв.» («Екат. Л.», № 52).

«Въ предварительный комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда поступили вещи изъ раскопокъ члена сотрудника Спб. археологическаго института поручика В. Р. Апухтина въ Болховскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ, Орловской губ., состоящія изъ издѣлій изъ глины, изъ кожи и бронзовая привѣска въ видѣ конька. Кромѣ того, В. Р. Апухтинъ принесъ въ даръ музею древностей при унивнреситетѣ образъ Іосафа, (Горленко), епископа Бѣлгородскаго, а родословное древо рода Апухтиныхъ письма начала XVIII в. для выставки во время съѣзда». («Южн. Кр.», 7409).

Екатеринославское Научное общество собираетъ матеріалы для рѣшенія двухъ, поставленныхъ съѣздомъ вопросовъ: о древнѣйшихъ насельникахъ прилегающей къ Екатеринославу мѣстности и для выясненія, какимъ народамъ принадлежатъ сохранившіяся донынѣ каменныя «бабы». Съ этой цѣлью въ теченіе іюня А. С. Синявскимъ, которому передано Императорской археологической комиссіей право производства раскопокъ въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи, были сдѣланы археологическія изслѣдованія и курганныя раскопки въ окрестностяхъ г. Екатеринослава, а также въ Бахмутскомъ, Верхнеднѣпровскомъ и Новомосковскомъ уѣздахъ: у дер. Ново-Александровки, Бахмутскаго уѣзда, у ст. Дебальцево, у с. Краснаго-Кута, въ урочищѣ Днѣпрово-Каменка, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, у д. Старыя-Кайдаки и другихъ мѣстностяхъ. Предположены раскопки въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ получены извѣстія о томъ, что донынѣ сохранились на курганахъ каменныя «бабы», въ цѣляхъ возможнаго опредѣленія по курганнымъ находкамъ и по характеру каменныхъ изваяній, какимъ народомъ ставились на могилахъ эти изображенія. Кромѣ того, къ съѣзду

изготовляются фотографическіе снимки со всѣхъ извѣстныхъ до сего времени каменныхъ «бабъ» Екатеринославской губерніи. («Екатер. Л.», № 19).

Подготовка къ этнографической выставкѣ. Въ двухъ обширныхъ залахъ библіотеки университета въ настоящее время идетъ разборка собранныхъ въ Харьковской губерніи этнографическихъ матеріаловъ. Въ одной комнатѣ построена малорусская хата въ натуральную величину и убрана въ обычныхъ формахъ быта; въ томъ же помѣщеніи сгруппированы, съ одной стороны, рыболовныя снасти и челнокъ съ Донца, съ другой—пасѣка съ принадлежностями пасѣчника, манекеномъ сторожа и пр. Тутъ же размѣщены планы дворовыхъ построекъ, модели и рисунки хатъ. Въ другой, болѣе просторной залѣ, съ одной стороны, на большихъ деревянныхъ задрапированныхъ щитахъ, размѣщаются по стѣнамъ гончарныя издѣлія, иструменты чеботарей, кузнецовъ, предметы куренія, съ другой—заготовлены щиты для тканей плахтъ, ковровъ, выбоекъ; внизу идутъ столы, полки и витрины съ головными уборами, обувью, издѣліями изъ дерева, коллекція предметовъ освѣщенія, коллекція чабанская, писанки, ритуальный отдѣлъ, лѣчебный отдѣлъ. Тутъ же стоитъ 30 манекеновъ, которые ко времени выставки будутъ одѣты въ крестьянскіе костюмы на лѣтнее время сохраняемые въ закрытыхъ сундукахъ. Мѣстный статистическій комитетъ представилъ множество плановъ селеній; мѣстные художники доставили уже значительное количество картинъ этнографическаго содержанія, для выбора и размѣщенія которыхъ избрана особая комиссія («Южн. Кр.» 7392).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Александръ Яблоновскій. Очеркъ исторіи Кіево-Могилянской Академіи въ связи съ общимъ развитіемъ западной цивилизаціи на Руси. Краковъ, 1899—1900 г. Akademia Kijowsko-Mohilanska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogòlnego cywilizacyi zachodniej na Rusi. Nakreslił Aleksander Jabłonowski. Krakow. 1899—1900.

Названная книга составляетъ пятый томъ въ серіи «Матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся исторіи высшихъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ» и посвященныхъ краковскому университету по поводу его пятивѣкового юбилея. Хотя кіевская академія получила этотъ титулъ уже по отпаденіи Кіева отъ Польши, но латино-польскій характеръ преподаванія до того, очевидно, господствовалъ въ ней и до этого событія и послѣ него, что обойти ее, когда польская наука и общество собрались праздновать торжество польской культуры и ея древнѣйшаго очага, казалось немыслимымъ, тѣмъ болѣе, что кіевская академія, по словамъ г. Яблоновскаго, «была посредницей между западомъ и сѣверомъ, вносившей культуру западную, польскую въ міръ, иначе совершенно недоступный для послѣдней. Въ этомъ отношеніи она пріобрѣла обще-культурное значеніе, получила важную роль въ исторіи вліянія добытковъ западно-европейской цивилизаціи на зарубежныя ея области» (стр. 2).

Содержаніе книги слагается изъ слѣдующихъ десяти главъ: I. «Умственное и нравственное состояніе русскаго общества въ половинѣ XVI ст.» (стр. 13—44). II. «Остатки (pozostalosć) культуры старорусской въ связи съ борьбой и успѣхами польщизны» (45—62). III.

«Первыя православныя школы въ Кіевѣ»,—братская на Подолѣ и печерская—Петра Могилы (63—87). IV. «Братская кіевская коллегія при Петрѣ Могилѣ» (88—130). V. «Могилянская коллегія (академія) въ эпоху «Руины» (1650—1670,—стр. 131—157). VI. «Могилянская коллегія (академія) послѣ «Руины» до конца XVII в.» (158—205). VII. «Кіево-могилянская академія въ первую четверть XVIII в.» (206—228). VIII. «Кіевская академія послѣ 1725 г.» (до 1798 г.,—стр. 229—243). IX. «Культурное значеніе могилянской академіи» для Руси вообще и для московской Руси въ частности (244—255). X. «Вліяніе польщизны за Днѣпромъ», въ Заднѣпровьѣ и въ московской Руси (256—276). Первыя 12 страницъ отведены «вступленію», стр. 277—318—примѣчаніямъ и указателямъ личныхъ и географическихъ именъ и предметному.

Даже при бѣгломъ обзорѣ содержанія труда г. Яблоновскаго нельзя не обратить вниманіе на дробность дѣленія исторіи кіевской коллегіи-академіи на періоды. Она должна дѣйствовать на читателя очень утомительно да и не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Вѣдь нѣтъ причинъ, первые 60—70 лѣтъ существованія коллегіи до ея преобразованія въ академію разбивать на три главы, когда въ теченіе ихъ не послѣдовало никакихъ смѣнъ во внутренней жизни заведенія, когда оно все это время жило при дѣйствіи одной и той же программы, дышало однимъ и тѣмъ же духомъ. Внѣшнія же благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства не касались ни этой программы, ни направленія коллегіи. Точно также нѣтъ основаній для дѣленія на періоды исторіи академіи за весь XVIII в., съ чѣмъ отчасти согласенъ и самъ авторъ (229, 230). Бросается затѣмъ въ глаза несоразмѣрность частей книги: тогда какъ первымъ 70-ти годамъ жизни коллегіи посвящено 118 страницъ, всему XVIII-му вѣку—только 38. Эту непропорціональность, намѣренную и оговоренную авторомъ (229) хорошо объясняетъ его рецензентъ г. Корбовякъ.

Можно было бы думать, что главный предметъ его—исторія кіевской коллегіи—академіи. Въ дѣйствительности авторъ болѣе занятъ судьбами польской культуры на Руси съ половины XVI ст. и до начала XIX-го. Уже въ первой главѣ онъ говоритъ о вліяніи на русское общество общественности (uspołecznienia) польской и объ этапахъ движенія польской культуры. Успѣхи ея онъ слѣдитъ и во всѣхъ последующихъ главахъ. Всю же послѣднюю главу онъ посвящаетъ общему очерку хода «польщизны» въ Заднѣпровьѣ и въ восточной Рос-

сіи. Успѣхи этой польщизны г. Яблоновскій принимаетъ за идеалъ и за мѣрку для оцѣнки историческихъ явленій, связанныхъ съ исторіей кіевской академіи, и въ вѣрности ей поставляетъ самый смыслъ ея существованія. «Сама по себѣ коллегія въ дѣйствительности не имѣла ничего самобытнаго, ничего оригинальнаго» (стр. 2). Такова основная тенденція работы г. Яблоновскаго, опредѣлившая и содержаніе ея, и форму.

Но что такое эта польщизна, эта польская культура? Разумѣются ли тутъ всѣ проявленія польскаго генія и польской національной жизни въ пору высшаго ихъ расцвѣта, начиная съ промышленности и кончая форами государственнаго и общественнаго устройства, религіей и нравственностью, науками и искусствами? Нѣтъ, г. Яблоновскій имѣетъ въ виду преимущественно, почти исключительно, умственную ея сторону и, какъ высшее выраженіе ея, польскій и латинскій языкъ. Распространеніемъ среди русскаго общества знанія польскаго языка и вліяніемъ его на самый русскій языкъ авторъ занимается съ особенной любовью, въ каждой главѣ выдѣляя для него особые параграфы подъ заглавіями: «Wpływ polszczyzny», «Język polski» или «Moc kultury polskiej». При дробности дѣленія сочиненія на главы и отдѣлы главъ, эти заголовки попадаются очень часто, и нельзя не сказать, затемняютъ дѣло, особенно въ связи съ нѣкоторой поспѣшностью изложенія. Низшее, но все же видное мѣсто въ книгѣ удѣлено успѣхамъ латинскаго языка и литературы, игравшихъ въ польско-литовскомъ государствѣ XVI—XVII в. в. немалое значеніе. Съ этой стороны успѣхи «польской культуры» на Руси и роль въ нихъ кіевской коллегіи очерчены довольно полно, хотя, быть можетъ, и преувеличенно.

Но культура—не языкъ только, хотя въ немъ она яснѣе всего проявляется.

Авторъ коснулся только (а не обслѣдовалъ) религіозной стороны польско-латинскаго вліянія на западную Русь и на московскую. Вліяніе католической религіозной мысли и практики на православныя стали сказываться едва-ли не ранѣе всѣхъ прочихъ сторонъ латино-польской цивилизаціи и во всякомъ случаѣ задолго до начала XVI в. Тутъ мало было сказать, что въ XVI в. многіе православные отпали въ латинство,—нужно было выяснить успѣхи католичества и уніи въ русскомъ обществѣ и послѣ, и успѣхи не въ формѣ отпаденій только въ латинство, но и въ видѣ католическихъ обычаевъ и воззрѣній внутри

самого православнаго общества. Обрати авторъ больше вниманія на это, тогда яснѣе представилась бы роль религіи въ исторіи нашего западно-русскаго просвѣщенія и значеніе Кіева и его ученыхъ въ исторіи русской религіозной мысли и литургической практики. Особенности западно-русской церковной жизни XVII и слѣдующихъ вѣковъ созданы не только народнымъ характеромъ и исторіей, но и школой. Тѣмъ необходимѣе было заняться обойденнымъ авторомъ вопросомъ, что онъ отразился и на Москвѣ: и тамъ католическое вліяніе вызвало цѣлое движеніе, такъ называемую хлѣбопоклонную ересь. Объ этомъ движеніи и о связи его съ польскимъ культурнымъ вліяніемъ авторъ, конечно, знаетъ, но то, что написано имъ по этому вопросу, и слишкомъ общо, и возбуждаетъ недоумѣнія. Таковъ его выводъ изъ рѣчи о вліяніи различныхъ полонизующихъ факторовъ на московское общество въ XVII в. Таково же дальнѣйшее противоположеніе католическаго духа, характеризовавшаго высшую русскую іерархію еще въ началѣ XVIII в., вліянію нѣмецко-протестантскому. Здѣсь обязательно нужно бы выяснить, въ чемъ состояло то и другое, и какъ широко были распространены они (274, 275).

Авторъ, повидимому, мало интересуется религіозными вопросами и отношеніями; быть можетъ, поэтому онъ какъ-то мало сказалъ объ іезуитскихъ коллегіяхъ, носительницахъ какъ умственной, такъ и религіозной стороны польско-латинской культуры (22, 23, 97, 98, 125—127). Въ виду несомнѣнно важнаго значенія религіознаго элемента въ каждой культурѣ и въ виду признаваемаго самимъ авторомъ воздѣйствія іезуитскихъ школъ на могилянскую коллегію, ему слѣдовало бы подробнѣе остановиться на внутреннемъ строѣ іезуитскихъ учрежденій и указать способы—учебные и неучебные—распространенія ими среди русскаго населенія католичества и вообще польско-латинской культуры. Быть можетъ, тогда авторъ не утверждалъ бы настойчиво, что кіевская коллегія была строго вѣроисповѣднымъ училищемъ (4, 244): ея характеръ, какъ и характеръ ея прототипа—іезуитской школы, былъ формально-филологическій (слѣд. общеобразовательный); религіознымъ же былъ не столько ея учебный строй, сколько воспитательный.

Латинскій языкъ, католичество и іезуитская педагогика хотя довольно опредѣленно характеризуютъ польскую культуру XVI—XVII в. в., но все же не лишнимъ является вопросъ объ отношеніи послѣдней къ западно-европейской культурѣ вообще, тѣмъ болѣе, что

г. Яблоновскій много разъ говоритъ о несамостоятельности формъ и содержанія русской умственной жизни XVII—XVIII в. в. Существовала ли тогда оригинальная польская духовная культура? На стр. 115 авторъ касается этого вопроса, но только касается. «Культура польская,—говоритъ онъ,—первоначально проникла на Русь совсѣмъ не въ собственной своей оригинальной формѣ (wyraźnej postaci), которой тогда (когда?) и сама не имѣла, но въ латинской, западно-европейской, обще-европейской почти. Тогда каждое европейское общество, стремившееся къ усовершенствованію, должно было поддаться ей; поддалась потому этой латинской культурѣ и Русь, чрезъ союзъ съ Польшей и Литвой введенная въ семью западно-европейскихъ народовъ. Это еще не было подчиненіемъ культурѣ польской, дремавшей пока сномъ младенческимъ. Но пришелъ часъ сбросить путы латыни (laciny), часъ расцвѣта самобытной культуры польской. Общество русское какъ въ Литвѣ, такъ и въ Коронѣ, неприготовленное для созданія собственной, отдѣльной цивилизаціи, тѣмъ охотнѣе замѣняетъ совершенно чуждую себѣ латинскую культуру на болѣе близкую польскую... и все-таки оно остается русскимъ обществомъ, такъ какъ отъ польскаго его отдѣляло вѣроисповѣданіе»... Положительно недоумѣваешь, о какихъ сторонахъ культуры говоритъ авторъ и о какихъ временахъ. Если подъ культурой разумѣетъ онъ только умственную, то когда же русское общество жило западно-европейской наукой и образованностью, наравнѣ съ польскимъ? И когда польская умственная культура сдѣлалась независимой отъ западно-еропейской и перетянула къ себѣ отъ послѣдней русское общество?

То, что авторъ говоритъ о Кіевѣ и его коллегіи, какъ посредникахъ (только) въ дѣлѣ культурнаго воздѣйствія Европы на Русь, приложимо скорѣе къ Польшѣ: иногда думается, что весь смыслъ ея историческаго призванія заключался въ томъ, чтобы пересадить элементы западно-европейской гражданственности на пространства восточной Европы и—только...

Въ чемъ бы авторъ ни поставлялъ сущность польской культуры, носительницей которой была на восточной окраинѣ Польши русская школа, въ частности кіевская коллегія, и какъ бы ни представлялъ отношенія ея къ западно-европейской цивилизаціи, остается не яснымъ, сознавало ли само польское общество и правительство культивирующую роль училищъ, стояло ли оно само на высотѣ предполагаемой авторомъ міровой задачи Польши—служенія высшимъ идеаламъ и нача-

ламъ развитія европейскихъ народовъ? Дѣло въ томъ, что то содѣйствіе ихъ успѣхамъ кіевской коллегіи, о которомъ свидѣтельствуетъ г. Яблоновскій, не выражаетъ ихъ отношеній къ ней во всей полнотѣ. Польское правительство обычно утверждало права кіевской коллегіи (и другихъ православныхъ школъ) съ большой неохотой. И представители польскаго общества были также противъ усвоенія ей чертъ и особенностей латино-польскихъ училищъ, слѣдовательно, противъ расширенія ея образовательныхъ средствъ именно въ польскомъ смыслѣ. Эту сторону отношеній г. Яблоновскій обошелъ, а между тѣмъ она имѣетъ не только историческій интересъ, но и современный, въ виду совершенно противоположной политики европейскихъ правительствъ въ наши дни. Теперь считаютъ нужнымъ насильно навязывать подчиненнымъ народностямъ знакомство съ государственнымъ языкомъ и стѣсняютъ изученіе ихъ родныхъ нарѣчій (пруссаки въ Познани, поляки въ Галиціи); тогда польское правительство и общество усиливались удержать русскихъ на знакомствѣ съ русскимъ и греческимъ языками и ограничить научное изученіе государственныхъ (польскаго и латинскаго) языковъ. И это не потому, конечно, что знаніе послѣднихъ укрѣпляло будто бы конфессіональный характеръ православныхъ школъ и ставило ихъ во всеоружіи научныхъ средствъ противъ представителей государственной религіи. Напротивъ, религіозное сознаніе и настроеніе русскихъ укрѣплялось другими языками—славянскимъ, греческимъ. Поляки и уніаты относились несочувственно къ тѣмъ именно сторонамъ школьнаго образованія русскихъ, которыя дѣлали ихъ болѣе крѣпкими умственно и политически. Съ послѣдней, вѣдь, цѣлью (а не только съ церковно-религіозной) русскіе и основывали свои училища (см. въ Exesis'ѣ Сильвестра Коссова и въ Лиѳосѣ). Насколько не всегда на первомъ планѣ у устроителей русскихъ школъ стоялъ религіозный интересъ, видно изъ того, что они иногда пользу наукъ расширяли на все польское государство: «въ наукахъ—говорится въ «Унисѣ» кіевскаго братства (1615)—Рѣчи Посполитой крѣпкая защита и дивное украшеніе строится и цвѣтетъ». Но польское правительство и народъ (шляхта и духовенство), скупые вообще, когда дѣло касалось удѣленія правъ и благъ польской гражданственности русскому народу, были и противъ образованія его, хотя и въ польско-латинскомъ направленіи, но въ національныхъ школахъ, въ русскомъ духѣ.

Вѣроятно, г. Яблоновскій видѣлъ и понималъ несочувственное отношеніе латино-польскаго общества и правительства къ русскимъ школамъ, въ частности къ кіевской коллегіи, но онъ какъ-то обходитъ доказывающіе это факты и выдвигаетъ противоположные имъ. Напр., на стр. 2 онъ заявляетъ мимоходомъ, что кіевская коллегія была увѣнчана титуломъ академіи еще Рѣчью Посполитой. Но когда совершился этотъ фактъ и при какихъ условіяхъ? Писатели латино-уніатскаго лагеря (Квятковскій, Кулеша и Островскій) увѣряютъ, что въ 1633 г. король Владиславъ далъ было митр. Петру Могилѣ привилей на возведеніе кіевской коллегіи въ разрядъ университетовъ, но этого привилея не пожелали утвердить своими печатями ни канцлеръ коронный (холмскій бискупъ Задзикъ), ни подканцлеръ (Ѳома Замойскій). Какъ же относится къ этому свидѣтельству г. Яблоновскій? Онъ просто называетъ его неправдоподобнымъ (rzecz to nie pewna). Ему кажется болѣе вѣроятной его собственная догадка, что Петру Могилѣ отказалъ самъ король въ правѣ заложить академію, для чего были очень важныя причины. Можетъ быть, говоритъ авторъ, Владиславъ и согласился бы на это, особенно при своемъ желаніи овладѣть московскимъ престоломъ и пр. и пр. (?), но не могъ бы рѣшиться на этотъ шагъ въ виду заправлявшей политическими дѣлами, подъ конецъ жизни отца, партіи. Политикамъ этой партіи легче было согласиться на возстановленіе дизунитской митрополіи, чѣмъ на учрежденіе схизматической академіи, такъ какъ послѣдняя могла бы стать культурнымъ очагомъ схизмы и національной особности русской... Привилегіи ея исключали бы устройство рядомъ съ нею другихъ учебныхъ заведеній. Притомъ же съ недавняго времени для земель русскихъ была открыта замойская академія, такъ что кіевская академія казалась лишней... (92, 93). Но всѣ эти разсужденія только подтверждаютъ правдоподобность свидѣтельства объ отказѣ государственныхъ чиновъ именно, а не Владислава, дать кіевской коллегіи титулъ академіи и притомъ—по общекультурнымъ соображеніямъ, а не по религіознымъ только. Значенія этого вывода не уменьшаетъ и слѣдующее положеніе автора, что препятствія къ свободному своему развитію православныя братства и школы при Сигизмундѣ III встрѣчали совершенно не со стороны высшей, королевской власти, а въ лагерѣ религіозныхъ антагонистовъ (уніатовъ, іезуитовъ), въ самомъ обществѣ: правительство состояло изъ представителей того же шляхетскаго общества и направлялось къ извѣстной цѣли тѣми же іезуитами. Немного

мы знаемъ случаевъ, когда бы правительство польское удовлетворило жалобы православныхъ на притѣсненія и обиды ихъ школамъ со стороны католиковъ.

Но если не въ 1633 г., то когда же кіевская коллегія получила отъ польскаго правительства званіе академіи? Въ 1658-9 г.г. по Гадячскому договору? Но, мимоходомъ замѣтивши, что кіевская коллегія при сдѣланныхъ уже іезуитами на Украинѣ успѣхахъ, грозившихъ самому ея положенію, могла держаться и затѣмъ возвыситься до степени академіи только при помощи какой-ниб. соціально-политической революціи (132. Почему же не при нормальномъ положеніи вещей, при содѣйствіи самого правительства, а не вопреки ему?), г. Ябл-ій не останавливается долго и на Гадячскомъ договорѣ, когда, казалось, за коллегіей были упрочены имя и права высшаго учебнаго заведенія Изложивъ касающіеся коллегіи параграфы этого документа, «который принесъ, наконецъ, (?) коллегіи могилянской титулъ академіи», и высказавши предположеніе о томъ, какую роль играли при этомъ виднѣйшіе представители русскаго духовенства и русской шляхты, авторъ забылъ упомянуть о роли правительства въ судьбахъ Гадячскаго договора и, слѣдовательно, въ созданіи кіевской академіи, роли двуличной, неискренней (Костомаровъ, Гетманъ Иванъ Выговскій). Потому-то, вѣроятно, г. Яблоновскій, не выяснивъ, по какимъ причинамъ договоръ не осуществился, просто утѣшаетъ насъ тѣмъ, что онъ все же не прошелъ безъ значенія въ исторіи позднѣйшаго возвышенія кіевской коллегіи, такъ какъ съ этого времени титулъ академіи сдѣлался конечной цѣлью, къ которой коллегія постоянно стремилась, пока не получила, наконецъ, молчаливаго признанія его и со стороны московскаго правительства (135—137). Не сказалъ также г. Ябл-скій, какъ отнеслось польское правительство къ ходатайству козацкихъ пословъ въ 1670 г. о подтвержденіи Гадячскаго договора, въ частности параграфа, касающагося возведенія кіевской коллегіи въ разрядъ академій, и пословъ кіевской шляхты 1672 г. объ укрѣпленіи правъ кіевской академіи (141, 159). Если бы договоръ 1658-9 г. г. потерялъ свое реальное значеніе не по винѣ польскаго правительства, то какой прекрасный случай къ возстановленію его представлялся теперь! Между тѣмъ по отношеніи къ образованію Украины что же сдѣлало правительство? Король Михаилъ грамотами 1670 г. возстановилъ кіевскую *коллегію* въ ея усадьбахъ, грунтахъ и давнихъ фундаціяхъ и далъ право преподавать *начальные* предметы, науки и искусства,—и только. Объ

академіи—ни слова! Не потому ли г. Яблоновскій и обошелъ молчаніемъ эти грамоты?.. Впрочемъ, авторъ вообще не склоненъ винить польское правительство и общество за противодѣйствіе успѣхамъ кіевской коллегіи: можно подумать даже, что онъ самъ на сторонѣ этихъ враговъ православнаго просвѣщенія,—по крайней мѣрѣ онъ защищаетъ ихъ дѣло тѣми же самыми доводами, какіе были высказаны въ 30-хъ годахъ XVII ст. нѣкіимъ анонимомъ, опровергнутымъ тогда же Сильвестромъ Коссовымъ (стр. 90; ср. Голубевъ. Петръ Могила. II, 265—266).

Итакъ, въ томъ обстоятельствѣ, что кіевская коллегія сдѣлалась академіей лишь съ переходомъ Кіева подъ власть Москвы, нельзя не видѣть результата стремленій польскаго правительства *задержать* ростъ на Руси польско-латинской культуры. «Но, пишетъ авторъ, несмотря на то, что Кіевъ съ Заднѣпровьемъ уже принадлежалъ окончательно московскому государству, культура польская тамъ была уже такъ укоренена, идеалы ея такъ глубоко были тамъ почитаемы, что объ исканіи другихъ образцовъ цивилизаціи, сверхъ или кромѣ польскихъ, особенно въ области школьной, нельзя было даже думать». Этими высшими образцами для кіевской коллегіи конца XVII в. являются школы іезуитскія и піарскія, а затѣмъ—католическія академіи Польши (165). Съ этой стороны культурное значеніе Польши для Россіи имѣетъ отрицательный смыслъ. Устремивъ все вниманіе русскаго общества на старыя, средневѣковыя формы мысли и пути умственнаго развитія, она закрыла предъ нимъ тѣ идеи и пріобрѣтенія, какія сдѣлала въ послѣдніе два столѣтія европейская мысль, освобожденная гуманизмомъ и реформаціей отъ узъ мертвящаго схоластицизма. Можетъ быть русская (южно-русская и потомъ сѣверно-русская) школа и педагогика и должны были прожить ту стадію развитія, на которой стояла въ XVI—XVII в. в. польская католическая школа, но нельзя не признать, что эта стадія была переходной и долго останавливаться на ней—значило задерживать естественное развитіе ихъ. Тѣмъ и обусловливается, быть можетъ, констатируемое авторомъ ничтожное научное значеніе кіевской коллегіи и слабое національно-культурное вліяніе ея; если питомцы ея и явились лучшими сотрудниками Петра Великаго въ предпринятой имъ работѣ, то обнаружилась точно также и разница въ направленіи и способѣ ихъ мышленія съ мышленіемъ царя, планы, цѣли и намѣренія котораго были направлены къ практическому приложенію къ русской почвѣ идей и изобрѣтеній протестантскаго запада (2, 244. 245, 252).

Такъ какъ сочиненіе г. Яблоновскаго—въ нѣкоторомъ родѣ юбилейный панегирикъ польской культурѣ, то мы тѣмъ самымъ вызваны указать и на отрицательныя качества столь хвалимаго предмета. Обращаемъ потому вниманіе еще на то, что авторъ оставилъ въ тѣни соціальныя отношенія. Хотя г. Яблоновскій подъ культурой разумѣетъ преимущественно умственную культуру, тѣмъ не менѣе въ его книгѣ вопросъ объ этихъ отношеніяхъ не совершенно лишній. Вѣдь кіевская коллегія не совсѣмъ неповинна въ укрѣпленіи на Руси многихъ формъ польской общественности, въ томъ числѣ шляхетскихъ воззрѣній и отношеній. Въ то время, какъ братская школа конца XVI и начала XVII в. воспитывала и внушала чувства равенства и братства всѣхъ сословій народа и всѣхъ классовъ, въ кіевской коллегіи средины XVII ст. къ простому народу относились далеко не сочувственно. Вотъ что говоритъ проф. Сумцовъ объ одномъ изъ виднѣйшихъ представителей кіевской учености, питомцѣ и ректорѣ коллегіи, Іоанникіи Галятовскомъ. Его «Ключъ разумѣнія» возникъ въ бурное время южно-русской исторіи, когда «народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героическою жизнью. И ничто не затронуло, не взволновало души кіевскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и многознаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой,—нимало не отразились въ «Ключѣ»... Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамово отродіе»... (Іоанникій Галятовскій. 1884, Кіевъ, 36). Хотя категоричность всѣхъ этихъ утвержденій сильно ограничиваетъ г. Житецкій, видящій въ разсужденіи Галятовскаго объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству не болѣе, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое страстью ко всякаго рода риторическимъ «прикладамъ и подобенствамъ», однако и этотъ ученый сознается, что въ міровоззрѣніи русскихъ писателей XVII в. есть темное пятно—обладаніе «подданными»... (Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., 1889, 187 и дал.). Барановичъ, другой видный питомецъ кіевской коллегіи, ревнуя предъ Москвою о сохраненіи и умноженіи вольностей козачества, въ письмахъ къ близкимъ лицамъ называлъ, однако, козаковъ попросту разбойниками и даже бѣшеными собаками... (Эйнгорнъ, О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ москов. правительствомъ въ царство-

ваніе Алексѣя Михайловича. 482, 483). Это были какъ разъ тѣ взгляды и отношенія къ низшему классу народа, которые характеризовали «демократическую» Польшу, которыми возмущается еще Іоаннъ Вишенскій, и противъ которыхъ, наконецъ, поднимались козацкія возстанія.

О значеніи новыхъ русскихъ школъ въ дѣлѣ преобразованія общественныхъ понятій русскихъ образованныхъ классовъ, измѣненія ихъ вкусовъ и симпатій въ пользу Польши, говоритъ и самъ г. Яблоновскій, повторяя Кулиша (112, 113, 138, 139, 247, 257, 258). Но онъ, съ одной стороны, видитъ въ этомъ одно хорошее, такъ какъ малороссы, получивъ образованіе изъ польскаго источника, проникались-де польскими общественными идеалами и идеями красиваго и благороднаго, идеалами и идеями, которые могутъ разцвѣсть только на шляхетской почвѣ (257,—ср. Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, I, 108, 109); съ другой стороны, для г. Яблоновскаго «очевидно», что «протестъ противъ политическихъ и общественныхъ порядковъ Рѣчи Посполитой, какой вспыхнулъ въ ея украинныхъ земляхъ именно подъ конецъ первой половины XVII в., не былъ всецѣло отрицаніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цивилизаціи польской (114). На стр. 133 онъ настойчиво повторяетъ, что «страшная соціально-политическая революція, сигналъ къ которой подалъ окончательно Богданъ Хмѣльницкій, и которая ударила также по струнамъ вѣры и народности, нисколько не повліяла собственно на дальнѣйшій характеръ культуры на Украинѣ: наоборотъ, революція эта, направленная противъ господствовавшихъ въ Рѣчи Посполитой порядковъ, чѣмъ больше свирѣпствовала, тѣмъ выше, казалось, поднимала польскую культуру! Въ-третьихъ, г. Яблоновскій видитъ еще одну заслугу въ этой денаціонализующей дѣятельности кіевской коллегіи: онъ находитъ живительнымъ (życisdawne) вліяніе ея въ томъ отношеніи, что распространяемая ею польская культура не ополячила Украины, а охранила ее, помимо всего, отъ утраты чувства своей народности, чувства, угрожаемаго со стороны россійской ассимиляціи (248). Это отчужденіе малороссовъ отъ Москвы авторъ ставитъ въ плюсъ кіевской академіи и въ другихъ мѣстахъ своей книги, но не согласуетъ этотъ выводъ съ тѣми ея страницами, гдѣ говоритъ о слабомъ народномъ характерѣ коллегіи, объ отдаленіи ея отъ народа и чистаго малороссійскаго языка, языка чудныхъ произведеній южно-русской, лирическо-эпической поэзіи (245—249; ср. 104—107, 183).

Пренебреженіе къ народу, къ его интересамъ, его духовной жизни и языку создано, безъ сомнѣнія, польскимъ вліяніемъ какъ педагогическимъ, такъ и соціальнымъ. Имъ же создана одна непріятная особенность школьной и литературной дѣятельности кіевскихъ ученыхъ—наклонность къ виршеплетству и панегиризму, нашедшая себѣ выраженіе прежде всего въ формѣ посвященія книгъ высокороднымъ и высокостоящимъ людямъ. Обычай посвящать выпускаемыя книги тому или другому высокопоставленному покровителю (а иногда за разъ нѣсколькимъ, съ замѣной только выходныхъ листовъ и посвятительныхъ рѣчей и стиховъ) былъ столь общимъ въ XVII в., что при нѣкоторыхъ типографіяхъ состояли даже особые мастера составлять льстивыя вирши и посвященія. Шелъ онъ именно изъ Польши, гдѣ «удовлетворялъ господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать древностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербового панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ... Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кіевскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи» (Н. Ѳ. Сумцовъ). Г. Яблоновскій слегка только касается этой воспитанной латино-польской школой страсти къ панегиризму и человѣкоугодничеству («сервилизму»,—113, 114; ср. 151, 184, 189, 152). А между тѣмъ—это довольно яркое проявленіе польской культуры и видная черта польскаго характера, и за усвоеніе ея русскими спасибо Польшѣ сказать нельзя.

О другихъ отрицательныхъ особенностяхъ польской школы, перешедшихъ въ кіевскую коллегію,—о формально-схоластическомъ преподаваніи, о преклоненіи предъ авторитетами въ области мысли, объ отсутсвіи духа критики и анализа, о суевѣрномъ направленіи религіознаго воспитанія, о безпринципности питомцевъ ея,—обо всемъ этомъ г. Яблоновскій говоритъ, только излагая взгляды Кулиша, гг. Сумцова и Ор. Левицкаго. Не будучи вполнѣ согласенъ съ ними, онъ смягчаетъ ихъ суровый судъ только замѣчаніемъ, что есть ученые, смотрящіе на воспитательное значеніе кіевской коллегіи лучше, и притомъ все же на Москвѣ было еще хуже! (188—190).

Отмѣтивши главную особенность труда г. Яблоновскаго—его пристрастно-преувеличенное отношеніе къ польской культурѣ и отрицательное—къ русской, перейдемъ къ частностямъ.

Авторъ самъ заявляетъ, что пишетъ свою книгу исключительно по печатнымъ матеріаламъ и лично не вноситъ въ фактическую исторію академіи ничего новаго, «за малыми исключеніями». Ни изъ вступленія, ни изъ текста не видно, въ чемъ состоятъ эти новыя извѣстія, и изъ какихъ, и гдѣ находящихся рукописей они заимствуются. Только изъ примѣчаній 528 и 529: «Odpis rękopism» читатель можетъ догадаться, что цифры студентовъ академіи, по классамъ, и имена профессоровъ ея за 1725 г. взяты авторомъ изъ какой-то рукописи... Но и то авторъ не изучилъ ея содержанія и не согласовалъ ея данныхъ съ заимствованными изъ Аскоченскаго. Такъ, напр., г. Яблоновскій на стр. 220 на основаніи своей рукописи называетъ Амвросія Дубневича префектомъ академіи подъ 1725 г. (стр. 233), а на 223 стр. начало префектуры его полагаетъ вслѣдъ за Аскоченскимъ въ 1727 г. Эта же рукопись Яблоновскаго относитъ къ 1725 г. ректорство Иларіона Левицкаго (220, 233), который въ дѣйствительности правилъ эту должность съ 1727 по 1731 г. Вѣроятно, свидѣтельство рукописи болѣе поздняго происхожденія, подобно указываемымъ г. Вишневскимъ (Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII ст.». Тр. Кіев. дух. акад.. 1902, янв., 40, прим. 5). Послѣ всего сказаннаго можно только подивиться удачѣ г. Карбовяка, который въ книгѣ Яблоновскаго «на каждомъ шагу встрѣчался съ большимъ запасомъ новыхъ извѣстій» (Kwart. histor., 1900, III, 495).

Раздѣляя далѣе (9) сожалѣніе проф. Брикнера, что польскіе историки доселѣ почти не пользовались трудами русскихъ ученыхъ по исторіи кіевской академіи, авторъ еще болѣе скорбитъ, что его ученые сородичи въ изученіи этой исторіи дали себя опередить—«ба, не русинамъ даже (т. е. не галицко-русскимъ), а русскимъ имперіи!». Курьезное признаніе и сожалѣніе! Точно послѣдніе менѣе способны къ историческимъ трудамъ, или какъ будто легче было бы для сознанія поляковъ, если бы исторія кіевской академіи была разработана галицкими учеными! Г. Яблоновскій заявляетъ, однако, что волей-неволей, приходится теперь, оставивши гордость (zrzuciwszy pychę z serca), обращаться, главнымъ образомъ, къ работамъ русскихъ. «Пользоваться ими можно тѣмъ свободнѣе, что въ ближайшее къ намъ время они, даже профессора кіевской духовной академіи, въ своихъ трудахъ стараются быть, насколько это удается имъ, много болѣе объективными». Во всякомъ случаѣ авторъ удостовѣряетъ, что, несмотря на преимущественное пользованіе русинскими и русскими трудами, желательная

объективность его собственной работы не пострадала, напротивъ, даже выиграла, такъ какъ явилась возможность дѣлать ссылки на свидѣтельства и мнѣнія противниковъ (9, 11). Словомъ, авторъ какъ будто извиняется предъ кѣмъ-то за пользованіе русскими пособіями.

При всемъ томъ, книга Яблоновскаго написана въ такомъ положительномъ тонѣ, что существованія этихъ мнѣній и свидѣтельствъ русскихъ авторовъ незнакомый съ предметомъ читатель можетъ и не заподозрить: если не ошибаемся, авторъ только четыре раза указываетъ на несогласныя съ его взглядами убѣжденія «противниковъ», да и то—почти безъ опроверженій (40, 65, 127—130, 188—190). Читая «Кіево-Могилянскую Академію», можно подумать, что не только не существуетъ въ исторіографіи никакихъ споровъ о судьбахъ кіевской академіи и по связаннымъ съ исторіей ея вопросамъ, но что ихъ никогда и не было.

Свой очеркъ г. Яблоновскій начинаетъ съ средины XVI ст., когда въ Южной Руси особенно усилилось польско-латинское культурное вліяніе, благодаря, главнымъ образомъ, люблинской и брестской уніи (12—17). Для автора, съ его точкой зрѣнія, можетъ быть, удобнѣе было бы начать много ранѣе, съ первоначальной эпохи культурныхъ взаимоотношеній между Польшей и Русью, а затѣмъ подробнѣе, чѣмъ сдѣлалъ авторъ (23—25), выяснить значеніе протестантства для польской (и русской) образованности. Такъ какъ, благодаря протестантамъ, именно польская литература, по словамъ Мацѣевскаго, перестала быть латинской и сдѣлалась народной, то начать книгу г. Яблоновскій долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, съ первыхъ успѣховъ реформаціи въ Польшѣ. Можно также не согласиться съ нимъ и относительно конечнаго пункта работы: и почему исторія учрежденія оканчивается 1798 г., и что это за высшее учебное заведеніе «въ Польшѣ», находящееся въ чужомъ государствѣ?

Неопредѣленность и неустановленность хронологическихъ рамокъ работы стоитъ въ связи съ географической неопредѣленностью: авторъ, повидимому, не выяснилъ себѣ объема и границъ той «Руси», о вліяніи на которую польской культуры онъ пишетъ. Говоря о Руси, нельзя опустить Вильно, столицы литовско-русскаго государства, и авторъ, дѣйствительно, не разъ касается ея. Между тѣмъ, при перечнѣ школъ протестантскихъ (24—25), виленская кальвинская гимназія, едва даже не сдѣлавшаяся академіей, не упомянута, какъ не названа и виленская лютеранская школа. Неустановившаяся точка зрѣнія автора видна

и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ перечисляются школы и братства (22, 32, 33, 64).

Говоря объ участіи Константинопольскаго патріарха съ греками, болгаръ и волоховъ въ дѣлѣ возрожденія церковной жизни въ западной Россіи конца XVI в., авторъ (стр. 28) допускаетъ рискованную фразу: «Русскіе сами по себѣ не были уже способны проявить столько силы и энергіи». Мысль объ упадкѣ Руси и даже о началѣ ея разложенія высказывается и въ другихъ мѣстахъ книги (14). Но откуда этотъ упадокъ у народа свѣжаго и крѣпкаго, о мощи котораго говорить и самъ авторъ (104)? Не Русь ли защищала на южной окраинѣ государства самое Польшу отъ нападеній турокъ и татаръ, и русское населеніе ея не учило ли даже польскую шляхту подвигамъ героизма и рыцарства? А побѣды козачества надъ польскими войсками о чемъ говорятъ? Въ частности, что касается умственной стороны русской культуры въ данное время, то исторія учрежденія православныхъ братствъ, школъ и типографій не показываетъ ли, что иниціатива въ устройствѣ всѣхъ этихъ институтовъ принадлежала южно-руссамъ, въ грекахъ же они нашли только поддержку и нравственную помощь? Не о разложеніи русскаго народа въ концѣ XVI вѣка нужно бы говорить, а объ усыпленіи умственныхъ силъ его, между прочимъ по причинѣ неблагопріятныхъ политическихъ условій его жизни...

«Виленская братская школа, основанная послѣ 1589 г., не оказалась въ состояніи подняться на желанную высоту, и около 1630 г. по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, склонилась къ упадку. Такими обстоятельствами можно признать: смерть Л. Каспровича (sic!), отступничество М. Смотрицкаго, выходъ изъ братства Л. Трофим. Козловскаго» (Стр. 36). Только свѣдущій читатель пойметъ, сколько путаницы въ этомъ коротенькомъ отрывкѣ, и можетъ сообразить, какъ много неточности въ слѣдующихъ словахъ автора: Константинъ Острожскій «приглашалъ въ учителя людей безъ выбора, такъ что большая часть ихъ слагалась изъ тайныхъ противниковъ греческой ортодоксіи, какими были, напр., Кириллъ Лукарисъ, Стефанъ Зизаній и др.».

Г. Яблоновскій доказываетъ (стр. 37) жалкое положеніе острожской школы тѣмъ, что ученики ея (Пузына, Мел. Смотрицкій) были отправлены въ заграничное ученіе. Что подумать о русскихъ университетахъ, посылающихъ лучшихъ изъ своихъ студентовъ въ заграничные университеты?

Откуда извѣстно автору (стр. 37 сл.), что Лаврентій Зизаній былъ питомецъ львовской братской школы, и что въ острожскомъ училищѣ учились Захарія Копыстенскій и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, и почему сомнѣвается онъ, что въ послѣдней школѣ учился гетманъ Сагайдачный?

Авторъ утверждаетъ (стр. 41—44, 245—248), что братская школа совершенно не имѣла народнаго направленія (dążności), въ нынѣшнемъ его значеніи, что она была ортодоксально-конфессіональной—и только, и что если православныя училища имѣли успѣхъ у русскаго народа преимущественно предъ уніатскими, то это потому, что они на своемъ знамени помѣстили громкій и яркій девизъ народный. Въ существѣ же, въ отношеніи культурно-народномъ, онѣ не отличались отъ прочихъ школъ Рѣчи Посполитой. Находя, что первоначальная уніатская школа была не менѣе русской, чѣмъ православная, а можетъ быть и болѣе, Яблоновскій пытается доказать это тѣмъ, что у первыхъ вождей уніи главный интересъ сосредоточивался на томъ, чтобы сохранить всю русскую, кіевскую церковь въ іерархическомъ единствѣ и предоставить ея владыкамъ равныя права съ латинскими, ввести ихъ, какъ представителей русскаго народа, въ сенатъ и пр.

Что у уніатовъ, на первыхъ порахъ, проявлялись русскія тенденціи въ школьной области, противъ того не споримъ, но не находимъ историческихъ подтвержденій того, что будто и онѣ, и сами уніатскіе вожди были болѣе русскими, чѣмъ православные: если нѣкоторая національная особность нужна была уніатамъ для того, чтобы добиться для своихъ владыкъ сенаторскихъ мѣстъ, то православныхъ все рѣшительно заставляло помнить и заявлять, что они русскіе: и вѣра, и кровь, и самое имя... Если въ уніатскихъ школахъ немножко изучался греческій языкъ и церковно-славянскій, то вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ православныхъ училищахъ изучался кромѣ того русскій языкъ, какъ отдѣльный отъ славянскаго.

Авторъ говоритъ (стр. 48), что къ концу XVI в. русскій языкъ такъ сильно проникся элементами польскаго, что послѣдніе казались уже собственностью русскаго, и ни въ комъ не возбуждали никакого удивленія и противодѣйствія.. Напомнимъ, однако, г. Яблоновскому окружное посланіе м. Михаила Рагозы 1592 (у автора стр. 66—67) и Пересторогу: авторы обоихъ этихъ документовъ и констатируютъ польское вліяніе въ области языка, и возмущаются имъ.

По словамъ автора (стр. 50), Симонъ Будный свой извѣстный катихизисъ на русскомъ языкѣ (1562 г.) посвящаетъ кн. Радивилу, въ предисловіи же къ патр. Адріану говоритъ, что издалъ его въ противодѣйствіе лютеранамъ, которые стали печатать свои догматическія лжеученія на славянскомъ языкѣ... Какимъ образомъ Будный могъ обращаться къ Адріану, сдѣлавшемуся русскимъ патріархомъ чрезъ 128 лѣтъ?

Этотъ удивительный анахронизмъ впервые, кажется, допущенъ М. Вишневскимъ, которому нашъ авторъ слѣпо вѣритъ (Historya literatury polskiej, VIII, 412). Объяснить его происхожденіе нужно или можно тѣмъ, что Вишневскій принялъ рѣчь п. Адріана о катихизисѣ Будыаго (въ предисловіи къ «Православному Исповѣданію» Петра Могилы) за посвященіе ему катихизиса Буднымъ (А. Родосскій, описаніе 432 рукописей Спб. дух. академіи, 122).

Подобный недосмотръ повторяется и на стр. 53. Ссылаясь на Завитневича (стр. 313), г. Яблоновскій говоритъ, что Палинодія вышла въ свѣтъ въ 1627 г. Между тѣмъ Палинодія впервые напечатана только въ наши дни, въ IV т. Рус. Ист. Библіотеки, и на названной страницѣ у г. Завитневича сказано не то, что въ 1627 году Палинодія напечатана, а то, что нѣкоторыя изъ указываемыхъ учеными причинъ ненапечатанія Палинодіи могли имѣть силу только до этого года.—Г. Яблоновскій не дочиталъ.—Затѣмъ думаемъ, что едва ли можно утверждать безъ всякихъ оговорокъ, что приписываемая Захаріи Копыстенскому «Книга о вѣрѣ» издана въ 1602 и 1619 г.

Почему авторъ (стр. 54) называетъ Лавр. Зизанія подъ 1596 г. львовскимъ протоіереемъ? Онъ въ такомъ званіи никогда не былъ.

Г. Яблоновскій, говоря о характерѣ кіевской братской школы (стр. 66), объясняетъ преимущественное значеніе въ ней славянскаго языка тѣмъ, что вліятельные руководители дизунитовъ (т. е. православные) совсѣмъ не раздѣляли извѣстнаго утвержденія католиковъ, будто славянскій языкъ совершенно неправоспособенъ къ изложенію на немъ наукъ; напротивъ, они (З. Копыстенскій, напр.) провозглашали убѣжденіе, что славянскій языкъ равняется по силѣ и богатству съ греческимъ и превосходитъ латинскій. Между тѣмъ на стр. 103, очерчивая положеніе того же языка въ кіевской коллегіи спустя какихъ-либо 10 лѣтъ, авторъ заявляетъ: «языкъ церковно-славянскій, какъ таковой, не могъ стать языкомъ преподаванія въ школахъ: это дѣлали невозможнымъ какъ самая природа (istota) его, такъ и общее

тогдашнее представленіе о научности. Приведя затѣмъ изъ Скарги извѣстное мѣсто о невозможности для славянскаго языка сдѣлаться языкомъ науки, въ виду его полной неразработанности, Яблоновскій продолжаетъ: «Но подобнаго же мнѣнія были и образованные русскіе, даже ревностные дизуниты, въ частности основатели кіево-братской коллегіи». Но откуда же такая быстрая смѣна понятій, въ отношеніи къ церковно-славянскому языку у образованныхъ кіевлянъ? Почему они прежде не раздѣляли мнѣнія Скарги, а послѣ согласились съ нимъ?

Какой выводъ можно сдѣлать изъ того, что начальникъ извѣстнаго училища выпишетъ нѣсколько экземпляровъ какого-ниб. учебника? Скорѣе всего тотъ, что онъ заботится о преподаваніи извѣстнаго предмета, а не тотъ, что послѣдній преподается худо. Между тѣмъ послѣднее заключеніе дѣлаетъ нашъ авторъ (стр. 67) о постановкѣ греческаго языка въ кіевской школѣ изъ того факта, что ея ректоръ Іовъ Борецкій купилъ (въ долгъ) у львовскаго братства нѣсколько десятковъ экземпляровъ изданной имъ греческой грамматики.

Сомнѣваемся, можно ли безошибочно пользоваться свидѣтельствами, касающимися братскихъ школъ вообще, въ приложеніи къ кіевской (стр. 68). Извѣстно, что всѣ и каждая изъ этихъ школъ въ первое время своего существованія пережили переходъ отъ греко-славянскаго типа къ латино-польскому, но переходъ этотъ совершился не одновременно для всѣхъ ихъ и шелъ съ различной степенью скорости. Потому нужно говорить съ большой осторожностью о характерѣ братскихъ школъ въ то или другое время. Что касается, въ частности, кіевской школы, то такъ какъ она основалась позже, чѣмъ всѣ почти другія важнѣйшія братскія училища, успѣвшія до того сдѣлать извѣстные шаги въ своемъ преобразованіи, судить о ней по аналогіи съ прочими нужно съ тѣмъ большей осмотрительностью. На стр. 72 самому автору было извѣстно сильное польско-латинское направленіе кіевской школы въ области поэтики и риторики. Выясняя въ своемъ изслѣдованіи о западно-русскихъ братскихъ школахъ постепенность перехода каждой изъ нихъ отъ одного типа къ другому, мы нашли, что періодъ греко-славянскій въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжался очень недолго. Потому очень удивились, встрѣтивши у г. Яблоновскаго на стр. 69 заявленіе, что наука въ братскихъ школахъ до-могилянской эпохи характеризуется преобладаніемъ стихіи славяно-греческой, но только подъ конецъ ея даютъ себя видѣть въ школьномъ изложеніи

сильные слѣды латино-польскаго вліянія (сл. 37, 67 ср. «полемику» автора съ г. Завитневичемъ по поводу заявленія послѣдняго, что система преподаванія въ братскихъ школахъ рѣзко различалась отъ системы схоластическихъ училищъ, въ частности кіево-могилянской коллегіи, стр. 40). Такое открытіе едва ли на руку автору, заинтересованному въ томъ, чтобы найти какъ можно раньше и какъ можно больше слѣдовъ латино-польскаго вліянія въ разныхъ областяхъ русской жизни. но съ другой стороны, оно позволяетъ тѣмъ ярче освѣтить заслуги предъ польщизной м. Петра Могилы, этого искренняго, хотя пріемнаго сына Рѣчи Посполитой и вѣрнаго питомца культуры польской (127). Но какъ Петръ Великій имѣлъ предшественниковъ въ сближеніи Россіи съ Европой, такъ и Петръ Могила лишь продолжилъ и завершилъ сближеніе православной школы русской съ латино-польской...

Какимъ образомъ г. Яблоновскій (стр. 68) насчиталъ шесть славянскихъ грамматикъ, изданныхъ, будто бы, въ зап. Россіи въ 1586—1621 г.г.? Изъ шести учебниковъ славянскаго языка, названныхъ у С. Т. Голубева, на котораго ссылается авторъ, одинъ—«Грамматика» 1621 г.—есть не болѣе какъ азбука, а другой—«Наука ку читаню» Ст. Зизанія 1596 г.—даже и не называется грамматикой.

Въ 1604 г. Іовъ Борецкій дѣлается учителемъ во львовской школѣ не латинскаго только языка, какъ говоритъ г. Яблоновскій (стр. 71) а и греческаго. Въ Кіевъ онъ перешелъ не въ 1615 г., а въ 1611—1613 г. «Вирши» Саковича датированы 1622, а не 1620 г.

Ректорство Мел. Смотрицкаго въ кіевской школѣ г. Яблоновскій (70, 73) относитъ, по примѣру г. Голубева, къ 1626—8 г.г., не дѣлая ни малѣйшаго намека на мнѣніе А. И. Соболевскаго, по которому годомъ ректорства Смотрицкаго былъ 1618—9 г., хотя о послѣднемъ авторъ могъ читать въ нашей книгѣ. Интересно, что г. Яблоновскій, во многомъ рабски копируя осуждаемаго имъ Аскоченскаго (дающаго въ своей исторіи академіи будто бы только одинъ сырой матеріалъ и обыденно-офиціальныя фразы, 11, 12), допускаетъ вслѣдъ за нимъ, что ученики кіево-братской школы изучали славянскій языкъ по грамматикѣ Смотрицкаго, когда послѣдній самъ велъ въ ней преподаваніе (103); между тѣмъ Аскоченскій въ примѣчаніи 204 къ цитуемой 146 страницѣ I тома предполагаетъ, что время учительства Смотрицкаго въ Кіевѣ относится къ концу перваго десятилѣтія XVII ст., когда, значитъ, грамматика не была еще напечатана.

Для г. Яблоновскаго руководимаго проф. Голубевымъ, нѣтъ сомнѣній (стр. 80), что Елисей Плетенецкій завелъ при Печерской лаврѣ школу. Въ своемъ изслѣдованіи, хорошо извѣстномъ автору, мы вслѣдъ за г. Соболевскимъ, высказали сильныя сомнѣнія въ этомъ (349—351).

Недостатки своихъ братскихъ школъ, сознавали сами православные; тѣмъ болѣе были они очевидны для уніатовъ (ссылка на М. Смотрицкаго), тѣмъ живѣе понималъ весь недостатокъ научныхъ средствъ православныхъ Петръ Могила.—Такъ повѣствуетъ г. Яблоновскій (стр. 81), предоставляя догадываться самому читателю, почему уніаты понимали недостатки братскихъ школъ яснѣе самихъ православныхъ, а Петръ Могила—яснѣе даже, чѣмъ уніаты.

Мотивируя необходимость патріаршаго благословенія для новой кіевской школы, г. Яблоновскій (стр. 82 и 85) опять слишкомъ преувеличиваетъ разницу между нею и старою братскою школою, которая, какъ мы уже сказали, съ первыхъ же лѣтъ (а можетъ быть и дней) своей жизни стала сближаться съ польско-латинской дидактикой и педагогикой. Съ другой стороны, авторъ невѣрно передалъ содержаніе патріаршей благословенной грамоты. «Что касается,—говоритъ онъ,—характера будущей печерской школы—патріархъ теперь принужденъ былъ благословить не иныя школы, какъ только «латинскихъ и польскихъ наукъ», а не греческихъ. Ибо не было тутъ другого исхода—неизбѣжность этого была ясна какъ на ладони». Между тѣмъ, Петръ Могила, извѣщая православную Русь объ этомъ благословеніи патр. Кирилла Лукариса, писалъ, что школа учреждается для преподаванія свободныхъ наукъ *на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ* языкахъ. И, дѣйствительно, существуетъ рядъ свидѣтельствъ изученія и употребленія въ кіевской коллегіи греческаго языка въ теченіе всего XVII ст. (Ср. у Яблоновскаго стр. 102—103, гдѣ онъ, цитируя голословное утвержденіе Асkоченскаго, называетъ въ числѣ воспитанниковъ могилянской коллегіи «еллинистовъ» Славинецкаго, Сатановскаго «и имъ подобныхъ». Кстати, г. Яблоновскому осталось неизвѣстнымъ заявленіе Сатановскаго о себѣ въ Москвѣ: «азъ по-гречески не умѣю»). Думаемъ, что г. Яблоновскаго обмануло позднѣйшее свидѣтельство Гавріила Домецкаго, по которому Петръ Могила, «пославъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ наукъ».

Въ отношеніи внутренней организаціи кіево-могилянская коллегія не могла разниться принципіально отъ общаго въ тогдашней Рѣчи

Посполитой типа коллегій другихъ исповѣданій уже по причинѣ поставленной ей основателемъ цѣли. Въ существѣ дѣла Могила взялъ за главный образецъ для своей коллегіи іезуитскія коллегіи, пользовавшіяся наибольшей извѣстностью. Вотъ мысли г. Яблоновскаго (97—98). Какой, кажется, прекрасный поводъ представлялся ему выяснить здѣсь именно типичный характеръ средней школы того времени, въ частности, іезуитской! Вѣдь этой школой жила нѣсколько вѣковъ вся Польша, школа эта служила, быть можетъ, высшимъ выраженіемъ всей польской культуры. Это требовалось и само по себѣ, главной задачей книги г. Яблоновскаго, посвященной исторіи на Руси этой культуры, и тѣмъ, что кіевская и другія западно-русскія коллегіи являлись носительницами и проводницами послѣдней только въ той степени, въ какой онѣ подражали польско-латинской школѣ. А между тѣмъ авторъ заявляетъ, что не только нѣтъ нужды здѣсь именно говорить о порядкахъ и организаціи тогдашнихъ коллегій съ конфессіональнымъ характеромъ въ виду ихъ извѣстности (кому?), но не зачѣмъ долго останавливаться и надъ рабскимъ подражаніемъ ихъ въ кіевской коллегіи! И, дѣйствительно, авторъ и тутъ, и вообще мало потрудился надъ выясненіемъ происхожденія дидактической и педагогической сторонъ въ коллегіи Петра Могилы, и вся его заслуга въ этомъ отдѣлѣ его книги заключается въ переводѣ на польскій языкъ извѣстій, взятыхъ у Аскоченскаго и проф. Петрова (стр. 97—100 и прим. 254—266). Но, судя по предисловію, авторъ не хотѣлъ, кажется, ограничиться такимъ отношеніемъ къ «россійскимъ» историкамъ. Повторяя иныя вещи по много разъ, здѣсь именно г. Яблоновскій скупъ на слова, предпочитая закрываться отъ любознательности читателя ширмами не только въ видѣ русскихъ изслѣдованій, но и въ видѣ сырого матеріала. Для ознакомленія читателя съ типичнымъ устройствомъ бурсъ онъ отсылаетъ его къ «Уставу краковской бурсы Іерусалимъ». Но видно ли изъ его книги, что Могила, слѣдуя вообще порядкамъ іезуитскихъ коллегій, для устройства своей бурсы обратился къ этому новому образцу? Не доказываетъ этого и ссылка г. Яблоновскаго на статью д-ра Карбовяка въ «Arch. do dziejòw literatury i oswiaty w Polsce».

Или вотъ еще примѣръ скупости г. Яблоновскаго. На стр. 125—7 онъ, посвятивъ, по поводу устройства на Украинѣ трехъ новыхъ іезуитскихъ коллегій (еще при жизни Петра Могилы), 18 строкъ рѣчамъ о силѣ полонизующаго вліянія іезуитскихъ коллегій (съ ссыл-

кой на Кулиша), ни слова не сказалъ о средствахъ и способахъ этой полонизаціи, замѣтивъ только вмѣсто этого: «А какъ умѣли бороться іезуиты, свидѣтельствуетъ ихъ извѣстный споръ съ краковской академіей изъ-за права возвышенія львовской коллегіи на степень академіи», со ссылкой на Лукашевича. Если бы вмѣсто Лукашевича былъ указанъ новѣйшій историкъ краковскаго университета, то можно было бы подумать, что недомолвки Яблоновскаго, его краткія рѣчи о вещахъ, нуждающихся въ подробностяхъ, объясняются просто тѣмъ, что все это достаточно извѣстно; но когда цитують сочиненія 50—60 лѣтней давности, то можно было бы быть обстоятельнѣе. 'A propos: упомянутый и другіе неупомянутые эпизоды борьбы краковскаго университета съ іезуитами и іезуитовъ со всѣми прочими образовательными учрежденіями и системами, не даетъ ли какого нибудь отвѣта на вопросъ, поставленный нами выше: въ чемъ заключалась самостоятельная культура Польши? кто ее дѣлалъ и кто шелъ противъ нея?

Второе изданіе Лексикона Памвы Берынды—1653, а не 1633 г. Литургіаріонъ—1630, а не 1620 г. (стр. 104 и 116).

Отдѣлъ о первыхъ ректорахъ кіевской коллегіи (119—121) нуждается въ большихъ поправкахъ, между прочимъ, на основаніи работъ проф. Голубева, который доказываетъ, напр., что Исаія Трофимовичъ Козловскій былъ ректоромъ не до 1638 г., а только до 1635 г. (Тр. кіев. дух. акад., 1900, III, 599—601). Нуждаются въ просмотрѣ и и провѣркѣ данныя и о прочихъ учившихъ и учившихся въ кіевской коллегіи (стр. 122, 123, 144—157, 161—165, 191—199, 207—208, 221—228, 233, 234, 241, 242).

Въ отдѣлѣ о важнѣйшихъ питомцахъ кіево-могилянской коллегіи первой поры (121—122) г. Яблоновскій къ числу ихъ относитъ (вслѣдъ за Аскоченскимъ) Епиф. Славинецкаго, (котораго обычно считаютъ питомцемъ кіево-братскаго училища). Повторяя Аскоченскаго, г. Яблоновскій воспроизводитъ и его ошибки, а попытка отступить отъ Аскоченскаго привела къ новой ошибкѣ,—это поправка года смерти Славинецкаго у Аскоченскаго (1676) на 1674: Славинецкій скончался въ 1675 г.

Есть ли историческія данныя утверждать, что въ 1639 г. въ Гощу была перенесена винницкая школа (123 сл.). Въ Гощѣ школа могла быть фундована независимо отъ винницкой. Не доказано также, что гощская коллегія въ 1672 г. сгорѣла и прекратила свое существованіе. Напротивъ, о ней упоминается подъ 1687 г.

Принимаемая г. Яблоновскимъ (139, 144 сл.) дата удаленія Галятовскаго изъ Кіева во Львовъ—1665 г. должна быть исправлена на 1663—4 г., согласно разъясненіямъ проф. Голубева, который вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ старое мнѣніе о разореніи Кіева и коллегіи въ 1651 и 1665 г.г. (Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст., 30—33).

Библіографическая сторона въ книгѣ г. Яблоновскаго вообще слабовата,—она не отличается ни полнотой, ни точностью. Вотъ, напр., что сказано у него (стр. 151) о «Ключѣ разумѣнія» Іоанникія Галятовскаго; «Klucz rozumienja 1659 i 1665 tudzież «Kazanja 1666 po rusku». Между тѣмъ Н. Ѳ. Сумцову, котораго онъ часто цитуетъ, извѣстны четыре изданія «Ключа разумѣнія»: кіевскія 1659 и 1660 гг. и львовскія 1663 и 1665 г. («Іоанникій Галятовскій», 22, 84 и Поправки). Впрочемъ, проф. Голубевъ говоритъ только о трехъ изданіяхъ: 1659, 1663 и 1665 гг. (ibid 32—33).

Кто такой Гедеонъ Оранскій, которому г. Яблоновскій дважды приписываетъ (предположительно) принадлежащія Галятовскому Fundamenta?—Книгѣ этой Яблоновскій даетъ различные заголовки и разныя даты: то 1683, то 1684 г. (стр. 152, 182, 204).

«Очень сомнительно,—говоритъ г. Яблоновскій о Полоцкомъ (154),—онъ ли былъ авторомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, извѣстнаго фанатической жестокостью устава проектированной въ Москвѣ духовной академіи, которая одновременно имѣла быть чѣмъ-то въ родѣ религіозной инквизиціи». Голая ссылка на Костомарова («Русс. ист. въ жизн.», II, 417—19) не даетъ видѣть, почему такъ кажется автору. Послѣ работы г. Татарскаго о Полоцкомъ (Яблоновскій не цитуетъ ни ея, ни другой монографіи покойнаго Л. Н. Майкова, хотя для его темы онѣ дали бы немало) сомнѣваться въ принадлежности ему проекта едва ли можно. Кажется, г. Яблоновскій обошелъ дипломатически этотъ вопросъ, чтобы кто изъ читателей не подумалъ, что чувство «фанатической жестокости» было навѣяно на Полоцкаго въ тѣхъ польскихъ коллегіяхъ, гдѣ онъ воспринималъ латино-польскую культуру. Полоцкій умеръ въ 1680 г., тогда же и предположено было учредить академію въ Москвѣ, а не въ 1694 г. (173).

Принимаемое г. Яблоновскомъ (стр. 160) мнѣніе о преподавательствѣ въ Кіевѣ м. Паисія Лигарида не подтверждается документами и опровергается проф. Голубевымъ (ibid. 49—51).

161—171 страницы (о ректорахъ кіевской коллегіи послѣднія 30 лѣтъ XVII в. и о порядкахъ ея) составлены исключительно по Н. И. Петрову и, не давая ничего новаго, повторяютъ нѣкоторыя его ошибки, давно уже исправленныя рецензіей покойнаго профессора Малышевскаго (въ Протоколахъ кіев. дух. академіи за 189⁵/₆ уч. годъ) и послѣдними работами С. Т. Голубева. Странно, что г. Яблоновскій, говоря о порядкахъ кіевской коллегіи-академіи и о степени зависимости ея отъ современныхъ католическихъ заведеній Польши, не внесъ ничего новаго въ фактическую исторію школы, не смотря на то, что вмѣстѣ и одновремнно съ его трудомъ составлялась цѣлая серія изданій, вызванныхъ юбилеемъ общей всѣмъ имъ матери—краковской академіи. Что касается, въ частности, вліянія на организацію кіевской коллегіи піарскихъ школъ, то мы въ другомъ мѣстѣ оспариваемъ его на томъ основаніи, что и самое знакомство съ ними Петра Могилы не доказано, и появились онѣ въ Польшѣ уже послѣ учрежденія кіевской коллегіи, да и нѣтъ нужды считать ихъ образцомъ для послѣдней, наряду съ іезуитскими, когда сами онѣ создались по типу іезуитскихъ коллегій.

Страницы 174—178, 191—193 написаны почти исключительно по трудамъ Петрова и Аскоченскаго и нуждаются въ провѣркѣ строка за строкой, слово за словомъ.

Стр. 198, 199, 227, 228, 251—255, 263—276 содержатъ въ довольно безпорядочномъ видѣ мысли и факты культурнаго воздѣйствія Польши, главнымъ образомъ, чрезъ кіевскую коллегію, на московскую Русь. Именно, здѣсь говорится о вліяніи кіевской Руси на московскую во второй половинѣ XVII и въ первой четверти XVIII в., потомъ о цивилизующемъ значеніи могилянской коллегіи-академіи, начиная съ 1640 г. и особенно при Петрѣ Вел. и послѣ, для московской академіи, преимущественно. Въ послѣдней главѣ, послѣ общаго очерка вліянія польщизны на Заднѣпровье, содержится очеркъ вліянія на сѣверо-восточную Россію. Почему принятъ такой неудобный порядокъ въ изложеніи, при томъ не обезпечивающій ни рельефности, ни полноты въ передачѣ фактовъ культурнаго вліянія? Само собой понятно, что новаго и въ этотъ отдѣлъ авторъ не внесъ,—онъ даже не воспользовался готовыми изслѣдованіями, напр. В. О. Эйнгорна, А. И. Соболевскаго.

Помѣщенныя въ концѣ книги примѣчанія сильно затрудняютъ пользованіе ею. Ни одно изъ нихъ не занимаетъ болѣе двухъ строкъ

и ихъ очень удобно было бы помѣстить каждое на своемъ мѣстѣ, внизу страницы. Тогда читателю не пришлось бы 620 разъ трепать книгу, отыскивая нужную цитату. Отъ этого выигралъ бы и указатель лицъ, такъ какъ въ немъ были бы проставлены всѣ страницы, на которыхъ встрѣчаются цитуемые писатели, а не тѣ только, гдѣ послѣдніе названы въ текстѣ. Тогда, напр. противъ фамиліи проф. Петрова были бы означены не двѣ страницы, а около 50, а противъ Аскоченскаго не 4, а можетъ быть 84. А это послужило бы также внѣшней мѣрой для оцѣнки отношенія автора къ предшествующей литературѣ. Нельзя при этомъ не отмѣтить способа цитированія авторомъ пособій. Въ примѣчаніяхъ не однажды указываются не отдѣльныя страницы, а десятки ихъ. См. напр. прим. 50 (стр. 225—235, 277—287, не обозначаемъ названій такъ цитуемыхъ сочиненій); 61 (287—311); 65 (311—331); 66 (237—276); 68 и 69 (409, 417—421); 79 и 86 (459—473—476); 87 (489—524). Нужды нѣтъ, что на протяженіи этихъ десятковъ страницъ встрѣчаются мнѣнія, съ которыми авторъ не можетъ и не захочетъ согласиться. Авторъ просто излагаетъ, иногда въ нѣсколькихъ строкахъ, содержаніе цитуемыхъ десятковъ страницъ, безъ всякаго предупрежденія читателя объ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ, такъ что послѣдній безъ провѣрки не всегда можетъ рѣшить, за что стоитъ названный г. Яблоновскимъ писатель.

Къ книгѣ приложено нѣсколько хорошо исполненныхъ снимковъ съ неизвѣстно откуда взятыхъ портретовъ лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ кіевской коллегіи-академіи: м. Петра Могилы (2), Мелетія Смотрицкаго, кор. Владислава IV, печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля (съ панагіей на груди,—не ошибка ли?), архіеп. Лазаря Барановича, Іоанникія Галятовскаго, Симеона Полоцкаго, м. Димитрія Ростовскаго, м. Варлаама Ясинскаго, м. Іоасафа Кроковскаго, гетмана Мазепы, Петра I, м. Рафаила Заборовскаго, уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Румскаго. Къ коллегіи кіевской послѣднее лицо имѣло отношеніе, но только косвенное: приписываемое ему злостное анонимное сочиненіе противъ нея вызвало появленіе столь важнаго для исторіи первыхъ лѣтъ жизни коллегіи Exegesis'а Сил. Коссова. Помѣщенъ въ книгѣ и снимокъ съ медали съ изображеніемъ Конст. Конст. Острожскаго. Не дурны также: общій видъ братскаго монастыря въ Кіевѣ на Подолѣ со зданіями академіи и изображенія верхняго и нижняго фронтоновъ братской церкви.

Заключая свой отзывъ о книгѣ г. Яблоновскаго, можемъ сказать, что ни со стороны фактической, ни въ смыслѣ критики извѣстій, она для исторіи кіевской академіи не даетъ ничего новаго, а допущенныя авторомъ ошибки отмѣчены выше.

К. Харламповичъ.

Статистическое Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Статистическій ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства. *Полтава, 1901 г., 760 стр.*

Книга эта представляетъ обширный трудъ, касающійся весьма различныхъ сторонъ дѣятельности земства и жизни мѣстнаго населенія губерніи,—трудъ, интересное содержаніе котораго очень трудно исчерпать въ краткой библіографической замѣткѣ. Обратимъ вниманіе только на самое главное.

Изъ общаго числа 4.140.354 дес. земли въ губерніи на долю частнаго землевладѣнія приходилось въ 1898 г. 41,6°/₀, на долю владѣній сельскихъ обществъ и товариществъ 57,4°/₀, а на долю городовъ, учрежденій, монастырей, церквей и казны 1°/₀. Въ 1878 году это распредѣленіе было нѣсколько инымъ, а именно первой группѣ принадлежало 49°/₀ земель, второй же 46,5°/₀, слѣдовательно частное землевладѣніе замѣтно сократилось, тогда какъ землевладѣніе сельскихъ обществъ и товариществъ, наоборотъ, значительно увеличилось.

Распредѣленіе частной земельной собственности въ губерніи по главнымъ группамъ владѣнія въ настоящее время таково: на 9444 дворянскихъ владѣній, составляющихъ 39,3°/₀ всѣхъ владѣній въ губерніи, приходится 1.286.927 дес. или 74,7°/₀ площади частновладѣльческихъ земель при средней величинѣ владѣнія 136,3 дес. Слѣдующую по количеству земельной собственности группу представляютъ 3055 т. е. 12,7°/₀ козачьихъ владѣній съ 85603 дес. (5°/₀) при среднемъ размѣрѣ 1 владѣнія въ 28 дес., затѣмъ идутъ купцы вмѣстѣ съ евреями—почетными гражданами, владѣющіе вмѣстѣ 104917 дес. или 6,1°/₀ всей площади частновладѣльческихъ земель.

Если сравнить нынѣшнее распредѣленіе частнаго землевладѣнія по сословіямъ и размѣрамъ владѣнія съ тѣмъ, какое было приблизительно 20 лѣтъ назадъ, то оказывается слѣдующее.

Мелкое дворянское землевладѣніе увеличивается въ числѣ владѣній и въ тоже время постепенно мельчаетъ. Среднее и крупное дворянское землевладѣніе тоже постепенно мельчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаясь въ числѣ владѣній. У духовенства число владѣній и площадь въ мелкомъ землевладѣніи остаются почти безъ измѣненій: въ среднемъ землевладѣніи происходитъ уменьшеніе и площади и числа владѣній, крупное же остается столь же незначительнымъ, какъ и раньше. У купцовъ съ евреями крупное землевладѣніе, расширяя площадь, въ тоже время уменьшается въ числѣ владѣній, благодаря сокращенію еврейскаго землевладѣнія подъ давленіемъ спеціальныхъ законовъ о еврейскомъ владѣніи; среднее же и мелкое землевладѣніе увеличивается у купеческаго сословія и въ числѣ владѣній. и въ площади. Благодаря, главнымъ образомъ, тѣмъ же законамъ о евреяхъ мѣщанское землевладѣніе даетъ въ послѣдніе годы убыль числа владѣній и площади по всѣмъ тремъ группамъ владѣнія: мелкому, среднему и крупному. Мелкое и среднее землевладѣніе у лицъ сельскихъ сословій, въ общемъ, возрастаетъ и въ площади, и въ числѣ владѣній, и въ среднихъ размѣрахъ владѣнія. Крупное—даетъ постепенный приростъ числа владѣній при нѣкоторомъ сокращеніи площади, т. е. наблюдается нѣкоторое дробленіе крупныхъ владѣній этой категоріи. Короче говоря, происходящія перемѣщенія земельной собственности сводятся къ потерѣ земли дворянами и чиновниками и расширенію на счетъ теряемой ими земли землевладѣнія прочихъ сословій. Изъ 1.726.773 дес. принадлежавшихъ дворянамъ въ 1878 г., черезъ 20 лѣтъ въ ихъ рукахъ остались лишь 1.286.927 дес.

Для нагляднаго уясненія разницы въ характерѣ распредѣленія частной земельной собственности въ сѣверной и южной половинахъ губерніи. Ежегодникъ распредѣляетъ всѣ частныя владѣнія на 2 группы: владѣнія привилегированныхъ сословій (дворянство, духовенство, купцы, почетные граждане) и непривилегированныхъ (козаки, крестьяне, мѣщане, солдаты и пр.). Сопоставленіе этихъ двухъ группъ владѣнія приводитъ къ выводу, что владѣнія первой категоріи въ южныхъ уѣздахъ (Константиногр., Кременч., Полт. и Хорольск.) значительно ниже выведеннаго для всей губерніи средняго соотношенія—ихъ замѣняютъ въ этихъ уѣздахъ владѣнія лицъ непривилегированныхъ сословій. Въ тѣхъ же самыхъ уѣздахъ, кромѣ полтавскаго, количество десятинъ, принадлежащее владѣльцамъ привилегированныхъ сословій, также ниже средняго соотношенія для всей губерніи. Такая разница въ характерѣ

частнаго землевладѣнія юга и сѣвера губерніи находится, по мнѣнію Ежегодника, въ связи съ *исторіею заселенія и землевладѣнія* въ ней. Территорія южныхъ уѣздовъ стала заселяться лишь со 2-й половины XVII в., послѣ освободительной войны Хмѣльницкаго. Тогда именно правобережное населеніе широкой эмиграціонной волной направляется на лѣвый берегъ Днѣпра, въ частности на территорію Полт. губерніи, освободившуюся отъ владычества шляхты и польскихъ магнатовъ, въ родѣ Вишневецкихъ и др. Стремясь къ возможно болѣе широкому приволью, уходившіе на новыя мѣста не довольствовались уже болѣе густо заселенными землями сѣверной части губерніи, подавались дальше на югъ и здѣсь уже «осѣдали», заселяя своими хуторами степное приволье южныхъ уѣздовъ. Поэтому южная часть губерніи играла въ исторіи заселенія полтавской губерніи такую же роль, какую впослѣдствіи выполняла по отношенію къ Полт. губерніи Новороссія. Въ теченіе XVII и XVIII в.в. населеніе продолжаетъ свой уходъ въ степи южной половины губерніи. Съ другой стороны, мало заселенныя степи не представляли тогда еще особеннаго интереса для «пановъ» изъ козацкой старшины, въ виду сосѣдства съ неспокойными татарами.

Интересны также приведенныя въ ежегодникѣ данныя о задолженности частнаго землевладѣнія. Оказывается, что Полтавская губ. занимаетъ въ ряду остальныхъ губерній одно изъ видныхъ мѣстъ какъ по величинѣ, такъ и по степени задолженности. Величина задолженности опредѣляемыя процентнымъ отношеніемъ заложенной земли къ общей площади частновладѣльческой, составляетъ для Полтавской губ. (1899 г.) 58% и ставитъ ее въ ряду 67 губерній на 19 мѣсто. Степень обремененности земель ея ипотечными долгами выраженная количествомъ ссудъ, выданныхъ въ среднемъ на 1 дес., равняется 59 руб. и ставитъ губернію на *пятое* мѣсто въ ряду 67 губерній; выше ея въ этомъ отношеніи стоятъ только Курская, Бессарабская, Кутаисская и Подольская губ. (отъ 72—60 р. на дес.). При сравненіи данныхъ о задолженности ея въ 1888, 96 и 1900 г.г. оказывается, что за 12 л. задолженность «возросла и вширь и вглубь», увеличилось не только количество заложенныхъ имѣній (съ 3622 имѣній на 10735), и не только количество заложенной земли (съ 872805 дес. на 1.187.167), но и размѣръ ссуды на 1 дес. заложенной земли (съ 49 на 61 р. на 1 дес.). При всемъ этомъ замѣчается изъ года въ годъ пониженіе средняго размѣра заложенныхъ имѣній, что зависитъ главн. образ. отъ дробленія заложенныхъ имѣній и отчужденія частей ихъ въ другія руки съ перево-

домъ долга. Это значительно увеличиваетъ счетъ заложенныхъ имѣній помимо поступленія въ залогъ новыхъ имѣній. Процессъ дробленія задолженныхъ имѣній проявляетъ себя наиболѣе рѣзко именно въ Полтавской губ. Дробленіе это является въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ того, что съ залогомъ имѣнія значительно увеличивается возможность отчужденія отдѣльныхъ его частей (съ переводомъ долга), такъ какъ на ихъ пріобрѣтеніе новыми владѣльцами требуется сумма денегъ, значительно меньшая той, какая потребовалась бы на уплату за незаложенную землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно предположить, что самое увеличеніе задолженности, ведущее къ стѣсненію въ платежахъ, приводитъ владѣльцевъ заложенныхъ имѣній, старающихся по возможности все-таки удержать ихъ за собою, къ продажѣ отдѣльныхъ частей имѣнія, облеченной, благодаря залогу, возможностью скоро найти покупателя, который имѣлъ бы только деньги на доплату къ банковой ссудѣ.

Такимъ образомъ задолженность землевладѣній является однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ моментовъ для ея мобилизаціи. Такъ какъ и въ процессѣ мобилизаціи земельной собственности крупныя земельныя владѣнія (какъ оказывается) являются наименѣе устойчивыми и такъ какъ процессъ мобилизаціи питается главн. обр. распаденіемъ владѣній болѣе крупныхъ размѣровъ, то вполнѣ естественно ожидать, что дробленію подвергнутся болѣе крупныя изъ заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ [1]) имѣній, что и подтверждается собранными данными, (напр. въ 1899 г. изъ общаго числа 1708 имѣній съ 596290 дес. заложенныхъ по губерніи въ Дворянск. банкѣ было *пятьсотъ* имѣній съ 63602 дес. земли, перешедшихъ уже въ руки недворянскихъ сословій съ оставленіемъ пока въ залогѣ этого банка). Замѣчено также, что уѣзды съ наиболѣе высокою задолженностью землевладѣнія отличаются наличностью наиболѣе благопріятныхъ условій для проявленія въ нихъ дѣятельности Крестьянскаго банка.

Весьма интересны также выводы Ежегодника, основанныя, замѣтимъ кстати, на многочисленныхъ цыфровыхъ данныхъ, объ обезпеченіи населенія собственнымъ хлѣбомъ. Оказывается, что болѣе $1/_6$ части козачьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ губерніи, съ населеніемъ

---

[1]) Оказывается, что Дворянскій банкъ съ особымъ отдѣломъ оперируетъ гл. обр. въ средѣ крупнаго землевладѣнія, а Полтавскій и Крестьянскій—въ сферѣ мелкаго.

294173 души, принуждены круглый годъ продовольствоваться покупнымъ хлѣбомъ; для болѣе $^1/_3$ хозяйствъ съ посѣвомъ менѣе 3 дес., своего хлѣба далеко не хватаетъ для прокормленія семьи и для посѣва, вслѣдствіе чего недостатокъ этотъ тоже долженъ быть покрытъ сторонними заработками; $^1/_4$ часть хозяйствъ губерніи можетъ считаться болѣе или менѣе обезпеченными въ удовлетвореніи продовольственныхъ и даже нѣкоторыхъ другихъ потребностей крестьянской семьи; $^1/_6$ обладаетъ нѣкоторыми въ этомъ отношеніи излишками, можетъ считаться зажиточною, а остальные (2,5%) хозяйства представляютъ уже разныя степени богатства. Въ окончательномъ выводѣ оказывается, что большая половина (51,8%) хозяйствъ губерніи, съ населеніемъ почти въ милліонъ душъ (968228), изъ года въ годъ испытываетъ болѣе или менѣе значительную нужду въ хлѣбѣ для продовольствія и обсѣмененія полей. По отдѣльнымъ уѣздамъ въ наихудшія условія, по степени обезпеченности продовольственными средствами, поставлены Лохвицкій и Зѣньковскій уѣзды, гдѣ въ этомъ положеніи находятся 59,9—62,7% хозяйствъ, и только въ одномъ Константиноградскомъ уѣздѣ вынуждены прибѣгать къ покупному хлѣбу менѣе $^2/_5$ всѣхъ хозяевъ.

Содержаніе Ежегодника далеко не исчерпывается главами о землевладѣніи, продовольственныхъ средствахъ и задолженности землевладѣнія, изъ которыхъ выше приведены были нѣкоторыя выдержки. Оно распадается на два отдѣла: земскій и статистико-экономическій (къ послѣднему и относятся три вышеупомянутыя главы) [1]. Въ первой особенно интересна глава о народномъ образованіи, охватывающая министерскія, земскія и церковно-приходскія школы и школы грамоты и снабженная многочисленными таблицами (въ приложеніи); дополненіемъ къ ней является особая глава о постановленіяхъ земскихъ собраній 1898—99 г. по народному образованію.

Земскій отдѣлъ состоитъ изъ 9 главъ, а статистико-экономическій изъ 11, содержаніе которыхъ весьма разнообразно и интересно; но перечисленіе его слишкомъ удлинило бы и безъ того разросшуюся библіографическую замѣтку.

Надо думать, что такіе обстоятельные труды, то и дѣло издаваемые на средства различныхъ земствъ и составившіе уже весьма

---

[1] Изъ которыхъ глава о задолженности, напечатанная въ самомъ концѣ книги, по недосмотру не упомянута въ оглавленіи.

объемистую литературу, лучше всякихъ коммиссій и подкоммиссій могутъ содѣйствовать выясненію нашихъ сельскохозяйственныхъ нуждъ и причинъ «оскудѣнія центра».

Л. С. Л.

Статистическое бюро Полтавскаго Губернскаго Земства. Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1900 годъ (по сообщеніямъ корреспондентовъ). *Полтава, 1901 г. 320 стр. Ц. 1 р. 20 к.*

Данная книга распадается на 9 главъ слѣдующаго содержанія: 1) погода и ея вліяніе на растительность и ходъ полевыхъ работъ, 2) враги растеній, 3) урожаи хлѣбовъ, травъ, огородныхъ и садовыхъ растеній, 4) состояніе скотоводства, 5) пчеловодство, 6) мѣстные и отхожіе заработки, 7) съемныя, арендныя и продажныя цѣны на землю, 8) земледѣльч. орудія, рабочій скотъ и способы обработки почвы и 9) сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Половина книги состоитъ изъ приложеній въ видѣ таблицъ и картограммъ.

Книга снабжена довольно обширнымъ предисловіемъ, представляющимъ краткій сводъ содержанія отдѣльныхъ главъ. Изъ него мы узнаемъ, что 1900 годъ не былъ богатъ вредными насѣкомыми, но, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій весны и лѣта, «сборъ хлѣбовъ въ губерніи получился мало удовлетворительный» [1]. Степныя травы тоже дали, въ общемъ, урожай ниже средняго (благодаря весенней засухѣ), урожай же луговыхъ, лучныхъ и болотныхъ сѣнокосовъ былъ выше средняго; но сѣно и съ тѣхъ и съ другихъ оказалось не высокаго качества: раннее—вслѣдствіе того, что попало подъ дождь, позднее—потому что травы перестояли [2]. Урожай овощей, кромѣ капусты, былъ близокъ къ среднему; а фруктовъ—хорошій, кромѣ вишни, давшей плохой сборъ. Вслѣдствіе неудовлетворительнаго урожая соломы и травъ, зимнее содержаніе скота оказалось малообезпеченнымъ и привело къ распродажѣ скота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, хотя цѣны на скотъ держались довольно устойчиво; а къ веснѣ цѣны на солому и сѣно весьма сильно поднялись. Пчеловодство дало неудовлетворитель-

---

[1]) Стр. IV предисловія.

[2]) Стр. V предисловія.

ные результаты. Собранныя данныя выяснили сильное распространеніе въ послѣдніе годы усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій: замѣну деревянныхъ орудій обработки желѣзными, цѣповъ—молотилками, въ чемъ большую роль играли земскіе склады. Одновременно съ этимъ въ дѣлѣ обработки земли замѣчается замѣна воловъ лошадьми, и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ преобладаетъ работа именно рогатымъ скотомъ—вытѣсненіе воловъ коровами. Въ общемъ, цѣны на продукты полеводства стояли въ текущемъ году довольно высокія. Условія найма рабочихъ въ обозрѣваемомъ году болѣе, чѣмъ когда-нибудь приближались къ равновѣсію спроса и предложенія, а потому и цѣны на рабочія руки были близки къ среднимъ, нормальнымъ. Объясненіе этому Обзоръ видитъ въ томъ, что урожай хлѣбовъ и травъ былъ по губерніи или средній, или близкій къ среднему [1]). Такое объясненіе представляется, конечно, вполнѣ правдоподобнымъ; для насъ представляется только неяснымъ, почему въ этомъ объясненіи урожай признается среднимъ, или близкимъ къ среднему, тогда какъ въ предисловіи къ обзору (см. цитиров. страницы) онъ названъ (буквально) «мало удовлетворительнымъ».

Изъ собранныхъ данныхъ о съемныхъ цѣнахъ на землю выяснилось, что цѣны подъ яровой посѣвъ составляютъ 95% цѣнъ на озимый посѣвъ, цѣны земель малыхъ хозяйствъ составляютъ, въ среднемъ, 93% цѣнъ земель крупныхъ экономій, цѣны земель безтолочныхъ—79% цѣнъ на земли толочныя и цѣны земель глинистыхъ—75%, а супесчаныхъ—71% цѣнъ земель черноземныхъ. Слѣдовательно, главное вліяніе на высоту съемныхъ цѣнъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оказываетъ введенная на сдаваемыхъ земляхъ система полеводства и еще болѣе—почвенныя особенности этихъ земель, а наименьшее—принадлежность земель къ крупнымъ или малымъ хозяйствамъ и то обстоятельство, сдаются ли онѣ подъ яровой или же озимый посѣвъ. Отчетный 1900 г. принадлежитъ по высотѣ съемныхъ цѣнъ къ четвертому году того періода, въ который начался подъемъ цѣнъ въ губерніи. Въ общемъ выводѣ по губерніи съемныя цѣны на землю выросли въ 1900 г. почти на 11% сравнительно съ 1899 г. и слишкомъ на $^1/_3$ (34%) по сравненію съ предыдущимъ семилѣтіемъ (1893—99 г.г.), при чемъ наибольшее возрастаніе цѣнъ прои-

---

[1]) Стр. 83.

зошло въ Пирятинскомъ уѣздѣ, а также Константиноградскомъ и Лохвицкомъ. Ростъ арендныхъ цѣнъ за послѣдніе 4 года шелъ, въ общемъ, такъ же, какъ и съемныхъ; что касается средней арендной цѣны на пахатную землю, то таковая въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ возрастала, въ среднемъ, по 1 р. на десятину.

Послѣ упадка продажныхъ цѣнъ на землю въ 1895—96 г.г., вслѣдствіе паденія цѣнъ на продукты полеводства, съ 1897 г. начался непрерывный періодъ продолжающагося и понынѣ подъема продажныхъ цѣнъ на земли, который въ 1900 г., сравнительно съ 1899, выразился въ повышеніи ихъ на 19%, а для пашни даже на 29%, при чемъ цѣны «достигли высоты небывалой въ теченіе послѣдняго девятилѣтія»; значительный и прогрессивный ростъ цѣнъ въ послѣдніе годы замѣчается и по отношенію къ землямъ, покупавшимся при помощи Крестьянскаго банка. Въ 1900 г. чрезъ этотъ банкъ продано было крестьянамъ свыше 16000 дес. земли, изъ нихъ пріобрѣтено отъ дворянъ 8320 дес., отъ купцовъ 2503 и отъ крестьянъ же 1571 дес.

Л. С. Л.

В. Т. Ляскоронскій. Гильомъ Левассеръ де-Вопланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. *Кіевъ 1901 г. in folio стр. 81. Цѣна 3 р. 60 к.*

Передъ нами новое изданіе трудовъ знаменитаго инженера Гильома-де-Боплана, долго находившагося на службѣ у польскаго правительства. Труды эти, въ особенности «Описаніе Украины», хорошо извѣстны всякому, занимавшемуся исторіей Южной Россіи. Книга распадается на двѣ части: въ первой помѣщено знаменитое «Описаніе Украины»,—во второй пять картъ, изданныхъ на основаніи оригиналовъ, изъ которыхъ четыре составляютъ собственность профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича, а пятая принадлежитъ Университету св. Владиміра. Картамъ этимъ предпослано подробное «изслѣдованіе» о ихъ значеніи и содержаніи.

«Описаніе Украины» было уже издаваемо много разъ: впервые оно появилось въ Руанѣ въ 1650 году и затѣмъ выдержало много изданій на различныхъ языкахъ. Въ русскомъ переводѣ имѣются два изданія—Устрялова 1832 года, ставшее теперь библіографической рѣд-

костью, и Я. Н. Мельникъ 1896 года, помѣщенное во второмъ томѣ «Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи».

Изъ пяти приложенныхъ въ концѣ книги Боплановыхъ картъ, одна только появляется впервые, а 4 остальныхъ были уже изданы Историческимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца въ приложеніи къ XII книгѣ «Чтеній при Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца».

Такимъ образомъ весь сырой матеріалъ, доставляемый читателямъ въ книгѣ, изданной г. Ляскоронскимъ, не представляетъ собой интереса новизны и въ библіографической замѣткѣ книга эта можетъ быть трактуема только съ точки зрѣнія того критическаго освѣщенія, тѣхъ комментарій и того критически-научнаго изслѣдованія, которое предпослано авторомъ. Иначе нельзя себѣ объяснить и цѣли такого изданія, потому что, вслѣдствіе спеціальнаго интереса, какой представляютъ труды Боплана, а также вслѣдствіе дороговизны, книга можетъ быть доступна только весьма ограниченному кругу читателей.

Повидимому и самъ авторъ, приступая къ изданію своего труда руководствовался только что высказанными соображеніями.

Въ предисловіи своего труда авторъ указываетъ на то, что до послѣдняго времени не было сдѣлано подробныхъ научныхъ изслѣдованій о трудахъ Боплана, главнымъ образомъ относительно Боплановыхъ картъ, а равнымъ образомъ не было собрано подробныхъ свѣдѣній о томъ, что «сдѣлано знаменитымъ французскимъ инженеромъ относительно Южной Россіи». Вслѣдствіе этого авторъ ставитъ себѣ цѣлью «восполнить этотъ недостатокъ» и представить въ одной книгѣ труды Боплана относительно Южной Россіи, а также «дать его краткую біографію въ связи съ тѣми причинами, которыя привели этого любознательнаго иностранца въ предѣлы Южной Россіи».

Безспорно, что поставленная себѣ г. Ляскоронскимъ цѣль весьма почтенна, тѣмъ болѣе что Боплановы труды нуждаются, на нашъ взглядъ, въ очень строгомъ критическомъ освѣщеніи. Посмотримъ же, какъ выполнилъ почтенный авторъ свои благія намѣренія.

Укажемъ прежде всего на маленькую неточность автора. Г. Ляскоронскій, жалуясь на полное отсутствіе подробныхъ изслѣдованій о трудахъ Боплана, не упоминаетъ о томъ, что въ XII книгѣ «Чтеній при Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца» на стр. 120—137 помѣщено его же собственное, довольно подробное изслѣдованіе о картахъ Боплана, главнымъ образомъ о «генеральной картѣ Украины».

Переводъ «Описанія Украины» со второго французскаго изданія съ внѣшней стороны весьма хорошъ и читается легко. Научно-критическое изслѣдованіе г. Ляскоронскаго въ этой части его труда ограничивается «необходимыми подстрочными примѣчаніями, о чемъ сообщаетъ и самъ авторъ въ предисловіи.

Любопытно обратить вниманіе на то, что авторъ считаетъ «необходимыми примѣчаніями въ текстѣ». Въ дѣлѣ снабженія текста примѣчаніями «Описаніе Украины» распадается у г. Ляскоронскаго на двѣ рѣзко различающіяся другъ отъ друга половины. Первая, заключающая въ себѣ описаніе Кіева, Украины и Крыма, снабжена весьма обильнымъ количествомъ примѣчаній, между тѣмъ какъ во второй можно едва съ трудомъ насчитать два десятка примѣчаній, и притомъ совершенно незначительныхъ, между тѣмъ какъ эта вторая часть наиболѣе бы нуждалась въ критическомъ освѣщеніи.

Каковы же тѣ примѣчанія, которыми въ такомъ изобиліи снабженъ текстъ упомянутой выше первой половины «Описанія Украины». Въ примѣчаніяхъ этихъ, подчасъ очень многословныхъ, за исключеніемъ двухъ трехъ, сообщаются свѣдѣнія настолько общеизвѣстныя, что даже страннымъ кажется, какъ авторъ въ книгѣ, претендующей на значеніе критически-научнаго изслѣдованія, находилъ нужнымъ ихъ помѣщать? Судите сами. Мы узнаемъ, напр., что «Храмъ св. Софіи построенъ Кіевскимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ» (стр. 3), что «Михайловскій монастырь находится на краю обрывисто спускающейся къ Днѣпру возвышенности», что «въ Михайловскомъ храмѣ погребенъ Кіевскій князь Святополкъ II съ супругой», что «Каневъ уѣздный городъ Кіевской губерніи», что «это—очень древній городъ», и т. д. Дано также перечисленіе Днѣпровскихъ пороговъ и заборовъ и въ заключеніе сообщено совсѣмъ ужъ наивное свѣдѣніе, что «пороги были извѣстны уже въ глубокой древности: о нихъ говоритъ Константинъ Багрянородный, сообщившій намъ двоякія названія ихъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ» (стр. 13).

Такимъ образомъ оказывается, что г. Ляскоронскій всѣми силами стремится пояснить то, что вовсе не нуждается въ поясненіи, и сообщаетъ свѣдѣнія, которыя всѣмъ извѣстны, между тѣмъ какъ мѣста, дѣйствительно нуждающіяся въ комментаріяхъ, оставлены безъ нихъ.

Вторая часть разбираемой нами книги представляетъ собой, какъ уже выше сказано, пять картъ съ довольно обширнымъ изслѣдованіемъ о нихъ. Въ изслѣдованіи этомъ авторъ подробно останавливается на

исторіи изданія Боплановыхъ картъ, перечисляетъ всѣ картографическіе труды Боплана и, наконецъ, даетъ подробное описаніе четырехъ изъ прилагаемыхъ пяти картъ, а именно: картъ воеводства Подольскаго, Кіевскаго, Брацлавскаго и Покутья. Описанія эти составлены довольно тщательно: въ нихъ, кромѣ общаго топографическаго описанія, указаны всѣ населенные пункты, нанесенные на карту съ соотвѣтствующими имъ въ настоящее время названіями. Очень жаль, что авторъ, указывая на то, что для возстановленія нѣкоторыхъ, искаженныхъ по различнымъ причинамъ названій мѣстностей на Боплановыхъ картахъ, пользовался много-различными матеріалами до старинныхъ атласовъ, видѣнныхъ имъ за границей, совершенно не упоминаетъ, какія названія ему пришлось возстановлять, и на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ. Такимъ образомъ читателю приходится все принимать на вѣру. Страннымъ кажется намъ также и то, что авторъ не помѣстилъ въ своемъ изслѣдованіи описанія «генеральной карты Украины», приложилъ въ тоже время описаніе карты Днѣпра отъ Кіева до Чернаго моря, снимка съ котораго въ книгѣ не имѣется и которое на нашъ взглядъ является по этой причинѣ совершенно лишнимъ.

Если авторъ не помѣстилъ въ своей книгѣ описанія «генеральной карты Украины» вслѣдствіе того, что такое описаніе было уже имъ помѣщено въ упомянутой выше книгѣ «Чтеній», то, руководясь тѣмъ же мотивомъ, онъ могъ бы вовсе и не издавать разбираемой нами книги, такъ какъ документальный матеріалъ ничего новаго не представляетъ, а критическое его освѣщеніе также не дѣлаетъ цѣннаго вклада въ науку.

В. К. В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 5, 6 и 7; 2) Русская Старина № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстн. № 6 и 7; 4) Вѣстникъ Европы № 6 и 7; 5) Русская Школа № 3. 4, 5 и 6; 6) Міръ Божій № 6 и 7; 7) Рус. Мысль № 6; 8) Научное Обозрѣніе № 5 и 6; 9) Журналъ для всѣхъ № 6; 10) Новое Дѣло № 5, 11) Кн. Восхода № 5 и 6; 12) Літературно-Науковий Вістник № 6; 13) Записки Казанскаго университета № 4, 5 и 6; 14) Журналъ М. Н. Просвѣщенія № 5 и 6; 15) Труды Кіев. Духов-

ной Академіи № 6; 16) Варшавскія Универс. Извѣстія № 3; 17) Черниговскій Земскій сборникъ № 4 и 5; 18) Кіевскія Университ. Извѣстія № 5 и 6; 19) Извѣстія Рус. Географ. О-ва кн. I; 20) Литературный Вѣстникъ № 4;

Міръ Божій, № 6, іюнь.

По Амуру и Приамурью. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). *Александра Кауфмана* (продолженіе). На стр. 93-й сообщаются краткія свѣдѣнія о поселеніяхъ полтавцевъ въ Амурѣ.

Русская Старина № 6

Записка о кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году. Сообщ. Г. Кунцевичъ. (Стр. 611—616). Записка эта, хранящаяся въ Императ. Публичн. Библіотекѣ, принадлежитъ, вѣроятно, перу епископа Иннокентія Борисова, хотя переписана писцомъ и подписи на ней нѣтъ. Тонъ записки обличительный, такъ-какъ во всѣхъ пунктахъ отмѣчается неправильная организація университетскихъ порядковъ въ Кіевѣ, съ самаго основанія университета (въ 1834 году).

Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ. (Приложеніе). Здѣсь на стр. 363—368, идутъ краткія записи о пребываніи въ 1837 году Жуковскаго въ предѣлахъ южной Руси, а именно: въ Екатеринославѣ, въ Кременчугѣ, въ Пирятинѣ, въ Хоролѣ, въ Лубнахъ, въ Переяславѣ, въ Кіевѣ, въ Полтавѣ, въ Харьковѣ, въ Константиноградѣ.

Русскій Архивъ № 5, 6 и 7.

Къ біографіи художника В. Л. Боровиковскаго. Сообщ. С. П. Дягилевъ (№ 5, стр. 61—64). Напечатано завѣщаніе В. Л. Боровиковскаго 1819 года и описаніе иконъ его живописи, предназначенныхъ для иконостаса въ церковь Св. Архист. Михаила на Смоленскомъ кладбищѣ.

А. Титовъ. Къ исторіи Виленскихъ евреевъ (№ 5, стр. 65—80). Статья составлена на основаніи актовъ, издан. Виленск. комис. (Т. 28-й. Акты о евреяхъ); въ ней разсказывается о тѣхъ обвиненіяхъ,

которыя взводились на евревъ въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно въ ритуальномъ убійствѣ ими христіанскихъ дѣтей

А. П. К. Русскіе въ южной Бессарабіи (№ 5, стр. 150—160). Въ статьѣ идетъ рѣчь о колонизаціи малорусскаго и великорусскаго населенія въ Бессарабію въ теченіе болѣе сотни лѣтъ, начиная съ 1775 года, т. е. послѣ разоренія Запорожской Сѣчи.

В. Иконниковъ. По поводу записокъ С. Г. Волконскаго (№ 6, стр. 265—267). Здѣсь дается нѣсколько поправокъ къ фактамъ, сообщеннымъ въ «Запискахъ», преимущественно о лицахъ и событіяхъ, касающихся южно-русскихъ мѣстностей.

Письма И. С. Аксакова къ Г. П. Галагану. (1880—1885). (№ 7, стр. 492—499). Письма эти представляютъ собою выдающійся интересъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о современныхъ внутреннихъ событіяхъ и отношеніяхъ въ высшихъ, правительственныхъ сферахъ и удрученномъ состояніи общества, находившагося, по словамъ Аксакова, «между двумя категоріями нигилистовъ: нигилистовъ соціально-революціонной партіи и нигилистовъ правительствующихъ. Есть здѣсь черты для характеристики Лорисъ-Меликова, Игнатьева, гр. Д. Толстого, Каткова и др. Большой интересъ представляетъ послѣднее письмо, въ которомъ Аксаковъ, по поводу романа Сенкевича «Огнемъ и мечемъ» и критики на него В. Б. Антоновича, помѣщенной на страницахъ «Кіев. Старины», высказываетъ свои взгляды на малорусско-польскія отношнія, а также на отношенія Малороссіи къ Россіи и на «украинофиловъ новѣйшей формаціи». Признавая украинофильскую точку зрѣнія «слишкомъ узкою для оцѣнки явленій исторіи и Костомарова плохимъ историкомъ по этой именно самой причинѣ, Аксаковъ «въ общей тысячелѣтней исторіи Россіи» отводитъ Малороссіи только $2^1/_2$ вѣка: XV, XVI и половину XVII. Наконецъ, онъ воспроизводитъ кратко свою бесѣду по этому поводу съ проф. Костяковскимъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія «партіи, къ которой благоволятъ поляки, пуская ей мыльные пузыри въ родѣ сепаратизма и федерализма».

Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* (№ 6, стр, 1071—1073) помѣщенъ отзывъ *П. Ш.* о книгѣ «Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородка

Гоголевской комиссіей подъ редакц. проф. М. Н. Сперанскаго» (стр. 1071—1073).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (№ 7, стр. 322—324) напечатана замѣтка по поводу пятидесятилѣтія Кіевскаго центральнаго архива, исполнившагося 2 апрѣля текущаго года.

Русская Мысль, № 6.

В. Каллашъ. Гоголь и его письма (стр. 19—47). Въ названной книжкѣ авторъ заканчиваетъ свой обстоятельный психологическій анализъ рѣзкихъ колебаній и безконечной смѣны настроеній Гоголя, обусловливавшихъ собою, по словамъ автора, «необыкновенно характерный конецъ трагедіи, единственной въ своемъ родѣ не только въ русской, но и въ міровой литературѣ, и представляющей глубокій психологическій и историко-литературный интересъ».

Вѣстникъ Европы. № 6 и 7.

Д. Ярошевичъ. Кустарный промыселъ въ Полтавской губерніи. (№ 7 стр. 5—28). На основаніи цифровыхъ данныхъ по хозяйственной статистикѣ и спеціальныхъ очерковъ о домашнихъ промыслахъ и ремеслахъ Полтавской губ. за послѣднее двадцатилѣтіе авторъ даетъ наглядныя доказательства того, что съ измѣненіемъ натуральныхъ формъ хозяйства въ денежныя, съ увеличивающимся процессомъ дифференціаціи среди крестьянства, домашніе промыслы перестаютъ быть побочными въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ оказываются несовмѣстимыми съ главнымъ занятіемъ сельскаго населенія, и потому связь кустаря съ землей рвется. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ глубокое измѣненіе и въ соціальномъ положеніи кустарей. Изложенныя положенія иллюстрируются данными о положеніи промысловъ: гончарнаго, ткацкаго, сапожнаго, шерстобитнаго и др. Статья эта, представляющая выдающійся интересъ, важна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ не мало матеріала чисто этнографическаго.

А. Я. Ефименко. Національная двойственность въ творчествѣ Гоголя (№ 7, стр. 229—244). Наличность тяжелыхъ и непримиримыхъ противорѣчій, какими была полна душа Гоголя, вызывала, говоритъ авторъ, даже попытки объясненія ихъ на патологической основѣ. Но авторъ сомнѣвается въ возможности добиться чего-

нибудь цѣннаго на этомъ скользкомъ пути. Внимательное же изученіе обширной переписки Гоголя неизбѣжно приводитъ къ убѣжденію, что великій писатель былъ вполнѣ здоровъ психически. Фактъ мучительныхъ противорѣчій въ душѣ Гоголя авторъ объясняетъ тѣмъ, что душа Гоголя была поражена раздвоенностью въ основной стихіи своего бытія. Значеніе въ творчествѣ стихіи народности общепризнанная истина: всякое творчество, и поэтическое въ особенности, заключено въ своей народности, ею питается, и въ свою очередь само вліяетъ на нее, расширяя ея предѣлы, обогащая ея содержаніе. Между тѣмъ великій писатель былъ роднымъ сыномъ народности малорусской и пріемнымъ—великорусской, Своей пріемной матери онъ далъ все: свой великій талантъ, жизнь свою, кровь своего сердца. Но ничто не могло уничтожить, говоритъ авторъ, значенія того, что и жизнь, и талантъ онъ получилъ не отъ нея, а отъ той, отъ другой. Гоголь, родившійся въ чисто малорусской интеллигентной семьѣ, воспитавшійся въ духѣ традицій малорусскаго общества начала XIX в., «насыщеннаго мѣстной національной культурой«, вѣрившаго въ идею возрожденія, Гоголь, типичнѣйшій украинецъ по внѣшности, по симпатіямъ и горячей любви къ родинѣ, ея языку и пѣснямъ, былъ въ то же время русскимъ писателемъ, гордостью русской, а не украинской литературы. Затѣмъ отъ характеристики личности писателя, авторъ обращется къ стилю его и къ самому процессу и содержанію художественнаго творчества. И здѣсь авторъ, вслѣдъ за проф. Мандельштамомъ, приходитъ къ тѣмъ же вопросамъ. Возбужденіе мысли, по словамъ пр. Мандельштама, (его изслѣдованіе—о характерѣ Гоголевскаго стиля) шло у Гоголя по колеѣ родного, т. е. малорусскаго языка. Гоголь безсознательно пользовался стихіей малорусской рѣчи всегда, когда ощущалъ подъемъ чувства, подъемъ художественнаго настроенія. Писатель мысленно переводилъ слова и обороты съ языка малорусскаго на великорусскій. Обращаясь къ процессу и содержанію творчества, авторъ объясняетъ съ точки зрѣнія національной двойственности и совмѣщеніе исключающихъ другъ друга элементовъ—лиризма и юмора: почти весь лиризмъ его творчества изливается въ произведеніяхъ изъ малорусской жизни, на долю произведеній изъ общерусской жизни выпадаетъ только юморъ, и при томъ не мягкій, нѣжный и любовный, а холодный и суровый. Гоголь любилъ горячо свою Малороссію и ненавидѣлъ Великоросію, и въ тоже самое время облекалъ въ своей душѣ настоящимъ апотеозомъ идею русскаго государства, и излюбленной его идеей была «служба

государству». Эта раздвоенность и противорѣчивость,—говоритъ авторъ,—есть естественный и психологически необходимый результатъ того, что Гоголь оторвался отъ своей національной почвы «для службы» русскому государству, но не отрѣшился, и не могъ отрѣшиться, отъ исключительности своихъ національныхъ симпатій. Гоголь сдѣлался преданнымъ пріемнымъ сыномъ русской государственности, но до конца не могъ ассимилироваться съ русской народностью.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 6.

Петровъ Н. И. Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя. (Стр. 270—305) и Описаніе сборника выписокъ изъ твореній св. отцовъ и учителей православной церкви, составленнаго Гоголемъ (стр. 306—317).

Горючко. Изъ исторіи возсоединенія уніатовъ въ Бѣлоруссіи 1795—1805 г. (стр. 159—234). Статья интересна своей фактической стороной, показывающей съ какими трудностями вводилась унія и какъ она неохотно принималась: народъ поднималъ цѣлые бунты, духовенство противилось, начальство терялось и не знало, что дѣлать.

Литературный Вѣстникъ № 4.

Э. Лямбекъ. Гоголь у нѣмцевъ. (Стр. 373—382). Статья представляетъ собою подробный списокъ нѣмецкихъ переводовъ Гоголя, начиная съ 1837 г., и статей и сочиненій о немъ на нѣмецкомъ языкѣ. Первымъ переведенъ «Тарасъ Бульба» 1846 г.

В. Кораблевъ. Гоголь у Сербовъ. Стр. 383—Знакомство сербовъ съ Гоголемъ началось съ половины XIX ст. Гоголь, по словамъ автора, понятенъ сербамъ, потому что малорусская жизнь, такъ ярко имъ изображенная, очень походитъ на сербскую. Съ другой стороны, Гоголь оказалъ громадное вліяніе на нѣкоторыхъ писателей сербскихъ. Первой переведена повѣсть «Страшная месть», 1850 г. «Ревизоръ» не сходитъ со сцены сербскаго театра.

А. Липовскій. Гоголевская юбилейная литература (стр. 392—409). Небольшой набросокъ литературы, вызванной юбилеемъ великаго писателя.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги« напечатаны отзывы 1) на »Етнографічний збірник комисиі Наукового т. імени Шевченка», т. XII, собранный В. Гнатюкомъ, стр. 419—420, 2) на «Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.» Ор. Левицкаго, стр. 424 и 3) на «Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси», Павлова Сильванскаго (стр. 424—425).

Журналъ для всѣхъ № 6.

А. Ефименко. Изъ исторіи Южной Россіи. На порогѣ исторіи. (стр. 737—748). Настоящая статья является продолженіемъ начатаго въ прошломъ году на страницахъ названнаго журнала научно-популярнаго изслѣдованія доисторическаго быта нашихъ славянскихъ предковъ, жившихъ на южно-русской территоріи.

Літературно-Науковий Вістник, кн. 6.

Із поезий Павла Рябошапки: I Нема братерства. II. Убогий син. стор. 189—190.

Проіздом. Сергія Павленка, ст. 190—191.

На сучасні мотиви. Богдана Гайового: На спомин полт. кустарного зьізду 1901 р. стор. 191—192; II. Під заверюху. стор. 192.

Земля. Оповіданне Ольги Кобилянськоі. (конець) ст. 193—242.

З минулого та пережитого. (Про батька Тараса та ще про де-що). Спомини Д. Мордовця, стор. 243—252.

Візня стрічі. Катерини Гриневичевоі, стор. 253—254.

Весняний день. С. Грущенка, ст. 255—260.

Розмова з привидом про початки азбуки, А. Франса, ст. 261—266.

Із оповідань А. Немоевського: II. Тихимъ вечером. стор. 267—273; III. Проклятий. стор. 273—282.

Із німецьких поетів. I—IV. П. Грабовського, стор. 283—284.

В справі народного язика. Ів. Верхратського, ст. 96—125.

Михайло П. Старицький. Ів. Франка, ст. 126—138.

Теорія и практика; ст. 139—142.

Наукові листки: IV. Звідки взялася нафта? Ф. К., ст. 143—147.

Хроніка і бібліографія, ст. 34—48.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Въ «СПБ. Вѣдомостяхъ» (№ 158) напечатана очень живая и убѣдительная статья г. Лотоцци по вопросу о родномъ языкѣ въ школѣ. Сущность статьи, опирающейся на мнѣнія авторитетныхъ педагоговъ, сводится къ тому, что для облегченія всего хода школьнаго ученія необходимо исходнымъ пунктомъ поставить родной языкъ, который не только облегчитъ изученіе техники чтенія и письма вообще, но поможетъ лучшему усвоенію реальныхъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ поведетъ школьника по пути постепеннаго обладанія русской литературной рѣчью. Какъ-бы въ опроверженіе этой логично написанной статьи, какой-то «Одинъ изъ—Енко» въ № 171 СПБ. Вѣдомостей, помѣстилъ статейку, озаглавленную гаерскимъ пріемомъ «Въ защиту хохликовъ». Совершенно не въ тонъ статьи г. Лотоцци авторъ заговорилъ излюбленнымъ методомъ доказательствъ ненадобности малорусской рѣчи, когда существуетъ русскій литературный языкъ, и свернулъ все дѣло въ сторону охраненія русской литературной рѣчи отъ чьихъ-то поползновеній на нее, совершенно не вызываемыхъ статьей г. Лотоцци. «СПБ. Вѣдомости», какъ-бы почувствовавъ диссонансъ въ помѣщеніи этихъ двухъ статей, въ № 172 напечатали еще одну маленькую статейку, якобы въ дополненіе статьи «Одного изъ—Енко»; но въ этой статьѣ идетъ рѣчь не о вышеуказанномъ вопросѣ, а о томъ ненормальномъ явленіи, въ силу котораго переводы на малорусскій языкъ русскихъ писателей почему-то не дозволяются, а въ результатѣ является та аномалія, что «во время юбилейныхъ торжествъ въ честь Пушкина и Гоголя, когда весь славянскій міръ сливался въ чествованіи этихъ геніевъ мысли и слова и каждая вѣтвь великаго славянскаго племени вносила посильную лепту въ юбилейное чествованіе,—въ общемъ славянскомъ хорѣ не слышно было только малорусссой рѣчи». Газета считаетъ это запрещеніе переводовъ какимъ-то недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе печальнымъ, что «оно внесло уже диссонансъ въ юбилейное чествованіе памяти геніальнаго писателя-малоросса».

Газета «Волынь» отводитъ на своихъ страницахъ значительное мѣсто замѣткамъ по этнографіи Волыни, такъ въ № 119 напечатана замѣтка «Зелени Свята», въ № 123—«Крестины въ Волынской де-

ревнѣ», въ № 136—«Ивана Купайла»; въ № 141—«Петривка и Петра» и въ № 142—«Изъ преданій о татарской ордѣ».

Въ замѣткѣ «Зелени свята» отмѣчается, между прочимъ, обычай бросать «татарське зилля» и «клечаня» на «росадныкы», чтобы «мошка и осельныця (гусеница) не поѣли капусты и пр., а также класть клечання въ гнѣзда подсыпаемыхъ насѣдокъ, чтобы «квочкы добре сыдилы, а курчата добре выходылы», и чтобы мало было «болтуновъ».— Въ замѣткѣ «Ивана Купайла» отмѣчается особенно торжественное и продолжительное празднованіе этого народнаго праздника въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ. Здѣсь Купала начинаютъ чествовать съ первыхъ чиселъ іюня. Въ заключеніе статьи авторъ приводитъ два разсказа изъ устъ народа о случаяхъ съ собираніемъ папоротника въ ночь на Ивана Купайла.—Въ замѣткѣ «Петривка и Петра» авторъ останавливается на выясненіи причинъ, почему этотъ постъ, несмотря на свою непродолжительность, считается крестьянами тяжелѣе великаго поста. Причинъ двѣ: истощеніе зимнихъ запасовъ хлѣба и овощей и отсутствіе новыхъ, а затѣмъ—тяжелая рабочая пора. Отсюда-то и явилась поговорка: «Петривка—голодивка, а Спасивка—ласивка». Постъ Петровскій, по словамъ крестьянъ, выдумали бабы, чтобы побольше собрать сыра. Интересны здѣсь два разсказа: о «Зозулѣ», признаваемой крестьянами проклятой своей матерью дочерью и о происхожденіи косы, придуманной «премудрымъ Соломономъ». Авторъ замѣтки «Изъ преданій о татарской ордѣ», учитель въ с. Карабіевкѣ староконст. у., Николай Перепелица, говоритъ, что хотя народъ нашъ забылъ объ ужасахъ татарскихъ набѣговъ, и что только пѣсней, не отдавая себѣ отчета въ томъ, о чемъ онъ поетъ, малороссъ будитъ въ своей душѣ воспоминанія объ этихъ страшныхъ, полузабытыхъ временахъ, однако эпоха татарщины не изгладилась окончательно изъ памяти народа, въ доказательство чего приводится авторомъ два народныхъ разсказа.

В. М-чъ помѣстилъ въ № 123 газ. «Волынь» замѣтку, «Крестины въ Волынской деревнѣ», написанную по лѣтописи м. Грицева, составленной священникомъ Дучинскимъ. Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, приводятся крестинныя пѣсни, которыя, равно какъ и нѣкоторые крестьянскіе обычаи, вызвали довольно оживленную полемику на страницахъ Волыни. Въ № 125 г. П. Д., проживщій въ заславльскомъ

уѣздѣ болѣе пятнадцати лѣтъ и близко, по его словамъ, знающій бытъ крестьянъ, совершенно отрицаетъ существованіе описываемыхъ обычаевъ на Волыни. Главнымъ образомъ П. Д. возражаетъ противъ обычая пѣть «крестинныя» пѣсни, указывая на то, что ни одно торжество въ крестьянскихъ семьяхъ не проходитъ такъ торжественно и чинно, какъ крестины. Сомнѣвается въ существованіи такихъ обычаевъ и г. Эмо и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на книгу А. Братчикова «Домашняя жизнь волынскихъ крестьянъ, ихъ нравы, обычаи и предразсудки». (Житомиръ, 1869 г.), въ которой также ничего не говорится о «крестинныхъ» пѣсняхъ.

Въ виду того, что В. М-чъ написалъ свою замѣтку по лѣтописи священника, бывшаго въ Грицевѣ 35 л. и, значитъ, знавшаго бытъ крестьянъ, интересно было бы провѣрить, существуетъ ли еще гдѣ-нибудь обычай пѣть крестинныя пѣсни.

Этнографическій отдѣлъ XII археологическаго съѣзда поставилъ, между прочимъ, своей задачей всестороннее знакомство съ кобзарями и лирниками, ихъ бытомъ, поэтическимъ матеріаломъ и степенью вліянія ихъ на окружающую среду. Съ этой цѣлью проф. Сумцовымъ былъ выработанъ рядъ вопросовъ для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. На страницахъ «Харьк. Вѣдом. (№ 140) г. Кристъ дѣлится съ читателями собраннымъ матеріаломъ по этой программѣ.

Въ истекшемъ 1901 г. въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ поступило громадное количество рукописей, перечисленныхъ въ «Извѣстіяхъ Академіи» т. XVI, № 2, 1902 г. Между поступившими рукописями находится не мало интереснаго матеріала, касающагося малорусскаго языка и народной словесности. Всѣ эти матеріалы поступили въ отдѣленіе Академіи изъ архива И. И. Срезневскаго. Значительная часть рукописей представляетъ собою или опыты словарей на отдѣльныя буквы или небольшіе словари мѣстныхъ говоровъ различныхъ уѣздовъ Черниговской, Полтавской, Херсонской и др. губерній. Матеріалы, какъ видно изъ описаній рукописей, собирались главнымъ образомъ учителями русскаго языка городскихъ школъ, частью священниками.

Отмѣчаемъ среди рукописей Словарь Я. Головацкаго, начинающійся отъ слова «вговорити» до «зятцейко» и Отрывокъ словаря Афан-Чужбинскаго отъ слова «комарь» до сл. «нять».

Къ составленію исторіи г. Харькова. Проф. Д. И. Багалѣй представилъ въ городскую управу отчетъ по составленію исторіи города за 1901 г. Въ 1901 г. продолжалось составленіе текста исторіи города Харькова по программѣ, утвержденной городскою думою. Составлены остальныя пять главъ первой части и закончена 11-я глава; 8-я глава —градостроительство, 9-я повинности городского населенія, 12-я наука, литература и искусство, 13-я состояніе церкви, 14-я домашній бытъ и нравы. Вносились прибавленія на основаніи новыхъ матеріаловъ въ прежнія главы; имѣется въ виду внести таковыя и въ нынѣ написанныя. Кромѣ того собирались виды и планы г. Харькова, портреты мѣстныхъ дѣятелей. Извлекались матеріалы изъ нѣкоторыхъ архивовъ и изъ полнаго собранія законовъ. Составлялась библіографія матеріаловъ для исторіи г. Харькова («Харьк. В.», № 165).

Въ рядѣ фельетоновъ (№№ 126, 129, 131, 132 и 133) газета «Волынь» напечатала очеркъ подъ заглавіемъ «Острогъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, исторія его и князей Острожскихъ». Очеркъ этотъ представляетъ собою переводъ съ польскаго воспоминаній о Волыни извѣстнаго польскаго историка-беллетриста I. Крашевскаго.

Фотографомъ Хмѣлевскимъ изданъ юбилейный альбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя, подъ названіемъ «Гоголь на родинѣ». Альбомъ состоитъ изъ 42 листовъ, на которыхъ отпечатано болѣе 70 различныхъ рисунковъ и портретовъ снимка, прямо относящихся къ памяти великаго писателя. Обложка альбома украшена виньеткой, посреди которой у подножья бюста Гоголя стоитъ вѣнчающая его красавица-малоросска. Къ альбому приложена въ видѣ предисловія набольшая статья В. Горлено подъ заглавіемъ «Родина Гоголя» и объясненія къ снимкамъ альбома.

Изданіе альбома, предполагавшееся ко дню пятидесятилѣтія смерти Гоголя, къ сожалѣнію, запоздало, тѣмъ не менѣе нужно думать что изданные Хмѣлевскимъ 1,000 экземпляровъ, въ виду прекраснаго ихъ исполненія, несмотря даже на сравнительно высокую плату (12 руб.) очень скоро будутъ раскуплены почитателями Гоголя. («Полт. В.», № 112).

Въ приложеніяхъ къ № 123 одного изъ большихъ берлинскихъ органовъ Norddeutsche Allgemeine Zeitung Георгъ Адамъ далъ обзоръ украинской литературы за послѣднія десятилѣтія подъ заглавіемъ «Von der modernen Kleinrussischen Literatur» Въ тепломъ и весьма сочувственномъ тонѣ, на основаніи обзора литературы д-ра Франка, помѣщеннаго на страницахъ «Літературно-Наукового Вістника», авторъ рисуетъ прежде всего положеніе украинской литературы на Украинѣ и Галиціи въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ переходитъ къ новѣйшему времени. По признанію «Діла» это, безъ сомнѣнія, важное обстоятельство въ смыслѣ знакомства заграницы съ украинской литературой и ея развитіемъ. (Діло, № 129).

Въ № 139 «Діла» напечатана весьма сочувственная библіографическая замѣтка на сборникъ «Викъ».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Антінъ Грицуняк, его житє та смерть і спадщина, яка по нім лишилася для нас. Друге виданнє, доповнене. Перемишль, 1902.

Ayden-Rolling.—Flax: or Summer Days in zittle Russia (Эйденъ. Уборка льна. Очерки жизни лѣтомъ въ Малороссіи) London. 1902. Ц. 6 шил.

Ветуховъ, А.—Заговоры, заклинанія, обереги і другіе виды народнаго врачеванія. Варшава, 1902.

Вовк Хведор.—Магдаленське майстерство на Украіні. Львів, 1902

Wlishaw. A.—Mazeppa An Historical Novel. (А. Вишау. Мазепа. Истор. повѣсть) London. 1902. ц. 6 шил.

Гі-де-Мопасан. Горля. Опіваданнє. Переклала М. Грушевська. Львів, 1902.

Грушевський, М. Розвідки й материяли до історії України-Руси. IV. Львів, 1902.

I Haus und Hof bei Rutxhenen II. Studien zur Etnographie der Ostkarpathen, Bukowina, Galizien; Ober-Ungarn-Czernowtz.

Еремійчук, Д.—Кружок недільних проповідий. Чернівці, 1902.

Жерела до історії України-Руси. т. V. Галицькі акти. 3 р. 1649—1651. Материяли до историї Галичини. Зібрав і впорядкував Стефан Томашівській. Т. II, 1—411+354, 1901. У Львові, ц. 4 kор.

Золя, Емиль—Повінь. Оповіданнє. Переклад Івана Франка. Львів, 1902.

Кадлубовскій, Арс.—Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава, 1902.

Кузьма Олекса. Начерки, т. І., накладом Хайнацького. 172 стр.

Копко, М.—Наши думы, наши пѣсни. Перемышль, 1902.

Королевській, Ф.—Дві могилі. Оповиданнє з сібірського житя для молодіжі. Львів, 1902.

Крушельницький, Антін.—Артистка. Драма в чотирох актах. Коломия, 1902.

Лепкий, Богдан.—Листки падуть. Львів, 1902.

Львовичъ, В.—Народы русскаго царства. Сборникъ статей по этнографіи.

Материяли до укр.-руськоі етнольогії. Виданнє етнографічноі комісиі за редакциею Хв. Вовка. т. V. Гуцульщина. Написав проф. В. Шухевич. Третя часть. Львів, 1902.

О. Б.—Наука социялістів, о скілько вона правдива, а о скілько хибна. Жовква 1901.

Павловъ, Н. М.—Слово о полку Игоревѣ. (Замѣтки объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ.) М. 1902.

Селянськиї, Любомир. Англійскі казки. З росийськоі мови. Львів, 1902.

Тобилевичъ И. (Карпенко-Карый). Хазяинъ. Комедія на 4 діи. Кыивъ, 1902 стр. 119, ц. 10 к.

Украінка, Леся.—Відгуки. Поезиі. Чернівці, 1902.

Францевъ, В. А.—Изъ эпохи возрожденія Угорской Руси. Львовъ 1902.

Хроніка Наукового Т-ва ім. Шевченка. За перший піврікъ 1902 р.

Цеглинській, Гр. Ворожбит, народна комедія въ 3-х діях, Львів., ц. 1 корона.

Шахъ-Пароніанцъ, Л. М. Эстетическія воззрѣнія Н. В. Гоголя. Кронштадтъ, 1902.

Шептицький Андрей.—О супружествѣ и родинѣ. Жовква 1902.

Его-же.—Наша вѣра. Жовква 1902.

Щурат, В.—Зарваниця. Другий наклад. Львів, 1902.

Юда Искаріот. Религійна легенда зъ англійського. Коломия. 1902.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 7-я. ІЮЛЬ, 1902.

ПОДПИСКА НА 1902-Й ГОДЪ

(тридцать-седьмой годъ).

Контора журнала—С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ—15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть года—3 р. 90 к.; съ доставкой въ Спб.: на годъ—16 р.; на полгода—8 р., на четверть года—4 р. Съ пересылкою: на годъ—17 р., на полгода—9 р.—8 р., на четверть года—5, 4, 4, 4 р. За границей: на годъ—19 р., на полгода—10 р.—9 р.; на четверть года—5, 5, 5, 4 р.

Подписка на первое полугодіе прекращена.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. Стасюлевичъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1902 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 78-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, 1902 Г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—сентябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Полтава въ началѣ XIX вѣка.

(Окончаніе [1]).

VI.

Забота Куракина о расширеніи городской черты и объ устройствѣ домовъ. Стоимость земли. Планы города. Дороговизна квартиръ и мѣра, принятая губ. Сонцевымъ. Дороговизна соли и мяса. Цѣны на продукты того времени. Войско въ Полтавѣ. Вступленіе полка въ городъ и заботы думы. Пожарный обозъ. Полиція. Доходы города. Арендныя статьи: винный откупъ, лавки, герберги и проч. Съѣзжія избы, смирительные и рабочіе дома. Заботы кн. Куракина о благоустройствѣ города—устройство мостовыхъ, бульваровъ и проч. Стихотвореніе князя Вяземскаго, воспѣвшаго полтавскую грязь.

Мы видѣли, какъ невелика была площадь, занимаемая городомъ въ 1802 г. Князь Куракинъ, по вступленіи въ должность, приступилъ къ расширенію городской черты. Покупались земли, главнымъ образомъ, у козаковъ, казенныхъ крестьянъ и у мелкопомѣстныхъ дворянъ, но рѣдко у крупныхъ. Изъ послѣднихъ только Чарнышъ имѣлъ землю въ предмѣстьи Полтавы, Павленкахъ. Имѣвшіе земли ближе къ центру города получали въ замѣнъ ея гдѣ-нибудь ближе къ окраинѣ, если этого желали, или получали деньги. Земли эти затѣмъ продавались тѣмъ, кто давалъ обязательство строить дома въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ. Продавались, по преимуществу, дворянамъ и чиновникамъ, какъ болѣе зажиточнымъ. [2])

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 7—8.

[2]) Арх. Гор. 1802—4 г.г.

Видъ окрестностей Полтавы изъ городскаго сада, въ 1804 году. Съ гравюры Стадлера.

Сажень земли продавали по 3 или $3^3/_4$ коп. Самъ кн. Куракинъ пріобрѣлъ для себя 2 дес. 660 саженей, которые въ 1808 году продалъ городу черезъ своего повѣреннаго, бывшаго городничаго, Значко-Яворскаго, за 6380 р. вмѣстѣ съ постройками.

Домъ, длиною 8 арш., шириною $6^1/_2$, рубленый, но, конечно, крытый соломой, былъ оцѣненъ въ 35 р., каменный погребъ въ 200 р. Продажею и куплею земли завѣдывала городская Дума. Послѣ покупки и промѣна земель былъ составленъ планъ города и планы въ отдѣльности усадебъ, при томъ, какъ говорили тогда, «въ тройцѣ», т. е. въ трехъ экземплярахъ. Первый планъ города былъ сдѣланъ въ 1803 году, а затѣмъ въ 1811 г.; въ послѣдній планъ были включены всѣ земли, вошедшія въ новую городскую черту [1]). По проекту кн. Куракина, всѣ улицы получили наименованія, а дома номера. Номерацію домовъ Полтава возобновила только три года назадъ, да и то не на всѣхъ улицахъ. Названіе улицъ было даваемо по учрежденіямъ, мимо которыхъ онѣ были проложены; напр., острожная, монастырская, ведшая къ монастырю, ярмарочная, ведшая къ ярмарочной площади и. т. под. Но названій въ честь лицъ мы не встрѣчаемъ, за исключеніемъ Александровской улицы, въ честь императора Александра I.

Съ перваго же года, по открытіи губерніи, началась усиленная постройка домовъ. Въ квартирахъ ощущался большой недостатокъ въ виду прибытія многихъ чиновниковъ на службу въ разныя учрежденія. Да и квартиры были очень дороги, на что обратилъ вниманіе губернаторъ Сонцевъ, давшій по этому поводу въ 1802 г. очень интересное предписаніе Думѣ: «По новому устроенію полтавской губерніи, опредѣлившіеся къ должностямъ по гражданской части разныхъ чиновъ люди, не имѣя здѣсь своихъ домовъ, нуждаются крайне въ квартирахъ, болѣе и по причинѣ той, что большая часть оныхъ занята для квартирующаго тутъ мушкатерскаго полку. И какъ не можно полагать того, чтобы оные чины могли имѣть скоро свои собственные дома, а дотолѣ будутъ претерпѣвать ощутительно невыгоду, такъ и жители города, по необходимости уже помѣщеніемъ ихъ въ своихъ домахъ, стѣснятся», то въ виду этого онъ, губернаторъ, по долгу своему, зяботясь «о пользѣ и выгодѣ всѣхъ и каждаго», и предписалъ Думѣ: «войдя обще съ магистратомъ въ разсмотрѣніе вышеписан-

---

1) Арх. Г. Земства № 98.

ныхъ обстоятельствъ, сдѣлать со стороны своей положеніе на такомъ основаніи, дабы жители, получая плату, пользовались отъ домовъ выгодою, а постояльцы не были излишне за плату отягощены, назнача оную по обширности построекъ и прочихъ избъ». Здѣсь мы встрѣчаемся съ интересной попыткой нормированія платы за квартиру соотвѣтственно объему занимаемой ею площади,—фактъ для того времени очень интересный. Теперь лучшіе наши статистики пользуются этой нормой, какъ наиболѣе справедливой, при оцѣнкѣ недвижимости для взиманія, напр., городского налога. Дума вмѣстѣ съ магистратомъ, разсматривала предложеніе губернатора и порѣшила: «Въ сходство его превосходительства повелѣнію, положить примѣрныя цѣны жилымъ, подвѣдомственныхъ магистрату людей, покоямъ (комнатамъ), кромѣ службъ, т. е. кухни и погребовъ, яко на общую всѣхъ выгоду нужныхъ, а также сараямъ, амбарамъ и конюшнямъ: 1) покой (т. е. комната) на лѣтніе и зимніе мѣсяцы, съ дровами нанимающаго, а не на хозяйскихъ, длиною и шириною въ 2 куб. сажени,—3 р. сер.; 2) сарай для экипажей деревянный, длиною и шириною 3 сажени,—15 р. въ годъ; 3) амбаръ для складки вещей также деревянный, длиною и шириною въ 2 куб. сажени, въ годъ 14 р.; 4) конюшня съ подножнымъ помостомъ за сажень въ годъ 3 р. сер. [1])

Помимо квартиръ, губернаторъ Сонцевъ обратилъ вниманіе и на дороговизну двухъ главныхъ продуктовъ: соли и мяса. Соль въ то время доставлялась изъ Крыма чумаками и, какъ всѣ привозные товары, всегда была дороже товаровъ мѣстнаго производства. Цѣна пуда соли въ 1805 году достигла до 1 р. 20 к. Сонцевъ нашелъ цѣну эту очень высокой и предписалъ Думѣ установить болѣе низкую таксу. Дума назначила 72 к. за пудъ. [2])

Стоимость мяса была 1 р. за пудъ. Сонцевъ предписалъ Думѣ назначить таксу меньшую, чтобы «доставить жителямъ города нужное пособіе для прокормленія». Предвидя стачку мясни-

---

[1]) Гор. Арх. № 120, 996, 125, 1802 года.

[2]) Гор. Арх. 1805 № 1735.

ковъ, Сонцевъ предписалъ, въ случаѣ ихъ несогласія на пониженіе цѣнъ, вызвать иногороднихъ мясниковъ, оповѣстивъ черезъ городничихъ и нижніе земскіе суды о вызовѣ желающихъ. Дума два раза дѣлала публикацію, но изъ архивныхъ бумагъ не видно, чѣмъ окончилось это дѣло. Можно полагать, что, пока шла переписка, Сонцевъ выбылъ изъ Полтавы на прежнее свое мѣсто—воронежскаго губернатора, и дѣло окончилось ничѣмъ [1]). Будетъ кстати познакомиться съ цѣнами того времени и на другіе продукты: мѣшокъ житной муки (не менѣе 2 пуд.) стоилъ 45 коп.; мѣшокъ гречневой муки 50 к., 1 пудъ крупъ 66 к., четверикъ пшена (8 гарнцевъ) 69 к., четверикъ ржаной муки 23 к., четверть овса 75 к., пудъ сѣна 5 к., затѣмъ цѣна была 9 к. и 11 к., копна соломы 17 к. и 40 к., свиное сало 1 п. 2 р. 40 к. и 2 р. 60 к.; ведро олеи 2 р. 20 к., 1 ф. воска 60 к., 1 пудъ меда 6 р., 1 пудъ уксуса 1 р., смолы 1 ф. 13 к., дегтя 1 кварта 25 к., сальныхъ свѣчей 1 пудъ 4 р. 60 к., дровъ сажень отъ 4 р. 50 к. до 7 р.

На обязанности городской Думы лежала тогда забота о войскѣ, пожарномъ обозѣ, освѣщеніи города и т. под. Войска въ то время въ Полтавѣ было очень мало. Въ годъ открытія губерніи въ ней былъ расположенъ гарнизонъ изъ 116 солдатъ, во главѣ съ капитаномъ, у котораго были въ подчиненіи два офицера—поручикъ и подпоручикъ. Капитанъ получалъ жалованья 267 р. 36¼ к. въ годъ, поручикъ—171 р. 78½ к., а подпоручикъ 146 р. 38½ к.

Все содержаніе гарнизона обходилось въ 1726 р. 2½ к. въ годъ. На Думѣ же лежала забота о наймѣ квартиръ для войскъ, устройствѣ лазарета, бани и. т. под. До 1804 года солдаты были распредѣляемы по квартирамъ у домовладѣльцевъ, но съ 1804 года по особому ходатайству князя Куракина, городъ былъ освобожденъ отъ военнаго постоя. [2]) Весною 1806 г. въ Полтаву всту-

[1]) Гор. Арх.—1805, № 54, 1055.

[2]) Арх. Губ. Правл. № 116 и Арх. Губ. Земства, № 3, листъ № 157, и Указы 1802 года.

пилъ на постоянное пребываніе Новоингерманландскій мушкатерскій полкъ и при немъ «половина артиллерійской роты». Тотчасъ же полицеймейстеръ далъ предписаніе Думѣ «озаботиться предоставить шефу (т. е. командиру) квартиру съ дровами, главную гауптвахту, при ней устроить мостъ, сошки для ружей, двухъ барабановъ и одного знамени, для часовыхъ будку, при въѣздахъ на харьковскомъ и московскомъ гауптвахтѣ на каждомъ въѣздѣ барабанъ и будки для часовыхъ, шлагбаумы съ цѣпями», а также все необходимое для лазарета: кровати, скамейки, свѣчи и т. п. [1]) Дума не пожелала исполнить эти требованія, такъ какъ не имѣла предписанія отъ своего начальства, да и не знала, на какія средства все это сдѣлать. Губернское Правленіе предписало Думѣ безпрекословно все исполнить. [2]) Но этимъ не ограничивались требованія военныхъ властей, очень скоро потребовавшихъ отъ Думы, черезъ полицеймейстера, отвода пастбища для лошадей. Дума снова отказала потому, что луга ея были отданы въ аренду. Завязалась переписка, и дѣло кончилась тѣмъ, что Губернское Правленіе признало Думу необязанною исполнять послѣднее требованіе, какъ незаконное. Это едва-ли не единственный примѣръ за первые годы существованія Полтавы, какъ губернскаго города, когда губернское Правленіе стало на сторону Думы. [3]) Лагерь полка былъ расположенъ въ с. Яковцахъ, въ пяти верстахъ отъ Полтавы. Дорога къ нему шла по оврагамъ, что особенно затрудняло сообщеніе въ ненастное время. Князь Куракинъ обратилъ на это вниманіе и предписалъ Думѣ исправить эту дорогу, несмотря на то, что она была внѣ городской черты и по закону Дума могла этого и не исполнить.

Содержаніе пожарнаго обоза лежало по закону на обязанности Думы. Въ началѣ 1802 года городъ былъ раздѣленъ на три полицейскія части, но въ 1804 г. число частей было уменьшено до двухъ; въ каждой изъ нихъ былъ пожарный обозъ и по одному

---

[1]) Гор. Арх. 1806 г., № 849, л. 74.

[2]) Гор. Арх. 1806 г., № 15028.

[3]) Гор. Арх. 1806 г., № 1333 и № 13252.

«огнеспасительному майстеру», какъ называли тогда брандмейстеровъ. Этихъ мастеровыхъ нельзя было въ то время найти въ Полтавѣ. Обыкновенно публиковали о вызовѣ человѣка, «который могъ бы содѣйствовать при пожарахъ огнеспасительными трубами»... Однимъ изъ тогдашнихъ брандмейстеровъ былъ майоръ Терещенко, очевидно большой любитель этого дѣла, такъ какъ его чинъ далеко не соотвѣтствовалъ классу должности. При каждомъ обозѣ, помимо десяти бочекъ, куда впрягались лошади, были устроены еще десять бочекъ, очень легкихъ, на двухъ колесахъ, куда вмѣсто лошадей употреблялись рабочіе, обязанные возить воду на мѣсто пожара. Помимо этого, каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ имѣть кадку съ водой въ своемъ дворѣ; это была небезполезная предосторожность, такъ какъ дома въ Полтавѣ были крыты, за малыми исключеніями, соломой. Цѣна обозной лошади въ то время была 24 р. с., а на фуражъ ея отпускалось ежемѣсячно по 2 р. [1]) Содержаніе всей пожарной команды стоило въ годъ 1272 р. 50 к.

Какъ въ огражденіи города отъ пожара было привлечено къ участію и само общество, то же самое мы видимъ и въ дѣлѣ огражденія отъ опасностей, кражъ и т. п. Во главѣ полиціи стоялъ городничій, а съ 1804 г. городничій былъ переименованъ въ полицеймeстера, содержаніе котораго было 450 р. У него было два частныхъ пристава съ жалованьемъ по 300 р. и четыре квартальныхъ надзирателя, каждый съ жалованьемъ по 200 р.

По всему городу, по распоряженію кн. Куракина, были расположены десятники (числомъ 50), находившіеся на своихъ постахъ день и ночь. 36 десятниковъ было изъ самихъ обывателей, отбывавшихъ эту повинность по очереди, при чемъ не возбранялось вмѣсто себя поставить другого. Не являвшихся къ отбытію этой повинности штрафовали. Были десятники и отъ Думы, получавшіе по 40 р. въ годъ. По городу были разставлены вездѣ будки, гдѣ могли бы укрыться, въ случаѣ ненастья, эти десят-

---

[1]) Гор. Арх. 1802 г., № 2721, 1804 г., стр. 154, 1805 г., № 786.

ники. [1]) За полиціей строго слѣдилъ князь Куракинъ. Въ 1802 году квартальный надзиратель Плотниковъ явился ночью въ домъ Златоржевскаго арестовать женщину. Послѣдній жаловался князю, который оштрафовалъ надзирателя 25 р., что превышало его мѣсячный окладъ. Деньги эти обыкновенно поступали въ Приказъ Общ. Призрѣнія на благотворительныя дѣла. [2])

Несмотря на такіе расходы, какъ содержаніе пожарнаго обоза, войска и т. под., у Думы не только хватало средствъ, но всегда были остатки. Къ 1 января 1802 г., т. е. ко времени открытія губерніи, городская Дума имѣла остатокъ отъ 1801 года 14844 р. 50 к. И въ послѣдующіе годы всегда бывали остатки: въ 1803 г. осталось 4881 р. 31³/₄ к. и роздано было 10600 р. на проценты; въ 1803 году—1019 р. 68¹/₄; въ 1804 г.—1435 р. 89¹/₂ к. Бюджетъ города простирался: въ 1802 году до 20 тысячъ р., въ 1803—до 30 тысячъ, въ 1804 году онъ составлялъ 42141 р., 1805—36125 р. [3])

Доходы города были отъ виннаго откупа, найма лавокъ, земель, городскихъ вѣсовъ, отъ свѣчного завода, харчевенъ, герберговъ платы иностранцами за право торговли въ городѣ, взимаемой отъ 1 р. до 100 р. Изъ этихъ доходовъ самымъ крупнымъ былъ отъ виннаго откупа, сдававшагося въ аренду по 11500 р. въ годъ. Состоялъ онъ въ томъ, что откупщику отдавалась площадь, гдѣ нынѣ Новоселовскій базаръ, для склада на ней бочекъ съ водкой, откуда онѣ развозились въ харчевни, герберги, кабаки. Площадь эта называлась «бочковая» или «скотская площадь», потому что здѣсь, вѣроятно, продавали и скотъ. Всѣхъ кабаковъ въ Полтавѣ было въ 1802 г. 20 [4]) и за этотъ годъ было продано 4476 ведеръ водки,—въ среднемъ больше немного ведра на муж.

---

[1]) Гор. Арх. 1805 г., № 786.

[2]) Гор. Арх. 1802 г., № 167.

[3]) Гор. Арх. 1802—1805 годы.

[4]) Арх. Губ. Правл. 1804 г., № 200. За откупъ съ 1799 г. по 1802 цѣна аренды была всего 1600 р. а затѣмъ поднялась, съ учрежденіемъ губерніи, до 11 тыс. (Гор. Арх. 1802 года).

душу. Когда срокъ аренды виннаго откупа оканчивался, то объявляли новые торги, происходившіе иногда въ присутствіи самого кн. Куракина.

Видимо, откупъ этотъ былъ очень выгоденъ, такъ какъ на торги являлись не только мѣстные жители, но изъ Кременчуга, Елисаветграда и Воронежа. Въ 1802 г. набили на торгахъ цѣну до 15 тыс. р., но генералъ-губернаторъ нашелъ ее недостаточной и торговъ не утвердилъ. Тогда нѣкто Поповъ набавилъ еще 500 р., но и это князю показалось недостаточнымъ. И тόлько послѣ того, какъ Волковицкій, елисаветградскій дворянинъ, сразу прибавилъ 1200 р., мотивируя это тѣмъ, что Полтава—нынѣ губернскій городъ, въ которомъ уже установленъ и пріемъ рекрутъ,—торги были утверждены за Волковицкимъ. Замѣчательно, что въ числѣ городскихъ арендаторовъ мы не встрѣчаемъ евреевъ.

Нынѣшняя Сѣнная площадь также была отдаваема въ аренду съ правомъ денежнаго сбора за мѣста во время ярмарокъ, при чемъ эти сборы не должны были превышать 1 р. 50 коп. за мѣсто. Но арендаторъ бралъ не только съ пріѣзжихъ, но и съ самихъ жителей Полтавы, являвшихся на торгъ. Когда жители пожаловались на арендатора генералъ-губернатору, то сборъ былъ отмѣненъ. Эта площадь отдавалась съ 1803 г. за 3 тыс. слишкомъ въ годъ. Всѣ аренды въ то время отдавались обычно на четыре года.

Такимъ же источникомъ дохода, приносившимъ сравнительно большой сборъ, былъ наемъ лавокъ; такъ 29 мясныхъ лавокъ, съ скотобойней, находившейся въ самомъ центрѣ города, отдавались въ 1803 года за 422 р. [1])

И въ этой же, самой лучшей части города, на площади, продавали деготь, что запретилъ князь Куракинъ, предписавшій «немедленно приступить къ исправленію таковаго обстоятельства, для благоустройства города немало упасительнаго». [2])

---

[1]) Гор. арх. 1803 г. Въ 1802 г. за нихъ была плата меньше.

[2]) Гор. Арх. 1805 г. № 175.

Земель городъ имѣлъ достаточно; не мало было у него и луговъ по берегамъ Ворсклы и Рочизны, но, къ сожалѣнію, въ то время въ Думѣ не велась инвентарная книга и при заключеніи контрактовъ не писалось количество десятинъ, отдаваемыхъ въ аренду, а просто обозначалось: «городское мѣсто около лавокъ», «городское мѣсто на форштадѣ» или около городского вала и т. под. За земли выручалось болѣе 4 тысячъ. Арендныя деньги вносились по третямъ и вносились замѣчательно аккуратно, такъ что недоимокъ, составляющихъ теперь обыденное явленіе въ бюджетѣ городовъ, не существовало. Неаккуратнаго плательщика обыкновенно не штрафовали, но деньги поступали не въ городскую кассу, а въ Приказъ общ. призрѣнія, на благотворительныя дѣла. Штрафы были небольшіе; такъ однажды съ откупщика Морозова велѣно было взыскать всего 9 р. [1]) Если сумма платежа была большая, то насчитывали 6% на третной взносъ, а взысканіе производила полиція. [2])

Гостинницъ въ Полтавѣ не было. Кн. Долгорукій, бывшій въ Полтавѣ въ 1810 году, не зналъ, гдѣ ему остановиться. Гостинницы замѣнялись постоялыми дворами, называемыми «герберками». Ихъ было всего три и отдавались они городомъ въ аренду по 50 р. въ годъ, но съ 1805 г. цѣна уже была возвышена до 100 р. съ небольшимъ. Это была выгодная аренда; нерѣдко ее желали взять дворяне, но на основаніи указовъ 1770 и 1790 г. герберги могли быть арендуемы только купцами третьей гильдіи. [3]) Харчевни отдавались по 200 р. въ годъ.

Таковы были источники дохода города. Замѣтимъ, что въ то время не существовалъ еще налогъ на имущество горожанъ. А расходы были значительны. Мы уже видѣли, какъ пользовалась администрація городскими средствами и налагала многое на думу. Послѣдняя обязана была содержать и «съѣзжія избы», а также «смирительные и работные дома»—учрежденія болѣе правитель-

---

[1]) Гор. Арх. 1805 г., № 1464.

[2]) Гор. Арх. 1804 г., № 734.

[3]) Гор. Арх. 1804 г., № 757.

ственныя, чѣмъ общественныя. Подъ именемъ «съѣзжихъ избъ» разумѣлись въ то время арестныя помѣщенія, куда сажали нетрезвыхъ буяновъ и вообще лицъ, нарушающихъ общественную тишину и порядокъ. Такихъ избъ въ Полтавѣ было три. Арестованные здѣсь не проводили праздно время: ихъ заставляли быть ассенизаторами города. Для лицъ привилегированнаго класса устраивались «смирительные дома», куда попадали по приговорамъ суда обыкновенно за незначительные проступки. Въ «работныхъ домахъ» помѣщались также приговоренные судомъ за кражу на сумму менѣе 20 р., гдѣ они должны были отработать украденныя деньги. До пріѣзда князя Куракина «работнаго дома» въ Полтавѣ не было, и устроенъ онъ былъ по его иниціативѣ. 31 декабря 1802 года онъ далъ слѣдующее предписаніе губернатору Сонцеву: «Непрерывные опыты показываютъ, до какой степени стѣсняется участь несчастныхъ преступниковъ, коихъ законъ опредѣляетъ на работу цѣны ими украденнаго; по неимѣнію здѣсь рабочихъ домовъ, нерѣдко для отработки самой ничтожной суммы, пересылаются они въ Херсонъ и тому подобными образами терпятъ они въ нѣсколько кратъ продолжительное бытіе въ числѣ арестантовъ». Для работныхъ домовъ были наняты небольшія помѣщенія около богоугодныхъ заведеній. На содержаніе этихъ домовъ средства отпускала дума. Князь Куракинъ мечталъ устроить хорошія помѣщенія для этихъ учрежденій, вошелъ уже въ переговоры о покупкѣ земли, но не успѣлъ осуществить этого намѣренія за отбытіемъ въ Петербургъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. За время съ 1802 года по 1808 г. включительно арестованными въ рабочемъ домѣ было выработано всякаго рода издѣлій на сумму 5735 р. [1])

Князь Куракинъ много заботился о благоустройствѣ города, что подтверждаетъ въ путевыхъ замѣткахъ кн. Долгорукій, который говоритъ, что Куракинъ желалъ сдѣлать «Полтаву въ маломъ видѣ Петербургъ». Замѣчательно, что до пріѣзда Куракина не былъ устроенъ даже мостъ на р. Ворсклѣ, необходимый не только для

---

[1]) Арх. Губ. Земства, по описи № 98.

Видъ Полтавы въ 1804 г. съ Садовой площади черезъ полтавскій оврагъ. Съ гравюры Стадлера.

сообщенія жителей, но и для почты, такъ какъ черезъ Ворсклу шелъ почтовый трактъ на Харьковъ и далѣе въ столицы. Вмѣсто моста, существовалъ «водоходный дубъ», или «водоходное судно», какъ его называли жители, который и перевозилъ «курьера съ

письменной почтой». [1]) Князь Куракинъ устраивалъ бульвары, садилъ деревья, по многимъ улицамъ велѣлъ устроить колодцы съ навѣсами рѣзной столярной работы, устроилъ рынокъ. Все это отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ кн. Долгорукій, который вообще не щадитъ своего пера, чтобы представить Полтаву въ возможно болѣе мрачномъ видѣ. Гостинный дворъ не понравился князю-туристу, но Куракинъ все-таки и его улучшилъ. Заботился онъ и о мостовыхъ. До него была только одна мощеная улица,—отъ собора до Срѣтенской церкви, онъ же вымостилъ ихъ нѣсколько, но мостилъ мелкимъ щебнемъ, набивая пескомъ, отчего лѣтомъ въ городѣ бывала очень большая пыль и мостовыя не отличались прочностью. Мощеніе стоило очень дорого. Построивши богоугодное заведеніе, кн. Куракинъ велѣлъ замостить ведшую туда улицу и назвать ее «Ново-Полтавской». Проведеніе этой улицы, на разстояніе всего 270 саженъ, стоило болѣе семи тысячъ рублей. [2])

Несмотря на всѣ эти заботы о городскомъ благоустройствѣ, въ Полтавѣ всегда бывала большая грязь не только во время кн. Куракина, но и десятилѣтія спустя. Князь Долгорукій сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что полтавскія дамы ѣздили на вечера на волахъ, [3]) что подтверждаетъ и Хрущовъ, первый батальонный командиръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи извѣстный защитникъ Волынскаго редута въ Крымскую войну и генералъ-губернаторъ Зап. Сибири. «Весною и осенью,—пишетъ онъ,—въ Полтавѣ была такая грязь, что дамы пріѣзжали на вечера на волахъ или приходили по мосткамъ». [4]) Полтавская грязь даже воспѣта извѣстнымъ поэтомъ кн. Вяземскимъ въ его стихотвореніи «Полтава». Говоря въ началѣ объ историческомъ значеніи Полтавы, поэтъ восхищается ея климатомъ, садами, прекрас-

---

[1]) Гор. Арх. 1805. № 827.

[2]) Арх. Г. Правл. по описи № 267.

[3]) Долгорукій: Славны бубны за горами.

[4]) Московск. Обозрѣніе, 1872 г. Записки изд. внукомъ Хрущовымъ-Сокольниковымъ.

нымъ воздухомъ, но затѣмъ переходитъ въ мрачное настроеніе и продолжаетъ:

Но и радость смотритъ горемъ:
И въ Аркадіи моей
Городъ смотритъ грязнымъ моремъ,
Какъ придетъ пора дождей.
Здѣсь стоитъ по цѣлымъ суткамъ
И по мѣсяцамъ вода,
И по улицамъ лишь уткамъ
Безпрепятственна ѣзда.
Такъ!... но трудъ переупрямитъ
Это зло. Колдунъ и вождь
Онъ и топь омокадамитъ [1]).
И проучитъ наглый дождь.
Русской удали дорогу
Петръ очистилъ здѣсь штыкомъ,
И съ тѣхъ поръ мы, слава Богу,
Кое-какъ себѣ живемъ.
Между тѣмъ, какъ будто шведы,
Чтобъ воздать Полтавѣ зломъ,
Мы ее, ковчегъ побѣды,
Потопленью предаемъ.
Братья!... не грѣшно ли вчужѣ
Видѣть, Господи спаси,
Какъ барахтается въ лужѣ
Городъ славный на Руси?
Поспѣшимъ же безъ оглядки
Ради ближнихъ и добра
Отъ Тавриды до Камчатки,
Отъ Онеги до Днѣстра,
Отовсюду, гдѣ богато
Слово русское гремитъ,

1) Т. е. приспособитъ.

Гдѣ о горѣ братьевъ свято
Сердце русское болитъ.
Всѣ и каждый, общей силой,
На поминки о Петрѣ,
Всѣ поможемъ нашей милой
Утопающей сестрѣ.
Что же? нѣтъ бѣды въ попыткѣ!...
Стихъ мой брошу на авось:
Съ міра просимъ—не по ниткѣ,
А по камешку намъ брось!...

—

Пусть откроется подписка—
И Полтава спасена:
Ей не нужно обелиска,
Мостовая ей нужна. [1])

---

[1]) Вяземскій. Въ дорогѣ и дома. Собр. стихотвор. 72—73 стр.

Глава VII.

Заботы Куракина о школахъ. „Предварительныя правила“, изд. министерствомъ. нар. просвѣщенія. Уѣздное училище. Актъ и стихотвореніе Тисаревскаго. Забота объ открытіи гимназіи. Первый директоръ Огневъ и его біографія. Программы гимназій. Преподаваніе. Экскурсіи для учащихся. Заботы Куракина о воспитаніи дворянъ. Проектъ В. В. Капниста устройства „дома для бѣдныхъ дворянъ“. Взносы дворянъ на содержаніе этого „дома“; его штатъ и помѣщеніе. Дворянство подноситъ Куракину табакерку. Стипендіи въ дворянскомъ училищѣ кн. Куракина его жены, Кочубея и Трощинскаго.

Забота о насажденіи школъ составляла интересную черту въ дѣятельности князя Куракина. Въ 1803 году онъ дѣлаетъ запросъ черниговскому и полтавскому губернаторамъ о состояніи начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ. [1]) Еще незадолго до того времени, въ XVIII ст., въ Малороссіи при всѣхъ церквахъ существовали школы, гдѣ обучали грамотѣ по преимуществу дьячки; но въ началѣ XIX ст. такихъ школъ въ Полтавѣ не было уже ни при одной церкви. Народнымъ образованіемъ было сильно заинтересовано министерство народнаго просвѣщенія, открытое въ 1802 г.

Первымъ министромъ былъ гр. П. В. Завадовскій. Въ 1803 г. составлены были «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія»,—нѣчто въ родѣ устава всѣхъ школъ. По этимъ правиламъ, министерство проектировало четыре типа школъ: начальная школа, уѣздное училище, гимназія и университетъ.

Изъ такихъ школъ въ Полтавѣ въ 1802 г. было одно только уѣздное училище, открытое въ 1799 году. Штатъ его былъ не

---

[1]) Арх. Губ. Правл. № 153.

великъ: смотритель, получавшій жилованье 300 р., два учителя,—по 250 р., законоучитель—75 р. и учитель рисованія—75 р. На наемъ помѣщенія, прислуги и пр. отпускалось 300 р. Такимъ образомъ стоимость училища составляла 1250 р., которые и отпускались отъ казны. До изданія министерскихъ правилъ средства на это училище отпускала городская дума. Преподавались въ уѣздномъ училищѣ слѣдующіе предметы: грамматика россійскаго языка и мѣстнаго, какъ-то: польскаго, нѣмецкаго и проч. (что не относилось къ полтавскому училищу), сокращенная географія и исторія, первоначальныя основанія геометріи и естественныхъ наукъ, а также «наставленіе въ должностяхъ человѣка и гражданина (нѣчто въ родѣ законовѣдѣнія) и практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и края». Общій надзоръ за училищами принадлежалъ университету, но непосредственнымъ ихъ начальникомъ былъ директоръ училищъ губерніи. Директору предписывалось «принимать смотрителей и учителей ласково и не оставлять ихъ дѣломъ и совѣтомъ, какъ въ классныхъ, такъ и въ собственныхъ ихъ нуждахъ, нерадивыхъ же убѣждать къ исполненію должностей повторительными имъ напоминаніями, но не усмотря ихъ исправленіе, доносить о томъ безпристрастно университетскому начальству. [1]) Первымъ смотрителемъ полтавскаго уѣзднаго училища былъ И. Н. Зозулинъ, оставившій хорошія по себѣ воспоминанія. Съ открытіемъ полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, Зозулинъ былъ тамъ преподавателемъ. Скончался онъ въ глубокой старости, въ сороковыхъ годахъ. Первый выпускъ училища былъ въ 1803 году. Актъ былъ очень торжественно устроенъ; на немъ присутствовали всѣ власти города. На этомъ актѣ учитель Тиссаревскій прочиталъ свое стихотвореніе, посвященное воспоминанію полтавской битвы. Замѣтимъ, что это было едвали не первое стихотвореніе, посвященное этому событію; уже впослѣдствіи его воспѣвали Шаховской, Мерзляковъ и др Вотъ подлинный текстъ этого произведенія мѣстной патріотической музы:

---

[1]) Арх. Губ. Правл. № 164 1803.

Среди собора нынѣ освященна,
Среди сердечныхъ алтарей,
Стоитъ могила возвышенна,
Въ которой тлѣетъ прахъ мужей,
Что градъ Полтаву защищали
И Карловъ мечъ пренебрегали,
Сражаясь, проливали кровь,
Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
Передъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
Отечеству явить любовь.
Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
И издаетъ то стонъ, то ревъ.
Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
Орломъ разодранъ шведскій левъ.
Межъ лаврами на небосклонѣ
Великій Петръ, съ мечемъ, въ коронѣ,
Стоя торжественно, онъ зритъ
Что благодарная Россія
Его труды, дѣла златыя,
Не забывая, вѣчно чтитъ. [1])

Вновь изданныя министерствомъ программы были такъ согласованы, чтобы начавшій учиться въ начальной школѣ могъ постепенно переходить въ болѣе высшую, не подвергаясь экзаменамъ. Но гимназіи, куда бы могли перейти окончившіе уѣздное училище, въ Полтавѣ не было; о ней то и начинаетъ заботиться князь Куракинъ. Онъ прежде всего задумалъ построить для гимназіи зданіе, а также и для семинаріи, которую онъ хотѣлъ перевести изъ Переяслава. Онъ пріобрѣлъ домъ Тишевскаго, гдѣ помѣщалась казенная палата, а затѣмъ, намѣтивъ мѣсто, обращался къ владѣльцу, нѣкоему Драшишевскому, жившему въ Житомирѣ, съ просьбою уступить его для учебныхъ заведеній. Сначала онъ просилъ подарить его городу, но когда это не удалось, просилъ

---

[1]) Арх. Губ. Правл. № 163 и Гор. Арх. 1802 г.

продать. Драшишевскій сначала не соглашался, такъ какъ думалъ поселить здѣсь своего сына; но кн. Куракинъ настойчиво писалъ ему нѣсколько разъ, угрожая продать его усадьбу для постройки школы, значитъ для просвѣщенія народа и т. под. Въ концѣ концовъ Драшишевскій уступилъ всесильному князю. Перевести семинаріи князь Куракинъ не успѣлъ, а за открытіе гимназіи принялся очень энергично. Городская дума, по предписанію князя, ассигновала на постройку зданій 18750 р. и на первоначальное обзаведеніе 1200 р. с. Первымъ директоромъ гимназіи былъ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія, имѣлъ ученую степень магистра. Въ 1806 г. его рекомендовалъ кн. Куракину самъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій. Директоромъ полт. гимназіи Огневъ оставался до 1831 года, когда былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Симбирскъ, откуда въ 1836 году переведенъ въ Казань на постъ управляющаго казенной палатой. Въ 1843 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Роменскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своей жены. За долголѣтнюю службу ему было Высочайше пожаловано имѣніе въ 2 тыс. десятинъ земли. Скончался онъ 75 лѣтъ, 13 февраля 1852 г., оставивши по себѣ память добраго, хорошаго человѣка. [1])

Гимназія въ Полтавѣ открыта была въ 1808 году. На основаніи «Правилъ», содержаніе ея обходилось въ годъ въ 5250 р., которые распредѣлялись слѣд. образомъ: директоръ получалъ 800 р., 4 учителя по 550 р., 2 преподавателя новыхъ языковъ по 800 р., учитель рисованія 300 р., на библіотеку отпускалось 250 р., содержаніе дома, прислуги и проч. 900.

Цѣлью гимназій, по уставу 1803 г., было подготовлять молодыхъ людей въ университетъ и въ тоже время сообщить имъ свѣдѣнія, «необходимыя для воспитаннаго человѣка». Преподавались въ ней слѣдующіе предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, начальный курсъ философіи и словесныхъ наукъ, курсъ математики чистой и смѣшанной, курсъ

---

[1]) Некрологъ его въ Полт. Вѣд. 1852. № 5.

экспериментальной физики и натуральной исторіи, а также начала политической экономіи, наукъ относящихся до торговли, начала технологіи и рисованіе. Программа, какъ видимъ, была очень обширная. Всѣхъ штатныхъ учителей полагалось четыре: одинъ читалъ латинскій яз. и словесныя науки, другой преподавалъ чистую и смѣшанную математику, а также физику, третій читалъ исторію, географію и начальныя правила философіи, а четвертый—натуральную исторію, (т. е. естест. науки), начальныя правила политической экономіи и науки, относящіяся до торговли и технологіи. Помимо ихъ, еще было три учителя: два для новыхъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, и одинъ преподавалъ рисованіе. Допускалось обученіе танцамъ, музыкѣ и «тѣлеснымъ упражненіямъ», «если число учениковъ въ гимназіи было достаточно для содержанія сихъ учителей».

Гимназія имѣла только три класса. Число уроковъ въ каждомъ классѣ было 38 ч. въ недѣлю. Начинались они въ 8 ч. утра и продолжались до 12 ч., а затѣмъ съ 2 до 5 ч. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ, какъ преподавались нѣкоторые предметы и на что долженъ былъ обращать вниманіе преподаватель. Учитель латинскаго языка долженъ былъ, при преподаваніи грамматики, «пріобщать къ каждому правилу словоисчисленіе, которое онъ будетъ толковать, примѣры, извлеченія изъ лучшихъ авторовъ, могущихъ занимать понятіе учащихся». Во 2-мъ классѣ должны были читаться авторы «высокаго стиля, постепенно доходя къ раздробленію красотъ стиля и объясненій древней исторіи и географіи»; одинъ часъ въ недѣлю учитель долженъ былъ заниматься переводами (письм. упражненіями). Въ 3-мъ классѣ уже истолковывались поэты и учитель долженъ былъ «пріобучать учениковъ дѣлать на семъ языкѣ сочиненія». И на все это полагалось только три часа въ недѣлю! Другіе три часа въ недѣлю тотъ же учитель посвящалъ на изученіе «отечественой словесности, критикѣ стиля и практическимъ упражненіямъ въ стилѣ, по правиламъ эстетики». Натуральная исторія (естеств. науки) должна была преподаваться «сообразно съ правилами сельскаго и лѣсного хозяйства»,—это въ первомъ классѣ; а во вто-

ромъ—ученики должны были «усовершенствоваться въ познаніяхъ произведеній трехъ царствъ природы, составляющихъ важный предметъ трудолюбія и торговли Россіи». Новые языки и рисованіе преподавались четыре часа въ недѣлю. Вообще программы того времени поражаютъ своею обширностью, что сознавалось самимъ министерствомъ, предписывавшимъ «въ виду обширности наукъ преподавать науки съ краткостью и ясностью и имѣть въ виду теорію съ практикой». Для достиженія послѣдней цѣли уставъ вводитъ «экскурсіи учащихся», о которыхъ нынѣ такъ много пишутъ и даже телеграфируютъ о выѣздѣ такой-то школы для осмотра фабрики, города и т. п., какъ о чемъ-то небываломъ..... «Преподаватели математики, натуральной исторіи и технологіи съ достойнѣйшими изъ своихъ учениковъ во время вакацій будутъ ходить за городъ, и сіе послужитъ симъ ученикамъ родомъ награжденія.» «Математикъ, гласитъ § 17 «Правилъ», долженъ показывать мельницы, гидравлическія машины; учитель естественной исторіи долженъ собирать травы, камни; учитель технологіи, въ зимнее время, долженъ посѣщать съ учениками фабрики, заводы, такъ чтобы «уроки дома по сей части, коихъ описаніе, ниже рисунки не могутъ дать яснаго и достаточнаго понятія, объяснить практикою.»

Всѣ преподаватели перваго числа каждаго мѣсяца должны были представлять директору отчеты о пройденныхъ курсахъ, а въ первое воскресенье каждаго мѣсяца должны были явиться къ директору и сообщить о прилежаніи учениковъ и свои замѣчанія, мнѣнія, «какимъ бы образомъ сдѣлать ученіе привлекательнѣе, и о удобнѣйшемъ усовершенствованіи способа обученія.» Преподаватели по учебникамъ, одобреннымъ Главнымъ Правленіемъ училищъ. Въ учебникахъ, между печатными листами, должны быть вклеены бѣлые листы, на которыхъ ученикъ долженъ былъ записывать объясненія и дополненія учителя. По истеченіи недѣли, учитель долженъ былъ просматривать эти записи. Для каждой науки было сдѣлано опредѣленное число шаровъ, означающихъ степень знанія, соотвѣтственно важности и обширности науки; по этимъ шарамъ означался успѣхъ учениковъ. Въ

спискѣ учениковъ учитель подъ именемъ каждаго изъ нихъ долженъ означить число шаровъ, которые онъ заслужилъ успѣхами своими въ каждой наукѣ. Сумма этихъ шаровъ, положенныхъ ученику, должна означать его старшинство. «Опытомъ дознано,— читаемъ въ уставѣ,—что таковыя мѣры, открывая успѣхи каждаго ученика, служатъ къ возбужденію въ нихъ соревнованія.» Сколько именно полагалось шаровъ, въ уставѣ указаній нѣтъ. Лучшимъ ученикамъ давали награды или, какъ тогда говорили, «призы».

Полтавская гимназія помѣщалась сначала въ домѣ, гдѣ было уѣздное училище, пока не было окончено для нея зданіе. [1])

Кромѣ гимназіи, при князѣ Куракинѣ былъ учрежденъ еще «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», какъ въ Полтавѣ, такъ и въ Черниговѣ. Проектъ этой школы, по предложенію кн. Куракина, былъ составленъ извѣстнымъ авторомъ «Ябеды» В. В. Капнистомъ, исполнявшимъ нѣкоторое время обязанности директора училищъ Полтавской губерніи. Въ проектѣ этомъ высказано не мало интересныхъ взглядовъ, почему и считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Графъ Капнистъ, въ письмѣ къ кн. Куракину, такъ мотивировалъ необходимость подобныхъ школъ: «Вы изволите знать, сколь мало въ краѣ семъ великопомѣстныхъ дворянъ и какое множество по заслугамъ своихъ предковъ извѣстныхъ родовъ преждевременностью времени въ весьма бѣдное состояніе пришли; одно личное потомковъ ихъ отличіе можетъ ихъ возстановить, а хорошее воспитаніе къ тому единственнымъ средствомъ». По проекту, школа устраивалась для 200 дворянскихъ дѣтей, изъ которыхъ 50, самыхъ бѣдныхъ, были полными стипендіатами, а остальные 150 пансіонеровъ были раздѣлены на 6 разрядовъ и вносили плату, сообразно количеству душъ, владѣемыхъ ихъ отцами. Такъ, дво-

---

[1]) Арх. Губ. Правленія, № 206, № 277. № 164. Арх. Губ. Земства, № 23. Къ сожалѣнію, въ архивѣ гимназіи, какъ заявилъ намъ директоръ ея И. Д. Марьевичъ, не сохранились дѣла ранѣе 1830-хъ годовъ.

рянинъ, имѣвшій 50 д., платилъ за сына 25 р., отъ 50 до 100 д.—50 р., отъ 100 до 200 д.—75 р., отъ 200 до 300 д.—100 р., отъ 300 до 400 д.—125 р., отъ 400 и болѣе д.—150 р.

Допускались и приходящіе воспитанники, изъ коихъ 10 принимались безплатно, а остальные платили по 50 р. въ годъ. Уставъ допускалъ и разночинцевъ, а потому въ училищѣ и было два отдѣленія: одно для дворянъ, а другое для разночинцевъ, при чемъ гр. Капнистъ не считалъ возможнымъ совершенно отдѣлить дворянскихъ дѣтей: «пансіонеры,—говоритъ онъ,—по роду ихъ состоянія должны быть нераздѣльно съ воспитанниками и никакой особенности въ положеніи себя не требовать».

Сравнительно съ другими школами того времени, гр. Капнистъ въ проектѣ своемъ хотѣлъ поставить дѣло образованія широко. Кромѣ предметовъ общаго образованія, по его проекту, еще вводилось преподаваніе артиллеріи, фортификаціи, рисованія, архитектуры а также и законовѣдѣніе. Сверхъ того онъ считалъ необходимымъ обученіе танцамъ, музыкѣ и верховой ѣздѣ. По характеру предметовъ, школа эта была смѣшеніемъ свѣтскаго учебнаго завѣденія съ военнымъ, какимъ былъ въ то время кадетскій корпусъ. Это подтверждается и тѣмъ, что гр. Капнистъ проектировалъ устройство «роты экзерциціи изъ лучшихъ учениковъ, которые, по преимуществу, лѣтомъ, и должны были заниматься экзерциціями». Окончившіе съ успѣхомъ курсъ этой школы награждались «оберъ-офицерскими военной и штатской службы чинами». Во главѣ такой школы былъ директоръ и его помощникъ инспекторъ, которые должны быть съ учениками неотлучны, ибо, «всегдашнее съ воспитанниками пребываніе обезпечитъ успѣхъ сего заведенія». Экзамены, по мысли графа Капниста, должны быть устраеваемы по преимуществу, когда бываютъ съѣзды дворянъ, «всего благороднаго общества», и это для того, «чтобы сколько можно чаще открыты были успѣхи учениковъ и доброе надзираніе директора и труды учителей». Такъ сознавалъ въ то время гр. Капнистъ необходимость общенія школы съ обществомъ. Въ этомъ направленіи его проектъ идетъ еще дальше. Самая школа была подчинена надзору дво-

рянскаго собранія, избиравшаго изъ своей среды особый комитетъ, которому директоръ представлялъ отчеты о состояніи заведенія. Этому комитету только, а не администраціи школы, предоставлено было право уволить воспитанника. Содержаніе школы было слѣдующее: на пищу, одежду и вообще содержаніе воспитанниковъ ассигновалось 15 тыс. р., а на учебную часть 28.450 р. Средства—исключительно дворянскіе взносы.

Кн. Куракинъ вполнѣ одобрилъ проектъ и очень благодарилъ графа Капниста за его составленіе. Проектъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ дворянскихъ собраній, вполнѣ одобрившихъ его. Собранія дворянъ благодарили князя за его заботы о нихъ, а одно изъ нихъ (въ дѣлахъ не упомянуто, какое именно) титуловало князя Куракина «Меценатомъ и благодѣтелемъ малороссіянъ». Относительно размѣра обложенія помѣщиковъ съ цѣлью изыскать средства для названной школы, уѣздныя собранія разошлись. Полтавское, константиноградское и гадячское дворянство порѣшили вносить по 50 к. съ каждой ревизской крестьянской души, пирятинское и хорольское по 23 к., роменское по 5 к., а остальные рѣшили внести единовременно извѣстную сумму. По полученіи отвѣтовъ о рѣшеніи уѣздныхъ дворянскихъ собраній, было созвано въ началѣ 1805 г. губернское дворянское собраніе, на которомъ губернскій предводитель Чарнышъ предложилъ однообразный взносъ, по 50 к. съ души, но противъ этого энергично возражали дворяне лубенскаго уѣзда, такъ какъ, говорили они, «не имѣвъ свѣдѣнія, сколько необходимо на то училище суммы, и ассигновать оной не имѣютъ удобности». Не встрѣчая въ собраніи единогласнаго рѣшенія,—въ собраніи, кстати сказать, экстренномъ,—губернскій предводитель внесъ новое предложеніе: ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ 600 тысячъ рублей съ разсрочкою платежа на 20 лѣтъ. Но противъ этого энергично возсталъ графъ Капнистъ, убѣдившій собраніе отложить рѣшеніе этого вопроса до осени, до созыва очереднаго дворянскаго собранія. Губернское собраніе, созванное въ октябрѣ того же года, отклонило проектъ о правительственномъ

займѣ 600 тыс. [1]) и порѣшило вносить въ теченіе двухъ лѣтъ по 25 к. съ души, а по прошествіи этого времени вносить въ теченіе десяти лѣтъ по 5 к., что должно составить капиталъ до 300 тысячъ р., на проценты съ котораго и возможно было содержать «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ».

Дворянское училище не было самостоятельной школой, оно сдѣлалось интернатомъ, въ которомъ жили дѣти дворянъ и отсюда ходили учиться въ гимназію. Комплектъ его былъ въ 50 человѣкъ, но на дѣлѣ ихъ всегда было больше. Первымъ директоромъ, по избранію губернатора, былъ совѣтникъ казенной палаты Лобановъ. Этотъ выборъ былъ «съ удовольствіемъ одобренъ» кн. Куракинымъ. У Лобанова еще было три помощника, въ числѣ коихъ, при генералъ-губернаторѣ кн. Репнинѣ, былъ И. П. Котляревскій. Директоръ получалъ жалованья 500 р., а его помощники, которыхъ называли надзирателями, получали по 250 р. Въ числѣ первыхъ надзирателей встрѣчаемъ частнаго пристава Полтавы, Семенова, назначеннаго кн. Куракинымъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Семеновъ служилъ въ военной службѣ.

«Домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ» помѣщался сначала въ домѣ врача Тишевскаго, купленномъ Куракинымъ за 8 тыс. р., а затѣмъ былъ переведенъ въ домъ, гдѣ нынѣ женская гимназія. Просуществовалъ онъ до 1841 года, т. е. до открытія при полтавской гимназіи пансіона, куда и были переведены воспитанники «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ».

Полтавское дворянство, цѣня заслуги князя Куракина по учрежденію этого «дома», поднесло ему золотую табакерку. Кн. Куракинъ, желая и съ своей стороны оказать вниманіе дворянству, принялъ на свое иждивеніе содержаніе 20-ти воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Добрый починъ князя вызвалъ подражаніе: его супруга, княгиня Наталія Ивановна воспитывала на свой счетъ одного пансіонера; уѣздный предводитель Кочубей и миргородскій помѣщикъ Трощинскій, впослѣдствіи ми-

---

[1]) Произнесенная Капнистомъ въ этомъ собраніи рѣчь напечатана въ Кіевской Старинѣ 1886 г., декабрь стр., 717—722.

нистръ юстиціи, содержали по два пансіонера. При «домѣ» была устроена больница, гдѣ врачомъ былъ знакомый уже намъ Кондура. Таковы были заботы князя Куракина объ образованіи и о школахъ.[1]).

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ дѣятельности князя Куракина, пробывшаго въ Полтавѣ съ половины 1802 года по 1 января 1808 г. Несмотря на кратковременность его управленія, слѣдуетъ признать, что имъ очень многое сдѣлано для Полтавы.

И. Ф. Павловскій.

---

[1]) Арх. Губ. Земства, № 26, 100. Арх. Губ. Правл., № 136, 196. Указы 1804 г. въ Арх. Губ. Земства.

„ЛИКЫ" МОЕГО СЕЛА.

Вопросъ о простонародной сельской медицинѣ можетъ представлять серьезный интересъ для образованнаго человѣка не только съ чисто бытовой точки зрѣнія, но и съ практической—для медиковъ, практикующихъ въ деревняхъ, которымъ весьма часто приходится примѣняться къ деревенскимъ обычаямъ и даже къ способамъ лѣченія въ деревнѣ болѣзней. Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ познакомить читателей съ тѣми нашими наблюденіями, которыя мы сдѣлали въ селѣ Лютеньскихъ-Будищахъ, Зѣньковскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

I.

Конечно, наибольшій интересъ въ народной медицинѣ представляютъ лѣкарства, приготовляемыя самимъ народомъ изъ разнообразныхъ растеній (изъ зилля) и ихъ кореньевъ, которыя растутъ тутъ же въ селѣ, всегда подъ рукою у крестьянина. Одни изъ этихъ лѣкарствъ представляютъ собою ядъ, иногда полезный для человѣка, чаще вредный, употребляемый съ дурною цѣлью; другія—совершенно безвредны и, кромѣ пользы, ничего не могутъ принести, если только они не безразличны.

Изъ полезныхъ, но ядовитыхъ растеній на первомъ мѣстѣ нужно поставить «блекоту», или, какъ иначе ее называютъ, «ку-

рячу слипоту», потомъ «паслинъ» или «паслёнъ», «вороняче око» и волчьи ягоды.

Ботаническія названія первыхъ трехъ растеній мнѣ неизвѣстны, но всѣ эти растенія хорошо извѣстны каждому простолюдину—малороссу. Блекота растетъ близъ жилья человѣка, имѣетъ большіе угловатые листья (напоминающіе листья клена, только въ меньшихъ размѣрахъ), слегка опушенные. Чашечка блекоты сѣровата, при основаніи лиловая, расписана лиловыми жилками. Въ глубинѣ чашечки послѣ цвѣтенія сидитъ плодъ величиною съ горошину.

Всѣ части этого растенія чрезвычайно вредоносны; особенно вредны корень и сѣмена. Названіе «куриной слипоты», данное блекотѣ простонародьемъ, даетъ ясный намекъ на вредоносность ея, такъ какъ курица (да и вообще всякая птица) отъ нея можетъ ослѣпнуть, а то и совсѣмъ подохнуть. На человѣка блекота производитъ одурманивающее дѣйствіе, въ болѣе же сильной степени—смерть, предваряемую мученіями, соединенными съ бредомъ.

Крестьяне изъ этого «зилля» приготовляютъ «блекотне масло», выдавливая его изъ сѣмянъ блекоты. Масло это они употребляютъ при опухоляхъ, намазывая имъ опухшія части тѣла. Лѣтомъ же, когда есть свѣжая блекота, къ опухолямъ прикладываютъ листъ блекоты, намазанный «товченымъ саломъ».

«Паслинъ» хорошо извѣстенъ деревенскимъ дѣтямъ по своимъ черноватымъ ягодамъ. Это, собственно, сорная трава, такъ какъ хорошо растетъ всюду, гдѣ есть мусоръ. Стволъ «паслина» четырехсторонній, а не круглый, цвѣтъ бѣлый съ желтыми пестиками, плотно сведенными въ одинъ небольшой столбикъ; лицевая сторона листочковъ «паслина», слегка похожихъ на листочки «собачьей лободы», темнозеленая. Дѣти любятъ лакомиться ягодами «паслина»; но если они съѣдаютъ ихъ много, то заболѣваютъ «соняшныцямы»,—болѣзнью, которая состоитъ въ боли живота и сопровождается рвотою и поносомъ. Однако въ небольшомъ количествѣ дѣтямъ иногда нарочно совѣтуютъ съѣдать ягодъ па-

слина, если есть основаніе думать, что дѣти страдаютъ отъ глистовъ.

«Вороняче око» имѣетъ стебель въ полъ-аршина высоты, съ четырьмя листками наверху, расположенными *навхрестъ*, почему и самое растеніе называется иначе «хрещате зилля». Наверху стебелька появляется цвѣточекъ, который даетъ ягоду, весьма похожую на ягоду «паслина», которая собственно и есть «вороняче око», такъ какъ она выглядываетъ изъ листочковъ растенія, какъ глазъ вороны. Ягоды этого растенія ядовиты и вызываютъ рвоту, а самое растеніе иногда прикладываютъ къ ранамъ для скорѣйшаго ихъ заживленія, хотя чаще для этой цѣли употребляются болѣе безвредныя растенія, о которыхъ будетъ рѣчь дальше.

Волчьи ягоды всякому извѣстны и, вѣроятно, всякій знаетъ, что онѣ вредны для человѣка; но, думаемъ, не всякому извѣстно, что черныя волчьи ягоды даютъ сокъ, имѣющій свойство расширять зрачокъ глаза («робыть бильшымъ чоловичка») и ребятишки пользуются этимъ для забавы.

Изъ неядовитыхъ растеній на первомъ мѣстѣ нужно поставить растенія, которыми пользуются крестьяне при пораненіяхъ. Неосторожное обращеніе съ земледѣльческими орудіями въ полѣ, съ топоромъ въ лѣсу нерѣдко причиняетъ раны, ради которыхъ нельзя же бросать начатаго дѣла, и вотъ крестьянинъ подыскиваетъ лѣчебную траву, сокомъ ея закаплетъ рану, потомъ найдетъ другую траву, дающую своего рода гигроскопическую вату, завязываетъ свою рану, приложивъ къ ней предварительно этотъ своего рода хлопокъ. Воротившись домой, крестьянинъ, если рана не заживаетъ, гноится,—разыскиваетъ третью траву, варитъ ее, отваромъ ея обмываетъ рану и вновь забинтовываетъ ее. Эти три травы—суть *воловій языкъ*, *ранныкъ* и *материнка*.

Воловій языкъ иначе называютъ «чорнушкой» («якъ чорнушка зацвите, бджола пасется»), потому что цвѣтъ этого растенія—темнолиловый. Стебелекъ и листочки этого растенія немного колючи, зелень листьевъ темновата. Въ общемъ воловій языкъ напоминаетъ блекоту. Замѣтная между ними разница въ листьяхъ: у блекоты они большіе и угловатые, а у чернушки узкіе и длин-

ные («якъ воловій язычекъ»). Изъ листочковъ воловьяго языка выдавливается на рану сокъ, который, по мнѣнію селянъ, имѣетъ заживляющую силу.

Въ Сенчанскихъ Юсковцахъ, Лохвицкаго уѣзда, эта самая чернушка, или воловій языкъ, имѣетъ еще и другое употребленіе: она употребляется, какъ внутреннее средство. Сѣмена чернушки трутъ и въ такомъ тертомъ видѣ ѣдятъ ихъ (три чайныхъ ложечки) при всякихъ желудочныхъ боляхъ, поносѣ, рвотахъ и пр. На вкусъ чернушка, говорятъ, не противна. Нѣкоторыя бабы, занимающіяся спеціально лѣченіемъ, даже нарочно сѣютъ чернушку, чтобы легче было собирать ея сѣмена.

Въ Гадячскомъ уѣздѣ, Полт. губ., на пескахъ растетъ совершенно похожее на чернушку растеніе, которое тамъ называется «раннькомъ». Все различіе этого растенія отъ чернушки, повидимому, только то, что цвѣточки упомянутаго «ранныка» синіе, а не лиловые, какъ у чернушки. Весьма возможно, что это только другой сортъ или порода чернушки, тѣмъ болѣе, что и по свойствамъ своимъ «раннықъ» гадячскій подобенъ чернушкѣ: сокъ его также крестьяне употребляютъ для лѣченія ранъ, какъ и сокъ чернушки.

Собственно же «раннькомъ» въ моемъ селѣ зовутъ растеніе, имѣющее высокорослый стебель съ листочками, весьма похожими на листочки колокольчика (по-малорусски «стегнячкы» или «курятынкы»), только совершенно гладкими. Это растеніе даетъ стручки, гдѣ вмѣстѣ съ сѣменами растенія заключается мягкій хлопокъ, который и прикладываютъ къ ранамъ. Такъ какъ раны отъ дѣйствія этого хлопка *затягиваются*, то раннькъ еще называется «*затягачемъ*».

Наибольшей славой въ народѣ пользуется «матерынка». Эта пахучая лѣкарственная трава растетъ всюду: въ лѣсу, въ полѣ, близъ дороги. Народъ пользуется матерынкой во многихъ случаяхъ; чтобы уничтожить прѣніе частей тѣла, матерынку сушатъ, толкутъ, и порошкомъ засыпаютъ прѣлыя части.

Особенно бываетъ полезна «матерынка», по народному вѣрованію, при ссадинахъ. Въ такихъ случаяхъ, прежде всего ста-

раются остановить кровь табакомъ, или паутиною, или чѣмъ-либо другимъ. Потомъ, когда рану нужно бываетъ обмыть, дѣлаютъ легкій настой изъ матерынкы или изъ полевыхъ васильковъ.

Если рана давняя, запущенная, и воспаленіе увеличивается замѣтно, края раны припухаютъ, дѣлаются красными, то знающіе люди совѣтуютъ прикладывать къ такой ранѣ капустный листокъ или листъ подорожника, или, наконецъ, листъ *красоли* (настурціи), смотря по тому, что легче достать, что есть подъ рукой. Свѣжіе листья означенныхъ растеній уменьшаютъ жаръ въ ранѣ. Если дѣло бываетъ зимою, то берутъ нарочно запасенный для такого случая сухой листокъ подорожника, размачиваютъ его въ водѣ и тогда прикладываютъ къ ранѣ. Иногда же размельчаютъ листъ подорожника въ порошокъ и засыпаютъ имъ рану.

Если рана сдѣлана острымъ орудіемъ (порѣзъ), ее заливаютъ «березивкою», настоемъ водки на березовыхъ почкахъ (собственно на березовыхъ «бруньках»), срываемыхъ для этой настойки въ весеннее время, какъ только сойдетъ снѣгъ съ земли.

Есть еще одно простонародное средство, употребляемое при ранахъ, которое называется «чортовымъ пальцемъ»,—это белемнитъ. Крестьяне находятъ его въ мѣлу (крейди), которымъ они бѣлятъ свои хаты. Длина его небольшая, не больше человѣческаго пальца; въ срединѣ чаще всего бываетъ небольшое круглое отверстіе (но не насквозь; попадаются, впрочемъ, и сплошные, безъ дырочки). Съ виду это кремнистый продолговатый конусъ. Въ нашемъ селѣ, гдѣ я не разъ видѣлъ «чортовъ палецъ» и слышалъ разсказы о немъ, существуетъ для него и другое названіе: «пацева кисточка», что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ— свиная косточка. Лѣкарственное значеніе этой косточки признается всѣми единогласно на селѣ. Легонько соскребаютъ ножомъ «съ пацевой кисточки» порошокъ и имъ присыпаютъ рану.

Раны-занозы лѣчатся листьями кануперу, свѣжими буряками (свеклой) и свѣжимъ картофелемъ. Все это прикладывается къ ранѣ.

Чебрець *(thymus pannonicus)* также считается полезнымъ при ранахъ, но о способахъ употребленія его мы ничего достовѣрнаго не узнали.

О лѣчебныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ травъ и растеній трудно бываетъ иногда и догадаться, между тѣмъ крестьяне пользуются ими и, какъ они утверждаютъ, съ большимъ успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, при ревматической боли рукъ и ногъ берутъ листья простого табаку (тютюну), лѣтомъ свѣжаго, зимою сухого, но предварительно размоченнаго въ водѣ, обкладываютъ ими больныя мѣста, гдѣ чувствуется ломота, сверху повязываютъ суконку, чтобы нога или рука была въ теплѣ, и такъ остаются съ повязкою все время, пока боль не уймется. Листья простого лопуха («репьяха») прикладываются къ опухшей щекѣ при «бышихѣ» (рожѣ).

Есть трава «чыстець», совершенно похожая на полевые васильки, только имѣющая маленькіе листочки и цвѣтъ растенія бѣлый, а не красный, какъ у васильковъ. Стебельки этого растенія варятся и отваромъ его моютъ голову. Этотъ отваръ имѣетъ свойство *очищать* перхоть на головѣ, посему и самая трава называется «чыстець». Впрочемъ, чаще моютъ голову щелокомъ отъ золы, такъ какъ зола всегда подъ рукой.

Звѣробой (ботаническое названіе его—*hypericum perferatum)* весьма хорошо извѣстенъ на селѣ своими цѣлебными свойствами. Изъ него приготовляется настойка, которую крестьяне пьютъ при простудныхъ болѣзняхъ: «якъ у грудяхъ важко», когда въ горлѣ бываетъ сильная охриплость и пр. «Хоть яка хрыпота, а одъ звиробоя пройде», говоритъ крестьянинъ. Настойку приготовляютъ не изо всего растенія, а только изъ его желтенькихъ цвѣточковъ.

Другая цѣлительная настойка—полыновка. Настойка на полыни *(artemisia absinthirum)* употребляется при лихорадочныхъ недомоганіяхъ.

При несвареніи желудка и тошнотѣ даютъ больному водку съ перцемъ и солью, взрослому—рюмку, дитяти полъ рюмки. Но если тошнота вызывается присутствіемъ глистовъ, тогда даютъ больному «цынтвареве насиння» (цитварное сѣмя), которое легко достать во всякой деревенской лавочкѣ. Вообще, сельская лавочка задолго до открытія аптеки служила, да и теперь нерѣдко служитъ, складомъ аптекарскихъ товаровъ для селянъ. Цитварное сѣмя смѣшивается съ медомъ или сахаромъ.

Въ большомъ ходу на селѣ настойка на «деревіи» *(achillea)*. Пьютъ ее во время несваренія въ желудкѣ и при рвотахъ.

Корень «конскаго щавеля» считается однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ разлитія желчи, или, какъ говорятъ крестьяне, противъ «жовтяныць» (желтухи). Баба, которая лѣчитъ отъ «жовтяныци», и зимою можетъ достать корень этого растенія, потому что она нарочито съ лѣта еще оставляетъ примѣты на томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ это зилля. Доставъ этотъ корень, баба варитъ его и изъ полученнаго отвара приготовляетъ ванну (очень рѣдко) или (чаще) обмываетъ этимъ отваромъ все тѣло больного. Послѣ ванны или обмыванія больной выпиваетъ часть того же самаго отвара, ложки двѣ или три (столовыхъ до полустакана). Это дѣлается утромъ и вечеромъ подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Отваръ приготовляется каждый разъ вновь. Средство это держится въ секретѣ и передается по наслѣдству.

Самая ужасная болѣзнь въ селѣ—бѣшенство или водобоязнь. Деревня давно искала противъ этой болѣзни спасительныхъ средствъ и, какъ увѣряютъ старики, нашла такія средства. Три растенія, говорятъ, обладаютъ цѣлительной силой, изгоняющей ядъ бѣшенства: повилица или повилика, ботаническое названіе которой, если не ошибаемся, *cuscuta Europaea*, а малорусское названіе—«березка» (но не берёзка), вышеупомянутый звѣробой и малоизвѣстный намъ лично, чрезвычайно трудноразличимый отъ другихъ сходныхъ сортовъ растеній, но признаваемый самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ бѣшенства—«*дрикъ*», ботаническое названіе котораго мы встрѣчали кое-гдѣ въ литературѣ, хотя и не рѣшаемся утверждать, что это ботаническое названіе относится именно къ тому сорту растеній, который мы разумѣемъ подъ «дрикомъ». Это названіе—*spartium juniceum.*

«Березка» растетъ всюду, гдѣ только ей возможно виться: на грядкахъ, близъ маленькихъ недавно посаженныхъ кустовъ, деревьевъ, на плетнѣ и т. д. Когда укуситъ кого-либо животное, которое почему-либо сочтено бѣшенымъ, толкутъ въ ступкѣ это растеніе, прибавляютъ меду, полученную смѣсь намазываютъ на

хлѣбъ и даютъ съѣсть укушенному. Это дѣлается въ теченіе, приблизительно, девяти дней регулярно.

Когда лѣчатъ звѣробоемъ, то стираютъ его въ порошокъ, прибавляютъ къ нему меду и даютъ больному. Впрочемъ, чаще всего даютъ больному отваръ изъ звѣробоя; при этомъ стараются, чтобы отваръ былъ возможно болѣе крѣпкій. Этимъ же отваромъ иногда обмываютъ рану, если рана серьезная. Но эти два средства считаются не столь сильными, какъ «дрикъ».

Дрикъ очень похожъ на звѣробой и еще на одно растеніе, дающее стручки послѣ цвѣтенія. Какъ у звѣробоя, у *дрика* желтенькіе цвѣточки. Самый внѣшній видъ дрика, говорятъ, очень похожъ на внѣшній видъ звѣробоя, только дрикъ тоньше и мельче, чѣмъ звѣробой. Самые листочки дрика ýже, чѣмъ у звѣробоя. Есть другое, сходное съ дрикомъ растеніе, весьма также похожее и на звѣробой, отличающееся отъ звѣробоя формою цвѣтка: это растеніе имѣетъ цвѣтокъ, какъ въ цвѣткахъ «львиной пасти», форма же цвѣтка звѣробоя подходитъ къ формѣ цвѣточковъ у колокольчиковъ. Но дрикъ, о которомъ мы говоримъ, отличается отъ сходнаго съ нимъ растенія, между прочимъ, тѣмъ, что онъ даетъ краску желтаго цвѣта, почему въ ботаникѣ онъ зовется, если не ошибаемся, красильнымъ дрикомъ (herba genistae tinctoriae). Въ обычномъ обиходѣ «дрикъ» употребляется на окрашиваніе матерій простонароднаго издѣлія въ желтый цвѣтъ. Сельскія бабы, изготовляющія краски для матерій собственнаго издѣлія, отправляются за этимъ дрокомъ «въ дубыну, на пискы», гдѣ онъ обычно растетъ. Не легко его найти, потому что онъ растетъ не сплошною массою, а кучками, притомъ небольшими. Кромѣ того, не всякій сумѣетъ отличить это растеніе отъ сродныхъ съ нимъ. Черезъ это дрикъ почитается чѣмъ-то дорогимъ, чѣмъ-то такимъ, за чѣмъ приходится обращаться къ сельскимъ знахаркамъ и знахарямъ, спеціалистамъ этого дѣла. Укушеннаго бѣшеною собакою стараются немедленно напоить отваромъ этого дроку, а укушенную часть тѣла вымываютъ возможно тщательнѣе этимъ отваромъ. Въ томъ дворѣ, гдѣ оказалась бѣшеная собака, пьютъ дрикъ всѣ обитатели двора, отъ мала до велика, въ качествѣ предохранительнаго средства отъ

возможнаго заболѣванія. Въ дѣтствѣ, проведенномъ мною въ Лютеньскихъ-Будищахъ, лично мнѣ не разъ приходилось испробовать этого доморощеннаго лѣкарства.

Чахотку крестьяне лѣчатъ сокомъ черной рѣдьки. Сокомъ обыкновенной рѣдьки лѣчатъ запоръ. Зимою, когда рѣдька немного завянетъ и становится малосочной, ее кладутъ въ воду, пока она не напитается влагой, тогда уже ее трутъ на теркѣ. Дѣлаютъ и иначе. Сначала трутъ рѣдьку на теркѣ, потомъ натертое складывается въ чашку, чашка дополняется водою. Спустя нѣкоторое время, рѣдька выжимается, а полученный сокъ пьютъ, какъ лѣкарственный настой.

Еще чахотку лѣчатъ чеснокомъ: совѣтуютъ побольше его ѣсть.

При ожогахъ употребляютъ въ дѣло «куныцю» (метелочку) изъ «очерета» (камыша). Ее пережигаютъ и полученной золой посыпаютъ обожженную часть тѣла.

Дѣти очень часто страдаютъ на селѣ отъ лишаевъ, какъ мокрыхъ, такъ и сухихъ. Сухіе обычно смачиваются чужою слюною, также смачиваютъ влагою, какая бываетъ на окнахъ, когда они вспотѣютъ. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ лѣчатъ березовымъ сокомъ. Берутъ березовую вѣточку и держатъ ее надъ огнемъ печки такимъ образомъ, чтобы сокъ, вытекаюнцій изъ нея, падалъ на подставленный тутъ же топоръ. Полученнымъ на топорѣ сокомъ смачиваютъ лишай. Но такъ какъ березъ въ нашемъ селѣ почти нѣтъ, а больныхъ лишаями всегда бываетъ достаточно, то крестьяне стали пробовать другія лѣчебныя средства. Такъ, напр., они пережигаютъ синюю сахарную бумагу и золой, остающейся послѣ сожженія, посыпаютъ лишай, особенно мокрый. Есть еще одно лѣкарство отъ лишаевъ: это—сокъ растенія, которое иные называютъ «чистотѣлъ», другіе—«солодоніей». Сокъ этого растенія изжелта красный, цвѣточки его желтые. Корень его—коричневый, а если надорвать его, то изъ него выступаетъ свѣтлокрасный сокъ. Сокомъ этимъ и намазываются части тѣла, пораженныя лишаемъ. Замѣчательно, что это растеніе нѣкоторыми селянами почитается хорошимъ средствомъ отъ желтухи. Стебли его сѣ-

кутся, варятся, и полученный отваръ пьютъ. О томъ, насколько справедливо это мнѣніе, мы, конечно, не можемъ сказать ничего положительнаго; но что этотъ сокъ бываетъ и вреденъ, это положительно можно утверждать: если приложить его къ ранѣ, воспаленіе въ ранѣ начнетъ усиливаться, рана начинаетъ, какъ говорятъ крестьяне, «ятриться». Говорятъ также, что если приложить листокъ этой травы къ чирею, то онъ скорѣе созрѣваетъ.

Послѣднимъ и самымъ сильнымъ средствомъ противъ лишаевъ считается на селѣ «гостра водка»; пускаютъ на лишай каплю, кажется, въ банѣ.

«Гостра водка» имѣетъ примѣненіе и при ревматическихъ боляхъ: также въ тепломъ мѣстѣ (въ банѣ, наприм.) пускаютъ на тѣло нѣсколько капель и растираютъ потомъ больное мѣсто.

Растеніе, извѣстное подъ именемъ «львиной пасти», варятъ и отваромъ изъ него моютъ лицо, чтобы сошли угри.

Растеніе, похожее на бурьянъ, извѣстное подъ именемъ «царь-зилля», имѣетъ листочки круглые, съ зазубринами (собственно, съ выемками), цвѣточки голубыя. Оно растетъ по лѣсамъ въ одиночку, а не группами. Отваромъ его моютъ голову, чтобы предохранить себя отъ насѣкомыхъ. Имъ же травятъ мухъ. Толкутъ «царь-зилля», размѣшиваютъ со сметаною и полученную смѣсь выставляютъ для мухъ. Мухи, испробовавъ этой смѣси, не околѣваютъ совершенно, а только замираютъ на нѣкоторое время. Этимъ моментомъ обморока и пользуются: ихъ давятъ.

Особенно полезно бываетъ «царь-зилля» во время «нудьгы», которая нападаетъ на человѣка послѣ какого-либо большого несчастья, напримѣръ, пожара. Отъ тоски, какой подвергается тогда человѣкъ, у него скоро оказывается такая масса вшей на тѣлѣ, одеждѣ, въ волосахъ, въ бѣльѣ, что положительно нельзя бороться съ этимъ зломъ. Мѣсяца два промучатъ эти насѣкомыя, пока не пройдетъ чувство тоски и угнетенія послѣ несчастія. Царь-зилля тогда въ большой «пригодѣ»: отваромъ его моютъ и бѣлье, и одежду (парятъ, по крайней мѣрѣ) и сами моются неоднократно.

Корень инбиря даютъ грызть страдающему кашлемъ: кашель становится тогда менѣе удушливымъ, если не прекращается совершенно.

Прѣлыя части тѣла иногда весьма безпокоятъ человѣка; чувство боли прекращается, когда ихъ смачиваютъ водкой.

Пережженный хлѣбъ, мелко истолченный, даютъ дѣтямъ, какъ средство противъ поноса.

При легкой простудѣ и кашлѣ заставляютъ больного дышать испареніями, подымающимися отъ варенаго картофеля.

При глухотѣ, происходящей отъ накопленія сѣры въ ушахъ, вставляютъ въ ухо трубку изъ бумаги, кончикъ трубки зажигаютъ, и трубка, вытягивая изъ уха воздухъ, уноситъ съ собою и сѣру.

При маточномъ кровотеченіи у женщинъ бабы совѣтуютъ держать руки въ холодной водѣ, пока не пройдетъ болѣзнь.

При воспаленіи вѣкъ и вообще при болѣзняхъ глазъ прикладываютъ къ глазамъ кислое молоко. Иногда, напримѣръ, въ полѣ, гдѣ нельзя достать кислаго молока, прикладываютъ къ глазамъ желтую мокрую глину. Трутъ хрѣнъ и вмѣстѣ съ уксусомъ прикладываютъ къ плечамъ, «щобъ оттягало видъ очей».

Укушенный змѣею долженъ или высосать кровь изъ раны и выплевать ее, или напиться своей мочи, или, наконецъ, перевязать ногу или руку (если рана на рукѣ или ногѣ) выше укушеннаго мѣста и прикладывать къ ранѣ кислое молоко, чтобы оно вытягивало изъ раны «отруту» (ядъ).

II.

Мы сказали, что главное вниманіе интересующагося народной медициной останавливается на снадобьяхъ, приготовляемыхъ самимъ народомъ. Поэтому мы не будемъ распространяться о лѣкарствахъ, привозимыхъ время отъ времени паломниками съ Аѳона, и доставляемыхъ аптеками. Хотя, впрочемъ, можно упомянуть, что «регальный» настой пользовался долгое время большимъ вниманіемъ въ народѣ. Регальный настой—приносился съ Аѳона.

Изъ лѣкарствъ мѣстнаго производства самое замѣчательное «гниздо». Оно состоитъ изъ множества составныхъ частей въ количествѣ, кажется, болѣе 24. Нѣкоторыя изъ составныхъ частей намъ удалось узнать, но всѣхъ мы не могли узнать, потому что это лѣкарство служитъ доходной статьей для знахарей и секретъ его держится въ тайнѣ. Все-таки кое-что мы можемъ сказать о составѣ этого лѣкарства.

На ведро водки берутъ въ извѣстной пропорціи изъ мускательныхъ лавокъ слѣдующія составныя части, добываемыя изъ растеній: померанецъ (величиною съ зерно перца или боба), чынчыбиль («варенычка»—лепешка, величиною съ двухкопеечную монету), кубеба (величиною съ вишневую ягоду), калганъ (корень), будянъ (напоминаетъ по виду и величинѣ померанецъ), инбирь (корень), камфора, жыломость (въ аптекѣ покупается), «нехты» 1 лотъ (нефть), скипидаръ, «красный каминь», галунъ (квасцы), струковатый (турецкій красный) перецъ, круглый (столовый) перецъ, мушкатна галка (круглая лепешка, каждая цѣною въ 3 копейки), «мушкатный цвѣтъ»... Потомъ слѣдуютъ еще нѣкоторыя пахучія вещества, названій которыхъ намъ не удалось узнать.

Хотя это лѣкарство было очень распространено въ нашемъ селѣ, однако оно приготовлялось не здѣсь, а въ сосѣднемъ селѣ, въ Великой Павловкѣ. Секретъ лѣкарства наслѣдственный, передающійся изъ рода въ родъ въ семействѣ, члены котораго и нынѣ еще существуютъ,—въ семействѣ «Грынько». Въ былое время его приготовляла Пелагія Степановна Грынько, дьякониха. Нѣтъ еще десяти лѣтъ, какъ она сошла въ могилу. Секретъ свой она передала дочери, жившей неотлучно при ней, такъ какъ она не была замужемъ. Въ настоящее время эта дочь, Екатерина Васильева Грынько, главнымъ образомъ, и снабжаетъ желающихъ означеннымъ лѣкарствомъ. У нея можно достать самыя подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ лѣкарствѣ.

Замѣчательно, что лица, вышедшія изъ той фамиліи, которой принадлежитъ наслѣдственное лѣкарство «гниздо», отличаются живучестью и долголѣтіемъ. Супруги Грынько умерли въ глубокой старости и всетаки преждевременно (случайное несчастное

обстоятельство на богомольи свело Пелагію Степановну Грынько въ могилу). Дѣти ихъ достигли весьма почтеннаго возраста, но особенной хилости не обнаруживаютъ.

«Гниздо» употребляется отъ всѣхъ простудныхъ болѣзней, грудныхъ недуговъ, хрипоты, чахотки (если она не стоитъ въ зависимости отъ разстройства пищеварительныхъ органовъ). Повидимому, только однѣ желудочныя болѣзни не поддаются дѣйствію этого лѣкарства. Принимается оно въ растворѣ водки: три четверти рюмки водки полагается на одну четвёрть рюмки лѣкарства.

Самый способъ соединенія разныхъ составныхъ частей заслуживаетъ вниманія. Берутъ большой «полывяный глекъ» съ узкимъ горлышкомъ, вливаютъ и всыпаютъ въ него все, что нужно, затѣмъ замазываютъ и запечатываютъ горлышко и ставятъ глекъ въ такую печь, которая уже немножко остыла (въ очень горячей печкѣ съ лѣкарствомъ можетъ случиться несчастіе: все вылетитъ въ трубу). Такъ дѣлаютъ раза два-три, и лѣкарство готово. Потомъ сливаютъ жижицу въ посудину, глекъ снова доливаютъ водкой и повторяютъ тоже самое, т. е. укупориваютъ и ставятъ въ духовую печь. Второе лѣкарство будетъ уже слабѣе перваго. Третье и четвертое лѣкарство будетъ еще слабѣе. Больше четырехъ разъ одинъ и тотъ же составъ не наливаютъ водкой, такъ какъ за четвертымъ разомъ корни, въ которыхъ впитывается сначала бóльшая часть лѣкарства, уже отдадутъ водкѣ всю свою силу.

Изъ простой писчей бумаги приготовляется такъ называемое «бумажне масло», которымъ, говорятъ, излѣчиваются уже образовавшіяся бѣльма на глазахъ. Для добыванія бумажнаго масла свертываютъ писчую бумагу трубочкой, одинъ конецъ которой долженъ быть глухимъ (острымъ), а другой—открытымъ. Глухой или острый конецъ зажигаютъ, а тупой или открытый прижимаютъ къ какому-либо металлическому предмету, лучше всего къ серебрянной ложкѣ. Паръ, всегда присутствующій въ бумагѣ, выходя вмѣстѣ съ дымомъ, соединяется съ послѣднимъ и осаждается на металлѣ, конечно, въ небольшомъ количествѣ: капля или двѣ.

Получаемый такимъ образомъ осадокъ и есть бумажное масло, которымъ намазываютъ бѣльма глазъ. Бѣльма, только что образовавшіяся или образующіяся (когда, напримѣръ, лошадь или корова получитъ ушибъ по глазу, и есть возможность ожидать дурного результата отъ ушиба), лѣчатся сахарною пылью. Сахаръ толкутъ въ мелкій порошокъ и посредствомъ бумажки вдуваютъ этотъ порошокъ въ больныя глаза. Впрочемъ, я не стану утверждать, примѣняется ли это средство къ людямъ, но къ животнымъ оно примѣняется сплошь и рядомъ.

Опухоли, происходящія отъ укушенія тарантула, мажутъ оливою (деревяннымъ масломъ), настоенною на живомъ тарантулѣ. Находясь въ оливѣ, тарантулъ выпускаетъ въ нее свой ядъ, который и оказывается цѣлебнымъ для опухолей, происходящихъ отъ укушенія тарантула.

Майки и пьявки, какъ простонародныя средства, понемногу выводятся изъ употребленія. Они теперь замѣняются горчичниками.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ лѣчебныхъ средствъ народа до сихъ поръ еще служатъ наговоры, нашептыванія и молитвы. Примѣры наговоровъ и нашептываній въ Полтавской губерніи можно найти въ книгѣ Николая Арандаренка, въ его «Запискахъ о Полтавской губерніи» (т. II, стр. 231). Онъ говоритъ о наговорахъ отъ дурного глаза и приводитъ текстъ наговоровъ, который и теперь еще можно слышать въ простомъ народѣ, только въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ онъ приведенъ у Арандаренка. Эти наговоры дѣлаются надъ водою, которую потомъ и даютъ пить больному.

Дѣти очень часто подвержены въ селѣ испугу, который отражается дурно на здоровьи ребенка: ребенокъ плохо спитъ ночью («жахается»), въ сонномъ состояніи лѣзетъ на стѣну, говоритъ въ бреду и пр. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ наговорамъ. Но предварительно опредѣляютъ причину испуга. Для этого берутъ воскъ, топятъ его надъ огнемъ и потомъ вливаютъ въ миску съ водой. Какую форму приметъ воскъ въ мискѣ съ водой, то и послужитъ основаніемъ для объясненія причины испуга: форма ко-

локола, напр., служитъ признакомъ того, что испугъ былъ произведенъ нечаянно раздавшимся ударомъ колокола. Во время этого выливанія воска произносятся наговоры, которые и оказываютъ свое дѣйствіе и на воскъ, и на воду. Воскъ указываетъ на причину испуга; вода, въ которую опускается расплавленный воскъ, получаетъ цѣлебную силу: ее пьютъ, какъ лѣкарство, отъ того именно испуга, который произведенъ разгаданнымъ предметомъ. Такъ какъ обычно такое лѣченіе ребенка происходитъ вечеромъ, то сразу же послѣ принятія лѣчебной воды больному надѣваютъ навыворотъ рубаху и въ такомъ видѣ ребенокъ долженъ проспать всю ночь. Послѣ этого болѣзненныя проявленія въ ребенкѣ должны исчезнуть сами собой.

Этотъ способъ лѣченія, пользующійся въ народѣ большо́ю популярностью, наводитъ насъ на мысль: не кроется ли въ немъ какихъ-либо благопріятныхъ условій, дѣйствующихъ успокоительно на нервную систему тою стороною, которая извѣстна въ наукѣ подъ именемъ животнаго магнетизма, месмеризма, гипнотизма?

Зубная боль и флюсъ при зубной боли лѣчатся молитвами. Для этой цѣли заблаговременно зашивается въ ладонку «молитва Богородицы» и носится на груди. Все время пока эта молитва носится на груди, зубы не будутъ болѣть у такого человѣка. Эта молитва писанная, а не печатная. Но въ былое время (лѣтъ 20 тому назадъ) практиковались благочестивыми людьми другія молитвы, именно: когда къ уважаемому за благочестіе человѣку приходилъ селянинъ съ флюсомъ и зубною болью, уважаемый за благочестіе человѣкъ становится бывало на колѣни и заставляетъ за собою повторять слова молитвы «Отче нашъ», «Богородице Дѣво», «Достойно есть» и «Вѣрую во единаго Бога»... Послѣ того читавшій молитвы дуетъ въ лицо больному, даетъ ему цѣловать крестъ, и лѣченіе кончено. Иногда такіе пріемы лѣченія кончались успѣхомъ, почему практика увеличивалась.

По подобію убруса отъ апостоловъ, крестьяне съ дозволенія священника пользовались и пользуются разными лентами и привѣсками къ иконамъ, какихъ много во всякомъ храмѣ, въ качествѣ цѣлительныхъ вещей.

Главнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней почитались и почитаются еще теперь въ народѣ молебны цѣлителю Пантелеймону и таинство елеосвященія. Если уже и эти средства испробованы и все-таки больной не выздоравливаетъ, печальный исходъ болѣзни почитается несомнѣннымъ.

Иногда наговоры и нашептыванія настолько тѣсно связаны съ нѣкоторыми пріемами лѣченія, что нельзя опредѣлить, въ чемъ собственно полагаетъ силу своего лѣченія лѣкарка-знахарка: въ нашептываніяхъ ли, или въ разныхъ манипуляціяхъ страннаго характера. Таково, напримѣръ, завариваніе «соняшныць» или «сояшныць».

Уже Арандаренко въ своихъ *Запискахъ* о *Полтавской губерніи* обратилъ вниманіе на этотъ оригинальный малорусскій способъ лѣченія болѣзни, напоминающей холерину (рвоты и поносъ). Однако описаніе его вышло неправдоподобнымъ, можетъ быть, потому, что самому г. Арандаренку не приходилось видѣть процедуры заговариванія «соняшныць». Намъ неоднократно приходилось наблюдать заговариваніе «соняшныць» и мы ничего не замѣтили страшнаго и опаснаго для здоровья, что отмѣчаетъ г. Арандаренко. На страницѣ 229-й второго тома Арандаренко говоритъ: «Какъ скоро загорится пенька, она (знахарка) обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ этого остается обожженною въ разныхъ мѣстахъ». Это сообщеніе и невѣроятно и невѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно обмотать больную горящей пенькой? Пенька отъ огня вѣдь распадается на части. Остальное въ описаніи Арандаренка вѣрно.

Намъ приходилось видѣть, какъ знахарка, потребовавъ глиняную большую миску, глекъ и клочья (пеньки), начинаетъ зѣвать поминутно, безпрестанно. Зѣваніе продолжается все время до окончанія лѣченія. Въ глиняную миску наливается достаточно воды, но не до краевъ. Миска становится на животъ больного. Потомъ знахарка начинаетъ креститься, молиться, дѣлать какія-то нашептыванія и все время сильно зѣваетъ. Затѣмъ беретъ въ руку паклю (клочья), зажигаетъ ее, бросаетъ ее въ глекъ (кувшинъ), потомъ глекъ моментально опрокидывается и погру-

жается въ миску съ водой. Нѣкоторое время бываетъ слышно только бурчанье воды и глухой шумъ отъ горящей пакли. Потомъ глекъ снимается; вода, которая вошла въ глекъ, по мѣрѣ сгаранія пакли, выливается изъ него. Такое зажиганіе пакли въ глекѣ и погруженіе глека въ миску съ водой дѣлается троекратно (если, впрочемъ, не ошибаюсь: можетъ быть и больше, чѣмъ три раза). Потомъ, вода изъ миски дается въ ложкѣ больному. Приходилось наблюдать, что послѣ заговариванія «соняшныць» больной перестаетъ страдать рвотами. Трудно рѣшить, что́, собственно, производитъ на больного успокоительное вліяніе. Можетъ быть, производятъ на больного симпатическое дѣйствіе наговоры, можетъ быть, самая зѣвота, а можетъ быть, составъ воды послѣ сгаранія пакли таковъ, что онъ прекращаетъ рвоту; наконецъ, возможно, что намъ приходилось наблюдать заговариванья «соняшныць» уже въ тотъ періодъ состоянія болѣзни, когда рвоты сами собой прекращаются.

Осенью въ непогоду легко захватить ревматизмъ въ ногахъ, въ спинѣ. Тогда получается ощущеніе ломоты въ суставахъ. Эта болѣзнь у насъ называется попросту *грызью*, «бо мовъ грызе тебе що». Традиціонный способъ лѣченія грызи тотъ, что является баба и начинаетъ зубамы грызть разныя части тѣла (т. е. по по пословицѣ—клинъ клиномъ вышибаетъ). Кажется, при этомъ дододопускается растираніе частей тѣла руками и даже ногами. Рѣдко случается, что грызь проходитъ послѣ этого; хотя ясно, что эти манипуляціи весьма напоминаютъ массажъ и, слѣдовательно, могутъ оказывать нѣкоторые облегчающее вліяніе на боль. Если боль не утихаетъ послѣ описаннаго способа лѣченія, прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, какъ то: мажутъ суставы скипидаромъ, парятся на печи и пр.

Пища, какъ лѣчебное средство, считается главнымъ во всѣхъ болѣзняхъ, имѣющихъ отношеніе къ желудку. Можно даже сказать, что особенная строгость въ выборѣ пищи нѣкоторыхъ ветхихъ стариковъ и нѣкоторыхъ лицъ изъ молодежи, составляющихъ изъ себя кружокъ *монашествующихъ* въ селѣ Лютеньскихъ-Будищахъ, имѣетъ основаніе въ пониманіи того оздоровле-

нія, какое доставляется организму пищею. Вегетеріанство не какъ секта, а какъ особый принципъ въ жизни, всегда имѣло своихъ приверженцевъ въ селѣ. На вегетеріанство смотрѣли, какъ на особый высшій родъ благочестивой жизни. И теперь еще въ рукописной книгѣ нашего села, писанной рукою нѣкоего Канонца (старикомъ умеръ) и хранящейся въ сторожкѣ Крестовоздвиженской церкви нашего села, можно видѣть, какая масса наставленій относительно пищи, ея родовъ и послѣдствій ея употребленія считалась необходимою для правильной богоугодной жизни человѣка.

Въ воззрѣніяхъ народа пища всегда оставалась и будетъ оставаться главнымъ цѣлебнымъ средствомъ. По воззрѣнію народа во время болѣзни непремѣнно нужно ѣсть ту пищу, какой захочется («забажается») больному. Больной попроситъ квасу, достать ему квасу, отъ того ему легче будетъ. Больной захочетъ сельди, дать ему сельди, отъ нея больному поправка будетъ. Въ основаніи такого взгляда на пищу, кажется, лежитъ тотъ общеизвѣстный для народа фактъ, что родильницѣ, въ періодъ ея беременошенія, не слѣдуетъ отказывать во всѣхъ ея капризахъ, касающихся пищи, такъ какъ подобный отказъ можетъ дурно отозваться на ребенкѣ, да и на здоровьѣ родильницы. Разсказываютъ даже факты, что больная, укравъ во время беременошенія малиновыхъ ягодъ, потому что она не могла достать ихъ за деньги или выпросить, родила ребенка, у котораго на груди бородавка оказалась вполнѣ похожею на малиновую ягоду. Сообразно такому взгляду на пріемы обхожденія съ родильницами и всякому больному на селѣ стараются угодить во всемъ, чего бы онъ ни запросилъ. Такимъ то образомъ иногда случается, что больной глистами, наѣвшись съ голодухи селедки, которой онъ «забажавъ», излѣчивается отъ нихъ. Но чаще бываютъ обратныя явленія: больной лихорадкой, наѣвшись кислыхъ яблокъ, которыя онъ ѣлъ бы безъ счету, «якъ червякъ», кончаетъ очень дурно. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что часто указанныя «бажання» больного гораздо больше приносятъ ему пользы, когда онѣ удовлетворяются, чѣмъ фельдшерскія предписанія исклю-

чительнаго медицинскаго персонала на селѣ. Малороссы-козаки тѣмъ и отличались издавна, что не нуждались въ услугахъ лѣкарей-профессіоналистовъ. Каждый козакъ въ старину, при своемъ воинственномъ образѣ жизни, по необходимости становился самъ для себя лѣкаремъ. Въ походѣ некогда было лѣчиться у лѣкарей. И козакъ зналъ, что дѣлать, когда приключится человѣку рана или другая какая «хвороба»,—зналъ, какія травы и снадобья легче и скорѣе всего ставятъ человѣка на ноги, что надо дѣлать человѣку при внутреннихъ болѣзняхъ. Эти знанія старыхъ дѣдовъ козаковъ, переходя изъ рода въ родъ, отчасти дошли и до нашего поколѣнія; большинство же рецептовъ—утеряно.

Почти всякое зелье для козака было цѣлебнымъ: одно—въ одномъ случаѣ, другое—въ другомъ. Всѣмъ имъ онъ зналъ толкъ, всѣмъ далъ свои имена, изъ всѣхъ извлекалъ цѣлебную силу. Настоящія поколѣнія козаковъ знаютъ едва половину прежнихъ, стародавнихъ названій растеній, силу же ихъ понимаютъ весьма немногіе. Потому-то заслуживаютъ вниманія всѣ сообщенія, какія можно собрать отъ простого народа. Пройдетъ два-три поколѣнія, и тогда будетъ поздно интересоваться народною медициною.

Проѣздомъ черезъ Лохвицкій и Гадячскій уѣзды намъ случайно удалось узнать еще нѣсколько простонародныхъ средствъ. Мы ихъ сообщаемъ въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ по народной медицинѣ, которыя намъ извѣстны по родному селу.

Если нужно вызвать рвоты у больного, то въ Сенчанскихъ-Юсковцахъ, Лохвицкаго уѣзда (Полтавс. губ)., даютъ больному испить слитой изъ квашни («дижи») жижицы.

При головныхъ боляхъ прикладываютъ къ затылочной части головы смѣсь изъ любистка, хрѣна и квасу; гдѣ возможно, квасъ замѣняютъ уксусомъ.

При ожогахъ лучшее заживляющее и успокаивающее средство—льняное масло. Имъ смазываютъ обожженныя части тѣла. Чѣмъ чаще прикладывать и мазать масломъ ожоги, тѣмъ лучше себя чувствуетъ больной, и тѣмъ скорѣе излѣчивается рана.

«Коровяками» въ Юсковцахъ Сенчанскихъ мнѣ называли растеніе, которое обычно называется дурманомъ и котораго ядовитость, вѣроятно, извѣстна всѣмъ. Оно часто растетъ на пустошахъ, въ ярахъ, близъ человѣческаго жилья. Цвѣточки дурмана бѣлые, послѣ цвѣтенія выростаютъ зеленыя шишечки, которыя, созрѣвая, становятся рыжеватыми. Въ нихъ заключены сѣмена дурмана. Такъ какъ всѣ части дурмана ядовиты, то этимъ объясняется употребленіе, какое изъ дурмана или «коровяковъ» дѣлаютъ въ с. Юсковцахъ-Сенчанскихъ. Сокомъ листковъ этого зелья капаютъ на тѣ раны, гдѣ успѣли завестись черви, напр., на собакѣ.

Чирья лѣчатъ въ С.-Юсковцахъ такимъ образомъ. Когда чирей разросся и пластырь, какой даетъ фельдшеръ, не помогаетъ, а нога или рука, на которой приключился чирей, нестерпимо болитъ, селянинъ начинаетъ лѣчиться своими способами. Берется листокъ—два «красоли» (настурціи), намазывается кислымъ молокомъ (сметаной) и прикладывается къ чирею. Потомъ, берется заячья кожа, намазывается тѣмъ же кислымъ молокомъ, прикладывается поверхъ красоли и чирей обвязывается. Первое средство—лѣчебное, второе—скорѣе всего предохранительное, чтобы не застудить чирей. Боль въ ногѣ или рукѣ послѣ этого настолько утихаетъ, что больной можетъ безъ помѣхи заниматься своимъ дѣломъ. Зимою листочки красоли, сохраняющіеся сухими, предварительно размягчаются въ теплой водѣ.

Считаю долгомъ сообщить еще средство, случайно открытое простолюдинами, можетъ быть, впрочемъ ошибочно объясненное, но во всякомъ случаѣ сочтенное дѣйствительнымъ. Одного сбѣсившагося, по разсказу народа, заперли на ночь въ погребѣ, такъ какъ была опасность, что онъ кого-нибудь искусаетъ и тѣмъ натворитъ еще большихъ бѣдъ. Въ погребѣ ничего не было кромѣ луку и чесноку. Съ голода больной объѣлся того и другого и на третій день попросилъ испить воды. Потомъ оказался совершенно здоровымъ. Другого бѣшенаго заперли въ комору (амбаръ). Тамъ былъ деготь. Въ припадкѣ бѣшенства больной выпилъ кубышку дегтя и выздоровѣлъ.

III.

Смерть заканчиваетъ всякое лѣченіе. Но смерть стараются по возможности отдалить, если не лѣкарствами, то божественною помощію. Ироническое отношеніе къ этой надеждѣ звучитъ въ пословицѣ: «поможе баби кадыло, якъ бабу скрутыло».

Но иногда смерть бываетъ мнимая и она порождаетъ много разсказовъ, надеждъ, волнуетъ долго сельскіе умы, и, кто знаетъ, можетъ быть, не безъ основанія почитается чѣмъ-то сверхъестественнымъ.

Во время одного посѣщенія мною Лютеньскихъ-Будищъ Зѣньковскаго уѣзда, случившагося лѣтомъ, я услышалъ разсказъ отъ селянъ о томъ, какъ одна баба «замирала» на нѣсколько дней, т. е. находилась въ летаргическомъ снѣ. Для Лютеньскихъ-Будищъ такія замиранія, думалъ я, не новость; чего, думалось, не наговорятъ бабы? Все таки я имѣлъ терпѣніе выслушать разсказъ до конца, который теперь и постараюсь передать въ короткомъ видѣ.

Если летаргическій сонъ имѣетъ сходство съ обыкновеннымъ сномъ, то не будетъ большимъ грѣхомъ, если допустимъ, что баба дѣйствительно, видѣла во снѣ «тотъ свитъ», а на «тимъ свити» *батюшку молодого* (т. е. отца Григорія Борбицкаго, умершаго въ томъ же году). Батюшка былъ одѣтъ во все бѣлое и ему было очень хорошо. Тамъ же былъ и *Остапъ* (парень, весьма хорошо извѣстный намъ, также умершій въ томъ же году), извѣстный въ селѣ садоводъ, имѣвшій свою школу деревьевъ; онъ любилъ заниматься книжнымъ чтеніемъ, по книгамъ научился окулировать, щепить и пр. Ему было также хорошо, сообщала баба, но не такъ хорошо, какъ молодому батюшкѣ. Одѣтъ онъ былъ также во все бѣлое. Бабѣ въ видѣніи этомъ было сказано, что всѣхъ, кого она видитъ «на томъ свѣтѣ» (она еще видѣла многихъ, мнѣ неизвѣстныхъ лицъ), скоро постигнетъ смерть и чтобы она сказала имъ объ этомъ. Баба, говорятъ, долго не хотѣла итти къ батюшкѣ говорить о своемъ видѣніи, но вотъ она во

снѣ слышитъ голосъ, который говорилъ ей приблизительно слѣдующее: «Ты слышала и видѣла, что будетъ съ тѣми людьми, которыхъ ты узнала; почему же ты не скажешь имъ объ этомъ?» Послѣ такого сновидѣнія баба отправилась къ молодому батюшкѣ, т. е. къ отцу Григорію Борбицкому и разсказала ему обо всемъ. Отецъ Григорій, говорятъ, подумалъ было, что баба не въ своемъ умѣ и запретилъ ей разсказывать подобныя вещи. Но прошелъ безъ малаго годъ и предсказанное бабой исполнилось.

Вообще о мертвыхъ любятъ поговорить при поминкахъ и иногда разсказываютъ вещи необыкновенныя относительно посѣщенія мертвыхъ, ихъ насилій надъ живыми и пр. Большинство такихъ разсказовъ объясняется физіологическими причинами, напримѣръ, кошмаромъ, нетрезвымъ состояніемъ, болѣзнями и пр. Поэтому мы воздерживаемся отъ передачи подобныхъ часто чудесныхъ событій.

Относительно недавно умершихъ полагаютъ, что души ихъ, прежде чѣмъ пойти по воздушнымъ мытарствамъ, нѣкоторое время пребываютъ въ домѣ, гдѣ померли, и потому въ день смерти вечеромъ ставятъ рюмку водки на окно, окно растворяютъ и «стерегутъ душу», т. е. цѣлую ночь не спятъ, а проводятъ время въ разговорахъ, которые, предполагается, слушаетъ и душа умершаго.

Послѣ того какъ трупъ снесли на кладбище, поселяне обязательно, входя въ домъ, берутся за печку, чтобы не пристала смерть; а если печка топится, то обогрѣваютъ руки у огня. Очевидно очистительное значеніе огня сохранилось твердо въ народномъ обиходѣ отъ лѣтъ весьма древнихъ.

Сохранился въ Лютеньскихъ - Будищахъ одинъ разсказъ, которому можно приписать значеніе, если сравнить его съ историческими данными, касающимися нашихъ предковъ въ Малороссіи.

Разсказъ говоритъ объ одномъ весьма древнемъ обычаѣ, практикующемся, правда, и теперь еще у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ Азіи, Африки и Америки, но окончательно давно исчезнувшемъ изъ Европы,—объ обычаѣ убивать престарѣлыхъ дряхлыхъ родителей.

Передаемъ разсказъ по возможности ближе къ слышанному нами, насколько память наша смогла точно его сохранить. «Колысь, це дуже давно було... та убывалы батькивъ за те, що воны стари, та неспособни робыть. Ото одному сынови та жаль було свого батька вбывать: винъ сховавъ его въ погрибъ, а людямъ сказавъ, що батька вбывъ. Допытуваться не сталы, тымъ и кончылось.—Тымъ часомъ настала голодуха. Яки тилькы де злыдни не булы, все попройидалы. Той сынъ и послиднимъ дилывся зъ батькомъ. Ось уже й весна на двори, пора бъорать та сіять, такъ ниде взять, щобъ посіять. Нема ниде ни зерна, ни соломынкы. Прыйшовъ разъ той сынъ до батька въ погрибъ за совитомъ: «тату, що робыть—сіять ничого».—«Пиды, сыну, каже батько, та розберы всю оселю, яка е, вывезы ту соломку на зъоране поле, рострусы, та земелькою прыкрый. Пидуть дощи; може-жъ такы, якъ молотылы, то яке зерно зосталось. Те зерно, дасть Богъ, зійде».—Сынъ такъ и зробывъ: пороскыдавъ осели, соломку вывизъ на поле, земелькою іи прытрусывъ. И що-жъ? зазеленило поле. Отъ и пытають розумного батька сына, де винъ насиння взявъ. А винъ й имъ видказуе: «Вы своихъ батькивъ повбывалы, а я свого въ погриби сховавъ. Лыхо скрутнуло, батько й въ прыгоди ставъ: то винъ мене навчивъ, що робыты». Розсказавъ самъ усе, якъ було. Съ тіеи поры люды сталы батькивъ поважать, а вбываты йихъ перестали. Бо побачылы, що безъ батькивъ гиршъ на свити жыты».

Этотъ разсказъ, слышанный нами изъ устъ неграмотной женщины, показываетъ, что въ народѣ еще сохранились такія стародавнія преданія, которымъ можно насчитывать тысячелѣтія.

О подобномъ обычаѣ у скиѳовъ—убивать стариковъ, какъ о господствующемъ обычаѣ у разныхъ племенъ скиѳскихъ, говоритъ и Страбонъ, и Секстъ Эмпирикъ, и другіе греческіе писатели.

Секстъ Эмпирикъ, говоря объ обычаяхъ разныхъ народовъ. замѣчаетъ о скиѳахъ, что они убиваютъ тѣхъ изъ стариковъ, которые достигли возраста свыше шестидесяти лѣтъ (Οἱ Σκοθαι δε ὑπερ ἑξηκοντα ἔτη γένομένους ἀποσφάττουσι).

Страбонъ, повѣствуя о нравахъ и обычаяхъ жителей Кавказа и прикаспійскихъ странъ, говоритъ о дервикахъ, обитателяхъ великой Скиѳіи (Δέρβικες), что «они стариковъ свыше семидесяти лѣтъ убиваютъ (τούς δ' ὑπερ ἑβδομήκοντα ἔτη γεγονότας σφάττουσι). Страбонъ же разсказываетъ, что каспійцы, умертвивъ голодомъ семидесятилѣтнихъ стариковъ, отвозили ихъ въ пустыню и бросивъ тамъ трупъ, наблюдали, кто его съѣстъ. Считалось за счастье, если трупъ съѣстъ птица; если онъ достанется въ пищу звѣрю какому-либо—худо, но все же лучше, чѣмъ если никто не тронетъ трупа. Послѣднее почиталось уже положительнымъ несчастьемъ.

В. К.

Край пещеры два дубочкы.

Соч. С. В. Р.

Нищо не пахне новыною:
Що есть, то було, буде въ викъ:
И перше лылась кровъ рикою,
И перше плакавъ чоловикъ!

М. Красное [1]). 1854 года. М. августа 2 и 3 дня.

Помѣщаемая нами въ настоящей книжкѣ «Кіевской Старины» баллада С. В. Руданскаго «Край пещеры два дубочкы» принадлежитъ къ числу раннихъ произведеній талантливаго, но вслѣдствіе несчастно сложившейся жизни не успѣвшаго вполнѣ развернуть свои духовныя силы украинскаго поэта. Какъ произведеніе раннее, она носитъ сильное вліяніе русской и польской романтической поэзіи, особенно—произведеній Жуковскаго, не задолго передъ тѣмъ закончившаго свою литературную дѣятельность. Не представляя собою чего-нибудь особенно выдающагося съ художественной точки зрѣнія, баллада Руданскаго тѣмъ не менѣе

---

[1]) Ямпольскаго уѣзда Подольской губерніи. Во львовскомъ изданіи мѣстомъ написанія баллады названъ Каменецъ-Подольскъ. Если это не ошибка, то вѣроятно въ Каменцѣ Руданскій лишь исправлялъ свою балладу, хотя въ послѣднемъ случаѣ не вполнѣ ясно почему, перемѣнивъ мѣсто написанія, авторъ оставилъ прежнюю дату.

имѣетъ крупный историко-литературный интересъ, съ одной стороны—какъ живой памятникъ тѣхъ вліяній и настроеній, которыя одно время, можно сказать, преобладали въ молодой украинской литературѣ; съ другой стороны—какъ матеріалъ для характеристики самого автора, занимающаго почетное мѣсто среди украинскихъ поэтовъ. Баллада Руданскаго печатается съ подлиннаго автографа, любезно предоставленнаго въ наше распоряженіе г. Яницкимъ; рукопись, писанная рукой самого Руданскаго, почти не имѣетъ поправокъ и, очевидно, представляетъ бѣловой экземпляръ, предназначавшійся для печати. Это обстоятельство даетъ право съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ тексту баллады и съ точностью установить время и мѣсто ея написанія. Придерживаясь при печатаніи установившагося у насъ правописанія, мы сочли однако нужнымъ отмѣчать въ примѣчаніяхъ всѣ болѣе или менѣе характерныя особенности правописанія подлинника.

Предлагаемая баллада появляется въ печати не въ первый разъ: подъ заглавіемъ «Люба», она уже была напечатана во II томѣ «Творивъ Степана Руданського» (стр. 61—76), вышедшемъ во Львовѣ въ 1896 г. подъ редакціей проф. А. Е. Крымскаго. Но упомянутое львовское изданіе, какъ и вообще всѣ заграничныя украинскія изданія, у насъ почти неизвѣстно и доступно развѣ только немногимъ счастливцамъ. Да и помимо этого, текстъ нашей рукописи представляетъ такія крупныя отличія отъ напечатаннаго въ «Творахъ», что можетъ считаться почти новымъ произведеніемъ, разрабатывающимъ, правда, тотъ же сюжетъ. Какъ можно заключить изъ сопоставленія обоихъ текстовъ, нашъ варіантъ является болѣе ранней редакціей, исправленной и во многихъ мѣстахъ сильно сокращенной и переработанной авторомъ уже впослѣдствіи. Сравнивая оба текста, можно слѣдить шагъ за шагомъ за любопытнымъ процессомъ поэтическаго творчества, наглядно показывающимъ, какую работу творческой мысли пришлось предпринять писателю; какъ постепенно исправлялись и замѣнялись новыми тѣ или иныя показавшіяся автору неудачными слова и цѣлыя выраженія; какъ все произведеніе мало-по-малу отдѣлывалось, шлифовалось и принимало другой видъ. Наблюдать такой

процессъ творческой дѣятельности всякаго незауряднаго писателя въ высшей степени интересно, не говоря уже о томъ, насколько это важно для объясненія тѣхъ или иныхъ особенностей писательской физіономіи даннаго автора. Этими соображеніями, надѣемся, достаточно мотивируется печатаніе предлагаемой баллады вторично въ нашемъ журналѣ, преслѣдующемъ, между прочимъ, цѣль—давать матеріалы и освѣщать по мѣрѣ возможности явленія и факты нашей родной украинской литературы.

ПРЕСЛИВЛЯ.

Не видкынь, не видцурайся,
Мылая родыно,
Моихъ думокъ незавыдныхъ
Тыхою годыной.

—

Хочъ смутніи тіи думы,
Но мои лышъ власни,
А видъ тебе най втикають [1]).
Случаи несчасни.

—

Будь счаслыва—и за мене
Нагадай порою,
А я завше въ мысляхъ буду
Выдитысь зъ тобою.

С. Руданській.

---

[1]) Руданскій 3 лицо обоихъ чиселъ настоящаго времени вездѣ пишетъ съ ъ,—втикаютъ, скрыплятъ, спытъ и т. д.; напротивъ 2 л. ед. ч.—съ ь,—будешь, достанешься.

Край пещеры два дубочкы.

I.

Небо чысте, небо ясне,
Зироньки сміются,
Чуть лышъ витеръ повивае,
Чуть деревья гнутся.
Выплывае мисяць повный
Тыхо зъ-за дубыны
И поглядуе мыленько
На горы долыны:
Горы стыхлы, онимилы,
Сплять якъ велыканы;
По долынахъ якъ покрывля,
Стелются туманы...
И на поли все тыхенько [1]):
Не скрыплять возамы,
Наймытъ лышъ порой озвется
Йдучы за воламы.
Все кругомъ села замовкло,
Но й село заснуло:
Мицно спыть противъ недили
И за все забуло.
Лышъ въ идній [2]) ище хатыни
Чуть блещыть край зруба,
Де недавно перебралась
Дивчинонька-Люба.

Хатка тая невелычка,
Но стины биленьки;
Кругъ хатыны зеленіють
Тополи маленьки...

Въ тій хатыни жыла баба—
Дивчыноньки ненька
И дивчына, якъ калына,—
Люба молоденька...

Ненька спала на постели
(Може вже й хропила) [3]),
А дивчына молодая
На земли сыдила,
Русу косу [4]) заплитала...

Каганець блыщався,
И видъ него бляскъ неривный [5])
Въ лычко видбывався.
Ой, то була справди Люба,
Люба—та ще й мыла;

На земли вона сыдила,
Голову схылыла [6]):
Лычко було, якъ та ружа,
Бровы, якъ шнурочокъ,
Губкы, якъ медокъ солодки,

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ—техенько, техенькій.

[2]) Въ подлинникѣ дат. и предлож. падежи женск. р. вездѣ безъ й: въ идни, въ ти, свои и т. д.

[3]) Изъ примѣчанія редактора львовскаго изданія къ этому мѣсту узнаемъ, что первоначально эта строка имѣла слѣдующую редакцію: «Спала и хропила». Изъ того, что эта редакція разнится какъ отъ нашего текста, такъ и отъ львовскаго изданія, можно заключить, что существуетъ еще третій варіантъ баллады.

[4]) Во львовскомъ изданіи—русу косу.

[5]) Въ подлинникѣ—неримный.

[6]) Въ подлинникѣ—схелыла.

Очи, [1]) якъ терночокъ;
Шыя била такъ, якъ лебидь,
Губы ще мылищи,—[2])
Тилькы шкода, що каганчыкъ
Не блыщавъ яснище...
Люба косу заплитала
И чогось здыхнула,
Взяла косу русявую,
Къ лычку прыгорнула.
«Ой ты, косо русявая!»
Дивчынонька каже:
«Ой кому ты достане́шся?
Хто тебе завяже?
Лычко мое румянее,
Хто то поцилуе—
Поцилуе и тымъ серце
Свое нагодуе?
Ненька каже, що Данылo,
Но Богомъ кленуся:
Буду викъ свій дивуваты,
А зъ нымъ не зійдуся!
Винъ багатый, каже маты;
Щожъ мени пото́му:
Я за нымъ перада буду
И багатству тому.
Каже й винъ не разъ до мене:
Будешъ въ мене въ злоти,
Лышъ за мене тилькы выйды
Зъ доброи охоты...
Но я знаю тее злото:
Буду въ нимъ ходыты,
А винъ буде мое серце [3])
Молоде вялыты.
Най счезае зъ тымы грошмы:
Ихъ мени не треба:
Я лышъ серця хорошого
Ждала-бымъ видъ неба...
Я Якыма полюбыла,—
Дай-то мени, Боже!
Бо счаслывою зробыты
Винъ иденъ лышъ може:
Винъ не мае марныхъ грошей [4]),
Не оре плугамы,
Винъ лышъ серце добре мае,
Видъ доброи маты...
И въ те серце я запала—
Знаю тее, знаю—
Винъ лышъ мене тилькы любыть,
Я жъ чого чекаю?
Винъ не прыйде самъ до мене,
Не прыйде́ до хаты:
Ненька буде коцюбою
Зъ хаты выганяты;
Бо Данылo въ мысляхъ ненькы
Вспивъ вже замистытысь
Такъ, якъ чортъ пидлизъ пидъ церкву
Господу молытысь...
Взавтра я пиду до церквы
На службоньку Божу
И Якыма повыдатысь
Зъ собою попрошу.
За селомъ въ насъ, надъ рикою,
Есть пещера давня,—
Коло неи розвынется [5])
Нашее кохання...
А Данылo тилькы прыйде
Взавтра въ нашу хату,—
Скажу просто ёму въ очи:
— Выбырайся, свату!»...

---

[1]) Въ подлинникѣ—вездѣ очы, что противорѣчитъ утвержденію г. Крымскаго, что отмѣченный имъ въ этомъ мѣстѣ такой способъ написанія этого слова (съ ы) является единственнымъ исключеніемъ.

[2]) Во львовскомъ изданіи—билищи.

[3]) Въ подлинникѣ—сердце.

[4]) Въ подлинникѣ—грошый.

[5]) Въ подлинникѣ—розвенется.

Такъ сама идна зъ собою
Люба говорыла;
А тымъ часомъ заплелася,
Каганець згасыла,
Положылась спочываты,
Тяженько здыхнула;
Но повіявъ сонъ тыхенькый
И вона заснула.

II.

Засвитыло ясне сонце,
Дзвоны задзвонылы
И до церквы на молытву
Сонныхъ побудылы.
Помолылысь люде Богу,
И зновъ розійшлыся.
И зъ семьею господари[1])
За обидъ взялыся...
Сила й Люба зъ своей ненькой
За стилъ деревяный;
Ажъ прыходыть по бабуню
Дивчына видъ пани,
Щось на вухо ій шепнула;
Баба на полыцю,
Взяла ножыкъ и до пани
Поплелась въ свитлыцю...
А дочци своій сказала,
Щобъ йи не чекала [2]),
Щобъ сама идна убогый
Обидъ той кинчала...
«Я тамъ, донько, заночую:
Гляды жъ—зачыныся,
Щобы часомъ хто недобрый
Въ хату не забывся»...
Ненька выйшла, а дивчына
Той обидъ скинчыла,
Позбырала, якъ годытся,
Начыня помыла,
Въ мысныку мыскы поклала,
А горшкы пидъ коминъ—
Такъ зо всимъ роспорадылась,
Якъ хазяйка въ доми...
Взяла виныкъ и смитя все
Вымела изъ хаты
И на лаву потимъ сившы́,
Зачала спиваты:
«Ой вы, таты! ой вы, мамы:
Не сватайте диты сами,
Нехай воны сватаются,
Колы вирно кохаются!»
Зачала вона спиваты.
Ще и не скинчыла,
А вже выдыть предъ собою
Парубка Даныла:
Росту бувъ винъ, якъ тополя,
Но сухый, безъ тила,
Очи въ лобъ позападалы,
Губа посынила,
Лыця жовти, якъ цытрыны,
Шыя журавлёва,
И наверха мижъ волоссямъ
Лысына готова.
Но винъ, выдно, чыпурывся [3]):
Голова блыщала,—
Выдно, зъ каганець на нюю [4])
Вымастывъ винъ сала;

---

[1]) Въ подлинникѣ—семіою, ниже—журавліова.

[2]) Въ подлинникѣ вездѣ—чыкала.

[3]) Въ подлинникѣ—чепорывся.

[4]) Первоначально въ подлинникѣ вмѣсто «на нюю» было зачеркнутое слово «бидняка».

Сыва шапка пидъ пахвою
Пивъ вулыя буде,
Бо такіи завше носять
Богатіи люде;
Свыта добра, вся въ мережкахъ,
Чоботы здорови,
На чоботяхъ, якъ въ конякы
Доброи, пидковы.
Скынувъ шапку ажъ у хати,
«Будь здорова, Любо!
Якъ же жъ, Любо, ты ся маешъ?
Запытався грубо».
— «Зъ ласкы Божои здорова»,
Дивчына сказала.
— «Що жъ ты, Любо моя, сумно
Дуже такъ спивала?
Журышся ты все, небого,
Сватайся зо мною;
Будешъ въ золоти ходыты,
Жыты у покою...
Отъ дывыся кылько грошей!».. [1])
Руку вклавъ въ кишеню
И показуе дивчыни
Грошей повну жменю.
— «Грошей тыхъ мени не треба»,
Каже такъ дивчына:
— Говорыты изъ тобою
Не часъ, не годына;
Йды соби, куды гадаешъ,
Такъ якъ тая хмара:
Ты багачъ, шукай багатыхъ,
Я жъ тоби не пара»...
Посынилы жовти лыця,
Затряслыся [2]) губы
И, якъ въ трясти [2]), забренчалы
Зубъ иденъ до зуба,
Очи впылыся кровлею,
Рукы задрожалы;
— «Почекайте жъ вы, паплюгы,
Вы мене не зналы...
Будешъ же ты памятаты,
Ящирко погана!
Сылой оженюсь зъ тобою,
Якъ пиду до пана!»
— «Хоть до пана, хоть до чорта,—
Я ихъ не боюся
Зъ того всего я—байдуже,
Зъ того я сміюся!»
Взявъ Даныло сывый вулый,
Загорнувъ чупрыну;
Подывывся ще разъ басомъ
На тую дивчыну,
«Будешъ же ты памятаты!»
Ще разъ видхвалывся
И до пана, чы до биса
Заразъ видпалывся...
Зосталась сама дивчына,
Богу помолылась,
Що видъ нелюба Данила
Якось видчепылась...
И замкнула добре двери,
Зачала чекаты,
За кымъ сонечко спочыне,
И зачне смеркаты.

III.

Де жъ Даныло? що жъ винъ робыть?
Даныло лютуе,
Винъ до пана не спишытся,

---

[1]) Въ подлинникѣ въ этомъ же мѣстѣ и ниже—грошій, тогда какъ раньше эту форму Руданскій писалъ—грошый.

[2]) Въ подлинникѣ—затраслыся, въ трасци.

Але смерть готуе.
Отъ смеркае. Нижъ гостренькый
Взявъ зъ собой Даныло
И пишовъ до тои хаты,
Де вчора свитылось.
Темна ничъ, якъ грибъ-могыла,
Витеръ повивае
И тополямы малымы
Край хаты хытае.
Каганець блыщыть въ хатыни,
Дивонька спивае;
Вбралась въ свыту и корали—
Десь иты думае...
И поглянувъ у виконце
Даныло проклятый...
«Вона йде кудысь,—подумавъ,—
Треба почекаты;
Може лучче якъ удастся
Видплатыты ласку.
Мени зъ неи доведется
Здерты и запаску!»
Ставъ тыхенько, прытаився
На углу хатыны,
Ставъ чекаты, якъ китъ сала,
Биднои дивчыны...
Отъ скрыпыть бигунъ у хати,
Засова туркоче,
Вже прощатыся зъ хатыной
Дивчынонька хоче.
Зачынила хату й сины,
Взяла ключъ зъ собою,
Подывылася кругъ себе
И пишла ступою.

—

За селомъ рика быстренька
Вьется долынамы,
Надъ рикою есть пещера
Помыже скаламы.
Въ тій пещери изгнывають
Кости чоловичи,
И про то, чыи то кости,
Ризни людськи ричи...
Въ ту пещеру вси боятся
И у день ходыты.
А що въ вечери—боятся
За ню й говорыты.
Такъ на гоны видъ пещеры
Два дубкы сплелыся,—
Тамъ коханкы обыдвое
На сей разъ зійшлыся!..
Ничка темна, всюды темно—
Зле було ходыты:
Отъ воны обое силы,
Сталы говорыты...

Л ю б а.

Ой, Якыме! поклeныся
Правду говорыты!
Поклeныся, чы мя любышъ
И будешъ любыты?

Я к ы м ъ.

Ты не вирышъ, серце Любо?!
Ну! то я кленуся,
Що ни въ кого, окримъ тебе,
Никгды не влюблюся,
Хсчъ-бымъ бачывъ тысячъ кращыхъ—
На идну не вгляну,
Бо не хочу що бымъ здрадывъ
Дивчыну кохану...

Л ю б а.

Прысягаю й я, Якыме,
До самого вика
Лышъ тебе идного маты
Въ викъ за чоловика!
На отъ перстень зъ мого пальця:
Памятай, небоже!

Я к ы м ъ.

Богъ намъ свидокъ, якъ мы клялысь,
Богъ намъ и поможе!..

—

... Но тутъ щось за чагарамы
Зашелепотило...

Холодъ душу обіймае,
Замырае тило...
Полякалысь, що звиряка,—
И давай втикаты
Десь въ село Якымъ коханый,
Дивчына жъ до хаты...

—

Зновъ долына край пещеры
Стыхла, якъ могыла;
Лышъ идна душа жывая
Край дубкивъ ходыла.
Коло пояса нового
Гострый нижъ блыщався.
Поглядавъ винъ на дубочкы
Зъ злостію сміявся:
«То вы тутъ, мои коханкы,
Сходытесь зъ собою?
Не будете вы тутъ бильше—
Ложу головою.
Ще лышъ ничъ — и бильшъ Якыма
На свити не буде:
Тамъ въ пещери тій страшніи
Й Богъ ёго забуде!
Ты прыйдешъ сюды, небого,
Зъ нымъ поговорыты,
Но даремне будешъ зваты,—
Рученькы ломыты...
Лучче бъ ты ёго не знала,
Лучче бъ не любыла...
Будешъ знаты, якъ то гнаты
Парубка Данылa»!
Ще окынувъ биглымъ окомъ
Мыліи дубочкы
И, якъ вовкъ, пишовъ до дому
Черезъ два горбочкы.

IV.

Небо чысте, небо ясне,
Зиронькы сміются,
Чуть лышь витерь повивае,
Чуть деревля гнутся...
Выплывае мисяць повный
Тыхо зъ-за дубыны
И поглядуе мыленько
На горы й долыны.
Горы стыхлы, онимилы,
Сплять якъ велыканы,
По долынахъ, якъ покрывля,
Стелются туманы...
И надъ ричкой, край пещеры,
Ставъ туманъ стелытысь
И, здавалось, хтивъ закрыты,
Що буде робытысь...
Но ще добре було знаты,
Якъ тую долыну,
Такъ и ту, що тамъ ходыла,
Въ долыни, дивчыну.
Та дивчына до пещеры
Чогось заглядала
И пидъ полы нижъ, якъ брытву,
Гостренькый ховала.
Дали стала пидъ дубкамы,
Все когось чекае
И изъ серця пазюрамы
Кору колупае...
Но все тыхо по долыни,
Чуть лышъ витерь віе,
И на дереви поволи
Вершечокъ хыліе...
Ба, отъ беригомъ помалу,
Якъ рика взвылася,
Ще якась душа жывая
Видъ села плелася...
Лышъ завыдила дивчына,
Усмихнулась зъ злости,
Задрожало жовте тило
И сухіи кости...
Въ тры погыбели зигнулась,
Стала невелычка
И потерла кулакамы
Пожовтили лычка...

Видступылась видъ дубочка,
Обернулась всюды,
Стала потимъ и чекае,
Закымъ той прыбуде...
Но лышъ тилько той поглянувъ,
Шапкой ставъ кываты,
А дивчына заразъ стала
Буцимъ утикаты—
И все блыжче до пещеры—
Парубокъ за нею,—
Все бижыть и все махае
Шапкою своею...
Вбигла дивка ажъ въ пещеру
И зайшла за двери.
Дывытся—пройшла хвылына—
Парубокъ въ пещери.
Тилько хтивъ іи обняты—
Нижъ тутъ появывся
И по саму мидну ручку
Въ грудяхъ затопывся!..
Тутъ пробывся мисяць повный
Чрезъ туманъ и двери
И роскрывъ, що тамъ робылось
Въ страшніи пещери...
На земли Якымъ убытый,
Льеться кровъ рикою,
Коло него нижъ гостренькый
Скрашеный кривлею [1])...
А Даныло препоганый [2])
Тамъ въ иднимъ куточку
Розбырается зъ спидныци
И бере сорочку,
И взявъ свыту, сывый вулый—
Зновъ ставъ, якъ Даныло,
И побривъ до свого дому
Тыхою долыной...
Десь Даныло счезъ въ тумани,
Ажъ тутъ зъ-за горбочка
Йде дивчына молодая
До свого дубочка...
Отъ прыйшла—нема никого:
Сила та й чекае
И десь квиточку зирвавши,
Лысточкы зрывае...
И повіявъ витерочокъ,
Ставъ лыстки хапаты
И долыной повздовжъ ричкы
Зъ нымы утикаты...
Такъ кохання улитало!
Но вона не знала:
Ще вона Якыма свого
Пидъ дубкомъ чекала.
Но годына за годыной
Стала уплываты,
А мыленького Якыма
Чогось не выдаты...
Отъ свитаты вже зачало,
Туманы ридилы,
А въ пещеру по-надъ беригъ
Вороны летилы...
И заплакала дивчына,
Що нема Якыма,
Подывылась на дубочокъ
Сумнымы очыма—
И пишла до свого дому:
Стала добыватысь
Що Якыму перебыло
Зъ нею повыдатысь?
Но й въ сели нема Якыма,
Соцькый лышъ поклявся,
Що Якымъ десь на чужыну
Видъ рекрутъ сховався...
Но проходытъ рикъ и другый—
Его не выдаты:
Стала Люба за Якымомъ
Рученькы ломаты.

---

[1]) Въ подлинникѣ—кровліою.

[2]) Такъ и въ подлинникѣ. Г. Крымскій отмѣчаетъ, что въ подлинникѣ, которымъ пользовался для львовскаго изданія, это слово пишется: «прыпоганый».

V.

Вже Даныло разивъ килька
Прыходывъ до Любы,—
Рушныкивъ просывъ у неи
Для вичнои згубы.
Маты просыть, маты молыть,
Щобъ за него выйты,
А дивчынонька не хоче
Навить говорыты...
Дали каже своїй неньци:
«Трошкы почекайте,
Недалеко въ насъ Андрея—
Погадаты дайте!
Тилько суженый[1]) мій буде
Парубокъ Даныло,
Щожъ робыты? я вже пиду,
Шобъ ся не лучыло»...
И старенька іи ненька
На тее прыстала
И Андрея вразъ зъ дочкою
Своею чекала...

—

Повійнулы витры буйни
(Осинь зачалася),
И дубына безъ лысточкивъ
Гола зосталася...
Опустилы сумно нывы,
Копы не брылюють,
Лышъ стадамы межъ рылямы
Журавли жырують...
Тутъ и дни коротши сталы,
Розляглысь туманы,
И пташкы за сыне море
Вже неслысь стадамы...
Перейшло ще килька недиль
Снигъ давай котыты:
Мабуть осинь нехорошу
Хтивъ собой закрыты...
И збилилы голи горы,
И пусти долыны,
И садочкы, и ставочкы,
И мали хатыны.
Мыколая вже блызенько:
Тыждень лышъ до него[2]),
И Андрей дивчатъ чекае
Власне пидъ порогомъ...
И дивчата завертилысь:
Кажда хоче знаты,
Чы удастся сёго року
Чоловика маты...
Отъ Андрей уже у хати—
Дивонькы гадають:
То тыхенько по оборахъ
Баранивъ шукають,
То выходять за ворота
И трасуть[3]) ложкамы,
То звываются вьюнамы
Помыже коламы...
То надъ ричку йдуть по воду,
Губой набырають,
И потимъ гадають,
Дывлятся, що имъ попалось,
То замисюють на соли
Коржыкы маленьки
И идять ихъ, щобъ прыснывся
Суженый—мыленькый...

—

Затыснула й наша Люба
Свого серця раны,
Загадала на Андрея,
Де Якымъ коханый.
Тилько смерклося, побигла
Въ темненькую ничку
За село до той пещеры

---

[1]) Въ подлинникѣ вездѣ—сужаный.

[2]) Въ подлинникѣ здѣсь—ніого, въ другихъ мѣстахъ него.

[3]) Въ подлинникѣ—трасутъ.

Надъ быструю ричку;
Нахылылась головою
Въ воду на писочокъ,
Захватыла и водыци
И якійсь килочокъ...
Прыбигае скоро въ хату,
Воду вылывае,—
Колы дывытся, зъ водою
Палець выпадае...
И составъ иденъ состава
Чуть лышъ що держытся,
И облипленый [1]) ыржою
Перстень чуть блыщытся...
Зняла перстень зъ того пальця,
На свій наложыла
И на чыстіи водыци
Коржыкъ замисыла...
Замисыла, въ пичъ поклала,
Испекла и ззила...
Потимъ перстень въ рукы взяла,
Коло печи сила
И зачала вытыраты...
Перстень лышъ засяявъ,
И дивчына повалылась,
Такъ якъ нежывая...
«Ой, Якыме! закрычала,—
Ты въ земли сыріи,
Росплылыся твои всюды
Кости молодіи!»
— «Що то, Любо? Богъ зъ тобою,—
Мыколай чудовный!»
Закрычала стара ненька
И кухлыкъ неповный
Вылляла на ню водыци,—
Виджывыла дочку
И видъ пазухы до нызу
Роздерла сорочку.
Пробудылась бидна Люба,
Знову обимлила,
Грудь хыталась, серце былось,
Голова горила...
Ще разъ баба обилляла
Дочечку водою
Виджывыла й положыла
Въ постиль изъ собою.

VI.

Стала Люба помаленько,
Стыха засыпаты,
Ненька сила и не може
Очей видирваты,—
Все на нюю поглядае,
Духъ свій задушыла
И боится, щобы Любы
Якъ не розбудыла...
Люба спыть, а серце бьется,
Груды хылытае; [2])
Тяжко дыхае слабая,
Тяжче ще здыхае...
Помолылась Богу ненька,
Сила и куняе...
Ажъ тутъ вдругъ зъ іи [3]) постели
Люба ся зрывае...
«Ой, дывится!—закрычала,
Що всіеи сылы:—
Хтось страшный прыйшовъ до хаты,
Якъ вмерлець зъ могылы...

---

[1]) Въ подлиннике—облипляный.

[2]) Въ подлиннике—хелытае.

[3]) Въ подлиннике—еи.

Ой, ратуйте!... бо винъ каже...
Що прыйшовъ у гости!..
Подывится!.. ребра голи...
Всюды голи кости!..
Мамо!... Гляньте!... Подывится!...
Гляньте но на двери!...
Щó ты кажешъ?... Ты говорышъ.
Щось прыйшовъ... зъ пещеры...
Хто ты?... якъ то?... Ты такъ звешся?...
Я тебе не знаю...
Мій Якымъ трымався тила!...
Кажешъ: перстень маю?...
Перстень въ мене... а колысь то
Я Якыму дала...
Ты говорышъ... що Якыма
Палець я узяла... [1])
И показуешъ на пальци...
Що нема идного...
Ты Якымъ!... тоби я вирю!... [2])
Ты Якымъ, ей Богу!.. [3])
Хто жъ тоби такъ постарався?..
Хто такый?... Даныло?...
Той багатый... за горбочкомъ?..
Мамцю жъ моя мыла!..
Що ты кажешъ?... Що за мене...
Винъ бувъ перебрався!...
Заманывъ тебе въ пещеру...
И зъ ножемъ звывався!...
Просышъ кости поховаты?..
Де жъ я поховаю?...
Поховаты себе кажешъ
Межъ дубкамы?... знаю!...
Но колы жъ то тее буде?...
Говорышъ... весною...
Ты вже хочешъ утикаты?...
Ще посыдь зо мною...
Мамо! Мамо! Не пускайте!...
Зачыняйте двери!...
Швыдко! швыдко... не пускайте
Его до пещеры!»...
И схватылася зъ постели,
Доганяты мала,
Тилько ненька йи за рукы
Зъ страху задержала.
Знову впала на постелю
Люба молодая,
Выдно, це іи напала
Гарячка [4]) гнылая!...
Мабуть въ барабанъ пробыло.—
Рознеслося всюды:
Що Якыма вбывъ Даныло,
Зналы увси люде;
Тилько ще не довирялы [5])
Трохы, межъ собою
Перевирытысь поклалы,
Якъ Богъ дасть, весною.
Но Даныло ще не знае,
Лышъ трипнется часомъ,
Якъ говорыть хто тыхенько,
Тай погляне басомъ...

— —

Риздвяни [6]) святкы мынулы,
Морозы упалы;
Промынувъ и пистъ велыкый,
И снигы ростaлы...
Зелениты сталы горы,
И квиткы розцвилы,
И въ лысточкахъ молоденькыхъ
Соловьи запилы...

---

[1]) Въ подлинникѣ—увзяла.

[2]) Въ подлинникѣ—виру.

[3]) Въ подлинникѣ—ей Бого.

[4]) Въ подлинникѣ вездѣ—гарачка.

[5]) Въ подлинникѣ—не довиралы.

[6]) Въ подлинникѣ—риздвани.

Ожыло увсе зъ весною
Все помолодило,
И село отъ пробудылось
И завеселило...
Пробудылася зъ горячкы
И дивчына Люба,
Здоровища вона стала
Видъ крепкого дуба...
Тилько все чогось смутная,
Серденько вялытся,
Изъ весною все веселе,
А вона смутытся!...

До пещеры часто ходыть
Стежку ажъ зробыла,
Плаче завше, и рыдае
И клене Даныла...
Ба й село отъ спомянуло
Давни свои мысли,
И надъ парубкомъ Даныломъ
Хмароньки надвыслы...
Но зелени свята булы
Власне коло хаты,
И громада зговорылась
Трошкы почекаты...

VII.

Засвитыло сонце ясне,
Дзвоны задзвонылы
И до церквы на молытву
Сонныхъ побудылы.
Помолылысь люде Богу,
Знову розійшлыся,
Изъ семьёю господари
За обидъ взялыся...
По обиди вси зибралысь
До тои долыны,
Щобъ Якымовои смерты
Якъ дойты прычыны.
Застелылы пидъ дубкамы
Кылымокъ новенькый
И поклалы на той кылымъ
Кисточкы сухенькы...
И казалы, щобы всякый
Йшовъ ихъ цюлуваты,
Щобъ якымы способамы,
Хто убывъ, пизнаты...
Ато, кажуть, що души тій,
Которая вынна,
Непреминно кровъ изъ носа
Брызнуты повынна...
Отъ зачалы цюлуваты,
Спершу,—стала Люба,
Зарыдала, сцюлувала
И пишла за дуба;

Потимъ ненька помолылась
И поцюлувала,
А за нею вся громада
Тыхо пидступала...
А Даныло все за другыхъ
Мнется и вертытся;
На послидокъ йде, бо выдыть
Що не ухытрытся...
Затрусылыся колина,
Якъ зачавъ згынатысь,
Но ничого не поможе:
Треба цюлуватысь.
И лышъ губой прытулывся,
Закрычавъ: «ратуйте!
Въ губу гадына вкусыла!
Гробъ мени готуйте!...»
И загнало ему губу,
Очи, лобъ и лыця.
«Ой, простите добри люде!»
Винъ начавъ молытся:
«Акуратъ назадъ два рокы,
Якъ въ пещери тіи
Я ножемъ пробывъ Якыму
Груды молодіи!...
Винъ видъ мене, я видъ него,
Разомъ умыраемъ
И, здается, мы ничого
Межъ собой не маемъ;

Лышъ за мною грихъ велыкый»...
Тутъ винъ впавъ на груды,—
«Помолится Богу щыре
И за мене, люде!
О молится, я вмыраю!...»
По земли скотывся
И, якъ плюнуты на воду,
Такъ души лышывся...
Розійшлася вся громада;
Потимъ зновъ зійшлыся,
Пипъ, кадыло и могыла
Для вмерлыхъ найшлыся...
Засвитылы люде свичи,
Пипъ зачавъ кадыты
И зачалы по умершыхъ
Богу ся молыты...
Заспивалы «вична память»,
Думають спускаты,
Но дивчына, Люба, рвется
Ще поцюлуваты;
Не пускалы, но видъилась [1])
Дивчына зубамы
И вчепылась за ти кости
Обома рукамы...
И вже выдно злая доля
Такъ іи судыла:
Зновъ гадюка тая жъ сама
Дивчыну вкусыла...
Не крычала та дивчына,
Богу лышъ молылась,
Що зъ Якымомъ хочъ по смерти
Вона зъедынылась...
Щожъ робыты? «Со святымы»
Зновъ дякы началы
И надъ гробомъ «вична память»
Третій разъ спивалы...
«Оче-нашъ» вси зговорылы
«Богородыце Диво»...
Опускають въ грибъ Якыма
И кладуть на ливо,
А на право положылы
Спухлого Даныла,
Мыже нымы помистылась
Дивчынонька маыла...
Запечатавъ пипъ могылу,
Кынувъ глыны мало,
Сталы потимъ вси кыдаты,
И вмерлыхъ не стало...
Лышъ горбокъ, де була яма...
Трусыть пипъ кадыло,
И остатній [2]) разъ надъ гробомъ
Ихъ ся закурыло...

—

Край пещеры два дубочкы.
Якъ иденъ, сплелыся,
Тамъ коханкы обыдвое
Першый разъ зійшлыся,
И кохатысь межъ собою
Тамъ воны поклялысь,
Тамъ остатній разъ обое
Мыло обійнялысь...
Третій клявся головою—
Якыму не жыты,
За то мусивъ видъ Якыма
Голову зложыты...
Заросла вже та могыла,
И дубкы схылылысь,
Повмыралы й тіи люде,
Що за ныхъ молылысь...
Но, прохожій! хто бъ ты не бувъ,
Памятай, небоже!
Хоть подумай, издыхнувшы:
«Помяны ихъ, Боже!»

Finis.

---

[1]) Въ львовскомъ изданіи—видчилась, при чемъ проф. Крымскій дѣлаетъ догадку, что это слово нужно читать «видвылась», або «вчепылась». Въ нашей рукописи совершенно ясно—«видъилась»,—очевидно въ рукописи проф. Крымскаго это слово было неразборчиво написано.

[2]) Въ подлинникѣ—остатный.

Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси.

(*Продолженіе* [1]).

IV.

Въ Москвѣ утверждали греческое учебно-литературное направленіе ученые греки, въ то же время косвенно служа латинской наукѣ и пріучая къ ней вкусы русскихъ.

Выше было сказано, что уже въ XVI в. до Руси стали доходить волны того движенія, которое называется возрожденіемъ наукъ и искусствъ. Для московской Россіи первой такой волной былъ Максимъ Грекъ, чрезъ котораго русскіе познакомились съ наукой двухъ видовъ—греческой и западно-европейской [2]. По словамъ А. Н. Пыпина (II, 146), Максимъ былъ «какъ бы первымъ

---

1) См. Кіев. Ст. № 7—8.

2) Можетъ быть, для этого знакомства что-нибудь сдѣлали греки, прибывшіе въ Россію съ Софьей Ѳоминишной въ 1472 г., но слѣдовъ ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи не сохранилось.—Въ концѣ XV ст. знаемъ нѣсколькихъ грековъ на службѣ у вел. князя—братьевъ Дмитрія и Мануила Ралевыхъ, Юрія Траханіота, Мануила Ангелова (Голубинскій, о. с. $2/_{11}$ 864 сл.).

посредствующимъ звеномъ между старой русской письменностью и западной научной школой... онъ явился впервые съ пріемами болѣе высокаго критическаго знанія, въ которомъ отражалась школа западнаго, спеціально итальянскаго возрожденія». Максимъ Грекъ учился въ Италіи [1]), у «учителей нарочитыхъ», у мужей «добродѣтелію житія и премудростіею многою украшеныхъ» (Сочиненія, ч. III (Казань, 1862), 178), и самъ «многа и различна прочетъ писанія, христіанска же и слажденна внѣшними мудрецы, и доволну душевную пользу оттуду пріобрѣлъ». И, дѣйствительно, его собственныя писанія свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его, кромѣ церковныхъ писателей, съ Гомеромъ и Гезіодомъ, Пиѳагоромъ, Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, Эпикуромъ, Ѳукидидомъ, Плутархомъ и др. По наслышкѣ онъ былъ знакомъ и съ парижскимъ университетомъ и хвалилъ, какъ примѣръ достойный подражанія, тамошнюю постановку учебнаго дѣла. Онъ же передавалъ на Москвѣ о книжномъ богатствѣ запада, владѣющаго на латинскомъ языкѣ почти всѣми греческими писателями, и, вѣроятно, первый познакомилъ москвичей съ типографскимъ искусствомъ, процвѣтавшимъ тогда въ Венеціи. [2]) Все это могло производить на москвичей тѣмъ большее впечатлѣніе, что нѣкоторые изъ близкихъ къ Максиму людей знали латинскій языкъ, бывали за границей и сами убѣдились, что западъ богаче востока и учеными людьми, и книгами. Таковы были приставленные къ Максиму Греку толмачи Димитрій Герасимовъ и Власій. Первый, учившійся въ Ливоніи, знавшій латинскій и нѣмецкій языки, не однажды бывалъ въ чужихъ краяхъ по дипломатическимъ порученіямъ, сообщалъ въ Римѣ свѣдѣнія о Россіи Павлу Іовію, посылалъ оттуда архіеп. Геннадію переводы нѣкоторыхъ статей, принималъ

---

[1]) Изъ итальянскихъ городовъ Максимъ бывалъ во Флоренціи, Венеціи, Миланѣ, Падуѣ и Феррарѣ (Голубинскій, $2/_1$, 668—671).

[2]) Г. А. Филипповъ доказываетъ, что Максимъ Грекъ, живя въ заточеніи въ Сергіевой Лаврѣ, тайно занимался съ нѣсколькими монахами книгопечатаніемъ и что Иванъ Ѳедоровъ, введшій фряжскія названія принадлежностей типографскаго дѣла,—ученикъ Максима.

участіе въ переводѣ съ латинскаго и нѣмецкаго Библіи и самъ написалъ нѣсколько сочиненій. Власій также бывалъ въ посольствахъ, былъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ Герберштейномъ, сообщалъ свѣдѣнія о Россіи Іоанну Фаберу [1]). Подъ вліяніемъ Максима Грека впослѣдствіе за изученіе латинскаго языка взялся кн. А. Курбскій, переведшій затѣмъ съ латинскаго нѣсколько сочиненій.

Впрочемъ, Максимъ къ самой западной наукѣ относился критически. Онъ порицалъ излишнее увлеченіе въ западныхъ школахъ Аристотелемъ, Платономъ и тѣми, «иже окрестъ ихъ», и подчиненіе богословскихъ догматовъ философскимъ силлогизмамъ (I, 247, 462—3). Онъ больше тяготѣлъ къ греческой церковной письменности, къ греческому богословію и греческой церковной философіи, хотя и не былъ узкимъ еллинофиломъ [2]). «Одаренный способностью филологическаго толкованія съ нѣкоторымъ примѣненіемъ къ дѣлу различныхъ средствъ критики, въ томъ числѣ данныхъ грамматики или синтаксиса», Максимъ Грекъ при поясненіи текста свящ. писанія или же богослужебныхъ книгъ «нерѣдко обнаруживалъ свои теоретическія свѣдѣнія по греческой грамматикѣ, откуда бралъ доказательства то въ обличеніе чужихъ ошибокъ, то въ оправданіе своихъ поправокъ». «Его аргументація нерѣдко цѣликомъ основывается на разсужденіи грамматическаго свойства, причемъ не надо забывать, что въ старину названіе и понятіе грамматики употреблялось въ болѣе широкомъ значеніи,

---

1) А. Н. Пыпинъ, II, 132. Казан. Унив. Извѣстія, 1900, май—іюнь, 143—5.

2) Хотя Максимъ Грекъ упорно защищалъ главенство константинопольской патріархіи надъ русскою церковью, но, съ другой стороны, предостерегалъ русскихъ отъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ-проходимцевъ, которые являлись въ Москву учить и кормиться, «отнюдъ не вкусивше художнаго вѣдѣнія книжнаго, рекше грамотійскаго и риторскаго и прочихъ чюдныхъ учительствъ еллинскихъ, и для испытанія «пришельцевъ-философовъ» оставилъ нѣсколько греческихъ стиховъ» (III, 286—289. Ср. И. В. Ягичъ, Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ (1896, Спб.), 303,3 04).

чѣмъ теперь, она считалась существенною, чуть ли не самою важною частью философіи» (Ягичъ, ibid., 296, 298). Теоретически и практически Максимъ Грекъ внушалъ мысль, что такое важное дѣло, какъ исправленіе книгъ или даже провѣрка произведеннаго имъ самимъ исправленія, требуетъ научно образованныхъ людей. И несмотря на то, что самъ же Максимъ указывалъ на трудность изученія греческаго языка и греческой мудрости, онъ успѣлъ кое-что сдѣлать для изученія ихъ въ Россіи: составилъ нѣсколько статей по греческой грамматикѣ [1]) и познакомилъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ А. М. Курбскаго, съ своимъ роднымъ языкомъ [2]).

Конечно, Максимъ Грекъ обучалъ греческому языку не въ школѣ, а частнымъ образомъ, какъ это практиковалось въ теченіе многихъ вѣковъ и до него. Можетъ быть, къ нему именно относится свидѣтельство Фабера (1525), который, сказавъ, что въ Россіи есть «гимназіи», хотя и немногочисленныя, гдѣ дѣти знатныхъ учатся на русскомъ языкѣ свободнымъ наукамъ и, преимущественно, священнымъ, добавилъ, что ради писаній св. отцовъ весьма многіе

---

[1]) Ни полной греческой, ни полной славянской грамматики Максимъ не написалъ. Ягичъ, 297, 298, 301, 302, 306—325.

[2]) Изъ другихъ учениковъ Максима называютъ Селивана (Описаніе рукоп. Солов. монастыря, I, № 138, стр. 163—4), Савву Святогорца, инока Нила (Курлятева), св. Германа казанскаго, Зиновія Отенскаго. О сочиненіи послѣдняго—«Истины показанія ко вопросившимъ о новомъ ученіи» (ученіи Ѳ. Косого)—біографъ его г. Калугинъ выразился, что оно представило собою явленіе небывалое въ русской книжности, такъ какъ имъ «было признано за разумомъ законное право на участіе въ области непререкаемыхъ вѣрованій; установлена правоспособность логической мысли, авторитетъ раціональнаго сужденія, которые являются на защиту, доказательство и выясненіе предметовъ религіознаго вѣдѣнія. Въ этомъ немаловажная заслуга Зиновія, что онъ, вопреки обычаю русскихъ книжниковъ говорить только отъ писаній, рѣшился допустить въ богословскія разсужденія такой высокой важности участіе разума и такъ ненавистнаго въ древности «мнѣнія» («Зиновій инокъ отенскій», Спб. 1894).

занимаются (очевидно—не въ «гимназіяхъ») греческимъ языкомъ, иные же изучаютъ и иностранные [1]).

Со времени Максима Грека въ русскомъ обществѣ усиливается интересъ и потребность въ греческой и латинской наукѣ, хотя они еще долго не достигаютъ своего полнаго развитія и удовлетворенія... «Греческое ученіе» питается цѣлымъ рядомъ грамматическихъ статеекъ, излагающихъ правила греческой грамматики, или отдѣльно или въ приложеніи къ славянской, а также справочными книжками для русскихъ паломниковъ на востокѣ, въ родѣ изданной Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности («Рѣчь тонкословія греческаго»). Съ путешествіемъ на востокъ неоднократно связывается изученіе греческаго языка. Такъ, Іона Маленькій просился въ 1649 г. въ Іерусалимъ для поклоненія св. гробу, «а также для наученія греческому языку» [2]); жившій впослѣдствіи въ Чудовомъ монастырѣ старецъ Дамаскинъ «грамотѣ греческой научился» на Аѳонѣ. Съ половины XVI в. встрѣчаемся въ Константинополѣ съ молодыми русскими людьми, «паробками», посылавшимися туда московскимъ правительствомъ. Такъ, въ 1551 г. царь Иванъ IV отправилъ туда паробка Обрюту Грекова, котораго въ 1557 г. просилъ отпустить обратно въ Москву. Въ 1583 г. съ этою же цѣлью отправлены были еще двое новыхъ учениковъ. Послу нашему туда въ 1584—5 гг. Благово велѣно было сказать этимъ «русскимъ паробкамъ», чтобы они «учились греческому языку и грамотѣ радѣтельно, пристально, а не гуляли, и патріарха во всемъ слушались»; о томъ, чтобы паробковъ учили радѣтельно, посолъ долженъ былъ говорить и па-

---

1) Старческаго—Historiae ruthenicae scriptores caeteri saeculi XVI, vol. I, 11.

2) Подобнымъ образомъ, пріѣзжали въ Москву иностранцы, желавшіе изучить русскій языкъ. Въ 1519 г. мы видимъ въ Псковѣ у пресвитера—Вулкана Погу, бранденбуржца (Сборн. Имп. рус. истор. общества, I, III, 96, 100, 152), въ 1623 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, грека Мануила Матвѣева (Моск. Арх. мин. иностр. дѣлъ. Греческія дѣла 7131 г., № 8), въ 1629 г. въ Новгородѣ—любекскихъ нѣмцевъ (А. А. Э. III, № 184).

тріарху. Въ 1585 г. въ Константинополѣ находился еще одинъ русскій, учившійся греческому языку, объ отпускѣ котораго царь просилъ въ слѣдующемъ 1586 г. Въ 1594 г. вмѣстѣ съ русскимъ посломъ Даніиломъ Ислѣньевымъ отправленъ былъ къ патріарху «малой» Тараско Елизарьевъ «для наученія греческому языку и грамотѣ»; посолъ долженъ былъ просить патріарха, чтобы онъ велѣлъ малому «у собя быти и греческому языку и грамотѣ учити», а по наученіи «прислали бы его со старцы или съ кѣмъ пригоже» [1]). Съ другой стороны, и въ Москвѣ и московскомъ государствѣ были греки,—одни на службѣ у царя [2]), другіе—по личнымъ дѣламъ, какъ упомянутый выше Мануилъ Матвѣевъ. Возможно, что и они поддерживали въ русскихъ образованныхъ кругахъ то знаніе греческаго языка и греческой мудрости, какое шло со временъ Максима Грека и какимъ отличалась особенно Троице-Сергіевая лавра. Назначеніе въ 1616 г. для книжной справы троицкаго архимандрита Діонисія со старцами Арсеніемъ Глухимъ и Антоніемъ Крыловымъ тѣмъ и мотивировалось, что «въ обители книгами исполнено» и что въ ней имѣются «духовные и разумные старцы, которые подлинно и достовѣрно извычни книжному ученію и грамматику и риторію умѣютъ» (А. А. Э., III, № 329). И, дѣйствительно, изъ этихъ образованныхъ справщиковъ «Арсеній Глухой и Антоній Крыловъ, несомнѣнно, были прекрасными знатоками греческаго языка, они старались выбирать лучшіе списки, свѣряли ихъ съ греческими книгами и по нимъ исправляли русскіе переводы; труды Максима Грека и замѣчанія его по переводу богослужебныхъ книгъ они считали для себя образцами».

Къ сожалѣнію, этихъ знатоковъ грамматики, «риторіи», «свящ. философіи» и «православія догматъ» были только единицы. Противъ нихъ стояли густыя толпы невѣжественныхъ людей, изъ которыхъ даже лучшіе не имѣли элементарныхъ свѣдѣній изъ

---

[1]) С. А. Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ I (М., 1891 г.), 114. 115. Ср. М. Макарій, VIII (1877), 369, 370.

[2]) 1600—1601. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, II, 375, 376,

грамматики и были противъ чтенія книгъ духовнаго содержанія. И это все потому, что у насъ «по русски философскихъ ученій много лѣтъ не было», по выраженію царской грамоты на имя троицкихъ справщиковъ, или, еще ближе къ истинѣ,—не было «училищъ книжныхъ философскихъ разныхъ писемъ» [1]).

Но пока была сдѣлана первая попытка завести на Москвѣ греческую школу, сильно шагнуло впередъ изученіе латинской мудрости и успѣлъ значительно увеличиться интересъ къ ней. Димитрій Герасимовъ своимъ переводомъ грамматики Доната «несомнѣнно желалъ дать русскому юношеству въ руки учебникъ латинскаго языка» (Ягичъ), и возможно, что въ Новгородѣ, гдѣ въ началѣ XVI ст. была огранизована архіеп. Геннадіемъ [2]) ученопереводческая дѣятельность, существовала школа латинскаго языка. Нѣкоторое основаніе такъ думать даютъ, кромѣ предисловія къ переводу грамматики Доната, приложенныя къ тексту его (въ казанской рукописи) латинскія изреченія и молитвы.

Это предположеніе тѣмъ легче допустимо, что въ оживившихся съ конца XV ст. сношеніяхъ Москвы съ западомъ Новгородъ былъ этапнымъ, такъ сказать, пунктомъ—и по географическимъ, и по историческимъ условіямъ. Въ силу этого же кажутся правдоподобными и позднѣйшія свидѣтельства иностранцевъ: Бухау—о намѣреніи Іоанна Грознаго завести въ Новгородѣ и Москвѣ школы для обученія дѣтей латинскому и нѣмецкому языкамъ [3]) и Коллинса о томъ, что царь дѣйствительно

---

[1]) Соболевскій, Образованность Моск. Руси XV—XVII вв. (1892) 21. Космографія, изд. Общ. Люб. Древн. письмен. (№№ XXI—LVII—LXXIII), 270.

[2]) Въ послѣсловіи къ переведенному Герасимовымъ въ 1500 г. «изъ нѣмецкія псалтыри» «надписанію псалмовъ» говорится: «Переводилъ Митица Малый. А преже того года за два переводилъ архіепископъ... и потомъ Митя; а тутъ же опять Митя» (проф. А. С. Архангельскій, Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв.—Казан. унив. извѣстія 1900, май—іюнь, 144).

[3]) Scriptores rerum Livonicarum, II (1848), 702,—у М. И. Сухомлинова, Языкознаніе въ древней Россіи (Уч. Зап. II отд. Имп. академіи наукъ, 1854, кн. I, 230, 1).

учредилъ въ Москвѣ въ 1560 г. латинское училище, которое скоро было разрушено врагами просвѣщенія [1]).

При Борисѣ Годуновѣ сближеніе русскаго общества съ западной наукой пошло еще дальше. Правда, царь отклонилъ по религіознымъ мотивамъ просьбу короля Сигизмунда III, выраженную его посольствомъ по случаю восшествія Бориса на престолъ (1600), о позволеніи завести въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и др. главнѣйшихъ мѣстахъ Россіи костелы для поляковъ, а при костелахъ коллегіи для обученія русскихъ латинскому языку и о разрѣшеніи послѣднимъ учиться въ польско-латинскихъ школахъ (Сборн. кн. Оболенскаго, 9). Но за то онъ, быть можетъ вслѣдствіе этой просьбы, проектировалъ (1601) открыть въ самой Россіи правильныя школы для изученія языковъ и даже университетъ [2]). И когда этотъ проектъ разбился о противодѣйствіе духовенства, которое представило царю, что многоязычіе внесетъ смуту въ русскую землю, доселѣ единую по вѣрѣ, нравамъ и языку,—Годуновъ въ 1602—3 г. отправилъ нѣсколько молодыхъ людей за границу—во Францію (6 ч.), въ Англію (4) и въ Германію (въ Любекъ, 5 чел.) учиться тамъ латинскому, англійскому

---

[1]) Проф. В. С. Иконниковъ, Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности (Кіев., Ун. Изв., 1869, дек., 24).

[2]) Слухи о томъ ходили даже по Европѣ, какъ это видно изъ письма къ ц. Борису Тобіаса Лонціуса, лиценціата государственнаго права, изъ Гамбура отъ 24 янв. 1601 т. (Кн. Н. В. Голицынъ, Научно-образовательныя сношенія Россіи съ западомъ въ нач. XVII в. Чтенія въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1898, VI, отд. III, 23. 32). Фантазирующій въ вопросахъ, касающихся исторіи русскаго просвѣщенія, В. Татищевъ заявляетъ, что Борисъ Годуновъ это «Спасское училище *для всенароднаго обученія* устроилъ, что́ по немъ невѣждами разорено и ученіе другихъ языковъ за ересь почтено» (Ист. Рос., I, 575; ср. III. 486, гдѣ говорится о *возобновленіи* (впослѣдствіи) спасскаго училища). Не это ли училище Татищевъ въ разговорѣ «двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ» превращаетъ въ основанную п. Іовомъ «школу для ученія греческаго и латинскаго языковъ... чтобы поповъ имѣть ученыхъ» (Чт. въ общ. ист. и древн. росс., 1887, I)?

и нѣмецкому языкамъ и наукамъ [1]). Хотя цѣль посылки была не исключительно научно-образовательная, а вызванная потребностями посольскаго приказа, и посланые не вернулись обратно (кромѣ нѣкоего Димитрія, всѣ разбѣжались и остались на западѣ и даже измѣнили православію),—тѣмъ не менѣе этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ о назрѣвшемъ въ русскомъ обществѣ стремленіи знакомиться съ западной наукой въ центрахъ ея [2]). Стремленіе это подтверждается присягой Сигизмунда III Салтыкову съ товарищами (1610), по которой московскимъ людямъ открывалась свобода ѣздить съ образовательными цѣлями въ другія христіанскія страны [3]).

---

[1]) Хроника М. Боэра (Бусова)—у Устрялова въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, I, 12—13 (1837). Ср. кн. Голицынъ, о. с.

[2]) «Попытка Бориса Годунова привить русскимъ людямъ з.-европейскую образованность окончилась неудачно, или, лучше сказать, слишкомъ удачно, такъ какъ предназначенные имъ къ тому молодые люди дали себя чрезъ мѣру увлечь блескомъ западной цивилизаціи и забыли и родину свою, и вѣру своихъ соотечественниковъ, и цѣль, съ которой они были отправлены за границу» (Голицынъ). Впослѣдствіи, въ 1616 г., былъ отправленъ въ Англію для приготовленія къ званію придворнаго медика Ив. Ив. Алманзеновъ, сынъ переводчика посольскаго приказа. Въ 1629 г. король Карлъ I писалъ о немъ ц. Михаилу Ѳеодоровичу, что онъ помѣщенъ былъ въ Кембриджскій университетъ и сдѣлалъ большіе успѣхи въ англійскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ и въ свободныхъ искусствахъ, а теперь, для продолженія образованія, отправился во Францію и въ Италію. Король писалъ, что по возвращеніи его оттуда онъ будетъ порученъ заботамъ докторской коллегіи для обученія физикѣ и другимъ добрымъ наукамъ, чтобы сдѣлать изъ него полезнаго слугу царя. Возвратился ли онъ въ Москву и когда—неизвѣстно. Но интересно, что въ то время, какъ родители нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей, посланныхъ Борисомъ, «безпрестанно» и «съ великою докукою» били государю челомъ о скорѣйшемъ возвращеніи сыновей, отецъ Алманзенова выражалъ желаніе, чтобы онъ оставался въ Англіи, «покамѣсть докторству навыченъ будетъ» (ib.).

[3]) Сборн. Муханова (Спб. 1866), 177. Шляпкинъ, о. с., 229, прим. 2.

О томъ же говорятъ относящіеся къ концу XVI и нач. XVII в. переводы книгъ разнаго содержанія съ латинскаго и польскаго языковъ [1]), попадающіеся въ Великороссіи въ это время учебники этихъ языковъ [2]), а также люди съ знаніемъ ихъ, равно какъ лица съ болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, болѣе свободными воззрѣніями и симпатіями къ западу.

Вообще смутное время имѣло огромное значеніе въ исторіи общественной мысли, научныхъ потребностей и пріобрѣтеній. «Тяжелое испытаніе, которое пережила Московская Русь въ то время, говоритъ Соловьевъ, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы явились своимъ знаніемъ и искусствомъ и потому надобно было у нихъ выучиться». Послѣ того какъ взбудораженная русская жизнь вошла въ свое русло, участились выписки изъ-за границы людей практики и умѣнія, необходимыхъ для промышленно-техническихъ работъ. Все чаще и чаще появляются на Москвѣ выходцы изъ Польши и юго-западной Россіи, представители разныхъ искусствъ и ремеслъ, пересаживающіе на русскую почву разнообразныя проявленія западной матеріальной культуры. Но правительство долго еще не рѣшается устраивать у себя нужныя профессіональныя школы,—даже прикладная западная наука все еще кажется неотдѣлимой отъ вѣроисповѣдныхъ западныхъ особенностей... тѣмъ менѣе могло думать правительство объ учрежденіи общеобразовательныхъ школъ по латино-польскимъ образцамъ или въ ихъ духѣ.

---

1) О нихъ у проф. Шляпкина и А. И. Соболевскаго (Западное вліяніе на литературу московской Руси XV—XVII вв. Спб., 1899).

2) Быть можетъ, іезуиту Лавицкому удалось получить партію ихъ для проектированныхъ Лжедимитріемъ школъ, о чемъ онъ писалъ провинціалу Гродзицкому.

Ранѣе того было сдѣлано нѣсколько попытокъ устройства общеобразовательнаго училища при помощи грековъ, попытокъ, вызванныхъ, впрочемъ, практической нуждой—переводомъ и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Первая такая попытка произошла въ 1632 г., когда московское правительство обратилось съ просьбой о присылкѣ учителя къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису и когда, еще до удовлетворенія ея, поручило пріѣхавшему вновь въ Москву греческому архимандриту Іосифу [1]) переводить книги на славянскій языкъ и учить на учительскомъ дворѣ ребять греческому языку и грамотѣ [2]). Впрочемъ, о педагогической дѣятельности Іосифа въ Москвѣ ничего неизвѣстно.

---

[1]) Упоминавшійся уже нами Іосифъ, святогорскій монахъ, получивъ въ концѣ 1620 г. званіе протосингела Кирилла Лукариса (тогда александрійскаго патіарха), былъ посланъ послѣднимъ въ Кіевъ «и на Литву и на всю бѣлую Русь для науки и утвержденія вѣры христіанскіе», при чемъ Кириллъ далъ ему учительную грамоту, по которой, между прочимъ, онъ долженъ былъ охранять западноруссовъ отъ пропаганды «люторской». Іосифъ «въ тѣхъ городѣхъ для науки былъ года сдва», по февраль 1622 г. (по другому заявленію Іосифа, онъ жилъ все это время въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ), когда поѣхалъ въ Москву для милостыни (Моск. арх. мин. ин. дѣлъ. Греч. дѣла. 7130—7131 г., № 2). Чрезъ годъ выѣхалъ изъ Москвы и до 1632 г. жилъ въ Кіевѣ, откуда, впрочемъ, еще разъ ѣздилъ въ Москву за милостыней въ мартѣ 1630 г. (Малор. дѣла 1630, № 1), принимая участіе въ переводческихъ работахъ кіево-печерскихъ старцевъ; при его участіи изданы «бесѣды Іоанна Златоуста на дѣянія апостольскія» (1624) и „Аввы Дороѳея поученія душеполезныя“ (1628).

[2]) Греческія дѣла Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, 7141, сент. 7, № 2. Въ другомъ мѣстѣ добавлено: „Да ему жъ переводить съ греческаго языка на словенскій книги на латинскія ереси». Это добавленіе, свидѣтельствуя о распространившемся въ русскомъ обществѣ польско-латинскомъ вліяніи даже въ религіозной области, заставляетъ обратить вниманіе на возникшее въ томъ же 1632 г. дѣло о кн. Ив. Хворостининѣ, который пошатнулся въ вѣрѣ еще состоя при разстригѣ, и съ тѣхъ поръ онъ, несмотря на ссылку, увлекался латинствомъ,—у него были латинскіе образа и книги латинскія еретическія, и собирался отъѣхать въ Римъ или въ Литву (Соловьевъ, II, 1372, 1373).

Возможно, что онъ всецѣло занялся переводами, тѣмъ больше, что п. Кириллъ Лукарисъ, узнавъ о данномъ ему порученіи, благословилъ его на переводческую дѣятельность, прислалъ нѣсколько полемическихъ противъ латинянъ книгъ и пообѣщалъ прислать требуемаго учителя [1]).

V.

Вновь вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы былъ возбужденъ уже по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича. Прибывшій въ Москву за милостыней палеопатрасскій митрополитъ Ѳеофанъ писалъ въ челобитной царю (1645 г.): «Да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учити русскихъ дѣтей философства и богословія, греческому языку и по русскому» [2]). Самъ Ѳеофанъ взялся подыскать подходящаго для того дѣла человѣка и нашелъ его въ лицѣ проживавшаго въ Кіевѣ константинопольскаго архимандрита Венедикта (его хотѣлъ залучить въ свою коллегію Петръ Могила), который и явился въ Москву въ мартѣ 1646 г. «для печати и ученія». Но здѣсь Венедиктъ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе своимъ самохвальствомъ, напыщенностью, ученой надутостью, мелочной притязательностью, жадностью и плутовствомъ (Каптеревъ, Характеръ... 240—242, 484—486). Тогда п. Іосифъ поручилъ отъ себя греку Ив. Петрову пріискать на востокѣ подходящаго учителя. Петровъ въ 1649 г. донесъ патріарху о «нѣкоторомъ учителѣ смышленномъ эллинскому языку

---

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ (М., 1891), 482 и прилож., 6—7 стр.

[2]) Челобитная м. Ѳеофана напечатана въ чтеніяхъ Общества любителей дух. просвѣщенія, 1881, іюль, 74—77, въ статьѣ проф. Каптерева: „Слѣдственное дѣло объ Арсеніи Грекѣ“ (Отрывки—въ „Характерѣ“... 484).

и разсудителѣ Евангельскому слову», подобнаго которому не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ. Это былъ Мелетій Спригъ, который, впрочемъ, несмотря на выраженное имъ желаніе, въ Москву не явился (ib., 487). Вмѣсто него въ январѣ 1649 г. прибылъ Арсеній Грекъ, учительствовавшій предъ тѣмъ въ Кіевѣ и рекомендованный московскому правительству іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, въ свитѣ котораго Арсеній и пріѣхалъ сюда, быть можетъ, разсчитывая послужить тому дѣлу, для котораго какъ разъ въ это время вызывались московскими властями старцы-учителя изъ Кіева. Знаніе Арсеніемъ греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ, дѣйствительно, было оцѣнено на Москвѣ и правительство оставило его здѣсь «для риторическаго ученія». Но учительствовать Арсенію пришлось не долго. Самъ Паисій по пути домой прислалъ изъ Кіева доносъ на Арсенія, что онъ учился у іезуитовъ [1]), что нѣсколько разъ мѣнялъ свою вѣру и что онъ скорѣе еретикъ, чѣмъ православный. Дознаніе подтвердило этотъ доносъ и Арсеній, только что открывшій ученіе [2]), попалъ въ Соловки подъ крѣпкій началъ. Въ 1652 г., со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона, Арсеній былъ возвращенъ изъ ссылки и ему была поручена книжная справа и школьное дѣло. Въ расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа уже 6 апр. 1653 г. записанъ крупный расходъ (7 рублей) на «5 стопъ бумаги книжной доброй, которой взято на борисовскій дворъ гречанину старцу Арсенію для училища дѣтемъ» [3]).

---

[1]) Арсеній учился въ аѳанасіевской коллегіи въ Римѣ и въ венеціанской школѣ („Слѣдств. дѣло"... Каптерева).

[2]) Отъ 1650 г. сохранилось заявленіе нѣкоего Стеф. Олябьява, что онъ хотѣлъ учиться по латыни у Арсенія Грека, но когда того сослали на Соловки, то онъ пересталъ учиться и азбуку изодралъ, по внушенію Лучки Голосова и Ивашка Засѣцкаго, которые говорили: перестань де учиться по латыни, дурно-де, а какое дурно, не сказали" (В. О. Ключевскій, Литографированныя лекціи по русской исторіи за 1883—4 уч. годъ, 38).

[3]) Проф. П. Ѳ. Николаевскій, Московскій печатный дворъ при п. Никонѣ. Хр. чт. 1891, II, 173—174. По предположенію о. Николаев-

Что въ арсеніевской школѣ учили не только первымъ начаткамъ грамоты, но и другимъ предметамъ, видно изъ свидѣтельства Адама Олеарія въ изданіяхъ 1656 и 1663 г. его описанія путешествія въ Россію: «въ настоящее время, говорится здѣсь, по распоряженіямъ патріарха и вел. князя русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языку; для этого близъ патріаршаго двора учреждена уже латинская и греческая школа, которою завѣдываетъ и управляетъ инокъ Грекъ по имени Арсеній». Благодаря, вѣроятно, Олеарію, арсеніевская школа получила такую широкую извѣстность, что въ 1656 г. изъ Рима направился въ Москву извѣстный Юрій Крыжаничъ съ намѣреніемъ сдѣлаться учителемъ въ новоучрежденной философской, по его словамъ, школѣ [1]).

скаго, эта школа помѣщалась въ Чудовомъ монастырѣ, соединявшемся тогда съ патріаршими палатами особой перекидной аркой. И другіе авторы называютъ ее чудовской. Между тѣмъ помѣщеніе ея, кажется, ясно опредѣляется сдѣланной проф. Николаевскимъ выпиской. Это— Борисовскій дворъ, т. е. бывшія палаты царя Бориса Годунова, находившіяся рядомъ со старымъ потріаршимъ домомъ. Въ 1652 г. Борисовъ дворъ былъ отданъ царемъ п. Никону, который и сталъ воздвигать здѣсь великолѣпный патріаршій дворецъ. Кромѣ собственно патріаршаго дома было построенно множество отдѣльныхъ палатъ, въ одной изъ которыхъ въ 1652 г. былъ помѣщенъ Арсеній—крестовый черный попъ. Въ расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа значится запись: куплено ременье и бѣлая кожа на обивку къ дверямъ на Борисовскій дворъ въ палату, гдѣ живетъ старецъ Арсеній Гречанинъ (Л. 353 об.—Рукописное сочиненіе г. Н. Писарева. Домашній бытъ русскихъ патріарховъ, прилож. № 4: записки расходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа о постройкѣ патріаршаго дома и двора). Вѣроятно, школа находилась въ помѣщеніи самого Арсенія. Послѣ же для нея было устроено новое помѣщеніе въ тѣхъ же новыхъ патріаршихъ палатахъ.

[1]) Бильбасовъ, Юрій Крыжаничъ (новыя данныя изъ римскаго архива). Рус. Стар., 1892, Ш, 452, 464—6. Въ Москву Крыжаничъ попалъ только въ 1659 г., а черезъ два года былъ сосланъ въ Тобольскъ, откуда вернулся въ 1676 г. Крыжанину не пришлось учить въ этой философской школѣ. Интересно, что по возвращеніи изъ ссылки Кры-

Немалое значеніе въ рѣшеніи вопроса о существованіи въ Москвѣ въ началѣ второй половины XVII в. школы свободныхъ наукъ имѣетъ составъ книгъ, пріобрѣтенныхъ Арсеніемъ Сухановымъ на Аѳонѣ во вторую его поѣздку на востокъ (съ 16 окт. 1653 по 22 февр. 1655 г). Изъ полутысячи почти рукописей и книгъ, добытыхъ Арсеніемъ, около 58—свѣтскаго содержанія. Это сочиненія Аристотеля (7 рук.), Гомера (3), Софокла, Демосѳена, Плутарха, Гезіода (по 2), Эсхила, Ѳукидида, Аристида (по одной), 17 сборниковъ сочиненій разныхъ авторовъ, 8 рукописей, содержащихъ различныя грамматическія и риторическія сочиненія, лексиконы, 5 рукописей медицинскаго содержанія и др. Всѣхъ такихъ рукописей даже болѣе, чѣмъ богослужебныхъ.

Въ 1653 г. въ Москву прибылъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ Власій, бывшій прежде учителемъ въ Молдавіи, потомъ въ Константинополѣ и присланный патріархами спеціально для устройства греческой школы и учительства въ ней. Но правительство не пожелало имѣть учителемъ такого важнаго и сановитаго человѣка, объясняетъ Каптеревъ, и отослало его, тѣмъ больше, что рекомендовавшій его патріархъ іерусалимскій Паисій писалъ о немъ, что онъ «готовъ есть побыти колико время ему возможно, а мы ему тако-же обѣщалися, что ему имѣти волю свою» (Каптеревъ, Характеръ... 489—493). Но еще лучше объяснять непринятіе Власія тѣмъ, что онъ былъ ненадобенъ при наличности учителя Арсенія Грека, котораго Паисій и хотѣлъ замѣнить Власіемъ, чтобы загладить вину своей неудачной рекомендаціи. Быть можетъ, потому же не былъ принятъ въ Москвѣ и прибывшій въ 1657 г. изъ Венеціи греческій философъ и учитель Николай Морицій. [1])

жаничъ въ посланіи къ ц. Ѳеодору наставлялъ его ввести изученіе сочиненій другихъ философовъ и писателей классическаго міра, несправедливо обвиненныхъ русскими книжниками Ученыя Зап. Казан. универс., 1865, I 16, 17; ср. Замысловскій, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, I, 132, 133.

[1]) Сношенія съ востокомъ, III, 787 (Рукоп. Моск. дух. акад. у Голубинскаго, Прав. обозр., 1872, II, 57, прим. 50). Каптеревъ называетъ его Морицкимъ (Характеръ... 322).

Такимъ образомъ восточные патріархи, еще съ 1585 г. убѣждавшіе московское правительство устроить школы чистаго греческаго ученія, съ своей стороны сдѣлали очень немного для осуществленія своей мысли. Присылавшіяся ими лица не всегда удовлетворяли требованіямъ русскихъ или по нравственной неблагонадежности, или по своему самомнѣнію, хотя они въ большинствѣ случаевъ были люди очень ученые, даже съ заграничнымъ образованіемъ (напр., Арсеній Грекъ. Гавріилъ Власій [1]), а можетъ быть и Венедиктъ). Все это и особенно послѣднеѣ обстоятельство вредило чисто-греческому направленію школьнаго обученія, такъ какъ подрывало довѣріе къ греческой учености, представленной столь недостойными людьми, и обращало умы къ источникамъ западной науки, знакомство съ которой, по переводнымъ учебникамъ, началось еще съ XVI в. Туда же направляло симпатіи великоруссовъ все усиливавшееся знакомство ихъ съ западнорусской школой и ея продуктами.

Первыми піонерами западнорусской учености на Москвѣ были старые братскіе учителя Лаврентій Зизаній съ своимъ Катихизисомъ (съ 24 апр. 1626 г.) и Кириллъ Транквилліонъ (съ 6127 г.; впрочемъ, его Учительное Евангеліе уже въ 1622 г. снискало на Москвѣ симпатіи нѣкоторыхъ лицъ). Хотя ихъ литературные труды съ заключавшимися въ нихъ новыми взглядами и новыми пріемами подверглись сильному неодобренію со стороны представителей московской книжности и даже сожженію (Евангеліе Транквилліона. Дворцовые разряды, I, 980—982; II, 821—822),—тѣмъ не менѣе они и послѣ пользовались въ обществѣ значеніемъ, что видно изъ того, что Евангеліе Транквилліона чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ потребовало новаго запрещенія (1665), и Катихизисъ въ исправленномъ п. Филаретомъ видѣ служитъ и по сіе время настольной книгой у раскольниковъ... И это были не единственныя «литовской печати» книги, попавшія въ 20—40-хъ годахъ XVII ст. въ Москву и нашедшія себѣ здѣсь пріютъ,

[1]) Н. Каптеревъ, Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ рус. правительствомъ (М. 1891), 118, прим. 25.

одобреніе неофиціальное и официальное и даже распространеніе. Достаточно вспомнить о составѣ «Кирилловой книги» и «Книги о вѣрѣ», а также о переизданіи переведенныхъ съ западнорусскаго грамматики М. Смотрицкаго и Малаго Катихизиса (Петра Могилы). И хотя московское правительство оставило было безъ вниманія проектъ м. Петра Могилы (1640) основать въ Москвѣ монастырь, на подобіе Кіево-братскаго, съ училищемъ, въ которомъ бы дѣти боярскія и простого чину учились греческой и славянской грамотѣ, и предложеніе его прислать изъ Кіева для училищъ благообразныхъ иноковъ и добре ученыхъ учителей (Апр. 1640 г. А. Ю. и З. Р., Ш, №№ 33, 34), но спустя немного лѣтъ вспомнило о немъ по поводу неудачныхъ преній о вѣрѣ, связанныхъ съ сватовствомъ датскаго королевича Вальдемара (1644), когда его пасторъ Фельгаберъ кололъ глаза своимъ московскимъ совопросникамъ отсутствіемъ у нихъ школъ и академій, ихъ незнаніемъ языковъ (Голубцовъ, Пренія о вѣрѣ, 1891 г., 248). И вотъ уже въ 1648 г., выпуская въ свѣтъ грамматику Смотрицкаго, оно снабдило ее любопытнымъ предисловіемъ, доказывающимъ необходимость широкаго богословскаго и свѣтскаго образованія— и теоретически, и практически—примѣрами знаменитѣйшихъ отцовъ церкви, изучившихъ грамматику, философію, риторику, ариѳметику, землемѣріе и музыку. Что касается, въ частности, свѣтскихъ («внѣшнихъ») наукъ, то хотя ихъ «мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отмещутъ; яко пакостно и навѣтно, и отъ Бога разлучающо», потому только, что «нѣціи отъ внѣшнія премудрости повредишася умомъ», то о нихъ въ предисловіи прямо заявляется, что дѣйствительно нужно отвергать «лестное и пагубное, сирѣчь боготворенія бѣсовомъ», но что относится къ познанію сущаго, то можно принять. [1])

Въ это же время осуществилась мысль Петра Могилы: царскій постельничій, молодой бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, не безъ согласія и одобренія царя, въ промежутокъ времени между 1645—

---

[1]) Предисловіе къ грамматикѣ 1648 г. Переиздано въ 1888 г. братствомъ св. Петра митрополита.

7 гг. устроилъ на Воробьевыхъ горахъ Андреевскій монастырь, вызвавъ въ него до 30 иноковъ изъ южно-русскихъ монастырей «ради свободныхъ мудростей ученія» (Г. Ротаръ. Кіев. Стар. 1900, IV, 376). На расположеніе Ртищева къ книжной мудрости не остался, вѣроятно, безъ вліянія противникъ никоновскихъ реформъ Спиридонъ Потемкинъ, о которомъ діаконъ Ѳеодоръ писалъ сыну Максиму, что онъ «бѣ премудръ, и писанію св. книгъ искусенъ вельми, умѣя бо самъ гречески и латински языкъ до конца, и польскій, и ученый бѣ человѣкъ, и вся дни живота своего надъ книгами просидѣлъ» (Мат. для ист. раск., VI, 230—231). Главнымъ занятіемъ андреевскихъ иноковъ былъ переводъ книгъ, но нѣкоторые изъ нихъ преподавали и въ школѣ. Сохранилось слѣдственное дѣло по доносу чернца Саула, производившееся въ апрѣлѣ 1650 г. У этого Саула 5 марта собрались благовѣщенскій дьячокъ Костка Чвановъ, Ив. Засѣцкій да *ртищевскій ученикъ Лучка Голосовъ* и шептали между собою: «учится у кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Еще ранѣе, на масленной недѣлѣ, Голосовъ просилъ дьячка Константина извѣстить благовѣщенскаго попа—царскаго духовника, что что онъ у кіевскихъ чернцовъ учиться не хочетъ, такъ какъ старцы недобрые и онъ въ нихъ добра не позналъ; теперь онъ учится только изъ страха предъ Ртищевымъ, а впредь учиться не хочетъ, потому что кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится. Вмѣстѣ съ тѣмъ собесѣдники сговаривались, какъ бы остановить двухъ другихъ учениковъ ртищевской школы Ив. Озерова и Порф. Зеркальникова, получившихъ при содѣйствіи Ртищева проѣзжую грамоту и уже отправившихся въ Кіевъ доучиваться у тамошнихъ старцевъ по латыни. При этомъ выяснилось, что они, собираясь въ Кіевъ, еще лѣтомъ 1649 г. просили о томъ своего духовнаго отца Ѳому и тотъ, хотя не одобрилъ ихъ намѣренія, но, считаясь съ ихъ непреклонной рѣшимостью и «безпрестанными слезами», далъ свое благословеніе. Была рѣчь и о томъ, что кіевлянъ сталъ жаловать бояринъ Морозовъ [1]).

---

[1]) М. Макарій, XI, 134—136. О пребываніи въ Кіевѣ Зеркальникова см. нашу замѣтку: «П. Т. Сѣменниковъ-Зеркальниковъ» (Ли-

Вѣроятно ртищевская школа была уже въ ходу, когда правительство рѣшило отъ себя вызвать изъ Кіева на время еще двухъ старцевъ спеціально «для справы библѣи и для риторскаго ученія». Правительству были извѣстны по слухамъ кіевскіе ученые монахи Дамаскинъ Птицкій и Арсеній Сатановскій, какъ люди, «божественнаго писанія вѣдущіе и еллинскому языку навычные и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣющіе и латинскую рѣчь достаточно знающіе» [1]). Сначала грамота о вы-

---

тературный вѣстникъ, 1901, VII). Въ дополненіе къ сказанному въ ней, сообщимъ, что доказательствомъ полученнаго Сѣменниковымъ кіевскаго образованія является приготовленіе имъ къ печати, «въ наученіе православному великороссійскому роду», «Лексикона греко-славяно-латинского» Епифанія Славинецкаго, собственноручный списокъ котораго онъ поднесъ въ 1687 г. п. Іоакиму. Въ это время онъ былъ уже въ отставкѣ, послѣ девятнадцатилѣтней службы (съ 1666 по 1685 г.) въ патріаршемъ казенномъ приказѣ. (Опис. докум. и бумагъ, хранящихся въ Москов. архивѣ минист. юстиціи, IX. Изслѣдованіе г. Шимка, 13, прим. 52; 25, прим. 131). Объ Озеровѣ знаемъ только то, что, принятый п. Никономъ въ справщики (1. янв. 1654 г.), онъ пользовался его вниманіемъ (Хр. чт. 1891, II, 164, 165), чтó позволяетъ думать, что Озеровъ былъ человѣкъ съ образованіемъ. Какъ кажется въ Кіевѣ учился даже Лучка Голосовъ. По крайней мѣрѣ, онъ (Лукашка Голосъ) поднесъ 26 дек. 1682 г. Софіи Алексѣевнѣ поздравленіе, заключающее въ себѣ титулъ и привѣтствіе царевнѣ, слово о воплощеніи І. Христа, стихи для отроковъ и канонъ на Рождество Христово въ стихахъ. Еще раньше, въ 1675 г., онъ участвовалъ въ посольствѣ въ Польшу и получилъ вмѣстѣ съ двумя послами и дьякомъ Прозоровымъ порученіе доставить книги на польскомъ и латинскомъ языкѣ «на укоризну отъ іезуитовъ» (Шляпкинъ, о. с., 66, 75, 231).

[1]) Относительно Сатановскаго правительство ошиблось: въ февралѣ 1651 г. въ челобитной царю онъ заявилъ, что греческаго языка не знаетъ. Но знаніе латинскаго языка онъ доказалъ въ 1652 г. переводомъ сочиненія мейсенскаго проповѣдника Мефрети—«Оградъ Царицы», имѣвшаго сильное вліяніе на южно-русскихъ проповѣдниковъ и богатаго свѣдѣніями по естественной исторіи (А. Ю. и З. Р., III, стр. 480. Хр. чт. 1891, I, 170).

сылкѣ ихъ въ Москву была отправлена въ началѣ 1649 г. (или въ 1648 г.) черниговскому еп. Зосимѣ—за отсутствіемъ изъ Кіева м. Сильвестра, а въ маѣ 1649 г. самому митрополиту. Сильвестръ Коссовъ послалъ въ Москву Арсенія и, вмѣсто Дамаскина, Епифанія Славинецкаго, которые прибыли на мѣсто 12 іюля; Дамаскинъ пріѣхалъ только въ ноябрѣ слѣд. года. Всѣ трое занимались по указанію правительства переводомъ на славянскій языкъ разныхъ греческихъ и латинскихъ книгъ—по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ, такимъ образомъ и возбуждая и удовлетворяя все усиливавшуюся въ русскомъ обществѣ потребность въ новыхъ знаніяхъ, за предѣлами того тѣснаго круга свѣдѣній, въ которомъ доселѣ вращалась русская мысль.

Относительно Славинецкаго большинство изслѣдователей убѣждены, что онъ занимался и учительствомъ и что въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, существовала школа греческаго языка (перечень ихъ у г. Ротара—Кіев. Стар., 1900, IV, 383, 384). Основаніями для нихъ являются: а) свидѣтельство статьи «О мудрѣйшемъ іеромонасѣ Епифаніи Славинецкомъ и о Симеонѣ Полоцкомъ», что первый призванъ въ Москву царемъ «ради наученія славеноросcійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію» (Остенъ, стр. 70); б) двукратная отмѣтка въ современной приказной записи о пріѣздѣ Епифанія, что онъ явился для «риторическаго ученія» (А. Ю. и З. Р., III, № 330. Каптеревъ, Актовая рѣчь, 20, 21); в) отвѣтъ шведскому посланнику Лигіенталю Паисія Лигарида: «О вѣрѣ грековъ и росіянъ относительно св. Евхаристіи» (1666), написанный «in Alexiano Musaeo» [1]), т. е. въ училищѣ въ Чудовскомъ монастырѣ св. Алексія. Что въ Чудовскомъ монастырѣ была школа—это несомнѣнно, но школа славянская [2]), и если разумѣть подъ лигаридовскимъ «музеемъ» училище, то не это, а открытую по повелѣнію ц. Алексѣя въ Спасскомъ мона-

---

[1]) А. В. Горскій, О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII ст. (Приб. къ Твор. св. отцовъ, 1845, III, 157).

[2]) Въ 1685—1692 г. учителемъ въ ней былъ Аѳанасій Нестеровъ (М. Сменцовскій, братья Лихуды; 37, прим. 1).

стырѣ латинскую школу Симеона Полоцкаго, съ которымъ Паисій Лигаридъ былъ близокъ по сходству образованія и по единству нѣкоторыхъ литературныхъ работъ. Самъ же Епифаній и жилъ долгое время не въ Чудовомъ монастырѣ: по розысканіямъ г. Ротара, онъ по пріѣздѣ въ Москву былъ поселенъ на дворѣ большого московскаго приказа, откуда переведенъ былъ въ Чудовъ монастырь только въ 1657 г. (Кіев. Стар., 1900, IV, 21). Ко всему этому присоединяется полное умолчаніе самого Славинецкаго о педагогической дѣятельности своей. Правда, у него были ученики—Евѳимій, іерод. Дамаскинъ. О первомъ изъ нихъ младшій современникъ его Ѳеодоръ Поликарповъ говоритъ въ предисловіи къ филологическому словарю Епифанія: «подарилъ сію премудрую книгу, творенія и рукъ самыя трудъ богомудраго отца Епифанія Славинецкаго, *ученикъ его*, пречестный отецъ Евѳимій» (Кіев. Ст., 1900, IV, 384). «Подъ руководствомъ этого филолога, заявляетъ проф. Николаевскій, Евѳимій прекрасно изучилъ греческій языкъ, также латинскій, польскій и даже еврейскій; вполнѣ ознакомился съ отеческою литературою не только въ русскихъ и славянскихъ переводахъ, но и въ греческихъ подлинникахъ; самъ сдѣлалъ потомъ массу переводовъ съ греческихъ книгъ, строго придерживаясь языка подлинника согласно съ духомъ и наставленіями своего учителя; кромѣ того явился плодовитымъ писателемъ и неутомимымъ дѣятелемъ въ защиту православія и на пользу русской церкви» (Хр. чт., 1891, II, 158). Между тѣмъ современники рѣшительно заявляютъ, что Евѳимій не въ училищѣ учился. Такъ, Сильвестръ Медвѣдевъ въ книгѣ о Маннѣ хлѣба животнаго говоритъ: «тетратей списатель (Евѳимій) человѣкъ неученый... не точію силогизмы добрѣ вѣсть, имъ же не учился, но и грамматики совершенно, не точію греческія, но и славянскія, не разумѣетъ; точію нѣчто греческихъ реченій памятствуетъ. И тому нача учитися не младъ и не во училищѣ, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и за виномъ, и съ лексиконовъ нѣкія словеса... тщится на славянскій языкъ переводити». Домецкій Гавріилъ называетъ Евѳимія человѣкомъ, «всю науку свою окончившимъ псалтырью». И еще рѣшительнѣе выражается діак. Петръ Артемьевъ: «Въ ко-

торыхъ академіяхъ учился?—обращается онъ къ Евѳимію,—развѣ за печкой въ углу, что сверчокъ или муха въ щели. Рцы ми: у которыхъ ты богословцевъ учился? вразумися, блудниче! непщуеши себе жива быти, а се мертвъ еси». Если пренебрежительность этихъ отзывовъ объ учености Евѳимія объяснять полемическимъ задоромъ противниковъ Евѳимія, то остается вѣрною все же та мысль, что онъ учился у Епифанія частнымъ образомъ. А Дамаскинъ, другой ученикъ Епифанія, самъ выдаетъ себя за человѣка чуждаго школьной эрудиціи: «не захотѣлъ я дожидаться, говоритъ онъ о себѣ, пока придутъ люди ученые, но заговорилъ, хоть и худо, и не красно, и не такъ стройно, какъ пишутъ такъ называемые дидаскалы. Тѣ, о чемъ ни заговорятъ, излагаютъ все такъ чинно и въ порядкѣ, хотя и то же самое, что и мы» [1]).

Чудовскіе старцы, и не преподавая въ школѣ, вмѣстѣ съ ртищевскими своею дѣятельностью знакомили москвичей съ кіевской ученостью и кіевской коллегіей и располагали ихъ учиться въ польско-литовскомъ государствѣ. Къ первой половинѣ 50-хъ годовъ относится свидѣтельство п. Іоакима въ «Остнѣ» о началѣ «хлѣбопоклонной ереси» въ Москвѣ: «юноши нѣцыи изъ царствующаго града Москвы восхотѣша отъити въ полское кралевство ради ученія латинскаго. Иже отшедше и учащеся въ латинскихъ училищахъ и, яко ученицы, въ слѣдъ учителей своихъ ходяще въ костелы латинскія, видѣша тамо, въ костелѣхъ, къ сему и въ церквехъ христіанскихъ тамошнихъ странъ, по обыкновенію сосѣдства латинскагѳ, во время словесъ Христовыхъ, отъ іереа глаголемыхъ, творимы поклоны отъ тамошнихъ человѣкъ и звонъ бывающъ, возмнѣся имъ (яко юнымъ сущимъ и несовершеннымъ въ разумѣ) благочинно и прилично быти сіе... И бывше тамо нѣкое время и понавыкше латинскимъ писаніемъ и тамошнимъ нравомъ, паче же отъ іезуитовъ увѣщани и наказани тому (то бо и тщаніе іезуити имутъ, еже прибавляти юныя ученики всячески въ своя нравы и костеловъ своихъ въ послѣдованія),

[1]) Хр. чт., 1891, II, 158. Каптеревъ, Актовая рѣчь... 1889, 24—26. Сменцовскій, о. с., 19 и прим. 3.

возвратишася въ своя домы въ царствующій градъ Москву», и разсказавъ знакомымъ своимъ священнослужителямъ и благороднымъ мужамъ о бѣлорусскомъ и латинскомъ обычаѣ поклоненія св. дарамъ во время произнесенія словъ господнихъ: «Пріимите, ядите»,— ввели этотъ обычай и въ Москвѣ. *Потомъ*, когда Богъ покорилъ вел. государю Алексѣю Михайловичу нѣкоторые польскіе города и подъ его высокую руку поддались малороссы, обычай этотъ еще болѣе укрѣпился при частыхъ посѣщеніяхъ московскаго государства іереями, монахами и мірянами» (124, 125) [1]). Не знаемъ, можетъ быть п. Іоакимъ хотѣлъ только дискредитировать своихъ противниковъ ссылкой на латинскій, іезуитскій характеръ ихъ учености и религіозныхъ убѣжденій, какъ говорилось это и о Симеонѣ Полоцкомъ [2]), но во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ обученіе нѣкоторыхъ русскихъ юношей если не въ іезуитскихъ коллегіяхъ, то въ православно-русскихъ и главнымъ образомъ въ кіевской. Уже въ то время извѣстность послѣдней вышла далеко за предѣлы европейской Россіи: въ 1655 г. видимъ въ Кіевѣ Андрюшку Семеновича Незговорскаго, прибывшаго сюда изъ Подольска «собою, книжнаго ради ученія» [3]). И правительство

---

[1]) О томъ же обычаѣ—въ средѣ высшаго русскаго общества—посылать молодыхъ людей за границу для довершенія образованія говоритъ иностранецъ Рейтенфельсъ (Татарскій, Симеонъ Полоцкій, 186). Интересно, кто такой Евстратій Ивановичъ Зяловскій, родомъ москвитянинъ, жившій нѣкоторое время въ Германіи и написавшій книгу о состояніи греческой церкви, изданную въ 1681 г. въ Нюрнбергѣ (Kohlius, Ecclesia graeca lutheranisans (Lubecae 1723) 3, прим. 6.)

[2]) «Нѣкто іеромонахъ, у езуитовъ учивыйся по латинѣ, именемъ Симеонъ, прозваніемъ Полотскій, сказа себе восточнаго благочестія послѣдователя быти. Благочестивый же царь и священніи архіерее, повѣривше ему яко благочестиву и православну, вручаху ему всякія церковныя дѣла писати» (Остенъ, 130; ср. 75. Описаніе слав. рук. синод. биб., II, 3, стр. 509. Татарскій, 98). Считаемъ недоказаннымъ, хотя и вѣроятнымъ, предположеніе г. Татарскаго, что Полоцкій послѣ Кіева учился въ польско-катол. академіяхъ (32, 33).

[3]) Чт. Моск. Общ. ист. и древн. росс., 1891 I, Смѣсь.

охотно отпускало въ Кіевъ учиться, такъ какъ оно нуждалось въ знающихъ древніе языки переводчикахъ для посольскаго приказа и для печатнаго двора и такъ какъ оно наполовину отрѣшилось уже отъ прежняго взгляда на гибельность латинской науки. Въ частности, о Кіевской коллегіи ему было извѣстно, что тамъ собраны обученые иноки, «ихже ученіемъ многи благородніи отроцы, въ благочестіи обучившеся, возрастше, столпи непоколебиміи церкви явишеся, отъ иновѣрныхъ церковь Христову своимъ премудрымъ препирательствомъ защищающе» (А. Ю. и. З. Р., № 261). Одобрительно относясь къ направленію Кіевской коллегіи, ц. Алексѣй Михайловичъ не отказался имѣть въ своихъ предѣлахъ другое такое же училище, когда, послѣ завоеванія Могилева, повелѣлъ быть могилевской братской школѣ «противъ кіевскихъ училищъ» (1654). Въ пользу этого же направленія послужила встрѣча царя съ его представителемъ въ Полоцкѣ въ 1656 г., когда мѣстный братскій учитель Симеонъ Ситіановичъ Петровскій (Полоцкій) привѣтствовалъ его стихами своего сочиненія, произнесенными съ учениками, затѣмъ напомнилъ ему о себѣ стихами же при представленіи въ Москвѣ въ 1660 г. (Татарскій, Симеонъ Полоцкій, 48—50. 56). Не говоримъ уже о вліяніи на молодого царя п. Никона, который по своимъ отношеніямъ къ западной культурѣ былъ передовымъ человѣкомъ своего времени [1]).

---

[1]) Вирши и ораціи вошли въ обиходъ жизни Никона раньше, чѣмъ въ дворцовый. Въ патріаршей грамотѣ въ Иверскій монастырь о разныхъ приготовленіяхъ по случаю предстоявшаго пріѣзда туда государя и патріарха (18 ноября 1657 г.) говорится: «Да вамъ же бы Иверскаго монастыря изъ братьи убрати (т. е. разодѣть) 12 братовъ, предъ царемъ и предъ нами орацію говорить, краткую и богословную и похвальную, за его къ вамъ царское посѣщеніе, и намъ вел. государю орацію изготовить потомужъ; да убрать младенцевъ дванадесять же, или и множае, колко обрящется, и выучить такожъ къ царскому и къ нашему пришествію орацію говорить, краткую и богословную и похвальную; такожъ изготовить бы вамъ орацію и къ царскому и нашему изъ Иверскаго монастыря отшествію, и убрать тѣхъ младенцевъ

Переходъ Полоцкаго въ Москву (1663) [1]) и развитіе имъ здѣсь учебно-литературной дѣятельности не были неожиданнымъ скачкомъ,—послѣдній подготовлялся событіями и въ личной жизни Полоцкаго, и въ общемъ ходѣ сближенія московскаго общества съ латино-польской ученостью. Въ Москвѣ Полоцкій началъ съ того, что, живя въ Спасскомъ монастырѣ, сталъ давать уроки латинскаго языка по Альвару молодымъ подъячимъ приказовъ дворцоваго и тайныхъ дѣлъ, т. е. собственной канцеляріи государя. Лѣтомъ 1665 г. въ монастырѣ были выстроены для учебныхъ занятій деревянныя хоромы стоимостью въ 170 р. [2]). Принимая

также хорошенько, по обычаю, какъ у Епископовъ свѣщеносцы бываютъ, золотными или иными какими платны мочно, что-бы было велми дивно» (А. И., IV, № 109). Въ 1659 г. въ Иверской типографіи былъ изданъ «Рай мысленный» съ гербомъ Никона и съ виршами. У пр. Шляпкина (102, 103) и у Перетца (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1. 1900, Спб.) читатель найдетъ рядъ данныхъ о проникновеніи въ Москву кіевскихъ пѣвчихъ и нотныхъ партесныхъ книгъ и объ участіи въ немъ Никона. Раскольники винили Никона именно, что онъ «киевское партесное пѣніе начатъ въ церковь вводити согласно мирскимъ, гласоломательнымъ пѣніямъ».— Интересно, кто былъ «Петръ Бѣлорусецъ», сотрудничавшій Никону въ дѣлѣ обновленія русской церкви, о которомъ въ 1704 г. писалъ архим. Гавріилъ Домецкій: «ни примудрѣйшій Никонъ святѣйшій патріархъ сего не дерзалъ (обличать противниковъ церкви), но сыскалъ что у себя исправлевати учоными людми, которыхъ у себе держалъ; первый былъ Епифаній, другой Арсеній грекъ, третій Петръ Бѣлорусецъ, которыми много грубости и неистовства вывелъ и просвѣтилъ всю Росію и непрестанно поощрялъ блаженныя памяти вел. гос. царя Алексѣя Михайловича, чтобы школы завести» (Сменцовскій. Прилож. XXXIV).

[1]) Эйнгорнъ, o. c., 235. Въ этомъ же году прибылъ въ Москву другой западноруссъ Еремовичъ, домашній педагогъ младшаго сына Меѳодія Филипповича, епископа мстиславскаго и оршанскаго (ibid., 248, прим. 31).

[2]) Забѣлинъ, Опыты изученія рус. древностей и исторіи, I, 197. Прозоровскій, Сильвестръ Медвѣдевъ (М. 1896), 64, 65. По Ключев-

во вниманіе огромность этой суммы, можно было бы думать, что спасская школа была очень велика—и размѣрами, и количествомъ учащихся. Но доселѣ извѣстны стали только четыре ученика ея: три подьячихъ—Сильвестръ Медвѣдевъ, Симеонъ и Илья Казанцы и Василій Рябскій, пѣвчій, присланный мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ, по требованію государя, въ августѣ 1665 г. Найденный и напечатанный г. Эйнгорномъ документъ, касающійся Рябскаго, говоритъ, что ему 15 окт. 1665 г. государь пожаловалъ «сукно доброе для тово: по его великаго государя указу велено ему для науки книжного учения словенскаго языка быть на Москвѣ въ Никольскомъ монастырѣ» [1]). Но, начавъ Альваромъ, Полоцкій не могъ, конечно, ограничиться славянской грамотой. И, дѣйствительно, по свидѣтельству приходныхъ книгъ приказа тайныхъ дѣлъ, спасская школа была учреждена для «грамматическаго ученія» и для обученія «по латынямъ». Вѣроятно, Полоцкій обучалъ также своихъ учениковъ піитикѣ, риторикѣ и діалектикѣ и упражнялъ ихъ въ составленіи виршей, орацій и въ веденіи диспутовъ, въ чемъ самъ чувствовалъ себя сильнымъ. По крайней мѣрѣ, лучшій ученикъ его Сил. Медвѣдевъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ выступаетъ, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ риторикой и діалектикой и какъ искусный составитель виршей. Его письма и ораціи составлены по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства—съ неизбѣжнымъ приступомъ,

---

скому, тогдашній рубль равнялся приблизительно 17-ти нынѣшнимъ («Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему»,— Чт. Моск. общ. ист. и др. 1884, I).

[1]) В. О. Эйнгорнъ, 368, прим. 483. Никольскій монастырь находился рядомъ съ Спасскимъ. Что Рябскій былъ ученикъ Полоцкаго и принадлежалъ къ Спасской школѣ, это удостовѣряется роспиской на упомянутомъ документѣ: «Государева жалованья Василью Рябскому сукна анбургскаго четыре аршина Сенка Медвѣдевъ взялъ и росписался». Медвѣдевъ, повидимому, былъ старостою въ Спасской школѣ, потому что деньги на ея отопленіе и освѣщеніе выдаются ему на руки (Забѣлинъ, ibid.).

нарраціей и конклюзіей и со слѣдами знакомства съ логикой Аристотеля. О привычкѣ и умѣніи Медвѣдева вести богословскіе диспуты лучше всего говоритъ отзывъ его противниковъ о немъ, какъ о человѣкѣ, который «злоковаренъ бѣ отъ юности возраста, и многорѣчивъ, и остроглаголивъ и любонравъ, уста имѣя безъдверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубителный всякаго лжесловія и коварствъ, языкъ же непремолчно блядущъ, толико, яко всему тѣлу его мнѣтися быти языку» (Остенъ, 74, 75). Самъ Медвѣдевъ говоритъ въ одномъ письмѣ, что ученики спасской школы проводили время «читающе и выну разсуждающе начастѣ (т. е. диспутировали, раздѣлившись на двѣ стороны) божественное писаніе». Но и тутъ, конечно, сохранялся характеръ латинской учености съ тѣмъ же господствомъ схоластики и казуистическихъ тонкостей, какъ и въ пройденныхъ Полоцкимъ школахъ. Возможно, наконецъ, что Полоцкій познакомилъ учениковъ и съ начатками греческаго языка [1]).

Потребность въ новой латино-польской наукѣ еще до 1665 г. назрѣла и удовлетворялась въ Москвѣ всякими способами: изученіемъ латинскаго и польскаго языковъ у пріѣзжихъ западно-руссовъ—педагоговъ и непедагоговъ, чтеніемъ латинскихъ и польскихъ книгъ [2]), поѣздками въ западно-русскія и польскія коллегіи и даже изученіемъ латинскихъ наукъ въ московскихъ школахъ у

---

[1]) Прозоровскій 76—79; ср. Сменцовскій, 21.

[2]) По свидѣтельству старца Евѳимія, русская знать во второй половинѣ XVII в., въ видахъ образованія дѣтей, стала держать у себя домашнихъ иностранныхъ учителей и читать латинскія книги. Ср. въ «Христіанопасномъ щитѣ вѣры» инока Авраамія (1670): «мнозижъ нынѣ, гордостію превознешись, языкомъ словенскимъ гнушаются, въ немже крестишася и сподобашася благодати Божія, иже широкъ есть и великославенъ, совокупителенъ и умиленъ, и совершенъ паче простаго и лятцкаго обрѣтается» (Мат. для ист. раск., VII, 14). Въ 1672 г. Лазарь Барановичъ писалъ царю, что его синклитъ (придворные) польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги и исторіи ляцкія въ сладость (Эйнгорнъ, 820).

западно-руссовъ и у самихъ грековъ. Вѣдь не даромъ съ 1666 г. и восточные святители говорятъ объ открытіи на Москвѣ училища между прочимъ съ латинскимъ языкомъ. Такъ, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, самъ, впрочемъ, питомецъ аѳанасіевской коллегіи въ Римѣ, въ разборѣ челобитной попа Никиты—расколоучителя, утверждалъ, что росколъ произошелъ отъ мщенія и неимѣнія народныхъ училищъ и библіотекъ, что училища нужны для церковнаго и гражданскаго благоустройства и, обращаясь къ царю, убѣждалъ его: «ты убо, о пресвѣтлый царю... созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко изученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче греческаго, *латинскаго* и славенскаго». О латинскомъ языкѣ Лигаридъ выразился, что его слѣдуетъ изучать потому, что онъ «нынѣ царствуетъ въ училищахъ, въ княжихъ домахъ, и, аки обычай, непщуется и глаголетъ же ся едва не отъ всѣхъ родовъ». Наряду съ школой Паисій признавалъ необходимой и государственную библіотеку и расходы на ту и другую предполагалъ возмѣстить изъ епархіальныхъ и монастырскихъ суммъ. «Молю, да повелиши, воеже бы кождо сихъ начальниковъ (архіереевъ), по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико имѣлъ питомцевъ и толико клирикъ препитати тщился ради изученія сихъ трехъ языковъ. Подобнѣ же и архимандритове монастырей—ти царскихъ тожде да сотворятъ» (нач. 1666 г. Мат. для ист. раск., IX, 233—243). Очевидно, Паисій Лигаридъ проектировалъ учрежденіе въ Москвѣ (и въ другихъ епархіальныхъ городахъ) духовной семинаріи. Въ томъ же году, въ Рождество Христово, отъ лица двухъ патріарховъ—Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго было произнесено архіепископомъ рязанскимъ Иларіономъ [1]) поученіе, написанное, по догадкѣ проф. Субботина, тѣмъ же Паисіемъ [2]). Въ немъ русскимъ адресованъ тотъ-же укоръ за

---

[1]) Тѣмъ самымъ, который изучалъ греческій языкъ у архим. Діонисія «гречини» (Мат. для ист. раск., V, 137).

[2]) Мат. для ист. раск., IX, 280—284. До послѣдняго времени авторомъ его считался Сименъ Полоцкій, такъ какъ оно вошло въ его «Вечерю душевную». Но туда оно попало, какъ переводный (съ латинскаго оригинала) трудъ Симеона (съ сокращеніями).

пренебреженіе къ наукѣ и греческому языку. Даже иновѣрные народы запада и полудикіе арабы—всѣ «за корень премудрости Еллинскій языкъ имѣютъ» и послѣдній «здѣ точію, лѣности ради, зѣло обезцѣнися»... Патріархи предлагаютъ устроить въ Москвѣ школу греческаго языка и мудрости, чтобы сюда ѣздили даже греческіе юноши. Хотя здѣсь рѣчь идетъ о греческомъ ученіи, но въ заключеніи есть намекъ на необходимость школъ и съ другими языками: «положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ—обращаются патріархи къ царю—еже училища тако греческая, (яко словенская) и иная (т. е., очевидно, латинскія) назидати, студеовъ милостію си и благодатію умножати, учители благоискусныя взыскати, всѣхъ же честми на трудолюбіе поощряти, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣменъ». И когда, слѣдуя внушенію патріарховъ (и духу времени), прихожане іоанно-богословской церкви въ Москвѣ, въ Бронной слободѣ, задумали въ 1666 г. устроить училище («гимназію») съ преподаваніемъ греческаго, словенскаго и латинскаго языковъ, восточные святители вмѣстѣ съ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ благословили ихъ намѣреніе [1]). И такъ какъ прихожане просили себѣ ученаго священника, знающаго кіевское пѣніе, умѣщаго произносить проповѣди и «учить риторскому ученію», то п. Іоасафъ и далъ имъ въ 1669 г. такого священника въ лицѣ малороссійскаго выходца протопопа Шматковскаго, который свой ораторскій талантъ высказалъ еще въ бытность свою въ Москвѣ въ 1664 г., а послѣ въ 1669 г. [2]). Наконецъ, въ 1671 г. іерус. патріархъ

---

[1]) Приб. къ Твор. св. отцовъ, 1845, III, 168—171. Татарскій, о. с., 92—96. Г. Татарскій отмѣчаетъ, что въ общей патріаршей грамотѣ разрѣшается училище греческаго и славянскаго языковъ; въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ—училище съ тремя языками, и въ грамотѣ п. Іоасафа—училище „діалектовъ славенскаго и латинскаго", безъ греческаго.

[2]) Эйнгорнъ, 543—545. Шматковскаго мы видимъ при богословской церкви въ 1670—1673 гг. (Холмогоровы, Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей (1884). 614). Но слѣдовъ существованія училища при этой церкви не сохранилось.

Досиѳей рекомендовалъ московскому пратительству Николая Спаѳарія, «человѣка премудраго въ *латинскомъ* и словенскомъ, а наипаче въ еллинскомъ языцѣ», занимавшагося прежде частнымъ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Этому Спаѳарію правительство поручило переводить книги греческія и латинскія и писать греческій, славянскій и латинскій лексиконъ (Доп. къ А. И., VI, № 54, V).

Что касается лично Алексѣя Михайловича, то именно его царствованіе положило начало тому сближенію Россіи съ польско-латинской наукой и культурой вообще, которое ставится въ заслугу его знаменитому сыну. При немъ именно сгладилась та противоположность между греческимъ и латинскимъ, которая такъ рѣзко проявилась при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Филаретѣ и которая опять обострилась въ самомъ концѣ XVII ст., благодаря крайностямъ «латинской части», съ одной стороны, и настояніямъ п. Досиѳея—съ другой. Самъ Алексѣй Михайловичъ «умѣлъ, по свидѣтельству Аввакума, многими языки говорить» (Мат. для ист. раск. VIII, 44). Изъ множества книгъ, переведенныхъ въ его царствованіе съ польскаго и латинскаго, нѣкоторые переведены по его приказу. Затѣмъ, слѣдуетъ указать на вызовъ изъ Кіева ученыхъ старцевъ, знавшихъ между прочимъ латинскій языкъ, оставленіе въ Москвѣ Арсенія Грека для преподаванія этого же языка (Сш. Олябьевъ) и пріемъ Симеона Полоцкаго. Что же удивительнаго, что этому Полоцкому было поручено организовать латинскую школу, столь необходимую какъ для личныхъ практическихъ цѣлей царя, такъ и для общеобразовательныхъ интересовъ? Вѣдь не помѣшали же Алексѣю Михайловичу «особенныя его любовь и почитаніе всего православно-греческаго» отдать своихъ сыновей для воспитанія тому же Полоцкому. И если извѣстно нѣсколько случаевъ недоброжелательнаго, повидимому, отношенія Алексѣя Михайловича къ кіевской наукѣ и ея представителямъ, то они могутъ быть легко объяснены. Когда гетманъ Брюховецкій сообшилъ въ Москву въ 1666 г., что еп. Меѳодій съ духовенствомъ и полковникъ Василій Дворецкій «писали, чтобъ школы Латинскія вновь въ Кіевѣ завести» (въ дѣйствительности

кіевская коллегія въ это время не прерывала своего существованія), правительство московское отвѣтило: «буде имъ (просителямъ) противъ ихъ волностей будетъ не во оскорбленье, и тѣхъ бы школъ имъ не заводить, а буде имъ противъ ихъ волностей то будетъ во оскорбленіе, и великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить Кіевскихъ жителей; а изъ непріятельскихъ городовъ въ тѣ школы никого не пускать и не учить, чтобъ отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было» (А. Ю. и З. Р., VI, № 34, стр. 86). Ясно, что, только не желая стѣснять правъ малороссіянъ, правительство разрѣшило возстановленіе прямо нежелательной для него кіевской латинской коллегіи. Но очевидно, что это отношеніе къ латинской школѣ вызвано политическими обстоятельствами и отражаетъ боязнь московскаго правительства, какъ бы она не послужила къ утвержденію польскихъ симпатій въ малорусскомъ обществѣ, такъ какъ изъ кіевской именно колегіи вышли Юрій Хмѣльницкій, Ив.Выговскій и болѣе видные представители южнерусскаго духовенства, тянувшіе въ сторону отъ Москвы [1]). Если въ 1670 г. московское правительство холодно отнеслось къ цѣлому ряду ходатайствъ кіево-братскаго училищнаго монастыря, вызванному разореніями и несчастіями предшествовавшихъ годовъ, то это объясняется затрудненіями политическаго же и экономическаго свойства, а съ другой стороны—удовлетвореніе многихъ изъ ходатайствъ зависѣло отъ мѣстной власти—гетмана, къ которому просители и были направлены [2]). Что же касается закрытія доступа въ московское государство малороссійсскимъ книгамъ [3]) и не столь охотнаго пріема, какъ прежде, тамошнихъ уче-

---

[1]) Ср. Эйнгорнъ, 322, 324 и Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XV и нач. XVIII столѣтія (Тр. Кіев. дух. акад., 1901, ноябрь, 307 308).

[2]) Тр. Кіев. дух. акад., 1901, ноябрь, 309 и прим. 11 и 12.

[3]) Царскимъ указомъ въ маѣ 1672 г. повелѣвалось: «въ городахъ на посадахъ и въ слободахъ, а въ уѣздахъ, въ селахъ и въ деревняхъ во всѣхъ мѣстахъ всякихъ чиновъ людямъ учинить заказъ

ныхъ [1]), то это распоряженіе и измѣненіе отношеній, вызванныя религіозными поводами и вліяніемъ п. Іокима грекофила, не доказываютъ ли, что малороссійскіе ученые и книги возымѣли на Москвѣ такую силу, что ихъ пришлось ограничить?.. Но лично Алексѣй Михайловичъ до самой своей смерти продолжалъ покровительствовать малороссійской литературѣ, награждая Барановича и Галятовскаго за ихъ сочиненія и попрежнему жалуя Славинецкаго и особенно Симеона Полоцкаго. Да и книги продолжали привозиться изъ Кіева [2]). Наконецъ, если и допустить, что въ 70-хъ годахъ ц. Алексѣй измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ латино-польской учености, то это не было бы доводомъ противъ латинскаго характера и самаго существованія спасской школы, открытой ок. 1665 г.

Впрочемъ, допуская, что въ спасской школѣ училось болѣе 3—4 человѣкъ и что она давала знаніе не только правилъ грамматики, мы не говоримъ, что она подходила подъ обычный въ Польшѣ и Европѣ типъ средне-учебнаго заведенія, коллегіи, и этимъ легко можемъ объяснить собранные п. Каптеревымъ (Акт. рѣчь) и Сменцовскимъ (о с., 19, прим. 3) заявленія современниковъ (Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Паисія Лигарида, Сильвестра Медвѣдева, братьевъ Лихудовъ и Ѳ. Поликарпова), по которымъ до 80-хъ годовъ совсѣмъ будто бы не было на Руси правильной школы и что «Богъ намъ въ Московскомъ нашемъ государствѣ не благоволилъ быти школьному дѣлу», такъ что типографское училище (съ 1681 г.) явилось и «дѣломъ новымъ и неслыханнымъ». Всѣ эти лица сравнивали существовавшія въ Москвѣ до 1681 г. школы или съ европейскими и польскими, или съ типографскимъ училищемъ и греко-латино-славянской академіей, а разница между ними была такъ велика,

---

крѣпкой съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы тѣ люди польскіе и латинскіе печати книгъ никто у себя въ домахъ тай и явно не держали, а приносили бы и отдавали бы воеводѣ» (Эйнгорнъ, 868).

[1]) 1674—1575 гг. Эйнгорнъ, 1007—1009; 126

[2]) Эйнгорнъ, 869—875; 1026.

что первыхъ можно было и не принимать во вниманіе—и по непродолжительности ихъ существованія, и по немногочисленности учениковъ и учительскаго персонала, состоявшаго обыкновенно изъ одного лица, и по неполнотѣ программы.

Немаловажнымъ аргументомъ въ пользу распространенія въ русскомъ обществѣ 50—70-хъ годовъ XVII ст. латино-польской учености являются возгласы противъ нея раскольническихъ писателей. Вообще въ отношеніи ко всему иностранному наши раскольники стояли на той ультра-русской и ультра-православной точкѣ зрѣнія, которая установилась въ Москвѣ еще въ XV—XVI вѣкахъ и которая преслѣдовала вмѣстѣ съ неправославнымъ догматомъ непринятый въ русской книжности способъ защиты его. «Пытливый и своевольный разумъ, пытающійся святотатственно проникнуть въ заповѣдныя тайны бытія и мірозданія и передѣлать по своему то и другое, противопоставленъ былъ разуму, плѣнному въ послушаніе вѣры и руководимому Откровеніемъ; при этомъ было признано, что первый есть духъ западной латинской науки и жизни, а второй составляетъ душу восточнаго греко-россійскаго православія; первому усвоенъ былъ характеръ хищный и разрушительный, завоевательный и душегубительный, въ противоположность характеру второго—примирительному и самоотверженному, благодатно—зиждительному и душеспасительному» [1]. Страхъ предъ новизной, мыслившейся связанною съ западнымъ происхожденіемъ, былъ такъ великъ, что наши книжники бѣжали всякой новой мысли, всякой критики сложившагося міровоззрѣнія, всего что носило характеръ не только философіи, но и риторики и грамматики и даже богословія [2]. И въ этомъ смыслѣ писанія расколоучителей

[1] В. О. Ключевскій, Западное вліяніе (и церковный расколъ) въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ). Вопросы философіи и психологіи, 1897, кн. I (36), 553.

[2] «Не знаю, говорилъ Ю. Крыжаничъ, кто первый посѣялъ на Руси столь ложный предразсудокъ или мудроборскую ересь, по которой говорятъ: богословіе, философія и языковъ ученіе нѣсть ино, неже ересь» (Прозоровскій, 215, прим. 19).

тѣмъ характернѣе, что они, выражая направленіе мысли огромной массы русскаго народа, свидѣтельствуютъ и о томъ, чѣмъ питались верхи русскаго общества.

Вотъ прежде всего выписка изъ «Словъ» архимандрита покровскаго монастыря Спиридона Потемкина († 1665), человѣка сравнительно широко образованнаго. «Человѣцы, научившеся грамматики, и риторики, философіи, аще не прибѣгнутъ ко истинному учителю Христу, то что поможетъ грамматика, и что пособствуетъ риторика, и како наставитъ философія на путь истинный: единъ бо философъ аріянинъ, а другій македонянинъ, третій лютеръ, инъ же калвинъ, а інъ римлянинъ, и иныхъ множество, но сіи вси учатся въ римскихъ училищахъ, яже суть школы латынскія, за ученіе не даютъ ничесоже кромѣ душъ своихъ» (Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, изд. I (1898), 108. «Слова» писаны до 1658 г.). А вотъ выдержки изъ комментарія Аввакума на текстъ: «Погублю премудрость премудрыхъ и разума разумныхъ отвергуся. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Понеже не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволи Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующія».—«Алманашники, пишетъ Аввакумъ, и звѣздочетцы и вси зодѣйщики познали Бога внѣшнею хитростію. и не яко Бога почтоша и прославиша, но осцетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своею мудростію начинающе, якоже первый блядивый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермисъ піяница, и Артемида любодѣица, о нихже гранографъ и вси хроники свидѣтельствуютъ, таже по нихже бывше Платонъ и Пиѳагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сіи мудры быша и во адъ угодиша... Виждь, *гордоусецъ* и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пиѳагоръ! Такъ ихъ, яко свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и уподобленія ради къ Богу... Помните ли?—На сонмищѣ той лукавой, предъ патріархами вселенскими, говорите мнѣ Иларіонъ и Павелъ: Аввакумъ милой, не упрямся, что́ ты на русскихъ святыхъ указываешъ, глупы наши святые были и грамотѣ не умѣли, чему имъ вѣрить! Помните, чаю, не забыли, какъ я бранити сталъ, а вы меня бить стали,

разумныя свиньи?.. Еще бы христіаномъ милымъ не горко было! Онъ, бѣдной, мается шесть-ту дней па трудахъ, а въ день воскресной прибѣжитъ въ церковь помолити Бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево—по латынѣ поютъ, плясавицы скоморошьи!» (Мат. для ист. раск., V, 297—301). «Не латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры Господь, говоритъ протопопъ въ другомъ мѣстѣ, но любви съ прочими добродѣтельми хочетъ» (Бороздинъ, о. с., прилож., 85—начало житія Аввакума,—ср. рец. П. С. Смирнова—въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г.). Общее отношеніе расколоучителей къ гуманитарнымъ наукамъ выражается въ слѣд. словахъ: «Христосъ не училъ насъ діалектики и ни краснорѣчія, потому что риторъ ни философъ не можетъ быти христіанинъ». (Мат. для ист. раск., I, 487).

А между тѣмъ и они не оставались совершенно чужды свѣтской мудрости. Хотя самъ Аввакумъ «виршами философскими не обыкъ рѣчи красить» (Бороздинъ, Прилож., 85), у другихъ расколоучителей вирши встрѣчаются. Такъ «Стихи, или вирши къ читателю» имѣются въ началѣ «Христіанскаго щита вѣры противъ еретическаго ополченія» икона Авраамія. Второе помѣщенное здѣсь стихотвореніе—«Стихи, или вирши къ читателеви. Всякаго чина православныхъ къ читателю»—очень похоже на начало обращенія къ читателю предисловія острожской библіи 1581 г. [1]). Безъ сомнѣнія, отсюда ведетъ начало увлеченіе

---

[1]) Мат. для ист. рас., VII, 6—9. Это стихотвореніе помѣщено также въ одномъ Азбуковникѣ XVII ст. (Карповъ, Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки (Казань, 1877), 134, 135). Первые опыты виршеписанія на Москвѣ относятся къ началу XVII ст. (см. вторую редакцію повѣсти кн. И. М. Катырева—Ростовскаго. Р. И. Б., XVII ст. 707, 710—712,—у В. Н. Перетца Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч., I (Спб., 1900), 87). Умѣли писать виршами кн. Шаховской и Хворостининъ, писатели времени ц. Михаила (Соловьевъ, II, 1373, 5). Въ Азбуковникахъ XVII в. встрѣчаются образцы силлабическихъ стихотворныхъ

силлабическими стихами раскольническихъ писателей XVIII и XIX в. Для характеристики отношенія раскольниковъ первой генераціи или, точнѣе, той части русскаго общества, которая дала рядъ вождей раскола, служитъ слѣдующее. Послѣ взятія соловецкаго монастыря войсками (1676) г., въ его библіотекѣ оказались: 5 книгъ діалектикъ, космографія, 4 лексикона, 11 экземпляровъ «Небесъ» Дамаскина (изъ нихъ нѣкоторые «съ осмочастною», т. е. съ грамматикой), двѣ риторики [1]).

Какъ постепенно старыя средства обученія, старое міросозерцаніе и старый кругъ понятій уступали новымъ, видно также изъ исторіи Азбуковника. Эта русская энциклопедія и вмѣстѣ школьная христоматія «въ началѣ XVII в. еще черпаетъ свои свѣдѣнія изъ старо-русскаго, т. е., изъ византійскаго литературнаго запаса. Онъ ссылается на Толковую Палею и Козьму Индикоплова, на Шестодневъ Іоанна Болгарскаго, на Дамаскина и Григорія Богослова,—словомъ на всѣ признанные авторитеты византійской науки. Изъ свободныхъ наукъ и онъ, однако, дѣлаетъ единственное исключеніе—для грамматики. Высшій курсъ свободныхъ знаній (т. е. quadrivium): ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію этотъ Азбуковникъ безусловно считаетъ запрещенными («отреченными») науками. Во второй половинѣ XVII в. содержаніе Азбуковника совершенно обновляется. Стремясь поспѣть за расширеніемъ научныхъ знаній, онъ начинаетъ черпать свои свѣдѣнія изъ польскихъ хроникъ, изъ космографій, лѣчебниковъ и ссылается на классическіе и средневѣковые авторитеты: на Плинія, Авицену, Альберта вел. и т. д. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и это новое вліяніе оказывается вовсе не такимъ уже отличнымъ отъ прежняго. Дѣло въ томъ, что на смѣну византійской мудрости къ намъ идетъ теперь средневѣковая византійская ветошь. Научный матеріалъ, воспринятый чрезъ Кіевъ

привѣтствій и посланій (Мордовцевъ, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. (М. 1862), 68—78).

[1]) Библіотека и архивъ соловецкаго монастыря—Мат. для русской ист. С. А. Бѣлокурова, 16, 21, 22, 26, 30.

Москвой XVII в., былъ накопленъ на западѣ еще въ XII—XIII ст., а съ XV-го сталъ быстро терять свою свѣжестъ» (Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры, II (1897), 266—268).

Быть можетъ, въ силу того именно, что даже самая консервативная часть русскаго общества, въ лицѣ раскольниковъ, несознательно заразилась нѣкоторыми, самыми незначительными, элементами новыхъ образовательныхъ системъ, до насъ не дошло памятниковъ литературной борьбы представителей стараго, русскаго педагогическаго направленія съ защитниками новыхъ—латинскаго и греческаго. Мысль о необходимости просвѣщенія по болѣе широкой программѣ, чѣмъ доселѣ, просвѣщенія школьнаго, систематическаго, была уже такъ сильна въ кругахъ интересовавшихся книгой и потребность въ немъ чувствовалась такъ настоятельно, что полемизировать противъ нихъ было бы напраснымъ трудомъ. Авторъ одной записки, посвященной разсмотрѣнію вопроса о сравнительныхъ достоинствъ двухъ образовательныхъ системъ, появившейся ок. 1684 г., почти не находитъ нужнымъ считаться съ старой системой начетчества и съ мнѣніемъ, что будто удобнѣе «въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ св. писаній познавати», не учась школьныхъ «хитростямъ»—«грамматикѣ, риторикѣ, философіи, и ѳеологіи и стихотворному художеству». Авторъ разъясняетъ, что простота простотѣ рознь, что кромѣ простоты—добродѣтели незлобія есть простота—«невѣжество, рекше наученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіего закона, еже злоба есть преглубока»; неученіе же есть «тма, ослѣпляющая умныя очи», тогда какъ «ученіе ясная луча есть, ею же невѣжества тма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются, и есть веліе благо» (Сменцовскій, о. с., прилож., VI, VII).

К. Харламповичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пидъ похылою вербою.

На Днипри зибралось циле мисто зъ плотивъ. Велыки й менши, зъ чепурными «хазяйськымы» куринямы и зовсимъ безъ усякого захысту для людей про негоду,—плоты щильно позбывалысь одынъ до одного, мицно взялысь якорямы за берегы й нерухомо стоялы проты быстрои воды. А вода проходыла мымо зъ якымъ-ся немовъ электрычнымъ, напруженнямъ, и ризала, и лоскотала ихъ слызьки бокы.

Ждалы годыны, щобъ спускатысь на порогы. Але цили тыждни витеръ дувъ одъ моря и, збываючы на порогахъ велыку хвылю, боронывъ пускаты плоты на перлови, ревучи хребты ихъ водобоивъ.

Плотовщане-лытвыны тому й ради булы. Чы ждаты, то й ждаты. Розиклавшы на березп огни, воны лежалы и сыдилы биля ихъ цили дни, байдуже розмовляючы и тягнучы пахучый—на ихъ смакъ—дымъ зъ своихъ люлёкъ. Хмары мошкы и комаривъ мало имъ шкодылы, та й булы то все люде звычни до сіеи весняной кары. То бувъ сирый, брудный людъ, въ обшарпаній, давно немытій одежи, постолахъ и билыхъ свыткахъ, вытканыхъ зъ билои вовны овець далекои Билорусчыны. Мижъ ихъ попадалысь охочи до піяцтва и воны неслы своему веселому богови добру данину, корыстуючыся зъ зайвого часу, тыхои годыны, поэтычнои обстановы, а найпаче—зъ того, що мисто, и велыке мисто, було туть-же заразъ на гори.

Я кажу—зъ поэтычнои обстановы, бо картына повноводого Днипра була й справди гарна. Туть, на березi, надъ водою, стоялы велелитни похыли вербы та осокоры, а тамъ—розвернувся блакитною, жывою площею Днипро. Часомъ, геть понадъ другымъ берегомъ, пробигавъ гомонлывый, маленькый параходыкъ и пидiймавъ обокы себе перловый шумъ хвыли. Опивдень налетила, була, тепла весняна хмара и, покропывшы и вербы, и Днипро, и лытвынивъ весняными тепло-блыскучымы искрамы, полынула дали, затуманюючы на якый часъ жывою ситкою ясну далечинь.

Вечорило. Пидъ однiею вербою, що нахылылась своею вершыною до воды, горивъ огонь, а биля ёго сыдила невелычка купа лытвынивъ. Воны сыдилы, потупывшы погляды своихъ тмяноолывьяныхъ очей въ холомья палаючыхъ головешокъ, и мовчалы. Ихъ було трое: маленькый дидокъ, що разъ-у-разъ чухавъ соби спыну, молодый парубокъ—билолыцый и билоголовый, и третiй—чоловикъ рокивъ трыдцяты пяты—зъ рудою кудлатою головою и рябымъ облыччямъ.

— А чули, што бають люди?—промовывъ дидокъ, сипаючы правымъ плечемъ,—плытъ-та на парогахъ вчерась разбило... Яны значыть,—на бабайку!.. А ёнъ, лоцманъ-та, гукае: «кидай, само пройдя!..» Анъ ни прашло—хряснуло объ каменя... Яны, лоцманы, тожъ багато знають!..

Ця сумна звистка, здавалось, мало здывувала рудого кудлатого лытвына.

— Што жъ, ето бувае...—сказавъ винъ.—А хыба вчерась вже пускали плыты?

— Пускали.

Имъ обомъ було байдуже: ну, розбыло плота, й розбыло. Бильшъ копы лыха не буде.. Але молодого хлопця, Петруся, що йшовъ зъ плотамы тилькы першый рикъ, ся звистка вразыла гострымъ ножемъ у самисенькe серце.

— А люди ни патопли?—спытався винъ у дида.

— Ни чуть. Мабуть павыплывали.

— А цлыть-та чій?—зновъ пытае Петрусь.

— Чій же будя—жыдовскій!.. Вси плыты у ихъ въ рукахъ.—промовывъ дидъ и трохы перегодя додавъ: – подкинь-ка чурокъ, погасне.

Петрусь пидкынувъ дривець и огонь загравъ веселійше.

Уже зовсимъ звечерило. Теперъ огни лытвынивъ у темряви удавалы фантастычну картыну. Здавалось, що то якись, ще доисторычни, люде зибралысь тутъ пидъ велетнямы-деревамы, и, розиклавшы огни, розмовляють и правлять свои свята, чы трызны.

Плямы свиту сягалы вгору до чорныхъ, лапатыхъ гилокъ, сягалы вбикъ на Днипро и выблыскувалы червоными смугамы по ёго живому скли.

Ось понадъ берегомъ проплывла душогубка и на яку хвылыну помаячыла пидъ сяевомъ на блыскучій води. И зныкла. Пирнула зновъ у темряву. Зновъ промайнула ныжче въ освитленій смузи воды и зновъ зныкла. На ній вымалёвувалось дви чоловичи постати.

Скризь по березi чуты спивы и гоминъ. Десь на далекому плоти хтось тужно грае на рижокъ. Чуты, якъ наблыжается зъ миста кумпанія пьяныхъ лытвынивъ. Воны безладно спивають й выгукують якусь писню. Можна пiйматы тилькы слова:

На чужо-ой старанѣ!..

А тутъ же, десь зовсимъ блызько, выспивуе соловей и дрибно розсыпае срибно-яскрявымы перламы своеи все однiеи, але чудовои, писни кохання...

А на всю цю картыну дывытся тысячыма очей замысленопоэтычна украиньска весняна ничъ и ловыть коженъ згукъ тысячыма ушей. А сама мовчыть – велычня и спокiйна у своiй чаривнiй вроди.

Лытвыны повечерялы и лягають спаты. Огни догоряють и погасають. Повечерявъ и Петрусь зъ своимы товарышамы и ти, укрывшысь свыткамы, ляглы спаты. Воны заснулы скоро, але Петрусь заснуты не мигъ. Звистка, що на порогахъ розбыло плота, зворушыла всю ёго душу. Та й не дарма. Тилькы торикъ,

на тихъ самыхъ порогахъ, утонъ ёго батько... Петрусь добре памятае, якъ торикъ выряжалы ёго на плоты. Ще тилькы-тилькы ричка стала ввиходыты въ берегы, тилькы що почала вызначатыся звычайна іи течія, якъ ёго поклыкалы до жыда-орендаря: «завтра пускають плоты,--збирайся!» Якъ ёму се було не до вподобы, якъ винъ лаявся!.. Але ничого не вдіешъ. Винъ бувъ у жыда въ рукахъ, якъ пташка въ клитци... Жыдъ годувавъ и ёго, и ёго семью ще зъ Пылыпивкы. Треба видробляты набране на видробитокъ. Треба...

Повернувся до-дому батько темный, якъ ничъ. Винъ, тилькы увійшовъ у хату, почавъ лютуваты и шпурляты все геть видъ себе. Потимъ веливъ жинци зварыты картопли и добуты горилкы. Заставылы якусь одежыну и добулы горилкы. Винъ пывъ іи самъ, мовчкы, не зайидаючы навить картоплею, и скоро упывся. Тоди ставъ веселый. Почавъ хвалытысь,—скилькы винъ свиту побачить, яки мисця... Казавъ, що не слидъ журытысь, покы винъ жывый та здоровый... Що винъ прывезе всимъ подарункы... Почавъ цилуваты матиръ... И потимъ заплакавъ. Винъ плакавъ и тилькы вымовлявъ: «ничаво... ничаво...»

Винъ бувъ зовсимъ пьяный.

Другого дни вранци Петрусь пишовъ провожаты ёго до плоту. Плитъ стоявъ уже напоготови коло рички, на выруби. Воны силы въ душогубку и поплывлы по поводи, лисомъ, до вырубу. Батько бувъ сумный и неговоркый. Винъ мовчкы грибъ весломъ, помынаючы кущи та дерева. Прыйихалы до плоту. Тамъ уже все було напоготови. Скоро жъ и рушылы въ дорогу. Помолылысь гуртомъ Богови й пустылы плитъ зъ прычалу. Винъ заразъ же й пишовъ плавко за водою. Батько стоявъ на бабайци и гукнувъ ёму на останни: «гляды жъ... дома!..»

Ото винъ чувъ ёго голосъ и бачывъ ёго въ останній разъ. И теперъ, писля того, якъ винъ почувъ про розбытый на порогахъ плитъ, ёго молода, палка думка заразъ же змалювала ёму страшну картыну загыну ёго батька. Ёму здавалося, що винъ чуе заразъ страшный, ревучый гоминъ порогивъ, и колы винъ заплющувавъ очи, то бачывъ велычезни сиры водяни горы, що

клокочуть и втрыбають одна на одну и шалено бижать одна за одною невидомо куды. И баче винъ на тихъ горахъ «плытъ»... Розбывае ёго кожна хвыля все бильше и бильше... Перелякани люде збезглуздилы зъ жаху и упалы и повчиплялысь рукамы за мокри дерева, а други бигають по плоту и провалюются въ щилыны промижъ розметаныхъ деревъ...

О, Боже, яка страшна хвылына!..

А порогы ревуть, и гудуть, и дзвонять, и стогнуть... А кыплячи хвыли рынуть невидомо куды и штовхають бидный плитъ и туды, и сюды... И винъ самъ гойдается увесь, и дрижыть, и скрыпыть...

Але ось... Боже, що се?!..

То каминь, сирый, гризный каминь вырынае зъ шуму и брызокъ... Винъ рвется до плота проты воды... Розрыва хвыли, якъ гострый нижъ крае хлибъ, якъ плугъ риже землю и страшенно скоро наблыжаеться до плоту...

Тр-р-р-а-хъ!..

И плитъ зъ усёго розгону бьется объ той каминь!.. Якъ трискы, якъ никчемни цуркы, розлетилысь, розирвалысь, поставалы сторчъ и на хвылыну мовъ запынылысь у тымъ становыщи велетенськи стовбури столитнихъ сосенъ и ялынъ... Мыть—и воны поплывлы за несытою, шаленою хвылею...

А люде, де воны?

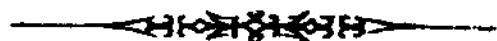
И баче Петрусь блидого, на смерть переляканого батька. Винъ ухопывся за деревыну и сылкуется удержатысь за неи... Винъ держытся, але тилькы мыть... Деревына гойдается и крутытся, мовъ валъ у водяному млыни... Батько жыво-жыво перебирае рукамы, хапается за неи... хапается за хвылю... и зныкае пидъ кыпучою, гремучою водою...

Пидвився Петрусь. Жене видъ себе страшну ману. Протырае очи... И баче винъ—лагидный и тыхый, якъ небо, Днипро, и выблыскують на ёму, мовъ на неби, ясни зиркы. А дали маячать дерева другого берега, повыти мьякою ничною млою. Погляне вгору,—и баче, якъ звысла надъ нымъ похыла верба, мовъ

нахылылась маты и простяга до ёго свои рукы... А кризь виты вербы сяють ясни, блыскучи весняни зори. И чуе винъ, якъ десь недалеко, зовсимъ недалеко, спивае, ажъ умливае, соловейко.

А ляже, укрыется свытою, склепыть очи,—и зновъ ревуть, гудуть, дзвонять, бурхають и стогнуть порогы, и баче винъ шалени сыви хвыли и блиде облыччя на смерть переляканого батька...

М. Чернявськый.



Нѣкоторыя дѣтскія игры въ Маякахъ, Херсонской губ.

(Матеріялы къ изученію игръ).

Помѣщаемыя ниже игры записаны мною отъ дѣтей (учениковъ Маякскаго городского училища) въ 1901 г. Эти записи, насколько возможно, провѣрены мною; но нѣкоторыхъ изъ этихъ игръ самому мнѣ не удалось видѣть, а поэтому провѣрять пришлось, сличая записи отъ нѣсколькихъ лицъ. Изъ игръ большими симпатіями пользуются—«проворный» (№ 3) и «цурка».

1. *Мэта.* Играющіе дѣлятся на двѣ равныя партіи, которыя становятся одна противъ другой на нѣкоторомъ разстояніи. Между ними отмѣчается середина разстоянія (чертой или чѣмъ инымъ). Передъ каждой партіей тоже проводится черта. На этихъ послѣднихъ чертахъ становится но одному играющему изъ каждой партіи. Ставъ на чертѣ, они бросаютъ мячомъ другъ въ друга, стараясь попасть. Остальные играющіе стараются поймать мячъ на лету или отъ «каши» (отскочившій отъ земли). Если кто поймаетъ, то «мета» противной партіи (стоящій на чертѣ) становится на серединную черту. Если же «мету» попадуть, его смѣняетъ кто-нибудь другой. «Мета» можетъ уклоняться отъ мяча, но раньше долженъ сказать въ какую сторону уклонится, на какую ногу станетъ. Уходить съ мѣста нельзя; можно уклониться въ сторону, поднять ногу, руку, которымъ грозитъ опасность.

2. «*Зъ коня на коня*». Играющіе дѣлятся на двѣ равныя партіи. Одна становится на кругу, а другая (верхъ) садится на нихъ верхомъ и перебрасывается мячомъ. Если мячъ три раза обойдетъ кругъ, то играющіе переѣзжаютъ на противоположныя мѣста и опять перебрасываются мячомъ. Если же кто изъ нихъ не поймаетъ мяча, то всѣ они соскакиваютъ и убѣгаютъ, а тѣ, что на кругу стоятъ, схватываютъ мячъ и бросаютъ въ убѣгающихъ. Если кого попадутъ, то занимаютъ ихъ мѣсто, и игра продолжается въ томъ же порядкѣ. (Играютъ взрослые и дѣти).

3. «*Проворный*». Играющіе дѣлятся тоже на двѣ партіи. Двое (по 1 изъ каждой партіи) мѣряются на «маткы». «Верхъ» идетъ въ «городъ», а «нызъ»—«пасты въ поле». Матка бьетъ семь разъ, а остальные только лишь «одбигаются», кромѣ «шестерыка», бьющаго 6 разъ и вызволяющаго «матку», если она не ударитъ мячъ. Поддаетъ мячъ въ большинствѣ случаевъ матка «ныза». Въ то время, какъ матка бьетъ мячъ, всѣ играющіе ея партіи должны «одбигтысь»—добѣжать до намѣченнаго мѣста и возвратиться въ городъ. Ударивъ мячъ въ послѣдній разъ, матка тоже должна «одбигтысь». Если же она промахнется, на выручку является «шестерыкъ», бьющій 6 разъ. Когда матка «одбижытся», то опять начинаетъ бить мячъ, а остальные «одбигаются.» Если поймаютъ на лету мячъ, или «побьють» кого изъ «одбигающыхъ», то тогда побившіе или поймавшіе идутъ въ «городъ», а побитые—«въ поле пасты». (Эта игра напоминаетъ «матку» Полтав. губерніи. Разница та, что въ «маткѣ» всѣ участники игры бьютъ мячъ: тутъ есть «разовыкы», «троякы», шестерыкы» и т. д.).

4. «*Круговый*». Играющіе дѣлятся на двѣ равныя партіи, мѣряются—чей верхъ. Верхъ становится на кругѣ, а низъ – въ кругу. Тѣ, что на кругѣ, идутъ куда-нибудь въ скрытое отъ противной партіи мѣсто и даютъ кому-нибудь изъ своихъ *мячъ*. Мячъ прячется въ карманъ или подъ полу. Остальные играющіе тоже прячутъ свои руки, чтобы ввести противниковъ въ заблужденіе.

Продѣлавъ это, идутъ на кругъ и бѣгаютъ по нему, пока имѣющій мячъ не броситъ его въ находящихся въ кругу. Если ударитъ кого въ кругу, то находящіеся на кругу убѣгаютъ, а тѣ,

что въ кругѣ, стараются попасть кого-нибудь изъ нихъ мячомъ. Если они промахнутся, то изъ ихъ партіи выходитъ побитый мячомъ, а если попадутъ, то выходитъ изъ игры побитый ими. Послѣ этого опять идутъ прятать мячъ и т. д. Когда на кругу останется только одинъ, то онъ мяча уже не прячетъ и бѣгаетъ по кругу и черезъ кругъ, стараясь ударить кого-нибудь изъ находящихся въ кругу. Бить онъ можетъ только съ круга. Цѣль игры—выбить всю противную партію. Та партія, которая достигнетъ этого, становится на кругу, а побитая—въ кругу. (Эта игра похожа на «городокъ». Весь ходъ игры такой же, только мячъ прячется не каждый разъ, а только лишь при началѣ игры; а потомъ «верхъ» стоитъ на кругу и перебрасывается мячомъ. Поймавшій мячъ можетъ бить находящихся въ кругу. Когда ударитъ—всѣ съ круга убѣгаютъ, а дальше, какъ и въ «круговую». Полт. губ. Луб. у.).

5. «*Середынка*». Чертятъ кругъ. Всѣ играющіе становятся на кругу и перебрасываются мячомъ. Кто не поймаетъ мяча—идетъ въ кругъ (въ «середынку»). Вмѣсто того, чтобы перебрасываться мячомъ, мѣряются, и тогда въ кругъ идетъ нижній или верхній, смотря по условію. Оставшіеся на кругу перебрасываются мячомъ и попадаютъ въ стоящаго въ кругѣ. Кто промахнется, тотъ идетъ въ кругъ, а его мѣсто занимаетъ находившійся въ кругѣ и т. д. (Въ Полт. губ. эта игра извѣстна подъ назв. «въ кóла».)

6. «*Жыдивськый*». Играющихъ—сколько угодно. Одинъ изъ нихъ бьетъ мячъ, а остальные идутъ въ «поле» и ловятъ мячъ. Если кто поймаетъ мячъ, то идетъ бить, а бившій мячъ идетъ «въ поле пасты». Если же мяча не поймаютъ на лету, то тогда тотъ, кто его схватитъ, старается попасть имъ въ «гилку» (палка, которой бьютъ мячъ), положенную на землѣ возлѣ бившаго мячъ, и когда попадетъ—идетъ въ «городъ» и бьетъ мячъ, а бившій—въ «поле».

7. «*Яркы*» (*яркы́*) *). Число играющихъ доходитъ до 10, рѣдко больше. Выкапывается въ одну линію столько ямокъ, сколько

*) Произносятъ и такъ и такъ (я́ркы и яркы́).

играющихъ. Играющіе, которыхъ ямки крайнія, наз. «питушкамы». Они катятъ мячъ по ямкамъ. Тотъ, въ чьей ямкѣ остановится мячъ, схватываетъ его и старается ударить кого-нибудь изъ играющихъ, которые въ это время убѣгаютъ во всѣ стороны. Если онъ промахнется, ему въ ямку кладутъ «яйце» (камешокъ, черепокъ и т. п.); если же ударитъ кого—то «яйце» кладутъ этому послѣднему. Играютъ до 5 «яецъ» и больше, смотря по условію. У кого число «яецъ» дойдетъ до условленнаго числа, тотъ выходитъ изъ игры, а остальные играютъ до тѣхъ поръ, пока не останется только одинъ. Оставшійся казнитъ всѣхъ вышедшихъ. Казнь состоитъ въ слѣдующемъ: казнимые становятся къ нему спинами, немного пригнувшись, а онъ, отойдя шаговъ на 15, бьетъ каждаго изъ нихъ по разу мячомъ. Если же игра прекращается раньше, чѣмъ останется только одинъ, то казнитъ тотъ, у кого «яецъ» меньше. Въ Полт. губ. (г. Дубны) эта игра извѣстна подъ назв. «яечка», «рослята». Крайніе играющіе наз. «грабарямы». Если кто не успѣетъ убѣжать отъ ямокъ, когда мячъ попадетъ въ чью-либо ямку, то ему даютъ «свичку», т. е. тотъ, въ чьей ямкѣ остановился мячъ, кидаетъ вверхъ, и въ это время оставшіеся у ямокъ должны убѣжать. (Дѣтская игра).

8. «*Стинкы*». Играющихъ неограниченное число. Мячъ бьютъ о стѣну и потомъ ловятъ; при этомъ сначала ударяютъ его прямо о стѣну, потомъ пробрасываютъ подъ рукой («ручкы»), подъ погой («ножкы»), дѣлаютъ «свичку», во время которой «умываются», «утыраются» и т. д...

9. «*Клабасе*» (клабасей). Играющихъ сколько угодно. Они мѣряются или считаются, кому быть «клабасеемъ». Если считаются, то «прыказують»: «клабасе(й), клабасе, клады палочку на се», и на комъ закончится эта присказка, тотъ становится «клабасеемъ». Послѣ этого «к-й» беретъ палку и стучитъ ею, приговаривая «клабасе(й)» и т. д., какъ и при счетѣ, а остальные прячутся. Когда «к-й» простучитъ условленное время, то оставляетъ палку въ «городи» (дуку) и идетъ разыскивать спрятавшихся. Если кого увидитъ—бѣжитъ въ «городъ» и «застукуе» его, т. е. ударяетъ по чемъ-нибудь (стучитъ) палкою, приговари-

вая «клабасе...» Когда «к-ею» удастся всѣхъ «застукать», то первый изъ нихъ занимаетъ его мѣсто. Но если во время поисковъ кто-либо изъ спрятавшихся прибѣжитъ раньше «к-я» въ городъ и застучитъ палкою, то этимъ «вызволяются» всѣ «застукани» раньше, и «клабасеемъ» остается прежній.

10. «Шлякы». Играющіе чертятъ на землѣ квадратъ небольшихъ размѣровъ—«городокъ»; за нѣсколько шаговъ отъ него проводятъ черту; на чертѣ «городка» ставитъ каждый играющій по 2 «шлякы» (тоже, что «паци»); потомъ идутъ до черты и оттуда бросаютъ «плазикамы» [1]) въ «шлякы», стараясь попасть и сбить ихъ съ мѣста. Если выбросятъ всѣ «плазикы», а «шлякы» еще останутся въ «городкѣ», то тогда бросаютъ «плазикы» съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они попадали. Первымъ бьетъ тотъ, чей «плазикъ» лежитъ дальше. Если чей «плазикъ» лежитъ на чертѣ городка, то этотъ играющій закрываетъ одинъ глазъ, а если въ городкѣ—то закрываетъ оба и тогда бьетъ «плазикомъ» «шлякы». Это называется—«слипкы». Выигрываетъ тотъ, кто выбьетъ «шляка» за «городъ».

11. «Чуръ-жыдъ». Чертятъ городокъ и на его чертѣ ставятъ «чуръ-жыда» («скракля», цилиндрическій чурбанъ). Послѣ этого всѣ играющіе, ставши въ рядъ, бросаютъ палки. Чья упадетъ ближе, тотъ становится пастухомъ. Остальные отходятъ отъ «городка» на нѣсколько шаговъ (20 и больше) и становятся на чертѣ. Отсюда они бросаютъ въ «чуръ-жыда». Если собьютъ, тогда пастухъ спѣшитъ поставить его, а тѣ, кто бросалъ палки, бѣгутъ за ними и стараются возвратиться въ «городъ», пока еще «ч.-ж.» не поставленъ. Когда же «ч.-ж.» поставленъ, они должны остановиться и ждать, пока кто не «вызволе» ихъ. Кто «ч.-ж.» не выбьетъ изъ «городка», тотъ идетъ въ пастухи. Смѣняется пастухъ еще и тогда, когда всѣ останутся «въ полѣ» и некому ихъ «вызволыты». Тогда игра начинается сначала, снова мѣряются.

12. «Горщечкы». Играющихъ нечетное число. Всѣ, кромѣ одного, образуютъ двойной кругъ, становясь по-парно—одинъ за

---

[1]) «Плазикамы» наз.—камни или куски чугуна, которыми сбиваютъ «шлякы».

другимъ, лицомъ въ средину круга. Въ средину круга становится одинъ изъ играющихъ, которому нѣтъ пары. Это—«купець». Играющіе, образующіе наружный кругъ наз. «горщечкамы», а внутренній—«хазяинамы». «Купець», обращаясь къ кому-нибудь изъ «хазяинивъ», спрашиваетъ: «продаешъ горщечокъ, чы ни?». Если продаетъ, начинается торгъ. Когда сойдутся въ цѣнѣ, выходятъ и купецъ и хозяинъ за кругъ и бѣгутъ въ противоположныя стороны, вокругъ играющихъ. Кто раньше прибѣжитъ къ продаваемому «горщечку», тотъ становится его хозяиномъ. Затѣмъ игра идетъ въ томъ же порядкѣ. (Играютъ дѣти и взрослые. Въ настоящее время это исключ. дѣтская игра).

13. «Блудокъ». Играющихъ неограниченное число. Берутъ колочекъ величиною пальцевъ въ 5 (по толщинѣ пальцевъ). Каждый изъ играющихъ беретъ этотъ колочекъ между двухъ пальцевъ и бьетъ по нему палкой, чтобы вколотить его въ землю; потомъ беретъ межъ другихъ двухъ пальцевъ и т. д., до конца; потомъ бьетъ уже такъ, если еще не весь колочекъ забитъ въ землю. Кто забьетъ весь колочекъ—тотъ выигралъ. Кто забьетъ колочекъ въ землю найменьше, тому завязываютъ глаза, и онъ долженъ искать колочекъ, пока не найдетъ.

14. «Трампижа». Играющихъ четное число. Они дѣлятся на двѣ партіи, каждая со своей «маткой». «Маткы» мѣряются между собою, и чей верхъ, та «матка» начинаетъ игру. «Матка» беретъ палку, бросаетъ ее куда-нибудь и кричитъ: «трампиж(а)». Въ то время, какъ «матка» бросаетъ палку, обѣ партіи становятся одна противъ другой по-парно и закрываютъ другъ другу глаза «бецма́намы» (большими пальцами рукъ). Когда же «м-ка» крикнетъ «трампиж(а)», тогда всѣ играющіе бѣжатъ и ищутъ палку. Кто найдетъ, бѣжитъ къ своей «маткѣ», а изъ противной партіи стараются отнять палку, Если же онъ добѣжитъ до своей «маткы», то уже отнимать нельзя, и его партія считается выигравшей, и «матка» этой партіи начинаетъ игру въ томъ же духѣ. Играютъ обыкновенно въ полѣ. Играютъ взрослые, а также и дѣти.

15. «*Верныголова*». Играющихъ 8 душъ. Четверо изъ нихъ становятся въ двѣ пары—одна противъ другой, нагибаются и прячутъ головы подъ грудь одинъ другому. Другіе четверо, разбѣжавшись, вскакиваютъ на нихъ и, перевернувшись черезъ голову, становятся на ноги. Послѣ этого они принимаютъ положеніе первыхъ, а тѣ перепрыгиваютъ черезъ нихъ и т. д. Играютъ «парубки».

16. «*Салдатыкы*». Играющіе дѣлятся на двѣ партіи. Дѣлаетъ каждая партія небольшой земляной валъ, становится за валомъ и оттуда стрѣляетъ въ противную партію, для чего употребляетъ камышины, набитыя порохомъ. Пострѣлявъ немного, поютъ пѣсни, маршируютъ съ палками, вмѣсто ружей, и флагомъ; потомъ опять стрѣляютъ. (Въ эту игру въ настоящее время совсѣмъ не играютъ. Играли въ нее до 98 г. и играли взрослые парни. Почему теперь не играютъ, мнѣ не удалось узнать).

Кромѣ того, распространены здѣсь игры—въ «дучкы» («свынка» «дулка»...), «цуркы», «гусей», «ворона»; играютъ дѣти и въ «краскы», «перстня»... Но эти игры, кажется, распространены повсемѣстно и почти ни чѣмъ не отличаются въ разныхъ мѣстахъ... Въ «дучкы» и «цуркы» играютъ какъ взрослые, такъ и дѣти. Въ «гусей», «ворона», «перстня», насколько мнѣ удалось замѣтить, играютъ больше дѣти. Въ послѣднее время начали распространяться среди дѣтей, особенно учащихся, т. н. подвижныя гимнастическія игры, въ которыя заставляютъ играть дѣтей на урокахъ гимнастики («двоихъ мало», «троихъ много», «жгуты» и т. п.). Эти игры понемногу вытѣсняютъ чисто народныя мѣстныя игры. Этому помогаетъ еще запрещеніе играть въ нѣкоторыя игры въ училищномъ дворѣ. Играютъ еще—«у тиснои бабы», «цюци-бабы» (слипои бабы), «жмуркы», «довгои лозы» и «скракли».

П. П.

Двадцатипятилѣтіе со дня смерти Осипа Максимовича Бодянскаго.

(6 сентября 1877 г.—6 сентября 1902 г.).

---

6 сентября исполняется 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта, одного изъ основателей школы славяновѣдѣнія въ Россіи, Осипа Максимовича Бодянскаго, который умеръ въ Москвѣ 6 сентября 1877 г.

Онъ былъ, по происхожденію, изъ духовнаго званія и родился 31 октября 1808 года въ м. Варвѣ, лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи. По окончаніи курса въ духовной семинаріи, Бодянскій въ 1831 году поступилъ въ московскій университетъ по словесному отдѣленію и кончилъ его въ 1834 году со степенью кандидата. Въ 1837 году Бодянскій получилъ степень магистра словесныхъ наукъ и былъ командированъ съ ученой цѣлью заграницу, преимущественно въ славянскія земли. Въ 1842 году, по возвращеніи изъ командировки, Бодянскій получилъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ московскомъ университетѣ, которую и занималъ, съ небольшимъ перерывомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, до второй половины 1860-хъ годовъ, когда катково-леонтьевская партія выжила его изъ московскаго университета.

Изъ ученыхъ трудовъ О. М. Бодянскаго особой извѣстностью и вниманіемъ въ ученомъ мірѣ пользуются: «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси» (1835), «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» (1837), «О времени происхожденія сла-

вянскихъ письменъ» (1855 г.). Кромѣ того, Бодянскому принадлежатъ также переводы: съ чешскаго «Славянскихъ древностей» Шафарика и другихъ его сочиненій, а съ польскаго—переводъ сочиненія Зубрицкаго «Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси» (М. 1845 г.).

Кромѣ своихъ научныхъ работъ, О. М. Бодянскій пріобрѣлъ еще извѣстность, какъ секретарь «Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ». Въ званіе секретаря онъ былъ избранъ въ 1845 году; въ тоже время онъ сдѣлался и редакторомъ органа Общества «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». «Чтенія» получили при немъ характеръ періодическаго, правильно, въ опредѣленные сроки выходящаго сборника. Въ «Чтеніяхъ» времени редакторства О. М. Бодянскаго напечатаны многіе важнѣйшіе памятники по исторіи, филологіи, литературѣ и т. д. Въ 1848 году, когда, подъ вліяніемъ событій въ Западной Европѣ, усилилась строгость относительно цензуры въ Россіи, стряслась бѣда и надъ О. М. Бодянскимъ. Онъ напечаталъ въ «Чтеніяхъ» переводъ извѣстнаго сочиненія Флетчера о Россіи конца XVI в. Въ результатѣ явилось отстраненіе О. М. Бодянскаго отъ секретарства въ Обществѣ и перемѣщеніе его на каѳедру слевянскихъ нарѣчій въ казанскій университетъ на мѣсто В. И. Григоровича, который былъ тогда же переведенъ въ Москву. Но Бодянскій въ Казань не поѣхалъ и, поэтому, 2 января 1849 года былъ уволенъ въ отставку. Впрочемъ, его отставка продолжалась недолго: 22-го ноября 1849 года онъ снова былъ опредѣленъ на прежнюю каѳедру въ московскій университетъ. Секретаремъ же Общества онъ не могъ сдѣлаться до начала царствованія императора Александра II-го и былъ избранъ вновь только въ 1858 году. Въ этомъ званіи онъ оставался до самой смерти и до самой же смерти былъ редакторомъ «Чтеній».

Малороссъ по происхожденію, О. М. Бодянскій живо интересовался историческими судьбами своей родины и, по возможности, стремился способствовать ея изученію. Самъ онъ не былъ историкомъ, хотя его предисловія къ изданнымъ имъ памятни-

камъ показываютъ, что онъ былъ глубокимъ знатокомъ прошлаго своей родины. О. М. Бодянскимъ изданы важнѣйшіе памятники для исторіи Малороссіи, которые значительно двинули ея изученіе впередъ. Назовемъ соч. Ригельмана, Симоновскаго, лѣтопись Самовидца, Источники малороссійской исторіи 2 т., Реестры войска запорожскаго, Діаріушъ Ханенка и т. д.

Редакція «Кіевской Старины» надѣется помѣстить въ одной изъ ближайшихъ книжекъ статью, въ которой нѣсколько подробнѣе будутъ выяснены заслуги О. М. Бодянскаго относительно малорусской исторіографіи.

Алексѣй Александровичъ Андріевскій.

Алексѣй Александровичъ Андріевскій.

(Некрологъ).

Съ грустью редакція «Кіевской Старины» заноситъ въ свой списокъ утратъ ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ новое имя—*Алексѣя Александровича Андріевскаго*, много поработавшаго для изученія прошлой судьбы нашего края.

Потери редакціи въ текущемъ году особенно тяжелы: въ мартѣ мы лишились А. М. Лазаревскаго, 9-го іюля—А. А. Андріевскаго, помѣщавшихъ свои статьи въ нашемъ журналѣ со времени его возникновенія и до послѣднихъ дней своей жизни. Смерть А. А. А—го была почти такъ же неожиданна, какъ и смерть А. М. Л—го. Онѣ внезапно положили конецъ нашимъ надеждамъ на то, что, полные энергіи, эти труженики исторіи еще долго будутъ поддерживать насъ на нашемъ трудномъ пути. И вотъ, приходится подводить итоги ихъ дѣятельности!

А. А. Андріевскій родился въ апрѣлѣ 1845 г. въ г. Каневѣ (Кіев. губ.), гдѣ его отецъ состоялъ законоучителемъ Каневскаго уѣзднаго дворянскаго училища. Мы не знаемъ, здѣсь ли, въ Каневѣ, онъ получилъ первоначальное образованіе и закончилъ въ Кіевѣ, во 2-й гимназіи, или же прошелъ курсъ послѣдней отъ 1-го до 7-го класса; раннее окончаніе А. А. гимназіи, именно въ 16 лѣтъ, показываетъ, что имъ не былъ потерянъ ни одинъ годъ и онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ.

«Въ послѣднихъ двухъ классахъ, пишетъ о себѣ А. А. г. Венгерову для его «Словаря», [1]) я находился во время попечительства Н. И. Пирогова и испыталъ на себѣ силу глубокого нравственнаго вліянія этого знаменитаго педагога», а куда направлено было это вліяніе, лучше всего показываютъ слова самого Н. И. Пирогова, въ которыхъ онъ характеризуетъ состояніе учебныхъ заведеній въ концѣ 50-хъ годовъ: «Всѣ, знакомые съ краемъ и любящіе правду, вѣроятно, согласятся въ томъ, что вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, братской любви и т. п., произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ здѣшнихъ гимназій, такъ и на учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ» [2]). Пироговъ устранилъ эти печальныя явленія въ школьной жизни того времени, что и высказано было однимъ изъ ораторовъ въ своей рѣчи на обѣдѣ въ честь Пирогова, уволеннаго отъ должности попечителя въ 1861 году. Между прочимъ, по мысли Пирогова были устраиваемы литературныя бесѣды для учениковъ 1-й и 2-й кіевскихъ гимназій съ цѣлью поощрить ихъ самостоятельный трудъ и вызвать въ нихъ научное соревнованіе. Въ этихъ бесѣдахъ принималъ участіе и А. А. [3]); онъ представилъ критику на сочиненія товарищей своихъ: Росцишевскаго—«Литва до введенія въ нее христіанства», Липпомана—«Степь и море, верблюдъ и корабль», и одного ученика 1-й гимназіи, писавшаго «О крестовомъ походѣ Людовика XI святого». Бесѣды происходили по субботамъ, вечеромъ; на нихъ каждый разъ присутствовалъ Н. И. Пироговъ. А. А. былъ избранъ въ секретари этихъ ученическихъ собраній и очень гордился тѣмъ, что сидѣлъ рядомъ съ Пироговымъ, и съ этихъ поръ

---

[1]) Т. I. стр. 269.

[2]) «Кіев. Стар.» 1902 г. № 7—8 стр. 183.

[3]) Ibid, стр. 188.

онъ горячо полюбилъ послѣдняго; портретъ его всегда висѣлъ въ кабинетѣ А. А. на ряду съ другими «апостолами правды и науки».

Пребываніе въ университетѣ въ періодъ 1862—65 гг. также положило глубокую печать на убѣжденія и симпатіи А. А.; въ это время тамъ господствовало польское и малорусское національное движеніе; принимались правительственныя мѣры къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: студенчество было прозвано мѣстной учебной властью (въ лицѣ М. А. Тулова) къ содѣйствію и откликнулось на этотъ призывъ со всѣмъ пыломъ молодости; тогда же А. А. сблизился съ М. П. Драгомановымъ, бывшимъ въ то время студентомъ университета и стоявшимъ во главѣ учащейся молодежи; время студенчества положило печать на всю дальнѣйшую дѣятельность А. А. по выходѣ изъ университета: національныя симпатіи и просвѣтительная дѣятельность стали его отличительными чертами на всю жизнь. Въ 1865 году А. А. окончилъ университетъ по историко-филологическому факультету, а въ январѣ слѣдующаго 1866 года былъ назначенъ учителемъ рус. языка и словесности въ Екатеринославскую гимназію; здѣсь онъ оставилъ по себѣ славную память, какъ учредитель «Общества попеченія о женскомъ образованіи», для котораго составилъ и понынѣ дѣйствующій уставъ. Вопросъ о женскомъ образованіи незадолго до того выступилъ на очередь, и А. А., чутко прислушивавшійся къ біенію общественнаго пульса, сознавая недостаточность однихъ правительственныхъ мѣропріятій, побудилъ и мѣстное (Екатеринославское) общество принять посильное участіе въ дѣлѣ, которое стало тогда истиной, не требующей доказательства. Въ январѣ 1871 г. А. А. переведенъ былъ въ Одессу, гдѣ, состоя на службѣ, сначала въ Ришельевской, а затѣмъ во 2-й Одесской гимназіяхъ, преподавалъ и въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ города. Для характеристики А. А., какъ педагога, приведемъ отзывъ одного изъ его учениковъ, г. І. Г. Бровермана: «А. А. вносилъ въ дѣло преподаванія всю мощь и красоту своего внутренняго душевнаго міра, всѣ свои глубокія познанія, всю свою любовь къ дѣтямъ и человѣку вообще, кто бы онъ ни былъ—эллинъ или іудей... Не ограничиваясь русскою литературою, А. А. знакомилъ

насъ съ иностранными классиками и часто на дому у себя по долгу бесѣдовалъ съ нами о великихъ завѣтахъ мыслителей и писателей»... Въ педагогическихъ совѣтахъ А. А. былъ всегда ярымъ врагомъ всякаго формализма и сухого отношенія къ ученикамъ, являлся самымъ горячимъ заступникомъ несправедливо обойденныхъ и преслѣдуемыхъ» [1]).

Но педагогическая дѣятельность А. А. въ Одессѣ должна была вскорѣ прекратиться; въ 1877 г. онъ былъ переведенъ учителемъ въ г. Архангельскъ; слабое здоровье его не могло вынести суровости дальняго сѣвера; въ сентябрѣ того же года онъ былъ назначенъ въ г. Тулу учителемъ реальнаго училища; здѣсь покойный серьезно заболѣлъ и въ январѣ 1878 г. вышелъ въ отставку; переселившись тогда же въ г. Одессу, А. А. получилъ мѣсто преподавателя въ юнкерскомъ училищѣ; недостаточность получаемаго содержанія заставила его заниматься частными уроками и участіемъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; въ этой газетѣ А. А. помѣстилъ свою первую историко-литературную работу: «Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко), 1778—1843 гг. Біографическій очеркъ. Составилъ А—ръ». Работа эта была написана А. А. по поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія Г. Ф. Квитки; простой и изящный языкъ, яркая характеристика малорусскаго писателя и теплое чувство автора, проникающее очеркъ, были причиной того, что послѣдній выдержалъ два изданія. Начавшіяся такъ удачно занятія А. А. южно-руской литературой должны были вскорѣ замѣниться работами по сѣверно-русской исторіи. Дѣло въ томъ, что А. А. въ 1879 году долженъ былъ переселиться на жительство въ г. Вятку. Здѣсь приготовлялись къ празднованію столѣтія учрежденія губерніи; мѣстный статистическій комитетъ предпринялъ изданіе въ память этого событія сборника: «Столѣтіе Вятской губерніи» въ двухъ томахъ. Кромѣ участія въ общемъ трудѣ по составленію «Лѣтописей» губерніи, А. А. написалъ слѣдующія статьи для сборника: «Историческій очеркъ г. Вятки до открытія намѣстничества», «Вятская

---

[1]) «Одес. Нов.» отъ 11 іюля 1902 г. № 5686.

хроника за послѣднія 25 лѣтъ» и «Объ языческихъ обрядахъ и жервоприношеніяхъ крещеныхъ инородцевъ Вятской губерніи». Былъ имъ составленъ для сборника еще одинъ очеркъ: «Картофельный бунтъ въ Вятской губерніи», но туда почему-то не вошелъ и появился позже (въ 1881 г.), въ «Историч. Вѣстникѣ». Перечисленныя работы А. А. показываютъ, что время, проведенное имъ въ Вяткѣ, не прошло даромъ: здѣсь онъ пріобрѣлъ навыкъ въ археографіи, такъ что въ 1881 году, когда А. А. возвратился на родину и былъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», этотъ навыкъ былъ для него весьма кстати.

Съ переходомъ на службу въ Кіевъ для А. А. открывается широкое поле дѣятельности. Въ качествѣ редактора неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», онъ приступаетъ къ пользованію богатѣйшимъ архивомъ Кіевскаго Губернскаго Правленія; извлекаемые оттуда матеріалы А. А. помѣщаетъ въ «Вѣдомостяхъ»; изъ нихъ потомъ составлялись отдѣльные оттиски, выходившіе выпусками; каждый выпускъ размѣромъ in—16° состоялъ болѣе чѣмъ изъ 200 страницъ; такихъ выпусковъ въ теченіе 1882—86 годовъ вышло десять подъ общимъ заголовкомъ: «Историческіе матеріалы изъ Архива Кіевскаго Губернскаго Правленія»; содержаніе ихъ было разнообразно и весьма богато интересными фактами изъ прошлаго Юго-Западнаго края; сюда входили матеріалы, касавшіеся исторіи церквей и монастырей, быта духовенства, пограничныхъ сношеній Кіевскаго генералъ-губернаторства съ Турціей и Польшей, факты пограничныхъ столкновеній населенія, внутренняго управленія, дворянскаго и городского самоуправленія, изъ быта горожанъ, жизни козачества, гайдамацкихъ движеній, внутренняго строя Запорожья, состоянія школъ и быта учащихся, экономическаго и финансового состоянія края, быта иновѣрцевъ и инородцевъ края; особенно же много помѣщено матеріала по вопросамъ Кіевскаго городского самоуправленія, современное состояніе котораго горячо тогда обсуждалось въ мѣстныхъ газетахъ: «Кіевлянинѣ», «Зарѣ» и «Трудѣ». Большое количество документовъ, касающихся Кіевскаго городского самоуправленія,

помѣщены А. А. въ нашемъ журналѣ за разные годы, а въ 1894 году они вышли отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки)». Но особенно подробно А. А. рисуетъ мрачную картину самоуправленія Кіева, въ статьѣ «Войтовство И. Сычевскаго въ Кіевѣ (1754—66 гг.)», также печатавшейся въ нашемъ журналѣ и вышедшей отдѣльнымъ оттискомъ въ 1891 г. Обиліе матеріаловъ у А. А. было столь велико, что въ этотъ же періодъ времени онъ печатаетъ въ «Запискахъ Император. Одес. Общества исторіи и древностей» (т. XIV-й) большой сборникъ «Матеріаловъ для исторіи Южно-русскаго края въ XVIII стол. (1715—1774 гг.)»; матеріалы эти исключительно касаются Запорожья и Крыма; въ XVI т. тѣхъ же «Записокъ» напечатанъ второй сборникъ «Матеріаловъ по исторіи Запорожья и пограничныхъ сношеній (1743—1767 гг.)»; эти сборники являются въ высокой степени цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для южно-русскаго бытописателя. Жизнь Запорожскаго козачества въ XVIII в. представлена здѣсь во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ сторонъ одинаково освѣщается изданными «Матеріалами». Сюда же относятся его статьи: «Русскіе конфиденты въ Турціи и Крыму въ 1765—68 гг.», съ сообщеніями этихъ конфидентовъ о политическихъ слухахъ, ходившихъ въ Турціи и Крыму по поводу сношеній ихъ съ Россіей и «Коммиссія 1749 г. для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ»; статьи эти были помѣщены въ 1894 году въ VIII и IX-й книгахъ «Чтеній» Общества Нестора-лѣтописца.

Въ книгѣ «Чтеній» этого же Общества напечатана и статья о «Послѣднихъ Кіевскихъ сотникахъ», изъ-за которой происходила полемика въ мѣстныхъ газетахъ между А. А. и современными потомками послѣднихъ кіевскихъ сотниковъ—Гудимовъ... Снабжая матеріалами историческія общества: Одесское—исторіи и древностей и Кіевское—Нестора-лѣтописца, А. А. одновременно сообщалъ таковой, какъ мы уже неоднократно упоминали, и редакціи «Кіевской Старины», гдѣ, между прочимъ, были помѣщены его статьи: «Васильковская таможня и городничіе монахи» (1883 г. № 1),

«Запорожскіе выборы и порядки въ XVIII в.» (1883 г. № 5), «Изъ писемъ помѣщиковъ Кіевской губ. къ губернатору» (1884 г. № 1), «Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести» (1884 г. № 12), «Сербы въ Кіевѣ» (1885 г. № 7), «Нѣсколько словъ къ исторіи Кіево-Межигорскаго монастыря» (1885 г. № 9), «Къ исторіи пограничныхъ сношеній съ Крымскимъ ханствомъ» (1885 г. № 2), «Кіевскія смуты средины XVIII в.» (1886 г. № 12), «Кіевскіе толмачи» (1889 г. № 5 и 6-й) и друг. Издавая историческіе матеріалы, А. А. держался или формы разсказа, излагая въ немъ ходъ дѣла, или приводилъ документы, то цѣликомъ, то въ значительныхъ извлеченіяхъ, связывая послѣднія краткой передачей опущенныхъ мѣстъ. Въ рецензіяхъ по поводу издававшихся А. А. матеріаловъ и мы лично, и покойный редакторъ «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцевъ подъ разными иниціалами и псевдонимами, и проф. В. Б. Антоновичъ не разъ указывали на важное значеніе дѣятельности А. А., какъ археографа, и на цѣнность печатаемыхъ имъ «Историческихъ матеріаловъ». Насколько полезнымъ работникомъ былъ А. А. въ качествѣ редактора неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», показываетъ вышеприведенный перечень напечатанныхъ имъ матеріаловъ; но этимъ не ограничивалось его неустанное трудолюбіе: онъ помѣщалъ большое количество статей въ кіевскихъ газетахъ «Зарѣ» и «Трудѣ», главными руководителями которыхъ были М. И. Кулишеръ и А. А. Русовъ, а позже въ «Жизни и Искусствѣ»; перечислить его газетныя статьи по разнаго рода «злобамъ дня» въ настоящее время не представляется возможнымъ, такъ какъ имъ А. А. счета не велъ, а отдѣльные оттиски не изготовлялись; газетныя статьи всѣ были написаны «съ огонькомъ». Изъ этого рода работъ съ особеннымъ интересомъ читались его фельетоны: «Словами поэта». Изъ нихъ мы помнимъ разборъ А. А. сочиненій Д. В. Веневитинова, А. Жемчужникова и А. Н. Апухтина; въ этихъ работахъ своихъ А. А., сообщивъ біографическія данныя о каждомъ поэтѣ, указывалъ на ихъ міросозерцаніе и идеалы, на ихъ стремленіе къ истинѣ, добру, любви и красотѣ, и такія указанія сопровождалъ выдержками изъ произведеній поэтовъ; эти статьи онъ подписывалъ иногда псевдо-

нимами А-ръ, Донъ-Кихотъ Не-Ламанчскій, или просто называлъ ихъ «Бесѣдами отставного учителя словесности»; по такой же программѣ напечатана была А. А. статья и объ «Я. П. Полонскомъ» въ газетѣ «Жизнь и Искусство» за 1895 г. Если эти статьи написаны А. А. въ формѣ классныхъ уроковъ по исторіи русской литературы, то нельзя не признать, что въ своей педагогической дѣятельности онъ долженъ былъ производить глубокое впечатлѣніе на учениковъ, что̀ одинъ изъ нихъ (г. І. Г. Броверманъ) и выразилъ въ своемъ воспоминаніи о недавно умершемъ учителѣ.

Редакторство губернскихъ вѣдомостей и сотрудничество въ газетахъ не мѣшало, однако, А. А. быть въ тоже время и преподавателемъ словесности въ Кіевской министерской женской и въ Фундуклеевской гимназіяхъ. Но болѣе всего выдѣлялась дѣятельность А. А. въ качествѣ члена Кіевской Коммисіи народныхъ чтеній, переименованной теперь въ Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію, дѣятельность, которую онъ, начиная съ 1882 года, непрерывно продолжалъ съ большой самоотверженностью и полной преданностью дорогому для него дѣлу во все время пребыванія своего въ Кіевѣ.

Коммиссія незадолго до того возникла. Дѣло было новое, публика не привыкла внимательно слушать, а между тѣмъ чтенія происходили въ самыхъ бойкихъ пунктахъ уличнаго движенія (на Крещатикѣ) и привлекали не однихъ только любознательныхъ слушателей, но и просто гуляющую публику. Уже тогда А. А. выдѣлялся необыкновенно живымъ и энергичнымъ отношеніемъ къ дѣлу, пишетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ В. И. Щербина. Онъ не пропускалъ ни одного чтенія, внимательно слѣдилъ за порядкомъ и рѣдко малѣйшее нарушеніе тишины ускользало отъ его вниманія; иногда А. А. самъ выступалъ въ качествѣ лектора, но и тутъ не переставалъ наблюдать за порядкомъ, прерывалъ чтенія въ случаѣ шума и дѣлалъ замѣчанія. Публика нисколько не обижалась этими замѣчаніями и постепенно пріучалась къ порядку. А. А. заботился и о содержаніи чтеній. По его мысли возникли существующія и теперь

секціи—историко-литературная и естественно-историческая, въ которыхъ производился выборъ брошюръ для чтенія и самыя чтенія приспособлялись для этой цѣли. Уже въ то время имъ поставленъ былъ вопросъ о систематизаціи чтеній, занимающей общество и въ настоящее время. Не довольствуясь спискомъ брошюръ, разрѣшенныхъ для чтенія, А. А. старался пополнять его составленіемъ новыхъ. Будучи редакторомъ неоффиціальной части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», А. А. открылъ въ этой газетѣ особый отдѣлъ «для народнаго чтенія», въ которомъ печатались статьи, составленныя самимъ А. А. и нѣкоторыми другими членами Коммиссіи народныхъ чтеній; статьи эти выходили потомъ отдѣльными оттисками, и большая часть ихъ была допущена къ произнесенію въ народной аудиторіи. Всего было издано 11 брошюръ; изъ нихъ А. А. принадлежатъ четыре: «Крымъ и Крымскіе татары», «В. А. Жуковскій», «Первый русскій книгопечатникъ» и «Изъ бесѣдъ о любви къ животнымъ»; такимъ образомъ имъ положено было начало издательской дѣятельности Коммиссіи.

Въ 1885 г. А. А. былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи въ м. Златополь, и связь его съ тѣми учрежденіями, въ которыхъ онъ принималъ горячее участіе, на время прервалась. Въ Златополѣ А. А. вскорѣ нашелъ для себя дѣло, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей; онъ составилъ и напечаталъ «Историческую записку о Златопольской прогимназіи» ко дню ея 50-лѣтняго юбилея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 года. Кромѣ того, каждую субботу А. А. устраивалъ литературные вечера и сформировалъ ученическій оркестръ, которымъ самъ управлялъ, но только по слуху, такъ какъ музыкѣ не обучался, а слухомъ обладалъ прекраснымъ; въ златопольской гимназіи памятникомъ А. А. служитъ разведенный имъ большой красивый садъ и высокій курганъ, насыпанный имъ и его учениками; съ этого кургана открывается прекрасный видъ на красивую окружающую мѣстность.

Черезъ пять лѣтъ онъ возвратился въ Кіевъ, предпочтя мѣсто учителя словесности въ 1-й гимназіи мѣсту инспектора гимназіи въ глухомъ мѣстечкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ возвратился и къ своей широкой общественной, педагогической дѣятельности. Къ этому вре-

мени относятся его заботы объ устройствѣ въ Кіевѣ постоянной народной аудиторіи. Мысль объ устройствѣ аудиторіи всецѣло принадлежитъ А. А., и онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за ея осуществленіе. Общее собраніе членовъ Коммиссіи народныхъ чтеній 15 марта 1893 года постановило приступить къ постройкѣ, а 8-го октября 1895 г. состоялось уже освященіе новаго зданія. Главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ А. А.; еженедѣльно въ его квартирѣ собиралось правленіе Коммиссіи для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ постройкой: выбора мѣста, плана аудиторіи, изысканія средствъ на постройку, которыми Коммиссія не располагала, и пр.; въ то время, когда рѣшено было приступить къ постройкѣ, въ кассѣ Коммиссіи не было и 2000 р.; тутъ А. А. пришлось употребить все свое умѣнье и настойчивость, чтобы довести дѣло до конца: въ газетахъ печатались воззванія, разсылались подписные листы, устраивались литературно-музыкальные вечера, катанія на пароходахъ. «Конечно, пишетъ намъ В. И. Щербина, во всѣхъ этихъ хлопотахъ принимали участіе и другіе члены Коммиссіи, и въ особенности ея предсѣдатель проф. Н. А. Хржонщевскій, но все-таки значительную долю труда пришлось взять на себя А. А.» Въ короткое время необходимая сумма въ 25,000 руб. была собрана, и аудиторія построена безъ копѣйки долга. Пожертвованія притекали со всѣхъ сторонъ: здѣсь были и крупныя пожертвованія кіевскихъ благотворителей отъ 1000 до 3000 руб., и мелкія суммы въ 10 и даже въ 5 руб., собиравшіеся по подпискѣ изъ копѣечныхъ взносовъ; пожертвованія поступали не только отъ кіевлянъ, но и изъ разныхъ городовъ и селъ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерній.

По окончаніи постройки нужно было позаботиться о внутреннеммъ убранствѣ аудиторіи. А. А. и тутъ продолжалъ энергично собирать пожертвованія: онъ обходилъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные магазины въ Кіевѣ и просилъ пожертвовать тѣ или другія вещи, нисколько не стѣсняясь отказами, которые приходилось ему нерѣдко выслушивать. Такимъ путемъ, кромѣ предметовъ, относящихся къ обстановкѣ аудиторіи, письменныхъ принадлеж-

ностей и т. п., были получены нѣкоторыя художественныя произведенія, напр., прекрасная икона Спасителя въ натуральную величину, пожертвованная г. Мурашкомъ.

Въ благодарность за труды А. А. на пользу дѣла, Коммиссія народныхъ чтеній избрала его своимъ почетнымъ членомъ, торжественно отпраздновала 25-лѣтіе его педагогической дѣятельности и постановила помѣстить портретъ А. А. въ зданіи аудиторіи, который теперь и украшаетъ ее.

Прослуживъ необходимый срокъ для полученія пенсіи по учебному вѣдомству и оставивъ преподавательскую дѣятельность, А. А. перешелъ къ административной службѣ по тому-же вѣдомству: въ мартѣ 1896 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи; обязанности его состояли теперь въ заботахъ о народныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ. Съ обычной своей энергіей А. А. принялся за изученіе положенія училищъ; все время онъ проводилъ въ разъѣздахъ по селамъ своего района Верхнеднѣпровскаго уѣзда, знакомясь съ бытомъ учителей и постановкой учебнаго дѣла, и результатомъ его изученія школъ явилось пять докладовъ, представленныхъ Уѣздному Земскому Собранію, именно: 1, объ основаніи общества о народномъ образованіи; 2, объ отмѣнѣ разрядовъ жалованья учителей и объ увеличеніи на 3500 руб. ежегоднаго бюджета на школы; 3, объ ассигнованіи 3500 руб. на постройку образцовой школы въ память императрицы Екатерины II-й; 4, объ ассигнованіи суммы въ основной капиталъ на постройку новыхъ школъ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, и 5, объ ассигнованіи суммы на двухклассное училище. Собраніе внимательно отнеслось къ докладамъ А. А., и первые четыре изъ нихъ имѣли полный успѣхъ; собраніе постановило благодарить А. А. за его труды; наконецъ, А. А. ходатайствовалъ о постройкѣ новаго зданія для 3-хъ класснаго городского училища въ Верхнеднѣпровскѣ, такъ какъ прежнее было очень неудобно; съ этой цѣлью на актѣ училищъ А. А. произнесъ горячую рѣчь и положилъ золотой (5 р.) для начала; тутъ же было собрано еще около 20 руб.; многіе думали, что дѣло на этомъ и станетъ; но

въ текущемъ году А. А. получилъ изъ Верхнеднѣпровска письмо отъ городского головы г. Любарскаго съ выраженіемъ благодарности и съ увѣдомленіемъ, что новое зданіе училища построено и золотой А. А. выросъ въ 5000 руб. Къ письму былъ приложенъ и фотографическій снимокъ зданія. Нерѣдко также А. А. получалъ телеграммы и отъ предсѣдателя Земской управы г. Абазы объ открытіи то одной, то другой школы по почину А. А.

Не смотря на постоянные разъѣзды по служебнымъ дѣламъ, А. А. не переставалъ интересоваться научными и литературными задачами, матеріалъ для которыхъ былъ имъ собранъ раньше. Такъ напр., въ письмахъ къ своимъ роднымъ осенью 1896 г. А. А. говоритъ о своемъ намѣреніи издать описаніе путешествія по Кіевской губерніи и иллюстрировать его видами наиболѣе замѣчательныхъ мѣстъ и зданій; это путешествіе А. А. совершилъ вмѣстѣ съ К. М. Щербиной, изготовившимъ большое количество фотографическихъ снимковъ; позднѣйшія условія жизни отвлекли А. А. отъ этого намѣренія, и исполненіе послѣдняго остается на спутникѣ его въ этомъ путешествіи—К. М. Щербинѣ.

А. А. не переставалъ интересоваться и оставленной имъ Коммиссіей народныхъ чтеній въ Кіевѣ: въ письмахъ къ роднымъ мы постоянно встрѣчаемъ его вопросы о ходѣ дѣлъ въ сооруженной имъ народной аудиторіи, для чтенія въ которой онъ собирался написать историческій разсказъ объ императрицѣ Екатеринѣ II; не оставлялъ А. А. мысли и о «Кіевской Старинѣ», собираясь приготовить для нея статьи о переяславскихъ войтахъ по матеріаламъ, добытымъ еще имъ въ архивѣ Кіевскаго губернскаго правленія.

Постоянные разъѣзды по уѣзду утомляли А. А.; онъ сталъ подумывать о болѣе спокойномъ трудѣ; онъ хлопоталъ о мѣстѣ директора народныхъ училищъ въ Екатеринославѣ или директора городскаго сиротскаго дома въ Одессѣ; къ полученію перваго мѣста встрѣтились препятствія, и А. А. остановилъ свой выборъ на второмъ. Въ декабрѣ 1896 г. онъ пересилился уже въ Одессу.

Здѣсь, какъ въ центрѣ умственной жизни края, А. А. находитъ обширное поле для просвѣтительной дѣятельности и под-

держку со стороны сочувствующихъ ему людей. Но первое время его службы въ сиротскомъ домѣ было поглощено заботами о приведеніи въ нѣкоторый порядокъ этого благотворительнаго учрежденія.

Указаніе на то, въ какомъ состояніи находился Сиротскій Домъ при вступленіи А. А. въ завѣдываніе имъ, показываютъ его письма къ роднымъ. Такъ, въ письмѣ отъ 21 декабря 1896 года онъ сообщаетъ: «Съ пріѣзда сюда я не читаю газетъ, я не имѣю передышки, а главное—горю, ибо это страшное дѣло... Воспитанники моментально приведены въ христіанскую вѣру, но общее положеніе таково, строй жизни и порядокъ расходованія бюджета таковъ, что это—разбойничій вертепъ». Записку о состояніи Сиротскаго Дома А. А. представилъ тогдашнему городскому головѣ г. Лигину и читалъ ее въ Попечительскомъ Совѣтѣ, который рѣшилъ предоставить директору широкія полномочія, помимо инструкцій. Такую же безотрадную картину состоянія Сиротскаго Дома наканунѣ вступленія въ него А. А. даетъ и г. Знакомый въ № 177 «Одес. Листка» за текущій годъ въ своихъ «Откликахъ»: «Сиротскій Домъ—съ выбитыми стеклами, поломанными дверьми, съ сорванными замками, проданными питомцами на толкучкѣ»... «грязными, оборванными, полудикими»... «распущенными»; поэтому то въ свое время (въ 1896 г.), говоритъ г. Знакомый, отчетъ о всемъ видѣнномъ въ Сиротскомъ Домѣ я озаглавилъ: «На одесскомъ Сахалинѣ». Принятыя А. А. мѣры привели къ тому, что, какъ пишетъ онъ 16 сентября 1897 г. своимъ роднымъ въ Кіевъ, «положеніе Сиротскаго Дома значительно улучшилось сравнительно съ прошлымъ, но все-таки—омерзительно». 17-го ноября онъ прибавляетъ въ письмѣ: «Внѣшній порядокъ теперь въ Сиротскомъ Домѣ дѣйствительно водворенъ изрядный; но для дальнѣйшаго, для существеннаго—для воспитанія—нема... ажъ никогисинько».

Въ виду этого А. А. пришелъ къ мысли подготовить себѣ помощниковъ изъ числа непристроенныхъ никуда сиротъ, «нѣчто въ родѣ пепиньерокъ»; изъ сиротъ, пишетъ онъ далѣе, «выходятъ чудесные надзиратели и учителя для 1-го класса—и дешево и

сердито». Заботясь о разумныхъ развлеченіяхъ для питомцевъ Сиротскаго Дома, А. А. организовалъ изъ нихъ хоръ, устраивалъ литературныя утра и дѣтскіе спектакли и съ этой же, кажется, цѣлью приспособилъ «Басни Крылова, къ сценѣ дѣтскаго театра» (Одесса, 1899 г.), мотивируя свой трудъ тѣмъ, что «постановка ихъ на сценѣ дѣтскаго театра имѣетъ извѣстный интересъ, и во всякомъ случаѣ, цѣлесообразнѣе постановки нарочитыхъ дѣтскихъ комедій»; приспособленіе состояло въ томъ, что А. А. «связалъ нѣсколько басенъ въ одно цѣлое и составилъ такимъ образомъ четыре «представленія»: 1, «Волкъ дѣдушки Крылова»; 2, «Въ саду у дѣдушки Крылова; 3, «Лиса дѣдушки Крылова»: 4, Звѣрьё дѣдушки Крылова». Для такихъ представленій, по мнѣнію автора, очень легко изготовить маски и костюмы домашнимъ способомъ.

Присмотрѣвшись къ порядкамъ Сиротскаго Дома, видя ихъ недостатки, А. А. находилъ настоятельно необходимымъ реформировать ихъ. Съ этой цѣлью имъ составленъ былъ обширный докладъ «О преобразованіи городского Сиротскаго Дома», который, однако, долго оставался безъ движенія въ Одесской городской управѣ и только въ текущемъ году напечатанъ въ «Извѣстіяхъ Одесской Городской Думы». Имѣя въ виду, что задача Сиротскаго Дома «состоитъ прежде всего въ призрѣніи сиротъ и подготовкѣ къ практической жизни», и наблюдая изъ года въ годъ, что по выходѣ изъ Сиротскаго Дома, питомцы его поступаютъ въ мореходные классы, учительскую семинарію, фельдшерскія училища и т. п., а не дѣлаются ремесленниками, какъ готовилъ ихъ къ тому съ большими денежными затратами Сиротскій Домъ, А. А. находилъ, что «сама жизнь убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ неумѣстность ремесленнаго училища при Сиротскомъ Домѣ» и предлагалъ замѣнить его образцовымъ двухклассным училищемъ Мин. Нар. Просв. съ пятилѣтнимъ курсомъ и программой, утвержденной 31 мая 1869 г.: затѣмъ способные и достойные питомцы Сиротскаго Дома могутъ, конечно, получать и болѣе широкое общее и спеціальное образованіе, но—внѣ стѣнъ Сиротскаго Дома». Что же касается до ремесленныхъ работъ, то А. А. отводилъ для нихъ второстепенное мѣсто и придавалъ имъ подготовительное

лишь значеніе, какъ средству для физическихъ упражненій дѣтей и пріобрѣтенія снаровки въ работѣ для тѣхъ, кто въ будущемъ желалъ бы заняться спеціально какимъ-либо мастерствомъ. Какая судьба постигла или постигнетъ этотъ докладъ — не имѣемъ свѣдѣній.

Но завѣдываніе Сиротскимъ Домомъ было не по душѣ А. А. Онъ пишетъ роднымъ (II-го сентября 1897 г.): «Развѣ я мѣсто это занимаю ради денегъ? Нужна человѣку осмысленная работа, нужно мѣсто въ природѣ и въ обществѣ. Работа у меня тяжелая и не по душѣ, мѣсто безпокойное, не даетъ досуга, приноситъ массу огорченій. Изъ этого слѣдуетъ одно: надо искать другого. Я и ищу. Подходящаго пока нѣтъ». Онъ искалъ мѣста — просилъ о назначеніи его директоромъ 2-й одесской гимназіи или директоромъ народныхъ училищъ въ Екатеринославъ; велъ также А. А. переговоры о мѣстѣ редактора газеты въ Екатеринославѣ или въ Кіевѣ; особенно онъ стремился въ Екатеринославъ, и въ письмѣ отъ 24 апрѣля 1897 г. объясняетъ роднымъ причину своего стремленія туда: «Умственной жизни, духовныхъ интересовъ — больше въ Екатеринославѣ, т. е. тамъ можно ими жить, а здѣсь (въ Одессѣ) — нѣтъ». Служебная сутолока и постоянное безпокойство вызывали у него нейрастенію; онъ лѣчился у доктора Шорштейна. Въ маѣ того же года онъ опять пишетъ роднымъ: «А изъ Сиротскаго Дома надо уходить поскорѣе, потому что скоро никакой Шорштейнъ не поможетъ той крайней раздражительности, какая можетъ здѣсь развиться».

Но устроиться на такомъ мѣстѣ, которое, при болѣе спокойной жизни, представляло бы и широкое поле для дѣятельности, такъ и не удалось А. А.; быть можетъ, это постоянное служебное кипѣніе и ускорило его смерть. Тѣмъ не менѣе, однакоже, несмотря на массу хлопотъ по Сиротскому Дому, онъ находилъ время принимать участіе въ одесскихъ народныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь въ 1897 году было разрѣшено чтеніе въ народной аудиторіи публичныхъ лекцій; онѣ имѣли огромный успѣхъ; слушателей собиралось до тысячи человѣкъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ этой огромной аудиторіи А. А. пишетъ въ

одномъ изъ писемъ къ роднымъ (отъ 17 ноября 1897 г.): «народныя чтенія, въ той формѣ какъ ведутся они въ Кіевѣ, право теряютъ свой смыслъ въ большихъ городахъ; пора дать рабочему городскому, мастеровому, нѣчто большее»... Въ народной аудиторіи онъ читаетъ рядъ общедоступнаго содержанія лекцій по русской и западно-европейской литературѣ: о Ломоносовѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ, Бѣлинскомъ, Плещеевѣ и друг.; о Донъ-Кихотѣ, о Робинзонѣ Крузе (о Дефо) и др., а также по теоріи словесности. Въ аудиторіи на слободкѣ Романовкѣ А. А. прочтено три лекціи по исторіи Новороссійскаго края (собственно по исторіи Запорожья)[1]; увлеченный успѣхомъ лекцій А. А. побуждалъ въ своихъ письмахъ знакомыхъ кіевлянъ похлопотать о томъ же и для Кіева. Дѣятельность Кіевской коммиссіи всегда была ему близка: въ мартѣ 1897 г. онъ проситъ родныхъ: «прошу передать отъ меня искренній дружескій привѣтъ Правленію. Признаю себя виновнымъ, что до сихъ поръ никакимъ литературнымъ трудомъ не выразилъ своей связи съ Коммиссіей. А такъ мнѣ этого хотѣлось, такъ былъ я увѣренъ, переходя въ Одессу, что здѣсь я что-нибудь составлю для народнаго чтенія и издамъ подъ флагомъ Кіевской Коммиссіи». Сожалѣя о томъ, что Коммиссіи одно время запрещено было устройство общедоступныхъ концертовъ, А. А. совѣтуетъ объ организаціи пѣвческаго общества при народной аудиторіи. Но всѣ его совѣты ждутъ еще исполненія и энергичнаго ходатая объ ихъ разрѣшеніи.

Кромѣ народной аудиторіи А. А. часто читалъ и въ литературно-артистическомъ обществѣ: имъ прочтено нѣсколько рефератовъ о Шевченкѣ, Добролюбовѣ и Глѣбѣ Успенскомъ. Рефераты о Шевченкѣ печатались своевременно въ одесскихъ газетахъ, напр.; «Т. Г. Шевченко—другъ семьи» («По морю и сушѣ» № 8 за 1895 г. подъ псевдонимомъ А Каневскій); «Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни» («Южное Обозрѣніе», № 738 за 1899 г.);

---

[1]) Кромѣ того, А. А. готовилъ лекціи и по малорусской литературѣ: о Нищенскомъ, о Кулишѣ, о Шевченкѣ; но прочесть ихъ, кажется, уже не успѣлъ.

«Шевченко и Мицкевичъ» («Одес. Новости» № 5224 за 1901 г.); «Поминки Т. Г. Шевченка въ сороковую годовщину смерти поэта: 1) «Памяти Т. Г. Шевченка» и 2) «Перебендя» Т. Г. Шевченка» («Одес. Листокъ» №№ 22 и 23 за 1901 г.); «Поминки Т. Г. Шевченка въ «Южномъ Обозрѣніи» 25 и 26-го февраля 1901 г.. и «Поминки Т. Г. Шевченка въ русской печати въ сороковую годовщину его смерти» («Южно-рус. Альманахъ». Одесса, 1902).

Не менѣе дѣятельное участіе принималъ А. А. и въ «Трудахъ Одесскаго отдѣла русскаго Общества охраненія народнаго здравія»; въ IV-й секціи его по гигіенѣ воспитанія и образованія онъ исполнялъ обязанности товарища предсѣдателя.

Здѣсь прочтены А. А. слѣдующіе рефераты; 1) «Какія мѣры необходимы къ поднятію физическаго воспитанія въ средней школѣ». Рефератъ этотъ напечатанъ въ вып. III «Трудовъ Одесскаго отдѣла» (Спб. 1902, стр. 113 и слѣд.); хотя прочтенъ еще въ сентябрѣ 1899 года. Главныя положенія этого реферата вполнѣ почти согласуются съ тѣми мѣропріятіями, какія рекомендуются теперь Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для увеличенія физическихъ силъ учащихся въ средней школѣ. 2) «О дѣтскихъ играхъ и упражненіяхъ»—прочтенъ въ пользу Пироговскаго Комитета помощи голодающимъ; чтеніе дало сбора 206 р. 3) «О борьбѣ съ пьянствомъ посредствомъ школы»; 4) «Объ отдыхѣ учащихся»; 5) «О новѣйшей литературѣ по вопросамъ о физическомъ воспитаніи» и 6) «Отчетъ о лѣтней колоніи для учениковъ городскихъ народныхъ училищъ въ с. Бурлачьей Балкѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1901 г.» Изъ статьи Одесскаго отдѣла рус. общества охраненія народнаго здравія за 1901—2 гг., мы, между прочимъ, узнаемъ, что эти колоніи возникли въ началѣ лѣта 1901 г. по внесенному въ Совѣтъ предложенію А. А. Совѣтомъ собрано было по этому поводу особое совѣщаніе, къ участію въ которомъ приглашены учителя и учительницы городскихъ школъ; предложеніе А. А. было принято сочувственно и рѣшено было открыть на два лѣтнихъ мѣсяца двѣ колоніи—одну для мальчиковъ въ с. Бурлачьей Балкѣ, а другую для дѣвочекъ въ с. Холодной Балкѣ; первая находилась въ завѣдываніи А. А., а вто-

рая—Н. П. Васильевскаго; результаты опыта, по свидѣтельству отчета, въ отношеніи физическаго укрѣпленія дѣтей получились блестящіе.

Наконецъ, въ концѣ 1898 года возникло въ Одессѣ новое общество—любителей науки, литературы и искусства. А. А. принялъ участіе и въ его трудахъ. Членами этого общества въ 1900 г. издана была «Литературная хрестоматія для всѣхъ» (пособіе для устройства образовательныхъ литературныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ). Она составлена изъ произведеній лучшихъ русскихъ и западно-европейскихъ писателей или въ извлеченіяхъ или цѣликомъ, если произведеніе небольшого объема; къ произведеніямъ почти каждаго писателя присоединялась общая характеристика его произведеній и краткія біографическія свѣдѣнія о самомъ писателѣ, а иногда пояснительныя примѣчанія къ произведеніямъ. Для этой хрестоматіи А. А. выбраны и снабжены характеристиками и примѣчаніями извлеченія изъ произведеній А. М. Жемчужникова (стр. 62), Н. А. Добролюбова (стр. 320), Я. П. Полонскаго (стр. 321), А. Н. Плеещева (стр. 325), гр. Л. Н. Толстого (стр. 387), А. Н. Апухтина (стр. 387) и И. З. Сурикова (стр. 481).

Привлекали еще А. А. къ участію въ обществѣ «Самопомощь», недавно также возникшимъ въ Одессѣ; но отъ участія въ немъ А. А. уже отказался: у него не хватило уже времени и силъ. Въ концѣ 1901 г. А. А. на пути въ Москву, куда онъ былъ командированъ городомъ для изученія постановки дѣла призрѣнія сиротъ, посѣтилъ Кіевъ, присутствовалъ въ случившемся какъ разъ въ то время очередномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, принималъ участіе въ полемикѣ по поводу сдѣланныхъ докладовъ, а на другой день посѣтилъ Центральный Архивъ университета, въ которомъ ему не разъ случалось работать во время службы въ Кіевѣ. Онъ очень интересовался нѣкоторыми матеріалами по исторіи Запорожья, и мы указали ему на тѣ, которыми онъ могъ воспользоваться. Но А. А. не суждено было воспользоваться этими указаніями. Скоро, неожиданно наступило начало печальнаго рокового конца, о которомъ тогда

никто не могъ даже подумать,—такъ казался А. А. свѣжъ и бодръ.

А. А. Андріевскій заболѣлъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ: ежедневныя головныя боли по утрамъ, кашель по ночамъ и боль въ колѣнахъ. Но до половины апрѣля работалъ съ удвоенной энергіей, какъ бы предчувствуя скорую развязку: Еще 6-го апрѣля онъ поминалъ Г. И. Успенскаго въ Одесскомъ Литературно-Арт. Обществѣ и, несмотря на сильный кашель, читалъ $1^1/_2$ часа, не кашлянувъ ни разу. Всю страстную недѣлю онъ занимался съ мальчиками посадкой деревьевъ въ маленькомъ саду, примыкающемъ къ квартирѣ директора. Въ пятницу были посажены 4 послѣднія березы, а въ субботу онъ едва не упалъ на дворѣ и уже слегъ сперва на диванъ, а затѣмъ въ кровать, но почти до послѣдняго дня онъ вставалъ, одѣвался и сидѣлъ въ креслѣ, бесѣдуя и читая. Сначала врачи предполагали у него переутомленіе, инфлюэнцу и бронхитъ; велось и соотвѣтственное леченіе, тѣмъ не менѣе больной все слабѣлъ и часто въ минуты унынія приглашалъ къ себѣ мальчиковъ Сир. Дома спѣть ему по-украински «Коло млына, коло броду два голуба пылы воду!» (пѣсня, которая особенно нравилась ему въ послѣднее время) и «Заповитъ». Къ слову сказать, покойный завелъ въ Сир. Домѣ пѣніе малорусскихъ пѣсенъ. «Десяткы» г. Лысенка и пѣлись, и игрались на оркестрѣ. «Козу-дерезу» ставили неоднократно. На пѣніе «Заповита» близкіе смотрѣли, какъ на просьбу похоронить его въ Кіевѣ. И судьба рѣшила послать ему кончину въ Кіевѣ, исполнить его волю. Именно добрая судьба, такъ какъ доктора посылали больного заграницу, въ Швейцарію. И больному самому хотѣлось сначала взглянуть на красоты Фирвальдштетскаго озера, которыя, онъ думалъ, психически вылечатъ его. Уже и паспортъ былъ выправленъ и визированъ у австрійскаго консула. 6-го іюня должны были выѣхать, но 4-го больной пробовалъ съѣздить прокататься къ морю и почувствовалъ, что поѣздка заграницу немыслима,—такъ велика его слабость. Тогда рѣшили ѣхать въ Кіевъ, въ Святошинскія дачи. Къ этому времени и діагнозъ, болѣе близкій

къ истинѣ былъ уже поставленъ и въ Кіевъ ѣхали лишь для того, чтобы не лишать больного надежды на поправку.

21-го іюня больной переѣхалъ въ Кіевъ, чтобы оттуда перебраться въ Святошинъ, но непрерывные дожди и холодъ удержали его въ Кіевѣ до кончины. Въ продолженіе всей болѣзни больной, несмотря на свои порою сильныя страданія, интересовался съ своей обычною живостью общественными интересами, страдалъ отъ неурядицъ послѣдняго времени, тосковалъ по средней школѣ. Читалъ онъ послѣднее время: Бѣлоголоваго, Щедрина, Успенскаго и «Воспоминанія» Яновскаго (попечителя Кавказ. учеб. округа). Еще за сутки до смерти ему читали Успенскаго, и онъ сказалъ: «произведенія Успенскаго очищаютъ людей, но только тѣхъ, кто способенъ къ этому».—Но, съ какой-то нѣжностью, можно сказать, онъ слушалъ и самъ читалъ вышедшіе недавно II и III-й томы «Вика»,—большая книга, которую съ трудомъ уже держала его слабѣющая рука. Бредилъ больной исключительно общественными интересами, печальной судьбой многихъ изъ современной молодежи, судьбой, въ которой онъ, какъ и всегда, винилъ среднюю школу.

Смерть была тихая и спокойная. 9-го іюля утромъ больной заснулъ; онъ видимо угасалъ... «Все пропало»!—были послѣднія его слова. Скоро А. А. не стало [1]).

Вѣсть о смерти А. А. быстро разнеслась повсюду; въ теченіе 10-го и 11-го іюля вдова покойнаго, Клавдія Михайловна Андріевская, получила около полутора десятка телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія о понесенной ею утратѣ; между про-

---

[1]) Въ настоящемъ краткомъ некрологѣ мы далеко не исчерпали всего біографическаго матеріала, не подвергли разбору его историческихъ, историко-литературныхъ и педагогическихъ взглядовъ—это дѣло біографа. А написать біографію было бы весьма необходимо, потому что покойный А. А. представлялъ собою завидный примѣръ того, какъ много можетъ сдѣлать общественный дѣятель при энергіи, несмотря ни на какія стѣснительныя условія для полезной просвѣтительной дѣятельности, на что́ такъ любятъ ссылаться многіе въ оправданіе своей апатіи.

чимъ, телеграммы были присланы г. Одесскимъ городскимъ головой, обществомъ охраненія народнаго здравія (его Одесскимъ отдѣломъ) и проч., а также многими друзьями и знакомыми.

Въ четвергъ, 11-го іюля, состоялось отпѣваніе и погребеніе А. А. Андріевскаго на новомъ Байковомъ кладбищѣ; отдать послѣдній долгъ покойному собрались многочисленные его друзья, знакомые, сослуживцы и сотрудники; небольшая Вознесенская церковь, гдѣ происходило отпѣваніе, была полна народу; при выносѣ тѣла изъ церкви И. М. Каманинымъ была произнесена прочувственная рѣчь, въ которой онъ характеризовалъ покойнаго какъ энергичнаго общественнаго дѣятеля и издателя многихъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ; затѣмъ печальная процессія двинулась по Львовской улицѣ и далѣе по Бульварно-Кудрявской; здѣсь у зданія народной аудиторіи была отслужена краткая литія, послѣ которой, въ глубокомъ душевномъ волненіи, было сказано прощальное слово В. И. Щербиной, указавшимъ на заслуги покойнаго по распространенію просвѣщенія среди народа и на сооруженіе имъ народной аудиторіи.

На гробъ покойнаго А. А. Андріевскаго было возложено много вѣнковъ; отъ Одесской городской управы вѣнокъ былъ возложенъ докторомъ Липпэ, спеціально командированнымъ для этой цѣли въ Кіевъ; были вѣнки отъ Одесскаго сиротскаго дома, отъ Одесскаго отдѣла охраненія народнаго здравія по секціи воспитанія, отъ редакціи «Кіевской Старины», Кіевскаго общества содѣйствія начальному народному образованію и другихъ учрежденій, друзей и почитателей покойнаго А. А. [1])

П. Каманинъ.

---

[1]) Подробности о погребеніи см. въ «Кіев. Газетѣ» отъ 13-го іюля за текущій годъ № 191.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго. Объ этомъ трудѣ Ф. С. Морачевскаго въ печати появлялись отрывочныя извѣстія еще въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, а затѣмъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ рукописи не было публикуемо въ теченіе почти 40 лѣтъ, даже подлинникъ перевода считался утеряннымъ, и только въ послѣднее время опять заговорили въ печати, но очень неясно, объ этомъ почтенномъ трудѣ. Наиболѣе пролито свѣта на исторію этой рукописи и наиболѣе выясняется характеръ самого труда Ф. С. Морачевскаго въ замѣткѣ, напечатанной В. И. Срезневскимъ въ т. XVI, № 4 текущаго года, «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ». Надѣясь въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала посвятить очерку литературной дѣятельности Ф. С. Морачевскаго особую статью, мы ограничиваемся теперь перепечаткой замѣтки В. И. Срезневскаго, дающей очень цѣнныя свѣдѣнія исключительно о малорусскомъ переводѣ Евангелія, сдѣланномъ еще въ 1860 году. Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ находится въ настоящее время три части этого труда. Первая часть въ 4-хъ тетрадяхъ, на 176 лл., заключаетъ въ себѣ черновикъ перевода евангелія, исполненнаго Ф. С. Морачевскимъ въ 1860 г. Вторая часть (на 127 лл.) представляетъ собою копію съ принадлежащаго журналу «Кіевская Старина» списка того же перевода, сравнительно съ черновой рукописью дающаго нѣкоторыя разночтенія. Въ третьей тетради, озаглавленной «Замѣтки поправокъ Евангелія», находится перечень исправленій къ переводу первой редакціи;

въ эту тетрадь вложено 9 листковъ замѣчаній къ переводу; писана рукою Морачевскаго въ 1862 году.

Филиппъ Семеновичъ Морачевскій, переводчикъ евангелія, по служебному положенію инспекторъ нѣжинскаго лицея кн. Безбородка (р. 1806 г., ум. 1879 г.), въ литературѣ малорусской оставилъ по себѣ слѣдъ немногими, малозначительными стихотвореніями, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстны вошедшія въ сборникъ «До чумака, або война ягло-хранцузо-турецька у 1853 и 54 рокахъ» (Кіевъ, 1855). Имя Морачевскаго было бы совершенно забыто, какъ забыты теперь его сочиненія, если бы не было связано съ переводомъ на малорусскій языкъ нѣсколькихъ книгъ священнаго писанія, до нынѣ къ горести многихъ остающихся подъ спудомъ.

Переводъ евангелія исполненъ Морачевскимъ въ 1860 г.; какъ видно изъ отмѣтокъ черновой рукописи, онъ начатъ 14 марта 1860 г. евангеліемъ отъ Іоанна и конченъ 16 ноября того же года евангеліемъ отъ Марка; вслѣдъ за тѣмъ, что видно также изъ отмѣтокъ рукописи, Морачевскій занялся пересмотромъ своего перевода; этотъ пересмотръ продолжался въ теченіи декабря мѣсяца 1860 года. Послѣ неудачнаго представленія въ 1860 г. начала труда митрополиту Исидору, въ 1861 году переводъ евангелія въ полномъ видѣ былъ пересланъ Морачевскимъ въ Академію Наукъ, съ просьбою дать о немъ отзывъ и, если послѣдній окажется благопріятнымъ, разрѣшить печатаніе. Всесторонне разсмотрѣнный академиками Востоковымъ, Никитенкомъ и Срезневскимъ, переводъ былъ найденъ «трудомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и полезнымъ»; признавъ, что «евангеліе на народномъ нарѣчіи малороссіянъ весьма много способствовало бы ихъ нравственно-религіозному образованію», академики предложили собранію отдѣленія русскаго языка и словесности ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о напечатаніи перевода. Въ 1864 г. трудъ Морачевскаго былъ возвращенъ переводчику по его просьбѣ для исправленія и въ концѣ года вновь полученъ отъ Морачевскаго съ просьбою «принять оный экземпляръ и хранить какъ біографическую рѣдкость между рукописями академіи, пока представится возможность напечатать рукопись и выпустить въ свѣтъ для народнаго употребленія». При подробномъ пересмотрѣ въ 1899 году рукописнаго отдѣленія библіотеки, архива отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, бумагъ И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенка и А. Х. Востокова—этого экземпляра перевода не нашлось. Два вновь

поступившихъ въ 1902 г. экземпляра перевода являются восполненіемъ потери перваго; наибольшее значеніе, несомнѣнно, принадлежитъ черновой рукописи, чрезвычайно наглядно изображающій весь постепенный ходъ работы переводчика; при будущемъ изданіи перевода евангелія этотъ черновикъ долженъ послужить главнымъ пособіемъ издателю.

Сколько можно судить по черновой рукописи, въ основу своего текста Морачевскій взялъ тексты русскій и церковно-славянскій и первоначально держался ихъ однихъ; затѣмъ уже при пересмотрѣ перевода онъ сличилъ ихъ съ текстами латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ: такъ 1-й ст. гл. 9-й Мр. русскаго и славянскаго перевода первоначально помѣщенъ Морачевскимъ въ 9-й гл. и только впослѣдствіи отнесенъ къ гл. 8-й, какъ ст. 39, согласно тексту другихъ переводовъ; ст. 34 гл. 1-й Мр. первоначально прочтенъ съ русскимъ и церковно-славянскимъ дополненіемъ «его Христа суща»— «що вінъ Христосъ», чего нѣтъ въ иныхъ переводахъ (см. также дополненіе въ ст. 15 гл. 8-й Луки); ст. 34 гл. XIII-й Луки первоначально прочтенъ согласно съ русскимъ текстомъ «какъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья», хотя въ славянскомъ текстѣ стоитъ «гнѣздо свое», и слова «своихъ писклятъ» только потомъ передѣланы въ «гніздо свое». Въ мѣстахъ, переводчику казавшихся, вѣроятно, сомнительными и затруднительными для перевода, онъ на поляхъ приводитъ соотвѣтственые тексты на нѣсколькихъ языкахъ; греческаго и еврейскаго въ параллельныхъ текстахъ не встрѣчается. При ссылкахъ на другія книги св. писанія на поляхъ нерѣдко приводятся выписки изъ нихъ въ переводѣ на малорусскій языкъ; такимъ образомъ, работы Морачевскаго простирались и на эти книги.

л. 1 об. (черновой рукописи). Примѣчаніе къ тексту о значеніи скобокъ при нѣкоторыхъ словахъ.

л. 2. «Святе Евангелие Исуса Христа по евангелисту Матьвію». Сверху наискось приписано рукою Морачевскаго «Господа нашего Исуса Христа Святе Евангелие по евангелисту Матьвію на Малороссийскімъ язиці»; съ другой стороны листа приписка «Господи благослови». На об. 3 л. дата начала перевода евангелія отъ Матѳея «1860 г. Іюля 7»; на л. 50 дата окончанія перевода «Августа 3» и окончанія пересмотра «Декабря 5». Въ заглавіи копіи (л. 1) передъ сл. «Исуса Христа» прибавлено «Господа нашего».

л. 51. Нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній къ тексту евангелія на русскомъ языкѣ, сдѣланныхъ переводчикомъ, по всей вѣроятности, для самого себя.

л. 54. «Святе Евангелие Исуса Христа по евангелисту Маркови». На верху листа приписано «Господи благослови». Въ концѣ текста (л. 81 об.) отмѣтки «16-го ноября 1860. Среда $^1/_2$ 6-го пп.»—дата окончанія перевода, и «Дек. 12»—дата окончанія пересмотра. Дата начала перевода 24 окт. 1860 стоитъ на л. 55-мъ. Въ заглавіи копіи (л. 37), какъ и при евангеліи отъ Матөея, прибавлены слова «Господа нашого».

л. 86. «Святе Евангелие Исуса Христа по Луци»; въ копіи (л. 61) «Святе евангелие Господа нашого Исуса Христа по евангелисту Луці». Сверху листа приписка «Господи благослови», затѣмъ дата начала пересмотра «Дек. 12»; въ концѣ евангелія (л. 139 об.) отмѣтки «Окт. 18. Вторникъ $1^1/_4$ ночи» (1860 г.)—дата окончанія перевода, затѣмъ «Окт. 23» и «23 дек.»; начатъ переводъ, какъ видно изъ отмѣтки на л. 87, 9-го сент. 1860 г.

л. 144. «Святе Ёвангельлє̂ Исуса Хрыста по Ивану». Съ краю наискось приписано «Господа нашого Исуса Христа Святе Евангелие по евангелисту Ивану на малороссийськімъ язиці», слова «Господи благослови» и дата начала пересмотра перевода—декабря 23. Заглавіе копіи (л. 99) измѣнено такъ же, какъ и въ другихъ евангеліяхъ. Въ концѣ черновой рукописи дата окончанія перевода евангелія отъ Іоанна «Іюня 16, 1860 г. Нѣжинъ» и вслѣдъ за нею черновикъ прошенія въ Московскую духовную академію о разсмотрѣніи перевода.

Рукописи принесены въ даръ библіотекѣ отъ наслѣдниковъ Ф. С. Морачевскаго въ 1902 году. По новой описи: 1. 3. 53—55.

ОБРАЗЕЦЪ ПЕРЕВОДА [1]).

Евангеліе отъ Матөея, гл. V.

1. Бачучи стількі народу, Исусъ изійшовъ (=зійшов) на гору; и (=а) якъ сівъ, то підойшли до ёго ученики ёго; 2. и (=а) вінъ

[1]) Текстъ напечатанъ по черновой рукописи съ исправленіями, помѣщенными въ отдѣльной тетрадкѣ; разночтенія копіи (повидимости далеко не вполнѣ исправной) поставлены въ скобки; съ отмѣткой вар. стоятъ варіанты черновой рукописи.

одкривши уста своі, почавъ учити (=навчавъ) іхъ, кажучи: 3. Блаженні убогиі (=-гі) духомъ: бо іхъ е царство небесне. 4. Блаженні плачущиі (=-щі): бо вони втішатця. 5. Блаженні тихиі (=тихі): бо вони наслідять (=-слідують) землю. 6. Блаженні ті, що бажають істи й пити правди: бо вони накормлені й напоені будуть. 7. Блаженні милостивиі (=-ві): бо вони помилувані будуть. 8. Блаженні чистиі (=-ті) сердцемъ: бо вони Бога уздрять (=вбачать). 9. Блаженні миротворці: бо вони синами Божими назовутця. 10. Блаженні гонимиі (=-мі) за правду: бо іхъ е царство небесне. 11. Блаженні ви, коли васъ ганьбитимуть, и гнатимуть, и роспускатимуть про васъ усяку дурну славу неправедно, за Мене. 12. Радуйтесь и веселітесь: бо велика вамъ нагорода на небесахъ. Такъ гнали и пророківъ, що були ще до васъ. 13. Ви сіль землі; а коли сіль вивітритця, то чимъ солона буде (=осоліе)? Вона вже ни на́ що пригодна (=здатна) не буде, якъ тількі щобъ викинути іі (=викинута була) вонъ и (=та) топтати (=потоптана) ногами (=людьми). 14. Ви світло світа: не може вкритися городъ, коли стоіть на горі. 15. И (=тай) засвітивши свічку, не ставять (=становлять) іі підъ посудину, а на лихтарі, и вона світить усімъ, хто тількі е у господі (=хати). 16. Такъ нехай світить світло ваше передъ людьми, щобъ вони бачили добрі діла ваши, и (=та) прославляли Батька вашого небесного (=котрий на небесахъ). 17. Не думайте, що я пришовъ нарушити (=зруйновати) законъ або пророківъ: не нарушити (=зруйновати) пришовъ я (проп.), а виповнити. 18. Запевне бо кажу вамъ: поки (это слово проп.) небо и земля не («не» проп.) мине, ні (=а не) одна ёта, або кома зъ закону не мине (=а не одна ёта не мине зъ закону), ажъ поки не виповнитця усе. 19. Такъ, хто нарушить (=зруйнуе) одну зъ сіхъ найменшихъ заповідей, и навчить такъ (=та такъ і научить) людей; той найменшимъ назоветця у царстві небеснімъ; а хто виповнить и научить, той великимъ у царстві небеснімъ назоветця. 20. Бо кажу вамъ: коли правда ваша не переважить (=-важе) правди (=кривди) книжниківъ и хварисеівъ, то не увійдете у царство небесне. 21. Ви чули, що сказано предкамъ: «не вбий; а хто убье, той повиненъ суду». 22. А я кажу вамъ: усякий, хто гніваетця на брата своего дурно, той (проп.) повиненъ суду́; а хто скаже братові свойму: ледащо, той повиненъ громаді; хто жъ скаже: дурню, той повыненъ огню пекельному. 23. Такъ, коли (приб.: ти) принесешъ даръ твій до олтаря, и (=та) тутъ згадаешъ, що братъ твій щось мае на тебе. 24. Покинь тамъ даръ твій передъ олтаремъ,

и (=та) піди помирись перше зъ братомъ твоімъ; и (=а) тогді приди (=шовши), и (проп.) принеси даръ твій. 25. Еднайся хутчій зъ ворогомъ твоімъ. поки ти зъ нимъ (приб.: ще) на (=у) дорозі: щобъ ворогъ не оддавъ тебе судді, а суддя не оддавъ тебе слузі, и ти не бувъ би кинутъ у темницю. 26. Запевне, кажу тобі: не вийдешъ звідтіля, поки не оддаси до останнёго шелята (=поки останнего шелята не оддаси). 27. Ви чули, що сказано предкамъ: «не любочинсьтвуй». 28. А я кажу вамъ: усякий, хто тількі погляне на молодицю (=жінку) зъ похотініемъ (=похотливимъ окомъ), той любочинсьтвовавъ уже зъ нею у своімъ серці. 29. Коли праве око твое доводить тебе до гріха (=искушае тебе), вирви ёго, и (=та й) кинь одъ себе: бо ліпше для тебе, щобъ одинъ зъ удівъ твоіхъ згинувъ, ніжъ щобъ усе тіло твое кинуто було у пекло. 30. А коли права рука твоя доводить тебе до гріха (=искушае тебе), одотни іі, и (=та й) кинь одъ себе: бо ліпше для тебе, щобъ одинъ зъ удівъ твоіхъ згинувъ, ніжъ щобъ усе тіло твое кинуто було у пекло. 31. Сказано тожъ: «хто розводитця (=росходитця) зъ жінкою своею, той дай ій листъ розводний». 32. А я кажу вамъ: хто розведетця зъ жінкою своею, окромъ за любочинсьтво, той примушае іі любочинсьтвувати; а хто женитця на розводці (=розвідний), той (приб. самъ) любочинсьтвуе. 33. Ще ви чули, що сказано предкамъ: «не клянись дурно, але виповняй клятви твоі передъ Господомъ» (=не клянись у неправді, а оддавай клятви твоі Господеві). 34. А я кажу вамъ: ні якъ не присягайсь (=не клянись): ні небомъ, бо воно е престолъ Божій; 36. ні землею, бо вона підніжокъ нігъ ёго; ні Ерусалимомъ, бо вінъ (=то) великого Царя городъ. 36. Ні головою своею не присягайсь (=не клянись), бо не можешъ (=зможешъ) ні одного волоска (приб.: на ій) зробити білимъ або чорнимъ. 37. Але (=а) нехай буде слово ваше: такъ, такъ (=ей, ей); ні, ні; а що більше одъ сёго, те (=то) одъ лукавого. 38. Ви чули, що сказано: «око за око, зубъ за зубъ». 39. А я вамъ кажу: не змагайся зъ лихимъ; але коли хто ударить тебе у праву щоку твою, то підставъ ёму и другу; 40. и хто схоче судитця зъ тобою и (=та) зняти зъ тебе чуйку, то оддай ёму и сорочку. 41. И хто примусить тебе пройти зъ нимъ одну верству, то иди зъ нимъ дві. 42. Тому, хто просить у тебе, дай, и одъ того, хто хоче позичить у тебе, не одвертайся. 43. Ви чули, що сказано: «люби ближнёго твого и ненавидь твого ворога». 44. А я кажу вамъ: любіть ворогівъ вашихъ, благословляйте тихъ, що клянуть васъ, добро чиніть тимъ, що ненавидять васъ, и молітця

за тихъ, що напаствують на васъ и васъ гонять. 45. Щобъ ви були синами Батька вашого небесного, котрий велить сходити сонцю надъ злими и добрими и посилае дощъ на праведнихъ и неправеднихъ. 46. Бо коли ви любите тихъ, що васъ люблять: то якоі (приб. жь) чекати вамъ награди? И митари чи не те жъ чинять? И коли ви щирі (вар. прихилні) тількі до другівъ вашихъ, то що ви більше (=незвичайне) чините (=робите)? и невірниі (=-ні) чи не те жъ (приб. саме) чинять (=роблять)? 48. Будте жъ (приб.: ви) чисті, якъ чистий Батько вашъ небесний.

Изъ прошлаго Полтавщины[1]). 1) *Прилука, Лубны и Кобеляки и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ.* I. *Прилука.* Городъ расположенъ,—писалъ городничій, частью—на горѣ, а частью «больше въ удоліи»,—т. е. въ долинѣ, при «болотистой» р. Удаѣ, и занималъ площадь въ 702 десятины и 945 квадр. саженъ. Построенъ «въ древнія времена». Городничій замѣчаетъ, что онъ старался точно разузнать въ дѣлахъ полиціи о времени «построенія города», но понятно, отыскать не могъ, поэтому онъ прибавляетъ, что «по неотысканіи въ дѣлахъ вида» сказать о времени основанія города нельзя. Всѣхъ дворовъ въ городѣ было 1077, лавокъ 74, церквей 5, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Жителей въ городѣ было 5561 ч., женскаго пола болѣе мужскаго на 173 д. По сословіямъ—купцовъ 58, дворянъ 45, мѣщанъ 1603, владѣльческихъ крестьянъ 428, козаковъ 362 ч. Всѣхъ ремесленниковъ 152 ч. Евреевъ было 45 ч. Цѣны на продукты были слѣдующія: четверть ржаной муки стоила не менѣе 1 р. 60 к. асс. (дороже другихъ повѣтовъ) и восходила до 2 р. 80 к. На мясо была положена такса, чего не встрѣчаемъ въ другихъ городахъ; по этой таксѣ фунтъ наилучшаго мяса стоилъ 3½ к., худшаго 2 к.; свинина и баранина также 2 к. за фунтъ. Во время великаго поста мясо вовсе не продавалось, такъ какъ городничій сообщаетъ въ своемъ донесеніи: «теперь же въ разсужденіи великопостнаго времени на говядину никакая цѣна не существуетъ». Пудъ соли крымской стоилъ 80 к., а «бѣлоозерки»—70 к. Въ этомъ повѣтѣ особенно дешевы были ягоды, что указываетъ на обиліе садовъ; такъ въ 1800 году ведро вишенъ стоило

---

[1]) См. „Кіев. Стар“ 1902 г., №№ 7—8, отд. 2, стр. 6.

5 к., сливъ «угоркыхъ»—20 к., а простыхъ—5 к. Въ 1804 былъ неурожай ягодъ и цѣна ведра вишенъ достигала до 40 к. Ярмарокъ въ Прилукѣ было четыре; на нихъ пріѣзжали купцы московскіе, калужскіе, орловскіе и др.

Арестованныхъ при полиціи въ среднемъ, начиная съ 1797 года, бывало по сту человѣкъ съ небольшимъ.

Въ повѣтѣ всѣхъ платившихъ подати было 52616 ч., изъ нихъ помѣщичьихъ крестьянъ было 31873; козаковъ 15483 ч., мѣщанъ 1603, купцовъ 58; евреевъ было муж. пола 139, а женскаго 127, а всего 366 ч. Въ повѣтѣ владѣли имѣніями два генерала и 33 штабъ-офицера; у двухъ помѣщиковъ, въ имѣніяхъ были каменные дома.

Всѣхъ церквей было 78; священиковъ 87, а церковно-служителей 166 ч.

Изъ монастырей былъ одинъ Ладинскій, въ коемъ было 24 монахини, Густынскій же былъ незадолго предъ тѣмъ закрытъ. Возстановленъ онъ впослѣдствіи, по ходатайству архіепископа полтавскаго Гедеона (1837 † 1849).

«Капелій» музыкантовъ было двѣ: у П. Г. Горленка и маіора Григорія Ив. Галагана. Конскихъ заводовъ было 5. Винокуренъ 113, пивоваренъ 86. (Арх. Губ. Правл., по описи № 200).

II. *Лубны.* Городъ расположенъ, какъ сообщаетъ городничій, при р. Сулѣ, «въ полуденной странѣ, на гористыхъ мѣстахъ», занимая площадь въ 1000 квадр. саженей. Дома въ немъ все деревянные, каменныхъ не было. Большинство домовъ принадлежало мѣщанамъ (140), затѣмъ дворянамъ (78), а остальные другимъ сословіямъ. Всѣхъ домовъ было болѣе 450. Церквей было 7, все деревянныя, а каменная была только заложена въ томъ году (1804). Въ городѣ былъ аптекарскій дворъ и при немъ 5 амбаровъ. Здѣсь городничій разумѣлъ казенную большую аптеку и при ней ботаническій садъ. Аптека и садъ принадлежали казнѣ; здѣсь разводились лѣкарственныя растенія, которыми снабжались всѣ аптеки на югѣ и военные лазареты.

Жителей въ городѣ было очень немного, всего 2910 человѣкъ (изъ нихъ наиболѣе, по сословіямъ, было мѣщанъ,—432 муж. и 464 жен. пола). Евреевъ было 158 муж. пола, а женскаго 152. Ремесленниковъ было 204 ч., изъ нихъ наиболѣе сапожниковъ (83). Было два «серебряника», т. е. серебряныхъ дѣлъ мастера, и одинъ часовой мастеръ. Два раза въ недѣлю были базары («два торга», какъ назы-

ваетъ городничій). Ярмарокъ было четыре; изъ нихъ одна только продолжалась недѣлю, остальныя не болѣе трехъ дней. «Троицкая же ярмарка»—замѣчаетъ городничій,—«начинается за четыре недѣли заранѣе»; торговали, главнымъ образомъ, рогатымъ скотомъ. На ярмаркахъ бывали пріѣзжіе изъ Екатеринославской, Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской), Черниговской и др. губерній. Квартиры и припасы не увеличивались въ цѣнѣ въ ярмарочное время, что указывало на сравнительно малый съѣздъ. Паспортовъ было выдаваемо въ теченіе года не болѣе 300.

Цѣны на продукты были слѣдующія: четверть ржаной муки (8 мѣрокъ) отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к.; овесъ—отъ 80 к. до 1 р. 50 к., фунтъ говядины—$2^1/_2$ к., свинины и баранины отъ $1^1/_2$ к. до $2^1/_2$ к.; пудъ меда—отъ 4 р. 80 к. до 5 р. 80 к.; ведро вишенъ продавалось отъ 18 к. до 60 к.; по такой цѣнѣ продавались и сливы (угорки). Садами славилось въ то время село Калайдынцы. Число арестованныхъ при полиціи (свѣдѣнія отъ 1797 г. по 1804) было наиболѣе въ 1798 г.—166 чел., а въ 1804 году всего 9 душъ. «Отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ людей къ наказанію или укрощенію въ полицію представляемо не было.» Что же касается какихъ-либо достопримѣчательностей, то городничій увѣдомлялъ, что «ни о какихъ древнихъ достопримѣчательностяхъ въ Лубнахъ свѣдѣній не отыскано».

Населеніе уѣзда было 46247 д., изъ нихъ преобладали помѣщичьи крестьяне, коихъ было 23694 д., а затѣмъ козаковъ 18389 ч. Монастырь былъ одинъ Мгарскій, въ 4-хъ верстахъ отъ Лубенъ. Въ немъ было монаховъ въ то время 16. Къ сожалѣнію, этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о монастыряхъ, доставляемыя нижнимъ земскимъ судомъ. Въ уѣздѣ было 6 чел. изъ «генералитета, живущихъ и владѣніе имѣющихъ»; подъ ними разумѣлъ земскій судъ сановныхъ лицъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ. Церквей въ уѣздѣ было 59, священниковъ 66, а церковнослужителей 118. Замѣчательно отсутствіе въ Луб. уѣздѣ крупныхъ поселеній (какъ и нынѣ): во всемъ уѣздѣ не было села, имѣвшаго болѣе двухъ церквей. Евреевъ въ уѣздѣ было 54 д., цыганъ 35 д., а «другихъ иностранцевъ», какими считалъ земскій судъ евреевъ и цыганъ, «не имѣется». Интересно, что земскій судъ счелъ нужнымъ сообщить и о числѣ незаконнорожденныхъ въ уѣздѣ; ихъ было 207. Далѣе говорится о лѣсахъ и перечисляются села, гдѣ ихъ наиболѣе; по счету земскаго суда, въ уѣздѣ было болѣе тысячи десятинъ строевого лѣса. Дома у помѣщиковъ были все деревянные, только

у одного Александра Новицкаго, въ Снѣтинѣ, былъ каменный домъ. Хоръ музыкантовъ («капелія» какъ тогда называли) былъ только въ с. Высокомъ Горбѣ, у маіора Ивана Боярскаго. Въ уѣздѣ было много винокуренъ, именно 212; были и пивоваренные заводы, содержимые помѣщиками. Въ селахъ уѣзда было всего 5 ярмарокъ. (Арх. Полт. Губ. Правл., по описи № 200).

—

III. *Кобеляки.* Какую площадь занималъ въ то время городъ, этого не зналъ и самъ городничій, потому что (пояснялъ онъ) «такого плана еще не прислано отъ начальства и знать нѣ почему». Всѣхъ дворовъ было 1035. Лавокъ было 47, всѣ, конечно, деревянныя. Жителей было 4609, считая въ это число и лицъ женскаго пола. Церквей было 11, изъ нихъ одна каменная; такого числа церквей не было въ то время ни въ одномъ уѣздномъ городѣ, какъ нѣтъ и теперь; большая часть ихъ была перенесена по хуторамъ уже въ началѣ 1860-хъ годовъ. Всѣхъ ремесленниковъ числилось 273 ч., изъ нихъ однихъ ткачей было 106 чел., что указываетъ на развитіе ткачества въ городѣ. Въ городѣ было два врача и оба нѣмцы. Что касается цѣнъ, то рожь покупалась отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 40 к. за четверть, овесъ—отъ 1 р. до 1 р. 30 к.; мясо—3 к., баранина $1^1/_2$ к., дешевле другихъ городовъ. Пудъ соли—60 к. Ягоды: ведро вишенъ отъ 20 до 30 к., сливъ отъ 12 до 15 к. Базаръ былъ только по воскреснымъ днямъ. Ярмарокъ было 5.

Въ то время, по заявленію городничаго, въ Кобелякахъ не было ни одного еврея, что сомнительно. Вѣроятно, евреи жили не приписываясь къ городскому обществу, какъ это бывало въ то время во всѣхъ городахъ, во избѣжаніе платежа податей, ибо въ то время со всякаго еврея взималось въ казну съ каждой души по 4 р. 67 к., а если онъ былъ купецъ, то долженъ былъ платить уставленный налогъ съ объявленнаго имъ капитала.

Фабрикъ въ городѣ не было; изъ заводовъ были только селитряный и кирпичный. Кирпичъ продавался по 3—4 р. тысяча. Главнымъ занятіемъ горожанъ, по сообщенію городничаго, было хлѣбопашество. Не мало ихъ ежегодно отправлялось въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Съ 1798 года по 1804 г. включительно было выдано паспортовъ всѣмъ отправлявшимся за солью и рыбой 802. За винный откупъ городъ получалъ 8010 р. въ годъ. Въ городѣ было 17 водяныхъ мельницъ и вѣтряныхъ 5.

Всѣхъ жителей въ уѣздѣ, платившихъ подати, было 39681 ч., изъ нихъ наиболѣе было козаковъ—20820 ч., а затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ 12898 (меньше помѣщичьихъ крестьянъ въ уѣздахъ Полтавской губерніи было только въ одномъ Зѣньковскомъ—10586 чел.). Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 50, изъ нихъ 3 каменныхъ. Въ нѣсколькихъ мѣстечкахъ было по 5 церквей, а именно: въ Соколкѣ, Китай-городѣ и Бѣликахъ, а въ Голтвѣ, Царичанкѣ, Орликѣ, Кишенкѣ—по 4 церкви, въ Маячкѣ—2, а въ Новомъ Санжаровѣ, имѣвшемъ 3919 жителей, было 6 церквей. Въ мѣстечкахъ Орликѣ, Китай-городѣ и Царичанкѣ священники занимались обученіемъ дѣтей грамотѣ. Въ уѣздѣ этомъ не было винокуренныхъ заводовъ, какъ и въ Полтавскомъ,—только въ этихъ двухъ и не было ихъ, но зато здѣсь помѣщики занимались разведеніемъ рогатаго скота венгерской и волоской породы, какъ, напримѣръ, помѣщица Сушкова, Масловъ и Ив. Остроградскій въ с. Буняковкѣ, а у Ефросиньи Остроградской былъ заводъ рогатаго скота голландской породы. Конскіе заводы были у Александровича, Маслова и Сушковой. Въ этомъ же уѣздѣ было нѣсколько «капеллій», какъ-то: у ротмистра Шашина, Сушковой и повѣтоваго маршала Чарбы. Оранжерея была только одна во всемъ уѣздѣ, у ротмистра Куна. Уѣздъ былъ богатъ помѣщиками; нижній земскій судъ насчитываетъ однихъ штабъ-офицеровъ, жившихъ въ уѣздѣ, 35 ч. (Арх. Губ. Правленія, № 200).

---

2) *О цѣнахъ въ Малороссіи на жизненные припасы въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій.* Гадячскій городничій Шнейдеръ, по предписанію князя А. Б. Куракина, доставилъ въ 1804 г. очень подробную таблицу о цѣнахъ на продукты, начиная съ 1782 года по 1803 г. включительно. Хотя она и относится, главнымъ образомъ, къ Гадячскому повѣту, но не будетъ ошибкой, если скажемъ, что цѣны эти, развѣ съ малыми колебаніями, были во всей Полтавщинѣ. Укажемъ на главные предметы потребленія. Четверть пшеницы, заключавшая въ себѣ 8 мѣрокъ, не продавалась дешевле 1 р. 10 коп. асс. и то только въ одномъ 1785 г., а обыкновенно шла по 2 руб. съ копѣйками; единственный разъ, именно въ неурожайный 1795 годъ, ея цѣна поднялась до 4 и даже до 6 р. 50 к. за четверть. Въ 1803 г. цѣна ея была 2 р. 40 к. асс. Остальные сорта хлѣбовъ стоили дешевле. Просо покупалось по 80 к. за четверть, а въ 1795 г. поднялось до 4 р. 50 к., а обыкновенная цѣна его была 1 р. 20 к. и доходила до

3 р.; послѣдняя цѣна была въ 1803 году. Приблизительно такія же цѣны, съ небольшими колебаніями, были на рожь, ячмень, овесъ и гречиху. Овесъ только въ 1782 г. покупался по 30 к. за четверть, ячмень по 36, а гречиха по 50 к. Эти цѣны держались до 1786 г., когда онѣ поднялись до 60—70 к. за четверть, послѣ чего опять повысились до 1 р., 1 р. 10 к. и выше и такъ оставались до 1803 года.

Говядина въ 1782 году стоила $3^1/_2$ к. фунтъ; выше 5 к. не было. Затѣмъ цѣна подымается въ 1783 г. до 4 к. и держится такъ до 1788 года, когда она поднялась до 6 к. за фунтъ. Другіе виды мяса, какъ-то: баранина, свинина, стоили дешевле. Баранины фунтъ не былъ выше 4 к. и то лучшій сортъ, а обыкновенная цѣна ея была 1—$1^1/_2$ к., съ 1782 г. по 1789 г., а затѣмъ повышается до 2 и 3 коп. Въ 1803 г. цѣна дошла до 5 к. Свинина покупалась отъ 1 к. до 3 к., за исключеніемъ одного 1798 г., когда фунтъ ея стоилъ 4 к.

Другой продуктъ первой необходимости—коровье масло продавалось въ 1783 г. отъ 4 до 6 к. за фунтъ, но это былъ исключительно дешевый годъ, затѣмъ цѣна повышается до 5, 6, 7 к. за фунтъ, а въ 1799 г. уже нельзя было купить менѣе 10 к. Иногдо цѣна доходила до 15, 16, но выше 17 к. никогда не была. (Арх. Полт. Губ. Правл. по описи № 200).

---

3) *О привитіи оспы въ Полтавской губерніи въ началѣ XIX столѣтія.* Знаменитое открытіе Дженнера нашло въ лицѣ А. Б. Куракина, перваго малороссійскаго генералъ-губернатора, яраго поклонника. Будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ и при томъ очень сердечнымъ по натурѣ своей, онъ не мало сдѣлалъ для страждущаго человѣчества: устраивалъ больницы, родильные пріюты и т. п. Въ 1802 г., вскорѣ послѣ вступленія въ должность, князь А. Б. Куракинъ предписалъ всѣмъ повѣтовымъ врачамъ заняться привитіемъ оспы. Врачебная управа поинтересовалась знать статистику привитія оспы и потребовала отъ повѣтовыхъ врачей свѣдѣній, что и было сдѣлано. Оказалось, что въ Полтавской губерніи, за время съ 22 іюня 1802 года по февраль 1804 года была привита оспа 10920 младенцамъ. Наибольшую энергію въ этомъ дѣлѣ проявили полтавскій штабъ-лѣкарь Сагредо, привившій оспу 1646 младенцамъ и переяславскаго повѣта штабъ-лѣкарь 8 класса Василій Захарженскій, привившій 3879 младенцамъ. Наименѣе энергичнымъ въ этомъ дѣлѣ оказался лубенскій штабъ-лѣкарь Василій Соболь, привившій оспу всего только 39 мла-

денцамъ. Занимались привитіемъ оспы и вольнопрактикующіе врачи, которыхъ въ то время было очень мало. Въ Кременчугѣ такимъ врачомъ былъ Гнѣдичъ, сдѣлавшій только 20 прививокъ. Въ самой же Полтавѣ привитіемъ оспы занимался врачъ Кондура, который еще до перевода своего въ Полтаву, въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ началъ прививку, привилъ оспу 847 младенцамъ. Князь А. Б. Куракинъ, объѣзжая въ первый годъ своего генералъ-губернаторства Черниговскую губернію, замѣтилъ Кондуру и очень сочувственно отнесся къ его дѣятельности по привитію оспы, что и послужило поводомъ для перевода его въ Полтаву. Помѣщики не относились враждебно къ дѣлу привитія оспы и нѣкоторые сами заводили прививку въ своихъ имѣніяхъ. «По дошедшему въ Управу слуху,—писалъ въ своемъ отчетѣ инспекторъ врачебной управы—помѣщиками привита за тотъ же періодъ оспа 505 младенцамъ». Помимо этихъ врачей, инспекторъ управы говоритъ, что полковые врачи, а также и нѣкоторые лѣкаря, живущіе въ отставкѣ, прививаютъ коровью оспу, но свѣдѣній въ Управу не присылаютъ; «о таковомъ ихъ упражненіи» инспекторъ узналъ случайно, при посѣщеніи своемъ полковыхъ лазаретовъ. (Арх. Полт. Губ. Правл., по описи № 200).

—

4) *Заботы князя Куракина объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.* 28 марта 1803 г. было издано высочайшее повелѣніе о «лучшемъ устроеніи и повѣркѣ хлѣбныхъ магазиновъ». Еще до изданія этого закона кн. Куракинъ обращалъ вниманіе на вопросъ о хлѣбныхъ магазинахъ, а новый законъ побудилъ его еще болѣе настаивать на устройствѣ ихъ. Въ этихъ видахъ князь Куракинъ предложилъ въ 1803 году дворянству полтавской губерніи озаботиться устройствомъ въ селеніяхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Магазины эти должны быть устроены въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были волостныя правленія, и притомъ «мѣрныя по ихъ пространству, дабы тѣмъ удобнѣе было производить ихъ повѣрку, не перемѣривая каждый разъ». Каждое селеніе, въ которомъ было не менѣе 50 д. крестьянъ, должно было имѣть запасной магазинъ, при чемъ съ каждой ревизской души собиралось по четверику хлѣба и полугарнцу овса и ячменя. Полтавскій губернскій предводитель дворянства Чарнышъ, получивъ предписаніе генералъ-губернатора, внесъ этотъ вопросъ на обсужденіе собранія дворянъ губерніи. Болѣе пяти лѣтъ тянулось обсужденіе этого вопроса и все-таки не привело къ желаемымъ результатамъ. Дворянство, видимо, не

хотѣло въ своихъ имѣніяхъ устраивать магазины, отговариваясь разными предлогами. Дворянское собраніе, послѣ долгихъ преній отклонило предложеніе князя. «Чувствуемъ это для себя,—писало оно въ протоколѣ,—крайне затруднительнымъ, а соглашеніе къ тому малопомѣстныхъ дворянъ неудобовозможнымъ, тѣмъ паче, что въ здѣшней губерніи, большею частью въ безлѣсныхъ мѣстахъ, построеніе таковыхъ магазиновъ сопряжено съ немаловажными заботами и дороговизной». Ссылка на отсутствіе лѣса, несомнѣнно, была только предлогомъ: лѣсовъ въ то время въ Полтавщинѣ было очень много, они еще тогда не истреблялись такъ безжалостно, какъ въ послѣдующіе годы, да и лѣса немного нужно было на постройку магазиновъ. Во всякомъ случаѣ, дворянство рѣшило ходатайствовать о разрѣшеніи дворянамъ хранить запасный хлѣбъ для крестьянъ не только въ деревянныхъ помѣщеніяхъ, но и въ ямахъ и скирдахъ, «на его попеченіи и отчетѣ»... Но такое рѣшеніе не понравилось кн. Куракину, который, ссылаясь на высочайшее повелѣніе, предписалъ его исполнить, а губернскаго предводителя просилъ пригласить уѣздныхъ предводителей побудить дворянъ къ устройству магазиновъ. Въ силу этого были созваны по уѣздамъ дворянскія собранія. Но дворяне и на этотъ разъ отнеслись несочувственно къ дѣлу. Только полтавское уѣздное дворянство согласилось, другія же уѣздныя собранія отвѣчали если не прямымъ отказомъ, то отклоняли дѣло по тѣмъ или другимъ причинамъ. Константиноградское дворянство находило, что хлѣбъ возможно хранить и въ скирдахъ; лубенское находило постройку магазиновъ «крайне затруднительной»—опять по тѣмъ же причинамъ, какъ высказалось и губернское дворянское собраніе. Золотоношское же дворянство пошло въ разрѣзъ съ закономъ и порѣшило устроить магазины въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ было 500 и болѣе д. крестьянъ; оно также считало возможнымъ хранить хлѣбъ въ земляныхъ ямахъ. Такимъ образомъ и уѣздныя дворянскія собранія не охотно пошли на призывъ кн. Куракина и, видимо, не желали тратить средствъ на устройство магазиновъ, потребность въ которыхъ скоро обнаружилась. Въ 1805 г. былъ неурожай и саранча истребила не мало хлѣба въ константиноградскомъ, золотоношскомъ и лохвицкомъ уѣздахъ, такъ что помѣщикамъ пришлось раздавать хлѣбъ крестьянамъ. Кн. Куракинъ вновь предложилъ дворянству озаботиться устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ. Опять были созваны въ 1806 году по уѣздамъ дворянскія собранія; но и эти собранія не дали желательныхъ результатовъ. Какъ

бы на выручку дворянамъ, былъ изданъ въ 1805 г. высочайшій указъ на имя литовскаго военнаго губернатора, разрѣшавшій помѣщикамъ виленской, гродненской и др. губерній не строить магазиновъ, а держать въ своей экономіи «на свой страхъ» извѣстный запасъ хлѣба и выдавать его, когда это понадобится. Полтавскіе дворяне, узнавъ объ этомъ указѣ, какъ бы сговорились и во всѣхъ дворянскихъ собраніяхъ пятнадцати уѣздовъ порѣшили не строить магазиновъ, а ходатайствовать, какъ это разрѣшено литовскому дворянству, «дабы возложено сіе было помѣщикамъ на свой страхъ». Надо сказать, что незадолго до этого черниговскій губернскій предводитель Стороженко ходатайствовалъ передъ министромъ о томъ, чтобы дозволено было помѣщикамъ не строить запасныхъ магазиновъ, а держать у себя извѣстный запасъ хлѣба, но графъ В. П. Кочубей на это не согласился, о чемъ и далъ знать малороссійскому генералъ-губернатору кн. Куракину. Понятно, что послѣ такого отвѣта министра, постановленія дворянскихъ уѣздныхъ собраній не могли удовлетворить князя Куракина, и онъ продолжалъ настаивать на исполненіи закона. Надо замѣтить, впрочемъ, что упорное нежеланіе помѣщиковъ устраивать хлѣбные магазины было тогда общимъ явленіемъ въ Россіи, вызывавшимъ даже правительственныя репрессальныя мѣры. По высочайшему повелѣнію, отъ 8 марта 1808 года, были наложены штрафы на помѣщиковъ, неисполнившихъ указа 1803 года: ихъ велѣно было штрафовать на первый разъ 25 р., на второй—вдвое, на третій—втрое и т. д.

Въ началѣ того же 1808 г. кн. Куракинъ оставилъ Малороссію и занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это дало ему большую возможность настаивать на устройствѣ хлѣбныхъ магазиновъ, и онъ, дѣйствительно, въ концѣ 1808 г. предписалъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ внушить дворянамъ истинную цѣль учрежденія запасныхъ магазиновъ; но вполнѣ цѣли все-таки не достигъ: далеко не вездѣ они были устроены. Въ 1810 г. полтавское дворянство вторично ходатайствовало о разрѣшеніи каждому помѣщику имѣть на «свой страхъ и попеченіе» извѣстный запасъ хлѣба. Чѣмъ кончилось это ходатайство, мы не знаемъ. Видно только, что полтавское губернское дворянское собраніе каждое трехлѣтіе избирало изъ своей среды особыхъ «попечителей хлѣбныхъ магазиновъ» по 3—4 на уѣздъ. Такъ дѣло продолжалось до 1860-хъ годовъ. (Арх. Двор. депут. собр. 1803 г., по описи № 8).

И. Фр. Павловскій.

Изъ области народныхъ вѣрованій о выходцахъ съ того свѣта. Въ малорусскомъ народѣ, какъ извѣстно, существуетъ вѣрованіе, что чрезмѣрная тоска по умершемъ, слишкомъ продолжительное и безутѣшное его оплакиваніе непріятны душѣ умершаго и нерѣдко вызываютъ съ его стороны мстительныя дѣйствія по отношенію къ тѣмъ, кто такимъ оплакиваніемъ не даетъ его душѣ покоя. Приводимый здѣсь разсказъ возникъ на почвѣ именно этого вѣрованія. Народъ и понынѣ придаетъ такимъ легендамъ вѣру, какъ истиннымъ событіямъ, почему въ нихъ нерѣдко точно опредѣляется время и мѣсто дѣйствія.

«Це робылось двадцять литъ назадъ. Въ сели Соснивци, заславського повиту, волынськои губерніи, жыла мужыцька симья. Була у тыхъ господаривъ йиднымъ йидна дочка, дивка,—хочъ заразъ замижъ. Отъ та дивка заслабла, злягла, та недовгый часъ пролежавшы, и вмерла. Батькы свою Оляну любылы безъ памьяты, особлыво стара маты Горпына, котра, писля іи смерты, дуже за нею вбывалась и плакала. Прыйшла перша вилія, чы кутя. Стара Горпына въ той день, готовлячы то те, то се на кутю, зъ самого ранку гирко плакала, спомынаючы свою Оляну, и думала, якъ вона теперъ мусыть сама все робыты и працюваты, и якъ безъ неи буде таке велыке свято—кутю и Риздвяни свята—стричаты й проводыты. Прыйшовъ вечиръ, чы то вже сама вилія; стара Горпына стала ще гирше плакаты, що якъ то вона сяде за стилъ, буде вечераты, буде йисты кутю безъ своеи коханои дочкы Оляны. Не хочется ій сидаты и за стилъ, за ту вечеру; выйшла Горпына на двиръ, и надвори, до мисяця, стала плакаты, голосыты, ламаты рукы, та прычытуваты, та щось шептаты и заклынаты.—«Прыйды, зъявыся, моя Олясю, до мене хочъ на цей вечиръ, хочъ на йидну хвылыну!»—голосыла Горпына.—Війшла Горпына до хаты, силы вси, вся симья за стилъ вечераты, колы глянь—хтось у викно дывытся,—ажъ Оляна, якъ була на смерть наряжена, такъ, якъ жыва, и стоить пидъ викномъ. Зъ того дня почалось: абы вечиръ,—вже Оляна човпется або въ комори, або въ синяхъ, або на горыщи, човпется всю ничъ, и якыхъ тилькы збыткивъ вона не выробляла своій матери! Въ комори горохъ, пшоно, муку, крупу—все змишае до купы, та ще й до того десь визьме, насыпе попелу, або писку; або все те порозсыпае по комори, по синяхъ; все, що на горыщи, летыть звидтиль на землю; въ комори, въ синяхъ все кыдае, все тарахкотыть. Перелякалысь батькы небожкы Оляны, терпилы-

терпилы все те, а дали давай робыты, що хто казавъ и радывъ: служылы молебни, акахвысты, службы Божи—ничого не помагае. Позвалы батюшку посвятыты хату. Отъ якъ батюшка святывъ хату,—дывытся, ажъ Оляна въ бындахъ на голови, зъ роспущеными косамы по плечахъ, йиднымъ словомъ, такъ якъ була похована, такъ промижъ людьмы протыскуется зъ хаты въ сины, а зъ синей вiйшла въ комору; те бачылы тилькы батюшка и Горпына; воны пишлы въ комору—дывлятся, ажъ у комори, въ кутку стоить ожогъ, а на ёму начепляни бынды и одежа: спидныця, кафтанъ Оляны, котре все зосталось пparticles писля іи смерты и було у старои Горпыны сховане въ скрыни пидъ замкомъ. И посвящиння хаты, и молебни ничого не помоглы: Оляна, абы ничъ, такы ходыть и збыткы робыть. Бачать батькы—плохе дило; думають соби, переберемся въ другу хату, може перестане. Видцуралыся своеи хаты, наняли у сусидивъ, перейшлы въ чужу; а свою зоставылы пусткою,—та де тамъ! Куды воны—туды и Оляна зъ своимы збыткамы, и що-ночи ходыть и човпется, якъ ходыла и човплась. Такъ батькы зъ хаты въ хату, все село обiйшлы, скризь потроху жылы, и скризь Оляна за нымы зъ збыткамы,—але жъ нихто не хотивъ ихъ въ хати довго трыматы, бо було неспокiйно и сусидамъ. Горпына мовчала-мовчала, терпила, молылась, а нарешти давай лаяты и проклынаты небожку Оляну; зъ того часу збыткы сталы ще гирши и бильши. Идного разу Горпына купыла соби рыбы, справыла, посолыла, и поставыла накрыту въ мысныку; рано встае—нема рыбы: пропала, якъ въ землю провалылась; нибы хто вкравъ, чы зйивъ. Горпына стала дуже лаяты и проклынаты ту нечысту сылу, що іи рыбу взяла. Выйшла чогось Горпына въ сины, а кисткы зъ іи рыбы зъ горыща прямо у вичи Горпыни хтось такъ и кынувъ. Якъ разъ на ту пору въ синяхъ стоявъ чоловикъ-сусидъ. Винъ забачывшы цее, засміявся та й каже:

— Бачъ, якъ (вылаявся) добре выцилыла! Добре шпурляе нечыста сыла!!..

Тилькы що винъ це промовывъ, якъ йиденъ клубокъ валу, що высилы на горыщи, прямо тому чоловикови въ шыю такъ и вшкулывъ, ажъ той чоловикъ заточывся. Чоловикъ вже не выдержавъ и вылаявся видъ серця. Колы ще другый клубокъ валу зъ горыща чоловикови въ бикъ. Бачыть чоловикъ, що не перелывкы, та зъ синей скорише и писля того зо дви недили болила шыя и бикъ видъ тыхъ клубкивъ.

А то знову другого разу зъ вечора зайшлы до Горпыны сусидкы и стала вона зъ нымы радытысь, що робыты, щобъ таке несчастя позбуты. Хтось зъ сусидокъ порадывъ, щобъ достаты маку и засіяты нымъ могылу Оляны, и достаты осыкового килка и вбыты въ могылу.

— Колы якъ на тее жъ, нема въ мене ни маку, ни осычыны, и нема де достаты,—каже Горпына.

Лягла Горпына спаты, рано встала, до дверей—не можна дверей одчыныты, не можна зъ хаты выйты: мусила лизты черезъ викно; входыть у сины, а тамъ пидъ дверыма цила фура осычыны лежыть, такъ що двери геть закладени, що й одчыныты не можна, а по синяхъ скризь посыпано макомъ.

Прырадылы люде Горпыни иты до Почаєва на отпустъ, помолытыся Божій Матери Почаёвській,—може тоди перестане дочка пакостыты. Стала Горпына збыраты потрошку грошы на отпускъ до Почаёва, зибрала вже цилыхъ два рубли, та все дрибнымы и сриблом̃ъ, и мала на другый день йты въ дорогу. Встала Горпына на другый день, до скрыни, до грошей—нема: якыйсь чортъ укравъ и забравъ, хочъ скрыня и була замкнена. Прыйшлось видкласты Горпыни дорогу до Почаёва, бо не було зъ чымъ йты на отпустъ. Пройшовъ писля того де-якый часъ. Йидного ранку Горпына стояла коло печи, варыла обидаты, колы—дзень!—срибна сорокивка зъ комына на прыпичокъ такъ и впала. Горпына перше переляка̀лась, а потимъ засунула руку въ комынъ и стала тамъ мацаты, и на прымурку, на кзымсыку, що бувъ у комыни, найшла розложани вси ти два рубли, що вона прыготовыла на отпустъ до Почаёва.

Рокивъ зо-два, або й зо-тры таке выроблялось у батькивъ небожкы Оляны, алежъ Горпына стала ходыты по отпустахъ, по манастыряхъ, була въ Почаёви, въ Кыиви, стала часто сповидатыся, говиты, служыты службы и потроху стало все стыхаты, меньше й меньше, ридше й ридше робытыся, и нарешти и зовсимъ утыхло й перестало.

Въ Соснивци вси говорылы, якъ въ бубонъ былы, що Горпына була видьма, зналась зъ нечыстымъ, вмила чаклуваты, и що то нечыстый влизъ въ тило Оляны, въ іи тулупъ, въ іи образи ходывъ и таке выроблявъ; ну, а потимъ, якъ Горпына покаялась, стала молытыся за себе и за свою небожку Оляну, обернулася до Бога,—все те и перестало, нечыстый и видчепывся, видставъ видъ неи.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Указъ объ обязательномъ обученіи дѣтей священнослужителей въ школахъ латинскому языку, 1723 г. Варлаамъ Ванатовичь, Божіею Милостию православный архіепископъ Кіевскій и Галицкій і Малия России. Всѣмъ обще, кому о семъ будетъ вѣдати надлежало, а именно: пречестнымъ оцамъ протопопамъ, честнымъ іереомъ, дияконамъ и всему притчу церковному, при благословеніи нашомъ архиерейскомъ, ізвѣстно творимъ. Донеже мы пастиръ, принявши, по милости Божіей и государской, за благословеніемъ святѣйшаго правителствующаго Сvнода, пастирское правленіе в епархіи Кіевской, должни по званію нашему всякия благочиния і благостроения около церквей святихъ и во всемъ притчѣ духовномъ, власти нашой архипастирской подсутствующимъ, устроевати и размножати, и ку болшей хвалѣ Божой и лучшой ползѣ церковной и устроенію духовному, чого ради всему притчу церковному властию нашею пастирскою приказуемъ и всячески имѣти хощемъ, даби всѣ духовніе члени: протопрезвитори, іереи и дияконн, отселѣ дѣтей своихъ отъ 'младихъ ихъ ногтей, вопервихъ, страха Божія и благочестия научати, потомъ грамматѣ и чтенію некосноязичному священого Писанія обучали би, при добромъ воспитаніи и нравоученіи добродѣтелнаго младенческаго ихъ жития. Изучившихжеся добрѣ грамматѣ и навикшихъ искусному и внимательному чтенію Божественого Писанія, без умедленія присилать и отпускать в латинского ученія искуство, повелѣваемъ для наученія латинского язика и взисканія премудрости, еже есть всему благу корень и человѣческому жітию добрая наставница. Аще же какіе презвитори не похотятъ дѣтей своѣхъ в латинские школи в наученіе прислати і онихъ в томъ снабдѣватъ, то не токмо воздадутъ отвѣтъ в нерадѣніи около синовъ своихъ Господу Богу, но и наслѣдия мѣстца своего прафіялного чадъ своихъ лишати будутъ, ибо отселѣ кто не будетъ в школахъ латинскихъ и не покажетъ ся изученъ бити, то не сообрящется наслѣдия престола отческаго, но весма отчужденъ явится, на мѣсто же ихъ станутъ люде ученіе и добродѣтелніе промоватися в чини духовнія. При сем же вамъ, пречестнімъ оцамъ протопопамъ, пилно приказуемъ, абисте, по полученіи сего нашего пастирского указу, всякъ в своей протопопіи вибрали по единому презвитеру, в чтеніи, в житіи добродѣтелномъ, в трезвости и во всякомъ постоянствѣ іерейскомъ искусного, и прислали бъ къ намъ, у катедру, немедлено, для нѣкоторихъ нашихъ духовніхъ інтересовъ. А хотя уже не единократно вамъ, протопопамъ, чрезъ укази наши

архиерейскіе, пастирско повелѣвали, чтобъ ви не изучившихся добрѣ наизусть десятословія, блаженствъ, седми сакраментовъ и прочіего катихизіческого ученія, до иерейского найпаче чина надлежащаго, аколѣтовъ и ставлениковъ к намъ не присилали, однакъ видимъ, что тие оукази наши у васъ ничто не успѣваютъ, понеже (видимъ) не тилко не умѣющихъ вишереченого оученія, но и книжного чтения весьма не обученихъ, самихъ рекше нечиталовъ, на священство промуете и присилаете, знать нѣкоего ради лихоимѣнія и подсулъ, вамъ подсуляемихъ, о чемъ вамъ уже дается вѣдати; если отселѣ такіе идиоти и нечитатели і младіи лѣтами впредъ к намъ отъ васъ будутъ прісилатіся во презвітерство, то не токмо они не получатъ желаемого чину священнического, лечъ и ви, присилающіи такѣхъ неумелцовъ противъ указу нашего, будете жестоко наказани при отчужденіи чести протопопской и священодѣйствія. I какъ ви, отци протопопи, презвитерѣ, дияконі и весь причетъ духовній, сей нашъ пастирскій указъ получите, и ви бъ во всемъ всякъ в своей протопіи всему духовенству оніи опромолговавши, чинили бъ по оному непремѣнно, исправлялися тщателно, опасаяся на себе за ослушаніе жестокого штрафва. Данъ з катедрѣ Свято-Софѣйской Киевской, 1723 року, ноеврия 17.

Вишменованній Архіепископъ Кіевскій рукою власною.

Сообщ. **С. Рклицкій.**

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Къ характеристикѣ кіевскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта, сенатора и кавалера, Княжнина.* Въ 30-мъ году богуславскій земскій исправникъ представилъ при рапортѣ прошеніе нѣкоего Щербцова, ходатайствовавшаго о предоставленіи ему должности квартальнаго надзирателя въ заштатномъ городѣ Каневѣ.

Изъ Кіева воспослѣдовала резолюція военнаго губернатора: «Даю знать, что въ должности я назначаю чиновниковъ по *своему* выбору, *не полагаясь на представленія,* а потому поставляя сіе на видъ вашему благородію, предписываю на будущее время не осмѣливаться дѣлать подобныя представленія».

---

2) *Къ исторіи кіевскихъ дворцоваю, кловскаю винограднаго и шелковичнаго садовъ.* 2 марта 1828 г. кіевскій гражданскій губерна-

торъ докладывалъ кіевскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту и кавалеру, Петру Федоровичу Желтухину: «Смотритель кіевскихъ государевыхъ садовъ кол. ас. Спиридоновъ [1]) представляетъ мнѣ, что дворцоваго саду садовый мастеръ П. Волковъ [2]), поступя на службу ученикомъ при томъ садѣ 1798-го году, и находясь подмастерьемъ съ 22 марта 1811, мастеромъ 25 янв. 1824 г., какъ удостовѣряютъ данные отъ бывшихъ смотрителей аттестаты, велъ себя весьма хорошо, по службѣ былъ всегда рачителенъ. Принялъ отъ иностранца, садового мастера Лангауза въ теплицахъ и оранжереяхъ растенія *«въ самомъ худоложеніи»*, которыя попеченіемъ своимъ исправилъ, значительно оныя умножилъ. Подъ его же надзоромъ состоятъ Кловскій, Виноградный и Шелковичный сады, причемъ жалованіе весьма ограниченное»... Испрашивалось награжденіе XIV-мъ классомъ.

Военный губернаторъ, въ томъ соображеніи, что на подобные случаи нѣтъ точнаго постановленія, отказался отъ дальнѣйшихъ по сему дѣлу переписки и хлопотъ.

---

3) *Губительное на организмъ дѣйствіе рожковъ* [3]) *и благодѣтельное въ семъ случаѣ послѣдствіе отрубленія руки.* Въ январѣ 1841 г. Радомысльскій земскій судъ доносилъ Главному Начальнику края: .....деревни Опочицы крестьянинъ «будучи отъ употребленія хлѣба съ черными рожками до той степени больнымъ, что сталъ на время въ нѣума; взявъ подъ небытность жены своей топоръ и вышедши въ сѣни, положивъ лѣвую руку на замерзшую землю, отрубилъ совершенно руку на самомъ составѣ, отъ каковаго отрубленія руки и терпимой боли, при лекарскомъ пособіи можетъ быть приведенъ къ совершенному здоровью»...

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

---

[1]) Въ сентябрѣ того же года н. сов. Спиридоновъ, вовсе незнакомый съ садоводствомъ, будучи канцелярскимъ чиновникомъ, проситъ усердно объ увольненіи; на его мѣсто предположено назначить чиновн. X кл. Свиньина.

[2]) Кіевскаго дворцоваго сада ученика сынъ.

[3]) См. „Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ“—Май, 1902 г. „Кіев. Стар.“

Отрывокъ изъ письма В. В. Порскалова къ Н. В. Шугурову. Въ прошлой книжкѣ (№ 7—8) нашего журнала былъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій трехъ близкихъ нашей редакціи покойниковъ— В. В. Тарновскаго, А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова, и статья, посвященная памяти ихъ. Изъ этой статьи, равно какъ и изъ некролога Н. В. Шугурова, напечатаннаго въ № 12 прошлаго года, видно, насколько этотъ человѣкъ былъ проникнутъ любовью къ своему родному краю, насколько научная разработка судебъ этого края была близка его сердцу и составляла единственное его занятіе въ свободныя минуты отъ служебныхъ работъ. Намъ доставлено теперь одно письмо къ Н. В. Шугурову, писанное въ 1863 году родственникомъ его В. В. Порскаловымъ, письмо интересное потому, что въ немъ мы находимъ указанія на то, что въ молодые годы Н. В. Шугурова, въ періодъ ученія его въ Москвѣ, въ немъ скорѣе можне было-бы предвидѣть человѣка съ космополитическимъ воззрѣніемъ на жизнь, чѣмъ того убѣжденнаго и лирически-настроеннаго украинца, какимъ мы знаемъ его въ теченіе многихъ лѣтъ его жизни въ возрастѣ зрѣломъ и пожиломъ. Письмо это представляетъ еще и тотъ интересъ, что знакомитъ насъ съ преобладающимъ настроеніемъ въ извѣстныхъ кружкахъ кіевлянъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Авторъ письма, В. В. Порскаловъ, какъ-бы желающій исправить Н. В. Шугурова съ пути космополита на дорогу національную, былъ въ то время учителемъ исторіи въ Кіевской 2-й гимназіи, а затѣмъ прошелъ служебныя ступеньки, занимая должности инспектора кіевской прогимназіи (нынѣ 4-ая гимназія), директора Новогородсѣверской гимназіи и директора училищъ Черниговской губерніи, умеръ онъ въ Кіевѣ, въ отставкѣ, въ 80-хъ годахъ.

«Благодарю Васъ, Николай Васильевичъ, что написали мнѣ несмотря на мое молчаніе: происходило оно отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, что и Ваше: просто, кажется, писать нечего, а вѣдь Вы моложе меня, значитъ и писать Вамъ нужно-бы охотнѣе. Изъ Вашего письма вижу я, что Вы скучаете, или, еще хуже, недовольны жизнью—вещь неудивительная въ наше время, да недовольство недовольству розь— вотъ что! А мнѣ кажется, что недовольство Ваше пассивное, и въ такомъ случаѣ да пройдетъ оно скорѣе! Найдите себѣ идею, убѣжденіе жизни, лозунгъ,—вѣрнѣе, дѣло, къ которому можно-бы прилѣпиться, да найдите не извнѣ (въ такомъ случаѣ это будетъ фантазія), а въ себѣ самомъ, поройтесь въ своемъ собственномъ «я», авось найдете тамъ такую вещь, которая спасетъ Васъ отъ скуки. Вы, кажется, мало ду-

мали до сихъ поръ о своей національности, мало обращали вниманія на значеніе всего малорусскаго, на свои отношенія къ нему. Подумайте объ этомъ—вотъ и дѣло! Здѣсь, въ Кіевѣ, есть нѣсколько лицъ, горячо любящихъ свою родину, свой языкъ, свой народъ, знающихъ свою исторію, свои думы, пѣсни, работающихъ искренно на пользу этого края,—и они, эти люди, не скучаютъ, а живутъ полною жизнью. Неужели у Васъ въ Москвѣ отвлеченный, безплодный космополитизмъ царитъ надъ молодостью? Вѣдь онъ—самый лучшій разсадникъ бюрократовъ-чиновниковъ; а чиновническое направленіе—это страшная болѣзнь у насъ. Космополитизмъ—настроеніе отвлеченное, логическое, а не изъ жизни взятое, и грустно видѣть, какъ онъ дѣлаетъ Чайльдъ-Гарольдовъ въ разныхъ тонахъ изъ людей, которые, безъ него, могли-бы и сами быть счастливыми, и людямъ добро сдѣлать. При свиданіи съ Вами я замѣтилъ въ Васъ его вліяніе и, испытавши на собственной персонѣ всю безплодность его, рѣшился и Вамъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ»...

«Въ Кіевѣ приняты мѣры полицейскія противъ поляковъ: много войска, днемъ и ночью разъѣзды козаковъ, обыски, шпіоны и т. п. Серьезнаго, впрочемъ, ничего нѣтъ [1]). Новый генералъ-губернаторъ Анненковъ—человѣкъ дѣятельный, какъ говорятъ чиновники, съ административными способностями. Добраго впрочемъ, пока ничего еще отъ него не видѣли. Университетъ (профессора) изъ рукъ вонъ плохъ; иные факультеты не стоютъ и одного порядочнаго профессора»... «Основу» читаете? Прочтите статью Ефименка за октябрь 1862 г., да и много другихъ статей въ ней. Жаль, говорятъ, что она падаетъ, не будетъ издаваться»..

Сообщ. **В. Н.**

Украинофильство Гоголя. Въ № 7—8 нашего журнала за 1901 г. въ отдѣлѣ библіографіи было уже отмѣчено письмо Залѣскаго къ Духинскому о встрѣчѣ его съ Мицкевичемъ и Гоголемъ, напечатанное въ «Przewodnik'ѣ naukowy'мъ i literacki'мъ» (т. XXIX, кн. 6, ст. 466—467). Въ настоящее время подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ на страницахъ «Новаго Времени» (№ 9483) г. А. Л. напечаталъ переводъ всего письма съ нѣкоторыми комментаріями къ нему

---

[1]) Писано 26 марта 1863 года.

и съ прибавленіемъ тѣхъ мѣстъ изъ писемъ Гоголя къ М. Максимовичу, которыя были пропущены въ изданіи Кулиша. Въ виду интереса, какой представляетъ сопоставленіе этой переписки Гоголя, мы приводимъ статью г. А. Л. цѣликомъ.

«Среди біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ имѣется интересное свидѣтельство о нашемъ писателѣ извѣстнаго польскаго украйнофила и поэта Богдана Залѣскаго (1802—1886). На это свидѣтельство А. Л. наткнулся случайно, просматривая переписку Іосифа-Залѣскаго съ разными лицами, напечатанную въ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki» (приложеніе къ «Gazeta Lwowska») за 1901 годъ. Въ шестой книжкѣ этого журнала (t. XXIX. zeszyt VI, ст. 466—467) помѣщено письмо Залѣскаго изъ Фонтенебло отъ 19 февраля 1859 года, къ извѣстному польскому патріоту Франциску Духинскому, создателю пресловутой теоріи о «туранствѣ» великоруссовъ (москалей). Въ настоящее время эта теорія, отрицающая арійское (въ частности славянское) происхожденіе великоруссовъ, не имѣетъ успѣха и среди серьезныхъ польскихъ ученыхъ. Лѣтъ 50 назадъ дѣло обстояло иначе. Залѣскій начинаетъ свое письмо съ благодарности Духинскому за присылку его книги. По всей вѣроятности онъ благодаритъ за книгу Духинскаго «Zasady dziejòw Polski i inych krajòw slowianskich».

Продолженіе письма Залѣскаго приводимъ въ русскомъ переводѣ:

«Твоя книжка, уважаемый землякъ, отличается ученостью, поучительностью и патріотизмомъ. Общій взглядъ на исторію поляковъ, родственныхъ народовъ и великоруссовъ кажется мнѣ правильнымъ. Что издавна понемногу представлялось отдѣльнымъ лицамъ (niejedney glowie), то ты разъяснилъ своими изслѣдованіями почти до очевидности. Я не сомнѣваюсь, что какъ въ этой части твоей «Исторіи», такъ и въ послѣдующихъ ты одинаково успѣшно докажешь свою главную мысль и докажешь ее притомъ на пользу общую и во славу Польши. Не перехожу къ разбору того или другого изъ твоихъ предположеній и мнѣній, потому что не имѣю для того ни мѣста ни времени. Вмѣсто этого предпочитаю присоединить небольшую подробность, которая можетъ пригодиться тебѣ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

«Лѣтъ 25 назадъ гостилъ въ Парижѣ знаменитый русскій поэтъ Гоголь. Съ Мицкевичемъ и со мной, соукраинцемъ (spolukraincem), онъ былъ въ тѣсной дружбѣ (zostawał w scieły zażyloscі). Мы сходились тогда часто по вечерамъ для литературно-политическихъ бесѣдъ.

Конечно, мы говорили болѣе всего о великоруссахъ (moskalach), внушавшихъ отвращеніе (wstretnych) и намъ и ему. Вопросъ о финскомъ ихъ происхожденіи (kwestya finskosci) былъ безпрерывно предметомъ обсужденія. Гоголь подтверждалъ его со всею своею малорусской запальчивостью. Онъ имѣлъ подъ рукой у себя замѣчательные сборники народныхъ пѣсенъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Итакъ, по вопросу о финскомъ происхожденіи великоруссовъ (moskalów) онъ написалъ и читалъ намъ прекрасную статью (wyborne pisemko). Въ ней онъ указывалъ, на основаніи сравненія и детальнаго сопоставленія пѣсенъ чешскихъ, сербскихъ, украинскихъ и т. д. съ великорусскими (moskiewskiemi), бьющія въ глаза отличія въ духѣ, обычаяхъ и въ нравственныхъ взглядахъ (moralnosci) у великоруссовъ и у другихъ славянскихъ народовъ. Для характеристики каждаго человѣческаго чувства (o kazdem uczuciu ludzkiem) онъ подобралъ особую пѣсню: съ одной стороны нашу славянскую, сладостную, нѣжную (słodka, łagodna) и рядомъ великорусскую (moskiewska)—угрюмую, дикую, нерѣдко канибальскую (ponura, dzika, nie rzadko kanibalska), словомъ—чисто финскую. Уважаемый землякъ, ты легко можешь себѣ представить, какъ эта статья искренно обрадовала Мицкевича и меня.

«Много лѣтъ спустя, въ Римѣ я думалъ раздобыть (zażądac) у Гоголя эту параллель... Какова же, однако, судьба этой статьи? Неужели въ посмертномъ собраніи сочиненій Гоголя нѣтъ ничего подобнаго? Она послужила бы прекраснымъ подтвержденіемъ твоихъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ найдется или же не найдется эта статья между сочиненіями Гоголя, и въ настоящее время не трудно составить подобную параллель. Но достойна сожалѣнія утрата многихъ и характерныхъ анекдотовъ о великоруссахъ,—анекдотовъ, которые могъ знать только Гоголь и которые онъ одинъ могъ разсказать съ особымъ, ему свойственнымъ остроуміемъ».

Таково воспоминаніе Залѣскаго о Гоголѣ. Далѣе А. Л. говоритъ:

«Предоставляя знатокамъ біографіи Гоголя подробное его разъясненіе, мы ограничимся въ настоящей замѣткѣ только самымъ краткимъ комментаріемъ. Сближеніе Гоголя съ Богданомъ Залѣскимъ и Мицкевичемъ относится ко времени пребыванія его въ Парижѣ въ 1836 году. Бесѣдовалъ Гоголь съ Залѣскимъ, по свидѣтельству Данилевскаго, чаще всего по-малорусски. (В. И. Шенрокъ: Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III, стр. 166). Дошла до насъ и небольшая

дружеская записка нашего поэта къ Залѣскому, писанная также по-малорусски (Письма Гоголя, Спб. 1902 г., т. 1, стр. 431). Въ письмахъ Гоголя находимъ рядъ сочувственныхъ отзывовъ о Мицкевичѣ. какъ поэтѣ. Дружескія собранія нерѣдко сопровождались юмористическими разсказами Гоголя. По поводу встрѣчи съ разными «комическими» лицами Гоголь «всегда любилъ пошутить или придумывая разныя забавныя положенія, въ которыхъ ярче выступали ихъ комическія стороны, или представляя въ новомъ юмористическомъ освѣщеніи никѣмъ еще незамѣченныя странности». (В. И. Шенрокъ, III, стр. 214).

Приведенныя нами сейчасъ справки указываютъ на то, что внѣшнія обстоятельства въ воспоминаніи Залѣскаго правдоподобны. Нужно думать, однако, что Гоголь разсказывалъ съ обычнымъ юморомъ комическіе эпизоды не только изъ жизни великоруссовъ, но и изъ быта другихъ народностей.

Извѣстная статьи Гоголя «О малороссійскихъ пѣсняхъ», напечатанная впервые въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1834 г. (т. е. до сближенія съ Богданомъ Залѣскимъ), хотя и проникнута горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ поэта, не заключаетъ, однако, въ себѣ ничего, напоминающаго сообщенія поляка-украйнофила. Могъ ли, однако, Гоголь написать статью, содержаніе и характеръ которой изложены Залѣскимъ въ интимномъ письмѣ его къ Духинскому? Мы думаемъ, что подобная статья могла принадлежать перу Гоголя. Впрочемъ, мы заранѣе оговариваемся, что Залѣскій повидимому значительно усилилъ рѣзкость ея.

Дѣло намъ представляется въ такомъ видѣ.

Гоголь, увлекавшійся народной малорусской поэзіей, ставившій ее чрезвычайно высоко, могъ не отдать должнаго поэзіи великорусской, сравнительно мало ему извѣстной. Для изученія малорусскихъ пѣсенъ онъ могъ привлечь уже богатыя тогда собранія пѣсенъ чешскихъ и особенно сербскихъ и довольно скудное количество пѣсенъ великорусскихъ. Выводы по отношенію къ послѣднимъ получались отрицательные, вслѣдствіе незнакомства автора статьи съ богатой по объему и содержанію великорусской лирикой. И конечно характеризовать великорусскую поэзію «дикой, угрюмой» и особенно «канибальской» въ настоящее время невозможно.

Если въ статьѣ Гоголя, о которой говоритъ Залѣскій, и мелькала мысль о превосходствѣ малорусскихъ пѣсенъ по сравненію ихъ съ великорусскими, то она являлась какъ бы отзвукомъ того умѣреннаго украйнофильства, которое можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя особенно въ письмахъ къ его землякамъ.

Для доказательства того, что такое умѣренное украйнофильство не было чуждо Гоголю, мы приведемъ два-три отрывка изъ его писемъ къ М. А. Максимовичу, при чемъ подчеркиваемъ фразы, пропущенныя въ изданіи Кулиша, который повидимому призналъ ихъ довольно рѣзкими.

2 іюля 1833 года Гоголь писалъ Максимовичу. «Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. *Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію да пріѣзжайте въ гетьманщину.* Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы право, какъ разсудишь хорошенько! *Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ?* Ѣдемъ! сколько мы тамъ пособираемъ всякой всячины! все выкопаемъ!» (Письма Гоголя, с. с. т. I, стр. 253—254).

Въ письмѣ отъ 9-го ноября 1833 года читаемъ: «Теперь я принялся за исторію нашей *единственной, бѣдной* Украйны. Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія» (Письма, с. с., I, 263).

Въ декабрѣ 1833 года Гоголь писалъ: «Благодарю тебя за письмо, за мысли въ немъ, за новости и пр. Представь, я то же думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! *Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда ли?* Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины *нашей.* Я работаю, я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края. Тамъ можно обновиться всѣми силами». (Письма Гоголя т. I, стр. 268).

А. А. Савичъ. *(Некрологъ).* 19 іюля скоропостижно скончался бывшій членъ окружного суда въ г. Лубнахъ А. А. Савичъ. Происходя изъ извѣстной дворянской фамиліи полтавской губ., покойный былъ большимъ патріотомъ и почитателемъ родной исторіи, языка и летературы. Будучи любителемъ рѣдкихъ книгъ, А. А. Савичъ имѣлъ громадную библіотеку, которая, къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы его жизни попала въ разныя руки. Покойный занимался литературой и является авторомъ поэмы «Ганнуся», «На Вкраини» (вирши) и др. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, послѣ покойнаго остался богатый литературный матеріалъ въ рукописяхъ и дневникахъ его.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

15 августа состоялось торжественное открытіе XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Печать внимательно слѣдила за подготовительными работами къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ, съ одной стороны знакомя съ тѣмъ, что сдѣлано организаторами съѣзда, съ другой—высказывая desiderata относительно имѣющихъ быть постановленій его, направленныхъ къ охраненію и разработкѣ предметовъ старины и, наконецъ, намѣчая мѣсто будущаго XIII съѣзда археологовъ.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, настоящій археологическій съѣздъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ по богатству и разнообразію матеріала въ различныхъ областяхъ археологіи, исторіи и этнографіи, такъ что выборъ мѣста для настоящаго съѣзда, вопреки опасеніямъ, оказался весьма удачнымъ. Г. Фурманъ, помѣстившій на страницахъ «Спб. Вѣдом.» (№ 212) большую статью «Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Предстоящій харьковскій XII съѣздъ затронетъ цѣлую спеціальную область,—лѣво-бережную Украйну и охватитъ своими изслѣдованіями губерніи: харьковскую, полтавскую, черниговскую, воронежскую, курскую, екатеринославскую, области Войска Донского и кубанскую. Харьковская губ. въ археологическомъ отношеніи изслѣдована чрезвычайно мало; вслѣдствіе этого у многихъ сложилось убѣжденіе, что археологи не соберутъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательной жатвы. Однако, дѣйствительность опровергла эти скептическія предположенія и оправдала надежды глубокаго знатока русской археологіи, проф. В. Б. Антоновича, настойчиво рекомендовавшаго устроить археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, чтобы изслѣдовать по части вещественныхъ памятниковъ степную полосу, находящуюся между бассейнами Днѣпра и Дона. Къ съѣзду подготовленъ рядъ спеціальныхъ работъ, совершались экскурсіи, раскопки и пр.».

Давъ общій обзоръ результатовъ раскопокъ, произведенныхъ въ различныхъ уѣздахъ харьковской губерніи г.г. Багалѣемъ, Рѣдинымъ, Грифильевымъ, Покровскимъ, Городцовымъ, Мельникъ и др., авторъ статьи особенно отмѣчаетъ наиболѣе богатые результаты раскопокъ

Верхне-Салтовскаго могильника въ волчанскомъ у., открытаго учителемъ мѣстнаго народнаго училища Бабенкомъ. Верхне-Салтовскому могильнику, по мнѣнію г. Фурмана, придется сыграть видную роль въ русской археологіи.

—

Къ съѣзду въ аудиторіяхъ и актовомъ залѣ университета устроена выставка, состоящая изъ восьми отдѣловъ: древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, церковныхъ древностей, историческихъ древностей, нумизматики, отдѣлъ этнографическій, старопечатныхъ книгъ, рукописей и картографическій. Особенно богаты два отдѣла: историческій и этнографическій. Историческій помѣщается въ семи аудиторіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ особое вниманіе обращаютъ на себя слѣдующіе предметы: рѣдкій портретъ Надаржинскаго (присланъ изъ Ахтырскаго монастыря), основателя троицк. церк., духовника Петра I; богатая коллекція оружія, составленна изъ предметовъ, присланныхъ: Олейнинымъ, Ткаченко (изъ Чугуева), Дзяковичемъ изъ Севастополя, св. Синельниковымъ изъ Кременчуга; въ этой коллекціи находится гетманская булава съ портретомъ Алексѣя Михайловича и гербами малороссійскихъ губерній (служила печатью). Здѣсь же выставлены: рѣдкая коллекція оружія, вывезенная изъ Осетіи М. М. Ковалевскимъ, снимокъ съ карты харьковскаго намѣстничества 1786 г., подъ нимъ помѣщены виды Харькова въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., фот. Досѣкина, портретъ миѳическаго основателя г. Харькова—Харитона или Хорька и большая гравюра (найдена въ разорваномъ видѣ въ Полтавѣ и склеена проф. Е. К. Рѣдинымъ), изображающая Полтавскую битву, съ подробной реляціей внизу. Надпись на картинѣ имѣется слѣдующая: «Богомъ данному, Богомъ вѣнчанному, Богомъ хранимому, пресвѣтлѣйшему и великодержавнѣйшему Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея Велик. и Мал. и Бѣлой Россіи Самодержцу и проч., и проч. Православія поборнику, царства защитнику и расширителю, Малой Россіи Свободителю, гордыхъ супостатъ нашихъ Преславному Побѣдителю, Дапобѣжденіемъ Льва Свѣйскаго, изобразившему въ себѣ Самсона, Давида, Даніила, отцу отечества нашего, Царю и Воину непобѣдимому, въ незабвенную память преславной его надъ свѣйскими войсками побѣды, принесе его Царскому Священнѣйшему Величеству нижайшій слуга и недостойный богомолецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, училищъ кіевскихъ префектъ».

На первомъ планѣ картины—конная фигура Петра, а надъ нимъ ангелъ, вѣнчающій его вѣнкомъ и трубящій въ рогъ съ надписью: «Услышите сыя вси языцы, внушите вси живущыи поселенной». Картина эта была совсѣмъ неизвѣстна и не упоминается въ словарѣ у Ровинскаго. Тутъ же выставлены: рядъ портретовъ гетмановъ Малороссіи—Ивана Мазепы, Самойловича, Разумовскаго, Апостола, Полуботка, Скоропадскаго, Выговскаго, Брюховецкаго, Хмѣльницкихъ. Портретъ перваго ректора харьковскаго университета—Ивана Степановича Рижскаго (ректоромъ былъ съ 1805 г. по 1811 г., годъ смерти), портреты профессоровъ, писателей (Сковороды имѣется 6 портретовъ). Изъ памятниковъ искусства здѣсь помѣщенъ рядъ картинъ изъ церкви села Савенецъ, изюмскаго уѣзда, бывшаго помѣстья Самборскаго, духовника Павла I (былъ священникомъ посольства въ Англіи, женатъ на англичанкѣ,—на выставкѣ имѣется ея портретъ,—одно время надзиралъ за школой земледѣлія на дачѣ Бѣлозеркѣ, близъ Царскаго Села, занимался сельскимъ хозяйствомъ; имѣется на выставкѣ картина, изображающая, какъ онъ, снявъ ордена и повѣсивъ ихъ на дерево, показываетъ крестьянамъ употребленіе новаго плуга); коллекція англійскихъ гравюръ конца 18-го вѣка изъ усадьбы Стратиловки, имѣнія Хаджопула, наслѣд. Самборскаго, потомъ Палицына, литератора и ученаго начала 19-го вѣка, почетнаго члена харьковскаго университета въ первыя 10-лѣтія, снимокъ съ его имѣнія «Поповка» этой академіи наукъ—«Видъ моей пустыни». Этотъ Палицынъ покровительствовалъ талантливому архитектору Николаю Алферову, нѣсколько картинъ котораго находится на выставкѣ, въ томъ числѣ видъ пустыни и проектъ памятника Палицыну; изображеніе запорожца, играющаго на бандурѣ (все это относится къ отдѣлу мѣстной старины), и портретъ Шевченка, его собственной работы съ надписью: «та нема гирше такъ никому, якъ бурлаци молодому». Изъ выставокъ древностей—золотой поясъ Самойловича изъ села Казацкаго курской губ., изъ церкви, гдѣ много жертвовано гетманомъ; трубки малороссійскія, цѣнная коллекція вещей запорожской старины—мѣдныя чернильницы, трубки, бокальчики, бумажники, шитые шелками, большой бокалъ половины конца 18-го в.; изъ древнихъ вещей—водолей въ видѣ всадника въ рыцарскомъ костюмѣ, западной работы 12-го вѣка, найденный въ Кочеткѣ, зміев. уѣзда, возлѣ Донца; рядъ грамотъ, изъ нихъ особенно выдѣляются: грамота на дворянство (написанная на пергаментѣ), выданная послѣднему кошевому І. С. Гладкому Нико-

лаемъ I-мъ, и выданная Анной Іоанновной харьковскому коллегіуму на учрежденіе (1731 г.).

Въ остальныхъ аудиторіяхъ выставлены: оригиналы портретовъ харьковскихъ и бѣлгородскихъ архіереевъ изъ коллекціи харьковской духовной семинаріи, портреты первыхъ дѣятелей харьковскаго коллегіума—прот. Шванскаго, Іова, епископа переяславскаго, Симона Тодорскаго и много другихъ портретовъ разныхъ ученыхъ харьк. коллегіума.

Въ отдѣлѣ церковныхъ памятниковъ масса иконъ и предметовъ церковнаго употребленія: чаши, вѣнцы, рипиды, блюда, кадила и т. п. Иконы—исключительно XVIII в.,—характернаго для южно-русск. церк. живописи—доставлены изъ селъ и городовъ харьков. губ. (немного изъ кур. и екатерин. губ.). Есть церковная старина запорожская, присланная изъ собора гор. Никополя, куда попала по закрытіи послѣдней запорожской церкви: напр., аналогій, украшенный перламутромъ, черепахой и костью; евангеліе, отдѣланное позолоченнымъ серебромъ; ризы, плащаница, съ слѣдующей надписью вышитою золотыми буквами: «Сія плащаница раба Божія Ивана Горкуши куреня Тимошевскаго». Среди мелкихъ вещей есть нѣсколько весьма любопытныхъ и интересныхъ, напр., символическая картина: изображеніе распятія расцвѣтшаго, Христосъ-недреманное око, икона на побѣды Петра I (взятіе Азова и Кизикирмена). Много есть кипарисовыхъ крестовъ; замѣчательна коллекція оловянныхъ чашъ и разнообразныхъ вѣнцовъ, начиная съ простого образа и кончая позолоченнымъ вѣнцомъ. Имѣются иконы на полотнѣ, царскія двери; очень интересны статуи Христа въ терновомъ вѣнцѣ (изъ собора г. Старобѣльска), распятаго, и пр. Здѣсь же — масса одеждъ церковныхъ, плащаницъ, воздуховъ, кипарисовыхъ, отдѣланныхъ въ серебро, запорожскихъ крестовъ. Выставлена масса (до 400 снимковъ) фотографій церковныхъ древностей харьк. епархіи, снятыхъ проф. Е. К. Рѣдинымъ во время его экскурсій 1900—1901 гг.

Къ выставкѣ обѣщано прислать чрезвычайно богатую коллекцію славянскихъ древностей великокняжеской эпохи, принадлежащую В. Н. и Б. И. Ханенко. Она состоитъ изъ предметовъ, найденныхъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Особенно выдается одинъ кладъ, найденный въ прошломъ году подлѣ Кіева, за который В. Н. и Б. И. Ханенко заплатили 25,000 рублей. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: золотая эмалированная діадема, украшенная драгоцѣнными

камнями и жемчугомъ, нѣсколько золотыхъ эмалированныхъ образковъ, золотое, украшенное эмалью ожерелье, 3 золотыя гривны, изъ которыхъ одна по своему типу представляетъ unicum, два золотыхъ эмалированныхъ колта (наушныя подвѣски), по своимъ размѣрамъ, являющіеся единственными изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, много другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Діадема въ средней своей части имѣетъ изображеніе Александра Македонскаго (поясное), возносимаго грифонами къ небу. Кладъ этотъ найденъ въ 2 глиняныхъ сосудахъ. Всѣ эти украшенія по единогласному опредѣленію археологовъ, безусловно принадлежали одному изъ кіевскихъ великихъ князей. Кромѣ того, изъ коллекціи, принадлежащей В. Н. и Б. И. Ханенко, будетъ выставлено много предметовъ великокняжеской же эпохи. Среди нихъ особенно интересно большое бронзовое позолоченное блюдо съ рѣзнымъ изображеніемъ Іисуса Христа.

Г. Гугель выставлено 19 ящиковъ прекрасно подобранныхъ ольвійскихъ ожерелій.

Этнографическій отдѣлъ раздѣляется на 20 частей:

1) Посвящена жилищу и вообще постройкамъ; между прочимъ, выстроена малороссійская хата съ полной обстановкой, какъ-то: печью съ лежанкой, пилъ (помость-кровать), люлькой, скрыней, по стѣнамъ рушники и шпалеры, посуда, мисникъ, пряха, дымарь, комора. Во дворѣ ея модели хатъ, рыболовныя принадлежности, выдолбленные челны, пасѣка; имѣется масса фотографій жилищъ харьк., полтавск., екатеринос. и черниговъ. губ.

2) Домашняя утварь, посуда, предметы освѣщенія и другія хозяйственныя принадлежности.

3) Манекены: a) малоруссовъ, b) великоруссовъ, c) одежда—гоголовные уборы малорусскіе и великорусскіе; верхняя одежда: плахты, запаски, килимы, пояса и т. п., обувь.

4) Земледѣліе—орудія обработки полей.

5) Пчеловодство и домашнее изготовленіе восковыхъ свѣчей.

6) Рыболовныя снасти.

7) Издѣлія изъ дерева—бондарство.

8) Гончарныя издѣлія.

9) Выбойныя издѣлія.

10) Ткачество, коцарство (вымершій въ харьк. губ. промыселъ) и шерстобойство.

11) Ковальство—чеботарство.

12) Золотарство.

13) Народное искусство—орнаментъ, писанки (богатая коллекція проф. Сумцова) и вышивки.

14) Ритуалъ—свадьба и музыка.

15) Народная медицина (масса лѣкарственныхъ травъ).

16) Дѣтскія игрушки.

17) Чабанскія принадлежности, предметы куренія и нюханія табаку.

18. 19 и 20) Фотографіи, картины и литература.

—

«Харьк. Губ. Вѣд.» (№ 202), описывая ходъ подготовительныхъ работъ по устройству съѣзда, перечисляютъ рядъ драгоцѣнныхъ и интересныхъ коллекцій, поступившихъ на выставку отъ различныхъ лицъ и учрежденій, при чемъ упоминаютъ о томъ, что на выставкѣ составятъ особый отдѣлъ новѣйшія картины на историческія темы. Между прочимъ здѣсь выставлено нѣсколько картинъ академика Васильковскаго, представляющихъ памятники Запорожья и громадная картина художника Чирко «Карлъ XII и Мазепа въ Чигиринѣ». О картографическомъ отдѣлѣ «Харк. В.» говорятъ, что онъ также обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Въ основу его будетъ положена богатѣйшая коллекція старинныхъ атласовъ, картъ, плановъ, относящихся къ району съѣзда и присылаемыхъ съ особо командируемымъ лицомъ главнымъ военнымъ штабомъ въ Петербургѣ; одни изъ нихъ относящіеся къ бывшей Слободской Украинѣ, другіе—Малороссіи, третьи—Запорожью и Новороссіи и т. д. Нѣсколько замѣчательныхъ чертежей XVII в. доставлено моск. архивомъ мин. юст. (въ томъ числѣ планъ Святогорскаго мон. XVII в.). Есть любопытныя карты, принадлежащія университетской библіотекѣ и историко-филологическому Обществу. Для жителей нашего края будутъ интересны старинныя карты харьковщины, планы Харькова и другихъ городовъ губерніи. Лица, занимающіяся исторіей сосѣднихъ областей, также найдутъ здѣсь для себя новые и важные источники.

Изъ того же военно-ученаго архива поступило много рукописей, относящихся къ исторіи Малороссіи и Слободской Украйны.

—

Харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, вмѣстѣ съ изданіями по энтографіи, обычному праву и по другимъ предметамъ, переданъ предварительномукомитету по устройству XII археоло-

гическаго съѣзда и этнографической выставки составленный секретаремъ комитета В. В. Ивановымъ гербаріумъ по народной медицинѣ въ губерніи. Въ немъ собраны травы, которыми лѣчатъ наши знахари и знахарки или бабки. Спеціальная часть этого гербаріума, касающаяся лѣченія бѣшенства, была передана въ свое время профессору П. А. Гордѣеву и будетъ имъ возвращена для приложенія къ общему гербаріуму. Кромѣ коллекціи харьковскаго статистическаго комитета, на выставкѣ бдуетъ фигурировать еще коллекція г-жи Радаковой, касающаяся екатеринославской губерніи. («Придн. Кр.», 1528).

—

Членъ-сотрудникъ с.-петербургскаго археологическаго института В. Апухтинъ произвелъ раскопки обширнаго могильника, тянущагося на сѣверо-востокъ онъ станицы Горячеводской по берегу рѣки Подкумка. Разрыто г. Апухтинымъ до 40 кургановъ. О результатѣ раскопокъ будетъ подробно доложено имъ на съѣздѣ, а пока г. Апухтинъ сообщилъ «Южн. Краю» (№ 7458) слѣдующія свѣдѣнія. Курганы до 2-хъ аршинъ высоты имѣли погребеніе на материкѣ, костяки засыпаны были пескомъ, смѣшаннымъ съ гравіемъ, и огорожены со всѣхъ 4 сторонъ тоненькими брусьями и покрывались сверху тоненькою же доской. Въ лѣвой рукѣ каждаго мужского костяка лежали ножи (то длинные, то короткіе, широкіе или узкіе).

Въ ногахъ нѣкоторыхъ огниво для высѣканія, пряжки. У правой руки жемчужныя стрѣлки, костяныя привѣски. Съ правой стороны костяка кургана № 29 отрыта кривая шашка длиною $1^{3}/_{4}$ арш. и бронзовый мечъ. Женскіе костяки имѣли близъ череповъ бронзовыя серьги, кольца, привѣски костяныя. Въ ногахъ ножницы для стрижки овецъ и желѣзныя шильца и веретена. Въ курганѣ № 10 подняты остатки ткани 2-хъ сортовъ, перевитыя зеленоватымъ шнуромъ. Курганы до 5-ти арш. высоты имѣли погребеніе въ грунтовыхъ ямахъ на 3 арш. ниже уровня материка. Могила обкладывалась большими камнями на 1 арш., костякъ засыпался рѣчнымъ пескомъ съ валунами, а затѣмъ на 2 арш. до уровня материка забрасывался большими камнями. Въ головахъ стоялъ сосудъ изъ глины съ чуднымъ орнаментомъ, 3 маленькихъ сосудика, свѣтильникъ, колонки изъ алебастра. Съ лѣвой стороны костяка лежали двѣ шпильки, одна бронзовая, другая каменная, въ костяномъ футлярѣ и бронзовый маленькій сосудикъ.

Другой могильникъ расположенъ близъ аула *Канглы*, александровскаго уѣзда, ставропольской губ.; погребеніе здѣсь оказалось иное Курганы до 2 аршинъ высоты имѣли погребеніе въ ямѣ на 1 арш. глубины. Подстилкой служила береста. Костякъ кургана № 2 былъ весь покрытъ истлѣвшей шелковой тканью. Удалось собрать нѣсколько кусковъ. Во всѣхъ курганахъ при мужскихъ костякахъ оказались стремена съ широкой подножкой и весь конскій наборъ и пряжки. Въ лѣвой рукѣ сосудикъ изъ бронзы, покрытый желѣзной крышкой и скипѣвшимъ желѣзомъ. У праваго локтя поднята костяная привѣска.

—

Обращаясь къ статьямъ, посвященнымъ XII археологическому съѣзду, въ которыхъ намѣчаются, desiderata, мы должны прежде всего отмѣтить статью г. Мельгунова, помѣщенную на страницахъ «Рус. Вѣдомостей» (№ 222) относительно выработки мѣръ для сохраненія памятниковъ старины. Авторъ статьи съ чувствомъ вполнѣ понятной горечи говоритъ, что «хотя вопросъ о способахъ и средствахъ къ охраненію предметовъ отдаленной старины возбуждался еще въ XVII столѣтіи, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (охрана церковныхъ древностей), и подтверждался не разъ уже указами XVIII и XIX столѣтій, однако и теперь еще, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, лучшіе и самые древніе памятники русскаго прошлаго гибнутъ въ немаломъ количествѣ отъ ветхости и небрежнаго къ нимъ отношенія даже въ наиболѣе культурныхъ центрахъ, не говоря уже о захолустныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Если бы собрать въ одно цѣлое всѣ разрозненные факты, сообщаемые чуть ли не ежедневно по этому поводу періодическою прессой, то получилась бы яркая и печальная картина разрушенія. Если слова, сказанныя тридцать лѣтъ тому назадъ Погодинымъ, что «наша отечественная археологія только тогда начнетъ разрабатывать свои памятники, когда бо́льшая часть ихъ будетъ истреблена», къ счастью, не оправдались въ дѣйствительности, то извѣстная доля горькой истины, выраженной словами историка, и понынѣ сохранила свою силу». И въ подтвержденіе сказаннаго приводитъ цѣлый рядъ фактовъ послѣдняго времени, оглашенныхъ въ печати поразительно-варварскаго отношенія къ предметамъ старины, несмотря на несомнѣнно плодотворную дѣятельность археологическихъ обществъ, архивныхъ комиссій, епархіальныхъ древне-хранилищъ и коммиссій, областныхъ и всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, несмотря, наконецъ, на существованіе спеціальнаго закона по данному предмету (11 марта 1889 г.).

Особенно часто подвергаются искаженію и даже совершенной гибели памятники церковной старины. Г. Рклицкій въ статьѣ «Погибающая старина» («Донская Рѣчь») указываетъ на то, что провинціальное духовенство, «боясь всякихъ отношеній, заявленій и другихъ бумагъ», обставляетъ дѣло такъ, «чтобы подъ видомъ незначительной передѣлки, ремонта получить простое разрѣшеніе изъ мѣстной консисторіи и постараться не безпокоить епархіальнаго архитектора». И подъ видомъ ремонта церковь перестраивается заново. Характерный случай приводитъ авторъ этой статьи изъ практики духовенства на его родинѣ. «Въ одной изъ древнихъ церквей обнаружены были фрески при перестройкѣ и... ихъ поскорѣе уничтожили во избѣжаніе лишней возни». Тамъ же, въ старыхъ церквахъ, «сохранились кое-гдѣ отдаленые слѣды католическаго вліянія въ видѣ художественныхъ изображеній страждущаго Христа, Богоматери съ мечомъ у сердца». Изъ побужденій «высшаго порядка»,—говоритъ авторъ,—все это уничтожается. Подвергается безпощадному уничтоженію старинная церковная утварь, какъ только она съ разрѣшенія высшаго начальства за ветхостью исключается изъ описи. Такимъ образомъ въ самое послѣднее время безвозвратно погибли памятники церковной старины въ Рязани, Костромѣ, Зарайскѣ и др. городахъ.

Къ перечисленнымъ авторомъ статьи фактамъ варварскаго уничтоженія памятниковъ древности мы можемъ прибавить еще одинъ, оглашенный въ печати на дняхъ («Харьк. Вѣд.» № 213) фактъ уничтоженія въ м. Никополѣ старинной запорожской церкви, описанной пр. Эварницкимъ и постройки на мѣстѣ ея новой. шаблонной.—«Да что-же?—разспрашивалъ авторъ замѣтки—валилась прежняя, что-ли?—Нѣтъ, просто купцы пожелали... народъ простой плакалъ, когда разбирали запорожскую святыню. Если любопытствуете, то иконостасъ и иконы сложены у старосты». Автору замѣтки показали домъ старосты.

«Много весьма интереснаго и своеобразнаго пришлось—говоритъ авторъ—видѣть въ устройствѣ царскихъ вратъ, діаконскихъ дверей и пр.; очень оригинальны были иконы и въ особености одна—«Въ началѣ бѣ Слово», превосходная по замыслу и наивности его толкованія, которая нашла-бы мѣсто въ любомъ музеѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что изъ остатковъ матеріала хотѣли соорудить вновь церковь на Чортомлыкѣ, который поэтому случаю предполагалось переименовать въ «Богомлыкъ» (sic).

Сооружена ли тамъ, въ этомъ пресловутомъ «Богомлыкѣ» церковь, что сохранено и уцѣлѣло отъ древней запорожской церкви,—неизвѣстно. Разрушеніе и уничтоженіе такого историческаго памятника, какъ древняя запорожская церковь, въ то время, когда археологическіе съѣзды и ученые археологи такъ заботятся и хлопочутъ о сохраненіи каждой ничтожной мелочи памятника прошлаго—явленіе достойное серьезнаго вниманія тѣхъ же археологическихъ съѣздовъ. Нѣтъ ли способовъ умѣрить такой безсознательный вандализмъ? Сколько вѣдь храмовъ и цѣнныхъ памятниковъ родной старины гибнетъ отъ него?»

Далѣе авторъ той же замѣтки въ «Харьк. Вѣд.» обращается за содѣйствіемъ къ обществу для разысканія дневника Крекшина.

«Въ словарѣ Брокгауза помѣщена коротенькая біографія Крекшина и прибавлено, что его знаменитый дневникъ утраченъ—говоритъ авторъ. Совершенно случайно одинъ изъ томовъ дневника Крекшина, касающійся похода Петра Великаго противъ шведовъ и славной Полтавской «баталіи», былъ мною пріобрѣтенъ въ д. Корульки изюмскаго уѣзда, въ мѣстной лавочкѣ. Изъ разспросовъ оказалось, что въ библіотекѣ мѣстнаго изюмскаго старожила Ив. Ал. Свѣта, бывшаго старосты или полковника военныхъ поселеній, было очень много подобныхъ по внѣшнему виду, книгъ. Возможно, что это были послѣдующіе томы исчезнувшаго дневника. За смертью полк. Свѣта, его имущество перешло къ какимъ то дальнимъ родственникамъ и какая судьба постигла эти книги—мнѣ неизвѣстно. Очень можетъ быть, что ненужный старый хламъ пошелъ на обертку сельдей и «цыгаркы»; это вѣроятнѣе всего. Но, можетъ быть, эти строки прочтетъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кому попали эти книги и онѣ перейдутъ снова къ ожидающему ихъ тому «великославныхъ дѣлъ Петра Великаго», который мною переданъ уважаемому проф. Д. И. Багалѣю, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, книга эта была передана въ фундаментальную библіотеку харьковскаго университета».

Наконецъ, г. Мельгуновъ обращаетъ вниманіе общества на весьма обычный фактъ жалкаго состоянія памятниковъ на могилахъ представителей науки и литературы и для иллюстраціи указываетъ на совершенно затерянную могилу украинскаго поэта и этнографа И. Манжуры, на испещреніе памятниковъ на Волковомъ кладбищѣ циничными надписями.

Въ заключеніе своей статьи г. Мельгуновъ говоритъ: «въ высшей степени желательно, чтобы настоящій XII-й археологическій

съѣздъ въ Харьковѣ какъ можно серьезнѣе отнесся къ одной изъ своихъ существенныхъ задачъ. Въ отношеніи выработки мѣръ къ охранѣ памятниковъ старины харьковскій съѣздъ займетъ исключительное положеніе. На предъидущемъ кіевскомъ XI археологическомъ съѣздѣ вопросъ объ охранѣ древностей былъ особенно выдвинутъ; на съѣздѣ, между прочимъ, былъ предложенъ проектъ цѣлой системы такой охраны, которая возлагалась на археологическія общества подъ общимъ руководствомъ московскаго археологическаго Общества. На харьковскомъ съѣздѣ и долженъ быть рѣшенъ этотъ вопросъ. Если настоящій съѣздъ и не успѣетъ выработать окончательную форму охраны памятниковъ старины, которая гарантировала бы вполнѣ ихъ неприкосновенность, то будемъ надѣяться, по крайней мѣрѣ, что онъ внесетъ свою посильную лепту въ это дѣло и въ лѣтописи русской археологіи навсегда будетъ вычеркнута нелестная характеристика отношенія русскаго общества къ остаткамъ своего родного прошлаго, сдѣланная на предыдущемъ археологическомъ съѣздѣ, на которомъ вопросъ объ охранѣ памятниковъ старины былъ названъ «давно наболѣвшимъ и самымъ постыднымъ въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства».

Авторъ статьи, напечатанной въ № 151 «Курск. Вѣдом.», говоря о съѣздѣ, приглашаетъ провинціальную печать высказаться по вопросу, поднимавшемуся на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, затрагивающему научные интересы провинціи, именно по вопросу о сосредоточеніи въ нѣкоторыхъ центрахъ провинціальныхъ архивовъ. Не соглашаясь съ этимъ проектомъ, авторъ статьи горячо отстаиваетъ права провинціи на архивныя достоянія. «Архивы каждой мѣстности, говоритъ онъ, какъ собраніе такихъ или иныхъ показаній и свидѣтельствъ о мѣстномъ прошломъ, безусловно должны находиться именно въ этой мѣстности въ полномъ своемъ составѣ и навсегда. Если что-либо изъ нихъ необходимо для того или другого центра, то при желаніи всегда возможно снять съ мѣстныхъ документовъ копіи. Если въ прежнее, довольно отдаленное отъ насъ время поступали иначе и въ центры свозили архивные документы изъ провинціи, то это нисколько не убѣдительно для нашего времени: тогда, во-первыхъ, былъ совсѣмъ другой взглядъ на вещи, вызываемый состояніемъ исторической науки того времени и, что главнѣе всего, отсутствіемъ мѣстно-историческаго изученія въ нашей провинціи и мѣстно-историческихъ

учрежденій и изслѣдователей. Не обинуясь скажемъ, что бывшее давнымъ-давно сосредоточеніе провинціальныхъ архивовъ старины въ центрахъ заслуживаетъ, не смотря на свою ненаучность, полной благодарности. Этимъ мѣропріятіемъ было сохранено то, что при иныхъ условіяхъ, могло быть утрачено. Но развѣ это резонъ для нашего времени, о провинціальной научной любознательности котораго прежде всего свидѣтельствуетъ успѣхъ археологическихъ съѣздовъ (имѣемъ въ виду численность съѣзжающихся провинціальныхъ дѣятелей, несущихъ свои труды на съѣзды). Свидѣтельствуетъ объ этомъ и многое другое. И вдругъ въ такое время раздаются громкіе голоса, требующіе того, чтобы провинція и ея дѣятели были лишены матеріала для своихъ работъ. Намъ могутъ сказать: пожалуйте въ центры и тамъ работайте. Но въ 90 случаяхъ изъ сотни это оказывается невозможнымъ. Насколько мы знаемъ, мѣстно-историческіе дѣятели заняты службою и другими дѣлами, которыми они, по просту говоря, снискиваютъ себѣ и семействамъ своимъ пропитаніе, а досуги посвящаютъ научной работѣ, которая по крупинкамъ и мелочамъ, мало-по-малу созидаетъ большее и важнѣйшее. Что же будетъ, если основной матеріалъ для работы перенесутъ въ болѣе или менѣе отдаленные центры? Провинціальные труженики лишатся возможности работы, а въ центрахъ матеріалъ, чего добраго, десятки лѣтъ будетъ лежать безъ движенія. Нормально ли это? Мы, напр., знаемъ одного провинціальнаго любителя мѣстной исторіи, который напечаталъ около 200 статей и замѣтокъ по своей спеціальности; довольно многія изъ нихъ вызвали сочувственные отзывы критики; но если бы для него условіемъ работы было поставлено работать въ центрахъ, онъ не могъ бы дать и одной строчки, за неимѣніемъ средствъ и возможности оторваться отъ службы, ѣхать и жить въ центрѣ. Мы увѣрены, что читатели могутъ указать множество подобныхъ примѣровъ. Трудно себѣ представить, что будетъ и что станетъ, когда, напр., изъ какого-либо города вывезутъ всѣ болѣе или менѣе старинныя бумаги въ предназначенный для того центръ. Надъ чѣмъ тогда работать? Гдѣ брать матеріалъ? А ѣхать въ центръ— нѣтъ ни средствъ, ни времени. Какъ легко у насъ забывается та истина, что мелкіе, незамѣтные труженики (да простятъ они намъ это выраженіе!), зачастую не имѣющіе никакой возможности попадать на съѣзды,—они то и горячо работаютъ на пользу мѣстной исторіи и приносятъ свою долю пользы, «не требуя наградъ за подвигъ благородный»... Удалите отъ нихъ собранія стариннаго матеріала—и они

очутятся въ положеніи рыбы, вынутой изъ воды и брошенной на песокъ. По нашему мнѣнію, предъ однимъ этимъ фактомъ блѣднѣютъ всѣ доводы нѣкоторыхъ ученыхъ, которые желаютъ сосредоточенія архивнаго матеріала въ центрахъ, какъ бы эти доводы ни были убѣдительны съ разныхъ точекъ зрѣнія. Три года тому назадъ у насъ въ Курскѣ бѣднячокъ-любитель мѣсяцевъ пять просидѣлъ въ одномъ изъ курскихъ архивовъ, собирая матеріалъ для характеристики одного замѣтнаго мѣстнаго дѣятеля. Собралъ онъ матеріалъ, составилъ статью, которая и была помѣщена въ одномъ изъ столичныхъ изданій, и на время пріостановился въ своей дѣятельности. Могла ли бы однако появиться статья этого почтеннаго любителя, если-бы ему сказали—для составленія ея пожалуйте въ Харьковъ. А у него ежедневная служба, и въ архивъ и изъ архива онъ ходилъ, боясь истратить пятачокъ на трамвай, по три версты пѣшкомъ, не взирая ни на жару, ни на морозъ! Въ каждой мѣстности есть своя (какая бы то ни была) флора и каждый любитель-ботаникъ можетъ изучить ее—какъ угодно. Ну, а представимъ себѣ, что всю мѣстную флору перенесли въ центры:—каково бы стало положеніе любителей ботаниковъ? Къ тому ведутъ любителей мѣстнаго прошлаго».

По вопросу о мѣстѣ будущаго XIII археологическаго съѣзда первымъ высказался «Приднѣпр. Край» (№ 1557), настаивая на томъ, чтобы будущій съѣздъ состоялся въ Екатеринославѣ. «Второй разъ, говоритъ газета, засѣдаетъ археологическій съѣздъ въ предѣлахъ Украйны, столь богатой историческими воспоминаніями. Онъ засѣдалъ въ стольномъ Кіевѣ, а сегодня открываетъ свои засѣданія въ другой украинской столицѣ—въ Харьковѣ. Циклъ не будетъ завершенъ и работы археологовъ въ Украйнѣ нельзя будетъ считать законченными, если слѣдующій съѣздъ минуетъ Екатеринославъ и историческое Запорожье.

Запорожьемъ держалась Украйна еще съ той поры, какъ тутъ пролегалъ древній путь «изъ Варяговъ въ Греки», описанный въ трудахъ императора Константина Багрянороднаго. Тогда наши пороги носили двойныя имена—славянскія и «рускія». До сихъ поръ неизвѣстно, какому племени принадлежалъ этотъ языкъ, который императоръ Константинъ называетъ «рускимъ». Названія, записанныя греческими литерами, не дали достаточной почвы для обоснованнаго научнаго изслѣдованія, и этотъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ и доселѣ.

Если не для его разрѣшенія, то для изслѣдованія древняго торговаго пути, окаймленнаго цѣлыми рядами кургановъ и могильниковъ, для изслѣдованія болѣе близкой къ намъ козачьей старины,—чѣмъ и завершатся археологическія занятія въ Украйнѣ,—слѣдующій съѣздъ необходимо было бы созвать именно въ Екатеринославѣ. Мѣстные изслѣдователи Запорожья и его древностей оказали бы ему все свое содѣйствіе, городъ, съ своей стороны, сдѣлалъ бы все возможное для облегченія задачи съѣзда, такъ же какъ и земство, и губернскія власти. Екатеринославское научное общество съ многочисленными членами приняло бы на себя предварительную подготовку работъ, совмѣстно съ членами организаціоннаго комитета, и обширное и хорошо приспособленное помѣщеніе екатеринославскаго горнаго института, конечно, предоставлено было бы въ распоряженіе съѣзда для его занятій. Интересъ же нашего Запорожья настолько великъ и, въ археологическомъ отношеніи, оно такъ мало изслѣдовано, что уже это одно вызываетъ необходимость созыва съѣзда именно въ Екатеринославѣ.

Привѣтствуя археологическій съѣздъ въ день открытія его занятій, мы позволяемъ себѣ выразить надежду, что слѣдующій съѣздъ мы будемъ привѣтствовать здѣсь, въ нашемъ городѣ, у начала великаго пути, по которому русскіе князья нѣкогда ходили воевать Византію».

—

Совершенно непонятнымъ является сообщеніе прессы, что иностранные депутаты отсутствуютъ на археологическомъ съѣздѣ, благодаря тому, что имъ не было послано приглашенія, и единственное лицо, прибывшее изъ-за границы, будетъ на съѣздѣ въ качествѣ его члена. («Южн. Кр.», 7465).

Текущія извѣстія.

Народное творчество въ Малороссіи и попытки сохраненія памятниковъ этого творчества. Г. Оленичемъ-Гнененко помѣщенъ въ «Южномъ Краѣ» (№№ 7457—7460) рядъ очерковъ, въ которыхъ онъ бѣгло и въ общихъ чертахъ слѣдитъ за судьбою народной творческой мысли въ связи съ историческими и соціально-экономическими фактами и смѣнами явленій, происшедшими

въ исторіи украинскаго народа, начиная съ половины XVI в. до нашихъ дней. XVI—XVII в.в. были періодомъ найвысшаго расцвѣта народной творческой мысли вслѣдствіе необыкновеннаго подъема народнаго духа во всей Украинѣ. Съ концомъ перваго періода страшной борьбы народа за свободу начинается упадокъ народнаго творчества. Украина освобождается отъ ига польскаго и пріобрѣтаетъ сильнаго союзника въ лицѣ Московской Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается разочарованіе народной массы въ своихъ любимыхъ герояхъ вслѣдствіе выясненія разлада между козачествомъ и народомъ, интересами козацкой старшины и народной массы, и народное творчество даже отказывается отъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ героевъ, считая ихъ недостойными памяти за измѣну общему дѣлу. Недовольный народъ не почтилъ пѣсней даже такихъ героевъ, какъ Богунъ и Сирко. не сумѣвъ отдѣлить ихъ дѣятельность отъ общихъ дѣяній массы. Помимо этого, на творческую мысль народа оказали вліяніе измѣнившіяся условія жизни въ лѣвобережной Украинѣ въ сторону развитія торговли и промысловъ, благодаря наступленью сравнительно мирной жизни, и въ народѣ послышались новыя пѣсни, воспѣвающія приключенія чумаковъ; потеря связи между кобзарской поэзіей и народной увеличилась еще болѣе. «Но вотъ послѣднимъ аккордомъ разорванной струны, говоритъ авторъ, прозвучало жалобное «руйнованя Сичи»—и кобзарское творчество смолкло. Необыкновенный подъемъ народнаго духа на правомъ берегу Днѣпра, выразившійся въ формѣ «Коліивщыны», далъ пищу кобзарскому творчеству. Наконецъ, общая во всѣхъ направленіяхъ жизнь украинскаго народа съ великорусскимъ, сдѣлавшая его интересы общими съ интересами всего русскаго народа, повела къ совершенному почти исчезновенію кобзарскаго творчества, такъ что одно время Остапа Вересая считали послѣднимъ представителемъ кобзарскаго искусства»; но кобзари еще существуютъ, и авторъ довольно подробно разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ двумя кобзарями.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ пѣснямъ, сложившимся въ народѣ подъ вліяніемъ измѣнявшихся формъ соціально-экономическаго строя жизни, къ пѣснямъ о «панщинѣ», о «волѣ» и, наконецъ, останавливается на пѣсняхъ новѣйшаго времени, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ народнаго творчества подъ вліяніемъ порчи нравовъ и фабрично-шахтерской цивилизаціи. Но авторъ вѣритъ, «что распространеніе образованія въ средѣ народной расширитъ умственный круго-

зоръ народа и его вдохновеніе забьетъ свѣжей струей, тѣмъ болѣе, что въ экономической жизни его появилась новая сторона, затрагивающая самыя живыя струны крестьянской души».

—

Въ то время, какъ г Оленичъ-Гнененко ограничивается одной вѣрой въ возможность подъема творческой мысли народа въ сферѣ его пѣсни, г. Ик. въ замѣткѣ «Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества», напечатанной въ «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губ.» (№ 6, стр. 84—87), становится на болѣе практическую точку зрѣнія въ обсужденіи этого вопроса. Сказавъ кратко о глубоко-психологическомъ и высоко-воспитательномъ значеніи пѣсни для малообщительнаго и замкнутаго въ самомъ себѣ малоросса, и указавъ на общеизвѣстный фактъ упадка творчества и порчи народныхъ пѣсенъ и мотивовъ въ наше время подъ вліяніемъ фабрикъ, заводовъ и солдатчины, авторъ замѣтки говоритъ о необходимости способствовать всѣми силами сохраненію въ народѣ подлинной народной пѣсни; это—долгъ, нравственная обязанность каждаго мыслящаго человѣка. На вопросъ, какъ этого достигнуть, авторъ отвѣчаетъ ссылкой на примѣръ западныхъ славянъ. «Люди съ развитымъ чувствомъ общественности, говоритъ онъ, разрѣшили этотъ вопросъ легко. Славяне: словаки, лужичане, словенцы и особенно чехи—добавимъ мы отъ себя,—имѣютъ чуть-ли не въ каждомъ своемъ селѣ пѣвческіе кружки». Также точно по мнѣнію автора, возможно разрѣшить этотъ вопросъ и у насъ, тѣмъ болѣе, что нашъ народъ любитъ пѣніе и готовъ пойти за всякимъ въ этомъ отношеніи начинаніемъ. Организаторомъ дѣла могла бы явиться сельская интеллигенція въ лицѣ врачей, учителей, псаломщиковъ, землевладѣльцевъ, ихъ женъ, сыновей и дочерей. Такіе кружки, возстановляя и сохраняя подлинную народную пѣсню, совершенствовали бы эстетическое чутье въ немъ, содѣйствовали бы выработкѣ въ участникахъ началъ общественности и служили бы тѣмъ духовнымъ потребностямъ народа, которыя остаются у него почти безъ всякаго удовлетворенія. Авторъ замѣтки тутъ же предлагаетъ примѣрный проектъ устава сельскаго пѣвческаго кружка, состоящій изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) N.... сельскій пѣвческій кружокъ учреждается въ селѣ (такомъ то) и имѣетъ своею задачею пѣвческія хоровыя занятія. 2) Членами кружка могутъ быть лица обоего пола, безъ различія званія и состоянія. 3) Кружокъ открывается, съ разрѣшенія начальства, членами учредителями, въ числѣ не менѣе десяти, живущихъ въ томъ

же селѣ. 4) Лица, могущія пѣть и желающія вступить въ члены кружка, избираются по большинству голосовъ. 5) Кружокъ избираетъ изъ своей среды большинствомъ голосовъ и срокомъ на три года, предсѣдателя, казначея и особое правленіе. 6) Кружокъ приглашаетъ или избираетъ изъ своей среды регента. 7) Собирается кружокъ каждый праздничный и воскресный день въ зимнее время, а въ лѣтнее—по мѣрѣ надобности. 8) Средства кружка составляютъ пожертвованія и доходы, вырученные отъ устраиваемыхъ имъ концертовъ, спектаклей и т. д. и расходуются на собственныя его нужды. По постановленію общаго собранія кружка средства его могутъ быть расходованы и на дѣла благотворительности. При закрытіи кружка, всѣ его средства поступаютъ въ мірской капиталъ мѣстнаго сельскаго общества. 9) Помѣщеніе кружка нанимается въ одномъ изъ частныхъ домовъ или же устраивается для этого на средства кружка собственное зданіе.

Примѣръ извѣстнаго Охматовскаго хора, организованнаго д-ромъ Демуцкимъ и состоящаго изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, указываетъ на полную осуществимость предлагаемаго г. Ик. проекта. Можемъ добавить, что и у насъ въ Кіевѣ, положено уже зерно къ образованію такого же народнаго хора, благодаря заботамъ директора народныхъ училищъ г. Лубенца. Какъ мы слышали, въ ближайшемъ будущемъ предпоnожено значительно расширить это дѣло, организовавъ правильно устроенный народный хоръ.

Передвижная выставка картинъ для крестьянъ Юго-Зап. края. Съ весны будущаго года по селамъ и деревнямъ Юго-Западнаго края начнетъ правильно функціонировать передвижная выставка картинъ, организуемая художникомъ В. Н. Розвадовскимъ.

Идея ознакомить крестьянское населеніе съ воспроизведеніемъ на полотнѣ историческихъ событій и современности зародилась у г. Розвадовскаго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ цѣлью выяснить, возможенъ ли успѣхъ для такой народной передвижной выставки картинъ при современномъ культурномъ уровнѣ и развитіи крестьянскаго населенія, иниціаторомъ ея было произведено обслѣдованіе намѣченнаго для выставки маршрута. Встрѣтивъ сочувствіе среди нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, заинтересовавшихся его планомъ и обѣщавшихъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать симпатичному начинанію (подъ выставку будутъ безплатно предоставлены помѣщенія

сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ, а также и дома помѣщиковъ, изъявившихъ, между прочимъ, и желаніе покупать картины). г. Розвадовскій получилъ разрѣшеніе и даже субсидію отъ Императорской академіи художествъ. Осенью выставка предварительно будетъ открыта за плату въ Петербургѣ, затѣмъ въ Кіевѣ и, быть можетъ, проѣздомъ остановится на нѣкоторое время въ Москвѣ Съ весны она двинется по намѣченному маршруту въ Юго-Западномъ краѣ и будетъ функціонировать въ районѣ Кіевъ—Бѣлая Церковь и Каменецъ-Подольскъ. Кромѣ обычныхъ остановокъ въ селахъ и деревняхъ, выставка посѣтитъ и сельскія ярмарки. Плата будетъ взиматься въ весьма незначительномъ размѣрѣ только на ярмаркахъ; въ селахъ же и деревняхъ осмотръ выставки будетъ безплатный. Объясненія картинамъ, исключительно историческимъ и бытовымъ, будутъ даваться въ предстоящей первой поѣздкѣ самимъ иниціаторомъ выставки, а впослѣдствіи—особымъ свѣдущимъ лицомъ, сопровождающимъ ее. Картины для этой выставки отчасти заготовлены петербургскими и одесскими художниками, а также и самимъ г. Розвадовскимъ. Онѣ будутъ по дорогѣ продаваться, но съ условіемъ удержанія на выставкѣ до окончанія ея. («Русск. Вѣд.»)

Первая международная выставка историческихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей. Съ ноября мѣсяца текущаго года по апрѣль 1903 года предполагается устроить въ Петербургѣ въ Таврическомъ дворцѣ первую международную выставку историческихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей. Правила для экспонентовъ этой выставки утверждены уже давно и опубликованы въ особыхъ брошюрахъ. Основная цѣль выставки—ознакомленіе общества съ историческимъ ходомъ измѣненія одежды и ея принадлежностей, равно какъ и съ современнымъ положеніемъ техники въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ промышленности. Одновременно съ этимъ выставка преслѣдуетъ и благотворительную цѣль: усиленіе средствъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны. «С.-Петербургскаго Общества Ясли».

Всеславянская выставка. Издано положеніе о всеславянской художественно-промышленной выставкѣ въ Петербургѣ, въ 1903 г. Вы-

ставка будетъ устроена славянскимъ благотворительнымъ обществомъ въ первыхъ мѣсяцахъ будущаго года въ Петербургѣ, въ залахъ Таврическаго дворца. Къ участію въ выставкѣ будутъ приглашены всѣ славянскія страны.

Эта выставка, по мысли иниціаторовъ ея, должна положить начало постоянному всеславянскому музею въ Россіи.

На-дняхъ въ «Русскомъ собраніи» сдѣлано о ней, по словамъ «Новостей», подробное сообщеніе, изъ котораго видно что выставка имѣетъ цѣлью содѣйствовать установленію непосредственныхъ сношеній и торговопромышленнаго обмѣна русскаго народа съ обитателями другихъ славянскихъ земель.

Выставка должна дать наглядное представленіе о современномъ бытѣ, племенныхъ особенностяхъ и хозяйственномъ положеніи всѣхъ славянскихъ народовъ; объ естественныхъ произведеніяхъ ихъ земель, объ ихъ промыслахъ и ремеслахъ, художествахъ и искусствахъ, а также должна служить посредникомъ и мѣстомъ ознакомленія съ соотвѣтствующими производителями и произведеніями Россіи.

Всѣ славянскія населенія какъ европейскихъ странъ, такъ и находящіяся въ другихъ частяхъ свѣта, приглашаются участвовать во Всеславянской выставкѣ присылкою на нее своихъ произведеній, а также сочиненій, описаній и числовыхъ свѣдѣній объ обитаемыхъ ими странахъ, хозяйственномъ ихъ положеніи, промыслахъ, художествахъ и производствахъ.

Издѣлія желательно получить, главнымъ образомъ, тѣ, которыя могутъ служить предметомъ торговли, какъ напримѣръ:

а) разнаго рода ткани;

б) вышивки, кружева и златошвейныя издѣлія;

в) мелкія издѣлія изъ дерева, также мебель;

г) издѣлія изъ металловъ, также оружіе и ювелирныя;

д) издѣлія изъ кожи;

е) керамическія издѣлія (фарфоръ, глина, стекло, хрусталь);

ж) музыкальные инструменты;

з) игрушки.

и) картины, художественныя произведенія;

к) и разныя мелкія вещи.

Естественныя произведенія желательно получить также, по преимуществу, такія, на сбытъ и торговлю которыми участники могутъ разсчитывать, напр.: полезныя ископаемыя, образцы подѣлочнаго лѣса;

что касается сырыхъ и полусырыхъ продуктовъ, то изъ нихъ могли бы быть присланы, напр., слѣдующіе: шерсть, волосъ, кожи, масла, табаки, вина и пр.

Желательно, кромѣ того, получить на выставкѣ этнографическія и историко-археологическія коллекціи различныхъ славянскихъ народностей. («Придн. Кр.», 1535).

Въ № 1537 той же газеты находимъ извѣстіе что генеральный комиссаръ этой выставки обратился къ начальнику Екатеринославской губерніи съ просьбой о содѣйствіи этому дѣлу. Г. начальникъ губерніи, по соглашенію съ предсѣдателемъ губернской управы, призналъ возможнымъ организовать при управѣ собраніе характерныхъ образцовъ національныхъ костюмовъ екатеринославской губерніи для проектируемой выставки, поручивъ открыть пріемъ въ управѣ такихъ костюмовъ и затѣмъ отсылку ихъ на выставку секретарю управы Ф. С. Голубовскому; для ознакомленія же населенія губерніи съ этой выставкой, будутъ разосланы всѣмъ предводителямъ дворянства губерніи, предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ, земскимъ начальникамъ и исправникамъ: означенное сообщеніе генеральнаго комиссара, затѣмъ классификація предметовъ этой выставки и правила для ея экспонентовъ.

Херсонская старина. Херсонъ обладаетъ цѣнными историческими памятниками: дворцомъ императрицы Екатерины II, основательницы города, Екатеринискимъ соборомъ, въ которомъ находится могила Потемкина. Дворецъ и соборъ находятся за городомъ, въ земляныхъ стѣнахъ старой Екатерининской крѣпости, заключающей также древніе монументы и могилы героевъ Очакова и Киліи. Екатерининская крѣпость—живая старина русской исторіи прошлаго вѣка, когда Россія овладѣла черноморскимъ югомъ, и возникали одинъ за другимъ—Николаевъ (1788 г.), Херсонъ (1778 г.), Екатеринославъ (1787 г.), Аккерманъ (1792 г.,) Бендеры (1789 г.), Очаковъ (1788 г.); въ пустынныхъ областяхъ Юга зарождались промышленная жизнь, торговля, явилось русское парусное судостроеніе, а на водахъ Чернаго моря разростался понемногу русскій коммерческій флотъ. Признательные херсонцы, разсказываетъ «Истор. Вѣстн.», соорудили на могилѣ Г. А. Потемкина мраморную плиту съ надписями: «Основателю

Херсона—фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю, Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому—благодарные граждане. 5 октября 1891 г.». Въ Екатерининскомъ соборѣ подъ почетнымъ балдахиномъ хранится кресло Екатерины II съ полуистлѣвшей бархатной матеріей, съ поблѣднѣвшими серебряными вышивками, каймами, не возобновляемое, дабы не нарушить его подлинности. Екатерининскому собору 113 лѣтъ. Соборъ выстроенъ Потемкинымъ; иконопись была выполнена крупнымъ художникомъ того времени В. Л. Боровиковскимъ; по желанію строителя собора, иконописецъ, какъ говорятъ, придалъ ликамъ нѣкоторыхъ святыхъ точныя изображенія императрицы и государственныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени. Таково существующее преданіе. Осматривая иконопись собора, вы видите дѣйствительно значительное число образовъ стариннаго письма, потемнѣвшихъ отъ времени; особенное вниманіе приковываютъ къ себѣ двѣ большія иконы, находящіяся въ центральной части храма, близъ входа, на поддерживающихъ соборъ массивныхъ колоннахъ. Это—иконы св. великомученицы Екатерины и св. великомученика Георгія. Онѣ помѣщены одна противъ другой: первая на правой колоннѣ, вторая на лѣвой. Вглядываясь въ лики этихъ святыхъ, вы видите дѣйствительно сходство св. Екатерины съ лицомъ Екатерины II, а великомученика Георгія съ Потемкинымъ. Иконы стали неотчетливы отъ времени, и ихъ давно покрыли лакомъ. Это возобновленіе нѣсколько повредило старинной живописи. До возобновленія лики святыхъ имѣли, какъ говорятъ, еще большое сходство съ лицами Екатерины и Потемкина, чѣмъ теперь. Замѣчательно, что въ Херсонѣ лишь немногіе знаютъ объ историческихъ сокровищахъ, хранящихся въ крѣпостномъ соборѣ. Въ Екатерининскомъ соборѣ хранятся старинныя священническія облаченія: одна риза собственноручной работы Екатерины II. Отъ времени она поблѣднѣла, полиняла, но и теперь еще отличается пышностью. Всѣхъ старыхъ ризъ въ соборномъ шкафу восемь; среди нихъ есть старыя ризы запорожскихъ церквей. („Одес. Л.“ № 210).

40-лѣтіе научной дѣятельности. 11-го августа исполнилось сорокалѣтіе научной дѣятельности одного изъ наиболѣе видныхъ русскихъ историковъ литературы, академика Александра Николаевича Веселовскаго. («Южн. Кр.», 7465).

Памятникъ И. П. Котляревскому. Работы по сооруженію постамента для памятника Котляревскому довольно быстро подвигаются впередъ. Болѣе двухъ третей постамента уже готово, а черезъ мѣсяцъ—полтора онъ будетъ совершенно законченъ. („Полт. В.", № 170).

Прибавимъ, впрочемъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, открытіе памятника послѣдуетъ только въ 1903 году.

Къ постройкѣ народнаго дома. 21 августа состоялось засѣданіе совѣта кіевскаго общества грамотности, посвященное вопросу объ окончаніи постройки народнаго дома. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель общества грамотности В. П. Науменко. Къ участію въ засѣданіи приглашены были—архитекторы Г. М. Антоновскій и В. В. Городецкій и строитель народнаго дома г. Гинзбургъ. Въ видахъ скорѣйшаго окончанія постройки народнаго дома, которая грозитъ не быть оконченной къ сроку, совѣтъ общества грамотности рѣшилъ повести работы въ двѣ смѣны, такъ, чтобы одна смѣна работала днемъ, а другая ночью. При такой постановкѣ дѣла можно разсчитывать на окончаніе постройки народнаго дома не позже 15 октября. Главный фасадъ народнаго дома предположено украсить бюстами двухъ писателей, уроженцевъ Малороссіи,—Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченка. («Кіев. Газ.», № 230).

Прототипъ П. И. Бобчинскаго. Какъ указываетъ „Русская Старина", Бобчинскій дѣйствительно жилъ на бѣломъ свѣтѣ, и настоящая фамилія его была Гамалѣй. Въ одномъ изъ архивовъ хранится дѣло о его глупыхъ письмахъ императрицѣ Екатерины II.

Вотъ что пишетъ лицо, наводившее о немъ справки, Д. П. Трощинскому:

Милостивый Государь мой,

Дмитрій Прокофіевичъ.

Возвращая письмо Гамалѣи, дошедшее къ ея императорскому величеству, доношу объ немъ. Онъ въ отставкѣ ротмистръ, живетъ въ селѣ Борщевѣ, женатъ, имѣетъ дѣтей и болѣе двухсотъ за нимъ крестьянъ; ума скуднаго и въ домоводствѣ слабъ, зараженъ древностію дворянской своей породы, притомъ мнитъ себя вѣдающимъ Священное Писаніе и богомольнымъ. И все такое мечтаніе своего достоинства такъ имъ овладѣло, что, наконецъ, ему возмнилось весьма

необходимымъ дѣломъ, чтобы написать такого содержанія письмо къ ея императорскому величеству, о которомъ и нынѣ говоритъ онъ, смысла сокровеннаго, какъ-де и Священное Писаніе, въ томъ себя расположеніи, что онъ и самъ любитъ прославленіе всемилостивѣйшей государыни, но черезъ то, однакожъ, дабы знать дать, что онъ есть изъ рода Гамалѣевъ. Впрочемъ, оказалось, онъ былъ сперва по женитьбѣ щедръ, но впалъ оттого въ долги, не превосходящіе, однакожъ, его имѣнія, нынѣ же сталъ радѣтелемъ о домоводствѣ своемъ и нѣтъ отъ него ни своевольства, ни кому-либо обидъ, а только, какъ выше пишу, зараженъ знатностію своего происхожденія и желаетъ, чтобы былъ онъ извѣстенъ государынѣ.

Затѣмъ я есть съ истиннымъ почтеніемъ милостиваго государя моего, вашего высокородія, покорнѣйшій слуга Ларіонъ Алексѣевъ.

Декабря, 18-го дня,
1794 года.
Новгородъ-Сѣверскій.

Самыя письма Гамалѣя до того нелѣпы и безсмысленны, что журналъ не рѣшается ихъ печатать („Придн. Кр.“, 1551).

Волненія крестьянъ въ Галиціи. Вся восточная часть Галиціи — 13 уѣздовъ—въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ не переставала быть ареной ожесточенной борьбы рабочаго сельскаго населенія съ помѣщиками-поляками. Начавшись въ одной изъ гминъ галицiйской Подоліи, броженіе въ теченіе 2—3 недѣль разрослось до грандіозныхъ размѣровъ. Броженіе возникло, главномъ образомъ, на почвѣ экономическихъ отношеній, но несомнѣнно, что одними условіями экономическаго быта русиновъ въ Галиціи не исчерпываются причины волненій. Мрачная картина экономическаго положенія украинскаго населенія въ Галиціи неоднократно обращала на себя вниманіе русской прессы, интересующейся жизнью и судьбою западнаго славянства и въ частности русиновъ въ Галиціи. Бѣдственное положеніе крестьянъ въ Галиціи съ каждымъ годомъ усиливается вслѣдствіе пониженія цѣнъ на хлѣбъ, на ряду съ увеличеніемъ долговъ на крестьянской собственности, крайне низкой заработной платы — 20—15 крейцеровъ (около 15 коп.) за рабочій день въ обыкновенное время и небольше 30 кр. въ страдную пору,—наконецъ, вслѣдствіе съ каждымъ годомъ усиливающагося податного гнета, измельчанія крестьянскихъ участковъ

и, какъ слѣдствіемъ его, излишкомъ свободныхъ рабочихъ рукъ на рынкѣ труда. Къ перечисленнымъ нами главнымъ экономическимъ причинамъ присоединилась, кромѣ того, агитація націоналистическаго характера, организованная радикальными элементами народной партіи. Состоялся цѣлый рядъ публичныхъ собраній въ уѣздахъ, на которыхъ сельско-хозяйственные рабочіе призывались къ забастовкѣ. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ факторовъ и вызваны были волненія крестьянъ въ Галиціи, выразившіяся въ забастовкѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ сопровождалась насиліями, какъ по отношенію къ крестьянамъ, нежелавшимъ примкнуть къ стачкѣ, такъ и по отношенію къ рабочимъ, приглашеннымъ помѣщиками изъ другихъ мѣстностей. Во многія деревни вызваны были войска. Судя по свѣдѣніямъ, извѣстнымъ въ печати, крестьяне, несмотря на свою малокультурность, повсемѣстно держали себя съ большимъ тактомъ. Требованія крестьянъ отличались самымъ скромнымъ характеромъ: они требовали 50 крейцеровъ поденной платы въ страдную пору и 40 кр. въ обыкновенное время. Несмотря однако на скромность этихъ требованій, помѣщики рѣшили не дѣлать никакихъ уступокъ. Такъ, управляющій гр. Лянцкоронскаго заявилъ, что онъ скорѣе дастъ хлѣбу сгнить на корню, чѣмъ уступитъ крестьянамъ. Австрійское правительство, въ виду автономности Галиціи, сначала все время оставалось въ положеніи сторонняго зрителя происходившей борьбы, предоставляя улаженіе недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками взаимному соглашенію сторонъ. Наконецъ, размѣры волненій начали сильно безпокоить правительственныя сферы и правительство заявило, что оно выступитъ самымъ рѣшительнымъ образомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда забастовка перейдетъ въ насиліе или нарушеніе правъ собственности. Намѣстникомъ Галиціи, гр. Пининскимъ, было издано въ томъ же смыслѣ на двухъ языкахъ, польскомъ и украинскомъ, предупрежденіе. Въ роли посредниковъ между крестьянами и помѣщиками выступило духовенство въ лицѣ митрополита Шептыцкаго, издавшаго циркуляры къ духовенству съ предложеніемъ представителямъ духовенства дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на населеніе, а также общество (твердоруссовъ) «Русская Рада», обратившаяся съ воззваніемъ къ крестьянамъ не преступать границъ законности и не поддаваться вліянію преступной и злонамѣренной агитаціи.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ волненіе улеглось; въ значительномъ большинствѣ случаевъ помѣщики вынуждены были уступить

требованіямъ рабочихъ, но до примиренія между враждующими двумя народностями, очевидно, далеко еще.

Къ выходу пословъ изъ Буковинского сейма. Въ предыдущей книжкѣ журнала былъ отмѣченъ фактъ оставленія русинскими послами сейма въ Буковинѣ. Начиная съ 6 іюля послы вновь начали посѣщать сеймъ, послѣ почти мѣсячнаго перерыва, причемъ старшина русинскихъ пословъ заявилъ, что русины вынуждены къ отчаянной борьбѣ.

Вѣче русинскихъ студентовъ во Львовѣ. Во второй половинѣ іюля состоялось во Львовѣ собраніе русинской молодежи при участіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Программа вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, обнимала слѣдующіе пункты: основаніе русинскаго университета во Львовѣ, «москалефильство» среди русинъ. Первый докладчикъ, студентъ Косѣвичъ, критиковалъ очень рѣзко политику русинскихъ депутатовъ, возмущался положеніемъ, занятымъ по отношенію къ проекту русинскаго университета частью польскаго общества и предложилъ резолюціи, въ одной изъ которыхъ говорится, что борьбу за русинскій университетъ слѣдуетъ замѣнить борьбой противъ силы и вліянія польской шляхты, каковую борьбу слѣдуетъ вести организованно, сообща съ народными массами. Въ томъ же засѣданіи принято, между прочимъ, постановленіе, что представители польской печати,—за исключеніемъ изданій соціалистическихъ,—не имѣютъ права присутствовать въ собраніи. («Спб. Вѣд.», № 201).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Въ чаду́ мрій. Вирши и писни Ив. Федорченка. *Стор. 72, in 16⁰. Кыивъ; 1902.*

Г. Е. Сурмаченко. Нисенитныци. *Стор. 132, in 16⁰. Кыивъ, 1902.*

Въ доброе старое время говорили, что poëtae nascuntur, въ противоположность ораторамъ, искусство которыхъ открыто будто бы всякому желающему. Въ наше время эта старая истина отошла уже въ область преданія и въ дѣйствительности происходитъ совершенно наоборотъ: сдѣлаться поэтомъ теперь куда какъ легче, нежели ораторомъ. Всякій, у кого нѣтъ желанія или способностей заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ, легко можетъ обратиться къ собесѣдованіямъ съ музами въ надеждѣ покрыть свое чело неувядаемой славой, достигнуть извѣстности и почета за очень сравнительно дешевую цѣну. Чтобы пожинать поэтическіе лавры, не нужно обладать собственнымъ содержаніемъ,—его такъ легко вѣдь заимствовать у кого-нибудь изъ предшественниковъ, а то и вовсе пренебречь имъ, ссылаясь на то, что для поэта, молъ, важна форма, а не содержаніе; съ другой стороны не можетъ ставить особыхъ препятствій и форма, можно быть даже совсѣмъ невиннымъ по части правилъ версифакацін, стоитъ лишь нарядиться въ тогу строгой гражданственности; истинное чувство, наконецъ, можно замѣнить дѣланнымъ паѳосомъ и готовымъ, давно придуманнымъ шаблономъ. Немного, правда, труднѣе, если содержанія нѣтъ, да и форма въ тоже время не легко дается, но и въ этомъ случаѣ положеніе не безвыходное. Стоитъ лишь придумать какое-нибудь пышное, въ большинствѣ случаевъ ничего собственно не означающее

заглавіе,—ну хотя бы и «Въ чаду мрій», или «Скалкы души»,—вооружиться затѣмъ, говоря иносказательно, лирой, а попросту—самымъ обыкновеннымъ, прозаическимъ перомъ и, призвавъ на помощь Музу нанизывать риѳмы, не заботясь особенно ни о смыслѣ, ни о красотѣ: въ концѣ концовъ изъ этого нанизыванія всегда получится—«поэзія». О дальнѣйшей судьбѣ этой, съ позволенія сказать, поэзіи уже не стоитъ заботиться: найдутся и покупатели, и читатели, и даже, быть можетъ, почитатели, такъ какъ, по нѣмецкой пословицѣ, нѣтъ той ограниченности (по-нѣмецки это, впрочемъ, нѣсколько сильнѣе выражено), которая не возбуждала бы удивленія среди еще болѣе ограниченныхъ людей...

Г. Федорченко начинаетъ съ гражданскихъ мотивовъ:

Про край нашъ роскишный, про край нашъ багатый,
Убраный то въ лантя, то въ пышніи шаты,
Повидаты де-що *навагу* я маю (стр. 3).

Это очень интересно—узнать, что́ именно собирается намъ повѣдать г. Федорченко, хотя, признаюсь откровенно, приведенная фраза смутила было меня сначала страннымъ присутствіемъ въ поэтическихъ замыслахъ автора «наваги»—рыбы хотя и довольно вкусной, но въ поэзіи, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ рѣшительно никакого примѣненія себѣ не находившей. Черезъ нѣсколько страницъ г. Федорченко приглашаетъ насъ

. . . . . Стежку добру правыть,
Ськаты идеала,
Шукать Бога, шукать правды (стр. 7).

Не дурно и это, хотя со словомъ «ськаты» у насъ обыкновенно возникаетъ представленіе вовсе не объ идеалахъ, а о нѣкоторыхъ болѣе низменныхъ созданіяхъ, о которыхъ въ порядочномъ обществѣ говорить не принято... впрочемъ, авторъ и самъ сейчасъ же называетъ свою «пораду»—«химерной». Какъ и подобаетъ истинному поэту, вначалѣ г. Федорченко какъ будто даже сомнѣвается, дѣйствительно ли есть у него о чемъ повѣдать:

Нема огню,—говоритъ онъ,—у грудяхъ лидъ.
Слова мои—дзвеняща мидь.
Що я скажу, колы нема
У мене сливъ, въ души питьма? (стр. 8)...

Сылы пирнулы
Десь або въ море,
Або въ ковбаню (стр. 11)...

Но можно думать, что это—свойственная лишь вообще поэтамъ скромность, или лучше сказать—реторическая фигура, такъ какъ затѣмъ происходитъ обычная у служителей Музы исторія, вполнѣ обнадеживпая г. Федорченка на поэтическіе подвиги: къ нему является Муза, проводитъ «тендитно по чоли ручыцею» (къ сожалѣнію, опять неточно передающее мысль автора слово: «ручыцею» называется нѣкоторая принадлежность вовсе не поэтическаго *воза*—и я,—говоритъ онъ,—воскресъ духовно

И сылъ мицныхъ въ души своій почувъ я повно,
Велыкыхъ сылъ спивця, кермача правозору (?!),
Свободы вистныка, безкрайнёи, якъ море (стр. 21).

Почувствовавъ въ душѣ своей громадный силъ запасъ, и будучи къ тому же, очевидно, человѣкомъ очень добрымъ и отзывчивымъ, г. Федорченко не желаетъ пользоваться своими силами лично для себя только,—нѣтъ, онъ тотчасъ стремится весь міръ облагодѣтельствовать: «своимъ таланомъ,—говоритъ онъ,—

Радъ всихъ дарyваты.
Мій таланъ—се писня вильна та крылата.
Мошня (sic) моя вбога, та дума багата.
Радъ я зъ нею зъ свитомъ цилымъ подилытысь.
Гей, идить, хто хоче, зъ джерела напытысь! (стр. 55).

Эти гордыя слова, этотъ снисходящій къ людскимъ слабостямъ и немощамъ призывъ можетъ исходить лишь отъ человѣка, дѣйствительно увѣреннаго въ своемъ призваніи «глаголомъ жечь сердца людей» и подавать утѣшеніе въ скорбяхъ, а такъ какъ въ произведеніяхъ каждаго новаго автора всегда стараешся найти хоть капельку живой воды, то, ободренный милостивымъ призывомъ, я приникъ къ источнику г. Федорченка, но увы!—обѣщаной имъ живой воды не обрѣлъ и исканій своі не утомилъ. Не успѣлъ еще г. Федорченко ясно выразить свои гражданскіе идеалы, какъ сердцемъ его завладѣло, и на этотъ разъ уже безраздѣльно и безповоротно, новое, болѣе сильное чувство, на служеніе которому онъ и отдалъ свою лиру:

Писню заспиваю,
Писню що найлуччу,
Нею я красуню
Прямо въ серце влучу (стр. 11).

Итакъ, мы введены «навагой» г. Федорченка въ заблужденіе: передъ нами не гражданскій поэтъ, а пѣвецъ любви по преимуществу: оказывается даже, что любовь-то собственно и пробудила его спокойно пребывавшія въ «ковбанѣ» силы и понудила къ перу его руки:

Серце люблячее, мыла,
То велыка сыла:
И никчемнисть мого духа
Виршувать навчыла.
Гой, якъ бы жъ то таке серце
Було коло мене
Рокивъ зъ десять передъ сёго...
Щобъ зробывъ я, нене?! (стр. 53).

Въ крайнемъ случаѣ мы согласны и на это: любовь вѣдь—предметъ поэзіи вполнѣ достойный и даже поэтами преимущественно и эксплоатируемый; послушаемъ, что новаго и интереснаго повѣдаетъ намъ г. Федорченко изъ этой области. Вотъ, напр., онъ изображаетъ роскошный пейзажъ, на лонѣ котораго влюбленная парочка изъясняется слѣдующимъ не лишеннымъ своеобразной выразительности языкомъ:

Тутъ, Боже, гарно
Сыдить у купи.
Трохы чамриты,
Очыма лупать,
И наче чуты,
Якъ наши души
Въ одно злылыся,
Якъ въ наши уши
И въ ротъ, и въ очи
Духъ Божый входе (стр. 5).

Къ большому прискорбію нашему, Духъ Божій, вхожденіе котораго «въ уши, и въ ротъ, и въ очи» такъ обстоятельно и картинно описано г. Федорченкомъ, не научилъ героя его поэтическихъ произве-

деній языку боговъ: съ устъ его поминутно срываются такія выраженія, какъ «въ твои рожеви губы *вцинывсь* палко» (стр. 7), «Ивась женыхается зъ дивчыною другою, *сучою паплюгою*» (стр. 30), или:

Палко, серце, я тебе жадаю,
Огнемъ страсти я горю (,) палаю.
У твоихъ обіймахъ я зотлію
И въ *маруди*, въ *омроци* (?) зомлію (стр. 63).

Но, повидимому, страсть, изображенная столь сильными и смѣлыми штрихами даже избранницѣ внушаетъ какія-то, правда, для читателя не совсѣмъ ясныя сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, герой наставительно произноситъ, предупреждая невысказанныя возраженія:

Ты думаешъ, въ мене немае огню?
Та я юнака ще за поясъ заткну (стр. 52),—

и Боже васъ сохрани, читатель, не повѣрить, г. Федорченку: онъ вообще очень предусмотрителенъ и напередъ парируетъ всѣ сомнѣнія и возраженія.

Хто кохавъ (,) той знайде въ моихъ писняхъ чуття,
Не кохавшому въ ихъ повно тильки ныття.
Я спиваю не тымъ, хто кохання не знавъ,
А тому, хто въ жыттю щастя й мукы 'тси мавъ...
Хто кохавъ (,) тому ладъ у писняхъ йе моихъ,
Не веселыхъ, палкыхъ, а найбильше сумныхъ;
Хто кохання жъ не знавъ, той не знайде складу (стр. 48).

Я бы многое желалъ сказать какъ по поводу этихъ, такъ и всѣхъ вообще стихотвореній г. Федорченка: я бы указалъ, напр., на слишкомъ прозрачную неоригинальность ихъ, доходящую до того, что г. Федорченко лишь своими словами (да и то большею частью совершенно неудачно) пересказываетъ другихъ поэтовъ, заимствуя и образы, а подчасъ и цѣлыя фразы; на неумѣстность въ поэзіи многихъ имъ излюбленныхъ выраженій (въ родѣ: «ковбани», «паплюгы», «очамы лупать» и т. п.), слишкомъ вульгарныхъ для изображенія такого нѣжнаго чувства, какъ любовь; на довольно безцеремонное обращеніе автора съ украинскимъ языкомъ (примѣровъ достаточно въ цитатахъ); на крайнюю наивность нѣкоторыхъ стихотвореній (особенно—«До Франка» и заключительное въ сборникѣ), на совершенное, наконецъ,

отсутствіе у г. Федорченка данныхъ даже «сдѣлаться» поэтомъ,—все это я могъ бы сказать, но въ виду открытаго авторомъ ключа къ пониманію его произведеній, не рѣшаюсь. Я боюсь, что обнаруживъ свое непониманіе высокихъ достоинствъ поэзіи г. Федорченка, я дамъ ему поводъ обратиться ко мнѣ съ нѣкоторыми вопросами черезъ-чуръ деликатнаго свойства, на которыя я не сумѣю дать надлежащаго отвѣта... Впрочемъ—будь, что будетъ,—еще одно замѣчаніе. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ на счетъ обновляющей роли любящаго сердца и даже искренно соболѣзнуя, что онъ не нашелъ его лѣтъ десять тому назадъ, я обязанъ все-таки сказать, что на этомъ любящемъ сердцѣ лежитъ и великій грѣхъ: зачѣмъ оно внушило г. Федорченку праздную и совершенно неосновательную мысль, что поэтомъ можно сдѣлаться, не имѣя къ тому ровно никакихъ данныхъ?

Г. Сурмаченко въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ собою прямую противоположность г. Федорченку. На сколько послѣдній полонъ горделивой увѣренности въ своемъ призваніи служить источникомъ утѣшенія для всей вселенной, на столько первый отличается скромностью, можетъ быть, даже излишнею. Уже то обстоятельство, что онъ назвалъ свои творенія «Нисенитныцями», говоритъ именно въ пользу его скромности, хотя съ другой стороны, если авторъ увѣренъ, что произведенія его не больше, какъ «нисенитныци», то къ чему же въ такомъ случаѣ онъ и представляетъ ихъ, такъ сказать, на судъ общественный: очевидно, что было бы несравненно удобнѣе, и для автора, и для читателей, если бы «нисенитныци», именно въ качествѣ «нисенитныць», оставались никому неизвѣстными. Дарованіе нашего автора, дѣйствительно, болѣе чѣмъ скромно; поэтическіе его рессуры крайне ограничены во всѣхъ отношеніяхъ; стихотворенія его на возвышенныя темы слишкомъ туманны, а бытовыя картинки черезъ-чуръ вульгарны и прозаичны; рифмы и размѣръ сильно страдаютъ невыдержанностью; часто встрѣчается довольно дикое въ граматическомъ отношеніи расположеніе словъ (напр.,—«наче, *мынулы що*, гадкы-видрадонькы» «*Про*, серце що кынувъ, *спокій*» и т. п.); еще ниже стихотвореній стоитъ помѣщенная драма «Хусточка». Словомъ, употребляя собственное сравненіе г. Сурмаченка, Муза его облечена въ «билымы ныткамы латаную свыту» и своимъ неряшливымъ одѣяніемъ способна возбудить къ себѣ, даже помимо авторской рекомендаціи, только отрицательное отношеніе въ читателѣ, или, какъ ожидаетъ г. Сурмаченко,

Будуть нытки били очи турбуваты (sic);
Будуть зъ тебе, свыто, люды реготаты...

Впрочемъ, мы умѣемъ цѣнить истинную скромность и не будемъ, поэтому, слишкомъ придирчивы къ г. Сурмаченку, вполнѣ сознающему бѣдность своего поэтическаго достоянія, тѣмъ болѣе что въ сборникѣ его найдется 2—3 стихотворенія, нелишенныхъ нѣкоторой искренности. Конечно, этого слишкомъ недостаточно для какихъ-нибудь надеждъ въ отношеніи г. Сурмаченка,—едва-ли онъ даже «сдѣлается» когда-нибудь поэтомъ, и потому вполнѣ справедливы его сѣтованія и упреки по адресу Музы, понапрасну соблазнившей его на яко-бы поэтическія упражненія:

Жартъ негарный твій, музо моя;
Ты звелила на струны заграты,
Та, покынувшы ципъ на току,
Зъ перелазу панивъ выглядаты...
Я за дни невесели прынисъ,—
Въ котри марно про счастя марылось,—
На ворота твои зъ-пидъ колисъ
Дёгтю, щобъ ты вся соромомъ вкрылась (стр. 24—25).

Вотъ только наказаніе для такой деликатной особы, какъ муза, слишкомъ ужъ неделикатное и при томъ практикуемое обыкновенно за спеціальные грѣхи, въ которыхъ, быть можетъ, муза г. Сурмаченка и не повинна... Тѣмъ не менѣе мы вполнѣ присоединяемся къ мысли, выраженной въ другомъ обращеніи къ той же музѣ:

Заховаймося жъ мы й заснемо...
Тымъ никому не вчынымъ мы туги (стр. 35).

Да, если г. Сурмаченко со своей музой исчезнутъ съ поэтическаго горизонта, то непріятности этимъ, дѣйствительно, никому не причинятъ,—въ крайнемъ случаѣ исчезновеніе ихъ, какъ и существованіе, останется незамѣченнымъ среди читателей, а для рецензентовъ, ex officio обязанныхъ читать всевозможныя «нисенитныци», даже спокойнѣе будетъ...

С. Е—мовъ.

Ю. А. Яворскій. Изъ этнографической тетрадки 1830-хъ годовъ. *Львовъ, 1902. Изданіе «Галицко-Русской Матицы», стр. 1—15, in 8⁰.*

Г. Яворскому удалось найти между бумагами извѣстнаго галицкаго писателя и поэта, автора первой галицко-русской грамматики, Іосифа Левицкаго—старую тетрадку этнографическихъ матеріаловъ средины 30-тыхъ г.г., содержащую 12 записанныхъ самимъ же Левицкимъ колядокъ и щедривокъ, а также нѣсколько его «оувагъ» (замѣчаній) о рождественскихъ обычаяхъ и обрядахъ. Этотъ матеріалъ отчасти использовалъ въ свое время Головацкій, помѣстивши во 2-й части своихъ «Народныхъ пѣсенъ» семь №№; остальной матеріалъ, интересный не только по своему содержанію, но также какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ этнографическаго изученія галицко-русской народной словесности, опубликованъ г. Яворскимъ впервые. Наиболѣе интересны двѣ колядки: «Ой рано, рано куройки пилы» и «Тамъ за вороты, за новейкими трава мурава зеленейкая»,—оригинальныя, спеціально галицкія произведенія народнаго творчества, и отрывокъ вирши о «козѣ», къ сожалѣнію, слишкомъ краткій и туманный. Въ Прикарпатской Руси обычай «водить козу», равно какъ и соотвѣтствующія пѣсни, почти вовсе неизвѣстны, такъ что, по мнѣнію г. Яворскаго, печатаемый имъ отрывокъ представляетъ чуть ли не единственный и, можетъ быть, послѣдній ихъ слѣдъ.

Нельзя тѣмъ не менѣе, не пожалѣть, что матеріалъ, сообщаемый г. Яворскимъ, появляется не въ спеціальныхъ галицкихъ этнографическихъ и др. научныхъ изданіяхъ, какъ «Етнографичний Збірник», насчитывающій въ настоящее время XII т.т., или «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка», гдѣ въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ помѣщены были стихотворныя произведенія того же Іосифа Левицкаго, а въ мало кому извѣстныхъ и въ мало и неудобочитаемыхъ мелкихъ изданіяхъ-брошюрахъ «Галицко-русской Матицы». Впрочемъ, въ отношеніи удобочитаемости, брошюра г. Яворскаго «малоросса, говорящаго по русски» (или по крайней мѣрѣ пишущаго) представляетъ, надо думать, исключительное явленіе: хотя мы и читаемъ (стр. 4) «проявился на внѣ «политическихъ бурей», «на который-то приходъ былъ переведенъ», но въ общемъ все же замѣтно, что авторъ добросовѣстно изучалъ литературный русскій языкъ.

В. Д.

В. Н. Мочульскій. Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. *(Къ исторіи художественнаго творчества). Одесса 1902 г., стр. 1—20.*

Вступительныя строки даютъ право ожидать большаго, чѣмъ въ дѣйствительности находитъ читатель въ этой статьѣ. Такъ, на 1-й и 2-й стр. мы читаемъ, что до сихъ поръ критика серьезно не останавливалась на разборѣ малороссійскихъ и петербургскихъ повѣстей Гоголя и что авторъ намѣренъ поэтому остановиться на выясненіи постепеннаго роста художественнаго таланта Гоголя, т. е.—«какъ изъ художника натуралиста-этнографа Гоголь постепенно вырабатывался въ художника соціальной общественной жизни съ глубокимъ психологическимъ проникновеніемъ въ самоё жизнь»; между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ въ статьѣ только краткое указаніе на общеизвѣстные факты писемъ Гоголя къ матери съ просьбою присылать ему разныя описанія костюмовъ, обрядовъ, повѣрій и проч., какъ матеріалъ для будущихъ малороссійскихъ повѣстей, и ни слова не сказано, какъ и при какихъ условіяхъ Гоголь ступилъ на этотъ путь въ своемъ творчествѣ, а это, по нашему мнѣнію, должно быть исходнымъ пунктомъ при разработкѣ поставленнаго г. Мочульскимъ вопроса. Далѣе, авторъ, передавая краткое содержаніе малороссійскихъ повѣстей, вездѣ старается указать, какъ внесеніе Гоголемъ фантастическаго элемента въ разсказъ, помогаетъ ему раскрыть психологію дѣйствующихъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ эти разъясненія ничего новаго не даютъ, а по поводу повѣсти «Страшная месть», кажется, вводятъ автора въ область гадательно-туманную, такъ какъ онъ готовъ видѣть въ разсказѣ аллегорическое изображеніе борьбы украинской народности, и въ частности козачества, съ польскими вліяніями, вносившими измѣну въ семью и въ родную землю. Для такого толкованія этой повѣсти, намъ кажется, въ самой повѣсти данныхъ мало, и потому здѣсь прежде всего и нужно было-бы остановиться на анализѣ въ творчествѣ Гоголя Такъ-же искусственнымъ представляется намъ выводъ, сдѣланный авторомъ изъ повѣсти «Вій»,—что будто не спроста Гоголь вѣдьмой сдѣлалъ дочь богатѣйшаго малороссійскаго сотника: этимъ онъ хотѣлъ выразить народную мысль, что «если старшины и оплотъ малорусскаго народа свяжутся съ нечистой силой, то никакая мудрость и хитрость не можетъ спасти человѣка (на Украинѣ) отъ погибели».

Основной выводъ изъ всѣхъ этихъ разборовъ малороссійскихъ повѣстей авторъ дѣлаетъ такой: «Гоголь уже на первыхъ порахъ своей художественно-творческой дѣятельности незамѣтно для себя, почти безсознательно, становился на путь народной психики и, работая въ этомъ направленіи, въ сравнительно короткій періодъ времени достигъ высшаго искусства въ психологическомъ анализѣ человѣческой души». Мысль эта вполнѣ вѣрна, но едва-ли она требуетъ для выясненія себя такихъ далекихъ аллегорическихъ толкованій, какія мы видѣли въ приведенныхъ выше выдержкахъ.

В. Н.

Отчетъ благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1901 годъ. *С.-Петербургъ, 1902, стр. 1—72,* in 16°.

Упомянутое Общество существуетъ въ Петербургѣ уже четвертый годъ. Истекшій 1901 годъ, какъ видно изъ отчета, отмѣченъ значительнымъ расширеніемъ издательской дѣятельности Общества. Въ теченіе года выпущено въ свѣтъ 6 новыхъ брошюръ и закончено изданіе 3 брошюръ, появившихся въ продажѣ уже въ текущемъ году (всего, по настоящее время, благотворительное Общество издало 17 брошюръ). Брошюры эти слѣдующія: «Оповидання про Антона Головатого та про початокъ Чорноморського війська», М. Комаря; «Оповидання про Тараса Шевченка»—О. Кониського; «Розмова про сельське хазяйство, кн. IV—Выноградъ», Е. Чикаленка; «Розмова про сухоты на рогатій худоби», С. Ваганова; «Выговщына», П. Кулиша; «Оповидання про Богдана Хмельныцького», М. Комаря; «Видъ чого вмерла Мелася», г. Коваленка; «Оповидання про Ивана Котляревського», Б. Гринченка; «Розмова про сельське хазяйство, кн. III.—Сіяни травы, кукуруза та бурякы» Е. Чикаленка. Изъ перечисленныхъ брошюръ двѣ («Видъ чого вмерла Мелася» и «Розмова про сельське хазяйство», кн. III) представляютъ второе изданіе, остальныя впервые изданы Обществомъ по оригинальнымъ рукописямъ. Двѣ изъ брошюръ—«Розмова про сельське хазяйство, кн. IV—Выноградъ» и «Розмова про сухотына рогатій скотыни»—получили одобреніе Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для пользованія въ подвѣдомственныхъ этому Министерству низшихъ школахъ малорусскихъ губерній.

Благодаря успѣшному приливу денежныхъ средствъ, Правленіе Общества имѣло возможность увеличить количество экземпляровъ выпускаемыхъ имъ изданій, чѣмъ, въ свою очередь, обезпечивало ихъ дешевизну въ продажѣ. Со стороны общества замѣчается усиленіе интереса, выражающееся въ оживленномъ приливѣ членскихъ взносовъ (въ теченіе 1901 года поступило новыхъ членовъ 192) и пожертвованій въ различной формѣ (между прочимъ, два литератора, имена которыхъ въ настоящее время не подлежатъ оглашенію, предоставили Обществу право литературной собственности на ихъ произведенія, переходящее къ Обществу послѣ ихъ смерти). Не будь болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ пожертвованій со стороны лицъ, интересующихся развитіемъ Общества и его задачами, и субсидій, отмѣченное въ началѣ расширеніе издательской дѣятельности не могло бы быть достигнуто съ помощью однихъ членскихъ взносовъ.

Въ общемъ итогѣ результатъ дѣятельности Общества за отчетный годъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Поступило въ кассу Общества	3126 р. 80 к.
Всего, съ остатками отъ 1900 г.	3954 р. 1 к.
Израсходовано.	3539 р. 67 к.
Въ остаткѣ къ 1902 г.	414 р. 34 к.

Общее число членовъ—558, въ томъ числѣ почетныхъ—9, членовъ-сотрудниковъ—14, дѣйствительныхъ—520. Засѣданій Правленія было 8. Общее собраніе одно—годичное. Въ конечномъ итогѣ «Благотворительное Общество» за 3 года своего существованія обзавелось крупнымъ имуществомъ въ изданныхъ имъ брошюрахъ (всего на номинальную сумму 7954 р.), такъ какъ дѣйствительныя затраты, произведенныя на эти изданія, составляютъ въ общей сложности 4131 р. 48 к., т. е. на 40% ниже продажной стоимости книгъ, то, очевидно, выручка отъ продажи изданій Общества, въ общемъ, вполнѣ достаточна для покрытія какъ издержекъ по изданію, такъ и коммиссіоннаго процента и другихъ накладныхъ расходовъ.

Въ теченіе 1-го года дѣятельности Общество для своихъ операцій располагало лишь членскими взносами, тогда какъ въ 1900 г. и 1901 г. членскіе взносы—лишь половина общаго итога поступленій, а другая состояла преимущественно изъ разныхъ видовъ пожертвованій, а также выручки отъ продажи изданій, въ общей сложности доходъ 1900 г. почти вдвое превысилъ цифру 1899 г.; а поступленія 1901 г.—на 120% выше итога предыдущаго года. Что касается расходовъ, то

они росли еще въ большей пропорціи. Увеличеніе расхода спеціально на изданіе брошюръ въ 1900 году составляло 143°/₀ противъ предыдущаго года, а въ 1901 г.—уже почти 313°/₀, образовавъ въ бюджетѣ Общества значительный дефицитъ, покрытый остатками отъ прежнихъ лѣтъ.

При такихъ условіяхъ трудно, къ сожалѣнію, признать матеріальное положеніе Общества уже вполнѣ упрочившимся; если установить нормальный годовой расходъ въ 3000 р., то, даже въ предположеніи, что выручка отъ продажи изданій будетъ быстро прогрессировать, годовой бюджетъ едва-ли можетъ быть покрытъ безъ экстренныхъ поступленій. Такимъ образомъ и въ ближайшемъ будущемъ Правленіе Общества обязано заботиться о приливѣ въ его кассу денежныхъ средствъ.

Содѣйствіе въ этомъ случаѣ должны оказать во-первыхъ, сами гг. члены Общества, обыкновенно несвоевременно и неаккуратно производящіе годичные взносы, а затѣмъ и всякій сочувствующій цѣлямъ и задачамъ Общества, привлеченіемъ въ число членовъ возможно большаго количества лицъ, которыя бы своими взносами увеличивали бюджетъ симпатичнаго Общества. Пожелаемъ же, чтобы энергичное, полезное Общество въ самомъ близкомъ будущемъ не чувствовало матеріальныхъ затрудненій и развивало свою плодотворную дѣятельность какъ можно шире, какъ можно интенсивнѣе!..

В. Д.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. т. XLVI и XLVII. *У Львові, 1902, II и III в.*

Настоящіе два тома заключаютъ въ себѣ одну статью изъ области археологіи *«Магдаленське майстерство на Україні»* Хв. Вовка, и три изслѣдованія изъ области исторіи литературы и этнографіи.

Въ первой статьѣ авторъ, извѣстный знатокъ археологіи и этнографіи, останавливаетъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ изъ находокъ г. Хвойки на Кирилловской ул., въ Кіевѣ, а именно на предметахъ изъ костей мамонта, свидѣтельствующихъ объ обработкѣ ихъ человѣкомъ. Сравненіе орнамента и рѣзьбы кіевскихъ находокъ съ соотвѣтствующими западно-европейскими даетъ полное основаніе признать кіевскую стоянку относящейся къ періоду Madelein. Предметовъ этого

періода у насъ до сихъ поръ не встрѣчалось. По мнѣнію автора, въ Кіевѣ, а можетъ быть и вездѣ на Украинѣ, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшей эпохой маделенскаго періода, когда у насъ жилъ не сѣверный олень, а еще мамонтъ.

Въ изслѣдованіи *«Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруськоі легенды»* (помѣщено только начало—введеніе и 2 главы), авторъ, д-ръ Иванъ Франко, ставитъ своей задачей критическій разборъ легенды о св. Климентѣ. Легенда эта въ особенности интересна для слависта тѣмъ, что совершенно неожиданно сплетается съ исторіей первыхъ славянскихъ апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, съ нашимъ лѣтописнымъ разсказомъ о крещеніи Руси, а нѣкоторыя ея вѣтви достигаютъ позднѣйшаго періода,—княженія Ярослава. Тексты различныхъ версій и развѣтвленій этой легенды являются древнѣйшими памятниками русской письменности.

Въ первыхъ главахъ авторъ останавливается на выясненіи личности св. Климента и разборѣ повѣсти псевдо-Климента. Въ первомъ случаѣ онъ приходитъ къ тому выводу, что Климентъ легенды—авторъ посланія къ Коринѳянамъ, лицо, занимавшее довольно видное мѣсто въ римской церкви, но, вѣроятнѣе всего, не бывшее епископомъ, а тѣмъ болѣе—папой.

Цѣннымъ вкладомъ въ область изученія старо-украинской литературы является изслѣдованіе Володимера Гнатюка *«Угроруські духовні вірші»,* важное не только для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ угрорусской литературы XVII—XVIII ст., но и для характеристики вообще нашей поэзіи въ этотъ періодъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ XVII—XVIII ст. просвѣщеніе въ Угорской Руси стояло очень высоко и распространялось на всѣ слои русскаго народа. Вліяніе мадьяръ, съ одной стороны, Польши (черезъ Галичину), съ другой,—давали возможность угорскимъ русинамъ въ культурномъ отношеніи стоять не ниже своихъ сосѣдей; сношенія съ Галицкой Русью были прочнѣе и интенсивнѣе. Само собою, и національное самосознаніе, не въ новомъ, конечно, значеніи этого слова, было гораздо выше, чѣмъ въ настоящее время. О состояніи образованія не только интеллигентныхъ сферъ, но и народныхъ массъ на Угорщинѣ, свидѣтельствуютъ тѣ рукописи, которыя въ послѣднее время удалось разыскать. Ученые почти не обращали вниманія на литературное достояніе этой небольшой вѣтви украинскаго народа, оставившей столь цѣнное литературное наслѣдіе.

Въ настоящей статьѣ авторъ даетъ описаніе и знакомитъ съ содержаніемъ 12 найденныхъ имъ рукописей. Большая часть ихъ не оригинальны, а передѣлки иностранныхъ произведеній; но нѣкоторыя вещи въ этихъ рукописяхъ вполнѣ оригинальны и самобытны, въ особенности по отношенію къ духовнымъ стихамъ. Очевидно, составителями этихъ сборниковъ были интеллигентныя лица, прежде всего священники. При разсмотрѣніи рукописей замѣчается, что болѣе древнія изъ нихъ—написаны прозой, новѣйшія же заполнены преимущественно духовными стихами. Свѣтскихъ стихотвореній не встрѣчается совершенно, за исключеніемъ 1—2, хотя въ галицкихъ рукописяхъ они попадаются часто. Кромѣ того, въ угро-русскихъ пѣсенникахъ находится огромное количество Господнихъ и Богородичныхъ виршей, а мало-посвященныхъ святымъ. Это также отличаетъ ихъ отъ галицкихъ.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ статьи помѣщено пока 127 №№ духовныхъ стиховъ.

Не малый интересъ представляетъ статья д-ра Ів. Франка «*Козак Плахта. Українська народня пісня друкована в польській брошюрі з р. 1625*».

Документальныя свидѣтельства о формѣ и мелодіи нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсенъ и стихотвореній мы имѣемъ лишь съ XVII ст., преимущественно со 2-ой его половины (наиболѣе древній пѣсенникъ съ нотами опубликованъ В. Перетцомъ въ 1901 г.) Авторъ сообщаетъ текстъ украинской пѣсни, напечатанной польскими буквами въ одной польской брошюрѣ первой четверти XVII ст., принадлежащей перу нѣкоего Яна Дзвоновскаго. Пѣсня записана въ формѣ діалога между дивчыною Кулыною и козакомъ Плахтою, подговаривающимъ первую ѣхать съ нимъ на Запорожье:

Ой козаченьку, пане жъ мій,
Далекъ же маешъ домыкъ свій?

Козакъ.

Пры березі пры Дунаю
Тамъ я свою хыжу маю:
Лисъ зеленый оздобленый
Краснымъ цвитомъ, густымъ лыстомъ,
То димъ мій, то покій... (всего 92 строчки).

Наиболѣе полные и многочисленные варіанты этой пѣсни сохранились въ Галичинѣ. У насъ пѣсня эта перешла на лѣвый берегъ Днѣпра и извѣстна лишь въ 2-хъ искаженныхъ варіантахъ (у Гринченка), да еще въ отрывкѣ у Кулиша. Наиболѣе древній, самый полный по содержанію и наиболѣе красивый по формѣ—это именно варіантъ Дзвоновскаго.

Въ отдѣлѣ болѣе мелкихъ статей и «Miscellanea» слѣдуетъ отмѣтить: тепло написанный проф. М. Грушевскимъ некрологъ А. М. Лазаревскаго; текстъ украинской пѣсни, сочиненной польскимъ агитаторомъ въ 1848 г. («Гей, русыны, рука въ руку, зъ ляхомъ въ згоди, бо ляхъ братъ!»); замѣтку Б. Барвинскаго «Кимъ сьвідчився Отокаръ» (Галицко-Волынск. Лѣтопись подъ 1257 годомъ: «отца си папу и 12 пискупа, на послушьство»),—въ которой онъ доказываетъ, что въ свидѣтели авторъ призывалъ *своего* отца, а не папу; матеріалъ для біографіи Юрія Гуцы (Венелина); 6 писемъ пок. Исидора Шараневича 1862—1864 г.г.

Отдѣлъ библіографіи по обыкновенію содержитъ множество солидныхъ отзывовъ о различныхъ періодическихъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, касающихся Украины.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 8; 2) Міръ Божій, № 8; 3) Историческій Вѣстникъ, № 8; 4) Рус. Старина, № 8; 5) Рус. Мысль, № 7; 6) Научное Обозрѣніе, № 7; 7) Новое Дѣло, № 6 и 7; 8) Университетскія Извѣстія, № 7; 9) Труды Кіев. Духовной Академіи, № 8; 10) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 7; 11) Книжки Восхода, № 7; 12) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 6; 13) Літературно-Науковый Вістникъ, № 8; 14) Журналъ для всѣхъ, № 7 и 8; 15) Cesky Lid, № 6—10; 16) Slowanský Přehlend, № 5 и 8; 17) Wisła, кн. 1,2 и 3; 18) Biblioteka Warszawska, № 2—7; 19) Kwartalnik Historyczny, № 1 и 2.

Вѣстникъ Европы, № 8.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» помѣщена статейка (стр. 813—817) по поводу книги *Д. Н. Вергуна* «Червонно-русскіе от-

звуки». Львовъ. 1901 г. Дѣлая общую оцѣнку поэзіи Вергуна со стороны проглядывающихъ въ ней мыслей, а также и со стороны языка, яко-бы литературно-русскаго, авторъ статьи г. Д. касается и вопроса о положеніи въ Галиціи двухъ политическихъ и литературныхъ партій.

Міръ Божій, № 8.

Н. Котляревскій. Николай Васильевичъ Гоголь 1829—1842 г. (Продолженіе, стр. 1—39). Здѣсь, въ главѣ 9-й, идетъ рѣчь о занятіяхъ Гоголя исторіей Малороссіи, объ его увлеченіи малорусскими пѣснями, о неоконченной повѣсти «Остраница» и о повѣсти «Тарасъ Бульба» (стр. 13—21, 27—28). Въ главѣ 10-й разсматриваются повѣсти «Вій», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (стр. 30—32).

Историческій Вѣстникъ, № 8.

Херсонская старина (отд. «Смѣсь», стр. 649). Маленькая замѣтка объ историческихъ памятникахъ въ Херсонѣ временъ Екатерины 2-й. *(См. текущія извѣстія).*

Некрологъ А. А. Андріевскаго (стр 655—656).

Русская Старина, № 8.

Прототипъ Бобчинскаго (стр. 248). Маленькое сообщеніе интереснаго письма къ Д. П. Трощинскому.

(См. въ текущихъ извѣстіяхъ).

Русская Мысль, № 7.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ данъ краткій отзывъ о книгѣ *В. Шенрока* «П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Кіевъ 1902 г.» (стр. 239)

Новое Дѣло, № 7.

Проф. А. Н. Красновъ. «По русскому югу. II. Харьковщина» (стр. 35—57). Настоящая статья является продолженіемъ путе-

выхъ впечатлѣній автора изъ посѣщенія харьковской губерніи. Давъ краткое описаніе природы края, авторъ останавливается, главнымъ образомъ, на характеристикѣ населенія съ цѣлью нарисовать болѣе или менѣе подробную картину современнаго быта нашего народа. Указавъ на трудность и даже невозможность сдѣлать общую характеристику современнаго сельскаго населенія, и предоставивъ это дѣло «людямъ верхоглядствующимъ», авторъ рѣшилъ дать рядъ отдѣльныхъ очерковъ. Данный очеркъ посвященъ описанію жилища, обстановки въ немъ, одежды и убранствъ; наконецъ, авторъ дѣлаетъ попытку характеристики общественнаго строя современнаго малороссійскаго села, классификаціи сельскаго населенія и его духовнаго облика.

Университетскія Извѣстія, № 7.

А. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско—Русскаго государства XIV—XVI в.» (стр. 1—40). Статья представляетъ собою очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества, начиная съ первой четверти XIV в., когда Пинское Полѣсье вошло въ составъ Литовскаго государства Гедимина, до половины XVI ., когда Туровъ послѣ смѣны ряда владѣтелей отошелъ во владѣніе короны въ составѣ сначала Троцкаго, а послѣ 1564 г.—Берестейскаго воеводства, а Пинскъ, вмѣстѣ съ Городкомъ—по оставленіи королевой Боной Польши.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Приложенія къ сочиненію «Государственное хозяйство Литовской Руси при Яггелонахъ» (XXXVII—LXVIII), содержатъ въ себѣ данныя по исторіи тарифа, уставы и универсалы о мытѣ, акцизѣ и другихъ источникахъ доходовъ государства.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 7.

Е. Ѳ. Будде. «Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка» (стр. 1—27).

Чтобы опредѣлить мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго языка для каждаго даннаго писателя по языку его произведеній, нужно установить критерій для оцѣнки языка литературныхъ произведеній. Такимъ критеріемъ, или нормою при оцѣнкѣ и сравненіи языка каждаго литературнаго произведенія авторъ при-

знаетъ языкъ Пушкина, принимая его вмѣстѣ съ исправленіями и добавленіями, принятыми позднѣйшимъ литературнымъ языкомъ. Степень отклоненія отъ этой нормы у даннаго писателя опредѣлится научнымъ анализомъ морѳологіи, синтаксиса и лексикологіи даннаго писателя, при чемъ историческая хронологія формъ словоизмѣненія, формъ словосочетанія и лексикологіи должна точно опредѣлить намъ тѣ условія, при которыхъ допустимы данныя формы въ ихъ эволюціонномъ движеніи въ языкѣ послѣ Пушкина, и тѣ условія, при которыхъ данныя формы являются анахронизмомъ или регрессирующимъ элементомъ языка для даннаго періода его жизни. Съ такою мѣркою авторъ подвергаетъ разбору со стороны языка «Мертвыя души» Гоголя, указывая, что́ въ языкѣ Гоголя обусловлено состояніемъ современнаго ему языка литературы, и за что онъ, слѣдовательно, не отвѣтственъ, затѣмъ, въ чемъ онъ регрессировалъ, и что́ онъ внесъ въ языкъ новаго и удачнаго.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 6.

Г. Ик. Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества (стр. 84—87). (См. отдѣлъ «Текущія извѣстія»).

Н. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. 1729--1730 г. (Приложеніе, стр. 33—64).

Літературно-Науковий Вістник, кн. VIII.

Із поезий Надії Кибальчич.—Із поезий Івана Плешкана.—Із поезий Митра Короля.—На старі теми, Івана Франка.—Поворот, повість Вол. Лаврівського (конець буде).—На рідному перелозі, Олександра Журбенка. І. Ти побідив... II. Нежданa рецензия.—Мінятури: І. На річцї, В. Поточного. II. Штрьоф (кара), Ілярія Карбулицького. III. На провеснї. А. Веретельника.—Із словінських письменників. Переклад Гриця Тимощука.—Із ескізів Зофки Кведерової: І. І то любов, II. Нужда і III. Криниця. — Із оповідань Франка Мешка: Пізнанє.—Із «дияльогів» Джакомо Леопарди. Переклад П. Карманського:—І. Розмова Землі з Місяцем, II. Розмова вчителя гум. наук та Саллюстія.—Із англійських поетів. Перекл. П. Грабовського.—Дмитро Маркович. Літературна характеристика Є. Волоха,—Раси

Европи і їх історичні взаємини, Д-ра Владислава Олехновича. Переклав В. Г.—І. Арийське питанне з точки погляду фільольогії і історії (далї буде).—Із славянських лїтератур. Огляд за рік 1901: І. Болгарська лїтература въ р. 1901. Перекл. Остапа Луцького.—Новини нашої лїтератури: І. Вікъ 1798—1898. Ів. Франка. II. Палій воскреситель правобережної України. Історичне оповіданя. Рецензія Вільхівського.—Уряд і горілчана монополїя—В. Мировця.—Хроніка і бібліографія.

Slovansky prehled. Годъ IV (1902), вып. 5 и 8.

Володимірь Гнатюкъ. Изъ галицкой Руси. Разсказавъ исторію извѣстнаго столкновенія студентовъ русиновъ львовскаго университета съ профессорами изъ-за правъ малорусскаго языка и за малорусскія каѳедры, авторъ характеризуетъ отношеніе польской журналистики и польской молодежи къ этому спору и отмѣчаетъ, что студенческая польская молодежь большею частью стала на сторону недовольныхъ. Авторъ придаетъ этому факту большое значеніе для будущаго (вып. 5).

Wisła. Томъ XVI (1902), вып. 1, 2 и 3.

Яр. Равита-Гавронскій сообщаетъ записанныя въ Тарнавѣ подъ Добромилемъ двѣ малорусскія сказки о чортѣ: 1. Хитрый мужикъ. 2. Какое зерно сѣетъ Господь Богъ, а какое чортъ? (Вып. 2, смѣсь).

Г. Лопацинскій. Древнѣйшія административныя дѣленія нынѣшней люблинской губерніи (съ картой). (Вып. 3).

Biblioteka Warszawska. Годъ 62 (1902), вып. 734—738.

Д-ръ Брониславъ Лозинскій. Два историческихъ упыря. Генералъ Бенедекъ и староста Брейнль (Галичина въ 1846 г.) Разсказана печальная трагедія неудавшагося польскаго возстанія въ 1846 г. и послѣдовавшей за нимъ рѣзни въ зап. Галичинѣ. (Вып. 737 и 738).

Kwartalnik historyczny. RocznikX VI. Zeszyt I и II.

Jan Leszczyński. Cesya wschodnio-galicyjska na rzecz Rosyi. На основаніи архивныхъ матеріаловъ авторъ даетъ исторію переговоровъ объ уступкѣ Австріей Россіи части восточной Галичины съ населеніемъ въ 400 тысячъ душъ на территоріи повѣтовъ Золочовскаго, Бережанскаго, Тарнопольскаго и Залещицкаго. Къ уступкѣ этой Австрія обязалась шенбрюнскимъ трактатомъ 14-го октября 1809 года. Исторія управленія Россіи въ восточной Галичинѣ представляетъ для автора исключительный историко-политическій интересъ и этому вопросу онъ намѣренъ посвятить цѣлое изслѣдованіе, часть котораго составляетъ настоящая статья (№ 1).

Д-ръ Владиславъ Абрагамъ. Латинскія епископства въ Молдавіи XIV и XV ст. (Очень осторожное и цѣнное изслѣдованіе темнаго вопроса, составленное частью по архивнымъ даннымъ). (№ 2, стр. 172—207).

Антоній Прохаска Львовскій рокошъ 1537 г. (Продолженіе, № 2, Стр. 208—242).

Кароль Потканскій. О происхожденіи] славянъ. По поводу работъ проф. Нидерле (№ 2, стр. 243—261).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Въ обзорѣ статей за прошлый мѣсяцъ въ нашемъ журналѣ [1]) была отмѣчена статья г. Лотоцци «Родной языкъ въ народной школѣ», а также и вызванная ею статья «Въ защиту хохликовъ» «Одного изъ Енко». Несмотря на давность предмета полемики, многократное и всестороннее освѣщеніе его въ печати со стороны теоріи и практики людьми науки и литературы, полемика не ограничилась только двумя названными статьями. Въ «Спб. Вѣдом.» (№ 220) появилась весьма обстоятельная отвѣтная статья «Одному изъ Енко» со стороны г. С. Л., подъ заглавіемъ «Языкъ и школа», а затѣмъ въ защиту правъ родного языка въ народной школѣ на страницахъ «Новаго Дѣла» (№ 30) г. Гофштетеръ помѣстилъ прекрасную статью «Малорусская грамота».

---

[1]) Кіев. Ст. № 7—8, стр. 86.

О достоинствахъ полемическихъ пріемовъ «Одного изъ Енко» мы уже упоминали въ прошлый разъ и теперь скажемъ, что самымъ лучшимъ отвѣтомъ на подобнаго сорта статьи нужно было бы признать молчаніе. И вотъ почему. Читая подобныя статьи, затрудняешься дать себѣ отвѣтъ на вопросъ: «плодомъ чего явилась подобная статья?» Если устами этихъ «енковъ» говоритъ незнаніе, исключающее возможность пониманія какъ самого предмета спора, такъ и аргументаціи, то спорить тутъ нечего. Если же мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ, а съ притворнымъ непониманіемъ того, что совершенно понятно и ясно, то здѣсь споръ оказывается лишнимъ. И та и другая категорія чаще всего, взамѣнъ серьезной аргументаціи, прибѣгаетъ къ пріемамъ остроумничанья и къ красивымъ фразамъ. Это импонируетъ и производитъ впечатлѣніе на широкую публику, особенно тамъ, гдѣ эта публика не можетъ противопоставить развязности автора провѣренныхъ строгой критической мыслью знаній. Поэтому, имѣя въ виду не «енковъ», а читателей, приходится вооружаться терпѣніемъ и повторять то, что твердилось уже десятки и сотни разъ... Такую неблагодарную работу и вынужденъ былъ выполнить г. С. Л., въ своей отвѣтной статьѣ «Языкъ и школа», и справедливость требуетъ признать, что взятая на себя задача выполнена г. С. Л. прекрасно. С. Л. останавливается, главнымъ образомъ, на томъ мѣстѣ статьи г. «Енко», гдѣ онъ силится доказать, что литературная дѣятельность на украинскомъ языкѣ равносильна «искусственной, добровольческой прищепкѣ или окулировкѣ» на стволѣ русской литературы новой вѣтки, которая можетъ лишь «ослабить плодоносящую силу племени», но, очевидно, предвидя возраженія въ видѣ ссылокъ на фактъ существованія еще многихъ другихъ родственныхъ вѣтокъ, дѣлаетъ оговорку такого рода: «было бы жестоко, неразумно и даже невозможно не только свести на нѣтъ, но остановить дальнѣйшее развитіе такихъ языковъ, какъ польскій, чешскій, сербскій», а потому—«невольно приходится мириться съ естественно установившимися границами, съ укрѣпившимися вѣтвями расы»; что же касается украинскаго языка, то г. «Енко» не хочетъ съ нимъ мириться ни вольно, ни невольно, вѣроятно, потому, что онъ «вуличный», забывая, очевидно, тотъ фактъ, что великій Пушкинъ рекомендовалъ учиться великорусскому языку на московскихъ улицахъ, и признаетъ вполнѣ разумнымъ и возможнымъ «сведеніе его на нѣтъ».

С. Л. пришлось по этому поводу кратко коснуться исторіи украинскаго языка съ цѣлью показать, что малорусская литература, какъ органическая вѣтвь славянскаго корня, возникла, развивалась и упрочилась давнымъ давно, начиная съ «Слова о полку Игоревѣ», актовъ литовско-русскаго княжества, перевода священнаго Писанія (Скориною) и т. д., вплоть до «Энеиды» Котляревскаго, которой начинается новый періодъ развитія украинской литературы. Перейдя къ новой украинской литературѣ, С. Л. говоритъ, что эта литература не только не являлась какимъ-то искусственнымъ наростомъ на тѣлѣ русскаго литературнаго языка, но, напротивъ, она умѣла идти своей дорогой и говорить свое слово. «Черпая свое содержаніе изъ народной жизни, малорусская литература неизмѣнно была демократическою и дала въ повѣстяхъ Квитки образцы народническаго направленія задолго до «Деревни» Григоровича. Такая причина—близость къ народной жизни—обусловила преобладаніе въ малорусской литературѣ здороваго реализма. Въ лицѣ Шевченка малорусская литература нашла высшаго выразителя народнаго духа, творчество котораго дало бы намъ, быть можетъ, произведенія міровой величины, если бы его геній не былъ сломанъ внѣшними условіями». Коснувшись «внѣшнихъ условій», С. Л. говоритъ, что «эти условія не переставали сопровождать развитіе малорусской литературы съ самаго того времени, когда ея размѣры начали тревожить воображеніе предшественниковъ г. «Енка». Любопытно,—добавляетъ С. Л.—что и тогдашніе «защитники хохликовъ» были также, по выраженію г. «Енка», «отпрысками сѣраго хохла», и эти отпрыски такъ усердно заботились о своихъ землякахъ, что скоро малорусское слово сдѣлалось въ предѣлахъ Россіи опальнымъ и гонимымъ».

Трактуя о языкѣ школы, г. «Енко» говоритъ, что «хохлику» на каждомъ шагу нуженъ въ практической жизни чистый русскій литературный языкъ, а потому «чѣмъ раньше хохликъ начнетъ имъ заниматься, тѣмъ быстрѣе и основательнѣе изучитъ его». На этотъ старый, избитый аргументъ С. Л. возражаетъ, что задача народной школы должна заключаться не въ обученіи только русскому языку, а «въ начальномъ образованіи и просвѣщеніи вообще, и что только съ помощью родного языка первоначальное обученіе можетъ идти легко, свободно, а усвоеніе знаній прочно и умственное развитіе дѣтей нормально». Теоретическое обоснованіе этой истины давно уже дано въ замѣчательномъ изслѣдованіи Потебни «Мысль и языкъ», а практическія доказатель-

ства не менѣе давно приводились и продолжаютъ приводиться людьми практики—народными учителями въ ихъ отчетахъ и статьяхъ; наконецъ, самымъ яркимъ доказательствомъ крайне печальныхъ послѣдствій принятой въ малорусскихъ губерніяхъ системы обученія является статистика грамотности новобранцевъ: почти всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ дали (въ 1874—1883 г.г.) процентъ безграмотности значительно выше средняго: Черниговская—81, 17, Екатеринославская—82, 24, Харьковская—85, 95; Кіевская—86, 10; Полтавская—87, 05; Волынская 87, 56; Подольская—88, 64; тогда какъ въ губерніяхъ великорусскихъ процентъ безграмотныхъ, большею частью, ниже средняго: такъ, въ Ярославской—36, 58; Московской—47, 36; Владимірской—57, 66; Тверской—58, 52; Калужской—67, 18 и т. д. Приведши эти печальныя статистическія цыфры, С. Л., пользуясь образнымъ выраженіемъ г. «Енко», назвавшаго русскій языкъ «крыльями для хохликовъ», могущими ихъ нести по пути прогресса, съ горечью замѣчаетъ: «плохими, очевидно, крыльями служитъ русскій языкъ для учащихся хохликовъ». Въ заключеніе же своей статьи С. Л. говоритъ: «если культурный подъемъ народной массы имѣетъ какую-либо цѣну для государственнаго организма, то въ основу народнаго образованія должна быть положена раціональная школа, однимъ изъ условій которой является начальное обученіе на родномъ, материнскомъ языкѣ; лишь этимъ путемъ могутъ быть устранены тормазы, затрудняющіе школьнику доступъ къ просвѣщенію и обусловливающіе культурную отсталость малорусской крестьянской массы, сравнительно съ великорусской. Если желательна разработка «таящихся въ черноземной хохлацкой силѣ богатыхъ залежей таланта и ума», то нужно вынуть палки, вставленныя въ колеса малорусской литературы, въ которой находятъ свое естественное выраженіе духовныя силы малорусскаго народа. Если же нужна не столько разработка, сколько «переработка» этихъ силъ, то надо имѣть смѣлость открыто подать руку братьямъ по духу, «педагогамъ» прусской Польши»...

Съ неменьшимъ интересомъ читается прекрасно написанная статья г. Гофштетера въ отвѣтъ «Одному изъ Енко». Такъ какъ г. «Енко» заявилъ, что отрицательное его отношеніе къ правамъ украинской литературы на существованіе и желаніе полнаго упраздненія ея вытекаютъ изъ совершенно безкорыстнаго желанія послужить общерусскому прогрессу, цивилизаціи и интересамъ малорусской массы, то г. Гофштетеръ и начинаетъ свою статью съ уличенія г. «Енко» въ не-

пониманіи смысла употребляемыхъ имъ словъ «цивилизація», «прогрессъ» и т. п. и въ полномъ невѣдѣніи той органической связи, какая существуетъ между исторіей народа и его языкомъ и литературой. «Мы какъ-бы забываемъ, говоритъ г. Гофштетеръ, что языкъ народа.— это выраженіе національной души, носитель своеобразнаго типа мышленія, ядро, изъ котораго постепенно развивается духовная индивидуальность націи. Съ точки зрѣнія культурной въ немъ нужно выше всего цѣнить именно эти внутреннія, глубокоскрытыя, но тѣмъ не менѣе богатыя перспективы. Все, что пережито народомъ, все, что воспринято имъ изъ окружающей жизни и природы за цѣлыя тысячелѣтія,—все отпечатлѣлось въ его языкѣ, и заставить его забыть свой языкъ, во имя общенаціональной цивилизаціи или общечеловѣческаго прогресса значитъ, въ сущности, обезличивать эту цивилизацію, обкрадывать этотъ прогрессъ», ибо «цивилизацію нельзя понимать, какъ нѣчто похожее на аракчеевское подведеніе всѣхъ подъ одинъ ранжиръ; она требуетъ неустаннаго живого творчества, всякое же творчество требуетъ не самообезличенія, а напротивъ—возможно широкаго и свободнаго раскрытія, смѣлаго обнаруженія своей внутренней личности. Для духовнаго развитія человѣчества необходимо возможно болѣе богатое разнообразіе психическихъ элементовъ. Основаніемъ этой дифференціаціи служатъ расовыя различія, выработавшіяся подъ вліяніемъ географическихъ условій, а залогомъ ея въ грядущемъ—множественность племенныхъ нарѣчій, живыхъ носителей пережитой исторіи, зародышей цѣлыхъ легіоновъ новыхъ психическихъ типовъ, новыхъ строевъ мысли, новыхъ міросозерцаній». Прекрасно выяснивъ глубокую органическую связь между исторіей народа и его литературой, г. Гофштетеръ объясняетъ тѣ логическія противорѣчія, въ которыхъ путается «Одинъ изъ Енко», благодаря незнанію этой связи, иначе нельзя было бы объяснить того, что отрицая существованіе въ нынѣшнемъ и возможность существованія въ будущемъ украинской литературы, г. «Енко» признаетъ, однакоже, Т. Шевченка. «Можно подумать, говоритъ г. Гофштетеръ, что послѣдній упалъ съ неба, словно какой-то литературный аэролитъ, а не выросъ исторически изъ народной почвы и не имѣлъ до себя множества безвѣстныхъ поэтовъ, создавшихъ тысячи чудныхъ малороссійскихъ легендъ, сказаній, пѣсенъ, эту устную литературу народа». Что же касается увѣренія г. «Енко» будто-бы и самаго украинскаго языка, на которомъ говоритъ многомилліонный народъ, вовсе не существуетъ, и что его только еще

хотятъ создать Кропивницкій со Старицкимъ, то г. Гофштетеръ называетъ его не болѣе какъ очень смѣлымъ, но болѣе, чѣмъ рискованнымъ парадоксомъ..

Ни въ какомъ случаѣ не желая дать своего согласія на признаніе законности существованія народной школы съ украинскимъ языкомъ, г. «Енко» требуетъ господства московскаго говора на томъ основаніи, что «московскому говору посчастливилось» занять господствующее положеніе. Въ высшей степени удачно замѣтивъ по поводу этого аргумента г. «Енко», что рѣшеніе судьбы языковъ не имѣетъ ничего общаго съ игрой въ «орлянку» или въ «четъ и нечетъ», г. Гофштетеръ говоритъ, что государственное единство и государственное значеніе русскаго языка вполнѣ совмѣстимы съ существованіемъ и развитіемъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій и поднарѣчій. Что это такъ, онъ ссылается на примѣръ дѣятельности А. Н. Милютина въ Польшѣ, который, приступая къ объединенію гражданскаго управленія полуавтономной Польши съ Россіей, счелъ своимъ долгомъ провести законъ, по которому преподаваніе въ начальныхъ школахъ производилось бы непремѣнно на языкѣ мѣстной народности, безразлично, кто-бы ни населялъ данную округу: поляки, малороссы, литовцы, латыши, эсты и даже нѣмцы.

Свою статью г. Гофштетеръ заключаетъ слѣдующими словами: «нельзя забывать, что по сложности своего племенного состава Россія немножко похожа на любимую москвичами настойку «сорокатравку». Желаніе непремѣнно привести всѣхъ къ одному знаменателю при такихъ условіяхъ потребуетъ отъ нея непосильной затраты труда, которая будетъ на руку только ея западному противнику. Закономъ ея нормальной гражданской жизни, роста и развитія должно быть политическое единство съ полной энтографической свободой. Естественному процессу проникновенія хохла русскими государственными принципами не можетъ помѣшать ни малорусская школа, ни малорусская литература, ни законное пристрастіе ко всему родному. А между тѣмъ не такъ еще далеки отъ насъ времена, когда любовь малоросса къ своей родинѣ считалась чуть-ли не измѣной отечеству»; въ настоящее же время «у насъ книги и газеты издаются на польскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, латышскомъ, татарскомъ, финскомъ языкахъ, чему нисколько не мѣшаютъ призраки сепаратизма, а есть ли въ Россіи хоть одна малорусская газета?»

По словамъ «Бирж. Вѣд.» (№ 222) извѣстный собиратель древностей Т. Кибальчичъ, составивъ опись древнихъ храмовъ и другихъ религіозныхъ и гражданскихъ памятниковъ, хранящихся въ монастырскихъ ризницахъ и приходскихъ церквахъ Россіи, въ настоящее время приступилъ къ составленію описи примѣнительно къ существующей сѣти желѣзныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній. Цѣль составителя этой первой описи древняго государственнаго имущества—дать возможность ученымъ и художникамъ болѣе удобно обозрѣвать и изучать древніе отечественные памятники и развить въ обществѣ любовь къ путешествіямъ по Россіи, сохраняющей въ своихъ предѣлахъ памятники искусства: греко-римскаго, древне-христіанскаго, византійскаго, татарскаго, генуэзскаго и чисто русскаго. Опись эта, опубликованная во всеобщее свѣдѣніе, можетъ быть также полезна въ дѣлѣ охраны древнихъ сооруженій отъ искаженій и уничтоженія, которыя такъ часто повторяются въ послѣднее время. Частный трудъ этотъ по мѣрѣ изготовленія, предполагается къ выпуску частями.

Памяти скончавшагося сотрудника нашего журнала А. А. Андріевскаго посвящено было не мало некрологовъ, изъ которыхъ, кромѣ напечатанныхъ за 12 іюля въ мѣстныхъ газетахъ, отмѣчаемъ слѣдующіе: въ «Рус. Вѣд.» № 200; въ «Югѣ» № 1248; въ «Южномъ Обозрѣніи»—№ 1871 и 1877, въ «Одес. Лист.» № 209.

Въ № 1265 газеты «Югъ» напечатана краткая библіографическая замѣтка г. Ков-Кол. на «Драмы и комедіи» Б. Гринченка. Въ № 1270 той же газеты помѣщена замѣтка того же автора на три тома сборника «Викъ».

Издателю-редактору выходящаго въ гор. Ригѣ журнала «Сѣверо-Западная Недѣля» И. И. Высоцкому разрѣшено перенести изданіе журнала въ гор. Кіевъ, переименовать его въ «Юго-Западную Недѣлю» и выпускать по новой программѣ. («Бирж. В.» № 205).

Старшему врачу одесской городской больницы И. Ѳ. Сабанѣеву разрѣшено издавать въ гор. Одессѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, еженедѣльный журналъ подъ на-

званіемъ: «Южныя Записки», по программѣ: 1) Правительственныя сообщенія. 2) Статьи научныя по всѣмъ отраслямъ знанія. 3) Статьи историческія и экономическія. 4) Хроника важнѣйшихъ событій русской и заграничной жизни. 5) Литературныя обозрѣнія и изящная словесность. 6) Театръ и искусство. 7) Корреспонденціи. 8) Библіографія и біографія. 9) Объявленія. Срокъ выхода еженедѣльный. („Югъ" 1266).

Спб. славянскому благотворительному обществу разрѣшено возобновить изданіе ежемѣсячнаго безцензурнаго журнала „Извѣстія с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества" подъ редакторствомъ В. Н. Кораблева. („Бирж. В.", № 201).

Въ газетѣ „Югъ", (№ 1252) напечатана статья А. Гри „Дидъ Каланчакъ". 130-лѣтній старикъ, житель Карантиннаго острова, Михаилъ Комаровъ, по прозванію Каланчакъ, уроженецъ александрійскаго у. с. Колонтаева Давъ довольно подробную біографію Комарова, авторъ говоритъ, что иногда онъ вспоминаетъ эпизоды изъ своего дѣтства, полнаго крайне интересныхъ исторій о козачествѣ, о мѣстной жизни, иногда, впрочемъ, онъ собственную фантазію и слышанные имъ въ юности фантастическіе разсказы про всякую «чертовщину» искренно принимаетъ за факты дѣйствительной жизни, и разсказываетъ о нихъ такъ, какъ будто онъ самъ или его ближайшіе родственники были свидѣтелями сообщаемаго; особенно много любитъ дѣдъ говорить о зарытыхъ въ окрестностяхъ Херсона и островахъ кладахъ запорожскихъ и турецкихъ. Каждый кладъ въ его устахъ имѣетъ свою особую исторію, на половину взятую изъ дѣйствительной жизни, на половину изъ міра фантазіи и сказокъ. На вопросъ слушателя, почему дѣдъ самъ не добываетъ извѣстныхъ ему кладовъ, онъ обыкновенно объясняетъ, что самому добывать ихъ не сподручно, такъ какъ его спроста не достанешь. Нечистая сила по словамъ дѣда—крѣпко бережетъ эти клады и нужно имѣть надежнаго и храбраго человѣка себѣ въ товарищи, чтобы пойти на такое дѣло. А между тѣмъ богатствъ зарыто въ землѣ несмѣтное количество. Въ иномъ мѣстѣ всѣ богатства цѣлаго турецкаго города лежатъ да ждутъ хорошаго человѣка, кому Богъ назначилъ ими владѣть. Только никто не знаетъ, гдѣ они закопаны, и что нужно сдѣлать, чтобы ихъ достать. Пробовалъ было старый подыскать себѣ

товарища и начать раскопки. Разъ даже взялъ къ себѣ въ компанію самую опытную ворожку, которая сама нечистымъ ворочала, да и это не помогло. Какъ только дорылись они до каменной плиты, подъ которой находится кладъ, ворожка не выдержала. «Якъ пишла страховына, якъ почалось, якъ почалось», разсказывалъ дѣдъ, «повыходылы зъ земли вси туркы й турчанкы зъ малымы дитьмы, що булы порizани козакамы, та поставалы вси на краю выкопанои намы ямы. А зъ ихъ ранъ тече гаряча кровъ прямо въ яму, и залывае іи зъ верхомъ. А бусурманы на насъ мовчкы та такъ гризно дывлятся». Не выдержала такого ужаса и сама ворожка, особенно когда почувствовала и увидала вокругъ себя въ ямѣ горячую красную жижу и пустилась на утекъ. Тогда вся нечистая сила захохотала дѣду прямо въ лицо и такъ-же быстро исчезла, какъ и появилась. Все попрежнему было тихо и спокойно, и дѣдъ пошелъ разыскивать своего трусливаго товарища въ юбкѣ, которая «зъ переляку ажъ...», и ни за какія блага въ мірѣ не желала снова заводиться съ нечистыми.

Далѣе авторъ говоритъ, что кромѣ этихъ фантастическихъ разсказовъ, онъ не разъ слышалъ изъ устъ дѣда и правдивыя, удивительно ярко воспроизводимыя имъ исторіи изъ жизни козачества и позднѣйшихъ военныхъ поселеній. Одна изъ нихъ „Роковая козацкая заутреня“ была напечатана въ пасхальномъ № „Юга“ за 1900 г. Г. Гри обѣщаетъ подѣлиться съ читателями еще кой-чѣмъ изъ разсказаннаго ему „дидомъ Каланчакомъ“.

Въ № 1539 «Приднѣпр. Края» помѣщена большая статья П. Безобразова подъ заглавіемъ „Запорожкая старина“. Авторъ статьи знакомитъ читателей по Эварницкому съ исторіей, бытомъ и строемъ Запорожья. Въ заключеніе статьи г. Безобразовъ высказываетъ пожеланія, чтобы образованные жители Екатеринославщины заинтерисовались многочисленными историческими памятниками, разсѣянными по екатеринославской губ., полюбили родную старину и чтобы Екатеринославъ считалъ своимъ роднымъ дѣломъ храненіе и изслѣдованіе ея.

Въ № 165 «Волыни» г. Эм. помѣстилъ небольшую замѣтку подъ заглавіемъ: «Обжынкы» въ житомирскомъ уѣздѣ».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Архивъ кн. Куракина. Т. X. Москва, 1902.

Богдан Лепкий. Щаслива година. (Збірка оповідань) стр. 131.

Богословскій Вістникъ. Т. III. вип. III. 1902.

Bronisław Dembiński. Źródła do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski. T. I—Polityka Rossyi i Prus wobec Polski od początku sejmu Czteroletniego do ogłoszenia constytucyi 3-go maja (1788—1791). Lwów 1902 r.

Добромъ все пересилишь. Переводъ съ малорусскаго. Изд. Харьковскаго Комитета Грамотности № 76. Харьковъ, 1901. стр. 46, ц. 3 коп.

Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя и его статей автобіографич. характера. Сост. Г. Русановъ. Изд. «Посредника». Москва, 1902. Ц. 25 к.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Екатеринодаръ, 1902.

Карбулицький Іларій. Ахтемій. Оповіданне. Видан. тов. «Руськоі Бесіди» в Чернивцях, ч. 165. Чернивці. 1902, стр. 19; ціна 12 сотиків.

Кужела Антон. Три Коломийки на фортепян. Ціна 1 к. 50 с. Чернивці.

Левицький В. Матеріяли до фізичноі терминольогиі. Часть 4. Відбитка з VIII т. II вип. Збірника матем.-природ.-лікар. секциі. Львів. 1902, стор. 12.

Левицький В. Матеріяли до математичноі терминольогіи. Відбитка з VIII т. II вип. тіеіж секциі. Львів. 1902, стор. 33.

Марко Вовчокъ. Оповидання т. I и II. Кыивъ, 1902. Цина кожного тому 50 к.; на кращ. пап. 75 к.

Мезіеръ А. В. Русская словесность съ XI по XIX ст. включительно. Библіографическій указатель произведеній рус. словесности въ связи съ исторіей рус. литературы. Ч. II съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. СПБ. 1902, Стр. VI+650+II. Ц. 4 р.

Сурмаченко. Г. Е. Нисенитныци. 132 стр. Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

Третій випускъ розпочатого «Станіславським Бояном» видавництва музичного. Ціна випуску 1 кр.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Кн. IV. Владиміръ, 1902. Стр. II+86+106+28+38+99+39.

Угро-руськи народны спѣванкы. Т. I (20 аркушів, 900 спиванок, записаних з уст марамарошських русинів) Будапешт. Ціна з пересилкою 3 кр. 45 с., а в Росиі 2 р.

Федорченко Ив. Въ чаду мрій. Вирши и писни. Кыивъ, 1902. Ц. 10 к., на липшимъ папери 15 коп.

Шестаковъ Д. П. Памяти Т. Г Шевченка (Къ 40 лѣтію кончины поэта 26 февраля 1861—1901 г.). Ц. 15 коп.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1902 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 сентября 1902 года.

О сектантахъ въ Кіевщинѣ. [1]

Минуло уже болѣе 30-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ малорусскомъ народѣ возникло религіозное броженіе, выразившееся въ созданіи штунды и другихъ сектъ. За это время южнорусское сектантство успѣло пережить весьма сложный эволюціонный процессъ, далеко еще не законченный и въ настоящую пору. Нѣтъ надобности объяснять, какой огромной важности интересъ для цѣлей научныхъ и общественныхъ должно бы представлять детальное и всестороннее изученіе этого любопытнаго процесса, воочію совершающагося передъ всѣми и притомъ не гдѣ-либо въ глуши сибирскихъ тайгъ, а въ самой культурной полосѣ Россіи, въ районѣ трехъ университетскихъ городовъ. Столь крупное и интересное явленіе въ народной жизни почти исключительно привлекаетъ—по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ—вниманіе миссіонеровъ, да еще развѣ народившихся въ недавнее время особаго рода экспертовъ по сектантскимъ дѣламъ. Иныхъ же наблюдателей, которые были бы заинтересованы сектантскимъ движеніемъ не съ профессіональной точки зрѣнія, что-то не появляется,—можетъ быть прежде всего потому,

[1] По поводу брошюры В. И. Ясевичъ-Бородаевской: Сектантство въ Кіевской губерніи. Баптисты и малеванцы. Спб., 1902. Стр. 42.

что для многихъ затрудненъ и самый доступъ къ такимъ наблюденіямъ. Вѣдь, помимо разныхъ внѣшнихъ препятствій, такому наблюдателю предстояло бы, прежде всего, преодолѣть столь естественное у сектантовъ недовѣріе къ постороннему лицу, почему-то интересующемуся ихъ религіозною жизнью, а это дѣло весьма трудное и не всякому посильное.

Г-жа Ясевичъ обладаетъ въ этомъ отношеніи завиднымъ преимуществомъ. Болѣе 15-ти лѣтъ она съ рѣдкимъ усердіемъ изучаетъ бытъ и вѣрованія южнорусскихъ сектантовъ, ежегодно объѣзжаетъ различныя мѣстности Кіевской, Херсонской и Екатеринославской губерній, живетъ подолгу среди сектантовъ, успѣла давно уже свести личное знакомство съ ихъ вожаками и заручиться ихъ полнымъ довѣріемъ. Свои интересныя наблюденія она не разъ уже сообщала въ журнальныхъ статьяхъ и въ ноябрѣ 1900 года съ большимъ успѣхомъ прочла въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императ. Географическаго общества докладъ о кіевскихъ сектантахъ, сопровождаемый хоровымъ исполненіемъ ею же записанныхъ сектантскихъ духовныхъ кантовъ.

Въ настоящее время этотъ докладъ напечатанъ въ журн. «Живая Старина» и отдѣльною брошюрой, и мы находимъ умѣстнымъ подѣлиться съ читателями наиболѣе существенными выводами и наблюденіями почтенной изслѣдовательницы, касающимися двухъ главныхъ южнорусскихъ сектъ: баптизма и малёванства.

Подъ именемъ «баптистовъ», о которыхъ говоритъ г-жа Ясевичъ, разумѣются не кто иные, какъ наши штундисты. Извѣстно, что сами штундисты никогда себя такъ не называютъ, а при судебныхъ и административныхъ слѣдствіяхъ и допросахъ, обыкновенно именуютъ себя «баптистами». Присяжные эксперты всегда протестуютъ противъ этого, утверждая, что обвиняемые «облыжно» такъ себя именуютъ исключительно въ тѣхъ соображеніяхъ, что, по нашимъ законамъ, баптизмъ признается терпимымъ вѣроученіемъ, а штундизмъ подвергается преслѣдованію, какъ секта, признанная особенно вредною. Г-жѣ Ясевичъ хорошо извѣстны эти пререканія, и она настойчиво утверждаетъ, что такъ называ-

емая «штунда», по своему происхожденію, вѣроученію и обрядамъ, есть именно нѣмецкій баптизмъ, и что настойчивое стремленіе миссіонеровъ и вообще оффиціальныхъ блюстителей сектантства усвоить ему наименованіе штундизма или штундо-баптизма вызывается исключительно желаніемъ «подвести русскихъ баптистовъ, держащихся вѣроученія нѣмецкаго происхожденія, безпрекословно отбывающихъ воинскую повинность, признающихъ и молящихся за Царя и властей, подъ букву закона 1894 г., карающаго «штундизмъ», какъ особенно вредную секту». Не принимая на себя рѣшенія этого спеціально богословскаго вопроса, замѣтимъ лишь, что и покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, по своему служебному положенію такъ близко стоявшій къ этому дѣлу и очень живо имъ интересовавшійся, въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ нашемъ же журналѣ [1]), старался доказать то самое, что утверждаетъ и г-жа Ясевичъ, именно, что «такъ называемая у насъ штунда есть не что иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи (херсонской губ.) нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга» и распространившійся оттуда, чрезъ посредство захожихъ рабочихъ малороссіянъ, и въ предѣлахъ Кіевской и другихъ губерній. Но отъ такого рѣшенія вопроса о малорусской штундѣ ничуть не легче становится ея послѣдователямъ, такъ какъ судебныя и административныя власти неуклонно отказываютъ имъ въ пользованіи законными льготами, предоставленными баптистамъ-нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ, оффиціальные же блюстители сектантства настаиваютъ на томъ, что русскихъ баптистовъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо это будутъ лица, отступившія отъ православной вѣры и церкви и уже за одно это долженствующія подвергнуться законной карѣ.

Г-жа Ясевичъ излагаетъ исторію возникновенія и распространенія въ Кіевской губ. баптизма, или штунды, но излагаетъ такъ неполно и отрывочно, что мы не находимъ нужнымъ повторять сообщаемыя ею свѣдѣнія; такія свѣдѣнія несравненно пол-

[1]) См. „Кіев. Стар". 1884 г. октябрь и ноябрь и 1885 г. мартъ и декабрь.

нѣе, и при томъ на основаніи подлинныхъ документовъ, были изложены уже на стр. «Кіев. Старины», именно въ указанныхъ выше статьяхъ прот. Лебединцева, которыми г-жа Ясевичъ почему-то не воспользовалась. Гораздо интереснѣе ея сообщеніе о современномъ состояніи баптизма, его организаціи, вѣроученіи и и т. под.

Малорусскіе баптисты, такъ же какъ и нѣмецкіе, имѣютъ выборную іерархію (пресвитеровъ-наставниковъ и діаконовъ), отвергаютъ преданіе, почитаніе иконъ, призываніе святыхъ, посты, молитву объ умершихъ и т. под. Въ основѣ ихъ вѣроученія лежитъ протестантскій догматъ объ оправданіи вѣрою. Они признаютъ три таинства: крещеніе, причащеніе и бракъ. Крещеніе они совершаютъ только надъ взрослыми, непремѣнно въ проточной водѣ, предъ собраніемъ единовѣрцевъ, съ погруженіемъ въ воду и произнесеніемъ общей христіанской формулы. Обрядъ «преломленія», или причащенія, происходитъ обыкновенно во время молитвенныхъ собраній въ первое воскресеніе каждаго мѣсяца, а иногда и чаще; послѣ чтенія евангелія и при пѣніи всѣми присутствующими соотвѣтственнаго духовнаго псалма, пресвитеръ передаетъ черезъ діакона сначала тарелку съ нарѣзанными кусочками бѣлаго хлѣба, а потомъ сосудъ съ краснымъ виномъ, и всѣ, разомъ съ пресвитеромъ, вкушаютъ того и другого. Благословеніе брачущихся совершается также въ общемъ собраніи, при чемъ пресвитеръ читаетъ подходящія мѣста изъ евангелія, а присутствующіе поютъ псальмы. Жена, по ученію баптистовъ, другъ, помощникъ и совѣтникъ мужа и равноправный съ нимъ членъ семьи, но въ собраніяхъ она, по слову апостола Павла, «да молчитъ», т. е. не имѣетъ права проповѣдывать. Есть у нихъ и нѣчто въ родѣ исповѣди, но не въ смыслѣ таинства, а простого обряда, основаннаго на апостольскомъ предписаніи, чтобы вѣрующіе исповѣдывали другъ передъ другомъ свои грѣхи. Обрядъ этотъ совершается въ формѣ молитвы-исповѣди и состоитъ въ томъ, что каждый, по очереди, предъ лицомъ собранія, громко произноситъ покаянную молитву и кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Къ смерти баптисты относятся съ удивительнымъ спокой-

ствіемъ, исходящимъ изъ твердой увѣренности въ томъ, что для вѣрующаго она лишь необходимая ступень для перехода въ вѣчное блаженство. Такъ какъ они вѣруютъ, что послѣ смерти нѣтъ покаянія, а заступничество святыхъ отвергаютъ, то поэтому нѣтъ у нихъ и молитвъ объ умершихъ, но при погребеніи имъ оказываются должныя почести. Около покойника не воскуривается фиміамъ, не возжигаются свѣчи, но пока онъ въ домѣ, члены общины собираются, читаютъ евангеліе и поютъ псальмы. На кладбище тѣло усопшаго сопровождаетъ обыкновенно вся община съ пѣніемъ псальмъ, что придаетъ ихъ похоронамъ чрезвычайную торжественность, сильно импонирующую на православное населеніе. «Якъ бы ще у штундивъ цехъ бувъ (т. е. хоругви),—говорятъ православные,--то зовсимъ було бъ до ладу: гарно ховають, наче краще, якъ у насъ».

Почитаніе воскреснаго дня доведено у баптистовъ почти до пуританской строгости. Въ этотъ день рѣшительно воспрещаются всякія занятія, даже приготовленіе пищи. Утро посвящается молитвеннымъ собраніямъ, а вечеромъ собираются для объяснительнаго чтенія евангелія, для взаимныхъ наставленій и увѣщаній. Дисциплина въ баптистской общинѣ доведена до крайней степени; непосѣщеніе собраній безъ уважительной причины уже вызываетъ замѣчаніе, а малѣйшій проступокъ влечетъ за собою увѣщаніе, выговоръ, лишеніе права участія въ совѣщательныхъ собраніяхъ общины, а также въ «преломленіи хлѣба» и, въ крайнемъ случаѣ, выключеніе изъ общины. Отъ прозелитовъ требуется, чтобы они не только сознательно восприняли вѣроученіе секты, но и своими поступками доказали, что вполнѣ постигли смыслъ евангельскихъ требованій; тогда только надъ ними совершается крещеніе, нерѣдко послѣ очень долгаго искуса. Всякія развлеченія, сколько-нибудь опасныя въ нравственномъ отношеніи (наприм. танцы), исключены изъ жизненнаго обихода; допускается только духовное пѣніе, которое у баптистовъ разработано въ совершенствѣ, такъ какъ для упражненія въ немъ назначаются у нихъ частыя нарочитыя собранія. Грамотность они ставятъ чрезвычайно высоко и заботятся объ ея распространеніи; она имъ нужна, прежде всего,

для того, чтобы каждый имѣлъ возможность изучить св. писаніе, признаваемое ими единственнымъ источникомъ вѣроученія.

Къ своимъ единовѣрцамъ баптисты относятся крайне сердечно и любовно, охотно помогаютъ во всемъ и поддерживаютъ другъ друга, но по отношенію къ чужимъ держатся довольно замкнуто...

Таковы наиболѣе существенныя свѣдѣнія о баптистахъ, или штундистахъ, какія можно извлечь изъ интереснаго сообщенія г-жи Ясевичъ. Они далеко не полны, но ихъ цѣнность заключается въ томъ, что они извлечены изъ непосредственнаго и притомъ вполнѣ безпристрастнаго изученія жизни и вѣрованій сектантовъ. Можно лишь пожелать, чтобы почтенная изслѣдовательница подѣлилась *бытовыми* наблюденіями, вынесенными изъ частыхъ и долговременныхъ ея пребываній въ средѣ сектантовъ, подобно тому, какъ это раньше ею сдѣлано относительно шалапутовъ, хлыстовъ, прыгуновъ и баптистовъ екатеринославской губ. [1]).

Съ большею полнотою и обстоятельностью очерчено г-жей Ясевичъ *малеванство*, и это дѣлаетъ ея брошюру особенно цѣнною, такъ какъ о малёванской сектѣ въ нашей печати существуютъ самыя неопредѣленныя и сбивчивыя представленія. Извѣстна попытка проф. И. А. Сикорскаго объяснить происхожденіе этой секты чисто патологическими причинами. Г-жа Ясевичъ не согласна съ такимъ объясненіемъ и совершенно иначе представляетъ исторію ея возникновенія. По ея мнѣнію, малёванщина возникла на почвѣ того же малорусскаго баптизма, какъ реакція противъ его формализма и холодной разсудочности. По мѣрѣ того, какъ росла внутренняя организація баптизма и крѣпла его суровая дисциплина, болѣе слабая и экзальтированная часть его послѣдователей стала тяготиться этой дисциплиной и, сбрасывая постепенно иго формализма, давящаго іерархіей, обрядностями и частыми, строго регламентированными молитвенными собраніями, создала новое, совсѣмъ свободное отъ обрядностей общество. Дѣло началось съ мелочей; напримѣръ, безусловное требованіе посвя-

---

[1]) Разумѣемъ ея очерки въ «Новомъ Словѣ» 1897 г.

щать воскресный день исключительно отдыху и молитвѣ породило во многихъ (особенно среди женщинъ) недовольство и ропотъ. «Мій достатокъ не позволявъ мени отдыхать у недилю»,—объясняла автору бывшая баптистка. Среди такихъ отщепенцевъ отъ баптизма, которыхъ въ свое время окрестили въ духовной литературѣ наименованіемъ младоштундистовъ, стали замѣчаться явленія, совершенно аналогичныя съ будущей малёванщиной и притомъ отмѣченныя такой же экзальтаціей. Еще въ 1884 г. нѣкто Кривенко, основываясь на словахъ Спасителя: «когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ», вздумалъ подняться на небо—прыгнулъ съ клуни и чуть не убился до смерти. Изъ среды такихъ экзальтированныхъ натуръ вышелъ и самъ Кондратій Малёваный, житель г. Таращи, по ремеслу колесникъ. Г-жа Ясевичъ довольно подробно изображаетъ, какъ этотъ ярый штундистъ, подъ вліяніемъ сектантовъ-мистиковъ, приходитъ къ мысли, что все содержаніе евангелія есть не что иное, какъ рядъ притчъ, что и самъ І. Христосъ есть не личность, а символъ, и что лишь въ нынѣшнее время должно ожидать дѣйствительнаго пришествія на землю Сына Божія. Всѣ подобныя мистическія размышленія, толки и бесѣды съ единомышленниками до того расшатываютъ его нервную систему, что ему начинаетъ казаться, будто онъ видитъ отверстое небо, слышитъ оттуда призывный голосъ, отдѣляется отъ земли,—и наконецъ (въ 1891 г.) Малёваный объявляетъ, что въ его особѣ Господь воздвигъ Первенца, Спасителя міра. Непоколебимые изъ баптистовъ ужаснулись небывалой дерзости, но всѣ слабые, склонные къ мистицизму и экстазу, со всею страстностью поддались обаянію охватившей ихъ иллюзіи и потянулись въ Таращу на поклоненіе новоявленному Спасителю. Любопытно, что въ числѣ первыхъ послѣдователей Малёванаго преимущественно оказались бывшіе католики, какъ люди, по своей природѣ склонные къ чудесному. Арестъ и заключеніе Малёванаго сначала въ кіевской, а затѣмъ въ казанской психіатрической больницѣ лишь увеличили его обаяніе, такъ какъ онъ и самъ возвѣстилъ, что, согласно библейскимъ пророчествамъ, ему предстоитъ пострадать за вѣрныхъ. Лишенный непосредственнаго

общенія съ своими послѣдователями, Малёваный имѣетъ своихъ «евангелистовъ», а въ Казани, въ лицѣ нѣкоего Чекмарева, великороссіянина, онъ пріобрѣлъ своего «Іоанна Крестителя», который пишетъ съ его словъ (самъ Малёваный неграмотенъ) «соборныя» посланія вѣрнымъ, распространяемыя ими во множествѣ списковъ.

Какъ извѣстно, малёванщина распространилась съ такою быстротою и проявилась въ столь рѣзкихъ формахъ религіознаго экстаза и мистической экзальтаціи, что наблюдавшій ее въ маѣ 1892 года проф. И. А. Сикорскій не усомнился признать ее психопатической эпидеміей, въ родѣ средневѣковой пляски св. Вита, тарантизма и т. под. Г-жа Ясевичъ не согласна съ этимъ діагнозомъ... Впрочемъ, идея патологическаго объясненія возникновенія малёванщины опровергается уже тѣмъ, что эта секта продолжаетъ существовать и понынѣ, несмотря на примѣненіе всѣхъ указанныхъ наукою противо-эпидемическихъ средствъ. Первоначальныя болѣзненныя проявленія крайняго экстаза теперь исчезли, и секта успѣла выработать болѣе или менѣе опредѣленные пункты вѣроученія. Конечно, сама г-жа Ясевичъ признаетъ, что ученіе малёванцевъ, исходящее изъ вѣры въ личное вдохновеніе и выражаемое ими большею частью въ формѣ иносказаній, трудно укладывается въ опредѣленныя рамки, но она все-таки находитъ возможнымъ, отчасти путемъ сравненія съ ученіемъ баптистовъ, «формулировать это вѣроученіе, опираясь на болѣе или менѣе окрѣпшія положенія, которыя даютъ тонъ, входятъ въ основаніе вѣроученія и опредѣляютъ сущность его».

Основнымъ пунктомъ малёванской догматики является вѣра въ возможность непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ. Малёванцы вѣрятъ, что имъ дано Богомъ, чрезъ посредство св. Духа, послѣднее слово—новѣйшій завѣтъ, начертанный не на скрижаляхъ или хартіи, а въ сердцахъ избранниковъ Божьихъ. Духъ Божій, вселяясь въ человѣка, обитаетъ въ немъ и руководитъ имъ, пока онъ чистъ отъ грѣха. Евангеліе, по ихъ ученію, не есть законодательный кодексъ, коему слѣдуетъ слѣпо подчиняться, а лишь сводъ нравственныхъ правилъ, облеченный въ

иносказательную форму, рядъ аллегорій и притчъ, при чемъ даже событія изъ земной жизни Спасителя, вплоть до его крестной смерти, должны пониматься духовно: Христосъ—правда, добро, Варавва разбойникъ—зло; правду—Христа похоронили, а разбойника—зло освободили, и оно царитъ на землѣ. Поэтому, не отвергая Евангелія и Библіи, какъ книгъ назидательныхъ, малёванцы полагаютъ, однако, что эти книги сдѣлали уже свое дѣло, но онѣ необходимы еще для несовершенныхъ, каковы, по ихъ мнѣнію, баптисты, отыскивающіе еще пути. Евангеліе, по ихъ выраженію. есть только путь съ адресомъ въ градъ спасенія; а если найдешь городъ и попадешь въ него, то адресъ болѣе не нуженъ. Отвергая и православную вѣру, и иконы, и обрядность вообще, малёванцы, однако, крайне терпимо относятся къ чужой религіи и святынѣ. Всякая вѣра и святыня, какъ и земные законы, даны Богомъ для неразумныхъ, чтобы ихъ чѣмъ-нибудь удержать отъ зла, до ихъ духовнаго возрожденія; но Богу не нужны ни храмы, ни обряды, а нужно служеніе ему въ любви и истинѣ, и разъ человѣкъ постигъ истину, сбросилъ съ себя грѣхъ, обновился,—онъ уже не подъ закономъ, а подъ благодатію.

Въ связи съ этимъ находится оригинальное пониманіе малёванцами евангельскаго ученія о всеобщемъ воскресеніи и будущей жизни. Воскресеніе мертвыхъ—это, по ихъ мнѣнію, аллегорія: мертвые въ гробахъ—это живущіе люди, погрязшіе въ грѣхахъ; а спадетъ съ ихъ очей пелена, бросятъ они беззаконія—раскроются ихъ гробы и воскреснутъ они для обновленной жизни, да и теперь уже воскресаютъ; а со временемъ воскреснутъ всѣ, познавъ истину, Бога въ Его любви, и станутъ люди любить другъ друга, а не терзать, какъ терзаютъ теперь. Тогда настанетъ на землѣ Царствіе Божіе; у всѣхъ будетъ одна душа, для всѣхъ будетъ свѣтить одна истина и правда; и тюремъ тогда не нужно будетъ, и разныхъ вѣръ и законовъ, такъ какъ всѣ будутъ служить одному Богу въ правдѣ и истинѣ. Это и будетъ «будущій вѣкъ», только онъ наступитъ безъ тѣхъ грозныхъ знаменій кончины міра, какія, согласно предсказаніямъ, должны по-

стигнуть грѣшную землю; нѣтъ, это вовсе не будетъ конецъ земной жизни человѣчества, а лишь повсемѣстная и безповоротная перемѣна къ добру въ условіяхъ земного существованія людей. «Это тѣ цѣпляются за небо,—говорятъ малёванцы,—кто не хочетъ постигнуть истины на землѣ».

Но пока наступитъ Царствіе Божіе, его избранники должны претерпѣть всѣ тѣ страданія, какія и Христосъ предсказалъ своимъ послѣдователямъ. Страданіе, искушеніе и испытаніе—вотъ удѣлъ нынѣшняго христіанина, говорятъ сектанты, ибо истина должна, по писанію, сквозь страданія пройти. «Не панамъ же страдать»—говорила одна послѣдовательница Малёванаго. «Панамъ трудно несты цей хрестъ, бо винъ дуже важкый, а простый народъ уготованый до терпиня: винъ и битый, винъ и сиченый, ёму легче несты хрестъ,—винъ пробье шляхъ до истины, а тамъ истина пробьется и до панивъ».

Такова въ общихъ чертахъ своеобразная догматика малёванцевъ, тѣмъ болѣе любопытная, что она не заимствована у нѣмцевъ, какъ ученіе баптистовъ, а представляетъ самостоятельное измышленіе малограмотныхъ крестьянъ таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ. Нельзя не отмѣтить, что ихъ религіозное міровоззрѣніе запечатлѣно характеромъ свѣтлымъ, радостнымъ, какъ и ихъ обычное настроеніе. Еще въ началѣ появленія малёванства, въ 1892 г., проф. Сикорскій обратилъ вниманіе на необыкновенное благодушіе и постоянное жизнерадостное настроеніе сектантовъ, выражающееся утрированною учтивостью, преувеличеннымъ желаніемъ услужить другому, изліяніемъ благодарности по самымъ пустымъ поводамъ и т. под. Они всѣхъ одинаково любятъ, своихъ и чужихъ, со всѣми ласковы, съ каждымъ готовы всѣмъ подѣлиться; а сами между тѣмъ терпятъ на каждомъ шагу столько горькихъ обидъ и притѣсненій, что нужна необыкновенная проникновенность евангельскими завѣтами любви и всепрощенія и глубокая увѣренность, что зло проходитъ и близокъ день царствія Божія, чтобы сохранить эту жизнерадостность. Между прочимъ, очень любопытно замѣчаніе г-жи Ясевичъ, что малёванцы, ставя такъ высоко евангельскій завѣтъ любви и братства, по тому са-

мому глубоко преклоняются предъ личностью нынѣ царствующаго Государя за призывъ къ общему миру.

У малёванцéвъ нѣтъ ни іерархіи, ни обрядовъ, ни чего-нибудь въ родѣ опредѣленнаго символа вѣры. Нѣтъ у нихъ ни постовъ, ни праздниковъ. На вопросъ: почему они не празднуютъ воскресныхъ дней? получился отвѣтъ: «у насъ всегда воскресенье—мы воскресли; а нужно отдохнуть отъ работы или восхвалить Господа, вотъ вамъ и праздникъ, будь это и среди недѣли». Въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ нѣтъ того порядка, какой выработанъ у баптистовъ, какъ нѣтъ и опредѣленныхъ домовъ для молитвы. Ихъ собраніе обыкновенно начинается бесѣдою, затѣмъ слѣдуетъ пѣніе. Во время пѣнія то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ хаты начинаютъ раздаваться всхлипыванія, возгласы, рыданія, молитвенная импровизація. Все это обрывается, чуть только кто-либо, доведенный до экзальтированнаго состоянія, начнетъ раскачиваться и произносить отрывочныя непонятныя слова, что у нихъ объясняется дѣйствіемъ Св. Духа, вѣщающаго «на иныхъ языкахъ». Впрочемъ, въ послѣднее время постепенно исчезаетъ этотъ разговоръ «на иныхъ языкахъ», какъ и другіе спутники экзальтаціи.

Свободные отъ всякой обрядности, іерархіи и дисциплины, малёванцы такъ отзываются о баптизмѣ и православіи: «и то ярмо, и це ярмо; але православна стара вира, що наши диды та прадиды носылы, прытерте вже ярмо, а у цыхъ (баптистовъ) спереду бье начальство, а ззаду не пускають свои».

Въ противоположность баптистамъ, малёванцы мало прилагаютъ заботъ о распространеніи въ своей средѣ грамотности. «Мы обо всемъ освѣдомлены: намъ самъ Богъ все освѣтилъ», говорятъ они.

Положеніе женщины у малёванцевъ лучше даже, чѣмъ у баптистовъ; она не только въ семьѣ равноправный членъ, но также и въ собраніяхъ пользуется равными со всѣми членами правами, при чемъ ей не возбраняется даже выступать проповѣдницей, чего нѣтъ у баптистовъ. Бракъ у малёванцевъ заключается лишь оглашеніемъ въ присутствіи 6-ти членовъ изъ ихъ общины,

и супруга называется у нихъ, на основаніи книги Бытія (гл. 2, ст. 18) «помощницею», а не женою.

Выше было упомянуто, что Кондратій Малёваный, пребывающій и понынѣ въ Казани, въ психіатрической больницѣ, ухитряется по временамъ присылать своимъ послѣдователямъ соборныя посланія. Малёванцы чрезвычайно дорожатъ каждой строкой его писаній, и въ видахъ ихъ распространенія прибѣгаютъ къ такому способу: въ частной перепискѣ между собою на трехъ страницахъ письма выписываютъ какое-либо мѣсто изъ посланій своего «Спасителя», а на 4-й уже сообщаютъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Оттого и происходитъ, что сколько ни отбирается, при частыхъ обыскахъ, посланій Малёванаго, количество ихъ въ обращеніи мало уменьшается. Г-жа Ясевичъ приводитъ, для образца, три такихъ посланій; всѣ они учительнаго содержанія, написаны живымъ, образнымъ языкомъ и по мѣстамъ представляютъ яркую обличительную картину господствующей въ мірѣ неправды и зла.

Живется малёванцамъ очень худо, при чемъ, по свидѣтельству г-жи Ясевичъ, ихъ благосостояніе подрывается не эпидеміями или неурожаями, а тѣмъ исключительнымъ, почти совсѣмъ безправнымъ положеніемъ, въ какое они поставлены. «Родится ли ребенокъ, умираетъ ли кто изъ членовъ семьи, пріѣзжаетъ ли кто въ гости или даже по дѣлу,—въ каждомъ данномъ случаѣ дается широкій просторъ для произвола мелкой сельской власти надъ личностью сектанта». Но что ихъ всего болѣе разоряетъ— это форма этапныхъ пересылокъ. За участіе въ молитвенномъ собраніи сектанты, по приговорамъ мировыхъ судей, подвергаются теремному заключенію—въ первый разъ на 2 недѣли, во второй— на мѣсяцъ, въ третій—на 3 мѣсяца. Но такъ какъ они живутъ въ смежныхъ частяхъ трехъ уѣздовъ (васильковскаго, сквирскаго и таращанскаго), то весьма часто случается, что на собраніяхъ власти застаютъ лицъ, пришедшихъ изъ ближайшаго села сосѣдняго уѣзда. Такихъ забираютъ въ холодную и этапнымъ порядкомъ отсылаютъ сначала въ свой уѣздный городъ, затѣмъ въ сосѣдній и наконецъ на мѣсто жительства. Эта совершенно ненужная воло-

кита по этапамъ и сидѣніе въ попутныхъ этапныхъ пунктахъ нерѣдко оказывается гораздо тяжелѣе и продолжительнѣе того ареста, какой слѣдуетъ за тѣмъ по судебному приговору. И если бы не братская помощь единовѣрцевъ, которые, во время отсутствія арестанта, и за хозяйствомъ присмотрятъ, и дѣтей призрѣютъ, и поле уберутъ, и подушное уплатятъ, то ему грозило бы неминуемое разореніе. А измученный всѣми этими мытарствами энтузіастъ, вернувшись домой, идетъ прямо въ собраніе, чтобы возблагодарить Богъ за перенесенныя во имя Его страданія и помолиться «за обижающихъ насъ и гонящихъ насъ».

Въ заключеніе своего интереснаго реферата г-жа Ясевичъ приводитъ тексты и напѣвы найболѣе употребительныхъ сектантскихъ псальмъ, какія поются въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Первоначально малёванцы, наравнѣ съ баптистами, заимствовали свои пѣснопѣнія изъ разрѣшеннаго духовною цензурою «Сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ ев. лютеранскаго вѣроисповѣданія», на русскомъ языкѣ, куда, между другими, вошли и нѣкоторыя стихотворенія Хомякова, но со временемъ стали составлять и собственныя псальмы, иныя изъ нихъ составлены самимъ Малёванымъ. Приводимъ для образца одну изъ такихъ псальмъ:

Нынѣ мыру есть спасенье,
Хрыстосъ иде на мученье,
Своихъ вирныхъ прызывае,
Царство вичне обищае.

Ангеловъ славъ трубыты,
Многыхъ мертвыхъ пробудыты:
Не спить, вирни, уставайте,
Хрыста страсти подражайте.

Многи мертви воскреснулы,
Страсти Хрыста подвыгнулы,
Потъ и слёзы пролываютъ,
Хрыста Бога ожыдаютъ.

И мы сердця преклоняймо,
Бога Творця умоляймо:
Визьмы Ты насъ у свои рукы,
Вырвы, вырвы зъ вичнои мукы!

Змылуйся надъ намы, Боже,
Велыко власть Твоя може,
Дай намъ Духа свыше маты,
Тебе вично прославляты.

Напѣвъ этой псальмы совершенно малорусскій, въ стилѣ кобзарскихъ или лирницкихъ псальмъ. Вообще, пѣніе у сектантовъ развито до степени настоящаго искусства, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ немъ и заключается вся ихъ обрядность. При томъ же, мірскія пѣсни у нихъ совсѣмъ изгнаны, и молодежь съ дѣтскихъ лѣтъ не поетъ ничего другого, кромѣ псальмъ. Но въ то время, какъ баптисты, заимствуя изъ лютеранскаго сборника свои псальмы, оттуда же заимствуютъ и нѣмецкую мелодію, малёванцы даже къ заимствованнымъ псальмамъ приспособляютъ національные мотивы. Любятъ они очень пѣніе слѣпцовъ—кобзарей и, по свидѣтельству г-жи Ясевичъ, нарочно платятъ имъ изъ своего скуднаго достатка, чтобы тѣ подольше пѣли. при чемъ запоминаютъ ихъ мелодіи и приспособляютъ къ своимъ псальмамъ.

Кромѣ нотныхъ листовъ, къ брошюрѣ г-жи Ясевичъ приложено еще пять фотографическихъ таблицъ, изображающихъ группы баптистовъ и малёванцевъ, ихъ молитвенныя собранія и т. под. Есть здѣсь портретъ и самого Кондратія Малёванаго и его семьи.

Когда мы изучаемъ какое-нибудь явленіе въ прошедшей жизни народной, насъ интересуетъ главнымъ образомъ вопросъ о причинѣ его возникновенія, ибо его результаты и конечная судьба намъ извѣстны. По отношенію къ южнорусскому сектантству, какъ явленію новому въ исторіи племени, никогда не знавшаго ересей, и при томъ явленію современному, возникшему въ самой

глубинѣ народной жизни, еще большій интересъ представляетъ вопросъ о его будущности. Вотъ уже прошло 30 лѣтъ съ того времени, какъ мѣстное духовенство употребляетъ всѣ усилія, чтобы подавить сектантство; правительство съ своей стороны оказываетъ духовнымъ властямъ самое энергичное содѣйствіе, издаетъ для сектантовъ исключительные законы, ограничиваетъ ихъ гражданскія права и т. под. И что же? Сектантство не только по прежнему существуетъ, но и продолжаетъ расти количественно и качественно: его внутренній ростъ выражается, съ одной стороны, въ выработкѣ болѣе опредѣленныхъ догмъ вѣроученія и правилъ дисциплины, а съ другой—въ выдѣленіи новыхъ сектъ, въ силу естественнаго закона диференціаціи. Теперь никто уже не вѣритъ въ возможность подавить сектантское движеніе какими угодно распрессивными мѣрами. Болѣе серьезные люди изъ среды духовенства не вѣрили въ это никогда. Вотъ что писалъ о штундѣ покойный П. Г. Лебединцевъ еще въ 1885 году: «Ересь прилипаетъ и разносится какъ зараза, расширяется и растетъ. Теперь она такъ уже распространилась, что, при условіяхъ нашей соціальной и экономической жизни, нечего и мечтать о томъ, чтобы искоренить и уничтожить ее, притомъ въ короткое время. То и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсильны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣльствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только усугубляютъ и распаляютъ этотъ внутренній огонь, и сторонники новой идеи, какъ бы она ни была несостоятельна, готовы бываютъ перенести какія угодно испытанія, претерпѣть самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною». [1]) Очевидно, методъ борьбы съ помощью репрессивныхъ мѣръ никуда не годится и отъ него давно слѣдовало бы отказаться и придумать другія мѣры

[1]) «Кіев. Стар». 1885 г. мартъ, стр. 515, и декабрь, стр. 650.

и средства. Указать ихъ—дѣло трудное, но возможное. Проф. И. А. Сикорскій, изслѣдуя причины возникновенія малёванщины, сдѣлалъ два указанія, по нашему мнѣнію, заслуживающія серьезнаго вниманія: по его мнѣнію, главными нравственными причинами религіознаго броженія въ народѣ слѣдуетъ признать: а) «крайне одностороннее направленіе грамотности, состоящее въ томъ, что народная школа и литература сообщаютъ народу мало свѣдѣній, касающихся внѣшней природы, сельскаго хозяйства и тому подобныхъ близкихъ сельскому жителю предметовъ; вслѣдствіе этого возбужденныя успѣхами времени вниманіе и любознательность народныхъ массъ сосредоточились исключительно на трудныхъ религіозныхъ вопросахъ, и вся пытливость народнаго ума сконцентрировалась на религіи, послѣдствіемъ чего явилась односторонность, всегда опасная для человѣческаго духа»; и б) «отсутствіе руководительства народной жизнью со стороны культурныхъ классовъ общества, выразившееся въ отсутствіи народной литературы, въ слабомъ развитіи такихъ учрежденій, которыми объединяется народная жизнь и поддерживаются ея лучшія стороны, каковы, напримѣръ, общества трезвости, приходскія попечительства и т. под» [1].

Если этотъ діагнозъ вѣренъ, то въ немъ отчасти указанъ уже и методъ лѣченія.

О. Л.

---

1) «Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіев. губерніи», стран. 36.

Изъ переписки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева съ митрополитомъ кіевскимъ Платономъ.

По смерти митрополита Филофея, аскета по жизни, неожиданно для кіевлянъ, 4 февраля 1882 г. назначенъ на митрополичью каѳедру архіепископъ одесскій Платонъ. Подобно своимъ предшественникамъ, начиная съ м. Филарета, онъ относился къ Петру Гавриловичу Лебединцеву съ глубокимъ уваженіемъ, какого послѣдній вполнѣ заслуживалъ, какъ безпристрастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, никогда не злоупотреблявшій своимъ положеніемъ въ пользу родныхъ,—что обычно у духовныхъ. Прилагаемыя при семъ извлеченія изъ немногихъ писемъ м. Платона, какія сохранились, служатъ тому доказательствомъ. Иныя письма Петра Гавриловича м. Платонъ оставлялъ у себя, другія—дѣлового характера—возвращалъ съ положенными на нихъ резолюціями. Имѣется одна телеграмма его отъ 1885 г. къ Петру Гавриловичу такого содержанія: «Можете прибыть въ Петербургъ, привезите доказательства православія славянскихъ Апостоловъ въ Моравіи, если имѣете»[1]).

Свящ *Іоаннъ Гордіевскій.*

---

[1]) Письма печатаются въ хронологическомъ порядкѣ, за исключеніемъ тѣхъ частей ихъ, которыя не пред[illegible] интереса или же касаются частныхъ лицъ.

I [1]).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Простите, если мой отвѣтъ на предложеніе, съ одной стороны весьма милостивое, а съ другой—очень увлекательное для человѣческихъ пожеланій, показался несоотвѣтствующимъ Вашему ожиданію. Нисколько не подражая типической формѣ рѣчей, произносимыхъ предъ хиротоніей, искренно говорю, что рѣшительное призваніе Ваше меня къ епископству, глубоко смутило, несмотря на то, что я слышалъ его уже прежде и отъ Васъ на пути въ Межигорье, и отъ покойнаго м. Арсенія. Устрашила меня и высота святительскаго сана при сознаніи своего недостоинства, и то, чѣмъ не устрашались другіе. Легче обѣщаетъ юность, чѣмъ старость уже и потому, что у нея много надеждъ на будущее и довольно сознанія своихъ силъ, но старость сознаетъ, какъ много изъ обѣщаннаго забыто, не исполнено, нарушено, и даже удерживаетъ налагать на себя новые обѣты. Вотъ истинная причина, почему я на 64 году жизни не рѣшаюсь принять высшій санъ, соединенный у насъ съ произнесеніемъ иноческихъ обѣтовъ, если они не были произнесены гораздо прежде. Я благоговѣю предъ истиннымъ монашествомъ, но совѣсть моя не позволяетъ произнести его обѣты нынѣ ради доступа къ высшему сану, когда я не рѣшился сдѣлать это прежде, волею, безъ видовъ на почести, теперь когда нужно думать объ отвѣтѣ за другіе, неисполненные или плохо исполненные. Надѣяться, чтобы сдѣлано было для меня исключеніе изъ принятаго у насъ обычая—допущеніемъ къ хиротоніи безъ постриженія въ монашество, съ принятіемъ одного рясофора, какъ сдѣлано для Маркелла Попеля

[1]) Письмо это списано по черновой. Предложеніе митрополита было сдѣлано по телеграфу изъ Петербурга и потому быстро разнеслось по Кіеву и проникло въ кіевскія газеты. Вслѣдъ за отвѣтомъ по телеграфу, Петръ Гавр. послалъ это письмо.

и какъ обычно у грековъ между большинствомъ епископовъ, я не смѣлъ, и потому не могъ дать Вамъ другого отвѣта, кромѣ посланнаго. Если въ немъ сказалось что-либо дерзновенное противъ иночества, молю простить меня и вмѣстѣ прошу не отвергнуть глубочайшей моей благодарности за Ваше Архипастырское вниманіе и отеческую милость, показанныя въ семъ призваніи меня къ высшей духовной почести. Быть вѣрнымъ помощникомъ Вашимъ на занимаемой мною нынѣ ступени считаю священнымъ долгомъ и постараюсь пребыть таковымъ всегда; искренно почитаю Вашу святую мудрость и Вашу ревность о благѣ церкви Христовой.

Вашего Высокопреосвященства

нижайшій послушникъ, протоіерей Петръ Лебединцевъ.

1883 г.

2.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивый Архипастырь и Отецъ!

Во исполненіе желанія Вашего Высокопреосвященства благопочтительнѣйше представляю при семъ записку о нѣкоторыхъ отличіяхъ въ церковномъ облаченіи, предоставленныхъ въ Россіи патріархамъ, митрополитамъ, архимандритамъ и протоіереямъ. О правѣ архимандритовъ употреблять митру съ крестомъ вверху нигдѣ не упоминается; вѣроятно южно-русскіе архимандриты, получивши право носить митры, относительно формы ихъ послѣдовали примѣру мѣстныхъ преосвященныхъ. Послѣднее примѣчаніе къ указу св. Синода о митрахъ протоіереевъ сдѣлано мною по поводу бумаги г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа о награжденіи протоіерея Н. Ѳаворова митрою по случаю предстоящаго юбилея Кіевскаго университета, къ чему встрѣчается препятствіе въ указѣ св. Синода.

Вчера отъ Консисторіи послано въ Кіевскую городскую управу отношеніе съ просьбой отмѣнить торги, назначенные ею

на 1-е число будущаго февраля для продажи прилегающаго къ площади строющагося Владимірскаго собора участка земли и о предоставленіи этого участка въ распоряженіе епархіальнаго начальства для причта сего собора, такъ какъ другого свободнаго участка вблизи нѣтъ, а подлѣ собора необходимо мѣсто для дома будущаго соборнаго причта. Переписка по сему предмету начиналась еще предъ закладкой собора въ 1860 г., повторена была и въ 1871 г., но не встрѣтила поддержки ни въ генералъ-губернаторѣ князѣ Васильчиковѣ, ни въ православномъ городскомъ головѣ, которые отвѣчали, что въ законѣ не предоставлено отводить безплатно причтамъ церквей усадьбы для постройки помѣщеній, и рекомендовали купить мѣсто у города, между тѣмъ какъ отвели въ то же время безплатно двѣ лучшія здѣсь же усадьбы Кіевскому обществу бѣдныхъ, состоящему подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернаторши, которыя мѣста княгиня Дондукова-Корсакова продала въ частныя руки и которыя уже застроены. Переписка объ отводѣ мѣста для домовъ причта прекращена была въ виду пріостановки въ окончаніи самаго собора, въ которомъ оказались поврежденія. Нисколько не сомнѣваюсь, что можетъ быть отклонено Управой и настоящее ходатайство Консисторіи, если оно не будетъ подкрѣплено высшимъ содѣйствіемъ, и мнѣ кажется, что письмо Вашего Высокопреосвященства къ Кіевскому городскому головѣ Густаву Ив. Эйсману если-бы не рѣшило этого дѣла окончательно теперь же въ пользу собора Владимірскаго, то пріостановило-бы продажу участка, съ потерей котораго не предвидится никакой надежды пристроить причтъ вблизи собора, такъ какъ все занято домами и участокъ въ 400 кв. саженей здѣсь цѣнится не менѣе 15.000 т. рублей серебромъ. Смѣю доложить о семъ на Ваше Архипастырское благоусмотрѣніе.

Вашего Высокопреосвященства, милостивѣйшаго Архипастыря и отца нижайшій послушникъ,

протоіерей Петръ Лебединцевъ. [1]).

19 генваря 1884 г. Кіевъ.

---

[1]) Резолюція митрополита: «Препроводить къ Городскому Кіевскому Головѣ приложенное отношеніе мое по предмету настоящаго письма».

3.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Возвратившись въ Кіевъ 24 минувшаго ноября, благопочтительнѣйше довожу до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства, что... протоколъ Консисторіи съ постановленіемъ объ обязательной выпискѣ «Руководства для Сельскихъ Пастырей» и объ изданіи съ новаго года только одной оффиціальной части «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» представляется на утвержденіе Вашего Высокопреосвященства... То обстоятельство, что Академія поспѣшила уже объявить объ изданіи «Кіевскихъ Еп. Вѣдомостей» ею и въ 1885 г., не имѣетъ значенія, такъ какъ стороннихъ подписчиковъ на эти «Вѣдомости» нѣтъ теперь, а обязательнымъ, т. е. духовенству Кіевской епархіи еще успѣемъ дать знать, куда высылать деньги. Да и сама Академія два уже раза прекращала «Воскресное Чтеніе», хотя объявляла раньше о его продолженіи вмѣстѣ съ «Трудами». Запасныя статьи, если онѣ стоятъ печати, могутъ быть помѣщены и въ собственномъ академическомъ журналѣ, хотя сомнительно, чтобы этотъ запасъ былъ, судя потому, что печаталось въ «Еп. Вѣдомостяхъ» за сей годъ. Празднованіе дня св. великомученицы Варвары совершено въ Михайловскомъ монастырѣ при многолѣтіяхъ Вашему Высокопреосвященству...

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія, священнымъ долгомъ считаю быть Вашего Высокопреосвященства нижайшимъ послушникомъ,

протоіерей Петръ Лебединцевъ [1]).

5 декабря 1884 г. Кіевъ.

---

[1]) Резолюція митрополита: «Отвѣтилъ приложеннымъ письмомъ».

4.

Достопочтенный о. протоіерей, Петръ Гавриловичъ!

По содержанію письма Вашего отъ 5-го декабря, считаю нужнымъ сказать Вамъ, что относительно «Руководства для Сельскихъ Пастырей» и «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» я далъ мою резолюцію на протоколѣ Консисторіи, который Вы скоро получите. По невозможности собрать скоро тѣ свѣдѣнія, которыхъ я требую моею резолюціею, нельзя сдѣлать нынѣ окончательнаго распоряженія по предмету помянутаго протокола.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ, остаюсь усерднымъ слугою Вашимъ

Платонъ, митрополитъ Кіевскій.

11 декабря 1884 г. С.-Петербургъ.

5.

Почтенный о. протоіерей, Петръ Гавриловичъ!

Увѣдомьте меня безъ замедленія: 1) сколько ширины имѣетъ внутри сооруженный въ Кіевѣ храмъ св. Владиміра? 2) какъ широки будутъ въ немъ олтарь и иконостасъ? 3) не положено ли устроить въ немъ, кромѣ главнаго олтаря, еще два по сторонамъ его или нельзя ли сдѣлать такіе придѣлы? А всего лучше было-бы, если бы вы прислали мнѣ на разсмотрѣніе планъ Владимірскаго собора, или хотя чертежъ одной передней его части, дабы я могъ вѣрнѣе судить, можно ли устроить въ немъ или пристроить къ нему придѣлы. Мнѣ думается, что весьма прилично было-бы имѣть въ храмѣ св. Владиміра одинъ придѣлъ въ память равноапостольныхъ царей Константина и Елены, а другой въ честь славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ и всѣхъ нашихъ въ Кіевѣ, остаюсь усерднымъ покорнѣйшимъ слугою Вашимъ

Платонъ, митрополитъ Кіевскій.

9 января 1885 г. С. Петербургъ.

6.

Вы, о. протоіерй Лебединцевъ и секретарь Ольшевскій, говорили мнѣ. что извѣстная «Ѳеофанія» нѣкогда принадлежала Лаврѣ или Кіевскому митрополитскому дому, а потомъ взята была въ казенное вѣдомство и отведена лично въ пользованіе Кіевскому викарію, который и далъ ей нынѣшнее названіе, а въ памятной книжкѣ Кіевской епархіи, изданной покойнымъ профессоромъ Кіевской академіи Вороновымъ и священникомъ Антоновымъ, именно въ описаніи Златоверхо-Михайловскаго монастыря на 69 страницѣ сказано, что по отобраніи отъ монастырей населенныхъ имѣній, Михайловскому монастырю оставлена, между прочимъ «Ѳеофанія»—прежде хуторъ монастырскій, а съ 1861 г. скитъ, служащій мѣстомъ успокоенія престарѣлыхъ иноковъ Михайловскаго монастыря и мѣстомъ погребенія всей братіи онаго. Потому покорно прошу надлежаще объяснить мнѣ: 1) принадлежала ли «Ѳеофанія» Кіево-Михайловскому монастырю до отобранія населенныхъ имѣній отъ монастырей? если не принадлежала, то въ чьемъ владѣніи находилась она тогда? 2) не была ли отведена она Михайловскому монастырю до назначенія викарія въ Кіевскую епархію, или по опредѣленіи онаго въ эту епархію? 3) если же она никогда не принадлежала помянутому монастырю, но отведена въ личное пользованіе Кіевскаго викарія,—то когда, кѣмъ и изъ какого владѣнія дана ему? 4) до отвода ея Кіевскому викарію жили ли и погребались ли въ ней братія Михайловскаго монастыря? если нѣтъ, то гдѣ тогда они погребались и всѣ ли нынѣ погребаются въ ней? 4) кромѣ хуторовъ, упомянутыхъ въ вышеозначенномъ описаніи Михайловскаго монастыря, не имѣетъ ли сей монастырь во владѣніи своемъ другихъ хуто-

ровъ съ хозяйственными заведеніями и въ ближайшемъ разстояніи отъ Кіева, нежели «Өеофанія?» [1])

Сообразите безпристрастно, затѣмъ доложите мнѣ, нѣтъ ли въ Кіевѣ такихъ образованныхъ священниковъ, которыхъ бы можно и полезно было сдѣлать хоть сверхштатными членами Консисторіи? Разсматривая дѣло о священникѣ Я., я вижу, что на протоіерея Б. и столоначальника З. да, кажется, и на другихъ служащихъ въ Консисторіи, мое неудовольствіе и замѣчанія, дѣлаемыя мною по суднымъ дѣламъ, не дѣйствуютъ. Поэтому мнѣ хочется испытать, не найдутся ли лучшіе дѣятели для Консисторіи...

Призываю на Васъ благословеніе Божіе и отъ души желаю Вамъ всего добраго.

Платонъ, митрополитъ Кіевскій.

4 января 1886 г. С.-Петербургъ.

7.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Благопочтительнѣйше докладываю Вашему Высокопреосвященству, что изъ Кіевскаго городского духовенства, по моему мнѣнію, могли-бы быть сверхштатными членами Консисторіи только протоіерей Б. и священникъ П. П., всѣ прочіе способные не меньше къ прохожденію этой должности, при множессвѣ занимаемыхъ уроковъ, не могутъ принять иа себя должности, требующей времени и труда. Комплектовать же присутствіе Кіевской Консисторіи переходящими въ Кіевъ изъ селъ священни-

---

[1]) Просимыя м. Платономъ свѣдѣнія о «Өеофаніи» имѣлись уже годъ тому назадъ въ отпечатанной брошюрѣ Петра Гавриловича «Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи».

ками съ семинарскимъ образованіемъ, въ виду существованія здѣсь Академіи, кажется, было-бы неблаговиднымъ, а можетъ быть и не надежно...

Памятная книжка Воронова и Описаніе Кіево-Михайловскаго монастыря іеремонаха Евстратія сообщаютъ невѣрныя свѣдѣнія о «Θеофаніи». Точное, документальное свѣдѣніе по сему предмету доставлю съ почтой слѣдующаго дня.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ испрашивая Вашего святительскаго благословенія себѣ, воспитанницамъ училища и служащимъ въ немъ, священнымъ долгомъ считаю быть.

Вашего Высокопреосвященства нижайшимъ послушникомъ

Протоіерей Петръ Лебединцевъ.

13 января 1886 г. Кіевъ.

8.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Представивъ Вашему Высокопреосвященству отъ Софійскаго собора о имѣющемъ быть 10 апрѣля сего 1886 г. освященіи мура, благопочтительнѣйше докладываю, что въ этотъ же день исполнится 100 лѣтъ отъ изданія Высочайшаго имяннаго указа, коимъ 10 апрѣля 1786 г. повелѣно Кіевскому митрополиту именоваться и Архимандритомъ Кіево-печерскія лавры. Такимъ образомъ открывается сугубая вина, по которой желательно прибытіе Ваше въ Кіевъ къ началу м. апрѣля. Какъ-бы нарочито къ этому юбилею Лавры приведена въ лучшее благоустройство великая Лаврская церковь чрезъ введеніе тепла, укладку дубоваго пола и перечистку иконостасовъ. Въ октябрѣ, 15 числа, исполнится 25 лѣтъ со времени открытія кіевскаго женскаго училища, но какъ теперь воспрещены 25-лѣтніе юбилеи, то мы и не мечтаемъ о какомъ-либо торжествѣ по сему случаю, хотя Царско-сельское и Ярославское женскія духовныя училища празд-

новали свои 25-лѣтія. Это торжество, если Господь благословитъ, замѣнится у насъ открытіемъ новаго женскаго духовнаго училища. Желательно только, чтобы хотя этому училищу дано было, въ видахъ обрусѣнія края, то пособіе отъ казны, какимъ пользуются женскія духовныя училища Волынской и Подольской епархій, получая на свое содержаніе по 12,000 рублей въ годъ съ правомъ служащихъ въ нихъ лицъ па пенсію отъ св. Синода, а не изъ епархіальныхъ суммъ, существующихъ даже не на бумагѣ, а въ воображеніи. Во всякомъ случаѣ, въ виду скораго окончанія зданія для этого училища, настоитъ уже потребность представить св. Синоду о разрѣшеніи открыть училище и ходатайствовать объ утвержденіи для него положенія, на которомъ оно должно существовать. Опасаюсь одного, чтобы права этого училища не были обрѣзаны, какъ случилось это при утвержденіи устава перваго Кіевскаго женскаго духовнаго училища, въ отсутствіе покойнаго митрополита Арсенія изъ Петербурга.

Софійскій соборъ не можетъ дать протоіерею Б. такого пособія, которымъ бы онъ довольствовался, да едва-ли и онъ самъ согласится получать пособіе, не будучи ни бѣднымъ, ни вдовою какою нибудь. Но мнѣ кажется, что если онъ могъ получать доселѣ жалованье по должности ключаря вмѣстѣ съ пенсіею за училищную службу, то нѣтъ препятствія получать ему также одно жалованье по должности члена консисторіи вмѣстѣ съ тою же пенсіею. Жалованье за священническую должность у насъ вмѣстѣ съ пенсіею за училищную службу, получаютъ 4 протоіерея; получали и другіе. Въ указѣ св. Синода 1879 г. есть недомолвка, такъ какъ св. Синодъ хлопоталъ тогда, сносясь съ разными вѣдомствами, сколько извѣстно, о правѣ членовъ Консисторіи получать при пенсіи не одно, а два жалованья: жалованье по должности члена Консисторіи сверхъ жалованья по должности священнической, что и разрѣшено въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ. Въ 1870 г. министерство народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ св. Синодомъ, отказало мнѣ въ пенсіи за должность законоучителя гимназіи потому именно, что я получаю два жалованья: по Собору и по Консисторіи, о чемъ сказано въ полученной

мною бумагѣ. И мнѣ тогда и въ Синодѣ, и въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія говорили, что, отказавшись отъ одного изъ двухъ жалованій, я могу получать пенсію. Если же можно было получать пенсію при жалованьѣ въ 800 р. (ключарскомъ), то страннымъ было-бы не имѣть ему права на ту же пенсію при жалованьѣ въ 500 р., только по другой должности. Мы смѣемъ просить разъясненія по сему предмету, или ходатайства Вашего о разрѣшеніи его самимъ Синодомъ.

«Что инъ родъ я, а инъ родъ моя жена»—сего члены Консисторіи не забыли при разрѣшеніи просьбы недавней одного крестьянина, но они впали въ сомнѣніе, можно ли мужа и жену полагать въ разныхъ родахъ послѣ того, какъ послѣднимъ указомъ св. Синода предписано не полагать мужа и жены въ разныхъ степеняхъ ни въ какомъ случаѣ, т. е. не только въ отношеніи къ нисходящему отъ нихъ потомству, но и въ отношеніи къ родственникамъ той и другой стороны, такъ какъ по вступленіи въ бракъ мужъ и жена составляютъ одно. Простите наше сомнѣніе; мы подумали, что если нѣтъ 2 степеней, то нѣтъ уже двухъ родовъ...

Съ глубокимъ благоговѣніемъ, испрашивая Вашего Святительскаго благословенія, имѣю счастье быть Вашего Высоко-преосвященства нижайшимъ послушникомъ

протоіерей Петръ Лебединцевъ [1]).

12 февраля 1886 г. Кіевъ.

9.

Достопочтенный отецъ протоіерей, Петръ Гавриловичъ!

По содержанію Вашего письма ко мнѣ отъ 12 февраля спѣшу сообщить Вамъ слѣдующее: 1) я надѣюсь возвратиться въ Кіевъ

---

1) Резолюція митрополита: «Отвѣчалъ письменно по пунктамъ настоящаго письма».

на вербной недѣлѣ Великаго поста, если не попрепятствуетъ что-либо непредвидѣнное нынѣ, и желаю принять участіе въ мvроваренiи; а что сдѣлать въ память имѣющаго совершиться столѣтія отъ изданія того Высочайшаго указа, которымъ повелѣно Кіевскому митрополиту именоваться и архимандритомъ Кіево-печерскія Лавры,—не придумаю. Не составитъ ли кто-нибудь по этому случаю брошюры съ именнымъ спискомъ всѣхъ бывшихъ доселѣ Кіевскихъ митрополитовъ съ краткими ихъ біографіями, въ которыхъ можно сказать, что они сдѣлали, или что́ случилось при нихъ замѣчательнаго по Лаврѣ и Кіевской епархіи? Это, я думаю, было-бы кстати [1]) 2) Очень хорошо было-бы открыть въ Кіевѣ новое женское духовное училище 15-го будущаго октября, и поэтому нужно безъ замедленія составить то «Положеніе» относительно сего училища, о которомъ Вы говорите въ письмѣ своемъ, и предоставить мнѣ оное на разсмотрѣніе, вмѣстѣ съ проектомъ представленія моего св. Синоду по сему предмету. Само собой разумѣется, что въ этомъ представленіи мы можемъ просить всего, что признаемъ нужнымъ и полезнымъ для училища и епархіи, но не должны требовать неудобоисполнимаго. 3) по случаю предполагаемаго опредѣленія протоіерея Б. въ штатные члены Консисторіи, эта послѣдняя можетъ предоставить мнѣ относительно содержанія сего протоіерея то, что признаетъ нужнымъ, справедливымъ и согласнымъ съ общимъ закономъ и особенными распоряженіями св. Синода, на кои Вы указываете въ своемъ письмѣ. 4) за то, что Вы, съ своими учеными коллегами по Консисторіи при разсмотрѣніи извѣстнаго прошенія смѣшали степени родства съ родами и потому, такъ сказать, заблудились въ трехъ соснахъ,—Богъ проститъ Васъ...

Благодарю Васъ, отецъ протоіерей, за свѣдѣнія и мысли, сообщаемыя мнѣ въ Вашихъ письмахъ, и впредь прошу Васъ откровенно писать мнѣ о томъ, что заслуживаетъ мое вниманіе и

---

[1]) Петръ Гавриловичъ издалъ брошюру: «Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи», въ которой имѣются просимыя митрополитомъ свѣдѣнія.

требуетъ съ моей стороны распоряженія. Мы тащимъ одинъ возъ и поэтому должны, по возможности, помогать одинъ другому.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ и душевно желая Вамъ всего добраго, съ уваженіемъ и преданностію остаюсь Вашимъ усерднымъ слугою

Платонъ митрополитъ Кіевскій.

18 февраля 1886 г. С.-Петербургъ.

10.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

... При семъ позвольте доложить одно соображеніе и по дѣламъ о штундизмѣ. Дѣла о штундизмѣ состоятъ всѣ въ вѣдѣніи 2-го викарія Кіевской епархіи, между тѣмъ кіевскій комитетъ миссіонерскаго общества и св. Владимірское братство, предсѣдателемъ котораго состоитъ 3-й викарій Кіевской епархіи, одной изъ своихъ задачъ имѣютъ также—противодѣйствіе штундизму и содѣйствіе православному духовенству въ борьбѣ съ штундизмомъ. Кажется, что предпринимаемые противъ штундизма мѣры былибы дѣйствительнѣе, если бы въ нихъ было болѣе единства при сосредоточеніи дѣлъ о штундизмѣ у одного преосвященнаго викарія, и что вѣдать эти дѣла свойственнѣе тому, который состоитъ предсѣдателемъ комитета Миссіонерскаго Общества и св. Владимірскаго Братства. Преосвященный не обременился-бы принятіемъ этихъ дѣлъ въ свое вѣдѣніе, такъ какъ, кромѣ общихъ дѣлъ по 5-ти уѣздамъ, ему остается еще только присутствовать на экзаменахъ по Закону Божію въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, что прежде, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, въ Петербугѣ и Кіевѣ принадлежало къ обязанности ректора духовной Академіи. Число штундистовъ почти одинаково въ районѣ 2 и 3 викарія, поручены же были всѣ дѣла о штундизмѣ 2-му викарію, преосвященному Поликарпу, потому, что тогда у него ничего осо-

беннаго не было и не было 3-го викарія въ Кіевѣ. Ущерба для дѣятельности преосвященнаго отъ сего не можетъ быть, такъ какъ въ его вѣдѣніи 6 уѣздовъ и дѣла о церковно-приходскихъ школахъ всей Кіевской епархіи.

Въ газетахъ сообщаютъ о 50-лѣтнемъ юбилеѣ возсоединенія Литовскихъ уніатовъ и объ образованіи новой епархіи въ г. Холмѣ съ викаріатствомъ въ Владимірѣ-Волынскомъ. Въ этомъ юбилеѣ должна-бы принять участіе и Кіевская епархія, возсоединившая тогда съ собою 15 уніатскихъ приходовъ радомысльскаго уѣзда и весь родъ преосвященнаго Іосифа Сѣмашки. А каѳедрѣ епархіальнаго архіерея надлежитъ быть не въ Холмѣ, а въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, съ викаріатствомъ въ Холмѣ, потому, что Владиміръ и Владимірская епископская каѳедра гораздо древнѣе Холма и Холмской еп. каѳедры. Владимірская епархія учреждена еще въ X вѣкѣ св. Владиміромъ, а Холмская въ половинѣ XIII вѣка—княземъ Даніиломъ Романовичемъ, и обѣ пребывали въ православіи до начала 17 вѣка, имѣя православныхъ епископовъ у себя. Въ Холмѣ не сохранилось древнихъ церковныхъ памятниковъ, а въ г. Владимірѣ почти цѣлъ соборъ каѳедральный, сооруженный Мстиславомъ, и есть остатки старой каѳедры. Смѣю предложить Вашему вниманію и мое мнѣніе, если газетное извѣстіе имѣетъ основаніе и смиреннѣйше испрашиваю Архипастырскаго Благословенія.

Вашего Высокопреосвященства, милостивѣйшаго Архипастыря и Отца нижайшій послушникъ

протоіерей Петръ Лебединцевъ.

26 января 1889 г.

---

11 [1]).

Находящаяся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ гробница созда-

---

[1]) Докладъ списанъ мною по черновой, изъ котораго не видно, къ какому именно митрополиту онъ относится; но думаю, что къ Платону.

теля сего храма, великаго князя Кіевскаго Ярослава Владиміровича, состоящая изъ массивнаго мраморнаго саркофага съ рѣзными украшеніями изъ крестовъ, пальмъ и орнаментовъ на самой гробницѣ и на двухскатной ея крышѣ, привлекаетъ всегда вниманіе посѣтителей не только русскихъ, но и иностранныхъ. Но доступъ къ ней неизбѣжно соединяется съ нарушеніемъ нѣкоторыхъ правилъ о допущеніи міряиъ въ олтарь и вовсе не возможенъ для лицъ женскаго пола, даже изъ особъ царствующаго Дома, такъ какъ гробница эта углублена въ боковую стѣну придѣльнаго Владимірскаго олтаря, рядомъ съ престоломъ, въ разстояніи отъ него на одинъ аршинъ. Кромѣ сего и входъ въ этотъ олтарь, при маломъ размѣрѣ его и діаконской двери, затруднителенъ для лицъ старшаго возраста, съ другой стороны, исторически извѣстно, что первоначально въ Кіево-Софійскомъ соборѣ не было придѣльнаго олтаря во имя св. князя Владиміра, а гробница сына его, великаго князя Ярослава въ 17 вѣкѣ стояла не здѣсь, а въ западной части древняго Георгіевскаго придѣла, влѣво отъ главнаго входа въ соборъ, какъ говорится о семъ въ «Палинодіи» Захарія Копыстенскаго, архимандрита кіево-печерскаго (1624—1627 г.) и въ «Синопсисѣ» Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита (1656—1683 г.). Древняя же христіанская церковь вовсе не допускала погребенія мертвыхъ тѣлъ въ восточной, олтарной части храма, кромѣ положенія мощей св. мучениковъ подъ престолами, почему гробницы и Византійскихъ императоровъ стояли не въ олтарной части, а въ боковыхъ (сѣверной и южной) папертяхъ Константинопольскаго храма св. Апостолъ. Найболѣе достовѣрно, что придѣльный олтарь, съ престоломъ во имя св. князя Владиміра, въ одной изъ галлерей Софійскаго собора устроенъ въ 1-й половинѣ 17 вѣка митрополитомъ Петромъ Могилою по случаю обрѣтенія имъ гробницы св. Владиміра въ развалинахъ Десятинной церкви и предполагавшагося внесенія этой гробницы въ св. Софію, о чемъ писалъ онъ царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1640 году, прося пособія на украшеніе гробницы, и что гробница вел. князя Ярослава перенесена изъ Георгіевскаго придѣла въ олтарь Владимірскаго придѣла, по всей вѣро-

ятности, въ концѣ 17 вѣка при митрополитѣ кіевскомъ Гедеонѣ, князѣ Четвертинскомъ (1685—1690 г.), который и самъ пожелалъ быть погребеннымъ въ этомъ же олтарѣ, по другую сторону престола, у сѣверной стѣны, какъ потомокъ одного изъ сыновей князя Ярослава.

Почтительнѣйше докладывая о семъ Вашему Высокопреосвященству, осмѣливаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ представить на Ваше Архипастырское благоусмотрѣніе, что для устраненія неудобствъ отъ помѣщенія гробницы вел. князя Ярослава въ олтарѣ Владиміскаго придѣла необходимо или упразднить этотъ олтарь чрезъ снятіе его престола, послѣ чего онъ оставался бы только усыпальницей вел-го князя, или перенести гробницу в. кн. Ярослава на прежнее мѣсто въ западную часть Георгіевскаго придѣла, оградивъ ее бронзовой рѣшеткой и устроивъ надъ ней мраморный балдахинъ небольшого размѣра съ приличною лампадой.

Вашего Высокопреосвященства всепокорнѣйшій послушникъ

протоіерей Петръ Лебединцевъ.

Послѣсловіе. Приведу текстъ одной черновой Петра Гавриловича, имѣющій отношеніе къ м. Платону. «При митрополитѣ Платонѣ началось въ Кіево-печерской Лаврѣ празднованіе дня кончины 1-го митрополита кіевскаго Михаила, мощи коего почиваютъ въ великой церкви сей Лавры. Пріурочено оно къ 15 іюня и въ этотъ день совершается. Но откуда сталъ извѣстнымъ день кончины этого святого, никѣмъ еще не объяснено. Нѣкоторые изъ близко стоявшихъ къ покойному митрополиту Платону говорятъ, будто ему было доложено, что день кончины св. митрополита Михаила указанъ преосвященнымъ черниговскимъ Филаретомъ въ его «Словарѣ святыхъ Русской церкви». Но въ этомъ словарѣ ничего не говорится о днѣ кончины св. митрополита Михаила, а повторяются только общеизвѣстныя краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, взятыя главнымъ образомъ изъ «Степенной книги» 16 вѣка, при чемъ говорится, что указомъ св. Синода 15 іюня 17?? года разрѣшено Кіево-печерской Лаврѣ печатать службу

св. митрополиту Михаилу, которая не печаталась съ начала 18 вѣка, такъ какъ ея не было въ Московскихъ богослужебныхъ книгахъ, а послѣ подчиненія Кіевской митрополіи, а вмѣстѣ съ нею и Кіево-печерской Лавры, московскому патріарху въ 1686 г., дозволено печатать въ Кіево-печерской типографіи богослужебныя книги только съ Московскихъ изданій, что и нынѣ продолжается. О другомъ какомъ либо основаніи считать 15 іюня днемъ кончины св. митрополита кіевскаго Михаила намъ не приходилось слышать, а въ недавнее время появилось между учеными мнѣніе, что находящіяся въ Кіево-печерской Лаврѣ мощи святителя Михаила принадлежатъ митрополиту Кіевскому Михаилу 12 вѣка [1]), а не митрополиту Михаилу 10 вѣка, такъ какъ этотъ послѣдній митрополитъ до 16 вѣка не упоминается ни въ греческихъ, ни въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ, а по старѣйшей Новгородской лѣтописи 1-мъ русскимъ митрополитомъ былъ Леонтій. И съ поводу этого мнѣнія извѣстнымъ профессоромъ А. С. Павловымъ разъяснено, что 1-й митрополитъ кіевскій появился въ «Степенной книгѣ» подъ именемъ Михаила Сирина по недоразумѣнію ея составителя, который имя пресвитера Михаила Синкела, поставленное въ заглавіи наставленія, Корсунскимъ епископомъ даннаго св. кн. кіевскому Владиміру при крещеніи въ Херсонессѣ, усвоилъ этому неизвѣстному намъ по имени епископу, призналъ его за митрополита и непонятное слово «Синкелъ» замѣнилъ своимъ «Сиринъ», т. е. Сиріецъ. Недоразумѣніе это, санкцированное саномъ составителя Степенной книги, повторено всѣми послѣдующими нашими писателями и вошло въ позднѣйшіе лѣтописи, каталоги и хронографы».

---

[1]) Въ X книжкѣ чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца помѣщена статья Петра Гавриловича: „Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII вѣка Михаилѣ".

Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси.

(Окончаніе [1]).

VI.

Борьба представителей двухъ школьныхъ направленій—латинопольскаго и греческаго, разыгравшаяся со всею силой въ 80-хъ годахъ XVII ст. и имѣвшая двѣ стороны—литературную и практическую, началась послѣ смерти Епифанія Славинецкаго († 1675), еще при жизни Симеона Полоцкаго († 1680 г.). Оба они, хотя и мыслились москвичами какъ представители совершенно различныхъ учебно-литературныхъ направленій и различныхъ взглядовъ на источники истинной науки, не разошлись еще другъ съ другомъ благодаря единству пройденной ими школы, широтѣ образованія и достоинствамъ своихъ характеровъ. Но за то оба направленія столкнулись въ лицѣ ихъ любимѣйшихъ учениковъ—старца Евѳимія и Сильвестра Медвѣдева, которые довели эти направленія до крайности и принципіальное несогласіе укрѣпили личными враждебными отношеніями. «Если Епифаній по

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 9.

учености былъ грекъ по преимуществу, то Евѳимій сталъ грекомъ исключительно. Если Епифаній былъ мало расположенъ къ латинянамъ и ихъ учености, то ученикъ его сталъ всѣми своими симпатіями противъ латинскаго міра. Тоже нужно сказать и относительно ученика Полоцкаго, Сил. Медвѣдева. Онъ уважалъ только латинское образованіе, совершенно игнорируя и отрицая ученіе греческое» (Образцовъ, Братья Лихуды. Ж. М. Н. Пр., 1867 г., т. 136, стр. 740).

Литературный споръ о преимуществахъ греческой и латинской системъ образованія отразился какъ въ сочиненіяхъ по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ, такъ и въ нѣсколькихъ спеціальныхъ запискахъ. Въ защиту греческаго языка и греческаго ученія было написано въ 80-хъ годахъ два разсужденія. Одно изъ нихъ, приписываемое старцу Евѳимію, издано г. Сменцовскимъ подъ такимъ заголовкомъ: «Разсужденіе—учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики... или, и не учася симъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождати... и котораго языка учитися намъ, славяномъ, потребнѣе и полезнѣе—латинскаго или греческаго?» (Прил., VI—XXVI). Главное вниманіе посвящено здѣсь второму вопросу, который рѣшается въ пользу греческаго (и славянскаго) языка. Аргументы автора слѣдующіе: 1) Сходство славянскаго алфалита и славянской грамматики съ греческими при несходствѣ съ латинскими; 2) грамматическое и лексическое превосходство греческаго языка надъ латинскимъ [1]); 3) то, что всѣ отцы древней церкви учились богословія на греческомъ языкѣ и на немъ писали и учили паству; 4) издавнее господство греческаго языка въ русской церкви. Что касается ла-

---

1) «Латинскій языкъ скуденъ и убогъ по себѣ самому и за скудость свою овогда употребляетъ еллинская реченія и имена, овогда же иными реченми измѣняетъ». «Книги греческія латинскимъ языкомъ добрѣ на славенскій діалектъ превести отнюдь невозможно»; «согласенъ славенскій языкъ съ греческимъ, и учаяся тому не погрѣшитъ истины о богословіи; латинской же, отъ его и полскій растлѣвся, колико далече отсутствуетъ истины».

тинскаго ученія, то оно уже заявило свою зловредность, такъ какъ въ малой Россіи едва не всѣхъ оно совратило въ унію, да и на Москвѣ распространилось католическое измышленіе о времени пресуществленія св. даровъ и иныя латинскія новшества. «Довольно показавъ», «яко языкъ греческій честенъ и великъ и богословіе могущъ объяти, не заимствуя языка латинскаго, языкъ же латинскій безъ греческаго ничто же могущъ высокихъ разумѣній, также о богословіи, писати и глаголати и велми самъ собою непотребенъ намъ, славяномъ, и ничто-же воспользуетъ насъ, но паче пошлитъ и далече отъ истины въ богословіи отведетъ и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечетъ», авторъ приглашаетъ духовныхъ и мірскихъ начальниковъ постараться потушить «моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго ученія... въ Москвѣ наченшагося», и не дать ей разгорѣться въ пламень западнаго зломысленнаго ученія. Только тогда, говоритъ онъ, водрузится въ Россіи правовѣріе, прекратится расколъ внутри ея самой и укрѣпятся внѣшнія отношенія русской церкви съ восточными православными церквами.

Другая записка носитъ заглавіе: «Доводъ вкратцѣ: яко ученія и языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія и чѣмъ пользуетъ славенскому народу». [1])

---

[1]) Напеч. въ приложеніи къ актовой рѣчи проф. Каптерева, не разъ цитованной нами: «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-лат. академіи», 89—96. Авторъ ея неизвѣстенъ. Архіеп. Филаретъ въ Обзорѣ русской дух. литературы (1859, I, 297) предположительно назвалъ составителемъ ея Павла Негребецкаго, западноруса, извѣстнаго на Москвѣ своимъ участіемъ въ богословско-литературной полемикѣ подъ знаменемъ Сильвестра Медвѣдева. Этого мнѣнія держались прежде и мы. Но Негребецкій, какъ сторонникъ «латинской части», не могъ высказывать мысли и убѣжденія грекофиловъ. Гг. Брайловскій (Филол. вѣстникъ, 1889, № 4, 280) и Сменцовскій (32) приписываютъ «Доводъ» (предположительно-же) старцу Евѳимію, но примѣсь словъ бѣлорусскихъ заставляетъ искать автора въ другомъ лицѣ, къ тому же Евѳимій высказалъ свои мысли о превосходствѣ греческаго образованія въ изложенномъ свыше «Раз-

Авторъ ея, начавъ съ заявленія, что русскіе приняли христіанство отъ грековъ и отъ нихъ же заимствовали не только священныя и церковныя книги, но и гражданскіе и всякіе обычаи, доказываетъ на основаніи не только греческихъ и славянскихъ историковъ, но даже римскихъ авторовъ и западныхъ христіанскихъ писателей общечеловѣческое культурное значеніе греческаго языка и превосходство его предъ латинскимъ. Послѣднее подтверждается и тѣмъ, что на греческій именно языкъ былъ переведенъ Ветхій Завѣтъ и на немъ написаны новозавѣтныя священныя книги и изложены дѣянія соборныя. Даже всѣ свободныя науки, а также медицина и философія первоначально были изложены на греческомъ языкѣ, а не на латинскомъ, за «скудостію» послѣдняго. И сами латиняне донынѣ изучаютъ въ своихъ академіяхъ греческихъ авторовъ, какъ нѣкое основаніе свободныхъ наукъ, подобнаго которому никто не можетъ до сихъ поръ измыслить, почему и самыя эти науки, какъ у латинянъ, такъ и у всѣхъ другихъ народовъ носятъ греческія имена. Но греческій языкъ весьма важенъ и полезенъ не только для латинской науки, онъ и славянскому языку оказываетъ большую помощь, такъ какъ при своей близости къ нему служитъ для выясненія его собственныхъ законовъ и правилъ, что и показалъ Мел. Смотрицкій въ своей грамматикѣ. Необходимъ онъ и для исправленін богослужебныхъ книгъ по греческимъ рукописямъ. Правда, западноруссы учатся наукамъ на латинскомъ языкѣ (за исключеніемъ Львовской братской школы), но этимъ то и объясняется отпаденіе весьма многихъ изъ нихъ отъ православія и латинская закваска у тѣхъ, кто учился у іезуитовъ. Наконецъ, между русскими и латинянами издавна существуетъ антипатія, въ силу которой русскіе и Москвы и Бѣлоруссіи, въ случаѣ религіозныхъ недоумѣній, всегда обращаются къ грекамъ, а не къ латинянамъ и все приходящее отъ

сужденіи».—Впрочемъ, послѣднее не смущаетъ г. Брайловскаго, который находитъ доказательства тождества ихъ автора въ сходствѣ содержанія и въ ссылкѣ обоихъ документовъ на авторитетъ Еп. Славинецкаго.

послѣднихъ принимаютъ съ подозрѣніемъ и нерасположеніемъ, хотя бы оно было доброе. Въ виду всего этого надлежитъ—заключаетъ авторъ—учиться по гречески, такъ какъ этотъ языкъ не только не вредитъ вѣрѣ, какъ латинскій, но и служитъ къ очищенію славянскаго, вмѣстѣ съ которымъ и долженъ изучаться. Впрочемъ, по усвоеніи греческихъ наукъ, желающіе могутъ изучать и латинскія, но только съ опасеніемъ, какъ бы не повредить своей вѣрѣ и обычаямъ, потому что ничто такъ не измѣняетъ человѣка и нравовъ его, какъ иностранное ученіе.

Кромѣ этихъ записокъ, въ защиту греческаго языка и ученія было представлено и еще нѣсколько доводовъ. Такъ, братья Лихуды, прибывшіе изъ Греціи для занятія въ Москвѣ преподавательской должности въ новомъ училищѣ, желая, повидимому, разсѣять тѣнь, брошенную противниками на православіе и просвѣщеніе греческой церкви, заявили въ своемъ Акосѣ о существованіи въ Греціи множества училищъ и премудрѣйшихъ учителей: «Всегда свѣтъ быша грецы и будутъ даже до окончанія вѣка; и отъ грекъ свѣтъ пріяху и пріемлютъ вся языцы, или писано или неписано, или отъ трудовъ и списаній греческихъ, или изъ устъ отъ ученія ихъ (како либо ни есть) отъ нихъ и чрезъ нихъ (свѣтъ) видятъ иныя языкы. Вси философи грецы, вси богословы грецы; непослѣдующе же симъ—не смысленніи и ненаказанніи и буіи, и сего ради речеся и сіе: всякъ не еллинъ варваръ». Въ виду этого, безъ знанія греческаго языка нельзя изучить и славянскій и постичь смыслъ переведенныхъ на него божественныхъ писаній и отцовъ. Доказывая въ другомъ мѣстѣ превосходство греческаго языка надъ латинскимъ, Лихуды сдѣлали оговорку, что они не отвергаютъ послѣдняго, но только не хотятъ признавать его исключительности, тѣмъ болѣе, что основательное знаніе его достигается при помощи греческаго же языка, столь игнорируемаго нѣкоторыми. Лихуды не отрицали даже и того, что и въ Греціи были еретики, но заблужденія ихъ объясняли глубиной и широтой греческаго діалекта и неполнымъ знаніемъ его (Смепцовскій, 272—275).

Но если авторъ «Довода» (быть можетъ, западноруссъ) и братья Лихуды, воспитанники итальянскихъ школъ, воздавали должное и латинскому языку, хотя и преувеличивая опасность отъ него, и не настаивали на исключительной важности и необходимости греческаго языка, то за безраздѣльное господство послѣдняго сталъ со всею рѣшительностью іерусалимскій патріархъ Досиѳей. Его эллинистическія воззрѣнія достаточно очерчены въ монографіи г. Каптерева: «Сношенія іерус. патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ» (1891). Возставая въ принципѣ противъ свѣтской, «мірской и суетной мудрости», представляемой латинскимъ языкомъ, «риторикою Димосѳеновою и книгами діалектики Аристотелевой», Досиѳей былъ противъ изученія ихъ даже въ южнорусскихъ коллегіяхъ. Тѣмъ менѣе онъ могъ дать имъ мѣсто въ училищахъ московской Руси. И, дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ грамотъ въ Москву онъ проповѣдуетъ исключительное достоинство и важность греческаго языка и ученія. Такъ, въ 1682 г. онъ писалъ царю Ѳеодору: «И сіе есть божественное дѣло, еже учити Христіаномъ еллинскій языкъ, воеже разумѣти книги православныя вѣры, яко же писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче, дабы отдалени были отъ Латинскихъ, иже исполнени суть лукавства и прелести, ереси и безбожства». (Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. IV, № 135, стр. 421—2). Тогда же онъ писалъ п. Іоакиму: «Аще кто ученія ищетъ еллинскому языку, учитеся, а не другому, якоже пространнѣе написахомъ іеромонаху Тимоѳею», и усиленно предостерегалъ отъ латинскаго письма и книги, «яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы» (Каптеревъ, Сношенія... Прил., 67). Досиѳей запретилъ Лихудамъ даже и думать о преподаваніи въ Москвѣ латинскаго языка (объ этомъ ниже). Полнѣе всего воззрѣнія его на данный предметъ очерчены въ письмѣ къ дьяку Полянскому (1702), которому кто-то совѣтовалъ учить дѣтей по латыни, а не по гречески[1]). Здѣсь патріархъ приводитъ цѣлые 11 доводовъ въ пользу греческаго

---

[1]) Каптеревъ, Характеръ... 504—505; id. Сношенія 171—173.

языка. Это старыя ссылки на то, что В. Завѣтъ былъ переведенъ на греческій и на немъ же написаны Н. Завѣтъ и соборныя дѣянія, на то, что избранные изъ св. отцовъ были еллины, какъ и церковные историки, что «восточные отцы суть западныхъ учители», что «самый языкъ латинскій половина есть языка греческаго». Досиѳей заявляетъ, «что и въ политическихъ, и въ нынѣшнихъ, т. е. грамматическихъ, геометрическихъ и астрономическихъ, еллины суть учители латинъ». Общій выводъ—«Итакъ несравненно предпочитается еллинскій языкъ латинскому, а кто предпочитаетъ латинскій, тотъ еретикъ и нечестивый!»..

Едва ли не послѣднюю по времени защиту греческаго языка противъ латинскаго находимъ въ предисловіи къ Лексикону Ѳеодора Поликарпова (1704). Ученикъ Лихудовъ, онъ былъ сторонникъ «восточной партіи», но, подобно имъ, не былъ фанатичнымъ противникомъ латинскаго ученія, а являлъ изъ себя типъ «пестраго». Порицая въ предисловіи къ славено-греко-латинскому букварю (1701) басни Эзопа, сочиненія Цицерона, Овидія, Виргилія и др. классическихъ авторовъ и укоряя приверженцевъ латинскаго ученія, онъ въ то же время и самъ переводитъ книги съ латинскаго языка и заявляетъ о необходимости переводовъ съ разныхъ языковъ, особенно съ латинскаго. «Приложися,—говоритъ онъ въ предисловіи къ Лексикону,—и третій языкъ латинскій—того ради, яко нынѣ по кругу земному сей діалектъ паче иныхъ въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ обносится». Но уже одна эта фраза, помимо очень слабой защиты греческаго языка, звучала побѣднымъ аккордомъ для латинской партіи. И, дѣйствительно, въ это время побѣда уже склонилась на сторону партіи «латинствующихъ» [1]).

Взгляды «латинской части» по данному вопросу выражены главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ Сильвестра Медвѣдева, Иннокентія Монастырскаго, діак. Аѳанасія и затѣмъ, спустя лѣтъ 20, въ особой запискѣ архим. Гавріила Домецкаго. Такъ какъ про-

---

[1]) Брайловскій, Ѳ. П. Поликарповъ-Орловъ (Ж. М. Н. Пр., 1894, т. 296, стр. 60—90).

тивники латинскаго ученія строили свои доказательства, между прочимъ, на усмотрѣнной ими связи его съ неправославіемъ его защитниковъ, то Медвѣдевъ обратилъ подозрѣніе въ неправославіи противъ самихъ грековъ и постарался пробудить въ русскомъ обществѣ критическое отношеніе къ вѣковымъ учителямъ его. «Діаволъ ересми тяжкими всю Грецыю насѣя, яко тамо рѣдкій престолъ бѣ, при немъ же бы разныя ереси не рождались и не возрастали, и весма едини другихъ низлагаху со престолъ силою. Самый же Цареградскій престолъ чрезъ двѣстѣ лѣтъ еретиковъ мерзскихъ: монотелитовъ, несторіановъ, образоборцовъ разныхъ времянъ имяше». Нигдѣ «такія великія ереси быша, яко въ Греціи на греческомъ языкѣ, а не иначе отъ духовныхъ». Медвѣдевъ удивляется старому благоговѣнію русскихъ предъ греческимъ языкомъ, далекимъ, будто бы, отъ всякихъ ересей, заподозриваетъ чистоту религіозныхъ убѣжденій самихъ Лихудовъ, какъ учившихся по книгамъ, напечатаннымъ у нѣмцевъ, и подосланцыхъ протестантами или католиками, и осуждаетъ постановку учебнаго дѣла въ ихъ школѣ. Наоборотъ, и въ латинскихъ книгахъ не однѣ ереси, что видно изъ того, что въ латинскомъ переводѣ существуютъ апостолъ и евангеліе. Если они правильно переведены, то неужели имъ не вѣрить? [1]) Подобно Медвѣдеву и Иннокентій Монастырскій, игуменъ кіевскаго кирилловскаго монастыря, поддерживалъ обвиненіе Лихудовъ въ неправославіи и защищалъ православіе малороссовъ, учившихся по латыни, но все же не сдѣлавшихся католиками. «По милости Божіей церковь Христова малороссійская безчисленныхъ имѣетъ свидѣтелей въ вѣрѣ своей твердости непомѣрныя. Церковь Христова малороссійская еще подъ державою короля польскаго, латинскія вѣры сущаго, въ лице езуитамъ дерзновенно всегда стояла, даже до крове... Почто Лихудіи вѣры своея въ свидѣтельство ксензовъ приводятъ? Явный убо сей доводъ есть, яко Лихудіи суть езуитскія вѣры» (Опроверженіе на Акосъ—у Шляпкина, о. с., 198—199).

---

[1]) «Манна» и «Извѣстіе истинны»... Прозоровскій, 490; ср. 211. 212. Сменцовскій, 275—277.

Спеціальную защиту латинскаго языка и ученія представилъ только архим. Гавріилъ Домецкій, воспитанникъ кіевской коллегіи [1]). Говорятъ, что нѣкоторые отъ чтенія латинскихъ и польскихъ книгъ прониклись папежскимъ духомъ и «ратуютъ на матерь свою, восточную церковь». Но сама православная церковь различаетъ между этими книгами: отвергая изданные еретиками, лютеранами и кальвинистами, она не осуждаетъ прочихъ, безразличныхъ въ религіозномъ отношеніи, и читающихъ ихъ. Въ малой Россіи рѣдко кто не умѣетъ читать по польски и по латыни, а въ Кіевѣ, кромѣ того, обязательно изучаются риторическія, философскія и богословскія науки, но не слышно, чтобы кто-нибудь прельстился папежскимъ ученіемъ и хвалилъ бы его (?): наоборотъ, имъ гнушаются, какъ схизматическимъ, и противъ него полемизируютъ. Съ послѣдней именно цѣлью было нѣкогда учреждено самое кіевское училище: Петръ Могила, съ благословенія константинопольскаго патріарха, разослалъ въ разныя государства для научнаго образованія монаховъ и они, вернувшись, стали научнымъ образомъ излагать слово Божіе, утверждающее въ православной вѣрѣ греческаго закона, при чемъ учебные предметы преподавали на латинскомъ и польскомъ языкахъ. И, несмотря на протестъ неученыхъ поповъ и монаховъ, въ кіевской школѣ продолжается польско-латинское направленіе. «И тако науки утвердилися и вну возрастаютъ, обаче ни единъ отъ тѣхъ, которые учатся латинскихъ и полскихъ училищъ и прочитаютъ книги, не обрѣлся и не обрѣтается, который бы отступилъ своей вѣры, но еще стоятъ и защищаютъ церковь, матерь свою, писмами и дыспутацыями: духовныя духовнымъ мечемъ, а козаки желѣзнымъ мечемъ: а по смерти Петра Могилы вскорѣ мечъ свой подняли за вѣру и высѣклися отъ поляковъ и поддалися подъ державу великаго государя московскаго и всея Россіи». Не должно удивляться и теперешнему негодованію нѣкоторыхъ противъ ла-

---

[1]) Сменцовскій, прилож., № 4. Записка, здѣсь напечатанная, есть разборъ сочиненія Евѳимія о преимуществахъ перевода 70-ти. Составлена она послѣ 1704 г.

тино-польскихъ наукъ: всегда вѣдь новое и необычайное возбуждаетъ протесты...

Какъ видимъ, споръ о преимуществахъ двухъ системъ образованія длился долго и велся горячо, что и неудивительно: онъ имѣлъ не академическій только или теоретическій характеръ, а вполнѣ жизненный, такъ какъ былъ связанъ съ вопросомъ о чистотѣ вѣры и цѣлости православія. Въ этомъ отношеніи эллинофилы имѣли особенно сильныя основанія бояться торжества противной партіи. «Въ то время латинскій языкъ не былъ только языкомъ науки, но и языкомъ латинства, латинская наука носила строго вѣроисповѣдной католическій характеръ, такъ какъ всякому православному, обучавшемуся въ латинскихъ школахъ, нужно было, хотя бы на время и только внѣшне, отрекаться отъ православія. Человѣкъ, воспитавшійся въ латинской школѣ и только на латыни, читавшій только латинскія книги, необходимо и несознательно всасывалъ въ себя разныя латинскія мнѣнія и воззрѣнія, чуждыя православію, сроднялся невольно съ католичествомъ, невольно на многое начиналъ смотрѣть латинскими глазами, привыкалъ въ затрудненіяхъ прибѣгать къ латинскимъ авторитетамъ, въ ихъ духѣ и по ихъ указаніямъ рѣшать возникавшіе церковные вопросы и недоумѣнія и невольно, часто незамѣтно для себя, отрывался отъ православной почвы и становился орудіемъ, хотя бы и не сознательнымъ, пропаганды латинскихъ воззрѣній въ православной средѣ. Полоцкій служилъ для современниковъ убѣдительнымъ тому примѣромъ» (Каптеревъ, Актовая рѣчь, 51). А затѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что въ проникавшихъ въ Москву сочиненіяхъ кіевскихъ ученыхъ, даже епископовъ, проводились католическіе взгляды и убѣжденія (напр., о непорочномъ зачатіи пресв. Дѣвы Маріи, о чистилищѣ, о времени пресуществленія св. даровъ). Тѣ же увлеченія католическими богословскими идеями и обычаями обнаружились и въ великорусскихъ юношахъ, зачастившихъ въ польско-литовское государство для образованія, что и отмѣтилъ п. Іоакимъ. Кіевская ученость казалась московскимъ ревнителямъ православія тѣмъ болѣе опасной, что за представителями ея мерещились іезуиты (о нихъ Смепцовскій, 147—153) и протестанты, занимав-

шіеся въ Москвѣ пропагандой своихъ идей, между прочимъ, и школьнымъ путемъ, а съ другой стороны—ее дискредитировали такіе западнорусскіе выходцы, какъ Янъ Бѣлободскій, пріѣхавшій сюда для занятія педагогической должности въ училищѣ, но оказавшійся еретикомъ. Въ виду всего этого очень понятны всевозможныя усилія греческой партіи парализовать успѣхи латинопольской учености не только путемъ литературы, но и чрезъ полицейскія мѣры—запрещеніе ввоза новыхъ книгъ, недопущеніе въ Москву кіевскихъ ученыхъ, а также попытки отстранить отъ завѣдыванія школьнымъ дѣломъ вообще лицъ съ латинскимъ образованіемъ.

Но и греки казались не совсѣмъ безгрѣшными. Послѣ увлеченія м. Исидора флорентійской уніей и паденія Царьграда, на Москвѣ постепенно распространилось убѣжденіе, что греки не тверды въ православіи, и хотя въ срединѣ XVII в. ихъ престижъ въ Москвѣ поднялся опять, по крайней мѣрѣ среди высшаго свѣтскаго и духовнаго начальства, защитники латинскаго ученія находили возможнымъ на этомъ старомъ основаніи дѣлать свои нападки на достоинство греческой науки. Они указывали, что греки своихъ школъ не имѣютъ, а учатся за границей въ католическихъ и протестантскихъ училищахъ и съ запада же получаютъ свои книги, которыя выходятъ изъ иновѣрныхъ типографій сильно поврежденными. Говоря такъ, они отчасти напоминаютъ намъ латино-уніатскихъ писателей конца XVI и нач. XVII в., старавшихся такимъ образомъ подорвать въ глазахъ западноруссовъ кредитъ греческой науки; съ другой стороны—они повторяли тотъ взглядъ на греческое просвѣщеніе, который такъ ярко былъ выраженъ Арсеніемъ Сухановымъ, а потомъ расколоучителями. Когда во время преній Суханова съ греками константинопольскій патріархъ предложилъ ему поговорить съ учеными греческими дидаскалами по вопросу о разницѣ въ лѣточисленіи у грековъ и русскихъ, Арсеній отклонилъ это предложеніе, выразившись такъ объ ученыхъ грекахъ: у нихъ такова наука: тщатся они не истину сыскать, но только бы перетягать и многословесіемъ своимъ истину замять, на то они тщатся, и наука у нихъ такова езуитская»,

такъ какъ, по мнѣнію Арсенія, греки «книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ», а берутъ все у иновѣрныхъ, у нѣмцевъ, а «въ латынской науке много лукавства» (Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, II, вып. 1, стр. 45—46). Противники греческаго ученія кромѣ старыхъ фактовъ отпаденія въ унію (м. Исидора и п. Игнатія) могли указать и на то, что латинствомъ заразился одинъ изъ учениковъ бр. Лихудовъ—діак. Петръ Артемьевъ (Сменцовскій, 315—318).

Литературный споръ о преимуществахъ той или другой системы шелъ параллельно съ попытками обѣихъ партій практически осуществить свои программы образованія, и здѣсь рѣшающее значеніе имѣло не столько общественное мнѣніе, сколько убѣжденія и взгляды правительства—свѣтскаго и духовнаго, или, вѣрнѣе, сама жизнь съ ея запросами и требованіями...

Развитіе и распространеніе латино-польскихъ школьно-литературныхъ идей и симпатій въ русскомъ обществѣ, задержанное нѣсколько въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Михайловича, продолжалось съ еще большей силой въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Воспитанникъ и почитатель Симеона Полоцкаго, Θеодоръ не могъ не сочувствовать образованію вообще [1]) и притомъ въ тѣхъ его формахъ, какія пропагандировалъ на Москвѣ его учитель. Въ этомъ смыслѣ характерны два вышедшія при немъ изданія: а) Азбука «съ ораціями», начатая почитаніемъ 28 іюня 1678 (9?) г. (въ 4000 экз.) [2]) и б) «Привѣтствіе брачное царю Θеодору Алексѣевичу на бракосочетаніе его съ Марθой Матвѣевною»—С. Медвѣдева (1672). Проникнутый симпатіями къ польско-европейской культурѣ, ц. Θеодоръ могъ знакомиться съ продуктами западной мысли непосредственно, такъ какъ хорошо зналъ

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ десятки тысячъ изданныхъ при немъ учебниковъ для низшихъ школъ—азбукъ, часослововъ, псалтирей (Прозоровскій, 170—173).

[2]) Въ дек. 1679 г. изъ Верхней типографіи вышелъ букварь Сим. Полоцкаго, въ который вошли, между прочимъ, «привѣтства» (10) къ родителю и благодѣтелю на важнѣйшіе праздники (Пекарскій, 170—172. Татар., 242—247). Не одно ли это и тоже?

латинскій и польскій языки. Склонность его ко всему польскому подала даже нѣкоторымъ католическимъ писателямъ поводъ считать его расположеннымъ къ уніи. Съ другой стороны, насколько не расположенъ былъ Θеодоръ Алексѣевичъ къ греческому и грекамъ, видно изъ того, что въ 1676 г. онъ особымъ указомъ воспретилъ имъ въѣздъ въ Россію (Каптеревъ, Характеръ... 267—269).

Пользуясь такимъ образомъ мыслей Θеодора Алексѣевича и расположеніемъ лично къ себѣ, Симеонъ Полоцкій возымѣлъ намѣреніе закрѣпить латино-польское педагогическое направленіе въ московскомъ государствѣ учрежденіемъ въ Москвѣ высшаго училища. Не безъ вѣдома и согласія царя онъ составилъ въ 1680 г. проектъ академіи по образцу родной кіевской коллегіи и, вѣроятно, хорошо знакомой ему виленской іезуитской академіи [1]). Въ ней предполагалось преподавать языки славянскій, греческій, польскій и латинскій и науки духовныя и свѣтскія, именно: грамматику, риторику, піитику, діалектику, философію, физику, естественную мораль, богословіе догматическое и нравственное, каноническое и гражданское право (Предисловіе и §§ 5 и 9). Полоцкій хотѣлъ помѣстить академію въ томъ самомъ заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ жилъ самъ почти со времени переѣзда въ Москву, но въ особыхъ приличныхъ, выстроенныхъ на счетъ государства зданіяхъ, и обезпечить ея содержаніе спасскимъ и шестью другими монастырями и одной пустынью съ ихъ угодіями и вотчинами. Кромѣ того онъ заручился обѣщаніемъ царя пожертвовать въ пользу академіи дворцовую вышегородскую волость въ верейскомъ уѣздѣ со всѣми крестьянскими дворами и со всѣми угодьями, нѣсколько пустошей въ боровскомъ уѣздѣ и свою государственную библіотеку [2]). Право учиться въ проекти-

---

[1]) Проектъ напечатанъ въ Исторіи россійской іерархіи, I, 515—543 и въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ, т. VI; изд. 2, 397—430. Доказательства въ пользу авторства Сим. Полоцкаго, оспариваемаго г. Каптеревымъ, приведены у г. Татарскаго (о. с., 161—162).

[2]) §§ 1, 2, 17. Обращаетъ на себя вниманіе, что самъ Полоцкій не завѣщалъ своихъ книгъ будущей академіи: польскія и русскія

рованной академіи предоставлялось «всякаго чина, сана и возраста людямъ» православнаго вѣроисповѣданія. Ученики по всѣмъ проступкамъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, подлежали суду блюстителя и учителей академіи. Свободные отъ суда гражданскаго, они освобождались и отъ взысканій съ нихъ отцовскихъ долговъ, впредь до окончанія курса. Успѣшно кончившіе академію имѣли получать «приличные ихъ разуму чины», уравнивавшіе ихъ съ благородными,—преимущество, котораго нельзя было получить никакимъ другимъ способомъ (§§ 5, 7, 8, 10). Кромѣ всѣхъ этихъ отличій въ программѣ и правъ, свойственныхъ вообще высшимъ учебнымъ заведеніямъ, московской академіи, въ лицѣ ея блюстителя и учителей, предоставлялся высшій контроль по дѣламъ вѣры и народнаго образованія и право суда надъ всѣми, кто такъ или иначе угрожалъ чистотѣ православія и народной нравственности. Именно, имъ предоставлено было право: а) наблюдать, чтобы никто безъ ихъ разрѣшенія не держалъ домашнихъ учителей, «паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ»; б) свидѣтельствовать чистоту вѣры пріѣзжающихъ въ Россію ученыхъ иностранцевъ для сужденія, могутъ ли они оставаться въ Россіи; в) слѣдить и доносить царю для суда «безъ всякаго помилованія» о происходящихъ въ народѣ «противностяхъ въ вѣрѣ, распряхъ и раздорахъ» отъ неправо мудрствующихъ; г) хранить списки новообращенныхъ въ православіе иновѣрцевъ и слѣдить не только за вѣрностію ихъ православію, но и за степенью строгости въ храненіи православной вѣры и церковныхъ преданій, при чемъ констатированіе измѣны вѣрѣ влекло за собой сожже-

---

онъ отдалъ въ полоцкій богоявленскій монастырь, а латинскія—въ кіевскую братскую «во вивліоѳику»; заиконоспасскому монастырю онъ оставилъ только «Обѣдъ душевный» и «Вечерю душевную» (Татарскій, 323). Если это значитъ, что Полоцкій написалъ завѣщаніе задолго до смерти и до составленія привилегіи, то тутъ можно видѣть доказательство и того, что въ концѣ жизни Полоцкій общественнымъ учительствомъ не занимался и что Сил. Медвѣдевъ свою довольно большую библіотеку (603 №№) составилъ самостоятельно (Временникъ Моск. общества исторіи и древностей росс., кн. 16).

ніе виновнаго; д) наблюдать и предупреждать обращеніе среди русскаго народа астрологическихъ, гадательныхъ и вообще «богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній», а въ простомъ классѣ общества—также книгъ «польскихъ и латинскихъ, нѣмецкихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ». За чтеніе и храненіе книгъ перваго рода виновнымъ предстояло сожженіе, второго—«нещадное наказаніе». Строгій судъ и сожженіе угрожали русскимъ и иностранцамъ за хуленіе вѣры и церковныхъ преданій (напр., за отрицаніе призыванія святыхъ, поклоненія иконамъ и мощамъ святыхъ) и за переходъ изъ православія въ иновѣріе. Даже католики, проживавшіе въ Россіи, за переходъ въ протестантство подлежали по суду академіи ссылкѣ (§§ 3, 11, 13—16). Огражденная такими широкими правами и полномочіями, академія, по замѣчанію С. М. Соловьева, должна была представлять изъ себя какъ бы цитадель православія. Она уполномочивалась «слѣдить за всѣми движеніями враговъ и бить всполохъ при первой опасности. Московская академія, по проекту царя Өедора,—не училище только,—это страшный инквизиціонный трибуналъ; произнесутъ блюстители съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи»,—и костеръ запылаетъ для преступника» (Исторія Россіи, кн. III (изд. 2), 885).

Между тѣмъ слухи о намѣреніи царя завести въ Москвѣ высшее училище дошли до Польши и оттуда пріѣхалъ, съ намѣреніемъ занять мѣсто учителя, нѣкто Янъ Бѣлободскій, человѣкъ безъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій, но склонявшійся видимо къ протестанству. Для достиженія своей цѣли Бѣлободскій готовъ былъ принять православіе, монашество и священный санъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ своихъ заблужденій. Но онъ встрѣтилъ въ Москвѣ соперника въ лицѣ Сил. Медвѣдева, мечтавшаго послѣ смерти Симеона Полоцкаго сдѣлаться блюстителемъ академіи и желавшаго опредѣлить въ учителя людей своей партіи. Медвѣдевъ 19 мая 1681 г. написалъ, а Павелъ Негребецкій подалъ государю челобитную, разоблачавшую неправославныя вѣрованія Бѣлободскаго и рекомендовавшую въ учителя академіи людей благонадежныхъ и многоученыхъ: игуменовъ

Елисея Карабчикѣевича и Иннокентія Монастырскаго, іеромонаха Гавалевича и мірянина Терновскаго—все южноруссовъ [1]).

Но еще болѣе, чѣмъ конкуренція Бѣлободскаго, Медвѣдеву и его сторонникамъ угрожали тѣ исправленія въ проектѣ академіи, какія были сдѣланы п. Іоакимомъ и греческой партіей, въ руки которой онъ попалъ по написаніи (неизвѣстно, отъ самого Симеона Полоцкаго или уже послѣ его смерти). Душой этой партіи былъ инокъ Евѳимій, но не малую роль, игралъ въ ней и самъ патріархъ. Онъ, хотя и жилъ въ молодости въ Кіевѣ и послѣ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ привѣтственныя рѣчи учениковъ московскихъ школъ, въ принципѣ былъ противъ латинскаго школьнаго направленія. Его душа лежала къ чисто греческому просвѣщенію, въ чемъ онъ былъ укрѣпленъ знакомствомъ—по должности чудовскаго архимандрита—съ Епифаніемъ Славинецкимъ и вниманіемъ восточныхъ патріарховъ Паисія и Макарія. Думала ли сама греческая партія объ учрежденіи греко-славянской академіи до проекта Симеона Полоцкаго или нѣтъ, но она не могла не видѣть, что послѣдній шелъ совершенно въ разрѣзъ съ ея воззрѣніями и что его слѣдуетъ подправить. Оставляя, впрочемъ, латинскій и польскій языки, какъ крайне необходимые по тому времени, партія рѣшила приспособить проектъ къ своимъ интересамъ и требованіямъ въ другихъ пунктахъ [2]). Какія именно измѣненія сдѣланы ею—трудно сказать рѣшительно. Проф. Каптеревъ, по тщательномъ анализѣ проекта, пришелъ къ заключенію, что ихъ нужно видѣть въ параграфахъ, направленныхъ прямо или косвенно противъ приверженцевъ латинскаго ученія: въ § 2-мъ, ограничивающемъ право южнорусскихъ выходцевъ на преподаваніе въ академіи и предоставляющемъ грекамъ, заручившимся рекомендаціей

---

[1]) Челобитная напечатана въ Памятникахъ къ Исторіи протестантства (М. 1888, I).

[2]) Не въ связи ли съ этимъ стоитъ посылка п. Іоакимомъ въ Кіевъ для изученія философскихъ наукъ іеродіакона Каріона Истомина въ 1681 г. (Шляпкинъ о. с., прилож., 77)?

восточныхъ патріарховъ, свободный доступъ къ занятію въ академіи должностей блюстительской и учительскихъ, безъ всякихъ справокъ на мѣстѣ относительно ихъ православія и благонадежности, что обязательно требовалось отъ южно-русскихъ выходцевъ; въ § 5-мъ, угрожающемъ костромъ лицамъ, занимающимся астрологіей [1]; и въ §§ 6 и 14, направленныхъ противъ частныхъ, домашнихъ учителей и польскихъ и латинскихъ книгъ (Актовая рѣчь). Быть можетъ также, что греческой партіи обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ вообще §§, которыми академія превращалась въ судилище вѣры [2]).

Исправленный такимъ образомъ проектъ академіи почему то оказался у Сил. Медвѣдева. Медвѣдевъ, не смѣя возвратить ему первоначальную редакцію, могъ сдѣлать только одно—нѣсколько ослабить преимущество грековъ. Въ правленной патріархами редакціи проекта относительно грековъ было сказано: «греческаго же народа, тіи да будутъ (блюстителями и учителями), иже будутъ о себѣ имѣти, о своемъ въ восточной христіанской вѣрѣ крѣпкомъ утвержденіи, отъ православныхъ патріарховъ достовѣрное свидѣтельство» (§ 3), чѣмъ открывался свободный доступъ къ занятію въ академіи должностей блюстителя и учителя всякому греку, получившему патріаршую рекомендацію. Медвѣдевъ собственноручно сдѣлалъ къ этому очень важное и существенное добавленіе: «такожде тіи (греки) и въ Россіи да будутъ крѣпцѣ въ вѣрѣ свидѣтельствовани, дабы кто изъ нихъ такожде

---

[1]) Крекшинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Полоцкій «по вся нощи звѣздное теченіе наблюдалъ, и многое какъ о Россіи, такъ и о другихъ государствахъ предвѣщалъ». О занятіяхъ его астрологіей имѣются и другія свѣдѣнія (Каптеревъ, Актовая рѣчь. Татарскій, о. с. 127). Винили послѣ и Медвѣдева въ томъ, что онъ вѣрилъ астрологическимъ показаніямъ (Сменцовскій, 197).

[2]) Нужно, однако, сказать, что и самъ Сим. Полоцкій, несмотря на свою душевную мягкость, былъ суровъ до жестокости къ религіознымъ противникамъ, напр. къ раскольникамъ (Майковъ, Очерки изъ исторіи рус. литературы XVII и XVIII ст., 30, 33, 36, 37).

не содѣлалъ, яко-же прежде еретикъ Ісідоръ. Россійскій митрополитъ, иже отъ Цареградскаго патріарха и отъ прочихъ съ свидѣтельствомъ достовѣрнымъ и съ веліемъ похваленіемъ къ Москвѣ на митрополію пріѣха, а послѣжде на Флоренскомъ соборѣ съ папою Римскимъ согласенъ явися» [1]). Такимъ образомъ Медвѣдевъ хотѣлъ лишить грековъ того выгоднаго положенія, въ какое ставила ихъ греческая партія,—сравнивъ ихъ съ южно-руссами...

Въ такомъ видѣ проектъ академіи былъ представленъ Медвѣдевымъ Өеодору Алексѣевичу для подписи и утвержденія. «Не онъ ли былъ, говоритъ о Медвѣдевѣ Евѳимій отъ лица Лихудовъ, который прежде пришествія нашего сѣмо молилъ блаженныя памяти государя, царя Өедора Алексѣевича... построити академію». («Показаніе истины»). Большинство изслѣдователей полагаетъ, что Өеодоръ дѣйствительно подписалъ проектъ, и это мнѣніе какъ будто подтверждается однимъ современнымъ документомъ, увѣряющимъ даже, что при Өеодорѣ «начато строить въ Москвѣ школы польскія и латинскія» [2]), и надписью на портретѣ царя въ архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, гласящей, что Өеодоръ «на ученіе свободныхъ мудростей Россійскаго народа присно промышляше, и монастырь Спаса иже въ градѣ Китаи на поученіе опредѣли, и чудную и весьма похвалы достойную... грамоту на то ученіе написа» (Шляпкинъ, 54). Но, кажется, ближе къ истинѣ

---

[1]) Каптеревъ, Актовая рѣчь. Сменцовскій, 35, 36, Эту вставку, сдѣланную Медвѣдевымъ на принадлежавшемъ ему черновомъ отпускѣ привилегіи, проф. Каптеревъ относитъ къ 1685 г., г. Сменцовскій—къ 1682 г.

[2]) Diariusz zaboystwa tyranskiego senatorów Moskiewskich w stolicy roku 1682, видящій, впрочемъ, въ этомъ, какъ и въ другомъ, вліяніе супруги царя Агаѳіи Грушецкой, дочери смоленскаго шляхтича (у Шляпкина, 58, прим. 2). Но можетъ быть Diariusz говоритъ о школѣ Сил. Медвѣдева, о которой ниже? Diariusz съ русскимъ переводомъ напечатанъ въ IV книгѣ Старины и Новизны, Историческаго сборника, издаваемаго при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память импер. Александра III (Спб. 1901 г.) стр. 383—407.

противоположное мнѣніе, проводимое А. В. Горскимъ, Н. Ѳ. Каптеревымъ и М. Сменцовскимъ: не только не сохранился бѣловой списокъ академической привилегіи съ подписью ц. Ѳеодора, но, по свидѣтельству ректора Московской академіи Гедеона Вишневскаго въ 1722 г., академія до сего времени и совсѣмъ не имѣла никакой привилегіи (Сменцовскій, 36, 37).

Можетъ быть, утвержденію академической привилегіи помѣшали продолжительная болѣзнь и смерть царя († 26 апр. 1682 г.). Наступившее затѣмъ тревожное время заставило обѣ партіи забыть пока объ акадаміи. Но борьба между ними и именно на школьной почвѣ не прекратилась. Еще 15 янв. 1682 г. по царскому указу велѣно было построить въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ Медвѣдевъ состоялъ послѣ Полоцкаго строителемъ, двѣ келліи для ученія славянскаго языка [1]). Вѣроятно, скоро началось здѣсь самое ученіе, продолжавшееся до перенесенія въ монастырь, въ новоустроенное помѣщеніе академіи (въ концѣ 1687 г.). Когда 3 іюня 1686 г. Спасскій монастырь посѣтилъ п. Іоакимъ, желавшій выбрать мѣсто для академическаго зданія, онъ нашелъ въ немъ 23 «ученика словенскаго ученія, которые учатся у монаха Сильвестра», и далъ имъ по 6 денегъ. Но кромѣ славянскаго языка Медвѣдевъ обучалъ и латинскому (какъ показывалъ о томъ въ 1689 г. пѣвчій Лаврентій Бурмистровъ) и риторикѣ (въ 1889 г. патріархъ пожаловалъ его ученику Ивану Истомину рубль за произнесенную имъ орацію, а въ 1685 г. ему же два рубля за сказанную имъ въ крестовой палатѣ поздравительную орацію па-

---

[1]) Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. (М. 1872, изд. 21, ч. I, 140. Это новая школа, а не продолженіе училища Сим. Полоцкаго. Въ числѣ рукописей проф. Бауре, погибшихъ въ пожарѣ 1812 г., находился оригиналъ медвѣдевскаго привѣтствія ц. Ѳеедору по случаю вступленія его въ бракъ съ Марѳой Апраксиной: «Привѣтство брачное царю Ѳедору Алексѣевичу, яко первое приношеніе отъ учрежденнаго Спасскаго училища» (Прозоровскій, 192, прим. 374, 195).

тріарху по случаю поставленія въ кіевскіе митрополиты Гедеона Четвертинскаго [1]).

Не осталась безъ школы и греческая партія. Въ 1681 г. возвратился въ Москву іером. Тимоѳей, проведшій 14 лѣтъ на востокѣ и прекрасно изучившій греческій языкъ. Разсказами объ упадкѣ православнаго просвѣщенія на востокѣ онъ возбудилъ въ патріархѣ желаніе поднять его, а кстати подготовить свѣдущихъ людей для печатнаго дѣла. Такъ возникла, почти одновременно съ спасской, такъ называемая типографская школа, ректоромъ которой былъ назначенъ самъ Тимоѳей, а учителями два проживавшіе въ Москвѣ грека Мануилъ и Іоакимъ. Помѣщалась она сначала въ верхнихъ палатахъ типографіи, но уже въ 1683 г. сильный наплывъ учащихся вынудилъ патріарха построить для нея новыя каменныя палаты. Какъ постройки ихъ, такъ и содержаніе учениковъ производились на счетъ патріаршаго казеннаго приказа. Этимъ обстоятельствомъ, равно какъ интересомъ, проявленнымъ къ ней какъ патріархомъ, такъ и самимъ царемъ, часто посѣщавшими училище и поощрявшими учащихся деньгами и одеждой, объясняются внѣшніе ея успѣхи. Число учащихся съ 30 въ самомъ началѣ къ январю 1686 г. возросло до 233 чел.; изъ послѣднихъ 67 учились «греческаго языка свящ. писанія», и 166—«словенскаго языка». Изъ этихъ друхъ классовъ школа состояла во все время своего сушествованія. Старшій классъ, или греческій, въ свою очередь дѣлился на двѣ группы или статьи.

Заведенная патріархомъ-еллинофиломъ, въ противовѣсъ защитникамъ латинскаго ученія, и порученная руководительству грековъ и грекофиловъ, типографская школа сохраняла строго

---

[1]) Прозоровскій, 75—77, 87. 194—197. Сменцовскій, 37, 38. Въ описи книгъ заиконоспасскаго монастыря 1689 г. упоминаются 25 Альваровъ, нѣсколько польскихъ и латинскихъ риторикъ, далектикъ и піитикъ (Времен. Общ. ист. и древн. рос., кн. 16, Смѣсь, 53—67. В. Н. Перетцъ, Историко-литературн. изслѣдованія, т I, ч. 1 (Спб., 1900), 63, 64. 201).

греческое направленіе, чему сильно порадовались и на востокѣ. Іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ письмахъ къ царю и патріарху просилъ поддержать училище въ виду важнаго значенія греческаго языка для церкви вообще и для русской въ частности, такъ какъ въ послѣдней онъ употреблялся съ самаго начала. Патріархъ Досиѳей убѣждалъ охранять свое стадо отъ латинскихъ книгъ, такъ какъ въ нихъ заключается ученіе антихристово и онѣ полны хулы и протестантскаго безбожія. О преимуществахъ греческаго ученія п. Досиѳей писалъ также іером. Тимоѳею (Каптеревъ, Сношенія іерус. п. Досиѳея съ рус. правительствомъ, Прилож., № 15, 67 стр.; нач. 1682 г.).

Это участіе Досиѳея въ обезпеченіи за московскимъ училищемъ истинно греческаго православнаго характера побудило п. Іоакима просить его прислать надежнаго учителя изъ грековъ. Въ результатѣ просьбы была присылка двухъ ученыхъ монаховъ, докторовъ падуанскаго университета, братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Они прибыли въ Москву въ мартѣ 1685 г., какъ разъ въ то время, какъ партія «латинствующихъ» въ лицѣ Медвѣдева представила (24 янв.) для утвержденія Софьѣ Алексѣевнѣ старый проектъ академической привилегіи, вновь пытаясь захватить въ свои руки руководство учебнымъ дѣломъ. Но хотя царевна Софья и сама заботилась о просвѣщеніи Россіи, какъ это и засвидѣтельствовалъ Медвѣдевъ въ своемъ стихотвореніи, приложенномъ къ проекту академической привилегіи («Врученіе привилегіи на Академію»), но повидимому и она не утвердила проекта... Во всякомъ случаѣ не Медвѣдеву съ его друзьями пришлось руководить академіей. Правда, отъ этого потеряли скорѣе отдѣльныя лица, чѣмъ направленіе.. [1])

---

[1]) «Тою (мудростію) Россы просвѣтити тщишься»....
«Ты свѣтъ наукъ явити хощешь Россіи»....
«Россія не вѣсть наукъ знати.
Егда же отъ мя тою просвѣтится,
Вся вселенна о томъ удивится,
Яко ты перва здѣ мудра явися,
Тобою мудрость зѣло возлюбися.

Хотя восточные патріархи ручались за православныя убѣжденія Лихудовъ, послѣдніе по пріѣздѣ въ Москву должны были дать русскимъ, согласно съ проектомъ академической привилегіи, доказательства своей вѣроисповѣдной благонадежности и только послѣ того открыли курсъ ученія въ кельяхъ богоявленскаго монастыря. Здѣсь на первыхъ порахъ ихъ слушали 6 учениковъ типографской школы. Съ переводомъ училища въ особое помѣщеніе увеличилось число учениковъ Лихудовъ и кругъ ихъ вліянія. Самъ патріархъ являлся слушать, какъ Лихуды преподаютъ, и поощрялъ дальнѣйшіе успѣхи учащихся. Между тѣмъ къ осени 1687 г. было выстроено для Лихудовской школы особое каменное зданіе въ заиконоспасскомъ монастырѣ и съ этого времени она стала существовать, какъ славяно-греко-латинская академія [1]). Сюда перешли ученики типографской школы и, вѣроятно, многіе изъ слушателей Сил. Медвѣдева; кромѣ того нашлось немало охотниковъ учиться изъ людей «всякаго чина царствующаго града Москвы»,—священниковъ, іеромонаховъ, монаховъ, князей, спальниковъ, даже челядинцевъ. Число учащихся съ 23 въ декабрѣ 1687 г. по декабрь 1684 г. возросло до 127 ч. Всѣ учащіеся дѣлились на три класса, изъ которыхъ каждый распадался на двѣ статьи, или на два сочиненія. Въ качествѣ приготовительнаго класса при академіи существовала русская школа или иначе—школа книжнаго писанія. Въ низшемъ классѣ кромѣ рус-

---

Тоя отъ тебе свѣтъ нача сіяти,
Въ Москвѣ невѣжества темность прогоняти»... (Прозоровскій, 386).

[1]) Интересно свидѣтельство о Лихудовской академіи де-ла Невилля, дипломатическаго агента французскаго правительства, 1689 г. По его словамъ, кн. Голицынъ «построилъ огромное прекрасное каменное зданіе для коллегіума, вызвалъ изъ Греціи 20 ученыхъ и выписалъ много книгъ; онъ убѣждалъ дворянъ отдавать дѣтей своихъ учиться въ это заведеніе, разрѣшилъ имъ посылать дѣтей въ латинскія училища въ Польшу, другимъ же совѣтовалъ нанимать для учителей польскихъ гувернеровъ, допустилъ іезуитовъ» (Рус. Стар., 1891, т. IV (172), стр. 265).

скаго языка изучались начатки греческаго. Въ среднемъ классѣ приступали къ изученію греческой грамматики, которою открывался курсъ свободныхъ наукъ. Лихуды начали его еще въ богоявленскомъ монастырѣ. Въ апрѣлѣ 1688 г. ученики «верхней школы», т. е. старшаго класса, изучали риторику, и въ Рождество Христово слѣдующаго года Іосифъ Аѳанасьевъ и 6 его товарищей могли уже привѣтствовать патріарха «ораціями» своего составленія. Въ мартѣ 1690 г. Софроній Лихудъ началъ преподаваніе логики и до 11 августа этого года прочелъ обширное введеніе въ эту науку. Послѣ логики слѣдовалъ курсъ физики, т. е. естественной философіи, и, наконецъ, въ 1693 г. Лихуды начали преподаваніе піитики. Слѣдующаго—богословскаго—курса они въ Москвѣ прочитать не успѣли: составленная ими система богословія относится уже къ новгородскому періоду ихъ дѣятельности.

Вызванные грекофиломъ Іоакимомъ и присланные Досиѳеемъ учителя должны были вести преподаваніе, на греческомъ языкѣ и въ греческомъ духѣ, но, какъ воспитанники европейскаго университета, они не могли не сознавать важности и нужды въ латинскомъ языкѣ и обходиться безъ него, тѣмъ больше, что изученіе его не только дозволялось проектомъ академической привилегіи, но и прямо узаконялось ссылкой на грамоты патріарховъ 1668 г. И они, дѣйствительно, стали преподавать его въ своей школѣ. Спустя немного, Лихуды дали латинскому языку почти равноправность съ греческимъ, преподавая грамматику и піитику на греческомъ языкѣ, а прочія науки, именно риторику, логику и физику—на обоихъ. Греческую грамматику Лихуды преподавали по Константину Ласкарису, остальные предметы—по Аристотелю, на томъ основаніи, что уже нѣсколько вѣковъ всѣ почти академіи избрали его какъ бы вождемъ и главой [1]). Но и это чрезмѣрное уваженіе къ Аристотелю, ведущее начало со временъ процвѣтанія схоластики, и чисто схоластическій методъ из-

[1]) О методахъ и способахъ Лихудовъ и объ ихъ руководствахъ—въ Исторіи московской академіи и у г. Смендовскаго (72—78).

ложенія всѣхъ наукъ, характеризующійся искусственностью и дробностью дѣленій и подраздѣленій понятій, наряду съ введеніемъ въ программу латинскаго языка,—все это давало видѣть, что Лихуды не враги западной науки. Этимъ только и можно объяснить какъ содѣйствіе устройству академіи западника кн. В. В. Голицына, такъ и тѣ громы, какіе посыпались на Лихудовъ со стороны п. Досиѳея послѣ того, какъ они не оказали содѣйствія племяннику его Хрисанѳу. Разгнѣванный патріархъ, въ грозномъ посланіи своемъ къ нимъ отъ 15 іюля 1693 г., обвинивъ ихъ въ неблагодарности и различныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, коснулся и ихъ преподаванія. «Мы, писалъ святитель, послали васъ учить истинѣ... Между тѣмъ вы въ нечестіи презрѣли насъ, учите латинскому языку, вводя беззаконія латинскія въ души простыя, и производите соблазнъ по отношенію къ св. языку». Въ заключеніе Досиѳей внушалъ братьямъ, оставивъ мірскіе интересы и дѣла, прилежать къ школѣ, но учить въ ней по гречески, а не по латыни [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Досиѳей въ грамотахъ царямъ и патріарху Адріану далъ знать, что Лихуды, вопреки приказанію его и другихъ восточныхъ патріарховъ, ввели въ академію помимо греческаго и латинскій языкъ и вмѣсто того, чтобъ учить грамматикѣ и другимъ священнымъ наукамъ, забавляются физикой и философіей, почему и просилъ запретить имъ занятіе латинскимъ ученіемъ, какъ «ходатаемъ великаго зла» [2]).

Но какъ ни внимательны были на Москвѣ къ п. Досиѳею, тамъ не могли не видѣть, что его требованія противорѣчатъ насущнымъ нуждамъ русскаго народа, тѣмъ болѣе, что Лихуды успѣли уже приготовить нѣсколькихъ вполнѣ просвѣщенныхъ учениковъ, говорившихъ на обоихъ классическихъ языкахъ и довершавшихъ образованіе за границей [3]). Уступить Досиѳею было и

---

[1]) Смирновъ, Исторія Славяно-греко-латинской академіи, 406—408.

[2]) Каптеревъ. Сношенія.... Прилож. № 19.

[3]) Петръ Вас. Постниковъ, первый русскій докторъ медицины и философіи, Палладій Роговъ, получившій въ Римѣ степень доктора философіи и богословія, грекъ Асень Кононовъ; выдавались также по

потому неловко, что какъ разъ въ это время цари и патріархъ разрѣшили кіевской коллегіи преподаваніе разныхъ наукъ—духовныхъ и свѣтскихъ—на греческомъ и латинскомъ языкахъ съ позволеніемъ принимать дѣтей всего россійскаго народа, и по прежнему не отказывали въ отпускахъ туда москвичамъ [1]). Наконецъ, московское правительво понимало, что Досиѳей не могъ не знать о характерѣ образованія рекомендованныхъ имъ Лихудовъ (какъ раньше—Николая Спаѳарія) и что у патріарха принципіальные вопросы очень и очень переплелись съ личными... Тѣмъ не менѣе настоянія Досиѳея, подкрѣпленныя на мѣстѣ представленіями и интригами архим. Досиѳея, а можетъ быть также писаніями и устными внушеніями противниковъ «латинской части», превозмогли всѣ эти здравыя соображенія. Воспользовавшись неблаговиднымъ поведеніемъ братьевъ Лихудовъ и попыткой ихъ бѣжать изъ Москвы, п. Адріанъ отставилъ ихъ отъ академіи (1694 г.) [2]) и временно, до прибытія новаго учителя изъ Греціи, поручилъ преподаваніе ихъ ученикамъ Семенову и Поликарпову. Но это обстоятельство отозвалось невыгодно не столько на латинскомъ направленіи академіи, которое Досиѳей хотѣлъ поразить заодно съ Лихудами, сколько на самой наукѣ. Семеновъ и Поликарповъ не успѣли выслушать философскаго и богословскаго кур-

---

своимъ успѣхамъ и своему развитію Николай Семеновъ, Ѳеодоръ Поликарповъ, монахи Ѳеологъ, Козма, Іаковъ.

[1]) Однимъ изъ такихъ учениковъ былъ Каріонъ За(в)улонскій, справщикъ патріаршей типографіи. О своемъ обученіи въ кіевской коллегіи свидѣтельствуетъ онъ самъ въ напечатанной имъ въ 1693 г. для поднесенія царямъ и патріарху гравюрѣ съ посвященіями и съ изложеніемъ общаго содержанія выслушаннаго имъ философскаго курса. Тр. Кіев. дух. акад., 1888, февр., 295—307: Н. Петровъ, «Археологическія замѣтки». Ровинскій, Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ (Спб., 1889), I, 896—878).

[2]) Интересно, что Лихуды, переведенные изъ академіи въ типографію, открыли частный курсъ итальянскаго языка.—Любопытно также, что въ 1698 г. по заказу купца Короткаго была переведена на славскій языкъ риторика Софр. Лихуда. (А. И. Соболевскій, Московскій меценатъ петровскаго времени. Литер. Вѣстн., 1901, VI, 128),

совъ и по необходимости ограничили преподаваніе грамматикой, піитикой и риторикой, притомъ и имъ обучали безъ достаточной педагогической подготовки [1]). Въ 1669 г. они добровольно оставили академію и заняли мѣста типографскихъ справщиковъ. Ихъ замѣнилъ другой ученикъ Лихудовъ—чудовскій монахъ Іаковъ, но только на нѣсколько мѣсяцевъ. Московская академія упала до того, что въ 1698—9 г. Петръ Алексѣевичъ въ разговорѣ съ п. Адріаномъ выразилъ полное недовольство ею, какъ не приносящей никакой пользы по отсутствію надзора. Царь предложилъ патріарху послать нѣсколько молодыхъ людей въ Кіевъ для обученія въ тамошней коллегіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ заняться судьбой московской школы. «Надобно бы, говорилъ царь, поручить ее человѣку знатному, съ именемъ, съ вѣсомъ и снабдить какъ учителей, такъ и учащихся всѣмъ необходимымъ для поощренія ихъ къ занятію науками» [2]). Въ результатѣ заботъ правительства о московской школѣ было назначеніе ректоромъ ея Палладія Рогова,

---

[1]) Въ записяхъ патріаршаго казеннаго приказа они называются даже не учителями академіи, а школьниками.

[2]) Устряловъ, Исторія царствованія Петра вел., III, 355, 356 (ср. 511). Въ 1701 г. самъ царь писалъ кіевскому митрополиту, чтобы онъ не возбранялъ москвичамъ доступа въ свою академію (П. В. Знаменскій, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. (Казань, 1881), 9). Изъ числа учившихся тогда въ Кіевѣ знаемъ Конона Зотова, о посылкѣ котораго въ академію просилъ царя 17 авг. 1700 г. его отецъ Никита Зотовъ (Указъ царя о свободномъ пропускѣ въ Кіевъ и обратно—Кіев. Стар., 1893, сент., 138, 139). Въ началѣ мая 1701 г. Зотовъ подписался на челобитной кіевской коллегіи м. Варлааму: «Его царскаго пресвѣтлаго Величества стольникъ Кононъ Зотовъ, въ академіи Кіевской учащійся» (Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст., 61). Этотъ Зотовъ послѣ доучивался за границей (въ 1707 г., въ Лондонѣ. Соловьевъ, изд. 2, IV, 16, 161. 162. Пекарскій, I, 155). Кто такой Николай Зотовъ, учившійся тогда же въ Кіевѣ (Кіев. Стар., 1901, дек., 464)? Не тотъ ли самый Кононъ, по ошибкѣ названный Николаемъ?

человѣка съ ученой степенью доктора богословія [1]), а блюстителемъ—м. Стефана Яворскаго (1701). Но и полученное ими обоими образованіе, и то обстоятельство, что съ этого времени московская академія стала называться «латинскими» или «славяно-латинскими школами», говорятъ уже о томъ, что старая борьба между двумя школьными направленіями заканчивалась побѣдой не Досиѳея и московскихъ грекофиловъ. «И нынѣ, писалъ Досиѳей въ 1703 г. м. Стефану,.... въ конецъ эллинское училище стерлъ еси и токмо о латинскихъ стараешься, поставивъ учителей во иныхъ убо едва благоговѣйныхъ и честныхъ, обаче въ догматахъ строптивныхъ, якоже отъ тебя научившеся немудрствовать право о мнозѣхъ» (Каптеревъ, Характеръ... Прилож. № 4, стр. 27). Это была правда, хотя и не совсѣмъ. «Борьба прежняго еллино-славянскаго направленія съ латинскимъ тянулась еще долгое время и при Петрѣ великомъ, и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія первой половины XVIII в.» (Знаменскій, 10). И въ данный моментъ греческій языкъ и греческая литература не совершенно были изгнаны изъ академическаго преподаванія. Побѣда «латинской части» опредѣлилась тѣмъ, что преимущественное вниманіе въ академіи было удѣлено латинскому языку, какъ ключу къ тому умственному капиталу, которымъ владѣла западная Европа и къ которому направлялъ Россію ея великій преобразователь. Признаніе преимущественной важности латинскаго языка наряду съ призваніемъ кіевскихъ ученыхъ къ осуществленію реформаціонныхъ плановъ Петра I [2]) обозначало, что Россія вышла изъ мѣстнаго круга византійскихъ началъ образованности на широ-

---

[1]) Палладій Роговъ въ своей исповѣди п. Адріану называетъ себя уроженцемъ нынѣшняго кашинскаго уѣздя тверской губ. Почему покойный И. И. Малышевскій причислилъ его къ западно-руссамъ (Проток. кіев. дух. акад., 189⁵/₆ г., 168), намъ неизвѣстно.

[2]) Новыя данныя о вызовѣ Петромъ кіевскихъ ученыхъ сообщаетъ проф. Голубевъ въ 75 примѣчаніи къ своей рѣчи: Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст. (94—100).

кій просторъ научныхъ и практическихъ идей и изобрѣтеній западнаго генія. Школа, служившая доселѣ главнымъ образомъ церковнымъ интересамъ, теперь расширяетъ свои задачи до служенія общегосударственнымъ нуждамъ. Еще въ 1698—9 г. Петръ Алексѣевичъ выразилъ п. Адріану желаніе, чтобы «изъ школы (московской академіи) во всякія потребы люди благоразумно учася происходили,—въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство». «Очевидно, комментируетъ Устряловъ это извѣстіе, любомудрый царь намѣревался преобразовать славяно-греко-латинскую академію въ университетъ, съ примѣненіемъ преподаванія наукъ къ существеннымъ потребностямъ Россіи: ему нужны были не выспренніе философы, не ученые филологи, наполнявшіе заграничные университеты, а разумные священники, чиновники, офицеры, архитекторы и медики» [1]). Разнообразіе нуждъ и потребностей государственныхъ повело къ спеціализаціи обученія, къ развитію сословныхъ, профессіональныхъ школъ и къ посылкѣ молодыхъ людей за границу. Здѣсь началось новое школьное вліяніе, шедшее изъ западной Европы не чрезъ посредство Польши, а прямо изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и Италіи, вліяніе, носившее не столько теоретическій, отвлеченный, сколько практическій, техническій характеръ. Отсюда совпавшее съ наступленіемъ XVIII ст. начало новой школьной борьбы, продолжающейся и доселѣ.

К. Харламповичъ.

---

1) Устряловъ, Исторія царствованія Петра великаго; III, прилож. VII, стр. 512; 356. Ср. П. В. Знаменскій, о. с., 7 и прим.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.

(*Продолженіе* [1]).

Одежда.

Женскія заботы о наружности, лицѣ и волосахъ. Прическа и украшеніе дѣвичьей головы; цвѣты, ленты, платки. Женскій головной уборъ: очипки. Серьги, намисто. Бѣлье, женскія сорочки, примѣты о нихъ. Мытье и перемѣна бѣлья. Женская бумажная, шерстяная и мѣховая одежда. Юбки, пояса и обувь. Мужская стрижка, шапки, бѣлье, одежда; предохраненіе послѣдней отъ порчи. Обувь.

Предохраняя отъ климата, одежда въ то же время подчеркиваетъ, оттѣняетъ, увеличиваетъ красоту, особенно женскую. Заботы о наружности мѣстной женщины выражаются въ слѣдующихъ обыкновеніяхъ, принятыхъ частью и въ другихъ малорусскихъ областяхъ. На первый день свѣтлаго праздника женщины моются водой, въ которую положены окрашенное и обыкновенное, некрашенное яйцо, иногда также копѣйка, и растираютъ щеки этими яйцами (крашанку покачае по пыци) для сохраненія свѣжести лица [2]. Съ тою же цѣлью, дѣвицы, заслышавъ пер-

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1902 г.: № IV, Жилье и VI Пища.

[2]) Тотъ-же пріемъ указанъ у Чубинскаго. Тр. экспед. III, 24; Сумцова. Писанки. 1891 г. 23, у Чернявской. Обр. и пѣсни С. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г. 13. По Номису же (Укр. Пр., 161) и Свидницкому (Велыкд. у подол. Основа, 1861 г., X, 48); въ воду для умыванія бросаютъ еще калину и коралы.

вый весенній громъ, трутъ щеки красными вещами: поясомъ, запаской, плахтой, тѣми же красными вещами утираются, омывъ лицо въ рѣчной водѣ, освященной на Крещенье. Для того, чтобы щеки были румяными, ихъ трутъ такъ называемою «краскою», т. е. цвѣточною пылью (pollen) ржи. Въ предохраненіе лица отъ солнца и вѣтра его натираютъ тоненькимъ кусочкомъ освященнаго на свѣтлый праздникъ сала, а отъ мороза—первымъ выпавшимъ снѣгомъ [1]). Перечисленныхъ средствъ достаточно тѣмъ сельскимъ красавицамъ, о которыхъ говорятъ: «Вона сыдыть, якъ незаймется на ейи и шкура гра»; блѣдныя женщины прибѣгаютъ кромѣ того къ искусственнымъ средствамъ: натиранію щекъ перцемъ, цвѣтами «павоніи» (paeonia corollina. Retz.), смоченными каемками платковъ, фуксиномъ, разведеннымъ въ пузырькахъ, пудрой (путрею) даже вокругъ Лубенъ. Брови иногда подводятъ сажей.

По народнымъ представленіямъ умываться можно и должно только по утрамъ. «Якъ не вмыться уранци, то не можна нинащо дывыться и огонь не горитыме у печи, а якъ сонце зайде, тоди не можна умываться: видьма облыже пыку и краса зминыться, змарніе». Быть можетъ это табу вечернихъ обмываній введено обычаемъ въ предупрежденіе возможности увидѣть на ночь свое изображеніе въ водѣ, что также строго запрещено подъ опасеніемъ утратить красоту и увидать дьявола. «Глупои ночи не можна дывыться у воду, або въ люстро: сатана буде вздриваться; винъ выходыть, скушáе. Тоди не на себе, а на нечистого дывляться» [2]). Только по субботамъ вечеромъ и наканунѣ годовыхъ праздниковъ дѣвицы, смывая голову и шею, также волей неволей обмываютъ и лицо. Мыть и чесать голову тоже не разрѣшается обычаемъ, за нѣкоторыми исключеніями: по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. «У недилю дивци заплитаться грихъ, а якъ жинка росчисуется у недилю, то въ іи чо-

---

1) По Маркевичу (Обыч., повѣр., кухня и нап. малор. Кіевъ. 1860 г., 7) растираютъ еще щеки мартовскимъ снѣгомъ и маленькимъ гусенкомъ.

2) То-же запрещеніе встрѣчаетя у Гринченка. Изъ устъ народ. Черниг. 1900 г., 23.

ловика не буде волосъ (ногтоѣда, panaritium). Никому не можна мыться и росчисуваться у середу, бо въ середы сорокъ дочокъ и кожна высмыкне пасму, або хоть и по волосыни, то обирвуть волосся, а то нужа заведется у голови. Дивкамъ и жинкамъ не можна росчисуваться у пьятныцю; дивчатамъ, пиддивочимъ (подросткамъ) и удовамъ можна. Жинци ще не годытся росчисуваться у той день, що винчалась». Такимъ образомъ благопріятны убору женской головы лишь: вторникъ, четвергъ и суббота; но и этими льготными днями пользуются преимущественно дѣвицы, а женщины, обремененныя дѣтьми [1]), смываютъ голову только наканунѣ важнѣйшихъ праздниковъ, да по какому-нибудь случаю, напримѣръ, послѣ чистки трубъ. Смываютъ голову щелокомъ, «лугомъ» [2]), бураковымъ квасомъ или горячей водой, въ которую кладутъ вѣтку освященной вербы, также какую-нибудь изъ слѣдующихъ слизистыхъ и душистыхъ травъ: полевые васильки (galeopsis ladanum. L.), горыцвитъ (adonis wernalis. L., стародубку), калачыкы (malva rotundifolia. L.), копытьки (asarum europeum. L, копытень или подорѣшникъ), пахнущія камфарой или валеріаномъ [3]), сорванныя на Ивана Купала [4]); Иванъ да Марью (viola tricolor. L.). лататя (althaea officinalis. L), которыхъ корни обильны слизистымъ веществомъ [5]), лопухъ (arctium lappa. L.), любыстокъ (levisticum officinale, Koch., зорю), мяту (mentha piperita. L.), петривъ батигъ (cychorium intybus, L.), полынь (artemisia absintum. L.), ромашку (matricaria chamomilla. L.), товстушку (gentiana cruciata. L.) и чепчыкъ (чебрецъ, душицю, thymus serpyllum, L), выдѣляющій, какъ мята и другія губоцвѣтныя душистое эѳирное масло [6]). Перечисленныя травы прибавляютъ къ водѣ для того «щобъ голова не болила [7]), щобъ во-

[1]) «Диты! головка бидна заклопочена (или у клопоти)» объясняютъ молодицы, имѣющія 2—3 ребятъ, пренебреженіе своею внѣшностью.

[2]) Нѣмецкое Lauge.

[3]) Григорьевъ. Руков. къ ботан. III изд. 1864 г., 262.

[4]) По словарю Ѳ. К. Волкова въ Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I, 169, указаны какъ приворотное зелье.

[5]), [6]) и [7]) Григор. Бот. 166, 243. Перечисленными травами: копыткамы, любисткомъ, мятой моютъ голову и когда заболитъ. См. мою Нар. Медиц. въ Кіев. Ст. 1890 г. II., 373.

лосся було плавке, щобъ не скублось, щобъ волосъ краще рисъ и коса була товста, хороша; а щобъ лупа не заводылась треба змывать голову сырымъ яйцемъ». Воду, въ которой вымыта голова (мытиль), не выносятъ изъ хаты до утра; только утромъ ее сливаютъ въ уединенное мѣсто: глухой конецъ воротъ, узкіе промежутки между строеніями (сутки́) или на плетень, для того, чтобы вступившій въ «мытиль» нечаянно не набрался нечисти. Вымытую голову женщины расчесываютъ обыкновенно большой роговой гребенкой, а если волосы выходятъ или сѣкутся, то гребнемъ, которымъ прядутъ. Этимъ же гребнемъ, внесеннымъ въ хату по окончаніи рождественскихъ святокъ, чешутъ женщины голову, чтобы не клонило ко сну за работой. Расчесываясь, дѣвица заплетаетъ волосы, какъ въ одну косу, въ 3—6 прядей (пасомъ) у самой головы, увеличивая далѣе количество пасомъ до 24-хъ [1]), чтобы коса казалась толще, такъ и въ двѣ меньшія коски, въ 3 пасмы каждая, которыя начинаютъ плести возлѣ уха и складываютъ или крестикомъ или вдоль головы вверхъ «у простяжъ». Изрѣдка встрѣчаются и другія прически: напримѣръ, шиньоны въ Черевкахъ; но при всякой прическѣ лобъ дѣвицы открытъ, начесовъ à la vièrge нигдѣ въ лубенскомъ уѣздѣ не видѣлъ. Кончивъ плесть косу, дѣвушка иной разъ потянетъ ее за кончикъ и скажетъ: «росты коса одъ пояса до долу», и прячетъ гребешокъ. Послѣдній нельзя класть на дижу, столъ или окно— ангелъ не сядетъ. Вездѣ въ лубенскомъ уѣздѣ для сохраненія и улучшенія волосъ принято на новолунье (на молодыци́) [2]), особенно въ маѣ, подрѣзать кончикъ косы, «щобъ вона ривна була, якъ одрубана, а не кинчаста». Подстригать косу долженъ кто-нибудь изъ родственниковъ: отецъ, крестный, братъ, а не родственницъ. Нельзя также подрѣзывать волосъ самой себѣ. Дѣвицѣ во время стрижки лучше стоять: «Якъ пидризать сыдя, то й косы сыдитымуть». Въ про-

---

[1]) Такіе мелкіе завитки у насъ называютъ дрибушками, а въ подольской губерніи—дрибницами.

[2]) Лишь въ видѣ исключенія на полнолуніи: «На повнимъ мисяци, щобъ косы повни булы».

тивномъ случаѣ дѣвицу садятъ на прядь (повисмо) коноплей. Остатки подрѣзанныхъ или вычесанныхъ волосъ не должно оставлять на полу и выметать, такъ какъ если вихорь подхватитъ такіе волосы или—сорока на гнѣздо, то у женщины часто будетъ болѣть голова; а топчущій женскіе волосы заболѣваетъ ревматизмомъ или ногтоѣдой (волосомъ). Кромѣ того, «якъ кыдатымешъ волосся попидъ ногы, то буде свекруха по тоби топтаться». Во избѣжаніе такихъ непріятныхъ случайностей, дѣвушки закапываютъ остатки волосъ подъ вербой, выросшей изъ освященной вѣтки, такъ чтобы никто не видѣлъ; чаще же бросаютъ въ огонь, какъ и остатки ногтей, а въ предупрежденіе появленія головной боли [1]) приговариваютъ: «Покы горитыме, покы голова болитыме. Якъ перестало волосся горить, хай перестае й голова моя болить» или: «Скилькы горитыме, стилькы й болитыме» [2]). Нѣкоторымъ молодицамъ, пышные волосы которыхъ не умѣщаются подъ очипкомъ, также необходима стрижка, но обрѣзанные волосы нужно сплесть въ косу и спрятать въ скрыню до смерти: они кладутся вмѣстѣ съ женщиной въ гробъ. Женская прическа вообще такъ гладка [3]), что волоса кажутся приклеенными къ головѣ, обнару-

---

[1]) Такъ какъ по другимъ малорусскимъ повѣріямъ волосъ сжигать нельзя—«болитыме голова». Гринченко. Изъ устъ народа. 50.

[2]) Настоящій случай, сходный какъ съ общечеловѣческими обыкновеніями кидать въ огонь пищу, куренія и другіе предметы (Тэйлоръ. Первоб. культ. II, 330), между прочимъ первую спряденную учащейся прясть дѣвочкой пряжу (въ моемъ очеркѣ: Жилье, въ Кіев. Стар. 1902 г. IV, 127), такъ и съ поджиганіемъ кончиковъ волосъ: дѣтямъ на крещенье (Богдановичъ. Сб. свѣдѣн. о Полт. Губ. 185) и новобрачнымъ у бѣлоруссовъ (Зап. Имп. рус. геогр. Общ. V, 142, 149),—слѣдуетъ, кажется, истолковать какъ пережитокъ жертвъ огню, о почитаніи котораго говорится въ Словѣ Христолюбца: «и огневи молятся подъ овин(о)м», и намекается у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихіа ни сонце, ни огнь». У хорутанъ же и теперь дѣвицы поютъ вокругъ костра: sweti se, sweti ogenj, sweti se! (И. Срезневскій. О языч. богослуж. др. слав. въ Финск. Вѣстн. 1847 г., IX, 25, 26).

[3]) «Головка гладенька».

живая ея часто красивую форму, для чего дѣвушки иногда примазываютъ голову коровьимъ масломъ, изрѣдка и оливой, отъ которой, говорятъ, сѣдѣютъ волосы.

Естественнымъ украшеніемъ прически служатъ какъ полевые, такъ и сорванные изъ своего цвѣтника цвѣты, которыми дивчата «заквиччуются, затыкаются», между прочими: гайстры (aster chinensis, L.), гвоздики (tagetes erecta, L.) жоржина (dahlia variabilis, L.) зирки (lychnis chalcedonia, L.), майоры (zinnia elegans, L.), макъ (papaver somniferum, L.), нагидки (calendula officinalis) [1]), настурція (tropaeolum majus) [2]), павонія (paeonia corollina), розы и чорнобривци (tagetes patula, L.) По мѣстнымъ повѣрьямъ дѣвицѣ нельзя передавать изъ головы подругѣ первый расцвѣтшій и сорванный съ куста цвѣтокъ, потому что коса у передавшей выйдетъ, а у припявшей станетъ гуще, да и голова у первой разболится. «Неможна квитку зъ-за головы (що за головою) давать подрузи—голова болитыме»; по Гринченку [3]) же дѣвушкѣ вообще нельзя давать цвѣтовъ изъ головы другимъ дѣвицамъ—«перелюблять женыха». Кромѣ естественныхъ цвѣтовъ, голову украшаютъ еще искусственными, которые соединяютъ иногда въ вѣнокъ, называемый круглою квиткою [4]). Искусственные цвѣты дѣлаютъ изъ воска или изъ цвѣтного коленкора и носятъ по праздникамъ преимущественно въ сѣверной Лубенщинѣ; въ средней же такіе цвѣты носитъ только невѣста да старшая дружка. Здѣсь, въ с. Черевкахъ, молодая отдаетъ бѣлые, восковые подвѣнечные цвѣты въ церковь, гдѣ они украшаютъ образъ Пресвятой Дѣвы.

Въ косу вплетаютъ еще тонкія ленточки (косныкы): красныя, оранжевыя, голубыя или зеленыя, длиной въ аршинъ, по 1—2 въ будень и 7—10 на свадьбахъ и праздникахъ. Въ южныхъ во-

---

[1]) и [2]) указаны какъ головное украшеніе въ словарѣ Волкова. въ Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I., 172, 173 и у Чуб. Тр. Эксп. I, в. I, 83.

[3]) Изъ устъ нар., 33.

[4]) Цѣна ей 24 коп., отдѣльному цвѣтку 3—8. к.

лостяхъ: Великоселецкой, Оржицкой, Денисовской коспыки не въ модѣ; о дѣвицѣ въ коснывахъ отзываются тамъ такъ: «Начипляла мовъ помело зъ-заду, або хвистъ; такъ якъ сорока гниздо намостыла». Широкія ленты носятъ также различно въ разныхъ мѣстахъ лубенскаго уѣзда. Въ сѣверной части уѣзда дѣвицы надѣваютъ лѣтомъ на голову широкую красную ленту (стричку, кушакъ), а сверхъ ея другую—галунъ (галенку), упоминаемую еще Гоголемъ въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала», такъ чтобы изъ подъ галенки виднѣлся край кушака. Въ срединѣ уѣзда и на югѣ галенку замѣняютъ узкой голубой или зеленой ленточкой (стёжкою), помѣщаемой также сверхъ кушака. Иногда прикалываютъ еще къ волосамъ 1—3 банта изъ лентъ. По Слѣпороду дѣвушки и въ церковь ходятъ безъ платковъ, съ обнаженной головой, заплетенныя въ одну косу, съ такой широкой лентой или бантомъ [1]). Особенность наряда молодой, выдѣляющую ее изъ ряда подругъ, составляютъ два цвѣтка, собранные изъ красныхъ лентъ, похожіе на полный макъ и приколотые по бокамъ платка; самая же группа мѣстныхъ дивчатъ, поджидавшихъ молодую, изображена мною въ очеркѣ «На свадьбѣ у богача» [2]) такъ: «Подруги молодой столпились на улицѣ и пѣли. Онѣ принарядились къ свадьбѣ. На гладко причесанные волосы надѣты были широкія ленты или шелковые и черные шерстяные платки. Туго стянутыя поясами таліи охватывали разноцвѣтные корсеты. Модные парчевые фартухи спускались на желтые сапоги. Веселыя, загорѣлыя дивчата перекидывались лукавыми замѣчаніями и улыбками, поджидая молодую. Пестрые костюмы, ленты, цвѣты, молодые глаза дивчатъ—все сверкало на майскомъ солнцѣ, и эта оживленная толпа въ тѣсной улицѣ подъ хатами напоминала макъ на огородѣ—любимый образъ малорусской поэзіи». Изъ сказаннаго видно, что лубенцы раздѣляютъ общечеловѣческое пристра-

---

[1]) Цѣна кушака 12—15 коп. аршинъ, галенки 10—20 и коснывивъ 4—10 коп.

[2]) См. «По морю и сушѣ», иллюстр. жур. Одесса, 1895 г. № 18, 2, подъ иниц. В. М.

стіе къ красному цвѣту, болѣе поражающему центральную часть сѣтчатой облочки [1]), какъ и другіе малороссіяне, отожествляющіе красное съ красивымъ [2]) и сравнивающіе его съ сладкимъ [3]). Поэтому, напримѣръ, о дѣвицѣ, вышедшей на улицу въ голубыхъ или зеленыхъ лентахъ, говорятъ: «Яка писна дивка выйшла гулять», такъ какъ только въ посту не надѣваютъ краснаго. Не принято также надѣвать цвѣтовъ, лентъ, намиста на первые дни: Рождества, Свѣтлаго праздника и св. Троицы. Рядятся на вторые дни этихъ праздниковъ. Но, во всякомъ случаѣ, нарядъ, имѣющій по мнѣнію малоруссовъ большое значеніе, согласное пословицѣ--«Прыберы хочъ пень, то покраща», не долженъ, однако, переходить извѣстныхъ границъ яркости и пестроты, и о женщинѣ, перешедшей эти границы, отзываются такъ: «Вырядылась, якъ болячка».

Какъ лѣтомъ, такъ и зимой голова дѣвушки охвачена чернымъ съ цвѣтными каемками (смужками) платкомъ; только въ зной, надѣваютъ вмѣсто платка бѣлыя бумажныя хустки съ нашитымъ цвѣткомъ, замѣнившія домашніе холщевые платки, затканные бумагой (заполочью). Черные платки раздѣляются, смотря по матерьялу и величинѣ, на бумажные съ зеленой и красной каймой, цѣной въ 25 коп.; «кашемирови», съ бахрамой изъ плетеныхъ кисточекъ (кытыць)—въ 40 коп.; платки съ стриженными краями, въ 50 коп.; полубумажные, полушерстяные, съ зелеными каймами, въ 50—60 коп.; «тернови»—шерстяные съ бахрамой въ 1 р. 20 коп., и «ящыкови», шерстяные же съ прочмыми (нелипючымы) каймами въ 90—1 р. 20 коп. Осенью и зимой женщины сверхъ этихъ платковъ закрываются (запынаются) еще: «черкасовымы», сѣрыми съ цвѣтными каймами, цѣной въ 40—90 коп., такими же, лучшаго качества—«валеными»,—въ 1—1 р. 20 коп. и клѣтчатыми (картатыми)—отъ 1 р. 20 коп.—до 2-хъ руб. Въ праздничные и торжественные дни женщины

---

1) Ш. Летурно. Соціолог. основ. на этногр., в. I. 1895 г. 92, 133.

2) Н Ѳ. Сумцовъ. Энтогр. зам. Москва, 1889 г., 19, 20.

3) М. Комаровъ. Нова збир. малор. прыказ. Одесса, 1890 г., 88,—«Що солодке, той добре, а що чорвоне—те гарне».

повязываются небольшими шолковыми платками одноцвѣтными, отливающими разными цвѣтами (миненымы), дорогими, стоющими 2 руб. 50 коп. и до 5 руб. Въ счетъ платы лѣтнимъ срочнымъ рабочимъ въ лубенскомъ уѣздѣ входятъ непремѣнно два платка (подарки), почему у мѣстныхъ дивчатъ собирается отъ 5—20 платковъ. Платокъ признается важнѣйшимъ украшеніемъ головы. Повязывая первый разъ предъ зеркаломъ новый платокъ, дѣвица приговариваетъ: «Оце красу зъ сёго платка зношу», а бросая изношенный—говоритъ: «Зносыла красу». При всемъ различіи платковъ, повязка ими дѣвичьей головы во всемъ уѣздѣ одинакова. Вездѣ, кромѣ селъ на сѣверовосточной границѣ, платокъ плотно охватываетъ голову въ видѣ небольшой шапки, надвинутой на лобъ 1—3-мя складками—«губамы». Темя закрыто характеристическимъ «клапономъ» или «лыскомъ», въ которомъ и кроется отличіе лубенскихъ повязокъ отъ сосѣднихъ лохвицкихъ и миргородскихъ, гдѣ темя открыто, а платокъ только—обернутъ вокругъ головы (соняшныкомъ, у кружкы, лысо.)

Затѣмъ лубенская повязка различается мѣстами только вышиной и шириной. Въ Волчковской волости дѣвушки носятъ широкія, низкія повязки, надвинутыя на лобъ (салотовкы). Еще ниже и шире повязки с. Крутого Берега, напоминающія чалму. Въ Снѣтинѣ повязки выше и остроконечнѣе. За Лубнами, въ южныхъ частяхъ Лубенской и Великоселецкой волостей повязки высоки, съ рожками. На самомъ югѣ, въ степной Лубенщинѣ дѣвицы чаще совсѣмъ не повязываютъ головы, а закрываютъ ее только платкомъ, какъ мѣщанки (запынаются.) Наблюдая дѣвичью повязку, замѣчаешь, что она, согласуясь повсемѣстно съ женскою, представляется лишь копіей послѣдней, а не наоборотъ, такъ какъ первоначально самое повязываніе, покрываніе головы—римское nubere flammeum—обозначало переходъ отъ дѣвичества къ положенію женщины. Женская же повязка всецѣло зависитъ отъ формы главнаго, отличительнаго головного убора—очипка. Очипки вообще бываютъ двухъ образцовъ. Первый раздѣленъ по рединѣ складкой (перекладомъ), такъ что одна сторона возвышается надъ лбомъ, другая надъ затылкомъ. Такую форму называютъ «очип-

комъ зъ двома кыбалкамы». Она принята лишь на сѣверовосточной окраинѣ уѣзда, по лохвицкой границѣ и для лубенскаго уѣзда не характеристична. Лубенскій очипокъ круглый, нѣсколько конусообразный, съ одной кибалкой и различается мѣстами только вышиной и шириной. Въ м. Снѣтинѣ очипки довольно высокіе, въ формѣ заступа, отчего и повязка платкомъ поверхъ очипка пріострена, съужена кверху. Въ Волчковской волости и коегдѣ за Лубнами очипки широкіе, въ видѣ гребня, такъ что головы выходятъ широкими, какъ макитры. Очипокъ надвинутъ на брови, волосы на затылкѣ (мычка) подобраны такъ, что ихъ не видно. Вокругъ Лубенъ очипки круглые, небольшіе, повязка ровная, высокая, на лбу изъ подъ очипка виднѣются начесы, а мычка опущена низко на шею. Въ Черевковской волости очипки также круглые со сборами, платки повязываются сверхъ нихъ также кругло, концы спрятаны, а прежде торчали въ обѣ стороны какъ роги; начесовъ нѣтъ, но мычка виднѣется. Къ югу отъ Лубенъ въ очипкахъ возлѣ ушей дѣлаются вырѣзы и такой очипокъ называютъ «зъ ушкамы». Очипки вездѣ прикрѣпляютъ къ головѣ, скалывая сзади или иглой обыкновенной или иглой безъ ушка (проторомъ); только въ Лукомьи очипокъ обвязываютъ сверху лентой. За Лубнами недавно появились новые головные уборы: капоры, [1])—невысокія шапочки вродѣ дѣтской, составляющія переходъ отъ очипка къ сборнику горожанокъ, вишневаго цвѣта, сзади завязывающіеся лентой, повязка платка сверхъ нихъ перекладомъ и такъ называемыя «повязки», нѣчто вродѣ сборника, низенькія, охватывающія темя, но очень раскрывающія начесы и мычку. У богачекъ онѣ шелковыя. Очипки же вообще дѣлаютъ изъ ситца, брильянтина, кумача, парчи и золотой парчи (сухозолотни); набиваютъ оческами конопли (клоччямъ), подкладываютъ полотномъ и обшиваютъ по краямъ коленкоромъ или плисомъ. Они бываютъ разноцвѣтные, но предпочитаются красные, какъ римское flammeum—«Молодыця иде у червоному

---

[1]) Нѣмецкое kappe—шапка.

очипку, якъ макивка цвите». По Номису: [1]) «Удова, що бажае у друге одружыться, надива червоный очипокъ у будденъ и въ свято». Какъ извѣстно, очипокъ молодой надѣваетъ въ первую брачную ночь: сваха, молодой, дружко или во избѣжаніе сглаза она сама, [2]) при чемъ «косу ій ростёпують, горилку на голову поляпають, тоди наложять очипокъ и кажуть: «Накладаю я тоби очипокъ, щобъ ты ёго не скыдала и закону не теряла, и поздоровляю тебе велыкою головою и молодымъ чоловикомъ»; або й такъ: «Будь здорова зъ велыкою (червоною, билою) головою». Въ теченіе года нельзя снимать платка, которымъ былъ обвязанъ очипокъ въ первую брачную ночь,—«свитыть очипкомъ»; снимать же самый очипокъ и ходить съ обнаженной головой—«свитыть волосомъ»—малорусской женщинѣ, какъ и римлянкѣ [3]), никогда нельзя:—«Сонце плаче».

Молодымъ женщинамъ до 30-ти лѣтъ и далѣе считается грѣхомъ не носить серегъ, поэтому уши дѣвочекъ со второго года жизни прокалываютъ тонкими, острыми проволочными сережками, которыя и оставляются въ ухѣ до заживленія ранки. Затѣмъ, мѣдныя серьги, въ 3—5 коп., носятъ дѣвочки, дѣвушки же и молодицы надѣваютъ серьги изъ польскаго и обыкновеннаго серебра, изрѣдка золотыя, цѣной 45 к.—3 руб. 50 к. По формѣ серьги дѣлятся на: пьявочкы́, состоящія только изъ одного кольца, уточкы́—изъ кольца съ изображеніемъ утки, метелыкы—мотылька, ягидкы́—изъ тонкаго ободка съ большимъ краснымъ камушкомъ (вичкомъ) и макивкы́—въ видѣ цвѣтка циніи съ голубымъ или краснымъ камушкомъ по срединѣ. Къ этимъ серьгамъ привѣшиваютъ

---

[1]) Укр. Пр. 209.

[2]) Сваха можетъ «и свитъ завъязать и хворобу надать». Отъ сглаза вообще женщина закалываетъ себѣ въ сборы очипка иголку. (См. мою Нар. мед. въ Луб. у., въ Кіев. Ст. 1900 г., II., 380), а у умершей вынимаютъ и ту иголку, которой былъ заколотъ очипокъ.

[3]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ вопр. о вліян. греческ. и римск. свад. рит. на малор. свад. Кіевъ, 1886 г. 11 и 23.—Прежде сверхъ очипка прикрѣплялась еще кисея—«намитка», теперь ее можно увидѣть только на Матяшовскихъ хуторахъ, гдѣ такой кисеей обернута коса невѣсты.

привѣски: бовты или телипоны [1]). Серегъ у дѣвицъ немного: 1—2 пары, изъ нихъ полезнѣе другихъ серебрянныя: «Якъ носыть срибни свячени серги, то не буде шуму у голови, буде легше па голову». Есть еще и другія замѣчанія. Въ постъ не носятъ телипоновъ, а одни только колечки безъ камушковъ. Мѣдныя серьги безъ камушковъ же носять въ траурѣ по отцу и матери. Мертвую дѣвушку не хоронятъ въ серебряныхъ серьгахъ, «бо ничого срибного не можна класты у труну». Въ первую брачную ночь молодая вынимаетъ серьги изъ ушей [2]). Потеря серьги изъ уха во снѣ предвѣщаетъ молодицѣ смерть ея мужа.

Одновременно съ головой, дѣвицы моютъ и шею: «Щобъ шійка була биленька». На шеѣ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ виднѣется разноцвѣтное намисто до 25 нитей (разкивъ), болѣе или менѣе низко опущенное на грудь. Стародавніе кораллы (справжне, добре намысто), величиной въ горошину, очень цѣнно, доступно только богатырямъ и распредѣляется матерью поровну между всѣми дочерьми. Въ настоящее время подъ видомъ коралловъ распространены исскусныя поддѣлки, круглые, большей или меньшей величины, отъ 25 коп. до 1 руб. разокъ. Къ числу коралловъ относится и такъ называемое «колюче» или «локшина», состоящее изъ маленькихъ, изогнутыхъ трубочекъ, цѣной въ 12 коп. разокъ [3]). Кромѣ коралловъ носятъ еще разноцвѣтное стеклянное (каминне) намисто: «биле, голубе, зелене, жовте (цвѣта янтаря), червоне, бурякове, вышневе, жучкы, гадюче (черное), въ 2—8 коп. разокъ. Бусы (дунепе) вышли изъ употребленія. Иногда намисто смѣшиваютъ въ такомъ порядкѣ: разокъ бѣлый, разокъ желтый, потомъ красный. Бываетъ и такъ, что на одну и туже нить нанизаны разноцвѣтныя зерна (намыстыны). Мода на намысто неодинакова въ уѣздѣ. Въ Снѣтинской и Тишковской волостяхъ предпочитаютъ бѣлое, голубое, зеленое; въ Волчковской—красное, а бѣлаго совсѣмъ не носятъ. Красному нами-

---

[1]) Отъ «бóвтаться, телипаться»—болтаться.

[2]) Тогда же всю ночь скрыня молодой должна стоять раскрытой.

[3]) Кораллы растираютъ въ порошокъ и пьютъ при менопаузѣ.

сту приписываютъ особое значеніе. Женщина, страдающая падучей, должна поносить красное намисто, затѣмъ уронить его. На поднявшаго переходитъ недугъ. Въ постъ и въ траурѣ не носятъ краснаго намиста, а молодая не должна надѣвать никакого—отъ вѣнца до обрядового наложенія очипка; въ противномъ случаѣ «чоловикъ буде ревнывый и вона надива на слёзы—буде плакать». Съ умершей дѣвушки такъ-же снимаютъ намисто. Нерѣдко и женщины послѣ тридцати лѣтъ отказываются отъ него; нѣкоторыя, впрочемъ, носятъ и до сорока. «Якъ якій добре жыть, то довше носыть намысто». Дальнѣйшаго ношенія намиста не одобряютъ: «Отака стара, а прыбирается». Къ намисту привязываютъ сзади 1—3 цвѣтныхъ ленточки. Женщины всѣхъ возрастовъ носятъ еще на шеѣ крестикъ на черномъ, красномъ или зеленомъ шнуркѣ. Крестики бываютъ деревянные, цѣной въ 5 коп., стеклянные, бѣлые и цвѣтные, отъ 1 копѣйки, мѣдные, въ 3—5 коп. и серебряные, иногда эмалированные. Послѣдніе предохраняютъ отъ болѣзней. «Якъ срибный, свяченый хрестыкъ носыть на грудяхъ, у груди легше буде». Съ мертвой женщины снимается серебряный крестикъ. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ уборовъ шеи, въ одномъ только Лукомьи завязываютъ еще ее чернымъ платкомъ. Къ украшеніямъ принадлежатъ и перстни: гладкіе мѣдные въ 5—7 коп. и серебряные—въ 10—12 коп., также съ стеклышкомъ (вичкомъ), разныхъ цвѣтовъ. Только вѣнчальное кольцо имѣетъ значеніе. Его даютъ носить отъ ревматизма (грызи) рукъ и кладутъ въ купель дитяти, страдающаго сухоткой или желтухой (жовтяныцями) [1].

Рубашку, главную часть бѣлья (платтяь), въ лубенскомъ уѣздѣ называютъ сорочкой; другое обще-славянское названіе рубашки—

[1]) См. мои Нар. обр. и пѣс. Лубенск. у. 32 и 124.—Въ статьѣ Я. Головацкаго «О костюм. или народн. убр. русиновъ» (Отечеств. Зап. 1867 г. XII, к. I, 484.) приведена этимологія слова сорочки—отъ древненѣмецкаго serk (лат. indusium)—одѣяло, одежда и кошули, отъ кошъ. Рубашка (camisia) зашла къ германцамъ и римлянамъ изъ Галліи (Ю. Липпертъ. Истор. культ., 117). Названія частей малорусской рубашки, приводимыя ниже, вѣроятно, латинскаго корня.

кошуля встрѣчается лишь изрѣдка въ весильномъ ритуалѣ. Такъ, дружко, предъявляя рубашку молодой гостямъ въ свадебномъ домѣ, говоритъ: «Благословить кушиль въ хату унесты» [1]). На женскую сорочку идетъ выбѣленная [2]), широкая, тонкая посконь (плоскинь), называемая по числу прядей (пасомъ): пьятнадцяткою, дванадцяткою, десяткою. Ее мѣрятъ женщинѣ отъ подбородка до пятъ и отрѣзываютъ такой мѣры три полотнища (полы), очень рѣдко два съ половиной (пивтрети). Не всегда можно отрѣзать холстъ на рубашку. «Не можна у понедилокъ одризувать на сорочку—ризачка (диссентерія) буде и сорочка та нападна будė (люды нападатымуть); неможна и у середу,—буде вошыва, и чоловикъ зависытся; якъ одризать у пьятныцю—колюча буде, тило чесатымытся, а въ субботу—важка буде. И шыть сорочку не можна почынать у субботу, довго шытымешъ. Якъ же почнешъ, то треба й кончыть у субботу». Затѣмъ не запрещается шить рубашки по буднямъ, кромѣ первыхъ дней великаго и петрова постовъ, тогда у шьющаго «пальци пообрыва». Не всякая женщина въ состояніи сшить сорочку. «Таке уродытся, що подыыться мовъ людына, а пошыть сорочкы не вміе. Йе таке, що й замижъ иде, а ума въ неи пошыть сорочкы нема. Нечысто пошые, мовъ кылымъ, на споди хочь смалы. Мережка—тамъ сукъ, а тамъ болячка. Нагрундзюе, мовъ лантухъ. Заборы таки не ривни, мовъ позбирала родычей до купы [3]). Отрѣзанныя полы сшиваютъ вмѣстѣ, прорывая по срединѣ мѣсто для пазухи, и оставляя прорѣхи для рукавовъ. Пазуха женской рубахи ничѣмъ не расширяется, а только зарубливается (рубцюеться). Книзу полы расширяются. Подолъ рубашки (пелена) [4]) заканчивается такъ-же рубцомъ, надъ которымъ дѣлаютъ узкую рѣшетку (прутыкъ), вы-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Биль, родит. падежъ: бели.

[3]) Надъ такими «швачкамы—невдахамы» подсмѣиваются: «Що ты шыешъ?—Шыткы. Якъ дошыю ныткы, тоди буду пороть». (Вар. у Номиса, Укр. Прык. 204.)

[4]) Быть можетъ слово это латинскаго происхожденія. Pellis, pelles, лат. шкура, шерсть, мѣхъ, итальянское pelle, кожа, pelo; шерсть,

тягивая двѣ нитки. Надъ прутикомъ кверху въ разстояніи 5—10 «чисныць», т. е. 15—30 нитокъ, которыхъ по три въ каждой чисницѣ, вышивается бѣлыми нитками сѣтчатый узоръ—«мережка» [1]), шириной въ палецъ и до ладони. Богатырки м. Лукомья на своихъ тонкихъ рубашкахъ мережокъ не вышиваютъ. Полы на самомъ верху сорочки собираются на двѣ нитки въ узенькіе сборы и къ нимъ пришивается узкій воротничокъ (комиръ) [2]), который иногда прошивается (занызуется) нѣсколькими бѣлыми, красными или черными нитками. Потомъ вшиваются рукава цѣльные (суцильни) или чаще составные изъ разныхъ частей: на плечахъ вшиваются особыя вставки въ видѣ трапеціи—«ýставкы, перечкы». Рукавъ пришивается къ этимъ вставкамъ или особыми сборками, которыя называются различно: головками, стовбчыками, червячками, пухлыками, до пухливъ или гладко. По срединѣ ýставки вышиваютъ поперечный узоръ въ 2—3 пальца ширины бѣлью или красной и черной бумагой (заполочью),—«лыштву». На цѣльномъ рукавѣ и лыштва цѣльная, въ поперекъ всего рукава. Каемка по краямъ лыштвы называется «обводкою». Отъ лыштвы внизъ рукавъ расширяется до 1-го аршина и больше. Здѣсь располагается шитье въ видѣ цѣлыхъ вѣтокъ съ цвѣтами (гилёкъ) или только отдѣльныхъ цвѣтковъ (квитокъ). Въ край рукава вставляется узенькая, въ палецъ, какъ и воротникъ, полоска, занизанная красными или бѣлыми крестиками—«чóхла». Чохлы замѣняютъ иногда оборкой—«манжетой» (manchette). Для того, чтобъ рукавъ не жалъ и не препятствовалъ движеніямъ, подъ мышкой вставляется особая вставка въ видѣ ромба—«ластка». Затѣмъ полы пришиваются къ рукаву и прямо и косо. Въ послѣднемъ случаѣ края загибаются къ спинѣ, образуя треуголь-

---

сукно. Если славяне получили рубашку отъ римлянъ, то этимъ объясняется и самое названіе пелена, такъ какъ римляне долго знали лишь шерстяную одежду, льняную узнали позже. (Reijnier Ackerbau der Alten. 172)

[1]) Мрежа—славянское сѣть, неводъ.

[2]) Бѣлорусское ковнеръ. Можетъ быть отъ латинскаго collum шея.

никъ (куточокъ), выстеганный ободкомъ. Женскія будничныя (будешни) сорочки, изъ грубой поскони и матирки вышиваются бѣлыми нитками (гладью), а парадныя (святни), изъ тонкой поскони, льна и коленкора—красной, черной, синей, въ послѣднее время также и желтой бумагой, различными узорами, извѣстными подъ такими названіями: баранчыкови, баранцеви, барыльчасти, басы (всѣ квадраты), безчысна (крестики), букеты (цвѣты) вербовый лыстъ, вылчасти или вырчасти (вилки), волови очи (круги), выноградъ (зубцы), гвоздыкови, голубячи или голубы (кресты), гребенчикови (зубья), журавка, зведенчаста (сложная), землюванця, зиркы, ключева (ромбы), кнышевый вырызъ (крестики), коврынка, колинчаста (спираль), колыскова (колесо), кýдрявка или кучерявка (квадраты), лилитка (земляника), овесецъ, овсянка, иначе паслёнъ (зубцы), орлыкови, орлыны крыльця, перцивка (мелкія вилки), ракъ, ракови прутыкы (ромбы), рожа, свыняча стежка, слывкы (овалы), соловыны вичка (черточки и крестики), сóсна (вѣтки), споюванный вырызъ (сложный), стовпыкы, хмаркы (клинья по обѣ стороны линіи) хмиль, хмелева квитка, хрестатый, човныковый, чорномазый и яблучковый. Вышитыхъ заполочью рубахъ у женщины немного, 3—5, остальныя вышиты гладью; вообще всѣхъ рубахъ 5—25, цѣной отъ 70 коп. до 2-хъ руб. Предъ тѣмъ какъ надѣвать новую рубашку, выполняютъ слѣдующія обыкновенія: въ каждый рукавъ кидаютъ сверху рубашки ножъ трижды, «щобъ сорочка була мисна, якъ зализо» [1]). Затѣмъ, новую сорочку переводятъ еще черезъ огонь на припечкѣ

---

[1]) Тоже обыкновеніе указано у Чубинскаго. Тр. Эксп. I, в, I, 108 и въ Харьк. Сбор. 1890 г., IV, 55. Первоначально ножомъ думали, вѣроятно, ранить, устрашить и изгнать враждебнаго духа, засѣвшаго въ полотнѣ, подобно тому какъ въ вихорь бросаютъ ножъ и вѣрятъ, что на послѣднемъ окажется кровь раненнаго духа. (Манжура Сказ. въ Сборн. Харьк. Истор. Фил. Общества II. 154 и въ моихъ Обр. и пѣс. Луб. у. 22, 23); также у валлоновъ держатъ у рта икающаго человѣка остріе ножа. (E. Monseur. Le Folklore Wallon. 26) или киргизскій знахарь машетъ на больного ножомъ, чтобы испугать духа болѣзни. (Правосл. Благов. 1893 г., II, 9).

для того, чтобы очистить и уничтожить послѣдствія вихря, который могъ крутить полотно во время бѣленія. Тотъ же пріемъ употребляютъ, надѣвая какъ сорочку, такъ и всякую одежду вообще, послѣ мертвеца [1]). Новую сорочку нужно надѣть немытою—будетъ прочнѣе.

Мытье бѣлья также подчинено извѣстнымъ правиламъ. Кромѣ праздниковъ и праздничныхъ недѣлей: рождественской, свѣтлой и зеленой, нельзя еще золить, бучить бѣлья восемь недѣль послѣ Крещенія и шесть недѣль послѣ Свѣтлаго праздника [2]), а только прать (сухоперки). Нельзя также золить: по понедѣльникамъ, средамъ пятницамъ и субботамъ. Желающая золить по понедѣльникамъ, должна, одзоливъ бѣлье въ такъ называемый жылавый понедилокъ, т. е. первый день великаго поста, выпить три ложки золы, бѣгущей изъ подъ рубашекъ, а желающая заниматься тѣмъ-же по средамъ—въ среду на Ѳоминой недѣлѣ; затѣмъ: «Якъ у пьятныцю золыть, то треба тры ложкы золы пыть». Нарушившую эти запрещенія, кромѣ несчастія вообще (напр.: «Жинка у пьятныцю золыла, тай долю свою втопыла») [3]), ждутъ

---

[1]) Какъ въ раньше сдѣланной замѣткѣ указано жертвенное значеніе бросанія волосъ въ огонь, такъ въ настоящемъ случаѣ видно предохраняющее и очищающее значеніе огня, въ силу котораго возлѣ новорожденнаго ставятъ свѣчи и проносятъ его черезъ огонь; также зажигаютъ свѣчи на свадьбахъ и переводятъ молодыхъ черезъ огонь; затѣмъ зажигаютъ свѣчи у мертваго тѣла, а инородцы, возвращаясь съ похоронъ, прыгаютъ черезъ огонь. Сюда же относится римское lustratio и прыганіе чрезъ ивановскіе костры. (Тэйлоръ. Первоб. культ. 253, 466, 468, 470, 472), мои: Нар. обр. и пѣсн. 22, 123 и 166; и Свадеб. пѣс. Луб. у. Кіевъ, 1890 г. 25, 30, 55, Пр. Благов. V. 60.).—Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не переводятъ новой рубашки черезъ огонь, не шьютъ послѣднихъ изъ полотна, покрученнаго вихремъ—«тило крутытыме». (Манжура, 154).

[2]) «Кривъ тектыме зъ жлукта». Въ моей «Нар. Мед. въ Луб. у.» Кіев. Ст. 1900 г. I, 61.

[3]) См. мои: Малор. нар. разск. и повѣр. о пятн. Кіевъ. 1902 г. 10.—Любопытно, что романскіе народы, какъ и малоруссы, выражаются о несоблюденіи пятницы двустишіями.

еще особыя бѣдствія, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго отъ козачки м. Лукомья Е. Норовой. «На праву середу [1]) золыла жинка полотно и дзолыла, сила спочывать на шаплыци; иде до неи дидъ у хату.—Що ты, каже, дзолыла полотно?—Вона каже: «Одзолыла дидусю».—Що-жъ ты желаешъ соби прынять: чы худобу велыку, чы блызнята годувать?—Вона говорыть: «Желаю блызнята годувать, бо я одынока, та хто въ мене буде робыть?» Винъ каже на тыхъ блызнятъ:—А йдить, каже, въ хату.—Влизлы дви гадюкы въ хату, упьялыся одна въ ту грудь, а друга—въ другу, навхрестъ и ссуть іи такъ, якъ диты. Начала вона обрикаться, щобъ іи Богъ помылувавъ, повезлы іи до знахаривъ, такъ нихто ничого, повезлы іи по манастыряхъ молебень служыть. Служылы молебень—воны не дпадають. Вона просыть людей, плаче: «Кайтесь, люде добри, по мени». Потимъ того озвавсь священыкъ у церкви: «Хто понедилкуе изъ роду, той озывайтеся?» Озывается дивчына, що я понедилкую одъ роду. Ну, винъ говорыть дивци: «Иды жъ изъ неи гадъ брать». Та дивка боится. Винъ іи прысоглаша: «Не бійсь, беры»! Дивка взяла ихъ одъ неи одирвала обохъ. Тоди вона Богу помолылась».

Самый процессъ мытья такой. Бѣлье намачиваютъ сначала на сутки въ бадьѣ (перериви, шаплыци) съ водой и куринымъ пометомъ [2]) (курякамы). Когда начнется броженіе—«сорочкы сходять», тогда ихъ выкручиваютъ и несутъ на рѣчку прать. Относительно дѣтскаго бѣлья соблюдаютъ слѣдующія правила. «Пелюшокъ (пеленокъ) не можна избывать и крутыть, а узять та здавыть. Не можна зъ пелюшкамы тіи дытыны, що найшлась, иты до ричкы, треба мыть у ночвахъ. Якъ сонце зайде не перуть пелюшокъ. Усяку сорочку треба мыть на лыце, а не на вы-

---

[1]) Преполовеніе.

[2]) Куриный пометъ въ соединеніи съ мочей самый сухой (50% воды) содержитъ въ себѣ: фосфоръ, азотъ, слѣдовательно, и амміакъ, входящій въ составъ нашатырнаго спирта, и зольныя части растеній. (Котельниковъ. Объ удобр. почв. С.-Петерб. 1894 г. 9, 16, 19, 47 и 50).

воротъ; сорочку зъ дытыны до году николы неможна вывертать» [1]). Послѣ перваго мытья на рѣчкѣ (видмокивъ), хозяйка намыливаетъ: воротникъ, чохлы, пазуху и мережку рубашекъ, также пятна, затѣмъ разстилаетъ бѣлье, пересыпаетъ его гречаной золой [2]) и туго набиваетъ въ большой улей безъ дна (жлукто), приговаривая: «Ишовъ четвергъ зъ билого свиту, нисъ виту (цвѣтокъ), щобъ плаття жовте, якъ мидь, а биле, якъ на води лебеди», или: «Золыся й билыся и инеемъ билыся! у жлукто якъ вовкъ, а зъ жлутка якъ шовкъ», или: «Золыся й билыся, якъ лебеди на води», или такъ: «Золысь и былысь и на чорныхъ не дывысь, а на билыхъ», или «Нехай чуже сире, якъ вовкъ, а наше биле, якъ билокъ», или еще такъ: «Цуцу, билко! золыся й билыся и бильшъ не сподивайся». Произнося эти слова, женщина трижды плюетъ въ жлукто: затѣмъ закрываетъ его чѣмъ-нибудь старымъ. По прошествіи извѣстнаго времени, женщина еще присыпаетъ золу и приливаетъ нечетное число чауновъ воды, покуда послѣдняя не наполнитъ бадьи до краевъ (по винця), тогда вытягивается изъ печи такъ называемая булка, т. е. раскаленный камень или желѣзо (зализко) и кладется въ жлутко, послѣ чего послѣднее плотно укутывается ряднами и юбками, покуда остынетъ [3]). По-

---

[1]) О мытьѣ рубашекъ въ періодическихъ очищеніяхъ въ моей «Нар. медиц.» Кіев. Стар. 1900 г., VI, 332.

[2]) Въ древесной золѣ сухопутныхъ растеній заключается углекислое кали, почему изъ нея добывается поташъ. (Григорьевъ. Руков. къ ботан. Из. III. Москва, 1864 г., 381 и 440). Лучшая зола гречишная; ее употребляютъ для полученія щелока при стиркѣ. (Котельниковъ. 53, 54). Золить бѣлье необходимо для устраненія щелочью выдѣляемаго человѣкомъ жира.

[3]) Таково же и бѣленіе полотна. Получивъ отъ ткача, его несутъ домой закрытымъ, иначе у встрѣтившейся беременной женщины «дытына изосхне». Такимъ же порядкомъ несутъ холстъ послѣ Вознесенія первый разъ на рѣкчу. Послѣ того золятъ въ жлуткѣ. Пока не одзолено полотно, его нельзя бить «праныкомъ». Черезъ два дня полотно моютъ и разстилаютъ на воду. По утрамъ кладутъ на росу, днемъ развѣшиваютъ на плетень ежедневно отъ 2 недѣль до мѣсяца, покуда не убѣлится.

томъ хозяйка выкручиваетъ бѣлье и вторично («зъ золы») несетъ его на рѣчку [1]). Выполоскавъ, крахмалитъ бѣлье въ процѣженныхъ высивкахъ или пшенномъ кулишѣ и развѣшиваетъ для просушки. Нельзя развѣшивать рубашекъ противъ воскресенья. «Якъ поперешъ, то сорочкы щобъ не висылы проты недили, бо нечыстый имы радіе и болизнь прыключается».

Перемѣна бѣлья, по народнымъ воззрѣніямъ, также не всегда возможна. Нужно надѣвать бѣлье однажды въ недѣлю: въ воскресенье утромъ. «Якъ у недилю уранци надивать сорочку, до то для Бога, а у день—для людей, а въ ночи, по заходи сонця—для нечыстого. Малимъ же дитямъ до году годыться надивать сорочку билу у субботу—ростыме лучче». Запрещена перемѣна бѣлья по понедѣльникамъ. «Якъ жинка надине сорочку у понедилокъ, то чоловикъ умре [2]), або буде цилый тыждень клопитъ у хати [3]). Среди недѣли надѣваютъ чистое бѣлье только въ годовые праздники, къ церкви, исповѣди, причастію или по случаю родинъ, свадьбъ, похоронъ, званныхъ обѣдовъ и т. п.

На сорочку во всякое время года надѣваютъ «керсетку», короткую, немного болѣе аршина одежду, черную, рѣже цвѣтную, шерстяную или бумажную, открывающую всю шею и верхъ груди, и плотно охватывающую талію. Воротничекъ (комирець) замѣ-

---

[1]) По Чубинскому (Тр. I, в. I, 108) дѣвушка, правшая бѣлье и замочившая при этомъ свою рубашку, будетъ имѣть мужа пьяницу, а у насъ: «Якъ у дивкы разъ позъ разъ мокро пидъ плечыма, буде то въ неи мужъ пьяныця».

[2]) И наоборотъ: можетъ умереть жена, если надѣнетъ мужъ.

[3]) По Гринченку (Изъ устъ народа, 33) «не буде нивчимъ удачи».—Въ предупрежденіе сглаза и испуга надѣваютъ сорочку задомъ напередъ и на выворотъ. (Чуб. Тр. I, в. I, 108 и Гринченко Этногр. матер. Черниговъ. 1895 г., I, 31). У насъ, между прочимъ, отъ лихорадки надѣваютъ наканунѣ большого праздника рубашку навыворотъ и задомъ на передъ и, проносивъ такимъ образомъ весь праздничный день, бросаютъ къ вечеру эту рубашку на чердакъ. См. также мою «Народ. Мед.» въ Кіевск. Стар. 1900 г., III, 395 и V, 168.

няютъ двѣ узенькія полоски плиса; такія же полоски на груди. Самый большой вырѣзъ корсета на груди въ м. Лукомьи. Полы обложены (облямовани) плисомъ. Мѣстныя отличія корсетовъ заключаются у таліи. Въ м. Лукомьи и Снѣтинѣ, вокругъ Лубенъ и въ сѣверныхъ волостяхъ корсеты дѣлаются съ прямыми сборами (фантами) сзади, числомъ 5—7, торчащими колесомъ, особенно пышнымъ въ Лукомьи. Въ другихъ мѣстахъ уѣзда фанты замѣняются плоскими клиньями и складками (до усивъ, пидъ дощечки, пидъ клепкы). Корсеты подбиваютъ полотномъ. Они обходятся въ 1—2 руб., носятся до 2-хъ лѣтъ. Обыкновенный корсетъ всегда безъ рукавовъ (зъ выкотамы), корсетъ же съ рукавами, сдѣланный «до усивъ», называютъ кофтой. Просторный, удлиненный до колѣнъ корсетъ съ рукавами, черный или цвѣтной, составитъ верхнюю легкую одежду—литнячку. Рукава ея неширокіе, обшиты внизу двумя полосками плиса, въ с. Черевкахъ зубцами. Тамъ же грудь разшита цвѣтными или черными нитками иногда до самаго края. Сзади на таліи нашиваютъ полоску плиса съ зеленымъ кантомъ. Въ остальномъ литнячка такого же фасона, какъ и корсеты: до фантивъ, до клепокъ и т. д. Они обходятся отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. 50 к., имѣются у женщины въ количествѣ 1—3 и носятся 1—2 года. Литнячка, подложенная ватой, составитъ верхній осенній костюмъ—ватянку. На груди ея—родъ узкаго параллелограмма, расшитаго черными нитками, рукава—или съ двумя черными, плисовыми полосками или съ такими же обшлагами (закаврашамы). Ватянка обходится 3—6 руб. и носится до 4-хъ лѣтъ. Такимъ же фасономъ шьется одежда, такъ называемая «юпка». Она дѣлается изъ толстаго домашняго сукна, длиною за колѣни, обшивается плисомъ, краснымъ или зеленымъ сукномъ, на обшлагахъ зубчиками. Цвѣтъ сукна къ сѣверу отъ Лубенъ исключительно черный; на новой юбкѣ съ коричневымъ, на поношенной—съ рыжимъ оттѣнкомъ. Бѣлыя юбки изрѣдка встрѣчаются еще на сѣверной границѣ уѣзда, гораздо же чаще на лохвицкихъ и пирятинскихъ женщинахъ. Къ югу отъ Лубенъ есть еще сѣрыя юбки. Обыкновенныя юбки стоятъ 3—5 руб.; лучшія «ягнячого» сукна 6—9 руб.; но-

сятся онѣ долго, лѣтъ пять или болѣе [1]). Женскія шубы (кожушанки) дѣлаются, какъ и юбки, съ таліей. Онѣ бываютъ нагольными, цѣной въ 12 руб., дублеными, красноватаго цвѣта, въ 15 руб. и крытыми: чернымъ, сѣрымъ полусукномъ, черкасиномъ или ластикомъ, цѣной въ 10—20 руб. Воротники къ нимъ придѣлываются изъ мѣха (футра) чернаго или сѣраго барашка, троякаго образца: «закачисти»—откидные, «лежачи», пелериной, нашитой на кожухъ, «стоячи», пальца въ три шириной. Женскій кожухъ во всемъ подобенъ мужскому: безъ таліи, съ большимъ откиднымъ воротникомъ, нагольный или крытый, въ 10—12 руб. Случаевъ общаго кожуха для мужа и жены [2]) теперь не встрѣчается.

Женскій станъ обернутъ отъ таліи внизъ запасками: спереди «попередныцею», сзади собственно запаской. Запаски, сотканныя изъ шерсти хозяйками, красятся затѣмъ особыми, иногда наслѣдственными мастерицами—«синыльныцямы» въ черный съ синимъ отливомъ цвѣтъ «каліею» [3]). Искусству окраски синильница учится съ дѣтства, «покы ще не мылась». Если зрѣлая дѣвушка или женщина вздумаетъ впервые разводить калію, то можетъ умереть сама или вызвать смерть мужа. Развратницѣ нечего и браться за калію: могутъ отгнить пальцы. При окраскѣ нужна сдержанность: «На калію не можна лыхословыть». Она обидчива. Если, напримѣръ, сторонній человѣкъ, услышавъ запахъ каліи, разводимой водой, въ которой мылась шерсть съ сѣрой, спроситъ: «Що се за

---

[1]) Теперь совсѣмъ вышли изъ моды и попадаются только въ складахъ у богатырокъ, слѣдующія старинныя одежды: «кунтуси», съ отложнымъ (лежачымъ) воротникомъ, рукавами, и двумя усиками сзади изъ парчи; короткія «байкови», зеленыя съ красными хвостиками или кистями, юбки съ пелериной; длинные, широкіе халаты изъ голубой китайки, со сборами отъ воротника, дѣлавшагося отложнымъ, описаннаго у Арендаренка (Зап. о Полт. губ. II, 253—255) подъ именемъ шушпана, въ сороковыхъ годахъ, но опущеннаго уже въ Сборн свѣд. о Полт. губ. Богдановича, 1877 года. (162—166) при описаніи одеждъ.

[2]) Чуб. Тр. VII, ч. III, 433.

[3]) Кали—санскритское, черный.

смрадъ?» то калія спротывыться и не пиде краска на запаску. Таку калію вылывають и заводять задруге». Выгоднѣе поэтому красить запаски, заперевъ двери. За окраску мастерица получаетъ 10 коп. поштучной платы и сколько необходимо краски. «Скилькы напьется запаска». Цѣна пары запасокъ 1½—2½ руб., у женщины ихъ 2—5 паръ. Запаски носятъ только буднями, по праздникамъ ихъ замѣняютъ плахтами. Послѣднія были прежде дорогими: основанными и затканными шелкомъ, «ажъ сялы»; потомъ только затканными (потыканымы) шовкомъ; затѣмъ стали шерстяныя. Плахты бываютъ разноцвѣтныя: на красномъ или синемъ [1]) фонѣ затканы бѣлые, желтые, зеленые квадраты, четырехугольники и узоры, подъ такими названіями: дрибнечкы, зирковы, зиркы, зирочкы, картати (клѣтчатыя), ковреви, коропова луска, лилиткови, лыштовкови, накладани, перцивки, рожеви, яблучкови. Внизу плахты обшиваются бахрамой (грывою). За выдѣлку прежде платилось 1 руб. 50 коп. и «пивмитка пряжи» (30 коп.), теперь же плахтъ болѣе не выдѣлываютъ; этотъ живописный уборъ отжилъ свой вѣкъ. «Теперъ жинкы не хочуть плахотъ и на хребетъ брать». Юбки (спидныци) вытѣснили плахты и запаски отовсюду, особенно же съ середины и съ юга уѣзда. Сподницы дѣлаются изъ бумазеи съ черными цвѣтами, въ родѣ мебельнаго ситца, также шерстяныя, поплиновыя, ситцевыя, цѣной отъ 80 коп. до 2 руб., носятся до года; обшиваются 1—2 плисовыми полосками. Самыя длинныя въ Черевкахъ, гдѣ ходятъ иногда и въ обыкновенномъ платьѣ съ таліей [2]). Фартухи [3]) встрѣчаются въ Лубенскомъ уѣздѣ только вблизи города да въ мѣстечкахъ. Въ Лукомьи ихъ называютъ нѣмецкими (нимськи). По селамъ они замѣнялись прежде красными или зелеными «кашмировымы» запасками, цѣной въ 40—50 коп., потомъ парчевыми, цѣной въ 1—2½ руб., надѣвавшимися только по праздникамъ

---

[1]) Сыняткы—синія съ желтымъ, самыя дешевыя.

[2]) Прежде дѣвочки до 15 лѣтъ не носили сподницъ, а подпоясывались только у таліи и ходили въ однѣхъ рубашкахъ.

[3]) Историчное Vortuch.

на плахты. Запаски держатся у таліи краснымъ широкимъ поясомъ [1]) различныхъ рисунковъ: гречковымъ, качалочкамы, ключевымъ, слывкамы; такіе пояса называютъ «окатымы»; стоятъ они 50 коп. Кромѣ того носятъ еще узкіе, дешевые, коп. въ 25—30, пояса—«крайкы», одного или нѣсколькихъ цвѣтовъ.

Женщины обуваются лѣтомъ иногда въ башмаки на высокихъ каблукахъ (черевыкы), изъ черной кожи, подкованные гвоздями или подковами, цѣной отъ 1 руб. до 1 руб. 60 коп., а зимой въ черные сапоги, цѣльные (вытяжкы) или сшитые (прышвы), цѣной въ 3—4 руб. Подошвы подбиваются деревянными гвоздиками, а каблуки—желѣзными или подковками. Къ сѣверу отъ Лубенъ носятъ цвѣтные сапоги или двухъ цвѣтовъ: передки черные, а голенища желтыя (чорнобрывци, чорнохалявци) или одноцвѣтные: зеленые, желтые (жовтынци), красные (червоныци), цѣной $2^1/_2$—4 руб. Цвѣтные сапоги непрочны и очень оберегаются. Въ ненастье женщина идетъ босая, а сапоги несетъ въ рукахъ. О разныхъ суевѣріяхъ, соединенныхъ съ сапогами, о гаданьяхъ, напр., писалось мною раньше [2]); слѣдуетъ еще добавить, что молодой предъ отъѣздомъ къ жениху бросаютъ въ сапоги зерна ржи, выдернутыя изъ четырехъ угловъ крыши отцовскаго дома.

Мальчиковъ на пространствѣ всего лубенскаго уѣзда стригутъ при головѣ, «гладко». Также стригутся и парни лѣтомъ, а зимой оставляютъ волосъ пальца на три. Нейдетъ коротко стричься тѣмъ парнямъ, «у которыхъ якъ на ижакови стоить волосся». Имъ больше къ лицу прическа «пидъ чубъ». Люди средняго возраста въ лѣсномъ участкѣ и старики во всемъ уѣздѣ стригутся

---

[1]) Женщинъ сѣверныхъ волостей, носящихъ бѣлыя рубашки, черныя сподницы и посрединѣ пояса, называютъ сосѣдки миргородскаго уѣзда «чорногузами» (ciconia alba), а тѣмъ за ношеніе по буднямъ плахтъ говорятъ при встрѣчѣ: «велыкдень».

[2]) См. Рожд. Свят. 20, «Жилье» въ Кіев. Ст. 1902, IV, 118.

«пидъ чубъ, кружкомъ», т. е. кругло, ровно по всей головѣ, простригая больше на лбу, надъ бровями и сзади. Бородъ почти никто не брѣетъ, а только подстригаютъ. Подстричь бороду и волоса на головѣ, «прычепурыться» слѣдуетъ предъ праздниками. Живую картинку стрижки наканунѣ Рождества находимъ въ извѣстныхъ письмахъ М. Т. Симонова въ Основѣ 1861 г. Голову крестьянина защищаетъ отъ холода и непогоды барашковая шапка, круглая цилиндрическая или нѣсколько суженная кверху, вышиной въ 1/4 арш. У парней она выше и уже. Верхъ шапки у молодежи и щеголей изъ барашка, у пожилыхъ изъ овецъ (перестригъ), у дѣтей поддѣльныя изъ плетенки, цѣной въ 35—50 к. Шапка подбивается чернымъ, голубымъ или краснымъ коленкоромъ, иногда овчиннымъ мѣхомъ. Общепринятый цвѣтъ шапки черный, рѣдко сѣрый. Большею частью шапки покупаютъ готовыми на ярмаркахъ у евреевъ за 1—4 руб., рѣже заказываютъ сельскимъ портнымъ, берущимъ за работу 20—50 коп. Шапки носятъ постоянно, прикрывая хусткой во время дождя, а въ жатву, когда пригрѣетъ солнце, замѣняя совсѣмъ хусткой. Картузы носятъ преимущественно лѣтомъ, изъ чернаго новаго или лицеваннаго сукна, подбитые коленкоромъ, цѣной въ 20—80 коп. Только въ Денисовской волости сохранились еще лѣтнія шляпы—брыли, плетеные изъ соломы, въ 9 соломинъ, вершковъ 6—7 вышины, поля въ 3 вершка ширины. Брыли повязываютъ черной лентой. Вокругъ Лубенъ носятъ старыя фуражки разныхъ вѣдомствъ и старыя шляпы, покупаемыя на базарѣ за 10—15 коп. Обычай запрещаетъ какъ хозяину, такъ и гостю класть шапку на столъ [1]). Гость, прійдя на короткое время, долженъ держать шапку въ рукахъ, а на долго—положить ее на лаву или повѣсить на гвоздь.

Мужская сорочка отличается отъ описанной женской коротностью. Она кроется отъ бороды до колѣнъ такъ же, какъ и женская въ три полы. Уставки, рукава и ластки вшиваются. Воротникъ рубашекъ различенъ по разнымъ мѣстамъ. Къ югу отъ Лубенъ носятъ узенькіе, стоячіе воротники, простроченные или вы-

---

[1]) Тоже у Чуб. Тр. эксп. 1., в. 1., 107.

шитые бѣлыми крестиками у пожилыхъ людей. У молодежи комиръ, пазуха и чохлы расшиты красной и черной заполочью. Узоры мужской рубахи называются: лучка, ретяжекъ, свыняча стежка, хрестыкы. Молодежъ къ сѣверу отъ Лубенъ приняла эту же моду. Не всѣ, впрочемъ, любятъ расшитыя цвѣтной бумагой рубашки; нѣкоторые избѣгаютъ ихъ, говоря: «мовъ зарызаный чоловикъ». Люди среднихъ лѣтъ и пожилые въ сѣверной Лубенщинѣ носятъ больше отложные (заворочысти, заворотни) воротники, иногда вышитые, какъ и чохлы также, бѣлью. Сорочки застегиваются красной, зеленой лентой или обрывкомъ матеріи. Сорочекъ у мужчины немного 3—10, цѣной отъ 50 коп. до 1 руб. За пошитье берется 20—30 коп., но больше шьютъ рубашки матери, сестры, жены. Особенно красивыя рубашки вышиваетъ въ первое время брачной жизни молодая своему молодому.

У стариковъ, особенно у богатырей, сохранилось еще обыкновеніе носить широкія полотняныя бѣлыя или выбойчатыя шаровары «до очкурни», стоющія 45—55 коп.; но люди средняго возраста и молодежь не довольствуются уже такими домашними штанами, а дѣлаютъ ихъ изъ легкихъ сѣрыхъ, клѣтчатыхъ покупныхъ (крамнихъ) матерій и сѣраго двойного сукна, цѣной въ 1 р. 20—1 р. 60 коп. Прежде ношеніе штановъ считалось признакомъ зрѣлости, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ. «У Хитцяхъ бувъ Сегеда. Его батько косывъ, а маты послала ёго безъ штанивъ обидать несты батькови. Симнадцять литъ ёму було одъ роду. Прынисъ батькови обидать. Батько пообидавъ, лигъ оддыхать. А винъ дывывсь, дывывсь, шо коса лежыть батькова, да—за косу, да начавъ косыть. Невмивъ косыть, то де й землю ризавъ. Колы вставъ батько, ажъ винъ не то покосывъ, а й землю поризавъ. Прыйшовъ батько до дому: «шый, каже, стара, сынови штаны, бо траву косывъ такъ, шо й я не выкошу». Удруге погнавъ той Сегеда скотъ пасты безъ штанивъ. «Гоню, каже,—бижыть собака, и несе пидсвынка». Сегеда за нымъ услидъ и гнався версту. Собака та у лисъ. Сегеда за нымъ. Собака положывъ кабана, та держыть лапамы. Сегеда узявъ пид-

свынка, укынувъ у пелену, прынисъ до дому, ставъ казать батькови. Батько та маты сказалы: «То ты у вовка однявъ». (Отъ кр. с. Хитцовъ И. Нагорянскаго).

«Теперь надивають изъ пьяты литъ хлопцю штаны, а давнийшъ воны до 15 литъ и дальше ходылы безъ штанивъ. Йиде чоловикъ изъ снопамы, колы парубокъ выскочывъ зъ огорода, де винъ бигавъ, пидскочывъ пидъ визъ, взявъ и перекынувъ. Батько каже: «Э, стара! треба сынови штаны шыть, бо вже перекынувъ визъ изъ снопамы». (Отъ коз. с. Литвяковъ, С. Мартыщенка).

Сверхъ рубашки носятъ сѣрый шерстяной или бумажной матеріи жилетъ. однобортный, съ узенькимъ, стоячимъ воротничкомъ, безъ вырѣза и съ двумя карманами, обходящійся въ 50—65 коп. Послѣ войны 1877—1878 гг. вошли въ моду и нѣсколько лѣтъ продержались особыя куртки (кухвайки) въ родѣ жилета изъ шерстяной матеріи съ рукавами изъ фланели, стоившія 1 р. 20—1 р. 30 коп. Сверхъ жилета носится черная [1]) суконная или сѣрая шерстяная чумарка, длиною до колѣнъ, однобортная, застегивающаяся на крючки, съ таліей. Карманы чумарки продольные, обшитые тесьмой. Чумарка обходится въ 3—7 руб., подбитая ватой служитъ верхней одеждой. Чумарку, какъ и другія верхнія одежды, мужчины подвязываютъ поясами: въ сѣверной части уѣзда синими, зелеными, красными, полосатыми, покупными, цѣной 20—80 коп. Къ югу отъ Лубенъ. сохранились еще домашніе пояса—сѣтчатые, (ситкови) изъ крашеной и затѣмъ сплетенной палочками въ 6—8 пасомъ шерсти. Такой поясъ цѣнится 1—2 руб.

Къ числу верхнихъ одеждъ принадлежитъ такъ называемая юбка. Прежде онѣ дѣлались изъ бѣлаго сукна, длиною до 2-хъ аршинъ. Узенькій, стоячій воротникъ и клинья (усы) сзади у таліи обшивались черными нитками; застегивалась юбка кожанными пуговками (дидыкамы, гудзямы). Затѣмъ съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка юбки измѣнились: вмѣсто бѣлаго сукна появляется черное предъ Лубнами, черное и сѣрое за ними. Гудзи замѣняются

[1]) Синій цвѣтъ одеждъ предпочитается цыганами.

крючками, усы сборами. Юбки укорачиваются до 1½ аршина. Воротникъ, грудь, обшлага обшиваются черной тесьмой къ сѣверу, зеленымъ сукномъ къ югу отъ Лубенъ. Тамъ обшлага обшиты зубчиками или въ видѣ шеврона, и укороченную юбку называютъ «каптанкомъ». Осеннюю верхнюю одежду: свиту (иначе сирякъ, кобенякъ, керею) дѣлаютъ изъ чернаго, рѣже сѣраго сукна въ 4 полы съ кобкой или видлогой, круглой, обрубленной черными нитками, замѣняемой въ послѣднее время широкимъ, отложнымъ, ямщицкимъ воротникомъ. Свита стоитъ 4—8 руб. Зимнюю одежду—кожухъ дѣлаютъ изъ 7—9 овчинъ, а обкладываютъ мѣхомъ ягнятъ (смушкомъ). Воротникъ кожуха стоячій, прямой или скошенный въ 3—4 вершка ширины, замѣняемый въ послѣднее время отложнымъ, какъ въ шубѣ. Усы, на которые въ старину нашивались три треугольника, обшитые черными нитками (ластки), замѣнены теперь, какъ и въ юбкахъ, сборами, гудзи—крючками. Кожухъ лѣтъ 15 носятъ нагольнымъ, затѣмъ, перебравъ мѣхъ, кроютъ чернымъ сукномъ или черкасиномъ. Носятъ и дубленые кожухи. Кожухи обходятся въ 8—15 руб. Ихъ предохраняютъ отъ порчи въ дорогѣ, накрывая въ дождливую или снѣжную погоду свитой или рядномъ, а измокшій кожухъ, по пріѣздѣ домой, складываютъ, туго перевязываютъ и прячутъ въ темное, холодное помѣщеніе до просушки. По народнымъ понятіямъ отъ сырости же и отъ пыли, особенно мучной, заводится въ одеждѣ моль [1]). Послѣдняя можетъ завестись и отъ неправильнаго вывѣтриванія одежды на третьей лунной четверти. «Якъ перетрушувать футро на третій квадри, то миль укынется». Моль заводится и тогда, когда овцы, изъ которыхъ пошиты шубы, зарѣзаны на третьей четверти. Вывѣтривать одежду нужно въ извѣстное время. «На русавчынъ велыкдень [2]) треба одежу сушыть, щобъ била миль не заводылась». Также пользуются событіями

---

[1]) Миль, (родит. падежъ: мели), бываетъ: Tinea pellionella и tapetzella, портящая мѣха, и T. sarcitella,—шерстяныя матеріи. Пропадаетъ отъ пахучихъ травъ.

[2]) Т. е. четвергъ зеленой недѣли.

свадебъ и похоронъ для предохраненія одеждъ отъ моли. Молодая предъ вѣнцомъ должна взять въ церковь чужую юбку или кожушанку,—такую не тронетъ ни моль, ни мышь; и подъ голову мертвеца подкладываютъ кожухъ, чтобъ моль не ѣла. Къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ уничтоженія моли принадлежатъ: помѣщеніе одежды въ бочку или дижку, въ которой квасились бураки, пересыпаніе одеждъ сѣрой, мятой и табакомъ; также окуриваніе послѣднимъ, еще зернами, которыя посыпали мальчики—посыпальники, поздравляя съ новымъ годомъ, и смолой. Порча одежды крысой или мышью вдвойнѣ непріятна, потому что кромѣ убытка, предвѣщаетъ еще смерть хозяину вещи. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще всегда грѣшно зашивать дырявую одежду на человѣкѣ—«розумъ зашьешъ» [1]; въ крайности нужно, по крайней мѣрѣ, зашивая держать нитку въ зубахъ во время починки.

Въ большей части лубенскаго уѣзда мужская обувь, заключается въ однихъ только сапогахъ (чобóтяхъ). Чоботы дѣлаются изъ юхты, иногда изъ тонкаго ремня и «шкапыны» (лошадиной кожи), теперь на деревянныхъ шпилькахъ, а прежде сшивались дратвой (до зáвити) и «пидъ рантъ, рантóви». Голенища вышиной $^3/_4$, шириной болѣе $^1/_4$ аршина; подошва сапогъ—изъ толстаго ремня, каблуки подбиты гвоздями или подковами. Цѣна сапогъ отъ 2—12 руб. Кромѣ сапогъ къ югу отъ Лубенъ носятъ еще черевики, вродѣ женскихъ, «постолы»,—кожаные лапти, а въ с. Хитцахъ, изрѣдка въ Калайденцахъ, «лычакы», т. е. обыкновенные лапти изъ липовой и вязовой коры, которымъ приписываютъ слѣдующее происхожденіе. «Бувъ чоловикъ бидный. Литнёго времени нивищо обуться було. Пишовъ у лисъ и винъ босый бувъ и якось сколовъ ногу соби. Сколовъ ногу и дійты неможна; та взявъ лыпы шматокъ и муцювавъ, муцювавъ: якъ бы ёго дійты до дому. Явывсь до его незвисно якый чоловикъ, каже: «Що ты робышъ»?—Уколовъ ногу, не можна дійты.—«Постій, я тóби зроблю». И выпливъ ёму лапоть и обучывъ якъ обуться, и

---

[1]) Гринченко. Изъ устъ нар. 381.

научывъ ёго якъ плесты. Вбувся винъ и недовго бувъ, недовго здалось,—колы винъ тамъ бувъ тры дни. Прыходыть чоловикъ у одному лычаку и хвалыться жинци. Жинка сказала: «ты тры дни проходывъ уже». И потимъ ставъ той чоловикъ дома жыть, ставъ ти лыка драть и плесты соби и людямъ. Сталы ёго хвалыть. Отъ съ чого лапти пишлы въ Хитцяхъ». (Отъ И. Нагорянскаго).

Оканчивая настоящей статьей первый отдѣлъ очерковъ быта лубенскаго крестьянина, посвященный его потребностямъ: защитѣ отъ климата и пищѣ, считаю нелишнимъ замѣтить, что движеніе жизни со второй половины прошедшаго вѣка до нашихъ дней выразилось по отношенію къ крестьянскому жилищу увеличеніемъ размѣра и свѣтлости его, и прибавкой особаго теплаго помѣщенія—хатыны, но въ ущербъ качеству строительнаго матерьяла. Въ пищѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, кромѣ сокращенія пировъ на праздникахъ и оскудѣнія вообще. Напротивъ, одежда претерпѣла найболѣе измѣненій. Движеніе моды выразилось здѣсь: въ утратѣ нѣкоторыхъ прежнихъ формъ одеждъ, въ укороченіи переживщихъ и замѣнѣ бѣлаго сукна темнымъ, домашнихъ тканей—фабричными матеріями; также въ появленіи новыхъ формъ, но въ ущербъ добротности матерій и живописности наряда.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Въ затышку.

(Малюнокъ).

Далеко геть роскынувся старый панськый садъ и по долыни й по узгирри. Не на одни гоны простягся винъ по-надъ глыбокою та спокійною ричкою. А биля саду стоить старый панськый будынокъ. Неначе скырта по-мижъ копыць, вызначается винъ зпо-мижъ убогыхъ мужычыхъ хатъ, що роскынулысь геть по-пидъ горою, або немовъ горда, била лебедыня прыбылась до сирыхъ гусей, тай стала поодаль.

Збудованый у старовыну, колы давни запорожськи займанщыны оддавалысь пидъ селытьбы сербамъ та волохамъ, винъ здается справжнимъ палацомъ передъ будивлямы нашого часу. Высоко винъ стоить на камяному фундаменти, зъ мезоныномъ и двома кганкамы, що пышаются рядамы билыхъ мурованыхъ колонъ. Але на всій будивли уже помитна печать занепаду. Зализна покривля красылась невидомо колы, быльця кганкивъ на мезоныни порозхытувалысь и ввесь будынокъ давно вже дожыдае поваплення. Величезный табунъ дыкыхъ голубивъ, подибныхъ до горлыць, оселывся пидъ покривлею мезонину й цили дни крутытся надъ будынкомъ. Гоминъ крылатыхъ жыльцивъ ввесь день стоить надъ камяныцею и повывае будынокъ якоюсь тыхою, стародавнею поэзіею. Шырокый панськый двиръ густо зарисъ высокымъ буръяномъ. Тутъ вильно росте и полынь и деревій и пануе похожа на резеду, опорошена своимъ цвитомъ, мовъ борошномъ,

лобода. Де-не-де гордо стоять колючи, шыроколысти, червоноголови будякы, и часомъ трапляется блакитна зирка петрового батога.

Скризь, и на панськимъ садови, и на будынкови и на всёму двори ясно вызначаются и достаткы старого часу, и занедбаннисть, а може й убогисть—теперишнёго. Велыкый садъ, велыкый будынокъ, камяни стайни, базы, возивни и инше,—все те занехаяне и занедбане, стоить и валытся безъ ніякого догляду й порятунку. На шырокому двори не помитно ніякого жыття. Стара вербова колода, що лежала биля колодязя ще десять литъ назадъ, и теперъ лежыть на тимъ самимъ мисци, обгорнута буйною лободою. Стежкы черезъ двиръ тежъ заростають: мисце пидъ ними бильше потрибне тій самій лободи, нижъ людямъ. Бо никому ходыты по тыхъ дорижкахъ... Жыви истоты тилькы й вештаются побиля пекарни. Тамъ осередокъ жыття сёго велыкого, напивъ-замерлого двору. Але и въ тому вештанни выразно вызначается рыса байдужосты й линощивъ. Никуды поспишатыся, ничого хапатыся. Тилькы у обидъ молода слугивныця Пашка хутко-хутко перебигае босымы ногамы зъ горныць до пекарни, и тако-жъ хутко повертается до горныць, несучы, вся залыта сяевомъ сонця, страву на обидъ старій пани. Пани любыть за обидомъ порядокъ и не любыть дожыдатысь змины стравъ.

Линощи оповывають увесь панськый двиръ. Навить два двирськи псы и ти жывуть цилкомъ у ихъ обіймахъ. Що-дня лежать воны нерухомо биля пекарни и дримають, зовсимъ такъ, якъ колысь у блаженни стари часы дримало наше родовыте та гоноровыте, напоене й нагодоване старе панство. Иноди тилькы наймытъ, визныкъ Остапъ, заспаный и зкуёвданый, вештается биля стайни, чухае свою дебелу потылыцю й лается, докоряючы, «каторжну роботу», що за нею николы бидному чоловикови й выспатысь добре. Але, знаючы ёго звычай, треба тилькы дывуватысь,—якъ може чоловикъ такъ багато спаты?—Хропе винъ всю ничъ и потимъ куняе до обидъ й спыть, зарывшыся въ сино й скынувшы чоботы на половыну—щобъ и душно не було, и мухы не кусалы голыхъ нигъ—ажъ до полудня.

Любыть добре выспатысь и клюшныця, Олексіевна. Та й хто такы, справди, не любыть поспаты? И яка була бъ цина нашого жыття, колы бъ не можна було хочъ половыну ёго проспаты?..

Такъ думае и сама пани, Тытяна Ахрыканивна Кушырева. И що-дня писля обидъ забываются щильно виконныци іи опочывальни, затыкаются вси щилыны, куды бъ ухытрывсь проскочыты денный свитъ, выгонятся вси, до одніеи мухы, и Тытяна Ахрыканивна, попойившы за обидомъ сама соби,—бо вона одынока вдова,—доброго борщу, чого-небудь печеного, закусывшы холоднымъ, червоно-сахарыстымъ, що, бувае, ажъ репне пидъ ножемъ, кавуномъ та пахучою жовто-мнясою дынею, лягае спочываты. Ляже и засыпае безтурботнымъ, солодкымъ сномъ.

И все іи жыття було такымъ солодкымъ сномъ. Тилькы й горя вона зазнала, якъ умеръ іи чоловикъ. Але й те лыхо пролынуло надъ нею, якъ якый велыкый чорный птахъ, війнуло надъ іи головою чорнымъ холоднымъ крыломъ и поплывло геть по сынёму неби, утопаючы десь у блакитному сяеви...

Такъ мыналы рокы, однакови, ривни й певни, якъ и самъ іи спокій. Сонце вставало що-дня надъ стайнею и день-у-день погасало за садомъ. И сама пани, лягаючы у постиль писля обидъ, була упевнена, що, заснувшы, прокынется черезъ дви годыны.

Такъ було й сёгодня.

Тытяна Ахрыканивна прокынулась годыны за дви передъ заходомъ сонця, напылась холоднои воды зъ лёдомъ, выйшла на кганокъ и сила на своёму звычайному крисли, на звычайному своёму мисци. Въ рукахъ у неи якесь плетиння—плете вона комусь на подарунокъ,—а биля нигъ уже сыдыть вирна клюшныця, Олексіевна.

Олексіевна служыла своій пани ще за панського права. Правда, тоди пани Тытяна Ахрыканивна не була паніею, а була стрункою, вродлывою, веселою панночкою, а сама Олексіевна була тилькы палко-чорноокою, смуглявою Катькою. Вона була молодша одъ пани. И все іи жыття мынуло биля пани. Безъ пани не

було бъ и Олексіевны, а може безъ Олексіевны не було бъ и пани—такои, якъ вона есть. Ихъ жыття непомитно, але мицно було звъязане. Такъ блидолыцый мисяць навикы звъязаный зъ гордою землею и ввесь свій викъ ходыть навколо неи, а вона буцимъ и не помичае ёго... Але й земля безъ мисяця була бъ не та.

И ось воны, якъ и що-дня, сыдять удвохъ на кганкови. Пани на крисли, Олексіевна на камъяныхъ схидцяхъ кганку. Передъ ными роскынулось усе село. Теперъ саме гарманъ. Люде молотять хлибъ. Все село покрыте стогамы, стижкамы й скыртамы пшеныци, жыта й инчихъ хлибивъ. Молотьба саме у роспали. Торохтять по твердыхъ токахъ важки камъяни коткы, ривно-гучно лопотять ципы й гудуть віялкы, выкыдаючы зъ своихъ пелёкъ цили хмары половы й пылу...

Чудова картына велыкои народнёи праци!..

Але ся картына така звычайна для Тытяны Ахрыканивны и Олексіевны, що воны іи мовъ и не помичають. Всю свою землю пани виддае здавенъ мужыкамъ за грошы, цилкомъ всій громади, и зовсимъ не цикавытся тымъ, якъ люде добувають соби хлибъ.

— Душно сёгодня,—каже Олексіевна.

Пани мовчыть, затопывшы очи у свое плетиння й одноманитно перебираючы голкамы. А сонце спускается все блыжче до саду. Теля, що забрело у панськый двиръ, безпечно пасется соби у буръяни. Голубы кружляють по-надъ будынкомъ и голосно буркочуть надъ викномъ на выступи.

— А що,—чы не чуть чого нового?—пытае перегодя пани.

— Ни, не чуть ничого,—одмовляе Олексіевна.—Казала Приська, що неначе у Кошиля теля сказылось,—Хаврощенкова собака покачала... Та не знаю, чы правда, чы такъ люде балакають.

— Ну? Оце лыхо!.. Се не гараздъ. Ты нашыхъ, гляды, не велы пускаты у череду. Краще ихъ у садъ пустыты. Та прыглядайся, чы не сказывсь, бува, нашъ Бровко?... Бо щось винъ цили дни все спыть, а въ-ночи вые,—каже, злякавшысь, пани.

— Ни, то винъ, мабуть, заденъ пересыпае... Не визьме ёго мара!..

А Бровко зъ Терзаемъ тымъ часомъ порозкыдалысь соби й сплять мовъ убыти. Имъ байдуже, що уже скоро й вечиръ на двори, и що треба бъ такы хочъ трохы й похазяйнуваты,—чуже теля зъ якого часу пасется у буръяни... Але ось Бровко й прокынувся, блымнувъ своимы рудымы очымá, ухопывъ зубамы себе за хвоста и почавъ завдаваты трусу якымсь своимъ ворогамъ, що, не вважаючы на ёго похыли лита и зовсимъ невоёвнычу вдачу, не давалы ёму спокою. Попоклâцавшы зубамы и завдавшы страху кому треба, винъ важко позихнувъ, мовъ неначе й справди що велыке зробывъ, або було у ёго на собачимъ серци яке важке лыхо, и винъ ёго збувся. Позихнувъ, блымнувъ очыма и зновъ скорывся непереможному наплывови собачыхъ снивъ и мрій.

Але теперъ недовгый бувъ ёго сонъ и непрыемный просыпъ.

Сонце сидало ныжче й ныжче. Пани сыдила й копырсала голкамы, Олексіệвна прыгадувала ще якои новыны, якъ изъ стайни, хытаючысь зъ просонку, выйшовъ Остапъ. Зупынывся винъ на дверяхъ, почухавъ ногу выще колинъ, трусонувъ чупрыною и тилькы що хотивъ бувъ пустыты пъятерыцю въ потылыцю, якъ очи ёго побачылы прыблудне теля. Винъ одразу ожывъ. Схопывъ у рукы дви каминюкы й гукнувъ хрыпкымъ зъ-просоння голосомъ:

— Цю—цю! Бровко! Терзай!.. Туй-во!..

Але собакы не озвалысь на ёго поклыкъ. Гаряча душа Остапова не стерпила такои зневагы и винъ, шыроко розмахнувшыся, шпурнувъ каминюкою въ собакъ. Каминюка влучыла въ Терзая. Той зъ просонку залементувавъ на ввесь двиръ и, пидгорнувшы хвоста, кынувся не до теляты, а геть за очи.

— А, кляти, туй-во!.. туй-вó!.. куси!..—крычавъ Остапъ, шпурляючы каминнямъ въ теля и побигъ за нымъ ажъ до воритъ.

— И чого винъ дурный ганяется?—каже пани.

— Та такъ, мабудь переспавъ, то сердытый.

— А чые то теля?

— Здается—Лепетюкове.

— Ну, й нехай бы попаслось...

— Отъ пиды жъ зъ нымъ!.. То слова видъ ёго не допытаешся, ледви языка повертае, а то бачь, якъ росходывся!..

Розмова знову порывается. Остапъ, выгнавшы теля, вертается до стайни и почынае выводыты коней, щобъ весты ихъ до воды. Разивъ зо-тры наважуется винъ систы верхы на гнидого, высокого коня, але той не дается. Остапъ лается й смыкае за поводы. Зализни удыла бряжчать и бьють коня по щелепахъ. Винъ высоко задырае голову и одступае назадъ. Поповозывшысь килькы часу зъ непокирнымъ гнидымъ, Остапъ такы сидае на ёго и почынае настёбуваты ёму кинцемъ повода бокы. Кинь стае на дыбкы, потимъ раптомъ кыдается впередъ. Дви другыхъ конякы, жахаючысь, тягнуться на поводахъ и трохы-трохы не стягають Остапа не землю. Винъ лютуе й лается. Нарешти выйиздыть зъ двору.

Теперъ у двори зновъ тыхо. И пани такъ саме сыдыть зъ Олексіевною на кганку, такъ саме, на тимъ самимъ мисци, де вона сыдила що-лита уже килькы десяткивъ рокивъ. И теперъ, якъ и що-року, та половына іи облыччя, якою вона сыдыть до сонця, и та рука, що пры плетинни бувае зверху, загорилы далеко бильше того боку облыччя й тіеи рукы, що бувають у холодку.

— Попенята уже йдуть купатысь—каже згодомъ Олексіевна.

—Нехай бы самоваръ ставылы,—одмовляе пани й пидводыть видъ роботы очи, щобъ подывытысь на попенятъ.

Ій выдно, якъ зъ попового двору выйшло трое хлопцивъ; старшый—худый и довготелесый, двое меншыхъ—одутлувати й крывоноги. Шкутыльгаючы крывымы ногамы, воны плентаются черезъ майданъ до рички.

— Учаться вже вси,—промовляе Олексіевна и, пидпершы щоку, хытае головою.

Сонце зовсимъ спустылось до саду. Чуты, якъ до села наблыжается череда. Зъ другого краю села чуты отару. Робота на сели трохы прытыхла.

Пани й клюшныця мовчать.

Кожна зъ ихъ мае свои думкы, але воны ридко имы подиляются. И ти думкы ридко колы выходять поза межи свого села.

А попенята спустылыся зъ кручи до рички, пройшлы геть берегомъ по-пидъ нею й выйшлы на шыроку писчапу косу, що мовъ на долони выдко зъ панського кганку. Тры ихъ постати чудово видбываются на билому писку. Ось двое малыхъ побиглы наввыпередкы... Ось одынъ выпередывъ другого... Той сылкуется наздогнаты попереднёго... простягае руку, щобъ ухопыты ёго за сорочку. Колы попередній разомъ ухыльнувся въ бикъ, пидставывшы ногу заднёму, и той зъ розгону врывается головою въ билый, сыпкый писокъ... А старшый, не хапаючысь, одноманитно махаючы й рукамы й ногамы, йде до берега. Роздягается и зъ розгону кыдается въ воду. Уже вси трое въ води... Воны плавають и пурнають, мовъ вутята. Брызкаются й крычать... А на другому березі рички сыдыть якый-ся дидокъ, мабуть безридный дидъ Пылыпъ, и надыть рыбу. А ныжче мисця купання шумлять и выблыскують своимы чорно-едвабнымы крыламы водяни млыны—байдакы. На березі стоить повозка...

Все те бачыть Тытяна Ахрыканивна и згадуе,—якъ-то гарно колысь, колы вона була молодою, було купатысь! Оттакó, якъ и попенята, и воны колысь зъ Катерыною плескалысь й хлюпалысь оттамъ у прозорій, теплій води, на чистому, билому пысочку... Плескалысь...

— Самоварь поданый,—несподивано каже, зъявывшысь у дверяхъ зъ кимнаты, босонога слугивныця Пашка.

И пани бере свое плетиння, важко пидводыться зъ свого важкого старосвитського крисла и тыхою старечою ходою йде до кимнаты.

Въ зали, на круглому, червоного дерева, столи стоить самоварь, сущыкы и все инше, однакове що-дня: пани такъ любе; се іи завычка. Вона повагомъ налывае сама соби чаю у свою чашку, що куплена була колысь у Парыжи, на выстави, ще за жыття іи чоловика, и не поспишаючысь пье ёго.

День скинчывся. Надходыть вечиръ. Потимъ нечутно заступе ничъ, а тамъ зновъ—день... И такъ багато рокивъ живе стара

пани. Вси іи поважають. И вона никому и николы не зробыла свидомо зла. Диты іи, яки булы у неи, уже давно повыходылы въ люде й жывуть своимы семьямы по иншыхъ краяхъ. Вже й воны повбиралысь въ лита, а вона, яка була десять литъ назадъ, така и теперъ: спокійна, ривноважна й незлослыва. Селяне стриваючысь зъ нею въ цвынтари, бо вона бильше ниде не бувае, скыдають шапкы и нызько ій кланяются. Батюшка кожнус лужбу выносе ій самъ на таци проскурку и выявляе ій всяку пошану, але мовыты—робе винъ се соби не безъ корысти: ёму незридка де-що перепадае...

Тилькы одынъ довготелесый поповычъ, одынъ на все село, и то треба думаты що ніякъ, а едыно тилькы, якъ каже ёго батько, «по своій дуросты бурсацькій»—насмилюется глузуваты зъ старои пани.

— Дывиться,—иноди каже винъ братамъ писля обидъ,—уже выповзла на свитъ «божа коровка»,—можна йты купатысь. Шукайте рушныка та мыла...

— Дурню!—осикъ ёго разъ, почувшы ти слова, батько:—сміешся ты зъ Тытяны Ахрыкапивны, а чыя на тоби, бовдуряци, сорочка?.. Того не знаешъ!

Сынъ перемовчавъ. Але въ души винъ дывуется батькивській логыци: «Божа коровка й есть, бильшъ ничого; що тутъ такого, щобъ лаятысь? А що сытцю подарувала на сорочкы, то то іи дило... не прохано!..»

И такъ жыве на свити, у теплому затышку, стара пани,—тыхо, смырно, не роблючы ніякыхъ голосныхъ дилъ, а якъ умре, то не кыне на свити а ни якого слиду. Тилькы, мабуть, селяне не забудуть іи, бо прыйдуть за нею люде, що будуть выбываты зъ ныхъ кожну копійчыну, будуть выраховуваты кожне зернятко, що зародыть имъ доля на панській земли...

М. Чернявськый.

Въ поискахъ новой красоты.

(Замѣтки читателя).

I.

Въ высшей степени любопытное и поучительное явленіе въ исторіи духовной жизни человѣчества представляетъ собою смѣна и чередованіе различнаго рода общественныхъ и, въ частности, литературныхъ направленій. Зарождаясь часто изъ самыхъ, на первый взглядъ, незамѣтныхъ источниковъ, будучи слѣдствіемъ самыхъ, повидимому, незначительныхъ причинъ, эти направленія, тѣмъ не менѣе, пріобрѣтаютъ иногда могущественную силу, держатъ въ своей власти умы современниковъ и на всю жизнь ихъ накладываютъ свой болѣе или менѣе сильный отпечатокъ,—то бодрящій, призывающій къ жизни, дѣятельности и борьбѣ, то мертвящій, окутывающій и безъ того неприглядную жизнь современнаго человѣчества непрогляднымъ мракомъ отчаянія и сомнѣній въ самыхъ высокихъ и дорогихъ идеалахъ. Эта смѣна направленій, этотъ приливъ и отливъ человѣческой мысли и жизнедѣятельности особенно характерны бываютъ для такихъ эпохъ, какую, между прочимъ, переживаемъ и мы,—эпохъ съ ускореннымъ темпомъ жизни, съ повышеннымъ біеніемъ общественнаго пульса. Современный человѣкъ то возносится успѣхами мысли и техники на высоту самыхъ головокружительныхъ надеждъ и создаетъ широ-

кія перспективы будущей жизни человѣчества; то устаетъ въ этой вѣчно обновляющейся, непрерывной сутолокѣ впечатлѣній, не успѣваетъ идти за жизнью, падаетъ духомъ, и въ результатѣ смятенный духъ его производитъ какія-то кладбищенскія теоріи насчетъ будущаго, выражающіяся и въ настоящемъ странными и не вполнѣ понятными явленіями въ области общественныхъ и художественныхъ направленій. Эта смѣна направленій и чередованіе настроеній, этотъ приливъ и отливъ человѣческой бодрости и жизнедѣятельности, какъ въ зеркалѣ отражающіе современность, есть лучшій для даннаго времени показатель состоянія человѣческаго духа. Пользуясь этимъ показателемъ, будущій историкъ общественной жизни создастъ яркую характеристику времени и людей, въ данное время дающихъ тонъ жизни. Какъ геологъ по напластованіямъ земной коры до мельчайшихъ подробностей возстановляетъ исторію нашей планеты, смѣну періодовъ, жизнь живыхъ существъ, въ то или иное время ее населявшихъ, такъ и будущій историкъ общественной жизни по этимъ, такъ сказать, общественнымъ напластованіямъ будетъ въ состояніи лучше всего охарактеризовать прошлое человѣчества, возстановить предъ болѣе или менѣе отдаленнымъ потомствомъ картину нашихъ общественныхъ отношеній и направленій. Такой будущій историкъ, дѣйствуя на разстояніи, несомнѣнно будетъ имѣть передъ нами, современниками, то преимущество, что въ меньшей степени будетъ отражать на себѣ вліяніе минуты, часто для современниковъ непреодолимое; онъ не будетъ ослѣпляться личными и общественными симпатіями и антипатіями, подвергая разсмотрѣнію дѣла давно минувшихъ дней; его вниманіе, наконецъ, не будетъ растекаться между различными мелочами и деталями, часто несущественными, но тѣмъ не менѣе осложняющими и затрудняющими наблюдательную работу современника. Благодаря этимъ условіямъ, онъ сумѣетъ схватить болѣе существенныя черты, характерныя для даннаго времени, выдѣлить ихъ изъ массы мелочей и создать болѣе или менѣе правдивую картину нашей общественной жизни. Но въ ожиданіи этого спокойнаго и безпристрастнаго изображенія было бы непростительно намъ, современникамъ, радующимся

радостями своего времени и болѣющимъ его болями, сидѣть, сложа руки и не дѣлая даже попытки по мѣрѣ силъ и возможности разобраться въ нашихъ печаляхъ и радостяхъ,—вѣдь они наши, эти печали и радости, продуктъ до нѣкоторой степени нашихъ собственныхъ усилій и ошибокъ и мы сами, съ другой стороны, во многомъ являемся воплощеніемъ этихъ радостей и горестей, подчиняемся имъ и на себѣ носимъ ихъ отпечатокъ. Для нашихъ потомковъ, которые будутъ имѣть возможность читать безпристрастную исторію нашей жизни, она во многомъ будетъ представлять лишь академическій интересъ; многое, можетъ быть, покажется имъ чужимъ, тогда какъ для современника, участвующаго въ жизни своего времени, часто даже самыя незначительныя событія полны огромной практической важности и самого непосредственнаго значенія. Добросовѣстное и по возможности безпристрастное изученіе и обсужденіе нашихъ ошибокъ, можетъ быть, предотвратитъ наступленіе еще горшихъ ошибокъ и отвлечетъ наши и безъ того не богатыя силы въ ту сторону, гдѣ онѣ будутъ наилучше утилизированы и съ наибольшею экономіей и пользой употреблены въ дѣло.

Будущему историку нашихъ общественныхъ отношеній придется съ изумленіемъ и недоумѣніемъ остановиться предъ нѣкоторыми явленіями изъ области современныхъ художественныхъ направленій. Встрѣчая, напр., умышленное и настойчивое удаленіе отъ жизни въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ писателей, подмалевыванье жизненныхъ явленій какими-то нелѣпыми тонами, погоню за вычурной формой въ ущербъ содержанію, всѣ эти «ужимки и прыжки» расшатанной мысли, въ которыхъ часто не добьешься того, что называется человѣческимъ смысломъ,—будущій историкъ несомнѣнно придетъ къ неособенно лестнымъ заключеніямъ на счетъ времени, создавшаго и выдвинувшаго это странное направленіе, и людей, такъ или иначе участвовавшихъ въ его выработкѣ. Можетъ быть, ему на разстояніи и виднѣе будетъ, какъ и почему оно возродилось къ жизни и пріобрѣло вліяніе на современниковъ, но непосредственнаго, практическаго интереса это направленіе имѣть для него не будетъ: онъ объяснитъ его, запечатлѣетъ

болѣе или менѣе выразительнымъ терминомъ и перейдетъ къ другимъ явленіямъ. Совсѣмъ иное отношеніе должно возникнуть у современниковъ: символизмъ или декаденство,—такъ какъ объ этомъ именно направленіи у насъ идетъ рѣчь,—стало въ послѣднее время самымъ моднымъ направленіемъ, ревностно и открыто проповѣдуется, выступаетъ необыкновенно воинственно противъ того, что считалось до сихъ поръ лучшимъ пріобрѣтеніемъ человѣчества, находитъ поклонниковъ и послѣдователей, проникаетъ въ мелочи повседневной жизни и выдвигаетъ себя вездѣ и всюду—въ поэзіи, критикѣ, живописи и во всѣхъ смежныхъ отрасляхъ искусства. Различные предпріимчивые, съ практическимъ чутьемъ, люди постарались кромѣ того въ своихъ видахъ практически использовать направленіе,—появились декадентскія матеріи, декадентскія прически, декадентскіе цвѣта, папиросы,—словомъ все то, что ищетъ рекламы, постаралось прибѣгнуть подъ сѣнь моднаго направленія. Для насъ, конечно, не важны меркантильныя проявленія декадентства—всѣ эти матеріи, цвѣта и т. п., но декадентство въ искусствѣ, въ литературѣ—это вопросъ настолько важный и прежде всего практически важный, что современникъ не имѣетъ нравственнаго права относиться къ нему равнодушно, ограничиваясь однимъ лишь недоумѣннымъ восклицаніемъ,—гдѣ, молъ, авторы декадентскихъ произведеній разговоры эти слышатъ, съ кого портреты эти пишутъ? Уже одно распространеніе этого направленія, носящее явно эпидемическій характеръ и потому обѣщающее принять грозные размѣры и формы, указываетъ на то, что съ нимъ должны быть произведены серьезные счеты, тѣмъ болѣе, если это связано въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ судьбами родной намъ украинской литературы.

Родиной занимающаго насъ въ настоящее время направленія была Франція. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ одномъ изъ кабачковъ Латинскаго квартала въ Парижѣ происходили собранія молодыхъ людей, неизвѣстно почему именовавшихъ себя «гидропатами»; ихъ объединялъ журнальчикъ «Lutèce», просуществовавшій, впрочемъ, очень недолго и на первыхъ же выпускахъ прекратившійся, причемъ прекратились и самыя соб-

ранія гидропатовъ. Но вскорѣ изъ обломковъ кружка возникъ новый, получившій на этотъ разъ отъ одного изъ критиковъ насмѣшливое названіе «декадентовъ», первоначально ими принятое для выраженія презрѣнія къ критикѣ, но впослѣдствіи замѣненное новымъ—«символисты». По отзывамъ людей, принимавшихъ участіе въ собраніяхъ гидропатовъ и декадентовъ, кружки ихъ состояли изъ молодыхъ людей, очень мало свѣдущихъ въ вопросахъ литературы и жизни, совершенно индифферентныхъ къ задачамъ общественно-политическаго характера и взамѣнъ всего этого интересовавшихся исключительно вопросами художественной техники и въ частности—поэтической формы. Насколько собранія эти отличались легкомысленнымъ характеромъ и насколько вообще не серьезно было отношеніе къ нимъ нѣкоторыхъ изъ постоянныхъ участниковъ и даже руководителей, показываетъ признаніе нѣкоего Лорана Тальяда, считающагося однимъ изъ основателей новаго направленія. «Я,—говоритъ онъ,—никогда не былъ символистомъ. Въ 1884 г. Жанъ Мореасъ, Шарль Винье, Верленъ и я, не придававшій этимъ бесѣдамъ иного значенія, кромѣ *легкой забавы*, пробовали мистифицировать *податливые умы* нѣсколькихъ дебютантовъ литературы «цвѣтными гласными», ѳиванскою любовью, шопенгауеризмомъ и разными другими *пустяками*, которые потомъ пошли въ ходъ». Еще выразительнѣе высказался на этотъ счетъ упоминаемый Тальядомъ Жанъ Мореасъ, по словамъ котораго символизмъ являлся для него «лишь шуткой и средствомъ водить за носъ дураковъ». Тѣмъ не менѣе прошло нѣсколько лѣтъ и литературныя лѣтописи обогатились новымъ направленіемъ, возникшимъ изъ этихъ собраній податливыхъ умовъ, равно несвѣдущихъ ни въ вопросахъ жизни, ни въ вопросахъ литературы, и водимыхъ за носъ шутливо настроенными руководителями. Направленіе это въ свою очередь разбилось на нѣсколько большею частью враждебныхъ другъ другу теченій (собственно символисты, декаденты, эстеты, маньифицисты, инструментисты, маги и проч.), и образованному міру пришлось сдѣлаться свидѣтелемъ многихъ изумительныхъ, прямо-таки невѣроятныхъ происшествій, творящихся

въ средѣ представителей новаго направленія. Въ числѣ этихъ происшествій фигурируютъ и убійства (въ буквальномъ смыслѣ) однихъ декадентовъ другими на разстояніи изъ Парижа въ Ліонъ, и избіенія ударами кулаковъ по черепу, претерпѣваемыя какимъ-то декадентомъ отъ черныхъ маговъ, раздразненныхъ нескромными разоблаченіями этого писателя, и присутствіе въ шкафахъ у нѣкоторыхъ декадентовъ домашнихъ духовъ, появляющихся по приказанію своихъ счастливыхъ обладателей и т. п. Но и помимо даже всей этой чертовщины, очевидно прямо относящейся къ области психіатріи, образованный міръ познакомился и съ произведеніями этихъ обладателей духовъ, терпящихъ избіенія отъ маговъ и т. п., и убѣдился, что нѣтъ предѣла человѣческой глупости и нѣтъ такой глупости, съ другой стороны, которая бы не нашла пылкихъ поклонниковъ и ревностныхъ послѣдователей и не вызвала бы подражанія. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе исторіи французскаго декадентства, которое интересуетъ насъ лишь настолько, насколько съ нимъ имѣютъ связь нѣкоторыя болѣе близко насъ касающіяся явленія. Поэтому, отсылая интересующихся подробностями къ спеціальнымъ сочиненіямъ по этому вопросу [1]), мы лишь кратко остановимся на причинахъ, вызвавшихъ появленіе декадентства, и на основныхъ особенностяхъ его, какъ литературнаго направленія.

Несмотря на каррикатурныя формы проявленія и на свое, повидимому, случайное возникновеніе изъ не менѣе случайныхъ собраній молодыхъ, несвѣдущихъ людей, обладающихъ къ тому же черезъ чуръ податливыми умами, новое направленіе имѣло тѣмъ не менѣе болѣе глубокія причины для своего возникновенія. Какъ извѣстно, во Франціи лѣтъ двадцать тому назадъ наиболѣе популярнымъ направленіемъ въ литературѣ былъ натурализмъ, съ его крайнимъ протоколизмомъ, квази-научнымъ методомъ примѣненія къ искусству естественныхъ наукъ, съ его индифферентностью

---

1) Михайловскій Н. К.—Литературныя воспоминанія и современная смута, т. II; Максъ Нордау—Вырожденіе. Венгерова З.—Поэты символисты во Франціи (Вѣстникъ Европы, 1892, IX). Гиляровъ, проф.—Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи.

къ вопросамъ общественно-политической жизни и безпринципностью въ вопросахъ личной и общественной морали. Протоколъ, голый фактъ, неприкрашенная фотографія, копія съ натуры— вотъ тѣ средства, которыми обладалъ натурализмъ и которыя онъ примѣнялъ къ искусству, усваивая всему этому громкое названіе производства «эспериментовъ» и собиранія «человѣческихъ документовъ». Нечего и упоминать, что этихъ средствъ слишкомъ не достаточно для полнаго удовлетворенія эстетическихъ потребностей человѣка, стремящагося найти въ искусствѣ художественную правду, а не протоколъ дѣйствительности. Недостаточность эту сознаютъ даже и сами представители натурализма, равно какъ и то, что ихъ дѣятельность вызвала потребность нѣкоторой реакціи господствовавшему направленію. Вотъ съ какимъ, напр., упрекомъ, по словамъ Зола, можно бы обратиться къ представителямъ натурализма: «вы злоупотребили положительнымъ фактомъ, внѣшнею дѣйствительностью вещей, осязаемымъ документомъ; въ сообществѣ съ наукой и философіей вы обѣщали людямъ счастье въ осязаемой истинѣ, въ анатоміи, въ отрицаніи идеала,—и вы ихъ обманули». Если ужъ самъ основатель натурализма откровенно сознается въ грѣхахъ и ошибкахъ своего направленія, то что говорить о людяхъ, для которыхъ натурализмъ никогда не былъ откровеніемъ свыше, которые и раньше видѣли его недостатки. Поэтому, новое направленіе, возникшее какъ реакція натурализму, попало, что называется, въ самую больную точку современнаго общества и, по закону реакціи, завладѣло общимъ вниманіемъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ реакція крайностямъ натурализма, символизмъ вовсе не является такимъ безсмысленнымъ явленіемъ, какимъ можетъ казаться съ перваго взгляда, благодаря своимъ безсмысленнымъ и каррикатурнымъ проявленіямъ. Бѣда лишь въ томъ, что реакція противъ натурализма «толкнула, говоря словами г. Михайловскаго, кучку молодыхъ, не дисциплинированныхъ умовъ въ противоположную, еще болѣе нелѣпую и нехудожественную крайность: безъидейной, безмысленной обнаженности и протокольной точности они противопоставили столь же безмысленную прикровенность и символическую темноту». Но-

вое направленіе, къ слову сказать, выступившее необыкновенно шумно, съ опущеннымъ забраломъ и непомѣрно воинственнымъ пыломъ, воюя противъ всѣхъ несогласно мыслящихъ, пыталось выставить и своихъ теоретиковъ, возводившихъ на степень законовъ искусства тѣ странные пріемы, которые сознательно или безсознательно примѣняютъ его жрецы. Главнѣйшія требованія новаго искусства, по опредѣленію одного изъ русскихъ его представителей (г. Мережковскаго), состоятъ въ мистическомъ содержаніи, употребленіи символовъ и расширеніи художественной впечатлительности. Повидимому, въ этой программѣ не имѣется ничего новаго: и мистическій элементъ въ извѣстныхъ границахъ всегда имѣлъ право гражданства въ искусствѣ, и символы примѣнялись въ немъ съ первыхъ же шаговъ, и расширеніе художественной впечатлительности производится каждымъ дѣйствительно выдающимся художественнымъ талантомъ. Но эту программу нужно понимать тоже нѣсколько символистически. Дѣло не въ самихъ требованіяхъ, а въ томъ смыслѣ, который въ нихъ влагается символистами теоретиками и практиками, и который предписываетъ примѣненіе ихъ къ искусству въ такомъ огромномъ размѣрѣ, въ такихъ громадныхъ дозахъ, что, подобно тощимъ фараоновымъ коровамъ, пріемы искусства поглотили и самое искусство, свели его къ абсурду и уничтожили весь смыслъ его и право на существованіе. Погоня за мистическимъ содержаніемъ завела символистовъ въ непроходимыя дебри средневѣковья съ его наивной чертовщиной, а затѣмъ, черезъ голову классической древности, окунула въ тайны древней ассирійской мудрости,—не даромъ нѣкоторые изъ символистовъ гордо именуютъ себя магами,—и въ этой области сосредоточила всѣ ихъ помыслы. Исканіе символовъ во что-бы то ни стало, нашло выраженіе въ противной всякому смыслу теоріи Стефана Малларме: «Назвать предметъ значитъ уничтожить три четверти наслажденія, даваемаго постепеннымъ отгадываніемъ; надо *наводить* на него, *внушать* его. Символъ и состоитъ въ такомъ употребленіи тайны. Въ поэзіи всегда должна быть загадка». Наконецъ, расширеніе художественной впечатлительности породило стремленіе

создать посредствомъ новаго сочетанія элементовъ различныхъ искусствъ какое-то всеобъемлющее, универсальное искусство, имѣющее своей задачей—одновременное воздѣйствіе на всѣ чувства человѣка, но на самомъ дѣлѣ ведущее къ пониженію художественной воспріимчивости и отнимающее у искусства твердую почву здраваго смысла. Говоря вообще, выставленныя глашатаями новаго искусства требованія, даже освобожденныя отъ ихъ обычныхъ кувырканій, даже въ очищенномъ, такъ сказать, видѣ, на столько противорѣчивы, сбивчивы, спутаны и не ясны, что говорить серьезно о новомъ словѣ въ искусствѣ, превозглашенномъ будто бы декадентами, можно только по недоразумѣнію. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дѣтище вышло такимъ худымъ и болѣзненнымъ изъ рукъ своихъ творцовъ. Зародившись, какъ мы знаемъ, среди молодыхъ несвѣдущихъ людей, въ шутку и для забавы мистифицируемыхъ нѣкоторыми, не особенно разборчивыми въ нравственномъ смыслѣ господами, символизмъ получилъ свое дальнѣйшее теоретическое и практическое обоснованіе отъ людей, частью ненормальныхъ въ буквальномъ смыслѣ слова, которые свои болѣзненныя представленія возводили на степень законовъ искусства; частью же отъ изнывавшихъ необузданнымъ самолюбіемъ бездарностей, пожелавшихъ выдвинуться хоть такимъ мало оригинальнымъ способомъ, благо для этого не требуется ни знаній, ни таланта, а только извѣстная доза низшаго сорта смѣлости. А затѣмъ реклама и всемогущая мода подхватила созданный ими бредъ больного самолюбія и подъ видомъ «новаго слова» въ искусствѣ разнесла, придавая все болѣе и болѣе каррикатурныя формы, по всѣмъ культурнымъ уголкамъ, даже и туда, гдѣ вовсе не существовало причинъ, вызвавшихъ и хоть сколько-нибудь оправдывавшихъ его появленіе на родинѣ. Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе остановиться на причинахъ распространенія декадентства, а здѣсь скажемъ лишь, что оно сыграло въ этомъ случаѣ роль камня, брошеннаго въ воду и возмутившаго ея спокойную поверхность: камень давно уже покоится на днѣ, среди мутнаго ила и грязи, а вызванные его паденіемъ круги все еще расходятся по водѣ, захватываютъ пространство

все шире и шире и легкою рябью отзываются даже въ самыхъ отдаленныхъ, въ самыхъ тихихъ уголкахъ пруда.

Говоря въ началѣ настоящей статьи о смѣнѣ общественныхъ и въ частности литературныхъ направленій, мы имѣли въ виду нормальный или приближающійся къ нормальному порядокъ развитія,—такой порядокъ, при которомъ внѣшнія обстоятельства, если оказываютъ болѣе или менѣе замѣтное воздѣйствіе на литературу, то все же оставляютъ и ей достаточно простора для обсужденія хотя бы чисто литературныхъ и тѣсно съ ними связанныхъ вопросовъ. При этомъ подъ флагомъ литературныхъ вопросовъ обыкновенно происходитъ обсужденіе и другихъ, касаться которыхъ въ чистомъ видѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ не всегда бываетъ удобно. Послѣднимъ путемъ развивалась, напримѣръ, русская литература. Можно съ увѣренностью сказать, что только при нормальномъ или, въ крайнемъ случаѣ, не особенно уклоняющемся отъ него порядкѣ развитія, различныя литературныя школы и направленія могутъ получить свое полное выраженіе какъ въ образцахъ, такъ и теоретически. Болѣе или менѣе независимая пресса играетъ при этомъ роль клапановъ, чрезъ которые направленія проходятъ въ жизнь, пропагандируются, находятъ то или иное выраженіе и затѣмъ, прошедши сквозь призму общественнаго мнѣнія, возвращаются обратно, часто уже измѣненными, исправленными отъ недостатковъ, очищенными отъ крайностей и дополненными. Болѣе или менѣе свободная критика подвергаетъ эти теченія оцѣнкѣ, отдѣляетъ въ нихъ шелуху отъ полновѣснаго зерна, сортируетъ, производитъ расцѣнку и такъ или иначе содѣйствуетъ формировкѣ направленій, то обосновывая и укрѣпляя правильныя, то ниспровергая получившія по тѣмъ или другимъ причинамъ временный перевѣсъ, но не заслуживающія его, ложныя воззрѣнія. Безъ прессы, безъ критики мы не въ состояніи представить себѣ сколько-нибудь нормальнаго развитія какой угодно литературы. Это тѣ элементарно-необходимыя условія, безъ которыхъ литература всегда осуждена на нѣкоторый хаосъ направленій, на невысказанность и неясность стремленій, неразработанность основныхъ точекъ зрѣнія.

Украинская литература въ Россіи никогда не пользовалась такими элементарно-необходимыми условіями развитія. Первоначально, въ силу своей слабости, затѣмъ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, она до сихъ поръ не создала никакой прессы. Вслѣдствіе полнаго отсутствія прессы, не существуетъ вовсе и литературной критики. Можно, конечно, пользоваться, что отчасти и дѣлается, прессой сосѣдей, но съ одной стороны вопросы, почему-либо для насъ важные и интересные, составляющіе у насъ жгучую злобу дня, не всегда представляются такими для сосѣдей,—вотъ почему сосѣдская пресса, напр., русская, нельзя сказать, чтобы очень охотно отводила мѣсто для обсужденія нашихъ потребностей, для разрѣшенія волнующихъ насъ вопросовъ, даже въ границахъ терпимости такъ называемыхъ независящихъ обстоятельствъ. Съ другой стороны, не со всякимъ вѣдь вопросомъ и пойдешь къ сосѣдямъ,—есть вопросы чисто, такъ сказать, домашняго свойства, разбираться въ которыхъ только и можно въ своей хатѣ, въ средѣ непосредственно заинтересованныхъ лицъ, не вынося, что называется, сора изъ избы. О Галичинѣ, обладающей своими собственными журналами и газетами, пойдетъ, конечно, другой разговоръ, но и тамъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ политическаго и общественнаго характера, до послѣдняго, можно сказать, времени литературѣ и литературной критикѣ отводилось настолько второстепенное мѣсто, что нечего было даже и думать о созданіи и правильномъ чередованіи литературныхъ направленій и о выработкѣ критическихъ пріемовъ. Поглощенной почти исключительно текущими вопросами дня, выдерживающей ожесточенную борьбу на два фронта, украинской печати въ Галичинѣ было вовсе не до «звуковъ сладкихъ» литературы: таланты, силы и энергія направлялись въ совершенно другую сторону и для литературы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, пропадали безслѣдно. Впрочемъ, если бы даже положеніе вещей въ Галичинѣ въ этомъ отношеніи и было идеальнымъ, то мы, живущіе по сю сторону, какъ выражался Кулишъ, «историчнои прирвы», все равно не имѣли бы никакой возможности утолять свою жажду изъ этого источника. Обстоятельства воздвигли между двумя частями

одного народа стѣну, которая не допускаетъ и мысли о правильныхъ сношеніяхъ и умственномъ обмѣнѣ; мы могли бы только платонически радоваться пріобрѣтеніямъ нашихъ братьевъ. Но, какъ мы уже замѣтили, и этого не было. Такимъ образомъ, отсутствіе своей прессы не восполняется у насъ ничѣмъ, если не считать крайне рѣдкихъ и случайныхъ, а потому и не дѣйствительныхъ, крохъ, падающихъ со стола русской прессы, а при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о выработкѣ у насъ правильными путями литературной школы и критики.

Отсутствіе собственной прессы, а вмѣстѣ съ этимъ и критики, зависимость литературной продукціи отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и воздѣйствій чревато для нашей несчастной литературы многими невознаградимыми послѣдствіями. Случайность развитія, скачки отъ различныхъ направленій къ другимъ занимаютъ не послѣднее мѣсто среди этихъ послѣдствій, не говоря уже о томъ, что самое появленіе или не-появленіе даннаго произведенія часто не зависитъ отъ воли и желанія его автора, а обусловлено чистѣйшею случайностью. Этою чрезмѣрною властью случайностей и ихъ обиліемъ, кажется намъ, и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что у насъ не было такого правильнаго чередованія направленій, какое замѣчается въ другихъ литературахъ и всегда предполагаетъ извѣстную правильность и планомѣрность развитія. Напротивъ, у насъ не рѣдко одинъ и тотъ же авторъ совмѣщаетъ въ лицѣ своемъ различныя литературныя направленія (напр., реализмъ и романтизмъ), и потому распредѣленіе нашихъ писателей по общепринятымъ рубрикамъ направленій—трудъ далеко не легкій и даже не всегда и возможный. Такъ было, впрочемъ, только до послѣдняго времени, а теперь и у насъ намѣчаются нѣкоторые симптомы болѣе яснаго разграниченія литературныхъ направленій, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ: камень декадентства и символизма, брошенный въ началѣ 80-хъ годовъ во Франціи, произвелъ и въ нашемъ тихомъ и отдаленномъ уголкѣ нѣкоторую легкую рябь.

Первые признаки новаго литературнаго движенія проявились,—не безъ польскаго и нѣмецкаго, по всей вѣроятности,

вліянія,—въ Галичинѣ, гдѣ обстоятельства представляютъ больше простора для литературной продукціи. Въ послѣднее десятилѣтіе, вѣрнѣе даже—въ послѣдніе годы, на литературное поприще въ Галичинѣ выступила фаланга писателей, открыто примкнувшихъ къ символизму (Ольга Кобылянская, отчасти Наталя Кобрынская, Стефаныкъ, Яцкивъ, Крушельныцькій, Авдыковычъ и болѣе или менѣе случайно нѣкоторые другіе); была попытка издавать въ этомъ направленіи серію книгъ подъ общимъ заглавіемъ «Живі струни», и даже такой серьезный, и въ общемъ, симпатичный журналъ, какъ «Літературно-Науковий Вістник» помѣщаетъ иногда на своихъ страницахъ произведенія явно декадентскаго характера.

Въ самое послѣднее время это направленіе проявилось и на Украинѣ. Въ концѣ прошлаго года г. Вороный опубликовалъ въ «Л.-Н. Вістнику» открытое письмо къ украинскимъ писателямъ съ приглашеніемъ къ сотрудничеству въ задуманномъ имъ литературномъ сборникѣ, «який би і *змістом* і виглядом бодай почасти *міг наблизитись до новійшихъ течій та напрямів* в сучасних літературах европейських». Свои цѣли и задачи г. Вороный изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: «*уникаючи творів грубо-натуралістичних, брутальних* (?), натомісь бажало-б ся творів хоч з маленькою ціхою орігінальности, з незалежною свобідною ідеєю, з сучасним (?) змістом; бажало-б ся творів, о де-б було хоч трошки философіі, де-б хоч клаптик яснів того далекого блакитного неба, що від віків манить нас своєю неосяжною красою, своєю незглубною таємничістю... *На естетичний бік творів має бути звернена найбільша увага*» («Л.-Н. Вістник», кн. XI, «Хроніка», стр. 14). Оставляя въ сторонѣ вполнѣ понятное желаніе г. Вороного получить произведенія «хоч з маленькою ціхою орігінальности, з незалежною, свобідною ідеєю», ибо какой же редакторъ этого не желаетъ,—мы подчеркиваемъ это стремленіе пріобщиться «до новійших течій та напрямів», избѣжать «творів грубо-натуралістичних», какихъ, кстати сказать, у насъ то собственно и не было почти, это тяготѣніе къ эстетикѣ, сдабриваемое фразами на счетъ «блакитного» неба, философіи и т. п. Все это, конечно, нѣсколько неясно и туманно, но въ тоже

время и обычно для искателей новой красоты, такъ что едва ли мы заблуждаемся на счетъ того, что собственно желательно г. Вороному. Какъ узнаемъ изъ свѣдѣній, попавшихъ въ печать («Кіевская Старина» 1902, кн. VI, библіографія, стр. 196), сборникъ г. Вороного уже готовъ и подъ кудреватымъ названіемъ «З-надъ хмаръ и изъ долынъ» представленъ въ цензуру. Мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ «трошки *философіі» отъ этого сборника,* надѣясь, что онъ покажетъ намъ «хоч клаптик того далекого блакитного неба», хотя, признаемся, списокъ сотрудниковъ немного разочаровалъ насъ въ нашихъ спеціальныхъ ожиданіяхъ: въ громадномъ большинствѣ оказались писатели едва-ли склонные къ странствованьямъ въ заоблачныя выси и только отъ 3—4 авторовъ можно ожидать чего-нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ подождемъ—увидимъ. Наконецъ, одинъ изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ нашей символистической литературы лежитъ въ настоящее время передъ нами въ видѣ небольшой книжки съ кричащей, бьющей на эффектъ внѣшностью, напечатанной почему то зелеными чернилами и различнымъ шрифтомъ, иллюстрированной въ текстѣ массой не идущихъ къ дѣлу рисунковъ и виньетокъ, придающихъ ей съ перваго взгляда видъ брошюры по ботаникѣ. Заглавіе книжки не менѣе претенціозно, чѣмъ и сама внѣшность,—«Поезія въ прози» Гната Хоткевича (Галайды).

Итакъ передъ нами дѣйствительно новое направленіе украинской литературы, указанными фактами достаточно ярко себя зарекомендовавшее и обозначившее. Радоваться ли намъ и ликовать, или же скорбѣть и огорчаться по этому поводу?.. Несомнѣнно найдутся оптимисты, которые очень возрадуются и возликуютъ новому направленію въ нашей литературѣ: дескать и у насъ теперь, какъ у людей—даже самое модное направленіе объявилось, и не только объявилось, но уже успѣло и зарекомендовать себя такими-то и такими-то «шедеврами» (характерно, что у декадентовъ всѣхъ странъ и народовъ все больше шедевры фигуррируютъ,—тоже модное словечко!). «Протестъ личности противъ среды,—говоритъ, напр., одинъ изъ ликующихъ,—и не-

избѣжно сопровождающіе его порывы ins Blau составляютъ необходимый моментъ въ исторіи литературы каждаго народа; этотъ моментъ, повидимому, только теперь наступилъ для малорусской литературы, по крайней мѣрѣ, для той, которая развивается въ австрійской обстановкѣ. Подобное литературно-общественное настроеніе вызвало въ свое время необычайный подъемъ художественнаго творчества у другихъ народовъ; можно думать,—такъ какъ на это есть указанія,—что такое настроеніе не пройдетъ безплодно и для малорусской литературы» (Л. Украинка—«Малорусскіе писатели на Буковинѣ», «Жизнь», кн. IX, стр. 128). Вотъ вамъ,—достаточно выразительно сказано. Съ другой стороны иной, менѣе оптимистически настроенный читатель, пожалуй, и призадумается надъ фактомъ появленія у насъ новаго направленія,—«модное то оно модное, да все же какъ будто неловко: демократическая, «мужицкая» въ лучшемъ значеніи этого слова литература и вдругъ—символизмъ, декадентство... Нѣтъ ужъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ новымъ направленіемъ, да минуетъ насъ чаша сія»!—такъ приблизительно скажетъ нашъ сомнѣвающійся читатель. И дѣйствительно въ одномъ изъ обзоровъ украинской литературы находимъ, напр., слѣдующія строки, посвященныя той же г-жѣ Кобылянской, что и вышеприведенныя слова г-жи Л. Украинки: «ея (г-жи Кобылянской) «Покора»—это куча туманныхъ образовъ, пересыпанныхъ обрывками какой то философіи à-la Ницше» («Сынъ Отечества», 1900, № 65). Тоже, кажется, достаточно выразительно!.. Но оставимъ нашъ вопросъ пока безъ отвѣта и, предоставивъ безвозбраннно радоваться и уповать ожидающимъ отъ новаго направленія великихъ и богатыхъ милостей и размышлять сомнѣвающимся въ этихъ милостяхъ, займемся подробнымъ обозрѣніемъ продуктовъ нашей символической литературы, чтобы выдѣлить изъ нихъ «хоч трошки философіі», прельстившей г. Вороного,—авось въ результатѣ отвѣтъ самъ собою получится. Исходя изъ практическихъ соображеній, мы начнемъ нашу работу нѣкоторымъ образомъ съ конца—съ книжки г. Хоткевича, которая хронологически является по-

слѣднимъ словомъ нашего символизма, продуктомъ что ни на есть послѣдней свѣжести и новизны.

II.

Г. Хоткевичъ—писатель вполнѣ новѣйшей формаціи. На литературное поприще онъ выступилъ, если не ошибаемся, въ 1898 году литературно-критической статьей въ «Літературно-науковім Вістнику» о покойномъ украинскомъ поэтѣ Щеголевѣ; въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ появился его первый разсказъ «Блудний син». И статья о Щеголевѣ, и первый разсказъ г. Хоткевича давали основаніе надѣяться, что Америки онъ, пожалуй, и не откроетъ, пороха также не выдумаетъ, но полезнымъ литературнымъ работникомъ будетъ. Конечно, скромная дѣятельность простого литературнаго работника уже сама по себѣ достаточно почетна, но г. Хоткевича тянетъ именно въ область открытій и изобрѣтеній. Съ образцами ихъ мы познакомимся ниже, а теперь скажемъ лишь, что продолженіе литературной дѣятельности г. Хоткевича не соотвѣтствовало ея началу: въ беллетристикѣ онъ преподносилъ какія-то туманныя, вымученныя произведенія, блѣдныя по содержанію и неудовлетворительныя по формѣ; въ критическихъ же своихъ опытахъ съ первыхъ же шаговъ усвоилъ непріятный, приподнято-воинственный, слишкомъ развязный тонъ, при неясности основныхъ точекъ зрѣнія и нѣкоторой спутанности понятій. Обыкновенно критическій пріемъ г. Хоткевича состоялъ въ томъ, что, открывъ какого-нибудь совсѣмъ даже не литературнаго воробья, въ родѣ г. Сластина, онъ спѣшитъ вооружиться во всѣ критическіе доспѣхи, выкатываетъ здоровенную пушку и ну разстрѣливать несчастное микроскопическое существо по всѣмъ правиламъ артиллерійской техники. Но такъ какъ угодить изъ пушки въ воробья нѣсколько трудновато, то черезъ нѣкоторое время воробей опять появляется, опять совершаетъ какой-нибудь воробьиный поступокъ, а г. Хоткевичъ потрясаетъ воздухъ новымъ громовымъ выстрѣломъ. Если мы упоминаемъ объ этихъ старыхъ грѣхахъ г.

Хоткевича, то вовсе не для того, чтобы подробно на нихъ останавливаться,—это только въ родѣ какъ бы предварительнаго разслѣдованія почвы, на которой намъ предстоитъ воздвигать зданіе: нужно же знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло; матеріаломъ же для зданія послужитъ новая книжка г. Хоткевича,—носящая, какъ мы уже упоминали, заманчивое заглавіе «Поезія въ прози».

Одно изъ своихъ произведеній,—на основаніи каламбурнаго заглавія «Спокій духа и духъ спокою» я затрудняюсь, къ какому роду его отнести, а самъ авторъ на этотъ разъ измѣнилъ похвальному обыкновенію аттестовать свои произведенія,—г. Хоткевичъ отъ лица какого-то «Духа» начинаетъ вопросомъ: «що значыть усе зовнишне?» (стр. 98). Тому изъ читателей, который бы заинтересовался этимъ страннымъ не по формѣ только вопросомъ, придется закрыть книгу, такъ-таки и не удовлетворивъ своего законнаго любопытства и не узнавъ отъ г. Хоткевича, что же въ самомъ дѣлѣ «значыть усе зовнишне?» Авторъ, отвлеченный потокомъ мыслей въ сторону и мимоходомъ сообщающій замѣчательныя по глубинѣ мысли, въ родѣ: «що падае, то впаде, колы его не пиддержаты», по-просту забываетъ отвѣтить на имъ же самимъ поставленный вопросъ. Можно думать, что едва-ли и самъ онъ серьезно задается вопросомъ, достойнымъ Кузьмы Пруткова,—просто попало на кончикъ пера показавшееся особенно удачнымъ или оригинальнымъ выраженіе и г. Хоткевичъ сейчасъ же, не заботясь о послѣдствіяхъ, постарался утилизировать его. Этотъ пріемъ кажется намъ чрезвычайно характернымъ для всего «творчества» г. Хоткевича. Мысль его мечется изъ стороны въ сторону, разбрасывается по всѣмъ направленіямъ, слова нагромождаются цѣлыми кучами чисто механически, безъ внутренней связи; иногда автора прельститъ какое-нибудь, показавшееся ему особенно красивымъ или эффектоымъ выраженіе, въ данномъ мѣстѣ совершенно къ дѣлу не идущее, онъ и его прихватитъ по дорогѣ и сброситъ въ общую кучу—авось пригодится, а тамъ пусть разбираютъ, что къ чему... «Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку—и веревочка въ дорогѣ пригодится»,—говоритъ Гоголевскій Осипъ. Конечно, въ иныхъ случаяхъ «запасъ биды не

чыныть», и мы вполнѣ понимаемъ и даже одобряемъ Осипа, но писателя, примѣняющаго безъ оглядки тотъ же пріемъ въ своей писательской дѣятельности, мы отказываемся понимать. Это (не помню, кому принадлежитъ такое выраженіе) не владѣющій своимъ перомъ писатель, а напротивъ—владѣемый имъ, и слѣдить за всѣми курбетами мысли такого, находящагося въ зависимости у собственнаго пера писателя, разбираться въ прихваченныхъ по дорогѣ выраженіяхъ—трудъ въ высшей степени неблагодарный, не окупающій затраченныхъ усилій. Только что начинаешь, кажется, уловлять мысль такого писателя, какъ вдругъ—неожиданный скачекъ въ сторону и всѣ усилія читателя разбиты; снова напрягаешься, снова какъ будто что-то начинаешь понимать—новый скачекъ и опято темна вода во облацѣхъ небесныхъ. Г. Хоткевичъ принадлежитъ къ числу такихъ писателей, вполнѣ зависящихъ отъ своего пера. Почти невѣроятнаго труда стоитъ уяснить себѣ суть его произведеній, выдѣлить всѣ эти болѣе или менѣе случайно прихваченныя по дорогѣ «веревочки», докопаться до того глубокаго смысла, который сокрытъ среди этихъ капризныхъ перепрыгиваній изъ стороны въ сторону, да и то нельзя въ концѣ концовъ поручиться, что понялъ ты его вѣрно. Единственнымъ исключеніемъ, и то, впрочемъ, до нѣкоторой лишь степени, является занимающій первое мѣсто въ сборникѣ «Портретъ»—«фантазія», какъ опредѣляетъ это произведеніе авторъ.

По улицамъ какого-то, очевидно, большого города тихо идетъ молодая парочка—студентъ Лоріо и его знакомая, не названная авторомъ; среди разговора, въ которомъ слышался «видгоминъ безцвитныхъ днивъ, рокивъ, факты милкого (sic) торговельного гостроумства (sic), тезы жыттьовои философіи», ихъ неожиданно поразилъ выставленный въ витринѣ булочной, какъ надо догадываться («хлибного магазина», какъ опредѣляетъ авторъ), портретъ дѣвушки,—«то було якесь волшебство, то було втилення сваволъныхъ до шалу (?) принципивъ красы». Лоріо, который весь ушелъ въ созерцаніе этой дивной,—повѣримъ автору на слово,—красоты и, значитъ, постигалъ ее по крайней мѣрѣ хоть однимъ внѣшнимъ чувствомъ, «здавалось, що *та* краса—то абстракція,

то безтилесна идея свята, передъ якою можна впасты на колина, яку можна кохаты до фанатызму, але почуваты іи пятьма своимы органамы чуття, знаты іи?—то неможлыво» (стр. 5). Однако невозможное оказалось возможнымъ, и спутница студента, лично знавшая Иду,—оригиналъ чуднаго портрета,—въ необыкновенно приподнятомъ тонѣ и «возвышеннымъ штилемъ» разсказываетъ слишкомъ обыкновенную исторію постепеннаго паденія молодой чистой души, погибшей подъ вліяніемъ развращенной, хотя съ виду и глубоко корректной, среды. Разсказъ этотъ, въ связи съ дивной красотой погибшей дѣвушки, производитъ на Лоріо такое сильное впечатлѣніе, что онъ,—надо догадываться, хотя г. Хоткевичъ ни однимъ словомъ этой догадки не подтверждаетъ,—сходитъ съ ума и совершаетъ цѣлый рядъ необъяснимыхъ несообразностей. Прежде всего онъ отправляется къ художнику (онъ же и «худогъ», «торгашъ», «торговельныкъ» и даже «лыхвяръ», какъ успѣваетъ на пространствѣ одной страницы аттестовать его г. Хоткевичъ), цѣною фамильныхъ драгоцѣнностей и покупаетъ портретъ, затѣмъ устанавливаетъ его въ своей бѣдной студенческой комнатѣ, окружаетъ цѣлымъ лѣсомъ цвѣтовъ и растеній и произноситъ передъ портретомъ какія-то безсвязныя рѣчи, которыми совершенно огорашиваетъ одного изъ товарищей, зашедшаго его провѣдать. Затѣмъ какими-то невѣдомыми путями, о которыхъ въ «фантазіи» г. Хоткевича ни словечка не сообщается, Лоріо приходитъ къ мысли, что обладать драгоцѣннымъ портретомъ достойны лишь родители Иды. Къ слову сказать, отецъ ея, хотя и безсознательно, былъ однимъ изъ первыхъ, кто толкнулъ ее на путь погибельный: «винъ бувъ варваромъ дыкымъ, лисовымъ, котрому безглуздо доручылы глядиты дывнои статуи, зитканои зъ слизъ (!) першого кохання, зъ мрій поэтовыхъ та чудовыхъ писень соловья. И винъ розбывъ ту статую, бо винъ варваръ, дыкунъ, що звыкъ иты на ведмедя» (стр. 8). Несмотря на то, что Лоріо это хорошо извѣстно, онъ все-таки отправляется куда то въ бѣдное мѣстечко, разыскиваетъ родителей Иды и водворяетъ портретъ тамъ, гдѣ «люде замисть того, щобъ оспиваты іи въ дывній писни, научалы іи своимъ гнуснымъ (sic) почуваннямъ, давалы

іи (ій?) свою матерію (?)» (стр. 33), т. е., въ самомъ, очевидно, неподходящемъ мѣстѣ. Оставшись по просьбѣ благодарныхъ родителей у нихъ ночевать, Лоріо дѣлается свидѣтелемъ культа Иды и посѣтителемъ ея «храма»—комнаты, всѣ стѣны которой увѣшаны безчисленнымъ множествомъ ея портретовъ, а затѣмъ вдвоемъ съ «божевильнымъ» отцомъ отправляется на кладбище и разрываетъ могилу покойной. «Блыснувъ мисяць,—такъ описываетъ эту картину г. Хоткевичъ,—и глянулы зъ темрявы уверхъ чорни ямы, замисть очей... Голый черепъ выскалывъ зубы и немовъ сміявся... сміявся.—Ахъ-ха-ха-ха!.. дыко зареготавъ батько и упавъ усимъ своимъ тиломъ на гробъ (слѣдуетъ строчка многоточій)... а мисяць дывывся зъ горы, заглядавъ у яму и бачывъ тамъ перетлилу одижъ, кистнякы (sic) рукъ и си страшно-страшно выскалени зъ смихомъ зубы» (стр. 37—38)... Утромъ на разрытой могилѣ рядомъ съ скелетомъ нашли трупъ отца, составили протоколъ, какъ не забываетъ сообщить, необыкновенно въ этомъ мѣстѣ обстоятельный авторъ, и опять предали землѣ тлѣнные останки. «Тилькы нихто не додывывся,—заключаетъ свою дивную фантазію г. Хоткевичъ,—що на ливій руци у трупа (у скелета?—осмѣлимся поправить) не ставало двохъ суставчыкивъ зъ пальця» (стр. 38). Лоріо исчезъ, захвативъ съ собой, по всей вѣроятности, и эти суставчики.

Бр-р! какіе вы однако страхи разсказываете!—скажетъ читатель, пробѣжавъ это блѣдное и непередающее красотъ подлинника изложеніе «Портрета»,—но при чемъ же тутъ красота, о которой такъ патетически умѣетъ говорить г. Хоткевичъ, да и при томъ еще «новая» красота? Напротивъ, фантазія его напомнила намъ что-то очень старое, до такой степени старое, что даже и не припомнить сразу, гдѣ и когда нѣчто подобное встрѣчалось... Ахъ, да! давно это было: еще наши бабушки, замирая отъ страха и волненія, занимались подобными фантазіями и даже въ исторіяхъ литературы имъ отведено подобающее мѣсто. Это не значитъ, однако, что наши бабушки зачитывались произведеніями именно г. Хоткевича и что его имя записано на скрижаляхъ исторіи литературы, хотя мы съ большимъ изумленіемъ увидѣли въ очень

интересныхъ очеркахъ г. Франка «З останніх десятиліть XIX віку» (Л.-Н. Вістник, 1901, кн. IX стр. 118) его имя рядомъ съ такими дѣйствительно признанными писателями, какъ г.г. Гринченко и Крымскій,—это значитъ только, что новая красота г. Хоткевича имѣетъ очень старые корни и представляетъ не болѣе, какъ простой и при томъ еще не особенно мастерски исполненный сколокъ съ писаній старыхъ романтиковъ,—съ тою, очень существенной разницей, что романтики разсказывали всевозможные ужасы и несообразности просто и до извѣстной степени удобопонятно, а для нашихъ бабушекъ даже занимательно, а г. Хоткевичъ... мы впрочемъ видѣли, какъ разсказываетъ г. Хоткевичъ. Кромѣ того, въ наивныя времена нашихъ бабушекъ и литературные вкусы и требованія отъ литературы были также наивны, не идя большею частью дальше внѣшней занимательности; теперь же мы отъ писателя требуемъ не фантастическихъ разсказовъ о вѣдьмахъ, вовкулакахъ, упыряхъ и т. д., не исторіи трехъ дней, проведенныхъ у гроба красавицы, а чего-нибудь посущественнѣе,—хотя бы вотъ какой-нибудь общественной или даже эстетической идеи. Выжимая эту идею изъ произведенія г. Хоткевича, мы можемъ, не ручаясь впрочемъ за точность, формулировать ее такъ: вѣчная красота, даже ея абстракція, предъ которой тѣмъ не менѣе герой г. Хоткевича собирался упасть на колѣни и которая «ie альфою и омегою миру», эта «вись, биля якой вертыться вселенна»—оказывается безобразнымъ скелетомъ съ голымъ черепомъ и «страшно-страшно выскалеными зъ смихомъ» зубами. Идея, если оставить въ сторонѣ колѣнопреклоненія передъ абстракціей красоты, что и говорить—вѣрная, но, къ сожалѣнію, далеко не новая. Всѣмъ намъ прекрасно извѣстно, что «земля еси и въ землю пойдеши» и контрастъ между цвѣтущей, созидающей жизнью и разлагающей, уничтожающей смертью ясно сознавался людьми за много вѣковъ до открытія, сдѣланнаго г. Хоткевичемъ. Вѣдь еще древніе египтяне, какъ о томъ даже г. Иловайскій свидѣтельствуетъ, въ качествѣ народа умнаго и серьезнаго, приносили на свои пиршества деревянное подобіе муміи, чтобы напомнить пирующимъ о смерти и ея послѣдствіяхъ. Неужели г. Хоткевичъ о

своихъ землякахъ худшаго мнѣнія, чѣмъ далѣе вообще къ иностранцамъ не особенно благосклонный г. Иловайскій о египтянахъ, и думаетъ, что мы не знаемъ такихъ простыхъ вещей, что красота послѣ смерти обращается въ безобразіе? Но даже и въ качествѣ доказательства нашимъ непросвѣщеннымъ умамъ столь несомнѣнной истины, «Портретъ» г. Хоткевича оказывается совершенно излишнимъ и ненужнымъ, ибо занимающая его тема, не въ такой разумѣется, плоской формѣ, давно уже разработана свѣтилами всемірной литературы,—вспомнимъ хотя бы знаменитую сцену Гамлета съ могильщикомъ. Намъ могутъ возразить, что г. Хоткевичъ и не собирался ничего доказывать, что онъ, какъ «свободный художникъ», «творилъ» свое произведеніе, заботясь единственно лишь о «вѣчной», «святой» и еще не знаю какой красотѣ и убѣгая какой бы то ни было тенденціи, дескать гибельной для истиннаго искусства. Можно бы на это возраженіе отвѣтить разборомъ «Портрета» съ эстетической точки зрѣнія, но... мы находимъ, что и такъ слишкомъ много вниманія удѣлили этой «фантазіи» г. Хоткевича,—пора обратиться и къ другимъ. Впрочемъ, къ нѣкоторымъ частностямъ, и притомъ преимущественно эстетическимъ, мы еще должны будемъ вернуться.

Съ кладбища, отъ разрытой могилы съ трупомъ и скелетомъ, перенесемся въ тихую комнатку со скромной, даже убогой обстановкой, гдѣ тѣмъ не менѣе, какъ сразу забиваетъ гвоздь г. Хоткевичъ,—«пануе прекрасне: не самохвальне, що дорого коштуе, що раховано на багатого скупаря, не те, що оцинюе себе грошыма—ни! Ни, тутъ тоньше, идеальнійше щось, тутъ утворылы соби другу красу. То краса чыстого зору (sic) очей, освиченыхъ любовью, то гармонія душъ, що злылысь и доповнылы одна другу... безъ перевысшення, зъ чыстымъ почуттямъ. Одно виддавало другому вси квиты и перлы души, находылы щастя въ тому, щобъ выкынуть слёзы и хмурее чоло» (стр. 40—41). Словомъ, говоря попросту, языкомъ обыкновенныхъ смертныхъ, это жилище счастливой супружеской четы и мы попадаемъ въ него въ тотъ моментъ, когда молодая мать убаюкиваетъ своего первенца.

Чувства, надежды и упованія, радости и горести молодой матери надъ колыбелью дитяти—какая соблазнительная тема для «чистого» искусства! Поэты, кажется, всѣхъ временъ и странъ, отъ старика Гомера и до нашего Шевченка, любовались этимъ чистымъ, возвышеннымъ образомъ и посвятили много трогательныхъ, за душу и сердце хватающихъ страницъ изображенію радостей и горестей, счастья и мукъ материнства. Во всей человѣческой жизни нѣтъ, можетъ быть, момента трогательнѣе, чѣмъ тотъ, когда молодая мать всѣ свои помыслы, самое себя переливаетъ въ свое дитя, воплощая въ немъ лучшія свои надежды и упованія. Не даромъ у Шевченка вырвалось восклицаніе:

У нашимъ раи, на земли,
Ничого кращого немае,
Якъ тая маты молодая
Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ,—

свидѣтельствующее вмѣстѣ съ потрясающимъ образомъ «Наймычкы» и апофезомъ материнства въ «Маріи» о томъ, какъ глубоко занималъ нашего поэта образъ матери... Всякій, кто вновь берется за эту тему, долженъ сознавать, что на него, какъ на Наполеона съ вершинъ пирамидъ египетскихъ, взираютъ много и много вѣковъ поэзіи. Впрочемъ, вѣщатели новой красоты вообще не отличаются робостью и не стѣсняются въ этомъ отношеніи. Метерлинку, напр., пришла въ голову странная, чтобы не сказать болѣе, мысль—«сдѣлать пьесу для театра маріонетокъ (!?) на манеръ Шекспира», и онъ дѣйствительно произвелъ, выражаясь менѣе почтительными словами Макса Нардау—«выборку изъ драмъ Шекспира для дѣтей или жителей Огненной Земли: изъ образовъ Шекспира понадѣланы роли для театра обезьянъ».

Нѣчто въ этомъ же родѣ, невообразимо-хаотическое, представляетъ собою и этюдъ г. Хоткевича «Berçeuse Chopin'a». Начинается онъ описаніемъ счастья молодой четы, соединившейся «не для гомону (!) и скалення (!) зубивъ дармоидныхъ», а подъ вліяніемъ «гармоніи душъ, що злылысь и доповнылы одна другу... безъ перевысшення, зъ чыстымъ почуттямъ». Трогательное изобра-

женіе г. Хоткевичемъ союза этихъ слившихся и дополнившихъ другъ друга душъ, своею слащавостью напомнило намъ—увы!—соотвѣтствующее мѣсто изъ блаженной памяти Карамзинской «Натальи, боярской дочери»; но есть и нѣчто новое, а именно:—«Запахомъ простыхъ квитокъ, подыхомъ витру въ розчынени двери обвіянымъ бувъ ихъ союзъ... тыхымъ подыхомъ весиннёго витру» (стр. 41). Заключивъ свой «запахъ простыхъ» квитковъ etc. (будемъ и мы такъ именовать ихъ союзъ), молодая чета жила настоящимъ, не зная, «якъ важко то—найкращу сёгодняшню хвылыну прызначаты на збильшення мынулого», что, какъ поясняетъ г. Хоткевичъ ниже,—«есть обкрадання души своеи, нивечення, мучытельство допытивъ надъ мицью чуття» (стр. 42). Мы не успѣли уяснить себѣ суть этихъ словъ г. Хоткевича, такъ какъ насъ ждетъ молодая мать. Вотъ она убаюкала своего первенца, съ любовью склонилась надъ колыбелью и изъ ея переполненной счастьемъ материнства груди вырывается горячая, по замыслу автора, но совершенно безсвязная, во многомъ противорѣчивая и неясная—по исполненію, молитва о будущности своего сына. Лѣвою рукою она качаетъ колыбель—«оруддя (sic), усипления (sic) спокою, ривнодушносты» (sic), что «увесь змыслъ (sic) и циль соби ставыть сонъ, станъ безъ рухивъ и завмерле життя» (стр. 49); правая же рука, не зная, что дѣлаетъ лѣвая, на рояли производитъ чудеса: «перлы розсыпалысь по схидцяхъ золотыхъ, тыхо бренилы и вухо ловыло той бренькитъ дорогоцинный» (стр. 15). Собственно говоря, картина задумана даже не дурно: противоположеніе въ желаніяхъ матери идейныхъ порывовъ, самоотверженія и любви («права рука») мелочному мѣщанству, находящему свое счастье въ усыпленіи, въ разсчетливо-эгоистическомъ пользованіи жизнью и въ заботахъ лишь о себѣ самомъ («лива рука») у истиннаго художника могло бы дать дѣйствительно замѣчательную картину. Но, Боже мой, какъ выполнена она у г. Хоткевича!.. Бодлеръ какъ-то въ шутку совѣтовалъ символистамъ подбрасывать кверху типографскій шрифтъ въ надеждѣ, что когда онъ упадетъ на бумагу—получатся стихи. Мы вовсе не шутя задаемся вопросомъ, не принялъ ли г. Хоткевичъ этого шутливаго совѣта въ серьезъ и не произвелъ ли

опыта съ подбрасываньемъ шрифта! «Berçeuse Chopin'a»—это настоящее «наводненіе словъ въ пустынѣ мысли», хаосъ неясныхъ образовъ, обрывковъ мыслей и безконечный потокъ словъ, словъ и словъ, набранныхъ совершенно случайно, механически, безъ всякой внутренней связи между собою. Оставляя въ сторонѣ безсвязныя, противорѣчивыя желанія изображенной г. Хоткевичемъ матери, которой можно сказать: «не вѣсте, чесо просите», мы отъ самаго художника вправѣ требовать, чтобы онъ зналъ, что дѣлаетъ, и по крайней мѣрѣ не смѣшивалъ на своей картинѣ красокъ до такой степени, что вмѣсто картины получается какое-то пестрое пятно, безъ очертаній и границъ. Но всуе предъявлять какія-нибудь требованія къ «владѣемому перомъ» г. Хоткевичу: наводненіе словъ увлекаетъ его въ пустыню мысли, онъ совершенно подпадаетъ власти этого неудержимаго потока празднословія, становится рабомъ его. Тутъ и какіе-то «духы небесни, всесыльни, могутни», къ которымъ авторъ обращается со странной мольбой—дать и намъ «крапелыны масла того, якымъ умащено ваше волосся» (стр. 52); и знойная пустычя съ арабомъ на конѣ, газелью и шакалами; и море съ кораллами, «барвными анемонами» и раковинами; и «куховарчынъ хлопчыкъ выбигъ, канальскый, на дощъ и тупотыть по калюжи ногамы» (53); и «скорботни янголы смырення», и «гномы кремезни», и просто «ехыдніи звири слипіи», неизвѣстно уже, къ какому зоологическому виду принадлежащіе; солнечное затменіе и какой-то «философъ зъ довгою сидою (sic) бородою»; эльфы, зефиры и феи и рядомъ съ ними—«вырлоока сова»; русалка, сладостно потягивающаяся «на (sic) променяхъ мисяця» и оглашающая воздухъ «безумствомъ кохання» и «холоднокровный пугачъ» и даже какія-то «билі-билі птыци», очень напоминающія классическихъ «бѣлыхъ павлиновъ» Метерлинка [1]), и многое, многое другое. Словомъ—

---

[1]) Приводимъ кстати цѣликомъ это замѣчательное произведеніе бельгійскаго декадента, носящее заглавіе «Скука»:—«Беззаботные павлины, бѣлые павлины улетѣли, бѣлые павлины улетѣли отъ скуки пробужденія; я вижу бѣлыхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ,

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны...

А надъ всей этой чепухой, излагаемой необыкновенно торжественнымъ тономъ и «высокимъ штилемъ» на десяткахъ страницъ, возносится трогательный по замыслу и каррикатурный по исполненію образъ матери, убаюкивающей своего первенца...

Остановимся еще немного на идейной сторонѣ этого произведенія. Молодая мать проситъ для своего сына, «щобъ вична краса голубыла ёго своимы дарамы..., щобъ въ душу ёго молодую внесла ранишне небо безъ хмаръ, безъ грому, безъ блыскавыць палючыхъ» (стр. 43); она ищетъ, «чымъ оточыты дытынство твое и якымъ муромъ обнесты (sic) малого видъ ривнодушныхъ вплывивъ, видъ нудьгы позихання» (46). Вмѣстѣ съ тѣмъ она желаетъ вдохнуть ему душу «вильную, вильную, якъ орелъ въ небесахъ, якъ витеръ по ривному поли, якъ хвыля морськая» (45), и научаетъ: «колы прыйде на тебе вся пошлисть (sic) и мерзота людськая, колы на тебе зъ безумствомъ оповчыться (sic) поработытель—ты гордо визьмы свій шматъ хлиба и пиды геть», раздѣли его съ «обирванымъ, бруднымъ и чорнымъ жебракомъ» (45—46), будь «чоловикомъ, готовымъ на всю саможертву, яку выгадалы люде на земли», для котораго—«немае подвыгивъ (sic) на свити, все доступно и просто, все справедлыво и натурально—вартъ тилькы взять и зробыть» (48). Что можетъ быть возвышеннѣе и прекраснѣе такой дѣятельности?—однако позволительно

павлиновъ, улетѣвшихъ во время сна, беззаботныхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ, безпечно долетѣвшихъ до пруда безъ солнца, павлиновъ скуки, безпечно ожидающихъ временъ безъ солнца» (переводъ г. Михайловскаго).

сомнѣваться, чтобы на это былъ способенъ человѣкъ, «мурами» огражденный отъ дѣйствительности, не испытавшій въ жизни своей «хмаръ, грому, блыскавыць палючыхъ». Растеніе, возросшее въ тепличной атмосферѣ, на всю жизнь остается вѣдь «тепличнымъ», слабымъ созданіемъ и пропадаетъ отъ перваго дуновенія холодныхъ вѣтровъ; точно также и орелъ, воспитанный въ клѣткѣ, никогда не бываетъ настоящимъ орломъ. Не для подвиговъ любви къ ближнему и самоотверженія приготовитъ человѣка такое воспитаніе,—а скорѣе для подвиговъ иного рода, иной любви. У г. Хоткевича есть мѣсто, изображающее, какъ подъ вліяніемъ сладострастной пѣсни русалки, «козакъ молодый то видъ шалу и болю ажъ у кручу стрыбае и лизе на дерево—все шукае, де спивъ той чудовный, де ота чаривныця зъ велыкымы очыма, зъ билымы лонямы и зъ рукамы, що обивьються, мовъ павутыння, кругомъ и задушать въ обіймахъ, а поцилуйокъ запалыть мозокъ и мыръ увесь переверне въ очахъ» (стр. 60). До идеальныхъ ли порывовъ человѣку, у котораго весь міръ перевертывается отъ одного поцѣлуя, и въ состояніи ли такой человѣкъ осчастливить «и всякую стричную душу людськую», какъ то обѣщаетъ г. Хоткевичъ молодой матери,—это мы узнаемъ изъ слѣдующаго произведенія г. Хоткевича, озаглавленнаго «Осинь»; въ немъ авторъ блистательно опровергаетъ созданную имъ же самимъ въ «Berçeuse Chopin'a» теорію тепличнаго воспитаанія, насколько ее можно обрѣсти въ пустынѣ мысли, проникающей названное произведеніе.

«Осинь» имѣетъ еще подзаголовокъ—«подилъ зъ романа що не истнуе»,—на нашъ взглядъ, совершенно невѣрный, такъ какъ если не романъ, то произведеніе, «подилъ» котораго составляетъ «Осинь», несомнѣнно существуетъ,—это «Berçeuse Chopin'a,» а герой «Осени»--тотъ первенецъ, надъ колыбелью котораго происходили упоминавшіяся выше чудеса. «Нищо, окримъ згукивъ, не доходыло у ту кимнату зъ зачыненымы дверыма, де бувъ винъ, сынъ едыный. Въ часъ обиду ёго клыкано трохы не зъ уклономъ, готовано найсмашнійши, найулюбленнійши стравы; винъ спыть—все ходыть навспынькы, все потыху гомоныть, не даючы згукивъ, губамы лыше перебираючы: винъ учыться—муха не сміе тоди литаты.

ложка не повынна упасты. На ёго потребы завжде булы гроши: треба кныжкы—осъ вона, останне выдання; хочеться въ театръ питы—билетъ завжде можна дистаты» и т. д. (стр. 67—68). Словомъ, огражденность «видъ чужыхъ ривнодушныхъ вплывивъ, видъ нудьгы позихання» полная, воспитаніе на рѣдкость тепличное. И вотъ этотъ кандидатъ на подвиги любви къ ближнему и самоотверженія, на закатѣ дней своихъ сидитъ и силится припомнить подвиги своей жизни. Натурально, что подвиговъ никакихъ не оказывается и «за довгый жыттевый шляхъ, за всё жыття немае чого прыгадаты»; единственнымъ свѣтлымъ лучемъ въ этой сплошной полосѣ мрака былъ моментъ. когда онъ «увесь свій завитный (sic), и дорогоцинный, святый скарбъ нисъ до свого сонечка, Катруси, кладучы ій до нижокъ увесь змистъ себѣ самого» (стр. 78). На этомъ и конецъ подвигамъ:—«сыды, остуженый холодомъ осены чоловикъ»,—такъ заканчиваетъ свою теорію тепличнаго воспитанія г. Хоткевичъ,—«дывысь погаслымы очыма на погасле вугилля, радій зъ выжытого (?) знання и думай—на вищо ты родывся?» (стр. 79). Стоило и огородъ городить, и теорію тепличнаго воспитанія придумывать, обѣщая еще въ колыбели сообщить «змыслъ (sic) надземнаго и вартисть ёго для насъ»—если въ концѣ концовъ приходится испытать единственно счастье, «кладучы *ій* до нижокъ увесь змистъ самого себе», а затѣмъ, задавать самому себѣ безплодные вопросы: «на вищо ты родывся?»

Изображенію единственнаго въ жизни счастливаго момента посвященъ вновь открытый или, лучше сказать, изобрѣтенный г. Хоткевичемъ родъ поэзіи—«иронія», подъ заголовкомъ «Романсъ». Впрочемъ, изъ данной «ироніи» только и можно почерпнуть, что новый родъ поэзіи воспѣваетъ радости и блаженство любовныхъ утѣхъ; въ подробностяхъ же это нѣчто такое, въ чемъ разобраться едва ли дано обыкновенному уму человѣческому, какъ извѣстно, по самой природѣ своей слабому и ограниченному. Достоинъ особаго вниманія символъ, которымъ заканчивается новый видъ поэзіи: безъ всякаго повода вдругъ «спалахнулы дуже-предуже курыльныци, дымъ запашный клубомъ ве-

лыкымъ погнався у-гору и другый за нымъ—а за нымъ, а за нымъ ще бильши и бильши клубы. Туманомъ геть заволоклы воны обшыръ, всю просторонь до найменшыхъ куткивъ наповнылы собою—и ничого не выдко було» (стр. 96—97). Именно—«ничого не выдко було»... Если это символическое изображеніе вновь открытаго г. Хоткевичемъ рода поэзіи, названнаго имъ почему-то ироніей, то оставаясь очень благодарными изобрѣтателю за расширеніе горизонтовъ искусства, читать ироній на будущее время не обѣщаемъ, смиренно признаваясь въ своемъ безсиліи постичь ихъ. Пусть это будетъ для избранныхъ, которые смогутъ лучше оцѣнить сокровенныя красоты новаго вида поэзіи.

Для избранныхъ же предоставляемъ и «Спокій духа и духъ спокою», то самое произведеніе, въ которомъ отъ лица «Духа» авторъ ставитъ знаменитый вопросъ: «що значыть усе зовнишне?» но поставивъ, такъ и не разрѣшаетъ его. Пожалуй, избраннымъ же уступимъ и «Билу березу», чудодѣйственную березу, которая по просьбѣ нѣкоего молодого человѣка «дала ёму панну: билу якъ лилію, тыху якъ маёвый ранокъ, и чысту якъ свитле, ясне сонце» (стр. 85). Изъ всего же сборника «Поезія въ прози» для себя оставимъ единственную «Поезію въ прози» въ тѣсномъ смыслѣ, занимающую всего одну страничку: эту маленькую и сравнительно безпретенціозную картинку можно пробѣжать не безъ удовольствія, и она является единственною, доступною обыкновеннымъ смертнымъ страницею во всемъ сборникѣ г. Хоткевича. Остальныя же 101 страницу—для избранныхъ. Но да не подумаетъ читатель, что мы съ легкимъ сердцемъ рѣшаемся на такое откровенное признаніе,—отнюдь нѣтъ, такъ какъ авторъ напередъ приготовилъ стрѣлы противъ несогласно мыслящихъ. Какъ навѣрное помнитъ еще читатель, герой «Портрета» Лоріо былъ сильно пораженъ исторіей Иды и, описывая его душевныя терзанія, авторъ уже отъ себя лично разражается вдругъ слѣдующей огненной тирадой: «О, вы, котри проживаете буднямы свята жыттеви! Вы, що не бачыте сіяння красы за мызерными турботамы дня, що просыпалы дывни восходы сонця, що пропывалы жаръ и трепетъ (sic) молодои души! И вы, сухи моралисты зъ мерт-

вымы тенденціямы на вустахъ, зъ дыханнямъ ривнодушья (sic), вбывае прекрасне. И вы, односторонни (sic) борци односторонníхъ идеаливъ, ти, що вмырають на жыттевому товкучому рынку (sic) пидъ ногамы товпы (sic)! И вси, вси, хто не лывъ слизъ въ самотыни у ночи, хто не умиравъ душею за кожный атомъ прекрасного, хто не пидіймавъ тужлывыхъ очей до таемнычъ небесныхъ—вы вси—вамъ не зрозумиты, якъ болила у нёго душа!» (стр. 16)... Каюсь въ своемъ великомъ прегрѣшеніи—я дѣйствительно «не умиравъ душею за кожный атомъ прекрасного», и «тужлывыхъ очей до таемнычъ небесныхъ» не поднималъ, и каждонощно подушки своей слезами также не орошалъ, и потому то, вѣроятно, «фантазіи» и «ироніи» г. Хоткевича и пролетаютъ мимо моего огрубѣвшаго сердца, ни мало не трогая его. Но сознаваясь въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ, я прошу читателя, въ виду вышеприведенной тирады, оцѣнить мое въ своемъ родѣ гражданское мужество, выразившееся въ готовности добровольно подставить себя подъ ядовитыя стрѣлы обличеній г. Хоткевича и въ нѣкоторомъ родѣ пострадать за истину. Одно лишь можетъ служить мнѣ утѣшеніемъ: не я первый попадаю въ подобное непріятное положеніе, ибо пріемъ, употребляемый въ одномъ мѣстѣ г. Хоткевичемъ далеко не отличается новизною: знаменитый исторіографъ россійскій Карамзинъ, разсказавъ достаточно невѣроятную исторію моментальнаго зарожденія взаимныхъ нѣжныхъ чувствъ въ боярской дочери Натальѣ и ея избранникѣ, довольно строгимъ тономъ прибавляетъ: «а кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однихъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру». Счастливою предусмотрительностью обладаютъ нѣкоторые писатели, объявляя заранѣе, что пишутъ для избранныхъ и подвергая остракизму сомнѣвающихся!.. [1]).

---

[1]) Впрочемъ это не единственный примѣръ предусмотрительности г. Хоткевича,—онъ по этой части не истощимъ. Въ драматическомъ этюдѣ «Чи потрібне» отъ лица какого-то деревяннаго манекена, долженствующаго изображать собою геніальнаго писателя и натуру въ

Не имѣя ни малѣйшихъ претензій принадлежать къ избранникамъ г. Хоткевича и, открыто въ этомъ сознаваясь съ принятіемъ на себя всѣхъ послѣдствій такого поступка, мы все таки не желаемъ разстаться съ г. Хоткевичемъ, не извлекши изъ его произведеній «трошкы философіі», нѣкоторыя части которой очень важны для опредѣленія его писательской физіономіи. Прежде всего г. Хоткевичъ чрезвычайно почтительно относится къ красотѣ, и хотя мы сильно сомнѣваемся, чтобы даже и онъ «умиравъ душею за кожный атомъ прекрасного»,—вѣдь никакой души человѣческой на это не станетъ,—но эпитетовъ для красоты онъ дѣйствительно не жалѣетъ. Читатель помнитъ, можетъ быть, что Лоріо собирался падать на колѣни предъ абстракціей красоты, несмотря на то, что абстракція, въ качествѣ таковой, въ выраженіи знаковъ почтенія не нуждается. Г. Хоткевичъ изображаетъ именно такую колѣнопреклоненную фигуру предъ словами: «краса» «прекрасне», сопровождая ихъ всякій разъ болѣе или менѣе сильными эпитетами: «геній чыстои красы», «твориння неземне, осіяне свитомъ богивъ», «неземна краса», «дывна статуя красы», «краса-небесна владыка», «вична краса», «сяло красою райське облыччя» и т. д. И при томъ же колѣнопреклоненіе совершается именно передъ словами, передъ абстрагированной, а не реальной красотой: всѣ опредѣленія красоты у г. Хоткевича выражены нѣсколько шаблонно, расплывчато и, можно сказать, безплотно, въ такихъ общихъ и блѣдныхъ фразахъ, что читатель совершенно равнодушно проходитъ мимо его трогательно колѣнопреклоненной фигуры, не раздѣляя авторскихъ чувствъ къ словесному фетишу красоты. Отмѣтимъ попутно, что въ качествѣ платоническаго по-

---

своемъ родѣ демоническую, высказываются, напр., слѣдующія мысли, обращенныя уже спеціально къ критикамъ: «А як над тим, що ти писавъ нервами і крівавицею твоею, насміються бездушні, холодні егоісти? А як те, на що ти молився, чим жив, оплюють і кинуть на посміховище, не зрозумівши, що творять? Тоді ж щó ти повинен почувати, бідний, безщасний поете? *Так проклени, проклени ж іх тоді з рода в род* проклятем ображеної правди, проклятем наруганого почутя» (Л.-Н. Вістник, 1902 г. кн. V, стр. 170). Страшно читатель!..

клонника и обожателя безплотной красоты г. Хоткевичъ чувствуетъ большое тяготѣніе къ обществу всякихъ безплотныхъ духовъ и держится съ ними совершенно за пани-брата, всуе поминая ихъ кстати и некстати чуть ли не на каждой страницѣ. Но это между прочимъ, такъ какъ насъ красота ждетъ. Вотъ какое, напр., наиболѣе обстоятельное опредѣленіе красоты находимъ въ «Портретѣ»: Ида «була красою, едынымъ зъ проявленъ (sic) тіеи *Вичнои Красы*, якій мы звыклы покланятысь зъ далекыхъ-далекыхъ викивъ. Вона всюды, *та* Краса: и въ шумахъ (sic) непробуднои тайгы, и въ брызкахъ срiблястыхъ водоспаду, и въ безличи зирокъ небесныхъ, и въ музыци, въ поезіи... Хиба колы мы слухаемо утвиръ музыкальный, мы дывуемось тому, що патлатый субъектъ якый-небудь ловко водыть кинськымъ волосомъ по баранихъ (sic) кышкахъ? Хиба передъ дывною картыною мы роздывляемося, якъ то зручно поклавъ чоловикъ цвитну (?) землю на тканыну? Ни, ни и тысячу разивъ—ни! Мы ловымо душею за посреднистю (sic) очей, слуху видгоминъ тіеи Вичнои Красы, котра йе альфою и омегою мыру. То--вись, биля якои вертыться (sic) вселенна» (стр. 13). «Вична Крса»... «альфа и омега»... «вись»...—какъ все это коротко и ясно, шаблонно, невыразительно и бѣдно содержаніемъ, и какъ все это отдаетъ «далекымы-далекымы викамы», когда подобныя фразы могли приводить въ умиленіе и сладостный трепетъ эстетическія сердца! Впрочемъ, не присутствуемъ ли мы и теперь при своего рода воскресеніи изъ мертвыхъ и поиски въ наше время новой красоты не являются ли признакомъ частичнаго возрожденія этихъ «давнихъ-давнимъ викивъ» и возвращенія нѣкоторой части человѣчества къ пережитымъ и въ архивъ сданнымъ идеаламъ давнопрошедшаго времени?...

Но оставимъ эстетикамъ доказывать, что земля и все на ней вокругъ красоты ходитъ; посмотримъ лучше на отношеніе г. Хоткевича къ намъ, людямъ, и нашимъ человѣческимъ дѣламъ и дѣлишкамъ. Какъ и слѣдовало ожидать, колѣнопреклоненный передъ абстракціей красоты г. Хоткевичъ къ людямъ оказывается очень строгимъ и преисполненнымъ самаго глубокаго презрѣнія, а относительно дѣлъ ихъ—непреклоннымъ пессимистомъ. Сущ-

ность представленій г. Хоткевича по этому вопросу можно вкратцѣ выразить такъ. Кромѣ Вѣчной Красоты, олицетворяемой преимущественно въ природѣ, и всевозможныхъ, большею частью прекрасныхъ духовъ, на землѣ существуетъ еще нѣкая скверная тварь, именуемая человѣкомъ, все назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы отравлять существованіе нѣкоторыхъ субъектовъ высшей организаціи. Происхожденіе этихъ послѣднихъ покрыто мракомъ неизвѣстности: они принадлежатъ не то къ той же человѣческой породѣ, не то къ «ангельськымъ истотамъ»—этотъ пунктъ у нашего автора выраженъ не совсѣмъ ясно. Впрочемъ, и самое пребываніе этихъ сомнительнаго происхожденія сверхчеловѣковъ среди обыкновенныхъ людей бываетъ кратковременнымъ, такъ какъ ихъ ждетъ высшее назначеніе. Промелькнувъ метеорами по сей юдоли плача и стенаній и получивъ отъ «пидлыхъ людей» предназначенную имъ для какихъ то высшихъ, намъ неизвѣстныхъ цѣлей, свою порцію страданій, они водворяются въ особыхъ, надо полагать, селеніяхъ праведныхъ:—«хиба *тутъ* мисце имъ, безсылымъ на земли и могутнымъ на пебесахъ»?—полуспрашиваетъ Лоріо на стр. 5, а на 11 получаетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: «имъ, такымъ твориннямъ, прызначене жыття не тутъ, а десь въ невидомыхъ намъ мырахъ». Что же касается обыкновенныхъ, земнородныхъ людей, то на основаніи отзывовъ о нихъ г. Хоткевича мы затрудняемся подобрать вполнѣ подходящій эпитетъ, но, кажется, названіе—«исчадія ада» не будетъ для нихъ слишкомъ сильнымъ. Окружающіе Иду—сплошь мерзавцы, «ныстожни (sic) и пидли люде», съ «сальными (?) вустамы» (стр. 7), съ «паганымы, чорнымы, вышкыренымы зубамы, съ кистлявымы пальцямы» (18); «ихъ смродне дыхання заражало (sic) атмосферу вже тоди, колы чоловикъ ще дытына, колы тилькы зверхня сыла (?) удержуе ёго видъ грихивъ проты прыроды (!)—и кожный зъ ныхъ, мовъ обовязокъ гнусный (sic) якый, щыро выповнявъ дило розпусты... О, подли люде! Воны розвратылы (sic) ангельську истоту, воны брудотою наповнылы безмятежный (sic) и дорогоцинный сосудъ, а потимъ, колы забачылы плидъ паскудныхъ трудивъ своихъ—о, тоди воны безстыдно сміялыся зъ неи, тоди воны

зъ огыдою плювалы ій въ лыце»! (стр. 9). «Вси воны, пидли, идуть, повзуть, пресмыкаються (sic) у слидъ за своимъ всесыльнымъ могутнымъ въ своій чорноти проводыремъ» (стр. 18). «Я знаю людей,—заявляетъ молодая мать изъ «Berçeuse Chopin'a».— Прыйдуть воны, смродни, зъ хвылёвымы потребамы, зъ убогымы, безсылымы душамы и прыгнобленымъ зоромъ (sic)—прыйдуть воны и научать, мого любого сына научать пидлоти своій. Колы винъ зъ пытаннямъ обернется до себе и постомъ моральнымъ (?) захоче провирыты себе, воны покажуть ёму въ цыфрахъ, що то абсурдъ психологичный, що то самовбывство. Колы винъ самъ наложыть на себе кайданы и пута, що геть женуть жывотный (sic) помыселъ (sic), що пидіймають духа въ высочинь недосяжну, воны зъ смихомъ роскрыють ёму гигіену и выщеценымы пальцямы покажуть ёму стричкы, напысани шлункомъ. На саможертву воны скажуть, що блыжче власна сорочка до тила, на помылку идейну, на виру воны глянуть зъ нерозумнымъ прызырствомъ и зневажлыво здвыгнуть плечыма, идучы въ ресторанъ. А колы винъ схоче подилытысь зъ нымы згукамы и заграты имъ слёзы и плачъ--воны зъ реготомъ нахабнымъ вырвуть у ёго зъ рукъ инструментъ або попросять заграты на ёму гопака... Зруйнують воны ёму цилисть души, зблызять далеки горизонты, научать шукаты досяжного и зневажать нездобуте, або ривнодушно видкладаты ёго у-бикъ, на завтра. Убьють, убьють пытання про вичне, наслидять чобитьмы на блыскучій, укрытій снигомъ ривныни, заглянуть мерзькымъ (sic) окомъ туды, де сонце само та Богъ повынни заглядаты» (стр. 46). Лоріо, безъ всякаго, повидимому, повода сообщаетъ товарищу: «и такъ мени, знаешъ, стыдно стане за себе, за насъ усихъ глупыхъ людей» (стр. 27); Ида не хочетъ дать Лоріо даже загробнаго прощенія—«за те, що... що я... тежъ чоловикъ» (стр. 29); «чоловикомъ» въ какомъ-то поносномъ смыслѣ оказывается и знакомый Лоріо художникъ (стр. 28). Строгъ, можно сказать, безъ послабленія, чрезмѣрно строгъ къ человѣку г. Хоткевичъ; для него въ этомъ словѣ воплощена вся мерзость, какая только существуетъ на свѣтѣ, и мы ни мало не будемъ удивлены, если узнаемъ когда-нибудь, что г. Хоткевичъ

употребляетъ его какъ ругательное по отношенію къ доставившимъ ему непріятность существамъ--«ахъ ты, молъ, человѣкъ эдакой»!.. Нѣтъ, серьезно говоря, грозныя іереміады и филиппики г. Хоткевича настолько наивны, не смотря на свой олимпійскій тонъ, что могутъ производить только комическое впечатлѣніе, достаточно будетъ лишь отмѣтить ихъ, но заниматься ихъ опроверженіемъ, разумѣется, не стоитъ.

Въ рѣшительномъ противорѣчіи съ такимъ отношеніемъ къ человѣку вообще стоитъ отношеніе г. Хоткевича къ «найпыжчымъ въ свити», удостоившимся почему то его симпатіи. Мать, научая сына: «гордо визьмы свій шматъ хлиба и пиды геть» отъ поработителя, прибавляетъ: «а зустринеться тоби обирваный и брудный и чорный жебракъ зъ блыскомъ голоду въ очахъ—виддай ёму хлибъ той, виддай, пе вагаючысь» (стр. 46). На «сути» (?) Духа», озабоченнаго вопросомъ--«що значыть усе зовнишне?»—огненными буквамы, и даже курсивомъ, написались слова: «прырівнятысь и духомъ (?) и тиломъ до найныжчыхъ на свити» (стр. 102). Изъ того, что г. Хоткевичъ и внѣшнимъ образомъ отмѣчаетъ эти слова, растягивая ихъ на три строчки и изображая курсивомъ, можно думать, что онъ придаетъ имъ особый смыслъ и значеніе; мало того, онъ знаетъ, что слова эти - правда, не совсѣмъ эти, скажемъ отъ себя,—«сталы гасломъ, любовью земного и дальшого истнування, зняли стосыльни тягари» (стр. 102) и, забывая свои грозныя іереміады по адресу научающихъ «шукаты досяжного», утверждаетъ, «що колы вже спустывся до потребы шукаты, то повыненъ шукаты тилькы на земли» (стр. 100). Мы не можемъ съ точностью объяснить, что значитъ указанное противорѣчіе, но сопоставляя эти одиноко стоящія слова, въ которыхъ проповѣдуется самопожертвованіе и любовь къ «найныжчымъ на свити», съ тѣми взрывамы человѣконенавистничества, которыми полны страницы «Поезіи въ прози», приходимъ къ тому заключенію, что г. Хоткевичъ, въ качествѣ человѣка колѣнопреклоненнаго именно передъ словами, какъ передъ фетишемъ, и не брезгающаго никакой показавшейся ему удачной фразой, разъ она подвернулась случайно подъ перо, прихватилъ ихъ только мимо-

ходомъ, не заботясь объ ихъ смыслѣ и согласованіи съ другими мѣстами своей книги.

Обитатели земли, какъ мы видѣли по философіи г. Хоткевича, распадаются на два неравныхъ по численности лагеря. Назначеніе одного, къ которому принадлежитъ громадное большинство, состоящее изъ «темныхъ» «глупыхъ», «пидлыхъ», «розпустныхъ», «вонючыхъ» (всѣ эти эпитеты принадлежатъ г. Хоткевичу) и т. п. людей,—совершать всяческія мерзости и отравлять жизнь «ангельськымъ истотамъ»; назначеніе этихъ послѣднихъ, составляющихъ другой лагерь немногихъ избранниковъ,—терпѣть всякія мерзости отъ первыхъ, но прежде всего и, главнымъ образомъ, предаваться сладостнымъ утѣхамъ любви. Слово «кохання» г. Хоткевичъ склоняетъ съ необыкновеннымъ жаромъ на протяженіи всей своей книги. Отмѣтимъ кстати характерную подробность, что собесѣдницѣ студента Лоріо кажется полнымъ «велыкого змыслу» нѣкоторое, довольно въ сущности гнусное, предложеніе одного изъ поклонниковъ Иды (стр. 11),—какого «змыслу» и при томъ еще «велыкого»—г. Хоткевичъ въ данномъ мѣстѣ не объясняетъ, но вся его книга въ цѣломъ проливаетъ свѣтъ на этотъ таинственный «змыслъ»: половая любовь, «кохання», должно быть въ качествѣ одного изъ проявленій Вѣчной Красоты, служитъ также фетишемъ для г. Хоткевича. Нѣкоторыя изъ его мыслей по этому поводу мы уже приводили раньше и знаемъ, что высшій смыслъ жизни—это, говоря словами героя «Осени» «помистытысь биля *іи* нижокъ», складывая тамъ «увесь змистъ самого себе». Это достаточно выразительно сказано и, чтобы не растягивать безъ нужды изложенія, мы упомянемъ только, что о чемъ бы ни началъ говорить г. Хоткевичъ, въ концѣ концовъ рѣчь сведется на любовь. На этомъ основаніи позволяемъ себѣ высказать одну догадку: не кроется ли именно здѣсь символистическій отвѣтъ на заинтересовавшій было насъ вопросъ—«що значыть уже зовнишне», а только авторъ, чтобы не лишить читателя тѣхъ $^3/_4$ (съ математическою точностью: именно $^3/_4$,—ни больше, ни меньше!)

эстетическаго наслажденія, о которыхъ говоритъ Стефанъ Малларме, не пожелалъ отвѣтить на вопросъ прямо?

Было бы очень любопытно узнать, какъ относится г. Хоткевичъ къ другимъ проявленіямъ человѣческаго духа,—къ наукѣ, напр., къ общественнымъ теченіямъ и т. п.; но онъ, занятый болѣе высокими матеріями, не удостаиваетъ своимъ вниманіемъ эти, должно быть, на его взглядъ пустячныя и вниманія нестоющія вещи. По крайней мѣрѣ, что касается въ частности науки, то мимоходомъ мы узнаемъ, что она въ чемъ-то провинилась передъ г. Хоткевичемъ. Выше мы читали іереміады по адресу, кажется, статистики и гигіены, а то вотъ еще узнаемъ, что таинственный «философъ зъ довгою сидою (sic) бородою», наблюдая невидимкою чтеніе дѣтей, «въ тому дывному (?) еднанни, въ тій науци не шляхомъ знання, а любовью (?) находывъ велыкый змыслъ, якого не бачывъ доси у своихъ фоліантахъ и у своихъ захытанныхъ авторитетивъ» (стр. 58). Можно лишь пожалѣть, что г. Хоткевичъ не объяснился обстоятельнѣе, чѣмъ именно прогнѣвила его наука, но и изъ приведенныхъ нами словъ ясно сквозитъ его презрительное отношеніе къ наукѣ «шляхомъ знання».

Итакъ—доходящее до фетишизма преклоненіе предъ красотой, даже идеей, абстракціей красоты, общеніе съ безплотными духами, упоеніе любовью и презрѣніе къ человѣку, его жизни и дѣламъ—вотъ чему научились мы изъ произведеній г. Хоткевича. Конечно, это мы не отъ него перваго узнали: и раньше были въ этомъ родѣ витіи, да и витійствованія ихъ куда погромче легкомысленнаго и не всегда вразумительнаго перепархиванія съ вѣтки на вѣтку г. Хоткевича. Но если въ содержаніи его произведеній не только ничего нѣтъ цѣннаго, а напротивъ черезчуръ много ненужнаго, смѣшного и наивнаго, то можетъ быть форма ихъ отличается какими-нибудь особенными красотами, придающими имъ литературное значеніе? – вѣдь форма для новаго направленія гораздо важнѣе содержанія и часто ради формы пѣвцы новой красоты жертвуютъ смысломъ своихъ произведеній. Г. Хоткевичъ тщится, но—увы!—изъ его тщаній не то особой, а и просто никакой красоты не получается, зато безобразія и въ этомъ отношеніи до-

статочно. Первое условіе для совершенства формы—умѣнье мастерски владѣть языкомъ, всѣми тончайшими изгибами его, какъ, вѣроятно, уже замѣтилъ и читатель изъ приводимыхъ нами въ изобиліи выписокъ, совершенно отсутствуетъ у г. Хоткевича. Стиль его удивительно неряшливъ, тяжелъ и грубъ, отличаясь въ тоже время въ превосходной степени напыщенностью и дѣланностью,—ужъ подлинно словечка въ простотѣ не скажетъ; обороты искусственны, пониманье духа языка не развито до такой степени, что онъ, ничтоже сумняшеся, употребляетъ совершенно несвойственныя украинскому языку формы (напр., причастія на *чый* и *шый*) и синтаксисъ; запасъ словъ, очевидно, очень ограниченъ и недостатокъ ихъ восполняется или, чаще, заимствованіями изъ русскаго языка [1]), или же изготовленными въ собственной лабораторіи [2]). Ошибками противъ языка буквально пестрятъ страницы «Поезіи въ прози»; авторъ, говоря фигурально, бредетъ ощупью, запутываясь, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу. Образы и сравненія натянуты, рискованы и не типичны; здѣсь мы находимъ, напр., такія выраженія: «*статуя, зиткана зъ слизъ* першого кохання, *зъ мрій* постовыхъ *та зъ* чудовыхъ *писенъ* соловья», «*роскишно-круглый* мисяць», «зирка зъ небесъ покотылась *и та навить загучала*», «нудьга позихання», «*широкый змахъ духовного* (sic) *зору* й литання», «*ничъ повная свиту безсонного*», «промени *жгучо-холодни*», «*кольоры* дывни *середъ згукивъ*, «станъ гнувся и віявся *видъ запаху* квитокъ», «задзвенилы росы, трава заспивала», «лысткы, мовъ велыки темни метелыкы»—образъ должно быть заимствованный у г. Кобылян-

---

[1]) Приводимъ нѣсколько примѣровъ: «факты *милкого* торговельного *гостроумства*», съ трудомъ, мыръ (по-украински—свитъ), ныстожный, переступленія, родытели, вуголъ, розвратыты, безмятежный. *за посереднистю* очей, скука, пощочына, змыслъ, знойный, сергы, задня мысль, ругань, олыцетворення, розсудокъ, ставни, пошлый, роздыраючымъ душу голосомъ, пидпилля, чешуя и т. п. до безконечости.

[2]) Хлибный магазынъ=булочная, шалъ, свій величъ, чарный, розруй, бувальци=прыгоды, послидъ=послѣдствіе, зовнишній, годи було *догадатысь о головни симпатіи володильця* и т. п и. т. п.

ской; садъ почему то сравнивается съ пиратомъ, плющъ—съ мыслію, руки—«дви зміи *зъ серебрыстою чешуею*» и т. п.

Нечего поэтому и говорить, что форма произведеній г. Хоткевича не только не искупаетъ нелѣпостей содержанія, но еще больше подчеркиваетъ ее и что поэтому никакой поэзіи въ прозѣ г. Хоткевича, собственно говоря, и не оказывается, если не считать исполняющею должность таковой ту массу цвѣтовъ, которая разсыпана въ текстѣ. Чтеніе книги, наполненной всѣми указанными вольными и невольными промахами противъ языка, помимо уже скудости мысли, способно вызвать у серьезнаго читателя—воспользуемся умѣстнымъ въ данномъ случаѣ выраженіемъ, самого г. Хоткевича—одну лишь«нудьгу позихання» и только по необходимости,—нужно же показать, что въ самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя «новая красота»,—мы произвели эту, по совѣсти сказать, не легкую и не окупающую затраченныхъ усилій работу.

Но, разставаясь съ г. Хоткевичемъ, мы позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе, больше впрочемъ формальнаго свойства. Какъ видно изъ предыдущаго, украинская литература чрезъ «Поезію въ прози» г. Хоткевича не пріобрѣла себѣ сокровища нетлѣннаго. Авторъ относительно этого, немного щекотливаго для него, вопроса держится, повидимому, другого мнѣнія: онъ все боится, какъ бы кто его сокровища не похитилъ и, какъ человѣкъ предусмотрительный, спѣшитъ принять мѣры для огражденія себя отъ похитителей, при чемъ на этотъ разъ превзошелъ самого себя въ предусмотрительности. На обложкѣ книжки г. Хоткевича красуется заявленіе, что «переводы на великорусскій языкъ авторомъ не разрѣшаются». Вотъ, что называется, поступать рѣшительно. Еще вѣдь неизвѣстно, соблазнится ли кто изъ «великороссовъ» твореніями г. Хоткевича, а онъ уже караулъ кричитъ—грабятъ, молъ! Мы готовы бы непритворно залюбоваться великолѣпной фигурой человѣка, въ оборонительной позѣ стоящаго надъ сокровищемъ, на которое покамѣстъ никто и не собирается покушаться, если бы печальная необходимость не заставила насъ разочаровать ревниваго обладателя сокровища. Дѣло въ томъ, что г. Хот-

кевичъ можетъ быть ограбленъ на самомъ наизаконнѣйшемъ основаніи, ибо по россійскому литературному законодательству авторское право на переводы принадлежитъ не автору, а переводчику, и въ одинъ прекрасный мигъ г. Хоткевичъ можетъ увидѣть себя до ниточки ограбленнымъ и лишеннымъ даже средствъ законной защиты. Впрочемъ, въ интересахъ самихъ предполагаемыхъ грабителей мы посовѣтывали бы имъ вспомнить восьмую и десятую заповѣди и не посягать на сокровище г. Хоткевича. Но не на курьезной сторонѣ поступка г. Хоткевича мы желаемъ остановиться,—мы не стали бы и упоминать о немъ, если бы дѣло только курьезомъ и ограничивалось; къ сожалѣнію здѣсь есть другая, болѣе важная, сторона и ужъ во всякомъ случаѣ не комическая: Мы не знаемъ мотивовъ, по которымъ г. Хоткевичъ счелъ нужнымъ обнародовать свое запрещеніе, но изъ его редакціи можно заключить, что онъ не противъ переводовъ вообще, а исключительно только противъ переводовъ на «великорусскій языкъ». Въ такомъ видѣ запрещеніе является крайне безтактнымъ и пріобрѣтаетъ характеръ непонятной демонстраціи и незаслуженнаго вызова, брошеннаго авторомъ всей русской литературѣ. Конечно, отношеніе между великой русской литературой и микроскопически-малымъ г. Хоткевичемъ можетъ быть наглядно представлено въ видѣ отношенія между персонажами извѣстной басни «Слонъ и Моська»: слонъ себѣ «идетъ впередъ и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ»,—этими словами басни и исчерпываются результаты шовинистической выходки г. Хоткевича, но не въ результатахъ здѣсь дѣло. Если украинской литературѣ, волею судебъ, приходится переживать черные дни, то великая и свободная, по выраженію Тургенева, русская литература въ ея цѣломъ тутъ совершенно не при чемъ, и сваливать наши счеты съ больной головы на здоровую едва ли удобно и тактично. Безтактнымъ поступокъ г. Хоткевича является и въ другомъ отношеніи: всѣ мы, и читатели и писатели украинскіе, такъ много обязаны лучшимъ представителямъ русской литературы и мысли въ идейномъ отношеніи, что можемъ питать лишь добрыя чувства къ нимъ за то наслажденіе

или знанія, которыя почерпали изъ ихъ произведеній. А если и встрѣчается—и, къ сожалѣнію, не рѣдко,—необходимость протеста противъ нѣкоторыхъ частныхъ теченій въ русской ли или въ иной какой литературѣ, то нужно избирать болѣе достойную и дѣйствительную форму протеста, чѣмъ изображеніе въ лицахъ басни «Слонъ и Моська».

Сергій Ефремовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ПРЫГОДА.

Казка.

(Т. Г. Шевченку) [1].

Доводыте вы мени, що про чорта тилькы пославка, а нихто того чорта зъ роду не бачывъ? Не ручиться, заждить трохы,— бо *я* его бачывъ. Эге жъ! Бачывъ на свои власни очи, отсе якъ васъ бачу.

---

[1]) Помѣщая на страницахъ нашего журнала настоящую сказку г-жи Марко-Вовчокъ, полагаемъ, что читателямъ небезынтересно будетъ знать, почему авторъ обратился къ обработкѣ сказочнаго сюжета. Разсказываемъ со словъ самого автора, позволившаго намъ сдѣлать это небольшое предисловіе къ сказкѣ.

Въ маѣ 1859 или 1860 г., передъ выѣздомъ г-жи Марко-Вовчокъ за границу, Т. Г. Шевченко завѣщалъ автору непремѣнно заняться обработкой сказокъ. «Гляды жъ, доню,—просилъ поэтъ его,— щобъ ты мени напысала копу-дви, або пьять, а то й симъ кипъ казокъ»... Выполняя волю поэта и данное ему слово, г-жа Марко-Вовчокъ обработала нѣсколько народныхъ сказокъ. Настоящая сказка и есть, именно, одна изъ тѣхъ, которыя были написаны по завѣщанію поэта. Передавая ее въ редакцію нашего журнала, г-жа Марко-Вовчокъ дала любезное обѣщаніе и на будущее время дѣлиться съ читателями имѣющимся у нея матеріаломъ по мѣрѣ обработки его.

Ред.

Не йимете виры? Може думаете: поязычывся Свырыдъ Костомаха! Колы така ваша, братикы, думка, то дуже вы помыляетесь. Що й казать, на божому свити усёго досхочу—не бракуе тежъ и молодцивъ-брехунцивъ, що збрехаты имъ за превелыки ласощи, а забожытысь—якъ Сирку муху зйисты. Знавъ и я такыхъ, що въ жывіи очи тоби бреше, якъ шовкомъ шые—хочъ бы моргнувъ вражый сынъ! Та Свырыдъ Костомаха не того тиста кнышъ. Мій батько—хай надъ нымъ земля перомъ!—не брехавъ и сынови не звеливъ. Та й скажить мени, будь ласка, яке тамъ добро зъ тіеи брехни? Чувалы може й вы, що брехнею свитъ перейдешъ, та назадъ не вернешся. А йды правдою, то скризь тоби шляшокъ бытый—чы тудою, чы сюдою, чы на схидъ сонця, чы на захидъ.—Я, щобъ вы зналы, провидавъ того свита—бувъ, якъ то кажуть, у бувальцяхъ. Чого то я не чувъ, чого то я не бачывъ? Чого не траплялось, чого не доводылось! Й не сказаты, й не змалёваты! Що вамъ отсе въ дывовыжу, то мени въ обйдень, що вамъ чудно та дывно, то мени воно такъ, якъ въ борщи сало, або у литечку травыця, а на водохрещи морозъ.—Прымиромъ кажучы, якъ бы вамъ той чортъ постричався, то у васъ зъ переляку, мабить, очкуръ бы луснувъ, а я стривъ, то мени й за ухомъ не засвербило: чортяка, то нехай и чортяка, страшный, то нехай и страшный... Не въ такому горщыку наварювалы, та дякуваты Богу—ошамненько выйидалы.

Эге жъ, бачывъ я его добре—не назиркомъ, а такъ, якъ отсю чарку, що передо мною. Якъ бы прымигъ малёваты, то намалювавъ бы вамъ и рижка, и копытце.

Щобъ то мени его не розгледиты попличъ зъ нымъ сыдючы, та слухаючы, якъ винъ на свое лыхо нарикае... И добре я его бачывъ, и дизнавъ, яка ёму сталася прыгода. Може бъ ёму й раду давъ, якъ бы не дурна его голова.

Та, мабить, никуды вже дитысь, треба усе, зъ зачала и доладу вамъ росказаты. Слухайте жъ, якъ було дило.

Може чулы вы, якъ позаторикъ весною я, у недилю вранци опынывсь въ провалли по-пидъ греблею?

Пидъ тую недилю я прысмеркомъ гулявъ коло своеи хаты. Гапка, бачте, заходылась хату билыты, та «не лизь», каже, «по пидъ рукы, гуляй оттутечкы, покы впораюсь». Я й гулявъ. Оттака гулянка, та ще якъ чоловикови на думку яка-небудь прыкрость навертается, не розважае. Покружывъ я, покружывъ коло хаты, та й натрапывъ на стежку до гребли: одвидаю кумъ Демка Пелыпаса.

Гапка, мабить, плескала вамъ, нибы я нышкомъ втикъ, такъ се іи жиноча брехенька. Звисно жинка: якъ нема чого ій треба, то выдума та й каже: ось воно йе! И не втикавъ я, и, якъ вона клыкала, не вдававъ глухого, а побрався соби спокійненько.

Сонечко вже запало за гору, ричка ледви блыскоче, віе весняный благый витрэць, а я иду, та думаю, чы дома кумъ Демко, чы може подався до дядыны. У дядыны булы колеса на спродажъ и хвалывсь Демко, роздывлюсь, мовлявъ и якъ вподобаю, та буде поцинно, то треба неодминне ти колеса купыты.

Кумъ Демко—хай царствуе—бувъ мій давній, трохы не зъ повыточку, прыятель, то винъ до мене, а я до ёго й на пораду й на розвагу. Прыхожу. Кумъ дома—радъ, витае: «а, Свырыде друже!» Витае й кумова жинка—витае, а кирпонька въ гору. Не конешне вона влюбляла, якъ до чоловика трапытся гисть: такій чепуруси въ жадибку попащыкувать, та побарашкувать, а поважна розмова ій смакуе, якъ кошеняти редька.

— А чувъ, Свырыде,—каже Демко,—що у Глушка коней выкралы? Та не въ ночи, а вранци... А ты, Одарко—господыне, (до жинкы то) чого стоишъ, якъ малёвана? Ворушысь, та справляйся, бо пославъ намъ Богъ любого гостя и треба ёго гарненько почастуваты. Чуешъ?

— Та чую жъ, чую,—одвертае.

Заразъ заходылась опоряджаты стола, застилае скатеркою, становыть чарочкы... Може й нерада, та мусыть, бо хочъ Демко бувъ плохенькый, жиночымъ вытребенькамъ потуравъ, й жинка у ёго въ хати верховодыла, а проте, якъ прыпаде прыятеля почастувать, то литай якъ муха, колы не хочешъ щобъ тоби очипокъ злетивъ.

А Демко зновъ до мене:

— Чы жъ не дыво: ще по свитанню той бидолаха Глушко бачывъ, стоялы кони, а зійшло сонечко...

— Де тамъ винъ ихъ бачывъ, якъ звечора до самого ранку пидъ коморою безпрытомный лежавъ!—озвалась Демчыха. Не пывъ бы горилкы, не проворонывъ бы коней!

— Отсе жиночый розумъ!—сміется Демко:—наче бъ то у тверезыхъ коней не крадено! Хыба у тверезыхъ шкоды не бува... Эге—ге! абы здорова на плечахъ голова! Хто ёго й зна, въ кого бильшъ шкоды лучается, чы у пьяныхъ, чы у тверезыхъ...

— Ни, куме,—кажу,—що правда, то правда: горилка до добра не доведе!

(А самъ поглядаю на Демчыху).

— А вже жъ не доведе,—згожуется Демко. Треба, бачъ, миру знаты.

— Эге жъ, миру!—почала, наче бъ то кепкуючы, Демчыха.

Та не доказала, бо Демко вже доставъ царягрядку—така була въ ёго не зъ малыхъ пляшечка жбанкомъ,—одъ якогось турчына чы що соби прыдбавъ—й дае ій у рукы: «оковытои мени, та хутенько!»

Вона метнулась до шынку, а мы, дожыдаючы, зновъ дывуемо, та миркуемо, звидкы навернулысь ти сквапни молодци, що Глушковыхъ коней запопалы.

Колы ось и Демчыха зъ оковытою...

— Ой, жинко,—стрича Демко,—тебе бъ по смерть посылать, тобъ нажывся чоловикъ...

— А мени здается, що госпося наче на крылахъ обернулась,—кажу.

(Не те що всмихнулась—й не поглянула на мене).

А Демко бере пляшку и частуе мене:

— Выпьемо, куме, по повній, бо нашъ викъ недовгый?

Я, бачыте, не дуже ласый на ту горилку, то трохы й осталось у мене въ чарци, а Демко заразъ пидповня:

— Пый, куме, до дна, бо на дни молодыи дни!

Никуды дитысь, выпываю, бо якъ тебе частують, то треба жъ не по-песьскы, а по-чесьскы... Выпываю, а про те такы доважу, що та горилка—невирна дивка.

— А невирна,—зновъ згожуется Демко.

Та до жинкы:

— Не покоштуешъ, Одарцю?—Добра!

— Дякуваты!—одвертае.

Сила оддаликъ, рукы склала, сыдыть нерухома, та пасе насъ очыма... Ажъ мени ніяково...

А кумови байдуже,—одну выпывае, другу налывае...

— Не покоштуешъ, Одарцю? То Богъ зъ тобою, серденятко. Пишла, якъ то кажуть, баба пишкы, не буде замишкы... До тебе, Свырыде...

А тымъ часомъ розмова точытся, та точытся. Обмиркувалы Глушкову шкоду, згадалы, якъ торикъ у ярмарку баба скочыла на чужый визъ та за Бугъ утикала—запопалы іи ажъ по тимъ боци на березі...

И каже Демко:

— А славно тамъ по-за Бугомъ! Якъ бы то спроможнисть! Якъ бы то кудою схотивъ, тудою й полетивъ! Давно бъ я по-за Бугомъ гулявъ. Неспроможнисть гиркая! А такы я за Бугъ выберусь!

Треба вамъ знаты, що кумъ Демко, абы запорошывъ трохы око, заразъ ладытся у мандривку. Памъятаючы таке, я зъ нымъ дуже и не змагаюсь, а тилькы звычайненько нибы пытаю:

— Чы ты брыдышъ, куме? Отсе бъ ты мавъ кыдаты жинку, хазяйствечко?

— А на биса мени та жинка?—одказуе. На биса те хазяйствечко? Одна морока!

Тутъ Демчыху, мабить, допекло до щырця, бо ажъ засычала:

— А вже жъ! на биса жинка... Якъ винъ розумный, то й самъ потягне за Бугъ, а якъ ще забере зъ собою кума Свырыда, то буде така пара, що й по-за Бугъ не стыдко!

(Се такъ на мене закыда гадючку, а я... наче мени не втямкы).

— Що мени той Бугъ?—правыть Демко. Хыба въ Бога одынъ Бугъ? Зъ-за Буга я й дали... кудою схочу, тудою й потягну... Эге, Свырыде?

— Тягнить, тягнить на здоровье!—глузуе Демчыха. Абы Гапка не потягнула когось на росправу...

(Зновъ гадючку на мене закыда, а я зновъ нибы мени не втямкы).

А Демко вже захожуется ажъ у Палестыны.

— Чувъ я, каже, за тыи Палестыны. Отсе жъ до тыхъ Палестынивъ и посуну́!

И що ёму мицнійшъ у голову уступае, то винъ дали посува. Вже й по-за тыи Палестыны—хвалытся—втопчу стежку, а зъ-за Палестынивъ...

— Може й пидъ лаву, поручъ зъ кумомъ Свырыдомъ?—перехоплюе Демчыха.

— (А Свырыдъ такы тебе не зачепыть, гаспыдова дочко!—думаю). Й наче не чувъ, озываюсь до Демка:

— Якъ на мене, куме, то я бъ зроду не залышывъ своеи господы...

— У Палестыны!—правыть, у Палестыны! И геть-геть за Палестыны!

Въ голови ёму вже добре бреныть... Частуе: до тебе, куме, до тебе, Свырыде! а усе самъ спожыва... А дали, що було остатне у пляшци, выжлуктавъ безъ чаркы, нахыльцемъ... И не вгава: у Палестыны! у Палестыны!

Мени ажъ брыдко стало...

— Яки тамъ, куме, Палестыны,—кажу. Нащо воны намъ здалысь?

— Отсе жъ несогласный Свырыдъ у Палестыны,—зновъ въязуется Демчыха.—Въ Свырыда така думка, щобъ найпершъ Панамарчука одвидать...

(Себъ то шынкаря—тоди у шынку сыдивъ Панамарчукъ Петро).

Я знов нибы не чую, а вона такы цокотыть:

— Несогласный Свырыдъ у Палестыны, несогласный... Поведе тебе до Панамарчука... не пустыть до Палестынивъ...

А Демко якъ гримне:

— Не пустыть?! Хто не пустыть?

Трохы прыпекло вже й мени.

— Годи вже, куме, зъ тымы Палестынамы!—кажу. Чы жъ прыпада добрымъ хазяйнамъ по свити блукаты? Нехай дурни по дорогахъ тыняются, а доброму, довожу, хазяину не блукать, а прыдбать...

А винъ на мене:

— Зась!

— Якъ то, пытаю, зась?

— Зась! зась!—репетуе. Не дамъ у кашу соби дмухать!

— Таке?—кажу.

— А мабить «таке»!—сміется Демчыха.

Зубы блыскотять, зъ очей ажъ искра скаче... Рада иродова дочка! Одкынула двери, держыть на стежи, та прымовляе:

— Ой, Свырыде, не барится, та до дому поспишайтесь! Чы забулы, що Гапка у ярмарку новый соби макогинъ купыла, та такый якъ зъ зализа... И коцюба въ іи справна... Ой, не барится...

А Демко такы не вгава:

— Зась! зась! не дамъ соби въ кашу дмухать!

Хоче знятысь зъ лавы, та не сыла—наче прыкыпивъ... А Демчыха ажъ танцюе:

— Берится до-дому, Свырыде, берится до-дому! Ой, берится, бо макогинъ у Гапкы срибный, а коцюба золота́...

Горобець маленькый, а сердечко мае... И не те що горобець, и святый часомъ скрывытся... Надозолыла мени катова дзундзурыха.

— А пожды, кажу, дамъ я тоби й макогона, и коцюбы!

Та впростъ до неи...

А вона скокъ до дверей, та зъ хаты... Я за нею, та якось трохы зачепывсь на порози,—бо до ката було тамъ въ неи уся-

чыны понастановлено,—а вона въ мене по-пидъ рукою дзыгъ зновъ у хату, та на дзыгу шторхъ мене у плечи, та хатніи двери за собою на защипку... Я й не схаменувсь, якъ выпхався...

Постоявъ, постоявъ, полапавъ трохы двери--двери въ ихъ славныи, дубовыи—та й повернувъ на греблю: хай тоби рыба й озеро!

Иду та гадаю: на що то Господь мылосердный натворывъ отсю жиноту? На що вона здалася? Тилькы спокушае доброго чоловика, та свитъ ёму завъязуе!

Ось и гребля. А зоряно такъ, що, здается, зорямы въ вичи сыпле. Колы зиркъ: *винъ* сыдыть, саме де вирва, та такый невеселый, наче вси шляхы загубывъ. У воду дывытся.

— А що, кажу, бисыку, чого се такенькы зажурывся?

Зитхае важенько.

Пытаю: гирко, бисыку?

— И—и!—одказуе.

Та й посуваеться трохы, нибы навдогадъ: «сидай коло мене». А що, думаю, сяду я, посыджу, бо такы добре спизнывся, а дома Гапка дожыдае... Выглядала-выглядала, а дали вже годи... Сыдыть на лавци, очи втопыла въ землю й кыпыть... Тыхесенько потягну я двери... Га! чого се такъ раненько вертаешся, господарю? Чому ще хочъ трохы не погулявъ? Та якъ визьмется зъ мене воду варыть, то варытыме, варытыме... Пизно прыйду—не помылуе й ранишъ прыйду не помылуе, то нехай вже прыйду пизно.

Сивъ я коло ёго. Посыдилы. Винъ усе дывытся у воду, а я дывлюсь на ёго. И такый винъ, сиромаха, смутненькый. Скорчывся, зморщывся, ажъ рижкы нибы прывъялы,—у такій скруси, що мени жалько стало. А до того щей цикавый я, що то ёго, бисыка, такенькы сыльне зажурыло. И зновъ пытаю:

— Гирко, бисыку?

А винъ зновъ:

— И—и—и!

— А хыба вы вчора народылысь,—кажу,—не знаете, що на свити бильшъ смутку, якъ радосты... Не зъ васъ воно нача-

лося, не вамы воно й скинчытся... А вы такы не вдавайтесь въ тугу, кыньте лыхомъ объ землю. Журба сорочкы не дае. Не все жъ и хмарытся та сонечко заступа—колысь и выяснытся.

— Не выяснытся!—каже.

— Чому такъ? Нема, довожу, не переходячого на божому свити, нема повсичасного, навичного—або перейде, або прывыкнешъ. Онъ, славлють, що якъ обсвидчутся, то жывуть и въ самому пекли, хочъ у кыпъячій смоли не велыка прыдоба.

— Що те ваше пекло!—сумуе. Що та ваша кыпъяча смола! Жарты...

Та зитха такъ, що стари высоченни вербы до земли на гребли похыляются.

— Якъ пидкладаты угилля, кажу, та пиджарюваты, то, може, воно й жартушкы, а якъ у смоли кыпиты, то вже не играшка.

— Та ваша пекельна смола—ласощи. Я не въ такій кыплю одъ вечора до ранку, одъ ранку до вечора! Га!

Та якъ гакне, то ажъ зори на неби заворушылысь.

А я ёму:

— Паньічъ вы, бачу, и чы не панычивськы у васъ прымхы? Траплялысь мени таки, що пучку на тернынку поколе та й реве до Бога, яке ёго страшенне лыхо спостыгло. Колы така ваша напасть, я безъ знахаря ликы знаю.

Ажъ пидскочывъ:

— Яки?

— А ось яки: забрать бы васъ на роботу, на щыру крестьянську, щобъ вы й попооралы и попоборонылы, а до того попобидкувалыся, що ничымъ засіяты, та пишлы, горуючы, до дому, а въ дома ничымъ голодну душу пожывыты...

Махнувъ лапкою, нибы: «никчемни твои ликы!» Та й буркнувъ:

— И не такои вона мени завдавала!

Наче мене у тимья стукнуло: «вона!»

— Що жъ то за «вона»?—пытаю.

— Жинка. За жинкою пропадаю!—прызнается.

Эге! се вже не перелывкы! Згадалося, знаете, яка та силь въ оци. ти жинкы...

— Жинка? —перепытую.

— Не любыть! не вгожу! Не дамъ соби рады! Пропадаю!

— Отсе, кажу, щобъ то зъ жинкою та не дать соби рады! Нехай жинка буде якъ кропыва жыжкая, а въ здатнёго чоловика у тыждень стане мьякенька, якъ шовкова.

— Якъ ваша Гапка?—всмихнувсь та такъ, наче вкусывъ.

(Сказано: бисыкъ, то добре зна, де торкнуть).

— Що та моя Гапка,—кажу,—якъ ввирятся мени Гапчыны прымхы, такъ, бувайте певни, въ одынъ ментъ запобижу тому лыху.

— Хвастыкъ зъ васъ!—и зновъ всмихается.—А проте напоумте... Скажить, будь ласка, якъ бы вы моёму лыху запобиглы?

(Видома ричъ, кого огнемъ пече, тому скризь вода мріется, а хто топытся, той и за зиллыночку хопытся).

— Що жъ, згожуюся, може я вамъ и стану у прыгоди. Вы роскажить мени, зъ чого и якъ скоилось ваше лыхо, нехай я усю подрибныцю втямлю. То може й добру пораду дамъ.

Винъ važенько зитхнувъ и почавъ:

— Впала вона мени добре въ око ледвй я іи назорывъ,— тилькы я того не вжахнувся, бо не першына було мени цяцькаться зъ жинотою. Траплялось, що одна вдряпне, друга забере трохы глыбше, третя нибы й за жыве зашморгне, то все те, якъ зъ гускы вода. Щобъ зъ нею одружытысь, або викъ коротаты, того я и въ помысли не мавъ. Думка така була: погуляю, та поласую, щобъ мене браты мои зналы, що и я не въ пни жыву. Докы схочу, доты пожартую, а докучыть—дали помандрую... Жартуючы, почавъ до неи вчащаты... вчащаю та жартую, а дали вже безъ неи мени якось и нудно, и трудно, де вона—тамъ мои й очи, тамъ мои й мысли, а зійдуся—не надывлюся, не наговорюся... Ой, та й годына жъ була! Якъ згадаю, то ажъ...

Та й умывся слёзамы.

— Самый медъ?—пытаю.

— Медъ!—плаче.—Медъ! Ой, медъ! Такый... такый... медъ... такый...

— Та годи вже,—впыняю (бо не впыны закоханця, то винъ и покы свита сонця той медъ смаковатыме у спомынку).—Шкода, що вража ласощъ кысне... а тобѣ іи и невциновать. Скысъ и вашъ медъ, эге?

Затулывсь лапкамы, та тилькы рижкы трыпотять.

— Чы жъ прыпада жвавому бисыняти оттакечкы побыватысь?—соромлю ёго.—И сорому не мае!

— А я жъ ій годывъ!—плаче. А я жъ на своій шыи скризь по свити іи возывъ! А я жъ перерывавсь, якъ вона того хотила!

— Якъ то,—пытаю,—вы на своій шыи іи возылы? якъ то вы перерывалысь? Росказуйте швыденько, бо незабаромъ вже на свитання благословытся, то й не встыгну я порады вамъ даты. Годи вже вамъ рыдать—чыхнить та розсказуйте.

Вгамовавъ винъ слёзы, схылывсь на праву лапку голо́вкою, та й знову розсказуе:

— Забажала вона,—розсказуе,—свита провидать. Нижкы, каже, въ мене маленькы, то шкода ихъ втомлюваты, а колы ты такый на все здатный, якъ хвалышся, и мене дуже кохаешъ, то впоряды такъ, щобъ ты мене на шыи возывъ, та скризь, де мени любля, та щобъ скокомъ зъ горы и на гору...

Вона ще каже, а я вже доли лежу й шыю наставывъ: «сидай, мое золото, мостысь, мое серце»... И повизъ на шыи... И возывъ... И по горахъ, и по долынахъ, по всихъ украинахъ... Возывъ и въ слёту, и въ морозъ, и въ спеку. Часомъ духу вже въ мене не хвата, отъ-отъ впаду, а трохы вона скрывытся, то де та сыла визмется—зновъ перхну такъ, що ажъ залускотыть. Возывъ покы ій надокучыло. «Обрыдла мени та гулянка, ссады мене швыденько»! Я поспишавсь, а бувъ дуже зморений, ажъ въ очахъ мени зеленило, и хочъ не впавъ, а не вдержався, трохы похытнувся и схытнувъ іи злегенька...

Та зновъ у плачъ.

— Щожъ вона?—пытаю.

— Розгнивалась. «Зателепа!»--гнивается. «Плюгашъ безмозкый... Бецманъ... вайло дурне»!

Прыгадуе, та выличуе якъ вона его шановала, та зъ жалю ажъ трусытся.

— А вы жъ що ій на те?

— Я прошу: серце, выбачъ мени...

— Та й моторяка жъ зъ васъ!—сміюся. «Выбачъ, серце»! Колы бъ мене, я бъ передъ нею не замруживъ ока, я бъ таку дзундзурыху добре прыборкавъ!

— Якъ свою Гапку?

Оттаке бисыня, здается спантелычывся зъ скорботы, а не забува, що й Гапка не що дня свята...

Що вамъ та Гапка на завади?—кажу. Не за Гапку ричъ, а за вашу кралю... Такъ отсе кажете вы ій «выбачъ серце», а вона?

— Одвертается, та кепкуе: «зателепа, вайло, потрощывъ мени уси кисточкы». А дали вже й не озывается. Прохавъ, плакавъ гиркымы, благавъ, та благаючы й кажу: радъ бы для тебе на двое перерватся. А вона тоди: «а ну, перервысь на двое!» Я трохы не до неба пидскочывъ, що хочъ промовыла до мене, и въ одынъ черкъ такъ перервавсь, що половына мене коло іи нижокъ, а половына геть на одшыби опынылась.

— Вжахнулась?—пытаю.

— Не вжахнулась! Зитха важенько. «Отсе и всего того дыва»?—кепкуе. «Що то перерваться на двое! Дурныця, пустяковына... Колыбъ на четверо»! Я заразъ на четверо...

— Вдовольнылы кралю?

— Не вдовольнывъ... «Чому, каже, не на восьмеро?»...

— Вы на восьмеро?

— Я на восьмеро...

— Догодылы такы?

— Подывылась й зморщыла носокъ... «Що то таке? Якись мотлохы, чы що? Локшына якась! Тьху! Яке жъ погане! Нехай мои оченята й не дывлятся»... Пишла и... заспивала...

Дали вже й не промовыть—попрыдушывъ его жаль, якъ зашморгомъ.

Посыдилы мовчкы,—винъ смакуючы свое лыхо, а я—роздумуючы, та розгадуючы... Боже, Боже! що та жинка може! И котра жъ найущыплывій стае сылью въ оци, найуйидлывій колючкою въ серци, чы бисывська, чы хрестьянська? Хрестьянынъ хвалыть Бога, не пекельного роду, не прыдиляно ему Господомъ, щобъ винъ на двое, чы на четверо перерывався, а проте инколы и хрестьяныну трапляется така краля, що ему на мотлохы пошматкуе серце, на дризочкы побье душу... Роздумався я оттакечкы, розгадався, та трохы позитхавшы, почавъ всмихатысь: не вси дома—всмихаюсь,—у сего бисыняты, що коло мене бидкается, тай мы, хрестьяне, незгирши: у яки то мы, поздоровъ насъ Боже, пышемось непроторени дурни! Часомъ никчемнійшъ мы видъ того вытороплюватого бисыка...

А бисыкъ якъ гримне на мене:

— А ну жъ, чого зубамы блыскочешъ, хвастыку, ставай у прыгоди! Запобигай лыху! Ратуй!

Я зыркъ на его, а винъ наче разомъ сказывсь, й така зъ его искра сыпле, що ажъ у вырви сычыть. Я хутенько посунувсь дали—бо сыдилы жъ рядкомъ,—тай на его:

— А чого се ты, навижене чортаня, гримаешъ на мене, якъ на свого чортового батька?

— Бо хвастыкъ зъ тебе! Хвастыкъ! хвастыкъ!—скыглыть, наче его завійна ухопыла.

— А отъ, кажу, якъ попаду я тебе за твои бисови рижкы, то поты воны й стримилы...

И такы бъ я его повчывъ, такъ не охота, бачте, поганытысь...

— Зажды, кажу, зажды—дамъ я тоби...

И не чуе, такъ распалывся, та все:

— Хвастыку! хвастыку!

— Якъ ты, кажу, дурне бисыня, за мою добристь, що я тебе пожаливъ, оттакъ на мене вызвирывся, то пропадай ты изъ

твоею гаспыдською жинкою. Яке наварывъ, таке и пожывай: небуде тоби видъ мене ніякои рады, а ни порады.

— Давай раду!—верещыть. Давай, бо хвалывсь, що дасы... давай, хвастыку.

До того ще почавъ лаятысь, та такъ погано, що й москаль, здается, его бъ не перемигъ, та такъ клене, що й найязыката перекупка мусыла бъ сховатысь пидъ лаву. А самъ такъ и сыкается въ вичы, якъ оса .. Спомьянувъ и Гапчынъ макогинъ: нехай тоби (нибыто мени) до вику Гапчынъ макогинъ голову товче, а ты щобъ похылявсь, та тилькы белькотавъ: «Гапуню серце! Гапусю рыбко»...

— А бодай ты скысъ!—думаю, а тымъ часомъ потроху все дали, та дали видъ его посуваюсь... бо вже й надокучыло мени калятьця зъ нечыстою сылою... та до того ще й така думка: чы не доведется мени за цю пекельну кумпанію возыть попа въ решети?... Тай кажу:

— Не дурно, кажу, у насъ говорытся, що якъ хочешъ посбутысь прыятеля, то нагодуй ёго голодного, або пожалуй та запоможы ёго лыху. Мабить и у васъ, бисивъ, такый самый звычай... Отъ така твоя дяка за мою ласку?... за мою добристь?...

Винъ нибы трохы засоромывся—покынувъ лаятысь и схопывъ у лапкы свою дурну голову, наче вона ему роспадается зъ тугы. А я, вважаючы що винъ втыхомырывсь, зразу гонивъ на двое геть видъ ёго. Такъ постерегло кляте чортеня.

— Га! израдныку! втикать!

Та до мене, а я межъ стари вербы, та скокомъ на пенёкъ, та зъ пенька черкъ на вербу, та зъ вербы й захрестывся на округы...

Якъ винъ заскавучыть, якъ засыглыть, Боже мій! свите мій! И тудою звывается, и сюдою--хоче до мене прыськаться, та ба! ничого не вдіе—захрещено... Тилькы дурно мордуется.

Та й мордувалося жъ скажене бисеня! И скаче, и тупоче, и по земли качается, и въ гору пнется, копытцями и толочыть, и рые рижкамы и довбае, и крепе, зубами ляска, ажъ по за ричкою лунае, очыма вже помотлошывъ мене и пожеръ... Крутытся,

вертытся, скавучыть, скыглыть, свергоче, вые, стогне... А зъ самого таке поломья прыска, неначе стонадцять кипъ смоляного вихтя палае.

А я умостывсь соби на верби й байдуже мени: нехай, думаю, турецькый сынъ мордуется! Я спокійненько, та гарненько пересыжу, покы на свитъ благословытся—а заспивають пивни, нечыста сыла слызне, тоди поберусь до дому... бо такы вже часъ...

Посыдивъ я трохы, подывывся, потишывсь... дали й надокучыло мени. Одно—невелыка честь на гилли стремиты, а друге и те, що треба жъ и стерегтысь трохы, бо нечыста сыла каверзна: часомъ таке тоби утне, що й до вику чмыхатымешъ... И що дали, то все мени гиршъ та гиршъ надозолюе... До того ще й жалкуваты ни на кого, тилькы на свій дурный розумъ: надало змылуватысь надъ тымъ навиженымъ пекельныкомъ! Я, бачте, такый чоловикъ—мьякушка, що нехай де яка прыгода, або журба, або смутокъ, то заразъ тамъ мои й жалощи... Одже жъ и пожалувавъ, бодай ёго хринова маты жалувала!

А часъ хочъ не стоить, та й не летыть крыламы. На небн зори ажъ скачуть и такого ихъ, наче хто разъ-у-разъ зъ кошыкивъ пидсыпа; молодыкъ нибы все ще въ гору пидбываеться, соловейко не вгава—щебече... Колы ще на те свитанне благословытся!

И така на себе досада мене допикае, що якъ бы це не я, а хтось иншый, тобъ до ладу ёго вычубавъ. Зитхаю важенько, та думаю: Грыць наварывъ, Грыць и пожывай!

Тилькы що я соби тее прымовывъ, мене наче вхопыло: годи панькаться зъ тіею прынукою! Удостачу тіеи пидгнеты! Не хочу! не буду! Разъ маты родыла!

Обхрестывсь та й беркыць зъ вербы впростъ на гаспыдови рижкы.. Несамовыто загарчавъ гаспыдъ... Земля наче луснула... застугонила... Загуло, завихтырыло... Усе пишло обертнемъ... Та якъ черкне мене въ гору, то я фуркнувъ якъ зъ лука... И понесло мене наче степови пухы... Несе-несе-несе... та все околіямы, ажъ геть по-за Трощанськи гаи, по-за Сорочый Бродъ,

по-за Гайворонськый степъ, та по-за якись кручи, та яругы, та бескеды... Та якъ бехнуло, то ажъ трохы не на тры цали у землю мене втрощыло... Схаменувсь помалу, пидвожусь роздывляюсь... Се жъ я у провалли по-за млыномъ! День вже такый, якъ быкъ, тычба людей гомоныть коло гребли, а Гапка надо мною молытвочку вычытуе... Сказано жинка: тутъ бы дякуваты Господеви, що вызволывъ чоловика зъ напасты, а вона нарикаты, та гудыты, та кепкуваты... И що жъ вы думаете, доси не йме виры! «Пьяныцямъ,—наполягае.—катъ зна що верзется»... Себъ то я пьяныця... Та до того якъ визьмется свои докладкы докладать, та выгадкы выгадувать—бодай и не снылось! То я вже и не змагаюсь, а якъ той побидашъ, що сіявъ ячминь, а жинка ему: «гречка!» згожуюся й я: «нехай буде гречка!»

Марко Вовчокъ.

А. А. Навроцкій.

(Поминка).

10 октября текущаго года исполнится десять лѣтъ со дня смерти *Александра Александровича Навроцкаго*, одного изъ близкихъ лицъ къ кружку Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Н. И. Гулака, В. И. Бѣлозерскаго и другихъ, привлекавшихся въ 1847 году по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ или украино-славянскомъ обществѣ. Уже одна эта связь А. А. Навроцкаго съ такими именами, какъ вышеперечисленныя, одна прикосновенность къ такому дѣлу, которое въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія фатально отразилось на судьбѣ многихъ лицъ, дорогихъ для нашей родины,—выдвигаютъ личность его изъ ряда обыденныхъ. Если же мы прибавимъ еще, что А. А. Навроцкій всю жизнь свою не переставалъ работать надъ украинскимъ словомъ, почти не выступая въ печати, но сохраняя плоды своего поэтическаго творчества въ рукописныхъ тетрадяхъ, оставшихся послѣ его смерти, то еще болѣе станетъ яснымъ, что нашъ журналъ обязанъ вспомнить о немъ и дать читателямъ хотя нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и литературныхъ работахъ.

Въ печати, насколько намъ извѣстно, объ А. А. Навроцкомъ не было почти ничего сказано, кромѣ тѣхъ страницъ, которыя находимъ въ книгѣ Н. И. Петрова «Очерки исторіи украинской литературы 19-го столѣтія», откуда кратенькія свѣдѣнія попали въ Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, да нѣсколькихъ упоминаній о немъ въ «Кіевской Старинѣ». Въ настоящей поминкѣ нашей мы не имѣемъ возможности прибавить ничего особенно существеннаго къ фактамъ, касающимся его біографіи, кромѣ случайныхъ замѣтокъ, доставшихся намъ изъ архива Н. А. Ригельмана, а только можемъ познакомить читателей съ нѣсколькими образцами его стихотвореній, благодаря предоставленной намъ А. Шрамченкомъ одной тетради поэта, содержащей въ себѣ 102 стихотворенія, кажется по преимуществу 1887 года, и являющейся далеко не единственною среди рукописей его.

А. А. Навроцкій родился 28 іюля 1823 года въ с. Антоновкѣ, золотоношскаго уѣзда, полтав. губ. Учился онъ сначала въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ полтавской гимназіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ кіевскій университетъ по первому отдѣленію философскаго факультета. Окончилъ онъ курсъ въ университетѣ въ январѣ 1847 г. со званіемъ дѣйствительнаго студента. За годъ до окончанія университета, какъ свидѣтельствуетъ Н. И. Костомаровъ [1]), нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и А. А. Навроцкій, «толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію, и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ». Эти собесѣдованія близкихъ другъ другу людей имѣли результатомъ то, что въ апрѣлѣ 1847 года всѣ эти лица были арестованы. Какъ теперь выяснилось совершенно опредѣленно, дѣло это было первоначально очень раздуто, благодаря чему и 24-лѣтній А. А. Навроцкій, только что оставившій университетскую скамью и проживавшій въ Кіевѣ у своего родственника

---

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., № 2, стр. 226.

Н. И. Гулака, занимаясь нѣмецкимъ языкомъ, читая Гёте и Шиллера, увлекаясь стихотвореніями Т. Г. Шевченка, собирая матеріалы по малорусской этнографіи и мечтая что-нибудь предпринять для просвѣщенія родного народа, показался для доносителей удобнымъ матеріаломъ обличенія. Поводомъ къ его аресту послужили нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ въ интимной бесѣдѣ, встрѣчи съ Костомаровымъ, Кулишомъ, Шевченкомъ и близкія отношенія къ Гулаку. Результатомъ было повелѣніе 28 мая 1847 года отправить Навроцкаго въ Вятку.

Для характеристики А. А. Навроцкаго въ эти годы прекраснымъ матеріаломъ являются отрывочныя свѣдѣнія изъ отзывовъ о немъ В. М. Бѣлозерскаго, находившагося съ нимъ въ дружеской перепискѣ въ 1846 году. В. М. Бѣлозерскій свидѣтельствовалъ о немъ, какъ о юношѣ добраго и простодушнаго характера, но съ извѣстною логическою стройностью въ мысляхъ и чувствахъ. «Онъ любитъ Малороссію—говоритъ В. М. Бѣлозерскій—и особенно поэзію; замысловъ же онъ никакихъ не выражалъ и не показалъ ни одного дѣйствія, въ которомъ бы они проявились. Въ другихъ онъ особенно желаетъ видѣть любовь къ родинѣ и къ добру». Въ письмѣ своемъ 16 окт. 1846 г. къ В. М. Бѣлозерскому, бывшему тогда учителемъ въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, А. А. Навроцкій убѣждалъ его собирать въ Полтавѣ матеріалы для малороссійскаго языка, гдѣ легко можно найти людей, которые согласились бы помогать ему въ этомъ дѣлѣ, а также людей, у которыхъ нужно разогрѣвать чувство къ доброму и достойному,—иначе чувства эти совсѣмъ заглохнутъ въ бездѣйствіи. «Но я—говорилъ Бѣлозерскій,—будучи занятъ своею новою должностію, не имѣлъ времени ни для знакомствъ, ни для занятій собираніемъ литературныхъ матеріаловъ; при томъ же я вокругъ себя ни въ комъ не видѣлъ сочувствія къ тому, что самъ любилъ. Я писалъ Навроцкому, что онъ ошибается на счетъ Полтавы, въ которой приглядѣлись къ своему до такой степени, что оно не возбуждаетъ уже никакого сочувствія, и интереса и любви къ родному тамъ нѣтъ. Навроцкій же утверждалъ, что я

такъ думаю оттого, что мало знаю Полтаву, и что въ ней какой-нибудь бѣднякъ сидитъ, быть можетъ, въ хижинѣ съ такимъ горячимъ сердцемъ, что оно цѣлый свѣтъ сожжетъ своею любовью, если бросить въ него искру добра и участія». Это выраженіе письма, попавшаго въ руки слѣдователей, показалось подозрительнымъ и послужило предметомъ особаго разслѣдованія; въ немъ старались найти скрытый смыслъ, видѣть «корни и нити», но въ результатѣ А. А. Навроцкому пришлось вмѣнить въ вину лишь отсутствіе откровенности—вина по тому времени тяжкая, какъ тяжка и дальнѣйшая судьба молодого идеалиста, вырваннаго изъ родной и милой ему среды.

Отбывъ въ Вяткѣ шесть мѣсяцевъ, Александръ Александровичъ Навроцкій опредѣленъ былъ на службу писцомъ въ земскій судъ въ г. Елабугу. Объ этомъ времени его жизни нѣсколько интересныхъ строкъ, сообщенныхъ самимъ Навроцкимъ, находимъ въ книгѣ Н. И. Петрова «Очеркъ исторіи украинской литературы 19 в.» (стр. 258). Тогдашній вятскій губернаторъ, А. И. Середа, сочувственно и гуманно принялъ Навроцкаго и въ самый день его прибытія въ Вятку, за большимъ обѣдомъ у себя, сказалъ слѣдующее: «сюда привезли молодого человѣка; конечно, его осуждаетъ законъ, но люди не должны осуждать». И затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по окончаніи тюремнаго заключенія, онъ оказывалъ молодому человѣку всевозможное вниманіе, не говоря уже о томъ, что аттестовалъ его въ Петербургъ самымъ лестнымъ образомъ. Отправляя его изъ Вятки въ Елабугу, губернаторъ, между прочимъ, сказалъ ему: «куда бы ни бросила васъ судьба, будьте честны, будьте строги къ самому себѣ; если бы судьба сдѣлала меня дворникомъ, дровосѣкомъ, я бы такъ же честно исполнялъ обязанности дворника, дровосѣка, какъ теперь исполняю обязанность губернатора. Мужайтесь! Будьте спартанцемъ, будьте хохломъ!»

Въ Елабугѣ А. А. Навроцкій прослужилъ недолго: въ 1849 году онъ былъ уже переведенъ въ Курскъ. Въ 1853 г., освободившись отъ полицейскаго надзора, онъ перешелъ на

службу въ Петербургъ, а оттуда, въ 1858 г., сначала въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а затѣмъ въ 1870 г., въ Эривань совѣтникомъ губернскаго правленія. Скончался онъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ 10 октября 1892 г. и тамъ же похороненъ на городскомъ кладбищѣ.

Что касается поэтическихъ произведеній А. А. Навроцкаго, то, какъ уже было сказано, они въ громадномъ большинствѣ находятся пока въ рукописномъ видѣ, и только три изъ нихъ было напечатано въ «Основѣ» въ 1861 году: «Останния воля» (№ 8), два стихотворенія на смерть Т. Г. Шевченка (№ 6. въ статьѣ «Значеніе Шевченка...»). Сверхъ того, въ книгѣ Н. И. Петрова мы знакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ, помѣщенными то въ цѣльномъ видѣ (пѣсня изъ Гейне, «Зори», «Доля», «Пронеслыся тыхи витры»), то въ отрывкѣ (Дума). Н. И. Петрову были доставлены (очевидно самимъ авторомъ) слѣдующія стихотворенія: «Зирка» (1847 г.), «Козакъ и дивчина» (1847 г.), «Думка» (1848 г.), переводы стих. Хомякова—«Зори», «Вечирня писня» и «Ничъ» (1856 г.), «Писня» (1856 г.), «Думка» (1857 г.), «Писни зъ Гейне (три—1859 г.), «Ничъ» (1859 г.), переводы изъ Мицкевича—«Те люблю я», «Panычъ и дивчина», «Рыбка», «Романтичность», «Розмова», «Могилка Маруси» (1861 г.). По свидѣтельству Н. И. Петрова, А. А. Навроцкій послѣ 1862 года перевелъ 12 поэмъ «Оссіана», «Земля и Небо», «Каинъ», «Манфредъ» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній Байрона, а также нѣсколько стихотвореній изъ Шиллера и Гёте; переложилъ онъ, не гекзаметрами, а малорусскимъ народнымъ стихомъ, Иліаду и Одиссею и написалъ стихотвореніе «На вичну памьять И. С. Тургеневу». Вотъ все, что было намъ извѣстно до сихъ поръ изъ произведеній автора, да и то больше, какъ видитъ читатель, по заглавіямъ. На основаніи только этихъ данныхъ трудно опредѣлить литературныя заслуги А. А. Навроцкаго; да и теперь, когда, какъ мы сказали, въ нашихъ рукахъ находится цѣлая тетрадь съ 102 стихотвореніями автора, мы не рѣшаемся высказать вполнѣ опредѣленное мнѣніе

объ А. А. Навроцкомъ, какъ поэтѣ, такъ какъ тетрадка эта, составляющая только небольшую часть всѣхъ его рукописей, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ плодъ творчества поэта, не доведеннаго имъ до окончательной обработки, а главное—не опредѣленнаго имъ самимъ, какъ достойное для печати. Судить же о литературныхъ заслугахъ писателя по его, такъ сказать, черновой, недовершенной работѣ, всегда будетъ рискованнымъ. Поэтому, воздерживаясь отъ общей оцѣнки, мы ограничиваемся пока опубликованіемъ нѣкоторыхъ изъ стихотвореній А. А. Навроцкаго, которыя мы считаемъ лучшими въ этой тетради, но разсчитываемъ впереди подѣлиться съ читателями нашимъ выводомъ о немъ, какъ о поэтѣ, когда въ нашихъ рукахъ будетъ полное собраніе рукописей его, любезно обѣщанное намъ А. Шрамченкомъ, доставившимъ и данную тетрадь.

Прежде всего считаемъ нужнымъ указать на общій составъ этой тетради со стихотвореніями А. А. Навроцкаго. Изъ 102 стихотвореній большая часть составляетъ продуктъ самостоятельнаго творчества, болѣе всего въ формѣ *думокъ* и вообще лирическихъ размышленій (всѣхъ 62 стихотв.); но встрѣчаются между ними и посвященія памяти А. С. Пушкина (написаны въ 1887 г. по поводу 50-тилѣтія со дня смерти поэта). Остальныя піесы составляютъ переводы и передѣлки изъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ: Шиллера—8 стих.; при чемъ есть такія, какъ «Витання мудривъ», т. е. «Привѣтствія Искусствъ», «Писня про дзвинъ»; Байрона—1 стих.; Петрарки—1 стих. (Хвала Пресв. Диви); Сырокомли—2 стих.; Мицкевича—1 стих.; Лонгфелло—2 стих.; Стекетти—1 стих.; Надсона—5 стих.; Некрасова—2 стих.; Пушкина—1 стих., и др. Тутъ же попалось и три стихотворенія на русскомъ языкѣ; изъ нихъ особенной силой отличается «На смерть Каткова»—въ рѣзко обличительномъ тонѣ.

При разсмотрѣніи украинскихъ его піесъ мы пришли къ выводу, что самостоятельное творчество давалось ему легче, чѣмъ переводы: и стихъ глаже, и рѣчь непринужденнѣе. Для образца мы приведемъ здѣсь пять стихотвореній, изъ которыхъ одно

только переводное (по Стекетти), а послѣднее будетъ, какъ образчикъ его финальнаго аккорда, которымъ онъ закончилъ 1887-й годъ, чѣмъ и оканчивается присланная намъ тетрадка.

Молытва.

Молюся, Господы, молюся:
Видъ злобы тяжкои спасы!
Хай агнцемъ тыхымъ я зроблюся,—
Елей твій въ душу прынесы.

—

Наповны серце ты благою
Прыхильностью до всихъ людей;
Хай сылою Твоею встрою
Соби жыття середъ дитей.

—

Виддамъ имъ разомъ серце й душу,
Всёго себе хай имъ виддамъ,
И передъ ными не порушу
Добра, що всимъ видкрыте намъ.

—

Спасы мене! Хоча дывытысь
И тяжко, гирко на ввесь свитъ,—
Та я бажаю помырытысь
Зъ усимъ, що душу ваготыть.

—

Бажаю статы непохибнымъ
На стежци ласкы и добра,
Пидъ стягомъ стать твоимъ побиднымъ,
Що одверта усихъ одъ зла.

—

Науку выщу посылае
И на дорози вразумля,
И те дае, що благо мае,
Якъ слидъ тутъ жыты—направля.

Думка.

Ой ты горе, ой ты лыхо,
Лыхо невсыпуще!
Чого-жъ, чого ты до мене
Прысикалось, злюще?
Чого давышъ, прыгнитаешъ
И розумъ и серце?
Колы твое жартування
Зо мною мынется?
Не займаю, не чипаю
Я въ жытти никого:
Въ самотыни, середъ суму
Лютого, тяжкого,
Тильки соби и бажаю
Що того покою.
Я одъ счастя видцурався,
Думкою марною
Я не лыну вже до того,
Чого не піймаю,—
Прыборкани мои крыла
Я самъ зупыняю.
А ни мріямъ, ни надіямъ
Не даю я воли
Здійматыся и литаты
По шырокимъ поли,
Розносыты смили думкы
И соби зважаты,
Що зумію я на свити
Счастя людямъ даты,
Якъ колысь литавъ, носывся
Въ жытти молодому
И завзятый, непохибный
Не звертавъ никому.
Я не рвуся, не сягаю

Вже бильше до неба,—
Не багато на старости
Въ жытти мени треба:
На Вкраини мылій жыты
Посередъ покою,
Та щобъ диты мои люби
Тамъ булы зо мною...
Видченыся-жъ ты видъ мене,
Невсыпуще лыхо!
Не мордуй мене, дай жыты
На старости тыхо!
А колы ни, то одразу
Поришы зо мною,
Щобъ хоча я у могыли
Дознався покою.
Бо вже въ мене й розумъ, й серце
Видъ нудьгы изныли,
И такъ жыты вже немае
Въ мене бильше сылы.

Пися.

Якъ бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки:
Батько, лышенько мое,
Черевыкивъ не дае.

—

Якъ-бы стёжка хочъ шовкова,
Вплела-бъ въ косу, чорноброва...
Батько, лышенько мое,
Й стёжкы мени не дае.

—

Силькись мени—пиду й боса,
Пиду я й простоволоса...
Хай ничого не дае,
Я визьму такы свое.

—

На вулыци погуляю,
Зъ дивчатамы заспиваю...
И безъ батечка мого
Я добьюся до свого.

—

Визьму лычкомъ та бровамы,
Пожартую зъ парубкамы:
То кивну я, то моргну
Всихъ до себе прыверну.

—

Ось якъ треба въ свити жыты,
Щобъ ни про що не тужыты....
Хочъ безъ стёжкы й боса я,
Та такы взяла моя.

—

Биле лычко, бровенята—
Ось що треба намъ дивчата...
А якъ въ тебе й серце йе,
То байдуже—все твое.

—

Цуръ вамъ, стёжка й черевыки,—
Й такъ пійду я на музыки..
Серця въ дивкы не спыныть,—
Хоче счастя залучыть.

—

Нудно буть самій у хати,—
Хочу серцемъ погуляты.
Погуляты черезъ край,
Щобъ дознаты въ свити рай.

—

А якъ счастя вже прыдбаю,
То и батько радисть взнае.
Я сама тоди спынюсь,
Якъ зъ кохапымъ поберусь.

По Стекетти.

Метелыка я бачывъ: прутко,
Легенько винъ усе литавъ,
То на виття сидавъ винъ хутко,
То вмыть до квиткы прыпадавъ.
Увесь мережаный, собою
Винъ очи чарувавъ, пестывъ:
Здается, свить ясный красою
Ще кращымъ по земли робывъ.
И ось ёго піймалы диты;
Ганялыся воны за нымъ
Та и загналы въ тіи сиіты,
Де винъ застрявъ крыльцемъ своимъ.
И якъ не бывся, бидолахы
Не вызволылы звидтиля
Крылець слабыхъ его розмахы—
Винъ тилькы въ ситци тій кружля...
И надирвавъ и крыльця, й сылу...
Лыха-жъ и хыжа дитвора
Крычыть до ёго жартовлыво:
«Леты-жъ швыдчійше до добра!»

Оттакъ оплутанный у тую
Щоденну ситку бидъ нимыхъ,
Я побываюся, сумую,
Не знаючы, якъ выйты зъ ныхъ.
Порвавшы крыла, що неслыся
До праци людови всёму,
Що въ серци благомъ розрослыся
Зирваты зъ люду лыха тьму,—
У мене вже тыхъ сылъ немае
Летиты, рватысь до добра,
Що такъ наважно выклыкае,
Бо настае на те пора.

А навкругъ мене жартовлыво,
Або й у сварци нависній,
Торочать згорда и прымхлыво,
Рвучы на шмаття розумъ мій:
«Чы вже-жъ у тебе сылъ немае,
Або не зможешъ ихъ знайты?
Бажана мита пидступае,—
Хутчійшъ до неи ты леты»!

Кинецъ и Богови слава.

(Декабря 9-го 1887 року).

Кинець, кинець—и Богу слава,
И счастя—людови всёму.
Царю могучая держава,
Розвій—народнёму уму!
Щобъ пидіймався въ упокои,
Въ науци розбиравъ добро
И правды Божои святои
Не розминявъ винъ на сребро,
А жывъ бы вирою жывою
И славословывъ скризь Хрыста.
Ціею стежкою прямою
Веде всихъ *кныжечка свята*,—
Не та, що тутъ я повыводывъ,
Хоча и бравъ я де-що *въ-ій*,—
Що Богъ-Хрыстосъ мижъ людъ проводывъ
Въ своій премудрости святій.

Кромѣ вышеуказанной тетради со стихотвореніями А. А. Навроцкаго, у насъ имѣется въ рукахъ на отдѣльномъ листочкѣ еще одно стихотвореніе его, посвященное Марко-Вовчокъ и датированное 22 марта 1871 года. Въ немъ поэтъ, съ горестью упоминая о тѣхъ бѣдахъ, какія выпали на долю нашей родины, высказываетъ надежду, что засвѣтятъ «ясни зори», что прійдетъ

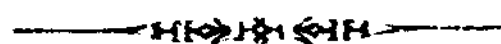
пора—и «счастя прогляне зорею»; читая-же произведенія Марко-Вовчка, онъ слышитъ, какъ кругомъ раздается голосъ тихій, но ясный:

Гей, до дила, до роботы,
Прыбытыи диты!
Крепитеся, боритеся
За правду на свити!
Крепитеся! зійде сонце—
И на нашимъ поли
Загорытся и засвитыть
Свитъ добра и воли.

Спасыби-жъ, ластивко—голубко!
Ты серце въ гору пидняла,
Ты наши щыри, смили думкы
Кругомъ по свиту рознесла.
Рознось, вищуй гарячымъ словомъ
Добро народнье, правды гласъ,—
То й намъ засвитыть сонце знову,
И намъ настане слушный часъ!

Этими патетическими строчками и заканчиваетъ авторъ свое стихотвореніе.

В. Науменко.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Васня о стрекозѣ и муравьѣ въ южнорусской редакціи 1743 года. Виршевая южнорусская литература лишь въ самое недавнее время начала привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, эта интересная и чрезвычайно богатая литература по настоящее время не только не издана, но никѣмъ не собрана, не описана и вообще не приведена въ извѣстность. Тому, кто пожелалъ бы заняться этимъ, предпочтительно предъ другими источниками, можно рекомендовать рукописныя руководства по реторикѣ и піитикѣ XVII—XVIII, въ огромномъ количествѣ хранящіяся во всѣхъ нашихъ старинныхъ книгохранилищахъ. Одинъ изъ такихъ сборниковъ намъ пришлось просмотрѣть на дняхъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры [1]). Въ числѣ другихъ учебниковъ, въ этомъ сборникѣ находится руководство по піитикѣ, составленное въ 1743 г. профессоромъ Кіевской Академіи Тихономъ Александровичемъ († 21 окт. 1746 г.), подъ заглавіемъ: Praecepta de arte poëtica ad usum Roxolanae juventutis in alma orthodoxa ac celeberrima Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana Academia tradita et explicata anno 1743 ad nobiles poëseos auditores reverendissimo patre. T. Alexandrowicz. Самое руководство на латинскомъ языкѣ, но стихотворные образцы и примѣры приведены, кромѣ латинскаго, еще на польскомъ и русскомъ или точнѣе—славено-россійскомъ, съ примѣсью малорусскаго, языкахъ. Обиліе такихъ образцовъ у Александровича поразительное: каждое правило сопровождается не-

[1]) По „Описанію“ проф. Н. И. Петрова, вып. 2, № 326.

премѣнно примѣрами—двумя, тремя, а иногда и четырьмя. Самъ ли Александровичъ сочинялъ эти стихотворные образцы, или пользовался чужими произведеніями—въ данномъ случаѣ это безразлично: для насъ крайне интересно знать содержаніе и форму этихъ образцовыхъ виршей, при помощи которыхъ Кіевская Академія воспитывала въ своихъ питомцахъ изящный вкусъ и прививала имъ литературные навыки. Огромное мѣсто здѣсь занимаютъ хвалебныя оды, или *laudes*. Есть здѣсь *laus* и тогдашнему митрополиту Раф. Заборовскому, и печерскому архимандриту Тимофею Щербацкому, и ректору Академіи Сильвестру Кулябкѣ, и императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу, и многимъ другимъ. И все это—сначала по-латыни, потомъ по-польски и наконецъ: ea carmina et sclavonice sic: (слѣдуетъ за тѣмъ русское стихотвореніе). Въ примѣръ Epitaphium приведены: а) необыкновенно хвалебная епитафія къ гробницѣ императрицы Екатерины I—по-русски, б) гетману Даніилу Апостолу—по-польски, и в) архіеп. новгородскому Ѳеоѳану Прокоповичу—по-латыни. Въ примѣръ сатиры полностью приведена «Сатыра на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» Кантемира. Это—единственное заимствованіе изъ общерусской литературы, тѣмъ болѣе любопытное, что сатиры Кантемира впервые были изданы только въ 1762 г.

Чтобы дать понятіе о языкѣ и стихѣ всѣхъ этихъ піитическихъ измышленій, приводимъ здѣсь полный текстъ образцовой басни. Articulus 8-us излагаетъ ученіе de Fabula, о баснѣ. Послѣ короткаго лат. опредѣленія басни, слѣдуетъ: exempli gratia sit fabula de Cicada et Formica:

В сицево бѣдство лѣнивый впадаетъ,
Якъ самъ о себѣ Коникъ [1]) извѣщаетъ.
Какъ, рече, поля вездѣ зеленѣли,
Якъ древа сѣннимъ листвиемъ шумѣли,
Ряснимъ тяжели гроздомъ винограды,
Какъ гобзовала овощъ вертограды,
На нивахъ сноповъ со множествомъ класовъ
Болѣе было, главнихъ [2]) неже власовъ,
И словомъ сказать, егда былъ часъ златій

---

[1]) *Коныкъ*—малорусское названіе стрекозы.
[2]) Т. е. головныхъ, на головѣ.

Всякому о кормѣ себѣ промишляти,—
Азъ, бѣдній Коникъ, въ толь плодное время
О себѣ не брегъ, безумное племя,
Только по поляхъ и травѣ зеленій
Скача бездѣленъ, акибы скаженій.
Опосля вѣтръ сталъ полунощный дути,
И вслѣдъ же мразы наступили люты,
В онихъ же снѣги запали великы,
От коихъ смерзли скоротечни рѣкы,
Купно же и весь сѣнокосъ и поле
(Уви мнѣ, бѣда, злополучна доле!)
Снѣги замети [1]) силними покрыли,
Кои сталися якъ алявастръ [2]) бѣли.
Я, бѣдній, видя, что уже дни зліе,
Скакну по поляхъ въ той край и другіе,—
Зерна не вижду на нихъ ни едина
И пищи ниже бѣ тогда крохтина.
Мнѣ лихо, мятежъ, смерть гладна приходитъ
Мишлю: что дѣлать? Се мисль мнѣ приводить:
Ко трудолюбной бѣжи, окаянній,
Мравіѣ,—от нея будетъ ти кормъ данній.
Я так и здѣлалъ, пойшол к ея дому,
Кой былъ никогда несвѣдомъ никому,
Где она зиму мирно провождаетъ.
Толку во дверы—ничто отвѣщаетъ;
Толкалъ во окно, но знать утружденна
Морава, негли от сна возбужденна,
Мало випусты [3]) гласа такъ своего:
«Кто се толкаетъ до дому моего?»
— Мравія, азъ есмъ Коникъ,—реклъ азъ,—хладній,
К тебѣ толкаю нынѣ же и гладній.
Азъ молбу к тебѣ слезну простыраю:
Не даждь умрѣти гладомъ, умоляю!»
Она жъ, уви! видъ немилости нѣкій

---

[1]) Малор. „заметамы"—сугробами
[2]) Т. е. алебастръ, гипсъ.
[3]) Т. е. испустила, издала.

Ко мнѣ являетъ на посмѣхъ великій:
«Съ коего жъ пути нынѣ, гостю драгій,
Наши гобзишы (?) нищетніе праги?
Знать, ты в далеку подводу загнанній,
Что ажъ по снѣгу воспять отосланній!»
— Пожалуй, Мравя, не смѣйся мнѣ нынѣ;
Множае скорблю, не множи кручыны.
Не былъ я нѣгде нѣкому въ подводѣ,
Но живу собѣ в любезной свободѣ.
— На каковой же тогда былъ работѣ,
Какъ люде въ крвавомъ пребывали потѣ:
День и нощъ въ полях з серпами бывали,
На гладну зиму пищу собырали?
— «Былъ и я з нимы несходя на нивѣ,
И чтобы были в трудах нелѣнивы,
Сладчайшимъ гласомъ спѣвалъ утружденнимъ,
Сидя в покои под листомъ зеленимъ».
— А хто пѣть, тотъ же скакать умѣваетъ;
(Уви! какъ мене Мравя осмѣваетъ!)
Пѣлъ еси въ лѣтѣ гласомъ пріятнѣйшимъ,
Пляши жъ зимою по снѣгу мягчишимъ!»
Сіе лѣнивихъ бѣдство постигаетъ,
Якъ самъ о собѣ Коникъ днесь вѣщаетъ.

Судя по многимъ риѳмическимъ созвучіямъ, въ XVIII в. въ Кіевской Академіи букву *ѣ* произносили по-малорусски, какъ *и*.

О. Л.

Правила о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій Словарь. (Утверждены Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 3 мая 1897 года).

1) Преміи Н. И. Костомарова составляетъ внесенная имъ въ Императорскую Академію Наукъ въ 1881 году сумма 4000 руб., въ закладныхъ листахъ Харьковскаго Поземельнаго банка, обращенныхъ нынѣ въ свидѣтельства 4% Государственной ренты съ накопившимися на нее процентами.

2) Преміи эти присуждаются Академіею Наукъ за лучшій изъ представленныхъ на ея разсмотрѣніе словарей малорусскаго нарѣчія съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.

3) Главную основу словаря долженъ составить народный языкъ. Изъ словаря не исключаются и слова, принадлежащія одной лишь или немногимъ мѣстностямъ; но при такихъ словахъ должны быть по возможности означаемы и самыя эти мѣстности.

4) Кромѣ народнаго малорусскаго нарѣчія, въ словарь должны войти съ особыми обозначеніями:

а. общеупотребительныя между малоруссами слова иноземнаго происхожденія.

б. слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія; они заносятся въ словарь въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ рукописныхъ или печатныхъ памятникахъ, и притомъ съ указаніемъ этихъ послѣднихъ.

в. слова, извѣстныя только изъ сочиненій авторовъ.

5) Словарь долженъ заключать въ себѣ не одинъ лишь переводъ словъ съ малорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, но также и примѣры важнѣйшихъ случаевъ употребленія ихъ, въ томъ или другомъ значеніи, въ пѣсняхъ, сказкахъ, поговоркахъ, загадкахъ и т. п., или въ произведеніяхъ письменной литературы; при чемъ, если примѣръ заимствованъ изъ произведеній устной или письменной словесности, долженъ быть указанъ и его источникъ.

6) Значенія словъ приводятся въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ естественному развитію ихъ.

7) При начертаніи звуковъ малорусскаго нарѣчія составитель словаря имѣетъ послѣдовательно держаться одного правописанія.

Примѣчаніе. Пока малорусское правописаніе не опредѣлится прочнымъ образомъ, желательно, чтобы соблюдались слѣдующія правила: 1) мягкое *и* изображать черезъ *i*; 2) тамъ, гдѣ мягкій звукъ *и* не есть первоначальный или постоянный, а образовался изъ *о* или *е*, употреблять, по примѣру Максимовича, *ô*, *û*, *ê*, напр. кôнь, коня; нêсъ, несу: лêталъ, лечу; 3) не писать вовсе буквы *ѣ*; равнымъ образомъ не писать *ы*, употребляя безразлично *и* въ тѣхъ случаяхъ, когда по-русски слышатся звуки *ы* и *и*, такъ какъ буквы *ы* и *и* произносятся малоруссами одинаково; 4) букву *э* также исключить изъ употребленія, мягкій же звукъ *е* означать буквою *є*.

8) Надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ должно быть означаемо его удареніе, и ко всѣмъ словамъ просоединяемо ихъ грамматическое опредѣленіе.

9) За словарь, вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 3—8, назначается первая премія въ 4000 рублей, съ накопившимися на нихъ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря. Проценты, накопившіеся на сумму съ 1891 года по 1905 годъ, срокъ новаго конкурса, образуютъ вторую премію, которая присуждается за словарь, въ значительной степени удовлетворяющій выше изложеннымъ требованіямъ.

10) Словарь долженъ быть представленъ въ Академію чисто и четко переписанный, съ раздѣленіемъ, для практическаго удобства, на нѣсколько отдѣльныхъ частей.

11) Конкурсъ на представленіе словаря закрывается 1-го января 1905 года [1]); въ случаѣ, если къ тому сроку не будетъ представленно словаря, или представленный трудъ не будетъ одобренъ, Академія объявляетъ новый конкурсъ.

12) Если представленный словарь не будетъ удостоенъ которой либо изъ премій, то проценты на суммы, назначенныя для премій за время до новаго конкурса, присоединяются къ той, которая не выдана.

13) По присужденіи премій конкурсъ на ихъ соисканіе закрывается.

14) Если будетъ присуждена только первая премія, то конкурсъ на соисканіе второй преміи закрывается и сумма, назначенная на нее, вмѣстѣ съ процентами сохраняется въ Академіи до объявленія новаго конкурса.

15) Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ словарей поручается Академіею особой комиссіи, состоящей изъ трехъ ученыхъ филологовъ, знатоковъ славянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка. Въ составъ этой комиссіи могутъ входить академики и посторонніе ученые, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея членовъ непремѣнно долженъ быть чистый малороссъ, усвоившій съ дѣтскихъ лѣтъ малорусское нарѣчіе.

16) Отчетъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова читается въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря, черезъ годъ по представленіи словаря.

---

[1]) Новый конкурсъ утвержденъ Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 4 мая 1902 года.

17) Печатаніе удостоеннаго преміи словаря производится на счетъ Академіи Наукъ, съ тѣмъ, чтобы первое его изданіе составляло ея собственность.

18) Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Н. И. Костомарова.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Къ правамъ евреевъ на владѣніе крѣпостными и на государственную службу.* 16 августа 1828 года воспослѣдовалъ указъ правительствующаго Сената на имя кіевскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частью, П. Ф. Желтухина 2-ого, по поводу возбужденнаго витебскимъ гражданскимъ губернаторомъ вопроса о дворовыхъ людяхъ доктора медицины, польскаго надворнаго совѣтника, еврея Левина Шпиръ, имѣвшаго королевскую грамоту на шляхетство.

По обнаруженіи того, что Шпиръ еврейскаго закона, приняты въ соображеніе конституціи 1496 и 1775 годовъ, и указы: $^{11}/_{\text{XII}}$ 1800 г., $^{15}/_{\text{VII}}$ 1801 г., $^{20}/_{\text{II}}$ 1813 г.; $^{14}/_{\text{II}}$ и $^{27}/_{\text{III}}$ 1819 г. и $^{22}/_{\text{IV}}$ 1820 г., въ силу коихъ евреямъ не только запрещено имѣть въ своемъ владѣніи, или распоряженіи крестьянъ и дворовыхъ людей, но и не дозволено держать въ домахъ христіанъ для услугъ.

По поводу оказавшихся у Шпира дворовыхъ—незаконнорожденнаго мальчика и двухъ дѣвокъ—приказано: дѣвокъ вернуть помѣщику, предоставивъ Шпиру искать за нихъ удовлетворенія; мальчику же избрать родъ жизни, приписавшись къ какому-либо податному обществу.

При семъ случаѣ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что евреи служить на гражданской государственной службѣ не могутъ.

Слѣдствіемъ указа явился рапортъ кіевскаго военнаго губернатора, коимъ доносилось правительствующему Сенату (одновременно сообщалось и въ министерство внутреннихъ дѣлъ), что въ губерніи на государственной службѣ состоитъ двое евреевъ, не принявшихъ христіанства: 1) Германъ Хайсъ—штабъ-лѣкарь въ Умани и 2) Бернардъ Розенбергъ—лѣкарь въ Липовцѣ.

---

2) *Скорбутъ и кровавый поносъ въ кіевской губерніи.* 16 апрѣля 1828 года кіевскій военный губернаторъ требуетъ отъ уманскаго ниж-

няго земскаго суда свѣдѣній о скорбутной болѣзни, появившейся въ уѣздѣ «въ такой силѣ, что заразившійся оною вскорѣ лишается зубовъ и наконецъ умираетъ».

Рапортъ гласитъ, что настоящей весной, между крестьянами уѣзда, особенно въ селеніяхъ графа Александра Потоцкаго, дѣйствительно открылся скорбутъ, сопровождающій здѣсь неурожаи и жестокія зимы (27-го года)... «во всѣхъ сего повѣта имѣніяхъ содержатся нарочитые для крестьянъ доктора и для больныхъ лазареты», къ чему добавлялось, что въ уѣздѣ, по селеніямъ, перемерло всего лишь по нѣсколько душъ «изъ древнихъ старцевъ, какъ обыкновенно каждаго году и вездѣ бываетъ».

Военный губернаторъ, симъ рапортомъ не удовлетворившись, пишетъ земскому суду, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ *кромѣ старцевъ*, въ имѣніяхъ одного кіевскаго губернскаго маршала графа Тышкевича нынѣшнею весною умерло до 180 душъ, именно отъ скорбута (изъ числа 1149 д. м. п., составляющихъ населеніе с.с. Текуча, Шарино и Ропотуха, изъ коихъ послѣднія принадлежатъ графинѣ).

Тогда полиція занялась подсчетомъ и насчитала жертвъ болѣзни: 46 дѣтей, въ возрастѣ отъ 1 г. до 5 лѣтъ; средняго вѣка 39 душъ, а старѣе 50-ти лѣтъ—50 человѣкъ.

Въ семъ же году, въ радомысльскомъ повѣтѣ, въ теченіе іюня и іюля, объявился кровавый поносъ среди крестьянъ помѣщиковъ Оскерка и Галецкаго. Много ли жертвъ унесла болѣзнь,—изъ дѣла не видно.

—

3) *Санитарныя мѣры въ Черкассахъ въ 1828 г.* По выступленіи въ 1828 году изъ г. Черкассъ кавалеріи, квартировавшей здѣсь 30 лѣтъ, осталось накопленнаго навоза до 5000 подводъ при самомъ провіантскомъ магазейнѣ, отъ чего хранящемуся въ немъ провіанту угрожало принять дурной запахъ и испортиться.

Когда горожанамъ (мѣщанамъ и крестьянамъ) было приказано мѣстность очистить и навозъ увезти, то, въ виду лѣтняго рабочаго времени (2 іюля), обыватели взвыли, умоляя дать имъ въ помощь «людей изъ повѣта».

Прошеніе, поданное въ Кіевъ, признано неосновательнымъ, и городничему рекомендовано исполнить предписаніе въ точности.

16 августа городничій рапортовалъ:... «навозъ посредствомъ жителей г. Черкассъ вовся уже очищенъ».

—

4) *Заботы администраціи о предотвращеніи перекупокъ сельскихъ продуктовъ.* 11 августа 1823 г. кіевскій военный губернаторъ писалъ кіевскому городовому магистрату: «здѣшняя градская полиція доноситъ мнѣ, что занимающіесь продажею разныхъ съѣстныхъ продуктовъ торговцы, для пользы своей, всячески стараются не допущать на рынокъ привозящихъ въ городъ продукты, при самомъ въѣздѣ оныхъ перекупая всѣ припасы, и потомъ продаютъ на рынкѣ, увеличивая цѣны.

Хотя со стороны полиціи подтверждаемо было имъ, перекупщикамъ, воздержаться отъ непозволенной закупки, но они не исполнили того. А потому полиція рѣшилась, для взысканія съ нихъ, препроводить въ городовой магистратъ.

Вслѣдствіе сего подтверждаю городовому магистрату, дабы воздержать означенныхъ торговцевъ отъ перекупокъ продуктовъ, обратить строгое вниманіе на счетъ взысканія съ нихъ за показанный поступокъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *Переяславль, Константиноградъ, Пирятинъ, Золотоноша и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ* [1]).

I. *Переяславль.* Всѣхъ дворовъ въ городѣ было 931, а домовъ 969, изъ коихъ лишь одинъ каменный. Церквей, если считать двѣ кладбищенскихъ, было 10, изъ которыхъ три каменныхъ. Жителей было: муж. пола 2477 и женскаго 2510, всего 4987 д. Ремесленниковъ 214 человѣкъ. Ярмарокъ было 4, два дня въ недѣлю были базары. Цѣны на мясо: говядины фунтъ 3 $^1/_2$ к., свинины и баранины—2 к. О цѣнахъ на ягоды городничій сообщаетъ, что не могъ ни отъ кого узнать о нихъ. Арестованныхъ при полиціи было въ 1797 г. 108 чел., затѣмъ число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается и въ среднемъ до 1803 года ихъ бывало ежегодно около 150 человѣкъ. Подорожнихъ явлено было 250. Соль была нѣсколько дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ: пудъ ея стоилъ 56 к., но была и 90 к., вѣроятно высшій сортъ, такъ называемая «бѣлозерка».

Въ городѣ былъ второклассный монастырь, съ каменною церковью и колокольнею. Очевидно, рѣчь идетъ о Вознесенскомъ мона-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“. 1902 г., №№ 7–8 и 9.

стырѣ. Монаховъ въ немъ было 15 человѣкъ. Этотъ монастырь владѣлъ и крестьянами—муж. пола 164 д. и женскаго 146. Да и городъ Переяславъ, подобно Полтавѣ, имѣлъ магистратскихъ крестьянъ: 174 муж. пола и 146 жен. пола. Въ городѣ числилось евреевъ 134 муж. пола и 105 женскаго.

Въ повѣтѣ всѣхъ, платящихъ подати, было 46844 д. и наиболѣе изъ нихъ было козаковъ—22264 ч., а затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ—18149 ч. Евреевъ въ уѣздѣ было 493, купцовъ всего 6, мѣщанъ 879. Церквей въ уѣздѣ было 81, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Священнослужителей 122 чел., а церковнослужителей 109 чел. Въ уѣздѣ дьячки занимались обученіемъ грамотѣ. Въ двухъ только селахъ было по 4 церкви—Бориспольѣ и Барышевкѣ. «Генералитетъ» и штабъофицеры имѣли всего въ повѣтѣ 16 имѣній. У графа С. П. Румянцева былъ каменный домъ (въ Ташани)—единственный въ уѣздѣ. Ярмарки въ уѣздѣ были: въ Бориспольѣ (4), Воронькахъ (2) и Тепловкѣ (4). Вѣтряныхъ мельницъ было 1113, водяныхъ 85, винокуренъ 111, пивоварня всего одна.

—

II. *Константиноградъ*. Площадь города занимала 42 дес. 275 саж., дворовъ было 151, лавокъ 32. Церквей было всего 2 и обѣ каменныя. Жителей было менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ,—всего 1402 ч., изъ нихъ муж. 731, а женщинъ 671. Ремесленниковъ 90 чел. Ярмарокъ было 5. Ягоды были дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ: ведро вишенъ 15 к., а сливъ 12—16 к. Дешева была и соль, пудъ которой можно было купить за 40 к. (доходила иногда и до 80 к.). Въ городѣ проживалъ врачъ («штабъ-лѣкарь»), вѣроятно, изъ отставныхъ военныхъ. Купцовъ было 95 ч., евреевъ муж. пола 151, женскаго 145 д.

Въ повѣтѣ всѣхъ платившихъ подати было 34734 д., наиболѣе было помѣщичьихъ крестьянъ—24077 д., а затѣмъ воинскихъ поселянъ—5244 д. Этихъ поселянъ мы встрѣчаемъ еще въ кобелякскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ было 5872 д., а больше не было ихъ ни въ одномъ уѣздѣ. Волостей было 4 и одно старостство. Церквей въ повѣтѣ было 39, изъ нихъ одна каменная; священнослужителей было 41, а церковнослужителей 53. Въ уѣздѣ не было евреевъ. Нижній земскій судъ поименовываетъ цѣлый рядъ поселковъ и хуторовъ, обратившихся въ села черезъ постройку въ нихъ церквей, начиная съ 1782 года; именно: Лебяжье (1782 г.), Николаевка (1782 г.) Зачепиловка (1783), Поповка (1793 г.), Орчикъ-Чернечина (1799 г.), Семеновка (1782), Покров-

ское (1783), Медвѣдовка (1784 г.), Красногорка (1788), Ивановка (1793), Власовка (1795), Елисаветовка (1797). Надеждино (1782 г.).

Вѣтряныхъ мельницъ въ уѣздѣ было 368, «просотолочныхъ»—42 (не было такихъ ни въ одномъ изъ другихъ уѣздовъ), водяныхъ—16, пивоварня 1, винокуренъ—35. Въ уѣздѣ было 8 заводовъ шліонскихъ овецъ и два—голландскаго рогатаго скота.

Ярмарки были въ мѣстечкахъ: Нехворощѣ (3), Карловкѣ (4), и въ селахъ: Рясскомъ (3), Лебяжьемъ (1), Зачепиловкѣ (3). Нижній судъ доноситъ, что фруктовыхъ садовъ въ повѣтѣ не имѣется и «никто не разводитъ». Не было также ни «оранжерей, ни капеллій». Въ имѣніяхъ Разумовскаго (Кирилполье) и въ селѣ Берестенькѣ добывался «дикій камень». Лѣсовъ въ уѣздѣ почти не было; строевой лѣсъ былъ лишь у подполковника Кочубея, при селѣ Писаревкѣ, и у кол. ассесора Чунихина.

Въ 1802 году, 24 октября, въ этомъ повѣтѣ, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ, замѣчено было «сполдня во второмъ часу не болѣе трехъ минутъ земли трясеніе и колебаніе. однако оттого никому никакого вреда не послѣдовало». Въ сообщеніи земскаго суда есть упоминаніе о старинной Украинской линіи, именно, что она простирается въ чертѣ повѣта на протяженіи 105 верстъ и что на ней имѣется 23 редута и 8 крѣпостей, но всѣ они «ничѣмъ не застроенныя».

—

III. *Пирятинъ.* Городъ занималъ площадь въ 386 дес. Дворовъ въ немъ было 171. Церквей три деревянныхъ и одна каменная. Число жителей 4641 д., изъ нихъ муж. пола 2174, а женскаго 2467 д. Ремесленниковъ 110. Купцовъ было 20 ч. и объявлено было капиталовъ на 8160 р. Врачей было 3. Ярмарокъ 4 и явлено было подорожныхъ 80—95. Цѣны на продукты были тѣ же, что и въ другихъ городахъ того времени. Арестованныхъ при полиціи въ среднемъ ежегодно, начиная съ 1797 года, было около 80 человѣкъ.

Платящихъ подати въ повѣтѣ было 43050 ч., изъ коихъ помѣщичьихъ крестьянъ 29427 (болѣе этого числа было только въ Прилукскомъ повѣтѣ). Козаковъ числилось 10317 ч., купцовъ 20, евреевъ 99. «Генералитета въ повѣтѣ нѣтъ», сообщаетъ нижній земскій судъ но имѣній штабъ-офицеровъ было 115 (болѣе чѣмъ въ другихъ уѣздахъ). Нѣтъ ни капеллій, ни каменныхъ домовъ. Всѣхъ церквей въ повѣтѣ было 62, священнослужителей 70, церковнослужителей 124 ч. Вѣтряныхъ мельницъ было 419, водяныхъ 67, винокуренныхъ заво-

довъ 61, пивоваренъ—9. Ярмарки были только въ Яготинѣ (4) и Тепловкѣ (2). Въ Яготинѣ, принадлежавшемъ тогда А. Разумовскому, разводились шелковичные черви, но въ небольшомъ количествѣ.

—

IV. *Золотоноша.* Величину площади этого города городничій не могъ точно опредѣлить. Всѣхъ домовъ было здѣсь 731, лавокъ 22, церквей 4. Число жителей: муж. пола 2174, женскаго 2467, а всего 4641 ч. Ремесленниковъ было 110. Цѣны на продукты: четверть ржи отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к., овса 80—90 к., а въ 1803 году цѣна доходила до 1 р. 60 к. и 1 р. 95 к., вѣроятно, по случаю неурожая. Мясо $2^1/_2$ к. фунтъ, соль 60—70 к. пудъ, ягоды (вишни и сливы) отъ 20 к. до 30 к. ведро. Ярмарокъ было 4; въ теченіе недѣли былъ одинъ базарный день. Арестованныхъ при полиціи было въ среднемъ, начиная съ 1797 года по 1803 г. включительно, болѣе 150 ч. ежегодно. Купцовъ въ городѣ было 9 ч. и объявленныхъ капиталовъ было на сумму 4075 р. Евреевъ было 188, а женскаго пола 333 д. (вѣроятно, ошибка въ сообщеніи городничаго). Врачей въ городѣ было 3. Была и богадѣльня, но кѣмъ она устроена—городничій не сообщаетъ; вѣроятно, это былъ старинный «шпиталь».

Всѣхъ платившихъ подати въ повѣтѣ было 53029 ч., изъ которыхъ наиболѣе было козаковъ—25437 ч., а затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ—23607 ч. Купцовъ въ уѣздѣ было 9, а мѣщанъ 823 ч., евреевъ-купцовъ—45 ч. (болѣе, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, а всего въ уѣздахъ губерніи того времени ихъ было 82 ч.) и евреевъ-мѣщанъ 188 ч. Волостей было 9. Церквей всѣхъ было 79, священнослужителей 92, церковнослужителей 71 ч. Въ Красногорскомъ женскомъ монастырѣ было штатныхъ монахинь 11, заштатныхъ 6. Вѣтряныхъ мельницъ было 623, водяныхъ 118, пивоваренъ 6, винокуренныхъ заводовъ 48. Помимо этого было въ уѣздѣ 13 конныхъ заводовъ, 13 заводовъ для разведенія рогатаго скота, 13—для шліонскахъ овецъ и 6 солодовныхъ заводовъ. Капеллія музыкантовъ была только у Неплюева, въ Чернобаевской волости.

Ярмарки были: въ Гельмязевѣ (4), Городищѣ (4), Жовнинѣ (2), Еремѣевкѣ (3), Крапивнѣ (2), Николаевкѣ (4), Васютинцахъ (4), Богодуховкѣ (3), Чернобаяхъ (4) и В. Хуторѣ (2). (Арх. Полт. губ. Правленія, по описи № 200).

И. Ф. Павловскій.

———

Къ біографіи П. П. Чубинскаго. *(Пребываніе его въ Архангельскѣ).* Пользуемся случаемъ, чтобы помѣстить сообщенныя намъ жителемъ г. Архангельска свѣдѣнія о времени пребыванія въ этомъ городѣ Павла Платоновича Чубинскаго, такъ хорошо извѣстнаго въ нашемъ краѣ, благодаря его капитальнымъ трудамъ по малорусской этнографіи. *Ред.*

Павелъ Платоновичъ Чубинскій, проживш й, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ въ отдаленной отъ центра просвѣщенія архангельской губерніи, принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ судьба случайно забрасывала иногда сюда, какъ-бы въ пополненіе крайняго недостатка здѣсь, въ особенности въ то время, (въ началѣ 60-хъ годовъ), людей просвѣщенныхъ и способныхъ поработать на пользу края. И дѣйствительно, окончивъ С.-Петербургскій университетъ со степенью кандидата правъ, П. П. попалъ въ арханг. губ. невольно, такъ какъ былъ высланъ сюда подъ надзоръ полиціи въ концѣ 1862 г.— Замѣтивъ въ немъ человѣка одареннаго богатыми способностями, бывшій тогда губернаторъ испросилъ разрѣшеніе на допущеніе его на службу и въ началѣ января 1863 г. назначилъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя въ г. Пинегу, а затѣмъ въ октябрѣ того же года вызвалъ въ Архангельскъ на должность секретаря статистическаго комитета, а затѣмъ вскорѣ онъ былъ избранъ и въ члены комитета. Съ этого то времени и начинается та плодотворная дѣятельность П. П., полная энергіи и научныхъ пріемовъ въ изученіи края, которая не покидала его въ теченіе всего 5-ти лѣтняго пребыванія въ Архангельскѣ. Въ ноябрѣ 1864 г. послѣдовало избраніе новаго товарища предсѣдателя комитета—преподавателя мѣстной гимназіи Г. О. Минейко, человѣка весьма просвѣщеннаго и очень дѣятельнаго. Тогда совмѣстные труды П. П. Чубинскаго и Г. О. Минейко, а также и тѣхъ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ лучшихъ силъ, которыхъ они умѣли привлечь и воодушевить своимъ примѣромъ, выдвинули архангельскій статистич. комитетъ изъ избитой оффиціальной колеи на почетное мѣсто среди другихъ комитетовъ и обратили на него вниманіе многихъ ученыхъ обществъ. Въ празднованіе 20-ти лѣтняго юбилея означеннаго товарища предсѣдателя (1864—1884 г.), Г. О. Минейко въ отвѣтной рѣчи на высказанныя ему привѣтствія, отодвигая на задній планъ свои заслуги и приписывая ихъ сотрудникамъ, между прочимъ сказалъ: «конечно, самый главный трудъ раздѣляли секретари; другу и товарищу моему Чубинскому, принявшемуся за

дѣло съ свѣжими силами, съ громаднымъ запасомъ энергіи и съ настоящимъ увлеченіемъ, принадлежитъ первый починъ въ этой плодотворной дѣятельности. Способности же его и дарованія, признанныя кромѣ нашего комитета разными учеными обществами, сохранили за нимъ извѣстное имя въ нашей литературѣ». Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что за Чубинскимъ должна быть признана иниціатива созданія и организаціи статистики въ сѣверномъ краѣ на широкихъ и научныхъ началахъ.

Упомяну о нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ трудахъ Павла Платоновича: въ первое же время по назначеніи секретаремъ, съ цѣлію привлеченія сотрудниковъ по собиранію матеріаловъ для описанія губерніи, имъ были составлены и комитетомъ изданы программы: статистическая, этнографическая, обычнаго права и нѣсколько позднѣе географическо-естественно-историческая; затѣмъ онъ составилъ: статистическо-этнографическій очеркъ Корелы, статистику рожденій, браковъ и смертности въ г. Архангельскѣ за 10 лѣтъ и по уѣздамъ и городамъ за 5 лѣтъ; обзоръ главнѣйшихъ ярмарокъ архан. губ., солеваренія, колонизаціи мурманскаго берега, о хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ С. Двины, изслѣдованіе Печорскаго края, на основаніи личнаго объѣзда Запечорья, въ экономическ., этнограф. и географич. отношеніяхъ и проч. Вообще, во время состоянія П. П. секретаремъ, въ статистич. комитетѣ было поднято много вопросовъ и задачъ съ цѣлію раскрытія и развитія экономическихъ силъ края.—Кромѣ трудовъ по комитету онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ императорскаго московск. общ. сельск. хозяйства и сотрудникомъ императорскихъ вольнаго экономич и русскаго географ. обществъ. Отъ послѣдняго онъ удостоенъ былъ въ 1868 году серебряной медали.

Наконецъ, 14 января 1869 г., съ разрѣшенія г. министра вн. д. и по вызову географическаго общества, П. П. выѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій по поводу представленнаго имъ отчета о хлѣбной и льняной производительности и торговлѣ въ сѣв. краѣ и затѣмъ болѣе въ Архангельскъ не возвращался, такъ какъ въ началѣ марта, съ Высочайшаго разрѣшенія, былъ освобожденъ изъ подъ надзора полиціи.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Чубинскаго въ арх. губ. съ оффиціальной и обществ. стороны. Что же касается его частной жизни, знакомствъ, общительности, отношеній къ окружающей средѣ, то, къ сожалѣнію, я не могъ собрать объ этомъ болѣе или менѣе достовѣр-

ныхъ свѣдѣній, такъ какъ изъ современниковъ его, могшихъ быть съ нимъ знакомыми, почти никого не осталось: многіе уже умерли, а бóльшая часть, какъ пришлая, выѣхала изъ Архангельска. Я же лично зналъ П. П. лишь весьма короткое время, между постоянными моими служебными разъѣздами, когда онъ находился въ Пинегѣ, и помню его, какъ человѣка гуманныхъ и либеральныхъ взглядовъ, авторитетно вліявшаго на провинціальную среду. Помню также, что нѣкоторые находили несимпатичнымъ его нѣсколько вспыльчивый характеръ и безцеремонное, насмѣшливое обращеніе при спорахъ; вообще же онъ казался человѣкомъ добрымъ, склоннымъ къ участію и помощи ближнему.

П. Іевлевъ.

Г. Архангельскъ, май 1902 г.

Мова старшыны до громады. Подъ такимъ заглавіемъ мы нашли напечатаннымъ въ 1854 г., въ моментъ начала Крымской кампаніи, въ «Кіевскихъ Губерн. Вѣдом.» (№ 21) малорусское стихотвореніе, подписанное *Ос. М.* Стихотвореніе это ни по красотамъ образовъ, ни по языку, ни по складу стиха не можетъ быть причислено къ удачнымъ, но оно есть свидѣтель того настроенія, которое переживалось извѣстной частью общества въ періодъ военныхъ событій Крымской кампаніи, когда такой оффиціальный органъ, какъ Губерн. Вѣдом., свободно открывали свои страницы для малорусской музы. И это не единственный примѣръ, т. к. въ тѣхъ же «Кіев. Губ. Вѣд.» печатались подобныя же стихотворенія и Ф. С. Морачевскаго, переводчика Св. Писанія на малорусскій языкъ (см. Кіев. Стар., № 9, отд. Извѣст. и замѣтокъ). Чтобы не затерялось это стихотвореніе *Ос. М.* для библіографовъ, мы перепечатываемъ его, т. к. гдѣ искать теперь «Кіев. Губ. Вѣд.» за полвѣка назадъ. Кстати, можетъ быть кто-нибудь изъ библіографовъ раскроетъ и имя автора этого стихотворенія.

Чы вы чулы те, громадо,
Що Французъ изновъ здуривъ,
Въ пекли зъ Туркомъ робывъ раду
И тамъ винъ осатанивъ.

Англычанынъ тежъ самее:
Першъ зъ Французомъ побратавсь,
Потимъ зъ Туркомъ якъ зъ риднею,
Дуже, дуже винъ обнявсь.

Що жъ се буде, кажить люде,
Будь хто ласкавъ—розмиркуй!
Завсигда врагъ врагомъ буде,
Хоть якъ его не шануй.

Зъ невирямы воны сталы
Протывъ Хрыста войовать,
Мабудь зъ глузду позйизжалы,
Бильше ничого сказать.

Отъ до чого доучылысь,
Що ажъ соромъ говорыть:
Зъ Туркомъ вмисти показылысь,
Щобъ ввесь свитъ тымъ одурыть.

Нехай Турку губы мажуть—
Якъ то винъ ихъ обитре;
Побачымо, якъ-то кажуть,
Хто кому кабакы втре!

О, Пранцузы! вамъ знакоми
Наши спысы и штыкы
И гармативъ нашыхъ громы
Далысь добре вамъ въ знакы.

Зъ вашымъ дядькомъ—велыканомъ
Весь народъ нашъ войовавъ,
Щожъ зробылось? Винъ буть паномъ
Поневоли переставъ.

Що тутъ зъ правдою ховатысь,
Хоть винъ намъ и насолывъ,
Но мусивъ розперезатысь,
Бо жывотомъ заболивъ.

А вы, поселянське кодло,
И вы здумалы дурить,
И вы здумалы негодно
Зъ басурманомъ задружыть.

Мы, думаете, не знаемъ,
Що въ васъ въ носахъ мухы йе,
То й мы способъ пошукаемъ
Вамъ виддаты за свое.

Наши шабли гостри дуже:
Йе гострійши одъ косы,
Такъ намъ про васъ и байдуже,
Ховайте свои носы.

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о поднятіи нашей сельскохозяйственной промышленности. Общій интересъ возбужденъ теперь въ читающей публикѣ совѣщаніями уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ по вопросу о поднятіи нашей сельскохозяйственной промышленности. Въ виду неоканчанія занятій комитетовъ, мы ограничимся пока лишь краткимъ изложеніемъ хода текущихъ работъ въ нихъ и тѣхъ ближайшихъ выводовъ и заключеній, къ которымъ приводятъ свѣдѣнія, проникшія о нихъ въ газеты.

Начнемъ съ того, что къ половинѣ сентября мѣсяца, нѣкоторые изъ уѣздныхъ комитетовъ, еще не начали своихъ занятій, обнаруживъ, такимъ образомъ, довольно индифферентное отношеніе къ подлежащимъ ихъ обсужденію серіознымъ вопросамъ. Въ то же время нѣкоторые изъ уѣздныхъ комитетовъ отнеслись къ возложенной на нихъ обязанности съ чрезвычайнымъ интересомъ и обстоятельностью; изъ числа лѣвобережныхъ комитетовъ въ особенности это можно сказать о лохвицкомъ уѣздномъ комитетѣ, затронувшемъ въ своихъ засѣданіяхъ массу самыхъ существенныхъ вопросовъ народной жизни и въ частности сельскохозяйственной промышленности.

Однимъ изъ главныхъ выводовъ, къ которымъ пришли нѣкоторые, наиболѣе дѣятельные комитеты, является выводъ, что причины упадка сельскохозяйственной промышленности кроются въ общихъ условіяхъ сельскохозяйственной дѣятельности населенія, обусловливаются общимъ неблагопріятнымъ устройствомъ деревни, вслѣдствіе чего существующіе недочеты сельскохозяйственной промышленности не могутъ быть устранены какими-либо отдѣльными мѣропріятіями частнаго характера. Одною изъ важныхъ причинъ современнаго упадка сельскохозяйственной промышленности является, по мнѣнію большинства комитетовъ, дѣйствующая финансовая система, сводящаяся къ покро-

вительству обрабатывающей промышленности въ лицѣ сравнительно небольшой группы капиталистовъ, и выражающаяся при томъ въ высокомъ развитіи всякаго рода «акцизовъ» и вообще косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости. Лежащія на землѣ высокія податныя тяжести стоятъ въ противорѣчіи съ недостаточностью надѣловъ и крестьянское малоземелье давно уже достигло предѣловъ, требующихъ спеціальныхъ мѣръ по снабженію крестьянъ землею при содѣйствіи крестьянскаго банка, разселенію ихъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ и т. п. Необходимы общія мѣры, направленныя къ улучшенію экономическаго быта сельскаго населенія, но принимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры могутъ достичь своей цѣли только при условіи подъема общаго культурнаго развитія сельскаго населенія, косность и неразвитость котораго дѣлаетъ его невоспріимчивымъ къ прогрессу въ экономическомъ отношеніи, неспособнымъ воспользоваться проводимыми улучшеніями и реформами, разобраться во все болѣе осложняющихся соціально-экономическихъ условіяхъ. На это указываютъ даже представители земскихъ губерній, не говоря уже о членахъ комитетовъ неземскихъ губерній, гдѣ народное образованіе стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ развитія. Нѣкоторые, напр., изъ уѣздныхъ комитетовъ кіевской губ. (каневскій, липовецкій и др.) необходимость самой широкой постановки дѣла народнаго образованія и всеобщаго обученія, поставили во главу тѣхъ мѣропріятій, которыя они считаютъ безусловно необходимыми для подъема сельскаго быта. Намъ думается даже, что только общій подъемъ дѣла народнаго образованія можетъ служить гарантіей противъ такихъ изъ ряда вонъ выходящихъ явленій крестьянскихъ смутъ и волненій, которыя недавно имѣли мѣсто въ харьковской и полтавской губ., и которыя въ значительной мѣрѣ обусловлены были безпросвѣтною темнотою народной массы, нуждающейся въ знаніяхъ, которыя только и могутъ успѣшно распространяться при помощи книгъ, издаваемыхъ въ общедоступномъ изложеніи на вполнѣ понятномъ простому человѣку родномъ языкѣ. Небезынтересно также отмѣтить настоятельно выраженныя нѣкоторыми изъ нашихъ неземскихъ комитетовъ пожеланія о введеніи земства въ возможно широкомъ видѣ съ выборными губернскими и уѣздными собраніями и управами и объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями. Короче говоря, мѣстные комитеты въ большинствѣ случаевъ сошлись во взглядахъ на въ высокой степени важное значеніе сельскохозяйственной промышленности и на настоятельную необходи-

мость принятія серіозныхъ мѣръ къ улучшенію быта сельскаго населенія, направленныхъ къ общему подъему его экономическаго и культурнаго развитія.

При этомъ, во время сужденій по даннымъ вопросамъ, сказалась довольно замѣтно разница между комитетами неземскихъ и земскихъ губерній. Въ то время какъ комитеты послѣднихъ подходили къ поставленной имъ задачѣ выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и намѣченія мѣръ къ ея улучшенію, большею частью во всеоружіи заранѣе собранныхъ статистическихъ данныхъ, долголѣтняго опыта, наблюденій и выводовъ, пріобрѣтенныхъ за многіе годы сознательной и планомѣрной земской самодѣятельности, комитеты неземскихъ губерній могли руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ только разрозненными личными знаніями и мнѣніями отдѣльныхъ своихъ сочленовъ, что нерѣдко придавало ихъ совѣщаніямъ узко практическій и по преимуществу техническій характеръ, устраняющій болѣе широкую постановку и разработку подлежавшихъ обсужденію вопросовъ.

Если несмотря на такое преимущество въ положеніи и составѣ комитетовъ земскихъ губерній, мы встрѣчаемся все-таки съ такими заявленіями, какія сдѣланы были въ этихъ комитетахъ, напр., предсѣдателемъ суджанской уѣздной земской управы кн. Долгоруковымъ и херсонскимъ губернаторомъ В. А. Левшинымъ о желательности «чтобы составъ комитета соприкасался съ возможно большимъ кругомъ лицъ, могущихъ такъ или иначе принести пользу дѣлу и принять участіе въ его трудахъ», то это служитъ лишь вящимъ доказательствомъ необходимости возможнаго расширенія состава комитетовъ въ неземскихъ губерніяхъ. Вполнѣ понятно поэтому, что уже въ первомъ засѣданіи кіевскаго губернскаго комитета предсѣдателемъ его былъ возбужденъ вопросъ о необходимости участія въ комитетѣ «въ качествѣ свѣдущихъ лицъ *людей отъ земли*». Намъ страннымъ только кажется, почему, согласившись съ этимъ симпатичнымъ и полезнымъ предложеніемъ своего предсѣдателя, губернскій комитетъ постановилъ, что уѣздные комитеты могутъ пригласить «не болѣе (!) трехъ свѣдущихъ лицъ отъ каждаго уѣзда». Намъ кажется, наоборотъ, что возможно широкое приглашеніе свѣдущихъ лицъ, знающихъ край, мѣстныя условія и нужды мѣстнаго населенія, во многихъ случаяхъ могло бы оказаться гораздо полезнѣе участія, такъ наз. на чиновномъ языкѣ, «начальниковъ отдѣльныхъ частей», нерѣдко по самымъ условіямъ своей службы болѣе

знакомыхъ съ канцелярскими порядками своихъ учрежденій, чѣмъ съ бытомъ и нуждами сельскаго населенія своей губерніи или уѣзда. Не зная, чѣмъ объяснить эту цыфру три, установленную какъ предѣлъ числа свѣдующихъ лицъ въ каждомъ комитетѣ, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что, повидимому, такую же роль играетъ эта цифра и въ составѣ свѣдущихъ лицъ губернскаго комитета, куда въ качествѣ таковыхъ приглашены только три профессора: гг. Богдановъ, Вагнеръ и Слезкинъ. Можно думать, что рядомъ съ этими тремя профессорами сельскаго хозяйства и зоологіи, было бы небезполезно участіе въ совѣщаніяхъ комитета также и профессоровъ скотоводства и сельскохозяйственной статистики. Думается также, что нѣкоторую долю пользы могло бы принести и приглашеніе лицъ, по своему служебному положенію близко стоящихъ къ сельскому населенію и его нуждамъ, какъ то, чиновъ податной инспекціи, членовъ и представителей отдѣленій дворянскаго и другихъ земельныхъ банковъ, какъ лицъ непосредственно соприкасающихся съ нуждами помѣстнаго сословія и членовъ и предсѣдателей отдѣленій крестьянскаго банка, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ мѣстнымъ крестьяскимъ нуждамъ.

Рядомъ со всѣмъ этимъ не можетъ быть обойденъ молчаніемъ также и вопросъ о приглашеніи въ уѣздные комитеты свѣдущихъ лицъ изъ среды крестьянъ. Вопросъ объ ихъ приглашеніи дебатировался даже въ нѣкоторыхъ изъ комитетовъ земскихъ губерній и—надо замѣтить кстати—тамъ, гдѣ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно, участіе крестьянъ принесло несомнѣнную пользу указаніемъ ими такихъ сторонъ жизни и такихъ мѣстныхъ нуждъ, на которыя, до ихъ заявленія, не было обращено надлежащаго вниманія интеллигентными членами комитетовъ. Участіе крестьянъ въ качествѣ свѣдущихъ лицъ въ составѣ комитетовъ неземскихъ губерній тѣмъ болѣе желательно, что при отсутствіи сколько-нибудь вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о положеніи населенія, при отсутствіи земства и земскихъ работниковъ, дѣятельность которыхъ сводится къ выясненію нуждъ населенія и неизбѣжно даетъ извѣстный запасъ данныхъ объ условіяхъ его жизни, при разрозненности, наконецъ, интересовъ частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, имѣется полная необходимость услышать голосъ самихъ крестьянъ объ ихъ нуждахъ. Возраженіемъ противъ ихъ участія обыкновенно служитъ указаніе на то, что, находясь въ чуждой средѣ и обстановкѣ, они будутъ стѣсняться высказываться по обсуждаемымъ вопросамъ. Но, во первыхъ, не всѣ же они безтолковы и

неразвиты—можно выбрать и болѣе толковыхъ, грамотныхъ, самостоятельныхъ и т. п., во вторыхъ, въ крайнемъ случаѣ подобная попытка можетъ только не принести дѣлу пользы, но отнюдь не можетъ повредить ему чѣмъ бы то ни было. А услышать голосъ человѣка взятаго въ полномъ смыслѣ слова «отъ земли»—только бы онъ заговорилъ, хотя бы и своимъ простымъ «суконнымъ» языкомъ—было бы, (какъ и оказалось уже изъ опыта нѣкоторыхъ комитетовъ земскихъ губерній) и полезно и поучительно.

Вотъ объ этомъ то желательномъ составѣ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ мы и хотѣли въ настоящей замѣткѣ сказать нѣсколько словъ, отлагая подробный обзоръ результатовъ занятій комитетовъ до слѣдующаго раза.

Л. С. Л.

Артель „Книжный Міръ". Растущая съ каждымъ днемъ въ различныхъ слояхъ нашего общества потребность въ знаніи, повсемѣстное открытіе просвѣтительныхъ учрежденій, школъ, библіотекъ и читаленъ породили невѣдомый до сихъ поръ у насъ спросъ на книгу. На книжный рынокъ выбрасывается масса новыхъ книгъ, разобраться въ которыхъ обыкновенному читателю нѣтъ возможности. Изданія библіографическаго характера не могутъ вполнѣ удовлетворять этому назначенію. Артель «Книжный Міръ» и поставила своей задачей придти на помощь читателямъ и облегчить доступъ лучшимъ произведеніямъ печати въ различные слои общества. Во главѣ артели стоитъ близкій помощникъ Н. В. Левицкаго по организаціи артелей, С. Громанъ. Для достиженія намѣченныхъ цѣлей артель:

1) въ лицѣ своихъ многочисленныхъ интеллигентныхъ сотрудниковъ стремится войти повсемѣстно въ непосредственное живое общеніе съ читающей публикой и, для ближайшаго ознакомленія ея съ различными изданіями, снабжаетъ своихъ сотрудниковъ проспектами, образцами и даетъ книги на просмотръ;

2) принимаетъ заказы на всѣ книги и вообще печатныя и художественныя произведенія;

3) составляетъ смѣты и каталоги для домашнихъ, школьныхъ, народныхъ и общественныхъ библіотекъ и читаленъ и доставляетъ эти библіотеки на льготныхъ условіяхъ по соглашенію;

4) безплатно даетъ отвѣты на всѣ запросы, касающіеся книжнаго и издательскаго дѣла и составляетъ подборъ книгъ для систематическаго чтенія по различнымъ программамъ и спеціальнымъ вопросамъ;

5) представляетъ провинціальнымъ заказчикамъ возможность получить почти всякую книгу по номинальной цѣнѣ ея, безъ оплаты дорого стоющей для нихъ пересылки;

6) предоставляетъ заказчикамъ возможность пользоваться весьма льготными условіями разсрочки и кредита на получившія широкую извѣстность превосходныя изданія товариществъ «Просвѣщеніе», «Общественная Польза», «Брокгаузъ-Ефронъ», «Знаніе», «Скирмунта», «Всходы» и др. («Харк. Вѣд.» № 229).

Полезныя изданія для народа. Медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ впервые вносится въ смѣту будущаго года извѣстная сумма на выдачу премій и субсидій на изданіе общедоступныхъ книгъ и брошюръ съ цѣлью распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній по гигіенѣ и борьбѣ съ нѣкоторыми инфекціонными болѣзнями. Желательно, чтобы изданія эти и по языку приноровлены были къ условіямъ быта данной мѣстности, примѣръ чему былъ данъ нѣкоторыми медицинскими брошюрками, изданными на малорусскомъ языкѣ по порученію Кіевской врачебной инспекціи въ прошломъ году.

Интересный опросъ. Выясненіемъ довольно интереснаго и не для однихъ только этнографовъ вопроса о томъ, какъ называть полтавскихъ крестьянъ—«хохлами» ли, малороссами или козаками—занялся Л. В. Падалка, представившій въ харьковскій археологическій съѣздъ интересный рефератъ: «Что сказалъ народъ полтавской губерніи относительно своего быта?».

Рефератъ явился результатомъ опроса, произведеннаго посредствомъ 192 корреспондентовъ-изслѣдователей. Въ числѣ этихъ, корреспондентовъ большій процентъ—25% составляли козаки, затѣмъ шли священники 20,7%, крестьяне 16,7%, народные учителя 15,2%, отставные солдаты 7,8%, дворяне 5,7%, волостные писаря 3,7%, прочіе 5,2%.

По сообщенію огромнаго большинства корреспондентовъ, *основное* населеніе полтавской губерніи не знаетъ своего собственнаго имени... Повсемѣстно распространено лишь частное обозначеніе: «козаки» и «мужики». Такъ и говоритъ населеніе въ дѣловомъ разговорѣ. «Русскіе» («руськи»), по сообщенію корреспондентовъ,—названіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности, что и сознается населеніемъ. «Хохлы»—насмѣшливое прозвище, «малороссы»—названіе книжное и мало знакомое народу. Малороссами называютъ себя только учившіеся въ школахъ. Спорадически встрѣчается названіе населенія «запорожскимъ поколѣніемъ». Наиболѣе распространено среди населенія прозвище «хохолъ», часто принимаемое съ обидой, какъ бранное слово. Старинная «чуприна»,—сообщаетъ корреспондентъ изъ Хмѣлова,—насмѣшливо приравнивалось къ шишкѣ пѣтуха—«хохлынѣ»—отсюда и прозвище «хохолъ». («Кіев. Газ.», № 236).

Университетъ и „санкюлоты“. Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ имѣлъ выдающійся успѣхъ. Едва ли не одной изъ важнѣйшихъ его заслугъ нужно признать то обстоятельство, что онъ сумѣлъ вызвать громадный, безпримѣрный у насъ интересъ къ предметамъ старины въ тѣхъ слояхъ общества, въ какихъ, казалось, менѣе всего можно было его ожидать, т. е. въ слоѣ простого народа. Вслѣдъ за мѣстною печатью, отмѣтившею этотъ въ высшей степени интересный фактъ, мы также останавливаемся на немъ и обращаемъ на него особенное вниманіе, готовые видѣть въ немъ начало новаго періода въ исторіи сохраненія и изслѣдованія остатковъ родной старины: въ рукахъ простого народа находится значительное большинство памятниковъ старины и отъ того или иного отношенія его къ нимъ зависитъ и дальнѣйшій успѣхъ археологическихъ изслѣдованій. А что вызвать въ народѣ сознательное отношеніе къ памятникамъ старины и пониманіе важности и научнаго интереса ихъ не такъ трудно, какъ это кажется съ перваго взгляда, можно судить по тому отношенію простого народа къ предметамъ археологической выставки, характеристику котораго мы встрѣтили въ интересной статьѣ, напечатанной подъ вышеприведеннымъ нами заголовкомъ въ «Придн Кр.» (№ 1583).

«На Университетской улицѣ всѣ дни, покуда были открыты выставки, толпился простой народъ.

Выставка древностей и предметовъ домашняго быта Малороссіи заинтересовала не только людей «изъ общества».

Устремился обозрѣвать выставки сѣрый людъ, жители городскихъ окраинъ.

Тысячныя толпы народа валили каждый день на Университетскую улицу.

Кто только не былъ здѣсь въ эти дни!

Мастеровые, рабочіе, дѣвушки въ платочкахъ, молодыя женщины съ ребятами на рукахъ—все это, разодѣвшись въ парадныя свои одежды, шло на выставку поглядѣть, «какъ прежде люди жили».

Шли на археологическую выставку полюбопытствовать на «упокойника въ ладьѣ», найденнаго при раскопкахъ, а оттуда переходили на этнографическую—осматривать «хату», со всѣмъ внутреннимъ мужицкимъ убранствомъ, построенную въ залѣ на паркетѣ.

Цѣлые дни на выставкахъ происходила толкотня, стояла пыль столбомъ и духота невыносимая.

Этого нашествія «санкюлотовъ» на университетъ не ожидали. Стали опасаться за цѣлость выставокъ. Думали, какъ быть съ интеллигенціей, вытѣсненной простымъ народомъ изъ выставочныхъ залъ?

Сначала порѣшили назначить особые часы для осмотра выставокъ членами съѣзда, и публику въ эти часы не допускать. Затѣмъ, уже въ послѣдніе дни, сдѣлали то, чего изъ принципа не хотѣли дѣлать. Назначили плату за входъ на выставки, и этой мѣрой оттѣснили «санкюлотовъ».

Любопытно было наблюдать здѣсь эту наивную толпу.

Съ какимъ восторгомъ узнавали они, эти неожиданные гости университета, свое родное. Восклицанія, вскрикиванія раздавались то и дѣло. И люлька съ куклой, изображавшей ребенка, привѣшенная къ потолку хаты, и молодка въ малороссійскомъ нарядѣ, усѣвшаяся на лавкѣ подъ образами, и каравай на столѣ,—все это искренно восхищало ихъ.

И народъ все валилъ и валилъ на выставки и въ будничные дни все равно, какъ и въ праздничные. Съ теченіемъ времени толпы посѣтителей выставокъ не только не уменьшались, но скорѣе увеличивались».

Служители университета едва успѣвали совать билетики входящимъ, чтобы регистрировать число посѣтителей

Въ общемъ выставку посѣтило болѣе 55,000 человѣкъ въ теченіе всего лишь десяти дней.

Говоря о попыткахъ объясненія этого замѣчательнаго факта, авторъ останавливается на объясненіи, данномъ проф. Багалѣемъ въ рѣчи, произнесенной имъ при закрытіи съѣзда. Проф. Багалѣй отмѣтилъ три фактора, содѣйствовавшихъ возбужденію интереса къ съѣзду въ массѣ народа: 1) несомнѣнное просвѣтительное вліяніе школы; 2) дѣятельность безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ харьковскаго общества грамотности и 3) наконецъ мѣстную печать, все время внимательно слѣдившую за дѣятельностію предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Харьковѣ.

Отмѣтивъ среди различныхъ толковъ по этому поводу грубо-скептическое мнѣніе нѣкоторыхъ, упрекающихъ проф. Багалѣя въ идеализаціи черни, и объясняющихъ посѣщеніе выставки съѣзда празднымъ любопытствомъ и любовью толпы ко всякому даровому зрѣлищу, авторъ статьи горячо встаетъ въ защиту народа и говоритъ, что презрительно смотрѣть на посѣтителей археологическихъ выставокъ изъ народа, какъ на толпу праздношатающихся, такъ же невѣрно, какъ преувеличивать въ нихъ сознательное стремленіе къ знанію. Толпа—всегда толпа, всегда разнообразна по своему составу. Конечно, въ ней были и любопытные, по-бабьи бѣжавшіе взглянуть на «упокойника въ ладьѣ», но были, несомнѣнно, и такіе, которые шли на выставку съ пытливыми духовными вопросами—шли посмотрѣть, «какъ люди прежде жили». Эта фраза слышалась на улицѣ, передъ университетскими дверьми, въ той же толпѣ, о которой рѣчь.

Въ основѣ этого движенія десятковъ тысячъ людей на выставку чувствуется нѣчто серьезное, сознательное. Шли на выставки эти тысячи людей не только въ свободные, праздничные дни, но и въ будни, теряя заработки. Очевидно, есть кто-то между низшими слоями нашего городского населенія, кто можетъ вліять на массу и двигать ее на мѣста, и руководить ею. Очевидно, есть кто-то, кто, читая газеты, сознательно интересовался подготовлявшимися въ Харьковѣ въ послѣдніе два года научными выставками, ждалъ ихъ не съ празднымъ любопытствомъ, а съ живымъ стремленіемъ увидѣть поучительное, и пошелъ на нихъ, и повелъ на нихъ *своихъ*. Можетъ быть, ихъ и не много, этихъ сознательныхъ, ищущихъ просвѣщенія людей между

многоголовой народной толпою, но они есть уже, эти люди, мыслящіе за другихъ, дающіе тонъ и направленіе жизни массъ. Есть и множатся эти добровольные и вѣчные «студенты» изъ народа. Не они ли подписываются и влекутъ за собою тысячи подписчиковъ на чтеніе книгъ въ безплатныя народныя читальни харьковскаго общества грамотности, заполняютъ слушателями его аудиторію народныхъ чтеній,—не они-ли слушаютъ лекціи у профессоровъ на курсахъ для рабочихъ, гдѣ такъ переполнено, что яблоку негдѣ упасть, несмотря на плату, которую приходится вносить изъ скудныхъ своихъ заработковъ за право слушанія этихъ лекцій? Эти факты не свидѣтельствуютъ-ли противъ упрека въ праздномъ любопытствѣ праздношатающейся толпы, падкой будто бы на даровщину и вытѣснившей собою интеллигенцію изъ выставочныхъ залъ университета?

Пусть большинство изъ этихъ тысячъ простыхъ людей смотрѣли на выставки съ своей, наивной точки зрѣнія и видѣли не то, что слѣдовало видѣть,—пусть не могли понять и оцѣнить правильно значенія выставокъ и вынесли изъ осмотра лишь внѣшнія, случайныя впечатлѣнія,—не должно презирать ихъ за это. Многіе-ли изъ насъ, интеллигентныхъ обозрѣвателей тѣхъ же выставокъ, могутъ сказать, что были лучшими цѣнителями и судьями видѣннаго, чѣмъ эти простолюдины,—не мечтающіе о себѣ многаго? Что-жъ изъ того, что для многихъ полученныя впечатлѣнія пройдутъ безслѣдно? Пусть хоть въ комъ-нибудь выставки археологическаго съѣзда пробудили мысль, интересъ къ знанію, уваженіе къ благороднымъ задачамъ науки и трудамъ ученыхъ,—и это ужъ очень важно и дорого. А что не поняли и не могли понять, какъ должно, того, что видѣли многіе изъ этихъ людей,—въ томъ нѣтъ еще бѣды. Наука аристократка. У нея всегда много званныхъ и мало избранныхъ. Какъ электрическая энергія, добываемая на центральной станціи, теряется въ проводахъ безъ пользы, пока достигнетъ уличнаго фонаря и засіяетъ въ немъ, освѣщая дорогу прохожимъ, такъ и знаніе проходитъ безслѣдно черезъ головы людей, чтобы просвѣтить одну изъ многихъ. И этотъ свѣтъ служитъ людямъ и искупаетъ всѣ потери...

Въ заключеніе своей статьи авторъ отмѣчаетъ фактъ глубокаго уваженія простого народа къ наукѣ, выразившійся ясно въ томъ, что толпа «санкюлотовъ», численностью болѣе чѣмъ въ 55.000 человѣкъ, прошедшая черезъ выставочныя залы въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней и такъ напугавшая своимъ наплывомъ устроителей вы-

ставки, ни разу не нарушила порядка, ничего не разорила, какъ боялись, и ничего не тронула. Развѣ этотъ фактъ не свидѣтельствуетъ краснорѣчиво если не о культурности народной массы, то объ ея уваженіи къ археологіи?»

Проектъ учрежденія въ Харьковѣ археологическаго общества. Въ № 7470 «Южн. Кр.» напечатано въ высшей степени горячее письмо въ редакцію священника І. Филевскаго «Объ учрежденіи въ Харьковѣ постояннаго археологическаго общества», «сердцу котораго—по выраженію автора письма—были бы особенно любы, особенно близки судьбы и интересы мѣстной древности, художественно-прекрасной по историческимъ воспоминаніямъ, чрезвычайно цѣнной по морально-народному творчеству, весьма полезной въ общественно-воспитательномъ отношеніи». Несомнѣнно, что Харьковъ, являющійся крупнымъ умственнымъ центромъ лѣвобережной Слободской Украины, давно нуждается въ такомъ учрежденіи.

Проектъ организаціи мѣстныхъ музеевъ. Среди рефератовъ, доложенныхъ на бывшемъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, обращаетъ на себя вниманіе рефератъ г. Василенка «Къ вопросу изъ областной этнографіи». Указавъ на отсутствіе систематическаго изслѣдованія въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ народнаго быта, авторъ доклада признаетъ необходимымъ учрежденіе въ губерніяхъ обществъ любителей научнаго изученія края по систематическимъ программамъ для собиранія и разработки матеріаловъ, по образцу существующихъ уже обществъ изученія Алтая, Кубани и Волыни. Референтомъ въ заключеніе предложены были слѣдующіе тезисы: 1) Признать въ принципѣ желательнымъ, благовременнымъ и необходимымъ организацію въ каждой изъ южныхъ губерній обществъ любителей изученія края въ разнообразныхъ научныхъ отношеніяхъ. 2) Въ виду существующихъ благопріятныхъ условій, признать необходимымъ обратиться отъ XII археологическаго съѣзда съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губерніи. 3) Обратиться къ губернскимъ земствамъ южныхъ губерній съ предложеніемъ подвергнуть обсужденію вопросъ объ организаціи мѣстныхъ историко-филологическихъ и этнографиче-

скихъ музеевъ, съ предоставленіемъ завѣдыванія музеями мѣстнымъ обществамъ любителей изученія края.

Областной музей имени А. Н. Поля обогатился на-дняхъ слѣдующими вкладами: отъ А. П. Деконскаго поступили родовыя жалованныя грамоты, а также отъ П. А. Поповича жалованныя грамоты и весьма цѣнная и очень интересная булава его предка, сотника Степана Поповича. Отъ М. Г. Бѣлинскаго поступило 10 мѣдныхъ копеекъ временъ царей Ивана Грознаго и Ѳеодора. («Придн. Кр.» № 1580).

Археологическія находки. Въ саду князя Потемкина, въ нижней его части, обнаруженъ хранителемъ областного музея имени А. Н. Поля, остатки бывшаго здѣсь древняго городища и сельца, на которое случайно наткнулся воспитанникъ одного изъ мѣстныхъ реальныхъ училищъ. Найдены черепки первобытной посуды съ разнороднымъ орнаментомъ. Кромѣ того, найденъ каменный молотъ, плохо отшлифованный, древнѣйшей формы. Однимъ изъ учениковъ городского училища также найденъ вполнѣ сохранившійся цѣлый глиняный сосудъ; всѣ эти предметы имѣютъ несомнѣнно историческую цѣнность («Придн. Кр.» № 1580).

Раскопки Д. И. Эварницкаго. Въ селѣ Веселомъ, мелитопольскаго уѣзда, таврической губ., въ имѣніи графа И. В. Канкрина проф. Д. И. Эварницкимъ произведена раскопка большого кургана, подъ названіемъ Луговая могила; раскопка производилась въ теченіе цѣлаго мѣсяца при 45 рабочихъ ежедневно. Въ верхнихъ слояхъ кургана найдена прекрасной работы керамическая древнегреческая ваза, остродонная, съ двумя ручками, вмѣстимостью до $2^1/_2$ ведеръ, орнаментированная поперечными кругами. Тамъ-же найдены наконечники бронзовыхъ стрѣлъ. Въ нижнихъ слояхъ оказалось погребеніе каменнаго вѣка съ переходомъ въ бронзовый. По линіи горизонта, на самой подошвѣ кургана, найдено большое сооруженіе въ видѣ полукруга изъ огромныхъ тесаныхъ камней, поставленныхъ вплотную

одинъ возлѣ другого. Подъ камнями оказалось 5 могилъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, со скелетами и посудой примитивнаго издѣлія, безъ украшеній и съ украшеніями сложными и затѣйливыми. Скелеты оріентированы съ юга на сѣверъ (головами на югъ); въ нѣкоторыхъ могилахъ лежатъ по два скелета (вѣроятно мужъ и умерщвленная, положенная съ нимъ жена); въ одной могилѣ открытъ вмѣстѣ съ большимъ скелетомъ скелетъ ребенка, по всѣмъ видимостямъ находившагося въ утробѣ матери. Въ третьей могилѣ открытъ скелетъ повидимому молодой женщины, возлѣ которой положено было глиняное корытце съ чрезвычайно сложнымъ орнаментомъ, большой кусокъ оранжевой минеральной краски. для раскрашиванія на томъ свѣтѣ по существовавшему обычаю, такъ называемой на археологическомъ языкѣ «аурипигмента», а также на нижней части живота 4 вылощенныхъ, съ просверленными дырочками, зуба животныхъ, служившихъ для украшенія части одежды, которая у насъ называется фартукомъ.

Изъ другихъ вещей найдены каменный мельничный жерновъ, кремневые ножи, такіе же наконечники стрѣлъ, створки рѣчныхъ раковинъ, которыхъ первобытный человѣкъ употреблялъ въ пищу.

Всѣ эти и другія найденныя въ курганѣ вещи пожертвованы графомъ И. М. Канкринымъ екатеринославскому областному музею и лично привезены проф. Д. И. Эварницкимъ. («Придн. Кр.» № 1583).

Дѣятельность научнаго общества въ Екатеринославѣ На страницахъ нашего журнала неоднократно отмѣчалась энергичная дѣятельность молодого общества, направленная къ открытію и разработкѣ памятниковъ старины. Въ настоящее же время выборъ Екатеринослава мѣстомъ будущаго XIII археологическаго съѣзда усилилъ и оживилъ интересы общества къ преслѣдуемымъ имъ задачамъ и цѣлямъ. Судя по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, о работѣ членовъ общества, и интересу, съ какимъ относится мѣстная печать къ первымъ шагамъ дѣятельности общества, можно надѣяться, что будущій съѣздъ будетъ интересенъ не менѣе харьковскаго. По словамъ «Придн. Края» (№ 1583) созывъ археологическаго съѣзда въ 1905 г. въ Екатеринославѣ вызываетъ живѣйшее сочувствіе среди землевладѣльцевъ екатеринославской губ. Такъ, предводитель дворянства екатеринославской губ. М. И. Миклашевскій, графъ И. В. Канкринъ, А. П. Струковъ, П. А. Ганъ, Ф. Ф. Шишкинъ, Г. П. Алексѣевъ и

князь Урусовъ предложили произвести на ихъ землѣ за ихъ счетъ археологическія изысканія и раскопки въ предстоящему съѣзду. Въ состоявшемся 7 сентября, засѣданіи правленія Научнаго общества въ присутствіи профессора Д. И. Эварницкаго были, между прочимъ, намѣчены пункты какъ для научныхъ экскурсій, такъ и для выставокъ коллекцій древностей, которыя могутъ поступить во временное распоряженіе предварительнаго комитета въ теченіе предстоящаго археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ въ 1905 году. Также были приведены въ извѣстность коллекціи казацкихъ древностей, которыя имѣются у разныхъ лицъ въ губерніи. Правленіе постановило: обратиться къ означеннымъ лицамъ съ просьбой предоставить въ распоряженіе предварительнаго комитета предстоящаго археологическаго съѣзда имѣющіеся у нихъ предметы. Кромѣ того, предположено просить разрѣшеніе взять изъ церкви села Покровскаго древнѣйшій иконостасъ и стасидіонъ (мѣсто, гдѣ кошевой стоялъ въ церкви). («Придн. Кр.» № 1584).

Результаты экскурсіи И. М. Каманина. И. М. Каманинъ совершилъ экскурсію по уѣздамъ таращанскому и чигиринскому, въ которыхъ не мало старинныхъ церквей, совершенно необслѣдованныхъ со стороны значенія ихъ иконописныхъ памятниковъ. Главнѣйшее значеніе въ этихъ храмахъ имѣютъ иконостасы; старыхъ иконостасовъ въ полной сохранности изслѣдователь нигдѣ не нашелъ и лишь верхніе ярусы ихъ кое-гдѣ дошли до нашего времени. По оставшимся памятникамъ можно представить себѣ общій видъ иконостаса; всѣ иконы имѣютъ какъ бы свои рамы, по бокамъ не глубоко рѣзныя колонки: на нихъ въ большинствѣ случаевъ вырѣзаны гроздья винограда; важнѣйшая часть иконостаса—царскія врата—повсюду новыя и не представляютъ собой большого интереса. Иконы по своему исполненію нерѣдко довольно любопытнаго стариннаго письма, но сюжеты однообразны: изображеніе страданій и воскресенія Спасителя, Скорбящей Божіей Матери, великомученицъ Варвары и Екатерины, Маріи Магдалины (въ видѣ польской пани-женщины въ польскомъ нарядѣ)—вотъ наиболѣе часто повторящіеся сюжеты. Южно-русскія церкви, вообще, представляютъ очень много однообразныхъ по содержанію иконъ, въ противоположность сѣвернымъ, гдѣ онѣ очень разнообразны.

Но, будучи однообразными по содержанію, въ техническомъ отношеніи большинство иконъ стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ иконы сѣверныхъ иконописныхъ пошибовъ. Результаты экскурсіи И. М. Каманина составятъ, несомнѣнно цѣнный вкладъ въ бѣдную у насъ литературную исторію южно-русской иконописи. («Бирж. Вѣд.», № 225).

Предполагаемые слѣды сооруженій древняго города Тороча. «Кіевл.» сообщаетъ, что священникъ с. Безрадичи, кіевскаго уѣзда, о. П. Леонтовичъ, обнаружилъ на церковной землѣ остатки какого-то древняго сооруженія, обнаженные на глубинѣ 8 аршинъ послѣдними ливнями. Видны дубовыя части какой-то постройки. Мѣстные старожилы не могутъ припомнить, что именно было на мѣстѣ находки. Священникъ же предполагаетъ, что это одно изъ сооруженій древняго города Тороча.

Коллекція картинъ. Въ музей Императора Александра III пріобрѣтена богатѣйшая коллекція картинъ какъ современныхъ художниковъ, такъ и историческихъ. Среди картинъ находятся рѣдкіе экземпляры произведеній Брюлова, Боровиковскаго и др. («Придн. Кр.» № 1576).

Новое Общество. Проживающіе въ Россіи уроженцы зарубежной Галицкой Руси, по словамъ «Нов. Вр.», возымѣли мысль основать въ Петербургѣ «Общество содѣйствія къ ознакомленію съ Прикарпатской Русью и матеріальной помощи ея уроженцамъ». Новое общество имѣетъ цѣлью способствовать изученію настоящаго и прошлаго Прикарпатской Руси и оказывать поддержку ея уроженцамъ. Уставъ новаго общества на дняхъ утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и 1-го октября состоится торжественное открытіе дѣятельности общества. («Южн. Кр.», № 7487).

Конкурсъ на соисканіе премій имени А. Ѳ. Гильфердинга. Совѣтъ с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества возобновилъ конкурсъ на соисканіе двухъ премій имени А. Ѳ. Гильфердинга, учрежденныхъ 11 мая 1893 года. Первая премія въ 3,000 руб-

лей будетъ выдана за лучшій сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до нашихъ дней, въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ случаѣ представленія очерка исторіи однихъ южныхъ или однихъ западныхъ славянъ, автору можетъ быть выдана половинная премія въ 1,500 рублей. Если же не будетъ представлено ни одного сочиненія, заслуживающаго полной или половинной преміи, то могутъ быть выданы малыя преміи по 500 рублей каждая за лучшіе отдѣльные очерки исторіи: 1) болгаръ, 2) сербовъ, 3) хорватъ, 4) словенцевъ, 5) словаковъ, 6) чехо-моравовъ, 7) поляковъ и вообще славянъ ляшской группы (включая сюда прибалтійскихъ славянъ) и 8) средне-лабскихъ славянъ, какъ вымершихъ, такъ и живущихъ (на рр. Саревѣ, Средней Лабѣ, Салѣ и Верхнемъ Майнѣ). Вторая премія въ 1,000 рублей будетъ выдана за лучшій этнографическій обзоръ современнаго, особенно зарубежнаго, славянства. Сочиненія на вышеуказанныя темы должны быть представлены въ совѣтъ с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества на русскомъ языкѣ не позже 14 февраля 1905 г. («С.-Петер. Вѣд.», № 245).

Вліяніе славянскихъ языковъ на другіе европейскіе языки. Недавно умершій славистъ Миклошичъ издалъ цѣнный трудъ, въ которомъ собраны были слова, позаимствованныя изъ славянскихъ языковъ и получившія права гражданства въ другихъ европейскихъ языкахъ. Такъ, въ румынскомъ языкѣ имѣется такихъ словъ 1083, въ венгерскомъ—956 въ новогреческомъ—317, цыганскомъ—649. Трудъ этотъ продолжается нынѣ г. Иваномъ Коштіялемъ, издавшимъ недавно брошюру подъ заглавіемъ: «Славянскіе элементы въ нѣмецкомъ языкѣ», содержащую перечень и объясненіе 88 славянскихъ словъ, принятыхъ нѣмцами. Изъ объясненій автора видно, что нѣмцы позаимствовали у славянъ главнѣйшія понятія изъ сферы горной промышленности, добычи соли, строительной дѣятельности и земледѣлія. («Спб. В.», № 210).

Живая этнографическая выставка. По иниціативѣ барона Блюменау организуется акціонерное общество для устройства живой этнографической выставки племенъ, населяющихъ Россію. Если удастся

собрать по подпискѣ необходимый капиталъ, то въ сентябрѣ выѣдутъ вербовщики. Главная задача—собрать представителей съ ихъ утварью и національными костюмами. Выставка состоится передъ весною. («Живоп. Рос.», № 86).

Къ положенію дѣлъ въ Галиціи. Борьба русиновъ въ Галиціи съ поляками вступила въ новую фазу. Представители русинскаго народа и депутаты прогрессивной соціалъ-демократической партіи заявили, что съ наступленіемъ парламентской сессіи, они сдѣлаютъ запросъ премьеру, министру Керберу, по поводу дѣйствій правительства во время забастовки галиційскихъ крестьянъ, явно дѣйствовавшаго въ интересахъ станчиковъ. Съ цѣлью предупредить непремѣнно имѣвшую подняться вслѣдствіе этого бурю въ парламентѣ, Керберъ проектировалъ до открытія парламентской сессіи созвать польско-русинскую примирительную конференцію для достиженія соглашенія между борющимися народностями.

Русинскій національный комитетъ въ своемъ органѣ «Свобода» не замедлилъ выставить требованія, отъ исполненія которыхъ русины ставятъ въ зависимость свою готовность къ принятію участія въ проектируемой конференціи. Требованія эти сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Отмѣна общинныхъ представительствъ въ восточной Галиціи, равно какъ и легальное и законное производство новыхъ выборовъ для нихъ, если половина населенія потребуетъ этого. 2) Распущеніе галиційскаго сейма, равно какъ и легальное и законное производство новыхъ выборовъ въ него. 3) Учрежденіе, по одному въ каждой изъ русинскихъ общинъ восточной Галиціи, русинско-національныхъ училищъ, освобожденіе всѣхъ русинскихъ учениковъ отъ обязанности изучать польскій языкъ и учрежденіе провинціальнаго русинскаго школьнаго совѣта для руководства школьнымъ дѣломъ въ населенныхъ русинами мѣстностяхъ. 4) Учрежденіе гимназій съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ въ русинскихъ городахъ: Рогатинъ, Яворовъ, Чёртковъ, Уновъ и др. 5) Полное возстановленіе равноправности языковъ. 6) Полное уравненіе русинскаго языка съ польскимъ во всѣхъ вѣдомствахъ восточной Галиціи. 7) Перемѣщеніе обратно всѣхъ русинскихъ чиновниковъ изъ западной Галиціи въ восточную. 8) Невмѣшательство правительства при разногласіяхъ относительно заработной платы между помѣщиками и рабочими,—въ

особенности воздержаніе отъ поддержки помѣщиковъ со стороны правительства. 9) Пересмотръ земельнаго кадастра съ цѣлью пониженія податного бремени для крестьянъ. 10) Матеріальное содѣйствіе парцелляціи помѣщичьихъ имѣній, чтобы дать возможность русинскимъ крестьянамъ пріобрѣтать эти парцеллы.

Нечего и говорить о томъ, что станчикамъ, никогда не думавшимъ о примиреніи съ «быдломъ-хлопомъ», выставленныя требованія показались чрезмѣрными и дерзкими. Какъ бы въ отвѣтъ на эти требованіи у шляхты явилась мысль выжить изъ восточной части Галичины русиновъ, колонизовавъ ее польскими крестьянами-мазурами изъ западной Галиціи, на самыхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ при помощи ипотечныхъ банковъ. И несомнѣнно, что банки съ большимъ удовольствіемъ откроютъ кредитъ трудолюбивымъ крестьянамъ, чѣмъ задолжавшимся и разорившимся помѣщикамъ-шляхтичамъ, которые не въ состояніи даже уплачивать процентовъ. Несомнѣнно, что осуществленіе такого проекта грозитъ серіозной опасностью для нѣсколькихъ милліоновъ почти безземельныхъ русиновъ, выходъ изъ которой одинъ—массовая эмиграція. Выраженное въ категорической формѣ нежеланіе польской шляхты вступать вообще въ какіе бы то ни было переговоры съ представителями русинскаго народа, и въ частности, изложенный нами проектъ выселенія русиновъ изъ родной земли сыграли роль масла, подлитаго въ огонь. По словамъ «Спб. Вѣд.» (№ 241) органъ младоукраинцевъ «Діло» съ своей стороны рѣшительно высказался противъ разрѣшенія путемъ конференціи польско-русинскихъ недоразумѣній. «Русины ни разговаривать, ни договариваться,—говоритъ «Діло»,—съ польскими представителями не будутъ, такъ какъ имъ не довѣряютъ. Посредничество центральнаго правительства мы понимаемъ такимъ образомъ, что оно само должно завести порядокъ въ Галиціи и исполнить по отношенію къ намъ свои прямыя обязанности, освобождая русинскій народъ отъ неволи и гнета на собственной его землѣ». «Вообще,—пишетъ дальше тотъ же органъ младоукраинцевъ,—на неистовствующихъ въ восточной Галиціи малыхъ и большихъ тирановъ, нужно вліять не убѣжденіемъ и призывомъ къ миру, а мечомъ, нужна желѣзная рука, которая была бы въ состояніи силой освободить русинскій народъ отъ ярма... Дальнѣйшее господство польскихъ властителей должно неизбѣжно привести къ кровавымъ столкновеніямъ, которыя, въ свою очередь, могутъ повлечь за собой самыя непредвидѣнныя для поляковъ послѣдствія».

Цитируя эту статью «Ділa», польскій «Czas» пишетъ: «Такова окончательная программа самой сильной нынѣ русинской партіи. Мрачная угроза ножемъ, напоминающая ропотъ черни Желѣзняка и Гонты, идущей къ Умани».

Далѣе, принимая видъ угнетенной невинности и какъ-бы апеллируя къ общественному мнѣнію всего славянства, «Czas» говоритъ: «Въ то время, какъ въ польскій народъ, стали вновь ударять нѣмецкіе громы, вслѣдствіе чего среди всего честнаго славянства проявилось чувство симпатіи къ страданіямъ этого народа, въ это самое время у него подъ бокомъ выросъ новый врагъ изъ среды самого славянства. Это тѣмъ болѣе жестоко, что врагъ этотъ выкормленъ (?!) собственной рукой, такъ какъ долгіе годы польскіе политики съ особой предупредительностью и готовностью на дальнѣйшія уступки культивировали развитіе «молодой Украины», ведя борьбу съ партіей святоюрцевъ. Руководители младоукраинцевъ, возложивъ на себя лисью одежду дружбы, заполучали въ счетъ этой дружбы выгодныя мѣста и назначенія, чтобы затѣмъ блеснуть... призракомъ гайдамачины».

Итакъ, если вѣрить «Czas'у», то выходитъ, что польское шляхетство было кормильцемъ и поильцемъ русинскаго народа, выгрѣвшимъ змѣю на собственной груди. Голосъ «Czas'а» несомнѣнно является выразителемъ общаго мнѣнія всего шляхетства, такъ какъ «Czas» является органомъ польскаго клуба. Въ этомъ органѣ недавно появилось письмо по поводу русинско-польскихъ отношеній одного изъ сеймовыхъ депутатовъ, который, указывая на «громадный въ послѣднее время ростъ слѣпой (?) ненависти русиновъ ко всему польскому», говоритъ: «при нынѣшнемъ положеніи вещей о какомъ-нибудь соглашеніи съ руководителями русинъ не можетъ быть рѣчи. Послѣ скандаловъ въ университетѣ и массового ухода студентовъ-русинъ изъ стѣнъ заведенія, послѣ подачи руководителями русинскаго народа петиціи въ Вѣну о введеніи въ львовскомъ университетѣ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ недавнихъ забастовокъ сельскаго рабочаго населенія, сопровождаемыхъ насиліями, въ виду, наконецъ, крайне враждебнаго настроенія русинской интеллигенціи и печати—не съ кѣмъ рѣшительно даже и говорить о соглашеніи. Если даже нынѣшній русинскій митрополитъ не можетъ, или полагаетъ, что не можетъ, выступить противъ этой оргіи ненависти съ какимъ-нибудь предостереженіемъ, то, вѣроятно, онъ видитъ, что нѣтъ почвы къ какимъ бы то ни было переговорамъ. Отказываясь, поэтому, отъ нихъ,

намъ слѣдуетъ подумать серьезно и спокойно о способахъ защиты нашихъ интересовъ на востокѣ Галиціи. Искушенію взаимной ненависти къ русинамъ мы съумѣемъ противустоять. Эта ступень культуры, на которой ненависть можетъ быть побужденіемъ къ оборонительной борьбѣ, уже нами пройдена. Но въ то же время намъ слѣдуетъ отказаться и отъ излишняго сантиментализма по отношенію «братьевъ-русинъ» и приступить солидарно, энергично къ дѣлу самозащиты».

Призывая къ дѣлу самозащиты, авторъ письма намѣчаетъ и программу дѣятельности. Онъ прежде всего указываетъ на необходимость учрежденія строгаго контроля надъ дѣятельностью русинскихъ духовныхъ семинарій и гимназій, являющихся нынѣ очагами этой пропаганды ненависти къ полякамъ, а въ то же время всѣми средствами содѣйствовать не только поддержанію, но и расширенію польскаго элемента въ восточной Галиціи.

Органъ польскихъ либераловъ «Nowa Reforma» высказывается по вопросу о польско-русинскихъ отношеніяхъ въ духѣ примиренія. «Придется долго ждать, говоритъ органъ, пока затихнуть эти военныя трубы. Но мы должны быть по отношенію къ русинскому народу болѣе справедливы, чѣмъ русинскія газеты по отношенію къ намъ. Мы знаемъ, что народъ и газеты, не одно и то же. Русинскія газеты пѣли уже на разные лады, русинскій же народъ остался одинъ и тотъ же; нынѣ онъ искусственно раздраженъ, но придетъ время—онъ успокоится и самъ осудитъ свое положеніе. Поэтому было бы нехорошо, если бы польскій народъ, подъ вліяніемъ пропаганды ненависти, провозглашаемой нынѣ русинскими газетами, отвѣтилъ ненавистью къ русинскому народу». («СПБ. Вѣд.», № 250).

Еще по поводу участія галицкихъ ученыхъ въ археол. съѣздѣ. Въ № 192 газеты «Руслан» проф. К. Студынській помѣстилъ письмо «в справі археольогічного з'їзду в Харкові». Въ виду его интереса и для нашей публики приводимъ его въ переводѣ на русскій языкъ.

«Къ незначительному числу членовъ «Наукового Товариства імени Шевченка», получившихъ приглашеніе на археологическій съѣздъ, принадлежалъ и я. Слѣдуя единогласному рѣшенію всѣхъ секцій «Наук. Товариства» 12 іюля, я отказался отъ участія въ харьковскомъ съѣздѣ и увѣдомилъ объ этомъ графиню Уварову, предсѣдательницу археолог. съѣзда, слѣд. письмомъ:

«Ваше Сіятельство! Отъ имени своего и имени проф. Ивана Верхратскаго имѣю честь принести Вамъ, Ваше Сіятельство, искреннюю благодарность за приглашеніе на археологическій съѣздъ. Къ глубокому сожалѣнію мы не имѣемъ возможности принять въ немъ участія. Склоняетъ насъ къ этому шагу прежде всего то обстоятельство, что мы хотѣли явиться на съѣздъ какъ депутаты «Наук. Товариства ім. Шевч.», а оно между тѣмъ, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, никакого приглашенія не получило. Точно также остался для насъ невыясненнымъ и вопросъ о допущеніи на съѣздѣ украинскаго языка, вопросъ, отрицательное рѣшеніе котораго на предыдущемъ съѣздѣ въ Кіевѣ причинило намъ глубокое огорченіе.

Надѣясь, что на ближайшемъ съѣздѣ оба упомянутыя нами препятствія будутъ устранены, а чрезъ то и дана намъ будетъ возможность принять самое дѣятельное участіе въ трудахъ съѣзда, мы приносимъ еще разъ Вамъ, Ваше Сіятельство, свою глубокую благодарность за приглашеніе

Съ истиннымъ уваженіемъ К. Студынськiй.

С. Кипячка. 14 авг. нов. ст. 1902 почт. ст. Тернополь».

—

На это письмо получилъ я слѣдующій отвѣтъ графини Уваровой отъ имени императ. московскаго археологич. общества.

«Милостивый Государь! Въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ 14 августа с. г. императорское моск. археолог. общество имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что «Товариству имени Шевченка» Обществомъ посланы приглашеніе и правила харьковскаго съѣзда и Общество не понимаетъ, почему оно не можетъ назначить Васъ своимъ представителемъ. Что же касается до малороссійскаго языка, то если Вы обратите вниманіе на § 29 правилъ съѣзда, то увидите, что согласно этого параграфа, рефераты на малороссійскомъ языкѣ будутъ допущены на этомъ съѣздѣ».

Предсѣдатель: графиня Уварова.

—

Письмо графини Уваровой получилъ я вслѣдствіе неточности адреса лишь 2-го сент. нов. ст., т. е. въ то время, когда съѣздъ уже работалъ. Того же дня послалъ я графинѣ Уваровой слѣдующій отвѣтъ:

«Ваше Сіятельство! Ваше милостивое письмо, адресованное во Львовъ, получилъ я лишь только что въ селѣ Кипячкѣ у Тернополя,

гдѣ пребываю я въ каникулярное время. Глубоко благодаренъ Вамъ, Ваше Сіятельство, за любезное разъясненіе вопроса о приглашеніи «Наук. Товариства» и о допущеніи украинскаго языка на археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Позволяю себѣ довести это разъясненіе до свѣдѣнія не только «Товариства ім. Шевч.», но и широкой публики, которая живо интересуется даннымъ вопросомъ. Глубоко сожалѣю, что паспортныя трудности, краткость времени, какое еще продолжится съѣздъ, а главное—невозможность взаимнаго соглашенія членовъ «Наукового Товариства», которые вотъ уже $1^1/_2$ мѣсяца требываютъ внѣ Львова по случаю каникулъ,—препятствуютъ намъ въ настоящій моментъ пріѣхать въ Харьковъ. Впрочемъ, письмо Ваше, многоуважаемая графиня, даетъ мнѣ увѣренность, что на слѣдующемъ съѣздѣ мы будемъ имѣть возможность появиться и подѣлиться съ участниками его своими научными работами.

Дабы не оставалось никакихъ недоразумѣній, я обязанъ прибавить, что любезно высланное Вами приглашеніе «Наукового Товариства ім. Шевч.» не было имъ получено, и это обстоятельство и побудило *трехъ* приглашенныхъ членовъ: меня, проф. Ив. Верхратскаго и др. Вас. Щурата (изъ числа *девяти* предложенныхъ въ маѣ этого года «Товариствомъ ім. Шевченка» императ. московскому археол. обществу) согласно рѣшенію секцій «Товариства» не принять участія въ съѣздѣ.

При этомъ долженъ замѣтить, что мы читали § 29 правилъ съѣзда, въ которомъ сказано, что на съѣздѣ можно будетъ предлагать рефераты на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но печальный опытъ предыдущаго съѣзда въ Кіевѣ не далъ намъ увѣренности, что и на этотъ разъ рефераты на нашемъ родномъ языкѣ будутъ допущены. Ваше слово, многоуважаемая графиня, или же краткое увѣдомленіе московскаго археол. общества, къ которому по этому поводу «Товариство ім. Шевченка» нарочно обращалось, разсѣяло бы, конечно, всѣ наши сомнѣнія.

Приношу еще разъ вамъ, Ваше Сіятельство, искреннюю благодарность какъ за приглашеніе на съѣздъ, такъ и за ту внимательность, съ какой вы отнеслись къ нашему пріѣзду въ Харьковъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи К. Студынській».

Кипячка, 2 сент. нов. ст. 1902 г.

На этомъ кончается моя переписка. Нѣтъ сомнѣнія, что граф. Уварова выказала во всемъ этомъ дѣлѣ много внимательности и добро-

желательности, за что ей, и приносится глубокая благодарность. Не берусь однако рѣшать, кто виноватъ въ томъ, что «Товариство ім. Шевченка» не получило приглашенія. Играла ли тутъ роль случайность, или же работа людей, которымъ не понутру была возможность прибытія на съѣздъ бóльшаго числа представителей «Наукового Тов. ім. Шевченка» съ рефератами на украинскомъ языкѣ?»...

«Фондъ академічний». Всего на такъ наз. «фондъ академічний», т. е. студенческій—въ пользу студентовъ русиновъ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года изъ Львовскаго унив.—было собрано (отъ 5 дек. 1901 по 31 авг. 1902 г.) 69.746 коронъ 54 сотыка (около 27.677 р.). По удовлетвореніи нуждъ молодежи оставалась еще нѣкоторая сумма (17.806 коронъ, т. е. 7.000 слишкомъ рубл.). Ее сецессіонисты жертвуютъ въ помощь крестьянамъ, пострадавшимъ во время стачки.

Малорусскія лекціи на филологич. фак. Львовскаго унив. въ осеннемъ полугодіи 1902—3 ак. г. Проф. *Грушевскій:* исторія уніи, Литвы и Польши (2 часа въ недѣлю), исторія Восточной Европы въ XVII—XVIII в. (2 часа въ недѣлю), историч. упражненія (1 часъ въ нед.).

Проф. Студынськiй: Исторія литературы до конца XV в. (2 часа), склоненіе и спряженіе въ церковно-слав. языкѣ (2 часа), литературн. упражненія (1 часъ).

Проф. Колесса: Исторія украинск. литературы XIX в. (2 часа), историческая грамматика украинскаго языка (2 часа), практическ. упражненія по украинск. языку и литературѣ (1 часъ), семинаріи по украинской филологіи (чтеніе избранныхъ произведеній старой и новой украинской литературы, языкъ ихъ, оцѣнка научныхъ сочиненій) (2 часа).

Лекторъ *Кокорудзъ*, малорусскій языкъ: I отдѣлъ (для начинающихъ—младшій курсъ): правописаніе, письменныя упражненія, грамматика (склоненіе сущ., мѣст. и проч.), чтеніе (2 часа). II отд. (старшій курсъ): отличительныя черты малор. языка отъ польскаго; переводы съ польскаго на малорусскій (2 часа).

Галицкія гимназіи. Беремъ изъ галицкаго журнала «Учитель» нѣсколько цыфръ, касающихся среднихъ школъ Галичины въ 1900—1901 учебн. году. Всего гимназій въ Галичинѣ было 40, съ малорусскимъ же преподавательскимъ языкомъ было всего на всего 4: такъ наз. академическая во Львовѣ, (591 ученикъ), потомъ въ Перемышлѣ (464 учен.), Коломыѣ (326 уч.) и въ Тернополѣ 88 уч. (всего 2 класса). Всего учащихся было въ концѣ учебного года по религіи: римско-католиковъ 12.266, греко-католиковъ 3.683, іудейскаго испов. 3.870, евангелич. исп. 123, армяно-католиковъ 100, иновѣрцевъ 22, православныхъ 2. По народностямъ: поляковъ 16.053, русиновъ 3.528, нѣмцевъ 400, чеховъ 22, мадъяръ 2, англичанъ 1.

Какъ видимъ, всѣ евреи и нѣкоторое количество русиновъ признали себя въ національномъ отношеніи поляками. Всего учащихся въ русинскихъ гимназіяхъ было 1469 душъ, среди нихъ: греко-католиковъ 1.459, р.-кат. 3, православн. 2 и іудейск. исп. 5, по народностямъ: 1.467 русинъ и 2 поляка.

Фаддей Ростиславичъ Рыльскій. *(Некрологъ)*. 25 сентября скончался въ своемъ имѣніи, въ с. Романовкѣ, *Ѳ. Р. Рыльскій*, одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, издавна уже заявившій себя, какъ человѣкъ національно-украинскаго направленія, несмотря на то, что принадлежалъ онъ къ польской семьѣ и оставался въ католической вѣрѣ до самой смерти. Еще въ началѣ 60-хъ годовъ, въ бытность его студентомъ Кіевскаго университета, онъ былъ органически связанъ съ кружкомъ украинцевъ, за что не снискивалъ симпатій со стороны польскаго кружка, отголоски чего можно было видѣть въ тогдашней польской прессѣ, вызвавшей со стороны В. Б. Антоновича его знаменитый отвѣтъ г. Падалицѣ (Основа, 1862 г. № 1). Въ «Основѣ» же началъ свое литературное поприще и Ѳ. Р. Рыльскій и, продолжая его затѣмъ въ послѣдніе 20 лѣтъ въ галицкихъ журналахъ, время отъ времени помѣщалъ свои статьи и въ «Кіевской Старинѣ».

Ограничиваясь пока этими строками, такъ какъ время не позволяетъ намъ дать теперь болѣе пространную поминку о Ѳ. Р. Рыльскомъ, мы въ одной изъ ближайшихъ книжекъ посвятимъ отдѣльную статью характеристикѣ этого честнаго, симпатичнаго человѣка, *вѣрнаго сына своей родины—Украины.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды Общества изслѣдователей Волыни, **т. 1.** *Житомиръ, 1902 г., 173 стран. съ 11-ю литогр. рисунками.*

Задачи и цѣли этого Общества настолько близки нашему журналу, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ приступаемъ къ обзору перваго выпуска его «Трудовъ», и прежде всего познакомимъ читателей съ исторіей учрежденія Общества, какъ она изложена въ вступительномъ очеркѣ, составленномъ О. А. Фотинскимъ.

Идея учрежденія Общества изслѣдователей Волыни принадлежитъ извѣстному этнографу Н. И. Коробкѣ, почти ежегодно проводящему лѣто на Волыни. Въ 1896 году онъ помѣстилъ въ газетѣ «Волынь» «Письмо къ волынской интеллигенціи», въ которомъ, ссылаясь на примѣръ сосѣдней Галиціи, гдѣ въ недавнее время такъ блестяще развилась научная дѣятельность и живой интересъ къ изученію родного края, онъ выразилъ пожеланіе, чтобы культурные элементы мѣстнаго общества и вообще всѣ, кто составляетъ дѣйствительную интеллигенцію Волыни, позаботились объ ея изученіи и тѣмъ исполнили свой долгъ по отношенію къ родинѣ. «Мнѣ представляется—писалъ онъ—вполнѣ возможнымъ единеніе культурныхъ элементовъ края на почвѣ научнаго общества «Изслѣдователей Волыни»; самое общество представляется мнѣ съ широкой программой, охватывающей какъ естественно-историческое, такъ и археологическое и этнографическое изученіе Волыни, съ нѣсколькими секціями и непремѣнно съ публичными засѣданіями». Задача общества, по проекту г. Коробки, должна быть двойная: а) изученіе края и б) ознакомленіе съ нимъ

мѣстнаго общества и пробужденіе въ послѣднемъ научныхъ интересовъ. «Я сознаю,—писалъ далѣе г. Коробка,—что многимъ мой проектъ можетъ показаться химеричнымъ. Меня спросятъ: откуда у васъ возьмутся ученые? Но для проектируемаго мною Общества совсѣмъ не нужно профессіональныхъ, цеховыхъ ученыхъ; нужны лишь изслѣдователи, недостатка въ которыхъ не будетъ, нуженъ центръ ихъ объединяющій, и нужны средства, которыя могутъ быть доставляемы всякимъ, кому дорого изученіе родного края, хотя бы онъ самъ и не могъ принимать въ немъ участія личнымъ трудомъ». Призывъ г. Коробки не остался безъ отклика: въ той же газетѣ «Волынь» съ полнымъ сочувствіемъ къ его идеѣ отозвались: археологъ С. С. Гамченко, А. А. Лященко и многіе другіе. Послѣ газетнаго обсужденія и выясненія проекта, приступили къ его практическому осуществленію. Тѣ же гг. Коробка и Гамченко составили и отпечатали проектъ устава Общества изслѣдователей Волыни и разослали его ко всѣмъ, на чью поддержку и сочувствіе можно было разсчитывать. Заручившись согласіемъ многихъ лицъ примкнуть къ учреждаемому Обществу и воспользовавшись ихъ замѣчаніями и поправками къ проекту, иниціаторы дѣла собрались въ апрѣлѣ 1897 г. въ зданіи житомирской 1-й гимназіи, выработали окончательную редакцію устава и подписали его въ числѣ 17-ти членовъ-учредителей, послѣ чего уставъ, черезъ мѣстнаго губернатора Ѳ. Ѳ. Трепова, былъ отправленъ въ министерство внутр. дѣлъ на утвержденіе. Тамъ онъ пролежалъ ровно три года и лишь благодаря содѣйствію графини П. С. Уваровой и настойчивому ходатайству новаго губернатора І. Я. Дунина-Борковскаго, былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1900 г.

Этимъ уставомъ программа дѣятельности Общества опредѣлена въ очень широкихъ размѣрахъ и ему предоставлены такія права и полномочія, какими не обладаетъ ни одно изъ существующихъ, напримѣръ, въ Кіевѣ, ученыхъ обществъ. По смыслу устава, учрежденное въ Житомирѣ Общество изслѣдователей Волыни имѣетъ цѣлью «разностороннее изученіе Волыни и вопросовъ, съ таковымъ соприкасающихся, а также ознакомленіе съ краемъ, его прошлымъ, его условіями жизни, нуждами и проч., почему его изученію подлежитъ не только территорія нынѣшней волынской губ., но и вообще мѣстности старой Волынской земли и Волынскаго княжества. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества, оно раздѣляется на 4 секціи: 1) Естественныхъ наукъ, съ отдѣлами: фауна, флора, мине-

ралогія, геологія, палеонтологія, физическая географія, метеорологія, географія, антропологія, народная медицина и т. под. 2) Этнографическую, съ отдѣлами: этнографія, статистика населенія, обычное право, народная словесность, діалектологія и т. под.; 3) Экономическую, съ отдѣлами: бытъ населенія (экономическій), сельское хозяйство во всѣхъ его видахъ, рыболовство и охота, ремесла, кустарное дѣло, народные промыслы, технологія, промышленность, торговля, статистика (экономическая) и т. под. и 4) Историческую, съ отдѣлами: исторія политическая и бытовая, архивовѣдѣніе, археографія, археологія, нумизматика, геральдика и т. под.» Обществу предоставлено право: устраивать для научныхъ сообщеній публичныя собранія, открывать платныя и безплатныя чтенія, снабжать своихъ членовъ средствами и открытыми листами на производство этнографическихъ, археологическихъ и другихъ изслѣдованій, печатать безъ предварительной цензуры свои изданія, получать изъ-за границы книги безъ предварительнаго просмотра ихъ въ цензурѣ, располагать для своихъ сношеній правомъ казенной корреспонденціи, имѣть свою библіотеку, архивъ, музеи, лабораторіи, пріобрѣсти недвижимую собственность, входить съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношенія въ видахъ охраны предметовъ старины, рѣдкихъ видовъ флоры и фауны и другихъ достопримѣчательностей; выдавать преміи за лучшія сочиненія по изслѣдованію Волыни и т. под. Членами Общества могутъ быть всѣ лица обоего пола, могущія оказать ему какую-нибудь пользу и содѣйствіе.

Формальное открытіе Общества произошло 2 декабря 1900 г. Въ этомъ первомъ, учредительномъ собраніи были произведены выборы должностныхъ лицъ и запись членовъ по секціямъ. Въ секцію естеств. наукъ записалось 36 человѣкъ, въ секцію этнографическую 23, въ экономическую 45 и въ историческую 30. Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ г. губернаторъ І. Я. Дунинъ-Борковскій.

О результатахъ начальной дѣятельности вновь учрежденнаго Общества мы можемъ судить по протоколамъ засѣданій его секцій, напечатаннымъ въ разбираемомъ выпускѣ и обнимающимъ время съ декабря 1900 по декабрь 1901 г. Наименѣе продуктивной оказалась (по крайней мѣрѣ, въ теченіе перваго года) секція естественныхъ наукъ, имѣвшая всего одно засѣданіе, на которомъ велись платоническіе разговоры о химическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ водъ Волыни, о приведеніи въ извѣстность того, что сдѣлано прежними изслѣдователями по изученію мѣстной природы, о пользѣ экскурсій и т. под. Экономи-

ческая секція имѣла всего лишь 3 засѣданія. Вначалѣ она, видимо, колебалась, не зная, къ чему приложить коллективную работу своихъ членовъ, и предложила ходатайствовать предъ правительствомъ о позволеніи воспользоваться вторыми бланками переписи 1897 г., затѣмъ рѣшила заняться изслѣдованіемъ аграрнаго вопроса, но ограничилась пока составленіемъ и разсылкою программы для собиранія свѣдѣній о крестьянскомъ хозяйствѣ; въ третьемъ собраніи она слегка потолковала объ эксплоатаціи обширныхъ базальтовыхъ мѣсторожденій въ с. Берестовцѣ и затѣмъ съ необыкновеннымъ жаромъ предалась обсужденію животрепещущаго для житомирцевъ вопроса о направленіи желѣзнодорожной магистрали Петербургъ—Одесса черезъ Житомиръ. Засѣданіе 10 ноября 1901 г., въ которомъ обсуждался этотъ вопросъ, привлекло не только членовъ всѣхъ секцій Общества, но и многочисленную стороннюю публику и вызвало крайне оживленныя пренія окончившіяся постановленіемъ: просить городскую думу повторить ходатайство о проведеніи означенной магистрали черезъ Житомиръ, а г. предсѣдателя Общества (губернатора) поддержать это ходатайство.

Этнографическая секція начала свою дѣятельность съ составленія программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній вмѣстѣ съ руководящими указаніями для собирателей, при чемъ признано полезнымъ, въ видахъ полученія матеріаловъ непосредственно отъ лицъ изъ народной среды, напечатать такую программу въ двухъ текстахъ, русскомъ и украинскомъ; затѣмъ было рѣшено приступить къ составленію сборника народныхъ колядокъ, при чемъ въ принципѣ рѣшено, кромѣ научнаго изданія колядокъ, сдѣлать и другое ихъ изданіе—популярное, съ нотами, чтобы удерживать въ народной памяти старинные ихъ тексты и напѣвы; кромѣ этого, этнографическая секція въ теченіе года представила 4 реферата, изъ коихъ одинъ былъ напечатанъ въ газетѣ «Волынь», а другой помѣщенъ въ «Трудахъ» Общества.

Еще болѣе энергическую дѣятельность проявила секція историческая. Она имѣла въ теченіе года 6 засѣданій, на которыхъ было доложено 6 рефератовъ. Кромѣ того, предприняты и коллективныя работы: составленіе историко-географическаго словаря Волыни и программы для собиранія свѣдѣній о первобытныхъ древностяхъ Волыни.

Личный составъ Общества, какъ видно изъ напечатаннаго именного списка членовъ, не отличается особенною численностью и приростомъ: въ первое время по открытіи Общества въ него записалось или было избрано 134 лица, а въ настоящее время членовъ числится

161. Это—немного для Общества, преслѣдующаго такія широкія задачи и не требующаго отъ кандидатовъ въ его члены никакого научнаго или литературнаго ценза. Для усиленія весьма скудныхъ денежныхъ средствъ, совѣтомъ Общества предположенъ рядъ публичныхъ лекцій.

Намъ стается еще разсмотрѣть ученые рефераты, вошедшіе въ составъ 1-го выпуска «Трудовъ» Общества. Ихъ всего семь. Два изъ нихъ посвящено археологіи Волыни; это именно: «Важнѣйшіе вопросы, возникающіе при изученіи первобытныхъ древностей Волыни», Я. В. Яроцкаго, предсѣдателя исторической секціи, и его же отчетъ о раскопкѣ кургановъ Рѣчицкаго могильника, близъ г. Овруча. Предоставляя ихъ оцѣнку спеціалистамъ-археологамъ, замѣтимъ лишь, что первый изъ этихъ рефератовъ заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ всего, что сдѣлано до настоящаго времени въ области археологіи на территоріи Волыни, и намѣчаетъ важнѣйшія задачи для будущихъ изыскателей. Слѣдующая далѣе небольшая статья Н. П. Авенаріуса: «Башня волынскаго князя Владимира Васильковича въ м. Каменцѣ-Литовскомъ» [1]) заключаетъ весьма интересное описаніе (съ приложеніемъ рисунка) рѣдкаго стратегическаго сооруженія XIII в. О построеніи этой башни въ 1276 г. имѣется положительное свидѣтельство Волынской лѣтописи. Внутренность башни (пять бывшихъ ярусовъ) представляетъ полное разрушеніе, но стѣны ея, во всю 17-ти саженную высоту, сохранились очень хорошо, несмотря на вѣковое запущеніе. Сообщеніе Я. В. Яроцкаго: «Ревизія Владимирской базиліанской школы въ 1803 году», составленная на основаніи отысканнаго авторомъ отчета объ этой ревизіи, произведенной Т. Чацкимъ, представляетъ интересное дополненіе къ свѣдѣніямъ, какія доселѣ извѣстны изъ исторіи этого училища, бывшаго нѣкогда (въ XVI в.) православнымъ, потомъ отнятаго уніатами и закрытаго въ 1831 г. Но лучшимъ историческимъ изслѣдованіемъ изъ числа помѣщенныхъ въ «Трудахъ», безъ сомнѣнія, долженъ быть признанъ историко-археологическій очеркъ О. А. Фотинскаго: «Дорогобужъ Волынскій». Это вполнѣ образцовая монографія, посвященная исторіи незначительнаго нынѣ села, бывшаго нѣкогда столицей удѣльнаго княжества. Кропотливо собирая и искусно группируя лѣтописныя, актовыя и археолологическія

---

[1]) Брестскаго у., Гродн. губ.

данныя, авторъ мастерски возстановляетъ картину прошлой (съ XI ст.) жизни средней Погорины и ея бывшей столицы Дорогобужа и подробно описываетъ донынѣ сохранившіеся здѣсь памятники старины. Въ заключеніе авторъ высказывается, что своимъ изслѣдованіемъ онъ «болѣе всего желалъ подчеркнуть насущныя desiderata въ исторіи родного края», именно потребность въ детальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ городовъ и селъ, но основанныхъ на непосредственныхъ археологическихъ разысканіяхъ изслѣдователя. Вполнѣ сочувствуя этой мысли, мы прибавимъ, что очеркъ г. Фотинскаго о Дорогобужѣ можетъ служить превосходнымъ образцомъ для подобныхъ изслѣдованій. Въ качествѣ этнографическаго матеріала помѣщенъ въ «Трудахъ» полный ритуалъ крестьянской свадьбы, записанный изъ народныхъ устъ В. Г. Кравченкомъ въ с. Курозванахъ, острожскаго у. Изъ него видно, что свадебные обряды и пѣсни на Волыни ни въ чемъ существенномъ не разнятся отъ таковыхъ же въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи. Весьма любопытно въ нихъ упоминаніе о «козаченькахъ» и о «запорожцяхъ—добрыхъ хлопцяхъ», память о которыхъ, казалось бы, давно могла затеряться на Волыни. Столь же интересенъ и докладъ о пчеловодствѣ на Волыни, читанный въ экономической секціи пчеловодомъ-любителемъ К. Л. Бордычевскимъ.

Мы ограничились лишь краткимъ обзоромъ напечатанныхъ въ I томѣ «Трудовъ» Общества ученыхъ рефератовъ, не имѣя времени и мѣста для болѣе подробнаго ихъ разсмотрѣнія. Да и не въ нихъ дѣло, по нашему мнѣнію. Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ не столько ученые труды двухъ-трехъ талантливыхъ изслѣдователей, какіе всегда найдутся въ любой мѣстности и могутъ работать независимо отъ существованія извѣстнаго кружка, сколько коллективная дѣятельность волынскаго Общества, преслѣдующаго весьма широкія культурныя и просвѣтительныя задачи. Покамѣстъ, судя по отчету, Общество еще не успѣло ни организоваться какъ слѣдуетъ, ни разобраться въ средствахъ и способахъ для осуществленія своихъ задачъ, что́ и не удивительно въ виду новизны дѣла и малочисленности въ провинціи интеллигентныхъ силъ. Весь вопросъ въ томъ, по какому пути оно направитъ свою будущую дѣятельность. Если оно замкнется въ немногочисленный кружокъ любителей, время отъ времени собирающійся для прослушанія спеціальныхъ рефератовъ, то оно лишь умножитъ собою число провинціальныхъ ученыхъ обществъ, обыкновенно безцвѣтныхъ и мало продуктивныхъ, да и не могущихъ быть иными

въ виду неблагопріятныхъ условій для научной дѣятельности вдали отъ ученыхъ центровъ. Опасность эту, видимо, сознаютъ сами руководители волынскаго Общества и стараются предотвратить ее заботами о привлеченіи возможно бо́льшаго числа мѣстныхъ интеллигентныхъ людей къ участію въ его дѣятельности. Въ краснорѣчивомъ «воззваніи», съ какимъ предсѣдатель экономической секціи г. Старосвѣтскій обратился ко всѣмъ образованнымъ людямъ Волыни, между прочимъ, говорится: «Количество членовъ нашей секціи въ настоящее время не велико (40 человѣкъ). Лица эти по преимуществу живутъ въ г. Житомирѣ. Изслѣдовать, хотя бы въ небольшой долѣ, экономическій бытъ населенія, сельское хозяйство, ремесла, кустарное дѣло, промыслы, технологію, промышленность, торговлю и статистику нашего обширнаго края для наличныхъ членовъ нашихъ было бы непосильною работою. Безъ помощи общества, въ широкомъ смыслѣ слова, безъ содѣйствія населенія остальной, кромѣ Житомира, части Волыни, экономическая секція Общества изслѣдователей не можетъ просуществовать, не заглохнувъ преждевременно. Только прикоснувшись къ «землѣ» Волыни, наше Общество можетъ стать жизненнымъ, можетъ стремиться къ принятію посильныхъ мѣръ къ улучшенію быта населенія, поднятію сельскаго хозяйства, развитію промысловъ и торговли». Поэтому предсѣдатель секціи приглашалъ всѣхъ и каждаго вступить въ число членовъ Общества или же сообщать ему объ условіяхъ экономической жизни и нуждахъ своего района и дѣлиться пріобрѣтенными опытомъ или научнымъ путемъ экономическими свѣдѣніями для оглашенія ихъ во всеобщее достояніе. Несомнѣнно, что экономическая секція Общества, занятая изслѣдованіемъ жизненныхъ вопросовъ современности, и въ то же время стремящаяся къ тому, чтобы всѣми зависящими отъ нея средствами содѣйствовать улучшенію экономическаго состоянія края, безусловно не можетъ обойтись безъ широкой общественной поддержки, но въ ней же нуждаются и остальныя секціи. Поэтому Обществу слѣдуетъ прежде всего направить всѣ усилія къ тому, чтобы сгруппировать вокругъ себя возможно большій кругъ мѣстной интеллигенціи и заинтересовать ее посильнымъ участіемъ въ своей дѣятельности. Всякій сколько-нибудь образованный человѣкъ, любящій свою родину, легко можетъ быть полезнымъ Обществу, если только указать ему, въ чемъ именно можетъ выразиться его содѣйствіе. Для этого, прежде всего, Обществу нужно организоваться такимъ образомъ, чтобы въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи были люди, которые могли бы,

каждый въ своемъ районѣ, организовать и направлять коллективныя работы, по программамъ Общества, при участіи мѣстныхъ лицъ изъ духовенства, помѣщиковъ, сельскихъ учителей, врачей, чиновниковъ, учащейся молодежи и т. под. Одни изъ такихъ лицъ или кружковъ будутъ собирать свѣдѣнія по разнымъ программамъ: археологической, этнографической, естественно-исторической, экономической, другіе могутъ оказаться полезными Обществу въ достиженіи другой изъ основныхъ его задачъ—въ ознакомленіи мѣстнаго населенія съ краемъ, его прошлымъ и настоящимъ, естественными его богатствами, болѣе усовершенствованными способами ихъ эксплоатаціи и т. под. На эту культурно-просвѣтительную сторону своей дѣятельности Обществу слѣдуетъ обратить особенное вниманіе и посвятить ей не меньше труда и заботъ, чѣмъ оно посвящаетъ изученію края, ибо это вполнѣ жизненная задача, скорѣе всего способная привлечь къ нему общественное сочувствіе и поддержку. Къ тому же, исполненіе этой задачи едва-ли не больше соотвѣтствуетъ силамъ и средствамъ Общества. Всестороннее изученіе края, въ смыслѣ серьезныхъ ученыхъ изысканій, непремѣнно обусловливается большимъ или меньшимъ участіемъ ученыхъ спеціалистовъ, которыхъ можетъ и не оказаться въ провинціи; но популяризація уже добытыхъ научныхъ свѣдѣній о краѣ и широкое распространеніе ихъ среди населенія—это задача, посильная для всякаго образованнаго человѣка, а уставъ Общества предоставляетъ ему всѣ необходимыя для этого средства, въ видѣ безплатныхъ чтеній, лекцій, популярныхъ изданій и проч.

Высказывая эти пожеланія, мы нисколько не обманываемся относительно степени трудности ихъ практическаго осуществленія. Мы хорошо знаемъ Волынь, знаемъ, какъ мало тамъ образованныхъ людей, насколько разъединены ихъ стремленія и интересы, какъ мало они пріучены къ солидарности во имя высшихъ интересовъ—и какъ трудно поэтому привлечь такихъ людей къ коллективной работѣ на пользу родного края. Но трудное не есть синонимъ невозможнаго. Пусть вновь учрежденное Общество и не окажется въ состояніи, на первыхъ порахъ, развернуть свою дѣятельность во всю широту намѣченныхъ имъ задачъ; но если оно успѣетъ приготовить въ разныхъ мѣстахъ губерніи болѣе или менѣе многочисленный контингентъ усердныхъ и умѣлыхъ сотрудниковъ, то его успѣхъ въ будущемъ несомнѣнно будетъ обезпеченъ.

О. Л.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ полтавской губ. за 1901 г.—Осень и состояніе озимыхъ посѣвовъ, № 5. *Кременчугъ, 1902 г.*

Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губ. по сообщеніямъ корреспондентовъ за 1901 г., съ шестью картограммами, годъ шестнадцатый. *Полтава, 1902 г.—Изданія Статистическаго бюро Полтавскаго Губернскаго Земства.*

Первое изъ вышеназванныхъ изданій представляетъ попытку бюро своевременно и періодически публиковать свѣдѣнія о состояніи и ходѣ сельскаго хозяйства губерніи. До послѣдняго времени бюро ограничивалось въ этомъ отношеніи изданіями «обзоровъ» (въ родѣ второй изъ вышеназванныхъ работъ), которые выходили въ свѣтъ обыкновенно значительно позже окончанія сельскохозяйственнаго года и давали лишь, такъ сказать, по преимуществу, историческій матеріалъ къ характеристикѣ сельскаго хозяйства въ губерніи. Нынѣ же, съ 1901 г., независимо отъ такихъ общихъ годовыхъ обзоровъ, бюро, по порученію губернской земской статистической коммиссіи, предприняло періодическое опубликованіе свѣдѣній о состояніи различныхъ отраслей сельскаго хозяйства по сельскохозяйственнымъ періодамъ (за зиму, за первую половину лѣта, т. е. за время обработки и посѣва, за вторую его половину, т. е. обозрѣніе результатовъ урожая и т. п.), независимо отъ изданія помянутыхъ годовыхъ обзоровъ. Такое періодическое опубликованіе сельскохозяйственныхъ свѣдѣній, какъ само собою понятно, должно имѣть серіозное практическое значеніе, давая хозяевамъ возможность своевременно имѣть подъ руками свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства во всей губерніи и соображаться съ ними въ своихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Важное условіе выпуска такихъ изданій, само собою разумѣется, заключается въ своевременности выхода ихъ въ свѣтъ, что, какъ видно изъ предисловія къ № 5, и было осуществлено статистическимъ бюро для перваго опыта достаточно успѣшно. Приведенныя въ № 5 данныя основаны на 443 сообщеніяхъ отъ корреспондентовъ съ мѣстъ ихъ жительства и выходъ въ свѣтъ изданія датированъ февралемъ 1902 г., при чемъ изданіе редактировано завѣдующимъ бюро А. Русовымъ. Второе изданіе датировано іюлемъ 1902 г. и выпущено уже почему то и. д. завѣдующаго Т. Ротмистровымъ. Оно содержитъ обзоръ погоды въ 1900—1901 г., данныя объ условіяхъ посѣва, роста, уборки и урожая полевыхъ, огородныхъ

и садовыхъ растеній и травъ, состояніи скотоводства, пчеловодства, мѣстныхъ и отхожихъ заработкахъ населенія, съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ на землю и условіяхъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства за 1901 г., при чемъ особую главу составляетъ характеристика способовъ обработки и поддержанія плодородія почвы, примѣняемыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Сгруппированныя въ этомъ изданіи свѣдѣнія тоже доставлены добровольными корреспондентами земскаго статистическаго бюро въ числѣ 763, какъ и всѣ свѣдѣнія, служившія матеріаломъ для составленія и своевременнаго изданія періодическихъ «Извѣстій» отъ № 1 до № 5 включительно. Эта сторона дѣла невольно обращаетъ на себя вниманіе, какъ условіе, опредѣляющее возможность веденія текущей сельскохозяйственной статистики съ практическими и теоретическими цѣлями, безъ особыхъ затратъ на мѣстныя изслѣдованія, силами самихъ сельскихъ жителей. Въ умѣньи привлечь и объединить на этомъ полезномъ дѣлѣ мѣстныя силы, до того времени разрозненныя и не имѣвшія возможности обмѣниваться имѣвшимися въ ихъ распоряженіи данными, въ умѣньи использовать эти, такъ сказать, дремавшія мѣстныя силы, носившія свои знанія только про себя и не дѣлившіяся ими съ другими людьми, и заключается важная заслуга земства вообще и въ частности земскихъ статистическихъ бюро. Достаточно просмотрѣть приведенные въ названномъ изданіи матеріалы о составѣ персонала этихъ добровольныхъ корреспондентовъ, чтобы судить о томъ, какія силы, долго бы еще, вѣроятно, продолжавшія дремать въ деревенской глуши, удалось земству привлечь къ этому дѣлу. Оказывается, что 62% общаго количества корреспондентовъ, именно 473 чел., принадлежатъ къ числу крестьянъ и козаковъ, 27% къ числу мѣщанъ и купцовъ и 6,7% къ числу почетныхъ гражданъ и лицъ духовнаго сословія, итого 71,4% или 545 человѣкъ! Если принять при этомъ во вниманіе, что доставляемыя корреспондентами свѣдѣнія разрабатываются съ должною обстоятельностью, и что въ своевременномъ изданіи такихъ работъ существуетъ несомнѣнная потребность, то можно только пожелать дальнѣйшаго возможно болѣе широкаго развитія этой отрасли дѣятельности земства съ привлеченіемъ къ нему максимальнаго количества мѣстныхъ силъ. Заканчивая нашу замѣтку о вышеназванныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ кстати небезъинтересный фактъ, что изъ 763 корреспондентовъ, только 90, т. е. 11,7%, принадлежитъ къ классу «землевладѣльцевъ»—классу, повидимому, наиболѣе интеллигентному въ деревенской средѣ и наиболѣе

лично заинтересованному въ вопросахъ сельскаго хозяйства, такъ что даже корреспонденты изъ числа сельскихъ учителей, врачей, фельдшеровъ и должностныхъ лицъ сельскихъ и волостныхъ правленій, т. е. изъ числа людей въ большинствѣ лично совсѣмъ незаинтересованныхъ въ вопросахъ сельскаго хозяйства, составляютъ болѣе многочисленную группу, именно 12,1%. Мы тѣмъ менѣе беремся объяснить это явленіе, что классъ землевладѣльцевъ достаточно многочисленъ въ губерніи (и 90 человѣкъ корреспондентовъ изъ его среды составляютъ въ немъ лишь незначительный процентъ) и что, съ другой стороны, давшій 62% корреспондентовъ классъ крестьянъ и козаковъ имѣетъ въ своей средѣ сравнительно весьма малый процентъ людей, достаточно грамотныхъ, чтобы быть постоянными корреспондентами земства.

Л. С. Л.

Е. Н. Любичъ. „Изъ Жизни". Книгоиздательство Коранта. *Одесса, 1902 г., 163 стр.*

Послѣ прочтенія этой книжки остается сильное и очень выгодное для автора впечатлѣніе. Восемь очерковъ, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ можно раздѣлить на двѣ части. Первые четыре посвящены изображенію психологіи малорусскаго крестьянина послѣ того какъ онъ дѣлается солдатомъ. Остальные: «Старый и малый», «Максимъ Торба», «Вѣдьма» и «Бандуристъ» представляютъ рядъ картинъ и моментовъ народной украинской жизни, которую авторъ рисуетъ съ большою любовью и знаніемъ, какъ человѣкъ самъ вышедшій изъ нея.

Особенно хороши очерки «Старый и малый» и «Вѣдьма. Это— поэзія въ прозѣ. Читаешь, и родные типы видишь какъ живые, заражаешься настроеніемъ автора и любишь ихъ такъ же, какъ онъ.

Языкъ у г. Любича гладкій, простой и образный. Чувствуется въ авторѣ и психологъ.

Объ одномъ можно пожалѣть, что книжечка г. Любича чрезвычайно мала. Но ее, однако, замѣтилъ и рецензентъ «Русскаго Богатства» къ великому нашему удивленію поставившій автору въ упрекъ его любовь къ «дидамъ», «дивчатамъ», «садочкамъ» и т д... и очень похваливш ій первые очерки не изъ малорусской жизни, написанные не менѣе художественно.

Чувствуется, что г. Любичъ прекрасно владѣетъ малорусскимъ языкомъ и, будь послѣдніе очерки написаны на этомъ языкѣ, они несомнѣнно были бы еще сильнѣе, какъ сильнѣе музыка со словами, чѣмъ безъ словъ.

Б. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Рус. Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 8; 5) Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 8; 6) Труды Кіев. Духовной Академіи, № 9; 7) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 7; 8) Записки Ипер. Харьк. Унив., кн. 2 и 3; 9) Научное Обозрѣніе, № 8; 10) Рус. Мысль, № 8 и 9; 11) Міръ Божій, № 9; 12) Вѣстникъ Европы, № 9; 13) Літературно-Науковый Вістникъ, № 9; 14) Wisła, № 4—7; 15) Biblioteka Warszawska, № 8 и 9; 16) Przewodnik naukowy i literacki, № 7 и 8; 17) Этнографическое Обозрѣніе № 1 и 2.

Русскій Архивъ, № 8.

Напечатаны двѣ записки гр. М. Н. Муравьева (стр. 585—595): 1) «Объ учрежденіи приличнаго городского управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи» и 2) «О политическомъ преобразованіи губерній отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи», заключающіе въ себѣ проектированіе ряда радикальныхъ мѣръ съ цѣлью проведенія русскихъ государственныхъ началъ.

Ю. Ф. «Иванъ Выжигинъ» и «Мертвыя Души» (стр. 596—603). Авторъ замѣтки, ссылаясь на фактъ сопоставленія «Ивана Выжигина» Булгарина съ «Мертвыми Душами» Гоголя А. Энгельгардтомъ въ его статьѣ «Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ» (Истор. Вѣстн., 1902 г., февр.), останавливается болѣе подробно на разсмотрѣніи затронутаго предмета; находя, кромѣ сходства эпизодовъ и лицъ въ названныхъ про-

изведеніяхъ, много общаго въ самомъ замыслѣ, авторъ склоненъ видѣть въ этомъ сходствѣ не нѣчто случайное, а частью сознательную, частью безсознательную реминисценцію, отголосокъ идей, характеровъ и сценъ наиболѣе понравившихся въ свое время въ «Иванѣ Выжигинѣ» Гоголю.

Русская Старина, № 9.

П. Висковатовъ. Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ. Авторъ передаетъ 10 разсказовъ изъ жизни Н. В. Гоголя. Въ первомъ повѣствуется, какъ мальчикъ Гоголь утопилъ кошку въ прудѣ; во второмъ, что онъ любилъ лакомиться и никогда въ гостинницѣ не позволялъ убирать сахаръ, а пряталъ его и порою и за работою грызъ; въ третьемъ, что у него была въ карманѣ записная книжка, куда онъ и вносилъ все, поразившее его въ теченіе дня; въ четвертомъ, что онъ охотно вступалъ въ разговоры съ самыми разнообразными людьми; въ пятомъ, что онъ былъ доброжелателенъ къ людямъ, но требовалъ, чтобы непремѣнно входили въ его интересы; въ шестомъ, что онъ былъ нервенъ и боялся грозы; въ седьмомъ, что онъ на «Мертвыя души» смотрѣлъ какъ «на что-то, что лежало внѣ его, гдѣ онъ долженъ былъ раскрыть тайны, ему заповѣданныя»; въ восьмомъ, что Гоголь со всѣми любилъ жить въ мирѣ; въ девятомъ, что онъ не любилъ нѣмцевъ и въ десятомъ приводится разсказъ о майорѣ, пославшемъ деньщика полка раздобыть спичекъ, тщательно испытавши, горятъ-ли онѣ. Принесенныя спички не вспыхивали, потому что деньщикъ по приказу барина, перечиркалъ уже ихъ всѣ.

Историческій Вѣстникъ, № 9.

Въ ст. барона Н. В. Дризенъ «Мелочи театральной старины» разсказывается о вербовкѣ голосовъ въ 1848 для оперы, когда были посланы въ Малороссію репетиторъ Николай Ватемаро съ отцомъ для этой цѣли и снабжены пакетами на имя черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернаторовъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщенъ разборъ книги Л. Орды «Крестовоздвиженская братская Церковь въ Луцкѣ».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» подъ заглавіемъ «Древности великокняжеской эпохи» разсказывается о коллекціи *Ханенокъ* на XII арх. съѣздѣ въ Харьковѣ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8.

М. Г. Халанскій. Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. Глава I. (стр. 287—356). Цѣнное изслѣдованіе древне-русскихъ сказаній объ Олегѣ, заключающихся въ памятникахъ XV—XVII вв. Для обозрѣнія этихъ сказаній объ Олегѣ авторъ пользовался слѣдующими источниками: 1) особой редакціей (въ двухъ спискахъ), древнерусской лѣтописи—хронографа со значительной примѣсью эпическихъ элементовъ, представляющихъ болѣе поздніе варіанты сказаній о князьяхъ-варягахъ, частью новые мотивы по сравненію съ тѣми, которые включены какъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», такъ и въ «Начальный кіевскій лѣтописный сводъ»; 2) свѣдѣніями объ этомъ князѣ, содержащимися въ Іоакимовской лѣтописи, по изложенію ея Татищевымъ; 3) сказаніемъ, содержащимся въ Паралипоменѣ Зонары и 4) проложнымъ житіемъ св. Владиміра, которое содержитъ эпическій мотивъ, связанный съ именемъ Олега.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» (стр. 400—436) окончаніе разбора книги проф. Владимірова «Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв». В. Истрина.

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 8.

Продолжаются печатаніемъ приложенія къ сочиненію проф. М. Довнаръ-Запольскаго «Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ». (стр. LXIX—CXII).

Труды Кіев. Духовной Академіи, № 9. *Д. Савицкій.*—Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій (стр. 77—120). Продолженіе изслѣдованія, начавшагося печатаніемъ въ № 8 журнала. Въ настоящей книжкѣ авторъ даетъ біографическій очеркъ І. Богомолевскаго, уроженца Кіевской епархіи, воспитанника Кіевской академіи. Біографія гомилета, довершившаго свое образованіе въ различныхъ заведеніяхъ зап. Европы и послѣ долгихъ злоключеній окончившаго жизнь въ ссылкѣ въ Хлыновѣ (нынѣшней Вяткѣ), представляетъ значительный интересъ.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 7.

Въ отдѣлѣ «Приложенія» (стр. 65—96) продолжается печататься подъ редакціей Н. П. Василенка «Генеральное слѣдствіе о маетности Черниговскаго полка 1729—1730 г.».

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 2 и 3.

Проф. Д. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (стр. 37—84, 1—64). Продолженіе солиднаго труда почтеннаго профессора содержитъ между прочимъ, любопытныя подробности о научной и литературной дѣятельности И. Е. Срезневскаго, П. П. Гулака-Артемовскаго, Бѣлецкаго-Носенка, В. Н. Каразина; кое-какія подробности о Зоріанѣ Доленга-Ходаковскомъ, о харьковской журналистикѣ въ первыя десятилѣтія XIX ст. На стр. 9, гдѣ говорится о Гулакѣ-Артемовскомъ, встрѣчаемъ, между прочимъ, пріятное извѣстіе, что у почтеннаго автора въ портфелѣ имѣется часть ненапечатанныхъ произведеній Гулака-Артемовскаго. Желательно было бы, чтобы уважаемый профессоръ не замедлилъ познакомить съ ними читающую публику.

Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ (стр. 33—112).

Міръ Божій, № 9.

Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. 1829—1842 г. (Продолженіе, стр. 148—185) Въ главѣ XI своего изслѣдованія авторъ даетъ очеркъ состоянія русской драмы до Гоголя, начиная съ комедій Фонъ-Визина и оканчивая комедіями Квитки: «Дворянскіе выборы» и «Пріѣзжій изъ столицы». Въ гл. XII излагаются взгляды Гоголя на «смѣшное въ жизни, шутку и облагораживающій насъ смѣхъ», разсматриваются «Игроки», «Женитьба» и дается обзоръ недоконченныхъ произведеній Гоголя: «Утро дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и др.

Вѣстникъ Европы, № 9.

Ѳ. Воропоновъ. «Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ» (стр. 5—51). Статья эта заканчиваетъ собою рядъ статей автора по

этому вопросу, напечатанныхъ въ «Вѣстн. Евр.» 1900—1902 гг., и затрогиваетъ тотъ періодъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла въ юго-запад. краѣ, который называется авторомъ *періодомъ реакціи*, наступившей послѣ смерти генералъ-губернатора Безака (1868 г.), когда въ началѣ 1869 г. на постъ генералъ-губернатора былъ назначенъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Очень живо и увлекательно переданы тутъ тѣ новыя вѣянія, которыя почуялись въ словахъ князя, при первыхъ представленіяхъ ему, а особенно при объѣздахъ имъ губерній: все, очень непрямыми путями, клонилось къ тому, чтобы прежнее, на законѣ основанное, участливое отношеніе къ крестьянскимъ интересамъ замѣнить новымъ—удовлетвореніемъ желаній помѣщиковъ, особенно вліятельныхъ лицъ.

Літературно-Науковий Вістник, кн. IX.

Із поезій С. Павленка: 1. Як бы мені голос; II. Де щастя?—

Із поезій П. Карманського: І. На Чужині. II. О. Лето.

Із поезий І. Гаврилюка—Із азиятських малюнків В. Р—ка: І На чужині далекій. II. Зірки на землі.—Плавні горять, Дніпрово Чайки,—Поворот, повість В. Лаврівського (Конець).—Ідеаліст, оповідання Гр. Коваленка-Коломацького.—У столярні.—Із моіх споминів. Ів. Франка.—Чайка, оповідання Наталки Полтавки.

Із французських поетів: Далека царівна, із Д. Ростана, перекл. А. Кримський. Любовна літанія, із гр. Рѣбенбаха, перекл. І. Франко. Із гуморесок А. Чехова, перекл. М. Грушевськоі: І. Вилізло шило з мішка. II. Кінське назвисько. III. Мнюх. IV. Книга зажалень. V. Мислителі. VI. Ордер. VII. Обмова.—Справа украінсько-руськоі гимназиі въ Станіславові.—Вистава Родена в Празі, О. Луцького.—Новини нашоі літератури: І. Семанюк (М. Черемшина). Карби, оцінив М. Грушевський.—Раси Европи і іх історічні взаемини, д-ра В. Олехновича, перекл. В. В.

Наукові листки: VIII. Народня просвіта і медицина в Полтавській губ. С. П—ри. IX. Баптисти й Мальованці. Ів. Франка.—Хроніка і бібліографія.

Biblioteka Warszawska; № 8 и 9.

Рецензія Ст. Кемпнера на книгу Адама Шемонговскаго «Деньги и переворотъ въ цѣнахъ въ XVI и XVII ст. въ Польшѣ». Львовъ, (№ 8).

Д-ръ Феликсъ Конечный: «Просвѣщеніе и благосостояніе въ Галичинѣ».—Очертивъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ моральное, политическое и соціальное положеніе Галичины, авторъ приходитъ къ заключенію, что для поднятія страны изъ упадка единственное средство—поднятіе матеріальнаго благосостоянія. Все остальное приложится, если на первую очередь будетъ выдвинутъ экономическій вопросъ. Критика автора недурна, но метода лѣченія представляетъ circulus vitiosus. (№ 9).

Przewodnik naukowy i literacki, № 7 и 8.

Продолженіе исторической монографіи Казимира Пуласскаго: «Старинныя поселенія въ Каменецкой землѣ и владѣвшіе ими роды подольской исторической шляхты». (Свирги, Гербурты). Въ своей работѣ авторъ пользуется нѣкоторыми книгами Кіев. центр. архива.

Этнографическое Обозрѣніе, № 1 и 2.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» напечатано В. Каллашомъ нѣсколько замѣтокъ, касающихся малорусской этнографіи: 1) Къ легендѣ о Кирикѣ; 2) Спомынъ про старовыну; 3) Якъ жыды рабына свого ховалы; 4) Танцюрыста дивка; 5) Про Шведовъ; 6) Цикава жинка, 7) Кругленьке словце; 8) Про кладъ въ Тупычови; 9) Неумѣлое заклинаніе, 10) За що Мазепу проклынають; 11) Про Мазепу; 12) Сила заклинанія; 13) Хытра жинка; 14) Про Мазепынъ домъ въ Черныгови (№ 1, стр. 107—113).

В. Минорскій: «*У русскихъ подданныхъ Султана*» (№ 2, стр. 31—86). Авторъ сначала кратко знакомитъ читателя съ исторіей, такъ—называемыхъ, *майносскихъ козаковъ*, а затѣмъ передаетъ впечатлѣнія изъ личной своей поѣздки на Майносъ; но самымъ важнымъ является подведеніе итоговъ по литературѣ о *майносцахъ* и вообще о *некрасовцахъ*.—*Г. Потанинъ*: «*Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ*». Въ приложеніи къ этому изслѣдованію напечатанъ текстъ малорусской сказки *про козака Мамарыгу* (№ 2, стр. 116—124).

А. Малинка: «Замѣтка о двухъ лирникахъ черниговской губ.» (№ 2, стр. 148—160). Давъ краткія свѣдѣнія о двухъ лирникахъ (Алексѣй Терентьевичъ Маслюковъ и Егоръ Ёсиповичъ Охременко), авторъ приводитъ нѣкоторыя пѣсни изъ репертуара каждаго изъ нихъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Извѣстный ученый и литераторъ, д-ръ Ив. Франко, на страницахъ «Літитературно-Наукового Вістника» (№ 5—7 за 1902 г.) даетъ оцѣнку литературной дѣятельности г. Старицкаго; онъ говоритъ о степени его оригинальности и опредѣляетъ мѣсто, какое должно быть отведено г. С-му въ украинской литературѣ. Поводомъ къ такой оцѣнкѣ послужило, по заявленію д-ра Франка, то обстоятельство, что имя г. Старицкаго въ послѣдніе годы сдѣлалось мишенью для различныхъ выстрѣловъ со стороны противниковъ, какъ чужихъ, такъ и своихъ, сдѣлалось, такъ сказать, яблокомъ раздора и дрязгъ въ литературѣ и вообще всего украинофильства послѣднихъ десятилѣтій. Вслѣдствіе всего этого передъ критикой возникла задача, настойчиво требующая, безъ всякой заранѣе предвзятой мысли, внимательно разсмотрѣть результаты дѣятельности г. Старицкаго, выяснить то, что въ ней было жизненнаго и цѣннаго, и что нужно признать или ошибкой или вообще результатомъ тяжелаго лихолѣтья и ненормальныхъ условій, въ какихъ находится украинская литература. Не говоря вообще о значеніи оцѣнки литературной дѣятельности г. Старицкаго со стороны такого авторитета, какъ д-ръ Франко, мы не можемъ не отмѣтить и того, что онъ, какъ лицо, совершенно свободное отъ личныхъ отношеній и столкновеній съ авторомъ, независимое отъ партій и направленій, можетъ быть совершенно объективнымъ.

Приступая къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности г. Старицкаго, д-ръ Франко даетъ общую характеристику состоянія украинской литературы послѣ Шевченка. Эта отправная точка зрѣнія, выбранная д-ромъ Франкомъ по нашему мнѣнію совершенно правильно, дала ему возможность подойти къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности г. Старицкаго съ той стороны, съ какой, насколько намъ извѣстно, еще не подходилъ никто, и выяснить значеніе произведеній г. Старицкаго въ украинской литературѣ въ томъ отношеніи, въ какомъ они до сихъ поръ не находили оцѣнки.

Со смертью Шевченка кончился, по мнѣнію д-ра Франка, цѣлый періодъ въ исторіи нашей литературы. Той дорогой, какую проложилъ и какой шелъ до конца своей жизни Шевченко, дальше было итти некуда; тотъ особенный стиль, какой внесъ онъ въ нашу поэзію, былъ его идивидуальный стиль. Между тѣмъ вліяніе поэзіи Шевченка было настолько сильнымъ, что по мнѣнію многихъ малороссовъ, украинская поэзія могда являться только въ освященной Шевченкомъ формѣ, такъ какъ только его стиль казался поэтическимъ, только его мелодіи «отвѣчали духу украинской національности». И вотъ, явилась цѣлая плеяда эпигоновъ Шевченка различныхъ степеней талентливости, какъ-то: Кулишъ, Руданскій, Куликъ, Чубинскій и многіе др. Послѣ десятилятняго (1862—1872) перерыва и застоя, наступившаго въ нашей общественной и литературной жизни, съ начала 70-хъ годовъ замѣчается пробужденіе украинскаго общества и группированіе выдающихся силъ въ Кіевѣ, ознаменовавшееся горячей и плодотворной для родины работой. Къ этой порѣ относится и выступленіе на литературное поприще г. Старицкаго. Хотя въ его поэзіи мало было еще собственнаго, пережитаго и перечувствованнаго, тѣмъ не менѣе и въ содержаніи, и въ формѣ ея замѣтны первые признаки выхода украинской поэзіи изъ поры эпигонства. Начиная съ самыхъ раннихъ поэтическихъ произведеній г. С-го и оканчивая позднѣйшими, въ нихъ ясно виденъ украинскій интеллигентъ, обращающійся не къ воображаемому народу, который, вслѣдствіе самыхъ элементарныхъ причинъ, не могъ его ни слушать, ни понимать, но къ своей родной интеллигенціи, говоря ей о своихъ думахъ и чувствахъ, о томъ, что всѣмъ причиняло боль и страданія. И въ этомъ первая и главнѣйшая заслуга г. Старицкаго. Г. С-кій, по мнѣнію Франка, вывелъ украинскую поэзію на болѣе широкій путь творчества, и по этому пути пошли позднѣйшіе поэты украинскіе.

Говоря о дѣятельности г. Ст-го какъ драматурга, д-ръ Франко признаетъ, что она хорошо всѣмъ извѣстна, оцѣнена, и г. С-кій давно признанъ однимъ изъ отцовъ новаго украинскаго театра. Правда, какъ говоритъ д-ръ Франко, послѣ прекрасной драмы «Не судылось», признанной критикой произведеніемъ высокаго достоинства, г. С-кій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, но это очень просто объясняется съ одной стороны лихорадочной дѣятельностью г. С-го, какъ антрепренера и режиссера украинскаго театра...

Въ интересахъ дальнѣйшаго развитія украинскаго театра, была настоятельная нужда въ пополненіи новыми пьесами репертуара; нужно было поставлять пьесу за пьесой. Такимъ путемъ явился рядъ передѣлокъ изъ Гоголя, Крашевскаго, Левицкаго, Мирного и др. Необходимость же считаться съ условіями вынуждала г. С-го, какъ и другихъ драматурговъ являться со своимъ творчествомъ не такъ, какъ можно было бы при нормальномъ ходѣ дѣлъ. Это должно было сузить горизонтъ украинскаго драматурга и вынуждать его обращаться исключительно къ любовнымъ сюжетамъ.

О такихъ ненормальныхъ условіяхъ существованія украинскаго театра г. С-кій дѣлалъ докладъ на съѣздѣ сценическихъ дѣятелей въ Москвѣ въ 1897 г., намѣтивъ цѣлый рядъ пунктовъ, направленныхъ къ улучшенію положенія родного искусства и единодушно принятыхъ съѣздомъ.

Въ газ. «Новости» (№ 212) надечатана статья В. Лесевича подъ заглавіемъ «Защита противъ защиты». Это есть блистательно написанный урокъ гг-дамъ *Енкамъ* по поводу статьи «Одного изъ Енковъ» въ «Петер. Вѣдом.» подъ заглавіемъ «Въ защиту хохликовъ». В. Лесевичъ, помѣстившій въ «Русской Мысли» 1900 г. (№ 11 и 12) свою образцовую статью «Всемірный языкъ и народные языки», теперь долженъ былъ энергично протестовать противъ тѣхъ писакъ, въ родѣ «Одного изъ Енковъ» которые, имѣя въ запасѣ на грошъ эрудиціи, берутся съ апломбомъ дѣлать параллели нашей русской жизни съ западно-европейскою и, основываясь на этихъ параллеляхъ, доказывать необходимость единаго литературнаго языка для народа. Какъ убѣдительно, горячо г. Лесевичъ указываетъ этимъ гг. *Енкамъ* на неосновательность этихъ параллелей во всѣхъ отношеніяхъ!

Извѣстные собиратели приднѣпровскихъ древностей Б. Н. и В. И. Ханенко, устроившіе у себя въ Кіевѣ цѣлый археологическій музей, не перестаютъ знакомить любителей старины со своими коллекціями путемъ изданія ихъ описаній и изображеній въ роскошныхъ выпускахъ. Вышедшій недавно V выпускъ «Древностей Приднѣпровья», посвященъ славянской эпохѣ (VI—XIII в.) и заключаетъ въ себѣ 40 отлично исполненныхъ (въ фотолитографіи Кульженко) таблицъ съ рисунками и краткій описательный текстъ (63 стр.). Пред-

ставлены предметы вооруженія, домашняго быта, церковнаго украшенія, стеклянные сосуды, предметы изъ камня, статуэтки, глиняные сосуды и т. д. («Спб. Вѣд.», № 236).

По сообщенію «Приднѣпр. Края» (№ 1586) нѣкій г. Токмаковъ, занимавшійся въ теченіе 27 лѣтъ составленіемъ историко-статистическихъ описаній городовъ, селъ, монастырей и церквей въ Россіи, желая издать иллюстрированное историко-статистическое описаніе города Екатеринослава съ первоначальнаго его заселенія до 1903 года включительно для предстоящаго въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда, обратился въ городскую управу за содѣйствіемъ.

«Въ святынѣ Запорожья». Подъ такимъ заглавіемъ въ № 1576 «Придн. Кр.» помѣщенъ г. Сочинскимъ небольшой очеркъ извѣстнаго Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря въ его прошломъ и настоящемъ. Говоря о состояніи монастыря въ настоящее время, г. С. собщаетъ объ отсутствіи въ немъ нѣкоторыхъ предметовъ старины, описаніе которыхъ далъ въ своихъ изслѣдованіяхъ запорожской старины г. Эварницкій: такъ, г. С. не могъ найти интересной иконы, изображающей Бога съ державнымъ яблокомъ, на которомъ нарисованы лѣсъ, рѣка, мостъ черезъ рѣку и три запорожца, предающіеся своимъ любимымъ занятіямъ; не оказалось также и портрета о. К. Тарловскаго, главнаго устроителя монастыря.

Г. Безобразовъ въ статьѣ «Археологическая подъѣздка» «(Прид. Кр.», № 1566) отмѣчаетъ рядъ пунктовъ, интересныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи и кратко знакомитъ читателя съ достопримѣчательностями Новомосковска, Александровска, Хортицы и т. д. Тутъ мы находимъ воспроизведеніе интереснаго преданія о постройкѣ запорожцами храма въ Самарѣ, напечатанное въ 3 кн. Чтеній въ Москов. общ. исторіи и древностей за 1876 г.

Въ № 7491 «Южн. Кр.», напечатана статья г. Альбовскаго подъ заглавіемъ «Изъ первоначальной исторіи г. Харькова». Статья эта, написанная по вновь найденнымъ документомъ въ архивѣ министерства

юстиціи, представляетъ не мало интересныхъ данныхъ о первыхъ поселенцахъ Слободской Украины, ихъ характерѣ, организаціи и бытѣ, объ отношеніи къ нимъ московскаго правительства, весьма мягкомъ уступчивомъ и даже заботливомъ иногда до мелочей—въ виду сознанія важности пограничныхъ поселеній, какъ надежной защиты на югѣ; затѣмъ—объ основаніи города и цѣломъ рядѣ льготъ и привилегій, какія были дарованы харьковцамъ царскими грамотами; главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: 1) право свободнаго занятія пустопорожнихъ земель, 2) устройство козацкое и самоуправленіе, въ которое невмѣшивались воеводы; 3) безпошлинное занятіе всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокуреніемъ и продажею вина; 4) освобожденіе козаковъ отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ козацкихъ; 5) право содержать на откупѣ таможни, мосты и перевозы.

Воеводы, въ качествѣ агентовъ московскаго правительства на Украинѣ, обратили вниманіе на казавшуюся имъ, представителямъ чисто обрядовой религіозности, крайнюю нерелигіозность «черкасъ» и на ихъ «еретичество», выражавшееся въ малой заботливости о благолѣпіи храмовъ и бѣдности церковныхъ службъ. Вотъ что доносилъ въ 1658 г. царю воевода Офросимовъ: «Стѣны, Государь, межъ углы четырехъ саженъ, и образовъ, государь, мѣстныхъ и деисусовъ нѣтъ; черкасы, Государь, молятся бумажнымъ листамъ своему литовскому письму и стѣнамъ, а книгъ, Государь, и заводу никакихъ нѣтъ и за тебя, великаго Государя, молить Бога непочемъ; только, Государь, лгутъ Богу и десятыя, Государь, части хвалы Богу не воздаютъ; нѣтъ, Государь, Евангелія напрестольнаго, ни служебника, не потребника, ни тріоди постной, ни трефолоя, ни апостола, ни меніи общей, ни охтои, ни шостоднева, ни псалтири съ слѣдованіемъ, ни Евангелія толковаго. И о томъ вели, Государь, свой государевъ молостивый указъ учинить, чтобъ, Государь, было по чемъ за тебя, великаго Государя. молить Бога и воздавать хвалу къ Богу. А я, холопъ твой, видячи ихъ маловѣріе, что поклоняются бумажнымъ листамъ и стѣнкамъ для того къ тебѣ, великому Государю, и писалъ. И о томъ какъ Ты великій Государь.... укажешь».

Но царь совершенно не обратилъ вниманія на это характерное донесеніе; мало того, двумъ попамъ и дьякону, явившимся въ Москву «бить челомъ о церковномъ строенью», онъ приказалъ лишь выдать «изъ разряда попамъ по рублю, а дьякону 20 алтынъ».

Въ № 7477 «Южн. Кр,», помѣщена статья г. Раздольскаго «Былое Путивльской окраины», въ которой авторъ говоритъ главнымъ образомъ о памятникахъ церковной старины, именно: о путивльскомъ соборѣ и его достопримѣчательностяхъ.

Въ одномъ изъ засѣданій этнографической секціи археологическаго съѣзда въ Харьковѣ выступали, какъ извѣстно, хранители музыкально-поэтическаго творчества украинскаго народа: лирники, кобзари и «троиста музыка». Г. Бичъ-Лубенскій говоря объ этомъ интересномъ вечерѣ въ замѣткѣ «Музыкальный вечеръ XII археологическаго съѣзда» («Харк. Вѣд.», № 217), дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о характерѣ нашей народной музыки, о неисчерпаемыхъ и несравненныхъ богатствахъ ея и, наконецъ, объ успѣхѣ замысла организаторовъ этого дѣла. Въ заключеніе своей замѣтки г. Б.-Л. приглашаетъ интересующихся роднымъ народнымъ искусствомъ послушать богатые остатки былого творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ внести лепту въ пользу обиженнаго судьбою бѣднаго слѣпца, живущаго только художественными образами своей думы, своей пѣсни, на предполагавшемся концертѣ бандуристовъ, но этому концерту по независящимъ обстоятельствомъ не суждено было состояться.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Атласъ харьковскаго намѣстничества 1787 г. съ топографическимъ описаніемъ. Изд. Харьк. Губ. Статист. Комитета подъ редакціей В. Иванова.

Бороздинъ А. Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество. Спб. 1902 г. Ц. 40 коп.

Вій. М. Гоголя. Перекл. Ф. Королевський, Ст. 92, ц. 40 сот. Львів. 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 34.

Вулькани. Напис. І. Раковський. Стор. 48. Ц. 20 сот. Львів. 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 35.

Винниченко. В. Сыла и Краса. Оповидання. Кіевъ. 1902:

Воробкевичъ. Флояра. «Збирныкъ найновійшыхъ поэзій, выд. Товар. «Руска Бесіда». Чернивци.

Гомерова Іліяда, рапсодія В., переклав Ніщинський, стор. 70. Ц. 35 сот. Львів. 1902.

Квитка К. Збирныкъ украинськыхъ писень зъ нотамы. Гармонизація Б. Яновського. К. 1902. Ц. 30 к.

Король Лір. У. Шекпсіра в перекладі П. Куліша з передмовою і поясненями І. Франка. Ст. 164. Наклад. «Видавн. Спілки». Львів. 1902.

М. Корчинскій. Богданъ Залѣсскій. Житомиръ. 1902 г.

Кузьма О. Начерки. Т. І, стр. 172. Львів. 1902.

Любичъ І. Ничипоръ Бородай. Украинская легенда съ 23 рисунками А. Кучеренка. Москва, ц. 30 коп.

Лопатинський Л. Параця. Комедія въ 3 акт. Львів, 1902.

Малиновскій І. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго княжества Литовскаго. Томскъ 1901 г. Ц. 3 р.

Масловъ А. Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Москва, 1902.

Маркевичъ. А. Гоголь въ Одессѣ. Одесса. 1902 г. Ц. 40 к.

Масарик. Т. Ідеали гуманности. Перекл. Ф. Королевський. Стр. 96, ц. 35 сот. Львів. 1902. Вид. «Видавн. Спілки», ч. 31.

Матушевскій Ф. Жертвы переходной эпохи. Кіевъ. 1902.

Орда Л. Крестовоздвиженская братская церковь въ Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкъ, 1902.

Письмо до видавця «Колокола» М. Костомарова. Перекл. В. Гнатюк, стр. 18. Ц. 20 сот. Львів. 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 33.

Павловскій И. Ф. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Кіевъ 1902 г. ц. 75 к.

Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. (Краткій очеркъ экономич. исторіи Россіи). Спб. 1902. Ц. 40 коп.

Спасовичъ В. и Пильцъ Э. Очередные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Второе изд. Т. І. Спб. 1902 г. 251 стр. Ц. 1 р.

Труды харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археол. съѣзда. Изд. подъ редакціей проф, Е. К. Рѣдина. Т. І, стр. 549+79; т. II, стр. 450+241. Съ картинами и

рисунками. Ц. 3 руб. Для членовъ съѣзда 1 р. 50 коп. Харьковъ. 1902 г.

Трубицынъ, Н. Гоголь въ исторіи русскаго слова. Кронштадтъ. 1902 г. Ц. 30 коп.

Филевичъ, проф. Вопросъ о двухъ русскихъ народностяхъ и «Кіевская Старина». Варшава. 1902 г. Ц. 35 коп.

Юпітеръ у клопотах. Гуморист. діялог Люкіяна із Самосати. Перекл. з грецького д-р. Т. Мандибур. Стр. 60; ц. 35 сот. Львів 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 32.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1902 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 октября 1902 года.

Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность.

Habent sua fata libelli! Это извѣстное изреченіе имѣетъ ближайшее отношеніе ко многимъ писателямъ, не вошедшимъ въ кругъ именъ, получившихъ широкое распространеніе, и иногда не потому только, что сила таланта оказалась не на ихъ сторонѣ, а потому, что, кромѣ личнаго fatum'а существуетъ еще и fatum общественныхъ условій, сложившихся для даннаго времени не въ пользу торжества извѣстной идеи. Все это, съ особеннымъ правомъ, можетъ быть сказано о литературныхъ работахъ *Филиппа Семеновича Морачевскаго*, никогда не игравшаго видной роли въ нашемъ прошломъ, а теперь совершенно почти позабытаго. Казалось-бы, кому-кому, но Нѣжинскому историко-филологическому институту, преемнику лицея кн. Безбородко, въ которомъ Ф. С. Морачевскій былъ 10 лѣтъ инспекторомъ, не подобало ограничиться въ своемъ изданіи[1]) коротенькой біографической справкой о немъ, а позаботиться о болѣе серьезнемъ освѣщеніи этой почтенной личности. Да еще и въ этой коротенькой біографіи о литературной дѣятельности Ф. С. Морачевскаго повторена изъ перваго изданія книги[2]) какая-то подозрительная фраза: «события восточной войны 1853—56 годовъ вызвали Филиппа Се-

[1]) Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г.

[2]) Лицей князя Безбородко. Спб. 1859 г.

меновича на *скользкое* литературное поприще», какъ будто и не существовало въ его литературной дѣятельности другого, совсѣмъ ужъ не скользкаго, а напротивъ—очень твердаго пути, что́ можно было узнать составителямъ книги, какъ увидимъ ниже, изъ вполнѣ оффиціальнаго источника.

Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли въ 1899 году въ «Южномъ Краѣ» (№ 6333) статью, посвященную Ф. С. Морачевскому, въ которой сообщаются нѣкоторые новые факты изъ его литературныхъ работъ, а главное—личность его освѣщается въ болѣе симпатичныхъ чертахъ, чѣмъ въ упомянутыхъ изданіяхъ, хотя и здѣсь совершенно не затронута та сторона его литературной дѣятельности, которая заставитъ вписать его имя въ таблицу почетныхъ именъ малорусской литературы. Въ № 9-мъ текущаго года въ «Кіевск. Старинѣ» мы, перепечатывая изъ «Извѣст. Император. Акад. Наукъ замѣтку В. И. Срезневскаго о малорусскомъ переводѣ четверо-евангелія Ф. С. Морачевскаго, обѣщали посвятить очерку его литературной дѣятельности особую статью, что и исполняемъ теперь, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣкоторые очень цѣнные матеріалы, касающіеся личности и главнаго литературнаго труда его.

Филиппъ Семеновичъ Морачевскій принадлежалъ къ черниговскимъ дворянамъ, и можно думать, судя по аттестату о его службѣ, что родомъ онъ былъ изъ деревни Шестовицы, черниговск. уѣзда, т. к. въ 1859 году имѣлъ тамъ домъ съ садомъ и огородомъ, сѣнокосныя и лѣсныя угодья въ количествѣ 100 десятинъ, а также и пять ревизскихъ душъ,—что́, вѣроятно, и было его наслѣдственнымъ имуществомъ. Родился онъ 14 ноября 1806 года. Гдѣ и какъ прошли первые годы его дѣтства, мы не знаемъ, но университетскую науку онъ проходилъ въ харьковскомъ университетѣ, который и кончилъ въ 1828 году со степенью дѣйствительнаго студента, послѣ чего черезъ годъ, по выдержаніи установленнаго испытанія, былъ опредѣленъ на службу учителемъ математики въ Сумское уѣздное училище. Очевидно,

первоначально избранная имъ спеціальность почему-то пришлось не по немъ, т. к. въ 1832 году онъ подвергается экзамену въ испытательномъ комитетѣ харьковскаго университета по предмету русской словесности для полученія званія учителя гимназіи, и въ томъ-же году получаетъ должность учителя русскаго языка и географіи въ луцкой гимназіи, куда пригласилъ его на эту должность только-что назначенный директоромъ этой гимназіи его родственникъ И. Г. Кулжинскій. Затѣмъ начинается послѣдовательный ходъ его по службѣ, сначала въ должности младшаго учителя въ Луцкѣ, до 1835 года, потомъ—старшаго учителя русской словесности въ Каменецъ-Подольскѣ, до 1842 года, когда онъ былъ назначенъ инспекторомъ въ той-же гимназіи, и, наконецъ, въ 1849 году онъ переводится въ Нѣжинъ на должность инспектора лицея кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, въ каковой должности и находился до самой отставки въ 1859 году. Мы имѣемъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о времени служенія Ф. С. Морачевскаго въ Каменецъ-Подольскѣ и въ Нѣжинѣ. Несмотря на то, что аттестатъ о службѣ его свидѣтельствуетъ объ успѣшномъ прохожденіи имъ занимаемыхъ должностей, такъ-какъ не разъ занесена была въ аттестатъ благодарность ему отъ попечителя Округа (кн. Давыдова), но, очевидно, были у него въ Каменецъ-Подольскѣ и завистники, желавшіе подкопаться подъ него. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1838 по 1842 г.) онъ исправлялъ должность инспектора гимназіи, что́, вѣроятно, и было причиной зависти для другихъ, такъ-какъ въ маѣ мѣсяцѣ 1840 года поступилъ къ генералъ-губернатору Бибикову доносъ на нѣкоторыхъ лицъ изъ состава служащихъ въ каменецъ-подольской гимназіи, и въ томъ числѣ на Ф. С. Морачевскаго. 28 мая 1840 г. Бибиковъ писалъ попечителю Округа, князю С. И. Давыдову: «изъ последне полученныхъ мною свѣдѣній о состояніи Каменецъ-Подольской гимназіи не излишнимъ считаю сообщить Вашему С—ству нѣкоторыя, могущія быть необходимыми для Вашихъ соображеній: гимназисты уходятъ изъ квартиръ безъ билетовъ, кому куда вздумается; субординаціи у нихъ нѣтъ (а исправлялъ-то должность инспектора въ это время Ф. С. Морачевскій); 2) въ день

имениіъ ученика Скордели, помѣщика Бессарабской области, 23 апрѣля, въ день праздника св. Георгія, и слѣдующаго 24 числа, директоръ гимназіи Вощининъ и учители Морачевскій и Чайковскій были въ отлучкѣ и уроки не преподавались». Для разслѣдованія кн. Давыдовъ посылалъ въ Каменецъ-Подольскъ инспектора казенныхъ училищъ М. В. Юзефовича и, получивъ отъ него отчетъ, писалъ Бибикову 20 авг. того-же года: «Директоръ Вощининъ дѣйствительно отлучался 23 апрѣля, въ день св. Георгія, съ учителями Морачевскимъ и Чайковскимъ къ помѣщику Бессарабской области Скордели, откуда возвратились на другой день, 24 числа, чрезъ что, однако-жъ, не произошло никакихъ упущеній по службѣ, ибо въ тѣ дни, какъ видно изъ расписанія, означенные учители уроковъ не имѣли». Этотъ инцидентъ, кажется, не имѣвшій никакихъ послѣдствій для Морачевскаго, сообщаемъ по рукописнымъ матеріаламъ. Что-же касается пребыванія его на службѣ въ Нѣжинѣ, въ роли инспектора лицея кн. Безбородка и нѣжинской гимназіи, то нѣкоторыя свѣдѣнія передадимъ со словъ одного изъ бывшихъ его учениковъ, г-на К—скаго. «Передъ Ф. С. Морачевскимъ—сообщаетъ намъ г. К—скій—инспекторомъ у насъ былъ Іеропесъ; онъ памятенъ тѣмъ, что занимался спеціально поркой гимназистовъ. Между нами твердо держалось такое мнѣніе, что Іеропесъ не въ состояніи обѣдать, если не выпоретъ розгами двухъ-трехъ учениковъ. Послѣ Іеропеса Ф. С. Морачевскій намъ очень понравился, хотя мы и острили надъ нимъ. Дѣйствительно, онъ былъ добрый и хорошій человѣкъ и обходился съ нами по-человѣчески. Одно было въ немъ непріятно: какъ пойдетъ по квартирамъ и найдетъ у кого-либо изъ гимназистовъ или студентовъ стихи малорусскіе, особенно Шевченка, такъ и конфискуетъ. А между тѣмъ, бывая часто у Морачевскаго, я постоянно заставалъ его въ кабинетѣ за работой: онъ что-то писалъ и часто рылся въ Библіи славянской и латинской; это и были занятія его по переводу Св. писанія на малорусскій языкъ».

Гдѣ и какъ проходили годы его жизни послѣ отставки, мы не знаемъ, но вѣроятнѣе всего—въ Нѣжинѣ-же, гдѣ воспитывались тогда его два меньшіе сына; по крайней мѣрѣ нѣ-

которыя его письма начала 60-хъ годовъ,—имѣющіяся въ нашихъ рукахъ, благодаря внуку Филиппа Семеновича, доставившему намъ ихъ, равно какъ и нѣкоторые другіе матеріалы,—помѣчены городомъ Нѣжиномъ. Что-же касается 70-хъ годовъ, то онъ, уже глубокимъ старикомъ, счастливо доживалъ свои дни въ с. Шнаковкѣ (недалеко отъ Нѣжина). Объ этомъ его жизнерадостномъ настроеніи свидѣтельствуютъ три письма его къ старшему сыну Виталію, писанныя изъ Шнаковки въ 1876 и въ 1878 году, гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ такія строчки: «Боже мой! вѣдь это чудная обстановка моего семейнаго счастья. Вспомни, Виталій, Каменецъ, вспомни Нѣжинъ, представь, наконецъ, и Шнаковку, столько привязавшую меня къ себѣ и такъ покоящую мою старость! О, не хочу еще умирать: лучшаго рая не будетъ для меня въ небѣ, и свѣтлѣе ангеловъ я не встрѣчу, какіе окружали и окружаютъ меня на землѣ!». Или въ другомъ письмѣ (28 февр. 1878 года): «Жизнь моя, конечно, подходитъ къ концу, и я благодарю за нее Бога: утро мое шло, кажется, мрачно, но я достигъ, чего достигнуть мнѣ было можно; полдень сіялъ надо мною свѣтлыми и теплыми лучами; вечеръ мой тихъ и безмятеженъ,—я окруженъ любовью и самъ полонъ любви». А въ письмѣ отъ 19-го ноября 1878 года онъ съ полнымъ увлеченіемъ юности разсказываетъ о днѣ именинъ своихъ и дочери: «Именины Настеньки и мои провели мы очень весело—я даже пѣлъ въ великолѣпномъ хорѣ и пристукивалъ ногою, а на Настенькины—чуть не танцовалъ. Не даромъ я писалъ Анечкѣ (внучкѣ):

Ваши звѣздочки кругомъ (моихъ внуковъ)
Ярко такъ сіяютъ,
И мою своимъ огнемъ
Грѣютъ, озаряютъ.
О, свѣтите-жъ ей яснѣй,
Грѣйте, озаряйте
И лучемъ отраднымъ ей
Силы придавайте!
И вашъ дѣдушка какъ-разъ,

Залюбуясь вами,
Стукнетъ ножкою подъ часъ
И тряхнетъ кудрями,
Хоть сѣдыми—ничего!
Тѣмъ больше почета!
И забудетъ про его
Семь-де-сятъ-два года».

Мы нарочно остановились на этихъ выпискахъ изъ писемъ періода старости Ф. С. Морачевскаго, такъ-какъ намъ кажется, что ими объясняется многое и во всей его предшествовавшей жизни, и въ общественной и литературной дѣятельности. Къ разсмотрѣнію этой дѣятельности мы теперь и обратимся.

Годы юности, проведенные въ Харьковѣ въ концѣ 20-хъ годовъ, несомнѣнно оказали громадное вліяніе на выработку у Ф. С. Морачевскаго какъ вкуса, такъ и пріемовъ поэтическаго творчества. Мы не имѣемъ совершенно точныхъ указаній на то, когда онъ началъ свои упражненія въ стихотворствѣ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что первые опыты его поэтическихъ настроеній начались еще со студенческой скамьи. Помогло этому и то общее настроеніе, которое господствовало въ тѣ годы въ Харьковѣ, въ этихъ *украинскихъ Аѳинахъ*, какъ тогда именовали этотъ городъ современники за ту просвѣтительную роль, какая выпала на его долю въ началѣ нынѣшняго столѣтія: тутъ былъ рядъ лицъ, подвизавшихся со славою на литературномъ поприщѣ (Квитка, Гулакъ-Артемовскій, Срезневскій); тутъ были и такія изданія, какъ «Украинскій Вѣстникъ», «Украинскій Журналъ», а затѣмъ—рядъ альманаховъ. Вся эта, такъ сказать, литературная атмосфера тогдашняго Харькова пробудила въ юношѣ Морачевскомъ страсть къ стихотворству, широко разлившуюся въ то время среди молодежи, о чемъ можно судить, пересматривая тог-

дашніе журналы и рукописныя тетрадки. Вѣроятно, послѣднимъ толчкомъ для того, чтобы выступить со своими стихотвореніями въ печати, послужило для Морачевскаго появлѣніе въ 1829 г. въ Харьковѣ, въ роли учителя гимназіи и преподавателя словесности въ университетѣ, упомянутаго уже раньше родственника его И. Г. Кулжинскаго, заявившаго себя еще съ 1825 года нѣкоторыми стихотвореніями и разсказами въ «Дамскомъ Журналѣ», въ «Украинскомъ Журналѣ» и др. Въ упомянутой выше статьѣ въ «Южномъ Краѣ» приведено одно письмо Морачевскаго къ Кулжинскому (1831 года), изъ котораго ясно видно, что черезъ послѣдняго были переданы И. И.Срезневскому стихотворные опыты молодого поэта, напечатанные въ «Украинскомъ Альманахѣ» 1831 г., изданномъ И. И. Срезневскимъ. Эти стихотворенія—«Первое мая», «Монастырь» и «Дорога»,—написанныя на русскомъ языкѣ, не представляютъ ничего оригинальнаго ни по содержанію, ни по формѣ: излюбленный въ тотъ періодъ русской литературы нѣжно-меланхолическій тонъ, вызываемый не общественными вопросами жизни, а исключительно возникающій на почвѣ сердечныхъ порывовъ,—вотъ и все, что читатель въ нихъ находитъ. Для образца приведемъ маленькое стихотвореніе «Дорога».

Въ чистомъ полѣ вѣтеръ дуетъ.
Сердце бѣдное тоскуетъ;
Съ каждымъ шагомъ лошадей,
Обреченъ одной печали,
Я все далѣ, далѣ, далѣ
Отъ Украинки моей.
Ахъ! явись хоть на мгновенье,
Милый Ангелъ предо мной!
Укрѣпи мое терпѣнье!
Думы сердца успокой!

Эти три стихотворенія, очевидно, понравились тогдашнимъ читателямъ; по крайней мѣрѣ въ указанномъ письмѣ къ Кулжинскому, писанномъ изъ Сумъ, гдѣ тогда учительствовалъ Морачевскій, онъ разсказываетъ, что его посѣщалъ кандидатъ Росков-

шенко, который просилъ его «украсить своимъ именемъ Харьковскій Альманахъ и на слѣдующій годъ». Результатомъ этого было, что Морачевскій одновременно съ этимъ письмомъ послалъ Кулжинскому нѣсколько своихъ новыхъ произведеній, предназначавшихся для второй книжки Альманаха, изданіе которой не состоялось, вслѣдствіе чего всѣ эти піесы такъ и остались ненапечатанными и увидѣли свѣтъ только въ минувшемъ году въ «Южномъ Краѣ». Стихотворенія эти слѣдующія: «Ночь», «Акростихъ (Катя милая будь моя)», «Мечты», «Стансы» и двѣ элегіи. О достоинствѣ этихъ стихотвореній самъ Морачевскій говоритъ въ своемъ письмѣ такъ: «Съ душевнымъ прискорбіемъ посылаю вамъ нѣсколько несвязныхъ, холодныхъ и совершенно не занимательныхъ стишонковъ, которые прошу показать г-ну Срезневскому. Если, по его мыслямъ, есть между ними способные для его Альманаха, то пусть напечатаетъ, если-же нѣтъ, то бросьте ихъ въ печку или куда вамъ угодно». Не были они брошены въ печку, но и въ печать не попали, не потому, что были забракованы, такъ-какъ, сравнительно, съ прежними, они безспорно являются шагомъ впередъ, хотя далеко не могутъ быть причислены къ произведеніямъ, дающимъ поэту имя. А такихъ стиховъ въ тѣ годы Морачевскій писалъ много, что́ видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма: «за эти стихи и подобные имъ, которыхъ у меня находится довольное количество, но все пустые, прекрасныя Сумянки назвали меня *Сумскою звѣздою*,—отъ того, что въ каждомъ почти стихѣ по какой-нибудь причинѣ сіяетъ у меня звѣзда». Считая свои стихи пустой забавой, Морачевскій придавалъ больше значенія задуманной имъ комедіи въ стихахъ «Сумская причудница». Въ томъ-же письмѣ онъ пишетъ объ этой комедіи такъ: «Похвалиться-ли вамъ Иванъ Григорьевичъ? Вакаціи мои не совсѣмъ для меня пропали: я соорудилъ въ это время комедію въ трехъ небольшихъ дѣйствіяхъ «Сумская причудница». которую даже причудницы-сумянки читаютъ съ непритворнымъ удовольствіемъ—можетъ быть потому, что въ ней находятъ собственныя свои мысли и чувствованія. Посылаю вамъ одну сцену изъ 2-го дѣйствія: если для Альманаха не противны такого рода сочиненія, и если

моя *Причудница* можетъ обратить на себя какое-нибудь вниманіе, то я просилъ-бы Срезневскаго напечатать сей отрывокъ, за что сердечно былъ-бы ему благодаренъ». Отрывокъ этотъ, тоже теперь напечатанный въ «Южн. Краѣ», представляетъ въ комическомъ освѣщеніи семью, состоящую изъ маменьки и двухъ дочекъ, изъ которыхъ старшая — чувствительная мечтательница, впрочемъ очень озабоченная мыслью о выходѣ замужъ, а меньшая—рѣзвая, веселая и не безъ остроумныхъ замѣчаній по адресу своей сестры. Сама-же маменька вся поглощена заботой о томъ, какъ-бы старшую дочку выдать замужъ, что́ очень живо передано у Морачевскаго въ сценѣ гаданія ея на картахъ, а также въ совѣтѣ ея дочери, какъ держать себя передъ молодымъ человѣкомъ, который долженъ сейчасъ появиться къ нимъ въ комнату. Вотъ эта послѣдняя сцена:

Умѣй придать глазамъ привѣтливую нѣжность,
Словамъ, движеніямъ—пріятную небрежность.
То сядь противъ него, умильно погляди,
Вступи съ нимъ въ разговоръ, по комнатѣ ходи;
То сладостно вздохнувъ, задумайся немножко;
То нѣжно улыбнись, выглядывай въ окошко;
То выйди, то войди и сядь на стулѣ вновь....
Не сразу отвѣчай на страстную любовь!
Скажи: я не могу.... безъ маменьки не знаю-съ....
А я.... я за себя, душа моя, ручаюсь,
Во что-бъ ни стало мнѣ—не уроню себя!
Скажу: пріятно мнѣ, но этакъ вѣдь нельзя!
На это время есть.... подумаемъ.... повидимъ....
Узнаемъ больше васъ.... и вѣрно не обидимъ!

Гдѣ находится комедія эта въ полномъ видѣ, мы свѣдѣній никакихъ не имѣемъ; но, судя по напечатанному отрывку ея, она не можетъ представлять большого интереса, да и самъ авторъ, какъ мы видѣли, не придавалъ ей особенной цѣны. Вообще, въ этотъ первый періодъ своей литературной дѣятельности, Ф. С. Морачевскій, подражая направленію, господствовавшему въ рус-

ской литературѣ, можно сказать, только упражнялся въ писательствѣ, не внося въ него никакого идейнаго содержанія.

Совершенно въ такомъ-же родѣ и другая его стихотворная піеса, о которой нигдѣ до сихъ поръ въ печати не упоминалось. Написана она въ 1834 году въ г. Луцкѣ и посвящена директору луцкой гимназіи И. Г. Кулжинскому, подъ начальствомъ котораго Ф. С. Морачевскій служилъ тогда учителемъ. Піеса эта, подъ заглавіемъ «Чудаки, нѣсколько комическихъ сценъ», написана, какъ значится въ посвященіи, «на новый 1834-й годъ», въ декабрѣ 1833 года, и начинается стихотвореніемъ:

«Вотъ Вамъ стихи на Новый годъ—
Декабрьской музы приношенье,
Мечты несвязной вдохновенье,
Плодъ піитическихъ хлопотъ!

—

Въ часы безсонницы жестокой
Я часто сердцемъ тосковалъ
И горе жизни одинокой
Мечтами музы услаждалъ

—

Она, приникнувъ къ изголовью,
Подобно дѣвѣ молодой,
Шептала съ тайною любовью
Мнѣ звуки нѣжные порой.

—

Я ихъ душою оживленной
Ловилъ задумчиво—и вотъ
Изъ нихъ рукою дерзновенной
Склеилъ стихи на Новый годъ.

—

Примите съ ласковымъ привѣтомъ,
Что Богъ послалъ на этотъ разъ;
Я не былъ никогда поэтомъ,
Но бредилъ риѳмами подъ часъ.

—

Эта послѣдняя строка вполнѣ примѣнима къ піесѣ «Чудаки»: въ ней нѣтъ рѣшительно ничего содержательнаго, но написана она бойкими риѳмованными стихами. Содержаніе піесы слѣдующее. Какой-то поэтъ Стихотворскій, живя въ одномъ домѣ съ семьею Болтницкихъ, очевидно, влюбленъ въ дочь послѣднихъ и пользуется ея взаимностью. Дѣйствіе начинается съ того, что Стихотворскій собирается къ Болтницкимъ на званый вечеръ, какъ вдругъ одинъ за другимъ приходятъ къ нему Звяковичъ и Хріеновскій, тоже гости Болтницкихъ, которые своей болтовней задерживаютъ Стихотворскаго, рвущагося поскорѣе увидѣть предметъ своихъ воздыханій, тѣмъ болѣе, что отъ барышни уже приходилъ за нимъ посланецъ, горничная Лиза, очень напоминающая Лизу въ комедіи Грибоѣдова. Длинная болтовня этихъ посѣтителей довела до того, что появляется самъ Болтницкій приглашать отсутствующихъ гостей поскорѣе усѣсться за вистъ или бостонъ; но и самъ онъ, будучи изъ болтливыхъ людей, довольно долго ведетъ безсодержательные разговоры.

Затѣмъ онъ уходитъ, а черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за нимъ идутъ и остальные. Надо удивляться тому, что, при такомъ безсодержательномъ сюжетѣ, авторъ сумѣлъ придать своей піесѣ нѣкоторый интересъ: читается она легко, благодаря замѣчательно плавному и гладкому стиху, очень похожему на стихъ Грибоѣдова. Да и не только стихъ, но и одно изъ дѣйствующихъ лицъ (не говоря о Лизѣ), по нашему мнѣнію, воспроизведено по образцу Репетилова—это Звяковичъ: такая-же болтовня, быстро перелетающая отъ одного предмета къ другому. Вотъ образчикъ его рѣчей.

Мое почтеніе! Вы дома—самъ на самъ.
Куда-то, кажется, сейчасъ идти хотѣли.
Вотъ я, какъ говорятъ, безъ плана и безъ цѣли,
Не то, чтобъ невзначай, а такъ, случайно къ вамъ,
По волѣ собственной, благодаря ногамъ,
Имѣю честь съ моимъ присутствіемъ явиться,

Но прежде въ этомъ мнѣ позвольте объясниться.
Вы все въ занятіяхъ, какъ видно день и ночь—
И вѣрно васъ засталъ теперь я надъ стихами?
Не можно-ли прочесть? Мнѣ помнится, точь въ точь,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы съ вами,
Вы здѣсь прославились, какъ истинный поэтъ,—
Я въ этомъ васъ могу увѣрить.
У насъ привыкли все на свой аршинъ примѣрить,—
Но въ этомъ нужды нѣтъ!
Зачѣмъ намъ по морю пускаться въ даль напрасно?
Подъ кровлею своей, повѣрьте, безопасно!
И я премного разъ такъ удивлялся вамъ,
Таланту вашему и вашимъ всѣмъ стихамъ;
Объ нихъ вездѣ молва пустилась.
Жаль только, что ни разу не случилось
Твореній вашихъ мнѣ прочесть,
А я бъ почелъ себѣ за честь....
Но это все равно. Хотите-ли послушать?
Я разскажу, не тратя лишнихъ словъ.
У насъ отъ давнихъ поръ обычай былъ таковъ:
Кто любитъ много спать, кто любитъ много кушать.
Кто изъ числа любителей стиховъ...

Не удивительно, что эту вступительную болтовню Звяковича Стихотворскій прерываетъ словами:

Позвольте васъ прервать. Вы столько насказали,
Что я, охотно признаюсь,
Вамъ отвѣчать едва-ль найдусь:
Немножко, кажется, вы рѣчь свою смѣшали.

Кромѣ обще-типичной репетиловской болтовни, Звяковичъ надѣленъ у Морачевскаго еще одной характерной чертой Грибоѣдовскаго Репетилова—изображеніемъ себя какимъ-то подозрительнымъ по убѣжденіямъ человѣкомъ. Въ концѣ піесы онъ говоритъ о себѣ:

Я человѣкъ на все готовый.
Здѣсь, въ городѣ, идетъ молва,
Что будто я опасный и суровый,
Что будто-бы моя набита голова
Какими-то мечтаньями пустыми:
Но это ложь—не вѣрьте никогда!
При томъ-же это не бѣда:
Я дорожу людьми всегда,
Но только, право, не такими.

Если Звяковичъ, какъ типъ, представляетъ еще какой-нибудь интересъ, то остальныя дѣйствующія лица (Стихотворскій совсѣмъ почти въ разговорѣ не участвуетъ)—Хріеновскій и Болтницкій—совсѣмъ уже ничего оригинально-типичнаго не даютъ. Хріеновскій проникнутъ уваженіемъ къ старой, ложно-классической, поэзіи и врагъ романтизма. Когда въ разговорѣ Хріеновскій упомянулъ съ уваженіемъ о Графовѣ (вѣроятнѣе всего—графъ Хвостовъ), и услышалъ отъ Стихотворскаго замѣчаніе:

Мнѣ кажется, Графова вы,
Плѣнясь возвышеннымъ талантомъ
Его отважной головы,
Считаете Парнасскимъ комендантомъ,—

онъ отвѣчаетъ на это замѣчаніе:

Да-съ, я его люблю: совсѣмъ онъ не похожъ
На нашу легкую, слѣпую молодежь,
Обвитую пустымъ эѳиромъ романтизма,
Презрѣвшую святымъ уставомъ классицизма.
Взгляните вы на всѣ творенья ихъ:
Безъ чувствъ, безъ мыслей—только мѣра!
Не выберешь изъ нихъ ни строчки для примѣра;
Сужденій правильныхъ не спрашивай у нихъ;
Періодовъ по формѣ, предложеній,
Мѣстъ реторическихъ, прямыхъ расположеній,

Какъ въ старину было въ обычаѣ, давно,—
Вы не найдете въ нихъ; все пусто и темно.
О *хріи* нѣтъ ужъ и въ поминѣ—
Ее боятся нынѣ,
Какъ тяжкаго грѣха.

Вообще Хріеновскій, какъ превыспренній классикъ, изображенъ комически со своей философской болтовней. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ разсуждаетъ о Ноѣ.

Годъ цѣлый плавая въ ковчегѣ по волнамъ,
Нигдѣ пристать не могши къ берегамъ,
Не можетъ быть, чтобъ онъ, терпя всѣ странствій муки,
Не взялся за перо когда-нибудь отъ скуки—
Пофилософствовать объ участи людей.
Я вамъ скажу: достойно сожалѣнья,
Что всѣ его высокія творенья
Достигнуть не могли до настоящихъ дней;
А любопытно-бъ знать какія онъ фигуры
Употреблялъ тогда для выраженья чувствъ
На памятныхъ листкахъ своей литературы?
Я думаю, что онъ все списывалъ съ натуры,
Безъ реторическихъ искусствъ,
Но сильно, высоко. Его великій геній
Въ часы небесныхъ откровеній
Парилъ въ Божественныхъ мечтахъ
Среди волнующейся влаги.

На замѣчаніе Звяковича:

Пріятель! вѣдь тогда не знали мы бумаги

Хріеновскій отвѣчаетъ, что Ной могъ писать на лавкахъ, на стѣнахъ, на каменныхъ таблицахъ, на столахъ,—и въ заключеніе говоритъ:

Какъ хочете, а я поспорить радъ,
Что Ной не могъ не быть философомъ въ то время;
Но только, что его несмѣтливое племя
Сберечь для насъ сей драгоцѣнный кладъ
Иль не умѣло,
Иль не хотѣло:
А можетъ быть и самъ онъ затерялъ,
Но, вѣрно, что-нибудь писалъ
О страшной гибели всего земного рода.

Только и оставалось бѣдному Стихотворскому про себя сказать:

«Вотъ болтовня пошла! И слушай вздоръ такой!»

Піеса «Чудаки» есть послѣднее изъ извѣстныхъ намъ произведеній Ф. С. Морачевскаго въ первый періодъ его писательства. Ясно видно, что онъ въ этотъ періодъ всецѣло находился подъ вліяніемъ русской стихотворной литературы и никакихъ намековъ еще не подавалъ на ту новую дорогу въ своемъ творчествѣ, которая становится намъ извѣстной только съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и которая обозначилась его національными симпатіями. Когда и какъ совершился этотъ поворотъ, изъ фактовъ его біографіи опредѣлить нельзя, а отсутствіе у насъ какихъ-бы то ни было его произведеній, начиная съ 1834 года до начала 50-хъ годовъ, не даетъ возможности прослѣдить за постепеннымъ переходомъ его отъ одного направленія къ другому. Вѣрнѣе всего можно предположить, что съ переѣздомъ въ Нѣжинъ, въ 1849 году, Ф. С. Морачевскій, очутившись, послѣ долгаго отсутствія, опять въ родной своей Черниговщинѣ, какъ-бы охваченъ былъ животворящей струей родныхъ звуковъ, къ этому времени закрѣпленныхъ уже Кобзаремъ Т. Шевченка (изд. въ 1844 г.). Хотя малорусское слово было въ тѣ годы не въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, но все-же такія имена, какъ Максимовичъ, издавшій въ 1849 году сборникъ своихъ пѣсенъ, какъ священникъ В. Гречулевичъ, напечатавшій свои проповѣди на малороссійскомъ

языкѣ,—могли поощрительно подѣйствовать и на такого скромнаго и даже вполнѣ смирнаго человѣка, какимъ былъ Ф. С. Морачевскій. Какъ ни совершился въ немъ этотъ поворотъ къ малорусскому писательству, можно сказать только одно: не будь этого поворота, имя его, со всѣми отмѣченными нами до сихъ поръ стихотвореніями и драматическими сценами, оказалось-бы, конечно, забытымъ въ ряду другихъ литературныхъ именъ.

В. Науменко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о духовной школѣ 70-хъ годовъ.

I.

Духовное училище.

Глава I-я.

Я поступилъ въ Одесское духовное училище въ 1873 году. Старая учебно-воспитательная система нашей духовной школы, столь ярко и художественно изображенная Помяловскимъ въ «Очеркахъ бурсы», подвергалась уже въ это время коренному преобразованію: значительно измѣненъ былъ общій строй учебнаго дѣла, введены новыя программы и новые способы преподаванія, улучшенъ матеріальный бытъ воспитанниковъ, уничтожены розги; словомъ, героическій періодъ бурсы, воспѣтой Помяловскимъ, закончился и понемногу уходилъ уже въ область преданія. Наше училище, однако, какъ-то медленно сживалось съ новыми порядками и во многомъ продолжало жить еще стариной.

Это было какое-то переходное время.

Я былъ «казенно-коштнымъ» воспитанникомъ и жилъ, со дня поступленія въ училище и до окончанія курса, въ самомъ зданіи училища, которое называлось на оффиціальномъ языкѣ «корпусомъ», а въ городѣ продолжало, по старой памяти, именоваться бурсой. Бурса помѣщалась въ наемномъ домѣ, на одной изъ болѣе отдаленныхъ отъ центра улицъ, наискосокъ противъ архіерейскаго дома.

Старый двухъ-этажный домъ выходилъ на улицу своимъ боковымъ фасадомъ, гдѣ помѣщались квартиры смотрителя и инспектора училища; главный же фасадъ зданія развертывался во дворѣ, довольно длинномъ, но узкомъ, отдѣлявшемся каменнымъ полуразрушеннымъ заборомъ отъ громаднаго сосѣдняго двора, который былъ занятъ складомъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, какой-то англійской фирмы. Этотъ сосѣдній дворъ игралъ немаловажную роль въ жизни бурсаковъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Все зданіе имѣло видъ унылый, казарменный и въ высшей степени неопрятный. Стѣны были какъ-то измызганы и украшены чернильными и всякими другими пятнами; стекла во многихъ окнахъ были выбиты и по мѣсяцамъ не вставлялись; въ углу двора помѣщались отхожія мѣста и помойныя ямы, откуда, какъ водится, распространялось зловоніе. Вездѣ, во всемъ зданіи, воздухъ былъ спертый, затхлый, вонючій. Непріятно глядѣли и классы. Зимою въ нихъ, отъ плохой топки и выбитыхъ стеколъ, было такъ холодно, что трудно было высидѣть: учителя являлись на уроки въ пальто и въ калошахъ, а бурса наворачивала на себя всякую рвань, передъ уроками и на перемѣнахъ, «давила масло», играла въ «тѣсную бабу» и все-таки дрожала отъ холода.

Въ классахъ стояли длинныя парты первобытнаго устройства, доска, каѳедра для учителя. Парты были исковыряны и изрѣзаны перочинными ножами, при помощи которыхъ бурсаки выцарапывали свои иниціалы и дѣлали всякія надписи, сплошь и рядомъ самаго нецензурнаго содержанія.

Верхній этажъ былъ нѣсколько приличнѣе; тамъ помѣщались квартиры двухъ надзирателей и нѣкоторыхъ учителей, а также ученическія спальни. Церкви своей не было; учениковъ водили въ архіерейскую церковь.

Грязь и неряшество царили всюду. Бѣлье на постеляхъ перемѣнялось очень рѣдко, а въ матрацахъ водились всякія насѣкомыя. Особенно много было вшей, которыя свободно разгуливали и по головамъ, и по платью учениковъ. Бурсаки притерпѣлись къ насѣкомымъ, какъ неизбѣжнымъ спутникамъ своимъ, и не обра-

щали на нихъ никакого вниманія. Кормили насъ скудно: утромъ давали чай, послѣ уроковъ, въ 2 часа, обѣдъ и вечеромъ, въ 7—8, снова чай; ни завтраковъ, ни ужиновъ не полагалось. Такимъ образомъ, настоящая ѣда была только разъ въ день, за обѣдомъ, и такъ какъ этотъ послѣдній не отличался особенной питательностью, то легко себѣ представить, что вопросъ о томъ, какъ бы добыть чего-нибудь поѣсть, являлся однимъ изъ насущнѣйшихъ и животрепещущихъ вопросовъ бурсацкаго бытія. Почти всѣ, за исключеніемъ круглыхъ бѣдняковъ, возвращаясь послѣ праздниковъ и каникулъ изъ дому, привозили съ собою запасы провизіи и блаженствовали, пока не истощались эти запасы. При этомъ каждый зорко оберегалъ свои сокровища, въ видѣ сала, колбасъ, паляницъ, домашнихъ печеній и т. п., потому что голодъ развивалъ необыкновенную предпріимчивость и изобрѣтательность въ добываніи съѣстного, и все, что̀ плохо лежало, неизбѣжно дѣлалось добычею ловкихъ хищниковъ. Провизія сберегалась въ сундукахъ, за крѣпкими замками, но это не спасало ее отъ расхищенія. Кражи съѣстного были явленіемъ обыкновеннымъ и по кодексу товарищеской морали, вообще очень снисходительной къ дѣяніямъ, вызываемымъ потребностью самосохраненія, не считались преступленіемъ. Одинъ разъ, помню, бурсаки, съ искусствомъ профессіональныхъ воровъ, обокрали кладовую училища, и не только обокрали, но и съумѣли припрятать очень ловко награбленное.

Что касается внѣшняго вида бурсаковъ, то и онъ былъ весьма непрезентабеленъ. Формы у насъ не было. Казеннокоштные воспитанники носили зимою сѣрые суконные костюмы и байковыя пальто, называвшіяся бурками, а лѣтомъ облекались въ парусину; своекоштные одѣвались, во что хотѣли. Платье и сапоги изнашивались и затаскивались до послѣдней степени. Сплошь и рядомъ случалось, что ученикъ, износивъ сапоги и не получая новыхъ, отправлялся въ лазаретъ, а въ классѣ дежурный докладывалъ, что такой-то не явился «по неимѣнію сапогъ»,— и это, повидимому, считалось уважительною причиной. Какъ ни скудны были средства, выдаваемыя на содержаніе бурсаковъ, все же и кормить, и одѣвать ихъ можно было гораздо лучше, какъ

это и обнаружилось впослѣдствіи. Очевидно, дѣло велось недобросовѣстно. Мнѣ приходитъ здѣсь на память одинъ случай, весьма характерный.

Однажды, когда я, кажется, былъ во 2-мъ классѣ, мать пріѣхала за мной, чтобы взять меня на вакаціи домой. Увидя, что я одѣтъ не лучше босяка, она взволновалась и, несмотря на свою робость, пошла объясняться къ смотрителю. Надо замѣтить, что я, какъ сынъ полкового священника, воспитывался на средства духовно-армейскаго вѣдомства, и, кажется, на мое содержаніе выдавалась сумма даже нѣсколько бóльшая обычнаго бурсацкаго содержанія.

Итакъ, мать пошла въ квартиру смотрителя, а я, въ страхѣ и нетерпѣніи, ожидалъ ее въ корридорѣ. И что же? Выходитъ мать сіяющая, довольная, обнимаетъ меня со слезамм и говоритъ, что смотритель очень хвалилъ меня, говорилъ, что я прекрасно учусь, что подаю большія надежды и т. п... А одежда, а сапоги?... Но развѣ стоило думать о нихъ послѣ такого тріумфа!.. Старикъ нашъ смотритель хорошо зналъ материнское сердце и ловко отвлекъ разговоръ въ другую сторону...

Еще въ большемъ пренебреженіи было наше нравственное воспитаніе. Бурсацкая толпа была въ высшей степени груба, невѣжественна и дика. Эта грубость и дикость нравовъ высказывалась, прежде всего, въ бурсацкихъ играхъ. Что это были за игры! Играли, напр., въ мячъ. Но мячи дѣлались какіе-то особенные: солидныхъ размѣровъ и такъ туго набивались, что ловкій ударъ мяча сбивалъ съ ногъ мальчугана, а иногда причинялъ ему увѣчье. Очень любили играть въ свайку, но и эта игра для проигравшаго соединялась съ истиннымъ мученіемъ: онъ долженъ былъ вытаскивать изъ влажной земли и подавать выигравшимъ тяжелую свайку безконечное число разъ. И при этомъ, усталый, обливающійся пóтомъ, со слезами на глазахъ, не встрѣчалъ ни въ комъ ни малѣйшаго участія, напротивъ—брань, презрѣніе, насмѣшки. Всякая игра неизбѣжно соединялась съ насиліемъ, съ причиненіемъ боли, иногда просто невыносимой. И всякій проигравшій все-таки опять игралъ, со злобой въ душѣ, съ мстительнымъ желаніемъ, въ свою очередь, причинить боль другому.

Ужасны были и постоянныя драки. Дрались ежедневно и, можно сказать, ежечасно; дрались и въ одиночку, одинъ на одинъ, и толпами, классъ на классъ, и проч. Дерущихся сейчасъ же окружала жадная до такихъ зрѣлищъ толпа и поощряла своими замѣчаніями. Силачей просто боготворили, слабымъ же приходилось до крайности плохо. Болѣе сильные и великовозрастные принимали даже участіе въ кулачныхъ бояхъ, которые тогда еще водились въ Одессѣ.

Несомнѣнно, что одною изъ существеннѣйшихъ причинъ этой междоусобной брани, было хроническое недоѣданіе, озлоблявшее бурсака и взвинчивавшее его нервы. Съ другой стороны, невольно думается, что скудное питаніе, издревле обычное въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не оставалось безъ вліянія и далеко за порогомъ школы. Наши батюшки, надо правду сказать, склонны къ застольнымъ излишествамъ,—но винить ли ихъ въ томъ? Послѣ долговременнаго невольнаго воздержанія, пріучавшаго бурсака жадными очами глядѣть на всякія яства, какъ не впасть въ соблазнъ, когда ни одна треба не обходится безъ угощенія?

Отвратителенъ былъ еще бурсацкій цинизмъ, проявлявшійся въ непристойныхъ разговорахъ, похожденіяхъ бурсаковъ старшаго возраста и въ безобразной, грубой, площадной ругани, которая горохомъ разсыпалась по корридорамъ, по классамъ, висѣла и стонала въ воздухѣ, особенно во время игръ. Удивительно, что прислуга въ училищѣ, за исключеніемъ одного сторожа, была женская; наша экономка, бойкая вдова-попадья, для кухни и уборки зданія нанимала деревенскихъ дѣвушекъ,—вѣроятно, потому, что это обходилось гораздо дешевле.

Дѣти нашего духовенства, растущія большею частью въ деревнѣ, безъ особаго воспитательнаго ухода, вообще дѣти не «нѣжнаго» воспитанія, сравнительно легко сживались съ грубой бурсацкой средой; но между ними, хотя и рѣдко, попадались натуры мягкія, нѣжныя, пользовавшіяся дома тщательнымъ и заботливымъ попеченіемъ: вотъ на нихъ-то эта грубость нравовъ отражалась убійственно.

Мнѣ врѣзался въ памяти особенно одинъ такой примѣръ.

Поступилъ въ бурсу нѣкто Ш—скій, сынъ богатаго сельскаго священника. Его старшій братъ тоже учился въ училищѣ и выдѣлялся среди бурсаковъ своею порядочностью, скромностью и манерами, обличавшими его воспитанность. Сколько я помню, онъ такимъ и остался, несмотря на вліяніе среды. Это былъ мальчикъ съ исключительной выдержкой и сильнымъ характеромъ. Младшій его братъ былъ мальчикъ въ высшей степени добрый и ласковый, но съ чрезвычайно слабой волей, въ противоположность брату. Фигура его была не складна; онъ былъ не по лѣтамъ высокъ, толстъ, неуклюжъ, очень близорукъ и, какъ всѣ близорукіе, разсѣянъ. Вслѣдствіе близорукости, онъ носилъ очки, и эти очки, единственныя на ученическомъ носу въ бурсѣ, служили предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ. Мальчикъ, повторяю, былъ чрезвычайно добрый, тихій и симпатичный: ко всѣмъ онъ относился очень довѣрчиво и дружелюбно. И вотъ бурса сразу, какъ у насъ выражались, «затюкала» этого мальчугана. Его буквально затравили. Черезъ мѣсяцъ его узнать нельзя было: онъ, краснѣвшій до корней волосъ при каждомъ нескромномъ словѣ, началъ безобразно ругаться, смѣшно перековеркивая слова, смысла которыхъ, очевидно, совершенно не понималъ, бѣшено кидался въ драку, дѣлалъ дерзкія выходки учителямъ и проч. И все это у него выходило какъ-то болѣзненно, истерически. Въ концѣ концовъ, онъ заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ; отецъ взялъ его домой и больше не привозилъ. И хорошо сдѣлалъ!

Надзора за учениками, внѣ классовъ, не было почти никакого. Инспекторъ нашъ, нѣкто З—ревъ, былъ человѣкъ очень мягкій, добрый и гуманный; но мы видѣли его только на урокахъ. Онъ былъ человѣкъ болѣзненный и велъ свое инспекторское дѣло спустя рукава.

Два надзирателя во время игръ и вообще въ свободное отъ занятій время не выползали изъ своихъ логовищъ и предоставляли намъ полную свободу; къ тому же они часто мѣнялись и, повидимому, не имѣли никакой охоты взяться за дѣло воспитанія, какъ слѣдуетъ: трудъ ихъ оплачивался плохо, и въ эту должность

временно шли только что окончившіе семинаристы, въ ожиданіи священническаго мѣста. Дольше другихъ,—кажется, года два,—пробылъ у насъ нѣкто Петръ Ивановичъ Б—ко. Это былъ человѣкъ добродушный, но очень недалекій и грубый. Расправа у него была короткая: поймаетъ за вихры и, помявъ неопрятную голову бурсака въ своихъ громадныхъ дланяхъ, выругается крѣпкимъ словомъ и отпуститъ съ миромъ, причемъ, непремѣнно, поплюетъ себѣ на концы пальцевъ и оботретъ о штаны.

Выскочишь, бывало, въ окно изъ класса, когда зазѣвается учитель, и, зажавъ въ кулакѣ «мѣдякъ, пустишься бѣгомъ въ лавочку, боязливо поглядывая по сторонамъ, не смотритъ ли кто. У калитки, какъ изъ подъ земли, вдругъ выростаетъ длинноногая фигура Петра Ивановича и могучею рукою хватаетъ за чубъ.

— Куда ты бѣжишь?

— Ой, пустите, П. И., больно!

— Я тебя спрашиваю: куда ты бѣжишь, мерзавецъ?

— Я, П. И., въ лавочку, за сѣмячками!

Петръ Ивановичъ очень любилъ грызть сѣмячки и потому сейчасъ же смягчался и отпускалъ: Ну, бѣги, чортъ съ тобой, да смотри же и мнѣ дашь!

До чего былъ слабъ надзоръ за нами, видно изъ слѣдующаго факта. Весною, какъ только оканчивались занятія, и насъ распускали готовиться къ экзаменамъ, т. е. такъ къ концу мая, полбурсы выселялось на «дачу». Дачей служилъ упомянутый выше сосѣдній дворъ, гдѣ бурсаки рыли себѣ ямы, устилали ихъ травою, а иные устраивали даже маленькія землянки и жили тамъ, т. е. дневали и ночевали. И никто не обращалъ на это вниманія. Въ данномъ случаѣ, отсутствіе надзора, впрочемъ, было къ лучшему: по крайней мѣрѣ, хоть свѣжимъ воздухомъ (т. е. относительно свѣжимъ) можно было подышать.

Бурса, какъ я сказалъ, помѣщалась наискосокъ противъ архіерейскаго дома. Несмотря на такую близость, ни одно «его преосвященство» никогда не заглянуло сюда,—такъ, хотя бы для прогулки, чтобы кстати и посмотрѣть, что тутъ дѣлается. Архіерей являлся только въ рѣдкихъ, торжественныхъ случаяхъ, напр.,

на экзаменахъ, и къ его появленію, о которомъ, конечно, было извѣстно заранѣе, все подчищалось и кое-какъ приводилось въ порядокъ.

Изъ развлеченій, которыми нѣсколько освѣжалась и разнообразилась наша монотонная жизнь, слѣдуетъ упомянуть о домашнихъ спектакляхъ. Они устраивались обыкновенно на святкахъ, безъ всякаго руководства или участія начальства, а исключительно стараніями самихъ учениковъ. Любимою пьесой былъ знаменитый «Царь Максимиліанъ». Какъ попала эта народная пьеса въ бурсу? Вѣроятно, ученики слышали ее въ селахъ, въ исполненіи доморощенныхъ деревенскихъ артистовъ, а можетъ быть, и сами принимали въ этомъ исполненіи участіе. Текстъ пьесы, сколько мнѣ помнится, совпадаетъ, въ общемъ, съ тѣмъ, который напечатанъ В. Каллашемъ въ его брошюрѣ: «Царь Максимиліанъ» (глуховскій варіантъ); впрочемъ, текстомъ вообще распоряжались свободно, допуская всякія вставки и измѣненія, лишь бы выходило «гладко». Уже студентомъ, я видѣлъ, какъ-то на святкахъ, эту пьесу въ одномъ селѣ херсонской губерніи, въ исполненіи солдатъ, бывшихъ въ отпуску въ этомъ и другихъ сосѣднихъ селахъ. Глядя на представленіе, я тогда живо вспомнилъ бурсу. Очевидно, бурсаки заимствовали отъ такихъ именно артистовъ не только самый текстъ, но и тонъ, манеры и пріемъ исполненія.

Діалоги перемежались пѣснями, при чемъ послѣднія вставлялись въ пьесу часто безъ всякаго отношенія къ тексту, а просто ни къ селу, ни къ городу: тутъ было и «Боже, царя храни», и «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», и даже духовныя пѣсни.

Изъ нашего скуднаго репертуара помню еще пьесу «Разбойники», сочиненную какимъ-то училищнымъ поэтомъ; текстъ ея, также какъ и «Царя Максимиліана», не былъ записанъ, а сохранялся въ устной передачѣ, по традиціи, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Содержаніе ея, сколько мнѣ помнится, заключалось въ слѣдующемъ.

Какое-то путешествующее семейство, состоящее изъ отца («благородный отецъ»), матери (комическая старуха) и дочери (ingénue dramatique), попадаетъ въ руки разбойниковъ. Ограбивъ проѣзжихъ, разбойники собираются убить ихъ, а пока предаются веселому торжеству. Атаманъ же (первый любовникъ) задумчивъ и мраченъ: онъ пораженъ красотой прелестной плѣнницы и задумываетъ спасти ее... Въ критическую минуту, когда разбойники, разгоряченные виномъ, приступаютъ къ атаману, упрекая его въ малодушіи и шумно требуя смерти плѣнниковъ, внезапно, какъ deus ex machina, является офицеръ, женихъ прекрасной дѣвицы съ отрядомъ солдатъ. Происходитъ схватка. Разбойники бѣгутъ, оставивъ на полѣ битвы смертельно раненаго атамана. Передъ смертью онъ поетъ какой-то «жестокій» романсъ.

Конечно, обстановка, костюмы и проч.—все было въ высшей степени примитивно.

Вообще же, не весело жилось въ бурсѣ! Въ грубой обстановкѣ, родной домъ, родная семья, какъ бы бѣдно и тѣсно ни жилось тамъ, казались какимъ-то далекимъ и милымъ, будто навсегда утраченнымъ раемъ.—И, Боже мой, какъ хороши были лѣтнія поѣздки домой, на вакаціи! Сколько было въ нихъ самыхъ свѣтлыхъ и чистыхъ наслажденій, сколько восторга и даже какого-то блаженства! Эти поѣздки незабвенны, и я помню ихъ очень отчетливо и теперь,—да, правда, онѣ были очень похожи одна на другую.

Передъ отъѣздомъ отъ радостнаго волненія я не сплю, бывало, цѣлую ночь; подъ утро вздремну немного, а чуть забрезжится разсвѣтъ, уже на ногахъ, сіяющій, радостный и бодрый, несмотря на безсонную ночь. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ начинаемъ укладываться въ дорогу; вездѣ въ спальняхъ уже просыпаются, суетятся и хлопочутъ другіе отъѣзжающіе. Предстоитъ еще идти къ сестрѣ, попрощаться и взять племянника-гимназиста, который уже, конечно, томится ожиданіемъ, и только тогда ѣхать на вокзалъ. Все кажется, что что-нибудь помѣшаетъ, задержитъ, не дастъ уѣхать... Но вотъ все кончено, мы въ вагонѣ! Громадный, шумный, надоѣвшій городъ остался позади, и уже замелькали

кругомъ веселыя, зеленыя поля... Восторгу нашему нѣтъ предѣловъ! Онъ растетъ все crescendo и передъ послѣдней станціей доходитъ до какого-то бурнаго взрыва. Братъ и племянникъ начинаютъ пѣть и танцовать въ вагонѣ, къ немалой потѣхѣ пассажировъ; я же, какъ старшій, стараюсь сдерживать свои чувства, но все во мнѣ бурлитъ и клокочетъ отъ радости...

Первые дни все какъ-то не вѣришь, что дома: проснешься утромъ, прислушиваешься и присматриваешься: дома ли? Дома. И радостный вскакиваешь съ постели.

Глава II-я.

Какъ насъ учили? Припоминая своихъ учителей, могу сказать, что въ общемъ, за немногими исключеніями, насъ учили порядочно. Пала старинная зубристика, и старые педагоги, послѣдніе могикане бурсы, уступили мѣсто новымъ. При мнѣ въ самомъ началѣ моего пребыванія въ училищѣ, допѣвалъ еще свою послѣднюю пѣсню какой-то допотопный педагогъ, учитель латинскаго языка, приходившій частенько въ классъ не совсѣмъ трезвымъ и вызывавшій учениковъ протяжнымъ, тоненькимъ голоскомъ, передѣлывая почему-то мужское окончаніе фамиліи на женское, да еще всегда съ прибавленіемъ слова «свинья».

— Воскресенская—свинья! Иди отвѣчать урокъ!

— Добровольская—свинья! Стань въ уголъ! и т. п.

Онъ скоро убрался отъ насъ.

Учителя толково разъясняли уроки и обращались съ нами гуманно, въ противоположность надзирателямъ, которые (въ особенности вышеупомянутый П. И. Б—ко) щедро и невозбранно раздавали направо и налѣво щелчки, подзатыльники и затрещины, не говоря уже о грубой брани.

Но вотъ бѣда: учителя очень часто мѣнялись. То происходила, по какимъ-то, неизвѣстнымъ для насъ, соображеніямъ, перетасовка классовъ между преподавателями, то сами преподаватели выбывали изъ училища. Такъ, за 4 года пребыванія моего въ

училищѣ, у насъ перемѣнилось три учителя русскаго языка, три—латинскаго и, кажется, четыре учителя ариѳметики; по другимъ предметамъ было приблизительно такъ-же.

Между учителями было два превосходныхъ преподавателя: Коноваловъ—географіи и ариѳметики и М. И. Климовичъ—латинскаго языка. Оба прекрасно знали свои предметы, очень интересно и живо ихъ преподавали и пользовались не только высокимъ уваженіемъ, но и любовью учениковъ. Они обращались съ нами вѣжливо, даже деликатно, не допуская, однако, никакихъ вольностей и поблажекъ, и я не помню, чтобы кто-либо изъ учениковъ позволилъ себѣ у нихъ на урокѣ какую-нибудь грубую шалость или неприличную выходку. Значитъ, и бурсу, какъ ни дика она казалась съ вида, можно было воспитать по-человѣчески. Разумѣется, для этого нужно было положить много труда и терпѣнія, а главное—любви къ дѣлу и къ дѣтямъ; но всего этого не доставало нашимъ воспитателямъ.

Помню, какъ-то двое изъ нашихъ молодыхъ преподавателей, жившіе въ зданіи училища, задумали заняться нашимъ просвѣщеніемъ и стали устраивать вечернія бесѣды съ учениками.

Надо замѣтить, что общій уровень умственнаго развитія бурсъ былъ очень невысокъ. Изъ деревень, вмѣстѣ съ запасами домашней провизіи, привозились и огромные запасы невѣжественныхъ понятій и грубыхъ суевѣрій, которыми живетъ темная народная масса. Между учениками ходило множество самыхъ нелѣпыхъ разсказовъ о домовыхъ, чертяхъ и вѣдьмахъ, разсказовъ, не возбуждавшихъ въ массѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ истинности и выслушивавшихся съ суевѣрнымъ страхомъ.

Для того, чтобы освѣтить эту тьму невѣжества, недостаточно было одной казенной учебы; нужна была просвѣтительная бесѣда, нужна была хорошая книга. А между тѣмъ библіотека въ училищѣ была какая-то въ высшей степени жалкая и скудная, да и книги изъ нея выдавали чрезвычайно рѣдко, такъ что были ученики, которые оканчивали курсъ, не видавъ въ глаза никакой другой книжки, кромѣ учебной.

И вотъ, наши учителя стали по вечерамъ читать намъ русскихъ писателей и объяснять прочитанное, стали знакомить съ гражданской исторіей, которая совершенно не преподавалась въ училищѣ, терпѣливо выслушивали наши вопросы и давали отвѣты на нихъ. Бывало, помню, и такъ, что передъ вечерней молитвой всѣ толпой выходили на дворъ, и наши руководители, глядя на звѣздное небо, вели астрономическія бесѣды. Эти занятія возбуждали живой интересъ и высокое уваженіе къ «учености» нашихъ наставниковъ; они, несомнѣнно, могли бы имѣть громадное вліяніе на наше развитіе; но, къ сожалѣнію, не помню уже по какой причинѣ, скоро прекратились, и все пошло попрежнему.

Не могу не вспомнить еще одного изъ своихъ преподавателей, милаго и симпатичнаго, но глубоко несчастнаго человѣка, Н. Ф. В—скова. Это воспоминаніе будетъ, мнѣ кажется, не лишнимъ уже потому, что даетъ еще одну иллюстрацію для характеристики нашей бурсацкой среды.

Н. Ф—чъ былъ у насъ недолгое время надзирателемъ, а потомъ учителемъ греческаго языка. Вначалѣ дѣло шло у него прекрасно: онъ живо и весело давалъ свои уроки, обращался съ нами всегда мягко; его любили и уважали. Но вотъ подкралась тяжелая болѣзнь, постепенно превратившая Н. Ф. изъ красиваго, изящнаго, молодого человѣка чуть не въ урода. Тутъ-то и сказалась, во всей своей безобразной наготѣ, дикость нашихъ нравовъ. Все слабое, хилое, больное пользовалось въ бурсѣ нескрываемымъ презрѣніемъ; товарищей, обладавшихъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ, высмѣивали безъ всякаго сожалѣнія и давали имъ обидныя прозвища; всякое проявленіе слабости, всякія «нѣжности», слезы и т. п. встрѣчались насмѣшливымъ хохотомъ или бранью

Н. Ф—чъ не избѣжалъ общей участи. Его болѣзнь сдѣлалась преметомъ издѣвательствъ, превратившихся, въ концѣ концовъ, въ настоящую травлю; дисциплина у цего въ классѣ пала, и на урокахъ стало твориться нѣчто просто невообразимое. Все это, разумѣется, раздражало и изнуряло его до крайности, но

бурса была жестока и безпощадна. Я не могу забыть того растеряннаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-скорбнаго взгляда, которымъ смотрѣлъ иногда нашъ бѣдный Н. Ф—чъ на бушующую и бѣснующуюся въ классѣ толпу! Вмѣстѣ съ тѣмъ, Н. Ф—чъ былъ человѣкъ въ высшей степени справедливый. Даже въ минуты крайняго раздраженія онъ сохранялъ безпристрастіе въ оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ, какъ бы ни изводили они его своими выходками. Съ нимъ нерѣдко вступали въ объясненія относительно балловъ, и онъ чрезвычайно терпѣливо выслушивалъ всякую претензію, наклонившись къ говорящему и внимательно обдумывая, какъ будто бы опасался, не совершилъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь несправедливости: но потомъ выпрямлялся и, поднявъ палецъ вверхъ (это былъ его любимый жестъ), восклицалъ: «А все-таки я былъ правъ»! И вслѣдъ затѣмъ давалъ соотвѣтствующее объясненіе.

Эту, такъ сказать, непреклонную справедливость онъ сохранялъ не только въ отношеніяхъ съ учениками, но и съ начальствомъ, и со всѣми, съ кѣмъ сталкивала его судьба. Впослѣдствіи онъ пошелъ въ священники и священствовалъ сначала въ Одессѣ; но потомъ архіепископъ Н—ръ, чрезвычайно безцеремонно обращавшійся съ духовенствомъ, нашелъ его наружность недостаточно представительною для города и перевелъ въ деревню.

И здѣсь онъ продолжалъ оставаться тѣмъ же неуклонно честнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ училищѣ, а потому постоянно имѣлъ дѣла въ консисторіи. На смертномъ одрѣ онъ, говорятъ, получилъ отъ своего начальства извѣщеніе, что его дѣло (не знаю какое) не выгорѣло въ консисторіи. И вотъ, по своей привычкѣ, онъ поднялъ палецъ къ небесамъ и сказалъ: «А все таки я былъ правъ»! Такъ съ этимъ и умеръ нашъ бѣдный маленькій Галилей. Миръ его праху!

Смотрителемъ училища былъ нѣкто Маркіанъ Демьянычъ Г—скій. Это былъ старикъ очень почтенной наружности, всегда гладко выбритый, аккуратный, съ торжественными, медленными жестами и такою же рѣчью. Онъ преподавалъ катехизисъ, и преподавалъ прекрасно, но отъ учениковъ требовалъ зубристики. Если кто-нибудь пытался разсказывать «своими словами» урокъ,

онъ всегда останавливалъ его замѣчаніемъ; «Говори-ка, братецъ, по книжкѣ: вѣдь лучше, чѣмъ въ книжкѣ, не скажешь»! Изъ преподавателей онъ одинъ только придерживался старинной системы заучиванія уроковъ «на зубокъ».

Бурса относилась къ нему съ уваженіемъ, несмотря на то, что поговаривали, будто бы онъ несовсѣмъ чисто велъ матеріальныя дѣла училища. Не знаю, насколько это было вѣрно, но что-то тутъ было неладно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ разсказанный эпизодъ съ моимъ обмундированіемъ; да, кромѣ того, съ перемѣной смотрителя, насъ стали содержать гораздо лучше. Какъ бы тамъ ни было, М. Д. внушалъ бурсѣ какое-то невольное уваженіе и слылъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, какимъ и былъ, кажется, въ дѣйствительности, и ему предстояла блестящая карьера, но неудачной женитьбой онъ все испортилъ и свѣковалъ свой вѣкъ въ должности смотрителя училища.

Воспитаніемъ нашимъ М. Д. занимался мало и былъ, повидимому, поглощенъ какими-то другими заботами. Иногда говорилъ онъ намъ торжественныя рѣчи, но чаще прибѣгалъ къ болѣе сильнымъ способамъ педагогическаго воздѣйствія: вооружался хлыстомъ и съ помощью его, отъ времени до времени, водворялъ порядокъ, преимущественно на вечернихъ занятіяхъ, когда шумъ становился невыносимымъ и достигалъ до смотрительской квартиры.

Вооруженный тѣмъ же хлыстомъ, М. Д. пускался иногда въ преслѣдованіе курильщиковъ. Табакъ, какъ и все запретное, былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ и заманчивыхъ лакомствъ: курили, какъ водится, и въ печку, и въ форточку, въ классахъ и въ корридорѣ, но чаще всего въ отхожемъ мѣстѣ, которое вообще играло въ училищѣ роль клуба. Но въ то же время это лакомство считалось и очень дорогимъ, и табакъ водился постоянно только у немногихъ, болѣе зажиточныхъ курильщиковъ. Счастливый обладатель папироски отправлялся въ «клубъ», окруженный, подобно планетѣ, нѣсколькими спутниками, которые уже заранѣе выговаривали, или какъ у насъ выражались, «застраховывали» себѣ позволеніе «потянуть», т. е. получить окурокъ.

Первый «страхователь» получалъ на половину докуренную папиросу—«бычекъ»; второй окурокъ, носившій названіе «потягачка», доставался слѣдующему по очереди, и, наконецъ, какой-ниб. запоздалый «страхователь», по пословицѣ «Sero venientibus ossa», долженъ былъ довольствоваться «кидачкой», мизернымъ огрызкомъ папироски, котораго хватало на двѣ-три затяжки.

И вотъ, подобравшись иной разъ потихоньку къ дверямъ «клуба», когда «махальные» зазѣвались и «проморгали» приближеніе начальства, М. Д—ычъ останавливался у входа съ поднятымъ хлыстомъ и прежде всего грознымъ окрикомъ приводилъ въ страхъ и трепетъ все почтенное собраніе клубмэновъ, а затѣмъ приказывалъ всѣмъ выходить по-одиночкѣ, награждая тутъ же каждаго ударомъ хлыста. Ученики старались обыкновенно прошмыгнуть мимо такъ, чтобы избѣжать удара, и спектакль получался довольно забавный. М. Д. довольствовался, большею частью, удачной ловлей и не прибѣгалъ къ другимъ наказаніямъ.

Во всякомъ случаѣ, смотрителя боялись больше, чѣмъ кого-либо другого изъ нашего педагогическаго персонала. Помню, какого страха натерпѣлся я однажды. Затѣяли мы разыграть въ классѣ архіерейское служеніе. Нарядили одного изъ товарищей, С—ча, нынѣ благополучно священствующаго, архіереемъ, наворотивъ на него нѣсколько «бурокъ», чтобъ казался толще, и перевязавъ его шарфами, и поставили на столъ. Архіерей нашъ, пыхтя подъ тяжестью своихъ одеждъ, стоялъ на столѣ и благословлялъ насъ. Я изображалъ священника, другіе—кто діаконовъ, кто пѣвчихъ. Въ самый разгаръ «служенія» входитъ вругъ въ классъ М. Д—чъ. Всѣ бросились по мѣстамъ; я, стоявшій задомъ къ дверямъ, не успѣлъ скрыться и растерянно топтался на мѣстѣ, держа въ рукѣ кадильницу, устроенную изъ жестяного чайника; архіерей же такъ и застылъ на мѣстѣ, ибо безъ посторонней помощи не могъ двигаться. На всѣ разспросы М. Д—ча, архіерей, отъ страха лишившійся употребленія языка, безмолвствовалъ, неподвижно стоя на столѣ, и я долженъ былъ разсказать все. Должно быть, старикъ самъ хохоталъ въ душѣ, потому что, сдѣлавъ намъ

краткое внушеніе о неприличіи нашей выходки, ушелъ, приказавъ убрать «архіерея» со стола. Кажется, насъ даже не наказали.

Въ сущности, нашъ старикъ былъ очень добръ, и бурса какъ-то чувствовала его доброту, какъ чувствовала она его умъ и образованіе, и любила его. Я помню, какъ онъ вдругъ уѣхалъ куда-то лѣчиться и вернулся нескоро. Однажды по училищу разнеслась вѣсть, что пріѣхалъ М. Д—чъ. Ученики столпились во дворѣ и обступили его. Онъ сильно измѣнился, похудѣлъ, обросъ бородой и какъ-будто совсѣмъ не былъ похожъ на прежняго М. Д—ча. Онъ что-то говорилъ, и не какъ прежде, важно и торжественно, а какъ-то тихо, ласково и грустно. Я не могъ разслышать всего, но понялъ, что онъ прощался съ учениками, говорилъ о своей болѣзни и о томъ, что скоро совсѣмъ насъ покинетъ. Было что-то грустное и трогательное въ этомъ прощаньи: старикъ былъ растроганъ, тронуты были и ученики, и сожалѣніе о томъ, что онъ оставляетъ насъ, было искреннее и общее.

Вскорѣ онъ умеръ, и его мѣсто занялъ человѣкъ молодой и энергичный. Съ перемѣной смотрителя, бурса наша совлекла съ себя «ветхаго человѣка» и начала новую жизнь. Перейдя въ 4-ый классъ и пріѣхавъ послѣ каникулъ, я засталъ училище въ новомъ, съ иголочки, зданіи и обновленнымъ во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Я окончилъ курсъ въ 1877 году. По объему учебный курсъ училища равнялся приблизительно 4-емъ классамъ гимназіи. Учили насъ, какъ я сказалъ, порядочно, и мы получали, въ общемъ, вполнѣ удовлетворительное начальное образованіе. Но вотъ бѣда: по естествовѣдѣнію, какъ это, впрочемъ, было и въ гражданскихъ гимназіяхъ, познанія наши равнялись круглому нулю, и этотъ пробѣлъ не восполнялся и въ семинаріи

Чтобы поступить въ семинарію, нужно было подвергнуться въ августѣ испытанію. Почему семинарія не довѣряла нашимъ аттестатамъ и находила нужнымъ еще разъ экзаменовать насъ, трудно понять. Кромѣ несправедливости, это правило было нехорошо и въ томъ отношеніи, что совершенно лишало насъ необходимости отдыха, такъ какъ всѣ каникулы нужно было усиленно заниматься.

Какъ бы тамъ ни было, въ августѣ я сдалъ благополучно вступительный экзаменъ и былъ принятъ казенно-коштнымъ воспитанникомъ въ Одесскую духовную семинарію.

II.

Духовная семинарія.

Глава I-я.

Духовная семинарія, какъ извѣстно, есть учебное заведеніе для приготовленія будущихъ пастырей церкви.

Впрочемъ, въ то время, какъ я поступилъ въ Одесскую семинарію, еще не былъ изданъ циркуляръ, закрывшій семинаристамъ доступъ въ университеты безъ аттестатовъ зрѣлости, и, окончивъ четыре класса семинаріи, можно было, послѣ повѣрочнаго испытанія въ университетѣ, поступить на любой факультетъ; повѣрочное же испытаніе производилось чисто формальнымъ образомъ, и его выдерживали всѣ. Пятый и шестой классы семинаріи были спеціально богословскіе, и воспитанники этихъ классовъ назывались богословами.

Какъ же выполняла семинарія свою задачу?

О внѣшней сторонѣ я не буду распространяться. Содержали насъ, вообще говоря, прилично, хотя кормили опять-таки довольно скудно. Полагалось ѣсть два раза въ день: въ 2 часа обѣдъ, въ 8 час. ужинъ. Какъ тамъ ни говори, хотя бы и для будущихъ пастырей,—мало! Утромъ, какъ это ни странно, давали только по куску бѣлаго хлѣба и больше ничего. Вся семинарія дѣлилась на «компаніи» и распивала чаи на собственный счетъ. Были, однако, такіе горемыки (правда, немногіе), которые не имѣли ровно никакихъ средствъ, а къ товарищамъ изъ самолюбія не присоединялись, и потому никогда не пили чая. Но все остальное: помѣщеніе, одежда, обувь и проч. было вполнѣ приличное.

Перехожу собственно къ учебно-воспитательной сторонѣ.

Прямой своей задачи семинарія не выполняла, или выполняла только въ слабой степени уже потому, что громадное большинство (такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Одесской семинаріи, да, кажется, и въ другихъ), и притомъ все лучшее, весь цвѣтъ семинаріи—все это уходило въ университетъ, по окончаніи четырехъ классовъ. Богословскіе классы были немноголюдны и пополнялись «начетчиками», т. е. молодыми, а иногда и почтеннаго возраста, людьми, пробывшими нѣсколько лѣтъ въ должности псаломщиковъ и поступавшими прямо въ 5-ый классъ семинаріи по особому, очень облегченному экзамену. Богословы, какъ люди солидные и притомъ уже избравшіе себѣ опредѣленную дорогу, держались нѣсколько особнякомъ отъ остальной братіи; начальство, разумѣется, къ нимъ благоволило и всячески имъ покровительствовало.

Курсъ ученія въ первыхъ четырехъ классахъ назывался общеобразовательнымъ; по объему онъ,—разумѣется, если взять въ разсчетъ и четыре класса училища,—приблизительно равнялся 8-ми классному гимназическому курсу; но только приблизительно, такъ какъ разница въ программахъ по отдѣльнымъ предметамъ,—въ особенности же по математикѣ, которая вообще въ семинаріяхъ проходилась слабо,—была довольно существенная. Впрочемъ, дѣло было не столько въ разницѣ программъ, сколько въ требованіяхъ и въ общемъ учебномъ строѣ гимназій и семинарій, о чемъ я нѣсколько подробнѣе скажу ниже. Строгой регламентаціи преподаванія въ семинаріи не было: учитель не былъ рабомъ программы, какъ въ гимназіи, и могъ вести свое дѣло болѣе свободно и болѣе спокойно, не опасаясь, что его привлекутъ къ отвѣтственности за какой-нибудь непройденный союзъ въ грамматикѣ древнихъ языковъ или за какое-либо видоизмѣненіе въ учебномъ планѣ того или другого предмета. Такимъ образомъ, личность преподавателя имѣла весьма существенное значеніе въ общемъ ходѣ и успѣшности учебнаго дѣла.

Въ мое время между преподавателями Одесской семинаріи было нѣсколько замѣчательныхъ личностей, и я считаю нелишнимъ остановиться на воспоминаніи о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Учителемъ латинскаго языка былъ Сергѣй П-чъ С-евъ, или, какъ его называли семинаристы, просто, «Сережка».

Длинный, худой, съ рыжей бородкой и вѣчно смѣющимися зеленоватыми глазками, вертлявый и юркій, несмотря на свой высокій ростъ, онъ былъ скорѣе похожъ на ярославскаго разбитного малаго, приказчика изъ магазина, чѣмъ на педагога. Тѣмъ не менѣе, свой предметъ онъ зналъ и велъ дѣло хорошо. Онъ не морилъ насъ различными тонкостями грамматическаго анализа, на что такіе великіе мастера были братья-чехи въ гимназіяхъ, а главное вниманіе обращалъ на переводъ авторовъ. Прекрасно владѣя языкомъ, онъ требовалъ и отъ насъ хорошаго изложенія и тщательно исправлялъ всякія неправильности, которыми изобилуетъ наша южно-русская рѣчь. Преподаваніе свое онъ пересыпалъ остротами, каламбурами, былъ съ учениками за панибрата, вступалъ охотно въ бесѣду, не имѣющую отношенія къ уроку, и все таки успѣвалъ дѣлать дѣло. Я былъ его ученикомъ три года (потомъ онъ умеръ), и хотя въ 4-мъ классѣ уже ничего не дѣлалъ по латинскому языку (преподаватель, замѣнившій С--ва, былъ изъ рукъ вонъ плохъ, изучилъ его настолько основательно, что держалъ экзаменъ зрѣлости, почти не приготовляясь по этому предмету. Среди учениковъ онъ пользовался большою популярностью, и стоило ему показаться въ семинаріи, въ свободные часы, какъ его тотчасъ окружали толпой и вступали съ нимъ въ непринужденную бесѣду. Его неожиданная смерть возбудила всеобщее сочувствіе и сожалѣніе.

Учителей греческаго языка было два: въ первомъ и въ двухъ богословскихъ классахъ преподавалъ протоіерей о. Егоръ П-ко, въ остальныхъ Ник. Ив. Бр--овъ.

«Волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой», какъ были различны эти два преподавателя.

О. Егоръ былъ личность въ высшей степени замѣчательная. Прежде всего была замѣчательна его наружность. Это былъ старикъ, высокаго роста, немного сутуловатый, съ громадною, совершенно бѣлою бородою, съ бѣлыми же нависшими бровями,

придававшими лицу его суровый видъ. Выступалъ онъ всегда какъ-то торжественно, широкимъ и твердымъ шагомъ, немного опустивъ голову, и сурово глядѣлъ на всѣхъ исподлобья. Всматриваясь, однако, въ его глаза, легко можно было замѣтить, что подъ этою суровостью кроется чистѣйшее добродушіе и скрытый, настоящій хохлацкій юморъ. Онъ обладалъ большимъ умомъ и разносторонностью познаній: въ мое время онъ преподавалъ, кромѣ греческаго, еще еврейскій яз. (необязательный предметъ), а прежде читалъ богословіе въ старшихъ классахъ, и священное писаніе, и логику, и латинскій языкъ, который, какъ и греческій, зналъ въ совершенствѣ, и еще что-то. Это былъ одинъ изъ «остальныхъ изъ стаи славной» питомцевъ старой академіи, которые съ спеціальнымъ богословскимъ образованіемъ соединяли и солидное общее образованіе, и превосходное знаніе древнихъ языковъ. Оригиналъ о. Егоръ былъ необыкновенный. Всѣмъ, не говоря уже объ ученикахъ, учителямъ, о. инспектору и, кажется, даже ректору онъ говорилъ «ты». Уваженіе, которымъ онъ пользовался, давало ему право на эту вольность. Какъ учитель, однако, онъ давалъ намъ немного. По старости своей и по хохлацкой лѣни, онъ тяготился преподаваніемъ и велъ дѣло спустя рукава. Переводили мы кое-какъ, съ неизмѣнною помощью подстрочника, листы котораго часто вкладывали въ книгу, Anabasis Ксенофонта, да изрѣдка писали переводы съ русскаго на греческій яз., для чего предлагался обыкновенно перефразированный текстъ того же Anabasis'а; въ грамматику же и не заглядывали.

Благодаря снисходительности о. Егора, въ классѣ никто почти ничего не дѣлалъ. Но за то на урокахъ его зачастую бывало преинтересно и превесело! Придравшись къ первому случаю, онъ откладывалъ переводъ въ сторону и начиналъ намъ разсказывать... Чего-чего только не разсказывалъ онъ! Тутъ были и греческіе философы, и исторія, и личныя воспоминанія о суровой старой бурсѣ, и подшучиванье надъ бурсой современной и проч. и проч. И разсказывалъ онъ великолѣпно, картинно, живописно, сопровождая свои разсказы выразительной мимикой и жестикуляціей и приправляя ихъ такимъ перцемъ малороссій-

скаго юмора, что стѣны класса просто дрожали отъ нашего хохота. И все это продѣлывалъ онъ серьезно, даже сурово, иногда гнѣвно покрикивая на насъ, если ужъ мы развеселялись не въ мѣру. На урокахъ у него мы чувствовали себя, какъ дома, весело и непринужденно. Иной разъ, во время перевода или разсказа, о. Егоръ вдругъ останавливался и начиналъ прислушиваться... Въ классѣ тотчасъ воцарялась мертвая тишина, издалека ясно доносились звуки военной музыки, все приближавшіеся: по улицѣ, мимо семинаріи, проходилъ полкъ. Моментально всѣ выскакивали изъ-за партъ и бросались къ окнамъ, предоставляя первое мѣсто о. Егору, большому любителю такихъ зрѣлищъ. Полкъ проходилъ; звуки марша замирали въ отдаленіи, а о. Егоръ все еще стоялъ, погруженный въ задумчивость; потомъ вдругъ окидывалъ насъ взглядомъ и, насупивъ брови, придавъ лицу свирѣпое выраженіе, восклицалъ: «Это, просто, что за безобразіе! Маршъ по мѣстамъ!» Надо замѣтить, что черезъ четыре слова къ пятому о. Егоръ пристегивалъ словечко «просто».

Таковъ то былъ милѣйшій о. Егоръ. Про него всѣ говорили, что онъ былъ человѣкъ въ высшей степени самостоятельный и независимый и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ со всѣми архіереями. Онъ былъ магистръ академіи.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ другой нашъ «грекъ» Ник. Ив. Бр-овъ. Онъ былъ грозою семинаріи и предметомъ общей, единодушной ненависти. Это былъ какой-то маньякъ, человѣкъ полусумасшедшій. Никто не зналъ его прошлаго, да и настоящая жизнь его была окутана туманомъ: мы не знали, гдѣ его квартира, какова его домашняя обстановка, женатъ ли онъ, или холостъ. На улицахъ онъ никогда не показывался и зналъ только дорогу въ семинарію, куда являлся на уроки съ поразительною аккуратностью, пропуская $1^1/_2$ минуты послѣ звонка. Мы часто провѣряли: $1^1/_2$ минуты, ни больше, ни меньше! Одѣтъ онъ былъ всегда въ потертый черный сюртукъ, застегнутый наглухо, безъ признаковъ бѣлья, штанишки коротенькія, обтрепанныя. Онъ былъ маленькаго роста, голову держалъ всегда опущенною внизъ и только изрѣдка взглядывалъ на насъ мутнымъ и злобнымъ

взглядомъ. Весь онъ напоминалъ какую-то ядовитую гадину; все человѣческое въ немъ какъ будто замерло; улыбка никогда не озаряла его лица, лишь изрѣдка на немъ появлялось что-то вродѣ злобной усмѣшки.

Но надо отдать ему справедливость: греческій языкъ онъ зналъ превосходно и, кажется, жилъ и дышалъ только греческимъ языкомъ. Онъ благоговѣлъ передъ героями «Иліады» и «Одиссеи», выражался о нихъ всегда съ особеннымъ почтеніемъ, особо торжественнымъ стилемъ, а въ греческихъ боговъ, кажется, вѣрилъ и поклонялся имъ. Онъ и насъ заставлялъ (но тщетно!) проникаться благоговѣніемъ къ гомеровскому эпосу и въ переводахъ преслѣдовалъ простоту языка: даже о собакѣ Одиссея нельзя было сказать, что она издохла,—«снизошла въ Аидъ»! Грамматику у него не учили, а просто ѣли, зазубривая не на животъ, а на смерть всякія исключенія, неправильные глаголы, союзы и проч.

Строгъ онъ былъ до крайности: высшимъ балломъ у него была тройка, которую имѣли, однако, всего три-четыре человѣка въ классѣ, остальные—двойки и единицы, «единицы съ небольшимъ», какъ выражался Ник. Ив., т. е. $1^1/_4$, $1^1/_2$ и т. п., и нули.

«Вы, гашпадинъ,—говорилъ онъ шепелявя и не называя по фамиліи, а всегда «гашпадинъ»,—сегодня лучше: вчера вамъ была единица; сегодня единица съ небольшимъ»,—и ставилъ $1^1/_4$.

Можно себѣ представить, какъ чувствовали, съ одной стороны, мы себя, послѣ блаженства у о. Егора, а съ другой, какъ чувствовалъ себя Ник. Ив., выслушивая наши отвѣты и, поражаясь нашимъ невѣжествомъ. Иной разъ онъ схватывалъ себя за голову и произносилъ, морщась, какъ отъ сильной боли: «О невѣжество! о позоръ!»—и ставилъ нули. Начальство, разумѣется, хорошо знало Ник. Ив-ча и знало, что если ему дать волю, то онъ пропуститъ въ слѣдующій классъ не болѣе пяти человѣкъ, а потому представителемъ экзаменаціонной комиссіи неизмѣнно назначало о. Егора. И тутъ получался великолѣпный спектакль.

О. Егоръ, пользуясь правомъ предсѣдателя, приглашалъ себѣ въ ассистенты обыкновенно своего друга и пріятеля, ученаго протоіерея В—скаго, добряка и оригинала, и они вдвоемъ производили просто чудеса.

Предъ началомъ экзамена Бр—овъ разложитъ нѣсколько кучекъ билетовъ: въ одной кучкѣ вопросы изъ этимологіи, въ другой синтаксисъ, въ третьей авторъ и т. д. Ученикъ выходитъ отвѣчать и беретъ изъ каждой кучки по билету.

— Ты это, просто, что дѣлаешь?—вопрошаетъ о. Егоръ, какъ бы недоумѣвая.

— Беру билеты по тремъ отдѣламъ,—говоритъ ученикъ, уже предвидя потѣху.

— Будетъ съ тебя и одного билета: этакъ мы, просто, ночевать тутъ будемъ, что ли? Неправда ли?—обращается онъ къ ассистенту.

— Конечно, конечно,—покашливая, тоненькимъ голоскомъ подтверждаетъ о. В—скій.

Блѣдный отъ злобы, Бр—овъ пробуетъ протестовать, но напрасно.

На экзаменѣ о. Егоръ не даетъ разойтись Бр—ову и съ двухъ-трехъ словъ отправляетъ на мѣсто.

Случалось, что Бр—овъ, не помня себя, ловилъ учениковъ за фалды и удерживалъ у стола, чтобы задать еще вопросъ; но, наконецъ, видя, что всѣ усилія тщетны, погружался въ какую-то апатію и только лѣпилъ безъ милосердія въ свой списокъ нули и единицы.

Экзаменъ конченъ. Начинается выставка балловъ.

— У васъ сколько?—спрашиваетъ о. Егоръ Бр—ова.

— У меня единица!

— Чудеса! А у меня, просто, три! А у васъ?—къ В—скому.

— А у меня четыре, преспокойно, съ неизмѣннымъ покашливаніемъ, отвѣчаетъ добрѣйшій протоіерей.

Бр—овъ подпрыгиваетъ на стулѣ, какъ ужаленный.

Выводятъ тройку.

Эта потѣха повторялась изъ года въ годъ неизмѣнно, и неизмѣнно, послѣ экзамена, Бр—овъ подавалъ жалобу на о. Егора въ правленіе семинаріи. Но правленіе только посмѣивалось...

Безпрестанно жаловался Бр—овъ и на учениковъ: тотъ не умѣетъ сидѣть въ классѣ, тотъ нагрубилъ ему, тотъ не поклонился и проч. Одинъ разъ онъ хотѣлъ посадить въ карцеръ даже сторожа. Это было такъ.

Въ самый разгаръ урока, когда шла рѣчь о доблестяхъ Одиссея, въ классъ вдругъ вошелъ зачѣмъ-то сторожъ. Онъ недавно поступилъ на службу и не зналъ, что въ классъ, во время урока, входить нельзя. Ник. Ив. счелъ это величайшимъ святотатствомъ. Онъ такъ зашипѣлъ на сторожа, что тотъ вылетѣлъ сейчасъ же, какъ пуля, при громкомъ хохотѣ всего класса. Б—овъ страшно поблѣднѣлъ отъ злобы и послалъ дежурнаго за инспекторомъ. Явился о. инспекторъ. Б—овъ долго объяснялъ ему проступокъ сторожа и наше неприличное поведеніе и, въ заключеніе, спросилъ, нельзя ли и его, и насъ наказать. О. инспекторъ отвѣтилъ, что насъ накажетъ, а сторожу сдѣлаетъ выговоръ. «А нельзя ли и его въ карцеръ?»—неожиданно спросилъ Ник. Ив. Мы всѣ опять такъ и покатились отъ хохота, на этотъ разъ съ безмолвнаго согласія о. инспектора, который самъ прыснулъ и, махнувъ рукой, ушелъ.

Съ каждымъ годомъ нашъ Ник. Ив—чъ бѣсился и свирѣпствовалъ все больше и больше, сильнѣе и сильнѣе, и сдѣлался, наконецъ, совершенно невыносимъ и для учениковъ, и для начальства. Должно быть, его постарались сплавить, потому что внезапно, незадолго передъ экзаменами, онъ вдругъ былъ переведенъ въ П—въ. Всѣ ликовали и торжествовали.

Въ какой-то праздничный день была устроена веселая экскурсія за городъ, въ рощу; тамъ поставили въ сѣни деревъ каменную плиту и сдѣлали соотвѣтствующую надпись на греческомъ языкѣ: это была эпитафія Бр—ву; тутъ же убили маленькую змѣю и отправили ее потомъ посылкою въ П—въ, на имя Б—ва. Радость наша усугубилась еще и тѣмъ, что занятія съ нами и выставленіе годичныхъ балловъ было поручено нашему

милому о. Егору. Трудно описать, съ какимъ искреннимъ восторгомъ встрѣтили мы о. Егора, когда, въ первый разъ послѣ изгнанія Бр—ва, онъ вошелъ къ намъ въ классъ! О. Егоръ отлично понималъ наше состояніе и, противъ обыкновенія, не морща своего чела, а улыбаясь намъ слегка насмѣшливой улыбкой, онъ взошелъ на каѳедру, остановился, окинулъ насъ взглядомъ и, при воцарившейся тишинѣ, поднявъ руку вверхъ, торжественно продекламировалъ:

Плачьте, нимфы: нѣтъ Орфея!

Боже мой, какимъ оглушительнымъ хохотомъ загрохоталъ нашъ классъ при этомъ поэтическомъ намекѣ на освобожденіе наше отъ Бр—скаго ига!

Занятій, разумѣется, не было, а было сплошное веселое времяпрепровожденіе, благодаря неистощимому запасу разсказовъ иostротъ о. Егора. Для очистки совѣсти, мы, впрочемъ, переводили «Иліаду» и «Одиссею», и тутъ-то какъ нельзя болѣе сказалась діаметрально-противоположная разница воззрѣній нашихъ двухъ преподавателей на гомеровскій эпосъ. Боги и герои были безжалостно совлечены со своихъ пьедесталовъ и предстали предъ нами, къ общему удовольствію и потѣхѣ, въ комическомъ видѣ; торжественно-напыщенный стиль нашихъ переводовъ замѣнился простымъ, безыскусственнымъ, иногда даже грубоватымъ языкомъ. О. Егоръ не признавалъ ни царей, ни героевъ, ни «пышныхъ одеждъ», ни «благовонныхъ маслъ».

— Яки тамъ цари?—говорилъ онъ намъ на чистѣйшемъ малороссійскомъ нарѣчіи. «Яки тамъ цари»? Ἄναξ—то, просто, пастухъ, а не царь! Яке тамъ благовонне масло? То, просто, дёготь: ваши αναξ'ы имъ мазались, щобъ ихъ вошы не йилы»! Нечего и говорить, что всѣ эти комментаріи встрѣчались всеобщимъ одобреніемъ и съ одушевленіемъ принимались къ свѣдѣнію.

Иногда мы пытались щегольнуть предъ о. Егоромъ пріобрѣтеннымъ у Бр—ва знаніемъ различныхъ тонкостей употребленія какого-нибудь сослагательнаго или желательнаго наклоненія съ частицею αν и выпаливали наизусть цѣлыя тирады изъ учебника

со всѣми примѣчаніями, замѣчаніями Бр--ва и примѣрами. О. Егоръ, вообще не долюбливавшій грамматики, выслушивалъ насъ съ видомъ недоумѣнія и потомъ, махнувъ рукой, говорилъ: «Садись, просто! Что за чепуху ты несешь»!

Затѣмъ о. Егоръ объявилъ намъ, какъ онъ поступитъ съ нашими годичными баллами: единицы будутъ обращены въ тройки, двойки—въ четверки; нулямъ придется остаться въ двойкахъ, но была обѣщана помощь и поддержка на экзаменѣ.

— Но тутъ у васъ, замѣтилъ въ заключеніе о. Егоръ, есть четыре человѣка, имѣющіе по тройкѣ. То, просто, уже, должно быть, какіе-нибудь Демосѳены! Гдѣ они?

Четыре «Демосѳена», въ числѣ коихъ былъ и я, вытянулись на своихъ мѣстахъ. О. Егоръ объявилъ, что изъ благоговѣнія къ нашимъ познаніямъ, онъ не осмѣлится насъ спрашивать, а прямо поставитъ намъ за годъ по пятеркѣ и, полюбовавшись нашими греческими физіономіями, посадилъ насъ. До Демосѳеновъ намъ, разумѣется, было далеко; но скажу о себѣ, что греческую грамматику у Бр—ва я изучилъ дѣйствительно хорошо и сохранилъ это знаніе надолго. Готовясь впослѣдствіи къ экзамену зрѣлости, я по греческому языку почти не занимался.

Изъ другихъ педагоговъ слѣдуетъ отмѣтить преподавателя гражданской исторіи, протоіерея о. Ѳедора Т—скаго. Это былъ человѣкъ очень умный и знающій. Онъ былъ не рѣчистъ, рѣчь его не отличалась плавностью; но въ разсказахъ его было столько интересныхъ подробностей, онъ говорилъ всегда съ такимъ увлеченіемъ и такъ умѣло обрисовывалъ личности и эпохи, что его просто заслушаться можно было. Шедеврами были у него разсказы о Неронѣ и объ Александрѣ I-омъ. Однако, его почти никто не слушалъ. На его урокахъ занимались приготовленіемъ другихъ уроковъ, спали, даже играли въ шашки и пили чай. И ничего этого онъ не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить. Причиной такого отношенія учениковъ къ занятіямъ была доброта и слабость о. Ѳедора, какъ преподавателя: онъ очень рѣдко спрашивалъ уроки и никогда не ставилъ неудовлетворительныхъ балловъ. На экзаменахъ выѣзжали, благодаря мошенничеству

съ билетами. Однако, тотъ, кто внимательно слушалъ уроки о. Θеодора и желалъ учиться, могъ, дѣйствительно научиться у него многому.

Слабо было поставлено въ семинаріи преподаваніе математики и физики,—и не потому, чтобы учителя были плохіе; напротивъ, преподаватель математики, К. И. Ф—тъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ гимназіи, велъ дѣло вполнѣ добросовѣстно, а преподаватель физики В—ръ, въ то время лаборантъ, а нынѣ профессоръ университета, былъ знатокомъ своего предмета и блестяще преподавалъ его. Но количество уроковъ для этихъ предметовъ было недостаточное, и пройти полный курсъ было невозможно. Физику мы изучали только въ одномъ 4-омъ классѣ, при 3-хъ, кажется, урокахъ, и успѣли пройти только нѣкоторые отдѣлы, и то почти безъ опытовъ, потому что физическій кабинетъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ; въ математикѣ тоже остались большіе пробѣлы.

Во всякомъ случаѣ, въ другихъ семинаріяхъ дѣло обстояло, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать, гораздо хуже. Воспитанникъ одной изъ сѣверныхъ семинарій разсказывалъ мнѣ, что у нихъ математику и физику преподавалъ кандидатъ духовной академіи, который самъ очень мало смыслилъ въ этихъ наукахъ. Открывая въ 1-омъ классѣ курсъ алгебры, онъ, съ первыхъ же словъ, старался увѣрить своихъ слушателей, что алгебра вещь пустая и вовсе немудреная. «Что это за наука?—говорилъ онъ. A+b—сложеніе, кончено! A—b — вычитаніе, кончено! Вотъ вамъ два алгебраическія дѣйствія»! Разумѣется, отъ такого преподаванія въ головахъ слушателей ничего не оставалось.

Вообще же, кромѣ математики, такъ называемый общеобразовательный курсъ семинаріи, какъ я уже упомянулъ, былъ довольно близокъ къ гимназическому; правда, семинаристы почти совершенно не знали новыхъ языковъ, потому что учились имъ въ теченіе только двухъ лѣтъ, да и то кое-какъ; но вѣдь и въ гимназіяхъ преподаваніе этихъ предметовъ было поставлено очень жалко. Можно сказать съ увѣренностью, что научный багажъ «средняго» семинариста и «средняго» же гимназиста былъ приблизительно

одинаковъ; что же касается общаго развитія, то въ этомъ отношеніи семинаристы не только не уступали гимназистамъ, но прямо превосходили ихъ. Говорю это по опыту, потому что, выйдя изъ семинаріи и приготовляясь къ экзамену зрѣлости, я близко узналъ гимназическую среду; впослѣдствіи же около 12 лѣтъ былъ преподавателемъ гимназіи въ періодъ Деляновскаго управленія министерствомъ. И тѣмъ не менѣе семинаристу было очень трудно выдержать пресловутый экзаменъ зрѣлости. Семинаристы, какъ и всѣ вообще экстерны, должны были экзаменоваться изъ всего гимназическаго курса, не исключая и тѣхъ предметовъ, по которымъ гимназисты не подвергались экзамену, напр.—по русскому языку, географіи, физикѣ, космографіи. Экзаменъ зрѣлости былъ, да и теперь еще остается, преимущественно испытаніемъ памяти; требовалось, слѣдовательно, возобновить и освѣжить въ памяти безпорядочную массу различныхъ свѣдѣній, отчасти наполовину, а отчасти и совершенно перезабытыхъ, да, кромѣ того, кое-что выучить заново. Главная же бѣда была въ томъ, что гимназія для семинаристовъ, представляла міръ совершенно невѣдомый, чуждый. Нелегко, конечно, доставался и гимназистамъ выпускной экзаменъ; но, все-таки, они въ гимназіи были у себя, дома, а дома, какъ говорится, и стѣны помогаютъ; они хорошо были знакомы съ требованіями школы; да, наконецъ, и преподаватели, какъ-никакъ, были для нихъ люди свои, готовые, хотя бы изъ собственныхъ разсчетовъ, чтобы не ударить передъ округомъ лицомъ въ грязь, оказать своимъ питомцамъ всякую поддержку, а подчасъ и поблажку. На экстерновъ же смотрѣли въ гимназіи или враждебно, какъ на лишнюю обузу, или, въ лучшемъ случаѣ, равнодушно.

Семинаристъ шелъ на экзаменъ въ гимназію, какъ въ темный лѣсъ, робко и неувѣренно, опасаясь, и не безъ основанія, что какой-нибудь педантическій чехъ сниметъ съ плечъ его буйную голову, и «не большой горой, а соломинкой», подставивъ ему подъ ножку либо хитроумное extemporale, котораго онъ никогда не писалъ, либо какой-ниб. conjunctivus prohibitivus, котораго онъ въ семинаріи «не проходилъ». Самая обстановка экза-

меновъ дѣйствовала обезкураживающимъ образомъ не только на экстерновъ, но и на учениковъ гимназіи. Считаю не лишнимъ вспомнить здѣсь, какъ я держалъ свой первый письменный экзаменъ зрѣлости по русскому языку.

Насъ ввели въ залъ и разсадили за отдѣльными столиками, на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Ровно въ 9 часовъ (въ этотъ часъ, ни минутой раньше или позже. начинался экзаменъ во всѣхъ гимназіяхъ округа) вошла въ залу комиссія: директоръ, инспекторъ, преподаватель и два ассистента. Прежде всего директоръ прочелъ намъ нѣсколько параграфовъ гимназическаго устава, въ которыхъ излагался порядокъ экзамена, а также строго на строго, подъ страхомъ лишенія права продолжать испытаніе, запрещалась всякая, даже малѣйшая попытка къ несамостоятельности въ исполненіи письменной работы. Сдѣлавъ это зловѣщее вступленіе, далеко не бодрящимъ образомъ подѣйствовавшее на насъ, директоръ вынулъ изъ кармана пакетъ и, повертѣвъ его въ рукахъ, передалъ инспектору, тотъ—слѣдующему и т. д., пока пакетъ не обошелъ всѣхъ членовъ комиссіи. Это осматривали, цѣлы ли печати на конвертѣ. Впослѣдствіи, когда я самъ неоднократно участвовалъ въ этихъ комиссіяхъ, мнѣ всегда казалась комичной вся вышеописанная процедура, но тогда это безмолвное ощупываніе пакета не казалось смѣшнымъ, а, напротивъ, дѣлалось какъ-то жутко и тоскливо.

Какъ извѣстно, нерѣдки были случаи обмана и подкупа, чтобы добыть заранѣе темы, которыя изготовлялись въ округѣ и для всѣхъ гимназій были однѣ и тѣ же. Помню, что и у насъ собирали по 14 рублей съ человѣка для этой цѣли, но дѣло почему-то не выгорѣло. Во всякомъ случаѣ, процедура осматриванія пакетовъ была совершенно безцѣльна и представляла изъ себя великолѣпный образчикъ педагогическаго бюрократизма.

Обнюхавши пакетъ, вскрыли его и, къ удивленію нашему, извлекли оттуда другой, только поменьше, но покрытый, такъ же, какъ и первый, печатями. Пощупавши и его, добыли, наконецъ, тему, покоившуюся, подобно кащеевой смерти, за двѣнадцатью печатями. Тема была слѣдующая: «Законность и строгій порядокъ

въ школьномъ воспитаніи; ихъ значеніе для будущей жизни воспитывающихся и средства, какими удобнѣе достигнуть осуществленія ихъ въ школѣ». Эта странная, трехъэтажная и не совсѣмъ складно выраженная тема привела насъ въ немалое смущеніе. Но я владѣлъ перомъ недурно и, мысленно поставивъ эпиграфъ къ своему сочиненію: «еже писахъ, писахъ», принялся строчить, подъ зоркими взглядами сторожившей насъ комиссіи. Выходить можно было только по крайней надобности, и то въ сопровожденіи надзирателя; сидѣть было какъ-то неловко; самочувствіе было отвратительное... Просидѣвъ пять часовъ и написавъ листа два какой-то белиберды (положительно не помню, что я писалъ; да и что могъ написать на эту тему юноша, хотя бы и «зрѣлый?»), я вышелъ, шатаясь отъ усталости, и съ наслажденіемъ глотнулъ свѣжаго воздуха, ибо въ залѣ было нестерпимо душно, а оконъ не позволяли открывать изъ опасенія какихъ-либо недозволенныхъ манипуляцій, въ родѣ подбрасыванія «шпаргалокъ». Я былъ совершенно подавленъ и долго не могъ придти въ себя... Неудивительно, что между семинаристами находилось немного охотниковъ рисковать своею судьбой въ погонѣ за аттестатомъ зрѣлости.

Глава II-я.

Перехожу теперь собственно къ воспитательной сторонѣ и къ изображенію внутренней жизни семинаріи.

Воспитывая будущихъ пастырей церкви, семинарія, естественно, должна была заботиться о томъ, чтобы сдѣлать насъ людьми религіозными. Она и старалась достигнуть этого,—но мѣрами чисто-внѣшними. Насъ водили въ церковь (церковь была своя, домовая) подъ праздники и въ праздники, заставляли говѣть два раза въ великомъ посту, на первой и на послѣдней недѣлѣ, кормили постнымъ по средамъ и пятницамъ, и проч., какъ полагается. Извѣстно, однако, что такими мѣрами трудно привить религіозность; скорѣе можно достигнуть обратныхъ результатовъ,

какъ это и наблюдается сплошь и рядомъ, напр., въ пансіонахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, духъ времени тогда былъ такой, что религіозныхъ людей между семинаристами было немного; большинство къ религіи относилось или равнодушно, или отрицательно. Тѣмъ не менѣе, когда былъ изданъ циркуляръ, закрѣпостившій семинаристовъ, богословскіе классы сразу наполнились и тѣми, кто мечталъ объ университетѣ, и многимъ изъ вольнодумцевъ и отрицателей пришлось поневолѣ сдѣлаться священниками. Нѣкоторые, однако, пытались бороться съ судьбой, но большею частью неудачно. Я помню, одинъ изъ моихъ товарищей, не считавшій возможнымъ, по своимъ убѣжденіямъ, сдѣлаться священникомъ, вышелъ изъ семинаріи, въ надеждѣ какъ-нибудь попасть въ университетъ. Въ университетъ онъ не попалъ и, прошатавшись года 2—3 безъ дѣла, поступилъ въ псаломщики при какой-то сельской церкви. Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды село это посѣтилъ архіепископъ Н—ръ, произвелъ подробную ревизію и остался очень доволенъ псаломщикомъ: читаетъ въ церкви прекрасно, отвѣчаетъ на вопросы очень толково, вообще видно, что человѣкъ дѣльный и способный. Пошли разспросы, гдѣ учился, почему не кончилъ курса и т. п. Выслушавъ откровенный разсказъ нашего псаломщика, преосвященный сказалъ ему: «Остепенись, женись и просись»! Бѣдняга остепенился уже давно; ему оставалось только жениться, что́ онъ и сдѣлалъ, не откладывая въ долгій ящикъ, и вскорѣ же былъ рукоположенъ въ священники.

При такомъ настроеніи умовъ,—хотя, можетъ быть, оно и не было достаточно глубокимъ и серьезнымъ,—требованія внѣшней религіозности и благочестія являлись для многихъ тяжелой обузой, и уклоненіе отъ этихъ требованій было въ семинаріи обычнымъ. Къ чести нашего начальства, нужно сказать, что въ такихъ случаяхъ оно примѣняло обыкновенно то же архипастырское внушеніе: «Остепенись!», или обычное наказаніе, какъ оставленіе безъ отпуска, пониженіе балла за поведеніе и т. п., не прибѣгая къ особымъ, крутымъ мѣрамъ,—и слава Богу! Сколько молодыхъ жизней могло бы, при иномъ отношеніи, быть загублено понапрасну!

Духъ времени отражался весьма замѣтнымъ образомъ и на всемъ строѣ внутренней, интимной жизни семинарскаго товарищества.

Предполагается, обыкновенно, что въ закрытыя учебныя заведенія не долженъ проникать никакой «духъ» извнѣ,—на то, молъ, они и закрытыя! Но это чистѣйшее заблужденіе. Возьмите исторію внутренней жизни любого закрытаго учебнаго заведенія и вы увидите въ ней вѣрное отраженіе современной эпохи. Это можно замѣтить даже въ наиболѣе, такъ сказать, закрытыхъ заведеніяхъ, каковы женскіе институты. Да и можетъ ли быть иначе? Есть тысячи путей, по которымъ вѣяніе окружающей жизни незамѣтными струйками проникаетъ сквозь самыя толстыя стѣны интернатовъ.

Были времена, когда семинаристы увлекались «чистою поэзіей», заводили толстые «альбомы» и тщательно вписывали въ нихъ стихи Жуковскаго и Пушкина; времена перемѣнились, и новыя поколѣнія семинаристовъ стали заполнять страницы своихъ альбомовъ выдержками изъ рѣчей Лассаля, памфлетовъ Герцена и статей «Колокола» и «Полярной Звѣзды».

Въ мое время такихъ «альбомовъ» въ семинаріи не водилось, но читали семинаристы очень много. Существовалъ, такъ сказать, общій рецептъ чтенія, который предлагался старшими товарищами всякому новичку, желавшему пріобрѣсти «идейное развитіе». Первыми развивателями новичковъ, поступавшихъ въ семинарію изъ духовныхъ училищъ, являлись обыкновенно «старички», т. е. оставшіеся на второй годъ въ первомъ классѣ; они смотрѣли на своихъ новыхъ товарищей немножко свысока и покровительственно, какъ на неотесанную деревенщину, которую надо было еще научить уму-разуму.

— Бокля читалъ?—огорашивалъ какой-нибудь бойкій «старичокъ» совсѣмъ еще юнаго, неопытнаго новичка.

— Бокля? Какого Бокля?—недоумѣвалъ новичокъ.

— А Спенсера?

— Нѣтъ, не читалъ.

— А Дарвина?—не унимался «старичокъ».

— Н-н-нѣтъ!

— Эге, да ты, братъ, еще совсѣмъ младенецъ!

И «младенецъ» принимался за чтеніе и добирался понемногу и до Бокля, и до Спенсера.

Интересовались преимущественно общественными науками и естествознаніемъ, которое открывало семинаристамъ совершенно новый для нихъ міръ природы; зачитывались, конечно, и беллетристикой. Особенно охотно читались сочиненія Рѣшетникова, Левитова, Наумова и др. писателей, изображающихъ народную жизнь, а также романы Михайлова-Шеллера и Шпильгагена; большою популярностью, помню, пользовался романъ Швейцера «Эмма», растрепанный экземпляръ котораго, неизвѣстно кому принадлежавшій, постоянно ходилъ по рукамъ. Изъ журналовъ въ большомъ ходу были «Отечественныя Записки», въ которыхъ особенно живой интересъ возбуждали статьи Михайловскаго и сатиры Щедрина. Изъ поэтовъ читался, перечитывался и заучивался наизусть,—не въ классѣ, разумѣется,—Некрасовъ.

Ходили читать обыкновенно въ публичную библіотеку или добывали книги изъ частныхъ библіотекъ, или отъ знакомыхъ студентовъ, бывшихъ товарищей и т. п. Мы не были стѣснены строгой дисциплиной. Послѣ обѣда не только въ праздники, но и въ будни, мы уходили, куда хотѣли; можно было уйти и вечеромъ, лишь бы явиться къ перекличкѣ передъ вечерней молитвой. Иногда наша инспекція пыталась приструнить насъ, приказывала запирать калитку на ключъ и заводила какіе-то отпускные билеты, которые надо было показывать при выходѣ дворнику. Но эти «строгости» какъ-то не прививались... Проходила недѣля, другая, и калитка опять стояла открытою настежь, а дворникъ мирно дремалъ въ своей караулкѣ... За нашимъ чтеніемъ также никто не слѣдилъ; никто не допрашивалъ, какія книги читаешь, откуда берешь ихъ; вообще никогда никакого «сыска» начальство наше не производило. При такой системѣ жилось намъ легко и привольно. Впрочемъ, едва ли тутъ была какая-нибудь заранѣе намѣченная и обдуманная система; все дѣло за-

ключалось, кажется, въ личныхъ свойствахъ и качествахъ нашихъ воспитателей.

Ректоромъ семинаріи былъ протоіерей М. Ѳ. Ч. Онъ былъ человѣкъ очень умный, очень тактичный и... очень тонкій. О тактѣ и тонкости его свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что онъ оставался неизмѣнно любимцемъ всѣхъ архіеревъ, управлявшимъ одесскою епархіею. А ихъ за многолѣтній періодъ ректорства о. М—ія перемѣнилось немало, и это были люди самыхъ различныхъ характеровъ, начиная отъ кроткаго, почти святого Д—ія и кончая кипучимъ и бурнымъ Н—омъ. Въ семинаріи о. ректоръ всегда былъ удивительно ровенъ и спокоенъ. Если случалось ему выйти изъ себя и обмолвиться горячимъ словомъ, то объ этомъ долго говорили, какъ о чемъ-то необычайномъ. Съ нами онъ былъ мягокъ и благосклоненъ, но держалъ насъ всегда на почтительномъ разстояніи и, вообще, мало вмѣшивался въ нашу жизнь, предоставивъ дѣло воспитанія почти всецѣло о. инспектору; тѣмъ не менѣе, всѣ чувствовали. что главою семинаріи былъ именно онъ.

Инспекторомъ былъ протоіерей А. С—въ. Добрѣйшая душа былъ нашъ о. инспекторъ! Инспекторскихъ способностей у него не было ни на іоту, и онъ старался замѣнить ихъ напускною сторогостью и ворчливостью, чтó выходило у него очень комично. Онъ былъ заика; но заикался какимъ-то особеннымъ манеромъ, произнося слова съ глубокимъ придыханіемъ и выкрикивая ихъ нараспѣвъ, сдавленнымъ и прерывающимся голосомъ. При богослуженіи этотъ недостатокъ у него почти не былъ замѣтенъ. Въ противоположность о. ректору, онъ былъ очень горячъ и вспыльчивъ. Вспылитъ, набросится на ученика, обругаетъ его, почему то всегда во множественномъ числѣ («лѣнтяи!», «свиньи!», «мерзавцы!» и т. п.), посулитъ ему Богъ вѣсть чего,—а черезъ минуту остынетъ, успокоится, уменьшитъ или вовсе отмѣнитъ наказаніе, а иногда чуть не извиняется.

Иной разъ, во время длиннаго вечерняго богослуженія, ученики начинають, бывало, понемногу исчезать изъ церкви и собираются въ саду, покуриваютъ папиросы, мирно бесѣдуютъ. О.

инспекторъ замѣтитъ, что ряды порѣдѣли, смекнетъ, въ чемъ дѣло, и отправляется «на охоту». Подобравъ рясу, онъ отважно пускается въ преслѣдованіе, стараясь хоть одного поймать на мѣстѣ преступленія. «Охота» обыкновенно оканчивалась полной неудачей для о. инспектора; но если ему удавалось невзначай схватить кого-либо за руку, восторгу его не было предѣловъ! Онъ съ торжествомъ тащилъ свою жертву къ фонарю, чтобы разсмотрѣть лицо, и потомъ всѣмъ разсказывалъ о своемъ успѣхѣ: «Вотъ какую крысу я поймалъ сегодня»!

Прозвище ему было «Савка»: почему и какъ онъ получилъ такое прозвище, не знаю, но оно какъ-то очень шло къ нему.

Старикъ давно уже умеръ, но память о немъ жива и теперь среди его бывшихъ воспитанниковъ. Товарищи мои, нынѣ большею частью священники, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, съ самымъ теплымъ чувствомъ поминаютъ покойнаго о. инспектора за его удивительную незлобивость и добродушіе.

Помощникомъ у него былъ нѣкто К—скій, человѣкъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ и смирный, какъ овца. Прозывали его,—тоже не знаю почему,—«Ременецъ». Никто его, что называется, въ грошъ не ставилъ.

Естественно, что при такомъ начальствѣ семинаристы чувствовали себя «свободными гражданами» и жили припѣваючи: цѣлыми толпами уходили въ театръ, на бульваръ, любили посидѣть въ чайномъ трактирѣ или въ дешевой пивной.

И что же? При этой внѣшней свободѣ, въ семинаріи не было ни пьянства, ни другихъ тайныхъ пороковъ, обычныхъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Даже больше того: я положительно не помню, за время пребыванія своего въ семинаріи, ни одного случая проявленія среди воспитанниковъ нравственной испорченности или распущенности. Воспитательное вліяніе имѣло не начальство, а кругъ товарищей; общее же направленіе товарищества было доброе, гуманное. Благодаря отсутствію гнетущей власти полицейскаго надзора, ежовыхъ рукавицъ и т. п.,

всѣ чувствовали себя легко и бодро, а покидая семинарію, уносили доброе воспоминаніе о ней.

Въ 1881 году я оставилъ семинарію. Съ грустью прощаясь съ товарищами, я записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Прощай семинарія! Добромъ всегда помяну тебя, потому что жилось, мыслилось и чувствовалось здѣсь привольно! Покладистое начальство, доброе товарищество, наши невинныя продѣлки и забавы, наши молодыя мечты и горячіе, подчасъ очень шумные, споры въ классахъ и спальняхъ, или въ семинарскомъ саду по вечерамъ, а то и въ поздній часъ ночи, первый пылъ юности и первыя увлеченія,—все было хорошо, обо всемъ буду вспоминать съ удовольствіемъ».

Ю. Г.

Степовый сокилъ.

I.

Весна була ранния, дружна. Снигъ зійшовъ скоро, и степъ заразъ же почавъ зелениты. Повіялы зи сходу суховіи й скоро жъ высушылы землю й обвіялы, обсмажылы облыччя степового люду. Де-не-де прокынувся видъ зимового сну чепурный, сывенькый ховрашокъ; вылизъ винъ зъ своеи темнои норы, продеръ за зиму заспани очи и свыснувъ першу свою писню, стовбчыкомъ ставшы на зазеленилому горбочку.

Весняна степова робота була саме въ роспали. Скризь, ажъ до далекого пивденного моря, люде краялы плугамы чорну вохку землю, кыдалы въ рыллю сухе золоте зерно и зубчастымы боронамы роспушувалы, чесалы й перечисувалы новне родючои сылы лоно земли. Тилькы вугильни шахты та зализноробни заводы курылы своимы чорнымы высоченнымы дымарямы, ховаючысь де-не-де по степовыхъ балкахъ, уныкаючы по нызынахъ, або мріючы по шпыляхъ и ребрахъ гирськыхъ кряживъ. Тамъ не зналы ни зимы, ни весны. Тамъ, у надрахъ земли, довбалы й рвалы чорно-блыскучи вугильни пласты; тамъ, пиднявшы вугиль на поверхъ, перепалювалы ёго на матовый пиздрастый коксъ; тамъ, у велычезныхъ печахъ, такъ, якъ варыть добра господыня про свою семью у горщечку грецьку кашу, варылы-топылы жовте каминня— зализну руду. Зъ тыхъ печей, по проводахъ, биглы огняни струмни й застыгалы въ велычезныхъ штабахъ, и ножи краялы

ти гарячи, ще рожеви штабы на рельсы, якъ та жъ сама господыня крышыть у борщъ моркву.

Тамъ не помичалы ни звычайныхъ у тимъ краю суховіивъ, ни першого свысту ховрашка.

Кинчався вербный тыждень. У повитовому мисти на той часъ що-року бувавъ ярмарокъ, и теперъ по чорныхъ, ще незапорошеныхъ шляхахъ до ёго зъ усихъ краивъ по степу зъйиздылысь люде. Саме мисто лежало у лощыни, надъ маленькою ричкою, упъявшысь своимы будынкамы й хатамы у важкый, глеюватый грунтъ, урывшысь у ёго и пустывшы свое кориння геть на вси бокы по яркахъ и рудыхъ провалляхъ.

Ярмарокъ тилькы ще почынавсь. Люде зъйиздылысь, але торгу ще не було ніякого. На велыкому ривному майдани перекупкы дарма заклыкалы покупцивъ-селянъ, — ти ще не йшлы до ихъ столивъ зъ печеною рыбою, чахонью, оселедцямы, таранею, паляныцямы й бублыкамы и велыкымы мидяными самоварямы,— такымы старымы й поничеченымы, що сказавъ бы—булы воны й пидъ Севастополемъ, и пидъ Плевною та и ще мабуть у якыхъ-сь невидомыхъ свитови, але важкыхъ баталіяхъ.

Покупци не йшлы до ихъ. Воны ще малы свій харчъ зъ дому.

Цыгане дарма гарцювалы киньмы й выгукувалы тежъ покупцивъ,—нихто не прыцинювався до ихъ баскыхъ, загодя добре набытыхъ пугамы, пужалнамы й чобитьмы коней. Ждалы, щобъ стала цина.

Сёгодня зъ-обидъ суховій ущухъ и подыхнуло зъ пивдня тепломъ й вохкистю. Надъ-вечиръ почавъ накрапаты дрибный и ривный дощыкъ. Люде сыдилы пидъ возамы. Мокри кони й волы жувалы вохку запашну солому, а собакы, що тежъ увъязалысь до ярмарку, скоса поглядалы на незнаныхъ имъ, новыхъ сусидъ, але лежалы смырно й поважно. Воны добре зналы, що булы не дома у себе, де-небудь у Крывій Балци, або у Семыхатывци, а у повитовому мисти, де жывуть не прости мужыкы, а паны вельможни, що въ бильшости мають довжелезни, сами найпалестынськи носы и бердычевськи пейсы.

Все було незнаёме,—и вулыци зъ возивъ, и сусиды. И тому то Рябкы, Сиркы, Шарыкы й инши селянськи дармогавы поводылыся смырно, поважно, зовсимъ навпакы своему звычаеви.

На майдани, посередъ ярмарку, булы навернени горы усякого краму. Тутъ булы: колеса, ночвы, горшкы, плугы, бороны, віялкы, возы й сани, викна, видра и чавуны й инше добро. Тутъ же сыдивъ, закрывшысь кожухомъ, старый, знаный на ввесь повитъ, коваль Вовкъ. Передъ нымъ лежалы его роботы кинськи пута й свердельчыкы. Биля его зибралась купа народу. Сыдилы навколишкахъ и роздывлялысь пута. Складалы ихъ и роскладалы; прымирялы соби на рукы, клалы пута знову до купы и зновъ бралы въ рукы.

Вовкъ сыдивъ и байдуже поглядавъ на мужыкивъ. Винъ зовсимъ не мавъ надіи, що хто зъ ихъ сёгодня купыть у его хочъ одне путо або свердельчыка. За свій довгый викъ винъ добре вызнавъ селянъ: торгъ буде завтра та пислязавтрёго, а сёгодня тилькы—прыцинка.

II.

Розмова снувалась якось недбало. Казалы такъ, абы що казаты.

— Ну, зъ цёго пута чорта рытого що выкрадешъ!—промовывъ одынъ зъ мужыкивъ, любуючы на важке, дебеле путо.

— Дывысь, твоя шкапа ще его й не потягне!... —озвався до его, осмихаючысь, сусида-землякъ.

— Хто?.. Моя кобыла?.. Эге-ге! така вона й есть!..

— Потягне, чы не потягне, а такы правда,—путо добряче. Коло его й метецъ попомудрує!—прыставъ до розмовы третій сусида.

— Э, ни! Путо це намъ—такъ воно путо, а на доброго чоловика такъ воно—казна-що!..

— То правда.

— Та ни,—такы попоцокается и добрый злодій.

— Розсказуйте!..—перепынывъ розмову землякамъ старый селянынъ зъ другои слободы, зъ довгою, сывою, по кинцяхъ жовтуватою, бородою, у рудій старій смушевій шапци.—У ёго на все есть одмычкы. Хиба винъ буде ёго быть?.. Стане винъ! П-хэ!..—Винъ те туды поверне, а се туды, тамъ прыдавыть,—такъ воно само спаде зъ конякы, мовъ объ весни шкура зъ гадюкы.—Знаю я си штукы! У насъ черезъ волость велы одного такого пташка—закованы й рукы й ногы. Заперлы ёго въ холодну, колы поглянуть трохы перегодя у викно, а винъ сыдыть на лави, на рукахъ ничого немае, скынувъ зъ себе сорочку й довбется у комири...

— Мабуть нужа, сердегу, обсила,—засміялысь селяне.

— Мабуть,—почавъ дали сповидачъ.—До ёго,—а винъ каже: «не турбуйтесь,—казённе добро не пропаде. Все гараздъ буде». Покы увійшлы въ холодну,—уже винъ и одягненый и закутый.

— То винъ, каторжный, очи одводывъ,—завважывъ другый дидъ, зъ жовтымъ, безбородымъ, у зморшкахъ, мовъ у скопця, облыччямъ.

— А хиба то правда: можно очи одводыты?

— Та вже жъ, мабуть, стари люде не брешуть, колы кажуть. Вже не дарма кажуть!—видповивъ трохы образлыво жовтовыдый дидъ.—Онъ у нашого жыда, Фуксы, якъ кони выведено!?. Булы замкнени у стайни, и наймытъ спавъ пидъ дверыма. Та ще й не пизно було: тилькы-тилькы люде облягаты почалы... Самъ жыдъ ще й не спавъ...

— Гроши, мабуть, чортивъ пархъ, личывъ!..—не втерпивъ укынуты сливце одынъ зъ селянъ.

— Чы гроши личывъ, чы що друге робывъ,—того не скажу, ну, а не спавъ ще... И свитло въ хати горило. А *винъ*,—тутъ оповидачъ якось таемнычо пидвивъ до-горы безволоси бровы и забалакавъ зовсимъ тыхо, мовъ боячысь, що хто пидслухае,—а *винъ* пидходыть до ёго наймыта значыть,—нашъ такы парубокъ бувъ,—та й каже: «а ну, Петре, посунься трохы!» Тому здалось, що то хазяинъ стоить,—винъ и посунувся. Одсунувся, що й двери

можно видчыныты въ стайню... А *той* поодмыкавъ усе; якъ уже винъ тамъ одмыкавъ,—не знаю... Вывивъ коней... пара добра була,—чотыри сотенни давалы, такъ не взявъ жыдъ... Вывивъ кони, сивъ верхы та й подався!.. Прокынувся наймытъ—винъ тамъ и спавъ,—тилькы що першый сонъ перебувъ, колы глядь:—двери видчынени!.. Винъ у стайню, дума: «що жъ се я забувъ и доси кони завесты?»... Туды—ажъ коней й слиду немае!.. Высять сами пута на яслахъ... И ничогисенько не поламано, и замкы цили... Та ще, гаспедивъ сынъ, и пута порозвишувавъ на яслахъ: «на-те, мовъ, вамъ,—запирайте ще!..»—Той тоди до жыда: такъ и такъ... выведено кони... А жыдъ ухопывъ ключы одъ стайни—ёму ихъ наймытъ прынисъ зъ-вечера—«якъ же», каже, «такъ: ключи жъ ось у мене?..»

— Эге, ключы!..—засміявся коваль, прытоптуючы велыкымъ пальцемъ правыци тютюновый попилъ въ люльци.

— Ключы! Що тамъ ключы! Попоцокайся имы!..

— Куды!..

— Оттаке!

Уся кумпанія сміялась, уявляючы соби переляканого и збентеженого жыда зъ ёго ключыма.

— Ну, й що жъ?

— Та ничого, такъ и пропалы кони.

— Отъ тоби й путо!..

Селяне дывувалысь. Той злодій здавався имъ якымъ-ся характерныкомъ, проты якого ничого не вдіешъ. Прыйшовъ и взявъ, що хотивъ, а ты тилькы дывысь на ёго!

— Се люде таки,—почавъ дали розмову довгобородый у рудій шапци дидъ, мовъ угадуючы думку всихъ,—се таки, що боронь одъ ихъ, Боже! Скилькы вже воны намъ лыха наробылы!.. И ничого не вдіешъ. У насъ по-надъ селомъ и шляхъ есть такый... Та вы, мабуть, знаете: злодійськый шляхъ?.. Такъ ёго й зовуть. Иде винъ якъ-разъ по кряжахъ: по-надъ Поповымъ Лисомъ, Пидгирнымъ, Иванивкою, Камъянкою, ажъ прямисенько на Ростовъ та Таганрогъ. Отъ воны, идолови души, тымъ шляхомъ и ганяють нашыхъ коней. Степъ... людей тамъ немае... Ну, имъ и

воля: жены, хочъ голову соби зломы!.. Одного разу, у-осены, оремо мы зъ сыномъ биля Пидгорного; чую въ-ночи—стугоныть земля... Та такъ же тоби стугоныть, мовъ табунъ коней бижыть... Прокынувся я, дывлюсь,—ажъ по шляху щось таке такъ тоби чеше, такъ чеше!.. Верхы... и двое коней на прыводи веде: «Злодіяка», думаю, «щобъ тоби чортяка голову скрутыла!» Колы чую—знов стугоныть: другый летыть. Веде четверыка. Я якъ гукну: «А—эй!.. држы злодія!..» А винъ якъ лясне пугою по коняхъ, якъ гукне соби,—тилькы ёго й бачывъ!..

— Се таке кляте зилля, що зъ нымъ ничого не зробышъ.

— Чому не зробышъ?.. Треба добре стерегты кони, то й цили будуть,—промовывъ маленькый чоловичокъ, ще молодый, у черкасыновій чумарчыни, зъ гостренькымъ носыкомъ и цапыною боридкою; винъ все до сёго часу мовчавъ и тилькы жыво-жыво копырсавъ передъ собою ципкомъ землю, мовъ горобець соняшне лушпыння.

— Стерегты... Онъ «у Фукы стереглы, де вже краще!..—видповивъ ёму оповидачъ про Фуксыну прыгоду.—Стережы, не стережы, а захоче вывесты, то выведе...

— То такы правда: у Фуксы нема краще, якъ зроблено,—промовывъ довгобородый дидъ, похытуючы головою у рудій шапци.

III.

— А у насъ ще краще було,—промовывъ ще хтось новый, що стоявъ биля гурту.

Селяне оглянулысь на ёго знызу и насторочылы вуха. Але той мовчавъ. А всимъ такъ хотилося послухать чогось цикавого. И здавалось, що сей чоловьяга може росповисты про щось цикаве. Се бувъ коновалъ, а коновалы народъ бувалый. Навить до того часу нерухомый коваль Вовкъ поворухнувся, кахыкнувъ и на хвылыну выпустывъ зъ рота свою люльку, допытлыво дывлячысь на коновала и мовъ кажучы: «ну, що-жъ? почынай, брате!»

— Та нужъ бо, кажить, що тамъ у васъ було!—обизвався вдруге маленькый рухлывый чоловикъ зъ ципкомъ, и ёго очи прыщулылысь, а невелычка голова зъ зацикавленнямъ вытягалась на тонкій шыйци наперёдъ. Ёму страшенно хотилось послухать, що тамъ такого було, що ще краще того, про що оповидавъ безбородый и безбровый, зморшкуватый дидокъ.

— Та що жъ казаты,—почавъ, мовъ нехотя, новый оповидачъ,—звистно, якъ злодій, то й злодій. Коженъ злодій на те злодій, щобъ дурнивъ дурыты.—На ярмарку въ Лугани, що бува объ Спаса, бувъ одынъ чоловьяга и нагледивъ винъ соби, значыть, тамъ у другого чоловика добрячого коныка. Маштачокъ такы справди ниврoку: круглый, мовъ злытый; самъ вороный, а на лоби лысына; грыва густа, блыскуча... Ну, скажемо, коныкъ хочъ куды! До хазяина: «продай», каже, «що хочъ, визьмы!» Той не продае, каже—не продажный.—«Та ну жъ бо, продай!»—«Ни, не продамъ», каже, «и балакаты ничого!».. Що тутъ будешъ робыты?

Оповидачъ прыпынывся. Обвивъ гострымы, пронызуватымы очима всю кумпанію, вынявъ зъ кышени кысета и почавъ робыты цыгарку. Ёму було рокивъ трыдцять пьять. Облыччя у ёго було смугляве, цыганкувате. Зросту бувъ не вылыкого, але въ плечахъ огрядный, а одягненый въ стару чумарку сынёго сукна. На пояси у ёго высило всяке коновальське прычандалля. Винъ не хапаючысь диставъ зъ кышени кысета й тако жъ поклавъ ёго туды зновъ.

— Ну, що жъ дали?—не вцытивъ зновъ горобцюватый чоловичокъ зъ ципкомъ.

— Пожды, завтра торгъ буде,—промовывъ осмихаючысь коновалъ.—Чы нема у кого блызько сирнычка?

Ёму далы сирнычка. Винъ закурывъ цыгарку, затягся дымомъ и, здавалось, зовсимъ забувъ, що винъ почавъ щось розсказуваты.

— Такъ якъ же, каже: непродажній?..—нагадавъ ёму зновъ сиренькый горобчыкъ и почавъ ще жвавише торсаты ципкомъ якусь соломынку.

— Эге жъ,—зитхнувшы й сплюнувшы, мовъ знехотя почавъ коновалъ. «И за сто карбованцивъ», каже, «не виддамъ коня». Перестоялы ото день, уже хочъ и до-дому йихаты. «Продай», каже.—«Ни, не продамъ». А той чоловикъ—душа гаряча, за полы хапается: продай та й продай. Дуже упавъ ёму въ око той кинь... Ажъ тутъ ёго й видводыть у бикъ чоловичокъ... такъ соби... незнаёмый. «Що дасы,—каже—чоловиче, твоя буде коняка?»

— «А якъ же ты зробышъ?»—«Та то вже мое дило»—каже. Ну, и поладналы воны: такъ и такъ,—пивсотни карбованцивъ ёму, якъ прыведе коня.

IV.

Оповидачъ зновъ прыпынывся. Подывывся на своихъ слухачивъ, обвивъ очыма весь майданъ. Сонце, заходячы, саме выглянуло на хвылыну зъ-за хмаръ и ще разъ освитыло й мисто, й ярмарокъ, и били яткы на майдани, напъяти рядНамы, биля якыхъ бабы-пекарькы варылы на двори вечерю. Видъ ихъ повійнуло до коновала пахучымъ дымомъ и смакомъ добре упеченои рыбы.

Винъ сплюнувъ и почавъ дали:

— Ну, такъ пойихавъ той мужыкъ до-дому... «Щожъ,—каже волею не продаешъ, то сылувать не стану». Пойихавъ и хазяинъ того коня. Запригъ соби й пойихавъ. Купывъ винъ віялку—йихаты важко, то йиде соби повагомъ. А чоловикъ той, що взявся коня добуты—за нымъ, за нымъ... Прыйихалы въ село, де жывъ той мужыкъ. И чоловикъ той за нымъ. Баче винъ, що чоловикъ той, хазяинъ того коня—людына заможна: жыве добре, двиръ увесь обгороженый, а стайня зроблена пидъ одніею стрихою зъ хатою. И хидъ черезъ сины. Сучого сына выкрадешъ! Ну, та ничого.

— Переночувавъ той чоловикъ ничъ на городи въ бурьяни. Тилькы стало свитаты, мужыкъ и пойихавъ на поле. Узявъ и кони зъ собою. Старый пойихавъ та два сыны й дви невисткы.

Зосталась одна баба та диты. Отъ выйшла баба за чымъ-ся зъ хаты до комори, а той,—винъ ще ранише перебрався зъ городу до хлививъ,—заразъ въ сины, та на горище. А дытына й побачыла ёго,—такъ хлопчыкъ-пузанчыкъ, ледви одъ земли выдно. Прыходыть баба, а воно й каже: бабусю, а тамъ дядько!—й показуе на горище. «Де тамъ у греця дядько»,—каже баба—«то тамъ сало у мишку». А сало такы справди висыть у мишку на бантыни. «Ни, дядько».—«Патякай»!—каже. А той сыдыть соби—ничычыркъ!

— Просыдивъ до вечора. Прыйиздять зъ поля вси й коней прыводять. Повыпрягалы. Силы вечеряты у синяхъ. А той сыдыть на горищи, ёму й выдко все. Повечерялы. Старый и каже: «заводьте жъ коней, хлопци, у стайню, та й самы тутъ у двохъ лягайте. Бо теперъ ярмарокъ,—багато всякого народу блукае». Ото завелы коней, засунулы засовомъ двери, послалы повсть саме пидъ дверыма и лягають спать обыдва сыны головамы у стайню. Що тутъ робыть? Ще й рушныцю положылы биля себе.

— Отъ, якъ вси поснулы, чоловикъ той взявъ зъ бантыны сало и злазыть зъ горища. Поставывъ сало на порози... Що тутъ утнешъ: лежать двое на повсти, здорови таки обыдва. Отъ винъ узявъ та тыхесенько й лигъ мижъ ными посередыни. Воны думають, що имъ тисно, збылысь до-купы, и порозсувалысь дали видъ ёго. Полежавъ винъ такъ трохы, смырно соби, а потимъ прыкотывся до одного, прытулывся до ёго... Тому душно,—винъ и одкотывся дали. Тоди винъ до другого—и той геть одкотывся. Воны, звисно, сплять й посуваются вви сни. Така думка, що воны у двохъ. А въ литку, знаете сами, одно видъ другого, мовъ одъ вогню, тикае. Ну, ото винъ позсовувавъ ихъ геть зъ повсти, а тоди вставъ, одсунувъ засова й видчынывъ двери. Тоди постриножувавъ тыхъ коней, що стоялы зъ воронымъ, а вороного вывивъ геть изъ стайни тыхесенько соби по повсти. Ти хлопци сплять, ажъ хропуть, ничого не чують. И старый на двори спыть на дрогахъ. Отъ винъ видчынывъ ворота, взявъ сало, взявъ рушныцю, сивъ на коня, та якъ гаркне, якъ свысне, якъ стрельне

зъ рушныци!.. Тилькы его й чулы!.. Ти, звисно, прокынулысь: туды-сюды, що та якъ... Покы роздывылысь, у чому тутъ сыла,— эге-ге!.. ловы витра въ поли!..

— Ну й не наздогналы?

— Куды тамъ! Такый и винъ бувъ, щобъ давcя въ рукы! Покы воны тихъ коней поростриножувалы, такъ уже его й не чуть було. Ничъ була хмарна́. Вылетивъ винъ за село, пройихавъ зъ пивъ-верствы по шляху, а тоди звернувъ просто въ поле, та выгономъ объйихавъ по-за селомъ назадъ, тай пойихавъ соби знову такы по шляху въ другый край. Ти летять туды, де винъ показавъ имъ дорогу, а винъ и пойихавъ соби геть, куды ему треба було. Другого дня пhistorically полудня й прывивъ коня новому хазяинови.

— Що жъ, и заплатывъ ему той чоловикъ, якъ умовылысь?

— А вже-жъ, що заплатывъ!

V.

Слухачи дывувалысь. Мырнымъ, байдужымъ селянамъ малювалась картына, якъ винъ, той злодій, такъ обдурывъ добрыхъ людей. Та ще й стриляе: нате, мовлявъ, вамъ ловить!..

— Оть собака, такъ собака!

— Именно—собака!

— Двое не встерeглы. Оттаке!

— Та иншый бы тыхенько соби, а винъ зъ рушныци ба-бахъ!..

Покы слухачи дывувалысь, прыгадуючы, якъ було дило, коновалъ-оповидачъ непомитно счезъ, мовъ кризь землю провалывся. Нихто не помитывъ, колы винъ и одъ гурту одійшовъ.

— Де-жъ це саме було, у якому сели?—поспытавъ коваль и новивъ навкругы очима.

Коновала уже не було.

— Де-жъ це винъ подився?—дывувалысь люде, озыраючысь.

— Хто такый, кого це вы выдывляетесь?—запытавъ ихъ незнаёмый имъ селянынъ, що пидходывъ саме теперъ до ихъ гурту.

Ти розсказалы ёму.

— А якый винъ зъ облыччя?—запытавъ той.

— А що, хиба?

— Та оть вы скажить, тоди й я вамъ скажу.

— Та чоловикъ, якъ чоловикъ...

— Ну, а на облыччя якый?

— Чорнявый.

— Велыкого зросту?

— Ни, отакого, якъ я.

— А на цыгана не скыдается?

— Та трохы есть... Тилькы винъ не цыганъ.

— Ну, такъ ото-жъ знайте, що ото винъ самый—той злодій—и есть! То жъ винъ самъ й выкравъ того коня. Я самъ на свои очи бачывъ того маштачка: гарный коняка! Тилькы той чортъ трохы перегнавъ ёго... Винъ самъ зъ нашого села, зъ Орихового, Сокилъ—прозвыще ёго. Ого-го, яки винъ штукы вырobляе!..

— Чомъ же ёго у Сибиряку не запровторять,—спытався жовтовыдый дидокъ.

— Эге!.. запровторьте!.. Ёго ще ни разу и не судылы:—не піймаешъ. Тамъ така хытра штука, що ну!..

Селяне дывувалысь. Такъ ось яка сторія. Онъ яки бувають злодіи! Де-котри навить почалы лапаты у кышеняхъ: чы не похазяйнувавъ винъ тамъ у ихъ.

— Та невже жъ такы справди то винъ?

— Отъ ей-Богу, що винъ.

— Та ни?

— Та кажу-жъ.

— И самъ оце такъ-б розсказуе про себе?!..

— А що жъ вы думаете? Що ёму пошкодыть? Винъ не боится ничого.

— Дывысь ты... Отъ такъ сторія!..

И довго ще дывувалысь селяне.

Вечорило. Дрибный дощыкъ давно вже переставъ. Тепла мла обгортала й мисто й ярмарокъ. А коновалъ у сыній чумарци уже ходывъ у другому кинци ярмарку, и ёго гостри, пронызувати очи выглядалы молодецькои здобычи.

М. Чернявськый.

Въ поискахъ новой красоты.[1]

(Замѣтки читателя).

III.

Общепризнанной главой символизма въ украинской литературѣ считается г-жа Ольга Кобылянская, являющаяся въ тоже время и чуть ли не единственной у насъ дѣйствительно талантливой представительницей этого направленія, хотя, на нашъ взглядъ, талантъ ея сильно переоцѣненъ неумѣренными поклонниками и панегиристами. Буковинка по происхожденію, она въ дѣтствѣ получила чисто нѣмецкое воспитаніе, вліяніе котораго,—довольно, впрочемъ, одностороннее, исчерпывающееся однимъ лишь ничшеанствомъ,—до сихъ поръ сказывается на формѣ и содержаніи ея произведеній, чего, по утвержденію г-жи Л. Украинки будто-бы «не могутъ ей простить ея галицкіе критики» (Л. Украинка—«Малорусскіе писатели на Буковинѣ», Жизнь, 1900, IX, 126), на самомъ дѣлѣ относящіеся къ г-жѣ Кобылянской почти восторженно. Первые литературные опыты молодой писательницы, какъ это вполнѣ естественно было въ ея положеніи, писались по-нѣмецки, и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ извѣстной писательницы и поборницы женскаго движенія въ Галичинѣ г-жи Кобрынской, она пробуетъ свои силы въ украинской литературѣ.

Первые шаги г-жи Кобылянской въ родной литературѣ были для писательницы источникомъ довольно чувствительныхъ разочарованій отъ постигшихъ ее на этомъ поприщѣ неудачъ. Такъ, написанная въ 1886 г. повѣсть «Людина» появляется лишь въ 1894 г. послѣ многихъ злоключеній и странствованій по редак-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 10.

ціямъ украинскихъ журналовъ, да и то редакція «Зорі», помѣстившей, наконецъ, эту повѣсть, около двухъ лѣтъ выдержала ее въ своемъ портфелѣ, очевидно не рѣшившись сразу ее напечатать; вторая крупная вещь г-жи Кобылянской, написанная въ концѣ 80-хъ годовъ повѣсть «Царівна», появляется лишь въ 1895 году въ газетѣ «Буковина». Мы не думаемъ, чтобы эти неудачи можно было приписывать, какъ это дѣлаетъ въ упомянутой статьѣ г-жа Л. Украинка, какому то предубѣжденію галицкихъ критиковъ противъ нѣмецкой культуры, ни тѣмъ болѣе тому, уже совершенно невѣроятному обстоятельству, что галицкая критика «проникнута въ большинствѣ принципами натурализма»,—будетъ, кажется намъ, гораздо проще и согласнѣе съ истиной поставить эти неудачи на счетъ самой писательницѣ, объясняя ихъ прежде всего особенностями ея произведеній. Мы лично не принадлежимъ ни къ противникамъ нѣмецкой культуры, ни къ поклонникамъ натурализма, но это не мѣшаетъ намъ, во-первыхъ, думать, что нѣмецкая культура не на одномъ Ничше клиномъ сошлась, а во-вторыхъ, желать, чтобы въ произведеніяхъ украинскаго писателя не встрѣчалось, при томъ въ чрезмѣрномъ изобиліи, выраженій въ родѣ: «симъ разомъ *ошибнулись* ви» («Покора», 54), «лежала простягнувшись *в цілій своій довгости*» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 47); такихъ сомнительныхъ образовъ, какъ «кусень нетиканоі краси» («Покора», 76) и по истинѣ какофоническихъ сочетаній словъ, какъ: «орли наі*ж*али люто пера, *ч*орні, воро*ж*о блистя*ч*і о*ч*і звертаю*ч*и *ч*игаю*ч*о въ доли» («Покора», 80),—все это, можетъ быть, и естественно въ устахъ нѣмецкаго человѣка, но для украинскаго писателя совершенно непростительно. Стиль г-жи Кобылянской, дѣйствительно неуклюжій, тяжелый, изобилующій неправильностями и варваризмами, ставитъ значительныя препятствія читателю,—но не въ одномъ лишь стилѣ дѣло. Гораздо важнѣе, что съ неуклюжей формой заключаетъ союзъ и рука объ руку идетъ и темнота содержанія, зависящая отъ неясности задачъ и нѣкоторыхъ изъяновъ художественныхъ средствъ писательницы, осложняющихся при томъ еще особымъ, такъ сказать, идейнымъ букетомъ, уже прямо возбуждающимъ

противъ себя протестъ со стороны читателя. Въ виду указанныхъ особенностей,—ниже о нихъ будетъ подробнѣе сказано,—необходимъ былъ нѣкоторый промежутокъ времени, въ теченіе котораго читающая публика и критика могли бы освоиться съ произведеніями г-жи Кобылянской. Теперь, когда такая привычка уже создалась, г-жа Кобылянская и заняла опредѣленное мѣсто въ нашей литературѣ и пріобрѣла прочно-установившуюся репутацію главы новаго направленія, являясь дѣятельной сотрудницей украинскихъ изданій въ Галичинѣ и на Буковинѣ, но до того ей пришлось испытать всѣ горечи и разочарованія неудачъ, справедливо или несправедливо, но всегда сопряженныхъ съ нововведеніями въ какой бы то ни было области. Изъ поставленной нами задачи вытекаетъ необходимость пересмотрѣть литературное достояніе г-жи Кобылянской, опредѣлить цѣнность его и объяснить то вліяніе, которое оно оказываетъ на литературу и общество. Минуя первую повѣсть г-жи Кобылянской, какъ представляющую для насъ не много интереса, свой анализъ ея произведеній мы начнемъ съ «Царівни»,—произведенія для нашей писательницы въ высшей степени характернаго, дающаго ключъ къ уясненію и уразумѣнію всей ея послѣдующей литературной дѣятельности, обрисовывающаго какъ нельзя лучше писательскую физіономію автора. «Царівна»—это прототипъ всѣхъ произведеній г-жи Кобылянской: здѣсь въ зародышѣ, а иногда и въ болѣе разработанной формѣ предъ читателемъ предстаютъ почти всѣ персонажи ея позднѣйшихъ произведеній; здѣсь сосредоточены занимающіе писательницу вопросы, ея личные и общественные идеалы; здѣсь, наконецъ, содержится отгадка того направленія, которымъ пошла въ своей литературной дѣятельности г-жа Кобылянская.

Повѣсть г-жи Кобылянской—это исторія жизни одаренной отъ природы высшими порывами и стремленіями, какой-то даже «тугою за красою» женщины, которая рвется изъ «буденной» обстановки, изъ среды «тупихъ, підлихъ душъ» съ одними лишь желудочными интересами, изъ сферы «рослинного вегетовання» къ достойному человѣка счастью, которое въ концѣ концовъ и находитъ въ замужествѣ съ нѣкіимъ «аристократомъ духа» и въ

литературной дѣятельности на пользу родной страны. Условія, среди которыхъ получила свои первыя впечатлѣнія и дальнѣйшее развитіе наша «царівна»,—эта «горда, вражлива, аристократична душа», какъ аттестуетъ ее г-жа Кобылянская,—дѣйствительно ужасны, несмотря на свою сѣренькую, по внѣшности, какъ будто и безобидную форму, на свой однообразный фонъ. Лучше будетъ, впрочемъ, сказать—*благодаря* этому фону, такъ какъ положеніе здѣсь живой души тѣмъ ужаснѣе, что сѣренькое существованьице представляетъ собой обычный образъ жизни того круга людей, той среды, въ которой пришлось вращаться нашей героинѣ: противоположность обычныхъ интересовъ среды и «гордоі аристократичноі души» тѣмъ рельефнѣе, выпуклѣе выступаетъ и тѣмъ положеніе ея трагичнѣе. Это, говоря словами героини, собственно не жизнь, а «рослинне вегетоване, хвилями перерване тихими зойками борби о істноване». Всѣ помыслы представителей этого растительнаго царства сосредоточены на вопросахъ и интересахъ желудочного свойства: выбиться въ люди, во что бы то ни стало сдѣлавъ карьеру, завладѣть только для себя, по картинному выраженію г. Мамина-Сибиряка, кусочкомъ хлѣба съ масломъ, жениться на солидномъ приданомъ, съ одной стороны, и во что бы то ни стало поймать мужа, съ другой,—вотъ и все, чѣмъ исчерпываются стремленія этой среды. Взглядъ на женщину выраженъ въ обращеніи одного достойнаго представителя этой среды къ героинѣ слѣдующимъ образомъ: «чи думала ти коли небудь над тим, що властиво мужчина, а що жінка? Мужчина—то «всьо», а жінка—то «нічо». Ви, дівчата, від нас залежні, як ті рослини від сонця, від воздуха... Ми надаєм вам змислу (sic), поваги, значіня, одним словом все... Дівчата підростають раз-в-раз і всі вони хотять замуж вийти, всі що до одноі» («Царівна», стр. 27). Какъ ни тяжело героинѣ признаться, но и она въ концѣ концовъ находитъ въ этихъ ужасныхъ по своему цинизму и наглой откровенности словахъ, правду: да, дѣйствительно—«нічим є жінка», и не нашедшая мужа дѣвушка навсегда обречена служить бременемъ для родныхъ; удѣлъ ея—«кров нашу ссати», какъ со свойственной ей деликатностью вы-

ражается тетка Наталки Верковичъ. Естественно, что въ средѣ, проникнутой такими взглядами на женщину, отношенія между полами полны фарисейства и самой дикой нетерпимости: уже одно, напр., присутствіе дѣвушки безъ старшихъ въ обществѣ неженатыхъ мужчинъ является тамъ страшнымъ преступленіемъ, оскорбляетъ «добрые нравы», налагая на дѣвушку неизгладимое пятно преступницы противъ «хорошаго тона». Любви тамъ, разумѣется, не признаютъ въ иныхъ формахъ, кромѣ животной чувственности, и матери съ гордостью заявляютъ для поученія своимъ дочерямъ, что они выходили замужъ, «не хоруючи ані трохи на ту поетичну недугу» («Царівна», 31), а знали лишь иголку, хозяйство, молитвенникъ, и тѣмъ не менѣе честно исполняли свой долгъ—рожали дѣтей, воспитывали (читай—питали) и внушали имъ ту же мораль, на которой сами выросли и которой основное правило гласитъ: «держатись землі і йти давнім убитим шляхом» (ibid. 111). О высшихъ стремленіяхъ, объ идеяхъ тамъ если и говорятъ, то не иначе, какъ со смѣхомъ и болѣе или менѣе презрительными эпитетами, называя ихъ вздорными и вредными фантазіями: чтеніе книгъ въ этой средѣ вообще считается занятіемъ малопочтеннымъ и недостойнымъ серьезнаго человѣка, такъ какъ развиваетъ «культъ примх і романтики», а о томъ, что, напр., Гейне—авторъ для молодыхъ дѣвушекъ неподходящій,—уже и говорить нечего. Среди этой убійственной, мертвящей обстановки, среди людей съ такими низкими и пошлыми фарисейскими взглядами, проводитъ дѣтство и первые годы сознательной жизни, выростаетъ въ сознающаго себя человѣка Наталка Верковичъ, героиня повѣсти г-жи Кобылянской. Что помогло ей сохранить чистоту и чуткость душевную, вопреки вліянію среды, мы не знаемъ; правда, она часто съ благодарностью вспоминаетъ о благотворномъ вліяніи, оказанномъ на нее родителями и въ особенности—бабушкой, но какъ тѣ, такъ и другая умерли очень рано и, оставшись послѣ ихъ смерти въ семьѣ своего дяди, она всецѣло подпадаетъ дѣйствію мертвящей среды, только какъ то чудомъ не оказывающей на нее своего разлагающаго вліянія. Какъ бы то ни было, но на первыхъ же страницахъ

повѣсти Наталка Верковичъ является предъ читателемъ уже вполнѣ созрѣвшимъ, умственно и нравственно окрѣпшимъ организмомъ, которому удалось сохранить «вражливу аристократичну душу», жаждущую во всемъ «тонкоі корректности» и стремящуюся «залетіти далеко-далеко». Чтеніе книгъ, какъ милость, разрѣшенное дядей, укрѣпляетъ очевидно врожденные задатки добра, открываетъ ей глаза на окружающую среду, направляетъ мысли ея въ другую сторону отъ животныхъ интересовъ и возбуждаетъ духъ гордаго протеста. Въ качествѣ женщины, она особенно живо чувствуетъ ненормальное положеніе въ этой средѣ именно женщинъ, и потому она становится поборницей женскаго движенія, внимательно изучаетъ его, пробуетъ даже писать о женскомъ вопросѣ; въ качествѣ русинки, она чутко прислушивается къ безотрадному положенію родного народа и дѣлается горячей патріоткой. Естественно, что такой образъ мыслей не только не находитъ отклика и сочувствія въ окружающей средѣ, но встрѣчаетъ лишь противодѣйствіе и, испытавъ милліонъ терзаній, она уходитъ изъ дому дяди, порвавъ всѣ отношенія со средой отказомъ сдѣлать «приличную партію» съ занимающимъ видное и обезпеченное положеніе старикомъ. Но еще въ домѣ дяди у нея зарождается первая любовь къ нѣкоему Орядину, соціалъ-демократу по убѣжденіямъ и «загорілому поклонникові Маркса». Красивый, гордый, пылкій, страстный, этотъ въ своемъ родѣ тоже кандидатъ въ «сверх-человѣки» совершенно завладѣваетъ душою «своеі царівни», какъ онъ называетъ Наталку, хотя его высокое положеніе не мѣшаетъ ему при первой же встрѣчѣ съ ней сплетничать на счетъ своего бывшаго учителя и отпускать своей «царівні» довольно банальные комплименты. Впослѣдствіи за нимъ открываются еще болѣе выразительныя «качества»: онъ то картежничаетъ напропалую, то ищетъ забвенія въ мимолетной связи съ первой встрѣчной женщиной, а сверхъ всего оказывается непостояннымъ и нетвердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, карьеристомъ и т. п. «Царівна» все это ему прощаетъ за то, что онъ «син мого народа», «великий (?), гордий», она все еще надѣется, что онъ сдѣлается «кращою, сильнійшою істотою». «морально-свобідним (?)

мужчиною», предъ которымъ должно преклоняться. Въ ожиданіи этого она отказывается отъ «буденного» счастья съ нимъ и, разорвавъ съ родными, идетъ на свой хлѣбъ. Счастье ее не оставляетъ и тутъ: поступивъ компаньонкой къ старой женщинѣ г-жѣ Марко, она находитъ въ ней вторую мать и попадаетъ въ маленькое, но за то отборное общество «вибраних, расових людей», приходящихся вполнѣ подъ стать ей, у которой также «є раса». Покровительница «царівни»—женщина въ высшей степени тонко чувствующая, благородная; изъ подругъ одна, Оксана, «ненавидить усе, що грубе, безъ чувства і що—немузикальне», другая, художница,—«прехороша поетична душа»; докторъ Марко—истинный «аристократ духа». Неясное самой Наталкѣ вначалѣ влеченіе къ доктору Марко выростаетъ въ сильную любовь и съ нимъ она находитъ счастье и полное удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, раздѣляя свое время между мужемъ и занятіями литературой. «Царівна» до послѣдняго шага осталась «царівной», достигла «полудня» своей жизни, не склонившись на уступки предъ пошлостью растительнаго существованія.

Было бы очень интересно остановиться на этой повѣсти г-жи Кобылянской, на характеристикѣ двухъ враждебныхъ слоевъ общества—представителей растительнаго существованія и высшихъ людей,—на страстныхъ исканіяхъ героинею «сверхъ-человѣка» и т. п., но, къ сожалѣнію, мы принуждены отказаться отъ этого, такъ какъ мы не характеристику г. Кобылянской пишемъ и данная повѣсть занимаетъ насъ исключительно съ точки зрѣнія избранной нами темы. Поэтому мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями, главнымъ образомъ имѣя въ виду прослѣдить эволюцію взглядовъ нашей писательницы и здѣсь, въ одномъ изъ первыхъ ея произведеній, найти зачатки тѣхъ особенностей, которыя пышнымъ цвѣтомъ развернулись впослѣдствіи. Въ общемъ, несмотря на многіе свои недостатки, повѣсть г-жи Кобылянской составляетъ незаурядное явленіе въ украинской литературѣ и можетъ быть названа чуть ли не единственнымъ пока у насъ образцомъ психологическаго романа. Правда, событія и развитіе дѣйствія здѣсь много зависятъ отъ случайностей, которыя вообще играютъ за-

мѣтную роль въ произведеніяхъ г-жи Кобылянской: случайно на героиню не оказываетъ разлагающаго вліянія мертвящая среда родственниковъ, случайно она получаетъ разрѣшеніе читать книги и также случайно, безъ всякаго руководительства, попадаетъ на лучшія произведенія человѣческаго генія, обогатившія ея умъ и сердце, а не развратившія ее въ конецъ, что было болѣе естественно въ той средѣ, которая ее окружала; точно также случайно она оказывается въ обществѣ избранныхъ людей, а не такихъ, которые бы сразу поставили компаньонку на приличную отъ себя дистанцію, что опять таки представляется болѣе возможнымъ; случайно, наконецъ, она встрѣчается съ докторомъ Марко и т. п. Все это, конечно, возможно, но такое обиліе случайностей лишаетъ произведеніе той типичности, того характера художественнаго обобщенія, который оно имѣло бы при иномъ развитіи дѣйствія. Въ настоящемъ же своемъ видѣ жизнь героини является слишкомъ исключительной, слишкомъ богатой счастливыми случайностями; авторъ заботливо устраняетъ съ ея жизненнаго пути всѣ препятствія, о которыя могли бы разбиться ея стремленія къ счастью, сбрасываетъ всѣ камни, о которые могла бы запнуться ея нога, и потому достигнутымъ въ концѣ концовъ счастьемъ героиня обязана не столько собственнымъ усиліямъ, сколько благопріятному стеченію обстоятельствъ. Это—не завоеванное, а данное извнѣ счастье; результатъ счастливыхъ совпаденій, а не послѣдовательной и непрестанной борьбы, и потому протестующій, по замыслу автора, характеръ героини является въ сущности довольно пассивнымъ и безцвѣтнымъ. Много также недоумѣнныхъ вопросовъ и сомнѣній возбуждаетъ безконечный романъ Наталки съ нарядившимся въ тогу высшихъ стремленій, но въ сущности пустымъ карьеристомъ Орядинымъ, въ которомъ она слѣпо ищетъ признаковъ высшей натуры; одновременно и параллельно развивающееся чувство къ другому сверхъ-человѣку, доктору Марко, опять таки недостаточно выяснено и оправдано психологически. Героиня, въ общемъ чрезвычайно проницательная и чуткая, въ данномъ случаѣ оказывается совершенно лишенной этихъ качествъ, наивно не догадываясь о томъ, что давно уже знаютъ читатели

вмѣстѣ съ авторомъ. Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить, что г-жа Кобылянская слишкомъ злоупотребляетъ до крайности растянутыми разговорами и спорами «высшихъ людей» о любви, счастьи, исканіяхъ сверхъ-человѣка, о женскомъ вопросѣ, отношеніяхъ половъ и т. п.,—всѣ эти безконечныя словоизверженія «высшихъ людей» очень неясны и нехарактерны и лишь загромождаютъ развитіе дѣйствія, напоминая въ то же время очень мѣткую характеристику подобныхъ препирательствъ, сдѣланную покойнымъ Глѣбомъ Успенскимъ: «дѣвица доказывала противъ «мускова полу». Порфирычъ (собесѣдникъ) выводилъ на чистоту «женскую часть». Наконецъ, мѣстами непріятно поражаетъ читателя тонъ разсказа—то приподнятый, нѣсколько искусственный, граничащій съ неискренностью, то сильно отдающій какимъ то смиреніемъ, которое, какъ извѣстно, часто бываетъ «паче гордости». Очень можетъ быть, что этотъ непріятный тонъ зависитъ отъ избранной писательницей формы,—большая часть повѣсти излагается въ видѣ дневника Наталки, а извѣстно, что авторы дневниковъ всегда изображаютъ собственную особу въ нѣсколько выпяченномъ, такъ сказать, видѣ, всегда любуются своимъ собственнымъ изображеніемъ даже при всемъ стремленіи къ правдивости и искренности. Все это составляетъ крупные недостатки разбираемаго произведенія, но въ общемъ, повторяемъ, повѣсть очень интересна, и хотя дѣйствующія лица поставлены авторомъ въ данныя положенія болѣе или менѣе случайно, но психологія ихъ при данныхъ положеніяхъ разработана удачно, а одна какая-нибудь сравнительно небольшая жанровая картинка (напр., сцена съ Румункой, стр. 328—338) способна вознаградить читателя за терпѣніе и обрисовать характеръ дѣйствующихъ лицъ глубже, яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ всѣ эти безконечные разговоры о «высшемъ человѣкѣ» и тому подобныхъ превыспреннихъ вещахъ, уснащаемые немилосердно цитатами изъ Ничше, Канта, Лессинга. Чего нибудь, спеціально относящагося къ области «новой красоты», читатель здѣсь также не встрѣтитъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ рискованныхъ образовъ и странныхъ выраженій, зависящихъ, быть можетъ, или отъ не вполнѣ удачнаго подбора словъ, или отъ недостаточности язы-

ковыхъ средствъ автора; такъ, отъ г-жи Кобылянской мы узнаемъ, что можно находить свое отраженіе «*на золотім тлі* молодоі, любови жадібноі *души*» (стр. 104), что сердце бываетъ «*чистим, прозорим, мов та імла*» (169), что «любов *миготить* крізь всі нерви» (178) и т. п. И тѣмъ не менѣе мы считаемъ «Царівну» произведеніемъ для г-жи Кобылянской въ высшей степени характернымъ, содѣйствующимъ выясненію ея послѣдующей литературной дѣятельности и содержащимъ въ зародышѣ всѣ свойства и особенности ея позднѣйшихъ произведеній.

Уже изъ нашего краткаго пересказа содержанія «Царівни» и болѣе чѣмъ бѣглой характеристики героевъ этого произведенія читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что на г-жу Кобылянскую оказала сильное вліяніе философія Ничше, что образъ этого моднаго философа нашихъ дней стоялъ передъ ней во время созданія «Царівни» и вдохновлялъ ее въ извѣстномъ направленіи. И дѣйствительно, Наталка оказалась насквозь пропитанной идеями Ничше, предъ которымъ она просто преклоняется, какъ ни кажется страннымъ такое поклоненіе со стороны завзятой феминистики по отношенію къ философу, не особенно жаловавшему «женскую часть», автору—между прочими желчными выходками по адресу женщинъ—и достаточно выразительнаго афоризма: «если идешь къ женщинѣ, не забудь захватить кнутъ». Нѣсколько замѣчаній съ нашей стороны покажутъ это вліяніе еще яснѣе. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника Наталка, сама въ нѣкоторомъ родѣ «сверхъ-человѣкъ, говоритъ: «суть люде з визначними характерами, котрі мають вплив і мимо окружаючих іх сил, але *для таких істот не можуть істнувати права*» («Царівна», 161), и на этомъ-то основаніи она преподаетъ Орядину слѣдующее наставленіе: «*не дбайте о загал* і йдіть своею дорогою, доки не опинитесь високо-високо» (167), пока не сдѣлаетесь, молъ, «морально-свобідним мужчиною», какъ поясняетъ она въ другомъ мѣстѣ. Орядинъ въ качествѣ сверхъ-человѣка такъ и поступаетъ: люди, по его словамъ, для него не болѣе, какъ шахматныя фигуры, которыми онъ распоряжается по собственному усмотрѣнію, сообразуясь лишь со своими цѣлями, оказавшимися впослѣдствіи не особенно возвышен-

ными. Всѣ остальные въ большей или меньшей степени сверхъ-человѣки изъ «Царівни» также стараются по мѣрѣ своихъ силъ и способностей сообразоваться съ вышеприведенной программой отношенія къ обществу и также стремятся «залетіти високо-високо», куда то въ надоблачныя выси, то будучи «аристократами духа», «вибраними расовими людьми», то обладая «прехорошими поетичними душами» или даже какой-то «тугою за красою» и ненавистью до всего, «що немузикальне». Эта тенденція преклоненія предъ «высшими людьми» и презрѣнія къ обыкновеннымъ смертнымъ, это принесеніе въ жертву интересовъ массъ интересамъ небольшой кучки избранныхъ счастливцевъ обнаруживается не въ одной только «Царівнѣ»,—ею проникнуты всѣ произведенія г-жи Кобылянской. Для насъ пока сказаннаго достаточно, и потому подведемъ, такъ сказать, итоги міровоззрѣнію, на которомъ основана «Царівна». Существуетъ, видите ли, нѣкоторая темная масса, толпа, для которой г-жа Кобылянская устами своихъ аристократическихъ героевъ не щадитъ сильныхъ эпитетовъ, въ родѣ: «підлі душі», «гіени», «бездушна товпа» и т. п., а на фонѣ этой темной массы, на этомъ, говоря уже терминомъ самого Ничше, навозѣ пышнымъ цвѣтомъ процвѣтаетъ и красуется нѣсколько сверхъ-человѣковъ, высшихъ существъ, для которыхъ «не можуть істнувати права», такъ какъ они стоятъ выше всякаго права, и которымъ, слѣдовательно, все позволено. *Никакихъ обязанностей не существуетъ, все позволено*—вотъ мораль высшихъ людей и имъ самимъ предоставлено разбираться, гдѣ и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ обуздать свою неограниченную свободу при столкновеніи съ требованіями жизни. Мы уже знаемъ, что примѣняя на практикѣ эту сомнительную мораль, одинъ изъ сверхъ-человѣковъ г-жи Кобылянской, Орядинъ, не только не поднялся «високо-високо», но опустился весьма даже низко, сдѣлавъ свои якобы высшія стремленія ширмой для своекорыстныхъ побужденій,—сама г-жа Кобылянская на осязательномъ примѣрѣ показала, къ чему можетъ привести исповѣдываемая ею теорія при примѣненіи ея въ области морали: практика оказалась убійственной для теоріи. Какіе плоды даетъ та же теорія въ примѣненіи къ литературной дѣя-

тельности, этому живымъ примѣромъ служитъ сама г-жа Кобылянская.

«В моій души повно мрій, багато образів, барв... Коли б я вміла музику, котрою упоююся, то укладала би все те в мельодиі. Де-котрі з них було би дуже, дуже трудно відограти» («Царівна», 39)—такъ характеризуетъ себя Наталка, которая вообще можетъ считаться alter ego г-жи Кобылянской, насколько послѣдняя обнаруживаетъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Въ другомъ мѣстѣ та же характеристика выражена еще ярче: «у мене бувають не раз дивні, дивні чутя,—не «чутя», поправилась я мимовільно—лише поодинокі почутя, справді немов які згублені, заблукані в людськім серцю тони, котрі не знають, до котроі мельодиі приналежні, де ім пристати» (стр. 62). Эти слова Наталки о себѣ самой можно, по нашему мнѣнію, поставить эпиграфомъ къ характеристикѣ литературной дѣятельности г-жи Кобылянской, особенно позднѣйшаго періода, когда мораль Ничше: «высшимъ людямъ все позволено» въ примѣненіи къ литературѣ овладѣла ею совершенно. Разница только въ томъ, что г-жа Кобылянская облекаетъ свои образы и тоны не въ мелодіи, а придаетъ имъ словесное выраженіе, но отъ этого они не выигрываютъ въ ясности и такъ же трудны для пониманія, какими были бы мелодіи Наталки для игры. Остановимся на этой чертѣ литературной физіономіи г-жи Кобылянской.

По природѣ талантъ г-жи Кобылянской,—въ этомъ, кажется, согласны между собою всѣ критики, касавшіеся ея литературной дѣятельности,—по преимуществу лирическій, стремящійся къ выраженію разнообразныхъ чувствъ, душевныхъ движеній и порывовъ, въ данное время волнующихъ и занимающихъ писательницу. Вообще, смѣна чувствъ и движеній въ душѣ человѣка хотя и подчинена извѣстнаго рода законамъ (одновременности, сходства, противоположности и общности мѣста), тѣмъ не менѣе связь между ними часто трудно бываетъ установить: не всегда сознаніе наше можетъ вполнѣ ясно объяснить, почему завладѣло душой то или другое чувство и въ какой преемственной связи оно находится съ предыдущими и послѣдующими душев-

ными движеніями. Но здѣсь нужно имѣть въ виду, что нормальный человѣческій умъ своей дисциплинирующей силой держитъ эти внезапные и капризные порывы въ должныхъ границахъ: подавляя не основанныя на законахъ правильнаго мышленія и, слѣдовательно, незаконныя представленія и выдвигая законныя, эта дисциплинирующая способность стоитъ, такъ сказать, на стражѣ послѣдовательнаго, связнаго мышленія, комбинируетъ душевныя движенія въ извѣстной связи и послѣдовательности. Представимъ, что эта дисциплинирующая и комбинирующая способность ума, подавляющая незаконную ассоціацію представленій, вдругъ исчезла,—тогда получимъ совершенное разстройство мыслительныхъ способностей: смѣна представленій будетъ происходить не въ извѣстной связи и послѣдовательности, а совершенно безсвязно, чисто механически, не подчиняясь никакимъ опредѣленнымъ законамъ. Это, разумѣется, крайній случай, чисто патологическій, но даже у совершенно здоровыхъ и здравомыслящихъ, повидимому, людей встрѣчается иногда нѣкоторое уклоненіе въ эту сторону—недостатокъ дисциплинирующей силы ума, слѣдствіемъ чего является неспособность къ ясному, отчетливому и послѣдовательному мышленію,—то, что Максъ Нордау очень мѣтко называетъ «тираніей ассоціаціи представленій». Люди съ лирической складкой характера, характеризуемые быстрой и капризной смѣной душевныхъ движеній и легко поддающіеся всѣмъ, даже мимолетнымъ, впечатлѣніямъ, вообще бываютъ менѣе способны къ послѣдовательному, дисциплинированному мышленію и чаще являются рабами ассоціаціи представленій,—отсюда вошедшій даже въ пословицу «лирическій безпорядокъ»... Вообразимъ теперь писателя, талантливаго, впечатлительнаго, съ массой образовъ, наполняющихъ его воспріимчивую душу, но съ совершенно недисциплинированнымъ умомъ; представимъ далѣе, что силой вниманія онъ не только не старается подавлять названныя нами выше незаконными ассоціаціи представленій, но даже напротивъ—придерживается того мнѣнія, что «суть люде, для яких не можуть істнувати права», т. е. что они сами себѣ законъ. Что можетъ получиться у такого писателя, даже при условіи, что онъ

обладаетъ настоящимъ художественнымъ талантомъ? Отвѣтъ ясенъ: образы, наполняющіе его душу, мимолетныя впечатлѣнія, смутныя представленія будутъ слѣдовать безъ видимой связи между собою, перемѣшиваясь, какъ въ калейдоскопѣ; настроенія, не сдерживаемыя дисциплинирующей силой ума, будутъ безпрерывно мѣняться, переходя скачками къ самымъ разнообразнымъ смѣнамъ; образы будутъ группироваться въ чрезвычайно неожиданныхъ сочетаніяхъ, и вслѣдствіе этого, произведенія такого писателя будутъ отмѣчены въ сильнѣйшей степени субъективностью, недоступною для пониманія посторонняго наблюдателя, который лишенъ возможности опредѣлить и провѣрить тотъ путь, какимъ складывались данныя комбинаціи образовъ и мыслей. И даже чѣмъ богаче запасъ ихъ въ душѣ такого писателя, тѣмъ для читателя хуже, потому что тѣмъ причудливѣе и загадочнѣе будутъ ихъ комбинаціи, тѣмъ недоступнѣе плоды такого капризнаго мышленія для постороннихъ людей. Въ результатѣ получится словомъ, то, о чемъ говоритъ Орядинъ: «є люде, що горнуть все в себе, всю красу, всі твори людського життя. *Чим більше набірають в себе всякого «світла», тим незрозумілійшими стають для свого окруження. Чи не роблять вони сами себе незрозумілими»?* Характерный отвѣтъ на этотъ полувопросъ даетъ Наталка: «для *буденних умів*—без сумніву» («Царівна», стр. 187). Хемницеровскій метафизикъ, сидя въ своей ямѣ, надо полагать, также очень негодовалъ на своего отца, не сумѣвшаго «буденнымъ умомъ» постигнуть его премудрыхъ разсужденій на счетъ «вервія», но мы съ читателемъ едва ли раздѣлимъ его негодованіе. Точно также и г-жа Кобылянская устами своей alter-ego очевидно хотѣла сказать колкость по адресу «буденних умів»: если они, молъ, не въ состояніи понимать премудрыхъ глаголовъ, исходящихъ отъ людей того типа, о которомъ говоритъ Орядинъ, то въ этомъ виновата исключительно ихъ собственная ограниченность, не обязывающая, дескать, «высшихъ людей» спускаться до пониманія толпы. Мы вовсе не намѣрены защищать «толпу» отъ колкости панны Верковичъ, но однако воспользуемся тѣмъ, что она сама сказала, а она нечаянно для самой себя въ сущ-

ности лишь подтверждаетъ мысль собесѣдника и, запутавшись въ своего рода «вервіи», выдаетъ testemonium paupertatis авторамъ премудрыхъ глаголовъ, которыхъ силится защитить. Орядинъ имѣетъ въ виду, очевидно, художниковъ, а между тѣмъ вовсе не нужно обладать какимъ-то особеннымъ, «не-буденним» умомъ, чтобы постигать красоты художественнаго произведенія. Творенія великихъ художниковъ слова доступны пониманію самыхъ обыкновенныхъ людей именно въ силу своей художественности, соединенной съ правдивостью, простотой и глубокимъ пониманіемъ человѣческой психики; можно даже съ увѣренностью сказать, что чѣмъ произведеніе художественнѣе, тѣмъ оно проще и доступнѣе именно даже и «буденнымъ» умамъ. Недоступность даннаго художественнаго произведенія свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что художникъ или не нашелъ подходящаго выраженія для своей мысли, иначе говоря, выразилъ ее неясно, неточно, сбивчиво, или же самая мысль его обладаетъ нѣкоторыми дефектами. На одной художественной выставкѣ намъ пришлось встрѣтить картину, изображающую рядъ шестовъ съ навитыми на нихъ въ верхней части волнистыми линіями фіолетоваго цвѣта. Въ простотѣ души мы подумали, что это просто обыкновенные «кужили», и лишь удивились тому, что художнику пришла странная фантазія рисовать ихъ, да еще въ фіолетовомъ цвѣтѣ. Подходимъ ближе и, едва довѣряя глазамъ, читаемъ надпись: «деревья»!... Читатель, полагаемъ, согласится, что не «буденность» нашего ума помѣшала намъ постигнуть тайны этой картины,—ибо понимать художественныя красоты картинъ Шишкина мы вѣдь въ состояніи,—а что-то другое, отъ насъ совершенно независящее: это что-то — есть единственно та до невозможности нелѣпая форма, въ которую художникъ воплотилъ свою, не Богъ знаетъ какую мудрую и трудную для пониманія, идею.

Исповѣдуемый теоретически Наталкой Верковичъ принципъ пренебреженія къ запросамъ «буденных умів» г-жа Кобылянская примѣняетъ практически, и мы сейчасъ увидимъ результаты и образцы такой манеры. Неясность, туманность и обрывочность произведеній г-жи Кобылянской зависятъ прежде всего именно

отъ той причины, что писательница не пытается комбинировать «заблукані в людскім (ея) серці тони, котрі не знають до котрої мельодиї приналежні, де ім пристати», въ такіе образы, которые были-бы понятны и доступны всякому обыкновенному смертному. Тоны, разумѣется, не знаютъ, «де ім пристати»,—знать это долженъ ихъ творецъ, на обязанности котораго и лежитъ забота о томъ, гдѣ ихъ пристроить. Но такъ какъ творецъ принадлежитъ къ «высшимъ людямъ», для которыхъ законъ не писанъ, то, пользуясь принципомъ—«своя рука владыка», онъ и размѣщаетъ ихъ, какъ фантазія подскажетъ, куда придется,—часто въ совсѣмъ не подходящія мѣста; не заботясь ни о ясности, ни о послѣдовательности, комбинируетъ матеріалъ въ образы и картины, поражающіе своимъ безпорядочнымъ, хаотическимъ видомъ. Обиліе образовъ и красокъ въ этомъ случаѣ оказываетъ только плохую услугу г-жѣ Кобылянской, такъ какъ, усиливая пестроту и яркость картины, она еще болѣе затрудняетъ пониманіе ея въ цѣломъ и въ частностяхъ, превращая въ пестрое, яркое пятно, въ которомъ краски перемѣшаны въ самыхъ невозможныхъ сочетаніяхъ. Это главный изъянъ творчества г-жи Кобылянской, а затѣмъ идутъ—недостаточность лексическаго матеріала, тяжелый стиль, неправильные, противорѣчащіе духу языка обороты и конструкція, вносящіе и свою долю путаницы въ общую сокровищницу; а усвоенная писательницей манера лаконическихъ выраженій, обиліе недомолвокъ, и якобы восполняющихъ ихъ многоточій, къ которымъ всѣ символисты чувствуютъ большую слабость, если и способствуютъ чему либо, то отнюдь не красотѣ, а еще большему затемненію и безъ того неяснаго смысла. Вотъ нѣсколько образцовъ стиля г-жи Кобылянской, при чемъ мы постараемся выражаться, по возможности, подлинными словами писательницы, чтобы дать читателю наглядное представленіе о ея манерѣ.

На какого-то художника производитъ неизгладимое впечатлѣніе образъ молодой цыганки съ двумя дѣтьми, просящей милостыню и подъ окномъ у него оставляющей «щось зі своеі покори»; художникъ подаетъ милостыню дѣвочкѣ, которая поцѣлуемъ въ руку выражаетъ свою благодарность, и оставляетъ нищихъ

«з тайним (?) щастем в грудях», а поцѣлуй «лежав ему на руці, немов прилипший до неі браток». Прошло много времени, художникъ все забылъ, но черезъ семь строчекъ оказывается, что онъ вовсе не забывалъ и «тижні минають, як стоіть ему циганя перед душею»; онъ занятъ желаніемъ увидѣть вновь поцѣловавшую его дѣвочку «з чорними очима, щастем розсіяними», подать ей милостыню и получить благодарность въ видѣ поцѣлуя «тими пречистими аксамітно-мягкими братками». Но она не придетъ: она выростетъ, разовьется въ такую же высокую пальму, какъ и ея мать, такъ же будетъ просить милостыню и «оставляти щось зі своеі покори». Это называется «Покора» (см. сборникъ подъ тѣмъ же названіемъ, стр. 1—5), и хотя слово это въ очеркѣ г-жи Кобылянской повторяется нѣсколько разъ, но оно ровно ничего не объясняетъ въ разсказанной исторіи и читатель вправѣ недоумѣвать, при чемъ здѣсь эта странная «покора».

Въ одно прекрасное лѣтнее утро нѣкто, наслаждавшійся долгое время чуднымъ горнымъ видомъ (въ описаніи его между прочимъ читаемъ: «біля неі (горы) темний, вузький *яр різнородно формованих, залісених гір і скель*»), принимается, наконецъ, за работу. Но сосредоточиться на ней ему мѣшаетъ нищенка, своимъ однообразнымъ нытьемъ разстраивающая въ конецъ его нервы, хотя онъ въ то же время вслушивается въ это нытье съ «охотою, повною скажености» и ощущаетъ его «цілим тілом від стіп до голови». «Подразнений майже до крови (!)», этотъ нѣкто летитъ къ нищенкѣ, чтобы бросить ей милостыню и хотя этимъ заставить ее замолчать. Нищенка оказывается совершенно слѣпой; съ ранняго утра ея «скавуліне» не тронуло еще ни одного сердца— и въ то время, когда она изливается въ благодарностяхъ и призываетъ на подавшаго благословеніе Божіе—«несказано гидке чувство заволоділо мною». Почему? что такое? въ чемъ дѣло?— неизвѣстно Это—«Жебрачка» (сборникъ «Покора» стр. 6—9).

Какой то «син музи» любитъ маленькія, тонкія аристократическія женскія ручки, которыя «не мали типу товпи» и своими движеніями, неизвѣстно почему, напоминали маленькихъ птичекъ «Син музи» собирается охранять своихъ маленькихъ птичекъ.

«щоб не стикалися за часто з грубим товаром (?) щоденьщини». оградить ихъ, какъ драгоцѣнные камни, отъ всякаго прикосновенія, чтобы даже лучи солнца «не гралися на них за довго і не заприязнювали ся з ними занадто»; его сердце уже «ткало якісь безумні пляни на будучність». Но неблагодарныя маленькія ручки, «скарби тоті», въ одинъ скверный день возстали, собрали всю благопріобрѣтенную и отъ аристократическихъ предковъ унаслѣдованную силу и угостили бѣднаго «сина музи» такимъ чувствительнымъ тумакомъ, что онъ потерялъ въ обращеніи съ ними всю свою смѣлость. Очеркъ называется «Що я любив» («Покора», 10—11) и, какъ замѣтилъ, должно быть, читатель, отмѣченъ горделивымъ презрѣніемъ къ «толпѣ» a-là Ничше.

Въ осенній ненастный вечеръ, подъ шумъ дождя, усталую героиню одолѣваютъ возвышенныя мысли о началѣ всѣхъ началъ, о какихъ то цѣнностяхъ, но, главнымъ образомъ, о красотѣ, «в которій красі затонули-б і «вартости», і сучасна «мораль», і угинаючі ся спини, і сльози горя, і саме горе». Изнеможенная героиня впадаетъ въ забытье и ищетъ того, «за котрим мое серце тужило»: она уже совершенно явственно ощущаетъ его присутствіе, какъ вдругъ появляется какая-то женщина, оказавшаяся впослѣдствіи Матерью Божіей. Когда героиня осталась одна, ее сначала охватываетъ «мучачий сум», а затѣмъ она «скинула неміч з своіх суставів, зібрала всю свою силу і з любовю, яку не відчувала доси ніколи для него полинула вперед, немов та стріла.—Сонце запалало на сході і пригнобило пітьму. Шляхи указались ясно й виразно». Но для читателя совсѣмъ неясно, о чемъ вообще идетъ рѣчь въ данномъ произведеніи, озаглавленномъ «Мати Божа» («Покора», стр. 12—21), до того здѣсь все случайно и безсвязно. Одинъ изъ критиковъ, писавшихъ о г-жѣ Кобылянской, называетъ это произведеніе «невиразною сонною фантазією» и сознается, что не понимаетъ его (Осип Маковей—«Ольга Кобилянська». Л.-Н. Вістник, 1899, кн. I, стр. 48); не понимаемъ его и мы.

Еще мотивъ изъ Ничше, изображающій двухъ сверхъ-человѣковъ, мужского и женскаго пола, взаимно заинтересованныхъ, чувствующихъ инстинктивное влеченіе другъ къ другу, но вна-

чалѣ сопротивляющихся этому чувству. Онъ «з бабами» не хочетъ имѣть никакого дѣла, такъ какъ это «нарід примховатий, вибагливий, повний претенсий і суперечностий, повний самолюбства, в поглядах ограничений, дитинний»,—словомъ, какая то «мозайка чутя»; кромѣ того, онъ занятъ практикой, наукой и литературой и рѣшаетъ такіе, напр.. вопросы о Толстомъ: «чи не Магомед він якогось рода?» Она, съ своей стороны, увѣрена что бракъ, можетъ быть, сдѣлается заманчивымъ, «як настануть Ніцшого Uebermenschen, над-люде, ті его сміючі́ся льви», а покамѣстъ лѣчится по методѣ пастора Кнейпа, собирается переводить произведенія Гете и Ничше, но, кажется, больше занята вопросомъ «котору сукню взяти», собираясь на балъ, чтобы не погрѣшить «ані супроти мого сумного настрою, ані супроти доброго смаку». Въ концѣ концовъ, однако, герой съ героиней преблагополучно и сочетаваются, забывая свои теоріи; впрочемъ, она предварительно взяла съ него какія то обѣщанія, которыя онъ формулируетъ такъ: «вона би хотіла, щоби я став якимсь «висшим» чоловіком, Uebermensch». Произведеніе, озаглавленное «Він і вона» («Покора», стр. 33—62), составляетъ въ общемъ второе, значительно сокращенное изданіе «Царівни» и со стороны содержанія отмѣчено глубокимъ презрѣніемъ къ «толпѣ», которую сверхъ-человѣки г-жи Кобылянской не устаютъ награждать презрительными пинками на каждомъ шагу, а со стороны формы—очень плохимъ языкомъ, образцами котораго могутъ служить выраженія, въ родѣ: «нині не веремя на мою недугу» (стр. 42), «груба приязнь» (52) «вона ставить мою терпеливість просто на пробу (36), «сміючіся льви» (37), «я мусів уоружувати ся всіми уймаючими прикметами» (53), «сим разом ошибнулись ви» (54), «писати діло» (52) и т. п.

Еще и еще мотивъ изъ Ничше, изображающій дѣвицу съ возвышенной душою, еще въ дѣтствѣ проявлявшую себя многими странными для окружающихъ поступками. Она «бачила особливші форми і з-явища дерев, що вигинались у вихрі», «бачила образи в тонах, відчувала образи в тонах, переживала в уяві з-явища, котрі творила сама: казкові, фантастичні, неможливі і

плакала з смутку невиясненого»; подобно «Маленькому герою» Достоевскаго, она укротила бѣшенаго жеребца и это также «ій здавало ся чимось барвним, перемагаючим, чимось, що прыгадувало образи і переходило в тони». Достигши возраста совершенна, она «старалась усіми силами заспокоіти в собі ненаситну жадобу краси»; но такъ какъ «не мала вона в собі того, що привязує буденних людей на довгий час, була занадто оригінальна, за мало нинішна, а не мала в собі нічого з «плебейскости», то «й не подобала ся довго мужчинам; іі не бажав ніякий мужчина за жінку». Впрочемъ, и сама она въ этомъ отношеніи въ долгу не оставалась: «любила чи одного, пристрастно, з пожертнованем, майже з божевільною любвою (sic), однак вона була віроломна натура,—значить не любила нікого довго». Несмотря на то, что «въ моіх жилах (конецъ произведенія почему-то излагается отъ перваго лица) пливе кров будуччини, не маю будуччини, не маю в житю своім полудня» и «крізь усей той блеск, котрий филює так роскішно крізь мою душу... ве ся щось, немов жалібний креповий фльор». Въ то же время «жите лежить переді мною не як щось сумне, безвідрадне, важке до перенесеня, але як би один пишний, сьвяточний день, горячо пульсуючий, приваблюючий, широкий, порываючий образ, або немов яка соната»,—это благодаря музыкѣ, отъ которой героиня то «готова вмирати», то дѣлается «божевільно-відважна, велика погорджуюча, любляча»... Произведеніе называется «Impromtu phantasie». («Покора», 95—102) и страдаетъ хаотичностью, противорѣчивостью и ходульностью.

Новая варіація на ту же тему—Vals melancholique» (Л.-Н. Вістник, 1898, I), изображающая сожительство трехъ дѣвушекъ, изъ которыхъ каждая отличается особымъ строемъ духовной организаціи. Одна, Марта,—врожденная жена и мать, «тип тих тисячок звичайних, невтомимо працюючих мурашок, що гинуть без надгороди, а родять ся на те, щоби любовю своєю удержувати лад на сьвіті» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 61); это—«проста робітниця, тип послугача з природи вже, що не наділила іі наумисно тим гордим даром (гордостью), щоби повзав» (70). Она умѣетъ

«прекрасно подавати чай», имѣетъ «всі здібности доброі господині, матері і жінки» (41), а при нуждѣ можетъ и дровъ нарубить; подруги ее нѣсколько третируютъ, и она сама сознаетъ себя передъ ними «такою дрібною і незначною, що й не знаходила слів на свою низшість» (57) и способна имъ «віддати цілу свою істоту на услугу» (46). Другая, Ганнуся,—буквальное повтореніе Оксаны изъ «Царівни»:—это «вибрана істота», «расова людина», которая «любила над усе елеганцию, називаючи се третьою важною заповідию в умовах до щастя» (первыя двѣ—гармонія и красота); она считаетъ, что «лише ми одні піддержуємо красу в житю, ми артисти, вибрана горстка суспільности» (36) и ужъ, разумѣется, не станетъ «цілувати ся в уста» и не сядетъ за одинъ столъ съ человѣкомъ некрасивымъ и безъ манеръ. Наконецъ, третья, Софія,—точная копія съ Наталки Верковичъ и безыменныхъ героинь изъ «Він і вона» и «Impromptu phantasie»: это—«type antique», ея «душа немов з тонів складалася і була сама олицетворена музика. Вона вічно шукала гармонії. В людяхъ, в іх відчуванню, в іх відносинах до себе і до природы» (34); во всемъ она требуетъ «спокою, випливаючого з замилованя до музики, і гармонії в відносинах, передовсім гармонії» (53); подобно героинѣ «Impromptu phantasie», она также «не належала до тих, що іх бере ся за жінки» (68). Нечего и говорить, что въ такомъ избранномъ обществѣ о «толпѣ» не говорятъ иначе, какъ съ глубокимъ презрѣніемъ, хотя языкъ этихъ небожителей не обличаетъ изысканнаго вкуса, ибо испещренъ такими выраженіями: «Я вибалушила кризь темряву очі», «розлазитися в чутяхъ», «горестний усьмішок», «злетівший ангел», «атак серцевий» «знаю вас лише з видженя», «лежала, простягнувшись в цілій своій довгости» и т. п. Но за то отъ нихъ мы узнаемъ, что существуютъ «звучні барви», «глядане між звуками», что можно «вытрясать» «всі лелії своеі души під ноги» кому-нибудь и т. д.

Старая погудка, но тономъ уже повыше. Нѣкто имѣлъ «поранкову (?) душу», которая «не була буденна буда (!), повна крамського товару», а «справдішня дама» и, какъ дамѣ и полагается, инстинкты имѣла «делікатні, як цвітковий пил лелії, и «над усе

любила поетів і артистів—жерців красоти, сьпіваків любови, богівъ землі і творців поранкових душ». «Поранкова душа» собрала эту «добірну публіку» у себя, оградила ее «від поганих звуків і плоских лобів юрби» и услаждалась тѣмъ, что поэты и артисты творили «нові скарби, нові вартости» и даже—mirabile distu—«нові форми... (?) жінок і мужчин»! Само собою здѣсь не послѣднее мѣсто занимала и любовь, которая «пригадує запах фіялок і те щасте, що зачароване в стародавних казках. Та всього того,—предусмотрительно замѣчаетъ удивительная «поранкова душа»,—юрба не може й уявити собі. А юрбою,—добавляетъ она въ предупрежденіе недоразумѣній,—тупоумною юрбою є у мене всі ті, що не шанують і не чтять поета, не стелять йому під ноги найкоштовнійших килимів, не сиплють йому під ноги квіток і золота... Тупоумна, груба юрба! Вона не стоїть того, щоби красота хоч раз пройшлася по ії оселях, щоби хоч раз вповні обернула до неї своє чудове лице і показала їй щось викінчене! Тьфу на тупоумну юрбу, що не шанує своїх вибранців... Богів землі... Коханців моеі поранковоі душі» (Л.-Н. Вістник, 1899, I. 39)... Но да не подумаетъ читатель, что эта «деликатная» дама умѣетъ только ругаться и плеваться,—нѣтъ, это только отъ полноты чувствъ, разъ рѣчь зашла о толпѣ, одного упоминанія о которой, какъ видно, наша «поранкова душа» не переноситъ; въ обычное время она занята другимъ. Каждое утро г-жа «поранкова душа» «пускала ся в тихі вандрівки» и все попадавшееся ей разсматривала «довгими поглядами»; «від ненастанного подиву очи ії зробили ся великі, зачудовані, і вся вона зробила ся частиною красоти». Возвращаясь изъ путешествій, она разсказывала о видѣнномъ и слышанномъ, а затѣмъ наслаждалась зрѣлищемъ поэтовъ, «як вони без перепони і неподільно можуть віддавати ся Музам», и достаточно насладившись, отправлялась въ объятія Морфея, посылая привѣтствія одному избранному изъ избранныхъ. Но ничто не вѣчно подъ луной, и блаженное состояніе «поранковоі души» было нарушенно самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день она отправилась совершать обычный променадъ—и не возвратилась; не было ее и на другой,

и на третій день, и только на пятый, вечеромъ, прибыла, но въ какомъ видѣ!—«Ішла волочучи ноги (просимъ читателя не забывать, что рѣчь идетъ о душѣ), з очима втупленими въ землю. Її лице нагадувало блідість трупа». Натурально пошли разспросы, что и въ какомъ смыслѣ, но душа «відвернула лице на бік», начала плакать, а утромъ слѣдующаго дня даже отъ завтрака отказалась. Всѣ души поэтовъ собрались къ своей поклонницѣ, утѣшали, чѣмъ могли, предлагая между прочимъ въ утѣшеніе даже «старанну *опіку в формі великоі коштовноі перлини*, оправленоі въ золото»,—очень, должно быть, хорошая вещь,—но ничего не помогло и бѣдная «поранкова душа» продолжала пребывать безутѣшной. Наконецъ, появился онъ, избранный изъ избранныхъ, и произошло слѣдующее,—предоставимъ дальнѣйшій разсказъ самой г-жѣ Кобылянской.

— 66 —

Він прийшов. Без шуму, осторожно, і сів на краю ії постелі. Довго сидів і промовлявъ.

Я догадувався, що він говорив до неі і чого просив, і я затаів в собі дух, щоб видерти у захланноі тиші те, що мало статися. Вона вкінці прихилилася до його просьби, бо кохала його. Велике кохане все прихиляеся.

Вона сіла на постелі і озирнулася. Здивовано і тривожно, так тривожно, як я ще ніколи не бачив ії.

— Чи тут нема нікого? *Зовсім нікого?*

— Нікого. Тільки цвіти. Але цвіти не чують нічого, вміють тільки цвісти і дихати пахощами.

Тоді вона закрила свое лице, на котрім розітлівся весь сором ії істоти і прошептала:

— В моім краю...

Він урочисто повторив ії слова:—В моім краю...

— ... поети...

— ... поети...

— ... се жебраки!

— ... се жебраки!

Послѣ этого «поранкова душа» вспорхнула и улетѣла, оставивъ «жебрака», а на томъ и фантазіи, носящей названіе «Поети»

(Л.-Н. Вісник, 1899, I), конецъ. Одинъ изъ критиковъ ухитрился усмотрѣть здѣсь «оборону поетів», написанную при томъ «оригінально і з безперечним талантом» (О. Маковей, см. «Л.-Н. Вістник», 1899, I, 49),—можетъ быть, не будемъ спорить, хотя намъ очень подозрительнымъ показалось, что критикъ вышеприведеннымъ и ограничился, малодушно уклонившись отъ болѣе подробныхъ комментаріевъ и предоставивъ «докладніший осуд» этого произведенія читателямъ.

Одно изъ произведеній г-жи Кобылянской намъ хотѣлось бы подвергнуть для примѣра болѣе подробному разбору; по нѣкоторымъ соображеніямъ мы останавливаемъ свой выборъ на очеркѣ «Під голим небом» (Л.-Н. Вістник, 1900, IX). Этотъ выборъ представляетъ то удобство, что, во-первыхъ, поклонниками г-жи Кобылянской данный очеркъ считается однимъ изъ шедевровъ ея творчества,—значитъ намъ представляется случай окунуться, такъ сказать, въ самую гущу ея дарованія; во-вторыхъ, тема, составляющая содержаніе «Під голим небом», разрабатывалась и другими писателями,—въ русской, напр., литературѣ гр. Львомъ Толстымъ и г. Маминымъ-Сибирякомъ,—значитъ, есть возможность «познать вещь сравненіемъ», а это самый, какъ извѣстно, для познанія удобный пріемъ. Содержаніе очерка въ сущности очень незамысловато: ѣдутъ путники зимней порой, на пути ихъ застигаетъ среди степи вьюга, во время которой они и замерзаютъ. Читатель навѣрное помнитъ разсказъ «Хозяинъ и работникъ» гр. Толстого; можетъ быть, также читалъ и «Исповѣдь» г. Мамина-Сибиряка, и знаетъ, что въ это несложное содержаніе можетъ быть вложена талантомъ такая сила истиннаго трагизма, проистекающаго отъ сознанія безуспѣшности борьбы слабаго человѣческаго существа съ великой природой, что въ состояніи буквально потрясти читателя. Соблазнительна эта тема и съ психологической стороны, такъ какъ даетъ писателю возможность развернуть свое знаніе человѣческой души и представить, какъ встрѣчается человѣкомъ непредвидѣнная заранѣе, но неизбѣжная смерть, наиболѣе грозная именно этой своей непредвидѣнностью. И гр. Толстой, и г. Маминъ-Сибирякъ такъ и отнеслись къ

своей задачѣ и каждый изъ нихъ, своеобразно съ особенностями своего дарованія, показалъ отношеніе своихъ героевъ къ неожиданной, но неотвратимой катастрофѣ. Ихъ герои—это обыкновенные живые люди, мысли и настроенія которыхъ находятъ легкій доступъ къ уму и сердцу читателя и въ немъ также возбуждаютъ соотвѣтственное настроеніе; поступки ихъ вполнѣ ясны, понятны и психологически оправданы: всякій, даже мысленно поставивъ себя въ подобное положеніе, легко представитъ, что онъ самъ переживетъ и перечувствуетъ. Закрывая книгу каждаго изъ названныхъ писателей, вы не чувствуете раздражающей и гнетущей неудовлетворенности отъ сознанія чего то смутнаго, неяснаго, недосказаннаго,—вы удовлетворены тѣмъ художественнымъ матеріаломъ, какой даетъ вамъ писатель. Посмотримъ теперь, какъ отнеслась къ своей задачѣ г-жа Кобылянская, при чемъ оговариваемся, что вовсе не имѣемъ въ виду сравнивать ее по таланту съ указанными писателями, изъ которыхъ одинъ является колоссомъ всемірной литературы, а другой—однимъ изъ выдающихся представителей русскаго реализма. Это величины несравнимыя не столько даже по размѣрамъ, сколько по характеру дарованія: да дѣло въ сущности вовсе и не въ размѣрахъ, такъ какъ меньшій и даже совсѣмъ маленькій талантъ въ извѣстной сферѣ можетъ выполнить свою задачу вполнѣ удовлетворительно. Проводя параллель между разсказами гр. Толстого и г. Мамина-Сибиряка, съ одной стороны, и очеркомъ г-жи Кобылянской—съ другой, мы имѣемъ въ виду только различное отношеніе писателей къ изображаемымъ имъ явленіямъ, ту или иную степень ясности ихъ представленій, воспріимчивости и отзывчивости къ жизненной правдѣ, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ и художественности. Если приступить къ очерку г-жи Кобылянской съ такой мѣркой, то нужно будетъ признать, что несложное содержаніе ея очерка заключено въ такую замысловатую рамку, воплощено въ такой странной формѣ, что только диву даешься этому искусству затемнять самыя простыя вещи. Характерно прежде всего само заглавіе—«Під голим небом»,—что въ сущности оно можетъ выражать, какимъ образомъ оно вытекаетъ

изъ содержанія очерка или какъ характеризуетъ отношеніе автора къ предмету? На эти вопросы возможенъ только одинъ отвѣтъ: ничего не выражаетъ, ничего не характеризуетъ и ни въ какомъ смыслѣ изъ содержанія не вытекаетъ. Вѣдь все, что ни совершается въ подлунной, все происходитъ «під голим небом»; это всеобъемлющая формула, въ которую можетъ быть включено все, что угодно, и которая, въ силу этой своей всеобъемлемости, ничего не говоритъ въ приложеніи къ отдѣльному случаю, составляющему предметъ рѣчи г-жи Кобылянской. Всякое произведеніе съ одинаковымъ правомъ можно озаглавить такимъ образомъ, и въ то же время это заглавіе ни въ одномъ случаѣ не выразитъ сущности, идеи произведенія, если только не придавать ему какого-нибудь узко-спеціальнаго значенія. Извѣстенъ логическій законъ, по которому чѣмъ шире понятіе по объему, тѣмъ оно бѣднѣе содержаніемъ, неопредѣленнѣе по смыслу, и выбирая для своего очерка такое всеобъемлющее заглавіе, г-жа Кобылянской совершаетъ логическій промахъ и въ самомъ же началѣ лишаетъ свое произведеніе ясности и опредѣленности. Но дальше— больше: совершивъ этотъ промахъ, г-жа Кобылянская сама же постаралась и подчеркнуть его, поставивъ дѣйствующими лицами семейство идіотовъ, т. е., выбирая случай болѣе или менѣе исключительный, во-первыхъ, для даннаго положенія совсѣмъ не характерный и ненужный и, во-вторыхъ, своею индивидуальностью еще болѣе подчеркивающій пустоту и безсодержательность общей характеристики, выражаемой заглавіемъ. Несоотвѣтствіе между несоразмѣрно широкой формулой заглавія и включеннымъ въ нее крайне узкимъ содержаніемъ получается разительное, напоминающее нѣсколько старую остроту на счетъ маленького города, подвергающагося опасности сбѣжать чрезъ непомѣрно большія ворота... Но и помимо этого въ маленькомъ городѣ г-жи Кобылянской не все обстоитъ благополучно: внутри его участіе человѣка, сокращенное до minimum'а умственнымъ состояніемъ населенія, принадлежащаго къ не вполнѣ развитымъ существамъ, совершенно блѣднѣетъ предъ высокими умственными качествами лошади, психологіей которой, если можно говорить о лошадиной

психологіи, г-жа Кобылянская занимается съ особо утонченной добросовѣстностью. Можетъ быть въ этомъ пріемѣ кроется сознательный или безсознательный разсчетъ, потому что лошадиная психологія—дѣло вѣдь темное и провѣрки со стороны читателей не допускающее, тогда какъ человѣческая психологія—несравненно сложнѣе и потому труднѣе для изображенія. Какъ бы то ни было, но перенесши душевную драму изъ общечеловѣческой обстановки въ клинику для душевно-больныхъ и на скотный дворъ, г-жа Кобылянская упрощаетъ свою задачу до такой степени, что и отъ самой задачи ничего не остается,—маленькій городъ убѣжалъ чрезъ непомѣрно большія ворота и скрылся среди непроходимыхъ дебрей уже чисто символистическихъ тонкостей. Мы не беремъ на себя труда разбираться въ этихъ послѣднихъ, а лишь постараемся изложить ихъ по возможности словами автора. Тишину зимняго дня въ степи нарушали «напрямком (?) дороги голоси дрібних дитячо звенячих дзвінків і мов кропили ii (тишину?) тоненькими, одностайними крапельками звуків»; лошадь, запряженная въ сани, «була інтелігентна і вдячна (?)», она всего болѣе «ненавиділа батога» и для понуканія ей достаточно было показать кулакъ,—«тоді летіла як шалена широкою рівниною, гнана диким почутем страху, що на неі туй-туй спадуть якісь здоганяючі ii в воздусі чорні пошматовані хоругви (?) і убьють ii на місці мов грім». Въ саняхъ, «на малім підвисшеню, що уходило за сиджене», сидѣлъ хозяинъ-идіотъ, позади—его жена-идіотка съ ребенкомъ, носящимъ слѣды своего происхожденія, а кромѣ того—«спокійно між ними сиділа безжурність (?)». Характеристика идіотовъ сдѣлана чисто внѣшними чертами (стр. 257—260) и потому касаться ея мы не будемъ, хотя замѣтимъ, что кромѣ наружности ничего спеціально идіотскаго въ нихъ нѣтъ: это обычные забитые труженики, какихъ едва-ли кто причислилъ бы къ идіотамъ, если бы писательницѣ не пришла почему то фантазія приклеить къ нимъ ярлычокъ съ этимъ названіемъ. Утромъ еще, когда «ранок був претемнений бурим серпанком задуманоі ночи», они выѣхали изъ города, куда отправились почему-то всей семьей, оставивъ дома умирающую

мать. Начинается вьюга, при чемъ, должно быть, въ предчувствіи чего-то сквернаго, даже «краплі звука дрібних дзвінків розплакали ся». Плохо одѣтые идіоты пытаются бороться со вьюгой, пробуютъ защищаться отъ леденящаго холода и согрѣвать себя водкой, но разумѣется безуспѣшно. Гонимая дикимъ страхомъ лошадь, чувствуя за собой «чорну купу» мертвыхъ тѣлъ, выбивается изъ силъ, но все таки привозитъ ихъ домой, гдѣ тѣмъ временемъ мать успѣла также умереть отъ голода и стужи подъ дикое завываніе бури. Опуская массу непередаваемыхъ подробностей изъ области лошадиной психологіи, а также діалогъ между умирающей старухой и бурей, мы приведемъ цѣликомъ лишь заключительныя строки очерка.

Ніч. Глубоке, безкрає небо погідне і оживлене. Звізди миготять, дрожать, грають сьвитлом своім, а де-не-де перелітають луковатим полетом і міняють місця на небі.

Між ними спокійно стоіть місяць.

Ясне магічне його сьвітло розпливаєть ся лагідно докола него. Біла, пуста рівнина заллята ним мов сріблом, а високі, тонкі стовпи, що біжуть (sic) правильно по ній тут і там і далі, кидають на неі пасма струнких тіней і мов вяжуть ся руками з собою, аби не згубитись у одностайній пустині.

Довгий дубовий ліс, прибраний в іней, творив краєм рівнини кришталевий мур. Його вершки прозорі у сьвітлі, майже розпливають ся в нім.

Около півночи станув у закаменілій недвижности і побілів цілковито.

Бачив: в поблизкости хатини пересунулась тайком (sic) мрака, мов срібна, ледви замітна тканина, припяла (приняла?) чудно сформовану постать і перетяглась нечутно кришталевим верхом у пусту осьвітлену рівнину...

Місяць пронизав іі своім лагідним сяєвом, а відтак заховався на хвилину за хмару, заглянувши в іі (?) фосфоричні, безсмертні очи (?)...

Вона (?) щезла...

Струя звучноі, спокійноі гри летить живо рівною ниткою далеко білою рівниною, невтомно, без перерви, мов у вічність.

Де урветь ся?

Ій байдуже.

Страху перед нічим не знае (Л.-Н. Вістник, 1900, IX, 266—267).

Что все это означаеть и какимъ образомъ вяжется съ разсказанной г-жей Кобылянской исторіей—рѣшительно не понимаемъ: авторъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы отнять у читателя всякую возможность проникнуть въ тайны его мудрыхъ глаголовъ. А вѣдь еще многое изъ подобныхъ же перловъ («плоска журба», невиловлена лютість», *черные* дубовые листья, которые черезъ нѣсколько строчекъ обращаются уже въ *зеленые* и т. п.) опущено нами... На вопросъ, зачѣмъ понадобилось г-жѣ Кобылянской это издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, очевидно можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ, если исключить преднамѣренность такого поступка: писательница не находитъ нужнымъ снисходить къ «буденним умам» своихъ читателей и потому излагаетъ свои произведенія въ томъ же хаотическомъ видѣ, въ какомъ они появляются у нея въ сознаніи. Творчеству, въ смыслѣ наиболѣе цѣлесообразнаго комбинированія возникающихъ въ сознаніи образовъ, здѣсь нѣтъ мѣста: слово, выраженіе, образъ заносится на бумагу въ такомъ порядкѣ, въ какомъ появляются, а затѣмъ въ такомъ же сыромъ видѣ преподносятся читателямъ. А если послѣдніе въ недоумѣніи лишь плечами пожимаютъ—это не должно смущать автора, который не обязанъ считаться съ требованіями «буденних умів»...

Чтобы покончить съ произведеніями г-жи Кобылянской и дать читателю еще болѣе ясное понятіе объ ея манерѣ и художественныхъ пріемахъ, приведемъ еще одно изъ ея стихотвореній въ прозѣ цѣликомъ, выбирая меньшее по размѣру, носящее опять таки совершенно несоотвѣтствующее заглавіе «Акорды».

Геть далеко і високо, де ясні зорі, там мабуть е щасте мое. Звідси туга у мене, що мені іі Бог поклав у серце, а ніхто не міг утихомирити.

Жду ангела смерти.

Я чую его ось тут і тут... як він іде... то тут з'явить ся то там... небавом почую, як він перейде попри мої двері...

А зорі з неба так привітно усьміхають ся до мене!

Там певно є щасте моє.

—

У ліс зайшла я.

Так тихо довкола.

Тут тиша і холод—такі великі, що аж мені лячно.

Теплими словами хочу оживити его і себе і кажу ті слова.

Луна не йде.

Так тихо й пусто, як перше... так мертво у буйній зелені, що жаль находить на мене.

Ще раз кличу голосно з повної груди найгорячійше слово, яке є на сьвіті... і невже? по довгій хвилі йде луна, крок за кроком, якби з холодної пропасти добував ся веселий подорожний: «Люблю тебе»!—пішла лісом—і жила ще довго в памяти всіх цьвітів, хоч сама давно загинула...

—

Кожний чоловік раз в житю зупиняє ся і не знає, куди завернутись. Я свою дорогу знаю. То самота. Вона впялила свої грізні, холодні очи в мене і моргає до мене.

Я йду.

Я буду тобі служити, ти велика безсердешна самото, і пісні свої покладу у ніг твоїх.

Усьміхни ся тоді!

Він такий пожаданий... такий добрий... оттакий солодкий усьміх для втомленого серця, що даремно благало о него людей...

—

Від мене до тебе стелить ся ясна дорога.

Як срібна стяжка.

Нею легеньким кроком ідуть лелії (!) мого серця. Остатні лелії моєї молодости. Опустивши зажурені головки, вони оглядають ся і прощають ся: «Ми вже ніколи не повернемо, горде житє!...ми вже не повернемо... ми остатні... дай хоч дні прожити»... І тихо ступають тихою дорогою до тебе, щоб там зівянути... (Л.-Н. Вістник, 1898, VI, 326—327).

Довольно примѣровъ. Нами упомянуты почти всѣ символистическаго направленія произведенія г-жи Кобылянской, и мы можемъ теперь, на основаніи представленнаго выше матеріала, опредѣлить характеръ и особенности ея творчества, а также сдѣлать кой-какіе общіе выводы. На первомъ планѣ нужно поставить крайнюю неясность и неопредѣленность задачъ и цѣлей нашей писательницы, смѣшеніе представленій, своего рода тираннію ассоціаціи идей, господствующую надъ г-жей Кобылянской: все это отражается на ея произведеніяхъ чрезмѣрной субъективностью и символистической темнотой, каковыми недостатками въ особенности страдаютъ ея послѣднія по времени произведенія, за исключеніемъ лишь очень немногихъ. Вторую особенность, присущую г-жѣ Кобылянской, составляютъ однообразіе и, такъ сказать, монотонность ея дарованія, сказывающіяся особенно замѣтно на числѣ ея художественныхъ созданій. Въ самомъ дѣлѣ— г-жа Кобылянская регулярно повторяетъ себя чуть ли не въ каждомъ своемъ новомъ произведеніи, не прибавляя почти ни одной новой черточки, ни одного свѣжаго мазка къ сказанному раньше; можно думать, что уже въ «Царівнѣ» она высказалась вполнѣ и этимъ произведеніемъ навсегда опредѣлила направленіе и даже содержаніе своей послѣдующей литературной дѣятельности. Наталка Верковичъ повторяется въ героиняхъ «Jmpromptu phantaisie», «Він і вона», «Vals melancholique» и «Природи»; художница изъ «Царівни»—въ Ганнусѣ изъ «Vals melancholiqne», гуцулка изъ «Некультурноі»—въ «Часі» и т. д., словно писательница все время вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, изъ предѣловъ котораго не имѣетъ силъ выступить [1]).

---

[1]) Характерно, что персонажи г-жи Кобылянской даже говорятъ почти одними и тѣми же выраженіями и словами. «*Не дбайте о загал і йдіть своєю дорогою*»—говоритъ Наталка («Царівна» 167),—«*Іду собі своєю дорогою і не журу ся товпою*»—заявляетъ героиня «Він і вона» («Покора», 49). Наталка заботится, «щоб *жадоба за красою утихомирилася*» («Царівна», 187),—героиня «Impromptu phantaisie» «старалась *заспокоіти ненаситну жадобу краси*» («Покора», 101). На-

Насколько кругъ этотъ тѣсенъ, видно изъ того, что г-жа Кобылянская принуждена возвращаться иногда къ своимъ старымъ темамъ, уже использованнымъ ею раньше, и оттуда почерпать матеріалъ для вдохновенія,—такъ напр., сюжетъ повѣсти «Земля» отчасти уже эксплоатировался эпизодически все въ той же «Царівні» и въ очеркѣ «На полях» (Л.-Н. Вістник, 1898, кн. XI). Съ особенностью писательницы—по всякому поводу, кстати и не кстати, поминать красоту, искусство и въ особенности музыку, а также расточать пинки и ругательства по адресу «тупоумной» толпы—мы уже знакомы и потому останавливаться на ней не будемъ, хотя не можемъ не отмѣтить мимоходомъ, что г-жа Кобылянская и здѣсь почти буквально повторяетъ себя. Монотонность и скудость содержанія сказывается даже въ мелочахъ: въ упорно-повторяемомъ, напр., употребленіи одного и того же, большею частью съ не вполнѣ опредѣленнымъ значеніемъ, слова для выраженія самыхъ разнообразныхъ и очень сложныхъ душевныхъ движеній; особенной симпатіей г-жи Кобылянской пользуются прилагательныя «тупий», «лагідний» и «дикий», которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея произведеній образуютъ истинную какофонію какъ въ звуковомъ отношеніи, такъ и въ логическомъ (напр., «на пів *дика гармонія*», Л.-Н. Вістник, 1900, IX, 258). Монотонность, однообразіе содержанія и даже отдѣльныхъ выраженій и скудость мысли въ особенности ярко выступаютъ при послѣдовательномъ и непрерываемомъ чтеніи всѣхъ произведеній г-жи Кобылянской: при этомъ даже ея описанія природы, и въ

талка заявляетъ: «я *тужу за барвами*, за сьвітлом, *за гармонією*» («Царівна», 187),—художница изъ «Vals melancholique» «*затужила знов за барвами*» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 79), а музыкантша «вічно шукала *гармонії*» (ib. 34). Героиня «Він і вона» не любитъ, «як хто цілує ся з «товпою» в уста» («Покора», 51),—одна изъ героинь «Vals melancholique» также размышляетъ, достойна ли данная особа того, чтобы «цілуватись з нею в уста» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 55). Ограничимся пока этими примѣрами, хотя при желаніи количество ихъ можно было бы значительно пополнить.

частности—горныхъ видовъ, возбуждающія наибольшее восхищеніе среди ея поклонниковъ, оказываются весьма однообразными, а потому до чрезвычайности надоѣдливыми. Вообразите, что передъ вами въ теченіе довольно долгаго времени назойливо повторяютъ одно и тоже—какой-нибудь образъ, звукъ, мотивъ,—въ первое время вы, можетъ быть, и будете воспринимать его, но затѣмъ чувства ваши постепенно притупляются и вы уже не въ состояніи откликаться на впечатлѣнія, вызываемыя этимъ образомъ или звукомъ; еще дальше—и вы почувствуете раздраженіе и если вы человѣкъ нервный, то едва ли въ состояніи будете выдерживать долго эту своего рода пытку. Таково приблизительно дѣйствіе произведеній г-жи Кобылянской, вызываемое указанными изъянами ея художественныхъ средствъ и пріемовъ, помимо уже темноты и неопредѣленности содержанія, проистекающихъ отъ неудержимаго стремленія писательницы въ заоблачную высь.

IV.

До сихъ поръ мы мало, лишь мимоходомъ, останавливались на одной сторонѣ произведеній г-жи Кобылянской, чрезвычайно характерной для нея и обрисовывающей какъ нельзя лучше духовный обликъ автора. Нашъ очеркъ былъ бы далеко не полонъ, если бы мы упустили изъ виду отношеніе г-жи Кобылянской къ жизни и не попытались подойти къ ея произведеніямъ съ этой стороны.

Наталка Верковичъ, страдающая, какъ уже не разъ было упомянуто, «тугою за красою», въ одномъ мѣстѣ своего дневника рисуетъ между прочимъ слѣдующій идеалъ жизни: «передовсім бути собі цілею і обрабляти самого себе, з дня на день, з року до року. Різьбити себе, вирівнувати, щоби все було складне, тонке, миле. Щоб не остало ся дісгармонії ані для ока, ані для серця, для жадного з змислів. Щоб жадоба за красою утихомирила ся» («Царівна», стр. 175—176); въ другомъ мѣстѣ она заявляетъ: «я тужу за барвами, за сьвітлом, за гармонією», при

чемъ Орядинъ дополняетъ: «за красою і досконалістю» (ib., 187). «Ненаситну жадобу краси» чувствуетъ и безыменная героиня «Impromptu phantasie», при чемъ конецъ этого произведенія писательница излагаетъ уже отъ своего имени: тотъ же мотивъ повторяется очень ярко и въ «Vals melancholique», и въ «Поетах», и во многихъ другихъ произведеніяхъ г-жи Кобылянской. Вообще стремленіе къ красотѣ, гармоніи, даже ненасытная жажда ея, составляютъ отличительную особенность произведеній г-жи Кобылянской; можно даже сказать, что всѣ явленія оцѣниваются ею исключительно лишь съ точки зрѣнія красоты, вся жизнь имѣетъ для нея смыслъ лишь постольку, поскольку она является воплощеніемъ или отрицаніемъ той же идеи красоты. Красота образовъ, формъ, красокъ, тоновъ, отсюда любовь къ музыкѣ и поэзіи, съ одной стороны, и страхъ предъ дисгармоніей, ненависть ко всему, «що грубе, без чувства і що—немузикальне», съ другой,—это нервъ ея писательской дѣятельности, исходный пунктъ ея міровоззрѣнія: для нея это могущественная сила, панацея отъ всевозможныхъ золъ. Художница въ «Vals melancholique» проповѣдуетъ, что «коли б всі були артисти осьвічені і виховані, почавши від чутя аж до строю, не було би стільки погані і лиха на сьвіті, як тепер, а сама гармонія і краса. А так? Що округ нас? Лише ми одні піддержуемо красу в житю, ми артисти, вибрана горстка суспільности» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 36). Героиня разсказа «Мати Божа» мечтаетъ между прочимъ «про якогось рода красоту з зарисом любови і з зарисом чистоти—в которій красі затонули б і «вартости», і сучасна «мораль», і угинаючі ся спини, і сльози горя, і саме горе» («Покора», 13). Выразительнѣе этого не сказалъ бы и тотъ французскій символистъ (Лоранъ Тальядъ), который во взмахѣ руки анархиста, безсмысленно погубившаго своей бомбой много ни въ чемъ неповиннаго народа, способенъ былъ видѣть лишь красивый жестъ; или другой (Морисъ), судьбы міра оцѣнивавшій съ точки зрѣнія поэта, принужденнаго въ силу необходимости прервать свой стихъ. Въ этой ненасытной жаждѣ красоты, осложненной недостаткомъ дисциплинирующей способности ума, и кроется, по нашему мнѣ-

нію, источникъ слабости г-жи Кобылянской. Она, эта жажда, приводитъ ее къ безцѣльному въ сущности исканію красоты повсюду, заноситъ ее въ заоблачную высь, заставляя забывать ту дѣйствительную жизнь, которой при другомъ направленіи она могла бы оказать крупную услугу своимъ талантомъ,—словомъ приводитъ къ тому странному положенію вещей, при которомъ старательно оцѣживается комаръ и безпрепятственно проскакиваютъ болѣе крупныя созданія. Такъ, напр., стремленіе оцѣнивать все съ точки зрѣнія красоты заставляетъ писательницу проводить рѣзкую черту между природой, съ одной стороны, и человѣкомъ съ другой; въ первой для нея сосредоточивается преимущественно вся красота, да и не просто сосредоточивается, а прямо таки олицетворяется. Природа представляется ей живымъ существомъ, надѣленнымъ всѣми свойствами не только живого, но и разумнаго существа, способнаго любить и ненавидѣть, радоваться и печалиться, чувствовать гнѣвъ, стыдъ, страхъ и т. п. Мало того, только одна природа и способна дѣйствовать на человѣка благотворно, по крайней мѣрѣ герой «Жебрачки» заявляетъ, «що сили, котрі становили мою душу, збудила она (природа), що викохала іх сама саміська она» («Покора», 6), а Наталка Верковичъ тѣмъ, чѣмъ она стала, въ значительной степени, если не исключительно, обязана все тому же благотворному вліянію природы (см. «Царівна», 16—17). Людей, живущихъ близко къ природѣ, всецѣло подчиненныхъ ея вліянію, г-жа Кобылянская рисуетъ съ очевидной симпатіей, исключительно ихъ одаряетъ благосклоннымъ вниманіемъ, которымъ она не грѣшитъ къ людямъ вообще—«толпѣ»; таково, напр., описаніе Гуцуловъ въ «Битві»: они «ще не мали жадного прочутя о тій глубокій розкладаючій тузі з хорим усьміхом на устах, яку викликує лиш образоване і культура. Вони жили з дня на день, не дбаючи о будучність і іі безнадійність; іх бажаня були прості і прозорі, а умови іх щастя—блеск сонця і сине небо» («Покора», 87). Это, конечно, ужъ слишкомъ—«умови іх щастя—блеск сонця і сине небо», какъ будто Гуцулы какіе-нибудь аркадскіе пастушки или же безплотныя существа, но надо отдать справедливость г-жѣ

Кобылянской—описанія природы ей дѣйствительно удаются, несмотря на нѣкоторое однообразіе красокъ и злоупотребленіе олицетвореніями и сравненіями, заимствованными изъ сферы человѣческихъ отношеній. Ея «Битва», напр., взятая отдѣльно отъ другихъ произведеній, была бы несомнѣнно хорошей картиной природы, если бы не омрачалась, по крайней мѣрѣ для насъ, одной тенденціей, грубо и безъ нужды приклеенной къ картинѣ, но слишкомъ часто встрѣчающейся въ произведеніяхъ г-жи Кобылянской и придающей имъ своеобразный букетъ. Тенденція эта—презрѣніе къ человѣку, не къ тому или другому человѣку, не подходящему подъ уровень требованій г-жи Кобылянской,—нѣтъ, а именно къ человѣку вообще, къ человѣку какъ человѣку. Высказавъ устами безыменной героини «Він і вона» сентенцію, что, молъ, «не люблю, як хто цілує ся з «товпою» в уста,—таких уст не могла би я ніколи цілувати» («Покора», 51), г-жа Кобылянская очень стойко удерживаетъ занятую позицію и не устаетъ обливать несчастную «товпу» самымъ ядовитымъ презрѣніемъ. Исключенія есть, но они незначительны и исчерпываются, съ одной стороны, счастливыми избранниками, «расовими людьми»—сверхъ-человѣками, а съ другой—людьми, не разорвавшими еще связей съ природой, которымъ, если вѣрить нашей писательницѣ, для счастья нужны лишь блескъ солнца и голубое небо. Часть своихъ симпатій къ природѣ г-жа Кобылянская переноситъ и на этихъ людей, ко всѣмъ же остальнымъ, не имѣющимъ счастья принадлежать къ сверхъ-человѣкамъ и аркадскимъ пастушкамъ, она не чувствуетъ ни пощады, ни даже снисхожденія. Собственно говоря, трудно было и ожидать иного отношенія, разъ для писательницы мѣриломъ всего является одна лишь красота, и при томъ—красота исключительно внѣшняя: красота образовъ, красокъ, тоновъ; разъ вѣнцомъ созданія является сверхъ-человѣкъ, для котораго толпа обречена лишь служить удобреніемъ и который проникнутъ ненавистью ко всему, «що грубе, без чувства і що—немузикальне». Гдѣ ужъ тутъ искать *такую* красоту среди толпы—во всѣхъ этихъ грязныхъ, оборванныхъ лохмотьяхъ, въ изможденныхъ отъ голода, испеченныхъ солнцемъ, испитыхъ ли-

цахъ, въ грубыхъ, корявыхъ, мозолистыхъ рукахъ, въ немузыкальныхъ, напоминающихъ нѣжному слуху сверхъ-человѣка неприятный скрипъ колесъ голосахъ! Гдѣ ужъ быть красотѣ среди этихъ полуживотныхъ, «котрі не знали ні свята, ні неділі, а о красі не мали понятя» («Покора», 83),—о той красотѣ, которая, если помнитъ читатель, составляетъ одну изъ первыхъ заповѣдей символа вѣры, исповѣдуемаго г.г. сверхъ-человѣками! А разъ это такъ, то стоитъ ли на эту грубую, безобразную толпу и вниманіе обращать и ради нея свои сверхъ-человѣческія силы утруждать,—«іду собі своєю дорогою і не журу ся товпою», какъ неоднократно изволятъ выражаться возвышенные герои г-жи Кобылянской, ни мало не безпокоясь о существахъ плачущихъ, стонущихъ, изнемогающихъ, корчащихся отъ голода и боли у нихъ подъ ногами. Они вѣдь заслуживаютъ вниманія только какъ орудіе и противодѣйствіе великихъ людей, какъ расплывающіяся копіи сверхъ-человѣковъ, отпечатанныя на плохой бумагѣ стертымъ клише, а въ остальномъ—«побралъ бы ихъ чортъ и статистика»!—какъ энергически выражается Ничше. Добро бы еще г-жа Кобылянская чувствовала презрѣніе къ толпѣ, отмѣченной какими-нибудь непохвальными или ей лично несимпатичными свойствами,—ну, скажемъ, стадностью, рабскимъ преклоненіемъ предъ пустыми, суложными понятіями,—а то вѣдь нѣтъ: толпа, ниже стоящія существа для нея ненавистны уже потому, что они ниже стоятъ, что не поклоняются тому богу красоты, которому приноситъ жертвы г-жа Кобылянская. Правда, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ толпѣ, съ презрѣніемъ и проклятіями по ея адресу, мы встрѣчаемся и у многихъ великихъ представителей человѣчества (Шекспира, Мольера, Шиллера, Байрона, Ренана, Ибсена и др.), но есть громадная разница въ мотивахъ такого отношенія: они, во-первыхъ, выражали негодованіе противъ опредѣленныхъ недостатковъ, присущихъ толпѣ, а во-вторыхъ, давали также и нѣчто положительное, предъявляли извѣстный идеалъ, во имя котораго совершали свои бичеванія. «Великолѣпное бѣлокурое животное» Ничше имѣетъ по крайней мѣрѣ достоинства ясности и опредѣленности, которыхъ лишены блѣдные, анемичные сверхъ-человѣки

г-жи Кобылянской, ограничивающейся при созданіи ихъ одними лишь голыми аттестаціями: она посылаетъ проклятія толпѣ за то лишь, что послѣдняя не имѣетъ понятія о красотѣ и смѣетъ не обнаруживать восхищенія и преклоненія предъ плюющими на нее служителями этой красоты (см. фантазію «Поети»). Этой грубо аристократической тенденціей до того проникнуты произведенія г-жи Кобылянской, что мы затрудняемся въ подборѣ достаточно яркихъ и выразительныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ,— всѣ они отличаются колоритностью. Принадлежать къ толпѣ, разумѣется, позорно; имѣть съ нею сношенія—унизительно, и потому великолѣпная героиня разсказа «Він і вона» дѣлаетъ любопытное признаніе: «Я гожу ся подекуди з зарозумілостю, іменно не люблю, якъ хто цілує ся з «товпою» в уста. Таких уст не могла би я ніколи цілувати» («Покора», 51); не менѣе великолѣпная художница изъ «Vals melancholique» отказывается сидѣть за однимъ столомъ съ человѣкомъ некрасивымъ и безъ манеръ (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 41). Еще бы! графъ Потоцкій у г. Карпенко-Карого прямо говоритъ шляхтичу, братавшемуся съ народомъ и имѣвшему смѣлость сознаться въ этомъ предъ лицомъ его ясновельможности: «фі, мені здається, що у пана Шмигельського і тепер в сорочці кузки лазять»! («Сава Чалый», 18),— и это по крайней мѣрѣ имѣетъ то достоинство, что сказано вполнѣ откровенно... Нѣть ничего удивительнаго, если, наблюдая съ высоты птичьяго полета столкновенія человѣка съ природой, г-жа Кобылянская рѣшительно отдаетъ свои симпатіи послѣдней: въ «Битві» она немилосердно коститъ рабочихъ на каждомъ шагу «наемниками»; «з грубим обличем, в подертій замащеній одежі з неповоротними, від тяжкоі праці майже нефоремними руками... сам собою зовсім поганий на вид»—рабочій, само собою разумѣется, не можетъ разсчитывать на ея сочувствіе и симпатіи. Писательницѣ очень хорошо извѣстно, что «нефоремность» рукъ происходитъ «від тяжкоі праці», что дикій, «поганий вид» рабочихъ зависитъ отъ того, что они не знаютъ «ні неділі, ні сьвята», а можетъ быть и отъ тѣхъ «голосних ударів», которыми, по ея же собственному свидѣтельству, награждаютъ нѣкоего ра-

бочаго, неизвѣстно почему названнаго ею «Клеветой» (!),—и тѣмъ не менѣе языкъ поворачивается попрекать ихъ наемничествомъ... Ужъ подлинно—«іду собі своєю дорогою і не журу ся товпою» за то только, что она обладаетъ грубыми, неизящными руками и «о красі не має поняття»! Все принесено въ жертву Молоху красоты, даже элементарнѣйшія требованія справедливости, которая могла же подсказать писательницѣ, что не эти «наемники», которыхъ она обливаетъ ядомъ своего презрѣнія, виноваты въ безпощадномъ истребленіи природы; что не они также получаютъ отъ этого и выгоды, такъ какъ за ихъ измученными, изогнутыми спинами стоитъ, можетъ быть, какой-нибудь выхоленный Uebermensch, во имя котораго и совершаются эти дѣйствительно возмутительныя хищенія и варварское истребленіе и разрушеніе природы; что ея гнѣвъ и упреки не по адресу направлены, не въ то мѣсто попадаютъ. Но, какъ извѣстно, съ высоты всего не усмотрѣть—и потому то г-жа Кобылянская ничего этого знать не хочетъ, идетъ себѣ «своею дорогою» и мимоходомъ поругиваетъ глупую толпу за то, что послѣдняя портитъ красивую мѣстность, не справляясь съ идеалами красоты, усвоенными сверхъ-человѣками. Характерно при этомъ, что героиня г-жи Кобылянской вышеприведенную фразу «іду собі своєю дорогою» и т. д. сопровождаетъ рекомендаціей, что это дѣлаетъ «справдішній Европеець», «об'єктивно-критичний», но очевидно, что это менѣе всего европейская точка зрѣнія: назовите ее, какъ угодно—китайской, индійской, полинезійской, но только хоть Европу-то оставьте въ покоѣ,—она ужъ менѣе всего причастна къ этимъ человѣконенавистническимъ возгласамъ. Намъ кажется, что даже самые ярые поклонники г-жи Кобылянской должны испытать хоть маленькое чувство стыда за такое не сверхъ-человѣчное, а по-истинѣ безчеловѣчное отношеніе къ «наемникам», если только они вдумаются достаточно въ смыслъ хотя бы ея «Битви»,—ставимъ это «если» потому, что объ упомянутомъ произведеніи намъ приходилось читать и слышать только какъ о «шедеврѣ», безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій. Ну, и пусть желающіе наслаждаются такими «шедёврами», если могутъ, а мы, признаться, не

въ состояніи: безчеловѣчное, безсмысленно-жестокое отношеніе автора къ несчастнымъ «наемникам» портитъ для насъ всякое впечатлѣніе отъ дѣйствительно красивой картины. Мы, впрочемъ, не безъ основанія упомянули о стыдѣ, такъ какъ дѣйствительно, кажется, нѣкоторымъ поклонникамъ г-жи Кобылянской становится нѣсколько неловко за ея безпощадное и ни на чемъ въ сущности не основанное презрѣніе къ простымъ людямъ. Заключаемъ это изъ того обстоятельства, что, напр., переводчикъ произведеній г-жи Кобылянской на русскій языкъ (см. «Жизнь», 1900, IX), вообще сильно смягчившій ихъ тонъ и, такъ сказать, нѣсколько поддѣлавшій ихъ, фразу изъ «Impromptu phantasie»—«не мала в собі нічого *з плебейскости*»—передаетъ: «не имѣла въ себѣ ничего рабскаго», и этой маленькой съ виду поправкой совершенно мѣняетъ смыслъ, устраняя еще одинъ ненужный кивокъ въ сторону грубой черни. Мы далеки, конечно, отъ мысли ставить человѣка въ центрѣ мірозданія въ томъ смыслѣ, что все существующее существуетъ лишь для него и черезъ него, но съ другой стороны считаемъ нужнымъ протестовать и противъ того, чтобы трактовать человѣка, какъ едва терпимый придатокъ, или болѣе или менѣе не-художественный аксессуаръ къ природѣ, въ какой бы формѣ—публицистической, или художественной—эта мысль не выражалась. Личность человѣка, хотя бы даже «наемника», все таки большаго стоитъ, чѣмъ личность дерева, а между тѣмъ, какъ ни странно звучитъ это выраженіе, личность дерева для г-жи Кобылянской совершенно заслоняетъ человѣка: чувствуя и понимая страданія—что бы тамъ ни говорили, а все таки *мертвой*—природы, она отказывается понимать страданія *живого* человѣка... . . . .

Но выражая постоянно свое недвусмысленное презрѣніе къ толпѣ, черни, «наемникам» и т. п., г-жа Кобылянская не сумѣла однако остаться при этой точкѣ зрѣнія и быть послѣдовательной до конца. Нѣкоторыя мысли ея героевъ, какъ и ея собственныя, очень впрочемъ немногочисленныя, произведенія, повидимому, противорѣчатъ этому, что дало поводъ г-жѣ Л. Украинкѣ, не безъ нѣкоторой доли игривой снисходительности, предлагать

намъ даже «утѣшиться», такъ какъ эта писательница не всегда, молъ, въ небесахъ витаетъ, а нѣтъ-нѣтъ, да и спустится въ «долины» побесѣдовать съ нами по-просту и о простыхъ вещахъ. Утѣшеніе, правда, не большое, если писательница благоволитъ иногда снизойти съ своей высоты къ намъ грѣшнымъ и, отбросивъ на минуту свою обычную точку зрѣнія, взглянуть на дѣло проще,—вѣдь общій доминирующій тонъ ея произведеній все-таки слишкомъ звучитъ презрѣніемъ къ обыкновеннымъ людямъ, прогнѣвившимъ писательницу корявыми руками и отсутствіемъ надлежащихъ понятій о красотѣ, и мотивы иного характера въ ея творчествѣ все-таки пока остаются исключеніями. Однако, воспользуемся замѣчаніемъ и постараемся выяснить противорѣчіе, для чего намъ придется опять таки обратиться къ первоисточнику всѣхъ произведеній г-жи Кобылянской—къ «Царівнѣ».

Наталка Верковичъ въ своей программѣ, выдержки изъ которой нами уже неоднократно приводились, выражаетъ между прочимъ желаніе—«бути передовсім собі цілею, а опісля стати або для одного чимсь величним на всі часи, або віддатись праці для всіх («Царівна», 176); въ другомъ мѣстѣ къ этому она вноситъ поправку въ томъ смыслѣ, что состоя, молъ, при мужѣ и работая на общую пользу, можно одновременно «любити сьвіт Божий в цілій его величі» но сейчасъ же, словно спохватившись, прибавляетъ: «з ріжнородними его гарними і чудесними об'явами» (ibid., 249). Мы не знаемъ, что собственно дѣлала Наталка Верковичъ,—можетъ быть она, согласно предложенію одной изъ своихъ подругъ, каталогъ книгъ для самообразованія женщинъ составляла, можетъ быть символистическія повѣсти писала, а можетъ, быть и другимъ какимъ не менѣе почтеннымъ дѣломъ занималась,—но на словахъ-то, по крайней мѣрѣ, она очень много и часто распространяется о своемъ намѣреніи работать на пользу родного края, на пользу всѣхъ и т. п. Характерно во всякомъ случаѣ это «або»: «стати *або для одного* чимсь величним на всі часи, *або віддатись праці для всіх*», напоминающее мечты одного изъ героевъ Успенскаго: или поступить въ монахи, или сдѣлаться силачемъ; характерна также и эта прибавка, позволяющая любить весь

міръ Божій непремѣнно «з ріжнородними его *гарними і чудесними* об'явами», указывающая на все тотъ же кругъ интересовъ нашей героини. Изъ этого мы вправѣ заключить, что работа на пользу общую для Наталки вовсе не составляла коренного требованія ея натуры,—это было между прочимъ, въ родѣ какого-то спорта—между ласками того «одного» [1]) и наслажденіемъ «гарними і чудесними об'явами»: надоѣстъ наслаждаться—такъ отчего жъ и не побаловаться немного работой, тѣмъ болѣе, что панна Верковичъ очень боится забвенія въ потомствѣ, да и кромѣ того, несмотря на всю свою скромность и смиреніе, къ суетной славицѣ не совсѣмъ равнодушна. Желаніе служить родному народу и работать на пользу общую не только не вытекаетъ изъ характера героини, но напротивъ—весьма и весьма ему противорѣчитъ, какъ что-то приставное, приклеенное чисто механически, пришитое бѣлыми и потому слишкомъ замѣтными нитками. Если вообще одновременное служеніе двумъ господамъ невозможно, или по крайней мѣрѣ, при физической возможности, не рекомендуетъ такого служителя съ хорошей стороны, то еще въ большей степени приложимо это въ настоящемъ случаѣ. Богиня, допустимъ, красоты слишкомъ ужъ разнствуетъ отъ мамоны корявыхъ рукъ, слишкомъ ужъ интересы ихъ противорѣчивы, чтобы могли слиться въ одномъ руслѣ и одновременное служеніе имъ могло совершаться не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Произойдетъ, конечно, то, что и должно было произойти при такомъ неестественномъ положеніи: человѣкъ, полагающій, что онъ почему-то обязанъ заразъ служить двумъ господамъ, одного возлюбитъ, а другого возненавидитъ и пойдетъ въ концѣ концовъ туда, куда влекутъ симпатіи,—въ данномъ случаѣ «жадоба за красою». Да проститъ намъ г-жа Кобылянская, но невольно

---

[1]) Отмѣтимъ мимоходомъ, что любви сверхъ-человѣки отдаютъ должную цѣну, даже нѣсколько большую, чѣмъ искусству: одной изъ героинь «Vals melancholique» принадлежитъ афоризмъ: «штука—то великий чоловік, але я би сказала, що любовь більший» (Л.-Н. Вістник, 1898, I, 48).

является подозрѣніе, что она просто спохватилась, что въ своемъ презрѣніи къ народнымъ массамъ зашла слишкомъ далеко, и вотъ она пожелала поправить дѣло, вложивъ въ уста своей «царівні» нѣсколько красивыхъ, но допстаточо неопредѣленныхъ и въ этой неопредѣленности туманныхъ и расплывчатыхъ фразъ объ общемъ благѣ [1]). Какъ имѣющія чисто головное происхожденіе, эти фразы, разумѣется, ни къ чему не обязываютъ и едва-ли изъ головы переходятъ въ соотвѣтственныя дѣйствія, нарушая впрочемъ цѣльность характера героини. Сказанное нами о Наталкѣ Верковичъ къ самой г-жѣ Кобылянской примѣнимо лишь отчасти: то обстоятельство, что она спукается иногда въ «долины», не будучи въ состояніи служить для насъ слишкомъ большимъ утѣшеніемъ, обнаруживаетъ, однако, что г-жа Кобылянская въ качествѣ дѣйствительнаго таланта чувствуетъ себя не совсѣмъ свободно въ безплодныхъ, никому не нужныхъ заоблачныхъ странствованіяхъ и ощущаетъ временами потребность отдохнуть на твердой почвѣ дѣйствительности. Результатомъ этихъ отдыховъ, плодомъ, такъ сказать, земного досуга писательницы явилось нѣсколько дѣйствительно хорошихъ вещей, какъ «Банк рустикальний», «У св. Івана», «На полях» и въ особенности нѣкоторыя прекрасныя сцены въ «Землѣ».

По нѣкоторымъ соображеніямъ мы до сихъ поръ не касались на предыдущихъ страницахъ послѣдняго произведенія г-жи

---

[1]) Г-жа Кобылянская въ этомъ отношеніи не представляетъ единичнаго явленія: многіе изъ французскихъ символистовъ, не встрѣтивъ особенно сочувственнаго пріема среди образованныхъ круговъ общества, апеллируютъ теперь къ народу и разсыпаются предъ нимъ въ комплиментахъ въ томъ убѣжденіи, что «существуетъ четвертое сословіе, которое сумѣетъ слушать и понять (ихъ)... Передъ этой новой публикой новыя произведенія (символистическаго) искусства, искренно воспринятыя, будутъ привѣтствованы, и что́ не будетъ понятно завтра, то поймется послѣзавтра» (см. интересную статью «Литературныя новости» въ № 191 «Русскихъ Вѣдомостей» за настоящій годъ, посвященную книгѣ Густава Кана «Symbolistes et decadents»).

Кобылянской—повѣсти, озаглавленной «Земля»; намъ казалось, что, въ виду нѣкоторыхъ особенностей этого произведенія, о немъ удобнѣе всего будетъ поговорить отдѣльно. Признаемся, этой повѣсти мы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ: ужъ очень какъ то ея заглавіе не шло къ г-жѣ Кобылянской, было слишкомъ неожиданнымъ для нея,—что въ самомъ дѣлѣ ей земля и что она послѣдней?... Еще больше заинтересовало насъ предварительное заявленіе редакціи «Л.-Н. Вістника», что здѣсь «талановита авторка вступае на новий шлях, подаючи широкий малюнок селянського житя»,—хотѣлось скорѣе узнать, что́ это еще за «новий шлях», т. е., собственно уже новѣйшій, такъ какъ г-жа Кобылянская на новомъ давно уже пребывала и повидимому твердо на немъ основалась, если не принимать во вниманіе мимолетныхъ экскурсій и не совсѣмъ увѣренныхъ поворотовъ на «старий шлях». «Земля» появилась въ первыхъ шести книжкахъ «Л.-Н. Вістника» за настоящій годъ и произвела на насъ какое то смѣшанное впечатлѣніе. Тема здѣсь разработанная, очевидно, давно уже занимала г-жу Кобылянскую, такъ какъ еще въ «Царівні» упоминается мимоходомъ о фактѣ, легшемъ, по всей вѣроятности, въ основаніе новой повѣсти. Наталка Верковичъ разсказываетъ о женщинѣ, которая «стратила своіх двох синів в страшний спосіб. Старшого, котрий був чемний і добрий, гордиця (sic) своіх родичів, застрілив молодший, вже змалку лихий. Сидів довго, довго в арешті, а она щоби собі хоть того уратувати—не вірила бідна, що се справді рідний брат зробив—крутила в суді, куди еі також покликували, говорила неправду і за то також покутувала» («Царівна», 333). Это въ немногихъ словахъ содержаніе «Землі», разработанное съ большими бытовыми подробностями и основательнымъ знаніемъ народной жизни, хотя самый фактъ братоубійства въ повѣсти мотивированъ слабо и выступаетъ предъ читателемъ какъ то сразу и неожиданно, а послѣдующее поведеніе новаго Каина также не вполнѣ ясно. Впрочемъ, на этомъ останавливаться мы не будемъ, а обратимъ вниманіе на проявленія того «нового шляху», о которомъ сочла нужнымъ предупредить своихъ читателей радакція «Л.-Н. Вістника». Мы не знаемъ,

чтó собственно разумѣла подъ этой рекомендаціей почтенная редакція, но при чтеніи послѣдней повѣсти г-жи Кобылянской насъ дѣйствительно поразила одна новая черта, почти отсутствующая, за немногими исключеніями («Мати Божа»), въ ея прежнихъ произведеніяхъ. Эта новая черта—необыкновенное пристрастіе къ мистическому, таинственному. Рядомъ съ самыми потрясающими картинами, разработанными въ высшей степени жизненно, правдиво и художественно, вдругъ вкрадется какое-нибудь маленькое замѣчаніе, сценка не отъ міра сего—и читатель съ досадой замѣчаетъ, что прекрасное впечатлѣніе предыдущихъ страницъ разбито. Интересно, что даже самый фактъ братоубійства получаетъ какое-то мистическое освѣщеніе, объясняется если не прямо, то косвенно, посредствомъ не вполнѣ ясныхъ намековъ, какою-то фатальною необходимостью, связанною съ обладаніемъ землей,—своего рода «властью земли». Эта мысль, повторяемъ, въ повѣсти брошена лишь мимоходомъ, но и помимо нея сфера сверхчувственнаго очень широка. Видѣніямъ во снѣ и на яву, предчувствіямъ, предзнаменованіямъ, вѣщимъ снамъ, предсказаніямъ ворожекъ, сбывающимся съ буквальною точностью—всѣмъ этимъ явленіямъ, относящимся къ области сверхъестественнаго и сверхчувственнаго, слишкомъ много отводитъ мѣста г-жа Кобылянская и слишкомъ много вліянія приписываетъ. Читая многія мѣста «Землі», не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что авторъ опустился до наивнаго міросозерцанія своихъ героевъ, проникся ихъ взглядами и вѣрованіями, заимствовалъ ихъ образъ мышленія, и все это до такой степени, что и самъ вполнѣ искренно вѣритъ въ тѣ несообразности, о которыхъ разсказываетъ съ самымъ серьезнымъ и глубокомысленнымъ видомъ. Спора нѣтъ, область таинственнаго въ темной народной средѣ пользуется до сихъ поръ еще громаднымъ кредитомъ и полнымъ довѣріемъ, но чтобы она не возбуждала никакихъ сомнѣній въ писателѣ съ европейскимъ образованіемъ,—этому мы, разумѣется, не повѣрили бы, если бы не знали, что мистическое содержаніе составляетъ, какъ вѣроятно помнитъ читатель, одно изъ главныхъ требованій «новой красоты». Мы не поздравляемъ г-жу Кобылянскую съ этой новой

въ ея произведеніяхъ чертой, такъ какъ извѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы и нелѣпости она довела нѣкоторыхъ изъ ея коллегъ, французскихъ символистовъ. Всѣ эти невидимыя сраженія духовъ на разстояніи, обитаніе ихъ въ шкафахъ, всевозможныя чудеса ассирійской магіи и т. п.—все это вышло изъ стремленія утилизировать мистическіе сюжеты. Но помимо этой, на нашъ взглядъ, отрицательной черты, помимо обилія варваризмовъ, натянутыхъ образовъ и символовъ и проистекающей отсюда нѣкоторой неясности языка [1]), «Земля» для насъ интересна и съ другой стороны: на ней болѣе всего замѣтна та борьба, о которой мы упоминали выше,—борьба, таланта писа-

[1]) Беремъ на-удачу нѣсколько примѣровъ. «Місяць жаристий і свідомий побіди» (Л.-Н. Вістник, 1902, II, 103), «викрикувала пісню *вперед себе»* (IV, 13), «яскраві ухканя» (I, 25), «*глухими очима* зазирала ніч» (I, 25), «неспостережена трегедія, що з'являла ся всюди *на невидимих пальцях*, прокинулась і на полях (III, 195); «натхнули смертельною *блідістю* і знесилем *його душу* (III, 202), «туга воліклася» (ibid), «мов білі меви літали його тужні думки (III, 205); «жив на око мовчки і бездільно, хоча коли у внутрі (sic) його души мов діти рвали ся на сліпо інстинкти в ріжні сторони і вигрібували окремо від тверезого розуму рухи долі» (—?III, 224); «межи тою землею і ним грала мов струни сюди і назад—доля» (IV, 27), «позир повис» (IV, 30), «темрява сунеться громом» (—? V, 117), «сон безсонний» (V, 119), «звучне зитхане розірваною хвилею лишилось у воздусі» (V, 119), «погляди зломили ся» (—? V, 131), «кровава мовчанка» (V, 133), «її *погляд надслухуючий* був звернений до себе» (—? V, 134), «мов чорні сполохані птиці снували ся запити» (V, 204), «виринали голоси, мов стрункі смутні цьвіті (—!. V, 141), «луна (!) смолоскипів» (V, 204), «крикнула безкровним лицем» (VI, 227), «духовні (sic) сльозы» (VI, 234), «зірка, що падала, спинила ся (—? V, 101), «ніч скриготяча» (IV, 25), «неприязно і лячно *виглядало* довкола, навіть виду (?) не було ніякого» (VI, 213) и т. п. А то вотъ еще словечки: «смишность», «виддих вязнем» (?), «ество», «глупковатий», «випуклі сустави», «плиткий кітел», «впялити нігті» и масса руссизмовъ (образець, борозда, окови, оказаться, кружево, вскорі, житель, що-то (=что-то), чим (=ніж), щадить и мн. др.

тельницы съ требованіями новаго искусства, съ теоріями единой, высшей, самодовлѣющей красоты и вытекающаго изъ нихъ презрѣнія къ народнымъ массамъ. Г-жа Кобылянская должно быть инстинктивно чувствуетъ, что избранный ею путь—ложный путь, что всѣ ея теоретическія представленія о самодовлѣющей красотѣ шатки въ самомъ своемъ основаніи,—и вотъ, ведомая исключительно неяснымъ и, можетъ быть, не сознаваемымъ, но въ существѣ здравымъ художественнымъ чутьемъ, инстинктомъ правды, она нѣтъ-нѣтъ да и свернетъ на единственно возможный для художника и единственно цѣнный для литературы и читателей путь изображенія дѣйствительности,—не фотографированія, въ которомъ еще не большая заслуга, а именно художественнаго изображенія. И замѣчательно, что даже гнетущее однообразіе и монотонность, доминирующая въ символистическихъ произведеніяхъ г-жи Кобылянской, въ ея реальныхъ картинахъ совершенно отсутствуетъ,—значитъ, вотъ гдѣ ея настоящая сфера. Чѣмъ завершится эта борьба врожденнаго таланта съ навѣянными извнѣ теоріями, куда заведетъ нашу писательницу стремленіе, съ одной стороны, къ новой красотѣ, а съ другой—инстинктивное, несознаваемое влеченіе къ художественной правдѣ, какова вообще будетъ ея литературная эволюція,—мы не знаемъ и не беремся предсказывать въ виду недостатка положительныхъ данныхъ. Можетъ быть, художественное чутье возьметъ верхъ, и г-жа Кобылянская оставитъ свои заоблачныя странствованія тѣмъ, кому больше дѣлать нечего, но можетъ быть и другой, противоположный исходъ: борьба, идущая въ самой писательницѣ, повторяемъ, еще не рѣшена. Въ настоящее время мы можемъ лишь высказать глубочайшее сожалѣніе по поводу гибнущей безцѣльно и безполезно для родной литературы дѣйствительно талантливой силы. Г-жа Кобылянская—не чета остальнымъ, употребляя выраженіе Верлэна, «цимбалистамъ», всѣмъ этимъ служителямъ новой красоты, отсутствіе таланта и художественной воспріимчивости замаскировывающимъ жалкими потугами создать что-нибудь непремѣнно оригинальное, непремѣнно не такъ, какъ у прочихъ людей выходитъ. У нея на самомъ дѣлѣ есть что́ сказать читателю;

хотя бы въ той же самой, чтобы не далеко ходить, «Землѣ» можно найти много интересныхъ положеній, оригинальныхъ и мастерски набросанныхъ сценъ, глубокихъ наблюденій надъ человѣческой душою. Этотъ реальный и, повидимому, хорошо г-жѣ Кобылянской извѣстный міръ могъ бы служить ей неисчерпаемымъ источникомъ для творчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратить ее на старый, можетъ быть, но испытанный «шлях», на которомъ она была бы понятной не для небольшой только кучки «сверхъ-человѣковъ», а и для презираемой теперь ею толпы, и оказала бы дѣйствительныя, а не призрачныя услуги родной литературѣ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мнимый бунтъ на Волыни въ 1789 г.

(Архивъ Югозападной Россіи, издаваемый Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть 3-я, томъ V. Акты о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Югозап. краѣ въ 1789 г. Кіевъ, 1902).

Вышедшій недавно подъ редакціей проф. В. Б. Антоновича томъ «Архива Юго-зап. Россіи» заключаетъ въ себѣ многочисленную серію актовъ о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1789 г. Въ обширномъ предисловіи къ тому [1]) проф. Антоновичъ разсказываетъ по этимъ актамъ печальный эпизодъ, основанный на сплошномъ недоразумѣніи и дорого обошедшійся многимъ злополучнымъ подданнымъ Польскаго государства. Исторія эта разыгралась во время такъ назыв. четырехлѣтняго сейма (1788—1792), имѣвшаго задачей обновить государственный строй Польши.

Раздѣлъ 1772 г., грозный предвѣстникъ грядущей судьбы Польши, заставилъ польское шляхетство,—единственное полноправное сословіе въ странѣ,—подумать о будущемъ. Для непредубѣжденныхъ современниковъ ясны были и причины, вслѣдствіе которыхъ государство шло къ распаденію, ясны были и средства къ спасенію. Но на протяженіи почти полутора столѣтія, протек-

[1]) Предисловіе это вышло и отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Волынская тревога 1789 года».

шаго со времени несчастныхъ для Польши событій середины XVII вѣка, польское дворянство ничему не научилось и ничего не забыло. Оно вѣрило, что Польша держится безпорядкомъ (stoi nierządem). И безпорядокъ въ 80-хъ гг. XVIII ст. былъ полный. Король былъ лишенъ всякой власти, непривилегированныя сословія были устранены отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, крестьянская масса, предоставленная произволу дворянства, была забита и доведена до нищеты, администрація и судъ дезорганизованы, доходы государства, при полной почти свободѣ дворянства отъ обложенія, были ничтожны, государственныя имѣнія захвачены представителями высшаго сословія, платившими въ казну только 1/4 доходовъ съ нихъ; въ зависимости отъ плачевнаго состоянія финансовъ государства и отъ боязни шляхты дать въ руки королю вооруженную силу было полное разстройство войска. Положеніе дѣлъ усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть подданныхъ речи-посполитой не принадлежала къ польской народности и огромное большинство ихъ исповѣдывало протестантскую или греческую вѣру. Верхній слой этого не-польскаго населенія окатоличился и слился съ польскимъ дворянствомъ, а народная масса, раздѣлявшая съ польскимъ крестьянствомъ всѣ государственныя тяготы, страдала сверхъ того отъ національной и религіозной нетерпимости правящаго класса. Такимъ образомъ отсутствіе солидарности между различными группами населенія было полное. «Командующій» классъ заботился только о сохраненіи своихъ привилегій въ ущербъ интересамъ и даже безопасности государства, подначальная масса, загнанная и безсловесная, относилась безучастно къ судьбѣ отечества, не-польская часть населенія, вслѣдствіе безтактностей заправлявшаго класса, была превращена изъ лояльныхъ подданныхъ во враговъ государства.

При такихъ условіяхъ собрался четырехлѣтній сеймъ. Депутаты этого сейма оказались вовсе не подготовленными къ рѣшенію предстоявшей имъ трудной задачи. Опредѣленной программы ни у кого не было; засѣданія затягивались вслѣдствіе праздныхъ рѣчей, произносимыхъ депутатами; постоянно ставились новые

вопросы, отклонявшіе сеймъ отъ его прямой задачи. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, въ сеймѣ началась борьба двухъ партій—«королевской», стремившейся сохранить дружественныя отношенія къ Россіи и провести реформы, и «патріотической», требовавшей немедленнаго разрыва съ Россіей и союза съ Пруссіей. Обостренныя отношенія партій держали депутатовъ и все варшавское общество въ нервномъ возбужденіи, и малѣйшіе намеки давали поводъ къ разнымъ толкамъ и нерѣдко къ совершенно неожиданнымъ заключеніямъ. Такое заключеніе и было выведено изъ одной рѣчи короля.

Король, въ засѣданіи 6 ноября 1788 г., оспаривая мнѣнія тѣхъ, которые желали войны съ Россіей, указалъ на военное безсиліе Польши сравнительно съ могущественной сосѣдкой и послѣ ряда аргументовъ прибавилъ: «мы не должны забывать, что, въ случаѣ коллизіи, можемъ встрѣтить самыхъ жестокихъ враговъ въ собственныхъ подданныхъ». Депутаты, а вслѣдъ за ними и публика, оставили безъ вниманія всѣ доводы короля, кромѣ вышеприведенныхъ словъ, которымъ дали весьма своеобразное толкованіе. Пошли слухи, что русское правительство подготовляетъ крестьянское возстаніе въ принадлежащихъ Польшѣ русскихъ областяхъ и что королю это извѣстно. Толки распространились не только въ Варшавѣ. Многіе депутаты писали домой и просили своихъ корреспондентовъ собрать на мѣстахъ свѣдѣнія о готовящемся бунтѣ. Провинція заволновалась. Признаковъ возстанія, правда, не замѣчалось, но помѣщики, зная нерасположеніе къ нимъ крестьянскаго населенія, склонны были вѣрить всему и писали въ столицу тревожныя письма о настроеніи крестьянъ; иные, желая снискать репутацію патріотовъ, сообщали въ письмахъ рядъ соображеній и догадокъ, далеко не успокоительнаго свойства. Въ числѣ лицъ, сообщавшихъ тревожныя вѣсти, были и люди съ виднымъ общественнымъ положеніемъ. Генералъ Любовицкій, командовавшій частью войскъ на Украинѣ, доносилъ о наклонности крестьянъ къ бунту и о принятыхъ имъ для надзора за крестьянами мѣрахъ. Кн. Сангушко заявилъ, что замѣтилъ на Волыни несомнѣнные признаки бунта, и требовалъ, ради безопасности помѣ-

щиковъ, отправленія туда трехъ полковъ кавалеріи. Противъ этого предложенія высказался генералъ артиллеріи Феликсъ Потоцкій, главнокомандующій войскъ въ южно-русскихъ областяхъ, который, усомнившись въ справедливости слуховъ, заявилъ, что для провѣрки ихъ отправится на Украину лично. Спустя короткое время Потоцкій доносилъ изъ Острога, что не встрѣтилъ никакихъ признаковъ готовящагося бунта. Но раздуваніе мнимой опасности было на руку гетману Браницкому, желавшему возвратить себѣ военную диктатуру, которой раньше онъ былъ лишенъ. Партія Браницкаго продолжала волновать сеймъ новыми извѣстіями, полученными отъ ксендза Сѣраковскаго изъ Умани и отст. генерала Курдвановскаго съ Волыни. Предложено было даже послать все наличное войско на Украину, а оттуда перевести въ Польшу всѣхъ городовыхъ козаковъ. Королю и болѣе благоразумнымъ депутатамъ едва удалось отклонить это нелѣпое предложеніе. Феликсъ Потоцкій между тѣмъ доказывалъ невозможность бунта, обращая вниманіе на необыкновенное въ ту зиму обиліе снѣга, разобщившее села и препятствовавшее передвиженію сколько-нибудь значительныхъ массъ людей. Но Браницкій съ подчиненной ему войсковой коммиссіей приказалъ, помимо Потоцкаго подвѣдомственнымъ ему генераламъ Любовицкому, Ерличу и Дзержку сосредоточить войска въ угрожаемыхъ бунтомъ мѣстностяхъ, предавать виновныхъ военному суду и, вообще, слѣдить за настроеніемъ крестьянъ, для чего и пользоваться содѣйствіемъ евреевъ. Потоцкій, въ письмѣ къ королю, протестовалъ противъ нарушенія его правъ, какъ главнокомандующаго, и указывалъ на безнравственность пріемовъ, рекомендуемыхъ коммиссіей. Браницкій и его сторонники не успокоились и теперь и даже зашли черезчуръ далеко въ своихъ предложеніяхъ. Основываясь на письмѣ какого-то таможеннаго чиновника изъ Чуднова, сообщившаго, что въ предѣлы Украины, именно въ имѣніе кн. Потемкина м. Смѣлу вступилъ полкъ русской кавалеріи съ боевыми запасами, и что крестьяне вслѣдствіе этого стали волноваться, партія Браницкаго потребовала созванія общаго ополченія дворянъ. Предложеніе созвать ополченіе со всего государства противъ неизвѣст-

наго врага и идти въ походъ противъ мирно жившихъ въ своихъ домахъ крестьянъ было слишкомъ уже дико, посторонніе цѣли сквозили въ немъ слишкомъ явно, и партія Браницкаго потеряла на время кредитъ въ сеймѣ. Поэтому и коллективное заявленіе 60-ти дворянъ, присланное изъ Житомира и требовавшее присылки войскъ, было оставлено безъ вниманія.

Но все-таки для успокоенія общества сеймъ возложилъ, въ виду отсутствія въ Польшѣ того времени какой бы то ни было полиціи, наблюденіе за настроеніемъ населенія и предотвращеніе бунта на такъ назыв. провіантскія коммиссіи, выбранныя помѣщиками изъ своей среды для веденія разсчетовъ съ русскимъ правительствомъ по поставкѣ провіанта для русской арміи во время русско-турецкой войны. Эти-то коммиссіи были переименованы въ «порядковыя» и имъ дана инструкція, по которой онѣ должны были собирать свѣдѣнія о бунтѣ и изыскивать средства къ его предотвращенію, провѣрять полученныя свѣдѣнія и сообщать ихъ сеймовымъ маршаламъ, давать разрѣшеніе на ввозъ оружія изъ-за границы, помѣщикамъ же вмѣнялось въ обязанность увѣдомлять коммиссіи о признакахъ волненія, оказывать имъ всякое содѣйствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалось смягчить участь крестьянъ и не возбуждать среди нихъ тревоги поспѣшнымъ вооруженіемъ.

Эти мѣры на время прекратили было тревогу, но мѣсяца черезъ полтора одинъ случай снова взволновалъ успокоившееся было общество.

Въ с. Неверковѣ, нын. ровенскаго уѣзда, волынской губ., жилъ богатый помѣщикъ Игнатій Вележинскій. Онъ держалъ многочисленную дворню, среди которой были лакей Самуилъ Раковичъ и рымарь (шорникъ) Семенъ Рымарчукъ; оба они получили воспитаніе въ городѣ и были до извѣстной степени образованы. Помѣщикъ платилъ имъ жалованье, но строго наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и нерѣдко наказывалъ розгами, но умѣренно, «по-отечески», какъ утверждало слѣдствіе. Однако, Раковичъ и Рымарчукъ тяготились своимъ положеніемъ и просили помѣщика отпустить ихъ со двора на любыхъ условіяхъ. Помѣщикъ не соглашался. Послѣ одного наказанія они ночью ворвались въ спальню

помѣщика, зарубили топорами его и его жену, и для сокрытія слѣдовъ убили 5 душъ женской прислуги. На другой же день преступники были открыты. Луцкій гродскій судъ приговорилъ сжечь имъ руки, переломать ноги, вырѣзать изъ спины по нѣскольку ремней и затѣмъ обезглавить ихъ и четвертовать. Сообщниковъ по слѣдствію не оказалось, но все-таки нѣсколько человѣкъ прислуги было приговорено къ тѣлесному наказанію и сдачѣ пожизненно въ солдаты за нерадѣніе и сонливость.

Дѣло не выходило изъ ряда нерѣдкихъ въ ту пору подобнаго рода преступленій, но на возбужденное уже общество оно произвело огромное впечатлѣніе. Пошли толки, что Вележинскіе являются первыми жертвами крестьянскаго бунта. О самомъ преступленіи, до окончанія слѣдствія, распространялись невѣроятные слухи. Говорили, что убійцами были люди невѣдомые; другіе утверждали, что Вележинскихъ убили «пилипоны» или «маркетаны», т. е. коробейники-старообрядцы изъ Стародубья и Вѣтки, которыхъ будто бы и арестовали съ повозками, наполненными ножами. Началась паника. Помѣщики бросали свои дома и укрывались въ укрѣпленныхъ замкахъ, иные бѣжали въ Польшу и даже въ Австрію, распространяя по дорогѣ фантастическіе слухи. Говорили о прослѣдовавшихъ черезъ границу 2000 повозокъ маркетановъ съ ружьями, порохомъ, пулями и ножами (маркетаны торговали дѣйствительно кухонными и карманными ножами). Всѣ эти припасы и деньги маркетаны будто-бы передаютъ священникамъ, которые возбуждаютъ крестьянъ, и въ ночь на Пасху должно вспыхнуть всеобщее возстаніе. Даже ген. кн. Любомирскій писалъ изъ Дубна, что Вележинскихъ убили маркетаны, и что открытъ заговоръ священниковъ и крестьянъ. Волынскій воевода кн. Сангушко писалъ королю, что дворяне вездѣ арестуютъ маркетановъ и готовы вооружиться и спасать свою жизнь, хотя бы цѣною истребленія всѣхъ крестьянъ и священниковъ.

Въ виду всего этого и король и сеймовый маршалъ Малаховскій поколебались въ своемъ скептицизмѣ относительно бунта и, такъ какъ засѣданій сейма по случаю праздниковъ не было,

устроили совѣщаніе изъ маршаловъ сейма, предсѣдателя войсковой коммиссіи и наличныхъ депутатовъ Волынскаго воеводства. Рѣшено было послать на Волынь 2500 чел. войска, предписать Фел. Потоцкому размѣстить военныя команды для наблюденія за настроеніемъ населенія и ареста подозрительныхъ лицъ; гродскимъ судамъ приказано было немедленно судить виновныхъ, не ожидая сроковъ судебныхъ засѣданій. Помѣщикамъ и войску рекомендовали съ своей стороны не раздражать крестьянъ.

Какъ ни мутны были источники, изъ которыхъ шли извѣстія о бунтѣ, варшавское общество сильно волновалось. Охоцкій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Слухъ о томъ, что украинскіе крестьяне приготовляются къ бунту, неизвѣстно откуда произошелъ, но, вслѣдствіе всеобщей паники, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе довѣрія; подозрѣнія были обращены по преимуществу на уніатское духовенство, которое ни въ чемъ не было повинно, но сильно по этому поводу пострадало... Между прочимъ распространился слухъ, что поймали нѣсколько десятковъ пилипонскихъ повозокъ, провозившихъ бочки, наполненныя ножами. Ножи эти странной формы, снабжены будто страшными зубцами и крючьями, придуманными для причиненія ужасныхъ страданій; образцы этихъ ножей въ Варшавѣ вырѣзывали изъ бумаги и разсылали всюду; при видѣ ихъ дамы падали въ обморокъ, мужчины же искали утѣшенія въ венгерскомъ. Множество бумажныхъ изображеній этихъ страшныхъ ножей я самъ разослалъ въ провинцію. Тѣмъ не менѣе ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ никто не видалъ желѣзнаго подлинника этого орудія; въ Польшѣ говорили, что ножи были задержаны въ Литвѣ, въ Литвѣ указывали на Кіевское воеводство, здѣсь же не могли указать источника этого тревожнаго слуха».

Сеймъ, хотя не имѣлъ фактическихъ данныхъ о бунтѣ, постановилъ, чтобы русскіе торговцы въ Польшѣ запаслись паспортами отъ надлежащихъ учрежденій, безпаспортные же маркетаны, монахи, священники и извозчики должны въ двухнедѣльный срокъ оставить Польшу,—сверхъ того, всѣ православные духовные должны принести присягу на вѣрность королю и не поминать

въ молитвахъ иноземныхъ монарховъ; ввозъ оружія изъ-за границы не допускался.

Порядковымъ коммиссіямъ сеймъ поручилъ успокаивать крестьянъ кроткими мѣрами, но разрѣшилъ призывать военныя команды. Къ населенію сеймъ обратился съ универсаломъ, приглашая всѣхъ доносить о заговорѣ и обѣщая помилованіе даже участникамъ его, если они донесутъ до своего ареста. Судить подозрѣваемыхъ должны были гродскіе и земскіе суды. Но въ концѣ мая 1789 г. сеймъ выдѣлилъ особую коммиссію изъ 3-хъ сенаторовъ и 9 депутатовъ для окончательнаго допроса обвиняемыхъ и представленія по каждому дѣлу заключенія въ сеймъ. Коммиссія эта, впрочемъ, занялась совсѣмъ инымъ дѣломъ—разслѣдованіемъ о дѣйствіяхъ слуцкаго православнаго архимандрита Виктора Садковскаго и предоставила розыскъ о предполагаемомъ бунтѣ порядковымъ коммиссіямъ.

Наиболѣе энергичной изъ этихъ коммиссій оказалась волынская, которая состояла изъ 25 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Францишка Пражмовскаго. На Волыни больше всего волновалась шляхта, это сказалось и на дѣятельности коммиссіи. Она сразу издала множество распоряженій. Организована была милиція, состоявшая исключительно изъ католиковъ и содержавшаяся на счетъ помѣщиковъ, а безземельные дворяне призваны были къ оружію. Впрочемъ, милиція такъ и не собралась по той причинѣ, что помѣщики не хотѣли платить денегъ на содержаніе своихъ охранителей. Далѣе предписывалось помѣщикамъ задерживать и осматривать всѣхъ пилипоновъ, отнять оружіе у всѣхъ крестьянъ, а подозрительныхъ и дерзкихъ арестовывать, собрать съ крестьянъ фуражъ для войска. Евреямъ коммиссія запретила продавать свинецъ, порохъ, сѣру и селитру, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручила имъ, какъ «народу предусмотрительному и любознательному», сообщать обо всемъ подозрительномъ помѣщикамъ и коммиссіи. Городъ Луцкъ, мѣстопребываніе коммиссіи, былъ укрѣпленъ, жители вооружены, всѣ обязаны были доставлять боевые припасы и запастись провіантомъ на два мѣсяца. Собравши кое-какъ гарнизонъ, коммиссія со страхомъ ожидала Пасхи, когда

предполагалось начало бунта. На страстной запрещено было собираться въ костелы. Въ страстную субботу день и ночь по городу ѣздили патрули. Ночью помѣщикъ Чацкій съ военной хоругвью и судья Загурскій съ милиціей сдѣлали вылазку изъ города и даже проникли въ сосѣдній лѣсъ, но никого не нашли... О непріятелѣ не было ни слуху, ни духу.

Волынская коммиссія не успокоилась и послѣ этого. Она сообщила сосѣднимъ коммиссіямъ фантастическіе слухи, будто 4000 пилипоновъ перешли границу и организуютъ возстаніе, снабжая крестьянъ ножами, пистолетами, сѣдлами и деньгами, что срокъ возстанія назначенъ въ день Пасхи и руководителемъ его будетъ сынъ Гонты, что поэтому она распорядилась арестовывать всѣхъ пилипоновъ, допросила многихъ крестьянъ и священниковъ, иныхъ изъ нихъ казнила, кромѣ того организовала милицію. Эти же мѣры она рекомендовала другимъ коммиссіямъ.

Дѣйствительно, коммиссія велѣла арестовать всѣхъ «маркетановъ», ихъ оказалось 40—50 человѣкъ; у нихъ отобрали товары (въ томъ числѣ нѣсколько дюжинъ карманныхъ ножей) и вырученныя отъ торговли деньги. При допросѣ никакой прикосновенности ихъ къ предполагаемому бунту обнаружено не было. Несмотря на отсутствіе уликъ, только нѣкоторые изъ нихъ были освобождены черезъ 7 мѣсяцевъ и высланы за границу. Прочихъ коммиссія хотѣла казнить, и только запретъ короля помѣшалъ этому. Еще въ 1791 г. русскій посланникъ Булгаковъ хлопоталъ объ ихъ освобожденіи. Интересно, что одного изъ нихъ Владимірскій гродскій судъ призналъ невиновнымъ и рѣшилъ освободить, но предсѣдатель суда подстароста Заленскій приписалъ къ декрету, что судъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ вѣдомыхъ ему причинъ, рѣшилъ задержать подсудимаго подъ арестомъ. А эти причины состояли въ томъ, что панъ подстароста растратилъ нѣсколько тысячъ злотыхъ отобранной у маркетана выручки.

Хотя аресты маркетановъ не дали коммиссіи указаній для раскрытія заговора, она не потеряла энергіи и принялась за розыскъ при помощи другихъ средствъ. Стали практиковаться въ широкихъ размѣрахъ аресты всѣхъ вообще подозрительныхъ

лицъ, по доносамъ и даже безъ доносовъ. Для дѣятельности доносителей открылось широкое поприще вполнѣ безопасное, такъ какъ за ложный доносъ они не отвѣчали. Явилась возможность свести старые счеты, насолить непріятному человѣку. Неосторожно сорвавшаяся съ языка угроза или похвальба, сношенія, самыя невинныя, съ маркетаномъ, служили достаточнымъ поводомъ къ аресту. Иногда арестовывали священниковъ просто за то, что они пользовались особымъ уваженіемъ прихожанъ. Начальники военныхъ разъѣздовъ, производя у духовенства обыски, нерѣдко захватывали деньги или угрозами вымогали взятки.

Такимъ образомъ въ рукахъ коммиссіи было нѣсколько сотъ арестованныхъ, и ихъ показанія послужили поводомъ къ новымъ арестамъ.

Открылся судъ дѣломъ по доносу арендатора имѣнія кн. Воронецкаго с. Любче, Вильчинскаго на крестьянъ этого села. Гродскій судъ потребовалъ было, чтобы доносчикъ подкрѣпилъ свой извѣтъ показаніями законнаго числа свидѣтелей. Тогда коммиссія, превысивъ свои полномочія, стала судить любчанъ сама и, вопреки закону, признала, что достаточно показанія одного только шляхтича, подтвержденнаго присягою. Вильчинскій присягнулъ, и коммиссія приговорила одного крестьянина повѣсить, а прочихъ подсудимыхъ отправить подъ конвоемъ домой и въ каждомъ встрѣчавшемся на пути селѣ давать каждому по 100 ударовъ розгами. Такихъ селъ было 11.

Дьяка с. Жукова Симеона Яроцкаго повѣсили за угрозы противъ ляховъ и жидовъ, произнесенныя въ пьяномъ видѣ.

Въ с. Куриловкѣ крестьяне на рождественскихъ праздникахъ пришли колядовать во дворъ помѣщицы Прушинской и запѣли, когда Прушинская уже ложилась спать; она велѣла разогнать колядующихъ палками. Кто-то изъ раздраженныхъ такимъ пріемомъ крестьянъ сказалъ: «Наша пани не умѣетъ жить съ людьми; слѣдовало бы, чтобы ее проучилъ сынъ Гонты!» Этого было достаточно, чтобы Прушинская велѣла арестовать 27 человѣкъ и отправить въ Дубно. Хотя крестьяне не отрицали факта произнесенія этихъ словъ, но утверждали, что не знаютъ ничего

ни о бунтѣ, ни о сынѣ Гонты. Коммиссія рѣшила троихъ четвертовать, десятерыхъ повѣсить, а остальныхъ наказать розгами.

Въ Луцкѣ повѣсили двоихъ крестьянъ за похвальбы въ пьяномъ видѣ, третьему, по ходатайству за него уніатскаго капитула, только отрубили правую руку; впрочемъ, онъ черезъ недѣлю умеръ.

Въ Кременцѣ одного крестьянина безвинно обезглавили, двухъ повѣсили, двухъ высѣкли.

Сынъ священника Матвѣй Лохвинскій, выпивши, хвалился, что не позволилъ бы произвести обыска въ своемъ домѣ. Ему зачли въ наказаніе мѣсяцъ ареста и приговорили къ 100 гривнамъ штрафа. Сильнѣе поплатился другой священническій сынъ И. Загоровскій: онъ, тоже будучи пьянъ, пугалъ жену шинкаря-еврея, ударилъ ее и какого то крестьянина и пытался бѣжать за экипажемъ проѣзжавшаго шляхтича. Ему дали 100 ударовъ розгами на луцкомъ рынкѣ.

Одного крестьянина изъ Чарторыйска, который сознался, что въ его домѣ ночевалъ маркетанъ и что они бесѣдовали о современныхъ военныхъ событіяхъ, приговорили къ 100 ударамъ розгами, а двоихъ крестьянъ оттуда же за то, что они, напившись, пугали еврея-шинкаря сыномъ Гонты, къ 50 ударамъ.

Часто обвиненія отличались крайнею нелѣпостью. Такъ сыновей священника Венедикта Лукашевича и Павла Братковскаго арестовали за то, что они, въ поискахъ приходовъ, отлучались изъ дома на 2—3 недѣли и одинъ изъ нихъ говорилъ, будто рукоположенъ въ Молдавіи; крест. Химича посадили въ тюрьму за сѣтованія по поводу предстоящаго прихода войскъ,—Вас. Вознаго за то, что онъ заказалъ кузнецу слишкомъ длинный ножъ; крест. Балачу арестовали за то, что, встрѣтивъ въ м. Муравицѣ какого-то неизвѣстнаго еврея, велъ съ нимъ шуточный разговоръ, содержаніе котораго осталось тоже неизвѣстнымъ; трое крестьянъ угодили въ тюрьму за отлучку изъ дома для землекопныхъ работъ. Нѣкоего русскаго дворянина Ив. Богушевскаго схватили за то, что онъ «безъ нужды» ѣздилъ по Волыни, а такъ какъ изъ паспорта нельзя было вывести заключеній объ его намѣре-

ніяхъ, то его и сдали въ солдаты, пока онъ не докажетъ своей невинности.

Коммиссія попыталась открыть бунтарей и среди мѣщанъ. Узнали, что въ концѣ 1788 г. пріѣзжалъ изъ Каменца въ Луцкъ какой-то армянинъ, жилъ у мѣщанина Дасткевича, говорилъ о необходимости большей самостоятельности городскихъ обществъ и реформы городского управленія, а по его отъѣздѣ Дасткевичъ собиралъ сходки, на которыхъ приносили какую-то присягу и собирались отправлять куда то пословъ: мѣщане же перестали повиноваться войтовскому намѣстнику и утверждали, что власти намѣстника скоро будетъ конецъ, а когда намѣстникъ послалъ на сходку офицера съ 3-мя солдатами, то мѣщане побили ихъ и вытолкали; далѣе говорилось, что мѣщане снесли въ магистратъ копья и бердыши, заявили, что имъ постыдно конвоировать осужденныхъ на смертную казнь, что подъ ихъ вліяніемъ палачъ отказался отъ должности, и что какой-то пилипонъ торговалъ съ разрѣшенія Дасткевича въ Луцкѣ свѣчами, мыломъ и яблоками. По этимъ обвиненіямъ 27 луцкихъ мѣщанъ предстали передъ гродскимъ судомъ. Дасткевичъ отъ имени всѣхъ заявилъ, что армянинъ говорилъ о правахъ луцкихъ и каменецкихъ мѣщанъ и обѣщалъ сообщить нужные документы, что на сходкахъ рѣшались городскія дѣла и избирались должностныя лица, которыя и приносили присягу, пословъ выбирали для посылки по дѣламъ въ Варшаву, власти намѣстника не признаютъ въ силу городскихъ привилегій и объ этомъ идетъ процессъ въ судѣ, сопровождать преступниковъ къ мѣсту казни считаютъ для себя позорнымъ, а пилипонъ торговалъ мыломъ и яблоками съ разрѣшенія намѣстника. Какъ ни старалась коммиссія, судъ не нашелъ въ дѣйствіяхъ мѣщанъ ничего преступнаго и ограничился требованіемъ отъ двухъ изъ нихъ присяги въ томъ, что они не причастны къ бунту и сходились не ради заговора. Любопытно то, что, когда сеймъ обнаружилъ намѣреніе приступить къ реформамъ, подканцлеръ Коллонтай и варшавскій президентъ (голова) Декертъ побуждали мѣщанъ большихъ городовъ ходатайствовать передъ сеймомъ о возвращеніи правъ, которыхъ лишило мѣщанъ шляхетство, а именно о допу-

щеніи депутатовъ отъ городовъ въ сеймъ, о невмѣшательствѣ старость и воеводъ въ городское самоуправленіе и самосудъ, равенствѣ по служебнымъ правамъ со шляхтой, правѣ пріобрѣтать земли и пр. Декертъ циркулярно приглашалъ города прислать въ Варшаву депутатовъ для совмѣстной подачи объ этомъ просьбы королю. что и было исполнено. Пресловутый армянинъ въ Луцкѣ и былъ, очевидно, однимъ изъ агитаторовъ по этому дѣлу.

Въ м. Колкахъ мѣщане, по побужденію писаря Дацкевича. сходились и собирали деньги для разысканія привилегій, нѣсколько человѣкъ, спьяна, грозились, пѣли пѣсни «русскими словами», пугали неприличными шутками евреевъ, хранили у себя оружіе, а одинъ купилъ у маркетана ножъ и платокъ, сверхъ того при встрѣчѣ мѣщане стали подавать другъ другу руку, что считалось коммиссіей явнымъ признакомъ заговора, такъ какъ участники Уманской рѣзни здоровались такимъ же образомъ. Судъ приговорилъ писаря и семерыхъ мѣщанъ къ тюремному заключенію отъ 1 до 3 лѣтъ и къ 200—300 ударамъ розги.

Разочаровавшись нѣкоторымъ образомъ въ мѣщанахъ, коммиссія принялась за духовенство.

Захвачены были цѣлые десятки священниковъ и посажены по тюрьмамъ въ Луцкѣ, Кременцѣ, Дубнѣ и Владимірѣ.

Мало культурные уніатскіе священники, большая часть которыхъ были едва грамотны, не могли опираться при защитѣ на дѣйствующіе законы и изворачиваться среди обвиненій и совѣтовъ, которыми закидывали ихъ и судьи и адвокаты. Отъ нихъ-то коммиссія и попыталась вытянуть признаніе въ существованіи заговора.

Было донесено, между прочимъ, что въ с. Сускѣ у свящ. Лукаевича ночевалъ маркетанъ. Арестовать Лукаевича поѣхалъ лично членъ коммиссіи шамбелянъ Каетанъ Аксакъ. На возвратномъ пути онъ запугалъ арестованнаго и совѣтовалъ ему, ради спасенія, признаться во всемъ. Лукаевичъ, хотя готовъ былъ признаваться, но не зналъ въ чемъ. Аксакъ научилъ его, что надо говорить, и обѣщалъ не только освобожденіе отъ наказанія, но и богатую награду. На допросѣ въ коммиссіи Лукаевичъ и пока-

залъ, что у него ночевалъ маркетанъ Василько, уговаривалъ его волновать крестьянъ и показывалъ писанный по русски документъ, на которомъ онъ разобралъ начало подписи «Екат...», утверждая, что это указъ императрицы, предписывающій возстаніе; хотя онъ, священникъ, и отказался агитировать, маркетанъ оставилъ ему на расходы 20 червонцевъ. Все это Лукаевичъ, хотя не безъ смущенія, подтвердилъ присягою. Его похвалили и отправили въ Варшаву. Здѣсь волынскіе депутаты возили его по салонамъ и выхлопотали ему отъ сейма золотую медаль, дипломъ и 2000 злотыхъ. Между арестантами отыскали въ Луцкѣ и оговореннаго Лукаевичемъ маркетана. На очныхъ ставкахъ съ Лукаевичемъ онъ ни въ чемъ не признавался и отрицалъ какое бы то ни было касательство къ бунту. Его приговорили къ повѣшенью. Передъ казнью ему предложили пощаду съ условіемъ подтвердить показанія Лукаевича, но онъ рѣшительно отказался и казнь была совершена.

Показаніе Лукаевича усилило розыски виновныхъ среди священниковъ.

Трое крестьянъ изъ с. Городища встрѣтили на дорогѣ въ корчмѣ какого-то надворнаго козака, который сообщилъ имъ, что на Украинѣ можно ожидать бунта и истребленія дворянъ и евреевъ. Крестьяне, по возвращеніи домой, разговаривали объ этомъ; одинъ изъ нихъ выразилъ готовность примкнуть къ возстанію. Слуга-мазуръ услыхалъ разговоръ и доложилъ помѣщику Стецкому. Послѣдній отправилъ троихъ обвиняемыхъ на судъ магистрата въ Острогъ. Ихъ приговорили къ повѣшенію, но передъ казнью двое заявили, что желаютъ открыть тайну; ихъ отправили въ Луцкъ, а третьяго повѣсили. Они оговорили свящ. Бендеровскаго, который, будто бы, объявлялъ имъ, что наканунѣ Пасхи будутъ истреблять дворянъ и евреевъ, уговаривалъ ихъ участвовать въ этомъ, обѣщая дать оружіе, и велѣлъ все хранить въ тайнѣ. Слѣдствіе надъ арестованнымъ Бендеровскимъ раскрыло только, что онъ часто напивался и тогда разгонялъ домашнихъ и оскорблялъ мать, да еще, будучи на Пасхѣ въ гостяхъ у сосѣдняго эконома, на шутливое приглашеніе послѣдняго: «Рѣжьте поросенка, пока насъ

самихъ станутъ рѣзать!» отвѣтилъ шуткой же: «Если бы вы были нашей вѣры, то вамъ нечего было бы опасаться». Несмотря на недостаточность уликъ, судъ приговорилъ Бендеровскаго къ смертной казни. По закону до совершенія казни епископъ долженъ снять съ осужденнаго санъ. Луцкій уніатскій епископъ Стефанъ Левинскій, считая приговоръ незаконнымъ и несправедливымъ, аппелировалъ къ папскому нунцію и сейму и затянулъ дѣло на 3 недѣли. Негодующая шляхта заявила суду, что епископъ покровительствуетъ заговору, и вытребовала отъ гродскаго суда приказъ магистрату исполнить приговоръ во что бы ни стало 25 мая. Епископъ потребовалъ дѣло къ себѣ на разсмотрѣніе; ему выдали документы на сутки и прекратили на это время сообщеніе города съ окрестностями. Епископскій судъ приговорилъ Бендеровскаго къ лишенію сана, и затѣмъ его казнили. И передъ казнью Бендеровскій, каясь въ пьянствѣ и неуваженіи къ матери, утверждалъ, что о заговорѣ онъ ничего не знаетъ. По возстановленіи сообщеній было получено пришедшее за сутки предписаніе сейма остановить казнь и доставить осужденнаго въ Варшаву.

Другой священникъ, представшій передъ судомъ, Ѳедоръ Борковскій изъ с. Староселья былъ человѣкъ немолодой (59 лѣтъ), велъ нетрезвую жизнь и въ пьяномъ видѣ повторялъ слухи о возстаніи и ожидаемомъ появленіи сына Гонты. Крестьяне его словамъ не вѣрили и вообще не уважали Борковскаго за пьянство и корыстолюбіе. Когда слухи о рѣчахъ Борковскаго дошли до коммиссіи, его арестовали и посадили въ тюрьму. Пребываніе въ тюрьмѣ показалось ему непріятнымъ и, по совѣту адвоката Яворовскаго, онъ рѣшился послѣдовать примѣру Лукаевича и послѣ нѣкотораго колебанія подписалъ сочиненный Яворовскимъ фантастическій разсказъ о томъ, будто онъ ночью отправился въ церковь и встрѣтилъ возлѣ нея пилипона Семена Брусова, который сказалъ ему, что онъ, Брусовъ, одинъ изъ 3000 агентовъ, присланныхъ изъ Россіи, «изъ земли Китайской, лежащей по ту сторону Петербурга», для организаціи крестьянскаго возстанія, предложилъ ему принять участіе въ этомъ дѣлѣ и далъ 100 рублей на расходы подъ расписку въ книжкѣ, гдѣ было много по-

добныхъ квитанцій: Борковскій пытался вести пропаганду среди крестьянъ, но не встрѣтилъ сочувствія и истратилъ данные ему 100 рублей на свои нужды. На словахъ Борковскій прибавилъ, что онъ пріобрѣлъ и оружіе и зарылъ его. Никакого оружія въ указанномъ мѣстѣ, конечно, не оказалось, не нашли и пилипона Брусова. Во время перерыва между двумя сессіями Борковскій одумался и заявилъ, что всѣ показанія его вымышлены по внушенію адвоката. Судъ не принялъ во вниманіе этого заявленія и приговорилъ Борковскаго къ смертной казни. Епископъ на этотъ разъ не рѣшился спорить, и обвиняемый былъ лишенъ сана и обезглавленъ, хотя и клялся, что взвелъ на себя напраслину.

Коммиссія не ограничилась привлеченіемъ къ суду низшаго духовенства, она сдѣлала нападеніе и на самую луцкую уніатскую консисторію.

Случилось, что два товарища народовой кавалеріи, проѣзжая черезъ с. Хорупань, остановились въ домѣ священника Глодовскаго, человѣка стараго (70 лѣтъ) и крайне ограниченнаго. Въ разговорѣ о казняхъ и арестахъ священниковъ товарищи замѣтили: «Сами вы виноваты, замышляя дурныя дѣла». Священникъ отвѣтилъ: «На чьемъ возу сидишь, того и пѣсенку поешь», и прибавилъ, что каждый долженъ исполнять приказанія своего начальства, а на послѣдовавшій за тѣмъ вопросъ, чьи это приказанія, сказалъ: «епископа». Товарищи донесли объ этомъ коммиссіи. Глодовскаго посадили въ Дубенскую крѣпость. Епископскаго распоряженія не открыли, но Глодовскій оговорилъ члена консисторіи Карповскаго, ѣздившаго по епархіи собирать пошлины съ духовенства, будто онъ въ домѣ священника с. Иваня Василевскаго говорилъ, что когда русскіе возьмутъ Константинополь, то Польша будетъ покорена и обращена въ православіе, и самому подсудимому Карповскій говорилъ въ Дубнѣ о предписаніи консисторіи истреблять дворянъ. Кромѣ того Гладовскій заявилъ, что священникъ с. Суража Свидерскій получилъ какое-то страшное письмо, которое сжегъ, но содержаніе письма извѣстно священнику с. Рахманова Каролинскому. Всѣхъ оговоренныхъ арестовали. Василевскій опровергалъ показаніе Глодовскаго, а Свидер-

скій и Каролинскій показали, что письмо было получено изъ Галиціи отъ брата Свидерскаго и содержало описаніе преслѣдованій, которымъ подвергалось католическое духовенство въ Галиціи. Обвиняемыхъ освободили, кромѣ Карновскаго, къ которому отнеслись съ явнымъ пристрастіемъ, показанія его при записываніи извращались, наконецъ, подослали къ нему какую-то даму, которая, подъ видомъ участія, взялась передавать его письма друзьямъ, а на дѣлѣ сообщала ихъ въ коммиссію, припутала къ дѣлу и показанія казненнаго Борковскаго. Карновскій, видя, что его дѣло плохо, просилъ у одного изъ друзей яда, чтобы избѣжать казни. И это письмо коммиссія пріобщила къ уликамъ. Три мѣсяца продержали его въ тюрьмѣ, и гродскій судъ на основаніи показаній Глодовскаго и Борковскаго, а также вмѣнивъ Карновскому въ вину, что онъ много ѣздилъ по епархіи и любилъ женщинъ, приговорилъ его къ заключенію на 3 года въ Каменецкой крѣпости и потомъ къ пожизненному заключенію въ монастырѣ. Два года съ лишнимъ просидѣлъ Карновскій въ Каменцѣ и только черезъ капитана каменецкаго гарнизона и его брата королевскаго секретаря Бачіарели успѣлъ довести дѣло до свѣдѣнія короля, который предписалъ Люблинскому трибуналу пересмотрѣть дѣло. Карновскій былъ оправданъ трибуналомъ и освобожденъ.

Священника с. Осницы Доминика Мицевича арестовали за сношенія съ маркетанами; онъ показалъ подъ присягой, что дважды покупалъ у маркетановъ замки и платки и другихъ дѣлъ съ ними не имѣлъ. Его освободили. Когда объ его арестѣ узналъ его отецъ, священникъ м. Рафаловки Федоръ Мицевичъ, то тотчасъ поѣхалъ въ Осницу; помѣщикъ Рафаловки Олизаръ послалъ милицію догнать его и доставить въ Луцкъ. Мицевичъ сталъ угощать милиціонеровъ водкой, но при этомъ самъ напился и когда его сажали въ сани, кричалъ и призывалъ крестьянъ и въ Осницѣ и въ м. Чарторыйскѣ освободить его. Его обвиняли тоже въ сношеніяхъ съ маркетанами, подговариваніи крестьянъ къ бунту и еще въ томъ, что въ дружеской бесѣдѣ съ экономомъ шутя спросилъ его: «Не нужно ли вамъ продѣлать отверстіе къ

сердцу»? и приложилъ къ его груди палецъ. На основаніи этого его приговорили къ смертной казни, но, къ счастью, получено было распоряженіе сейма, запрещавшее коммиссіи судить обвиняемыхъ. Дѣло передали въ гродскій судъ, который не нашелъ его виновнымъ въ сношеніяхъ съ маркетанами и въ подстрекательствѣ крестьянъ, а Милковскій отрицалъ произнесеніе Мицевичемъ словъ объ отверстіи къ сердцу. За сопротивленіе при арестѣ и призывъ крестьянъ къ защитѣ Мицевича приговорили на годъ въ тюрьму, засчитавъ предварительный арестъ.

Въ с. Яблонкѣ помѣщикъ Богуцкій еще въ 1782 г. отнялъ у священника Епифанія Бубаловича церковныя земли и обвинялъ его предъ епископомъ въ предосудительномъ поведеніи. Епископскій судъ оправдалъ священника и заставилъ помѣщика возвратить землю. Теперь Богуцкій призвалъ пономаря Кабасюка, прочелъ обвиненія противъ священника и требовалъ, чтобы Кабасюкъ ихъ подтвердилъ. Тотъ отказался. Его стали сѣчь и послѣ 300 ударовъ Кабасюкъ подтвердилъ обвиненія при 12 свидѣтеляхъ. Бубаловича обвинили въ томъ, что къ нему пріѣзжалъ благочинный изъ м. Колковъ Костюкевичъ и братъ его изъ с. Собатина свящ. Стефанъ Бубаловичъ, и они совѣщались, а потомъ Н. Бубаловичъ ѣздилъ къ благочинному, а послѣ его ареста упрекалъ крестьянъ, что допустили взять его, купилъ съ братомъ старыя ружья, жалѣлъ, что не купилъ у пилипоновъ ножей, пьяный говорилъ что-то о пилипонахъ и исповѣдывалъ сперва только женщинъ, потомъ мужчинъ. Брата Бубаловича Карпа обвиняли въ произнесеніи словъ: «Пусть забираютъ наши косы и порѣжутся ими, я могъ бы ихъ побить и дубиной». Гродскій судъ приговорилъ Епифанія Бубаловича къ 12 годамъ тюремнаго заключенія, Стефана къ церковному покаянію, а Карпа къ 100 ударамъ розгами и отдачѣ пожизненно въ солдаты. Противъ благочиннаго Костюкевича не могли найти свидѣтелей. Двоихъ крестьянъ сѣкли и держали въ тюрьмѣ до смерти, но не добились нужныхъ показаній. Костюкевичъ былъ освобожденъ.

Е. Кивлицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

За высокымъ тыномъ.

Вечорило. Небо було ще ясне, и тилькы на заходи поватомъ зводылася на-зустричъ червоному, якъ жаръ, сонцю темна стинка. Верхній край іи вже спалахнувъ краденымъ полумьямъ, але сонцю ще вильно було озыраты свитъ Божій, и воно залюбки спыныло свій ясный поглядъ на крутому згирью. Зассяли раптомъ, зачервонилыся ёго то жовтои, то билои глыны проваллля, мытью поннялася золотымъ проминнямъ поросляя по ёму диброва, рожевою стёжкою повылася по-пидъ нымъ ричка, и, немовъ той розисланый сувой полотна, забилила середъ дибровы одъ шпыля до нызу гладенько утоптана, вузенька стежка. Тією стежкою йшовъ, купаючысь у вечирнёму промини, не такъ старый, якъ знесыленый дидъ. Сонце обдавало увесь станъ ёго сяйвомъ, золотыло навколо вже трохы пожовкле лыстя та траву, але дидъ немовъ не бачывъ ничого и, хмурый, замысленый, байдужый до пестощивъ сонця, не звертавъ увагы ни на сяйво, ни на навколышню красу. Права рука ёго була закладена за пазуху, у ливій винъ нисъ свердло та гладенько заструганый чипъ. Чорна тенетка, де-не-де полатана, де-не-де у роспиркахъ, телипалася, ниде не прылягаючы до схудлого тила; демыкытонови, тежъ давно непрати штаны спускалыся до самои землм и прыкрывалы покандзюблени, вузлувати боси ступени ажъ до пьятъ. Зъ пидъ рудои, вкрай попсованои сонцемъ та негодою смушевои шапкы вызырало довгообразе, жовте, покраяне не частымы, але глыбо-

кымы, зморшкамы, облыччя. Густи, бровы навыслы на сами очи. Сыва борода засіялася по самому пидборидью и, зъ давнихъ часивъ неголена та занехаяна, спускалася неривнымъ косякомъ на груды. Пасмы тежъ неривного сывого волосся падалы на запечену на сонци шыю и прыкрывалы жовти, якъ вискъ, прозори вуха. Дидъ мавъ бы выглядъ мерця, колы бъ не ясный, гострый поглядъ ёго маленькыхъ сирыхъ очей. Ти очи часомъ и прымеркалы видъ стомы, але за хвылыну изнову розжеврювалыся, и тоди дидъ проймавъ гострымъ поглядомъ усю диброву, сягавъ очима ажъ до самои рички, що оточыла згирря зъ трёхъ бокивъ, занепокоено озырався назадъ, прыдывлявсь до шпыля, за якымъ розкынулося ненавысне ёму село та ёго власна оселя.

Ниде не выдно було ни душы. Ему посчастыло: винъ бувъ самитный середъ ціеи окопанои та обикладенои колючымъ чагарныкомъ дибровы; самитный буде и на нызу, на ричци, не зустрине, не побачыть никого зъ своихъ ворогивъ. А ворогивъ тыхъ незличыма сыла. Увесь билый свитъ—то вороже поле, де стилькы ворожыхъ станивъ, скилькы и людей. И змагатысь зъ нымы—не сыла, здолаты ихъ ни у кого не постачыть снагы; кары воны тежъ не боятся ніякои, бо лукави, хытри, безсовисни, воны не выходять до чесного бою, не вызброюются шаблямы та мушкетамы, не прыпасають и гострыхъ ноживъ, якъ ти душогубы, а выховують свои лукави замиры у потайни хыжого серця, плетуть тенета на правду у питьмы своеи совисти, кують кайданы зъ улестлывыхъ ричей и нападають зненацька, середъ билого дня. Воны не дають никому жыты. Той велыкый даръ жыття, що давъ Господь и комашныни на втиху, переводять за бійкою, сваркою та злочынствамы на тяжку спокуту. Хиба хто справди керуе своимъ жыттямъ? Хиба «воны» допустылы и ёго буты господаремъ своеи доли? Пошматувалы, попсувалы, якъ хотилы, достаткы, серце, душу, и воны бъ доси знущалыся зъ ёго, колы бъ винъ не навчывся ненавыдиты ихъ. Знивечылы ёму жыття и вже напевне готують кайданы, плетуть тенета и на Гапку. Та ни: даремна ихня праця, даремни заходы—не зазнае дидова унука сы-

ритськои доли, не куштуватыме хлиба, помащеного проклёномъ, не запобигатыме ласкы ворогивъ...

На середыни стежкы дидъ зупынывся и перевивъ духъ. Подорожь одъ шпыля, де кинчалася диброва, та почыналося заплетене высокымъ тыномъ дворыще дидове, була не далека, и ще недавнечко дидъ перебигавъ цю стежку не бильше, якъ за десять хвылынъ; сёгодни жъ ій неначе загубывся край. Ногы тремтилы, серце знесылювалося, губы прыпадалы смагою, двадцять-трыдцять крокивъ, що малося ще перейты, здавалыся довгымы гонамы, и колы бъ ти думкы та почуття, що неслы ёго теперъ на своихъ крылахъ, хочъ на хвылыну покынулы ёго, винъ упавъ бы тутъ, на дорози, и може не повернувся бъ бильше й до жыття. Але, на счастя, розумъ та серце ёго булы у добрій згоди: воны пидтрымувалы одынъ одне, якъ добри побратымы, пидбадёрювалы дружка дружку, якъ щыри друзякы. Чы то думкы померкнуть—серце, обурене пекучою ненавыстью, зневагою, огыдою до людей, поспишается на допомогу розуму и розворушуе ихъ; чы то серце вгамуется та стыхне хочъ на хвылыну клекотаты—тяжки спогады про мынуле лыхо вже на поготови, щобъ збентежыты ёго спокій та изнову выклыкаты гирьки почуття.

Спогадамы своимы Мыкыта не любывъ подилятысь ни зъ кымъ. Кожне зернычко, що западало колы на серци ёму, винъ пестывъ нышкомъ и самъ зрывавъ ти квиткы, що выросталы зъ ёго; кожну думку оброблявъ доты, покы зъ неи не выроблялося гладенького кильця до того ланцюгу, що почавъ винъ нызаты ще за дытячыхъ часивъ; коженъ выпадокъ складавъ нышкомъ у ту скарбныцю, куды поклавъ и свое перше горе. Тоди ёму було всёго чотырнадцять рокивъ. Винъ жывъ у своихъ опикунивъ, дядька Кузьмы та дядыны Горпыны. Батько покынувъ трохлитнёму Мыкыти добру нывку, прыкладный городъ, простору хату, пару бычкивъ та рябу кобылу; маты, вмираючы, добавыла шостылитнёму сыну срибный хрестыкъ зъ лавры та щыру пораду: «не чыпаты людей, не сперечатысь, на чуже добро не важытысь, чужымъ горемъ не корыстуватыся». На такій батькивцыни та за такою матерызныною можно було бъ и добре на свити прожыты, та, на жаль, оби-

бралы опикуномъ до сыроты дядька Кузьму; на другый жаль—дядько Кузьма посватався зъ старшыною, а на третій—взявъ соби за кума пысаря Антона Степановыча.

Завелыся видразу якись неоплаткы та клопоты; нывка перестала родыты, городъ порисъ бурьяномъ; бычкы скуксуватилы, кобыла знаровылася, а якъ забажалося дядыни Горпыни новои оселі, то завалылася и сыритська хата. Рикъ, другый—и хату, новитку, бычкивъ та кобылу якъ языкомъ злызало; ще черезъ рикъ продалы земельку, и нарешти усе господарство перевелося на змоченый не однымъ цебромъ горилкы вексель одъ дядька Кузьмы, не мало не багацько, ажъ на сто карбованцивъ.

Позбувсь Мыкыта, якъ воды напытыся, батькивщыны тай не знавъ довго про свою прыгоду. Люде мовчалы, а диты хочъ и торочылы сыроти щось про его шкапыну, та зроду неговиркый, не цикавый до новынъ хлопецъ не дуже дослухався. Прозынувъ якыйсь часъ—и батькивська оселя, бычкы та кобыла зныклы зъ памьяты, якъ сонъ, якъ мрія. Мыкыта звыкъ до доли убогои сыроты, навчывся дякуваты за дарованый шматокъ хлиба, прывчывся звертаты й порожнёму возу та обмынаты лыхо за далеки гоны, забувсь личыты ти стусаны, що перепадалы ёму одъ дядыны та дитей іи, и щыро молывся Богу за тихъ добрыхъ людей, що не попустылы загынуты пидъ тыномъ. Але ось наступывъ незабутній, до вику незабутній, день Спаса. На свитанку рознеслася по селу звистка, що старшыну та пысаря арештовано за якись обчеськи грошы. Уси селяне, якъ одынъ, гайнулы до волосты: жахъ за свои кревни шагы зигнавъ людей и зъ дальнихъ хуторивъ. Мыкыта прыгнавъ дядькивъ товаръ на обидъ и побигъ зъ хлопцямы тежъ туды. Велычезный выгинъ передъ волостью давно заповнывся народомъ та повозкамы. Люде гомонилы, грымалы, суперечалыся; де-не-де лупалы проклёны та дориканння: люде прыгадалы «велыку» «святу» правду, простягаючы до неи свои рукы, благословлялы іи и, здавалося, здатни булы побыты каминнямъ зрадныкивъ тіеи правды—злодія старшыну та пысаря, Антона Степановыча.

Мыкыта стоявъ пидъ млыномъ и очима йивъ цю обурену, страшну, розлютовану громаду. Винъ розумивъ іи горе, спочувавъ ій, обикраденій, одуреній, скрывженій своимъ же братомъ-селяныномъ, и пыльно прыслухався до голосныхъ річей. И справди, було що послухаты, було на вищо подывытыся.

Прокынулася людська памьять, прыспана то могорычамы, то обережнистью; захвылювало стояче болото терплячкы, куды звыкла громада скыдаты всякый брудъ; зирнулы наверхъ уси давни злочынства, прыгадалыся навить де-яки речи, що, здавалося, нихто не мигъ чуты, тымъ пачe памьятаты. Лыхо зйиднало ворогивъ, и люде, доси немични, похнюплени та не мовъ байдужи до всего у свити, раптомъ звелы свои головы, загомонилы, подужчалы, зацикавылыся, якъ тилькы злодій поклавъ свою руку на ихни гаманы. Громада лютувала и выклыкала старшыну та пысаря до росправы, але ихъ не було на сели. Тоди увесь гнивъ іи перенисся на головы друзякивъ та пособныкивъ ихнихъ. На чоли жъ тыхъ друзякивъ стоявъ насамперeдъ дядько Кузьма. Хтось натякнувъ на Кузьму, и громада вже пидхопыла, покотыла по всёму выгону ёго неславу, закыдала грязюкою ёго опорочене имья. Посыпалысь, якъ горохъ зъ торбы, лайка, прызвыща та докоры. Уси загомонилы, уси розпалылыся, и коженъ поспишався выказаты прылюдно все, що знавъ про Кузьму.

Мыкыта змынывся на выду: то жъ порочылы ёго ридного дядька —ту едыну спасенну душу, що прывитала ёго сыроту; то жъ селяне судылы ту людыну, якій ще учора ныженько уклонялыся; то жъ поносылы сусиды ту саму сусиду, якій ще недавнечко и стежку до свого двору промиталы. И дядько зносывъ ту страшну наругу! Винъ бувъ видповивъ щось громади, але такъ несмилыво та тыхо, що жодне слово ёго не дійшло до Мыкыты.

— А сыритська худоба де?—гукнувъ хтось на увесь выгинъ.

— Землю, хату, воливъ, коня де подивъ?—пидхопывъ другый голосъ.

— Злодіяко! Шахраю! Де ты Мыкытыну батькивщыну подивъ? Де подивъ сыритське добро? Видповидай—мыръ тебе пытае,—обизвався литній вже чоловичокъ, усимъ видомый пьяныччка Максымъ.

— Собакы! чого гавкаете? Навижени, чого напалыся? Забулы хиба, якъ на цёму самому мисци чотыры цебра горилкы на сыритськи грошы выпылы?—розлигся тонесенькымъ дзвоныкомъ голосъ дядыны Горпыны.

— Мыкытыну худобу де подивъ?—загула громада.—Ныву, горо́дъ, бычкивъ за сто карбованцивъ купывъ, на сыритськыхъ сохахъ хату поставывъ, сыритську кобылу у цыгана обминявъ!.. Думаешъ, не знаемо? Думаешъ, не бачылы, не чулы?

— А кожухы, сирякы та одежына?—нагадавъ Максымъ.

— Одежу куды подивъ? Може, скажешъ, Мыкыта зносывъ?

— Мыкыта! Де Мыкыта? Хай покаже свою тенетку, хай самъ розскаже мырови, якъ дядько ёго доглядавъ.

— Онъ де Мыкыта стоить! Ведить ёго сюды, до мыру!—гукнувъ скилькы духу, на увесь выгинъ, Максымъ.

— Мыкыто! Де Мыкыта?—пидхопыла громада.—Ведить ёго сюды!

Мыкыта злякався и поступывся назадъ.

— Мыкыто, иды! громада гукае,—штовхнувъ ёго зъ-заду якый-сь парубокъ.

— Чуешъ, Мыкыто?—гукають. Иды—дядько Кузьма рябу кобылу верне,—штовхнувъ ёго другый парубокъ.

— Становы мырови ще чотыры цебра горилкы, то й батька зъ того свиту повернуть—зареготався надъ самымъ вухомъ ёго рябый поводарь Панько.

Мыкыта выхопывся, якъ опеченый, и майнувъ, скилькы духу, до дибровы, але незабаромъ схаменувся: згадавъ, що товаръ доси у загороди, вернувся до-дому и погнавъ пасты.

Давно, дуже давно це було. Поводаря Панька вже й на свити немае, але смихъ ёго й доси лунае. Ни, то сміявся не хлопчыкъ поводарь, то сміялася ёго устамы уся громада, уся та велычезна сыла людей, що продала свою совисть за 4 цебра, оби-

крала, зныщыла, пошарпала долю сыроты и тилькы тоди, колы надумала помстытысь за свои кыщени ёго горемъ, згадала неправду дядька Кузьмы.

Винъ мусывъ бы тоди жъ, у той самый часъ, проклясты людське кодло, втекты, сховатыся одъ своихъ ворогивъ, але жъ молоде серце не зумило гараздъ зненавыдиты: воно тилькы вжахнулося, стыснулося, немовъ заховалося глыбше у грудяхъ, и винъ зостався ще терпиты та жыты, усимъ «чужый», помижъ чужыхъ людей.

До шистнадцяты рокивъ стрымувавъ винъ свое серце, боявся, остеригався людей та все працювавъ на дядька и тилькы вже при кинци симнадцятого одумався та покынувъ проклятy оселю. Трапылося це, одначе, трохы несподивано. Одного разу, пидъ часъ велыкого смутку, Мыкыта сыдивъ биля ричкы та дывывся на батькивське дворыще, де господарювалы чужи люде. Сонечко сидало, клалося на велыку негоду, череда вже верталася зъ поля—часъ бы було и ёму поспишытысь до-дому, щобъ за годыны загнаты дядькивъ скотъ у повиткы та залучыты овецъ у кошару, та не здиймалыся вже рукы до праци на корысть осоружнымъ людямъ, и Мыкыта не рушавъ.

Саме у той часъ рыбалка Омелько вертався до-дому. Витеръ здиймавъ по ричци высоки хвыли. Манесенькый човныкъ разъ-у-разъ порынавъ у ихъ, проте дидъ гнавъ заиграшкы свою хыстку шкорлупыну и наче не прымичавъ, що справляе ии проты витра та течіи. Кремьязный, мовъ зъ каминю выточеный, простоволосый, самъ билый, увесь у билому, одынъ на манесенькій душогубци середъ шырокого простору розлютованои ричкы, винъ такъ мало походывъ на тыхъ людей, що складають собою або покирлыву, полохлыву отару, або жъ громаду, здатню на всякъ часъ опохмелытыся чужымы злыднямы, такъ мало нагадувавъ тыхъ «дядькивъ» та «дидивъ», якыхъ найчастише доводылося Мыкыти бачыты, що парубокъ тутъ же поклавъ соби рыбалчыты, и якъ тилькы човныкъ чыркнувся о берегъ, побигъ до Омелька прохатыся у прыймы.

— Росты тамъ, де доля посадыла.—видмовывъ дидъ, выслухавшы ёго пыльне прохання.

Мыкыта гирько усмихнувся.

— Доля мене, диду, онъ де садыла—показавъ винъ на свій кгрунтъ—та ридный дядько вырвавъ мене зъ того кгрунту тай кынувъ пры дорози. Визьмить же мене на ричку, де хочъ люде не ходытымуть та серця мого не топтатымуть. Вже колы зробылы зъ мене чужого робитныка, то хай же я краще робытыму на васъ, диду, нижъ на своихъ ворогивъ; колы обибралы ныву, то хай же я краще у води бовтатымуся, нижъ своимъ потомъ чужу землю полыватыму. Визьмить мене, диду. Побачыте: не надамъ вамъ ніякыхъ клопотивъ, а ще може колы-небудь и у прыгоди стану.

Омелько повагався трохы, подумавъ и нарешти прыйнявъ такы до себе ёго, не за сына и не за робитныка, а швыдче за товарыща, котрому пообицявъ выдиляты якый-сь то паёкъ.

Мыкыта не пишовъ бильше до дядька, не схотивъ навить браты зайвои сорочкы, а такъ, якъ бувъ, у чому бувъ, такъ и выйихавъ тіеи жъ ночи передъ свитаннямъ на перше рыбальство.

И пьять рокивъ промынуло, якъ пьять счаслывыхъ днивъ. Ричка, рыба, ятиры, святе пысьмо у недилю, коротеньки пытання и коротеньки видповиди зъ прыводу рыбальства або прочытанного дидомъ пысьма—ни словечка про людськи справы, ни натяку про нхни сваркы та клопоты. То було безпечне, тыхе, повильне, счаслыве жыття. Адже серце не завдовольнылося нымъ: воно спочыло, посмилывишало, подало свій власный голосъ, а заразомъ помутыло розумъ и виддало ёго долю на поталу лыхымъ ворогамъ.

Недалечко одъ Омельковои хаты жыла чорнявенька, быстроока, молоденька московка, удова Одарка. Вона прыходыла иноди до Омелька по рыбу, и Мыкыта не стямывся, якъ закохався у неи.

На той часъ дядько Кузьма выплатывъ ёму 150 карбованцивъ; дидъ Омелько наскыдавъ тежъ до сотни. Мыкыта купывъ

манесенькій кгрунтъ та хату край села, биля дибровы, справывъ човенъ та ятиры, оженывся и простягъ бувъ руку до счастя, та увирвалося те щастя, и люде покотылы ёго геть-геть. Мыкыта помылывся трохы—безкраю весела дружына ёго була ёму не до пары. Змалечку роскишна, дивкою та молодыцею—свавильна, вона не зазнала ніякого горя на своёму вику, не бачыла, щобъ іи зирка колы-небудь хочъ трохы прымеркла, и обережный та неймовирный Мыкыта разъ-у-разъ дывувавъ іи, а ёго пыльни прохання: «не вчащаты самій до людей» та «не залучаты всякого й до своеи господы»—навить сердылы. Вона звыкла змалечку до людей и любыла село. Сусиды, вулыця вабылы іи такъ само, якъ вабылы Мыкыту ричка та очеретъ, а новенька сукня—дужче за ясни зиркы. Молоди незабаромъ побачылы, що воны люде рижнои вдачы и немовъ рижныхъ краивъ, проте до сварокъ ще не доходыло, и Мыкыта покладавъ велыку надію на безкраю покирлыву вдачу своеи жинкы. Не такъ миркувала найвирниша подруга Одарчына, зроду ненавысна Мыкыти молодыця Параска. Вона доклалала трохы праци до Одарчыного весилля, и тежъ ажъ рукамы сплеснула, якъ довидалася, якый то лютый звиръ—не чоловикъ отой Мыкыта.

— И ты корытымешся ёму? У чорныци пошыешся? За муры одъ людей сховаешся? Та хай же винъ не дижде! Хай вже самъ у очерети зъ сатаною кублытся, а ты не корыся, не потакай ёму,— порадыла вона Одарци.

Одначе Одарка не зважылася заводыты суперечокъ, и Мыкыта ще довгый часъ не знавъ, що шашиль вже точыть пидвалыну ёго оселі.

— А що Параска не одвидувала часомъ тебе сёгодни?—запытается було иноди Мыкыта, зауважывшы, що жинка неначе смутна.

— Чого бъ вона прыстаскалася?—видповисть Одарка, а сама спалахне, немовъ іи вкрай образывъ Мыкыта.

Нарешти, якось у недилю, Одарка убралася, якъ до церквы, и подалася кудысь. Мыкыта перегодывъ до самого обиду, а дали вибравъ ятиры и подавсь, не обидавшы, до рычкы. Вернувся винъ

вже надъ вечиръ, а жинкы все не було. Дорого бъ заплатывъ винъ, щобъ хто хочъ словечкомъ натякнувъ, де вона гостюе, але пытатыся у сусидивъ якось соромно и прыкро було, и Мыкыта поклавъ соби не выносыты смиття зъ хаты та нышкомъ сподиватыся жинкы. Вона вернулася вже у-ночи. Мыкыта накынувся бувъ на неи, але, побачывшы, що и сама молодыця не знае, куды свои очи подиты, облышывъ. Другои недили Одарка изнову метнулася було зъ хаты до Параскы у гости, але Мыкыта іи завернувъ. Молодыця попосумувала трохы, попогримала якый часъ и заспокоилася. За те Параска усе село оббигала, гирьку долю своеи подругы клянучы. Де не була яка подруга, сваха, родычка або кума—усихъ одвидала, усихъ розжалобыла. Заклопоталыся жиночкы несчаслывою долею безталаннои молодыци, усимъ шкода стало и вику іи молодого, и тіеи вроды, що такъ марно вьяне. Де не взялыся порадныци та пособныци, а тымъ часомъ и Парасчынъ братъ—той самый парубокъ, зъ якымъ Одарка колысь соловейка слухала, повернувся зъ москаливъ. Не счувся Мыкыта, не зоглянувся, якъ вже чорна галичъ посила ёго хату, якъ лыхи ворогы одирвалы дружыну одъ ёго серця и кынулы у обіймы якогось пройдысвита—москаля. Вона покынула ёго, двойко дитокъ-погодкивъ и подалася зъ села. Необачна, ймовирна, вона заплуталася якъ та муха, у павутыни лукавыхъ порадъ, загынула у обіймахъ порадныкивъ, якъ та тополя, обвыта кучерявымъ хмелемъ, згорила, якъ метелыкъ, на полумью того хымерного счастя, що обицявся ій даты облюбованый мыромъ полюбовныкъ. Вона загынула десь пидъ мійськымъ тыномъ, але ни смерть іи, ни ёго безталання ще не завдовольныло хыжыхъ ворогивъ: зосталося двойко дитокъ, и на ныхъ вже гострылы воны свои кигти. Сутужно доходылося Мыкыти зъ двома малымы дитьмы, про те винъ выгодувавъ ихъ.

Маруся—така жъ чорнява, така жъ моторна та весела, якъ небижка маты, вже сама поралася биля печи, сама доглядала усячыны. Иванъ—крапля у краплю батько—пособлявъ вже рыбалчыты. Нихто зъ селянъ бильше не зважувався зазыраты у Мыкытыни горшкы, нихто не сикався зъ порадамы, нихто не кала-

мутывъ спокою, и батько дорослыхъ дитей мигъ бы назваты себе счаслывымъ, колы бъ тилькы те счастя пе було и теперъ, якъ ранишъ у рукахъ чужыхъ людей. «Не обійдуся безъ людей, не мыне и мене лыхая прыгода выряжаты колысь свою кривъ, своихъ дитей у чужу хату, або поганыты чужою дытыною куткы своеи оселі». Зитхавъ Мыкыта, и що дали, то все дужче та дужче росла ёго туга. Найбильше журывся винъ за Марусю; и якъ же винъ жаливъ іи, якъ беригъ та ховавъ одъ погляду людського, абы хочъ якъ мога довше подержаты биля себе та частановыты до жыття. Адже не вберигъ. Щей симнадцяты рокивъ не мынуло ій, якъ унаглєдивъ десь биля крыныци дивчыну парубокъ Степанъ, уподобавъ, самъ сподобавсь, высватавъ та й повизъ ажъ у друге село.

Мыкыта мало не збожеволивъ. Счастя вже й на ричци немавъ,—покынуло ёго зъ цёго часу: то рвалыся ятиры, то ламався сажокъ, то захоплювала негода. Выйиде на ричку, визьме у рукы ятиръ, наважытся вже становыты, ажъ прыгадае, що Маруся ёго у чужій оселі, у чужому сели, згадае, що винъ одирвавъ шматокъ свого серця тымъ людямъ, що шкодилы ёму окрайця хлиба, згадае жинку, та й забуде про рыбу. Стане середъ човна, задуміе на мисци и стоить такъ, ажъ покы хвыля не прыбье ёго човенъ геть-геть до лозы. Очуняе, роздывытся, ухопыть тоди весельце, поверне човенъ, встромыть якый ятиръ, а тамъ, гляды, изнову, або сажокъ загубывъ, або ятиры промынувъ, не потрусывшы.

И даремно Маруся выхвалялася достаткамы, чоловикомъ та свекрухою: Мыкыту не тишыло іи веселе щебетання. Винъ не йнявъ виры тому счастю, якымъ надиляють чужи люде, и колы Маруся почынала божытыся, винъ тилькы сумно хытавъ головою та все застерегавъ видъ якоись биды.

— И де бъ узялася та бида на мою голову? Чы я, таточку, кому що заподіяла?—дывувалася Маруся.

— А хиба я що лыхого людямъ заподіявъ, або твоя маты?— сумно видповидавъ ій Мыкыта:—люде, дочко—що та пожежа, або

весняна вода—не розбирають, чы правый, чы вынуватый, а на кого наскочать, тому й бида.

И ще жодна хмара не перейшла надъ Марусыною головою, а вже якась бида неясна, невидома, але черезъ те ще страшниша наче шугала передъ Мыкытовымы очима, наче шелестила крыламы, щырыла зубы, якъ той поводарь Панько, выбывала гопака, якъ той коханець жинчынъ—москаль. И справди, та бида прыйшла. Незабаромъ Степанъ повернувся зъ миста пьянымъ и побывъ Марусю. Маруся прыбигла плачучы до-дому та й показала сынякы на руци.

Мыкыта ледве встоявъ на ногахъ. Закругляло червоне обидья по хати, холодный питъ выступывъ на чоли, серце раптомъ замовкло. Ци страшни сыняки на доньчыному тили переповнылы чарку: «Хай-же нею захлеснутся сами ворогы»—опамьятався Мыкыта и кынувся бувъ до дверей, але Иванъ вже попередывъ его. Гордый, самостійный, выхованный батькомъ на простори та у шани, парубокъ понисся, якъ витеръ, караты шуряка за сестрыну паругу. Мыкыта выйшовъ на поригъ, глянувъ ёму у слидъ и щыро подякувавъ Богови за такого сына. Цилый довгый день не вертався Иванъ, а колы вернувся, ёго не можно було пизнаты. Побытый, у залытій кривью чумарци, увесь у репьяхахъ та соломи, блидый, ажъ чорный, на выду, винъ ледве дійшовъ до лавы, звалывся и бильше вже зъ неи не зводывсь. Вбыто сына, и Мыкыта не мигъ покараты душогуба. Вбыто парубка у день середь села—и не знайшлося свидкивъ. Нихто не бачывъ, не чувъ ничого: «шурякы», проби «счепылыся на самоти у клуни и не прохалы порятунку». Обійшлы, одурылы ворогы судъ, посміялыся зъ судей та не одурылы Мыкыты. Винъ зненавыдивъ ще дужче людей, и колы-бъ не надія на праведный судъ Божый, винъ-бы самъ люто помстывся надъ ворожымъ селомъ. Поховалы Ивана. Мыкыта не выпустывъ жадноі слёзы, не промовывъ нікому жадного слова, а тилькы вже у-ночи, колы поснулы селяне, винъ пишовъ до могылы, охопывъ іи рукамы и зъ такымъ видчаемъ крыкнувъ: «сыну, сыну!», що стрепенулася уся диброва, застогнавъ яръ, пиднялася хвыля зъ самого дна рички и замы-

готилы зиркы. Той тяжкый стогинъ не дійшовъ тилькы до серця Маруси. Воно вже було спаскужене, опаганене коханнямъ душогуба, и въ той часъ, колы батько проклынавъ свого найлютишого ворога, донька молылася за ёго.

Люде впевнылы іи, що Иванъ бувъ самъ выненъ, що винъ перпшый звивъ руку на Степана и що то самъ Господь покаравъ ёго за лыхи замиры проты шуряка. Маруся радо дослухалася до тыхъ речей, хапалася за кожну дрибныцю, абы выправдыты свого чоловика, и все дужче та дужче лынула серцемъ до ёго та сумувала за нымъ. Нарешти, одніеи ночи, вона покынула одынокого батька и втикла до Степана. Тоди Мыкыта проклявъ іи, проклявъ увесь ридъ іи ажъ до самого колина, добувъ лютого собаку, купывъ верболозу и огородывся одъ усихъ людей велычезнымъ тыномъ. Теперь винъ, здавалося, вже не мавъ бильше ничого ни на земли, ни у серци, навищо поважылыся-бъ ворогы. Зелена могыла сынова, проклёнъ на дочку та ненависть на людей—то бувъ увесь скарбъ, що прыдбавъ винъ за 50 рокивъ жыття и за якымъ мавъ дожываты вику. Адже люде прырозумилы, якъ вразыты ёго.

Одного разу, колы Мыкыта вертався зъ могылы сына, якась запыхана жинка выбигла ёму навпереймы.

— Мыкыто, иды мерщій до Степана!—погукала вона Мыкыту:—Маруся на тяжкому родыви; пидняла клунокъ пшеныци тай пидвередылася.—Мыкыта спынывсь на хвылыну, але згадавъ Ивана, свій проклёнъ и набавывъ ходы, прямуючы то свого вгороду.

— Мыкыто! Бога бійся! Куды ты тикаешъ? Не беры гриха на душу: здіймы зъ дочкы свій батькивській проклёнъ!—обизвалася жинка.

Мыкыта выбравъ ще бильшій простець.

— Мыкыто, зглянься на дочку! Це жъ кривъ твоя, твоя ридна дытына! Не спизныся! Це жъ родыво, це страшный судъ.

Мыкыта дійшовъ до свого грунту, увійшовъ у двиръ и засунувъ хвиртку.

— Такъ будь же ты самъ проклять одъ Бога и видъ людей!—гукнула ему жинка и побигла до породилли. Мыкыта увійшовъ у хату, сивъ край столу и тяжко замыслывся. Цилыхъ три рокы тишывся винъ думкою, що люде вже не можуть прычыныты ёму ніякого горя, що винъ вже видбувъ свою спокуту до краю, вырвався на викы зъ пазуривъ своихъ ворогивъ и що вже немае на всёму билому свити ничого такого, що зворушыло бъ ёго серце та додало ще мукы.

Теперъ же та думка бильшъ не тишыла ёго. Спадалы напамьять уси ликы та знадибья, яки вжывають пидвережени люде, увыжалася Маруся на лижку, и серце боляче видклыкалося на муки проклятои, симъ разъ проклятой дочкы...

Проте винъ перемигъ себе и не пишовъ одвидаты іи. Вона вмерла тіеи жъ ночи, породывши дочку, и Мыкыта, видбувшы похороны, нанявъ ще одъ себе окрему панахыду.

— Шкóда, шкóда молодыци—зитхнувъ панъ-отецъ, скыдаючи епитрахиль:—жыты бъ та жыты ще ій.

— И жила бъ, колы бъ не люде,—видмовывъ похмуро Мыкыта.

Батюшка скынувъ на ёго очима.

— Лантухъ пшеныци ій, вагитчій, на плечи—ото вся подяка видъ чужыхъ людей за те, що видцуралася заради ныхъ батька,—додавъ Мыкыта и пронявъ такымъ гострымъ поглядомъ Степана, що той опустывъ мымоволи очи.

Изнову промынуло чотыры рокы. Якъ воны перейшлы, Мыкыта и самъ гараздъ не запрымитывъ. Минялыся дни на ночи, ночи на дни, земля то закрашалася квиткамы, то засыпала у кайданахъ зимы, ричка—то розлывалася шырокымы нызамы, то изнову верталася у межи своеи течіи, а Мыкыти здавалося, що то все тягнется одынъ довгый день.

Самъ винъ николы не проходывъ селомъ, бо збувавъ рыбу у мисти, селяне тежъ немовъ забулы про ёго; одна однымъ стежка, що проходыла одъ села до ричкы повзъ ёго хату, и та заросла, якъ окопалы диброву. Все навколо его затыхло, наче скамьянило, и ёго власне жыття походыло бъ на сонъ, колы бъ тилькы можно

було стышыты и серце. Але воно не давало себе прыспаты: навпакы, пидъ захыстомъ околышнёи тыши та спокою роспускалыся ще пышнише квиты зъ тыхъ ґиркыхъ зеренъ, що посіялы по ёму люде. Що день, то новый пуъпянокъ роспускавъ свои лысточкы; що день, то все глыбше розросталося кориння досады и отруене серце бажало ненависти, а не сну. Мыкыта пережывъ за ци рокы уси найвыщи ступени тіеи ненависти, и колы нарешти серце не въ сылахъ було вмистыты ще бильшои пайкы того почуття, винъ ставъ гыдуваты людьмы. Постать людська, голосъ, поглядъ, речи—все стало здаватыся ёму безъ миры брыдкымъ, а сама людына—грудкою багна, до якои гыдко доторкнутыся.

Винъ ставъ обиходытысь безъ борошна, безъ соли, абы не ийхаты у мисто, почавъ вертатысь зъ пивъ-дорогы, абы не спиткаты людей, переставъ ходыты до церквы, щобъ не набратыся гриха, вывертавъ повни сажкы рыбы назадъ у воду, або виддававъ іи за пивъ-цины перекупкамъ, абы не мовыты зайвого слова. Едыный, ще не такый прыкрый звязокъ, що зиставсь помижъ нымъ та свитомъ Божымъ,—це глуха на обыдва вуха баба Хивря, котра пряла зъ давнихъ часивъ ныткы на ятиры. До неи тилькы и йшовъ Мыкыта трохы охотнише, тай то у ряды-годы: хиба пидъ велыкый скрутъ. Такый саме скрутъ лучывся ёму у жныва, черезъ чотыры рокы писля Марусынои смерти: мало не вси гузыры у ятирахъ погнылы, а хлиба въ хати не було й шматка, свитло выгорило до останку и до того не було чимъ видбуты панахыду.

Мыкыта выгадавъ такый часъ, колы уси робочи люде выходять на поле, и пишовъ до Хиври. Доводылось проходыты повзъ Степанивъ двиръ. Мыкыта пройшовъ, идучы туды, и не зиркнувъ навить на осоружну хату; але, вертаючысь назадъ, винъ мусывъ мымоволи спынытыся биля ворить, бо поперекъ дороги роскынулася та мицно спала якась манесенька дивчынка. За хвылыну передъ тымъ проходыла вулыцею повозка, и мокрый одъ слизъ выдокъ дивчыны прыпавъ чорною курявою; носыкъ, пидбориддя, роскрыти уста посила безличъ мухъ, на закуёвданій, нечесаній голивци красувалыся два репьяха. Мыкыта глянувъ, сплюнувъ зъ огыды и вже обмынувъ бувъ іи, але несподивано розду-

мався, вернувся и змахнувъ пасмамы нытокъ мухъ. Дивчына лупнула очима, зиркнула на страшного, давно неголеного дида, и зайшлася плачемъ. Жодна душа не обизвалася, не видклыкнулася на той плачъ дытыны, и Мыкыта видразу спостеригъ, що то плакала сырота. Винъ сплюнувъ вдруге и подавсь до-дому; адже русява голивка, шыроко одкрыти очи переляканои дытыны, повозка, курява, мухы, скажена собака, що перебигла цимъ ранкомъ дибровою, та ти чужи люде, байдужи до слизъ сыроты, вже скаламутылы ёго спокій. За уси чотыры рокы винъ не згадавъ, не поспытавсь навить ни разочку про унуку; зъ цёго жъ часу ця остання краплына ёго крови, цей останній паростокъ ёго безталанного роду—ця брыдка, обирвана, занехаяна дивчынка пидъ тыньою не сходыла зъ думкы. Що дали, то все дужче та дужче впевнявся винъ, що лыхи ворогы посміялыся зъ ёго и що ни глыбоки ровы, ни высоки тыны ще не захыстылы ёго видъ людей: воны вже, правда, не малы снагы звалыты старого дуба, але воны прырозумилы нивечиты ёго молоде гилля.

И ось одного вечора селяне побачылы, якъ чыясь постать промайнула повзъ Степанову хату. У той саме часъ Степанъ зъ жинкою та іи дитьмы гулявъ десь весилля, и сыритка Маруся скиглыла у замкнутій хати самитня. Другого вечора, тилькы стемнило, та постать изнову надійшла до викна. А на третій вечиръ угледивъ іи вже самъ Степанъ и выбигъ зъ хаты. Пидъ викномъ стоявъ Мыкыта.

— Чого вамъ треба? Чого блукаете по-пидъ викнамы? Якъ маете що сказаты, то увійдить у хату,—звернувся до ёго трохы переляканый Степанъ и вже взявся бувъ за килочокъ, щобъ одчыныты двери.

— До вику нога моя не буде у твоій поганій хати, а ты виддай мени Гапку!—мовывъ Мыкыта.

— Гапку? Хто жъ іи у васъ доглядатыме?

— Виддай. Вона у тебе пропаде,—мовывъ Мыкыта.

Степанъ вагався. Гапка була ёму, правда, вже трохы на завади, бо тилькы черезъ неи и счынялася суперечка зъ жинкою,

що мала своихъ двойко дитей, проте винъ любывъ свою дочку и шкодивъ виддаваты іи.

— Хай я поражуся зъ жинкою,—видказавъ Степанъ перегодомъ.

— Виддай: пропаде десь пидъ тыномъ,—мовывъ втретье Мыкыта и подавъ здоровый, ще покійнои бабы, платокъ.

Степанъ взявъ платокъ, постоявъ трохы, подумавъ и пишовъ у хату до жинкы на пораду.

Черезъ якый-сь тамъ часъ Гапка вже спала на печи у дида, затушкована рядномъ одъ мухъ та одъ витру, захыщена одъ людей высокымъ тыномъ та тяжкымъ досвидомъ дида.

Зъ ціеи осели дивчына вже не мала бильшъ николы повертатыся на село; іи сподивалося найбильше счастя, до якого мигъ додуматыся дидъ: іи чекала доля праведнои чорныци, довичнёи молытвеныци у тыхому прыстановыщи за монастырською брамою и Мыкыта заздалегидь обмиркувавъ, якъ выпестыты та выховаты сыроту.

Дивчыни помынуло девьять рокивъ, а вона ще не знала села, не бачыла людей. Дидова хата, диброва, ричка, та десь далеко велыкый будынокъ зъ хрестомъ на гори та золотымы зирочкамы по полю голубого даху—то бувъ увесь свитъ за-для неи; сывый разъ-у-разъ замысленый дидъ та блиди побожни чорныци—уся родына; кудлатый Покотъ та рябый китъ—товарыши, а дидови речи—уся наука.

Тилькы тутъ, у цій хатыни, край дибровы, та у манастыри, можно уберегты свою душу, а тамъ, за высокымъ тыномъ, жывуть чужи люде, и зъ тыхъ людей встае все лыхо на земли. Господь мылосерденъ; небо—ясне; земля—праведна; сотвориння кожне—благодать Господня, а люде уготовылы сами соби пекло по своій охоти. Ненажерлыва душа ихня ледве вмистыть ти грихы, що загрибають воны повнымы прыгорщамы, люте серце ихне переповнене заздристю; у голови не потовплятся лыхи помыслы; уста—опаганени брехнею, языкъ—сквернословіемъ. Воны загноилы, забагнылы той образъ, що давъ имъ Господь, и напьялыся шкурою супостата. Людей треба обмынаты, якъ ту

криваву калюжу, не допускаты до себе, не доторкатыся, щобъ не запаганытыся и самому,—навчавъ Мыкыта унуку, и вона радо слухала ти речи, пыльно зазыраючы у глыбоко запали дидови очи, де разъ-повзъ-разъ схоплювалася якась цикава искорка, та щыро радила, що у дидивъ затышокъ не сягае й луна зъ того неправедного свиту.

Нарешти Мыкыта диждавъ просвитку: винъ ставъ господаремъ, колы не своеи, то хочъ унуччынои доли. Воля его бильше не розбывалася объ хыторщи ворогивъ; кожне слово падало на добру ныву, кожна думка знаходыла спивчуття у серци розумнои та слухнянои унукы. Все складалося нарешти, якъ того хотивъ Мыкыта, и ёму вже увыжався той счаслывый день, колы винъ уведе свою унуку у манастырську браму, зачыныть за нею двери и, заспокоеный, спочыне на викы и самъ. Все складалося добре, та... на жаль, Мыкыта забувсь поспытатысь у Бога, чы довго ёму ще жыты на свити, чы постачыть у ёго пидтканння на ту основу, що винъ розпочавъ, а смерть не дарує никому свого часу. И ось у ту хвылыну, колы може Мыкыта найдужче тишывся своею метою, смерть вже гострыла свою косу, щобъ попсуваты, не згирше за лыхыхъ ворогивъ, усю працю останнихъ ёго пьяты рокивъ. Вже зъ мисяць, якъ надислала вона свого першого вистныка: дидъ тяжко занедужавъ на голову та на ногы. Проте винъ не зважувався довго ще й згадаты про смерть и покладався все на мылость Божу до унукы та на свій, ще недуже-то старый викъ. Сегодни жъ вона вже подала про себе певну звистку: сухый дубовый стилъ триснувъ у ночи ажъ тричы, зъ вечора стогнавъ пугачъ пидъ викномъ, а о-пивночи прыходыла маты—небижка. Насталы, безперечно, ёго останни часы... Изнову уси надіи роспалыся, найдорожча мета гынула: невблаганна смерть вже простягае свою руку, щобъ скынуты черненій клобукъ зъ унукы, штовхае изнову сыроту пидъ тынъ. Мыкыта просыдивъ усю ничъ, шукаючы соби порады, куды подиты Гапку, де знайты ій затышный кутокъ, та затышнійшого прыстановыща за батькивську оселю, все жъ такы не прырозумивъ.

Тилькы на свитъ поблагословылося, якъ винъ подавсь до Степана.

Тяжка, невымовно тяжка була та подорожь до хаты ворога-душогуба. Дидъ плентавъ по-маленьку, а сумни думкы сплиталы навперейми страшни вызырункы; майбутне жыття сыроты увыжалося у всихъ тяжкыхъ немынучыхъ дрибныцяхъ...

Сонечко вже высоченько пидбылося, покы винъ дійшовъ. Ворота булы розчынени навстижъ, а стежка одъ воритъ до порогу добре прометена. Мыкыта одначе не зважывся зразу простуваты до хаты, а зупынывсь на хвылыну биля загороды, щобъ хочъ трохы перемогты у соби ти почуття, що прокынулыся у ёму биля Марусынои оселы.

Хатка выглядала веселенько. По зеленому дворыщу вешталыся куры та качкы, биля новенькыхъ цямрынъ сыдило та гралося тройко дитокъ, четверте, у повыточку, лежало на колинахъ старшенькои дивчыны. Молода, червоновыда огрядна молодыця саме вынесла повнисеньке цебро помый, всыпала ихъ у корыто и погукала на Бровка. Гладкый, ажъ блескучый, песъ выхопывся зъ ожереду соломы и кынувся до корыта. Господарка постояла трохы биля корыта, зазырнула до кабана у сажъ и надійшла до дитей.

Мыкыти наче видлягло видъ серця. Хата, дворыще, диты, а найпаче спокійный та прыязный выглядъ самои молодыци зробылы на ёго далеко краще вражиння, нижъ можно було сподиватыся. Винъ вже поступывсь бувъ напередъ и мало не дійшовъ до воритъ, колы де не взявся билый, покусаный, пошарпаный, крывый на одну ногу собака. Пидибгавшы свій пощыпаный хвистъ, изогнувшы свій гострый кистякъ, прыпадаючы мало не до самои земли винъ пролизъ повзъ Мыкытыны ногы и, озыраючысь та оглядаючысь, увесь тремтячый зъ голоду та жаху, прыпавъ до помый. У ту саму хвылыну озырнулася молодыця. Облыччя іи спалахнуло, очи блыснулы. Вона схопылася, немовъ то цилый десятокъ вовкивъ оточывъ іи, кынулася зъ проклёномъ, зъ найпаганійшою лайкою до корыта и зъ усіеи сылы ляснула собаку по кряжу. Ломака розскочылася на-двое, собака заскавчавъ на все

село, пидобгавъ хвистъ и поволикъ свою вкрай перебыту ногу за повитку. Молодыця жъ оправыла очипокъ на голови, пидобрала половынкы ломакы, кынула ихъ пидъ тынъ до купкы хворосту и, спокійно, неначе вона никому ничого лыхого и у сни не заподіяла, подалася у хату.

До тіеи хаты вже не наблызывся Мыкыта. Гиршъ за пекло здалася ему весела оселя, де тилькы «свои» мають прыстановыще, твердише за каминь здавався ёму той шматокъ хлиба, що мала подаваты ця молодыця писля его смерти «чужій дытыни»—Ганци.

Мыкыта ще разъ проклявъ людське кодло и кынувся геть зъ села.

Генъ генъ—за селомъ стоявъ розпущеный витрякъ. Колысь давно на тому мисци було чыесь й дворыще; теперъ же зъ хаты не зосталося вже й слиду, дерево позайидавъ скотъ, и тилькы самый млынъ, диставшысь у десяти рукы, памьятавъ своихъ першыхъ господаривъ. Чорный, обидраный, крывый, безъ поворота, безъ крылъ, зъ пошарпаною та поскубленою гнылою покривлёю, винъ скрыпивъ, тремтивъ увесь и зъ кожнымъ подыхомъ витру все дужче та дужче хылывся на бикъ. Люде вже давно намагалыся, щобъ господарь продавъ ёго на дрова, або хочъ самъ прынявъ зъ очей; скаредный дукарь правывъ зъ людей непомирни грошы, самъ не мавъ часу розибрать, и млынъ все стогнавъ самитній на степу та скаржывся пугачеви на свій тяжкый викъ. Стомленому та безъ краю стурбованому Мыкыти цей чорный одынокый остякъ здався за ридного брата. Винъ звернувъ зъ шляху и попростувавъ до ёго. Пидъ млыномъ дотрюхавъ якыйсь окоренокъ. Мыкыта прысивъ на деревыну и обиперся объ остачу стинкы.

Остякъ заскрыпивъ и увесь похытнувся.

— Скрыпышь? Скрыпы! Ще попоскрыпышъ, поки змылосердытся надъ тобою витеръ та кыне объ землю, а на людську ласку не покладайся: попотишатся ще твоимъ стогономъ, поки прырозуміють, якымъ побутомъ зъ твого порохнынння найбильше корысти потягты,—промымрывъ про себе дидъ и похнюпывся. Голова ёму вернулася, думкы мутылыся, передъ очима мыготила

скаличена голодна собака, кожна кисточка у тили болила та благала спокою, душа шукала соби едынои порады: куды подиты Гапку, чы можно кому доручыты сыроту? А млынъ, немовъ спочуваючы Мыкытыному видчаю, все скрыпивъ, все стогнавъ и що дали, то все жалибнише...

Такъ якъ у полудень Мыкыта рушывъ до-дому.

— Дидусю, якъ-же вы зминылыся!—схопылася Гапка, угледивши дида на порози.

— Прыберыся чепурненько та выходь, якъ сонечко сяде до ричкы.—Видповивъ ій Мыкыта, а самъ выстругавъ чипъ, знявъ зъ полыци свердло и подавсь дибровою. Покы винъ зійшовъ зъ горы, сонце вже докотылося до стинкы, але нызамы далеко легше було йты, нижъ гладенькою, слызькою та крутою стежкою; нызомъ и повитря було свижише, и Мыкыта набавывъ ходы.

Высокый стебластый очеретъ стоявъ ще нерухомо, молоденькы осычкы тилькы-тилькы шелестилы у тыхому повитри, але гракы уже круглялы побиля своихъ гниздъ на высокыхъ вербахъ и занепокоени радылыся, що робыть пидъ майбутню негоду.

Мыкыта озырнувся навкругы, глянувъ на захидъ сонця, де хмары розипъялы найтемнишый наметъ, и попростувавъ до кущыка очерету, де булы схованй два човны.

Винъ промынувъ новишій, увійшовъ у стареньку душогубку, довгенько щось тамъ порався зъ свердломъ биля денця, потимъ вийшовъ на берегъ, вытягъ зъ лозы весельце, наризавъ у гавъярю, заславъ човенъ и сивъ тоди, дуже стомленый, одпочываты. А тымъ часомъ наспила вже й Гапка. Заквитчана мьятою та гвоздыкою, у зеленій спидныци, квитчастій корсетыни, билій сорочци, сама червона, безъ миры счаслыва, що дидъ нарешти выйихавъ рыбалыты и бере іи зъ собою; дивчына злетила метелыкомъ зъ горы и покотылася ясною зирочкою по зеленому кылыму берега.

— Диду-диду! Вы забулыся новенького ятиря, а я взяла,— гукнула вона здалека.—А якый-же це човныкъ манесенькій!— додала вона и весело плыгнула у душогубку.

У ту саму хвылыну згаснувъ останній проминь. По очерету пронисся легенькый витеръ, блыснула перша блыскавка.

— Диду, а насъ дощъ мочытыме! Що-бъ же було хочъ кобынякъ узяты,—заклопоталася дивчына.

— Сидай мерщій,—видмомывъ ій Мыкыта и зразу черкнувъ весельцемъ по води.

Човныка понесло за течіею.

— Хиба мы не пойидемо до Затону?—здывувалася Гапка.

— Ненавысни.. Немилосердни... Каты... Душогубы... прошопотивъ Мыкыта наче про себе и налигъ на весельце. Човныкъ переризавъ течію и опынывся посередъ ричкы.

У ту-жъ хвылыну блыснула изнову блыскавка и тарахнувъ вперше гримъ.

Дивчына перехрестылася и зразу-жъ засміялася:

— Ачъ, якъ луна пишла далеко по води. Тутъ якъ-бы напьястыся добре, та гукнуты...

— Сыды нышкомъ!—А прыдывыся, у тебе очи молодшеньки, чи не выдно людей на березi?—звеливъ дидъ. Гапка схылылася надъ водою и окынула быстрымъ поглядомъ берегъ.

— Ни, не выдкю никого.

— А хочъ-бы и булы, то про мене... не боюся я ихъ—мовывъ стыха Мыкыта и поклавъ весельце.

Човныкъ повернувся трохи бокомъ,—але Гапка не схотила непокоиты дида и вже не обзывалася.

— Нема, дочко, спасенія сыроти,—затопчуть, загублять каты... Молыся, Гапко! Молыся Мылосердному: на Ёго тилькы й упованія нашого, на Ёго судъ праведный тилькы й надіи... Безгришна душа... непорочне серце—дивочый спокій!—забалакавъ бувъ дидъ немовъ зминенымъ голосомъ и знову замовкъ.

— Диду!—чы вамъ не холодно?—обизвалася перегодомъ Гапка.

— Молыся Богу, дочечко—видповивъ ій Мыкыта и знявъ шапку.

— Надиньте, диду, шапку, бо изнову заслабнете,—нагадала дивчына.

— Молыся Богу! На Ёго мылосердного уповаю... Молыся!—видказавъ стурбовано дидъ.

— Якыхъ-же молытовъ читаты?

— Отче нашу,—звеливъ Мыкыта и подався самъ усимъ тиломъ напередъ, щобъ краще чуты голосъ унукы.

Гапка почала молытву. Хмары повыслы надъ самою ричкою. Блыскуча крывуля проризала небо и ударылася у воду.

Дивчына жахнулася.

— Не бійсь!—мовывъ ій строго дидъ. Налетивъ витеръ, вчыстывъ дощъ, човныкъ закруглявъ середъ рички.

— Адже вы, диду, втомылыся,—бачьте, якъ човныкомъ кыда. Дайте мени весельце, я справлю до берега.

— Не бійсь,—видмовывъ вдруге дидъ и нахылывсь чогось до денця. Довгенько шелестивъ винъ тамъ гавъяромъ, а тымъ часомъ подужчавъ витеръ, улывъ ще густишый та крапляститый дощъ.

— Дидусю!—дайте-бо мени весельце, далеби я швыдче одъ васъ справлю човенъ у затышокъ!—пыльно попрохала вже тремтяча, промокла до самого тила, дивчына.

— Га?—перепытавъ іи, мовъ кризь сонъ, Мыкыта и звився на ногы.

Човныкъ захытався.

— Сидайте-бо диду, бо човныкъ дуже хытается—попрохала Гапка.

— Га?—перепытавъ вдруге Мыкыта и почавъ осиняты велыкымъ, частымъ хрестомъ себе та унуку. У Гапкы охолола душа. Николы ще такого не бувало, щобъ дидъ злякався блыскавкы. Часто и густо захоплювала ёго на ричци ще бильша негода, але винъ не лякався николы и спокійно справлявъ човенъ у Затышокъ. Теперъ-же винъ наче збожеволивъ зъ ляку: ничого не розумивъ, не чувъ и не бачывъ, що у човныкъ набралося стилькы воды.

— Де корячокъ?—Я выхлюпаю хочъ воду. Диду!—вода прыбувае схопылася Гапка.

— Ничого... ничого... Дощъ стыхае... Не бійся... Молыся Богу... видмовывъ дидъ и склавъ свои рукы, якъ до молытвы.

— Онъ дзюрчыть;—тутъ дирочка йе,—догадалася нарешти дивчына и кынулася була затыкаты іи; Мыкыта одвивъ іи руку.

— Дидусю! Що-бо вы робыте?—запытала зъ невымовнымъ жахомъ Гапка.—Дайте я затулю.

— Господы! Будь мени гришному!—прошопотивъ дидъ.

— Я боюся,—заплакала—Гапка, онъ скилькы вже воды набралося у човенъ.

— Молыся, дочечко! Безгришна душа... чысте серце... Святый Боже! Святый крипкый...

Човныкъ ставъ опускатыся.

— Диду! Дидусю, я боюся!—крыкнула Гапка не своимъ гласомъ и зныкла вкупи зъ човныкомъ та дидомъ пидъ водою.

У ту-жъ мыть якыйсь чоловикъ выбигъ зъ-ъза дерева, зирвавъ зъ себе одягу, перехрестывся и кынувся у воду. Насередъ ричкы щось наче замайорило. Винъ кынувся туды и за хвылыну вытягъ на берегъ дида. Тоди винъ упурнувъ вдруге и десь надовго зныкъ.

Мыкыта звився навколюшкы и прытулывся до вербы. Винъ змерзъ, тремтивъ увесь, знесылывся ще дужче, проте ни дощъ, ни холодна вода не загасыла того полумья, що пойняло серце его биля Степанового дворыща и ще дуще розжеврювалося пидъ млыномъ. Винъ добре памьятавъ вси ти думы, що прызвелы ёго до злочынства, розумивъ свій тяжкый грихъ, и хочъ серце стыскувалося пекучымъ жалемъ за внукою, винъ не каявся и боявся побачыты іи жывою. Але ця людына, що вырятувала ёго зъ воды и кынулася середъ ночи у саму прирву рятуваты дивчыну, зворушыла ёго душу якымъ-сь новымъ почуттямъ. Мыкыта упъявся очима у ту мисцыну, де зныкъ невидомый пловець и прытаивъ духа.

— Хто винъ такый? Хто борется тамъ, середъ ричкы, зъ смертью, рятуючы чужу душу? Кому потрибни останни хвылыны жыття старого дида, кому потрибне жыття сыроты? Що воно за людына? Такыхъ-же людей немае на свити. Немае, бо скризь сами «чужи» люде, сами «ворогы».

Лыне хвылына... друга... воны здаются Мыкыти за довги годыны. Навколо тыша: нищо не обизвется, ни шелесне ниде.

Тыша на березі, тыша на ричци и у диброви... Холодный подыхъ смерти обдае крыгою; мокра земля вабыть до себе вкрай стомлене навмыруще тило, и тилькы серце не тямлячысь стугоныть у грудяхъ та допытуе: «хто винъ, той туманомъ повытый пловець? Звидкиля винъ. Де ти счаслыви краины, де люде виддають и душу свою за жыття сыроты?

Нарешти плеснуло разъ, вдруге; плеснуло блыжче, триснувъ очеретъ, и на берегъ выйшовъ пловець. У рукахъ винъ нисъ щось манесеньке, темне.—То була Гапка.

Мыкыта глянувъ на мертву унуку, перевивъ очи на пловця и зъ безмежнымъ видчаемъ невымовленного каятя звивъ рукы до неба: та спасенна душа, той дывный пловець, що нисъ мертву Гапку, то бувъ его найблыжчый сусида, Якымъ, видъ котрого винъ самъ колысь огородывся высокымъ тыномъ!

Л. Яновська.

Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ.

Съ 15 по 27 августа въ Харьковѣ состоялся двѣнадцатый по числу археологическій съѣздъ. Еще на Одесскомъ съѣздѣ, въ 1884 г., мѣстомъ слѣдующаго съѣзда въ 1887 г. былъ выбранъ Харьковъ, но смерть иниціатора русскихъ археологическихъ съѣздовъ, гр. А. С. Уварова, измѣнила первоначальное рѣшеніе. Какъ указала въ своей вступительной рѣчи предсѣдательница съѣзда гр. Уварова, опасались начинать дѣло съ Харькова, который, какъ всѣмъ казалось, не представлялъ интереса въ археологическомъ отношеніи, а, между тѣмъ, требовалъ особыхъ усилій для осуществленія съѣзда и устраиваемой при немъ археологической выставки. Такимъ образомъ, слѣдующій съѣздъ состоялся въ Ярославлѣ, а затѣмъ съѣзды собирались въ Москвѣ (юбилейный Московск. археологич. Общества), Вильнѣ, Ригѣ и Кіевѣ. Но на Кіевскомъ съѣздѣ, въ 1899 г., при обсужденіи вопроса о мѣстѣ будущаго съѣзда, отъ представителей Харькова были получены предложенія устроить ближайшій съѣздъ въ Харьковѣ. Предложенія эти были приняты съ тѣмъ большей охотой, что изслѣдованія къ съѣзду должны были охватить громадный раіонъ между Днѣпромъ и Дономъ, почти совсѣмъ нетронутый, могущій дать интересный матеріалъ для уясненія, какъ послѣдовательной смѣны культуръ, такъ и для установленія новыхъ стадій въ доисторической жизни. Мнѣніе это, высказанное маститымъ представителемъ науки о доисторическомъ прошломъ нашего юга,

проф. В. Б. Антоновичемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, блестяще подтвердилось. Изслѣдованія производились, главнымъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, но и за этотъ незначительный промежутокъ времени сдѣланы очень важныя открытія.

Когда вопросъ былъ рѣшенъ, Харьковъ взялся за дѣло. Существуетъ разница въ томъ, какъ берется за дѣло Харьковъ или, напр., Кіевъ. Нужно замѣтить, что въ Харьковѣ общественные интересы развиты въ гораздо большей степени, чѣмъ въ какомъ ниб. изъ другихъ южныхъ городовъ. Является это слѣдствіемъ того, что здѣсь—и старѣйшій на югѣ университетъ, и болѣе однородное населеніе. Уже по первымъ шагамъ образовавшагося въ Харьковѣ предварительнаго комитета по устройству съѣзда можно было судить, что дѣло будетъ поведено энергично, что Харьковъ сумѣетъ какъ слѣдуетъ подготовиться къ съѣзду, даже при существованіи нѣкоторыхъ не благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ напр. отсутствіе въ Харковѣ людей, спеціально занимающихся археологіей. Это и тому подобныя другія препятствія были поборены, нашлись люди, нашлись средства и подготовительная работа, руководимая комитетомъ съ проф. Багалѣемъ во главѣ, и при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, пошла быстрыми шагами.

Въ виду того, что Харьковскій съѣздъ включилъ въ область своихъ изслѣдованій не только харьковскую губернію, но и нѣсколько сосѣднихъ, возникаютъ подготовительные комитеты въ Полтавѣ, Нѣжинѣ, Екатеринославѣ, Воронежѣ, Екатеринодарѣ; кромѣ того, изслѣдованія охватили и часть курской губерніи. Если работа вышеуказанныхъ комитетовъ и не носила того характера интенсивности, какой мы видимъ у Харьковскаго комитета, то, все-же, каждый изъ комитетовъ кое-что сдѣлалъ, и это кое-что, иногда довольно значительное, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ имъ положено начало или данъ дальнѣйшій толчекъ археологическимъ и этнологическимъ изслѣдованіяхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыя или совсѣмъ не производились, или производились не систематически, въ видѣ единичныхъ попытокъ. Оживленіе, явившееся слѣдствіемъ подготовительной работы къ съѣзду

имѣло результатомъ даже возникновеніе ученыхъ обществъ тамъ, гдѣ почва хотя и была уже подготовлена, но не было, такъ сказать, рѣшающаго момента; укажемъ напр. на Екатеринославское Научное Общество, возникшее въ подготовительный періодъ къ съѣзду, начавшее уже энергично работать какъ въ области научныхъ изслѣдованій, такъ и по устройству въ Екатеринославѣ музея.

Центральный Харьковскій комитетъ, съ первыхъ-же шаговъ, отнесся вполнѣ серьезно къ возложенной на него задачѣ. Стоитъ лишь просмотрѣть длинный рядъ протоколовъ его засѣданій, чтобы напередъ сказать, что съѣздъ будетъ удачнымъ, что на выставкахъ—будетъ на что посмотрѣть. Дѣятельности Харьковскаго предварительнаго комитета съѣздъ обязанъ тѣмъ, что въ центрѣ его занятій стали вообще мѣстные вопросы, что не всегда бывало на нѣкоторыхъ другихъ съѣздахъ; затѣмъ, что центральное мѣсто заняли и рефераты, большинство которыхъ касались изслѣдованій мѣстныхъ памятниковъ старины.

Что касается внѣшній стороны съѣзда, то, какъ выразилась его предсѣдательница, гр. Уварова, въ своемъ заключительномъ словѣ, съѣздъ былъ обставленъ такъ, что не остается желать ничего лучшаго: наблюдалось любезное отношеніе начальства, дружная работа всѣхъ участниковъ, подъемъ духа въ народѣ... Дѣйствительно, какъ университетъ, такъ и администрація, земство, городъ и харьковское общество отнеслись къ съѣзду очень сочувственно и съ большимъ интересомъ. Главная доля заботъ выпала на университетъ и его представителей. Большое затѣмъ, участіе приняло Историко-филологическое Общество при университетѣ съ проф. Н. Ф. Сумцовымъ во главѣ. Обществомъ этимъ, между прочимъ, изданы два тома трудовъ предварительнаго комитета. Одной изъ заботъ ближайшихъ устроителей съѣзда являются вопросы чисто практическаго характера. И эта сторона была организована какъ нельзя лучше. Университетъ отвелъ свои помѣщенія подъ засѣданія съѣзда и подъ выставки, въ студенческомъ общежитіи размѣстились очень многіе изъ депутатовъ, во всемъ наблюдался порядокъ, предусмотрительность.

Помимо того, что предварительнымъ комитетомъ были изданы «Справочныя свѣдѣнія для г.г. членовъ съѣзда», П. А. Гусевъ, пріурочилъ къ съѣзду прекрасный путеводитель—«Харьковъ, его прошлое и настоящее въ рисункахъ и описаніяхъ»; это изданіе можетъ стать наряду съ лучшими путеводителями, какъ по своей полнотѣ (246 стр. in 8°) такъ и по массѣ снимковъ, сдѣланныхъ какъ съ современныхъ фотографій, такъ и со старинныхъ рисунковъ.

Одной изъ главныхъ задачъ Харьковскаго предварительнаго комитета было устройство археологической и этнографической выставокъ. Предстояло нелегкое дѣло, такъ какъ Харьковъ, до послѣдняго времени, принималъ очень незначительное участіе въ изслѣдованіи вещественныхъ памятниковъ, какъ глубокой старины, такъ и болѣе близкаго намъ времени. Вслѣдствіе этого, въ Харьковѣ почти совсѣмъ отсутствовали какъ общественныя, такъ и частныя собранія—пришлось начинать сначала. Если опытъ устройства археологическихъ выставокъ былъ на предыдущихъ съѣздахъ, то устроителямъ этнографической выставки выпало на долю сдѣлать починъ новому дѣлу и Харькову принадлежитъ честь устройства первой малорусской этнографической выставки.—младшая сестра опередила старшую; то, что долженъ былъ сдѣлать старшій Кіевъ, сдѣлалъ молодой Харьковъ. Немного стыдно было кіевлянамъ слышать, какъ проф. Мачульскій на одномъ изъ засѣданій, въ своей рѣчи между прочимъ сказалъ: «XII Археологическій съѣздъ намъ воочію показалъ, что центръ малорусскихъ интересовъ нѣсколько передвинулся и въ настоящее время сосредоточивается здѣсь, въ Харьковскомъ Округѣ. Здѣсь бьется живой нервъ малорусской жизни, здѣсь много оказалось дѣятелей, проникнутыхъ народными интересами»... Если принимать во вниманіе общее положеніе вопроса, то, пожалуй, въ словахъ проф. Мачульскаго есть нѣкоторое преувеличеніе, но, въ частности, мнѣніе проф. Мачульскаго справедливо. Дѣйствительно, въ изученіи малорусской этнографіи Кіевъ очень и очень отсталъ: здѣсь нѣтъ ни одного спеціалиста въ этой области, нѣтъ и этнографическаго собранія...

Но, обратимся къ выставкамъ и начнемъ съ археологическаго отдѣла.

Этотъ громадный отдѣлъ, занявшій нѣсколько залъ, въ свою очередь раздѣлялся на подотдѣлы: древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ, церковныхъ древностей, историческихъ древностей, нумизматики, старопечатныхъ книгъ, рукописей, и наконецъ—картографическаго.

Древности, добытыя изъ раскопокъ или т. н. первобытныя, происходятъ, главнымъ образомъ, изъ могильниковъ харьковской губерніи. Раскопки совершались въ 1900 и 1901 г., на средства Московск. Археолог. Общества и П. И: Харитоненко. Сюда присоедены нѣкоторыя какъ частныя, такъ и общественныя коллекціи (напр. Воронежскаго Губернскаго Музея, Курск. Статист. Комитета и т. д.) и затѣмъ, пожертвованные предметы. Все это вмѣстѣ составило громадное собраніе въ 7 тысячъ номеровъ. По характеру предметовъ и времени ихъ происхожденія, мы имѣемъ здѣсь цѣлую картину смѣны эпохъ. Начинается собраніе предметами каменнаго періода, главнымъ образомъ изъ дюнныхъ стоянокъ, затѣмъ идутъ предметы изъ могилъ бронзоваго вѣка съ прекрасной керамикой, предметы скифской эпохи, эпохи славянской и, наконецъ, выдающаяся коллекція изъ пещернаго могильника у с. Верхняго Салтова, волчанскаго у. харьк. г. Благодаря энергіи харьковскаго предварительнаго комитета, и въ особенности трудамъ секретаря его, проф. Е. К. Рѣдина, а также отзывчивости епархіальнаго начальства, церковный отдѣлъ выставки былъ представленъ такъ, какъ ни на одной изъ прежнихъ выставокъ. Состоялъ онъ изъ иконъ, частей иконостаса, крестовъ, окладовъ евангелій, различной церковной утвари, облаченій и т. д. Очень кстати сюда были присоединены многочисленныя фотографіи съ церквей и церковныхъ предметовъ. Большинство предметовъ поступило изъ Харьковской епархіи но были также вещи изъ полтавской, екатеринославской и курской губ. Кромѣ того, и въ этомъ отдѣлѣ было выставлено много предметовъ другихъ музеевъ и частныхъ лицъ; изъ послѣднихъ, прекрасное собраніе стариннаго шитья принадлежало В. Ѳ. Без-

нальчеву. Если главная масса предметовъ и не отличалась особенной стариной, относясь лишь ко XVII—XIII столѣтіямъ, то, за то, этотъ отдѣлъ давалъ общее понятіе о церковыхъ предметахъ даннаго періода, а затѣмъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ представляли дѣйствительные образцы искусства. Всего въ церковномъ отдѣлѣ было выставленно 604 предмета и столько-же фотографій и рисунковъ.

Большихъ хлопотъ устроителямъ выставки стоилъ историческій отдѣлъ. Нужно замѣтить, что памятниковъ періода, болѣе къ намъ близкаго, сохранилось гораздо меньше, чѣмъ болѣе раннихъ эпохъ, и съ каждымъ годомъ количество ихъ все убываетъ. Благодаря выставкѣ удалось спасти очень много цѣнныхъ вещей, затѣмъ, возбужденъ интересъ къ этой эпохѣ, что является залогомъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Отдѣлъ заключалъ въ себѣ 829 номеровъ, включая и фитографіи. Нельзя сказать, чтобы памятники мѣстной старины, представленные, наряду съ другими, въ довольно большомъ количествѣ, заключали въ себѣ особенно выдающіеся экземпляры по историческимъ воспоминаніямъ или по цѣнности; но не въ этомъ вѣдь и сила,—чѣмъ больше самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, характеризующихъ старинный бытъ,—тѣмъ скорѣе будетъ достигнута цѣль уясненія этого быта, имѣя, главнымъ образомъ, вь виду массу, общую картину.

Первую часть этого отдѣла составляли портреты историческихъ дѣятелей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, въ краскахъ (большей частью копіи) и фотографіяхъ. Очень хорошо, затѣмъ, были подобраны старинные виды г. Харькова—и здѣсь Харьковъ сдѣлалъ то то, что давно слѣдовало сдѣлать другимъ городамъ. Если принять во вниманіе, что физіономія городовъ особенно въ послѣднее время, очень быстро мѣняется, теряются особенности каждаго изъ нихъ—коллекціонированіе въ этомъ направленіи является прямо необходимостью. По количеству предметовъ, первое мѣсто въ отдѣлѣ занимали памятники искусства и быта: картины, по большей части религіознаго содержанія, которыми такъ любили украшать свои дома наши дѣды, оружіе—очень много

козацкаго, различная утварь, костюмы и т. п. Какъ въ предыдущихъ отдѣлахъ, такъ и въ этомъ были выставлены цѣлыя отдѣльныя коллекціи различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; осмотръ этихъ коллекцій ясно показалъ, что въ разныхъ мѣстахъ нашей родины, иногда въ глухой провинціи, есть люди, которымъ близко ея славное прошлое, которые чтутъ его, сохраняя то, чего не успѣло уничтожить время.

Къ историческому отдѣлу примыкаетъ небольшой отдѣлъ нумизматическій. Заключаетъ онъ монеты изъ кладовъ и отдѣльныхъ находокъ харьковской и другихъ губерній. Большинство монетъ относится къ XVII—XVIII столѣтіямъ.

Наряду съ вещественными памятниками старины, выставка заключала также отдѣлы рукописей и старопечатныхъ книгъ. Рукописей поступило на выставку около 400; это—евангелія, поученія, нотные ирмологіи, акафисты, служебники, требники, синодики, лѣчебники, сборники и т. д. Между частными экспонатами выдѣляется собраніе рукописей гг. Маклаковыхъ въ г. Путивлѣ. Ими-же собрано и большое количество старопечатныхъ книгъ. Всѣ эти собранія пожертвованы Н. С. Маклаковымъ, по завѣщанію, г. Путивлю.

Старопечатныя книги почти исключительно богослужебныя или духовнаго содержанія. По времени относятся къ XVII и XVIII ст. Подборъ ихъ значителенъ (книгъ болѣе 450). По мѣсту изданія, имѣются книги печати кіевской, львовской, острожской, черниговской, почаевской, виленской, московской и др.

По примѣру выставки Кіевскаго съѣзда и здѣсь былъ организованъ картографическій отдѣлъ. Отдѣлъ устроенъ проф. Д. И. Багалѣемъ, которому принадлежитъ и иниціатива его устройства. Цѣль отдѣла—дать возможность лицамъ, занимающимся разработкою областной исторіи раіона, обнимаемаго программой съѣзда, ознакомиться съ мало доступнымъ для нихъ рѣдкимъ картографическимъ матеріаломъ. Благодаря участію такихъ учрежденій, какъ архивъ главнаго штаба и архивъ министерства юстиціи, отдѣлъ былъ составленъ довольно полно, заключая около 250-ти картъ, плановъ и чертежей.

Среди другихъ отдѣловъ, этнографическій занималъ особое мѣсто—онъ самъ представлялъ уже цѣлую выставку. Устройство отдѣла взяла на себя группа лицъ—проф. Н. Ф. Сумцовъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Д. И. Багалѣй, Е. П. Радакова, А. М. Покровскій, В. А. Бабенко, В. Е. Данилевичъ, Б. Д. Твердохлѣбовъ, П. А. Криштафовичъ и др. Цѣнные, затѣмъ, экспонаты доставила Х. А. Алчевская. Кромѣ того, участіе въ выставкѣ приняло нѣсколько художниковъ, назовемъ напр. г. Васильковскаго. Предметы выставки собраны или путемъ спеціальныхъ экскурсій, или поступили отъ частныхъ лицъ и музеевъ, (музей Харьковск. городск. управленія, музей Полтавскаго губернскаго Земства). Размѣстился этнографическій отдѣлъ въ особомъ помѣщеніи, занявъ вестибюль и три залы. Просторное помѣщеніе, масса выставленныхъ предметовъ (болѣе 2-хъ тысячъ и, кромѣ того, болѣе 700 фотографій), красивое расположеніе ихъ дѣлало выставку очень привлекательной—впечатлѣніе получалось сильное. Топографически выставленные предметы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: большинство—изъ харьковской губ.; затѣмъ идутъ полтавская и екатеринославская губ. и, сравнительно немного, изъ черниговской, курской и воронежской губ. Народная жизнь вышеупомянутаго раіона представлена на выставкѣ полно и разнообразно. Наряду съ преобладающей массой предметовъ малорусскаго быта, были предметы и великорусскіе,—въ слободской украинѣ есть поселенія и великорусскія.

Изъ отдѣловъ, составлявшихъ этнографическую выставку, на первомъ мѣстѣ стоитъ жилище. Благодаря счастливой мысли устроителей выставки здѣсь была устроена малорусская хата въ натуральную величину со всей внутренней обстановкой: печью, пиломъ, мысныкомъ, божныцею и даже манекеномъ дивчыны, сидящей на лавѣ. Кромѣ этой хаты, были еще модели хатъ, цѣлого двора, огорожи и т. п. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ давалъ образцы различной домашней утвари, посуды, предметовъ освѣщенія и т. д. Одежда и обувь были представлены большимъ количествомъ различныхъ ея принадлежностей, а также рядомъ манекеновъ. Затѣмъ слѣдуютъ коллекціи по земледѣлію, пчеловодству, рыболовству,

различнымъ крестьянскимъ ремесламъ, какъ бондарство, гончарство, ткачество, кацарство, шерстобитство, кузнечное, сапожное и золотарное ремесла. Много было выставлено предметовъ, характеризующихъ народное искусство, народные вкусы; сюда относятся напр. писанки и вышивки—послѣднія въ очень хорошихъ образцахъ. Небольшіе отдѣлы составляли предметы ритуала (главн. обр. свадебные), народной медицины и дѣтскихъ игръ. Участіе художниковъ выразилось въ помѣщеніи на выставку цѣлаго ряда картинъ этнографическаго содержанія. Многочисленныя фотографіи, снятыя экскурсантами и другими лицами, въ снимкахъ съ натуры, дополняютъ и иллюстрируютъ всѣ вышеупомянутые отдѣлы. Это краткое перечисленіе, конечно, не можетъ дать понятія объ этнографической выставкѣ,—для полученія полнаго впечатлѣнія нужно было ее видѣть. А здѣсь было на что смотрѣть, было чему научиться.

Помимо научнаго значенія какъ археологической, такъ и этнографической выставокъ, значенія, которое чувствовалъ каждый спеціалистъ, выставки сослужили еще службу чисто просвѣтительную: открытыя для обозрѣнія публики, онѣ привлекли массу посѣтителей; были дни, когда число послѣднихъ превышало восемь тысячъ, цѣлыя толпы народа располагались на улицѣ и ждали часа, когда открывалась выставка. Шелъ, главнымъ образомъ, простой людъ, быть можетъ, даже не всегда ясно представлявшій цѣль выставокъ, но, что бъ тамъ ни говорили скептики,—таковые конечно были,—въ душѣ каждаго изъ посѣтителей кое-что оставалось—и это кое-что—небольшой лучъ свѣта, а чѣмъ больше такихъ лучей, тѣмъ, разумѣется, лучше. Очень многіе изъ экспонатовъ выставки, главнымъ образомъ отдѣловъ первобытныхъ древностей и этнографическаго, останутся въ Харьковѣ—они послужатъ основой археологическаго собранія и малорусскаго этнографическаго музея. Это еще одинъ изъ результатовъ выставки. Что касается археологическаго собранія, то Харьковъ въ этомъ отношеніи немного запоздалъ, этнографическій же музей будетъ первымъ малорусскимъ общественнымъ музеемъ, такъ какъ собранія при бывшемъ Кіевскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества, собранія въ настоящее время не существующаго, нельзя ставить въ счетъ.

Н. Б.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Θаддей Розеславовичъ Рыльскій.

(Некрологъ).

Скончавшійся 25 сентября 1902 г. Θ. Р. Рыльскій представлялъ въ высшей степени оригинальный и интересный типъ общественнаго дѣятеля, созданный исключительными условіями жизни правобережной Украины. Рожденный и воспитанный въ польской шляхетской семьѣ, онъ, еще въ молодости, подъ вліяніемъ горячей, сознательной любви къ родинѣ и ея коренному населенію, открыто и рѣшительно отрекся отъ всѣхъ идеаловъ и традицій своей среды, призналъ себя сыномъ Украины и сторонникомъ демократическихъ принциповъ и до конца жизни остался непоколебимо вѣрнымъ завѣтамъ своей юности. Такіе глубоко искренніе, идеально честные народники впервые появились въ нашемъ краѣ въ благодатную эпоху 1860-хъ годовъ, когда демократическія идеи имѣли такую неотразимую силу и обаяніе, что для многихъ онѣ служили стимуломъ полнаго нравственнаго перерожденія, влекшаго за собою рѣшительное отреченіе отъ самыхъ дорогихъ человѣку вѣрованій и привязанностей. Поэтому біографіи подобныхъ благородныхъ идеалистовъ могутъ представлять интересъ не только сами по себѣ, но и какъ живая иллюстрація къ исторіи общественнаго настроенія въ освободительную эпоху.

Ѳ. Р. Рыльскій родился 21 декабря 1840 года въ с. Ставищахъ, сквирскаго у., кіевской губ., и былъ сыномъ богатаго польскаго пана, владѣльца м. Романовки (того же у.), женатаго на княжнѣ Трубецкой. Родъ Рыльскихъ старинный на Украинѣ; одинъ изъ членовъ этой фамиліи былъ кіевскимъ гродскимъ писаремъ во 2-й четверти XVII ст. Родной прадѣдъ Ѳ. Р—ча, Ромуальдъ, учился въ уманской базиліанской школѣ какъ-разъ въ

то время, когда Умань (въ 1768 г.) была взята гайдамаками. Ему удалось уйти изъ обреченнаго на гибель города, постоянно наталкиваться на суровыя проявленія народнаго ожесточенія противъ поляковъ и, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ другими единоплеменниками, подпасть грозной народной расправѣ. Привязанный къ столбу для разстрѣлянія, 14-лѣтній мальчикъ, по какому-то наитію, началъ громко пѣть любимую народомъ псальму: «Пречы-

стая Диво, Маты руського краю», которую онъ изучилъ у базиліанъ. При звукахъ этой пѣсни суровый атаманъ гайдамацкій пролилъ слезы и далъ помилованіе не только пѣвцу, но и остальной обреченной на казнь шляхтѣ и евреямъ. Подлинный разсказъ объ этомъ эпизодѣ, записанный изъ устъ потерпѣвшаго, былъ сообщенъ Θ. Р—чемъ въ нашемъ журналѣ въ сопровожденіи имъ же сдѣланныхъ глубокихъ замѣчаній относительно уроковъ прошлаго «для уразумѣнія современности и нѣкотораго предвидѣнія будущаго [1]).

Учился Θ. Р. Рыльскій во 2-ой кіевской гимназіи и затѣмъ въ университетѣ св. Владиміра, на историко-филологическомъ факультетѣ; окончилъ курсъ въ 1862 году. Въ то время въ кіевскомъ университетѣ существовали студенческія корпораціи, главнымъ образомъ среди польской молодежи, которая преимущественно наполняла тогда университетъ. Молодой Рыльскій пользовался такою огромною популярностью среди своихъ единоплеменниковъ, что уже на первомъ курсѣ, въ 1859 г., состоялъ президентомъ кіевской gminy. Но въ слѣдующемъ году онъ уже числился членомъ украинской «громады», состоявшей изъ студентовъ-малороссовъ, съ незначительнымъ участіемъ мѣстныхъ поляковъ. Въ это именно время въ богато одаренномъ умственными и нравственными силами юношѣ совершился внутренній переломъ, навсегда опредѣлившій его міровоззрѣніе и всю послѣдующую дѣятельность. Какіе чувства и принципы вызвали въ немъ это духовное перерожденіе—объ этомъ можно судить по его собственнымъ словамъ, высказаннымъ въ корреспонденціи, помѣщенной въ «Основѣ», 1861 г. Передавая здѣсь вѣсти съ праваго берега Днѣпра, Рыльскій такъ писалъ: «Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческою духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполнѣ высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и

[1]) „Кіев. Ст.“ 1887 г., № 1.

заговорили для него понятно, но почти всѣ они родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до сихъ поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути... Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массою, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которымъ, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачей—содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія. За то большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признаютъ сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства человѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ. Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно прежде всего желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія истины и времени. Ограниченность взгляда и не совсѣмъ чистая совѣсть—вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ, вполнѣ убѣжденные, что «правда выяснится» и пристыженные противники, раньше или позже, уступятъ предъ священными ея правами».

Это было напечатано въ февралѣ 1861 г. подъ псевдонимомъ «Максимъ Чорный». А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ той же «Основѣ» (кн. XI—XII, 1861 г.) Ѳ. Р. Рыльскій, уже подъ своимъ именемъ, помѣстилъ статью: «Нѣсколько словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра», въ которой защищалъ такое положеніе: «Большая часть украинскихъ дворянъ праваго берега Днѣпра не что иное, какъ ополячившіеся украинцы. Это положеніе важно въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что упреки людямъ, вышедшимъ изъ этого сословія, но считающимъ себя украинцами, упреки въ національномъ отступничествѣ, похожи на то, какъ еслибы онѣмечившіеся чешскіе аристократы стали упрекать чеховъ, обращающихся къ своей родной славянской національности». Представивъ затѣмъ мѣстную характеристику различныхъ группъ тогдашней польско-украинской шляхты: чванныхъ и невѣжественныхъ *мошродзъевъ*, фантастовъ *крылатыхъ*, носившихся съ идеей шляхетства и католицизма, просвѣщенныхъ либераловъ, «примѣрно угнетающихъ крестьянъ (конечно, по какому-нибудь высшему соображенію)», и др., авторъ въ заключеніе упоминаетъ и о той немногочисленной группѣ, «которая слыветъ подъ именемъ *хохломановъ* и окончательно расходится со всѣми предыдущими. Эти люди, вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты и изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считаютъ интересы его самыми близкими своими интересами. Предмета для своей общественной дѣятельности они ищутъ въ просвѣщеніи народа на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной жизни, дѣйствуя при томъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ. На нихъ нападаютъ всѣ предыдущія группы, называя ихъ взгляды и ихъ дѣятельность національнымъ отступничествомъ; но они на это отвѣчаютъ, что это только «обращеніе», что желающій быть дѣйствительно полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли колониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи, что ихъ образъ дѣйствій согласенъ съ мѣстными простонарод-

ными интересами, которые они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взглядахъ».

Эти воззрѣнія и мысли совершенно совпадаютъ съ тѣми, какія съ бóльшею еще опредѣленностью и горячимъ увлеченіемъ были выражены близкимъ товарищемъ и единомышленникомъ Рыльскаго, В. Б. Антоновичемъ въ его извѣстной «Исповѣди» помѣщенной въ январской кн. «Основы» 1862 г., въ отвѣтъ на инсинуаціи польскаго публициста Падалицы. Все то, что г. Антоновичъ говоритъ здѣсь лично о себѣ, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо и къ Ѳ. Р. Рыльскому. А тамъ есть одно мѣсто, чрезвычайно живо рисующее намъ душевную борьбу, какую должны были пережить эти благородные идеалисты, прежде нежели рѣшиться на трудный подвигъ добровольнаго отреченія отъ всего, съ чѣмъ они сроднились съ дѣтства и что было имъ привито воспитаніемъ и жизнью въ польской шляхетской средѣ, и какія геройскія усилія они употребляли къ тому, чтобы направить на честный и единственно истинный путь своихъ единоплеменниковъ: «Вамъ хорошо извѣстно г. Падалица,—писалъ В. Б. Антоновичъ,—что, прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія. Вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южнорусскимъ, а не польскимъ, того, что южнорусское, а не польское; вы были вѣдь свидѣтелемъ, какъ подобныя убѣжденія возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество. Я выбралъ второе»...

Но этотъ рѣшительный шагъ подвергалъ народолюбцевъ тяжкимъ и опаснымъ преслѣдованіямъ. Въ настоящее время трудно представить ту степень злобы и ожесточенія, съ какою могущественная тогда шляхта обрушивалась на людей, открыто зая-

влявшихъ о своихъ симпатіяхъ къ украинскому народу. Чтобы понять эту слѣпую злобу, надо вспомнить, что дѣйствіе происходило наканунѣ мятежа 1863 г., когда дворянство Югозападнаго края почти поголовно состояло въ тайномъ заговорѣ, мечтая и усиливаясь всячески втянуть въ инсурекцію и мѣстное малорусское населеніе. А украинофилы какъ-разъ хлопотали о другомъ: какъ бы пробудить въ этомъ народѣ его національное самосознаніе и освѣтить въ его памяти прошлую исторію Украины съ ея вѣковой борьбой противъ польскихъ насилій. Понятно, какъ это должно было раздражать шляхту, принимавшую всѣ мѣры къ тому, чтобы заглушить въ народѣ самое воспоминаніе о козачествѣ и гайдамачинѣ. И вотъ, чтобы, съ одной стороны, зажать рты своимъ противникамъ, а съ другой—отвлечь вниманіе властей отъ собственной «справы», шляхта и магнатство систематически начали запугивать правительство вымышленными толками и донесеніями о мнимыхъ бунтахъ и заговорахъ и натравлять его то на народъ, якобы мечтающій о повтореніи коліивщины, то на «хлопомановъ». Стоитъ вспомнить хотя бы нелѣпую тревогу, возбужденную кіевскими дворянами по поводу погребенія Шевченка близъ Канева[1]), малорусскихъ букварей и проч. Съ особеннымъ ожесточеніемъ польская шляхта преслѣдовала хлопомановъ, вышедшихъ изъ ея собственной среды: ихъ открыто, по именамъ, злословили въ польскихъ газетахъ, распускали о нихъ невѣроятныя клеветы, будто они затѣваютъ новую коліивщину, подучаютъ хлоповъ рѣзать пановъ и т. под., и тѣ же безстыдныя выдумки воспроизводились въ тайныхъ доносахъ. Лично для Рыльскаго эти инсинуаціи имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ административному суду, на которомъ состоялось было рѣшеніе выслать его въ Казань, и лишь заступничество предсѣдателя слѣдственной коммиссіи Андріевскаго спасло его отъ незаслуженной кары.

Въ то же самое время Рыльскому приходилось и въ собственной семьѣ испытывать ежедневныя огорченія и непріятности

[1]) См. въ «Кіев. Стар.» (апрѣль, 1886 г.) ст. «Тревога надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка».

изъ-за своихъ убѣжденій. Отецъ его, самъ до мозга костей пропитанный шляхетскими тенденціями, и слышать не хотѣлъ о хлопскихъ идеяхъ и чувствахъ сына и требовалъ, чтобы онъ оставилъ кіевскій университетъ и перешелъ въ другой. Послѣ долгихъ споровъ и пререканій, молодой Рыльскій согласился перейти въ петербургскій университетъ; но пріятели отца во время его надоумили, что тамъ его сынъ подпадетъ вліянію тѣхъ же «хлопомановъ»—издателей «Основы», и затѣя удалить его изъ Кіева была оставлена.

Въ бытность въ университетѣ Рыльскаго болѣе всего интересовали политическая экономія, которую читалъ тогда проф. Бунге, и соціально-культурная исторія народовъ—науки, которыми онъ не переставалъ заниматься въ теченіе всей послѣдующей жизни. Сверхъ того, онъ съ жаромъ съ отдавался охватившему въ то время лучшую университетскую молодежь народно-просвѣтительному движенію и лично преподавалъ въ устроенныхъ студентами школахъ. А въ каникулярное время не было для него лучшаго отдыха и удовольствія, какъ путешествіе по родному краю съ цѣлью изученія народнаго быта, мѣстныхъ достопримѣчательностей и т. под. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ, въ компаніи съ своимъ товарищемъ В. Б. Антоновичемъ, большею частью пѣшкомъ, съ котомкою за плечами, обошелъ кіевскую, волынскую, подольскую и значительную часть хорсонской и екатеринославской губерній. Вотъ первоначальный источникъ того глубокаго и всесторонняго знанія народной жизни, какое Ѳ. Р-чъ неизмѣнно проявлялъ въ своихъ литературныхъ трудахъ и въ устныхъ бесѣдахъ.

Послѣ инсурекціи 1863 г. состояніе отца Ѳ. Р-ча, до того времени считавшагося однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, настолько пошатнулось, что ему не оставалось иного выхода, какъ передать имѣніе дѣтямъ. На долю Ѳ. Р-ча досталась третья часть Романовскаго имѣнія, но съ переводомъ на него же всѣхъ отцовскихъ долговъ. Положеніе молодого помѣщика оказалось крайне затруднительнымъ; требовалось особенное умѣніе вести хозяйство такъ, чтобы спасти имѣніе отъ продажи съ молотка. Въ это же время происходила въ Югозападномъ краѣ повѣрка устав-

ныхъ грамотъ. Въ Романовскомъ имѣніи она была сдѣлана съ такими выгодами для крестьянъ, что возбудила открытое негодованіе сосѣднихъ помѣщиковъ, а одинъ изъ посессоровъ послалъ даже доносъ на молодого Рыльскаго и мѣстнаго посредника (его университетскаго товарища В. М. Юв—ча), стараясь выставить ихъ явными коммунистами.

Съ тѣхъ поръ началась для Ѳ. Р. Рыльскаго скромная помѣщичья жизнь, небогатая внѣшними фактами, но въ высшей степени благотворная для окрестнаго трудового населенія. Главнымъ его занятіемъ было хозяйство, которое онъ изучилъ теоретически и практически и старался вести такимъ образомъ, чтобы оно служило примѣромъ и практической школой для крестьянъ. Благодаря полному довѣрію къ нему окрестнаго населенія, ему удалось достигнуть весьма многаго въ смыслѣ усвоенія крестьянами раціональныхъ пріемовъ земледѣлія и вообще улучшенія ихъ хозяйственной культуры. Другимъ столь же важнымъ предметомъ его трудовъ и попеченій служила имъ же устроенная въ Романовкѣ церковно-приходская школа. Въ теченіе почти 20-ти лѣтъ Ѳ. Р—чъ лично въ ней учительствовалъ совмѣстно съ приходскимъ священникомъ и до конца жизни оставался ея попечителемъ, за что получилъ отъ покойнаго кіевскаго митрополита Платона оффиціально выраженную благодарность и благословеніе. Почти все нынѣшнее населеніе Романовки успѣто пройти курсъ ученія въ этой школѣ, и въ этомъ отчасти кроется источникъ безпримѣрной популярности Ѳ. Р—ча среди мѣстнаго населенія. Сердечныя попеченія помѣщика-*католика* о преуспѣяніи *православной* сельской школы болѣе всего, видимо, смущали окрестную польскую шляхту, и въ 1880-хъ годахъ, по ея доносамъ, возникло было слѣдственное дѣло по обвиненію Рыльскаго въ неблагонамѣренномъ образѣ мыслей и дѣйствій, при чемъ обвинители ставили ему въ вину слѣдующіе поступки: а) какъ помѣщикъ и дворянинъ, онъ слишкомъ хорошо живетъ съ крестьянами; б) женился на крестьянкѣ; в) будучи католикомъ, усердно поддерживаетъ церковно-приходскую православную школу, и г) выдалъ крестьянамъ изъ своего фамильнаго архива доку-

менты, нужные имъ для подкрѣпленія своихъ исковъ въ тяжбѣ съ помѣщиками за земли. Конечно, высшая администрація, узнавъ истинное положеніе дѣла, не дала хода нелѣпой ябедѣ.

А что Рыльскій «слишкомъ хорошо жилъ съ крестьянами»—это была чистѣйшая истина. Съ юности (по его выраженію) «прійдя къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считая интересы его самыми близкими своимъ интересамъ», онъ всей своей жизнью и дѣятельностью явилъ идеальный образецъ истиннаго народолюбца. Въ теченіе 40-лѣтняго хозяйничанья у него не было ни одной тяжбы или ссоры ни съ однимъ изъ односельцевъ или сосѣдей-крестьянъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ идеи духовнаго сближенія крестьянскаго населенія и интеллигенціи на почвѣ общаго практическаго дѣла, но не въ положеніи благодѣтельствуемаго и благодѣтеля, а въ положеніи двухъ совершенно равноправныхъ общественныхъ элементовъ, стремящихся къ одной и той же цѣли—общему благополучію. Когда часть Романовскаго имѣнія, принадлежавшая его сестрѣ, была назначена въ продажу, Рыльскій убѣдилъ крестьянъ купить ее при содѣйствіи крестьянскаго банка и самъ велъ хлопоты по этой покупкѣ. Но его демократическія симпатіи были чужды характера исключительности: какъ въ юности онъ писалъ, что люди его направленія «желаютъ трудиться на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній, желаютъ мира, братской любви и счастья», такъ и поступалъ онъ въ теченіе всей жизни. Не одни мѣстные крестьяне, но и мелкая шляхта и даже бѣдный классъ евреевъ—всѣ неизмѣнно находили у Ѳ. Р—ча братское сочувствіе, полезный совѣтъ и посильную помощь. Не чуждался онъ и общенія съ помѣщиками, если только находилъ въ ихъ воззрѣніяхъ и поступкахъ какое-нибудь соотвѣтствіе съ своими демократическими принципами; но всякаго рода шляхетскія тенденціи, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ—теоріи «властной опеки» надъ народомъ, всегда были ему ненавистны, отсюда и злоба къ нему со стороны нѣкоторыхъ, доходившая до грязныхъ инсинуацій. За то популярность Рыльскаго среди мѣстнаго трудового населенія была чрезвычайная:

не только крестьяне, шляхта, евреи Романовки, но и жители окрестныхъ мѣстъ шли къ нему за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—и сколько ненужныхъ тяжбъ, семейныхъ неурядицъ было предупреждено или устранено однимъ его авторитетнымъ словомъ!

Такова была скромная, но весьма плодотворная общественная дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, обрисованная здѣсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Мы надѣемся, что лица, ближе знавшія его, не откажутся ярче и выпуклѣе нарисовать его глубоко симпатичный образъ. Намъ же остается упомянуть здѣсь о литературно-научныхъ трудахъ покойнаго, поскольку они намъ извѣстны.

О первыхъ литературныхъ опытахъ Ѳ. Р. Рыльскаго мы уже упоминали: это были корреспонденціи изъ правобережной Украины, помѣщенныя въ «Основѣ» 1861 г., въ февральской кн. (подъ псевдонимомъ: Максимъ Чорный) и въ ноябрьской-декабрьской; ихъ предметъ—характеристика тогдашней украинской шляхты и защита возникшаго среди ея молодого поколѣнія народно-украинскаго направленія. Третья корреспонденція («Основа», февраль 1862 г.) всецѣло посвящена экономическимъ выкладкамъ, наглядно доказывающимъ крайнюю недостаточность крестьянскихъ надѣловъ въ кіевскомъ уѣздѣ по уставнымъ грамотамъ 1861 г., впослѣдствіи, какъ извѣстно, измѣненнымъ въ пользу крестьянъ.

Въ нашемъ журналѣ Ѳ. Р. Рыльскій помѣстилъ двѣ статьи: 1) «Разсказъ современника о приключеніяхъ съ нимъ во время Коліивщины» (январь. 1887 г.) и «Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія» (1888 г. № 11 и 1890 г. №№ 9, 10 и 11). Послѣдній, весьма обширный трактатъ ярко свидѣтельствуетъ о тонкой наблюдательности автора и глубокомъ изученіи народнаго быта.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ѳ. Р. Рыльскій предпринялъ капитальное политико-экономическое изслѣдованіе, начальныя главы котораго были напечатаны въ «Запискахъ наукового Товариства імени Шевченка» (томы I—II) подъ заглавіемъ:

«Студиі надъ основами розкладу богатства». Не извѣстно, успѣлъ ли онъ довести до конца этотъ обширный трудъ, но мы достовѣрно знаемъ, что еще прошлою зимою, проживая въ Крыму, покойный съ увлеченіемъ работалъ надъ этой темой.

Кажется, что въ 1870-хъ годахъ Рыльскій помѣщалъ свои статьи въ галицко-украинскихъ журналахъ народническаго направленія, но, не имѣя подъ руками этихъ журналовъ, не можемъ утверждать этого. Что же касается польской журналистики, то вообще можно сказать, что Рыльскій не принималъ въ ней участія по принципіальному несогласію съ господствовавшимъ въ ней духомъ и направленіемъ. Единственнымъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ была издававшаяся въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ демократическая газета Głos, въ которой Рыльскій изрѣдка помѣщалъ статьи по малорусской этнографіи и народному быту.

Въ заключеніе прилагаемъ описаніе похоронъ Ѳ. Р. Рыльскаго, доставленное въ редакцію однимъ изъ мѣстныхъ жителей—очевидцемъ.

«28 сентября происходили похороны Ѳаддея Розеславовича Рыльскаго въ селѣ Романовкѣ (сквирск. у.). Могила, согласно высказанному имъ при жизни желанію, была вырыта на крестьянскомъ кладбищѣ. Онъ и послѣ смерти желалъ покоиться среди тѣхъ, на пользу чью трудился въ продолженіе всей жизни. Крестьяне это сознавали и цѣнили, какъ это видно изъ того, что, узнавъ о его смерти, они собрали сходъ и сами напомнили его роднымъ объ этомъ желаніи, когда-то выраженномъ покойнымъ на одномъ изъ сходовъ. Похороны были совершены съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, требуемыхъ народнымъ ритуаломъ. «Це *нашъ* панъ»,—говорили крестьяне: «мы ёго по нашому звычаю и поховаемо»! Тѣло умершаго было покрыто красною китайкою; гробъ при выносѣ былъ три раза опущенъ на порогѣ; за гробомъ, который наперерывъ старались нести интеллигентные и неинтеллигентные товарищи и ученики покойнаго, четыре пары воловъ

везли на возу крышку гроба, всю покрытую вѣнками.—Ко времени выноса его тѣла собралась такая масса народа, что имъ былъ запруженъ огромный дворъ. Толпа шла за гробомъ съ рыданіями.

Сознаніе невозвратимой утраты и рыданія еще болѣе усилились, когда, подходя къ церкви, всѣ волы вдругъ заревѣли разомъ протяжно и глухо три раза, какъ будто и они чувствовали горе и понимали, что провожаютъ хозяина своего въ мѣсто, откуда нѣтъ возврата. Когда же возлѣ могилы надъ гробомъ начали произносить рѣчи и упомянули о его добрыхъ дѣлахъ, то вся масса, какъ одинъ человѣкъ, заплакала навзрыдъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ что нельзя было разобрать словъ ораторовъ.— Только и было слышно въ толпѣ: «Ой, допомогавъ, допомогавъ!».— «Никóлы уже на всёму свити не буде такого пана»!—Крестьяне, отдавая ему послѣднее цѣлованіе, произносили краткія, но крайне трогательныя слова: «Покыдаете насъ, пане нашъ, хазяине нашъ, батьку нашъ»!—«Выбачайе, паночку, може колы не послухавъ васъ».—«Прощавайте паночку! штырнадцять литъ служывъ я вамъ: не росчыталы мене, навить «ты» на мене ни разу не сказалы».— Эти слова лучше всего характеризуютъ чудную личность покойнаго, его удивительную деликатность и даже нѣжность въ обращеніи со всякимъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ. Вѣрный сынъ шестидесятыхъ годовъ, онъ до конца жизни оставался горячо преданнымъ завѣтамъ своей юности. Вся его жизнь была удивительна гармоничнымъ сочетаніемъ идеаловъ и поступковъ; ни старость, ни болѣзнь не были въ силахъ ослабить его горячей любви къ родинѣ и ея люду. Свободная пѣсня жизнерадостныхъ дивчатъ, работавшихъ у него на току, служила ему единственной отрадой, облегчавшей его страданія въ послѣдніе дни, и онъ просилъ открывать окно, чтобы пѣсня была ему лучше слышна, и говорилъ при этомъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ пѣсню свободнаго, веселаго, жизнерадостнаго народа.—Всѣ окружавшіе могилу были проникнуты однимъ общимъ чувствомъ,—чувствомъ горестной, невозвратной утраты. Не было ни малѣйшаго диссонанса въ настроеніи всей массы: люди разныхъ вѣрованій,—православные, католики и евреи,—разныхъ сословій, классовъ прилагали стараніе о томъ, чтобы исполнены были всѣ подробности обряда по народному обычаю, которымъ покойный такъ восхищался при жизни.—Они желали этой заботливостью отдать по-

слѣдній долгъ чудной личности незабвеннаго покойника.—Можно надѣяться, что всѣ, такъ искренно оплакивавшіе его кончину, будутъ помнить то, чему онъ училъ ихъ и словомъ, и примѣромъ. Его скромная труженическая жизнь была для всѣхъ живымъ примѣромъ, какъ надо любить Украину и всѣхъ ея сыновъ, безъ различія вѣръ, званій и состояній, и какъ путемъ дружной, совмѣстной работы, озаренной знаніемъ и согрѣтой братскимъ сочувствіемъ и любовью, должно стремиться къ процвѣтанію родного края и всеобщему благополучію. Пусть же всякій, кто такъ или иначе можетъ считать себя его ученикомъ, постарается проводить въ жизнь его завѣты, и пусть его благородный образъ навѣки живетъ въ памяти мѣстнаго населенія, какъ живое олицетвореніе высшихъ гражданскихъ добродѣтелей».

О. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. Въ напечатанной въ № 208 «Полтавск. Губ. Вѣд.» замѣткѣ подъ названіемъ «Письмо съ дороги» почтенный художникъ-археологъ Н. Макаренко живо скорбитъ объ упадкѣ народнаго творчества вообще, констатируя, между прочимъ, что въ орнаментѣ и тонахъ Опошнянскихъ мисокъ «замѣтно уже такое вырожденіе, какого онъ не ожидалъ», объясняя, что «въ ущербъ интереснымъ, глубоко самобытнымъ орнаментамъ—въ желтомъ и зеленомъ тонахъ на коричневомъ фонѣ», большая половина издѣлій представляетъ заимствованіе и подражаніе какъ въ формѣ такъ и въ тонахъ. «Достаточно, говоритъ авторъ, взглянуть на эти вазочки (въ исковерканномъ до неузнаваемости пошломъ рококо) и тарелочки подъ терракотъ, на изваянія какихъ-то не русскаго, а тѣмъ болѣе и не малороссійскаго характера, фигурокъ изъ глины подъ ту же терракоту». Далѣе авторъ усмотрѣлъ «еще болѣе плачевную судьбу» узорныхъ плахтъ, выражая предположеніе, что «теперь уже почти нѣтъ села или хутора, гдѣ-бы ихъ необходимость ощущалась». Могу до нѣкоторой степени утѣшить почтеннаго автора, что на самомъ дѣлѣ это не такъ—и я объясню это далѣе, а теперь остановлюсь на замѣчаніи автора объ отсутствіи рѣзьбы въ видѣ украшеній на воловьихъ ярмахъ и на объясненіи продавцовъ: «нащо намъ така цяцька—намъ хоть якъ зробышъ та зробышъ, абы скорійшъ за дило». Какъ старожилъ родного края и этнографъ, могу сообщить, что «ме-

режани» ярма и возы часто встрѣчались десятки лѣтъ тому назадъ. преимущественно у чумаковъ, любившихъ щегольнуть и волами «круторогимы» и «мережаною мажею» (возомъ). Еще во время изслѣдованія мною кустарныхъ промысловъ (1884 г.) я видѣлъ въ Еремѣевкѣ, золотонош. у., у прежнихъ богатыхъ чумаковъ, украшенныя рѣзьбою, очень мелкою и оригинальною, не только поверхность ярма, но также «люшни», «потылыцю» (задній брусокъ въ возѣ), и «важныцю» (постаментъ или подставку для подъема воза при мазкѣ колесъ); подобная кропотливая рѣзьба была плодомъ досуга нѣкоторыхъ искусныхъ въ рѣзьбѣ по дереву чумаковъ при частыхъ остановкахъ на длинномъ пути «у Крымъ по силь», или на «Динъ по рыбу», какъ мнѣ разсказывали чумаки. Очень жаль, что въ 1898 г. мнѣ удалось въ Еремѣевкѣ купить для земскаго музея (фигурировавшаго на выставкѣ при археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ) старый чумацкій возъ съ незначительными рѣзными украшеніями; лучшій же экземпляръ у богатаго чумака оказался непродажнымъ и сохраняется на память. Думаю, что въ золотонош. уѣздѣ, въ Ирклѣевѣ и на побережьи—въ Еремѣевкѣ, Васютинцахъ, Мойсенцахъ, Котловѣ, а также въ Зубовкѣ и Зуевцахъ миргород. у., въ Куземинѣ и Опошнѣ, зѣньков. у., у чумаковъ или ихъ дѣтей и внуковъ еще найдутся «мережани» ярма и возы, а на побережьи была еще распространена рѣзьба и разрисовка красками деревянныхъ тарелокъ и ложекъ. Что касается плахтъ, то позволю себѣ привести цитату изъ моей монографіи: [1]) «Въ дни годовыхъ праздниковъ въ Зѣньковѣ, а въ особенности въ Миргородѣ, и во многихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, молодицы и дивчата наряжаются въ плахты съ попередницами, иногда парчевыми и шелковыми, нанизываютъ на шею массу «доброго» (коралловаго) намиста съ серебряными и золотыми «дукачами», такъ что пестрая толпа женщинъ представляетъ національные уборы въ чрезвычайномъ разнообразіи и оригинальности. У нѣкоторыхъ щеголихъ сохраняются въ буквальномъ смыслѣ фамильные кораллы, иногда очень крупные, и стоимость ихъ опредѣляется сотнями руб. Можно утверждать, говорилъ я, что на пространствѣ зѣньков. и миргор. уу. и теперь еще цѣлые десятки тысячъ невѣстъ имѣютъ въ своихъ «скрыняхъ», пропорціонально благо-

---

[1]) Очерки куст. пром. Полт. г. вып. 1. „Пряденіе и ткачество въ зѣньк. и миргор. у. 41. 103.

состоянію родителей, плахты, какъ составную часть традиціоннаго приданаго, безъ котораго не оставляетъ родительскаго дома ни одна дѣвица, мало-мальски достаточныхъ родителей». Во время экспедиціи мною была составлена и доставлена въ земскій историческій музей коллекція узоровъ килимовъ и плахтъ. Мною было выражено, что «эта отрасль труда и самодѣятельности народа столько же своеобразна, какъ и его исторія, его думы и пѣсни, его керамика, его писанки, его вышивки на сорочкахъ и рушникахъ (я также доставилъ коллекцію), и наконецъ, обнаруженная при обслѣдованіи—техническая и технологическая терминологія съ рецептами нелинючихъ растительныхъ красокъ. Хранящіеся въ естественно-историческомъ музеѣ образцы издѣлій и узоровъ ждутъ просвѣщеннаго изслѣдователя съ спеціальнымъ образованіемъ, для научной оцѣнки художественной стороны народнаго творчества». Такой оцѣнки, сколько мнѣ извѣстно, до послѣдняго времени сдѣлано не было просвѣщенными художниками, находящимися на службѣ Полтавскаго земства, и никто изъ нихъ не удосужился посѣтить также Лебединскій будынокъ Галагана, хотя я уже дважды писалъ о немъ въ «Кіев. Стар.». Съ удовольствіемъ долженъ упомянуть, что завѣдывающая Полтавскою женскою школою ткачества, А. І. Коляновская, воспользовалась въ музеѣ собранными мною узорами плахтъ, и нѣкоторые изъ нихъ воспроизвела вполнѣ, а нѣкоторые стилизировала въ издѣліяхъ школы, и на всероссійскую кустарную выставку былъ представленъ отъ Полтавской школы ассортиментъ тканей съ узорами съ плахтъ—въ видѣ матерій для портьеръ, обивки мебели, гардинъ и т. п. Какъ извѣстно, полтавскія ткацкія и гончарныя издѣлія, своею оригинальностью, заинтересовали столичную публику; между тѣмъ, по словамъ г. предсѣдателя Полтавской губернской земской управы Лизогуба, издѣліями Дегтяревской земской мастерской «на всероссійской кустарной выставкѣ никто не интересовался, вслѣдствіе ихъ шаблонности и дороговизны» [1]). Тоже самое мнѣ передавали и въ отношеніи выставленныхъ въ столицѣ издѣлій—главнымъ образомъ маіоликовыхъ—Миргородскаго Гоголевскаго училища, тогда какъ даже на Парижской всемірной выставкѣ Опошнянскія поливянныя миски обращали на себя вниманіе, и зем-

---

[1]) Экономич. и сел.-хоз. дѣят. полтав. земства, № 9, 66.

скимъ музеемъ были получены заказы изъ Парижа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ живой свидѣтель и очевидецъ, могу засвидѣтельствовать; что въ этнографическомъ отдѣлѣ на археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, выставленная земскимъ музеемъ коллекція плахтъ, вышивокъ и поливянныхъ мисокъ вызывала вниманіе и одобреніе гг. членовъ съѣзда, а также и со стороны гг. художниковъ и многочисленной публики; сообщеніе же на съѣздѣ И. А. Зарѣцкаго съ демонстраціею имъ образцовъ матеріаловъ, инструментовъ и важнѣйшихъ элементовъ гончарнаго орнамента вызвало живѣйшее вниманіе гг. членовъ съѣзда.

Къ слову молвить, на вопросъ г. Н. Макаренко: «почему, наприм. Дегтяревская мастерская ткачества (мастерская, вѣдь, вполнѣ народная) не воспользовалась и до сихъ поръ ни мотивами, ни богатымъ колоритомъ, представляющимся на плахтахъ!»—можно отвѣтить нижеслѣдующими данными: по словамъ члена губ. зем. упр. В. Я. Головни, мастерская состояла въ вѣдѣніи «такъ называемаго губернскаго ткацкаго техника—должности, которой въ дѣйствительности не существовало, такъ какъ право на титулъ ткацкаго техника могло быть присвоено лишь носителю знаній, обнимающихъ ткацкій промыселъ во всемъ его объемѣ,—бывшій же ткацкій техникъ лишь *по недоразумѣнію* (?) пользовался такимъ званіемъ, обладая знаніями только въ узкой спеціальности тканья скатертей, салфетокъ и полотенецъ». Не удивительно, что при самозванствѣ руководителя, говоря словами г. предсѣдателя Лизогуба, «полная неопредѣленность и безпорядочность характеризуютъ прошлую дѣятельность мастерской, лишенную какого-бы то ни было направленія и программы. Въ исполненіи ученическихъ работъ отсутствовала всякая система; въ этой области царила хаотическая разбросанность, рѣзкіе переходы отъ одного предмета къ другому, безъ связи и цѣли. Преобладало же изготовленіе предметовъ фабричнаго шаблона, т. е. тѣхъ предметовъ, которые менѣе всего могли разсчитывать на спросъ, въ виду огромной конкурренціи фабричныхъ работъ, отличающихся большимъ совершенствомъ отдѣлки и большею дешевизною». Осудивъ прошлое, г. Лизогубъ выразилъ достойное глубокаго сочувствія намѣреніе «на будущее время направить вниманіе мастерской на изготовленіе предметовъ, имѣющихъ спросъ». По его мнѣнію, спросъ на мѣстныя издѣлія несомнѣнно можно развить: стоитъ только ввести въ нихъ національные мотивы, примѣнить къ дѣлу полный

своеобразной прелести малороссійскій орнаментъ—и спросъ на издѣлія не только внутренній, но и заграничный надолго обезпеченъ» [1]).

Нельзя съ такою обстоятельностью пока отвѣтить на другой запросъ г. Макаренко: «разрабатываетъ-ли Миргородская керамическая школа малороссійскій стиль въ гончарствѣ? Пользуется-ли она тѣмъ богатымъ чисто-народнымъ орнаментомъ, который разсѣянъ по всѣмъ гончарнымъ произведеніямъ Малороссіи?» Не могу не сказать, что осенью 1900 г. во время областного съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности въ Полтавѣ, около 50 человѣкъ съѣзда—въ томъ числѣ и я—посѣщали Миргородское Гоголевское училище съ его мастерскими. На меня они произвели впечатлѣніе благоустроенной маіоликовой фабрики, такъ какъ училище занималось, можно сказать, исключительно выполненіемъ спеціальныхъ заказовъ по сооруженію маіоликоваго иконостаса для православной церкви въ Буеносъ-Айресѣ. Характерно то, что даже оканчивавшіе курсъ ученики, окрашивая издѣлія маіоликой, не имѣли понятія о составѣ красокъ, и это считалось техническимъ секретомъ сихъ дѣлъ мастера. Въ губернскомъ земскомъ собраніи въ тотъ годъ, по поводу подобной аномаліи и вообще направленія дѣятельности училища, возникли, можно сказать, ожесточенныя пренія, и въ концѣ концовъ была избрана особая коммиссія для ревизіи и выработанъ проектъ для дальнѣйшаго существованія училища. Сколько извѣстно, къ предстоящему губ. собранію будетъ представленъ докладъ коммисіи. Для характеристики же направленія училища, долженъ сказать, что при посѣщеніи мною училища въ 1898 г., послѣ бесѣды съ г. директоромъ училища, я, согласно его желанію, входилъ въ сношеніе съ директоромъ коллегіи Галагана о разрѣшеніи командированному отъ училища лицу, произвести съемку съ орнамента въ Лебединскомъ будынкѣ Галагана. Полученный благосклонный отвѣтъ былъ мною препровожденъ г. директору училища, но командировка по неизвѣстной мнѣ причинѣ не состоялась до настоящаго времени. Не сомнѣваюсь, что отмѣченная на выставкахъ въ Парижѣ, въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ оригинальность и своеобразность нашихъ кустарныхъ издѣлій, въ особенности ткацкихъ и гончарныхъ, возбудитъ энергію губернскаго земства къ поддержанію и развитію кустарныхъ промысловъ посредствомъ система-

[1]) Тамъ же, 64, 67.

тическихъ мѣропріятій. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести иллюстрированное изданіе сосредоточенныхъ въ земскомъ музеѣ образцовъ узоровъ ткацкихъ и керамическихъ. Само собою разумѣется, для этого потребуется трудъ просвѣщенныхъ художниковъ не только по исполненію рисунковъ, но и по систематизаціи ихъ. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія изданный Харьковскимъ предварит. комитетомъ археологич. съѣзда альбомъ узоровъ, собранныхъ г-жею Литвиновою по черниг. губ., плахтъ, рушниковъ и вышивокъ, и намѣченная И. А. Зарѣцкимъ систематизація глазурованныхъ и неглазурованныхъ издѣлій.

Въ параллель съ выставленными музеемъ кустарными издѣліями я представилъ на съѣздъ докладъ «Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи», и составленный мною «Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по полтав. губ.», главнымъ образомъ, по собраннымъ непосредственно мною еще въ 1884—85 г. матеріаламъ при изслѣдованіи 25 промысловъ. Обѣ работы напечатаны въ II т. «Трудовъ Предварительнаго Харьковскаго Комитета», при чемъ помѣщена составленная мною программа для дальнѣйшаго собиранія матеріаловъ по технической терминологіи. Кромѣ того, Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства изданы мои доклады «Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ» съ программою для собиранія матеріаловъ по губерніи.

Такимъ образомъ, очевидно, предстоитъ обширная и плодотворная работа въ нашемъ краѣ по извлеченію изъ мрака неизвѣстности и разработкѣ на научныхъ началахъ—многообразныхъ проявленій народнаго творчества, какъ въ области матеріальной культуры, въ видѣ своеобразнаго орнамента, такъ и въ области духовной культуры, выраженной какъ въ сложившихся вѣками воззрѣніяхъ, примѣтахъ и предсказаніяхъ народа по метереологіи и земледѣлію, имѣющихъ необъятно важное значеніе въ жизнедѣятельности истыхъ «хлиборобивъ», такъ и въ бытующей теперь технической терминологіи, преемственно унаслѣдованной, по ремесламъ и промысламъ. Не безъ цѣли я поставилъ эпиграфомъ своего доклада о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи—поговорку: «Краще свое латане, нижъ чуже хапане», ибо искренно и глубоко вѣрю, что, по мѣрѣ научнаго изученія души и народнаго техническаго знанія, могутъ предстать озаренныя свѣтомъ истины всѣ несовершенства, недочеты и пробѣлы—какъ неизбѣжное слѣдствіе отсутствія родной народу по языку школы общеобразовательной и профессіональной. Остается питаться надеждой, что къ

предстоящему въ 1905 г. XIII археологическому съѣзду, предположенному въ Екатеринославѣ, просвѣщенные дѣятели нашего родного края приложатъ трудъ собрать и представить въ обработанномъ видѣ толковый словарь народной технической терминологіи, а также народныя воззрѣнія по метереологіи и земледѣлію полтав. губ.; художники же, съ своей стороны, представятъ въ систематизированномъ видѣ многообразный народный орнаментъ. Тогда каждый можетъ видѣть и по достоинству цѣнить, наприм., «малороссійскій стиль», въ настоящее время—по словамъ археолога-художника Макаренка „почти еще неизвѣстный даже въ самой Россіи“.

В. Василенко.

Новый документъ о Сагайдачномъ. Печатаемый ниже документъ, извлеченный изъ книгъ Литовской Метрики, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ М. Ю., и любезно сообщенный нашей редакціи Ѳ. Д. Николайчикомъ, представляетъ интересъ для характеристики отношеній польскаго правительства къ личности талантливаго гетмана Петра Сагайдачнаго, сумѣвшаго своей огромной энергіей, способностями и успѣхами въ военномъ дѣлѣ доставить козачеству и гетманской власти огромную силу и значеніе, достигшихъ своего апогея при Богданѣ Хмельницкомъ, не менѣе талантливомъ ученикѣ, вышедшемъ изъ военной и дипломатической школы Сагайдачнаго. Поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ между Польшей и козачествомъ, во главѣ съ его представителемъ—гетманомъ Конашевичемъ, служитъ обращеніе къ послѣднему со стороны польскаго правительства за помощью въ критическій моментъ, въ 1618 году, когда королевичъ Владиславъ, отправившійся добывать себѣ московскій престолъ, очутился въ безвыходномъ положеніи. Сагайдачный воспользовался удобнымъ моментомъ: съ одной стороны, онъ питалъ надежду заслужить расположеніе короля и добиться улучшенія положенія православныхъ; съ другой, для него, быть можетъ, было не безразлично показать московскому правительству выгодность для него союза съ сильнымъ козачествомъ. Выручивши Владислава отъ неминуемой гибели, Сагайдачный возвращается на Украину и распоряжается въ ней, какъ независимый начальникъ. Польскія власти въ то время слишкомъ нуждались въ немъ и чувствовали много силы въ его распоряженіяхъ, и потому не осмѣливались его безпокоить. Но, внушая страхъ польскому правительству,

Сагайдачный держитъ себя въ отношенія его въ высшей степени тактично и независимо: онъ выступаетъ неоднократно въ его интересахъ и оказываетъ помощь, имѣя въ виду войти въ соглашеніе съ нимъ; а это обстоятельство, конечно, поднимало значеніе гетманской власти во мнѣніи правящихъ. Политика Сагайдачнаго настолько была неясна на первый взглядъ, что польскіе мемуаристы его времени, а позже и южно-русскіе лѣтописцы и даже современные историки не рѣдко считаютъ его сторонникомъ Польши. Неосновательность этого мнѣнія лучше всего явствуетъ изъ предсмертныхъ писемъ Сагайдачнаго къ Сигизмунду и королевичу Владиславу, исполненныхъ ненависти къ польской шляхтѣ и искреннихъ заботъ о козачествѣ: первую онъ глубоко ненавидитъ и защиты ждетъ только отъ короля. Этимъ и объясняются отношенія его къ польскому правительству, точнѣе къ королю,—въ этомъ же мы можемъ найти объясненіе печатаемому ниже «листу» короля Сигизмунда къ Сагайдачному. Въ письмѣ этомъ, отъ 23 іюля 1619 года, въ формѣ универсала, король, принимая во вниманіе рыцарскіе подвиги и военныя дѣйствія во время продолжительной службы «почтеннаго» (ucztiwego) Петра Кунашевича [1]) Сагайдачнаго въ Москвѣ съ войскомъ запорожскимъ, а также его энергичныя (hamuje i karze) мѣры по отношенію къ запорожцамъ, въ особенности—лишь именующихъ себя запорожцами, затѣмъ—запрещеніе нападать на турецкія владѣнія, наконецъ—усердіе и доброжелательность его съ другими «старинными товарищами своими» по отношенію къ нему и Рѣчи Посполитой,—объявляетъ, что, принимая все это съ благодарностью, онъ желаетъ доказать свое расположеніе («łaskę») и беретъ подъ свою защиту не только его самого, но, если бы, по Божьему попущенію, онъ умеръ, то по его смерти, жену и потомство его, и никому не будетъ позволено ни въ чемъ чинить имъ безпокойство.

«Листъ» этотъ свидѣтельствуетъ, хотя и въ слабой степени, о признательности короля Сагайдачному за его помощь въ московской войнѣ и вообще за его политику, но неизвѣстно, принесъ ли онъ какія-либо практическія удобства семейству Сагайдачныхъ: самъ Сагайдачный врядъ ли особенно нуждался въ королевскомъ покровительствѣ; что же касается до его жены Анастасіи, урожденной Пов-

[1]) По транскрипціи записи въ Литовской метрикѣ.

ченской, съ которой онъ, повидимому, не сошелся и потомства отъ нея не имѣлъ, то послѣдняя два года спустя по смерти мужа вышла замужъ за шляхтича Ивана Піончина и въ томъ же году совершила наѣздъ на имѣніе п. Ѳеодора Даровскаго, за что кіевскій судъ призналъ ее виновной, а вслѣдствіе уклоненія ея отъ суда приговорилъ къ банниціи.

«*List Piotrowi Kunaszewiczowi Saydacznemu*». Zygmunt III z Bozey łaski krol Polski etc. „Oznaymuiemy tym listem naszym wszem y wobec y kożdemu zosobna komu to wiedzieć należy. Jż My, maiąc zaleconego uczciwego Piotra Kunaszewicza Saydacznego, starszego woiska Zaporożskiego y dzieła iego Rycerskie y sprawy woienne, ktoremi sie nam y Synowi naszemu najasnieyszemu Władysławowi z woyskiem Zaporozkim w Moskwie na wielu mieiscach, przez nie mały czas mężnie y życzliwie nasługował, y to przed oczyma maiąc, że y teraz we włosci woisko Zaporożskie a zwłaszcza tych, co się mianuią a nie są z woyska Zaporożskiego, hamuie y karze, drugim co zwykli sie swowolnie przekradać, y pacta koronne z Cesarzem Tureckim psować na Czarne morze zabrania, y wszeliaką życzliwość y powolność z drugiemi starzynnemi towarzyszmi swoiemi przeciwko nam y Rzeczy Pospolitey pokazuie. Tedy wdzięcznie to od niego przyimuiemy, y chcąc onemu łaskę naszą krolewską pokazać, nie tylko onego samego, ale iesliby za dopuszczeniem Bożym z swiata zszedł, żonę y potomstwo iego, w obronie naszey mieć chciemy y iako onego za żywota, tak y onych po smierci iego nikomu żadney personie w niczym turbować nie dopuscimy. Na co ręką naszą podpisawszy sie, pieczęć koronną przyłożyć kazalismy. Dan w Warszawie dnia dwudziestego trzeciego M-ca Lipca roku Panskiego tysiąc szescsetnego dziewiętnastego, panowania krolewstw naszych Polskiego trzydziestego wtorego, a szwedskiego dwudziestego szostego roku». «Sigismundus Rex. Chrophus Bakowiecki». (Книга зап. кор. 19-я, л. 73).

Запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. Пречестнѣйшему отцу архимандриту нѣжинскому Саввѣ Шпаковскому и честнѣйшимъ отцамъ игуменамъ монастырей заднѣпрскихъ, намѣстникамъ и строителямъ, такожъ честнимъ отцамъ протопопамъ, а

именно: Козелецкому, Нѣжинскому, Конотопскому, Глуховскому, Воронѣжскому и Івановскому, при Божиемъ благословеніи, и нашемъ архиерейскомъ, объявляемъ: что извѣстно намъ ученино, да и сами ми видѣли, черезъ епархию съ Москви едучи, же многие съ монаховъ, такъ великороссійскихъ, якъ и малороссійскихъ и из другихъ странъ волочатся по городамъ, мѣстомъ, по селамъ, и деревнямъ въ епархии нашой киевской, и бродящіе по ярмаркамъ и торгамъ, въ пиваются и соблазни великіе дѣлають, по школамъ валяются, отчего великое поношеніе монашескому чину бываетъ, всѣхъ мирскихъ презрѣніе: забездѣльниками бродячими, шкаредами, пяницами, соблазнителями, хажнями и ругателями монашескаго чина, добрии и честнии монахи, прямо чинъ монашескій хранящии, безчестіе поносятъ и поруганіе; и куди честнии и исправнии за дѣлами монастирскими посилаются за благословеніемъ начальствующихъ, то чести не имѣютъ, и чего требуютъ, не получають, презрѣнии и осмѣянии тщии отходятъ; всего бѣдного честного монаха стинаютъ палцями указующе: онъ чернецъ, такій же якъ и другии волоцюга! и о добромъ, такъ какъ одругомъ бездѣлному волоцюге, мирские мнѣніе имѣютъ и говорятъ: «вси они такие! А понеже укази государови повелѣваютъ: монахи никуда би не волочилися и не бродили, но по манастирамъ живучи честно, послушанія своя би отправляли! токмо за дѣлами, и то за позволеніемъ началствующихъ, з манастирей отходили би с писаніемъ свѣдительствующимъ; того ради ми, пастиръ, исполняя государеви укази и желая, что б тѣхъ бродягъ не било в епархіи нашей и никакихъ би соблазновъ за тѣми хажнями не умножалося, но паче искоренялося, и в чести, а не в безчестии монашескій чинъ имѣли би другии мирскии люде,—накрѣпко приказуемъ вамъ, таковыхъ бродягъ и бездѣльниковъ брать по ярмаркамъ, торгамъ, по мѣстамъ, селамъ, волочащихся и по школамъ валяющихся, взять в кандали и, оковавъ, под карауломъ в катедру нашу присилать. Знова жъ, которие монахи з своего монастира, где и обѣщаніе пріймали, в другіи манастири бегаютъ; а с того манастира знова в иніе манастирѣ волочатся, и такихъ непостояниковъ оковать и под арестомъ въ тотъ манастиръ, гдѣ онъ примавъ завѣтъ, отсилать при писаніяхъ своихъ. І сей нашъ указъ во всей епархии Киевской публѣковать, по оному без упущенія дѣйствовать, и за неисполненіе по сему нашему указу на показанихъ началникахъ будетъ доправлено штрафа в катедру нашу по 50 рублей;

о полученіи же насъ писменно репортовать пастирско повелѣваемъ. 1731 года, октября 20 д. З катедри нашей Кіевской.

Смиренний Рафаилъ, Архіепископъ Кіевскій.

Сообщ. **С. Рклицкій.**

Къ исторіи народнаго образованія въ южнорусскихъ губерніяхъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости у помѣщиковъ въ 1861 году и начавшееся вслѣдъ за этимъ стремленіе къ просвѣщенію освобожденнаго народа поселило у нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія въ Малороссіи надежду, что и для малорусскаго языка настало время освободиться отъ крѣпостной зависимости у языка великорусскаго. Является попытка оффиціальнымъ путемъ добиться для малороссійскихъ букварей и другихъ книжекъ равноправности съ букварями и книжками великорусскими.

Такую попытку предприняли въ 1862 году распорядители полтавской воскресной школы, приславши въ С.-Петербургскій комитетъ грамотности, состоявшій при 3-мъ отдѣленіи Императорскаго вольно-экономическаго общества, записку, въ которой они просили комитетъ грамотности ходатайствовать черезъ вольно-экономическое общество передъ министромъ государственныхъ имуществъ о разрѣшеніи допустить въ народныя села въ казенныхъ селеніяхъ южнорусскихъ губерній нѣкоторыя книжки для первоначальнаго обученія на родномъ языкѣ населенія тѣхъ губерній.

Записку подписали три обывателя г. Полтавы: распорядитель первой мужской воскресной школы инженеръ-капитанъ Лобода, секретарь совѣта полтавской женской воскресной школы коллежскій совѣтникъ Д. Пильчиковъ и членъ-сотрудникъ комитета грамотности А. Конисскій (10 марта 1862 г.).

Записка эта была слѣдующаго содержанія:

«Одна изъ цѣлей, высказанныхъ въ разосланномъ объявленіи отъ комитета грамотности—изыскать средства къ устраненію препятствій, мѣшающихъ успѣшному развитію грамотности въ сельскомъ населеніи.

Въ объявленіи сказано: «предоставленіемъ ученія самому сельскому управленію безъ ограниченія размѣровъ и опредѣленія формъ обученія, устраняются сами собой существовавшія доселѣ препятствія

этому дѣлу: всѣ племена, всѣ мѣстности призваны къ участію въ немъ».

Комитету извѣстно, говорится далѣе въ запискѣ, что туземное населеніе полтавской губерніи есть чисто южнорусское, говорящее языкомъ, различающимся отъ великорусскаго грамматическими формами, значеніемъ словъ и складомъ рѣчи, а потому распространеніе грамотности въ здѣшнемъ краѣ, между здѣшнимъ сельскимъ населеніемъ, не въ смыслѣ переучиванія народа на чуждый для него языкъ, чему каждый народъ вездѣ и всегда противится всѣми силами, а съ цѣлью принести ему грамотою истинную пользу, —необходимо производить на его собственномъ языкѣ, а равно и дальнѣйшее развитіе его должно быть ведено также на его собственномъ языкѣ. Легче и спаведливѣе переводить книги на туземный языкъ, чѣмъ переучивать милліоны людей на чужой языкъ, хотя бы и соплеменный, и собственно для того только, чтобы на этомъ чужомъ языкѣ дать ему прочитать книгу... Здѣшній народъ готовъ принять грамотность и образованіе, но не иначе какъ на своемъ собственномъ языкѣ. Всѣ попытки дать грамотность на великорусскомъ языкѣ остаются только попытками самыми неудавшимися и носятъ на себѣ характеръ крайняго принужденія. Ни проповѣди въ церквахъ, ни судопроизводство, ни даже преподаваніе въ здѣшнихъ народныхъ школахъ на великорусскомъ языкѣ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ, не дали здѣшнему народу благихъ результатовъ ни въ умственномъ, ни, смѣемъ думать, въ нравственномъ отношеніи. Народъ остался глухъ къ образованію въ чуждой ему формѣ; онъ не хочетъ, да и не можетъ перероди́ться ради грамоты и ученья, въ силу и могущество которыхъ онъ и безъ того недостаточно вѣруетъ, и предпочелъ за лучшее учиться у дьячковъ исключительно церковной грамотѣ, въ которой, по крайней мѣрѣ, онъ видитъ нѣчто богоугодное. Опытъ показалъ, что несмотря на всѣ усилія различныхъ начальниковъ, напримѣръ, по вѣдомству Государственныхъ имуществъ, мальчики изъ украинцевъ, и то болѣе понятливые, послѣ долгаго нѣсколько-лѣтняго переучиванія на великорусскій языкъ, съ цѣлью впослѣдствіи сдѣлать изъ нихъ писарей, фельдшеровъ и другихъ должностныхъ лицъ, оказываются для обученія на великорусскомъ языкѣ неспособными, чему не какъ единственный случай можетъ служить доказательствомъ въ копіи при семъ прилагаемый рапортъ миргородскаго окружнаго начальника въ полтавскую Палату Государственныхъ имуществъ отъ 22 августа 1861 г. за № 3171. Что же касается до нравственныхъ послѣдствій обученія

не на туземномъ языкѣ, то, не говоря уже о разрывѣ въ семействахъ между родителями и дѣтьми, производящемъ нерѣдко уродливыя нравственныя явленія, мы можемъ указать на общеизвѣстный у насъ фактъ. Волостные и сельскіе писаря въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кое-какъ познакомившись съ великорусскимъ языкомъ, видятъ въ этомъ нѣкоторое право на превосходство предъ остальнымъ населеніемъ и злоупотребляютъ умѣньемъ коверкать русскій языкъ для своихъ корыстныхъ выгодъ, торгуя этимъ, какъ какимъ то секретомъ, непонятнымъ для другихъ. Надѣяться же, чтобы возможно было возбудить у всей массы народа любовь къ чтенію на языкѣ другомъ, тогда какъ въ семействѣ, въ хозяйствѣ, здѣшній простолюдинъ вынужденъ употреблять самъ и безпрерывно слышать вокругъ себя туземный языкъ—едва-ли возможно. Но такіе и подобные имъ факты остаются безъ надлежащаго заявленія; они, какъ догадываться должно, не идутъ далѣе Палаты Государ. имуществъ. Высшее же начальство думаетъ, что великорусская грамота равно доступна и одинаково полезна какъ для великорусскаго, такъ и для малорусскаго населенія, а потому, вѣроятно, въ видахъ однообразія и предписываетъ въ народныхъ школахъ южнорусскаго края употреблять букварь и другія книги именно тѣ самыя, которыя употребляются и въ великорусскихъ губерніяхъ.

По этому поводу на дняхъ получено въ полтавской Палатѣ Государственныхъ имуществъ отъ 1-го департамента Министерства Госуд. имуществъ предписаніе за № 1633, въ копіи при семъ прилагаемое, сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ. До свѣдѣнія министерства дошло, что изданные св. Синодомъ буквари (не соотвѣтствующіе новѣйшимъ требованіямъ преподаванія и притомъ написанные на великорусскомъ языкѣ, непонятномъ для здѣшняго народа, особенно сельскаго населенія, для котораго они преимущественно предназначены) и присланные министерствомъ въ Полтаву для начальныхъ школъ вѣдомства Госуд. имуществъ, будто бы здѣсь не приняты, а взамѣнъ ихъ палата разсылаетъ по селамъ въ огромномъ количествѣ буквари Шевченка, «гдѣ нѣтъ молитвъ и помѣщены неумѣстныя статьи». При чемъ предписывается доставить объясненіе, «съ чьего разрѣшенія введенъ въ сельскихъ приходскихъ училищахъ полтавской губ. букварь Шевченка, тогда какъ въ реестрѣ книгъ, принятыхъ для училищъ и школъ вѣдомства Госуд. имуществъ, букварь этотъ не значится». Тутъ дѣло не въ дошедшемъ до министерства слухѣ, совершенно невѣр-

номъ, во 1-хъ потому, что 1400 экз., изданныхъ св. Синодомъ букварей, несмотря на то, что они вовсе не приспособлены къ облегчающимъ новѣйшимъ методамъ обученія грамоты, палата въ точности исполнила предписаніе министерства, разославъ присланные экземпляры и во 2-хъ потому, что букварей Шевченка никто и никуда не разсылалъ по той простой причинѣ, что они неудовлетворительны. Но дѣло въ томъ, что министерство прямо воспрещаетъ вводить тѣ книги, которыя «не помѣщены въ реестрѣ книгъ, принятыхъ для училищъ и школъ вѣдомства Госуд. имуществъ», а въ этотъ реэстръ не внесена ни одна книга на южнорусскомъ языкѣ и, вѣроятно, ни одна изъ нихъ и не войдетъ туда, если комитетъ, съ своей стороны, не приметъ на себя труда о томъ ходатайствовать. На представленье же мѣстнаго начальства по сему предмету надѣяться нельзя. По всей вѣроятности оно скорѣе, на основаніи этого предписанія министерства, будетъ преслѣдовать введеніе книгъ на южно-русскомъ языкѣ, чѣмъ объ этомъ ходатайствовать. А потому мы, нижеподписавшіеся, и обращаемся съ покорнѣйшей просьбой къ комитету исходатайствовать у г. министра госуд. имуществъ разрѣшеніе путемъ оффиціальнымъ ввести для южнорусскаго края въ реестръ книгъ, назначенныхъ для училищъ вѣдомства Госуд. имуществъ слѣдующія книги, при семъ прилагаемыя, а именно: граматку Деркача, азбуку для южнорусскаго края, составленную по методѣ Золотова, и граматку г. Кулиша.

Въ первыхъ двухъ, по краткости, кромѣ азбуки и самаго необходимаго для первоначальнаго чтенія текста, ничего не помѣщено, а въ букварѣ Кулиша помѣщены молитвы, св. исторія и катехизисъ, т. е. все то, на недостатокъ чего указываетъ министерство въ букварѣ Шевченка, а потому эта граматка и можетъ служить дополненіемъ къ двумъ первымъ [1]).

---

[1]) Въ бумагахъ Комитета грамотности находимъ слѣдующіе отзывы объ упомянутыхъ книжкахъ: 1) Букварь южнорусскій 1861 року 3 коп. Шевченко.

„Азбука въ этомъ букварѣ занимаетъ всего 1 страницу и читать научиться по этому букварю трудно; но онъ хорошъ, какъ книга для первоначальнаго чтенія“; 2) Граматка П. Кулиша 1861 г. „Составлена по старой методѣ“; 3) Граматка для украинського люду. Л Ященко. 1862 г. 10 шагивъ, „Составлена по новой методѣ съ указаніями для учителя. Въ концѣ приложенъ текстъ для чтенія: стихи Шевченка съ біографіей, краткія свѣдѣнія изъ исторіи Украины Лучшая изъ малороссійскихъ азбукъ. Въ Вол. Экон. Обществѣ было на разборѣ въ 1862

Чтобы не оставить комитета грамотности въ сомнѣніи о дѣйствительной потребности первоначальнаго обученія народа на туземномъ языкѣ, мы имѣемъ честь обратить его вниманіе на нижеслѣдующее. Въ Малороссіи книжный русскій языкъ господствуетъ въ дворянствѣ и между немногими зажиточнѣйшими горожанами, заимствовавшими его черезъ службу или торговыя связи, и при томъ молодежь этихъ классовъ общества усвоиваетъ его многолѣтнимъ ученіемъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, что никогда не можетъ быть доступно для всей массы населенія и въ особенности сельскаго. Что именно такъ взглянули на этотъ вопросъ новыя учрежденія, возникшія вслѣдствіе эмансипаціи, какъ скоро потребовалось отъ крестьянъ сознательное пониманіе благихъ мѣръ правительства, чему другія вѣдомства, можетъ быть, менѣе поставленныя въ необходимость наипрямѣе достигать этой цѣли, не представляютъ примѣра,—тому могутъ служить доказательствомъ слѣдующіе факты.

Екатеринославское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе для уясненія крестьянамъ ихъ новыхъ правъ и обязанностей нашло необходимымъ сдѣлать извлеченіе изъ положенія 19 февраля 1861 года и, изложивъ его на южнорусскомъ языкѣ, разослать по всѣмъ волостямъ своей губерніи, что весьма способствуетъ успѣшному ходу дѣла, такъ какъ, по отзывамъ самихъ крестьянъ, изложеніе на туземномъ языкѣ для нихъ оказалось совершенно понятнымъ.

Еще разительнѣе примѣръ приведенный въ № 4-мъ Современной лѣтописи „Русскаго Вѣстника“ за 1862 годъ, состоящій въ томъ, что начальникъ кіевской губерніи ген.-лейт. Гессе предпринялъ путешествіе по губерніи для внушенія волостнымъ старшинамъ необходимости составленія уставныхъ грамотъ.

Вотъ точная выписка изъ этой статьи: «Рѣчь, которую губернаторъ произнесъ старшинамъ, была потомъ прочитана находившимся съ губернаторомъ чиновникомъ на малороссійскомъ языкѣ и роздана старшинамъ въ печатныхъ экземплярахъ, чтобы и они съ своей стороны прочитали ее своимъ волостямъ». «Послѣ этого намъ случилось быть въ с. Кочеровѣ, радомысльскаго у., и разспрашивать тамошняго волостного старшину Сидора Ярмоченка, читалъ ли онъ сказанныя губернаторомъ слова крестьянамъ въ волости, какое произвели они на

году 35 книжекъ для южнорусскаго народа и школъ; цѣна книжекъ отъ 3 до 10 коп.

нихъ впечатлѣніе и вѣрятъ ли они сказанному, на что старшина отвѣчалъ, что читалъ и вѣрятъ и при разсказѣ выразилъ особенное восхищеніе, даже отъ души смѣялся, что рѣчь написана по малороссійски и каждое слово ея понятно и выражено «якъ лопатою».

«Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ должно быть пріятно крестьянамъ, когда о задушевныхъ интересахъ ихъ. о желанной волѣ ихъ заговорили съ ними роднымъ языкомъ».

«Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что обученіе здѣшняго простонародія на туземномъ языкѣ вмѣстѣ съ благопріятными послѣдствіями для его умственнаго развитія будетъ въ то же время самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ превратныхъ толкованій правительственныхъ мѣръ, относящихся къ народу».

Въ заключеніе податели просили Комитетъ грамотности или принять на себя прямое ходатайство по этому предмету, или передать настоящее письмо на благоусмотрѣніе министра Государ. имуществъ [1]).

С.-Петербургскій Комитетъ грамотности, «признавая вполнѣ основательнымъ мнѣніе, изложенное въ приведенной запискѣ», просилъ содѣйствія по этому дѣлу Совѣта Имп. Вол. Экон. Общества. Послѣдній, раздѣляя мнѣніе Комитета грамотности, обратился къ министру государ. имуществъ, генер.-адъют. Зеленому за разрѣшеніемъ упомянутаго ходатайства о введеніи въ полтавской губ. учебниковъ на южнорусскомъ языкѣ, а именно—грамматики Деркача, азбуки для южнорусскаго края, составленной по методѣ Золотова и грамматики Кулиша. Ходатайство это было передано министромъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства. Этотъ послѣдній, разсмотрѣвъ какъ самое ходатайство, такъ и названныя книги, также нашелъ, что ходатайство это заслуживаетъ вниманія и что самыя книги составлены удовлетво-

---

[1]) Въ члены комитета грамотности записались изъ Полтавы и уѣздовъ слѣдующія лица: Щитинская А. Я., Лобода Вик. Вас., Лобода Ст. Матв., Ткаченко Федотъ Леонт., Добровольскій Вл. Андр., Шелкинъ Вик. Аѳан., Стронинъ Алдр. Ив., Кизимовскій Мих. Вас., Циссъ Ив. Дан., Горовой Вас. Ѳед., Пселъ Мих. Ив., Боровиковскій Алдр. Льв., Зеленскій І. Моис., Куровъ Н. Н., Труковъ Пет. Л., Пильчиковъ Д. П., Милорадовичъ Ел. Ив-на, Милорадовичъ Мар. Григ., Милорадовичъ Гр. Дм., Оболонскій Гр. Ив., Павелко Н. Гр., Гуринъ П. Никит., Трохимовскій Ал. Ал., Стеблинскій Пав. Евф., Гершовскій Мейеръ Яков. По общественному положенію среди этихъ лицъ были: офицеры, помѣщики, помѣщицы, учителя, купцы и даже гимназисты.

рительно и могутъ быть рекомендованы съ пользой для находящихся въ южнорусскомъ краѣ сельскихъ училищъ министерства Гос. Имуществъ, а потому ученый комитетъ испрашивалъ разрѣшенія министра на включеніе этихъ учебниковъ въ реестръ книгъ для сельскихъ училищъ южнорусскаго края, съ тѣмъ, однакоже, чтобы для этихъ училищъ оставались также рекомендованные ученымъ комитетомъ учебники и на великорусскомъ языкѣ.

Этому постановленію ученаго комитета, однако, не дано дальнѣйшаго движенія, такъ какъ журналъ комитета, представленный въ февралѣ 1863 года на утвержденіе министра, оставленъ былъ послѣднимъ у себя. Очевидно, событія 1863 и 1864 годовъ въ польскихъ и нѣкоторыхъ южнорусскихъ губерніяхъ оказали неблагопріятное вліяніе на поднятый вопросъ, а съ передачей въ 1866 году народнаго просвѣщенія изъ министерства Гос. Имуществъ въ министерство Просвѣщенія вопросъ этотъ вовсе заглохъ и трудно сказать, когда онъ получитъ дальнѣйшее движеніе.

Сообщ. **П. А. Шафрановъ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *Хоролъ, Лохвица, Зѣньковъ и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ* [1]).

I. *Хоролъ* занималъ площадь въ 442 дес. Жителей въ немъ было 3583 д., изъ коихъ мужескаго пола 1783 д., а женскаго 1800 д. Церквей было 6, изъ нихъ одна каменная. Лавокъ было 16, всѣ деревянныя. О населеніи по сословіямъ и по занятіямъ, городничій ничего не сообщаетъ. Надо сказать, что вообще хорольскій городничій былъ очень скупъ на свѣдѣнія и мало сообщилъ ихъ. Цѣна на рожь въ 1802 г. была 1 р. 44 к., на овесъ отъ 1 р. 5 к. до 1 р. 44 к., пудъ соли 60 к., мясо—четверть передняя 1 р. 70 к., а задняя—1 р. 60 к., свинина 2 к., баранина 2 к., пудъ воска 20 р., меда—5 р. Ярмарокъ было 4 и подорожнихъ выдано въ 1802 г.—150, въ 1803—181. Арестованныхъ въ среднемъ съ 1797 года по 1803 годъ было 250 ч.,—цифра значительная для малонаселеннаго города. Врачей въ городѣ было 3. На требованіе сообщить—какого рода существуютъ остатки древностей въ городѣ, городничій отвѣтилъ: «древнихъ зданій, развалинъ разныхъ мѣстъ и вещей въ городѣ Хоролѣ не имѣется».

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1902 г. №№ 7–8, 9 и 10.

Въ уѣздѣ всѣхъ платящихъ подати было 40783 д., изъ нихъ помѣщичьихъ крестьянъ 23708, козаковъ 16018, евреевъ 45, мѣщанъ 247. Церквей всѣхъ было 45, а священниковъ 27 (очевидно, ошибка), дьяконовъ 4, церковно-служителей 63. Въ одномъ только селѣ Останьи было 3 церкви (это имѣніе принадлежало Базилевскимъ). Въ уѣздѣ было 200 д. цыганъ муж. пола, а женскаго пола 204 д.; такого количества ихъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ уѣздахъ губерніи. Всѣхъ имѣній штабъ-офицеровъ было 38. Каменные дома были только въ имѣніяхъ у Оболонскаго (служилъ въ генеральномъ судѣ) въ с. Оболони (имѣніе это потомъ перешло въ родъ Позеновъ) и въ Вишнякахъ у Пламенцовой. Прибавимъ, что это была богатая помѣщица, вдова бригадира. У нея была оранжерея, вокальный оркестръ. Имѣніе это перешло потомъ въ родъ Родзянокъ. Еще былъ каменный домъ въ Останьи у Базилевскихъ, гдѣ была также оранжерея, «вокальная капеллія»; то же было и у Оболонскаго. Самымъ населеннымъ мѣстечкомъ было Останье, расположенное на Пслѣ; въ немъ было 5317 душъ жителей; изъ нихъ 2667 м. пола и 2650 ж. пола. Вѣтряныхъ мельницъ въ уѣздѣ было 418, водяныхъ—148, пивоваренъ 8, винокуренъ 24. Замѣтимъ, что винокуренъ въ этомъ уѣздѣ, сравнительно съ другими, было очень мало. Ярмарки были въ селахъ: Останьи, Горошинѣ и Семеновкѣ (въ каждомъ по три). Въ нѣкоторыхъ селахъ уѣзда дьячки занимались обученіемъ грамотѣ. Что касается древностей, то городничій сообщаетъ, что въ селахъ »Бѣлоцерковкѣ и Горошинѣ имѣются земляные валы, съ давнихъ поръ сдѣланные, которые теперь находятся въ обветшалости».

II. *Лохвица.* Плана еще нѣтъ, какъ увѣдомляетъ городничій. Всѣхъ домовъ въ городѣ 716, а жителей всѣхъ 4011 д., изъ коихъ мужескаго пола 2156, а женскаго 1855 д. Ремесленниковъ было отъ 130 до 140 ч. Лавокъ было 112. Церквей 6, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Всѣхъ ярмарокъ въ городѣ было 4. Что касается арестованныхъ и ихъ числа, то городничій заявляетъ, что «города прежде не существовало, а, слѣдовательно, и полиціи», почему и не могъ дать свѣдѣній. Надо сказать, что Лохвица вошла въ составъ полтавской губ., какъ уѣздный городъ лишь въ 1803 году. Цѣны на продукты существовали почти тѣ же, что и въ др. городахъ; рожь, правда, была нѣсколько дороже: низшій сортъ продавался по 1 р. 10 к., а высшій достигалъ до 2 р. 5 к. Всѣхъ подорожнихъ было явлено 214 ч. Ка-

питаловъ было объявлено на 24750 р. Цѣны на квартиры во время ярмарокъ поднимались вдвое: вмѣсто 50 к. до 1 р.

Въ повѣтѣ всѣхъ жителей, платящихъ подати, было 45116 д., изъ коихъ было купцовъ-христіанъ 39, мѣщанъ 285 ч., мѣщанъ-евреевъ 90, козаковъ 24621, помѣщичьихъ крестьянъ 19750 д. Всѣхъ волостей было 9 и одно староство. Церквей въ уѣздѣ было 69, священниковъ 81, церковно-служителей 126, евреевъ было 120 ч.,—числа такого почти не встрѣчаемъ въ то время въ другихъ уѣздахъ. Церквей болѣе 3-хъ было въ м. Сенчѣ, гдѣ было 3144 д. населенія, Чернухахъ 1984 д. и Варвѣ 2211 д. Имѣній «генералитета» и штабъ-офицерскихъ было 54. Каменный домъ былъ только въ имѣніи генералъ-маіора Милорадовича, въ Воронькахъ. Ни у кого изъ помѣщиковъ не было ни оранжерей, ни капеллій. Вѣтряныхъ мельницъ было 645, винокуренныхъ заводовъ 167, пивоваренъ совсѣмъ не было. Ярмарки были въ селахъ: Варвѣ (3), Сенчѣ (4).

—

III. *Зѣньковъ*. Плана не было и потому городничій не сообщаетъ о пространствѣ города. Всѣхъ жителей въ городѣ было 3266 душъ муж. пола и 3441 д. женскаго, а всего 6707 д. Ремесленниковъ 214 ч. Церквей было 8 и всѣ деревянныя. Ярмарокъ было 5. Цѣна на мясо здѣсь была 5 к. за фунтъ, чего не встрѣчаемъ въ другихъ городахъ, да и соль была дороже, 80 к. пудъ.

Всѣхъ жителей въ уѣздѣ, платившихъ подати было 42363 д., изъ нихъ наиболѣе было козаковъ—28723 д., а помѣщичьихъ крестьянъ 10586. Менѣе этого числа помѣщичьихъ крестьянъ не было ни въ одномъ уѣздѣ. Нижній земскій судъ сообщаетъ, что узнать, сколько евреевъ, нельзя, такъ какъ они переходятъ съ мѣста на мѣсто; мѣщанъ было 685, купцовъ 16 и казенныхъ, ранговыхъ и магистратскихъ—было 2352 души. Волостей было 12, староство 1. Церквей въ уѣздѣ было 59, изъ нихъ 4 каменныхъ. Священниковъ 75, церковнослужителей 137. Въ селѣ Чернечомъ былъ женскій монастырь, гдѣ было 25 монахинь. Селеній, имѣвшихъ болѣе 3-хъ церквей, было три. Опошня, гдѣ было муж. пола 3630 д. и женскаго—3675; Великія Будищи—2394 муж. и 2445 женскаго пола и Грунь—муж. 3020 д. и жен. 3051 д. Столь значительную населенность этихъ мѣстечекъ нижній земскій судъ объясняетъ такъ: «количество каково народа состоитъ тамъ изъ того, что въ бывшіе времена люди ощущали въ большомъ сообществѣ безпечнѣйшее жилище, населясь знатнымъ числомъ,

и потомъ изъ связи одной по другой и время отъ времени умножась, и на обликъ изъ рода въ родъ котораго (?) по мѣстности и нраву между ими затвердѣлому, пребываютъ въ неотримости отъ своихъ соотчизнъ».

Каменный домъ былъ только въ одномъ имѣніи, въ деревнѣ Іордановкѣ, у подпоручика Герасима Захарченка. Вѣтряныхъ мельницъ было 435, водяныхъ 201. Винокуренъ было 105, пивоваренныхъ заводовъ 9. Ярмарки были въ 6 селеніяхъ: Ковалевкѣ (3), Куземинѣ (3), Опошнѣ (4), Боркахъ (2), Великихъ Будищахъ (4) и Груни (3). (Арх. Губ. Правл. по описи № 200).

И. Фр. Павловскій.

Къ біографіи св. Өеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. Жизнеописаніе новоявленнаго чудотворца, св. Өеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, до сихъ поръ еще не обработано съ надлежащею полнотою, такъ какъ не собраны еще и всѣ тѣ сырые біографическіе матеріалы относительно св. Өеодосія, какіе должны находиться въ Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, нужно, по нашему мнѣнію, организовать систематическіе поиски въ архивахъ и рукописныхъ библіотекахъ означенныхъ городовъ. Такіе поиски, повидимому, и производятся въ самомъ Черниговѣ мѣстными учеными, а для поисковъ въ Москвѣ весьма важнымъ пособіемъ служитъ капитальный трудъ Вит. Эйнгорна «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ», (Москва, 1889 года), въ которомъ разсѣяно весьма много указаній на источники для біографіи св. Өеодосія и на разныя событія въ его жизни.

Что же касается Кіева и находящихся здѣсь источниковъ и пособій для біографіи святителя Өеодосія, то здѣсь прежде всего нужно искать ихъ въ архивѣ и библіотекѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря, гдѣ св. Өеодосій игуменствовалъ съ 1664 до 1688 года, т. е. до перемѣщенія его на архимандрію Елецкую, Черниговскую. Составленіемъ же исторіи Выдубицкаго монастыря давно уже занимается профессоръ Кіевской Дух. Академіи С. Т. Голубевъ, который, конечно, воспользуется всѣми доступными ему матеріалами для изображенія жизни и дѣятельности св. Өеодосія Углицкаго въ санѣ выдубицкаго игумена. Въ другихъ кіевскихъ архивахъ, какъ-то: Кіево-Печерскія лавры, Кіевской дух. Консисторіи и Кіево-Братскаго мо-

настыря и Академіи, едва-ли могутъ быть какія-либо свѣдѣнія о св. Ѳеодосіѣ, такъ какъ древніе архивы этихъ учрежденій истреблены пожарами, а теперешніе ихъ архивы—не старше XVIII столѣтія. Но въ нѣкоторыхъ рукописныхъ кіевскихъ библіотекахъ намъ довелось, при описаніи ихъ, нѣсколько разъ встрѣчаться съ именемъ св. Ѳеодосія Углицкаго. Таковы библіотеки Кіевской Дух. Академіи и Кіево-Софійскаго собора.

Въ академической библіотекѣ есть три сборника монастырскихъ документовъ, имѣющіе какое-либо отношеніе къ св. Ѳеодосію Углицкому,—это: 1) «Книга крѣпостная большая, въ коей находятся выписи прежнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ лаврскихъ крѣпостей и граничныхъ дуктовъ, выданная изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ по имянному Государя Петра Алексѣевича указу въ 1720 году декабря 13 дня, переписанная для графа Н. П. Румянцева въ 1825 году [1]); 2) Документы на бывшія монастырскія имѣнія, хранившіеся въ Кіевской Казенной Палатѣ и въ 1837 году переданные, по Высочайшему повелѣнію, въ библіотеку Кіевской Дух. Академіи для храненія [2]) 3) связка документовъ, относящихся къ исторіи нѣкоторыхъ Кіевскихъ монастырей и извлеченныхъ мною изъ архива старыхъ дѣлъ Кіевской Казенной Палаты [3]).

Между этими документами есть нѣсколько бумагъ, касающихся двухъ эпизодовъ изъ жизни и дѣятельности св. Ѳеодосія Углицкаго, въ санѣ выдубицкаго архимандрита, а именно: во первыхъ, его тяжбы съ Лаврою изъ-за монастырскихъ земельныхъ имуществъ и угодій, и во-втроыхъ—основанія на островѣ Михайловщинѣ скита, подчиненнаго Выдубицкому монастырю.

Извѣстно, что въ іюлѣ 1672 года Кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель отправилъ въ Москву къ боярину Матвѣеву письмо съ жалобою на выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго за захватъ имъ лаврскихъ земельныхъ имуществъ и за жалобу его, Углицкаго кіевскому воеводѣ на архимандрита печерскаго, при чемъ Иннокентій Гизель старался перевесть обычную въ то время земельную тяжбу между монастырями на личную почву: «Когда бы каковой отъ отцовъ

---

[1]) Мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. Музея при Кіев дух. Академіи", Кіевъ, 1875—8 г.г.. № 217, стр. 189—197.

[2]) Тамъ-же, № 216, стр 160 и слѣд. и № 594, стр. 581 и слѣд.

[3]) Тамъ-же № 595, стр. 598 и слѣд.

игуменовъ заслуженный Церкви Божіей мнѣ наругался и укоризны давалъ,—писалъ Гизель,—но то зѣло тяжко, что таковый человѣкъ, который ничего Церкви Божіей не прислужившись, молодой будучи, мене въ лѣтахъ уже пожилого безчеститъ и мѣсто святое досадствуетъ»[1]). Въ томъ же родѣ жаловался Иннокентій Гизель на Ѳеодосія Углицкаго и администратору Кіевской митрополіи, Черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу [2]). Къ объясненію этого инцидента и могутъ служить земельные документы Выдубицкаго монастыря и Кіево-печерской лавры. Между документами Выдубицкаго монастыря, переданными въ 1837 году изъ Кіевской Казенной Палаты въ Кіевскую Дух. Академію, есть цѣлый рядъ документовъ объ обидахъ, чинимыхъ Выдубицкому монастырю Кіево-печерскою лаврою, начиная съ 1541 года и, приблизительно, до половины XVII вѣка [3]). Но за то съ 1672 года въ лаврскихъ документахъ появляются, наоборотъ, жалобы Кіево-печерской лавры на Выдубицкій монастырь и его игумена за нарушеніе границъ и захватъ лаврскихъ имѣній. Таковы, напримѣръ, тяжебныя дѣла: инквизиція или розыскъ о спорныхъ озерахъ между Троицкимъ Больничнымъ при лаврѣ и Выдубицкимъ монастырями, 12 іюня 1672 г.; протестація Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на Выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго за набѣгъ его на печерскія владѣнія за Днѣпромъ, 15 іюля 1672 года, и жалоба печерскихъ монаховъ на того же Ѳеодосія Углицкаго за нарушеніе границъ владѣній Троицкаго Больничнаго монастыря и за другіе убытки, 23 іюня 1672 года [4]). Сопоставляя оба разряда этихъ тяжебныхъ документовъ, выдубицкихъ и лаврскихъ, мы не можемъ не замѣтить, что первоначально Кіево-печерская лавра обижала Выдубицкій монастырь, захватывая его недвижимыя имущества и угодья; но затѣмъ, св. Ѳеодосій Углицкій, сдѣлавшись Выдубицкимъ игуменомъ, далъ энергичный отпоръ имущественнывъ притязаніямъ Лавры къ Выдубицкому монастырю, поддерживая свои судебные иски, въ то безправное время, даже открытою силою. Вѣроятно, Печерская лавра почувствовала себя

---

[1]) „Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ", В. Эйнгорна, Москва, 1889 г., стр. 863.

[2]) „Святитель Ѳеодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій", А. Лотоцкаго, Каменецъ-Подольскъ, 1895 г. стр. 5.

[3]) См. мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. Музея при Кіевской Дух. Академіи, № 261, стр. 180—182.

[4]) Тамъ-же, № 217, стр. 195.

не въ состояніи выиграть тяжбу съ Выдубицкимъ игуменомъ судебнымъ порядкомъ, если Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель рѣшился прибѣгнуть къ окольнымъ путямъ для того, чтобы сломить непреклоннаго, энергичнаго игумена, перенести монастырскую тяжбу на щекотливую и скользкую личную почву. Послѣ этого, св. Ѳеодосій Углицкій смирился предъ Иннокентіемъ Гизелемъ и прекратилъ тяжбу съ нимъ. По крайней мѣрѣ, послѣ 1672 года мы уже не видимъ въ монастырскихъ документахъ жалобъ Лавры на Выдубицкій монастырь и его игумена. Отъ послѣдующаго времени сохранился только листъ Выдубицкаго игумена Ѳеодосія Углицкаго, отъ 13 сентября 1673 года, съ позволеніемъ нѣкоему Емченку поселиться на Звѣринцѣ [1]).

О скитѣ Михайловскомъ документы извлечены мною изъ стараго архива Кіевской Казенной Палаты. Изъ этихъ документовъ видно, что основаніе этого скита подготовлялось Выдубицкимъ монастыремъ и св. Ѳеодосіемъ Углицкимъ издалека и постепенно. Острова Михайловщина и Сельце, Мозырскаго повѣту, на р. Припети, издавна принадлежали Выдубицкому монастырю и отдавались въ пользованіе сосѣднимъ крестьянамъ за медовую и хлѣбную дань. Въ 1660 году гетманъ Юрій Хмельницкій универсаломъ своимъ отъ 7 мая подтвердилъ, чтобы съ острова Сельца платилась медовая дань и десятина хлѣба Выдубицкому монастырю. Въ 1678 году, въ бытность св. Ѳеодосія Выдубицкимъ игуменомъ, и, конечно, по его распоряженію, уполномоченный сего монастыря, іеромонахъ Іовъ Опалинскій получаетъ выписку изъ мозырскихъ земскихъ книгъ, заключающую въ себѣ обязательство Копоткевичскихъ жителей отъ 6 октября 1568 года, давать Выдубицкому монастырю медовую дань за островъ Михайловщину. Возстановивъ или подкрѣпивъ права Выдубицкаго монастыря на эти остропова, св. Ѳеодосій, листомъ своимъ отъ 1 марта 1680 года, отдалъ помянутому іеромонаху Іову Опалинскому острова Михайловщину и Сельце для построенія скита на первомъ изъ этихъ островов [2]).

Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора хранятся три рукописи, имѣющія отношеніе къ св. Ѳеодосію Углицкому, а именно: 1) выписки изъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ подъ 1669 годомъ есть показанія Кіевскихъ игуменовъ и въ числѣ

---

[1]) Тамъ же, № 261 стр. 181.

[2]) Тамъ же, № 595 стр. 598—600.

ихъ Выдубицкаго игумена Өеодосія Углицкаго, направленныя противъ тогдашняго мѣстоблюстителя Кіевскія митрополіи, Мстиславскаго епископа, Меөодія Филимоновича [1]); 2) толкованіе св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, на книгу Іова, безъ начала, конца XVII вѣка: въ началѣ книги вплетенъ листъ архимандрита Елецкаго Черниговскаго монастыря, Өеодосія Углицкаго, данный 18 мая 1691 года священнику Преображенской церкви въ Стародубѣ Кондрату Липскому о припискѣ къ его приходу домовъ въ городѣ и на предмѣстьи и двухъ селъ Пантусова и Неколкова [2]); 3) рукописный сборникъ святоотеческихъ твореній въ южнорусскомъ переводѣ, конца XVII вѣка. Къ передней доскѣ его переплета, извнутри, приклеена четвертушка бумаги, на которой, по отклейкѣ, оказалась записка Черниговскаго архіепископа Өеодосія, на польскомъ языкѣ, къ пану писарю. Препровождая къ каөедральному писарю одного *аколита*, т. е. причетника, св. Өеодосій извѣщаетъ писаря, что доходъ съ причетника въ пользу писаря находится у него, архіепископа, и проситъ писаря отдать причетнику ставленую грамоту и направить его къ духовнику о. Макарію для исповѣди и полученія исповѣднаго свидѣтельства. Внизу записки—подпись духовника іеромонаха Макарія [3]). Записка эта не имѣетъ даты; но подпись подъ нею «Theod. A. Czer», показываетъ, что она писана тогда, когда св. Өеодосій былъ уже Черниговскимъ архіепископомъ (1692—1696 г.г.).

Послѣдніе два документа, относящіеся къ черниговскому періоду жизни святителя, требуютъ нѣкотораго поясненія.

Листъ Стародубовскому спасскому священнику, Кондрату Липскому, отъ 18 мая 1691 года, данъ въ подтвержденіе концесса архіепископа Лазаря Барановича тому же Липскому на помянутый приходъ и прибавки ему, и потому весьма интересенъ для характеристики административныхъ отношеній между архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ и Елецкимъ архимандритомъ Өеодосіемъ Углицкимъ, который въ это время сдѣланъ уже былъ оффиціальнымъ помощникомъ Барановича по управленію епархіей. Архіепископъ Лазарь Барановичъ даетъ священнику Липскому только концессъ на приходъ, а Елецкій архимандритъ Өеодосій Углицкій подтверждаетъ этотъ концессъ открытымъ

---

1) Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 690.

2) Тамъ-же, № 23.

3) Тамъ-же, № 47.

листомъ или универсаломъ, и, слѣдовательно, придаетъ частному распоряженію правящаго архіепископа оффиціальную форму и опубликовываетъ его во всеобщее свѣдѣніе. Далѣе, по смыслу этого листа, присоединеніе къ Стародубовскому Преображенскому приходу новыхъ дворовъ и двухъ селъ Пантусова и Исколкова сдѣлано по желанію и просьбѣ ктиторовъ и прихожанъ этого прихода. Но въ проектѣ подтвердительной грамоты тому же священнику Липскому на село Пантусовъ, писанномъ по тексту перваго листа или грамоты 1691 года, сказано, что это село присоединяется къ Спасскому приходу священника К. Липскаго въ виду скудости («щуплость») этого прихода, а также въ виду «праци его въ церковной проповѣды, времени своего слова Божія». Слѣдовательно, немаловажнымъ мотивомъ къ увеличенію прихода священника К. Липскаго была «учительность» сего священника.

Записка Өеодосія, архіепископа Черниговскаго, къ пану каөедральному писарю, посланная съ *аколитомъ* (причетникомъ)—ставленикомъ, отзывается нѣжною заботливостію святителя о причетникахъ и вообще ставленикахъ, чтобы каөедральный писарь и духовникъ не изводили ставлениковъ канцелярскою волокитою и не брали съ нихъ ничего лишняго противъ того, что полагалось брать со ставлениковъ тогдашними порядками и обычаями. Можетъ быть и должный доходъ для каөедральнаго писаря не былъ въ дѣйствительности взятъ со ставленика, а имѣлъ быть уплаченъ писарю изъ личныхъ средствъ самого святителя.—Не безынтересна эта записка и по упоминанію въ ней духовника іеромонаха Макарія.

Въ той рукописи, къ переплету которой приклеена была эта записка, между другими статьями, есть южнорусскій переводъ толкованія св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, на книгу «Пѣснь Пѣсней» [1]). А толкованіе св. Григорія Двоеслова на эту книгу,—какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ,—переведено въ 1672 году въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ, по благословенію Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича іеромонахами Макаріемъ Василевичемъ и Игнатіемъ Поддубнымъ [2]). Имъ же принадлежитъ переводъ «Бесѣдъ и житія преп. Макарія Египетскаго» [3]). Одному Макарію Василевичу принадлежитъ переводъ съ польскаго «Главизнъ преп. Кассіана» и составленіе

---

[1]) Рукоп. Кіево-Соф. библ., № 47, л. 269—333.

[2]) Тамъ-же, № 49.

[3]) Тамъ-же, № 15.

компилятивной книги, подъ заглавіемъ «Книга нарицаемая Путь къ царствію небесному правый и незаблудный, отъ многихъ святыхъ собранная, множае отъ святаго Касіяна и инныхъ святыхъ отецъ богоносныхъ зѣло душеполезна и душеспасенная» [1]). Можетъ быть іеромонахъ Макарій Василевичъ участвовалъ и въ переводѣ толкованія св. Григорія Двоеслова на книгу Іова, къ списку котораго пришитъ, при переплетѣ, листъ св. Ѳеодосія Углицкаго, отъ 18 мая 1691 года, священнику К. Липскому [2]). Сдѣлавшись духовникомъ для ставленниковъ при Черниговскомъ архіепископѣ, іеромонахъ Макарій Василевичъ естественнѣе всего и могъ употреблять архіерейскія бумаги, особенно направляемыя къ нему лично, на переплетъ своихъ переводовъ и компиляцій.

На основаніи этого примѣра можно предполагать, что какъ Лазарь Барановичъ, такъ и излюбленный имъ преемникъ его Ѳеодосій Углицкій старались окружать себя даже и въ административной сферѣ людьми болѣе или менѣе образованными, любящими книжное дѣло.

Н. Петровъ.

2 окт. 1902 г.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Сомнѣнія, встрѣчаемыя мѣщанскою управою, при требованіи отдѣльныхъ видовъ на жительство.* Недавно одна изъ мѣщанскихъ управъ кіевской губерніи представила въ губернское правленіе слѣдующій рапортъ:

«Въ бытіи обстоятельствъ существованія міра свободно проживаютъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, супруги—мужъ и жена; спустя нѣсколько времени, мужъ, успѣвъ принять въ свои объятія имѣющійся семейный капиталъ, пользуясь случаемъ, захватилъ свои необходимыя вещи и ночью скрылся отъ своей законной жены; достигая станціи ж. д., отправляется куда самъ знаетъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми безъ средствъ пропитанія къ жизни. Жена очутивъ, что мужъ учинивъ бѣгство, при чемъ узнавъ, по слухамъ, предварительное его мѣстопребываніе, потерпѣвшая, желая его разыскать

---

[1]) Мое „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", вып. 2, Москва, 1897 г., № 230, стр. 76 и 77.

[2]) Рук. Кіево-Соф. собора, № 23.

и просить возвратиться къ семейству для свойственнаго существованія; въ данномъ случаѣ, такая жена является въ мѣщанскую управу съ просьбой дать ей паспортъ на отлучку для поѣздки по дѣлу розысканія подобнаго мужа; управа проситъ губернское правленіе дать знать: можно ли выдать паспортъ такого рода просительницѣ?»

«А также и съ другой стороны встрѣчается: мужъ по семейнымъ неудовольствіямъ удаляетъ жену изъ дома своего безвозвратно «иди куда хочь», такая жена обращается съ просьбой о выдачѣ паспорта»...

Управа затрудняется, какъ въ подобнаго рода случаяхъ поступать, и проситъ положительныхъ указаній.

Сообщ. **Мёрдеръ**.

Текущія извѣстія.

Постановленіе Конотопскаго земства о чествованіи памяти А. М. Лазаревскаго. 21 сентября текущаго года въ засѣданіи Конотопскаго уѣзднаго земскаго собранія состоялось постановленіе объ увѣковѣченіи памяти покойнаго своего гласнаго, Александра Матвѣевича Лазаревскаго, помѣщеніемъ портрета его въ залѣ земскаго собранія, а также назначеніемъ преміи его имени въ 300 рублей за лучшее сочиненіе по исторіи Малороссіи, которое должно быть написано настолько популярно и такимъ понятнымъ языкомъ, чтобы сдѣлаться книгой интересной и доступной для народа. Докладъ управы по этому вопросу составленъ такъ сердечно, что мы считаемъ долгомъ привести его здѣсь цѣликомъ.

«31-го марта настоящаго года скончался Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. Родная Украина потеряла сына, который не только до обожанія любилъ свою родину, но и всѣ знанія свои, всю свою эрудицію, весь свой талантъ и свое свободное время посвятилъ на изученіе и описаніе давно минувшихъ дѣлъ земли родной. Въ правдивыхъ и подробныхъ сказаніяхъ событій, нравовъ, обычаевъ, въ приведенныхъ текстахъ писемъ, завѣщаній и распоряженій историкъ явилъ весь образъ родины, запечатлѣлъ весь укладъ и весь строй былой жизни Украины. Александръ Матвѣевичъ собралъ и объединилъ драгоцѣнный матеріялъ для исторіи цѣлой страны, и серьезная научная критика еще при жизни покойнаго историка высоко оцѣнила его труды,

а имя Александра Матвѣевича заняло почетное мѣсто въ ряду знаменитыхъ русскихъ историковъ.

Но покойный любилъ свою родину не только въ ея былой жизни; помыслы и трудъ его были обращены не къ однимъ дѣламъ минувшимъ; много времени и труда Александръ Матвѣевичъ посвятилъ служенію нуждамъ и интересамъ родины въ ея текущей жизни. Въ лучшую годину ея обновленія мы застаемъ Александра Матвѣевича на посту мироваго посредника перваго призыва въ нашемъ уѣздѣ. То было время свѣтлыхъ надеждъ, благихъ порывовъ, горячаго труда лучшихъ сыновъ родины, и Александръ Матвѣевичъ былъ среди нихъ! Когда родинѣ было даровано мѣстное самоуправленіе, Лазаревскій уже со второго трехлѣтія становится гласнымъ Конотопскаго земскаго собранія и до послѣдняго дня своей жизни хранилъ за собою это почетное званіе.

Повторять здѣсь подробно всю дѣятельность Александра Матвѣевича, какъ гласнаго нашего земства, не приходится.

Его работа была среди насъ, въ средѣ нашихъ отцовъ и нашихъ ближайшихъ предшественниковъ. До этого собранія мы ежегодно здѣсь видѣли Александра Матвѣевича и знаемъ, что и до насъ покойный также аккуратно и неизмѣнно каждый годъ, былъ въ собраніи. Мы также хорошо знаемъ, что Александръ Матвѣевичъ былъ непремѣннымъ членомъ каждой коммисіи земскаго собранія, когда нужно было разобрать серьезное дѣло. Мы знали хорошо, что всякій серьезный вопросъ никогда не ускользалъ отъ вниманія старѣйшаго и опытнѣйшаго гласнаго нашего собранія.

Не разъ мы здѣсь слыхали строгую критику, когда появлялись предложенія мало-обоснованныя, и критику рѣзкую, безпощадную, когда выдвигались не земскія, а гасительныя тенденціи. Горячо любя свою родину, покойный Александръ Матвѣевичъ любилъ и чтилъ земство.

Вѣрилъ глубоко покойный, что широкое образованіе и развитіе земскаго самоуправленія, двѣ великія основы грядущей силы, счастья и блага обожаемой родины. Эта вѣра дѣлала его всегда сторонникомъ всѣхъ мѣропріятій, клонящихся къ распространенію свѣта и знанія, и поборникомъ всѣхъ началъ развитія и жизнедѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Теперь его нѣтъ среди насъ, и онъ ушелъ отъ насъ навсегда!

Когда умираетъ человѣкъ, его семья, родные и близкіе, чтя память покойнаго, стараются возможно чаще вспоминать его образъ, хранятъ его завѣты и берегутъ душу оставившую уже тѣло.

Когда смерть уноситъ общественнаго дѣятеля, его сотрудники и общество, среди котораго и для котораго онъ работалъ, не должны и не могутъ предать забвенію мысли, дѣла и образъ умершаго!

Въ память покойнаго историка своей родины и дѣятеля Конотопскаго земства, Александра Матвѣевича Лазаревскаго, Конотопское земское собраніе по мнѣнію управы, могло бы ассигновать премію за лучшее сочиненіе по исторіи Малороссіи, которое должно быть написано настолько популярно и такимъ понятнымъ языкомъ, чтобы сдѣлаться книгой интересной и доступной для народа.

Компетентнымъ судьею къ присужденію этой преміи можетъ быть Кіевское историческое общество Нестора Лѣтописца, въ распоряженіе коего и должна будетъ поступить сумма для преміи, ассигнованная земскимъ собраніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы и крайне желательно, чтобы земское собраніе ассигновало также особыя средства на заказъ портрета покойнаго Александра Матвѣевича, каковой портретъ долженъ быть помѣщенъ въ залѣ земскаго собранія или управы.

Образы былыхъ и ушедшихъ дѣятелей говорятъ многое своимъ преемникамъ!».

Постановленіе Зеньковскаго земскаго собранія о поступленіи Зеньковскаго земства въ члены Петербургскаго общества имени Т. Г. Шевченка. Зеньковская уѣздная земская управа внесла въ уѣздное земское собраніе докладъ о томъ, что «Правленіе общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, обратилось въ земскую управу съ просьбой помочь обществу въ достиженіи его цѣли, при чемъ препроводило и утвержденный уставъ. По уставу общество оказываетъ матеріальную помощь всѣмъ учащимся съ юга Россіи безъ различія вѣроисповѣданій и происхожденія, принимая во вниманіе только степень нужды, а также прилежаніе и хорошее поведеніе (§ 2). По подсчету общества число южанъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не менѣе 1000 человѣкъ. До послѣдняго

времени правленіе оказывало помощь главнымъ образомъ взносомъ платы за право слушанія лекцій, рѣже выдачею средствъ на учебныя пособія и еще рѣже на жизнь молодежи, т. е. на пищу и квартиру.— Согласно § 8 устава дѣйствительными членами состоятъ лица или общества, вносящія въ кассу общества ежегодно не менѣе 5 руб. или внесшія единовременно 50 руб.»

«По мнѣнію земской управы слѣдовало бы Зеньковскому земству вступить въ члены этого общества въ уваженіе къ заслугамъ Т. Г. Шевченка, какъ дѣйствительно настоящаго народнаго типичнаго поэта въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова: Т. Г. Шевченко вышелъ изъ народа, жилъ съ народомъ и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ и какъ поэтъ Тарасъ Григорьевичъ до сихъ поръ остается во главѣ малороссійской литературы».

«Если земскому собранію благоугодно раздѣлить взглядъ управы, то необходимо, согласно упомянутому § 8, опредѣлить размѣръ членскаго взноса, каковой, по мнѣнію управы, долженъ быть внесенъ единовременно въ суммѣ 50 рублей».

Докладъ этотъ принятъ земскимъ собраніемъ единогласно.

Къ положенію дѣлъ въ Галиціи. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала мы посвятили нѣсколько страницъ изображенію польско-русскихъ отношеній, возникшихъ на почвѣ національной и соціально-экономической борьбы между названными двумя народностями. Съ каждымъ днемъ борба эта усиливается, разростается и обостряется съ обѣихъ сторонъ. Мы цитировали нѣкоторыя изъ статей органа польскихъ гакатистовъ, «Czas'a», призывающаго поляковъ къ дѣлу самозащиты и намѣчающаго программу дѣятельности въ этомъ направленіи, и отмѣчали главнѣйшій пуктъ рекомендуемой программы—колонизацію восточной Галичины поляками, путемъ строгаго проведенія принципа, чтобы земля польскихъ владѣльцевъ переходила только въ руки поляковъ, для чего необходимо создать особое колонизаціонное бюро. По поводу этого пункта программы польской гакаты высказался довольно сдержано, но авторитетно, петербургскій «Kraj». «Такая постановка вопроса говоритъ «Kraj»—перестаетъ уже быть спеціально галицкой, потому что затрогиваетъ принципы взаимныхъ отношеній въ странахъ съ разноплеменымъ населеніемъ. Съ этой именно

точки зрѣнія мы и желаемъ высказать свое мнѣніе по поводу этой статьи».

«Несмотря на всѣ оговорки, сдѣланныя авторомъ, мы должны признать, что указанная имъ программа дѣйствій весьма близко подходитъ къ тѣмъ теоріямъ, провозглашеніе которыхъ въ Берлинѣ мы выслушали съ возмущеніемъ и которыя мы приводили затѣмъ съ сарказмомъ. Въ обѣихъ программахъ нѣтъ, конечно, единства относительно существа и способа дѣйствія, но есть несомнѣнное родство идеи и духа. И въ Германіи говорилось о «защитѣ» земли, населенной поляками, но покоренной нѣмецкой культурой; оттуда также заимствовано опредѣленіе «состояніе владѣнія» (**Besitzstand**). Допустимъ, что въ прусской или австрійской Силезіи было бы основано учрежденіе, имѣющее задачей приглашать съ запада колонистовъ-нѣмцевъ для заселенія пространствъ, и нынѣ находящихся въ нѣмецкихъ рукахъ, и вытѣснять польскихъ служащихъ изъ нѣмецкихъ усадебъ. Признавали-ли бы мы дѣятельность этого учрежденія безобидной и лишенной агрессивнаго стремленія по отношенію къ нашему «состоянію владѣнія»? Считали-ли бы мы справедливымъ воспрещеніе продажи нѣмецкихъ имѣній полякамъ? Если бы сегодня или завтра внесенъ былъ въ берлинскій парламентъ проектъ такого запрещенія, то онъ былъ бы поддерживаемъ тоже указаніемъ на необходимость защиты «состоянія владѣнія», при чемъ протесты польскихъ депутатовъ были бы съ успѣхомъ парированы выдержками изъ «Czas'а» по русинскому вопросу».

«Мы говоримъ это, продолжаетъ «Kraj»,—не для сантиментальничанія съ русинами, а во имя послѣдовательности нашихъ собственныхъ политическихъ принциповъ. Намъ, менѣе чѣмъ кому бы то ни было, пристойно учиться отъ пруссаковъ политической лжи. На вопросъ—какое политическое положеніе мы должны занять по отношенію къ русинамъ?—возможенъ только одинъ отвѣтъ: такое, какое мы желаемъ видѣть въ Пруссіи по отношенію къ полякамъ. Если тамъ мы имѣемъ право требовать отъ государства не только равноправности и сохранія нашихъ національныхъ отличій, но и поддержки для нашей національной культуры, то и русины имѣютъ право домогаться того же отъ Австріи. Когда домогательство это переступаетъ легальныя формы, вызываетъ скандалы и выражается въ отуманиваніи, сообща съ соціалистами, сельскаго населенія, мы имѣемъ право стать въ защиту

легальности, порядка и общественной безопасности. Но при выборѣ средствъ для этой защиты мы должны быть весьма разборчивы. Нельзя намъ допускать къ себѣ націоналистической заразы, нельзя выступать враждебно въ общественно-національныхъ отношеніяхъ».

Органъ украинцевъ «Діло» (№ 209) въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ «Котюзі по заслузі», признаетъ приведенную критику со стороны «Kraj'a» политики галицко-польскаго шляхетства, констатирующую въ ней всѣ признаки гакатизма, цѣннымъ документомъ въ исторіи польско-русинскихъ отношеній. «Ударъ, постигшій «Czas» и польскихъ гакатистовъ со стороны «Kraj'a»—говоритъ «Діло»—долженъ быть для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что нанесенъ самими земляками изъ своего же лагеря».

Дѣломъ борьбы русиновъ съ польской гакатой руководятъ организованные съ этой цѣлью народные комитеты, двухъ видовъ: «тіснійший» и «ширший». 12 октября состоялось засѣданіе «ширшого народного комітету» во Львовѣ, продолжавшееся отъ 10 час. утра до 10 час. вечера. Въ засѣданіи названнаго комитета, кромѣ членовъ его, принимали участіе 12 парламентскихъ и сеймовыхъ пословъ и много выдающихся народныхъ дѣятелей изъ провинціи. Предметомъ обсужденія въ засѣданіи комитета было два вопроса: о страйкѣ и о тактикѣ въ сеймѣ и парламентѣ. По заслушаніи отчета «тіснійшого комітету» и по одобреніи его дѣятельности, «ширший комитетъ» принялъ слѣдующую резолюцію: «поддерживать и организовывать страйки и въ будущемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется необходимымъ, одновременно съ этимъ образовать специальный фондъ для оказанія помощи крестьянамъ, потерпѣвшимъ вслѣдствіе страйка». Относительно тактики въ сеймѣ и парламентѣ резолюціи комитета были такія: 1) относительно сейма: «въ виду того, что нынѣшній составъ галицкаго сейма является для украинскаго народа вреднымъ, а вся политика польскаго большинства этого сейма направлена противъ интересовъ украинскаго народа, народный комитетъ приглашаетъ пословъ партіи вести себя соотвѣтственно этому въ сеймѣ и держаться противъ польскаго большинства и его дѣятельности сеймовой самой рѣшительной оппозиціи»; 2) относительно парламента: «въ виду того, что центральное правительство является отвѣтственнымъ за все, что дѣлается въ краѣ, а народъ украинскій въ Галичинѣ, насильственно лишенный вліянія на администрацію и представителей группъ, при господствующей въ краѣ системѣ, долженъ вести борьбу за сохраненіе своего національ-

наго организма. Народный комитетъ признаетъ необходимымъ, чтобы послы народной партіи вели также и въ парламентѣ противъ нынѣшняго правительства оппозиціонную политику, въ особенности же голосовали противъ такъ называемыхъ неотложныхъ государственныхъ нуждъ и поддерживали всѣ самыя рѣшительныя средства порламентской борьбы». («Діло» № 210 и 211).

Польскій центральный комитетъ, въ свою очередь, созвалъ 12 октября собраніе представителей польскаго народа въ Галиціи, въ составъ котораго вошли: помѣщики, администраторы, профессора и люди другихъ профессій для совѣщанія относительно современнаго положенія дѣлъ въ краѣ и упроченія національной организаціи. Засѣданіе комитета, на которомъ было 300 приглашенныхъ, происходило подъ предсѣдательствомъ гр. Дзѣдушицкаго; оно было не вполнѣ публичнымъ, и потому многое изъ того, что въ немъ происходило, остается тайной. Особеннымъ предметомъ обсужденія была прежде всего дѣятельность центральнаго комитета, одной изъ главныхъ функцій котораго было раньше пресловутое «руководство» выборами въ парламентъ; въ настоящее же время постановлено, чтобы комитетъ функціонировалъ постоянно. Затѣмъ, до послѣдняго времени центральный комитетъ былъ консервативно-аристократическимъ учрежденіемъ, теперь же онъ будетъ объединять всѣ партіи, подъ условіемъ солидарнаго ихъ дѣйствія въ парламентѣ съ польскимъ клубомъ. Резолюціи, принятыя собраніемъ, формулированы слѣдующимъ образомъ:

«Принявъ въ соображеніе, что польскій народъ въ своей нынѣшней долѣ можетъ идти впередъ и обезпечить себѣ лучшее будущее лишь при усиленіи своей національной самобытности, просвѣщенія и благосостоянія;

«принявъ во мниманіе, что враги-агитаторы стараются въ нашемъ краѣ возбудить братоубійственную войну между русинами и поляками и тѣмъ самымъ разбить вѣковое и освященное исторіей согласіе обоихъ народовъ:

«принявъ въ соображеніе, что народной идеѣ грозитъ другая опасность со стороны агитаторовъ, говорящихъ, правда, по-польски, однако пытающихся замѣнить любовь къ отчизнѣ классовой войной и ненавистью;

„принявъ во вниманіе, что только укрѣпленіе общественной гармоніи и взаимнаго довѣрія земляковъ можетъ также и на будущее

время обезпечить народный характеръ сейма и солидарное представительство края польскимъ клубомъ въ Вѣнѣ;

«признавъ, что только борьба съ нуждой и темнотой среди народа можетъ уничтожить источникъ внутреннихъ страстей:

1) собраніе обращается къ патріотизму всѣхъ общественныхъ слоевъ и всѣхъ національныхъ партій, призываетъ ихъ къ единенію въ общемъ гражданскомъ трудѣ, въ цѣляхъ умноженія своей силы въ краѣ, равно какъ улучшенія общественныхъ и экономическихъ отношеній:

2) собраніе считаетъ необходимымъ, чтобы общество энергично поддержало начинаніе центральнаго комитета, имѣющее въ виду усиленіе и развитіе постоянной организаціи, опирающейся на постановленіяхъ польскаго клуба;

3) собраніе выражаетъ убѣжденіе, что для поддержанія этой дѣятельности центральнаго комитета общество обязано: будить народное сознаніе, распространять просвѣщеніе, чтить традиціи и распространять изученіе исторіи отчизны, бороться съ агитаціей, разрушающей въ народѣ вѣру, стремящейся къ возбужденію національныхъ страстей, будить въ народѣ уваженіе къ праву и чувство обязанности, защищать его, гдѣ нужно, отъ несправедливости и злоупотребленій, охранять здоровое развитіе сельскихъ и городскихъ интересовъ, создать учрежденія для поднятія въ краѣ нравственности, просвѣщенія и благополучія» («Спб. В.», № 274).

Къ числу реальныхъ фактовъ, возникшихъ на почвѣ борьбы двухъ народностей, нужно, наконецъ, еще отмѣтить состоявшееся недавно учредительное собраніе національнаго банка, основаннаго съ суммой въ два милліона кронъ съ цѣлью содѣйствія эмиграціи поляковъ въ восточную Галицію. Народный комитетъ русинскій съ своей стороны обращается къ своему обществу съ частыми и горячими воззваніями о необходимости фондовъ на агитацію и напоминаетъ о существованіи «Народнаго фонда».

Дѣятельность комитетовъ борющихся народностей особенно стала интенсивной въ послѣднее время въ виду приближенія парламентской сессіи. Но въ Австрійской державѣ такъ усложнились и запутались свои домашнія дѣла, что правительство, какъ извѣстно читателямъ изъ газетныхъ сообщеній, долго затруднялось объявить о времени открытія парламентскихъ засѣданій. Наконецъ, день открытія парламентской сессіи былъ опредѣленъ. Наканунѣ этого дня, 15 октября

по н. ст., органъ украинской партіи «Діло» въ передовой статьѣ «Передъ парламентомъ» (№ 221), ставя вопросъ: чего ждетъ украинскій народъ отъ своихъ пословъ? Какой политики требуетъ отъ своихъ представителей въ парламентѣ?—говоритъ: «Другіе народы счастливѣе насъ: они могутъ смѣло требовать отъ своихъ парламентскихъ представителей непосредственныхъ реальныхъ успѣховъ. Эти народы, численно хорошо представленные, могутъ вести такъ называемую «реальную политику», могутъ быть увѣрены, что при всякомъ положеніи дѣлъ въ парламентѣ скажутся слѣды ихъ вліянія, что законы, принятые парламентомъ, будутъ отвѣчать ихъ потребностямъ. Возможна-ли такая политика для насъ? Ни въ какомъ случаѣ! Наши противники (поляки) всегда постараются, съ помощью находящейся въ ихъ рукахъ администраціи, о томъ, чтобы голосъ русинскаго народа въ парламентѣ, при попыткахъ добиться осуществленія нашихъ постулатовъ и разслѣдованія нашихъ жалобъ, пропалъ, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ», потому что, „что можетъ сдѣлать эта горсточка независимыхъ украинскихъ пословъ и кто вынужденъ съ нею считаться на томъ торжищѣ голосовъ и аренѣ противоположныхъ стремленій, гдѣ въ добавокъ наши противники, сильные преимуществомъ своихъ, насильственнымъ способомъ пріобрѣтенныхъ, голосовъ, умѣютъ стать намъ на дорогѣ?“ А если такъ, то „наша парламентская политика,—продолжаетъ газета,—должна быть политикой демонстраціи, политикой безпрестанныхъ и громкихъ протестовъ противъ того, что дѣлается въ Галиціи“. Протестующій голосъ пословъ „оплатится сторицею, потому что откликнется широкимъ и громкимъ эхомъ среди угнетеннаго народа и дастъ свидѣтельство правдѣ далеко за предѣлами края». Другой мандатъ депутатамъ украинскаго народа заключается въ томъ, чтобы депутаты противились всѣмъ государственнымъ административнымъ мѣропріятіямъ, на которыя опирается нынѣшняя система. Третье пожеланіе—самая рѣшительная оппозиція правительству Кербера, такъ какъ оно отвѣчаетъ за своихъ представителей въ Галиціи. „Такому государству ни одного рекрута, ни одной копѣйки“.

Когда послѣдовало объявленіе объ открытіи парламентской сессіи, галицкія власти, очевидно, съ цѣлью предупрежденія запросовъ въ парламентѣ, поспѣшили выпустить болѣе сотни крестьянъ, находившихся въ предварительномъ заключеніи. Эта мѣра не могла не только предупредить, но даже въ незначительной степени ослабить запросовъ въ

парламентѣ со стороны депутатовъ, такъ какъ послѣ стачки, болѣе четырехъ сотъ русинскихъ крестьянъ приговорены были въ общей сложности болѣе чѣмъ къ тысячѣ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. И дѣйствительно, едва только открылся парламентъ, какъ тотчасъ послѣдовалъ многочисленный рядъ запросовъ и неотложныхъ предложеній, касающихся волненій въ Галиціи со стороны депутатовъ не только русскихъ, но и польскихъ. Между прочимъ Дашинскій, депутатъ польской соціалистической партіи, указалъ въ своемъ предложеніи на то, что истекшимъ лѣтомъ произошли въ Галиціи, въ 500 общинахъ 24 повѣтовъ земледѣльческія стачки. Причиной ихъ были: низкая заработная плата, эксплоатація рабочихъ и плохое съ ними обращеніе. Подписавшіе предложеніе Дашинскаго требуютъ собранія спеціальной комиссіи изъ 25 членовъ—депутатовъ парламента для излѣдованія на мѣстѣ причинъ и послѣдствій аграрнаго настроенія, изученія отношеній, опроса свидѣтелей и въ концѣ-концовъ (для представленія парламенту) конкретныхъ предложеній, направленныхъ къ улучшенію доли рабочихъ-земледѣльцевъ.

Романчукъ, председатель клуба русинскихъ депутатовъ, потребовалъ: 1) точнаго разслѣдованія правительствомъ поведенія властей и причинъ стачекъ; 2) созванія спеціальной комиссіи для упорядоченія земледѣльческаго вопроса; 3) выбора парламентской комиссіи для разслѣдованія поведенія властей и 4) привлеченія этихъ властей къ отвѣтственности.

Наконецъ со стороны польскаго депутата („дикаго") послѣдовали требованія: 1) пересмотра всѣхъ уголовныхъ процессовъ, возбужденныхъ противъ крестьянъ восточной Галиціи, участвовавшихъ въ стачкахъ; возмѣщенія убытковъ всѣмъ невинно-арестованнымъ; 3) дисциплинарнаго слѣдствія противъ политическихъ и военныхъ властей и ихъ органовъ и 4) созванія комиссіи для упорядоченія вопроса о парцелляціи распродаваемыхъ помѣщичьихъ усадебъ въ Галиціи.

Между тѣмъ газеты приносятъ свѣдѣнія о новыхъ стачкахъ—картофельныхъ. По сообщенію газеты „Діло" въ перемышльскомъ у., въ с. Болестрашичахъ, крестьяне устроили стачку при выборкѣ картофеля.

Съѣздъ славистовъ въ С.-Петербургѣ. По словамъ «Кіевлянина» (№ 289) отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи

Наукъ предполагаетъ созвать въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1903 года всеславянскій съѣздъ спеціалистовъ по славянской филологіи.

«Мысль о созывѣ такого съѣзда возникла во время археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1899 году. Въ одномъ изъ частныхъ собраній членовъ славянскаго отдѣленія обсуждался вопросъ о желательности установленія болѣе тѣснаго общенія между славянскими учеными и о необходимости изданія общими силами нѣкоторыхъ систематическихъ трудовъ по славяновѣдѣнію, долженствующихъ облегчить болѣе широкое и успѣшное изученіе славянства. Тогда собраніе пришло къ заключенію, что достиженію указанныхъ цѣлей лучше всего могутъ содѣйствовать періодическіе съѣзды славистовъ, и постановило созвать первый такой съѣздъ въ Прагѣ въ 1901 г. Въ этомъ направленіи были уже предприняты хлопоты чешскими учеными, но дѣло не устроилось за отказомъ въ подлежащемъ разрѣшеніи съ стороны центральнаго вѣнскаго правительства. Теперь возникла мысль о созваніи съѣзда славистовъ въ С.-Петербургѣ при Академіи Наукъ.

Въ концѣ минувшаго сентября въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности была заслушана докладная записка по этому вопросу, составленная проф. Флоринскимъ, и уже состоялось постановленіе отдѣленія объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ при Академіи въ сентябрѣ 1903 года съѣзда славистовъ. Если это постановленіе отдѣленія русскаго языка и словесности получитъ надлежащее одобреніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, то предположено уже во время нынѣшнихъ рождественскихъ каникулъ созвать при Академіи предварительный комитетъ изъ представителей славянскихъ каѳедръ русскихъ университетовъ для выработки положенія и программы занятій будущаго съѣзда. Съѣздъ будетъ имѣть дѣло съ весьма разнообразными и сложными задачами. Помимо живого обмѣна славянскихъ ученыхъ мнѣніями по многимъ важнѣйшимъ, труднымъ и спорнымъ вопросамъ славянской филологіи, имѣется въ виду выработать рядъ проектовъ по составленію и изданію систематическихъ трудовъ по славяновѣдѣнію, какъ-то: научной библіографіи по славистикѣ, энциклопедіи славянской филологіи, подробной этнографической и лингвистической картъ славянскаго племени, правилъ и программъ для собиранія и записыванія образцовъ народныхъ говоровъ и т. п. Сверхъ того имѣется въ виду всестороние обсудить вопросъ о наилучшей постановкѣ преподаванія славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ, объ органи-

заціи славянскихъ семинарій, библіотекъ и музеевъ, объ изданіи пособій для занятій славистиской и проч.

Къ участію въ трудахъ съѣзда предполагается пригласить всѣхъ славянскихъ и неславянскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ славянской филологіи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ».

Матеріалы А. А. Скальковскаго. Послѣ скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ извѣстнаго историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго осталось,—по словамъ «Од. Нов.»,—много неопубликованныхъ матеріаловъ, касающихся жизни Одессы въ періодъ 30 и 50 годовъ. Кромѣ того, покойный почти до послѣднихъ дней своей жизни велъ дневникъ, въ которомъ, какъ передаютъ, есть много новаго и интереснаго о пребываніи въ Одессѣ Пушкина, Гоголя и др. замѣчательныхъ писателей. Дневникъ характеризуетъ умственную жизнь Одессы за указанный періодъ и, вообще, представляетъ интересъ. Въ настоящее время наслѣдниками покойнаго предпринимается изданіе всѣхъ обширныхъ матеріаловъ и дневника, оставленныхъ первымъ историкомъ Одессы («Южн. Кр.», 7510).

Лекціи по украинской этнографіи и обычному праву въ высшей русской школѣ въ Парижѣ. Извѣстный ученый, бывшій профессоръ московскаго университета, М. М. Ковалевскій сдѣлалъ недавно сообщеніе въ засѣданіи высшей русской школы въ Парижѣ о работахъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета по этнографіи и обычному праву, а также объ изслѣдованіи секретаремъ этого комитета В. В. Ивановымъ малорусской деревни. Находя эти работы цѣннымъ вкладомъ въ науку, М. М. Ковалевскій предложилъ пригласить В. В. Иванова прочесть нѣсколько лекцій въ высшей русской школѣ. Это предложеніе было принято, и В. В. Ивановъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Парижъ и прочесть для студентовъ высшей русской школы нѣсколько лекцій. («Южн. Кр.», 7522).

Къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета. Харьковскій университетъ 17 января 1905 года будетъ праздновать столѣтній юбилей и къ этому времени разсчитываетъ издать свою исто-

рію, біографическій словарь всѣхъ преподавателей и исторію каѳедръ въ связи съ исторіей ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ виду этого совѣтъ университета обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, въ распоряженіи коихъ имѣются матеріалы для проектируемыхъ имъ изданій, мемуары, письма, рукописныя сочиненія, университетскіе курсы, формулярные списки, портреты дѣятелей—присылать ихъ въ университетъ на имя г-на ректора. Всѣ такіе документы могутъ быть возвращены по миновaніи въ нихъ надобности, обратно или, съ согласія владѣльцевъ, переданы на храненіе въ харьковскій историческій архивъ, гдѣ имѣется уже особый отдѣлъ бумагъ университетскихъ дѣятелей. Было бы чрезвычайно важно также, чтобы профессора и бывшіе студенты составили ad hoc хотя краткія воспоминанія о времени пребыванія своего въ харьковскомъ университетѣ; такого рода источниковъ очень мало, а между тѣмъ они являются необходимымъ дополненіемъ къ оффиціальнымъ актамъ. Формою изложенія просятъ не стѣсняться. Желательно, наконецъ, было бы собрать свѣдѣнія о дѣятельности питомцевъ харьковскаго университета послѣ окончанія ими курса; въ особенности просятъ присылать данныя о такихъ лицахъ, которыя оказали заслуги на какомъ-либо поприщѣ—педагогическомъ, ученомъ, служебномъ и т. под. («Харьк. В.», № 259).

Народная пѣсня и ея гонители. Въ «Харьк. Губ. Вѣд.» (№ 259) г. Л. С. сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, служащихъ отвѣтомъ на вопросъ: исчезаетъ ли украинская народная пѣсня въ пригородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе имѣетъ постоянное сношеніе съ городомъ и гдѣ развита фабричная и заводская промышленность? Не вытѣснили ли ее фабричныя пѣсни и городскіе романсы? На основаніи личныхъ наблюденій надъ бытомъ и нравами фабричной молодежи въ окрестностяхъ Харькова, г. Л. С. утверждаетъ, что украинская пѣсня положительно «царитъ среди этихъ заводскихъ трубъ, клубовъ чернаго дыма, и рѣзкихъ свистковъ». Воспользовавшись знакомствомъ съ одной очень музыкальной семьей, состоящей изъ трехъ братьевъ и нѣсколькихъ сестеръ, г. Л. С. обратился къ нимъ за интересующими его свѣдѣніями по поводу пѣсни въ народѣ. «Отнесясь съ полнымъ вниманіемъ и даже заинтересовавшись моими вопросами относительно народныхъ пѣсенъ и вытѣсненія ихъ специфическимъ

городскимъ творчествомъ, они, говоритъ Л. С., не только охотно подѣлились со мной въ личной бесѣдѣ тѣмъ, что знали сами, но еще и записали всѣ пѣсни, русскія и малороссійскія, которыя поются въ окрестностяхъ нашего города. По ихъ словамъ и какъ то видно изъ составленнаго ими сборника, преобладающее мѣсто въ пѣніи хоромъ и въ одиночку занимаютъ малороссійскія пѣсни, и притомъ въ совершенно чистомъ, неиспорченномъ видѣ». Интереснымъ является фактъ, что у нихъ есть и теперь хранители народныхъ пѣсенъ, по указанію которыхъ они и возстановляютъ вѣрность текста и мотивовъ. Объ одномъ изъ такихъ хранителей народныхъ пѣсенъ, живущемъ въ с. Песочинѣ, возлѣ ст. Рыжовъ, собесѣдники Л. С. разсказывали, что невозможно перечислить всѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ знаетъ, при чемъ на каждый мотивъ онъ знаетъ по нѣсколько варіантовъ текста. Разсказываютъ, что онъ былъ какъ то въ театрѣ (должно быть, въ оперѣ) и потомъ пѣлъ у себя въ деревнѣ все, что тамъ слышалъ. Въ заключеніе своей замѣтки г. Л. С. выражаетъ глубокую увѣренность въ томъ, что ни громадный городъ съ его клокочущей жизнью, ни фабрики и заводы, создающіе какъ бы особый классъ рабочихъ, не въ силахъ задавить, уничтожить могучей и свободной въ своихъ звукахъ, завѣщанной стариною, народной пѣсни.

Раздѣляя увѣренность г. Л. С. мы, однако-же, не можетъ не отмѣтить факта совершенно непонятнаго враждебнаго отношенія къ народной пѣснѣ и запрета, подъ который она подпала въ нашихъ деревняхъ. По поводу этого страннаго запрета г. Независимый («Бирж. Вѣд.», № 250) въ замѣткѣ «Запрещенная поэзія» говоритъ: «въ потребности спѣть хоромъ нѣсколько пѣсенъ, на которыхъ воспитались искони вѣковъ въ Малороссіи безчисленныя поколѣнія, есть что-то непреодолимое, почти мистическое. Это голосъ природы. Это то, безъ чего человѣкъ не чувствуетъ себя человѣкомъ». Между тѣмъ гонители народной пѣсни «не хотятъ понять, что, преслѣдуя пѣсню, они разрушаютъ въ извѣстной мѣрѣ народную жизнь и подрываютъ одну изъ основъ народнаго міросозерцанія, обрекая народную душу на смрадъ пошлости и одиночества». «Южн. Край» (№ 7497), перепечатавъ замѣтку г. Независимаго, спрашиваетъ: въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ такое запрещеніе, или оно только результатъ усердія не по разуму блюстителей деревенскаго порядка? Насколько намъ извѣстно, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи 23 окт. 1879 г.

за № 105 (см. «Сборникъ циркуляровъ и инструкцій минист. внутреннихъ дѣлъ за 1879 г., стр. 277) былъ изданъ циркуляръ, въ силу котораго полицейскія сельскія власти не имѣютъ права запрещать народныя пѣсни и игры въ деревняхъ.

Пожертвованіе на изданія для народа. Въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости служащими въ полтавской губернской земской управѣ образованъ путемъ отчисленій извѣстнаго процента изъ жалованья капиталъ въ 335 руб. Въ настоящее время этотъ капиталъ переданъ петербургскому Обществу распространенія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, издаваемыхъ на малорусскомъ языкѣ. («Рус. Вѣд.», № 285).

Волынскіе крестьяне въ С. Америкѣ. На страницахъ газ. «Волынь» (№ 216) священникъ А. Немоловскій помѣстилъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ небольшую замѣтку въ которой разсказываетъ о своей встрѣчѣ на пароходѣ съ галичанами и угро-руссами, а затѣмъ—въ самой Америкѣ съ волынцами и даетъ нѣсколько интересныхъ штриховъ для характеристики ихъ быта.

«На пароходѣ «Friedrich der grosse» во время 12 дневнаго путешествія изъ Бремена въ Нью-Іоркъ, пришлось мнѣ, говоритъ г. Немоловскій, познакомиться съ переселенцами изъ Австріи—галичанами и угро-руссами, которыхъ голодъ и притѣсненія правительства заставили искать другой родины въ с. Америкѣ. Въ большинствѣ случаевъ это были мужчины, но попадались женщины и даже съ грудными дѣтьми. Всѣ они, своей истрепанной, грязной одеждой и блѣдными съ ввалившимися глазами лицами, производили тяжелое впечатлѣніе. И эти несчастные шутили и смѣялись, окрыленные надеждой заработать 2—3 руб. въ день въ вольной Америкѣ, при упоминаніи о которой глаза ихъ загорались лихорадочнымъ блескомъ.

Утромъ на 12 день показались берега Новаго Свѣта. Переселенцы затянули какую-то пѣсню. Словъ ея нельзя было разобрать, но своимъ напѣвомъ она производила сильное впечатлѣніе. Казалось, что въ ней слились въ одно и тоска по оставленной родинѣ, и страхъ предъ невѣдомой страной, и надежда на лучшее будущее»...

Затѣмъ о. Немоловскому пришлось встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ попутчиковъ, какъ съ своими прихожанами. Мужчины оказались

въ пиджакахъ, гутаперчевыхъ воротникахъ съ галстуками, а женщины въ шляпкахъ. «Зовсимъ панами поробылысь», наивно объясняли они своему батюшкѣ. Такое превращеніе покупается цѣною почти 10 часовой ежедневной работы въ разныхъ фабрикахъ. Они сами сознавались, что здѣсь «дуже тяжка работа», но что заработавъ денегъ, вернутся назадъ.

«Вотъ что значитъ предпріимчивые люди, думалось мнѣ, говоритъ о. Немоловскій, а нашъ волынскій мужичекъ не додумается до этого». Но къ своему глубокому удивленію разсказчикъ въ числѣ своихъ прихожанъ въ Филадельфіи нашелъ болѣе 60 крестьянъ исключительно заславльскаго уѣзда. Вотъ что о нихъ разсказываетъ о. Немоловскій.

«Они тоже «подѣлались панами», но... Боже мой, въ какомъ видѣ! Вездѣ грязь и грязь... Пришелъ къ нимъ на квартиру: въ двухъ комнатахъ помѣщается чуть ли не по 20 человѣкъ. Грязь такая, что ступить страшно. По серединѣ комнаты небольшой столикъ и лавки, служащія для нѣкоторыхъ постелью (спятъ, не раздѣваясь). Спросилъ: «А кто вамъ обѣдъ готовитъ?»—«Сами. Купимъ мяса, капусты, уксусу, да и сготовимъ борщъ. Иногда колбасы и ветчины купимъ». Переселенцы изъ Австріи нанимаютъ квартиру и столъ за 3 долл. (6 р.) въ недѣлю, а волынцамъ по 2 долл. выходитъ. На русскія деньги—на 2 руб. меньше, а за то сколько они истратятъ на разныя закуски да пропьютъ,—одному Богу вѣдомо. А что они усердные поклонники Бахуса, видно каждому. «Ваши земляки, говорятъ мнѣ прихожане, какъ придутъ съ работы, всегда напьются. А водка у нихъ хорошая, крѣпкая»!

И къ сожалѣнію, пришлось нѣсколько разъ удостовѣриться въ справедливости ихъ словъ. Въ первыхъ числахъ августа с. г. одинъ изъ земляковъ умеръ отъ повреждeній, полученныхъ на желѣзной фабрикѣ Бальдвина. Трогательно было слышать, что товарищи заработанныя имъ деньги (около 200 руб.) рѣшили отослать на Волынь—сиротамъ, а сами сложили около 150 р. на погребеніе. (Въ Америкѣ эта сумма minimum платы въ похор. бюро). Но доброе настроеніе разсѣялось, когда я, прибывъ въ домъ для совершенія панихиды, увидѣлъ всѣхъ печалующихся поголовно пьяными.

Почти всегда приходится мнѣ и въ церкви съ сердечной болью слушать отъ церк. старосты: «Ваши земляки пьяны». Что дѣлать? Толковать имъ о вредѣ пьянства?!—Да вѣдь они и сами это прекрасно знаютъ! со скорбью замѣчаетъ батюшка. «Въ Америкѣ нельзя

жить, чтобы не пить», объясняются они. «Цѣлый день какъ въ пеклѣ трудишься, нужно хоть бы вечеромъ себѣ удовольствіе сдѣлать. Иначе тоска, повѣсься».—Гдѣ найти лѣкарство противъ этого? Силой пастырскаго внушенія дѣйствовать?! спрашиваетъ священникъ.

Выслушаютъ проповѣдь, подѣлятся со мною впечатлѣніями: «Правду батюшка говорятъ, только въ Америкѣ безъ выпивки нельзя. Тоска безъ этого!.. Домой мы кое что посылаемъ».

Труппа галицкихъ артистовъ подъ управленіемъ М. Губчака.—Въ Каменецъ-Подольскѣ недавно гостила около мѣсяца труппа галицкихъ артистовъ, давшая рядъ украинскихъ спектаклей. Составъ группы, задачи и цѣли, какія она преслѣдуетъ, заслуживаютъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Во главѣ труппы стоитъ г. Михайло Губчакъ, человѣкъ ителлигентный и вполнѣ образованный, окончившій два факультета въ Львовскомъ университетѣ, вкладывающій всю душу въ дѣло, которому онъ служитъ у себя на родинѣ. Вся труппа состоитъ изъ людей также достаточно образованныхъ и интеллигентныхъ, поставившихъ своей цѣлью просвѣщеніе и воспитаніе народной массы, пробужденіе въ ней самосознанія. Это—большею частью народные учителя и учительницы, сдавшіе свои школы не менѣе идейнымъ и искреннимъ работникамъ на пользу своего народа, а сами избравшіе сцену. Труппа эта пользуется успѣхомъ и большимъ сочувствіемъ у себя на родинѣ. Высокое просвѣтительное и воспитательное значеніе ея для народа признаетъ за нею и лучшая часть тамошняго духовенства, съ церковныхъ кафедръ объясняющая народу, что актеры такіе же учители, какъ и священники даже стоящіе въ нѣкоторомъ отношеніи выше сихъ послѣднихъ, такъ какъ они не ограничиваются проповѣдью одной лишь религіозной морали, а учатъ всему хорошему, что должно быть дорого каждому человѣку, независимо отъ принадлежности его къ той или другой религіи. Труппа получаетъ правительственную субсидію въ розмѣрѣ 6500 гульденовъ въ годъ. Незначительная цифра эта является совершенно ничтожною въ сравненіи съ размѣрами правительственной субсидіи въ пользу польскаго театра доходящей до 50.000 гульденовъ въ годъ.

Что касается матеріальнаго успѣха труппы въ К-Подольскѣ, то къ сожалѣнію, приходится еще разъ констатировать фактъ довольно равнодушного отношенія со стороны обывателей Каменца къ симпатич-

ной труппѣ, несмотря на хорошую игру исполнителей; насколько намъ извѣстно, поляки и евреи обнаружили больше вниманія и интереса къ театру, чѣмъ украинцы. Пребываніе труппы въ К-Подольскѣ совпало съ сельско-хозяйственной выставкой. Артисты дали на выставкѣ концертъ для народа, отказавшись отъ всякой за это платы.

Украинскіе спектакли любителей драматическаго искусства. 8-го сентября обществомъ желѣзнодорожнаго кружка любителей драматическаго искусства, въ пользу бѣдныхъ ученицъ г. Александріи данъ былъ спектакль, съ какой цѣлью разыграна малорусская драма «Безталанна». Послѣ спектакля состоялось концертное отдѣленіе. Затѣмъ была поставлена съ пѣніемъ и танцами картина изъ оперетки «За Нѣманъ иду«. Театръ былъ переполненъ, галерка биткомъ набита, что несомнѣнно доказываетъ большую потребность жителей въ подобныхъ развлеченіяхъ. («Югъ» № 1300).

5 октября, въ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей имени Гоголя въ Полгавѣ любителями драматическаго искусства поставлена драма Тагобочнаго «Жидивка выхрестка». Часть сбора поступитъ на усиленіе средствъ для содержанія Кобищанскаго пріюта-ясли. («Полт. Вѣд.», 213).

6 октябвя въ народной аудиторіи Лозовой Павловки Славяносербск. у. любителями драматическаго искусства, по инипіативѣ д-ра А. І. Дацкова, данъ былъ народный спектакль. Шла 4-хъ актная комедія «За двома зайцямы» и одноактный водевиль «Жена на прокатъ». Спектакль привлекъ небывалое число публики, среди которой горнорабочіе изъ окрестныхъ рудниковъ являлись преобладающимъ элементомъ. Успѣхъ спектакля убѣждаетъ мѣстныхъ культурныхъ дѣятелей, что потребность въ театрѣ давно назрѣла въ рабочей средѣ и не проявлялась лишь вслѣдствіе чрезвычайно высокихъ цѣнъ, назначаемыхъ обыкновенно за мѣста.

Исполнителямъ устроили оваціи. Рѣшено давать такіе спектакли возможно чащс, тѣмъ болѣе, что расходы по постановкѣ окупаются полностью.

Новыя украинскія пьесы. И. К. Тобилевичъ (Карпенко-Карый) написалъ новую пьесу—«Гандзя». М. Л. Кропивницкій также

написалъ и уже даже получилъ изъ драматической цензуры новую пьесу—«Кононъ Блыскавыченко». Кромѣ того, этимъ драматургомъ недавно окончена и отослана въ цензуру еще одна новая пьеса—«Чайковскій, або Олекса Поповичъ (по роману Гребенки того же названія). («Вѣстн. Юга», № 231).

Археологическія раскопки Н. Ковалева. По сообщенію газ. «Югъ» (№ 1299) г. Н. Ковалевымъ были произведены раскопки огромнаго кургана, находящагося на землѣ г. Москопуло въ Ольгопольской волости Елисаветградскаго уѣзда. Курганъ занимаетъ площадь около 300 кв. саж., имѣетъ высоты саж. 12 и виденъ верстъ за 15 кругомъ.

Весь курганъ оказался обложеннымъ большими и малыми камнями гранитной породы. Уже на глубинѣ аршина попадались кости неполныхъ чел. скелетовъ. На глубинѣ двухъ аршинъ обнаруженъ истлѣвшій гробъ колодообразной формы; у изголовья къ нему былъ прибитъ кусокъ шерстяной ткани съ какими-то узорами. Въ гробу нашли человѣческій скелетъ, настолько истлѣвшій, что отъ доступа воздуха онъ началъ разсыпаться. На шеѣ скелета была надѣта массивная гривна. Она сдѣлана изъ серебрянаго прута, посрединѣ—толстаго четыреграннаго, нѣсколько извитаго, къ концамъ—потоньше, круглаго, заканчивающагося небольшими отгибами. На правой рукѣ былъ толстый серебряный браслетъ, свитой изъ проволокъ, не спаянный (какъ и гривна), съ расклепанными концами, и на каждомъ изъ нихъ по круглому углубленію. Серебряный-же браслетъ найденъ и у ногъ покойника. Въ гробу также были собраны украшенія: каждое въ видѣ маленькаго конуса, свернутаго изъ серебряной позолоченной пластинки, окаймленнаго вверху и внизу тонкой, свитой въ шнурокъ серебряной проволочки, какъ видно, всѣ эти «шишечки» были припаяны своими основаніями къ тонкой серебряной пластинкѣ. Рядомъ съ гробомъ, на растояніи полуаршина отъ него, лежалъ скелетъ коня, зарытаго съ сѣдломъ, уздечкой и стременами. Вся сбруя сгнила, кромѣ желѣзныхъ стремянъ. Прорывъ аршина два, наткнулись на плиту, лежавшую противъ заваленнаго камнемъ четыреугольнаго отверстія, исписаннаго по краямъ красной краской, кусокъ которой тамъ-же и валялся. Отверстіе вело въ небольшую яму со сводами, выложенными бѣлымъ камнемъ, засыпанную землей и золой. Далѣе подъ лопатой оказался твердый

грунтъ, материкъ. На глубинѣ трехъ аршинъ въ боку кургана врыты камни, толщиной въ полъ-аршина, длиной аршина въ два. Камни эти идутъ по закругленному пути въ глубь кургана, какъ-бы опоясывая его. Обычай носить серебряные шейные обручи (гривны) и такіе-же браслеты былъ распространенъ среди славянскаго населенія Россіи въ періодъ отъ VIII по XII вѣкъ; но онъ также былъ распространенъ и среди кочевниковъ, населявшихъ въ лѣтописныя времена здѣшнія степи, (печенѣги, половцы и др.). Обычай погребенія покойника съ конемъ въ эту эпоху господствовалъ у нашихъ кочевниковъ, но не чуждъ онъ былъ и нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ. Погребеніе въ долбленомъ гробу встрѣчается такъ-же у тѣхъ и другихъ. Поэтому, опредѣляя эпоху найденнаго г. Ковалевымъ погребенія, трудно указать народность. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что славянскихъ поселеній въ нашихъ степяхъ въ ту эпоху (VIII—XII в.) не было, и потому славянское погребеніе здѣсь можетъ встрѣтиться только случайно, и съ большей вѣроятностью найденное погребеніе можно отнести къ кочевническимъ.

Люди, погребавшіе мертвеца съ гривною, воспользовались для этой цѣли древнимъ курганомъ, насыпаннымъ надъ покойниками временъ доисторическихъ,—лежащими на боку. Этихъ покойниковъ, мы относимъ ко времени не позже VII вѣка до Рождества Христова *).

Археологическія раскопки проф. Д. Эварницкаго. Въ селѣ Веселомъ, Мелитопольскаго уѣзда, проф. Д. И. Эварницкимъ была произведена въ послѣднее время раскопка большого кургана, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «Луговая могила»; раскопка эта производилась въ теченіе пяти недѣль при 45 рабочихъ ежедневно. Результаты раскопокъ—блестящіе. Въ верхнихъ слояхъ кургана найдена прекрасной работы керамическая древне-греческая ваза, типа остродоннаго, съ двумя ручками, вмѣстимостью до 2½ ведеръ; ваза орнаментирована поперечными кругами. Тамъ же найдены наконечники бронзовыхъ стрѣлъ. Въ нижнихъ слояхъ кургана оказалось погребеніе каменнаго вѣка съ переходомъ въ бронзовый. По линіи горизонта почвы, на самой подошвѣ кургана, найдено большое сооруженіе въ

*) Добытыя въ курганѣ древности вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ переданы въ Херсонскій археологическій музей.

видѣ полукруга изъ огромныхъ тесаныхъ камней, поставленныхъ вплотную одинъ около другого. Подъ камнями оказались 5 могилъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, со скелетами и посудой примитивнаго издѣлія, частью безъ всякихъ украшеній, частью же съ украшеніями сложными и затѣйливыми. Скелеты оріентированы съ юга на сѣверъ (головами на югъ); въ нѣкоторыхъ могилахъ лежатъ по два скелета (вѣроятно, мужъ и умерщвленная, положенная съ нимъ, жена); въ одной могилѣ открытъ вмѣстѣ съ большимъ скелетомъ еще и скелетъ ребенка: скелетъ очень маленькій съ несовсѣмъ сформировавшимися костями. Въ третьей могилѣ открытъ скелетъ молодой женщины, возлѣ которой положено было глиняное корытце съ чрезвычайно сложнымъ орнаментомъ, большой кусокъ оранжевой минеральной краски, для раскрашиванія на томъ свѣтѣ, по существовавшему обычаю, а также на нижней части живота 4 вылощенныхъ съ просверленными дырочками зуба животныхъ, служившихъ для украшенія одежды, повидимому, имѣвшей видъ нашихъ фартуковъ. Изъ другихъ вещей найдены каменный мельничный жерновъ, кремневые ножи, такіе же наконечники стрѣлъ, створки рѣчныхъ раковинъ, которыхъ первобытный человѣкъ употреблялъ въ пищу.

Всѣ эти и другія найденные въ курганѣ предметы пожертвованы екатеринославскому областному музею и лично отвезены проф. Д. И. Эварницкимъ въ Екатеринославъ. Раскопками «Луговой могилы» не заканчиваются археологическія работы проф. Эварницкаго въ этой мѣстности; онѣ возобновляются весною или лѣтомъ будущаго года. Мелитопольскій уѣздъ былъ когда-то мѣстомъ скиѳскихъ становищъ. («Южн. Кр.» № 7515).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. *Составилъ В. Е. Бучневичъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, съ планомъ Полтавской битвы и достопримѣчательностями (sic) г. Полтавы. Полтава, 1902 г., in 8, 449 стран.*

Г. Бучневичъ давно уже занимается изученіемъ исторіи своего города. Первое изданіе его «Записокъ» вышло въ свѣтъ еще въ 1882 г. и вызвало на страницахъ нашего журнала (май 1883 г.) не совсѣмъ одобрительный отзывъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти 20-ти лѣтъ, г. Бучневичъ неутомимо работалъ надъ своимъ предметомъ, пересмотрѣлъ огромную массу старинныхъ и новыхъ книгъ, журналовъ и газетъ, выбралъ изъ нихъ все, что относилось къ исторіи Полтавы. и воспользовавшись этимъ матеріаломъ, вновь переработалъ свою книгу. Теперь она имѣетъ несомнѣнное достоинство—полноты, почти исчерпывающей нѣкоторые предметы, преимущественно тѣ, о которыхъ трактуется въ III отдѣлѣ книги. Просматривая приложенныя къ этому отдѣлу примѣчанія, переполненныя многочисленными библіографическими ссылками, приходишь къ увѣренности, что авторъ не упустилъ изъ виду ни одного даже мелочнаго сообщенія или указанія, кѣмъ-либо сдѣланнаго относительно Полтавской старины. Для компилятивнаго труда, какимъ собственно и нужно признать книгу г. Бучневича, такая полнота во всякомъ случаѣ неоспоримое достоинство.

Къ сожалѣнію, не всѣ отдѣлы книги отличаются столь похвальною полнотою, и всего менѣе первая статья, озаглавленная: „Полтава и ея историческое прошлое“. Здѣсь авторъ на 10 страницахъ (7—16)

обозрѣваетъ *всю* исторію Полтавы съ XII в. до назначенія ея губернскимъ городомъ въ 1802 г. Казалось бы, что такому капитальному сюжету слѣдовало удѣлить больше вниманія, если описанію войны 1708—1709 гг. и полтавской битвы посвящено 109 стр. (50—158). Вообще, первый очеркъ довольно слабъ. Онъ начинается топографическимъ описаніемъ Полтавы, въ которомъ сразу допущены неточности и ошибки. О рѣчкѣ Рогознѣ, упоминаемой въ актахъ XVII—XVIII вв., говорится, что съ 1814 г., „съ устройствомъ плотины на Трибахъ", она стала русломъ р. Ворсклы. Кто знакомъ съ мѣстностью, тому будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ устройство плотины въ дер. Трибахъ, на рч. Коломакѣ, въ 5 верстахъ отъ Полтавы, могло измѣнить русло Ворсклы. Обращаемся къ «Запискамъ» Арандаренка (ч. III, стр. 14) и тамъ читаемъ, что это измѣненіе произошло: „когда въ 1814 г. устроена плотина *отъ города на дер. Трибы*, по дорогѣ въ Харьковъ". Значитъ, дѣло идетъ о плотинѣ не въ Трибахъ, а близъ Полтавы, на Ворсклѣ. Невѣрно и далѣе: „по ручью *Полтавкѣ* пролегаетъ Монастырская улица и Подмонастырье". Проживъ дѣтскіе и юношескіе годы въ этомъ самомъ Подмонастырьѣ и однажды едва не утонувъ въ тамошнемъ ручьѣ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что этотъ ручей именуется *Тарапунькой*, а не Полтавкой. Правда, въ „Запискахъ" Арандаренка онъ ошибочно названъ *Полтавкой*; но пусть г. Бучневичъ съѣздитъ въ Подмонастырье и спроситъ тамошнихъ мѣщанъ, какъ называется ихъ ручей, и они ему отвѣтятъ: „Тарапунька". Ручей же Полтавка протекаетъ совсѣмъ не тамъ: въ книгѣ г. Бучневича (на 60 стр.) приведена цитата изъ Полевого, въ которой опредѣленно указывается, что одинъ край древней полтавской крѣпости круто сходилъ „къ рѣчкѣ Полтавкѣ, впадающей въ Ворсклу ниже города". Къ ручью, протекающему въ Подмонастырской долинѣ, это указаніе никакъ не можетъ относиться. Укажемъ, кстати, еще на одну грубую топографическую погрѣшность: на стр. 183 г. Бучневичъ говоритъ, будто Полтавскій монастырь „построенъ *у береговъ* Ворсклы, *при устьѣ ручья Полтавки, вправо* по дорогѣ на Харьковъ". Ссылаюсь на всѣхъ полтавскихъ жителей во свидѣтельство того, что монастырь расположенъ *влѣво* по дорогѣ на Харьковъ, далеко отъ береговъ Ворсклы и еще дальше отъ устья Полтавки. Подобные топографическіе промахи совсѣмъ неизвинительны мѣстному изслѣдователю.

Переходимъ теперь къ начальной исторіи г. Полтавы, какъ она изложена въ книгѣ г. Бучневича. Онъ отождествляетъ Полтаву съ лѣ-

тописной Лтавой, упоминаемой подъ 1174 г., какъ то дѣлаютъ, впрочемъ, и другіе историки. Но въ интересахъ безпристрастія ему слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, оговориться, что данное мѣсто лѣтописи имѣетъ и другой варіантъ („переѣха роскол во Лтавы"), исключающій всякій намекъ на существованіе въ XII в. Полтавы, и что этому вопросу посвящено спеціальное изслѣдованіе г. Падалки, пришедшаго къ весьма правдоподобному выводу, что нѣтъ основанія допустить на мѣстѣ нынѣшней Полтавы существованія въ XII в. какого-либо населеннаго пункта. Точно такъ же мало правдоподобно извѣстіе о Полтавѣ, какъ объ отчинѣ князей Глинскихъ въ XV—XVI вв. Это извѣстіе дошло до насъ единственно въ родословныхъ сказкахъ князей Глинскихъ, а историки хорошо знаютъ, какъ мало можно довѣрять такимъ мутнымъ источникамъ, какъ родословія. Принимая же въ соображеніе общій ходъ событій въ Лѣвобережной Украинѣ послѣ Менглигиреева нашествія, когда она надолго становится пустыней и даже такой близкій къ Кіеву городъ, какъ Переяславъ, на цѣлое столѣтіе исчезаетъ съ лица земли, можно съ полной достовѣрностью утверждать, что никакого поселенія на мѣстѣ нынѣшней Полтавы безусловно не могло существовать въ то время. Объ этомъ вѣковомъ запустѣніи всей Полтавщины непремѣнно слѣдовало упомянуть полтавскому дѣеписателю. Свидѣтельство М. А. Максимовича, будто Полтава вновь «обстроена какъ настоящій городъ» Жолкевскимъ въ 1608 г. и будто она въ то же время принадлежала князьямъ Вишневецкимъ и насчитывала въ себѣ 812 хатъ, тоже можно было совсѣмъ игнорировать. Объ этомъ сказано въ старой статьѣ Максимовича, писанной въ 1857 г., и самъ же г. Бучневичъ приводитъ затѣмъ соображенія новѣйшаго историка А. М. Лазаревскаго, вполнѣ устраняющія догадки Максимовича и совершенно совпадающія съ данными несомнѣннаго документа 1630 года—жалованной королевской грамоты шляхтичу Обалковскому на «пустую слободу, названную Полтаву, надъ р. Ворскломъ», съ правомъ ея заселенія. Вотъ съ какого времени, собственно говоря, начинается вполнѣ достовѣрная исторія Полтавы.

Скоро послѣ того Полтава становится полковымъ городомъ, о чемъ въ книгѣ г. Бучневича вовсе не упомянуто. Онъ лишь вскользь упоминаетъ о битвѣ Пушкаря съ Выговскимъ 1 іюня 1658 г. и говоритъ объ этомъ не точно: по его словамъ, «Пушкарь разбилъ подошедшаго къ Полтавѣ Выговскаго, но вслѣдъ за тѣмъ самъ былъ разбитъ татарами и палъ на мѣстѣ». Послѣднее вѣрно, а первое нѣтъ:

у Костомарова подробно описана битва подъ Полтавою, и тамъ не говорится ни слова о разбитіи Выговскаго [1]). Совершенная неправда и то, что дальше повѣствуетъ г. Бучневичъ: «Въ 1659 г., въ февралѣ, Выговскій, овладѣвъ Миргородомъ, съ 30 тысяч. козаковъ, 3 тыс. поляковъ и 15 т. татаръ, прошелъ черезъ разоренную Полтаву къ Зенькову». (Ссылка на Бант.-Каменскаго). На самомъ же дѣлѣ было такъ: 4 февраля 1659 г. Выговскій осадилъ Миргородъ, скоро овладѣлъ имъ благодаря добровольной покорности горожанъ, съ которыми онъ обошелся очень кротко, и оттуда прямо двинулся къ Зенькову, минуя Полтаву, которая была ему вовсе не по дорогѣ. Осада Зенькова затянулась, и гетманъ въ концѣ марта отступилъ отъ него и уѣхалъ въ Чигиринъ [2]). Вотъ какъ мало слѣдуетъ довѣрять Исторіи Бант.-Каменскаго, когда имѣются историческія монографіи Костомарова.

Далѣе слѣдуетъ краткій перечень полтавскихъ полковниковъ, безъ точнаго обозначенія, что онъ взятъ изъ ст. А. М. Лазаревскаго [3]), между тѣмъ это единственный вполнѣ точный и полный перечень, сдѣланный покойнымъ историкомъ путемъ кропотливыхъ изысканій по неизданнымъ актамъ полтавскаго полкового суда и другимъ документамъ. Перечень этотъ приведенъ въ книгѣ г. Бучневича съ пропусками. Вообще, можно пожалѣть, что авторъ мало воспользовался статьей А. Лазаревскаго о Полтавщинѣ въ XVII в., представляющей драгоцѣнныя свѣдѣнія именно для исторіи г. Полтавы: здѣсь говорится объ исключительномъ положеніи тамошнихъ полковниковъ, о происходившихъ тамъ внутреннихъ смутахъ и проч. Неужели это не важно для исторіи г. Полтавы?

Затѣмъ слѣдуетъ отрывочное упоминаніе, что въ 1666 г., когда гетманъ Брюховецкій «билъ челомъ царю съ запор. войскомъ и со всѣми малороссійскими городами, то, въ числѣ другихъ городовъ, и въ Полтаву былъ назначенъ воевода съ 1500 ратныхъ людей».—Н понятно, о чемъ билъ челомъ гетманъ и почему былъ присланъ воевода. И что же, долго этотъ воевода оставался въ Полтавѣ? И въ какихъ отношеніяхъ онъ находился съ мѣстнымъ населеніемъ?—Вѣдь это же, надѣемся, важнѣе для исторіи г. Полтавы, нежели сообщаемыя

---

[1]) Гетманство Выговскаго, стр. 98–99.

[2]) Тамъ же, стр. 152, 153, 156.

[3]) На эту статью сдѣлана лишь общая ссылка, на ряду съ ссылкой на соч. Максимовича.

г. Бучневичемъ свѣдѣнія о томъ, въ какихъ годахъ XVIII ст. и какіе именно полки квартировали въ Полтавѣ.

Отказываемся слѣдить далѣе за безсвязной лѣтописью г. Бучневича, въ которой онъ по произволу отмѣчаетъ маловажное и опускаетъ очень важное. По тѣмъ самымъ книгамъ, какими г. Бучневичъ пользовался, не трудно было бы составить сколько-нибудь связную исторію города въ XVII и XVIII ст. Хотя бы онъ кратко разсказалъ, какъ жили въ то время полтавцы, кѣмъ управлялись, какъ судились и проч. Вдобавокъ, и въ его отрывочныхъ замѣткахъ встрѣчаются ошибки: на стр. 13 онъ упоминаетъ о татарскомъ набѣгѣ «въ 1695 году, когда татары, проникнувъ въ Полтаву во главѣ бывшаго гетманскаго канцеляриста Петрика, совершенно разорили ее». Помимо неправильности стилистической, въ этой тирадѣ допущена невѣрность хронологическая и фактическая: дѣло происходило не въ 1695, а въ 1693 г., и татары вовсе не проникали въ Полтаву и не разоряли ее, а, по выраженію лѣтописи Самовидца, лишь «шкоду учинили коло Полтавы и у слободахъ московскихъ» [1]). Объ этомъ мнимомъ разореніи, съ тою же ошибочной датой, еще два раза упоминается въ книгѣ г. Бучневича, на стр. 171 и 184.

Топографическое описаніе древнихъ укрѣпленій полтавскихъ много выиграло бы въ ясности и отчетливости, если бы приложенъ былъ планъ города, съ нанесеніемъ на немъ крѣпостныхъ валовъ и башенъ. Кстати прибавимъ, что въ актахъ полтавскаго полкового суда конца XVII в. намъ приходилось встрѣчать названія «баштъ замковыхъ» *Глухой* и *Криловщишиной*. Послѣдняя, очевидно, есть та самая, которая на планѣ 1803 г. названа Крыловской или Куриловской.

Говоря о ярмаркахъ полтавскихъ, слѣдовало бы упомянуть, что двѣ изъ нихъ, Воздвиженская и Никольская, существовали уже въ XVII ст. О нихъ см. «Кіев. Ст.» 1901 г. № 2, стр. 200, № 10, стр. 45 и 51.

Далѣе слѣдуютъ очерки: Высочайшія посѣщенія Полтавы (съ 1787 по 1901 г.) и хронологическій перечень полтавскихъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей и архіереевъ съ 1802 по 1902 г. А за тѣмъ идетъ отдѣлъ второй, цѣликомъ посвященный описанію шведской войны въ 1708 г. 1709 гг. и полтавской битвы,

---

[1]) Самовид., 183. Сличи лѣт. Величка, III, 135.

съ разными документальными приложеніями, въ число коихъ почему-то вошелъ и подробный перечень даровъ, посланныхъ изъ Полтавы въ 1894 г. броненосцу «Полтава». Это—не исторія Сѣверной войны, а нѣчто въ родѣ обстоятельной реляціи, съ перечнемъ частей войскъ, бывшихъ въ дѣйствіи, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненныхъ и т. под. Одинъ реестръ плѣнныхъ шведскихъ полковъ (поименный) занимаетъ 7 страницъ (96—102). Въ примѣчаніяхъ къ этому отдѣлу (на стр. 386) встрѣчается странный недосмотръ: цитуется мѣсто изъ лѣтописи Грабянки о Семенѣ Паліѣ, какъ онъ, «бывши уже немощнымъ, *обаче* на конѣ, аще и поддержаніемъ, ѣздячи, понуждалъ войско»‥, при чемъ къ слову «обаче» сдѣлано подъ строкой поясненіе: «Обачити—увидѣть». Зачѣмъ же этотъ коментарій, когда славянское слово «обаче» значитъ «однако»?

Третій отдѣлъ посвященъ прежде всего полтавскимъ достопримѣчательностямъ. Здѣсь весьма обстоятельно описаны памятники полтавской побѣды, Спасская церковь, монастырь, Шведская могила, колоколъ Кизикерменъ, бывшій домикъ И. П. Котляревскаго и затѣмъ остальныя полтавскія церкви, костелъ и лютеранская кирха. Это—самая интересная часть книги. Къ сожалѣнію, и здѣсь изрѣдка встрѣчаются недосмотры, и рецензентъ не исполнилъ бы своего долга, если бы обошелъ ихъ молчаніемъ. На стр. 181 описывается принадлежащее Спасской церкви старопечатное (1644 г.) евангеліе, на окладѣ котораго изображенъ Спаситель, а въ ногахъ у Него колѣнопреклоненный человѣкъ и подъ нимъ подпись «Петръ». «Это даетъ поводъ (замѣчаетъ авторъ) догадываться, что евангеліе подарено государемъ Петромъ I и, вѣроятно, послѣ Полтавской битвы». Увы, почтенный авторъ поторопился догадываться, не прочтя имѣющейся въ книгѣ (внизу, по листамъ) вкладной записи, которая гласитъ: «Року Божогѡ ҂ахмѕ (1646), мця марта дня ї (10). Во имя Отца и Сына и Духа святого, аминь. Сию кныгу рекомое Евангелие тетръ отмѣнилъ рабъ Божий... кумъ (вытерто) Имоненко за свое отпущеніе грѣховъ и за жоны своеи Ѳеодоры... (опускаемъ подробности).. и предали еѣ вѣчными часи до храма Воздвиженія Господа Бога и Спаса нашего І. Христа въ селѣ въ Трибуховцахъ, въ повѣтѣ Хмелницкомъ [1])..., въ державѣ его милости пана Любомирского» и проч. Какъ попало это

[1]) С. Трибуховцы и нынѣ существуетъ въ Летич. у. Под. губ.

евангеліе изъ трибуховской церкви въ полтавскую, объ этомъ можно разно гадать, но во всякомъ случаѣ не царь Петръ его сюда пожертвовалъ. Замѣтимъ, что такихъ книгъ, съ вкладными записями въ пользу отдаленнѣйшихъ отъ Полтавы церквей, имѣется довольно много въ полтавскихъ храмахъ.

На стр. 205 описано принадлежащее монастырю евангеліе «московской печати *1657 г.*», а далѣе списанъ его выходной листъ, гдѣ мы съ изумленіемъ читаемъ: «повелѣніемъ императрицы Елисаветы Петровны... напечатана книга сія... въ лѣто отъ Рождества Бога Слова 1759»... Чему же вѣрить? Кстати, замѣтимъ, что г. Бучневичъ, при описаніи старопечатныхъ книгъ, совершенно напрасно списываетъ цѣликомъ выходные листы со всею ихъ шаблонною многословностью, тогда какъ вполнѣ достаточно отмѣтить лишь годъ и мѣсто изданія.

На стр. 207 сказано, что въ полт. монастырѣ хранится рѣдкая старопечатная книга (слова Василія Великаго), изданная въ Острогѣ, въ 1594 г., при чемъ пояснено, что она «въ двухъ томахъ». Слѣдуетъ поправить: въ двухъ экземплярахъ, и при томъ превосходно сохранившихся.

О Срѣтенской церкви мы можемъ добавить, что въ одномъ изъ неизданныхъ документовъ 1683 г. церковь эта именуется «новофундованною»; а относительно Воскресенской церкви самому г. Бучневичу слѣдовало упомянуть, что, судя по вкладной надписи на Цвѣтной Тріоди, хранящейся въ полт. Срѣтенской церкви[1]), Воскресенская церковь существовала уже въ 1631 г., т. е. она современна основанію самой Полтавы. Вѣрно ли списана означенная надпись—провѣрка лежитъ на обязанности мѣстныхъ изслѣдователей. Въ книгѣ г. Бучневича нѣтъ и упоминанія о Тріоди съ этой надписью. Вообще, говоря объ исторіи полтавскихъ храмовъ, онъ какъ-то мало интересуется XVII столѣтіемъ. Почему бы, напримѣръ, въ главѣ о соборной церкви не упомянуть объ ея священникѣ Іоаннѣ Величковскомъ, привѣтствовавшемъ въ 1687 году гетмана Самойловича, при его проѣздѣ въ Крымъ черезъ Полтаву, высокопарными виршами «своеи композитуры», пол-

---

[1]) Лично мы этой Тріоди не видѣли, а ссылаемся на описаніе Срѣт. церкви свящ. Бельговскаго, помѣщенное въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ 1875 г. По его словамъ, по листамъ этой Тріоди есть надпись, свидѣтельствующая, что она пожертвована въ 1631 г. въ Воскресенскую церковь.

ностью приведенными въ лѣтописи Величка? [1]) Почему бы не упомянуть о существовавшей въ XVII в. при той же церкви *школь* и ея „дидаскалѣ“ Марченкѣ, о чемъ было сообщено въ нашемъ журналѣ, въ «Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во 2-ой полов. XVII ст»? Тамъ можно найти именной перечень настоятелей всѣхъ полтавскихъ церквей въ 1692 г., нѣкоторыя свѣдѣнія о существовавшихъ въ то время въ Полтавѣ приходскихъ братствахъ и т. под.

Статья о бывшей въ Полтавѣ въ концѣ XVIII ст. Славянской семинаріи, въ которой учились И. П. Котляревскій, Н. И. Гнѣдичъ и др., составлена достаточно полно и интересно, равно какъ и слѣдующая за нею статья о полтавскихъ подземельяхъ. Здѣсь лишь возбуждаетъ естественное недовѣріе странное преданіе о козакѣ Маслѣ, прорывшемъ подземные ходы *въ 1608 году*. Кто и отъ кого слыхалъ столь точно датированное преданіе? Подозрительны и костяки XII ст., поверхъ которыхъ оказалась польская монета Яна III (стр. 285).

Опускаемъ дальнѣйшія главы книги Бучневича и останавливаемся на заключительной—біографическихъ очеркахъ «уроженцевъ Полтавы и умершихъ въ ней» лицъ, извѣстныхъ государственною и литературною дѣятельностью. Такихъ очерковъ здѣсь помѣщено 21. Конечно, особый интересъ представляютъ здѣсь имена славныхъ уроженцевъ Полтавы: Гнѣдича, Котляревскаго, Щепкина, или имена лицъ, посвятившихъ ей свою дѣятельность, какъ П. И. Бодянскій, С. П. Стеблинъ-Каминскій, а вовсе не лицъ, случайно умершихъ въ Полтавѣ, какъ Бисмаркъ Рудольфъ-Августъ, Вейсбахъ, Ѳ. М. Воейковъ и др. Кстати, объ этомъ Воейковѣ. Въ книгѣ г. Бучневича говорится, что онъ родился въ *1703 г.* и умеръ въ *Полтавѣ*; а надъ его могилой въ Полтавскомъ монастырѣ есть икона св. Ѳеодора Стратилата съ такою надписью: «Здѣлана св. икона сія 1707 года, мѣс. февраля 7 дня, въ мѣру *тогда родившагося* Ѳеодора Матвѣевича (Воейкова), бывшаго генералъ-аншефа, кіевскаго генералъ-губернатора и Новороссійской губерніи главнаго командира, который преставился въ *Кременчугѣ* 1778 г. августа 9 дня и погребенъ былъ 11 дня въ соборной Преображенской Кременчугской церкви, а по желанію супруги ...вынятъ и въ Крестовоздвиженскій полтавскій монастырь перевезенъ и въ склепу по-

---

[1]) Томъ III, стр 9 -12.

ложенъ 1781 г. генваря 18 дня». Выходитъ, слѣдовательно, что о немъ можно было и не упоминать въ перечнѣ лицъ, родившихся или умершихъ въ Полтавѣ. Зато недостаетъ біографіи П. И. Могилевскаго, бывшаго съ 1828 г. по 1840 г. полтавскимъ губернаторомъ, тамъ же умершаго и похороненнаго въ полт. монастырѣ.

При оцѣнкѣ перваго изданія «Записокъ» г. Бучневича рецензентъ ставилъ въ вину автору многія неправильности языка. Чувство безпристрастія побуждаетъ насъ заявить, что въ новомъ изданіи книги эти неправильности почти вовсе устранены. Лишь въ предисловіи, перешедшемъ безъ измѣненій и въ новое изданіе, языкъ страдаетъ неточностями и шероховатостями. Въ самой же книгѣ, на протяженіи 450 страницъ, наше вниманіе остановили лишь слѣдующія неясныя или не вполнѣ удачныя выраженія: «Такимъ образомъ явился здѣсь, въ Полтавѣ и Константиноградѣ, въ обратномъ порядкѣ приходъ къ проповѣднику",—смыслъ этого выраженія остается неяснымъ и въ связи съ предыдущимъ (стр. 259). «Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Наталка Полтавка» и «Москаль-Чаривныкъ», которыя въ 1819 г. шли уже на сценѣ, до настоящаго времени *занимающія* первостепенное мѣсто въ малороссійскомъ репертуарѣ» (стр. 364). «Небольшой участокъ земли около этого памятника въ 1899 г. обнесенъ деревянной оградой, *который* въ 1902 г. засаженъ деревьями» (стр. 365). Португаловъ (въ ссылкѣ), «не имѣя даже права заниматься врачебной практикой, *почему-то* взялся за перо» (стр. 370). «Энеида Котляревскаго—«классическое произведеніе малорусской литературы по простотѣ и изяществу стиля и истинно *хохлацкой* ироніи» (стр. 364). А вотъ излишне церемонное выраженіе: «въ проѣздъ императрицы Екатерины черезъ Полтаву, архіепископъ Амвросій *имѣлъ счастіе...* служить панихиду» (стр. 323).

Но, конечно, все это мелочи, отмѣчаемыя здѣсь единственно для того, чтобы авторъ исправилъ ихъ при слѣдующемъ изданіи своей книги. Отчасти тою же мыслью руководились мы и выше, кое въ чемъ поправляя и дополняя его сообщенія. Для насъ, какъ и для автора, Полтава—городъ близкій сердцу, и мы съ восторгомъ привѣтствовали бы ея полную и правдивую исторію. Пока ея нѣтъ, книга г. Бучневича можетъ служить полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ историческими памятниками Полтавы и вмѣстѣ библіографическимъ указателемъ всего, что о ней писано въ русской печати. При томъ же,

изумительное трудолюбіе автора, работающаго надъ своимъ предметомъ болѣе 20 лѣтъ, безъ сомнѣнія, достойно всякаго уваженія.

О. Л.

Д. Иловайскій. Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. *Москва, 1902.—Стр. 106.*

Книжка представляетъ перепечатку статей г. Иловайскаго, помѣщенныхъ въ «Рус. Вѣстникѣ», «Рус. Архивѣ» и газетахъ «Моск. Вѣд.» и «Кремль» (1888--1902 г.г.), съ незначительными измѣненіями и дополненіями. Добавлена критическая замѣтка о работахъ г.г. Шишманова (о происхожденіи болгаръ) и И. Н. Смирнова (культурная исторія южныхъ славянъ.

Для библіографіи русской исторіи настоящее изданіе несомнѣнно полезно, какъ способное облегчить поиски въ обширной литературѣ предмета. Полемическія стычки г. Иловайскаго съ многочисленными противниками его теорій на сей разъ не открываютъ ни новыхъ горизонтовъ, ни сколько нибудь рѣшающихъ новыхъ фактовъ. То сей, то оный на бокъ гнется—а до рѣшенія вопроса по прежнему неизмѣримо далеко. При такихъ условіяхъ эти стычки получаютъ нѣсколько утомительный характеръ. Сознавая слабость свою въ филологіи, г. Иловайскій ограничивается большею частью тѣмъ, что не упускаетъ случая уязвить и филологію своихъ противниковъ—норманнистовъ и туранистовъ. Тонъ полемики, по обычаю автора, достаточно рѣшительный и откровенный, безъ расшаркиваній. Одно только нелегко понять — почему авторъ убѣжденъ, что теоріи его противниковъ способны затемнять народное самосознаніе: такая точка зрѣнія свидѣтельствуетъ лишь о добрыхъ намѣреніяхъ автора, но по существу представляется крайне шаткою и условною.

Обозрѣвая пройденный путь, г. Иловайскій приходитъ къ малоутѣшительнымъ выводамъ. Уже 30 лѣтъ ведетъ онъ борьбу съ норманнистами, 28 лѣтъ съ туранистами, а число противниковъ не только не уменьшилось, но даже увеличилось за послѣднее время. Въ «Розыскахъ о началѣ Руси» и въ первой «Дополнительной полемикѣ» къ этимъ розыскамъ г. Иловайскому пришлось воевать съ 25 противниками, да въ настоящей книжкѣ—еще съ 15. Итого болѣе 40 противниковъ! «Преклонный возрастъ автора (70 лѣтъ) едва-ли позво-

литъ ему разсчитывать на собственные будущіе труды въ данной области и на дальнѣйшую борьбу съ противниками. Но онъ смѣло уповаетъ на то, что рано или поздно должны явиться на Руси энергичные, талантливые научные дѣятели, которые доведутъ до конца предпринятую имъ борьбу съ отжившими (?), антиисторическими теоріями».

Слѣдуетъ отмѣтить одно pium desidezium автора, къ которому нельзя не присоединиться. Указавъ на настоятельную потребность въ изданіи научнаго словаря русскихъ юридическихъ древностей, г. Иловайскій полагаетъ, что руководство и редакцію такого коллективнаго словаря долженъ взять на себя В. В. Сергѣевичъ для Московсой Руси и М. Ф. Владимірскій-Будановъ для Руси Литовской или Юго-Западной.

Н. М.

А. Е. Крымськый: „Изъ повистокъ и эскизивъ". *Выдання друге, выправлене. Москва, 1902.*

Недавно вышедшая книжка талантливаго автора, снискавшаго своею литературною дѣятельностью довольно широкую извѣстность у насъ и въ Галичинѣ, состоитъ изъ трехъ разсказовъ: «Не порозуміються», «Батькивське право» и «Та хто жъ такы справди вынепъ?»

Герой перваго разсказа: «Не порозуміються» Андрій Лаговськый—едва вступающій въ жизнь, а уже испытавшій немало житейскихъ невзгодъ, нервный, мнительный «гистерыкъ», какъ называетъ его авторъ. Человѣкъ онъ крайне не ровный—то способный на проявленіе самопожертвованія, то поддающійся вліянію минуты и окружающей его пошлой жизни. Авторъ такъ въ концѣ концовъ характеризуетъ своего героя: „Теперь у насъ 1894-ый рикъ, а що буде, прымиромъ, 1895-го року, знае самъ Богъ. Я жъ думаю, що така людына, якъ Андрій, однаковисинько може або колысь повисытыся, або увирувати въ Бога и питы въ черци, або зробытыся ученымъ-аскетомъ, впирнуты въ науку и, далеко-далеко отъ сьвиту и одъ [жыття, потонуты въ своихъ кныжкахъ, мовъ у могыли. Все може буты». Мать Лаговскаго—заурядная чиновница, деморализованная поверхностной городской цивилизаціей, утратившая природный тактъ, присущій простой украинской женщинѣ.

Мимоходомъ авторъ рисуетъ, къ сожалѣнію, далеко еще у насъ не рѣдкій типъ «наймычки» запуганной, забитой, утратившей почти человѣческое подобіе. Не даромъ авторъ обобщаетъ этотъ типъ устами Лаговскаго, попавшаго послѣ долгаго отсутствія въ родной городъ, восклицая: «И колы тоби вывыдныться, Украино?.. Колы?»

Въ разсказѣ «Батькивське право» изображаются взаимныя отношенія дѣтей и родителей, основанныя на неискренности и педантизмѣ однихъ и скрытомъ недовѣріи другихъ. Семейная жизнь, построенная на такихъ шаткихъ устояхъ, является сущимъ адомъ, что нашло вѣрное отраженіе въ разсказѣ нашего автора.

Третій разсказъ авторъ ведетъ отъ лица звенигородской мѣщанки Маріи. Трудно отвѣтить на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ, кто болѣе виноватъ, сама ли Марія или ея мужъ въ постигшихъ ее злоключеніяхъ. Вѣрнѣе будетъ сказать—оба они въ равной степени являются жертвами тѣхъ печальныхъ бытовыхъ условій, среди которыхъ имъ пришлось жить. Трохима развратила праздная жизнь полицейскаго служителя, пріучившая его къ «чарочкѣ;» сама же Марія—типичный продуктъ «наймовъ». Естественно поэтому, что виновниковъ разбитой жизни и несчастій въ концѣ концовъ и не оказывается или, вѣрнѣе говоря, они расплываются въ общихъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя выдвинуты авторомъ на первый планъ.

Во всѣхъ трехъ разказахъ, написанныхъ живо и увлекательно, затрогиваются наболѣвшіе вопросы современной жизни. Матеріаломъ для нихъ послужило, очевидно, непосредственное знакомство автора съ бытомъ изображаемыхъ имъ людей, а его тонкая наблюдательность помогла ему уловить наиболѣе типическія черты. Г. Крымскій касается двухъ слоевъ общества—интеллигенціи и народа, собственно мѣщанства. Въ его изображеніи событія выступаютъ вполнѣ отвѣчающими дѣйствительности, такъ какъ сюжеты взяты изъ жизни и обработаны достаточно реально. Но реализмъ произведеній г. Крымскаго вовсе не отличается протокольнымъ характеромъ: авторъ вноситъ много своего, субъективнаго; нѣкоторыя мѣста запечатлѣны глубокимъ искреннимъ чувствомъ и носятъ характеръ теплоты и непосредственности, вылившись, очевидно, изъ наболѣвшаго сердца. Кромѣ того, талантъ нашего автора не чуждъ мѣстами и тонкаго добродушнаго юмора. Что же касается языка, то при всей живости и близости къ народному онъ не лишенъ кое-гдѣ нѣкоторыхъ шероховатостей.

Въ заключеніе нельзя не пожалѣть о томъ. что въ настоящее изданіе вошли далеко не всѣ лучшія произведенія г. Крымскаго, которыя заслуживаютъ того, чтобы сдѣлаться достояніемъ нашей читающей публики.

А. Нестеровскій.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана съ 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 г. *Годъ 7-й.*

Какъ и въ прошлые годы, Ежегодникъ состоитъ изъ двухъ частей: оффиціальной, въ которой помѣщено извлеченіе изъ отчета коллегіи, и неоффиціальной, распадающейся на три части: 1) труды преподавателей и бывшихъ воспитанниковъ коллегіи, 2) матеріалы для исторіи коллегіи, біографіи Г. П. Галагана и пр., и 3) приложенія.

Въ первомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что за два послѣдніе года количество учащихся значительно понизилось (съ 79 и 80 въ 1898 и 1900 г. до 64), хотя администрація коллегіи въ отчетахъ за послѣдніе 4 года обѣщаетъ расширить помѣщенія, чтобы довести количество учащихся до 100.

Что касается занятій воспитанниковъ коллегіи, то правленіе, между прочимъ, много лѣтъ подъ рядъ обѣщаетъ, для лучшей постановки новыхъ языковъ, пригласить на мѣста надзирателей лицъ, практически знающихъ эти языки. Мѣра эта весьма желательна. Мотивируя введеніе танцевъ въ число образовательныхъ искусствъ, составитель отчета говоритъ, что искусство это введено для выработки «въ воспитанникахъ, иногда неуклюжихъ и неловкихъ, навыка къ свободнымъ, ловкимъ и изящнымъ движеніямъ». Но при такой мотивировкѣ уроки танцевъ не обязательны. Пріятно также обѣщаніе составителя отчета расширить помѣщеніе коллегіи и устроить отдѣльное отъ классныхъ комнатъ общежитіе для улучшенія гигіеническихъ условій заведенія. Это обѣщаніе повторяется уже много лѣтъ, а въ два послѣдніе года съ меньшею настойчивостью и обоснованностію, чѣмъ въ предыдущіе. Похвальна также забота правленія коллегіи о составленіи списка книгъ для классныхъ библіотекъ; въ этомъ отношеніи коллегія можетъ почитаться первою среди однородныхъ учебныхъ заведеній и поставлена она въ благопріятныя условія прослѣдить и результаты такого чтенія.

Матеріальныя средства коллегіи блистательны: кромѣ платы за своекоштныхъ воспитанниковъ, она владѣетъ 11542 десятинами земли въ двухъ губерніяхъ и громадною усадьбою въ Кіевѣ. Доходы истекшаго года съ остатками отъ прошлаго составили 149729 р. 42 к., при чемъ арендной платы съ земли получено 39255 р., т. е. около $3^1/_2$ р. за десятину. Въ отчетѣ коллегіи не показано, кто арендуетъ эти земли: если ихъ аренда находится въ рукахъ крестьянскихъ обществъ, то можно только порадоваться, что администрація коллегіи идетъ по стопамъ своего учредителя въ заботахъ о меньшемъ братѣ.

Въ неоффиціальной части т. н. «Труды» занимаютъ довольно видное мѣсто, въ 343 стр., и состоятъ изъ самыхъ разнообразныхъ по содержанію статей. Къ новинкамъ этого отдѣла слѣдуетъ отнести: «Библіографія» и «Изъ педагогическихъ изданій».

Въ отдѣлѣ «свѣдѣнія» о обывшихъ воспитанниковъ за 1875—1902 г. повторяются тѣ же ошибки, что и въ прошломъ году: отдѣлъ этотъ занимаетъ 45 стр., $^9/_{10}$ которыхъ перепечатки прошлаго года. Признавая важное значеніе этого отдѣла, составляющаго «живую связь» коллегіи съ ея бывшими птенцами, мы думаемъ, что слѣдовало бы совсѣмъ оставить перепечатки прошлыхъ лѣтъ, а вносить въ него только тѣ новыя свѣдѣнія, какія получитъ редакція. Отдѣлъ «Письма, воспоминанія, замѣтки и пр.» начинается маленькою вступительною статейкою, посвященною памяти знаменитаго историка Маллоросіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго. Въ отдѣлѣ этомъ приведены: 1) письма Аксакова къ Галагану. Письма интересныя, но напечатаны такъ неряшливо, что трудно читаются. 2) Въ исторіи имѣній коллегіи упоминается о нѣкоторыхъ цѣнныхъ книгахъ и рукописяхъ и 3) въ ст. «Изъ первыхъ лѣтъ жинзи коллегіи» повѣствуется о преподаваніи искусствъ въ коллегіи за это время.

Въ приложеніи напечатана ст. Тихова: «Ораторское искусство у древнихъ грековъ».

Отчетъ снабженъ фотографіями: церкви и залы коллегіи, а также 3 группъ воспитанниковъ и учащихъ: первая 1898 г., сдѣланная французскимъ фотографомъ, а двѣ остальныя воспитанниковъ I класса 1871 года и 1901 г.

Н. М. Ш.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9, 2) Русская Старина, № 10, 3) Историческій Вѣстникъ, № 10, 4) Научное Обозрѣніе, № 9, 5) Міръ Божій, № 10, 6) Вѣстникъ Европы, № 10, 7) Книжки Восхода, № 9, 8) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 9, 9) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9. 10) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 4 и 5, 11) Ученыя Записки Казанскаго Университета, № 7—8, 12) Русская Мысль, № 10, 13) Черниговскій Земскій Сборникъ, № 8 и 9, 14) Літературно-Науковий Вістник, № 10, 15) Wisła, № 5, 16) Przewodnik naukowi i literacki, № 9 и 10, 17) Biblioteka Warszawska, № 10.

Русскій Архивъ, № 9.

Письмо Григорія Дорошенка къ кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Шереметеву 1667 г. (стр. 139—140). Это письмо, хранящееся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи, писано братомъ гетмана Петра Дорошенка, находившимся въ плѣну въ Москвѣ въ 1667 году и освобожденнымъ изъ плѣна съ тѣмъ, чтобы уговорить брата отстать отъ татаръ и быть подъ рукою московскаго царя. Сейчасъ послѣ освобожденія изъ плѣна и было написано это письмо къ кіевскому воеводѣ Петру Шереметеву, гдѣ говорится о начатыхъ Григоріемъ Дорошенкомъ переговорахъ въ исполненіе даннаго ему порученія.

Русская Старина, № 10.

Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ 19го вѣка (гл. 21-я стр. 1—33). Въ этой главѣ обширнаго труда Н. Дубровина разсказано о тѣхъ планахъ, которые создавались у руководителей польской политики, М. Огинскаго и кн. Чарторыйскаго, образовать Великое герцогство Литовское изъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, или же объявить ихъ Польскимъ королевствомъ, съ главою его императоромъ Александромъ I. Такъ какъ всѣ эти планы были передъ самой войной съ Наполеономъ въ 1812 году, то Александръ I колебался предпринять рѣшительные шаги къ осуществленію задуманнаго дѣла, но въ то же время уклонялся отъ прямого отказа полякамъ, желая имѣть въ нихъ союзниковъ для предстоящей борьбы съ Бонапартомъ.

Н. Сумцовъ. Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году (стр. 105—111). Въ этой замѣткѣ, не дающей ничего интереснаго, сообщается очень кратко и оффиціально объ осмотрѣ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, между которыми были полтавская и херсонская гимназіи.

Міръ Божій, № 10.

Н. Котляревскій.—Н. В. Гоголь 1829—1842 г. (Продолженіе, 167—202 стр.) XIII гл. изслѣдованія посвящена комедіи «Ревизоръ». Здѣсь авторъ говоритъ объ исторіи текста «Ревизора», о сходствѣ его съ другими комедіями, особенно съ извѣстной комедіей Квитки «Пріѣзжій изъ столицы», о художественномъ значеніи комедіи, ея нравственномъ смыслѣ и общественномъ значеніи, затѣмъ о первыхъ представленіяхъ «Ревизора» въ Петербургѣ и Москвѣ, неудовольствіи Гоголя и его жалобахъ на зрителей, объ отношеніи критики и, наконецъ, о значеніи комедій Гоголя въ исторіи развитія его творчества. Въ XIV гл. говорится о пребываніи Гоголя за границей, увлеченіи имъ Италіей и Римомъ, объ отношеніи его къ католицизму, повышеніи религіозности вслѣдствіе подъема вдохновенія и болѣзни, о впечатлѣніи, какое произвела на него смерть Пушкина; затѣмъ излагается исторія болѣзни Гоголя и отмѣчается усиленіе врожденныхъ его таланту настроеній.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 9.

Д. Багалѣй.—А. М. Лазаревскій. (Некрологъ, стр. 14—30). Не останавливаясь на характеристикѣ личности покойнаго историка, его общественныхъ взглядовъ и симпатій и его служебной дѣятельности, авторъ дѣлаетъ обстоятельную оцѣнку научной дѣятельности А. М. Лазаревскаго и его громадныхъ заслугъ въ наукѣ русской исторіи вообще, а украинской въ особенности, благодаря которымъ онъ, не занимая кафедры, не имѣя возможности всецѣло отдаться научному труду, занимая должности, не имѣвшія никакого отношенія къ педагогической дѣятельности, тѣмъ не менѣе создалъ школу молодыхъ историковъ лѣвобережной Украины. Открывая для науки новые источники, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ цѣлую область нашего историческаго прошлаго со стороны его внутренняго быта и строя.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9.

М. А. Стельмашенко.—Политическая дѣятельность Петра Скарги. (Стр. 1—80). Названное изслѣдованіе представляетъ собою студенческую работу, удостоенную факультетомъ золотой медали. И личность П. Скарги, и его эпоха достаточно разработаны польскими и нашими учеными, и авторъ изслѣдованія новыхъ фактовъ не даетъ. По его собственному заявленію для него «важно не столько изложеніе, сколько проникновеніе въ дѣйствительное положеніе событій и лицъ, вошедшихъ въ сферу политическаго вліянія Скарги», иными словами—авторъ полагаетъ свою задачу въ освѣщеніи эпохи. Но взятая на себя авторомъ задача меньше всего удается ему: тамъ, гдѣ онъ не расходится съ перечисленными въ предисловіи пособіями, на основаніи которыхъ изслѣдованіе написано, съ авторомъ можно соглашаться, тамъ же, гдѣ онъ дѣлаетъ попытки говорить отъ себя, получается совершенно иное: авторъ обнаруживаетъ полную неспособность къ самостоятельному логическому мышленію. Для образчика приводимъ одинъ-два примѣра. Давъ краткій обзоръ (въ Ш гл.) реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, авторъ говоритъ: «протестантство расширило права шляхты надъ крестьянскимъ сословіемъ до невѣроятнаго произвола, всякій шляхтичъ могъ силой навязать своимъ подданнымъ ту вѣру, какую угодно ему избрать» (стр. 36). При чемъ здѣсь протестантство? А поляки-католики развѣ не могли навязывать подвластнымъ имъ крестьянамъ вѣры? Далѣе, черезъ нѣсколько строкъ, авторъ относитъ на счетъ протестанства и выработку новаго (?) политическаго строя въ Польшѣ. Кромѣ того, авторъ удивительно умѣетъ противорѣчить себѣ. Такъ, въ гл. VII онъ, говоря о положеніи православной церкви въ кн. Литовскомъ, торжественно заявляетъ: «она (православная вѣра) укрѣпилась здѣсь глубоко и прочно, покоривъ себѣ духъ народа и обнявъ всѣ стороны его политической и бытовой жизни», а ровно черезъ пять строкъ пишетъ: «съ какимъ успѣхомъ подвигалось впередъ распространеніе латинской вѣры въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, можно видѣть изъ тѣхъ данныхъ, какія указываютъ на время открытія здѣсь костеловъ и латинскихъ епархій» (слѣдуютъ факты).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» напечатанъ «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію (стр. 83—135) проф. Т. Флоринскаго.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 4 и 5.

Проф. И. Филевичъ.—Изъ исторіи Карпатской Руси. (№ 4, стр. 1—47). Авторъ даетъ краткій очеркъ жизни галицкихъ русиновъ съ 1772 г., когда Галиція, по раздѣлѣ Польши, вошла въ составъ Австріи. Въ свой пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ г. Филевичъ вноситъ большую путаницу тенденціоннымъ употребленіемъ терминовъ: «русскій языкъ», «русская народность», «русскіе стихи», проповѣдь «на русскомъ языкѣ» и т. п., разсчитанную, очевидно, на недостаточную освѣдомленность читателя, незнакомаго съ тѣмъ значеніемъ, какое этимъ терминамъ придаютъ сами галичане. Несмотря, однако, на такую тенденцію г. Филевича, словно по пословицѣ «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», иногда противъ его воли проскальзываютъ крупицы истины, могущія внимательнаго читателя навести на мысль, что «здѣсь что-то неладно». Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Сказавъ о пробужденіи національнаго самосознанія среди галицкихъ русиновъ въ 30-хъ годахъ, о дѣятельности «русской тройцы» (Шашкевича, Вагилевича и Головацкаго), объ изданіи ими извѣстнаго сборника «Русалка Днѣстровая», г. Филевичъ проговаривается, что въ основѣ этого пробужденія «лежало непосредственное вліяніе *живой народной стихіи*» (стр. 42, курсивъ нашъ). Затѣмъ, признавая, что это пробужденіе самосознанія «не было такимъ незначительнымъ, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ», и подтверждая свою мысль ссылкой на Заневича, который говоритъ, что мы знаемъ объ этомъ оживленіи далеко не все, такъ какъ «отъ времени до времени обнаруживаются новыя указанія, что тотъ или другой сверстникъ Шашкевича дѣлалъ то-то и то, или среди стараго хлама, на поповскомъ чердакѣ окажется какая-нибудь, не совсѣмъ еще изодранная рукопись, доказывающая, что авторъ ея, въ молодые годы не былъ чуждъ мыслей о народномъ благѣ и желанія служить ему», г. Филевичъ сообщаетъ (по Огоновскому) читателю, что въ послѣдніе годы жизни, несмотря на неблагопріятныя условія, Шашкевичъ знакомится съ «Думками» Метлинскаго, (1839), съ «Ластовкой» Гребинки (1841) и даже «Кобзаремъ» Шевченка (1840). Свое сообщеніе г. Ф. заключаетъ такой фразой: «вскорѣ затѣмъ *благотворныя* (курс. нашъ) связи Галичины съ Россіей почти совсѣмъ прекращаются до 60-хъ годовъ (стр. 42—43). Разъ въ основѣ національнаго пробужденія галицкихъ русиновъ «лежала живая народная стихія» и разъ это движеніе было «не такимъ незначительнымъ, какъ это кажется на первый взглядъ», то о «рус-

скости» въ томъ значеніи и смыслѣ, въ какомъ ее, если не ошибаемся, понимаетъ г. Филевичъ, очевидно не можетъ быть и рѣчи.

Проф. И. Филевичъ.—Вопросъ о «двухъ русскихъ народностяхъ» и «Кіевская Старина», (№ 5, стр. 1—45). Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ былъ напечатанъ критическій отзывъ о статьѣ проф. Филевича «По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей» и промаховъ, допущенныхъ г. Филевичемъ въ своей статьѣ. Отвѣчая на замѣтку нашего рецензента г. Филевичъ написалъ цѣлую полемическую статью подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, на которой мы теперь не останавливаемся, такъ какъ о ней рѣчь будетъ у насъ особо.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета, № 7—8.

Н. Ѳирсовъ.—Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ ко внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе Екатерины II-й (стр. 1—207). Въ статьѣ встрѣчаются свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ въ Малороссію и изъ нея.

Русская Мысль, № 10.

Л. Старицкая-Черняховская. Новинки украинской поэзіи (стр. 44—72). Сдѣлавъ краткое предисловіе, въ которомъ указано характерное отличіе украинской поэзіи, глубоко-національной по своимъ формамъ и въ то же время чуждой узкихъ національныхъ интересовъ, благодаря чему идеалами ея являются свобода, равенство и братство каждаго народа и каждой личности,—авторъ обращается къ характеристикѣ трехъ современныхъ намъ поэтовъ, г. Леси Украинки, Крымскаго и г. Стешенка. Нельзя не пожалѣть, что въ приводимыхъ въ статьѣ образчикахъ стихотвореній названныхъ поэтовъ встрѣчаются очень досадныя опечатки, благодаря тому, что для редакціи московскаго журнала языкъ украинскій оказывается мало понятнымъ.

Х. И. Двѣнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. (стр. 140—152). Сначала разсказана вкратцѣ исторія отсрочки на много лѣтъ избранія Харкова мѣстомъ для съѣзда, о чемъ разговоры начались еще въ 1884 году. Затѣмъ дается характеристика съѣзда, въ общемъ, какъ слѣдовало ожидать, носившаго характеръ *областного,*

харьковскаго, т. к. видна была программа, опредѣленный планъ въ рефератахъ мѣстныхъ изслѣдователей; что же касается пріѣзжихъ ученыхъ, то ихъ рефераты отличались случайностью, безсистемностью и пестротой, а иногда и своей легковѣсностью. Въ заключеніе авторъ статьи останавливается на нѣсколькихъ рефератахъ, которые, по его мнѣнію, можно признать содержательными и интересными.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 8 и 9.

С. И. Лисенко.—Кустарный съѣздъ въ Полтавѣ осенью 1901 г. (№ 8, стр. 84—133). Данъ подробный обзоръ дѣятельности съѣзда съ прибавленіемъ постановленій, состоявшихся на немъ.

Н. Василенко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 г. (Продолженіе, № 8, стр. 97—128, № 9, стр. 129—160.

Литературно-Науковий Вістник, кн. X.

Із поезий М. Старицького: I) На рідним попелищі. II) Борвій. III і IV.—Народна школа, оповідане В. Кравченка.—Невдала проба. Листи до приятельки, переписав Ів. Франчук.—Віліям Раткліф, трагедія въ чотирьох сценах Генриха Гайне. Переклад М. Славінського.—Вандейці, історичні нариси Шарля Фолеі: I. Закладниця. II. Жобен. Перекл. I. Франка.—Украінське письменство 1866—1873 р.р. Недрукована праця М. Драгоманова.—Раси Европи і іх історичні взаємини, В. Олехновича. III. Загальний результат розслідів над передісторичними расами в Европі.—Рудольф Вірхов—громадський діяч. З поводу його смерти, подав Сергій Павленко.—Наукові листки: X. Що зробити з «академічним фондом?» М. Грушевського. XI—Із Харьківського археольогичного з'їзду. Зела.—Хроніка і бібліографія.

Wisła, № 5 и 6.

Въ статьѣ «Славяне въ отношеніи расы и ихъ начало» Заборовскаго (стр. 649—657) находятся нѣкоторые цифры и выводы, касающіеся отношеній короткоголоваго и длинноголоваго типовъ у украинцевъ и сравненіе этихъ данныхъ съ поляками въ этомъ отношеніи.

Въ отдѣлѣ «Обозрѣніе журналовъ» есть упоминаніе объ интересной статьѣ Józefa Sznajdra: „Z kraju huculów“ („Lud“—organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. t. VI и VII).—въ которой, по словамъ «Wisły», находится обильный матеріалъ этнографическій, обнимающій собой: народную медицину, вѣрованія, заклинанія, пословицы, присловья, загадки, пѣсни и т. д., между прочимъ тутъ молитвы давнихъ временъ, живущія до сихъ поръ въ устахъ Гуцуловъ. (Начало изслѣдованія въ т. V).

Въ томъ же журналѣ («Lud») въ статьѣ Jana Jakóbca „Przyczynek do oznaczenia granicy Lachów“ интересны подробности національныхъ воззрѣній Слатвинянъ (въ пов. Живецкомъ), которые различаютъ «Ślezioków», «Słowików», «*Ruśniaków*»; «Lachów».

Въ концѣ даннаго номера «Wisły» помѣщено нѣсколько интересныхъ иллюстрацій мѣста Дрогобыча въ восточной Галиціи: типъ «діда» (нищаго), колокольня церкви, сама древняя церковь (существующая около 400 лѣтъ и перенесенная изъ подъ *Кіева*), сторона и ганки той же церкви и, наконецъ, старая ратуша.

Przewodnik naukowy i literacki. Leszyt IX. Wrzesień. Leszyt X. Październik.

«*Korespondencya Józefa Bogdana Zaleskiego*» (кн. IX стр. 787—815 и кн. X стр. 883—918) принесла намъ нѣсколько интересныхъ подробностей касательно празднованія въ Галичинѣ 300-лѣтія Люблинской уніи, къ участію въ которомъ привлекались и русины: «съѣздъ имѣетъ произойти во Львовѣ, чтобы легче притянуть русиновъ къ новой уніи, русиновъ *доброй вѣры*, потому что святоюрцы хотятъ Москвы и Православія».

Далѣе, послѣ довольно подробнаго описанія торжествъ, происходившихъ по случаю юбилея въ Парижѣ, мы находимъ нѣсколько упоминаній о судьбѣ Zmartwychwstańców. Авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхи ордена по дѣлу перевода въ его руки семинарій, упоминаетъ о какомъ-то объясненіи przełożonego o. Kajsicwiecza, и въ концѣ концовъ сожалѣетъ, что «Голуховскій не намѣстникомъ, потому что онъ сочувствовалъ отцамъ и умѣлъ бы защитить ихъ отъ численныхъ враговъ». Кромѣ нѣсколькихъ краткихъ упоминаній о Галицкихъ дѣлахъ, довольно много мѣста посвящено обсужденію цѣли основанія новой католической газеты во Львовѣ ксендзомъ Креховецкимъ,

для котораго Zaleski подыскивалъ сотрудниковъ. Въ письмѣ къ доктору Михаловскому Zaleski объясняетъ значеніе украинскаго слова *безталанный.* Для выясненія національныхъ взглядовъ Zaleskiego характерно слѣдующее мѣсто: «Poznańskie, *Lwów* i różne miasta *poskie* wysyłają deputacye do Krakowa itp».

Въ продолженіи изслѣдованія Казимира Пуласкаго «Stany osady w ziemi Kamienieckiej i olziedziczacze na nich rady podolskiéj szlachty historycznej» находимъ упоминаніе о родахъ Папезкихъ, Вильковскихъ, Хмелецкихъ, Теморузовъ, Гербуртовъ и Потоцкихъ и о судьбахъ ихъ владѣній на Подоліи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

По поводу напечатанной въ № 172 «С-Петерб. Вѣд.» замѣтки г. L. подъ заглавіемъ «Юбилейные диссонансы», своевременно отмѣченной и нашимъ журналомъ, на страницахъ «Новаго Вр.» (№ 9496) появилась статья нѣкоего г. Драганова, въ которой онъ отрицаетъ фактическую правильность собщенія г. L. о томъ, что украинскіе переводы сочиненій Пушкина и Гоголя не могли появиться въ печати по цензурнымъ условіямъ. Онъ прямо ставитъ г. L. вопросъ: «Нельзя ли было бы при этомъ г-ну L. подѣлиться съ своими читателями свѣдѣніемъ о томъ, кто именно авторъ, переводчикъ и издатель этого злополучнаго перевода и что новаго или стараго на малорусскомъ нарѣчіи представлено было въ цензуру для напечатанія»? И не ожидая отвѣта отъ г. L. на заданный вопросъ, пробѣгаетъ къ безцеремонному извѣту, заявляя, что слухъ относительно злоключеній съ переводами Пушкина на украинскій языкъ пущенъ галицкими украинофилами, которые, обѣщавъ «въ изобличеніе Россіи», напечататать эти переводы за границей, не исполнили обѣщанія, очевидно, за отсутствіемъ самихъ переводовъ. Что же касается переводовъ изъ Гоголя, то г. Драгановъ говоритъ: «Гоголь никогда не былъ и не можетъ быть именно теперь предметомъ запрета въ Россіи, хотя бы и на малорусскомъ нарѣчіи, которымъ хотятъ какъ-бы запугать кого-то (?!).

На эту наглую выходку нововременскаго «молодца» г. L. отвѣтилъ на страницахъ «С-Петерб. Вѣд.», (№ 272) пространной статьей подъ заглавіемъ «Юбилейная какофонія», въ которой онъ фактами доказываетъ съ одной стороны лживость заявленій г. Драганова, а съ

другой—полное его невѣжество въ той сферѣ, въ которой онъ мнитъ себя спеціалистомъ, именно въ сферѣ библіографіи «инознычныхъ» переводовъ сочиненій Пушкина и Гоголя.

Въ журналѣ «Народное Хозяйство» (№ 6) напечатана статья Л. С. Личкова «Къ исторіи колонизаціи Кавказскаго Черноморья», въ которой сообщаются, между прочимъ, свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ заселенія Черноморья кубанскими казаками, объ исторіи станицъ Шансунскаго берегового баталіона, о результатахъ колонизаціи края по законамъ 1836 и 1870 г.г. и причинахъ неудачъ ея; затѣмъ излагается исторія образованія частной земельной собственности, ея значеніи и роли въ дѣлѣ колонизаціи края, говорится о значеніи уроковъ исторіи и вліяніи ихъ на нынѣшнюю колонизаціонную политику; наконецъ, сообщаются данныя по колонизаціи Черноморья въ настоящее время и о задачахъ будущаго.

Въ послѣднее время въ западно-европейскомъ обществѣ обнаруживается довольно живой интересъ къ украинской литературѣ, выразившійся въ цѣломъ рядѣ переводовъ произведеній нашихъ выдающихся беллетристовъ на языки: нѣмецкій, польскій, чешскій и др. Такъ пражская газета «Politik» (№ 191) въ фельетонѣ напечатала переводъ разсказа В. Стефаныка «Злодій». (Der Dieb von Vasyl Stefanyk. Autorisirte Übersetzung aus dem ruthenischen von Clemens Funkenstein). Къ переводу предпослано небольшое предисловіе, въ которомъ говорится что уже первый сборникъ этюдовъ В. Стефаныка (Сина книжечка) обратилъ на себя большое вниманіе широкихъ круговъ реальной правдой, блескомъ и силой произведеній.

Словинскій органъ «Gorica» (№ 52) напечаталъ переводъ разсказа Марка Вовчка «Чары» (Cari, malorusko spisal M. Vovčok, poslovenil J. Cvetko).

Чешскія «Besedy Času» (№ 34) вмѣстѣ съ статьей о Т. Шевченкѣ даютъ переводъ пяти стихотвореній изъ «Кобзаря» 1) Proč zelene zčernalo jsi pole země naši? 2) Večer. 3) Zapada slunce, černaji hory. 4) basně: Jvan Podkova и 5) Dumy moje. Въ № 35 тѣхъ же «Bes Č.» помѣщенъ переводъ новеллы В. Стефаныка «Палій.

«Slovanský Přehlend» (№ 7) напечаталъ переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Б. Лепкого.

Словинскій «Mir» напечаталъ переводъ разсказа Марка Вовчка «Козачка»--Sluznja. Malorusko spisal M. Vovčok, poslovenil G.

«Svetilnik», также словинская газета, помѣстила переводъ разсказа М. Вовчка «Девьять бративъ»—«Devet bratov, deseta sestrica Galja», provela Tatjana: («Літер.-Наук. В.»,) (кн. 7—9, 1902).

По сообщенію польскаго журнала «Chimera» на польскій языкъ переведены слѣдующіе разсказы В.Стефаника: «Смерть», «Сумерки», «Дорога» и «Вістники».

Кромѣ того, въ многочисленныхъ изданіяхъ западно-славянскихъ появился цѣлый рядъ статей, посвященныхъ литературѣ, исторіи и современному быту Украины угорской галицкой и русской. Таковы статьи: въ чешскомъ «Čas'ѣ» «Z uherské Rusi», въ «Besedy Lidu»-«Taras Ševčenko», въ «Illustrovany Svět» также о Т. Шевченкѣ, въ «Žensky obsor»—«Současné spisovatelky ukrajinsko-rusinske; въ хорватскомъ органѣ «Vienac»—«Ogled najnovije maloruske književnosti». (Обзоръ украинской литературы за 1901 г.).

«Slovansky Přehlend» (№ 10) напечаталъ «Podivne položeni haličskych Rusinu», въ которой говоритъ о народной торговлѣ и просвѣщеніи. «Samostatnost» далъ статью «Rusinske strany politicke; статьи о русинахъ также напечатаны въ «Plzenske listy», Hlas Naroda», «Almanach Slavie» и мн. др.

Въ № 215 газеты «Волынь» напечатана весьма сочувственная библіографическая замѣтка г. Ков.-Кол. о «Драмахъ и комедіяхъ» г. Б. Гринченка.

Какъ исчезаютъ русскія древности. Подъ такимъ заглавіемъ въ № 239 «Бирж. Вѣд.» напечатана статья А. Карелина, вызванная постановленіемъ археологическаго съѣзда въ Харьковѣ ходатайствовать передъ правительствомъ о запрещеніи вывоза за границу русскихъ древностей. Признавая вполнѣ необходимость такой мѣры, г. Карелинъ обращаетъ вниманіе общества на истребленіе предметовъ старины офенями, торгующими спеціально древностями. Они скупаютъ и вымѣниваютъ вещи, ткани, иконы и т. п., и по своему классифицируютъ находки. Все, что недостаточно хорошо сохранилось, въ ихъ глазахъ не имѣетъ цѣнности; тѣ предметы, которые содержатъ драгоцѣнные

металлы, эти скупщики безжалостно, варварски жгутъ. «Выжига»—драгоцѣнный металлъ, смѣсь серебра и золота,—продается. Доходно, просто, но ужасно! Трудно себѣ представить, сколько этими вандалами сожжено русскихъ древностей, невозможно подсчитать, сколько потеряли наука, искусства и археологія различныхъ единичныхъ типовъ древнихъ предметовъ. Но колоссальна и цыфра дѣйствительной денежной потери самихъ невѣжественныхъ офень, происшедшая отъ такой нелѣпой, но подчасъ для нихъ необходимой операціи. Этотъ способъ реализаціи древностей широко практикуется съ ворованными и церковными преметами.

Древнія металлическія серебряныя и золотыя вещи постоянно, и въ наши дни, отдаются какъ матеріалъ для новыхъ вещей. Намъ извѣстенъ недавній случай, когда одинъ изъ центральныхъ монастырей отдалъ кузнецу старинное паникадило въ ломъ, чтобы вырученной суммой увеличить имѣвшіяся деньги для покупки новой люстры. Кузнецъ продалъ паникадило за пустяки, не справившись о качествѣ матеріала. Паникадило оказалось жалованное Годуновымъ и... серебряное. Такихъ случаевъ очевиднаго невѣжества—множество.

Что касается старинныхъ тканей, драгоцѣнныхъ самоцвѣтовъ и жемчуговъ, то главнымъ покупателемъ ихъ являются наши восточныя окраины: Хива, Бухара, Персія. По словамъ г. Карелина скупщики разъѣзжаютъ круглый годъ, собирая за безцѣнокъ древнія ткани для туземныхъ представительницъ прекраснаго пола. Даже огромное число индійскихъ шалей ушло обратно такимъ же путемъ на востокъ, не говоря о главныхъ лакомыхъ кускахъ: старыхъ парчахъ, дородорахъ, оксамитахъ, шелковыхъ тканяхъ и тому подобныхъ остаткахъ костюмовъ старой и выживающей Руси. Несмѣтное количество поднизей, сѣтокъ, закрывающихъ волосы, прикрѣпляемыхъ къ женскимъ головнымъ уборамъ,—ризъ, серегъ, монистъ, ожерелій,—распускается просто на жемчугъ. Кучи такихъ кастрированныхъ перловъ можно видѣть въ лавкахъ на нижегородской ярмаркѣ. Невѣжество въ этомъ направленіи доходитъ до такой степени, что на-дняхъ на томъ же всероссійскомъ торжищѣ проданъ *какъ бракъ* розовый жемчугъ, распущенный изъ какихъ-то древнихъ предметовъ. Намъ приходилось наталкиваться на ларцы неграненыхъ, невысокаго качества драгоцѣнныхъ камней: сапфировъ, изумрудовъ и рубиновъ овальной формы, размѣровъ съ миндалину. Это части распоротыхъ древнихъ кокошниковъ, ожерелій, церковныхъ и иконныхъ ризъ.

Исконнымъ врагомъ произведеній стариннаго искусства въ области драгоцѣнной иконографіи является реставраторъ. Перепачкано сплошь, вдоль и поперекъ, говоритъ г. К—нъ, произведеній нашего древняго художества великое множество. До какой степени изуродовано огромное большинство нашихъ цѣнныхъ иконъ, можно судить по вышедшей на дняхъ брошюрѣ москвича А. И. Успѣнскаго: «Пять вновь открытыхъ иконъ кисти Симона Ушакова». «Заканчивая описаніе иконъ,—пишетъ археологъ,—нельзя не выразить глубокаго сожаленія, что эти иконы—и особенно надписи на нихъ—такъ искажены, изуродованы послѣднею реставраціею... вмѣсто словъ: «Петръ пресвитеръ и игуменъ» читаемъ: «Петротинотеръ и иганенъ», вмѣсто «почитаемъ» читаемъ—«помираемъ», вмѣсто «чрезъ»—«чріа» и т. д., и т. д.». Съ своей стороны, мы замѣтимъ, что иконопись изуродована едва-ли не хуже текста.

Въ заключеніе г. К. требуетъ энергичной борьбы съ перечисленными врагами старины.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бучневичъ В. Е.—Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Изд. 2-е исправл. и дополненное. 449 стр. съ видами Полтавы и планомъ Полтав. битвы. Ц. 1 р. 25. Полтава. 1902.

Барвинокъ Г.—Оповидання зъ народнихъ устъ. К. 1902. Ц. 1 руб. 75 коп.

Boguslawski Ed. i Osterloff W Methode und Hilfsmittel der Erforschung der vorhistorischen Zeit in der Vergangenheit der Slawen. Berlin, 1902, стр. 144.

Василенко В.—Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по полтавской губ. (Кустарные промыслы, сельское хозяйство и земледѣліе; народныя поговорки и изреченія. Харьковъ. 1902 г.

Его-же.—Метереологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ съ программою для собиранія матеріаловъ. Полтава. 1902 г.

Zaborowski Z. Crânesanciens et modernes de la Russie méridionale et du Caucase. Extrait des bulletins et memoires de la Société d'Antropologie. Paris. 1901, 641—647 стр.

Квитка-Основьяненко.—Шельменко деньщикъ. Комедія въ 5 д. К. 1902. Ц. 20 к.

Его же—Шельменко волостной писарь. Комедія въ 3 д. К. 1902. Ц. 15 коп.

Его же. Щыра любовь. Драма въ 5 д. К. 1902 г. Ц. 15 коп.

Его же. Сватання на Гончаривци. Опера въ 5 д. К. 1902. Ц. 20 к.

Колесса Ф.—Козаки в піснях народних. Хор мужеский. Львів. 1902 ст. 20 in 8⁰ Ц. 80 сот.

Кужела А.—3 коломийки на фортепян. Чернівці 1902. Ст. 9, folio. Ц. 1. 50 kop.

Кобылянська О.—Шименьмана конь. Дунське оповідане. (Перекладъ). Коломыя; 1902.

Казка про жида та инши оповидання въ вѣршѣ. Видавництво часописи «Свобода». Ц. 10 центовъ,

Materialy antropologiczno-archeologiczne, wydawane staraniem Komisyi antropologicznej Akademii Umiętności w Krakowie. T. V. Krakow, 1901, стр. 272.

Меліоранскій П.—Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ». С.-Пт. 1902. Ц. 30. коп.

Пачовськйй В.—Празник. Образок. Коломыя, 1902 ст. 32 in 8⁰.

Старицкіе М. П. и Л. М.—Сотникъ Богданъ Хмельницкій. (Передъ бурей). Историческій романъ. Изд. 2-е К. 1903 г. Ц. 1 р.

Сумцовъ Н. Ѳ.—Очерки народнаго быта. (Изъ этнографической экскурсіи 1901 г. по Ахтырск. у. Харьковской губ.) X. 1902.

Его же.—В. А. Жуковскій и Гоголь. X. 1902.

Украинськи писни зъ нотами. Друга сотня, вып. третій. Зибравъ А. Конощенко. Одесса, 1902. Ц. 30 коп.

Federowski Michal. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materialy do etnografii slowianskiej, zgromadzone w letach 1877—1893. Г. II. część I: baśnie fantastyczno-mitycznie. Kraków 1902, str. 358+XXXII.

Франко І.—Майстер Чирняк. Комедія в одній відслоні. Львів. 1902, ст. 72. Ц. 50 сот.

Folklore dè l'Ukraine. Usages, contes et légendes, chansons, proverbes et jurons. Extrait de Κρυπτάδια, , VIII, Paris, 1902, Welter, éditeur. Weimar, Imprimerie Polyglotte. ст. 303—400.

Яницкій Т.—Утоплений. Оповѣдане зъ народного життя. Коломыя. 1802.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1902 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 ноября 1902 года.

А. А. Навроцкій.[1]

10-го октября 1892-го года въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дагестанской области, умеръ и тамъ-же погребенъ на городскомъ кладбищѣ одинъ изъ дѣятелей украинской литературы, Александръ Александровичъ Навроцкій.

Написалъ Александръ Александровичъ много, но произведенія его по разнымъ обстоятельствамъ, а главное по излишней скромности автора, до сихъ поръ остаются за немногими исклю-

---

[1]) Въ № 10-мъ текущаго года нами помѣщена была маленькая поминка по А. А. Навроцкомъ по поводу десятилѣтія со дня его смерти; въ ней мы имѣли возможность, на основаніи немногихъ фактическихъ данныхъ, указать только на тѣ заслуги, которыя, безспорно, имѣетъ за собой А. А. Навроцкій, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ кружку „кіевскихъ славянистовъ“ 1847 года, и какъ украинскій писатель, произведенія котораго, сохраняющіяся пока въ рукописномъ видѣ, свидѣтельствуютъ о его беззавѣтной любви къ своей Украинѣ и о неустанной его работѣ надъ украинскимъ словомъ. Мы обѣщали читателямъ дать впослѣдствіи болѣе обстоятельную оцѣнку его литературной дѣятельности, когда станутъ намъ доступными всѣ рукописные матеріалы, находящіеся въ пользованіи у А. Н. Шрамченка, любезно доставившаго намъ одну только тетрадь стиховъ покойнаго писателя. Теперь А. Н. Шрамченко прислалъ намъ статью объ А. А. Навроцкомъ, которую мы съ благодарностью помѣщаемъ на страницахъ журнала въ дополненіе къ нашей поминкѣ. *Ред.*

ченіями, въ рукописяхъ [1]). А между тѣмъ одно только простое перечисленіе его работъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, даетъ ему полное право на благодарную память со стороны лицъ, интересующихся украинской литературой. Если произведенія Навроцкаго не блещутъ особымъ талантомъ, если въ нихъ встрѣчается и недостатокъ самостоятельности, живости и поэтическаго творчества, то все же имя Навроцкаго важно для интересующихся роднымъ словомъ, какъ имя человѣка, проникнутаго искреннею любовью къ украинской литературѣ, давшаго образцы прекраснаго языка и затрогивавшаго въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ животрепещущіе вопросы. До конца дней своихъ Навроцкій пламенно любилъ Украину, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ ея обездоленному народу, что и выражается въ его многочисленныхъ стихотвореніяхъ. Судя по его произведеніямъ и по отзыву лица, близко знавшаго Навроцкаго, это былъ одинъ изъ немногихъ людей, которые до конца дней своихъ умѣютъ сохранить юношескую свѣжесть чувства, живое отношеніе къ окружающему.

Немногочисленны и далеко недостаточны біографическія свѣдѣнія о Навроцкомъ. Есть краткія свѣдѣнія о его жизни, полученныя отъ него самого, въ книгѣ Петрова: «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.» К. 1884; сохранился его формулярный списокъ и затѣмъ отрывокъ письма къ неизвѣстной особѣ, имѣющій автобіографическій характеръ. Если къ этому присоединить еще краткія воспоминанія о Навроцкомъ г. Шульгина [2]),

---

1) Совершенно случайно узналъ я о томъ, что рукописи Навроцкаго хранятся въ семьѣ его, обратился съ просьбою къ дочери покойнаго поэта, Елизаветѣ Александровнѣ, и она съ просвѣщенною готовностью прислала мнѣ въ мое распоряженіе всѣ рукописи ея покойнаго отца, вмѣстѣ со спискомъ его формуляра, за что приношу ей искреннюю благодарность.—*А. Ш.*

2) Нынѣ директоръ Тифлисской женской гимназіи. Пользуясь случаемъ, приносимъ ему искреннюю благодарность за любезно сообщенныя воспоминанія.

написанныя имъ по нашей просьбѣ, то это и будетъ все, что даетъ возможность изложить хоть скудную біографію этого симпатичнаго, во всякомъ случаѣ, недюжиннаго человѣка, поработавшаго такъ много и неустанно на нивѣ украинской словесности, и при томъ совершенно безкорыстно, безъ всякой надежды увидѣть свои многочисленныя писанія въ печати, работавшаго только изъ-за пламенной любви къ украинскому слову да изъ-за сознанія, что и его произведенія сослужатъ когда-нибудь службу любимой имъ украинской литературѣ.

Александръ Александровичъ Навроцкій родился 28-го іюля 1823-го года въ селѣ Антиповкѣ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи. Ни о семьѣ[1]) ни о дѣтствѣ Навроцкаго никакихъ свѣдѣній не имѣется. Образованіе онъ получилъ сначала въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ полтавской гимназіи и, наконецъ, въ кіевскомъ университетѣ, который и окончилъ по первому отдѣленію философскаго факультета въ 1847 году со званіемъ дѣйствительнаго студента. Съ самой ранней молодости Навроцкій, по его собственному признанію, имѣлъ наклонность къ рифмоплетству и наклонность эту сохранилъ до конца дней своихъ. Потребность писать была для него потребностью жизни. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ: «писать вслѣдствіе потребности есть величайшее, неизъяснимое наслажденіе: хотя на нѣсколько времени живешь въ мірѣ, самимъ собою созданномъ, въ мірѣ обращенія, проникновенія въ самого себя, въ упованіи, что не пропадутъ ни мысль, ни чувства, заронившіяся въ душу, что ихъ оцѣнятъ и поймутъ, по крайней мѣрѣ, лелѣешь эту грёзу; а сколько счастья приносятъ человѣку однѣ грёзы, безъ нихъ бы, кажется, половина людей бросилась въ воду отъ скуки и томленія жизнію; наконецъ, въ этомъ мірѣ самоуглубленія и добро, и зло являются не какъ факты, потрясающіе душу и раздражающіе сердце своею свѣтлою и темною стороною, а какъ образы, которые спокойно и ясно стали передъ нашими глазами

---

[1]) Въ формулярѣ Навроцкаго значится, что онъ происходилъ изъ дворянъ.

и, такъ сказать, улегшись въ нашемъ самосознаніи, возбуждаютъ дѣятельность мысли, но не раздражаютъ насъ,—словомъ, чувства, волненія и страсти успокоились, не переставая въ то же время живить и двигать душу: бьющая ключомъ дѣйствительность вошла въ должные ей предѣлы, стала тиха, спокойна, пластична, какъ изваяніе».

Будучи отъ природы надѣленнымъ нѣжной и впечатлительной душой, Навроцкій рано началъ жить сердцемъ, рано началъ писать стихи, въ которыхъ воспѣвалъ любовь, но стиховъ этихъ, по природной робости и застѣнчивости, не показывалъ никому и только изрѣдка подавалъ ихъ своему учителю, какъ сочиненія. Жаль, что эти стихи не сохранились и были-ли они писаны на украинскомъ языкѣ или на русскомъ—неизвѣстно. Также ничего неизвѣстно и объ авторствѣ Навроцкаго во время пребыванія въ университетѣ, хотя и сохранились мысли и чувствованія того времени молодого поэта.

«Живя сердцемъ», пишетъ Навроцкій, «я былъ наивно религіозенъ, безотчетно вѣровалъ, тепло и жарко молился; религія и жизнь для меня шли какъ-то разъединенно, я не видѣлъ между ними никакихъ противорѣчій. Надо замѣтить, что молитва никогда не была для меня долгомъ, а всегда вдохновеніемъ, т. е. влеченіемъ сердца, а я молился тогда почти каждый день—и даже часто на свѣжемъ воздухѣ, идя въ университетъ, восхищенный созерцаніемъ кіевской природы и ея необыкновенною ясностью (Кіевъ я и теперь [1]) люблю до безумія), я тепло и усердно молился,—и тогда-то я со всею чистосердечностью восклицалъ:

Молитва—скорбныхъ утѣшенье,
Залогъ небесныхъ вѣчныхъ благъ!
Молись-же съ вѣрой, умиленьемъ,
Пади предъ Господомъ во прахъ!

---

[1]) Этотъ отрывокъ, также какъ и другіе, въ которыхъ Навроцкій излагаетъ свою прошлую жизнь, свои мысли и чувствованія, взятъ изъ неоконченнаго письма къ неизвѣстной особѣ, помѣченнаго нѣсколькими числами іюля, но не имѣющаго года, такъ что неизвѣстно, когда писано это письмо, но во всякомъ случаѣ до женитьбы, т. е. до 1859 года.

То было простодушное, счастливое время приготовленія къ саморазвитію, той порѣ, когда человкѣу нужно уяснить и опредѣлить свою дѣятельность къ себѣ самому, къ другимъ и ко всему его окружающему.

Живя сердцемъ, я развивался и головой, но перевѣсъ былъ на сторонѣ развитія сердца. Съ ранней юности я страстно любилъ читать, я зачитывался по цѣлымъ днямъ, въ то-же время мечтая и лелѣя въ душѣ поэтическіе образы; это не прошло даромъ: оно развило во мнѣ вкусъ и чутье прекраснаго, а еще болѣе развило сердце на счетъ головы. Но я вполнѣ признаю необходимость поэтическаго развитія—ничто такъ не очищаетъ нашей души и всей нашей нравственной природы, какъ поэзія—органъ жизни. Мнѣ всегда не нравились люди, не сочувствующіе поэзіи; мнѣ кажется, что такіе люди не могутъ быть добрыми. Красота не одна только роскошь и услажденіе жизни; она носитъ въ себѣ глубокіе корни добра и истины; безъ нея человѣку было бы неловко въ жизни, чего-то не доставало бы ему.—Но чтеніе легкое не даетъ еще знанія,—я принялся за чтеніе серьезное, философско-историческое; вмѣсто общества сталъ посѣщать студенческія сходки—и тутъ-то открылся передо мною новый, очаровательный міръ, полный жизни и всего, чѣмъ только блещетъ пылкая, прекрасная юность. Я увѣренъ, что еслибы женщина чрезъ щелку посмотрѣла на студенческія сходки, посмотрѣла на эти живыя, энергическія лица, исполненныя ума, веселости, чувства и отваги, шумно бесѣдующія за стаканами вина, подслушала ихъ разговоры, хотя бы то даже не были великолѣпныя мечты и блестящія утопіи, когда всѣ, поднявъ стаканы, въ восторгѣ восклицаютъ: «Тѣснѣй содвинемъ, братья, чаши и нашей дружбой опояшемъ мы всѣ земныя племена» [1]), а просто услышала бы разговоръ хоть напримѣръ о ней самой, то и тогда бы она получила о мущинѣ высшее понятіе, чѣмъ обыкновенно о насъ имѣютъ женщины.—Эти-то сходки, лучше всякихъ книгъ, развили во

[1]) Эту мысль Навроцкій развиваетъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ послѣдующаго времени.

мнѣ всѣ инстинкты добра; бывало, учишься для нихъ и на нихъ. Какъ строго обсуживались, какъ вѣрно понимались всякая новая мысль, всякій свѣтлый поступокъ, чьи бы они ни были,—какъ вѣрилось намъ въ счастливый залогъ будущаго! Увы! Свѣтлыя мечты юности, зачѣмъ вы проходите скоро и не возвращаетесь никогда! На этихъ то сходкахъ я полюбилъ науку, тутъ то заронились въ душу и первые религіозные вопросы и сомнѣнія; настала пора анализа собственнаго существа и всего соприкасающагося съ нимъ. Очень понятна и естественна гордая юношеская мысль: лучше истиной меньше, чѣмъ заблужденіемъ больше. Эта-то мысль дала полетъ и неудержимую стремительность моему уму, поддерживаемымъ товарищами, идущими тѣмъ-же путемъ. Тутъ-то я сблизился съ А. М., мы полюбили другъ друга, по крайней мѣрѣ я ни съ кѣмъ не былъ такъ близокъ, какъ съ нимъ, да еще съ Васей Ч. [1]).—Познакомившись съ міромъ идей, явная вещь, я не могъ ихъ поставить на воздухѣ, внѣ жизни; мало-по-малу возбудились политическіе вопросы; обстоятельства помогли ихъ развитію, а собственный взлядъ на жизнь нашихъ темныхъ братьевъ окончательно утвердилъ ихъ въ умѣ и сердцѣ. Такимъ образомъ наука, жизнь и религія совокупились и своимъ противорѣчіемъ взаимнымъ произвели въ моей головѣ страшный хаосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно наэлектризовали меня».

Къ этому времени относится знакомство Навроцкаго съ тою женщиною, отрывокъ неоконченнаго письма къ которой мы здѣсь и приводимъ, и которой Навроцкій приписывалъ сильное и благодѣтельное вліяніе на весь строй его мыслей и его самоусовершенствованіе. Такимъ образомъ, пребываніе въ университетѣ, по словамъ Навроцкаго, сдѣлало изъ него пылкаго, горячаго пропагандиста добра и движенія впередъ, стремившагося сорвать съ людей кору условныхъ формъ, которыя они приняли за непреложный законъ.

---

[1]) Какіе это товарищи скрыты Навроцкимъ подъ этими иниціалами—неизвѣстно. Одинъ изъ нихъ не Марковичъ-ли Афанасій?

Въ 1847 году Навроцкій окончилъ университетъ, а черезъ нѣкоторое время надъ нимъ разразилась бѣда: онъ былъ арестованъ въ Полтавѣ по дѣлу о прикосновенности къ извѣстному Кирилло-Меѳодіевскому кружку и высланъ въ Петербургъ [1]). Надо полагать, что Навроцкій, будучи еще въ университетѣ, зналъ о существованіи этого кружка, симпатизировалъ его цѣлямъ. Онъ былъ двоюродный братъ Гулака, главнаго дѣятеля кружка, и одно время въ продолженіи года жилъ у него на квартирѣ [2]). Навроцкій, конечно, былъ хорошо знакомъ и съ другими лицами, арестованными одновременно съ нимъ по одному и тому-же дѣлу, какъ-то: Бѣлозерскимъ, Костомаровымъ [3]), Кулишемъ, Шевченкомъ, Андруз-

---

[1]) Объ этомъ см. «Русск. Архивъ», 1892 г., книга 2-я, стр. 335 и слѣдующ.

[2]) Тамъ-же стр. 340. Также „Кіевская Старина" 1900 г. Т. LXVIII, стр. 246.

[3]) О Костомаровѣ Навроцкій началъ было писать свои воспоминанія, но дѣло окончилось тѣмъ, что онъ написалъ только три странички, а такъ какъ въ этихъ страничкахъ заключаются нѣкоторыя біографическія данныя какъ о Костомаровѣ, такъ и о самомъ Навроцкомъ, то я и позволю себѣ привести ихъ здѣсь: «Познакомился я съ Н. И. Костомаровымъ въ 1844 году въ Кіевѣ. Онъ былъ назначенъ учителемъ русской исторіи въ Ровно, но затѣмъ, не прошло и года, какъ переведенъ былъ тоже учителемъ русской исторіи въ 1-ю кіевскую гимназію. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ, больной, остановился въ какой-то гостиницѣ и прислалъ своего человѣка, Ѳому, къ Н. И. Гулаку, съ которымъ я жилъ вмѣстѣ на Кадетской улицѣ, возлѣ валовъ, которые въ то время еще существовали въ Кіевѣ. Н. И. Гулакъ тотчасъ-же отправился къ нему и, какъ теперь помню, привезъ Н. И. закутаннаго въ енотовую шубу, совершенно разслабленнаго. Мы тотчасъ же, съ помощью Ѳомы и нашего человѣка, Алексѣя, уложили Н. И. въ постель. У хозяина нашего дома, Грушевскаго, смежно съ нашей квартирой, были незаняты двѣ комнаты, которыя и занялъ Н. И. Черезъ нѣсколько времени зашипѣлъ на столѣ самоваръ. Н. И. не захотѣлъ пить чай лежа, и, пріободрившись, всталъ и присѣлъ къ намъ ко столу. Я занимался приготовленіемъ чая. Когда я разлилъ чай,

скимъ, Посядой, Марковичемъ и Савичемъ, съ одними непосредственно, съ другими заочно, какъ единомышленникъ.

Нужно замѣтить, что́, будучи увезенъ въ апрѣлѣ 1847 г. въ Петербургъ въ 3-ье отдѣленіе, гдѣ содержался въ особой камерѣ и не разъ подвергался допросамъ и очнымъ ставкамъ, Навроцкій держалъ себя съ неизмѣннымъ достоинствомъ и серьезностью, не впадая въ малодушіе или неумѣстную болтливость, тѣмъ болѣе, что, онъ, видимо, не чувствовалъ за собой никакой вины. Никакіе неожиданные вопросы и сопоставленія случайныхъ показаній и обвиненій не могли вывести его изъ этой позиціи хладнокровнаго спокойствія. Ровный тонъ его отвѣтовъ, рѣшительность его отрицаній и спокойная логика рѣчи видимо не сложили къ нему симпатій со стороны разслѣдователей дѣла, что и отразилось въ

у Н. И. тотчасъ-же показалась на лицѣ его ясная, привѣтливая улыбка. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ чая Н. И. совсѣмъ оживился. Несмотря на видимую блѣдность и усталость въ лицѣ, Н. И. сталъ разговорчивъ. Но разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому. То Н. И. заводилъ рѣчь о ровенской гимназіи и хвалилъ учениковъ и многихъ учителей, то переходилъ къ кіевской гимназіи, куда онъ былъ назначенъ преподавателемъ, то намекалъ на свои будущія занятія, то осторожно выпытывалъ меня»...

На этомъ воспоминанія обрываются.

Навроцкій посвятилъ Костомарову свой переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ и написалъ стихотворенія: „На вичню память Н. И. Костомарову“, въ которомъ восхваляетъ его какъ историка и между прочимъ говоритъ:

«Нема тебе, нашъ правдолюбе!
Застыгло слово на вустахъ...
Нема тебе, всій Руси любый,—
И ты зробывся тлинь и прахъ!..
Нема тебе!.. Ни, ты мижъ намы!..
Жывешъ и жытымешъ во-викъ...
Ты братомъ бувъ и зъ ворогамы,
Бувъ громадянынъ—чоловикъ!»

редакціи доклада о немъ гр. Орлова императору Николаю I. По отзыву докладчика, хотя Навроцкій не принадлежалъ къ украино-славянскому обществу [1]), но сближался съ учредителями его и зналъ о немъ. Между тѣмъ онъ сознался только въ томъ, что читалъ стих. Шевченка «Сонъ», всѣ-же остальныя обвиненія отвергъ.

Въ Петербургѣ дѣло, по которому былъ арестованъ и Навроцкій, рѣшено было довольно быстро: 26 мая 1847 г. начальникъ 3-го отдѣленія гр. А. Ѳ. Орловъ представилъ докладъ свой государю Николаю Павловичу, въ которомъ относительно Навроцкаго было сказано: «дѣйствительнаго студента 12-го класса Навроцкаго, виновнаго не столько по сближенію съ украйнославянистами, сколько по упорству въ несознаніи, выдержать шесть мѣсяцевъ на гауптвахтѣ и потомъ опредѣлить на службу въ одну изъ отдаленныхъ великороссійскихъ губерній, съ учрежденіемъ надъ нимъ строгаго надзора», государь написалъ карандашемъ: «въ Вятку» и судьба Навроцкаго, была рѣшена [2]).

Вотъ что пишетъ самъ Навроцкій о своемъ душевномъ состояніи въ то время: «двухмѣсячное пребываніе мое въ третьемъ отдѣленіи какъ-то усыпило мою натуру; равнодушіе и апатія овладѣли мною; странность моего положенія, томленіе неизвѣстности, недостатокъ воздуха и движенія, отсутствіе всякой живой души—все это не могло не подѣйствовать на меня болѣзненно; страшное нетерпѣніе овладѣло мною; я страшно курилъ и чтеніемъ пустыхъ романовъ сокращалъ время и только свиданіе съ товарищами оживило меня; мнѣ грустно, смѣшно и жалко стало всѣхъ насъ, можетъ быть, и неправыхъ, но не заслужившихъ свиданія съ Д... (убельтомъ?).

Наконецъ, я уѣхалъ въ Вятку. Іюнь, дорога, свѣжесть и благоуханіе полей и лѣсовъ, незнакомая мнѣ сѣверная природа,—

---

[1]) Русскій Архивъ. 1892 г. кн. 2-я, стр. 345.

[2]) Русскій Архивъ, 1892 г. кн. 2-я, стр. 345.

все это показалось мнѣ блаженствомъ послѣ двухмѣсячнаго заточенія; я дышалъ, не надыхаясь воздухомъ; на душѣ такъ стало легко, свободно и просторно, что я мигомъ забылъ и третье отдѣленіе, и ожидающую меня будущность; я весь былъ созерцаніе. Но это не долго продолжалось. Наполнившись чистыми и пріятными впечатлѣніями природы, мнѣ очень естественно было желаніе высказаться особенно послѣ долгаго молчанія въ заточеніи. Въ моихъ провожатыхъ, небесныхъ людяхъ, изъ коихъ одинъ былъ офицеръ, я надѣялся найти собесѣдниковъ себѣ, но увы! я ошибся! Офицеръ мой смотрѣлъ на меня, какъ на политическаго преступника, и отвѣчалъ мнѣ сухими *да*, пока, наконецъ, я не вышелъ изъ себя и не объявилъ ему прямо, что я такой же человѣкъ, какъ и онъ, что мнѣ скучно молчать и что я хочу просто поболтать съ нимъ. Мой офицеръ ободрился и разболтался до-нельзя, такъ что мы скоро сошлись и не знаю за что, но онъ даже полюбилъ меня. Странно, прощаясь со мною въ Вяткѣ, онъ плакалъ, какъ ребенокъ, просилъ обо мнѣ жандармскаго полковника и губернатора. Эта безкорыстная и внезапная привязанность его ко мнѣ не могла не тронуть меня. Я сохранилъ въ душѣ моей самое свѣтлое воспоминаніе о немъ.

Губернаторъ вятскій принялъ меня такъ, какъ никогда я не ожидалъ: со всею деликатностью самаго нѣжнаго участія. Немного такихъ людей встрѣчалъ я въ жизни! Прямой, благородный, открытый и по внутреннимъ достоинствамъ и даже по самой внѣшности, это былъ рыцарь правды, добра и собственнаго долга. Для него ничего не было унизительнаго, что было честно, а главное, онъ былъ строгъ болѣе къ самому себѣ, нежели къ другимъ—качество немногихъ.

Вниманіе этого человѣка ко мнѣ, когда я былъ въ тюрьмѣ, было безпредѣльно. Онъ навѣщалъ меня довольно часто; долго разговаривалъ со мною о многомъ, чтобы развлечь меня; самъ присылалъ мнѣ книги, присылалъ даже молодыхъ людей для

развлеченія меня,—словомъ заботился обо мнѣ, какъ самый нѣжный и попечительный отецъ [1]).

По выходѣ изъ тюрьмы, я пробылъ въ Вяткѣ два мѣсяца, и онъ публично выставлялъ меня въ примѣръ всѣмъ молодымъ людямъ. Правда, я держалъ себя гордо, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, но скромно, деликатно, безъ фанфаронства, безъ претензій».

Съ ужасомъ вспоминаетъ Навроцкій свое пребываніе въ тюрьмѣ, несмотря на всю ласковость со стороны губернатора.

«Я впалъ въ такое состояніе нравственнаго безчувствія», продолжаетъ онъ, «словно я сдѣлался идіотомъ. Какъ вдругъ неожиданное обстоятельство возвращаетъ меня къ жизни. Сенаторъ Плисовъ, ревизовавшій вятскую губернію, посѣщаетъ меня. Трудно высказать то, что было между нами. Этотъ благодушный старикъ былъ не участіе, а весь любовь: то прощался, то снова возвращался ко мнѣ, чтобы передать недосказанное имъ. Мнѣ глубоко памятны его послѣднія слова, прерываемыя слезами, которыхъ онъ не скрывалъ: «Умоляю васъ, напишите къ вашимъ роднымъ, утѣшьте ихъ». Мнѣ стало легко, но скука одиночества снова овладѣла мною; нервическое нетерпѣніе мучило меня день и ночь; я доходилъ до отчаянія. Тоска по родинѣ, воспоминанія о прежней жизни и безнадежность довели меня до того, что я предложилъ себѣ вопросъ: зачѣмъ мнѣ жить? и чуть было не дошелъ до самоубійства».

Въ это время Навроцкій заболѣлъ, и его перевели въ больницу, находившуюся при богоугодномъ заведеніи. Оправившись, Навроцкій сталъ наблюдать за жизнью душевно-больныхъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, полувыздоровѣвшимъ, позволялось гулять въ саду, и тутъ-то Навроцкій слушалъ ихъ бесѣды, самъ вступалъ съ ними въ разговоръ и даже умѣлъ привязаться къ какому-то дурачку 20-тилѣтнему парню, Ванѣ, въ которомъ старался найти

---

[1]) Фамилія этого замѣчательнаго губернатора—Середа. Самъ Навроцкій фамиліи его не называетъ. См. книгу Петрова: «Очерки украинской литературы XIX ст.», стр. 258.

проблески ума и къ своему удовольствію находилъ ихъ. По выздоровленіи Навроцкаго опять перевели въ тюрьму.

«И вотъ я снова въ тюрьмѣ», пишетъ онъ, «но, за неимѣніемъ мѣста въ замкѣ, меня помѣстили въ особомъ помѣщеніи. Вообще, всякая новая перемѣна мѣста жительства производитъ на меня какое-то неловко-непріятное впечатлѣніе. Я удивительно какъ сживаюсь съ мѣстомъ, съ извѣстной обстановкой; даже во всякойквартирѣ моей есть уголокъ, который я предпочитаю другимъ;тѣмъ болѣе мнѣ жаль было разстаться съ моей комнатой въ больницѣ, съ садомъ, съ Ваней. Новое мѣсто, одиночество и ужъ не такая свобода и просторъ опять болѣзненно подѣйствовали на меня. Я, чтобы какъ-нибудь утишить боль сердца, сталъ жадно читать. Тутъ, къ счастью, попались мнѣ превосходныя историческія сочиненія. Чтеніе ихъ доставило мнѣ много пользы; я невольно перенесся изъ грустной дѣйствительности на сцену исторической жизни».

Тогда же Навроцкій получилъ первыя письма отъ матери и отъ (неизвѣстныхъ лицъ) А. В. и У. Д. К. Отвѣты на нихъ доставили много утѣшенія узнику: было передъ кѣмъ свободно высказаться, излить свою душу. Большое развлеченіе доставлялъ Навроцкому тюремный священникъ, который, во время своихъ посѣщеній заключеннаго, своими простыми и искренними бесѣдами умѣлъ отвлекать его отъ мрачныхъ думъ и мыслей. Отъ времени пребыванія Навроцкаго въ тюрьмѣ въ Вяткѣ сохранилось нѣсколько стихотвореній (въ томъ числѣ и посланіе къ священнику), написанныхъ па русскомъ языкѣ и обрисовывающихъ душевное состояніе поэта. Сохранилось также коротенькое стихотвореніе, написанное на украинскомъ языкѣ.

«Идя crescendo», пишетъ Навроцкій, «въ развитіи моихъ думъ и грезъ, я доходилъ даже до невѣрія въ возможность всякаго добра на землѣ, терялъ вѣру въ благородныя и чистыя побужденія и въ себѣ, и въ другихъ, считая землю адскою пропастью зла и преступленій. Вотъ этотъ мотивъ помраченной души:

Зирочка ясна сяе на неби,
Свитомъ тоненькымъ грае, блыщыть.

То замарніе, тó мовъ дивчына
Гляне очыма—такъ загорыть,
Ясная зирко—Божее око,
Зъ неба блакытного глянь, подывысь,
Глянь ты на землю, въ пропасть глыбоку,
Божіимъ свитомъ, зирко. займысь:
Бо тутъ давно вже ёго немае,
Зло тутъ, якъ гадына злая кышыть,
Ворономъ чорнымъ всюды литае,
И якъ прожора йисты крычыть».

Наконецъ настала для узника свобода. Онъ отсидѣлъ положенное для него время и выпущенъ былъ изъ тюрьмы [1]).

16-го февраля 1848 года Навроцкій опредѣленъ былъ на службу въ штатъ елабужскаго земскаго суда, вятской губерніи, и 11-го іюля того же года высочайшимъ приказомъ утвержденъ въ службѣ съ чиномъ губернскаго секретаря. Дальнѣйшее движеніе Навроцкаго на службѣ выразилось въ слѣдующемъ: 18-го марта 1850 года онъ былъ перемѣщенъ въ курскую губернскую строительную и дорожную коммиссію канцелярскимъ чиновникомъ; 2-го іюня 1850 года былъ назначенъ смотрителемъ губернской типографіи въ Курскѣ же. Въ 1853 году 15-го ноября Навроцкій былъ перемѣщенъ на службу въ Петербургъ въ департаментъ искусственныхъ (sic!) дѣлъ старшимъ помощникомъ столоначальника. Затѣмъ, согласно прошенію, былъ вызванъ на службу въ Закавказскій край и опредѣленъ помощникомъ чиновника для производства гражданскихъ дѣлъ при командующемъ войсками и управляющимъ гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ 17 февраля 1858 года и по случаю преобразованія Прикаспійскаго края въ Дагестанскую область назначенъ на должность младшаго чиновника особыхъ порученій при Дагестанскомъ губер-

---

[1]) На этомъ оканчиваются автобіографическія данныя Навроцкаго, изложенныя въ вышеупомянутомъ отрывкѣ письма къ неизвѣстной особѣ.

наторѣ 1-го іюня 1860 года, а затѣмъ и старшаго чиновника въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ. 1-го мая 1869 года Навроцкій былъ допущенъ къ исправленію должности помощника правителя канцеляріи начальника Дагестанской области, а 22-го апрѣля 1870 г. былъ назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ г. Эривань, въ каковой должности и служилъ до выхода въ отставку 29-го іюля 1884 года въ чинѣ статскаго совѣтника.

Изъ этого краткаго перечня служебной дѣятельности Навроцкаго видно, что онъ большую часть своей службы провелъ на Кавказѣ. На Кавказѣ же, въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Навроцкій и женился 36 лѣтъ на Аннѣ Адольфовнѣ Михайловской и имѣлъ семью. О жизни его въ Эривани мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія. «Въ 1882 году», пишетъ г. Шульгинъ, «Навроцкому было лѣтъ за 60, но на видъ онъ казался моложе своихъ лѣтъ, душой же это былъ юноша, исполненный свѣтлыхъ порывовъ и надеждъ, не желавшій видѣть житейской грязи, игнорировавшій мелочи ея и возносившійся мечтами въ романтическую даль. По складу своего міросозерцанія это былъ, дѣйствительно, романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: «всегда восторженная рѣчь» (вотъ только «кудри» давно уже были потеряны), любовь къ Украинѣ и ея народу и творчеству, благоговѣйное обожаніе «батька Тараса», преклоненіе предъ Костомаровымъ.—Въ то время Александръ Александровичъ былъ занятъ переводомъ, если не ошибаюсь, съ французскаго оригинала, «Одиссеи» Гомера, при чемъ пытался передавать эту поэму размѣромъ малорусскихъ пѣсенъ. Смотря скептически на его затѣю (греческій подлинникъ былъ недоступенъ А. А. по незнанію языка), я выпросилъ у Навроцкаго тетрадку съ переводомъ и отвезъ ее въ Харьковъ покойному своему профессору А. А. Потебнѣ. Послѣдній заинтересовался работой Навроцкаго и отозвался о ней приблизительно такъ: «Это не пустяки; авторъ владѣетъ языкомъ, поэтому можетъ выйти прокъ изъ принятаго имъ размѣра». Навроцкій былъ польщенъ таковымъ отзывомъ знатока, продолжалъ трудъ, но при жизни печатать его не хотѣлъ, какъ и много другихъ работъ, хранившихся въ авторскомъ портфелѣ.—Службы своей Навроцкій не любилъ; можетъ

быть это были послѣдніе годы передъ выходомъ въ отставку. Служебными занятіями онъ тяготился, а съ губернаторами и другой губернской знатью держалъ себя самостоятельно, часто вступая въ препирательства и портя отношенія. Одному изъ эриванскихъ губернаторовъ онъ никакъ не могъ простить незнанія французскаго языка и очень зло потѣшался надъ невольнымъ молчаніемъ хозяина во время обѣда, даваемаго по случаю пріѣзда какого-то знатнаго путешественника-француза.— Какъ веселый собесѣдникъ, душа общества, губернскій «тулумбашъ» [1]), Навроцкій не имѣлъ себѣ равнаго въ Эривани. Говорить онъ любилъ, говорилъ много, зычнымъ голосомъ, часто увлекательно и, какъ это бываетъ съ говорунами, повторялся. Высшіе міра сего платили А. А. холодностью или прямо таки нескрываемой враждой. Всюду прославили его неуживчивымъ либераломъ, но всѣ его принимали, какъ необходимаго для оживленія общества человѣка, остроумнаго собесѣдника, «тулумбаша»-риѳмоплета. И до сихъ поръ, вѣроятно, помнятъ въ Эривани его удачные и неудачные застольные спичи и стихотворные экспромты».

По выходѣ въ отставку Навроцкій переѣхалъ на жительство сначала въ Новочеркасскъ, а въ 1865 году въ г. Николаевъ (херсонской губерніи), гдѣ и прожилъ до 1889-го года. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру, съ которымъ, надо полагать у него было много связей, такъ какъ въ этомъ городѣ онъ провелъ большую часть своей службы, и здѣсь умеръ въ 1892 г. 10-го октября.

Громадное большинство сохранившихся стихотвореній Навроцкаго, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, написано на малорусскомъ языкѣ. Встрѣчаются стихотворенія, написанныя и на русскомъ языкѣ, но я здѣсь перечислю произведенія Навроцкаго (по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ нихъ), написанныя только на языкѣ малорусскомъ. Произведенія эти слѣдующія:

---

[1]) «Тулумбашъ» или «томада,» по кавказскимъ обычаямъ, выбирается во время пиршества изъ числа присутствующихъ для произнесенія застольныхъ рѣчей, тостовъ и т. п. Выбирается обыкновенно веселый, рѣчистый и остроумный человѣкъ.

1. «Гомерова Одиссея». Полный переводъ, 24 пѣсни и въ началѣ каждой краткое содержаніе, «ткань». Закончена 20 мая 1882 г. Въ концѣ стихотвореніе, въ которомъ поэтъ выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что окончилъ работу, доставлявшую ему много «всякои корысти» [1]).

2. «Гомерова Иліяда». Полный пореводъ, 24 пѣсни. Въ началѣ 1-й и затѣмъ 13—24 тоже краткое содержаніе, «ткань».

3. Евангелына. Акадянська былыця. Переложенне зъ Лонгфелло. (Зъ московського переводу П. Вейнберга). Въ послѣсловіи до поэмы «Евангелына» Навроцкій, между прочимъ, говоритъ: «Додамъ одъ себе, що хоча наша украинська мова и дуже дотепна на те, щобъ на ій укладувалысь грецьки и рымська гекзаметры, та я сю поэму переложывъ на нашу украинську мову не гекзаметрамы, якъ те зробывъ П. Вейнбергъ, перекладаючы іи на московську мову, а нашымъ народнымъ стыхомъ, котрый одвичае шестыстопному александрійському стыху, бо гекзаметры и на другыхъ новыхъ языкахъ, котри давно уже установылысь и въ слови и въ граматычныхъ формахъ, ще дуже важко чытаются, отъ якъ и по-московськи Иліяда—Гнидыча и Одиссея—Жуковського,—зъ ныхъ за однымъ заходомъ ледви можна, безъ прымусу себе и безъ утомы, прочытаты одну писню; народній же стыхъ, опричъ того, що легше чытается, та й чужоземный утворъ робыть винъ нибы власнымъ народнымъ диломъ»... и т. д.

4. Небо и земля. Мистерія лорда Байрона, съ посвященіемъ Н. И. Гулаку.

5. Каинъ. Мистерія лорда Байрона въ трёхъ діяхъ.

6. Манфредъ. Драматычня поэма лорда Байрона у трёхъ діяхъ.

7. Парызына. Поэма Байрона.

8. Гяуръ—Байрона (не вся).

---

[1]) Украинское правописаніе у Навроцкаго неустойчиво: въ однѣхъ тетрадяхъ у него одно правописаніе, въ другихъ другое.

Поэмы Оссіана:

9. Комала, съ посвященіемъ Николаю Ивановичу Гулаку.

10. Катъ-Лода, тоже.

11. Каррикъ-Тура, тоже. (Въ посвященіи Навроцкій говорить, что эта поэма Оссіана нравилась Гулаку больше другихъ, поэтому онъ ее ему и посылаетъ).

12. Картонъ, тоже съ посвященіемъ Гулаку, поэма заключаетъ въ себѣ 955 стиховъ.

13. Ойна-Моруль. 290 стиховъ. Въ посвященіи Гулаку поэтъ между прочимъ говоритъ:

«И у насъ серце звеселіе
На чужій чужыни,
Що пишла и наша крыхта
На корысть Вкраини».

И во многихъ другихъ мѣстахъ своихъ произведеній Навроцкій выражаетъ желаніе послужить своими сочиненіями на пользу Украины.

14. Кольна-Дона. 250 стиховъ, тоже посвящена Гулаку.

15. Оитона. 428 стиховъ, тоже.

16. Латмонъ. 655 стиховъ.

17. Дардула. 827 стиховъ.

18. Смерть Кухуллина. 417 стиховъ.

19. Бійка Лори. 422 стиха.

20. Конлухъ и Кутона. 200 стиховъ.

21. Бартона. 567 стиховъ.

22. Темора. Писня 1—855 стиховъ. 2—638 ст.; 3—605 ст.; 4—550 ст.; 5—525 ст.; 6—543 ст.; 7—542 ст.; 8—654 стиха.

23. Крома. 303 ст. съ посвященіемъ Гулаку.

24. Кальтонъ и Кольмала. 444 ст.

25. Війна Кароса. 484 стиха.

26. Катлинъ зъ Клута. 364 стиха.

27. Сулмалла зъ Лумона. 295 стиховъ.

28. Війна Инистона. 302 ст.

29. Писня Сельми. 501 ст.

30. Фингалъ. Въ шести пѣсняхъ, 3993 стиха, съ содержаніемъ каждой пѣсни, что есть и въ другихъ поэмахъ.

Жаль, что Навроцкій не указалъ, съ какого перевода онъ перекладывалъ всѣ эти поэмы Оссіана, точно также не указаны ни числа ни годы, когда эти поэмы были переложены [1]).

31. Аласторъ, або Духъ самоты. Поема Шелли, перекладъ на украинську мову, зъ предмовою. 1882 р. 863 стиха.

32. Ифигенія у Таврыди. Трагедія Гете (не вся, только 3 дѣйствія и начало 4-го).

33. Корынеська невиста. Зъ Гете.

34. Агасферъ у Рыми, поема въ шосты писняхъ Роберта Гамерлинга, перекладъ А. Н. (Только двѣ пѣсни и начало 3-й).

35. Загубленый рай. Поема Джона Мильтона. (Только начало 1-й пѣсни).

36. Переложенне Краледворськои рукописи на украинську мову. 1) Ольдрихъ и Болеславъ, 2) Бенешъ Германенко, 3) Ярославъ, 4) Честмыръ и Влаславъ, 5) Людиша и Люборъ, 6) Забой, Славой и Людекъ, 7) Збигонь, 8) Виночокъ, 9) Ягиды, 10) Олень, 11) Рожа, 12) Зозуля, 13) Сырота, 14) Жайворонокъ, 15) Рада, 16) Любушынъ Судъ, 17) Писня пидъ Вышеградомъ, 18) Писня короля Влацлава Первого.

37. Конрадъ Валленродъ. Поема Мицкевыча. Перекладъ на украинську мову.

38. Натанъ Мудрый. Драматычня поема Лессинга. (Только начало).

39. Писня про дзвинъ. Зъ Шиллера.

40. Сократъ и ёго жинка. Комедія въ одній діи Хведира де-Банвиля. Зъ велыкоруськои мовы.

41. Зъ первои Мусіёвои кныгы Настання (отрывки).

42. Покуса Будды. Зъ Лалитавыстара. Якову Олексіёвычу Гатцуку прысвященння.

---

1) Впрочемъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, поэтъ, по большей части, не обозначалъ времени написанія того или другого сочиненія, также какъ не указывалъ, съ чьихъ переводовъ онъ переводилъ.

43. Кныга псальмивъ пророка Давыда. (104 псальмы въ одной тетради, другія псальмы встрѣчаются въ другихъ тетрадяхъ).

44. Писня про войну Игоря, зъ прысвященнемъ Миколаю Ивановычу Костомарову.

45. Одягненый у барсове хутро. Поема. Перекладъ зъ грузынського.

46. Полтава—Пушкина (не вся).

47. Моцартъ и Сальери. Зъ Пушкына.

48 Маруся Чурай. Историчня былыця. Утворъ О. Н. Чюминои-Мыхайловои. Перекладъ на украинську мову.

49. Писня писень Соломона.

50. Голова тринадцята Евангелыя по св. Матѳееви. 324 стиха.

51. Кныга пророка Аввакума. 3 главы, 471 стихъ.

52. Кныга пророка Наума. 3 главы, 428 ст.

53. Кныга пророка Софоніи. 3 главы.

54. Кныга пророка Аггея. 2 главы.

55. Витання мудривъ. Зъ Шиллера.

56. Сыбылла. Рымська легенда. Перекладъ зъ графа П. Бутурлина.

57. Гофоніилъ. Поема Поля Деруледа.

58. Земне життя и апофеоза худогы. Драматычный выгадъ. Зъ Гете.

59. Римскія элегіи Гете.

60. Недиля. Поема В. Сырокомли.

61. Силська школа. Зъ В. Сырокомли.

62. Переклады зъ Мицкевыча: 1) Ода до молодости, 2) Фарисъ, 3) Кобзарь (Dudarz), 4) Импровизація, 5) Панова жинка. 1862 р. (Lilie), 6) Побигъ, 7) Велыкый майстеръ, 8) Мудреци. 9) Вечирня розмова, 10) Зъ Мицкевыча: «Чы йе краще що на свити, якъ тая долына»... 11) Слухай, козаче-родаче»... 12) «Розпустылыся деревья»... 13) До самотыны, 14) «Сыжу оттутъ помижъ вамы»... 15) «Надъ водою велыкою»... 16) «О ясни, о свижи пречыстыи воды»... 17) Розмова, 18) Розставанне, 19) Тьма, 20) Подорожный и молодыця, 21) Писня, 22) «Якъ моя кохана,

вродлыва дивчына почне щебетаты въ веселу годыну»... 23) Жабы и ихъ цари. Байка. 24) Лысыця и Козелъ. Байка. 25) Дзвинъ и Дзвинкы. Байка. 26) Прыятели. Байка. 27) Оселъ и Песъ. Байка. 28) Марусыча могыла. 29) Сонъ. Зъ Байрона, по переложенню Мицкевыча. 30) Мицкевычова баллада: Romantyczność, 31) Рыбка, 32) Панычъ и дивчына, 33) Дорога до Россіи, 34) Тхиръ на ради. Байка. 35) Звирына рада. Байка. 36) Сонеты: a) Степы Акерманськи. 1862 р. b) Добры-вечиръ, c) Добра ничъ, d) «Въ першый разъ невольныкъ». 37) Писня, 38) Непевнисть, 39) Перноцвитъ. 1862 р. 40) Залыцання, 41) «Якъ роса та, дощыкъ свижый»...

63. Зъ пророка Исайи. Голова 11.

64. Голова четверта зъ Евангелыя по святому Матөіеви.

65. Зъ апостола Іакова. Голова 3.

66. Иванъ Жижка. (Зъ Ленау).

67. Сотныкъ. Драматычни картыны, зъ поемы Т. Г. Шевченка.

68. Зъ Фауста—Гете: 1) Нутро собора, 2) Темныця, 3) Садъ сусиды Марты, 4) Прологъ зъ Фауста, 5) Кимната Маргарыты, 6) Молытва Маргарыты.

69. Замиръ Бургундського князя Гюнтера узяты соби жоною Брунгыльду. Зъ девятои писни Нибелунгивъ.

70. Рада богивъ у Валгалли. Зъ первои писни Нибелунгивъ.

71. Зъ девятои писни Нибелунгивъ.

72. Зирка.

73. Украина.

74. Козакъ и дивка. 1847 р.

75. «Тяжко въ свити сыротою»... 1847 р.

76. Сова и Горобець. 1849 р.

77. «Горе тому на симъ свити»... 1852 г. 16 окт.

78. Псаломъ (До англычанъ и французивъ). 1854 г.

79. Дидусынъ садокъ.

80. Одъ щырои ненькы до диточокъ щырыхъ.

81. Бонопартъ и Чорногоры. Зъ Пушкына. Писня.

82. Дуня.
83. Соловей.
84. Писни. 1, 2, 3, 4.
85. Думкы. 1, 2.
86. А. И. Б...
87. В. М. Б...
88. На новый годъ.
89. Чорногорськы писни. 1, 2,
90. Похоронна писня Якыма Маглановыча.
91. Вовкулака. Зъ Пушкына.
92. Дума: «Ты счаслыва и весела»...
93. Сосна. Зъ Лермонтова.
94. Завищанне.
95. «Молоды лита, годына святая»...
96. «Якъ часто одъ тяжкои мукы»...
97. «На що мене, моя ненько»...
98. Изъ Гете: «Витеръ не повіе» [1])...
99. Сербськы писни.
100. Дыяконъ Степанъ. Сербська легенда.
101. Писня про Грыгорія Чорного.
102. Волохъ у Венеціи.
103. Воевода Мылошъ.
104. Бытва пры Зеныци Велыкій.
105. Хведоръ и Олена.
106. Янко Марнавычъ.
107. Два браты и сестра.
108. Гайдукъ Хрызычъ.
109. Чешська писня.

---

[1]) Стихотворенія подъ №№ 72—98 принадлежатъ къ наиболѣе раннему періоду поэтической дѣятельности Навроцкаго. Сохранились они въ довольно ветхой тетради, въ которой помѣщено не мало стихотвореній и разнаго рода выписокъ, написанныхъ по-русски. Въ этой же тетради есть стихотворенія и Шевченка, переписанныя Навроцкимъ.

110. До Донцивъ.

111. Москалева жинка.

112. Марья. Повисть украинська.

113. Давне лыхо.

114. Свята Нына. Поема. 624 стиха.

115. Оповиданне про Вкраину одъ початку іи до сёго часу. (Подражаніе гр. А. Толстому).

116. «У дудочку, у сопилочку, до самого понедилочку»...

117. Богданъ Яковлевычъ Дзвонаренко. Сильська идилія зъ мынулого часу. Перекладъ зъ Влад. Магера. (Проза).

118. Смерть пана.

119. Дурненька Прися. Оповиданне бабуси.

120. Переклады зъ Кольцова. 14 стихотвореній.

121 Переклады зъ Лермонтова. 12 стихотвореній.

122. До мого осудчыка Глаголя. (Дывысь «Кіевская Старина». Апрѣль 1884 г. стр. 670).

123. Ночни хымеры: a) Немичъ. b) Зараза. c) Вищаничъ, d) Навспражкы.

124. Невольныкы.

125. Хымерна думка.

126. Писня крепакивъ.

127. Байкы зъ аварського. 3.

128. Переклады зъ Крылова. 11 баекъ.

129. Писня про сорочку. Зъ Томаса Гуда.

130. Писня наймыта. Зъ Томаса Гуда.

131. Палата хлибороба. Финська писня.

132. Пророкуванне. Зъ О'Конора.

133. Вичній памяти О. П. Стороженка.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь произведеній Навроцкаго (преимущественно крупныхъ), сохранилась еще масса стихотвореній его (крупныхъ и мелкихъ), какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, преимущественно лирическаго характера, занимающихъ десять тетрадей, [1]) довольно объёмистой величины. Двѣ изъ этихъ тетрадей носятъ заглавія:

---

[1]) Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше произведеній находятся въ этихъ тетрадяхъ, другія же переписаны отдѣльно.

1. Переложення зъ ризныхъ поетивъ и мои власни думкы. Темиръ-Ханъ-Шура. 1861—1870 р. (360 страницъ). Въ этой тетради помѣщены переводы стихотвореній Виктора Гюго, Барбье, Гейне и др., а также оригинальныя произведенія: Недолюдокъ, поема, разнаго рода думки и проч.

2. Переложення зъ ризныхъ поетивъ и мои власни верзикання. Эривань. 1876—1880 р. (553 страницы). Эта тетрадь заполнена переводами преимущественно изъ Пушкина, гр. А. Толстого, Байрона, Гете и др., хотя есть и оригинальныя произведенія.

Остальныя тетради заглавій не имѣютъ. Въ нихъ, по приблизительному подсчету, заключается больше тысячи страницъ. Въ этихъ тетрадяхъ помѣщено большое количество переводныхъ произведеній изъ разныхъ иностранныхъ и русскихъ поэтовъ, а также не мало стихотвореній оригинальныхъ, какъ-то: разнаго рода думокъ, пѣсенъ, баекъ и т. п.

Тутъ же помѣщены и такія стихотворенія, какъ: «На вичню память Костомарову», на смерть Тургенева, Надсона, «На вичню память О. В. М—чу» (Марковичу), памяти Т. Г. Шевченка посвящено нѣсколько стихотвореній, «Одповидь Кулишу на ёго стыхы про сёгочасну украинську литературу» и т. п.

Среди стихотвореній, написанныхъ по-украински, въ этихъ же тетрадяхъ встрѣчаются стихотворенія написанныя и порусски [1]).

Интересенъ взглядъ самого Навроцкаго на свои многочисленныя писанія. Въ нѣкоторыхъ тетрадяхъ, въ концѣ каждой изъ нихъ, помѣщено стихотвореніе, въ которомъ поэтъ высказываетъ свой взглядъ на свои произведенія. Во взглядѣ этомъ видна вся скромность поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ надежда и горячее желаніе хоть въ будущемъ послужить своими произведеніями на пользу дорогой родинѣ. Вотъ одно такое стихотвореніе:

---

[1]) Кромѣ этихъ тетрадей, сохранилось еще нѣсколько тетрадей и тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ черновики стихотвореній, между которыми встрѣчаются стихотворенія, не переписанныя въ вышеназванныя тетради.

До дитей.

Думы мои полохлыви,
Прыбытыи диты,
Куды мени на чужыни,
Скажить, васъ подиты.
Выкохавъ васъ, вылылыся
Зпидъ самого серця:
Куды жъ теперъ полынете,
Де жить доведется?
Ховавъ я васъ на чужыни
Одъ людей, одъ свиту,
Бо знавъ добре, не знайдете
Тутъ соби прывиту.
Не знайдете, тутъ чужыи,
Не превитни люде, —
Не до васъ имъ, свое лыхо
Имъ треба видбуты.
Пославъ бы васъ на Вкраину,
Та и тамъ, якъ бачу,
Не до думокъ.—мали диты
Йисты просять, плачуть.
И тамъ тилькы про насущный
Людъ бидный гадае:
Думкы жъ гарни, якъ на серци
Легенько бувае.
Тоди воны дорогыи,
Душу ублагають,
Якъ свое щоденне лыхо
Насъ не зачипае.
Писля праци потовои
Не думкы намъ мыли:
За ничъ треба для роботы
Набратыся сылы.
Й на Вкраини вамъ привиту

Одъ людей не буде:
Спочывайте жъ на папери
До другого суду...
Може, може... якъ чымало
Воды въ море кане,
Попадетесь людямъ въ рукы,
Чытаты васъ стануть.
Прочытають стари люде,
Й скажуть соби тыхо:
«Правда, правда, за насъ було
Те тяжкее лыхо»!
Прочытають молодіи
И сумно промовлять:
«Якъ то тяжко було жыты
У колышни годы!»
А до того лежить соби
Въ кныжечци закрыти.—
Спочывайте, полохлыви,
Прыбытыи диты...
Выкохавъ васъ, вылылыся
Зпидъ самого серця.
Та никуды полынуты,
Й жыть не доведется...

Въ заключеніе позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя стихотворенія Навроцкаго.

Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе,—изъ Гете:

На гори не вине витеръ,
Гилкы не сколыше;
Спыть долына; тилькы чуты,
Якъ та квитка дыше.
Пташкы змовклы, прытулылысь
Въ лиси пидъ кущамы,
Пострывай, и ты спочынешь
Навикы мижъ намы.

Переводовъ изъ Пушкина у Навроцкаго много. Одинъ изъ удачныхъ переводовъ есть переводъ элегіи Пушкина: «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ»..

Не мало также переведено Навроцкимъ и стихотвореній гр. А. Толстого.

Изъ стихотвореній Лермонтова наиболѣе удаченъ переводъ «Вѣтки Палестины»:

Изъ массы оригинальныхъ стихотвореній Навроцкаго привожу слѣдующія:

I. [1].

Садокъ розцвивъ и зеленіе
И въ хату весело глядыть.
И молокомъ увесь биліе,
И квитамы, мовъ жаръ, горыть.
А я сыжу у самотыни—
И думка въ мріяхъ потона:
Колы диждемся благостыни,
Що людъ добромъ пообгорта?
Колы то зъ себе люде скынуть
Ту негидь—сварку нависну,
Одынъ до другого полынуть
И стринуть зъ ласкою весну?
И зажывуть вси въ упокои.
Вси стануть—ридни племена,
И кожне въ справжнёму розвои
За брата кожного прызна,
И сварка стане всимъ гидкою.
И зацарюе правда та,
Що заповидана святою
Всимъ людямъ кныгою Хрыста.

---

[1]) Стихотвореній, подобныхъ этому, въ которыхъ высказывается горячее желаніе поэта, чтобы между людьми установилась правда и спокойствіе, есть не мало у Навроцкаго.

II.

Писня.

Тече ричка, тече быстра,
Верболозы гнутся,
Коло мене молодои
Вси парубки вьются.
Тече ричка, тече быстра,
Фыли наганяе.
Ой до мене парубоцьтво
Лыне—прыпадае.
Тече ричка, тече быстра
Берегъ пидмывае,
А за мною парубоцьтво
Зъ суму омливае.
Нехай лыне, омливае...
А мени байдуже,
Погуляты на роздолли
Ще хочется дуже.
Ще хочется дивочее
Серце потишаты,
Ще хочется въ батька-нénькы
Воленькы зазнаты.
Погуляю, натишуся,
Якъ серденько хоче.
Та не виддамъ абы-кому
Я счастя дивоче.
Погуляю, натишуся,
Кохання зазнаю,
Й тому виддамъ свое серце
Кого покохаю.
А теперъ я вильна пташка,
Танцюю, спиваю,
Хоча серцемъ до кохання
Часомъ прыпадаю.

Того зъ жарту поморочу,
А тому всмйхнуся,
Ни до кого жъ ще я серцемъ
Щыро не горнуся.

Хоча маю чорни бровы,
Очинята кари,
Та нема мижъ парубкамы
Ще для мене пары.

Знайду жъ пару—тіи жарты
Покыну, порушу...
Виддамъ серце я за серце
И за душу—душу.

А покы-що—погуляю
У батька, у немькы,
А покы-що—пожартую,
Якъ хоче серденько.

Тече ричка, тече быстра,
Верболозы гнутся,
Нехай ище коло мене
Вси парубкы вьются.

Нехай вьются, нехай лынуть,
Нехай омливають,
А я соби молоденька
Ище погуляю.

Погуляю, пожартую:
Якъ сама я схочу,
Покы вдосыть натишытся
Серденько дивоче.

III.

Ой усюды, всюды,
Де вже я не буду,
Чы на чужимъ поли,
Чы въ тяжкій неволи,
Чы вже на край свита

У похыли лита
Самотній полыну.
Тебе не забуду
До вичнёго суду.
Ридная краино!
Ты, моя кохана,
Звечора и зрана
У серци старому,
До тебе палкому,
Вична будешъ жыты,
Його пидбываты,
Безъ дякы, безъ платы,
На тебе робыты,
Щобъ и ты, вродлыва,
Була всимъ счаслыва,
И твои вси диты.

Думка.

Де, стомывшыся, прожывшы
Вика половыну,
Де кисткы мои складу я,
Одъ лыха спочыну?
Чы на тоби, Украино,
На ридному поли,
Пидъ калыною густою,
Въ тыхому роздолли?
Чы въ глухій пустыни ляжу,
Прыбытый бидою,
Хрестъ поставлять надо мною
Чужою рукою?
Чы, може, де биля моря,
У писку густому,
Знайду соби тисну хату,
Що й не взнать никому,

Де, блукаючы по свиту,
Я запапастывся,
Й морськы фыли не роскажуть,
Де то я подився.

Та дарма мени про тее:
Всюды надо мною
Небо буде розстылатысь
Вичною красою.

Въ вышыни своій блакитній,
Въ ясному простори,
Надо мною горитымуть
Свичечкамы зори.

Ни, не дарма: въ Украини
Серце пробудылось,
На ій вопо добро, правду
Любыты навчылось.

За Вкраину довелося
Болиты, тужыты,
Усёго дознать, щобъ краще
Було людямъ жыты.

То до пеи бъ бажалося
Мепи прыкорнуты,
Щобъ хочъ въ іи холодочку
Вичнымъ сномъ заснуты.

Прокынутся на ій люде
На добро, на працю:
Якъ имъ краще жыты стало,
Зъ могылы побачу.

Розростутся помижъ нымы
Добро и паука;
Серце зразу звеселіе,
Спаде зъ ёго мука,

Бо й въ могыли буду жыты,
И тоби благаты
Счастя-доли, Украино,
Убогая маты!...

А. Шр—ко.

Баку. 1902 года, 10 октября.

СОБАКА.

I.

Се було въ-литку.

Я йихавъ по одній зъ пивденныхъ степовыхъ зализныць. Стояла спека, и вагоны булы роспечени такъ, що до йихъ зализнои шкарубыны не можна було доторкнутысь. Воны мляво котылысь по гарячыхъ рельсахъ середъ прыгниченыхъ пивденнымъ варомъ степивъ. Мы наблыжалысь до станціи, де було треба простояты годынъ пъять, якъ не бильше. Заспани, стомлени спекою, пасажыры заворушылысь, заметушылысь и почалы збираты свое подорижне збижжя. Пойиздъ ишовъ тыхо, одноманитно стукаючы по зчепкахъ рельсивъ. У видчынени викна забывало дымомъ й пекучымъ, сухымъ повитрямъ. Всихъ оповыло одно бажання—скорише выбратыся зъ вагонивъ. Нарешти свыснувъ паровозъ, загувъ стрилошныкъ и перегодомъ пойиздъ важко пидсунувся до невелыкои жовтенькои степовои станціи.

Збылася товкотнеча, яка звычайно буває по станціяхъ у перши хвылыны, колы тилькы-що стане пойиздъ. Блиди або занадто червони пасажыры, бильше селяне й нимци-колонысты, товпылысь до дверей станціи мабуть не меньше, нижъ гришни души мусять добыватысь до райськои брамы. Воны штовхалы одынъ одного клункамы и чемоданамы, сердылысь и на ходу сперечалысь, а паравозъ обгортавъ своимъ чорнымъ дымомъ и

ихъ, и червоноголового сывого начальныка станціи, подибного до билого ведмедя.

Чы то була прымха слипои доли, чы такый смакъ начальства, але на ведмедивъ булы похожи вси начальныкы станцій на сій степовій лыніи...

Дымъ обгортавъ и облызувавъ маленьку станцію, заглядавъ ій у викна и, хвылюючы и влягаючы до земли, летивъ у степъ. А тамъ, заразъ биля станціи, колосувалысь золоти нывы, а дали зеленила балка зъ молодымъ лискомъ и изъ неи вызыравъ чорный дымарь водокачкы.

Тамъ бувъ ставокъ.

Я похопывсь заняты соби мисце въ кутку залы й почавъ звидтиль роздывлятысь публыку, що зповняла сей залъ. Люде булы все мени не знаёми. Найбильше було марнопольськыхъ грекивъ-коммерсантивъ зъ своимы товстымы, ривнымы носамы, крипкымы лобамы, густымы чорнымы бровамы, обведенымы по-надъ неначе соннымы, але хытрымы очыма. Було два—тры жыды и одынъ старый, голеный, зъ обвыслымъ пидбориддямъ (войломъ), и по-старечы зигнутымъ поперекомъ, нимець-колоныстъ.

Я сыдивъ и черезъ те, що ничого було робыты иншого, оглядавъ сю публыку.

Вси удавалы, що имъ теперь кращого й не треба, що воны тутъ неначе дома. Одни обидалы, розстебнувшы свои жилеткы, розставывшы шыроки ногы и обвъязавшысь серветкамы, неначе справди сыдилы де-небудь у себе дома, въ Маріюполи, чы що, зъ своимы жовтымы, мовъ достыгла дыня, жинкамы и замурзаною дитворою. Други порозлягалысь по деревъяныхъ канапахъ зъ гербамы зализныци, и на выду у ихъ неначе було напысане: гарно, просто такъ, якъ дома!.. Де-яки сылкувалысь чытаты, инши пробувалы заснуты, але ни въ тимъ, ни въ другимъ имъ не таланыло. Старый нимець сыдивъ на стильци быля кахольнои грубы й пыльно смоктавъ свою люльку, поплёвуючы ливоручъ видъ себе и нисля кожного разу поглядаючы своимы тмяно-олывъяными очыма передъ себе, де сыдила якась замучена и засмоктана

панночка, мабуть зъ гурту непорочныхъ, але зовсимъ незваблывыхъ весталокъ...

Одынъ товстый грекъ розстебнувъ жилета, засунувъ свои пухли рукы пидъ поясъ штанивъ и важно, мовъ султанъ по харемы, ходывъ по зали, ни скилькы не зважаючы на те, що тутъ же сыдилы дамы.

— Для дамъ есть особый комнатъ!..—каже винъ и соби и всій публыци и своимъ облыччямъ, и всіею своею зневажлывою и задоволеною постаттю.

Розглядившы всихъ, я вже бувъ хотивъ й соби щось робыты, колы въ одчынени двери зъ платформы вбигла била собака—выжелъ, и за нею ввійшовъ ще молодый чоловикъ, высокого зросту, зъ сирымы, яснымы очыма, маленькою русявою боридкою й загорилымъ, але все-такы билымъ облыччямъ. Я зразу впизнавъ ёго. Але колы наши очи зустрилысь, и винъ мене тежъ упизнавъ, мы якось разомъ, мовъ умовывшысь, удалы, що не пизнаемо одынъ одного. Мабуть, ни мени, ни ёму не схотилося прызнатысь першому.

То бувъ Андрій Петровычъ Донченко.

Увійшовшы въ залъ, винъ озырнувъ ёго окомъ и сивъ биля столу, смилывымъ рухомъ обпершысь на ёго правыцею, такъ, що мени не було выдно ёго облычча. На ёму було легке сире убрання, лакыровани чоботы и аглыцька кепка.

II.

Донченка я спизнавъ назадъ тому рокивъ зо-тры. Дило було пидъ новый рикъ. У одного орандаря зибралась кумпанія. Бувъ и я. Тамъ насъ и познаёмылы. Чувъ я про ёго де-що й раништь, але бачытысь не доводылось. Наши знаёми нышкомъ пидсміювалысь зъ ёго й розсказувалы про ёго всяки исторіи такого змисту, що имъ можна було няты виры й не няты. Запевне я знавъ, що винъ у мынулу весну, якъ ишлы по Динцю плоты, прыставъ до плотовщыкивъ и проплывъ зъ йимы у Ростовъ. Звидты, пишкы, по березн моря, винъ пройшовъ до Крыму. Дійшовъ винъ до

Севастополя, заробляючы хлибъ роботою по прыстаняхъ. Въ Севастополи його захопыла зима. Портъ замерзъ, и винъ сыдивъ безъ роботы й грошей. Батько его, селянынъ, але чоловикъ дуже заможный, що нажывся побиля велыкыхъ панивъ, довидавшысь про се, выславъ ёму грошей, щобъ винъ йихавъ до-дому. Винъ прыйихавъ. Потимъ було чуты, що винъ стрелявся. Зли люде казалы, що то булы штукы. Буцимъ то винъ на взиръ прострелывъ соби на боци шкуру, одтягшы іи видъ реберъ... Що тому спрычынылося,—нихто певне на знавъ. Казалы що винъ не ладнавъ зъ батькомъ, вымагавъ у його грошей, а той не даватъ.

Я вирывъ й не вирывъ усёму тому, що чувъ, и мени самому хотилося докладно дизнаты всіеи исторіи його жыття. Середъ тіеи дрибноты, мижъ якои винъ вештався, винъ здавався чоловикомъ выдатнымъ й оригинальнымъ.

Зъ першого слова у першій нашій розмови винъ не прыпавъ мени до вподобы. Його тонъ, гордый и зневажлывый, його гостри й незридка безпидставни прысуды видхылялы одъ його. Опричъ того, я бачывъ у ёму велыку прыхыльнисть до чаркы. Але колы мы розбалакалысь, винъ помъякшавъ.

Одъ його я дизнався, що винъ учывся въ гимназіи, дійшовъ до восьмого класу, й кынувъ іи, не захотившы кинчаты курсу и добыватысь «аттестату зрилосты». Се ёму здавалось «гидкою зневагою»... Въ ти часы винъ покланявся Пысареву й поважавъ його за найвыщый авторитетъ, за альфу й омегу хысту й интеллигентного лыцарства. Въ його розмови проблыскувавъ гострый розумъ, молода самонадія молодои людыны, що выросла зъ мицного, ще непорушеного кориня нашого селянства. Але винъ шукавъ популярносты, хызувався передъ своимы знаёмымы, и си рысы його вдачи—одныхъ знаёмыхъ просто видхылялы видъ його, въ серцяхъ другыхъ—выклыкалы образу й обурення.

— Мужыкъ, а туды жъ несеться!.. Знаемо мы—казалы воны—добре, якъ його батько ще прыкащыкувавъ у панивъ Бучацькыхъ... Мужыкъ-мужыкомъ бувъ! Та й теперъ—мужлай, хочъ и розжывся зъ панського добра. А сынокъ—тежъ мужлай, хочъ и въ гимназіи бувъ, хочъ и зодягаеться «по моднёму»!..

Донченко все це добре знавъ и ще бильше дратувавъ дрибне самолюбство дрибного, пидупалого панства. Винъ почувавъ у соби сылу и, на жаль, выявлявъ іи тилькы въ тому, чымъ винъ мусывъ бы гордуваты.

Писля того вечора мы зъ нымъ не бачылысь, и я тилькы чувъ про ёго оргіи й гульбыща—то зъ якымы сь студентамы, то зъ парубкамы й дивчатамы того села, де винъ жывъ. Потимъ чувъ, що винъ нездужавъ, покаявся, ставъ весты трохы не чернече жыття и навить поступывъ кудысь на службу. А потимъ зновъ стало чуты, що винъ зновъ узявся за гульню та байды. До того жъ ще прыточывся ёго романъ зъ якоюсь дивчыною—селянкою. На тимъ чутка й кинчалась. Я на килькы часу видйиздывъ зъ тыхъ краивъ и було зовсимъ забувъ про ёго, якъ доля вдруге звела насъ.

III.

Мени хотилося побалакаты зъ имъ, и я пидійшовъ такъ до столу, щобъ статы биля ёго. Тилькы я взявся бувъ за стильця, якъ винъ повернувся въ мій бикъ, мовъ ждавъ, що я пидійду и, мыгцемъ глянувшы на мене, хотивъ бувъ несвидомо простягты руку и щось промовыты, але вдержався и ставъ рукою, простягнутою було до мене, обсмыкуваты вокзальну скатертыну.

— Здорови булы! Мы зъ вамы, здается знаёми,—сказавъ я ёму.

Винъ одну мыть хотивъ бувъ удаты, що не впизнае мене, але почервонивъ и промовывъ:

— Здрастуйте! Прыгадую... Чы не въ Яцуры бачылысь?..

— Эге жъ!

— Здается—новый рикъ зустричалы?..

— Эге. Просперечалысь тоди ввесь вечиръ.

— Такъ, такъ... прыгадую.

Мы скоро роспыталысь,—хто куды йиде, и разбалакалысь. Ёму треба було пройихаты килька станцій вкупи зо мною. Винъ йихавъ гостюваты до якого-сь свого товарыша. Пойизду намъ треба

було дожыдатысь довго и я нараявъ питы зъ вокзалу въ степъ, а потимъ въ балку до водокачкы. Я тамъ бувавъ уже не разъ. Донченко згодывся.

Мы выйшлы зъ станціи. Донченко гукнувъ Діанку, свою собаку, и та весело вдарылась въ высоки, уже пополовили жыта. Вона утопала въ мори жыта и тилькы иноди мовъ вырынала зъ ёго, пидстрыбнувшы за зляканымъ птахомъ.

Було дуже душно. Повивавъ палючый витрець и навивавъ солодки пахощи недостыглого жыта. Мы йшлы межею до балкы. По межи й въ жыти росло багато квитокъ, а колы мы наблызылысь до узлисся, то ихъ стало ще бильше. Я, радый писля городського каминня кожній былынци, нарвавъ ихъ соби чымалый пучечокъ и залюбувався ихъ свижымы, нижнымы колирамы и пахощамы.

Донченко курывъ папиросу.

— Вы все той же идеалистъ,—сказавъ винъ, осмихаючысь.

— А якъ же? Хиба любыты прыроду се есть провына?.. Вы подывиться тилькы на си квиткы? понюхайте ихъ!

— Есть на що дывытысь... Діанка!..—гукнувъ винъ на собаку, що сполохнувшы перепилку, вдарылась за нею по межи.

Собака прыпынылась, гавкнула ще двичи у слидъ полохлывій пташыни, телипнула довгымы вухамы й повернула назадъ.

— Такъ вы любуетесь квиткамы? Може вы втишаетесь и нашымъ жыттямъ?

— Чому жъ не втишатысь, колы йе чымъ?

— Багато вы бачылы доброго?..

— Багато—не багато, а на довгій ныви, кажуть люде, не безъ доброго колосу. Йе надъ чымъ журытысь, йе що клясты, йе надъ чымъ працюваты, але йе й таке, зъ чого можна и радиты. Жыття неципокъ, що взявъ ёго за одынъ кинець, та й другого рукою достанешъ.

— Що не ципокъ, то не ципокъ, але й не квитка!

— Зрозумило.

Мы замовклы.

Тымъ часомъ пидійшлы до балкы. Зъ неи выбывався молодый лисокъ. Тамъ мы выглядилы соби лощынку, на витри, й розляглысь на свижій, ни кымъ не толоченій трави. Тутъ траплялось лыстя полуныци, але ягидъ не було. Мы лежалы въ холодку, пидъ молодымъ, по весни пидчыщенымъ дубкомъ. Внызу, въ балци, зъ-за деревъ выднився дымарь водокачкы и чорный вугильный дымъ розносывся геть въ гарячому повитри. Ставу не було выдно. Винъ бувъ такый малый, хочъ и глыбокый, що весь ховався въ своихъ крутыхъ берегахъ. Було душно й млосно. Схыляло до сну. Мы довго лежалы мовчкы. Діанка прылягла биля насъ и, вывалывшы свого довгого, рожевого языка, дыхала моторно й одноманитно, якъ машына. Слына у неи текла зъ рота на траву. Вона то заплющувала очи, то росплющувала и часомъ несподиванно клацала зубамы, ловлячы уйидлывыхъ мухъ. Я лежавъ и думавъ. Про що думавъ— не знаю. Але здавалось, що я думавъ про Донченка: на чимъ скинчыть винъ, куды прыведе ёго доля?..

Розмова якось не складалась. Мы булы мало знаёми й дуже мало було у насъ спильного. А зъ другого боку—пивденна спека убывала всяке бажання про що-небудь думаты, окримъ спокою та холодку. Хотилося лягты на спыну, заплющыты очи й лежаты такъ довго-довго... Хотилося пыты...

— Знаете що,—чы вы думалы колы, або може чулы де, чы бачылы: що бувае зъ тымы, що выходять замижъ за неривень, або женятся зъ неривнямы?—промовывъ писля мовчанкы Донченко.

— А що жъ бува?.. Одни неривни бувають щаслыви, а други й нещасни. Тутъ багато залежыть видъ того, хто зъ кымъ женыться и чого воны вымагають видъ шлюбу? Гёте, здается, одружывся трохы чы не зъ своею слу́жныцею. Гёте—геній, а й жывъ соби и може не жалкувавъ. Бо винъ одъ шлюбу, може, ничого й не бажавъ, якъ щобъ тилькы покрыты грихъ, або щобъ жинка на старисти ёго доглядала. Не знаю, чого винъ бажавъ, але винъ бачывъ що бравъ, и все такы взявъ.

— Гарного мало,—видповивъ замыслено Донченко, грызучы зубамы стеблыну перію.

— Хто каже, що багато?.. А буду я шукаты въ жинци чого другого, то й женюсь инакше.

— Такъ.

Мы зновъ замовклы. Мени здавалось, що винъ не дарма звивъ розмову на се. Мене забирала цикависть, але ніяково було роспытуватысь у ёго.

Полежалы мы ще де-якый часъ, миняючысь незначнымы словамы и потимъ повернулысь до станціи. Де-яки пасажыры спалы. Въ вокзали дуже було накурено, и я выйшовъ зновъ надвиръ, у садокъ, що бувъ биля станціи. Тамъ я й дожыдався пойизду.

IV.

Нарешти винъ прыбувъ, и мы пойихалы дали. Донченко сивъ у той же вагонъ, що й я, але въ другій половыни. Діанка була зъ нымъ у вагони. Публика ничого не мала проты неи, а кондукторамъ Донченко давъ якусь дещыцю, и воны тежъ не турбувалы іи.

Видъ самои станціи зновъ почынався той степъ, те «чысте поле», де на велыкому протязи не зустринешъ а ни кущыку, ни балкы. Спека почала спадаты. Мы йихалы по прямій, якъ струна, дорози. Въ видчынени викна залитавъ дымъ й пылъ и заставлявъ насуплюватысь и безъ того похмурыхъ моихъ сусидъ. Я взявся чытаты якусь кныгу. Станція мынала за станціею. Дорога зъ степу повернула на пивничъ и пишла помижъ першымы узгирьямы Донецького кряжу.

Сонце стало сидать, и зъ нызыны, по якій мы теперъ йихалы и де протикала якась невелычка теперъ степова ричка, стало подыхаты прохолодою. Пасажыры дывылысь у викна и перемовлялысь мижъ себе поодынокымы словамы. Пойиздъ пидходывъ до станціи зъ буфетомъ.

— Тутъ есть буфетъ?—спытавъ, пидвившысь, мій сонный сусида, селянськый крамарь.

— Есть.

— Треба бъ чаю выпыты, або-що.

— Можна.

Мы выйшлы. На платформи стоявъ товстый, нерухомый, якъ камьяна баба, заспаный пидстаркуватый начальныкъ станціи. Продавала насиння якась баба. Биля дзвоныка стоявъ прыслужныкъ. Бильше не було никого. Пасажыры товпылысь у станцію. Донченко уже бувъ тамъ. Винъ стоячы пывъ гарячый чай, зневажлыво поглядаючы навколо себе. Діанка нышпорыла по зали. Не встыглы мы выпыты по другій склянци гарячого чаю, якъ ударылы въ дзвоныка и треба було бигты до вагона.

Згодомъ пойиздъ рушывъ.

Дорога пишла по пидгиркахъ. Сталы траплятысь руди скели, розрыти й розирвани, щобъ даты мисце дорози. Пойиздъ разъ и вдруге зъ свыстомъ влетивъ въ таки щилыны, и въ вагонахъ на якый часъ темнило. Я выйшовъ зъ вагону на кганокъ. Нашъ вагонъ бувъ самый задній. На останнёму кганку було чымало народу. Вси дывылысь назадъ, на насыпъ. Тамъ, за пойиздомъ, вybываючысь зъ мочи, высунувшы языка, бигла якась собака.

То була Діанка.

Пойиздъ йшовъ на гору не дуже скоро, и такъ винъ йшовъ видъ самои станціи. Бидна Діанка уже гналась верствы тры. Якъ казалы люде,—вона зосталась на станціи й не попала на пойиздъ, але якъ тилькы пойиздъ рушывъ, и вона подалась за имъ.

На повороти пойиздъ пишовъ ще тыхше. Діанка зовсимъ наздогнала ёго й бигла биля самого кганку вагону, навить поперeжаючы вагонъ. Кондукторъ, прысадкуватый, зъ чорною шырокою бородою и зъ червонымъ, обсмаженымъ витромъ и спекою облыччямъ чоловикъ, звисывся зъ вагону и хотивъ було ухопыты іи за ошыйныка. Але вона ухылылася зпидъ рукы и, трохы одставшы, знову стала бигты за вагономъ. Выдно вже було, що сылы скоро покынуть іи. Пасажыры манылы іи блыжче, але вона не наблыжалась. Перескочыла зъ середыны дорогы на бикъ и почала, було, бигты по-надъ рельсамы, по стежци, протоптаній подорожнимы. Але стежка мисцямы була закыдана писля ремонту дрибнымы каминцямы, и воны былы лапы бидній Діанци.

Выбравшысь на гору, пойиздъ побигъ скорише. Діанка зновъ зискочыла на насыпъ межъ рельсивъ и надолужала усіеи сылы, щобъ не видстаты видъ насъ. Налетивъ витрець, пиднявъ, було, за пойиздомъ куряву и на хвылыну закрывъ одъ насъ собаку. Але пойиздъ зновъ узявъ управоручъ, потимъ ливоручъ и почавъ зновъ пидниматысь вгору. Діанка зновъ наздогнала насъ.

Бидна собака ледви дыхала. Бокы у неи позападалы, жывитъ пидтягся, очи дывылысь пидъ колеса, мовъ нежыви. Всимъ було шкода іи. Коженъ радывъ, щобъ таке зробыты, щобъ узяты іи на пойиздъ. Кондукторъ зновъ звисывсь зъ вагону и ледви-ледви й самъ не упавъ на рельсы, але собака не йшла до ёго. Вона уперто бигла за намы, тупо дывлячысь посоловилымы очима пидъ колеса.

V.

— Ежели-бъ хозяинъ кликнулъ ее,—сказавъ якыйсь москаль що стоявъ тежъ у гурти.—Собака, извѣстно, дура: пропадеть, а чужому въ руки не дастся.

— Славна собака!—промовывъ кондукторъ, не одрываючы очей видъ неи.

— Колы-бъ справди выйшовъ хазяинъ,—може бъ вона далась бы ухыпыты себе за ошыйныка, або хочъ за вуха,—казавъ пидстаркуватый шахтарь.

— Не выйде. Сыдыть тамъ, чытае газету...

— Пропаде,—запалытся,—зновъ мовъ самъ до себе промовляе шахтарь.

— Звистно, пропаде!..

— А скажить на мылость,—отъ вже верстовъ пьять, колы не бильше бижыть. Тутъ пролётъ девьять верстъ. Онъ уже й станцію выдно!—сказавъ ще хтось зъ гурту.

Справди, не дуже далеко выднилася станція.

Пойиздъ вже давно йшовъ по ривному, обмынаючы по кряжу лощыну. Сонце сидало теперъ за насыпомъ, що мы тамъ тилькы

що пройихалы, и тамъ далеко вже, на повороти дорогы, бигла Діанка. Іи постать выразно вымалёвувалась въ сяеви заходу сонця. Вона вже ледви бигла. Але наши очи мымохить стежылы за нею. Всимъ було шкода іи.

Ахъ, поганци!..—скрыкнувъ кондукторъ.

То Діанци було загородылы ломамы дорогу робочи, що пидправлялы насыпъ. Выдно було, якъ вона проскочыла прозъ ихъ и такы не кыдала бигты, хочъ здалека, за пойиздомъ. Одынъ зъ робочыхъ, мабуть молодый, було погнався за нею, схопывъ грудку, чы каминюку, й шпурнувъ у неи. Вона поточылась, але всетакы не кыдала бигты. Тилькы вона все бильшъ и бильшъ одставала видъ насъ. Де-яки пасажыры увійшлы въ вагонъ. Я все ще стоявъ на кганку.

— Упала!—крыкнувъ хтось.

— Упала!—гукнулы зъ виконъ попереднихъ вагонивъ.

И тамъ дывылысь на Діанку.

— Ни, бижыть!..—почулось зновъ.

— Бижыть!., бижыть!..—пидхопыло килькы голосивъ.

— Бижыть!..

Мынуло ще трохы годыны и кондукторъ, що все не одводывъ очей одъ Діанкы, махнувъ рукою и, насупывшы бровы, промовывъ досадою:

— Пропаде собака... Чыя вона?..

Нихто не одповивъ ёму, вси стежылы за Діанкою. Я оглянувся: Донченка не було мижъ намы.

— Зновъ упала,—промовывъ хтось тымъ часомъ.

— Теперь мабуть не встане вже,—сказавъ пидстаркуватый шахтарь, прыщулюючы очи й прыдывляючысь въ далечинь.

— Не выдно.

— Докы жъ ій и бигты?...

— Та хто жъ іи хазяинъ?

— А онъ тамъ сыдыть у вагони, цыгарку куре!—сказавъ старый селянынъ.

— Добрый!

— Собака!..—одирвавъ сердыто кондукторъ и почавъ гальмуваты вагона.

Подалы свыстка на паровози. Загувъ десь недалеко ригъ стрилочныка. Замелькалы по бокахъ червони зайви товарни вагоны—и мы пидійшлы до велыкои станціи. Я увійшовъ у вагонъ и въ другій ёго половыни побачывъ Донченка. Старый сказавъ правду: винъ сыдивъ и, курячы, чытавъ газету. Я подывывся на ёго. Винъ, здавалось, бувъ зовсимъ спокійный, наче ничого й не чувъ про Діанку. Але спокій ёго бувъ робленый,—винъ почувавъ себе героемъ хвылыны...

— А Діанка ваша пропала,—сказавъ я.

— Не вскочыла, проклята, на станціи въ вагонъ. Ну, и нехай пропада!.. А оттутъ... вы чыталы?..

И винъ показавъ мени въ газети мисце, де велыкый критыкъ и публицыстъ газеты «Нови Брехни» мишавъ зъ багномъ те жъ велыкого крытыка и публицыста газеты «Стари Брехни зъ додаткамы».

— Правда, здорово?..—пытався винъ.

Я не видповивъ ёму ничого.

Мени гыдко було дывытысь на ёго. Въ мене передъ очыма ще стояла постать биднои Діанкы, якъ вона, выбываючысь зъ сылы, бигла пры заходи сонця тамъ далеко-далеко по насыпови за своимъ холоднымъ самолюбомъ, хазяиномъ...

Пойиздъ прыпынывся, и я выйшовъ зъ вагону, щобъ пересисты въ другый пойиздъ.

Донченка я бильшъ не бачывъ. Чувъ я, що винъ такы одружывся зъ якоюсь дивчыною-селянкою, и що вона скоро жъ збожеволила. Я згадавъ тоди бидну Діанку. И та безталанна дивоча душа, такъ якъ и Діанка, тяглась мабуть до ёго, и та дивчына цилувала ёму рукы й загынула видъ ёго холодного, жорстокого серця...

А чы счаслывый винъ самъ?..

М. Чернявській.

Въ поискахъ новой красоты.[1]

(Замѣтки читателя).

V.

«Новыя времена—новыя птицы, новыя птицы—новыя пѣсни», говоритъ пословица, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что новыя птицы поютъ новыя пѣсни: на то вѣдь онѣ и дѣтища своего времени, хорошаго или дурного—это другой вопросъ, чтобы въ своихъ пѣснопѣніяхъ отражать его особенности; онѣ до нѣкоторой степени продуктъ его вліянія, и если это вліяніе на нихъ сказывается съ особенной силой, то это можно понять и объяснить, а потому, повторяемъ, удивленію здѣсь нѣтъ мѣста. Но вотъ что уже въ самомъ дѣлѣ удивительно: среди стройнаго или нестройнаго, какъ кому угодно, хора новыхъ птицъ, распѣвающихъ новыя пѣсни, вдругъ неожиданно появится извѣстная намъ хорошо, несомнѣнно старая птица, въ силу какихъ то невѣдомыхъ причинъ присоединившая и свой голосъ къ хору новыхъ пѣвцовъ и изо всѣхъ силъ старающаяся выдѣлывать плохо знакомыя и совсѣмъ къ ней не идущія рулады, какъ бы стремясь перекричать заправскихъ новыхъ птицъ. Ей, этой старой птицѣ, можно съ большимъ основаніемъ задать вопросъ: «да какъ то ты сюда попала, въ такую неподходящую компанію? Что ты Гекубѣ и что тебѣ Гекуба»? Не знаемъ, что на этотъ вопросъ отвѣтитъ наша гипотетическая старая птица,—можетъ быть, она,

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

подобно пойманной мужикомъ вмѣстѣ съ воробьями овсянкѣ въ извѣстной баснѣ, скажетъ: «я съ ними только лишь летала, а право, твоего гороха не клевала», а можетъ быть и болѣе сурово отвѣтитъ, сознавая свою правоту,—«какое, молъ, вамъ дѣло: гдѣ желаю, тамъ и летаю; что хочу, то и пою». Но, во всякомъ случаю, какой бы отвѣтъ ни получился, онъ все-таки вполнѣ не разъяснитъ вопроса и читатель вправѣ недоумѣвать и удивляться.

Если г-жа Кобылянская уже по самымъ свойствамъ своей творческой организацiи есть птица въ нѣкоторомъ родѣ новая, какъ бы провиденцiально предназначенная для исполненiя новыхъ пѣсенъ, то г-жа Кобрынская, наоборотъ—несомнѣнно принадлежитъ къ старымъ пѣвцамъ, т. е. вѣрнѣе будетъ сказать—принадлежала, ибо въ настоящее время она, совершенно неожиданно для многихъ своихъ почитателей, очутилась среди искателей новой красоты, гдѣ, повидимому, заняла твердую и опредѣленную позицiю. Ничто въ прежней почтенной дѣятельности этой извѣстной въ Галичинѣ писательницы и поборницы женскаго движенiя не давало повода ожидать, что авторъ «Виборця» и другихъ хорошихъ вещей когда-нибудь соблазнится новыми пѣснями. Мысль г-жи Кобрынской всегда отличалась трезвымъ характеромъ и обращена была на земные вопросы и явленiя, которыя писательница и освѣщала съ своей точки зрѣнiя—правдиво и художественно; даже самая манера ея произведенiй, стиль ея были отмѣчены солидностью, положительностью и даже нѣкоторой, можно сказать, строгостью. А между тѣмъ, какой-то переворотъ—и почтенная писательница очутилась вдругъ въ рядахъ служителей новой красоты и посильно старается и своего меду каплю вложить въ ту путанницу мыслей и яко-бы художественныхъ усилiй объять необъятное, примѣры которой представлены нами выше. Силенъ, видно, искуситель, если и такихъ положительныхъ людей уловляетъ въ свои сѣти, сотканныя изъ новой красоты!

Г-жа Кобрынская, на литературное поприще выступившая въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, сразу завоевала себѣ извѣстность и популярность среди прогрессивной части галицко-украинскаго общества своими разсказами на замѣтно пробивающейся

соціальной подкладкѣ. Такія произведенія, какъ «Дух часу», «За-для кусника хліба», «Ядзя і Катруся» и особенно «Виборець», будучи отмѣчены печатью несомнѣннаго художественнаго дарованія, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большое общественное значеніе. Они служатъ яркими и живыми документами общественной борьбы и того перелома въ жизни галицкаго общества, который наступилъ лишь въ послѣднее время и властно пріобщилъ эту сильно поотставшую было страну къ обще-европейской культурѣ. Писательница на первыхъ порахъ своей литературно-общественной дѣятельности интересовалась почти исключительно или проявленіями упомянутой борьбы и того подъема общественныхъ силъ, который она производитъ даже среди темныхъ, инертныхъ людей («Виборець»); или разладомъ между традиціонными, устарѣвшими понятіями и новыми прогрессивными теченіями («Дух часу», «За-для кусника хліба»); или же, наконецъ, послѣдствіями неравенства въ общественномъ положеніи, особенно сильно сказывающагося въ такихъ странахъ, какъ Галиція, гдѣ интеллигенція и народъ разъединены не только соціально-экономическими, но и національными отношеніями («Ядзя и Катруся»). Тѣмъ же направленіемъ отмѣчены и чисто публицистическія работы г-жи Кобрынской, особенно ея статьи, посвященныя женскому движенію, и въ этомъ заключается крупная заслуга нашей писательницы, всегда на первый планъ выдвигавшей начала свободы и разума. Но, какъ замѣчаетъ авторъ одной изъ статей, посвященныхъ характеристикѣ дѣятельности почтенной писательницы,— «1892—3 р.р. принесли перелом у белетристичній творчости п. Кобринськоі; іі починають меньше інтересувати теми суспильного житя, натомись притягає до себе сфера фантазиі та тих невиразних душевних почувань, що з'являються у чоловіка на граници житя реального, сензуального і сьвіта віри й фантазиі» (М. Грушевскій—«Наталя Кобриньска», Л.-Н. Вістник, 1900, кн. I, стр. 15 - 16). Причинъ этого перелома мы не знаемъ,— кроются ли онѣ въ обстоятельствахъ личной жизни писательницы, или обусловлены какими-либо перемѣнами общественнаго характера—дѣло темное;—но фактъ на лицо: какой-то переломъ

въ указанное время дѣйствительно совершился и обнаружилъ себя сперва попытками разработки въ ультра-мистическомъ направленіи народныхъ сказочныхъ сюжетовъ, привлекшихъ вниманіе г-жи Кобрынской, по ея собственному признанію, смѣшеніемъ реальнаго и фантастическаго, Wahrheit und Dichtung въ полномъ значеніи этихъ словъ. А затѣмъ, разъ соблазнившись, г-жа Кобрынская пошла по покатой дорожкѣ мистицизма и въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ по части смѣщенія реальнаго и фантастическаго потеряла уже всякую мѣру и незамѣтно переступила ту границу, за которой начинается что-то уже совсѣмъ непостижимое и сверх-чувственное. Принимая за образецъ народныя сказки съ ихъ смѣшеніемъ фантастики и реальной жизни, писательница упустила изъ виду одно чрезвычайно важное и существенное обстоятельство, придающее произведеніямъ народнаго творчесва особую цѣнность и характеръ униковъ въ своемъ родѣ. Упомянутое смѣшеніе тамъ происходитъ до извѣстной степени въ силу необходимости; оно, съ точки зрѣнія творца сказокъ, является дѣломъ вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ, а потому и служитъ лишь глубоко искреннимъ отраженіемъ народной психики, народныхъ взглядовъ и вѣрованій. Безыменный творецъ, имя которому—народъ, съ одинаковою искренностью и серьезностью относится и къ реальнымъ и къ фантастическимъ подробностямъ въ сказкахъ, не отдѣляя однихъ отъ другихъ, не проводя между ними рѣзкой разграничительной черты,—такъ какъ и тѣ, и другія мирно уживаются рядомъ и въ его представленіяхъ. И фантастическое, и реальное для него одинаково существують, одинаково правдивы и потому эта, если такъ можно выразиться, фантастическая правда въ народномъ міровоззрѣніи ничѣмъ существенно не отличается отъ правды реальной и не производитъ впечатлѣнія рѣжущаго ухо диссонанса. Встрѣчаясь съ неизвѣстнымъ или непонятнымъ явленіемъ и не зная причинъ его, примитивный умъ, слѣдуя обычному свойству человѣческаго разума—идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, ищетъ объясненія послѣднему въ зависимости отъ извѣстныхъ и понятныхъ явленій и переноситъ въ область неизвѣст-

наго совершенно реальныя черты, заполняя недостающее произведеніями собственной фантазіи. Отсюда и происходитъ, какъ совершенно вѣрно подмѣтила г-жа Кобрынская, «що сама основа (сказки) фантастична, а всі описи, характеристика людей вражають реалізмом, часом противно» (ibid),—и это вполнѣ понятно, такъ какъ сверхъестественное «в уяві простолюдина нерозлучно вяже ся з сьвітом реальним». Но подмѣтивъ вѣрно фактъ народнаго творчества, г-жа Кобрынская дѣлаетъ сугубую ошибку тѣмъ, что пытается примѣнить тѣ же пріемы къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, заимствуя не только форму, но и сущность міровоззрѣнія, выражаемаго въ произведеніяхъ народнаго творчества. Вполнѣ понятно почему ничѣмъ другимъ, кромѣ неудачи и не могла окончиться эта странная затѣя,—вѣдь человѣку иного склада понятій, иного образа мыслей невозможно проникнуться народными воззрѣніями до потери своей индивидуальности. Наивной вѣры въ таинственный сказочный міръ, простоты, искренности и цѣлостности, спаивающихъ реальное и фантастическое въ произведеніяхъ народнаго творчества въ одно стройное цѣлое и придающимъ имъ такую прелесть, нечего искать въ подражательныхъ произведеніяхъ того типа, о которомъ у насъ идетъ сейчасъ рѣчь, т. е., заимствующихъ у народа не только форму, но и сущность его воззрѣній. Въ нихъ всегда сказывается интеллигентъ, со скептической улыбкой разсказывающій о томъ, чему въ сущности самъ плохо вѣритъ и ужъ вовсе, конечно, не придаетъ того значенія, какое ему приписывается народнымъ творчествомъ. При чтеніи такихъ произведеній прежде всего бросается въ глаза ихъ ходульность, фальшь и неестественность, подобно чужому платью, которое не по плечу приходится его временному и, можетъ быть, случайному владѣльцу; фантастическое и реальное въ нихъ не связано органически, а положено полосами, свободно отдѣляющимися одна отъ другой при самомъ слабомъ прикосновеніи критики. Такимъ именно характеромъ и отличается большинство произведеній г-жи Кобрынской, появившихся въ послѣднее время, при чемъ неудачное подражаніе народному творчеству осложняется здѣсь еще спеціально символистическими надстройками.

Изобразить сообразно съ народными воззрѣніями послѣдствія пустого кокетства и безпредметнаго заигрыванья на любовной почвѣ—такова задача одного изъ очерковъ г-жи Кобрынской «Рожа» (Л.-Н. Вістник, 1899, VП), который мы возьмемъ въ качествѣ образца подобнаго рода творчества. Канва очерка вполнѣ реальна, но на этой канвѣ писательница расшиваетъ такіе странные узоры, которые мало того что возбуждаютъ огромный знакъ вопроса своимъ невозможнымъ видомъ, но уничтожаютъ совершенно и всякій смыслъ реальной подкладки. Жила-была, видите-ли, «дивчина» Марина, отличавшаяся крайнимъ непостоянствомъ въ своихъ сердечныхъ привязанностяхъ и заигрывавшая то съ однимъ, то съ другимъ «парубком». Въ отместку ей отвергнутые поклонники сговариваются не обращать на нее никакого вниманія и даже совсѣмъ не замѣчать ея присутствія, что съ успѣхомъ и продѣлываютъ на «вечерницях». До сихъ поръ все идетъ вполнѣ естественнымъ порядкомъ, какъ тому и быть надлежало, но затѣмъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаются символистическіе узоры, съ предыдущимъ ничѣмъ не связанные. Марина неожиданно для себя и еще больше, конечно, для читателя замѣчаетъ вдругъ рядомъ съ собой «гарнаго панича», разговариваетъ съ нимъ на удивленье присутствующимъ, которые никого не видятъ, и уже, благодаря своей вѣтренности, склонна принять его ухаживанья. Совсѣмъ ужъ дѣло налаживалось, но случилось маленькое обстоятельство, разстроившее все: поднимая съ земли упавшее веретено, Марина съ ужасомъ замѣчаетъ у «панича»... конскія копыта!... Молодой человѣкъ недурной наружности и чуть ли не въ партикулярномъ платьѣ оказывается самимъ настоящимъ, съ позволенія сказать, чортомъ, которому крѣпко засѣла въ голову соблазнительная мысль овладѣть капризной дѣвушкой. Сдѣлавъ такое открытіе, Марина, какъ можно догадываться, осталась недовольна своимъ кавалеромъ и со страха убѣгаетъ куда глаза глядятъ; чортъ за ней съ «раздираючим вуха свистом:—чому, чому не хочеш мене»? Бѣшеная погоня, само собой разумѣется, продолжалась до тѣхъ поръ, пока не запѣлъ пѣтухъ, послѣ чего «скажений регіт замер на устах

чорта, він захитав ся і розільляв ся смердячею мазею, а труп упав у ту мазь надпсованим своім тілом» (стр. 15). Затѣмъ слѣдуетъ искупленіе отъ совершеннаго дѣвушкой грѣха: она превращается въ кустъ розы... Всѣ подробности этой странной исторіи, совершенно не поддающіяся пересказу, настолько безсвязны и такъ отдаютъ мистицизмомъ дурного тона, господствующимъ въ изданіяхъ московскихъ лубочниковъ, что читатель только плечами въ недоумѣніи пожимаетъ—къ чему все это разсказано и что, въ концѣ концовъ, сей сонъ значитъ? Превращеніе дѣвушки въ кустъ розы, авторомъ изъясняемое (см. Л.-Н. Вістник, 1900, кн. I, стр. 16) «какъ актъ, высшоі загальноі любови», рѣшительно ничѣмъ не подтверждаетъ такого объясненія и въ очеркѣ стоитъ одиноко, не будучи хоть какой-нибудь черточкой связано съ остальными подробностями; идеи, о которой мы знаемъ лишь изъ комментаріевъ самой г-жи Кобрынской, не находимъ и слѣда, благодаря мистическимъ и символическимъ аксессуарамъ, въ такомъ чрезмѣрномъ изобиліи украшающимъ данное произведеніе, что оно въ силу этого остается загадкой, рѣшительно не поддающейся сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію. Просто не вѣрится, чтобы это сонное, безжизненное, лишенное всякаго смысла и значенія произведеніе вышло изъ-подъ того же самаго пера, которое раньше создало «Виборця»...

Въ такомъ же родѣ и всѣ остальныя символистическія произведенія г-жи Кобрынской,—всѣ они крайне неясны, аляповаты; реальное и фантастическое въ нихъ ничѣмъ не связано, а приклеено одно къ другому чисто механическимъ способомъ; идея, вложенная въ нихъ писательницей, даже и послѣ авторскихъ комментаріевъ остается въ скрытомъ состояніи. Говоря вообще, подобныя произведенія не только не выражаютъ того, что хотѣлъ сказать ими авторъ, а лишь, подчеркивая свою собственную пустоту и ненужность, показываютъ, какая опасность даже для сильнаго и испытаннаго таланта кроется въ стремленіяхъ во что бы то ни стало проникнуть въ заповѣдную область «з того сьвіта уяви», какъ характеризуетъ свои произведенія послѣдняго періода г-жа Кобрынская.

Сказаннымъ можно ограничиться по отношенію не къ одной лишь г-жѣ Кобрынской, а и къ нѣкоторымъ другимъ писателямъ, напр. г.г. Стефаныку и Яцкову, также предпринимающимъ изрѣдка сомнительной цѣнности экскурсіи въ ту же область не отъ міра сего. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на символистическихъ опытахъ названныхъ сейчасъ писателей, такъ какъ очеркъ нашъ, съ одной стороны, и безъ того вышелъ за предѣлы намѣченныхъ рамокъ, а съ другой—произведенія эти покамѣстъ еще очень немногочисленны, да и не представляютъ чего-либо особо интереснаго по сравненію съ подробно разсмотрѣнными выше. Мы упомянемъ только, да и то уже въ качествѣ лишь изъ ряда вонъ выходящаго курьеза, объ одномъ чрезвычайно удивительномъ произведеніи, кажется, начинающей писательницы, г-жи Гриневичевой, представляющемъ ту особенность, что туманный символизмъ доведенъ въ немъ до крайнихъ предѣловъ.

Нім сумерк мак ще кине на далечінь сю лину,—

такъ начинаетъ свое «стихотвореніе» г-жа Гриневичева,—

І міць мою розщипле в неумолимій дрожі,
Мов порохно безлисте,
Підношу чоло з пилу і в ясність твою лину,
Мов псальм текучий слізми, що стоіть на сторожі
Усіх руін, о Христе!

Далѣе г-жа Гриневичева сообщаетъ, что *въ глазахъ левкоевъ* (слушайте, слушайте!) «блиск займаесь від близьких лун заходу» и что «блиск» этотъ ни болѣе ни менѣе какъ—«хитрий»; что «з піль тягнуть аж до мене зітханя сонні твоі»—неизвѣстно чьи; что «вечірній холод з трудом волочить довгі»—ноги, вы бы думали—нѣтъ: «дими», а испуганная такимъ дѣйствительно неслыханнымъ происшествіемъ земля «ворушить лячно левадами зільними». Далѣе «поэтесса» обращается къ кому-то съ такими, уже совершенно неудобочтомыми словесами:

Кладеш спокійні пальці на жар моеі скрані
І усьміхом цілуеш уста моі болючі

Від предовгоі спеки—
Аж викарбутить місяць з небесноі отхлані
Стать свою струпішілу і бліді кине лучі
На образ сей далекий...

Не знаемъ, какъ приведенные отрывки покажутся читателю, а мы совершенно серьезно полагаемъ, что можно было бы объявить премію за разгадку этого яко бы стихотворнаго ребуса, который называется «Візия стрічі» (Л.-Н. Вістник, 1902, VI). Впрочемъ, произведенія, подобныя вышедшему изъ-подъ пера г-жи Гриневичевой, имѣютъ одно несомнѣнное и неоспоримое достоинство: ихъ можно читать какъ угодно: съ начала, съ конца, съ средины, снизу вверхъ, справа налѣво; можно озаглавить «Візия стрічи» и «Стріча візиі», а то и совсѣмъ безъ заглавія оставить,—ничего отъ этого не измѣнится: получится то же самое пустое мѣсто, наборъ словъ безъ всякаго смысла, достойный занять почетное мѣсто на страницахъ какого-нибудь юмористическаго изданія. Смущаетъ насъ въ данномъ случаѣ лишь одно обстоятельство,—это позиція, занятая въ отношеніи подобнаго сорта произведеній «Л.-Н. Вістником», который очевидно, къ юмористическимъ изданіямъ не принадлежитъ и въ цѣли котораго, вѣроятно, не входитъ—приводить въ веселое настроеніе своихъ читателей. Какъ вещи, подобныя этой «Візиі», попадаютъ на страницы почтеннаго журнала—это, признаемся, настоящая загадка, не разрѣшаемая содержаніемъ, въ общемъ все-таки достаточно серьезнаго и по направленію симпатичнаго изданія. Всякій авторъ воленъ, разумѣется, писать, что и какъ ему угодно, но появленіе всевозможныхъ «пустыхъ мѣстъ» на страницахъ серьезнаго и уважающаго себя органа не можетъ быть оправдано даже и тѣмъ, что его «редакция не вяжучися ніякою доктриною, ані теоретичною формулою, допускае до голосу всі напрямки», какъ значится въ послѣднее время въ проспектахъ «Вістника». Вѣдь отсюда недалеко и до полной безпринципности, которую при желаніи также можно оправдывать безпристрастіемъ и желаніемъ предоставить голосъ каждому направленію [1]).

[1]) Въ XI книжкѣ „Л.-Н. Вістника" опять находимъ „нарис" г-жи Гриневичевой «Вікна», а въ этихъ „Вікнах"—такіе безподобные

VI.

Читатель, можетъ быть, обратилъ уже вниманіе, что символизмъ на украинской почвѣ пошелъ по двумъ направленіямъ, связаннымъ между собой общей исходной точкой и общимъ міровоззрѣніемъ, но практически обнаруживающимся различно. Одно, къ выразителямъ котораго можно причислить г-жу Кобылянскую и г. Хоткевича, не чуждо общественныхъ интересовъ и вопросовъ, постановку и разрѣшеніе которыхъ названными писателями мы старались охарактеризировать на предыдущихъ страницахъ. Другое—по самыя уши ушло въ безпочвенный, туманный мистицизмъ преимущественно на личной почвѣ, замѣтно отстранившись отъ всякихъ общественныхъ вопросовъ и теченій. Съ послѣднимъ развѣтвленіемъ нашего символизма, какъ не имѣющимъ общественнаго характера, да и представленнымъ при томъ еще сравнительно незначительнымъ числомъ произведеній, намъ дѣлать больше нечего; вполнѣ достаточно отмѣтить его, предостерегая такихъ авторовъ, какъ г-жа Кобрынская, г.г. Стефаныкъ и Яцківъ, отъ того пути, который легко можетъ оказаться гибельнымъ для ихъ несомнѣннаго дарованія. Но съ первымъ развѣтвленіемъ еще не все покончено, такъ какъ оно имѣетъ свое естественное и необходимо вытекающее изъ предыдущихъ посылокъ продолженіе; даже въ нашей, сравнительно небогатой еще декадентскими произведеніями литературѣ, оно сказало уже свое послѣднее слово, къ которому мы сейчасъ и обратимся.

Произведенія г-жи Кобылянской и г. Хоткевича даютъ довольно опредѣленный матеріалъ, на основаніи котораго можно

перлы: *Упоені дивом бодяки* сипали мягкі, рожеві пухи, рознімаючи крилате галузя рухом *сонним, як зітхане пільги.* Вовча ягода заходиласъ шкарлатним румянцем утіхи»... «Навіть ріка, *утаєна в зеленій тьми*, замкнула мову»... «Въ однім куті кімнати *молила захисту сутінь ночи.* Припадала до білоі стіни і *опирала на ній рамена* тяжк з тріџоги. *Стіна угиналась* під тім натиском і одним боком западалася в землю»... Г-жа Гриневичева, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, дѣлаетъ замѣтные успѣхи.

построить схему постепеннаго развитія міросозерцанія того теченія, о которомъ у насъ сейчасъ рѣчь. Во главу угла его заложена красота,—конечно, красота въ нѣкоторомъ условномъ смыслѣ, а именно—новая, ибо какая же красота можетъ быть въ старомъ мірѣ, не обновленномъ пришествіемъ господъ символистовъ. Итакъ, вначалѣ бѣ красота, культъ которой и составляетъ главнѣйшее содержаніе произведеній названныхъ писателей, а для ихъ героевъ служитъ высшимъ смысломъ и цѣлью жизни. Культъ красоты, развѣтвляясь по двумъ направленіямъ—въ сторону необыкновеннаго почтенія и преклоненія предъ великой и т. п. (эпитеты предоставляемъ воображенію читателя) природой и столь же необыкновеннаго презрѣнія къ мизерному и т. п. человѣку—находитъ свое наиболѣе естественное и яркое воплощеніе въ любви, въ культъ которой и превращается. Нужно замѣтить, что и г-жа Кобылянская, и г. Хоткевичъ на этомъ ставятъ точку: первая ограничивается, какъ, можетъ быть, помнитъ читатель, афоризмомъ: «штука—то великий чоловік, але я бо сказала, що любов більший»; г. Хоткевичъ, правда, голымъ афоризмомъ не удовлетворяется и онъ заставляетъ одного изъ своихъ героевъ «увесь змистъ самого себе» складывать у прелестныхъ ножекъ избранницы сердца. Тѣмъ не менѣе культъ любви у обоихъ представителей занимающаго насъ въ настоящее время направленія не достигъ своей вершины; они остановились, такъ сказать, на полдорогѣ, не посягнувъ сдѣлать изъ своихъ положеній надлежащихъ выводовъ. Выводы эти и вообще достойное завершеніе культа любви и предлагаютъ въ своихъ произведеніяхъ очень безстрашно самые молодые представители новой красоты, которые поэтому могутъ даже нѣсколько свысока смотрѣть на своихъ предшественниковъ, какъ писателей въ нѣкоторомъ отношеніи уже отсталыхъ и несовременныхъ. Дальнѣйшее развитіе символистической схемы и суть открытія, сдѣланнаго молодой генераціей, послѣднее, такъ сказать, слово нашего символизма состоитъ въ томъ, что культъ любви обращается въ культъ... голаго тѣла,—конечно, женскаго преимущественно, если не исключительно. Да это, если хотите, неминуемо и должно было случиться: если *весь* смыслъ

жизни полагать только въ красотѣ да въ половой любви, то рано или поздно эта красота и любовь необходимо упрутся въ одну точку—въ простую чувственность и самую обнаженную порнографію. Но пусть читатель соблаговолитъ припомнить отправный пунктъ символизма, какъ реакціи и протеста противъ крайностей натурализма, и полюбуется, если только вообще подобными мерзостями можно любоваться, какой поразительный оборотъ приняло дѣло: то, противъ чего между прочимъ протестовалъ символизмъ уже однимъ фактомъ своего зарожденія, т. е., безъидейная, безсмысленная обнаженность, обращается, въ концѣ концовъ, для него въ своего рода культъ, въ проявленіе хваленой новой красоты. Все совершилось, какъ по-писаному, какъ будто нарочно для того, чтобы оправдать знаменитую Гегелевскую формулу развитія: натурализмъ (тезисъ) отрицается символизмомъ (антитезисъ), затѣмъ присходитъ отрицаніе отрицанія (синтезисъ) и возвращеніе къ исходному пункту, т. е., въ данномъ случаѣ—къ тому же натурализму, осложненное вдобавокъ наслоеніями и пріобрѣтеніями, сдѣланными во время прохожденія указаннаго пути. Блестящими результатами такой метаморфозы могъ бы удовлетвориться самый завзятый гегеліанецъ. Правда, въ этомъ превращеніи символизма въ свою противоположность, не нашимъ символистамъ принадлежитъ пальма первенства,—она, по справедливости, давно уже предоставлена французскимъ и англійскимъ представителямъ этого направленія, что отмѣчено даже въ лѣтописяхъ уголовной хроники, повѣствующей о скандальныхъ похожденіяхъ нѣкоторыхъ изъ поклонниковъ новой красоты,—тѣмъ не менѣе и наша символистическая литература дала въ этомъ смыслѣ достаточно рельефные образцы. Это еще лишній разъ указываетъ на шаткость краеугольнаго камня, заложеннаго въ основу чисто эстетическихъ идей символизма, сотворившаго себѣ кумиръ изъ проявленія *одной* лишь стороны человѣческой природы и пренебрегшаго *цѣлымъ человѣкомъ*, со всѣми разнообразными свойствами и стремленіями его природы...

Въ 1899—1900 годахъ во Львовѣ издавалась подъ редакціей г.г. Крушельницкаго и Старосольскаго серія книжекъ, объеди-

ненныхъ однимъ направленіемъ и общимъ заглавіемъ—«Живі струни». Продолжаетъ ли выходить эта серія и въ настоящее время, намъ доподлинно неизвѣстно; полагаемъ, однако, что она канула уже въ Лету забвенія, такъ какъ вообще подобныя изданія появлются и исчезаютъ, какъ мыльные пузыри, не идя обыкновенно далѣе первыхъ выпусковъ; во всякомъ случаѣ мы уже около двухъ лѣтъ не встрѣчали въ украинской прессѣ даже намека на продолженіе этой серіи. Если наше предположеніе справедливо, то жалѣть о ранней кончинѣ «Живих струн» не приходится, и именно потому, что символизмъ здѣсь достигъ своей естественной вершины и, кромѣ оголенныхъ черезчуръ мерзостей въ буквальномъ смыслѣ слова, не давалъ уже рѣшительно ничего. Редакторы такъ изъясняли свои цѣли и направленіе изданія: «Мы задумали друкуваты у «Живих струнах» *найновійші* твори украінськоі літератури, а крім сёго подавати нашій публіці переклады з *найновійших і найліпших* творів европейских літератур». Мысль, конечно, хорошая и ничего, кромѣ одобренія, она бы не заслуживала, если бы редакторы не поспѣшили сдѣлать оговорку, что не намѣрены ничѣмъ стѣсняться: «ані напрямом, ані змістом, ані формою», т. е, наиболѣе подходящимъ для себя направленіемъ считаютъ отсутствіе всякаго направленія. И, дѣйствительно, уже первымъ выпускомъ (намъ извѣстно пять) это было показано съ недопускающею никакихъ сомнѣній ясностью, а также и то, въ какомъ смыслѣ понимаются г.г. Крушельницкимъ и Старосольскимъ подчеркнутыя нами выраженія,—чтó что это за «найновійші і найліпші твори, которыми они вздумали просвѣщать нашу читающую публику. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ «Із циклю вігілії» Станислава Пшибышевскаго,—писателя, основной мотивъ міровозрѣнія котораго г. Дегенъ совершенно справедливо опредѣляетъ такъ: «половая дѣятельность въ его (Пшибышевскаго) представленіи есть причина, цѣль, содержаніе и смыслъ жизни. Все остальное только болѣе или менѣе случайная «надстройка» («Русское Богатство», 1902, IV, 131). Первымъ своимъ шагомъ издатели «Живих струн» доказали, что вполнѣ раздѣляютъ основную точку зрѣнія Пшибышевскаго и дальнѣйшіе выпуски пред-

ставляютъ только болѣе или менѣе аляповатые комментаріи къ рискованному положенію: «вначалѣ былъ полъ; ничего внѣ его,—все въ немъ». Собственно изъ оригинальныхъ произведеній состоятъ только два выпуска: одинъ содержитъразсказъ г. Авдыковича: «Нарис одноі доби», другой—десятокъ разсказовъ г. Крушельныцкаго подъ общимъ заглавіемъ «Пролетарі». Произведенія и того и другого автора переполнены самымъ грубымъ и откровеннымъ изображеніемъ проявленій половой чувственности, самыми грязными картинами вплоть до полового акта и противоестественныхъ пороковъ, а менѣе «пикантныя» подробности изображаются уже совсѣмъ неприкровенно. Сифилитики, проститутки, различныхъ видовъ соблазнители и соблазняемыя, подстрекатели, спеціалисты аборта—это «пролетарі» г.г. Крушельныцкаго и Авдыковича; купля и продажа человѣческаго тѣла съ самыми разнообразными мотивами и побужденіями, отъ чувства голода и страсти до высшихъ идейныхъ порывовъ (да, г. Крушельныцкій даже ихъ, эти высшія побужденія, не оставилъ въ покоѣ и постарался набросить свой грязный покровъ: нѣкая «агітаторка поступу і свободи жіноцтва», «загоріла соціялістка» цѣною своего тѣла спасаетъ газету «Поступ» отъ грозящаго ей запрещенія!)—таково основное содержаніе этой, съ позволенія сказать, «литературы»; подробностями, изъ которыхъ «обвислі груди» или «грубі лидкі» еще перлъ невинности и чистоты, буквально пестрятъ грязныя страницы. Читатель, конечно, уволитъ насъ отъ подробнаго разбора этихъ перловъ новой красоты, ничего кромѣ чисто скотского безобразія въ себѣ не заключающихъ и даже не представляющихъ интереса новизны, ибо подобные «сюжетцы» давно уже прельщали безобразниковъ разныхъ временъ и народовъ и разработаны въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ. Но есть, кажется, одно существенное различіе между старыми и новыми безобразниками и при томъ не въ пользу послѣднихъ. Прежде на безобразія подобнаго рода такъ и смотрѣли, какъ на безобразія, называли ихъ порнографіею и по крайней мѣрѣ открыто ими не восхищались; да и сами безобразники въ глубинѣ души чувствовали свое безобразіе и не вытыкали своихъ мерзостей всенародно,—имѣлась, очевидно,

хоть капля стыда предъ неприкровенною обнаженностью. Нынѣ то же самое намъ подаютъ подъ соусомъ обновленнаго искусства, приправленное слишкомъ прозрачными именно только для данныхъ случаевъ символами, а то и вовсе безъ нихъ, но уже подъ пышнымъ названіемъ красоты, да еще и новой. Прежде обладатели картинъ съ рискованными сюжетами задергивали свои сокровища занавѣсками и только наединѣ или въ тщательно подобранной компаніи подобныхъ же любителей наслаждались ими; теперь ихъ выносятъ на улицы и торжища и назойливо предлагаютъ всѣмъ проходящимъ—смотри и любуйся! Но безобразіе отъ этого, разумѣется, не стало красотою и порнографія по-прежнему не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ; она была, есть и будетъ всего лишь порнографіей, отвратительнымъ наростомъ, руководствующимся исключительно лишь низменными побужденіями, хотя и прикрываемыми иногда фарисейскимъ бормотаньемъ на счетъ яко-бы обличительныхъ цѣлей, или же исключительно эстетическаго наслажденія красотою формъ человѣческаго тѣла. Но умыселъ тутъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ другой и истинные мотивы господъ порнографовъ ясны изъ ихъ пріемовъ: обличитель, если онъ не имѣетъ ничего «себѣ на умѣ», не станетъ тщательно выписывать отвратительно-грязныхъ подробностей, смакуя ихъ и на разные лады переворачивая; что же касается эстетическаго или иного какого-нибудь чистаго наслажденія красотою формъ, то этимъ опять таки лишь прикрываются на самомъ дѣлѣ очень нечистыя вожделѣнія. Можно, конечно, восторгаться красотою человѣческаго тѣла такъ, какъ восторгался, напр., Успенскій Венерой Милосской, но можно и такъ, что за человѣка стыдно станетъ. И это послѣднее въ милліонъ разъ вѣроятнѣе, потому что если люди, въ родѣ Успенскаго, не каждый день встрѣчаются, то саврасовъ и слюняевъ, видящихъ въ особѣ другого пола лишь средство удовлетворенія похоти и соотвѣтственнымъ образомъ и «восторгающихся»,—какъ песку въ морѣ. Искусство, разъ оно вступило на путь пропаганды грубой чувственности и поощренія низменныхъ инстинктовъ, не заслуживаетъ и названія искусства, какими - бы пышными именами себя не прикрывало:

оно само себя отрицаетъ и въ себѣ самомъ носитъ гниль и разложеніе, которыя не замедлятъ сказаться очень чувствительнымъ образомъ.

VII.

Пора однако кончить, но въ заключеніе еще позволимъ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній. Читатель вправѣ задать вопросъ, почему, однако, столь сомнительное въ художественномъ отношеніи и несомнѣнно уже отрицательное съ общественной точки зрѣнія направленіе имѣетъ въ настоящее время, повидимому, успѣхъ даже въ нашей литературѣ, не знавшей крайностей натурализма,—гдѣ, слѣдовательно, отпадаетъ законная почва и достаточное основаніе для возникновенія и развитія символизма? Какія причины заставляютъ ожидать отъ этого направленія даже «необычайнаго подъема художественнаго творчества», какъ это, молъ, было уже у другихъ народовъ? Положимъ, что оно, это направленіе, ни у какихъ «другихъ народовъ» и никакого подъема не произвело, и ссылка на нихъ мы не знаемъ какъ сюда попала; но тѣмъ болѣе, значитъ, возможенъ вопросъ, почему у насъ оно обнаружитъ себя съ новой стороны и внесетъ оживленіе и подъемъ въ нашу литературу? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нѣтъ надобности сводить всѣ причины успѣха декадентства ко всеобщему вырожденію и истеріи, какъ это дѣлаетъ Максъ Нордау; въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ не такъ страшно и ужъ навѣрное гораздо проще. Нужно прежде всего принять во вниманіе, съ одной стороны, ту общественную почву, на которую у насъ (да и не только, быть можетъ, у насъ) упали зерна декадентства, а съ другой—и читательской психологіей не пренебрегать.

Время, переживаемое нами,—странное, жестокое время. Вникая въ окружающую насъ жизнь, крайне запутанную, переплетенную по разнообразнымъ направленіямъ прямо противоположными вліяніями и стремленіями, мы видимъ бездну зла, основаннаго на нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, имѣющаго свой корень въ соціальномъ устройствѣ современнаго общества. Личность че-

ловѣка, несмотря на то, что освобожденіе ея болѣе или менѣе шумно провозглашено много времени тому назадъ, стоитъ такъ же одиноко и безпомощно, какъ и много вѣковъ до нашего времени, такъ же задыхается подъ непосильнымъ бременемъ запутанныхъ общественныхъ отношеній и такъ же безсильна вырваться изъ плотно охватившихъ ее тисковъ современнаго соціальнаго и экономическаго уклада, многоразличными цѣпями опутавшаго ее, эту многострадальную личность, по всѣмъ направленіямъ. Это могла бы сдѣлать только коллективная сила, сложенная изъ усилій отдѣльныхъ личностей, но для такого сложенія силъ мы не только не имѣемъ наличности подходящихъ условій, но даже напротивъ—множество самыхъ разнообразныхъ причинъ способствуютъ лишь разъединенію и разобщенію отдѣльныхъ личностей. Что прикажете дѣлать наблюдателю предъ зрѣлищемъ зла, нужды и страданій, радикально излѣчить или хотя бы даже облегчить которыя онъ не имѣетъ возможности? Стоять молча, со скрещенными руками, въ наблюдательной позѣ и спокойно-безучастно ожидать, что будетъ? Но вѣдь это ужасно—видѣть всѣ страданія и не чувствовать себя въ состояніи противопоставить имъ отпорную силу! Лучше отвернуться отъ этого страшнаго зрѣлища бездонныхъ страданій, лучше усыпить свой умъ и чувство, закрыть глаза и уши на происходящее передъ нами, чтобы не видѣть и не слышать ничего. Разумъ человѣческій, еще недавній богъ, очевидно, обманулъ, обѣщая радикальное улучшеніе судьбы человѣчества—долой обманщика! Наука не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ—прочь обольстительницу! Современное положеніе безвыходно—въ сторону всѣ усилія, направленныя къ улучшенію его! И вотъ провозглашается безсиліе разума, банкротство науки, безполезность общественныхъ идеаловъ... Въ такое удобное время къ человѣку, пребывающему въ безвыходно-трагическомъ положеніи существа, не находящаго нигдѣ почвы подъ ногами и ищущаго лишь какого-нибудь гашиша, чтобы «забыться и заснуть»,—мягко подкрадывается вдругъ ученіе и вкрадчиво излагаетъ ему принципы новаго откровенія: все, что возмущаетъ душу, отъ чего ищешь забвенія—суета суетъ и пустяки, на которые не стоитъ

и вниманія обращать; всѣ эти корявыя, мозолями покрытыя руки, испитыя, изможденныя лица,—вся эта сѣрая, страждущая толпа—совершено не заслуживаетъ того, чтобы о ней заботиться. Это, молъ, низшія существа, провиденціальная роль которыхъ исчерпывается лишь тѣмъ, что они своими соками, своимъ потомъ и кровью должны доставить питаніе немногимъ избраннымъ, сверхчеловѣкамъ, «вишім істотам», которые въ это время будутъ доводить себя до возможнаго совершенства, отшлифовывать для самыхъ утонченныхъ потребностей, наслаждаться красотой и предаваться утѣхамъ любви... Вотъ это—соль земли, это—настоящіе люди, а поэтому «станьмо ними, учім другихъ ставати ними», какъ приглашаетъ г-жа Кобылянская, а затѣмъ пойдемъ своею дорогою любви и наслажденій и не будемъ-те никакого вниманія обращать на эту копошащуюся у насъ подъ ногами, корчащуюся отъ боли и страданій толпу, оборванную, грязную, съ грубыми неизящными руками. Природа, красота, любовь—вотъ главное, а люди—это отвратительное вмѣстилище всѣхъ золъ и пороковъ,—итакъ плюнь на нихъ и «лови, лови моментъ любви». Чтобы не показать этого возмутительнаго ученія во всей его неприглядной наготѣ, творцы его,—можетъ быть, совершенно безсознательно—окутываютъ его темными, неясными покровами символовъ, мистицизма, отвлеченной самодовлѣющей красоты и въ такомъ прикровенномъ и, такъ сказать, облагороженномъ видѣ и преподносятъ нашему извѣрившемуся во все и вся наблюдателю. Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ съ жадностью хватается за этотъ гашишъ,—да, здѣсь и только здѣсь источникъ жизни, а прочее все—пустяки, вниманія не стоющіе. Зерно падаетъ на достойную, готовую къ воспріятію, жаждущую гашиша почву и приноситъ обильные плоды. Измочаленные нервы современнаго человѣчества уже не удовлетворяются здоровой умственной пищей, основанной на жизненной правдѣ; они требуютъ острыхъ приправъ и пряностей—и вотъ появляется декадентская литература съ ея черезчуръ темными намеками на то, чего не вѣдаетъ никто, и опять таки черезчуръ откровенными изображеніями всѣмъ извѣстнаго скотства, а читатель... Теперь мы перейдемъ къ читателю, но для

уясненія читательской психологіи позволимъ привести одинъ фактъ изъ нашихъ личныхъ воспоминаній. Дѣло происходило въ одной изъ нашихъ семинарій. Былъ въ ней, какъ по штату полагается, преподаватель философіи, усвоившій очень оригинальный пріемъ для уясненія своимъ слушателямъ смысла и значенія философіи. На первый урокъ онъ являлся обыкновенно вооруженный какой-нибудь самой что ни на есть философской книжкой и, не говоря ни слова, раскрывалъ ее въ наиболѣе темномъ мѣстѣ и заставлялъ одного изъ учениковъ читать. Читаетъ тотъ о всевозможныхъ «трансцедентахъ», «субстанціяхъ», «вещахъ въ себѣ», о конечныхъ началахъ и начальныхъ концахъ и тому подобныхъ мудростяхъ, а учитель, поглаживая самодовольно бороду, съ самымъ серьезнымъ видомъ расхаживаетъ по классу. Наконецъ, убѣдившись, что эффектъ произведенъ достаточный, онъ прерываетъ чтеніе вопросомъ, обращеннымъ ко всему классу: «поняли что-нибудь, господа?» Разумѣется, ученики со стыдомъ и огорченіемъ должны сознаться: нѣтъ, молъ, не поняли.—«Вотъ это и есть философія!»—изрекаетъ самодовольно учитель. Можно, конечно, сказать, что нашъ доморощенный философъ былъ просто неумный человѣкъ, такъ какъ, желая наилучше отрекомендовать свою науку, превознести ее предъ своими слушателями и внушить къ ней почтеніе и уваженіе, онъ избиралъ столь нелѣпое средство, что достигалъ прямо противоположныхъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ—къ чему усиливаться, чтобы уразумѣть какую-то непонятную штуку, хотя-бы она носила и громкое названіе философіи? Къ чему, далѣе, и эта громкая философія, если она не умѣетъ отвѣтить на интересующіе меня и мнѣ дорогіе жизненные вопросы и, обременяя лишь память какими-то непонятными обрывками возвышенныхъ мыслей, претендуетъ еще на высшее для меня значеніе? Такъ въ дѣйствительности и относилось большинство учениковъ къ остроумному методу нашего философа: уразумѣвъ изъ его таинственнаго поведенія, что философія его есть нѣчто во всякомъ случаѣ непостижимое, они такъ и не пытались ее постигнуть, а для разрѣшенія возникающихъ вопросовъ обращались къ другимъ, менѣе таинственнымъ источ-

никамъ. Но находилось и не мало такихъ,—и эти вотъ послѣдніе для меня теперь наиболѣе интересны,—на которыхъ вся эта таинственность производила сильное впечатлѣніе, которымъ она импонировала; въ умахъ ихъ философія навсегда окружалась ореоломъ недоступности и величія и, ничего въ ней не понимая, они тѣмъ не менѣе проникались глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ этому непонятному: еще бы—философія!.. Не думайте, что такое идолопоклонственное почтеніе къ непонятному и таинственному можетъ зарождаться только въ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ головахъ среди слушателей нашего философа: подобные и философы, и почитатели среди всѣхъ слоевъ такъ называемаго образованнаго общества не только не исключительное явленіе, но даже вовсе не рѣдкость. Вся бѣда нашего философа состояла въ томъ, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ напрямикъ, съ излишнею и черезчуръ наивною откровенностью обнаруживалъ свои карты и потому успѣхъ его былъ незначителенъ; другіе философы въ томъ же родѣ дѣйствуютъ болѣе искуссно, а потому и результаты получаютъ, съ своей точки зрѣнія, болѣе плодотворные. Мы, обыкновенные читатели, вообще слишкомъ робкій и пугливый народъ и къ каждой печатной строкѣ, а тѣмъ болѣе уснащенной невѣдомыми, таинственными терминами, чувствуемъ большое почтеніе; сужденія свои о литературѣ выражаемъ большею частью въ краткомъ и неопредѣленномъ видѣ: X пишетъ хорошо, Z—хуже или лучше, а въ пространныя разъясненія обыкновенно не вдаемся, подобно тому чиновнику у Успенскаго, которому разсуждать о Богѣ не было времени и потому онъ ограничивался лишь словами: «довольно будетъ знать и того, что мы его должны бояться». Вотъ этотъ недостатокъ критическаго отношенія къ ученіямъ, излагаемымъ съ нѣкоторымъ апломбомъ, преклоненіе и пугливость предъ непонятнымъ и таинственнымъ и составляютъ наиболѣе удобную почву для распространенія всякой темноты. Вообразите, что такому читателю преподносятъ какую-нибудь непонятную и даже совсѣмъ невозможную нелѣпость, сопровождая ее рекомендаціей, что вотъ это и есть философія или что-нибудь въ этакомъ же высокомъ родѣ—новая красота, что-ли. Пугливый

читатель нелѣпости, конечно, не пойметъ, потому что и понимать то тамъ въ большинствѣ случаевъ нечего, но его смутитъ рекомендація, выставляющая данную вещь, какъ перлъ созданія. А тутъ еще и то соображеніе, что я то, положимъ, не понялъ, но рекомендовавшій новую красоту въ качествѣ таковой ужъ навѣрное понимаетъ,—что же я долженъ казаться глупѣе его, что-ли? Стыдно вѣдь, да и при томъ же,—вездѣ въ Европѣ одобряютъ... И вотъ, не смотря на то, что рекомендовавшій тоже сплошь и рядомъ ничего не понимаетъ въ своей «новой красотѣ», а только, по выраженію Вознаго, болѣе или менѣе «искусстно удає»,—новый адептъ готовъ, и нашъ пугливый читатель уже преклоняется предъ символизмомъ, а при случаѣ готовъ даже распинаться за него предъ другими. Получается нѣчто въ высокой степени курьезное: поклонники новой красоты торопятся по поводу какого-нибудь «шедевра» произнести одобрительное «вѣрно» съ тѣмъ только, чтобы при настойчивыхъ вопросахъ какого-нибудь скептика сейчасъ же съ конфузнымъ видомъ писаря изъ «По-над Дніпром» сознаться: «но, правду сказать, еще не понялъ». И это не выдумка, не преувеличеніе съ нашей стороны. Мы неоднократно, напр., обращались ко многимъ поклонникамъ г-жи Кобылянской съ просьбой объяснить хотя бы вотъ окончаніе очерка «Під голим небом»,—въ концѣ концовъ, послѣ всевозможныхъ увертокъ и неопредѣленныхъ отвѣтовъ, оказывалось, что хотя поклонникъ и считаетъ разсказъ этотъ несомнѣннымъ шедевромъ, но, «правду сказать, еще не понялъ». Можно сомнѣваться, пойметъ-ли онъ и вообще хотя когда-нибудь, но что онъ будетъ восхищаться и рекомендовать свой шедевръ—это въ большинствѣ случаевъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

Вотъ на этихъ то основаніяхъ—на желаніи забыться, отвлечься отъ общественныхъ вопросовъ и на недостаткѣ критическаго отношенія къ предлагаемымъ ученіямъ и зиждется успѣхъ символизма и смежныхъ съ нимъ направленій. Подобно гашишу, они усыпляютъ болѣе искреннюю часть своихъ приверженцевъ, подходящихъ къ нимъ съ серьезными запросами, но не имѣющихъ смѣлости смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ищу-

щихъ только одного—забыться отъ тяжелыхъ вопросовъ современности; они щекочутъ самолюбіе другихъ, давая очень удобную возможность «совсѣмъ безъ драки попасть въ большіе забіяки» и считать себя передовыми, высшими людьми на основаніи чисто поверхностныхъ признаковъ; они, наконецъ, удовлетворяютъ стремленію большинства слѣдовать моднымъ теченіямъ, не задумываясь надъ ними глубоко и принимая ихъ на вѣру съ перваго, что называется, абцуга. Но каковы бы ни были причины успѣха символизма, одно для насъ внѣ всякаго сомнѣнія: въ лицѣ его мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ рѣшительно противообщественнымъ, разлагающимъ, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ среди даннаго общества того живого, бодраго настроенія, которое является необходимымъ условіемъ движенія впередъ. А можетъ ли въ приглашеніи къ общественному квіэтизму заключаться какой-нибудь выигрышъ,—на это, полагаемъ, возможенъ лишь одинъ отвѣтъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что наша литература своимъ направленіемъ не давала повода для возникновенія на нашей почвѣ символизма и хотя г-жа Л. Украинка и обвиняетъ галицкую критику въ увлеченіи принципами натурализма, но объ этомъ едва ли можно говорить серьезно. Какой ужъ тамъ натурализмъ, когда редакторы галицкихъ изданій сплошь и рядомъ «облагораживаютъ» и смягчаютъ, а то и совсѣмъ вычеркиваютъ просто жанровыя картинки, къ натурализму никакого касательства не имѣющія (см., напр., предисловіе къ кіевскому изданію повѣсти Свидницкаго «Люборацьки»); когда серьезно приходится доказывать, что упоминаніемъ, напр., о проституціи еще не оскорбляется общественная нравственность (см. «Листи з-над Полтви» въ Л.-Н. Вістн., 1899, кн. V). Натурализма, какъ особаго литературнаго направленія, у насъ, повторяемъ, не было; нѣтъ его и въ настоящее время, хотя нѣкоторые изъ служителей новаго искусства и старались это направленіе пропагандирвать въ интересахъ нѣсколько своеобразно ими понимаемой красоты. Серьезнѣе другое обвиненіе, часто направленное по адресу нашихъ литературныхъ дѣятелей—что они до сихъ поръ ограничиваются лишь слащавымъ изображеніемъ идиллическихъ сценъ «кохання», возвеличеніемъ «народних

святощів», безсильнымъ нытьемъ по поводу маленькихъ непріятностей и огорченій, или же, наоборотъ, выцвѣтшими и выдохшимися приглашеніями къ борьбѣ со зломъ; указывается часто, что назрѣла необходимость обновить нашу литературу, освободить ее отъ рабскаго подражанія выработаннымъ давно и утратившимъ уже свою свѣжесть шаблонамъ, и что въ этомъ отношеніи крупную услугу можетъ оказать новое направленіе, которое, дескать, «не пройдетъ безслѣдно» для нашей литературы. Насколько справедливы вообще указанныя нареканія—этотъ вопросъ слишкомъ большой и сложный, чтобы можно было отвѣтить на него въ немногихъ словахъ, но несомнѣнно одно—что всѣ эти «вышневі садочки», идиллическія сценки около «перелазів», «вечорныці» і т. п. аксессуары, которыми дѣйствительно и до сихъ поръ любятъ приправлять свои произведенія изъ народной жизни нѣкоторые наши писатели, уже дѣйствительно выдохлись, интересъ и вкусъ къ нимъ потерянъ и они теперь не въ состояніи уже властно захватить читателя и подчинить всецѣло своему обаянію. Да это и понятно: если во время романтической юности «вышневі садочки» и сцены возлѣ «перелазів» и играютъ, можетъ быть, большую роль, способны волновать кровь, и заставлять учащенно биться сердце, то для зрѣлаго возраста требуется уже болѣе серьезной и трезвой пищи. Такъ и въ литературѣ: юная литература обыкновенно обращаетъ вниманіе болѣе на внѣшнюю сторону жизни, но не достаточно вглубляется внутрь ея, чтобы вскрыть общественныя язвы, предложить то или иное ихъ объясненіе, натолкнуть на способы излѣченія и т. п. Это уже дѣло зрѣлаго періода и, намъ кажется, что для украинской литературы часъ такой сознательной зрѣлости уже пробилъ. Все рѣже и рѣже наши писатели обращаются къ узкимъ личнымъ мотивамъ и все ярче пробиваетъ струя интереса къ общечеловѣческимъ стремленіямъ и задачамъ. Что украинская литература уже безвозвратно покончила съ періодомъ романтической и мечтательной юности—въ этомъ, мы, думаемъ, сомнѣній быть не можетъ; но нѣтъ, полагаемъ, сомнѣній и относительно желательности такого порядка развитія, при которомъ была бы необходимость, миновавъ зрѣлый періодъ, пе-

рескочить прямо въ періодъ старчества, увяданія, упадка. А между тѣмъ именно это намъ и предлагаютъ сдѣлать поклонники символизма, да еще и обѣщаютъ при этомъ, что такой головокружительный salto mortale не пройдетъ безслѣдно для родной литературы. Что онъ дѣйствительно не пройдетъ безслѣдно, съ этимъ, пожалуй, и мы согласимся, но только слѣды-то эти рисуются намъ въ нѣсколько иномъ цвѣтѣ. Если вообще старчество страшно по своимъ послѣдствіямъ, какъ предтеча и провозвѣстникъ болѣе или менѣе близкой смерти, то тѣмъ ужаснѣе маразмъ,—старчество преждевременное и до извѣстной степени искусственное: это вѣдь не результатъ уже пережитой жизни, цѣлесообразнаго расходованія силъ и нормальнаго развитія общественнаго организма, а именно преждевременное истощеніе, упадокъ, растрата, если хотите, народныхъ силъ. Болѣе богатымъ и сильнымъ литературамъ эта растрата, можетъ быть, и не такъ страшна и опасна,—тамъ много работниковъ встанетъ на мѣсто безпечно зарывшихъ свой талантъ въ землю, или безразсудно размѣнявшихъ его на мелочи и потратившихъ на усилія объять необъятное. У насъ—другое дѣло. У насъ вѣдь во всѣхъ областяхъ интеллектуальной жизни работниковъ такъ мало, недостатокъ ихъ вездѣ и всюду чувствуется такъ сильно и настоятельно, что всякая потеря отзывается съ удвоенной силой на нашемъ народномъ организмѣ, а всякая намѣренная растрата, хотя бы и своихъ личныхъ силъ, есть уже не просто безразсудность и безпечность, а преступленіе предъ родной страной и народомъ. Пусть пріемы нашихъ предшественниковъ устарѣли; пусть кругозоръ ихъ былъ тѣсенъ, ограниченъ и исчерпывался лишь изображеніемъ внѣшней стороны жизни, не проникая вглубь ея; пусть, наконецъ, они дѣлали свое дѣло съ юношескимъ романтизмомъ,—все это такъ, но неужели изъ этого слѣдуетъ, что намъ необходимо отказаться отъ нормальной эволюціи и органическаго развитія, плюнуть на все выработанное предшественниками и сразу перейти къ старчеству. «Не тільки світа, що в вікні»—это вѣрно, такъ ищите его за окномъ, на широкомъ вольномъ просторѣ, но не утверждайте, что свѣта и совсѣмъ нѣтъ, а единое, что есть на потребу,—это поиски всевозможныхъ новыхъ

красотъ. Есть онъ, этотъ свѣтъ, сколько угодно его имѣется, да только, вѣроятно, искать его не такъ то легко, какъ баловаться эстетическими бирюльками. Если возьмемъ хотя бы только одну сферу народной жизни, сколько увидимъ тутъ явленій, достойныхъ разработки и вниманія вдумчиваго художника, а между тѣмъ совсѣмъ незатронутыхъ литературой или до сихъ поръ мало притягивавшихъ интересъ ея дѣятелей:—вліяніе новыхъ экономическихъ условій, измѣненіе въ зависимости отъ этого умственнаго и нравственнаго облика нашей деревни, разложеніе старыхъ вѣрованій, нарожденіе новыхъ, отношеніе къ образованію, малоземелье, переселенческій вопросъ, явленія въ родѣ галицкихъ «страйків», въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ имѣвшія мѣсто и на Украинѣ, и т. д., и т. д. И болѣе вдумчивые писатели могутъ почерпать отсюда, изъ этого неисчерпаемаго источника, истинный свѣтъ, давая изображеніе *всѣхъ* сторонъ нашей народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческой природы вообще. Служители новой красоты, наоборотъ, надѣляютъ человѣка лишь однимъ, до громадныхъ размѣровъ разросшимся и поглотившимъ остальныя стороны человѣческой природы, эстетическимъ чувствомъ; они изображаютъ не человѣка, а какой-то эстетическій аппаратъ, приспособленный исключительно къ спеціальной и односторонней дѣятельности. Нечего и говорить, что это такъ же ложно и фальшиво, какъ и противоположная крайность, представляющая человѣка въ видѣ одного громаднаго желудка, поглотившаго всѣ остальные органы. Художникъ можетъ, конечно, съ восторгомъ, говоря словами поэта,

Дивитись на красу створіння,

но онъ долженъ кромѣ того умѣть—

Втішатись радістю правдивих діл,
Боліти й мучитись, неправду зрячи,

или, употребляя выраженіе Наталки Верковичъ, «любити світ Божий в цілій його величі», безъ всякаго ограниченія, не отыскивая въ немъ исключительно «чудесних і гарних об'яв». Если же передъ нами художественное направленіе, ради рискованныхъ

порывовъ въ туманную высь, закрывающее глаза на такія явленія нашей жизни, при одномъ воспоминаніи о которыхъ кровь буквально стынетъ въ жилахъ; если оно проповѣдуетъ презрѣніе къ живому человѣку ради любви къ мертвой природѣ; если ради блаженства нѣсколькихъ сверхчеловѣковъ оно готово принести въ жертву интересы массъ народныхъ; если, наконецъ, оно возводитъ въ перлъ созданія отвратительнѣйшія проявленія извращенной человѣческой природы,—то мы къ нему иначе не можемъ относиться, какъ къ явленію глубоко отрицательному, признаку упадка и національнаго маразма, грозящаго литературѣ нашей неисчислимыми потерями и вредомъ. Судъ нашъ не можетъ измѣниться отъ того, что среди представителей этого направленія можетъ оказаться человѣкъ съ талантомъ,—напротивъ, онъ долженъ быть строже, ибо, во-первыхъ, кому много дано, съ того много и взыщется, а во-вторыхъ, талантъ во вредномъ дѣлѣ гораздо вредоноснѣе, а потому и отвѣтственнѣе, чѣмъ бездарность. На человѣконенавистничество г. Хоткевича можно смотрѣть лишь съ улыбкой, а къ той же чертѣ г-жи Кобылянской было бы большою неосторожностью относиться такъ же легко. Это потому, что г. Хоткевичъ едва ли кого-нибудь соблазнитъ, тогда какъ г-жа Кобылянская большой грѣхъ на душу беретъ, создавая вредное, противообщественное, развращающее нетвердые умы направленіе въ литературѣ, которое дѣйствительно не пройдетъ, да и не проходитъ уже безслѣдно. А вотъ радоваться ли намъ или же скорбѣть по поводу этихъ слѣдовъ, а значитъ и причины ихъ—пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ самъ читатель...

Сергій Ефремовъ.

Мнимый бунтъ на Волыни въ 1789 г.

(Архивъ Югозападной Россіи. издаваемый Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть 3-я, томъ V. Акты о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Югозап. краѣ въ 1789 г. Кіевъ, 1902).

(Окончаніе [1]).

Перейдемъ къ дѣятельности Кременецкаго гродскаго суда. Въ Кременцѣ относились къ обвиняемымъ еще суровѣе, чѣмъ въ Луцкѣ. Здѣсь гродскій судъ не всегда даже допрашивалъ свидѣтелей, ограничиваясь часто допросами, произведенными офицерами и помѣщиками. Арестованныхъ морили въ тюрьмѣ голодомъ и на ночь забивали имъ ноги въ деревянныя колодки. Иные изъ обвиняемыхъ умерли въ тюрьмѣ, иные взводили на себя напраслину, чтобы только избавиться отъ заключенія. Арестовывали на основаніи болѣе чѣмъ сомнительныхъ уликъ. Такъ, священника с. Нижнихъ Дедеркалъ Матвѣя Хращевскаго начальникъ милиціи арестовалъ только на томъ основаніи, что до него дошелъ слухъ, будто дьякъ въ ссорѣ назвалъ Хращевскаго гайдамакою. Священникъ сначала показалъ, что у крестьянина Драпалюка ночевали 3 маркетана и онъ, священникъ, купилъ у нихъ 2 платка и кусокъ ситца и никакихъ разговоровъ не велъ, но на другой день, подъ вліяніемъ обѣщанія начальника, что за от-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

кровенность онъ получитъ свободу, Хращевскій показалъ, что маркетаны дали ему и Драпалюку по 200 р. на вербовку бунтовщиковъ. Показанія свои Хращевскій мѣнялъ 4 раза. Его отправили въ Кременецъ. И здѣсь онъ мѣнялъ показанія. Драпалюкъ и свидѣтели изъ крестьянъ утверждали, что, хотя маркетаны ночевали въ ихъ селѣ, но къ бунту никого не возбуждали. Судъ приговорилъ Хращевскаго къ смертной казни, но епископъ отказался снять съ него санъ по незаконности приговора; дѣло передано было въ Луцкій трибуналъ, который освободилъ, по недоказанности обвиненія, и Хращевскаго и Драпалюка, присужденнаго къ шестилѣтнему заключенію въ крѣпости, и выразилъ гродскому суду порицаніе за незаконныя дѣйствія.

Другой случай былъ еще характернѣе. На кременецкаго благочиннаго Павла Громачевскаго, человѣка образованнаго и пользовавшагося уваженіемъ, поступилъ доносъ отъ судовыхъ канцеляристовъ, бывавшихъ въ его домѣ. Громачевскаго отправили въ Дубенскую крѣпость. Комендантъ кн. Любомирскій, лично знавшій Громачевскаго, велѣлъ освободить его и сдѣлалъ выговоръ арестовавшему его офицеру. Это вызвало въ Кременцѣ раздраженіе и Любомирскаго стали обвинять даже въ полученіи взятки. Тогда Любомирскій отправилъ Громачевскаго въ Варшаву. Сеймовая депутація, разсмотрѣвъ дѣло, выдала Громачевскому отъ имени сейма дипломъ, удостовѣряющій его невинность, и золотую медаль, но, несмотря на это, въ Кременцѣ такъ злобствовали на благочиннаго, что онъ долженъ былъ выселиться оттуда.

Когда, спустя мѣсяца два, паника немного улеглась, суды стали относиться къ обвиняемымъ мягче и въ Луцкѣ освободили нѣсколькихъ священниковъ, арестованныхъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ, напр. за то, что разновременно покупали платки у пилипоновъ, за выѣздъ въ тревожное время изъ дома и т. п. Интересна причина ареста двоихъ изъ нихъ. Арендаторъ с. Шапра дворянинъ Соболевскій арестовалъ шестерыхъ священниковъ и подъ конвоемъ привезъ въ Луцкъ; на рынкѣ онъ предложилъ имъ откупиться, четверо изъ нихъ воспользовались предложеніемъ и были отпущены, а двое не имѣли денегъ и попали въ тюрьму.

Смягчился и кременецкій судъ и сталъ давать обвиняемымъ возможность представлять доказательства своей невинности. Такъ, свящ. Подчашинскому, обвиненному въ сношеніяхъ съ маркетанами, заготовленіи оружія и подстрекательствѣ къ бунту, удалось доказать, что онъ виновенъ только въ произнесеніи угрозъ противъ евреевъ; его посадили на мѣсяцъ въ тюрьму. На мѣсяцъ же посадили и свящ. Мартыновича за приглашеніе францисканцевъ перейти въ унію и неприличное поведеніе у нихъ въ гостяхъ. Свящ. Долинскаго и трехъ крестьянъ обвиняли въ произнесеніи угрозъ противъ поляковъ и евреевъ, но свидѣтели не подтвердили обвиненія и подсудимые были освобождены, впрочемъ, двоимъ крестьянамъ дали по 50 ударовъ за дерзкій нравъ вообще. Освободили двухъ священниковъ, содержавшихся въ тюрьмѣ за неясныя выраженія въ письмѣ, когда они доказали, что выраженія эти относились къ производившемуся въ консисторіи дѣлу. Освободили также двухъ священниковъ и сыновей одного изъ нихъ, такъ какъ не было заявлено никакого обвиненія.

Когда возбужденіе, охватившее шляхетское общество, стало уже прекращаться, новыя обстоятельства, вызванныя въ значительной степени тревогой, дали новую пищу безпокойству. Обстановка, при которой совершалось усмиреніе фантастическаго бунта, породила рядъ небылицъ и наговоровъ. Какой то нищій объявилъ, будто разносилъ записки отъ маркетановъ къ священникамъ и оставшіяся воззванія спряталъ въ крышѣ на своей родинѣ, въ с. Торчинѣ. Слѣдствіе обнаружило, что указанные имъ священники никогда его не видали, въ Торчинѣ онъ никогда не жилъ и его тамъ не знаютъ, въ указанной крышѣ ничего не было, а самъ доносчикъ страдаетъ помѣшательствомъ. Его все таки повѣсили.

Другой случай гораздо серьезнѣе и, повидимому, могъ способствовать раскрытію заговора. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось слѣдователямъ. Въ с. Рабіевкѣ, на границѣ Подольскаго воеводства, помѣщикъ Ястржембскій арестовалъ крестьянина Кирилла Пундыка, принимая его за переодѣтаго запорожца. При допросѣ, оказалось, что арестованный—крестьянинъ, жившій работникомъ

на мельницахъ. Ястржембскій пустилъ въ ходъ розги и Пундыкъ далъ подробное показаніе о заговорѣ, къ которому, по его словамъ, принадлежало до 5000 чел., имѣвшихъ главою гетмана—попа изъ с. Карповецъ, заговорщики дѣлились на 8 дивизій, которыми начальствовали коменданты—священники или крестьяне. По памяти Пундыкъ оговорилъ до 500 лицъ, жившихъ въ 80 селахъ и мѣстечкахъ. Относительно оговоренныхъ онъ чаще всего давалъ неопредѣленныя указанія, не сообщая даже фамилій. Ястржембскій отправилъ показанія вмѣстѣ съ арестантомъ въ ближайшую военную команду, въ м. Базалію, откуда его препроводили въ Волынскую порядковую коммиссію. Послѣ допроса, коммиссія увѣдомила объ окончательномъ раскрытіи заговора, какъ сеймовую депутацію, такъ и коммиссіи сосѣднихъ воеводствъ, а самого Пундыка предоставила въ распоряженіе Кременецкаго гродскаго суда. Началось слѣдствіе; Пундыка пересылали то въ Варшаву, то въ Каменецъ и Летичевъ. При новыхъ допросахъ Пундыкъ присоединялъ къ своему показанію все новыя и новыя подробности и создалъ цѣлую фантастическую повѣсть, гдѣ фигурировали маркетаны, раздающіе деньги, описывались тайныя собранія заговорщиковъ, принесеніе присяги, разсказывалось объ ожиданіи сына Гонты съ 14000 козаковъ. Себѣ Пундыкъ приписалъ роль агента, разносившаго прокламаціи и такимъ образомъ познакомившагося съ главами заговора. Открылся рядъ процессовъ. Особенное усердіе обнаружилъ Кременецкій гродскій судъ. Оговоренныхъ доставляли въ с. Святецъ въ воинскую команду и здѣсь сѣкли, пока не добивались признанія, тогда отсылали въ Кременецъ, гдѣ безъ новаго допроса постановляли приговоръ. Факты вымучиванія показаній розгами, извращенія показаній судомъ, отсутствія свидѣтелей, недостовѣрность показаній Пундыка, на которыхъ основывался судъ,—все это установлено Люблинскимъ трибуналомъ, пересматривавшимъ нѣкоторые процессы. Всѣхъ подсудимыхъ обвиняли въ сношеніяхъ съ маркетанами, полученіи отъ нихъ денегъ, подготовкѣ бунта и т. п. Степень наказанія зависѣла отъ значенія лица въ организаціи заговора по показанію Пундыка. Кременецкій судъ приговорилъ по этому

дѣлу: 12 чел. къ смертной казни, 43--къ арестантскимъ работамъ въ Каменецкой крѣпости на 1—6 лѣтъ и 21 къ тѣлесному наказанію. Только два священника спаслись отъ смерти, благодаря тому, что епископъ протестовалъ противъ приговора и перенесъ ихъ дѣла въ Люблинскій трибуналъ, отмѣнившій рѣшеніе суда и оправдавшій подсудимыхъ. Надъ прочими обвиняемыми приговоръ былъ исполненъ.

Подольская порядковая коммиссія отнеслась къ данному ей порученію спокойнѣе и безпристрастнѣе Волынской, хотя и подвергалась сильному давленію, какъ со стороны мѣстнаго дворянства, такъ и со стороны Волынской комиссіи. Принимая мѣры къ предупрежденію бунта, она предложила дворянамъ слѣдить за настроеніемъ крестьянъ, препровождать подозрительныхъ въ коммиссію и кроткимъ обращеніемъ съ крестьянами смягчать ихъ раздраженіе, естественное при господствѣ крѣпостного права. Потомъ были приняты еще нѣкоторыя мѣры: заведены въ селахъ десятники изъ шляхтичей, крестьяне обезоружены, маркетаны и безпаспортные отосланы въ Каменецкую крѣпость. Въ коммиссію поступилъ рядъ заявленій отъ дворянъ о тревожномъ настроеніи крестьянъ и требованій о присылкѣ войска. Коммиссія стала посылать въ разъѣзды кавалерійскіе отряды. Обращалась она за содѣйствіемъ и къ уніатскому духовенству. Судебной власти она себѣ не присваивала и, послѣ обстоятельнаго разслѣдованія, дѣла по маловажнымъ обвиненіямъ прекращала, а болѣе серьезныя передавала въ Каменецкій и Летичевскій гродскіе суды.

Помѣщики доставляли въ Каменецъ огромное число арестованныхъ и скоро крѣпость и тюрьмы были такъ переполнены, что комендантъ высказалъ опасеніе на счетъ возможности для гарнизона справиться съ заключенными, если-бы они вздумали силой вырваться на свободу. Магистратъ, съ своей стороны, указывалъ на вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, вслѣдствіе скопленія арестованныхъ, на возможность возникновенія эпидемій и опасность бунта и предлагалъ казнить всѣхъ подсудимыхъ. Коммиссія указала магистрату на незаконность его требованія и предложила организовать мѣщанскую стражу въ помощь гарнизону.

Какъ ни старалась коммиссія ускорить производство разслѣдованій, число арестантовъ не уменьшалось и въ концѣ мая ихъ было еще 70, въ томъ числѣ 14 священниковъ. Большая часть разсмотрѣнныхъ коммиссіею дѣлъ была поднята по пустякамъ. Чаще всего обвинялись крестьяне, произносившіе съ-пьяна, въ шутку или съ досады угрозы противъ поляковъ и евреевъ, да и то доносы нерѣдко оказывались ложными; иногда арестовывали за двусмысленныя выраженія, за бродяжничество, за дозволеніе пилипону переночевать въ домѣ, а иногда причина ареста оказывалась вовсе неизвѣстной. Такихъ арестантовъ коммиссія освобождала. Она нашла только нѣсколько дѣлъ болѣе сложныхъ и пришла къ убѣжденію, что, хотя крестьяне и настроены враждебно противъ помѣщиковъ и евреевъ, но признаковъ заговора никакихъ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи взгляды коммиссіи совпали со взглядами, высказанными ген. Феликсомъ Потоцкимъ и командовавшимъ разъѣздами офицеромъ Мадейскимъ.

Однимъ изъ болѣе серьезныхъ дѣлъ было дѣло свящ. Котельскаго, котораго арестовалъ арендаторъ м. Лянцкоруня Игн. Маршицкій на томъ основаніи, будто Котельскій совѣтовалъ на исповѣди слугѣ Маршицкаго Андрею Ватылюку не ночевать на панскомъ дворѣ въ виду ожидаемаго избіенія поляковъ и евреевъ. При допросѣ оказалось, что къ священнику заходили проѣзжавшіе пилипоны. Котельскій отрицалъ оба обвиненія. Свидѣтели дали благопріятныя для него показанія. Дѣло дошло до сейма. Священнику удалось доказать, что Ватылюкъ пользуется дурною репутаціей и сеймъ разрѣшилъ прекратить дѣло.

Нечаянно попалъ подъ судъ и свящ. Горецкій. Черезъ с. Монастырку проѣзжалъ дворянинъ Радецкій и остановился у одной хаты напиться воды. Въ хатѣ въ это время былъ поминальный обѣдъ. Одинъ изъ гостей крестьянинъ Колесникъ, будучи пьянъ, сталъ придираться къ Радецкому. Крестьяне связали его и отвели во дворъ, откуда онъ былъ отосланъ въ с. Свинное, гдѣ были управляющій и начальникъ военной команды. Допросивъ его съ употребленіемъ розогъ и нагаекъ и сказавъ ему, что священникъ во всемъ сознался, слѣдователи добились отъ Колес-

ника показанія, будто священникъ приводилъ его и 8 другихъ крестьянъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ ему повиноваться, совѣтовалъ потомъ помнить обѣщаніе и держаться стойко и дружно, а также, что священникъ куда то уѣзжалъ, разсказывалъ объ ожидаемомъ приходѣ Гонты и хвалился, что будетъ тогда офицеромъ. Каменецкій и Летичевскій суды допросили около 40 свидѣтелей изъ шляхтичей и крестьянъ-католиковъ и оказалось, что лѣтъ 5 назадъ священникъ для усиленія церковныхъ средствъ основалъ братство и привелъ къ присягѣ 9 братчиковъ, которымъ и совѣтовалъ держаться дружно, уѣзжалъ къ родственникамъ, объ ожиданіи Гонты узналъ отъ сына, учившагося въ Барской школѣ и, шутя, говорилъ объ этомъ шляхтичамъ, прибавляя, что не будетъ брить бороды, дабы его не приняли за ксендза, а когда придутъ поляки, то сейчасъ побрѣется. Три мѣсяца просидѣлъ Горецкій въ тюрьмѣ и, по рѣшенію суда, былъ освобожденъ вмѣстѣ съ Колесникомъ.

Свящ. с. Карабчіевки Прокоповича обвинили въ сношеніяхъ съ маркетанами, подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту и произнесеніи хулы на католическую церковь. Свидѣтели показали, что маркетановъ въ Карабчіевкѣ никогда не бывало, къ бунту Прокоповичъ никого не подстрекалъ и только разъ на крестинахъ доказывалъ какому то шляхтичу, что русская вѣра старѣе римской; все же дѣло возникло по доносу враждовавшаго съ Прокоповичемъ шляхтича Бѣневскаго. Священника оправдали.

Въ м. Солобковцахъ доносчиками выступили евреи. Они обвинили 8 крестьянъ въ томъ, что тѣ грозили евреямъ рѣзнею, враждебно отзывались о войскѣ, называли имя Гонты, а одинъ парубокъ хвалился, будто утаилъ при обыскѣ ножъ и носитъ его въ голенищѣ. Обвиняемыхъ допрашивали въ коммиссіи и въ гродскомъ судѣ, свидѣтелями были шляхтичи, жившіе въ Солобковцахъ. Оказалось, что одинъ крестьянинъ, у котораго солдаты опустошили садъ, высказалъ пожеланіе, «чтобы всѣ они пропали», другой нѣсколько лѣтъ назадъ покушался украсть деньги у господина, прочіе ссорились по разнымъ поводамъ съ евреями, но угрозъ не произносили. Шляхтичи-свидѣтели дали о подсудимыхъ

хорошіе отзывы и крестьянъ освободили, засчитавъ въ наказаніе предварительную высидку. Евреи же донесли на семерыхъ крестьянъ въ м. Шаравкѣ, но и тѣ оказались виновными только въ ссорахъ съ евреями, да одинъ изъ обвиняемыхъ въ шутку предлагалъ евреямъ креститься и вызывался поучить ихъ христіанскимъ молитвамъ. Всѣхъ подсудимыхъ оправдали.

Въ Подольскомъ воеводствѣ былъ только одинъ обвинительный приговоръ. Крестьянина Павла Цызара осудили на годичное заключеніе въ Каменецкой крѣпости за то, что Цызаръ, человѣкъ буйный и драчливый, часто похвалялся готовностью пристать къ бунту, сочувственно говорилъ объ ожидаемомъ приходѣ Гонты и пугалъ угрозами чиншевую шляхту.

Въ дѣлахъ, производившихся въ подольскихъ судахъ, часто крестьяне обвинялись въ произнесеніи имени сына Гонты и въ ожиданіи прибытія его съ войскомъ, послѣ чего начнется будто бы избіеніе дворянъ и евреевъ.

Этотъ разсказъ о сынѣ Гонты представляетъ легенду, созданную народной фантазіей. У Гонты, дѣйствительно, былъ молодой сынъ, котораго послѣ казни отца увезъ съ собою одинъ изъ сотниковъ, бѣжавшій, какъ говорили, въ Молдавію. О дальнѣйшей судьбѣ мальчика ничего не извѣстно. На этой основѣ и создалась народная легенда. Въ распространеніи слуховъ о Гонтѣ былъ обвиненъ дьячекъ с. Мартынковцевъ Степанъ Лобоцкій. И Лобоцкаго и болѣе десятка привлеченныхъ по этому дѣлу лицъ изъ крестьянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и женщинъ допрашивали подъ пыткой въ Сатановскомъ магистратѣ; они ссылались, что слышали разсказъ другъ отъ друга, но въ ихъ передачѣ можно было прослѣдить, какъ разсказчики при пересказѣ создавали новыя и новыя подробности. Первоисточника такъ и не удалось открыть. Въ наиболѣе полномъ варіантѣ легенда передавалась такъ: «Вскорѣ придетъ Гонта, будетъ отбирать куколь отъ пшеницы и произойдетъ великая «руина». Этотъ сынъ Гонты—«великій рыцарь». Онъ обратился къ императрицѣ съ просьбой, чтобы она разрѣшила ему отправиться въ Польшу, отомстить за смерть отца, устроить по немъ поминальный обѣдъ и отдѣлить куколь отъ пшеницы.

Императрица поставила ему на видъ, что онъ слишкомъ молодъ, не сумѣетъ исполнить своего предпріятія и напрасно погибнетъ. Гонта тогда предложилъ доказательства своей удали и умѣнья; по его просьбѣ, зарядили пушку цѣпью и выстрѣлили въ него, но онъ цѣпь поймалъ на лету и положилъ у ногъ императрицы; затѣмъ выстроили полкъ кавалеріи съ поднятыми вверхъ копьями, и Гонта пробѣжалъ по остріямъ копій вдоль полка. Тогда императрица разрѣшила ему выступить въ походъ. Онъ уже стоитъ у границы, укрѣпившись засѣками въ лѣсу, собралъ 5000 козаковъ, намѣренъ ихъ направить пятью различными путями, самъ же будетъ двигаться по срединѣ».

Объективность Подольской порядковой коммиссіи оказалась и въ дѣлахъ, начавшихся по оговору извѣстнаго уже намъ Кирила Пундыка. Сначала коммиссія придала оговору серьезное значеніе, дважды требовала самого Пундыка и произвела тщательное разслѣдованіе. На первыхъ порахъ было арестовано нѣсколько сотъ крестьянъ и болѣе 20 священниковъ. Между крестьянами эти аресты произвели переполохъ и многіе стали бѣжать за Днѣпръ, такъ что пришлось просить о присылкѣ войскъ для удержанія бѣглецовъ.

Слѣдствіе началось съ священника с. Карповецъ Іосифа Михневича, на котораго Пундыкъ указывалъ, какъ на «гетмана» заговорщиковъ. Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что пилипоны только разъ были въ домѣ Михневича, который купилъ у нихъ два платка и сейчасъ ушелъ въ церковь, не вступая съ ними въ разговоры, что Михневичъ по селамъ не разъѣзжалъ, пропаганды не велъ и только разъ ѣздилъ въ Летичевъ по судебному дѣлу. Самого Пундыка въ Карповцахъ никто не видалъ. Михневичъ былъ оправданъ. Два мельника, тоже оговоренные Пундыкомъ, оказались поляками и католиками, такъ что ихъ и не призывали къ допросу. Священники Бѣлецкій и Ролинскій, которыхъ Пундыкъ называлъ «комендантами», т. е. начальниками дивизій, точно также оказались ни въ чемъ неповинными и были освобождены. Ложными оказались извѣты Пундыка и относительно крестьянъ.

Впрочемъ, при допросахъ съ пристрастіемъ, нѣкоторые, ради прекращенія пытки, взводили на себя небывалыя преступленія. Такъ, крестьянинъ Бондарь показалъ, что двое ночевавшихъ у него пилипоновъ уговорили его участвовать въ предстоящемъ избіеніи дворянъ и евреевъ, привели его къ присягѣ и дали 6 руб., платокъ, замокъ и ножъ; эти пилипоны будто бы утверждали, что возстаніе начнется въ день Пасхи и заговорщики соберутся у Гонты, живущаго въ какомъ-то селѣ около Херсона, откуда пойдутъ въ походъ. Бондаря отправили въ Варшаву и судьба его не извѣстна. Въ другомъ случаѣ дворянинъ Заремба-Целецкій арестовалъ въ с. Завалійкахъ бродягу крестьянина Бедрійчука. При допросѣ Бедрійчуку связывали руки и ноги, вѣшали его въ «дымарѣ» и потомъ сѣкли. Послѣ этого Бедрійчукъ показалъ, что онъ изъ с. Щеглевки; что свящ. Чернявскій уговорилъ его и троихъ другихъ парубковъ ходить по селамъ и склонять крестьянъ къ участію въ заговорѣ. Самъ Чернявскій отлучался на 3 недѣли и въ это время склонилъ къ бунту 8 селъ, а священникъ села Деркачей—9 селъ. Оба священника, уговаривая его, поили водкой, обѣщали ему денегъ и читали ему списокъ пановъ, которыхъ слѣдуетъ убить; другихъ подробностей онъ не могъ узнать, такъ какъ священники говорили по латыни, но ему извѣстно, что у священника спрятано въ скирдѣ соломы 15 рублей и 6 пистолетовъ. Когда отецъ Бедрійчука узналъ, что онъ присталъ къ заговору, то хотѣлъ донести объ этомъ помѣщику; Бедрійчукъ испугался и бѣжалъ. На допросѣ въ Тарноруденскомъ магистратѣ Бедрійчукъ назвалъ своей родиной с. Шумовцы, сказалъ, что къ заговору присталъ его отецъ съ двумя сыновьями, за что они получили по 8 злотыхъ, что у священника ночью былъ съѣздъ, на который пріѣхало 12 священниковъ изъ названныхъ имъ селъ, что священникъ изъ с. Западынецъ привезъ туда много денегъ и раздавалъ каждому по 18 червонцевъ. Въ Каменцѣ, въ коммиссіи Бедрійчукъ снова измѣнилъ показаніе. Теперь онъ говорилъ уже, что на съѣздѣ было 3 священника, но участвующихъ въ заговорѣ ему извѣстно 14, что священникъ заставилъ его присягнуть, не допуская до исповѣди и угрожая пистолетомъ, что Кирила

Пундыка онъ не знаетъ, но слыхалъ о немъ. Священникъ села Шумовецъ Кобрицкій показалъ, что въ этомъ селѣ Бедрійчуковъ вовсе нѣтъ, что доноситель жилъ нѣсколько недѣль въ Шумовцахъ и два дня молотилъ у него, Кобрицкаго, но никакихъ разговоровъ не велъ и больше онъ этого человѣка не видалъ, оружія у него нѣтъ и съѣзда въ его домѣ не было. Другіе оговоренные священники показали, что о бунтѣ не говорили, на съѣздахъ не бывали, Бедрійчука не видѣли и названныхъ имъ крестьянъ въ ихъ приходахъ нѣтъ. По произведенному въ Шумовцахъ розыску выяснилось, что называющій себя Бедрійчукомъ жилъ въ Шумовцахъ 9 недѣль у вдовы Павлихи, выдавая себя за католика Стаха, сваталъ ея дочь, и хвасталъ, что имѣетъ мѣшокъ денегъ, но въ мѣшкѣ оказались черепки, почему Стахъ-Бедрійчукъ позорно бѣжалъ изъ села. При новомъ допросѣ онъ показалъ правду: зовутъ его Онуфрій Трачъ, родомъ изъ с. Борышковецъ, а показанія его ложны, «меня мучили и били, говорилъ онъ, требуя показаній о пилипонахъ, священникахъ и крестьянахъ, и я отъ боли и страха утверждалъ все, что мнѣ подсказывали». Жители Борышковецъ признали Трача. Судьба его не извѣстна.

Кіевская порядковая коммиссія, подобно Подольской, отнеслась къ поднятой тревогѣ довольно спокойно. Мѣры предосторожности противъ предполагавшаго бунта были приняты и заключались въ слѣдующемъ: велѣно было отобрать оружіе у крестьянъ и запрещено кузнецамъ и слесарямъ заготовлять таковое, на каждые 10 дворовъ назначенъ десятникъ изъ лучшихъ хозяевъ, приказано задерживать подозрительныхъ лицъ, опрашивать паспорты у проходящихъ и проѣзжающихъ, запрещены были сходки крестьянъ и предписано арестовывать всѣхъ, замѣченныхъ въ наклонности къ бунту. Арестованныхъ сначала было довольно много, особенно въ Овручскомъ и Житомирскомъ повѣтахъ. Начальникъ житомирскаго гарнизона даже заявлялъ суду, что арестанты превосходятъ числомъ гарнизонъ и просилъ ускорить дѣлопроизводство. Но почти всѣ арестованные послѣ дознанія были освобождены и только 6—7 дѣлъ разсматривалось судомъ. Большинство подсудимыхъ были оправданы. Одно изъ дѣлъ было довольно ори-

гинально. Крестьянинъ Бурлаченко работалъ на поташномъ заводѣ, поспорилъ съ приказчикомъ изъ-за разсчета и хотѣлъ уйти съ завода, когда же ему было отказано въ выдачѣ проходного свидѣтельства, сказалъ, что вырубитъ въ лѣсу палку и съ нею отправится въ путь. Эти слова сочли за угрозу и Бурлаченка арестовали. Судъ оправдалъ обвиняемаго на томъ основанiи, что «палка, обыкновенный спутникъ пѣшехода, не можетъ быть разсматриваема, какъ оружiе, могущее нарушить общественное спокойствiе».

Въ Кiевскомъ повѣтѣ дѣла разбирались старостинскими или магистратскими урядами и почти всѣ окончились ничѣмъ.

Кiевская коммиссiя только два дѣла признала серьезными. Одно было возбуждено помѣщикомъ Шашкевичемъ, который, узнавъ, что крестьянинъ Пиндюрукъ утаилъ во время разоруженiя крестьянъ копье, вызвалъ въ свое имѣнiе военный урядъ и вмѣстѣ съ его начальникомъ хорунжимъ Брезой произвелъ слѣдствiе. Послѣ троекратнаго сѣченiя Пиндюрукъ оговорилъ до 20 человѣкъ, а тѣ, послѣ порки, подтвердили, хотя съ разногласiемъ въ подробностяхъ, показанiе Пиндюрука, что нѣкiй Климъ вербовалъ заговорщиковъ. Во время слѣдствiя одинъ изъ оговоренныхъ, Пушкарукъ, бѣжалъ и, будучи пойманъ, пытался зарѣзаться. Въ Житомирскомъ гродскомъ судѣ нашли, что показанiя не заслуживаютъ довѣрiя, въ виду ихъ вынужденности и противорѣчивости, и потребовали у Шашкевича болѣе серьезныхъ уликъ. Шашкевичъ представить такихъ доказательствъ не могъ. Подсудимые объявили свои первоначальныя показанiя ложными. Пиндюрукъ же заявилъ, что онъ заслуживаетъ наказанiя лишь за то, что впуталъ въ дѣло столько невинныхъ людей. Тѣмъ не менѣе судъ, въ виду тревожныхъ обстоятельствъ, приговорилъ 7 крестьянъ въ крѣпостныя арестантскiя роты до успокоенiя края и, кромѣ того, изъ нихъ Пиндюрука за ложныя показанiя къ 200, а Пушкарука за покушенiе на самоубiйство къ 100 ударамъ розгами, 10 крестьянъ сдали на 6 лѣтъ въ солдаты, съ Шашкевича взыскали судебныя издержки, а впутаннаго нечаянно въ процессъ

Клима заставили служить два года любому лицу за пищу и одежду.

Другое дѣло не имѣло непосредственной связи съ крестьянскимъ волненіемъ. Это было дѣло протоіерея Алексѣя Андріевскаго.

Андріевскій былъ рукоположенъ въ уніатскіе священники въ 1765 или 1766 г. Во время коліивщины въ 1768 г., онъ, вмѣстѣ со многими уніатскими священниками, присоединился къ православію, но когда, по усмиреніи возстанія, большинство этихъ священниковъ возвратилось въ унію, онъ остался православнымъ и былъ лишенъ прихода. 20 лѣтъ скитался онъ изъ села въ село, куда приглашали его державшіяся православія громады, но отовсюду его вытѣсняли то уніатскіе священники, то помѣщики. Только въ 1785 г. его пригласили въ с. Бабичи, имѣніе кн. Ксаверія Любомирскаго, человѣка гуманнаго и вѣротерпимаго, который отнесся къ Андріевскому весьма дружелюбно. Епархіальное начальство вскорѣ назначило Андріевскаго Мошнянскимъ благочиннымъ. Къ Андріевскому обращались за исполненіемъ требъ и жители сосѣдняго села Поповки, гдѣ былъ уніатскій священникъ. Въ 1788 г., по желанію громады, Андріевскій назначилъ въ Полтаву православнаго ставленника. Но въ это время Любомирскій продалъ свои имѣнія кн. Потемкину и, когда громада обратилась къ его управляющему за утвержденіемъ новаго священника, управляющій посовѣтовалъ ей обратиться къ игумену Мотронинскаго монастыря. Уніатскій священникъ Поповки, узнавъ объ этомъ, самъ поспѣшилъ въ монастырь и изъявилъ готовность перейти въ православіе, но такъ какъ онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ уніи въ православіе и обратно, то ему на этотъ разъ отказали. Тогда онъ вернулся въ Полтаву и продолжалъ отправлять богослуженіе. Поповцы обратились къ благочинному и онъ посовѣтовалъ имъ до времени отправлять православное богослуженіе въ частномъ домѣ, взявъ необходимыя облаченія и книги изъ церкви, гдѣ ихъ имѣется достаточно для двухъ священниковъ, что крестьяне и сдѣлали. Между тѣмъ Потемкинъ отказался отъ вмѣшательства въ споръ и крестьяне должны были покориться уніатскому священнику.

Когда началась тревога по поводу предполагаемаго бунта, на Андріевскаго подань былъ доносъ. Узнавъ объ этомъ и ожидая ареста, онъ предложилъ крестьянамъ не выдавать его и, когда крестьяне отказались, мотивируя отказъ боязнью за себя, и совѣтовали ему бѣжать въ монастырь, сказалъ: «Никакой монастырь не охранитъ меня, вы же потеряли, какъ вижу, всякое мужество: не такъ поступали ваши предки въ славное время Хмельницкаго». На другой день Андріевскаго арестовали, нашли у него въ домѣ 4 ружья (онъ былъ охотникъ), два пистолета, кухонный ножъ и рукописную книгу на русскомъ языкѣ. Житомирскій гродскій судъ призналъ Андріевскаго виновнымъ въ оскорбительныхъ отзывахъ объ уніи, подговорѣ крестьянъ с. Поповки взять изъ церкви богослужебныя принадлежности и крестьянъ с. Бабичей оказать сопротивленіе при его арестѣ и, наконецъ, въ томъ, что онъ разсказывалъ крестьянамъ о бунтѣ Хмельницкаго и читалъ объ этомъ отрывки изъ найденной у него рукописи. Злополучную рукопись пробовали читать и члены коммиссіи и члены гродскаго суда, но не могли прочитать, такъ какъ она была написана по-русски. Сыскали какого-то канцеляриста, умѣвшаго читать по-русски, и онъ далъ такой отзывъ: «книга эта заключаетъ много ложныхъ разсказовъ о козакахъ и написана злостно, съ желаніемъ возбудить отвращеніе къ полякамъ». Книга эта, судя по нѣкоторымъ признакамъ, была лѣтописью Грабянки или Самовидца. Судъ призналъ свящ. Андріевскаго человѣкомъ вреднымъ для края и приговорилъ къ работамъ въ Каменецкой крѣпости на 12 лѣтъ.

Намъ остается еще ознакомиться съ дѣятельностью Брацлавской коммиссіи. Коммиссія эта нѣкоторое время колебалась въ виду, съ одной стороны, тревожныхъ извѣстій отъ Волынской коммиссіи, съ другой, успокоительныхъ заявленій самаго крупнаго брацлавскаго помѣщика Феликса Потоцкаго. Она издала универсалъ къ помѣщикамъ, въ которомъ рекомендуетъ имъ мѣры предосторожности, сходныя съ мѣрами, которыя рекомендовали и другія коммиссіи, и просила Фел. Потоцкаго прислать отрядъ войска. Потоцкій исполнилъ просьбу, хотя въ письмахъ, адресо-

ванныхъ въ коммиссію, отрицалъ существованіе заговора и рекомендовалъ при разслѣдованіяхъ большую осторожность. Коммиссія довольно тщательно допрашивала обвинявшихся крестьянъ, но кромѣ угрозъ, произнесенныхъ въ раздраженіи или въ пьяномъ видѣ, никакихъ признаковъ бунта не открыла. Задержанные маркетаны оказались всѣ людьми мирными и снабженными паспортами. Поручикъ Ястржембскій, командовавшій военнымъ разъѣздомъ по воеводству, также доносилъ, что вездѣ господствуетъ полное спокойствіе. Послѣ того всѣ арестанты были освобождены, и подкоморій Островскій созвалъ всѣхъ дворянъ на сеймикъ въ Винницу и здѣсь было рѣшено, что такъ какъ слухи о бунтѣ не основательны, то мѣръ, принятыхъ коммиссіею, совершенно достаточно. Объ этомъ коммиссія донесла въ Варшаву сейму и получила отъ него благодарность. Коммиссія снова издала универсалъ къ помѣщикамъ въ успокоительномъ тонѣ и въ такомъ же тонѣ сносилась съ Подольской и Волынской коммиссіями. Затѣмъ коммиссія озаботилась приведеніемъ въ исполненіе постановленія сейма о принесеніи православными священниками присяги на вѣрность королю и речи посполитой, но оказалось, что во всемъ Звенигородскомъ повѣтѣ только два безприходныхъ православныхъ священника, отъ которыхъ никто и не требовалъ присяги. 26 монаховъ въ м. Бершади отказались принести присягу и были высланы за границу. Засѣданія Винницкаго гродскаго суда хотя и были открыты, но о результатахъ его дѣятельности свѣдѣній нѣтъ. Дѣла объ арестованныхъ, производившіяся въ коммиссіи, были признаны пустячными или не имѣющими отношенія къ бунту. Такими же пустяками оказались и обвиненія, взведенныя на нѣсколькихъ священниковъ.

Е Кивлицкій.

БИЛЯ МАШЫНЫ.

I.

Пивдня. Сонце пече, наче пидрядылось зробыть за сёгодня зъ земли перепичку. Де не станешъ, здается кругъ тебе и згоры, и знызу палá якась велетенська пичъ и шугае безъ перестанку пекельнымъ полумъямъ. Дыхаты важко.

У поли пусто вже. Не веселять очей густи, довги ряды кипъ, не луна у яру дзвинъ косы: голо и сумно; подыхае осинью.

По шляхахъ и по межахъ подекуды суне поважно гарба зъ снопамы. На ній, задравшы догоры голову, лежыть соби якый-небудь засмаленый зъ билымы плямамы хлопець и хлёска иноди згоры батижкомъ. Ему сонце не вадыть. Часомъ, пидвившысь, винъ крыкне линыво «гей», плюне черезъ губу и знову розляжется и тягне безкраю писню свою.

Гинъ на трое видъ села Цурупалокъ иде машына пана Скшембжховського. Тутъ вже чысте пекло. Попадешъ сюды и зъ початку ничого не розумиешъ: стукъ, грякъ, гвалтъ, якыйсь ревъ, якыйсь свыстъ, чогось крычать, десь сміются, порохъ, полова, дымъ... Кризь туманъ, що стоить навкругы, выдно щось велыке й червоне, чуты, якъ сердыто гуде и грюкоче воно. Тилькы оговтавшысь трохы, почынаешъ розумить сю просту картыну. Стоить соби добросердна ненажерлыва звирюка, гуде, грю-

котыть, а люде пхають ій въ пащу и не вспивають нагодуваты іи. Зъ радиснымъ ревомъ хапае вона снипъ за снопомъ, трощыть ёго зализнымы зубамы своимы и знов голодно й жалибно реве та гуде. Не вспіють пьятнадцятеро засмаленыхъ, запорошеныхъ, жывыхъ истотъ выгребты зъ пидъ неи, якъ треба знов пхаты ій въ пащу, бо сердыто гуде вже и клаца порожнимъ барабаномъ. Не вспіють всунуты снопа, якъ вже летыть полова, и солома пиднимается горою пидъ соломотрясомъ. И пьятнадцятеро прыслужныкивъ, гукаючы, поспишаючы, одкыдають, розмазують на-швыдку питъ по лыци и знов пидхоплюють зъ пидъ неи и знов одкыдають до хлопчыкивъ. А си тежъ не дримають: зачепывшы купу волокомъ, тягнуть до велыкыхъ, жовтыхъ ожерединъ, на якыхъ выдно тилькы брыли дядькивъ та довги выла. Робота кыпыть.

А машына гуде и наче ажъ ревне радисно, якъ попадае зразу добрый шматокъ. Въ такыхъ выпадкахъ машыныста Арсентій Трохымовычъ звычайно сердытся и щось крычыть до барабанщыкивъ; але ти нибы не дочувають. И цилисенькый день іи годують и пидбирають зъ пидъ неи. Визъ пидйизжае за возомъ, гарба за гарбою. Вже позвозылы зъ Розкопаного яру, вже почалы зъ Чортовои пасикы, а звирюка все реве и голодно клаца своимы колесамы, пасамы, соломотрясамы.

А сонце пече. Питъ вже не вытырають и винъ вильнымы шляхамы розходытся по запорошеныхъ лыцяхъ, выбираючы де меньше пороху.

Молодый економъ, панъ Гудзынськый, або, якъ звуть ёго селяне, Гудзыкъ, ходыть злый и темный, якъ хмара. Винъ то пидійде до паровыка, байдуже нибы подывытся на дорогу, що йде до села, то знов вертается назадъ злый и похмурый. На ёму черкасыновый, сталёвои масты пиджачокъ, высоки комирчыкы зъ червонымъ галстучкомъ, и рыженьки штанци въ чоботы. На голови ярусный, сыній картузъ зъ ремищемъ, на руци довгый, зложеный удвое, нагай.

Вси люде коло машыны непрымитно, але пыльно слидкують за нымъ. Вси бачать, якъ гостреньке, засмалене лычко ёго що

разу робытся гострише, губы тоньчають и вся невелычка постать ще бильше зменьшуется. Винъ се знае и се пиднимае у ёго тупу, глуху ненависть до ныхъ. Винъ знае, що имъ усимъ до одного видомо, кого винъ выглядае такъ пыльно и чого такъ выглядае. Винъ знае, що имъ навить видомо, колы винъ буде винчатысь зъ Глыкерею Парменовною; видомо, скилькы дае ёму батько іи монопольщыкъ выкупного за надзвычайно велыки зубы, за коси очи, за 28 годъ своеи дочкы, «модыскы». Видомо имъ и те, що винъ кожного дня прыймае іи биля машыны, прывча до хазяйства (бо вона була въ городи «модыскою»); видомо, що винъ зъ велыкою охотою замисць сёго запхнувъ бы іи въ пичъ паровыка, якъ бы дала вперёдъ гроши; видомо, що винъ ненавыдыть ій такъ, якъ ненавыдыть заразъ всихъ, що биля машыны.

А по дорози, що йде до села, а ни лялечкы. Гудзыкъ корчыть байдуже лыце, повертается и злистно накыдается на першого, хто попадается пидъ руку. Лается гостро, ехыдно и зъ ненавыстю.

— Ачъ, яка зъ неи робота!—зъ прызырствомъ тыкае винъ нагаемъ пидъ машыну.—То по твоёму робота? То робота, пытаю, кукла ты амерыканська?!

— Якъ грабли коротки...—почына дивчына и змовкае: панъ Гудзыкъ заразъ же выхоплюе у неи грабли, засовуе далеко пидъ машыну и выгортае купу половы.

— Кукла!—шыпыть винъ, кыдаючы на неи граблыщемъ. Дивчына вынувато ухыляется и ловыть грабли.

— Тоби до машыны ставаты? Дитей няньчыть у жыдивъ, жыдивська помыйныця ты!... Ачъ, яка красуля!... Куды-ы-ы жъ сунешъ, герге-е-но!—зновъ хапа винъ грабли и поверта въ другый бикъ. Дивчына покирно посовуется за граблямы.

— Кукла йегыпетська!—злистно кыда винъ и одходыть.

На-а-а моды-ы-сци сарахв-а-анъ...
Биля неи Гудзыкъ панъ...

чуется десь за соломотрясамы и на всихъ лыяхъ зъявляетсця весела усмишка.

Добре, добре!—думае Гудзыкъ, идучы до паровыка. Заспиваете вы у мене не такъ! Я вамъ заспиваю. Що то вы заспиваете, якъ за гришмы прыйдете!..

И винъ выразно соби уявляе, якъ въ суботу прыйдуть «воны» за росчотомъ, а винъ нахылыть голову на бикъ и, нибы жалкуючы дуже, сумно одповисть имъ: «Бида, хлопци! Не прыславъ панъ грошей, визьмете вже мабуть въ ту суботу»...

И хоча воны добре знають, що се правдыва брехня, хоча знають, що винъ виддае имъ же ихни жъ гроши за проценты, що навить заразъ у ёго въ кышени йе грошы, постоять, погомонять, почухаются и пидуть соби зъ Богомъ до другои суботы. Бо не ихня тутъ сыла, а ёго, бо не винъ у ихнихъ рукахъ, а воны у ёго. И знае винъ, що ненавыдять воны ёго, що покирлывисть ся до часу до годыны, знае, що погано буде ёму, якъ и винъ попадется, але видъ сёго ще бильша ненавысть закыпае до ныхъ.

По дорози ни души. Гудзыкъ зновъ робыть байдуже лыце и повагомъ иде до машыны. Писня ще дужчою хвылею несется зъ-за соломотрясу и жене кровъ Гудзыкови у голову. Настрій накыпае. Хочется когось ударыть, прыгнитыть, хочется чымъ-небудь выявыть накыпиле почуття.

— Карпо!—гукае винъ до прысадкуватого, шырокоплечого парубка въ сынихъ пукатыхъ окулярахъ, яки носять звычайно ти, що стоять биля соломотрясу.—Ты на гулянку прыйшовъ сюды? Забирайся на мисце!..

Карпо повертае до ёго запорошене лыце зъ шырокымъ носомъ и товстымы губамы и заразъ же зновъ нахыляется до парубка, що выгортавъ полову зъ-пидъ машыны.

— А якъ не схоче сёгодня заплатыть усимъ, кыдаты заразъ же всимъ роботу... До óдного!—бурмоче винъ.—А якъ буде хто... тее... значыть, не прыставать до насъ, пидъ ребра и аминь...

— Карпо!!..

— И не заципыть идолу!—усмихается Карпо, не дывлячысь на Гудзыка.—Гудзя проклята!.. Дакъ ты жъ гляды: якъ зъявытся модыска, заразъ же катай до мене...

Парубокъ пидводытся, выправля спыну и вытера питъ.

— О, Гудзя вже бижыть сюды!—тыхо промовля винъ до Карпа и зновъ нахыляется пидъ машыну.

— Хай бижыть!—байдуже, кризь зубы, цидыть Карпо и тыхо йде соби до соломотрясу.

На модысци-и-и сарахва-а-нъ

—голосно заводыть винъ, проходячы повзъ Гудзыка, що вже наблызывся до ёго, и заклада рукы за спыну.

Коло неи Гудзя панъ...

— Карпо!!—вызвиряется Гудзыкъ,—ты на проходку прыйшовъ сюды? Мурляка чортова!

Гей, модыска моя, ты любезная моя!..

Биля машыны прокочуется регитъ и Карпо важно проходыть до соломотрясу, голосно выспивуючы.

— Н-ну!—дывлячысь ёму вслидъ, промовля Гудзыкъ и стыснувшы губы, йде за паровыкъ,—це тоби не мынется такъ!

Ненавысть давыть ёму груды до болю. Кожне засмалене лыце, кожный хрыплый голосъ робитныка дратуе ёго и выклыка бажання помстытысь, прыдавыты, показаты, що сыла ёго, а не ихня.

— Зновъ солому розкыдавъ, вахляяко!—зупыняется винъ биля паровыка и пыльно дывытся прямо въ лыце качагарови.—Зновъ тоби говорыты це, бодай зъ тобою лыхо говорыло, чорта дурного шматокъ!

Качагаръ, высокый, млявый Даныло, одводыть поглядъ видъ печи, мовчкы, понуро обдывляется навкругы и зновъ задумлыво дывытся въ червоне полумья.

— Та до кого жъ я говорю!?—вмыть скажено вырывается у Гудзыка фыстулою.—Солому мени!

Даныло мовчкы повертается и почына пидкыдаты солому ногамы.

— Ачъ, дурне быдло чымъ пидгортае.—Граблы, ёлопе, визьмы, граблы!..

Дапыло иде кудысь за граблямы.

— А ты жъ куды? куды бижышъ? —накыдается Гудзыкъ на дивчыну, що вытыраючысь фартухомъ, наблыжалась до дижкы зъ водою.

— А вже жъ не выглядаты когось!—насмишкувато кыда та и пидставля рота пидъ чипъ. Гудзыку хочется кынутысь на неи, здавыты за горло, загрызты іи, але... дывытся тилькы, якъ вода тонесенькою цивкою збигае зъ-пидъ чопа у вытянути губы дивчыны и почувае, якъ злисть наче грудкою важкою проходыть по ёго грудяхъ.

— Ху,—напывшысь, втырается дивчына и нибы до себе додае зъ дывуванням:—И чого іи такъ довго немае? Кумедно!—И, зареготавшысь, хутко бижыть до машыны.

II.

А модыскы нема. Сонце, немовъ утомывшысь, стало сидаты и зъ поля повіяло свижымъ повитрямъ. Здавалось, робота повынна бъ йты жвавище, а тымъ часомъ биля машыны коилось щось чудне. Почынаючы зъ барабанщыка Андрона и кинчаючы погонычомъ Мыхалкомъ, всима опанувала якась млявисть и неохота. Биля ожередивъ стоялы навезени й не выкыдани копыци, коло соломотрясивъ иноди набиралось стилькы соломы, що треба було спыняты машыну, щобъ даты ій ходъ; полова пидпирала машыну и спыняла колеса, що черкалысь по ній; навить жыдкы биля віялокъ чымсь булы заклопотани и не звертали увагы на роботу. Гудзыкъ не вспивавъ лаятысь. Кыне одного, треба бигты до другого; розигнавъ одну купку, що палко про щось говорыла, въ другому кутку вже держыть якусь промову Карпо. На барабани смихъ, регитъ, пидъ барабаномъ палки балачкы, всима опанувавъ якыйсь интересъ. Машына все частишъ и частишъ голодно гуде й гуркае, возіи все частище чогось барятся, а вси навить на се й не звертають увагы.

Гудзыкъ почына догадуватысь, почына розумить сей настрій и страхъ холодыть ёму серце. Зъ ненавыстю дывытся винъ, якъ

настрій обхоплюе навить качагара Даныла, прымушуючы того жвавище сунуть солому и повертать здоровенною коцюбою.

«Ничого, ничого, я вамъ покажу, пидождить вы, мурлякы прокляти!»—думае винъ и ще енергійнище бига й лается.

-- Чого жъ ставъ? Чого ставъ? Пидйизжай, пидйизжай!!—накыдается винъ на возія-парубка, що, балакаючы зъ дивчатамы, пидбиравъ вижкы и збирався пидйизжать до машыны. Парубокъ здрыгнувся и, поспишаючы, шарпнувъ й зацмокавъ на коней.

— Куды жъ ты? куды? Куды вернешъ, гаспыде? Въ ма-ашыну, прóклятый, въ машыну, ироде, вйидешъ, бодай ты на могылкы выйихавъ! Собъ держы! Собъ, тоби говорю!!—скажено, несамовыто верещыть Гудзыкъ и пидбигае до коней. Схопывшы за вижкы, винъ круто повертае, визъ раптомъ перехыляется и въ купи зъ парубкомъ, пидъ акомпаниментъ крыкивъ й смиху, тыхо, поважно лягае на землю. Земля навкругы вкрывается снопамы.

— Ну, отъ!..--похмуро буркае парубокъ, встаючы зъ пидъ снопивъ и сердыто почынае шукать картуза. Гудзыкови и ніяково, и досадно за сю ніякивисть, и злисть ажъ кыпыть до «мурлякивъ», що прыкладуючы и глузуючы, регочутся зъ ёго.

— Бачъ, що наробывъ! бачъ, кукла амерыканська, що наробывъ! - шыпыть винъ до парубка.—Покорчыло бъ тоби, анафема!

— А чого жъ шарпалы...—не дывлячысь на ёго и вытрусюючы картуза, кыдае «анафема»!—Теперъ пиднимай...

— «Пиднима-а-й»!—перекрывляе Гудзыкъ,—за печинкы бъ тебе пидняло, ироде... Пиднимай же, чого жъ стоишъ, дубомъ бы тебе поставыло!..

— А що я самъ ёго буду пиднимать?—вмыть вызвиряется парубокъ и люто пхае ногою снипъ.—Та хай воно тоби скажется!.. Самъ шарпнувъ, перекынувъ, ще й лается... Гроши дай, онъ що!..

Винъ скинчывъ поганою лайкою и нервово одійшовъ до коней. У Гудзыка ажъ серце замерло видъ «тоби», «самъ», «дай» и гыдкои лайкы. Що жъ це? Колы це було? Колы це було, щобъ якый-небудь хлопъ насмилывся сказать ёму, панови економови,

«ты»? Колы було, щобъ воны до того забулы свое становыще, що высловлювалы голосно свое незадоволення? Було жъ навить, що робылы ёму мало не задурно и то не казалы «гроши давай». Бувало не тыждень, а мисяци не бачылы заробленыхъ грошей, а все жъ не крычалы; мовчалы, чекалы и може и лаялысь, та все це нышкомъ. А теперъ?... И Гудзыкъ пыльно, зъ страхомъ обдывляется навкругы и... трохы заспокоюется. Лыця хоча и похмури, сердыти, але чого-небудь нового не выдно. Щобъ заховать свое ніякове мовчання пислявпарубковыхъ сливъ, винъ такъ само мовчкы одходыть.

Парубокъ же, постоявшы биля коней, повозывшысь тамъ, пидійшовъ зновъ до воза и суворо гукнувшы возіивъ на допомогу, ставъ пидсовувать плече пидъ драбыну. Возіи позлизалы зъ возивъ и тежъ сталы ходыть и вышукувать мисця, де бъ зручнише пидмостыты спыну. Почалось пиднимання зъ лайкою, смихомъ, зъ одпочынкамы й балачкамы. А тымъ часомъ машына голодно ревла, лящала пасомъ и наче сердылась, що барабанщыкы стоять соби и весело балакають, подывляючысь на обыдва бокы у ныЗъ. И зъ другого боку тежъ щось трапылось, бо нихто й не гадавъ подаваты снопивъ. Вси спочывалы и зъ цикавистю слидкувалы за пидійманнямъ воза. За скыртамы лаявся Гудзыкъ.

— Ей, чорнява!.. Чорнява на тры пальци пидъ носомъ, бодай ты выросла!—Чуется вмыть зъ барабана и пидъ машыну загляда запорошене зъ пукатымы, сынимы окулярамы на носи лыце барабанщыка Андрона. И кримъ сыхъ окуляривъ, чорныхъ якыхъ-сь купокъ на мисци вусивъ и носа ничого за порохомъ не выдко. Губы зложени зовсимъ серьёзно, тилькы куточкы здрыгуются посмишкою.

Дуже высока, зовсимъ билява дивчына, до котрои гука винъ, навить не поворухнется, задывывшысь на воза.

— Ей, ты! Чорнява!.. Била хустына!.. Тю! Федоська!

Федоська здрыгуется, повертается и почынае шукаты очыма.

— Сюды! сюды лупны!

Федоська пиднима голову и, забачывшы Андрона, усмихается.

— Иды сюды...—кывае той головою. Дивчата кругъ ёго весело посмихаются и напередъ почувають задоволення.

— Чого?

— Та йды, дурна!.. Иды,—я тебе спонаравывъ... Иды, мое серце...

Дивчата сміются, а зъ пымы й Федоська.

— Та йды, не бійсь: я мнякый..., якъ вискъ на морози. Ну?.. Воды прынесешъ...—додае винъ, пиднимаючы видро.

Дивка неймовирно дывытся на дивчатъ, на видро й рушае. Черезъ хвылыну голова іи зъявляется на барабани.

— Ты выросты хочешъ?—вмыть серьёзно повертается до неи Андронъ и пыльно дывытся въ лыце.

Дивчата, що дывылысь на ёго, и соби поробылы серьёзни облычя, вмыть пырскають зо смиху и чекають одповиди видъ сторопилои Федоськы.

— Ну, выдно, що хоче,—не посмихаючысь навить, провадыть дали Андронъ и бере Федоську за кинець хусткы.

— Такъ колы на це вже йде дило,—говорыть винъ,—то ты зробы отъ що... Та стій дурна! Чого жъ тутъ соромыться? Хочешъ выросты, то росты, Богъ зъ тобою... Що жъ тутъ? Такъ, значыть, зробышъ такъ...

— А, та ну васъ! Сміются!.. Пустить...—вырывается Федоська и хоче злазыты вназъ.

— Стопъ, стопъ! Пидожды... Я маю справди сказаты тоби де-що. Чекай-но!.. Карпо говорывъ тамъ у васъ, щобъ завтра не йты на роботу?..

— Говорывъ... И про модыску...

— Усимъ?

— А я знаю? Чула, якъ казавъ...

— Дакъ отъ що: пиды заразъ найды Карпа и скажы ёму такъ: колы буде вже усе гараздъ, хай прыйде на барабанъ. Треба, щобъ почыналось у насъ... Розуміешъ?—нахылывся винъ до Федоськы и несподивано зробывъ ій по губахъ «тпруцькы». Федоська ажъ одкынулась назадъ й плюнула, колы тымъ часомъ дивчата весело реготалысь.

— Скажешъ же?

— Та скажу.... А якъ модыска прыйде?

— Тоди все буде... Ну, рушай... Высока росты!

— Еть!—соромлыво махнула Федоська рукою й зныкла. Але не встыгла ще зовсимъ сховатысь іи хустка, якъ заразъ же зачувся голосъ Гудзыка:

— Чого... треба... Лазыла?...

— О, Гудзя вже!—ненавыстно муркнула одна зъ дивчатъ и стала готуватысь, щобъ прыйматы снопы видъ парубка, що вылазывъ уже на поставленый визъ.

— А ты, Андроне, замисць того, щобъ згребты та податы въ барабанъ смиття, регитъ зъ нымы заводышъ?—почувся черезъ пивъ хвылыны незадоволеный, але здержаный голосъ Гудзыка и на барабани зъявылась ёго голова.—Такъ робыты не можна!

— А якого жъ биса не дають снопивъ?—похмуро кынувъ Андронъ, дывлячысь кудысь у бикъ.—Пальци жъ свои не посуну. Я те-жъ не каторжный... Хочъ бы ще знавъ, що гроши матыму й за таку роботу, а то робышъ за панське спасыби...

Гудзыкъ нибы не дочувъ и злизъ зъ барабана, ничого не одповидаючы. Винъ зна, що зъ барабанщыкомъ поводытысь, якъ зъ простымъ робитныкомъ, не можна. «Въ барабанъ даваты,—не въ соломи спаты», кожный скаже и кожный барабанщыка поважае.

— Та й зъ смиттямъ для тебе возытысь не буду,—додае Андронъ, дывлячысь Гудзыкови вслидъ.—Хиба цей снипъ укынуть? Ухъ!—вмыть повертается винъ и робыть рукамы, нибы згортае снипъ и хапае тымъ часомъ одну зъ дивчатъ за ногы. Та злякано одскакуе и, регочучысь за всима, пидхоплюе снопы, що якъ груши сыплятся видъ сердытого парубка. Машына реве, дзыжчыть и вкрывается зъ горы до нызу туманомъ пороху й половы. И вси за нею, хочъ и мляво, нибы ожывають. Дивчата, перегукуючысь и иноди лаючысь, тягають лантухы зъ зерномъ зъ-пидъ машыны до великого вороху. Хлопчыкы, похлёскуючы зъ затурбованымы и поважнымы пычкамы, не вспивають тягаты купу за купою жовтои, побытои соломы. Соломотрясы, половотрясы зъ сту-

комъ, зъ грякомъ, безъ перестану выкыдають солому й полову и сирымъ шаромъ пороху вкрывають лыця робитныкивъ, що, якъ комашня, обсилы навкругы машыну. Навить Андронъ затыхъ. Мицно насунувшы на лобъ картуза, розставывшы ликти, винъ зъ запаломъ якымсь хапае снипъ за снопомъ и майстерно розистлавшы ёго, суне въ зализную пащу машыни. Разъ за разомъ чуется дзыжчання й ревиння машыны-звирюкы, котру все бильше и бильше роспалюе Даныло. До сёго прылучается жалистна писня жыдкивъ-млынщыкивъ биля вороха зерна и стукотиння віялокъ и решетъ. На рядахъ лантухивъ, що въ тры поверха наложени биля ныхъ, сыдять замурзани жыденятка, зъ лушпайкамы изъ дыни въ рукахъ и традицыйнымы хвостыкамы зъ-заду.

Одынъ тилькы Карпо не бере учасгы въ сёму концерти. Не вважаючы Гудзыка. винъ похожае соби мижъ робитныкамы, зупыняется, балакае и пробирается дали. Писля ёго, розмовы стають жывищи, а робота бильше млявою.

— Плачешъ?—протыскуючысь помижъ граблямы, що нымы дивчата одгорталы полову, нибы байдуже кыдае винъ до дивчыны въ чорній хустци и зупыняется. Та швыдко пидводится й дывытся на ёго.

— Еге! драстуйте, Хымо!—иронычно уклоняется винъ.—Нибы не розуміе... Черезъ мисяць Гудзыне весилля жъ...

— Ну, то що?

Карпо трохы одходыть на-бикъ видъ купы половы, що суне якась жиноча постать и нациляется говорыты.

— Ну та що, що женытся?

— Байдужé?

— Пхи!—хыта зъ прызырствомъ головою Хыма и знову нахыляется, але заразъ же пидвившыся, додае:—не бачыла твого Гудзи!.. От-то! пхи! Винъ мени потрибный!..

Але Карпо по очахъ, по занадто байдужому голоси бачыть, що ій не зовсимъ вже такъ байдуже, якъ бы ій бажалось вдаты. И ревнисть ущыплыво пронызуе груды и крывыть товсти ёго губы злою посмишкою. Вынъ скыда сыни окуляры й почына для чого сь мняты ихъ въ рукахъ. Маленьки сири очи

ёго якось чудно билиють своимы чыстымы викамы середъ запорошеныхъ щокъ и пыльно розглядають шнурокъ зъ окуляръ.

— То бъ то тоби ажъ ницъ-ничогисинько?—яко мога байдуже и навить насмишкувато зновъ кыдае винъ.

Хыма не одповидае и старанно выгорта зъ-пидъ машыны полову.

— И вчора може, скажешъ, того до мене не выйшла, що зновъ батько не пустывъ?

— А вже жъ...

— Хм... А кого жъ то вчора Сыдиръ бачывъ биля економовои кухни?

— И-и-и!!—сплеснувшы рукамы, пидвелась зразу Хыма и такъ подывылась розкрытымы очыма на Карпа, що кожный, глянувшы на неи, зразу сказавъ бы, що іи и здывувала, и образыла така брехня. Але Карпо по оцёму саме й побачывъ, що вона тилькы вжывае дуже знаёмого ёму засобу брехни.

— То бъ то та́къ не було?

— Оть нехай мене Господь побье, колы я вчора бачыла ту кухню и того економа, хай винъ скажется! Винъ мени потрибный, якъ сыроти трясця... Ото прычепывся! Не бачыла якогось економа... Яке счастя, пхи!

— А де жъ у тебе взялася зъ кытыцямы хустка?

— О!.. Хустка... Титка прыйизжала й купыла...

— А Гудзя казавъ, що купывъ и ще самъ показувавъ Сыдорови...

— О!.. Сыдорови?.. Такъ...—змишалась Хыма и скорище нагнулась до половы.

— Ага, піймалась!..

— Пхи! піймалась... Ніякои я хусткы видъ ёго не брала. Ты разъ-у-разъ чипляешся... Якъ батько не пускалы, то чымъ я вынна?.. Потрибный винъ мени... Мале, погане...

И, похмурывшы лыце, Карпо одійшовъ до соломотрясу.

— Знову зъ Карпомъ?—пропустывшы зъ суворымъ поглядомъ повзъ себе Карпа и зупыняючысь биля Хымы, промовывъ Гудзыкъ.

— О! «Зъ Карпомъ!» Винъ мени потрибный!.. То винъ грабли мени набывъ, бо усе чогось спадають... «Зъ Карпомъ»!

И ображена Хыма енергично засунула грабли пидъ машыну.

— Що жъ винъ тоби тутъ говорывъ таке, що ты такъ рукамы плескала?

— «Що говорывъ»... Говорывъ, що... А вы на що усимъ розсказуете, що подарувалы мени хустку... Уси парубкы вже знають... Гарно якъ!

— Хто розсказувавъ?—здывувався Гудзыкъ.

— Ум... ще й нибы не знають!

— Та йды къ чорту! Що я дурный розсказувать?

— Ну-да... А Карпо казавъ, що вы казалы Сыдору...

— Брешe! То винъ выпытать у тебе хотивъ... А ты й перелякалась свого коханого та й плетешъ чортъ-зна-що...

— Эге, «коханого»! Такъ... Потрибный винъ мени... Пхи!..

— Брешешъ!

— О! «Брешешъ»!..

— А вже жъ брешешъ, бо Мошко самъ тебе бачывъ зъ нымъ за старымъ млыномъ...

— И-и-и!—сплеснула рукамы Хыма и шыроко-росплющенымы очыма подывылась на Гудзыка. Але той подывывсь ій въ вичи, плюнувъ и одійшовъ. Хыма зъ прызырствомъ подывылась ёму вслидъ, хытнула головою и знову нахылылась пидъ машыну.

— Ни, цей Карпо щось такы затывае,—думавъ Гудзыкъ, идучы повагомъ до свого доглядного пункта,—тутъ щось... Хм...

Нехай, нехай... Онъ навить и цей щось коверзуе... Ачъ... прóкляти мурлякы!

— Чого жъ рота роззявывъ? Поганяй!—накынувсь винъ на хлопчыка въ картузи по сами вуха, що стырчалы, якъ у мышы, и билыхъ штанцяхъ на однiй шлейци.

— Та волокъ одчепы, мацапуро!... Повылазыло?

Хлопчыкъ переляканo сёрбнувъ носомъ, спынывъ конячынку, що вивъ за недоуздокъ, и ставъ возытысь биля канату.

— У-у, куклы!—муркнувъ зъ невымовною злистю Гудзыкъ и, одiйшовшы трохы, ставъ дывытысь на шляхъ. Биля самого села по дорози ворушылось щось чорне. Черезъ хвылыну воно було вже бильше, черезъ дви—ще бильше, выдко, що наблыжалося дуже хутко.

Нибы верхы, нибы пишкы...—дывувався Гудзыкъ, прыставывшы руку до козырка зъ ремiнцемъ.—Бижыть швыдко .. А-а-а! Панъ Янъ на велосипеди!

И Гудзыкъ зъ досадою згадавъ, що винъ на сёгодня обицявъ пану Яну послать до двору гарненьку дивчыну видъ машыны. Не послать не можна, тымъ паче теперъ, колы винъ гадае видходыть и пожывыться на шлюбъ у старого Скшембжховського; послать же нема кого, бо теперъ, мабуть, ни одна не пиде. И дывлячысь, якъ чорне все побильшувалось, винъ хутко ставъ перебираты въдумци всихъ дивчатъ, що булы биля машыны.

— Ага!.. Хыма!.. Послухаемъ, що тепéръ Карпо заспивае... Хм...

И навить дуже задоволеный, винъ ставъ нетерпляче чекаты Скшембжховського. Черезъ хвылыну вже можна було разибраты гарненьке, биленьке лычко пана Яна зъ блакытнымы, невынными, велыкымы очыма й свижымы, пухкымы, румъянымы губкамы, надъ котрымы ледве прымитно чорнилы маленьки вуса; можна було навить побачыть на сёму дытячому лыци якусь туписть, сухисть и надзвычайну чванькоковытисть.

Зстрыбнувшы зъ велосипеда, винъ обережно сперъ ёго на лантухы зъ зерномъ и недбало тыкнувъ Гудзыкови руку. Той, звычайно, удэвъ дуже задоволеного зъ сёго.

— Proszę pana, сёгодня зовсимъ мало гарненькыхъ. Але я пану покажу, proszę pana...—пидморгнувъ винъ па-пивъ по-прыятельскы на-пивъ по-рабськы, але зъ тымъ колёромъ що, бувае у кимнатныхъ рабивъ.—Дивчынка... Але панъ самъ зобачыть...

Але панъ тилькы холодно дывывся своимы яснымы, дытячымы очима и, прямуючы до машыны, сылкувався пронызаты окомъ туманъ половы и навить хусткы, котрымы дивчата й молодыци захыщалы свои лыця видъ пороху й сонця. Биля машыны замовкло. Парубкы ще бильше нахмурылысь и люто махалы граблямы и выламы, мовъ уявляючы на ныхъ що инше замисць половы та соломы. Навить и дивчата не прояснилы, що бувало разъ-у-разъ, якъ зъявлявся «панычъ». Тилькы де-якы, не втерпившы, бигалы нибы за диломъ то Гудзыка и кыдалы въ «Янека» гострымъ, меткымъ, якъ блыскавка, поглядомъ. Зъ барабана чувся веселый смихъ и голосъ Андрона.

Карпо стежывъ за Хымою и злисть все бильше розлывалась ёму по грудяхъ.

— Ачъ! ачъ!—думавъ винъ, дывлячысь, якъ та то зазырала пидъ машыну, то забигала на другый бикъ и весь часъ мала такый выглядъ, нибы бигала за диломъ и не знала навить, що прыйшовъ «панекъ-Янекъ».

Слидкувавъ винъ и за Гудзыкомъ, слидкувавъ за ёго злорадною, злою усмишкою, зъ якою винъ, нибы жартуючы, хлёскавъ дивчатъ нагаёмъ, показувавъ ихъ Скшембжховскому; слидкувавъ за ёго поглядамы, яки кыдавъ той на всихъ, нибы бажаючы сказаты: «отъ же вамъ! отъ же вамъ»!

Але до смаку «Янека» не знаходылось. Та занадто тонка була, та высока, та велыки зубы мала. «Янекъ» тилькы мовчкы одвертався и рушавъ дали. Вси мовчкы дывылысь просто передъ себе и колы-не-колы перекыдався де́-хто словомъ.

— А ну, ты!.. Повернысь!—хлёснувъ Гудзыкъ нагаёмъ товсту дивчыну въ билій сорочци и зъ червонымы, товстымы лыткамы, що ажъ «вылыскувалысь» зъ пидъ короткои спидныци.—Ты зъ Цурупалокъ?

Дивка повернулась и, соромлячысь, засміялась.

— Ну?

— Ба ни...

— А звидкы жъ?

— Хи-хи-хи!...

«Янекъ» рушывъ.

— Це погана, prozsę pana...—йдучы позаду зъ ніяковистю промовывъ Гудзыкъ—Ось... Горпыно, Горпыно!

Высока, чорнява дивчына поважно повернулась и зырнула у ихъ бикъ.

— Иды сюды!..

— Чого ще тамъ?

– Та йды... Треба...

Дивка знехотя сперла грабли на машыну и не поспишаючы стала наблыжатысь до ныхъ. Гарни іи очи дывылысь спокійно и холодно.

— Ты тамъ... е... е... Ты одгортаешъ полову?

—А-то-жъ...

— Ну, такъ... той... А чы не багато тамъ дивчатъ? Може... е... е... зайва котра́?..

— А я знаю?

— Ну-да... але... Ты отъ що... Передасы комусь грабли и пидешъ до двору... Тамъ панычъ передадуть тобою квыткы... Бо мени сёгодня на вокзалъ треба...

Дивчына подывылась на ёго и зъ прызырствомъ, и зъ насмишкою и мовчкы пишла назадъ.

— Co ż to?—здывовано пиднявъ бровкы панъ Янъ и подывывся непорозумило на Гудзыка.

— Не хоче, хлопка!—злистно кынувъ Гудзыкъ и рушывъ дали. «Панекъ-Янекъ» ще разъ озырнувся на высоку, поважну постать Горпыны й пишовъ за Гудзыкомъ. Перейшлы на другый бикъ машыны. Гудзыкъ ще отвертище ставъ показувать Янкови вси вдачи дивчатъ, ще злораднище повертавъ ихъ на вси боки передъ нымъ и наумысне хлёскавъ нагаёмъ, якъ коровъ на базари.

— Прошу пана, можна мени граблі набыты, бо чысто злазять,—пидбигла вмыть до ныхъ Хыма и кынула гострымъ, палкымъ поглядомъ на «Янека». Гарненьке іи лычыко було вытерте видъ пороху и прываблювало здоровымъ и свижымъ румъянцемъ.

— Граблі?—спытавъ Гудзыкъ и подывывся на Янка, котрый заразъ же вйився въ Хыму очыма, озыраючы іи зъ нигъ до головы.

— А ся пиде?—спытавъ винъ по-лядськы у Гудзыка.

— Пиде, пиде, proszę pana... Зъ тобою тамъ хто одгортае?

— Федоська, Кылына Галасенкова...

— Ну то отъ-що: кыдай граблі, хай тамъ хтось за тебе одгортае, пидешъ у двиръ...

— Заразъ?

— А вже жъ!..

— Чого?

— Тамъ паничъ дадуть тоби квыткы...

Хыма замнялась.

— Ну?

— Не хочу...

— Що? Що жъ тебе прохаты, чы що? Не базикай же, забирайсь!... Нічого...

— Я до двору не пиду!—твердо промовыла Хыма и повернулась иты.

— Якъ не пидешъ?—скрыкнувъ Гудзыкъ—значыть...

— Хиба я такый страшный—перебывъ его Янъ холодно усмихаючысь до Хымы.—Я не кусаюсь...

Хыма кынула на ёго поглядомъ, трохы подержала ёго въ невынныхъ та ясныхъ очахъ ёго и повернулась до Гудзыка:

— Ну-да, щобъ выгадалы що-небудь...

— Дурна!—нихто ничого не выгадае...

— Еге, не выгадае... Ось и теперъ уси дывляться сюды...

— Та хай дывляться, може повылазыть... А паничъ дадуть тоби тамъ заразомъ и росчоть за той тыждень... Тоби жъ грошей треба?

— А-то-жъ...

— Ну, отъ... Proszę pana, ій за тыждень рубъ висимдесятъ.

Янекъ хытнувъ головою, глянувъ ще разъ на Хыму и рушывъ до велосыпеду.

— Вона пиде, proszę pana, тилькы такъ... гедзькается... Пиде...

Янекъ ткнувъ ёму руку, стрыбнувъ на велосыпеда и торкнувшысь злегка до кругленького картузыка, хутко задриботивъ ступырямы. Гудзыкъ ще трохы постоявъ, подывывся на дорогу, чы не выдко часомъ «модыскы» и тыхо пишовъ назадъ.

— Ху! Отъ нема чогось модыскы!--крыкнувъ Карпо, кыдаючы вила и дывлячысь на Гудзыка, що проходывъ биля ёго.— Пошыла бъ мени пальчаткы... А я бъ ій зубы вставывъ зъ оцыхъ вылокъ... Однакъ рыжки выпадають!..

У модыскы кинськи зубы
На модысци гарни шубы,
Гей, модыска моя, розлюбезная моя!—

—на весь голосъ узявъ винъ и цилый гуртъ заразъ же пидхопывъ твиръ Карпа, що спивавсь на голосъ «Барыни».—

Гвдзыкъ, нибы не чуючы ничого, але укусывшы трохы губы, пройшовъ трохы и заразъ же гукнувъ:

— Хымо! Кыдай грабли, йды до двору!

— Я не пиду-у-у!—почувся голосъ Хымы и зъ-за машыны выступыла іи постать зъ граблямы.

— Гаврыло! А ты знаешъ, скилькы рятботыння у модыскы?— гукнувъ Карпо до высокого, тонкого парубка, що стоявъ недалеко видъ Гудзыка биля воза зъ снопамы.

— А я кому кажу йты?! Заразъ же мени ступай... Визьмешъ квыткы и квытанцыю на вокзалъ... Чуешъ?

— Ну-да-а-а!—плаксыво крыкнула Хыма.—Я не хо-о-чу, нехай хтось другый пиде...

— Такъ не знаешъ? Мыліёнъ та ще й двадцять та пидъ носомъ висимнадцять. А прыданого знаешъ скилькы?.. Пъятьсотъ!

— Карпо!!—ледве здержуючысь, скрыкнувъ Гудзыкъ.—Якъ хочешъ робыты, такъ робы, а не хочешъ, такъ забирайсь къ чортовій матери!

— Хе?—Насмишкувато скрывывъ губы Карпо.—Скажить, яки воны сердыти... Не люблять...

Винъ пиднявъ выла и, схопывшы нымы навыльныкъ соломы, далеко шпурнувъ іи видъ себе.

— Хымко!—вмыть заревивъ Гудзыкъ,—довго ты тамъ будешъ копатысь, закопало бъ тебе въ сыру землю, кукла амерыканьська! Що я жартую зъ тобою, чы якого чорта! Ступай мени заразъ!!

— Ну-да-а, якъ дале-е-ко...—зновъ плаксыво скрывыла губы Хыма.

— Еть!—ришучо пидбигъ до неи Гудзыкъ и, схопывшы граблі, далеко шпурнувъ до лантухивъ зъ пшеныцею.—Забирайсь!

Хыма хмыкнула ще разъ, накынула краще хустку й тыхо пишла видъ машыны. Де-хто гукнувъ ій вслидъ погану лайку, де-хто мовчкы вткнувся въ роботу, а Карпо тилькы сципывъ зубы и навить не подывывся на неи.

Замовкло коло машыны, якъ замовкае, бува, середъ бури й негоды.

Робылы тыхо, не спиваючы, безъ смиху й жартивъ, немовъ чекаючы чого. Навить Гудзыкъ не ходывъ за паровыкъ, а понуро й суворо сыдивъ на лантухахъ, зъ-пидъ лоба позыраючы иноди по робитныкахъ.

Чуты було тилькы ревиння й гудиння машыны, выгукы хлопчыкивъ-погонычивъ та тарахкотиння млынкивъ.

Пройшовъ ще де-якый часъ. Зъ-за паровыка, трохы задыхавшысь, зъявылася румъяна, здорова Хыма. Пошукавшы очыма й забачывшы економа, вона зъ диловытымъ, поважнымъ выглядомъ пидійшла до ёго.

— Казалы паничъ, щобъ вы ввечери зайшлы до ныхъ, щось мають казать вамъ,—вымовыла вона, подаючы якыйсь пакуночокъ, загорнутый въ папиръ.

— Не казавъ про що?—не дывлячысь на неи, спытавъ Гудзыкъ, беручы пакуночокъ и ховаючы ёго въ кышеню.

— Ни; казалы тилькы, щобъ зайшлы.

— Добре.

— Хыма повернулась и такъ саме диловыто почала шукать своихъ грабель.

— Ось! — хытнула головою Федоська на землю биля себе, де лежалы Хымчыни грабли. Хыма пидняла й заняла свое мисце, маючы все такы такый выглядъ, нибы ничого не трапылось и все йде, якъ и слидъ ёму йты. Дивчата мовчалы.

Карпо зразу-жъ побачывъ по іи лыци, по знаёмому ёму дуже вырази въ очахъ и въ куточкахъ губивъ, навить по тому, якъ вона ступала, що не дурно «Янекъ» прыйиздывъ...

Винъ ще мицнище стулывъ губы, нахмурывся и ще зъ бильшымъ запаломъ замахавъ вылами. Солома далеко летила черезъ головы товарышивъ, котри иноди поглядалы на ёго, те-жъ похмури й сувори.

— Кыдайте за мене! — вмыть зупынывся винъ и, кынувшы выла, пишовъ повзъ машыну до дижкы зъ водою. Напывшысь, винъ утерся, пиднявъ окуляры на лоба й тыхо пишовъ побиля дивчатъ, иноди зупыняючысь коло де-кого зъ ныхъ. Гудзыкъ пыльно слидкувавъ за нымъ, не встаючы зъ лантухивъ и похлёскуючы нагаёмъ себе по чоботи. Вси скоса поглядалы на ныхъ кризь порохъ и полову. Машына ревла.

— Федосько! — гукнувъ Карпо, зупыняючысь межъ Федоською и Хымою и скоса подывывся на Хыму. Та те жъ кынула въ ёго поглядомъ и заразъ же одвернулась. Федоська пидвелась и озырнулась на ёго.

— Тоби Гудзя не дарувавъ хустокъ?

— Ни... А що?

— А отъ нашій Хымы не накупытся ніякъ...

Хыма, зачувшы свое имъя, озырнулась до ныхъ, але не розибравшы за галасомъ, незрозумило подывылась на Карпа и Федоську. Карпо, нибы ухыляючысь видъ воза, що саме пидйизжавъ до машыны, пидійшовъ зовсимъ блызько до неи.

— Бидна Хымка вже й не знае, куды ихъ ховаты. То мае хустку за Гудзю, то за паныка-Яныка, то за панычa Станыка.... Клопитъ!

Федоська засміялась и посунула полову до волока.

— Брешы-ы-ы!—зъ призырствомъ кынула Хыма, засовуючы грабли пидъ машыну.

— А щó давъ паныкъ-Яныкъ, чы сережкы, чы хустку?

— И сережкы, и хустку! Ну, то що? боюся тебе, чы що?— повернулась вона раптомъ до ёго и прямо подывылася въ вичи.— Пхи! злякалася!...

Карпо трохы змишався, не чекавшы сёго, але злисть заразъ же ще дужче закыпила и здавыла ёму груды.

— А вже жъ! Поганому выду не бувае стыду!

— Увва! Ты хорошый!... Знаемо!

— Що жъ ты знаешъ?

— Ничого... Знаемо...

— Що жъ ты знаешъ?... У-у-у, паршыва!—злистно штовхнувъ винъ іи ногою и повернувся йты.

— Ну, ты! халамыдрó!.. Чого бьешся?—скрыкнула Хыма,— бо заразъ скажу панови, якъ ты пидмовляешъ...

Карпо мовчкы повернувся и, не давшы навить скинчыть, знову ще дужче пацнувъ іи ногою.

— Па-а-а-не!—жалибно закрычала Хыма, одсовуючысь видъ ёго.—Халамыдрó!

— Ой, Хымко, гляды!—ледве здержуючысь, проскрыпивъ зубамы Карпо, ненавыстно дывлячысь на неи,—бо и твоёму панови буде, и тоби перепаде...

— А чого жъ бьешся?.. Я тебе зачипала?

— Ты чого чипляешся до дивкы?—вмыть почувся за нымы голосъ Гудзыка.—Иды на мисце!

— Я не подывлюсь ни на твого батька, ни на паршывого Гудзыка, а такъ дамъ, що знатымешъ!—не вважаючы на Гудзыка и не повертаючысь, промовывъ Карпо.—Я тоби покажу, якый я халамыдро, лядська помыйныця!

— Карпо, ступай до соломотрясу!—И мижъ Хымою и Карпомъ зъявылась постать Гудзыка. Вси покынулы роботу и, то похылявшысь, то выступывшы зъ-за машыны, пыльно дывылысь до ныхъ. Тильки машына ревла и торохкотила порожнимъ барабаномъ.

Карпо мовчкы подывывся на Гудзыка и, повертаючысь иты, кынувъ до Хымы:

— Я тоби покажу, паскудо, пидожды!

— Самъ ты паскуда... Халамыдрó!

Карпо вмыть скажено сипнувся и кынувся до Хымы.

— Па-ане!—заверещала та переляканo и, якъ опечена, зирвалася зъ мисця.

— Карпо!—погрозлыво крыкнувъ Гудзыкъ, перепыняючы ёму дорогу.—Не смій іи быты!

— А тоби яке дило?—раптомъ спыняючысь, люто повернувся до ёго Карпо.—Ты якого биса лизешъ? Тоби яке дило? Га?

— Я тутъ хазяинъ!

— Плювать я на тебе хотивъ!

— Я тебе плюну!

— Ты?—змирявъ ёго зъ прызырствомъ зъ нигъ до головы Карпо и зареготався.—А ну, попробуй!

— Попробуешъ!

— А ну-жъ, ну, попробуй!—насуваючысь на ёго, пидставлявъ ёму бикъ Карпо.—Ну, бый же, бый!..

— Забирайсь къ чорту, мурло!... Чого лизешъ?..

— Та чого ты дывышся на ёго, Карпо?—почулось десь изъ купы робитныкивъ, що почалы збигатысь звидусюды.—Бый ёго, жыройида проклятого!.. Гроши хай дае... Бый ёго!..

Гудзыкъ зблидъ и, якъ, бувае, маленькый, завзятый цуцыкъ, що попавъ на чужу улыцю мижъ чужыхъ псивъ, озырнувся на вси бокы. И побачывъ—въ той саме часъ, манирно пидтрымуючы подилъ сытцёвои, билои сукни, жахлыво мовъ по багнюци ступаючы по розкыданій полови, зъ-за паровыка наблыжалась «модыска».

— Гу-у-у! гу-у-у! го-о-о! тю-у-у! тю-ю! Моды-ы-с-с-ка, моды-ы-с-с-ска!—вмыть заревлы, зашыпилы, засычалы въ валци.— Тю-у-у! тю! Учга-а! тю!

«Модыска» здывовано-переляканo зупынылась и незрозумило стала дывытысь въ ихъ бикъ. Зъ-за скырдъ, видъ возивъ, одъ волокивъ, зачувшы крыкъ и галасъ, збигалысь дивчата, хлопци и поважни навить дядькы.

— Ну, чого жъ ты не бъешъ? Ну, ты! Бый же, бый! Онъ и модыска твоя прыйшла... Та бый же!—ще блыжче насунувся Карпо.

Гудзыкъ блидый весь—тилькы одсувався потроху и, сципывшы губы, важко сопивъ носомъ.

— Та вдарь же хочъ разъ... Онъ же и гарапныкъ маешъ!—хытнувъ ґоловою Карпо и, раптомъ зигнувшысь, схопывсь за нагай. Гудзыкъ перелякано сипнувся назадъ и, шарпнувшы рукою, вперищывъ Карпа нагаёмъ.

— А-а, такъ онъ якъ!—заревивъ несамовыто Карпо и увсимъ тиломъ кынувся на Гудзыка. Той побачывъ тилькы, якъ била сытцёва сукня вмыть повернулась назадъ и замыготила за паровыкомъ, почувъ якъ ёго зимняла якась сыла и не вспивъ оглянутысь, якъ опынывся на земли. Потимъ щось дуже гостро вдарыло по зубахъ, по носи, въ роти зробылось солоно-солоно, потимъ почувся якыйсь крыкъ, ёго чого-сь возылы по земли и нарешти винъ опынывся на ногахъ. По лыци й по грудяхъ текла кровъ и въ ухахъ гу́кало такъ, нибы туды уставлено паровыка. Карпо червоный, зъ розбытымы окулярамы на грудяхъ, стоявъ середъ купы робитныкивъ и палко говорывъ щось, повертаючысь до всихъ. Де-хто тежъ крычавъ щось, де-хто похмуро слухавъ, а де-хто и сміявся. Машына вже не гудила, стояла, такъ що чуть було все.

— Та плювать я на ёго хотивъ!—крычавъ Карпо.—Хай гроши виддасть за роботу! Що? Та я й на суди це саме скажу... Проценты зъ насъ дере за наши жъ гроши, а мы мовчы?.. Ого!.. У ёго нема грошей? Ну-ну! Та заразъ обшукайте ёго та й знайдете... Гроши давай!!—вмыть скажено сипнувся винъ до Гудзыка, що обтырався мокрою хусткою, яку намочывъ ему машынистъ. Карпа здержалы.

— Я тоби покажу грошй, пидожды!—промовывъ понуро Гудзыкъ, держучы хустку коло носа.—Ты у мене ще побачышъ, якъ людей убываты...

Винъ уставъ и пишовъ до дижкы зъ водою. Постоявшы трохы биля неи, винъ мовчкы вмывсь и тыхо вернувся до купы. Нисъ ёму розпухъ, почервонивъ и блыщавъ, якъ намазаный саломъ. Подъ ливымъ окомъ свитывъ сынякъ.

— Пускайте машыну!—повернувся винъ до машыныста, що балакавъ зъ Андрономъ.—А вы идить по мисцяхъ!..—кынувъ винъ до робитныкивъ, не дывлячысь на ныхъ.

— У суботу розсчотъ буде...

Всихъ нибы щось пидпалыло. Пиднявся галасъ, крыкы, замахалы рукамы, загомонилы, забалакалы навить ти, що перше ховалысь за другихъ, кожный хотивъ вылыть те, що накыпило за день. Гудзыкъ пригниченный ходывъ видъ паровыка до машыны, заговорювавъ то до одного, то до другого, але, почувшы гыдку лайку, або смихъ, одходывъ и зъ жахомъ дывывся, якъ вси до одного збиралы свыткы, торбы и вси свои манаткы. Ёму не вирылось, що воны покынуть роботу и лышать ёго тутъ самого зъ машыныстою; ёму не вирылось, що машына стане и винъ не встыгне на пислязавтра доставыть на вокзалъ уже продану пшеныцю. Ёму не хотилось вирыты, що воны повсталы проты ёго и вже бильше не послухають ёго.

А робитныкы вже рушалы видъ машыны, дивчата навить и писни затягнулы. И ніякои надіи не лышалося Гудзыку. Лыця булы серьёзни, зъ твердымъ и ришучымъ выразомъ, въ очахъ просвичувала зненавысть до ёго.

— Андроне!—гукнувъ Гудзыкъ.

Вси разомъ зупынылысь, и зъ купы выйшовъ Андронъ.

— Я дамъ заразъ всимъ розсчотъ!—похмуро кынувъ Гудзыкъ и ставъ выймать зъ боковои кышени якусь невелычку кныжечку. Почався розсчотъ.

Колы черезъ якый-сь часъ до машыны, засапавшысь, прыбигла «модыска» зъ своимъ батькомъ и якый-сь ще сыненькый ляшокъ. Гудзыкъ, сыдячы на лантухахъ, вже доличувавъ останнимъ робитныкамъ грошы. Нисъ ёму рознесло, одне око заплыло и обвелося сынёю смугою, а на губахъ ще лышылася суха, запекла кровъ.

Машына вже ревла, гудила, вкрывала порохомъ усе навкругы и нибы аккомпонувала гучній писни дивчатъ.

Скинчывшы розсчотъ, Гудзыкъ, «модыска», іи батько и сыненькый ляшокъ почалы радытысь...

В. Винниченко.

Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность [1])

Малорусское писательство Ф. С. Морачевскаго, какъ было сказано, началось въ 50-хъ годахъ, послѣ переѣзда его въ Нѣжинъ; по крайней мѣрѣ первое изъ извѣстныхъ намъ датированныхъ его стихотвореній относится къ 1854 году. Въ тѣ годы, подъ вліяніемъ политическихъ событій, совершавшихся предъ Крымской кампаніей, муза украинская очень часто являла себя въ печати, патріотически потрясая мечомъ и угрожая врагу—Европѣ полнымъ сокрушеніемъ ея. Недавно мы перепечатали [2]) одно такое стихотвореніе изъ Кіев. Губерн. Вѣдом. 1854 г., принадлежащее перу неизвѣстнаго намъ автора, скрытаго подъ иниціалами *Ос. М.*, и начинающееся словами: «Чы вы чулы те, громадо, що Пранцузъ изновъ здуривъ» и оканчивающееся угрозою: «Наши шабли гостри дуже, — ще гострійши одъ косы». Такимъ-же воинственнымъ духомъ проникнуто и другое извѣстное намъ стихотвореніе «Дадимо прочухана», напечатанное въ «Московск. Вѣдомост.» 1854 года Ваненкомъ. Совершенно въ такомъ-же направленіи обнаружилась и муза Ф. С. Морачевскаго, напечатавшаго въ «Кіевск. Губерн. Вѣдомост.» 1854 г. (№ 28) [3]) свое

---

[1]) См. № 11.

[2]) Кіев. Стар. 1902 г. № 10, отд. 2-й, стр. 15.

[3]) Перепечатано потомъ въ отдѣльной книжечкѣ «До чумака». Кіевъ, 1855 г.

стихотвореніе «Велыкому цареви нашому». Поставивъ рядъ вопросовъ: «за що свитъ нависный» злится на русскаго царя?—авторъ заканчиваетъ стихотвореніе воинственными строками:

Не турбуйсь, нашъ сызый орле,
Тилькы стрепенысь!
Не такіи тучи-хмары
Йшлы на насъ колысь;
Але сонечка не вкрылы
Нашого на мыгъ:
Ще яснійше, ще краснійше
Сяло промежъ ихъ.
Тежъ саме теперъ чекае
Зъ супостатомъ насъ:
Цилый свитъ нехай рушае.—
Справымось заразъ.
Йе въ насъ де гостей незванныхъ,
Йе чимъ частувать,
Нагодуемъ и напоимъ
И положымъ спать!

Достаточно прочесть приведенныя строки, чтобы рѣшить, насколько неудаченъ былъ у Морачевскаго этотъ стиль его украинской поэзіи. А между тѣмъ, увлекаясь духомъ времени, онъ не покидалъ этого стиля и въ 1855 году издалъ въ Кіевѣ цѣлую книжечку своихъ патріотическихъ стиховъ подъ заглавіемъ «До чумака, або война ягло-французо-турецька у 1853 и 54 рокахъ», скрывши свое произведеніе подъ иниціалами *Ф. М.* [1]) По до-

---

[1]) Въ первомъ изданіи (1900 года) малорусской антологіи «Викъ (1798—1898)» на стр. 188—191-й напечатанъ отрывокъ изъ поэмы «До чумака», приписанный издателями Морачевскому. Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ произошла ошибка, т. к. нигдѣ не нашли мы никакихъ указаній, чтобъ эта поэма «До чумака», ничего общаго не имѣющая съ тою, о которой мы говоримъ, принадлежала перу Морачевскаго.

стоинству своему это произведеніе не стоитъ особенно выше стихотворенія, напечатаннаго въ «Кіевск. Губерн. Вѣдом.», и единственной защитой его является то обстоятельство, что оно издано «въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ героевъ, защитниковъ Севастополя», какъ это обозначено въ началѣ книжечки. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что стихъ здѣсь гораздо глаже и свободнѣе, рѣчь непринужденнѣе и характеръ изложенія очень напоминаетъ «Энеиду» Котляревскаго: тотъ-же пріемъ юмористическаго разсказа, даже во многихъ мѣстахъ тѣ-же выраженія. Вся поэма построена такъ, что отмѣчаются важнѣйшіе моменты военныхъ дѣйствій, конечно, съ изображеніемъ боевой отваги русскихъ войскъ и ихъ предводителей, и съ неудачами противниковъ. Общій тонъ опредѣляется тѣми строками, которыя находятся въ началѣ разсказа, какъ обращеніе къ французамъ и англичанамъ:

Адзусъ, заморськи гольтяпакы!
Забулы, що було колысь?
Такои вамъ втремо кабакы
И пиднесемъ пидъ самый нисъ,
Якои й дядько вашъ не нюхавъ,
Хочъ довго-довго плечи чухавъ,
Зъ горы скотывшыся на нызъ.

Въ этой части поэмы «До чумака», датированной январемъ 1855 года, отмѣчены моменты войны на Дунаѣ, подъ Синопомъ, на Кавказѣ, подъ Кронштадтомъ, подъ Одессой, подъ Соловецкимъ монастыремъ, въ Камчаткѣ и наконецъ въ Крыму. Не станемъ приводитъ выдержекъ изъ этой напечатанной части, такъ-какъ съ характеромъ этого рода поэзіи Морачевскаго можно вполнѣ ознакомиться по той части ея, которая имѣется у насъ въ рукописи и которая приготовлена была авторомъ для печати въ томъ-же 1855 году (датирована—Нѣжинъ, 20 іюля), но почему-то въ свѣтъ не появилась. Печатать теперь цѣликомъ эту часть мы не считаемъ нужнымъ, т. к. поэзія такого рода имѣетъ временное значеніе, а характеръ ея вполнѣ опредѣлится тѣми отрывками,

которые мы приведемъ ниже, чтобы освѣтить и этотъ періодъ въ литературной дѣятельности Морачевскаго.

Вторая часть поэмы «До чумака» начинается, какъ и первая, обращеніемъ къ чумаку съ сѣтованіями, что онъ опять куда-то запропастился, а между тѣмъ есть о чемъ ему разсказать:

Якъ *Пальмерстонъ* въ своимъ газарти
Русь поража *перстомъ на карти*;
А тутъ *храницузъ* за нымъ туда-жъ,
Здывованый ёго одвагой,
Махае дядькивською шпагой
И верещыть: *allons*! *courage*!

Содержаніе этой части—отдѣльные моменты осады Севастополя:

Гай-гай! Не хмары небо вкрылы,
Не гримъ кризь тучи гуркотыть,—
То супостативъ нашихъ сылы
На край нашъ ридный навалылы,
Земля пидъ нымы стугоныть.
Трёхъ царствъ війська, та ще й якіи,
На берегъ Крымськый налягли—
Мовъ бы не зналы ще Россіи,
Мовъ въ першый разъ до насъ прыйшлы,
Мовъ бы не бачылы й не чулы,
Або сердешныи забулы,
Що наша славная земля
Костямы предкивъ ихъ укрыта
И кровью ихъ уся залыта—
Видъ *Кракова* ажъ до *Кремля*,
Видъ *Балаклавы* до *Олонця*...,
Що не таки зъ заходу жъ сонця
На насъ страшенни тучи йшлы,
И не таки *Наполіоны*,
Омеръ-паши та *Палмерстоны*
На насъ въ газарти ихъ велы—

Та й ти... могылы въ насъ знайшлы!
Знайдуть и си... постійте трохы!
Шатры розпьявшы, мовъ Волохы,
На Крымськимъ березі у насъ,
Вже девьять мисяцивъ штурмують
Нашъ *Севастополь*, и працюють,
Здается щиро кожный часъ...
И день и ничъ ревуть гарматы,
Клыкоче пекло кругъ єго,
И стилькы сылы, стилькы рати
Зъ усихъ киньцивъ на одного!!!

Встрѣчаемъ здѣсь и лирическія мѣста, когда поэтъ размышляетъ объ этомъ страшномъ кровопролитіи:

Надъ Севастополемъ зійшовъ
Въ тумани мисяць зъ зиронькамы,
И надъ окружнымы полямы
По небу дымному пишовъ.
О, подывыся, мисяченьку,
На Севастопольски поля!
Ты ходышъ всюды потыхеньку,
Глядышъ на земли, на моря:
Чи бачивъ ты на Божимъ свити,
Щобъ стилькы крови де лылось,
Щобъ стилькы у однимъ повити
Могылъ высокыхъ пиднялось,
Що бъ такъ земля була изрыта
И трупамы людськимы вкрыта—
Мовъ зъ свиту цилого зійшлысь
Велыки тысячи народу,
И, *голови одній* въ угоду,
Край Севастополя вляглысь?!!
А хто жъ заздалегидь намъ скаже,
Ще скилькы тысячъ тутъ поляже?

Не мало тутъ и батальныхъ картинъ, особенно, когда идетъ рѣчь о подвигахъ кн. Горчакова или Хрулева:

А тутъ и соколомъ литае
По полю хвацькій нашъ *Хрулёвъ*...
«Бый супостативъ! промовляе:
«Поганыхъ не жалій головъ»!
Ёго палашъ надъ ворогамы,
Мовъ зъ тучи блыскавка, блысь-блысь,
Та такъ и косыть ихъ рядамы...
Не хочешъ згинуть, такъ не лизь!
И батарея наша славна,
Що вже була у ихъ рукахъ,
Зновъ наша, зновъ колотыть справно
Ягло-Хранцузыкивъ на прахъ!
Бижать воны що маютъ сылы...
А скилькы тысячъ тутъ лягло,
И въ Севастопольськи могылы
На покій кости занесло!..

Тутъ-же есть строки, посвященныя поминкѣ трехъ знаменитыхъ адмираловъ—Нахимова, Корнилова и Истомина:

Такъ и *Нахимовъ* нашъ... о брате!
Хутчій чумацькый брыль здымай!
Зихны, перехрестысь трикраты,
Й козацьку душу въ свитлый рай
На вичный покій провожай,
И помолысь... нашъ сокилъ ясный,
Сынопськый дыво-богатырь,
Що славою, якъ мисяць красный,
Свитывъ на ввесь хрещеный мыръ,
Що стилькы кругъ Севастополя,
Зложывъ въ могыли ворогивъ,
И середъ моря й середъ поля
Надъ нымы громомъ гуркотивъ,

Нашъ адмиралъ, отаманъ хвацькій
И винъ найшовъ конець козацькій
Тамъ, де *Корниловъ* нашъ торикъ
Схилывъ головоньку навикъ,
Да й нашъ *Истоминъ* зъ свиту зныкъ!

Заканчивается поэма признаніемъ своихъ слабыхъ силъ воспѣть достойнымъ образомъ эти славныя имена:

О годи! буде вже, мій брате!
Не намъ зъ тобою, чумакамъ,
Мовъ нашимъ сильськимъ кобзарямъ,
Цю славу на бандури граты!
Йе въ насъ и Глинка, и Гулакъ,
И Вьяземській--спиваки хвацьки;
Воны гукнуть намъ по-козацьки
На цилый Божій свитъ не такъ!

Начало 50-хъ годовъ, какъ видимъ, было посвящено Морачевскимъ творчеству особаго склада, которое, также какъ и отмѣченныя раньше его произведенія на русскомъ языкѣ, нисколько не выдѣлило-бы имени его изъ ряда посредственности: ни широты воззрѣній, ни оригинальности, ни выдающейся художественности—ничего этого нельзя замѣтить въ его поэзіи. Не выше поставитъ его имя и небольшой запасъ извѣстныхъ намъ въ рукописи его украинскихъ стихотвореній, которыя писаны на другія темы и которыя трудно опредѣлить, къ какому времени относятся: и здѣсь истинной поэзіи нѣтъ, хотя идейнаго содержанія обнаруживается значительно больше. [1]) Образцовъ приводить не станемъ, т. к. считаемъ эти стихотворенія очень слабыми.

---

[1]) Въ «Покажчикѣ украинской литературы» М. Комарова (Кіевъ, 1883 г.) приписаны Морачевскому стихотворенія въ книжкѣ «Мова

Все разсмотрѣнное нами до сихъ поръ въ литературной дѣятельности Ф. С. Морачевскаго свидѣтельствуетъ ясно, что поэзія совсѣмъ не была его удѣломъ ни въ русскомъ, ни въ малорусскомъ писательствѣ; а между тѣмъ годы шли за годами, не выдвигая его на иную дорогу въ творческой работѣ. Впрочемъ, есть свѣдѣнія о томъ, что уже въ началѣ 50-хъ годовъ Морачевскій сталъ заниматься научнымъ изученіемъ малорусскаго языка; по крайней мѣрѣ въ отчетѣ Императ. Акад. Наукъ по отдѣленію русск. яз. и словесн. за 1853 годъ сказано: «Инспекторъ лицея кн. Безбородка Ф. С. Морачевскій препроводилъ на разсмотрѣніе отдѣленія начало составляемаго имъ *Словаря малороссійскаго языка* по полтавскому нарѣчію. Въ собраніи онъ помѣстилъ всѣ употребительныя слова, не исключая иностранныхъ и русскихъ, когда они усвоены народомъ; значеніе-же чисто малороссійскихъ словъ онъ подкрѣпляетъ выраженіями, заимствованными изъ древнихъ и новыхъ памятниковъ народной поэзіи, изъ сочиненій Котляревскаго, Основьяненка, Гулака-Артемовскаго и изъ живой народной рѣчи». [1]) Какая судьба постигла эту работу Морачевскаго, намъ не извѣстно: насколько знаемъ, въ печати объ этомъ Словарѣ никакихъ указаній больше не было. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что работа по составленію малорусскаго словаря была тѣмъ моментомъ въ жизни Морачевскаго, который вывелъ его на другой путь въ писательствѣ, именно—переводы на малорусскій языкъ книгъ священнаго писанія. Болѣе вдумчивое отношеніе къ малорус. языку, болѣе близкое соприкосновеніе съ лексическимъ матеріаломъ этого языка легко могли навести на мысль о возможности передачи на немъ такихъ высокихъ понятый, какія

зъ Украины». Думаемъ, что это ошибка, т. к. намъ извѣстны двѣ книжки подъ этимъ заглавіемъ, но одна изъ нихъ издана въ Кіевѣ въ 1858 г. и заключаетъ въ себѣ «зложеня С. М. Родыны», не имѣющія никакого отношенія къ Морачевскому, а другая, изданная въ Полтавѣ въ 1864 г., содержитъ «зложення М. Макаровского: Полтавська ризанына и Полтавська могыла».

[1]) См. Лицей кн. Безбородка, 2-ое изд., стр. 291.

заключаются въ евангельскомъ ученіи; въ необходимости-же такого перевода, конечно, у него сомнѣній быть не могло, такъ-какъ то были годы всеобщаго въ Россіи оживленія всѣхъ лучшихъ надеждъ и настроеній,—вспомнимъ, что это былъ конецъ 50-хъ годовъ.

Въ какомъ году начатъ Ф. С. Морачевскимъ его трудъ по переводу четвероевангелія и другихъ священныхъ книгъ, установить точно мы пока не можемъ; [1]) знаемъ только съ достовѣрностью, что въ сентябрѣ 1860 года у него былъ готовъ вполнѣ переводъ евангелія отъ Матѳея и Іоанна и почти готово вчернѣ евангеліе отъ Луки. Извѣстіе это мы почерпаемъ изъ копіи съ письма Морачевскаго къ Исидору, митрополиту с.-петербургскому и новгородскому. Письмо это, нигдѣ до сихъ поръ ненапечатанное, настолько интересно и такъ много проливаетъ свѣта на всю исторію этого перевода Морачевскаго, что мы приведемъ его цѣликомъ.

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Исидору, Митрополиту Санктпетербургскому и Новгородскому.

Въ собственныя руки.

Ваше Высокопреосвященство

Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь!

На всѣхъ языкахъ, словесно и письменно, проповѣдуется слово Божіе; исповѣдники Христа Спасителя имѣютъ Библію на своихъ языкахъ; а Малороссія, которой языкомъ говоритъ около 12 милліоновъ православныхъ христіанъ, не имѣетъ на своемъ языкѣ даже Евангелія.

Хотя церковно-слаянскій языкъ и родной малороссамъ, также точно какъ и великороссамъ; но онъ нашему простона-

---

[1]) Въ сохранившихся черновыхъ рукописяхъ перевода четвероевангелія есть помѣтка, изъ которой можно думать, что начатъ переводъ 14 марта 1860 г. евангеліемъ отъ Іоанна, а оконченъ 16 ноября того-же года евангеліемъ отъ Марка (см. Кіев. Стар. 1902 г. № 9, стр. 94, отд., Документы, извѣстія и замѣтки».

родію, составляющему главную, по своей численности, основу нашего населенія, мало понятенъ: и потому, особливо при нынѣшнемъ быстромъ распространеніи у насъ грамотности, чему весьма способствують повсемѣстно наши сельскія и воскресныя школы, переводъ на малороссійскій языкъ Евангелія несомнѣнно принесъ бы весьма важную пользу нашему религіозному народу.

Высокія Божественныя истины, со всею простотою, ясностью и теплотою Евангельскаго ученія выраженныя на природномъ, совершенно понятномъ каждому языкѣ, съ которымъ сливаются всѣ идеи и понятія народа, озарили бы темный умъ самымъ яснымъ и душеспасительнымъ свѣтомъ Вѣры и очистили бы колеблющуюся нравственность народную гораздо скорѣе. вѣрнѣе и глубже, нежели всѣ ученыя толкованія.

Съ этою цѣлью я приступилъ къ переводу Евангелія на малороссійскій языкъ, сличая славянскій текстъ съ текстомъ русскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и польскимъ. И вотъ, съ Божьею помощью, половина труда моего уже кончена, переведены два Евангелія, отъ Матѳея и отъ Іоанна. Знаю, какой великости дѣло—переводъ Евангелія; знаю также, что безъ особеннаго покровительства изданіе и самаго удовлетворительнаго перевода можетъ встрѣтить сильныя препятствія. При мысли, у кого искать мнѣ и совѣта, и покровительства моему дѣлу, Ваше В. П. представились моему уму въ самомъ благотворномъ для надеждъ моихъ свѣтѣ, и я крайне жалѣю только, что въ проѣздъ Вашъ черезъ Нѣжинъ, имѣвши честь представляться В. В. П., я не рѣшился лично просить по этому предмету Вашего совѣта и благословенія.

Теперь, представляя на благоразсмотрѣніе В. В. П. переводъ мой двухъ Евангелій, всепокорнѣйше прошу удостоить оный Вашимъ Святительскимъ вниманіемъ, а меня—совѣтомъ и благословеніемъ на продолженіе моего труда, которому я предался со всею любовію моей души, и который надѣюсь окончить къ будущему году (такъ какъ и Евангеліе отъ Луки почти готово уже у меня вчернѣ), и, если позволите, представить тоже В. В. П. Пусть Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ, содѣйствіемъ В. В. П. изданное

въ свѣтъ, будетъ достойною памятью, хотя недолгаго, но приснопамятнаго для нашего края Архипастырскаго пребыванія. В. В. П. въ странѣ, говорящей языкомъ малороссійскимъ:—и Малороссія благословитъ В. В. П.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, вручая и себя и переводъ мой Вашему Архипастырскому вниманію, имѣю честь быть В. В. П. покорнѣйшій слуга.

Нѣжинъ 28-го сент. 1860 г.

Какъ отнесся самъ Высокопреосвященный Исидоръ къ факту перевода евангелія на малорусскій языкъ и какъ оцѣнилъ онъ качество его, мы не знаемъ; знаемъ только, что очень скоро (14 октября 1860 года) митрополитъ отвѣтилъ на письмо Морачевскаго слѣдующимъ извѣщеніемъ:

Милостивый Государь Филиппъ Семеновичъ!

Препровожденный при письмѣ Вашемъ отъ 28 сентября переводъ двухъ Евангелій на Малороссійскій языкъ мною полученъ.

По частномъ совѣщаніи съ Святѣйшимъ Синодомъ, увѣдомляю Васъ, что переводъ Евангелій, сдѣланный Вами или другимъ кѣмъ-либо, не можетъ быть допущенъ къ печатанію.

Вашего Высокоблагородія усерднѣйшій слуга Исидоръ Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Октября 14. 1860. *С.-П.-Бургъ.*

Этотъ неутѣшительный для переводчика отвѣтъ, конечно, долженъ былъ тяжело отозваться на немъ, такъ-какъ онъ видѣлъ теперь, съ одной стороны, неосуществившимися свои завѣтныя мечты, а съ другой—понапрасну затраченный трудъ. Впрочемъ, изъ письма Морачевскаго къ митрополиту Исидору въ отвѣтъ на его нерадостное извѣщеніе, видно, что онъ не оставляетъ мысли работать дальше надъ переводомъ священнаго писанія и только утѣшается надеждой «оставить его дѣтямъ своимъ на память, какъ видимый знакъ своего благословенія». Письмо это, помѣченное 14 ноября 1860 г., слѣдующее.

В. В—ство В—шій А—тырь!

Удостоенный отвѣтомъ В. В. П. отъ 14-го минувшаго октября, на письмо мое, имѣю честь утруждать В. В. вторичною покорнѣйшею моею просьбою: представленный мною на благоразсмотрѣніе В. В. переводъ мой на малороссійскій языкъ двухъ Евангелій возвратить мнѣ въ городъ Нѣжинъ. Такъ какъ переводъ и двухъ прочихъ Евангелій у меня уже конченъ, и я началъ было даже переводить Дѣянія Апостольскія, предполагая современемъ перевесть и самыя посланія: то мнѣ крайне хотѣлось бы имѣть у себя всѣ Евангелія. Этотъ трудъ мой я считалъ дѣломъ столько полезнымъ, сколько и богоугоднымъ: и потому мнѣ пріятно будетъ, по крайней мѣрѣ, оставить его дѣтямъ моимъ—на память обо мнѣ, какъ видимый знакъ моего благословенія, которымъ буду просить имъ благословенія Божьяго.

14 ноябр. 1860 г.

Просьба Морачевскаго о возвращеніи рукописи двухъ евангелій была исполнена митрополитомъ Исидоромъ въ апрѣлѣ 1861 года, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее коротенькое письмо м. Исидора.

Милостивый Государь!

Возвращая Вамъ переводъ двухъ евангелій на малороссійскій языкъ и призывая на Васъ и семейство Ваше благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ пребываю.

Исидоръ, митроп. Новгородскій и С.-Петербургскій.

СПБ. апрѣля 4, 1861 г. [1])

Такъ закончилась первая попытка Ф. С. Морачевскаго провести въ жизнь свой переводъ четвероевангелія на малорусскій языкъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, переводчикъ въ томъ-же 1861

---

[1]) На этомъ письмѣ сдѣлана помѣтка рукою Ф. С. Морачевскаго: «получено 15 апрѣля 1861 г., въ день, часъ и даже минуту смерти земного ангела-хранителя души и жизни семьи моей».

году пробуетъ свой трудъ представить на усмотрѣніе высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, въ Академію Наукъ. Свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ протоколахъ Императорской Академіи Наукъ [1]), а также и въ нѣкоторыхъ газетныхъ сообщеніяхъ 1862 года [2]). Въ первый разъ о рукописи Морачевскаго доложено было въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ 11 января 1862 г., при чемъ отдѣленію не видно было изъ представленія переводчика, съ какою цѣлью препровождена эта рукопись, почему и поручено было «предсѣдательствующему снестись предварительно съ переводчикомъ, какое движеніе по желанію его должно быть дано труду, столь замѣчательному». Очевидно изъ дальнѣйшихъ протоколовъ, что въ отвѣтъ на запросъ *отдѣленія* переводчикъ просилъ, подвергнувъ его трудъ разсмотрѣнію, въ случаѣ одобренія его Академіей, исходатайствовать разрѣшеніе его напечатать. По крайней мѣрѣ въ протоколѣ засѣданія 8 февраля 1862 года сказано, что «академикъ Срезневскій читалъ записку по поводу перевода г. Морачевского на малороссійскій языкъ евангелія. Эта записка, заключающая въ себѣ взглядъ на отношеніе разныхъ славянскихъ нарѣчій къ языку русскому, а вслѣдъ за тѣмъ и одобреніе академикомъ труда г. Морачевскаго, принята отдѣленіемъ съ полнымъ одобреніемъ, что-же касается до отдѣльной записки о переводѣ г. Морачевскаго, которую надобно приложить къ представленію отдѣленія Г. Президенту Академіи Наукъ, то отдѣленіе поручило составить ее совокупно тремъ знатокамъ малороссійскаго языка А. Х. Востокову, А. В. Никитенку и И. И. Срезневскому».

Объ этомъ моментѣ въ судьбѣ рукописи Ф. С. Морачевскаго мы получили нѣкоторыя интересныя подробности отъ родственника его С. И. К—скаго, которыя и сообщимъ здѣсь. С. И. К—скій, живя въ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, познакомился съ

---

1) Пользуемся выписками изъ протоколовъ Императ. Акад. Наукъ, хранящимися въ Музеѣ покойнаго В. В. Тарновскаго, нынѣ принадлежащемъ Черниговскому земству.

2) См., напр., «Сынъ Отечества» отъ 20 дек. 1862 г. № 304.

семьей И. И. Срезневскаго. Узнавши, что въ Академіи Наукъ полученъ переводъ евангелія на малорусскій языкъ, онъ отправился къ И. И. Срезневскому и отъ него узналъ, что для разсмотрѣнія перевода назначена особая коммиссія. Срезневскій восхищался переводомъ и утверждалъ, что это положительно одинъ изъ лучшихъ переводовъ евангелія на славянскія нарѣчія. Онъ же сообщилъ, что Академія трудъ Морачевскаго передала въ Св. Синодъ. Синодъ переслалъ переводъ Калужскому архіепископу Григорію (въ мірѣ Николай Миткевичъ), уроженцу черниговской губ. При посредствѣ знакомыхъ, С. И. К– скому удалось узнать отъ домашняго врача архіепископа Григорія, какое впечатлѣніе на него произвелъ переданный ему на разсмотрѣніе трудъ Ф. Є. Морачевскаго. Оказалось, что архіеп. Григорій, много лѣтъ не слышавшій родной рѣчи, начавши читать евангеліе въ переводѣ на малорусскій языкъ, расплакался отъ радости и со слезами встрѣтилъ врача, своего земляка: «ось идить подывиться, яку Богъ пославъ мени радисть на чужыни!» Они вмѣстѣ читали этотъ переводъ и восхищались имъ. Переводъ возвращенъ былъ въ Св. Синодъ съ самымъ прекраснымъ отзывомъ, какъ свидѣтельствуетъ С. И. К—скій со словъ врача».

Изъ этихъ сообщеній видно, какъ удачны были начальные ходы черезъ Академію Наукъ въ судьбѣ рукописи Ф. С. Морачевскаго. Особенное значеніе имѣютъ для насъ тѣ отзывы почтенныхъ академиковъ, которые были составлены ими по порученію отдѣленія русскаго языка и словесности. Пользуясь музеемъ В. В. Тарновскаго, гдѣ, какъ было сказано, хранятся матеріалы къ исторіи рукописи Ф. С. Морачевскаго, мы выписали оттуда болѣе интересные документы и теперь, при случаѣ, считаемъ умѣстнымъ подѣлиться ими съ читателями.

И. И. Срезневскій въ своей запискѣ, читанной въ засѣданіи отдѣленія 8 февраля, далъ такой отзывъ о трудѣ Морачевскаго.

«Въ Галиціи съ радостію принята была вѣсть, что переводъ евангелія на малороссійское нарѣчіе, предпринятый отличнымъ его знатокомъ г. Морачевскимъ, уже оконченъ. Въ извѣщеніи объ этомъ, полученномъ изъ Праги, также выразилось теплое со-

чувствіе къ этому доброму дѣлу, достойному благодарности и памяти въ числѣ другихъ подвиговъ славянъ для народнаго образованія. По крайней мѣрѣ не съ меньшимъ сочувствіемъ должны и мы, русскіе, принять вѣсть о добромъ дѣлѣ г. Морачевскаго, внесшаго въ малорусскую словесность книгу, безъ которой ни одна христіанская словесность не можетъ считаться достойною своего назначенія, ни достигать его.

Что дѣйствительно ни одна словесность какого бы то ни было христіанскаго народа не достойна своего назначенія и не можетъ достигать безъ книги, въ который святыя истины Христа Спасителя завѣщаны міру словами близкихъ Его учениковъ, Его Апостоловъ, безъ книги, заключающей въ себѣ основанія христіанской образованности,—этого оспаривать, конечно, никто не станетъ. Поэтому, если есть только на свѣтѣ малорусскій народъ, и есть у него свой языкъ и возможна своя словесность, то должно быть у него и Евангеліе.

А что и малорусскій народъ, и малорусская словесность существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, этого тоже никто отвергать не можетъ.

Свидѣтельствованія особаго малорусскаго нарѣчія можно привести изъ памятниковъ даже XIV вѣка, а свидѣтельства о его литературномъ употребленіи съ XVII вѣка составляютъ такой значительный рядъ данныхъ, который по самому разнообразію своему удостоенъ вниманія по крайней мѣрѣ ближайшихъ сописьменниковъ...

Если и не измѣрять значеніе малорусской словесности числомъ народа, говорящаго малорусскимъ нарѣчіемъ; если даже и не считать ея существованіе однимъ изъ очень замѣчательныхъ явленій въ судьбахъ славянскаго племени, то все же нельзя отвергнуть, какъ несуществующее, то, что дѣйствительно существуетъ. А если сочувствіе къ образованію народа есть нравственный долгъ каждаго образованнаго христіанина, то нельзя не сочувствовать малорусской словесности, вообще какъ орудію народообразовательному и тому новому явленію, которымъ она одолжена г. Морачевскому...

...Пусть существуетъ у малоруссовъ—скажутъ иные—своя, особенная, мѣстная словесность, словесность легкая; изъ этого всетаки можетъ не слѣдовать, что для малороссовъ нуженъ особый переводъ Евангелія, когда есть уже переводъ славянскій, употребляемый въ церкви, и переводъ обще-русскій, годный для домашняго чтенія и малоруссовъ такъ же, какъ и великоруссовъ. Особый малорусскій переводъ Евангелія—могутъ сказать—вовсе не нуженъ. Въ какой мѣрѣ недостаточно одного славянскаго перевода Евангелія для русскихъ, это уже доказано признаніемъ необходимости русскаго перевода. И необходимость эта признана не теперь только: уже въ XVI и XVII вв. она была чувствительна, и вслѣдствіе этого Евангельскія чтенія на западно-русскомъ нарѣчіи были читаемы народу при поученіяхъ, на нихъ основанныхъ. Это западно-русское нарѣчіе отличается отъ малорусскаго—болѣе литературными замашками своего времени, чѣмъ главными характеристическими чертами, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ заимствованій изъ языка польскаго. Это нарѣчіе было для простого малорусса понятнѣе, чѣмъ нынѣшній литературный русскій языкъ. Онъ (литературный языкъ), конечно, кажется очень простымъ для того, кто къ нему привыкъ, но для простого малорусса найдется въ немъ не мало такого, что его остановитъ, и что онъ можетъ понять не такъ, какъ должно. Для отвращенія-то недоразумѣній и существуютъ и необходимы переводы Евангелія на языки, вполнѣ понятные народу.

Для предотвращенія-то недоразумѣній при чтеніи Евангелія малорусскимъ народомъ нельзя не желать, чтобы былъ такой ихъ переводъ, который былъ бы малоруссу совершенно понятенъ, не вводя его ни въ какія недоразумѣнія. Это вызывается важностью послѣдствій. Кому не будетъ нуженъ этотъ переводъ, тотъ за него и не возьмется; если же онъ окажется нужнымъ хоть одному человѣку, то и этого достаточно, чтобы ему быть... Тѣмъ менѣе возможенъ приговоръ противъ перевода книги Евангелій на какой бы то ни было языкъ, когда безпрерывно приготовляются и распространяются переводы ея на всѣ существующіе языки, на

языки даже такихъ дикарей, у которыхъ не достаетъ и нѣкоторыхъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ изъ ея образовъ...

Въ отношеніи къ малорусскому переводу книги Евангельской, мнѣ кажется, слѣдуетъ допустить не вопросъ, нуженъ ли онъ, или не нуженъ; а вопросъ, вѣренъ-ли онъ подлиннику и сообразенъ-ли по достоинству языка съ величіемъ содержанія? Само собою разумѣется, что если судъ о вѣрности перевода принадлежитъ знающимъ богословамъ, то съ другой стороны приговоръ о достоинствѣ языка перевода долженъ быть предоставленъ знатокамъ народнаго малорусскаго нарѣчія, умѣющимъ отличать въ немъ выраженія приличныя отъ низшихъ, умѣющимъ чувствовать въ немъ силу и простоту выразительности и не помутившимъ своего чутья языка никакими придуманными теоріями. Иначе легко можно порицать содержаніе такого перевода, который достоинъ только сочувствія и похвалы».

Еще болѣе силы и значенія имѣетъ мнѣніе о качествѣ перевода Ф. С. Морачевскаго такихъ авторитетовъ, какъ академики Востоковъ, Никитенко и Срезневскій, составившихъ общую записку объ этомъ трудѣ и представившихъ ее отдѣленію русскаго языка и словесности. Вотъ эта записка.

«Евангеліе, переведенное на малороссійское нарѣчіе г. Морачевскимъ, есть въ высшей степени трудъ замѣчательный и съ учено-филологической стороны, и со стороны религіозно-нравственной. Въ первомъ отношеніи прежде всего представляется вопросъ: способно-ли малороссійское нарѣчіе, на настоящей степени своего литературнаго развитія и разработки, къ внушенію тѣхъ божественныхъ и величайшихъ истинъ, какія содержитъ въ себѣ Евангеліе? Вопросъ этотъ переводомъ, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ, какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Малороссійское нарѣчіе въ немъ, можно сказать, блистательно выдерживаетъ испытаніе этого рода и уничтожаетъ всякое сомнѣніе, многими питаемое, въ возможности выразить возвышенныя идеи разума, возвышенныя чувства сердца, не впадая въ вульгарность, не огрубляя ихъ, не парализируя. Переводъ Морачевскаго удостовѣряетъ вполнѣ, что и качество или характеръ словъ, и качество слово-

сочетаній малороссійскихъ нигдѣ не измѣняютъ ни достоинству, ни смыслу излагаемыхъ мыслей. Напротивъ, оказывается, что изящная простота этихъ мыслей особенно легко совпадаетъ съ простотою тѣхъ и другихъ, не теряя высшаго своего значенія. Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ Евангелія Морачевскаго долженъ сдѣлать эпоху въ литературномъ образованіи малороссійскаго нарѣчія. Что же касается религіозно-нравственной стороны этого перевода, то въ важности его еще менѣе можно сомнѣваться. Если племена полудикія или вовсе дикія обладаютъ счастьемъ имѣть на своихъ языкахъ слово Божіе, то почему малороссіянамъ не желать просвѣщаться и назидаться на родномъ своемъ нарѣчіи? Для этого, вѣроятно скажутъ намъ, есть Евангеліе на русскомъ языкѣ, понятномъ и для малороссіянъ. Но это слово «понятность» не такъ удовлетворительно, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Во 1-хъ, для массы простого народа въ русскомъ языкѣ далеко не все удобопонятно, а во 2-хъ, кому неизвѣстно, что истины, преподаваемыя намъ на языкѣ, на которомъ мы мыслимъ и говоримъ отъ самой колыбели, на языкѣ, полученномъ нами вмѣстѣ съ кровью отъ нашихъ предковъ, дѣйствуютъ на насъ несравненно живѣе, побудительнѣе, чѣмъ выраженныя на языкѣ, хотя и близкомъ намъ и понятномъ намъ, но лишенномъ для насъ этого родственнаго значенія. Посему мы полагаемъ, что Евангеліе на народномъ нарѣчіи малороссіянъ весьма много содѣйствовало бы ихъ религіозно-нравственному образованію. За симъ полагаемъ мы, что переводъ Морачевскаго слѣдуетъ съ одобрительнымъ отзывомъ Академіи представить на благоуваженіе Святѣйшаго Сvнода и просить его, по разсмотрѣніи съ богословской точки зрѣнія, разрѣшить оный къ напечатанію».

Отдѣленіе, выслушавъ такой отзывъ спеціалистовъ и вполнѣ раздѣляя ихъ взглядъ, сдѣлало слѣдующее постановленіе:

«По предварительномъ тщательномъ разсмотрѣніи этого перевода назначенными для того Академиками, отдѣленіе убѣдилось, что переводчикъ выполнилъ съ блистательнымъ успѣхомъ свою важную задачу, не смотря на трудность ея. Трудность эта болѣе всего заключается въ томъ, что нарѣчіе малороссійское, обращав-

шееся въ кругу ежедневныхъ потребностей, или мыслей и чувствованій, тѣсно связанныхъ съ бытомъ простонароднымъ, не представляетъ такихъ опытовъ, которые могли бы служить образцами и указаніями для выраженія идей, принадлежащихъ къ высшей умственной средѣ. Переводчикъ, однако, такъ сказать, въ самой простотѣ величія божественныхъ истинъ успѣлъ найти для себя пособіе, а съ другой стороны, какъ глубокій знатокъ малороссійскаго нарѣчія, онъ успѣлъ извлечь изъ него такія выраженія и обороты, которые при всей своей общеупотребительности совершенно согласуются съ возвышеннымъ значеніемъ предлагаемыхъ имъ мыслей. Отдѣленіе, увѣренное въ несомнѣнной духовно-нравственной пользѣ этого перевода для края, для коего онъ назначается, просило своего президента употребить ходатайство предъ Святѣйшимъ Сунодомъ о дозволеніи напечатать переводъ г. Морачевскаго, если Синодъ удостоитъ оный своего святительскаго одобренія. Вслѣдствіе этого рукопись препровождена въ Святѣйшій Сунодъ».

Какова была дальнѣйшая судьба этого труда Ф. С. Морачевскаго, мы документально опредѣлить не можемъ, но изъ тѣхъ-же протоколовъ отдѣленія Академіи Наукъ видимъ, что еще въ декабрѣ 1862 года судьба рукописи, направленной въ Св. Синодъ, не была рѣшена, т. к. на запросъ Морачевскаго по поводу своего перевода, къ которому за это время прибавился еще и переводъ «Дѣяній Апостольскихъ», отдѣленіе просило г. Президента Академіи о содѣйствіи къ ускоренію сего дѣла въ Св. Синодѣ. Самый фактъ непоявленія перевода въ печати свидѣтельствуетъ о неудачѣ ходатайства, о чемъ, конечно, переводчикъ былъ извѣщенъ въ свое время. Текста этого извѣщенія мы не имѣемъ, но изъ протоколовъ Академіи видно, что въ началѣ 1864 года вопросъ уже былъ рѣшенъ, такъ-какъ Ф. С. Морачевскій просилъ прислать ему временно неразрѣшенный къ печати переводъ Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ, обѣщая доставить, взамѣнъ этой рукописи, другой полный экземпляръ перевода всего Новаго Завѣта, который уже оконченъ. Обѣщаніе свое Морачевскій исполнилъ въ концѣ 1864 года, препроводивъ

новый списокъ сдѣланнаго имъ перевода Новаго Завѣта для храненія въ библіотекѣ Академіи Наукъ съ просьбою подвергнуть этотъ исправленный списокъ новому разсмотрѣнію. Изъ тѣхъ-же протоколовъ видно, что къ переводамъ Евангелій и Дѣяній Апостольскихъ прибавились въ эти годы (до начала 1865 г.) еще переводы Апокалипсиса и Псалтири, т. е., что труды переводчика на этомъ поприщѣ не ослабѣвали, пока онъ питалъ себя надеждой на возможность увидѣть свою работу примѣненной къ дѣлу. Есть даже еще одно указаніе, что въ концѣ 1862 года Ф. С. Морачевскимъ былъ посланъ въ Академію Наукъ составленный имъ на малороссійскомъ языкѣ курсъ «Священной исторіи» для училищъ и простонароднаго чтенія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, хотя и находило, что книга подобнаго содержанія подлежитъ разсмотрѣнію церковнаго и учебнаго вѣдомства, однако, уважая трудъ Морачевскаго, просило академика А. В. Никитека доставить отдѣленію свой отзывъ о литературномъ достоинствѣ учебника. Содержанія этого отзыва мы не знаемъ, но изъ протоколовъ видимъ, что, по мнѣнію отдѣленія, Священная исторія «не есть переводъ, подобно Евангелію, которое усвоивается всѣмъ языкамъ и народамъ въ мірѣ, а самостоятельное сочиненіе», вслѣдствіе чего отдѣленіе не нашло возможнымъ ходатайствовать о напечатаніи его, по примѣру того, какъ оно поступило относительно перевода Евангелія.

Такимъ образомъ, Ф. С. Морачевскій, начавшій свою литературную дѣятельность малосодержательными стихотвореніями на русскомъ языкѣ и перешедшій затѣмъ къ писательству тоже не особенно блистательныхъ малорусскихъ стиховъ, закончилъ ее тѣми капитальными трудами, которые увѣнчаны если не плодами, осязаемыми въ современной намъ жизни, то во всякомъ случаѣ похвалами, создавшими ему неувядаемую славу, такъ-какъ немногимъ лицамъ достаются въ удѣлъ такіе авторитетные похвальные отзывы, какъ приведенные нами записки нашихъ почтенныхъ академиковъ. Если мы начали свою статью о Ф. С. Морачевскомъ словами «habent

sua fata libelli», то читатели теперь ясно видятъ, что, дѣйствительно, странная бываетъ судьба книгъ. Трудно повѣрить, чтобъ такъ блистательно исполненная работа, вызвавшая на первыхъ порахъ такіе оживленные толки, черезъ нѣсколько лѣтъ была позабыта, и теперь, черезъ 40 лѣтъ, приходится говорить о ней почти какъ о новомъ фактѣ, имѣющемъ всѣ права занять почетное мѣсто въ исторіи украинской письменности.

В. Науменко.

Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ.

(Окончаніе [1]).

Прошлый разъ, говоря о выставкахъ при съѣздѣ, мы не совсѣмъ закончили обзоръ этой части дѣятельности съѣзда, не упомянувъ еще о каталогѣ выставки. Безъ каталога, выставка потеряла-бы часть своего значенія, поэтому для всѣхъ выставокъ прежнихъ съѣздовъ составлялись каталоги, но, въ виду громаднаго числа выставленныхъ предметовъ на выставкѣ Харьковскаго съѣзда, каталогъ этой послѣдней разроссе въ очень объемистый томъ. Много потрудился при составленіи каталога проф. Рѣдинъ, которому принадлежитъ общая редакція почти всѣхъ отдѣловъ, кромѣ того, имъ составлены описанія отдѣловъ церковнаго и историческаго. Другіе отдѣлы составлены разными лицами, принимавшими участіе въ устройствѣ отдѣловъ, или доставившими предметы на выставку. Описанія предметовъ составлены зачастую очень подробно, научнымъ образомъ; укажемъ для примѣра на каталоги отдѣловъ церковныхъ древностей или старопечатныхъ книгъ, заключающіе, помимо точного описанія, еще ссылки на однородные памятники или различныя библіографическія указанія. Въ общемъ, каталогъ выставки Харьковскаго съѣзда, закрѣпляя, такъ сказать, содержимое выставки и заключая массу фактическаго матеріала, является цѣннымъ справочнымъ изданіемъ.

Переходя теперь къ самой сути съѣзда, къ занятіямъ его членовъ, нужно отмѣтить, что общій характеръ съѣзда, его на-

строеніе, указывали на большой интересъ, поднятый съѣздомъ и царившій во все время продолженія съѣзда. Всѣхъ членовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ, собралось болѣе 400-тъ; рефератовъ представленныхъ на съѣздъ, было гораздо больше, чѣмъ позволяло время, и все таки, въ теченіи менѣе чѣмъ десяти дней, ихъ было доложено болѣе 90-та,—по этому одному можно судить о томъ оживленіи, которое господствовало на съѣздѣ.

По тѣмъ отдѣламъ, на которые были распредѣлены засѣданія съѣзда, число рефератовъ, какъ того и нужно было ожидать, распредѣлилось неравномѣрно. Самыми продуктивными въ этомъ отношеніи оказались отдѣлы древностей первобытныхъ и древностей историко-географическихъ и этнографическихъ. Если первый отдѣлъ почти всегда и раньше изобиловалъ рефератами, то новинкой является многочисленность рефератовъ этнографической секціи, обыкновенно отходившей на самый задній планъ,—это обстоятельство, въ связи съ этнографической выставкой, также придало извѣстный колоритъ съѣзду, давъ возможность его членамъ ближе стать къ народу, къ его быту, какъ духовному, такъ и матеріальному.

Большое количество рефератовъ, посвященныхъ доисторическому прошлому, объясняется многочисленными раскопками произведенными въ Харьковщинѣ. Но, помимо отчетовъ о такихъ раскопкахъ, были рефераты и обобщающаго характера. Какъ и на прежнихъ съѣздахъ, такъ и здѣсь, вниманію членовъ были представлены областныя археологическія карты. Одно уже составленіе такихъ картъ къ съѣздамъ составляетъ большую заслугу этихъ послѣднихъ,—это одинъ изъ результатовъ счастливой мысли иниціатора съѣздовъ гр. А. С. Уварова; пройдетъ, конечно, еще много лѣтъ, но, въ концѣ концовъ, памятники старины всей Россіи будутъ зарегистрированы на картахъ, давъ изслѣдователю въ руки громадный матеріалъ; для юга Россіи это время уже и не такъ отдаленно. На Харьковскомъ съѣздѣ археологическая карта была представлена проф. Багалѣемъ по Харьковской губерніи; она является переработкой такой-же карты, составленной авторомъ еще десять лѣтъ назадъ и доставленной

въ Московское Археологическое Общество. Всѣхъ указаній на картѣ отмѣченно 645,¶ онѣ распредѣляются по уѣздамъ не равномѣрно—слѣдствіе недостаточности свѣдѣній, а также и имѣющагося матеріала, но вѣдь Харьковская губернія лишь только тронута археологическими изслѣдованіями—дальнѣйшія пополненія составляютъ уже болѣе легкую работу и необходимы для каждой карты. Карту сопровождаетъ обширный объяснительный текстъ. Карта вызвала всеобщее одобреніе членовъ, такъ какъ всѣмъ была очевидна трудность ея составленія именно вслѣдствіе малой разработанности древностей Харьковщины. По поводу этой карты проф. Веселовскимъ было высказано пожеланіе составленія, помимо общихъ, еще спеціальныхъ археологическихъ картъ, по различнымъ видамъ древностей. Мысль эта заслуживаетъ полнаго вниманія, но пока, за отсутствіемъ, главнымъ образомъ, средствъ для такого рода изданій, стоющихъ очень дорого, она еще трудно осуществима. Другая карта составлена В. Л. Перелешинымъ для Воронежской губерніи. Карта еще лишь начата, на ней нанесены только курганы и городища.

Большой интересъ возбуждало заглавіе реферата В. В. Хвойки—«Городища средняго Приднѣпровья ихъ народность, древность и національность». Матеріаломъ для реферата послужили раскопки нѣсколькихъ (если не ошибаемся всего 5-ти) городищъ. Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ V—IV в. до Р. Х., позднѣйшія—къ великокняжеской эпохѣ. По мнѣнію г. Хвойки, народностью, занимавшей городища въ теченіе всего этого времени, были наши предки славяне. Намъ кажется, что вообще рискованно, пока данныхъ немного, вводить въ вопросы чисто археологическіе элементъ національный, и если мы, благодаря цѣннымъ работамъ проф. Антоновича, изъ всей массы городищъ можемъ выдѣлить несомнѣнно славянскія, но уже значительно позднія, то вопросъ о національности другихъ, еще остается открытымъ. Данный рефератъ находится въ тѣсной связи съ болѣе обширной теоріей г. Хвойки, не сомнѣвающагося въ томъ, что и племена каменнаго и бронзоваго вѣковъ, населявшіе теперешній югъ Россіи, и скифы—все это славяне. Большое развлеченіе присутство-

вавшимъ на чтеніи этого реферата доставилъ г. Стовикъ, пошедшій по стопамъ Тредьяковскаго съ братіей и расширившій предѣлы обитанія славянскаго племени на всю Западную Европу; вѣдь, напр., говорилъ г. Стовикъ, что такое Друиды? Это—дароиды,—дармоѣды...

Вопросъ о каменныхъ бабахъ, какъ извѣстно, старый вопросъ. Но, повидимому, на Харьковскомъ съѣздѣ ему положенъ конецъ. Проф. Н. И. Веселовскій, обративъ вниманіе на новый типъ бабъ—лежачихъ, попутно приводитъ очень вѣскія доказательства того, что каменныя бабы являются надгробными памятниками и принадлежатъ народамъ тюркскаго племени. Для рѣшенія вопроса большую службу сослужили знаменитыя орхонскія надписи (въ сѣверной Монголіи, въ долинѣ р. Орхона), относящіяся къ VIII в. нашей эры. Здѣсь часто упоминаются надгробныя сооруженія подъ именемъ «балбаловъ»; тутъ же, среди орхонскихъ древностей, нашлись и самые «балбалы»—наши каменныя бабы. Такимъ образомъ подтверждается извѣстіе и Рубруквиса, что половцы ставили на курганахъ такія изваянія. Находки нѣкоторыхъ предметовъ, между прочимъ самого референта въ Кубанской области и г. Трифильева въ Купянскомъ у. Харьковской губ., даютъ полную аналогію съ тѣми, какія помѣщены на каменныхъ бабахъ; предметы эти кочевническаго быта, и, такимъ образомъ, служатъ подтвержденіемъ высказанной теоріи.

Преобладающее количество другихъ рефератовъ, доложенныхъ первобытной секціи, имѣло характеръ отчетовъ о произведенныхъ раскопкахъ, главнымъ образомъ, кургановъ. Большое количество вскрытыхъ могилъ дало возможность установить цѣлый рядъ погребальныхъ типовъ, какъ уже извѣстныхъ, такъ и дающихъ нѣчто новое.

Въ отчетѣ В. А. Городцова о раскопкахъ въ изюмскомъ у., помимо изслѣдованія стоянокъ неолитической эпохи, докладчикомъ было сообщено о находкѣ 264-хъ погребеній, относящихся *къ бронзовому вѣку*—открыта, т. о., цѣлая новая картина доисторическаго прошлаго, до сихъ поръ едва уловимая въ изслѣдованіяхъ

другихъ частей юга. Е. Н. Мельникъ, въ докладѣ «Археологическія раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ уѣздахъ», кромѣ описанія погребеній каменнаго вѣка и славянской эпохи, представила возбудившія всеобщій интересъ раскопки могилъ, въ которыхъ при скорченныхъ скелетахъ встрѣчаются предметы уже скифской эпохи, т. е. здѣсь найденъ переходъ отъ болѣе древней культуры къ болѣе новой, пополнено недостающее звено—фактъ первостепеннаго значенія. Докладъ Е. П. Трифильева—«Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ» также освѣщаетъ намъ страничку прошлаго; въ немъ даны свѣдѣнія о погребеніяхъ каменнаго вѣка, римской эпохи и кочевническихъ. Погребенія второго типа въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличались богатствомъ найденныхъ украшеній, кочевническое же погребеніе обнаружено въ курганѣ съ каменной бабой и служитъ солиднымъ фактомъ въ вопросѣ объ этихъ изваяніяхъ. Того же доисторическаго прошлаго касались рефераты А. М. Покровскаго—О раскопкахъ въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ, и В. Е. Данилевича—Раскопки около селъ Будъ и Березовки. Съ совершенно новымъ типомъ погребенія познакомилъ членовъ съѣзда докладъ А. М. Покровскаго—Верхне-Салтовскій могильникъ. Этотъ могильникъ заключаетъ погребенія въ искусственныхъ пещерахъ и составляетъ новость для обширнаго раіона юга Россіи; аналогичныя погребенія встрѣчены лишь на сѣверномъ Кавказѣ. Эта однородность типовъ позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя сближенія и вводитъ въ область изслѣдованія рядъ фактовъ, связь между которыми до настоящихъ раскопокъ отсутствовала. Обстановка погребенія, инвентарь могилъ указываютъ на неславянское, полукочевое племя, а найденныя монеты датируютъ могильникъ VII—IX вв. Докладъ г. Покровскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній; было высказано, между прочимъ, предположеніе о принадлежности этихъ пещерныхъ могилъ Хазаромъ. Указанные выше разнообразные типы погребеній еще не исчерпываютъ всего матеріала, добытаго раскопками. Нужно еще упомянуть о погребеніяхъ съ конемъ, также обнаруженныхъ на территоріи Харьковской губерніи,—имъ былъ посвященъ докладъ В. А. Городцова, въ которомъ докладчикъ

обобщилъ свѣдѣнія, имѣющіяся по данному вопросу. Дополненіемъ къ изслѣдованіямъ погребальныхъ типовъ и инвентаря служитъ докладъ проф. Анучина—Черепа изъ доисторическихъ могилъ изюмскаго у., въ которомъ были указаны краніологическія особенности череповъ, относящихся къ тремъ разнымъ эпохамъ: бронзовому вѣку, желѣзному вѣку и VIII—XII вв. Характерными черепами первой группы являются длинноголовые, сюда же примыкаетъ и черепъ желѣзнаго вѣка, черепа же послѣдней группы принадлежатъ народамъ тюркскаго племени.

До сихъ поръ рѣчь шла, главнымъ образомъ, о курганахъ и могилахъ. Но остается еще одинъ, очень распространенный, видъ древнихъ сооруженій—городища. Они пока еще мало изслѣдованы (говоримъ о Харьковской губерніи), и на съѣздѣ было трактовано лишь одно городище—Донецкое, которому посвятили свои доклады В. А. Городцовъ, производившій на немъ раскопки, и Д. Я. Самоквасовъ. Время городища—XII в., что же касается народности, то мнѣнія здѣсь раздѣлились,—одни считали его принадлежавшимъ славянамъ, другіе—татарамъ.

Мы пока не вышли еще за предѣлы Харьковской губерніи. Рефератовъ, касавшихся древностей другихъ областей юга, было несравненно меньше. На первомъ мѣстѣ нужно поставить докладъ проф. фонъ-Штерна—Раскопки въ сѣверной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о неолитическихъ поселеніяхъ съ керамикой домикенскаго типа. Раскопки обнаружили культуру, одинаковую съ культурой такихъ же находокъ въ Кіевской губерніи (раскопки гл. обр. Хвойки), въ Галичинѣ, Румыніи, Босніи и Каппадокіи. Референтъ, въ вопросѣ о назначеніи этихъ, т. н., площадокъ, не соглашается съ мнѣніями гг. Хвойки и Волкова, считавшими ихъ мѣстами погребеній, и скорѣе допускаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остатками жилищъ. Затронувъ вопросъ о народности, проф. фонъ-Штернъ также не находитъ возможнымъ принять мнѣніе г. Хвойки о принадлежности этихъ памятниковъ славянамъ, но, оставляя вопросъ открытымъ и основываясь на томъ фактѣ, что мы имѣемъ здѣсь культуру, шедшую съ сѣвера, проникшую затѣмъ на югъ, вплоть до Малой Азіи, культуру, явля-

ющуюся предшедствующей микенской, высказываетъ предположеніе о принадлежности ея греческому племени. Этой же, пока все еще загадочной, культуры касалось сообщеніе г-жи А. А. Скриленко—О глинянымъ статуэткахъ изъ Триполья. Описавъ статуэтки, г-жа Скриленко коснулась ихъ назначенія, признавъ за ними роль идоловъ.

Проф. Н. И. Веселовскій познакомилъ членовъ съѣзда съ очень интересной культурой, сообщивъ докладъ—Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ. Указаннымъ раіономъ находки этой культуры не исчерпываются—онѣ были сдѣланы и въ Харьковской и въ Курской губ. По времени могилы этого рода относятся ко II—III в. по Р. Х.; масса предметовъ указываетъ на римское вліяніе и вліяніе довольно глубокое и распространенное; предметы зачастую носятъ художественный характеръ и отличаются богатствомъ. Л. М. Савеловъ, въ докладѣ Коротоякскій уѣздъ (Воронежск. губ.) въ археологическомъ отношеніи, представилъ сжатый обзоръ имѣющихся въ этомъ раіонѣ памятниковъ древности, съ нанесеніемъ ихъ на карту. Намъ остается упомянуть еще объ одномъ рефератѣ—проф. В. З. Завиткевича—О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода. Сравнивая предметы изъ раскопокъ Херсонеса Таврическаго и славянскихъ кургановъ, референтъ обнаружилъ во многихъ случаяхъ полную аналогію. Это сравненіе даетъ возможность заключить, что уже въ эту эпоху существовали торговыя сношенія между восточными славянами и Византіей.

Этотъ краткій перечень рефератовъ, доложенныхъ секціи первобытныхъ древностей, не исчерпываетъ всей дѣятельности этой секціи,—каждый рефератъ поднималъ обмѣнъ мнѣній, затрогивались новые вопросы и т. д., но и по этому перечню можно судить, какъ много новаго, интереснаго въ области отдаленнаго прошлаго далъ Харьковскій съѣздъ.

Цѣлый рядъ весьма содержательныхъ докладовъ дала секція быта хозяйственнаго и домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые. Л. В. Падалка под-

нялъ кардинальный вопросъ въ рефератѣ—Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ. Хотя рефератъ вызвалъ много возраженій, но тезисы его въ общемъ были признаны вѣрными. Началомъ формировки быта г. Падалка считаетъ XVI вѣкъ, когда на данной территоріи традиція прежней жизни почти совсѣмъ прервалась и когда здѣсь выступаютъ три основные племенные элементы: элементъ старорусскій, элементъ потомковъ тюркскихъ степняковъ и элементъ Пятигорскихъ Черкасъ. Совершенно резонно однимъ изъ оппонентовъ было замѣчено, что докладчикомъ упущенъ еще одинъ, очень важный эленентъ—переселенцы изъ другихъ областей правобережной и лѣвобережной Украины.

Быту юридическому были посвящены два цѣнныхъ доклада: П. А. Максимейко—Русская Правда и обычное право Литовско-русскаго государства до изданія Статута, гдѣ авторъ, пользуясь сравнительнымъ методомъ, опредѣляетъ территорію распространенія дѣйствія Русской Правды, и А. Я. Ефименко—Литовско-русскіе данники и ихъ дани, гдѣ почтенная изслѣдовательница даетъ полную характеристику этого класса древняго населенія. Результатомъ разработки обширнаго матеріала явился рефератъ В. В. Иванова—Изъ внутренней жизни Слободской Украины. Здѣсь авторъ, беря эпоху XVIII в., остановился на характерныхъ особенностяхъ землевладѣнія войсковыхъ обитателей и на развитіи въ эту эпоху кустарныхъ ремеслъ. Г-жа Ефименко доложила съѣзду еще вторую работу—Къ вопросу о братствахъ. Путемъ сравнительнаго метода, принимая во вниманіе русское и вообще славянское обычное право, въ связи съ результатами германской научной литературы по этому предмету, г-жа Ефименко пришла къ заключенію, что разнообразныя формы братской организаціи играли въ эволюціи человѣчества роль переходной ступени, чрезъ которую архаическій строй жизни, державшійся на правахъ родовой связи, переходилъ къ позднѣйшимъ. Пользуясь интересными документами Архива Министерства Юстиціи, Е. А. Альбовскій имѣлъ возможность въ рефератѣ—Къ первоначальной исторіи города Харькова, представить вниманію членовъ любопытныя черты изъ жизни г. Харь-

кова въ первый періодъ его существованія, т. е. въ половинѣ XVII столѣтія.

Въ секціи языка и письма, наряду съ рефератами болѣе спеціальнаго характера, какъ напр. г. Лопатинскаго—Нѣкоторые суффиксы русскаго языка, образовавшіеся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ, проф. Карскаго—Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій, Ю. И. Тиховскаго—Малорусскія и западно-русскія учительныя евангелія XVI—XVII в., А. П. Кадлубовскаго—О старопечатныхъ южно-русскихъ тріодяхъ, и др., отмѣтимъ рефератъ на болѣе общую тему, именно рефератъ проф. Бороздина—О задачахъ изученія древне-русской литературы. Основное положеніе референта заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ литературное творчество есть фактъ не только индивидуальной психологіи, но, въ значительной мѣрѣ, фактъ соціальный, то задача вообще науки состоитъ въ томъ, чтобы ввести изслѣдованіе литературы въ общее изученіе соціальнаго процесса.

Секція древностей славянскихъ не отличалась обиліемъ рефератовъ, да и прочитанные рефераты можно было съ успѣхомъ отнести къ какой нибудь другой секціи. Укажемъ въ этой секціи на два реферата А. Л. Липовскаго. Первый озаглавленъ—Можно-ли, по филологическимъ соображеніямъ, приписывать городища на Приднѣпровьѣ славянамъ? А. Л. Липовскій на этотъ вопросъ даетъ отрицательный отвѣтъ, основываясь, главнымъ образомъ, на анализѣ заимствованныхъ словъ въ славянскихъ языкахъ. Среди словъ, опредѣляющихъ культурныя понятія славянъ, совсѣмъ не встрѣчается греческихъ словъ, и эти послѣднія появляются лишь послѣ принятія славянами христіанства. Это—еще одно очень вѣское мнѣніе противъ теоріи В. В. Хвойки о славянской народности приднѣпровскихъ городищъ. Въ другомъ рефератѣ г. Липовскій приводитъ параллель козачеству изъ исторіи южныхъ славянъ.

Нѣкоторыя засѣданія археографической секціи носили очень оживленный характеръ благодаря докладамъ проф. Д. Я. Самоквасова—Русское архивное законодательство и О будущей архивной реформѣ въ Россіи. Сущность этихъ докладовъ уже извѣстна

по кіевскому съѣзду, останавливаться на нихъ мы не будемъ; отмѣтимъ лишь постановленіе по этому предмету совѣта съѣзда: ходатайствовать объ оказаніи покровительства охранѣ архивовъ, составляющихъ драгоцѣннѣйшее научное сокровище русскаго государства и народа, и о дальнѣйшемъ движеніи организаціи архивнаго дѣла, согласно съ ходатайствомъ о томъ кіевскаго археологическаго съѣзда 1899 г. Обзору мѣстнаго архивнаго матеріала было посвящено нѣсколько докладовъ, между прочимъ, В. В. Иванова—объ архивныхъ матеріалахъ по Слободской Украинѣ, и Д. П. Миллера—Архивы харьковской губерніи.

Въ секціи памятниковъ искусствъ и художествъ отмѣтимъ два очень цѣнныхъ реферата. Проф. Д. В. Айналовъ взялъ матеріаломъ для своего доклада детальное изученіе сохранившихся мраморовъ и инкрустацій Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго собора. Докладчикъ указалъ сначала, что древніе архитектурные памятники Кіева въ общемъ еще мало изучены, тогда какъ даже архитектурныя детали—облицовка и инкрустація заслуживаютъ полнаго вниманія. Изученіе этихъ деталей привело референта къ очень интереснымъ выводамъ, напр., имъ констатированъ фактъ облицовки стѣнъ Софійскаго собора мраморомъ. Второй докладъ, проф. Е. К. Рѣдина,—Религіозные памятники искусствъ харьковской губерніи, явился результатомъ научныхъ экскурсій по харьковской губерніи. Въ рефератѣ была дана характеристика какъ архитектуры деревянныхъ церквей XVII—XVIII ст., такъ и церковной живописи, съ подраздѣленіемъ послѣдней на образцы, выработанные мѣстной жизнью и на заимствованія съ запада. Кромѣ того, докладчикъ обратилъ вниманіе и на другіе виды церковной утвари, главнымъ образомъ, металлической.

Одной изъ самыхъ дѣятельныхъ была секція историко-географическая и этнографическая. По первому отдѣлу укажемъ на рефератъ проф. Д. И. Багалѣя—Основаніе города Харькова, представляющій первую главу изъ обширной работы—Исторія г. Харькова, предпринятой референтомъ, при сотрудничествѣ Д. П. Миллера, по порученію харьковскаго городского управленія. Первоначальной исторіи другого города—Азова касался рефератъ

проф, Ковалевскаго. Интересную тему для доклада избралъ Л. В. Падалка—Что сказало населеніе полтавской губерніи о своемъ бытѣ. Основой заключеній послужили сообщенія многочисленныхъ корреспондентовъ изъ разныхъ слоевъ населенія. Сообщенія эти касаются какъ опредѣленія племенного состава, такъ и разныхъ сторонъ быта. По второму отдѣлу, чисто этнографическому, представлено очень много рефератовъ. Общаго положенія дѣла касался рефератъ В. И. Василенка—Къ вопросу объ областной этнографіи, гдѣ референтъ, выяснивъ нужды систематическаго обслѣдованія народнаго быта, выразилъ желательность учрежденія областныхъ ученыхъ обществъ и музеевъ. Остальные доклады касались различныхъ сторонъ народной жизни'и, особенно, различныхъ ремеслъ. Здѣсь имѣются рефераты: проф. А. П Краснова—Эволюція жилища и одежды крестьянъ ближайшихъ окрестностей г. Харькова, Е. П. Радаковой—Этнографическая экскурсія по екатеринославской губерніи, В. М. Василенко—О ткачествѣ въ полтавской губ. въ этнографическомъ отнощеніи, А. М. Покровскаго—О золотарствѣ въ харьковской губерніи, А. И. Зарѣцкаго—О гончарномъ производствѣ въ полтавской губ. и орнаментъ на гончарныхъ издѣліяхъ, В. А. Бабенко—Кацарство въ харьковской губерніи, и др. Особенной теплотой отличался, затѣмъ, рефератъ проф. В. П. Мочульскаго—Смерть козака по малороссійскимъ пѣснямъ и думамъ.

Одно изъ засѣданій этнографической секціи было устроено при совершенно особенной обстановкѣ—устроителями съѣзда были приглашены изъ черниговской, полтавской и харьковской губерній кобзари лирники, и засѣданіе состоялось съ ихъ участіемъ. Исполненіе многочисленными народными пѣвцами думъ, духовныхъ стиховъ, пѣсенъ и т. п. оставило послѣ себя неизгладимое впечатлѣніе

Кромѣ засѣданій, по установившемуся обычаю, членами съѣзда были совершены археологическія экскурсіи: одна на Донецкое городище, другая—въ имѣніе П. И. Харитоненко у с. Ницахи, ахтырскаго у. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ были произведены раскопки—городища и у Ницахи—славянскаго могильника.

Въ заключеніе, приводимъ тѣ пожеланія съѣзда, которыя явились, будучи вызваны ходомъ занятій съѣзда. О ходатайствѣ объ упорядоченіи архивнаго дѣла мы уже упомянули, затѣмъ идутъ еще слѣдующія: 1) Выразить отъ имени съѣзда принципіальное сочувствіе учрежденіямъ и ученымъ обществамъ для изученія губерній и просить о скорѣйшемъ разрѣшеніи ходатайства объ открытіи Общества любителей изученія полтавской губерніи, 2) обратиться къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбой оказать покровительство кобзарямъ и лирникамъ, такъ какъ они не являются нищими, но. будучи слѣпцами, зарабатываютъ хлѣбъ исполненіемъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового характера, 3) просить членовъ XII археологическаго съѣзда оказать свое содѣйствіе Московскому археологическому обществу въ дѣлѣ составленія археологическаго словаря и 4) ходатайствовать о скорѣйшемъ изданіи закона, воспрещающаго вывозъ древностей изъ предѣловъ Россіи.

Мѣстомъ слѣдующаго, XIII-го, археологическаго съѣзда, въ 1905 году, избранъ г. Екатеринославъ. Такимъ образомъ, работа будущаго съѣзда станетъ продолженіемъ работъ харьковскаго, и отъ такой послѣдовательности дѣло изученія памятниковъ старины только лишь выиграетъ. Пожелаемъ-же молодому Екатеринославскому научному обществу и вообще Екатеринославскому обществу такъ же успѣшно справиться съ задачей устройства съѣзда, какъ справился съ ней Харьковъ.

Н. Б.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи заточенія кошевого П. Калнышевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ. 28 іюня 1787 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія царствованія императрицы Екатерины II, изданъ былъ манифестъ «о разныхъ дарованныхъ народу милостяхъ» (Полн. собр. зак. т. XXII, № 16551). Въ числѣ другихъ лицъ, этимъ манифестомъ оказаны были милости и различнаго рода уголовнымъ преступникамъ, при чемъ относительно тѣхъ изъ нихъ, которые по производящимся о нихъ дѣламъ содержались болѣе 10 лѣтъ, повелѣно было «не мѣшкая освободить». 4 августа этотъ манифестъ полученъ былъ въ Соловецкомъ монастырѣ при указѣ свят. Синода съ предписаніемъ представить въ Синодъ вѣдомость о томъ, кто изъ содержащихся въ монастырѣ арестантовъ можетъ быть освобожденъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія. Въ виду того, что находившіеся въ то время въ монастырѣ „колодники“ содержались по именнымъ повелѣніямъ ея имп. величества, а о такого рода колодникахъ ничего не говорилось въ присланномъ манифестѣ, Соловецкій архимандритъ Іеронимъ, затрудняясь исполненіемъ указа Синода, препроводилъ въ Архангельское намѣстническое правленіе именную вѣдомость содержавшихся въ монастырѣ арестантовъ съ просьбой разъяснить, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ. Въ присланной вѣдомости обозначено было 13 арестантовъ, въ числѣ ихъ подъ № 7 значится: *«бывшей Сѣчи Запорожской кошевой Петръ Калнышевскій»* (въ графѣ: съ котораго времени) съ 29 іюля 1776 г. (въ графѣ—откуда, по какимъ повелѣніямъ присланы и какъ содержать велѣно) по указу свят. пр. Синода во исполненіе высочайшей ея имп. величества на всеподданнѣйшемъ генералъ-

аншефа военной коллегіи вице-призедента астраханской, азовской и новороссійской губ. генералъ-губернатора и кавалера Григорія Александровича Потемкина докладѣ конфирмаціи, для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не токмо отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія, за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ».

Исправлявшій въ то время должность олонецкаго и архангельскаго генералъ-губернатора Тутолминъ, разсмотрѣвъ присланный архимандритомъ списокъ, увѣдомилъ его, что указанные въ спискѣ колодники, по его, ген.-губернатора, мнѣнію, не подходятъ подъ дѣйствіе манифеста 28 іюня 1787 г., тѣмъ болѣе, что вины ихъ извѣстны одной лишь тайной экспедиціи. Затѣмъ, въ декабрѣ того же года, Тутолминъ дополнительно увѣдомилъ архимандрита, что о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ представлено было имъ на высочайшее усмотрѣніе, при чемъ мнѣніе его было одобрено и предписано показанныхъ въ вѣдомости архимандрита колодниковъ содержать по прежнему.

Въ вѣдомости колодниковъ, содержавшихся въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1794 г., Калнышевскій тоже значится, при чемъ пояснено, что онъ присланъ въ монастырь «за вѣроломное буйство и разореніе россійскихъ вѣрноподданныхъ для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія». По заявленію архимандрита, Калнышевскій «нынѣ житіе препровождаетъ смиренно и никакихъ безпокойствъ никому отъ него не происходитъ». Такіе же отзывы съ небольшими лишь варіаціями о немъ даны въ вѣдомостяхъ за 1795, 1796, 1797, 1798 и 1799 годы. Въ вѣдомости за 1802 г. Калнышевскій въ числѣ лицъ содержавшихся подъ стражей въ монастырѣ не показанъ,—онъ къ тому времени былъ освобожденъ изъ-подъ содержанія подъ стражей и жилъ на свободѣ.

Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. (1837 г.)[1]). «Милостивый Государь Дмитрій Петровичъ! Прежде всего я бы дол-

[1]) За сообщеніе подлинника этого письма Редакція выражаетъ искреннюю признательность Д. П. Бутовскому.—М. С. Щепкинъ происходилъ изъ крѣпостныхъ Д. П. Гавриленка, кобелякскаго уѣзднаго пред-

женъ былъ благодарить васъ за дружеское ваше расположеніе и за всѣ одолженія и хлопоты къ вашему покорнѣйшему слугѣ, но всего этого было такъ много, что у меня не достанетъ словъ для выраженія оной; но у меня такъ много чувствъ для всего этого и смѣю увѣрить васъ, что никакое время не изгладитъ ихъ въ моемъ сердцѣ. Но это теперь въ сторону; скажу вамъ о моемъ пребываніи въ Вознесенскѣ. Много было дурного и хорошаго и, благодаря Г. Дрындену, все кончилось лучше, нежели можно было ожидать, имѣя дѣло съ *Ерохинымъ*. Хотя со стороны финансовъ мало прибавилось, но со стороны славы, и милостей Двора, и ласкъ его свѣтлости Петра Михайловича Волконскаго [1]), неизчерпаемый источникъ благъ. Отъ первыхъ я и дочь получили царскіе подарки: я—перстень слишкомъ въ 1000 р., а дочь—серьги рублей въ 600, а второй осыпалъ ласками меня съ дочерьми и приглашалъ меня съ меньшей дочерью въ Петербургъ и говорилъ ей, что онъ надѣется, что она посвятитъ себя совершенно театру, велѣлъ ей учиться пѣть у Герколани, театральнаго учителя школы, а мнѣ велѣлъ ее затянуть въ корсетъ, а то говоритъ стыдно, это хорошенькая дѣвушка держитъ себя на сценѣ дурно. Ну что скажете, не балуетъ меня Богъ? Царица съ Маріей Николаевной [2]) смотрѣли Сашку въ Кетли и Дебютантѣ половину, ибо обѣ піэсы игрались по волѣ министра въ одинъ спектакль. Вотъ все, что случилось интереснаго въ наше пребываніе. Я знаю, что вамъ пріятно это знать».

водителя дворянства. Въ принадлежавшемъ Гавриленку м. Озерахъ (кобелякскаго у.) существовалъ въ ту пору каменный театръ съ тремя ложами и партеромъ, сломанный 27 лѣтъ тому назадъ Александрою Дм. Гавриленко, вдовою Дм. Петровича Г. Въ Озерахъ бывалъ Щепкинъ и въ расцвѣтѣ своей артистической славы. Настоящее письмо написано еще до начала знакомства М. С. Щепкина съ Т. Г. Шевченкомъ, знакомства, перешедшаго въ теплую и неизмѣнную дружбу, о которой съ сердечнымъ умиленіемъ разказываетъ самъ поэтъ въ своемъ дневникѣ (см. стр. 140, 146, 148 и сл., 150 и сл., 155-158, 165, 171 и сл., 174 и сл., 181--190, 207—по львовскому изданію 1895 г. Ср. также у А. Я. Конисскаго: Жизнь Т. Г. Шевченка. Одесса, 1888. Стр. 154, 187, 483, 489 и сл., 509--514). Письмо послано изъ Вознесенска, вѣроятно изъ императорской квартиры, потому что на бумагѣ оттиснутъ штемпель имп. Николая I.—Ред.

[1]) Министръ двора при имп. Николаѣ I

[2]) Великая княжна.

«Пользуясь вашимъ расположеніемъ, я не высылаю теперь къ вамъ по щотамъ денегъ, а покорнѣйше прошу увѣрить М. Штрацъ, Фендрикъ и Ланге, что деньги ихъ, всѣхъ 600 р., я непремѣнно чрезъ пять мѣсяцевъ къ вамъ вышлю съ моей благодарностью: или по обѣщанію вашему, естьли у васъ будутъ свободныя деньги, то уплатите имъ, ибо быть одолжену вамъ мнѣ пріятнѣе. Здѣсь за хлопотами, суетой и безпорядкомъ я ничего для васъ не переписалъ, но по возвращеніи въ Москву вы вскорости получите много кой чего театральнаго. Мы захватили съ собой ноты изъ Кетли и Дѣвушки Гусаръ, которые получите отъ подательницы сего письма, которой въ случаѣ нужды какой-либо, не откажите въ какомъ-либо пособіи, а особливо естьли можно что сдѣлать для дѣтей её, а Богъ вамъ скажетъ за это спасибо».

«Прощайте, мой дорогой баринъ, да нispошлетъ всевышній вамъ всѣ земныя блага вмѣстѣ съ Александрой Дмитріевной, которой возьмите трудъ изъявить отъ меня и отъ жены наше истинное почтеніе и вѣрьте, что имена ваши не выходятъ изъ сердца того, кто истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣемъ пребыть

Вашъ
Милостивый Государь
Покорнѣйшій слуга
Михайло Щепкинъ.

От. 5-го Сентября 1837 [1]) года. Возьмите на себя трудъ изъявить мое почтеніе Барону Корфъ [2])».

Сообщ. **Д. Б—ій**.

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *Объ учрежденіи фельдшерской школы въ Полтавѣ.* Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія московскій военный губернаторъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи при Екатерининской боль-

---

[1]) Первоначально было написано „1836“, затѣмъ исправлено.

[2]) По объясненію Александры Дм. Гавриленко, едва-ли это не описка. Вѣроятно, Щепкинъ имѣлъ въ виду бар. Франка. Мать Дм. Петр. Гавриленко была во второмъ бракѣ за бар. Франкомъ, бывшемъ 7 или 8 трехлѣтій Екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Съ бар Корфомъ семья Гавриленко не имѣла связей.

ницѣ, въ Москвѣ, фельдшерской школы. Больница эта находилась въ то время въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Этотъ проектъ навелъ на мысль министерство устроить такія же школы и въ другихъ городахъ на счетъ суммъ приказа общ. призрѣнія, для чего министерство и составило проектъ, который и былъ высочайше утвержденъ 7 апрѣля 1829 года. Школы эти учреждались съ тѣмъ, чтобы предварительно были составлены руководства. Этимъ проектомъ запрещалось принимать въ школу дѣтей казенныхъ крестьянъ, «дабы не отнимать рукъ отъ земледѣлія и отъ упражненій, свойственныхъ крестьянскому быту». Въ исключительныхъ же случаяхъ допускалось, «чтобы изъ оспопрививателей или изъ другихъ способныхъ молодыхъ крестьянъ въ казенныхъ селеніяхъ избрано было въ каждой губерніи по нѣсколько человѣкъ для помѣщенія пансіонеровъ и обученія ихъ на иждивеніи самихъ обществъ». Такое право было предоставлено и удѣльному вѣдомству, а также помѣщикамъ, если бы они пожелали кого-либо отдать въ эту школу. Министерство вн. дѣлъ въ январѣ 1831 года предложило полтавскому приказу общественнаго призрѣнія высказать свои соображенія объ устройствѣ такой школы въ Полтавѣ. Но приказъ отнесся несочувственно къ этому проекту. По его разсчету, въ полтавской губерніи нужны фельдшера для трехъ богоугодныхъ заведеній (по одному для полтавскаго, лубенскаго и роменскаго), да по одному для городскихъ больницъ, всего 20 человѣкъ; поэтому приказъ высказался противъ учрежденія въ Полтавѣ особой фельдшерской школы и находилъ, что лучше помѣстить 20 человѣкъ въ харьковскую фельдшерскую школу, чѣмъ учреждать самостоятельную школу. Такой отвѣтъ и былъ посланъ въ министерство въ январѣ 1833 года. Добрый починъ правительства, такимъ образомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ то время еще не сознавалась необходимость медицины для населенія, лѣчились у знахарей. (Арх. Прик. Об. Призр. въ губ. З. Управѣ. 1831 по описи №. 397).

II. *Дѣтскій пріютъ въ Полтавѣ на подобіе нынѣшнихъ «яслей»*. Въ настоящее время города и земства устраиваютъ пріюты подъ названіемъ «ясли»,—учрежденія, несомнѣнно, очень полезныя. Но ничто не ново подъ луною. Такой пріютъ былъ учрежденъ въ Полтавѣ въ 1839 году, о чемъ очень много заботился тогдашній губернаторъ А. Е. Аверкіевъ и его супруга Анна Алексѣевна. Директоромъ этого пріюта и вмѣстѣ казначеемъ былъ Богдановъ, служившій въ

приказѣ общественнаго призрѣнія непремѣннымъ членомъ, а «почетнымъ» старшиною былъ тогдашній купецъ, почетный гражданинъ, Петръ Ворожейкинъ, на первый годъ существованія этого пріюта нанявшій на свой счетъ помѣщеніе для него. Безвозмездно занимался въ этомъ пріютѣ священникъ каѳедральнаго собора (впослѣдствіи каѳедральный протоіерей) Павловскій, а медицинскую помощь оказывалъ, также безвозмездно, служившій въ то время во врачебной управѣ, докторъ медицины, Росьцишевскій. Для пріюта былъ составленъ уставъ, утвержденный 27 декабря 1839 г. Императрица Александра Ѳедоровна приняла этотъ пріютъ подъ свое покровительство. Ознакомимся съ его уставомъ. Цѣль учрежденія пріютовъ та же, что и нынѣшнихъ «яслей». Они предназначаются, читаемъ въ уставѣ, «въ особенности для тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, кои во время дневныхъ работъ ихъ родителей или родственниковъ, по необходимости оставаясь безъ призора и попеченія, лишены способовъ нравственнаго образованія и сверхъ того подвергаются всѣмъ несчастнымъ случаямъ, которыхъ, по слабости силъ и по неопытности, не въ состояніи ни предупреждать, ни предвидѣть и которые могутъ, сдѣлавъ ихъ всю жизнь неспособной къ какой-либо работѣ, обратить въ тягость родителей и общества».

«Дитя,—говорится въ другомъ параграфѣ устава,—въ пріютѣ этомъ должно найти не роскошь, не привычку къ тѣмъ предметамъ, которые могутъ ему быть чужды въ продолженіе его жизни, но нѣжную заботливость, обыкновенную во всякомъ, хотя бѣдномъ, но хорошемъ семействѣ». Въ пріютъ принимались дѣти не моложе 3-хъ лѣтъ; достигшія 19 лѣтняго возраста увольнялись на попеченіе родителей. Принимались одни безплатно, другія съ небольшой платой и, наконецъ, были дѣти, содержавшіяся на иждивеніи частныхъ лицъ—«благотворительныхъ особъ», какъ сказано въ уставѣ. Въ пріютѣ дѣти оставались съ 1 мая по 1 сентября отъ 7 часовъ утра до 9 ч. вечера, а въ прочіе мѣсяцы—отъ 7 ч. утра до 8 ч. вечера.

Въ пріютѣ дѣти получали пищу и платье на время нахожденія въ немъ. Вмѣсто чая, столь употребительнаго нынѣ, давали имъ сбитень, отваръ шалфея, смородиновыхъ листьевъ, калиновыхъ побѣговъ, смотря по распоряженію врача, наблюдавшаго за пріютомъ. Итересны занятія въ этомъ пріютѣ. Въ 10 ч. утра былъ урокъ Закона Божьяго, продолжавшійся не болѣе получаса. Послѣ этого урока дѣти упражнялись полчаса въ ровной ходьбѣ, что служило «практическимъ изученіемъ ариѳметики, учились счисленію», затѣмъ чтеніе и «уроки послу-

шанія». Въ чемъ состояли послѣдніе, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. Наказывать дѣтей тѣлесно было запрещено Въ 12 ч. былъ обѣдъ, послѣ котораго имъ читали сказки, легкія повѣсти, стараясь вызвать у дѣтей вопросы о прочитанномъ, и, наконецъ, послѣ всего этого, было упражненіе въ пѣніи молитвъ, гимновъ и пѣсенъ.

Средства для содержанія пріюта были пожертвованія. Воспитанницы полтавскаго института пожертвовали до 30 вышивныхъ работъ, которыя и были разыграны въ аллегри, устроенной вице-губернаторомъ Селецкимъ. За эти работы выручено было 900 р. Устраивались концерты, спектакли. На концертахъ пѣли аріи изъ оперъ: «Норма», «Бронзовый конь», изъ оперы «Монтекки и Капулетти» Беллини, давно сошедшія съ театральнаго репертуара. Изъ драматич. пьесъ давались: «Узкіе башмачки», «Интересный случай», «Хорошо и дурно», «Школьный учитель». Бывали спектакли и на французскомъ языкѣ. Извѣстный въ то время віолончелистъ Серве далъ концертъ, давшій сбору 1413 р. 68 к. Ставились и живыя картины: Абидосская невѣста, Эсмеральда, Равенна, Ревекка, Офелія, Кавказскій плѣнникъ, Нинъ и Семирамида. Въ устройствѣ этихъ развлеченій принимало участіе все полтавское общество, сочувственно относившееся къ этому учрежденію. Замѣтимъ, что въ 1844 г. этотъ пріютъ имѣлъ уже капитала 5614 р. (Полт. Вѣд. 1844, №: 45 и 41; 1876, №. 8 и 14).

И. Ф. Павловскій.

Крохи литературнаго наслѣдія С. В. Руданскаго. Судьба литературнаго наслѣдія С. В. Руданскаго очень печальна. При жизни поэта очень мало было напечатано его произведеній, а послѣ смерти рукописи его разошлись по рукамъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и просто любителей разнаго рода и лишь въ теченіе послѣдняго десятилѣтія начали появляться въ печати. Можно съ увѣренностью сказать, что до сихъ поръ напечатано далеко не все изъ написаннаго С. В. Руданскимъ. Однѣ изъ рукописей его, надо полагать, погибли безвозвратно, другія гніютъ гдѣ-нибудь подъ спудомъ въ ожиданіи или той же участи, или того счастливаго дня, когда кто-нибудь случайно и неожиданно извлечетъ ихъ на свѣтъ Божій. При такихъ условіяхъ, когда все зависитъ отъ одной лишь случайности, нельзя пренебрегать даже и сомнительными источниками, если въ нихъ содержатся какія нибудь указанія на произведенія даннаго злополучнаго автора. Быть

можетъ, указанія эти послужатъ поводомъ къ сообщенію и болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній. Къ такимъ именно источникамъ сомнительнаго свойства нужно отнести рукописные «альбомы», которые были въ большомъ ходу въ половинѣ минувшаго вѣка, да не перевелись въ извѣстныхъ кругахъ и до настоящаго времени. Владѣльцы или большею частью владѣлицы этихъ альбомовъ заносили туда все, что удовлетворяло ихъ вкусамъ или просто попадалось подъ руку; а такъ какъ стихотворенія С. В. Руданскаго были очень популярны въ Подоліи въ 60-ые и 70-ые годы, то попадали въ большинство этихъ альбомовъ. Родственникомъ покойнаго поэта, свящ. А. А. Руданскимъ, мнѣ доставленъ небольшой отрывокъ такого альбома, и въ этомъ отрывкѣ среди обычнаго и неизбѣжнаго альбомнаго матеріала есть нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ нѣкотрыя безспорно принадлежатъ С. В. Руданскому и уже напечатаны въ львовскомъ собраніи его сочиненій, другія же могутъ быть приписаны ему съ большею или меньшею степенью вѣроятности. Такъ, здѣсь есть стихотворенія: «Ты не моя, дивчыно молодая» (озаглавлено—«Рондо») [1]. «Мене забудь» [2], «Писня»

[1]) По сравненію съ напечатаннымъ въ 1 т. сочиненій Руданскаго (стр. 11) стихотвореніе это въ настоящей редакціи заключаетъ въ себѣ слѣдующіе варіанты: 1 стихъ—„дивчыно молодая“ (вм. „дивчыно дорогая“); 3 ст.—„Душа говорытъ мни смутная“ (вм. „Вищуе думонька смутная“); послѣ трехъ первыхъ извѣстныхъ строфъ имѣется новая:

Ты не моя—и чорни очи
Хтось иншый любыть, а не я;
На мене й глянуты не хочешъ,
Бо ты, дивчыно, не моя.

Послѣднія двѣ строфы стихотворенія переставлены—одна вмѣсто другой. Дата—16 іюля.

[2]) Стихотвореніе это также имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ помѣщеннымъ во второмъ томѣ „Творивъ Степана Руданського“ (на стр. 52): 8 стихъ—„Мене жъ забудь, мене забудь“! (вм. „Мене забудь, мене забудь“); 10-й ст.—„Но якъ бы я колы небудь“ (вм. „Та якъ бы я колы небудь“); послѣ 2-й строфы вставлена новая:

Мене забудь и важку думку
Видъ свого серденька видтруть;
Тебе полюбыть хтось, голубко,
Мене жъ забудь, мене забудь.

Дата—17 іюля.

(«Не дывуйтесь добри люде») [1]). Съ несомнѣнностью же можно утверждать принадлежность Руданскому и стихотворенія: «До могыливськыхъ молодыхъ хозяивъ, котрыхъ глыбоко дуже я шаную—лыстъ», по слѣдующимъ основаніямъ. Во второмъ томѣ львовскаго изданія сочиненій С. В. Р. (стр. 28) помѣщено состоящее изъ 8 строчекъ стихотвореніе—«Сыротына я безродный», датированное 4 мая 1852 года; эти 8 строчекъ входятъ въ составъ вышеуказаннаго стихотворнаго письма поэта и находятся въ тѣсной связи съ его содержаніемъ. По всей вѣроятности, авторъ, редактируя для печати свои стихотворенія, выдѣлилъ изъ

[1]) См. т II, стр. 59 „Творивъ Степана Руданського". Варіанты: 2-й стихъ—„Не дывуйтесь вы, сосиды" (вм. „Добри люды, вы сосиды"); 3-й ст.—„Що жъ задумаюсь межъ вамы" (вм. „Що задумаюсь мижъ вамы"); 4-й—„И журуся"... (вм. „Що журуся"...); 5-й—„Но скажите, що по тому"? (вм. „Що жъ по тому? Що жъ по тому?); строфы 4 и 5 измѣнены:

Розстелылось жыття мое,
Якъ пустая тая ныва.
Що бъ попалась хоть одная
Яка квиточка счаслыва!
Жаръ серденько прыгривае,
Душа рада бъ въ холодочокъ,
Но де гляну,—що бъ то кущыкъ!
Лышъ иденъ, иденъ писочокъ.

Затѣмъ вставлена новая строфа:

Жаръ серденько прыгривае.
Забагается водыци,
Но лышъ горы каминніи,
А нема, нема керныци

Варіантъ слѣдующей строфы:

И я сохну, засыхаю,
Якъ въ полю былына тая,
Покы мене не прыгорне
Де могыла сыровая.

Дальше болѣе мелкія измѣненія: „Ой, прыгорне"... (вм. „И пригорне"...); въ началѣ слѣдующей строфы: „Ой, загыну, якъ былына" (вм. „И прыгорне могылочка"); „Зъ жалю серце замырае" (вм. „Зъ жалю серце роспукае"); въ послѣдней строфѣ: „Не дывуйтесь, добри люде" (вм. Не дывуйтесь же вы, люды"), „И журуся я завсиды" (вм. „Що журюся я завсигды"). Внизу стихотворенія—иниціалы С. В. Р. и дата—27 іюля.

«Лыста» и предназначилъ къ печатанію лишь ту часть его, которая лишена была интимнаго элемента и имѣла общій лирическій характеръ. Вотъ это стихотвореніе полностью:

Вы счаслывы, слава Богу,
Молодіи хозяи,
И вступылы на дорогу
Серцю мылои семьи.
Вы счаслывы въ своій хати,
Маете свій хлибъ и силь,
Може вы и не богати,
Но не мае серця биль... (?)
Мицно взявшыся за рукы,
На крутенькыхъ стежечкахъ
Не зазнаете вы мукы...
Хоць не разъ въ лыхыхъ часахъ
Хто иденъ похылытнется
И готовый буде впасть,
Другый заразъ встрепенется
И загынуты не дасть.
Слава Богу! Слава Богу!
Дай же Боже, такъ и намъ,
Дай намъ выйты на дорогу,
Не блудыты по горамъ.
Но лебонь не буде того,
Не покынемъ горя мы,
Мы не вылизымъ изъ его,
Якъ невильныкъ изъ тюрмы...
Може, правда, хто и буде
Маты счастя и изъ насъ,
Може выйде меже люде
Пидъ ясный счаслывый часъ·
Но на себе я не скажу,
Щобъ счаслывымъ (я?) де бувъ;
Якъ прыблудный хожу [1])...
Бо весь свитъ мене забувъ.

---

[1]) Послѣдняго слова въ этомъ стихѣ нельзя прочитать.

Свитъ не любыть невеселыхъ,
Я жъ смутный, якъ темна ничъ.
Любыть свитъ—хто добре меле,
А я зъ мовою на пичъ.
Биле лычко, чорни бровы,
Гарный сурдутъ и штаны,—
Отъ що свитъ любыть готовый,
Отъ чого хотятъ воны.
Що жъ у мене? Лыця спалы,
Я, якъ рута, змизернивъ,
Очи въ лобъ позападалы,
Ни сурдута, ни штанивъ...
Идно серце есть горяче,
Но глыбоко воно тамъ,
Ёго нихто не побаче,
Ёго знаю тилько самъ.
Такъ подумаю о соби
И за серце стысне жаль,
И я думаю о гроби,
Де закинчытся печаль.
Сыротына я безродный,
Десь загыну въ чужыни,
И нихто очей холодныхъ
Не закрые тамъ мени.
И не ридною рукою
Буду въ землю я зарытъ,
И тепленькою слёзою
Нихто гроба не зросытъ...
Но простите, добри люде,
(Си?) смутни мои слова
То (Такъ?) спиваты каждый буде,
Чымъ набыта голова.
Колы бъ трохы витеръ въ нюю
Съ полуночи повiйнувъ,
Може бъ долю свою злую
Я нещасный позабувъ.
Вы счаслыви, добри люде,
Въ васъ святкы отъ нидъ викномъ,

Въ васъ кутя отъ скоро буде,
Потимъ скоро и выно.
Такъ святкуйте жъ вы счасливо!
Най вась счастя не мене!
И за медомъ, чы за пывомъ
Спомянить тамъ и мене.

Внизу стихотворенія подпись: «Ст. Р.»

Больше сомнѣній, въ смыслѣ принадлежности Руданскому, возбуждаетъ имѣющаяся въ томъ же альбомѣ слѣдующая «Пѣсня»:

Хоць вій, не вій, витре буйный,
Дощу не спровадышъ,
Быйся серце и не быйся,
Щастя не завабышъ.
Ой, не быйся, серце мое,
Якъ голубъ въ виконце!
Не для тебе свитыть мисяць,
Не для тебе й сонце.
Не для тебе рано пташка
Спивае въ садочку,
Не для тебе росте квитка
Въ зеленимъ лугочку.
Не для тебе тече ричка
Межъ высоки горы,
Не для тебе мылый ранокъ
И вечирни зоры.
Не для тебе прыятели,
Ты ихъ не выдало,
Тилькы тяжкыхъ вороженькивъ
Скризь ты зазнавало.
Не для тебе биле лычко
И чорніи бровы,
Не для тебе друге серце
Любыты готове.
Тоби ничка безъ свитання,
Тоби чорни тучи,
Тоби смутокъ, тоби горе
И слёзы горучи.

Само на свити явылось,
Само съ свита пидешъ.
Нихто тебе не прыгорне...
Що жъ ты, бидне, вдинешъ?

Терпы, терпы, докы стане
Терпы же (?) у тоби,
Колысь будешъ ты спокійнымъ,
Якъ ляжешъ у гроби.

Тонъ, характеръ и складъ этого стихотворенія во многомъ напоминаетъ манеру Руданскаго, но утверждать здѣсь что-либо положительное было-бы неосторожно. Точно также нельзя съ полною достовѣрностью ручаться и за принадлежность Руданскому помѣщеннаго въ томъ же альбомѣ стихотворенія «Смутокъ»:

Буваютъ на свити тяжкіи минуты,
Що свитъ тоби стане ще гиршый видъ руты,
На серци наляже тяжкая печаль
И самъ не пизнаешъ, чого тоби жаль.
Захмурытся лычко и бровы схылятся,
И очи загаснутъ, вогнемъ не блыщатся,
И тяжкее горе всю грудь потрясе
И вздохы тяжкіи наверхъ понесе.
Но тилько лышъ слизка изъ ока пробъется
И всюды по лычку смутнимъ розильется,—
И вздохы тяжкіи зъ грудей не лытятъ,
Пропаде весь смутокъ и грудямъ вильнище,
И серце смутнее стае веселище.

Такъ сынее небо лышъ хмара найде,
Ажъ поты для насъ веселійшъ не буде,
Ажъ докы та хмара буде тамъ стояты.
Но якъ вона стане допцемъ испадаты—
И небо яснее, и сонце блыщытъ,
И знову, якъ бувало, сей свитъ веселытъ.

Дата—16 іюля.

Стихотворный размѣръ «Смутка» является исключительнымъ по отношенію къ стихотвореніямъ Руданскаго, который питалъ какое-то органическое пристрастіе къ четырехстопному ямбу и хорею.

На разрозненномъ листкѣ альбома есть еще слѣдующій отрывокъ (конецъ) стихотворенія, датированный 17 іюля:

Прытулыла мене мыла
До серденька свого:
«Люблю тебе, мій мыленькій,
Якъ батенька свого».
Закотывся мисяць повный
За густыи хмары,
А тымъ часомъ ворогъ тяжкый
Въ мылу зъ лука вдарывъ.
Бувъ я свидкомъ якъ вмырала,
Очи закрывала,
И якъ тяжко нелюбого
Вона проклынала.
Ой заплакавъ я надъ нею,
Потимъ вырывъ яму
И на вичне поховавемъ
Дивчыну кохану.
Шумить, шумить вы, тополи,
Заростай, могыла,
Вже не встане съ сырой земли
Моя люба-мыла.

Сюжетъ этого стихотворенія во многомъ напоминаетъ «Два дубочкы» С. В. Руданскаго.

Въ томъ же, имѣющемся у меня отрывкѣ альбома есть небольшое стихотвореніе на русскомъ языкѣ—«Недоумѣніе»—съ подписью «Ст. Р». Вотъ оно:

Ахъ, серце, серце, что съ тобой?
Зачѣмъ ты бьешся такъ жестоко?
Зачѣмъ ты мчишься такъ далеко?
Ужели снова демонъ злой
Тебя опуталъ тенетами
И дѣва съ черными очами
Владѣетъ снова ужъ тобой?

Принадлежность Руданскому этого стихотворенія вполнѣ возможна; во второмъ томѣ его стихотвореній (на стр. 79) есть указаніе,

что въ рукописи поэта было какое-то небольшое стихотвореніе на русскомъ языкѣ, но стихи эти были вырваны изъ рукописи и осталось одно лишь заглавіе—«Проба по-московськи».

Больше въ альбомѣ нѣтъ ничего, что могло бы имѣть какое-либо отношеніе къ С. В. Руданскому.

—

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ ближайшихъ земляковъ поэта—подолянинъ прислалъ мнѣ около 10 стихотвореній, списанныхъ, по его словамъ, съ автографа Руданскаго. Среди нихъ есть слѣдующее, неизвѣстное до сихъ поръ въ печати, стихотвореніе:

Тамъ де Горинь розиллявся,
Тамъ я бувъ щаслывый.
Тамъ край любый, тамъ край гарный,
Тамъ я въ першый разъ кохався.
Тамъ дивчыну якъ побачывъ,
На викъ волю втратывъ:
Полюбывъ я дивчынóньку,
Ясну, якъ зирóньку,
Въ свити кращои немае.
Краща всихъ квиточкивъ въ гаю:
Биле лычко, чорни бровы
Косонькы шовкови.
На часокъ я засміюся,
Зновъ гирко заплачу,
Цилый день на шляхъ дывлюся
За сто мыль, здается, бачу,
Що мыленька поробляе,
Що вона думае...
Чорна хмара наступыла
Тай сонце закрыла.
Горе жъ мени, горе—лышко,
Що марніе биле лычко
И що плачуть чорни очи
Та що-дня, що-ночи...

Сообщ. **А. Лотоцкій.**

Изъ народныхъ преданій. 1) «*Кармалюкова долына*». По дорогѣ изъ слободки Рыхтецкой, каменецкаго уѣзда подольской губерніи, въ с. Ластовцы (въ 1—$1^1/_2$ в. отъ послѣдняго) есть долина, которая у мѣстныхъ крестьянъ носитъ названіе «Кармалюковои» или же «долыны Кармалюка».—Ластовецкіе крестьяне, старожилы, еще помнятъ, какъ эта долина и вся мѣстность вокругъ Ластовецъ была покрыта сплошными, непроходимыми лѣсами, теперь вырубленными. Въ этой «Кармалюковой долинѣ», по мѣстнымъ преданіямъ, будто-бы жилъ и прятался извѣстный разбойникъ, Кармалюкъ. Тутъ же, въ долинѣ, указываютъ и пещеру, гдѣ онъ будто-бы прятался. Вотъ что разсказалъ мнѣ по этому поводу старикъ, крестьнинъ с. Ластовецъ, Ѳедосій Слободянъ. «Кармалюкъ, про котрого навытъ писни зложени, идно время, недовго жывъ коло нашыхъ Ластовецъ въ теперешній Кармалюковій долыни, въ выдовбляній въ камни, въ гори, печери, зъ двома своимы товарыщамы. На тій долыни и кругомъ неи булы превелыки лиса, такъ що ховатыся Кармалюкови въ ныхъ було дуже добре и до него трудно було добратыся. Якъ звистно и въ писняхъ спиваютъ, Кармалюкъ «одъ богатыхъ бравъ и биднимъ дававъ». Разъ якось случылось, що Кармалюкъ обибравъ, ограбывъ якось пана чы купця на дуже велыку сумму грошей, и такъ якъ на ту пору не було такихъ бидныхъ людей, котримъ Кармалюкъ мигъ бы роздаты тіи гроши, не було такихъ, котри нуждалыся бы въ его помочи,—то Кармалюкъ тіи гроши тымъ часомъ закопавъ въ землю, въ Кармалюкови долыни. Алежъ якось дуже въ скоримъ часи писля того начальство дозналося, де Кармалюкъ ховаеця, що винъ у тій долыни; взялы військo, окружылы долыну, зробылы облаву--и Кармалюкъ з товарыщами мусивъ утикаты зъ теи долыны—и втикъ, зоставывшы свои гроши въ долыни, закопаными въ земли; алежъ писля того все такы Кармалюка скоро зловылы,—а закопани имъ въ долыни гроши доси лежать въ земли и нихто не може ихъ найты».

И дѣйствительно, мнѣніе или убѣжденіе, что въ «Кармалюковой долинѣ» остались закопанныя Кармалюкомъ деньги,—«дуже велыка сумма»--твердо и глубоко держится среди ластовецкихъ крестьянъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія многіе изъ ластовецкихъ крестьянъ предпринимали поиски Кармалюковаго клада,—но тщетно и безуспѣшно. Тѣмъ не менѣе это не поколебало твердой вѣры ластовецкихъ крестьянъ въ существованіе клада. Эту вѣру еще болѣе укрѣпило то, что одинъ изъ крестьянъ, въ восьмидесятыхъ го-

дахъ оравъ поле, близь Кармалюковои долыны, на корчунку зъ-пидъ лису, выоравъ пень, а пидъ нымъ якись стари гроши». Надобно сказать, что фамилія Кармалюковъ въ Ластовцахъ довольно многочисленная и, очевидно, одинъ изъ предковъ теперешнихъ Кармалюковъ, ничего общаго съ извѣстнымъ Кармалюкомъ неимѣющій, быть можетъ, владѣлъ этой долиною и передалъ ей свое имя. Къ тому же, мѣстомъ разбойничьихъ подвиговъ извѣстнаго Кармалюка были летичевскій и литинскій уѣзды, а въ г. Каменцѣ онъ лишь не разъ содержался въ тюрьмѣ и подвергался публичному наказанію, но, убѣгая изъ ссылки, онъ всегда возвращался въ родныя ему мѣста.

—

2) *«Татарская долына»*. По дорогѣ изъ г. Староконстантинова въ отстоящую въ 3 вер. отъ него дер. Григоровку, въ верстѣ отъ послѣдней, есть небольшая долина, извѣстная среди крестьянъ ближайшей деревни Григоровки подъ именемъ «Татарской». По преданію, существующему среди крестьянъ дер. Григоровки, долина эта называется «Татарскою» потому, что на ней татары, когда-то потерпѣли пораженіе. Объ этомъ сраженіи столѣтній старикъ, крест. д. Григоровки Яковъ Заяцъ (нынѣ покойникъ) такъ разсказывалъ: «наши татаръ розбылы и погналы въ рику Случъ, котра тутъ же на долыни и въ цимъ мисци дуже глыбока. Тоди багато татаръ потонуло въ Случи, утонувъ тоди и татарськый царь, котрый бувъ въ желизному убрани, дуже тяжкому, черезъ те винъ не мигъ переплысты ричкы и пишовъ на дно. На тому татарському цареви була дуже дорога царьска корона и вона тежъ пишла на дно и до сего часу не найдена, бо ричка въ тимъ мисци дуже глыбока. А зъ того часу тую долыну сталы зваты «Татарською». Весьма вѣроятно, что здѣсь могло произойти одно изъ многочисленныхъ въ то время сраженій или стычекъ съ татарами. Все же остальное, что касается татарскаго царя и его короны, нужно отнести къ области народнаго вымысла. Въ этой и въ находящейся рядомъ съ нею (въ шагахъ 200-300) долинѣ извѣстной подъ именемъ «Мурованый мистъ»,—потому что на ней устроенъ «мурованый» т. е. каменный мостъ,—по словамъ григоровецкихъ крестьянъ «неспокойно» и мѣста эти—«нечысти». Ночующихъ въ полѣ съ лошадьми на этихъ долинахъ крестьянъ ночью во снѣ кто-то душитъ, тянетъ за ноги въ рѣку. Здѣсь, по словамъ крестьянъ, они нерѣдко видятъ то «билу кишку» (кошку), то «билу собаку», то «билу вивцю», то слышатъ, будто «щось стогне и охае», такъ, якъ чоловикъ, въ билому.

Крестьянинъ Семенъ Атласюкъ разсказывалъ: «Разъ, въ ночи, я йшовъ тымы долынамы, и десь взялась якась била собака и до самого села йшла за мною, а якъ я входывъ въ село, собака пропала, якъ кризь землю провалылась». Крестьянинъ Кость Самборскій сообщилъ: «Я разъ ночувавъ зъ киньмы на Татарскій долыни, лигъ спаты, и заснувъ,—чую кризь сонъ хто-сь цупыть мене за ногы до рички. Я зхопывся на ногы, ставъ хрестытысь, говорыты «да воскресне» за кони,—та дали з долыны». Крестьянинъ Александръ Нараевскій разсказываетъ, что «якъ разъ я ночувавъ з киньмы на Татарскій долыни, лигъ спаты, и вже заснувъ,—колы чую, щось, чы хтось душыть мене за горло. Я пробудывся,—перехрестывся, схопывъ кони,—та давай Богъ ногы зъ того проклятого мисця». Всѣхъ разсказовъ крестьянъ о Татарской долинѣ не переслушаешь. По убѣжденію крестьянъ,—то все «таке выробляе—утонувшый на тій долыни въ Случи татарьскый царъ».

Ив. Вѣньковскій.

Слѣды погибшаго архива Въ послѣдніе годы XVIII ст., когда Звенигородка стала именоваться уѣзднымъ городомъ, въ ней, подобно нѣкоторымъ другимъ уѣзднымъ городамъ, было учреждено Звенигородское Духовное Правленіе, упраздненное въ половинѣ XIX ст. Долго дѣла этого Духовнаго Правленія лежали гдѣ-то подъ спудомъ, пока, наконецъ, въ 1875 году не послѣдовало распоряженіе высшаго духовнаго начальства, чтобы каждая церковь разыскала и забрала къ себѣ принадлежащія ей документы. Благодаря этому обстоятельству небольшая связка дѣлъ за 1803—1844 г.г. попала вмѣстѣ съ церковными документами въ с. Толмачъ звенигородскаго уѣзда, гдѣ и была нами разсмотрѣна при осмотрѣ съ археологической цѣлью церкви этого села. Въ числѣ другихъ дѣлъ, нерѣдко представляющихъ значительный интересъ для бытовой исторіи мѣстнаго духовенства и вообще для культурной исторіи мѣстнаго края, имѣется «Вѣдомость объ архивѣ Звенигородскаго Духовнаго Правленія» за 1843 годъ. Изъ этой вѣдомости и другого дѣла мы узнаемъ, что состоявшій съ 1840 г. при Звенигородскомъ Духовномъ Правленіи столоначальникомъ Петръ Доманицкій, спеціально занялся приведеніемъ въ порядокъ архива и къ 1844 году окончилъ свой трудъ. Вотъ что доноситъ по этому поводу Звенигородское Духовное Правленіе въ консисторію въ январѣ 1844 г.: «архивъ находится въ отношеніи къ порядку въ приличномъ состояніи,

а въ отношеніи внутренности—въ должной опрятности, исключая дѣлъ, поступившихъ за время бывшаго здѣсь на службѣ столоначальника Ивана Борымскаго, которые остаются доселѣ безъ надлежащей сдачи оныхъ нынѣшнему столоначальнику; что же касается хронологическаго реестра и алфавитнаго указателя, то таковые заботливостью присутствія будутъ введены; учиненная же вѣдомость объ архивѣ за 1843 годъ при семъ представляется».

Изъ этой вѣдомости мы видимъ весь составъ архива въ 1843 году, а именно: дѣлъ и актовъ—1) протоколы за 1800—1802 г.г. и 1830—1840 г.г. книгъ 2, 2) докладные реестры и журналы за 1800—1841 г.г. книгъ 24, 3) синодальные указы за 1836—1842 г.г. кн. 1, 4) исповѣдныя росписи за 1897—1841 г.г. кн. 68, 5) клировыя вѣдомости за 1795—1841 г.г. кн. 42, 6) ревизскія сказки за 1795—1833 г.г. кн. 3, 7) описи церковныхъ имуществъ за 1802—1823 г.г. кн. 2, 8) исходящіе реестры за 1796—1829 г.г. кн. 5, 9) разсыльныя книги 1822—1829 г.г.—3, 10) метрическія книги за 1791—1841 г.г., и *11) Дѣла разнаго рода 1768—1828 г.г.—3462.*

Конечно, самое цѣнное—въ послѣдней графѣ «дѣла разнаго рода», обнимающія довольно большой и интересный періодъ въ исторіи нашего края. Было бы грустно думать, что все это богатство исчезло безслѣдно. Мы лично убѣдились, что въ церквахъ звенигородскаго уѣзда, кромѣ случайно попавшей въ с. Толмачъ связки дѣлъ, изъ звенигородскаго архива ничего нѣтъ (не считая церковныхъ документовъ). Не хранятся ли и по сію пору гдѣ-либо въ Звенигородкѣ упомянутыя интересныя «дѣла разнаго рода», оставшіяся послѣ разборки церковныхъ документовъ? Было бы крайне желательно этотъ вопросъ выяснить.

В. Доманицкій.

о. Корфу (Греція). XI, 1902.

Текущія извѣстія.

Вопросы о народномъ просвѣщеніи въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Засѣданія комитетовъ «для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ къ пользѣ этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда», подходятъ къ концу.

Общество съ напряженнымъ вниманіемъ по весьма понятнымъ причинамъ слѣдило за дѣятельностью особыхъ совѣщаній, желая встрѣтить въ нихъ полное отраженіе и всесторонее обсужденіе давно назрѣвшихъ общественныхъ нуждъ и вопросовъ, отъ того или иного рѣшенія которыхъ зависитъ будущее страны и ея поступательное движеніе впередъ. Значительное большинство комитетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, поняло возложенную на нихъ задачу совершенно правильно въ томъ смыслѣ, что поставило обсужденіе спеціальныхъ вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности на широкую почву нуждъ болѣе общаго, глубокаго характера, какъ то: политико-экономическаго, правового и культурнаго вообще, въ широкомъ пониманіи значенія этого слова. Это дало возможность комитетамъ разобраться въ той массѣ назрѣвшихъ, жгучихъ вопросовъ и нуждъ, какая подлежала ихъ обсужденію, раздѣливъ всѣ вопросы на двѣ основныя категоріи: на вопросы общаго характера и частнаго. Поэтому, какъ ни обширенъ матеріалъ, собранный сотней слишкомъ комитетовъ, работавшихъ надъ обсужденіемъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, но разобраться въ немъ не трудно, тѣмъ болѣе, что по многимъ существеннѣйшимъ вопросамъ общаго характера, большинство комитетовъ высказалось съ замѣчательнымъ единодушіемъ.

Не имѣя совершенно въ виду подводить общіе итоги дѣятельности особыхъ совѣщаній, мы считаемъ необходимымъ остановиться только лишь на вопросѣ, служившемъ однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія положительно всѣхъ комитетовъ,—именно на вопросѣ о народномъ просвѣщеніи. Вопросъ этотъ во всѣхъ комитетахъ имѣлъ доминирующее значеніе и былъ положенъ во главу угла всего громадмаднаго зданія народнаго благополучія. Иначе, конечно, и быть не могло. Но въ каждомъ вопросѣ общаго характера необходимо должны быть, и дѣйствительно есть, свои частности, свои особенности, наличность коихъ обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ. Вопросъ о просвѣщеніи народныхъ массъ по преимуществу отличается такимъ характеромъ индивидуализаціи чертъ. Если въ области сельско-хозяйственной промышленности примѣненіе однихъ и тѣхъ же пріемовъ техники производства невозможно на всемъ пространствѣ громадной Россіи въ силу различія географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій, а въ области обрабатывающей промышленности въ силу различія видовъ и формъ производства, то также точно является невозможнымъ и примѣненіе однихъ и тѣхъ же пріемовъ и

способовъ распространенія просвѣщенія народныхъ массъ въ Россіи въ силу рѣзкаго и глубокаго различія ихъ въ цѣломъ рядѣ особенностей, обусловливающихся причинами характера историческаго, этнографическаго, бытового и т. п. Между тѣмъ, большинство комитетовъ, единодушно констатируя фактъ ужасающаго невѣжества народной массы, и не менѣе единодушно требуя просвѣщенія ея при помощи всевозможнаго рода средствъ, начиная отъ типа самыхъ низшихъ школъ вплоть до высшихъ учебныхъ заведеній и прессы для народа, совершенно, повидимому, упускало изъ вида индивидуализацію этой общей мѣры, забывало упоминать объ орудіи просвѣщенія народной массы—о языкѣ школъ, книгъ, брошюръ и газетъ, какъ будто бы забывая или не зная совершенно того, что народная масса у насъ складывается изъ цѣлаго ряда этническихъ единицъ совершенно разнородныхъ по своему составу. И только лишь немногіе изъ комитетовъ, при обсужденіи вопроса о народномъ образованіи, успѣли подойти къ разрѣшенію его съ совершенно правильной и цѣлесообразной точки зрѣнія. Принявъ во вниманіе дѣйствительныя и существенныя нужды народныхъ массъ, отъ имени которыхъ они призваны были высказаться, они высказались за открытіе самаго широкаго доступа мѣстнымъ языкамъ и нарѣчіямъ какъ во всѣ учрежденія, ставящія своею задачею просвѣщеніе народныхъ массъ, такъ и въ проводники его—печатное слово во всѣхъ видахъ и формахъ, до газеты для народа включительно. Въ этомъ смыслѣ заслушивались и были приняты доклады въ комитетахъ: бакинскомъ, кишиневскомъ, хотинскомъ, новомосковскомъ, бердянскомъ, ананьевскомъ, хорольскомъ, лубенскомъ и др.

Наиболѣе близко насъ интересуетъ вопросъ о языкѣ школы и печати въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ; по этому поводу высказались, насколько это извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, комитеты: новомосковскій, бердянскій, ананьевскій, нѣкоторые изъ комитетовъ полтавской губерніи: хорольскій, лубенскій и хотинскій, бессараб. губ. Во всѣхъ поименованныхъ нами комитетахъ въ ряду факторовъ, гарантирующихъ успѣхъ просвѣтительныхъ начинаній, указывалось на родной языкъ въ мѣстной школѣ и печати. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія по обсужденію этого вопроса проникли въ печать относительно хотинскаго комитета. Членъ названнаго комитета, земскій врачъ г. Немоловскій, въ своемъ докладѣ заявилъ, что крупнымъ тормазомъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія во многихъ мѣстностяхъ Россіи является, съ одной стороны, недостаточность во-

спитательнаго элемента въ современной школѣ въ силу матеріальной необезпеченности учительскаго персонала и низкаго уровня ихъ развитія; а съ другой стороны,—совершенное изгнаніе изъ народной школы мѣстныхъ языковъ и нарѣчій, что дѣлаетъ даже простое механическое и малосознательное усвоеніе школьныхъ программъ дѣломъ крайне труднымъ для ребенка. Кромѣ того, при безусловномъ воспрещеніи въ школьныхъ библіотекахъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ учителю очень трудно привить ребенку любовь къ книгѣ, къ чтенію и жажду знанія, безъ чего вліяніе школы часто сводится къ нулю, порождая рецидивизмъ безграмотности. Въ цѣляхъ распространенія и улучшенія просвѣщенія народа необходимо: 1) увеличить отпускъ средствъ изъ государственнаго казначейства на нужды народнаго образованія для увеличенія числа народныхъ школъ, улучшенія матеріальнаго положенія учителей и подъема ихъ умственнаго развитія; 2) необходимо допустить мѣстные языки въ народныя школы, если не какъ предметъ обученія, то, по крайней мѣрѣ, какъ средство обученія, въ видѣ объяснительнаго языка; 3) необходимо расширить каталоги школьныхъ библіотекъ вообще и особенно увеличить ихъ введеніемъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ съ цѣлью вызвать любовь къ чтенію и привычку къ книгѣ. («Придн. Кр.», № 1620).

Въ докладѣ ананьевскому комитету («Одес. Нов.» № 5784) глубокаго знатока сельско-хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ, автора извѣстныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, г. Чикаленка, напечатанномъ въ «Хуторянинѣ» (№ 40) подъ заглавіемъ «Къ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», въ цѣломъ рядѣ мѣръ, рекомендуемыхъ для поднятія самодѣятельности нашего земледѣльческаго населенія, какъ то: уравненія крестьянъ въ правовомъ отношеніи съ прочими сословіями и освобожденія ихъ отъ теперешней административной опеки, учрежденія мелкой земской единицы, организаціи земства не на сословныхъ началахъ и т. д., по вопросу о народной школѣ говорится слѣдующее: «Для того, чтобы вывести нашъ народъ изъ темноты и сдѣлать его способнымъ къ воспріятію техническихъ знаній по всякимъ отраслямъ, необходимо прежде всего сдѣлать общедоступнымъ народное образованіе, а для этого необходимо: 1) предоставить всякому желающему право преподаванія грамоты какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ; 2) увеличить средства, ассигнуемыя земствомъ на народное образованіе. Для успѣшнаго развитія грамотности и для уменьшенія рецидива безграмотности необходимо перво-

начальное обученіе вести на народныхъ языкахъ. Вопросъ этотъ давно рѣшенный лучшими педагогами въ пользу народнаго языка, неоднократно служилъ предметомъ ходатайствъ многихъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, а между тѣмъ на него до сихъ поръ смотрятъ какъ на вопросъ политическій, а не школьный. Извѣстный земскій дѣятель, нынѣ одесскій городской голова, П. А. Зеленый,--говоритъ г. Чикаленко,—въ докладѣ своемъ херсонскому земскому собранію въ 1895 г. «По вопросу о сельскохозяйственномъ кризисѣ», между прочимъ, говоритъ: «Не могу не напомнить объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, препятствующемъ, по моему глубокому убѣжденію, наибольшему успѣху начальной школы. Я разумѣю полнѣйшее игнорированіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій. Ребенка, который не совсѣмъ еще усвоилъ и свой врожденный языкъ, сразу начинаютъ обучать (на незнакомомъ ему) великорусскомъ литературномъ языкѣ. Между тѣмъ, еслибы первоначальное ученіе шло на языкѣ мѣстномъ, наравнѣ и одновременно, конечно, съ русскимъ языкомъ, успѣхъ народной школы сталъ бы быстрѣе и прочнѣе. И чего здѣсь опасаются? Вѣдь изъ-за того, что обученіе начинается прямо на русскомъ литературномъ языкѣ, никто и никогда не забывалъ своего прирожденнаго языка, доказательствомъ чему могутъ служить наши нѣкоторые, и ихъ не мало, высшіе чиновники и сановники. И знаніе мѣстнаго языка не помѣшало ихъ дѣятельности и занятію соотвѣтственныхъ постовъ. Пора бы, кажется, смотрѣть на народную школу какъ на таковую, т. е. на школу и не болѣе».

Кромѣ того, по мнѣнію г. Ч-ка «необходимо устранить всѣ мѣры, препятствующія внѣ-школьному образованію народа, т. е. облегчить возможность открытія народныхъ библіотекъ, читаленъ; допустить въ эти библіотеки и читальни всѣ книги и изданія, разрѣшенныя общею цензурой; разрѣшить изданіе журналовъ и газетъ на народныхъ языкахъ».

Слѣдившему за исторіей этого больнаго вопроса извѣстны также и неоднократныя ходатайства ряда земства, особенно заботящихся объ успѣхахъ народнаго образованія, о допущеніи мѣстныхъ языковъ и нарѣчій и въ частности украинскаго языка въ народныя школы, о допущеніи книгъ въ народныя библіотеки, читальни и разрѣшеніи газетъ для народа на родномъ языкѣ. По сообщенію «Кіевлянина» (№ 315) и въ настоящее время въ полтавскомъ губернскомъ земствѣ въ ряду общихъ вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе въ про-

грессивномъ движеніи земства въ области народнаго образованія, стоитъ, между прочимъ, и вопросъ объ изданіи учебниковъ для начальныхъ школъ. «Возникъ онъ,—какъ сообщаетъ газета,—вслѣдствіе ходатайства лохвицкаго уѣзднаго земства, указавшаго на несоотвѣтствіе существующихъ учебныхъ пособій умственному складу и пониманію учащихся въ народныхъ школахъ полтавской губ. Губернская управа, представляя это ходатайство на разсмотрѣніе собранія, вполнѣ присоединилась къ предложенію лохвицкаго земства, находя проектируемую имъ мѣру крайне необходимой по многимъ соображеніямъ. Губернское земское собраніе 36 очередного созыва внесло въ смѣту 1,500 руб. для назначенія двухъ премій по 750 руб. за составленіе книги для чтенія и задачника примѣнительно къ потребностямъ школъ полтавской губерніи и уполномочило губернскую управу назначить для этой цѣли конкурсъ и издать тотъ изъ представленныхъ учебниковъ, который будетъ признанъ комиссіей изъ опытныхъ педагоговъ и избранныхъ гласныхъ вполнѣ соотвѣтствующимъ условіямъ конкурса. На разсмотрѣніе означенной коммиссіи управой передано было нѣсколько представленныхъ на конкурсъ рукописныхъ и печатныхъ учебниковъ. По этому вопросу членами коммиссіи, губернскими гласными гг. Леонтовичемъ и Валахопуловымъ, составлены записки, которыя будутъ предложены вниманію предстоящаго губернскаго земскаго собранія». Далѣе, по словамъ автора корреспонденціи, земство, озабочиваясь «приведеніемъ учебныхъ пособій въ большее соотвѣтствіе съ мѣстными условіями, обратило вниманіе также и на образовательный матеріалъ, предлагаемый безплатными народными библіотеками-читальнями. Для улучшенія этого матеріала въ томъ же направленіи земское собраніе поручило губернской управѣ составить списокъ книгъ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, коими желательно было-бы пополнить каталогъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и возбудить объ этомъ соотвѣтственное ходатайство. За составленіемъ такого рода списка губерн. управа обратилась въ комитетъ полтавской общественной библіотеки».

Бросая общій взглядъ на длинный тернистый историческій путь, который суждено у насъ пройти въ ожиданіи свои разрѣшенія злополучному вопросу о народныхъ мѣстныхъ языкахъ вообще и украинскомъ въ частности, какъ орудіи просвѣщенія темной народной массы, мы, будучи далеки отъ предугадыванія и предрѣшенія результатовъ особаго совѣщанія, на основаніи лишь знанія прошлаго и настоящаго, увѣрены въ томъ, что со стороны ретроградно-охранительной части

прессы, а вслѣдъ за нею и той части общества, которая добровольно отдала себя ей въ умственную и нравственную опеку, загремятъ громы, засверкаютъ молніи противъ трезвыхъ голосовъ мѣстныхъ комитетовъ и посыпятся избитыя и всѣмъ уже давно прожужавшія уши обвиненія въ сепаратизмѣ, въ опасности, подготовляемой хитрою рукою началамъ государственности и т. п. и, наконецъ, увѣренія довѣрчивыхъ своихъ читателей въ томъ, что вопросъ о необходимости употребленія мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ школахъ и печати—чистѣйшая выдумка небольшой группы фантазеровъ, что никакой такой потребности въ народѣ нѣтъ, такъ какъ-де народъ русскій «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» вездѣ понимаетъ прекрасно русскую рѣчь и т. д. Къ подобнаго рода возраженіямъ мы прывыкли и смотримъ на нихъ, какъ на общія мѣста, много разъ и вполнѣ опровергавшіяся какъ теоретическими соображеніями на чисто-академической почвѣ, такъ и практическими доводами на почвѣ фактовъ. Но вотъ передъ нами одинъ историческій документъ, не требующій комментаріевъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его.

На страницахъ журнала «Восходъ» (№ 43) напечатанъ интересный историческій документъ—переписка министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1862 г. объ уничтоженіи, путемъ административнаго воздѣйствія, еврейскаго жаргона, правда, не съ цѣлью «обузданія», а напротивъ, въ видахъ содѣйствія скорѣйшему распространенію среди евреевъ общеевропейскаго образованія при помощи языковъ русскаго и нѣмецкаго. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго еврея Гуровича, предложившаго прекратить печатаніе сочиненій на еврейскомъ жаргонѣ по вышеуказаннымъ соображеніямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ: «Не входя въ обсужденіе общаго вопроса: какими мѣрами можно распространить между евреями образованіе и знаніе русскаго языка, и обращаясь къ частному вопросу, бывшему въ разсмотрѣніи въ раввинской коммиссіи, о запрещеніи печатанія книгъ на жаргонѣ, кромѣ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія, я съ своей стороны признаю достигающею цѣли мѣру запрещенія печатанія книгъ на жаргонѣ, кромѣ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія; съ тѣмъ, однакожъ, чтобы и сіи послѣднія книги, какъ предназначенныя для чтенія простолюдиновъ, подвергались строгой цензурѣ въ нравственномъ отношеніи, о чемъ и имѣю честь сообщить на усмотрѣніе вашего превосходительства, покорнѣйше прося о послѣдующемъ почтить меня вашимъ отзывомъ».

Министръ народнаго просвѣщенія, не соглашаясь съ взглядомъ министра внутреннихъ дѣлъ, высказалъ по этому поводу слѣдующія соображенія:

«На отношеніе вашего превосходительства отъ 18 текущаго іюля, имѣю честь увѣдомить, что для основательнаго образованія еврейскаго населенія, конечно желательно, чтобы еврейскій жаргонъ вывелся изъ употребленія; но запрещеніе печатанія книгъ на немъ, какого бы содержанія онѣ ни были, не заставитъ вдругъ евреевъ читать русскія и нѣмецкія книги, по незнанію языковъ, на которыхъ онѣ печатаются, и едва ли можно надѣяться, чтобы такое запрещеніе побудило еврвевъ учиться русскому и нѣмецкому языкамъ. Я полагаю, напротивъ, что это скорѣе вызоветъ въ евреяхъ сочувствіе къ ихъ разговорному языку и очень легко можетъ быть, что вмѣсто того, чтобы читать русскія и нѣмецкія книги, они совсѣмъ перестанутъ читать, придавая своей безграмотности характеръ религіознаго мученичества. Жаргонъ постепенно теряетъ уже свое значеніе, и нельзя предполагать, чтобы правительство извлекло значительную пользу изъ прекращенія его нѣсколькими годами ранѣе или позже. Между тѣмъ оно рѣшилось бы въ этомъ случаѣ на принятіе мѣры, необъяснимой и неоправдываемой никакими, ни политическими, ни педагогическими основаніями, и могло бы навлечь на себя упрекъ *въ преслѣдованіи сочиненій не по содержанію ихъ, а по языку, на которомъ они пишутся.*

По симъ соображеніямъ, я остаюсь въ убѣжденіи, что насильственное прекращеніе печатанія книгъ на еврейскомъ разговорномъ языкѣ было бы мѣрою безполезною и даже вредною».

Эта оффиціальная переписка по вопросу о значеніи языка представляетъ выдающійся интересъ въ томъ отношеніи, что является отраженіемъ взглядовъ непредубѣжденныхъ и незапуганныхъ призраками «измовъ» правительственныхъ сферъ услужливыми не въ мѣру совѣтниками его.

Въ заключеніе нашей замѣтки считаемъ не лишнимъ сказать слѣдующее. Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала, въ замѣткѣ «Къ вопросу о поднятіи нашей сельскохозяйственной промышленности» [1]) констатировался между прочимъ тотъ фактъ, что участіе крестьянъ въ комитетахъ земскихъ губерній принесло несо-

---

[1]) Кіевск. Ст., 1902 г.. № 10, стр. 17. („Текущія извѣстія“).

мнѣнную пользу указаніемъ ими такихъ сторонъ жизни и такихъ мѣстныхъ нуждъ, на которыя, до ихъ заявленія, не было обращено надлежащаго вниманія интеллигентными членами комитетовъ, и что возраженія противъ участія крестьянъ, основанныя на предположеніи, что крестьяне, находясь въ чуждой средѣ и обстановкѣ будутъ стѣсняться высказываться по обсуждаемымъ вопросамъ, совершенно не правильно. Въ pendant къ этой замѣткѣ въ нашемъ журналѣ мы имѣемъ въ виду отмѣтить одинъ интересный фактъ, имѣвшій мѣсто въ засѣданіи константиноградскаго комитета, вполнѣ подтверждающій сказанное въ цитированной замѣткѣ, а также могущій служить, хотя и косвеннымъ, но достаточно, по нашему мнѣнію, сильнымъ отвѣтомъ на утвержденія извѣстной части печати и общества о «выдумкахъ фантазеровъ» что касается многихъ нуждъ народной массы, а въ томъ числѣ и на счетъ язык·· народной школы, книгъ и прессы для народа. По словамъ «Одес. Л.» (№ 275) при дебатированіи вопроса объ уравненіи правъ крестьянъ съ прочими сословіями, предсѣдатель торжественно заявилъ: «Я утверждаю, что крестьяне сами не согласятся на подобную реформу: въ правовомъ отношеніи они обладаютъ преимуществами передъ дворянами. За однородный проступокъ крестьянинъ отдѣлывается легкимъ наказаніемъ, а дворянина привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности». Въ отвѣтъ на это раздается голосъ одного изъ присутствующихъ крестьянъ: «Мы согласны на уравненіе,—нехай добре наказують и насъ, мы тоди не будемо часто попадаця, для насъ-же буде краще». Затѣмъ, когда отрицательно также было встрѣчено предложеніе одной изъ помѣщицъ о расширеніи курса сельской школы до пятилѣтняго, измѣненіи программы и перенесеніи центра тяжести на общее образованіе, и въ отвѣтъ на это раздавались шаблонныя фразы, что крестьяне и при трехлѣтн. курсѣ берутъ дѣтей до окончанія школы; а чья-то пародоксальная мысль, что ввести въ начальныя школы преподаваніе исторіи, географіи, знакомство съ міромъ природы—это значитъ создать въ деревнѣ уѣздныя училища вызвала даже веселость многихъ изъ членовъ, то въ отвѣтъ на такое отношеніе къ столь серьезному вопросу послышался призывный голосъ того-же крестьянина: «Слухайте сюды! мы на уѣздни учылыща согласни, теперъ каждый хоче буть образованнимъ и по пятьдесятъ коп. на видро водкы согласни доплачувать, нехай тилько воны на образованіе идуть. А шо

про школы казала барыня, то правда,—мы бачымо зъ нашихъ школъ нема образованія».

Характерно было еще возраженіе этого-же крестьянина на заявленіе одной изъ дамъ, что крестьяне почерпнули-бы массу знаній, еслибы перечитали всѣ книги своихъ библіотекъ,—«и кныжокъ треба иншыхъ, мы и на кныжкы полезны будемо давать гроши».

Ф. М—скій.

Дѣла галицкихъ русиновъ въ австрійскомъ парламентѣ Засѣданія австрійскаго парламента въ теченіе почти трехъ первыхъ недѣль—отъ 15 октября до 3 ноября по н. с.—посвящены были исключительно обсужденію неотложныхъ запросовъ, внесенныхъ русинскими и нѣкоторыми польскими депутатами прогрессивныхъ польскихъ группъ по вопросу о лѣтнихъ страйкахъ крестьянъ въ Галиціи и открытіи университета для галицкихъ украинцевъ. Въ небольшой журнальной замѣткѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности съ надлежащей полнотой и обстоятельностью ни воспроизвести продолжительныхъ и страстныхъ дебатовъ представителей борющихся народностей, ни нарисовать развертывавшихся передъ глазами парламента за занавѣсомъ, приподнятымъ умѣлой и сильной рукой депутатовъ, ужасающихъ по своей яркости картинъ эксплоатаціи крестьянскаго населенія въ имѣніяхъ самыхъ богатыхъ польскихъ помѣщиковъ (Лянцкоронскаго, Голуховскаго, Сапѣги и др.), картинъ ужасающей бѣдности и безправія съ одной стороны и полной безнаказанности и произвола съ другой. Факты, оглашавшіеся ораторами, вызывали у многихъ депутатовъ чувства негодованія, а на депутатовъ польскихъ дѣйствовали ошеломляющимъ образомъ, какъ удары молотка въ голову, и заставляли ихъ изъ чувства стыда выходить въ кулуары парламента съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы снова возвращаться въ залъ. Такъ, на основаніи данныхъ оффиціальной статистики было доказано, что въ Галиціи, даже не въ голодные годы не болѣе 13% крестьянскаго населенія питается хлѣбомъ и то лишь въ теченіе полугода, а другую половину года голодаетъ, питаясь хлѣбомъ, отъ одного вида котораго можно придти въ ужасъ. Въ доказательство своихъ словъ, ораторъ (Дашинскій) показалъ депутатамъ для образца кусокъ такого хлѣба. Тѣмъ же депутатомъ былъ предъявленъ парламенту портретъ одной калѣки-старухи, обвинявшейся въ подстрекательствѣ народа и аресто-

ванной по подозрѣнію въ намѣреніи бѣжать; показанъ былъ фотографическій снимокъ съ письма одного должностного лица, дававшаго указанія относительно злоупотребленій при выборахъ. Разсказывалось, что въ лѣсахъ гр. Лянцкоронскаго захваченныхъ при собираніи грибовъ крестьянокъ раздѣваютъ до-нага и въ такомъ видѣ гонятъ въ деревню; что одного старика помѣщикъ собственноручно сѣкъ за потраву до тѣхъ поръ, пока онъ не потерялъ сознанія. Оглашены были ужасающіе факты административнаго произвола и насилій войска, призваннаго усмирять галиційскихъ крестьянъ во время страйка. Крестьянъ заковывали въ кандалы и связывали веревками; при чемъ за недостаткомъ достаточнаго количества цѣпей и веревокъ, сковывали и связывали по двое и по трое; въ тюремныхъ камерахъ, разсчитанныхъ на 6—8 человѣкъ, заключали до 40 душъ; расквартированные же въ деревняхъ солдаты въ буквальномъ смыслѣ грабили крестьянъ, а за неимѣніемъ въ достаточномъ количествѣ корма для лошадей, разбирали даже крыши; наконецъ, были случаи попытокъ со стороны солдатъ насилованія женщинъ. («Діло» №№ 224—250; «СПБ. В. № 292; «Одес. Л.» № 294; «Южн. Кр.» № 7531).

Не менѣе громадное, чѣмъ оглашенные факты, впечатлѣніе произвели на парламентъ заключительныя слова рѣчи посла Романчука. «Мы, будемъ,—заявилъ онъ,—всѣми, предоставленными намъ закономъ средствами, бороться, противъ невыносимаго гнета, подъ которымъ стонетъ украинскій народъ. Всѣхъ тѣхъ, кто своимъ активнымъ или пассивнымъ отношеніемъ способствуетъ этому вопіющему злу, мы дѣлаемъ отвѣтственными за всѣ могущія произойти событія. Они одни будутъ нести отвѣтственность, если русинскій народъ, желая сбросить гнетъ, перешагнетъ границы закона, вслѣдствіе чего произойдутъ нежелательныя событія. Если правительство не придетъ къ намъ на помощь, мы будемъ аппелировать къ общественному мнѣнію Европы и обличимъ австрійско-польское управленіе на всѣхъ европейскихъ языкахъ».

Въ концѣ концовъ депутаты потребовали, чтобы парламентъ избралъ коммиссію изъ 25 человѣкъ для разслѣдованія на мѣстахъ причинъ стачки крестьянъ и способовъ ея усмиренія правительствомъ. Но депутаты польскаго клуба всѣми силами воспротивились такому предложенію, успѣвъ убѣдить правительство въ томъ, что въ основѣ крестьянскаго движенія лежатъ не соціально-экономическія, а національно-политическія причины, служащія источникомъ непримиримой

вражды къ польской націи и угрожающія цѣлости государства. Въ результатѣ—парламентъ постановилъ поручить разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ стачки правительству, т. е. полякамъ, или правильнѣе сказать—польскимъ гакатистамъ.

Другимъ предложеніемъ, внесеннымъ русинскими депутатами въ парламентъ, былъ вопросъ объ учрежденіи университета для галицкихъ украинцевъ или же по крайней мѣрѣ, о признаніи принципіальнаго права украинскаго населенія Галиціи на собственный университетъ. Предложеніе это, какъ извѣстно, было внесено депутатомъ Романчукомъ еще въ прошлую сессію парламента, но требованіе пословъ не было удовлетворено. Мало того, университетская канцелярія начала отказывать въ принятіи прошеній и заявленій на украинскомъ языкѣ, а профессора позволяли себѣ оскорбительныя по своему пренебрежительному тону выходки и замѣчанія по адресу студентовъ-русиновъ. Такое отношеніе университета къ вполнѣ законнымъ требованіямъ русиновъ вызвало коллективный выходъ 600 студентовъ-русиновъ изъ львовскаго университета въ прошломъ году. Въ октябрѣ с. г., за нѣсколько дней до торжественнаго открытія новаго академическаго года въ университетѣ, студенты-русины отправили къ новому ректору депутацію съ требованіемъ, чтобы онъ часть своей рѣчи произнесъ по-украински или же, по крайней мѣрѣ заявилъ, что львовскій университетъ, утраквистическій (польскій и украинскій). Ректоръ отказался исполнить это требованіе. Въ виду этого студенты-русины не явились на торжество открытія университета. Въ парламентѣ противъ неотложности предложенія объ украинскомъ университетѣ первымъ говорилъ посолъ Старжинскій. Сущность возраженій Старжинскаго сводилась къ слѣдующему. Польское коло ничего не имѣетъ противъ желанія русиновъ имѣть свой университетъ, но осуществленіе его возможно лишь въ далекомъ будущемъ. Университетъ не можетъ быть результатомъ законодательнаго акта, а постепенно дозрѣвающимъ плодомъ научнаго и культурнаго развитія. Между тѣмъ украинская наука начала дѣлать болѣе или менѣе значительные успѣхи лишь въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій и не успѣла еще подготовить почвы для самостоятельнаго университета; во-вторыхъ, русины не располагаютъ еще и достаточнымъ количествомъ научныхъ силъ для замѣщенія профессорскихъ кафедръ; наконецъ, для украинской науки есть мѣсто и въ теперешнемъ университетѣ, и она тамъ развивается къ удовольствію не только русиновъ, но и поляковъ: согласно статуту всякія русинскій ученый мо-

жетъ свободно (?) развивать свою научную дѣятельность, читать лекціи и имѣетъ право разсчитывать на полученіе профессуры. Что же касается притязаній русиновъ на львовскій университетъ, то онъ рѣшительно протестуетъ противъ этого, такъ какъ львовскій университетъ есть университетъ польскій и фактически, и юридически, и польскій народъ никому не уступитъ своихъ правъ на него.

Министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Гартель возражалъ отъ имени правительства противъ признанія предложенія неотложнымъ съ двухъ точекъ зрѣній: финансовой и научной. Въ настоящее время открытіе новаго университета требуетъ несравненно большихъ расходовъ, чѣмъ прежде. Между тѣмъ одного взгляда на нынѣшній бюджетъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, съ какимъ трудомъ приходится удовлетворять необходимѣйшія нужды существующихъ уже университетовъ. Въ случаѣ рѣшенія парламентомъ вопроса объ украинскомъ университетѣ въ положительномъ смыслѣ, парламентъ долженъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ найти и новый источникъ для покрытія необходимыхъ расходовъ. Что касается другой стороны вопроса—научной, то она представляетъ собою, по мнѣнію министра, еще болѣе непреодолимыя препятствія, чѣмъ первая. Правда, министръ признаетъ, что украинскій народъ при своихъ природныхъ способностяхъ въ послѣднія десятилѣтія сдѣлалъ необычайные успѣхи, что не мало извѣстныхъ ученыхъ русиновъ съ честью занимаютъ универтитетскія кафедры, что русинское студенчество выдѣляется своими способностями, талантливостью и трудолюбіемъ въ научныхъ занятіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что русины могутъ пока удовлетвориться львовскимъ университетомъ за недостаткомъ собственныхъ научныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что польскіе профессоры сами оказываютъ всяческое содѣйствіе русинскимъ студентамъ при избраніи послѣдними ученой карьеры. Такой путь вѣрнѣе и скорѣе можетъ привести къ цѣли, чѣмъ внесеніе неотложныхъ запросовъ, которыхъ парламентъ не можетъ принять. Наконецъ, министръ отмѣчаетъ то обстоятельстро, что русины не имѣютъ основаній упрекать правительство въ недостаткѣ сочувствія къ гимназіямъ и другимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, являющимся подготовительною ступенью къ университетской наукѣ.

Послѣ министра Гартеля обратился къ парламенту съ рѣчью посолъ Барвинскій. Онъ обратилъ вниманіе парламента на постепенную національизацію школъ въ Австріи по мѣрѣ пробужденія національнаго самосознанія среди австрійскихъ народностей.

Это обстоятельство привело къ полной полонизаціи университетовъ краковскаго и львовскаго, къ открытію чешскаго университета въ Прагѣ и хорватскаго въ Загребѣ; въ послѣднее время словинцы добиваются своего университета въ Люблянѣ, чехи другого университета въ Моравіи, а русины—украинскаго университета во Львовѣ. И вотъ, противъ этихъ культурныхъ стремленій украинскаго народа выступаютъ съ аргументами совершенно неосновательными, распространяютъ взгляды, основанные на умышленномъ и неумышленномъ непониманіи; третируютъ украинскую литературу и языкъ, называя его неразвитымъ и къ наукѣ непригоднымъ, украинскій народъ лѣнивымъ и неспособнымъ къ просвѣщенію и высшей культурѣ, а желаніе открытія украинскаго университета признаютъ преждевременнымъ и неоправдываемымъ потребностями. Между тѣмъ факты исторіи и современности говорятъ совершенно противное. Тутъ ораторъ далъ краткій историческій очеркъ развитія украинской литературы и науки, начиная съ XI в., указавъ на Русскую Правду, Нестора Лѣтописца и его преемниковъ, на возрожденіе литературы въ XV и XVI в., на развитіе церковныхъ братствъ, кіевскую академію, на проектъ открытія университета на Украинѣ Выговскимъ и т. д., вплоть до нашихъ дней, до дѣятельности «Наукового Товариства ім. Шевченка», признанной и оцѣненной европейскими учеными. Вотъ факты, при свѣтѣ которыхъ всякія возраженія оказываются пустою и тенденціозною болтовней. «Народъ, который на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ велъ безпрерывную борьбу съ азіатскими ордами и своею грудью защищалъ Европу, народъ, давшій культуру Литвѣ, не мало содѣйствовавшій величію Польши, давши ей интеллигенцію, ученыхъ и воеводъ, народъ, который былъ посредникомъ въ передачѣ европейской культуры Россіи и далъ ей родоначальника современнаго реализма Гоголя, народъ, который, несмотря на всѣ удары судьбы сохранилъ свою національную самостоятельность,—такой народъ вполнѣ доказалъ свою способность къ высшему культурному развитію и имѣетъ полное право на собственный разсадникъ науки и просвѣщенія, чтобы стать рядомъ съ другими культурными народами». Что касается финансовой стороны вопроса, на которую указывалъ министръ Гартель, то она, по мнѣнію г. Барвинскаго, не имѣетъ никакого значенія, потому что удовлетвореніе культурныхъ потребностей народа скорѣе можетъ обезпечить Австрію, чѣмъ сооруженіе новыхъ стратегическихъ дорогъ и дорого стоющихъ крѣпостей, на которыя откуда-то изыскиваются средства.

Свою продолжительную рѣчь посолъ Барвинскій закончилъ слѣдующими словами: «Украинскій народъ не успокоится и не ослабнетъ въ борьбѣ за принадлежащія ему права, напротивъ, препятствія, встрѣчающіяся ему по пути къ достиженію цѣли, придадутъ лишь ему больше силы и стойкости. Но только не забывайте, что тѣ самые аргументы, которые вы, представители польскаго народа, приводите противъ открытія украинскаго университета въ Галиціи, гдѣ вы являетесь господами положенія, будутъ направлены противъ васъ же самихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не вы господа и гдѣ вамъ самимъ приходится отстаивать свои національныя права!»

Послѣ рѣчи посла Романчука парламентъ отвергъ неотложность запроса. Такимъ образомъ, и въ вопросѣ объ университетѣ послы русинскаго народа не успѣли одержать фактической побѣды.

Чествованіе памяти А. А. Андріевскаго. 20-го октября 1902 г. состоялось первое въ текущемъ учебномъ году засѣданіе общаго собранія членовъ кіевскаго Общества содѣйствія начальному образованію. По открытіи засѣданія предсѣдатель собранія В. И. Щербина обратился къ присутствующимъ съ нижеслѣдующей рѣчью, посвященной памяти скончавшагося лѣтомъ текущаго года устроителя народной аудиторіи въ Кіевѣ, почетнаго члена Общества Алексѣя Александровича Андріевскаго: «Сегодняшнее наше собраніе приходится открыть напоминаніемъ о тяжелой утратѣ, понесенной нашимъ Обществомъ въ недавнее время. 9-го іюня скончался одинъ изъ учредителей Общества и почетный членъ его А. А. Андріевскій.

Общественная дѣятельность покойнаго была очень разнообразна, какъ разнообразны и обстоятельства его личной жизни. Кіевъ, Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ, Одесса, Тула, Вятка, и опять Кіевъ, Златополь и опять Кіевъ, Верхнеднѣпровскъ и Одесса—вотъ города, въ которыхъ протекала служебная дѣятельность Алексѣя Александровича. Но куда бы ни забросила его судьба, вездѣ онъ находилъ себѣ, помимо службы, живое неоффиціальное дѣло, вездѣ являлся усерднымъ работникомъ на поприщѣ просвѣщенія. Разнообразная и плодотворная дѣятельность покойнаго встрѣтила заслуженную оцѣнку въ многочисленныхъ некрологахъ, появившихся въ кіевскихъ, одесскихъ и столичныхъ газетахъ, въ обстоятельной статьѣ нашего сочлена И. М. Каманина, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ», въ

засѣданіяхъ просвѣтительныхъ обществъ, членомъ которыхъ состоялъ покойный. Къ числу этихъ обществъ, принадлежитъ и наше. И оно не можетъ не помянуть почившаго собрата и даже имѣетъ для этого особыя основанія.

Алексѣй Александровичъ особенно тѣсно былъ связанъ съ нашимъ городомъ и посвятилъ ему большую часть своей жизни. Уроженецъ кіевской губерніи, воспитанникъ кіевской гимназіи (временъ Пирогова) и кіевскаго университета, преподаватель различныхъ учебныхъ заведеній Кіева, сотрудникъ кіевскихъ газетъ и журналовъ, дѣятельный членъ всѣхъ кіевскихъ просвѣтительныхъ обществъ—Алексѣй Александровичъ всей душой былъ преданъ интересамъ родного края и посвятилъ ему свои лучшія силы. Одною изъ наиболѣе интенсивныхъ сторонъ его дѣятельности является участіе его въ нашемъ Обществѣ. Я близко видѣлъ эту дѣятельность Ал. Ал. и могу сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ нашего Общества съ самаго его основанія. Я живо помню первыя собранія Коммиссіи народныхъ чтеній, въ которыхъ Ал. Ал. принималъ всегда самое живое участіе. Помню его, какъ организатора чтеній и безсмѣннаго дежурнаго, наблюдающаго за порядкомъ; помню, какъ образцоваго лектора. А. А. положилъ основаніе существующимъ теперь секціямъ естественно-исторической и историко-литературной и много работалъ въ послѣдней секціи; никогда дѣятельность этой секціи не отличалась такимъ оживленіемъ, какъ при участіи въ ней Ал. Ал. Онъ же положилъ основаніе издательской дѣятельности Общества какъ своими брошюрами, выдержавшими по нѣсколько изданій, такъ изданіемъ работъ своихъ товарищей. Но самую крупную заслугу его предъ нашимъ Обществомъ представляетъ постройка народной аудиторіи. Инициатива этого дѣла всецѣло принадлежитъ Алексѣю Александровичу; ему же принадлежитъ и значительная доля труда по выполненію задуманнаго имъ дѣла. Дѣло это встрѣчало большія затрудненія, у многихъ сотрудниковъ Ал. Ал. являлись сомнѣнія въ его осуществимости, одинъ Алексѣй Александровичъ никогда не сомнѣвался въ успѣхѣ и умѣлъ внушить свою увѣренность другимъ. И вотъ, въ короткое время собрана была довольно значительная сумма—25000 р.—и Кіевъ получилъ свою первую народную аудиторію.

На членахъ Общества, для котораго такъ много потрудился покойный Алексѣй Александровичъ, лежитъ нравственная обязанность выразить свою признательность. Правленіе предложитъ на обсужденіе

собранія намѣченныя имъ формы чествованія и увѣковѣченія памяти Алексѣя Александровича, а теперь предлагаю почтить память его, по установленному обычаю, вставаніемъ».

Выслушавъ рѣчь и почтивъ память покойнаго вставаніемъ, собраніе постановило выразить супругѣ Ал. Ал. свое искреннее соболѣзнованіе по поводу понесенной утраты. Вслѣдъ за тѣмъ приступлено было къ обсужденію намѣченныхъ правленіемъ Общества формъ чествованія и увѣковѣченія памяти Ал. Ал. Андріевскаго. Формы эти слѣдующія: а) произнесть въ ближайшее время въ народной аудиторіи одно изъ чтеній, составленныхъ Ал. Ал., при чемъ передъ чтеніемъ познакомить слушателей вкратцѣ съ біографіею его, б) поставить памятникъ на его могилѣ, в) учредить стипендію имени покойнаго при какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній, или же, г) вмѣсто стипендіи, учредить при народной аудиторіи библіотеку-читальню имени покойнаго.

Докладывая о перечисленныхъ формахъ чествованія, Правленіе довело вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія собранія, что по имѣющимся у него частнымъ свѣдѣніямъ въ чествованіи памяти А. А. Андріевскаго примутъ участіе различныя учрежденія и общества, съ которыми связана была его дѣятельность не только въ Кіевѣ, но и въ Одессѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ, а также товарищи его по дѣятельности въ различныхъ городахъ и другія частныя лица. Въ этомъ дѣлѣ нужна лишь инициатива, которую ближе всего принять на себя кіевскому Обществу содѣйствія начальному образованію, съ которымъ А. А. Андріевскій находился въ самой тѣсной связи.

При обсужденіи предложенныхъ Правленіемъ формъ чествованія нѣкоторые изъ членовъ предлагали обратиться къ кіевскому городскому самоуправленію съ просьбой, въ виду крупныхъ заслугъ А. А. въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, присвоить одному изъ городскихъ училищъ названіе имени А. А. Андріевскаго и учредить при немъ стипендію его же имени; другіе предлагали учредить стипендію при 1-й кіевской гимназіи, гдѣ Ал. Ал. состоялъ преподавателемъ, при университетѣ св. Владиміра, гдѣ онъ учился, при Обществѣ имени Т. Шевченка С.-Петербургѣ, которое имѣетъ цѣлью помогать уроженцамъ и уроженкамъ Южной Россіи, воспитывающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Высказывалась также мысль объ учрежденіи при Обществѣ изданія полезныхъ книгъ въ Петербургѣ

преміи имени покойнаго за лучшую книгу для народа на малорусскомъ языкѣ, какъ это проектируется почитателями покойнаго въ Одессѣ. Многіе считали лучшимъ способомъ чествованія учрежденіе библіотеки-читальни при созданной по инициативѣ Ал. Ал. народной аудиторіи; противъ этого возражали, что такая форма чествованія можетъ привлечь только мѣстныя пожертвованія, что на учрежденіе библіотеки-читальни потребовались бы слишкомъ большія средства и что, наконецъ, при тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлены у насъ просвѣтительныя общества, предлагаемый способъ чествованія можетъ оказаться недолговѣчнымъ. Были еще предложенія объ устройствѣ школы имени покойнаго на мѣстѣ его родины—въ г. Каневѣ, объ учрежденіи преміи его имени за лучшее сочиненіе по внѣшкольному образованію и др. Кромѣ того, въ заявленіи, присланномъ однимъ изъ членовъ Общества, не присутствовавшихъ въ засѣданіи, предлагалось устроить въ народной аудиторіи вечеръ, посвященный памяти А. А. Андріевскаго, съ раздачею печатной біографіи покойнаго.

Обсудивъ всѣ перечисленныя предложенія въ связи съ докладомъ Правленія, собраніе постановило:

а) Произнесть въ ближайшее время въ народной аудиторіи одно изъ чтеній, составленныхъ А. А. Андріевскимъ, при чемъ передъ началомъ чтенія познакомить слушателей вкратцѣ съ біографіей его.

б) Поставить памятникъ на его могилѣ.

в) Учредить стипендію имени А. А. Андріевскаго при какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній, возложивъ разработку деталей этого вопроса на Правленіе.

Открытіе народнаго дома кіевскаго Общества Грамотности.—20 ноября состоялось освященіе и торжественное открытіе народнаго дома Общества Грамотности. По совершеніи церковнаго обряда въ театральномъ залѣ освященнаго зданія состоялось общее собраніе членовъ Общества Грамотности въ присутствіи приглашенныхъ гостей. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя совѣта Общества В. П. Науменка, въ которой кратко была изложена исторія созданія этого дома. Послѣ этого была произнесена рѣчь предсѣдателемъ строительной коммиссіи по постройкѣ дома, проф. В. В. Лучицкимъ, изложившимъ вкратцѣ исторію подобнаго рода учрежденій на Западѣ. Отъ имени городского самоуправленія произнесъ рѣчь городской голова г. Про-

ценко. По мысли устроителей народнаго дома въ немъ должны быть сосредоточены различныя просвѣтительныя учрежденія для народа: общедоступный театръ, безплатная библіотека, книжная лавка вмѣстѣ съ складомъ народныхъ книгъ, народная аудиторія, подвижной музей съ пособіями для нагляднаго обученія, воскресная школа, вечерніе курсы для взрослыхъ, чайная и столовая. Кромѣ того, въ народномъ домѣ будетъ помѣщаться Общество Грамотности, дѣятельность котораго обнимаетъ весь юго-западный край. Постройка народнаго дома обошлась въ 194.523 р.

Выставка историческихъ костюмовъ. На 17 ноября предположено открытіе выставки историческихъ костюмовъ въ Таврическомъ дворцѣ. Особый интересъ долженъ представить русскій историческій отдѣлъ, въ которомъ предположено собрать, по возможности, весь домашній обиходъ, начиная съ IX столѣтія и кончая XIX. Историческій матеріалъ будетъ расположенъ по слѣдующимъ эпохамъ: а) норманны и первое время ихъ господства (первые русскіе князья IX в.); б) Кіевская Русь; в) время татарской неволи; г) Русь Московская (вліяніе Византіи); д) Новгородъ-Великій; е) Петербургская Россія—Петръ Великій и его преемники, время Екатерины Великой, преемники Павла I—до нашихъ дней; ж) малороссійская старинная одежда и ея принадлежности: утварь, сбруя и т. п.; з) польская старинная одежда и ея принадлежности: утварь, сбруя и т. п., и бѣлорусская и литовская одежда. Каждая эпоха будетъ, по возможности, иллюстрирована моделями соотвѣтствующихъ построекъ, архитектурными орнаментами, снимками, посудою, мебелью, домашнею утварью, сбруею, одеждою, оружіемъ и проч. («Хар. Вѣд. № 283).

Къ вопросу о чтеніяхъ для народа по сельскому хозяйству.—Въ харьковскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства и въ херсонскомъ земствѣ почти одновременно обсуждался одинъ и тотъ-же вопросъ—о чтеніяхъ для народа по сельскому хозяйству. Въ совѣщаніи совѣта харьковскаго Общества, состоявшемся 21 октября, при участіи окружного инспектора г. Раевскаго, проф. Багалѣя и уѣздныхъ агрономовъ, агрономъ г. Гаршинъ, ознакомивъ собраніе съ постановкой въ настоящее время въ полтавской губерніи чтеній по сельскому хозяйству, предложилъ на обсужденіе вопросъ объ организаціи этихъ

чтеній въ харьковской губ. Онъ рекомендовалъ организовать коммиссію при обществѣ, которая бы взяла на себя выполненіе этой задачи. Дѣятельность коммиссіи должна состоять въ разсмотрѣніи всѣхъ имѣющихся въ продажѣ книгъ, приспособленныхъ для народнаго пониманія. Далѣе коммиссія вошла бы въ соглашеніе съ харьковской коммиссіей народныхъ чтеній и издательскимъ комитетомъ Общества грамотности, которые бы оказали ей поддержку въ этомъ дѣлѣ. Проф. Багалѣй сообщилъ, что комитетъ Общества грамотности по изданію книгъ для народа издалъ до настоящаго времени книжекъ до 100 названій, но къ сожалѣнію по сельскому хозяйству имѣется ничтожное количество. Комитетъ могъ бы взяться за изданіе одобренныхъ коммисіей брошюръ по сельскому хозяйству и отпечатывать до 10,000 экземпляровъ каждаго названія. При этомъ комитетъ не разрѣшенныя правительствомъ для народныхъ чтеній книги отправляетъ тотчасъ же по изданіи въ ученый комитетъ, который въ послѣдніе годы разрѣшилъ до 80% всѣхъ предложенныхъ на его разсмотрѣніе брошюръ. Г. Синельниковъ указалъ, что есть хорошія брошюры по сельскому хозяйству, но приспособленныя для жителей сѣверной и средней полосы Россіи; необходимо создать серію книгъ спеціально для юга. Въ заключеніе совѣщаніе постановило организовать коммиссію. Коммиссіи поручено: 1) разсмотрѣть всѣ имѣющіяся въ торговлѣ книги и брошюры по сельскому хозяйству и выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящія къ условіямъ юга Россіи; 2) намѣтить наиболѣе важные вопросы по сельскому хозяйству и по нимъ составить соотвѣтствующія брошюры; 3) разсмотрѣть изданія харьковскаго издательскаго комитета, и къ тѣмъ изъ нихъ, которыя коммиссія найдетъ возможнымъ рекомендовать, изготовить діапозитивы; 4) по возможности стараться приготовлять діапозитивы для всѣхъ одобренныхъ коммиссіей книгъ; 5) выпускать періодически два раза въ годъ объявленія въ газетѣ «Ю.-Р. сельск.-хозяйст. Общества» о вновь вышедшихъ брошюрахъ по сельскому хозяйству; 6) отзывы о разсмотрѣнныхъ коммиссіей книгахъ помѣщать въ той же газетѣ; 7) просить губ. земство объ ассигнованіи субсидіи въ размѣрѣ 3 т. р. для изданія діапозитивовъ и организаціи при Обществѣ спеціальной библіотеки изъ всѣхъ имѣющихся на рынкѣ сельскохозяйственныхъ брошюръ; 8) для этой же цѣли просить издательскія фирмы прислать безвозмездно по одному экземпляру такихъ брошюръ. («Хар. Вѣд.», № 292).

По поводу тогоже вопроса въ херсонскомъ земствѣ корреспондентъ «С.-Пб. Вѣд.», (№ 292) сообщаетъ, что еще въ 1900 году губернское земское собраніе ассигновало 500 р. для выдачи премій по конкурсу по 100 р. за каждую популярно написанную брошюру для народнаго чтенія по сельскому хозяйству, но никто изъ популяризаторовъ сельско-хозяйственныхъ знаній до сихъ поръ еще не прислалъ въ земскую управу на соисканіе означенныхъ премій ни одной брошюры. Въ текущую сессію губернскаго земскаго собранія постановлено назначить срокъ для представленія рукописей, а именно 1-е января 1904 года, и если къ этому времени рукописей не поступитъ, ассигнованная на этотъ предметъ сумма должна быть перечислена въ земскія средства. Брошюры должны быть написаны на слѣдующія темы: 1. О парѣ. 2. О травосѣяніи: а) люцерна, б) могаръ, в) костеръ безостый, г) овсяница, д) вика (по культурѣ каждой кормовой травы отдѣльная брошюра). 3. О пропашныхъ: а) кукуруза, б) кормовая свекла, в) баштанныя растенія и кормовая тыква (о каждомъ растеніи отдѣльная брошюра).

«Считаемъ при этомъ нужнымъ обратить вниманіе, пишетъ въ заключеніе авторъ замѣтки, на одно весьма существенное обстоятельство въ этомъ вопросѣ. Въ докладѣ губернской земской управы очередному губернскому земскому собранію сессіи 1900 г. «О мѣрахъ къ распространенію среди населенія сельско-хозяйственныхъ знаній», была рекомендована брошюра извѣстнаго популяризатора сельско-хозяйственныхъ знаній г. Чикаленка о черномъ парѣ (Розмова про сельское хозяйство, кн. 1) Рекомендація этой брошюры, написанной на малорусскомъ языкѣ, показываетъ, что и представляемыя на соисканіе преміи рукописи тоже могутъ быть написаны на малорусскомъ народномъ языкѣ, Да это было бы пожалуй и полезнѣе для дѣла, такъ какъ брошюры предназначаются, главнымъ образомъ, для малорусскаго населенія, которое въ херсонщинѣ составляетъ около 80 проц.»

Земскія книжныя лавочки.—Г. Фесенко въ замѣткѣ, напечатанной въ «Бирж. Вѣд.», (№ 294) отмѣчаетъ отрадный фактъ успѣховъ внѣшкольнаго образованія народа, благодаря повсемѣстному устройству библіотекъ, читаленъ, чтеній, а также продажѣ и распространенію въ народѣ общеполезныхъ книгъ. На быстрое возрастаніе

среди народа потребности въ чтеніи указываетъ внимательное изученіе смѣтъ и отчетовъ земства по операціямъ земскихъ книжныхъ складовъ, которые изъ года въ годъ требуютъ для успѣшной своей дѣятельности все болѣе и болѣе значительныхъ оборотныхъ средствъ. Но главнымъ препятствіемъ успѣшной дѣятельности земскихъ книжныхъ складовъ является ихъ изолированность отъ сельскаго населенія. Необходимо приблизить книгу къ народу. Въ послѣднее время въ этомъ направленіи начали приниматься нѣкоторыя мѣры. Наиболѣе удобной и практически полезной по своимъ результатамъ оказалась та форма приближенія книги къ народу, которая въ послѣдніе годы была выработана прилукскимъ уѣзднымъ земствомъ полтавской губерніи. Прилукское земство съ давнихъ поръ содержитъ при уѣздной земской управѣ книжный складъ. Складъ этотъ ведетъ свои операціи какъ за наличныя деньги, такъ и въ кредитъ, отпуская книжный товаръ, по преимуществу, *оптомъ*, учителямъ, попечителямъ школъ и другимъ лицамъ. Въ теченіе послѣдняго года (1901) торговыя операціи склада выразились въ суммѣ 4,318 руб. 21 коп. Въ томъ же 1901 году прилукской земской управою была въ г. Прилукахъ открыта на базарной площади земская книжная лавка. Лавка эта, торгуя по мелочамъ, въ розницу, по словамъ прилукской уѣздной земской управы, внесла въ 1901 году въ кассу управы наличными 5,700 руб. 85 коп., т. е. на 1,382 р. 64 коп. болѣе склада. Въ послѣднее время въ прилукскомъ земствѣ почему-то возникло предположеніе о переносѣ земской книжной лавки съ базарной площади на окраину. Уѣздная земская управа, возставая противъ такого проекта, въ одномъ мѣстѣ своего доклада земскому собранію по этому вопросу замѣчаетъ, что «слухи о предстоящемъ закрытіи земской книжной лавочки на базарѣ породили тревогу въ городскомъ населеніи и среди учащихся, лишающихся, такимъ образомъ, съ закрытіемъ лавки, возможности имѣть дешевое и удобное пріобрѣтеніе книгъ». «Вмѣстѣ съ этимъ, и прибывающее изъ деревень сельское населеніе также лишено будетъ возможности покупать книги». «Между прочимъ, замѣчаетъ далѣе та же управа, слухи о закрытіи земской книжной лавочки побудили нѣкоторыхъ городскихъ торговцевъ-букинистовъ хлопотать объ открытіи въ городѣ частной книжной торговли въ той же мѣстности съ исключительною цѣлью наживы». (Докладъ прилукск. уѣздн. земск упр. № 18, 1901 г.). Добрыя стремленія управы имѣли полный успѣхъ—земское собраніе оставило книжную лавку на преж-

немъ мѣстѣ, и она ведетъ нынѣ торговлю столь же успѣшно, какъ и ранѣе.

Украинскій вечеръ въ Петербургѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ—волынцевъ. По сообщенію корреспондента «Волыни» (№ 250), вечеръ этотъ, состоявшійся 10 ноября, имѣлъ выдающійся успѣхъ. Состоялъ онъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ была поставлена пьеса «Наталка-Полтавка»; второе отдѣленіе было вокальное; было спѣто нѣсколько номеровъ соло главнымъ образомъ на слова «Кобзаря» («Реве та стогне», «Думы», «Ой, одна я»); въ заключеніе же могучій хоръ изъ 200 человѣкъ учащихся обоего пола, въ національныхъ костюмахъ, спѣлъ нѣсколько пѣсенъ: «Гей не дывуйте»; «Слава» и др.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Работы по сооруженію памятника И. П. Котляревскому, поставленнаго на Протопоповскомъ бульварѣ, въ настоящее время совершенно закончены. Торжественное открытіе памятника предстоитъ въ маѣ или сентябрѣ будущаго года. («Кіевл.» № 318).

Новое малорусское изданіе. Среди екатеринославскихъ почитателей малороссійской литературы возникла мысль объ изданіи малороссійскаго альманаха съ возможно разнообразнымъ содержаніемъ. Сумма, вырученная отъ продажи альманаха, цѣна на который, между прочимъ, предположена самая минимальная, будетъ, по всей вѣроятности, служить основнымъ капиталомъ для изданія послѣдующихъ малороссійскихъ альманаховъ и книгъ. («Волынь», № 249)

Народные спектакли въ Одессѣ. Одесскій особый комитетъ попечительства о народной трезвости, въ видахъ доставленія разнообразныхъ разумныхъ развлеченій для народа, устраиваетъ въ своей аудиторіи періодически кромѣ русскихъ также и малорусскіе спектакли. Съ этой цѣлью сформирована хорошая малорусская труппа. Въ репертуаръ малороссійскихъ спектаклей входятъ лучшія пьесы малорусскихъ драматурговъ. Въ постановкѣ каждой пьесы видна опытная

режиссерская рука, при чемъ пьесы обстанавливаются вполнѣ добросовѣстно, согласно всѣмъ указаніямъ автора. Благодаря такой постановкѣ дѣла, малорусскіе спектакли такъ же охотно посѣщаются публикой, какъ и русскіе драматическіе. Среди посѣтителей можно видѣть не только простолюдина, понимающаго малороссійскій языкъ. Эти спектакли весьма усердно посѣщаются представителями различнаго рода физическаго труда. («Од. Лист.», № 276).

Народныя чтенія въ Екатеринославѣ. Въ настоящее время составлены небольшіе очерки съ иллюстраціями земли Войска Запорожскаго, которые предназначены для народныхъ чтеній. («Прид. Кр.», № 1641).

Памятникъ, требующій сохраненія. Подъ такимъ заглавіемъ въ № 231 «Полт. Губ. Вѣд. г. В. Горленкомъ напечатана замѣтка объ остаткахъ бывшей Бѣлевской крѣпости, находящихся въ центрѣ нынѣшняго Константинограда. Мѣстное населеніе усердно принялось за уничтоженіе историческаго укрѣпленія. Давъ краткую историческую справку объ исторіи возникновенія этого земляного укрѣпленія, имѣвшаго, по проекту строителей, простираться отъ Царицына вплоть до сліянія р.р. Днѣпра и Орели и о количествѣ силъ и средствъ, затраченныхъ въ первой половинѣ XVIII ст. на сооруженіе этой китайской стѣны sui generis, тянувшейся почти 1,000 верстъ, авторъ говоритъ, что городу необходимо сохранить эту достопримѣчательность въ виду важнаго воспитательнаго значенія памятниковъ былого, такъ какъ они «связываютъ настоящее съ прошлымъ, наглядно вырываютъ обывателей изъ печальныхъ родовъ, «не помнящихъ родства».

Къ XIII-му археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Во время пребыванія въ г. Е—вѣ проф. В. Б. Антоновича выяснился цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ XIII археологическаго съѣзда. Въ виду недостатка въ г. Е—вѣ лицъ, которыя могли-бы принять на себя организацію работъ, какъ по собиранію, такъ и по обработкѣ матеріала, касающагося той или иной научной отрасли, выразили согласіе притти на помощь нѣкоторые профессора кіевскаго, новороссійскаго и харьковскаго университетовъ. Намѣчены

секціи, которыя будутъ функціонировать въ предварительномъ комитетѣ, а также лица, которыя станутъ во главѣ отдѣльныхъ секцій для руководства научной ихъ дѣятельностью. Общее предсѣдательство научнаго отдѣла предварительнаго комитета приметъ на себя предсѣдатель мѣстнаго Научнаго общества проф. В. В. Куриловъ, 1) первобытныхъ древностей—проф. В. Б. Антоновичъ; 2) древностей запорожскихъ—проф. Д. И. Эварницкій; 3) древностей церковныхъ—проф. Н. И. Петровъ; 4) памятниковъ искусствъ и художествъ—Е. К. Рѣдинъ; 5) памятниковъ археографическихъ—проф. А. И. Маркевичъ; 6) быта хозяйственнаго, домашняго и общественнаго—проф. Д. И. Багалѣй; 7) быта юридическаго—проф. М. М. Алексѣенко; 8) быта военнаго—генер.-лейт. Бранденбургъ; 9) памятниковъ языка—народнаго творчества—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ; 10) древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ—проф. фонъ-Штернъ; 11) этнографіи и антропологіи—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ; 12) историко-географической—проф. Д. И. Эварницкій. Работы предварительнаго комитета начинаются 1-го декабря. Въ интересахъ популяризаціи столь важнаго для изученія губерніи дѣла въ уѣздахъ предположено образованіе уѣздныхъ комитетовъ. («Вѣстн. Юга», № 249).

Къ археологическому съѣзду. Къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. г. Новицкимъ составлена „Исторія г. Александровска и его уѣзда“, посвящаемая съѣзду. Однимъ же изъ любителей мѣстной старины посвящается съѣзду «Исторія г. Екатеринослава и заселеніе его окрестностей». Матеріалы для послѣдняго сочиненія уже собраны. («Прид. Кр.» № 1620).

Проф. В. Б. Антоновичемъ одобрена составленная гг. Чеховымъ и Синявскимъ программа собиранія свѣдѣній по археологіи и исторіи. Программа будетъ отпечатана и разослана всѣмъ лицамъ, которыя пожелаютъ притти на помощь дѣлу изученія мѣстнаго края въ отношеніи исторіи и археологіи. («Прид. Кр.» № 1635).

Проектъ учрежденія ученой архивной коммиссіи въ Екатеринославѣ. Въ виду насущной необходимости собиранія и охраны археологическихъ памятниковъ, документовъ и актовъ, хранящихся

въ изобиліи при церквахъ, монастыряхъ, въ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, среди лицъ, интересующихся изученіемъ мѣстнаго края, и любителей старины возникла мысль объ исходатайствованіи разрѣшенія на учрежденіе губернской екатеринославской ученой архивной коммиссіи по образцу существующихъ такихъ же комиссій въ другихъ городахъ. Дѣятельность комиссіи, главнымъ образомъ, сосредоточивается на собираніи и сохраненіи мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ. Ходатайство Научнаго общества о предоставленіи ему правъ ученой архивной комиссіи было отклонено по формальнымъ причинамъ и нынѣ явилась необходимость въ организаціи отдѣльнаго учрежденія. («Прид. Кр.» № 1619).

Селище каменнаго вѣка. Проиведенный пропессоромъ В. Б. Антоновичемъ осмотръ мѣстности въ Потемкинскомъ саду привелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно, въ нижней части сада, примыкающей къ Днѣпру, существовало селище каменнаго вѣка, сильно нынѣ поврежденное, благодаря нивелировкѣ мѣстности при распланировкѣ сада. Кромѣ того, обнаружено, что въ самое недавнее время кѣмъ-то произведены раскопки въ этихъ мѣстахъ. Раскопки эти, вѣроятно, сдѣланы подлѣ доклада въ Научномъ обществѣ, въ которомъ упомянуто было о находкѣ. Профессоръ Антоновичъ нашелъ еще много черепковъ съ весьма интереснымъ орнаментомъ. По мнѣнію профессора, было бы желательно, чтобы дальнѣйшія раскопки въ саду никѣмъ не производились, а случайныя находки передавались бы въ областной музей. («Вѣст. Юга», № 250).

Пожертвованіе Научному Обществу въ Екатеринославѣ. Проф. В. Б. Антоновичъ пожертвовалъ изъ своей коллекціи все то, что имъ было найдено или доставлено ему въ теченіе 40 лѣтъ изъ екатеринославской губерніи. Въ числѣ подаренныхъ предметовъ имѣется весьма цѣнный экземпляръ единственнаго въ мірѣ сосуда каменнаго вѣка, на которомъ нарисована сцена, изображающая первобытныхъ оленей. Въ находкахъ Хвойка былъ также найденъ рисунокъ, но на мамонтовой кости. Сосудъ извлеченъ Бернштамомъ во время его раскопокъ на островѣ Хортицѣ. Кромѣ того, сосудъ украшенъ такъ называемой свастикой въ трехъ мѣстахъ (свастика—знакъ въ видѣ

крестика,—орудіе, при посредствѣ котораго первобытный человѣкъ добывалъ огонь). („Вѣстн. Юга", № 250).

Отъ Правленія Общества имени Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ. Въ истекшемъ учебномъ 1901—1902 году Правленіемъ Общества имени Т. Г. Шевченка выдано учащимся въ Петербургѣ уроженцамъ Южной Россіи болѣе трехъ тысячъ рублей пособія, тогда какъ въ два предшествующіе года потребовалось пособій на 1800 руб. Такая усиленная выдача пособій въ истекшемъ году истощила совершенно кассовыя средства Общества.

При всѣхъ принятыхъ Правленіемъ мѣрахъ къ пополненію денежныхъ средствъ, приливъ поступленій далеко не отвѣчаетъ назрѣвшей нуждѣ въ пособіяхъ, и въ начавшемся новомъ учебномъ году Правленіе могло выдать въ пособіе всего 400 руб. Между тѣмъ вновь поступило уже просьбъ о пособіяхъ почти на 1000 руб.

Поставленное въ затруднительное положеніе неимѣніемъ въ кассѣ средствъ, Правленіе рѣшило обратиться ко всѣмъ, кому должны быть дороги и близки успѣхъ ученія и здоровье южно-русскаго юношества, съ просьбою помочь Правленію по сбору средствъ путемъ поступленія въ члены Общества, пожертвованіями и вообще тѣми мѣрами, какія кому доступны. Правленіе проситъ поспѣшить посильными взносами, дабы не оставить учащихся безъ пособій и не подвергнуть нуждающихся въ пособіяхъ удаленію изъ учебныхъ заведеній, такъ какъ преобладающіе мотивы просьбъ—пособія для взноса за право слушанія лекцій.

Вмѣстѣ съ этимъ Правленіе обращается къ членамъ Общества, еще не внесшимъ взносовъ за текущій 1902 годъ, ускорить внесеніемъ денегъ.

Въ Петербургѣ деньги принимаетъ ежедневно съ 10 ч. до 4. ч. казначей Петръ Петровичъ Катериничъ (Невскій, 70), ему же можно высылать и почтою. Кромѣ того въ Кіевѣ принимаются взносы уполномоченнымъ членомъ Общества В. П. Науменкомъ (Маріин.-Благовѣщ. № 59, ежедневно отъ 7—8 ч. вечера, и Маріин.-Благовѣщ. № 60, въ редакціи жур. «Кіевск. Старины», ежедневно отъ 2½—4 ч. дня.

Библіографія.

Історня України-Руси. Проф. Михайла Грушівського. *Виданнє Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів 1898—1900 рр. Томи: I (1—495 стр.), II (1—403), III (1—700).*

Два года тому назадъ во Львовѣ вышелъ въ свѣтъ уже третій томъ полной Исторіи Украины, весьма цѣннаго и капитальнаго труда извѣстнаго ученаго, проф. М. Грушевскаго,—труда, отсутствіе котораго въ нашей литературѣ давно и сильно даетъ себя чувствовать... Теперь этотъ крупный пробѣлъ начинаетъ заполняться: мы имѣемъ три внушительныхъ тома исторіи нашего края и народа на родномъ языкѣ. Казалось бы, что такое крупное, небывалое доселѣ явленіе должно было обратить на себя вниманіе общества и печати, и этой послѣдней быть отмѣченнымъ на страницахъ ея органовъ, хотя бы спеціально историческихъ. А между тѣмъ, кромѣ двухъ иностранныхъ журналовъ: «Archiv für Slavische Filologie» и «Věstnik Slovanských Starožytnosti, т. III», солидный трудъ г. Грушевскаго до сихъ поръ не нашелъ нигдѣ оцѣнки. Такой индифферентизмъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ историковъ къ историческому труду, безъ сомнѣнія долженствующему близко интересовать каждаго, по меньшей мѣрѣ—является страннымъ и мало объяснимымъ.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы не беремъ на себя смѣлости подвергать критическому разбору вышедшіе въ свѣтъ три тома Исторіи Украины: авось это сдѣлаютъ г.г. присяжные историки, если не въ ближайшемъ будущемъ, то быть можетъ, по окончаніи труда г. Грушевскаго. Мы намѣрены лишь дать читателямъ хотя бы общее пред-

ставленіе о содержаніи каждаго изъ вышедшихъ томовъ и попутно указать на болѣе оригинальные и интересные взгляды или выводы автора, совершенно новые или идущіе въ разрѣзъ съ установившимися въ исторической наукѣ положеніями.

Первоначально, какъ видно изъ предисловія и изложенія первыхъ главъ перваго тома, авторъ имѣлъ въ виду болѣе популярное изданіе, доступное для возможно большаго круга читателей. Но позже это первоначальное предположеніе было оставлено: авторъ справедливо нашелъ болѣе важнымъ и нужнымъ «дать *строго научный курсъ*, который могъ бы ввести (читателя) въ науку и познакомить съ современнымъ положеніемъ вопросовъ нашей исторіи». Но, чтобы не терять въ то же время изъ виду и первоначальной цѣли,—все болѣе спеціальное отнесено имъ въ примѣчанія, въ концѣ книги (подъ текстомъ оставлены только чисто справочныя ссылки) и этотъ отдѣлъ примѣчаній, очень полный и подробный, является цѣннымъ указателемъ литературы по каждому изъ трактуемыхъ вопросовъ.

Первый томъ, вышедшій въ годъ юбилея возрожденія украинской литературы, обнимаетъ періодъ до начала XI в. и содержитъ въ себѣ главы: территорія нынѣшней Руси передъ великой славянской эмиграціей (въ геологическомъ и археологическомъ отношеніяхъ), неславянское степное населеніе IV—X в.в., славянская колонизація на нашей территоріи, культура и бытъ украинско-русскихъ племенъ до и послѣ разселенія, начало русскаго государства и окончаніе строенія его: время Владиміра Св. Въ концѣ книги отдѣльно два экскурса: Древнѣйшая Лѣтопись и Норманнская теорія.

Отдѣлы, посвященные археологіи и выясненію вопроса о славянскомъ праотечествѣ, написаны блестяще. Относительно послѣдняго авторъ приходитъ къ тому выводу, что «такъ какъ прародина всѣхъ индоевропейцевъ—восточная Европа, то первоначальная славяно-литовская территорія, до разселенія славянъ, должна находиться въ четырехугольникѣ, ограниченномъ линіей Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, а на югѣ—по среднему Днѣстру и Днѣпру и его главнымъ притокамъ.

Авторъ не признаетъ Хорватовъ кіевской Лѣтописи, не признаетъ ихъ территоріи и полагаетъ, что въ X в. «Хорваты» въ Прикарпатскихъ краяхъ—было географическое названіе, какъ остатокъ памяти о прежнихъ (южныхъ) Хорватахъ, которые здѣсь раньше

обитали, и Константинъ Багрянородный, говоря о «Бѣлой Хорватіи», исходилъ изъ того факта, что при немъ въ прикарпатскихъ земляхъ жили какіе-то Хорваты. Впрочемъ, вопросъ этотъ авторъ оставляетъ открытымъ, равно какъ и то, какъ далеко на западъ распространялись границы племени Дулебовъ и какое племенное имя имѣло русское населеніе южнаго и сѣвернаго карпатскихъ подгорій.

Весьма интересна глава (III) о культурѣ и бытѣ украинско-русскихъ племенъ; здѣсь имѣются отдѣлы: земледѣліе, промыслы и промышленность, бытъ, торговля внѣшняя и внутренняя, физическій типъ и характеръ, религіозныя воззрѣнія, культъ и похоронные обряды, бракъ и семейная жизнь, родъ и племя, городъ, земля. Родъ авторъ разумѣетъ, какъ семью въ широкомъ смыслѣ слова (подобно южнослав. «задругѣ»); это—семьи-дворы, которыя разростаясь и дробясь, основываютъ новые роды и создаютъ «село»—группу семей, связанныхъ экономическими связями, состоящую изъ юридически и экономически самостоятельныхъ родовъ-дворовъ, которые сами собой распоряжаются, сами за себя отвѣчаютъ и свои общественныя дѣла рѣшаютъ на собраніи старѣйшинъ отдѣльныхъ родовъ-дворовъ. Впослѣдствіи же возникаетъ территоріальный принципъ—городъ, легшій въ основу дальнѣйшаго процесса общественнаго порядка явленій, притягиваетъ къ себѣ извѣстный округъ, и задаетъ тонъ; но когда онъ встрѣтился съ этнографическимъ, племеннымъ дѣленіемъ, то изъ комбинаціи этихъ двухъ элементовъ создалось новое явленіе: земли—волости, съ правящей властью, территоріей, администраціей и т. п. (Черниговская земля, Кіевская, Переяславская, Смоленская, Полоцкая и др.).

Причины возникновенія Кіевскаго государства—экономическія и торговыя. Торговля, требовавшая защиты со стороны правящихъ лицъ, князей, привела къ основанію государства, что случилось уже во всякомъ случаѣ въ нач. VIII в. Ольга крестилась не въ Царьградѣ, а въ Кіевѣ, такъ же, какъ, вѣроятнѣе всего, и Владиміръ.

Въ концѣ книги авторъ даетъ обстоятельный обзоръ исторіи норманнской теоріи, справедливо, между прочимъ, замѣчая, что имя «Руси» локализировалось въ околицахъ Кіева и вообще на нашемъ югѣ въ то время, когда Рюрикъ съ братьями еще не былъ и въ проектѣ (стр. 479).

Во *второмъ томѣ* заключаются слѣдующія главы: княженіе Ярослава, распаденіе русскаго государства въ 11—13 в.в., упадокъ Кі-

ева, и затѣмъ обзоръ отдѣльныхъ земель: Кіевской (съ добавленіемъ Турово-Пинской), Черниговской и Переяславской; степь.

Весьма интересна глава—распаденіе Русскаго государства въ 11—13 в.в., объясняемое, съ одной стороны, княжескими усобицами и размноженіемъ княжеской семьи, а съ другой- -стремленіемъ отдѣльныхъ земель къ автономіи. Говоря о кіевской аристократіи, авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что дружинники обладали крупнымъ недвижимымъ имуществомъ (стр. 211); эта аристократія (дружина и выдвинувшіеся земяне) не борется съ правительствомъ, но будучи частью его самого, наоборотъ—поддерживаетъ его. Авторъ подробно останавливается на участіи народа въ управленіи, на дѣятельности кіевскаго вѣча и причинахъ его слабой акціи; онъ полагаетъ, что идеалъ общества того времени былъ: найти такого князя, къ которому можно имѣть довѣріе, и на этомъ успокоиться (стр. 216). Хорошо объяснено, почему Кіевская земля не раздробилась на систему болѣе мелкихъ княжествъ (стр. 217), прекрасно очерчено значеніе Кіева и Кіевской земли въ культурной жизни древней Руси.

Говоря о степи, о Руси на Дунаѣ,—авторъ считаетъ Берладь (стр. 279) княжеской волостью и находитъ вполнѣ вѣроятнымъ, что Иванъ Берладникъ дѣйствительно былъ княземъ въ Берлади. Оригиналенъ взглядъ на половцевъ: авторъ обратилъ вниманіе на терминъ «дикій Половчанинъ», «Половци диции» (встрѣчается въ лѣтописи начиная съ 40 гг. 12 ст.); происхожденіе этого термина объясняется тѣмъ, что около этого времени были уже Половцы не дикіе, домашніе, свои. Дѣйствительно, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить, что въ XII в. въ русскихъ земляхъ были половецкія поселенія подъ русскимъ протекторатомъ, подобно Торкамъ и Печенѣгамъ. Авторъ ставитъ вопросъ, въ формѣ предположенія, не являются ли вновь появившіяся въ XII в. племенныя названія, какъ Турпѣи (1150 г.), Коуи (1151), Каепичи (1160)--половецкими колѣнами? (стр. 290).

Совершенно оригинально мнѣніе, что, такъ какъ съ появленіемъ Батыя исчезаютъ извѣстія о Черныхъ Клобукахъ, то полную ассимиляцію всей тюркской колонизаціи 11—12 в. съ русскимъ населеніемъ нельзя считать правдоподобный. По его мнѣнію, это черноклобуцкое населеніе, очутившись вдругъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ новой могущественной, родной для него, стихіей, ордой, было притя-

нуто этой послѣдней,—по собственной ли волѣ, или по безсознательному тяготѣнію,—безразлично. Плано-Карпини, путешественникъ XIII в., не говоритъ уже ни слова о поселеніяхъ Черныхъ Клобуковъ на Поросьи. Поэтому можно допустить, что только мелкія ихъ колоніи среди русскаго населенія могли ассимилироваться съ послѣднимъ, главная же масса вернулась назадъ въ степи и слилась съ татарской ордой, какъ и тѣ ихъ единоплеменники, что оставались въ степяхъ. Въ результатѣ, въ составѣ и антропологическомъ типѣ украинскаго населенія они, вѣроятно, оставили меньше слѣдовъ, чѣмъ въ украинской топографической номенклатурѣ (стр. 305—306).

Третій томъ. Главы: Западная Украина: Волынь, Галичина, Угорская Русь; Галицко-Волынское государство въ XIII—XIV в.; Поднѣпровье во второй половинѣ XIII в. и въ нач. XIV в.; общественно-политическое устройство украинско-русскихъ земель въ XI—XIII в.в. Бытъ и культура.

Говоря о внутренней жизни Галичины, авторъ видитъ тамъ (стр. 91—95) въ боярствѣ наслѣдственность. Очень хорошо доказано и объяснено, что Поднѣпровье нисколько не обратилось въ пустыню послѣ татарскаго погрома, а что населеніе только отхлынуло въ Полѣсье, куда оно не разъ и прежде въ подобныхъ случаяхъ скрывалось, съ тѣмъ, чтобы по миновеніи опасности вернуться къ роднымъ непелищамъ. Авторъ останавливается довольно подробно на теоріи «великоруссизма» кіевскаго населенія, не выдерживающей критики, снова доказываетъ, что Кіевъ послѣ Батыева нашествія ничуть не запустѣлъ (обширная торговля съ иностранцами); освѣщаетъ интересное явленіе въ нашей исторіи—движеніе городовъ и цѣлыхъ округовъ въ цѣляхъ достиженія автономіи и обособленія отъ княжескаго вліянія, и отдача себя въ непосредственную зависимость отъ татаръ («Болоховцы» и «люди сѣдящіе за татары»). Авторъ предполагаетъ (стр. 222), что и Кіевъ, по всей вѣроятности, а также земли между Тетеревомъ и Днѣпромъ, находилась въ аналогичномъ отношеніи къ татарамъ, какъ и порѣчье Случи и Тетерева. По крайней мѣрѣ, въ послѣдней четверти XIII в. въ Кіевѣ не видимъ никакого князя; Кіевъ былъ bonum nullius для князей и стоялъ въ непосредственной зависимости отъ татаръ. Въ такомъ положеніи Кіевъ оставался до начала XIV ст., а м. быть и дольше,—и, во всякомъ случаѣ, не былъ уже княжествомъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Былъ ли здѣсь сознательный, зара-

нѣе выработанный татарами планъ, или сама жизнь создала такое положеніе? Послѣднее какъ будто правдоподобнѣе. Въ Поросьи въ это время—тоже безкняжіе такъ что и здѣсь можно предполагать то же общественно-политическое устройство. Правдоподобно, что то же самое случилось и съ Переяславской землей. Такимъ образомъ, въ Кіевщинѣ и Переяславщинѣ пало дружинно-княжеское устройство, земли распались на отдѣльныя городскія общины, гдѣ лишь временно являлись князья, въ роли татарскихъ ставленниковъ. Такое положеніе дѣлъ вызвало бѣгство изъ Кіева высшихъ сословій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще пониженіе культурныхъ и духовныхъ интересовъ въ Кіевщинѣ (стр. 235—238).

Весьма цѣнна глава «Общественно-политическое устройство украинскихъ земель въ XI—XIII в.в.»: отношенія князей между собой; политическое устройство земли: вѣче и князь; управленіе: боярскій совѣтъ, дворъ, чиновники, судопроизводство, войско, казна; церковь; общество: дружина, боярство, горожане, селяне, холопы, люди церковные. Въ отдѣлѣ о дружинѣ, авторъ признаетъ наслѣдственность дружинной службы не только въ Галичинѣ, но и Кіевщинѣ: должности тысяцкаго, воеводы—передаются отъ отца къ сыну; существуютъ боярскіе роды,—на это указываютъ прозвища не только по отцу, но и дѣду. Вообще, княжескіе бояре были преимущественно люди состоятельные, владѣльцы недвижимыхъ имуществъ (ссылки на стр. 328).

Едва-ли не самая интересная глава—«Бытъ и культура»: экономическія отношенія, право, семейныя отношенія, частная жизнь; христіанство и его вліяніе на общество, искусства, образованіе и книжность, оригинальная литература. Въ этой главѣ затронутъ, между прочимъ, любопытный и важный вопросъ: причины упадка общественной жизни; причины эти: княжескія хожденія въ волости, войны, набѣги хищниковъ, громадные проценты, упадокъ крестьянства и закрѣпощеніе свободныхъ; развитіе крупной княжеской собственности стояло въ непосредственной связи съ умноженіемъ рабовъ. Торговля и кредитъ были широко развиты. Авторъ касается вопроса о положеніи женщины и участи ея въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ. Что касается до христіанства, то вліяніе его въ первыя столѣтія признается слабымъ: подъ покровомъ христіанства сохранилось почти въ чистомъ видѣ язычество или создавалось «двоевѣріе»,—то же язычество, только прикрытое христіанскимъ обрядомъ. Вліяніе христіанства сказалось от-

части въ положеніи рабства и впослѣдствіи даже способствовало его уничтоженію.

Въ главѣ объ искусствахъ авторъ отмѣчаетъ два архитектурные типа церквей: галицкій и кіевскій, даетъ описаніе южно-русскихъ фресокъ, мозаики, эмали и т. п. Относительно школъ и просвѣщенія онъ утверждаетъ (стр. 443—444), что въ древней Руси должно было существовать коллективное обученіе, т. е. школа въ собственномъ смыслѣ (помимо каѳедральныхъ школъ),—частная, и только въ большихъ городахъ.

Послѣдній отдѣлъ посвященъ литературѣ и просвѣщенію. Кругъ образованности: переводы теологическаго содержанія и свѣтскія произведенія. Литература—богословско-моралистическая; существовало двѣ школы: высшая—Илларіонъ, Климентъ Смолятичъ, Кириллъ Туровскій. и болѣе «простая» манера—Лука, Ѳеодосій, Яковъ Мнихъ, Несторъ, Мономахъ. Оригинальное русское творчество: въ агіографіи, путешествіяхъ, исторіографіи, лѣтописяхъ Кіевской и Волынской, свѣтскихъ произведеніяхъ.

Каждый томъ содержитъ нѣсколько картъ: колонизація восточной Европы до Ш в. по Р. Х., восточно-славянская колонизація времени созданія Русскаго государства (въ I т.), Кіевщина и Турово-Пинскъ XI—XIII ст., Черниговская и Переяславская земли XI—XIII вв. (II т.), Западная Русь въ XI—XIII вв. (Ш т.), генеалогическія таблицы князей до Владиміра и послѣ Владиміра св., генеалогія династіи Романа Галицкаго, указатели именные и предметные.

Безъ сомнѣнія, отмѣченные нами томы Исторіи Украины-Руси—трудъ въ высшей степени цѣнный и полезный; авторъ даетъ массу интереснаго, сгруппированнаго и надлежащимъ образомъ освѣщеннаго матеріала, уясняющаго до мельчайшихъ подробностей, насколько позволяютъ въ настоящее время средства исторической и археологической наукъ, не только бытъ нашего народа въ XI—пол. XIV в., но и древнѣйшую исторію нашихъ предковъ—существованіе которыхъ, какъ опредѣленнаго антропологическаго типа, отодвигается въ сѣдую древность, ко временамъ Антовъ. Въ данныхъ 3-хъ томахъ труда проф. Грушевскаго мы имѣемъ, наконецъ, начало полной давно жданной исторіи нашего народа (доведено до Литовскаго періода); дальнѣйшіе томы IV и V будутъ заключать въ себѣ Литовскій періодъ (до 1569 г.)

и внутренній строй въ этотъ періодъ [1]). Какъ можно предполагать, трудъ обѣщаетъ быть громаднымъ, многотомнымъ. Пожелаемъ же автору успѣшно довести его до конца и вызвать больше вниманія къ своему капитальному труду, чѣмъ это наблюдалось до настоящаго времени.

В. Доманицкій.

О. Корфу (Греція) 1902 г.

Отчетъ Кіевскаго Городского Комитета попечительства о народной трезвости за 1900 г. *Кіевъ, 1902 г.*

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Городского Комитета попечительства о народной трезвости за 1901 г. *Кіевъ, 1902 г.*

Изданіе въ теченіе одного года двухъ названныхъ отчетовъ о дѣятельности нашего Городского Комитета попечительства о народной трезвости даетъ возможность обозрѣть дѣятельность ихъ за два года и сравненіемъ ихъ между собою выяснить, насколько дѣятельность Комитета подвинулась впередъ сравнительно съ первымъ годомъ и существовавшими въ этотъ первый годъ предположеніями и надеждами. Отчетъ перваго года составленъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, проникнутомъ увѣренностью въ значительности результатовъ, достигаемыхъ учрежденіями и вообще дѣятельностью Комитета; наоборотъ, второй отчетъ изложенъ болѣе объективно и даже съ указаніями на нѣкоторые недочеты въ дѣятельности нѣкоторыхъ учрежденій Комитета, почему послѣдній отчетъ производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе. Смѣшивая термины «посѣтитель» и «посѣщеніе» (что составляетъ, впрочемъ, довольно обычную ошибку многихъ нашихъ отчетовъ), отчетъ 1900 г. отмѣчаетъ, напр., громадность значенія устроенныхъ Комитетомъ городскихъ чайныхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ доставляли возможность «въ теченіе одного года насытиться здоровымъ дешевымъ питьемъ и здоровой пищей 692 *тысячамъ человѣкъ*», т. е. свыше

---

[1]) Какъ мы слышали, IV т. готовъ уже совершенно, а также половина V, и въ будущемъ году начнутся печатаніемъ.

чѣмъ вдвое больше общаго числа жителей въ Кіевѣ. Въ дѣйствительности, конечно, рѣчь идетъ ни больше ни меньше какъ о количествѣ *посѣщеній*, сдѣланныхъ лицами, пользовавшимися услугами чайныхъ, изъ которыхъ многіе могли посѣщать чайныя не только ежедневно, но и по нѣсколько разъ въ день. Такимъ образомъ спеціальный подсчетъ *только* посѣтителей могъ-бы сократить ихъ число до очень мизерной цыфры; напр., еслибы оказалось, (мы говоримъ, конечно, только для примѣра, предположительно), что всѣ эти посѣтители были завсегдатаями чайныхъ, посѣщавшими ихъ въ теченіе года ежедневно по одному разу, то цыфра 692000 сразу сократилась бы до 1900. Приводимъ этотъ примѣръ только для болѣе рельефнаго показанія разницы въ пониманіи вышеуказанныхъ двухъ терминовъ, которые надлежитъ строго различать, своевременно удерживаясь отъ патетискихъ замѣчаній (отчетъ 1900 г.) въ родѣ того, (по поводу 692 тысячъ посѣтителей), что «приведенныя цыфры числа посѣтителей и валовой выручки весьма краснорѣчиво говорятъ о той роли, какую играютъ чайныя попечительства о народной трезвости въ жизни нашего простолюдина, окрестившаго ихъ «казенными чайными» и выразившаго этимъ названіемъ свое уваженіе къ тому порядку и благочинію, символомъ которыхъ для него является «казна»! Сравненіе цыфръ за 1900 и 1901 г.г. указываетъ, что хотя Комитетъ увеличилъ къ 1901 г. число чайныхъ на двѣ, но средняя посѣщаемость ихъ замѣтно уменьшилась: съ 76936 на 66509 посѣщеній въ годъ, въ среднемъ на одну чайную и это уменьшеніе посѣщаемости замѣчается по всѣмъ чайнымъ, кромѣ куреневской и галицкой, чему объясненій въ отчетахъ не находимъ, а они сами собой напросились бы въ текстъ отчетовъ, еслибы составители не упустили изъ виду, что подобныя сравненія дѣятельности по годамъ приносятъ значительную пользу въ дѣлѣ выясненія хода текущаго дѣла. Не можемъ не отмѣтить, кстати, по поводу приведенныхъ выводовъ, взятыхъ изъ сравненія среднихъ по отдѣльнымъ чайнымъ, вычисленныхъ въ самыхъ отчетахъ, что не будучи посвященными въ секретъ того способа, какимъ вычисляются эти среднія для отчетовъ, мы очень смущены нижеслѣдующимъ обстоятельствомъ. Оказывается, что лукьяновская чайная, давшая въ 1901 г. абсолютное число посѣщеній на 9390 посѣщеній больше, чѣмъ въ 1900 г., почему-то, согласно вычисленію отчетовъ, имѣла среднюю посѣщаемость съ совершенно обратнымъ отношеніемъ цыфръ, т. е. въ 1900 г. (343 въ среднемъ на 1 день) значительно большую, чѣмъ въ

1901 г. (268), когда какъ разъ въ ней было абсолютно большее число посѣщеній.

Хотя книжные склады Комитета при чайныхъ продали въ 1900 г. книгъ всего на 21 р. 97 к., однако это не помѣшало отчету 1900 г. ознаменоваться отмѣткою, что «первые шаги, сдѣланные тремя названными чайными, надо признать очень успѣшными». Но уже въ отчетѣ 1901 г., нѣсколько лучшій результатъ продажи (на 28 р. 2 к.) вызываетъ замѣчаніе, что «надежда на развитіе книжной продажи не оправдалась» и что «продажа книгъ основана на очень шаткихъ началахъ».

Изъ отчетовъ видно, что, кромѣ чайныхъ и книжной продажи, Комитетомъ устраиваются народныя чтенія (при помощи «Коммиссіи народныхъ чтеній»), вечерніе классы для взрослыхъ, народные вечера, гулянья и спектакли (число которыхъ въ 1901 г. увеличилось почти вдвое, а средняя посѣщаемость замѣтно уменьшилась), содержится лѣчебница алкоголиковъ при Кирилловской больницѣ, библіотеки-читальни при чайныхъ.

Отчетъ 1901 г. выражаетъ сѣтованіе, что выдача при чайныхъ горячей пищи зачастую даетъ убытокъ, при чемъ она сокращаетъ также и потребленіе чая, такъ какъ весьма многіе изъ посѣтителей въ обѣденное время и въ ужинъ предпочитаютъ поѣсть горячей мясной пищи вмѣсто чая. Намъ кажется, наоборотъ, что такому предпочтенію народомъ болѣе питательной пищи можно только радоваться, а Комитету надлежитъ, примѣняясь къ выяснившимся потребностямъ, развить свою дѣятельность предпочтительно въ этомъ направленіи, принявъ возможныя мѣры противъ тревожащихъ его убытковъ.

Къ отчету 1901 г. приложенъ списокъ дѣйствительныхъ членовъ, участковыхъ попечителей и членовъ соревнователей. Такъ какъ въ отчетѣ не содержится данныхъ о степени фактическаго участія различныхъ категорій членовъ Комитета (дѣйствительные члены, участковые попечители, члены-соревнователи) въ дѣятельности Комитета и его учрежденій, то очень трудно судить о томъ, какая изъ этихъ категорій оказывается наиболѣе дѣятельною. Нельзя, однако, не замѣтить, что въ обоихъ отчетахъ, кое-гдѣ отмѣчающихъ фамиліи нѣкоторыхъ членовъ, принимающихъ фактическое участіе въ тѣхъ или иныхъ начинаніяхъ общества, почти не встрѣчается фамилій дѣйствительныхъ членовъ, что какъ-бы указываетъ на слабое фактическое участіе послѣднихъ, обладающихъ однако наибольшими правами и утверждае-

мыхъ членами въ Петербургѣ. Если это предположеніе вѣрно то можно лишній разъ отмѣтить ненужность этого дѣленія на полноправныхъ и почти безправныхъ членовъ, изъ которыхъ послѣдніе работаютъ, а первые выражаютъ имъ въ отчетѣ благодарность отъ имени Комитета (см. отчетъ 1900 г. стр. 25). Заканчивая нашу поневолѣ краткую замѣтку, не можемъ не обратить вниманія читателя на весьма интересныя строки отчета 1901 г. (стр. 23—24), посвященныя характеристикѣ отношенія различныхъ категорій населенія: духовенства, интеллигенціи и простого народа къ дѣлу нравственнаго и умственнаго просвѣщенія взятому на себя Комитетомъ, которое, какъ оказывается, встрѣчаетъ сочувствіе и поддержку только со стороны интеллигенціи и простого народа...

Л. С. Л.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1902 г. (іюнь—августъ) № 9 (4). *Полтава. Изд. Статистическаго Бюро Полтавск. губ. земства.*

Читавшіе Гл. Успенскаго, конечно, хорошо помнятъ его интересную главу «Урожай» изъ очерковъ «Кой про что», гдѣ описывается, какъ авторъ, высадившись на одной изъ станцій жел. дороги, не нашелъ ни одного извощика, благодаря тому, что эту мѣстность посѣтилъ обильный урожай. «Сказываютъ такъ, что урожай Господь далъ—ну, вотъ имъ (мужикамъ) и не охота»... «Урожай Господь далъ ужаственный», объясняли ему сторожъ и мѣстный сельскій купецъ, встрѣтившійся на станціи, «теперь, когда Господь такъ ихъ помиловалъ, поглядикось, какого храпу они задаютъ—пушкой не прошибешь»... «И скотина то вся умаявши», «да и народу то нисколько нѣту. Народъ то разбѣжавши... Такой урожай Господь далъ—всѣ по дворамъ шаркнули».

Эти строки невольно пришли намъ на память при прочтеніи предисловія къ названному изданію. Дѣло въ томъ, что коротенькое предисловіе къ этой небольшой брошюркѣ, составленной г. Аaронскимъ, однимъ изъ сотрудниковъ статистическаго бюро полтавскаго губернскаго земства, отмѣчаетъ любопытный фактъ зависимости—дѣла собиранія и обработки статистическихъ данныхъ отъ... урожая! Такъ же какъ у насъ на значительномъ пространствѣ югозападнаго края, погода истекшаго лѣта отличалась въ полтавской губ. крупными не-

нормальностями въ обычномъ ея ходѣ, нарушавшими и обычный ходъ земледѣльческихъ работъ и вызывавшими во многихъ мѣстахъ потребность въ чрезвычайномъ напряженіи силъ для своевременной уборки урожая, оказавшагося при томъ весьма обильнымъ. Во многихъ мѣстахъ чувствовался значительный недостатокъ рабочихъ рукъ, что усугубляло затрудненія неизбѣжно связанныя съ необходимостью своевременной уборки обычнаго урожая. Вслѣдствіе всего этого число постоянныхъ корреспондентовъ бюро, доставлявшихъ ему свѣдѣнія по текущей сельскохозяйственной статистикѣ, разомъ упало съ 604 на 495, да и самое доставленіе свѣдѣній происходило съ значительнымъ запозданіемъ противъ назначеннаго срока. Поэтому, входя въ затруднительное положеніе своихъ сельскихъ сотрудниковъ въ періодъ полевой уборки, статистическое бюро выражаетъ въ этомъ предисловіи «тѣмъ большую признательность тѣмъ изъ нихъ, которые, несмотря на сильный недосугъ, все-таки нашли у себя время подѣлиться съ бюро своими наблюденіями». Очевидно, когда народъ, занятый при томъ уборкой собственнаго богатаго урожая, былъ «разбѣжавши по дворамъ» и не нуждался въ заработкахъ на сторонѣ, положеніе людей, не имѣвшихъ возможности убрать всѣ свои посѣвы личнымъ трудомъ, было крайне затруднительное да и вообще благодаря обильному урожаю не только «досугу то какъ то не хватало», но прямо было «дохнуть некогда». Тутъ было не до статистики и поэтому то статистика оказалась въ такомъ загонѣ, въ какомъ не бывала при среднихъ урожаяхъ... О содержаніи же самой брошюры остается сказать, что доставленныя данныя разработаны въ ней съ обычною для полтавскаго бюро обстоятельностью и подробно рисуютъ условія сельскохозяйственной жизни губерніи за вышеобозначенный періодъ времени.

Л. С. Л.

В. И. Василенко. Метеорологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. *Полтава, 1902 г. Изд. Полтавск. Общества сельскаго хозяйства.*

Брошюра В. И. Василенка имѣетъ цѣлью ознакомить читателя съ важнымъ значеніемъ народныхъ наблюденій по метеорологіи и фенологіи и ставить на очередь вопросъ о необходимости ихъ изученія.

Отмѣчая значеніе этихъ наблюденій, авторъ напоминаетъ, что надѣлавшая столько шуму теорія предсказанія погоды г. Демчинскаго по существу своему анологична народнымъ примѣтамъ. Говоря словами г. Агринскаго («Русскія народныя примѣты о погодѣ»), авторъ указываетъ, что «такіе основные элементы погоды, какъ напр., теплота, направленіе вѣтра, облачность неба и т. п., т. е. тѣ именно элементы, изученіе коихъ въ научной метереологіи только еще начинается, въ метереологіи простонародной съ незапамятныхъ временъ составляютъ предметъ самаго внимательнаго изслѣдованія и наблюденія». Находя, что сокровищница народныхъ метереологическихъ наблюденій можетъ служить значительнымъ подспорьемъ для скорѣйшаго развитія научной метереологіи, авторъ выражаетъ надежду, что сельская интеллигенція, такъ охотно доставляющая земству свѣдѣнія по текущей сельскохозяйственной статистикѣ, обратитъ свое вниманіе и на необходимость собиранія свѣдѣній по этому вопросу, изученіе котораго ей наиболѣе доступно и удобно.

Брошюра содержитъ опытъ народнаго украинскаго календаря по метереологіи, сводъ собранныхъ уже авторомъ матеріаловъ по украинской народной метеорологіи—примѣтъ и наблюденій народныхъ въ этой области,—программу для собиранія народныхъ воззрѣній по метеорологіи и земледѣлію, а также и главнѣйшія указанія о способѣ собиранія этого рода свѣдѣній и заполненія вопросовъ программы.

Для интересующихся даннымъ выпускомъ и намѣревающихся заняться собираніемъ такихъ свѣдѣній, считаемъ долгомъ отмѣтить, что авторъ (адресъ: г. Полтава, Виктору Ивановичу Василенку) готовъ взять на себя трудъ по сводкѣ и разработкѣ собираемыхъ, по напечатанной въ его брошюрѣ программѣ, экземпляры которой можно получить изъ склада Полтавской общественной библіотеки.

Намъ остается только пожелать автору успѣха въ задуманномъ имъ дѣлѣ изслѣдованія украинскихъ народныхъ воззрѣній по метеорологіи и сельскому хозяйству.

Л. С. Л.

М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ. Сообщилъ М. Бережковъ. *Нѣжинъ 1902, стр. 25.*

Михаилъ Егоровичъ Марковъ въ началѣ XIX ст. былъ директоромъ народныхъ училищъ въ черниговской губерніи. Свободное отъ

службы время онъ посвящалъ занятію малорусской исторіей вообще и черниговскаго края, въ частности. Труды его остались, большею частью, въ рукописи и, благодаря этому, для научной разработки малорусской исторіи значенія не имѣли. Самъ Марковъ является въ нихъ трудолюбивымъ собирателемъ матеріаловъ по разнымъ вопросамъ, преимущественно, изъ печатныхъ источниковъ; значительныхъ выводовъ и точныхъ научныхъ опредѣленій въ трудахъ его нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, по справедливому замѣчанію пр. М. Н. Бережкова, «М. Е. Марковъ остается почтеннымъ на своемъ мѣстѣ тружеником науки, въ ряду тѣхъ областныхъ историковъ-археологовъ, нѣсколько въ романтическомъ родѣ, типъ которыхъ у насъ, въ Россіи, сталъ обозначаться во второй половинѣ XVIII в. и въ началѣ XIX-го, на смѣну которыхъ послѣ выступаютъ редакторы губернскихъ вѣдомостей, члены статистическихъ комитетовъ, дѣятели мѣстныхъ ученыхъ обществъ, архивныхъ коммиссій и иные, подобные имъ, весьма почтенные дѣятели на пользу областной исторіи, археологіи, этнографіи, статистики» (стр 3—4).

М. Е. Марковъ находился въ сношеніи съ извѣстнымъ канцлеромъ Н. П. Румянцевымъ. Три письма Маркова къ Румянцеву отъ 1815 г. приводитъ проф. М. Н. Бережковъ. Благодаря графу Н. П. Румянцеву, въ журналѣ М-ва Народн. Просв., носившаго тогда названіе «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» въ 40-мъ и 41-мъ номерахъ напечатаны два сочиненія Маркова: «О городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи» и «О достопамятностяхъ Чернигова». Послѣднее сочиненіе было перепечатано затѣмъ въ «Чтеніяхъ въ О-вѣ исторіи и древностей» О. М. Бодянскимъ, при чемъ къ нему издатель присоединилъ и «Отвѣтъ на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи», составленный, какъ думаетъ проф. М. П. Бережковъ, на основаніи ряда вопросовъ, предложенныхъ Маркову Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

О. М. Бодянскій напечаталъ также «Замѣчанія, до малой Россіи принадлежащія». Д. Н. Бантышъ-Каменскій думалъ, что они составлены Марковымъ; проф. М. Н. Бережковъ полагаетъ, что не Марковъ авторъ «Замѣчаній», а скорѣй Шафонскій (стр. 8—11).

Сборникъ рукописныхъ сочиненій М. Е. Маркова сохраняется въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Онъ—двухтомный, всего 578 листовъ въ обоихъ томахъ. Сборникъ носитъ заглавіе «Мих. Егор. Маркова разныя сочиненія къ поясненію исторіи Чернигова». Крат-

кое содержаніе сборника проф. М. Н. Бережковъ приводитъ въ своей статьѣ (стр. 11—15).

Одна изъ статей сборника носитъ заглавіе «Матеріалы для истории., географич. и топографич. опис. Черниговской губ.». Отрывокъ ея «О Нѣжинѣ и его повѣтѣ» М. Н. Бережковъ сообщаетъ читателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ вопросы: «откуда могъ заимствовать Марковъ статистическіе и иные подобные матеріалы; какъ относятся частные труды М. Е. Маркова къ трудамъ А. Ф. Шафонскаго и Дм. Ром Пащенка, спеціалистовъ дѣла, трудившихся надъ составленіемъ описанія черниговскаго намѣстничества, по официальному порученію»? (стр. 25). Эти вопросы, требующіе особыхъ тщательныхъ разысканій, проф. М. Н Бережкова оставляетъ пока безъ отвѣта.

Статья проф М. Н. Бережкова представляетъ собой значительный вкладъ въ небогатую трудами исторію малорусской исторіографіи.

Н. В.

А. И. Александровъ. Памяти Виктора Ивановича Григоровича (30 апрѣля 1815 г.—19 декабря 1876 г.) Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“. *Варшава 1902. 33 стр.*

19 декабря 1901 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта В. И. Григоровича.

Уроженецъ г. Балты подольской губ., В. И. Григоровичъ, окончилъ училище при уніатскомъ монастырѣ базиліанъ въ г. Умани, а затѣмъ и харьковскій университетъ по этико-филологическому отдѣленію философскаго факультета. Сначала В. И. Григоровичъ думалъ было посвятить себя служебной чиновничьей карьерѣ, переселился въ С.-Петербургъ, но затѣмъ увлекся наукой, уѣхалъ въ Дерптъ и въ январѣ 1834 г. записался въ студенты филологическаго факультета. Это опредѣлило окончательно его дальнѣйшую судьбу. По рекомендаціи проф. Горлова, съ которымъ В. И. Григоровичъ познакомился въ Дерптѣ, казанскій университетъ избралъ его для подготовленія къ занятію кафедры славянскихъ нарѣчій въ казанскомъ университетѣ. В. И. Григоровичъ вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ и составилъ себѣ крупное имя на этомъ поприщѣ. Около 25 лѣтъ В. И. Григоровичъ былъ профессоромъ казанскаго университета, а съ открытіемъ университета въ Одессѣ перешелъ на службу туда. Какъ профессоръ и

человѣкъ, В. И. Григоровичъ оставилъ по себѣ добрую память и личность его всегда была окружена любовью и уваженіемъ всѣхъ, его знавшихъ, у него учившихся, или находившихся съ нимъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ.

Брошюра проф. А. И. Александрова представляетъ собой рѣчь, сказанную въ Казани по случаю 25-лѣтія со дня смерти В. И. Григоровича. Брошюра написана замѣчательно тепло и, несмотря на свою краткость, довольно живо характеризуетъ какъ научную работу скромнаго труженика науки, такъ и его симпатичнѣйшую личность. Похороненъ В. И. Григоровичъ въ Елисаветградѣ, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни: въ отставку онъ вышелъ въ началѣ 1876 года, а 19 декабря того же года скончался.

И. В.

Думи і мріі. Поезиі Лесі Украінки. Накладом украинсько-руськоі видавничоі спілки. *Львів. 1899. Ст. 123 in 12⁰.*

Передъ нами сборникъ стихотвореній украинской поэтессы, являющейся у насъ, по отзывамъ критики [1]), однимъ изъ крупныхъ поэтическихъ талантовъ. Сборникъ распадается на четыре отдѣла: «поеми, мелодіі, невільничі пісні і відгуки». Изъ поэмъ помѣщены двѣ—«Роберт Брюс» и «Давня казка». Первая изъ нихъ не можетъ считаться въ числѣ лучшихъ произведеній Лесі Украінки. Автору, вообще, надо сказать, не такъ удаются эпическія произведенія, какъ лирическія; поэма страдаетъ растянутостью и реторикой, хотя встрѣчаются и мѣста, согрѣтыя сильнымъ поэтическимъ чувствомъ. Далеко выше стоитъ поэма «Давня казка». Темой ея служитъ значеніе поэзіи въ общественной жизни, и поэзія, какъ сила духовная, противопоставляется грубой физической силѣ. Авторъ разсказываетъ намъ исторію двухъ людей—безыменнаго поэта и могущественнаго рыцаря Бертольда. Гордый рыцарь съ презрѣніемъ относится къ поэту, но, желая снискать расположеніе любимой дѣвушки, принужденъ обратиться къ нему съ просьбою повліять своими пѣснями на гордую красавицу. Достигши своей цѣли, рыцарь забываетъ объ услугѣ, оказанной ему поэтомъ.

[1]) Ів. Франко.—Леся Украінка. Літерат.-Науковий Вістник. 1898. Кн. VI.

Но вотъ онъ отправляется на войну. Здѣсь постигаетъ его неудача. Измученное походомъ войско отказывается идти на враговъ. Но въ помощь Бертольду является опять поэтъ. Своими вдохновенными пѣснями онъ возбуждаетъ мужество у воиновъ, и тѣ идутъ въ бой. Побѣда доставляетъ Бертольду могущественное положеніе; пользуясь имъ, онъ начинаетъ притѣснять своихъ подданныхъ. Поэтъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Онъ пробуждаетъ въ народѣ традиціи свободы и вооружаетъ его противъ Бертольда. Послѣдній пробуетъ подкупить поэта, но неудачно. Тогда Бертольдъ бросаетъ поэта въ тюрьму, гдѣ онъ и умираетъ. Однако дѣло, начатое поэтомъ, продолжается. Народъ возстаетъ и убиваетъ Бертольда. Но Бертольду наслѣдуетъ его сынъ, а потомъ и его потомки, продолжающіе его политику. Однако, и у поэта являются наслѣдники, проникнутые его идеями:

Мижъ нащадкамы знялася
Боротьба тяжка, завзята,
Та вона ведеться й доси,
Та війна страшна, затята.
И теперъ нащадкы графськы
Тюрмы мицныи мурують,
А поетови нащадкы
Слово гострее гартують.
Проты дила соромного
Выступае слово праве,
Охъ, страшне оте змаганне,
Хочъ воно и не криваве!
А колы війна скинчыться
Того дила й того слова,
То скинчыться давня казка,
А настане правда нова.

Слѣдующій отдѣлъ «Мелодіі» состоитъ изъ 12 поэтическихъ рагмефнтовъ, содержаніемъ которыхъ служитъ воспѣваніе весны, ночи, звѣздъ... Несмотря на свое однообразіе, строфы эти изобилуютъ красивыми поэтическими оборотами, и потому читаются легко; жаль только, что мѣстами встрѣчаются тяжеловатыя построенія стиха. Тонъ этихъ стихотвореній грустный; чувствуется, что у автора скопилось много горечи и боли на душѣ, и эта скорбь, замѣтная въ «Мелодіях», съ

могучей силой прорывается наружу въ слѣдующемъ отдѣлѣ «Невільничих піснях». Всѣ стихотворенія этого отдѣла являются безспорно хорошими,—слабыхъ здѣсь нѣтъ. Тема всѣхъ «невільничих пісень»— глубокая скорбь о печальномъ положеніи родного народа и горячій, искренній призывъ къ работѣ на его пользу. Лучшими стихотвореніями отдѣла являются: «Поет підчас облоги», стихотворенія, подобно «Давней казкѣ», рисующее вліяніе поэта на общество, «Мати невільниця», «Fiat nox» и «Грішниця».

Послѣдній отдѣлъ «Відгуки» содержитъ стих. на различныя темы. Это отзвуки поэта на явленія жизни, на которыя онъ смотритъ не съ равнодушіемъ посторонняго зрителя, а съ отзывчивостью и горячимъ участіемъ. Насъ поражаетъ въ этихъ стих. разносторонность лирики Лесі Украінки, глубина чувства и богатство колорита. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщено, между прочимъ, стих. «На столітній ювілей украінськоі літератури», напечатанное впервые въ V т. «Л.-Н. Вістника» за 1899 г. и перепечатанное потомъ въ I т. «Вика».

Д. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Старина, № 11, 2) Русскій Архивъ, № 10 и 11, 3) Историч. Вѣстникъ, № 11, 4) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 10 и 11, 5) Міръ Божій, № 11, 6) Научное Обозрѣніе, № 10, 7) Вѣстникъ Европы, № 11, 8) Русская Мысль № 11; 9) Труды Кіевск. Духовн. Акад. № 10 и 11, 10) Книжки Восхода, № 10, 11) Черниговскій Земскій Сборникъ, № 10, 12) Русская Школа, № 9, 13) Живая Мысль, № 1 и 2, 14) Kwartalnik historyczny № 3, 15) Wisła, № 6, 16) Biblioteka Warszawska, № 11, 17) Przewodnik naukowi i literacki, № 11. 18) Новое Дѣло, № 9, 19) Ученыя Записки Казан. Университета, № 9; 20) Извѣстія Рус. Геогр. Общества, № 2.

Русскій Архивъ, № 10 и **11**

Дневникъ И. М. Снъгирева за 1836 г. (№ 10, стр. 161—186). Подъ 10 апрѣля находится запись: «Написалъ свое мнѣніе (для цензуры) касательно двухъ рукописей Сковороды: его *Жизнь* и *Притча Еродій,* изъ коихъ въ одной находятся многія мысли, противныя св. Писанію и оскорбительныя для монашества, а въ другой много пропусковъ и описокъ, затемняющихъ смыслъ. Въ комитетѣ опредѣлено: одну запретить, а другую отдать для переписки.

Историческій Вѣстникъ, № 11.

Н. А. Энгельгардтъ.—Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855 1875 гг.). *Очеркъ третій* (стр. 575—600).—Въ этомъ очеркѣ напечатанъ важный историческій документъ, касающійся украинской литературы изъ Сборника распоряженій по дѣламъ печати, именно «секретное отношеніе» по цензурному вѣдомству отъ 8 іюля 1863 г. за № 394. Воспроизводимъ этотъ интересный документъ цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ очеркѣ г. Энгельгардта. «Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличившихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы Южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу не просвѣщенную... Никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ (sic!), нарѣчіе, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій (sic!) языкъ, только испорченный вліяніемъ Польши (sic!); общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами и въ особенности поляками такъ называемый украинскій языкъ».

«Сдѣлать... распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться».

Журналъ Министерства Народн. Просв. № 10 и 1.

В. Краснянскій.—Минскій департаментъ Великаго княжества Литовскаго (№ 10, стр. 247—316).—Изслѣдованіе посвящено одному изъ интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи войны 1812 г., когда Даву занялъ Минскъ, и учредилъ коммиссію временнаго управленія Минской провинціей при общемъ сочувствіи поляковъ, вскорѣ затѣмъ разочаровавшихся во французскомъ владычествѣ.

А. Погодинъ.—Замѣтки о методѣ этнографіи. (№ 11, стр. 131—159). Статья, посвященная вопросу о методѣ этнографіи, по поводу лекцій по этнографіи проф. Н. Харузина.

Міръ Божій, № 11.

Н. Котляревскій.—Н. В. Гоголь. 1829—1842 г. (Продолженіе, стр. 193—233). Съ XV гл. начинается обзоръ литературной дѣятельности Гоголя въ 1837—1842 гг. Здѣсь авторъ говоритъ о новыхъ планахъ и трудахъ великаго писателя, о крушеніи литературныхъ его плановъ въ старомъ романтическомъ стилѣ и особенно о неудачѣ запорожской трагедіи «Выбритый усъ»; полномъ торжествѣ реализма въ творчествѣ Гоголя, выразившемся въ усиленіи реальныхъ чертъ въ прежнихъ романтическихъ повѣстяхъ: «Портретъ» и «Тарасъ Бульба»; о повѣсти «Шинель» и ея грустномъ юморѣ, наконецъ, – объ апологіи смѣха и юмора въ «Театральномъ разъѣздѣ». XVI гл. посвящена исторіи творчества «Мертвыхъ душъ».

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (стр. 98—100) напечатана обстоятельная и весьма сочувственная рецензія г. Славинскаго на сборникъ «Викъ».

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 10 и 11.

Д. Савицкій.—Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій (№ 10, стр. 171—207, № 11, стр. 426—460, продолженіе). Въ этой части изслѣдованія авторъ даетъ подробный разборъ содержанія гомилетики Богомолевскаго, говоритъ объ источникахъ ея и пріемахъ пользованія ими.

Д. Вишневскій.—Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII ст. (№ 10, стр. 208—257; продолженіе).—Въ настоящей части изслѣдованія авторъ говоритъ о задачѣ академическаго образованія и средствахъ выполненія ея, о составѣ учениковъ и ихъ возрастѣ; о наукахъ, преподававшихся въ академіи, преподавателяхъ и сохранившихся учебникахъ; о библіотекѣ академіи и, наконецъ, объ общемъ состояніи нравственно-воспитательнаго дѣла въ ней.

Книжки Восхода, № 10.

Б. Фрумкинъ.—Участіе евреевъ въ фабрично-заводской промышленности черты осѣдлости (стр. 86—100). Авторъ статьи, на осно-

ваніи данныхъ департамента торговли и мануфактуръ о состояніи фабрично-заводской промышленности въ Россіи и сообщеній корреспондентовъ еврейскаго колонизаціоннаго общества изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ черты еврейской осѣдлости о степени развитія въ нихъ фабрично-заводскаго дѣла, даетъ довольно интересный матеріалъ по вопросу о сравнительномъ участіи евреевъ, какъ капиталистовъ, такъ и рабочихъ въ фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости. Для каждой губерніи и для каждаго производства вычисляется процентное отношеніе числа еврейскихъ фабрикъ и ихъ производительности къ общему числу фабрикъ и къ общей ихъ производительности, откуда видно, что въ общемъ въ юго-западномъ и южномъ районахъ средняя годовая производительность еврейскихъ и нееврейскихъ фабрикъ въ итогѣ даетъ значительное преобладаніе нееврейскихъ фабрикъ надъ еврейскими.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10.

Роль Черниговскаго Губернскаго Земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія за послѣдніе годы (110—132 ст.). Статья заключаетъ въ себѣ статистическія данныя о положеніи народнаго образованія въ губерніи за послѣднее пятилѣтіе, о школьномъ и библіотечномъ фондѣ и операціяхъ книжнаго склада; сообщаются свѣдѣнія объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ для учителей и о ходатайствахъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ по вопросамъ народнаго образованія.

Н. Василенко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 г. (Продолженіе, стр. 161—192).

Живая Мысль, № 1 и 2.

Кружкомъ студенческой «старорусской» молодежи подъ редакціей г. Савчака началъ издаваться съ октября с. г. во Львовѣ новый журналъ на русскомъ языкѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Цѣли журнала, какъ онѣ изложены въ проспектѣ, слѣдующія: а) дать возможность червоннорусскимъ читателямъ слѣдить за духовной жизнью всего русскаго народа, изучить его исторію, литературу и языкъ—ибо нельзя искренно любить Русь и вѣрно о ней судить, не зная ея; б) идти на встрѣчу желанію червонорусской учащейся мужской и жен-

ской, молодежи: образоваться въ русскомъ національномъ духѣ, совершенствоваться въ человѣко-и свободолюбивыхъ началахъ и объединиться въ одно неразрывное цѣлое—ибо залогъ преуспѣянія русскаго народа заключается только въ благородствѣ сердецъ, просвѣщеніи умовъ и цѣльномъ объединеніи его тружениковъ; в) быть посредникомъ между русскимъ студенчествомъ въ Австро-Угорщинѣ и студенчествомъ въ Россіи.

Чтобы достичь намѣченныхъ цѣлей, «Живая Мысль» обѣщаетъ давать: 1) статьи закордонныхъ русскихъ сотрудниковъ о русской духовной жизни; 2) лучшія новости изящной русской словесности съ удареніями; 3) изложеніе историко-литературно-филологической стороны украинофильства; 4) статьи по школьному и воспитательному дѣлу въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, т. е. его критику и методы къ устраненію пробѣловъ школьнаго воспитанія; статьи для подготовки червонорусской молодежи къ предстоящей народной дѣятельности; 6) статьи, касающіяся женскаго образованія въ Червонной и Державной Руси и дѣятельнаго участія русской женщины въ національной жизни; 7) лѣтопись гимназической, студенческой и общественной жизни: дѣятельность бурсъ, ученическихъ общежитій, студенческихъ обществъ, литературныхъ кружковъ и ученыхъ обществъ; 8) лѣтопись студенческой жизни въ Россіи; 9) обозрѣніе болѣе выдающихся произведеній славянскихъ и западноевропейскихъ литературъ; 10) обозрѣніе наукъ и искусствъ; 11) произведенія молодыхъ литературныхъ талантовъ, какъ на червоннорусскихъ нарѣчіяхъ, такъ и на литературномъ русскомъ языкѣ; 12) библіографическія замѣтки.

Цѣли, преслѣдуемыя новымъ журналомъ, несомнѣнно, весьма почтенныя, а программа весьма обширная, многообѣщающая... Но стоитъ только взглянуть на внѣшній видъ журнала, чтобы усомниться въ возможности выполненія такихъ широковѣщательныхъ задачъ. Передъ нами два первые номера «Живой Мысли», состоящіе всего на-всего изъ 24 страницъ, in 8⁰ каждый... Маленькое несоотвѣтствіе между размахомъ и ударомъ. Но, впрочемъ, ничего. «Non multum, sed multa»—говорили древніе: и въ «немногихъ словахъ можно многъ разумъ заключить» Но ознакомившись съ содержаніемъ двухъ первыхъ книжекъ журнала читатель невольно отъ сомнѣнія приходитъ къ убѣжденію, что... программу написать въ высшей степени легко. Первый номеръ открывается статьей «отъ редакціи», въ которой излагаются основные принципы программы.

Сдѣлавъ попытку характеристики тяжелаго положенія, въ какомъ находится современное червонно-русское общество, авторъ статьи усматриваетъ причины его въ антинаціональномъ воспитаніи молодежи, стоящемъ «очень далеко отъ національнаго русскаго» По мнѣнію журнала это зло возможно устранить не посредствомъ газетныхъ преній и политическихъ сдѣлокъ съ предержащими властями, или настоящей физической борьбой въ защитѣ выдуманныхъ кумировъ, выраждающейся сразу въ неестественную и безнравственную борьбу кулака съ мыслью,—а *культурной борьбой.* Мы и принимаемся за нее. Цѣль, намѣченная нами—ясна: самовоспитаніе и самообразованіе въ русскомъ національномъ духѣ элементовъ, не погрязшихъ окончательно въ тинѣ, въ первомъ же ряду червоннорусской молодежи, и объединеніе этихъ элементовъ для общаго цѣлесообразнаго культурнаго труда.

Діагнозъ весьма поверхностный, а рецептъ—одно «общее мѣсто». Далѣе слѣдуетъ весьма слабое, лишенное всякихъ литературныхъ достоинствъ, стихотвореніе г. Глушкевича «Друзьямъ», статья г. Вергуна «Нѣсколько азбучныхъ истинъ и одинъ проектъ», въ которой г. Вергунъ, протестуетъ противъ наименованія «старорусской» партіи «консервативною», такъ какъ эта партія ничего не сохраняетъ, а все возсозидаетъ и созидаетъ: начиная съ языка ей приходится «постепенно вводить внутреннюю русскую жизнь съ ея самоварами, чаепитіями, вечерами у знакомыхъ и т. д.» (sic)! Но для этого, кажется намъ, не зачѣмъ основывать особый органъ, а слѣдуетъ лучше открыть «чайнуя»: дѣло гораздо проще и выгоднѣе. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ Чехова «Ванька»; статья г. Савчака «Украинофильство въ Червоно-русскихъ гимназіяхъ»; «Къ женскому вопросу въ Червороссіи» М. Я—ой, посвященная вопросу о реформѣ женскаго образованія; «Разговоръ въ пору» Дошны—нѣчто въ родѣ фельетона съ безуспѣшными потугами на остроуміе и, наконецъ, «Призывъ»—стихотвореніе г. Вергуна, въ которомъ поэтъ приглашаетъ молодого галичанина (ибо «Призывъ» посвященъ ему) «перо-копье наострить, раздуть дымящееся пламя», послѣ чего, какъ увѣряетъ юношу испытанный въ бояхъ г. Вергунъ, «вспыхнутъ языки сознанія надъ головами злыхъ вождей и свѣточъ вѣры, правды, знавья блеснетъ на родинѣ моей»! (т. е. г. Вергуна).

Обзоромъ второго номера «Живой Мысли» мы считаемъ себя не въ правѣ утруждать читателя.

Kwartalnik Historyczny, № 3.

Antoni Prochaska. Rokosz lwowski z r. 1537 (Окончаніе стр. 381—400).

Авторъ, въ настоящей части своего изслѣдованія, касается выясненія вопроса объ авторствѣ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Conciones*, содержащихъ исторію львовскаго рокоша, и приходитъ къ тому заключенію, что авторомъ могъ быть только кто-либо изъ королевскихъ секретарей. Въ концѣ статьи приведены факты, уясняющіе отношеніе королевы Боны къ рокошу.

Józef Bielinski. Zakłady naukowe w guberniach zachodnich do utwerzenia Wilenskiego okręgu naukowego.

Интересная сводная статья по исторіи просвѣщенія въ нашемъ краѣ, составленная на основаніи 1 т. «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Петерб. 1893». Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdania» даны отзывы о книгахъ: 1) *Szelągowski* Adam. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce. Lwó'w 1902»—трудъ цѣнный для изученія исторіи торговли въ нашемъ краѣ и 2) *Karwicki-Dunin.* J. Z. *zamglonej i niedawno minionej przeszłosci. Opowiadania wolynskie historyczne. Warszawa*, 1901.

—

Wisła—miesięcznik poświęcony krajoznawstwu i ludoznawstwu. Tom XVI. Zeczyt 6. Listopad-Grudzień.

Въ статьѣ *Z. Śtaniszewskiego „Wies Sludzianki“* помѣщены на стр. 722—723 интересные образцы польскаго орнамента на писанкахъ и предметахъ домашняго обихода, представляющіе кое-гдѣ общность съ мотивами украинскими.

T. Talko-Hryncewicz въ замѣткѣ «*W kwestyi pochodzenia slowian*» (стр. 754—761), посвященной обсужденію мнѣнія пр. Нидерле о длинноголовости давнихъ славянъ, на основаніи антропологическихъ измѣреній украинскаго населенія, высказывается, что раса сохранилась чище у украинцевъ праваго берега Днѣпра, чѣмъ лѣвобережныхъ жителей.

Въ отдѣлѣ «*Drobiazgi ludoznawcze*» приведено «Garść wierseń i praktyk z powiatu bwruckiego i z Berdyczowa» (стр. 797—798), приводящая нѣсколько примѣтъ и повѣрій украинскаго люда, по большей части уже давно отмѣченныхъ, напр. обычай матерей, потерявшихъ дѣтей не ѣсть яблокъ до Спаса и т. п.

Въ концѣ книжки (стр. 800—802) находимъ возваніе редакціи: „*O zabytki archeologiczne*“, имѣющее отношеніе и къ читателямъ на-

шего журнала. Озаботившись разысканіемъ и сохраненіемъ памятниковъ старины, редакція обращается къ сельской интеллигенціи съ просьбой возбужденія интереса и распространеніи правильныхъ взглядовъ среди народа на археологическія находки, что будетъ содѣйствовать сохраненію ихъ для науки. Далѣе проситъ извѣщать объ замѣченныхъ находкахъ, оказывать содѣйствіе производящимъ раскопки, отсылать предметы старины куда слѣдуетъ. Наконецъ, редакція подчеркиваетъ, что «нѣтъ такихъ незначительныхъ памятниковъ, которыми можно-бы было пренебречь».

Biblioteka Warszawska. Listopad 1902. (Tom IV. zeszyt 2). *Marya Konopnicka. O Bohdanie Zaleskim.* (стр. 292—326).

Г-жа Конопницкая, исходя въ своей незаконченной статьѣ изъ положенія, что своей собственной дорогой идутъ въ поэзіи лишь ярко обозначенныя и богато одаренныя личности, ставитъ вопросъ, въ чемъ же причина своеобразности творчества B. Zaleskiego, который не былъ «сильной поэтической индивидуальностью», и даетъ такой отвѣтъ: «самымъ существеннымъ поводомъ этого явленія есть могучая индивидуальность украинской земли», отъ вліянія каковой поэтъ не освободится въ теченіе всей жизни. Поэзія B. Z-go— это пѣснь украинской природы. Отмѣтивши далѣе мягкость тоновъ въ пластикѣ поэта, и установивши «что въ пѣсни B.Z-go факторъ рефлекціи есть безъ сомнѣнія самымъ слабымъ факторомъ творчества», авторъ переходитъ къ непосредственности впечатлѣній B. Z-go, ко вліянію на него народной пѣсни: «онъ въ ней и съ ней возросъ и эта пѣсня была естественнымъ источникомъ его творчества», и видитъ причину столь сильнаго воздѣйствія украинской природы и пѣсни на поэзію B. Z-go въ соотвѣтствіи его душевнаго настроенія этимъ вліяніямъ, въ особенностяхъ его психическаго склада. Во 2-ой главѣ г. К-ая, противопоставляя индивидуализмъ B. Z-go въ отношеніи общечеловѣческихъ идей, отводитъ въ характеристикѣ его поэзіи почетное мѣсто ихъ этнографической основѣ. Поэтическая индивидуальность B. Z-go получила яркое выраженіе въ свободѣ его поэзіи отъ вліяній какъ идей европейской литературы. такъ и представителей польской словесности, по своему направленію подходящихъ къ B. Z-mu;—г-жа К-кая отвергаетъ непосредственное вліяніе на Bohdana произведеній Бродзинскаго и Карпинскаго. Сфера поэзіи B. Z-go, б. м., ограничена, но

зато «онъ далъ въ своей пѣснѣ цѣльный свой свѣтъ, а болѣе, чѣмъ свой свѣтъ, ни одинъ поэтъ не можетъ дать». Его свѣтъ—Украина. По словамъ г-жи К-кой, Украина нашла правильное и точное отраженіе въ произведеніяхъ В. Z-go. Конечно Украина В. Z-go, и г-жи К-кой лишь неотъемлемая часть («dziceniса») польской «ojczyzny», сыномъ которой признаетъ себя поэтъ, видя въ Украинѣ «matką». Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ своеобразное воззрѣніе нашего автора на поэзію В. Z-go, какъ на полное выраженіе индивидуальности Украины, которую все-таки г-жа К-кая признаетъ „różną i osobną od reszty ziem polskich“, но уже совершенно страннымъ и неожиданнымъ являются сѣтованія г-жи К-кой о томленіи ук-го народнаго духа, умолкнувшаго со смертью Баяна, томящагося „od niewyśpiewanej dumy“, не имѣющаго выразителя «ея красы, ея печали, ея веселья». Конечно, таковымъ выразителемъ давно жданнымъ является В. Z-ki. Г-жѣ К-кой угодно проходить молчаніемъ въ этомъ отношеніи украинскую народную поэзію и игнорировать существованіе литературы національной, въ которыхъ, смѣемъ увѣрить почтенную писательницу Украины, настоящая Украина нашла и болѣе вѣрное дѣйствительности и болѣе полное выраженіе, чѣмъ въ произведеніяхъ В. Z-go. Дальнѣйшія главы (III—IV) посвящены характеристикѣ мотивовъ поэзіи В. Z-go, которыхъ г. К-кая находитъ пять: „Bóg, świat, sławianstwo, Polszcza, Ukraina“. Въ настоящей книжкѣ она разсматриваетъ первые два элемента и удѣляетъ много мѣста подробному разбору двухъ произведеній: „Przenajświętsza Rodzina“, и „Duch od stepu“, что не представляетъ для насъ интереса.

Przewodnik naukowy i literacki. Tom XXX Listopad—1902.

Stare osady w ziemi kamienieckiej i dziedziczące na nich rody podolskiej szlachty historycznej, przež Kazimierza Pułaskiego. Продолженіе изслѣдованія Пуласкаго. Исторія владѣнія «Ормяны» и его собственниковъ—Багавскихъ и Щуковскихъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 216 «Волыни» напечатано содержаніе интереснаго доклада г. Фотинскаго, читаннаго въ обществѣ изслѣдователей Волыни, «Волынскій вольнодумецъ XVII в.». Въ августѣ т. г. въ волынское

древнехранилище поступило острожское изданіе библіи 1581 г. съ многочисленными рукописными замѣтками не только религіозными, но и политическаго характера на поляхъ владѣльцевъ книги. Въ числѣ владѣльцевъ книги значится имя одного изъ учителей львовской братской школы, аѳонскаго аскета, іеромонаха Пахомія. Замѣтки направлены главнымъ образомъ противъ католичества, папства и іезуитовъ. Вольнодумство автора сказывается сильно въ замѣткахъ, направленныхъ противъ православнаго духовенства церквей южно и сѣверно-русской, греческой, болгарской и сербской, какъ бѣлаго, такъ и чернаго въ особенности. Въ своихъ нападкахь на представителей церкви онъ доходитъ до отрицанія іерархіи, какъ необходимаго посредника въ излiяніи на вѣрующихъ божественной благодати; авторъ замѣтокъ заявляетъ себя ярымъ противникомъ не только всякой обрядности, а даже исповѣди предъ священникомъ; въ почитаніи иконъ и мощей онъ видитъ грубое идолопоклонство, отрицая близость святыхъ къ Богу; отступаетъ авторъ отъ ученія церкви и въ ученіи о страшномъ судѣ и антихристѣ. Въ замѣткахъ политическихъ авторъ рѣзко-отрицательно относится къ королю Сигизмунду III. Авторъ замѣтокъ южноруссъ,—на южно-русское происхожденіе его указываетъ и характеръ политическихъ замѣтокъ, и языкъ ихъ.

Передавая содержаніе доклада мы, кстати, вслѣдъ за авторомъ газетной статьи, не можемъ не выразить глубокаго нашего сожалѣнія по поводу общаго равнодушнаго отношенія къ дѣятельности молодого, но въ высшей степени почтеннаго общества, не располагающаго даже средствами для своихъ изданій.

У Ивана Франко. Подъ такимъ заголовкомъ помѣстилъ г. М. Сукенниковъ въ московской газетѣ «Новости Дня» интересную статью о нашемъ выдающемся писателѣ. (См. „Новости Дня“, 1902, иллюстрир. воскресныя приложенія къ №№ 6963 и 6970). Статья имѣетъ свои недостатки, вытекающіе изъ того, что авторъ ея не вполнѣ знакомъ съ литературнымъ движеніемъ въ Галиціи (нар. «Жите: Слово», журналъ издававшійся въ 90-хъ гг. Франкомъ, г. Сукенниковъ зачисляетъ къ «числу крупныхъ работъ его въ области научно-литературной» и проч.), но эти недостатки не лишаютъ статьи интереса, особенно для украинскаго читателя, такъ какъ авторъ дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о Франкѣ и его жизни. Предостерегаемъ только, что во всемъ полагаться

на отзывы г. Сукенникова нельзя, такъ какъ при всемъ его расположеніи къ малорусскому движенію и его выдающемуся представителю, въ статьѣ попадаются странныя мнѣнія. Направляясь къ Франку, говоритъ г. Сукенниковъ, «я былъ увѣренъ, что встрѣчу въ немъ человѣка, привыкшаго къ замкнутой кабинетной работѣ и стоящаго по этой причинѣ внѣ партій и партійныхъ раздоровъ. Я надѣялся, что въ словахъ и мнѣніяхъ этого выдающагося беллетриста и поэта, не зараженнаго слѣпымъ партійнымъ фанатизмомъ, мнѣ удастся отыскать ту золотую середину между чрезвычайно рѣзкими разногласіями, которой мнѣ не удалось установить въ бесѣдахъ съ русинскими политическими дѣятелями, дѣлящимися на два прямо-таки враждебныхъ лагеря: руссофиловъ и украинофиловъ. Увы! Я долженъ былъ жестоко разочароваться: изъ всѣхъ фанатиковъ украинофильскаго лагеря Иванъ Франко едва ли не самый пылкій и горячій».

Можно только подивиться, какъ эту страстную убѣжденность Франка г. Сукенниковъ могъ принять за фанатизмъ. Этотъ эпитетъ „фанатикъ“ какъ то не вяжется съ дальнѣйшими словами г. Сукенникова: „все, что ни говоритъ Франко, всегда оригинально, свѣжо, ново и, главное, вполнѣ самобытно».

Читателю, желающему подробнѣе познакомиться съ біографіей Ив. Франка, рекомендуемъ прочесть статью А. Крымскаго „Франко Ив. Як.“ въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона (полутомъ 71-й).

Въ рядѣ замѣтокъ г. Ворникова, напечатанныхъ въ «Од. Листкѣ» (№ 285 и др.) подъ заглавіемъ „Воспоминанія старика“, находится нѣсколько не лишенныхъ интереса штриховъ для характеристики извѣстнаго драматурга-артиста г. Карпенка-Караго, во время еще службы его при полицейскомъ управленіи въ г. Бобринцѣ, а затѣмъ—воспоминанія о встрѣчѣ крестьянами бобринецкаго уѣзда вѣсти о волѣ въ 1861 г. „Помню, пишетъ г. В., въ послѣднихъ числахъ февраля приставъ получилъ предписаніе земскаго исправника, чтобы въ ночь на 5 марта были вызваны въ становую квартиру изъ каждаго помѣщичьяго села по одному верховому нарочному. Въ народѣ уже носился слухъ, что послѣдуетъ объявленіе Царской воли объ освобожденіи крестьянъ. Въ виду этого, въ становую квартиру прибыли не по одному нарочному изъ каждой населенной мѣстности, а по два, а

изъ большихъ селеній и по десяти человѣкъ, такъ собралось болѣе пятисотъ всадниковъ. Всю ночь населеніе не спало. Собирались къ приставу и сосѣдніе помѣщики и въ первый разъ случилось, что при такомъ собраніи знакомыхъ у пристава не было кутежа: всѣ находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. 5-го марта на разсвѣтѣ послышался колокольчикъ и затѣмъ показалась почтовая телега; всѣ пали на колѣни, а крестьяне сами распорядились въ церкви звонить во всѣ колокола; привезены были экземпляры Высочайшаго Манифеста по числу церквей въ станѣ, а Общее Положеніе о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ двойномъ количествѣ по числу помѣщиковъ, съ надписью: „такому-то помѣщику“ и „обществу крестьянъ, бывшихъ такого-то помѣщика“. Предписывалось разослать Высочайшій Манифестъ по церквамъ для обнародованія и обязательно 5-го марта, а экземпляры Положенія для врученія помѣщикамъ и ихъ крестьянамъ. Мѣстный священникъ тутъ-же, на площади, прочиталъ Манифестъ и отслужилъ благодарственный молебенъ. Нарочнымъ розданы были экземпляры Манифеста для доставленія въ церкви и Положенія для врученія помѣщикамъ и обществамъ крестьянъ. Я никогда не забуду того восторга и умиленія, съ какимъ нарочные принимали пакеты съ Манифестомъ и Положеніемъ, какъ они крестились, цѣловали пакеты и просили священника, чтобы онъ окропилъ ихъ святою водою.

Освобожденіе крестьянъ въ бобринецкомъ уѣздѣ прошло спокойно и тихо».

Вѣсть о тяжкой болѣзни извѣстнаго дѣятеля по артельному дѣлу Н. В. Левитскаго, возникшей на почвѣ хроническаго недоѣданія, быстро облетѣла всю Россію, вызвавъ повсемѣстно самое горячее сочувствіе, выразившееся и въ матеріальной и въ нравственной поддержкѣ больному. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось стихотвореніе, посвященное г. Левитскому; по своей безыскусственности оно нѣсколько напоминаетъ собою народную думу-молитву. Вотъ оно:

Засынило, затуманыло, чорная хмара стала.
До нашого батька Левитского да и бида прыстала.
Чорная хмара, що ты наробыла?
Нашихъ артельщыкивъ такъ тяжко засмутыла.
Розійдысь ты, чорна хмаро, по сынему небу...

Стало небо сыниты.
Стала зоря свитыты.
Сталы артельщыкы Бога просыты:
О Боже, Боже! Почуй нашу молытву
И стань намъ на пидмогу,
Пиднимы Ты нашого батька Мыколу
Пидкрыпы ёму сылы,
Щобъ ёго ногы по Росiи ходылы
По артельному дилу.
Прышлы намъ висточку хочъ за недилю. («Волынь», № 250)

Перiодическое изданiе по археологiи. Съ будущаго года въ Кiевѣ начнется изданiе спецiально археологическаго журнала „Археологическая Лѣтопись“. Редакторомъ-издателемъ новаго изданiя является директоръ Кiевскаго музея древностей и искусствъ Н. Ѳ. Бѣляшевскiй, который въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ велъ въ нашемъ журналѣ отдѣлъ подъ названiемъ «Археологическая лѣтопись». Новое изданiе будетъ выходить пока въ видѣ книгъ, по одной въ каждые два мѣсяца. Подписная цѣна—3 руб. въ годъ.

Газета на нѣмецкомъ языкѣ по украинскимъ дѣламъ. Между украинской галицiйской интеллигенцiей возникъ проектъ издаванiя въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ газеты, посвященной украинскимъ дѣламъ. (Nowa Reforma).

Сочиненiя украинскаго писателя Г, Ѳ. Квитки-Основьяненко, издаваемыя харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ, не перестаютъ требоваться публикой. Его сочиненiя находятъ читателей какъ въ Малороссiи, такъ и на сѣверѣ Росссiи. Недавно отправленъ транспортъ сочиненiй по требованiю книжнаго магазина въ Москвѣ. («Хар. Вѣд.» № 282).

Вскорѣ во Львовѣ будетъ выходить дважды въ мѣсяцъ сельскохозяйственный иллюстрированный журналъ «Нива». Издаетъ его сельскохоз. общество «Сiльський Господарь».

Въ Лейпцигѣ начала издаваться роскошная серія книгъ подъ общимъ заглавіемъ «Литература Востока въ монографіяхъ».—Въ настоящее время уже напечатана „Исторія польской литературы" проф. Брикнера. Въ числѣ другихъ рукописей, предназначенны къ для указаннаго изданія, имѣются слѣдующія: „Исторія русской литературы" ироф. Волльнера; «Исторія чешской литературы», проф. Волчка и «Исторія литературы южно-славянскихъ народовъ» проф. Мурко. (Извѣстія Т-ва Вольфъ. № 1, 1903 г.).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Богословскій М. Областная реформа Петра В. Провинція 1719—1727 г. М. 1902. Ц. 2 50.

Гринченко Б.—Оповидання про И Котляревського. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Его же.—Оповидання про Е. Гребинку. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Загирня М.—Добра порада. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Ильинскій Ѳ.—Воронежскіе архіереи. Воронежъ 1902. Ц. 35 к.

Имшенецькый И.—Про пошестни або лыхи хворобы. Ц. 3 к. СПБ. 1902.

Kobylanska O.— Kleinrussische Nowellen. W. 1902. 5. XXVIII+184.

Крымськый А.—Пальмове гылля. Экзотычни поэзіи. 1898—1901). Изд. 2-е Звенигородка. 1902 г. Ц. 50 к.

Катаевъ И.—Обзоръ рукописныхъ памятниковъ по исторіи Слободской Украйны, хранящихся въ военно-ученомъ архивѣ въ СПБ-гѣ.

Коваленко.—Видъ чого вмерла Мелася? Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Лепкий Б.—На послухане до Відня. Вид. Товар. «Просвіта». Львів 1902 р. стр. 38.

Лященко І. „Ревизоръ Гоголя" и комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы». СПБ. 1902. 11+18 стр.

Lazare Sainèau.—L'état actuel des études de folklore. Paris, 1902, 30 pag.

Мачтетъ Г. Полное собраніе сочиненій. Изд. Фукса, К. 1902 г. Ц. 6 р.

Семеновъ П.—Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Т. II. СПБ. 1902 г. Ц. 3 р. 25 к.

Степовыкъ О.—Про городыну. Ц. 5 к. СПБ. 1902.

Его же.—Корыстни звирятка. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Труды общества изслѣдователей Волыни. Т. I. Житомиръ. 1902. 83+173 стр.

Ханенко Б. И. и В. И.—Древности Приднѣпровья. Эпоха славянская (VI—XIII в.). Вып. V. К. 1902. Ц. 6 р.

Чтенія въ И. О. Нестора-Лѣтописца. Кн. XVI, подъ редакціей Н. Дашкевича. Вып. IV. Кіевъ 1902 г.

Чернявськый М.—Зори. Збирныкъ поэзій. К. 1903. Ц. 65 к., на кращому папери 85 к.

Чикаленко Е.—Розмова про сельске хазяйство. Худоба: кони, скотына, свыни та вивци. Ц. 6 к. СПБ. 1902.

Его же.—Розмова про сельске хазяйство. Сіяни травы, кукуруза та бурякы. Ц. 5 к. СПБ. 1902.

Шевченко Т. Г.—Мотивы поэзіи. Переводъ С. П. Дремцова. Вып. I. Съ портретомъ и иллюстраціями. Стр. 40. Вятка, 1902 г. Цѣна 45 коп.

Ясинскій М.—Счисленіе суточнаго времени въ Зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII в. К. 1902. Ц. 20.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1903 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и отмѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

тикѣ въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова, и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова»—Большая Владимірская, домъ № 43.

За Редактора *Т. В. Локоть.* Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ одинъ столбецъ: на первой страницѣ—20 коп., послѣ текста—10 коп. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

За разсылку при газетѣ приложеній—по 8 рублей съ тысячи вѣсомъ не болѣе одного лота каждое.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининскомъ проспектѣ, въ д. Немировскаго (противъ Городского сада).

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1903 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университескаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универ. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ. pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части--1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ. состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки. списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

«*Университетскія Извѣстія*» въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ «*Извѣстій*» безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра плятятъ за годовое изданіе «*Университетскихъ Извѣстій*» 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается

«Университетскія Извѣстія» высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ*.

Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журн. является въ то же время издат. всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко, и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) *Настольное роскошно-иллюстрир. изданіе* ПОЭМА ГЕТЕ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **12** пѣсенъ до *20 печ. листовъ 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ сокращеній) М. Достоевскаго.* съ 36 рисунками художн. *Каульбаха.* Заграничное нѣмецкое изданіе стоило около 30 руб., русское—(А. Ф. Маркса)—12 руб.

МЫ ДАЕМЪ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **БЕЗПЛАТНО.**

Уплатившіе сполна подписную сумму получатъ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **НЕМЕДЛЕННО** (№ 1 журнала).

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *2* руб., къ 1 марта *1* руб., къ 1 мая *1* руб. и къ 1 іюля *2* руб. Безъ доставки въ СПБ. пять рублей.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина СПБ. Стремянная, 12, собст. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1903** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЫЙ МІРЪ"

Большой иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

въ 1903 г. каждый подписчикъ „Новаго Міра" получитъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія:

24 №№ интереснаго богато-иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «НОВЫЙ МІРЪ» въ форматѣ лучшихъ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

24 №№ иллюстр. двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической, общественной, литературн. и художеств., п. н. «ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ»—въ форматѣ «Новаго Міра».

24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣт., п. н. «МОЗАИКА», съ хроникою самообразованія и справочнымъ отдѣломъ.

52 №№ еженедѣльн. журнала «ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ», иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни п. н. «ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА», и *ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 12* изящно переплетенныхъ книгъ «БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», въ составъ которыхъ войдутъ 6 томовъ сочиненій Д. И. СТАХѢЕВА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ, между прочимъ: 4 большіе романа, 3 большія повѣсти, нѣсколько разсказовъ и другихъ мелкихъ произведеній. 6 томовъ сочиненій С. СМАЙЛЬСА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ слѣдующія произведенія: «Характеръ», «Бережливость», «Самодѣятельность», «Долгъ», «Жизнь и трудъ» и «Вѣчный труженикъ». Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій и премій, гг. подписчики получатъ *безплатно* ДВА ЦѢННЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ, а именно:

1) Графъ Л. Н. Толстой

въ изображеніяхъ живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, русскихъ и иностранныхъ, фотографическихъ портретахъ, снятыхъ въ разныхъ періодахъ его жизни, картинахъ, медаляхъ, рисункахъ, автографахъ, предметахъ, связанныхъ съ его именемъ и пр. и пр., хранящихся въ общественныхъ музеяхъ, библіотекахъ и коллекціяхъ частныхъ собирателей, въ Россіи и за границею, съ приложеніемъ мыслей и изреченій великаго писателя.

2) Русскій Музей Императора Александра III

Роскошное изданіе, содерж. свыше *120 картинъ*, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсакова.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на *веленевой* бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россіи—*14 р.* Съ пересылкой за границу—*24 р.*

Гг. подписчики, желающіе получить «Новый Міръ» на *слоновой* бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14 р.—*18* руб.; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—*28* руб.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Гг. подписчики, взамѣнъ сочиненій Д. И. Стахѣева и Самуила Смайльса, могутъ, по желанію, получить на выборъ *одно* изъ слѣдующихъ собраній сочиненій: или а) собраніе сочиненій *И. И. Лажечникова* въ *12* томахъ, или б) собраніе сочиненій *Архіепископа Иннокентія* въ *12* томахъ, или в) собраніе сочиненій *Генриха Гейне* въ *12* томахъ, или-же г) собраніе сочиненій *В. И. Даля* (Казака Луганскаго) въ *10* томахъ. Каждое изъ этихъ собраній будетъ выслано въ изящно *переплетенномъ* видѣ.—Интересующіеся-же сочиненіями *Д. И. Стахѣева* могутъ получить въ 1903 году *все собраніе сочиненій* этого писателя въ *12* изящно *переплетенныхъ* томахъ, при чемъ лишніе шесть томовъ будутъ высланы, взамѣнъ объявленныхъ шести томовъ сочиненій Смайльса.—О ВЫБОРѢ ПРЕМІИ просятъ гг. подписчиковъ заявлять *при самой подпискѣ.*

Подписка на «НОВЫЙ МІРЪ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 79-го:

октябрь, ноябрь, декабрь 1902 г.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—ноябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—декабрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.